КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ LXXX.

1903 г.

ЯНВАРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1903.

Дозволено цензурою. Кiевъ, 4 января 1903 года.

Въ истекшемъ учебномъ 1901—1902 году Правленіемъ Общества имени Т. Г. Шевченка выдано учащимся въ Петербургѣ уроженцамъ Южной Россіи болѣе трехъ тысячъ рублей пособія, тогда какъ въ два предшествующіе года потребовалось пособій на 1800 руб. Такая усиленная выдача пособій въ истекшемъ году истощила совершенно кассовыя средства Общества.

При всѣхъ принятыхъ Правленіемъ мѣрахъ къ пополненію денежныхъ средствъ приливъ поступленій далеко не отвѣчаетъ назрѣвшей нуждѣ въ пособіяхъ, и въ начавшемся новомъ учебномъ году Правленіе могло выдать въ пособіе всего 400 руб. Между тѣмъ вновь поступило уже просьбъ о пособіяхъ почти на 1000 руб.

Поставленное въ затруднительное положеніе неимѣніемъ въ кассѣ средствъ Правленіе рѣшило обратиться ко всѣмъ, кому должны быть дороги и близки успѣхъ ученія и здоровье южно-русскаго юношества съ просьбой помочь Правленію по сбору средствъ путемъ поступленія въ члены Общества, пожертвованіями и вообще тѣми мѣрами, какія кому доступны. Правленіе проситъ поспѣшить посильными взносами, дабы не оставить учащихся безъ пособій и не подвергнуть нуждающихся въ пособіяхъ удаленію изъ учебныхъ заведеній, такъ какъ преобладающіе мотивы просьбъ—пособія для взноса за право слушанія лекцій.

Вмѣстѣ съ этимъ Правленіе обращается къ членамъ Общества, еще не внесшимъ взносъ за текущій 1902 годъ, поспѣшить внесеніемъ денегъ.

Въ Петербургѣ деньги принимаетъ ежедневно съ 10 ч. до 4 ч. казначей Петръ Петровичъ Катериничъ (Невскій, 70), ему же можно высылать и почтою. Кромѣ того въ Кіевѣ принимаются взносы уполномоченнымъ членомъ Общества В. П. Науменкомъ (Маріин.-Благов., 59), а также въ Редакціи «Кіевской Старины» (Маріин.-Благов., 60) ежедневно отъ 2 до 4 часовъ.

Іосифъ Максимовичъ Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи.

6 сентября 1902 года исполнилось 25 лѣтъ со дня смерти извѣстнаго слависта І. М. Бодянскаго.

Уроженецъ полтавской губерніи, О. М. Бодянскій всю свою жизнь сохранялъ живыя симпатіи къ своей родинѣ, къ изученію ея быта, ея прошлаго. Эти симпатіи, руководили его литературной, научной и издательской дѣятельностью. Въ исторіи изученія Малороссіи онъ оставилъ крупный слѣдъ преимущественно своей издательскою дѣятельностью, какъ редакторъ «Чтеній въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ». За все время своего редактированія онъ выпустилъ въ свѣтъ *сто* книжекъ «Чтеній», въ которыхъ, между прочимъ, помѣщено много чрезвычайно важныхъ источниковъ для малорусской исторіи и быта малорусскаго народа.

Для интересующихся исторіей духовнаго развитія малорусскаго народа не менѣе важна и литературная дѣятельность О. М. Бодянскаго, его литературные опыты на малорусскомъ языкѣ. Съ нихъ началъ свою литературную дѣятельность Бодянскій. Они показываютъ намъ его глубокія симпатіи къ родинѣ, къ ея языку, желаніе самому содѣйствовать развитію родного языка и родной литератур.ы

Въ связи съ этимъ стоитъ собираніе О. М. Бодянскимъ памятниковъ народнаго творчества. Къ сожалѣнію, Бодянскій дер-

жался въ этомъ отношеніи своеобразнаго, хотя врядъ-ли правильнаго взгляда—собрать сначала какъ можно больше этихъ памятниковъ, составить возможно полный сборникъ ихъ и тогда уже его напечатать. Этому принципу Бодянскій слѣдовалъ всю свою жизнь, всю свою жизнь собиралъ памятники народнаго творчества, не печаталъ ихъ, ожидая большей полноты, а когда умеръ—матеріалы исчезли: по крайней мѣрѣ, нѣтъ указанія на то, чтобы они сохранились.

Научно-критическія статьи Бодянскаго, появившіяся въ 1830-хъ годахъ до поѣздки его за границу, и его магистерская диссертація «*О народной поэзіи славянскихъ племенъ*» не мало способствовали возбужденію интереса къ изученію малорусской народности, а также интереса къ литературнымъ произведеніямъ на малорусскомъ языкѣ.

Мы не говоримъ уже о заслугахъ О. М. Бодянскаго въ области изученія славянскихъ нарѣчій, славянскихъ литературъ и исторіи славянъ вообще. Заслуги эти высоко цѣнятся спеціалистами. Благодаря этому, онѣ какъ бы поглощаютъ всего Бодянскаго. Въ публикѣ знаютъ обыкновеннаго *слависта* Бодянскаго, понимая подъ словомъ *славистъ*—спеціалиста, посвятившаго себя изученію языка и литературъ западныхъ славянъ. Заслуги О. М. Бодянскаго для изученія своего родного малорусскаго народа, заслуги при томъ чрезвычайно крупныя, остаются обыкновенно въ тѣни.

Мы не скажемъ, чтобы онѣ оставались безъ вниманія въ научной литературѣ. Довольно, напр., обстоятельную оцѣнку литературной дѣятельности О. М. Бодянскаго на малорусскомъ языкѣ далъ проф. Н. И. Петровъ въ своихъ «*Очеркахъ исторіи украинской литературы XIX столѣтія*» [1]). Проф. Н. П. Дашкевичъ въ своемъ «*Отзывѣ о сочиненіи г. Петрова*» [2]), являющемся, въ сущности, самостоятельнымъ научно-критическимъ обзоромъ исторіи малорусской литературы, въ разныхъ мѣстахъ отмѣчаетъ заслуги О. М. Бодянскаго. А. Н. Пыпинъ въ

---

[1]) Кіевъ, 1884 г., стр. 177—188.

[2]) Отчетъ о 29 присужденіи наградъ графа Уварова. Спб. 1888, стр. 37—301.

3-мъ томѣ «*Исторіи русской этнографіи*», заключающемъ въ себѣ, какъ извѣстно, этнографію малорусскую, достаточно полно выяснилъ роль и значеніе О. М. Бодянскаго въ исторіи изученія малорусской народности [1]). Но всѣ эти труды, по своему характеру и основной своей задачѣ, не могли заняться всесторонней оцѣнкой дѣятельности О. М. Бодянскаго въ исторіи изученія родного ему края. Они характеризуютъ ее только въ общихъ чертахъ въ связи съ другими однородными ей явленіями. Между тѣмъ заслуги О. М. Бодянскаго въ дѣлѣ изученія Малороссіи на столько велики, что нуждаются въ болѣе детальномъ обзорѣ.

Мы, поэтому, намѣрены нѣсколько подробнѣе остановиться на этой именно сторонѣ вопроса. Но дѣлать обзоръ заслугъ О. М. Бодянскаго для изученія Малороссіи, не коснувшись его біографіи, его литературныхъ и общественныхъ отношеній—нельзя. Наука составляла содержаніе жизни О. М. Бодянскаго и выдѣлить, поэтому, его научную дѣятельность изъ житейской и общественной обстановки, въ которой она проходила, намъ не представляется возможнымъ. Вотъ почему мы довольно долго останавливаемся на біографіи О. М. Бодянскаго. Къ этому же располагаетъ и накопившійся за послѣднее время матеріалъ, еще никѣмъ, кажется, не использованный.

Благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, большая часть бумагъ О. М. Бодянскаго попала въ руки А. А. Титова и, такимъ образомъ, сохранена отъ погибели и сбережена для потомства. А. А. Титовъ многое уже напечаталъ въ «Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ», въ «Русскомъ Архивѣ», въ «Кіевской Старинѣ». Личность О. М. Бодянскаго начинаетъ мало-по-малу выясняться.

О. М. Бодянскій не игралъ, правда, въ русской жизни, такой центральной роли, какую игралъ, напр., М. П. Погодинъ. Но все же О. М. Бодянскій дѣйствовалъ на научномъ поприщѣ почти сорокъ пять лѣтъ, при чемъ 25 лѣтъ онъ былъ профессоромъ славяновѣдѣ-

---

[1]) Т. III, стр. 104—113.

нія въ московскомъ университетѣ. Онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ самыми разнообразными представителями науки какъ въ Россіи, такъ и среди славянъ, велъ съ ними по разнымъ поводамъ обширную переписку, посвящая иногда цѣлыя обширныя письма разсмотрѣнію или разрѣшенію тѣхъ или иныхъ научныхъ вопросовъ. О. М. Бодянскій, наконецъ, былъ свидѣтелемъ многихъ явленій нашей общественной жизни, принимая въ нихъ то или другое участіе, такъ или иначе на нихъ отзывался. Вотъ почему біографія О. М. Бодянскаго имѣетъ научное значеніе, имѣетъ затѣмъ общественный интересъ, и можно только самымъ искреннимъ образомъ пожелать, чтобы она поскорѣй нашла себѣ изслѣдователя.

Мы не задаемся цѣлью написать болѣе или менѣе полную біографію О. М. Бодянскаго. Задача наша болѣе скромная. Помимо обзора дѣятельности О. М. Бодянскаго для изученія родной ему Малороссіи, мы старались только сгруппировать въ извѣстной системѣ біографическіе факты, сдѣлавшіеся извѣстными въ печати. Съ этой точки зрѣнія, наша работа можетъ быть не безполезной, какъ матеріалъ, для того, кто бы захотѣлъ полно, всесторонне и вполнѣ научно изучить и освѣтить личность О. М. Бодянскаго, оцѣнить его труды для науки вообще. До сихъ поръ это не сдѣлано. Личность основателя славявѣдѣнія въ Россіи рисуется въ какомъ-то туманѣ, а его научные труды находятъ себѣ оцѣнку только въ самыхъ общихъ чертахъ.

Излагая біографію О. М. Бодянскаго, мы съ особеннымъ вниманіемъ останавливаемся на его литературной дѣятельности до поѣздки его за границу. Большинство литературныхъ работъ О. М. Бодянскаго теперь забыто, такъ какъ онѣ затерялись въ старыхъ журналахъ, составляющихъ библіографическую рѣдкость, а между тѣмъ работы эти объясняютъ намъ многое въ дѣятельности О. М. Бодянскаго. Въ Кіевѣ въ разныхъ библіотекахъ (журн. «Кіев. Стар.», университета св. Владиміра, духовной академіи, коллегіи Павла Галагана, фундуклеевской гимназіи) намъ удалось разыскать всѣ тѣ журналы, въ которыхъ помѣщены были раннія статьи О. М. Бодянскаго. Въ виду ихъ рѣдкости, мы и нашли нужнымъ на-

и болѣе подробно изложить ихъ содержаніе. Этимъ же объясняется и то обстоятельство, почему мы цѣликомъ перепечатываемъ малороссійскія вирши О. М. Бодянскаго, затерявшіяся въ «Молвѣ» 1833 г. и очень, очень немногимъ теперь извѣстныя.

Отыскать статьи О. М. Бодянскаго стоило не малаго труда, и мы искренно благодаримъ тѣхъ лицъ, которыя помогали намъ въ этомъ. Безъ ихъ помощи мы врядъ-ли могли бы обойтись.

I.

Родина О. М. Бодянскаго. Его происхожденіе. Свѣдѣнія о первоначальномъ его воспитаніи. Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ. Значеніе для О. М. Бодянскаго переяславской семинаріи.

Родиной Осипа Максимовича Бодянскаго было мѣстечко Варва лохвицкаго уѣзда полтавской губерніи. Отецъ его Максимъ Гавриловичъ былъ священникомъ и одно время благочиннымъ въ этомъ мѣстечкѣ [1]). Мать его, можетъ быть, происходила изъ дворянъ, такъ какъ за нею числилось нѣсколько душъ крѣпостныхъ крестьянъ [2]).

У отца Максима было нѣсколько дѣтей; изъ нихъ Осипъ Максимовичъ былъ старшимъ. Родился онъ 31 октября 1808 г. [3]).

---

[1]) Предисловіе А. А. Титова къ письмамъ О. М. Бодянскаго къ отцу. Чт. въ Общ. ист. и древн. 1893 г. кн. III.

[2]) *А. А. Кочубинскій.* Графъ С. Г. Строгановъ. Изъ исторіи нашихъ университетовъ 30-хъ годовъ. Вѣстн. Европы, августъ, 1896 г., стр. 478.

[3]) Въ оффиціальной біографіи, помѣщенной въ «Біографическомъ Словарѣ профессоровъ московскаго университета» (М., 1855. т. I), днемъ рожденія О. М. Бодянскаго названо 3 ноября. Этому указанію слѣдуютъ и позднѣйшіе біографы. Между тѣмъ, документы, сообщенные Н. А. Поповымъ (Рус. Ст. 1879 г., кн. II, стр. 461) показываютъ, что рожденіе О. М. Бодянскаго въ метрическія книги почему-то не было записано; слѣдствіе же, произведенное чрезъ опросъ родственниковъ (отецъ въ то время былъ еще живъ) при поступленіи О. М. Бодянскаго въ университетъ, показало, что днемъ рожденія знаменитаго слависта было 31 октября: 3-го ноября онъ былъ крещенъ.

О дѣтствѣ О. М. Бодянскаго нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Одинъ изъ родственниковъ его, В. И. Константиновичъ, со словъ своего отца, въ письмѣ къ профессору А. И. Маркевичу сообщаетъ слѣдующее: «лежитъ, бывало, Осипъ ночью подъ стѣнкой, вмѣстѣ съ отцомъ, на одной постели и подъ покрываломъ все бредитъ или плачетъ, умоляя отца отвезти его учиться. Но *отецъ Ма́ксымъ*, постоянно отвлекаемый дѣлами, только послѣ продолжительныхъ настояній сына нашелъ возможнымъ отправить его въ Переяславль (южный), въ бурсу. Взрослый мальчикъ, Осипъ, въ бурсѣ, конечно, не бросилъ своей страсти къ книгамъ, учился много и, наконецъ, объявилъ о своемъ желаніи куда-то ѣхать, держать экзаменъ, чтобы поступить въ какое-то учебное заведеніе. Но куда, въ какое припомнить теперь не могу [1]). На Ма́ксыма, т. е. на отца, надежда была плоха; но мой отецъ предложилъ себя—отправилъ Осипа на свой счетъ и не скупо снабдилъ его деньгами, за что впослѣдствіи Бодянскій при всякомъ случаѣ высказывалъ свою признательность моему отцу, высылая ему всякое свое сочиненіе, изданіе, карты. Такимъ образомъ, попали въ наши амбары, а потомъ сгнили всѣ изданія Общества исторіи и древностей россійскихъ» [2]).

Въ этихъ воспоминаніяхъ, записанныхъ много лѣтъ спустя, когда О. М. Бодянскій пріобрѣлъ уже извѣстность, несомнѣнно, есть извѣстная доля преувеличенія относительно жажды учиться у мальчика. Вѣрнѣе, будемъ думать что О. М. Бодянскій попалъ сначала въ переяславское духовное училище [3]), а затѣмъ въ семинарію не потому, что онъ самъ настаивалъ на этомъ, а просто онъ былъ опредѣленъ туда, какъ обыкновенно опредѣлялись и опредѣляются сыновья священниковъ. Съ нимъ вмѣстѣ учился и младшій братъ его Федоръ Максимовичъ.

---

[1]) Рѣчь идетъ, вѣроятно, о намѣреніи О. М. Бодянскаго поступить въ Педагогическій Институтъ.

[2]) *А. А. Кочубинскій.* Гр. С. Г. Строгановъ. Вѣст. Евр. 1896 г. августъ, стр. 478.

[3]) Чтенія въ Общ. Ист. и древн. 1893 г., кн. III. Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 5.

Переяславская семинарія основана была въ 1738 году епископомъ переяславскимъ и бориспольскимъ Арсеніемъ Берло и въ теченіе почти столѣтія сложилась въ довольно оригинальное учебное заведеніе. Культурная роль полтавской семинаріи, къ сожалѣнію, совершенно еще не выяснена. Но она на югѣ Россіи, въ особенности въ полтавской губерніи, была, несомнѣнно, очень значительна. Количество учениковъ въ переяславской семинаріи было всегда довольно велико, и въ ней получали образованіе не одни только духовные, но и свѣтскіе люди [1]). Въ числѣ преподавателей семинаріи мы находимъ лицъ, извѣстныхъ въ исторіи: Варлаама Шишацкаго, впослѣдствіи могилевскаго архіепископа, кіевскаго протоіерея и извѣстнаго проповѣдника Ивана Васильевича Леванду, затѣмъ знаменитаго украинскаго философа Григорія Саввича Сковороду [2]). Одинъ изъ воспитанниковъ семинаріи Егоръ Федоровичъ Тимковскій, учившійся тамъ въ самомъ началѣ XIX ст., говоритъ, что пребываніе въ Переяславской семинаріи въ теченіе трехъ лѣтъ не прошло для него даромъ: свѣдѣнія его расширялись все болѣе и болѣе. «Тамъ, говоритъ онъ, читалъ я съ истиннымъ благоговѣніемъ «Письма русскаго путешественника», «Аониды», «Мои бездѣлки», «И мои бездѣлки» и разныя другія произведенія славнѣйшихъ авторовъ. Постигая уже вполнѣ смыслъ всякой книги, я осмѣливался подражать, или скажу прямѣе—уносить какія-нибудь разительныя слова и счастливые обороты слога Карамзина или Дмитріева и пересаживалъ ихъ на тощую почву своихъ маленькихъ сочиненій по заданной темѣ... Учитель былъ доволенъ, и часто надписывалъ по нѣсколько строчекъ похвалы, все въ превосходной степени, на моихъ сочиненіяхъ прозаическихъ и стихотворныхъ»...). Такимъ образомъ, переяславская се-

---

[1]) *И. Л—ій.* Къ исторіи украинской семинаріи въ Переяславлѣ Кіев. Стар. 1888 г. т. XX. Документы, изслѣдованія и замѣтки, стр. 35—36. *Памфилъ Левицкій.* Прошлое переяславской духовной семинаріи Кіев. Ст., т. 24, стр. 427 и слѣд.

[2]) *Памфилъ Левицкій.* Прошлое переяславской духовной семинаріи. Кіев. Ст., 1889, т. 24, стр. 433.

[3]) Воспоминанія Егора Федоровича Тимковскаго, Кіев. Стар. 1894 г., т. 44, стр. 377—378.

минарія въ началѣ XIX ст. далеко не чужда была новыхъ свѣтскихъ вліяній. Правда, въ 1817 г. она была преобразована, и это преобразованіе послужило ей далеко не въ пользу [1]); но въ первое время послѣ преобразованія, когда учился О. М. Бодянскій, переяславская семинарія не могла такъ скоро порвать со старыми традиціями. О пребываніи О. М. Бодянскаго въ переяславскомъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ въ семинаріи мы, къ сожалѣнію, имѣетъ чрезвычайно скудныя свѣдѣнія. Письма его къ отцу за это время [2]) почти совсѣмъ не касаются сущности ученія въ семинаріи, можетъ быть, мало и интересовавшаго отца Максима. Гораздо позже, въ сентябрѣ 1876 года, когда О. М. Бодянскій былъ уже старикомъ, въ Москвѣ праздновался пятидесятилѣтній юбилей службы протоіерея Ивана Николаевича Рождественскаго, одного изъ учителей О. М. Бодянскаго по переяславской семинаріи. О. М. Бодянскій сказалъ на этомъ юбилеѣ рѣчь, въ которой слегка, такъ сказать, намекомъ только коснулся того, что дала ему семинарія. Два года учился О. М. Бодянскій у И. Н. Рождественскаго (1827--1829). «Вами, говорилъ онъ на юбилеѣ своему бывшему учителю, открылась для сей семинаріи новая эра ученой дѣятельности: съ предшественникомъ кончилось господство Баумейстера, столько до того времени сильное въ духовныхъ училищахъ. Я слушалъ васъ, какъ профессора философіи, уже не по немъ, но по вашему собственному изложенію, хотя и по латыни, впрочемъ, чрезвычайно чистой и понятной. Записки, выдававшіяся вами слушателямъ, берегу какъ дорогой памятникъ дорогого наставника. Благодаря вамъ, я сталъ давать отчетъ въ своемъ мышленіи, вникать въ мышленное, упорядочивать и освѣщать его. Я былъ, можно сказать, однимъ изъ первымъ слушателей вашихъ по времени и, благодаря вашимъ наставленіемъ, первымъ, по успѣхамъ... Вы съ отеческимъ вниманіемъ слѣдили за мной и въ дальнѣйшемъ ученіи моемъ, и когда,

---

[1]) *Памфилъ Левицкій.* Прошлое переяслав. дух. семинаріи. Кіев. Ст., 1889 г., т. 24, стр. 443

[2]) Чтенія въ Общ. ист. и древ. 1893 г., кн. III.

по заключеніи его, пришлось бросить мнѣ жребій между академіей и университетомъ, вы благородно поддержали мое намѣреніе отправиться въ послѣдній». Кончилъ О. М. Бодянскій свою рѣчь юбиляру «безконечной благодарностью» «за все то доброе, что юбиляръ сдѣлалъ для него въ его первоначальной жизни, въ направленіи ея на *пути правы, на пути живота*, словомъ, «познати на земли путь свой» [1]).

Рѣчь О. М. Бодянскаго съ одной стороны подтверждаетъ то, что сказано нами по поводу записокъ Е. Ф. Ѳимковскаго, съ другой—она говоритъ и о томъ, что переяславская семинарія не прошла и для О. М. Бодянскаго безслѣдно: она по собственному его признанію, пріучила его мыслить. Она же, несомнѣнно, зародила въ немъ и любовь къ родинѣ и, извѣстный интересъ къ наукѣ. Послѣднимъ, пожалуй, можно объяснить и то обстоятельство, что О. М. Бодянскій пошелъ въ университетъ, а не въ духовную академію.

Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ за время его пребыванія въ семинаріи (1821—1831) даетъ сравнительно мало матеріала для характеристики школьныхъ лѣтъ перваго русскаго слависта и его развитія въ это время. Письма на первыхъ порахъ коротки, отрывочны и полны разныхъ мелкихъ хозяйственныхъ сообщеній, соображеній, замѣтокъ, расчетовъ, касающихся присылки провіанта изъ деревни въ Переяславъ, квартиры, содержанія, одежды и т. д. [2]). Изрѣдка въ нихъ сообщаются новости.

---

[1]) Москов. Епарх. Вѣд. 1876 г. № 38 стр. 320 *Н. Барсуковъ*. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. IV, стр. 424—425.

[2]) Вотъ одно изъ такихъ писемъ: «Дражайшіе родители батюшка и матушка! я пріѣхалъ благополучно въ Переяславъ 5 числа сего мѣсяца по утру и нашелъ квартиру у Іуліяны Холодной, которую уговорилъ на 18 руб. съ порядочнымъ гостинцемъ на рубль; инспекторъ же Ефимъ Ивановичъ Стеблинскій, котораго тоже уговорилъ на 16 руб. и 40 коп. О чемъ увѣдомивъ васъ, остаюсь вашъ покорный сынъ и слуга Іосифъ Бодянскій Ч. 1824 г. Г. Переяславъ.

P. S. Кланяйтесь Г. Григорьев., Ив. Кириловичу и прочимъ. Матушку утѣшайте, чтобы не печалилась. Положеніе 1824 года: борошна

которыя, по мнѣнію сына, могли имѣть интересъ для его отца, деревенскаго священника. Новости эти касаются преимущественно полтавского епископа Георгія, его поѣздокъ по епархіи, архіерейскаго маршрута и пр. Мало-по-малу письма, впрочемъ, дѣлаются интереснѣе и содержательнѣе, новости любопытнѣе. Видно, что интересы семинариста Бодянскаго расширяются, наблюдательность увеличивается, онъ начинаетъ пріобрѣтать самостоятельное мнѣніе и высказывать его въ томъ или другомъ случаѣ. Въ послѣдніе годы своего пребыванія въ семинаріи Бодянскій начинаетъ уже интересоваться и политическими новостями, вычитываетъ ихъ изъ газетъ и дѣлится ими съ отцомъ. Уловить въ письмахъ къ отцу какое-нибудь болѣе или менѣе опредѣленное, складывающееся міровоззрѣніе у О.М.Бодянскаго нельзя. Они слишкомъ малосодержательны для этого. Мы не знаемъ уровня умственнаго развитія и духовныхъ интересовъ отца Максима. Судя по тому впечатлѣнію, какое выносишь изъ чтенія писемъ къ нему сына Іосифа Максимовича, можно думать, что отецъ Максимъ былъ добрый, любящій отецъ, не отказывавшій дѣтямъ ни въ чемъ, на сколько позволяли его средства, не стѣснившій свободы дѣтей и въ извѣстныхъ случаяхъ позволявшій имъ дѣйствовать вполнѣ самостоятельно. По крайней мѣрѣ, когда Іосифъ Максимовичъ рѣшилъ не оставаться въ духовномъ званіи, а идти въ свѣтское, отецъ Максимъ не противился этому, а всецѣло подчинился же-

---

ржаного 8 м., пшеничнаго 5 м., гречанаго 5 м., пшена 3 пуда или 2 мѣры, сала 20 ф., соли 20 ф., мяса 20 ф. или денегъ, олѣи 2 кв., свѣчей 3 ф., масла 8 ф., денегъ харчевыхъ 6 р. Теперь же доставлено ржанаго 5 м., гречанаго 2 м., пшеничнаго 2 м., пшена 1 м., сала 10 ф.

На риторику же инспектора еще не нанялъ, а послѣ, нанявши увѣдомлю васъ чрезъ оказію или чрезъ почту. Федоръ Бодянскій.—

Сейчасъ слышу, что архіерей выѣзжаетъ сегодня съ города, а на мѣсто его ожидаютъ Кирила, ректора Московской Академіи или Георгія, ректора С.-Петербургской Академіи; впрочемъ, нельзя утвердительно сказать; что слышу, то и пишу вамъ.

Сказываютъ, что сатана (?) уже въ Зиньковскомъ повѣтѣ, мѣстечкѣ Опошнѣ» (Переписка съ отцомъ, стр. 4—5).

ланію сына; не противился отецъ Максимъ и тогда, когда сынъ его задумалъ поступить въ педагогическій институтъ, затѣмъ въ университетъ. Одного только хотѣлось отцу Максиму, чтобы сынъ устроилъ свою судьбу наилучшимъ образомъ. Это хорошо зналъ Іосифъ Максимовичъ, а потому, задумавъ поступить въ педагогическій институтъ, онъ самыми розовыми красками рисовалъ отцу, какъ хорошо онъ устроится въ служебномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, если окончитъ педагогическій институтъ. И отецъ дѣлалъ все, что требовалъ сынъ, лишь бы ему попасть въ число избранныхъ трехъ кандидатовъ [1]). О духовныхъ интересахъ при этомъ не говорилось ни слова; а между тѣмъ это было какъ разъ то время, когда О. М. Бодянскій мечталъ о покупкѣ «Исторіи философскихъ системъ», «Опыта науки изящнаго и «французской христоматіи» и просилъ на это у отца ни болѣе ни менѣе, какъ 15 рублей денегъ. У О. М. Бодянскаго духовные интересы, значитъ, были; не говорилъ онъ только объ нихъ съ отцомъ потому, вѣроятно, что отца они занимали слишкомъ мало, а можетъ быть, и совсѣмъ не занимали. Что касается матери, то она, должно быть, была простая женщина, для которой любовь къ дѣтямъ поглощала все. О. М. Бодянскій, несомнѣнно, горячо любилъ ее. Въ письмахъ своихъ онъ заботится объ ея здоровьи, спокойствіи [2]); когда онъ рѣшается выйти изъ духовнаго званія и поступить въ педагогическій институтъ и пишетъ объ этомъ отцу, отъ матери онъ не ждетъ совѣта, а проситъ даже не говорить ей, «какъ можно это отъ нея скрывать, ибо симъ можно ихъ будетъ сильно огорчить и напугать» [3]).

---

[1]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 28 и слѣд. (Чтенія 1893, III).

[2]) Въ одномъ изъ писемъ (7 окт. 1829 г.) онъ, напр., пишетъ отцу: «Матушку прошу нижайше васъ беречь и сколько можно ходить за нею исправно, ибо сего требуетъ какъ ваше, такъ и наше благосостояніе и пресѣченіе дней ея может скоро и насъ свесть во гробъ» (Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 37—38).

[3]) Чтенія 1893 г. кн. III, стр. 29 (Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ).

Въ другой разъ задумалъ О. М. Бодянскій на рождественскихъ праздникахъ поѣхать въ Кіевъ, а затѣмъ къ дядѣ въ Васильковъ, и опять просилъ отца: «о сей нашей поѣздкѣ не сказывайте матушкѣ, дабы она не безпокоилась» [1]... На столько мать мало имѣла значенія въ жизни Бодянскаго, на столько она мало могла понять, оцѣнить его интересы! Подобныя отношенія между О. М. Бодянскимъ и родителями, которыхъ онъ, повторяемъ, несомнѣнно, горячо любилъ, вполнѣ опредѣляютъ намъ характеръ переписки между ними, характеръ чисто хозяйственный, дѣловой. Новости, которыя сообщаетъ О. М. Бодянскій въ своихъ письмахъ домой, это не тѣ новости, которыя могли интересовать его одного, могли быть характерными для его личности—нѣтъ, это тѣ новости, которыя такъ или иначе интересовали всѣхъ, слѣдовательно, и отца Максима; мнѣнія, которыя высказывалъ О. М. Бодянскій по тому или другому поводу, напр., по поводу польскаго возстанія, это не его собственныя, личныя мнѣнія, а обыкновенныя, ходячія въ тогдашнемъ обществѣ, которыя, на нашъ взглядъ ужъ никакимъ образомъ не могутъ быть характерными для міровоззрѣнія Бодянскаго. Вотъ почему переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ такъ скудна для біографа.

Какъ священника, отца Максима интересовали, конечно, новости изъ духовнаго міра, и сынъ сообщалъ ихъ ему, тѣмъ болѣе, что въ Переяславѣ жилъ въ то время архіерей, слѣдовательно, новостей, интересныхъ для духовенства, было изрядное количество. Однажды разнесся было слухъ, что всѣхъ лицъ духовнаго званія, не исключая и женщинъ думаютъ нарядить въ особую форму. Слухъ этотъ казался тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что въ 1830-хъ годахъ въ Россіи почему-то явилось стремленіе перемѣнять, измѣнять старыя, изобрѣтать новыя формы для людей разныхъ вѣдомствъ, точно въ этомъ былъ высшій государственный смыслъ жизни. «Настигаетъ уже, писалъ 20 іюня 1826 года О. М. Бодянскій своему отцу, бѣда попамъ, поповичамъ и попадьямъ. Въ Синодѣ составляется уже докладъ государю объ оде-

---

[1]) Тамъ же, стр. 38.

ждѣ священно- и церковно-служителей. Священникамъ носить шляпу круглую съ большими полями, рясы темнаго цвѣту, косы завязывать въ пучекъ, а во время служенія только распускать; женамъ ихъ тоже носить платье, большею частію, изъ темныхъ цвѣтовъ; а сыновьямъ ихъ, обучающимся въ семинаріи, семинаристамъ и богословамъ ходить съ небритыми бородами, съ нестриженіемъ волосъ, въ сюртукахъ длинныхъ. Въ случаѣ же невыполненія онаго поступается какъ съ ослушниками. Вотъ горькая участь семинаристовъ»! [1]) Въ другой разъ Бодянскій сообщаетъ отцу не менѣе важную новость о томъ, что полученъ указъ, запрещающій самымъ строгимъ образомъ не посвящать въ священники и дьяконы неученыхъ; а лица, замѣченныя въ предосудительномъ поведеніи будутъ лишены сана и годные отданы въ солдаты, а не годные разосланы по другимъ мѣстамъ [2]). Это былъ знаменитый своей суровостью указъ, вызвавшій послѣдній, такъ называемый «разборъ» духовенства, указъ, разорившій и въ конецъ исковеркавшій жизнь многихъ изъ лицъ духовнаго званія. Въ слѣдующемъ письмѣ (10 мая 1830 г.) О. М. Бодянскій сообщаетъ отцу и списокъ тѣхъ изъ священниковъ, отъ которыхъ потребованы были отвѣты «въ различныхъ ихъ проказахъ и худыхъ дѣлахъ» [3]). Больнымъ мѣстомъ для духовенства всегда являлась консисторія, гдѣ взяточничество было явленіемъ черезчуръ обыкновеннымъ; и она играетъ немалую роль въ перепискѣ Бодянскихъ отца съ сыномъ. «Нынѣшній владыко нашъ, пишетъ напр., 12 ноября 1830 года О. М. Бодянскій,—человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ безпримѣрный, единственный. Консисторскимъ же живодерамъ особеннымъ предписаніемъ далъ знать, чтобы ни одинъ изъ нихъ ни въ какомъ случаѣ не отваживался бы требовать пошлинной отъ духовныхъ и прочихъ просителей подъ опасеніемъ поступленія съ таковымъ во всей строгости по законамъ» [4]). Въ другой разъ онъ пишетъ: «Вотъ вамъ еще одна

---

[1]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 13—14.

[2]) Тамъ-же, стр. 39—40.

[3]) Переписка Бодянскаго съ отцомъ, стр. 41.

[4]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 47.

занимательная и пріятная новость. 30 прошлаго мѣсяца (января 1831 г.) секретарь консисторіи волею Божіею успе для оной, ко благу всѣхъ здравомыслящихъ людей и нашего духовенства, т. е. нашелъ принужденнымъ подать прошеніе объ увольненіи себя отъ консисторіи по нездоровью брать и драть... Словомъ, большая готовится во всемъ перемѣна. Всѣ кровопійцы изженутся»[1]). То же самое сообщалъ Бодянскій и дядѣ своему Ильѣ Гавриловичу, выражая надежду, что мѣста въ консисторіи будутъ поручены инымъ людямъ, болѣе честнымъ и безкорыстнымъ[2]). Таковы «новости», которыя сообщалъ О. М. Бодянскій домой. Онѣ показываютъ, что въ семинаріи Бодянскій присматривался уже къ жизни, изучалъ, такъ сказать, ее, и она не проходила для него безслѣдно, давая ему довольно поучительные уроки.

Переяславская семинарія не была вполнѣ закрытымъ учебнымъ заведеніемъ. Не всѣ воспитанники жили въ интернатѣ, въ бурсѣ. Тотъ, кто могъ нанять себѣ квартиру, жилъ самостоятельно. Нанималъ себѣ, съ разрѣшенія инспектора квартиру и О. М. Бодянскій вмѣстѣ съ братомъ своимъ Федоромъ Максимовичемъ. Нужно вообще сказать, что съ самаго своего поступленія сначала въ духовное училище, затѣмъ въ семинарію О. М. Бодянскій жилъ вполнѣ самостоятельно и пользовался полной свободой: самъ нанималъ себѣ квартиру, репетиторовъ, самъ заказывалъ себѣ платье, покупалъ книги, ѣздилъ когда угодно и куда угодно, даже въ Кіевъ и Васильковъ, не спрашивая напередъ разрѣшенія на это отца[3]). Съ бурсой О. М. Бодянскій соприкасался, повидимому, только за обѣдомъ, все остальное время онъ жилъ на свободѣ. Обѣдали, какъ кажется, въ бурсѣ всѣ семинаристы за общимъ столомъ, при чемъ одни—на казенный счетъ, другіе обязаны были доставлять извѣстное количество провіанта деньгами и натурой, по особому расписанію. Доставлялъ провіантъ и отецъ Максимъ,

[1]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 51.

[2]) Тамъ-же, стр. 52.

[3]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ въ разныхъ мѣстахъ

и эта такъ называемая «харчевая складка», ея уплата и доставка занимаютъ не мало мѣста въ перепискѣ отца съ сыномъ [1]).

Жизнь на свободѣ, а не въ бурсѣ должна была, думаемъ, только благотворно отражаться на душевномъ развитіи О. М. Бодянскаго. Онъ, поневолѣ, жилъ обычными житейскими интересами, сталкивался съ различными людьми, зналъ и понималъ очень многое, многимъ интересовался изъ того, что происходило кругомъ; ко многому долженъ былъ стать въ то или другое самостоятельное отношеніе. Свободу, извѣстную независимость въ жизни О. М. Бодянскій, поэтому, всегда высоко цѣнилъ. Ниже мы увидимъ, какъ онъ благодарилъ судьбу за то, что не попалъ въ педагогическій институтъ, на столько тамошнее подавленіе личности и свободы было ему чуждо, непонятно, противорѣчило всему его характеру, какъ онъ развивался въ семинаріи [2]).

Мы видѣли выше, что интересы духовнаго сословія не были чужды ему; онъ многое зналъ хорошо изъ того, что говорилось среди духовенства, и о многомъ судилъ чрезвычайно вѣрно. Но было бы ошибочно, конечно, думать, что этимъ кончалось все. Изъ отдѣльныхъ, случайно брошенныхъ замѣчаній въ письмахъ мы знаемъ, что О. М. Бодянскій читалъ газеты и, судя по всему, довольно таки исправно. Въ письмахъ своихъ онъ сообщаетъ отцу новости преимущественно политическаго характера. Онѣ, конечно, больше всего могли интересовать отца Максима: о заключеніи мира съ Турціею въ 1829-мъ году, о пожалованіи Дибичу Георгія І-й степени [3]); о покореніи французами Алжира, о смерти англійскаго короля Георга IV, о вступленіи на его мѣсто герцога Кларанскаго и т. д. [4]).

Польское возстаніе 1831 г., какъ извѣстно, сильно взволновало русское общество. Понять это явленіе, отнестись къ нему болѣе объективно и хладнокровно современники, за очень небольшими исклю-

---

1) Тоже.

2) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 36—37.

3) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 38.

4) Тамъ-же, стр. 43.

ченіями, не могли. Польша въ глазахъ большинства русскаго общества, являлась только неблагодарной измѣнницей, которая за все добро, которое сдѣлала ей Россія, отплатила черной, коварной измѣной. За это она должна понести суровую кару. Воинственные инстинкты русскаго общества были сильно возбуждены событіями 1831 года; патріотическое воодушевленіе, отчасти искусственно подогрѣваемое, выливалось въ кровожадное желаніе истребить Польшу и всѣхъ поляковъ. Наиболѣе яркимъ выраженіемъ такого общественнаго настроенія явилось извѣстное стихотвореніе Пушкина «Клеветникамъ Россіи», нашедшее себѣ осужденіе только въ небольшомъ кругѣ современниковъ, другими же принятое чрезвычайно восторженно.

Изъ столицъ подобное настроеніе передавалось и въ провинцію, въ глухой Переяславъ. «Слыхали вы о несчастіи, вновь постигшемъ наше отечество, именно о возникшемъ бунтѣ въ вѣроломной Польшѣ?—спрашивалъ О. М. Бодянскій отца въ самомъ концѣ 1830 года и излагалъ ему, на основаніи газетныхъ извѣстій, начало и ходъ польскаго возстанія... «О! Бѣда будетъ ляхамъ! Съ русскими нечего шутить! Слышно также и о войнѣ съ австрійцами. Быть великому кровопролитію въ слѣдующемъ годѣ! Что-то вездѣ замѣчается необыкновенное движеніе. Когда бы хоть наша Малороссія осталась чуждою всякихъ переворотовъ и бѣдствій. Но намъ ли, сынамъ Россіи, страшиться войнъ и жалѣть принесть въ даръ своему отечеству все, что ни имѣемъ. Мы всегда торжествовали и будемъ торжествовать. Богъ и государь видитъ насъ и не оставитъ безъ покровительства и помощи» [1]. Сообщая затѣмъ, нѣсколько времени спустя, слухъ о наборѣ милиціи и объ объявленіи Франціею войны Пруссіи, «слѣдственно всей Германіи, Австріи и Россіи», Бодянскій приходитъ прямо таки въ кровожадное патріотическое одушевленіе: «побачимо, що зъ того пыва буде за квасъ, пишетъ онъ. Подляковъ же (sic) сильно наши колотятъ; скоро, скоро падетъ съ шумомъ Варшава и на вѣки! Самое имя *полякъ* истребится и по дѣломъ. Котузи по заслузи»! [1]).

---

[1]) Переписка Бодянскаго съ отцомъ, стр. 49—50.

Свое патріотически-воинственное настроеніе того времени Бодянскій, какъ увидимъ ниже, выразилъ даже въ особой виршѣ, напечатанной нѣсколько позже въ «Молвѣ» Надеждина за 1833 годъ [1]).

6-го мая 1831 года послѣдовалъ высочайшій рескриптъ на имя малороссійскаго военнаго губернатора о сформированіи изъ малороссійскихъ козаковъ 8-ми кавалерійскихъ полковъ [2]). Это и дало поводъ Бодянскому написать на малорусскомъ языкѣ только что упомянутую виршу. Отцу онъ писалъ въ это время: «я думаю вы уже знаете о милости государя къ Малороссіи: козаки, по прежнему, на всегда будутъ существовать: 5 съ нашей губерніи (полтавской) и 3—съ черниговской, только служить по 8 лѣтъ. Недоимки съ козаковъ по сей годъ всѣ прощаются, а впредь подати съ нихъ по 4 рубля въ годъ, кромѣ земскихъ повинностей» [3]).

Въ это время у Бодянскаго вообще начинаетъ обнаруживаться интересъ къ еего родинѣ—Малороссіи. Онъ, мы видѣли сейчасъ, пишетъ вирши на малорусскомъ языкѣ. *Наша* Малороссія, *нашъ* хохландецъ—такъ выражается онъ въ своихъ письмахъ къ отцу; ему хочется, чтобы въ Малороссіи все было спокойно, не было тамъ никакихъ бунтовъ; его интересуютъ милости, оказанныя Малороссіи сохраненіемъ въ ней козачества, и онъ этой новостью дѣлится со своимъ отцомъ. Умираетъ Дибичъ, назначается преемникомъ ему по усмиренію польскаго возстанія Паскевичъ, и Бодянскій сообщаетъ отцу, что это—«*нашъ* хохландецъ» [4]); всѣ встревожены холерой—Бодянскій спѣшитъ успокоить отца, что «въ *нашей* Малороссіи, слава Богу, совершенно благополучно» [5]).

Откуда могъ явиться въ семинаристѣ О. М. Бодянскомъ этотъ интересъ къ своей родинѣ, Малороссіи? Письма его къ отцу

---

[1]) Молва 1833 г. № 99 стр. 393—394.

[2]) 2-е П. С. Зак. № 4536.

[3]) Переписка Бодянскаго съ отцомъ, стр 56.

[4]) Переписка Бодянскаго съ отцомъ, стр. 57.

[5]) Тамъ-же, стр. 48.

не говорятъ намъ объ этомъ. Другихъ свѣдѣній у насъ также нѣтъ. Но мы врядъ ли много погрѣшимъ противъ истины, если выскажемъ предположеніе, что интересъ къ Малороссіи могъ культивироваться въ переяславской семинаріи, которая въ тѣ годы, да и въ позднѣйшіе, сохраняла свой національный малорусскій отпечатокъ [1]). Несомнѣнно, что изъ переяславской семинаріи О.

---

[1]) П. И. Житецкій, учившійся въ переяславской семинаріи, лѣтъ 20 спустя послѣ О. М. Бодянскаго, который былъ товарищемъ отца П. И. Житецкаго по семинаріи и всегда поддерживалъ съ нимъ отношенія,—разсказывалъ намъ про переяславскую семинарію слѣдующее. Учились тамъ только дѣти духовныхъ; въ его время (1850-е годы) изъ свѣтскихъ никого не было. Малорусскій сельскій священникъ, первой половины XIX в. не говоря уже о дьячкахъ и пономаряхъ, былъ человѣкъ бѣдный; по происхожденію, плебей, онъ былъ въ душѣ демократъ, и близко стоялъ къ народу, съ нимъ онъ жилъ, съ нимъ водилъ знакомство, его языкомъ только и говорилъ. До поступленія въ училище дѣти духовныхъ жили и росли среди деревенскихъ дѣтей, ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ малорусскаго, они не говорили. Немудрено, поэтому, что и въ духовныхъ училищахъ, и въ переяславской семинаріи среди воспитанниковъ преобладала малорусская рѣчь. Русскій языкъ изучали по книгамъ; нѣкоторые пытались и говорить на немъ, но все-таки выходила рѣчь наполовину малорусская. Хотя преподаваніе въ семинаріи велось оффиціально на русскомъ языкѣ, но на самомъ дѣлѣ при преподаваніи употреблялось какое-то особое русско-малорусское нарѣчіе. Этому способствовало и то обстоятельство, что тогда преподаватели семинарій не назначались, какъ теперь, св. Синодомъ, и при ихъ назначеніи не преслѣдовались обрусительныя цѣли, благодаря чему преподаватели постоянно перетасовываются: малороссы назначаются, преимущественно, въ великорусскія семинаріи, а великороссы—въ малорусскія. Въ то время, когда учился въ семинаріи П. И. Житецкій, преподавателей семинаріи назначали правленія Академій. Поэтому, очень часто случалось, что семинаристъ, окончившій переяславскую семинарію, пройдя Кіевскую духовную академію, возвращался преподавателемъ въ Переяславъ. Благодаря этому переяславская семинарія не лишалась чисто малорусскаго характера. Семинаристъ сохранялъ интересъ къ малорусскому языку, какъ къ своему родному, охотно говорилъ на немъ, пѣлъ родныя малорусскія пѣсни и, возвращаясь, по окончаніи семинаріи, въ деревню въ санѣ

М. Бодянскій вынесъ первые зародыши той любви къ родинѣ, которая служила характернымъ признакомъ его личности, руководила имъ всю его жизнь, въ значительной степени направляя его литературную, научную и издательскую дѣятельность[1]). Въ переяславской семинаріи зародилась у О. М. Бодянскаго и любовь къ книгѣ.

Отецъ О. М. Бодянскаго былъ человѣкъ бѣдный. Содержаніе сыновей въ семинаріи стоило ему недешево. Онъ имъ, правда, ни въ чемъ необходимомъ, повидимому, не отказывалъ, но во всякомъ случаѣ каждая копѣйка у него была на счету и доставалась ему, вѣроятно, нелегко, а потому и расходовалась съ большой осторожностью. Изъ переписки О. М. Бодянскаго съ отцомъ мы видимъ, что невсегда аккуратно высылались деньги въ «харчевую складку» или за квартиру; костюмъ О. М. Бодянскаго, сапоги его иногда сильно изнашивались. Братья Бодянскіе хорошо, конечно, знали стѣснительное положеніе родителей, а потому въ письмахъ своихъ старались оправдать каждую копѣйку своего расхода. Денегъ у нихъ на рукахъ бывало немного, и тѣ они старались тратить на предметы самые необходимые[2]). Въ одномъ только случаѣ О. М. Бодянскій поступалъ не всегда осто-

---

священника, съ народомъ разговаривалъ не иначе, какъ на его же родномъ языкѣ. П. И. Житецкій съ особенной теплотой вспоминаетъ А. О. Козачковскаго, который въ его время былъ докторомъ при переяславской семинаріи. А. О. Козачковскій съ семинаристами иначе не говорилъ, какъ по—малорусски. Благодаря ему П. И. Житецкій и другіе семинаристы знали уже въ рукописяхъ многія стихотворенія Т. Г. Шевченка. А. О. Козачковскому, какъ извѣстно, Т. Г. Шевченко посвятилъ одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній (Кобзарь, изд. 1899 г. стр. 306—310).

[1]) *Проф. Н. Ф. Сумцовъ.* Біографія О. М. Бодянскаго въ Критико-біографическомъ словарѣ С. А. Венгерова. т. V, стр. 65.

[2]) 20 ноября 1825 г. О. М. Бодянскій пишетъ отцу: «Денегъ у Феди я не отбиралъ потому, что онъ и самъ ихъ ни на что лишнее не употребляетъ; и если что-либо хочетъ купить, то всегда меня спрашивается» (Переписка съ отцемъ, стр. 9).

рожно и не всегда принималъ во вниманіе скудость средствъ, это— въ отношеніи пріобрѣтенія книгъ. Онъ пріобрѣталъ не только тѣ книги, безъ которыхъ невозможно было обойтись при ученіи, но тратилъ деньги на пріобрѣтеніе книгъ, которыя не были настоятельно необходимы или вовсе не были нужны. Въ этомъ виденъ зародышъ будущаго коллекціонера. Еще въ первыхъ письмахъ по поступленію своемъ въ семинарію О. М. Бодянскій просилъ у отца присылки довольно значительной суммы денегъ 10 руб. 50 коп. на покупку латинско-русскаго лексикона, который, по его словамъ, могъ ему пригодиться и въ семинаріи [1]). Въ другой разъ 5 марта 1826 года онъ пишетъ отцу такого рода характерное оправдательное письмо: «послѣднихъ чиселъ прошлаго мѣсяца приноситъ ко мнѣ одинъ мой соученикъ три книги: первая—Виргилій на латинскомъ языкѣ; 2) Овидій тоже; 3) Цицеронъ на латинскомъ же языкѣ и проситъ у меня за нихъ 3 р. Я, видя ихъ и зная достоинство ихъ, съ радостью обѣщалъ ихъ купить у него, почему тотчасъ же и далъ ему въ задатокъ, сколько у меня было, 1 р. денегъ, а остальныя я вызычилъ изъ харчевой складки. Я ихъ показывалъ многимъ изъ богослововъ, прибавляетъ онъ какъ бы оправданіе, и всѣ они удивлялись мнѣ, что я столь дешево купилъ ихъ. Всѣ говорятъ, что каждая изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, стоитъ 3 рубля». Бодянскій проситъ прислать 2 рубля, чтобы заплатить въ харчевую складку, да 1 р. 50 коп. на бумагу. Оказалось, онъ всѣ деньги истратилъ на покупку книгъ, бумаги у него нѣтъ и, чтобы написать отцу письмо, онъ долженъ былъ занять у одного изъ товарищей 16 коп. [2]) И это, повидимому, не единственный случай. Лишнія книги Бодянскій отсылалъ обыкновенно домой къ отцу. 9 января 1826 года онъ послалъ, напр. 11 книгъ, изъ нихъ 5 было русскихъ. Среди нихъ мы встрѣчаемъ: 1) псалтырь; 2) о должностяхъ человѣка и гражданина; 3) способъ гаданія; 4) сокращенное описаніе гарлемскихъ капель; 5)

---

[1]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ стр. 3 и 5.

[2]) Чтенія 1893, кн. III, письма Бодянскаго къ отцу, стр. 11.

сказка о Добрынѣ Никитичѣ. Латинскихъ книгъ было четыре: 1) латинская грамматика; 2) Корнелій Непотъ; 3) первоначаліе латинскаго языка и 4) лементоръ латинскій; греческая книга была одна—клависъ (ключъ) греч. языка; одна нѣмецко-русская: артикулъ воинскій. Кромѣ этихъ книгъ Бодянскій послалъ еще кой-какія бумаги и IV часть «Улья», ежемѣсячнаго изданія за 1811 годъ [1]). Если нѣкоторыя изъ этихъ книгъ были учебныя, то другія, какъ напр., о должностяхъ человѣка и гражданина, очевидно, сочиненіе Пуффендорфа, артикулъ воинскій, книжка «Улья»--были пріобрѣтены Бодянскимъ, несомнѣнно, изъ любви къ книгѣ. 27 апр. 1826 г. Бодянскій снова передаетъ отцу въ сундучкѣ 8 книгъ, на этотъ разъ, большею частью, учебниковъ: французскую старую грамматику; на латинскомъ языкѣ сочиненія Лактанція; начальныя основанія теоретической и практической геометріи; лѣчебникъ простыми средствами; чувствованія христіанина; краткую россійскую исторію; Іоанна Равизія латинскія письма и еврейскую псалтырку [2]). Въ этомъ стремленіи не сжечь, а сохранить даже учебныя книги видны несомнѣнное уваженіе и любовь къ книгѣ. Изъ другихъ писемъ О. М. Бодянскаго мы знаемъ, что онъ пріобрѣлъ три большія книги проповѣдей извѣстнаго Леванды, одинъ переплетъ которыхъ стоилъ ему 1 р. 50 коп. [3]) Въ 1828 г. онъ настойчиво просилъ отца прислать ему 15 рублей на покупку Исторіи философскихъ системъ, стоющей 7 руб., Опыта науки изящнаго—5 руб. и французской хрестоматіи—3 руб. «Онѣ весьма нужны для ученія, прибавляетъ онъ, и совершенно необходимы» [4]). Сомнѣваемся только, чтобы онѣ были обязательны, особенно въ виду высокой цѣны, недоступной для большинства семинаристовъ. Очевидно, здѣсь главную роль играло желаніе имѣть у себя подъ рукою книги, которыя, можетъ быть, рекомендовалъ именно тотъ профессоръ философіи, о преподаваніи котораго подъ старость,

---

[1]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцемъ стр. 10.

[2]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцемъ, стр. 12.

[3]) Тамъ-же, стр. 9.

[4]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцемъ стр. 27.

на юбилеѣ его, съ такой благодарностью вспоминалъ О. М. Бодянскій. Какъ бы тамъ ни было, одно несомнѣнно: книгу О. М. Бодянскій полюбилъ еще въ семинаріи и, вѣроятно, благодаря семинаріи: а любовь къ книгѣ уже въ значительной степени гарантировала стремленіе къ знанію, къ наукѣ...

II.

Попытка О. М. Бодянскаго поступить въ Главный Педагогическій Институтъ. Окончаніе О. М. Бодянскимъ семинаріи и поступленіе въ московскій университетъ. Московскій университетъ въ началѣ 1830-хъ годовъ. Проф. М. Т. Каченовскій и его вліяніе на О. М. Бодянскаго. Кандидатская диссертація О. М. Бодянскаго «О мнѣніяхъ касательно происхожденія Руси». Знакомство О. М. Бодянскаго съ М. А. Максимовичемъ и М. П. Погодинымъ. Значеніе Погодина въ жизни О. М. Бодянскаго.

Прямой путь по окончаніи семинаріи былъ для О. М. Бодянскаго—въ ближайшую къ Переяславу кіевскую духовную академію. Но онъ предпочелъ академіи университетъ и поступилъ въ Москву.

Мысль о выходѣ изъ духовнаго званія и о поступленіи въ свѣтское учебное заведеніе зародилась у О. М. Бодянскаго, очевидно, давно и, очень можетъ быть, не безъ вліянія его тогдашнихъ семинарскихъ наставниковъ. Еще въ 1829 году въ одномъ изъ писемъ своихъ къ отцу О. М. Бодянскій говоритъ, что отцу хорошо извѣстно объ его намѣреніи уйти изъ духовнаго званія и о томъ, что онъ больше всего избѣгаетъ посылки въ кіевскую духовную академію [1]). Въ рѣчи же, сказанной на юбилеѣ протоіерея І. Н. Рождественскаго, самъ О. М. Бодянскій признается,

[1]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ (Чтенія 1893, III), стр. 28.

что этотъ наставникъ «благородно» поддержалъ его намѣреніе поступить въ университетъ [1]).

На выборѣ университета О. М. Бодянскій остановился не сразу.

Въ 1828 году былъ основанъ или, лучше сказать, возобновленъ Главный Педагогическій Институтъ въ С.-Петербургѣ для приготовленія профессоровъ въ университеты и преподавателей въ гимназіи, пансіоны и институты. Въ связи съ этимъ было сдѣлано распоряженіе о присылкѣ въ Институтъ воспитанниковъ изъ семинарій, по нѣсколько человѣкъ отъ каждой. Изъ переяславской семинаріи было назначено три человѣка изъ средняго отдѣленія. Посовѣтовалъ ли кто О. М. Бодянскому или онъ самъ до этого додумался, но только онъ сталъ настойчиво добиваться, чтобы попасть въ число этихъ трехъ кандидатовъ. Хлопоты его по этому поводу на столько интересны для того времени и настолько характерны для самого О. М. Бодянскаго, что на нихъ стоитъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Они показываютъ намъ несомнѣнную практичность О. М. Бодянскаго, черту характерную для него, не только какъ семинариста [2]).

Прежде всего для О. М. Бодянскаго важно было расположить въ пользу своего рѣшенія отца. Онъ хорошо зналъ, на какихъ струнахъ онъ долженъ былъ играть, чтобы достигнуть своего. И вотъ О. М. Бодянскій пишетъ отцу письмо, въ которомъ рисуетъ ему самыми розовыми красками тѣ матеріальныя перспективы, которыя открываются, если онъ, О. М. Бодянскій, окончитъ Педагогическій Институтъ. «Въ семъ заведеніи—говоритъ онъ, должно обучаться будетъ 4 года; по окончаніи же курса выпускаютъ профессоромъ съ чиномъ 9 класса; если же особенно отличался, то и 8 класса. Кромѣ того, по выслугѣ положенныхъ 8 лѣтъ при профессорской

[1]) Москов. епарх. вѣдомости 1876 г. № 38. *А. Барсуковъ* Жизнь и труды М. П. Погодина, т. IV, стр. 425. Ср. *Дм. Языкова* Іосифъ Максимовичъ Бодянскій въ Древней и Новой Россіи. 1878 г., т. I, стр. 93.

[2]) Соч. А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 443.

должности, отпустятъ навсегда по смерть большую пенсію, не менѣе 1500 руб.; при отправленіи же должности полагается жалованья по столько же». Въ духовную академію онъ давно уже рѣшилъ не поступать; да для него, человѣка больного, это и не безопасно: многіе люди съ большими дарованіями и здоровьемъ теряли свою жизнь, будучи не въ силахъ одолѣть академической премудрости: такихъ примѣровъ можно привести около ста; къ тому же окончившіе академіи часто сидятъ безъ мѣста: «по сему многіе, истощая свои силы и здоровье, остаются не при чемъ»; О. М. Бодянскій не хочетъ очутиться въ ихъ положеніи, потому и рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ и поступить въ Педагогическій Институтъ [1]).

Но какъ попасть въ число трехъ кандидатовъ, назначенныхъ отъ переяславской семинаріи? Все зависѣло отъ инспектора семинаріи, какъ онъ доложитъ епархіальному архіерею; послѣдній же утверждалъ кандидатовъ. Нужно было подѣйствовать, значитъ, на инспектора: а инспекторомъ въ то время былъ профессоръ семинаріи Яковъ Емельяновичъ Беккаревичъ, человѣкъ, очевидно, небезупречный и не брезгавшій «гостинцами», т. е. другими словами, бравшій взятки. На него то и обращаетъ все свое вниманіе О. М. Бодянскій. Прилагая образецъ письма къ нему, О. М. Бодянскій просить отца написать такое письмо Беккаревичу. Въ письмѣ заключалась просьба объ опредѣленіи О. М. Бодянскаго въ число кандидатовъ отъ переяславской семинаріи въ Педагогическій Институтъ. О. М. Бодянскій былъ увѣренъ, что письмо будетъ имѣть успѣхъ, особенно если при письмѣ будетъ посланъ инспектору и «гостинецъ». «Въ письмо, батюшка, прибавляетъ онъ, для лучшаго успѣха въ семъ дѣлѣ можете, не пожалѣвъ, приложить 15 руб. бумажками, ибо кто мажетъ, тотъ ѣдетъ скорѣе. Письмо сіе по написаніи вы не запечатывайте и не пишите, что вы ему посылаете сей гостинецъ, ибо этимъ можно его будетъ нѣсколько пристыдить. Я здѣсь его, запечатавъ и прило-

---

[1]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 28.

живъ еще отъ себя нѣсколько денежекъ, поспѣшу доставить, какъ можно скорѣе, ему» [1])

Расчетъ О. М. Бодянскаго былъ вѣренъ. Отецъ не противился его намѣренію, написалъ письмо Беккаревичу и вмѣстѣ со своимъ родительскимъ благословеніемъ, 25 рублями бумажкою и 5 рублями серебромъ черезъ одного изъ козаковъ, ѣхавшихъ въ Переяславъ, переслалъ его сыну [2]). О. М. Бодянскій сталъ надѣяться, что онъ попадетъ въ число кандидатовъ. «Я надѣюсь и твердо увѣренъ, писалъ онъ отцу, въ помѣщеніи себя въ сіе число, ибо уже мнѣ нѣкоторые изъ профессоровъ говорили о семъ, и всѣ единогласно одобряютъ и хвалятъ мое намѣреніе; будущую жизнь мою расписываютъ самыми яркими, а вмѣстѣ и прелестными красками. Выгоды, говорятъ они, тамъ мною полученныя, будутъ несравненно выше выгодъ семинарскихъ профессоровъ. Жалованья втрое больше, чѣмъ они здѣсь получаютъ» [3]).

Дѣло о назначеніи О. М. Бодянскаго кандидатомъ въ Институтъ, должно было разрѣшиться скоро, а между тѣмъ оно затянулось. О. М. Бодянскій пустилъ въ ходъ какую то Параскеву Максимовну; та побывала у архіерея, и онъ обѣщалъ ей помѣстить Бодянскаго въ число кандидатовъ [4]). Но это нисколько не ускорило дѣла. Тогда снова было обращено вниманіе на Беккаревича. «Не худо было бы—пишетъ Бодянскій отцу 7 апрѣля 1829 г.,—если бы вы написали маленькое благодарственное письмецо къ Беккаревичу, а туда вложили ровное число моимъ деньгамъ. Онъ тогда болѣе бы еще приложилъ старанія за меня» [5]). Семинаристовъ, наконецъ, освидѣтельствовалъ врачъ, и О. М. Бодянскій былъ признанъ годнымъ. Опять воскресла надежда на скорое окончаніе дѣла, и для О. М. Бодянскаго не было теперь уже никакого сомнѣнія, что послѣ экзаменовъ онъ отправится въ

[1]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 29.

[2]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 30.

[3]) Тамъ-же, стр. 30.

[4]) Тамъ-же, стр. 31.

[5]) Тамъ-же, стр. 31.

Питеръ [1]). Успѣхъ этотъ Бодянскій всецѣло приписывалъ Беккаревичу, а потому просилъ отца написать Беккаревичу благодарственное письмо и приложить еще 25 рублей [2]). Словомъ все, казалось, складывалось благопріятно, какъ вдругъ въ одно прекрасное время всѣ планы рушились. Архіерей замѣтилъ у О. М. Бодянскаго «одинъ недостатокъ, праваго глаза косость и нѣчто изволилъ объ этомъ говорить съ инспекторомъ семинаріи». Нужно было снова задобрить послѣдняго, и задобрить скоро, безотлагательно. О. М. Бодянскій опять настойчиво просилъ отца прислать 25 рублей Беккаревичу, какъ можно скорѣй, чтобы «заблаговременно еще успѣть задобрить его» [3]). «Не жалѣйте, батюшка денегъ, пишетъ онъ, на подарокъ г. Беккаревичу; за то онъ сдѣлаетъ то, что мы желаемъ и сдѣлаетъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ» [4]). Вмѣстѣ съ этимъ О. М. Бодянскій сталъ усиленно готовиться къ поѣздкѣ въ Петербургъ, на столько онъ былъ увѣренъ въ рѣшительномъ своемъ успѣхѣ [5]).

Вышло, однако наоборотъ. Несмотря на изрядное число «гостинцевъ», попавшихъ въ руки Беккаревича, дѣло О. М. Бодянскаго не выгорѣло; онъ не попалъ въ число кандидатовъ въ Педагогическій Институтъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого отецъ Максимъ прочиталъ въ письмѣ сына такого рода строки: «недавно, писалъ О. М. Бодянскій въ утѣшеніе отцу, получилъ я письмо изъ Петербурга отъ прежняго своего соученика, находящагося теперь въ Педагогическомъ Институтѣ. Онъ называетъ

---

1) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 32.

2) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 32—33.

3) Тамъ-же стр. 34.

4) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 35.

5) Въ одномъ изъ писемъ О. М. Бодянскій проситъ у отца 10 р. «для пошитья холстинныхъ русскихъ рубахъ на дорогу, ибо тамъ нѣтъ обыкновенія ходить въ бѣлыхъ». (Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 31). Въ другомъ же проситъ 6 сбѣлыхъ тонкихъ рубашекъ «сшить на образецъ русской или же, если не знаютъ у насъ, то на малороссійской, только чопорно». (Тамъ-же 34--35).

меня трикраты счастливымъ тѣмъ, что мнѣ не удалось быть въ семъ заведеніи. Ибо (пишетъ) строгость въ ономъ непомѣрная: нельзя никакимъ образомъ никуда пойти безъ вѣдома директора, человѣка самаго скупого и самаго строгаго, даже съ родными запрещены свиданія, исключая въ недѣлю и то въ присутствіи старшаго надзирателя, бывшаго офицера, который съ педагогиками поступаетъ, какъ съ солдатами. Кушанье составляютъ: щи, соусъ, каша, обѣдаютъ въ 3 часа пополудни; во весь же день сидятъ за столиками и учатся; прогулки вовсе запрещены, только послѣ обѣда могутъ проходиться въ залѣ. Слечь на столикъ, не встать и не поклониться, махать, идя рукою—суть величайшія преступленія: за сіе запишутъ во всѣхъ институтскихъ журналахъ и сдѣлаютъ строгій и жестокій выговоръ въ виду директора и всѣхъ присутствующихъ. Если по окончаніи двухъ годовъ кто не оказался годнымъ къ продолженію впредь ученія (курсъ положенъ 6 лѣтъ), выпускаютъ безъ чина учителемъ въ уѣздныя училища; окончившихъ курсъ ученія выпускаютъ въ 9 классѣ старшимъ учителемъ въ гимназію. Но 6 лѣтъ такой жизни. Боже сохрани! Нѣтъ еще мѣсяца, а въ больницѣ считается до 40 человѣкъ больныхъ (всѣхъ ихъ въ институтѣ положено быть 100 ч.); девятерыхъ же уже уволили за болѣзнь. Замѣченыхъ же въ худой нравственности нигдѣ не принимаютъ, ни въ какую службу. Послѣ выпуска служить обязываютъ еще въ мин. нар. просвѣщенія 8 лѣтъ. Вотъ куда было я, несчастный, сунулся! Теперь сто кратъ благодарю Всевышняго о сохраненіи меня отъ сего заведенія. Можно гораздо лучше жить безъ онаго, лишь бы здоровье, да благословеніе Божіе. Переписка имъ, прибавляетъ въ заключеніе О. М. Бодянскій, вовсе запрещена съ кѣмъ бы то ни было. Сіе же письмо послано тайкомъ чрезъ медиковъ, приходившихъ посѣтить ихъ» [1]).

Въ изображеніи порядковъ Педагогическаго Института краски не были умышленно сгущены [2]). Отцу Максиму оставалось ско-

---

[1]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 36—37.

[2]) Ср. Соч. *Добролюбова*, т. I (изд. 1885 г.) стр. 179 и слѣд.

рѣй радоваться, что сынъ его избѣжалъ такой большой опасности, чѣмъ сѣтовать на его неудачу.

Въ сентябрѣ 1831 г. О. М. Бодянскій окончилъ семинарію [1]). Курсъ нѣсколько затянулся, потому что, по случаю господствовавшей тогда холеры, занятія въ семинаріи были пріостановлены [2]). Вопросъ о поступленіи въ московскій университетъ былъ у О. М. Бодянскаго рѣшенъ теперь безповоротно, и онъ еще во время экзаменовъ сталъ подумывать о томъ, какъ бы ему переправиться въ Москву. Серпуховскій житель Иларіонъ Никитинъ, торговецъ бакалейной лавки, брался свезти О. М. Бодянскаго въ Москву за 200 рублей. Но онъ находилъ это не по карману и просилъ отца поторговаться, не возьмется ли Никитинъ свезти его за 150—160 рубл.? Если бы тотъ не согласился на эти условія, то О. М. Бодянскій просилъ подыскать кого-нибудь изъ москвичей, пріѣзжающихъ за фруктами, который могъ бы взять его съ собой. Въ противномъ случаѣ пришлось бы ѣхать на почтовыхъ. Правда, дорога стала бы дешевле, всего 83 р. 37½ коп., но за то было бы «тѣлу много работы и безпокойства» [3]). Какъ переправился О. М. Бодянскій въ Москву—мы не знаемъ, но только во всякомъ случаѣ, не пѣшкомъ [4]). Нужно думать, что при отправкѣ въ Москву у него были деньги: иначе онъ не сталъ бы избирать болѣе дорогой путь и заботиться о томъ, чтобы тѣлу его не было безпокойства и большой работы въ дорогѣ.

Какими же средствами располагалъ О. М. Бодянскій, отправляясь въ Москву? Родственникъ О. М. Бодянскаго В. И. Константиновичъ въ письмѣ своемъ къ проф. А. И. Маркевичу говоритъ, что О. М. Бодянскаго, при отправленіи въ Москву, снабдилъ «нескупо» деньгами отецъ его, В. И. Константиновича, священникъ того же мѣстечка Варвы, во второмъ приходѣ котораго

[1]) Переписка съ отцомъ, стр. 56.

[2]) Тамъ-же, стр. 54.

[3]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 57.

[4]) Рус. Филол. Вѣстникъ. 1880 г., кн. IV, стр. 152.

священствовалъ и отецъ Максимъ Бодянскій [1]). Но проф. А. А. Кочубинскій, одинъ изъ послѣднихъ учениковъ О. М. Бодянскаго, сомнѣвается въ этомъ. Въ его памяти прочно сохранился разсказъ Бодянскаго, что онъ съ большими лишеніями прибылъ изъ полтавскаго захолустья въ Москву; а это было бы невозможно, если бы у него были «обильныя средства» со стороны. О бѣдности своей Бодянскій припоминаетъ и въ письмѣ къ Погодину изъ-за границы въ 1841 г., собираясь было совсѣмъ умирать: «они (т. е. родные) дали мнѣ воспитаніе не по своему карману» говоритъ онъ [2]). Намъ думается, свидѣтельство В. И. Константиновича не противорѣчитъ воспоминаніямъ проф. А. А. Кочубинскаго. Отецъ В. И. Константиновича могъ «не скупо» снабдить О. М. Бодянскаго деньгами, и тѣмъ не менѣе онъ могъ съ большими лишеніями пріѣхать въ Москву, такъ какъ одна дорога обходилась ему до 150 рублей. Да и что значило «не скупо» на языкѣ сельскаго священника, человѣка бѣднаго? Развѣ подъ этимъ словомъ можно разумѣть большую цифру? Скорѣй наоборотъ. Деньги эти, вѣроятно, были взяты взаймы отцемъ О. М. Бодянскаго у отца В. И. Константиновича. Не можемъ же мы думать, что отецъ Константиновичъ захотѣлъ лично, отъ себя, оказать денежную помощь О. М. Бодянскому. Не таковы были между ними отношенія; впослѣдствіи отецъ Константиновичъ сдѣлался даже врагомъ отца Максима Бодянскаго и выжилъ его изъ прихода [3]). Сверхъ суммы, занятой у Константиновича, у О. М. Бодянскаго могли быть и свои небольшія сбереженія. Въ послѣдніе годы своего пребыванія въ семинаріи онъ имѣлъ довольно хорошіе уроки [4]). Какъ бы тамъ ни было, а весьма вѣроятно, что О. М. Бодянскій испытывалъ немалую нужду, особенно на первыхъ по-

---

[1]) А. А. Кочубинскій. Графъ С. Г. Строгановъ. Вѣст. Евр., августъ, стр. 477—478.

[2]) Тамъ-же стр. 479.

[3]) Предисловіе А. А. Титова къ письмамъ О. М. Бодянскаго къ отцу, стр. IV.

[4]) Переписка О. М. Бодянскаго съ отцомъ, стр. 36.

рахъ. Чѣмъ онъ жилъ въ Москвѣ въ свои студенческіе годы, имѣлъ ли онъ какой-нибудь заработокъ или же помогалъ ему отецъ изъ своихъ скудныхъ средствъ—мы не знаемъ. Въ переапискѣ О. М. Бодянскаго съ отцомъ недостаетъ какъ разъ писемъ, относящихся къ его университетскимъ годамъ [1]).

Въ Москву О. М. Бодянскій прибылъ въ концѣ 1831 года, успѣшно выдержалъ вступительный экзаменъ, который являлся простой формальностью [2]), и 28 декабря 1831 года былъ зачисленъ студентомъ московскаго университета по отдѣленію словесныхъ наукъ [3]).

Московскій университетъ того времени былъ въ переходномъ состояніи. Старыя преданія, когда университетъ былъ похожъ болѣе на гимназію, мало-по-малу отходили въ вѣчность, уходили и старинные профессора, слабо интересовавшіеся наукой, читавшіе по тетрадкамъ, почти никогда ихъ не обновляя; новая славная эпоха въ исторіи московскаго университета еще не наступила. Ее начали молодые профессора, возвратившіеся изъ-за границы въ 1835 году. Но тогда О. М. Бодянскій и его сверстники уже окончили университетъ [4]).

Университетскій курсъ на словесномъ факультетѣ, гдѣ учился О. М. Бодянскій, продолжался три года. Первый годъ

---

[1]) Перерывъ въ письмахъ О. М. Бодянскаго къ отцу относится къ 1831—1843 г. (Предисловіе А. А. Титова въ Чтеніяхъ 1893, III). Письма, вѣроятно, затерялись.

[2]) Воспоминанія И. А. Гончарова (Пол. собраніе сочиненій, изд. Маркса, т. XII. стр. 11—12).

[3]) Рус. Старина, 1879, кн. 11, стр. 462.

[4]) Воспоминанія студенчества 1832—1835 годовъ *К. С. Аксакова.* День 1862 г. № 39 и 40; *Г. Г.* Университетскія воспоминанія—День 1863 г. № 42; *И. А. Гончаровъ.* Воспоминанія: I. Въ университетѣ. Пол. соб. сочиненій, изд. Маркса, т. XII. *А. И. Герценъ.* Былое и думы, ч. 1-я, гл. 6 и 7-ая. Въ «Сочиненіяхъ» А. И. Герцена т. VI. На основаніи этихъ матеріаловъ характеристика московскаго университета сдѣлана у *А. Н. Пыпина* «Бѣлинскій, его жизнь и переписка, т. 1-й, глава 2-я; у *П. А. Висковатова* въ его біографіи М. Ю. Лермонтова, гл. VII.

состоялъ изъ такъ наз. приготовительныхъ лекцій, затѣмъ студенты переходили на ординарныя лекціи, которыя продолжались два года. Первый курсъ студентовъ слушалъ лекціи отдѣльно и никогда не сходился со студентами высшихъ курсовъ; второй и третій курсы слушали лекціи вмѣстѣ.

Въ 1831 году, въ годъ поступленія въ университетъ О. М. Бодянскаго, первый курсъ былъ особенно многолюденъ, такъ какъ по случаю холеры, занятія въ университетѣ были пріостановлены, и студенты, поступившіе въ 1830 году, считались также на первомъ курсѣ.

«На первомъ курсѣ, разсказываетъ К. С. Аксаковъ, поступившій годомъ позже О. М. Бодянскаго, я засталъ еще Побѣдоносцева, преподававшаго риторику, по стариннымъ преданіямъ, довольно скучно. «Ну, что, Аксаковъ, когда же ты мнѣ хрійку напишешь»,—говорилъ, бывало, Побѣдоносцевъ. Студенты, нечего дѣлать, подавали ему хрійки. Кромѣ Побѣдоносцева, были у насъ профессорами: богословія—Терновскій, латинскаго языка—Кубаревъ, греческаго – Оболенскій, нѣмецкаго—Герингъ, французскаго—Куртенеръ, географіи—Коркуновъ; Гастевъ читалъ какую-то смѣсь статистики, исторіи, геральдики и еще чего-то. Лекціи богословія читались самымъ схоластическимъ образомъ. Отъ времени до времени поднимался какой-нибудь студентъ, обыкновенно духовнаго званія, и, по обычаю семинаріи, начиналъ съ Терновскимъ діалектическій споръ, который Терновскій поддерживалъ иногда съ досадою—но обычай продолжался. Обыкновенно Терновскій заставлялъ кого-нибудь изъ студентовъ повторить содержаніе прошедшей лекціи.—Кубаревъ, съ кругленькой головкой и вообще весь кругленькій, переводилъ съ нами медленно и внятно, выговаривая слова тихенькимъ голоскомъ своимъ, Тита Ливія—и только.—Гастевъ, Коркуновъ были люди молодые тогда, но совершенно безцвѣтные. Куртенеръ толковалъ о participe présent, Герингъ переводилъ хрестоматію, въ которую входили и стихотворенія Шиллера, Гёте и другихъ. Оболенскій переводилъ съ нами Гомера. Оболенскій былъ очень забавенъ; онъ былъ небольшого роста и съ весьма важными пріемами; голосъ его, иногда низкій переходилъ въ

очень тонкія ноты. Онъ переводилъ съ нами Гомерову Одиссею. Трехтысячелѣтняя рѣчь божественнаго Гомера раздавалась въ Москвѣ, на Моховой, въ аудиторіи московскаго университета предъ русскими юношами, обращавшими больше вниманія на смѣшную фигуру профессора, чѣмъ на дивныя слова Одиссея. Обыкновенно профессора наши переводили сами, и переводящему студенту оставалось только искусно повторять слова профессора, чтобы не обратиться въ совершеннаго слушателя» [1]).

Такъ было на первомъ курсѣ. На двухъ послѣднихъ было немного лучше. Правда, латинская и греческая словесность и тамъ хромали. Латинскую словесность преподавалъ И. М. Снегиревъ, не внушавшій къ себѣ довѣрія, какъ знатокъ своего предмета, и преподававшій его съ чисто-лингвистической стороны, мало знакомя своихъ слушателей съ духомъ и исторіею древнихъ [2]). Греческую словесность преподавалъ С. М. Ивашковскій. Это былъ добродушный старикъ, глубокій знатокъ своего предмета, но никуда негодный преподаватель. У него была старинная привычка за каждымъ почти словомъ прибавлять безъ всякой надобности глаголъ «будетъ». Это затрудняло пониманіе его рѣчи, дѣлало ее сначала забавной, а подъ конецъ, когда постоянное употребленіе *будетъ* надоѣдало—чрезвычайно скучной. Ивашковскій читалъ, впрочемъ, не болѣе получаса. Когда онъ входилъ въ аудиторію, къ нему подходилъ какой-нибудь студентъ, преимущественно изъ семинаристовъ, знавшихъ греческій языкъ, задавалъ какой-нибудь вопросъ, и Ивашковскій начиналъ съ этимъ студентомъ ходить по аудиторіи, остальные же студенты тихо бесѣдовали между собой. Иногда такое хожденіе Ивашковскаго по аудиторіи продолжалось болѣе получаса; затѣмъ только онъ усаживался на каѳедру и начиналъ лекцію. Лекція состояла въ переводѣ греческихъ писателей. Какъ и Снегиревъ, Ивашковскій никогда не знакомилъ своихъ слушателей съ исторіею древнихъ, а ограничивался одними только переводами [3]).

---

[1]) День 1862 г. № 39, стр. 3.

[2]) Воспоминанія И. А. Гончарова. Сочиненія т. XII, стр. 35.

[3]) См. воспоминанія К. С. Аксакова, Г. Г. и И. А. Гончарова.

Больше всѣхъ изъ профессоровъ студенты любили, цѣнили и боялись М. Т. Каченовскаго. Онъ былъ, какъ извѣстно, основателемъ скептической школы въ русской исторіографіи и старался подорвать у своихъ слушателей довѣріе къ преданіямъ первоначальной лѣтописи. Баснословный періодъ русской исторіи, говоритъ Г. Г., продолжался у него собственно до Ивана III, хотя онъ и не рѣшался прямо, открыто это высказывать. Любимыми его предметами были: происхожденіе руссовъ, которыхъ онъ выводилъ изъ-за Чернаго моря и причислялъ къ турецкому племени, объясненіе древнихъ монетъ и Русской правды. О чемъ бы онъ ни начиналъ читать, разъ онъ попадалъ на одну ихъ своихъ излюбленныхъ темъ, вся лекція его состояла или изъ ироническихъ намековъ на слѣповѣрящихъ въ правдивость свидѣтельствъ первоначальной русской лѣтописи или въ объясненіи, что такое куны, гривны и т. д. Лекціи Каченовскій читалъ сухо, скучно и довольно утомительно для слушателей, тѣмъ не менѣе, лекціи его, несомнѣнно, возбуждали въ слушателяхъ живой интересъ къ занятію наукой [1]). «Молодость, говоритъ по этому поводу К. С. Аксаковъ, охотно вѣритъ, но и сомнѣвается охотно, охотно любитъ новое, самобытное мнѣніе,—и историческій скептицизмъ Каченовскаго нашелъ сильное сочувствіе среди насъ. Строевъ, Бодянскій съ жаромъ развивали его мысли. Станкевичъ, хотя не занимался русской исторіей, но также думалъ. Я тоже былъ увлеченъ» [2]).

Кромѣ русской исторіи, Каченовскій читалъ также и всеобщую по Пелитцу, но это не была его спеціальность, а потому ко всеобщей исторіи онъ относился чисто формально и, какъ только появился въ университетѣ М. П. Погодинъ, Каченовскій поспѣшилъ уступить всеобщую исторію ему. Погодинъ читалъ по Геерену самый общій курсъ всеобщей исторіи, годный скорѣй для гимназіи, а не для университета, хотя чтенія эти не были безполезны, потому что поступавшіе въ университетъ обыкновенно ничего не знали по всеобщей исторіи. На политическомъ отдѣленіи

[1]) Тамъ-же.
[2]) День, 1862 г., № 40.

Погодинъ читалъ русскую исторію, при чемъ держался взглядовъ, противоположныхъ Каченовскому, такъ что профессора въ разныхъ аудиторіяхъ часто препирались другъ съ другомъ. Одну изъ своихъ лекцій Погодинъ назвалъ даже «перчатка Каченовскому и Строеву старшему». Студентамъ нравились эти препирательства, и словесники, поэтому, ходили на лекціи Погодина. Но преподаваніе Погодина на словесномъ факультетѣ не имѣло особаго значенія. Спеціальностью его была русская исторія, всеобщей исторіей онъ самъ не занимался; къ тому же и студенты, съ которыми онъ обращался грубо, относились къ нему довольно враждебно [1]).

Эстетику читалъ Н. И. Надеждинъ [2]). Человѣкъ талантливый, онъ совершенно случайно избралъ для себя профессорскую карьеру. Глубокой учености у него не было, и студенты «скоро замѣтили сухость его словъ, собственное безучастіе къ предмету и недостатокъ серьезныхъ занятій», такъ что въ концѣ концовъ Надеждинъ не удовлетворилъ серьезнымъ требованіямъ молодежи. Но на первыхъ порахъ молодежь увлекалась его лекціями, «почуявъ въ нихъ, какъ выражается К. С. Аксаковъ, воздухъ мысли». Его лекціи не прошли безъ пользы для слушателей, хотя они и и разочаровались въ немъ. Студенты слушали его все-таки охотно. Однажды, напр., увлекшись, Надеждинъ прочиталъ два часа безъ перерыва и слушатели не напомнили ему, что лекція его давно уже окончилась [3]). Отъ Надеждина студенты впервые познакомились съ именами Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля [4]).

Былъ еще на словесномъ факультетѣ профессоръ исторіи русской литературы И. И. Давыдовъ, но студенты его не любили и всегда относились къ нему очень скептически [5]).

---

[1]) Воспоминанія К. С. Аксакова и Г. Г.

[2]) Чрезвычайно рѣзкую характеристику Надеждина дѣлаетъ *С. А. Венгеровъ* въ I томѣ Полнаго собранія сочиненій Бѣлинскаго, стр. 399 и слѣд. Существенныя возраженія противъ такой характеристики см. у *П. Н. Милюкова* «Изъ исторіи русской интеллигенціи». Спб. 1902, стр. 188 и слѣд.

[3]) Воспоминаніе К. С. Аксакова въ Днѣ 1862, № 39.

[4]) Воспоминанія Г. Г. въ Днѣ, 1863 г., № 43.

[5]) Воспоминанія К. С. Аксакова, Г. Г. и И. А. Гончарова.

Составъ студентовъ на словесномъ факультетѣ въ началѣ 1830-хъ годовъ, по возрасту, былъ самый разнообразный. Здѣсь были юноши въ 16 лѣтъ, какъ К. С. Аксаковъ, или даже моложе, какъ авторъ «Университетскихъ воспоминаній» въ «Днѣ» за 1863-й годъ, скрывшій свое имя подъ иниціалами Г. Г. Онъ четырнадцати даже лѣтъ сдѣлался студентомъ университета. Но за то были люди гораздо старше, особенно изъ семинаристовъ. О. М. Бодянскому было, напр., 23 года, когда онъ поступилъ въ университетъ, а были еще и постарше его, лѣтъ за тридцать.

Составъ аудиторіи, въ которой немало было лицъ, едва перешедшихъ въ юношескій возрастъ, на первыхъ порахъ не могъ располагать къ серьезнымъ занятіямъ наукой. Аудиторія была, поэтому, нерѣдко мѣстомъ шалостей и дѣтскихъ проказъ со стороны студентовъ, хотя, по существу своему, и безобидныхъ, но все-таки трудно совмѣстимыхъ съ понятіемъ университета и со званіемъ студента. Правда, шалости эти къ тому времени, когда учился О. М. Бодянскій, стали мало-по-малу отходить уже въ область преданій, но все же отголоски ихъ слышались и въ это время. Характеръ студенчества не могъ измѣниться сразу. «Разсказывали, говоритъ К. С. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что незадолго предъ моимъ вступленіемъ, однажды, когда профессоръ Побѣдоносцевъ, который читалъ лекціи по вечерамъ, долженъ былъ придти въ аудиторію [1]), студенты закутались въ шинели, забились по угламъ аудиторіи, слабо освѣщаемой лампою, и—только показался Побѣдоносцевъ—грянули: «се женихъ грядетъ во полунощи». Въ другой разъ на лекцію того же Побѣдоносцева принесли и выпустили воробья, а когда воробей сталъ летать, студенты какъ бы въ негодованіи на нарушеніе порядка начали ловить его, произвели страшный шумъ, и стоило немало усилій, чтобы ихъ успокоить [2]). Лекціи Побѣдоносцева были, ка-

---

[1]) Разсказъ этотъ нѣкоторыми относится къ проф. Гаврилову. *А. Н. Пыпинъ*, Бѣлинскій, его жизнь и переписка, стр. 62—63. *Примѣчаніе.*

[2]) День 1862 г. № 39, стр. 3.

жется, излюбленнымъ мѣстомъ для всевозможныхъ студенческихъ шалостей. На нихъ часто разыгривалась, напримѣръ, такого рода сцена: «обычный шумъ, господствовавшій въ его аудиторіи, на минуту прекращался и водворялась глубокая тишина, преподаватель, обрадованный необыкновеннымъ безмолвіемъ, громко начиналъ читать что-нибудь о Ломоносовѣ (при чемъ онъ говорилъ всегда, что и на солнцѣ есть пятна, и у Ломоносова есть недостатки), или о хріи простой и извращенной; но тишина эта была самая коварная, раздавался тихій, мелодическій свистъ, обыкновенно мазурка или какой-нибудь другой танецъ; Побѣдоносцевъ останавливался въ недоумѣніи; музыка умолкала, и за ней слѣдовалъ взрывъ рукоплесканій и неистовый топотъ» [1]).

Если подобныя шалости стали исчезать изъ студенческой среды, то другія чисто дѣтскія выходки все же имѣли мѣсто и въ то время, когда учился въ университетѣ О. М. Бодянскій. Они показываютъ, какъ много еще ребячества было среди тогдашней молодежи. Студенты однажды, напр., спрятались въ шинельной отъ преподавателя французскаго языка Декампа и хотѣли уйти съ его лекціи; когда же Декампъ открылъ ихъ мѣстопребываніе, они воротились въ аудиторію, разсѣлись по лавкамъ и спокойно прослушали его лекцію [2]). Преподавателю нѣмецкаго языка Кистнеру были назначены однажды для лекцій вечерніе часы. Студенты стали устраивать ему иллюминацію: каждый приносилъ съ собой по нѣсколько свѣчей и зажигалъ на скамьѣ. Начальство испугалось возможности пожара и перенесло лекціи на утренніе часы [3]).

Любопытно, что подобныя шалости имѣли мѣсто въ московскомъ университетѣ какъ разъ въ то время, когда тамъ слушали лекціи замѣчательно талантливые люди, оставившіе впослѣдствіи крупный слѣдъ на разныхъ поприщахъ общественной, литературной и научной дѣятельности. Въ началѣ 1830-хъ годовъ

[1]) Г. Г. Университетскія воспоминанія. День 1863 г., № 42.

[2]) День, 1862 г., № 39.

[3]) День 1863 г., № 42.

въ московскомъ университетѣ учились: на естественномъ факультетѣ—Герценъ, Огаревъ: на словесномъ—Лермонтовъ. Бѣлинскій, Гончаровъ, Станкевичъ, К. С. Аксаковъ, Ключниковъ, С. М. Строевъ. Всѣ послѣдніе были университетскими товарищами О. М. Бодянскаго. Лермонтовъ держался, правда, особнякомъ, вскорѣ ушелъ изъ университета и переѣхалъ въ С.-Петербургъ, гдѣ и поступилъ въ лейбъ-гвардію [1]). Мало съ кѣмъ изъ студентовъ сходился и И. А. Гончаровъ [2]). За то остальные, въ числѣ ихъ и О. М. Бодянскій, жили, повидимому, дружно, чисто товарищескою жизнью [3]).

Тогдашній московскій университетъ давалъ юношеству мало умственной пищи. «Очень тускло и холодно освѣщало наши умы солнце истины»—говоритъ по этому поводу въ своихъ воспоминаніяхъ К. С. Аксаковъ. Профессора преподавали плохо; многіе изъ нихъ не пользовались уваженіемъ, не могли или просто не умѣли заинтересовать своихъ слушателей. Нечего удивляться, поэтому, что университетъ въ общемъ мало привлекалъ студентовъ. Лермонтовъ, напримѣръ, посѣщая университетъ, почти не слушалъ лекцій, а все время сидѣлъ, и, углубившись, читалъ книги [4]). Пересталъ въ концѣ концовъ посѣщать университетъ или на лекціяхъ читалъ книги и извѣстный впослѣдствіи санскритологъ К. А. Косовичъ [5]); за непосѣщеніе лекцій былъ уволенъ, между прочимъ, изъ университета и Бѣлинскій [6]).

Въ одномъ изъ томовъ «Былого и думъ» Герценъ, вспоминая свои университетскіе годы и о томъ, какъ плохо преподавали въ университетѣ, спрашиваетъ, могли ли студенты научиться чему-нибудь въ университетѣ, и отвѣчаетъ: «да». «Университетъ, говоритъ онъ, не долженъ оканчивать научное воспитаніе: его дѣло-

---

1) *П. А. Висковатовъ,* М. Ю. Лермонтовъ (біографія) стр. 113 и слѣд.

2) *Гончаровъ.* Полное собраніе сочиненій, т. XII, стр. 41—42.

3) День 1862, № 39 и 40 и 1863 № 42.

4) *П. А. Висковатовъ* М. Ю. Лермонтовъ, стр. 113 и слѣд.

5) День, 1862 г., № 40, стр. 4.

6) *А. Н. Пыпинъ,* Бѣлинскій, стр. 70—71.

поставить человѣка à même продолжать на своихъ ногахъ; его дѣло—возбудить вопросы, научить спрашивать. Именно это то и дѣлали такіе профессора, какъ М. Г. Павловъ, а съ другой стороны, и такіе, какъ Каченовскій... Московскій университетъ свое дѣло дѣлалъ; профессора, способствовавшіе своими лекціями развитію Лермонтова, Бѣлинскаго, И. Тургенева, Кавелина, Пирогова могутъ спокойно играть въ бостонъ или еще спокойнѣе лежать подъ землей». Профессора, научившіе работать и любить науку С. М. Строева, О. М. Бодянскаго и другихъ, прибавимъ съ своей стороны, заслуживаютъ также полной признательности со стороны потомства.

Если университетъ въ общемъ мало давалъ умственной пищи, если онъ не могъ заинтересовать своихъ питомцевъ, то все же не проходилъ для нихъ безслѣдно. «Въ эпоху студенчества, о которой я говорю—замѣчаетъ К. С. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—первое, что обхватывало молодыхъ людей, это общее веселіе молодой жизни, это чувство общей связи товарищества; конечно, это-то и было первымъ мотивомъ студенческой жизни; но въ то же время слышалось, хотя не сознательно, и то, что молодыя эти силы собраны все же во имя науки, во имя высшаго интереса истины... Не всѣ мои товарищи способны были понимать истину и даже цѣнить ее; но всѣ были *точно* молоды, не по одному числу лѣтъ; всѣ были постоянно шумны и веселы, ни одного не было ни истощеннаго, ни вытертаго; не было ни свѣтскаго тона, ни житейскаго благоразумія. Спасильны эти товарищескія отношенія, въ которыхъ только слышна *молодость человѣка,* и этотъ человѣкъ здѣсь не аристократъ и не плебей, не богатый и не бѣдный, а просто человѣкъ. Такое чувство равенства, въ силу человѣческаго имени, давалось университетомъ и званіемъ студента... Мы, продолжаетъ К. С. Аксаковъ, мало почерпнули изъ университетскихъ лекцій, и много вынесли изъ университетской жизни. Общественно-студенческая жизнь и общая бесѣда, обновлявшаяся каждый день, много двигали впередъ здоровую молодость, и хотя собственно товарищи мои ничѣмъ не сдѣлались замѣчательны—кто знаетъ даже, къ какому опошляющему

состоянію нравственному могли довести обстоятельства потерянныхъ мною изъ виду,—но живое это время, думаю я, залегло въ ихъ душу освѣжительнымъ, поддерживающимъ *основаніемъ* [1]).

Въ университетѣ завязались между товарищами отношенія, общія бесѣды сближали ихъ въ отдѣльныя группы, кружки, зарождали общіе интересы, будили вопросы, разрѣшенія которыхъ требовалъ пытливый молодой умъ. Изъ университета товарищеская жизнь переходила на частныя квартиры, и здѣсь въ болѣе тѣсномъ кружкѣ, вдали отъ всякой оффиціальной обстановки, сошедшіеся товарищи стремились собственными силами пополнить то, что не могъ дать имъ оффиціальный университетъ.

Однимъ изъ такихъ кружковъ, пріобрѣвшихъ историческую извѣстность, былъ студенческій кружокъ Н. В. Станкевича [2]). Въ составъ его входили университетскіе товарищи Н. В. Станкевича, а также нѣкоторыя лица, уже окончившія университетъ или почему-нибудь изъ него вышедшія. Къ кружку принадлежали: Бѣлинскій, К. С. Аксаковъ, извѣстный впослѣдствіи писатель Ключниковъ, санскритологъ Петровъ, поэтъ Красовъ, бывшій потомъ профессоромъ кіевскаго университета и другіе. Къ этому же кружку принадлежалъ въ университетѣ и О. М. Бодянскій. Кружокъ былъ трезвый, не любилъ ни вина, ни пирушекъ; собирался онъ обыкновенно по вечерамъ у Станкевича, при чемъ единственнымъ напиткомъ бывалъ чай, котораго выпивалось несмѣтное количество, а угощеніемъ—хлѣбъ, котораго истребляли также не мало. Кружокъ отличался самостоятельностью мнѣнія, свободнаго отъ всякаго авторитета. Онъ желалъ и искалъ правды, серьезнаго дѣла, искренности и истины. Политическіе вопросы занимали его мало, зато въ этомъ кружкѣ, по словамъ К. С. Аксакова, «выработалось уже общее воззрѣніе на Россію, на жизнь, на литературу, на міръ—воззрѣніе большею частью отрицательное. Искусственность

[1]) День, 1862 г., № 39.

[2]) Ср. *А. Н. Пыпинъ*, Бѣлинскій его жизнь и переписка гл. 2 и 3. Полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова т. I и III, примѣчанія.

россійскаго классическаго патріотизма, претензіи, наполнявшія нашу литературу, усиливавшаяся фабрикація стиховъ, неискренность печатнаго лиризма, все это породило справедливое желаніе простоты и искренности, породило сильное нападеніе на всякую фразу и эффектъ; и то, и другое высказывалось въ кружкѣ Станкевича, быть можетъ, впервые, какъ мнѣніе цѣлаго общества людей» [1]).

Въ кружкѣ Станкевича устраивались иногда совмѣстныя чтенія. Здѣсь были прочитаны, напр., повѣсти Гоголя, «*Коляска*» даже въ рукописи, раньше напечатанія, и вызвали неописанный восторгъ; чтеніе обыкновенно смѣнялось спорами, споры—пѣніемъ хоромъ. Любимою пѣснью были стихи Хомякова «За туманною горою» изъ оперы «Ермакъ». Не обходилось и безъ дурачествъ. Станкевичъ—по словамъ К. С. Аксакова, былъ большой мастеръ передразнивать. Однажды какъ-то, днемъ, на своей квартирѣ передразнивалъ онъ Каченовскаго, и въ это время Каченовскій проѣхалъ мимо по улицѣ.—Вотъ тебѣ разъ, сказалъ Станкевичъ, не видалъ ли онъ?—Ничего, братецъ, сказалъ Бодянскій, онъ подумалъ, что зеркало стояло [2]).

Какую роль игралъ Бодянскій въ кружкѣ Станкевича—мы не знаемъ, но само собой разумѣется, принадлежность его къ этому кружку не могла пройти для О. М. Бодянскаго безслѣдно; кружокъ долженъ былъ оказать на него свое вліяніе.

О. М. Бодянскій, по словамъ К. С. Аксакова, всегда былъ однимъ изъ самыхъ дѣльныхъ студентовъ и уже въ университетѣ серьезно занимался исторіей [3]). Мы имѣемъ кромѣ того свѣдѣнія, что въ университетѣ О. М. Бодянскій принялся также дѣятельно изучать языки и, шатаясь по Никольской въ Москвѣ, покупалъ у букинистовъ разные лексиконы Гейма, Кронеберга и другихъ, а дома затѣмъ зудилъ ихъ отъ слова до слова. Хуже всего да-

[1]) День, 1862 г., № 40.
[2]) День 1862 г. № 40.
[3]) Тамъ-же.

вался ему нѣмецкій языкъ [1]). О. М. Бодянскій, нужно сказать, отличался удивительной памятью. К. С. Аксаковъ разсказываетъ, напр., про него такой анекдотъ, имѣвшій мѣсто на лекціи у профессора Надеждина. Надеждинъ, какъ то, вздумалъ сдѣлать репетицію и сталъ спрашивать студентовъ, спросилъ и Бодянскаго, сидѣвшаго на задней скамьѣ. Бодянскій поднялся и сталъ отвѣчать, точно по книгѣ, при чемъ постоянно опускалъ глаза на столъ. Студенты засмѣялись, и всѣ были увѣрены, что Бодянскій читаетъ по книгѣ. «Замѣтивъ книжный слогъ отвѣта, Надеждинъ, сказалъ, несмотря на свою деликатность: «извините, г. Бодянскій, мнѣ кажется, вы по книгѣ читаете.—Нѣтъ, отвѣчалъ Бодянскій, и спокойно продолжалъ отвѣтъ. Надеждинъ, смотря на его опускающіеся глаза и слыша постоянно ровный книжный языкъ, сказалъ: извините меня, г. Бодянскій, пожалуйте къ каѳедрѣ. Бодянскій замолчалъ, послышался стукъ и топотъ: это Бодянскій приближался къ каѳедрѣ, сталъ передъ нею и съ невозмутимымъ спокойствіемъ продолжалъ свой отвѣтъ, точь въ точь, какъ на задней лавкѣ. Сдѣлайте милость, извините меня, сказалъ Надеждинъ, прекрасно, прекрасно» [1])!

Выдающуюся память О. М. Бодянскій сохранилъ до самой смерти. Онъ зналъ массу всякаго рода пословицъ, поговорокъ, цитатъ, изреченій на всевозможныхъ языкахъ, преимущественно по-латыни, и любилъ пересыпать ими свою и безъ того нѣсколько тяжеловатую рѣчь и свои письма.

Результатомъ занятій О. М. Бодянскаго русской исторіей, подъ руководствомъ Каченовскаго, явилась кандидатская диссертація О. М. Бодянскаго, написанная еще въ университетѣ, но обработанная къ печати и напечатанная въ 1835 г. въ «Сынѣ Отечества» и «Сѣверномъ Архивѣ», издававшемся Гречемъ и Булгаринымъ [1]).

Диссертація озаглавлена «*О мнѣніяхъ касательно происхожденія Руси*» и носитъ на себѣ всѣ слѣды скептицизма М. Т. Каченовскаго.

---

[1]) Вѣстникъ Европы, 1896 г., августъ, стр. 180.

[2]) День 1862 г. № 40.

[3]) Томъ 51, стр. 61—86, 117—141, 173—199.

Нѣтъ народа, происхожденіе котораго было бы удовлетворительно объяснено—говоритъ О. М. Бодянскій. Строится обыкновенно много гипотезъ, но умъ нашъ не можетъ удовольствоваться ни одною изъ нихъ. Русская исторія въ этомъ отношеніи не отличается отъ другихъ. Въ гипотезахъ о происхожденіи русскаго государства недостатка нѣтъ, а между тѣмъ загадка остается, по прежнему, загадкой. Главнѣйшихъ гипотезъ о происхожденіи русскаго государства двѣ: одна изъ нихъ предложена еще Байеромъ, продолжена Миллеромъ, Тунманомъ, Стриттеромъ. вновь разработана Шлецеромъ, имѣетъ много приверженцевъ среди русскихъ историковъ до Карамзина включительно; другая ведетъ начало отъ Эверса; она принята извѣстнѣйшими оріенталистами Фатеромъ, Гаммеромъ и др. учеными мужами, которыхъ О. М. Бодянскій, по скромности, не называетъ, но среди которыхъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ, конечно разумѣть его учителя М. Т. Каченовскаго. Обѣ гипотезы e diametro противоположны одна другой. Первая имя руссовъ выводитъ съ сѣвера, отъ варяго-руссовъ. забалтійскихъ выходцевъ; вторая—отъ руссовъ, народа, когда-то господствовавшаго на югѣ Россіи. Байеристы до сихъ поръ, говоритъ О. М. Бодянскій, имѣли перевѣсъ: за ними была давность, авторитетъ многихъ ученыхъ, ставшихъ безъ дальнихъ разсужденій подъ ихъ знамена, наконецъ, диктаторскій голосъ Шлецера, который всѣ возникавшія новыя гипотезы уничтожилъ своею сатирическою и ѣдкою критикою. На самомъ же дѣлѣ гипотеза Байера была «основана на слѣпой дѣтской вѣрѣ въ древность и каноническую важность нашихъ лѣтописей». Поэтому, рано или поздно она должна была вызвать противъ себя оппозицію. Это и случилось. Основываясь на строжайшемъ пересмотрѣ и оцѣнкѣ историческихъ матеріаловъ и на соображеніи хода жизни народа съ жизнью всего человѣчества, новая гипотеза имѣетъ рѣшительный перевѣсъ надъ прежней и рано или поздно должна завоевать себѣ повсемѣстное господство[1]).

[1]) Сынъ Отеч., стр. 63—64.

Такъ думалъ О. М. Бодянскій. Всякій человѣкъ, который хочетъ такъ или иначе принимать участіе въ разработкѣ русской исторіи обязанъ, по неволѣ, примкнуть къ одной изъ изложенныхъ гипотезъ. Но въ выборѣ своемъ онъ не долженъ руководствоваться однимъ только своимъ довѣріемъ авторитету того или другого лица. Человѣкъ, уважающій не авторитетъ, а истину, долженъ самъ изучить, разобрать, сравнить гипотезы, долженъ самъ опредѣлить, какая изъ нихъ истинная, а какая ложная, и только послѣ этого онъ можетъ принять одну изъ нихъ.

Разсматривая свидѣтельства, приводимыя въ пользу варягорусской теоріи, О. М. Бодянскій приходитъ къ заключенію, что никакого народа варяго-руссовъ не было; что историки произвольно сеединили два слова въ одно; лѣтопись, напротивъ, всегда раздѣляетъ варяговъ и русь, при чемъ послѣдніе относятся къ первымъ, какъ господа къ рабамъ; варяги были просто наемники. Но если бы даже лѣтопись и упоминала о варягоруссахъ, то и тогда прежде всего слѣдуетъ доказать древность этой лѣтописи, доказать то, что она, несомнѣнно, написана кіевскимъ монахомъ XII столѣтія. Разъ это не доказано, «какъ можно толковать съ такою свободою и самоувѣренностію о событіяхъ за нѣсколько вѣковъ предъ симъ единственно по сказанію лѣтописцевъ позднѣйшаго времени? Но допустимъ, что Несторъ сочинилъ лѣтопись. У кого могъ онъ заимствовать свѣдѣніе о происшествіяхъ VII, VIII, IX, X и 1/2 XI столѣтія? У византійцевъ? Но чего нѣтъ у нихъ о народахъ, обитавшихъ при Балтійскомъ морѣ, о нашемъ сѣверѣ и т. п., то откуда? Изъ народныхъ преданій? Изъ преданій чрезъ сотни лѣтъ!!! Пусть такъ: скажите же, можно ли положиться на этотъ мутный источникъ, съ каждою минутой перемѣняющій свой цвѣтъ, засоряемый вымысломъ и баснями, придаваемыми ему каждымъ разсказчикомъ? Могутъ ли преданія эти въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ сохраниться во всей своей чистотѣ? Много ли можно составить теперь свѣдѣній о Петрѣ I-мъ по народнымъ преданіямъ? Жилъ когда-то, да умеръ. Между тѣмъ въ извѣстіяхъ, почерпнутыхъ Несторомъ изъ преданій, разсказывается все въ строго систематическомъ порядкѣ,

ничего не опущено, все на своемъ мѣстѣ. Скорѣе можно согласиться на существованіе домашнихъ письменныхъ источниковъ для нихъ, если бы только могли таковые до него быть. Изъ нихъ вѣрно были церковныя записки, въ которыхъ все-таки нельзя предположить, чтобы говорилось о земляхъ сѣверныхъ съ такою географическою точностью. Однако, если бы и это возможно было, то опять спрашивается, какъ Несторъ узналъ о томъ, что уже случилось послѣ него? Какъ могъ онъ самъ себѣ противорѣчить, описывая одно и тоже событіе? «Все это испорчено переписчиками; сказанія Нестора должно очистить отъ сихъ наростовъ». Но что же останется ему послѣ сего? Два-три извѣстія, относящіяся до обители, въ которой онъ жилъ? Лучше же и оставить сіи и подобныя имъ сказанія за нимъ; а болѣе ему ничего не приписывать. Все прочее должно отнесть къ позднѣйшему времени, на которое оно своимъ содержаніемъ указываетъ; поискать, изъ какихъ источниковъ все это заимствовано, кѣмъ, когда и какъ? Тогда только темныя, несогласныя съ здравымъ смысломъ сказанія нашихъ лѣтописей, сдѣлаются для насъ ясными: тогда мы узнаемъ, въ силу какихъ причинъ появились на сѣверѣ варяго-руссы, русь, варяги; узнаемъ, могли ли новгородцы въ IX ст. призвать трехъ братьевъ, отъ коихъ имя Россія пошло; гдѣ, когда и отъ кого русскій народъ получилъ нынѣшнее названіе; какъ должно смотрѣть на тѣ мѣста, коими усиливаются доказать намъ, что Русь давнымъ давно, еще за нѣсколько столѣтій до Нестора, жила на Балтійскомъ морѣ или гдѣ-то по близости онаго» [1]).

Когда же могла появиться лѣтопись, приписываемая Нестору; кто могъ быть ея составителемъ и гдѣ, на сѣверѣ или на югѣ?

Несторъ не могъ составить лѣтопись. Отъ него и его современниковъ могли остаться только записки о дѣлахъ церкви, о чудесахъ святыхъ, да развѣ еще о небесныхъ явленіяхъ, о засухѣ и т. д. Все это согласно съ духомъ того времени и встрѣ-

---

[1]) Сынъ Отеч., стр. 73—74.

чается у другихъ народовъ. Книги тогда нужны были только богослужебныя, о нихъ только и заботились: въ другихъ книгахъ не было потребности—поэтому, врядъ ли у кого-нибудь и могла явиться охота составлять дневникъ политическимъ событіямъ. Самый языкъ для этого былъ не приспособленъ. Онъ былъ «необразованъ, неповоротливъ, составленъ по греческой формѣ, и то въ чуждой землѣ, у славянъ задунайскихъ, откуда всѣ священныя книги перенесены къ намъ и откуда мы долго, долго и прочія сочиненія, касающіяся церкви, заимствовали, подновляя оныя, замѣняя многія тамошнія слова собственными, наконецъ, постановленія и правила того края приноравливая къ своей землѣ»[1]). Начало временника Нестора до XI ст., несомнѣнно, происхожденія византійскаго. Оно составлено не Несторомъ, а кѣмъ-нибудь изъ духовныхъ конца XII или начала XIII и непремѣнно на югѣ, въ Кіевѣ. Начать могъ Кириллъ, продолжать Кипріанъ, хорошо знакомый съ греческимъ языкомъ. На сѣверѣ лѣтопись появляется довольно поздно. Самый древній изъ сѣверныхъ списковъ Лаврентьевскій оканчивается 1377 годомъ. Слѣдовательно, до этого времени сѣверъ не имѣлъ лѣтописей.

Кіевскій лѣтописецъ, составляя лѣтопись, заимствовалъ нѣкоторыя сказанія изъ греческихъ хронографовъ и изъ народныхъ преданій и повѣрій. Впослѣдствіи продолжатели и составители лѣтописей на сѣверѣ стали передавать эти преданія такъ, какъ будто бы они, дѣйствительно, имѣли мѣсто на Руси. Въ этой поддѣлкѣ О. М. Бодянскій обвиняетъ больше всего новгородцевъ. Вопреки установившемуся мнѣнію, Бодянскій думаетъ, что Новгородъ вовсе не такой древній городъ, какъ полагаютъ. Онъ не могъ существовать раньше XI в. и не могъ быть заселенъ славянами, пришедшими съ береговъ Дуная. Новгородъ составляетъ позднѣйшую колонію народа, уже достигшаго нѣкоторой степени гражданственности, народа торговаго, а не воинственнаго. Такимъ народомъ были прибалтійскіе славяне, переселившіеся на сѣверъ вслѣдствіе переворотовъ, происшедшихъ между ними. Эти посе-

[1]) Сынъ Отеч., стр. 75—76.

ленцы и основали Новгородъ. Заведя торговыя сношенія съ южною Русью, новгородцы стали выбирать одного изъ южно-русскихъ князей себѣ въ покровители. Этимъ они облегчали себѣ торговыя сношенія. Желая придать своему городу больше значенія, они постарались выставить на видъ древность его происхожденія. «Чтобы пособить этому горю—говоритъ О. М. Бодянскій, очень могло статься, что какой-нибудь смѣтливый новгородецъ тотчасъ принялся за родословную и всѣ замѣчательнѣйшія, важнѣйшія происшествія въ исторіи своихъ соотечественниковъ, когда они жили въ прежней своей землѣ, смѣлою рукою перенесъ изъ нее въ лѣтопись кіевлянина, добытую посредствомъ связей съ югомъ; другія вымыслилъ; въ нѣкоторыхъ подражалъ своему предшественнику, и все это съ знаніемъ припаровилъ къ своей отчизнѣ». Никто противъ этого не протестовалъ, а потому и «ничто не препятствовало сѣверному компилятору управляться, какъ его душѣ хотѣлось съ южною лѣтописью». Вслѣдъ за этимъ О. М. Бодянскій указываетъ цѣлый рядъ мѣстъ изъ лѣтописи, которыя могли быть передѣланы сѣверяниномъ-лѣтописцемъ, и затѣмъ все свое вниманіе сосредоточиваетъ на выясненіи вопроса о томъ, кто были руссы?

Они не были ни варяги, ни норманы. Разбирая свидѣтельства, приводимыя обыкновенно въ пользу тожества варяговъ и нормановъ, О. М. Бодянскій приходитъ къ заключенію, «что и здравая логика, и историческія соображенія, и свидѣтельство писателей, все это говоритъ о томъ, что подъ варягами должно разумѣть не варяго-руссовъ, народъ будто бы норманскій, сообщившій впослѣдствіи имя нашему отечеству, но варяго-славянъ, колоніею коихъ былъ самый Новгородъ» [1]). Откуда же взялись все-таки руссы, если ихъ не было на сѣверѣ. Цѣлый рядъ извѣстій арабскихъ, византійскихъ писателей, отечественныя, наконецъ, извѣстія приводятъ О. М. Бодянскаго къ тому заключенію, что всѣ они знаютъ одну только Русь, именно Русь на югѣ. Здѣсь же сохранился этотъ корень въ цѣломъ рядѣ названій рѣчекъ, селъ

[1]) Сынъ Отеч., стр. 128.

и т. д. Очень вѣроятно, что руссы прежде скрывались въ роксоланахъ, имя которыхъ составлено изъ Роксъ, Россъ и Аланъ [1]). Это былъ народъ турецкаго племени. Славяне были сначала ихъ подданными, затѣмъ вслѣдствіе многочисленности и большей образованности взяли надъ ними перевѣсъ, слились съ ними и получили названіе Руси. Русью первоначально называлась преимущественно кіевская область, и литовскіе князья, называя себя князьями русскими, разумѣли подъ этимъ и всю южную Русь. Теперешняя великая Россія носила названіе Московіи, а жителями ея назывались москалями. Съ переходомъ центра политической жизни съ юга на сѣверъ, стало мало-по-малу переходить туда же и названіе Руси. Когда это случилось, сказать точно нельзя. Въ первый разъ названіе сѣвера Русью встрѣчается въ 1340 году въ договорной грамотѣ Семена Гордаго со своими братьями. Это названіе осталось за сѣверомъ и тогда, когда сѣвѣръ отдѣлился отъ юга. Чѣмъ дольше шло время, тѣмъ все больше и больше появлялось отличій между сѣверомъ и югомъ. Первый сталъ называться Великой Русью, такъ какъ размѣры его постепенно увеличивались, югъ, съ потерей Бѣлоруссіи, Черной Россіи и Галиціи, принялъ названіе Малой Руси. Эти названія были первоначально народными и оффиціальнаго значенія не имѣли. Впервые они появляются оффиціально при Өедорѣ Ивановичѣ, а Алексѣй Михайловичъ включаетъ уже ихъ и въ свой царскій титулъ. Бѣлоруссія издревле была заселена племенемъ славянскимъ, русинами, впрочемъ, гораздо болѣе близкими къ великоруссамъ, чѣмъ къ малоруссамъ. Названіе она получила отъ того, что не была покорена татарами и оставалась свободной. Такія земли назывались бѣлыми въ противоположность чернымъ, потерявшимъ свою свободу.

Таково содержаніе кандидатской диссертаціи О. М. Бодянскаго. Ни руссовъ, ни варяго-руссовъ на балтійскомъ морѣ не было; варяги—это славяне—выходцы изъ Германіи; руссы—народъ турецкаго племени, жившій на югѣ теперешней Россіи и

[1]) Сынъ Отеч., стр. 186.

передавшій свое имя славянамъ. Многія изъ этихъ положеній въ настоящее время опровергнуты наукой, другія продолжаютъ быть спорными. У О. М. Бодянскаго они не являются самостоятельными; оттого и диссертація его забыта и прошла почти безслѣдно для науки. Основныя положенія этой диссертаціи заимствованы О. М. Бодянскимъ у своего учителя М. Т. Каченовскаго, который излагалъ ихъ то въ отдѣльныхъ статьяхъ, напечатанныхъ въ журналахъ, то въ своихъ лекціяхъ. Таковы были мнѣнія относительно источниковъ, времени составленія, и достовѣрности первоначальной лѣтописи, о томъ, что Новгородъ былъ промышленной колоніей, вышедшей отъ балтійскихъ славянъ и вышедшей притомъ въ довольно позднее время, что имя Руси нужно искать на югѣ и т. д. [1]) О. М. Бодянскій изложилъ только и обосновалъ ихъ подробнѣе [2]). Самый методъ разсужденія, система доказательствъ заимствованы О. М. Бодянскимъ также у Каченовскаго. Все это свидѣтельствуетъ только о томъ, что лекціи Каченовскаго оказали на О. М. Бодянскаго большое вліяніе и что университетъ не прошелъ, значитъ, для него даромъ.

Критическій методъ Каченовскаго вполнѣ соотвѣтствовалъ умственному складу О. М. Бодянскаго. Умъ его былъ аналитическимъ, по преимуществу. Онъ мало былъ склоненъ къ синтезу, къ обобщенію. Отъ природы ли онъ былъ такой или, быть можетъ, школа, которую О. М. Бодянскій прошелъ въ университетѣ у Каченовскаго, наложила на него свою печать и сдѣлала его такимъ—трудно сказать. «Первый ученый трудъ его на степень кандидата—говоритъ проф. А. А. Кочубинскій—переборъ мнѣній, прибавимъ, что и послѣдній оффиціальный трудъ, на степень доктора, вышедшій чрезъ двадцать лѣтъ, конечно, весьма разнящійся отъ перваго, все же только тотъ же переборъ мнѣній («О времени происхожденія слав. письменъ»)» [3]).

---

[1]) *В. С. Иконниковъ.* Скептическая школа въ русской исторіографіи и ея противники. Кіевъ, 1871. Стр. 1—57.

[2]) *М. А. Максимовичъ.* Сочиненія, т. I, стр. 43. Примѣчаніе.

[3]) Вѣстникъ Европы, 1896 г., августъ, стр. 181.

Въ университетѣ О. М. Бодянскій познакомился съ М. А. Максимовичемъ, который былъ тогда въ Москвѣ профессоромъ ботаники. Какимъ образомъ состоялось это знакомство, мы не знаемъ. Есть основаніе думать, что одно время О. М. Бодянскій жилъ даже вмѣстѣ съ М. А. Максимовичемъ [1]). Въ домѣ Максимовича О. М. Бодянскій познакомился съ Гоголемъ. Чрезъ Максимовича же, должно быть, началось сближеніе О. М. Бодянскаго и съ Погодинымъ [2]). Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что условія студенческой жизни О. М. Бодянскаго сами по себѣ мало располагали къ такому сближенію. Погодина студенты не любили за его дерзкое и грубое съ ними обращеніе [3]). Кромѣ того О. М. Бодянскій былъ ученикомъ Каченовскаго и являлся, такимъ образомъ, ученымъ противникомъ Погодина. Въ своей кандидатской диссертаціи онъ, дѣйствительно, дѣлаетъ цѣлый рядъ возраженій противъ мнѣній Погодина.

Въ жизни О. М. Бодянскаго М. П. Погодинъ имѣлъ огромное значеніе. Значеніе это такими словами опредѣлялъ въ концѣ своей жизни самъ О. М. Бодянскій: «съ самыхъ первыхъ дней студенчества моего онъ (т. е. М. П. Погодинъ) уже намѣтилъ меня и съ той поры никогда не выпускалъ изъ виду. Подмѣтивъ во мнѣ стремленіе не къ одной лишь русской старинѣ, но и къ славянской вообще, чего не дѣлалъ онъ, чтобы поддержать это стремленіе! При тогдашней скудости въ средствахъ углубленія въ нее, съ какою теплою готовностью отдалъ онъ мнѣ всѣ книги на разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, привезенныя имъ въ нашу Бѣлокаменную въ первое свое путешествіе за родной рубежъ, преимущественно же къ нашимъ соплеменникамъ. Скажу отъ чистаго сердца, не сдѣлай онъ того, долго бы пришлось мнѣ бороться съ этой скудостью, можетъ быть, и не одолѣть, какъ то часто случается и съ другими въ подобномъ случаѣ. А рука, помогающая во время—то же спасительное судно, отъ видимой, неминучей гибели возводящее къ новой жизни, къ новому пришествію въ міръ. Затѣмъ, съ какимъ участіемъ слѣдилъ онъ за дальнѣйшими моими шагами на твердо избранномъ теченіи моемъ къ предположенной цѣли, всѣми мѣрами облегчая, ободряя, знакомя съ

---

[1]) Тамъ же, стр. 479.

[2]) Тамъ же, стр. 479.

[3]) День, 1862 г. № 40.

могущимъ угладить путь-дорогу, болѣе и болѣе, далѣе и далѣе! Никогда не забуду той торжественной для него и меня минуты, когда онъ увидѣлъ меня въ первый разъ на учительскомъ сѣдалищѣ. «Слава Богу! слава Богу! Цѣль наша достигнута—славяновѣдѣніе водворено въ первопрестольной, а чрезъ нее и въ цѣлой, дастъ Богъ, Россіи»—сказалъ онъ во всеуслышаніе, обнимая и цѣлуя меня при всѣхъ въ моей аудиторіи. Почти полвѣка съ тѣхъ поръ прошло уже, и разумѣется, на такомъ широкомъ пространствѣ не обошлось безъ недоразумѣній. Были они въ памятный 48-й годъ, когда онъ считалъ меня причастнымъ случившемуся въ ту пору крушенію нашего общества исторіи и древностей россійскихъ, косвенно направленному якобы и противъ него; по необыкновенной впечатлительности своей, принялъ онъ эту мнимую обиду горячо къ сердцу, и, поэтому, далъ волю и перу своему карать непризнательнаго, какъ выражался онъ. Но время мало-по-малу разсѣяло его заблужденіе, разубѣдило въ недовѣріи, и онъ съ прежнею, можно сказать, удвоенною расположенностью обратился къ мнимому обидчику. Знаменательнѣе всего это обълвилось, когда я, привѣтствуя его отъ имени Общества исторіи и древностей россійскихъ, съ 50-лѣтіемъ его литературной и общественной дѣятельности, столь славно пройденной имъ, выражалъ ему на письмѣ чувства сочленовъ и свои... Прошло нѣсколько времени потомъ, и онъ, явившись ко мнѣ и приподнявъ 1-й томъ своей только что вышедшей въ свѣтъ «Древней русской исторіи до монгольскаго ига, громко прочелъ, стоя предо мною, написанное наономъ: «многоуважаемому О. М. Бодянскому въ знакъ благодарности за доброе расположеніе и привѣтливое слово (а что пробѣгала черная кошка во время оно, сгинь ея голова!) отъ неизмѣннаго автора». Многіе ли, спрошу, способны къ такому поступку на его мѣстѣ? Не большая ли часть изъ насъ коснѣетъ, разъ отдавшись составленному о братѣ и ближнемъ своемъ мнѣнію и готовы съ нимъ лечь и во гробъ, не взирая ни на какія разубѣжденія въ неосновательности онаго? Однѣ только глубоко благодарныя личности отваживаются на такую побѣду надъ собою: bis vincit, qui se vincit in victoria» [1]).

Н. Василенко.

---

[1]) Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей рос. 1877 г., кн. III. Памяти Погодина, стр. 1—3.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Письма къ Гр. Петр. Данилевскому.

Печатаемые здѣсь документы извлечены изъ трехъ неизданныхъ томовъ писемъ разныхъ лицъ къ писателю Григорію Петровичу Данилевскому. Туда вошли письма слѣдующихъ ученыхъ, писателей, журналистовъ, художниковъ и т. п.: Перевлѣсскаго, Ишимовой, Очкина, Старчевскаго, Классовскаго, В. Петрова, М. Загоскина, Я. Полонскаго, Н. Щербины, П. Плетнева, И. Фумели, Ап. Майкова, А. Краевскаго, А. Норова, Н. Берга, О. Бодянскаго, граф. Растопчиной, А. Островскаго, М. Каткова, С. Аксакова, Ив. Аксакова, К. Аксакова, С. Палаузова, Дм. Григоровича, В. Гаевскаго, Рамазанова, С. Степанова, Даргомыжскаго, Ѳ. Булгарина, Видерта, Ѳ. Кони, П. Ѳедорова, П. Каратыгина, Бурдина, В. Бенедиктова, Мусина-Пушкина, Н. Костомарова, Корецкаго, М. Максимовича, В. Даля, Изм. Срезневскаго, А. Дружинина, Над. Сохапской, П. Кулиша, Коркунова, Вердеревскаго, П. Бартенева, П. Бодянскаго, С. Максимова, П. Бѣлецкаго-Носенка, бар. А. Розена, А. Метлинскаго, К. Зеленецкаго, Ив. Тургенева, А. Рославскаго-Петровскаго, Ив. Давыдова, Н. Греча, кн. П. Вяземскаго, Н. Некрасова, Г. Перевощикова, Аѳанасьева-Чужбинскаго, А. Норова, гр. Кушелева-Безбородка, Ѳ. Буслаева, Т. Филиппова, К. Трутовскаго, П. Соколовскаго, Печерскаго-Мельникова, Мина, А. Милюкова, М. Достоевскаго, Н. Аксаковой, П. Артемовскаго-Гулака, Г. Благосвѣтлова, Н. Гербеля, И. Яроцкаго, А. Сонцова, А. Сѣрова, А. Лазаревскаго, А. Герцена, В. Бѣло-

зерскаго, Е. Майковой, Леонтьева, Я. Грота, Помяловскаго, А. Георгіевскаго, П. Сокальскаго, Косовича, П. Боборыкина, Н. Любимова, В. Ярославскаго, Н. Борисяка, М. Хана, Г. Головачева, Щебальскаго, преосв. Макарія, Аверкіева, гр. А. Толстаго, М. Сухомлинова, В. Григорьева, Н. Страхова, Э. Ватсонъ-Капнирева, архіеп. Нектарія, Боричевскаго, Бурнашова, Н. Соловьева, А. Суворина, А. Матушинскаго, А. Никитенка. Письма эти относятся къ періоду времени съ 1847 по 1869-й годъ включительно. *Все это автографы.* Кромѣ того, въ сборникахъ помѣщено нѣсколько писемъ и стихотвореній, адресованныхъ не къ Гр. П. Данилевскому, а къ другимъ лицамъ. Таковы письма Вас. Наз. Каразина къ Тим. Ив. Селиванову—директору училищъ въ области Войска-Донского, письма Плетнева къ Норову, письмо А. М. Морквы къ Краевскому, стих. «Голосъ правды», стихотворенія Артемовскаго-Гулака, Волковой, Бенедиктова, В. Л. Пушкина, самого Г. П. Данилевскаго, неизвѣстнаго о Чугуевѣ, Щербины. Сборники принадлежатъ сыну покойнаго писателя Михаилу Григорьевичу Данилевскому, который выпустилъ въ 1893 году въ Харьковѣ небольшую брошюру—«Г. П. Данилевскій по личнымъ его письмамъ и литературной перепискѣ» (91 стр., 16°) и въ ней напечаталъ письмо Н. И. Костомарова о Г. Ѳ. Квиткѣ и Степныхъ сказкахъ, письма О. М. Бодянскаго и М. А. Максимовича, одно письмо П. П. Сокальскаго и Сохапской [1]). Мы извлекли теперь изъ сборниковъ все, что по личности писавшихъ, или по содержанію писемъ относится къ южной Россіи, при чемъ перепечатываемъ и письма, уже изданныя М. Г. Данилевскимъ, въ виду того, что брошюра М. Г. вышла въ свѣтъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и мало кому извѣстна. На содержаніи издаваемыхъ нынѣ писемъ останавливаться не будемъ: замѣтимъ только, что они заключаютъ въ себѣ матеріалъ для характеристики Г. П. Данилевскаго и еще въ большей степени для характеристики его корреспондентовъ. Имена этихъ корреспондентовъ поль-

---

[1]) Тамъ же напечатано письмо художника Рамазанова о Гоголѣ и стихотвореніе Г. П. Данилевскаго.

зуются извѣстностью среди научныхъ и литературныхъ дѣятелей нашего юга и всякая лишняя черта для ихъ біографіи будетъ не безполезна, въ особенности при скудости подобныхъ матеріаловъ. Письма Аксаковыхъ помѣщены потому, что они касаются Малороссіи.

Въ близкомъ будущемъ мы намѣрены напечатать и 2-й выпускъ настоящаго изданія.

Д. И. Багалѣй.

Харьковъ. 28 октября 1902 г.

Письма О. М. Бодянскаго [1].

1.

Мнѣ поручили попросить Васъ завернуть завтра, какъ-нибудь, къ Аксаковымъ. Они имѣютъ къ Вамъ просьбу о доставкѣ одного письма къ кому то въ Малороссію.

Вашъ весь О. Бодянскій.

4 ноября. 1851 г. Воскресенье.

2.

Исполнивъ Ваше желанье, извѣщаю Васъ, что землякъ, съ которымъ Вы на-дняхъ видѣлись у меня, гоститъ и теперь, и охотно споетъ намъ, у Гоголя. Я писалъ къ этому послѣднему, только пѣніе онъ назначилъ не у себя, а у Аксаковыхъ, которые, узнавъ объ этомъ, упросили его на такую уступку. Если Вамъ угодно, пожалуйте ко мнѣ завтра, часовъ въ 6-ть вечера, и мы отправимся туда вмѣстѣ.

Вашъ О. Б.

30/х, 1851 г. Вторникъ.

---

[1] Извѣстный славистъ, профессоръ и секретарь Московскаго Общества исторіи и древностей.

3.

Москва. 1852 г. февр. 2 дня.

Да, почтеннѣйшій землякъ, время летитъ, а съ нимъ и мы летимъ и улетучиваемся! Славные часы были, по осени, у насъ рѣдкіе часы! Хотя я тутъ же, у источника этихъ сладостей, а все съ тѣхъ поръ ни разу не привелось отвѣдать изъ него. Причина простая—семейство пѣвуньи живетъ, большей частью, въ Подмосковной и только изрѣдка кто-нибудь изъ него наѣзжаетъ сюда провѣдать больную сестру пѣвуньи, помѣщающуюся въ маленькомъ домикѣ и нуждающуюся пуще всего въ тишинѣ. Потому, если вы намѣрены что-либо переслать туда, то надписывайте такъ: «Подлѣ Собачьей площадки, на Арбатѣ, въ переулкѣ (3-мъ отъ Николы явленнаго по правой рукѣ) въ домѣ Серединской. Названія переулка не припомню. Что до Гоголя, то онъ, какъ вы знаете, живетъ на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Талызина. Посылая ему Майковское произведеніе, не обойдите и меня: я такъ мало имѣю случаевъ отвѣдать подобнаго плода. Вкусъ Жуковскаго хорошъ, стало быть, двойное наслажденіе: познакомиться съ хваленымъ, повѣрить хвалителя. Радъ, что моя книга могла Вамъ доставить какое ни есть удовольствіе. Далеко уже то время, когда она была писана мной. Но если, несмотря на это, Вы могли найти себѣ въ ней наслажденіе, знакъ, что она не совсѣмъ пошлость. Теперь бы я, естественно, на многое, въ ней высказанное, иначе бы взглянулъ. Можетъ быть, издавая все собраніе наськыхъ пѣсенъ, и выскажусь вновь, еще разъ объ этомъ; но когда, самъ не знаю нынче ничего. Я, вотъ уже четвертый годъ, почію на *лаврахъ*: щобъ ихъ катъ взявъ! Такъ-съ гніемъ-съ себѣ въ своемъ болотѣ. Будьте здоровы, благополучны и не забывайте Вашего щырого земляка.

О. Бодянскаго.

4.

Здѣсь литература день ото-дня шагаетъ впередъ. Чехи сочиняютъ и переводятъ съ русскаго, польскаго и французскаго;

нѣмецкаго не жалуютъ. Недавно перевели они *Юрія Милославскаго* Загоскина. Можете себѣ составить нѣкоторое понятіе о томъ, какъ чехи приняли этотъ романъ, по слѣдующему обстоятельству. Пока онъ печатался, многіе приходили въ типографію навѣдываться, скоро ли онъ выйдетъ, а были и такіе, что сами становились корректорами; одинъ читалъ въ первой, другой во второй и т. д. корректурѣ, и только отпечатывался какой листъ на-бѣло, тотчасъ выносился къ ожидающей толпѣ на типографскомъ дворѣ, смежной улицѣ, и тутъ же читался кѣмъ-либо во всеуслышаніе. Кажется, нѣтъ человѣка въ Прагѣ, который бы не прочелъ Юрія Милославскаго или Русскихъ въ 1612 году. Рѣшительно влюблены въ Русскую Литературу! Вы желаете, чтобы я написалъ Вамъ о послѣднихъ минутахъ Гоголя, о моихъ послѣднихъ свиданіяхъ съ нимъ, объ его смерти, бумагахъ и о Москвѣ, потерявшей его. Не скажу, добродію, не скажу. И теперь еще я хожу, какъ угорѣлый: на лекціи по сю пору не соберусь никоимъ путемъ: все онъ, въ умѣ и глазахъ. Когда-нибудь, можетъ быть, и соберусь съ духомъ поразсказать Вамъ о послѣднихъ минутахъ его: нынче же замѣчу только: недѣли за двѣ до смерти покойникъ видимо чахъ; онъ предчувствовалъ недоброе и потому на *Масляной* говѣлъ и пріобщался; въ половинѣ 1-ой недѣли Великаго поста соборовался и 21-го въ четвергъ въ 8-мъ часовъ утра его не стало. Болѣзнь—несвареніе желудка, отъ которой онъ не хотѣхъ вовсе лѣчиться: послѣдовало воспаленіе, за коимъ онъ впалъ въ безпамятство, и хотя тутъ поданы были врачебныя пособія, да ба, да вже пропало, що зъ воза впало! Всѣмъ намъ единою умрети! Это еще не бѣда, но вотъ бѣда, что покойный въ ночь съ понедѣльника на вторникъ, часу во 2-мъ или 3-мъ, *сжегъ всѣ свои бумаги до тла.* Отъ що горе! Премного провинились въ этомъ окружавшіе его, изъ коихъ одному онъ отдавалъ весь свой портфель, туго набитый, а тотъ разумникъ, *поцеремонился*, какъ самъ потомъ имѣлъ еще духъ разсказывать. Отъ що горе, такъ горе! Нема нашого Рудого Панька бильше, та й не буде покы свитъ стоять буде! Прощайте.

далеби жъ не пышется! Бувайте здорови, благополучни и не забувайте щырого Вашого земляка.

О. Бодянскаго.

28 февр. 1852 г. Москва.

5.

Позапоздалъ я отвѣтомъ Вамъ на Ваше письмо, отъ 10-го текущаго мѣсяца, но столько накопилось было дѣла въ послѣднее время, что, право, никакъ нельзя было взяться за перо. Теперь, удосужась нѣсколько, спѣшу донести Вамъ, что желаніе Ваше предлагалъ я новому журналисту, такому, который, однако, проситъ Васъ лишь о Варсавѣ!

Что это Вы тамъ нагородили по поводу Основьяненка, о нашихъ писакахъ? Судя по сказанному Вами тамъ, вижу, что Вы писали все съ чужого голоса или письма, да и то перепутали. Напримѣръ: «и наконецъ (укажу) на г. Кирилла Тополя (Тополю? Какъ же не знать именительнаго?!), который... едва ли не болѣе другихъ украинскихъ поэтовъ говоритъ сердцу? Да развѣ онъ писалъ по-украински? Посмотрите же, что за чепуха его «Чепуха». Она и въ подметки не годится его «Чарамъ», которыя писаны по-каковски? Далѣе, зачѣмъ мѣшать съ писавшими по малороссійски тѣхъ, кои брали только содержаніе для своихъ сочиненій изъ Малороссійскаго быта? Развѣ можно такъ дать правильное понятіе о малороссійскихъ писателяхъ? Развѣ Голота, Кузьмичъ, Петренко, Сомовъ и подобная братія писали по малороссійски? Что за иностранцы: Лозинскій, Левицкій, Вагилевичъ и подобные имъ? Давно ли Котляревскій своей Энеидой сдѣлался снотворнымъ? До сихъ поръ не только Малороссіяне, но и кто только въ состояніи понимать ихъ языкъ мало-мальски, находили, что никто и никогда не потѣшалъ такъ православныхъ перелицёванкой своей, какъ онъ, нашъ Котляревскій. Есть выворотка Энеиды почти на всѣхъ языкахъ образованныхъ народовъ, но ни на одномъ изъ нихъ съ такимъ успѣхомъ, какъ у насъ. Это судъ не мой, но всѣхъ тѣхъ, кто читалъ перелицёванки дру-

гихъ. А такой успѣхъ развѣ возможенъ при снотворности? Наоборотъ, языкъ его, хотя Вы его называете чистымъ малороссійскимъ языкомъ, «puritatis legitimae» именно во многомъ: «illegitime purus sermo». Онъ позволялъ себѣ частенько, для стиха, такіе слова и обороты, которые совершенно чужды малороссіянину. Наконецъ, что за замашка у Васъ брать у другого, умалчивая о томъ, и такъ приводить его имя совсѣмъ не какъ своего источника, а такъ кстати, мимоходомъ, по поводу, совершенно случайному. Не указываю Вамъ, гдѣ это именно въ Вашей статьѣ: сами возрастъ имате, и потому сами смекнете, къ чему это направлено. Въ заключеніе, съ какой стати Вы называете малороссійское нарѣчіе или языкъ, его письменность, сказки, пѣсни и т. п., *степными?* Подъ «степнымъ» разумѣется у насъ только «*Слободско*-Украинское», отнюдь же не все Малороссійское. Неправильно по части называть преимущественно цѣлое; это пристрастіе, правда, понятное, тѣмъ не менѣе, пристрастіе, неумѣстное въ печати. Точно также не точно увѣреніе, яко бы Основьяненко писалъ на какой то смѣси харьковскаго нарѣчія. Опять квасная привязанность или пристрастіе. Кромѣ высказаннаго сейчасъ мною Вамъ не въ бровь, а прямо въ глазъ о Вашемъ дѣтищѣ, довольно есть въ немъ и такого, чего не лѣпо есть на письмѣ глаголати. Когда выйдетъ отдѣльно, посудимъ больше; но, какъ бы ни былъ строгъ мой судъ, все же статья Ваша (сужу только по первой половинѣ) *очень замѣчательна* и доставила мнѣ много удовольствія многимъ, въ ней содержащимся. Я потому столько привязчивъ къ ней, что не хотѣлось бы съ послѣдними видѣть первыхъ, на одной доскѣ. А впрочемъ, здравствуйте о Христѣ, не забывайте Вашего почитателя и слугу

О. Бодянскаго.

29 ноября 1855 г. Москва.

6.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Письмо Ваше отъ 27-го генваря, и при немъ два акта старинныхъ памятниковъ, получилъ я 10-го исправно и не премину

то и другое представить Обществу исторіи и древностей Россійскихъ въ первомъ же его засѣданіи. Увѣренъ, что оно согласится на помѣщеніе ихъ на страницахъ своего повременнаго изданія. Что до обстоятельства, въ случаѣ если бы акты тѣ не могли быть помѣщены въ «Чтеніяхъ», передать ихъ въ другое какое повременное изданіе, то послѣднее—дѣло трудное. Вы знаете, что стариною наши журналы не занимаются, бѣгая отъ нея пуще, чѣмъ чортъ отъ ладона; скорѣе я попрошу Васъ, проѣзжая черезъ Бѣлокаменную, завернуть ко мнѣ и взять къ себѣ обратно Ваше добро. Но увѣренъ, что до этого не дойдетъ. Нашъ Московскій Комитетъ о крестьянахъ дѣлаетъ свое дѣло: что же именно въ эту пору, какъ и на сколько его сдѣлали уже, не могу сказать Вамъ навѣрное, по той простой причинѣ, что съ депутатами, въ немъ участвующими, я рѣшительно не знакомъ, даже хоть бы съ однимъ. Другихъ новостей на Москвѣ пока нѣтъ, кромѣ общаго говора о сборахъ на Австрію. По этому случаю снаряжается москвичами Пароходъ на мѣсто Паруса, который разорвало за то, что отважился развернуться, вопреки природѣ вещей, зимой. Пароходомъ, конечно, тоже въ московскомъ климатѣ, не далеко уѣдешь, потому чуть ли не обратятъ и его въ паровозъ. Странно, что все какъ то не впопадъ у насъ бываетъ: то названье не по шерсти, то шерсть не по кличкѣ. Впрочемъ, что до названья? Положимъ, звалась бы хоть Маланья предпринятая вещь, только бы дѣло дѣлалось, какъ слѣдуетъ, т. е. побольше дѣла, а поменьше шума изъ за пустяковъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга О. Бодянскій.

Февр. 22-го 1859. Москва.

Письмо П. Бодянскаго.

Исполняю данное слово и представляю Вамъ, любезнѣйшій Григорій Петровичъ, пятьдесятъ малороссійскихъ пѣсенъ, положенныхъ на фортепіано. Насилу могъ на прошедшей недѣлѣ получить ихъ отъ списывавшаго корпуснаго музыканта. Слова пѣсенъ найдете у Метлинскаго и у Максимовича. Каково пожи-

ваете? Что подѣлываете? Жду отъ Васъ извѣстій о себѣ. Семейство Вамъ усердно кланяется. Мы Васъ часто вспоминаемъ.

Вамъ душевно преданный П. Бодянскій.

15 ноября 1855 г.

Письмо Аѳанасьева-Чужбинскаго[1].

1856 г. Марта 20. Лубны.

На разныхъ мѣстностяхъ собирался я писать къ Вамъ, добрѣйшій Григорій Петровичъ, и все какъ то не клеилось: или увлекался я наблюденіями, или спѣшилъ писать путевыя письма для Современника, или записывалъ матерьялы для статей Морского Сборника. Кромѣ этого надо еще принять во вниманіе огромные переѣзды то подъ дождемъ, то подъ снѣгомъ, и выйдеть, что вина моя противъ Васъ уменьшится въ нѣкоторой степени. Теперь я даю себѣ трехнедѣльный отдыхъ, ѣду домой къ отцу въ деревню, гдѣ проживу до праздниковъ—и вотъ принимаюсь за бесѣду со столичниками. Во первыхъ, напоминаю о давно прошедшемъ: Вы говорили, чтобы я разобралъ «Основьяненка» въ Современникѣ,—но книга эта уже была отдана для разбора другому, еще до моего отъѣзда изъ Петербурга—слѣдовательно, я не могъ быть Вамъ полезенъ въ этомъ случаѣ. Напишите пожалуйста, каково идетъ мой словарь, и много ли уже прочли Вы корректуры? Я писалъ къ Измаилу Ивановичу[2], но какъ былъ въ отсутствіи изъ города, гдѣ получается моя почта, то рѣшительно ничего не знаю. Мнѣ совѣстно было безпокоить Васъ на счетъ корректуры, но я все еще думаю, что и я въ свою очередь могу отслужить Вамъ чѣмъ-нибудь, а потому и рѣшился оставить словарь на Ваше попеченіе, зная, что, какъ землякъ, Вы не откажете ему въ помощи отъ нападенія наборщиковъ. Я дѣятельно собираю пѣсни, сказки и различныя преданія, вопервыхъ, для спеціальныхъ своихъ статей, а во-вторыхъ, и съ за-

[1]) Извѣстный южно-русскій этнографъ и писатель.

[2]) Срезневскому.

пасною мыслью—издать много кое-чего и особо по возвращеніи въ Петербургъ. Пѣсни есть необыкновенно интересныя, которыя ускользнули отъ Метлинскаго потому, что, сидя въ Кіевѣ и сдавшись на своихъ корреспондентовъ, почтенный профессоръ не могъ ихъ самъ слышать въ устахъ народа. Сказки же встрѣчаются такія, что не одинъ собиратель народности облизался бы, еслибъ удалось ему послушать хоть одну. Съ открытіемъ весны, которая у насъ запоздала, я отправляюсь на Пороги и въ Сѣчь, гдѣ былъ недавно мимоходомъ и гдѣ мнѣ обѣщано множество матерьяловъ. Познакомился со многими кобзарями, и у меня теперь нѣтъ ни одной минуты свободной, такъ что болятъ руки отъ записыванія и потомъ переписыванья и приведенія въ порядокъ дорожныхъ замѣтокъ. Но я совершенно счастливъ, потому что подобную только жизнь называю жизнью. Поселившись въ Петербургѣ, гдѣ зарабатывалъ насущный хлѣбъ, я уже не надѣялся никогда странствовать по степямъ и на этомъ поэтическомъ просторѣ предаваться своимъ любимымъ занятіямъ. Однако до свиданія! Пожалуйста засвидѣтельствуйте мое почтеніе Дмитрію Сергѣевичу Левшину, кланяйтесь всѣмъ знакомымъ и пишите къ преданному Вамъ А. Аѳанасьеву.

Аресъ: Александру Степановичу Аѳанасьеву-Чужбинскому, полтавской губ. г. *Лубны*, а оттоль въ с. Исковцы.

Письма А. Л. Метлинскаго[1]).

24 янв. 1856 года Харьковъ.

1.

Письмо Ваше, многоуважаемый Григорій Петровичъ, отъ 21-го дек. прошлаго года, а затѣмъ недѣли черезъ двѣ или черезъ три и тюкъ съ біографіей Основьяненка, я получилъ, и благодарю Васъ и за то, и за другое, и за письмо, и за книги, и за па-

[1]) Профессоръ Харьковскаго университета, издававшій свои сочиненія подъ псевдонимомъ Амвросія Могилы.

мять, и за вниманіе, и за случай способствовать сбыту Вашей книги и распространенію Вашей славы. Прежде всего скажу Вамъ, что душевно радуюсь, и какъ украинецъ, и какъ любитель литературы, избранному вновь Вами пути, на которомъ съ извѣстностью себѣ можете доставить извѣстность и многому, стоющему памяти, *якъ, що и до чого бувало у насъ въ Украини колысь.* Не будучи старожиломъ Харькова и не изучавши подробно обработаннаго Вами предмета, я не могу указать Вамъ матеріальныхъ ошибокъ въ трудѣ Вашемъ, если и есть онѣ. Желалъ бы только, если хотите откровенности, о которой сами просите, чтобы планъ сочиненія былъ немножко стройнѣе, глаже, не представлялъ бы очевидныхъ спаекъ и сшивокъ. Онъ то самъ по себѣ, быть можетъ, безукоризненъ, но это—на скорую нитку выстаченныя части, разумѣю, какъ напр.: *теперь поговоримъ о томъ, теперь начнемъ писать объ этомъ.* Лучше бы обойтись безъ этихъ оговорокъ, и чтобы части сами собою вытекали одна изъ другой, какъ стройное тѣло безъ отбитыхъ и придѣланныхъ членовъ. Sapienti sat et superque.—Статуя таже, но придѣлайте ея же члены, неловко. Впрочемъ, это не можетъ мѣшать пользѣ труда. Другіе находятъ кое-какія невѣрности въ содержаніи, и я прошу ихъ дѣлать для Васъ замѣтки, и ими мы воспользуемся современемъ. Думаютъ, что много приписали Квиткѣ, и легко и неуважительно отозвались о Рижскомъ и проч. Тюкъ, назначенный домашнимъ, отданъ присланному отъ маменьки человѣку. 20 экземпяровъ отдано Апарину, въ чемъ и посылаю росписку; изъ остальныхъ, предназначенныхъ мнѣ и другимъ любителямъ, 1 взялъ себѣ, 1 отдалъ Кокошкину лично и онъ Васъ благодаритъ, 1—архіерею (у него есть статья о Сковородѣ, которую онъ обѣщалъ Вамъ отдать; въ нашей же библіотекѣ рукописи на домъ не выдаются, а тамъ холодно и угарно—не могу заняться, а что то есть, чѣмъ и пользовался, вѣроятно И. И. Срезневскій), 1—Рославскому, 1—Топчіеву, 1—Селитренникову (говоритъ, Вы писали), это все по Вашему назначенію. Сверхъ того подарилъ Сливицкому, Кондратьевымъ, Лукашевичевой, Косинскому, и еще хочу подарить князю Цертелеву, Артемовскому и еще, кажется

для кого-то останется. При подаркахъ имѣю въ виду нужныя для Васъ свѣдѣнія и распространіе извѣстности книги. У нѣкоторыхъ лицъ подарки бывали на вечерѣ и гости разсматривали отъ нечего дѣлать. Такъ стала извѣстною какой нибудь сотнѣ лицъ. Насчетъ Сковороды въ Кіевѣ не знаю, есть ли у кого что-нибудь, а здѣсь, повторяю, занимался этимъ И. И. Срезневскій. О рукописяхъ Филомаѳитскаго ничего не знаю, есть, говорятъ, у кого то въ Волчанскомъ уѣздѣ. Лѣтомъ легко будетъ Вамъ добраться до этого. Кланяюсь Срезневскимъ, Тюрину, Костомарову и всѣмъ, кто не забылъ меня. Да что Н. И. Костомаровъ бросилъ совсѣмъ писать ко мнѣ.

Душевно всегда Вамъ преданный Метлинскій.

По отъѣздѣ Вашемъ я узналъ отъ архіерея, что Вы улучили случай повидаться съ нимъ и переговорить самому на счетъ извѣстной Вамъ особы. Говорятъ, капризна. Пишите о новостяхъ по министерству.

2.

Харьковъ. 13 марта, 1856 года.

Ваше любезное письмо, милый мой Григорій Петровичъ, отъ 17 февраля, я получилъ. Исполняя Ваше желаніе, я пересмотрѣлъ библіотечныя рукописи, но Сковородинскихъ ни по реестру, ни на дѣлѣ болѣе двухъ не оказалось. Обѣ съ надписью: Сочиненія Сковороды, собранныя протоіеремъ Ѳеодоромъ Залѣсскимъ (1763 года, дек. 10 дня, прибавлено на одной изъ нихъ). Посылаю Вамъ по просьбѣ Вашей и *переченъ* ихъ. Въ 1-ой заключается: Письмо. Басня пустынникъ и его другъ. Обращеніе басни къ Богу. Примѣръ. Все это мелкія статейки мистическаго содержанія. Въ примѣрѣ объясняются тексты Священнаго Писанія. Вторая рукопись содержитъ слѣдующія небольшія статейки: Борьба и пря о томъ: претрудно быть злымъ, легко быть благимъ, Бесѣда ангеловъ о клеветѣ діавольской. Львиная ограда. Гавріилъ. Путь спасительный. Путь мира нареченъ пусть.

Путь шуій нареченъ *вентеръ* (такъ)? Богачъ, путешествуя, поетъ пѣснь. Клевета. Казнь. Адское царство на чемъ основано. Плачущая неплоды. Обновленіе мыра (такъ)! Пѣснь побѣдная. Пря бѣсу со Варсавой. Предѣлъ, край райскій. Всѣ эти статейки мистическаго содержанія написаны прозою и отчасти стихами, очень дурно по русски, и заключають въ себѣ разговоры ангеловъ съ сатаною и между собою. Вотъ Вамъ и все, что можно было найти у насъ. Не желая отстать въ содѣйствіи Вамъ отъ Москалей, которыми хвалитесь, я готовъ оказать Вамъ самое полезное и рѣдкое между людьми содѣйствіе—правды: торопливость въ статьяхъ, какъ о Сковородѣ, никуда не годится и никому никакой, тѣмъ болѣе Вамъ, не можетъ принести пользы (разумѣю пользу нравственную, а не денежный заработокъ). Кромѣ весьма дѣльныхъ статей И. И. Срезневскаго, какъ обыкновенно и все, что онъ пишетъ о Сковородѣ, писали многое множество всякаго вздору. Весьма легко состряпать изъ всякой всячины наскоро даже и большую скороспѣлую компиляцію, которой можно набить обширное брюхо какого нибудь изданія; но что за цѣль въ нѣсколько недѣль (извините за риѳмы) написать то, что и на день никого не займетъ? Лучше повремените, дайте созрѣть Вашему труду, и напишите сочиненіе, которое было бы не только лучше прежнихъ трудовъ, но и сдѣлалось бы необыкновеннымъ, незамѣнимымъ и навсегда полезнымъ. Здѣсь, на мѣстахъ пребыванія Сковороды, Вы могли бы кое-что навѣрное дополнить изъ Вашихъ о немъ свѣдѣній. Показать его значеніе можете не иначе, какъ изучивъ писателей его направленія. А что можно сдѣлать изъ разныхъ *перечней*. Моихъ же мыслей и преосвященный Филаретъ, котораго я просилъ о пособіи Вамъ по части Сковороды. Онъ обѣщается, но дѣло требуетъ времени. Пріѣхавши сюда, Вы ускорили бы. Радъ буду съ Вами видѣться, но быть у Васъ не обѣщаюсь, затѣмъ, что, кажется, уѣду въ полтавскую губернію. Привезли бы Костомарова въ Кочетокъ. Передайте мое усерднѣйшее благожеланіе Срезневскимъ, а Костомарову письмецо при случаѣ.

А. Метлинскій.

Письмо П. Бѣлецкаго-Носенка [1].

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Милое и обязательное письмо Ваше я имѣлъ удовольствіе получить 28 числа настоящаго мѣсяца. Душевно радуюсь знакомству, хотя заочному, съ авторомъ Малороссійскихъ разсказовъ «Слобожане»;—мысленно подаю Вамъ руку, какъ просвѣщенному любителю отечественной народности. Ваши, безъ лести, прекрасные, художественные разсказы дышутъ такимъ теплымъ чувствомъ къ нашей благословенной Украйнѣ, такъ вѣрно и ярко обрисованы, что нельзя не поблагодарить отъ лица всѣхъ малороссовъ за вѣрность взгляда, за справедливость въ описаніи характеровъ и самой природы! Продолжайте, почтенный собратъ, трудиться съ такою же любовью къ литературѣ, съ такимъ сочувствіемъ ко всему родному; не отрывайте Вашей наблюдательности отъ нашей Украйны,—въ ней такъ много поэтическаго, такъ много юмора и преданій завѣтной старины; Вашему даровитому перу будетъ признательна вся Россія. Благодарю Васъ за сочувствіе къ моимъ трудамъ,—благодарю искренно и за принимаемое Вами участіе въ изданіи моихъ сказокъ. Посылаю Вамъ мою рукопись «Казокъ», онѣ написаны мною въ духѣ народномъ; кромѣ того, тамъ же помѣщены: баллады, нѣсколько пѣсенъ и романсовъ, поэма въ трехъ пѣсняхъ и драматическій разсказъ: «Иванъ Золотаренко». Я принялъ орѳографію естественную, какъ говорили и нынѣ говорятъ въ Малороссіи, и поэтому счелъ бы себя счастливымъ, еслибы мои сочиненія были изданы, какъ они есть;—впрочемъ, полагаюсь во всемъ на Васъ; если же Ваше ходатайство къ изданію посылаемой рукописи будетъ безуспѣшно, то покорнѣйше Васъ прошу возвратить ее мнѣ потому, что всѣ свои сочиненія я передамъ въ распоряженіе моему сыну. Извините, что не пишу къ Вамъ своеручно,—будьте снисходительны къ моей старости. Прошу покорнѣйше Васъ, Милостивый Государь, будемте знакомы; поручаю себя въ Ваше благорасположеніе и остаюсь на-

---

[1]) Малорусскій писатель.

всегда съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и преданностью Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Павелъ Бѣлецкій-Носенко.

28 сент. 1855 г.

С. Лапинцы, подъ г. Прилукою.

Письма А. Рославскаго-Петровскаго [1]).

1.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Тюки, о которыхъ Вы писали мнѣ, получены мною довольно поздно, и я распорядился ими. согласно Вашему желанію. Чувствительнѣйше благодарю Васъ за экземпляръ Вашей весьма интересной біографіи Основьяненка, доставленный мнѣ А. Л. Метлинскимъ. Я уже прежде прочелъ статью эту съ большимъ удовольствіемъ въ Отечественныхъ Запискахъ. Мнѣ въ особенности понравилось то, что съ личностью автора Вы умѣли соединить характеристику образованности Харькова и оживить Вашъ разсказъ любопытными подробностями о замѣчательныхъ лицахъ описываемаго Вами времени. Искренно преданный Вамъ А. Рославскій-Петровскій.

20 генваря 1856 г. Харьковъ.

2.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Зная Вашу милую обязательность и любовь къ своимъ землякамъ, позволяю себѣ обратиться къ Вамъ съ моею покорнѣйшей просьбой: будьте такъ добры, справьтесь въ редакціи журнала Нар. Просвѣщенія, въ какой книжкѣ журнала будетъ помѣщена статья моя «Критическій обзоръ Исторіи Россійскихъ Ца-

---

[1]) Профессоръ и ректоръ Харьковскаго университета.

рей», а также будетъ ли напечатана статья проф. Лукьяновича о Тацитѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не откажите похлопотать въ редакціи объ исправной и своевременной присылкѣ къ намъ книжекъ Журн. Мин. Народ. Просвѣщенія. Университетъ только третьяго дня получилъ вмѣстѣ декабрьскую и генварьскую книжки, а февральской до сихъ поръ нѣтъ, хотя о выходѣ ея сообщили въ газетахъ недѣли двѣ тому назадъ. Поздравляя Васъ съ праздникомъ св. Воскресенія Христова и надѣясь имѣть удовольствіе лѣтомъ видѣть Васъ, остаюсь искренно уважающій Васъ А. Рославскій.

1856 г. 10-го апр. Харьковъ.

Письма Н. И. Костомарова.

1.

Харьковъ, февраля 16-го 1854 г.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Ваше доброе ко мнѣ вниманіе, которое Вы оказали изъявленіемъ желанія почтить меня знакомствомъ Вашимъ и присылкою Вашихъ сочиненій, выше всякой возможности принести Вамъ благодарность. Прекрасныя Ваши «Степныя сказки» были уже мнѣ извѣстны въ то время, когда явились въ свѣтъ; прочитавши ихъ, я пожалѣлъ: затѣмъ онѣ написаны не на народномъ языкѣ? Теперь осмѣлюсь высказать то же мнѣніе. Будучи всегда далекъ отъ нелѣпаго и несбыточнаго желанія дать украинской письменности такой литературный объемъ, который бы исключалъ вовсе русскій общій языкъ нашъ, я увѣренъ, что народный прошедшій и настоящій бытъ, а тѣмъ болѣе творенія народной фантазіи должны быть выражены на природномъ нарѣчіи. Пиша по-русски, Вы невольно будете впадать въ книжность и способъ выраженія высшаго класса общества или же переводить одну народность на другую, между тѣмъ, какъ связавши себя народнымъ языкомъ,

изучивши его и чувствуя его складъ, Вы именно скажете то, что говоритъ народъ, и скажете такъ, какъ онъ говоритъ. Довести до извѣстной степени развитія украинское нарѣчіе необходимо для общей нашей славянской исторіи и филологіи. Украинскій элементъ съ его прошлою отдѣльною жизнію составляетъ важнѣйшую часть нашей русской исторіи; онъ непонятенъ безъ знанія языка; а чтобы доставить возможность этого знанія, надобно привести его въ стройный видъ, даровать ему нѣкоторое литературное значеніе. Поэтому, желательно было бы, еслибъ Вы издали Ваше собраніе легендъ по-украински.

Съ Квиткою я былъ знакомъ отъ 1838 до 1844 года [1]). Это былъ старикъ средняго роста, съ плѣшивой головою, однимъ глазомъ (другой въ лѣта юности онъ себѣ выжегъ фейерверкомъ), съ зелеными пятнами на лбу, всегда въ черномъ платьѣ или въ халатѣ темнаго цвѣта, всегда принимавшій своихъ гостей въ гостиной, гдѣ обыкновенно и писалъ. Сначала онъ жилъ въ двухъ верстахъ отъ города на Основѣ, въ низенькомъ каменномъ домикѣ, съ каменною оградою на необозримомъ и почти пустомъ дворѣ. Почти противъ дома его возвышался деревянный огромный домъ его брата, которому принадлежала Основа: Гр. Квитка самъ ничего не имѣлъ въ ней. Потомъ я съ нимъ видался въ городѣ, куда онъ переѣхалъ въ 1843 году. Наружность его квартиры не представляла ничего щегольскаго: мебель очень простая; не было никакихъ комнатныхъ украшеній; жены его я никогда не видалъ въ шелковомъ платьѣ. Живучи въ городѣ, онъ часто бывалъ въ церкви, гдѣ становился на клиросѣ или въ алтарѣ, такъ что его нельзя было видѣть. Онъ былъ очень религіозенъ и почти наизусть зналъ не только обыкновенное богослуженіе, но даже многіе праздничные каноны. Въ характерѣ его просвѣчивалось то смѣшеніе скрытности и искренности, простодушія и остроумія, которое такъ оттѣняетъ украинца. Онъ охотно давалъ свои сочиненія въ рукописи знакомымъ, не оставляя у себя другого экземпляра, и жаловался, что у него зачитывали. Недостатокъ клас-

---

[1]) Г. Ф. Квитка умеръ въ 1843 году.

сическаго образованія и знанія иностранныхъ языковъ онъ замѣнялъ здоровымъ умомъ и любовью къ чтенію: онъ постоянно съ юношескимъ пыломъ слѣдилъ за движеніемъ русской литературы, особенно оригинальной; на переводную обращалъ гораздо менѣе вниманія. Съ рѣдкою добросовѣстностью и отсутствіемъ всякой тѣни шарлатанства, онъ не только не позволялъ себѣ сужденій о томъ, чего не зналъ, но безъ всякаго ложнаго стыда удалялся отъ разговоровъ не по немъ; юмористъ и охотникъ до анекдотовъ, онъ никогда не позволялъ себѣ говорить дурно о лицахъ и о всякомъ дурномъ извѣстномъ поступкѣ отзывался съ сожалѣніемъ, стараясь всегда прекратить разговоръ объ этомъ. Несмотря на старость, былъ крѣпокъ и свѣжъ и только за нѣсколько мѣсяцевъ передъ смертью началъ слабѣть. Умеръ 11 августа 1844 г. (1843) отъ воспаленія мочевого пузыря: къ сожалѣнію я не былъ при его смерти, ибо не былъ уже въ то время въ Харьковѣ. Жена его—Анна Григорьевна—была женщина очень добрая и образованная; она слѣдила за французской литературой и современной политикой и отличалась особеннымъ сочувствіемъ династіи Бурбоновъ; поэтому постоянно можно было застать ее съ легитимистическимъ журналомъ: «la mode» въ рукахъ, хотя она вовсе не была femme à la mode. Она чрезвычайно любила своего мужа, гордилась его литературной славой и чуть было не сошла съ ума послѣ его смерти. У меня было нѣсколько его записокъ (большой переписки я съ нимъ не могъ вести, потому что могъ всегда видаться), но онѣ пропали въ смутныя эпохи моей жизни.

Примите увѣреніе въ моемъ къ Вамъ искреннемъ уваженіи и желаніи блестящихъ успѣховъ на литературномъ поприщѣ и въ мірѣ. Съ своей стороны прошу покорнѣйше почтить меня продолженіемъ знакомства.

Готовый къ услугамъ Н. Костомаровъ.

2.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Деньги, пожертвованныя Вами 35 р., о которыхъ Вы пишете, я не берусь получить съ г. Бѣлозерскаго и даже положительно считаю это невозможнымъ, да и для избѣжанія неудовольствій не стану обращаться къ нему, а потому, если Вамъ угодно оказать съ своей стороны содѣйствіе, то возьмите эти деньги сами и вручите мнѣ, тогда я приму съ величайшею благодарностью отъ имени Украины.

Вашъ глубокоуважающій Н. Костомаровъ.

Дек. 29. 1862 г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Исторія одного древняго волынскаго храма.

Луцкъ—одинъ изъ древнѣйшихъ волынскихъ городовъ. Нѣкогда онъ былъ столицей удѣльныхъ русскихъ князей, потомковъ св. Владимира, затѣмъ резиденціей князей литовскихъ Любарта, Витовта и Свидригайла, каѳедрой луцко-острожской епархіи и, наконецъ, съ XVI по XVIII вв., главнымъ городомъ волынскаго воеводства. Такимъ образомъ, въ теченіе тысячелѣтняго своего существованія, Луцкъ служилъ политическимъ, религіознымъ и культурнымъ центромъ обширнаго края. Каждая изъ пережитыхъ имъ историческихъ эпохъ, безъ сомнѣнія, оставляла въ немъ вещественные слѣды въ видѣ монументальныхъ памятниковъ, сохраненію которыхъ должно было способствовать то счастливое обстоятельство, что Луцкъ, со времени монгольскаго нашествія, ни разу не подвергался сколько-нибудь серьезному разоренію, какія нерѣдко постигали другіе города, пожары же не могли ихъ безслѣдно уничтожить, такъ какъ старый Луцкъ на половину, если не болѣе, былъ построенъ изъ камня. Каменныя, напримѣръ, церкви существовали здѣсь уже въ XIII ст. и нѣкоторыя изъ нихъ уцѣлѣли до временъ возвращенія Волыни подъ власть Россіи, но были проданы на сломъ въ то именно время, когда въ западно-русскихъ губерніяхъ предпринимались усиленныя заботы о возстановленіи православія [1]). Въ настоящее время въ Луцкѣ изъ

[1]) Подробнѣе объ этомъ сказано въ нашей статьѣ «Луцкая старина», помѣщенной въ V кн. «Чтеній въ историч. Обществѣ Нестора-лѣтописца».

монументальныхъ историческихъ памятниковъ, собственно говоря, только и сохранился полуразрушенный, но все еще величественный каменный замокъ, заложенный въ половинѣ XIV ст. удѣльнымъ волынскимъ княземъ Любартомъ Гедиминовичемъ и достроенный его преемниками Витовтомъ и Свидригайломъ. Этотъ пятивѣковый памятникъ южнорусскаго зодчества все еще противостоитъ разрушительному дѣйствію времени и рукъ человѣческихъ и служитъ живымъ свидѣтелемъ знаменательной исторической эпохи, когда Волынь, уже потерявшая князей изъ дома св. Владимира, все еще продолжала отстаивать свою политическую самостоятельность и ревностно боролась за неприкосновенность древнерусскихъ основъ своей государственной жизни.

Но рядомъ съ этой вѣковѣчной твердыней или, точнѣе, внутри ея, въ теченіе многихъ вѣковъ существовалъ и другой не менѣе цѣнный историческій памятникъ—каменная церковь Іоанна Богослова, каѳедральный храмъ бывшей луцкой епархіи, нѣкогда одна изъ главныхъ святынь Волынской земли. Многострадальная судьба этого храма тѣсно связана съ исторіей православія на Волыни и можетъ служить живою ея иллюстраціею. Когда-то храмъ этотъ былъ предметомъ благочестивыхъ заботъ и попеченій волынскихъ удѣльныхъ князей, русскихъ и даже литовскихъ, и вмѣстѣ ихъ усыпальницей; впослѣдствіи о немъ не переставали заботиться представители волынской знати, пока послѣдняя оставалась вѣрною православію; но съ половины XVI ст. для него наступаютъ бѣдственныя времена: его богатыя имѣнія и накопленныя вѣками сокровища служатъ приманкою для недостойныхъ архіереевъ, одинъ изъ которыхъ переходитъ въ унію: послѣ этого храмъ, вмѣстѣ съ каѳедрой, въ теченіе двухъ вѣковъ становится предметомъ ожесточенной борьбы между двумя исповѣданіями: имъ поперемѣнно овладѣваютъ то уніаты, то православные, но ни тѣ, ни другіе не заботятся о поддержаніи вѣковой святыни, доводятъ ее до послѣдней степени разрушенія, и въ моментъ присоединенія края она возвращается православнымъ въ видѣ недостроеннаго зданія, которое, простоявъ еще полвѣка въ запустѣніи, въ 1840 г. продается на сносъ въ качествѣ матеріала для

строившагося въ то время въ Луцкѣ военнаго госпиталя. Такъ окончательно исчезъ съ лица земли историческій храмъ, не оставивъ по себѣ даже развалинъ; а его фундаменты хотя и подверглись впослѣдствіи археологическимъ изслѣдованіямъ, но послѣднія были исполнены такъ неумѣло, что ничѣмъ не обогатили археологической науки.

Эту грустную повѣсть мы и хотѣли бы здѣсь припомнить, имѣя цѣлью сохранить по крайней мѣрѣ для исторіи память объ одной изъ древнѣйшихъ святынь Волынскихъ.

Луцкій замокъ и находившійся внутри его православный храмъ во имя Іоанна Богослова существовали задолго до временъ князя Любарта Гедиминовича, только первый былъ землянымъ, а второй деревяннымъ. Весьма вѣроятно, что это былъ первый христіанскій храмъ въ Луцкѣ. Когда въ XIII ст. учреждена была отдѣльная Луцкая епархія, замковая церковь сдѣлалась каоедральною, что сразу же поставило ее въ ряду главныхъ святынь Волынской земли. Въ Ипатской лѣтописи есть упоминаніе, что на украшеніе этого храма благочестивый владимиро-волынскій князь Владиміръ Васильковичъ пожертвовалъ «крестъ великъ сребрянъ позлотистъ съ честнымъ древомъ» [1]). Здѣсь хоронились первые луцкіе епископы, здѣсь же была усыпальница и удѣльныхъ луцкихъ князей. Къ сожалѣнію, эта начальная эпоха въ исторіи Іоанно-Богословской церкви, по неимѣнію источниковъ, остается покрытой глубокимъ мракомъ, и потому нельзя точно отвѣтить на вопросъ: когда и кѣмъ въ луцкомъ замкѣ построенъ каменный храмъ въ то же имя? Акты конца XVI ст. неднократно упоминаютъ о томъ, что въ означенномъ храмѣ «тѣла змерлыхъ господарей християнскихъ, великихъ князей рускихъ, лежатъ и гробы ихъ суть» [2]). Основываясь на этихъ свидѣтельствахъ, можно бы полагать, что и самая церковь, хранившая въ своихъ склепахъ

[1]) Ипатская лѣтопись, 609. Замѣтимъ кстати, что это—первое по времени лѣтописное упоминаніе о луцкой «епископіи».

[2]) Архивъ Югозападной Россіи, часть, 1, т. 1, стр. 291, 321; Тамъ же, часть 1, т. 6, стр. 85.

гробницы древне-русскихъ князей, должна считаться постройкой великокняжеской эпохи. Но въ тѣхъ же актахъ находимъ свидѣтельство, что до 1585 года хранился подлинный «привилей головный великого князя Любарта на церковъ соборную святого Иоана Богослова, который тую церковъ соборную фундовалъ, где жъ и гробъ его въ той церкви и теперъ есть» [1]). Хотя терминъ «фундовать» не всегда означаетъ основаніе чего-либо вновь, нерѣдко же имъ обозначался вообще болѣе или менѣе значительный даръ, обезпечивавшій извѣстное учрежденіе, но въ данномъ случаѣ означенное выраженіе документа всѣми историками, русскими и польскими, понимается въ томъ смыслѣ, что князь Любартъ былъ не только благодѣтелемъ, но именно строителемъ каменнаго храма І. Богослова въ луцкомъ замкѣ. Конечно, вопросъ о времени постройки этого храма могъ бы быть рѣшенъ категорически учеными археологами, производившими въ 1855—56 гг. раскопки въ его подземельяхъ, если бы они обратили вниманіе на качество матеріала и способъ постройки, ибо въ вѣкъ Любарта размѣры и форма кирпичей, способъ кладки и т. под. были совсѣмъ не тѣ, что въ эпоху великокняжескую. Къ сожалѣнію, такая экспертиза не была произведена; ее легко, впрочемъ, произвести и въ настоящее время, такъ какъ фундаменты храма не исчезли и ничѣмъ не застроены. До тѣхъ же поръ можно считать правдоподобнымъ предположеніе, что князь Любартъ, расширившій укрѣпленія въ своемъ стольномъ городѣ и на мѣстѣ древняго земляного острога воздвигшій каменную твердыню по типу тогдашнихъ европейскихъ замковъ, построилъ и новый каменный храмъ Іоанна Богослова на мѣстѣ прежняго деревяннаго и при томъ такъ, что древнія княжескія гробницы остались неприкосновенными, почему онѣ и были у всѣхъ на виду еще въ XVI—XVII вв. Но нельзя ничего возразить и противъ другого предположенія, что каменный Іоанно-Богословскій храмъ могъ существовать и до Любарта.

Какъ бы то ни было, одно несомнѣнно, что князь Любартъ, въ обезпеченіе луцкаго замковаго храма и бывшей при немъ епи-

---

[1]) Тамъ же, часть 1, т. I, стр. 206--207.

скопской каѳедры, записалъ въ вѣчныя времена восемь селъ въ луцкомъ и острожскомъ повѣтахъ [1]). Даръ этотъ впослѣдствіи былъ значительно увеличенъ жалованной грамотой князя Свидригайла и дарственными записями благочестивыхъ «пановъ и князей» волынскихъ, такъ что въ XVI ст. луцкой епископіи принадлежали 4 мѣстечка и 34 села; изъ нихъ м. Хорлупъ, пожалованное Свидригайломъ, и м. Жабче были защищены укрѣпленными замками, съ пушками, гаковницами и другимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Подъ сводами того же соборнаго храма былъ похороненъ и его «фундаторъ», князь Любартъ Гедиминовичъ, «и гробъ его (говорится въ документѣ 1585 г.) въ той церкви и теперь есть» [2]). Тамъ же, вѣроятно, похороненъ и сынъ его Димитрій, служившій въ молодости при дворѣ византійскаго императора и вывезшій изъ Греціи часть животворящаго древа креста Господня и часть мощей великомуч. Пантелеимона; святыни эти болѣе двухсотъ лѣтъ послѣ того хранились въ Іоанно-Богословской церкви и лишь въ 1637 г. были похищены уніатами [3]).

Какой архитектурный видъ имѣла эта церковь въ первые вѣка ея существованія—объ этомъ нѣтъ указаній въ источникахъ; лишь судя по отдѣльнымъ документальнымъ указаніямъ болѣе поздней поры, именно конца XVI ст., можно заключать, что она была въ это время однокупольная, верхъ ея «бани» (главы) увѣнчанъ былъ позолоченнымъ крестомъ «зъ ланцухами» (съ цѣпями); высоко на стѣнѣ надъ входомъ на самомъ «мурѣ» (штукатуркѣ) «намалеванный» былъ образъ св. Іоанна Богослова. Внутри церковь имѣла, кромѣ главнаго алтаря, одинъ или два боковыхъ придѣла, а снаружи—два «притвора», или портика, настолько обширныхъ, что подъ ихъ сѣнью нерѣдко происходили, въ лѣтнее время, засѣданія гродскаго суда. Сверхъ того, съ восточной стороны церкви, за алтарною стѣною, былъ устроенъ деревянный

---

[1]) Его фундушевая запись (съ ошибочной датой) напечатана въ 6 томѣ 1-й части «Архива Югозап. Россіи», № 1.

[2]) Архивъ Югозап. Россіи, часть I, т. 1, стр. 207.

[3]) Архивъ Югозап. Россіи, часть II, т. 1, стр. 255.

«кганокъ (крыльцо) высокій, здавна збудованый, и черезъ него хоженье было сходами (по ступенямъ) до склеповъ епископскихъ», т. е. усыпальницы епископской. По всей вѣроятности, такой же ходъ, только внутри церкви, былъ устроенъ и къ усыпальницѣ великокняжеской; по крайней мѣрѣ, въ документахъ конца XVI и начала XVII ст. неоднократно упоминается, какъ о предметѣ всѣмъ вѣдомомъ, что «въ той церкви тѣла змерлыхъ господарей христіянскихъ, великихъ князей рускихъ, лежать и гробы ихъ суть»; такое же упоминаніе встрѣчается и отдѣльно о гробницѣ князя Любарта. Къ восточной сторонѣ храма примыкалъ «дворъ епископскій», или «пляцъ владычній», пожалованный еще княземъ Любартомъ; въ немъ находилась деревянная «звонница зъ звонами» и такой же домъ для помѣщенія епископа и его клира, а къ этому двору съ восточной стороны примыкала угольная замковая башня, что надъ рч. Глушцемъ, издревле носившая названіе «владычней вежи», потому что содержать ее въ исправности обязаны были луцкіе «владыки» изъ доходовъ отъ церковныхъ имѣній.

Слѣдя за исторіей интересующаго насъ храма, мы видимъ, что въ XV—XVI ст. онъ пользовался значеніемъ краевой святыни и привлекалъ массу жертвованій. Знатные и богатые волынскіе князья и паны тѣхъ вѣковъ, еще далекіе отъ позднѣйшаго религіознаго вольномыслія и вѣроотступничества, усердно одаривали свой каѳедральный храмъ и землями, и деньгами, и цѣнною утварью. Тогда-то именно и образовались тѣ многочисленныя и богатыя земельныя владѣнія, какими славилась луцкая епископія. Но эти чрезмѣрныя богатства церковныя послужили не въ пользу, а во вредъ западно-русской церкви и ея святынямъ. Дѣло въ томъ, что, подъ вліяніемъ все болѣе тѣснаго сближенія Литовско-русскаго государства съ Польшею, завершившагося, наконецъ, и политическимъ ихъ объединеніемъ въ 1569 г., въ средѣ высшихъ сословій южно-русскаго общества все рѣзче обозначался процессъ отрѣшенія ихъ отъ началъ и преданій древнерусской жизни и усвоенія, вмѣстѣ съ польскою культурою, понятій, идеаловъ и формъ польско-шляхетской общественности.

Процессъ денаціонализаціи, какъ это всегда замѣчается въ исторіи, велъ за собою общій упадокъ личной и общественной нравственности, пренебреженіе къ завѣтамъ народности и вѣры и, взамѣнъ того, господство своекорыстныхъ стремленій и интересовъ. Всѣ эти печальныя перемѣны не могли не коснуться и западно-русской церковной іерархіи, которая въ то время преимущественно пополнялась представителями высшихъ свѣтскихъ сословій, вносившихъ и въ церковную сферу пороки и недостатки своей прежней среды—необузданное стремленіе къ наживѣ, къ роскоши, и неразборчивость въ средствахъ и способахъ къ достиженію этой цѣли. Охватившая въ то время свѣтскихъ пановъ погоня за «духовнымъ хлѣбомъ», т. е. епископіями и архимандріями, была вызвана не чѣмъ инымъ, какъ именно тѣмъ, что южнорусскія епархіи и большинство монастырей обладали весьма значительными имѣніями. Прежній путь къ достиженію высшихъ церковныхъ должностей – избраніе пасомыми для большинства искателей представлялъ много неудобствъ, и потому они предпочитали обращаться съ искательствомъ къ королю или къ вліятельнымъ придворнымъ лицамъ и тамъ выпрашивали или, чаще, покупали жалованныя грамоты на духовныя должности и затѣмъ сторицею вознаграждали себя за понесенныя при этомъ издержки. Документальная исторія XVI—XVII ст. переполнена краснорѣчивыми жалобами о томъ, что подобные недостойные пастыри хуже непріятелей разоряли церкви и монастыри, присваивали церковныя имѣнія, расхищали цѣнные предметы церковной утвари, «изъ крестовъ дѣлали себѣ поясы, ложки и сосуды злочестивые къ похотямъ своимъ справляли, изъ ризъ шили саяны (женское платье), изъ епитрахилей брамы (нашивки») и т. под. Изъ луцкихъ епископовъ рѣдкій не оказывался повиннымъ въ подобныхъ дѣлахъ, начиная съ Ѳеодосія Гулевича, который въ 1550-хъ годахъ разогналъ монаховъ луцкаго Васильевскаго монастыря, а его имѣнія—даръ князя Василька Романовича—раздалъ своимъ дѣтямъ. Наиболѣе печальную въ этомъ отношеніи память оставилъ по себѣ Іона Борзобогатый-Красенскій, до своего епископства

бывшій луцкимъ войтомъ и откупщикомъ королевскихъ таможенныхъ сборовъ на Волыни. Онъ безъ зазрѣнія грабилъ подвѣдомственныя ему церкви, епископское имѣніе Жабче отдалъ въ приданое за своею дочерью, замокъ Хорлупъ, пожалованный соборной церкви княземъ Свидригайломъ, промѣнялъ князьямъ Радзивиламъ на бѣдное сельцо Фалимичи, получивъ въ свою пользу полторы тысячи золотыхъ придачи, и т. под. Когда онъ умеръ (въ 1585 г.), его невѣстка и внуки дочиста ограбили луцкую соборную церковь: присвоили себѣ церковное серебро и ризницу, изъ образа Богородицы вынули большой драгоцѣнный камень, стоившій шестьсотъ талеровъ, и отправили въ Данцигъ для продажи, взяли большой золотой крестъ «роботы вельми коштовнои, везенои (вязью), съ каменемъ дорогимъ», евангеліе «вельми коштовное», на пергаментѣ писанное, съ фундушами древнихъ князей, и т. под.

Когда прибылъ въ Луцкъ новый епископъ, извѣстный Кириллъ Терлецкій, онъ нашелъ свою каѳедру въ опустошенномъ состояніи. Епископскій дворъ, въ замкѣ, былъ совершенно разоренъ, церковь ограблена, въ одномъ изъ ея придѣловъ нельзя было отправлять богослуженія, такъ какъ въ немъ сложено было сукно, присланное королемъ для жалованья козакамъ. Видя, что «церковь Божая требуетъ пилнои поправы», что въ ней «склепы и муръ опадаютъ», епископъ велѣлъ возить дерево, кирпичъ и другіе матеріалы, но луцкій староста Александръ Семашко, съ которымъ онъ былъ тогда въ ссорѣ, приказалъ не впускать подводчиковъ въ замокъ. Въ то же время онъ учинилъ и другую пакость епископу: въ страстную субботу и въ день Пасхи (въ 1591 г.) Семашко велѣлъ не пускать въ замокъ ни народа, ни соборнаго духовенства, почему въ эти дни въ каѳедральномъ храмѣ не было богослуженія, а епископъ оставался въ своемъ домѣ въ заключеніи, безъ пищи и безъ воды; самъ же староста, будучи навеселѣ, проводилъ время въ портикахъ соборной церкви, гдѣ заводилъ танцы и музыку и для развлеченія приказывалъ гайдукамъ стрѣлять въ куполъ и крестъ церковный; гайдуки, стрѣ-

ляя изъ ружей, отбили отъ креста цѣпи, повредили куполъ и образъ Іоанна Богослова на стѣнѣ церковной [1]).

Занятый борьбою за интересы церковной уніи, а равно и дѣломъ личнаго обогащенія, Кириллъ Терлецкій такъ и не собрался привести въ благолѣпный видъ свой каѳедральный храмъ. Лишь незадолго до смерти, въ 1604 г., онъ опять велѣлъ возить лѣсъ, намѣреваясь построить новую колокольню при соборной церкви; но староста Николай Семашко, съ которымъ онъ тоже жилъ не въ ладахъ, приказалъ своимъ слугамъ забрать свезенные брусья и употребить на топливо. По его же распоряженію, былъ разобранъ дочиста и сожженъ на его кухнѣ «кганокъ высокій» при церкви соборной, ведшій къ епископской усыпальницѣ [2]). Умирая, Терлецкій завѣщалъ похоронить его «въ церкви столечной луцкой св. Іоанна Богослова при гробехъ предковъ, владыкъ ихъ милостей луцкихъ» [3]).

Со времени Терлецкаго луцкая соборная церковь въ теченіе 40 лѣтъ становится каѳедрой уніатскихъ епископовъ. Это обстоятельство еще болѣе содѣйствовало ея упадку и обнищанію. Не надо забывать, что унія, по крайней мѣрѣ въ первое время послѣ ея введенія, находила сочувствіе среди весьма незначительной части южнорусскаго общества и была вводима мѣрами репрессивными, и потому масса уніатской паствы была таковой лишь по имени и, естественно, не несла своихъ лептъ на украшеніе чуждыхъ ей храмовъ. Кромѣ того, между представителями уніатской іерархіи еще чаще, чѣмъ между православными, встрѣчались такіе пастыри, которые преслѣдовали исключительно личныя выгоды и мало радѣли объ интересахъ церковныхъ, а въ томъ числѣ и о благолѣпіи храмовъ. Таковъ былъ самъ начинатель уніи Кир. Терлецкій, по смерти котораго «церковь соборная луцкая зостала барзо въ добрахъ и апаратахъ обнажена [4]); не

---

[1]) Архивъ Югозап. Россіи, часть I, т. 1, № 70.

[2]) Ibid. часть I, т. 6, стр. 347.

[3]) Виленскій Археограф. Сборникъ, т. I.

[4]) Актовая книга Кіев. Центр. Архива, № 2120, л. 162.

лучшимъ оказался и его преемникъ, луцкій уніатскій епископъ Евгеній Еловичъ-Малинскій, въ теченіе тринадцатилѣтняго правленія (1607—1620 гг.) ровно ничего не сдѣлавшій для своего каѳедральнаго храма и совершенно разорившій церковныя имѣнія. Наступившій по немъ Іеремія Почаповскій началъ съ того, что въ 1621 г. заложилъ три такихъ имѣнія съ цѣлью добыть средства для ремонта своей каѳедры, такъ какъ-де онъ «засталъ церковъ соборную одартую (ободранную), не побитую (лишенную кровли) и въ мурахъ нарушеную, и дворъ водле нее въ замку луцкомъ спустошеный и одартый, также и вески (села), до владыцтва луцкого належачые, спустошоные, быдла жадного а ни спряту (запасовъ) въ себѣ не маючые» [1]). Но, вѣроятно, добытая этимъ залогомъ сумма получила какое-то иное назначеніе, потому что въ 1625 г. Почаповскій снова занялъ крупную сумму подъ залогъ церковныхъ имѣній, мотивируя этотъ заемъ попрежнему: «бачачи (видя) церковъ соборную луцкую барзо въ мурахъ опалую и порысованую (въ трещинахъ), въ апараты (утварь) и въ охендозство (украшеніе) церковное барзо убогую, до того жъ при той же церкви соборной не маючи я, епископъ, слушного мешканя и овшемъ все будованье опалое и въ ниве чъ погнилое, и хотечи до церкви апаратовъ и книгъ, съ которыхъ праве (почти) ничого по антецессоре моемъ не зостало, купити, церковъ менованую оправити и мешканья собѣ и на духовенство при ней побудовати, башту замковую въ дворѣ нашомъ при церкви соборной подмуровати, звонницу и паркапъ дворный ошарпаный оправити» [2]). Но и послѣ этого соборная церковь продолжала оставаться въ томъ же полуразрушенномъ видѣ. Когда въ 1629 году предположено было созвать въ Луцкѣ нѣчто въ родѣ собора для примиренія православныхъ съ уніатами, то кіевскій воевода князь Александръ Заславскій, недовольный выборомъ мѣста для собора, писалъ уніатскому митрополиту Рутскому, что въ Луцкѣ не найдется и подходящей церкви уніатской для соборныхъ засѣданій,

---

[1]) Актовая книга Кіев. Центр. Архива, № 2126, л. 679.

[2]) Такая же книга, № 2135, л. 427.

такъ какъ «замковая церковь совсѣмъ валится и самъ отецъ владыка (Почаповскій) не часто тамъ совершаетъ богослуженіе, боясь, чтобы его церковь не привалила, а между тѣмъ, имѣя такое богатое владыцтво, не поправляетъ ее» [2]. Правда, уніатскіе писатели XVII в. говорятъ въ похвалу Почаповскому, что онъ «украсилъ дорогими иконами замковую луцкую церковь, соорудилъ приличный епископскій дворъ въ замкѣ и имѣлъ намѣреніе перестроить и каменную церковь, для чего немало и кирпича было заготовлено» [1], но не осуществилъ этого намѣренія,—очевидно потому, что на избирательномъ сеймѣ 1632 г. было постановлено, чтобы луцкая епископія, вмѣстѣ съ каѳедрой и всѣми имѣніями, немедленно была возвращена вновь выбранному православному епископу Аѳанасію Пузынѣ, и лишь на коронаціонномъ сеймѣ этотъ пунктъ былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что Почаповскому дозволено было пожизненно удержать за собою эту каѳедру, а Пузынѣ предоставленъ былъ, въ качествѣ резиденціи, Жидичинскій монастырь.

Послѣ смерти Почаповскаго (въ 1637 г.), луцкая каѳедральная церковь была возвращена православнымъ, при чемъ сосѣдній уніатскій епископъ (владимирскій) Іосифъ Макосій-Баковецкій поспѣшилъ заблаговременно унести изъ нея все, что было цѣннаго: ризницу, утварь, «старожитные кресты и келихи» (чаши) и т. под.: тогда же были похищены отсюда часть животворящаго древа креста Господня и часть мощей св. мученика Пантелеимона, вывезенныя нѣкогда изъ Греціи княземъ Дмитріемъ Любартовичемъ. Православные настойчиво добивались возвращенія похищенной святыни, заявляли объ этомъ на сеймахъ, выхлопотали даже особый королевскій листъ къ Баковецкому съ приказаніемъ возвратить похищенное—и не добились ничего [3]. Куда исчезла впослѣдствіи означенная святыня—не извѣстно.

Изъ православныхъ епископовъ, занимавшихъ луцкую каѳедру съ 1637 по 1702 гг., лишь одинъ, именно Гедеонъ Четвер-

---

[1]) «Петръ Могила», С. Голубева, т. 1, Прилож., стр. 359.

[2]) Архивъ Югозап. Россіи, часть I, т. IX, стр. 370.

[3]) Архивъ Югозап. Россіи, часть II, т. 1, стр. 255.

тинскій обнаружилъ нѣкоторую заботливость о благолѣпіи соборнаго храма, который, видимо, находился уже въ состояніи полнаго разрушенія. Онъ задумалъ заново его перестроить, увеличивъ его размѣры, и съ этою цѣлью обратился въ 1680 году къ дворянамъ волынскаго воеводства, собравшимся на сеймикъ въ Луцкѣ, съ просьбою исходатайствовать королевское разрѣшеніе занять подъ церковь часть замковой площади, по пяти саженей въ длину и ширину, такъ какъ существовавшій храмъ былъ мало вмѣстителенъ. Сеймикъ съ полнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ отнесся къ намѣренію епископа обновить соборный храмъ и поручилъ своимъ посламъ на предстоявшемъ варшавскомъ сеймѣ дѣятельно поддержать его ходатайство и добиться просимаго имъ разрѣшенія [1]). Но Четвертинскій не воспользовался этимъ разрѣшеніемъ, такъ какъ въ скоромъ времени послѣ того (въ 1684 г.) онъ малодушно оставилъ свою епархію на произволъ судьбы и уѣхалъ въ Батуринъ къ гетману Самойловичу, при чемъ, если вѣрить его противнику Іосифу Шумлянскому, «церковь соборную со всего аппарату (ризницы) содралъ, съ срѣберъ церковныхъ епископію луцкую обнажилъ и катедру тую въ нѣвечъ (ни во что) обернулъ» [2]). Въ Малороссіи Гедеонъ Четвертинскій породнился съ гетманомъ и занялъ въ Кіевѣ митрополичій престолъ, а покинутая имъ луцкая каѳедра сдѣлалась послѣ того предметомъ ожесточенной борьбы между православными и уніатами, пока въ началѣ XVIII ст. не перешла окончательно во власть уніатовъ.

Первой заботой новыхъ хозяевъ была починка каѳедральной церкви, представлявшей почти совершенную развалину. Это и сдѣлалъ первый изъ уніатскихъ епископовъ этой эпохи Іосифъ Выговскій, о которомъ польскіе историки говорятъ, что онъ «katedrę swoją z gruzow prawie dźwignął [3]). Вѣроятно, имъ же была построена, на мѣстѣ прежней деревянной, «высокая мурованная дзвоница», о которой упоминаетъ люстрація луцкаго ста-

---

1) Архивъ Югозап. Россіи, часть II, т. 2, стр. 404.
2) Архивъ Югозап. Россіи, часть I, т. 5, стр. 274.
3) Stecki, Łuck starożytny i dzisiejszy, стр. 138.

роства 1765 года. Въ 1776 г. уніатскій епископъ Сильвестръ Любенецкій-Рудницкій сломалъ церковь І. Богослова до основанія и на ея мѣстѣ заложилъ новую, каменную, бо́льшихъ, нежели прежняя, размѣровъ. Закладка новаго храма совершена въ сентябрѣ означеннаго года, но едва стѣны были выведены изъ фундаментовъ, какъ епископъ-строитель умеръ, а его преемникъ Кипріанъ Стецкій почему-то не продолжалъ постройки, богослуженіе же при немъ совершалось въ какой-то «каплицѣ», вѣроятно устроенной при архіерейскомъ домѣ. Случившійся въ сентябрѣ 1781 г. пожаръ въ замкѣ уничтожилъ до тла и эту каплицу со всѣми постройками на дворѣ епископскомъ [1]). Сгорѣли и лѣса при ново-строившемся храмѣ. Люстрація 1789 г. упоминаетъ о немъ въ такихъ выраженіяхъ: «na samym środku dzidzińca katedra ruska stawiać zaczęta, na łokci trzy od ziemi wyniesiona». Очевидно, что въ теченіе 12-ти лѣтъ, протекшихъ со дня смерти Сильвестра Рудницкаго, начатая имъ постройка каѳедральнаго храма не подвинулась ни на шагъ.

А спустя шесть лѣтъ послѣ этого Луцкъ, вмѣстѣ съ западною частью Волыни, былъ присоединенъ къ Россіи, и въ томъ же 1795 г. луцкая уніатская епархія объявлена была закрытою, какъ «ненужная», а всѣ многочисленныя, издревле ей принадлежавшія имѣнія—благочестивый даръ князей Любарта, Свидригайла, а можетъ быть, и болѣе раннихъ луцкихъ удѣльныхъ князей--отобраны въ казну и въ слѣдующемъ году пожалованы императрицей Екатериной генералъ-аншефу Пасѣкову. Теперь уже некому было не только достраивать древній Любартовскій храмъ, но и охранять его стѣны отъ разграбленія. Правда, въ то же время, съ преобразованіемъ Луцка въ уѣздный городъ, сюда былъ назначенъ православный соборный причтъ и въ его вѣдомство были переданы всѣ здѣшнія уніатскія церкви и въ ихъ числѣ недостроенная Іоанно-Богословская, но этотъ причтъ, вмѣстѣ съ

---

[1]) Подробную запись объ этомъ пожарѣ мы нашли въ метрической книгѣ 1781 г., хранящейся въ архивѣ луцкаго Братства.

вновь учрежденнымъ духовнымъ правленіемъ, поселился въ бывшемъ братскомъ монастырѣ, а въ верхнемъ замкѣ, на мѣстѣ древняго епископскаго двора и храма, водворилась мерзость запустѣнія. Посѣтившій Луцкъ въ 1816 г. извѣстный польскій ученый Юліанъ Нѣмцевичъ видѣлъ на мѣстѣ бывшаго Іоанно-Богословскаго храма лишь «ostatki murów». Въ 1840 г. и эти остатки были проданы на сносъ подрядчику, строившему въ то время въ Луцкѣ военный госпиталь.

Такъ исчезъ одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ Волыни, пятивѣковой свидѣтель ея кипучей исторической жизни и печальная жертва господствовавшихъ въ ней религіозно-общественныхъ нестроеній. Но на этомъ не конецъ нашей печальной повѣсти. Не стало историческаго храма, но оставались еще подземные его склепы, хранившіе въ своихъ нѣдрахъ древне-княжескія погребенія. Эти подземелья, вначалѣ превлекшія вниманіе непризванныхъ изыскателей, открывшихъ въ 1852 г. гробницу Кир. Терлецкаго [1]), впослѣдствіи заинтересовали присяжныхъ археологовъ и подверглись систематическимъ раскопкамъ. Объ этихъ раскопкахъ, равно и о послѣдующей случайной находкѣ въ развалинахъ бывшей Іоанно-Богословской церкви, мы имѣемъ возможность сообщить подробныя свѣдѣнія, заимствованныя изъ оффиціальной переписки того времени.

Въ 1855 году профессоръ Н. Д. Иванишевъ, основываясь на имъ же открытыхъ документальныхъ свидѣтельствахъ конца XVI ст. о томъ, что еще въ то время въ Іоанно-Богословской церкви существовали гробницы князя Любарта Гедиминовича и другихъ «змерлыхъ господарей христіянскихъ, великихъ князей рускихъ», предложилъ кіевской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ произвести археологическія изслѣдованія въ склепахъ означенной

---

[1]) Корреспонденція объ этомъ открытіи была помѣщена въ Dzienniku Warszawskim, 1852 г., № 337, но намъ не удалось отыскать въ Кіевѣ этой газеты.

церкви съ цѣлью открытія упомянутыхъ великокняжескихъ погребеній. Коммиссія поручила производство этихъ иследованій самому Иванишеву, пріобрѣвшему уже въ то время громкую извѣстность опытнаго археолога, и ассигновала ему необходимыя средства. Прибывъ въ Луцкъ въ началѣ сентября 1855 г., Иванишевъ приступилъ къ раскопкамъ и «послѣ 16-ти дней работы открылъ склепъ съ нишами для гробницъ, примыкавшій къ восточной части церкви и окружавшій алтарную часть. Такъ какъ предстояло начать трудную и продолжительную работу очистки подземелья, чему много препятствовала наступившая осенняя погода, то работы эти отложены были до болѣе благопріятнаго времени» [1]). Такимъ образомъ первая попытка оказалась мало удачной: издержано было 470 р. и открытъ былъ всего лишь склепъ съ нишами для гробницъ,—очевидно тотъ самый, въ который безъ всякихъ раскопокъ давно уже проникали любопытные горожане и гдѣ ими была открыта (и вѣроятно, ограблена) гробница Кирилла Терлецкаго. Изъ краткаго отчета Иванишева не видно, что это былъ за склепъ и оказались ли въ его нишахъ хоть какіе-нибудь предметы. Судя по тому, что этотъ склепъ примыкалъ къ восточной сторонѣ церкви и находился внѣ ея стѣнъ, мы вправѣ полагать, что это была епископская усыпальница, о положеніи которой опредѣлительно говорится въ документѣ 1604 года: «кганокъ (крыльцо) высокій, который подле вежи владычнои мурованои [2]) у склеповъ епископскихъ здавна збудованъ и черезъ него хоженье (ходъ) было сходами до склеповъ» [3]). Въ этомъ именно епископскомъ склепѣ завѣщалъ похоронить себя и Кириллъ Терлецкій: но его гробницы уже не засталъ Иванишевъ, да и гробы позднѣйшихъ епископовъ были въ то время уже ограблены.

Въ августѣ слѣдующаго года, для продолженія начатыхъ изслѣдованій, на средства той же Коммиссіи командированъ былъ

---

[1]) Изъ подлиннаго отчета Иванишева.

[2]) Вежа (башня) владычняя находилась на востокъ отъ церкви, неподалеку отъ ея алтарной стѣны.

[3]) Архивъ Югозап. Россіи, часть 1, т. 6, стр. 347.

завѣдующій музеемъ изящныхъ искусствъ и древностей при кіевскомъ университетѣ Я. Волошинскій. Онъ началъ развѣдки съ того же склепа, который былъ открытъ Иванишевымъ. Очистивъ отъ мусора и камня существовавшіе въ подвальномъ этажѣ церкви проходы, онъ тщательно изслѣдовалъ устроенныя въ стѣнахъ ниши, но кромѣ множества человѣческихъ костей и остатковъ деревянныхъ гробовъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ и относящихся большею частью къ позднѣйшему времени, онъ не открылъ въ нихъ слѣдовъ древняго погребенія. Это обстоятельство заставило Волошинскаго направить развѣдки къ срединѣ церковныхъ развалинъ, для чего необходимо было выяснить планъ зданія, а это представляло немалый трудъ, такъ какъ древніе фундаменты перемѣшивались съ фундаментами позднѣйшей церкви, начатой постройкою въ 1776 г. и были засыпаны грузомъ при разборкѣ церковныхъ стѣнъ для постройки военнаго госпиталя. Когда были открыты древніе фундаменты съ сѣверной, восточной и южной сторонъ, Волошинскій перенесъ изслѣдованія въ южную часть развалинъ и, проникнувъ вглубь до самаго материка, въ средней части храма, подъ слоемъ насыпи толщиною въ $2^1/_2$ сажня, открылъ гробницу, «сложенную изъ кирпича и отличающуюся чистотою отдѣлки. При вскрытіи каменной плиты, составлявшей крышку гробницы, найденъ въ гробницѣ скелетъ, обращенный къ востоку, части котораго оказались въ правильномъ порядкѣ, обличающемъ христіанскій обрядъ погребенія. Слѣдовъ деревяннаго или иного какого-либо гроба, а также остатковъ одежды или другихъ какихъ-либо вещей въ гробницѣ не оказалось, за исключеніемъ немногихъ весьма мелкихъ кусковъ истлѣвшаго дерева, которыя (по предположенію Волошинскаго) составляли, вѣроятно, остатки деревяннаго крестика, находившагося въ рукахъ покойника». Открытіе этой гробницы давало поводъ думать, что вблизи ея находится общая великокняжеская усыпальница; но такъ какъ для дальнѣйшаго разрытія развалинъ надобно было предпринять работы въ гораздо большихъ размѣрахъ, для чего у Волошинскаго недоставало ни средствъ, ни времени, то онъ вынужденъ былъ отказаться отъ продолженія развѣдокъ и въ предупрежденіе

разрушенія открытой имъ гробницы отъ дождя и другихъ случайностей засыпалъ ее мусоромъ и землею, обозначивъ столбомъ мѣсто ея нахожденія. Во время означенныхъ изслѣдованій Волошинскій нашелъ также 30 экземпляровъ древнихъ монетъ (нѣмецкихъ и польско-литовскихъ), именно: 1 золотую, 24 серебряныхъ и 5 мѣдныхъ. Изъ этихъ монетъ по чрезвычайной ихъ рѣдкости особенно интересными оказались два такъ называемые литовскіе *полтораки* 1619 и 1620 годовъ [1]). Тогда же была найдена свинцовая дощечка, положенная при закладкѣ новой церкви въ 1776 г., съ обычною надписью, когда и при комъ «основася церковь сія каоедральная въ мѣсто ветхія соборныя».

Чью гробницу открылъ Волошинскій,—осталось невыясненнымъ. По его собственному предположенію, отчасти раздѣляемому тогда и Иванишевымъ, гробница эта «можетъ быть, принадлежала великому князю Любарту» [2]). Впрочемъ, Иванишевъ скоро отказался отъ этого предположенія и рѣшительно заявлялъ, что въ развалинахъ луцкой церкви «ничего замѣчательнаго не отыскано» [3]). Намъ кажется, что Волошинскій искалъ княжеской усыпальницы не тамъ, гдѣ слѣдовало: судя по археологическимъ изслѣдованіямъ во многихъ древнихъ храмахъ, княжескія гробницы устраивались обыкновенно въ западной части храма, а Волошинскій искалъ ихъ въ южной. Затѣмъ, въ подобнаго рода изслѣдованіяхъ имѣютъ интересъ не одни погребенія; весьма важно было бы выяснить планъ древняго храма, его размѣры и расположеніе частей, точно указать качество и форму кирпичей, способъ кладки и т. под., тогда явилась бы возможность съ точностью опредѣлить, есть ли это постройка времени князя Любарта или, быть можетъ, ее слѣдуетъ отнести къ болѣе ранней эпохѣ. Къ сожа-

---

[1]) Донесенія Волошинскаго въ дѣлахъ Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ; здѣсь же и рисунокъ открытой имъ гробницы. О томъ же отчетъ проф. Иванишева, помѣщенный въ «Краткомъ Отчетѣ Импер. Ун-та св. Владиміра» за 1857 годъ, стр. 14—17.

[2]) См. печатный отчетъ Иванишева въ университетскомъ отчетѣ.

[3]) Архивъ Югозап. Россіи, часть 1, т. 1, стр. 291.

лѣнію, судя по отчетамъ Иванишева и Волошинскаго, подобные вопросы какъ-будто ихъ вовсе не интересовали. Впрочемъ, самъ Волошинскій не считалъ раскопки оконченными и просилъ Коммиссію исходатайствовать у генералъ-губернатора распоряженіе о принятіи мѣстною полиціею мѣръ къ охранѣ открытыхъ остатковъ церкви и древней гробницы въ виду продолженія раскопокъ. Такое распоряженіе было исходатайствовано, но продолженія раскопокъ не послѣдовало. Можно быть увѣреннымъ въ томъ, что если бы и теперь были предприняты правильныя археологическія разысканія на мѣстѣ бывшей Іоанно-Богословской церкви, то они щедро вознаградили бы трудъ археолога не только въ смыслѣ теоретическихъ результатовъ, важныхъ для его науки, но и въ видѣ моцѣнныхъ вещественныхъ находокъ. Нижеслѣдующій эпизодъ можетъ служить доказательствомъ того, что Иванишевъ и Волошинскій не только не изслѣдовали до конца бывшихъ въ древнемъ храмѣ подземныхъ склеповъ, засыпанныхъ при постройкѣ новой церкви въ XVIII ст., но они плохо изслѣдовали и тѣ епископскіе погребальные склепы, которые были устроены внѣ церкви и остались нетронутыми при ея перестройкѣ.

Въ октябрѣ 1859 года луцкій городничій донесъ генералъ-губернатору князю Васильчикову, что въ луцкомъ замкѣ, «гдѣ въ 1856 г. профессоромъ Иванишевымъ открыта гробница князя Любарта», солдаты мѣстной инвалидной команды, копая яму, нашли обломки какихъ-то золотыхъ вещей всего вѣсомъ въ 20 лотовъ. Вытребовавъ эту находку въ Кіевъ, кн. Васильчиковъ препроводилъ ее ректору университета Н. Х. Бунге съ предложеніемъ, «не признаетъ ли университетъ полезнымъ пріобрѣсти ее для своихъ коллекцій и какое въ такомъ случаѣ можетъ быть предложено вознагражденіе лицамъ, нашедшимъ означенное золото». Одновременно съ этимъ генералъ-губернаторъ предписалъ луцкому городничему строго наблюсти, чтобы то мѣсто, гдѣ найдено золото, никѣмъ не раскапывалось и вообще чтобы никто не дѣлалъ тамъ никакихъ поисковъ. Спустя полгода отъ университета былъ полученъ слѣдующій странный отвѣтъ: «Завѣдующій му-

зеемъ изящныхъ искусствъ и древностей въ Университетѣ св. Владиміра Волошинскій, на разсмотрѣніе котораго были переданы означенные золотые предметы, донесъ ректору, что несмотря на всѣ его частныя разысканія на счетъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ находку, онъ, Волошинскій, до сихъ поръ не могъ дойти въ этомъ случаѣ до вѣрныхъ результатовъ, безъ которыхъ пріобрѣтеніе этой находки будетъ безполезнымъ для университетскаго музея».

Между тѣмъ столь мучительно интересовавшія Волошинскаго «обстоятельства» сами собою выяснились въ слѣдующемъ письмѣ волынскаго епископа Антонія на имя кн. Васильчикова, отъ 9 декабря 1860 года: «Благочинный г. Луцка, протоіерей Исидоръ Метельскій [1]) донесъ епархіальному начальству, что въ луцкомъ замкѣ отъ незапамятныхъ временъ находился каменный православный каѳедральный соборъ, неизвѣстно когда и кѣмъ разрушенный (?), внутри и около котораго были погребены тѣла православныхъ христіанъ. Въ октябрѣ прошлаго 1859 г. солдаты луцкой инвалидной команды, копая на какую-то надобность яму за восточнымъ фундаментомъ церкви бывшаго собора [2]), попали на кирпичный довольно обширный гробъ и подъ стѣною гроба нашли полуковчежецъ изъ чистаго лучшаго золота и такую же золотую дощечку, всего вѣсомъ 20 лотовъ, съ изображеніемъ по концамъ ихъ крестовъ. Имѣя въ виду, что упомянутыя вещи и на основаніи 430 ст. X тома, части 1-й, и какъ имѣющія печать церковной собственности, должны принадлежать луцкой со-

---

[1]) Это былъ тоже своего рода археологъ, помогавшій Иванишеву и Волошинскому въ раскопкахъ развалинъ Іоанно-Богословской церкви, собравшій изъ актовыхъ книгъ фундуши всѣхъ древнихъ луцкихъ церквей и монастырей съ цѣлью возвращенія соборному причту нѣкогда принадлежавшихъ имъ земель и едвали не болѣе всего способствовавшій продажѣ на сломъ древнихъ храмовъ: Дмитріевскаго и Крестовоздвиженскаго братскаго.

[2]) Т. е. очевидно на мѣстѣ древняго епископскаго склепа, невполнѣ изслѣдованнаго кіевскими археологами въ 1855—56 г.

борной церкви, имѣю честь покорнѣйше просить ваше сіятельство сдѣлать распоряженіе о высылкѣ сихъ вещей ко мнѣ для учиненія за тѣмъ дальнѣйшаго распоряженія».

Князь Васильчиковъ отвѣтилъ преосвященному Антонію, что такъ какъ вещи найдены въ древнемъ луцкомъ замкѣ, въ которомъ хотя и находился нѣкогда православный храмъ, неизвѣстно когда и кѣмъ разрушенный, но въ настоящее время тамъ находятся помѣщенія, принадлежащія военному вѣдомству, нижними чинами котораго и найдены самыя вещи, то вопросъ о томъ, кому должна принадлежать эта находка или слѣдуемыя за оную деньги, будетъ подлежать судебному разрѣшенію; въ настоящее же время онъ призналъ нужнымъ отправить означенныя вещи министру императорскаго двора съ предложеніемъ, не будетъ ли признано полезнымъ пріобрѣсти ихъ для императорскаго Эрмитажа за соотвѣтственное вознагражденіе. И точно, вещи были отправлены въ Петербургъ, но въ мартѣ 1861 г. возвращены обратно при слѣдующемъ увѣдомленіи министра императорскаго двора Адлерберга: «Доставленные вашимъ с-ствомъ пять золотыхъ фрагментовъ я препровождалъ на заключеніе къ г. предсѣдателю императорской Археологической Коммиссіи графу Строгонову, который нынѣ увѣдомилъ меня, что фрагменты эти, судя по крестамъ, сдѣланнымъ на нихъ, и общей ихъ наружности, должны принадлежать къ церковнымъ окладамъ, а по формѣ крестовъ и рисунку травчатыхъ узоровъ относиться къ издѣліямъ греческой работы XII или даже XI вѣка; но вмѣстѣ съ тѣмъ, генералъ-адъютантъ графъ Строгоновъ не признаетъ ихъ заслуживающими пріобрѣтенія для Эрмитажа, какъ лишенные рѣшительно всякаго историческаго характера. Вполнѣ раздѣляя мнѣніе сіе, я имѣю честь возвратить къ вамъ означенные фрагменты».

Такимъ образомъ старанія князя Васильчикова сохранить для научнаго пользованія предметы глубокой древности не привели ни къ чему; несмотря на то, что эти предметы оказались произведеніемъ византійскаго искусства XII или даже XI вв. и отысканы въ развалинахъ древне-русскаго храма, ни кіевскій Университетъ, ни Археологическая Коммиссія не признали за

ними никакого «историческаго характера». Не зная, какъ далѣе распорядиться съ этими отвергнутыми древностями и, видимо, не желая передавать ихъ въ собственность луцкой соборной церкви, какъ того требовалъ волынскій преосвященный, князь Васильчиковъ отправилъ ихъ волынскому губернатору при письмѣ отъ 22 апрѣля 1861 г., въ которомъ, изложивъ вкратцѣ содержаніе всей переписки объ этихъ древностяхъ, просилъ губернатора «вопросъ о принадлежности означенныхъ золотыхъ вещей передать на рѣшеніе подлежащихъ судебныхъ мѣстъ съ тѣмъ, чтобы до окончательнаго рѣшенія онѣ никому выдаваемы не были». Какъ исполнилъ волынскій губернаторъ это порученіе и вообще какова была дальнѣйшая судьба этихъ злополучныхъ древностей, остается неизвѣстнымъ.

Ор. Левицкій.

Нѣсколько данныхъ о смерти и наслѣдствѣ Мазепы.

Легенды о мазепиномъ кладѣ и громадныхъ богатствахъ, оставленныхъ покойнымъ гетманомъ, возникли тотчасъ послѣ его смерти. Уже въ январѣ 1711 г. въ Вѣну сообщенъ слухъ изъ Крыма, что крымскіе, буджацкіе и ногайскіе татары двинулись по льду въ Украину въ сопровожденіи нѣсколькихъ шведовъ и козаковъ, которые знають, гдѣ спряталъ умершій годъ тому назадъ Мазепа большія суммы денегъ [1]). Молдавскій вел. логоѳетъ Ник. Костинъ въ современной хроникѣ также передаетъ, что турки вѣрили слухамъ о сокровищахъ Мазепы [2]). Въ позднѣйшей письменности появились сказанія о баснословныхъ суммахъ, переданныхъ Мазепою Карлу XII еще до Полтавы, и о захватѣ шведскимъ королемъ части богатствъ гетмана въ Бендерахъ. За отсутствіемъ документальныхъ данныхъ (кромѣ позднѣйшаго показанія Войнаровскаго, которому нельзя безусловно довѣрять) [3]), нелегко разобраться въ этихъ сказаніяхъ.

[1]) Eud. de Hurmuzaki. Documente privitóre la Istoria Românilor. Vol. VI, p. 631—донесеніе интернунція Тальмана 19 января 1711 г. имперскому военному совѣту.

[2]) Major M. Kogalnicean, Fragments tirés des chroniques Moldaves et Valaques, etc. (Jassi, 1845), II, 87—92. Ср. также «Кіевск. Стар.» 1885 г., VII, 503.

[3]) Н. Костомаровъ, Мазепа и мазепинцы, изд. 2, стр. 682.

Разслѣдованіемъ этого вопроса вынужденъ былъ заняться преемникъ Мазепы Филиппъ Орликъ, этотъ гетманъ-эмигрантъ, до самой смерти своей боровшійся съ денежными затрудненіями [1]). Послѣ бендерскаго погрома Орликъ удалился въ Христіанстадъ, и еще въ 1717 г. посылалъ Карлу XII и его чиновникамъ меморіалы по поводу наслѣдства Мазепы; такіе же меморіалы подавалъ онъ въ Стокгольмѣ въ 1719 и 1720 г.г., передъ отъѣздомъ въ Турцію. Обширная корреспонденція Орлика и его сподвижниковъ, сохранившаяся въ шведскомъ государственномъ архивѣ, содержитъ нѣсколько нелишенныхъ интереса документальныхъ указаній на обстоятельства кончины Мазепы и судьбу его богатствъ.

По неоднократнымъ заявленіямъ Орлика, связаннымъ съ этой тяжбой о наслѣдствѣ, онъ не желалъ и не добивался гетманства и принялъ на себя эту обузу лишь по настоятельному требованію Карла XII. Вскорѣ по прибытіи въ Бендеры гетманъ Мазепа далъ взаймы Карлу XII 60,000 талеровъ. Эти деньги не принадлежали Мазепѣ, а составляли козацкую войсковую казну. Рѣшеніе короля, что наслѣдникомъ имущества Мазепы долженъ считаться его племянникъ Войнаровскій, не касалось этой суммы. Такъ какъ эти 60,000 включены въ обязательство Войнаровскому, то ихъ надо выдѣлить и уплатить ему, Орлику, какъ преемнику Мазепы по гетманскому званію. Въ этомъ смыслѣ онъ дѣлалъ заявленія и Карлу XII въ своихъ меморіалахъ и особенно отъ 10 октября 1717 года, на которые не послѣдовало отрицательнаго отвѣта. На скорой уплатѣ долга онъ не настаиваетъ, откладывая его до своего отъѣзда изъ Стокгольма.—Кромѣ этихъ 60,000 талеровъ, Войнаровскій, по заявленію Орлика, захватилъ изъ войсковыхъ средствъ: 180,000 дукатовъ, болѣе чѣмъ на 200,000 риксдалеровъ войсковыхъ клейнодовъ, брильянтовый письменный приборъ цѣною въ 20,000 риксдалеровъ, усѣянную брильянтами саблю стоимостью до 10,000 риксдалеровъ, не считая

---

[1]) Уже въ ноябрѣ 1713 г., слѣдовательно, послѣ калабалика, онъ судился съ своими кредиторами у турецкаго кади въ Бендерахъ. Письмо Орлика 28 ноября 1713 года въ шведск. государств. архивѣ, *Cosacica*.

многихъ другихъ драгоцѣнностей. Тяжесть гетманства Войнаровскій свалилъ на него, Орлика, а войсковое добро забралъ себѣ. Кромѣ того, покойный Карлъ XII, когда крестилъ сына Орлика въ Бендерахъ, обѣщалъ подарить крестнику 20,000 риксдалеровъ, но и эта сумма не выплачена по недостатку средствъ. Еще въ Лундѣ покойный король вспомнилъ объ этомъ обѣщаніи, какъ удостовѣряетъ письмо Сольдана, королевскаго секретаря и оберъ-кригсъ-коммисара [1]).

Какъ должно думать, именно этому Густаву Сольдану, одному изъ ближайшихъ сотрудниковъ Карла XII во время его несчастнаго похода въ Украину, принадлежитъ хранящійся въ шведск. государств. архивѣ «Подробный отчетъ о смерти козацкаго гетмана Мазепы, а равно кто и какимъ образомъ распорядился имуществомъ Мазепы послѣ его смерти» [2]). Авторъ этого документа видимо не сочувствуетъ денежнымъ претензіямъ Орлика, относится къ нимъ критически, но съ чисто шведскою добросовѣстностью разсказываетъ все-таки какъ было дѣло. Документъ, къ сожалѣнію, не датированъ, но онъ, несомнѣнно, составленъ былъ по поводу требованій Орлика къ шведской казнѣ и вѣроятнѣе всего написанъ въ 1720 году, когда просьба Орлика была разрѣшена риксдагомъ.

Вотъ этотъ отчетъ въ переводѣ:

«Когда мы стояли въ Бендерахъ, козацкій гетманъ Мазепа впалъ въ смертельную болѣзнь, почему послалъ къ блаженной памяти корол. величеству и приказалъ просить, чтобы его величество командировалъ къ нему по случаю болѣзни вѣрнаго чело-

---

[1]) Extract des Feltherrn Orlichs unterth. supplique. Ibid., *Cosacica*. S. d. (вѣроятно, 1719 г.). Тотъ же мотивъ въ письмѣ 12 октября 1717 г. изъ Христіанстада (латин.), въ прошеніи на шведскомъ языкѣ королевѣ (s. d., вѣроятно, 1719 г.) и латинскомъ письмѣ по случаю смерти Карла XII (конецъ 1718 или начало 1719 г.). Ibid.

[2]) Ibid., Strödda handlingar rörande Kosakerna, 1654—1721, связка 2-я. Въ связкѣ 4-й находимъ именно донесеніе Густава Сольдана о расходахъ казны на содержаніе козаковъ, т. е. документъ, на который сдѣлана ссылка въ концѣ настоящаго «Подробнаго отчета».

вѣка, дабы послѣ его смерти имущество его въ золотѣ и драгоцѣнностяхъ, бывшее при немъ, не попало въ чужія руки. Вслѣдствіе этого блаж. памяти его корол. величество тотчасъ приказалъ мнѣ туда отправиться и тамъ при немъ оставаться. Когда я къ нему пришелъ, то засталъ его очень слабымъ; лишь только я вошелъ къ нему, онъ очень обрадовался моему приходу, потому что я могъ съ нимъ бесѣдовать, и онъ просилъ меня оставаться при немъ и имѣть надзоръ за его имуществомъ, находившимся въ его комнатѣ, особенно за шкатулкой и двумя четвертными боченками, которые были полны дукатовъ, и парой дорожныхъ мѣшковъ (Reittaschen)[1], въ которыхъ находились всѣ его драгоцѣнности и большое количество золотыхъ медалей, каковые дорожные мѣшки лежали у него подъ головою, а боченки стояли передъ его постелью; онъ просилъ меня также, чтобы никто изъ его людей ничего не уносилъ или не бралъ изъ его комнаты. Племянника его г. Войнаровскаго нашелъ я въ томъ же домѣ сидящимъ отдѣльно въ другой комнатѣ; я сказалъ ему, что мнѣ приказано тамъ оставаться и беречь какъ гетмана, такъ и его вещи, что́ ему (Войнаровскому) также было пріятно. Черезъ два на третій день послѣ этого умеръ г. гетманъ ночью. Хозяинъ дома, турокъ, тотчасъ послалъ къ турецкому кади или судьѣ и приказалъ объявить объ этомъ судьѣ, послѣ чего въ тотъ же часъ явились отъ судьи 4 турка и все, что́ нашли въ комнатѣ Войнаровскаго, забрали и внесли въ комнату покойнаго Мазепы, въ которой онъ лежалъ, и дверь заперли и запечатали, говоря, что это дѣлается именемъ ихъ султана и что ихъ права и обычаи страны того требуютъ, послѣ чего я приложилъ и свою печать, но г. Войнаровскій этимъ сильно встревожился и волновался, что его вещи также опечатаны; однако, онъ долженъ былъ покориться этому, когда турки удостовѣрили ему, что какъ только найдется законный наслѣдникъ Мазепы, то они все вновь освободятъ».

«Когда насталъ день и открылись бендерскія ворота, я вышелъ изъ города въ нашъ лагерь къ блаж. памяти корол. вели-

[1]) Рѣчь идетъ, очевидно, о переметной двойной сумѣ.

честву и рапортовалъ о смерти Мазепы и объ опечатаніи всѣхъ его вещей турками, послѣ чего блаж. памяти корол. величество тотчасъ послалъ меня къ бендерскому пашѣ съ просьбою, чтобы паша немедленно далъ приказъ снять печати съ его (Мазепы) двери, потому что покойный Мазепа не только принадлежалъ къ свитѣ, но и находился подъ протекціей его величества: паша послалъ къ судьѣ, чтобы снять печати; когда это было сдѣлано, получилъ я приказъ отъ блаж. памяти корол. величества передать все г. Войнаровскому, который въ тотъ же день приказалъ все вынести въ свою квартиру, и такимъ образомъ г. Войнаровскій получилъ все въ полное свое распоряженіе».

«Когда же козацкая старшина замѣтила, что г. Войнаровскій стремился унаслѣдовать лишь деньги Мазепы, но не его должность, то между ними поднялся большой ропотъ, начали по этому поводу сильно жаловаться его кор. величеству, что, какъ они узнали, г. Войнаровскій вовсе не имѣетъ намѣренія наслѣдовать своему дядѣ по матери, умершему Мазепѣ; но какъ онъ присвоилъ себѣ не только всю казну Мазепы, но и всѣ войсковые клейноды и регаліи, которые съ давнихъ поръ принадлежатъ наслѣдующимъ гетманамъ, то если онъ не желаетъ быть гетманомъ вмѣсто покойнаго,—ему по праву не принадлежитъ ничего, ибо Мазепа не оставилъ завѣщанія и ничего ему не отказалъ. Вслѣдствіе этого блаженной памяти корол. величество приказалъ назначить разслѣдованіе, которое должно было все это разобрать. Въ названной коммисіи засѣдали слѣдующія лица, а именно г. генералъ Понятовскій, г. королевскій совѣтникъ фонъ Мюллернъ, г. камергеръ Клингеншерна и г. совѣтникъ канцеляріи фонъ Кохенъ. По разслѣдованіи вышелъ по этому дѣлу приговоръ, въ силу котораго все присуждено г. Войнаровскому, что́ видно обстоятельнѣе изъ рѣшенія, которое должно находиться въ канцеляріи. Однако козаки стояли на томъ, что Войнаровскій долженъ быть гетманомъ, ибо онъ не только правилъ ранѣе должность гетмана во время отсутствія Мазепы, но и забралъ себѣ казну прежняго гетмана; но въ этомъ козакамъ было отказано, и должность гетмана возложена на г. Орлика, который вначалѣ не со-

глашался принимать ее съ пустыми руками, но какъ блаж. памяти корол. величество крѣпко настаивалъ, то г. Орликъ вынужденъ былъ согласиться; при этомъ явился и г. Войнаровскій и обѣщалъ Орлику 3000 дукатовъ, если онъ согласится принять должность. Затѣмъ г. Орликъ былъ провозглашенъ гетманомъ, а г. Войнаровскій получилъ все, что́ Мазепа оставилъ въ золотѣ, драгоцѣнностяхъ и прочихъ вещахъ».

«Что́ затѣмъ произошло, о томъ лучше всего можетъ показать г. совѣтникъ канцеляріи фонъ Кохенъ. Насколько я могу припомнить и какъ я неоднократно слышалъ отъ г. Орлика, покойный Мазепа далъ въ Украинѣ 60.000 риксдалеровъ наличными двору его корол. величества и еще кому то, подъ вексель на Гамбургъ, каковые 60.000 ркд. были включены въ обязательство Войнаровскому, какъ частная собственность Мазепы; но вексель на Гамбургъ не былъ учтенъ, а г. Войнаровскій въ Бендерахъ при разслѣдованіи самъ получилъ и заявилъ, что всѣ дукаты, бывшіе въ наличности, принадлежали лично Мазепѣ, остальныя же серебряныя деньги и мелкая монета принадлежали войсковой кассѣ, и все это осталось подъ Полтавой; поэтому надлежитъ сказать, насколько мнѣ извѣстно, что эти 60.000 риксдалеровъ не составляли частной собственности Мазепы, но принадлежали козацкой войсковой кассѣ, ибо невдалекѣ отъ Полтавы его прев-ство покойный графъ Пиперъ посылалъ меня къ Мазепѣ спросить, не можетъ ли онъ дать нѣкоторую сумму подъ вексель на Гамбургъ; г. Мазепа сперва извинялся, что у него лично нѣтъ денегъ, но что онъ пошлетъ къ своей старшинѣ и будетъ убѣждать ее отпустить деньги изъ войсковой кассы подъ вексель; на слѣдующій день г. Мазепа послалъ за мною и далъ мнѣ отвѣтъ, что онъ убѣдилъ старшину выдать изъ ихъ войсковой кассы 60.000 ркд. мелкою монетою подъ вексель на Гамбургъ; насколько могу припомнить, г. генералъ-маіоръ Лагеркрона получилъ въ тотъ разъ изъ этихъ денегъ, такъ что покойный Мазепа имѣлъ одинъ вексель отъ его прев-ства покойнаго графа Пипера, а другой отъ г. генерала Лагеркрона, однако, я не могу этого сказать утвердительно, пока не справлюсь по этому вопросу въ королевской ка-

мерколлегіи. Если я не ошибаюсь, г. Мазепа получилъ за вышесказанные 60.000 ркд. наличными 40.000 ркд. *in banco* на Гамбургъ, такъ что эти занятыя въ Украинѣ деньги никоимъ образомъ нельзя разсматривать какъ частную собственность Мазепы, но какъ деньги изъ войсковой кассы; поэтому то и г. Орликъ какъ въ Лундѣ, такъ и тутъ въ Стокгольмѣ домогался этихъ 60.000 ркд., ибо они отнюдь не принадлежатъ г. Войнаровскому, но неправильно и по недосмотру включены въ его обязательство. Поэтому то и г. Орликъ незадолго передъ своимъ отъѣздомъ изъ Стокгольма заявилъ, что если ему за эти войсковыя деньги дадутъ 10.000 ркд., то онъ охотно поквитуетъ 60.000 ркд. И я думаю, что онъ и теперь еще охотно сдѣлалъ-бы это, но только господа козаки вмѣстѣ со своимъ новымъ гетманомъ стóятъ государству больше, чѣмъ въ пять разъ, этой суммы, какъ это видно изъ нашего бендерскаго коммисаріатскаго счета, который я представилъ въ здѣшнюю корол. камерколлегію; все это можно было бы сберечь, если бы г. Войнаровскій наслѣдовалъ (должность) своего дяди по матери: онъ могъ бы не только содержать себя, но и помогать другимъ козакамъ».

Изъ письма Орлика къ королю шведскому Фридриху, доложеннаго въ королевскомъ совѣтѣ 5 августа 1720 г., видно, что Орлику дѣйствительно назначено было риксдагомъ 10,000 ркд. вмѣсто 100,000, которыхъ домогался гетманъ in partibus, и онъ согласился на это назначеніе, прося лишь доплатить ему жалованье за двѣ трети и выдать вексель на Гамбургъ [1]). Въ Стокгольмѣ Орликъ задолжалъ 3848 ркд. Свита его въ Стокгольмѣ состояла въ 1719 г. изъ 8 душъ, которымъ платилось жалованья въ годъ 4072 талера [2]); семья гетмана была тоже не малая—

---

[1]) Ibid., связка 4-я: Kosakhetmanen Orliks skrifvelser till Kon. M. 1711—1722.

[2]) Ibid.: «Спецификація Оффицеровъ моихъ и провизіи ихъ якъ много хто зъ нихъ въ годъ беретъ: 1) Климентій Довгополый судіа енералный беретъ въ годъ талярей силберминцъ 672.—2) Федоръ Третякъ другій судіа—480.—3) Григорій Герцикъ Енералъ Адютантъ—672.—4) Федоръ Мировичъ Енералъ Адютантъ—672 (отѣхалъ).—5)

жена и семеро дѣтей. Немудрено, что при такихъ условіяхъ большая часть сохранившейся переписки Орлика посвящена просьбамъ о жалованьи, субсидіяхъ и нѣсколько запоздалымъ счетамъ съ Войнаровскимъ, которому, какъ извѣстно, тоже не принесло пользы наслѣдство Мазепы.

Изъ переписки Орлика узнаемъ еще одну маленькую подробность объ этомъ злосчастномъ наслѣдствѣ. Составленная въ Бендерахъ въ 1709 году коммиссія Понятовскаго, фонъ Мюллерна, Клингеншерна и фонъ Кохена, провѣряя права на деньги Мазепы, допрашивала небезызвѣстнаго Быстрицкаго, одного изъ дѣятельныхъ сподвижниковъ покойнаго гетмана. Онъ всецѣло высказался въ пользу Войнаровскаго. Послѣ калабалика и увоза Карла XII въ Демотику, Быстрицкій умеръ въ Бендерахъ. По словамъ Орлика, предъ смертью Быстрицкій прислалъ ему чрезъ своихъ духовника и сына нижеслѣдующее письмо на имя Карла XII [1]: «Наияснѣйшій король, государь всемилостивѣйшій. Не черезъ кого-либо другого потерялъ я жену, дѣтей и имущество, какъ только чрезъ блаженной памяти гетмана Мазепу, именно потому, что не измѣнилъ ему, когда дважды былъ посылаемъ съ письмами къ вашему свѣтл. кор. величеству и продолжалъ службу у Мазепы въ теченіи сорока лѣтъ. Теперь же его милость панъ Войнаровскій забылъ объ этомъ и только водитъ меня обѣщаніями, хотя моя жена была его родственницей, потому что Мазепа при-

---

Іванъ Герцикъ хорунжій енералный—576.—6) Афанасій Герцикъ бунчучный—400.—7) Федоръ Нахимовскій булавничій—400 (отѣхалъ).—8) Понъ Парфеній—200.—Summa 4072 талр.—Два зъ нихъ Федоръ Мировичъ енералъ адютантъ и Федоръ Нахимовскій булавничій отѣхали, безъ вѣдома моего, въ мѣсяцю прошломъ Септевріи, взявши свою провизію на двѣ чверти».

[1]) Ibid., связка 5-я—латинское письмо Орлика къ гофканцлеру фонъ-Мюллерну 12 окт. 1717 г. изъ Христіанстада. Письмо Быстрицкаго приложено въ латинскомъ переводѣ. Подлинникъ, если онъ существовалъ, а не придуманъ Орликомъ, былъ писанъ, очевидно, по-польски. Въ гос. архивѣ подлинника не сохранилось.

ходился ему дядей, а моя жена теткой его милости пану Войнаровскому, изъ дома Городыскихъ. Онъ обѣщалъ мнѣ сперва дать нѣсколько сотъ дукатовъ за то, что я помогъ ему овладѣть казной, когда показывалъ объ имуществѣ блаж. памяти гетмана Мазепы. свидѣтельствуя, что это не войсковая, но его частная казна. Если же сказать сущую правду, то самое вѣрное будетъ то, что Мазепа завладѣлъ сокровищами трехъ гетмановъ: перваго—гетмана Брюховецкаго, второго—гетмана Многогрѣшнаго. третьяго—гетмана Самуйловича и трехъ его сыновей—Симеона, Григорія, котораго царь казнилъ въ Сѣвскѣ, и Якова. который сосланъ въ Сибирь,—всѣхъ ихъ добро перешло къ Мазепѣ. Войсковыя же деньги отъ арендъ остались у Мазепы, а по смерти гетмана Мазепы его милость панъ Войнаровскій все это войсковое добро и войсковые клейноды забралъ, хотя ихъ съ собою не принесъ въ Украину блаж. памяти гетманъ Мазепа: ибо кошевой Сирко прислалъ его въ одномъ жалкомъ плащѣ (solum in una infimae sortis penula) къ гетману Самуйловичу въ Батуринъ: затѣмъ онъ былъ посланъ изъ Батурина въ Москву и по отъѣздѣ оттуда принятъ къ гетману Самуйловичу на дворскую услугу въ теченіи пятнадцати лѣтъ, затѣмъ назначенъ имъ въ генеральные асаулы, и эту должность правилъ шесть лѣтъ, а когда Самуйловичъ былъ сосланъ въ Сибирь, то Мазепа наслѣдовалъ его гетманское достоинство и присвоилъ себѣ всѣ эти сокровища войсковой казны».

Если это письмо и сочинено Орликомъ, то едва-ли можно сомнѣваться въ точности его показаній.

Оглянувшись на результаты шведской протекціи въ 1721 г., одинъ изъ мазепинцевъ Өедоръ Нахимовскій (булавничій въ штатѣ Орлика) писалъ своему гетману изъ Вроцлава такъ: ...«по совѣту ксіонженція его милости Вишневецкаго, канцлера великого литовского, поихалемъ просто до его милости пана Понятовскаго для полученія вѣдомости о вашей вельможносты, але и тамъ не моглемъ довѣдатися о вашей вельможносты, радилъ мнѣ только его милость панъ Понятовскій, абымъ просто ихалъ до Дрезны до двору королевского величества полского, въ чомъ послѣдуючи совѣту его милости предсявзялемъ тую дорогу и прибувши тутъ

до Вроцлавя 10 сего мѣсяца Октоврія засталемъ фамѣлію вашой вельможносты въ кляшторѣ паненскомъ заключенную, на которую глядячи жаль и плачъ мене пронялъ, звлаща когда выдѣлемъ въ великой нищетѣ, въ которой если бы не помоществовалъ его милость панъ баронъ Менникъ, свойственный вашой вельможносты, то бы до тыхъ часъ зъ голоду поумѣрали, зъ ласки протекціи шведской»... «Якъ вижу, всѣ наши дѣла пошли въ руину, поневажъ прибывши тутъ до Вроцлавя извѣстилемся зъ публичныхъ газетъ, же Шведы надъ надѣю нашу поспѣшилися учинити покой зъ Москвою, а до того еще и войско запорожское зъ трактату екклюдовалы: такая то постоянная протекція шведская, такая вдячность, такая нагорода за вѣрніе войска запорожского службы, которое для шведовъ и сѣчь свою запорожскую съ такъ многими скарбами и екпленцорами церковними и войсковими, отъ килка сотъ лѣтъ на мори и на земли отвагою своею набытими [1], и съ 700 арматами спѣжовими стратило, и блаженнія памяти короля его милость зъ пащеки непріятеля вырвавши въ цѣлости до Бендеру запровадило, и кровъ свою и на Украинѣ, и въ Волоской земли, и въ Полщи нещадно проливало, и такъ много товариства своего на розныхъ мѣсцахъ погубыло. *А за тое и*

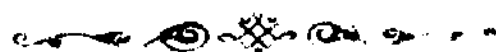
---

[1]) По поводу войсковыхъ клейнодовъ этихъ слѣдуетъ отмѣтить, что Карлъ XII въ началѣ 1712 г. чрезъ особаго гонца просилъ крымскаго хана Девлетъ Гирея отобрать отъ атамана Костя (Гордіенка) захваченныя имъ съ нѣсколькими, бѣжавшими съ нимъ, козаками «multa clenodia bellica». Ханъ, письмомъ отъ 1 реби-уль-евваля 1124 г. рѣшительно отказался вмѣшиваться въ эти козацкія дѣла. Письмо хана получено 28 марта 1712 г. *Шв. гос. арх.*, *Tatarica*, связка 2-я. Не лишено интереса, что тотъ же Гордіенко, письмомъ изъ лагеря при Конанкѣ 20 ноября 1709 г. (очевидно въ Бендеры), просилъ сообщить ему, «quale decreta in causa nostra (т. е. войска запорож.) cum magnifico d-no Woynarowski sperandum et quidquid ibi altissimis suis iudiciis constituent, significent et nobis, quoniam et nos non pro aliquo alio, solum modo pro Rossiaca patria et pro integritate S. R-ae M tis, sicut et *pie defuncti Ducis* (т. е. Мазепы) et vestrarum personarum impendemus curam» etc. *Шв. гос. арх.*, *Cosacica:* Strödda handlingar. Письмо въ копіи, быть можетъ, въ переводѣ.

гроши наши войсковіе побралы, и вельможность вашу отъ протекціи турецкой одорвавши праве усиловне до Швеціи запровадили, где якъ вельможность вашу и насъ по смерти блаженнія памяти короля его милости трактовано—и непріятелеви своему таковогo трактаменту незичилъ бымъ. Наконецъ уже хотячи насъ и интересъ нашъ до крайней препровадити руини, въ той часъ, когда треба было, вельможносты вашой зъ Швеціи не отпущали, але черезъ полтора рока даремне удержуючи и черезъ килка кварталовъ жадной провѣзіи не даючи, тогда уже вельможность вашу отпустили, когда трактовати зъ Москвою замышляли, а ще найгоршая, и въ суспѣцію шалбѣрства и обманничества передъ ханомъ и передъ войскомъ запорожскимъ вельможность вашу подали, поневажъ вельможность ваша листами своими и хана, и войско упевнялесь, же вцѣле шведы будутъ войну континовати: и не дивно, бо и вельможность ваша былесь при отпуску своемъ тымъ упевненный. А еслибъ вельможность вашу того времены, якъ въ Штоколмѣ стаpалесся о отпускѣ, заразъ отпущено, неудержуючи черезъ полтора року надаремне, то бы певне и для нихъ, и для насъ дешевшый бы москаль былъ, зwлаща когда еще въ той часъ Москва и покою вѣчного зъ Портою не чинила, а и теперь вся орда въ готовносты была бы за позволенемъ Порты. Богъ имъ нехай за ихъ правду и за такъ многіе ассекураціи воздастъ» [1])...

Одиннадцать лѣтъ ранѣе этого письма Орликъ, заключая въ Бендерахъ pacta conventa съ Карломъ XII, проводилъ параллель между этимъ безнадежнымъ шагомъ и политикой Б. Хмельницкаго и Карла X Густава: дистанція огромнаго размѣра!

Н. Молчановскій.



[1]) Изъ подл. письма Пахимовскаго 11 окт. 1721 г. *Шв. гос. арх.*, *Cosacica*, т. I.—Fälther. o. underfälther. skrifvelser, 1655—1721.

Къ вопросу объ экономическомъ изслѣдованіи юго-западнаго края.

(«Труды Общества изслѣдователей Волыни», т. I., Житомиръ 1902 г.).

Изъ библіографической замѣтки г. О. Л. въ предыдущемъ нумерѣ нашего журнала о «Трудахъ Общества изслѣдователей Волыни» читатель уже познакомился отчасти съ первыми работами этого симпатичнаго общества, возникшаго недавно въ г. Житомирѣ. Стремясь возможно полнѣе обнять всѣ задачи дѣятельности Общества, намѣченныя его уставомъ, Общество разбилось на четыре секціи, изъ которыхъ каждая уже успѣла проявить себя тѣмъ или инымъ образомъ.

Секція экономическая въ первомъ же засѣданіи поставила на очередь «изслѣдованіе частновладѣльческаго и крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства на Волыни» и ко второму засѣданію, при посредствѣ спеціально избранной для этой цѣли коммиссіи, выработала уже и «вопросную» программу для собиранія свѣдѣній этого рода.

Вопросъ этотъ—высокой важности. Нашъ край настолько не изслѣдованъ въ экономическомъ отношеніи, потребность въ подобномъ изслѣдованіи настолько настоятельна, что вопросъ о сплошномъ экономическомъ изслѣдованіи края, какъ извѣстно, ставился на очередь уже въ административныхъ его сферахъ [1]),

[1]) См. мою статью «Нужды статистики въ юго-западн. краѣ», «Кіевск. Стар.» 1898 г. № 11.

лѣтъ приблизительно еще 8—9 тому назадъ. Не дождавшійся осуществленія предполагавшагося въ то время общаго экономическаго изслѣдованія края, лишенный земства, которое одно только и могло бы приступить къ общей организаціи такого изслѣдованія, край нашъ можетъ въ этомъ отношеніи надѣяться только на починъ и энергію такого рода обществъ, какъ только что организовавшееся Общество изслѣдователей Волыни или бывшій Отдѣлъ Географическаго Общества въ Кіевѣ. Сплоченными, умѣло съорганизованными силами спеціалистовъ и людей, интересующихся вопросами этого рода, при умѣлой постановкѣ дѣла, можно сдѣлать весьма много для познанія жизни края въ экономическомъ отношеніи.

Вотъ почему нельзя не привѣтствовать отъ всей души приведенное выше рѣшеніе Волынскаго Общества относительно экономическаго изслѣдованія подлежащаго его вѣдѣнію района. И нельзя не пожелать въ то же время, чтобы подобныя общества съ такими же цѣлями и столь же широко и разносторонне разработаннымъ уставомъ съорганизовались бы и въ другихъ частяхъ юго-западнаго края. Казалось бы, что въ частности въ самомъ г. Кіевѣ, этомъ умственномъ центрѣ края, этомъ средоточіи ученыхъ спеціалистовъ всѣхъ отраслей знанія, учрежденіе подобнаго общества было бы особенно умѣстно и, что Кіевское «общество изслѣдователей», какъ располагающее наибольшимъ запасомъ рабочихъ силъ и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи, могло бы даже брать, въ случаѣ надобности, на себя иниціативу и руководство дѣятельностью разбросанныхъ по краю мѣстныхъ «обществъ изслѣдователей» края...

Своевременность и важность постановки вопроса объ экономическомъ изслѣдованіи юго-зап. края невольно побуждаютъ, въ виду принятаго уже Волынскимъ Обществомъ рѣшенія, посвятить этому вопросу нѣсколько словъ съ цѣлью высказать нѣкоторыя соображенія о томъ, *что* и *какъ* могутъ сдѣлать подобныя «общества изслѣдователей въ этомъ отношеніи и *чего* можно ожидать отъ нихъ и чего нельзя. Попробуемъ освѣтить эти вопросы на конкретномъ примѣрѣ, т. е. путемъ подробнаго разсмо-

трѣнія тѣхъ задачъ и той программы, которыя поставило себѣ и выработало Волынское Общество.

Само собою понятно, что вопросъ объ экономическомъ изслѣдованіи края, да еще такого, какъ Волынь, отличающаяся обширностью и чрезвычайнымъ разнообразіемъ мѣстныхъ условій—вопросъ весьма сложный, трудно осуществимый и требующій предварительной всесторонней и обстоятельной разработки. Изъ напечатаннаго въ «Трудахъ» очерка занятій экономической секціи Волынскаго общества, представляющаго по своему изложенію не то краткій сводъ ея занятій, не то рядъ не одинаково подробно сдѣланныхъ выдержекъ изъ протоколовъ, къ сожалѣнію, совершенно не видно, обсуждался ли секціею вопросъ о томъ, *какъ* будетъ производиться предполагаемое изслѣдованіе, и потому на этотъ счетъ приходится ограничиться догадками. Выходитъ, что секція какъ будто бы даже и не обсуждала вопроса о самой организаціи изслѣдованія, а прямо приступила къ выработкѣ «вопросной программы для собиранія свѣдѣній», при чемъ эта выработка свелась къ составленію одной только подворной карточки. Небезъинтересно отмѣтить при этомъ, что, едва успѣвъ поставить на очередь вопросъ объ экономическомъ изслѣдованіи Волыни, секція увлеклась вопросами о разработкѣ базальтовыхъ мѣсторожденій и проведеніи желѣзнодорожной линіи Жлобинъ—Житоміръ—Одесса и за оживленными преніями (по поводу, главнымъ образомъ, послѣдняго вопроса [1]), не только не догадалась обсудить вопроса объ организаціи изслѣдованія, но даже не замѣтила того, что встала въ полное противорѣчіе сама съ собою. Дѣло въ томъ, что какъ разъ передъ рѣшеніемъ вопроса объ экономическомъ изслѣдованіи края, въ той же секціи состоялось рѣшеніе возбудить передъ правительствомъ ходатайство «о позволеніи воспользоваться вторыми бланками переписи 1897 года». Необходимость этого ходатайства мотивировалась тѣмъ, что «получивши ихъ въ свое распоряженіе, Общество будетъ обладать такъ называемымъ *основ-*

---

[1]) въ которомъ всѣ оказались компетентными безъ всякаго предварительнаго изслѣдованія.

нымъ фактическимъ матеріаломъ *безъ котораго невозможно никакое статистическое изслѣдованіе количественнаго и профессіональнаго состава населенія»* [1]). Казалось бы, что разъ такое ходатайство возбуждается и имѣется надежда, что «основной» матеріалъ «безъ котораго невозможно никакое» изслѣдованіе, поступить въ распоряженіе общества, то нѣтъ и надобности въ производствѣ вторичной подворной переписи населенія. Однако, вмѣсто того, чтобы приступить къ выработкѣ такихъ программъ экономическаго изслѣдованія, которыя бы *только дополняли* этотъ «основной» матеріалъ, имѣющій поступить въ распоряженіе Общества, секція занялась выработкой программы *подворной* карточки, т. е. программы того именно «изслѣдованія количественнаго и профессіональнаго состава населенія», матеріалъ по которому и такъ долженъ поступить въ распоряженіе секціи въ случаѣ удовлетворенія ходатайства. Иное дѣло, если его не удовлетворятъ,—тогда, конечно, сталъ бы на очередь и вопросъ о производствѣ самостоятельной переписи населенія; но пока ходатайство еще только возбуждается и есть надежда на его удовлетвореніе, зачѣмъ было тратить время на обсужденіе программы подворной переписи, которая, можетъ быть, будетъ совершенно не нужна? А затѣмъ другой вопросъ—какъ предполагала секція осуществить эту подворную перепись по выработанной ею карточкѣ силами «Общества изслѣдователей Волыни»? Думала ли она, что это совсѣмъ легко—стоитъ только выработать подходящую программу; задавалась ли она самымъ простымъ и неизбѣжнымъ вопросомъ о томъ, сколько людей и сколько денегъ нужно для того, чтобы произвести это изслѣдованіе и гдѣ найдутся эти люди и эти деньги? Вѣдь для одной только разработки уже готоваго матеріала переписи 1897 г. секція рѣшила просить о денежномъ правительственномъ пособіи (безъ опредѣленія суммы необходимой ей для этой цѣли !?). Почему же секція предполагала, что новую подворную перепись населенія по ея гораздо болѣе обширной подворной карточкѣ, чѣмъ при переписи 1897 г., можно произвести безъ денежныхъ

1) Курсивъ нашъ.

затратъ и не вдаваясь въ обсужденіе вопроса о томъ, какъ и какими силами будетъ произведена такая перепись?

Секціи, конечно, было не безъизвѣстно, что для переписи 1897 г. потребовался огромный персоналъ счетчиковъ, привлеченныхъ къ этому дѣлу частію денежнымъ вознагражденіемъ, частію обѣщаніемъ «нагрудныхъ знаковъ отличій»—медалей, что предварительно производства переписи персоналъ этотъ былъ такъ или иначе подготовляемъ къ данной работѣ и что въ концѣ концовъ (какъ это видно изъ отзывовъ въ литературѣ) собранный статистическій матеріалъ оказался все-таки съ немалыми дефектами. Въ земскихъ статистическихъ бюро, какъ, можетъ быть, тоже не безъизвѣстно секціи, подворныя переписи давали меньшее количество дефектовъ и болѣе благопріятные, въ смыслѣ точности и полноты данныхъ, результаты, благодаря тому, что производились людьми подготовленными, спеціализировавшимися на этой работѣ. Но вслѣдствіе невозможности имѣть достаточное число такихъ подготовленныхъ работниковъ и значительности расходовъ на единовременное производство переписи населенія всей губерніи, такія переписи никогда не производились земствомъ разомъ для всей губерніи, а велись постепенно изъ года въ годъ, послѣдовательно переходя изъ волости въ волость, изъ уѣзда въ уѣздъ.

Уже одно постановленіе секціи о необходимости полученія ссуды на разработку матеріаловъ переписи 1897 г. указываетъ съ несомнѣнностью на крайнюю незначительность средствъ, которыми она располагаетъ (уясняя вмѣстѣ съ тѣмъ и то обстоятельство, что у нея не было бы средствъ также и для разработки матеріаловъ, собранныхъ по выработанной ею подворной карточкѣ). Слѣдовательно, вырабатывая новую карточку, секція не могла, вѣрнѣе сказать, не должна была, не имѣла никакихъ основаній надѣяться осуществить сплошную перепись населенія по новой своей программѣ. Если она надѣялась, можетъ быть, на добровольныхъ корреспондентовъ изъ жителей деревни, способныхъ откликнуться на призывъ Общества изъ одного только интереса къ дѣлу, то это была напрасная надежда уже потому, что для сплошной переписи населенія всей губерніи нужно было найти въ каждомъ

мелкомъ районѣ такихъ людей именно столько, сколько было бы нужно для производства переписи сплошь, безъ всякихъ пропусковъ. Опытъ переписи 1897 г., когда трудно было найти вполнѣ удовлетворительныхъ счетчиковъ и за деньги и за обѣщаніе наградъ и при возможности покрытія расходовъ по разъѣздамъ и т. п. только подтверждаетъ это. Перепись же съ пропусками цѣлыхъ селеній и волостей за неимѣніемъ въ нихъ добровольцевъ-любителей статистики, т. е. перепись случайно выхваченныхъ селеній, переписанныхъ только потому что именно въ нихъ и только въ нихъ нашлись такіе добровольцы, не имѣла бы по всей вѣроятности никакого ни научнаго, ни практическаго значенія.

При такомъ недостаткѣ средствъ и силъ, какой, очевидно, имѣетъ мѣсто въ «Обществѣ изслѣдователей Волыни», Обществу этому доступна была бы, по нашему мнѣнію, только подворная перепись *отдѣльныхъ типичныхъ* или наоборотъ представляющихъ какія либо *особенности* мѣстностей или населенныхъ пунктовъ. Намѣтивъ послѣдовательно цѣлый рядъ типичныхъ въ томъ или другомъ отношеніи районовъ въ предѣлахъ изслѣдуемой губерніи, Общество могло бы силами своихъ сьорганизовавшихся для этой цѣли компетентныхъ сочленовъ производить въ намѣченныя мѣстности экскурсіи съ цѣлями переписи и опроса населенія, привлекая къ этому дѣлу, въ цѣляхъ увеличенія своего рабочаго персонала, и живущихъ на мѣстѣ добровольцевъ-любителей статистики, болѣе интеллигентныхъ народныхъ учителей и т. п. Такимъ путемъ могли бы быть изслѣдованы—и сравнительно весьма детально изслѣдованы—не только тѣ или иныя типичныя мѣстности, но также и тѣ или иныя наиболѣе выдающіяся занятія населенія,—его наиболѣе распространенные и важные промыслы или отдѣльныя отрасли сельскохозяйственной дѣятельности населенія (напр., скотоводство въ полѣсскихъ мѣстностяхъ, значеніе свекловичнаго производства для помѣстнаго и крестьянскаго землевладѣнія, лѣсной промыселъ, различные кустарные промыслы и т. п.). Изслѣдовавъ болѣе подробно два—три правильно избранныхъ типичныхъ района и обстоятельно разработавъ собранный матеріалъ, Общество уже располагало бы довольно цѣн-

ными данными для сужденія объ экономическихъ условіяхъ жизни цѣлой полосы губерніи, находящейся въ однородныхъ съ ними условіяхъ и имѣло бы возможность дѣлать о ней тѣ или иные, болѣе или менѣе обоснованные выводы и заключенія, которыхъ не могутъ дать разрозненныя данныя переписи случайно переписанныхъ случайными людьми отдѣльныхъ селеній. Словомъ, при данныхъ условіяхъ недостатка рабочихъ силъ и денежныхъ средствъ и впредь до ихъ накопленія, «Общества изслѣдователей» могутъ осуществлять только анкетныя изслѣдованія, только монографическія работы экономическаго характера. Сплошное же собираніе свѣдѣній чрезъ живущихъ на мѣстахъ добровольныхъ корреспондентовъ, путемъ разсылки имъ вопросныхъ программъ, осуществимо лишь по отношенію къ *отдѣльнымъ* отраслямъ текущей экономической жизни, легко поддающимся при томъ непосредственному ихъ наблюденію (напр., сообщеніе свѣдѣній о цѣнахъ на рабочія руки въ каждый періодъ сельскохозяйственнаго года, о цѣнахъ продуктовъ и т. п. данныхъ текущей сельскохозяйственной статистики).

Но и при собираніи отъ нихъ такого рода свѣдѣній поставленные программою вопросы должны быть редактируемы кратко, ясно и точно, а сама программа должна сопровождаться надлежащею *инструкціею*, разъясняющею способы и пріемы собиранія требуемыхъ свѣдѣній, значеніе и пониманіе поставленныхъ въ программѣ вопросовъ и пр. Нечего и говорить, что подобныя требованія тѣмъ болѣе приложимы къ программѣ переписи населенія—къ подворно-переписной карточкѣ. Между тѣмъ въ данномъ случаѣ весьма сложная карточка, выработанная секціею, имѣвшею основаніе расчитывать только на такихъ исполнителей переписи, какъ живущіе на мѣстахъ случайные добровольцы, въ большинствѣ не знакомые съ переписнымъ дѣломъ, не снабжена никакою объясняющею и руководящею инструкціею и сама составлена далеко не удачно.

Извиненіемъ секціи въ этомъ отношеніи служитъ, конечно, новизна дѣла и трудность составленія такой программы. «Всякій, кто хоть сколько нибудь соприкасался съ практическою стати-

стикою—говоритъ проф. А. Ф. Фортунатовъ [1]), хорошо знаетъ, какъ трудно составить порядочную статистическую программу». Но въ распоряженіи секціи была полная возможность испытать эту программу на дѣлѣ, на какомъ-нибудь хоть самомъ небольшомъ, хотя бы на удачу выбранномъ, селеніи, чтобы убѣдиться съ степени пригодности ея къ дѣлу. «Передъ составленіемъ программы всегда полезно произвести нѣкоторое придварительное наблюденіе, хотя бы по немногимъ рубрикамъ и на небольшомъ районѣ» [2]). Нѣкоторые опытные статистики, говоритъ далѣе проф. Фортунатовъ [3])—берутся распознать кабинетную программу отъ обстрѣленной на практикѣ; дѣйствительно, практика изслѣдованія всегда вызываетъ измѣненіе въ программѣ и нерѣдко это измѣненіе бываетъ сокращеніемъ прежде существовавшей программы».

На случай, что «Общество изслѣдователей Волыни» пожелаетъ все таки использовать выработанную секціею карточку подворной переписи, мы прежде всего и рекомендуемъ ему сократить эту программу. Изъ нее надо совершенно выкинуть всѣ бюджетные вопросы, стремящіеся выяснить доходы и расходы (между прочимъ «на книги, *газеты, зрѣлища*»!) крестьянской семьи, такъ какъ при сплошной подворной переписи на такіе вопросы получаются часто весьма вздорные отвѣты. Бюджеты крестьянскихъ семей практичнѣе составлять для *типичныхъ* (богатыхъ, среднихъ, бѣдныхъ и т. д.) семей въ обстоятельной бесѣдѣ съ отдѣльными болѣе толковыми, разсудительными, уяснившими смыслъ и цѣль собиранія этихъ свѣдѣній и довѣрчиво относящимся къ этому дѣлу домохозяевами. Затѣмъ надлежитъ совершенно выкинуть безполезно занимающіе очень много мѣста и «щекотливые» вопросы объ урожаѣ (только даннаго при томъ года) разныхъ хлѣбовъ («посѣяно» и «собрано» льна, гороха, гречихи и пр. и пр.), по которымъ при сплошномъ опросѣ также большею частію

---

[1]) «Сельскохозяйств. статистика Евр. Россіи». М. 1893 г. стр. 20.

[2]) Тамъ же, стр. 20.

[3]) Тамъ же, стр. 21.

даются вздорныя свѣдѣнія и которые должны быть выясняемы обстоятельнымъ разспросомъ наиболѣе толковыхъ и довѣрчивыхъ хозяевъ о среднихъ урожаяхъ главнѣйшихъ хлѣбовъ на крестьянскихъ земляхъ и заносимы не въ подворную карточку, а особо. Съ выключеніемъ только что названныхъ вопросовъ карточка несомнѣнно сразу уменьшится до размѣра четверти листа и такимъ образомъ объемъ ея сдѣлатся удобнымъ для подсчета (пересчета числа карточекъ по соотвѣтствующимъ рубрикамъ), тогда какъ теперешній ея видъ «простыни» для такого подсчета весьма неудобенъ; а это тоже весьма важно, потому что облегчаетъ и ускоряетъ подсчетъ. Выше перечисленными вопросами не исчерпываются, однако, всѣ тѣ вопросы, которые, не подлежа подворной записи, могутъ и должны быть исключены изъ карточки какъ подлежащіе выясненію въ общей бесѣдѣ со всѣми хозяевами и относимы въ рубрику вопросовъ общаго описанія селенія (такъ наз. въ земской статистикѣ «поселенный» или «пообщинный» бланкъ). Къ числу такихъ вопросовъ долженъ быть отнесенъ, напр., и вопросъ о томъ, «не имѣетъ ли крестьянинъ посѣва травъ» и «какъ ими пользуется» и вообще всѣ вопросы относящіеся къ рѣдко встрѣчающимся въ опрашиваемыхъ домохозяйствахъ явленіямъ, такъ какъ подобные вопросы легче и проще выяснить при составленіи общаго описаніи селенія (поселеннаго бланка). Само собою понятно также, что излишни всѣ графы или вопросы программы, повторяющіе вопросы уже включенные въ другія графы; напр., противъ графы (занимающей, надо сказать, чрезмѣрно большой объемъ), требующей отвѣта, изъ какихъ лицъ состоитъ семья, т. е. отмѣтокъ «хозяинъ», «жена», «сынъ» и т. д. безполезно уже ставить графу съ требованіемъ отмѣтить (женскій или мужеской) полъ хозяина, жены, сына и т. д. Необходимо также, чтобы чертежъ каждой графы соотвѣтствовалъ предполагаемому объему отвѣта на поставленный въ ней вопросъ. Напр., для отвѣта на вопросъ «чѣмъ заняты» имѣющіяся у хозяина избы, если у него ихъ нѣсколько, достаточнаго мѣста въ карточкѣ не оставлено и потому отвѣтить на вопросъ будетъ негдѣ; точно также негдѣ отвѣтить и на вопросъ о длинѣ и ширинѣ («аршинъ»)

каждой изъ избъ, если ихъ нѣсколько, или хотя бы только двѣ, такъ какъ графы устроены только для отвѣта по отношенію къ одной избѣ.

Какъ уже сказано выше, вопросы программы должны быть ясно и точно формулированы. «Понятіе объ изслѣдуемомъ предметѣ,—говоритъ проф. Фортунатовъ [1]) должно быть непремѣнно установлено съ возможною точностью, какъ бы просто ни казалось съ виду наименованіе предмета; напр., надо въ хозяйственно-статистическихъ программахъ разъяснять не только, что такое «*селеніе*», но и что такое «*лошадь*», т. е. переписываются ли всѣ лошади отъ момента рожденія, или сосуны не включаются въ регистрацію». Въ разсматриваемой карточкѣ какъ разъ есть графы: «лошадей» и «жеребятъ», но должны ли входить въ число жеребятъ и сосуны неизвѣстно, вслѣдствіе чего, въ свѣдѣнія по этой карточкѣ одни счетчики включали бы въ перепись и сосуновъ, а другіе вносили бы только однихъ «жеребятъ», за исключеніемъ сосуновъ, и данныя о лошадяхъ оказались бы такимъ образомъ, даже безъ вѣдома самой секціи, по разнымъ карточкамъ несравнимыми. Еще менѣе точно формулированъ въ карточкѣ вопросъ: «доходъ съ лошадей», имѣющій объяснительный подзаголовокъ, изложенный словами: «навозъ (сколько лошадей)»— нужно ли тутъ опредѣлить количество получаемаго навоза, или опять повторить цифру имѣющагося количества лошадей (дающихъ навозъ?), или же надобно проставить цифру дохода отъ извоза на этихъ лошадяхъ и т. п.—неизвѣстно! Не менѣе необъяснимо повтореніе вопросовъ программы относительно наемныхъ рабочихъ: сначала требуется помѣстить ихъ въ перечень членовъ семьи съ отмѣткою «особенностей: слѣпъ, глухъ и т. п.», а затѣмъ отдѣльно задается вопросъ «сколько лѣтнихъ рабочихъ». Спрашивается: надо ли въ первомъ случаѣ помѣщать только годовыхъ, мѣсячныхъ и зимнихъ рабочихъ, но безъ лѣтнихъ рабочихъ, или же всѣхъ вмѣстѣ, проставляя въ послѣднемъ случаѣ только итогъ поименованныхъ уже тамъ лѣтнихъ рабочихъ. И спрашивается также, почему считается болѣе важнымъ видѣлить цыфру лѣтнихъ ра-

1) Тамъ же, стр. 21.

бочихъ, а не годовыхъ, напримѣръ? Неточность и неясность формулировки вопросовъ сказывается и въ помянутыхъ графахъ объ урожаѣ: требуется, чтобы «все показать въ пудахъ или другихъ общеупотребительныхъ *на Волыни* мѣрахъ». Очевидно въ данномъ случаѣ предполагалось дать счетчикамъ просторъ въ показаніи урожаевъ въ тѣхъ именно мѣрахъ, которыя общеупотребительны не на Волыни вообще, а именно въ *данной* мѣстности: требованіе же предъявлено относительно такихъ мѣръ, которыя «*общеупотребительны на Волыни*», что и можетъ поставить въ тупикъ счетчика, не посвященнаго въ намѣреніе составителей программы и понимающаго или старающагося понимать смыслъ задаваемыхъ вопросовъ буквально.

Все это указываетъ на безусловную «кабинетность» выработанной программы. На это же указываютъ и нѣкоторые существенные пропуски, допущенные въ ней. Еслибы составители попробовали, ради испытанія, примѣнить ее къ дѣлу, то, вѣроятно не преминули бы, вовремя перваго же пробнаго опроса крестьянъ, натолкнуться и на возможность владѣнія крестьянами купленными землями: вопросъ объ арендуемой землѣ они включить не забыли, а о купленой нигдѣ вопроса не задали вовсе!

Не снабдивъ подворную карточку инструкціею, секція забыла и о необходимости составленія программы поселеннаго бланка, т. е. описанія каждаго населеннаго пункта по вопросамъ общаго характера, не подлежащимъ подворному опросу, но служащимъ къ уясненію общихъ экономическихъ условій жизни населеннаго пункта. Благодаря этому, задавшись цѣлью изученія «аграрнаго вопроса» во всей его широтѣ, съ «изслѣдованіемъ помѣщичьяго и крестьянскаго землевладѣнія и вообще положенія земледѣльческаго класса на Волыни», секція вынуждена была оставить безъ вниманія всѣ вопросы о формахъ землевладѣнія и землепользованія, объ условіяхъ найма въ земледѣльческія работы, объ условіяхъ земледѣльческаго хозяйства: способахъ обработки земли и ухода за сельскохозяйственными растеніями, удобреніи, сѣвооборотахъ и пр. и пр. А между тѣмъ, собираніе свѣдѣній по такого рода поселенной программѣ возможно было

бы осуществить для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ типичныхъ или чѣмъ-либо выдающихся мѣстностей или селеній силами секціи, даже и при условіи невозможности производства общей подворной переписи населенія. Между тѣмъ собранныя по такой программѣ данныя могли бы дать много полезнаго матеріала для характеристики того же «аграрнаго вопроса».

Было бы безполезно вдаваться въ еще болѣе подробное разсмотрѣніе выработанной секціею программы, кабинетность и непригодность которой къ дѣлу достаточно выяснилась изъ предыдущаго. Очевидно, ее надобно въ корнѣ передѣлать или, прямо говоря, составить вновь, присоединивъ къ ней програму поселеннаго обслѣдованія, а къ обѣимъ этимъ программамъ подробную инструкцію о порядкѣ собиранія требуемыхъ свѣдѣній, способахъ и пріемахъ опроса, съ поясненіемъ значенія и объема каждаго вопроса программъ, пріемовъ и способовъ записей отвѣтовъ на поставленные въ этихъ программахъ вопросы.

Думается, что указанные выше дефекты выработанной программы, зависѣли, главнымъ образомъ, отъ того, что люди, взявшіеся за ея составленіе, не имѣя надлежащей въ этомъ отношеніи подготовки, были знакомы съ даннымъ вопросомъ только теоретически. Нѣтъ сомнѣнія, что при (весьма желательномъ, повторяемъ) возникновеніи однородныхъ «обществъ изслѣдователей» и въ другихъ мѣстностяхъ края, подобные же факты могутъ имѣть мѣсто и въ другихъ обществахъ. Единственнымъ исходомъ изъ такого положенія дѣла является, по нашему мнѣнію, привлеченіе, хотя бы только къ первоначальной постановкѣ дѣла, компетентныхъ, свѣдущихъ людей, спеціалистовъ, хорошо знакомыхъ съ дѣломъ изслѣдованія не только теоретически, но и практически. Дѣло экономическаго изслѣдованія—дѣло настолько важное и сложное, что для постановки его далеко недостаточно одного добраго и искренняго желанія его осуществить при наличности только диллетантскаго съ нимъ знакомства. Пусть этимъ задлится его осуществленіе, пусть даже, можетъ быть, до нѣкоторой степени увеличатся этимъ расходы на данное предпріятіе, но за то оно будетъ поставлено обдуманно, гарантировано отъ серіоз-

ныхъ неудачъ и обезпечено отъ полученія неумѣло и неполно собранныхъ, недостовѣрныхъ, вздорныхъ свѣдѣній, выводы изъ которыхъ не будутъ соотвѣтствовать дѣйствительности и представятъ экономическое положеніе изслѣдованныхъ мѣстностей въ невѣрномъ, ложномъ свѣтѣ. При невозможности же привлечь такое вполнѣ компетентное лицо остается приниматься только за такія изслѣдованія или работы, полное и теоретическое и практическое знакомство съ которыми самихъ членовъ «общества изслѣдователей» не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Пусть это были бы сравнительно незначительныя работы, захватывающія лишь нѣкоторыя стороны экономической жизни и далеко не въ томъ объемѣ, какой былъ бы осуществимъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, все таки онѣ дали бы извѣстные результаты, какихъ не получишь тогда, когда берешься за малознакомую и непосильную работу.

Л. Личковъ.

А. Е. Крымскій, какъ украинскій писатель.[1]

Съ внѣшней стороны біографія А. Е. Крымскаго—это біографія кабинетнаго ученаго.

Онъ родился 3 января 1871 г. во Владимірѣ Волынскомъ въ небогатой семьѣ уѣзднаго учителя исторіи (потомка татарскаго выходца изъ Крыма), среднее образованіе закончилъ въ 1889 г. въ Кіевѣ, въ Коллегіи Павла Галагана, гдѣ на выработку его научныхъ интересовъ въ области украинской филологіи и его эстетическихъ вкусовъ имѣлъ большое вліяніе П. И. Житецкій, извѣстный филологъ и историкъ литературы; въ 1892 г. онъ окончилъ спеціальные классы Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ въ Москвѣ, а въ 1896 г.—историко-филологическій фа-

---

[1]) Произведенія украинскихъ писателей, особенно новѣйшаго періода, изданныя большею частью за границей, а также и критическіе разборы этихъ произведеній, появлявшіеся и появляющіеся въ галицкихъ изданіяхъ, остаются почти совершенно неизвѣстными для широкихъ круговъ нашей читающей публики. Чтобы хотя отчасти восполнить указанный пробѣлъ, Редакція предполагаетъ въ настоящемъ году дать рядъ литературныхъ очерковъ и характеристикъ, посвященныхъ преимущественно дѣятелямъ новѣйшаго періода (съ 70-хъ годовъ) украинской литературы, наименѣе у насъ извѣстнаго. Предлагаемая вниманію читателей въ этой книжкѣ статья о литературной дѣятельности А. Е. Крымскаго, какъ украинскаго писателя, и представляетъ собою первый изъ такихъ очерковъ. *Ред.*

культетъ Московскаго университета, послѣ чего два года (1896—1898) провелъ въ Сиріи, куда былъ командированъ для подготовленія къ профессурѣ по арабской словесности. Возвратясь, онъ съ 1898 г. читалъ лекціи въ Лазаревскомъ институтѣ, профессоромъ котораго, по арабской словесности и исторіи мусульманскаго востока, онъ состоитъ и въ настоящее время, ведя крайне замкнутую жизнь въ своемъ ученомъ кабинетѣ.

По своей спеціальности А. Е. Крымскимъ изданъ уже рядъ работъ на русскомъ языкѣ [1]). Кромѣ того, онъ участвовалъ или участвуетъ на украинскомъ или русскомъ языкѣ своими научными, беллетристическими и поэтическми работами въ журналахъ: «Правда», «Народ», «Зоря», «Житє і слово», «Літературно-науковий Вістник», «Дзвінок», «Зеркало», «Кіевская Старина», »Этнографическое Обозрѣніе», »Труды Этнографическаго Отдѣла» и др. Кромѣ многочисленныхъ рецензій и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ названныхъ органахъ и относящихся къ украинскимъ филологіи, фольклору и литературѣ, г. Крымскимъ напечатаны еще слѣдующія работы, касающіяся украинскаго языка: «Наша языкова скрута и способъ зарадыты лыхови» (Зоря, 1891, 472)—статья по поводу возникшаго въ 1891 г. въ украин-

---

[1]) Ограничиваемся ихъ перечисленіемъ, такъ какъ онѣ не входятъ въ кругъ нашего обзора. Литографически изданы курсы лекцій: «Изъ арабской словесности», «Исторія сасанидскаго Ирана» и «Старѣйшая исторія ислама», «Исторія халифата», „Исторія Персіи, ея литературы и дервишской философіи“, «Лекціи по исторіи семитскихъ языковъ», «Лекціи по корану»; напечатаны: «Очеркъ развитія суфизма до конца III вѣка Гижры» (1895), „Мусульманство и его будущность“ (М., 1899), «Исторія мусульманства» (М., 1903, 2 чч.), „Семитскіе языки“ (М., 1903) и цѣлый рядъ меньшихъ работъ, опубликованныхъ г. Крымскимъ въ качествѣ редактора или сотрудника большей части изданій Лазаревскаго института, сотрудника (а теперь редактора) „Восточныхъ Древностей“ и «Энциклопедическаго Словаря» Брокгауза и Ефрона (по отдѣлу мусульманской исторіи и литературы—около 200 статей); кромѣ того, г. Крымскій пишетъ по-арабски въ бейрутскомъ журналѣ «аль-Машрикъ». Онъ состоитъ секретаремъ Восточной Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

скихъ журналахъ спора о языкѣ галицкихъ поэтовъ, въ которой основательно указывается на необходимость составленія возможно-полнаго украинскаго словаря, съ обозначеніемъ широты распространенія каждаго слова въ народномъ и литературномъ языкѣ,—только такой словарь далъ бы необходимый матеріалъ для сужденій о языкѣ украинской литературы; того-же вопроса касаются и статьи: «Ще про «общерусске единство языкове» (Буковына, 1882, № 4) и «Про нашу литературну мову» (Литературно-Науковый Вистнык, 1901, № X); «Филологія и Погодинская гипотеза» [1])—обширная работа, разсматривающая съ филологической точки зрѣнія извѣстную Погодинскую мысль, защищавшуюся одно время и г. Соболевскимъ, о несуществованіи малорусскаго племени на кіевскомъ югѣ въ дотатарскій періодъ,—къ сожалѣнію, работа не окончена въ печати; «О малорусскихъ отглагольныхъ существительныхъ на *єнне* и *інне*—въ «Юбилейномъ Сборникѣ въ честь В. Ѳ. Миллера» (1900).

Старой и новой украинской литературы и фольклора касаются статьи: «Іоаннъ Вышенскій, его жизнь и сочиненія» (Кіев. Стар. 1895 и отдѣльно)—разборъ диссертаціи г. Франко о Вышенскомъ: «Къ вопросу о старинныхъ малорусскихъ религіозныхъ сказаніяхъ» (ib., 1896, X)—указаніе источниковъ для нихъ, сдѣланное по поводу статьи проф. Сумцова на ту-же тему [2]); «Михаилъ Петровичъ Драгомановъ» («Этнографич. Обозрѣніе», 1895, кн. XXVII)—обширный некрологъ; «Мыхайло Комаръ» (Зоря, 1896, 358)—литературная характеристика извѣстнаго украинскаго литератора и редактора русско-украинскаго словаря; вступительныя статьи ко II, III и V томамъ «Творів Степана Руданського», изданнымъ (Львв., 1896, 1901) подъ прекрасной редакціей самого-же проф. Крымскаго [3]); «Чому Олекса Стороженко кынувъ пысаты по укра-

---

[1]) Кіевская Старина, 1898, VI, IX; 1899, I, VI, IX.

[2]) Въ VIII т. «Сборника Харьковскаго Историко-филолог. Общества».

[3]) Въ V томѣ помѣщена также статья г. Крымскаго о поддѣльныхъ памятникахъ чешской старины («Краледворской рукописи» и др).

инськы?» (Л. Н. Вистныкъ, 1901, V); «Иванъ Франко»—обстоятельная статья въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза и Ефрона (71-й полутомъ). Слѣдуетъ еще отмѣтить разборъ книги г. И. Стешенка о Котляревскомъ: полный разборъ былъ награжденъ золотой медалью отъ Академіи Наукъ, а часть его напечатана въ «Этнографическомъ Обозрѣніи» (1901, кн. L). Старой малорусской литературы касается и обзоръ состава Румянцевскаго музея въ Москвѣ: «Про Румянцивськый музей у Москви» (Жытє и слово, 1894, т. I и II, 402 и 265).

Кромѣ того, г. Крымскимъ издана еще книга: «В. А. Клоустонъ. Народни казкы та выгадкы, ихъ вандрывкы та перемины. Зъ англійскои мовы переложывъ А. Крымськый» (Льв., 1896). Это не полный переводъ двухтомной работы Клоустона (Popular tales and fictions, their migrations and transformations), а сборникъ, составленный изъ перевода «Introduction» помянутой работы и главы оттуда-же: «Арабська повисть про Антара»; къ этому прибавлены переводы г. Франка египетской сказки о двухъ братьяхъ и статей о ней Ж. Масперо и Э. Коскена, и все снабжено пояснительными замѣчаніями г. Крымскаго. Книга является цѣннымъ пособіемъ для начинающаго фольклориста.

Обширная эрудиція автора и умѣнье его просто и интересно писать даже о наиболѣе спеціальныхъ и сухихъ предметахъ являются особенностями какъ названныхъ статей, такъ и тѣхъ разбросанныхъ по различнымъ изданіямъ замѣтокъ и научныхъ и литературныхъ рецензій, перечисленіе которыхъ заняло бы слишкомъ много мѣста [1]). Но, кромѣ того, во всемъ этомъ выражена

---

[1]) Перечень его научныхъ трудовъ напечатанъ проф. А. С. Хахановымъ въ „Тридцатилѣтіи Спеціальныхъ классовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ" (М., 1902). Въ украинскихъ журналахъ г. Крымскимъ напечатаны рецензіи и критическіе разборы отдѣльныхъ работъ: Галипа, Гринченка, Заренка, Кобылянской, Осадчаго, Павлика, Тихонравова и Миллера, Тобилевича, Франка, Янчука, Ястребова и др.; также обзоры московской лубочной литературы, относящейся къ Украинѣ: «Украинсько-руськи выдання московськыхъ лубочныкивъ» (Зоря, 1890, 335) и „Лубочна украинська литература"

ярко еще одна характерная черта автора, уже отмѣченная критикой [1]) и проявляющаяся во всемъ, что-бы ни писалъ онъ—въ научныхъ статьяхъ, разсказахъ, стихотвореніяхъ (за исключеніемъ, впрочемъ, лекцій для студентовъ),—это проявленіе индивидуальности автора—впечатлительной, нервной, способной къ горячимъ порывамъ чувства и въ то-же время постоянно стремящейся къ искреннему и объективному раскрытію истины, какъ она представляется автору. Съ точки зрѣнія, требующей отъ ученаго безстрастно-спокойнаго отношенія къ излагаемымъ фактамъ, это, вѣроятно, недостатокъ, но за то—это въ сильнѣйшей степени приближаетъ читателя къ автору, а потому и усиливаетъ вліяніе прочитаннаго.

Но переходимъ къ разскамъ г. Крымскаго. Ихъ немного, всего девять, собранныхъ въ томикѣ: «Повисткы и ескизы зъ украинського жыття» [2]).

За исключеніемъ одного разсказа, содержаніе всѣхъ остальныхъ почти цѣликомъ посвящено изображенію жизни образованнныхъ слоевъ общества.

Сильно занимаетъ автора вопросъ объ отношеніяхъ между «старшими» (родителями, учителями) и «младшими» (дѣти, школьная молодежъ). Онъ возмущается, въ разсказѣ «Батькивске право», родителями, не признающими въ дитяти *человѣка*, имѣющаго право на свои собственныя мысли и чувства, и топчущими нравственное *я* ребенка по «праву» своей родительской власти.

—«Отъ учора»,—разсказываетъ кухарка о своей маленькой, только что избитой ею, дочери,—«узяла за щось суперечытысь зо мною: я—слово, вона—дви,—зовсимъ мене забелькотала.—

(ib, 1892, 340, 361). Подъ его-же редакціей издано для народа московскимъ лубочникомъ Губановымъ нѣсколько вещей Г. Квитки.

[1]) И. Франко, Наша поезыя въ 1901 роци. П. (Л. Н. Вистныкъ, 1902, № II, 115).

[2]) Коломыя и Львивъ 1895. Въ 1902 г. три разсказа изъ этого томика изданы въ Москвѣ подъ заглавіемъ: „Изъ повистокъ и ескизивъ“.

«Яке ты маешъ право, зийдытелько, усе казать и робыть въ сукоръ? Щобъ ты прыймомъ пропала!» кажу: «чы не тямышъ, що я твоя маты»?—«То що зъ того? Колы жъ на цей разъ *моя* правда!»—«Але я маты! Ты не смiешъ проты матери кырпу гнуты, хырюща дивчыно»!—«Чому?»—пыта вона... «Чому жъ, колы вы маты, я мусю геть въ усёму васъ слухать»? Я зновъ вызвирылась на неи: «Якъ то—чому? Та я жъ тебе зродыла на свитъ! Я тебе годую!»—«Дуже я васъ прохала, щобъ вы мене на свитъ порожалы! Може, воно було-бы й гарнiйшъ, якъ бы що я зовсимъ не родылася. А самы породылы, то мусыте й годуваты» (3).

И удивительно, какъ сходится нравственное пониманіе этой «некультурной» Горпыны съ пониманіемъ тѣхъ-же вопросовъ «культурнымъ» господиномъ Ручицкимъ!

«А породылы, то й годуваты мусыте»,—згадалася ёму мова Настунина...—Не мусю! не мусю!—люто подумавъ винъ,—не мусю!! Якъ що я дитьмы опикуюся, то це тилькы моя *ласка!* и воны повынни цинуваты цю ласку та любыты мене та слухатыся!»

Какъ разъ та-же самая аргументація своихъ насилій надъ дѣтской душой, еще болѣе по своей сути возмутительныхъ, чѣмъ избіеніе Горпыной маленькой дочки. Душевное состояніе двѣнадцатилѣтняго гимназистика Гната, у котораго отецъ отнялъ дневникъ и издѣвался затѣмъ по поводу написаннаго тамъ, очень правдиво изображено авторомъ, и у читателя невольно щемитъ при этой сценѣ сердце и онъ понимаетъ грубое и рѣзкое возмущеніе старшаго сына, восьмиклассника Кости. Подъ впечатлѣніемъ подобныхъ отношеній юноша уже успѣлъ возненавидить всѣхъ «старшихъ» и допекаетъ ихъ систематически и сознательно, съ болѣзненнымъ наслажденіемъ.

Еще большее и еще болѣе болѣзненное наслажденіе находитъ въ подобныхъ «допеканіяхъ» герой другого разсказа—«Перши дебюты одного радыкала»—гимназитъ Химченко. Умный, проницательный, онъ какъ только начинаетъ сознательно относиться къ дѣйствіямъ старшихъ, въ данномъ случаѣ—учителей, такъ сейчасъ-же, отчасти подъ впечатлѣніемъ собственнаго опыта, отчасти подъ вліяніемъ прочитанныхъ книгъ (главнымъ образомъ Писа-

рева) замѣчаетъ огромное количество неискренности, лицемѣрія, которое царитъ въ отношеніяхъ учителей къ учащимся. Онъ возмущается поведеніемъ учителей и гимназическаго начальства, затѣмъ поведеніемъ мирящихся со своимъ положеніемъ товарищей и, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда столкновеній и конфликтовъ съ тѣми и другими, ожесточается до такой степени, что ссорится съ цѣлымъ классомъ и превращается въ невозможнаго, невыносимаго никѣмъ, придиру съ испорченными нервами и полнымъ отвращеніемъ къ наукѣ—таковъ былъ результатъ «педагогіи», примѣненной къ умному и талантливому мальчику. Дома, на каникулахъ, онъ немного отдохнулъ, но семейная обстановка—полумѣщанская-получиновничья—также была не изъ тѣхъ, которыя способствуютъ успокоенію такихъ натуръ, какъ Химченко. Благодаря этому онъ вѣчно ссорился съ домашними и устраивалъ имъ всякіе непріятные сюрпризы. Онъ давно уже рѣшилъ «зневажаты всяке decorum, бо казавъ, що вси формы прыстойносты—паньськи вытребенькы». И вотъ онъ выказываетъ ко всему этому презрѣніе и является, напр., въ театръ, въ туфляхъ, въ разстегнутой блузѣ и съ отломанной отъ плетчя палкой. Помѣстясь во второмъ ряду креселъ, онъ громко говоритъ по украински—не потому, чтобы былъ «украинофиломъ», а просто изъ за того, что украинскій языкъ казался ему наиболѣе мужицкимъ и потому наиболѣе пригоднымъ для оскорбленія аристократическихъ ушей... Онъ вооружается противъ царствущаго въ отношеніяхъ между людьми лицемѣрія и очень умѣло пользуется для своихъ штукъ тѣмъ матеріаломъ, который доставляетъ ежедневная жизнь. Вотъ, напр., отецъ не желаетъ дать гостю «Вѣчнаго жида» Е. Сю и говоритъ, что книги нѣтъ дома, сынокъ-же съ невиннымъ видомъ находитъ ее, а на послѣдовавшіе затѣмъ укоры отца, отвѣчаетъ съ неменьшей невинностью:

— Татуню, та вы жъ булы таки раднипци даты ёму! вы навить казалы, що...

— «Казалы»! Хиба я настоящо казавъ? Мало що инколы балакаеться!

— Тату!! невже вы зважылысь... брехать?!—тыхесенько спытавъ Петрусь, трохы пошепкы.

Одъ сынового тону батько счервонивъ и мовчкы заходывъ по стежци впередъ и назадъ.

— Яки тутъ брехни!—нетерпеливо одмовывъ винъ потимъ:— це жъ дрибныця.

— А вчора, тату, вы казалы Маси, що чесна людына навить у дрибныцяхъ не повынна брехаты николы въ свити.

Слова ци булы вымовлени такъ прыродно, такъ соромляжо, що батько зовсимъ ставъ ни въ сыхъ, ни въ тыхъ»... (109).

Наиболѣе допекаетъ подобными выходками Петрусь своихъ двухъ сестеръ по поводу всякихъ ихъ фальшивыхъ косъ и другихъ дамскихъ тайнъ.

Онъ полагаетъ, что не внѣшняя форма какого либо дѣянія имѣетъ значеніе, а его внутренняя суть, а посему происходитъ слѣдующее. Когда, провожая сестру, онъ является въ галантерейную лавочку еврейки Хавы и когда послѣдняя на моментъ выходитъ изъ лавки, оставя въ ней только ихъ двоихъ, онъ вынимаетъ изъ кармана ключи и пробуетъ отпереть кассу.

«—Боже мій!!—пошепкы гукнула на нёго сестра.—Що ты робышъ?!

— Хочу одимкнуты та подывытысь, чы багацько грошей у Хавы.

— Петре!!!

— А що жъ бо такого? адже не вкраду, подывлюсь тилькы.

— Кынь любчыку мій! кынь!—благала Мася:—надійде Хава, дакъ що ій у голову прыйде?! Думатыме, що ты злодій!

— Хай думае.

— По всёму городу зватымуть тебе злодіякою.

— Хай звуть! а моя власна совисть буде, про те, чыста» (123).

Разсказъ написанъ колоритно, и читатель не можетъ не хохотать, читая описаніе всѣхъ этихъ чудачествъ. Фигура самого Петруся Химченка выходитъ совсѣмъ живою.

Другого рода отношенія находимъ мы въ разсказѣ «Не порозуміються». Деспотизма со стороны родителей (собственно— матери-вдовы) здѣсь нѣтъ, но есть нѣчто другое, столь-же грустное: полное несоотвѣтствіе во взглядахъ и нравственныхъ понятіяхъ между матерью-мѣщанкой и сыномъ-студентомъ. Мать, напр., продаетъ женѣ судьи молочные продукты. Барыня, получивъ счеты за забранное, черезъ прислугу, передаетъ, что въ счетахъ оказались невѣрности, сдѣланныя умышленно въ пользу Лаговской-матери. Лаговскій-сынъ возмущается ложью, идетъ объясняться съ судьихой и не стѣсняется въ выраженіяхъ. Узнавъ объ этомъ, мать тайкомъ отъ сына, бѣжитъ къ барынѣ извиняться отъ его имени. Когда сынъ узнаетъ все и протестуетъ противъ этого, она съ торжествомъ отвѣчаетъ:

— «Вона хоче тебе навить у гости до себе запрохаты... А все те зробывъ нихто, якъ я!—хвалылась вона, тріумфуючы... Я сказала, що ты гарно граешъ на скрыпку. То вона: «Чы не захотивъ бы винъ узавтра прыйты до насъ на вечиръ граты до танцивъ?» А я кажу: «Винъ дуже радый буде»...

— Що?!! Що кажете?!!

Маты не зрозумила сынового тону. Вона навить думала, що винъ отакъ згукнувъ зъ несподиваныхъ радощивъ, и казала дали:

— Бачышъ, отъ що: въ неи взавтра буде багацько гостей,— дакъ ій хочеться, щобъ булы танци. Тилькы жъ на горенько нема теперъ у городи музыкъ: пойихалы на село до одного пана. Та есть тутъ одна гувернантка: то вона взавтра гратыме на фортепьянъ а ты гратымешъ укупи зъ нею на скрыпку. Воно й буде такъ неначе оркестръ... Ты будешъ граты, а пидъ твою музыку танцюватыме все панство... И це я зробыла, я!..» (318).

Ея типическое пошлое рабское мѣщанство хорошо изображено авторомъ; но вѣроятно слишкомъ густы краски, которыми онъ изображаетъ другое рабство—служанки Текли (стр. 314— 317),—оно во всякомъ случаѣ не такъ ужъ типично. Намъ думается также, что описаніе физическаго отвращенія, вызваннаго у героя-истерика сообщеніемъ о падучей болѣзни матери (стр. 295) могло бы быть съ пользою для разсказа опущено.

До сихъ поръ виновны были «старшіе», но вотъ выступаютъ на сцену и «младшіе». «Вырывкы зъ мемуаривъ одного старого гриховоды»—это, по дополнительному заглавію,—«матеріалы для діагноза psychopathiae sexualis». Послѣднее заглавіе только отчасти соотвѣтствуетъ содержанію, какъ бы раздвоенному: съ одной стороны это размышленія стараго грѣховодника, теперь эпилептика, по поводу половыхъ отношеній, размышленія слишкомъ конкретнаго характера для того, чтобы не получалось впечатлѣнія соотвѣтствующей странички психопатологіи, а съ другой—это воспоминанія взрослаго человѣка о томъ возмутительномъ отношеніи къ матери, которое онъ проявлялъ въ дѣтствѣ и юности. Единственный сынъ вдовы, эгоистъ въ высшей степени и въ то-же время постоянно больной маніей ложнаго стыда, онъ съ одной стороны самымъ безстыднымъ образомъ эксплоатируетъ чувство матери, безконечно его любящей, подвергая ее самымъ незаслуженнымъ оскорбленіямъ и униженіямъ, а съ другой—въ нечастые моменты раскаянія—стыдится сознаться въ своей винѣ. Если бѣдная десятилѣтняя Настуся («Батькивське право») отъ побоевъ и сентенцій матери о ея родительскихъ правахъ должна *защищаться* словами: «самы породылы, то мусыте й годуваты», то здѣсь сынокъ, на основаніи какъ разъ того-же разсужденія (стр. 186), находитъ оправданіе для эгостическаго пользованія силами любящей матери и освобожденія себя отъ всякихъ нравственныхъ обязанностей по отношенію къ ней. Изображеніе отношеній между матерью и сыномъ—лучшая часть разсказа, трогающая читателя.

Герой только что разсмотрѣннаго разсказа, сынъ великоросса, мучитъ свою мать-польку, высказывая крайнее презрѣніе къ ея національности. Забитая и малоразвитая мать эгоиста-сына, беззавѣтно ею любимаго, подъ вліяніемъ издѣвательствъ послѣдняго и изъ любви къ нему, рада отречься отъ своей національности; иные результаты даетъ неудовлетворительность или оскорбленіе этого чувства у натуръ болѣе самостоятельныхъ и развитыхъ: здѣсь оно обостряется до болѣзненности, а проявленія его доходятъ до крайностей. Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно прочесть дневникъ молодого украинскаго національна подъ загла-

віемъ: «Psychopathia nationalis» [1])—безпретенціозно, но прекрасно написанную вещь, проникнутую искренностью и блещущую колоритными картинками народной жизни и природы. Здѣсь чувство національности проявляется въ такихъ формахъ, что и смѣшитъ читателя, и трогаетъ.

Съ отрицательной точки зрѣнія смотритъ авторъ на тѣ проявленія національнаго чувства, которыя изображены имъ въ разсказахъ: «Въ народъ», «Сырота Захарко» и «Історія однiеи подорожи».

«Въ народъ» нѣсколько напоминаетъ «Перши дебюты одного радыкала» (но только безъ достоинствъ этого послѣдняго разсказа) и посвященъ также первымъ дебютамъ одного молодого національнаго гимназиста, идущаго «въ народъ» проповѣдывать національную идею и объединяться съ народомъ. При этомъ онъ, конечно, дѣлаетъ и говоритъ всякія глупости, благодаря чему и терпитъ отъ крестьянъ различныя непріятности—до побоевъ включительно, послѣ чего чуть не бросаетъ своего «національзма», но ограничивается устраненіемъ изъ своего символа вѣры лишь «демократизма», полагая, что можно любить украинскій языкъ и безъ симпатій къ мужикамъ.

Подобнаго же гимназиста-націонала, правда,—не такого уже каррикатурнаго,—найдемъ мы и въ лицѣ Олеся въ разсказѣ «Сырота Захарко», и въ лицѣ Александра изъ «Історіи однiеи подорожи»: игра въ національность и пренебреженіе къ положенію трудящагося народа. Обличительное намѣреніе автора въ трехъ послѣднихъ разсказахъ слишкомъ явно, чтобы не идти въ разрѣзъ съ эстетическими требованіями; да и съ принципіальной стороны вопросъ мало обоснованъ: вѣдь не мальчики-же гимназисты являются создателями того направленія, противъ котораго, по справедливости, возстаетъ авторъ. Здѣсь какъ разъ нужно-бы говорить о «старшихъ», а не о «младшихъ».

---

[1]) Дневникъ, подъ заглавіемъ „Нудьга“, перепечатанъ въ изданномъ въ Петербургѣ г. Бѣлиловскимъ сборникѣ: „Складка. Альманахъ. 1897“.

Впрочемъ, это не уменьшаетъ достоинствъ изображенія фигуръ гимназической молодежи,—вообще всѣ они у г. Крымскаго очень живы, реальны и рельефно нарисованы. Въ помянутыхъ только что разсказахъ особенно хорошъ Олесь съ его смѣшными проектами національныхъ воззваній, его наноснымъ народничествомъ, которое моментально исчезаетъ, какъ только представитель «народа», хлопець Захарко, пробуетъ уклониться отъ исполненія прихоти паныча, и съ его религіозными восторгами немедленно послѣ побитія Захарка...

Судьба этого послѣдняго наводитъ на серіозныя размышленія объ отношеніяхъ такъ называемыхъ «образованныхъ классовъ» къ народу. Тѣ отношенія, которыя приводятъ сироту Захарка къ преступленію, а несчастнаго извозчика еврея («Исторія однієи подорожи») доводятъ до отчаянія, вѣдь слишкомъ распространены для того, чтобы возможно было о нихъ не думать, чтобы не спросить вмѣстѣ съ авторомъ: «Колы вже зазоріє свитло правды и Захарови, и цій невченій пани, и цьому вченому панычеви-украинолюбцеви? Колы? колы?!..» (171).

Въ предисловіи къ своему томику авторъ самъ указываетъ на то, что между его разсказами замѣчается связь, какъ формальная (первоначально нѣкоторые изъ нихъ были частями одного романа), такъ и внутренняя: присутствіе въ различныхъ разсказахъ однихъ и тѣхъ-же типовъ. Въ самомъ дѣлѣ: между Костею («Батькивське право»), Химченкомъ («Перши дебюты»), Котовичемъ («Въ народъ»), Олесемъ («Сырота Захарко»), Александромъ («Исторія однієи подорожи») и Лаговскимъ («Не порозуміються») несомнѣнное психическое родство. Въ сущности, все это одна и та-же психическая физіономія, но разсматриваемая съ нѣсколькихъ неодинаковыхъ точекъ зрѣнія. Прежде всего это (какъ и герой «Вырывкивъ изъ мемуаривъ») люди нервно-больные, каждый въ большей или меньшей степени, съ сильно развитой чувствительностью, быстро реагирующей на внѣшнія вліянія, и въ то-же время занятые постояннымъ самоанализомъ, ковыряніемъ въ собственной душѣ--чѣмъ кто изъ нихъ старше лѣтами, тѣмъ болѣе этимъ занимается; благодаря этому, способ-

ность ихъ къ выдержанной и стойкой дѣятельности ничтожна (за исключеніемъ отчасти Химченка),—все ограничивается порывами; сильно развитое, иногда до болѣзненности, самолюбіе и у каждаго (даже у Химченка, не смотря на его базаровскія грубости) хоть въ зародышѣ—эстетическая жилка. Типъ очень современный и, къ сожалѣнію, распространенный.

Что можетъ выйти изъ него?

Авторъ пробуетъ самъ на это отвѣтить относительно героя «Не порозуміються»:

— «А що жъ дали буде зъ Андріемъ?—спытае чытачъ.

— Ій Богу не знаю, дорогый чытачу мій! Бо, бачте, я не брехню спысавъ вамъ, а щыру правду. Андрій—людына гистерична: кожнисинькои хвылыны зугаренъ винъ утнуты таку штуку, що нихто й не вгадае чогось такого... Я жъ думаю, що Андрій колысь або повисыться, або увируе въ Бога та й пиде въ ченци». (332).

Герой «Вырывкивъ изъ мемуаривъ» избираетъ повидимому послѣдній путь, а относительно радикала-Химченка авторъ иного мнѣнія, ибо такъ оканчиваетъ разсказъ о немъ:

«Саадій каже: «Ез ебры сійаг баред абы сепид»—Зъ чорнои хмары ллеться ясный дощъ». (137).

Хорошо, если этотъ дождь будетъ благодѣтельнымъ дождемъ, дающимъ жизнь!.. Но какъ мало въ окружающей обстановкѣ благопріятныхъ условій для этого—видно и изъ разсказовъ г. Крымскаго. Мало ихъ въ быту образованныхъ классовъ, мало и среди народа.

Уже и въ разсмотрѣнныхъ здѣсь разсказахъ г. Крымскій даетъ намъ образцы очевиднаго знанія народной жизни. Особенно хороши народныя сцены въ разсказахъ «Сырота Захарко»,—напр., полная здороваго юмора сцена въ кухнѣ (стр. 140— 152) и вообще вся фигура мальчика Захарка—умнаго, способнаго, доведеннаго до ошибки тѣми-же, которые возмущались его проступкомъ и затѣмъ безсердечно наказали его... Не менѣе тяжелую картину находимъ мы и въ единственномъ у автора разсказѣ изъ народной жизни: «Такъ хто-жъ справди винenъ?!» Здѣсь изображена вѣчная распря мужа и жены, двухъ людей, которые никогда не

должны были бы жить вмѣстѣ и, однако, скованы для совмѣстной жизни, которая хуже каторги. Авторъ, всегда возстающій противъ всякаго насилія личности надъ личностью, вѣренъ себѣ и въ этомъ разсказѣ, гдѣ полная реальность изображенія соединена съ художественностью. Читаешь эту исторію несчастной пары и кажется, будто дѣйствительно слышишь голосъ разсказывающей женщины. Этому въ сильной степени помогаетъ и языкъ—образный, выразительный и почти безукоризненно народный,—жаль, что не всѣ разсказы г. Крымскаго написаны такимъ языкомъ!.. «Такъ хто жъ справди винenъ?!» кажется намъ, изъ всѣхъ беллетристическихъ произведеній г. Крымскаго, вещью, наилучше написанный, хоть и не самой интересной по содержанію.

Беллетристикѣ нашего автора вредитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ субъективный тонъ, доводящій до обращеній автора къ читателю по поводу того или иного поведенія героевъ («Батьк. право», «Исторія одн. подорожи» «Сырота Захарко»),—старый пріемъ, непріятно теперь поражающій [1]). Въ лирическихъ стихотвореніяхъ, по самому свойству этого рода поэзіи, наоборотъ—проявленіе личности автора нисколько не вредитъ; даже болѣе: чѣмъ сильнѣе и искреннѣе проявляется чувство автора, тѣмъ большее впечатлѣніе производитъ лирика. Это и замѣтно на оригинальныхъ лирическихъ произведеніяхъ г. Крымскаго.

Впрочемъ, сперва обратили на себя вниманіе не оригинальныя, а переводныя стихотворенія г. Крымскаго. Для переводовъ предъ нимъ широкое поле, благодаря его знанію языковъ: кромѣ трехъ индоевропейскихъ мертвыхъ, онъ располагаетъ весьмью живыми европейскими, не считая всѣхъ славянскихъ и чуть-ли не десяткомъ восточныхъ. Благодаря знанію послѣднихъ, г. Крымскій внесъ въ украинскую литературу совершенно новую струю своими переводами восточныхъ поэтовъ—Хейяма, Фирдуси, Гафиза, Саадія, Абуль-Аля, Антара, Хамâсы, равно какъ чисто народныхъ турецкихъ пѣсенъ («Народ», 1890, № 18) и многіе изъ

---

1) Въ книгѣ „Изъ повистокъ и эскизивъ“ авторъ нѣсколько сгладилъ это въ двухъ первыхъ разсказахъ.

этихъ переводовъ (особенно изъ Хейяма)—прекрасны. Къ сожалѣнію, большая работа г. Крымскаго—переводъ «Шаг-Наме» Фирдуси остается неоконченной: появилась только первая часть [1]). Изъ другихъ поэтовъ г. Крымскій переводилъ мелкія стихотворенія Сафо, Гете, Байрона, Ростана, а больше всего—Гейне, изъ котораго переведено около тридцати мелкихъ стихотвореній и—очень хорошо—«Вицли-Пуцли».

Свои стихотворенія (оригинальныя и небольшую часть переводовъ) г. Крымскій издалъ сборникомъ подъ заглавіемъ: «Пальмове гылля. Экзотычни поэзіи» [2]).

Въ этомъ томикѣ сотрудничаетъ два автора: лирическій поэтъ Крымскій даетъ прекрасныя стихотворенія, а профессоръ Крымскій—поясненія къ нимъ.

Сознаемся, что мы предпочитаемъ поэта. Всякій поэтъ печатая книгу, обращается ко всѣмъ интересующимся поэзіей, ко всѣмъ чувствующимъ ее, а профессоръ Крымскій неуклонно въ обоихъ изданіяхъ «Пальмового гылля» утверждаетъ, что его книга издана въ свѣтъ «не для людей физычно-здоровыхъ, а тилькы для людей трохы слабыхъ, зъ надламаною жытьевою снагою або нервамы... для тыхъ людей, що... зугарни часомъ дизнаты бильше втихы й радощивъ изъ звисткы про новитній свижый кучерявый паростокъ на гималайськiй кедрыни-деодари, нижъ изъ телеграммы про зныженье таксы на силь». «А котри чытачи здоровисиньки на тило й на серце... жваво рвуться на смилыву боротьбу за цилу прыгничену голодну суспильнисть»—тѣмъ рекомендуется не разворачивать сборника, а если они это, по ошибкѣ, сдѣлаютъ, то должны поскорѣй забыть и стихи, и ихъ автора. («Заспивъ»). Конечно, къ больному человѣку слѣдуетъ относиться съ бóльшей

[1]) Первоначально о журналѣ «Жыте и слово» (1895), а затѣмъ, по его прекращеніи, отдѣльно: «Шаг-Наме Абуль Касима Фірдовсія. З перськоі мови переклав А. Кримський. Частина перша. Льв. 1896. (Літературно-наукова бібліотека. Нова серія. Кн. 7).

[2]) Ссылки, кромѣ отдѣльно указанныхъ случаевъ, дѣлаемъ по второму изданію (Звенигородка, 1902).

внимательностью и предупредительностью, но зачѣмъ-же обижать здоровыхъ за то только, что они здоровы и интересуются экономическими вопросами и соціальной борьбой, не исключающими интереса и къ поэзіи вообще? Хорошая вещь поэзія,—пусть же нею интересуется всякій, кто захочетъ.

Обратимся и мы къ ней.

Пейзажи Сиріи и Кавказа, отзвуки пѣсенъ Ливанскихъ горъ и іерусалимскихъ окрестностей, шелестъ пальмъ и запахъ туберозъ и наркотическихъ гвоздикъ... и истерзанные нервы европейца XX вѣка, украинца XX в., не могущаго среди этой роскоши чуждой природы забыть родного края:

Горди пальмы... Думни лавры...
Манячлывый кыпарысъ...
Океанъ тропичныхъ квитивъ...
Ще й цвите цытрынный лисъ...

Я хытнувсь, бо наче впывся
Зъ аромату тыхъ квитокъ.
Ажъ погляну: коло пальмы
Простый жытный колосокъ.

«Гей земляче»!—шепче колосъ,
Похылывшысь на стебло:
«Мы чужи для цёго раю,—
Що жъ сюды насъ прынесло?»

И снова чуждыя, но опьяняющія своей красотой картины природы, много прекрасныхъ картинъ и еще больше плача истерзанныхъ нервовъ и снова крикъ:

Непе-голубко! до тебе й лыпу:
Тутъ я чужый чуженыця.
Аще забуду тя Ерусалыме,—
Будь ми забвенна десныця!

Най до гортани языкъ мій прылыпне,
Скоро тебе позабуду

И въ чужыни одибъюся одъ службы
Нашому ридному люду!

И затѣмъ эпилогъ:

Спиваю писню, повную огня,
Изъ неи віе духъ жывый и смилый,—
Нихто й не домиркуеться, що я—
Давно вже трупъ, увесь захолодилый.

А между тѣмъ началомъ и этимъ концемъ—двѣ исторіи о любви: исторія про «Нечестыве кохання» и исторія про «Кохання по людському», написанныя поэтомъ Крымскимъ въ формѣ двухъ цикловъ стихотвореній и объясненныя профессоромъ Крымскимъ въ духѣ «Крейцеровой сонаты» Л. Толстого.

Герой охваченъ внезапнымъ и непобѣдимымъ чувствомъ къ женщинѣ, принадлежащей другому и, быть можетъ,—кому то близкому для героя. Онъ мучится сознаніемъ безнадежности своей любви и, какъ часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, сознаніемъ ея безнравственности:

Розумъ зважывъ: "се кохання марне,
Нерозумне, дывне та й мерзене.

Онъ даетъ себѣ обѣщаніе никогда не обнаружить его передъ той, которую любитъ:

Ни, николы одъ мене не вчуешъ,
Що тебе я люблю:
Циле небо було бъ захыталось
На ту сповидь мою.

Затемнылось бы яснее сонце,
Поспадалы бъ зиркы;
Срибный мисяць зъ такого бъ нечестя
Росколовсь на шматкы.

Ни, николы видъ мене не вчуешъ,
Що тебе я люблю:
Вся прырода була бы вжахнулась
На ту сповидь мою.

Застогналы бъ могутніи кедры,
Розчахнулась земля,
И морськую безодню збурлыло бъ
Нечестыве чуття.

Но сейчасъ же герой протестуетъ, во имя законовъ той-же самой природы, противъ какого-бы то ни было ограниченія чувства:

Якъ я родытысь мавъ на билый свитъ,
Дакъ не пытавсь нихто моеи згоды...
Я маю право *все* любыть!
Отсе законъ прыроды.

Понятно, что при такомъ напряженіи чувства признаніе въ любви вырывается самымъ неловкимъ образомъ, да еще и при самыхъ неудобныхъ условіяхъ. Оно отвергнуто, но не умерло въ сердцѣ героя, который продолжаетъ жить сладостно-мучительными воспоминаніями своей любви. Сознаніе ея безнадежности съ одной стороны и неустранимости съ другой—заставляетъ героя утѣшать себя мыслью о скверне любви сексуальной и достоинствахъ любви платонической, и прекрасный циклъ заканчивается переводомъ стихотворенія Ростана, въ которомъ говорится о любви почти уже не къ опредѣленной женщинѣ, а къ какому-то созданному собственнымъ воображеніемъ образу:

А я—дакъ кохаю, кого и не знаю:
Далеку Царивну...

Совершенно естественный конецъ для чувства всякаго здороваго и богатаго духовной жизнью человѣка, ни коимъ образомъ не доказывающій преимуществъ платонической любви, о чемъ

говоритъ профессоръ Крымскій въ предисловіи. (Заспивъ, 7). Вѣдь для каждаго ясно, что съ теченіемъ времени образъ «Далекои Царивны» долженъ поблѣднѣть, а съ тѣмъ вмѣстѣ можетъ появиться на сцену и новое чувство къ новой личности. Однимъ изъ многочисленныхъ примѣровъ можетъ служить Данте съ его «Далекою Царивною»—Лаурой съ одной стороны и женою Джеммою и четырьмя дѣтьми—съ другой...

Неплатонической любви посвященъ циклъ «Кохання по людському», гдѣ она изображена упоительной сперва и имѣющей всѣ признаки разврата впослѣдствіи [1]). Профессоръ Крымскій увѣряетъ насъ, что всякая неплатоническая любовь оканчивается тѣмъ, что является «огыда до цилого свиту... и зъ жывои людыны робыться безсылый духомъ манекенъ або бидолашный ходячый духовный трупъ, що й высоки громадськи идеи вже не ожывляють ёго надовго до справжнёго жыття» (8). Крайности этого утвержденія до такой степени очевидны, что нѣтъ большой надобности даже приводить доказательства противнаго; позволимъ себѣ развѣ назвать имена такихъ людей какъ Гете, Шекспиръ, Байронъ, В. Гюго, Гарибальди и др., которыхъ никоимъ образомъ нельзя обвинить въ пренебреженіи къ неплатонической любви и въ то-же время нельзя и сказать, что они были ходячими духовными трупами, не оживленными высокими общественными идеями. Для доказательства своего положенія авторъ заканчиваетъ циклъ двумя сильными стихотвореніями общественнаго характера, а затѣмъ приписываетъ уже извѣстный намъ эпилогъ:

Нихто й не домиркуеться, що я
Давно вже трупъ, увесь захолодилый.

Но дѣло въ томъ, что циклъ написанъ въ 1900 г. (см. «Заспивъ»), а два помянутыя стихотворенія—«Весняна розмова» и «Тарасове свято на чужыни»—появились въ печати за нѣсколько

[1]) См. стих. «Нудьга въ души, ломота у кистках» и «Шумыть-кыпыть бульварь»—стр. 69 и 71 львовск. изданія.

лѣтъ до того и написаны такимъ образомъ совершенно независимо отъ цикла, въ который вставлены чисто механически, лишь для подтвержденія теоретическаго положенія. Но даже если-бы ими и доказывалось положеніе, то его можно было-бы распространить только лишь на людей больныхъ, болѣе или менѣе ненормальныхъ, потому что герой этого цикла стихотвореній—человѣкъ больной: авторъ изобразилъ здѣсь дѣйствительно видѣнное имъ лицо: «таку безталанну людыну, у якои пессимистычный свитоглядъ и огыда до всихъ людей зросталы пароксизмамы, паралельнымы до іи полового жыття». (8). Понятно теперь, почему стихотвореніе «Шумыть-кыпыть бульваръ» (стр. 71 львовск. изд.) такъ напоминаетъ медитаціи стараго грѣшника изъ разсказа «Вырывкы изъ мемуаривъ одного старого гриховоды», болѣзнь котораго, по опредѣленію самого автора,—psychopathia sexualis. Но какимъ-же образомъ къ людямъ здоровымъ могутъ быть приложены выводы, сдѣланные на основаніи состоянія человѣка больного?

Но, оставивъ въ сторонѣ этотъ вопросъ, мы найдемъ въ циклѣ «Кохання по людському» много хорошихъ стихотвореній [1])

[1]) Есть, однако, образы слишкомъ изысканные, сравненія слишкомъ натянутыя и производящія непріятное впечатлѣніе. Для примѣра укажемъ на стихотвореніе: «Гей винокъ»! (67), гдѣ попадаются такія, напр., сравненія:

Ой не билая жъ то рожа:
Била жиночка хороша.
. . . .
Ой не сыняя жъ то хвыля,
А хвылястая мантиля;
Мармуровый замокъ звуть
Билоснижна грудь.

Или въ другомъ стихотвореніи:

Ой не пыты воду зъ моря:
То-жъ солона гиркота!..
Дасть *вона* своеи *слыны*—
Посолодшае вода. (59)

Кромѣ того, критика справедливо указывала на небрежныя риѳмы г. Крымскаго,—впрочемъ, онѣ кое-гдѣ исправлены во 2-мъ изданіи сборника.

„ЗА ГОТАРЪ“.[1]

(Нарысъ зъ сильського жыття).

Зима.

Старенькый панъ-отець села Д. повильнымъ, утомленымъ крокомъ и зъ натугою прямувавъ сильською дорогою пидъ лисъ. Дорога трудна: снигомъ завіяна. Винъ послидними днямы падавъ и падавъ, неначе сыпаный невыдымою рукою, и нарисъ высокою билою верствою. Куды не глянуты—царство ёго. За дрибнымы сильськымы хатамы знималысь били могылы, наметени витромъ, и ночамы блестилы проты мисяця холоднымъ крышталёвымъ блыскомъ.

Морозъ тыснувъ и пикъ, и хиба що хто мусивъ—выходывъ зъ хаты.

А старенькый панъ-отець мусивъ.

Двое газдивъ [2]), оденъ молодый, а другый старый, вступылы до ёго хаты и поставылы пытання: «Що зъ чужымъ робыты, що не знаты звидкы навіявся, убогый подорожный якыйсь, и лежыть на-пивъ мертвый на лисовій дорози недалеко хаты чорнои Магдалены?... Слабисть збыла ёго зъ нигъ, бо выдко, що розболилый, повалывся середъ пустои дорогы; якъ разъ за селомъ, пидъ лисомъ.

---

1) Такъ называютъ русскіе люди на Буковинѣ «межу, або границю».

2) Хозяевъ.

Тому треба було пи ты и поглянуты на несчасного. Може покажуть слиды яки, звидкы винъ, а може ще и заговорыть... може зможе ще пиднятыся и дали питы; такый чужынець, що не знаты звидкы, и що—лыше клопитъ для села; загыне—то и ховай даромъ, трудысь за Богъ зна яки грихы... Винъ не любывъ даромъ трудытысь. Старый вже бувъ, а що найважнійше—якый хосенъ [1]) ёму зъ того... А то акурат...

— Эхъ, що за дорога, що за дорога! се кара Божа спадае на васъ, кара Божа!—бурмотивъ, засапуючысь и опыраючыся важко на грубу, кованy палыцю. Била довга борода ажъ штывпила на морози.

— Таже давъ Богъ святый снигъ, а якъ-же,—видказавъ молодшый, «а може воно и добромъ выйде весною земли?»

— А—и, «добромъ», дурню! гришыте та пьете, та крадете та грабуете, свидчыте фалшыво оденъ на другого; на Боже [2]) не даете—и *добромъ* мае ставаты стужа та фортуна? Не пливъбы си дурныць!»

Молодый замовкъ.

Винъ засунувъ одну руку въ рукавъ другои, зигнувся, опустывъ голову внызъ, и старався опертыся гострому, пекучому витрови, що такъ и палывъ облычча. Не мавъ винъ охоты говорыты: по правди сказавшы—боявся панъ-отця.

Ёго товарышъ—старый балакунъ, сильськый вартивныкъ—поглянувъ бокомъ на панъ-отця и обизвався:

— Що мы малы робыты, панъ-отчыку? Двирныка не було вдома, щобъ въ ёго порадытысь, выйихавъ въ мисто, а що до васъ намъ найблыжче, то и поступылы до васъ за доброю порадою. Се не нашъ чоловикъ, панъ-отчыку, се чужый. Ніякъ першого липшого чужого, та ще и въ хороби, въ хату затягаты. Биду може затягнуты. Мы йшлы оба до лиса, я та й *отсей*... и выдымо недалеко саду чорнои Магдалены... саме блызько готаря лежыть чоловикъ. Прыступаемо... дывымося... се *не* зъ нашого села.

---

[1]) Прибыль.

[2]) На церковь.

— И не зъ сусиднёго!—закынувъ молодый.

— И не зъ сусиднёго!—повторывъ старый. Вмисто кучмы [1]) въ нёго капелюхъ на голови соломьяный, а вмисто сердака [2]) або кожуха—полотнянка.

— Зъ *Галиціи!*—закынувъ, якъ перше, сухо молодый.

— Такы такъ, кажу.

— Може, замерзъ!—каже *отсей*. Або заслабъ кажу я—тай и грымнувъ.

— Або упывся, або упывся!—клыкнувъ роздразненымъ голосомъ панъ-отецъ, опынывшысь, щобъ видитхнуты, бо якъ разъ взнымалась дорога горбомъ мижъ полямы.

Оба селяне розсміялыся.

— Може хтивъ зогритыся!—закынувъ старшый, та и збигла горивка въ ногы и звалыла.

По хвыли довшого мовчання поспытавъ панъ-отецъ:

— А далеко ще тамъ до нёго?

— Та нибы не далеко. Недалеко Магдаленынои хаты, коло іи городця, недалечко *готаря*...

— Котрои Магдалены?

— Та-же *чорнои*, панъ-отчыку, чорнои...

— Ага... ага!!..—обизвався панъ-отецъ протяжно, *чорнои*...— и замовкъ.

Ажъ надто добре винъ іи знавъ. Трынадцять разивъ вступавъ въ іи хату. *Трынадцятеро* дитей поховала вона, то та Магдалена.

Вона вже теперъ за себе и за свого чоловика гаруе [3]), бо ёму и ногы и рукы геть покрывыло,—почавъ оповидаты старый вартивныкъ.

— Видъ чого покрывыло?—спытавъ панъ-отецъ.

— Або може знаты... Кудысь ходывъ на роботу, и видколы вернувъ—два рокы буде тому на Мыколая, то все лежить, та й лежыть... и рукы и ногы ёму покрывыло. Мае вона добру пар-

---

[1]) Смушевая шапка.

[2]) Безрукавый кожухъ.

[3]) Трудится сильно.

тыку [1]) на симъ свити.—Не дай Боже нашому таке. Ще и диты вмырають. Отсе остатне що ще держытся іи—та и то вже такъ якъ бы не іи вже було. Лыше очыма свитыть. Худе... жовте, и день и ничъ кахукае та й кахукае.—Бида!

— Овъ!..—клыкнувъ панъ-отець—и зновъ на хвылыну прыстанувъ. Потимъ додавъ видитхнувшы: до неи ще далеко. Десь забудувалася видъ села, якъ видъ ворогивъ.—То... кажешъ... іи мала слабуе?

— Слабуе. Вже що вона не робыть,—куды и не ходыть по ликы, а дытына все не така, якъ други диты. До святого Ивана чудотворного Сучавського на прощу водыла. Мабуть не выросте іи и отся дытына.

— Та колы такъ, то певне що не выросте.—Але вона чемна жинка; на Боже не забувае. Дае на службы... и добра робитныця. Колы не пишлешъ по неи—вона зразу зъявытся. На все мае часъ.

— Чемна жинка, що правда,—притакнулы чоловикы,—лышъ то одно, що щастя не мае. Диты повыростають, зъ найгиршои биды повыдовбуются, а потимъ акуратъ якъ бы хто свыснувъ на ныхъ—воны идуть. Вона вже така збиджена зъ грызоты и зъ выдаткивъ, що чымъ разъ то бильше чорніе. Не дурно и прозвалы іи *чорною.*—Лышъ хрыстыть та й хороныть, хрыстыть та й хороныть.—Не знаю, якъ іи земля носыть; яка у неи душа зъ жалю. А пальци іи такъ само покрывыло, якъ чоловикови, лыше ій зъ роботы. Смерть и слабисть въ хати все повыжыралы. Якъ бы не ота дытына, що свитыть въ хати очыма, вона бы сама въ землю пишла, а такъ дытына, та й робота—держуть іи пры соби. Така іи вже партыка на симъ свити.

— Але бо и партыка!—ажъ заспивавъ молодый товарышъ. И зновъ хвыля мовчанкы пидчасъ котрои чулося лыше сапання панъ-отця и стукання кованои палыци по замерзлій дорози.

— Що то у де-котрого змалку нема доли, якъ отъ хоть бы и у Магдалены!—потягнувъ зновъ на свое старый. А дывить, сы-

[1]) Доля, участь.

ротою лышылося; въ наймы пишло, якъ лышъ лазыты почало. А видтакъ якъ виддалася, запосилася смерть на диты, потимъ чоловикови рукы и ногы покрывыло, та й не знаты чому? Чому оно такъ? *Бидна*—та й годи. А кажуть: диты въ неи такы розумни, якъ стари. Все, каже, «знають».

— Бо вмыраты мають!—закынувъ молодый сухо. Спытайте у якои жинкы, въ котрои померла дытына,—яка вона була за жыття? И послухайте, що вамъ розскаже: Таке и таке було—и се знало и *то* знало, и *то* выдило и *то* чуло... а нашъ чоловикъ и постаріется и змарнуется, а такого всёго такы не знае!

— Сыла Божа!—видповивъ побожно вартовныкъ.

— Ану-ко, ще не выдко Магдаленынои хаты?—клыкнувъ наразъ по-задъ бесидуючыхъ панъ-отець, котрого почала мандривка нетерплывиты.

— Выдко, вже выдко!!—поспишылы сповистыты газды. И справди, зъ-пидъ лиса, мовъ грыбокъ, показалася соломъяна, почасты снигомъ перевалена стриха малои хатыны.

— Ну прецинь добылыся!!

. . . .

— Хата Магдалены дывытся лыцемъ въ лисъ—сказавъ молодшый.

— Бо люта, що за плечыма чыгае вже чуже село,—видповивъ старшый. За іи же городцемъ вже готаръ. Одже простягается сусидня толока.—Іи хата саме на роздорижжи стоить. Слухае, якъ вовкы лисомъ выють и фортуна ничью гуляе. Абысте знали—додавъ объясняючы—що тому въ неи и стилько недоли. Се, кажуть, щастя обмынае того, хто на готари сыдыть. Воно тягнется або въ одну сторону, або въ другу, а хто на готари стае, тому ничого не дистается. Але, дывится, вже выдко бидолаху, що лежыть. Слава Богу на мисце добылыся, а то бъ то панъ-отець дали йты не захотилы...

Станулы на мисце.

Въ-округы тышына и лышъ гудиння лисомъ... Темный велыканъ дыше лёдовымъ холодомъ и стоить якъ муръ неповорушно. По-пры ёго бижыть вузенька сильська дорога, а край до-

рогы «лыцемъ звернена до ёго» хата Магдалены.—За хатою мизерный садокъ, що опырается о толоку вже чужого села.

Але въ тій хвыли хата «Магдалены» никого не займае. Вона видъ трёхъ мандривныкивъ ще добрыхъ двисти крокивъ виддалена.

Вся увага людей звернена на чужынця, що лежыть въ билій полотнянци край дорогы пидъ лисомъ и не ворухается... Лыце у ёго зъ болю выкрывлене, жовте, нибы задеревило. Пальци стыснени.

Смутный выдъ.

— Господы Исусе Хрысте!—клыкнувъ молодшый, перехрестывшысь.

— Ёму вже душа на плечахъ!—сказавъ другый.

— Ану мой [1]), потермосы [2]), абы знаты чы жывый чы ни...—розсказавъ нетерплыво панъ-отець.

Винъ, зобачывшы чужынця, все зрозумивъ: убогый селянынъ мандривныкъ занедужавъ въ дорози и якъ разъ тутъ повалывся. Мизерна одижъ, зужыта торбына пры боци, худе якъ вискъ лыце розъясныло ёму все.

— Рушается? [3])

Несмилывою рукою обмацувавъ старшый газда чужынця, и доглянувъ: «жывый»!—клыкнувъ—рушается...

Хвылына напруженого мовчання.

Панъ-отець задумався, а чоловикы мовчалы. Оглядалы цикавымъ окомъ несчасного, якъ лежавъ и ледви чутно стогнавъ. Незвычайно було.

Звидкы йшовъ?.. Хто винъ?... А ни старый винъ, а ни молодый... зъ роботы може якои вертавъ. Рукы въ ёго дёгтемъ помарани, неначе дёгтемъ гандлювавъ. Отъ що несчасного въ дорози постыгло... На разъ постукавъ панъ-отець нетерплыво палыцею не промовывшы ни словечка. Газды поглянулы допытлыво на ёго, а видтакъ старшый зновъ зигнувся.

---

[1]) А ну-ка.

[2]) Потряси, потормоши.

[3]) Движется.

— Жывый винъ, жывый панъ-отчыку—впевнывъ якъ передше. Але до смерти ёму вже не далеко. Губы посынилы... Що тутъ робыты?

— Що робыты?

— Свичку прынесты, абы безъ свичкы не вмеръ!—додавъ поважно молодшый.

— Дурню!—залаявъ панъ-отецъ. Видтакъ выкрывывъ старечи уста погирдлыво.

— Плентаются кудысь!—процидывъ,—блудять свитомъ, марнуются, а на остатку спадають тягаремъ на другыхъ.—*Хто визьме ёго на себе?* Хто справыть похоронъ? Хто понесе вси выдаткы? Чоловикы вытрищылыся зъ переляккомъ на ёго и змовклы.

Очы панъ-отця засіялы недобрымъ блескомъ; била довга борода ёго задрижала... винъ нагнувъ плечи ще бильше, якъ звычайно, и, пиднявшы руку высоко вгору, указавъ довгою палыцею на пусту завіяну толоку сусиднёго села.

— *За готаръ*—прошептавъ зимнымъ, хытростю переповненымъ голосомъ. *Затягнить ёго за готаръ... Сусидне* село нехай соби зъ нымъ голову бье...—И видвернувшысь роздражненымъ рухомъ видъ всихъ, потюпавъ кваппою ходою билою дорогою назадъ.

Люде остановылысь.

Не промовывшы ни словечка, стоялы добру хвылыну зъ неришучымъ выдомъ: видтакъ схаменувся старшый:

— Понесемъ?—спытавъ.

— Ни!—видповивъ молодшый:—не на моеи земли лежыть.

— И на моеи ни—разъ; а по друге—хто ёго знае, що винъ за оденъ?..

О тій самій пори чорна Магдалена сыдыть въ своій хатыни и пряде. Видъ часу до часу спыняется іи велыкый журлывый поглядъ на своій трынадцятылитній дытыни, що—лышъ въ сорочыни... сыдыть на печи, дере пирья и перерывае глыбоку тышыну

довгымъ кашлемъ. Чоловикъ на постели, зверненый лыцемъ до стины, лежыть мовчкы.

Видъ довшого часу вые собака въ буди коло малои стайни, де знаходытся ихъ одыноке багацтво, корова,—и не може успокоитыся.

— Вые, якъ бы вовкивъ зачула...—обизвався немощный зъ постели, перерываючы глыбоку тышыну, и зъ голосомъ, неначе бъ прысутни малы те саме на думци, що винъ.

— Иды, жинко, глянь, якъ держыть вона голову. Колы въ гору то передъ вовкамы, що десь ихъ зачувае, а колы въ дилъ—то смерть.

Жинка поглянула на ёго, видтакъ повела очыма на дытыну.—Вона не сподивается смерти. Хочъ дытына въ неи хора, хочъ день и ничъ кахукае, а вона смерти не сподивается. Господы Исусе Хрысте, якъ бы воно іи згынуло!

— Вона поставыла роботу на бикъ и встала. Высока, чорна, худа постать була покирно склонена, неначе видчувала на соби якись провыны цилого ряду поколинь, и просыла прощеня. Прекрасна була вона колысь.

Колысь іи чорне якъ шовкъ волосся лыстилося [1]) по молодыхъ плечахъ и грудяхъ; смагляве лагидне лыце виддавало молодостю, а очи—чудови, прекрасни ти чорни зори—горилы огнемъ сылы и надіи. Теперъ такожъ горилы воны, але огнемъ невгасаючого жалю.

— Мамцю, и я пиду зъ вамы на двиръ!—клыкнуло дивчатко жыво зъ печи. Воно пидвело голивку и засвитыло очыма на матиръ. тымы самымы чорнымы зиркамы. що горилы и въ лыцю іи матери.

— Чого доньцю?—спытала лагидно маты. Нема чого. Бачышъ яка студинь [2]). Витеръ стысне тоби груды и станешъ гирше кашляты.—Сама пиду. Мени треба ще и по силь въ село

---

[1]) Блестѣло.

[2]) Холодъ.

забигты. Нема соли и свитла. Ты сиды та й пыльнуй тата и хату. Я пиду сама та й заразъ вернусь; слухай, доньцю...

Вона закынула довгый чорный сердакъ на плечи и, обвывшы стараннійше билымъ рушныкомъ голову и темне облыччя,—выйшла зъ хаты.

Биля стайни заглянула за собакой, що на іи выдъ успокоилася: видтакъ подалася на лисну дорогу въ село.

Ледви що видбигла килька сотъ крокивъ видъ хаты, якъ вже и опынылася: напиткнула на несчасного чужынця, и зъ остраху ажъ въ голосъ скрычала. Але тутъ же опынылася Оденъ поглядъ на одижъ ёго и схудиле пожовкле облычча—и, неначе недавно панъ-отець, угадала вона теперъ положення чужынця.

Рижни думкы загралы роемъ въ іи голови. Хто винъ? Видкы йшовъ? Що ёму було? Зъ голоду упавъ? Заслабъ?—А потимъ: нежывый? *Цилкомъ* нежывый?

А видтакъ заволодило нею одне чувство, що наплыло могучою фылёю на іи душу и наказувало лышъ одне: до хаты забраты несчасного. Якъ найбирше до хаты. Про дальше вона не думала. Зигнулася нызько надъ нымъ, впываючыся въ ёго своимы велыкымы зжуреными очыма, удержуючы пры тимъ виддыхъ. Не мигъ ще буты мертвый... Господь велыкый...

Видтакъ скрывывъ гиркый усмихъ іи уста. Ему въ грудяхъ клекотило, якъ въ китли...

Оглянулася зъ розпукою округъ себе. Не зъявытся яка людська душа, щобъ прыбула іи сюды на помичъ?... Хтила ёго до своеи хаты затягнуты; якъ найборше. Вже вечиръ зблыжався, морозъ тыснувъ, а винъ вже гасне... вже деревіе...

Ничого не побачыла. Въ-округы тышына, тутъ лисъ, темный, понурый, а тамъ завіяни поля и толока... о Господы, рятуй!!

— Вуйко... [1]) татку... заблагала зъ неопысаною щыристю въ голоси—здіймиться [2]). Я васъ хочу до хаты забраты. До теплои

---

[1]) Дядюшка.

[2]) Приподнимитесь.

хаты, татку, и теплои стравци подамъ. Лыше трошечкы... трошечкы здіймиться... здіймиться, татку!!

Вона старалася пиднесты хорого и несты сама, але не здолала. Винъ тяжкою колодою важывъ въ іи рукахъ и мовъ до мисця прыковувавъ.

Зновъ оглянулася вона.

Велыки іи чорни очи впылыся далеко въ сильську дорогу и благалы розпачлыво: спишить на помичъ люде!—несчасный гыне, прыходить рятуваты. Прыходить, бійтеся Бога! Лыше одробына [1]) ще якои иншои сылы—и вона затягне ёго въ хату. Вона бы взяла зъ-заду за плечи пидъ рамена, а хто-небудь иншый за ногы и затаскалы бы въ хату. Лыше одробыны! Винъ виджые... заговорыть и все буде добре... Спишить, прыходить, люде добри!.. И зновъ обглянулася, и зновъ: хорого воликты по земли и що вже и такъ зъ свитомъ прощався—годи. Грихъ! Доволи горя, що чужынцемъ гынувъ на дорози, мовъ звирюка...

Наразъ заворушылося щось недалеко іи хаты биле на снигу. Заворушылося, видтакъ збильшылося и метнулося прямисько до неи. Розпростерло рученята мовъ въ полети—гнало якъ разъ проты неи. Мамцю... мамцю!.. я за вамы! Вона зойкнула [2]),—іи дытына, мовъ той янголъ, такъ злетила. А потимъ зъ наглого переляку ажъ задеревила... Дытына въ сорочынци и лышъ хустку закынуло на голову. Вона же въ неи одынока...

— Бижы назадъ въ хату и загорнысь!— скрычала.

Але мале не слухало. Бигло прямо до неи и вже и опынылося биля неи...

Зъ дытыною потаскала хворого въ хату и на постели своеи уложыла.

Тры дни пизнише йшла зъ ранка горстка людей зъ сусиднёго села далекою пустою толокою на ярмарокъ.

---

[1]) Малость.

[2]) Воскрикнула.

— Тай такъ...—сказавъ оденъ чоловикъ, колы зблыжылыся вже до готаря, не далеко хаты Магдалены. У Магдалены бувъ зновъ похоронъ.

— Що вы кажете, бадико? [1]) похоронъ?—клыкнула одна жинка.—Дытыну поховала?

— Ни, теперъ не дытыну.

— А хыба жъ чоловика?

— Чоловика.

— Господы Исусе Хрысте, вже и чоловика?

— Та де вже *чоловика!!*—вона *чужого* спрятала [2]). Не чулысьте?

— Та де вже чула? Що чула?... Що тамъ, бадико?

— Е!!—ажъ заспивавъ чоловикъ и засунувъ шапку на бикъ. То бануйте [3]), якъ бы булы чулы, то бы булы забиглы до Магдалены на помынкы, а такъ утратылы. А помынкы булы въ неи не абы якп. Такъ красно поховала бидного... та такы помынкы справыла—що ей де! Ничого не жалувала.

— Та якого чужого?.. Що за чужого?.. кажить, бадико, та же я, дывить, ничого не чула...

— Ну, колы не чулы, то и ваша шкода.—була спокiйна видповидь.—Выбигла вона зъ хаты, абы—кажуть—поглянуты, чы собака що заедно выла коло хаты, держала голову въ дилъ, чы въ гору. А собака, якъ побачыла iи, забигла въ буду. Такъ якъ бы не хтила, абы газдыня бачыла, що вона iи хати похоронъ заповидае. Видтакъ подалася вона ище въ село, абы свитла и соли въ хату внесты, бо акуратъ выйшло и свитло и силь, та й надыбала такы недалеко своеи хаты на дорози якогось чужого розболилого чоловика, що вже геть мавъ душу свою на видходи. Тай забрала нуждаря [4]) до себе въ хату. Доглядала ёго—кажуть—якъ ридного тата свого. Доглядала, огривала, годувала,—а винъ до неи

[1]) Дядюшка.

[2]) Похоронила.

[3]) Пожалѣйте.

[4]) Бѣднягу.

а ни слова. Лышъ стогнавъ та й стогнавъ. А видтакъ якъ попавъ третёи ночы въ сонъ... видъ о-пивночи кажуть,—то вже и не пробудывся бильше. Перейихавъ на тамъ-той свитъ.

— Ей Боже!..

— Тай такъ.

— И не сказавъ якъ называется?

— Ни.

— А ни звидкы йшовъ?

— Ни.

— А ни куды йшовъ?

— Ничого не казавъ. Якъ на-помацкы вмеръ. И слиду одного, словечкомъ однымъ по соби не лышывъ. Гадайте разъ!

Жинка ажъ заспивала зъ зачудованния. Видтакъ зитхнула и перехрестылася. Ажъ страшно такого чоловика въ хати маты!—додала заляканымъ побожнымъ голосомъ. Хай Господь Богъ бороныть. Я бъ вмерла зъ остраху.—Хто зна що се за оденъ бувъ? Що въ його на души було? по людяхъ рижне ходыть, и добре и лыхе. Ни—додала вона жыво.

— Я бы була такы и въ хату не брала. Дежъ вже такъ—чужого! зъ дорогы. Разъ що зъ дорогы!...

— Ну,—видповивъ чоловикъ,—а вона, дывить, взяла, тай справыла ёму похоронъ, тай справыла ёму помынкы... тай на службу за чужу душу дала, тай и попа сама заплатыла. Яка бидна—а заплатыла. Остатній скорцыкъ [1]), кажуть, до жыда виднесла, и папъ-отцеви за похоронъ заплатыла!—Кажуть, теперъ по тимъ похорони въ іи хати, мовъ въ улыю, порожно стало. Въ ній не було и такъ багато, а теперъ що и було—пипило за умерцемъ...

— Боже!!...

Мовчанка.

. . . .

Колы вечеромъ верталы—зустринула ихъ недалеко хаты чорнои Магдалены одна жинка и сама задержала.

---

[1]) Коверъ.

— Люде добри!—сказала,—хоть вы незнакоми, а не мынайте, не помолывшыся, Магдаленынои хаты. Идить, вступить до неи, тай зговорить *отченашомъ* за душу померщу. Магдаленына Настунька вже покійна. Въ саме полудня сёгодня перенеслася... Люде поставалы, нибы скаменилы.

— Що вы кажете, жинко?

— Сёгодня въ полудня. Ще оногды... такы заразъ по похорони кынуло іи въ гарячку, а видтакъ мучыло, мучыло, ажъ Богъ святый не змылувався надъ нею.

Люде забидкалыся, а одна жинка ажъ рукы заломыла.

— Най Богъ бороныть. Се вже остатне въ неи було.—Якъ быстe було выдилы, що та жинка заводыла, що та жинка доказувала!—Вы бы... оповидаюча перервала и сплакала.—Якъ кровъ червона—такый бувъ въ неи жаль. Дурила—головою до стины была, крычала. Чоловикови не то що, а волосся дубомъ на голови ставало.—А іи чоловикъ поволикся мовчкы до стайни и доси тамъ лежыть.—Адже теперъ вже всёму кинець... Такъ закинчыла жинка свою оповистку и побигла кваппо дальше.

Ярмаркови занимилы.

Ишлы воны не промовляючы ни однымъ словомъ йиденъ до одного. Въ хату Магдалены не вступалы. Въ ныхъ непаче видвагу видобрало. Одно по другимъ миряло хату и мали, свитломъ переповнени, виконця, боязько цикавымъ окомъ, и пишлы дали.

— Завтра пиду!—подумало кожде зъ окрема. Ажъ по довгій, тяжкій хвыли мовчання обизвався йиденъ. Се бувъ найстаршый зъ гурту и билоголовый.

— Я вамъ кажу, люде, що отсе зъ Магдаленою щось йе, сказавъ винъ. Я іи не видъ сёгодня знаю, а зъ малку знаю. Я вамъ кажу, вона кривавытся *за грихы*. И не думайте, що за свои грихы. А ни, не гадайте, що за грихы тата або мамы. Ни. Такъ якъ воно въ неи показуется, то воно воличется вже видъ викивъ давнихъ якыхъ, а ни мы, а ни вона не памятае. За *грихы другыхъ*. Тай знайте: вона вже змалку воличе той чорный тягаръ [1]).

---

[1]) Тяжесть, тягота.

А зъ малку тому, що видъ мамы перебрала. Мама не була тутейша, и якъ куря [1]), таке мале покынула.

Слухачи зитхнулы не промовывшы ни слова.

— И все такъ выходыть—толкувавъ билоголовый дали, що въ неи все инакше, якъ у другыхъ. А дывить! Навить десь хату поставыла пидъ лисомъ, окремо видъ людей, якъ бы до нашого гурту не належала. Саме на готари. А чоловикови бидному, що за нею взявся,—а винъ добрый чоловикъ и розумный,—знаете що на старисть зъ рукамы и ногамы зайшло. Покрывыло. Тай навить—дывить—таке, якъ отся бида зъ чужымъ, ій въ пайку прыпало.—Якъ разъ коло іи хаты мусивъ винъ звалытыся. Якъ разъ вона мусила зъ хаты выйты и ёго подыбаты. Акуратъ—вона; мусила вона ёго въ хату дистаты...

— Най Господь бороныть!

Зновъ мовчанка. Симъ разомъ побожна... покирна, боязнею переповнена, мовчанка.

— Але чимъ вона теперъ похоронъ справыть, диду?—спытала знаёма вже жинка,—колы все що було въ іи хати, якъ кажуть: за «чужымъ» пишло?—Панъ-отець даромъ не сховають!

— Спродасть коривку!—видповивъ билоголовый.

— На що коривку спродаваты, колы вона и безъ грошей удасть!—обизвався йиденъ чоловикъ, що доси цилкомъ мовчкы заховувався.

— Та якъ вже безъ грошей?

— Та такъ. Видробыть. Люде зкынутся... панъ-отець почыкае... а прыйде весна—вона видробыть. Ій не першына дытыну ховаты, не бійтеся!

Жинка окынула ёго недобрымъ поглядомъ...

— Не добре угадалы вы се, бадико, що такъ кажете!—видповила вона.—Вже по тій дытыни Магдалена не стане по поляхъ сапаты! Вже колы була въ неи сыла и миць, то була,—але по чотырнадцятій вже скинчылася. Дытыною жыла и дыхала вона,—а теперъ вже все скинчылось...

---

[2]) Цыпленка.

— Якось поховають покійне, не журится!—видказавъ чоловикъ зъ легкымъ глумомъ. Хоть въ неи хата по вмерци якъ «вулей» порожня, а дытыну якось поховають...

Витеръ зирвався зъ пустои толокы дыкымъ рухомъ и загравъ шырокою струею. Куды бъ не простягалась ривнына... гонывъ винъ шаленымъ лётомъ до неи и все одно розносывъ: «*За готаръ!*»... «*За готаръ!*»...

Ольга Кобылянська.

Чернивци, въ серпни 1902 р.

Украинскія колядки.

(Текстъ волынскій).

Украинскія колядки, эти обрядовыя пѣсни, заключающія въ себѣ такой обильный этнографическій матеріалъ, играющія такую большую роль въ духовной жизни нашего народа, давно привлекали мое вниманіе, результатомъ чего явилось у меня значительное собраніе записанныхъ мною пѣсенъ этого цикла. Выходъ большихъ сборниковъ пѣсенъ (Чубинск. и другихъ), гдѣ давался обширный матеріалъ для всякаго рода сопоставленій, давно натолкнулъ меня на мысли и соображенія, которыя мнѣ хотѣлось изложить въ особой замѣткѣ; но,--какъ это часто случается,—отвлекшись другими темами, я не приводила въ исполненіе своего намѣренія... Тѣмъ временемъ о колядкахъ вышло нѣсколько изслѣдованій, между прочимъ такихъ солидныхъ, какъ труды профессоровъ Потебни, Сумцова, Веселовскаго.—Моя скромная работа начала мнѣ самой казаться излишней... Но мое собраніе колядокъ пополнилось такимъ интереснымъ, на мой взглядъ, матеріаломъ, что прежде всего мнѣ жаль класть его «подъ спудъ»,—хочется вывести на свѣтъ Божій. При томъ, быть можетъ, и соображенія мои по поводу этого матеріала не будутъ совсѣмъ излишней лептой въ общей сокровищницѣ изысканій въ области нашей этнографіи, хотя бы и при наличности капитальныхъ трудовъ спеціалистовъ-ученыхъ.

Предупреждаю, однако, читателя, что въ моихъ комментаріяхъ предлагаемаго матеріала онъ не найдетъ примѣненія того метода, который получилъ теперь такое широкое распространеніе и безъ котораго не рѣшаются выпустить въ свѣтъ сколько-нибудь солидную замѣтку. Я имѣю въ виду такъ называемый у насъ фольклористическій методъ,—методъ широкаго международнаго сравненія частей матеріала,—и позволю себѣ откровенно высказать по этому поводу свою мысль, хотя бы съ рискомъ, что она покажется странной ересью.

Сравнительный методъ въ области фольклора (какъ и вездѣ) имѣетъ большія заслуги:—онъ расширилъ горизонты, указалъ множество фактовъ, указалъ связь и преемственность многихъ элементовъ, которые могли казаться изолированными, онъ побудилъ мысль и къ дальнѣйшимъ исканіямъ.

Но что́ искать и ка́къ искать?.. Въ этомъ заключается оборотная сторона пріема. Гдѣ въ каждомъ данномъ случаѣ тотъ вѣрный компасъ, который бы помогъ найти вѣрные пути отважному пловцу, бросающемуся въ это безбрежное море, называемое научнымъ фольклоромъ? Если прибавимъ, что море это не только безконечно обширно и глубоко, но еще имѣетъ множество различныхъ теченій, часто переплетающихся между собою и сбивающихъ на сторону ладью отважнаго пловца, то мы должны признать, что надо быть геніемъ для безошибочнаго слѣдованія по его путямъ! А геніи такъ рѣдки...

Оставивши метафоры и возвратившись къ изслѣдованіямъ указаннаго типа въ области народнаго творчества или вообще этнографіи, мы должны вспомнить, что многія изъ нихъ не оправдываютъ труда, положеннаго на нихъ авторами (именъ я не хочу называть): получается масса фактовъ, масса разрозненныхъ элементовъ и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ меньше они «держатся купы»; авторъ погонится за ними по всему свѣту, «растечется по древу» генеалогическому взятаго предмета—и, въ концѣ концовъ, вы совершенно утратите явственное представленіе объ этомъ предметѣ, вамъ начнетъ казаться, что вы даже меньше знаете его, чѣмъ знали прежде...

Говорятъ:—«конечно, эта литература не для профановъ». Но для кого-же? Для нѣсколькихъ человѣкъ, составляющихъ какъ бы тѣсный цехъ спеціалистовъ? Трудно понять желаніе принадлежать къ такому цеху! Притомъ если даже рамки работы раздвигаются на столько универсально, если въ разработку предмета кладется столько эрудиціи, то и это еще не служитъ гарантіей безошибочности выводовъ спеціалистовъ-ученыхъ. Въ области филологіи наведенія могутъ быть такъ многообразны и растяжимы, что можно съ одинаковымъ убѣжденіемъ и успѣхомъ доказывать и то, и другое. (Смотри напр. споръ о Лелѣ, «божествѣ ученыхъ», въ Объясненіяхъ малор. пѣсенъ Потебни).

Да, требуется много если не геніальности, то во всякомъ случаѣ,—кромѣ учености,—много такта и чутья, чтобы выходить съ должнымъ успѣхомъ въ этихъ изслѣдованіяхъ «по требованіямъ современнаго научнаго метода».

Вотъ поэтому я и не плыву въ «безбрежное море»... и прошу читателя сразу имѣть въ виду, что я хочу остаться только въ данномъ заливѣ и показать, что́ представляетъ онъ самъ по себѣ, an sich und für sich.

Теперь вернемся къ нашимъ колядкамъ. Относительно предлагаемаго матеріала скажу, что весь онъ—лично мною записанный [1]); затѣмъ—записанъ онъ только въ одной области, Волыни, и при томъ большая часть его—на полѣсской Волыни. Считаю, что въ извѣстныхъ цѣляхъ подаваніе этнограф. пѣсеннаго матеріала изъ одной какой-либо тѣсной области имѣетъ свое значеніе, такъ какъ онъ показываетъ наглядно. что́ въ данной мѣстности живетъ параллельно; я была бы очень рада, если бы помѣщаемый мною теперь на страницахъ «Кіев. Стар.» волынскій матеріалъ имѣлъ такой же интересъ, какъ колядки и обряды полтавскіе, изъ одного лубенскаго уѣзда, сообщенные глубокоуважаемымъ собратомъ, г. Милорадовичемъ.

То, что записи мои сдѣланы на Полѣсьи, придаетъ имъ еще особое значеніе, такъ какъ населеніе этой мѣстности, затерянное въ

---

1) Личнымъ записямъ я придаю особое значеніе (какъ натуралистъ—личнымъ наблюденіямъ извѣстнаго явленія).

лѣсахъ и отдаленныхъ отъ новѣйшихъ вліяній уголкахъ, лучше сохранило старую пѣсенность.

Записывала я свой матеріалъ, какъ онъ мнѣ случался, въ нѣсколькихъ мѣстахъ все того же вол. полѣсья (въ новоградв., луцкомъ и ковельскомъ уѣздахъ); очень сожалѣю, что размѣры моего настоящаго сообщенія не позволяютъ мнѣ разсказать многія любопытныя частности, наблюденныя мною во время этого записыванія,—частности, характерныя для края и его населенія. Разскажу лишь о послѣдней своей нарочитой экскурсіи, въ с. Запрудье, ковельскаго уѣзда,—(изъ каковаго села и является большая часть предлагаемыхъ колядокъ стараго типа). Это было всего три недѣли назадъ, въ началѣ декабря 1902 года. Время было и подходящее для записыванія колядокъ (какъ близкое къ Рождеству), и не совсѣмъ подходящее, такъ какъ все-же былъ еще фил. постъ и можно было опасаться, что колядокъ не станутъ пѣть. Но отчего было не попробовать, разъ мнѣ приходилось быть въ Запрудьѣ именно тогда.

Село Запрудье я видала, была въ немъ лѣтомъ; но теперь оно имѣло особенно глухой видъ,—заваленное обильно выпавшимъ снѣгомъ; только деревья казались необыкновенно красивыми въ нарядѣ изъ инея. Оригинальный видъ представляла небольшая церковка (бывшая уніатская), отдѣльно стоящая за селомъ, окруженная огромными деревьями:—на одномъ изъ этихъ бѣлыхъ, сіяющихъ инеемъ деревьевъ высоко виднѣлся оставленный тамъ и на зиму большой улей съ «пчилкамы ярымы»... Тишина кругомъ, неподвижность...

Пріѣздъ мой, конечно, не имѣлъ въ себѣ ничего страннаго для жителей Запрудья, такъ какъ я находилась въ гостяхъ у знакомыхъ, «у двори». Благодаря нѣкоторымъ стараніямъ помѣщицы,—вообще ладящей съ селянами,—ко мнѣ явилась на другой день особенно знающая баба, которая и пропѣла многія колядки. Но мнѣ захотѣлось послушать ихъ еще изъ другого источника и при томъ въ самой хатѣ, въ крестьянской семьѣ.—Былъ уже вечеръ, сквозь маленькія окна вездѣ въ хатахъ свѣтился огонь,

Эти окна [1]) и придаютъ особый видъ полѣсскимъ хатамъ,—въ общемъ имѣющимъ типъ малорусскій. Дивчына «зъ двора» привела меня къ одной хатѣ по своему выбору и, такъ сказать, отрекомендовала меня. Я сразу сказала о цѣли моего прихода,—что «хочу научиться колядокъ»,—и мнѣ охотно ихъ пѣли, даже не смущаясь тѣмъ, что я тутъ же записывала ихъ.

Были ли вы, читатель когда нибудь въ «курной» хатѣ?.. Особенность ея заключается въ томъ, что печь (такая же большая, «варыстая» печь, какъ вообще въ нашихъ хатахъ), не имѣетъ при себѣ трубы, выводящей дымъ непосредственно изъ печи; вслѣдствіе этого дымъ валитъ просто въ хату,—куда ему угодно...

Въ то время, когда мы пришли, какъ разъ топилась печь. Вся большая семья была въ сборѣ; «господыня» варила вечерю, невистка и дочь пряли, дидъ лежалъ на печи (и, повернувшись головой къ хатѣ, часто подавалъ голосъ оттуда), сынъ и какой-то гость сидѣли у огня и курили трубки.

Этотъ огонь,—«свитецъ»,—былъ еще болѣе замѣчателенъ, чѣмъ первобытная печь!—Весь этотъ приборъ для освѣщенія хаты состоитъ въ слѣдующемъ: въ глиняный полъ вбита желѣзная каблучка (довольно массивное кольцо), въ нее вставленъ колъ, (высотою въ аршинъ), который называется «дидокъ»; когда-то «дидокъ» былъ деревцемъ, теперь у него вѣтки были обрублены при ихъ развѣтвленіи,—но не совсѣмъ, а оставлены отростки, на столько выступающіе, что на нихъ можно положить плоскій камень; на камнѣ-же (замѣняемомъ иногда кускомъ желѣза, жести) кладутъ лучины, (по преимуществу сосновыя щепки), которыя и горятъ, давая освѣщеніе хатѣ. Вотъ это все вмѣстѣ и называется «свитéць». Можно, читатель, взяться написать цѣлый томъ объ одномъ этомъ свитцѣ. Прежде всего одно названіе чего стóитъ!.. А затѣмъ—свѣтъ, очагъ, жертвенникъ, при огнѣ—культъ предковъ, («дидокъ»), желѣзное кольцо, дерево, камень и т. д., и т. д... А

[1]) Бóльшія въ ширину, чѣмъ въ высоту.

еще если прибавить подобные «свитцѝ» у всѣхъ народовъ и во всѣ времена!..

Говорятъ, что и въ курную хату уже проникаетъ керосиновая лампочка (кот. называется «газыльныкъ», отъ слова «газа»,—керосинъ), но ту хату, гдѣ я сидѣла, освѣщалъ «свитець».

На нѣкоторой высотѣ надъ свитцемъ устроена деревянная труба, расширеннымъ концомъ спускающаяся надъ свитцемъ, а другимъ пробивающая потолокъ, крышу и выносящая дымъ отъ свитця и печки.

Но труба эта довольно далеко отъ печки (она приходится съ-боку, близь наружной стѣны, гдѣ окна) и уноситъ лишь часть дыма; для того-же, чтобы дать выходъ остальному дыму,—открывается дверь въ сѣни и на дворъ.

Въ виду того, что дверь въ хатѣ именно такъ была открыта (а на дворѣ былъ сильный морозъ), я должна была снова надѣть шубу, которую вначалѣ сняла.

Не скажу, чтобы дымъ такъ ужъ очень мнѣ мѣшалъ,—онъ клубился вверху; только стоять я не могла, потому что тогда дымъ начиналъ ѣсть глаза. А сидѣть и писать можно было. Такъ мы сидѣли и знимались колядованіемъ. Нѣкоторыя колядки,—чтобы можно было лучше запомнить мотивъ и провѣрить записанное,—были пропѣты нѣсколько разъ.

Пѣвшіе объяснили, что на самое Рождество («на ко́ляду») у нихъ не поютъ колядокъ, а только передъ новымъ годомъ; называли другое село, гдѣ поютъ «щедривки» на коляду (на 1-ый день Рожд.) Вообще, я вывела заключеніе, что въ краѣ нѣтъ опредѣленнаго дня для колядованія,—колядуютъ, (или «щедруютъ») въ продолженіе всего праздничнаго времени, отъ Рождества и до новаго года (считая также и первые дни его),—гдѣ какъ придется, лишь бы на «свята́». Названіе «колядки» и «щедривки», повидимому,—синонимы, да и содержаніе ихъ—одинаковое, за исключеніемъ очень небольшого числа щедривокъ, относящихся къ св. Васылю (1-му января).

Къ тому времени, какъ я кончила писать, дидъ слѣзъ съ печки, усѣлся на «полу» [1]) и вступилъ тоже въ общій разговоръ. Между прочимъ, онъ какъ-то задумчиво спросилъ:—Звидки тіи писни беруться?.. (Мы говорили уже вообще о пѣсняхъ).—Люде прыдумують,—сказала я.—А у насъ кажуть, що писни зъ моря.—Якъ зъ моря?—Такъ: есть, кажуть, таки люде, що половына людыны, а половына рыбы—и воно спива, та такъ жалибно, що не можна вытрымать!.. То ихъ убываютъ.—На що?—Яжъ вамъ кажу, що не можна вытрымать!

Вотъ, читатель, куда забрались сирены!..

Возвратясь въ Кіевъ, я имѣла свой запасъ колядокъ значительно дополненнымъ. Кромѣ внутренняго значенія колядокъ моихъ записей, меня побуждаетъ къ напечатанію ихъ еще одно обстоятельство. Много, много разъ мнѣ приходилось спорить съ случайными собесѣдниками о языкѣ, которымъ говоритъ народъ на Волыни; откуда-то возникло странное убѣжденіе, что языкъ этотъ не малорусскій, что онъ сильно «ополяченный»; даже приходится слышать такой абсурдъ, что языкъ волынскаго населенія представляетъ собою «смѣсь польскаго съ жидовскимъ». Казалось бы, есть этнографическіе сборники, въ которыхъ помѣщены волынскія пѣсни, сказки и пр., съ прекраснымъ малорусскимъ языкомъ,—нѣтъ, все таки абсурдъ повторяютъ (въ особенности, я должна сознаться, повторяютъ это мои заднѣпровскіе земляки)... Конечно, это происходитъ отъ полнѣйшаго незнакомства съ предметомъ, чтобы не сказать—невѣжества нѣкоторыхъ земляковъ, ибо можно было бы не говорить странныхъ вещей, зная хотя бы то, что правый берегъ Днѣпра является по отношенію напр. къ полтавщинѣ [2])—метрополіей; да, наконецъ, стоило бы только не ограничиваться знакомствомъ съ двумя-тремя словами, слышанными на Волыни, напр., отъ прислуги, *старающейся* коверкать языкъ въ угоду тѣмъ же «панамъ», которые её судятъ, стоило-бы отправиться въ любое волынское село—и тамъ услышать прекрасную малорусскую рѣчь. Но невѣжественныя отзывы продолжаютъ раздаваться!.. Не упу-

[1]) Т. е. на примостъ для спанья.

[2]) Самой ужъ «настоящей Малороссіи».

скаю поэтому случая и хочу напечатаніемъ именно волынскаго текста колядокъ лишній разъ доказать фактически, что языкъ волынскихъ селянъ—малорусскій и при томъ очень чистый.

Для тѣхъ, кому интересны мелкія діалектическія измѣненія, укажу напередъ нѣкоторыя фонетическія особенности полѣсскаго текста: напр. измѣненіе суфиксовъ въ словахъ «молодейкій», «донейка», перенесеніе смягченія въ такихъ словахъ, какъ «сьватый» (вмѣсто святый), отсутствіе смягченнаго слога «ря» (поэтому «радно»—вмѣсто «рядно»); нѣкоторыя другія мелочи—будутъ видны въ чтеніи текста сами собою.

Что до содержанія колядокъ, то я, конечно, совсѣмъ не думаю, что всѣ онѣ являются совершенно новыми,—напротивъ, я сама могла бы указать варіанты ихъ въ другихъ сборникахъ. Думаю, впрочемъ, что найдётся въ нихъ кое-что и совсѣмъ новое, или въ интересныхъ комбинаціяхъ. Не дѣлаю «алгебрическихъ сводокъ» и указаній, чтобы не раздроблять цѣльности впечатлѣнія выбранныхъ колядокъ, какъ извѣстной иллюстраціи.

Распредѣленіе предлагаемыхъ колядокъ зависѣло отъ моего взгляда на нихъ и отношенія къ нимъ.

Но прежде—нѣсколько общихъ положеній. Прежде всего украинскія колядки занимаютъ меня сами по себѣ. Безъ сомнѣнія, по своему происхожденію онѣ не стоятъ и не могутъ стоять совсѣмъ изолированно, такъ сказать, въ словесномъ мірѣ, въ исторіи слова,—онѣ имѣютъ во многихъ корняхъ своихъ родственную связь съ словеснымъ творчествомъ другихъ народовъ,—по міровоззрѣнію, фантазіи и даже отдѣльнымъ элементамъ (образамъ, сравненіямъ, размѣрамъ стиха и пр.). Но колядки наши имѣютъ вѣдь и свою физіономію.—Какъ разобраться во всёмъ этомъ?

Разбираться пробовали многіе. О колядкахъ, непосредственно и по касательству ихъ къ другимъ пѣснямъ, существуетъ огромная литература; но тѣмъ не менѣе вопросъ о нихъ не разъясненъ... Вопросъ, правда не легкій. Будучи во всякомъ случаѣ пѣснями очень древними и при томъ въ своемъ родѣ священными для народа и отражавшими его міросозерцаніе и творчество мысли, фантазіи на протяженіи многихъ вѣковъ, колядки наши

очень многообразны и различны по содержанію; хотя обрядовая пѣсня болѣе устойчива, чѣмъ иная, но все-же за время существованія колядокъ одинъ культъ смѣнилъ другой, двѣ религіозныя обрядности вступили въ борьбу между собою и до значительной степени переплелись одна съ другой; все это, конечно, не могло не отразиться на содержаніи и формахъ колядки,—что́, вмѣстѣ взятое, и составляетъ трудность рѣшенія вопроса о нихъ.

Къ нему подходятъ съ разныхъ сторонъ и каждый рѣшаетъ его по своей теоріи. Пожалуй, каждый бываетъ по своему правъ: въ колядкахъ такъ много всякаго рода матерьяла, что каждый найдетъ тамъ что-нибудь для себя.

Находитъ и обобщаетъ.

Благодаря этому одни находили въ колядкахъ только отраженіе старой до-христіанской миѳологіи (при чемъ одинъ ученый видѣлъ въ нихъ по преимуществу отраженіе миѳа солнечнаго, другой,—главнымъ образомъ, миѳа облачнаго и бога громовника и т. д.); иные старались наоборотъ искать въ колядкахъ по преимуществу христіанскіе мотивы и слѣды христіанской апокрифической литературы: можно было находить въ колядкахъ и слѣды реальной жизни, разсматривая ихъ какъ пѣсни историческія.

Шли споры... А между тѣмъ вопросъ значительно бы упростился, если бы приложена была къ колядкамъ—средняя мѣрка: еслибы не было то слишкомъ огульныхъ опредѣленій, между прочимъ—«малорусская колядка—серьёзна», «мал. колядки есть величаніе»—то, съ другой стороны, слишкомъ конкретныхъ разщепленій колядокъ на отдѣльные мелкіе элементы (образы, уподобленія и проч.), которые выбирались, каждый отдѣльно, по всей линіи колядокъ и штудировались конкретно; когда къ этому присоединялась еще выборка того-же образа по чужимъ источникамъ, по широкой, разрозненной международной цѣпи ихъ, то... колядка исчезала совсѣмъ, по крайней мѣрѣ исчезали типическія черты ея физіономія.

Желая показать, что́ представляютъ наши колядки сами по себѣ, какія ихъ *типическія* черты (а не одна общая черта, или многія разрозненныя черточки—элементы), я попробую раздѣлить

предлагаемыя колядки, какъ характерные образцы, на три главныхъ типа: 1) Колядка—веснянка, 2) Колядка—легенда и 3) Колядка—вирша.

При этомъ дамъ имъ всѣмъ возможность больше говорить—самимъ за себя.

Можно было бы для каждаго отдѣла дать больше матерьяла, но я думаю, что для даннаго случая достаточно дать меньше матерьяла, за то цѣльнаго и характернаго.

I.

Колядка—веснянка.

Слова — «Колядка-веснянка» звучатъ впачалѣ странно... Однако, эта странность—лишь кажущаяся. Колядка относится къ празднику Колядѣ. «Колядою», какъ мы видѣли, зовутъ и теперь праздникъ Рождества Христова на Волыни, да и въ нѣкоторыхъ другихъ украинскихъ мѣстностяхъ («Коляда», а также весь циклъ Рожд. праздниковъ, включая и новый годъ, называютъ иногда и множественнымъ именемъ—«коляды»: се було на «коляды» [1]).

Весь циклъ колядованія (съ его пѣснями и обрядностями) производятъ отъ римскихъ «календъ», сближаютъ съ праздникомъ классическаго міра,—праздникомъ (съ извѣстными обрядами и пѣснями), относившимся къ концу декабря и началу января,—началу года, «рожденію солнца», т. е. ко времени «про́весны» [2]). Г. Веселовскій ставитъ малорусскія и другія пѣсни-колядки въ преемственную зависимость отъ римскаго вліянія, поддерживая это утвержденіе фольклористическими изысканіями въ области колядокъ, указывая въ особенности на сходныя частности въ колядкахъ румынскихъ съ такими же въ колядкахъ нашихъ: (мѣна коня, бесѣда молодца съ конемъ и другія). Но дѣло въ томъ, что *сходство* еще не есть непосредственная преемственность,—

[1]) Подобно тому, какъ говоритъ наша интеллигенція—„Рождественскіе праздники“ (включая сюда рождественскую недѣлю и новый годъ).

[2]) По нѣкоторымъ источникамъ праздникъ этотъ продолжался до половины марта.

оно можетъ быть родствомъ, имѣющемъ основы болѣе отдаленныя и древнія. Въ этомъ отношеніи очень краснорѣчивыми являются изслѣдованія въ области коляднаго обихода народностей кавказскихъ,—о чемъ смотри любопытную статью Хаханова въ Этногр. Обозрѣніи (1890 г. кн. III. Празднованіе новаго года у грузинъ). Между прочимъ, у абхазцевъ новый годъ называется *«коланда»*, въ виду чего сходность съ римскими «календами» названій «chalendes»—у французовъ, «calendas»—у провансальцевъ, «colinda»—у румыновъ, «koleda»—у южныхъ славянъ, (всѣхъ этихъ народовъ, «находившихся подъ прямымъ или косвеннымъ римскимъ вліяніемъ»),—теряетъ значеніе, указываемое спеціалистами. Новѣйшія археологическія раскопки на Кавказѣ позволяютъ наглядно сближать данныя древней культуры народовъ, населявшихъ этотъ край въ древности, съ таковыми же данными, добытыми археологіею у насъ, въ Южной Россіи. (Не углубляясь слишкомъ въ этотъ предметъ, все же позволю себѣ указать хобя бы на посуду,—глиняные горшки,—которые можно было видѣть на харьковской археологической выставкѣ: не только форма этихъ древнихъ кавказскихъ горшковъ, но и узоры, вытѣсненные на нихъ, были *поразительно* похожи на наши). Такимъ образомъ, новѣйшія этнографическія и археологическія данныя могутъ и относительно «коляды» и «колядокъ» опровергать мнѣніе, что онѣ пришли къ намъ непремѣнно изъ классическаго міра, «вмѣстѣ съ христіанствомъ», «подъ прикрытіемъ котораго переселились и классическія обрядности, а также пѣсни» «календъ»; можно выводить преемственность въ этомъ случаѣ отъ болѣе далекихъ народовъ, но состоящихъ въ болѣе древнемъ культурномъ и иномъ родствѣ, при чемъ корни словъ и римскихъ календъ, и нашихъ колядъ и абхазской коланды окажутся сближенными въ *древнѣйшихъ* корняхъ пра-языка далекой родины—иранской.

Но возвращаясь къ вопросу, что́ собственно представляютъ наши пѣсни-колядки *теперь* и напомнивши, что въ первую, самую древнюю, группу мы ставимъ колядки-*веснянки*, должно признать, что въ этомъ ихъ характерѣ *веснянокъ* нѣтъ ничего стран-

наго, разъ всѣ «колядки» (разныхъ народовъ пѣсни съ этимъ корнемъ) относятся къ празднику, сливающемуся съ началомъ новаго года: это начало, это «рожденіе солнца», эта вѣсть о веснѣ [1]), конечно, должны будить чувство довольства, жизнерадости,—которымъ и проникнуты колядки перваго типа, колядки-веснянки. Основныя темы ихъ:—воспѣваніе красоты юности, «женыханье», «таночки», «зелени лискы», «мурижокъ», «садъ выноградъ»,—даютъ черты природы свѣтлой, язычески-жизнерадостной. Мы не согласны съ общимъ опредѣленіемъ почтеннаго проф. Сумцова (Научное изученіе колядокъ и щедривокъ) относительно «свѣтскаго сюжета идиллически-сентиментальной любви», что «въ малорусскихъ колядкахъ и щедривкахъ ничего подобнаго не встрѣчается», что «малорусская колядка серьёзна и эротическій элементъ почти не коснулся ея». Какъ *общее* для всѣхъ колядокъ это опредѣленіе не вѣрно. Но пусть указываемыя нами колядки древнѣйшаго типа, колядки веснянки, говорятъ сами за себя. Вотъ онѣ.

№ 1.

Ой въ лиску-лиску, та й на мурижку,
Рай—Рожество!
Ой тамъ Ганнуся волыкы пасе.
Рай—Рожество! (послѣ каждаго стиха).
Прыйшло до еи тры пахолыкы:
Одно пахоля—конемъ выграе,
Друге пахоля—золоти дае,
Трете пахоля—за ручку бере.
Одному коня та й завернула,
Другому дару назадъ вернула,
Найхорищому перстеныкъ дала,
Перстеныкъ дала, поцилувала.
(с. Незвиръ, луцк. уѣзда).

[1]) Приходившей въ предполагаемой древней родинѣ гораздо раньше; да и у насъ вѣдь не даромъ говорятъ послѣ Рождества: «вже не къ Риздву, а къ Велыкодню»...

Сравните начальные мотивы извѣстныхъ веснянокъ: «Ой тамъ на морижку», а также: «Ой весна, весна, весняночка, Де твоя дочка паняночка? Погнала бычкы» и т. д. Приводимая колядка есть именно свѣтлая «идиллическая картинка», съ прибавленіемъ мотива «женыхання» и идеальнаго выбора. Лишь припѣвъ «Рай—Рожество» напоминаетъ, что пѣсня принадлежитъ къ циклу рожд. колядокъ (но и самый этотъ припѣвъ только по созвучію принадлежитъ къ христіанскому празднику, Рождеству Христову, а по своему происхожденію есть образъ стараго весенняго миѳа).

№ 2.

У стаинци у новейкій
Стоить коныкъ воронейкій;
Тамъ Степанко осидлае,
Изъ татойкомъ розмовляе:
— Ой, сынойку, голубойку,
Куды йидешъ?—За горойку.
За горойку, по дивойку,
Свиты, свиты, мисячейку.
Свиты, свиты, зоре ясна,
Выйды, выйды, панно красна!
Свиты, свиты, найяснища,
Выйды, выйды, найкраснища!
(Село Запрудье, ковельск. у.)

Колядка эта представляетъ тоже образецъ чистой колядки-*веснянки*!

№ 3.

Ой рано, рано куры запилы,
Святый вечоръ, куры запилы!
А ще найраній Хведорко уставъ;
Хведорко уставъ, въ звоны зазвонывъ,
Въ звоны зазвонывъ, братте побудывъ:
Вставайте, братте, бо вже й не рано,

Та пойидемо въ чыстое поле,
Въ чыстое поле, на полюванне;
Уполюемо въ полю сокилку,
Въ полю сокилку, Хведоркови дивку!
(С. Запрудье, ковельск. у.).

№ 4.

Въ зеленимъ саду, на винограду,
Ой тамъ Хведорко коныка пасе,
Коныка пасе, на поводу водыть,
На поводу водыть, зъ конемъ говорыть:
—Ой косю, косю, продамъ я тебе!—
—Не продай мене, сидлай-по мене!—
Якъ мій кинь скочыть, копытъ не вмочыть,
А въ мого коня золота грыва,
Золота грыва, персты покрыла,
А въ мого коня шовкови хвосты,
Шовкови хвосты слидъ замитають,
Слидъ замитають, дивкы пытають.
(С. Запрудье, ков. уѣзда).

№ 5.

Ой рано-рано куры запилы,
Святый вечоръ, куры запилы!
А ще найраній Оксеня встала,
Оксеня встала, косу чесала.
На́дылась вона трое женыхивъ:
Ой едни сталы по-за садамы,
А други сталы подъ воротамы,
А трети сталы подъ синьмы зъ киньмы.
Що за садамы—тымъ одказала,
Подъ воротамы—хустойку дала,
Подъ синьмы зъ киньмы—сама молода,
Сама молода—отъ якъ ягода!
(С. Запрудье, ков. уѣзда).

№ 6.

Ой ясна-красна въ лузи калына,
Ягóдо!
Ой ягидóчко, красна панночко, Оксеню! [1])
А ще краснища у пана дочка
Ягóдо! (и т. д.).
По двору ходыть, якъ мисяць сходыть;
Ой и тожъ вона рано вставала,
Рано вставала, свичы сукала:
Пры першій свичы косу чесала,
Пры другій свичы—суконькы брала,
Пры третій свичы до свитлоньки йшла.
До свитлоньки йшла, якъ зоря зійшла;
Въ свитлоньку ввійшла,—панычи сыдять,
Панычи сыдять, шапци знимають,
Шапци знимають, еи пытають:
—Ци ты царивна, ци короливна?
—Я-жъ не царивна, не короливна,
Я въ батька дочка,—якъ паняночка!
А за цымъ словомъ сьваткуй здорова,
Сама собою и зъ своимъ родомъ!
(С. Запрудье, ков. уѣзда).

№ 7.

Ой въ лиску, лиску, на жовтимъ писку,
Святый вочоръ, на жовтимъ писку!
Тамъ пава ходыла, пирье ронила,
Панна [2]) ходыла, пирье збирала,
Пирье збирала, въ хвартушокъ клала,
Зъ хвартушка брала,—виночка выла,
Виночка звыла, въ таночокъ пишла.

---

[1]) Повторяется послѣ кажаго стиха.

[2]) Или же вставляется имя дѣвушки.

Прыйшовъ до еи татойко еи:
— Ой часъ, донейко, часъ до домоньку!—
— Постій, татойку, танця доведу,
Танця доведу, до-дому пиду!—
Танця довела, до-дому не пишла.
Прыйшла до еи матинка еи:
— Ой часъ, донейко, часъ до-домоньку!—
— Постій, матинко, танця доведу,
Танця доведу, до-дому пиду.—
Танця довела, до-дому не пишла. [1])
Прыйшовъ до еи мыленькій еи:
— Ой часъ, мыленька, часъ до-домоньку!..
— Постій, мыленькій, танця доведу!—
Танця доведу, до-дому пиду!—
Танця довела, зъ мыленькымъ пишла.
(С. Запрудье, ков. уѣзда).

№ 8.

Жала Ганнуся шовкову траву по зори,
Гей по зори, по мисяцеви ясному!
Та й загубыла золотый перстень по зори,
Гей по зори, по мисяцеви ясному! [2])
Клыкала вона свого батенька по зори;
Батенько прыйшовъ, перстня не знайшовъ по зори,

—

Жала Ганнуся шовкову траву по зори,
Та й загубыла золотый перстень по зори.
Клыкала вона свою матинку;
Матинка прыйшла, перстня не знайшла [3]).

—

[1]) За тѣмъ поется о такомъ-же безуспѣшномъ приходѣ брата, сестры.

[2]) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

[3]) Далѣе такой-же безуспѣшный приходъ брата, сестры.

Жала Гаппуся шовкову траву по зо́ри,
Гей, по зори, по мисяцеви ясному!
Та й загубыла золотый перстень по зо́ри,
Гей, по зори, по мисяцеви ясно́му!
Клыкала вопа свого мылого по зо́ри,
Гей, по зо́ри, по мисяцеви ясному!
Шукай, мыленькій, шукай перстеня по зо́ри,
Гей, по зо́ри, по мисяцеви ясному!
Мыленькій прыйшовъ, перстеня знайшовъ по зо́ри,
Гей, по зо́ри, по мисяцеви ясному!
(с. Незвиръ, луцкаго у.).

Этотъ мотивъ предпочтенія милаго, бо́льшаго успѣха его у дѣвушки, сближаетъ колядки-веснянки съ нѣкоторыми свадебными пѣснями; близость эта уже давно бросилась мнѣ въ глаза при записываніи свадебныхъ пѣсенъ на Волыни. Приведу примѣръ очень красивой пѣсни[1]), которую поютъ невѣстѣ дружки. Начинается она такъ;

Пишла Маруся у садъ-виноградъ зеленый:
— Хто жъ мене знайде въ симъ винограды,
Зъ тымъ сяду й на посади!—

Далѣе,—такъ-же, какъ въ приведенныхъ колядкахъ,—поётся о томъ, что приходятъ отецъ, мать и другіе, но никто дѣвушки не находитъ; въ концѣ-же её находитъ милый. Мотивъ несомнѣнно—сходный; но это было все-же лишь сходство *главнаго* мотива, для котораго сложилась пѣсня;—въ послѣднюю-же мою экскурсію (въ ков. уѣздѣ) мнѣ попалась колядка, которая поразила меня *полнымъ* сходствомъ съ давно записанной мною, въ другомъ мѣстѣ Волыни, свадебной пѣснею.

Вотъ эта колядка, которая можетъ идти слѣдующимъ по порядку номеромъ, такъ какъ она принадлежитъ къ тому-же первому типу колядокъ-веснянокъ:

---

[1]) Изъ новоградволынскаго уѣзда.

№ 9.

Ой литала чорна галка по полю,
А за нею сывый соколонько зъ прозьбою:
— Ой постій, постій, чорна галко, ты-жъ моя..!
Вона-жъ ёму стала одщебетала: не твоя!
Иды соби, шукай соби чорнищеи галкы, якъ есть я!—
— Облитавъ же я чотыри лисы, въ пьятому есть,
Не знайшовъ же я чорнищеи галци, якъ ты есть!—

Ой ходыла красная панна по двору,
А за нею красный панычыкъ зъ прозьбою:
— Ой, постій, постій, красная панно тыжъ моя!—
Вона-жъ ёму стала одновиджала,—не твоя!
Иды соби, шукай соби, хорищеи панны, якъ есть я!—
— Обйиздывъ же я чотыри сели, въ пьятому есть,
Не знайшовъ же я хорищеи панны, якъ ты есть!—
(с. Запрудье, ков. у.).

—

Такова колядка, записанная въ ковельскомъ уѣздѣ, а вотъ свадебная, изъ новоградволынск. уѣзда (м. Мирополя):

Ой литае чорна галочка по полю,
А черкае крылечкамы по долу.
Ой то-жъ вона не крылечкамы черкала,
Ой то-жъ вона свого сокола шукала:
— Ой полынь, полынь, сывъ соколоньку видъ мене,
Може ты знайдешъ чорнишу галку за мене.—
Ой вжежъ бо я чотыри лисы облитавъ,
А чорнишои за тебе галкы й не выдавъ.

—

Ой ходыла молода Ганнуся по двору...
Ой тожъ вона не словечкамы картала,
Ой тожъ вона свого мылого пытала:
— Ой пойидь, пойидь, ты мій мыленькій [1]) одь мене,

[1]) Или же вставляется имя жениха.

Може ты знайдешъ кращую дивку за мене!—
— Ой вжежъ бо я уси стороны обйизжавъ,
Кращои дивкы, якъ ты, Ганнусю, не выдавъ.

—

Надѣюсь, сходство обѣихъ пѣсенъ—очевидное: та-же основная тема, тѣ-же образы, почти тѣ-же слова. Несомнѣнно, обѣ пѣсни относятся къ одному циклу, одному и тому же настроенію, или побужденію, создавшему ихъ.

Если вдуматься въ предметъ, то даже перестаетъ казаться странною близость колядокъ древнѣйшаго типа, колядокъ-веснянокъ, съ пѣснями свадебными. Кромѣ того что онѣ[1]) представляютъ олицетворенія стараго миѳа,—и тамъ и тамъ, такъ сказать, ситуація—та-же самая: торжество юности, любви, избранія; то-же чувство довольства, сознанія красоты, силы—со стороны «избранныхъ» и восхваленіе ихъ ближайшими, переходящее въ *величаніе:*—въ веснянкахъ-колядкахъ по случаю праздника, имѣющаго своей древней основой «рожденіе солнца», новаго года, весны, въ свадебныхъ—по случаю торжества, вѣнчающаго союзъ «молодыхъ», избраніе «найкращои», «наймылишого».

Однако близость древнихъ колядокъ къ свадебнымъ сильно подрываетъ идею происхожденія колядованія отъ римскихъ календъ: съ послѣдними наши свадебныя пѣсни не обязаны имѣть общность, если же имѣютъ общіе мотивы съ колядками, то, значитъ, относятся къ культу, въ которомъ потонутъ и римскія календы... какъ въ болѣе древнемъ, арійскомъ.

Таковы колядки 1-го, древнѣйшаго типа. Конечно, въ нихъ, какъ сказано, можно находить образы стараго миѳа. Въ приведенныхъ колядкахъ укажемъ, напр., на главнѣйшій:—сравненіе дѣвушки съ мисяцемъ и зорею, въ чемъ можно видѣть олицетвореніе утренней зари; но не погоня за этими признаками занимала меня: увлекшись разыскиваніемъ того-же образа и подобныхъ ему[2]) вообще въ колядкахъ, а за тѣмъ вообще въ нашихъ пѣс-

[1]) Какъ колядки-веснянки, такъ и свадебныя, въ нѣкоторыхъ мотивахъ.

[2]) Перстень, вѣнокъ, садъ-виноградъ и др.

ніяхъ, далѣе въ сказкахъ, пословицахъ, загадкахъ, можно было растеряться въ подробностяхъ и—остаться при одной массѣ подробностей; меня занимало и побуждало сдѣлать главную внутреннюю характеристику извѣстнаго разряда пѣсенъ, отдѣляемыхъ мною въ особый типъ по ихъ характерному внутреннему содержанію и настроенію, ихъ проникающему.

Конечно, путемъ сравненія отдѣльныхъ признаковъ опредѣляется и *общая* характерность пѣсенъ; при фольклорномъ методѣ могутъ выясниться и особенности, *отличающія* пѣсни одного народа отъ пѣсенъ другого. Въ этомъ отношеніи—наприм. въ разысканіи г. А. Веселовскаго, гдѣ онъ говоритъ о румынскихъ колядкахъ, меня заняло не то, что и въ нашихъ колядкахъ, и въ румынскихъ молодецъ сѣдлаетъ коня, и тамъ и тамъ разговариваетъ съ нимъ, а то, что румынскія колядки имѣютъ гораздо болѣе страстный характеръ, т. е. обстоятельство относящееся къ общему характеру пѣсенъ. Я не соглашаюсь съ г. Сумцовымъ, что любовный элементъ въ нашихъ колядкахъ «почти совсѣмъ отсутствуетъ», я говорю, что онъ служитъ даже *основою* колядокъ-веснянокъ, но формы выраженія въ нихъ этого чувства—другія, чѣмъ въ румынскихъ колядкахъ, а потому и общій характеръ получается—своеобразный. Малорусская пѣсня въ выраженіи любовнаго чувства и восхищенія тѣлесной красотой любимаго лица—вообще очень сдержана и эстетична (не даромъ эта «цѣломудренность чувства» и его выраженія была замѣчена такъ давно, такимъ художникомъ какъ Гоголь и критикомъ-эстетикомъ Боденштетомъ). Какъ часто для вызова въ воображеніи милаго образа наша любовная пѣсня вспоминаетъ лишь о «чорныхъ бривонькахъ»...

Эта главная черта пѣсеннаго выраженія любовнаго чувства нашимъ народомъ служитъ между прочимъ причиною тому, что и въ разрядѣ колядокъ, который можно было бы назвать пѣснями любовными,—въ колядкахъ-веснянкахъ,—нѣтъ выраженія «вакхической» страстности.

Возникши на общей древнѣйшей почвѣ языческой жизнерадости и обрядности въ честь рожденія весны, украинскія колядки-веснянки представляютъ собою тѣ наши весенніе цвѣты

«прóлиски», которыя не имѣютъ остраго запаха, но плѣняютъ своей наивной красотой и свѣжестью.

Останавливаясь на эстетической сторонѣ колядокъ-веснянокъ я хочу сказать о музыкальныхъ мотивахъ, на которые онѣ поются. Но прежде два слова вообще о музыкѣ пѣсенъ съ точки зрѣнія этнографической. Очень жаль, что наши этнографы сравнительно мало обращаютъ вниманія на эту сторону дѣла: музыкальный мотивъ есть душа пѣсни, и хотя, конечно, можно и безъ нея разсѣкать части пѣсни аналитическимъ ножемъ, но въ полности характера пѣсни мы не можемъ знать, не слыхавъ, чтó говорила она своею душой,—мелодіей. Можно съ увѣренностью сказать, что кто никогда не слыхалъ старой украинской думы въ пѣніи кобзаря (или же лица, точно перенявшаго кобзарское исполненіе думы), тотъ не будетъ имѣть полнаго понятія о думахъ.

Въ извѣстной степени это можетъ относиться и къ другимъ характернымъ пѣснямъ. Я не смѣю ставить себя въ примѣръ для подражанія, но должна сказать, что мнѣ всегда была очень полезна привычка непремѣнно запоминать также мелодію пѣсни, которая почему-либо казалась мнѣ интересной по содержанію и стоющею записыванія. Очень сожалѣю, что предлагаемыя вниманію читателя колядки являются безъ музыкальныхъ мотивовъ:— они вполнѣ подтвердили бы мою характеристику этихъ пѣсенъ. Мелодіи этого типа колядокъ не имѣютъ въ себѣ ничего «набóжнаго», это мелодіи быстраго темпа, свѣтлыя, игриво-веселыя; изъ нихъ особенною красотою отличаются мелодіи номеровъ 6-го и 8-го.

Но не одними только идиллическими и любовными мотивами исчерпывается содержаніе колядокъ древнѣйшаго типа, колядокъ-веснянокъ: въ нихъ говорится о подвигахъ удальства, войны. Мы не найдемъ въ этомъ ничего удивительнаго, если припомнимъ, что и въ настоящихъ, такъ сказать, безспорныхъ веснянкахъ,— въ пѣсняхъ весняныхъ «танковъ», поется о тѣхъ же подвигахъ.

Антоновичъ и Драгомановъ, комментаторы «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа», были правы, когда брали какъ «историческій» матеріалъ нѣкоторыя веснянки и колядки; по-

жалуй, можно оспаривать принадлежность нѣкоторыхъ упоминаній извѣстнымъ историческимъ личностямъ и событіямъ, но указанія комментаторовъ на существованіе въ этихъ пѣсняхъ нѣкоторыхъ *бытовыхъ* черть дружиннаго и княжескаго періода нашей исторіи были вѣрны: сюда относятся сборы на войну, рады, снаряженіе лодокъ, поединки, осада и пр. Хотя и въ этихъ пѣсняхъ *основа* чувствуется—древне-мифическая...

По самой сущности весеннихъ пѣсенъ, повидимому, нѣтъ ничего страннаго, если въ нихъ упоминаются или даже восхваляются юношескіе подвиги удали, силы, чувствуемой и возвеличаемой; при томъ эти подвиги связываются и съ элементомъ любовнымъ.

Въ № 3-мъ нашихъ колядокъ-весняпокъ можно такимъ образомъ усматривать, пожалуй, намёкъ на «умыканіе»... (Молодецъ зоветъ дружину, чтобы «уполювать» дѣвушку)[1]. А вотъ колядка того же типа, обращенная къ дѣвушкѣ, но восхваляющая не красоту ея, а мужественность и воинственность:

№ 10.

Була вдова блызько двора,
Рай—Рожество!
Мала вона тры доненькы,
Рай—Рожество[1])!
Една доненька—Ганнусенька,
Друга доненька—Костусенька
Третя донейка—Настусенька,
— Ой, мое дыте, а Ганнусенько,
Пойидь, пойидь а на войноньку!—
— Моя матинко, а голубонько,
Я на войноньку не пойиду:
Я не вмію коня сидлаты,
А на ёму та й пойихаты.—

---

1) Въ то-же время этотъ мотивъ есть въ приговоркахъ сватовъ.
2) Припѣвъ после каждаго стиха.

— Ой, мое дыте а Костусенько,
Ой пойидь, пойидь а на войноньку!—
(отвѣчаетъ тоже отказомъ).
Ой мое дыте а Костусенько,
Пойидь, пойидь а на войноньку!—
Моя матинко-голубонько,
Я на войноньку та й пойиду:
Я вмію коня осидлаты,
А на ёму та й пойихаты.—
Маты дочку уряджала,
Уряджаючы, научала:
Мое дыте а Настусенько,
Пойидь, пойидь на войноньку!
Навпередъ війська не выбывайся,
Назадъ війська не оставайся:
Навпередъ війська—намовонька,
А назадъ війська—погононька,
Насередъ війська—розмовонька.—
Вона матинкы не послухала,
Напередъ війська выйихала,
Ой выйихала, ще й выкрыкнула,
Шабелькою та вымахнула.
(с. Облапы, ков. уѣзда).

Этотъ мотивъ во многихъ сборникахъ является въ примѣненіи къ молодцу[1]). Совѣтъ матери есть общее мѣсто, встрѣчается и въ бытовыхъ пѣсняхъ; оригинальность этой колядки (рѣдкой, но въ этнографіи извѣстной, по мотиву), заключается въ томъ, что въ ней дѣйствующими лицами являются однѣ женщины и что отважнымъ воиномъ является—дѣвушка. Чѣмъ не «поляница», Амазонка, Валькирія?...

[1]) Желающіе гоняться за нимъ имѣютъ обширное поле въ сборникахъ Чубинскаго, Головацкаго и другихъ.

Таковы черты колядокъ древнѣйшаго типа, колядокъ-веснянокъ. Онѣ имѣютъ свои корни, которыхъ надо искать въ младенческой жизни народовъ, свои образы, утратившіе теперь для поющихъ свой первоначальный смыслъ, но все еще живущіе въ словѣ[1]), свои общія мѣста. Но моей задачей не было останавливаться на этой сторонѣ дѣла, меня занимала, такъ сказать, психологія этихъ пѣсень и потому лишь къ этой области и относилась какъ характеристика ихъ, такъ и сближеніе.

Олена Пчилка.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Какъ образы, имѣющіе реальныя формы.

Къ біографіи Н. А. Некрасова.

Въ настоящее время, въ виду 25-лѣтія со дня смерти поэта Н. А. Некрасова (27 декабря), имя его привлекаетъ къ себѣ особенное вниманіе.

Въ журналахъ появляются статьи, посвященныя ему и его поэзіи, въ газетахъ сообщается о предполагаемыхъ въ городахъ чествованіяхъ памяти поэта; біографіи поэта возстановляются.

Случай доставилъ намъ въ руки метрическую выпись о вступленіи въ бракъ отца Н. А. Некрасова, которую мы считаемъ не лишнимъ опубликовать.

Этотъ документъ даетъ, кажется, возможность восполнить нѣкоторые пробѣлы и неточности біографическихъ подробностей.

Въ біографическомъ очеркѣ, приложенномъ къ однотомному собранію сочиненій Н. А. Некрасова изд. 1882 года, говорится, что Алексѣй Сергѣевичъ Некрасовъ «женился на старшей дочери его (Закревскаго) Александрѣ Андреевнѣ, противъ воли родителей». То же сказано и у. Г. Скабичевскаго въ очеркѣ «Николай Алексѣевичъ Некрасовъ». (Сочиненія Т. II. стр. 331). Третій авторъ, Г. П. Гриневичъ, въ статьѣ, посвященной Некрасову, «Муза мести и печали», напечатанной въ ноябрьской книжкѣ «Русскаго Богатства», говоритъ: «Въ точности не знаютъ даже, гдѣ онъ родился, какъ звали его мать (по однимъ свѣдѣніямъ Александрой, по другимъ—Еленой)».

Метрическая выпись изъ церковной книги мѣстечка Юзвинъ, винницкаго уѣзда, подольской губерніи, устанавливаетъ имя матери—Елена: подъ этимъ именемъ, какъ мы видимъ, она записана въ метрическую книгу.

Далѣе г. Гриневичъ говоритъ (стр. 17), что мать Н. А. Некрасова была «полька по воспитанію, религіи и языку». Въ метрической книгѣ, какъ видно, Елена Андреевна Закревская значится вѣроисповѣданія «грекороссійскаго».

Эта же метрическая выпись вызываетъ нѣкоторыя недоумѣнія при сопоставленіи съ имѣющимися у меня подъ руками біографическими очерками.

Г. Скабичевскій, говоря о несогласіи родителей на бракъ дочери ихъ съ отцомъ Некрасова, вдается въ подробности и говоритъ: «Тогда, не долго думая, Алексѣй Сергѣевичъ увезъ свою возлюбленную прямо съ бала и обвѣнчался съ нею по дорогѣ въ свой полкъ».

Какимъ же образомъ, экспромтомъ увезенная съ бала дочь польскаго магната», игравшаго въ Варшавѣ «видную роль», оказалась во время вѣнчанія «грекороссійскаго исповѣданія»? Если предположить, что она приняла православіе предъ вступленіемъ въ бракъ, то это не сходится съ экстреннымъ вѣнчаніемъ по пути въ полкъ.

«По однимъ извѣстіямъ—въ Варшавѣ, а по другимъ—въ херсонской г., онъ (отецъ Н. А.) случайно познакомился съ семействомъ богатаго польскаго магната, Андрея Закревскаго, и женился на старшей дочери его Александрѣ Андреевнѣ, противъ воли родителей» [1]).

Бракъ въ глухомъ мѣстечкѣ Юзвинѣ, расположенномъ въ 18 верстахъ отъ г. Винницы, бракъ противъ воли родителей, уводомъ невѣсты, повидимому ясно показываетъ, что Закревскіе жили не такъ ужъ далеко, вѣроятно не въ херсонской губерніи и ужъ, конечно, не въ Варшавѣ. Трудно предположить, чтобы изъ Варшавы или Херсонщины везъ А. С. Некрасовъ свою невѣсту, чтобы повѣнчаться въ какомъ-то мѣстечкѣ Юзвинѣ; вѣроятнѣе предположить, что Закревскіе были помѣщиками подольской губерніи.

[1]) Біограф. очеркъ при изд. 1882 г.

Не буду вдаваться въ область гаданій, но считаю не лишнимъ привести имѣющіяся подъ руками справки о Закревскихъ, помѣщикахъ подольской губерніи.

Въ «Трудахъ Подольскаго Епархіальнаго Статистическаго комитета, выпускъ IX. Приходы и церкви Подольской Епархіи», имѣются слѣдующія свѣдѣнія о Закревскихъ.

Какой то Закревскій въ XVI и XVII в.в. владѣлъ с. Котлубаевцами, каменецкаго уѣзда, расположенномъ въ 7 верстахъ отъ г. Каменца. (стр. 472).

Генералъ Закревскій (Закржевскій) въ 1817 году былъ пожалованъ на 12 лѣтъ слѣдующими селеніями, ушицкаго уѣзда: с. Бахтынъ (стр. 975), с. Вороновцы (стр. 977) и с. Петриманы (стр. 990).

Какой то Закревскій въ XVI в. владѣлъ с. Соколецъ, ушицкаго уѣзда.

Титулярный совѣтникъ Игнатій Закржевскій (Закревскій) показанъ владѣльцемъ с. Берестяги, гайсинскаго у. (стр. 362).

Нѣкто Михаилъ Закревскій названъ «осадчимъ той слободы» (основателемъ), впослѣдствіи села Разношинцы, балтскаго уѣзда. (стр. 90).

Предположеніе о близости Закревскихъ къ мѣсту совершенія брака подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что поручителями записаны однополчане Некрасова,—генералъ-маіоръ Шекацкій, капитанъ Аліонка и штабсъ-капитанъ Визинскій, и что въ м. Юзвинѣ, или вблизи него, былъ расположенъ полкъ, гдѣ служилъ А. Некрасовъ, и, конечно, это мѣстечко было не слишкомъ далеко отъ мѣста жительства Закревскихъ.

Метрическая запись о бракѣ отца Некрасова въ м. Юзвинѣ, въ связи съ указаніемъ біографовъ, что «Н. А. родился еще во время походной жизни отца въ 1821 году 22 ноября, въ подольской г., винницкомъ уѣздѣ, въ какомъ то еврейскомъ мѣстечкѣ», дала поводъ предположить, что не въ томъ ли Юзвинѣ родился поэтъ. Но просмотрѣвъ метрическую книгу о родившихся Юзвинской церкви, съ 1817 года по 1827 годъ, я не нашелъ въ ней записи о рожденіи поэта. Нынѣшній священникъ м. Юзвина, о.

Ятвинскій, любезно откликнувшійся на просьбу дать справки о рожденіи поэта, пишетъ, что «не разъ уже забирались самыя точныя справки, и теперь провѣрены метрическіе акты съ 1818 г., со дня бракосочетанія отца поэта, за двадцать лѣтъ. Вопросомъ этимъ Юзвинскій приходъ больше всѣхъ интересуется, но поэтъ, видно, здѣсь не родился».

Такимъ образомъ, имѣющіяся у насъ данныя не даютъ возможности установить съ точностью мѣсто рожденія поэта, но можно предположить, что онъ родился дѣйствительно въ подольской г., винницкомъ уѣздѣ, какъ говорятъ біографы его, такъ какъ со времени вступленія А. С. Некрасова въ бракъ въ м. Юзвинѣ (11 ноября 1817 года) и до дня рожденія поэта (22 ноября 1821 г.) прошло всего четыре года. За это время А. С. Некрасовъ изъ полка не ушелъ, такъ какъ онъ вышелъ въ отставку, дослужившись до чина капитана, а полкъ, стоявшій въ 1817 г. несомнѣнно въ винницкомъ уѣздѣ подольской г., врядъ ли ушелъ оттуда далеко.

Впрочемъ, та же метрическая выпись о бракѣ даетъ намъ въ руки нить къ розысканію мѣста рожденія поэта. Какъ видно изъ разсматриваемаго документа, отецъ Некрасова служилъ въ 28-мъ Егерскомъ полку. Но 28-й Егерскій полкъ въ 1833 году вошелъ въ составъ 67-го Тарутинскаго полка (См. Энциклопедію военныхъ и морскихъ наукъ, Т. V. 11, стр. 441), нынѣ расположенномъ въ г. Красноставѣ, люблинской г. Вѣроятно, въ Тарутинскомъ полку сохранился архивъ его предка, и тамъ найдется и послужной списокъ отца поэта и приказъ по полку о занесеніи въ послужной списокъ, на основаніи метрической выписи, его сына Николая Алексѣевича, а по этому приказу можно узнать, гдѣ было совершено крещеніе. Въ архивахъ полка, а, если составлена уже исторія полка, то и въ этой исторіи, можно узнать, гдѣ квартировалъ 28-й Егерскій полкъ въ періодъ времени отъ 11 ноября 1817 года по 22-е ноября 1822 года.

Такимъ образомъ, доставленная намъ метрическая выпись о вступленіи въ бракъ отца поэта Н. А. Некрасова даетъ возможность вполнѣ точно выяснить мѣсто рожденія его и изъ біогра-

фіи будетъ вычеркнуто «какое то еврейское мѣстечко», винницкаго уѣзда, подольской г., а будетъ опредѣленно указано это мѣстечко, а мы, винничане, быть можетъ, будемъ присутствовать и принимать участіе въ открытіи какого-либо образовательнаго учрежденія (школы, библіотеки-читальни) на мѣстѣ рожденія дорогого намъ поэта скорби народной.

К. Оберучевъ.

Г. Винница 5-го декабря 1902 года.

ВЫПИСКА

изъ Книги, данной Подольской Епархіи изъ Винницкаго духовнаго правленія Винницкаго повѣта мѣстечка Юзвина Успенской церкви священно - и церковно-служителямъ для записки въ оной на основаніи духовнаго регламента 29 пункта и Святѣйшаго Правительствующаго Синода 1802 года маія 16 дня указа въ томъ приходѣ бракосочетавшихся.. 1815 года сентября 25 дня».

Часть вторая о бракосочетавшихся въ 1817 году. Стр. 1-я: Двадцать восьмого Егерскаго полка третей Брыгады Адъютантъ Порутчикъ Алексій Сергіевъ сынъ Некрасовъ грекороссійскаго исповѣданія, Титулярнаго Совѣтника Андрея Семеонова Закревскаго съ дочерью дѣвицею Еленою тогожъ исповѣданія по учиненіи въ церквѣ предъ народомъ троекратныхъ извѣщеній и по взятіи указаннаго обыска винницкимъ Повѣтовымъ Протоіереемъ Петромъ Вилентіемъ первымъ бракомъ вѣнчаны. Юзвинской части Благочинный Іерей Григорій Скалскій.

Поручители были того-жъ полка Генералъ-Маіоръ Шекацкій. Капитанъ 'Аліонка, штабсъ-капитанъ Визинскій.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Священникъ Фока Назарьевичъ Струтинскій и его полемическая замѣтка противъ „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей". Священникъ Ф. Н. Струтинскій—это одно изъ самыхъ замѣчательныхъ сельскихъ духовныхъ лицъ Кіевщины въ 1-ю половину XIX в.—Родился онъ въ 1805 г., въ с. Красномъ Лѣсѣ, васильковскаго уѣзда, кіевской губерніи и былъ сыномъ тамошняго священника о. Назарія. Въ малыхъ лѣтахъ лишился отца и воспитывался въ старой кіевской академіи—въ бурсѣ, т. е. на казенный счетъ; но окончилъ курсъ ученія уже въ кіевской духовной семинаріи въ 1827 г. въ числѣ лучшихъ студентовъ ея. Былъ сначала учителемъ въ Кіево-Подольскомъ духовномъ училищѣ—до 1831 г., а затѣмъ, женившись на дочери умершаго протоіерея села Горенічь, кіевскаго уѣзда (въ 25 верстахъ отъ Кіева), Аннѣ Васильевнѣ Мощинской, за которою былъ предоставленъ этотъ приходъ,—онъ посвященъ былъ во священника церкви села Горенічь—и прожилъ на этомъ мѣстѣ до самой кончины своей, послѣдовавшей въ декабрѣ 1854 г.

У о. Фоки Струтинскаго былъ природный литературный талантъ. Но такъ какъ въ то время негдѣ было проявиться ему, ибо тогда на печатное слово смотрѣли очень боязливо въ духовной средѣ, и поэтому лица даже съ высшимъ, духовно-академическимъ образованіемъ рѣдко печатали свои труды, то о. Фока самъ создалъ себѣ органъ для проявленія бывшей у него потребности высказываться письменно именно—онъ сталъ вести дневникъ и записывалъ въ него не только факты своей обыденной жизни, свои наблюденія, мысли и чувства, но

и свои чисто литературныя произведенія, которыя любилъ излагать преимущественно въ стихахъ не только русскихъ, но и малорусскихъ. Дневникъ этотъ онъ началъ вести еще будучи учителемъ въ Кіевѣ и затѣмъ безостановочно продолжалъ его все остальное время жизни, и въ немъ—въ этомъ дневникѣ—нѣтъ записей только за дня три до кончины его трудолюбиваго и талантливаго автора...

Дневникъ о. Фоки Струтинскаго въ числѣ семи большихъ томовъ хранился сначала у вдовы его, Анны Васильевны; а послѣ ея смерти хранится у дочерей его. Благодаря добротѣ покойной Анны Васильевны Струтинской и ея дочерей, въ особенности Настасіи Фокичны Кисилевичъ и Александры Фокичны и Ольги Фокичны Струтинскихъ,—мы въ 70-хъ годахъ получили возможность изучить этотъ дневникъ обстоятельно и сдѣлали изъ него большія выдержки, напечатанныя въ петербургскомъ историческомъ журналѣ, нынѣ прекратившемся,—«Древняя и Новая Россія» за 1880 и 1881 годы. Тамъ же мы сообщили и довольно подробныя біографическія свѣдѣнія объ авторѣ дневника, на основаніи его собственныхъ признаній и воспоминаній. Въ числѣ послѣднихъ особенно много чертъ для характеристики бытовой школьной жизни автора въ старой кіевской академіи и затѣмъ въ семинаріи, а также для біографіи его начальниковъ и наставниковъ.

По нашему мнѣнію, дневникъ о. Фоки Струтинскаго во всемъ своемъ объемѣ, представляетъ драгоцѣнный матеріалъ для бытовой исторіи нашего сельскаго духовенства и крестьянства въ первую половину XIX в.—Въ особенности важны факты изъ исторіи панщины... Недаромъ бывшій редакторъ «Древней и Новой Россіи» П. А. Гильдебрандтъ говорилъ, что дневникъ Струтинскаго слѣдуетъ печатать цѣликомъ, а не въ отрывкахъ, подобно тому, какъ напечатаны Записки Болотова... Объ этомъ писалъ намъ изъ С.-Петербурга Иванъ Даниловичъ Павловскій, тоже замѣчательнѣйшій литературный труженикъ, къ сожалѣнію скончавшійся во цвѣтѣ лѣтъ—(26 апрѣля 1881 г. на 30 г. жизни) близъ Полтавы, въ Лонощинскомъ погостѣ, гдѣ онъ проводилъ послѣдній годъ жизни у своего дяди-священника, удрученный тяжелою болѣзнію послѣ неимовѣрныхъ трудовъ по редактированію «Церковно-Общественнаго Вѣстника»...

Итакъ, повторяемъ, весь запасъ своихъ богатыхъ дарованій о. Фока изливалъ въ своемъ дневникѣ. Но разъ онъ попробовалъ написать статейку для печати—именно для Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдо-

мостей. Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго вѣка рѣдко кто изъ сельскихъ священниковъ осмѣливался посылать свои статьи въ Кіевскія Губернскія Вѣдомости. Съ 1856 г., со времени общаго обновленія Россіи, такихъ смѣльчаковъ явилось больше... Но до этого времени, насколько мы знаемъ, только имя бердичевскаго протоіерея о. Михаила Дашкевича можно было иногда встрѣчать на страницахъ губернскаго органа. О. Михаилъ Дашкевичъ любилъ исторію Малороссіи и печаталъ иногда статьи между прочимъ о малороссійскихъ козакахъ. Вотъ по поводу одной статьи о. протоіерея и написалъ свою очень остроумную замѣтку о. Фока Струтинскій. Но, какъ видно, она осталась не напечатанной, и даже не была и послана въ редакцію. Не рѣшился, должно быть, отецъ Фока Назарьевичъ, хотя подписалъ ее псевдонимомъ: *Ка. Фо.* Такое тогда было время!...—Вотъ эта статейка, которую мы списали съ подлинника.

ЕПИФОНЕМА

по прочтеніи замѣчанія Редакціи Губерскихъ Вѣдомостей къ замѣчаніямъ, присланнымъ отъ протоіерея Дашкевича, помѣщеннымъ въ 16 № (1846 г.) на стр. 146-й.

Similis simili gaudet! Сирѣчъ: Бездна бездну призываетъ! Или: Воронъ ворону глаза не выклюетъ! А по просту, по-наськи: Насьміялась верша зъ болота!...

Редакція, щелкнувъ усерднаго соревнователя, приславшаго свои замѣчанія на «Историческое обозрѣніе города Канева», незнаніемъ ортографіи, послѣ проявляетъ свою признательность почтенному отцу протоіерею за его участіе въ раскрытіи истины... Слуга покорный!... Это очень щекотливо должно показаться не только о. протоіерею, но и всѣмъ знающимъ о. протоіерея... По прочтеніи прочитаннаго замѣчанія невольно вздумалось первому мнѣ воскликнуть: Similis simili gaudet!..

Теперь разъяснимъ эту древнюю латинскую пословицу примѣнительно къ обстоятельствамъ. Отецъ протоіерей, какъ можно думать, внимательно перечитывая Губернскія Вѣдомости, и находя въ нихъ много ошибокъ противъ ортографіи, а особенно опечатокъ,—не удивительно, что и самъ сдѣлался не твердъ въ ортографіи... Такіе опечатки замѣчать можно во многихъ мѣстахъ Губернскихъ Вѣдомостей, особенно въ справочныхъ цѣнахъ продаваемыхъ на рынкѣ съѣстныхъ

припасовъ и другихъ продуктовъ, которыя бы должны быть выставляемы преимущественно какъ можно исправнѣе· Часто судакъ цѣнится дороже самаго осетра—и вмѣсто 5 или 7 копѣекъ серебромъ вдругъ въ нѣкоторыхъ №-рахъ цѣнится необыкновенно выше. т. е. 25 копѣекъ за фунтъ; также пеньковое масло, которое продавалось фунть по 7 или 7½ копѣекъ, вдругъ въ какомъ либо № возвышается до 20 копѣекъ серебромъ. Подумалъ бы, что это цѣна на ассигнаціи, но тамъ яснымъ шрифтомъ напечатано *серебромъ* [1]). И покорные ваши слуги—любители Губернскихъ Вѣдомостей и судака, жаренаго въ пеньковомъ маслѣ, при всемъ своемъ гастрономическомъ вкусѣ, не рѣшаются послать гонца въ Кіевъ, за покупкою необыкновенно вздорожавшихъ, по Вѣдомостямъ, судачины и пеньковаго масла, а тихо сидя въ деревнѣ, подъ соломенною кровлею, радуются о изобрѣтеніи,—на мѣсто обыкновеннаго сельскаго мыла,—помѣщеннаго въ 12 № другого мыла изъ золы; а иногда усердно принимаются плакать, начитывая, какъ ужасно страдаетъ малороссійскій языкъ, въ описаніи Гайдамачины.

Отецъ протоіерей, вѣроятно предугадалъ, что редакція въ № 16-мъ отдѣла 1-го (не во всѣхъ, впрочемъ, листахъ) крупными буквами напечатаетъ вмѣсто 19 апрѣля—12-го и рѣшился, съ ортографическими нѣкоторыми ошибками, послать и свой посильный трудъ, особенно въ такой №, который на челѣ своемъ носитъ значительную опечатку, и думалъ, что по пословицѣ: *всякъ человѣкъ ложь и ты тожъ,* редакція хоть на первый разъ будетъ такъ снисходительна, что за открытіе исторической истины покроетъ его двѣ или три ошибочки противъ ортографіи... Но вышло противное. И это противное подернуло мракомъ какой-то боязни и нерѣшимости чéла не многихъ рѣшающихся послать слабые свои труды въ редакцію. А чтобы сколько-нибудь разсѣять этотъ мракъ и вызвать оробѣвшихъ охотниковъ на поле губернской литературы, то не благоугодно ли будетъ редакціи помѣстить гдѣ-нибудь въ уголочкѣ Губернскихъ Вѣдомостей и мою слабую, по глубокому смиренію, но согрѣтую чувствомъ справедливости, *эпифонему.*

1846 г. 1 мая. Ка. Фо.

—

[1]) Эти ошибки найдутся въ № 5, 6 и 7. *(Примѣч. автора).*

Въ заключеніе настоящей нашей замѣтки считаемъ долгомъ своимъ упомянуть, что давно пора кіевскимъ историческимъ обществамъ обратить надлежащее вниманіе на принятіе мѣръ къ обезпеченію дальнѣйшей сохранности рукописныхъ томовъ дневника о. Фоки Струтинскаго. Большой будетъ грѣхъ, если эти рукописи, не обезпеченныя въ частныхъ рукахъ отъ разныхъ непредвидѣнныхъ случайностей,—получать такой или иной ущербъ, а то и совсѣмъ исчезнуть... Нужно дать болѣе прочное помѣщеніе этому замѣчательному историческому памятнику, представляющему вѣрную картину жизни нашего народа и духовенства за четверть съ лишнимъ прошлаго вѣка (1827 г. по 1854-й),—а затѣмъ кстати замѣтимъ, что нужно обратить вниманіе на розысканіе и другихъ подобнаго рода памятниковъ. Среди нашего сельскаго духовенства были нерѣдко скромные *Несторы Лѣтописцы*, которые въ тиши своихъ келій вели безостановочно записи своей, а вмѣстѣ и народной жизни. Для примѣра можемъ назвать дневникъ покойнаго протоіерея мѣст. *Дашева* (Липовец. у.) *о. Луки Григ. Кисилевича...*

Сообщ. **Л. М.**

Пѣсня дяка про свою долю.

Що ся въ свити діе? Чы все то Богъ знае?
Ой що кождый пипъ дяка за наймыта мае!
Скоро де дякъ видвенется, заразъ посылае:
— «Ходы, дяче, тай до насъ, бо панъ-отець лае».
Ой скоро дякъ навернувся, ставъ ёго ругаты:
— «Куды, дяче, къ чорту ходышъ? Кони напуваты!»
Напоивши кони, кажуть запрягаты:
«Беры батигъ, сидай на визъ»—ёму поганяты.
Прыйихавъ до миста, не мавъ я выгоды:
Не йивъ, не пывъ цилый день, та й терпивъ голоденъ.
Ой йидемъ до-дому, попадя пытае:
— «Ой десь нашъ дякъ не обидавъ, що такъ поганяе?»
Прыйихавъ до дому, не знавъ що почати:
Схватывъ мене за чупрыну, давай обертаты!
Якъ вырвався я изъ рукъ, та й ставъ утикаты,
Прыбигъ въ школу—накрычавъ: «ходимо спиваты!»

Выспивалы мыску мукы́ и пóзонокъ соли,
Наварылы галушокъ, наийлысь доволи!

Примѣч. Записана въ подольской губерніи въ 1840-хъ гг.—Мы еще помнимъ то время (40-ые годы XIX в.), когда сельскіе причетники *(дьячки* и *пономари)* сидѣли *на кóзлахъ* у священниковъ, особенно у *благочинныхъ*, и погоняли лошадей.

Сообщ. **Л. М.**

Малорусское нищенское причитанье. Лѣтомъ 1879 г. былъ я въ гостяхъ у священника села Хмелевки, липовецкаго у., кіевск. губ. О. Вал. Н—го... 21 іюля, въ воскресенье, ходилъ въ Хмѣлевскую церковь; здѣсь, возлѣ «цвынтара,» стояла слѣпая женщина Марія; я подалъ ей монету и она стала приговаривать и очень удачно, импровизаціей... «Це я сама такъ. Рятныкъ (урядникъ) запрещае стояты на гребли,—а то,—говóрить,—въ Кіевъ, на казённый хлѣбъ пидешъ».—Я попросилъ ее зайти къ батюшкѣ, имѣя въ виду записать кое-что изъ ея причитаній. Она зашла, пообѣдала и стала молиться... Вотъ нѣчто изъ ея рѣчей, ибо за скоростью нельзя было всего уловить:

Помяны, Господы,—татуньци и мамуньци (иногда
татки и маткы).
Помяны, Господы, братикы и сестрычкы
Помяны, Господы, дидуньци и бабуньци,
Диды и прадиды,
Бабы, унукы и правнукы,
Диточкы маленькы—блазеньци [1])!
И за знающыхъ, и за незнающыхъ,
Котори на водахъ потопають,
Котори въ огняхъ погарають.
Которыхъ звиръ пойидае,
Которыхъ гримъ побывае,
Котрого свята земля покрывае.

---

[1]) *Блазеньци*—это,—объясняла она,—колы дытя родытся и нехрещенымъ помырае.

Котрый зъ наглои смерти помырае [1])...
И за тыхъ, що по свиту прохожають
И за всихъ и за вся!
И за всенькій мыръ хрещеный!
Що вы не оставылы
При таки ныщоти, пры такимъ калицстви
Душечкамъ царство небесне
И вашимъ диточкамъ...
За вашу худибочку
Въ комори, въ обори
За ихъ часточку, за ихъ поставочку
Святая земле, молы Бога за ныхъ.
Царю Небесный—молы Бога о насъ
И святый Мыколай!...

Сообщ. Л. М.

Изъ прошлаго Полтавщины. 1) *Объ устройствѣ въ Полтавѣ заведенія для спасенія утопающихъ.* Въ Полтавѣ, при рѣкѣ Рогизнѣ (нынѣ не существующій рукавъ р. Ворсклы), по иниціативѣ князя Н. Г. Репнина, бывшаго малороссійскаго генералъ-губернатора (1816-1834 г.), было устроено въ 1829 году „заведеніе для спасенія утопающхъ". По плану архитектора Карташевскаго, былъ устроенъ домъ о четырехъ комнатахъ, стоимостью въ 1376 р. 50 к. Въ немъ была квартира цирюльника, подававшаго первую помощь утопленникамъ. По проекту врачебнаго инспектора Нейгеборна, въ этомъ домѣ была устроена ванна и шкафъ, гдѣ хранились слѣдующія вещи, необходимыя для оказанія помощи: двѣ щетки, перья для „произведенія щекотанья", листовой табакъ, промывательная трубка, 10 арш. толстаго сукна и кровопускательные инструменты—шниперъ и ланцетъ. Надворный совѣтникъ Иванъ Сессъ, выписанный еще кн. А. Б. Куракинымъ для должности провизора первой аптеки, основанной въ Полтавѣ тѣмъ же Куракинымъ, отпускалъ безвозмездно лѣкарства. На

[1]) Нѣкоторыя выраженія изъ этой молитвы за умершихъ буквально сходны съ выраженіемъ канона, читаемаго на утрени въ поминальную субботу передъ недѣлей страшнаго суда...

должность цирюльника былъ приглашенъ отставной юнкеръ Лабезниковъ, бывшій до этого старшимъ штабъ-лѣкарскимъ помощникомъ. Этотъ Лабезниковъ очень усердно занимался оспопрививаніемъ, за что, по высочайшему повелѣнію, награжденъ былъ книгой (какой—не извѣстно). Врачебный инспекторъ Нейгебернъ составилъ очень подробную инструкцію, какъ нужно спасать утонувшаго· Прежде всего запрещалось качать на бочкѣ или на рукахъ, какъ обыкновенно дѣлали въ то время, а также нельзя было его трясти и опрокидывать на голову. Вытащеннаго изъ воды нужно было внести въ комнату, уложить въ теплую постель на правый бокъ такъ, чтобы голова была выше тѣла, обложить тѣло подушками, обсыпая его пескомъ или золою. Между же подушками надо положить плотно--закупоренные кувшины съ горячими бутылками, къ ногамъ разгоряченные камни, а на грудь положить завязанный бычачій пузырь съ теплою водою. Сдѣлавши все это, надо было сильно тереть ноги щетками, а затѣмъ все тѣло и спину тряпкою, пропитанною камфорнымъ спиртомъ, или фланелью, смоченною въ уксусѣ. Во время натиранія очень легко надо было пошевеливать тѣло и постукивать въ спину противъ груди. Давши понюхать нашатырный спиртъ, цирюльникъ приступаетъ къ щекотанью перьями во рту и ноздряхъ, а затѣмъ надуваетъ «помаленьку»,—какъ сказано въ наставленіи,—воздухъ черезъ ротъ въ легкое посредствомъ трубочки, чубука или перышка. Если замѣчалось при этомъ, что ребра нѣсколько подымаются, то надуваніе должно остановить, а протирать и нажимать грудь отъ реберъ кверху. Спустя нѣкоторое время, надуваніе слѣдуетъ повторить. Если все это не приведетъ утонувшаго къ жизни, то взять губку, обмочить её въ холодной водѣ и съ высоты двухъ, трехъ аршинъ капать съ разстановкою «крупныя и одинаковыя капли» на больного. Затѣмъ посадить его въ теплую ванну на четверть часа и, уложивъ въ постель, поставить клизму изъ соли, воды, уксуса или теплаго молока. Если и послѣ всего этого не появится „знаковъ жизни", то зажечь на ляшкахъ маленькіе кусочки губки, ветоши или бумаги. Если и это не подѣйствуетъ, то пустить кровь изъ ноги или, лучше, изъ „тайной жилы" (Vena pigularis). Когда утопленникъ покажетъ признаки жизни, то давать ему по ложкѣ камфорнаго спирта и теплаго чая съ виномъ или немного водки. Опытъ указалъ,—говорится въ инструкціи,—что 8 или 10 часовъ недостаточны для возвращенія къ жизни утопленника. Правила эти, надо прибавить,—составлены были врачебнымъ инспек-

торомъ совмѣстно съ врачомъ Тишевскимъ, служившимъ въ полтавской врачебной управѣ акушеромъ. При „заведеніи“ былъ лоцманъ и два водолаза. Какъ только окажется утопленникъ, то Лабезниковъ обязанъ былъ объ этомъ увѣдомить всѣхъ врачей въ городѣ, которые по предписанію врачебной управы, должны были немедленно явиться какъ «по долгу христіанскому, такъ и по самому требованію экстреннѣйшаго случая». За кровопускательные инструменты платили не дешево: шнитеръ стоилъ 10 р. асс., а ланцетъ—6 р. Этотъ Лабезниковъ получалъ жалованья 450 р. Въ первый годъ по основаніи этого „заведенія“ изъ 5 утонувшихъ было возвращено къ жизни 4., а въ 1830 г. изъ 4 утопленниковъ только 2 были спасены. Когда купальный сезонъ прекращался, то Лабезниковъ обязанъ былъ посѣщать богоугодное заведеніе для усовершенствованія въ лѣченіи больныхъ. но онъ посѣщалъ его рѣдко, а если и бывалъ, то не занимался дѣломъ, а жалованье между тѣмъ просилъ выдать, противъ чего возсталъ бывшій тогда попечителемъ богоугодныхъ заведеній, извѣстный украинскій писатель И. П. Котляревскій. «Почитаю, писалъ онъ въ приказъ Общественнаго Призрѣнія, что отставной юнкеръ Лабезниковъ не имѣлъ права требовать отъ меня жалованья и я нахожу себя необязаннымъ выдавать деньги такимъ людямъ, кои къ заведенію не принадлежали и для пользы онаго не трудились». Было ли выдано жалованье Лабезникову, а также долго ли просуществовало въ Полтавѣ заведеніе для утопающихъ, изъ дѣла не видно. (Архивъ Полт. Губ. Земства. Прик. О. Призр. по описи № 270).

---

2) *Проектъ основанія въ Лубнахъ скотоврачебной лѣчебницы.* Въ августѣ мѣсяцѣ 1803 г. министръ внутреннихъ дѣлъ графъ В. П. Кочубей представилъ императору Александру I докладъ о необходимости устройства въ Россіи скотоврачебныхъ училищъ, «кои давно бы уже существовали, если бы,—прибавляетъ министръ,—правительство, неоднократно помышлявшее о необходимости оныхъ, неотлагало не извѣстно по какимъ причинамъ приведеніе въ дѣйство видовъ своихъ». Выяснивъ въ докладѣ этомъ значеніе скотоводства въ Россіи, министръ ставитъ цѣлью учрежденія этихъ училищъ снабженіе «кавалеріи нашей коновалами (слово «ветеринаръ» не употреблялось въ то время) и кузнецами, чтобы доставить правленіямъ и заводамъ нашимъ таковыхъ же людей». На первый разъ проектировалось устроить училища въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Лубнахъ. На Лубнахъ министръ остановился,

главнымъ образомъ, потому что здѣсь былъ въ то время большой ботаническій садъ съ лѣкарственными запасами, и городъ Лубны имѣетъ поэтому, какъ выразился гр. Кочубей, «важное медицинское заведеніе, Петромъ Великимъ созданное». Съ другой стороны, Лубны были центромъ Полтавской губерніи и расположены невдалекѣ слабодско-украинской и курской губерній, гдѣ въ то время не мало было конныхъ заводовъ. Курсъ ученія въ этихъ училищахъ долженъ былъ имѣть въ виду: 1) фундаментальное познаніе скотоврачеванія и приготовленіе къ профессурѣ, 2) ученіе лѣкарственное и 3) приготовленіе коноваловъ и кузнецовъ. Въ Лубнахъ проектировалось только лѣкарственное ученіе и приготовленіе коноваловъ и кузнецовъ. Для этого училища предполагалось построить особое зданіе. Предполагалось, что въ немъ будутъ и казенные стипендіаты изъ солдатскихъ дѣтей, но большинство своекоштныхъ, при чемъ послѣдніе, какъ сказано въ проектѣ, должны были «жить одинаковою съ казенными воспитанниками дисциплиною». При училищѣ должна быть конюшня и хлѣвы для больныхъ лошадей, рогатаго скота и овецъ. Помимо 4000 р., ассигнованныхъ на оборудованіе этого училища, была составлена смѣта ежегоднаго содержанія въ 21 тыс. руб. Кромѣ директора, съ жалованьемъ въ 1800 р. асс., полагалось три профессора: патологіи и физіологіи—съ жалованьемъ въ 2 тыс., анатоміи и хирургіи—въ 1800 р. с., химіи и физики—въ 1200 р.; два адъюнкта—по 750 р. и трупоразсѣкатель—400 р. с. Этотъ проектъ былъ Высочайше утвержденъ, но не былъ приведенъ въ исполненіе, по какимъ причинамъ—неизвѣстно. Въ 1822 году, въ январѣ мѣсяцѣ, генералъ-губернаторъ князь Репнинъ, указывая на частые падежи скота въ Малороссіи и на отсутствіе свѣдущихъ ветеринаровъ, просилъ того же гр. Кочубея возобновить свое ходатайство объ учрежденіи скотоврачебнаго училища въ Лубнахъ, но ходатайство это не было уважено. (Архивъ Полт. губ. Правленія, дѣло № 191).

И. Ф. Павловскій.

Къ малорусскому переводу Евангелія. Въ декабрьской книжкѣ «Кіевской Старины» прошлаго года, въ статьѣ о литературной дѣятельности Морачевскаго помѣщены свѣдѣнія о четвероевангеліи въ переводѣ на малорусскій языкъ Ф. С. Морачевскаго, законченномъ еще въ 1860 году и до сихъ поръ неизданномъ, не смотря на весьма

благопріятные отзывы академиковъ—Востокова, Никитенка и Срезневскаго которые признали, что «евангеліе на народномъ нарѣчіи малороссіянъ весьма много способствовало бы ихъ нравственно-религіозному образованію».

Считаемъ нужнымъ дать по этому поводу справку, что такого-же взгляда на малорусскій текстъ евангелія держались и нѣкоторыя авторитетныя духовныя лица, Такъ на страницахъ одного изъ распространенныхъ въ то время журналовъ «Духовная Бесѣда» (1861 г., №№ 12, 13 и 17), по поводу перевода Священнаго Писанія на малорусскій языкъ можно найти сужденіе, близко подходящее къ академическому. Принадлежитъ оно архимандриту Іосифу, автору статьи о «Малорусскомъ переводѣ четвероевангелія XVI в.»—извѣстнаго Василія Тяпинскаго.

Этотъ Тяпинскій, «изъ посередку русинъ», какъ выражается онъ самъ въ „Передмовѣ" къ своему «Катехизъ або сума науки детей в Христѣ Исоусѣ», въ этой же „Передмовѣ" сообщаетъ, что „въ его друкарнѣ уже выдрукована на двухъ языкахъ—словенскомъ и русскомъ светая евангелія, писаная чрезъ светого Матѳея и светого Марка, и початокъ Луки". Затѣмъ далѣе авторъ „Передмовы", указавши на недостатокъ школъ и духовнаго образованія между его соотечественниками, замѣчаетъ: „а прежде не такъ було,—вси народы любили мудрость; у всихъ народовъ були учители, которые умѣли перекладати священныя книги на свои властные и прирожоные языки", и затѣмъ перечисляетъ тѣ народы, кои донынѣ въ церквахъ своихъ читаютъ „Святую Библію" на родныхъ своихъ нарѣчіяхъ.

Ясно. что писавшій эти строки въ 3-й четверти XVI в. имѣлъ правильный взглядъ на дѣло перевода на родной языкъ священныхъ книгъ.

Изложивъ все вышеупомянутое и коснувшись слегка языка перевода, авторъ статьи о Тяпинскомъ. архимандритъ Іосифъ заключаетъ свою статью слѣдующими знаменательными словами:

„Разсмотрѣнный нами малорусскій переводъ четвероевангелія можетъ въ настоящее время послужить, съ одной стороны, *историческимъ основаніемъ*, а съ другой—нѣкоторымъ пособіемъ для составленія *новыхъ опытовъ малороссійскаго перевода Библіи, которые бы для нынѣшнихъ малороссіянъ служили къ объясненію церковно-славянскаго*"...

Сообщ. **В. Д.**

Текущія извѣстія.

Къ вопросу о школѣ для бандуристовъ и лирниковъ въ Полтавщинѣ Губернскому земскому собранію нынѣшней сессіи, Полтавская губ. управа приготовила между прочимъ, докладъ объ учрежденіи въ губерніи, на первый разъ, одной школы для обученія слѣпцовъ—юношей отъ 14—15-лѣт. возраста, игрѣ на бандурѣ, лирѣ или скрипкѣ, съ пѣніемъ думъ и пѣсенъ историческихъ, псальмъ и пѣсенъ бытовыхъ, юмористическихъ и сатирическихъ, а также для изученія доступныхъ слѣпцамъ ремеслъ. Съ цѣлью же ознакомленія губернскихъ гласныхъ съ сохравшимися въ средѣ слѣпцовъ произведеніями народнаго творчества и традиціонною игрою на бандурахъ и лирахъ. былъ устроенъ въ залѣ 2-го общественнаго собранія «этнографическій» вокально-музыкальный вечеръ, на которомъ пѣли и играли бывшіе на XII Археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ всѣ бандуристы и слѣпцы, съ прибавкою туземной (изъ Диканьки) «музыки троистои» (2 скрипки, 2 віолончели и бубенъ), благодаря любезности инженеръ-технолога И. М. Хоткевича. прибывшаго со слѣпцами изъ Харькова.

«Этнографическій» вечеръ 7 декабря совпалъ по времени съ опернымъ (Фаустъ) спектаклемъ въ городскомъ театрѣ: тѣмъ не менѣе многіе губернскіе гласные во главѣ съ губернскимъ предводителемъ дворянства и его семействомъ, пріѣзжая княгиня и мѣстныя дамы высшаго круга, а также масса городской интеллигенціи, были слушателями небывалаго концерта слѣпцовъ-бандуристовъ и лирниковъ. Программа отличалась разнообразіемъ и состояла изъ 3-хъ отдѣленій: I) думы и историческія пѣсни: 1) Дума про вдову та трёхъ сынивъ. 2) писня про Морозенка, 3) дума про трёхъ самарськыхъ бративъ. 4) дума про Хмельныцького та Барабаша, 5) дума «Буря на Чорному мори». Каждый № исполнялся соло, причемъ солистами были представители бандуристовъ изъ губерній черниговской, полтавской и харьковской, а также лирникъ изъ послѣдней, и самъ г. Хоткевичъ (псевдонимъ Галайда). Во II отдѣленіи—псальмы и бытовыя пѣсни: 1) Інсусе мій, прелюбезный (исполняли слѣпецъ. лирникъ и 3 бандуриста), 2) Псальма «Ангели душу пробуджувають» (3 бандуриста), 3) Псальма Сковороды (лирникъ и бандуристъ), 4) свадебныя пѣсни (музыка троиста), 5) И шумыть и гуде, Ой за гаемъ. гаемъ (всѣ

6 бандуристовъ). Въ III отдѣленіи пѣсни юмористическія и сатирическія: 1) Зъ часивъ уніи (соло бандура), 2) Кисиль (тоже), 3) Мищанка (лирникъ), 4) Комезлыва жинка (бандуристъ), 5) Чечитка (тоже), 6) Скыну кужиль на полыцю (всѣ бандуристы), 7) Дудочка (всѣ бандуристы и лирники), 8) Горлыця, Гречаныкы (всѣ бандуристы, лирники и музыка).

И вотъ на ту самую эстраду, на которой услаждали публику знаменитыя пѣвицы, какъ, наприм., Мравина, Фостремъ и многіе другіе пѣвцы и пьянисты, а также хоры Славянскаго, Архангельскаго, знаменитый Чешскій квартетъ и т. п., г. Хоткевичъ выводитъ по одиночкѣ слѣпцовъ-бандуристовъ и лирниковъ въ вышеозначенномъ порядкѣ. Среди многочисленной отборной публики моментально водворяется мертвая тишина; слѣпецъ усаживается и начинаетъ играть на лирѣ или на бандурѣ короткую прелюдію, послѣ которой просто и трогательно передаетъ своимъ слушателямъ думу или пѣсню подъ аккомпаниментъ своего инструмента. Раздается финальный аккордъ — и слѣпецъ поднимается со своего мѣста при живомъ одобреніи слушателей отъ перваго до послѣдняго ряда и хоръ въ залѣ. Конечно испытанныя пѣвцомъ и его очень дешевымъ инструментомъ невзгоды при пѣніи на открытомъ воздухѣ по ярмаркамъ и т. п. во всякое время года и при всякой погодѣ — отразились на голосовыхъ средствахъ пѣвца и на силѣ звуковъ его инструмента; конечно, онъ не поражаетъ блескомъ фіоритуръ и другими украшеніями болѣе или менѣе знаменитыхъ пѣвцовъ, но глубокое впечатлѣніе производитъ его проникновенная, задушевная музыкальная декламація, безъ жеманства, безъ заученныхъ пріемовъ. Этимъ пѣвцы вызвали неподдѣльное одобреніе разборчивыхъ слушателей, — въ особенности черниговскій бандуристъ Т. Пархоменко пѣсней про Морозенка, харьковскій бандуристъ М. Кученко думой про Хмельницкаго и Барабаша, и нашъ землякъ М. Кравченко — думою про трёхъ самарськыхъ братывъ. Манера игры и пѣнія послѣдняго живо напоминала мнѣ покойнаго старика Остапа Вересая, котораго въ свое время слышали, быть можетъ, уже немногіе изъ современныхъ читателей «Кіев. Стар.». Второе отдѣленіе началось очень стройнымъ и гармоническимъ квинтетомъ въ характерѣ церковнаго пѣнія, съ правильнымъ раздѣленіемъ въ иныхъ мѣстахъ на четыре голоса. Не останавливаясь на дальнѣйшихъ подробностяхъ, скажу, что весьма эффектно вышли № 4 и 5. Настроенныя въ мажорные тоны, бандуры, сначала сдержанно, а потомъ въ учащенномъ темпѣ, задорно

переливались звуками, такъ что музыканты оживились и подхватили «И шумыть и гуде», а потомъ «Ой за гаемъ, гаемъ»—и вызвали цѣлую бурю одобреній съ требованіемъ повторенія. Третье отдѣленіе прошло очень оживленно; и здѣсь каждый изъ пѣвцовъ, сохраняя серьезность и сосредоточенность, безъ кривляній и подчеркиваній, весьма оригинально передавалъ произведенія народнаго юмора и сатиры, вызывая въ слушателяхъ неудержимый хохотъ и шумныя одобренія по окончаніи каждаго №.

Что касается пѣнія и игры самаго г. Хоткевича, то не разсыпаясь въ комплиментахъ по его адресу, не могу не сказать, что онъ является замѣчательнымъ представителемъ культурнаго бандуриста. Всѣ и каждый слушали его не только съ удовольствіемъ но и съ наслажденіемъ, какъ талантливаго виртуоза съ удивительно развитою музыкальною техникою на бандурѣ. Важная заслуга его еще въ томъ, что онъ съ беззавѣтною любовью къ слѣпцамъ, сумѣлъ достигнуть чрезвычайно стройнаго исполненія гуртомъ слѣпцами, и очевидно много поработалъ для разучиванія партій при совмѣстной игрѣ, такъ какъ бандуры и лиры построены въ разные тоны, вслѣдствіе чего почти для каждой пьесы онъ различно группируетъ слѣпцовъ.

Пользуясь прибытіемъ бандуристовъ и лирниковъ, коммиссія народныхъ чтеній пригласила слѣпцовъ на слѣдующій день въ зданіе театра. Утренній оперный спектакль «Снѣгурочка» затянулся, такъ что чтеніе—отрывки изъ «Крымъ и татаре» могло начаться лишь около 5 час., а вечерній спектакль «Евгеній Онѣгинъ» былъ назначенъ въ 8 ч.; поэтому пришлось сократить по возможности, вокально-музыкальную программу. Впрочемъ, все болѣе интересное было предложено многочисленнымъ посѣтителямъ народнаго чтенія, болѣе чѣмъ на $^3/_4$ наполнившихъ зрительный залъ, разсчитанный на 1000 мѣстъ. Среди посѣтителей было много городской интеллигенціи съ семействами, а также семинаристовъ и учащихся въ народныхъ школахъ. Само собою разумѣется, игра и пѣніе слѣпцовъ вызывала единодушныя бурныя одобренія, въ особенности со стороны дѣтворы и юношества всѣхъ классовъ населенія, такъ что поистинѣ получился народный праздникъ. Вслѣдъ за окончаніемъ въ театрѣ, по приглашенію начальника кадетскаго корпуса, г. Хоткевичъ со слѣпцами отправился дать концертъ для воспитанниковъ кадетскаго корпуса.

Говоря вообще, бандуристы и лирники произвели на полтавскую публику глубокое впечатлѣніе, и изъ бесѣдъ съ нѣкоторыми гу-

бернскими гласными можно заключить. что слышанное ими пріятно поражаетъ неожиданно мелодичнымъ и гармоничнымъ исполненіемъ.

Къ сожалѣнію, при многочисленности и сложности докладовъ, губернское земское собраніе успѣло разсмотрѣть лишь важнѣйшіе, такъ что многіе доклады—въ томъ числѣ и о школѣ для слѣпцовъ—отложены до экстреннаго собранія, которое будетъ созвано въ мартѣ или въ маѣ наступающаго года.

Я еще не имѣлъ возможности ознакомиться съ докладомъ губернской управы и проектомъ устава школы, но уже сама по себѣ высоко гуманная заботливость объ облегченіи положенія несчастливцевъ заслуживаетъ глубокой признательности всѣхъ и каждаго. Но коль скоро заходитъ рѣчь объ устройствѣ школы для обученія юношей-слѣпцовъ игрѣ на бандурѣ, лирѣ или скрипкѣ и обученія пѣнію думъ и разнаго рода пѣсенъ, то, въ качествѣ мѣстнаго этнографа рѣшаюсь высказать нѣсколько мыслей. Прежде всего хочу вѣрить, что губернское земство не откажетъ въ ассигнованіи необходимой суммы для устройства и содержанія школы для юношей-слѣпцовъ, какъ предположила губ. зем. управа. Но напрашивается вопросъ: чему учить? Вѣдь безспорно, что въ настоящее время извѣстенъ въ печати положенный на нотную музыку полный репертуаръ думъ и пѣсенъ, записанныхъ отъ Остапа Вересая нашимъ высоко чтимымъ композиторомъ Н. В. Лысенкомъ. Конечно, репертуаръ этотъ цѣликомъ долженъ быть предметомъ изученія для бандуристовъ и лирниковъ, независимо отъ сохранившихся въ ихъ средѣ думъ и пѣсенъ. Что касается народной музыки вообще, то для широкаго ея распространенія въ средѣ бандуристовъ и лирниковъ, нельзя не рекомендовать богатаго собранія въ сборникахъ г. Лысенка, отличающихся точностью народнаго напѣва и гармоничнымъ аккомпаниментомъ въ народномъ духѣ. Кромѣ помѣщенныхъ въ сборникахъ историческихъ пѣсенъ, цѣликомъ заслуживающихъ изученія слѣпцами, было-бы весьма желательно слышать въ исполненіи ими, наприм., псальмы «Ой зійшла зоря вечеровая», или пѣсенъ для одного голоса: «Ой чого ты почорнило», «Ой одна я, одна». «Садокъ вышневый»; для трехъ голосовъ: «Та забилилы снигы», «Ой не гараздъ»; для хоровъ: «Из-за горы, з-за лыману», «Гей, не дывуйте», «Допцыкъ», «Бьють порогы», «Закувала та сыза зозуля» и т. п. Само собою разумѣется, знатоки народной музыки могутъ сдѣлать болѣе удачный выборъ противъ изложеннаго въ видѣ примѣра. Я позволилъ себѣ коснуться намѣченнаго вопроса, въ со-

ображеніи, что среди молодыхъ слѣпцовъ могутъ найтись обладатели прекрасныхъ голосовъ, но вѣдь далеко не каждый можетъ быть хорошимъ бандуристомъ ,лирникомъ, или скрипачемъ; при организаціи же земствомъ школы—каждый получитъ возможность развить свои природныя способности. Съ этой точки зрѣнія не можетъ считаться утопіей—образованіе изъ слѣпцовъ—болѣе или менѣе многолюдныхъ хоровъ для совокупнаго исполненія вокально-музыкальныхъ программъ, имѣя въ виду вполнѣ удавшіеся опыты въ Харьковѣ и въ Полтавѣ. Думается, что для широкаго распространенія народной музыки открывается необъятная ширь, конечно, при посредствѣ школъ для слѣпцовъ. Впрочемъ, долженъ замѣтить, что изъ бесѣдъ съ бандуристами и лирниками я могъ заключить, что нѣкоторые изъ нихъ весьма неохотно дѣлятся своими знаніями, такъ что иные старики унесли съ собой въ могилу нѣкоторыя думы и пѣсни. Между тѣмъ мнѣ извѣстно, что многолѣтними трудами П. Д. Мартыновичу удалось собрать по Полтавщинѣ—въ весьма цѣнныхъ варіантахъ—*всѣ* думы и много псальмъ и пѣсенъ слѣпцовъ, да на этомъ поприщѣ по харьковской губ. работаетъ г. Хоткевичъ, по словамъ котораго, бандуристъ Т. Пархоменко поетъ неизвѣстный другимъ—варіантъ пѣсни про Морозенка, а И. Кравченко—думу про Хмельницкаго та Барабаша. Конечно если будетъ изданъ возможно полный сборникъ извѣстныхъ въ печати думъ и пѣсенъ бандуристовъ и лирниковъ и этотъ сборникъ будетъ въ распоряженіи школы, то текстъ станетъ общимъ достояніемъ, и для передачи будетъ представлять интересъ музыкальная часть—и въ этомъ смыслѣ слѣпецъ будетъ учителемъ своихъ учениковъ и примѣромъ для подражанія его искусству.

Изъ старинной музыки—для сохраненія и распространенія въ народѣ заслуживаетъ вниманія традиціонный «Вертепъ», напечатанный въ „Кіев. Стар.“ по оригинальной партитурѣ XVIII в., сохранившейся въ родѣ Галагановъ. Кажется, въ 1875 г., я слышалъ въ домѣ Г. П. Галагана и видѣлъ исполненіе „Вертепа“. Тамъ есть прекрасные №№ для хорового пѣнія и очень типичныя музыкальныя пьески. Вотъ эту забытую уже современниками весьма оригинальную музыку и „колядки“ слѣдовало бы передать въ наслѣдіе слѣпцамъ-хористамъ и музыкантамъ. Такимъ образомъ, при обиліи и разнообразіи репертуара, среди слѣпцовъ могли бы образоваться спеціалисты-пѣвцы думъ и историческихъ пѣсенъ; иные безголосые или со слабыми голосами—только бандуристы или лирники, скрипачи и т. п.; наконецъ

съ хорошими голосами—солисты и хористы. Но все это пока журавли въ небѣ; синицей же въ рукахъ представляется проектированная Полтавскою губ. зем. управой школа для слѣпцовъ-юношей съ общежитіемъ, и нужно желать скорѣйшаго осуществленія столь плодотворнаго начинанія какъ для блага потерявшихъ зрѣніе несчастливцевъ, такъ и для сохраненія и развитія народной музыки, остающейся и теперь въ пренебреженіи со стороны „свободныхъ художниковъ", тогда какъ такой же свободный художникъ Н. В. Лысенко посвятилъ всю свою жизнь этой музыкѣ и создалъ себѣ неувядаемые лавры въ средѣ тѣхъ, для кого любовь къ родинѣ не пустой звукъ, и кто, воздавая должное культурѣ, все-таки думаетъ, что „краще свое латане, нижъ чуже хапане".

В. Василенко.

Къ положенію дѣлъ въ Галиціи. Изъ галицкихъ событій, привлекавшихъ въ послѣднее время къ себѣ общественное вниманіе, на первомъ планѣ стоятъ многочисленные судебные процессы, оставленные въ наслѣдіе «великим хлопським страйком», а затѣмъ вопросы просвѣщенія, которые продолжаютъ сохранять прежнюю остроту, благодаря неизмѣнившимся условіямъ мѣстной жизни. О страйкахъ и ихъ послѣдствіяхъ мы надѣемся поговорить особо, такъ какъ это вопросъ слишкомъ большой, чтобы быть исчерпаннымъ въ небольшой замѣткѣ; здѣсь же мы остановимся пока на другихъ вопросахъ и прежде всего—на касающихся школьной жизни въ Галичинѣ.

Послѣ возвращенія русинскихъ студентовъ во Львовскій университетъ возникъ вопросъ о судьбѣ такъ называемаго «академічного фонда», составившагося изъ общенародныхъ пожертвованій для помощи сецессіонистамъ. Сама учащаяся молодежь дала отвѣтъ на этотъ вопросъ еще въ іюлѣ, рѣшивъ обратить оставшіяся 18000 кронъ на поддержку крестьянъ-стачечниковъ. Между тѣмъ среди представителей галицкаго общества начали раздаваться другіе голоса, рѣшительно настаивавшіе на томъ, чтобы «академічний фонд» расходовался лишь на нужды самихъ же студентовъ. Въ X книжкѣ «Л.-Н. Вістника» появилась замѣтка по этому вопросу «Що робити з академічним фондом», подписанная проф. Грушевскимъ, который, воздавая должное благороднымъ побужденіямъ и самоотверженію молодежи, предлагаетъ однако употребить остатки «академічного фонда» на постройку обще-

житія для студентовъ-русинъ. По совершенно правильному мнѣнію почтеннаго профессора, какъ ни важна поддержка нуждающихся крестьянъ, но не менѣе важно и улучшеніе матеріальныхъ условій существованія и самой молодежи, въ громадномъ большинствѣ своемъ являющейся совершенно необезпеченной, недоѣдающей, лишенной въ силу этого возможности вести правильныя занятія и подготовляться къ будущей дѣятельности на пользу родного края. Чтобы поставить дѣло помощи студентамъ на твердое основаніе, проф. Грушевскій проэктируетъ устройство «Академічного Дома», который бы за небольшую плату давалъ пріютъ бѣднѣйшимъ студентамъ-русинамъ. Разработкѣ этого проекта и посвящена названная замѣтка проф. Грушевскаго, предлагающая открыть пріемъ пожертвованій, въ основаніе которыхъ слѣдовало бы положить остатки «академічного фонда». Комитетъ, который завѣдывалъ этимъ фондомъ, соглашаясь съ проф. Грушевскимъ въ томъ отношеніи, что фондъ долженъ идти на удовлетвореніе нуждъ самой молодежи, предлагалъ пользоваться имъ въ видѣ субсидій и стипендій и такимъ образомъ отодвинулъ дѣло постройки «Академічного Дома» на задній планъ. Молодежь, на митингѣ 12 ноября, рѣшила настаивать на своемъ первоначальномъ постановленіи и передать все дѣло на рѣшеніе собранія представителей національно-демократической партіи, какъ представителей всего народа, своими пожертвованіями образовавшаго «академічний фонд» и являющагося поэтому его полноправнымъ распорядителемъ («Діло», № 247). Въ декабрѣ состоялось собраніе представителей этой партіи—такъ называемый «Народний з'їзд», который рѣшилъ вопросъ окончательно, постановивъ употребить «академічний фонд» на пособія стачечникамъ и лишь остатки—на нужды самой молодежи («Діло», 279). Между тѣмъ проф. Грушевскій выступилъ съ новой замѣткой «В справі «Академічного Дому» (Л.-Н. Вістник, XII), гдѣ отстаиваетъ свой проектъ уже независимо отъ судьбы «акамічного фонда», и предлагаетъ открыть его на пожертвованія, собираемыя спеціально для этой цѣли. Проектъ проф. Грушевскаго заслуживаетъ полнаго вниманія и сочувствія, какъ въ высшей степени важный шагъ впередъ въ той борьбѣ, которую приходится вести русинамъ за свое существованіе. Молодежь—это будущее націи, залогъ ея развитія и преуспѣяніи и потому помощь будущимъ дѣятелямъ и борцамъ за права народа—настоятельная необходимость настоящаго. Мы не сомнѣваемся, что за этимъ дѣло не станетъ, что жертвователи найдутся, и 60000 кронъ, необходимыя на

постройку «Академічного Дома» будутъ собраны и этимъ положено твердое основаніе для регулярной, а не случайной только, помощи и поддержки учащейся молодежи.

А поддержка эта, какъ матеріальная, такъ и нравственная, крайне необходима въ виду отношеній, продолжающихъ господствовать въ Львовскомъ университетѣ, сдѣлавшемся въ послѣднее время главной ареной національной борьбы. Въ началѣ декабря происходила обычная церемонія имматрикулированія вновь зачисленныхъ въ университетъ студентовъ, состоящая въ томъ, что ректоръ читаетъ присягу, а каждый „новый гражданинъ университета“ обязуется честнымъ словомъ исполнять всѣ обязанности, налагаемыя на него новымъ званіемъ. До сихъ поръ присяги читалась только по-польски; въ настоящемъ же году студенты русины, сперва богословы, а за ними слушатели и другихъ факультетовъ, потребовали, чтобы присяга читалась или по-латыни, или же на обоихъ мѣстныхъ языкахъ, т. е., украинскомъ и польскомъ. Ректоръ отказалъ въ исполненіи этого справедливаго требованія, прибавивъ, что не желающіе подчиниться обычнымъ порядкамъ, могутъ и совсѣмъ не имматрикулироваться. Послѣ этого студенты-русины вышли изъ залы, гдѣ происходила церемонія, а имматрикулировавшіеся раньше, рѣшили взять данныя ими обѣщанія обратно («Діло», № 271). Русинскіе послы сдѣлали уже по этому поводу запросъ въ рейхсратѣ, при чемъ министръ далъ по обыкновенію довольно уклончивый отвѣтъ, ссылаясь на то, что еще не имѣетъ о происшедшемъ оффиціальныхъ свѣдѣній («Діло», № 274). Чѣмъ это можетъ окончиться, теперь трудно предсказывать, но несомнѣнно одно, что національная борьба въ Галичинѣ обостряется и принимаетъ все болѣе и болѣе рѣзкія формы.

Объ этомъ свидѣтельствуетъ и «обіжник» (циркуляръ), разосланный галицкимъ намѣстникомъ гр. Пининскимъ начальникамъ галицкихъ средне-учебныхъ заведеній. Въ своемъ циркулярѣ, составленномъ очень мягко и дипломатично, намѣстникъ предостерегаетъ руководителей школьной молодежи отъ проявленій нетерпимости по отношенію къ представителямъ другой національности и приглашаетъ воспитателей дѣйствовать на молодежь успокоительно. Позволительно однако сомнѣваться, чтобы циркуляръ этотъ принесъ какіе-нибудь результаты въ виду крайне шовинистическаго настроенія, проявляемаго польской учащейся молодежью къ своимъ товарищамъ-русинамъ и открытой поддержки и даже поощренія, оказываемаго ей многими поль-

скими педагогами. «Діло» (№ 270) по этому поводу приводитъ много фактовъ, достаточно ярко свидѣтельствующихъ о подвигахъ польскихъ педагоговъ, переносящихъ свои шовинистическія воззрѣнія въ среду школьной молодежи. Дѣлу могутъ помочь не циркуляры и голыя обѣщанія, не переходящія отъ словъ къ дѣлу, а только полюбовное размежеванiе обоихъ народовъ на началахъ полнаго равноправія и свободы.

Ивановъ гай въ память И. П. Котляревскаго. Въ «Полтавскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» (№ 258) г. Василенкомъ вновь поднятъ вопросъ объ устройствѣ противъ домика Котляревскаго въ Полтавѣ— «Ивановой горы» и «Иванова гая» въ память перваго украинскаго поэта. Иниціаторъ предлагаетъ открыть пріемъ пожертвованій для этой цѣли, начало которымъ уже положено; на собранную сумму купить участокъ горы противъ бывшаго домика Котляревскаго, гдѣ и устроить «Иванивъ гай».

Народный языкъ въ начальной школѣ. Въ засѣданіи полтавскаго уѣзднаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности былъ поднятъ между прочимъ вопросъ о роли народнаго языка въ начальной школѣ. По этому вопросу избрана спеціальная комиссія, которая высказалась въ томъ смыслѣ, что примѣненіе народнаго украинскаго языка при первоначальномъ обученіи должно быть признано желательнымъ («Полтавскій Вѣстникъ», № 2). Какъ мы слышали, этотъ вопросъ подымался во многихъ другихъ комитетахъ и разрѣшался въ утвердительномъ смыслѣ.

Еще о выставкѣ историческихъ костюмовъ. Въ прошлой книжкѣ нашего журнала было помѣщено извѣстіе объ открытіи въ Петербургѣ выставки историческихъ костюмовъ, при чемъ приведены и нѣкоторыя подробности организаціи выставки. Изъ газетныхъ извѣстій оказывается, однако, что украинскій отдѣлъ почти совершенно отсутствуетъ на выставкѣ.

Комитетъ этого отдѣла организовался только передъ самымъ открытіемъ выставки. Въ него вошли г.г. Мордовцевъ, Русовъ, Игнатовичъ,

Лотоцкій и др. Въ настоящее время, желая заполнить указанный пробѣлъ, комитетъ обращается ко всѣмъ любителямъ, имѣющимъ у себя коллекціи украинскихъ костюмовъ, съ просьбой помочь ему въ столь затруднительномъ положеніи присылкой историческихъ, относящихся до Малороссіи, предметовъ. Упаковка, пересылка и отвѣтственность за сохранность вещей за счетъ комитета. Вещи просятъ на время отъ 16 ноября до 9 марта 1903 года (можно и позже) пересылать по адресу: *Петербургъ, Почтамтская ул. д. № 6, контора „Гергардъ и Гей", Первая международная выставка костюмовъ".* При каждомъ ящикѣ просятъ дать перечень предметовъ и маленькое историческое описаніе. За справками просятъ обращаться по слѣдующему адресу: Петербургъ. Петербургская сторона, Большой проспектъ, д. № 87, кв. 2, секретарю комитета І. А. Березовскому.

Изъ достовѣрныхъ источниковъ мы слышали, что на послѣдней сессіи черниговскаго губернскаго земскаго собранія обсуждался вопросъ о посылкѣ на выставку предметовъ изъ извѣстнаго собранія украинскихъ древностей покойнаго В. В. Тарновскаго, при чемъ вопросъ этотъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Послѣ этого постановленія полнота и разнообразіе украинскаго отдѣла на выставкѣ обезпечены, такъ какъ собраніе покойнаго Тарновскаго принадлежитъ къ самымъ богатымъ въ этомъ родѣ.

Преміи за новыя украинскія пьесы. Артисты украинскаго театра г.г. Карпенко-Карый, Садовскій и Саксаганскій обращаются къ украинскимъ драматургамъ съ просьбой доставлять имъ новыя, еще не появлявшіяся на сценѣ, но дозволенныя къ представленію пьесы. За каждую изъ представленныхъ пьесъ, удовлетворяющую литературнымъ и сценическимъ требованіямъ и признанную годной къ постановкѣ лицами, объявляющими преміи, выдается при первомъ представленіи, сверхъ обыкновенной поспектакльной платы, премія въ 150 р. Необходимыми условіями для присужденія преміи признаны слѣдующія: а) пьеса должна быть написана на украинскомъ языкѣ, б) имѣть не менѣе 4-хъ актовъ и в) разрабатывать содержаніе, взятое изъ современной жизни. Каждая удостоенная преміи пьеса предоставляется въ собственность и распоряженіе гг. Садовскаго и Саксаганскаго на одинъ годъ.

Предполагаемое украинское изданіе. Отъ Н. Ф. Чернявскаго мы получили съ просьбой напечатать въ нашемъ журналѣ слѣдующее письмо.

«Чтобы хотя немного помочь начинающимъ авторамъ въ свое время выступить на литературное поприще и тѣмъ заохотить ихъ къ дальнѣйшей, болѣе интенсивной работѣ, я задумалъ собрать и издать, въ видѣ перваго опыта, литературный сборникъ изъ произведеній такихъ еще нигдѣ своихъ произведеній до сего времени не печатавшихъ, или только стоящихъ въ самомъ началѣ своей литературной карьеры авторовъ.

Не намѣчая напередъ литературнаго направленія сборника и приступая къ составленію его безъ всякой предвзятости и тѣмъ обезпечивая свободу мысли и творчества сотрудниковъ предполагаемаго сборника, я надѣюсь, въ то же время, приложить все свое стараніе къ тому, чтобы съ полнымъ вниманіемъ отнестись къ каждому проблеску литературнаго дарованія, или даже намеку на него, и поддержать, его, потому что не всѣмъ суждено судьбой родиться литературными Самсонами и всякое молодое дарованіе уже по одному тому, что оно—молодое, способно къ дальнѣйшему развитію, предѣлы котораго не всегда можно опредѣлить заранѣе.

Въ сборникъ имѣютъ войти оригинальныя беллетристическія и драматическія произведенія и стихотворенія исключительно на украинскомъ языкѣ.

Авторовъ просятъ прыслать рукописи своихъ произведеній и краткія свои автобіографіи со свѣдѣніями о прежней своей литературной дѣятельности по адресу: г. Черниговъ, Оцѣночно-статистическое Бюро Губернскаго Земства, Николаю Федоровичу Чернявскому».

Археологическія раскопки въ тираспольск. уѣздѣ. Смотритель земской больницы и арестнаго дома въ Тирасполѣ І. Я. Стемпковскій съ 1896 года принялъ на себя, по уполномочію Императорской археологической коммиссіи, трудъ раскопки съ научными цѣлями кургановъ въ окрестностяхъ Тирасполя. За этотъ періодъ, онъ вскрылъ уже до 400 могильныхъ насыпей. Съ согласія Императорской археологической коммиссіи, всѣ добытыя древности (начиная съ эпохи доисторической) вмѣстѣ съ дневниками раскопокъ г. Стемпковскій доставилъ въ херсонскій археологическій музей, гдѣ онѣ, размѣщенныя

въ 8 витринахъ, составляютъ особый отдѣлъ. Въ настоящемъ году г. Стемпковскимъ были произведены раскопки кургана на землѣ, крестьянъ села Плоскаго, въ 12 верстахъ отъ Тирасполя, при чемъ были найдены: лодкообразный дубовый гробъ, около него кольчуга довольно изящной работы; въ гробу лежалъ скелетъ, съ лѣвой стороны отъ него изъѣденная ржавчиной шашка въ 20 вершковъ длины и вершокъ ширины; съ правой стороны—кожаный кошель съ огнивомъ. Между кистью правой руки и тазовой частью лежалъ изъ березовой коры колчанъ, въ немъ оказалось нѣсколько деревянныхъ заостренныхъ стрѣлъ, каждая длиною отъ 8 вершковъ и болѣе. Сохранились остатки шелковой рубахи на скелетѣ. На груди его, съ лѣвой стороны, лежалъ гребень въ $2^1/_2$ вершка длины и $1^7/_8$ вершка ширины. Погребеніе это должно быть отнесено къ эпохѣ кочевниковъ, населявшихъ наши степи въ средніе вѣка. Другой курганъ на той-же землѣ вскрытъ 28 и 29 октября. Въ немъ найдены: двѣ пуговицы, частицы какого-то желѣзнаго предмета, дѣтскій зубъ, черепки отъ древней посуды съ орнаментами и кусочки краски. Костей скелета не оказалось. Очевидно, въ этомъ курганѣ когда-то хозяйничали непрошенные гости-кладоискатели. Судя по находкамъ, вскрытое погребеніе относится къ эпохѣ доисторической. Всѣ найденные предметы будутъ отправлены въ херсонскій археологическій музей («Югъ», № 1349).

Памятникъ Н. В. Гоголю въ Полтавѣ. Разрѣшено открыть всероссійскую подписку на сооруженіе въ Полтавѣ памятника Н. В. Гоголю къ столѣтію со дня рожденія его. («Од. Л.», 280).

Новая пьеса М. Л. Кропивницкаго. Новая пьеса „Кононъ Блыскавыченко“ М. Л. Кропивницкаго, поставленная въ Русскомъ театрѣ (въ Одессѣ), привлекла многочисленную публику и прошла съ большимъ артистическимъ успѣхомъ. Пьеса написана на интересный сюжетъ. Автора, выступавшаго въ одной изъ главныхъ ролей, публика вызывала послѣ каждаго дѣйствія и устроила ему оваціи. («Од. Л.», 319).

П. А. Грабовскій (некрологъ). Во время печатанія настоящей книжки изъ Тобольска получено печальное извѣстіе о смерти моло-

дого украинскаго поэта Павла Арсеньевича Грабовскаго. Предполагая въ одной изъ ближайшихъ книжекъ нашего журнала посвятить почившему дѣятелю родной литературы особую статью, мы теперь со словъ «Сибирскаго Листка» (№ 96) передаемъ лишь краткія свѣдѣнія о послѣднихъ минутахъ его жизни. Покойный въ Тобольскѣ прожилъ болѣе 3-хъ лѣтъ, добывая средства къ жизни службой по вольному найму въ ветеринарномъ отдѣленіи губернскаго правленія и частными уроками. Незадолго до смерти ему было поручено исполнять обязанности секретаря губернскаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, но онъ могъ участвовать лишь въ первомъ засѣданіи, а затѣмъ болѣзнь уложила его въ постель, съ которой ему уже не суждено было подняться. 29-го ноября П. А. Грабовскаго не стало. Согласно высказанному покойнымъ желанію, онъ похороненъ недалеко отъ могилъ декабристовъ, рядомъ съ могилой Кюхельбекера. Въ лицѣ Грабовскаго украинская литература лишилась несомнѣнно крупной силы, заявившей уже себя энергичной и плодотворной дѣятельностью для родной литературы и обѣщавшей въ будущемъ занять одно изъ почетныхъ мѣстъ среди выдающихся ея дѣятелей. Преждевременная смерть, къ сожалѣнію, прекратила эту дѣятельность почти въ самомъ началѣ.

Н. М. Качинскій (некрологъ). 10 декабря въ Кіевѣ скоропостижно скончался отъ паралича сердца провинціальный актеръ и авторъ русскихъ и украинскихъ пьесъ Н. М. Качинскій. Покойный родился въ 1858 году въ г. Каменецъ-Подольскѣ и здѣсь впервые выступилъ на сцену. Покойнымъ написано до десятка русскихъ пьесъ, переведенныхъ имъ же самимъ на украинскій языкъ; впрочемъ пьесы эти и въ литературномъ, и въ сценическомъ отношеніи весьма невысокаго качества.

БИБЛІОГРАФІЯ.

В. Василенко. Къ вопросу о толковомъ словарѣ украинской народной терминологіи. *Харьк. 1902. 15 стр. in 8⁰.*

В. И. Василенко. Этнографическіе матеріалы, собранные по Полтавской губерніи. Опытъ толковаго словаря народной технической терминологіи по Полтавской губерніи *Отдѣлъ I-й, II-й и III-й. Кустарные промыслы, сельское хозяйство и землевѣдѣніе, народныя поговорки и изреченія. Харьк. 1902. 80 стр. in 8⁰.* (Оттиски изъ 13 тома «Сборника Харьковск. Историко-филолог. Общества).

Въ двухъ названныхъ брошюрахъ г. Василенко ставитъ вопросъ о составленіи толковаго словаря украинской народной терминологіи; въ первой брошюрѣ указывается на важность этого дѣла, предлагается планъ собиранія матеріала и систематизаціи его съ приглашеніемъ мѣстныхъ интеллигентныхъ силъ заняться этимъ трудомъ, а во второй—дается образчикъ того, какъ должно быть сдѣлано дѣло.

Къ сожалѣнію изложеніе первой статьи довольно сбивчиво и неясно. Для примѣра позволимъ себѣ привести слѣдующее мѣсто (стр. 6):

«Представляя компетенціи ученыхъ филологовъ и лингвистовъ изысканія и научное объясненіе происхожденія бытующихъ въ наши дни среди украинскаго населенія терминовъ, позволимъ себѣ сказать, что тѣ или другіе термины звучатъ то руссицизмомъ, то польнизмомъ, иногда какъ-бы татарщиной, а можетъ быть чуть не скиѳщиной, или же исковерканною нѣметчиной и т. п., однимъ словомъ всячиной—но менѣе всего отечественнымъ литературнымъ языкомъ».

Подъ «отечественнымъ литературнымъ языкомъ» авторъ, очевидно, разумѣетъ русскій литературный языкъ; но какимъ-же образомъ «руссицизмы» могутъ «менѣе всего» «звучать» русскимъ, хотя бы и литературнымъ, языкомъ, да еще при томъ обстоятельствѣ, что технические термины этого послѣдняго языка (по тѣмъ отдѣламъ, которыхъ касается г. Василенко) взяты какъ разъ изъ народной русской рѣчи? Затѣмъ, выходитъ, какъ будто въ украинской терминологіи нѣтъ или почти нѣтъ ничего украинскаго. Однако, достаточно развернуть хотя-бы словарь самого г. Василенко на первой попавшейся страницѣ, чтобы найти цѣлый рядъ совершенно украинскихъ словъ и притомъ сильно звучащихъ родствомъ и съ русскимъ литературнымъ языкомъ, напр. стр. 11: *пенёкъ, обчúркачъ, пáкомы, забійня́, повидня́, колóдыця, плечé, лóпатень, польíця, рубáкъ, ризéцъ, пысáкъ* и пр. Но предоставимъ автору продолжать:

«Да иначе и быть то не можетъ, коль скоро для огромной массы сельскихъ-кустарей-хозяевъ, оставшихся и остающихся неграмотными, не понятенъ отечественный литературный языкъ, а тѣмъ болѣе его техническая терминологія, какая усвоена преемственно отъ предковъ и пребываетъ неизмѣнною въ захолустныхъ поселеніяхъ».

Повидимому говорится объ украинскихъ кустаряхъ, но выходитъ, что они, не понимая «отечественнаго литературнаго языка, а тѣмъ болѣе его технической терминологіи», все же усвоили эту послѣднюю «преемственно отъ предковъ».

Кое-чего недостаетъ и въ «Проектѣ инструкціи для собиранія матеріаловъ по технической терминологіи» съ вопросникомъ къ нему (стр. 10—15). Несмотря на нѣкоторые намеки «Проекта» (§ 2), неопытный собиратель матеріала не будетъ знать, что никогда нельзя исчерпать терминологію даннаго производства, если не записывать всего хода работы въ послѣдовательномъ порядкѣ совершаемыхъ одна за другой манипуляцій. Только при такомъ способѣ изслѣдованія могутъ быть замѣчены всѣ термины для дѣйствій и инструментовъ, безъ этого-же (какъ мы знаемъ по опыту) можно записать лишь кое-что, а многое, очень многое будетъ совершенно упущено. Нѣтъ также указанія на то, что при описаніи необходимы рисунки, чертежи (хоть грубые), потому что, особенно при исчисленіи составныхъ частей сложныхъ снарядовъ, чрезвычайно затруднительно бываетъ однимъ описаніемъ сдѣлать понятными для незнакомаго съ предметомъ форму,

положеніе и способъ употребленія данной части; не говорится о необходимости указывать ударенія записываемыхъ словъ и пр.

Но обратимся къ самому словарю. Главнымъ его недостаткомъ слѣдуетъ признать неудовлетворительность систематизаціи матеріала. Г. Василенко дѣлитъ его на три отдѣла: а) терминологія по кустарнымъ промысламъ и ремесламъ, б) терминологія по сельскому хозяйству и землевѣдѣнію въ широкомъ смыслѣ и в) народныя поговорки и изреченія. Послѣдній отдѣлъ (стр. 71—78) не имѣетъ почти никакого отношенія къ технической терминологіи, такъ какъ представляетъ изъ себя смѣсь народныхъ выраженій и пословицъ самаго различнаго характера въ родѣ, напр., слѣдующихъ: «*Ковылю—не ковылю, а хунтиковъ сімъ и вмелю*—старикъ съ хорошимъ аппетитомъ.—*Третій день, а девьятий хлибъ*—обжора.—*Богъ мазавъ—мазавъ, а на цій* (этой) *и гущу вилівъ*—некрасивое женское лицо, харя.—*Благувата трохи*—малоумная» и т. д. (с. 73).

Съ такимъ же точно основаніемъ можно было-бы включить въ словарь и весь сборникъ, напр., Номиса.

Не можетъ удовлетворить и распредѣленіе матеріала въ двухъ первыхъ отдѣлахъ. Благодаря этому распредѣленію, терминологія по нѣкоторымъ производствамъ и промысламъ оказалась розорванною на двѣ части: см., напр., отдѣлы объ обработкѣ шерсти (стр. 16 и 66), конопли (63 и 29 и слѣд.), о рыболовствѣ (стр. 49 и слѣд. и 76) и пр.; благодаря тому же, получился у г. Василенка на стр. 55—57 («Особое прибавленіе») отдѣлъ смѣси,—это уже само по себѣ указываетъ на неудовлетворительность систематизаціи.

Намъ кажется, лучше было бы поставить нѣсколько иначе. Каждое производство съ самаго своего зарожденія и до самаго конца должно быть описано въ хронологическомъ порядкѣ въ одномъ мѣстѣ и по пути описанія должна быть дана не только вся относящаяся къ производству терминологія (названія матеріаловъ и продуктовъ производства, названія дѣйствій, названія машинъ и инструментовъ и *частей* ихъ), но для каждаго инструмента или машины должны быть рисунки съ подробнымъ объясненіемъ ихъ, чтобы возможно было уяснить себѣ положеніе, назначеніе и способъ употребленія каждаго предмета. Собранный такимъ образомъ матеріалъ по отдѣльнымъ производствамъ и промысламъ можетъ быть соединеннымъ въ одну книгу хотя бы и въ такомъ родѣ, какъ предлагаетъ г. Василенко (по губер-

ніямъ, но лучше бы по областямъ нарѣчій украинскаго языка [1]), а затѣмъ къ этой книгѣ долженъ быть данъ алфавитный указатель всѣхъ находящихся въ ней терминовъ. Такой методъ собиранія и изданія матеріаловъ способствовалъ бы и полнотѣ ихъ (устраняя ту отрывочность и случайность, которая замѣтна и на матеріалахъ г. Василенка) и давалъ бы возможность безъ всякаго затрудненія пользоваться книгой. Какъ на образецъ подобнаго собранія слѣдуетъ указать на прекрасный трудъ г. В. Шухевича: «*Гуцульщина*» [2]).

На объясненіяхъ отдѣльныхъ словъ мы не будемъ останавливаться, такъ какъ это потребовало бы слишкомъ много мѣста; но не можемъ не отмѣтить такихъ переводовъ: «*Така зъ выхреста людына, якъ зъ собаки солонына*—почти непереводимая игра словъ» (стр. 73).

«*Глекъ Макитровичъ.*—Непереводимая игра словъ» (стр. 75).

Такія поясненія ничего, конечно, не даютъ, а между тѣмъ возможно было бы сообщить, что значатъ эти выраженія, въ какихъ случаяхъ употребляются—тѣмъ болѣе, что первое очень понятно.

Правописаніе «Словаря» не совсѣмъ упорядочено: *ы*, *и*, *i*, постоянно смѣшиваются: *різецъ* и *ризець* (с. 11 и 13), *забивають* и *забыванка* (15 и 19); въ удареніяхъ встрѣчаются ошибки или опечатки, потому что трудно предположить, чтобы гдѣ либо выговаривались слова *кабáнъ*, *кабанéць* какъ *кáбанъ*, *кабíнець* (с. 62).

Мы остановились нѣсколько дольше на недостаткахъ работы г. Василенка потому, что собираніе матеріаловъ для технической нашей терминологіи дѣло еще только начинающееся, и весьма важно, чтобы оно съ самаго начала поставлено было по возможности правильнѣе. Указанные недостатки, однако, не уменьшаютъ заслуги г. Василенко, собравшаго болѣе 1200 терминовъ и выраженій, которые несомнѣнно будутъ хорошимъ добавленіемъ къ уже собранному матеріалу, такъ какъ даютъ много новаго и цѣннаго. Поэтому продолженіе этой весьма нужной и почтенной работы является чрезвычайно желательнымъ, а еще болѣе желательно, чтобы и въ иныхъ мѣстностяхъ нашего края нашлись люди, которые послѣдовали-бы примѣру и призыву г. Василенка.

Б. Гринчéнко.

---

[1]) Что, впрочемъ, практически труднѣе осуществить.

[2]) Вышло пока три части (Материали до украінсько-руськоі етнольогіі, т. II, IV, V. Львов. 1899, 1901)—авторъ обѣщаетъ словарь ко всему матеріалу дать въ четвертой части.

Палій, воскреситель правобережной Украины. *Историчне оповидання. Напысавъ Даньило Мордовець. С.-Петербургъ, 1902 року.*

Историческая повѣсть, безъ сомнѣнія, одна изъ наименѣе разработанныхъ вѣтвей украинской литературы. Первый опытъ ея «Чорна рада», казалось, подавалъ богатыя надежды на пышный расцвѣтъ этой области въ нашей словесности, но «надіи витромъ рознесло»... Кулишъ, Стороженко, И. Левицкій, Мордовцевъ, Грушевскій дали намъ нѣсколько разсказовъ и повѣстей, посвященныхъ многострадальному прошлому нашей родины, но еще и до сихъ поръ мы не можемъ указать у себя писателя, отдавшаго всѣ свои силы художественному изображенію родной старины, серьезно задавшагося цѣлью представить въ своихъ твореніяхъ яркія картины, рисующія намъ болѣе или менѣе разносторонне прошлую жизнь Украины, хотя бы въ періодъ наибольшей интенсивности этой жизни. Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе причинъ этого обстоятельства, тѣмъ болѣе страннаго, что украинская исторія, чрезвычайно богатая внутреннимъ содержаніемъ, изобилующая моментами глубоко драматическими, представляетъ для повѣствователя разнообразный и въ высшей степени благодарный матеріалъ; отмѣтимъ лишь, что недостатокъ этотъ тѣмъ сильнѣе даетъ себя чувствовать и тѣмъ болѣе непріятенъ, что значеніе исторической повѣсти, вообще какъ проводника историческихъ знаній въ широкія массы, ея выдающаяся роль въ дѣлѣ ознакомленія народа съ его судьбами, способность будить въ читателѣ интересъ къ прошедшему, наводить его на размышленія, а подчасъ даже вызывать и вдохновлять его первые шаги къ серьезнымъ изслѣдованіямъ,—это огромное значеніе исторической повѣсти не подлежитъ сомнѣнію.

Поэтому мы готовы привѣтствовать всякую новую попытку освѣтить и въ художественныхъ образахъ представить ту или другую сторону нашего прошлаго; съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ и интересомъ встрѣчаемъ мы появленіе въ свѣтъ историческаго разсказа, принадлежащаго талантливому перу такого писателя, какъ Д. Л. Мордовцевъ, который давно уже стяжалъ себѣ почетную извѣстность своими историческими романами. Прежде, однако, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію новаго произведенія Д. Л. Мордовцева, мы скажемъ нѣсколько словъ о характерѣ его литературной дѣятельности вообще.

«Стоячы вже на порози таемнычои вичносты, мушу я прывселюдно зложыты мою покуту въ тимъ, що мало послужывъ на корысть

моёму ридному краёви й ёго мови. Але се зъ того, що ихъ доля—и моя доля». Эти слова г. Мордовцевъ поставилъ эпиграфомъ къ своей книгѣ. Сколько печальной правды въ этихъ словахъ, какое соотвѣтствіе дѣйствительности! Да, есть въ чемъ каяться. Уже изъ того обстоятельства, что Палій—первая книжка на украинскомъ языкѣ въ общей серіи полнаго собранія сочиненій Д. Л. Мордовцева—скромно занимаетъ почтенное 44-ое мѣсто, достаточно ясно, что «покута» нашего писателя не «звукъ пустой». Дѣйствительно, вся почти многолѣтняя и крайне плодовитая литературная дѣятельность г. Мордовцева посвящена русской литературѣ. Какъ рѣдкіе оазисы въ пустынѣ, попадаются произведенія на родномъ языкѣ, написанныя въ разное время (преимущественно начало 60-хъ, первая половина 80 и 90 годы). Неподдѣльное чувство, мягкость красокъ и вообще художественныя достоинства большей части этихъ разсказовъ заставляютъ высоко цѣнить немногочисленныя страницы, удѣленныя г. Мордовцевымъ родной рѣчи. Украинскія творенія нашего автора это лишь скромныя крохи, падающія на долю убогой литературы отъ стола господъ... Такою-же крупицей, отзвукомъ одного изъ русскихъ романовъ г. Мордовцева,—если не ошибаемся: «Царь и гетманъ»,—является и настоящая повѣсть, по крайней мѣрѣ, въ обоихъ произведеніяхъ общаго очень много.

«Поэты, художники, историки и моралисты,—говоритъ новѣйшій изслѣдователь,—двѣсти лѣтъ разрабатываютъ эту тему. Но коренное противорѣчіе взглядовъ на весь предметъ, поразительная неясность даже главныхъ обстоятельствъ, странное умолчаніе о многомъ и не менѣе странное толкованіе нѣкоторыхъ фактовъ показываетъ, что въ этой трагедіи еще много непонятнаго и неразгаданнаго, темнаго» [1]. Выяснить, въ какой степени г. Мордовцевъ разрѣшилъ эти недоумѣнія, конечно, поскольку они касаются избранной имъ темы, что новаго внесъ онъ и въ какомъ освѣщеніи предстали въ его разсказѣ историческіе дѣятели—это и составляетъ нашу ближайшую задачу.

Г. Мордовцевъ въ своей повѣсти разсказываетъ намъ устами самого Палія, о его встрѣчѣ съ Крижаничемъ; затѣмъ, упомянувъ о присутствіи Палія на крестинахъ дочери Кочубея, онъ, перенеся героя въ Варшаву, заставляетъ его выслушать длинное повѣствованіе Палія

---

[1]) Уманецъ. Мазепа.

о любовныхъ похожденіяхъ Мазепы. Далѣе слѣдуетъ эпизодъ съ Голотою, которому также удѣлено не мало мѣста. Изобразивъ домашнюю жизнь Палія, авторъ предоставляетъ слово попу Лукьянову, впечатлѣніями котораго дѣлится съ читателями. Затѣмъ мы узнаемъ, чѣмъ занимаются Мазепа и Кочубей, присутствуемъ при дипломатической миссіи Паткуля, увѣнчавшейся постыднымъ фіаско, и переносимся въ далекую Москву, чтобы выслушать разговоры о Палíи, Гамаліи Гречаного и Лизогуба. Двѣ слѣдующія главы посвящены изображенію отношеній народа къ ссылкѣ Палія, жизнь котораго въ Сибири, собственно, встрѣча съ Самойловичемъ изображены очень подробно. Послѣ описанія встрѣчи возвращающагося изъ Сибири Палія съ Мазепой, авторъ заканчиваетъ свое повѣствованіе картиной Полтавской битвы, предоставляя повѣдать о дальнѣйшей судьбѣ своего героя Т. Шевченку.

Мы уже выше отмѣтили, что́ особенно насъ интересуетъ въ новомъ произведеніи г. Мордовцева. При оцѣнкѣ исторической повѣсти конечно, раньше всего возникаетъ вопросъ о степени ея соотвѣтствія дѣйствительности. Насколько же вѣрную и опредѣленную картину описываемой эпохи даетъ намъ авторъ, ставящій себѣ ясную задачу изобразить, какъ Палій исполнилъ то, «що ёму одъ Бога судылося»? Какъ мы уже видѣли изъ краткаго обзора содержанія повѣсти, г. Мордовцевъ отчасти на основаніи сохранившихся памятниковъ, которыми онъ пользуется особенно охотно (Мемуары Пасека, Записки Лукіанова), рисуетъ предъ читателемъ эпизоды, затрагивающіе иногда ту или другую сторону дѣятельности Палія (зап. Лукьянова), иногда же—имѣющіе лишь нѣкоторое болѣе или менѣе отдаленное отношеніе къ его личной жизни и не вносящіе ничего новаго въ образъ Палія, какъ «воскресителя» (напримѣръ, разсказъ о встрѣчѣ съ Самойловичемъ), а подчасъ и рѣшительно не обусловливаемые сюжетомъ (Мемуары Пасека). Вообще, изъ повѣсти г. Мордовцева мы составляемъ себѣ понятіе о Паліи, какъ личности крайне симпатичной, человѣкѣ, горячо любящемъ родной край и изливающемъ свои благородныя чувства въ звучныхъ фразахъ и слезахъ; знакомимся нѣсколько и съ домашней обстановкой Палія, его отношеніями къ окружающимъ людямъ, но общаго представленія о созидательной дѣятельности славнаго Бѣлоцерковскаго полковника и перваго демократа своего времени, общаго очерка характера эпохи мы не получимъ. Эту сторону г. Мордовцевъ въ своемъ повѣствованіи недостаточно освѣщаетъ, оставляя почему то въ тѣни; здѣсь у него много недосказаннаго.

Конечно, г. Мордовцевымъ при написаніи повѣсти руководило желаніе не расходиться съ чувствомъ историческаго безпристрастія, на что онъ намекаетъ и въ предисловіи; однако это похвальное стремленіе къ безпристрастію не увѣнчивается успѣхомъ. Все «оповидання» проникнуто предвзятой тенденціей и оставляетъ желать весьма многаго въ выше указанномъ смыслѣ. Чтобы не быть голословными, мы нѣсколько подробнѣе остановимся на этомъ вопросѣ. Ярче всего высказался недостатокъ безпристрастія у г. Мордовцева въ его отношеніяхъ къ Мазепѣ. Изображая эту историческую личность, авторъ не даетъ намъ ничего новаго: его Мазепа—типъ давно извѣстный въ литературѣ, въ теченіе уже продолжительнаго времени щедро надѣляющей этого дѣятеля всѣми аттрибутами коварства, злодѣйства etc. У Мазепы г. Мордовцева мы тщетно искали бы хотя слабыхъ проблесковъ какого-либо добраго чувства, признаковъ человѣческаго образа. Мы уже не будемъ останавливаться на тѣхъ многочисленныхъ эпитетахъ весьма опредѣленнаго свойства, которыми вообще сопровождается всякій разъ имя злополучнаго гетмана въ повѣсти; наше вниманіе привлекаютъ другія подробности, характеризующія отношеніе автора къ Мазепѣ. Вотъ, напр., описаніе обряда крещенія Мотри Кочубеевны. Одно мѣсто въ этомъ описаніи является для насъ не вполнѣ понятнымъ, и, мы должны сознаться, что по прочтеніи его у насъ возникло подозрѣніе, что г. Мордовцевъ въ своей ничѣмъ непобѣдимой антипатіи къ Мазепѣ вполнѣ раздѣляетъ воззрѣніе Искры на него, какъ на близкаго пріятеля и даже сына... діавола. Боясь упрека въ неправильномъ пониманіи этого крайне интереснаго отрывка, предоставляемъ слово самому автору:

> «Мазепа и не зчувсь (онъ, видите ли, былъ погруженъ въ сладостныя мечты о будущемъ королевскомъ вѣнцѣ), якъ отець Матвій обернувся до ёго зъ словамы:
>
> — Отрекаешися-ли есы сатаны и всихъ дилъ ёго?
>
> Мазепа мовъ прокынувся одъ своихъ думокъ... Де я?—що се таке́?
>
> А отець Матвій знова до ёго:
>
> — Кажить, пане гетьмане:—отрекаешыся-ли есы сатаны и всихъ дилъ ёго?
>
> — Не одрикается —де ёму безъ сатаны!—глянувъ Искра у вичи Паліёви.
>
> — Отрекаюсь,—сказавъ Мазепа.

— Бреше, бреше... Се зновъ Искра до Палія.

— Отреклся есы?—Се отець Матвій:—кажить—«отрекохся».

— Отрекохся.

— Бреше, бреше...

— Дунь и плюнь.

— Не плюне *батькови* у вичи—де ёму!

— Мовчы, ыдолова голова,—ажъ прошыпивъ Палій, штовхаючы у-бикъ Искру.

Мазепа ажъ почервонивъ, але плюнувъ».

Къ сожалѣнію, авторъ не даетъ болѣе подробнаго объясненія. *почему* Мазепа *«почервонивъ»* (эти слова, какъ видимъ принадлежатъ уже г. Мордовцеву), оставляя мѣсто всевозможнаго рода недвусмысленнымъ догадкамъ. Впрочемъ, этотъ отрывокъ самъ достаточно говоритъ за себя и едва-ли нуждается въ комментаріяхъ... Вѣроятно изъ желанія еще болѣе отмѣтить непривлекательную личность Мазепы, авторъ Кочубея, котораго со временемъ судьба сдѣлала врагомъ гетмана, человѣка, владѣвшаго общирной собственностью, надѣляетъ... демократизмомъ. Мы упомянули о владѣніяхъ Кочубея не съ цѣлью бросить упрекъ ему, какъ человѣку (симпатичныя черты его въ отношеніи къ народу въ качествѣ судьи войскового признаются историками) и вовсе не потому, чтобы они, на нашъ взглядъ, мѣшали кому-либо вообще придерживаться демократическихъ убѣжденій; мы сдѣлали это упоминаніе лишь вслѣдствіе того, что намъ пришли на мысль тѣ далеко *не демократическія* средства, при помощи которыхъ составились на Украинѣ общирныя панскія латифундіи едва-лишь образующагося дворянства въ эпоху разграбленія (sit venia verbo) національныхъ имуществъ и первыхъ шаговъ къ закрѣпощенію посполъства. Эти средства, кажется, достаточно извѣстны каждому, чтобы о нихъ распространяться, и потому въ высшей степени странными и неестественными въ устахъ представителя войсковой старшины начала XVII вѣка представляются намъ жалобы на то, что старшина отнимаетъ у посполъства землю; странно звучатъ слова обо всѣхъ этихъ у народа отнимаемыхъ «кгрунтахъ, синожатяхъ, рыбныхъ ловахъ, ставкахъ и млынкахъ» (стр. 104). По всей вѣроятности, ничѣмъ другимъ, какъ тенденціозностью нашего автора, не можетъ быть объяснено (если вообще подобное сужденіе поддается объясненію), встрѣчающееся у г. Мордовцева стремленіе не только оправдывать, но даже придать значеніе

дѣла истинно-національнаго факту некрасивому во всякомъ случаѣ—измѣнѣ нѣкоторой части запорожцевъ въ Полтавскомъ бою. Нечего и говорить о томъ, что едва ли можетъ найти себѣ какое-либо нравственное оправданіе предательства по отношенію къ кому бы то ни было. Въ предвзятой мысли, что Полтавская побѣда является счастьемъ для Украйны, слѣдуетъ очевидно искать источника и тѣхъ странныхъ фразъ (стр. 175), въ которыхъ авторъ соединяетъ въ одно неразрывное цѣлое интересы Москвы и Украйны, далеко не имѣвшіе въ началѣ XVIII-го вѣка той общности, а подчасъ и діаметрально противоположные...

Переходимъ къ другому вопросу—о языкѣ, которымъ написана повѣсть (спѣшимъ оговориться—мы здѣсь разсматриваемъ только сторону историческую, о языкѣ же «Палія», какъ произведенія художественнаго, будетъ рѣчь ниже). Вопросъ этотъ выдвигаетъ цѣлыя страницы повѣсти, довольно многочисленныя, испещренныя разговорами дѣйствующихъ лицъ на русскомъ языкѣ, а не то и на какомъ то «язычіи» (пріемъ Лукьянова Паліихой и его впечатлѣнія, Паткуль въ Бѣлой Церкви, эпизодъ съ Самойловичемъ). Вѣроятно авторъ рѣшился на такой рискованный съ художественной точки зрѣнія пріемъ, вредящей въ значительной мѣрѣ цѣльности впечатлѣнія, изъ желанія болѣе ярко представить описываемыя имъ лица въ ихъ обстановкѣ, придать своему повѣствованію оттѣнокъ живой современности описываемой эпохи. Но внеся нежелательную пестроту въ изложеніе, онъ не достигъ этой цѣли, потому что затронулъ лишь одну сторону предмета: украинскій языкъ его повѣсти—это живой разговорный языкъ нашего времени, совершенно лишенный колорита начала XVIII вѣка, придающаго ему извѣстную характерность и своеобразность. Языкъ, организмъ живой, находится постоянно въ состояніи измѣненія и развитія; украинская жизнь въ періодъ ея автономіи выработала свой специфическій языкъ письменности и администраціи, оказывавшій, конечно, непосредственное вліяніе и на живой языкъ, проникая въ широкія народныя массы. Слѣдовъ этого языка, характерныхъ особенностей его начала XVIII ст., мы бы тщетно искали въ повѣсти г. Мордовцева, историческіе дѣятели котораго выражаются вполнѣ по современному, а это въ значительной мѣрѣ лишаетъ его произведеніе колоритности и вѣрности духу изображаемаго времени.

Обращаемся къ мелочамъ. Кстати о языкѣ Мазепы, который по мнѣнію Гамаліи, является «польською мовою» (стр. 124). Уже помимо

того обстоятельства, являющагося вполнѣ выясненнымъ, что роднымъ языкомъ гетмана былъ украинскій и что послѣднимъ онъ искусстно владѣлъ въ письмѣ, такое утвержденіе Гамаліи, приводящаго въ доказательство своей мысли употребленіе Мазепой—«альбо» вмѣсто «або», едва ли возможно въ устахъ украинца, получившаго образованіе въ школѣ конца XVII вѣка и несомнѣнно хорошо знакомаго съ современнымъ ему литературнымъ и актовымъ языкомъ. гдѣ сплошь и рядомъ попадается это чуждое *«альбо»*, къ которому его слухъ долженъ былъ давно привыкнуть.—Г. Мордовцевъ передаетъ благоговѣніе къ личности Петра и своему герою, въ уста котораго во время его жизни *въ ссылкѣ* онъ вкладываетъ почтительно-панегирическій отзывъ объ этомъ, «велетнѣ»—«укрыпы, Господы, ёго державну руку»,—(стр. 160—161). Намъ лично подобнаго рода отзывъ политическаго ссыльнаго, расходившагося въ своихъ воззрѣніяхъ на участь и задачи правобережной Украины съ московскимъ царемъ и пострадавшаго за это,—кажется, по меньшей мѣрѣ, подозрительнымъ. Вообще у нашего автора всякое упоминаніе имени Петра, съ присоединеніемъ обыкновенно весьма лестныхъ эпитетовъ, сопровождается и царскимъ титуломъ, даже въ разговорѣ простолюдиновъ, въ глуши степей (стр. 4) обнаруживающихъ необыкновенную почтительность.—Отмѣтимъ еще одну незначительную несообразность. Г. Мордовцевъ, вообще особенно охотно черпающій подробности изъ историческихъ памятниковъ. на стр. 86, категорически заявляетъ, что въ караванѣ, съ которымъ ѣхалъ Лукьяновъ, «Московського купця и духу не було»,—что, однако, не мѣшаетъ ему черезъ десять страницъ при описаніи пріема московскихъ гостей Паліихой отводить весьма видное мѣсто «московському крамарю», распространяясь о немъ довольно подробно (стр. 97 и дальше).

Оканчивая на этомъ свои замѣчанія объ исторической сторонѣ повѣсти г. Мордовцева, мы удѣлимъ немного мѣста разсмотрѣнію ея, какъ произведенія художественнаго. Намъ прежде всего бросается въ глаза та неизвѣстность, въ которой остается читатель относительно предыдущей жизни Палія, до появленія его въ Бѣлоцерковщинѣ почти совершенно не затронутой авторомъ, вслѣдствіе чего многіе вопросы являются невыясненными. Лишь случайно узнаемъ мы отъ бабы нѣкоторыя подробности о дѣтствѣ и юности Палія, уже разукрашенныя народной фантазіей и носящія легендарный характеръ: кромѣ того мы находимъ бѣглое упоминаніе о службѣ Палія у Доро-

шенка и его столкновеніи на Запорожьи съ Дорошенковымъ посланцемъ—Мазепой; въ разговорѣ съ Самойловичемъ проскальзываютъ кой-какія подробности, дающія возможность заключить о пребываніи Палія въ Кіевской академіи. Вообще Палій, являющійся главнымъ героемъ повѣствованія, занимаетъ въ немъ далеко не центральное мѣсто. Вниманіе автора часто отвлекается въ сторону, что въ значительной мѣрѣ вредитъ художественной цѣльности произведенія. Хотя авторъ и назвалъ свое произведеніе «историчнымъ оповиданнямъ», но это скорѣе лишь рядъ картинъ историко-бытового и жанрового характера,—иногда, правда, носящихъ на себѣ отпечатокъ мастерского пера, присущаго г. Мордовцеву юмора и живости изложенія, но подчасъ до того слабо связанныхъ между собой, что трудно услѣдить общую идею, положенную въ основаніе повѣствованія. Тщетно искали бы мы выясненія этой идеи и въ предисловіи, хотя и преслѣдующемъ, вѣроятно, именно эту цѣль, но, на нашъ взглядъ, являющемся совершенно излишнимъ: о немъ, впрочемъ, рѣчь впереди. Отмѣтимъ здѣсь болѣе удачныя, по нашему мнѣнію, мѣста повѣсти. Приключенія Голоты и его месть панамъ—бойко написанная картинка, иллюстрирующая то далекое и бурное время. Эпизодъ въ эстетическомъ отношеніи выигралъ бы, если бы въ немъ не отведено было такого центральнаго мѣста подробностямъ туалета Харька. Не менѣе остроумно и интересно изложеніе дипломатической миссіи Паткуля и пріема, какой онъ встрѣтилъ у Бѣлоцерковскаго полковника. Картинки домашней жизни Палія, отличающіяся мягкостью тоновъ, принадлежатъ къ лучшимъ мѣстамъ повѣсти, равно какъ и запечатлѣнныя глубокимъ чувствомъ лирическія отступленія, изъ которыхъ болѣе удачнымъ является посвященное украинской женщинѣ. Эти страницы, легко и съ интересомъ читаемыя, служатъ украшеніемъ повѣсти. Общему впечатлѣнію вредитъ нѣсколько какое-то пристрастіе автора къ довольно сильнымъ выраженіямъ и кой-какія странности въ изложеніи. Какъ курьозъ, мы отмѣтимъ «дида», обладающаго удивительной способностью видѣть то, «чого нихто не бачывъ» (стр. 5). По всей вѣроятности, также люди на порогѣ XVIII столѣтія между прочими дарами природы были надѣлены и даромъ провидѣнія; на такое по крайней мѣрѣ заключеніе наводятъ насъ неоднократно высказываемыя персонажами повѣсти предсказанія, которымъ суждено было впослѣдствіи сбыться. Обозный Борковскій, напр., предугадалъ будущее сватовство гетмана къ его крестницѣ (стр. 37); Палій еще въ Сибири предвидѣлъ скорую гибель Ма-

зепы. Эти и подобныя пророчества post factum, разумѣется, не могутъ вызвать ничего, кромѣ улыбки на устахъ читателя.—Языкъ повѣсти, помимо уже отмѣченной пестроты, при всѣхъ тѣхъ особенностяхъ, какія вообще мы привыкли встрѣчать въ произведеніяхъ г. Мордовцева, является не вездѣ въ достаточной мѣрѣ отдѣланнымъ и подчасъ попадаются слова въ странной формѣ (напр., молодоцъ стр. 1), или съ несвойственнымъ имъ значеніемъ (напр., жинота—стр. 97), а также иногда встрѣчаются выраженія, отсутствіе которыхъ въ повѣсти едва ли бы можно было считать недостаткомъ. Вообще новое произведеніе г. Мордовцева при всѣхъ его положительныхъ сторонахъ, которыя мы старались отмѣтить выше, съ точки зрѣнія литературной критики едва ли составляетъ особенно цѣнное пріобрѣтеніе для нашей словесности... впрочемъ, автору остается утѣшать себя надеждой, что его «оповидання» съ одобреніемъ, сочувствіемъ и признательностью будетъ встрѣчено тѣми сферами, «кому вѣдать надлежитъ благонамѣренность, зазаконность и историческое безпристрастіе пишущаго» (!) (Предисловіе, стр. II). Эти сферы, можетъ быть, и будутъ вполнѣ удовлетворены новымъ произведеніемъ г. Мордовцева, но для литературы въ этомъ, конечно, ничего особенно утѣшительнаго нѣтъ...

Всякое произведеніе литературное, а историческое въ особенности, помимо разсмотрѣнныхъ нами сторонъ, имѣетъ еще и значеніе общественное. Не лишена его, разумѣется и повѣсть г. Мордовцева. На выясненіи характера именно этой стороны въ произведеніи г. Мордовцева мы и намѣрены еще нѣсколько остановиться.—Въ этомъ отношеніи раньше всего привлекаетъ наше вниманіе предисловіе. По нѣкоторымъ причинамъ мы не будемъ входить въ обсужденіе его содержанія, тѣмъ болѣе что намъ уже отчасти приходилось имѣть съ нимъ дѣло; коснемся лишь обстоятельства чисто внѣшняго: *предисловіе* къ украинской книжкѣ маститаго украинскаго писателя написано *по-русски*. Фактъ, во всякомъ случаѣ, глубоко знаменательный на порогѣ XX вѣка и наводящій на размышленія. Мы, признаемся, не можемъ найти для него болѣе или менѣе удовлетворительнаго объясненія: является ли онъ запоздалымъ пережиткомъ эпохи «Основы»,—времени, когда г. Мордовцевъ лишь выступалъ на поприще украинской литературы; или, быть можетъ, обусловливается воззрѣніями его на роль украинскаго слова въ письменности, воззрѣніями, точно опредѣляющими сферу литературной дѣятельности на родномъ языкѣ (хотя послѣднія публицистическія статьи г. Мордовцева не позволяютъ дѣлать такого предпо-

ложенія); или, наконецъ, слѣдуетъ искать разъясненія въ чисто внѣшнихъ условіяхъ, независящихъ отъ автора? Было бы въ высшей степени интересно получить надлежащій отвѣтъ на эти вопросы.—Безъ сомнѣнія, историческія событія и дѣятели въ изображеніи г. Мордовцева способны возбудить къ себѣ интересъ у той части нашего читающаго общества, которая считаетъ себя «тоже малороссами»; многое изъ «оповидання» должно встрѣтить здѣсь сочувственный откликъ, вполнѣ подходя подъ складъ воззрѣній этого міра, заставляя звучать соотвѣтствующія струны его душевнаго настроенія. Постоянный контингентъ читателей для «Палія», а слѣдовательно и успѣхъ его обезпеченъ. Но этимъ не ограничивается общественное значеніе повѣсти г. Мордовцева,—оно гораздо шире. Его повѣсть, благодаря имени автора, популярности изображаемыхъ въ ней личностей, волею судебъ поставленныхъ другъ противъ друга, благодаря попыткѣ дать въ ней разрѣшеніе вопросовъ, несмотря на 200-лѣтнюю давность не потерявшихъ еще своей жгучести и до сихъ поръ волнующихъ умы,—конечно, привлечетъ болѣе обширный кругъ читателей; среди большинства изъ нихъ повѣсть можетъ пробудить болѣе вдумчивое отношеніе къ прошлому родного края, собственно, къ той весьма интересной и важной эпохѣ въ его исторіи, изъ которой авторъ почерпнулъ сюжетъ своего произведенія,—эпохѣ, ознаменовавшейся такими крупными событіями и оказавшей сильное вліяніе на дальнѣйшія судьбы Украины. Если читатель, заинтересовавшись эпохой, постарается познакомиться съ дѣятелями того времени въ свѣтѣ строго научныхъ изслѣдованій, а благодаря этому сумѣетъ отнестись критически къ повѣствованію и дать ему надлежащую оцѣнку,—то это, думается, будетъ лучшей наградой автору. Именно въ пробужденіи сознательнаго отношенія къ давнему прошлому родной страны видимъ мы высокое общественное значеніе исторической повѣсти.

В. Черепинъ.

Творы Степана Руданськаго. Томъ 1-ый. *Кыивъ, 1902. Стр. IV+267+V.*

Въ одно время Подолія дала намъ два таланта: Свидницкаго и Руданскаго. Оба они одновременно учились въ Каменецкой духовной семинаріи, а затѣмъ, несмотря на препятствія со стороны домашнихъ,

поступили для довершенія образованія—первый въ Кіевскій университетъ, а второй въ Петербургскую Медико-Хирургическую академію. Дальнѣйшая судьба талантливыхъ подолянъ была также одинаково сурова. Щедро одаренные отъ природы, они могли несравненно больше сдѣлать для украинской литературы, если бы не такъ печально сложилась ихъ слишкомъ короткая жизнь, протекшая притомъ среди тяжелыхъ общественныхъ условій. Оба они во цвѣтѣ лѣтъ и силъ, не достигши полнаго разцвѣта таланта, преждевременно сходятъ въ могилу. Но и то, что ими создано, говоритъ о большомъ оригинальномъ талантѣ того и другого писателя, даетъ право на одно изъ видныхъ мѣстъ въ украинской литературѣ, обезпечивая имъ славу среди послѣдующихъ поколѣній.

Степанъ Васильевичъ Руданскій былъ въ высшей степени симпатичной личностью съ опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ и съ глубокимъ національнымъ самосознаніемъ. Харектерно въ этомъ смыслѣ его письмо къ брату, въ которомъ онъ такъ выражаетъ свои мысли: «Заказують мени,—говоритъ въ этомъ письмѣ поэтъ,—мою ридну мову. Заказуе батько. Але въ мене бувъ прадидъ и прапрадидъ: воны мени не заказалы. Не слухае батько моеи мовы, за то мене и по смерти, може, послухають штырнадцять мильонивъ моихъ йидномовцивъ... Батько, може, не любыть свои мовы черезъ те, що нею говорять у насъ мужыкы. А нибы-то въ Московщыни не говорять мужыкы помосковськы! Да и чымъ мы лучче видъ мужыка?—вси мы ривни и у Бога и у натуры». Среди людей, знавшихъ его при жизни, поэтъ и по смерти оставилъ о себѣ добрую память, какъ человѣкъ, помогавшій всякому доброму дѣлу, частному и общественному.

Поэтому насъ крайне удивляетъ высказанное недавно г. Франкомъ мнѣніе о Руданскомъ, какъ поэтѣ, не имѣвшемъ своихъ собственныхъ взглядовъ, міровоззрѣнія и идейности [1]). Помимо вышеприведеннаго письма, которое одно уже является довольно вѣскимъ аргументомъ въ защиту Руданскаго, мы можемъ указать и на такія глубокоидейныя произведенія его, какъ: «Гей быкы»! «До дуба» и др. Человѣка, написавшаго подобныя произведенія, человѣка, возвысившаго въ то дореформенное темное время голосъ въ защиту «меньшого» брата (стих. «Пьяныця» и «Надъ колыскою«, въ которыхъ поэтъ яркими

---

[1]) Л.-Н. Вістник, 1902. IV.

красками рисуетъ тяжелое положеніе крѣпостныхъ), никакъ нельзя упрекнуть въ отсутствіи опредѣленнаго міровоззрѣнія и идейности.

Не весело сложилась жизнь нашего поэта, не менѣе печальна и судьба его литературныхъ трудовъ. При жизни Руданскаго было напечатано всего лишь нѣсколько его произведеній. Извѣстно, что первыя произведенія его были помѣщены въ «Русскомъ Мірѣ» въ 60-хъ годахъ. Въ «Основѣ» поэтъ помѣстилъ только шесть своихъ стихотвореній, но и тогда уже онъ своими литературными трудами обратилъ на себя вниманіе. Съ того времени мы долго не встрѣчаемъ произведеній Руданскаго въ печати, пока въ 1880 году Н. Г. Волынскій не издалъ въ Кіевѣ небольшой сборникъ его стихотвореній подъ заголовкомъ «Спивомовкы». Затѣмъ время отъ времени появляются его произведенія то на страницахъ нашего журнала, то въ галицкихъ періодическихъ изданіяхъ. Въ «Зори» за 1886, 1893 годы было помѣщено довольно значительное число еще неизвѣстныхъ дотолѣ, произведеній Руданскаго. Въ 1895 году во Львовѣ г. Комаръ издаетъ: «Творы Руданського» т. I, пользуясь автографичной рукописью поэта, въ которой оказалось около ста стихотвореній, нигдѣ еще не печатанныхъ. Это первое болѣе или менѣе полное изданіе было доведено до конца (пять томовъ) трудами г. Крымскаго. Въ названной рукописи поэта, по словамъ издателя, содержится весьма цѣнное для исторіи литературныхъ трудовъ Руданскаго подробное оглавленіе его произведеній; къ сожалѣнію, далеко не все изъ упомянутаго въ ней сохранилось.

Начало литературной дѣятельности Руданскаго можно отнести къ 1851 году, т.-е., къ тому времени, когда онъ былъ въ духовной семинаріи. Однимъ изъ юныхъ произведеній поэта являются «Небылыци». Еще на школьной скамьѣ возникаютъ такія общеизвѣстныя произведенія, какъ: «Повій, витре, на Вкраину»; къ тому же періоду относятся романсы: «Ты не моя»... «Чорный кольоръ». Но особенно плодотворнымъ для литературной дѣятельности Руданскаго былъ періодъ пребыванія его въ Петербургѣ. Въ это время были написаны имъ: «Лирныкови думы», «Царь-Соловей», «Прыказкы». Впрочемъ, это лишь небольшая часть изъ всего того, что было написано Руданскимъ. Многое еще и до сихъ поръ находится въ рукописяхъ; не мало, по всей вѣроятности, и совсѣмъ затерялось. «Порвалося и порозсыпалося дороге намысто, — такъ говоритъ Огоновскій объ этомъ печальномъ фактѣ, — покотылыся зерна геть далеко, и довелося збираты ихъ по одному:

де-яки зерна незабаромъ знайшлыся и збереглысь видъ загыбели, инши онъ покотылыся геть далеко, шкода й думаты, щобъ зибраты ихъ уси». [1])

Переходя къ обозрѣнію настоящаго изданія, мы отмѣтимъ прежде всего такія высоко-художественныя идейныя произведенія, какъ: «Гей, быкы»! «Наука», «До дуба», «Студентъ», «Псаломъ 136», «Могыла». Исполненное нравственной силы, непоколебимой увѣренности въ своемъ правомъ дѣлѣ, стихотвореніе: «Гей, быкы»! безспорно является однимъ изъ самыхъ лучшихъ и глубокихъ по идеѣ произведеній Руданскаго. Стихотвореніе «Наука» анологичное, по мнѣнію г. Петрова, съ «Пѣсней Еремушки» Некрасова и написанное будто-бы подъ вліяніемъ послѣдняго, на нашъ взглядъ—вполнѣ оригинально. Намъ кажется, нѣтъ особенныхъ основаній предполагать какое-либо заимствованіе идеи и содержанія изъ произведеній другого писателя, разъ для Руданскаго—поэта по самому складу своему глубоко народнаго, поэта, мы подчеркиваемъ это особенно настойчиво, почерпающаго мотивы для своего творчества, изъ неизданныхъ источниковъ народнаго творчества—былъ и въ данномъ случаѣ первообразъ въ безсмертныхъ созданіяхъ народнаго духа. Фабулой своей «Наука» скорѣе напоминаетъ намъ тѣ изъ многихъ подобнаго рода украинскихъ пѣсенъ, въ которыхъ мать, какъ существо физически и нравственно менѣе сильное, даетъ сыну и сообразныя наставленія; отецъ же, наоборотъ, какъ человѣкъ болѣе сильный тѣломъ и духомъ, научаетъ его идти путемъ правды. Замѣчательно и другое высоко-художественное стихотвореніе Руданскаго: «До дуба», въ которомъ безсильной, «слабой» лозѣ противопоставленъ мощный дубъ:

Нехай гнеться лоза—
А ты, дубе, крипысь,
Ты росты та росты,
Не хылысь, не крывысь;
Ты глыбоко у глыбъ
Твердый коринь пусты,
Гилля въ гору роскынь,
Ты росты та росты!
И до пекла дистань,
И у пекло заглянь,

[1]) Омелянъ Огоновськый: „Исторія литературы руськой", ч. III.

И до хмары дистань,
И на небо поглянь,
И ввесь свитъ обдывысь,
И усе роспизнай,
И що доброго йе—
Ты у себе впывай:
И у сыли, въ добри,
Якъ скала затвердій,
И якъ Богъ свитовый,
На сторожи ты стій!...

Незамѣтно исчезнетъ съ лица земли, не оставивъ по себѣ слѣда, хилая лоза, тогда какъ дубъ будетъ славенъ въ своей смерти и послѣ нея:

Свитъ почуе ту смерть,
И повитря здрижыть,
И лисы загудуть,
И земля задвыжыть;
И пташкы пролетять—
Спогадають тебе,
И спивакъ перейде—
Не забуде тебе.

Морозъ душу обіймае, Морозъ тило каменыть,

когда читаешь стихотвореніе Руданскаго: «Студентъ», имѣющее автобіографическое значеніе и рисующее безвыходное, невыносимо-тяжелое положеніе поэта въ Петербургѣ. Вдохновенный: «Псаломъ 136», издавна привлекавшій вниманіе украинскихъ поэтовъ, въ переводѣ Руданскаго является наиболѣе удачнымъ и производящимъ своимъ звучнымъ стихомъ сильное впечатлѣніе. Въ стихотвореніяхъ «Пьяныця», «Надъ колыскою», какъ уже выше было упомянуто, поэтъ изобразилъ закрѣпощенный людъ. Въ стих.: «Пьяныця» передъ нами образъ измученнаго панщиной поселянина, изъ устъ котораго вырываются такія слова:

Та тяжки мои боли бильніи,
Бо не маю я воли вильнои.

Запряжу волы—пóтомъ мыюся;
Роспряжу волы—нá-бикъ хылюся;
Повалюсь на бикъ, не здримаюся,
Зновъ на панщыну пидіймаюся!..

Отработалъ онъ панщину—своя нива ужъ давно ждетъ его. Изнуренный, измученный тѣлесно и духовно, идетъ онъ къ «брыдкой шинкарочкѣ», чтобъ напившись забыться хотя на время. Столь же грустно по своему содержанію и стихотвореніе: «Надъ колыскою», въ которомъ поэтъ художественно изображаетъ въ пѣснѣ матери, поющей надъ колыбелью, всю трудовую жизнь ея крѣпостного сына. Съ радостнымъ чувствомъ начинаетъ она эту колыбельную пѣсню:

Спы, дытя мое, ты жыття мое,
Спы, дытя мое красне!
Покы сонечно не запалыться,
Покы мисяць не згасне!

Но вспомнивъ о всѣхъ горестяхъ ожидающей сына рабыни подневольной жизни, такъ кончаетъ ее:

Спы жъ, дытя мое, ты жыття мое!
Спы дытя мое красне,
Покы свитъ стоить, покы зъ мисяцемъ
Вразъ и сонце не згасне!...

Грустнымъ, безотраднымъ чувствомъ вѣетъ и отъ прекрасныхъ стихотвореній: «Сыротына я безродный», «Ой, чому ты не литаешъ», «Не дывуйтесь, добри люде», «Не згадаю гадкы», «Голе, голе мое поле», «Чорный кольоръ».

Не лишены художественныхъ достоинствъ и пѣсни любовно-грустнаго содержанія: «Повій, витре, на Вкраину», «Ты не моя», «Серенада», «Мене забудь», «Звела мене», «Згадай мене мыла», «Ой выйду я у садочокъ», «Голубонько дивчинонько», «Калыно-малыно».

Помимо этнографической цѣнности замѣчательны, какъ единственныя въ своемъ родѣ: „Прыказкы“ или „Спивомовкы“ Руданскаго, представляющія собою стихотворный пересказъ народныхъ анекдотовъ: форма, въ которую они заключены удивительно соотвѣтствуетъ содержанію.

Глубоко народныя по своей формѣ, языку и содержанію произведенія Руданскаго одинаково понятны и интеллигенту, и простому человѣку. Неудивительно поэтому, что такія его „спивомовкы", какъ „Засидатель", „Вареныкы", „Добре торгувалось" обратились въ пѣсни, широко распространеныя на Украинѣ, не говоря уже о всѣмъ извѣстной прекрасной пѣснѣ: „Повій, витре, на Вкраину", которую можно слышать и въ убогой хатѣ, и въ роскошныхъ залахъ. Много и другихъ „спивомовокъ", правда, въ довольно искаженномъ видѣ, ходитъ въ народѣ, не подозрѣвающемъ даже, кто былъ ихъ авторомъ. Ужъ одно то, что произведенія Руданскаго сдѣлались достояніемъ народа, получили такую широкую популярность среди него и сами стали какъ бы народными, говоритъ намъ о высокихъ достоинствахъ поэзіи Руданскаго, глубоко народной, національной по характеру. „Чи богато ж у нас таких поэтів, говоритъ г. Комаръ,—котрих вірши сталися народними ще за довго до надрукованя іх, як се сталося з віршами Руданьского?" [1]).

Изъ переводныхъ произведеній Руданскаго въ изданномъ томѣ помѣщены: „Игорь Сиверськый", „Війна жабъ зъ мышамы", „Вищый Олегъ". Въ своихъ переводахъ поэтъ широко пользуется свободой въ выборѣ размѣра для переводныхъ произведеній. Хотя отъ этого переводныя произведенія особенно не страдаютъ, однако въ большинствѣ случаевъ, если-бъ размѣръ подлинника былъ сохраненъ, переводъ отъ этого только бы выигралъ. Въ послѣдніе годы своей жизни Руданскій трудился надъ переводомъ „Иліады", гекзаметръ которой, къ сожалѣнію, также не былъ поэтомъ сохраненъ въ переводѣ.

Поэзія Руданскаго оригинальна, съ сильнымъ народнымъ элементомъ, съ національнымъ украинскимъ колоритомъ. Руданскій, поэтъ народный, вышедшій изъ плеяды писателей 50—60 годовъ, подчинившихся сильному вліянію Шевченка, является однако не рабскимъ его подражателемъ, какъ это почему-то кажется г-ну Франку, а вполнѣ самостоятельнымъ, оригинальнымъ поэтомъ съ ярко обозначенной творческой индивидуальностью, оставившей по себѣ глубокіе слѣды въ родной литературѣ. Тѣмъ сильнѣе приходится сожалѣть, что такому поэту не удалось развернуться во всю ширь своего таланта и создать достойныя его произведенія.

А. Н.

---

[1]) Твори Степана Руданського, т. І. У Львові. 1895, стр. 2.

В. В. Антоновичъ. Археологическая карта Волынской губерніи. *Москва, 1900 г., in 4-⁰ большого формата, V+130 стр.+карта.*

Въ 1895 г. вышла «Археологическая карта Кіевской губерніи» профессора В. Б. Антоновича и тогда этотъ трудъ былъ привѣтствованъ всѣми, какъ цѣнный вкладъ въ археологическую науку. Теперь беремъ на себя смѣлость привѣтствовать новый въ такомъ же родѣ трудъ того же высокоуважаемаго учителя въ области археологическихъ знаній «Археологическую карту Волынской губерніи».

Послѣдняя карта была приготовлена проф. В. Б. Антоновичемъ къ XI археологическому съѣзду, бывшему въ Кіевѣ въ 1899 г., и затѣмъ издана въ 1-мъ томѣ „Трудовъ" этого съѣзда и особыми оттисками. Хотя на обложкѣ тѣхъ особыхъ оттисковъ и значится 1900-й годъ, но изданіе это, какъ и самые «Труды» съѣзда, выпущено въ свѣтъ только въ мин. 1902 году, ко времени XII Археологическаго съѣзда, бывшаго въ Харьковѣ.

«Археологическая карта Волынской губерніи» составлена по образцу такой же карты кіевской губерніи. Какъ прежній такъ и теперешній трудъ почтеннаго профессора представляетъ двѣ части: пояснительный текстъ къ картѣ и самую карту. Въ началѣ первой части слѣдуетъ перечисленіе источниковъ, послужившихъ для составленія карты; здѣсь показаны, кромѣ печатныхъ источниковъ, рукописный матеріалъ и коллекціи предметовъ древности. Въ числѣ рукописнаго матеріала находимъ археологическія замѣтки и дневники какъ самого составителя карты, какъ и другихъ лицъ: Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, Я. Я. Волошинскаго, Е. Н. Мельникъ, гр. А. С. Уварова и др., а также матеріалы, собранные Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ, Археологическою Коммиссіею, Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, церковныя лѣтописи приходовъ и др. Конечно, среди этихъ источниковъ главное и почетное мѣсто должны занять археологическія замѣтки и дневники раскопокъ самого же составителя. Многимъ извѣстно, что замѣтки, которыя ведетъ по карточной системѣ почтенный Несторъ южно-русской исторіи и археологіи и которыя онъ охотно предоставляетъ для просмотра другимъ, желающимъ трудиться на историко-археологическомъ поприщѣ, представляютъ обильный источникъ историческихъ и археологическихъ свѣдѣній. Многія изъ этихъ замѣтокъ составляютъ результатъ личныхъ осмотровъ мѣстностей и изслѣдованій памятниковъ старины. Въ отношеніи Волыни профессоръ

В. Б. Антоновичъ много потрудился: имъ весьма многія мѣстности осмотрѣны, раскопано здѣсь значительное количество кургановъ, изслѣдованы городища. Его археологическія изслѣдованія въ странѣ древлянъ изданы Императорской Археологической Коммиссіею въ одномъ изъ выпусковъ „Матеріаловъ по археологіи Россіи" (№ 10, „Древности юго-западнаго края", 1893 г.). Предъ XI археологическимъ съѣздомъ В. Б. Антоновичъ предпринималъ спеціальныя археологическія экскурсіи на Волынь и производилъ тамъ раскопки. Потому-то замѣтки и дневники составителя «Археологической карты Волынской губерніи» имѣютъ важное значеніе среди другихъ источниковъ, такъ какъ даютъ авторитетныя, надлежаще провѣренныя и оцѣненныя свѣдѣнія.

Кромѣ рукописныхъ источниковъ, послужившихъ при составленіи археологической карты волынской губерніи, матеріалъ для нея дали и коллекціи предметовъ древности, какъ общественныя (музеи кіевскаго университета и духовной академіи, древнехранилище въ Житомирѣ), такъ и частныя. Изъ частныхъ собраній, находящихся на Волыни, указаны: барона Штейнгеля въ с. Городкѣ, ровенскаго уѣзда, А. Волянскаго въ с. Рудкѣ, того же уѣзда, г. Добровольскаго въ г. Овручѣ, Л. Житинскаго въ д. Лагодовкѣ, дубенскаго у., И. А. Орлова въ с. Кутахъ, кременецкаго уѣзда, С. Радзиминскаго въ с. Сивкахъ, острожскаго у., Э. Руликовскаго въ м. Высоцкѣ, ровенскаго у.; къ этимъ собраніямъ древностей нужно прибавить и коллекціи, находящіяся въ Кіевѣ (В. Б. Антоновича, В. В. Хвойка и Хойновскаго).

Послѣ перечня источниковъ слѣдуетъ объяснительный текстъ карты: здѣсь указываются археологическіе памятники данной мѣстности, время и результаты ихъ изслѣдованія, находки предметовъ древности и т. п. Мѣстности расположены по уѣздамъ, а въ уѣздахъ перечисляются по системамъ рѣкъ и водораздѣловъ—этимъ естественнымъ путямъ распространенія культуръ въ древнія, особенно въ первобытныя, времена. Противъ каждаго, занесеннаго въ указатель карты, свѣдѣнія показанъ источникъ, откуда заимствовано это свѣдѣніе. Въ концѣ помѣщены указатели—географическій и предметный. Послѣдній указатель—предметный—очень важенъ: онъ даетъ возможность оріентироваться въ массѣ сообщеннаго матеріала. Здѣсь предметы подѣлены на 8 группъ: каменный, бронзовый и желѣзный вѣка, курганы, городища, валы, памятники болѣе поздняго историческаго времени и монетные клады. Каждая изъ этихъ группъ имѣетъ болѣе частныя дѣ-

ленія. Такъ, каменный вѣкъ имѣетъ такія подраздѣленія: стоянки неолитической эпохи (такихъ стоянокъ указано 49,—число значительное въ сравненіи съ кіевской губерніей, гдѣ указано только 12; зато на Волыни не открыто стоянокъ палеолитической эпохи), мастерскія каменныхъ орудій (21 мѣстность; въ Кіевщинѣ вовсе не значится по картѣ), мастерскія пряслицъ (7 мѣст.), отбивныя и полированныя орудія (спорадическія находки), орудія изъ кости и рога, чашечные камни, пещеры, мегалитическія постройки (4 мѣст.) и свайныя постройки (подъ знакомъ вопроса,—въ 2 мѣст.). Бронзовый вѣкъ имѣетъ подраздѣленія: цельты, булавы, копья, стрѣлы, украшенія (мѣстностей, гдѣ найдены отдѣльные предметы этой культуры, очень мало—всего 18). Къ вѣку желѣзному отнесены предметы до-христіанскаго и княжескаго періодовъ: желѣзное оружіе, украшенія костюма, стеклянные браслеты, греческія и римскія издѣлія и каменныя бабы (послѣдніе предметы указаны только въ 4 мѣстахъ). Подъ рубрикой „курганы“ находятся такія подраздѣленія: курганы съ погребеніемъ каменнаго вѣка (19 мѣст.), кисты съ обрядомъ сожженія каменнаго вѣка (18 мѣст.), курганъ съ переходнымъ погребеніемъ отъ каменнаго вѣка къ бронзовому (1 мѣст.), кисты съ погребеніемъ желѣзнаго вѣка (2 мѣст.), курганы желѣзнаго вѣка съ обрядомъ сожженія (4 мѣст.), затѣмъ скиѳскій курганъ (указанъ 1) и курганы древлянскаго и волынскаго типовъ. Курганы послѣдняго типа,—замѣтимъ,—отличаются особою скудостью предметовъ, находимыхъ при покойникахъ: оружія и сосудовъ при скелетахъ вовсе не попадается; украшеній костюма, колецъ и серегъ мало, при чемъ эти предметы не богатые. Всѣхъ кургановъ сосчитано 15.347, въ томъ числѣ вскрытыхъ 674 (въ Кіевщинѣ всѣхъ кургановъ занесено въ карту 13200, въ томъ числѣ вскрытыхъ 842). Городищъ занесено на Волыни 348 (въ Кіевщинѣ 435), изъ нихъ городище-майданъ только въ 1 мѣстности (въ Кіевщинѣ послѣднихъ памятниковъ показано 151).

Вторую часть разсматриваемаго нами изданія составляетъ собственно карта. Здѣсь на картѣ десятиверстнаго масштаба (т. е. масштаба: 10 вер. въ дюймѣ) условными знаками обозначены разные археологическіе памятники, имѣющіеся или найденные въ извѣстной мѣстности, при чемъ культура каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ отмѣчена особыми цвѣтами: зеленымъ, краснымъ и синимъ; монетные клады обозначены бронзовой краской; остальные предметы помѣчены чорной краской. Относительно послѣдняго, т. е. обозначенія

археологическихъ предметовъ на картѣ чорной краской, нужно сказать, что такіе знаки теряются среди другихъ знаковъ и надписей, имѣющихся на картѣ. Кажется, лучше было бы всѣ знаки, относящіеся къ археологіи, отмѣчать не чорной краской, а какой-нибудь другой; тогда бы они выступали на картѣ лучше и не терялись бы среди другихъ значковъ, часто не имѣющихъ отношенія къ археологіи (дороги и на нихъ корчмы, обозначеніе при каждомъ поселеніи числа жителей въ сотняхъ и др.).

Таковъ составъ „Археологической карты Волынской губерніи". Въ ней собраны свѣдѣнія о всѣхъ археологическихъ памятникахъ и случайныхъ находкахъ Волыни, а потому эта книга составитъ базисъ, съ котораго начнется дальнѣйшее археологическое изслѣдованіе губерніи.

Къ тому, что есть въ этомъ изданіи, можно пожелать еще одного. Желательно бы имѣть еще археологическій обзоръ губерніи на основаніи сообщенныхъ въ „Картѣ" свѣдѣній, чтобы уяснить должное значеніе археологическихъ памятниковъ данной мѣстности и указать ихъ мѣсто въ ряду такихъ же памятниковъ другихъ мѣстностей, отмѣтить особенности волынскія и т. п. Подобный обзоръ памятниковъ каменнаго вѣка западной Волыни сдѣланъ проф. В. Б. Антоновичемъ въ статьѣ, помѣщенной въ 1-мъ томѣ „Трудовъ одиннадцатаго Археологическаго съѣзда" („О каменномъ вѣкѣ въ западной Волыни"). Этотъ обзоръ прекрасно уяснилъ памятники древнѣйшей культуры западной Волыни и ихъ территоріальное распредѣленіе.

Вообще, „Археологическая карта Волынской губерніи", составленная глубокимъ знатокомъ южно-русскихъ древностей, представляетъ крупный вкладъ въ археологическую литературу, она окажетъ значительную помощь при дальнѣйшихъ археологическихъ изслѣдованіяхъ Волыни и дастъ матеріалъ для общихъ научныхъ выводовъ.

Е. С.

Обзоръ украинскихъ изданій за 1902 годъ.

Положеніе украинской литературы въ истекшемъ 1902 году, по прежнему далекое не только отъ идеала, но даже и отъ просто снос-

ныхъ условій существованія, не измѣнилось сколько-нибудь замѣтно. Все также, по старому, каждой украинской книжкѣ приходится отъ момента своего зарожденія и до выхода въ свѣтъ проходитъ такой длинный путь различнаго рода мытарствъ,—начиная отъ крайней матеріальной необезпеченности украинскихъ писателей и кончая почти полнымъ отсутствіемъ у насъ издателей,—и такъ много падаетъ жертвъ на этомъ гибельномъ пути, что часто приходится отмѣчать даже такія явленія, которыя въ другихъ, болѣе счастливыхъ литературахъ обыкновенно проходятъ незамѣченными. Въ каждой украинской книжкѣ прежде всего ищешь признаковъ того будущаго, котораго ожидаешь съ такимъ нетерпѣніемъ и которое одно только можетъ вывести нашу литературу на настоящую дорогу.

Обращаясь къ обзору украинской литературы за 1902 годъ, укажемъ прежде всего тотъ фактъ, что наибольшее количество изданныхъ въ текущемъ году книгъ падаетъ на Кіевъ, который замѣтно съ каждымъ годомъ расширяетъ свою издательскую дѣятельность на укр. яз.; изъ книгъ, появившихся въ истекшемъ году въ Кіевѣ, прежде всего отмѣтимъ трехтомный сборникъ *Викъ*, въ первомъ томѣ (второе изданіе) содержащій образцы украинской поэзіи отъ Котляревскаго, а въ двухъ послѣднихъ (появляются впервые)—украинской прозы отъ Квитки и до послѣдняго времени; въ «Вик'ѣ» представлены произведенія лучшихъ украинскихъ писателей, о которыхъ въ большинствѣ случаевъ даны также краткія біографическія и библіографическія свѣдѣнія, и приложены портреты. Въ серіи, начатой въ 1901 году повѣстями Шевченка, въ истекшемъ году вышли: № 4 *Руданськый—Творы*, т. I (см. рецензію въ этой же книжкѣ „Кіевской Старины“), № 5 *Крымськый—„Изъ повистокъ и ескизивъ“* (см. рецензію въ XI книжкѣ), № 6 и 7 *Марко Вовчокъ—«Народни оповидання»*, т. 1 и 2, въ которыхъ собрано все, что было написано этимъ авторомъ на украинскомъ языкѣ,—изданіе, котораго, по всей вѣроятности, съ нетерпѣніемъ ожидалъ всякій любитель украинской литературы; № 8 *Крымськый—«Пальмове гилля»* [1]) и № 9 *Чернявськый—«Зори»*—

[1]) Обѣ книжки г. Крымскаго напечатаны собственно не въ Кіевѣ: первая въ Москвѣ, а вторая въ Звенигородкѣ, но, судя по нумераціи, онѣ относятся къ серіи кіевскихъ изданій.

два сборника стихотвореній, принадлежащіе нашимъ молодымъ писателямъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою индивидуальную физіономію. Изъ отдѣльныхъ изданій—*„Оповидання зъ народнихъ устъ“* г-жи *Ганны Барвинокъ* (А. М. Куліш), изданныя подъ редакціей и съ предисловіемъ г. Гринченка, являются также цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашей литературы, представляя итоги 40-лѣтней литературной дѣятельности почтенной писательницы; *„Литературный збирныкъ, зложеный на спомынъ Олександра Кониського“* (помѣченъ 1903 г.) даетъ рядъ произведеній какъ старыхъ, хорошо извѣстныхъ нашей читающей публикѣ писателей, такъ и новыхъ, впервые на литературной нивѣ появляющихся. Изъ народныхъ изданій отмѣтимъ въ высшей степени цѣнную и съ художественной, и съ идейной стороны комедію *г. Тобилевича* (Карпенка-Караго) *„Хазяинъ“* (№ 25) и двѣ поэмы *Шевченки „Катерына“* (№ 26) и *„Невольныкъ“*—произведенія слишкомъ извѣстныя, чтобы о нихъ стоило распространяться. Упомянемъ кстати, что настоящее изданіе «Катерыны» является первымъ въ Россіи, напечатаннымъ безъ всякихъ пропусковъ и сокращеній, неизмѣнно повторявшихся въ предыдущихъ изданіяхъ какъ въ «Кобзарѣ», такъ и отдѣльно. Кромѣ того, вышли драматическія произведенія стараго писателя *Квитки-Основъяненка («Шельменко-денщыкъ», «Шельменко—волостный пысаръ», «Щъра любовъ», «Сватання на Гончаривци»)* и три книжки стихотвореній начинающихъ писателей: *г. Федорченка—«Въ чаду мрій», г. Сурмаченка—„Нисенитныци“* и *Парпуры—„Косаръ“*; о первыхъ двухъ у насъ была уже рѣчь (см. рецензію въ IX кн.); послѣдняя не даетъ достаточнаго матеріала для сужденія о литературныхъ силахъ автора. Къ числу кіевскихъ изданій нужно также отнести и печатавшіяся первоначально въ нашемъ журналѣ, а затѣмъ выпущенныя отдѣльно произведенія г. г. *Коцюбинського—«Дорогою циною», Лысака-Тамаренка—«Невесели сельськи малюнкы», Гринченка—«Пидъ тыхымы вербамы» и Винниченка—« Сыла и краса».*

Второе мѣсто по численности изданныхъ на украинскомъ языкѣ книжекъ занимаетъ далекій Петербургъ, гдѣ дѣйствуетъ извѣстное «Благотворительное Общество для изданія дешевыхъ и полезныхъ книгъ». Въ отчетномъ году Обществомъ спеціализировавшимся на популярныхъ изданіяхъ, издано вновь 8 (№№ 13—20) брошюръ: *Коваленка—Видъ чого вмерла Мелася, Гринченка—Оповидання про Ивана Котляревського, его-же—Оповидання про Е. Гребинку, Чикаленка—Розмова про сельське хазяйство* кн. 1, 2 и 3 и *Имшенецького*—

Видъ чого заводятся пошести, и кромѣ того повторнымъ изданіемъ вышли Степовыка—«*Корыстни звирятка*» и «*Про городыну*». Перечисленныя нами имена сотрудниковъ Общества достаточно извѣстны въ нашей народной литературѣ, какъ умѣлыхъ и опытныхъ популяризаторовъ и потому изданія Общества представляютъ цѣнный вкладъ въ нашу популярную литературу. Изъ книгъ иного характера Петербургъ далъ всего одну—историчне оповидання *Д. Л. Мордовцева*—«*Палій, воскресытель правобережнои Украины*»—произведеніе, которое едва ли прибавитъ лавровъ маститому писателю (см. рецензію въ настоящей книжкѣ).

На третьемъ мѣстѣ стоитъ Харьковъ. Харьковскимъ «Комитетомъ для распространенія въ народѣ грамотности» предположенъ, какъ мы слышали, рядъ изданій на украинскомъ языкѣ, изъ которыхъ въ настоящемъ году вышли въ свѣтъ: г.г. *Левицького Ив.* „*Зъ давнихъ часивъ*" (о Богданѣ Хмельницкомъ) и *Гринченка* „*Оповидання про Грыцька Квитку-Основьяненка*"; г. Гуртомъ изданы: извѣстный изъ „Л.-Н. Вістника" историческій разсказъ *М. Грушевського* „*Ясновельможный сватъ*" и брошюра „*Якъ треба и якъ не треба*", заключающая два разсказа Златовратскаго и Успенскаго въ переводѣ *г. Галайды*. Изъ харьковскихъ изданій, предназначенныхъ для интеллигенціи, намъ извѣстны: „*Поезія въ прози*" *г. Хоткевича*, о которой у насъ была рѣчь въ статьѣ „Въ поискахъ новой красоты" и второй томъ *Повного збирныка творивъ М. Л. Кропивныцького*, содержащій между довольно слабыми произведеніями послѣдняго періода писательской дѣятельности почтеннаго драматурга популярную драму „Глытай".

Изъ остальныхъ городовъ Черниговъ далъ «*Драмы и комедіи*» *г. Гринченка*—сборникъ драматическихъ произведеній этого писателя, а Москва, кромѣ упомянутой выше книжки г. Крымскаго—еще написанный г. *Корсунскимъ-Турчаниновымъ* по Э. Ожешко разсказъ „*Зимовый вечиръ*".

Вотъ все или почти все, чѣмъ проявила себя украинская литература въ предѣлахъ Россіи въ минувшемъ году; о заграничныхъ изданіяхъ, поставленныхъ на болѣе широкую ногу, мы не говоримъ, такъ какъ правильный обзоръ ихъ у насъ по многимъ причинамъ невозможенъ. Разумѣется, вообще это не много; тѣмъ не менѣе по сравненіи съ предыдущими годами 1902 годъ замѣтенъ и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи: о немъ, по крайней мѣрѣ, нельзя сказать,—„пусто, хоть шаромъ покати", какъ о любомъ изъ

представителей несчастной памяти второй половины 80-хъ и начала 90-хъ годовъ, когда вся литературная продукція на украинскомъ языкѣ въ Россіи ограничивалась много-много десяткомъ тощихъ брошюрокъ. Отчетный годъ яснѣе, чѣмъ предыдущіе подчеркнулъ ту тенденцію, которая выступаетъ, въ послѣдніе годы все яснѣе, выражаясь въ стремленіи издавать настоящія солидныя книги, а не однѣ лишь брошюры; число такихъ книгъ замѣтно увеличилось и уже въ состояніи дать достаточный матеріалъ для чтенія. Вторая особенность минувшаго года, передаваемая, правда, въ наслѣдство настоящему 1903— это появленіе литературныхъ сборниковъ, составленныхъ изъ произведеній разныхъ авторовъ, сходящихся на сотрудничествѣ въ одномъ изданіи. Изъ такихъ сборниковъ одинъ «зложеный на спомынъ Ол. Кониського» уже вышелъ, другіе, какъ намъ достовѣрно извѣстно, находятся или въ печати или въ цензурѣ, или же въ начальной стадіи зарожденія. Это обстоятельство, имѣя любопытную аналогію въ исторіи русской литературы—вспомнимъ многочисленные альманахи первой половины XIX ст.,—вызвано, очевидно, условіями существованія украинской печати и стремленіемъ къ расширенію области литературнаго, такъ сказать, касанія,—стремленіемъ, неуклонно идущимъ къ основанію періодической печати. Литературные сборники, выходящіе въ свѣтъ даже и не въ опредѣленные сроки и по самому составу своему ограниченные въ одной лишь области чисто литературныхъ интересовъ, представляютъ все-таки хоть отдаленное подобіе періодической печати и удовлетворяютъ хотя бы въ самой минимальной дозѣ потребности въ журналѣ и газетѣ,—потребности очевидно назрѣвшей вполнѣ и ясно сознаваемой. Если въ отчетномъ году намъ и не приходится говорить о попыткахъ изданія періодическаго органа печати на украинскомъ языкѣ,—попытки такія, если не ошибаемся, все таки были,— то это не потому, чтобы потребность такого органа меньше сознавалась той частью украинскаго общества, которая не порвала связей съ роднымъ народомъ, а по причинамъ, лежащимъ внѣ сферы литературныхъ воздѣйствій. Напротивъ, все усложняющіяся требованія жизни настоятельно требуютъ и своего литературнаго отраженія, возможнаго лишь при существованіи періодической печати, и мы не сомнѣваемся, что отмѣченное теченіе, усиливаясь съ каждымъ годомъ, приведетъ когда-нибудь къ желанному концу—появленію украинскихъ органовъ періодической печати. Если въ настоящемъ году русской печати представляется по крайней мѣрѣ формальный поводъ насчитывать два

столѣтія своему существованію и она при случаѣ можетъ уже ссылаться на нѣкоторыя традиціи и принципы, выработанные исторіей то для насъ все это пока еще въ будущемъ; на приближеніи этого будущаго мы и должны сосредоточить свое вниманіе, въ надеждѣ, что усилія наши не пропадутъ даромъ...

С. Е—мовъ.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

1) Русская Старина, № 12; 2) Русскій Архивъ, № 12; 3) Міръ Божій, № 12; 4) Научное Обозрѣніе, № 11; 5) Русская Школа № 10 и 11; 6) Книжки Восхода, № 11; 7) Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, № 12; 8) Ученыя записки Казанскаго Университета, № 11; 9) Земскій Сборникъ черниговской губерніи, № 11; 10) Литературный Вѣстникъ, № 6; 11) Университетскія Извѣстія, № 10 и 11; 12) Літературно-Науковий Вістник, № 11 и 12; 13) Новое Дѣло, № 10; 14) Этнографическое Обозрѣніе, № 3; 15) Вѣстн. Евр., № 12; 16) Biblioteka Warszawska, № 12.

Русская Старина, декабрь.

Дубровинъ Н.—Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка (продолженіе). Стр. 417—450.

Въ настоящей XXIII главѣ приведены любопытныя подробности измѣны могилевскаго архіепископа Варлаама, родомъ крестьянина изъ черниговской губерніи. Во время вступленія французскихъ войскъ въ предѣлы Россіи въ 1812 г. архіепископъ Варлаамъ присягнулъ на вѣрность Наполеону со всѣми своими подчиненными. По окончаніи войны архіепископъ лишенъ былъ сана и сосланъ на жительство въ Сѣверскій Спасскій монастырь черниговской губерніи.

Міръ Божій, № 12.

Н. Н. Котляревскій.— Н. В. Гоголь. 182—1842 г.—Окончаніе изслѣдованія посвящено послѣднимъ годамъ жизни и дѣятельности Гоголя: въ XVII гл. говорится о пріѣздѣ Гоголя въ Россію въ 1841 г., о хлопотахъ съ цензурой по изданію „Мертвыхъ Душъ"; о болѣзненномъ состояніи писателя и религіозномъ просвѣтленіи его духа; о положеніи его среди двухъ враждебныхъ лагерей—западниковъ и сла-

вянофиловъ и значеніи произведеній его для обѣихъ партій, наконецъ—объ отъѣздѣ Гоголя изъ Россіи въ 1842 г. и выходѣ въ свѣтъ полнаго собранія сочиненій его. XVIII гл. посвящена уясненію силы личности великаго писателя, общественнаго и нравственнаго значенія его творчества и воспитательнаго значенія „совѣстливаго отношенія автора къ самому себѣ", какъ выражается авторъ изслѣдованія. Въ заключеніи своей статьи г. Котляревскій даетъ краткую характеристику Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова и Гоголя съ цѣлью опредѣленія мѣста, какое занимаетъ послѣдній среди названныхъ писателей.

Русская школа. № 10 и 11.

Н. В. Калишевичъ—Среднее и начальное образованіе въ Кіевскомъ учебномъ округѣ. (Стр. 90—112). Начало статьи, обрисовывающей положеніе средняго и начальнаго образованія въ округѣ на основаніи отчетовъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа за 1899 и 1900 гг.

И. П. Бѣлоконскій.—Дѣятельность земствъ по народному образованію въ 1902 г.—продолженіе начавшейся печатаніемъ въ № 9 журнала статьи, составленной на основаніи обширнаго матеріала, собраннаго къ первой выставкѣ по народному образованію, устроенной курскимъ губернскимъ земствомъ въ 1902 г. (съ 23 по 30 іюня).

Университетскія Извѣстія, № 10 и 11.

А. М. Лобода.—Русскія былины о сватовствѣ. (№ 10, стр. 1—51). Названное изслѣдованіе начинается критическимъ разборомъ современныхъ методовъ изученія былинъ школами: миѳологической, взаимнаго между народами литературнаго общенія и школой исторической.

А. С. Грушевскій.—Очеркъ исторіи Турово-Пинскаго княжества въ составѣ Литовско-Русскаго государства XIV—XVI в. (съ двумя картами) (№ 10, стр. 41—110; № 11, стр. III—192). Въ продолженіи своего солиднаго изслѣдованія авторъ даетъ географическій очеркъ княжества, говоритъ о населеніи, администраціи, духовномъ управленіи (епископія и духовенство), о населеніи городовъ и его занятіяхъ, а также о юридическомъ и экономическомъ бытѣ тяглаго населенія.

Л. Яснопольскій.—*Источники статистики землевладѣнія, преимущественно въ Россіи.* (№ 10, стр. 1—21). Статья представляетъ собою пробную лекцію, читанную въ Харьковскомъ университетѣ.

Ученыя Записки Казанскаго Университета №, 10.

Д. Нагуевскій.—Обозрѣніе русскихъ монетъ, хранящихся въ нумизматическомъ музеѣ Казанскаго университета, съ древнѣйшихъ временъ Русскаго государства до царствованія Императора Николая I (стр. 198—238).

Земскій Сборникъ черниговской губерніи, ноябрь.

И. Шрагъ.—А. М. Лазаревскій, стр. 145—160.

Въ обширномъ и подробно составленномъ некрологѣ А. М. Лазаревскаго характеризована дѣятельность покойнаго какъ историка, земскаго и судебнаго дѣятеля.

Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка 1729—1730 (продолженіе). Подъ редакціей Н. П. Василенка. Стр. 193—224.

Литературный Вѣстникъ, № 6.

П. Драгановъ.—*Къ статьямъ о Гоголѣ въ болгарской литературѣ.* (107—109 стр.). Замѣтка о переводѣ повѣсти Гоголя „Ночь передъ Рождествомъ" на болгарскій языкъ

П. Драгановъ.—*Гр. Л. Толстой и Гоголь въ греческой литературѣ*—(175—176 стр.). Авторъ замѣтки говоритъ, что знакомство грековъ съ названными писателями, относится къ 1870 году съ появленія этюда ученаго фанаріота С. Караѳеодори «О русской литературѣ.

Этнографическое Обозрѣніе, № 3.

В. Мошковъ.—*Гагаузы бендерскаго уѣзда.* XI—XIII гл. (стр. 1—66). Названныя главы трактуютъ о смерти, представленіяхъ о загробной жизни, и похоронныхъ обычаяхъ; о третьей субстанціи у человѣка—«талысымъ» (тѣнь) и, наконецъ, о народномъ календарѣ у гагаузовъ. Въ примѣчаніяхъ заключается много интересныхъ сопо-

ставленій и параллелей съ вѣрованіями и обычаями малороссовъ, бѣлоруссовъ и великоруссовъ.

— Въ Отдѣлѣ «Хроники» напечатанъ отчетъ о XII археологическомъ съѣздѣ.

Літературно-Науковий Вістник. № 11 и 12.

В. Сивенького. Te Deum.—*Б. Лепкого* поезиі. I. Часом. II. Чому?— *І. Франка.* Із дневника.

— *О. Де-ка.* Ти вже не дитина.—*Ст. Ковальова.* Сільскі звіздарі.—*М. Коцюбінського.* На камени.—*К. Гринєвичової.* Вікна.

І. Ф. Микола Ленау.—*Із поезий М. Ленау* перекл. П. Грабовського.—*Е. Золя.*—Правда, виемки з останньоі повісти, перекл. І. Франка.—*М Драгоманова.* Украінське письменство 1866—1873 рр.—*В. Олехновича.*—Раси Европи і іх історичні взаємини, перекл. В. Г.—*С. Павленка.* Р. Вірхов—громадський діяч.—*Новини нашої літератури:* За кадильну, оповідане Д. Лукіяновича, оцінка Н. Кобринськоі.

Хроніка і бібліографія.

Із поезий Козачки: I. Зісланому борцеви. II. З приводу розрухів.—*Три сонети Гіркого.*—*Из поезий Павла Гробовського:* На позичені мотиви.—*Ів. Франка:* На старі теми.

Г. Хоткевича: Різдвяний вечір, оповіданне.

С. Ковальова: Сільські звіздарі, спомини.

Лисака-Тамаренка.—З житя духовноі особи, оповиданне. *Е. Золя:* Правда, виемки з останньоі повісти, перекл. І. Франка.

Із поезий Конради Ф. Маєра: I. Теснезій. II. Шіллерів похорон. III. Нідерландський маляр, перекл. І. Франка.—*М. Драгоманова:* Украінське письменство 1866—1873 р.р., недрукована праця, перек. М. П.—*С. Павленко:* Р. Вірхов—громадський діяч. *Над свіжими могилами:* I. Памяти Т. Рильського, І. Франка; II. Спомини про О. Я. Кониського, П. С.; III. Памяти О. Терлецького, Я. О—ського.—*М. Грушівського:* В справі «Академічного Дому».

Хроніка і бібліографія.

Biblioteka Warszawska. Grudzień 1902. (Tom IV. zeszyt 3.

W przedaniu katastrofy—Galicya w roku 1846. przez d-ra *Bronisława* Lozisńkiego (глава II).

Посвятивши довольно обширное мѣсто общей характеристикѣ государственной системы дореформенной Австріи и охарактеризовавъ достаточно подробно дѣятельность Метерниха, авторъ переходитъ къ галицкимъ дѣламъ, гдѣ усматриваетъ покровительство крестьянскому возстанію со стороны правительства, видѣвшаго въ немъ конецъ революціи. Отмѣтивши нѣкоторое благоволеніе къ польской шляхтѣ, проявленное намѣстникомъ кн. Лобковицемъ, авторъ черными красками характеризуетъ галицкую администрацію, которой приписываетъ сознательное возбужденіе крестьянской рѣзни при благосклонномъ бездѣйствіи военной силы. Главную причину преступной пропаганды бюрократическихъ сферъ d-r Losiński видитъ въ панщинныхъ отношеніяхъ, которыя представляются ему въ розовомъ свѣтѣ. Прибѣгнувъ къ помощи нѣмца Hosch'a, чтобы доказать полную неосновательность и предвзятость мысли, что «шляхта польская живетъ главнымъ образомъ эксплоатаціей (zdzierstwa) подданныхъ, что она ихъ притѣсняетъ и гнететъ», г. Loziński изливается въ сожалѣніяхъ о несчастной участи угнетеннаго тогда «żywiołu polskiego», изображенію горькой доли котораго и посвящена главнымъ образомъ статья. Жаль, что авторомъ оставлены въ тѣни именно панщинныя отношенія, тяжелой для народа ненормальности которыхъ суждено было сыграть не послѣднюю роль среди причинъ въ этой грустной исторіи.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ «Кіевлянинѣ» (№ 335) помѣщена обширная замѣтка г. Т. Ф., посвященная съѣзду «русской», какъ выражается авторъ, молодежи во Львовѣ. Замѣтка полна прискорбія и ламентацій по поводу энергичной дѣятельности «украинофильской» партіи, поддерживаемой будто-бы поляками (!), и комплиментовъ по адресу «русско-народной»— «всѣми гонимой, преслѣдуемой, постоянно подозрѣваемой въ измѣнѣ за выражаемыя ею симпатіи къ Россіи, на каждомъ шагу стѣсняемой въ главной своей дѣятельности по распространенію знанія русскаго литературнаго языка и русской литературы». Изложивъ причины розни между студентами обѣихъ партій («украинофилы», видите-ли, «не могли воздержаться отъ выраженія ненависти къ своимъ товарищамъ единственно за то, что послѣдніе не признаютъ самостоятельности и само-

бытности малорусской вѣтви русскаго народа и не раздѣляютъ ихъ мечтаній о созданіи «украинскаго государства на соціалистическихъ основахъ, безъ хлопа и пана»), авторъ переходитъ къ обзору дѣятельности съѣзда студенческой молодежи москвофильскаго направленія. Изъ постановленій съѣзда, кромѣ обычныхъ пожеланій «пріобщиться къ общерусской культурѣ», обращаютъ на себя вниманіе требованіе съ одной стороны основанія во Львовѣ русскаго университета и преобразованія существующаго Черновецкаго въ румыно-русскій, что́ въ Галичинѣ уже само собою является политическимъ шагомъ; а съ другой—рѣшительное якобы уклоненіе отъ политической дѣятельности. Вообще, восторженный тонъ замѣтки г. Т. Ф. также мало гармонируетъ съ результатами дѣятельности «русско-народной» партіи, какъ и панегирическій отзывъ того же автора и въ томъ же органѣ о „Живой Мысли"—достоинствамъ новаго журнала.

Въ «Волыни» № (289) помѣщенъ очеркъ жизни и дѣятельности Θ. Р. Рыльскаго, составленной на основаніи статьи, помѣщенной въ нашемъ журналѣ. Подобный же очеркъ появился и въ одной изъ кіевскихъ газетъ («Кіевское Слово»).

Въ газетѣ „Волынь" (№ 256) помѣщена исторія деревни Чухели, староконстантиновскаго уѣзда, подъ заглавіемъ «Страница изъ исторіи Волыни».

Драматической цензурой разрѣшена къ представленію новая пьеса на украинскомъ языкѣ „Не убій", принадлежащая перу г. Щоголева (Тогобочнаго). («Югъ», № 1349).

Цензурой разрѣшенъ къ печатанію сборникъ г. Вороного «Зъ надъ хмаръ и зъ долынъ», состоящій преимущественно изъ произведеній молодыхъ украинскихъ писателей.

Въ „Литературномъ Обозрѣніи", помѣщенномъ въ „Приднѣпровсромъ Краѣ" (№ 1655) между прочимъ данъ обзоръ содержанія нашего журнала за ноябрь. Обзоръ обращаетъ на себя вниманіе нѣкоторыми странностями. Такъ, напр., авторъ ставитъ намъ въ упрекъ, что „Кіевская Старина" сціализировалась исключительно на старинѣ „малороссійской", а затѣмъ черезъ столбецъ уже оказывается, что „въ „Кіевской Старинѣ"—не все рѣчь о старинѣ". Затѣмъ автору статьи о Морачевскомъ совершенно неосновательно приписано мнѣніе о Морачевскомъ,

какъ о выдающемся малорусскомъ писателѣ.—Эти и другія странности, вплоть до невѣрнаго цитированія даже заглавій, помѣщенныхъ въ нашемъ журналѣ статей, обнаруживаютъ, что авторъ обозрѣваетъ литературныя явленія на лету, не давая себѣ труда внимательнѣе отнестись къ нимъ.

Въ «Южномъ Краѣ» (№ 7559) помѣщена небольшая библіографическая замѣтка по поводу недавно вышедшаго II-го тома «Повного збирныка творивъ» М. Л. Кропивницкаго. Отзывъ въ общемъ сочувственный.

Въ „Вѣстникѣ Юга“ (№ 287) помѣщена рецензія на сборникъ г. Конощенка „Украинськи писни зъ нотами“.

Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№№ 337 и 341) помѣщены въ русскомъ переводѣ „Очерки Василя Стефаника“: „Проба“, „Письмо“ и „Подпись“.

Въ „Орловскомъ Вѣстникѣ“ напечатанъ переводъ разсказа г-жи Яновской „Смерть Макарыхы“, авторство котораго приписанно переводчикомъ почему то М. К. Заньковецкой. Разсказъ, принадлежащій якобы популярной украинской артисткѣ, начали было перепечатывать и другія газеты („Одесскій Листокъ“, „Югъ“ и „Донская Рѣчь“), но послѣ письма г-жи Заньковецкой, указавшей въ „Одесскомъ Листкѣ“ истиннаго автора, печатаніе разсказа названными газетами было прекращено („С.-Петербургскія Вѣдомости, № 327).

По поводу второй годовщины смерти А. Я. Кониcскаго нѣкоторыми газетами („С.-Петербургскія Вѣдомости“ № 327—„Памяти А. Я. Кониcскаго“, статья г. Лотоцкаго, „Волынь“ № 257—„Памяти человѣка великой души“ М. П. и въ № 264—„Еще по поводу смерти А. Я. Кониcскаго“, „Кіевское Слово“ № 5353 „Памяти А.Я. Кониcскаго“ М. П.) помѣщены сочувственныя статьи о покойномъ, въ которыхъ отмѣчены его заслуги передъ родиной. Между прочимъ „Волынь“ сообщаетъ, что въ Одессѣ уже напечатанъ и на дняхъ выйдетъ въ свѣтъ четвертый томъ сочиненій (на украинскомъ языкѣ) покойнаго писателя.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Бурчак В.—Матура. Новелі. Стр. 90. У Львові, 1902. Ц. 1 кор.

Боровиковський Лев—Маруся. Українська баляда. Видав і пояснив Ів. Франко. Літ-Наук. Бібліотека, ч. 40. Стор. 46. У Львові, 1902. Ціна 25 сот.

Вітик С.—Що далій робити? Відозва в справі великого стрейку хлопського. Стр. 72. У Львові, 1902. Ціна 20 сот.

Герц Фр.—Земельне питане а соціялізм. Переклав. М. Левіцький. Бібліотека для суспільних наук. Ч. 2. Стор. VI+52. В Черніцяхъ, 1902. Ціна 40 сот.

Гнатюкъ В.—Угро-руські духовні вірші. Відбитка з «Записок Наук. Т-ва ім. Шевченка». Стор. 272. У Львові, 1902. Ц. 2. 50 кор.

Гринченко Б.—Оповидання про Квитку-Основяненка. Харьковъ, 1902 г.

Данте Алігері.—Пекло. Пісні I—X. Переклав. В. Сивенький. Літ.-Наук. Бібліотека, ч. 41—42. Стор. 84. У львові, 1902. Ц. 40 сот.

Заболотскій П. А.—Н. В. Гоголь въ русской литературѣ (библіографическій обзоръ), Стр. 104 in 8°. Кіевъ, 1902.

Катерина.—Опера в 3 актах. Музика Н. Аркаса, лібретто по Т. Шевченку. Стор. 52. У Львові, 1902.

Косичъ М.—Литвины-бѣлоруссы Черниговской губ. СПБ. 1902.

Кравченко В.—Буденне жите. Психольогічні малюнки. Беллетристична Бібліотека, ч. 43. Стор. 306. У львові, 1902 г. Ціна 2 кор.

Кропивницький М.—Пісні в лицях. Народня опера у 3 діях. Музика Порошина. Стор. 52. У львові 1902.

Кропивницький М.—Повный Збирныкъ Творивъ. т. II Стр. 189 Харьковъ, 1093. Цина 1 р. 50 к.

Ливицкій Эвг.—Розправа над руским страйком в державній раді. Стор. 208. У Львові. Ціна 30 сот.

Левицькый Ив.—Зъ давнихъ часивъ. Про гетьмана Б. Хмельныцького. Стор. 31. Харьковъ, 1902.

Лепкий С.—Театер а народ. Розвідка, Народна Бібліотека, ч. I. Стор. 8. У Львові, 1902. Ціна 6 сот

Литературный збирныкъ, зложеный на спомынъ Олександра Кониського. Стор. 401. У Кыиві, 1903. Цина 2 руб.

Лопатинський Л.—Праця, комедія в 3 актах. Стор. 148. У Львові, 1902. Ціна 2 кор.

Мандибур Т.—Льогіка для VII кл. гімназияльноі. Стор. 108+VI. У Львові, 1902. Ціна 1.80 кор.

Народный декляматоръ.—Стр. 312. В. Коломиі, 1903. Ціна 1.20 кор.

Олехнович В.—Раси Европи і іх історичні взаемини. Переклав В. Гнатюкъ. Літ-Наук. Бібліотека, ч. 43—45 Стор. 144. У Львові, 1902. Ціна 70 сот.

Охнич М.—Туберкульоза у людий і зьвірят. Стор. 64. В. Коломиі Ціна 60 сот.

Савеловъ Л. М.—Донскіе дворянскіе роды. Стр. 173 in 8⁰. Москва, 1902 г.

Sembratowycz R.—Polonia irredenta. Стор. 158. Frankfurt am Main, 1903. Ціна 2 марки.

Степовичъ А.—XII археологическій съѣздъ въ г. Харьковѣ. Стр. 25. Кіевъ, 1902.

Тен Г.—Фільософія штуки. Переложив О. Барвінський. Друге видане. Наукова Бібліотека, ч. 10. Стор. 97. У Львові, 1902. Ціна 1 кор.

Терлецький О.—Москвофіли і народовці в 70-х рр. Літ.-Наук. Бібліотека, ч. 37. Стор. IV+64. У Львові, 1902. Ціна 30 сот.

Тургенев Ів.—Ася, Оповидане. Переклала М. Грушевська. Літ.-Наук. Бібліотека, ч. 38—39. Стор. 90 У Львові, 1902. Ціна 40 сот.

Фльобер Г.—Іродіяда. Перекладъ М. Грушевського з додатком статі про Фльобера Літ.-Наук. Бібліотека, ч. 36. Стор. 72. У Львові, 1902. Хіна 30 сот.

Федькович О.—Писаня. Перше повне і критичне видане під редакціею О. Колесси і Ів. Франко. Т. II (повісти і оповиданя), стор. XII+495, ціна 4 кор. Т. III ч. I (драматичні переклади), стор. XIII+532, ціна. Вид. Товариства ім. Шевченка. У Львові, 1902.

Франко Ів.—Лукян Кобилиця. Епізод. із історіи Гуцульщини в першій половині XIX в. Відбитка з Запысок Наук. Т-ва ім Шевченка Стор. 40. У Львові, 1902`Ціна 40 сот.

Франко Ів.—Козак Плахта. Відбитка з Записок Наук. Т-ва ім. Шевченка. Стор. 28. У Львові, 1902. Ціна 30 сот.

Хроніка українсько-руського Наукового Товариства імени Шевченка у Львові. Вип. III, ч. 11. (май-серпень 1902). Стор. 24. У Львові, 1902. Ціна 40 сот.

Шевченко Т.—Катерына. № 26. У Кыиви, 1902. Цина 2 кор.

Школа народна. Ч. VI. Стор. 216. У Львові, 1902. Ціна 1 кор.

Яцків М.—Огні горять. Повість. Стор. IV+176. У Львові, 1902. Ціна 2.50 кор.

За Редактора *Т. В. Локоть.* Издательница *В. М. Антоновичъ.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ: за строку петита или ея мѣсто въ одинъ столбецъ: на первой страницѣ—20 коп., послѣ текста—10 коп. При многократныхъ объявленіяхъ дѣлается уступка.

За разсылку при газетѣ приложеній—по 8 рублей съ тысячи вѣсомъ не болѣе одного лота каждое.

Редакція и главная контора помѣщаются на Екатерининскомъ проспектѣ, въ д. Немировскаго (противъ Городского сада).

ОБЪ ИЗДАНІИ КІЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ въ 1903 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университескаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностью Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универ. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и посторонних слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы дисертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п.. а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя. пробныя. публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—о ф ф и ц і а л ь н у ю и протоколы, отчеты и т. п. 2)—н е о ф ф и ц і а л ь н у ю (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ. состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки. списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

«*Университетскія Извѣстія*» въ 1903 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ «*Извѣстій*» безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе «*Университетскихъ Извѣстій*» 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается

«Университетскія Извѣстія» высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. О г л о б л и н у въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4. и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же. или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ *В. Иконниковъ.*

24 №№ особаго иллюстрированнаго журнала прикладныхъ знаній и новѣйшихъ изобрѣт., п. н. «МОЗАИКА», съ хроникою самообразованія и справочнымъ отдѣломъ.

52 №№ еженедѣльн. журнала «ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ», иллюстриров. вѣстника отчизновѣдѣнія, исторіи, культуры, государственной. общественной и экономической жизни Россіи.

52 №№ еженедѣльнаго обзора текущей русской жизни п. н. «ВРЕМЕННИКЪ ЖИВОПИСНОЙ РОССІИ». представляющаго собою полную еженедѣльную газету.

12 №№ ежемѣсячнаго журнала романовъ, повѣстей, разсказовъ, историческихъ очерковъ и проч. для семейнаго чтенія, п. н. «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА», и *ВЕЛИКОЛѢПНЫЯ БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ, состоящія изъ 12* изящно переплетенныхъ книгъ «БИБЛІОТЕКИ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ», въ составъ которыхъ войдутъ 6 томовъ сочиненій Д. И. СТАХѢЕВА въ *6 переплетахъ*, заключающіе въ себѣ, между прочимъ: 4 большіе романа, 3 большія повѣсти, нѣсколько разсказовъ и другихъ мелкихъ произведеній. 6 томовъ сочиненій С. СМАЙЛЬСА въ *6 переплетахъ*, заключающіе въ себѣ слѣдующія произведенія: «Характеръ», «Бережливость», «Самодѣятельность», «Долгъ», «Жизнь и трудъ» и «Вѣчный труженикъ». Кромѣ того, независимо отъ всѣхъ перечисленныхъ изданій и премій, гг. подписчики получатъ *безплатно* ДВА ЦѢННЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗДАНІЯ, а именно:

1) Графъ Л. Н. Толстой

въ изображеніяхъ живописцевъ, скульпторовъ и граверовъ, русскихъ и иностранныхъ, фотографическихъ портретахъ, снятыхъ въ разныхъ періодахъ его жизни, картинахъ, медаляхъ, рисункахъ, автографахъ, предметахъ, связанныхъ съ его именемъ и пр. и пр., хранящихся въ общественныхъ музеяхъ, библіотекахъ и коллекціяхъ частныхъ собирателей, въ Россіи и за границею, съ приложеніемъ мыслей и изреченій великаго писателя.

2) Русскій Музей Императора Александра III

Роскошное изданіе, содерж. свыше *120 картинъ*, съ описательнымъ текстомъ Н. Корсакова.

Годовая подписная цѣна «Новаго Міра» на *веленевой* бумагѣ, со всѣми объявленными приложеніями и безплатными преміями, съ доставкой и пересылкою въ Россіи—*14 р.* Съ пересылкой за границу—*24 р.*

Гг. подписчики, желающіе получить «Новый Міръ» на *слоновой* бумагѣ, уплачиваютъ за годовое изданіе журнала, съ упомянутыми приложеніями, вмѣсто 14 р.—*18* руб.; съ пересылкой за границу, вмѣсто 24 р.—*28* руб.

Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ не менѣе 2 р. и ежемѣсячно не менѣе 1 р., съ тѣмъ, чтобы вся подписная сумма была уплачена полностью не позже 10 декабря 1903 г.

Гг. подписчики, взамѣнъ сочиненій Д. И. Стахѣева и Самуила Смайльса, могутъ, по желанію, получить на выборъ *одно* изъ слѣдующихъ собраній сочиненій: или а) собраніе сочиненій *И. И. Лажечникова* въ *12* томахъ, или б) собраніе сочиненій *Архіепископа Иннокентія* въ *12* томахъ, или в) собраніе сочиненій *Генриха Гейне* въ *12* томахъ, или-же г) собраніе сочиненій *В. И. Даля* (Казака Луганскаго) въ *10* томахъ. Каждое изъ этихъ собраній будетъ выслано въ изящно *переплетенномъ* видѣ.—Интересующіеся-же сочиненіями *Д. И. Стахѣева* могутъ получить въ 1903 году *все собраніе сочиненій* этого писателя въ *12* изящно *переплетенныхъ* томахъ, при чемъ лишніе шесть томовъ будутъ высланы, взамѣнъ объявленныхъ шести томовъ сочиненій Смайльса.—О ВЫБОРѢ ПРЕМІИ просятъ гг. подписчиковъ заявлять *при самой подпискѣ.*

Подписка на «НОВЫЙ МІРЪ» принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ: въ С.-Петербургѣ, Гостинный Дворъ, 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, д. Джамгаровыхъ, а также во всѣхъ прочихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 лин., д. № 5—7.

комъ смыслѣ слова.—Второй отдѣлъ—**„Временникъ живописной Россіи“—является серьезной еженедѣльной газетой,** имѣющей цѣлью дать интеллигентному читателю въ живомъ и исключительно фактическомъ изложеніи точное и правдивое изображеніе того, какъ живетъ Россія въ настоящемъ.

Оба отдѣла «Живописной Россіи», занимающіе, какъ по новизнѣ своей программы, такъ и по средствамъ ея достиженія, совершенно обособленное положеніе въ семьѣ русской печати, даютъ читателю возможность обогатить свои познанія необходимымъ для каждаго русскаго человѣка изученіемъ родины въ ея прошломъ и настоящемъ и слѣдить, съ небольшой затратой времени, за текущей государственной, общественной, экономической и умственной жизнью Россіи.

„ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ“ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Такимъ образомъ, каждый подписчикъ получитъ въ теченіи года:
52 №№ ИНТЕРЕСНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА и
52 №№ ВРЕМЕННИКА «ЖИВОПИСНОЙ РОССІИ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА «Живописной Россіи» на годъ съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи **5 р.**, за границу на годъ **8 руб.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА, причемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 рублей, остальныя же деньги могутъ высылаться черезъ каждые два мѣсяца по 1 рублю.

Подписная цѣна «Живописной Россіи» совмѣстно съ двухнедѣльнымъ иллюстрированнымъ журналомъ *«Новый Міръ»* на веленевой бумагѣ съ безплатными къ нему приложеніями: 24 №№ *«Мозаики»*, 12 кн. *«Литературныхъ Вечеровъ»*, 24 №№ *«Всемірной Лѣтописи»*, *двѣнадцатью изящно переплетенными* книгами *«Библіотеки Русскихъ и Иностранныхъ Писателей»*, въ составъ которыхъ въ 1903 г. входятъ: 6 томовъ сочиненій *Д. И. Стахѣева* и 6 томовъ сочиненій *С. Смайльса*, и двумя роскошными художественными изданіями-альбомами *«Гр. Л. Н. Толстой»* и *«Русскій музей Императора Александра III»*, съ доставкой и перес.: въ Россіи *14* руб., за границу *24* руб.—Желающіе получать «Новый Міръ» на слоновой бумагѣ (вм. веленевой) уплачиваютъ за всѣ названныя изданія, съ дост. и перес.: въ Россіи, вм. 14 р.—*18* р., за границу вм. 24 р.—*28* р.— Разсрочка платежа допускается отъ 2 р. при подпискѣ и ежемѣс. не менѣе 1 р. съ тѣмъ, чтобы вся подписная сумма была уплочена полностью не позже 10 декабря 1903 г.

Отдѣльные №№ «Живописной Россіи» продаются по 15 к., съ перес. по 20 к. (можно почтовыми марками).

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ: С.-Петербургъ, Гостинный Дворъ, 18, и Москва, Кузнецкій Мостъ, 12, а также во всѣхъ прочихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 л., д. 5—7.

2—3

(химія), *В. Передольскій* (антропологія), проф. *Л. Петражицкій* (юрид. науки), проф. *С. Ф. Платоновъ* (исторія), *Э. Реклю* (географія), *Е. де-Роберти* (философія), *Н. Родзевичъ* (исторія права), прив.-доц. *Н. Рожковъ* (исторія и экономія), проф. *Л. Саккетти* (исторія искусства), прив.-доц. *В. Таліевъ* (ботаника), проф. *М. Тамамшевъ* (исторія), проф. *Ф. Трачевскій* (исторія), *В. Тотоміанцъ* (полит. экон.), *Ѳ. Е. Туръ* (физіологія), *М. Филипповъ* (философія и истор. литер.), *А. Финнъ* (полит. экон.), проф. *О. Хвольсонъ* (физика), проф. *Н. Холодковскій* (зоологія), проф. *В. Шимкевичъ* (зоологія) и мн. др.

Въ отдѣлѣ: «Народный Университетъ» (для САМООБРАЗОВАНІЯ) принимаютъ участіе учредители русской парижской школы Общественныхъ наукъ: проф. *Ю. Гамбаровъ*, проф. *Максимъ Ковалевскій*, проф. *М. Томашевъ, Е. де-Роберти*, члены одесскаго лекціоннаго комитета и другіе ученые.

Въ этомъ отдѣлѣ будутъ напечатаны въ 1903 г., между прочимъ, слѣдующіе курсы и сочиненія: Проф. *Лассаръ-Копъ.* Химія обыденной жизни. (Съ рис.). Д-ръ *Гааке.* Строеніе и жизнь животнаго (Съ рис.).— *Тиндаль.* Теплота, какъ родъ движенія. (Съ рис.). *Б. Латкафель.* Африканскія и американскія расы. Съ дополненіями В. Передольскаго. (Съ рис.). Проф. *М. Тамамшевъ.* Багдадскій халифатъ. Исторія арабовъ. *Летурно.* Психологія народовъ. Проф. *Е. Бемъ-Баверкъ.* Критика теорій эксплуатаціи и, въ частности, теоріи Маркса. *Тиндаль.* Звукъ (съ рис.). *Таръ.* Первобытное общество. (Съ предисл. *М. Ковалевскаго.* Систематика животныхъ: *Бау.* Руководство къ опредѣленію жуковъ, пер. под. ред. *Н. Холодковскаго.* (Съ рис.).— Кромѣ того:

I. Шерръ. Всеобщая исторія литературы.

Новое русское изданіе, переработанное и значительно дополненное относительно новѣйшей эпохи, подъ ред. *М. Филиппова.* Со многими *рисунками и портретами.* Въ 1903 году, изъ этого извѣстнаго труда будетъ помѣщенъ *первый томъ*, представляющій вполнѣ законченное цѣлое (литературы Востока, Эллады, Рима, французская, итальянская, испанская и др. романскія).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ безъ доставки въ Спб. 7 р. Съ доставкой и пересылкою по всей Россіи 8 р. Разсрочка по ДВА рубля за четверть года. За границей 10 р. Адресъ Главной Конторы: Спб., *Улица Жуковскаго (Малая Итальянская). д. 37.*

Допускается разсрочка отъ **2 руб**. (черезъ каждые 2 мѣсяца). За границу доплачивается **2 руб**. за пересылку. **Всѣ подписчики «Южныхъ Записокъ»** могутъ получить за **3 руб. 50 коп**. роскошное иллюстрированное изданіе (по мѣрѣ выхода въ свѣтъ въ теченіе года) ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ ЗНАМЕНИТАГО НѢМЕЦКАГО ПОЭТА **ГЕНРИХА ГЕЙНЕ** въ *12 изящныхъ томахъ*, въ переводѣ извѣстныхъ русскихъ писателей, съ *500* превосходныхъ иллюстрацій, взятыхъ изъ рѣдкаго изданія Бензингера, стоющаго за границей *40 руб.* Подписавшіеся на соч. ГЕЙНЕ съ разсрочкой уплачиваютъ при подпискѣ *1 руб. 50 коп.* и черезъ каждые 2 мѣсяца по *1 руб.* Иногородніе доплачиваютъ 1 р. за пересылку книгъ.

Подписка и объявленія принимаются: въ Одессѣ исключительно въ Главной Конторѣ Журнала, Ришельевская, д. № 6 (при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени»). Въ другихъ городахъ—во всѣхъ книжныхъ магазинахъ—(скидка 50 к. съ годов. экз.).

Первый № «ЮЖНЫХЪ ЗАПИСОКЪ» выйдетъ въ серединѣ декабря.

Адресъ редакціи: г. Одесса, Почтовая 6.

Редакторъ-издатель д-ръ мед. **И. Ѳ. Сабанѣевъ.**

1—3

Съ 1901 г. **„Чтенія въ Историч. Общ. Нестора-лѣтописца“** выходятъ ежегодно въ четырехъ выпускахъ, которые составляютъ одну книгу. Цѣна ей, при подпискѣ на всѣ 4 выпуска, **5 руб**. съ пересылкой; цѣна же каждаго выпуска въ отдѣльности 1 **руб. 50 коп** съ пересылкой.

Продажа I-й и III-й книгъ, оставшихся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, прекращена.

Цѣна IV-й и V-й книгъ по 2 р. 50 к., ц. VI-й —3 р. 50 к., ц. II, VII, IX, XIII—3 р., ц. VIII, X, XI—2 р., ц. XII—4 р., ц. XIV, вып. 1—1 р. 25 к., ц. 2 и 3 в.—1 р. 40 к., ц. XV кн. 1, 2, 3 и 4 в.—1 р. 50 к., ц. XVI кн. 1—3 в. (Гог. сб.)—4 р. 50 к., ц. XVI кн. вып. 4—1 р. 50 к.—Каждая съ пересылкой.

II-й отдѣлъ II-й книги имѣется и въ отдѣльномъ оттискѣ подъ заглавіемъ: **„Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси“**. Цѣна 1 рубль.

„Труды III-го археологическаго съѣзда“, два тома in-4°, съ атласомъ и указателемъ выставки. Кіевъ, 1878 г. Цѣна 15 р. (вмѣсто 25 р.), съ пересылкой.

„Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева“ (съ 2 рис.) К. 1897 г. Цѣна 75 коп.

„25-лѣтіе Историческаго общества Нестора-лѣтописца“ (Рѣчь и историческая записка Н. П. Дашкевича). К. 1899 г. Цѣна 75 к.

—

Съ подпиской и письменными требованіями относительно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра**, съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

каго рода, званія и положенія, съ серьезными требованіями къ литературѣ.

Ежемѣсячное изданіе «НОВАГО ДѢЛА» представляетъ собою литературный журналъ съ критическимъ отдѣломъ, какъ-бы самостоятельное ежемѣсячное изданіе, посвященное тѣмъ сторонамъ жизни, которыя не входятъ въ область интересовъ дня. ОСОБЫЕ ОТДѢЛЫ, посвященные русской и иностранной журналистикѣ, даютъ читателю возможность слѣдить за движеніемъ мысли и литературы въ Россіи и за границей.

Еженедѣльная общественно-политическая газета „НОВОЕ ДѢЛО", вмѣстѣ съ книжками «НОВАГО ДѢЛА», охватываетъ всѣ вопросы и интересы текущей жизни. Кромѣ общихъ руководящихъ общественно-политическихъ статей, помѣщаются руководящія же статьи по очереднымъ практическимъ вопросамъ, тщательно обработанная хроника законодательной, земской и общественной дѣятельности, политическія извѣстія и обзоры текущей заграничной жизни; извѣстія обо всемъ новомъ, что дѣлается въ наукѣ; подробныя сообщенія о новыхъ книгахъ, обстоятельныя статьи общекультурнаго, бытового, общественно-житейскаго и популярно-научнаго характера; корреспонденціи; замѣтки о живописи, музыкѣ и театрѣ. Особенное вниманіе удѣляется явленіямъ мѣстной русской такъ называемой «провинціальной» жизни.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на ежемѣсячный журналъ или еженедѣльную газету *отдѣльно* на годъ—*7* руб., на 6 мѣс.—*3* руб. *50* коп., на 3 мѣс.—*1* руб. *75* коп., съ пересылкой. То же, съ приложеніемъ еженедѣльной газеты на годъ—*10* руб., на 6 мѣс.—*5* руб., на 3 мѣс.—*2* руб. *50* коп., на 1 мѣс.—*85* коп. съ пересылкой. За границу на *3* руб. въ годъ дороже. *Книгопродавцамъ уступка.* Гг. иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи (Гончарная, д. 10, С.-Петербургъ), гдѣ принимаются объявленія.

Адресъ редакціи и конторы: *С.-Петербургъ, Гончарная, 10.*

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: кромѣ конторы редакціи, также и въ отдѣленіи конторы „НОВАГО ДѢЛА", при книжныхъ магазинахъ „Новаго времени", Н. П. Карбасникова, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ и др. магазинахъ. Въ Кіевѣ у Н. Я. Оглоблина, въ Москвѣ въ конторѣ Печковской.

Редакторъ-издательница *А. Н. Пѣшкова-Толивѣрова.*

2—3

ныя свѣдѣнія. 13) Портреты, рисунки къ тексту. 14). Стороннія извѣстія (рекламы) 15) Казенныя и частныя объявленія.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на 1903 годъ.

На годъ *7 р.,* на 9 мѣс. *6 р.* на 6 мѣс. *4 р.* на 3 мѣс. *2 р.* на 1 мѣс. *75 к.*

Подписка *на 1903 годъ* и объявленія принимаются: 1) въ Главной Конторѣ и 2) въ книжныхъ магазинахъ и кіоскахъ.

Заграничные подписчики къ подписной цѣнѣ приплачиваютъ за каждый мѣсяцъ по 60 коп.

За перемѣну адреса 40 коп., при чемъ необходимо сообщать заблаговременно прежній и новый адресы. О каждой перемѣнѣ адреса просятъ сообщать отдѣльно.

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца и не далѣе, какъ до конца года.

Плата за объявленія: впереди текста первый разъ по 40 коп., со строки, а послѣдующія по 20 к.; позади текста первый разъ 20 к. со строки, а послѣдующіе по 10 к. съ печатной строки.

Иногороднихъ просятъ адресоваться въ главную контору «Кіевской Газеты» Б.-Владим. ул. № 34.

Адресъ Главной конторы: Кіевъ, Б.-Владимірская ул. № 34. Телефонъ Главной Конторы: № 1276.

Издатели: *С. Я. Богдановъ, А. Ф. Френкель.*

Редакторъ *А. Ф. Френкель.*

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1903 годъ

на новый ежемѣсячный литературный, историческій и научный журналъ

„Всемірный Вѣстникъ"

Общее направленіе журнала остается тѣмъ же, что было въ «Вѣстникѣ всемірной исторіи» (т. е. общественно-прогрессивнымъ), полнымъ правопреемникомъ котораго явится «Всемірный Вѣстникъ». Литературно-историческія задачи изданія настолько выяснились за $2^1/_2$ годовой періодъ существованія журнала, что намъ, которые вели В. В. И. впродолженіе этого періода, нѣтъ необходимости повторять о нихъ.

Не рекламируя изданія и не указывая на его предполагаемое содержаніе, Редакція всегда стремилась къ тому, чтобы книги журнала представляли собой значительный литературный интересъ. *Мы не будемъ указывать на то, что дадимъ, напомнимъ лишь о томъ, что мы уже напечатали.* Изъ трудовъ, помѣщ. въ В. В. И., позволимъ себѣ, переименовать слѣд.: проф. *Максимъ Ковалевскій:* «Эволюція собственности», «Рабочій вопросъ въ средніе вѣка», Почитаніе предковъ у Кавказскихъ народовъ»; проф. *М. А. Рейснеръ:* «Языческій Римъ и христіанская совѣсть», «Католичество и религіозная нетерпимость въ средніе вѣка»; проф. *А. С. Трачевскій:* «Наполеонъ I»—истор.-біогр. оч., «Міръ Ислама», «Французскіе интенданты»; проф. *Н. П. Лихачевъ:* «Антоній Поссевинъ и Истома Шевригинъ»; проф. *Н. М. Коркуновъ:* «Четыре проекта преобразованія Сената»; проф. *С. Ѳ. Платоновъ:* «О титулѣ «думный дьякъ»; проф. *Г. А. Комаровскій:* «Англія и Трансвааль»; проф. *П. И. Ковалевскій:* «Христина, королева Шведская»—ист.-психолог. оч.; проф. *Э. Марксъ:* «Королева Елисавета Англійская и ея время»; проф. *И. Н. Ждановъ:* «Пушкинъ о Петрѣ Великомъ»; *В. М. Грибовскій:* «Алмазъ изъ рода Гиреевъ»—романъ, «Процессъ братьевъ Пушкиныхъ», «Деревенскій Грозный старыхъ временъ»; проф. *Ѳ. О. Зелинскій:* «Первое свѣтопреставленіе»; *Д. Л. Мордовцевъ:* «За всемірное владычество»—ист. ром.; *В. Я. Свѣтловъ:* «Даръ слезъ»—ром., «Венецейская лагуна», ром.; *Д. Ѳ. Кобеко:* «Директоръ Царскосельскаго лицея Е. А. Энгельгардтъ и его питомцы»; *Н. К. Шильдеръ:* «Къ исторіи Шкловской командировки Г. Р. Державина въ 1799 г.»; *Э. Вестермаркъ:* «Матріархатъ»; *Л. Е. Оболенскій:* «Механизмъ идеала въ исторіи»; *А. А. Хахановъ* «Прошлое Грузіи»; *П. О. Пирлингъ:* «Сорбонна и Россія»; *Батуринскій:* «Герценъ и Тургеневъ» (переписка Г. съ Т.); *В. С. Соловьевъ:* «Воскресное письмо»; *Іосибуми Куроно:* «Принцъ Ммая-до»—оч. изъ ист. Японіи; *К. Каутскій:* «Очерки по исторіи культуры», «Парламентаризмъ и партіи въ Англіи», «Общественныя отношенія во Франціи въ концѣ прошлаго вѣка»; *I. I. Ясинскій:* «Очерки захолустной жизни»; *В. Смоленскій:* «Исторія польскаго народа»—и мн. др. Редакція главнымъ образомъ обращаетъ вниманіе на интересъ содержанія и художественность воспроизведенія беллетристическихъ, историческихъ и научныхъ статей, помѣщаемыхъ въ журналѣ. Обѣщали свое участіе многіе выдающіеся писатели, ученые и другіе художественные и общественные дѣятели. Въ портфелѣ Редакціи имѣется нѣсколько интересныхъ произведеній, съ которыми она предполагаетъ ознакомить своихъ подписчиковъ, между ними рядъ статей: *К. И. Арабажина,* кн. *В. В. Барятинскаго, Батуринскаго, А. М. Бобрищева-Пушкина,*

Б. П. Бурдесъ, Н. А. Гастфрейндъ, С. Ѳ. Годлевскаю, Е. В. Давыдова, И. И. Забрежнева, И. М. Иванова, проф. *Максима Ковалевскаго,* проф. *П. И. Ковалевскаго, Е. Н. Лебедевой, В. Н. Никитина, Н. К. Никифорова,* проф. *В. П. Перетца, Н. А. Попова, І. В. Радзивилловича,* проф. *М. А. Рейснера, Н. Ѳальева, Н. Б. Хвостова, Вс. Чешихина* и мн. др. Затѣмъ будетъ данъ рядъ художественныхъ переводовъ съ иностранныхъ языковъ подъ ред. *А. М. Бобрищева-Пушкина.* Редакція будетъ слѣдить за ходомъ литературы и науки всего міра и по мѣрѣ появленія выдающихся трудовъ въ этой области будетъ знакомить съ ними своихъ читателей. Подписчики получатъ въ теченіе года двѣнадцать книжекъ (около 300 стр. въ каждой) съ иллюстраціями; при каждой книжкѣ будетъ дано не менѣе двухъ приложеній съ особой послѣдовательной нумераціей страницъ. Никакихъ особыхъ премій не будетъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ **6** руб., на полгода **3** руб., за границу на годъ **9** руб.

Допускается разсрочка по 50 коп. въ мѣсяцъ. Для ознакомленія съ журналомъ высылается книжка за 50 к. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція и Контора: С.-ПБ., Дмитровскій пер., 15.

Редакторъ-Издатель **С. Сухонинъ.**

———

1—3

ПОЛТАВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Ежедневная общественно-литературная газета.—Годъ изданія первый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1903 ГОДЪ

Условія подписки: на годъ *6* р., на 6 мѣсяцевъ *3* р. *50* к., на 1 мѣсяцъ *1* р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Полтавѣ въ Главной конторѣ «Полтавскаго Вѣстника» при Губернской типографіи. ***Въ Отдѣленіяхъ Главной Конторы*** «Полтавскаго Вѣстника» въ Кременчугѣ, на Старомъ Базарѣ по Петровской ул., д. № 41. ***Въ Лубнахъ***—въ книжномъ магазинѣ Х. И. Фишелева. ***Въ Лохвицѣ***—въ книжномъ складѣ уѣзднаго земства.

Принимаются объявленія для помѣщенія въ «Полтавскомъ Вѣстникѣ».

Редакторъ-издатель *Д. А. Иваненко.*

———

1—2

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ФЕВРАЛЬ
1903 г.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

Житье—бытье лубенскаго крестьянина.[1]

Вокругъ жилья.

Вблизи мѣстной крестьянской хаты тѣснятся въ прихотливомъ иногда живописномъ безпорядкѣ: цвѣты, кусты, плодовыя и дикія деревья, ульи, овощи, а поодаль разбросаны: коноплянники, лугъ и поле,—какіе предметы и составятъ содержаніе настоящихъ хозяйственно-бытовыхъ очерковъ.

I. Цвѣтникъ.

Расположеніе и назначеніе цвѣтовъ; составъ цвѣтника.

Въ расположеніи народнаго цвѣтника нѣтъ никакого плана или системы. Сообразно условіямъ мѣстности и прихоти дивчатъ, дочерей хозяина, на которыхъ всецѣло лежатъ заботы о цвѣтникѣ, цвѣты располагаются возлѣ хаты, у «покутняго» окна, на особыхъ кружкахъ, или на огородныхъ грядахъ, или въ саду. Часть цвѣтовъ зимуетъ въ грунтѣ подъ легкимъ покровомъ изъ соломы и навоза; часть высѣваютъ сразу въ грунтъ съ раскры-

---

1) См. очеркъ «Жилье» въ Кіев. Стар. 1902 г., IV, 110—135.

тіемъ весны, когда снѣгъ стаетъ; иные пересаживаютъ въ гряды изъ горшковъ, поставниковъ, разсадниковъ. Тогда же вынимаютъ изъ погреба или изъ-подъ пола хаты и садятъ клубни георгины. Кусты бузины, калины, сирени и шиповника пересаживаютъ изъ садовъ и луговъ. «Шепшыну тры годы пересажують на весни: вона стане пышна и гарна; тоди іи звуть троянда». По народному наблюденію, нельзя сѣять и садить цвѣтовъ на третьей лунной четверти: «будуть шолудыви». Въ лубенскомъ уѣздѣ, какъ и въ другихъ украинскихъ мѣстностяхъ, [1]) разводятъ слѣдующіе цвѣты и кустарники, имѣющіе декоративное, символическое, приворотное, обрядовое, врачебное и пищевое значеніе.

Барвинокъ (vinca minor, L.), среднеевропейскій кустарникъ [2]), судя по названіямъ: галицкому бервинокъ и итальянскому pervinca могъ перейти въ Малороссію изъ Италіи чрезъ Галицію. По Костомарову [3]) и Чубинскому [4]) служитъ въ малорусской поэзіи символомъ дѣвичества и брака. Дѣвицы украшаютъ имъ голову. Для того, чтобы онъ былъ «хрещатымъ», побѣги его собираютъ вмѣстѣ и прикидаютъ землей.

Бозь, бузокъ (syringa vulgaris. L. польское bez) имѣетъ декоративное и лѣкарственное значеніе: настойку изъ сирени пьютъ отъ лихорадки [5]).

Бузину (Sambucus nigra. L.), разводимую изъ-за ягодъ, служащихъ для приготовленія пирожковъ и киселя (бузинника); также изъ-за однолѣтнихъ побѣговъ, прикладываемыхъ къ рожистому воспаленію [6]).

---

[1]) О народномъ цвѣтникѣ см.: 1) М. Левченко. Нѣск. дан. о жил. и пищѣ малор. Зап. Ю.-Зап. От. геогр. общ. II, 137, 2) Богдановичъ. Сб. свѣд. о Полт. губ. Полт. 1877 г., 162.

[2]) Григорьевъ. Руков. къ бот. Моск. 1864 г., 225.

[3]) Объ историч. значеніи народ. поэзіи. Харьковъ, 1843 г., 33.

[4]) Тр. экспед. т. I, в. I, 83.

[5]) Въ моей „Народ. медиц. въ луб. уѣздѣ“ въ Кіев. Стар. 1900 г. V, 165, VII и VIII, 55.

[6]) Ibid.

Васильки (ocimum basilicum. L.), принадлежащіе къ губоцвѣтнымъ; распространившіеся изъ южной Азіи, гдѣ по легендѣ они выросли на мѣстѣ закопаннаго креста Спасителя, по Европѣ, вѣроятно, чрезъ Грецію, такъ какъ у романскихъ, частью германскихъ и славянскихъ племенъ названіе ихъ одинаково съ греческимъ basilicon. Клались въ гробницы еще галлами [1]. У малоруссовъ, символизируя чистоту, привѣтливость, учтивость [2], «сопровождаютъ всю жизнь малоросса отъ дѣтской купели до гроба» [3]. Въ лубенскомъ у. ихъ ставятъ за образа, кладутъ въ гробы и дѣлаютъ изъ нихъ кропило; также моютъ больную голову [4].

Васильки семейства амарантовыхъ (Amarantus caudatus. L.), въ противоположность разнообразному значенію предыдущихъ, украшаютъ лишь гряды своими красными султанами.

Гайстры (Aster chinensis. L.), также декоративное растеніе.

Гвоздику (Tagetes erecta. L.), иначе шапки, повнякъ, купчакъ у подолянъ [5], служащую кромѣ головного дѣвичьяго украшенія, еще редствомъ отъ желтухи [6].

Жоржыну, оржыну, соржыну (Dahlia variabilis. Desf.), по-французски georgine, бывающую разныхъ цвѣтовъ, «жовтогаряча, червона, бурякова».—ею «затыкаются дивкы».

Зиркы (Lychnis chalcedonica. L.)—служатъ той же цѣли.

Калину, (Viburnum opulus. L.), по Костомарову [7] и Сумцову [8] символизирующую красоту и дѣвственность; любимый образъ свадебныхъ и другихъ украинскихъ пѣсенъ. Часто калина получаетъ эпитетъ «гирка», отъ горечи ягодъ, запекаемыхъ въ

---

1) Григорьевъ, 405.

2) Костомаровъ, 30.

3) Н. Ѳ. Сумцовъ. Этног. зам. изъ Этногр. Обозр. Москва 1889. III, 12, 13.

4) Моя «Нар. мед.» II, 373.

5) Свидницкій. Велыкд. у подол. Осн. 1866. XI и XII, 29.

6) Моя «Нар. мед.», II. 373.

7) Объ ист. знач., 33.

8) Этногр. зам., 20.

хлѣбъ (калынянык). Кромѣ того ее кладутъ въ купель въ предупрежденіе желтухи и головной боли [1]).

Кануперъ (Balsamita vulgaris L.), называемый калуферомъ у Левченка [2]), кануферомъ у Роговича [3]) и конупиромъ у Волкова [4]), душистое растеніе съ зубчастыми листьями, посыпаемое въ хатахъ въ «клечальную» субботу, признается полезнымъ отъ нарывовъ (выразивъ) на пальцахъ.

Клынъ—или край-дерево (Ricinus communis. L.) рицина, украшаетъ грядки.

Короливъ цвитъ (Phaseolus multiflores Wild).

Красоля или настурція (Tropaeolum majus. L.) съ оранжевыми (жовтогарячими) цвѣтами, и кручени паничи (Ipomaea tricolor),—всѣ разводятся для украшенія.

Ласкавыцю (Bupleurum), растеніе съ бѣлыми цвѣтами, разводятъ какъ лѣкарственное.

Лилію жовту или чоловичій викъ (Hemerocallis fulva. L.)—какъ декоративное растеніе.

Любыстокъ (Levisticum officinale Koch), libitico, levistico въ Италіи. Вѣроятно заимствованный оттуда малороссами, онъ признанъ приворотнымъ зельемъ по созвучію съ любовью. Такъ дѣвушки поятъ имъ парней, добиваясь любви послѣднихъ [5]). Онъ-же признанъ оберегающимъ отъ русалокъ [6]). Его сѣмена и стебли, собранные на зеленые праздники, потомъ засушенные, ѣдятъ отъ различныхъ желудочныхъ страданій: «сояшныць, завинъ», рвотъ, глистовъ. Имъ смываютъ еще больную голову и примѣшиваютъ въ купель родильницы и дитяти [7]).

---

1) Моя «Нар. мед.», II, 373.

2) Зап. Ю.-З. отд. геогр. Общ. II, 137.

3) Ibid. I, 114 и 169.

4) Ibid.

5) Роговичъ, 126.

6) Маркевичъ. Обыч., пов., кух. малор. Кіевъ 1860 г., 80.

7) Моя «Нар. мед.», II, 373, VI, 329.

Майоры, майорики (Zinnia elegans. L.),—«имы затыкаются дивчата».

Макъ повный, махровый (Papaver somniferum. L.), по Костомарову онъ [1]) представляется символомъ убранства и пышности. Не менѣе калины любимъ малорусской народной поэзіей.

Мяту (Mentha piperita. L.), раздѣляющуюся на «холодну», болѣе душистую, употребляемую снаружи при головной и зубной боли и внутрь—при желудочной [2]), и на «кучеряву», которую кладутъ въ хлѣбный квасъ.

Нагидки, у подолянъ найидки [3]), ноготки (Calendula officinalis. L.) —желтые цвѣты южноевропейскаго происхожденія [4]), которыми украшаютъ голову дивчата, а по Волкову [5]) также моютъ ими голову.

Павонію [6]) (Paeonia corollina L.), служащую лучшимъ украшеніемъ головы. Цвѣты ея пьютъ при менопаузѣ.

Пивныкы (Iris bohemica. L.), Рожу (Malva. L.)—разводимыхъ для украшенія двора.

Розу (Rosa centifolia. L., Rosa gallica. L.),—по Костомарову [7]) символъ красоты, ласки и веселости, дѣвицы надѣваютъ на голову, а сухіе лепестки пьютъ отъ грудныхъ болѣзней. Руту (ruta graveolens. L.), извѣстную еще римлянамъ какъ прянное и лѣкарственное растеніе [8]), символизирующее у малороссовъ, по объясненію Костомарова [9]), вмѣстѣ съ мятой, дѣвственность и строгость нравовъ, пьютъ при менопаузѣ и желудочныхъ судорогахъ.

---

1) Объ истор. знач., 32.

2) Моя «Нар. мед.» II, 373, VI, 318, 323, 329.

3) Свидницкій, 29.

4) Григорьевъ. Рук. къ бот., 257:

5) Спис. раст. 172.

6) Pavonazzo по-итальянски—фіолетовый цвѣтъ.

7) Объ ист. знач. нар. поэзіи. 28.

8) Григорьвъ, 182.

9) Объ изуч. нар· поэз., 30.

Трояндy, названіе которой сближено покойнымъ Потебней [1]) съ греческимъ Τριαντάφυλλου, мѣстную розу, употребляютъ какъ и всякую другую. Чорнобрывци, бархатцы (Tagetes patula. L.), родомъ изъ Мексики [2]), служатъ украшеніемъ головы [3]). Царськy боридку (Mirabilis jalappa. L.) разводятъ какъ декоративное растеніе, а

Шепшыну, шиповникъ (Rosa canina. L.)—пьютъ отъ кашля; изъ плодовъ ея дѣвочки дѣлаютъ игрушечное намисто.

II. Садъ [4]).

Посадка дичковъ, прививка и окулировка; заботы о плодоношеніи.

Мѣстный садъ, какъ и цвѣтникъ, также садится безъ всякаго плана, соотвѣтствуя слѣдующему общему изображенію сада

---

[1]) Объясн. малор. и сродн. народ. пѣсенъ. Варшава. 1883 г., 109.

[2]) Григорьевъ. Рук. къ бот. 258.

[3]) Чубинскій. Тр. Эксп. I, в. I, 83.

[4]) О составѣ и доходности сада см. въ моей «Лѣсной Лубенщинѣ» (Кіевъ. 1900, 24, 52, 57, 58). Тамъ же приведены названія плодовыхъ деревъ; здѣсь умѣстно привесть нѣсколько народно-ботаническихъ названій, записанныхъ въ лубенскомъ у.: деревына—(особь); садовына, родюче дерево. Коринь, окоренокъ, осередокъ, верховына. Цивка, стебло (стволъ), батигъ (плеть, побѣгъ), гудына (плети). Лубокъ (кора), побилъ (камбіальное кольцо дуба), серце (серцевина), гилья, гилька, витка, водяна гилька (жировая, безплодная) лысть, лыстокъ, зубцёваный (зубчатый), жылкы (нервы листа), колючкы. Затѣмъ народъ не точно различаетъ растенія, размножающіяся цвѣтами отъ споровыхъ, какъ видно, между прочимъ изъ повѣрій о цвѣтеніи папоротника. Для нѣкоторыхъ двудомныхъ есть особыя названія: напр. шовкунъ (тычинковое), шовковыця—(плодниковое), плоскинь и матирка въ коноплѣ. Бубочка, брунька (почки), кашка (нѣжные волоски на поверхности сѣмени, содѣйствующіе разсѣеванію ихъ вѣтромъ). Квитка цвитъ, чашечка, краска (цвѣточная пыль: жыто красуется—цвѣтетъ). Плоды: ягода (вишня), макивка, головка, стручокъ, зерно (злаковъ), симья (конопли), насиння (подсолнечника). Водоросли вообще—зело, растенія сухопутныя—зилья.

полтавской губ., заключенному въ циркулярѣ Полтавскаго сельскохозяйственнаго Общества (12 декабря, 1895 г., № 1374) сельскимъ хозяевамъ. «Всѣмъ знакома печальная картина типичнаго сада въ нашей губерніи: садъ не огороженъ и не защищенъ отъ вѣтровъ; деревья размѣщены густо и посажены глубоко; штамбы и сучья поросли мохомъ и грибами, на которыхъ гнѣздятся зародыши и личинки всевозможныхъ вредныхъ насѣкомыхъ; на деревьяхъ масса невырѣзанной суши; деревья не обмазаны, не окопаны и безпомощно ведутъ борьбу съ гигантскимъ бурьяномъ, заполняющимъ садъ»...

Посадка дичковъ производится крестьянами какъ весной съ Благовѣщенья до половины апрѣля, такъ и осенью отъ Дмитра (26 октября), пока возможно. Причиною запозданія осеннихъ посадокъ являются частью затянувшіяся осеннія работы, препятствующія заняться садомъ, частью же народный предразсудокъ о выгодѣ позднихъ посадокъ, потому что дерево тогда спитъ. Такъ, напримѣръ, вѣрятъ, что на Спиридона (12 декабря) можно отрубить у глубоко уснувшаго дерева вѣтку, заткнуть ее въ землю, и она будетъ расти. Лучше садить деревья на 2-й и 4-й лунныхъ фазахъ въ небольшіе праздники, избѣгая дней, посвященныхъ памяти св. великомучениковъ и dies feralis (кыртычни, веретыческьи дни). На 1-й четверти плодовое дерево охотно принимается, но «довго молодіе», т. е. остается въ положеніи новобрачной, не принося плодовъ; на 3-й же четверти совсѣмъ нельзя садить деревьевъ. Посадки удаются тому изъ садящихъ, рука котораго никогда не касалась мертвеца [1]). Ямки для посадки дѣлаютъ круглыя, узкія и глубокія, дерево поворачиваютъ къ солнцу той стороной, которой оно росло на прежнемъ мѣстѣ [2]), и въ ямку присыпаютъ навозъ и немного зеренъ, приговаривая: «я тебе годую хлибомъ, а ты мене своею овощью шобъ накормыла». Года

---

[1]) Тоже замѣчаніе встрѣчается у Гринченка: Изъ устъ нар. Черниг. 1900 г., 36.

[2]) Этимъ пріемамъ и луннымъ фазамъ помологія не придаетъ значенія.

два, три спустя послѣ посадки, дичокъ облагораживаютъ прививкой черенковъ (ризокъ, ризочокъ) въ расколъ или за кору. Послѣдній способъ предпочитаютъ, потому что прививка въ расколъ рѣже удается. Онъ исключительно примѣнимъ въ томъ случаѣ, когда щепятъ на толстомъ пнѣ. Прежде щепили высоко на аршинъ и болѣе отъ земли, теперь щепятъ у корня. Самыя розги срѣзываютъ съ дерева въ слѣдующее время: на первой недѣлѣ великаго поста въ «жиловый» понедѣльникъ, на св. Евдокію, 1-го марта, на Благовѣщенье, 25-го марта, 1—3 апрѣля; срѣзанныя позже необходимо тотчасъ прививать. Лучшими сроками прививки признаются: 1, «Якъ тры дни молодыка марта, та прыщепыть, то черезъ тры годы буде родыть»; 2, «Якъ прыщепыть въ провидный понедилокъ до церквы, то щепы будуть росты, якъ диты». Окулировка (калировка) производится на общемъ основаніи съ 15 мая по 29 іюня.

Нащепивъ деревья, крестьяне мало обращаютъ на нихъ вниманія до наступленія плодоношенія, иногда окапывая ихъ только весною, уничтожая волчки, но не разрѣжаютъ кроны и вообще не заботятся объ ея образованіи. Съ появленіемъ плодовъ на щепахъ, начинаютъ примѣнять еще изрѣдка, кое-гдѣ слѣдующія древнія мѣры, пріемы и запрещенія для сохраненія и увеличенія плодовитости деревьевъ. Прежде всего строго запрещается женщинѣ въ періодъ менструацій, собирая плоды, лазить на дерево [1]), изъ опасенія, что по общечеловѣческому, весьма распространенному убѣжденію, такое древо должно усохнуть. Уже Пликій старшій утверждалъ, что отъ менструальныхъ кровей растенія опаляются, прививки и плоды сохнутъ [2]). И теперь повсемѣстно запрещено женщинѣ въ эти періоды лазить на дерево, рвать плоды, ходить возлѣ молодыхъ деревьевъ [3]). Въ Катаніи, напримѣръ, во время менструацій и дру-

---

[1]) Кромѣ того по Гринченку (Изъ устъ нар., 36) нельзя еще лазить на дерево въ чоботахъ.

[2]) Рѣдько. Нечист. сила въ судьб. женщ. мат. Этногр. Обозр. 1899 г. I и II, 122.

[3]) Бѣньковскій въ Док., Кіев. Стар. 1899 г. IV, 129, 131, со ссылкой на «Женщину» Плосса.

гихъ кровоизліяній нельзя дотрогиваться къ деревьямъ, вѣткамъ и листьямъ[1]. Затѣмъ, на новый годъ, предъ церковной службой, «до схидъ сонця», хозяинъ зажигаетъ соръ въ саду, сметенный туда изъ хаты и окуриваетъ дерево, чтобъ садъ лучше родилъ. Такое же окуриваніе садовъ бываетъ у валлоновъ въ день св. Мартина[2]. Наканунѣ новаго года, «на Меланкы», хозяйка, вчинивъ дижу, надѣваетъ кожухъ и, захвативъ солому, оставшуюся послѣ осмаленнаго кабана, идетъ въ садъ, гдѣ обвязываетъ скрученной соломой—«перевесломъ» плодовыя деревья, приговаривая: «Оце я тебе пидперезала, шобъ ты знала нащо»! Иногда обвязка дерева производится хозяевами, причемъ: «Чоловикъ замиряется сокырою на грушу, або яблуню и каже: «я тебе зрубаю»! Жинка отвича: «не рубай, я іи пидвяжу, вона уродыть». Бываетъ и такъ: «Чоловикъ каже дереву: «я тебе зрубаю, якъ не будешъ родыть».—Не губы мене зъ билого свита, я зроблю шо тоби треба». Послѣ такихъ діалоговъ, жена обвязываетъ дерево. Въ другихъ мѣстахъ и одинъ хозяинъ ведетъ подобные разговоры съ деревомъ: «Здорова була, груша»! И самъ же отвѣчаетъ: «Здоровъ бувъ»!—А чому ты грушъ не родышъ? Я тебе изрубаю и порубаю»! Съ этими словами, онъ трижды ударяетъ топоромъ или колкомъ по дереву, приговаривая: «Не рубай мене, а одягны и перевесломъ сальнымъ[3] пидпережы». Такія же обыкновенія извѣстны какъ въ другихъ украинскихъ областяхъ[4], такъ и за границей; напр., чехи понуждаютъ деревья распускаться, крикомъ: «Распускайтесь, а то обдеремъ васъ»! Въ трактатѣ о земледѣліи Ибнъ-алъ-Авала пред-

---

1) Arturo Trombatore. Folk-lore catanese. Torino 1896, 45.

2) E. Monseur. Le Folkl. wallon. 133.

3) Т. е. тѣмъ, которымъ перевязывалось сало въ свинной брюшинѣ (здорѣ).—Иногда и въ самомъ дѣлѣ безплодное дерево сверлятъ до серцевины, «шобъ витеръ заходывъ».

4) Напримѣръ у подолянъ. Свидницкій. Велык. у Подол. Основа 1861 г. XI, XII, 66. См. также Н. Ѳ. Сумцовъ: Культ. пережив. въ Кіев. Стар. 1889 г. VIII, 414.

лагается пугать деревья, не приносящія плодовъ, тихо ударяя ихъ, и угрожая срубить, если не будутъ родить [1]). Основаніе описанныхъ обращеній къ дереву заключается въ первоначальномъ общечеловѣческомъ взглядѣ на него, какъ на существо, имѣющее душу, подобную человѣческой [2]). Дикари даютъ пить дереву, женятъ его. На Молукскихъ островахъ, напр., когда гвоздичныя деревья въ цвѣту, то съ ними обращаются какъ съ беременными женщинами: стараются не пугать, не встревожить ихъ, не шумять около нихъ [3]).

III. Пасика [4]).

Народныя представленія о пчелѣ и о внутреннемъ порядкѣ улья. Устройство и укрѣпленіе пасики. Выставка пчелъ весной, прикармливаніе, вывозъ въ степь, взятокъ. Роеніе. Отборъ меда и воска. Сохраненіе пчелъ зимой Болѣзни пчелъ, заговоры.

Пользуясь произведеніями труда пчелы [5]), малороссіянинъ не остается къ ней неблагодарнымъ. Въ народныхъ представленіяхъ она признается почтеннымъ насѣкомымъ; ее грѣшно убивать, она достойна погребенія. «Бжола робоча муха, труждящася, свята. Іи треба якъ чоловика: выкопать ямку и святою землею накрыть».

---

1) Comte goblet d' Alvilla. L'idée de Dieu d'après l'anthropolog. et l'hist. Paris. 1892. 56.

2) A. Lang. Mythes, cultes et relig., trad. par. L. Marillier. Paris. 1896, 144.

3) L. Marillier. „M. Frazer et. la Diane de Nemi“. Revue de lhist.. des relig. T. XXV. Paris. 1892, 77.

4) Матерьяломъ для настоящаго очерка, кромѣ народныхъ разсказовъ, послужила еще рукопись сороковыхъ годовъ XIX в. козака с. Біевецъ Ефима Ступки, любезно сообщенная лубенскимъ земскимъ гласнымъ Н. Е. Ступкой. Въ этой рукописи оказались пріемы, наставленія и заговоры, частью еще не встрѣчавшіеся въ печати. Въ дѣйствительности большая часть этихъ пріемовъ уже оставлена.

5) Apis mellifica, перепончатокрылое, жалоносное.

Въ старой Малороссіи кража меда и воска изъ пасики считалась важнымъ преступленіемъ, какъ бы святотатствомъ. Любя пчелу и издавна [1]) занимаясь пчеловодствомъ, малороссіянинъ дѣлалъ нѣкоторыя наблюденія надъ ея жизнью. Такъ онъ отмѣтилъ главенство матки. «Бжолы безъ маткы порядку не найдуть. Начне бжола мутыться, начне грать; гуде, свыщи становыть на труты. Потимъ ростратытся сыла и улыкъ спустіе». Поэтому обезматоченному улью тотчасъ даютъ постороннюю матку въ очеретяной дудкѣ. Вброшенную безъ такой предосторожности матку пчелы могутъ убить (обсикты, заризать). Поэтому нѣкоторые опытные мѣстные пасичники совѣтуютъ въ обезматоченный улей прикидать не одну только матку, а небольшой, слабый рой. Народъ знаетъ также, что назначеніемъ матки является прокреація и, такимъ образомъ, сохраненіе вида. «Плодна одна матка. Вона жыве посередъ улья въ гнизди. Выходыть зъ своимы караульнымы [2]) на проигру, и труты на пролётъ летять. Гуляють воны, гуляють высоко; спаруются и падають якъ клубокъ изъ маткою Потимъ іи ведуть караульни. Матка заклада сылу, черву [3]), ажъ до августа. Маткы буваютъ: сирка, выдра, трутова, котра кладе тилькы трутнивъ. Вона найбильша, рудовата, родъ шмиля. Іи—уныčтожать. Трутень у улыку для того, щобъ плидъ бувъ. На зиму ихъ выгонять сами бжолы. Робоча бжола (сыла, причкы) бува жовта, котора бере обножкы [4]) зъ вербы, бува й сира, найгирша чорна—злодіи и розбойныкы».

Заводя пасику, крестьянинъ выбираетъ удобное мѣсто для нея среди вишневаго сада или рощи для того, чтобы рои могли садиться, обращенное склономъ къ югу, вблизи облоговъ. Мѣсто ограждается низкимъ хворостовымъ или чаще очеретянымъ ты-

---

[1]) Пчеловодство было любимымъ занятіемъ древнихъ славянъ. А. Н. Пыпинъ. Древ. пер. рус. литер. въ Вѣст. Евр. 1875 г., 11-я, 118.

[2]) Ликторы по Плинію. (М. Меттерлинкъ. Жиз. пчелъ въ Вѣст. Иностр. Лит. 1901 г., IX, 258).

[3]) Личинки.

[4]) Хлѣбина.

номъ съ форткой для входа, но пороги не вездѣ есть. Ульи, выдолбленные изъ дерева (дзуплянки), также новые, шелевочные разставляютъ на разстояніи 2—3 аршинъ одинъ отъ другого, обращая ихъ очками (вичкамы) къ солнцу. Если подъ ульемъ заведутся муравьи, то землю изъ-подъ него выбираютъ, и насыпаютъ песокъ. Въ пасикѣ долженъ быть крестъ, особенно изъ дерева, разбитаго молніей, для предохраненія отъ порчи (урокивъ) съ молитвой на немъ. «Господи Исусе Христе! сыне Божій! ты разрѣшилъ еси вся дѣла вражія и разогналъ еси всѣ потребы ихъ непріязненныи, такожды ты, Господи, и мнѣ помощникъ и защититель буди рабу Твоему и пасики сей, въ ней же хочу пчелы держать» [1]). Кромѣ креста въ пасикѣ непремѣнно должна быть икона св. Зосима и Савватія, покровителей пчелъ. «Воны пасишныкы, зъ корзыною и намалёвани. Изосымъ завидувавъ нею спрежду и до вику буде завидувать. Винъ и теперъ иде помижъ бжолою и несе казаночокъ у рукахъ и кормыть усю бжолу; винъ варыть ій сыту». Къ утвержденію пасики служили еще въ старину слѣдующіе пріемы съ землей, камнемъ, челюстью, очеретиной, водой и оливой, основанные на уподобленіи.

1.

Пріобрѣтая пчелы, нужно взять земли тремя пальцами и говорить: Святая земля не тебе я беру, но единственно сіи пчелы съ пасѣки сей съ медомъ, съ воскомъ и роями. Ибо я купилъ [2]) за помощью Божію и молитвами Пр. владычицы Богородицы и приснодѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ и небесныхъ силъ и безплотныхъ и дѣйствіемъ святого и преподобнаго отца нашего Зосима. Якъ тая земля [3]) святая родна и плодна есть и никто не можетъ уректи ей, то никто же не могъ бы помысломъ своимъ

---

[1]) Изъ рукописи Ступки.

[2]) Или мнѣ подарованы.

[3]) Произнося эти слова, слѣдуетъ стиснуть землю трижды. Какъ настоящее наставленіе, такъ и всѣ послѣдующія—изъ рукописи Ступки. Обращеніе ко пр. Дѣвѣ и св. Зосиму—въ каждомъ заговорѣ въ концѣ.

злимъ зашкодыты, такъ бы и сіи мои пчолы родны и плодни были и никто не могъ бы ихъ уректы.

2.

Выставляя пчелъ или открывая пасику, неси въ зубахъ въ нее камушокъ, и обойди трижды пасику, потомъ закопай посреди и говори такъ. Якъ каминь сей твердый и студеній, такъ затвердилы и зазяблилы уста тому человѣку и женѣ кто бы злую мысль имѣлъ гадаты на мою пасику и на мои пчелы, нехай той самъ такъ стане.—Потомъ—закопать камень подъ пасичнымъ порогомъ [1]).

3.

Возьми челюсть и говори: Такъ якъ побѣдилъ Гедеонъ войско мадіанитское, якъ побѣдилъ Самсонъ сильный щекою ослїею войско филистимлянское, якъ побидывъ Давыдъ гордого Голіафа не самъ собою, но Божіею помощью, такъ бы моя пчела раба Божого [2]) и матки ихъ свидка и свидра побѣдили тій пчели, которіе бы имѣли прійти до моей пасики и имѣли побрати у моей пчелы медъ.—Челюсть закопать подъ порогомъ пасики.

4.

Обходя трижды вокругъ пасики съ мѣрой изъ очеретины, которою измѣряли мертвеца, дѣлая ему гробъ, слѣдуетъ помянуть того мертвеца и затѣмъ говорить: Помяни Господи душу раба своего, преставившагося отъ насъ, которому встать на судъ Божій, на послѣдній трудъ вострубиву архангелу Божію. И я беру сію мѣру для своей пасики и для моихъ пчелъ, чтобъ отъ мене раба Божого не втикалы и чтобы приносили со всѣхъ сторонъ меда Господу Богу, мыру хрыстіянському на хвалу и мнѣ господаревѣ вашому на пожитокъ.

---

[1]) Вар. у Чубинскаго. Тр. эксп. I, в. I, 72, 73.

[2]) Слѣдуетъ имя хозяина.

5.

Набравъ въ ротъ воды на молодыку, и придя въ пасику, порскай на очка, приговаривая: Якъ я не могъ никакого слова вымолвить, такъ бы зліи люды не могли на пасѣку и на мене, раба Божія, ничего злого мыслите, говорыты и моихъ пчилъ урекаты[1]).

6.

Обойдя съ освященной оливой три раза вокругъ пасѣки, говорить: Якъ мыръ хрыстіянській не можетъ обойтись безъ оливы, такъ бы рои за десять миль не моглы обойтысь безъ моеи пасики.

Устроивъ и укрѣпивъ такимъ образомъ пасику, хозяинъ ежегодно наканунѣ Крещенія, кропя дворъ, строенія, загоны, долженъ также окропить пчелиный погребъ и мѣсто пасики[2]). Затѣмъ выставляютъ пчелъ на «теплого Олексія» (17 марта), а если тогда холодно, то пасичникъ обязанъ всё-же предварить пчелъ о веснѣ[3]). На Благовѣщенье (25 марта) пасичникъ, открывая крышку (ляду) или дверь погреба трижды привѣтствуетъ пчелъ: «Христосъ воскресъ»! На слѣдующій день[4]) вынимаются пчелы изъ погреба и каждый улей окуривается освященными васильками и троицкимъ (клечальнымъ) листомъ въ предупрежденіе гнильца[5]). Ими же хозяинъ натираетъ ульи, чтобы послѣдніе нравились пчеламъ, и себя, чтобы пчелы не кусали. По Манжурѣ[6]) пчелъ, выставляя изъ погреба, переносятъ чрезъ острую

1) Вар. Чуб. I, 73.

2) Тотъ же пріемъ указанъ Ястребовымъ. Кіев. Стар. 1897 г., V. Док., изв. и зам. 65—66.

3) По Чубинскому. Тр. Эксп. III, 9.

4) Выставка пчелъ вездѣ въ Россіи бываетъ въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля. (Бутлеровъ. Какъ водить пчелъ. С.-Петерб. 1898 г. 17. Потѣхинъ. Перех. къ рамоч. ульямъ. С.-Пет. 1897 г., 34).

5) Рукопись Ступки и Чубинск. Тр, Эксп. I, в. I, 71.

6) Нар. сказ. въ Сб. Хар. Ист., Филол. Общ. II, 155.

косу для того, чтобы онѣ не давались чужой пчелѣ. Поставивъ ульи въ пасику на разостланную солому, пасичникъ, покуривъ ладаномъ, вновь кропитъ пасику и ульи освященной водой и говоритъ: «Христосъ воскресъ»! Выставленную пчелу подкармливаютъ (годують) изъ корыта патокой, разведенной водою, которую слѣдуетъ черпать по теченію, а не противъ него (за водою), приговаривая: «Якъ ся прыбува зъ гиръ, зъ джерилъ, изъ усихъ яривъ, такъ бы прыбуло сылы въ моїй пасици». Для очистки и подкрѣпленія пчелъ въ патоку прибавляютъ: благовѣщенскую просфору, дарникъ, водку, а для того, чтобы пчела была сердитая и не давалась чужой, еще и перецъ[1]). На Тройцу, въ началѣ іюня, пчелъ вывозятъ въ степь на расцвѣтающія травы, «на тую ныву, на тую сылу, по густый медъ, по солодку патоку»,—какъ выражается заговоръ. Въ іюнѣ же, въ ночь на Ивана Купала пасичникъ закармливаетъ (загодовуе) пчелъ, давая имъ медъ съ примѣсью горыцвита (Adonis vernalis. L.), костей изъ головы щуки и процѣженнаго отвара муравьевъ (комашни), взятыхъ съ кучей (съ усимъ гамузомъ) и умерщвленныхъ кипяткомъ. Муравьи прибавляются въ медъ для того, чтобы пчела была злѣе и не поддавалась бы чужой. Кормя въ эту ночь пчелъ, пасичникъ приговариваетъ: Годую тебе до Ивана, а писля Ивана зробы мене якъ пана[2]). Далѣе пчелы не получаютъ корма и довольствуются взяткомъ, который по народнымъ наблюденіямъ берутъ изъ слѣдующихъ растеній [3]): Акаціи бѣлой (Robinia Pseudoacacia. L.) и желтой (Caragana arborescers. L.), береста (Ulmus campestris. L.), блекоты (Hyoscyamus niger. L.), будяка (carduus nutans. L.,) буркуна, донника (Melilotus alba и officinalis. L.), вербы (Salix), вяза (Ulmus effusa. Wilb.), горыцвита (стародубки. adonis vernalis. L.) гречки[4]) (Fagopyrum esculentum. Moench.),

---

[1]) О прибавкѣ перца въ сыту для той же цѣли у Гринченка. Изъ устъ нар. 75.

[2]) О закармливаніи пчелъ у Маркевича. Пов. кух. 14.

[3]) О медоносныхъ растеніяхъ сравн. 1, Потѣхина: Пчелы. С.-Пет. 1897 г., 7; 2, его же: Перех. къ рам. ульямъ. 19—22.

[4]) У гречихи на днѣ около цвѣтника 8 медовыхъ железокъ. Главный взятокъ съ нея 24 іюня—20 іюля.

дуба (Quercus.), жывокиста (Simphytum officinale. L.), калины (viburnum opulus. L.) крушины (Rhamnus Frangula. L.), лозы (Salix cinerea. L.); лыпы (Tilia parvifolia. Ehrh.), осыкы (Populus tremula. L.), перекотыполя (Gipsophila napus. L.), просеренкивъ (crocus reticulatus. MB.), рапсу (brassica oleifera. DC.), рожкивъ, «зъ рога въ жыти» (Secale cornutum)[1]), рыжію (camelina sativa. L.), свирипы (сурѣпы, brassica Napus. L.), и со всѣхъ цвѣтущихъ садовъ. Главный взятокъ бываетъ съ поздней гречихи и такъ великъ, что медъ не вмѣщается въ одномъ ульѣ, а приходится или поставить еще одинъ улей сверху или выкопать подъ нимъ ямку, которую пчелы и заносятъ. Этотъ послѣдній способъ называютъ: «На пидкопу бжолы поставыть».

Періодъ роенія, начавшись около Вознесенія, продолжается за жнива[2]). По народнымъ разсказамъ пчелы роятся слѣдующимъ образомъ: «Сыла поробыть матошныкы, а матка понакладае. На первого роя (первака) бува стара матка, а на другака и третяка уже 10—15 матокъ. Якъ пидійты до улыка, такъ воны кахотять якъ утята. Бжола, сыла, потимъ ихъ выгубля, а одну зоставляють. Вылетыть рій, крутытся-крутытся, грайе-грайе, потимъ сяде на дерево кимьяхомъ (комомъ)». Тогда его стряхиваютъ въ поставленный на землю, или если рой сидѣлъ высоко, то въ подставленный на жерди или привязанный къ вѣтви улей съ приклеенными внутри (нажывленными[3]), навощанными) ячейками (сцильныками), окропленными освященной водой или разведеннымъ медомъ. «Абы матка впала, а други прійдуть. Тоди перевернуть улыкъ и готово, або кладуть ёго на землю и завьязують. Новый рій берется за сцильныкъ, носыть медъ, воскъ[4]) и сылу лу-

---

[1]) Въ рожкахъ этихъ содержится между прочимъ и сахаръ.

[2]) По Маркевичу (Об., пов. 15) вылетѣвшіе послѣ Ильи рои не надежны.

[3]) Приклеиваютъ канифолью (жывыцею).

[4]) Воскъ находится внутри клѣточекъ растенія съ хлорофиломъ или въ видѣ выдѣленій, напр. сизаго налета на сливахъ. (Григ. Рук. къ бот. 380).

пыть. Якъ же свій рій надума тикать, то осажують водою, и якъ чужый летыть, мандрує,—то якъ судытся, то його можно осадыть водою, а якъ не судытся, то полетыть ще выще и зныкне». Излишекъ роенія пасичники останавливаютъ, загоняя пчелу внизъ улья, какъ при отборѣ меда, и вырѣзывая маточники.

Медъ вынимаютъ обыкновенно дважды: въ августѣ къ 1-му, 6-му, 15-му числамъ и въ сентябрѣ къ 8-му, «на Маковія, Спаса и мижъ пречыстыми», выгоняя пчелъ на дно улья дымомъ сѣры, табака или «мурухою» порхавкой (Lycoperdon Bovista. L.), губкою (Poliporus igniarius. Fr.) или отборомъ, т. е. ставя сверхъ улья другой и выгоняя туда пчелъ стукомъ. Отогнавъ такимъ образомъ пчелъ, хозяинъ вырѣзываетъ рѣзцомъ нѣсколько сотовъ [1]), оставляя необходимое для зимняго питанія пчелъ количество меда, отъ $^1/_2$ пуда до 1-го, обыкновенно помѣщающагося по очко. Мѣстные пчеловоды говорятъ, что нужно оставлять на зимній кормъ пчелъ столько меда, сколько вѣситъ ржаной хлѣбъ. Въ концѣ октября, часто «на Параски» (28 числа) или межъ поминальными субботами, хозяинъ окропляетъ свои пчелы «вечирнею и іорданскою» освященными водами и, накуривъ погребъ ладаномъ, складываетъ въ него ульи на зимовлю, уничтоживъ предварительно старыя, слабыя семьи дымомъ. Таковъ по народнымъ разсказамъ и преданіямъ ходъ крестьянской пасики въ здоровомъ состояніи, но у пчелъ бываютъ еще свои невзгоды и болѣзни. Къ первымъ принадлежитъ налетъ на пасѣку посторонней пчелы. Въ такомъ случаѣ подмазываютъ очка глиной, такъ чтобы только одно насѣкомое могло влѣзть въ улей заразъ. Съ такимъ отдѣльнымъ хищникомъ населеніе улья легко справляется. Затѣмъ принимаютъ еще ульи съ пчелами, замѣняя ихъ пустыми, въ которые собираютъ чужую налетѣвшую пчелу и присоединяютъ ее къ своему слабому улью. Наши пасичники замѣтили, что пчелы погибаютъ иногда отъ тяжелаго пищеваренія: «Якъ оберется дуже меду, то въ улыкъ уже не попаде, такъ пропадае»;

---

[1]) Обыкновенно въ ма[redacted] 5—9 сотовъ.
кій. Изъ «Писемъ о пче[redacted]ствѣ». Основа[redacted] г. VI 40

отъ птицъ, нресмыкающихся, особыхъ паразитовъ (нужи), особенно отъ мотылыци [1]), метелыкивъ (клочня), которая будто бы захватывается съ гречки вмѣстѣ съ росою самими же пчелами. «потомъ метели вылупляться, а бжолы пропадуть». Мотилицы вырѣзають рѣзцомъ и улей перечищають. Еще опаснѣе извѣстный гнилецъ. Зараженную пчелу перегоняють въ пустой улей и вывозять, а темный, негодный воскъ уничтожають. Отъ невзгодъ и болѣзней пчелу оберегають слѣдующіе заговоры и молитвы.

1.

Господы святый, небесный! спасы, сохраны и помылуй оцю святу, благословенну бжолу одъ скорби, болизни, напасты, побижденія и усякого напажденія [2]).

2.

Якъ сёго вечора люде стари и молоди, багати и убоги радуются и веселятся за столомъ сыдячи, такъ бы мои пчелы веселылысь и радувалысь, въ поле идучы и до мене раба Божого медъ несучы. Якъ сёго святого вечора миръ христіянськый эбирается и радуется, идучы до святои трапезы багатый и убогый, малый и велыкый, сытый и пьяный смырни бувають, такъ бы мои пчелы повни и сыти и мырни булы Божіею сылою и всимы небесными сыламы и дѣйствіемъ святого Зосимы [3]).

---

[1]) Объ этихъ болѣзняхъ у M-me Achille Comte въ Hist. Nat. сказано. Les abeilles sont sujettes à des dyssenteries, des étouffements et elles éprouvent aussi des digestions laborieuses... Une espéce de papillon se repande dans e'habitation des abeilles. Le dégàt qu'ils (ces ennemis) y font et tel que les propriétaires abandonnent leur ruche et vont ailleurs, par un travail nonveau, réparer leyr ruine (p. 337).

[2]) Отъ коз. с. Волчка Е. Хомулки.

[3]) Этотъ и слѣдующіе заговоры взяты изъ рукописи Ступки.

3.

Якъ Господь мылосердый свитъ пропысавъ и святое сонечко на облака воздалъ и такъ-же святого мисяця, пчелиного пастыря. Зори зоряныци, Божіи помишныци! Мисяць Авраме, Божій громе!.. ставъ коло моей пасикы велыкый частокилъ, шобъ чужая пчола не перейшла и моей пасикы не знесла. Господы мылосердый! поможы мени своею сылою, Матеръ Божая, Зосимъ святый—своимъ помышленіемъ. Хто вгадае небесну высоту, морськую глуботу, хто въ мори писокъ перещытае, той мою пчолу возвышае.

4.

Вы, святи зори, зоряныци! Вы на неби жывете якъ ридни сестрыци. Прыйдить и поможить моій пчоли и матци и моій пасици! Якъ я губы и зубы исципляю, такъ бы моя пчола губы и зубы на чужу пчолу исципляла и крипко медъ свій держала.

5.

Святая Уляна весь узятокъ провидала, а теперъ иды на тую ныву, на тую сылу, по густый медъ, по солодку патоку. На вичка выбывайся, зубамы отсикайся, ведмежымы сыламы отпирайся. А ты, камене, роспадыся, а ты, святое небо, растворыся, а ты, чужа пчола, отступыся! Я Господа благаю и чужую пчелу и сылу отвертаю. Якъ сей каминь угрызне, тоди мою пасику укусне...

6.

Якъ побидывъ Господь Богъ и сыльный Самсонъ льва, а царь Давыдъ побидывъ Голіафа, не самъ собою, а святыми небесными сыламы, каменемъ,—такъ бы моя пчола чужихъ пчолъ побывала, соби медъ забирала сама собою и небесными сылами и дійствомъ святого Зосыма.

7.

Я тебе, святая пчело, загодовляю и на слова прымовляю и даю вамъ, симъ, всимъ крыламъ щучіи зубы, вовче горло, ведмежю сылу побывать чужой капостныци и на всей области огнемъ и мечемъ. Та нейды на худіи упадкы, та йды на хороши узяткы, по густи меды, по солодку патоку. Якъ рыба въ мори буяла и въ рикахъ гуляла, такъ-же и вы, мои пчолы, щобъ полны, радосни и весели були, гулялы и гралы Божіею помоцію и дійствомъ святого Зосима. Аминь.

8.

Якъ Господь благословывъ святому Юріеви звиромъ воюваты, такъ бы моя пчола чужихъ пасикъ воювала и медъ соби забирала, а свій крипко держала сама собою и святыми небесными сыламы и дійствомъ святого Зосыма. Ты, Зосыме! святый пасишныку! старый ты, убогый! ты пасишныкувавъ и пчоли и матци помогавъ, такъ поможы моій пчоли, моій матци.

9.

Прылетилы до раба Божого Ефима и до ёго пасикы тры сорокы и забралы отъ ёго пасикы уси урокы; и полетилы воны и силы на лозы, а тинь на воды. Якъ сорока изъ лозы, а тинь изъ воды, такъ бы изъ моеи пасикы уси урокы: мужыцьки, жиноцьки, парубоцьки, дивоцьки, хлопячи и дивчачи, прымовлени, прыговорени, сонцеви и витряни, наглядени и витромъ навіяни,— то я васъ одшиптую и одмовляю, одсылаю на болота и на очерета, на густи лозы де людській гласъ не заходыть и пивень не спивае.

10.

Ишла пречыстая, пресвятая дива Богородыця, Матиръ Божа изъ Зосымомъ святымъ, архыстратыгомъ Мыхаиломъ, зъ Мыколаемъ чудотворцемъ, помощныкомъ Божіимъ до пасикы пчолъ доглядаты и урокивъ одганяты одъ маткы-Улянкы, одъ пчолкы

землянки, одъ крилець, отъ трыдесятъ суставець подуманихъ, погаданихъ, мужескихъ, женскихъ, парубочихъ, дивчачихъ, хлопьячихъ; одъ землянихъ, одъ витрянихъ. И зустривъ самъ Исусъ Хрыстосъ:—куды ты пречыста Матеръ Божа йдешъ?—Я йду до пасикы пчолъ доглядаты и урокивъ одганяты.—Вернйтесь, Матиръ Божа, вернитесь, а вы, урокы, урочыща, идить соби на сухи лисы та на болота, де хрыстіянській мыръ не заходыть.

11.

Господы! подхны своимъ духомъ и очисты мою пчолу и матку въ моій пасици, раба Божого. Вы червы, червыци! Васъ Господь небесный клыче изъ десяты—девьять, изъ девьяты—висимъ, изъ восьмы—симъ, изъ симы—шисть, изъ шосты—пьять, изъ пьяты—чотыри, изъ чотырёхъ—тры, изъ трёхъ—два, изъ двохъ одного, изъ одного ни одного. Я одшиптую одъ сирои шерсты, одъ жовтои косты и одъ червонои кровы, розганяю ихъ, розгубляю ихъ по зеленій трави, по холодній води.

IV. Огородъ.

Общія замѣтки о сборѣ, храненіи и посѣвѣ огородныхъ сѣмянъ; воздѣлываніе отдѣльныхъ овощей.

Участіе женщины въ земледѣліи, вначалѣ, по словамъ историковъ культуры [1]), первостепенное, въ настоящее время сохранилось съ такимъ значеніемъ лишь въ обработкѣ огорода, лежащей всецѣло на хозяйкѣ. Съ открытія весны, какъ только земля размерзлась, хозяйка выбираетъ мягкое, хорошо разрыхленное (пухке) мѣстечко огорода и садитъ на немъ высадки всѣхъ огородныхъ растеній, тщательно ихъ поливаетъ, очищаетъ отъ сорныхъ растеній до сбора. Послѣдній производится различно: или снимая съ растенія зрѣлыя сѣмена, или срывая и подвѣшивая

---

[1]) Ю. Липпертъ. Ист. культ. С.-Пет., 1895 г., 82, Ш. Летурно-Соціол., основ. на этногр. С.-Пет. 1895. 50—53.

подъ крышей противъ солнца для дозрѣванія въ мѣшечкѣ самое растеніе, съ котораго потомъ отрушиваются сѣмена. Собравъ сѣмена, хозяйка хранитъ ихъ на сволокѣ, коминѣ, вообще въ сухомъ мѣстѣ, унося изъ хаты предъ смертью семьянина, такъ какъ сѣмя, остающееся въ хатѣ во время чьей нибудь смерти теряетъ всхожесть [1]). Хозяйка же съ дочерьми копаетъ грядки предъ свѣтлымъ праздникомъ и послѣ него, дѣлая послѣднія узкими для того, чтобы удобнѣе было полоть, и возвышая ихъ нѣсколько надъ дорожками; и наблюдаетъ, чтобы посѣвъ производился своевременно. Такъ, по народнымъ замѣчаніямъ, нельзя ни сѣять, ни садить никакихъ овощей на третьей лунной четверти: все будетъ гнить, идти въ стебель (стовбурь), сохнуть, такъ что и сѣмена не возвратятся, а лучше дѣлать посѣвъ и посадку на второй четверти: «покы мисяць у крузи. Якъ мисяць наповняется, такъ и въ огороди наповняется. Якъ на неби повно, такъ и въ огороди повно». Ничего еще не нужно садить въ среду,—тяжелый, несчастный день, въ понедѣльникъ же можно только продолжать, а начинать нельзя [2]). Женщины въ менструаціяхъ должны воздержаться отъ посѣва и всѣхъ другихъ работъ на огородѣ по причинамъ, указаннымъ выше при изложеніи народнаго садоводства. Не должно и ѣсть на грядкахъ, не только сѣмянъ подсолнечника тыквы, предназначенныхъ къ посадкѣ, но и поспѣвшихъ сѣмянъ, овощей и вообще никакой пищи, напримѣръ хлѣба, потому что огородъ будетъ уничтоженъ червями, муравьями и птицей. Смѣшавъ мелкія сѣмена съ землей [3]), хозяйка сѣетъ ихъ въ разбросъ, приговаривая: «Господы поможы! Колы бъ Богъ родывъ шобъ було мени й людямъ. Роды, Боже, на всякого долю, а якъ піймаю,—зниму лёлю!»

---

[1]) Тоже замѣчаніе у Шейковскаго: «Бытъ подолянъ». II, 30.

[2]) По Гринченку (Изъ устъ народ. 36, 39): понедилокъ и середа—важки дни. Полоть огородъ запрещается въ «праздники и въ чистый четвергъ».

[3]) Мужчины сѣютъ бураки, участвуютъ въ посадкѣ картофеля и огурцовъ.

Кромѣ этихъ общихъ огородныхъ правилъ, хозяйка должна еще имѣть въ виду особыя о каждой отдѣльной овощи, начиная съ лука (цыбули. alium cepa. L.) и «часныку» (alium sativum. L.) южныхъ растеній [1]), зимующихъ однако въ грунтѣ: первый съ легкимъ прикрытіемъ, второй безъ него, лишь бы не было гололедицы (голоморозю). Но съ осени садятъ лукъ въ самомъ незначительномъ количествѣ, главная же посадка его, какъ и посѣвъ производится ранней весной. Сажанку, иначе называемую зубкой, садятъ съ четвертой недѣли поста (средохрестья) если только снѣгъ сталъ; для сѣянки-же (пичкурки) хозяйки, смѣшавъ сѣмена съ землей на Евдоху (1 марта), также выбираютъ самое раннее время, «покы ще жабъ не чуть, покы не крюкають; покы жаба не закуе» [2]). Сѣютъ въ разбросъ, иногда приговаривая: «вроды, Боже, цыбулю, якъ мою дулю». Не совѣтуютъ сѣять на третьей лунной четверти, потому что «цыбуля пиде въ цебуль, т. е. выростетъ только одинъ стебель (цибка) безъ головки. Нельзя еще сѣять: когда въ печи топится, и когда хозяйка сердита [3])—въ обоихъ случаяхъ «цыбуля буде гирка». Слѣдуетъ при посѣвѣ остерегаться сглаза; такъ, если завистливая сосѣдка, посматривая на засѣваемую грядку, скажетъ: «Не роды цыбуля на ноздрятій земли», то можетъ случиться неурожай. Посѣявъ цыбулю, грядку утаптываютъ (плещуть) различными способами: дѣвушки катаются, толчутся или ѣздятъ по ней: часто уравниваютъ, прибиваютъ просто лопаткой. Когда лукъ поднялся, его стараются примять катаньемъ, для того, чтобы онъ шелъ больше въ головки, а не въ стебель. Сборъ лука производится къ концу лѣта, когда листья его (пирья) присыхаютъ. На Покрову сажанка должна переночевать на печи, для того, чтобы была сладкою. Отъ этого обыкновенія произошло и названіе ея—пичкурка.

---

1) Первый изъ Турціи или Персіи, второй—изъ южной Европы и Сициліи. П. В. Ростовцевъ. Лукъ: его сор. и спос. развед., 5, 29.

2) Маркевичъ (Обыч., пов. 7) приводитъ то-же замѣчаніе.

3) Послѣднее замѣчаніе встрѣчается у Гринченка. Изъ устъ нар., 76.

Въ народной культурѣ капусты (Brassica oleracea. L.), растенія, заимствованнаго славянами, вѣроятно, отъ романскихъ народовъ, судя по названію [1]), различаютъ два періода и сообразно тому два рода пріемовъ: посѣвъ и пересадку. Если весна ранняя, то капусту, какъ и лукъ, сѣютъ на четвертой недѣлѣ великаго поста. (средохрестній) [2]) или позже—на пятой (похвальній) [3]). Такимъ раннимъ посѣвомъ достигаютъ, по народнымъ наблюденіямъ, слѣдующихъ выгодъ: капуста будетъ большая (рахманна), бѣлая, твердая и не будетъ поѣдаться гусеницей. Если весна запоздаетъ, то хозяйка, минуя вербную недѣлю, производитъ посѣвъ въ послѣдніе дни страстной, особенно въ субботу, когда, посадивъ пасхи въ печь, беретъ горшокъ съ сѣменами, смѣшанными съ землей, и сѣетъ сквозь рѣшето въ круглый, оплетенный разсадникъ, снизу набитый навозомъ, а сверху землей, или въ грунтъ. Посѣвъ въ разсадникъ удобнѣе, потому что легче полить росаду и прикрыть ее отъ утренниковъ. Самый поздній посѣвъ бываетъ на Ѳоминой недѣлѣ въ понедѣльникъ (провидный). Посадку начинаютъ тогда, когда растеніе образовало четыре листка, обыкновенно послѣ Вознесенія, съ 25 мая (на Ивана головатого), предъ Тройцей и продолжаютъ всю Петровку, избѣгая третьей лунной четверти и постныхъ дней [4]),—«щобъ гусинь не пойила та не погнылы головкы». Пріемъ посадки такой: хозяйка, намочивъ разсадникъ водой, осторожно вынимаетъ изъ земли росаду, подщипывая кончики корней, и разсаживаетъ въ гряды, бросая промежутки лишь въ полторы четверти между растеніями; при этомъ хозяйка оборачиваетъ горшокъ или черепокъ, накрываетъ его бѣлымъ платкомъ, кладетъ сверху камень и говоритъ: «Дай же,

---

[1]) Cap, capo, caproccio, caput—голова. Въ дикомъ состояніи капуста растетъ по берегамъ морей въ Греціи, Франціи и Англіи, воздѣлывается издавна. (Григорьевъ. Руков. къ бот., 157).

[2]) Тоже у Чуб. Тр. III., 12 и Богдановича. Сбор. 189.

[3]) Также на Волыни. Кіев. Ст., 1895 г., V, Дек. 71.

[4]) Тотъ-же предразсудокъ замѣченъ на Дону. (Новое Время, 1902 г. № 9513, 13 авг., 3.

Господы, щобъ ся капуста така поросла, якъ я оцей горшокъ сюды унесла, щобъ була била, якимъ я билымъ платкомъ прыслала, щобъ була тугая, якъ я симъ каменемъ тугымъ прыклала», затѣмъ хозяйка перевязываетъ себѣ трижды платкомъ голову, «щобъ капуста вьязалась» [1]). Иныя хозяйки садятъ капусту безъ такихъ затѣй, приговаривая только: «Вроды, Господы, капусту таку, якъ у мене голова». Первую недѣлю послѣ посадки капусту поливаютъ, пока пріймется, потомъ мотыжатъ (сапуютъ), а наканунѣ Ивана купала кладутъ на грядки капусты купальскіе вѣнки для предохраненія растенія отъ вредныхъ насѣкомыхъ: гусени (бѣлянки, pontia brassicae и ночницы, noctua brassicae), попельнухи (тли, aphis brassicae), блошки (haltica oleracea) и капустянки (медвѣдки, gryllotalpa vulgaris) [2]). Кромѣ вѣнковъ совѣтуютъ еще предохранять растеніе отъ порчи этими насѣкомыми взбрызгиваніемъ на разсвѣтѣ грядъ: «юрською росою, маковіевською водою», водой, настоянной три дня на рыбьихъ остаткахъ: чешуѣ, желчи или на куриномъ пометѣ (курякахъ). Для той же цѣли посыпаютъ растенія свинымъ пометомъ [3]) или золой, сохранившейся отъ рождественскихъ праздниковъ. Рубятъ капусту съ покровы, послѣ нѣсколькихъ морозовъ.

Вблизи Лубенъ воздѣлываютъ стручковатый турецкій перецъ (capsicum annum), родомъ изъ тропической Америки [4]), такимъ образомъ, какъ капусту, т. е. сѣютъ, когда снѣгъ сойдетъ съ земли, потомъ разсаживаютъ въ гряды, поливаютъ, покуда укоренится,

---

[1]) Варіанты пріемовъ посадки (женщина давитъ колѣномъ землю, берется за голову) приведены у Чубин. Тр. III, 185; варіанты, приказки у Номиса. Укр. Пр. 5; см. также Богдановичъ. Сбор. свѣд. 194.

[2]) О ней въ «Hist nat». M-me Achille Comte сказано: «Jl suffit de quelques-uns de courtilières répandus dans un potager pour y voir en peu de jours toutes les plantes se faner et mourir. (p. 310).

[3]) Совѣтуютъ для избавленія капусты отъ блошки посыпать всходы конскимъ или свиннымъ навозомъ, такъ какъ блошка не выноситъ амміака. (Новое Время. 1900 г., № 8709, 3).

[4]) Григор., 233.

а красные «стрючки» кладутъ въ борщъ и въ соленые огурцы,—«будуть огиркы якъ каминець». Въ каждомъ старомъ огородѣ можно видѣть безпорядочно разросшійся «крипъ» (укропъ, anetum graveolens. L.), восточнаго происхожденія [1]), также служащій приправой горячимъ и холоднымъ кушаньямъ и огурцамъ. Неприхотливость укропа создала повѣрье, что будто-бы онъ можетъ быть разведенъ безъ сѣмянъ. «Якъ летыть ластивка, та у-перве іи побачышъ, то кыдай жменю землы навхресть и прыговорюй: сію крипъ [2]), щобъ Богъ родывъ!—зародыть» [3]). Въ новыхъ огородахъ, однако, укропъ разсѣваютъ по луку или буракамъ. Другія зонтичныя: петрушка (Petroselinum sativum. Hoffm.) и «морква» (daucus carota. L.) разводятся рѣдко и въ ограниченномъ количествѣ; первую бросаютъ въ борщъ, вторую даютъ въ сыромъ видѣ дѣтямъ, какъ лакомство.

Изъ блѣдной зелени мѣстнаго огорода выдѣляются пунсовые и бѣлые цвѣты мака. Судя по глубокой древности употребленія этого растенія, найденнаго въ свайныхъ постройкахъ каменнаго вѣка [4]), можно предположить, что славянское его названіе, сходное съ нѣмецкимъ: Magsammen, дошло къ малороссамъ отъ арійскихъ предковъ. Малороссіяне различаютъ двѣ разновидности мака: зиркатый, зирчакъ, видюкъ, скакунъ, съ коробочкой, изъ которой выскакиваютъ сѣмена (текунъ, papaver Roeas. L.) съ закрытой сѣменной коробочкой [5]). Еще различаютъ обыкновенный (шолудывый) и махровый (повный). Макъ, какъ и предыдущія растенія, требуетъ возможно ранняго посѣва: «найрани-

---

[1]) Григор., 220.

[2]) Произнесть трижды.

[3]) Изъ такихъ разсказовъ и выраженій о вредныхъ насѣкомыхъ: «воны заводятся изъ земли»,—выходитъ, что народъ вѣритъ въ теорію самозарожденія въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

[4]) Хётчинсонъ. «Очер. доисторич. міра» въ Мір. Бож. 1897 г., IX, Прилож., 154. Извѣстенъ древней Греціи. Rejnier Ackerb. der Alten. 200.

[5]) М. Дикаревъ. Зам. по ист. народн. ботан. въ Этног. Обозр. 1899 г., I и II., 23. Роговичъ. Оп. слов. въ Зап. геогр. Общ. I, 130.

шый макъ найкращый, головатый, нечервывый [1]), ёго й мошка не посиче». Полагають даже возможнымъ, высѣявъ макъ по снѣгу, затѣмъ перекопать засѣянное мѣсто; во всякомъ случаѣ нужно сдѣлать посѣвъ на четвертой недѣлѣ поста (на хрести) [2]), такъ какъ макъ долго не всходить и не боится утренниковъ [3]). Макъ нужно сѣять утромъ, покуда еще вѣтеръ не разобрался, изъ рта сѣющей, рядами или въ разбросъ по буракамъ и картофлѣ, потомъ прикидать соромъ (багномъ, смиттямъ). Иногда его разсаживаютъ «пидъ дощъ». Первыя расцвѣтшія растенія перевязываются гарусомъ (жычками) и маковки съ нихъ оставляютъ на сѣмена. Макъ даетъ, по народнымъ воззрѣніямъ, хорошій сборъ: 1) если въ окрестности умеръ священникъ, 2) въ сухіе годы, 3) при неурожаѣ на хлѣбъ или плоды. Вѣроятно, во вниманіе къ послѣднему условію неурожай мака неощутителенъ. «Макъ симъ годъ не родывъ, а голоду не було» [4]). По Маркевичу принято собирать макъ 1 августа (на Маковія) [5]). Въ Лубенскомъ уѣздѣ около того же времени.

Бураки (beta vulgaris. L.) можно сѣять и садить. Посѣвъ теперь заброшенъ, потому что народное мнѣніе объ этихъ способахъ воздѣлыванія бураковъ склонилось въ пользу посадки. Сѣянные бураки нужно прорывать и половина растеній напрасно погибаетъ; сѣянные неудобно полоть, кромѣ того они выходятъ удлиненными; саженные лучше разрастаются, выходятъ толще, короче, круглѣе. Какъ посѣвъ такъ и посадка бураковъ одинаково запрещаются на вербной недѣлѣ [6]): «буряки будутъ гирьки, коростяви,

---

1) Макъ поѣдаетъ личинка жучка бѣлопятнистаго скрытно хоботника (ceutorhynchus macula alba), откладывающаго яички въ коробочкахъ, гдѣ личинки питаются насчетъ сѣмянъ, затѣмъ прогрызаютъ коробочку падаютъ на землю и окукляются. (Нов. Вр., № 9430, 3.)

2) Тоже у Чубин. Тр. III., 12.

3) Котельниковъ. О сѣмен. и посѣвѣ. С.-Пет. 1897 г., 37.

4) Чубин. Тр. 1, в. 1, 265.

5) Обыч. пов. 17.

6) Тоже запрещеніе держится въ Волынской губ. Кіев. Стар. 1895 г., V, дак. 71; оно же указано у Чуб. Тр. III, 13.

ростымуть якъ верба». По первой изъ указанныхъ причинъ нельзя также сѣять бураки по средамъ, по утрамъ и вечерамъ, когда дымъ выходитъ изъ трубы во время топки. Лучшее время посѣва и посадки бураковъ—средина дня четверга или пятницы; притомъ женщинамъ совсѣмъ нельзя сѣять бураковъ: «будуть гарягувати». И такъ, мужъ, вспахавъ часть огорода, назначенную для бураковъ, беретъ брусницу (кушку)—деревянную миску, употребляемую при косьбѣ, чаще большой кувшинъ, съ положенными туда сѣменами для того, чтобы бураки выросли больше, и сѣетъ рядами. Посадка бураковъ лежитъ на обязанности женщины, которая надѣваетъ въ это время красный поясъ и приговариваетъ: «Господы! дай, щобъ бурякы булы красни, якъ жаръ и велыки порослы на любымійшый жаль» или «Вроды, Боже, бурячкы, якъ у мене лыточкы». Садятъ бураки на разстояніи полуаршина межъ рядами и одной четверти между отдѣльными растеніями. Поверхъ нихъ садятъ иногда подсолнечники, бросающіе тѣнь и потому полезные въ сухое лѣто. Наблюдають еще, чтобъ не полоть бураковъ по праздникамъ, небольшимъ даже, и на зеленой недѣлѣ, въ противномъ случаѣ въ бураковый квасъ упадетъ мышь или жаба. Сборъ бураковъ производится одновременно съ картофлей, послѣ Покровы [1]).

Введеніе картофеля [2]) (Solanum tuberosum. L.) въ лубенскомъ уѣздѣ, какъ и повсемѣстно, по разсказамъ старожиловъ, не обошлось безъ нѣкоторыхъ «войнъ за просвѣщеніе». «Якъ вывезено картоплю, такъ вона була сыня у середыни и люды не

---

[1]) Изъ другихъ корнеплодовъ: рѣдька (raphauns sativus. L.) разводится мало, хрѣнъ же (cochlearia Armoracia) берется изъ старыхъ огородовъ.

[2]) Родина картофеля—Чили (Ш. Летурно. Эвол. Торг. въ Мірѣ Бож. 1898 г., VII, 63) и Перу, откуда появился въ Европѣ въ XVI вѣкѣ, въ Италіи подъ именемъ tartufi bianchi (въ отличіе отъ трюфлей—tartufo nero) или по Григорьеву (Рук. къ бот. 232) tartufolli; откуда, вѣроятно, происходитъ какъ нѣмецкое, такъ и малорусское: картопля и бараболя.

хотилы брать. Такъ прыневолювалы и сиклы и накыдалы по тры сотни. Купець закупывъ тай вывизъ. Паны посылалы своихъ садыть, а казна—казенцивъ. Якъ набралы тіи картопли, такъ выслано чоловика:—якъ іи садыть—зъ чужого краю. Казна выслала:—таке мовъ салдатъ. Ризалы картоплю на чотыри часты и садылы на пиваршына колесомъ. У нашій земли вона переминылась: садылы сыню,—стала жовта, смашна. Іи возылы въ казну на смотреніе (sic). Вона перевелась, стала дрибна и кажный годъ дрибнійша. Сплюндровалы ту, а завелы другу. Була и сыня и довга,—навезено. Давнійшъ не було сапъ, пололы рукамы, а обгорталы заступомъ» [1]). Разводили картофель и добровольно. «Мій прадидъ десь доставъ и прывизъ картоплю и давъ баби. Вона взяла у горшечокъ и сховала пидъ поломъ у закапелокъ и дывыться и пыта: «що воно таке—мовъ яечка?» И дидъ не знае названія. Дождалы весны и посадылы, и выйшла картопля» [2]). Этотъ старый сортъ картофеля, по мнѣнію старожиловъ, былъ лучше послѣдующихъ: «Наська у пырогахъ мовъ яйця, вона «смачнища». Въ новѣйшихъ сортахъ находятъ слѣдующіе недостатки: скороспѣлка и «бугайка» водянисты, а американка—волокниста. Картофель разводятъ теперь исключительно клубнями, наблюдая тѣже правила, что и при посадкѣ бураковъ. Нельзя садить на вербной недѣлѣ—«буде, така, якъ верба»,—на третьей четверти, по средамъ и субботамъ, потому что будетъ портиться («буде коростява») [3]). Садятъ картофель съ промежутками въ аршинъ и болѣе между корнями; садящая приговариваетъ: «Дай же, Господы, шобъ було пидъ симъ коренемъ картопелёкъ, якъ на неби хмарокъ, шобъ така ся картопля була рясна, якъ на неби хмара густа»! Картофель сапуютъ и послѣ «Оноприя» (12 іюня) окучиваютъ (обгортають). Въ этотъ-же день

---

1) Отъ кр. с. Литвяковъ Н Кедовой.

2) Отъ коз. с. Волчка Л. Хомулиной. Разведеніе картофеля въ Малороссіи начато при императрицѣ Екатеринѣ II, съ 1765 г.

3) Мокрая гниль картофеля производится грибками botrytis и Fusisporium solani. (Григор. Рук. къ бот. 7).

окучиваютъ хоть 1—2 корня. Для затѣненія картофеля садятъ по ней изрѣдка подсолнечникъ. «Соняшныкъ (Helianthus anuus, L.) садятъ послѣ картофеля, въ апрѣлѣ, въ субботу или въ дни, въ которые были еврейскіе праздники («якъ жыды на кучкы сидалы») для предохраненія отъ воробьевъ. Зависимость времени посадки отъ еврейскихъ праздниковъ объясняется старухами слѣдующимъ образомъ. «Затимъ горобци не будутъ пыть соняшныка, шо жыдъ у суботу ничого не робыть. Горобець ось якъ до жыда доходыть. Якъ Спасытеля сховала Маты Божа у ясля, то горобець казавъ: жывъ, жывъ! А жыды поняли и найшлы. Спасытель сказавъ: «Хай горобець буде, якъ жыдъ». Тымъ горобець проклятый и тымъ винъ у субботу ничого не займае». По другому варіанту:—«Якъ уродывся Спасытель, то Пылатъ хотивъ ёго стребыть, щобъ не було, а жыды шукалы ёго скризь по ясляхъ. То преославни кажуть, що ёго вже нема на свити, а горобци литають та щебечуть: жывъ, жывъ!» И дальнѣйшіе пріемы воздѣлыванія подсолнечника указываютъ на ту же заботливость предохранить растеніе отъ жадности воробьевъ. Садить подсолнечники нужно или до восхода солнца или послѣ захода; особеннно хорошо послѣднее, когда птица сядетъ на ночлегъ. «Горобци вже не жырують тоди, не щебечуть, бо на шабашъ пишлы, якъ жыды». Накапывать для посадки сѣмянъ слѣдуетъ той палочкой, которой вычищаютъ колбасы, когда моютъ послѣднія. Сѣмена окропляютъ освященной водой и кладутъ въ большое рѣшето (пидсытокъ), куда прибавляютъ кусочекъ сала. Рѣшето избирается большое для того, чтобы и верхушка растенія вышла большою (головатою); сало же кладутъ для отвода воробьевъ. Съ той же цѣлью—«щобъ горобци одвертали», садящая надѣваетъ на себя очипокъ или кожухъ на выворотъ. При посадкѣ молчитъ и не «лущыть насиння», чтобы не привлечь вниманія птицъ. По Гринченку [1]) лица, желающія урожая подсолнечника, не должны ѣсть его сѣмянъ на свѣтлый праздникъ. Для предохраненія созрѣвающихъ сѣмянъ отъ воробьевъ, совѣтуютъ еще обсѣять гряду тѣмъ житомъ, которое

---

[1]) «Изъ устъ нар.» 37.

ставится въ кувшинѣ у мертваго тѣла. «Ниразъ не возьмуть горобци лущыть—мовъ що закаже». Или: «Якъ сояшныкы начнуть цвисты, треба взять гниздо зъ горобцямы и зварыть зъ птыцямы, потимъ кропыть соняшныкы, то не будуть горобци пыть». Подсолнечникъ, убирая въ августѣ, срѣзываютъ съ частью стебля (держака) и вѣшаютъ или кладутъ противъ солнца для того чтобы онъ привялъ, потомъ черезъ 2—7 дней выбиваютъ сѣмена.

Горохъ (pisum sativum. L.), одно изъ древнѣйшихъ пищевыхъ средствъ [1]), почти не сѣютъ въ огородахъ по недостатку мѣста. Посѣвъ его на полѣ также сокращенъ, потому что «стало людно». Если посѣять у дороги, «то пастухы стрючкы позрывають, самый гудъ зостанется»; если же скрыть горохъ среди хлѣба, то можетъ случиться такъ, какъ въ сказкѣ Артемовскаго-Гулака [2]) хозяину, который потерялъ горохъ,

«А за горохомъ въ гуртъ и жыто, и пшеныцю,
Бо тилькы зо всёго соломы взявъ копыцю».

По общемалорусскому замѣчанію [3]) лучше всего сѣять горохъ въ Лазареву субботу,—дастъ хорошій сборъ. На мѣстѣ сѣютъ горохъ въ разное время: въ страстной четвергъ и субботу, весь апрѣль и въ началѣ мая, лишь бы посѣять на разсвѣтѣ и снявъ съ себя кожухъ—«горохъ буде киплячый». Онъ будетъ «киплячый» и тогда, когда при посѣвѣ вѣетъ южный вѣтеръ, а если сѣверный—горохъ не будетъ хорошо укипать. Онъ всходитъ чрезъ три дня послѣ посѣва, улучшаетъ, удобряетъ землю, собирается и молотится одновременно съ хлѣбомъ.

Другое огородное мотыльковое растеніе «квасолю, пасолю» (phaseolus vulgaris. L.) разводятъ посадкой въ три зерна «соро-

---

[1]) Онъ найденъ въ свайныхъ постройкахъ (Хетчинсонъ. Очер. доистор. міра въ Мірѣ Бож. 1897 г., IX, 154). Былъ у грековъ. Rejnier. Ack der. Alten. 194.

[2]) Кобз. Арт.-Гулака. Кіевъ, 1878 г., 27—32.

[3]) Чубинск. Тр. III, 12. Арендар. Зап. о Полт. губ. II, 221, Богдановичъ. Сб. свѣд. 189.

чымы лапкамы» поздно съ 23 апрѣля и до Николая, «Вона найутлише зилля, боиться морозу». Убираютъ ее, какъ горохъ.

И американскій маисъ [1]), «пшинку, кукургузу» (Żea mays. L.) разводятъ поздно съ половины апрѣля. Зерна намачиваютъ въ водѣ, изрѣдка поливаютъ жидкимъ дегтемъ для того, чтобы птица не трогала, и обсаживаютъ ими гряды не сплошь, такъ какъ при густой посадкѣ будетъ безплодною (яловою), а въ перемежку съ другими растеніями (мишма)—по три зерна въ ямку, какъ фасоль. Выросшій маисъ «пасынкують», т. е. сбрасываютъ «кашку, куныци, волоть», потомъ початки (качаны) обламываютъ и ѣдятъ отваренными.

Къ воздѣлываемымъ позже овощамъ принадлежатъ и баштанныя семейства тыквенныхъ (cucurbitaceae), которыя разводятъ частью на огородѣ, частью въ степи на баштанахъ въ соединеніи съ описанными выше огородными растеніями: картофелемъ, фасолью и маисомъ. Подъ огурцы (cucumis sativus. L.) подвозятъ въ огородъ нѣсколько возовъ земли съ выгона и перемѣшиваютъ ее съ навозомъ. Кромѣ общаго запрещенія для всѣхъ овощей посадки на третьей четверти не совѣтуютъ еще садить огурцовъ и на четвертой—«тилькы на кинчыкахъ буде вязъ». Лучшее время посадки первая четверть: «буде сама завязь, огиркы будуть незбирни, рясни». Если пасха поздно, то огурцы садятъ въ чистый четвергъ, также на преполовеніе (на праву середу)—«воны будуть прави»; весь апрѣль до св. Георгія [2]). Совѣтуютъ садить ихъ въ то время дня, когда скотъ лежитъ: «щобъ рясно лежалы якъ скотъ» [3]). Дивчата садятъ огурцы въ зеленыхъ лентахъ, въ такомъ же намистѣ и въ новыхъ черевикахъ, больше кружками (кýбахами), чѣмъ рядами, полагая въ ямку по 2—3 сѣмени. Посаженные огурцы ограждаютъ очеретомъ, чтобы куры не клевали. Найдя на дорогѣ лапоть (лычакъ), волочатъ его но-

---

[1]) Григорьевъ. 313.

[2]) По Чубинск. (Тр. Ш, 184) огурцы садятъ еще и въ маѣ, на Ивана.

[3]) То-же у Гринч. Изъ устъ нар. 37.

гой и кидають на баштанъ, приговаривая: «Якый я втягъ лычакъ, таки шобъ я зрывавъ огиркы»[1]). Для лучшей вязи поливаютъ плети (гудъ, гудыну) «до схидъ сонця» отваромъ пустоцвѣта[2]) или огирошныка (trifolium alpestre. L.), который разбрасываютъ также пучками по баштану «шобъ огиркы рясно вьязалысь»[3]). Для успѣха баштана не слѣдуетъ ходить по нему мужчинамъ въ сапогахъ, женщинамъ—въ періодическихъ очищеніяхъ.

Воздѣлываніе арбузовъ (кавунивъ, cucurbita citrulus L.) и дынь (cucumis melo. L.) сходно съ воздѣлываніемъ огурцовъ, съ тѣмъ различіемъ, что первые садятся позже, промежутки между кубахами и рядами дѣлаются шире, сѣмена предъ посадкой намачиваются: арбузовъ въ водѣ, дынь—иногда въ молокѣ, «шобъ булы солодки». Садя арбузы, дивчата надѣваютъ красныя ленты и сподницы, въ карманы кладутъ конфекты. Разсказываютъ еще о слѣдующихъ устарѣлыхъ суевѣріяхъ. Баштанникъ, набравъ сѣмянъ арбузовъ, идетъ на свѣтлыхъ праздникахъ въ церковь къ заутрени и когда священникъ провозгласитъ: Христосъ Воскресъ!—отвѣчаетъ: «Я баштанныкъ увесь, у мене насиння есть». Затѣмъ баштанникъ нагимъ бѣжитъ вокругъ мѣста, назначеннаго для баштана. Выполненіе этихъ пріемовъ обѣщаетъ урожай.

Суевѣріе такого же рода наблюдаютъ воздѣлывая тыквы (гарбузы, cucurbita melopepo или pepo. L.)[4]). «Якъ иты на страсть, то завьязують ныточку стилько разъ, скилько разъ дзвонють и якъ садыть, то треба обвязать тією ныточкою руку и такъ садыть. Скилькы задзвонылы, стилькы буде вьязу». Гарбузы лучше садить въ базарный день, на Ѳоминой (проводной) недѣлѣ въ по-

---

[1]) То-же у Номиса (укр. прик. 5) и Чуб. (Тр. Ш, 185).

[2]) По Чубинск. (Тр. I, 84) пустоцвѣтъ бросаютъ предъ стадомъ, чтобъ потоптало.

[3]) Привлекаемые огирошникомъ шмели переносятъ цвѣтень изъ мужского цвѣтка огурцовъ въ женскіе. Словари раст. А. Роговича и Ѳ. Волкова въ зап. Ю. З. Отд. Геогр. Общ. I, 139 и 172.

[4]) Гарбузы вывезены изъ Остъ-Индіи. Григорьевъ. Рук. къ бот. 211.

недѣльникъ: «шобъ вязалысь на первому цвиту», и во вторникъ: «Якъ посадыть гарбузы у вивторокъ, то на кажній гудени—гарбузивъ по сорокъ». Лучше садить гарбузы дѣвкамъ или молодицамъ, «шо ще дитей водять»; «а якъ стара посадыть, то гарбузы не вяжуться,—одынъ гудъ». Сѣмена сохраняютъ въ самомъ гарбузѣ и садятъ или изъ «ручки» отъ плети у основанія плода или изъ рѣшета, какъ подсолнечникъ, кýбахами по 4—5 зеречъ, «стромляють носками вгору» въ ямки, заготовленныя заранѣе, въ страстную субботу. При посадкѣ смотрятъ на небо: если есть тучки, то будетъ завязь и урожай. Еще одно случайное обстоятельство вліяетъ на урожай. «Якъ пипъ умре поблызу, то вродять гарбузы». Для усиленія вязи существуетъ еще такой пріемъ: «На купального Йвана треба перевязувать жычкамы, або ныткамы гудыну, шобъ вязъ бувъ». Гарбузы «валашать», т. е. рѣжутъ удлиненные побѣги (батоги).

V. Пидметъ.

Посѣвъ, уборка, мочка конопли, лёнъ, рыжей.

Коноплякикъ (пидметъ) занимаетъ по возможности низкую, черноземную полоску огорода, левады или поля у дороги, среди ржи (въ жытахъ). Съ осени онъ только удобряется, весной пашется и конопля [1]) сѣется въ только что отвернутую плугомъ и забороненную землю. Посѣвъ конопли сообразно положенію коноплянпка бываетъ двоякій. На болѣе высокихъ мѣстахъ коноплю сѣютъ одновременно съ огородомъ: на 5-й и 7-й недѣляхъ великаго поста (минуя вербную) и въ апрѣлѣ. Замѣчаютъ, что такія раннія (огородни) конопли даютъ лучшій урожай волокна (пряжи), а позднія—сѣмени, но первыя часто подгораютъ. Затѣмъ по обычаю на шестой недѣлѣ послѣ свѣтлаго праздника, предъ вознесеніемъ, совсѣмъ не сѣютъ конопель. «На вшести не можна сіять

---

[1]) Cannabis sativa. L., родомъ изъ южной Азіи, издавна воздѣлывается въ Европѣ (Григорьевъ. Руков. къ бот. изд. III, 270).

конопель—будуть жорстки». Позднія конопли (гречкови) сѣются въ одно время съ гречой въ маѣ и іюнѣ до 8 іюля (Прокипья), но лучшимъ временемъ поздняго посѣва признается средина іюня, около «Оноприя» (Св. Онуфрія—12-го). Лучшій день для посѣва—среда «на молодыци» [1]), и ненастье. «Якъ посіять конопли пидъ дощъ, то будуть рясни, а якъ у годыну—обридни». Предъ посѣвомъ сѣятель съѣдаетъ нѣсколько яицъ, а скорлупу раскидываетъ по нивѣ [2])—«конопли будуть мняки, жовти якъ воскъ»; затѣмъ скинувъ шапку и проговоривъ: «Роды, Боже, шобъ була плоскониша», засѣваетъ густо, по мѣркѣ на каждыя сто саженъ, проходя вдоль удобреннаго (жырного) пидмета трижды, а вдоль тощаго—дважды. Послѣ посѣва забороиваетъ конопли и яичную скорлупу. Взошедшія конопли охраняютъ отъ голубей и воробьевъ, вытягивающихъ ростки вмѣстѣ съ сѣменами, оградой изъ кольевъ, основанныхъ валомъ съ привязанными къ нему въ нѣсколькихъ мѣстахъ соломенными пугалами (дидами). Дѣйствительнѣе, однако, личная охрана юнаго или престарѣлаго семьянина, и часто можно видѣть настоящаго, а не изображеннаго только изъ соломы, дѣда, кричащаго и машущаго палкой на голубей. Когда конопли вырастутъ, ихъ полютъ, выбрасывая сорныя травы, особенно сурѣпу (свирипу, brassica napus. L.). Затѣмъ, такъ какъ конопля двудомное растеніе, то и уборка ее разновременна. Мужское недѣлимое посконь (плоскинь) выбираютъ чрезъ двѣнадцать недѣль послѣ посѣва, при чемъ часть растеній неизбѣжно вытаптывается и погибаетъ. Женское недѣлимое (матирку) собираютъ позже, когда зерно нальется и отвердѣетъ, къ Спасу и между пречистыми (15 августа—8 сентября). Собранныя до Спаса конопли признаются лучшими для пряжи. Выбравъ конопли, ихъ просушиваютъ въ горстяхъ до двухъ недѣль на мѣстѣ или въ усадьбѣ, потомъ матирку обмолачиваютъ и вѣютъ. При вѣяніи легкое, плоское сѣмя, производящее посконь (пужына) отлетаетъ, а круглое, тя-

---

[1]) То-же у Гринченка (Изъ устъ нар. 35).

[2]) Такое же обыкновеніе въ Великороссіи и Чехіи (Н. Ѳ. Сумцовъ. Писанки. Кіевъ, 1891 г., 23).

желое, производящее матирку (вороне), остается и даетъ олею. Плоскинь и часть матирки намачиваютъ съ осени для отдѣленія древесины (кострыци) отъ волокна (прядева) путемъ растворенія водою клееватаго камедисто-смоляного вещества, а другую часть матирки оставляютъ для весенней мочки, если осень сухая и негдѣ мочить. Запрещается обычаемъ мочить конопли съ весны до св. Николая (9 мая), а по другимъ, до Вознесенья, съ осени—«проты пречыстои (8 сентября) и здвыження» (14 сентября), «бо буде утопленныкъ изъ того роду [1]); а якъ хто хоче мочыть, хай упустыть зализнякy пидъ помистъ. Начиная мочить конопли, приговариваютъ: «У воду якъ вовкъ, а зъ воды якъ шовкъ», и вбиваютъ двѣ небольшія сваи (килкы), кладутъ межъ ними конопли въ средину верхами, а корешками (гузырямы) наружу. Сверху на такой «помокъ» накладываютъ земли, которая своей тяжестью не даетъ разойтись конoплямъ. Такой помокъ называется «довгый», а если конопли укрѣплены крестообразно вокругъ одного только колка, то образуется круглый помокъ. Моченія по росамъ, принятаго въ великорусcскихъ губерніяхъ [2]), въ Лубенщинѣ нѣтъ. Плоскинь оставляютъ въ водѣ на 4—7 дней, рѣдко на 10, материнку же на 12—14. Излишне мокнувшія (перемочени) конопли даютъ: клокъ, валъ, дергу, изъ которыхъ дѣлаютъ рядна обыкновенныя и толстыя (кодри, ковдри [3]), служащія одѣялами, скатерти, рушники. Изъ перемоченныхъ конопель тонкихъ нитокъ не будетъ; недомоченныя и совсѣмъ жесткія. «Найкраще прядево изъ дрибнои, тонкои плоскони, шобъ не лыкуватои». Послѣ мочки конопли сушатъ въ горсткахъ 1—1½ недѣли, потомъ мнутъ на мялицѣ (терныци) для удаленія «кострыци» и пыли, далѣе разминаютъ еще ногами или особой мялкой, мычутъ мычки и прядутъ. «Ни коло чого нема заботливише, якъ коло сорочокъ».

Воздѣлываніе льна [4]) человѣчествомъ древнѣе воздѣлыванія конопли. Онъ найденъ въ свайныхъ постройкахъ, въ которыхъ

---

1) То-же у Чубинск. Тр. III, 184.

2) О воздѣлыв. конопли. С.-Петерб. 1865 г., 10.

3) Польск. coldra, итальянск. coltra—одѣяло.

4) Zinum usitatissimum. L.

конопли не найдено. Его воздѣлывали, египтяне, евреи, греки [1]) и римляне; отъ послѣднихъ растеніе, вмѣстѣ съ своимъ названіемъ дошло, по мнѣнію Липперта [2]), чрезъ Испанію, Галлію, Нидерланды къ нѣмцамъ и славянамъ. Въ Малороссіи различаютъ: ленъ скакунъ или скачокъ (l. crepitans. Schubl. et Mart) [3]), съ осыпающимися сѣменами, и слипець. Землю подъ лёнъ, обыкновенно твердый облогъ, распахиваютъ съ осени не глубоко, на три вершка, а весною разбиваютъ (скородять) въ шесть боронъ Сѣютъ [4]) рано съ Благовѣщенья, полагая по $1^1/_2$ пуда сѣмянъ на десятину, не разбрасывая его широко на всю руку, а пропуская на три пальца; при чемъ иногда приговариваютъ: «Не роды лёнъ, а роды выхилёнъ» [5]). Засѣявъ поле, его волочать опять въ шесть боронъ. Поднявшійся лёнъ полютъ, выбрасывая сурѣпу и лободу (chenopodium album. L.). Выбираютъ его одновременно съ плосконью, иногда на условіи представленія хозяину сѣмени, а рабочимъ стеблей. Смолотивъ ленъ мочатъ, сушатъ, разминаютъ какъ коноплю, и прядутъ изъ него нитки, а къ югу отъ Лубенъ и холстъ. Воздѣлыванье льна все болѣе и болѣе сокращается.

Изъ другихъ масляничныхъ растеній разводятъ только рыжей (camelina sativa. L.) узкими полосками на сбойной землѣ вдоль дорогъ. Землю подъ рыжей не удобряютъ, а только пашутъ осенью или весной; сѣютъ разомъ съ яринами по $2^1/_2$ пуда сѣмянъ на лучшей спасовской «рылли» и по два пуда на худшей; косятъ въ одно время съ житомъ, молотятъ и забиваютъ олею.

В. Милорадовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Хётчинсонъ. Очер. доистор. міра въ Мір. Бож. 1897 г., XI, 154. Rejnier. Ackerb. der alten. 201—203.

[2]) Ист. Культ. 102, 103.

[3]) Роговичъ. Опытъ слов. 127.

[4]) Въ Харьковской губ. предъ посѣвомъ льна, какъ у насъ предъ посѣвомъ конопли, ѣдятъ яйца. Харьк. Сбор. 1890 г. IV, 54.

[5]) Болѣе рослый.

Письма къ Гр. Петр. Данилевскому.[1]

Письмо В. Бѣлозерскаго[2]).

Возвращаю Вамъ это письмо въ цѣлости, не видя причины уничтожать его. Оно принадлежитъ къ числу тѣхъ, какія получалъ я послѣ *8 марта* (да будетъ оно проклято!) вслѣдствіе самыхъ дикихъ, ни съ чѣмъ несообразныхъ подозрѣній и обвиненій, взведенныхъ на меня *по временамъ* мною любимымъ и многоуважаемымъ Николаемъ Ив. Ему не слѣдовало писать подобнаго страннаго и оскорбительнаго письма изъ одного опасенія, что я (по обстоятельствамъ, не совсѣмъ для меня выгоднымъ) буду не въ состояніи уплатить и 35 р., но какъ къ этому оскорбленію присоединилась и забота объ Украйнѣ, то я отъ всей души прощалъ и прощаю и готовъ еще простить вѣчно милому и дорогому для каждаго украинца Никол. Ив. Устранить возникающія по временамъ не между нами, а съ его стороны недоразумѣнія и неудовольствія не въ моей власти. Я дѣлалъ и дѣлаю все, чтобы успокоить и умирить эту взволнованную до глубины горячую душу, но убѣдился, что одно время и перемѣна обстоятельствъ могутъ помочь моему горю. Я думаю, что лучше всего оставить его въ покоѣ и не раздражать напоминаніемъ того, что уже и такъ слишкомъ сильно его измучило. Что же касается до пользы для дѣла, то я думаю, оно выше и крѣпче всяческихъ личныхъ отношеній и даже самыхъ личностей. Сила его опи-

---

1) См. Кіев. Ст. 1903 г., № 1.

2) Вас. Мих. Бѣлозерскій—редакторъ «Основы».

рается на правду, чувствуемую и сознаваемую цѣлой толпой простыхъ и не простыхъ людей. Новый годъ встрѣтили у меня очень весело: много пѣли и танцовали по-украински и по-сербски. А. П. Стороженко просидѣлъ до 3-хъ часовъ, а многіе до 6-ти утра. Зъ Новымъ годомъ и новымъ счастьемъ; бувайте здорови! Сегодня мы собираемся у Алексѣя Петровича.[1]) Сердечно благодарю за доброе слово обо мнѣ и за добрыя желанія.

Вашъ В. Бѣлозерскій.

Шиманова, если Вы его знали, отправляютъ въ Пермь или Вятку—административнымъ приговоромъ.

Письмо Л. Бѣлозерскаго.

Вотъ Вы и ошиблись, добрѣйшій Григорій Петровичъ: первую то часть «Бѣглыхъ» я давно ужъ прочелъ, а до второй—не даютъ добраться: казна работы много наваливаетъ. О первой части поговоримъ при свиданіи; теперь не утерплю, чтобъ не сказать: есть за что похвалить, но не мало и такого, за что пожурить стоитъ. Личности выбраны отлично; намѣчены, очерчены тоже, по моему, хорошо (за исключеніемъ личностей изъ народа), но *выполненія*—почти никакого; даже досадно на Васъ за такое нехудожественное пренебреженіе къ превосходному матеріалу. Мнѣ кажется, Вы слишкомъ поспѣшили печатать свой романъ; ему слѣдовало вылежаться, быть прочитану и провѣрену еще не одинъ разъ: тогда бы вышла вещь дѣйствительно хорошая,—памятная въ литературѣ. Мнѣ кажется также, что Вамъ слѣдовало бы заняться «Бѣглыми» для второго изданія, а не торопиться вновь печатать въ прежнемъ видѣ и навязываться на строгую критику, которой Вашъ трудъ заслуживаетъ (это, вѣдь, большая похвала). Но не въ этомъ дѣло, а вотъ въ чемъ: сегодня я непремѣнно хотѣлъ быть, да не успѣлъ (у Александра Ѳедоровича былъ однакожъ), быть затѣмъ, чтобъ просить Васъ къ себѣ сегодня вечеромъ: надѣюсь, будутъ и Александръ Ѳ. и

---

[1]) Стороженка.

Петръ Петровичъ, хоть поздно. Будутъ земляки. У Васъ былъ А. Ѳ. Кистяковскій. Извините, что мало оттисковъ. За желаніе имѣть мою карточку весьма благодаренъ. Будетъ.

Вашъ Л. Бѣлозерскій.

Пишу изъ госуд. канцеляріи. Простите, если не литературно. Канцелярія возьметъ свое.

1862 г.

Письма М. А. Максимовича [1].

1.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

По послѣдней почтѣ получилъ я любезное письмо Ваше и поэтическое къ нему приложеніе. Благодарю Васъ сердечно за этотъ подарокъ и за Ваше доброе ко мнѣ слово! Степными сказками Вашими, отчасти мнѣ уже знакомыми, полюбуюсь теперь вновь и вполнѣ,—и если найдется что сказать объ нихъ, кромѣ голословной похвалы, то я съ удовольствіемъ это сдѣлаю современемъ... Теперь же скажу только еще разъ *спасибо*, и *помогай Богъ!* Доброе дѣло Вы вздумали и біографію нашего незабвеннаго, достопамятнаго *Основьяненка.* Съ нимъ, къ сожалѣнію, я не былъ знакомъ лично; и моя переписка съ нимъ была рѣдка. Посылаю Вамъ два письма его ко мнѣ, отъ 2-й половины 1840 года: они, кажется, будутъ Вамъ пригодны и интересны для біографіи. Въ нихъ рѣчь объ его *Добромъ Панѣ*, написанномъ для моего Кіевлянина, и объ малороссійскомъ правописаніи. Этотъ неважный предметъ чрезвычайно занималъ его; «столько раскольниковъ у насъ по этому предмету, что нужно бы составить вселенскій соборъ изъ разныхъ сектъ и рѣшить дѣло»—писалъ онъ ко мнѣ; и по его желанію и вызову неоднократному,

---

[1]) Извѣстный ученый, профессоръ и первый ректоръ Кіевскаго университета.

началъ было я писать къ нему обстоятельное письмо о правописаніи малороссійскомъ, во 2-й книгѣ Кіевлянина... но не кончилъ я, зане тогда пришелъ было конецъ всяческому начинанію моему и я былъ уже на исходѣ въ безконечность! Попрошу Васъ возвратить эти два письма мнѣ и прислать мнѣ біографію, когда она отпечатается; я между тѣмъ отыщу для Васъ автографъ «Добраго Пана». Не странно ли, что я такъ охотно послалъ двѣ дюжины писемъ ко мнѣ моего возлюбленнаго Гоголя, для его біографіи, предпринятой въ Современникѣ,—и знаю, что она уже напечатана давно, и не вижу ее доселѣ. Хоть бы изъ дефектнаго экземпляра вырвали тѣ листки, гдѣ біографія, и прислали мнѣ!

М. Максимовичъ.

1854 г. 20 апр. Михайлова Гора.

2.

20 февр. 1856 г. Мих. Гора.

Премного благодаренъ Вамъ, любезнѣйшій Григорій Петровичъ, за вашего *Основьяненка*, котораго я прочелъ давно съ истиннымъ удовольствіемъ,—и обнимаю Васъ отъ всего сердца за милое письмо ваше ко мнѣ... Какъ живо оно напомнило мнѣ меня самого—за четверть вѣка, и какъ будто самъ я рвусь изъ Сѣвера на просторъ Украинскихъ степей, на приволье Днѣпровское! Но, когда Вы сказали мнѣ, что Вы свой въ кабинетѣ Вяземскаго, въ его архивѣ литературномъ—о, какъ охотно я помѣнялся бы теперь съ Вами мѣстопребываніемъ!.. Знаете ли что? Да Вы рѣдкій счастливецъ, просто баловень доброй доли вашей, лелѣющей Васъ, якъ маты кохану дытыну... Вы можете проводить ежегодно треть года на Украинѣ, а потомъ возвращаться въ просвѣщенный міръ Сѣвера... да это *идеалъ*, котораго не достигну я доселѣ, при моемъ постоянномъ къ нему стремленіи! Да бѣжитъ же отъ Васъ мысль перемѣнять такую долю и мѣнять ее на постоянное пребываніе въ глуши степной: одичаете, и тоска по родинѣ обратится въ гораздо худшую тоску на родинѣ. Пріѣзжайте ежегодно освѣжиться украинскимъ воздухомъ,

пнахвататься степной травы, а потомъ съ нею на Сѣверъ претворять и переработывать—какъ Вы впрочемъ и дѣлаете. Повторяю: ваша жизнь устроилась наилучшимъ порядкомъ, и не рушьте его! Будучи слишкомъ вдвое старѣе Васъ, позволяю себѣ давать Вамъ это *опытное* наставленіе въ жизни—извините, или скажите спасибо--а я дѣлаю свое, и говорю Вамъ сердечную и житейскую правду. *Весна*—иное дѣло; и Вы правы, въ стремленіи своемъ отдохнуть весною на Украинѣ! Московская или точнѣе сказать въ *Москвѣ* весна, равно какъ и въ Питерѣ, въ сравненіи съ весною на Украинѣ, дѣйствительно почти тоже... да почему же не сказать, почти тоже, что загорода или комора передъ цвѣтникомъ... меркотиньемъ пахне!.. Апрѣль и май—эти два мѣсяца на Украинѣ точно рай, и какъ жаль, что Вы не въ прошлую весну направились къ намъ на Днѣпръ; а въ эту весну я не буду на Горѣ; уже рѣшено, что я по первой просухѣ ѣду въ Кіевъ, а оттуда въ черниговскую губернію къ своимъ роднымъ, куда меня зовутъ на это время свои родственныя отношенія... Но если Богъ поможетъ мнѣ, какъ я уже и подготовился, перезимовать эту зиму въ Москвѣ,—мы съ Вами—вонъ въ *ту весну* устроимъ поѣздку сюда на Днѣпръ, котораго 60 верстъ можно увидѣть съ Михайловой-Горы. Я въ 1850 году, протомясь и нанюхавшись гнойной весны въ Москвѣ, рѣшилъ, чтобы ни одной весны, сколько Богъ пошлетъ ихъ мнѣ на долю, не проводить въ Москвѣ, а на Украинѣ—во что бы ни стало!—Итакъ, мы нынѣшнею весною не сойдемся на берегу Днѣпра... Между тѣмъ, возвращаясь къ прежнему, видя ваши историческія стремленія, по Основьяненку и Сковородѣ, скажу вотъ еще что: весна на Украинѣ все будетъ та же и черезъ годъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ и не уйдетъ отъ Васъ; а князь Вяземскій, хоть и зеленѣетъ неувядающимъ лавромъ и кипарисомъ, но уйдетъ отъ Васъ... Онъ для насъ стоитъ Украинской весны: не отрывайтесь отъ него, пока онъ въ Питерѣ, заслушивайтесь его—какъ соловья стараго времени, это Вамъ кладъ далъ Богъ для историко-литературныхъ работъ вашихъ,—родникъ живой воды... упивайтесь свѣтлымъ ея кристалломъ.—Напишите мнѣ что-нибудь о немъ

подробнѣе. Будь на вашемъ мѣстѣ я, я занялся бы уже полнымъ собраніемъ его стихотвореній, разсѣялъ бы ихъ по всѣмъ литературнымъ украинамъ, и уже написалъ бы сотню, другую примѣчаній по его изустнымъ сказаніямъ: то-то былъ бы коментарій!.. Объ украинскомъ Діогенѣ у меня нѣтъ ничего особеннаго. Есть одно письмо его, да не стоитъ вниманія и пріисканія въ бумажномъ хламу, отъ котораго я отчужденъ на сію зиму; ибо онъ лежитъ въ нетопленномъ флигелькѣ моемъ. Вы напомнили мнѣ о Соколовѣ... Что его Купалова ночь? Написана ли?—Что «Дельвигъ» Гаевскаго, которому прошу передать мой поклонъ, и если напечатанъ «Дельвигъ» его, то—не ужъ-ли не увижу его, какъ онъ посулилъ мнѣ! Еще разъ благодарю Васъ за *Основьяненка.*—Вы прекрасною *квьткою* въ немъ подарили всѣхъ малороссіянъ.—Автографъ его «Добрый Панъ» дожидаетъ Васъ, чтобы отдаться Вамъ въ руки.—Сказки—чтобы Вамъ попробовать передать ихъ нашею Украинскою мовою! Знаете ли, что и я на старости—перевелъ украинскимъ стихомъ Пѣснь о полку Игоревѣ.

Но, конецъ листу... Богъ да поможетъ Вамъ въ работахъ Вашихъ. Передайте мой низенькій поклонъ князю.

Письмо діакона-поэта Кореницкаго [1]).

Діаконъ *Кореницкій* съ удовольствіемъ исполнилъ бы просьбу *Г. Данилевскаго,* но винъ теперъ вертытся, якъ муха въ окропи. Благочинный писаньемъ не дае отдыху и притомъ завтра ожидаетъ архіерея (а можетъ быть будетъ и сегодня вечеромъ въ Куны). Нема времени ни на грошъ!.. Рада-бъ душа въ рай, та грихи не пускають! Надѣюсь, что Г. Данилевскій оставитъ свой адресъ,—Кореницкій думаетъ писать къ нему въ Петербургъ и прислать кое-что, теперь же, сожалѣя о неисполненіи просьбы, желаетъ счастливаго пути—и здравія и долгоденствія.

---

[1]) Малорусскій писатель.

Письма П. П. Артемовскаго Гулака [1].

1.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Какъ ни лестно для меня желаніе Ваше получить мою—извѣстную хохлацкую бездѣлку, я, съ сердечнымъ сожалѣніемъ, нахожу себя вынужденнымъ въ исполненіи такого желанія—до возвращенія моей жены, которая, кажется мнѣ, взяла съ собой «Упадокъ Вѣка» въ Петербургъ. Судя по ея письмамъ, она должна возвратиться дней черезъ 12; а до того, примите свидѣтельство моего искренняго къ Вамъ уваженія и преданности.

П. Артемовскій-Гулакъ.

24-го сентября 1860 г.

2.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Подавленный бременемъ старости, а и того болѣе гнетомъ величайшаго изъ несчастій, оставившимъ неизгладимые слѣды въ моемъ сердцѣ и во всемъ моемъ организмѣ, я оглохъ душой ко всему, кромѣ голоса участія и вниманія ко мнѣ людей, подобныхъ Вамъ, и потому умѣю еще оцѣнить доказательства добрыхъ Вашихъ ко мнѣ отношеній, такъ любезно, такъ обязательно выраженныхъ во вчерашней Вашей ко мнѣ запискѣ, и спѣшу изъявить Вамъ за то мою искреннюю признательность. Будучи не въ силахъ на этотъ разъ отыскать въ хаосѣ моей письменной экономіи желаемый Вами «Упадокъ Вѣка», я замѣняю его приложеніемъ у сего «Посланія» моего къ Вашей достопочтенной родительницѣ, попавшагося мнѣ первымъ подъ руку, при разборѣ моихъ разсѣянныхъ *шпаргаловъ*, въ надеждѣ, что оно прочтется

---

[1]) Извѣстный малорусскій писатель, профессоръ и ректоръ Харьковскаго университета.

Вами не безъ сочувствія. Примите увѣреніе въ чувствахъ душевнаго моего къ Вамъ и милостивой Государынѣ, милой супругѣ Вашей, уваженія и преданности.

П. Артемовскій-Гулакъ

11-го сентября 1861 года.

P. S. Жена моя въ Петербургѣ. Я передалъ ей Вашу о ней память; и будьте увѣрены, что она не менѣе моего будетъ къ ней чувствительна.

Письмо В. Ярославскаго [1]).

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Штатный смотритель Сумскаго уѣзднаго училища П. Г. Андреевъ, помня мои разсказы о великой предпріимчивости необыкновеннаго человѣка В. Н. Каразина, давалъ мнѣ читать книгу, составленную подъ Вашею редакціей, Украинская Старина, гдѣ и его дѣянія отчасти описаны, но, признаюсь я Вамъ, не въ точномъ видѣ, какъ вообще его знакомцы тогда разсказывали. Въ концѣ предисловія изданной Вами книги было сказано: смотря по успѣху этого сборника, въ слѣдующихъ выпускахъ мы помѣстимъ біографіи другихъ украинскихъ дѣятелей и пр. А на стр. 110 и 129 сдѣланы выгодные отзывы объ А. А. Палицынѣ. Все это подало мнѣ надежду, что Вы, милостивый государь, въ слѣдующихъ выпускахъ о другихъ украинскихъ дѣятеляхъ признаете и П. достойнымъ помѣстить въ числѣ прочихъ людей отличнаго ума и познаній Вашей отчизны, хотя онъ и не въ ней родился, равно какъ и Сковорода. Бывъ обязанъ своимъ образованіемъ и всегда добрымъ расположеніемъ ко мнѣ А. А. П., я почелъ себѣ пріятнѣйшимъ долгомъ составить крупную записку объ образѣ его жизни, о его правилахъ и объ удовольствіи, какое находилъ онъ, чтобъ приласкать молодыхъ людей, передать имъ свои познанія,

---

[1]) Архитекторъ, другъ А. А. Палицына, харьковскаго литератора начала XIX вѣка.

свой вкусъ и никогда никому не отказывать въ нужныхъ имъ совѣтахъ или въ планахъ для построекъ, безъ всякаго съ ихъ стороны возмездія, кромѣ ихъ пріязни. Въ эту записку я внесъ все, что слышалъ о немъ отъ его короткихъ знакомыхъ, что самъ я видѣлъ и слышалъ отъ него въ продолженіе пяти лѣтъ. Въ концѣ записки я разсудилъ присоединить и копіи изъ его писемъ, писанныхъ ко мнѣ въ продолженіе семи лѣтъ. Эти письма я сохранилъ въ цѣлости, какъ нѣкую святыню; иногда, прочитывая ихъ, я находилъ не малую отраду и утѣшеніе, что этотъ мужъ, отличныхъ дарованій, вкуса и познаній, удостоилъ меня своею дружбою и привязанностью, безкорыстно и безъ всякой моей заслуги, давая всегда знать, что онъ дорожитъ моею памятью о немъ. Въ нынѣшнія времена видѣть такіе примѣры доброжелательства есть большая рѣдкость. Изъ числа лично знавшихъ его, которые могли бы сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія, едва ли и одинъ остался въ живыхъ; я также весьма скоро долженъ отправиться въ тотъ путь, изъ котораго на сей свѣтъ нѣтъ возврата. Прочія свѣдѣнія о военной службѣ Пал. при фельдмаршалѣ Румянцовѣ адъютантомъ и о первоначальномъ его житьѣ въ Украинѣ, конечно, Вы читали въ сочиненіяхъ нашихъ писателей, помѣщенныхъ въ Новосельѣ Смирдина (кажетсявъ 2-мъ томѣ), гдѣ подробно и вѣрно онѣ описаны такимъ его знакомцемъ, который, живя недалеко отъ его деревни Поповки, у генеральши Рахмановой въ селѣ Большомъ Бобрикѣ, часто посѣщалъ его и, какъ сочинитель, часто проводилъ съ нимъ время въ дружескихъ откровенныхъ бесѣдахъ. Для полной біографіи недостаетъ нѣсколько послѣднихъ лѣтъ жизни А. А. П. Ихъ могъ бы описать ученикъ его и наслѣдникъ кол. ас. Н. Я. Алферовъ, но онъ не сохранилъ его бумагъ и переводовъ, которыя не были еще напечатаны, какъ онъ самъ мнѣ признался; можетъ быть, нѣкоторыя изъ бумагъ П. найдутся между его книгами у Дим. Н. Алферова. Если Вы, милостивый государь, признаете, что маіоръ А. А. Палицынъ былъ въ числѣ тѣхъ немногихъ людей, которые въ прежнее время способствовали къ просвѣщенію Украйны, то я могу прислать Вамъ составленную мною о его жизни за-

писку черезъ вѣрныхъ людей, которыхъ Вы изберете. Поручая себя Вашему знакомству, весьма лестному для меня, и ожидая отъ Васъ на это письмо отвѣта, имѣю честь быть Вамъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою

Василіемъ Ярославскимъ.

10 янв. 1867 г. Г. Сумы.

Письма П. А. Кулиша.

1.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Исполняя Ваше желаніе, увѣдомляю васъ, что Москвитянинъ находится еще въ рукахъ Погодина. Онъ готовъ былъ уступить его новымъ издателямъ на условіи, чтобы отдѣлъ историческій находился въ его распоряженіи, но они на это не согласились. Итакъ, Вы можете посылать Ваши статьи прежнимъ порядкомъ. О Москвѣ и москвичахъ не могу сообщить Вамъ ничего любопытнаго. Я почти ни съ кѣмъ не видѣлся и остаюсь здѣсь только простуды ради, которую схватилъ на желѣзной дорогѣ. Еще разъ прошу у Васъ извиненія, что не былъ у Васъ ни одинъ разъ. Этого я не дѣлаю ни съ кѣмъ, а тѣмъ болѣе съ человѣкомъ, имѣющимъ столько достоинствъ, какъ Вы. Но, въ послѣднее пребываніе мое въ Петербургѣ, я потерялъ правильность жизни и разучился владѣть своимъ временемъ. Вотъ единственная причина моего невѣжества по отношенію къ Вамъ. Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.

Вашъ покорнѣйшій слуга П. Кулишъ.

Москва, 1854, 2 февр.

2.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Я исполнилъ Ваше желаніе касательно просмотра «Степныхъ сказокъ». Посылаю Вамъ экземпляръ съ моими отмѣтками, кото-

рыя прошу принять безъ всякой авторской гордости и—что найдете возможнымъ—исправить по нимъ для второго изданія. Въ Вашихъ сказкахъ есть вещи превосходныя, и потому я сильно желаю, чтобы вы потрудились надъ отдѣлкою, или по крайней мѣрѣ обрѣзкою этой книжки. Мнѣ кажется, что Вы недовольно серьезно смотрите на эти вещи и что у Васъ въ виду—не внутреннее удовлетвореніе трудомъ своимъ, а желаніе обратить на себя вниманіе публики. Отъ этого Вашъ талантъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не сдѣлалъ ни шагу впередъ, и имя Ваше, съ которымъ были связаны пріятныя надежды, повторяется въ кругу писателей съ серьезнымъ направленіемъ все небрежнѣе и небрежнѣе. Пріостановитесь же немножко на бѣгу своемъ, соберите себя всего на нѣсколько болѣе совершенныхъ піесъ и доставьте Вашимъ приверженцамъ возможность отстаивать убѣжденіе, что Вы имѣете истино поэтическое призваніе. Если Вы отдѣлаете только сказки со всѣмъ стараніемъ художника, влюбленнаго въ свою работу, то уже сдѣлаете много. Отъ всей души желаю видѣть ихъ въ художественной доконченности, и увѣренъ что она тотчасъ почувствуется читателями. Съ истиннымъ уваженіемъ и преданностью имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою П. К.

1854, февр. 24. Борзна.

3.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

По типографіи все будетъ исполнено своимъ порядкомъ. Къ Ник. Д. Бѣлоз. пишу еще разъ и если письмо мое не выведетъ его изъ апатіи, то остается одна надежда—на архангельскую трубу, т. е. на трубу архангела. Очень обяжете Вашимъ посѣщеніемъ. Я дома до 12 часовъ по утрамъ, а вечеромъ—навѣрное—по четвергамъ и воскресеньямъ. Съ истинымъ уваженіемъ имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою П. Кулишъ.

1859 г. дек. 14.

4.

10 дек. 1866.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Отъ всей души благодарю Васъ за добрую память обо мнѣ и за присылку новаго Вашего изданія. Къ сожалѣнію, мнѣ нечѣмъ отдарить Васъ на этотъ разъ, но со временемъ будетъ. Съ Балясныымъ я не имѣлъ еще времени познакомиться поближе: ѣздилъ за границу, откуда только что возвратился. Извините Бога ради, что я не могъ отвѣчать Вамъ тотчасъ же на Ваше письмо: некогда было дохнуть. Искренно уважающій Васъ и преданный Вамъ П. Кулишъ.

Варшава.

5.

Виноватъ я передъ Вами, почтеннѣйшій Григорій Петровичъ: до сихъ поръ не собрался снять съ себя фотографическій портретъ. Наконецъ посылаю, хоть поздно. Литературный долгъ также надѣюсь выплатить, бо вже мовлявъ, зибравсь, мовъ той убогій на кисиль. Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1867 г. марта 28. Варшава.

6.

Многоуважаемый Григорій Петровичъ!

Узнавъ о Вашемъ пребываніи въ Петербургѣ, рѣшаюсь обезпокоить Васъ покорнѣйшею просьбою. Мнѣ нужно имѣть по экземпляру всего, что напечатано по-украински, за исключеніемъ Шевченка и моихъ собственныхъ сочиненій—слѣдовательно, повѣсти: Квитки, Марко-Вовчка и Стороженка, да сборники народныхъ пѣсенъ Максимовича 1834 и 1850, Метлинскаго и Лукашевича (червоно-русскія думы и пѣсни безъ имени издателя). (Были во время оно у Юнгмейстра). Хотѣлось бы еще имѣть Абетку Гатцука (а Вжинка его не нужно) да еще мою Хату.

Есть въ Петербургѣ чиновникъ государственнаго контроля Данило Семеновичъ Каменецкій. Онъ могъ бы, еслибъ хотѣлъ, снабдить Васъ всѣми этими книгами. Потрудитесь повидаться съ нимъ и передать ему мою просьбу, но пересылку книгъ благоволите взять на себя. Очень Вы меня одолжили бы, узнавъ отъ него, почему онъ не отвѣчаетъ мнѣ на мои письма, и будетъ ли когда-нибудь отвѣчать. Это—человѣкъ непостоянный. Я ему долженъ нѣсколько десятковъ рублей, но не помню, сколько именно, и на этотъ вопросъ онъ отвѣчалъ вовсе некраснорѣчивымъ молчаніемъ. Итакъ, сдѣлайте одолженіе—возьмите у него, какія онъ вамъ дастъ книги и вышлите на мое имя въ чешскую Прагу, poste restante. Которыхъ книгъ онъ Вамъ не дастъ, тѣ потрудитесь купить; деньги за покупку и пересылку возвращу съ благодарностію. Какъ Вы поживаете? Что дѣлаете? И что хорошаго дѣлается у васъ вообще?—Я за-границей съ января и проживу здѣсь еще долго. Искренно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1869 г. апр. 19 ст. стил. Венеція.

7.

Многоуважаемый Григорій Петровичъ!

Извините, ради Бога, что я послалъ Вамъ нефранкированное письмо: это случилось впопыхахъ, я получилъ книги, о которыхъ просилъ Васъ. Отъ души Вамъ благодаренъ. Но желательно было бы получить и Ваше рукописаніе. Начертите хоть нѣсколько словъ о себѣ и о томъ, что дѣлается въ Россійской имперіи. Еще разъ благодарю Васъ. Что же Каменецкій? Истинно Вамъ преданный П. Кулишъ.

Адресъ: Praga, Lipova ulice № 474.

8.

Многоуважаемый Григорій Петровичъ!

Пишу къ Вамъ, чтобы предупредить Ваши хлопоты. Въ Прагѣ я нашелъ все, что было издаваемо по-украински и даже

такія изданія, которыя составляютъ величайшую рѣдкость, напр. «Думы князя Цертелева». Теперь меня занимаете только Вы сами. Напишите о себѣ, что Вы подѣлываете и какъ Вамъ живется на свѣтѣ. Извините, что для скорости отправки, не франкирую письма. Благоволите отвѣчать мнѣ также не франкируя. Адресъ: Въ Прагу на мое имя: Gasthaus zum Goldenen Engel, beim Portier. Искренно Вамъ преданный П. Кулишъ.

1869 г. мая $^{9}/_{21}$. Прага.

Письма Н. С. Соханской (Кохановской) [1].

Апрѣля 29, 1854 года. Макаровка.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Я къ Вамъ съ цѣлымъ грузомъ извиненій. Не говоря уже о тѣхъ, которыя я должна приносить Вамъ за продержаніе вашихъ тетрадей почти годъ; но вотъ еще что въ добавленіе.—Я получаю письма отъ Петра Александровича въ отвѣтъ на посланную ему повѣсть и вижу изъ нихъ, что онъ приглашаетъ васъ и хочетъ возложить на васъ хлопоты съ редакціей Библіотеки для Чтенія въ напечатаніи моей статьи. Что это не было ни малѣйшимъ желаніемъ или поводомъ съ моей стороны, пожалуйста, вѣрьте моему слову—иначе, судите сами, я вѣроятно бы отнеслась къ вамъ. Но заботить кого-нибудь своими дѣлами, я избѣгаю этого всячески и тѣмъ болѣе заботить васъ, молодого человѣка, занятаго и служебными, и литературными, и, безъ сомнѣнія, многими другими дѣлами. Это вина Петра Александровича, въ которой я не участвовала ни моимъ помышленіемъ. Такъ вы, пожалуйста, простите меня, безвинную, за тѣ безпокойства, которыя я, не думая—не гадая, нанесла вамъ.

---

[1]) Харьковская писательница, писавшая подъ псевдонимомъ Кохановской.

Я здѣсь могла бы и окончить мое письмо (потому что послѣ испрашиванія прощенія всегда слѣдуетъ большое или маленькое молчаніе, въ ожиданіи получить его); но мнѣ не хочется остаться при однихъ будто бы оффиціальныхъ извиненіяхъ, не найдя еще чего-нибудь другого сказать вамъ. Напр.: Хотя не будетъ-ли это обращеніе ко временамъ давнопрошедшимъ и исчезнувшимъ изъ вашей памяти; но припомните и угадайте, чѣмъ окончились поэтически-монастырскія стремленія извѣстной вамъ особы? Дѣломъ вполнѣ естественнымъ. Слышно, она выходитъ замужъ. И далѣе еще вамъ напоминаніе: а чѣмъ окончилось поприще дьякона Кореницкаго; за которымъ—помните? вы посылали отъ насъ?—Тѣмъ, чѣмъ окончимъ и всѣ мы: смертію; замерзъ, бѣднякъ. «Въ жизни и въ смерти Богъ воленъ», говоритъ нашъ русскій человѣкъ, и потому не будемъ разбирать, насколько участвовала здѣсь добрая или не добрая воля самого дьякона Кореницкаго... А событія, которыя насъ ждутъ у дверей? а наша Одесса, которую пощипали... «Что это намъ такое»? интересно послушать, какъ розсуждаютъ ваши земляки. «Хотя бы и совсѣмъ смели Одессу, Россіи это все равно, что вотъ эту рюмку разбить»... Примѣръ, разумѣется, находится подъ рукою. Сколько у насъ ходило малороссійскихъ стиховъ вслѣдствіе осеннихъ воинскихъ событій! Отъ многихъ уже только по нѣсколько строкъ осталось:

Сыдыть Абдулъ,
Губы надулъ,
        Тай думку гадае...

Тамъ какъ то: что его войско турецкое поробляе: сколько оно москаливъ побыло и човнивъ ихъ потопыло...

На панъ-отця,
На Воронця,
        Арканъ съ шовку суче.
Сучи арканъ,
Дурный султанъ,
        Та скручуй тугенько;

Бо Туркамъ всимъ
Высить на нимъ
Прійдется довгенько.

Однако *довгенько* заняла васъ своимъ письмомъ—простите и прощайте, Григорій Петровичъ. Пожалуйста, вѣрьте искренности моихъ извиненій и добрыхъ желаній, которыя я посылаю вамъ—и посылаю ваши тетради. Готовая къ вашимъ услугамъ Над. Соханская. Но вѣдь и вы крѣпко должны сидѣть въ готовящейся вамъ осадѣ—что вы подѣлываете? Уже Кокошкина вы отъ насъ берете.

2.

Макаровка, октября 28, 1554 г.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Съ недѣлю, какъ я воротилась домой изъ своей поѣздки въ Россію и вотъ подумываю писать къ Вамъ... Право, не совершенно ли оно лишнее, что вы такъ настоятельно хотѣли этого письма. Слобожане ваши—вы знаете ихъ лучше, нежели можетъ знать кто-либо другой. Я воспользовалась первымъ краснымъ днемъ, по своемъ возвратѣ, и прочитала ихъ за половину, не выходя изъ своего садика—такова у насъ славная погода. Въ вечеру я прочла Тургенева нашего прекраснаго, его Затишье. Вы, рузумѣется, не поскучали-бы, если-бы я затѣмъ въ письмѣ къ вамъ выразила нѣсколько задушевно выговоренныхъ похвалъ и свѣтлыхъ, открытыхъ благодареній, какъ бы маленькихъ благословеній таланту г. Тургенева; но лучшее при этомъ талантѣ именно есть то, что о немъ можно говорить не съ однѣми только похвалами, а съ дѣльнымъ, мыслящимъ разсужденіемъ—на то или на другое въ немъ можно указать, какъ на примѣръ, достаточно видный... О чемъ это такомъ я хочу говорить вамъ?—думаете вы, Григорій Петровичъ. И припомните: какъ стороною и всегда издалека начинаютъ говорить наши малороссіяне... Я не хочу безусловно хвалить Затишья г. Тургенева; не знаю, какъ *тамъ*, въ вашемъ литературномъ мірѣ, взглянули на него, но, вѣдь, это *нашъ*

міръ—деревенское затишье и мы въ немъ настоящіе господа. Необходимое условіе, безъ котораго нельзя ступить вѣрнаго шага—задача нашихъ родныхъ писателей и должна быть въ томъ, чтобы прежде нежели писать о нихъ, *знать* условія и живые оттѣнки разнородныхъ степеней нашего общества и родного быта, стараться зазирать не въ одни только верхніе и нижніе слои, а именно не забывать золотой, той огромной середины, которая въ русскомъ обществѣ значится именемъ: помѣщики. Оно и точно, сюда устремляются всѣ, но, по счастливому сходству, дѣйствуютъ вполнѣ такъ, какъ знаменитый герой, исторгавшій свой мечъ противъ вѣтряныхъ мельницъ... Такъ и хочется всегда спросить:

Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышутъ?

Даже самый нашъ прекраснѣйшій, высокоталантливый портретистъ г. Тургеневъ и тотъ дѣлаетъ такіе промахи, ни съ чѣмъ не сообразные, что явно выказывается его совершенное незнаніе общихъ, основныхъ, положеній круга выводимыхъ имъ лицъ, хотя онъ и захватилъ тамъ увлекательныя частности... Михаилъ Николаевичъ Ипатовъ—старикъ, за которымъ числилось всего не *болѣе девятисотъ* душъ, является за двадцать верстъ, ночью, является съ первымъ визитомъ въ какой то нововыбѣленный, покрившійся флигелечекъ и, въ передней стоя, пискливо спрашиваетъ: «Владиміръ Сергѣичъ Астаховъ дома? Можно *ихъ* видѣть»? Здѣсь все невозможное, начиная съ самаго начала: что въ деревнѣ день великъ и никогда никто не ѣздитъ знакомиться ночью—имѣетъ сельская свобода свои точно такія же узаконенныя права, какъ и надменная Москва. И чего поѣхалъ бы Ипатовъ, счастливый и крайне довольный въ своемъ затишьи добиваться этого новаго знакомства? Но онъ ни въ какомъ случаѣ и не могъ ѣхать: потому что, по коренному, въ основу взятому правилу деревенской жизни, новопріѣзжій долженъ сдѣлать первые визиты, иначе будъ онъ чѣмъ ему угодно, а мало мальски значительные сосѣди не поѣдутъ къ нему на поклонъ, а здѣсь же еще, берите во вниманіе, у Ипатова было девятьсотъ душъ,

а у Астахова только шестьсотъ. Размѣщая такъ щедро по деревнямъ глупость, какъ это упускать изъ вида ея близкую родню *гордость*? И какое странное незнаніе для писателя, не имѣть понятія о самыхъ простыхъ положеніяхъ, опредѣляющихъ здѣсь и мѣсто лица въ нашемъ обществѣ! *Всего не болѣе девятисотъ душъ*... Да развѣ это таки мало? Можетъ быть, точно, въ столицѣ, куда стекаются богачи изо всѣхъ краевъ Россіи, оно и не много значитъ, или, Божіею милостью, нашъ дорогой г. Тургеневъ самъ такъ богатъ, что можетъ девятьсотъ душъ считать за малость; по крайней мѣрѣ, въ провинціи это большое, прекрасное состояніе, дающее въ обществѣ не малый вѣсъ и силу—наконецъ, потому, что неужели же мы, въ самомъ дѣлѣ, такіе «сѣверные варвары», чтобы девятьсотъ душъ мужскихъ—не включая въ это число женскихъ—чтобы эти девятьсотъ душъ, надъ которыми мы только что не имѣемъ права жизни и смерти, не давали, по крайней мѣрѣ, нагляднаго высокаго почета человѣку, обладающему ими?.. И какъ же выведенъ, какъ говоритъ этотъ человѣкъ? Сосѣдъ ихъ, Ипатовъ, желаетъ Владиміра Сергѣевича—*ихъ* видѣть, буде не обезпокоитъ. Здѣсь у насъ, *осмѣлюсь такъ выразиться*, не то, чтобы захолустье, а затишье, право затишье, уединенный уголокъ—вотъ что. Мы даже на имянины во фракахъ не ѣздимъ... Вотъ-съ, рекомендую—мои дочки-съ. Эту вотъ Катей зовутъ-съ, а эту Настей... Прошу любить, да жаловать»... Такъ и лакей у девятьсотъ-душнаго барина не станетъ говорить вамъ, да, впрочемъ, правда, у Михаила Николаевича Ипатова и лакея не было. «Вошла ключница, худая старуха, повязанная темнымъ платкомъ и объявила, что обѣдъ готовъ»... Слыхано ли, чтобы у почти тысячедушнаго русскаго барина не было лакея доложить, что кушать готово? Такъ что же послѣ этого наше барство? Что такое наши дворни, когда русскій писатель не знаетъ или забываетъ о нихъ и своего девятьсотдушнаго барича, какъ нѣмца какого заставляетъ проживать вѣкъ при одной старой ключницѣ? Стыдно дѣлать такіе промахи въ отношеніи условій своего родного, исторически созданнаго быта! И вотъ невѣрность общаго, основного положенія, естественно привела къ той же невѣрности, наличной

невозможности, а частности нѣкоторыя—сами по себѣ превосходныя. Напр., этотъ портретъ Марьи Павловны. Рѣзкій, прекрасно очерченный, онъ былъ бы чудо, еслибъ была въ немъ какая-нибудь возможность истины при принятомъ положеніи. Но судите; въ чертахъ выражалась не то, что-бы гордость, а суровость, почти грубость; постоянно опущенные глаза, презрительно хмурились прямыя брови, молодое, непривѣтное лицо, казалось, говорило: что вы всѣ на меня смотрите,—ну, смотрите, надоѣли! и въ глазахъ было что-то дикое, тупое—и чтобы все это вмѣстѣ—эта Бобелина, какъ назвалъ ее зять, и вдобавокъ еще съ красными руками безъ перчатокъ, была дѣвушка, родственница, занимающая мѣсто хозяйки въ барскомъ девятьсотдушномъ домѣ, выросшая въ немъ и которой еще ввѣрено попеченіе и даже, какъ видно, воспитаніе двухъ молоденькихъ племянницъ, потому что гувернантки при нихъ не было. Статочное-ли это дѣло? Вотъ таково то незнаніе основныхъ *чиселъ* нашего общественнаго положенія. Но поставь только г. Тургеневъ пятьдесятъ душъ вмѣсто девятисотъ Ипатова—и все мгновенно бы преобразилось, вошло въ свои естественныя, настоящія границы: и визитъ, положимъ, и вечеркомъ случился бы, естественно отсутствіе фраковъ и присутствіе ключницы.. Марья Павловна явилась бы въ полномъ блескѣ прямо русской, нѣсколько дикой, степной красоты... И Бобелина бы чудесно шла къ ней... Все въ портретѣ было бы истинно: и хмурилась бы она, и держала свои большіе, темные глаза опущенными, и этотъ досадный вопросъ на непривѣтномъ молодомъ лицѣ: чего смотрятъ на нее? надоѣли! Въ блескѣ своей свѣжей, мощной красоты, еще ярче выступавшей подъ вліяніемъ чувства Марьи Павловны къ Петру Алексѣевичу, она именно такъ должна была повстрѣчаться съ мосьё Астаховымъ, очень рѣдкимъ явленіемъ въ ея степной глуши. Едва наклонивъ ему голову, дикая и слишкомъ гордая, чтобы конфузиться, она платила ему суровостью и почти грубостью за визитъ, которымъ никакимъ образомъ не интересовалась, и который развѣ только еще надоѣдалъ ей... Чудо, что за славный портретъ въ этомъ видѣ! Я не помню, чтобы какое описаніе красоты такъ живо оставалось въ моей

памяти и представало полно, во весь ростъ, хоть осяжи его—правда и черты крупны, русской породы.—Далѣе, какъ кому угодно, а я смотрю на Затишье, вовсе не видя, чтобы это была повѣсть. Для меня это разсказъ изъ золотыхъ записокъ охотника, который гораздо покороче и оканчивается именно тамъ, гдѣ Петръ Алексѣевичъ, погнавъ лошадь, поетъ: «хлопець сіе жито, жинка каже макъ». Остальная половина точно можетъ быть повѣстью и даже всѣмъ, чѣмъ кому угодно,—только не затишьемъ. За то въ маленькомъ разсказѣ Затишья, что за прелесть эти подробности! Эта складная душа Бодряковъ, появленіе въ колясочкѣ старушки, разговоръ ея въ короткихъ вопросахъ, это требованіе старосты: да что, Миша, я никакъ старосты не добьюсь? Егоръ Капитоновичъ со своей проповѣдью: держи свѣчку передъ грудью—это чудо! Душа радуется. Я совершенно вѣрю, иначе и быть не можетъ, что на мѣстѣ Астахова, самъ г. Тургеневъ прослушалъ это черезъ перегородку держа свѣчу передъ грудью!» Только что касается до самого г. Астахова, положительно моднаго человѣка, то онъ куда какъ плохъ. Въ немъ положительности и тѣни нѣтъ. По тону его, по пріемамъ, по этому чутью, которымъ слышишь человѣка, является онъ жиденькимъ такимъ, а уже въ одномъ словѣ *положительность* слышна какая то пустота. Le style c'est l'homme, а говоритъ то онъ какъ? Его просятъ: Ахъ, прочтите, пожалуйста, стихи. «Извольте-съ». Вы надолго пріѣхали сюда? *Никакъ нѣтъ*, я располагаю завтра же выѣхать отсюда... *Я никогда не испытывалъ силъ своихъ на этомъ поприщѣ*, т. е. это значитъ, что онъ никогда не игралъ въ маленькомъ домашнемъ театрѣ. Неужели петербургскіе модные, положительные люди ведутъ разговоръ такъ? Если бы только сказать: «на *семъ поприщѣ*, то это былъ бы мудрый языкъ поповича, ходившаго до Риторики... Но когда же я заговорю о Вашихъ Слобожанахъ, можетъ быть, вы ждете, Григорій Петровичъ. Пожалуйста, по-сосѣдски говоря, не ждите. Вы сами мнѣ сказали, что вы ихъ вновь и окончательно передѣлали: когда получится мое письмо, у васъ уже готово будетъ свѣжее изданіе, стало—къ чему же мои замѣтки? Я буду указывать на то, что измѣнено и чего нѣтъ, или

же мое указаніе придетъ поздно, а согласитесь: во многихъ вещахъ лучше никогда, чѣмъ поздно! Одно, что вы позвольте мнѣ сказать, оставляя за собой полное право и не слышать моихъ скромныхъ словъ, это—я возстаю противъ общей идеи вашей прекрасно изданной книжки. Что это за полусонное, полупьяное царство? Будто въ немъ наша Малороссія? Не въ немъ, Григорій Петровичъ. Позвольте вамъ разсказать маленькое путевое впечатлѣніе... Вотъ это, возвращаясь изъ Россіи, припоздали мы и должны были остановиться на постояломъ дворѣ и еще одна хата съ хозяевами и со всякимъ, кто другой можетъ заѣхать. Мы съ сестрой ночевали въ экипажѣ. На утро, когда стали готовить лошадей, я вошла въ хату. Это было воскресенье. Хозяйка зажгла передъ образомъ три ровныхъ, большихъ изъ желтаго воска свѣчи, накурила сильно ладаномъ по всей хатѣ и самую *курильничку*, чистенькую, крестясь, подвѣсила подъ образа; затѣмъ выступилъ на середину хаты хозяинъ и началъ молиться. Не осмѣливаясь оставаться прямо передъ его лицомъ, обращеннымъ къ Богу, я подвинулась на самый конецъ стола. Помолился онъ, разглаживая усы и оправляя обѣими руками сѣдоватую голову, сталъ на его мѣсто чеботарь, пріѣхавшій послѣ насъ; за нимъ прямо низкимъ земнымъ поклономъ выступили въ этотъ кругъ благодатнаго отъ свѣчей озаренья, хозяйка, среднихъ лѣтъ женщина, и всѣ они прекрасно молились. Этотъ широкій, благоговѣйный крестъ по плечамъ, всеблагословенное, святѣйшее чувство простоты вѣры, не усомняющееся возносить себя, пусть и паны сидятъ здѣсь и смотрятъ любопытными глазами... Григорій Петровичъ, сила подобной молитвы слишкомъ живительна, чтобы она не сказывалась благотворно въ жизни, и Слобожане, которые отъ своихъ дѣдовъ научились молиться такъ, не могутъ ли представить что-нибудь лучшее непросыпной лѣни и блажи...

Я слишкомъ заговорилась; но, пожалуйста, утѣшьтесь, Григорій Петровичъ—подобной длины другое письмо не угрожаетъ вамъ никакъ, а за это вы извините меня.

Надежда Сохранская.

A propos! Кто обѣщаетъ, тотъ исполняетъ. Вы такъ много обѣщали мнѣ прочитать того и другого и не... Я не произношу окончательно слова, что вѣрно въ видѣ возмездія, не поставите себѣ въ большой трудъ переслать мнѣ послѣдніе стихи Хомякова къ Россіи по случаю нынѣшнихъ событій.

3.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

А! вотъ вы опять рѣшились написать ко мнѣ, какъ добрый землякъ, желаете немножко посодѣйствовать въ пользу интересовъ вашей землячки—благодарю васъ: О «Гайкѣ» мы говорить не будемъ, безталанная судьба ея такова, что лучше забыть о ней и я прямо обращаюсь къ предложенію г. Дружинина, которому вы служите посредникомъ. Что вамъ сказать? Гораздо прежде вашего письма, я получила письмо отъ г. Старчевскаго, самое предупредительное и любезное, какое я могла желать въ глуши своей Макаровки. Онъ даетъ мнѣ 60 руб. сер. за листъ, прислалъ мнѣ Сынъ Отечества—словомъ поступилъ со мною очень благородно, какъ не поступали другіе. Я передала ему заботу по новому напечатанію и право на одну драматическую піеску, тоже погибавшую въ редакціи Пантеона. Въ рукахъ у меня есть почти оконченная большая повѣсть—не совсѣмъ плохая, если могу судить. Объ ней я тоже писала г. Старчевскому; но я не скрою, что форматъ Сынъ Отечес. вовсе меня не удовлетворяетъ. Мои повѣсти довольно велики и видѣть ихъ порванными на части не совсѣмъ пріятно. Къ тому же я хотѣла бы имѣть постоянное мѣсто для довольно большихъ статей—хотя бы напр. о Пушкинѣ и объ *матеріяхъ важныхъ*. Полное изданіе сочиненій Пушкина хоть во всѣхъ нашихъ журналахъ сопровождалось должными статьями; но не въ укоръ будь сказано нашей голубушкѣ литературѣ, что намъ сказали эти статьи?—Ничего. Послѣ Бѣлинскаго мы ни одного слова не прибавили къ нашему разумѣнію поэзіи Пушкина, какъ будто одинъ человѣкъ и за одинъ разъ могъ высказать все, что можно сказать о вели-

комъ поэтѣ? А время, которое измѣняетъ, расширяетъ просвѣтляетъ взглядъ на вещи?.. Грустно—чтобы не сказать: стыдно намъ, милостивые государи!.. Такъ вотъ, милостивый государь, дѣло мое выходитъ такого рода: что я не прочь бы была препроводить къ г. Дружинину и большую повѣсть, и очень не малую статью о Пушкинѣ; но *во перв.: я* отстраняю всякія посредничества, хотя преискренне и премного благодарна Вамъ, пане добродію, за вашу ласку; но я хочу имѣть свои непосредственныя сношенія съ г.г. литераторами, если уже я возымѣла дерзость рѣшиться пристать къ ихъ заповѣдному кругу. *Во вторыхъ*, я достаточно научена горькимъ опытомъ и должна быть немножко осторожна. Если г. Дружинину угодно имѣть въ своемъ журналѣ мои статьи, пусть онъ потрудится написать ко мнѣ и опредѣлить свои условія. Въ этомъ ничего не можетъ быть щекотливаго для извѣстнаго литератора, пишущаго къ его неизвѣстному собрату по искусству, или по ремеслу, потому что этотъ собратъ—женщина. Вотъ все, что я могу сказать Вамъ, но попросите г. Дружинина, если онъ согласенъ будетъ, увѣдомить меня поскорѣе. Начало моей повѣсти уже совершенно готово и я по этой почтѣ располагала было отослать его къ г. Старчевскому. Но вы что подѣлываете Григорій Петровичъ? Чѣмъ вы заняты? Что ваши «Чумаки»? Кто изъ насъ на кого сердился: вы ли на меня, или я на васъ? Виноватаго Богъ проститъ. Не знаете ли Вы чего о Плетневыхъ? гдѣ они? Будь у меня адресъ, я бы писала къ нимъ. Но пора кончать мое страшное маранье. Извините за такой ладъ и складъ моего письма. У меня обыкновенно письмо зависитъ отъ пера; хорошо перо и письмо что-нибудь порядочное можетъ сказать; а если перо такъ дурно, какъ теперь, мнѣ остается желать Вамъ скорѣе всѣхъ благъ въ мірѣ, въ томъ числѣ хорошаго пера, и подписываться

Над. Соханская.

4.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Вы спрашиваете меня: что я подѣлываю, какъ провожу время? Этотъ вопросъ молча надобно обратить къ Вамъ. Мое время идетъ

своимъ обычнымъ и привычнымъ чередомъ; но вы то? Послѣ столичной жизни и вдругъ очутиться одному въ деревнѣ, въ большомъ, пустомъ домѣ и когда еще такая неутѣшительная погода глядитъ въ окно! И потомъ еще... Какъ бы мягко въ иныхъ случаяхъ ни казалось слово, но оно жестоко проходитъ по душѣ. Я едва могу выговорить. Неужели тотъ непостижимый фактъ совершился? Вѣдь это, наконецъ, странно до того, что этой странности не находишь имени. Дать слово, писать къ архіерею—и потомъ вдругъ такая неожиданность. Чувство вашего справедливаго благороднаго негодованія должно облечить вамъ многое... Въ какой же она монастырь уѣхала? Въ тотъ же самый? Не было ли чьего сильнаго вліянія на нее въ промежутокъ того времени? Право, исходъ этого страннаго дѣла такъ тяжелъ, что, поговоря о немъ, не имѣешь духа начинать говорить о чемъ-либо другомъ. Что я скажу вамъ? Отъ Каткова я не имѣю никакого отвѣта; но отъ Дружинина получила письмо и уже послала ему начало своей повѣсти. А моя то несчастная Гайка! И еще судьба ея не пришла къ концу. Сегодня я получила письмо отъ Старчевскаго. Г-нъ Кони, несмотря на его требованіе, несмотря на мое письмо, не отдалъ ему рукописей Гайки, говоря: что она начата печататься въ «Пантеонѣ» и должна быть окончена въ немъ, а о книжкѣ Пантеона и помина нѣтъ. На все это приходится махнуть рукой и забыть думать о немъ. Пріѣзжайте къ намъ. Въ нашемъ Макаровскомъ домикѣ Вы, конечно, не найдете удовольствія; но Вы намъ разскажете о себѣ, а мы Васъ съ большимъ участіемъ послушаемъ—и все же лучше, чѣмъ Вамъ быть одному. Пріѣзжайте же, мы Васъ будемъ поджидать въ воскресенье. Мои всѣ усердно Вамъ кланяются; но увы! даже маменькина кошечка не въ состояніи порадовать Васъ обѣщаннымъ.

До свиданья! Ваша, готовая къ услугамъ, Над. Соханская.

Не забудьте привезти Вашъ альбомъ—любопытно очень просмотрѣть его.

5-го марта, 1857 г. Макаровка.

5.

27 марта, 1857 г. Макаровка.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Очень жалѣемъ, что непріятный случай съ лошадьми отнялъ у насъ удовольствіе повидать Васъ. Всякіе случаи бываютъ— говорю я себѣ и Вамъ въ утѣшеніе. А съ моею «Гайкой» вышелъ такой случай, что она на конецъ концовъ появилась на свѣтъ Божій. Я получила Пантеонъ, но что касается до полученія мнѣ какого-либо вознагражденія—о томъ, кажется, вовсе не думаетъ г. Кони. И ни Библіотеки, ни Вѣстника я не получаю, и никакого отвѣта ни отъ гг. Каткова, ни отъ Дружинина; «всякіе случаи бываютъ»—говорю я себѣ въ утѣшеніе. И даже бываютъ такія упрямыя, тугія перья, какъ то, которымъ я пишу Вамъ... До праздниковъ мы стало не увидимся. Вчера у насъ была сосѣдка и говорила, что на Торохтіевомъ мосту вытаскивали ея экипажъ двумя парами воловъ. А какая славная, вполнѣ интересная статья о Станкевичѣ въ № 3 Вѣстника. Вотъ побольше бы такихъ статей, и наша литература не казалась бы какимъ то приставкомъ къ нашему обществу и мы видѣли бы живо, что она, какъ яблочко принадлежитъ своей яблонѣ. А сколько уже весеннихъ цвѣтовъ, этихъ милыхъ синенькихъ пролѣсковъ? Значитъ, несмотря на сегодняшній холодъ и сѣверный вѣтеръ, весна уже граціозно улыбнулась намъ. Прощайте. Ахъ да! Скажите пожалуйста: какъ настояще фамилія того живописца нашего малорусскаго, что расписывалъ въ Полтавѣ, что ли? дворецъ Екатерины, *Боровицкій*, или Боровиковскій?.. Я бы пожелала Вамъ насладиться весною; но такой еще ранней весною нельзя насладиться, и я желаю Вамъ не простудиться, что случилось на дняхъ со мною. Маменька и тетенька кланяются Вамъ и братъ передаетъ поклонъ. Поздравляю Васъ съ наступающими праздниками и какъ то вы, съ непривычки, проведете ихъ въ деревнѣ?

Над. Соханская.

6.

13 апрѣля, 1857 г. Макаровка.

Христосъ воскресе!

Исполняя вашу просьбу и свое обѣщаніе доставить вамъ альбомъ вашъ къ завтрашнему дню, я посылаю его Вамъ, уважаемый Григорій Петровичъ. Съ этимъ вмѣстѣ примите мое поздравленіе со днемъ Вашего рожденія и, какъ даръ сему дню, – обѣщанный мною вамъ напошникъ?! Намъ праздники не вовсе были свѣтлыми: у насъ на первый день случился пожаръ и весь скотный дворъ, всѣ дворовыя избы погорѣли. Убытокъ очень ощутительный въ нашихъ безлѣсныхъ мѣстахъ. А ваша то исторія съ лошадьми! Не ѣздите по ночамъ—вотъ Вамъ и горькая наука. Дружининъ воротилъ мнѣ повѣсть за *розовый цвѣтъ*, предлагая передѣлать. Мои всѣ Вамъ кланяются и желаютъ Вамъ всего лучшаго, что я утверждаю за себя и за нихъ своею подписью

Над. Соханская.

7.

Зачиталась. Поймите это слово у человѣка самопишущаго: зачитаться чужого писанья, а это было именно со мною. Вы Вашими «Бѣглыми» ввели меня въ убытокъ, по крайней мѣрѣ, на рубль серебра. Нужно мнѣ отправлять лошадей домой, а я читаю, нужно писать къ своимъ, а я продолжала читать, и цѣлый день лошади провели въ Харьковѣ, пока я читала и не дочитала всего. Теперь Новороссійскія степи не пусты намъ, онѣ населены и какимъ своеобразнымъ и въ высшей степени замѣчательнымъ населеніемъ. Чувствуешь живую истину всего, а картины, а просвѣты природы,—да это прелестно! духъ радуется. Поздравляю Васъ такимъ искреннимъ привѣтомъ и поздравленіемъ, какимъ только можно поздравить себя и Васъ съ такой свѣжей, прекрасной вещью. Можетъ быть, тамъ есть кое-что, что не совсѣмъ

но мнѣ—но это самая малость, а затѣмъ какая степная свѣжесть—поэзія картинъ, истины образовъ и положеній. Будьте здоровы и давайте намъ еще что-нибудь подобное; а затѣмъ прощайте! Юліи Егоровнѣ мой усердный поклонъ и скажите ей: пусть она не сердится на меня: ей-ей, забыла. Она догадается, о чемъ говорю я. И еще таки скажу: А какая славная вещь! Дай Богъ здоровья Вамъ и генеральскій чинъ,—конечно, литературный. Прощайте!

Кохановская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДАРОЧКА.

(Оповидання).

Передъ велыкымъ, оправленымъ у чорне дерево, трюмо стояла высока русява панночка, рокивъ девьятнадцяты. Чаривне лыченько іи було незвычайно веселе; сири темни очи блестилы, на губахъ тремтила усмишка. Вона то становылася прямо проты дзеркала, то оберталася бокомъ, то, повернувшысь спыною, оглядала себе черезъ плече, и зъ кожнымъ рухомъ все бильше та бильше завдовольнялася своею новенькою билою, шытою сриблымъ суквёю, все прыемнишъ усмихалася до двохъ бронзовыхъ амуривъ, що трымалы пообобичъ іи лампу и лукаво сварылыся на неи зъ трюмо.

Трохы осторонь стояла, спершысь рукамы на спынку фотеля, литня поважна пани. Вона здавалася тежъ безъ миры счаслывою, цилкомъ завдовольненою, але поглядъ іи хиба зридка, та й то не надовго, спынявся на роскишній сукни: пани не зводыла очей зъ веселого лыченька своеи одыначкы, своеи любои донькы, що у цей вечиръ сяяла справди незвычайною красою.

— Чудова, чудова сукня! Матусенько, може бъ ты що-небудь оправыла на мени?—мовыла нарешти писля довгои мовчанкы панночка и, ступывшы килька крокивъ по пухкому аксамытовому кылыму, окрутнулася передъ ненькою.

— Нема чого й оправляты—все дуже гарно, и ця сукня, Дарочко, незвычайно лычыть тоби!—видмовыла пани.

— Хиба лычыть?—весело запыталася панночка и, немовъ не ймучы виры неньчынимъ словамъ, падійшла знову до дзеркала, щобъ пересвидчытысь самій.

— Незвычайно лычыть!—мовыла вдруге пани, слидкуючы за донею,—навить далеко бильшъ, нижъ блакытне.

— Невже? Це дуже прыемно, бо блакытне мени вже страшенно обрыдло. Матусенько! а на шыю що мени надиты?

— Надинешъ разокъ перливъ та й бильше ничого: до цієи сукни самоцвиты не лычать. Волосся треба трохы напудрыты... Да пакъ ще жъ и сережки треба переминыты,—згадала пани и подала доньци скарбнычку.

Дарочка вытягла перлы, вдила у вуха по неньчыній поради найменьши сережкы, выривняла тоненьки бровенята, прыпудрыла волосся и нарешти, обитерши пахущою водою выдъ та рукы, повернулася до столыка, де лежалы квиткы. У ту саму хвылыну напiловыну опущена надъ дверыма важка портьера поколыхнулася.

— Хто тамъ?—запыталыся у одынъ голосъ здывовани панночка та пани.

— Це я,—видповивъ стыха чыйсь тоненькый голосокъ.

Дарочка пиднял а портьеру. На порози стояла швачка Марьяна—та сама дивчына, що вышывала сриблом ъ сукню.

— А вы ще доси тутъ?—здывувалася панна.—Мамо! вы забулыся напевне подякуваты ій?—звернулася вона зъ докоромъ до матери.

— Ни, ни, спасыби имъ, воны щыро подякувалы,—поспишылася заспокоиты Дарочку швачка и, поступывшы трохы напередъ, росправыла долоню, де блестивъ срибный карбованець.—Я не за тымъ прыйшла: я хотила тилькы подывытыся.

— Такъ надійдить блыжче, колы такъ. Сукня, спасыби вамъ, чудова. Кращои й уявыты соби не можна,—мовыла Дарочка, прыступаючы блыжче до свиту.

— Охъ, ни, не кажить!—несподивано зитхнула дивчына.— Не такъ бы я іи пошыла, якъ бы моя воля. Воланъ треба було бъ попустыты шыршенькый и покласты на ёму не тры вузенькыхъ,

а одынъ однымъ шырокый шытокъ—щобъ немовъ виночкомъ обточыты спидныцю. На корсажъ треба було бъ покласты далеко бильшъ облямивкы, а по всёму полю сукни я бъ покыдала манесеньки значкы, щобъ блестилы, якъ ти морозяни скалочкы по снигу.

— Правда, такъ було бъ краще,—зауважыла пани.

— О! я бъ сукню зробыла на славу, якъ бы моя воля!—додала смилывише дивчына, счаслыва тымъ, що пани зрозумила й ухвалыла іи думку. Це така сукня, биля якои варто було бъ попрацюваты. Я вже и раннимы ранкамы й пизнимы ничкамы надолужала и очи добре потрудыла, а все жъ такы не довела до ума.

— Мамо! набавте ій ще карбованця,—звернулась Дарочка до матери.

Пани полизла у кышеню.

— Ни, ни, не треба! Спасыби вамъ! Хиба я на те вела? Далеби, панночко, я видъ васъ не обидна. Я враждую на саму господарку: ій абы зъ рукъ швыдче...

— Осъ вамъ ще, спасыби за працю,—мовыла пани, простягаючы карбованця...

— Не визьму. Далебигъ, не визьму! Спасыби вамъ! Далеби, я не на те вела свою ричъ,—зачервонилася дивчына и заклала рукы за спыну.

— Якъ знаете,—мовыла незавдовольненымъ голосомъ пани и вкынула карбованця назадъ у гаманець.

Розмова раптомъ увирвалася. Дарочка насупылася: цей несподиваный выпадокъ зъ карбованцемъ образывъ іи.

— Теперъ пиду до титкы та пиджену іи, бо вамъ вже часъ йихаты!—мовыла пани й выйшла геть зъ хаты.

Въ будуари стало ще сумнише. Швачка стояла, якъ та статуя, середъ кимнаты;—насуплена Дарочка мовчкы выбирала соби хустку до мазуркы й тилькы покоянка Дуня ворушыла трохы тышу шелестомъ своихъ крахмальныхъ спидныць та рыпомъ новыхъ ботыкивъ.

— Панночко! Чы немае у васъ десяткы зо тры перлынъ невелычкыхъ, або жъ хочь крышталёвого намыста?—обизвалася несподивано и якось занадто голосно швачка.

— На вищо?—кынула Дарочка.

— Я бъ попрышывала ихъ побиля комирокъ, и це бъ незвычайно лычыло вамъ.

— Йе и перлы, йе й крышталь!—видмовыла зъ протягомъ панночка, але здается мени, то вже буде зайве цяцькування

— Охъ ни, побачыте сами... Його жъ можна буде зразу и скынуты, якъ що не погодытся. Дайте мени голку, нытку, перлы— я вамъ це у одну мыть зроблю,—мовыла дивчына и надійшла до столыка, де лежалы голкы та пыткы.

— Ось зразу зверху лежыть бунтыкъ перлинъ; тамъ у скарбныци йе и друге намысто, але я ни за що у свити не скыну корсажа.

— Ни, ни, скыдаты й не треба, на васъ прышываты ще краще: выднишъ буде, якъ вамъ найдужче лычытыме. Не бійтеся, я не забарю васъ!—мовыла дивчына и пидсунула до лампы стилець.

Дарочка сила.

— Згодомъ я, звычайно, тутъ скризь новышываю срибломъ... Це я тилькы на сёгодни. Завтра вы надишлете мени цю сукню, и я іи повагомъ переороблю. Ось перебудуть, дасть Бигъ, святкы, роботы поменьшае, господарка насъ держатыме не дали, якъ до пивночи...

— Не дали, якъ до пивночи?—перехопыла панночка.—Хиба вы ще й до пизнишого часу шыете?

— О! передъ святкамы мы иноди до трёхъ годынъ сыдымо!—видмовыла дивчына, проворно нанызуючы перлыну на голку.

— Краще бъ вы ранишъ прыходылы, бо шытво пры свитли нивечыть очи!—зауважыла Дарочка.

— Мы и такъ не засыпляемо: у симъ, а то й у шисть годынъ вже за голкою.

— То бъ то тилькы чотыри годыны видпочынку?

— Ще годына дается на обидъ.

— И тилькы пъять годынъ вильныхъ одъ праци? Скилькы жъ вамъ платять за це?—зацикавылася панночка.

— Якъ кому. Я, бачте, ще не навчылася кроиты и шыю не дуже гарно, але черезъ те, що вмію гаптуваты срибломъ та золотомъ, маю вже дванадцять карбованцивъ на мисяць,—видказала зъ погордистю дивчына.

— Дванадцять карбованцивъ на мисяць за девьятнадцять годынъ праци? Чы то жъ можлыво?—вжахнулася Дарочка.—Напевне я васъ не зрозумила, бо на таки гроши й прожыты не можна.

— Чому не можна? Адже мы торикъ зъ татомъ и на десять карбованцивъ жылы,—усмихнулася дивчына.

— Ще й батька годуете?

— Про батька мени малый клопитъ: шклянка чаю, мысочка борщу—ото ёму и все, а ось зъ сестрою мени справди горе: вдалася, на свое безталання, дуже розумною, ажъ трусытся до кныжокъ. Батько навчывъ іи трохы грамоты, вчывъ бы й дали, та доведется зъ недили вже весты іи до господаркы—хай прывчается шыты.

— Скилькы жъ ій рокивъ?

— Вже велыка: десять рокивъ мынуло.

— Тилькы десять рокивъ и вже пиде служыты! Вы бъ пошкодилы іи!—мовыла зъ докоромъ панночка.

— Хиба мени й самій не шкода іи? Дуже шкода, а до того знаю, що зъ неи николы й поряднои швачкы не буде,—такъ що жъ робыты, колы вже така іи доля!—зитхнула дивчына.—А гляньте теперъ у дзеркало: чы не моя правда?—раптомъ обирвала вона вкупи зъ ныткою сумни спогады.—Немовъ зовсимъ не та сукня стала!—додала вона радисно, одступывшы трохы дали одъ Дарочкы, щобъ подывытыся на свою нову облямивку ще здалекы.

— Далеко краще. Спасыби вамъ,—видмовыла не меньше за швачку завдовольнена панна.—Теперъ, Дуню, швыдче обуватыся,—

звернулася вона до покоянки, що вже стояла на поготови зъ билымы черевычкамы у рукахъ.

— Такъ я жъ завтра сподиватымусь сукни. Надишлить неодминно, бо я й не заспокоюсь, покы не перероблю іи по своёму!—мовыла швачка, кладучы голку та пыткы на мисце.

— Не знаю. Здается, не варто. Хай вже мабуть вона такъ зостанется!—видмовыла панночка.

— Ни, прохаю васъ, не боронить вже мени. Ще жадна сукня не була мени такъ до вподобы, якъ ця. Чы прызнатыся? Вона мени ажъ снылася, а якъ була я малою, то и уявлялася не разъ, бо я змалечку все було марю про якись незвычайни сукни, квиткы та намиткы, у яки вбираются чаривни короливны. А це, якъ ще побачыла васъ сёгодня у цій сукни, такъ и овсимъ позбуцуся спокою, покы не перероблю іи, якъ сама знаю. Вдруге вы іи зразу не надинете, а потимъ я скинчу іи, прынесу, надину на васъ, подывлюся... и то мени буде найкраща нагорода—на увесь викъ постачыть згадуваты та радиты, що довелося хочъ одну ричъ зробыты додильну.

Панночци стыснулося у грудяхъ. Вона окынула быстрымъ поглядомъ дивчыну, іи убоге вбрання, іи прыпухли віи, за якымы блестилы чорни, велыки незвычайно гарни очи, зыркнула на срибни шыткы своеи сукни й замыслылася. Щось немовъ заскреботило на серци; не то докоромъ, не то пекучымъ жалёмъ видбылыся на души слова дивчыны и святечный настрій цёго вечора увирвавсь.

Безталанна робитныця, що радіючы одирвала бъ півъ годыны одъ свого сну, абы выконаты ти мріи, що тишылы бъ и справжнёго эстетыка; бидна дивчына, що смакувала заздалегоды счастя побачыты иншу у тому вбранни, якому вона прысвятыла стилькы праци—незвычайно здывувала, а заразомъ и стурбовала панну.

— Добре—погодылася вона—я вамъ надишлю цю сукню, але зъ одніею умовою: вы зробыте рахунокъ, скилькы потратыте годынъ на цю працю, и я вамъ заплачу втрое бильше, нижъ платыть вамъ ваша господыня.

— И до вику не визьму одъ васъ и шага! Це бъ походыло на те, що я набываюся, абы далы заробыты, а я одъ щырого серця, панночко, задля самои себе... Про гроши, прохаю васъ, не згадуйте и не ображайте мене. Хай може колысь за вищось инше перекынете, а за цю сукню не треба ничого. Якъ що ваша ласка, то хай я краще колысь прыйду вильнымъ часомъ до васъ, а вы дасте мени якыхъ-небудь кныжечокъ сестри почытаты.

Замисть усякои видповиди Дарочка схопылася зъ фотеля, вырвала свою ногу зъ рукъ Дуни, що застибала на ній черевыкы, й метнулася геть зъ будуара. Вона перебигла залю, витальню, побигла ажъ на другый кинець будынку и влетила, немовъ бигла навпереймы зъ думкамы, у кимнату своеи титкы—дохожалои панны, що саме лютувала та у голосъ лаяла швачку.

— Дарочко!—накынулася вона на небогу,—подывыся, якою поторочою зробыла вона мене: тутъ высыть, у грудяхъ перетягла...

— Гарно, титочко! скризь гарно!—кынула панночка, ледве зыркнувшы на высокый та ривный станъ титчынъ, и метнулася до нენькы, що вже втомылася заспокоюваты вередлыву сестру и сыдила теперъ мовчкы у фотели.

— Матусенько, голубонько! Зробы мени ласку, уволь мою волю!—кынулася вона до ненькы.

— А що тамъ таке?—запыталася пани любо та прыязно всмихаючысь до своеи незвычайно зворушенои чымъ-сь дони.

— Виддай Марьяныну сестру до гимназіи.

— Що-бо тоби сталося; дытыно моя?—здывувалася пани.

— Чы ты пры своёму уми? Зъ якои це речы?—обизвалася й титка.

— Я не до васъ звертаюся, я прыйшла до ненькы... Такъ ты погожуешся, матусенько? Ты повынна це зробыты!—мовыла Дарочка, прытыскуючы свое лыченько до чола пани.

— Навить «повынна»! Чы бачылы таку сваволю? Наказуе матери, немовъ тіи покоянци!—не стерпила й обизвалася вдруге титка.

— Я не до васъ,—мовчить краще. Я знаю, що ваши дукачи и струхнуть пры васъ!—спалахнула панночка.

— Дарочко, схаменыся! Що-бо ты верзешъ? Ты забула, до кого балакаешъ,—спынила іи маты.

— Верзу правду. Хай титка не встряе до нашои розмовы, колы не до вподобы, а ты, матусенько, уволь такы мое прохання—попрохала панночка.

— Ни, не уволю.

— Черезъ вищо?

— Черезъ те, що це твоя дурна выгадка и черезъ якусь тамъ годыну ты й сама забудешъ про неи.

— Трычи окрутнешся у вальси й забудешъ, що якась тамъ Марьянына сестра йе на свити!—додала титка.

— Такъ за кого жъ вважаете вы мене?—скыпила Дарочка.—Колы я справди така дурна, колы справди нищо причъ вашыхъ вальсивъ мене не цикавыть, такъ за вищо жъ вы панькаетесь зо мною, кохаете, оберигаете мене? За те хиба тилькы, що я ваша дочка?

— Та Богъ зъ тобою! Чого ты збентежылася? Нема чого турбоватыся, и ты заспокойся!—усмихнулася пани.

— Ни, я не заспокоюся. Я не можу заспокоитыся,—тупнула панночка ногою.—Вы ображаете мене, вы зневажаете мене... Вы мене за не знать яку дурну маете... Разъ разочкомъ попрохала, и ось вы вже видмовляете...

— Бо такы недодильна твоя выгадка!—зауважыла пани.

— Недодильна? Черезъ вищо недодильна? Черезъ те, що я того хочу, що я сама попрохала?

— Черезъ те, що зъ якои речи виддаватыму я...—почала пани.

— Не знать кого, не знать на вищо, якусь тамъ Марьянычу сестру до гимназіи? Чы може, гадаешъ, маты твоя сама гроши куе?—скинчыла за сестру и додала свого титка.

— Якъ бы вы кувалы сами гроши, то може бъ я й не прохала, а то навить вамъ и того не треба робыты: готови берете!—одризала Дарочка.—Я знаю наши достаткы. Я знаю, що намъ можна выкынуть сто карбованцивъ на рикъ и колы вы тилькы видмовыте мени, не уволыте мого прохання, то не спо-

дивайтеся и видъ мене ласкы. Вамъ все едыно, вамъ до усёго байдуже, а я не можу терпиты такои неправды, не можу.

— Та якои тамъ неправды?—здывувалася пани.

— Такои неправды, що дивчына повынна за 12 карбованцивъ на мисяць и себе, и батька, и сестру годуваты...

— И постачае-жъ, бо по шматкы, бачъ, твоя Марьяна не ходыть!— не стерпила вкынуты свое слово титка.

— Я не до васъ! Замовчите, на Бога!—Радійте соби нышкомъ, що Марьяна, працюючы по девьятнадцять годынъ на день, не прохае хлиба, а зъ мене досыть и того, що така незвычайна, така талановыта дивчына, якъ вона, гыне за чужымы шыткамы, нивечыть соби очи, губыть здоровья, и я не допущу, щобъ и сестру іи чекала така-жъ доля. Вона хоче вчытыся, и це іи право.

— Почекай трохы, Дарочко!—обизвалася пани.—Подумай сама: у гимназіи треба не рикъ и не два просыдиты.

— Вже порахувалы? Злякалыся велыкои втраты? Колы такъ, не хочу-жъ и я вашого ничого. Вы бавытеся мною, якъ лялькою, выкыдаете на прымхы, скилькы забажаю, потуряете усимъ дурныцямъ, але жъ я не хочу жыты вамъ на забавку. Я пиду геть, колы такъ, зъ цёго проклятого будынку... Я не хочу вашыхъ грошей, вашого ничого... Я здобуватыму своею працею... я...—обирвала и залылася слёзамы Дарочка.

— Богъ зъ тобою, дытыно моя! Що бо це тоби сталося?—кынулася пани заспокоюваты доню.—Хай я подумаю, то може прырозумію, якъ тій Марьяни пособыты.

— Мылостыну подасте? Ни, не насмилытеся вже. Досыть и того карбованця, що вона вамъ мало не кынула у вичи. Вона бидна дивчына, але, якъ бачыте, не жадибна до подарункивъ. Вона мае гоноръ, дійсный гоноръ. Вона гонорыстиша у-десятеро бильше за васъ... за всихъ тыхъ... Та я и сама того не хочу. Я хочу, щобъ вы виддалы іи сестру до гимназіи, а ни—то я продамъ уси свои перлы, самоцвиты, оцю саму сукню и заплачу сама.

— Насамперед, заспокойсь, донечко. Хай мы завтра гуляючы помиркуемо!—попрохала пани.

— Не завтра, а сёгодни, зразу.

— Зразу треба йихаты на баль, бо й такъ спизнылыся!—нагадала титка.

— Я не пойиду никуды, я не рушу зъ мисця, покы не довидаюся, яка въ мене маты!—мовыла уперто Дарочка.

— Ахъ, Господы! Отъ не знала клопоту!—ажъ ухопылася пани за голову.

— Ще вамъ клопить! Соромылыся бъ казаты,—кынула кризь слёзы зъ докирлывымъ глумомъ Дарочка.

— Та ты мени хочъ розскажы до дила, зъ якои це речи спалася тоби на думку така дурныця?—запытала трохы зъ пересердямъ пани.

— Дурныця?—крыкнула несамовыто Дарочка.—Дурныця? Вы изнову своеи? Колы жъ такъ, то я бильше й балакаты зъ вамы не стану. На баль вашъ, звычайно, я не пойиду!—додала вона и вже звела була рукы, щобъ роспустыты волосся.

— Дарочко, що бо ты робышъ?—спынила іи, ухопывшы за руку, пани,—ты пидняла гвалтъ та сварку, немовъ то й справди я щось незвычайне зробыла, але жъ подумай сама: якъ що усихъ Галыпъ по свиту збираты та ихъ до гимназіи виддаваты, то й соби на хлибъ не постачыть...

— Не хочу я балакаты, не хочу ничого слухаты. Я хочу тилькы, щобъ Марьянына сестра була у гимназіи, я прохала васъ...

— Та я вже й не сперечаюся!—поспишылася пани заспокоиты доню.—Хай вже буде по твоему, а тилькы...

Панночка не дала неньци домовыты. Вона обвыла іи рукамы и счаслыво радисна безъ миры кынулася цилуваты іи уста, щокы та рукы.

— Тилькы,—довела трохы перегодомъ пани, важко переводячы духъ писля доньчыныхъ пестощивъ,—панькатыся зъ дивчыною я не буду. Виддаватыму Марьяни сто карбованцивъ на рикъ, а тамъ вже хай вона порядкуе.

— Матусенько! не пошкодійте ще двадцять карбованцивъ— хай буде по сто двадцять на рикъ!—попрохала Дарочка.

— Хай и сто двадцять, а щобъ ты овсимъ заспокоилася, осъ ій зразу пьятдесятъ карбованцивъ доручы.—За хвылыну панночка була вже у своёму будуари. Марьяна була ще тамъ и спокійно, не думаючы, не гадаючы про свое несподиване счастя, базикала зъ Дунею.

— Ваша сестра буде у гимназіи: ненька згожуется платыть за неи. Ось вамъ зразу пьятдесятъ карбованцивъ!—выпалыла у одынъ духъ Дарочка и покы дивчына опамьяталась писля несподиванкы, вона вже сыдила на фотели и Дуня поралася биля іи черевычкивъ.

— Панночко, маты моя ридна! Якъ же мени виддячыты вамъ, якъ молытыся за васъ Богу!—опамьяталася нарешти швачка...

— Нема за вищо, нема за вищо!—зачервонилася панночка.—Дивчына хоче вчытыся, и то іи право!—додала вона, прыгадавшы свои власни слова, що незвычайно подобалыся ій ще у титчыній хати.

— Панночко! пани прохалы, щобъ вы поспишылыся та й Васыль переказуе, що кони померзлы!—мовыла Устя—покоянка самои пани, спишно наготовляючы пухову намитку та соболеву ротонду.

— Ты хочешъ сказать: Гордій переказуе,—поправыла іи Дарочка.

— Ни такы, Васыль. Гордій не пойиде.

— Це ще що за выгадкы? Колы я йиздыла зъ Васылемъ?— розсердылася панна.

— Гордій, лыбонь, заслабъ на голову!—видмовыла Устя.

— Отъ ще несподиванка. Але жъ я зъ Васылемъ не пойиду. Пиды навидайся до Гордія, скажы, щобъ убирався йихать: до клуба—не далекый свитъ!—звелила панночка.

— Пойидешъ, Дарочко, зъ Васылемъ. Винъ тежъ добре правыть,—обизвалася, увиходячы у кимнату, пани.

— Зъ Васылемъ я до вику не пойиду: винъ неодминно заплутается, не зуміе пидйихаты до ганку, и я тилькы сорому наберуся зъ нымъ.

— Але жъ, серце, Гордій нездужае!—нагадала пани.

— Такъ я сама пиду до его, попрохаю его!—мовыла рипучче Дарочка и, накынувшы платокъ, побигла на нызъ.

Гордій лежавъ. У ногахъ его сыдила жинка его, Катерына, и держала на колинахъ хлопчыка рокивъ пьяты. Тилькы Дарочка увійшла, вона спустыла дытыну до долу, звелася и пишла на зустричъ несподиваній гости.

— Я до Гордія,—мовыла панночка.

— Занедужавъ винъ,—зитхнула Катерына.—Лежыть, якъ колода; тилькы и полегкосты, якъ прыкладу холодной воды до головы.

— Гордію! Вы нездужаете?—запыталася Дарочка, надиходячы до лижка.

— Нездужаю, панночко,—видмовывъ стыха Гордій.

— Що жъ мени теперъ робыть? Якъ-же я пойиду безъ васъ на баль?

— Васыль довезе васъ благополучно. Я вже наказувавъ ёму, щобъ вижокъ не попускавъ та щобъ розглядався.

— Я знаю, що винъ не перекыне насъ,—перехопыла нетерпляче Дарочка ричъ Гордія.—Але-жъ винъ осоромыть мене... Гордію, може-бъ вы, якъ небудь...—несмилыво попрохала вона трохы перегодомъ.

— И раднишый-бы, та не зведу ніякъ головы. Самъ-бы соби не знаю що заподіявъ зъ досады... Я и коней вычыстывъ, и новый убиръ выйнявъ, карету самъ выготовывъ... Я-жъ знаю, що сёгодни до клубу и губернаторська родына прыбуде, то вже пыльнувавъ про те, щобъ наши кони булы не останни. Хотилося-бъ дуже самому повезты васъ, та що-жъ ты зробышъ, якъ таке лыхо прычепылося.

— А може то вы прямо учадилы?—запыталася Дарочка.

— Э, ни, панночко: сёгодни увесь день верхъ и не зачынявся. Це винъ застудывся десь,—обизвалася Катерына.

— А може-бъ вамъ полегшало на свижому повитри?—закынула Дарочка.

— Де тамъ полегшае? Выткнувся бувъ на хвылынку зъ хаты, то такъ змерзъ, що ледве оце одигрився, —видмовыла Катерына.

— Я прышлю ще вамъ, Гордію, тіеи воды, що прикладають до головы. Я сама иноди слабую на голову, и ця вода мени дуже пособляе.

— Прыкладалы пани вже й уксусу, и воды тіеи, ставылы и горшняныкы на потылыцю—не пособляе ничого,—зитхнула Катерына.

— Господы! Що-жъ ёго робыты?—стыснула зъ одчаю рукы Дарочка и обвела безъ миры сумнымъ поглядомъ усю убогу хатыну.

— Колы-бъ хочъ знаття, що ёму за горенько,—прошепотила сама до себе Катерына.

— Гордію! А може-бъ вы такы якъ-небудь...—несмилыво звернулася изнову Дарочка до хворого, не зважуючысь одначе вымовыты свого прохання до кинця.

— Панночко, и не прохайте, и не гайте даремно часу. Подывиться на ёго, винъ—уже непрытомный. Куды-жъ ёму йихаты та ще пидъ такый морозъ?—обизвалася Катерына.

— Я не васъ пытаю!—одризала Дарочка.

— И то правда: ты, Катерыно, не встрявай... панночка до мене балакають—протягъ черезъ сылу Гордій.

— Такъ якъ-же буде, Гордію? Я можу ще пивъ годыны переждаты. Теперь 10, хай мы прыйидемо у 1/2 до 11-ои, а за тымъ може вы якъ-небудь... А не можна, то я зовсимъ не пойиду,—обирвала свою ричъ Дарочка.

— Якъ то можна не йихаты? Такый баль,—уси паны ёго цилый рикъ сподиваются—губернаторська родына буде... Ни, вамъ не можна не йихаты, вамъ треба неодминно йихаты,—схопывся Гордій и зирвавъ мокрый рушныкъ зъ головы.

— Куды ты, божевильный! Подывыся на свои очи! Подывысь, якый ты самъ на выду!—спыныла ёго Катерына.

— Геть, одвяжыся, не дратуй, гримнувъ Гордій,—подавай жупанъ, шукай рукавыци. Панночко, убирайтеся, я зразу выйду!—заспокоивъ винъ Дарочку.

И справди, покы панночка одяглася, винъ державъ вже вижкы у рукахъ.

— О, теперь я спокійна!—мовыла радисно Дарочка, выходячы на ганокъ.

— Дарочко, я забула тоби ще сказать,—зупынила іи пани на схидцяхъ и прошепотила щось на вухо.

— Хиба я сама не знаю?—образылася панночка.

— Я тилькы нагадала тоби.

— Ни для чого було и нагадуваты,—видмовыла вона зъ досадою и вскочыла у карету, де іи давно вже сподивалася затушкована зъ нигъ до головы титка.

Гордій прычынывъ дверци, двыгнувъ злегенька вижкамы, и пара роскишныхъ вороныхъ коней понесла по снигу, якъ ту пирьину, блескучу карету до клубу.

II.

Дарочка прокынулась, солодко потяглася пидъ своимъ билою шовковою ковдрою и подзвоныла.

Дуня видчыныла виконныци. Снипъ ясного, ажъ пекучого, пивденного проминня раптомъ вирвався кризь шыбкы и прыпавъ до лыченька чудовои красуни панны. Вона зажмурыла очи и усмихнулася.

Молоде тило вже цилкомъ видпочыло писля танкивъ; недавнёи втомы немовъ и не було. Увесь чадъ вчорашнёи почи розвіявся за довгый мицный сонъ и въ голови ще тилькы лупалы той миніонъ та па-де-катръ, що военный капельмейстеръ выготовывъ зъ своимъ оркестромъ нарочыто за-для неи. «За-для неи»! Гмъ. Якъ чудно було ій слухаты ту несмилыву ричъ, зъ якою молодый капельмейстеръ звернувся до неи и якъ пріемно прочуты, що па-де-катръ прысвячено ій и новый миніонъ грается выключно за-для неи. И винъ не брехавъ. Не брехавъ, якъ не брехалы й уси ти, що назвалы ій царыцею бала и навперейми запрохувалы до танкивъ. Вона не прысидала ни на хвылыну,

не стыхала балакаты, сміятыся, и здавалося, нибы то увесь той бучный бенькеть склався за-рады неи едынои, нибы уси ти люде прыйихалы царочыто до клуба, абы запобигты іи ласки; іи погляду, абы хочъ здалеку прывитаты іи. Ни, не зайва то ричъ—вродлыве лыченько. Велыкый то таланъ—ривный носыкъ, высоке чоло, ти велыки сири очи та гинкый станъ, и яке то счастя опынытыся у гурти тыхъ пестунчыкивъ, про якыхъ дбае прырода! Никому и ничому не уклоняются такъ люде, якъ тій вроди, та й не даремно-бо. Врода—то не выпадокъ, не несподиваный подарунокъ, якимъ надиляе прырода абы-кого, абы-якъ. Ни, прырода, якъ той ювелиръ не стане шлифуваты шматочка каминця, або грудочку земли: вона знае, якій истоти варто даты чаривну облуду, яку душу оповыты статурнымъ тиломъ, чые лыченько надилыты красою, и той старенькый панокъ, що пиднисъ ій вчора троянду, не дурно сказавъ: «Колы хочете утаиты одъ людей свое серденько—опускайте віи, абы люде не бачылы вашыхъ очей»...

— Одягатыметеся, панночко, чы може звелыте податы до лижка снидановъ?—перервала Дуня панночкыни спогады.

— Снидановъ?—перепытала, гараздъ не зрозумившы що покоянка каже, Дарочка,—снидановъ? Ахъ такъ, песы мени сюды чого-небудь,—додала вона, раднишa, що можна ще полежаты та пережыты насамоти увесь вчорашній день та бенькетъ.

Дуня внесла шклянку кофе. Панночка пидвелася, сила на лижку, обиперлася ликтемъ на столыкъ и почала мишать цукоръ: голивка іи ызенько схылылася надъ шклянкою ароматычного трунку, рукава еркалыся-бъ объ тарилочку, повну рижныхъ пундыкивъ та сухарцивъ, але очи іи бачылы передъ собою тилькы зало клуба, а думкы лынулы до вчорашняго дня... Колы йе справди феральни дни, то йе й счаслыви, и вчорашній день 28 грудня напевне й бувъ одынъ зъ тыхъ счаслывыхъ днивъ, пысля якыхъ залышуется и на души, и на серци незвычайно гарне та лагидне почуття. Кожна годына, кожна хвылына вчорашнёго дня варта була того, щобъ ихъ хочъ изнову пережыты... Але-жъ, якъ по порядку? що вчора дійсне було? Зразу-жъ зранку лыстъ видъ Катруси—запрохуе на весилля ажъ на тры дни; потимъ сков-

залка на ричци— ще николы перше тамъ такъ весело не було; потимъ сукня... бенькетъ... А ще-жъ Марьяна, гимназія, Марьянына сестра!.. И якъ це вчора легко далося! Якъ легко взагали робыты добро!

— Натанцювалася?—запыталася пани, оправляючы на доньчыній голивци волосся, що звисылося на чоло.

— Матусенько, якъ ты й увійшла, що я тебе не запрымитыла?.. Натанцювалася, уволю натанцювалася!—весело видмовыла Дарочка, цилуючы неньку.

— А голивка не болыть?

— Байдуже! Це я нарочыто не зодягаюся — хочется вчорашній вечиръ увесь прыгадаты.

— Весели згадкы?

— Дуже весели, але-жъ найдужче все-жъ такы ты звеселыла мене, моя ридна,—щыро поцилувала неньчыну руку Дарочка.

— Якъ? колы?

— За Марьяныну сестру.

— Ахъ, такъ... я вже й забулася. Ну, хай вчытся на здоровля та дякуе тоби, бо безъ тебе я бъ того до вику не зробыла.

— Невже справди не зробыла бъ? Невже справди ты сама не пошкодила дивчыны?

— А ни крапли.

— Матусенько, яка-жъ бо ты недобра! Колы справди ты по щырости кажешъ, а не дратуешъ мене, то мы не поразуміемося зъ тобою николы,—мовыла сумно Дарочка и выслобоныла свою руку зъ рукъ матерыныхъ.

— Якось то порозуміемося!—зитхнула злегенька пани.— Иноди я на твое щыре серденько здамся, иноди ты мени, старій, выбачышъ—отъ у насъ и буде згода. Добро усякому прыемно робыты, одначе треба й стрымуваты себе. Я знаю й бачу, що ты болієшъ серденькомъ за усякымъ и радниша завжды подилытыся, але-жъ, дытыно моя, треба и межи знаты.

— Ніякыхъ межъ, причъ достаткивъ, мамо, и покы йе чымъ, подилятымусь!—спалахнула Дарочка.

— О! ты знову спалахнула! Якъ збентежылася, мое золотисенькe серденько! Годи-жъ, годи, я не хочу сердыты тебе—робы, якъ знаешъ... Допывай-но свое кофе, одягайся та пойидешъ до Маруси—я вже звелила Васылеви й коней выготовыты.

— А Гордій?—вперше згадала Дарочка.

— Гордіеви щось дуже погано,—видмовыла пани.

— А ликарь бувъ?

— Голтуцькый бувъ.

— Голтуцькый? Чому-жъ не Брянськый?

— Брянському, ты знаешъ, треба платыть 10 карбованцивъ за визитъ.

— Мамо! мамочко! И тоби не соромъ шкодиты грошей на ликаря? Якъ клыкаты Голтуцького, то краще кыньте Гордія у больныцю—хай ёго вже тамъ до вечора замучать!—схопылася зъ лижка и кынулася одягатысь панночка.—Людына помирае, а ты рахуешъ карбованци та клычешъ нездатныхъ ликаривъ.

— И хто тоби сказавъ, що у больныци замучують, або що Гордій помирае?—Голтуцькый ще не роспизнавъ ёго хворобы: «може», каже, «тифъ, може инфлюенца, а може и звычайна пропасныця».

— Може тифъ, може инфлюенца, може—може... все може, а певного нихто ничого не знае, и ты не поклыкала доси Брянського,—мовыла зъ докоромъ Дарочка, хапаючысь натягты на себе швыдче панчохы.

— Якъ що треба буде, Дарочко, то й поклычемо,—спробувала заспокоиты ій пани.

— Зразу жъ треба, мамо, поклыкаты, зразу. Ни Голтуцькому, ни якому иншому ликареви, причъ Брянського, не можна Гордія доручаты—зразу жъ пошлить. Ты не знаешъ, яка въ ёго хвороба, и кожна хвылына мае вагу. Пошлить, не то я сама зразу пойиду.

— Добре, добре. Годи жъ, не турбуйся—буде. Я пошлю зразу за Брянськымъ, и винъ не забарытся прыйихаты. А тилькы шкода, що ты не послухала мене та не одислала, якъ я тоби

казала. Гордія до-дому, а продержала ёго усю ничъ на витри та морози,—мовыла пани, зводячысь йты.

Немовъ хто холодною водою хлюпнувъ на Дарочку. Рожеве лыченько іи раптомъ зблидло, руки выпустылы самы собою поворозкы зъ спидныци. Такъ, ненька правду сказала. Вона велила ій одпустыты Гордія и навить двичи нагадувала, а Дарочка продержала ёго усю ничъ на витри та морози. Якъ же це сталося? Вона забула, овсимъ забула про Гордія, забула про ёго хворобу, про той пависный морозъ. Вона не звыкла думаты про це. Ниволы не було й нагоды подуматы. И це жъ такъ звычайно, що Гордій выстоювавъ по 5—6 годынъ биля театру. Иноди, правда, ненька одряжала ёго, але жъ иноди не можна навить и прызначыты часу, колы прыйиздыты, и Гордіеви найчастише доводылося чекаты на вулыци. Та й не тилькы жъ самому Гордіеви—майже жъ уси залышують своихъ коней биля ганку, бо хиба жъ не трапляется покыдаты театру або якого нудного балю зарани? Чы давно и вона, Дарочка, повернулася зъ машкараду майже у дванадцять годынъ? А до того, невже воно справди такъ важко простояты тыхъ пьять-шисть годынъ? Фурманы жъ простоюють кожнисеньку ничъ зъ вечора до ранку... Правда, воны не хвори... Але жъ чому самъ Гордій не запытався дозволу йихаты до-дому? Винъ же добре знае, що титка, немовъ та колодка, що ій до усёго байдуже, а я ще молода... «Такъ, Гордій повыненъ бувъ самъ нагадаты; винъ мусивъ видпрохатыся, и колы я вынна, то винъ самъ выненъ ще дужче за мене»,—розплуталася нарешти панночка зъ того павутыння думокъ, якымъ засновавъ іи заклопотану голову непрыемный выпадокъ зъ Гордіемъ, и побигла одвидуваты недужого.

Гордій лежавъ самъ у хати. Дарочка наблызылася й зазырнула ёму увичи. Хворый дывывся и мымрывъ щось про себе стыха, але выдко було, що винъ не пры своій памьяти й не розумивъ ничого.

— Гордію, вамъ погиршало?—обизвалася панночка.

Червони очи Гордіеви, уставлени на цвяшокъ, не повелыся.

— Господы! винъ не пры своій памьяти, й никого немае въ хати. Самитній лежыть, никому и воды податы. Де іи носыть—ту

Катерыну!—заклопоталася Дарочка и подалася до другои хатыны черезъ сины, де звычайно пралыся сорочкы.

Катерына стояла биля ночовъ и оджымала щось; дали до покутя сыдивъ на помости сынъ и стругавъ ломачку.

— Катерыно, Бога бійтеся! Чы то жъ не грихъ вамъ кыдаты недужого? Залыште ти сорочкы та йдить до чоловика...—звелила панночка.

— Не покыну я сорочокъ, та й нема мени чого сыдиты биля чоловика!—видмовыла зъ прытыскомъ Катерына.

— Нема чого сыдиты? Чоловикъ помирае, а вамъ нема чого биля його сыдиты?—вжахнулася Дарочка.

— И нема чого сыдиты!—буркнула Катерына.

— Вы повынни буты биля хворого чоловика—це вашъ обовязокъ. Покыньте зразу сорочкы та йдить до його!—покрыкнула зъ пересердямъ Дарочка.

Але гнивъ іи иначе тилькы додавъ Катерыни охоты до праци, и вона ще дужче налягла на сорочкы.

— Покыньте, кажу вамъ!—гримнула знову панночка и наблызылася до ночовъ.

Катерына выкрутыла настильныкъ, роскрутыла його, кынула до купкы сорочокъ, що лежалы на лави, и вытерла рукы.

Дарочка заспокоилася.

— Гордій справди зле занедужавъ, але Брянськый незабаромъ прыйиде и напевне пособыть йому. Звычайно, краще було бъ, якъ бы винъ бувъ прыйихавъ ранишъ, про те и теперь ще не пизно. Глядить же, Катерыно, якъ Гордіеви треба буде чого—може забажае чого-небудь, то прышлить Васыля або Устю, а сами вже не кыдайте його!—мовыла вона певна, що Катерына выконае все.

Але Катерына вытерла рукы, абы тилькы пидкласты дровъ пидъ таганъ, и якъ тилькы воны занялыся, опустыла руку у шаплыкъ.

— Идить же,—нагадала Дарочка.

Катерына вытягла зъ шаплыка рушныкъ, палыла мовчкы, не хапаючысь, окрону у ночвы и прыступыла знову праты.

Хвылыну-дви панночка не йняла виры власнымъ очамъ. Упертисть Катерыны переходыла вже усяки межи, поводження було черезъ край незвычайне.

— Вы оглухлы, Катерыно? Я вамъ велила покынуты. Я въ десяте кажу: покыньте!—мовыла, намагаючысь стрыматы свое обурення, панночка.

— Не покыну!—одризала Катерына.

— Я вамъ велю, и вы покынете!—гримнула на усю хату панночка.

— Не гримайте, бо однаково не покыну!—видмовыла поватомъ, пидкреслюючы кожне слово, Катерына.

— Ни, вы покынете, вы мусыте покынуты, колы я вамъ велю,—гримнула ще голоснише, вже не володіючы собою панночка и, вырвавшы зъ Катерыныныхъ рукъ рушныкъ, шпурнула ёго на помистъ.

Катерына нахылылася, щобъ пидняты.

— Не смійте! Не смійте доторкатыся! Вы—гадына... Вы—хыжа звирюка, у васъ серця нема... вы...

— Хиба то я ёго усю ничъ на морози продержала?—обернулася несподивано усимъ станомъ своимъ Катерына и зъ невымовною ненавыстю глянула Дарочци у вичи.

Жадного словечка не знайшлося въ панночкы у видповидь на ту страшну образу. Вона затремтила тилькы, зблидла, потимъ спалахнула и, якъ несамовыта, метнулася зъ хаты.

— Мамо! мамо! Де мама?—гукала вона зъ видчаемъ, бижучы корыдоромъ зъ кухонь до своеи кимнаты.

— На Бога! Що тамъ таке?—выхопылася пани.—Дарочко, що тоби? Чого ты плачешъ?—побигла вона услидъ за донею.

— Зъ якои речи? Зъ якого права? Якъ вона сміе?—залылася слёзамы и кынулася до подушокъ панночка.

— Хто «вона»? Що трапылося? Роскажы жъ, донечко, все до-дила,—прохала стурбована пани.

— Катерына... почала була панночка и зайшлася ще дужче.

Збентежена, перелякана пани побигла до Катерыны. Допытуватысь та роспытуватысь людыны, що прызвела доню до слизъ,

було бъ, звычайно, нетактовно и прыкро матерыному серцю. але пани, бижучы до кухни, певна була, що Катерына попередыть іи пытання, що вона сама поспишытся ій на допомогу, сама видъ себе роскаже про ту прыгоду, и колы може не вбереглася якого необачного слова, то вже доси одумалася и прохатыме выбачення.

Але Катерына не мала и въ думци того.

Вона навить не поворухнулася, якъ увійшла пани и все оджымала сорочкы, ажъ ночвы трищалы пидъ рукамы.

— Що ты соби тутъ дозволыла? Якъ ты насмилылася? Якъ ты зважылася?—накынулася навмання пани на неи.

Катерына мовчала.

— Що ты зробыла? Що ты сказала панночци?

— Не казала, не робыла я ій ничого,—буркнула Катерына, не пидводячы головы.

— А, такъ ты ось яка! Ось якъ ты вже балакаешъ изо мною! Геть же, геть, колы такъ зъ мого двору! Щобъ твоя нога не була у моій оселі,—гримнула уся червона зъ обурення пани.

Катерына вытерла ту жъ мыть рукы, взяла свого сына и, слова не мовывшы, подалася знаряжатыся у дорогу.

. . . .

Такъ якъ за годыну прыйихавъ добродій Брянськый. Той спихъ, зъ якымъ винъ увійшовъ у господу, досыть свидчывъ, що славетній ликаръ звыкъ навищаты або дуже слабыхъ, або занадто нетерплячыхъ гоноровыхъ паціентивъ, що винъ не мае даремно гаяты часу, и пани та панночка поспишылыся ёму на зустричъ, абы не загаяты ёго ни на одну мыть.

— А де жъ нашъ паціентъ?—запытавсь ликарь, витаючысь на швыдку до панночкы та пани.

— Нашъ визныця Гордій... почала була Дарочка.

— Гордія жъ, панночко, вже немае у насъ: Катерына повезла ёго на кватырю до бабы знахаркы—обизвалася Дуня.

Дарочка спалахнула и прыкусыла до крови губу.

— Якъ?—вжахнулася на викы переляканa пани.

— Повезла—мовыла Дуня.

— Ахъ, Боже мій! Уявить соби, ця божевильна жинка ёго, Катерына...—спробувала було выправдатысь пани.

Ликаръ здвыгнувъ нетерпляче плечыма.

— Выбачте, добродію! На Бога выбачте!—кынулася пани благаты ликаря.

Але ликарь поспишывсь попрощатыся и, ухопывшы зъ столу свою шапку, побигъ до дверей.

Пани не мала сылы навить провесты ёго:

— Господы! Що жъ це буде? Що жъ винъ подума теперъ про насъ?—сплеснула вона рукамы и опустылася, якъ пидкошена, на канапу.

— Це жъ Брянськый! Винъ скризь бувае, винъ усимъ роскаже! О Боже, соромъ, соромъ якый!—стыснула въ безкраій журьби Дарочка обома рукамы свою роспалену голивоньку и прыпала чоломъ до холоднои шыбкы викна.

— Догодыла твоимъ прымхамъ, поклыкала Брянського—отъ теперъ и пропалы святкы.—обизвалася трохы перегодывшы пани до Дарочкы. Дарочка промовчала.

Червоно-гаряче сонце кынуло тежъ свій допытлывый поглядъ на тяжко засмучену красуню панночку, але й воно не диждалося видповиди и, здывоване, зныкло за крытою билою намиткою горою.

Л. Яновська.

Посѣтители могилы Т. Г. Шевченка.

„Je n' excuse pas, j'expose".

Просимъ извиненія у нашихъ читателей за то, что, прежде, чѣмъ приступимъ къ изложенію предмета нашей замѣтки, мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько общихъ и повидимому извѣстныхъ истинъ, но мы не виноваты въ томъ, что наше время требуетъ иногда повторенія того, что извѣстно...

Для опредѣленія степени культурности націи существуетъ много показателей; но въ то же самое время нѣтъ въ мірѣ націи, къ которой всѣ эти показатели были бы приложимы сразу, по той простой причинѣ, что идеально-культурной націи мы пока не знаемъ, существующія же націи размѣщаемъ на ступенькахъ культурной лѣстницы на основаніи сравнительной оцѣнки, въ основѣ которой лежатъ относительныя понятія «болѣе» или «менѣе». Пользуясь этой мѣркой, мы признаемъ одну націю болѣе культурной, другую—менѣе культурной, третью—болѣе или менѣе культурной и т. д., по убывающимъ или возрастающимъ степенямъ. Что касается самого показателя, то выборъ его опредѣляется взглядомъ на культуру и характеръ ея. Между прочимъ,

извѣстенъ, напримѣръ, взглядъ, въ силу котораго показателемъ степени культурности той или иной націи признается отношеніе ея къ своимъ избранникамъ, къ своимъ геніямъ въ различныхъ сферахъ умственной, политической и общественной жизни. Указываемое обстоятельство, безъ всякаго сомнѣнія, при наличности, впрочемъ, ряда иныхъ условій, можетъ быть принимаемо за мѣрило степени культурности націи. Нація, помнящая себя въ прошломъ, самосознающая себя въ настоящемъ и смотрящая съ надеждою на свое будущее, непремѣнно должна помнить и знать, и дѣйствительно помнитъ и знаетъ и умѣетъ чтить своихъ выдающихся людей. Эти люди, являющіеся цвѣтомъ націи, ея свѣточами, составляютъ предметъ справедливой гордости и почитанія для своихъ единоплеменниковъ. Имена всѣхъ не только геніальныхъ, а и просто выдающихся людей для всякаго члена такой культурной націи не пустые звуки, а полныя богатаго содержанія понятія или о цѣлыхъ эпохахъ, или знаменитыхъ открытіяхъ и могучихъ завоеваніяхъ ума, или о высоко-художественныхъ произведеніяхъ искусства и т. п.

Нечего, конечно, и говорить о томъ, къ какимъ безотраднымъ результатамъ можно было бы прійти при опредѣленіи степени культурности, напримѣръ, русской націи съ помощью названнаго показателя культуры. Факты здѣсь излишни, такъ какъ всѣ прекрасно помнятъ и знаютъ, что недавнія юбилейныя торжества русской мысли (юбилеи Пушкина, Гоголя и др.) были въ то же самое время и днями глубокой скорби и печали... Обнаружилось, напримѣръ, что великій русскій поэтъ Пушкинъ для громадной массы русскаго народа ни больше ни меньше, какъ «храбрый енералъ». Весьма и весьма недавно русскую прессу обошло извѣстіе о томъ, мѣстомъ чего иногда служитъ гротъ Лермонтова въ Пятигорскѣ. Съ чувствомъ глубокой горечи и негодованія еще болѣе недавно отмѣчался фактъ отношенія публики къ памятникамъ русскихъ писателей на Волковомъ кладбищѣ: здѣсь надмогильныя плиты, кресты и ограда оказались испещренными «заборной литературой». Такимъ образомъ получается впечатлѣніе,

что грамота служитъ для русскаго народа средствомъ проявленія и выставки на публичный позоръ своей некультурности.

Нашъ народъ, наше общество, украинское, понимаемое въ широкомъ смыслѣ этого слова, раздѣляютъ въ этомъ отношеніи участь общую если не со всѣми, то съ большинствомъ народностей обширной Россіи. Вопроса о томъ, насколько оно является виновнымъ въ этомъ, мы не будемъ касаться, такъ какъ, во-первыхъ, это вопросъ особаго порядка, а во-вторыхъ—разрѣшеніе его завело бы насъ слишкомъ далеко въ сторону отъ намѣченной нами цѣли. Мы имѣемъ въ виду лишь констатировать фактъ и считаться съ нимъ какъ съ таковымъ.

Въ сознаніи своихъ заслугъ передъ Россіею и русскимъ обществомъ Пушкинъ выразилъ надежду на то, что къ «созданному имъ себѣ нерукотворному памятнику не зарастетъ народная тропа». Что касается Т. Г. Шевченка, то можно съ увѣренностью сказать, что народная тропа никогда не зарастетъ и къ рукотворному памятнику его, устроенному его друзьями,—къ его могилѣ.

Болѣе сорока лѣтъ прошло со дня смерти нашего великаго поэта. Въ теченіе этого времени, изъ года въ годъ, съ наступленіемъ лѣтняго времени людьми разныхъ общественныхъ положеній, разныхъ возрастовъ и націй совершаются паломничества на его могилу. Сорокъ лѣтъ—періодъ времени довольно почтенный. Ни на минуту никто, конечно, не станетъ сомнѣваться въ томъ, что каждая изъ западно-европейскихъ націй за такой продолжительный періодъ времени успѣла бы сдѣлать все въ смыслѣ выраженія уваженія къ своему національному генію: воздвигла бы великолѣпный памятникъ, устроила бы музей, въ которомъ было бы собрано все, относящееся къ этому генію или связанное съ его именемъ; позаботилась бы, наконецъ, и о томъ, чтобы каждый членъ націи по возможности зналъ о предметѣ своей національной гордости какъ можно болѣе. Мало того,—все это непремѣнно дѣлалось бы еще и съ такимъ разсчетомъ, чтобы пред-

ставители другихъ націй, посѣщая памятникъ этого генія или героя, проникались уваженіемъ не только къ одному генію, но и къ той націи къ которой онъ принадлежитъ.

Мы далеки отъ такихъ широкихъ притязаній. Скажемъ даже больше: всякая роскошь, все, что отмѣчено характеромъ помпы, не должно, по нашему мнѣнію, имѣть мѣста въ составѣ и числѣ тѣхъ способовъ и средствъ, какими бы можно выразить наше уваженіе къ памяти великаго почившаго поэта,—это противорѣчило бы основамъ его міросозерцанія, его идеаламъ, наконецъ, если хотите, было бы даже несовмѣстимымъ съ его глубокимъ демократизмомъ. Тѣмъ не менѣе необходимо приложить всѣ старанія къ тому, чтобы могилу Т. Г. Шевченка обставить возможно лучше. Паломничество на его могилу должно имѣть глубоко-воспитательный характеръ. Въ виду этого, на могилѣ необходимо сосредоточить все, что можетъ дать штрихи къ обрисовкѣ облика великаго поэта для того, чтобы этотъ обликъ представить предъ глазами посѣтителя во весь свой мощный ростъ. Къ сожалѣнію, нужно сознаться, что по всякимъ зависящимъ и независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ въ этомъ отношеніи нами не сдѣлано почти ничего. Такъ, напримѣръ, въ теченіе сорока слишкомъ лѣтъ, повидимому, долженъ бы былъ накопиться довольно обширный матеріалъ относительно посѣщенія могилы поклонниками поэта. Матеріалъ этотъ, несомнѣнно, представлялъ бы выдающійся интересъ въ отношеніи прежде всего статистики посѣщеній, равно какъ и для исторіи развитія общественной мысли, понятій и взглядовъ на счетъ значенія личности Шевченка и его могучей музы, вліянія его поэзіи на пробужденіе самосознанія и вообще идей гуманнаго характера и т. п. Къ сожалѣнію, мы такимъ матеріаломъ не располагаемъ. За прежніе годы книгъ для записи фамилій посѣтителей могилы и внесенія ими туда впечатлѣній отъ посѣщеній не сохранилось, да и не могло сохраниться, такъ какъ въ теченіе довольно продолжительнаго времени по какимъ то причинамъ такой книги совсѣмъ и не было, и публика или совершенно не отмѣчала своихъ посѣще-

ній, или изливала свои мысли и чувства и дѣлилась впечатлѣніями то на стѣнахъ, то на дверныхъ и оконныхъ рамахъ «Тарасовой хаты», то на обширныхъ поляхъ «Кобзаря», лежавшаго на столикѣ въ хатѣ. И только въ началѣ іюня 1897 г. появляется книжка для записи фамилій посѣтителей.

Передъ нами лежитъ эта злополучная книга. Уже одинъ внѣшній видъ ея производитъ удручающее впечатлѣніе: истрепанная, испачканная, съ вырванными листками, она служитъ нагляднымъ доказательствомъ нашей малокультурности. Заглянувъ въ середину книги, вы послѣ бѣглаго просмотра записей въ ней еще болѣе убѣждаетесь въ томъ, что это наше corpus delicti, живой укоръ нашей дикости. Почти на 250 страницъ этой книги, испещренной вдоль и поперекъ записями посѣтителей могилы, едва ли найдется десятокъ страницъ, которыя судьба оберегла отъ пошлости людской, умѣющей выразиться во всемъ: не только въ живомъ словѣ, поступкѣ, жестѣ и фразѣ, но даже и въ характерѣ письма, въ почеркѣ и въ способѣ «расчеркиванья».

Лежащая передъ нами книга имѣетъ мѣстами характеръ тяжкаго обвинительнаго акта, написаннаго противъ себя рукою самого общества при соучастіи неумолимо-жестокихъ обвинителей: невѣжества, отсутствія самоуваженія и сознанія своего достоинства, доходящихъ до скоморошества и гаерства. Скрывать намъ этого обвинительнаго акта нечего: съ содержаніемъ его успѣли ознакомиться сотни посѣтителей могилы нашего великаго поэта и поклонниковъ его таланта разныхъ націй, живущихъ не только въ Россіи, но и далеко за предѣлами ея, и пусть намъ самимъ будетъ принадлежать первый починъ въ указаніи больныхъ мѣстъ на нашемъ общественномъ организмѣ, чѣмъ людямъ со стороны.

При всей скудости матеріала, какимъ мы располагаемъ относительно посѣщеній могилы Т. Г. Шевченка, все же въ немъ есть данныя для нѣкоторыхъ обобщеній. Эти обобщенія необходимы намъ для характеристики посѣтителей могилы и для сведенія ихъ въ группы.

Тутъ естественно возникаетъ рядъ трудныхъ вопросовъ: что́ можетъ быть положено въ основу дѣленія посѣтителей на тѣ или иныя группы? насколько безошибочнымъ можетъ быть признано то или иное основаніе при такомъ распредѣленіи? При распредѣленіи посѣтителей на группы нами принимается во вниманіе все: и содержаніе записи, и характеръ ея, и фамилія, и почеркъ посѣтителя, и даже такая мелочь, какъ «росчерки». Правда, что данныя эти могутъ показаться плохимъ залогомъ объективности, въ выводахъ, но ошибки возможны вездѣ...

Всѣхъ посѣтителей могилы можно свести къ нѣсколькимъ группамъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои особыя характерныя черты.

Первое мѣсто не по численности, конечно, мы отводимъ той группѣ посѣтителей, для которыхъ нѣтъ въ мірѣ ничего великаго, нѣтъ ничего святого. Это тотъ сортъ людей, для которыхъ, по весьма удачному выраженію одного французскаго писателя, «какъ для лакеевъ, нѣтъ великихъ людей». Все, къ чему только успѣетъ прикоснуться рука этого сорта людей, опошляется, такъ какъ они со всѣхъ сторонъ плотно окутаны атмосферой пошлости. Къ этой квалифицированной группѣ пошляковъ принадлежатъ люди всякихъ званій, соціальныхъ положеній и цензовъ. Разница между ними лишь та, что степень ихъ пошлости и цинизма находится въ порядкѣ обратно-пропорціональномъ къ степенямъ ихъ ценза и соціальнаго положенія: чѣмъ выше послѣдніе, тѣмъ ниже и гнуснѣе первые. Возникаетъ, естественно, вопросъ: что́ привлекаетъ сюда такихъ людей? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ единственно правильный: жажда провести пошло нѣсколько часовъ въ новой, необычной обстановкѣ и не постѣсняться оставить слѣды своей пошлости даже тамъ, гдѣ витаетъ безсмертіе и неувядающая слава генія, возвышенной, самоотверженной любви, ума и таланта...

Вотъ, напримѣръ, на какого рода запись и оказался лишь способнымъ одинъ изъ посѣтителей могилы, подписавшійся—стыдно сказать «чиновникамъ особыхъ порученій»: «Коло твоеи хаты, мій коханый Тарасе, я бувъ довгенько, йивъ дычыну, пырижкы,

пывъ чай... Апетытъ бувъ добрый, та мало чого було, и илось добре. Заиду ще колысь»... Комментировать эту выдающуюся по своему цинизму запись достойнаго чиновника особыхъ порученій нечего: она и безъ того слишкомъ много и краснорѣчиво говорить объ умственномъ и нравственномъ багажѣ автора ея, тѣмъ болѣе, что въ этой книжкѣ черезъ нѣсколько страницъ находимъ достойную оцѣнку приведенной нами записи. Одинъ изъ посѣтителей могилы, глубоко возмущенный этой и подобными ей записями въ книгѣ, разразился горячей, свойственной молодой юности, филиппикой противъ посѣтителей могилы, оскорбляющихъ память великаго поэта; иронически выражая сочувствіе чиновнику особыхъ порученій въ томъ, что онъ не могъ удовлетворить своего богатаго аппетита, авторъ филиппики спрашиваетъ: «чому було травычкы не попойисты? Вона тутъ добра и іи на гори багато»!.. Впрочемъ,—одно маленькое замѣчаніе. Запись чиновника особыхъ порученій ясно говоритъ намъ о національности его. Это—хорошо всѣмъ извѣстный и не менѣе хорошо оцѣненный типъ «малороссіянъ», въ однихъ случаяхъ заявляющихъ о себѣ, что они «малороссы, говорящіе по-русски», а въ другихъ,—что они «тоже немного малороссы», характеристику которому далъ еще Гоголь. Лучшимъ выраженіемъ почтенія къ памяти поэта съ ихъ стороны было бы то, если бы они не только не давали обѣщаній еще посѣтить его могилу, а и совершенно туда не являлись.

На 27 стр. красуется новая запись: «1897 г., 7 сентября. булы на могыли Тараса, вспомыналы ёго и пылы горилку за ёго велыку душу». Или вотъ, напримѣръ, какая блестящая аристократическая компанія удостоила Тараса Григорьевича своимъ посѣщеніемъ: «19 августа 1897 г. посѣтили могилу: баронъ Фитинговъ-Шнель, княгиня Чертополохова, графъ Свинопасовъ и герцогъ Монте-Кристо»!

На стран. 46 какіе-то господа заявляютъ, что они «были. чай съ ромомъ пили, булку съ масломъ ѣли, о Тарасѣ сожалѣли, что онъ не былъ съ нами, а лежалъ подъ крестомъ и камнями». Слѣдующимъ посѣтителямъ могилы показалось недостаточнымъ

этого цинизма въ стихотворной формѣ, и кто-то изъ нихъ написалъ двустишіе:

«А мы, когда бываемъ,
О немъ совсѣмъ забываемъ».

Или вотъ краткое, но «картинное» изображеніе посѣщенія:

Были, пили, ѣли, пѣли
И обратно улетѣли.

А какъ вамъ, читатель, понравится такой лаконизмъ, достойный достойнѣйшаго изъ сыновъ древней Спарты: «Бувъ, бачывъ, любовався выдамы, набрався духу, напывся пыва тай пойіхавъ до дому».

«Почулы, що нашъ въ Каневи находытся любецъ (!) правдысловъ Тарасъ,—пишетъ какая-то пьяная компанія,—поситылы тебе, прославылы твою славу и насылу у фиртку попалы. Прыблуды зъ чужыхъ странъ: Сашко Выпывайло, Аристархъ Грузій Непропало, третій—одказався (не нуждается)» и т. д.

Прыйихалы мы на гору
На Шевченкову могылу,
А теперъ сыдымъ у гóри,
Бо наилысь черезъ сылу.
А на двори щось не ладъ:
Дощъ, гримъ росходылысь...
Якъ пойидемъ мы назадъ?
Сыдымъ, зажурылысь...

Но не довольно ли выписокъ въ такомъ родѣ? Увѣрены, что вполнѣ довольно; довольно грязи, цинизма и пошлости! Если мы позволили себѣ такъ долго угнетать ими читателя, то только лишь потому, чтобы насъ не заподозрѣли въ голословности и тенденціи. Лично, впрочемъ, мы предпочитаемъ пріемъ безпощаднаго пригвожденія къ позорному столбу всякой гадости, кѣмъ бы она ни была сдѣлана, чѣмъ прикрыванія ея всякими способами.

И хотя мы, напримѣръ, вполнѣ понимаемъ и даже оправдываемъ побужденія тѣхъ изъ посѣтителей могилы поэта, которые мѣстами пытались позачеркивать позорящія насъ записи, а гдѣ это не удалось, то повырывать цѣлыя страницы или куски ихъ, но не вполнѣ раздѣляемъ: изъ книги-то подобную запись вырвать можно, но она отъ этого не явится вырванною изъ ума, сердца и совѣсти того, кто ее не постѣснялся сдѣлать, и онъ пріѣдетъ на могилу вновь и повторитъ ее, усиливъ еще пожалуй. Въ этихъ видахъ мы позволимъ себѣ еще привести нѣсколько выдержекъ, также пошлыхъ, но нѣсколько иного оттѣнка.

На одной изъ страницъ книги находимъ примитивный рисунокъ: нарисованъ крестъ, а у креста стоитъ женщина-украинка съ рукой, приподнятой къ головѣ; внизу подпись: «Волынянка». Надъ этимъ рисункомъ какому-то несомнѣнно «интеллигенту» (рукой его въ книгѣ много сдѣлано помѣтъ и записей) пришло на мысль написать: «Зачѣмъ волынянка чешетъ у себя въ головѣ»?

Или вотъ, какой-то также «интеллигентъ», судя по нѣкоторымъ признакамъ, пытается сдѣлать безсмертнаго поэта соучастникомъ своего романа, прося его содѣйствія: «Если бы она могла меня понять и не оттолкнуть,—пишетъ онъ въ книгѣ,—то я былъ бы безконечно счастливъ!.. Ты видишь, Тарасъ, мою искренность... Посодѣйствуй, если считаешь меня хоть немного достойнымъ». Другой заноситъ въ книгу свое посѣщеніе слѣдующимъ образомъ: «Посѣтилъ могилу Т. Г. и въ ожиданіи Д. Е. просидѣлъ часа три». А черезъ нѣсколько страницъ женскимъ почеркомъ записано: «Я посѣтила батьку-Тараса на мой торжественный день». На той же страницѣ одинъ изъ посѣтителей, какъ бы извиняясь предъ Тарасомъ Григорьевичемъ за непродолжительный визитъ, пишетъ, что «прибылъ изъ Полтавы, изъ имѣнія, пробылъ лишь $1/2$ часа и поѣхалъ обратно въ имѣніе».

Ровно двѣ страницы книги заняты слѣдующею небольшою записью какого-то «пессимиста», сдѣланною синимъ карандашомъ (такіе господа, отправляясь на могилу, очевидно, заранѣе предусмотрительно запасаются орудіемъ письма): «Якъ бы ты, Тарасе, вставъ та подывывсь на Днипро,—упывся бъ, здорово упывсь.

Нема тебе, нема вже и Днипра, и скоро насъ не буде. Днипро сёгодня неумытый и заспани хвыли. Жды, Тарасе, скоро будемъ вмисти, бо на цимъ свити тяжко жыты, тяжко нудыть свитомъ».

Бойкимъ женскимъ почеркомъ на одной изъ страницъ книги записано: «Были на горѣ Шевченка, хохотали до полнаго упадка силъ и, кажется, были довольны собой и всѣмъ окружающимъ».

Въ записяхъ послѣдняго рода отсутствуетъ лишь упоминаніе о горилкѣ, а затѣмъ—нѣтъ тенденціи, спеціально принадлежащей «малороссамъ особаго рода» и замѣтной въ записяхъ, отмѣченныхъ выше—тенденціи—«свалять дурака» съ цѣлью потѣшить почтеннѣйшую публику своею веселостью и прославленнымъ юморомъ «хохлацкимъ», открывавшимъ себѣ нѣкогда дорогу и въ роскошныя переднія и съ тѣхъ поръ, кажется, и сдѣлавшимся особенно любезнымъ извѣстной части земляковъ нашихъ.

Эти и имъ подобныя записи возбуждаютъ естественныя чувства стыда и глубокаго негодованія противъ цинизма, пошлости и глупости людской. Останавливаясь мысленно на этихъ глубоко печальныхъ фактахъ, затрудняешься рѣшить, какому изъ перечисленныхъ нами качествъ дать перевѣсъ. Правильнѣе всего, кажется, будетъ признать фактъ трогательнаго и гармоническаго сочетанія въ этомъ сортѣ людей всѣхъ поименованныхъ нами достоинствъ.

Подобныя записи вызываютъ нерѣдко горячіе протесты противъ себя со стороны той группы посѣтителей могилы, какую приводятъ сюда глубокое уваженіе къ памяти поэта, искренняя любовь къ нему и пониманіе великихъ его заслугъ передъ народомъ, изъ котораго онъ вышелъ. Характеръ этихъ протестовъ стоитъ въ зависимости отъ темперамента, лѣтъ и другихъ качествъ протестующаго: нѣкоторые изъ протестовъ написаны горячимъ, юношескимъ тономъ, не стѣсняющимся въ сильныхъ выраженіяхъ; такъ напримѣръ, одна изъ такихъ филиппикъ заканчивается слѣдующимъ четверостишіемъ.

«Чому ты, Тарасе, тоди не пиднявся?
Чому, якъ Хрыстосъ, за батигъ не узявся?

Зъ могылы святои прогнавъ бы собакъ,
Що память твою попыраютъ оттакъ»!

Другой посѣтитель, предпославшій своему протесту въ видѣ мотто извѣстный библейскій текстъ: «иззуй прежде сапогъ отъ ноги твоея, мѣсто на немъ же стоиши, свято есть», между прочимъ, пишетъ: «Бидни, убоги люде! Бидна Украина, котру оци лодари называютъ своею ненькою! Бидна й твоя слава, Тарасе батьку, оплеванная, стоптанная пьяными ногамы» и т. д....

На иныхъ записяхъ лежитъ отпечатокъ спокойной, но глубокой грусти по поводу безграничной человѣческой глупости и пошлости. Одинъ изъ посѣтителей могилы, по многимъ даннымъ,—«человѣкъ изъ народа» и, кажется, «недипломированный», вписавшій въ книгу цѣлое стихотвореніе, слабоватое правда, по формѣ, но не лишенное интереса по содержанію, искренности тона и глубинѣ пониманія музы Шевченка, говоритъ между прочимъ слѣдующее:

«Тебе вшапуваты—навить на могылу не жалують нигъ.
Та тилькы й зуміють тебе помянуты чаркою горилкы,
На котру зодралы изъ своихъ братив
Послиднюю шкуру...

Тутъ невольно возникаетъ вопросъ: каковъ національный составъ этой группы посѣтителей могилы великаго поэта, такъ безцеремонно-нагло издѣвающихся и надъ памятью поэта, и такъ глубоко оскорбляющихъ истинныхъ почитателей его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всю націю? Такъ какъ господа эти часто не стѣсняются подписывать свои фамиліи подъ сдѣланными ими записями, а затѣмъ—такъ какъ значительное число грубо-циничныхъ записей написано по-украински, то съ большей или меньшей достовѣрностью, не боясь впасть въ ошибку, къ величайшему стыду нашему нужно признать, что пальма первенства въ циничныхъ выходкахъ принадлежитъ членамъ націи, давшей славянскому міру великаго поэта. И никто, если не ошибаемся, не позволяетъ себѣ больше и сильнѣе оскорблять поэта, какъ дѣти того народа, той Украины, во имя любви къ которымъ безсмертный и многострадальный поэтъ готовъ былъ, по его собственнымъ словамъ, положить душу свою.

По своей профессіи—это большею частью мелкіе чиновники, письмоводители или просто писаря, вышедшіе изъ народа, полуобразованные недоучки, оторвавшіеся отъ народа и не приставшіе къ интеллигентнымъ слоямъ общества, безпочвенные, деморализованные элементы его, превращающіе посѣщенія могилы поэта въ увеселительные лѣтніе пикники низшаго сорта.

Не боясь упрековъ за опасную экскурсію въ область сердцевѣдѣнія, не подлежащую оцѣнкѣ вслѣдствіе отсутствія наличности неоспоримыхъ объективныхъ данныхъ, мы попытаемся характеризовать вторую группу посѣтителей могилы поэта. Она можетъ быть характеризована ходячимъ, имѣющимъ весьма опредѣленное содержаніе понятіемъ «фильства». Если мы даемъ ей мѣсто тотчасъ послѣ группы, очерченной нами выше, то это еще не значитъ, что мы ее сближаемъ съ первой; напротивъ, эту вторую группу мы готовы помѣстить на почтительномъ разстояніи отъ первой.

Посѣщеніе могилы «поклонниками» первой группы является глубокимъ оскорбленіемъ памяти великаго поэта, позорнымъ и трудно смываемымъ пятномъ на физіономіи—sit venia verbo—нашего общества. Вторая группа посѣтителей могилы поэта не позволитъ себѣ *сознательно* оскорбить память его циничной выходкой; если же кто-либо въ пылу увлеченія и впадетъ въ этотъ грѣхъ, то естественное чувство стыдливости не позволитъ ему бравировать собой, своимъ поступкомъ и онъ сдѣлаетъ такъ, какъ сдѣлала одна, очевидно, молодая шалунья-барышня (кажется, гимназистка), которая, помѣстивъ какую-то банальную запись въ книгѣ, сей же часъ одумалась и, тщательно замазавъ ее карандашомъ, написала слѣдующія покаянныя строки: «Прости, Тарасъ Григоровичъ, что я написала здѣсь глупость. Но иногда находитъ затменіе». Это признаніе, дышущее наивностью непосредственной натуры, нисколько не оскорбительно; оно мило даже, если хотите... Но въ то же самое время эта группа имѣетъ кое въ чемъ точки соприкосновенія съ первой: нѣкоторые изъ членовъ ея способны что-нибудь такое «утнуть» на почвѣ своего неглубокаго «фильства», при видѣ чего можно только покраснѣть. Члены этой группы

именно и пополняютъ ряды «малороссіянъ», «малороссовъ, говорящихъ по-русски», «тоже немного малороссовъ», о которыхъ мы имѣли случай говорить выше. Эта группа посѣтителей старается всякими способами увѣрить и поэта, и посѣтителей его могилы въ своей «щырости», «щырой любви» къ «батьку-Тарасу», къ Украинѣ. Самыми излюбленными формулами записей этой группы посѣтителей могилы являются слѣдующія: «Бувъ на могыли ридного батька свого Тараса щырый украинець» (имя рекъ), или: «Посѣтилъ могилу батька Украины поклонникъ, истый украинецъ (имя рекъ; кстати—непремѣнно или почти всегда—полтавецъ какой-нибудь). При чемъ «щырые» или «истые» украинцы рѣдко ограничиваются простымъ заявленіемъ своей «щырости»; имъ всегда кажется этого недостаточнымъ, и они тщатся весьма часто сказать еще кое-что или по поводу своей «щырости» или по адресу «батька-Тараса», при чемъ обнаруживается нерѣдко, что въ «щырости щырихъ» или «истыхъ украинцевъ» весьма много лигатуры, и что для пріобрѣтенія ими пониманія значенія Шевченка и его идеаловъ имъ нужно знаній и общественнаго развитія не меньше, чѣмъ работы надъ рудой для пріобрѣтенія ею вида «чистаго злата».

Посѣтителей этой группы мы, конечно, не сливаемъ въ одну общую массу; напротивъ, между ними есть различіе, подчасъ весьма значительное. Въ этой группѣ вы можете встрѣтить и человѣка съ высшимъ образованіемъ или еще только стоящаго на извѣстной ступенькѣ къ нему, и семинариста, и гимназиста, и чиновника, и писаря какого-нибудь присутствія, и просто себѣ человѣка, скромно умолчавшаго о своемъ соціальномъ положеніи на ступенькахъ общественной лѣстницы. Каждый изъ этихъ людей, соотвѣтственно своему чину, званію, положенію, образованію и, наконецъ, литературному дарованію, выражаетъ свои мысли, чувства, впечатлѣнія и пожеланія. Вотъ передъ вами почитатели, считающіе нужнымъ прописать, что они чиновники (безъ обозначенія чина) контрольной палаты; вотъ почитатель, посѣтившій съ женою «незабвеннаго и досточтимаго Т. Г. Шевченка», и подписавшійся «коллежскимъ секретаремъ», чѣмъ привелъ другого

«поклонника» въ негодованіе, вызвавшее съ его стороны такое замѣчаніе: «велыка птыця—секретарь»! (нужно думать, что вознегодовалъ отъ «секретаря» или совершенно не имѣющій чина, или по меньшей мѣрѣ титулярный совѣтникъ, а то, пожалуй, и коллежскій ассесоръ); вотъ запись студента университета, предупредительно заявляющаго другимъ посѣтителямъ, интересующимся книгой для записей, что онъ «ех-студентъ» такого-то университета, а другой для вящаго импонированія и, нужно думать, для указанія болѣе близкой степени духовнаго родства къ поэту, считаетъ нужнымъ заявить, что онъ,—horribile dictu!—«студентъ-обструкціонистъ»; вотъ гимназистъ, сбросившій ненавистную гимназическую форму и надѣвшій заманчивый синій околышъ, какъ неоспоримое доказательство зрѣлости, но, вслѣдствіе каникулярнаго времени, находящійся еще, очевидно, въ межеумочномъ состояніи и поэтому подписывающійся «будущій студентъ»; вотъ группа семинаристовъ, «почитателей» поэта, изъ которыхъ двое считаютъ нужнымъ заявить, что они въ этомъ году окончили курсъ семинаріи; вотъ нѣсколько записей на русскомъ языкѣ, принадлежащихъ полтавскимъ семинаристамъ, заявляющимъ великому поэту, что они «поклонники» его, такимъ тономъ, что великій поэтъ долженъ принять это заявленіе не иначе, какъ за великую честь для себя, будучи удостоеннымъ такого вниманія со стороны столь знатныхъ особъ; вотъ запись какого-то «Полтавца», вписавшаго въ книгу слѣдующія знаменательныя строки: «Посѣтилъ и я могилу; произвела угнетающее и грустное впечатлѣніе; и предо мной, какъ истымъ украинцемъ, все прочитанное промелькнуло и вспомнилось. Полтавецъ». Вотъ «великолѣпная» по своему нарочито-куріозному стилю, но несомнѣнно, искренняя запись, принадлежащая «нижнимъ воинскимъ чинамъ управленія воинскаго начальника», которые заявляютъ, что они «посѣтили съ удовольствіемъ могилу, на что желая произнесть великолѣпное возхвалѣніе (sic) нашему поэту Тарасу Шевченку, якъ ридному нашому батьку» (слѣдуютъ подписи). Иные изъ посѣтителей этой группы непрочь и пофилософствовать и результатами своихъ философскихъ думъ (говоримъ

безъ тѣни ироніи и укоризны) подѣлиться съ читателями. Вотъ какъ, напримѣръ, философствуетъ одинъ, повидимому, искренній почитатель поэта и уже человѣкъ немолодой: «Каждый разъ при посѣщеніи этого святого мѣста у меня является много воспоминаній былого-прошлаго... Отрочество, юность и послѣдовательно зрѣлый возрастъ... Съ каждымъ годомъ воспоминанія ложатся все болѣе и болѣе тяжелымъ гнетомъ. Чувствуется приближеніе того момента, когда придется всякому изъ насъ переселиться въ тотъ невѣдомый міръ блаженнаго бытія или совершеннаго «небытія» тяжелаго, страшнаго для живыхъ и безразличнаго для мертвыхъ... Всѣ обращенія къ Тарасу Шевченку кажутся мнѣ несостоятельны: онъ чувствуетъ-ли и знаетъ-ли, что дѣлается здѣсь? Очень сомнѣваюсь! Онъ спитъ вѣчнымъ, непробуднымъ сномъ»!..

Философія не изъ глубокомысленныхъ, а заключительныя строки ея совершенно не вяжутся съ предыдущимъ, но запись интересна тѣмъ, что въ ней сказалось настроеніе, вызванное мѣстомъ и личностью погребеннаго здѣсь человѣка, заставляющее посѣтителя каждый разъ въ умѣ перебѣгать свое прошлое и заглядывать вглубь своей души и совѣсти въ настоящемъ, что-то чувствовать и переживать такое, чего посѣтитель могилы не чувствуетъ и не переживаетъ въ другомъ мѣстѣ.

Другой посѣтитель могилы—съ чисто украинской фамиліей—пишетъ: «Посѣтилъ могилу и грустно мнѣ стало. А вдругъ всю свою жизнь человѣкъ даромъ трудился? Вѣдь все меньше и меньше становится почитателей приснопамятнаго Шевченка, и все меньше и меньше истыхъ сыновъ Малороссіи... Тяжко, важко»!..

Авторъ этихъ строкъ, не зная, очевидно, ни прошлаго, ни настоящаго, и глубоко увѣренный поэтому въ томъ, что «свѣтъ клиномъ сошелся», не мудрствуя лукаво, излилъ свою понятную скорбь. Въ этомъ достоинство записи.

А вотъ философія, можетъ быть, и глубокомысленнѣе, но и куріознѣе. Пофилософствовалъ авторъ на двухъ языкахъ—сначала по-украински, а потомъ по-русски. «Голова выдумуе, серце пидказуе, а рука водыть карандашемъ по цій бумази, чы то папери,—такъ объясняетъ авторъ записи секретъ творчества,—ве-

лыку славу Т. Г. Шевченку, который заповидавъ увсе свое жыття для нашого обогачинья «ума». Ны мало теперъ у насъ йе и ученыхъ и розумныхъ, але вси бажають (sic) Тараса. За що?.. а за те, що винъ побрехенькамы не занимався, а виддавъ свою долю для нашого обогачинья розума. Гирко, гирко, що мы не маемъ того, который бы потишывъ насъ своимы пысанпямы! Праця ёго велыка»!

Далѣе тотъ же авторъ пишетъ: «Изъ дальнихъ сторонъ, какъ я вижу, на могилу Т. Г. Шевченка стекается масса всякаго люду. Спрашивается, что заставляетъ ихъ расходоваться на такую поѣздку при такихъ неудобствахъ здѣшней мѣстности и не видя ровно ничего здѣсь красиваго и занимательнаго? (глядя, конечно, амофорически (sic)...) Ихъ влечетъ сюда невѣдомая сила посѣтить столь геніальнаго писателя, который потрудился для блага нашего, а потому расходы и всѣ неудобства остаются столь-же незамѣтными, сколь велики его произведенія!.. Благословляю мысль всѣхъ восхваляющихъ геніальнаго писателя и возношу мольбу къ Всевышнему о ниспосланіи ему царства небеснаго. Поклонникъ могилы Т. Г. Шевченка» (имя рекъ)... Запись эта близка по конструкціи, а иногда и по мыслямъ къ знаменитымъ записямъ Кузьмы Пруткова, но все-же она говоритъ въ пользу автора ея, какъ «поклонника могилы» поэта.

Но чаще всего «щыри поклонники» поэта стремятся облечь свои чувства и впечатлѣнія въ стихотворную форму. Ихъ вдохновляетъ съ одной стороны личность поэта, съ другой—необычайно живописная мѣстность и обстановка, и почти каждый изъ нихъ чувствуетъ непреодолимое желаніе на минуту стать хоть маленькимъ «поэтомъ» и «вшанувать батька-Тараса» своимъ «творомъ-экспромптомъ». Такихъ экспромптовъ въ книгѣ можно найти много, но мы не будемъ, конечно, утруждать ими вниманіе читателя, тѣмъ болѣе, что большая часть и не заслуживаетъ того, чтобы ихъ печатать. Содержаніе стихотвореній сводится къ тому, что большинство авторовъ пытается дать оцѣнку значенія музы Шевченка, выражаетъ сожалѣніе, что имъ не довелось быть современниками поэта, чтобы лично засвидѣтельствовать предъ нимъ

свое глубокое уваженіе, и приглашаетъ всѣхъ и вся плакать и сокрушаться по поводу ранней смерти поэта и т. п. Для примѣра приводимъ здѣсь два-три «экспромпта».

Дывлюся я на тебе,
Мылый батьку нашъ, Тарасъ,
Скилько лыха ты на себе
Понаклыкавъ изъ-за насъ!—

пишетъ одинъ посѣтитель. А вотъ еще образчикъ посвященія поэту:

Былъ я первый лишь разъ
У тебя па могилѣ,
И могилу твою,
Украины Парнасъ,
Позабыть я буду не въ силѣ!

Весьма характернымъ на нашъ взглядъ является слѣдующее четверостишіе, подписанное псевдонимомъ «Черниговецъ», который обращается къ поэту съ такой просьбой:

Порадь мене, ридный батьку,
Якъ на свити жыты,
. . . .
И Украину любыты.

Въ общемъ же, по прочтеніи записей и поэтическихъ опытовъ этой группы посѣтителей въ душѣ остается какой-то непріятный осадокъ, какое-то чувство горечи и обиды и за поэта. и за почитателей его. И чѣмъ сильнѣе эти послѣдніе стараются увѣрить васъ въ своей «щырости», тѣмъ становится непріятнѣе. потому что вы чувствуете, что эти увѣренія плаваютъ на поверхности неглубокихъ водъ сознанія «щырихъ поклонниковъ» поэта и отъ нихъ никому ни холодно, ни тепло: ни великому поэту, ни тѣмъ, интересамъ кого наиболѣе служила его муза... При чтеніи подобныхъ записей невольно бросается въ глаза еще

одно мелкое, но характерное обстоятельство: сплошь и рядомъ «щыри» почитатели поэта и «щыри украинци» превозносятъ Шевченка, увѣряютъ его въ своихъ чувствахъ на русскомъ діалектѣ, а затѣмъ—несмотря на увѣренія, или прикрываются псевдонимами, или ограничиваются инициалами, или прописываютъ свои фамиліи такъ, что спустя нѣкоторое время навѣрное и сами не разберутъ своей подписи. Этимъ мы не хотимъ выразить непремѣннаго требованія подписывать свои фамиліи полностью, а только отмѣчаемъ фактъ необычайной скромности истыхъ украинцевъ. «Что, молъ, тебѣ въ имени моемъ? Для тебя важна моя «щыристь» и «истость», а не имя,—имя пустой звукъ».

И поверхностный характеръ «щырости», и нѣкоторая фальшивость тона увѣреній въ ней чувствуется не только нами, но и другими посѣтителями могилы. Такъ, одного изъ посѣтителей могилы, человѣка, какъ видно изъ его многочисленныхъ критическихъ замѣчаній ко многимъ записямъ, довольно добродушнаго, по поводу одной записи, принадлежащей какому-то полтавцу, какъ говорятъ, «взорвало», и онъ рѣзко замѣтилъ: «мабудь у свити немае ничого гиршого, якъ ти полтавци»! Мы не раздѣляемъ, конечно, нѣсколько пристрастнаго отношенія автора замѣчанія къ полтавцамъ и не ставимъ въ ихъ спеціальный счетъ того, что должно быть вписано въ общій счетъ всѣмъ «щырим украинцамъ», и поэтому больше склонны согласиться съ двумя замѣчаніями, принадлежащими «не малороссамъ», какъ значится въ подписяхъ. Одинъ изъ нихъ пишетъ: «При посѣщеніи могилы Т. Шевченка меня крайне поразило то небрежное отношеніе г.г. «почитателей» единственнаго малороссійскаго поэта къ его памяти. Нѣтъ ни порядочнаго памятника, ни хорошо устроенной могилы, а между тѣмъ въ книгѣ написана масса разныхъ громкихъ, но очевидно пустыхъ словъ и фразъ. Стыдно, г.г. хохлы»! Авторъ другого замѣчанія говоритъ: «Очень жаль, что г.г. туристы въ своихъ распискахъ стараются порисоваться или выставить на показъ свои таланты, нисколько не интересуясь цѣлью посѣщенія. По крайней мѣрѣ изъ всѣхъ этихъ громкихъ эпитафій исковер-

каннаго малороссійскаго языка трудно найти что-либо искреннее и сердечное по адресу писателя»!

Эти двѣ очень слабыя по мысли и композиціи записи до извѣстной степени могутъ быть признаны справедливыми—именно въ тѣхъ своихъ мѣстахъ, гдѣ говорится объ искренности и громкихъ фразахъ.

Характеристика второй группы была бы неполной, если бы мы обошли молчаніемъ еще одно обстоятельство, о которомъ необходимо сказать нѣсколько словъ.

Иногда посѣтители очерченной нами группы, на ряду съ увѣреніями «батька Тараса» и его почитателей въ своей «щыросты», дѣлаютъ такія записи, подъ которыми «батько-Тарасъ» не только бы не подписался, а и не позволилъ бы этимъ «щыримъ» почитателямъ своимъ узурпировать право именовать его «батькомъ» ихъ, такъ какъ эти «духовныя дѣти» поэта обнаруживаютъ полное непониманіе идеаловъ его и духа его твореній,—непониманіе не менѣе грубое, чѣмъ обнаружили апостолы въ одно время, предлагавшіе своему великому Учителю послать кару небесную на городъ, не принявшій ихъ проповѣди. Вотъ нѣсколько примѣровъ этой «медвѣжьей услуги», оказываемой безсмертному пѣвцу завѣтовъ братства и любви со стороны «щырихъ украинцивъ».

«Бувъ,—пишетъ одинъ изъ нихъ—на могыли нашого риднｏго украинського поэта Т. Шевченка. Дуже дывуюсь, що на цiеи могыли така прорва жыдивъ и ляхивъ».

Другой посѣтитель, видимо не лишенный образованія и посылающій упреки по адресу посѣтителей, оскорбляющихъ память поэта грубыми и пошлыми выходками, также юдофобствуетъ, пытаясь при этомъ даже дать нѣкоторое обоснованіе своему юдофобству. Вотъ часть этой записи: «Браты мои! Въ нашъ культурный вѣкъ я никогда не ожидалъ, чтобы посѣтители могли такъ относиться нехорошо къ памяти «батька-Украины» Шевченка, позволяя себѣ вписывать въ книгу то, что непозволительно даже малымъ дѣтямъ (?); весьма желательно было-бы имѣть хоть малѣйшій надзоръ за такими личностями; замѣтки же евреевъ совсѣмъ неумѣстны, равно какъ и ихъ посѣщенія, такъ какъ не-

забвенный Тарасъ не включилъ ихъ въ списокъ «бративъ»... На эту запись кѣмъ то положена рецензія: «Начато хорошо, но не удержался отъ глупистики»... Приведенной рецензіей можно и ограничиться по поводу юдофобской выходки «щырого украинця»...

Третью группу посѣтителей могилы мы бы назвали «посѣтителями безъ тенденціи». Образъ великаго поэта имъ милъ и дорогъ, потому что его безсмертныя произведенія пробуждаютъ въ нихъ гуманныя чувства, гуманныя движенія сердца и побуждаютъ къ соотвѣтственнымъ поступкамъ, и они, при случаѣ, выражаютъ свою любовь и уваженіе къ поэту посѣщеніемъ его могилы. Въ составъ этой группы входятъ и его единоплеменники, и люди другихъ націй: великороссы, евреи, поляки и др.

Вотъ, напримѣръ, одна изъ записей, очевидно, принадлежащая посѣтителю «безъ тенденціи» и носящая характеръ своего рода исповѣди. «Добрый батько, Тарасе! Спасыби тоби за твои думы-писни. Чытаючы ихъ, я неначе сповидався передъ тобою въ своихъ грихахъ. Бильше всёго тоди, якъ знавъ, що вынenъ передъ дивчыною... Для мене, да и для всякого, писни твои, батьку Тарасе, булы наукою; робылы мене чыстійшымъ, лучшымъ. И якъ, бувало, забудешся и почнешъ зновъ робыты по старому, то згадаешъ тебе и твою щыру любовъ до «тыхъ дивчатъ безталанныхъ», любовъ батька и самъ тоди (далѣе вырвано)... братомъ».

Такимъ же характеромъ отсутствія тенденціи запечатлѣна, напр., запись по-бѣлорусски одного посѣтителя, подписавшагося «странствующимъ бездольнымъ учителемъ», который, по его словамъ, «крѣпко Богу помолився, заплакавъ, глядивши на твой (Тарасовъ) хрестъ, отдыхавъ и пошовъ по свѣту бродить, твой приказъ выповнять, людей добру учить и тебя батьку не забывать»...

Одна изъ такихъ посѣтительницъ, отмѣтивъ въ книгѣ день своего посѣщенія, выражаетъ сожалѣніе, что «не можетъ написать такъ поэтично, какъ писали многіе»; другая, очевидно гимназистка, отъ полноты охватившаго ее чувства только и смогла

написать: «Какъ я люблю Тараса Шевченка, душка!» Иные опредѣленно говорятъ, чтó привлекло ихъ на могилу поэта. «Удалось мнѣ—пишетъ одинъ изъ такихъ посѣтителей,—осуществить свою завѣтную мысль: посѣтить мѣсто твоего упокоенія, незабвенный украинскій поэтъ, который думами своими не разъ волновалъ мое сердце».

Четвертую группу посѣтителей могилы составляютъ люди, совершающіе свое путешествіе съ полнымъ и яснымъ сознаніемъ того, чтó они дѣлаютъ и для чего дѣлаютъ. Это дѣйствительные почитатели памяти и произведеній народнаго генія, которыхъ приводитъ сюда величіе и обаятельная сила личности поэта, ясное и глубокое сознаніе важности свершеннаго имъ дѣла и сила узъ, связывающихъ тысячами невидимыхъ, духовныхъ нитей ихъ собственное *я* въ его сознаніи и дѣятельности съ духовно-моральнымъ обликомъ и дѣятельностью безсмертнаго пѣвца народныхъ думъ, горя и слезъ. Эти люди испытываютъ непреодолимую потребность или отъ времени до времени, или хотя разъ въ жизни посѣтить могилу Т. Г. Шевченка, поклониться его праху, посидѣть у подножія высокаго креста и мысленно побыть въ обществѣ поэта среди величественной и торжественной тишины пышной красавицы—украинской природы, положившей первые зачатки вдохновеннаго таланта поэта-самородка. Было бы большой ошибкой думать, что эта группа однообразна по своему составу и характеру. Совсѣмъ нѣтъ. Первыя три группы, судя по фамиліямъ и другимъ признакамъ, состоятъ преимущественно изъ «сыновъ Украины» и частью изъ великоросовъ; въ составъ же послѣдней входятъ украинцы мѣстные и галицкіе, великороссы, поляки, евреи, нѣмцы и др. Посѣтители этой группы ограничиваются скромной записью своихъ фамилій—иногда съ прибавкою двухъ-трехъ глубокопрочувствованныхъ словъ; иногда они посвящаютъ нѣсколько строкъ прозы или стиховъ, высказываютъ desiderata, иные посвящаютъ нѣсколько строкъ выраженію полныхъ горечи и сѣтованій упрековъ по адресу посѣтителей, позволяющихъ себѣ оскорблять святость мѣста и величіе памяти поэта и т. п. Вотъ, напримѣръ, вырвавшаяся, несомнѣнно, изъ глубины сердца крат-

кая, но краснорѣчивая запись: «Серце, друже, батьку, брате! Тоби покланяюсь»... Или: «просты, батьку, що мы до-ладу й згадаты тебе не вміемо, та плачемо по тоби не такыми слёзамы, якъ бы ты бажавъ».

«Хочъ тебе мы й не бачымъ—усе жъ ты передъ намы»—пишеть третій посѣтитель.

«Миръ праху твоему, дорогой учитель!»—стоитъ скромная, но много говорящая запись.

«Съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія заношу въ эту книгу свое имя, какъ воспоминаніе о моемъ посѣщеніи могилы великого украинского поэта»,—читаемъ мы запись, которая производить впечатлѣніе оазиса въ безводной песчаной степи.

Вотъ также трогательная запись. «Одынадцять литъ не одвидувавъ Тебе я, велыкый Тарасе, и радуюсь, що Богъ помигъ мени ще разъ побачыты твою могылу... съ жинкою... и сынкомъ». Близка по содержанію и духу къ приведенной слѣдующая запись: «Року Божого 1898, лыпця 20 завитавъ я зъ дружыною своею на могылу батька-Тараса, щобъ здобуты для неи благословеніе ёго». Или вотъ, крайне старательнымъ и четкимъ почеркомъ выведена слѣдующая простая, но искренняя запись (сохраняемъ орфографію): «Любый Тарасе, давно я желалъ побывать у тебя, исполнилось завѣтное желаніе. Дай Богъ, еще разъ погостить у тебя и спасибо великое человѣку, поправившему твою могилу и крестъ».

Вотъ нѣсколько прочувствованныхъ строкъ, написанныхъ рукою пожилого человѣка: «Лыбонь у 1871 р. я бувъ тутъ. Велыка перемина зъ того часу! Спасыби добрымъ людямъ, що похлопоталысь, скилькы сыла змогла, а прывелы хоть трохы до-порядку святе для насъ украинцивъ мисце. Поможы вамъ, Боже, и надальше въ цимъ дили и во всихъ вашыхъ добрыхъ помыслахъ». Слѣдуетъ подпись посѣтителя, послѣ которой дописано: «и сынкы». Подписи «сынкивъ» сдѣланы старательнымъ дѣтскимъ почеркомъ.

«Слава Богу! и я побувавъ на твоій могыли... Мыръ твоимъ останкамъ, Батьку-Тарасе! А за все недобре, напысане въ кныжци, тилько можу сказаты: «Господы, просты имъ,—воны не знають,

що роблять». Эту запись мы отмѣчаемъ особенно, потому что она принадлежитъ человѣку, судя по фамиліи «изъ народа», даже однофамильцу поэта, а судя по почерку и орфографіи—человѣку молодому, и даже недостаточно твердому въ знаніи правилъ правописанія,—это разъ, а во-вторыхъ—по тому впечатлѣнію, какое она произвела на одну изъ посѣтительницъ могилы поэта. «Вы совершенно правы—пишетъ эта посѣтительница,—и такъ какъ эта фраза относится и ко мнѣ, то я благодарна, что вы направили меня на путь истинный».

Посѣтители этой категоріи нерѣдко также выражаютъ свои мысли и чувства и въ стихотворной формѣ. Встрѣчаются стихотворенія болѣе или менѣе удовлетворительныя, иногда положительно хорошія и по содержанію, и по формѣ. Объ одномъ изъ такихъ стихотвореній мы уже упоминали выше. Вотъ два небольшія стихотворенія, написанныя на поляхъ «Кобзаря» противъ «Заповиту»:

Ты вмеръ, а слово правды,
Що людямъ ты зоставывъ въ заповитъ,
Якъ проминь сонця завжди
Намъ ясно свитыть и горыть.

Въ другомъ стихотвореніи авторъ на поставленый кѣмъ то вопросъ: слышитъ-ли батько Тарасъ въ домовыни, что дѣлается на Украинѣ, отвѣчаетъ:

Винъ чуе и баче и шле тоби, брате,
Отвитъ черезъ мене: мицна наша маты,
Мицни іи диты; козацькой душою
Давно вже готують на ворога зброю.
Загынувъ татарынъ, що зъ нею змагався,
Іи не подужавшы ляхъ надирвався...
И ныни ни писня, ни мова роскишна
Не згыне, не згыне й Украина пышна!

Довольно удовлетворительнымъ мы находимъ и слѣдующее стихотвореніе:

До праци для щастя родыны
Пидъ гасломъ святого хреста
Будывъ ты сынивъ Украины,
Будывъ ты и села й миста.
До праци за-для сиромахы-народа
Ты клыкавъ ученыхъ людей,
Гукавъ и до вбогого ты хлибороба:
«Хай коженъ освитыть дитей»!

Есть въ книгѣ нѣсколько стихотвореній и на русскомъ языкѣ. Вотъ одно изъ нихъ только безъ конца, такъ какъ слѣдующая страница, на которой оно оканчивалось, къ сожалѣнію, вырвана.

Ужели ты, привольной Украйны
Любимый сынъ, вдали ея угасъ?
Ужель твой взоръ въ предсмертный часъ
Не зрѣлъ знакомыя картины
Привольной родины твоей:
Ея сады, деревни, нивы,
Днѣпра безбрежные разливы
Съ стадами утокъ и гусей
И Марусеньки «чорнобривой»
Лукавый взглядъ между вѣтвей
Цвѣтущихъ яблонь, грушъ и сливы?
Увы, одинъ среди людей
Съ сердцами черствыми, томимый
Любовью къ родинѣ своей,—
Ты умеръ, ближними гонимый.
Живой, къ родимымъ небесамъ
Душой ты рвался сквозь преграды,
Но скупъ былъ «Сѣверъ» на награды,
А на мольбы былъ скупъ ты самъ...
И вотъ, угаснулъ ты, и «тамъ»
Твое стремленіе признали,—
И кони быстрые помчали
Тебя къ Днѣпровскимъ берегамъ...

И вотъ, лежишь ты одинокій,
Какъ жилъ, въ могилѣ надъ рѣкой...

На этихъ словахъ обрывается стихотвореніе.

Г. К. Позняковымъ лѣтомъ 1901 г. лично принесено на могилу и вписано въ книгу стихотвореніе, составленное имъ въ годовщину смерти Т. Г. Шевченка, 25 февраля 1882 г. Вотъ оно:

Пѣвецъ! Хоть съ міромъ ты разстался,
Но ты живешь въ своихъ стихахъ:
Ты навсегда намъ милъ остался,
И горячо мы чтимъ твой прахъ—
За то, что всѣ таланта силы
Родной землѣ ты посвятилъ,
Что былъ ей вѣренъ до могилы
И, какъ себя, ее любилъ;
За то, что ты своей Украйны
Глубоко нужды понималъ;
Ея намъ раскрывая тайны,
Съ ней вмѣстѣ плакалъ и страдалъ;
Что честно ты служилъ народу:
Что, самъ, родившійся рабомъ,
Ты пѣлъ народную свободу
Любви исполненнымъ стихомъ.

Г. Бѣлоусовымъ, переводчикомъ многихъ произведеній изъ «Кобзаря», при посѣщеніи могилы посвящено поэту слѣдующее небольшое стихотвореніе.

Издалека сюда рвалася
Мечта крылатая моя...
Могилѣ славнаго Тараса
Поклонъ глубокій отдалъ я...
Спи, батько, съ миромъ! Украины
Народъ тебя не позабылъ,—

За то, что за него страдая,
Его до смерти ты любилъ!..

Характеромъ интеллигентности запечатлѣны записи о посѣщеніи могилы со стороны поляковъ, нѣмцевъ и евреевъ: они всѣ кратки,—изъ двухъ-трехъ словъ, сдержанны, но проникнуты глубокимъ пониманіемъ важности и значенія музы Шевченка. Во всѣхъ этихъ записяхъ Тарасъ Григорьевичъ величается «великимъ», «sławetnym» поэтомъ; иногда въ нихъ выражается удивленіе по поводу того, что такъ мало посѣщается могила и что она такъ убого содержится. «Спы спокійно, дружыще нашъ»!—приписалъ по-украински одинъ посѣтитель полякъ, отмѣтивши раньше по-польски время своего посѣщенія.—«Zwiedzałi pomnik sławnego Poety»—такъ отмѣчаютъ свое посѣщеніе могилы два гимназиста... *третьяго* класса.

Насколько можно судить по почерку и орфографіи письма, большинство евреевъ—посѣтителей могилы состоитъ кажется, изъ людей «недипломированныхъ», но ни одного изъ посѣтителей этой націи нельзя заподозрить въ оскорбительномъ отношеніи къ памяти поэта. Считаемъ нужнымъ упомянуть объ этомъ въ виду протестовъ «щырихъ украинцевъ» противъ евреевъ. Приводимъ также двѣ записи, подписанныя чисто еврейскими фамиліями, съ сохраненіемъ орфографіи. «Слава тибѣ украинскій Поэтъ да будить съ рода въ Родъ»,—пишетъ одинъ посѣтитель. Другая запись принадлежитъ человѣку вполнѣ, повидимому образованному. Вотъ она: «Въ тихій іюньскій вечеръ пришелъ я на твою могилу, великій пѣвецъ Украины. Полный глубокаго уваженія къ памяти о тебѣ,—я взошелъ на холмикъ, который подъ тяжестью своей хранитъ твой прахъ.—Пусть же слава и память о тебѣ глубоко хранится въ сердцѣ каждаго малороссіянина».

Встрѣчаются въ книгѣ записи о посѣщеніи могилы поэта и зарубежными братьями его, галицкими украинцами. Въ общемъ за пять лѣтъ (1897—1902 г.) ихъ немного: не больше двухъ десятковъ. Среди посѣтителей-галичанъ встрѣчаются фамиліи весьма извѣстныя, какъ напр.: посла Барвинскаго, извѣстной писатель-

ницы Ольги Кобылянской, посла и профессора Смаль-Стоцкаго, Кокурудза и др.

Считаемъ нужнымъ упомянуть о посѣщеніи могилы родственниками поэта. Къ сожалѣнію, нужно сказать, что эти посѣщенія, судя по записямъ, весьма немногочисленны: ихъ отмѣчено въ книгѣ не больше пяти. Записи эти кратки и скромны,—какъ напримѣръ: «Навидувавсь ридный племиннык Питро зъ дитьмы, сынъ старшого брата поэтового»; или «Поситывъ Дедушку Тараса Шевченка онукъ его Григорій Д. Шевченко». Записи выведены, очевидно, съ трудомъ, малопривычною къ письму, мозолистой крестьянской рукой.

Здѣсь, кажется намъ, кстати будетъ упомянуть о томъ, что среди часто попадающихся въ книгѣ записей, вписанныхъ мозолистыми руками, посѣтителей-крестьянъ, намъ не приходилось встрѣчать ни одной неумѣстной, а тѣмъ болѣе пошлой.

Наконецъ, нѣсколько словъ о desiderata, какія встрѣчаются въ книгѣ. Въ общемъ ихъ весьма немного; нѣкоторыя изъ нихъ должны быть признаны умѣстными и приняты къ свѣдѣнію. Вотъ, напримѣръ, одинъ проэктъ. «Было бы желательно поставить на одномъ изъ ближайшихъ къ могилѣ утесовъ статую Т. Г. Шевченка такой величины, чтобы ее было видно далеко (аршинъ 10—12). Скульптурная работа (модель) будетъ сдѣлана безплатно,—потребуются средства, чтобы отлить статую изъ бронзы. Лица, сочувствующія этому, благоволятъ сooобщить свои соображенія относительно осуществленія по адресу: «Въ Харьковъ. Н. Н. Сабо, Никольская площадь, 29, кв. 7».

Болѣе близкимъ къ осуществленію и болѣе необходимымъ и полезнымъ нужно признать проэктъ другого посѣтителя,—«снять точныя копіи съ художественныхъ произведеній Тараса Григорьевича, разбросанныя по частнымъ рукамъ и музеямъ, и помѣстить ихъ въ хатѣ, на могилѣ поэта, для ознакомленія посѣтителей и съ художественнымъ дарованіемъ великаго поэта». Не менѣе желательнымъ нужно также признать выраженное другимъ изъ посѣтителей desideratum—видѣть въ Тарасовой хатѣ всѣ изданія его произведеній, всѣ его портреты и біографіи, за-

вести продажу «Кобзарей» и отдѣльныхъ произведеній поэта, выручку отъ продажи которыхъ обратить на поддержаніе хаты и могилы; наконецъ, для этой же цѣли, устроить кружку.

Въ заключеніе нашего очерка мы должны упомянуть еще и о тѣхъ многочисленныхъ посѣтителяхъ, которые не дѣлаютъ никакихъ отмѣтокъ о своихъ посѣщеніяхъ могилы поэта. Ихъ, несомнѣнно много, но они по разнымъ причинамъ не вносятъ своихъ фамилій въ книгу. Иногда, насколько мы знаемъ, ихъ удерживаютъ отъ этого неприличныя записи въ книгѣ. Мы не раздѣляемъ этого соображенія и брезгливости, потому что—отсутствіе записей дѣйствительныхъ почитателей поэта только лишь усиливаетъ тяжелыя чувства досады, стыда и горечи при просмотрѣ книги для записи фамилій посѣтителей.

Ф. Матушевскій.

Іосифъ Максимовичъ Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи.

III.

Начало литературной дѣятельности О. М. Бодянскаго. «Малороссійскія вирши» О. М. Бодянскаго. Участіе его въ «Телескопѣ» Надеждина. Критическая статья О. М. Бодянскаго о «Малороссійскихъ пословицахъ и поговоркахъ, собранныхъ В. Н. С.» Полемика по поводу этой статьи. Критическая статья О. М. Бодянскаго о «Малороссійскихъ повѣстяхъ Грыцька Основъяненка».

Въ 1834 году О. М. Бодянскій окончилъ университетъ [1]) и былъ опредѣленъ учителемъ одной изъ московскихъ гимназій [2]).

Литературная дѣятельность его началась еще въ семинаріи [3]). Покойный проф. А. А. Котляревскій говоритъ по этому поводу: «по свидѣтельству одного школьнаго товарища своего, еще тогда Бодянскій отличался особенною любовью къ упражненіямъ по

---

[1]) Кандидатскій дипломъ Бодянскому былъ присужденъ 30 іюня 1834 г. (Рус. Ст. 1879 г. кн. II, стр. 462).

[2]) Сочиненія А. А. Котляревскаго. Т. II, стр. 434.

[3]) Въ студенты О. М. Бодянскій былъ зачисленъ 28 декабря 1831 года.

словесности, игралъ—въ «комедійныхъ дѣйствіяхъ»—роль Наполеона. «Малороссійскія пѣсни» Максимовича (М. 1827), въ особенности одушевленное «введеніе» къ нимъ возбудили въ немъ благородную охоту къ занятіямъ языкомъ, исторіей и поэзіей его родины» [1]). Откуда почерпнулъ эти свѣдѣнія А. А. Котляревскій—мы не знаемъ. Но онъ близко стоялъ къ О. М. Бодянскому, и, очень можетъ быть, что свѣдѣнія эти сообщены ему самимъ же Бодянскимъ. Дѣйствительно, мы имѣемъ указаніе на то, что уже съ 1830 года Бодянскій собиралъ въ полтавской губерніи произведенія малорусскаго народнаго творчества [2]). Въ этомъ могло, конечно, сказаться вліяніе изданныхъ М. А. Максимовичемъ «Малороссійскихъ пѣсенъ». Но объяснять исключительно ими охоту Бодянскаго «къ занятіямъ языкомъ, исторіей и поэзіей своей родины» было бы, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ точно. Есть полное основаніе думать, что и воспитаніе О. М. Бодянскаго въ переяславской семинаріи не мало способствовало этому. Мы, по крайней мѣрѣ, видѣли уже и растущій у О. М. Бодянскаго интересъ къ книгѣ и къ своей родинѣ Малороссіи. Почва создавалась постепенно, но чрезвычайно прочно. «Бодянскій, какъ малороссъ, говоритъ проф. Н. Ф. Сумцовъ, сохранилъ украинскія симпатіи въ теченіе всей своей жизни въ сферѣ научнаго изученія украинской старины и народной поэзіи. Для Бодянскаго эти симпатіи были творческой живительной силой» [3]).

Въ семинаріи у О. М. Бодянскаго явилось влеченіе къ творчеству на родномъ языкѣ [4]). Свои литературные опыты началъ онъ со стиховъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Рѣдкій человѣкъ въ то время не писалъ стиховъ, да и въ наше время

---

[1]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 432.

[2]) *I. М. Бодянскій.* О народной поэзіи славянскихъ племенъ, стр. 136. Примѣчаніе.

[3]) *С. А. Венгеровъ.* Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, т. V стр. 65.

[4]) Вирши О. М. Бодянскаго, напечатанныя въ «Молвѣ» 1833 г., помѣчены 1831 г. Подъ «Козацкой пѣсней» стоитъ болѣе точная помѣта «20 мая 1831 г. Переяславль».

литературные опыты начинаются обыкновенно со стихотвореній. Въ своихъ «виршахъ» Бодянскій старался выразить мысли и чувства, которыя волновали его на семинарской скамьѣ. Мы увидимъ. что онѣ—тѣ же, съ которыми мы встрѣчались уже отчасти въ письмахъ О. М. Бодянскаго къ отцу.

На сколько намъ извѣстно, первыя литературныя произведенія Бодянскаго появились въ печати въ 1833 году въ 99-мъ номерѣ «Молвы», газеты, издававшей при «Телескопѣ» Надеждина. Указаній на болѣе раннія печатныя произведенія О. М. Бодянскаго у насъ нѣтъ. Первымъ печатнымъ произведеніемъ О. М. Бодянскаго были, такимъ образомъ, «*Малороссійскія вирши*». Ихъ—четыре. Одна изъ нихъ «*До пана здателя Слухивъ*», т. е. до издателя «Молвы» написана, очевидно, въ 1833 году, когда Бодянскій рѣшилъ напечатать свои вирши: три другія носятъ помѣту 1831-мъ годомъ и сочинены О. М. Бодянскимъ еще на семинарской скамьѣ. Это—«*Козацкая пѣсня: Епитафія Богдану Хмельницкому и Сухая ложка (апологъ)*. Въ моментъ ихъ печатанія Бодянскій былъ уже студентомъ московскаго университета. Свое настоящее имя онъ скрылъ подъ псевдонимомъ «*А. Бода-Варвынецъ*», при чемъ *Бода*, по всей вѣроятности сокращено изъ фамиліи Бодянскій, а *Варвынецъ* означало жителя мѣстечка Варвы, лохвицкаго уѣзда, полтавской губерніи, откуда, какъ извѣстно, О. М. Бодянскій былъ родомъ

Литературныя достоинства «Малороссійскихъ виршей» О. М. Бодянскаго—не велики. Стихъ въ нихъ тяжелъ и неуклюжъ; видно, не легко онъ давался автору. Вирши имѣютъ, поэтому, только біографическій интересъ, да еще, пожалуй, со стороны малорусскаго языка, которымъ онѣ написаны. Бодянскій былъ большимъ знатокомъ своего родного языка и, по отзыву спеціалистовъ, писалъ на немъ такъ, какъ писали только немногіе [1]).

Мы перепечатываемъ вирши цѣликомъ. Такъ будетъ виднѣй характеръ поэтическаго творчества О. М. Бодянскаго. Газета «Молва», въ которой вирши напечатаны, составляетъ теперь би-

---

1) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 434.

бліографическую рѣдкость, доступную для немногихъ. Даже проф. Н. И. Петровъ въ своихъ «Очеркахъ украинской литературы XIX ст.» не приводитъ ни одной изъ виршей Бодянскаго, напечатанныхъ въ «Молвѣ», а для образца ограничивается только перепечаткой изъ «Молодика» за 1843-ій годъ вирши «Кирилови Розуму» [1]).

Въ 99-мъ номерѣ «Молвы» за 1833-й годъ напечатаны слѣдующія четыре «Малороссійскія вирши» О. М. Бодянскаго:

До пана здателя Слухивъ [2]).

Колы такъ дуже люблять Ваши Слухы,
Такъ къ имъ летять, якъ отъ до меду мухы:
Мій Батечку! Не пожалѣй папиру—
Пусты си Виршы съ Слухамы по міру:
А ось людыци найдуцьця,
Що, геть, зъ нихъ посмѣюцьця...

А. Бода-Варвынецъ.

Козацкая пѣсня.

(По случаю возстановленія Малороссійскихъ Казацкихъ полковъ, 6 мая 1631 (1831?) года).

Ой нуте, Брацьця! Гей Братыца!
Якъ мога лусомъ за спысыцa!
Сѣдлайте коней вороныхъ,
Якъ змiивъ отъ лыхыхъ!
Швыдчій одгострюйте шаблюкы!
По пари пистолетивъ въ рукы!
Козацькы шапкы на бакыръ:
Вже годи кажный буть мугыръ!

---

1) *Н. И. Петровъ.* Очерки, стр. 186.

2) «Молва» 1833 г., № 99, стр. 393—394. Мы самымъ точнымъ образомъ сохраняемъ правописаніе въ томъ видѣ, какъ вирши напечатаны.

Нумъ бороныты Украину,
Якъ матирь подобае сыну!
Скорѣй ходимо на Ляхивъ,
Да станемъ быть зусѣхъ шляхивъ!
Ще не забулы мы Богдана,
Козацкого свого Гетьмана,
Якъ зъ військомъ винъ ихъ тормошывъ.
Якъ ихъ, де ни піймавъ, душывъ.
Дамося знать свою уроду:
Всѣхъ къ чорту зъ мосту прямо въ воду!...

20 мая, 1831. Переяславль.

Епитафія Богдану Хмѣльницкому.

Богдане! Батьку нашъ! ось де ты спать уклався!..
Спы, Тату!... Бо свое ты вже опрацёвавъ...
Спасытель Бигъ! Насъ, дѣтей своихъ ты не цурався!
Да тилькы жаль, що ты не довго пановавъ!..

1831.

Сухая ложка.

(Апологъ).

— «А що, Корнѣю, якъ? Чія бере?
Що Панъ Судьдя тобѣ сокоче»?
— «А вже-жъ не що: бачъ вырвы хоче»!
— «Э. дать: сухая ложка ротъ дере»!

1831.

А. Бода-Варвынець.

Первая изъ приведенныхъ выше виршей адресована къ издателю «Молвы» и сопровождала, очевидно, посылку трехъ остальныхъ стихотвореній. Авторъ проситъ у издателя не пожалѣть бумаги, пустить вирши по бѣлому свѣту: авось, можетъ быть, найдутся люди, которые и посмѣются надъ ними.

Вторая вирша написана подъ впечатлѣніемъ указа императора Николая I отъ 6 мая 1831 г. о сформированіи изъ малороссійскихъ козаковъ восьми кавалерійскихъ полковъ [1]). Изъ переписки съ отцомъ мы знаемъ, что указъ этотъ обрадовалъ О. М. Бодянскаго. Онъ смотрѣлъ на него, какъ на «милость» императора Николая I къ Малороссіи. Объ этой милости онъ немедленно же поспѣшилъ сообщить своему отцу [2]), а чувства свои выразилъ въ виршѣ. Конецъ вирши тоже вполнѣ соотвѣтствовалъ тогдашнему патріотически-воинственному настроенію Бодянскаго, вызванному польскимъ возстаніемъ 1831 года. Въ своемъ патріотическомъ ожесточеніи Бодянскій доходилъ въ это время до того, что въ одномъ изъ писемъ къ отцу, какъ мы уже знаемъ, поляковъ называлъ *подляками* и не безъ удовольствія предсказывалъ истребленіе самого имени поляковъ, находя, что это будетъ «コотузи по заслузи» [3]). Такимъ же кровожаднымъ характеромъ отличается и конецъ вирши. Припоминая, что Богданъ Хмельницкій вездѣ, гдѣ только ни ловилъ поляковъ, «душилъ» ихъ, Бодянскій и теперь рекомендуетъ поступить такъ же: «всѣхъ къ чорту зъ мосту прямо въ воду»!

Третья вирша содержитъ эпитафію Хмельницкаго. По какому поводу написана она, мы не знаемъ. Конечно, Бодянскій не видѣлъ могилы Богдана. Вѣроятно, эпитафія явилась слѣдствіемъ знакомства съ личностью гетмана, съ тѣмъ временемъ.

Четвертая вирша чисто-житейскаго характера. Она имѣетъ въ виду, конечно, взяточничество. Мы знаемъ, что Бодянскій, хорошо испыталъ при своихъ хлопотахъ о поступленіи въ Педагогическій институтъ, всю силу взятки. Можетъ быть, это обстоятельство не осталось, между прочимъ, безъ вліянія и на появленіе вирши изъ подъ его пера. «Кто мажетъ, тотъ ѣдетъ скорѣе»

---

1) 2-е П. С. Зак. № 4536.

2) Чтенія въ Общ. истор. и древ. 1893 г. кн. III, стр. 56. Переписка Бодянскаго съ отцемъ.

3) Переписка Бодянскаго съ отцомъ. Чтенія 1893 г., кн. III, стр. 54.

писалъ онъ въ письмѣ къ отцу, уговаривая его дать взятку инспектору семинаріи [1]); «сухая ложка ротъ дере»—заканчиваетъ онъ свою виршу.

Въ 1832 году О. М. Бодянскимъ написано четверостишіе «Кирилови Розуму», т. е. Кириллу Разумовскому, который, какъ извѣстно, былъ послѣднимъ гетманомъ Малороссіи. Вирша эта выражаетъ собой думы автора на могилѣ послѣдняго гетмана:

«Постій, козаче, не біжи!
Ось глянь на хрестъ! читай, чія могила!
Остатнёго се гéтьмана Кирила!
Присядь же, брате, потужи»!

Стихотвореніе подписано именемъ І. Бодянскаго и помѣчено Москвой 24 апрѣля 1832 года, когда авторъ былъ, значитъ, студентомъ московскаго университета. Оно долго валялось въ рукописи и напечатано было только десятъ лѣтъ спустя, во 2-й части «Молодика» И. Бецкаго за 1843-й годъ [1]).

Мы не думаемъ, чтобы стихотворенія, появившіяся въ печати, составляли единственные стихотворные опыты О. М. Бодянскаго. Скорѣй всего слѣдуетъ предположить, что часть ихъ, можетъ быть, и значительная, такъ и осталась въ рукописи, и затѣмъ затерялась [2]). Примѣръ приведеннаго нами стихотворенія «Кирилови Розуму» показываетъ, что оно находилось у Бодянскаго въ запасѣ, и что онъ не всѣ написанныя стихотворенія сразу же и печаталъ.

Появленіе съ свѣтъ «Малороссійскихъ виршей», равно какъ и критическіе очерки О. М. Бодянскаго объ изданіи малорусскихъ

---

[1]) Чтенія 1893 г., кн. III, стр. 29.

[2]) Молодикъ на 1843 годъ, украинскій литературный сборникъ, издаваемый И. Бецкимъ, Харьковъ, 1843, ч. II, стр. 128. *Н. И. Петровъ.* Очерки, стр. 186.

[3]) Въ «Охранномъ Каталогѣ» А. А. Титова, М. 1888, вып. 3, на стр. 56 подъ № 2150 указана рукопись, въ четверку, на 62 листахъ подъ названіемъ: „*Стихотворенія* и разныя замѣтки О. М. Бодянскаго“.

пословицъ и о повѣстяхъ Грыцька Основьяненка не были простой случайностью. Они стояли въ тѣсной связи съ тѣмъ возбужденіемъ интереса къ Малороссіи и малорусской литературѣ, которымъ характеризуется начало, да и вообще всѣ 1830-е годы [1]). Самое изданіе «виршей» именно въ «Молвѣ» Надеждина, а статей О. М. Бодянскаго въ «Телескопѣ» не было также случайностью. Надеждинъ былъ однимъ изъ профессоровъ О. М. Бодянскаго, съ большимъ сочувствіемъ относился къ «появленію счастливыхъ опытовъ литературной обработки малороссійскаго нарѣчія» и всегда охотно давалъ мѣсто въ своихъ изданіяхъ статьямъ, писаннымъ въ интересахъ малорусской литературы. «Инымъ, писалъ онъ, напримѣръ, эти опыты кажутся пустою, безполезною забавою. Но я думаю противное. Малороссійское нарѣчіе можетъ также служить къ обогащенію нашего языка. Пусть украинцы знакомятъ насъ съ нимъ въ своихъ поэтическихъ думахъ, въ своихъ добродушныхъ «казькахъ»! Мы имъ должны быть душевно благодарны»! [2]) Такое жъ сочувствіе къ развитію малорусской ли- литературы высказывалъ и другой профессоръ О. М. Бодянскаго М. Т. Каченовскій [3]). Мы не говоримъ уже о М. А. Максимовичъ, у котораго, говорятъ, О. М. Бодянскій одно время жилъ, и который всегда съ большимъ вниманіемъ относился къ трудамъ О. М. Бодянскаго по изученію Малороссіи [4]).

Въ «Телескопѣ» Надеждина и въ издававшейся при немъ газеткѣ «Молвѣ» отмѣчались обыкновенно всѣ выдающіяся явленія въ

---

[1]) Объ этомъ см. у *Н. И. Петрова*, Очерки украинской литературы XIX ст. стр. 170 и слѣд. *Проф. Н. П. Дашкевича*. Отзывъ о сочиненіи проф. Петрова въ XXIX присужд. премій Уварова стр. 134 и слѣд., и у *А. Н. Пыпина*. Исторія русской этнографіи, т. I, стр. 372 и слѣд. и т. III.

[2]) *А. Н. Пыпинъ*. Исторія рус. этногр. т. I, стр. 260.

[3]) *Н. П. Дашкевичъ* Отзывъ о соч. Н. И. Петрова (Отчетъ о 29 присуж. наградъ Уварова), стр. 43.

[4]) Вѣст. Евр. 1896 г. августъ, стр. 479. См. Письма М. А. Максимовича къ О. М. Бодянскому въ «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей» 1887 г., кн. I.

малорусской литературѣ. Посылая въ «Телескопъ» первую свою критическую статью о малороссійскихъ пословицахъ и поговоркахъ, собранныхъ В. Н. С., Бодянскій писалъ издателю: «поставивъ себѣ долгомъ знакомить, по возможности, читателей Телескопа со всѣмъ, что только есть замѣчательнаго *въ современномъ мірѣ просвѣщенія*, вы, конечно, удѣлите мѣсто въ немъ извѣстіямъ и разборамъ книгъ, относящихся до Украйны, будутъ ли то писаны на туземномъ языкѣ, или на русскомъ. Ближайшее знакомство съ сею Славяно-Русскою Италіею, ея языкомъ и литературою, по многимъ важнымъ причинамъ, для сѣверо-руссовъ теперь совершенно необходимо» [1]). Мы уже знаемъ, что мысль, высказанная здѣсь О. М. Бодянскимъ, вполнѣ совпадала со взглядами самаго же издателя «Телескопа».

Бодянскій очень дѣятельно слѣдилъ за всѣми явленіями малорусской литературы. Въ этомъ отношеніи онъ могъ быть очень полезнымъ сотрудникомъ журнала Надеждина въ качествѣ литературнаго критика малорусскихъ произведеній. Но спеціальныя занятія О. М. Бодянскаго славянскими языками и подготовленіе его къ профессорскому званію, къ которому онъ сталъ стремиться сейчасъ же по окончаніи университета, не позволили ему сдѣлаться журнальнымъ работникомъ. Возвратившись однажды на короткое время въ Москву изъ поѣздки на родину, Бодянскій писалъ издателю Телескопа: «въ Москвѣ узналъ я о выходѣ въ свѣтъ пріятныхъ явленій для украинской литературы; разумѣю: *Первую часть Украинскихъ пѣсенъ, голоса* нѣкоторыхъ изъ нихъ и *Утреннюю Зарю*. Мнѣ сказывали также, что въ одной изъ здѣшнихъ типографій печатаются и *Малороссійскія повѣсти Гр. Основьяненка*. Разборъ третьей изъ сихъ книгъ я уже обѣщалъ вамъ, что и поспѣшу выполнить, какъ скоро возвращусь восвояси; быть можетъ сообщу разборъ и пѣсенъ, если кто другой не предупредитъ меня» [2]). Критическая статья о повѣстяхъ

---

[1]) Телескопъ 1834 г., ч. XXI. Критика, стр. 338.

[2]) Молва, 1834 г. № 33 (Приложеніе къ 22 т. Телескопа), стр. 86—87.

Грыцька Основьяненка была напечатана, но больше статей О. М. Бодянскаго о произведеніяхъ малорусской литературы не появлялось.

Мы переходимъ теперь къ изложенію этихъ статей. На нихъ, равно какъ и на «Наськихъ украинськихъ казкахъ» О. М. Бодянскаго, скрывшаго свое имя подъ псевдонимомъ Запорозьця Иська Матырынкы, отразился характеръ и направленіе малорусской литературы 1830-хъ годовъ. Любовь къ народности, особый интересъ къ изученію украинской народной словесности, преобладаніе чисто этнографическаго элемента въ произведеніяхъ и, наконецъ, нѣкоторая идеализація украинской старины и народности [1])—все это наложило яркій отпечатокъ на литературную дѣятельность О. М. Бодянскаго въ тѣ годы.

Въ 1834 году въ Харьковѣ была издана небольшая книжечка въ 34 страницы, подъ такимъ заглавіемъ: «Малороссійскія пословицы и поговорки, собранныя В. Н. С.» [2]) Иниціалы, подъ которыми скрылъ свое имя издатель, были скоро, впрочемъ, объяснены И. И. Срезневскимъ. Издателемъ пословицъ и поговорокъ оказался одинъ изъ харьковскихъ обывателей В. Н. Смирницкій [3]). На 34 страницахъ пословицъ и поговорокъ помѣстилось, конечно, немного; расположены онѣ были въ алфавитномъ порядкѣ по начальнымъ буквамъ каждой пословицы, причемъ поговорки не были отдѣлены отъ пословицъ, а помѣщены въ изданіи наряду съ послѣдними. Коротенькое предисловіе издателя гласило слѣдующее: «Желая сохранить отъ забвенія малороссійскія пословицы и по-

[1]) Объ этомъ см. у *Н. П. Дашкевича* цит. сочиненіе въ особенности гл. IV; у *Н. И. Петрова*. Очерки, гл. III и IV и у *А. Н. Пыпина*. Исторія рус. этногр., т. III, введеніе, гл. I и III.

[2]) Малороссійскія пословицы и поговорки. Собранныя *В. Н. С.* Харьковъ. Въ университетской типографіи 1834 года. Предисловіе (ненумерованное, на отдѣльномъ листкѣ)+34 стр.

[3]) Ученыя записки московскаго университета 1834 г. № 4. IV. Смѣсь. Ученыя извѣстія. Взглядъ на памятники украинской народной словесности. Письмо къ профессору И. М. Снегиреву *Измаила Срезневскаго*, стр. 149.

говорки, такъ сильно выражающія характеръ сей націи, я старался собрать и издать ихъ для удовольствія любителей всего отечественнаго. Ежели сей трудъ мой благосклонно будетъ принятъ, то и обязанъ буду издать и продолженіе оныхъ, дополнивъ собраніемъ малороссійскихъ загадокъ и употребляемыхъ при свадьбахъ въ Малороссіи пѣсенъ».

Изданіе это вызвало чрезвычайно рѣзкую статью О. М. Бодянскаго, и дальнѣйшихъ выпусковъ его не появлялось.

Статья Бодянскаго была помѣщена въ 21 части «Телескопа», за 1834 годъ [1]). Она носитъ названіе «письма къ издателю», помѣчена Миргородомъ 3 мая 1834 года и подписана фамиліей *І. Мастака*. Этимъ псевдонимомъ О. М. Бодянскій пользовался для нѣкоторыхъ изъ своихъ статей, напечатанныхъ имъ до поѣздки заграницу.

Появленіе «Малороссійскихъ пословицъ и поговорокъ, собранныхъ В. Н. С.» О. М. Бодянскій не считаетъ случайнымъ. «Съ нѣкотораго времени, говоритъ онъ, на нашемъ Русскомъ Югѣ замѣтна особенная литературная дѣятельность». Еще раньше изданія пословицъ вышла въ свѣтъ «Запорожская Старина» Срезневскаго [2]); готовится къ изданію альманахъ «Утренняя Заря», раздѣленный на двѣ книжки, изъ которыхъ одна посвящена словесности великорусской, другая—малорусской [3]); намѣренъ издать свои малороссійскія повѣсти Грыцько Основьяненко [4]). «Далѣе—продолжаетъ О. М. Бодянскій,—слышали мы о скоромъ поступленіи въ печать Украинськыхъ Казокъ какого-то *Запорозьця Изсъка Матерынкы* [5]). *Г. Гоголь* приступаетъ къ сочиненію Исторіи Малороссійскихъ козаковъ (половина которой, по словамъ его, уже готова) [6]), а г. Максимовичъ къ новому, весьма богатому

---

[1]) Телескопъ, ч. XXI. Отд. IV. Критика, стр. 336—348.

[2]) Запорожская Старина 2 части. Харьковъ 1833—1838.

[3]) Изданъ въ 1834-мъ году.

[4]) Были изданы въ томъ же 1834 году.

[5]) Изсько Матерынка—псевдонимъ О. М. Бодянскаго.

[6]) Намѣреніе Гоголя, какъ извѣстно, не было приведено въ исполненіе.

изданію Украинскихъ пѣсенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ особенному изданію ихъ голосовъ [1]). Въ заключеніе слышно еще, что одинъ изъ малороссіянъ трудится надъ составленіемъ сравнительной грамматики своего языка съ прочими славянскими языками и такого же словаря [2]). Кто же теперь скажетъ, что Южная Русь коснѣетъ на пути просвѣщенія, небрежетъ о своей національной словесности»?

Отмѣтивъ главнѣйшія явленія въ малорусской литературѣ послѣдняго времени, О. М. Бодянскій особенно подчеркиваетъ въ нихъ отсутствіе подражанія и стремленіе къ разработкѣ «богатыхъ самородныхъ, своеземныхъ рудниковъ *національнаго*». «Поучителенъ ходъ сей юной словесности, говоритъ онъ: она начинаетъ съ того, къ чему другіе, израсходовавъ понапрасно нѣсколько десятковъ лѣтъ на безполезное, вредное подражаніе, теперь лишь только обращаются; она начинаетъ разработкою богатыхъ самородныхъ, своеземныхъ рудниковъ *національнаго*. Одна часть ея зиждителей посвящаетъ свои труды собранію, объясненію и изданію всего *народнаго*, заботясь сколько можно сдѣлать оное доступнымъ всѣмъ и каждому; другая посвящаетъ свое время на знакомство съ прочими славянскими языками и ихъ литературою, изучаетъ оные и, такимъ образомъ, старается уяснить для себя то отношеніе, въ какомъ должна находиться ихъ собственная словесность и языкъ къ прочимъ, родственнымъ съ нимъ, языкамъ славянскимъ». Подъ послѣдними дѣятелями, или, какъ онъ выражается, зиждителями малорусской литературы Бодянскій, очевидно, разумѣетъ, главнымъ образомъ, самого себя. Въ 1834 году онъ окончилъ университетъ и тогда же началъ заниматься изученіемъ славянскихъ нарѣчій.

Бодянскій не сразу переходитъ къ разбору пословицъ, изданныхъ Смирницкимъ, а дѣлаетъ предварительно нѣсколько за-

---

1) Вышли въ свѣтъ 1834 году подъ заглавіемъ «Украинскія народныя пѣсни, изданныя Михаиломъ Максимовичемъ».

2) А. Н. Пыпинъ, судя по тогдашнему составу малорусскихъ литературныхъ силъ, полагаетъ, что этимъ «однимъ изъ малороссіянъ» могъ быть самъ О. М. Бодянскій. Изданіе малороссійской грамматики не осуществилось (Исторія рус. этнографіи т. III, стр. 109).

мѣчаній по поводу «Запорожской Старины» Срезневскаго: упрекаетъ издателя въ недостаткѣ отчетливости и въ небрежности при изданіи памятниковъ народнаго творчества, указываетъ на невѣрность его взглядовъ и сужденій. Обо всемъ этомъ Бодянскій, впрочемъ, говоритъ вкратцѣ, не приводя доказательствъ. Болѣе интересны здѣсь замѣчанія Бодянскаго относительно малорусскаго правописанія. О. М. Бодянскій не соглашался ни съ способомъ правописанія малорусскихъ словъ, предложенномъ М. А. Максимовичемъ при первомъ изданіи его «Малороссійскихъ пѣсенъ» [1]), ни съ правописаніемъ Срезневскаго [2]). Послѣднее не

[1]) Предисловіе это перепечатано въ «Собраніи сочиненій М. А. Максимовича», т. II, стр. 439—452. О правописаніи см. стр. 447—452.

[2]) Срезневскій (Запорожская Старина. Ч. 1-я, стр. 22—24) такимъ образомъ объяснялъ свое правописаніе:

1. Согласныя буквы я пишу, всегда слѣдуя выговору народному, исключая буквъ ф и хв. Украинцы выговариваютъ *ф*, какъ *хв*, а *хв*, какъ *ф*.

2. Полугласныя буквы также пишутся по выговору, исключая одинъ случай, когда должно показать корень, напр. въ словѣ вiйсько (войско) *й* не выговаривается, но его должно писать, ибо не видно будетъ происхожденія слова; *ь* въ семъ словѣ хотя и не нуженъ по происхожденію, но его требуетъ выговоръ.

3. Гласныя буквы. Между ними различить должно твердыя отъ мягкихъ:

Твердыя: *а, е, и, ы, о, у.*
Мягкія *я, é, ï, й, й, ë, ю.*

Твердыя: *а, о, у* выговариваются и употребляются какъ и въ русскомъ языкѣ; *е*, употребляясь такъ же, какъ и въ русскомъ языкѣ, выговаривается твердо, какъ русское *э*, или французское *è*; *и, ы* — употребляются тамъ же, гдѣ и по-русски, но выговариваются иначе, обѣ какъ польское или богемское *y*, т. е. немного мягче русскаго *ы*, имѣя срединный звукъ между русскимъ *ы* и *э*.

Мягкія вообще выговариваются, какъ и по русски, съ тою разницею, что предъ каждою изъ нихъ слышится полугласная *ъ*, напр. люди, какъ льюди; ѣхать по укр. *й*хати, выговор. ьихати. Буквы: *я, е, ю*—употрябляются тамъ-же, гдѣ по-русски; буквы: é, й—тамъ-же,

только не лучше правописанія Максимовича, но «по сбивчивости, запутанности и недомолвкамъ въ правилахъ, далеко ниже онаго». «Мое мнѣніе, говоритъ Бодянскій: писать какъ говорятъ, съ малыми, впрочемъ, исключеніями, ибо безъ исключеній нельзя обойтись ни въ какой системѣ. Таковымъ я считаю употребленіе буквы *ѣ:* ее не слѣдуетъ исключать изъ письма малороссійскаго; она всегда занимала въ немъ свое мѣсто, выговариваясь и прежде и теперь совсѣмъ иначе, нежели какъ произносятъ ее великороссіяне; именно малороссіяне въ разговорѣ, въ свѣтскихъ, духовныхъ сочиненіяхъ и книгахъ св. писанія произносили и произносятъ оную какъ *и.* Къ сему придайте еще два-три исключенія: и вотъ вамъ вся система правописанія естественнаго, простаго, всѣмъ доступнаго и потому самаго удобнаго!»... [1])

Послѣ этихъ замѣчаній Бодянскій обращается уже къ обзору малороссійскихъ пословицъ и поговорокъ, собранныхъ и изданныхъ В. Н. Смирницкимъ.

«Всякому извѣстна важность и достоинство пословицъ—говоритъ онъ. Это вѣчно-юная, живая, *ходячая,* такъ сказать, философія народа; зеркало его жизни; заповѣдь старца, посѣдѣвшаго въ школѣ опыта; результатъ замѣчаній человѣческаго рода, сдѣланныхъ имъ въ продолженіе всего своего существованія. Нѣтъ народа, который бы не имѣлъ у себя своихъ пословицъ. Онѣ суть единственный памятникъ, единственная лѣтопись тѣхъ изъ народовъ, кои почему-либо не оставили о себѣ никакихъ другихъ свидѣтельствъ. По нимъ очень возможно составить намъ приблизительно вѣрное понятіе о такомъ народѣ. Стоитъ только позаботиться собрать эту краткую, но истинную исторію его—и онъ уже не навсегда потерянъ для насъ. Тоже слѣдуетъ сказать и о языкѣ такого народа: сохраните, по крайней мѣрѣ, для по-

---

гдѣ твердыя *е, и*—выговариваются мягко; *і, й*—гдѣ коренная буква измѣнилась въ звукъ мягкаго *й.*

Изъ твердыхъ гласныхъ буквъ слѣдующія: *е, і, и, ы* выговариваются мягко, если предъ ними стоитъ другая гласная буква».

[1]) Телескопъ кн. XXI. Критика, стр. 340—341.

томства пословицы: онѣ, по своей краткости, самыя удобныя для того. Пѣсни, сказки, легенды и другія преданія, гораздо больше хлопотъ представляютъ собою»...

Всѣ славянскіе народы богаты пословицами, и у всѣхъ уже имѣются болѣе или менѣе значительныя ихъ собранія. Только малороссы составляли въ этомъ отношеніи исключеніе, если не считать небольшого количества пословицъ, приложенныхъ при грамматикѣ Павловскаго и при книгѣ Снегирева «Русскіе въ своихъ пословицахъ». Нельзя не одобрить, поэтому, намѣренія В. Н. С. издать пословицы. Выполнено только это изданіе неудачно. «Это ли трудъ?—спрашиваетъ Бодянскій. Такъ ли слѣдуетъ приниматься за пословицы? Въ такомъ ли видѣ нужно представлять оныя публикѣ?.. Зайдите въ любую *хату* малороссіянина, скажите ему о своемъ желаніи собрать пословицы: увѣряю васъ, что вы отъ него выйдете несравненно съ большимъ запасомъ оныхъ. Что же, если бы обойти, такимъ образомъ, нѣсколько *хатъ*, цѣлое селеніе?»... Для кого изданы эти пословицы? Ни малороссовъ, ни русскихъ онъ удовлетворить не могутъ. Каждый малороссъ знаетъ пословицъ больше, чѣмъ содержится въ собраніи В. Н. С.; кромѣ того издатель часто погрѣшаетъ противъ языка, передаетъ пословицы не въ томъ видѣ, какъ онѣ обыкновенно употребляются. Не могутъ изданныя В. Н. С. пословицы быть интересными и для русскихъ: для послѣднихъ необходимъ переводъ, поясненія, словарь къ пословицамъ; между тѣмъ ничего этого нѣтъ. Къ этому нужно прибавить еще, что въ изданіи В. Н. С. пословицы не отдѣлены отъ поговорокъ.

«По нашему мнѣнію—прибавляетъ О. М. Бодянскій,—пословицы теперь слѣдуетъ разсматривать не въ азбучномъ порядкѣ, довольствоваться не просто однимъ только сборомъ ихъ: напротивъ, должно разбирать и объяснять оныя критически; расположить или по матеріи, или по времени появленія (хронологически), или, наконецъ, по отношенію къ исторіи народа и его быта; сверхъ того, гдѣ нужно будетъ, указать сходство, подобіе, переводъ, заимствованіе у другихъ; особенно же показать, въ какомъ отношеніи находятся разсматриваемыя пословицы къ пословицамъ

народовъ, происшедшихъ отъ одного и того же корня; напр., какъ относятся малороссійскія пословицы къ пословицамъ великороссіянъ, поляковъ, богемцевъ, сербовъ и др.? Тутъ могутъ встрѣтиться весьма любопытные, важные результаты, какъ вообще для исторіи народа, такъ и въ частности для его языка и филологіи».

Статья О. М. Бодянскаго повела къ очень любопытной полемикѣ его съ издателемъ малороссійскихъ пословицъ и поговорокъ. Въ № 29 газеты «Молва» за 1834 годъ, издававшейся при томъ же «Телескопѣ» Надеждина, въ отдѣлѣ корреспонденцій было помѣщено «Письмо отъ издателя малороссійскихъ пословицъ и поговорокъ» [1]), въ которомъ В. Н. С. дѣлалъ цѣлый рядъ возраженій и объясненій по поводу статьи О. М. Бодянскаго. Послѣдній отвѣчалъ своему оппоненту довольно длинной статьей, помѣщенной въ 33-мъ номерѣ той же «Молвы» и носившей заглавіе «Отвѣтъ г. В. Н. С. (письмо къ издателю)» [2]). Мы постараемся изложить сущность этой полемики, такъ какъ въ ней ярко обрисовываются взгляды Бодянскаго на собираніе, изученіе и изданіе памятниковъ народнаго творчества. Нужно имѣть при этомъ въ виду, что есть свѣдѣніе, идущее отъ самого же Бодянскаго, будто ему возражалъ не столько Смирницкій, сколько И. И. Срезневскій [3]), который, по всей вѣроятности, и побудилъ Смирницкаго издать свои пословицы и одобрилъ изданіе въ томъ видѣ, какъ оно увидѣло свѣтъ.

Возражая на статью Бодянскаго, Смирницкій отмѣчалъ ея рѣзкость и подчеркивалъ, что цѣль изданія имъ пословицъ была

---

[1]) Молва 1834 г. № 29 (Приложеніе къ 22 книгѣ «Телескопа»), стр. 28—36.

[2]) Молва 1834 г. № 33 (Приложеніе къ 22 кн. «Телескопа») стр. 88—99.

[3]) Въ письмѣ къ А. М. Лазаревскому (Кіев. Ст., т. 27, стр. 448) О. М. Бодянскій говоритъ, что свѣдѣнія о Смирницкомъ можетъ сообщить ему (А. М. Лазаревскому) Измаилъ Ивановичъ (Срезневскій), «вступавшійся за него въ перебранкѣ со мной, по поводу разбора, написаннаго тогда мною въ Телескопѣ. Такъ, по крайности, говорилъ мнѣ въ ту пору издатель Телескопа».

одна только—сохранить ихъ отъ забвенія. Его собраніе пословицъ, дѣйствительно, бѣдно; но собирать пословицы вовсе не такъ легко, какъ думаетъ Мастакъ-Бодянскій. Трудно побѣдить народную гордость, трудно увѣрить малороссовъ въ томъ, что пословицы собираются не для того, чтобы посмѣяться надъ ними. «Я слышалъ, говоритъ Смирницкій, объ одномъ собирателѣ пѣсенъ и пословицъ малороссійскихъ Р. Р. Ш., вѣка Екатерины: онъ всю жизнь свою посвятилъ на свой трудъ, пренебрегая всѣмъ, лишь бы достигнуть желаемаго; передѣвался въ мужицкое платье; бродилъ по сельскимъ ярмаркамъ; игралъ роль чумака, пилъ и буянилъ въ шинкахъ; гулялъ на вечерницахъ,—и только такимъ образомъ могъ побѣдить самолюбіе народа, только при такихъ условіяхъ могъ подвинуться къ цѣли своей. А намъ говорятъ: только попроси—и будетъ!» [1])

Бодянскій защищалъ рѣзкость своей статьи. «Когда—писалъ онъ—литература какого-нибудь народа или приведеніе въ извѣстность и разработка ея памятниковъ начинаетъ свое поприще, то, по моему мнѣнію, должно какъ можно быть построже, повзыскательнѣе къ произведеніямъ, являющимся въ этомъ періодѣ ея жизни. Мы видѣли и видимъ на опытѣ, что снисхожденіе въ такомъ положеніи вещей гораздо убійственнѣе. Такъ, много ли выиграла русская словесность отъ фиміама, такъ нещадно, *во время оно,* воскурявшагося Сумарокову, Петрову, Княжнину, Хераскову, или въ наши дни такъ называемымъ псевдо-романтикамъ и др.? Злое слѣдуетъ искоренять въ началѣ, не давая ему усиливаться, или говоря нашею же пословицею: «*Бый по головѣ гадыну, щобъ не гадыла*» [2])...

Продолжая называть собраніе пословицъ, изданное Смирницкимъ, бѣднымъ, Бодянскій снова повторяетъ, что издатель мало затратилъ труда. Пословицы собирать куда легче, чѣмъ пѣсни и сказки. «Послѣднія требуютъ особеннаго, нарочитаго на то времени: нужно выждать его, улучить случай, расположеніе къ пѣ-

---

[1]) Молва 1894 г., № 29, стр. 30—32.

[2]) Молва 1834 г., № 33, стр. 88.

нію или разсказу, быть при обрядахъ или празднествахъ, на коихъ поются приличныя имъ пѣсни, и то *любыя;* много, много потребуется, чтобы скопить сколько нибудь пѣсенъ... Не такъ въ отношеніи къ собиранію пословицъ. Одно названіе ихъ показываетъ уже ихъ назначеніе, время и мѣсто употребленія: стóитъ только прислушиваться, быть внимательнымъ къ разговору народа, не упускать ни одного случая даромъ; ибо простолюдинъ весьма часто, безъ всякаго другаго намѣренія, отнюдь не думая *щеголять*, выражается пословицами, но именно потому, что онъ иначе какъ бы не въ силахъ выразиться, что они отъ частаго, долгаго употребленія, сдѣлались обыкновенными обиходными его мѣстами, составляютъ, такъ сказать, *насущный* его *хлѣбъ*. Очень многіе сами не знаютъ, что они въ томъ или иномъ случаѣ выразились пословицею, а не обычнымъ разговорнымъ терминомъ.— Что же касается до намѣреннаго выспрашиванія малороссіянъ о пословицахъ, конечно, вы встрѣтите, на первый разъ, со стороны ихъ нѣкотораго рода нерасположенность къ услугѣ, недовѣрчивость, происходящія болѣе всего изъ опасенія подвергнуться осмѣянію, ибо малороссіянинъ отъ природы очень щекотливъ на счетъ этого, не любитъ и не хочетъ быть чьею быто ни было игрушкою: все это правда; но и то правда, что такое расположеніе духа не навсегда отстается въ немъ. Одинъ только незнакомый съ характеромъ и нравами украинцевъ можетъ не имѣть успѣха въ своемъ предпріятіи. Ибо многіе ли изъ насъ и въ обыкновенной жизни рѣшаются по первому вызову разсказать то или другое? Тѣмъ болѣе слѣдуетъ сказать это о простолюдинѣ, и при томъ украинцѣ. Тутъ необходимо ваше вспоможеніе: напр., пуститесь съ нимъ въ разговоръ о его бытѣ, жизни, занятіяхъ, сельскихъ работахъ и под.; далѣе, заведите съ нимъ рѣчь о *прошедшихъ дняхъ*, лучше всего, о *старинѣ*, преданіяхъ праотцевъ и дѣдовъ, о томъ,

Якъ вѣчной намяти бувало
У насъ въ Гетьманьщынѣ колы-сь—

заговорите объ этомъ предметѣ, самомъ интересномъ, самомъ занимательномъ для него, къ коему всегда вы найдете въ сердцѣ его живое сочувствіе, вѣрный отзывъ; тогда-то вы увидите, что

этотъ тяжелый, молчаливый, этотъ несловоохотливый украинецъ въ мигъ преобразится, мало-по-малу станетъ открывать вамъ свои думы, свои мысли и надежды; онъ *разбалакается*: остается вамъ слушать, да *подбирать*... Не знаю, кто-то весьма справедливо замѣтилъ слѣдующее: «какъ русскій весь для настоящаго, такъ малороссіянинъ есть человѣкъ *прошедшаго времени*. Хотите ли его ласки, его дружбы: не испугайте его излишнею навязчивостью—онъ недовѣрчивъ; польстите его козачеству—онъ гордъ *бывалымъ*»... Тогда вы не услышите отъ него этихъ, во всякомъ другомъ обстоятельствѣ, могущихъ словъ: «*не можно, не скажу* (не знаю)»! Вотъ что я разумѣлъ, совѣтуя посѣтить любую хату малороссіянина для собиранія пословицъ... Говорю по собственному опыту [1])—прибавляетъ въ заключеніе Бодянскій.

Смирницкій возражалъ далѣе Бодянскому по поводу указанныхъ послѣднимъ ошибокъ противъ малорусскаго языка. «Не довѣряя самъ себѣ, говоритъ онъ, я просилъ знатоковъ малороссійскаго языка [2]), пересмотрѣть и исправить всѣ погрѣшности. Да и какія же погрѣшности отыскалъ Мастакъ (Бодянскій) въ моей тетрадкѣ?—*Баче, наваре, ходе, хвале, блуде, ступе*—вѣроятно, вмѣсто: бачить, наварить, ходить, хвалить, блудить, ступить.—Ужели г. Мастаку неизвѣстно, что почти всѣ малороссійскіе глаголы имѣютъ двойственное окончаніе на *е* и *ить*, что это обнаруживаетъ этнологическое богатство языка, что эта двойственность окончанія чрезвычайно важна для историческаго изслѣдованія при сравненіи его съ богемскимъ, польскимъ и вообще со всею западною отраслью славянскихъ языковъ, что постояннаго правила сихъ окончаній нѣтъ и быть не можетъ, пока литераторъ не установитъ сіе употребленіе образцовыми сочиненіями, если только суждено языку украинскому процвѣсти на поприщѣ литературы, этому языку—замѣчу мимоходомъ—богатѣйшему изъ всѣхъ славянскихъ языковъ» [3]).

---

[1]) Молва 1834 г., № 33, стр. 89 –91.

[2]) Въ числѣ ихъ былъ, вѣроятно, и И. И. Срезневскій.

[3]) Молва 1834 г., № 29, стр. 33.

На это Мастакъ-Бодянскій отвѣчалъ слѣдующее: «Да, м. г., это мнѣ, по крайней мѣрѣ, столько же извѣстно, сколько и вамъ; но не знаю, однимъ ли вамъ съ вашими знатоками малор. яз. неизвѣстно то правило, наблюдаемое всѣми украинцами, твердо владѣющими своимъ языкомъ, по которому глаголы, кончающіеся въ 3-мъ лицѣ един. числа наст. врем. на *еть* оканчиваютъ оное лице другимъ еще образомъ на *е*, а тѣ, въ коихъ предъ *е* стоитъ гласная *а* или *я* имѣютъ окончаніе третьимъ образомъ на сіи гласныя? Ни одинъ изъ настоящихъ украинцевъ не скажетъ *баче*, *ходе*, *ступе* и пр. потому же, почему онъ не говоритъ: *шуме*, *дуре*, *свьтe*, *мурме*, *човгане* и т. п.; напротивъ, какъ тѣ, такъ и другіе всегда оканчиваетъ на *ить*—*бачыть*, *ходыть*, *ступыть*, *хвалыть*, *блудыть*, *шумыть*, *дурыть*, *човганыть* и пр. Отсюда исключаются только весьма немногіе глаголы, допускающіе это двоякое окончаніе, и то съ такимъ притомъ изъятіемъ, что когда они показываютъ дѣйствіе учащательно—*скорое*, то 3-е лицо имѣютъ на *ить*, а когда означаютъ учащательно—*протяжное*—на *еть*, *е*, напр., *буркочу*, *регочу*, *мурмочу*, *торгочу*, *свыщу* и нѣк. друг. *регочыть*, (скоро хохочетъ), *регоче*, *регочеть* (протяжно, продолжительно хохочетъ), *свыстыть*, (скоро, шибко свиститъ), *свыще*, *свыщеть* (протяжно свиститъ) и т. д. Вникните, м. г., въ это: знатоки же ваши вѣрно съ намѣреніями подшутили надъ вами: не то—*одными мыромъ мазаны*.—Далѣе: неужели намъ должно выжидать того времени, пока литераторы укажутъ своими образцовыми сочиненіями, какъ и гдѣ оканчивать тотъ или другой глаголъ? Развѣ они смѣютъ измѣнять окончаніе языка по произволу? Развѣ они не обязаны въ этомъ случаѣ слѣдовать народу, если хотятъ, чтобы онъ понималъ и цѣнилъ ихъ? Да и что такое грамматическія правила, какъ не результатъ наблюденій и замѣчаній, сдѣланныхъ надъ какимъ-нибудь языкомъ? Еще: развѣ намъ нужно для того, чтобы исторически изслѣдовать, сравнить малоросс. яз. съ западными славянскими языками, развѣ непремѣнно нужно спаровлять его съ ними во всемъ, насильно уродовать, поднимать на этимоло-

гическія дыбы? Мало ли и безъ того имѣетъ онъ точекъ соприкосновенія съ тѣми языками» [1]).

Въ дальнѣйшихъ своихъ возраженіяхъ Бодянскій настаиваетъ все-таки на томъ, что издатель не долженъ былъ ограничиваться азбучнымъ порядкомъ при распредѣленіи пословицъ, но долженъ былъ, по своему разумѣнію, отдѣлить пословицы отъ поговорокъ и загадокъ; разсмотрѣть ихъ съ исторической точки зрѣнія. Смирницкій допускалъ возможность филологическаго и этнографическаго объясненія, но рѣшительно отрицалъ возможность историческаго объясненія, считая его невозможнымъ «въ настоящемъ положеніи украинскихъ народностей». «Назначить каждой пословицѣ и поговоркѣ время ея появленія,—писалъ онъ—есть дѣло мечты и шарлатанства, а не истинной любви къ народностямъ» [2]). Бодянскій не соглашался съ нимъ. Объяснить происхожденіе каждой пословицы, конечно, невозможно. Этого никто и не требуетъ. «Сдѣлайте возможное: поясните, по крайности, тѣ изъ нихъ, которыя, такъ сказать, подвертывается подъ руку; поясните ихъ для малознакомыхъ съ Малороссіей и ея исторіею»... Хронологическое разсмотрѣніе пословицъ Бодянскій не только не считаетъ «дѣломъ мечты и шарлатанства», но видитъ въ немъ существенную пользу; въ отрицаніи же его видитъ «жалкое невѣжество въ исторіи и древностяхъ украинскихъ» [3]). Онъ признаетъ необходимость сообщать при пословицахъ варіанты, но зато не видитъ особаго проку въ обозначеніи мѣстъ, гдѣ каждая пословица употребляется. Для этого пришлось бы переписать всѣ поселенія Украины. «Поясните только тѣ пословицы, поговорки и загадки, говоритъ онъ, кои исключительно принадлежатъ какой-нибудь части или частицѣ Малороссіи, составляютъ ея особенность, или только тамъ въ употребленіи [4])»... Бодянскій, наконецъ, продолжалъ настаивать на необходимости словаря и объ-

[1]) Молва 1834 г., № 33, стр. 92—93.

[2]) Молва 1834 г., № 29, стр. 34.

[3]) Молва 1834 г. № 33 стр. 97.

[4]) Молва 1834 № 33 стр. 98—99.

ясненій къ пословицамъ, а также на необходимости сопоставлять малорусскія пословицы съ русскими. По его мнѣнію, это «совсѣмъ не вредъ или шарлатанство: напротивъ, чрезъ это открывается, какъ два народа, происшедшіе отъ одного и того же корня, выражаютъ одну и ту же идею, какъ они смотрятъ на одинъ и тотъ же предметъ, на одно и тоже событіе: въ чемъ разница, въ чемъ сходство»? [1])

Полемика съ Смирницкимъ, если дѣйствительно, правда, что за нимъ стоялъ Срезневскій, пріобрѣтаетъ для насъ особый интересъ, если принять во вниманіе, что оба будущіе знаменитые славписты въ то время дѣятельно занимались изученіемъ и собираніемъ памятниковъ народнаго творчества. Боролись, такимъ образомъ, два взгляда на это дѣло. Положенія, которыя защищалъ Бодянскій въ этой полемикѣ были слѣдующія: нужно какъ можно больше собирать памятниковъ, собирать ихъ очень осторожно и выпускать въ свѣтъ не иначе, какъ съ научными объясненіями, научной группировкой и изученіемъ. Бодянскій находилъ необходимымъ также сравнительное изученіе памятниковъ народнаго творчества. Путь, который онъ рекомендовалъ при изданіи памятниковъ, требовалъ предварительно большой кропотливой работы. Въ смыслѣ научной обработки ихъ онъ, конечно, былъ единственно-возможнымъ; что же касается собиранія матеріаловъ и ихъ изданія, то путь этотъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, имѣлъ одинъ существенный недостатокъ—страшно тормозилъ дѣло. Если бы собиратели памятниковъ народнаго творчества слѣдовали указаніямъ въ этомъ случаѣ О. М. Бодянскаго, то смѣло можно сказать, что большинство памятниковъ успѣло бы погибнуть, прежде чѣмъ труды собирателей ихъ увидѣли бы свѣтъ. Наука отъ этого только бы потеряла. Лучшимъ примѣромъ этого можетъ служить самъ же О. М. Бодянскій. Въ концѣ 1850-хъ годовъ у него было больше 1500 пословицъ, совсѣмъ готовыхъ къ печати, но онъ все нерѣшался выпустить ихъ въ свѣтъ, пополнялъ новыми. «Лучше поздно, чѣмъ плохо и скоро»—гово-

---

[1]) Молва 1834 г. № 33 стр. 96--97.

рилъ онъ. Наука такъ и не дождалась отъ него этихъ пословицъ; а когда Бодянскій умеръ, они погибли вмѣстѣ съ другими его бумагами. Мало того: когда А. М. Лазаревскій, тогда еще студентъ петербурскаго университета, задумалъ издать собранныя имъ пословицы, Бодянскій своими замѣчаніями остановилъ его намѣреніе. «Возможная полнота и вѣрность подобнаго рода вещей, писалъ онъ А. М. Лазаревскому, первое достоинство изданія ихъ, а это достигается исподволь, временемъ да временемъ. Знайте, что народныя произведенія никогда не теряютъ своего вѣса. Я не раскаиваюсь, что по сю пору не выдалъ еще ни пѣсенъ, ни пословицъ: когда подумаю, въ какомъ бы видѣ явилось и то и другое 10-ть лѣтъ тому назадъ, и въ какомъ теперь—слава тѣ, Христе! Конечно, жизнь человѣческая, яко цвѣтъ польный; но жывый жыве й гадае» [1]). А. М. Лазаревскій такъ и не издалъ своихъ пословицъ.

Мы видѣли выше, что О. М. Бодянскій съ большимъ интересомъ относился къ литературному движенію, происходившему въ его время въ Малороссіи. Онъ слѣдилъ внимательно за всѣми явленіями малорусской литературы и имѣлъ свѣдѣнія о замышлявшихся литературныхъ предпріятіяхъ. Въ началѣ 1834 года онъ зналъ, напримѣръ, что Грыцько Основьяненко намѣренъ «издать *незабаромъ своеи роботы* Малороссійскія Повѣсти» [2]). И съ нетерпѣніемъ ожидалъ выхода ихъ въ свѣтъ [3]). Нѣтъ ничего, поэтому, удивительнаго, что появленіе въ печати «Малорусскихъ повѣстей, разсказываемыхъ Грыцькомъ Основъяненкомъ» [4]) дало О. М. Бодянскому поводъ написать въ «Ученыхъ Запискахъ московскаго университета» критическую статью [5]), въ которой

---

[1]) Кіев. Стар. 1889 г., т. 27, стр. 447—448.

[2]) Телескопъ 1834 г., т. XXI, стр. 337.

[3]) Ученые Записки Москов. универс. 1834 г. № 5 стр. 290.

[4]) «Малороссійскія повѣсти, разсказываемыя Грыцькомъ Основьяненкомъ. Книжка первая. Москва, въ тип. Лазаревыхъ Института Восточн. языковъ. 1834 г. 380 стр.

[5]) Ученыя Записки москов. университ. 1834 г. № 5. Критика, стр. 287—313.

онъ высказалъ нѣсколько интересныхъ соображеній и мнѣній по поводу развитія малорусской литературы. Статья снова подписана фамиліей І. Мастака, а эпиграфомъ поставлена характерная нѣмецкая пословица: «eigner Heerd ist Goldes Werth»—«своя хата лучше чужихъ палатъ». Этой пословицей опредѣлялся основной смыслъ статьи О. М. Бодянскаго, который придавалъ большое значеніе литературѣ на родномъ языкѣ.

Малороссы, говорилъ онъ, богаты по части поэзіи, но до появленія повѣстей Грыцька Основьяненка, т. е., значитъ, до 1834 года, они не имѣли ни одного почти произведенія, чисто литературнаго, писаннаго прозою на малорусскомъ языкѣ. «Самое старшее, по времени, изъ прозаическихъ произведеній ихъ, это: *Кроныка* зъ лѣтописцовъ стародавныхъ Θеодосія Софоновича, игумена михайловскаго златоверхаго монастыря въ Кіевѣ 1672—1681 года. Далѣе слѣдуютъ нѣкоторыя актовыя и п. с. бумаги; уцѣлѣло также нѣсколько писемъ Мазепы къ несчастной дочери Кочубея: языкъ въ нихъ перемѣшанъ съ полонизмами. Въ наше время нѣкоторые изъ малороссіянъ пытали слегка свои силы въ прозѣ. Успѣшнѣе всѣхъ былъ опытъ ветерана малороссійскихъ поэтовъ И. П. Котляревскаго, автора перелицёванной Энеиды; жаль только, что до сихъ поръ его прекрасная опера: Наталка Полтавка еще не издана [1]). Языкъ въ ней чистый, настоящій украинскій, такой, какимъ говорятъ въ губерніи полтавской, центрѣ Малороссіи: его можно поставить въ образецъ puritatis legitimae. Г. Павловскій, написавшій въ 1818 г. грамматику малороссійскаго нарѣчія (весьма поверхностно), приложилъ къ ней нѣсколько коротенькихъ примѣровъ на малороссійское сочиненіе, и въ томъ числѣ небольшой отрывокъ изъ исторіи нѣкотораго малороссіянина (стр. 90—93), довольно правильно написанный. Еще имѣется маленькое посланіе (пысулька) г. Гулака-Артемовскаго (автора Твердовського) до того, который що Божого мѣсяця украинського гоньця по всѣхъ усюдахъ розсылае (къ г. Филомоθитскому, ре-

---

[1]) Впервые «Наталка Полтавка» напечатана въ 1838 г. въ «Украинскомъ Сборникѣ» И. И. Срезневскаго.

дактору бывшаго Украинскаго Вѣстника), служащее предисловіемъ къ его сказкѣ: «Солопій та Хивря, або горохъ при дорозѣ». Сочинитель комедій: «Дворянскіе выборы и Шельменко» показалъ большую ловкость въ языкѣ малороссійскомъ: въ нихъ цѣлыя явленія писаны симъ языкомъ. Вотъ вся извѣстная намъ проза малороссіянъ по текущій (1834 г.) годъ»—говоритъ О. М. Бодянскій. Онъ, впрочемъ, совершенно игнорируетъ при этомъ оперу-водевиль Шаховскаго: «Козакъ-Стихотворецъ», какъ написанную изуродованнымъ малороссійскимъ языкомъ, равно и пьесу, помѣщенную въ Московскомъ Телеграфѣ за 1831-й годъ, о которой, по его мнѣнію, и говорить не стоитъ [1]).

Отмѣчая всеобщее направленіе и стремленіе къ народности. Бодянскій указываетъ на то, что и малороссы очень дѣятельно принялись за собираніе и приведеніе въ извѣстность своихъ сказаній, какъ то показываютъ труды Максимовича, Срезневскаго и другихъ—въ Россіи, Вацлава зъ Олеська, Левицкаго и Лозинскаго—въ Галиціи. Все это, говоритъ онъ, пробуждаетъ пріятную надежду, что «Украина, эта колыбель Руси, со временемъ, мало-по-малу сдѣлается извѣстнѣе ученому свѣту: ея языкъ и богатая народная поэзія займутъ надлежащее мѣсто въ системѣ славянскихъ народовъ. Въ разсужденіи поэтическихъ произведеній, конечно, ее ожидаетъ теплый уголокъ, принимая слово поэзія въ истинномъ его значеніи—за полное проявленіе духа народнаго въ области изящнаго, выраженнаго языкомъ боговъ, какъ говорили древніе. Но относительно прозы Украина весьма бѣдна, какъ мы видѣли. Нельзя думать, чтобы языкъ ея не годился для прозы; не доставало только удачной, счастливой, блистательной попытки для возбужденія общаго вниманія къ себѣ своихъ соотечественниковъ и увлеченія другихъ за собою». Недостатокъ этотъ теперь, съ появленіемъ повѣстей Грыцька Основьяненка восполняется. Примѣръ Основьяненка показываетъ, что, «малороссіяне, при надлежащемъ стараніи и образованномъ вкусѣ, могутъ, по времени, и въ семъ отношеніи, отстоять себѣ ученое

---

[1]) Ученыя Записки Москов. универ. 1834 г. № 5, стр. 287—289.

мѣстцо, могутъ, если захотятъ, не ударить лицемъ въ грязь, могуть создать свою прозу. Матеріаловъ бездна; была бы только охота, да умѣнье; за потребителями также не ходить въ лѣсъ» [1]).

Мы не будемъ останавливаться на разборѣ собственно повѣстей Основьяненка, содержаніе которыхъ Бодянскій излагаетъ очень обстоятельно, [2]) при чемъ указываетъ цѣлый рядъ погрѣшностей противъ малорусскаго языка [3]) и правописанія [4]). Основьяненко старался вездѣ писать слова такъ, какъ они произносятся, и Бодянскій находилъ это «и проще, и естественнѣе, и удобнѣе» [5]). Общее заключеніе О. М. Бодянскаго о повѣстяхъ Основьяненка чрезвычайно благопріятно: «хвала пану Грыцьку, говоритъ онъ, первому такъ смѣло и такъ живописно ворвавшемуся на лихомъ украинскомъ конѣ въ область нынѣ всѣми любимаго повѣствовательнаго рода, первому рѣшившемуся разсказать на родномъ языкѣ, oratione soluta, нѣсколько былей изъ народнаго быта». Бодянскій надѣется, что Основьяненко будетъ имѣть послѣдователей и боится только одного, чтобы у него не было подражателей [6]).

Основьяненко, какъ извѣстно, вводитъ въ свои повѣсти описаніе обычаевъ милороссовъ. Обычаи эти, замѣчаетъ Бодянскій, нѣкоторымъ могутъ показаться странными, какъ и вообще всѣ обычаи малороссовъ: «но это ихъ differentia specifica, ручательство, что украинцы жили и живутъ жизнью самобытною, своенародною... що жъ робыть, колы такъ наша пичь пече--характеризуютъ сами себя малороссіяне». Описывать обычаи—хорошо, но нужно только утрировать эти описанія—таково мнѣніе Бодянскаго [7]).

[1]) Ученыя Записки москов. унив. 1834, № 5, стр. 289—290,

[2]) Тамъ-же стр. 291—307.

[3]) Тамъ-же стр. 309—310.

[4]) Тамъ-же стр. 310.

[5]) Тамъ-же, стр. 310.

[6]) Тамъ-же, стр. 307—308.

[7]) Тамъ-же, стр 311—312.

Дѣлая свои замѣчанія по поводу перваго тома повѣстей Основьяненка, Бодянскій надѣялся, что во второмъ томѣ не встрѣтится уже неровностей; «все, говоритъ онъ, будетъ стройно, гладко, естественно, *изящно*, какъ изящна природа Украйны, гдѣ «небо весьма тихо есть и лихаго повѣтрія не слыхать, не видать,—ея народность, сама Украйна въ *цѣломъ* и *особенностяхъ*, гдѣ нѣтъ шагу безъ памятника, времени безъ событія, мѣста безъ картины, живого существа безъ рѣзко проведенной черты на его обликѣ, характеристическаго отличія въ своихъ помыслахъ, желаніяхъ и поступкахъ; гдѣ вы утонете въ мірѣ музыкальныхъ звуковъ, національныхъ напѣвовъ, національной поэзіи на языкѣ благозвучномъ, мелодическомъ, которая очаруетъ, заколдуетъ васъ, наполнитъ сладкимъ забвеніемъ ваше сердце, пробудитъ въ головѣ вашей свѣтлыя думы, быстро перенесетъ въ завѣтное *прошедшее* съ его живо говорящими образами, и напослѣдокъ остановитъ васъ надъ *настоящимъ*, не менѣе занимательнымъ, *интереснымъ*, хоть и своими развалинами, остановитъ—и заставитъ *призадуматься»*...[1])

Въ такой поэтической тирадѣ О. М. Бодянскій выражалъ свое тогдашнее увлеченіе родиной своей—Малороссіей. Въ этомъ увлеченіи была, конечно, значительная доля идеализаціи. Малороссія рисовалась Бодянскому въ слишкомъ розовыхъ, поэтическихъ краскахъ. Всѣмъ она была, по его мнѣнію, интересна: своей природой, языкомъ, поэзіей, своимъ прошедшимъ и настоящимъ. Все въ ней было свое, самобытное, особенное... Эта идеализація Малороссіи, какъ уже замѣчено выше, была характерна для того времени. Приведенныя выше заключительныя слова О. М. Бодянскаго въ его статьѣ о повѣстяхъ Основьяненка напоминаютъ собой лирическія, напр., отступленія Гоголя въ его малороссійскихъ повѣстяхъ и статьяхъ о Малороссіи...

Но не въ этомъ, конечно, значеніе критическихъ статей О. М. Бодянскаго. Въ нихъ онъ выдвигалъ рядъ чрезвычайно важныхъ вопросовъ и такъ или иначе высказывался по нимъ. Мало-

---

[1]) Ученыя Зап. Москов. Унив. 1834, № 5, стр. 312—313.

русскій языкъ и богатая народная поэзія малороссовъ должны занять по мнѣнію его, надлежащее мѣсто въ системѣ славянскихъ народовъ [1]). Въ отношеніи поэзіи Малороссію ожидаетъ теплый уголокъ, но нельзя думать, чтобы языкъ ея не годился и для прозы; малороссы, при надлежащемъ стараніи, могутъ отстоять себѣ «ученое мѣстце» и создать свою прозу [2]). Что касается правописанія малорусскаго языка, то Бодянскій думалъ, что нужно писать такъ, какъ говорятъ [3]). Отъ литературы онъ требовалъ, чтобы она была не подражательной, а самобытной, народной и особенно поддерживалъ новое направленіе въ малорусской литературѣ, которая «начинаетъ разработкою богатыхъ самородныхъ, своеземныхъ рудниковъ *національныхъ*» [4]). Этнографическій элементъ въ литературныхъ произведеніяхъ, т. е. описаніе напр., нравовъ, обычаевъ, О. М. Бодянскій допускалъ, съ тѣмъ только, чтобы въ этомъ отношеніи не было злоупотребленій. Описанія должны быть художественны, безъ утрировокъ и не должны занимать особенно много мѣста въ литературныхъ произведеніяхъ [5]).

Таковы были требованія, которыя предъявлялъ О. М. Бодянскій къ малорусской художественной литературѣ.

Вѣрный духу времени, когда многіе брались за художественныя произведенія, вскорѣ онъ и самъ попробовалъ свои силы на этомъ поприщѣ...

Ник. Василенко.

(Продолженіе слѣдуетъ)

---

[1]) Ученыя Зап. Москов. у-та 1834, № 5, стр. 290.

[2]) Тамъ же.

[3]) Телескопъ 1834 г. т. XXI. стр. 341.

[4]) Телескопъ 1834 г., т. XXI. Критика, стр. 337

[5]) Ученыя Зап. Москов. у-та 1834 г., № 5. Критика, стр. 311—312.

Поэтъ-гражданинъ.

Я не литавъ въ надзоряни краины,
А все державсь бездольнои земли;
Боровся я за щастя для людыны,
За свитло въ чорній мли...

Я не спивець чудовнои прыроды
Зъ холодною байдужистю іи;
. . . .
Имъ я виддавъ уси чуття мои...

Павло Грабовськый, «Кобза», 46 и 91.

Люди, живущіе всегда на родинѣ или по крайней мѣрѣ не лишенные этой счастливой возможности, часто не сознають своихъ связей съ родной страной и народомъ, относятся къ нимъ съ холоднымъ равнодушіемъ, не замѣчають, говоря просто, тѣхъ благодѣтельныхъ вліяній, которыми обязаны родной обстановкѣ, какъ вообще мы не замѣчаемъ воздуха и свѣта, такъ необходимыхъ для нашей жизни. Такіе люди часто слишкомъ присмотрѣлись къ окружающей ихъ съ дѣтства обстановкѣ, и она имъ кажется черезчуръ обыденной, ординарной, а потому и малоцѣнной, не возбуждая въ душѣ соотвѣтственныхъ откликовъ. Настоящая цѣна ей познается лишь тогда, когда какія-нибудь непреодолимыя и отъ даннаго человѣка независящія обстоятельства оторвуть его отъ родины съ ея близкими сердцу звуками, съ ея народомъ, природой, можетъ быть, самой убогой и неприглядной.

но тѣмъ не менѣе дорогой. Часто только тогда происходитъ въ душѣ безразлично, повидимому, относившагося къ родинѣ человѣка коренной переворотъ, и тѣ родныя картинки, которыя въ былое время проходили незамѣченными, пріобрѣтаютъ огромную цѣнность, особенный смыслъ и значеніе. Давно забытыя воспоминанія, образы и картины, родныя лица и обстановка оживаютъ и воскресаютъ передъ изгнанникомъ, властно подчиняя его своей чарующей силѣ; мысли неудержимымъ потокомъ несутся къ роднымъ палестинамъ, и чѣмъ заказаннѣе путь къ возврату, тѣмъ сильнѣе власть этихъ чувствъ, этой, какъ мѣтко ее назвали, тоски по родинѣ. Воплями и стонами вольныхъ или невольныхъ изгнанниковъ, изнывающихъ душею и тѣломъ на чужбинѣ, полна всемірная литература, начиная съ Овидія съ его «Скорбными элегіями» и «Понтійскими письмами» и кончая лицами, не такъ ужъ отдаленными отъ современности. Быть можетъ, многимъ изъ нихъ именно разлука съ родиной и тоска по ней и вдохнула тѣ полныя скорби, гнѣва и страданій пѣсни, которыми прославлено ихъ имя; быть можетъ, воспоминаніями о далекой родинѣ произведенъ первый толчекъ къ литературной дѣятельности, поставившей ихъ впослѣдствіи въ ряды выдающихся дѣятелей родного края и народа. Украинская литература не только не избѣжала общей участи, и, вѣроятно, наиболѣе типичнаго представителя этого рода писателей мы имѣемъ въ лицѣ безвременно угасшаго недавно Павла Арсеньевича Грабовскаго.

П. А. Грабовскій родился въ 1864 году въ одной изъ слободъ ахтырскаго уѣзда, харьковской губерніи, гдѣ отецъ его занималъ скромное мѣсто пономаря. Первоначальное образованіе будущій поэтъ получилъ въ церковно-приходской школѣ, подъ руководствомъ мѣстнаго діакона, педагога очевидно не изъ важныхъ, а затѣмъ на десятомъ году поступилъ въ ахтырское духовное училище. Недобрую память оставило въ немъ пребываніе въ «бурсѣ», педагогическое воздѣйствіе которой на своихъ питомцевъ ограничивалось лишь безсмысленной зубрежкой непонятныхъ учебниковъ, не дававшихъ никакой пищи ни для

дѣтскаго ума, ни для сердца [1]). Чтеніе книгъ, развивающее вліяніе учителей и тому подобныя средства раціональнаго воспитанія, разумѣется, совершенно отсутствовали въ тогдашней бурсѣ, стоявшей на рубежѣ старыхъ порядковъ и новаго строя, внесеннаго реформой, оказавшейся, впрочемъ, безсильной предъ невыполнимой задачей—вдохнуть новую жизнь въ обветшалыя и мертвечиной насквозь проникнутыя стѣны бурсы. «Крім учебників,—продолжаетъ свои воспоминанія авторъ,—ми не читали майже піяких книжок, а коли й брали що з бурсацькоі бібліотеки, так найбільше затим, щоб подивитись на малюнки; учителі не дуже піклувалися, щоб заохотити школярів до читання,—а котрий і візьметься, то відібье вже всяку охоту читати, бо учителів ми, діти, страшенно боялися. Дасть книжку, потім заставить оповісти книжку... ще затнешся, або помилишся... несподівано одиницю схопиш... що то батько скаже?—такі думки перебігали не в однй дитячій голові—то мало хто и брав іх» [2]). Авторомъ нарисована слишкомъ знакомая картина казенной оффиціальной науки, безъ искорки тепла и ласки, которыхъ такъ жаждетъ дѣтское сердце, и неудивительно, что оно замыкалось въ себѣ и для удовлетворенія своихъ умственныхъ запросовъ искало другихъ менѣе суровыхъ и даже, какъ видно, опасныхъ по обстоятельствамъ бурсацкой жизни источниковъ. Читали преимущественно всякую, по выраженію автора, «нісенітницю», случайно попадавшую въ руки любознательнымъ бурсакамъ; кромѣ печатной, большою популярностью пользовалась устная и отчасти рукописная литература—уже чисто мѣстнаго происхожденія и колорита: пѣсни, басни, вирши сатирическаго характера, народныя сказки и анекдоты, старательно списывавшіеся бурсаками и на многихъ изъ нихъ оказывавшіе повидимому большое вліяніе. Появляются даже спеціально бурсацкіе писатели, почерпавшіе матеріалъ для произведеній изъ своей невеселой жизни и виршами на злобы дня—какъ водится, прежде всего сатирами на учителей—

[1]) «Невідомі творці», Зоря. 1892, стр. 354.

[2]) Ibid.

разнообразившіе скуку и монотонность существованія. Объ одномъ изъ этихъ «невідомих творців» Грабовскій сообщаетъ въ указанной статьѣ довольно любопытныя подробности, рельефно рисующія общій фонъ бурсацкой жизни, хорошо очевидно знакомой автору.

Какъ сообщаетъ Грабовскій въ своей автобіографіи, рукописью которой мы пользовались, бурса отнеслась къ нему не любящей матерью, а суровой мачехой. Первый изъ его учителей изощрялъ свое остроуміе надъ учениками за ихъ неумѣніе говорить по-русски и кромѣ того имѣлъ очень распространенную среди казенныхъ педагоговъ привычку дѣлить своихъ питомцевъ на двѣ категоріи—воспользуемся терминами Щедрина: «любимчиковъ» и «постылыхъ». Грабовскій попалъ въ число послѣднихъ и имѣлъ полное основаніе разсчитывать на скорое окончаніе своей бурсацкой карьеры. Однако «якимсь чудом» его не исключили въ первый годъ, и претерпѣвъ положенную всякому новичку порцію невзгодъ, онъ началъ учиться и благополучно прошелъ сквозь мытарства бурсацкой жизни, удостоившись въ 1879 г. перевода въ харьковскую семинарію. «Крім мертвоі науки бурса нічого мені не дала»,—съ грустью признается авторъ въ автобіографіи и первые проблески сознательной духовной жизни относитъ всецѣло на счетъ постороннихъ вліяній и инстинктивнаго тяготѣнія къ умственному труду. Въ семинаріи,—вспоминаетъ впослѣдствіи Грабовскій—«обставини освітноі справи трівали трохи ліпші; але взагалі далеко ще було до правильноі постанови науковоі. З погляду мови ми оставалися украінцями по-за школою, хочъ ні словечка не чули про своє письменство; учивши однак «историію русской литературы» наш ректор протоерей, нижегородець родом, часто було выдавав словесні приказі—не вживати украінськоі мови в бесідах поміж собою,—не разъ кричав, що виноваті будуть карані без попуску, та нічогісенько з того не выходило: балакали ми по прежньому своєю рідною мовою, а коли забачали яке високе начальство, разом замовкали. В семинаріі ми вже читали і Шевченка, і Квітку, і Стороженка, і Левіцького, і всяких инших писателів наших; де-хто пописував по-украінськи

віршами й прозою; свідомість про те, що ми—украінці, була досить живою» [1]). Вѣроятно, въ это время Грабовскій впервые почувствовалъ себя послѣдователемъ той идеи, вѣрнымъ и энергичнымъ служителемъ которой оставался до гробовой доски, несмотря на всѣ превратности своей богатой невзгодами, хотя и не особенно продолжительной жизни. Изъ общаго строя семинарской жизни Грабовскій въ своихъ воспоминаніяхъ (рукописная автобіографія) выдѣляетъ преподавателя словесности, который старался заронить въ сердца своихъ питомцевъ любовь къ литературѣ, привлекая семинаристовъ къ чтенію книгъ и изложенію своихъ впечатлѣній о прочитанномъ, что, прибавляетъ Грабовскій, «найбільше впливало на наш розвиток». Но и въ семинаріи все живое приходило изъ постороннихъ источниковъ и контрабанднымъ путемъ, т. е., совершенно независимо отъ оффиціальнаго строя семинарской жизни, и даже вопреки послѣднему: мертвая наука и неудовлетворительная вообще постановка учебнаго дѣла могли возбуждать лишь протестъ и отвращеніе въ болѣе способныхъ ученикахъ съ живыми запросами и стремленіями.

Грабовскій пробылъ въ семинаріи четыре года, не разъ собирался бросить ее, мечтая объ университетѣ, но домашнія обстоятельства удерживали его въ стѣнахъ постылой almae matris. Въ 1882 г. восемнадцатилѣтній юноша долженъ былъ оставить семинарію, но уже по независящимъ обстоятельствамъ, поводомъ къ тому послужило чтеніе недозволенныхъ книгъ, и съ этого времени начинается его невольное скитальчество, продолжавшееся до самой смерти. Конецъ 70-хъ и начало 80-хъ годовъ были, какъ извѣстно, временемъ всеобщаго подъема въ общественной жизни, къ сожалѣнію оборвавшагося внезапно и не успѣвшаго дать сколько-нибудь прочныхъ результатовъ. Народъ съ его нуждами и потребностями занималъ центральное мѣсто въ міровоззрѣніи тогдашняго общества. Грабовскій, отличавшійся вообще отзывчивымъ и пылкимъ характеромъ и сильно развитой обще-

---

[1]) «Невідомі творці». Зоря, 1892, 355.

ственной жилкой, съ первыхъ же шаговъ своей сознательной жизни примкнулъ къ этому народническому движенію, которое въ своей автобіографіи очень мѣтко характеризуетъ, какъ безотчетную «потребу серця». Въ результатѣ онъ былъ выброшенъ за бортъ духовной школой, которая не могла примириться съ подобнымъ образомъ мыслей среди своихъ питомцевъ. Оставшись не у дѣлъ, Грабовскій два года прожилъ въ деревнѣ у матери; 1885-й годъ провелъ въ Харьковѣ, зарабатывая средства къ существованію сотрудничествомъ въ мѣстныхъ газетахъ; затѣмъ попалъ въ солдаты, служилъ въ Валкахъ, Ташкентѣ и Оренбургѣ, пока въ 1888 г. не очутился въ г. Балаганскѣ, иркутской губерніи. Ему пришлось побывать еще въ Вилюйскѣ и Якутскѣ [1]) и только въ 1899 г., приписавшись къ мѣщанскому обществу г. Барнаула, онъ поселился въ Тобольскѣ. Здѣсь поэтъ прожилъ до 29 ноября прошлаго года, зарабатывая средства къ жизни службой по вольному найму въ ветеринарномъ отдѣленіи губернскаго правленія, пока эта полная нужды и лишеній жизнь и тяжелая борьба изъ за куска насущнаго хлѣба не уложили его въ могилу и навсегда не прекратили его скитаній...

Читатель легко можетъ себѣ представить, что̀ долженъ пережить и перечувствовать въ подобной обстановкѣ человѣкъ такого духовнаго склада, заброшенный, подобно Грабовскому, на далекую чужбину, лишенный не только въ настоящемъ всѣхъ радостей личнаго и общественнаго характера, но даже и надежды, что обстоятельства измѣнятся когда-нибудь къ лучшему. «Ніколи ще, здаеться—пишетъ онъ, напр. въ 1895 г.—безнадійність та зневіра не огортали мене таким сумом, ніколи не захмарювали мого зору, як саме нині. Кругла самотина ніколи не дошкуляла так... Я призвичаівся до думки, що згину тут, серед тайги, в самотині, не діждавшись кращоі днини. Що найгірше—се одиноцтво, кругле, страшенне, без надіі, що воно коли-

---

1) Нѣкоторыя подробности о скитальческомъ періодѣ жизни Грабовскаго заключаются въ одной изъ рѣчей г. Спасовича; см. Сочиненія В. Д. Спасовича, т. VII, стр. 291—309.

небудь скінчиться, що заставляє навіть тратити всяку ціль життя... Мета, себто справжнє живе діло, кероване певними ідеями громадськими, вона осталася десь далеко, далеко. Неможлива робота в тім напрямі. Природно виникають запити власної долі, але вона ще більш неможлива, і та думка подвійно крає серце. На світ дивитись не хочеться» [1]... Къ страданіямъ нравственнаго характера присоединяются еще и чисто физическія: слабое здоровье, разстроенное безпрерывнымъ скитальчествомъ, жизнью въ суровомъ, неподходящемъ климатѣ и лишеніями, еще болѣе ухудшаетъ положеніе Грабовскаго, и неудивительно, что иногда ему приходитъ на мысль самому прекратить ненужныя страданія. Спасительницей его, сохранившей намъ талантливаго поэта, сдѣлалась литература: она была единственнымъ родомъ общественной дѣятельности, къ которой такъ стремился Грабовскій,—и вотъ литература становится его отдыхомъ, его надеждой; всѣ свои недюжинныя силы онъ вкладываетъ въ эту дѣятельность:

Як безплодноноситися з горем,
В піснях виспівай краще його...

Подивись пронеслось твоэ горе,
Як проносяться хмари густі!..
Ти заблисла, сподівана зоре!
Знов воскресли ви сни золоті!

Съ другой стороны также вполнѣ понятно, что произведенія Грабовскаго носятъ на себѣ печать тѣхъ общественныхъ условій, жертвою которыхъ былъ ихъ творецъ: «журно, то й пісні мої не кращі»—говоритъ онъ о своихъ произведеніяхъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и переходимъ.

Литературная дѣятельность Грабовскаго начинается съ 1890 года какъ онъ самъ опредѣляетъ въ предисловіи къ первому

---

[1]) Павло Журба—«Із дневника невольника», Житє і Слово, т. IV. стр. 317 и слѣд.

сборнику своихъ стихотвореній «Пролісок»: «все, що в «Пролісху», написане мною починаючи з 1890 р., віршів два-три хіба складено раніше, але потім перероблені—оставсь один зміст» [1]). Поэту, находящемуся вдали отъ родины и пребывающему въ крайне тяжелыхъ жизненныхъ условіяхъ, «заманулось до божого світла».

Наче навішено гирі,
Вся зайнялась голова...
Думка об иншому мирі
Тільки осталась жива! («Пролісок», 6).

Эта единственная отрада поэта—«думка об иншому мирі», о горячо любимой родинѣ,—внушивъ ему и самую мысль о литературной дѣятельности, сообщила его произведеніямъ особую оригинальную окраску. Читая стихотворенія этого больного, измученнаго человѣка, поражаешься тѣмъ громаднымъ запасомъ силы и энергіи, которыя живымъ ключемъ бьютъ изъ нихъ, возбуждая искреннее изумленіе предъ стойкостью автора, сумѣвшаго въ самой ужасной обстановкѣ, при полномъ отсутствіи радостей жизни сохранить лучшія человѣческія стремленія. Личные мотивы почти

---

[1]) „Пролісок", твори Павла Граба, Львів, 1894. Изъ отдѣльныхъ изданій сочиненій Грабовскаго, кромѣ упомянутаго, отмѣтимъ: 1) «Твори Івана Сурика», переклав з росийського Павло Граб., Львів, 1894; 2) «З чужого поля», переклади Павла Граба, Львів, 1895; 3) «З півночи», твори Павла Граба, Львів, 1896; 4) „Доля", переспіви Павла Граба, Львів, 1897; 5) «Хома Баглай», поема Р(оберта) Б(ёрнса), звиршувавъ П. Г., Черниговъ, 1898; и 6) «Кобза», спивы и переспивы П. Граба, Черниговъ, 1898. Кромѣ отдѣльныхъ изданій, Грабовскій помѣщалъ свои произведенія въ различныхъ органахъ украинской печати въ Галичинѣ: «Зоря», «Народ». «Правда», «Дзвінок», «Жите і Слово» и «Літературно-науковий Вістник», подписываясь псевдонимами: Павло Граб, Панько, Харько Воля, Харько Вець, Павло Журба, а также и полнымъ именемъ. Прозою имъ написано нѣсколько небольшихъ разсказовъ, статей и замѣтокъ частью автобіографическаго, частью критико-публицистическаго характера.

отсутствуютъ въ произведеніяхъ Грабовскаго, или, говоря точнѣе, они всегда сопровождаются мыслями общественнаго характера. «Поэтъ гражданинъ»—это, по нашему мнѣнію, наиболѣе умѣстный по отношенію къ Грабовскому эпитетъ, характеризующій все содержаніе, цѣль и направленіе его поэзіи; въ смыслѣ цѣльности, гармоничности и, такъ сказать, аскетичности міросозерцанія—это одна изъ самыхъ характерныхъ фигуръ въ новѣйшей украинской литературѣ.

Читатель знаетъ уже, какъ тяжело сложилась личная жизнь поэта; «побратавшись на-віки з журбою,—говоритъ онъ,—я про щастя не дбаю давно» («Кобза», 57); ни назади—въ прошедшемъ, ни впереди—въ будущемъ нѣтъ свѣтлыхъ явленій, нѣтъ радостей, и только временами лучъ надежды освѣщаетъ непроглядную темень, сгустившуюся вокругъ поэта:

І в минулому—могили,
І попереду—хрести;
Як то вельми треба сили
Світлу віру донести!
І поглянуть навіть гірко,
І вбачається мені,
Що крізь хмари, ясна зірко,
Сяєш ти у вишині («Пролісок», 37).

Но надежда—это крайне рѣдкій гость у людей, жизнь которыхъ какъ и у нашего поэта, является однимъ сплошнымъ отрицаніемъ всякой надежды; безжалостная дѣйствительность на каждомъ шагу представляетъ доказательства противнаго: «не прийде надія, одурить» и единственное, что остается въ жизни—это

Тільки й долі—чесно вмерти,
Хрест без плями донести («З півночи», 22).

А между тѣмъ могучее сознаніе того, что «людина єсмь», жажда состраданія, любви и счастья манятъ къ себѣ и исторгаютъ мучительную жалобу:

Коли ж і де просвіток я побачу?
Чому ж мені... в глуші
Ти не послав, о Боже, на придачу
Усіх незгод хоть рідноі душі? („Пролісок", 44).

Одиночество является особенно тяжелымъ для поэта, всѣ мысли котораго направлены къ одному—благу общему и дѣятельности для «щастя всіх»:

Що-дня гину один і загину въ кінець,
Ніхто в світі, ніхто не поможе:
Дотліває життє, як сумний каганець,
Жити ж хочеться, хочеться, Боже!
Чи хто скаже мені тепле слово коли,
Чи диждусь я хоч трошечки згляду,
Чи бездольцем, як жив, і поляжу до мли,
Безталаннем геть випхнутий з ряду?
На хвилину, на мить утекти від життя,
На эдину взаемин зазнати,
Завитати на мить в світлий мир почуття,
Потім... потім... хоть знову конати («З півночи», 33).

Но даже среди мукъ одиночества поэта не оставляютъ заботы о другихъ; чуткій ко всякому страданію, онъ готовъ пожертвовать удовлетвореніемъ своихъ желаній, лишь бы не огорчить близкаго человѣка. Въ часъ мученій и отчаянія,—говоритъ онъ:

Я замкнусь собі сам у тиші,
Засумую від рана до рана,
Доки мука не зникне з душі,
Не загоіться нищечком рана.
А до тебе в сю мить не прийду,
Заховаю подальш свої болі...
На твоему, голубко, виду
Сліз пекучих без того доволі («З півночи», 47).

Впрочемъ, говоря о поэзіи Грабовскаго, нужно имѣть въ виду, что вообще подобное настроеніе является у него не болѣе, какъ минутнымъ, и стихотворенія, проникнутыя отчаяніемъ, да-

леко не занимаютъ главнаго мѣста въ его литературномъ наслѣдіи. Какъ и всякому человѣку, ему приходится бороться съ самимъ собой, съ муками отчаянія и сомнѣній, и изъ этой борьбы онъ всегда выходитъ побѣдителемъ, находя свое успокоеніе («розвагу») въ мысляхъ о другой борьбѣ—за счастье человѣчества, о друзьяхъ-братьяхъ, о пути къ высокимъ цѣлямъ. Вотъ, напр., подъ тоскливое завываніе мятели особенно сильно даетъ себя знать одиночество — «серце в грудях занивае, що однісеньке-одно», но поэтъ не даетъ воли чернымъ мыслямъ:

Справді так? А мріі ясні,
Шлях до світлоі мети,
А чаруючі, прекрасні
Дорогі моі брати?..
Хай же вие хукга люта,
Жахом серце зворуша:
Сил здобуде думка скута,
Загартуеться душа («Пролісок», 56).

Гордымъ вызовомъ, бросаемымъ прямо въ лицо жестокой, слѣпой долѣ, звучитъ послѣдняя строфа; чуется за нимъ человѣкъ великой духовной силы, неспособный пойти ни на уступки, ни тѣмъ болѣе на компромиссы, разъ они противорѣчатъ его совѣсти и убѣжденіямъ. Особенно характернымъ для того настроенія нашего поэта, которое выше мы назвали минутнымъ, является стихотвореніе «Сповідь». Поэтъ разсказываетъ въ немъ, что онъ палъ духомъ, растерялъ всѣ надежды и идеалы, а мелкое, тщательно заглушаемое себялюбіе властно возвысило свой голосъ, требуя прежде всего удовлетворенія эгоистическихъ потребностей человѣческой природы: предъ этимъ голосомъ низшихъ стремленій отступаютъ высокіе порывы и идеалы, поэтъ готовъ проклинать все и вся, стоящее на дорогѣ къ личному счастью. Но среди такого паденія, одна мысль о страждущихъ братьяхъ, о непоколебимыхъ борцахъ, стойко выдерживающихъ всѣ невзгоды, производитъ въ душѣ поэта полный переворотъ, прорывающійся въ страстномъ кличѣ:

О, простіть мене ви, непохитні борці,
Та погляньте зновъ приязним зором!
Про знемогу мою, про хвилини отсі
Мені навіть і згадувать сором.

В грудях жвавість росте, думка кличе вперед:
Відживажть колишні заміри;
Перейшов по душі дошкульний уверед,
Знов я повен надіі та віри...

Хай ніколи нігде не збувається все,
Що у снах зачарованих сниться;
Хай у прирву мене життє вихром знесе,—
Знаю: сонце на хвильку мініться.

Хочу жити я знов, працювать безъ кінця,
Власні жалі порвати з докором.
Згиньте ж туги мої! Ви не гідні співця!
Про вас навіть і згадувать сором! («З півночи», 50).

Чѣмъ то въ высшей степени трогательнымъ вѣетъ отъ этихъ строкъ, особенно если принять во вниманіе обстоятельства личной жизни поэта, во всякомъ случаѣ не располагающія къ оптимистическому взгляду на окружающее [1]). Не менѣе, быть можетъ.

---

[1]) Вышеприведенное стихотвореніе Грабовскаго, судя по нѣкоторымъ даннымъ (см. предисловіе къ сборнику „З півночи“), написано въ 1895 году, и слѣдовательно относится къ самому тяжелому періоду въ жизни поэта. Настроеніе Павла Арсеньевича Грабовскаго въ то время можетъ быть характеризовано, какъ безпрерывное колебаніе между приступами отчаянія и возрожденіемъ надежды. «Такого тяжкого часу,—пишетъ онъ,—такого хороблпвого стану духового, як саме тепер, я, здається, не переживав. Як на те й з рідного краю—ні словечка, ні однісінького числа часописі, а без українщини мені просто смерть... Останню зиму я не жив, а просто мучивсь, особливо перед кінцем; не знаю вже, як і видержав... Цілий місяць я звичайно нудьгую та мучусь, не дам собі жадноі ради, не нахожу ні місця ні спокою, гадаю хопитись до револьвера... Потім приходить пошта—раз на місяць, привезе часописі, листи, книжки, вісти .. віджевеш душею й серцем, замариш, захочеться жити й працювати. І я хапаюсь, роблю і се і те, прихапцем, поспішаючи... а

трогательны и тѣ примѣчанія, которыми Грабовскій снабдилъ свои пессимистическія, и такъ впрочемъ очень немногочисленныя, стихотворенія. «Вірш сей,—говорится въ одномъ изъ подобныхъ примѣчаній,—виливсяв в годину тяжкого хоробливого настрою; тільки в таку годину я міг висказувати подібні думки та почування від котрих перший відкидаюсь, бо ніколи й не поділяв іх» [1]). Борьба человѣка съ самимъ собою,—самая, какъ извѣстно, тяжелая и мучительная борьба,—очень ясно сквозитъ изъ вышеприведенныхъ строкъ. Этотъ мотивъ борьбы, минутнаго отчаянія и изнеможенія—паденія, по взгляду автора,—и слѣдующаго за нимъ, такъ сказать, духовнаго возрожденія, повидимому, очень занималъ Грабовскаго, посвятившаго ему такія прекрасныя, сильныя по формѣ и содержанію произведенія, какъ «Тяжко дихати» («Кобза», 71), «Змордованый горемъ я довго хворав» (ibid. 76), и др. Нужно замѣтить, что почти всѣ такого рода произведенія заканчиваются бодрымъ и энергичнымъ призывомъ къ борьбѣ и дѣятельности. Среди самаго непрогляднаго мрака отчаянія, безнадежности и сомнѣній, навѣянныхъ на Грабовскаго силою окружающаго зла, его «кобза» почти всегда въ концѣ концовъ издаетъ бодрый звукъ:

Я знову вірю, що пригода,
Мов чорна хмара проплиме,
Що невмируща міць народа
Усе лихе переживе («Пролісок», 26).

«Терпіть,—обращается онъ въ другомъ мѣстѣ,

Терпіть, а має справдитись
Божий святий заповіт...

потім знов починається нудьга, нудьга без краю, без розваги»... („Із дневника невольника“, Житє і Слово, т. IV, стр. 313—314). Мрачное настроеніе Грабовскаго и его особенно тяжелая жизнь въ это время сильно отразились на сборникѣ „З півночи“, который составился изъ стихотвореній, написанныхъ въ 1895 г. и отличающихся въ высшей степени скорбнымъ характеромъ.

[1]) „З півночи“, 35.

Добре у світ не родитись,
Краще побачити світ („Пролісок“, 32—33).

При такомъ настроеніи поэта естественно, что въ его творчествѣ участіе личныхъ мотивовъ сведено до minimum'а; Грабовскій, можно сказать, тщательно ихъ избѣгаетъ, выходя совершенно сознательно изъ той мысли, что ими «найменше повинен займатись співець-громадянин» [1]).

Власне щасте та турботи,
Власні думки... кинь гадать.
До громадськоі роботи
Слід житте своє віддать («Пролісок», 21),—

несмотря на какія бы то ни было жертвы и мученія личнаго характера.

Поэтъ, по мнѣнію Грабовскаго, долженъ быть прежде всего работникомъ на пользу общую, борцомъ за идеалы добра и справедливости; его обязанность—«вислідженнє явищ та обставин безпосередно життєвих, замість цвірінькати, як та божа пташка серед гаю, верзякати всяку нісенітницю, що забрела зненацька въ голову. Так верзякають тільки дикарі, у котрих немає ще поезиі: гору побачив—про гору співає, ліс—про ліс, дерево—про дерево і т. д. Але сучасний співець не повинен вертатись до того стану первістного, бо який же він після того співець, який навіть сучасник?... Не триндикати без пуття його діло, а робити гуртову суспільну роботу, вживаючи своі кебети та знання, бо в противнім разі на якого гаспида він потрібний. Цікавий, щиролюдський зміст до-купи з виробленою, художно-закінченою формою становлять головні прикмети всякоі істинноі поезиі. «Штуки для штуки» не було, немає й не може бути в дійсности; се пустопорожня, пустодзвінна фраза—не більш. Вона навпаки

---

[1]) См. предисловіе автора къ сборнику «З півночи» и въ высшей степени характерную въ этомъ отношеніи замѣтку «Де-що про творчість поетичну» («Зоря», 1897, стр. 57—58).

завсігди прикривала собою найтенденцийніші замахи думки, проповідувала найгрубішу тенденцийність в літературі. «Штука для штуки»—се в устах проповідників значило: затчи уши та затули очи на голоснійші потреби життя, тікай від його прози, літай понад миром на крилах легесеньких, принадливих мрій, лоскочи нотихесеньку нерви, з поезиї зроби панську примху. Поезия мусить бути одним із чинників поступу загально-людського, а в рідному краі з'окрема загально-народного, средством боротьби з світовою неправдою, сміливим голосом. Така іі задача» [1]). Мы привели эту нѣсколько длинную выдержку потому, что она многое выясняетъ въ литературной дѣятельности Грабовскаго: высказывая строго-опредѣленный взглядъ на обязанности поэта теоретически, онъ и на практикѣ остается ему вѣренъ безъ всякихъ сомнѣній и колебаній. Поэты, которыхъ мы назвали бы сладкопѣвцами, органически были непонятны для Грабовскаго, и дѣятельность ихъ естественно не возбуждаетъ въ немъ иного отношенія, кромѣ ироническаго.

Не все співати нам про квіти
Та любоватися Дніпром («Пролісок», 85),

говоритъ онъ въ обращеніи къ «Поетам-украінцям», а въ стихотвореніи «До Парнасців» ту же мысль высказываетъ еще выразительнѣе:

Соловейко співа на гиллях—
Не діліть його красного труду... («З півночи», 57).

«Я не співець чудовноі природи», «я не літав в надзоряні краіни»,—говоритъ Грабовскій о себѣ лично,—нѣтъ, дѣятельность его состояла въ другомъ:

До людського горювання
Скрізь я прислухався,—
Сумний голос безталання
На папір прохався.

---

[1]) «Де-що про творчість поетичну», Зоря, 1897; стр. 58.

Закипали в серці сльози,
Дивлячись на муки,
І зривались тихо з кобзи
Нерозважні згуки («Кобза», 4).

Пусть поэты, превыше всего ставящіе красоту,—говорить онъ въ другомъ мѣстѣ,—

Співають нам на всякі голоси
Про райські сни й куточки благодатні,—
Де плачуть, там немає вже краси!
Нехай вони, кохаючись «на лоні»,
Мук забуття вишукують дарма,—
Їх не заспать: у серця відгомоні
Озветься світ з турботами всіма («Кобза», 92).

Но съ другой стороны поэтъ—тотъ же человѣкъ и потому Грабовскій считаетъ несправедливыми притязанія, многими къ поэту предъявляемыя—

Щоб він нічого, крім з терну вінця
В жизні не смів забажати («З півночи», 55);

не судите же его слишкомъ строго,—прибавляетъ Грабовскій,—

Не судіть же співця так жорстоко,
Що пісні його в край сумовиті,
Що сльоза туманить його око,
Що він скрізь одинокий на світі («З півночи», 54).

Обратимся теперь къ содержанію произведеній Грабовскаго, къ его героямъ, долею которыхъ онъ преимущественно занимается. Если мы зададимъ вопросъ, кто является героемъ для нашего поэта, то отвѣта не придется долго искать: косвеннымъ отвѣтомъ служитъ содержаніе всѣхъ его произведеній...

Народъ, массы, всѣ «труждающіеся и обремененные», люди мысли—вотъ герои произведеній Грабовскаго, вотъ кому посвятилъ онъ свой «спів». Трудно, намъ кажется, найти писателя,

который бы съ такой выдержанностью и послѣдовательностью стоялъ на добровольно избранномъ посту, который бы такъ строго и неуклонно шелъ къ намѣченной цѣли. Глубокимъ демократизмомъ, любовью къ родному краю и народу, сочувствіемъ ко всѣмъ страждущимъ и трудящимся, искреннимъ гуманизмомъ и братскимъ призывомъ къ добру и справедливости запечатлѣны страницы, вышедшія изъ-подъ пера этого глубоко-несчастнаго въ личной жизни, но не сломленнаго тяжелой долей поэта. Это въ полномъ смыслѣ слова—пѣвецъ «униженныхъ и оскорбленныхъ», поэтъ-гражданинъ и демократъ до мозга костей своихъ. «Щастє всіх»—главное желаніе нашего гуманиста, «народний добробит»—основаніе и цѣль его дѣятельности, «простий люд»—кумиръ, не въ смыслѣ, какъ увидимъ ниже, слѣпого преклоненія, къ которому Грабовскій, кажется, и не былъ способенъ, а въ качествѣ объединяющаго, все къ одному центру сводящаго начала. Приступая къ изученію стихотвореній Грабовскаго, мы начали было дѣлить ихъ на рубрики по содержанію, но въ концѣ концовъ пришлось бросить эту работу, какъ совершенно излишнюю и безполезную: получалась, строго говоря, одна рубрика, черезъ которую проходила красною нитью одна и таже мысль... Эта мысль составляетъ соль всей дѣятельности Грабовскаго, лейт-мотивъ его произведеній; недаромъ онъ въ своемъ обращеніи къ дѣтямъ внушаетъ имъ — «першу працю присвятити люду бідному» («Пролісок», 46).

Щоб настав час жданий людського єднання... («Пролісок», 46)—

таковъ идеалъ поэта;

Світло правды нести проти лютого зла
В боротьбі із тяжкою годиною,
Працювать на користь та рятунок села («Пролісок», 46)—

вотъ обязанность всѣхъ и каждаго. И при этомъ необходимо замѣтить, что Грабовскій вовсе не идеализируетъ народа, не считаетъ его кладеземъ мудрости и вмѣстилищемъ всевозможныхъ добродѣтелей. Онъ знаетъ, что народъ въ умственной темнотѣ и

матеріальныхъ «злиднях» влачитъ жалкое существованіе, и приглашаетъ вдумчиво и внимательно изучать его, сбросивъ романтически-сентиментальную повязку съ глазъ, являющуюся плодомъ поверхностнаго знанія народной жизни и мѣшающую видѣть вещи въ ихъ настоящемъ, неприкровенномъ видѣ.

Чи не глянуть мужикові
У хатиноньку сумну?
Глянуть просто, без серпанку,
Яким все обволіка
Пан-поет, що бачив з кганку
Богоносця-мужика («Пролісок», 66)?

Такая любовь, дѣятельная и активная, очевидно не нуждается въ прикрасахъ и идеализаціи; она не закрываетъ глазъ на дѣйствительные недостатки народа, но за то не просмотритъ и дѣйствительныхъ его нуждъ и потребностей.

Наравнѣ съ любовью къ народу Грабовскій ставитъ любовь къ родинѣ; въ его представленіяхъ, какъ и слѣдовало ожидать, эта послѣдня любовь опять таки не является въ романтическомъ освѣщеніи и на исключительно этнографической подкладкѣ,—это любовь активная, требующая дѣлъ и жертвъ, а не кисло-сладкихъ восхищеній прелестями родной природы, наполовину выдуманными доблестями ея обитателей и т. п. «З рідним краєм якась нитка тебе звязує на вік»,—говоритъ Грабовскій,—и

Під яким би небом ясним
Ти собі не опинивсь—
А не буде воно красним,
Як було своє колись.

Час надійде—ми вмираєм,
Бо на все своя пора;
Тільки жаль за рідним краєм
Серед люду не вмира («Кобза», 81).

Поэтъ произноситъ обѣщаніе, напоминающее знаменитое «забвенна буди десница моя», не забывать «святыхъ» словъ—«рід-

ний край», любить его («Кобза», 84); тоску его въ состояніи развѣять лишь «голос з Україні» («Кобза», 82); «рідна пісня» служитъ единственной отрадой и утѣшеніемъ въ горѣ, но увы! только во снѣ онъ можетъ увидѣть родину, и тѣмъ тягостнѣе пробужденіе на чужбинѣ (см. «Прокид»—«Кобза», 31). Поэтъ обращается къ облакамъ, плывущимъ на югъ, съ трогательною просьбой—напоить родныя нивы и передать имъ привѣтъ и смертельную тоску его:

Так летіть же в край південний,
Сухі ниви наповайте,
Щоб не гинув люд нужденний;
Тихим вітром повівайте.
Скажіть щире привитанне
Всім коханим, всьому краю,
Як сумую з безталання,
Як за ними умираю («Кобза», 88).

Подчеркнутыя нами слова—это не красивая только фраза: Грабовскій дѣйствительно всю жизнь свою страстно, неудержимо порывался на родину. Пишущему эти строки въ послѣдніе годы пришлось переписываться съ Грабовскимъ и каждое письмо послѣдняго дышало глубокою скорбію по поводу невозможности сейчасъ увидѣть родину и надеждой, что его желаніе исполнится хоть когда нибудь. «Тільки й живу надією—пишетъ онъ въ одномъ изъ писемъ,—побачити хоч не скоро рідний край, віддихнути душею в товаристві тих, що працюють для його щастя та будущини. Коли б не та невмируща надія, то життє моє тут зовсім уже було б безвідрадне» (30. III. 1901). «Аби прожити ще 4 роки, щоб побачити Україну та Галичину, бо коли доведеться вмирати, не побачивши рідного краю з його людьми, то се буде найгіршим та найважчим моім жалем» (2. IV. 1902) и т. п. Но возвратимся къ прерванному изложенію.

Поэтъ желаетъ для своей родины («До Русі-Украіны»),

Щоб Русь порізнена устала

. . . .

І квітом повним розцвітала
У згоді з ближніми всіма («Пролисок», 21);

поэтому понятно, какое сильное негодованіе овладѣваетъ имъ при видѣ людей, забывающихъ о нуждахъ родного края, отдающихъ свои силы, таланты и способности на всевозможныя дѣла и только для родины не находящихъ имъ никакого приложенія:— «тільки там, де перше треба, не здіймали якось рук» («Пролісок», 40),—съ ироническимъ укоромъ обращается онъ къ такого рода «землячкамъ». Въ обращеніи къ дѣтямъ на первый планъ выдвигаются обязанности къ родинѣ и особенно подчеркивается,

Щоб не зросли ви на сором
(Бійтесь найпаче того!)
Та не зробились позором
Рідного краю свого! («Пролісок», 70).

Дѣятельная, активная любовь къ родной странѣ обнаруживается и во взглядахъ поэта на историческое прошлое своего народа: свойственная вообще Грабовскому гуманность запечатлѣваетъ духомъ современности и событія прошлаго, спасая автора отъ односторонней исключительности, часто закрывающей глаза на темныя стороны въ этомъ прошломъ или же подбавляющей къ нимъ свѣтлыхъ красокъ.

Не величатись давниною,
Не вихвалятись нам дарма,
А дбать над долею сумною,
Що люд наш нині обійма («Пролісок», 57—58);

такую программу дѣятельности предлагаетъ Грабовскій для современниковъ. Да и вообще недостатокъ гуманности и демократизма въ политикѣ прошлаго онъ ставитъ въ наибольшую вину нашимъ историческимъ дѣятелямъ. Основная ошибка, напр., Хмельницькаго— это стремленіе «стяг козацький піднести», забывая о тяжелой долѣ «посполитыхъ», и оправданіемъ ему можетъ служить лишь то обстоятельство, что онъ «був лихого часу сином і вище стануги не зміг» («Пролісок», 58). Передъ поэтомъ, «встає на думку,

як огида» то кровавое время, когда «козак без жалю вішав жида», а «жид добра не зичив козаку», и онъ желаетъ, чтобы скорѣе забвеньемъ покрылась эта «минувшина гірка» и между враждовавшими народами установились отношенія на новыхъ основаніяхъ взаимнаго уваженія, братства и справедливости. Въ обращеніи къ товарищу-поляку Грабовскій приглашаетъ соединенными силами бороться

... за те, щоб духом згоди
Все понялося між людьми... („Пролісок", 79).

Гуманность, солидарность и отношенія, основанныя на началахъ братства и справедливости—вотъ условія, способныя, по мнѣнію Грабовскаго, доставить счастье людямъ здѣсь, на землѣ, и потому желаніе, «щоб загибли людські чвари», неоднократно въ той или иной формѣ имъ высказывается. Поэтъ при этомъ полонъ вѣры, что

Прийде день великоі відради:
Чоловіцтво, змучене у-край,
Ворожду закине брацтва ради
Й на землі побачуть люде рай („Пролісокъ", 48).

Самъ онъ, несмотря на то, что руки его скованы непреодолимой силой внѣшнихъ обстоятельствъ, готовъ пожертвовать всѣмъ для приближенія этого рая:

... любовю бьються груди;
Бажав би віки працювать,
До миру кличучи, щобъ люде
Людей спішили розкувать („Пролісок", 34).

Свята любов для світу буква мертва,
Христос—давно всіма забута річ;
І гине люд, страшноі ночи жертва,
І підпира оту злочинну ніч („Пролісок", 49).

Противорѣчія между требованіями любви и справедливости и неприглядной дѣйствительностью, безбрежное море зла, ложь, царствующая въ отношеніяхъ людей—«журним криком» отзываются въ

сердцѣ поэта; въ душу закрадывается мучительное сомнѣніе въ достиженіи искомаго идеала, въ благопріятномъ исходѣ борьбы за лучшее будущее и Грабовскій бросаетъ прошедшему, оказавшемуся повидимому безплоднымъ.

Но какъ въ личной жизни только въ рѣдкія минуты поэтъ допускалъ овладѣвать собой отчаянію, такъ и въ общественныхъ своихъ взглядахъ онъ падалъ духомъ лишь на мгновеніе; вообще же онъ твердо вѣритъ, что осуществленіе великихъ идеаловъ братства, добра и справедливости есть только вопросъ времени, и эта увѣренность прорывается энергичнымъ восклицаніемъ...

Принадлежа самъ къ числу идейныхъ борцовъ за лучшее будущее человѣчества, Грабовскій особенныя надежды возлагаетъ именно на нихъ. Нѣтъ силы на землѣ, которая была бы въ состояніи превозмочь людей, одухотворенныхъ стремленіемъ къ идеалу;

Мало нас, та се дарма:
Міцна віра рушить скали...
Тим загибелі нема,
Кому світять ідеали („З півночи“, 51).

«Глянь на луг,—ободряетъ поэтъ изнемогшаго въ борьбѣ товарища,—

Глянь на лугъ: не вся травиця
Ще потоптана у прах;
Глянь на люде—чесні лиця
Ще не всі обвіяв страх („Пролісок“, 10).

«Сміле слово,—говоритъ поэтъ въ другомъ мѣстѣ,—то наші гармати, світлі вчинки—то наші мечі» («З півночи», 58), и темень, окружающая современное человѣчество, кажущійся мертвымъ и непробуднымъ сонъ, обиліе всевозможныхъ — это только «перед світом» («Кобза», 42). Можетъ быть, самимъ борцамъ и не придется дожить до того радостнаго момента, когда тьма отступитъ, побѣжденная яркими лучами восходящаго солнца, но это не должно ихъ ни смущать, ни тѣмъ болѣе какимъ-ни-

будь образомъ влiять въ смыслѣ ослабленiя энергiи; напротивъ, они должны почерпать воодушевленiе и силу свою въ томъ, что

. . . свитла думка про мерців... („Пролісок“, 80).

Съ особенною любовью останавливается Грабовскiй передъ образомъ страдальцевъ, до конца донесшихъ тяжелый крестъ свой, не согнувшись подъ его тяжестью. Такова напр., «бабуся», кромѣ страданiй и безпрестаннаго труда ничего не испытавшая въ теченiе всей своей долгой жизни и тѣмъ не менѣе сохранившая достаточно душевнаго спокойствiя, равновѣсiя и нравственной силы, чтобы собственноручно сшить рубашку «про смерть». «Вотъ образецъ для насъ», какъ бы говоритъ поэтъ и высказываетъ желанiе для себя лично—сохранить настолько силы, чтобы такъ же спокойно и безстрашно «позирати на могильне полотно» («Кобза», 29). Произведенiя Грабовскаго—это восторженный гимнъ добру, справедливости и борцамъ за нихъ и безпощадное осужденiе и проклятiе злу.

На предыдущихъ страницахъ мы совершенно не касались произведенiй Грабовскаго съ художественной стороны, да и едва ли удобно было бы выдвигать эстетическую мѣрку при оцѣнкѣ произведенiй писателя, сонму поэтовъ-сладкопѣвцевъ и даже вовсе недвусмысленно открещивавшагося отъ «чистаго искусства». Тѣмъ не менѣе и съ художественной стороны стихотворенiя Грабовскаго отличаются несомнѣнными достоинствами и въ этомъ отношенiи ему будетъ отведено подобающее мѣсто въ нашей литературѣ. Въ большинствѣ случаевъ въ нихъ мы находимъ, согласно съ теорiей самого автора, гармоническое сочетанiе «цікавого щиро-людського змісту з виробленою художно-закінченою формою», хотя иногда,—преимущественно въ болѣе раннихъ произведенiяхъ,—имъ вредитъ нѣкоторая реторичность, очевидное пренебреженiе къ формѣ и отчасти недостатки въ языкѣ,—послѣднее, опять таки, относится къ самымъ раннимъ произведенiямъ Грабовскаго и въ сущности было почти неизбѣжнымъ въ его положенiи. Вспомнимъ только, что онъ былъ оторванъ отъ родного края 18-лѣтнимъ юношей, жилъ на далекой чужбинѣ, не имѣлъ возможности и случая слышать

родную рѣчь и обогащать свои знанія изъ непосредственнаго живого источника. Да онъ и самъ замѣчалъ недостаточность первоначальныхъ своихъ знаній въ родномъ языкѣ и со свойственной ему энергіей и горячностью принялся работать надъ собой. Успѣхъ его трудовъ очевиденъ, если сравнивать по языку первыя его произведенія съ позднѣйшими. Грабовскій далъ примѣръ серьезнаго отношенія къ изученію родного языка, достигнувъ блестящихъ результатовъ при самыхъ неудобныхъ условіяхъ, и можетъ служить, говоря мимоходомъ, живымъ укоромъ для многихъ «малоросіянъ» (очень интересная въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ разновидность), которые всю свою жизнь «собираются» приступить къ изученію родного языка, но, подобно Возному, «за недосужностію по должности і другими клопотами» никогда не приводятъ своего намѣренія въ исполненіе... Ниже оригинальныхъ произведеній Грабовскаго стоятъ, по нашему мнѣнію, его переводы, хотя взятые сами по себѣ они въ общемъ не дурны и могли бы составить имя другому, менѣе талантливому поэту [1]). Стихъ его произведеній въ общемъ легкій, плавный, языкъ, за немногими указанными исключеніями, народный, неудачныя выраженія встрѣчаются сравнительно не часто. Особенно по формѣ удаются автору чисто лирическія стихотворенія, проникнутыя

[1]) Какъ переводчикъ, Грабовскій является однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ нашихъ писателей; имъ переведены произведенія: Эдгарда По („Крук“), Купера, Томаса Гуда, („Пісня про сорочку“), Лонгфелло («Сон невольника»), Вальтер-Скотта, Байрона («Шильонський вязень», «Замокъ Альва», «Саулъ», „З Чальд-Гарольда“ и др.) Вордерсворта, Роберта Соути («Суд Божий над епископом») Теннисона, Кембеля, Шелли, Р. Бёрнса („Старчача гульня), Броунинга, Ады Негри, Сюлли Прюдома, Катюль Мандеса, Боделера, Коппе, Верлена, Гете, Шамиссо, Ленау, Риккерта, Шерра, Фрейлиграта, Гервега, Гаммерлинга, Уланда, Кристена и цѣлаго ряда русскихъ, славянскихъ, грузинскихъ, армянскихъ, эстонскихъ и другихъ поэтовъ. Отмѣтимъ также здѣсь его интересную статью „Московські переклади творів Шевченка („Зоря“, 1896—97 р.р.), дающую матеріалъ для характеристики Грабовскаго, какъ переводчика

тихимъ чувствомъ скорби по утраченной родинѣ и близкихъ людяхъ. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести одно изъ такихъ стихотвореній:

Як побачу я квіти пахучі,
Моє серденько враз защемить,
З очей сльози поллються пекучі,
Бо побачивши квіти пахучі,
Милий óбраз згадаю я в мить.
Як побачу я зіроньку ясну,
То не видно других уже зір;
Нарікаю на долю безщасну,
Бо побачивши зіроньку ясну,
Я згадаю коханоі зір.
Як пташки стануть в ирій летіти
Від морозів у нашім краю,
Вся душа починає боліти,
Бо я плачу, як стануть летіти,
Спогадавши недолю свою („Кобза", 92—93).

Къ лучшимъ стихотвореніямъ въ томъ же родѣ относятся: «Квітка», «До соловейка», «Доки сонця, доки світу», «Не журися, друже ревний», «Журба», «Тяжко-гірко визирати», «Змордований горем», «До матери» и многія другія.

Въ одномъ изъ послѣднихъ по времени стихотвореній («Кобзарь»), появившемся уже послѣ смерти автора [1]), Грабовскій изображаетъ долю кобзаря, одиноко прошедшаго тернистый жизненный путь свой, усѣянный страданіями и лишеніями и скрашенный только нравственнымъ удовлетвореніемъ отъ сознанія исполненнаго долга. Къ одинокому, никогда не знавшему радостей пѣвцу приходятъ, наконецъ, старость, болѣзни, изнеможеніе; долгій и трудный путь сказывается—

Туман якийсь в очах, не слухають ноги,
Від кобзи легенькоі гнуся;

[1]) См. „Литературный збирныкъ, зложеный на спомынъ Ол. Кониського", Кіевъ, 1903.

Давно погубив я всі рідні дороги,
Не відаю—де опинюся.
Блукаю одинцем і вмру сиротою,
Без сліз поховає чужина;
Нехай же положуть і кобзу зо мною,
Бо се—моя втіха єдина.

Какъ сходна доля этого кобзаря-горемыки съ долей самого автора! Послѣдній также смѣло могъ оставить подобное завѣщаніе—положить съ нимъ въ гробъ его кровью и слезами написанныя страницы: онѣ были его единственной отрадой и утѣшеніемъ при жизни, онѣ же могутъ служить ему оправданіемъ и послѣ смерти—не безплодно пройденъ жизненный путь, оставленъ слѣдъ въ родной литературѣ. Аскетическая муза поэта исполненіемъ этого предполагаемаго завѣщанія была бы, думаемъ, вполнѣ удовлетворена; но для насъ, читателей, такая награда пѣвцу кажется слишкомъ недостаточной.

Сергій Ефремовъ.

3—4. XII. 902.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Три письма Т. Г. Шевченка къ А. И. Лизогубу. Благодаря любезности М. А. Марко-Вовчокъ, мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи еще три письма Т. Г. Шевченка, особенно любопытныя потому, что относятся они къ 1848—1850 г.г., къ тяжелому времени жизни поэта въ ссылкѣ. Хотя ни на одномъ изъ писемъ нѣтъ указанія, къ кому они адресованы, но содержаніе ихъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ три письма были писаны къ А. И. Лизогубу, къ которому пять писемъ за этотъ-же періодъ времени напечатаны въ книгѣ М. К. Чалаго «Жизнь и произведенія Тараса Шевченка» (стр. 67—75). Печатаемое нами ниже письмо, помѣченное 9 мая 1848 г. въ крѣпости Орской, находится въ тѣсной связи съ письмомъ, напечатаннымъ г. Чалымъ и помѣченнымъ 7 марта 1848 г. Въ этомъ письмѣ онъ, благодаря за присланную «скрыньку» съ красками, намекаетъ на то, что «я теперъ хочъ и багатый на папиръ, а все-такы на клаптыку пышу, бо сказано пустыня: де я возьму, якъ потрачу». Отвѣтомъ на это письмо, очевидно, была присылка Лизогубомъ въ подарокъ бумаги, благодарностью за которую и начинается печатаемое нами теперь письмо Шевченка.

—

9 маія 1848. К. Орская

Воистынно воскресъ!

Спасыби тоби, щырый мій друже, и за папиръ, и за лыстъ твій, що кращчый паперу. Папиръ мени теперъ дуже ставъ у прыгоди, а лыстъ ще дужче! и тымъ самимъ, що мени теперъ треба було молытвы

и щирого дружнёго слова, а воно якъ разъ и трапилось. Я теперъ веселый йду на оте некчемне море аральске. Не знаю, чи вернуся тилько!.. А иду ейбогу веселый.

Спасыби тоби ще разъ за писанку; дійшла вона до мене цилисинька, и въ той самый день прыйшло мени розришеніе малювать, а на другій день прыказаніе у походъ выступать. Беру зъ собою усю твою малярску справу; не знаю тилько, чи доведецця малювать!

Выбачъ мени, ейбогу николе и сухарь той ззисты, а не те шобъ лыстъ написать доладу. До В. Н. [1]) напишу вже хиба зъ Раиму. Якъ будешъ писать до неи, подякуй за кныжку Гоголя.

Адресъ мій: въ К. Орскую

Его Высокоблагородію

Михайлу Семеновичу Александрійскому [2])

съ передачею мени.

А цей чоловьяга буде посылать до мене черезъ коменданта. Не забувай мене, едыный мій! Колы не побачымося на симъ свити, то вже певне зостринымося на тимъ. До свиданія!

Щирый твій Т. Шевченко.

Нужно принять во вниманіе, что слухи о назначеніи Шевченка въ экспедицію через степи къ Аральскому морю доходили до него еще съ начала 1848 г.; по крайней мѣрѣ, въ письмѣ къ кн. В. Н. Репниной отъ 28 февраля онъ съ ужасомъ говорилъ объ этихъ слухахъ. Между тѣмъ экспедиція эта была для Шевченка въ томъ отношеніи хороша, что открывала ему возможность, вопреки высочайшаго запрещенія, рисовать на законномъ основаніи: вѣдь онъ командированъ былъ «по распоряженію корпуснаго командира для *срисовыванія* видовъ въ степи и береговъ Аральскаго моря». На это-то разрѣшеніе рисовать и намекаетъ Шевченко въ письмѣ. Изъ тона письма между прочимъ видно, что теперь, за два дня до выступленія экспедиціи изъ Орска (11 мая), поэтъ примирился съ мыслью о походѣ и даже заявляетъ, что онъ „теперъ веселый“ идетъ на „оте никчемне море Аральске“.

—

[1]) Варв. Ник. Репнина.

[2]) Попечитель прилинейныхъ киргизовъ.

Бутаковъ, еще до окончанія экспедиціи, хлопоталъ о томъ, чтобы Шевченко былъ отправленъ на зиму вмѣстѣ съ нимъ въ Оренбургъ для окончательной отдѣлки живописныхъ видовъ и для перенесенія на карту гидрографическихъ видовъ. На это ходатайство послѣдовало отъ корпуснаго командира Обручова согласіе, и Шевченко въ ноябрѣ 1849 года прибылъ въ Оренбургъ. Отсюда онъ 8 ноября, послѣ полуторагодового перерыва, написалъ письмо къ А. И. Лизогубу (напечатанное въ книгѣ М. Чалаго, стр. 75), въ отвѣтъ на которое получено имъ письмо въ самый сочельникъ, что видно изъ слѣдующаго письма Шевченка, печатаемаго нами впервые.

Оренбургъ 1848 декабря 29.

На самый святвечиръ сижу соби одынъ однисинькій у хатыни та журюся, згадуючи свою Украину и тебе, мій друже едыный. Думаю: отъ Богъ дае и свято свое велыке на радисть добримъ людямъ, а мени нема съ кимъ слова промовить. Ажъ гулькъ! входить въ хатыну добрый Гернъ [1]) и подае мени вашъ лыстъ. Господы милостывый! якъ я зрадивъ! Ниначе батька ридного побачывъ, або заговорывъ зъ сестрою на чужини. А надто, якъ прочитавъ, що васъ всихъ, мовъ праведныхъ, минула кара Господня [2]), то ажъ заплакавъ,—такъ мени любо стало. Вы пишете, друже мій добрый, що шлыте альбомъ изъ papier torchon; спасыби вамъ—прышлить. А фарбъ сухихъ не посылайте, бо тутъ оліи достать не можно, та те ще—знову висною поженуть у степъ. Такій мій таланъ поганый! Щожъ мени вамъ послать, колы въ мене нема ничого; пославъ-бы вамъ видъ Аральского моря, такъ таке погане, що крый Боже! нудьгу ще наведе прокляте. Що вы пишыте, друже мій единый, шобъ я выставлявъ цину на моихъ будущихъ рисункахъ; велыке вамъ спасыби! бо тутъ безъ грошей ще поганше, якъ межъ жидами. Я, нарисовавше де що, отдававъ за самую убогую цину, такъ що-жъ—сміюця! Мени здаеця, шо якбы самъ Рафаель воскресъ отутъ, то черезъ тыждень умеръ-бы зъ голоду, або найнявся-бъ у татарына козы пасты. Отаки тутъ люде! Шлю вамъ киргизкого *Баксу* або по нашому *Кобзаря*. Колы найдеця яка добра

---

[1]) Капитанъ генеральнаго штаба Гернъ, зная, что Шевченку удобнѣе получать письма не на свой адресъ, предложилъ къ его услугамъ свой адресъ. Въ домѣ Герна въ Оренбургѣ, въ отдѣльномъ флигелѣ, и жилъ поэтъ.

[2]) Тогда свирѣпствовала холера.

душа, то нехай купить, зробить добрее дило, а цину я ему кладу 50 карбованцивъ; може задорого, то збавте якъ знаете. Буду посылать до васъ усе, що зроблю вартого послать, а вы вже робить зъ ными що хочите. Ще посылаю вамъ оцйого гарнадера (це я); згадуйте мене, дывлячысь на його, друже мій добрый! Що вы пишете, щобъ роскazать вамъ, що зо мною діялось на Аральскимъ мори два лита,—цуръ ему! бодай не діялось того нискимъ на свити! Опрычъ нудьги, вси лыха перебували въ мене, навить и нужа,—ажъ згадувать бридко! Адрисуйте ваши лысты на имя Герна, а мого имени не пишить: винъ знатыме по штемпелю. Бувайте здорови! Якъ будите писать В. Н. [1]), то поклониця ій одъ мене. Всему дому вашому нызенько кланяюсь. Щирый до васъ

Т. Шевченко.

—

Хотя Шевченко и получилъ командировку въ экспедиціи Бутакова для срисовыванія видовъ, но все-же тяготѣло еще надъ нимъ высочайшее запрещеніе свободно писать и рисовать. Извѣстно, что еще въ началѣ 1848 года началось дѣло объ облегченіи участи поэта въ этомъ отношеніи; но несмотря на благопріятные отзывы о Шевченкѣ такихъ лицъ, какъ корпусный командиръ Обручевъ и начальникъ края Перовскій, Высочайшаго соизволенія на это не послѣдовало, о чемъ Шевченко и узналъ чуть-ли не 1 января 1850 г., какъ можно судить изъ письма его къ кн. Репниной, датированнаго этимъ числомъ, гдѣ находятся такія строки: „для новаго года мнѣ объявили, что слѣдующей весною я долженъ буду отправиться опять на Аральское море... и *подтверждено запрещеніе писать и рисовать;* вотъ какъ я встрѣчаю новый годъ! неправда весело?“ [2]) Неудивительно, что это письмо исполнено горечи, равно какъ и слѣдующее за нимъ письмо, отъ 7 марта, къ той-же кн. В. Н. Репниной [3]). Этимъ печальнымъ обстоятельствомъ и объясняются тѣ фразы въ печатаемомъ ниже письмѣ къ А. И. Лизогубу, въ которыхъ онъ намекаетъ на свое рисованіе тайкомъ, какъ-то: „хочъ украдучи, та трошки помалюю“; „якъ що тра-

---

[1]) В. Н. Репнина.

[2]) См. Кіев. Стар. 1893 г. № 2, стр. 268.

[3]) Тамъ-же, стр. 269.

пыця мыни ще що небудь прислать до васъ, то пидпысуйте вы сами мою фамилію *цинеброю* [1]), бо мени не можна".

14 марта 1850 г. Оренбургъ.

Друже мій едыный!

Я не знаю, щобъ зо мною сталося, якъ бы не вы! Въ великій прыгоди сталы мени оци 50 карб. Роспитайте Илію Ивановича—я йому пишу [2]). Що значать гроши пры убожестви! Якъ бы не вы, то мене-бъ давно зъ нудьги не стало, а то все-таки, хочъ украдучи, та трошки помалюю, а воно й полегша! Не знаю, чи доведеця мени хоть що-небудь намалювать на Каспійскому мори, бо мене весною туды пожен уть. Якъ що доведеця, то пошлю до васъ; тилькы вже цины не поставлю, а продасте такъ, якъ вамъ Богъ поможе.

Отъ яка моя доля погана! Я, вставше раненько, заходывся писать до васъ лыстъ оцей; тилько шо заходывся, а тутъ чортъ несе Ефрейтора (звичайно найнятого, шобъ дававъ знать, бо я живу теперъ не въ казармахъ): пожалуйте къ фельдфебелю. Треба було лыстъ покинуть, а сегодня почта отходыть. То сякъ, то такъ ублагавши фельдфебеля, вернувся я до хаты и захожуюся знову, а часы беруця вже коло перщого, то выбачте, колы не все роскажу, що хотилося-бъ росказать, або що-небудь помилюся.

Подякуйте и вы за мене Илію Ивановыча за його благородную щидроту, а мени Бога-для выбачте! А якъ що трапыця мыни ще що небудь прислать до васъ, то пидпысуйте вы сами мою фамилію, *цинброю*, бо мени не можна.

Усе, що вы зъ ласки своеи послалы, я получивъ. И *Өому Кемпейского* получивъ. Спасыби тому доброму Михайлови [3]), шо винъ таки мене не забувае. Якъ шо вы знаете його адресъ, то пошлить йому оцей лысточокъ, а якъ ни, то одишлить В. Н.,—вона певне знае.

Спасыби вамъ за вси ваши блага! Не забувайте безталанного

Т. Ш.

---

[1]) Киноварью.

[2]) И. И. Лизогубъ, братъ адресата.

[3]) Вѣроятно—М. С. Щепкину.

До 1-го мая адресъ мій той самый, а тамъ здаеця треба буде знову мовчать.

Сообщ. **В. Н.**

По поводу одной записочки Т. Г. Шевченка. Въ статьѣ «Русскіе писатели въ ихъ перепискѣ» (Русск. Мысль, 1902 г., № 12) напечатана записка Т. Г. Шевченка, какъ предполагаетъ авторъ статьи, къ М. С. Щепкину въ маѣ 1853 года. При этой запискѣ Шевченко посылалъ свой Кобзарь А. И. Герцену за границу. Подлинникъ записки находится въ альбомѣ автографовъ А. И. Герцена, хранящемся теперь въ Лозаннѣ у проф. А. А. Герцена. Текстъ записки слѣдующій.

«Посылаю вамъ экземпляръ «Кобзаря», на всякій случай безъ надписи. Передайте А. И. съ моимъ благоговѣйнымъ поклономъ. Во имя Божее найдить та пришлить мени оти прокляти рушики (??), а то вони чортови дочки мени спать не дають. Чи будете вы сегодня въ четвертомъ часу дома»?

Этотъ текстъ самъ собой опровергаетъ данныя къ нему авторомъ статьи комментаріи. Во 1-хъ, эта записка не могла быть писана въ 1853 году, т. к. въ это время Шевченко былъ въ Новопетровскѣ и потому не могъ спрашивать Щепкина, находившагося въ Москвѣ, будетъ-ли онъ въ 4 часа дома. Если эта записка писана къ Щепкину, то вѣрнѣе всего въ 1858 году въ Петербургѣ, куда послѣдній пріѣзжалъ на нѣсколько дней въ маѣ мѣсяцѣ. Впрочемъ, мы сомнѣваемся въ томъ, чтобы адресатомъ этой записки былъ Щепкинъ: записка писана на *вы*, а извѣстно, что Шевченко съ Щепкинымъ всегда переписывался на *ты*. Интересно было бы знать, какой Кобзарь посылался при этой запискѣ; вѣдь до 1860 г. только и были изданія 1840 г. и 1844 г. Не вѣрнѣе-ли предположить, что Шевченко посылалъ Герцену новое изданіе Кобзаря, вышедшее въ Петербургѣ въ 1860 году, когда, вѣроятно, и писана была эта записка? [1]) Жаль также, что въ текстѣ записки одно слово не разобрано, почему и напечатано какое-то несуществующее слово *рушики;* трудно догадаться, о чемъ идетъ рѣчь.

---

[1]) Подтвержденіе этому предположенію находимъ въ слѣдующей замѣткѣ, гдѣ указывается что такой экз. „Кобзаря“ былъ посланъ А. Гончаренку въ Лондонъ.

Неосуществившійся проектъ Общества распространенія сельскохозяйственныхъ знаній въ Малороссіи. Въ самомъ началѣ 1860-хъ годовъ интеллигентные малороссы, группировавшіеся въ Петербургѣ вокругъ редакціи «Основы», не мало прилагали заботъ о просвѣщеніи только что освобожденнаго въ то время отъ крѣпостной неволи народа въ Малороссіи. Извѣстны ихъ старанія объ изданіи книгъ на народномъ языкѣ, о распространеніи популярныхъ брошюръ по разнымъ научнымъ отраслямъ, объ учрежденіи школъ и т. под. Но намъ не приходилось встрѣчать указаній объ ихъ попыткѣ организовать правильное Общество для развитія и распространенія въ Южной Россіи ремеслъ и сельскохозяйственныхъ знаній. Проектъ устава этого Общества найденъ нами въ бумагахъ покойнаго А. М. Лазаревскаго; приводимъ изъ него наиболѣе существенные параграфы. «Цѣль Общества есть развитіе и распространеніе въ южно-русскихъ губерніяхъ ремеслъ и сельскохозяйственныхъ знаній посредствомъ учрежденія въ наиболѣе нуждающихся мѣстностяхъ и гдѣ это признается удобнѣйшимъ такого рода школъ, въ которыхъ, подъ руководствомъ назначенныхъ Обществомъ лицъ, желающіе могли бы изучать различныя, наиболѣе необходимыя въ сельскомъ быту ремесла, улучшенное земледѣліе, садоводство, пчеловодство и другія сельскохозяйственныя знанія, а также чтеніе, письмо и первыя правила ариѳметеки, насколько сіе необходимо для производства ремеслъ или же для усовершенствованія и развитія усвоенныхъ уже прежде ремеслъ и знаній. Каждая изъ такихъ школъ устраивается по возможности на собственныхъ земляхъ, какія пріобрѣтаетъ Общество на свое имя, и снабжается по его усмотрѣнію благонадежными мастерами, учителями, инструментами и необходимыми матеріалами. Ученики, оказавшіе по какой-либо части дарованія, могутъ быть на счетъ Общества помѣщаемы въ другія существующія заведенія для полученія высшаго техническаго или же общаго образованія. Обученіе въ школахъ Общества производится безплатно; содержаніе ученикамъ дается также безвозмездно. Никакія тѣлесныя или другія унизительныя наказанія въ этихъ школахъ не допускаются. Надзоръ за обученіемъ, нравственностью, хозяйственностью, распорядительною и счетною частями школъ ввѣряется назначеннымъ отъ Общества лицамъ, которыя обязаны въ опредѣленные сроки представлять отчетность». Въ члены Общества могъ вступить каждый желающій съ обязательнымъ взносомъ не ме-

нѣе 12 рублей ежегодно. Далѣе идутъ обычные параграфы о Правленіи, общихъ собраніяхъ и т. под.

О томъ, какія именно лица были учредителями этого Общества, можно лишь отчасти догадываться по двумъ запискамъ, оказавшимся въ общемъ пакетѣ съ копіей устава. Обѣ онѣ найдены въ запечатанныхъ конвертахъ съ надписями: „Распечатать по утвержденіи правительствомъ Общества распространенія ремеслъ въ южнорусскомъ краѣ". Въ первой запискѣ значится: «Въ громаду. Если бы Общество было утверждено правительствомъ, то при выборѣ членовъ правленія и кандидатовъ, по случаю моего отъѣзда изъ Петербурга, я предлагаю къ выбору гг. Симонова, Коховскаго, Кистяковскаго, Каменецкаго, Лебединцева и Червякова; въ случаѣ же кто-либо изъ этихъ лицъ не могъ бы принять обязанности, то право своего голоса во всѣхъ совѣщаніяхъ Общества передаю В. М. Бѣлозерскому". Подпись: „коллежскій совѣтникъ Михаилъ Лазаревскій". Въ другомъ конвертѣ оказалась совершенно такая же записка губ. секретаря Семена Черноголовкина, въ которой онъ, по случаю отъѣзда изъ Петербурга, передаетъ свой голосъ Матвѣю Терентьевичу Симонову.

Судя по этимъ запискамъ, слѣдуетъ заключить, что уставъ Общества былъ представленъ въ министерство на утвержденіе и таковое ожидалось со дня на день; но, очевидно, уставъ не былъ утвержденъ. и довѣрительныя записки уѣзжавшихъ членовъ-учредителей такъ и пролежали нераспечатанными до нашихъ дней.

О. Л.

Преданія жителей мѣст. Мѣляновичи, волынской губ.— 1) Съ южной стороны мѣстечка «Мѣляновичи», находящагося въ ковельскомъ уѣздѣ, волынской губ., есть небольшіе песчаные холмики, извѣстные подъ названіемъ на мѣстномъ языкѣ: „*Билый-Грудъ*". Объ этомъ Биломъ-Грудѣ жители Миляновичъ отъ поколѣнія въ поколѣніе передаютъ сказаніе легендарнаго характера, что какая-то знаменитая *Анна* объѣхала весь свѣтъ и нигдѣ не могла уснуть. Когда же пріѣхала на Билый-Грудъ, то лошади ея остановились, и она уснула крѣпкимъ сномъ. Въ память такого пріятнаго отдыха, Анна назвала это мѣсто *милымъ*, отчего и возникшее здѣсь мѣстечко названо *«Миляновичи»*.—Эта же самая таинственная *Анна* своимъ могущественнымъ словомъ удалила изъ «милаго мѣста» всѣхъ ядовитыхъ гадовъ на такое

разстояніе, на какое слышенъ гулъ Миляновичскаго колокола. И дѣйствительно, по странной случайности, въ окрестностяхъ Миляновичъ не водятся не только ядовитые гады, но не попадается даже ужъ, несмотря на то, что мѣстность эта вообще низменная, лѣсистая и болотистая.

2) На разстояніи 2—$2^1/_2$ верстъ отъ упомянутаго Билаго-Груда, на западъ, находится курганъ, какъ видно, ничѣмъ не отличающійся отъ тѣхъ, которыми тамъ изобилуетъ нашъ южный край. Жители Миляновичъ связываютъ съ этимъ курганомъ слѣдующую легенду: одинъ маловѣрный мѣщанинъ, объясняя по своему значеніе слова *«Велыкъ-день»*, которымъ, какъ извѣстно, малороссы называютъ день святого Христова Воскресенія,—былъ того мнѣнія, что этотъ день называется такъ потому, что онъ длиннѣе всѣхъ дней въ году. Свое мнѣніе онъ рѣшилъ доказать тѣмъ, что въ день Пасхи отправился на поле пахать—въ полной увѣренности, что въ этотъ день онъ вспашетъ очень много. Но едва онъ успѣлъ нѣсколько пройти съ плугомъ по полю, какъ разверзлась земля и приняла его въ свои нѣдра вмѣстѣ съ волами, погонычемъ и собачкою. Почти всякій мѣщанинъ и въ настоящее время увѣряетъ, что если на Велыкъ-день, во время благовѣсти къ заутрени, приложить къ этому кургану ухо, то можно явственно слышать, какъ этотъ несчастный пахарь, обреченный за свой противо-христіанскій поступокъ пахать до самаго страшнаго суда,—кричитъ на воловъ и какъ лаетъ собачка. Говорятъ, что когда-то какой-то смѣльчакъ слыхалъ все это въ указанное время; но изъ современныхъ мѣщанъ не оказывается такого смѣльчака: всякій опасается, чтобы и съ нимъ не случилась подобная печальная исторія... Да и кто, въ самомъ дѣлѣ, рѣшится въ такой важный день оставить храмъ Божій и идти на курганъ?! Такое геройство весьма рискованно, потому что, по мнѣнію многихъ, на этомъ курганѣ имѣютъ притонъ нечистые духи. Въ этомъ будто бы убѣдился не одинъ, сбившійся съ дороги ночью и въ большинствѣ случаевъ пріѣзжавшій или приходившій къ наводящему ужасъ кургану и кружившійся подлѣ него.

Записалъ въ 1883 г. уроженецъ мѣстечка Миляновичъ *Вас. Логвиновичъ.*

Примѣчаніе. Замѣтка эта сообщена намъ г. *Вас. Логвиновичемъ* еще въ 1884 г.—Мѣстечко *Миляновичи* связано съ памятью о *князѣ Курбскомъ на Волыни.* Изложенныя въ замѣткѣ этой преданія не

были извѣстны *Н. Д. Иванишеву* и не нашли мѣста въ его книгѣ: «Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни». Кіевъ, 1849 г. *два тома*,—гдѣ онъ, описывая Миляновичи, сообщаетъ, между прочимъ, и разныя существующія у мѣстныхъ жителей старинныя преданія.

Л. М.

Замѣтка о харьковскомъ архіепископѣ Мелетіи Леонтовичѣ и о мѣстахъ первоначальнаго его образованія. Въ объемистомъ сочиненіи преподавателя Харьковской д. семинаріи С. И. Булгакова—подъ названіемъ: «Настольная книга для священно-церковно-служителей. Изданіе второе, Харьковъ 1900 г.»,—въ отдѣлѣ *Историко-статистическомъ*, приложенномъ въ концѣ, имѣющемъ свой особенный счетъ страницъ,—мы встрѣтили на стран. 103, при описаніи монастырей харьковской епархіи, слѣдующую интересную замѣтку объ архіеп. *Мелетіи Леонтовичѣ*: «*Покровскій М-рь*, каѳедральный, въ Харьковѣ. Основанъ въ 1726 г. Въ 1799 г. обращенъ въ Архіерейскій домъ. Въ пещерной церкви Архіерейскаго дома нетлѣнно почиваетъ тѣло святителя Мелетія, архіеп. харьковскаго и ахтырскаго. Онъ оставилъ по себѣ вѣчную память своею подвижническою жизнію, своею кротостію и милосердіемъ, своимъ нестяжаніемъ и постничествомъ. Еще при жизни проявились въ немъ особые дары благодати Божіей, и по кончинѣ его многіе прибѣгаютъ къ помощи его св. молитвъ и получаютъ просимое. Онъ скончался въ 1840 г.. *Послѣ него остались поученія на малороссійскомъ нарѣчіи*». Это послѣднее извѣстіе *(о малороссійскихъ поученіяхъ Мелетія)* мы встрѣчаемъ здѣсь въ первый разъ, хотя раньше и читали подробныя біографіи, напр. составленную въ 1861 г. *Кулжинскимъ*, бывшимъ редакторомъ-издателемъ журнала *Благовѣстъ* въ Харьковѣ. Поученія архіеп. Мелетія, конечно, еще въ рукописи. Интересно бы знать пообстоятельнѣе, гдѣ или у кого онѣ хранятся. И какъ это вышло, что такое сокровище держится еще доселѣ подъ спудомъ? Во всякомъ случаѣ, извѣстіе, сообщенное С. И. Булгаковымъ, требуетъ еще подтвержденія. Но оно—не невѣроятно. Архіеп. *Мелетій Леонтовичъ* былъ малороссъ и горячо любилъ свою родину. Онъ воспитывался въ той же духовной семинаріи, что и авторъ «Малорусской Энеиды» *Котляревскій*. Семинарія эта учреждена была для Но-

вороссіи (скоро послѣ учрежденія Епархіи для этой послѣдней въ 1775 г.)—въ Полтавѣ, ибо и Полтава, при Екатеринѣ II, вмѣстѣ со всѣми сотнями Полтавскаго полка, была отчислена къ Новороссіи и только по смерти Екатерины, при импер. Павлѣ, опять возвращена была Малороссіи (См. „Собраніе сочин. *М. П. Максимовича*"—томъ II, стр. 364-я). Кстати, скажемъ пока хотя нѣсколько словъ объ упомянутой духовной семинаріи. Находясь въ Полтавѣ—при каѳедрѣ новоучрежденной для Новороссіи епархіи (каѳедра эта была при нынѣшнемъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ), она, естественно, слыла въ обществѣ подъ именемъ Полтавской, но оффиціально и по бумагамъ всегда называлась по имени своей епархіи—именно, сначала—*Славенскою Семинарію* (почти до конца 1787 г.; вотъ въ этотъ періодъ и учился въ ней Котляревскій..), а потомъ—до конца 1797 года—*Екатеринославскою* семинарію (вотъ въ это время и началъ учиться въ ней Мелетій Леонтовичъ). На долю этой достопамятной семинаріи выпало несчастье—*не быть узнаваемой* нашими историками. Именно, такъ какъ она находилась въ Полтавѣ, то одни, допуская анахронизмъ, смѣшиваютъ ее съ Переяславской семинаріей, которая, дѣйствительно, тоже называлась Полтавской, но только съ 1802 г., т. е. со времени учрежденія нынѣшней полтавской губерніи, а съ нею и епархіи,—смѣшиваютъ, говоримъ,—и безразлично называютъ воспитанниками полтавской семинаріи и Котляревскаго, и Гнѣдича, и Ос. Макс. Бодянскаго, и К. Д. Дмитрашкова [1])...—Другіе же, на томъ основаніи, что она называлась по документамъ „Екатеринославской",

---

[1]) Только недавно новый біографъ Котляревскаго, г. Ив. Стешенко категорически заявилъ что „семинарія, въ которой былъ знаменитый авторъ" „Перелыцёванной Энеиды" *не есть* Полтавская семинарія, *бывшая въ Переяславѣ*... (См. „*Научное Обозрѣніе*" 1901 г. августъ). Ну—слава Богу, наконецъ-то!—Но все-таки и послѣ такого заявленія г. И. Стешенко характеризуетъ семинарію Котляревскаго не на основаніи чертъ ея собственной жизни, а на основаніи быта семинаріи *Переяславской!* Всѣ, дескать, семинаріи были на одинъ ладъ,—думаетъ г. Стешенко,—и кромѣ пресловутой схоластики, латыни и сѣченія онъ ничего не видитъ и не знаетъ относительно семинаріи, воспитавшей Котляревскаго... Но уже самое названіе этой семинаріи достойно вниманія.. Въ самомъ дѣлѣ—родоначальникъ новѣйшей малорусской литературы вышелъ изъ семинаріи—*Словенской!*.. Вѣдь это очень знаменательно.

ищутъ ее—въ періодъ 1787—1797 гг.—въ нынѣшнемъ городѣ Екатеринославѣ, хотя въ этотъ послѣдній она перешла только въ 1803 г., при императ. Александрѣ 1-мъ (и здѣсь-то уже кончалъ курсъ Мелетій Леонтовичъ) и перешла не изъ Полтавы, а уже изъ Новомиргорода (нынѣшн. уѣзднаго города херсонской губ.), гдѣ она, изгнанная при имп. Павлѣ изъ Полтавы, просуществовала нѣсколько лѣтъ (съ 1797 по 1803 г.), пріютившись вмѣстѣ съ архіерейской каѳедрой въ бывшемъ домѣ генерала Текелія (разорителя Запорожской Сѣчи), и нося вмѣстѣ съ этой каѳедрой въ продолженіи этого времени еще новое—уже третье по счету—названіе *Новороссійской*, данное импер. Павломъ, хотѣвшимъ, по извѣстнымъ причинамъ, вырвать съ корнемъ названіе *Екатеринославскій,* высказавшимъ поэтому свое неблаговоленіе и къ г. Екатеринославу, переименовавши его въ *Новороссійскъ* и уничтоживши всѣ тѣ предначертанія Потемкина и Екатерины II, которыя имѣли сдѣлать изъ Екатеринослава третью столицу имперіи... Таковы-то судьбы *Словенской* и *Екатеринославской семинаріи въ Полтавѣ*, давшей Россіи такихъ писателей, какъ Ив. Ив. Мартыновъ (извѣстный переводчикъ греческихъ классиковъ) и Ник. Ив. Гнѣдичъ, а Малороссіи—такого писателя, какъ Ив. П. Котляревскій.—Но все это на столько важно и интересно, а вмѣстѣ съ тѣмъ настолько запутанно и сбивчиво (не даромъ вводились и еще вводятся въ заблужденіе наши историки!), что требуетъ болѣе подробнаго разъясненія, съ приведеніемъ болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній объ этой замѣчательной семинаріи, чтó мы, если Богъ дастъ, и не преминемъ сдѣлать...

Л. М.

По поводу стихотворенія, приписываемаго С. Руданскому. Въ 12 № «Кіевской Старины», Документы и изв., на стр. 155 напечатано стихотвореніе „Тамъ де Горынь...", приписываемое Руданскому. Это очень сомнительно: стиль вовсе не его, хотя, разумѣется, возможно, что Руданскій въ данномъ случаѣ отступилъ отъ своей обычной манеры.

Но та редакція пѣсни, которая напечатана въ «Кіевской Старинѣ», не вполнѣ исправна, и въ ней есть пропускъ. Пѣсня эта была въ большомъ ходу въ Нѣжинѣ въ 60-хъ годахъ и мы, студенты лицея кн. Безбородко, тоже ее постоянно пѣли. Память хорошо сохранила мнѣ и слова, и напѣвъ, довольно сложный и имѣющій, какъ мнѣ ка-

жется, польскій колоритъ. Если мнѣ удастся найти здѣсь лицо, которое сумѣло бы записать мотивъ съ моего напѣва, то я припомню и напѣвъ, а пока прилагаю слова пѣсни.

Тамъ де Горинь розислався,
Тамъ я бувъ щаслывый;
Тамъ край гарный, тамъ край мылый,
Тамъ я въ першый разъ кохався,
Тамъ дивчыну я побачывъ
На викъ волю втратывъ.
　　Полюбывъ я дивчыноньку
　　Ясну, якъ зироньку;
　　Въ свити кращои немае,
　　Краща всихъ квиточкивъ въ гаю:
　　Биле лычко, чорни бровы,
　　Косонькы шовковы.
Ворогы насъ розлучылы
На викъ погубылы...
Чомъ же сонечко ясненьке
Свитыть та не гріе,
Чомъ же серденько бидненьке
Ные та боліе.
　　На часокъ хочъ засміюся
　　Зновъ гирко заплачу.
　　Цилый день на шляхъ дывлюся:
　　За сто мыль, здается, бачу,
　　Якъ голубка прожывае,
　　(или: Що голубка поробляе)
　　Що вона гадае.
Чорна хмара наступыла
Тай сонце закрыла;
Горе жъ мени, горе-лышко,
Що марніе биле лычко
И що плачуть чорни очи
Що-дня та що-ночи.

А. Маркевичъ.

Стих. А. Г. Станиславскаго. П. А. Зеленый, одесскій городской голова, сообщилъ намъ стихотвореніе «Козакъ на чужбыни», найденное имъ въ старыхъ бумагахъ. По его словамъ, стихи эти, положенные кѣмъ-то, быть можетъ самимъ авторомъ, на ноты, въ 40-хъ и 50 годахъ были въ модѣ среди кіевскаго студенчества и распѣвались на всѣхъ вечеринкахъ и собраніяхъ украинской молодежи. Написаны они студентомъ Кіевскаго университета А. Г. Станиславскимъ, бывшимъ впослѣдствіи, въ 60-хъ годахъ, профессоромъ Харьковскаго универс. по каѳедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія и римскаго права. Лично знавшіе его отзываются о немъ, какъ о чрезвычайно даровитомъ профессорѣ, прекрасномъ человѣкѣ и съ симпатіями къ украинству. Между прочимъ онъ положилъ на ноты стихотвореніе

Текла ричка невелычка,
Тай понялась моремъ...

Умеръ А. Г. Станиславскій въ 1883 году, будучи профессоромъ Казанскаго университета.

Козакъ на чужбыни.

(Писня).

Летыть орелъ по-пидъ небомъ,
Жалибно голосыть,
Козакови на чужбыни
Вистонькы прыносыть.

«Ой орле мій сызокрылый,
Чы добре чуваты,
Чы ще жыва моя ненька
Старесенька маты»?

— Ой вже жъ тоби старенькои
Ненькы не выдаты:
Поховалы стару неньку
Въ садку биля хаты?

«Чы жывъ ще мій старый батько,
Та що поробляе?»
— Старый батько горилочку
И медъ попывае!

«Сестра жъ моя риднесенька
Чы за мною тужыть?»
— Пропывъ іи старый батько,
У жыдовы служыть!

«Чы ще жъ моя Джюба-люба
За мною жалкуе»?
— Ой вже жъ твоя Джюба-люба
Зъ хлопцямы жартуе!

Похылывся колосъ въ землю,
Тыхый витеръ віе;
Зажурывся козаченько,
Бо серденько ные.

Зажурывся козаченько,
Тай думку гадае:
«Летивъ бы я до-домоньку.
Та крылець немае!»

«Визьмы жъ мене, сызый орле,
Я жъ тутъ пропадаю».
— Ой радъ бы я тебе взяты,
Такъ сылы не маю!

Летыть орелъ по-пидъ небомъ,
Жалибно спивае,
Козакови слёзы льются
Козакъ не втырае!

Студентъ Кіевскаго университета *Ант. Гр. Станиславскій.*

Два письма О. М. Бодянскаго и П. А. Кулиша, къ Г. П. Галагану. Подлинники настоящихъ писемъ Кулиша и Бодянскаго къ Г. П. Галагану хранятся въ архивѣ коллегіи П. Галагана; свидѣтельствуя о близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ означенныхъ лицъ къ учредителю коллегіи П. Г., письма эти кромѣ того указываютъ и на то, что Г. П. любилъ иногда перемолвиться съ пріятелями и на родномъ украинскомъ языкѣ. Содержаніе писемъ, къ сожалѣнію, нѣсколько неясно по своимъ намекамъ. Письмо Бодянскаго отличается присущимъ этому малорусскому «сказочнику» юморомъ.

1.

А що, Грыцьку чы не часъ лышень до Кыёва оглобли повернуты? О, добре бъ було, дуже добре перекынуться тоби черезъ Днипрякъ на Риздвяныхъ, та, якъ кажуть то, побалакаты зъ дужшымы насъ, щобъ тамъ, якымъ побытомъ, чужее на свое повернуты, Пырятынъ на Прылуку. Идь же! колы не мылюсь, тоби обищалы жинку за чоловика, якъ тилькы Носенко зъ носомъ не стане? А отъ же не тилькы зъ носомъ, але й зъ потрохамы може ёго вынесло зъ Прылукы! Дакъ ничого жъ выляты, кажу швыдчій на коняку та до шляху. А тамъ, колы наша взяла, зробышся паномъ у себе дома, та ще й на господи, будь ласкавъ, пане добродію, не побрезгуй моимъ братягою, що знай все дальше лизе одъ батькивськыхъ злыднивъ, котри безъ ёго розійдутся якъ той лыстъ по води, або роса по трави. У Прылуци бъ ёму було, мабуть, краще и теплише, нижъ у Бога за дверьмы. А тоби, колы переведешся, сюю капистъ зробыты, що чоловикови плюнуты. Будь ласкавъ же, пане земляче, одмирь прыгоршнею козакови, щобъ тоби Богъ святый одмирывъ обома!

Бувай здоровъ, та не забувай щырого твого земляка

Иська Бодянського.

Року 1847, декабря 14-го. У Москви.

2.

Вельможному пану

Григорію Павловичу Галагану

Одъ Кулиша.

Давъ я слово, и здержавъ бы ёго, та не така Божа воля: пани моя занедужала, и колы одужае, не знаю. Не здывуйте и не осудите. Чого не перемовылы на словахъ, можна на письми докинчаты. Теперъ заходять у Васъ весилля, то гуляйте на здоровье, а мене не ждить у господи. Треба вже буде поспишаты простымъ шляхомъ до Гоголихи, щобъ и тамъ свого слова не зневажыты

Щыро прыхыльній зъ велыкою шанобою П. Кулишъ.

1857. сент. 2.

Сообщ. **А. Степовикъ**.

Текущія извѣстія.

Англійскій журналъ объ украинской литературѣ. Намъ доставленъ № 3924 (отъ 10 января) англійскаго журнала «The Athenaeum», въ которомъ находимъ небольшую, но весьма обстоятельно и интересно написанную статью объ украинской литературѣ. Статья посвящена собственно разбору сборника «Викъ», но попутно касается также и другихъ украинскихъ книгъ, вышедшихъ въ послѣднее время и, очевидно, хорошо знакомыхъ неизвѣстному автору статьи, не подписавшему своего имени.

Авторъ опредѣляетъ прежде всего площадь, занимаемую украинскимъ народомъ, и его численность, и ограничившись нѣсколькими вскользь брошенными замѣчаніями объ историческихъ судьбахъ Украины, переходитъ къ литературѣ, начиная, конечно, съ Котляревскаго. Поэзія Котляревскаго, по мнѣнію неизвѣстнаго автора, есть via media между классицизмомъ и романтизмомъ; значеніе его состоитъ въ томъ, что онъ первый «имѣлъ смѣлость» любить и ввести въ литературный обиходъ языкъ, до того времени остававшійся почти чуждымъ литературной обработкѣ. Выразивъ сожалѣніе по поводу того, что условія мѣста не позволяютъ ему познакомить своихъ читателей съ отрывками изъ «Энеиды», авторъ переходитъ къ Шевченку, который является для него самой крупной фигурой въ украинской литературѣ. Изложивъ довольно обстоятельно біографію нашего Кобзаря, онъ характеризуетъ его, какъ одного изъ «дѣтей солнца, кровь которыхъ—огонь», отмѣчаетъ музыкальность и выразительность его произведеній, ихъ народность и любовь автора къ прошлому и настоящему родного народа. Свои замѣчанія авторъ иллюстрируетъ переводомъ на англійскій языкъ двухъ отрывковъ изъ Шевченка, которые мы здѣсь для образца и приводимъ:

I will praise
These poor dumb slaves,
And as a quad round them
I will place the free Word! [1])

—

[1]) Возвеличу малыхъ отыхъ рабивъ нимыхъ...

When j die the steppe around me
Shall enfold my grave:
Lay me in my own loved Ukraine.
That is all j crave.
Let me see the Dnieper rushing
Where broard grasses ware:
Let his beetling banks be near me:
Let me hear him rave [1]).

Изъ другихъ писателей нашихъ авторъ останавливается на произведеніяхъ Кулиша, Стороженка, Ганны Барвинокъ, Конисскаго, Руданскаго (стихотворенія послѣдняго онъ предлагаетъ перевести на одинъ изъ діалектовъ англійскаго языка—Ланкаширское нарѣчіе), Федьковича, Франка, Гринченка и Крымскаго, посвящая каждому изъ названныхъ писателей по нѣскольку строкъ вѣрныхъ и мѣткихъ замѣчаній. Общая характеристика, сдѣланная неизвѣстнымъ авторомъ, также заслуживаетъ вниманія. «Намъ доставила,—говоритъ онъ,—удовольствіе такая страсть къ свободѣ, которую должно быть порождаетъ степь, и народные разсказы, въ которыхъ жизнь народа занимаетъ такое значительное мѣсто... Къ сожалѣнію,—продолжаетъ онъ,—въ Англіи въ настоящее время повѣсть, трактующая о жизни крестьянъ, не пользуется популярностью, какъ прежде. Но во всякомъ случаѣ эти разсказы заслуживаютъ того, чтобы ихъ прочесть, и показываютъ, какъ хорошо развитъ языкъ». Приведенный нами отзывъ свидѣтельствуетъ, что авторомъ статьи является лицо, безъ сомнѣнія хорошо знакомое съ украинской литературой, и хотя въ статьѣ его и найдется нѣсколько мелкихъ недочетовъ и промаховъ, тѣмъ не менѣе въ общемъ она дастъ англійскому читателю вѣрное и безпристрастное сужденіе о нашей литературѣ. Фактъ появленія такой статьи въ англійскомъ журналѣ для насъ тѣмъ болѣе пріятенъ, что даже и болѣе близкія къ намъ литературы (напримѣръ, русская) рѣдко дарятъ насъ своимъ вниманіемъ, обходя обыкновенно нашу литературу молчаніемъ, или же ограничиваясь въ лучшемъ случаѣ краткими замѣтками, а въ худшемъ—достаточно выразительными обвиненіями въ сепаратизмѣ и чуть ли не въ измѣнѣ...

---

[1]) Якъ умру, то поховайте...

Украинскій языкъ въ Комитетахъ Особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйств. промышленности. Въ свое время нами былъ отмѣченъ фактъ возбужденія цѣлымъ рядомъ мѣстныхъ комитетовъ ходатайствъ о допущеніи преподаванія въ народныхъ школахъ на мѣстныхъ языкахъ. Намъ доставлены въ настоящее время «Докладъ редакціонной комиссіи Лохвицкаго уѣзднаго комитета» (Лохвица, 1902) и «Журналы и доклады Хотинскаго уѣзднаго комитета» (Хотинъ, 1902), почему мы имѣемъ возможность остановиться съ большею обстоятельностью на авторитетномъ голосѣ мѣстныхъ дѣятелей, считающихся съ насущными нуждами мѣстнаго населенія.

Хотинскому комитету былъ представленъ по данному вопросу обстоятельный докладъ г. Немоловскимъ, напечатанный на стр. 19—29 названныхъ «Журналовъ и докладовъ». «Въ школахъ съ инородческимъ населеніемъ,—говоритъ въ своемъ докладѣ почтенный авторъ доклада,—почти весь первый годъ обученія уходитъ на какое то лексическое знакомство съ русскимъ языкомъ, при чемъ, конечно, трудно и думать о преподаваніи другихъ предметовъ. Благодаря этому, общій объемъ свѣдѣній, даваемыхъ школой, значительно понижается въ количественномъ отношеніи»... «Но кромѣ того, пріобрѣтеніе знаній на языкѣ мало-понятномъ ведетъ и къ другимъ вреднымъ послѣдствіямъ,—читаемъ мы далѣе въ этомъ докладѣ,—а именно къ механическому усвоенію предмета путемъ памяти съ малымъ участіемъ ума, разсужденія, логики и безъ всякаго участія воображенія, фантазіи, ассоціаціи идей. Такимъ образомъ, высшіе и болѣе активные центры головного мозга частью атрофируются, частью не развиваются равномѣрнымъ образомъ, нарушая стройность психологическихъ отправленій. Печальными послѣдствіями такой системы школьнаго обученія являются, съ одной стороны, пониженіе количества знаній, а съ другой—отсутствіе любви къ знанію, добытому путемъ тяжелаго механическаго труда». Доказавши всю необходимость допущенія обученія на народныхъ языкахъ въ школахъ, посѣщаемыхъ инородческимъ населеніемъ, докладчикъ отмѣчаетъ печальные факты слабаго развитія у насъ грамотности, рецидивизма безграмотности и несочувствія къ школѣ со стороны отцовъ и матерей, «относящихся къ ней по настоящее время порой сдержанно, порой отрицательно». Причину этого печальнаго явленія онъ видитъ отчасти въ полнѣйшемъ игнорированіи мѣстныхъ языковъ и нарѣчій въ совре-

менной народной школѣ, а отчасти—въ тѣсно-связанномъ съ нимъ «изгнаніи и недопущеніи книгъ, напечатанныхъ на мѣстныхъ языкахъ, въ школьныя библіотеки». Вполнѣ справедливо замѣчаетъ г. Немоловскій, что чтеніе книгъ на малопонятномъ языкѣ дома безъ помощи учителя и затруднительно, и не можетъ доставлять удовольствія, «при необходимости напряженія вниманія и вдумчивости надъ отдѣльными словами и оборотами плохо усвоенной рѣчи». Мало того, такое чтеніе дѣлаетъ невозможнымъ «семейное, домашнее чтеніе, долженствующее столь благотворно дѣйствовать и на ученика, и на среду, его окружающую. Что прочтетъ школьникъ своему отцу, матери, своей сестрѣ, своему товарищу, которымъ даже слова молитвы Господней будутъ чуждыми и непонятными звуками?»... Отъ этихъ общихъ соображеній и разсужденій докладчикъ переходитъ къ частнымъ фактамъ, вполнѣ подтверждающимъ ихъ справедливость. Между прочимъ онъ отмѣчаетъ статистически провѣренный фактъ, что наименьшій процентъ рецидивизма безграмотности замѣчается среди новобранцевъ московскаго округа, значительно большій у призывныхъ харьковскаго округа и наибольшій въ кіевскомъ военномъ округѣ. Останавливается онъ также и на томъ странномъ явленіи, что въ губерніяхъ малороссійскихъ, бессарабской и т. д. открыто по приговорамъ волостныхъ и сельскихъ сходовъ и гораздо меньше библіотекъ, читаленъ и другихъ самообразовательныхъ учрежденій, чѣмъ въ центральныхъ губерніяхъ. Нельзя не согласиться съ объясненіемъ, которое даетъ этому на первый взглядъ загадочному явленію почтенный докладчикъ. «Ничѣмъ инымъ,—говоритъ онъ,—какъ отсутствіемъ жажды къ знанію, любви къ чтенію и самообразованію, которыхъ не можетъ привить народу современная школа во многихъ окраинахъ Россіи, нельзя объяснить этихъ печальныхъ фактовъ»...

Вполнѣ раздѣляя взглядъ г. Немоловскаго на роль мѣстныхъ языковъ въ народныхъ школахъ, отъ души присоединяемся къ его пожеланію, чтобы: 1) былъ допущенъ мѣстный языкъ, какъ средство и орудіе преподаванія въ народныхъ школахъ, 2) чтобы школьныя библіотеки были пополнены книгами на мѣстныхъ языкахъ и 3) въ частности, въ отношеніи украинскаго языка, чтобы былъ отмѣненъ «законъ $^{18}/_{30}$ мая 1876 г., запрещающій между прочимъ печатаніе и изданіе для народа книгъ популярно-научнаго и сельско-хозяйственнаго содержанія, воспрещающій также различныя сценическія представленія, народныя чтенія и даже печатаніе текста нотъ на украин-

скомъ языкѣ, которымъ говоритъ двадцать милліоновъ населенія Россіи».

На ту же точку зрѣнія сталъ и Лохвицкій уѣздный комитетъ. «Въ тѣсной связи съ вопросомъ о программѣ школьнаго образованія,—читаемъ на стр. 11—13 «Докладовъ редакціонной комиссіи»,—стоитъ вопросъ о языкѣ этого преподаванія. Въ настоящее время всѣ книги для первоначальнаго обученія и самый языкъ, на которомъ ведется преподаваніе во всѣхъ малороссійскихъ губерніяхъ—великорусскій, также, какъ и въ губерніяхъ великороссійскихъ. Между тѣмъ для громадной массы крестьянскихъ дѣтей Полтавской, Харьковской, Кіевской, Черниговской, Екатеринославской губерній языкъ великороссійскій не вполнѣ понятенъ, и дѣти, сверхъ обычныхъ трудностей усвоенія грамоты, должны преодолѣвать одновременно еще непомѣрную трудность усвоенія ея на языкѣ, не вполнѣ имъ понятномъ; они на первыхъ страницахъ букваря наталкиваются на совершенно непонятныя слова: «рига», «радуга»; встрѣчаютъ слова «соха», «товаръ», «луна», «дружина», «люлька» въ совершенно чуждомъ ихъ пониманію смыслѣ. При этомъ они должны выслушивать всѣ объясненія учителей на томъ же не вполнѣ понятномъ имъ языкѣ. Такимъ образомъ крестьянскія дѣти въ малороссійскихъ губерніяхъ поставлены по отношенію къ усвоенію ими начальнаго образованія въ условія гораздо худшія, чѣмъ дѣти губерній великороссійскихъ, и дѣйствительно, успѣхи ихъ въ общемъ гораздо ниже». Подкрѣпивъ это утвержденіе ссылкой на авторитетное мнѣніе знаменитаго педагога Ушинскаго, являющагося, какъ извѣстно, полнымъ сторонникомъ преподаванія на украинскомъ языкѣ, Лохвицкій комитетъ обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что книжки, изданныя для украинскаго народа даже на его территоріи (напр., Харьковскимъ Обществомъ грамотности) расходятся преимущественно въ великороссійскихъ губерніяхъ, а не украинскихъ. Крестьянинъ-украинецъ читаетъ гораздо меньше, чѣмъ великороссъ. «Если крестьянинъ-великороссъ—говоритъ предсѣдатель Харьковскаго Общества грамотности, профессоръ Багалѣй,—неохотно читаетъ книжки по сельскому хозяйству или медицинѣ, то поселянинъ-малороссъ *совсѣмъ отказывается* отъ нихъ и, слѣдовательно, лишается могучаго средства для поднятія своей сельско-хозяйственной культуры, для огражденія своего здоровья отъ бича болѣзней. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ безпристрастные наблюдатели констатируютъ фактъ слабаго культурнаго роста мало-

росса сравнительно съ другими народностями, живущими въ Россіи». Въ силу изложенныхъ основаній, Лохвицкій уѣздный комитетъ считаетъ весьма желательнымъ допущеніе преподаванія въ школахъ на украинскомъ языкѣ. При этомъ «естественной дополнительной мѣрой должно служить допущеніе къ печатанію книгъ и періодическихъ изданій на малороссійскомъ языкѣ, въ особенности книгъ по сельскому хозяйству и медицинѣ... Настаивая на этой мѣрѣ, Лохвицкій комитетъ только присоединяется къ тѣмъ ходатайствамъ и пожеланіямъ, которыя издавна заявлялись многими земствами».

Мы привели мнѣнія людей, стоящихъ близко къ народу и безъ сомнѣнія хорошо знакомыхъ съ его нуждами и потребностями. Эти безпристрастныя, самой жизнью продиктованныя мнѣнія еще лишній разъ показываютъ, въ какомъ направленіи долженъ быть у насъ рѣшенъ вопросъ школьнаго и внѣшкольнаго образованія народа. *Дать народу соотвѣтственную духовную пищу на доступномъ ему языкѣ*—въ этомъ, говоря кратко, и состоитъ рѣшеніе вопроса. Попытки такого рѣшенія давно составляютъ предметъ заботы украинскихъ народныхъ дѣятелей и даже въ настоящей книжкѣ нашего журнала читатель найдетъ сообщеніе объ одной изъ попытокъ такого рода (см. замѣтку «Предполагаемое украинское изданіе»). Необходимо, чтобы обстоятельства, мѣшающія осуществленію указанныхъ попытокъ, были, наконецъ, устранены, и людямъ, желающимъ трудиться для поднятія культурности въ народной средѣ единственно плодотворными средствами, была, наконецъ, предоставлена возможность перейти отъ словъ къ дѣлу.

Предполагаемое украинское изданіе «Кіевская Газета» (№ 16) сообщаетъ, что украинскими писателями г.г. Чикаленкомъ и М. Левицкимъ возбуждено предъ Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати ходатайство о разрѣшеніи издавать въ Кіевѣ еженедѣльный популярный журналъ на украинскомъ языкѣ—«Селянынъ», съ ежемѣсячными беллетристическими приложеніями. Предпріятіе г.г. Чикаленка и Левицкаго является не первой попыткой изданія популярнаго органа на украинскомъ языкѣ, но къ сожалѣнію всѣ дѣлавшіяся въ этомъ направленіи попытки не имѣли успѣха. Между тѣмъ дѣйствительность указываетъ на крайнюю необходимость подобнаго изданія; въ послѣднее хотя бы время цѣлый рядъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйствен-

ной промышленности констатировалъ крайнюю недостаточность знаній въ сельской средѣ и между причинами этой недостаточности подчеркнулъ отсутствіе популярныхъ книгъ на украинскомъ языкѣ. Упомянутый журналъ, редактируемый извѣстными популяризаторами, могъ бы до нѣкоторой степени заполнить существующій пробѣлъ и сдѣлаться проводникомъ знаній въ темной сельской средѣ. Нужно надѣяться поэтому, что подлежащія сферы обратятъ, наконецъ, вниманіе на крайнюю необходимость въ популярномъ органѣ и къ разрѣшенію его не встрѣтится препятствій.

Записка о кобзаряхъ и лирникахъ. По предложенію председателя бывшаго въ Харьковѣ XII археологическаго съѣзда графини П. С. Уваровой, проф. Н. Ѳ. Сумцовъ подробно мотивировалъ состоявшееся на съѣздѣ постановленіе о возбужденіи ходатайства о покровительствѣ кобзарямъ и лирникамъ, въ виду ихъ историческихъ заслугъ, какъ хранителей старинныхъ пѣсенъ и преданій. Докладная записка по этому поводу представлена въ предварительный комитетъ XIII археологическаго съѣзда, первое собраніе котораго назначено въ Москвѣ 4-го января. Въ запискѣ проведена та мысль, что отнесеніе традиціонныхъ народныхъ пѣвцовъ—кобзарей и лирниковъ—къ числу профессіональныхъ нищихъ и проистекающее отъ того ограниченіе ихъ дѣятельности представляется глубокимъ недоразумѣніемъ и большой несправедливостью въ приложеніи къ этимъ совершенно безпомощнымъ слѣпымъ людямъ, имѣющимъ за собой немаловажное историческое значеніе. («Волынь», № 2).

На выставкѣ историческихъ костюмовъ въ Петербургѣ. Украинскій отдѣлъ на первой международной выставкѣ историческихъ и современныхъ костюмовъ и ихъ принадлежностей законченъ. Присланныя на дняхъ изъ Чернигова вещи изъ Украинскаго музея (коллекціи Тарновскаго) размѣщены. Имѣются подлинныя гетманскія булавы (обыкновенная и походная); остатки старинныхъ матерій, употреблявшихся на плахты; подлинныя женскія одежды: кунтушъ дочери гетмана Апостола; портретъ В. Л. Кочубея, генеральнаго судьи, его судейская булава и его чернильница; старинные пояса польскаго и малороссійскаго образца; запорожское оружіе и т. п. Для любителей

украинской старины эти вещи, добытыя съ большимъ трудомъ изъ черниговскаго музея (собраніе В. В. Тарновскаго), представятъ несомнѣнно большой интересъ. («Бирж. Вѣдомости», № 6).

Публичныя лекціи по исторіи Украины. Г-номъ Фотинскимъ предложенъ въ Житомирѣ рядъ лекцій по исторіи украинскаго козачества. Программа лекцій, составленная подробно и широко, охватываетъ собою въ сущности всю исторію Украины со времени появленія на аренѣ исторической жизни козачества и до уничтоженія Запорожья и послѣднихъ остатковъ автономіи на Украинѣ. Главною своею задачею г. Фотинскій поставилъ выясненіе причинъ, какъ вызвавшихъ возникновеніе козачества, въ сословномъ смыслѣ, и способствовавшихъ его политической роли въ исторіи южной Руси, такъ и сдѣлавшихъ это сословіе историческимъ анахронизмомъ и приведшихъ къ его уничтоженію. Эти причины, по мнѣнію лектора, заключаются въ административномъ строѣ южной Руси въ литовско-польскую эпоху и въ обусловленныхъ имъ экономическихъ и религіозныхъ явленіяхъ. Выясненію этихъ внутреннихъ причинъ г. Фотинскій и отвелъ первое мѣсто въ своихъ лекціяхъ, излагая фактическую исторію козачества съ возможною краткостью и указывая для желающихъ подробнѣе ознакомиться съ исторіей лишь соотвѣтственную литературу предмета («Волынь» 1902 г., № 274).

Лекція по этнографіи Украины. 19-го января въ аудиторіи Историческаго музея въ Москвѣ Ѳ. С. Красильниковымъ прочтена публичная лекція «О Малороссіи и малороссахъ» по слѣдующей программѣ: Географическій очеркъ. Краткая исторія до присоединенія. Историческія пѣсни: любовныя, бытовыя, чумацкія. Лирники и кобзари. Характеръ малоросса, внѣшность его, одежда, жилище, пища, занятія, нравы и обычаи, свадьба, похороны, поминовенія, повѣрія и суевѣрія. Народные обычаи на Рождество, Новый годъ, Масленицу, Красную горку, Троицынъ день, Ивана-Купала и др. Чтеніе сопровождалось свѣтовыми картинами и исполненіемъ мотивовъ малорусскихъ пѣсенъ. Лекторъ изложилъ послѣдовательно историческіе моменты жизни Малороссіи, остановился на характеристикѣ малорусской музыки и пѣсенъ и далъ понятіе о народномъ бытѣ малороссовъ.

Доходъ отъ лекціи (около 200 руб.) назначается въ пользу учебной мастерской, бывшей прежде Пречистенскаго попечительства, а теперь самостоятельной, безплатно снабжающей 42-хъ бѣднѣйшихъ дѣвочекъ пищей, одеждой, обувью и пр. („Русск. Вѣдомости" № 14).

Шевченко въ опалѣ Въ № 239 газ. „Галичанинъ" въ корреспонденціи изъ Добромиля, сообщается, что 9 октября въ Тарнавѣ состоялся съѣздъ духовенства Добромильскаго деканата, на которомъ постановили: т. к. въ изданномъ Обществомъ „Просьвіта" полномъ собраніи сочиненій Шевченка нѣкоторыя стихотворенія (напр. „Иванъ Гусъ") „содержаніемъ своимъ сопротивляются (sic!) религійности (!) и нравственности" и т. к. эти сочиненія „прилѣжно" читаетъ школьная молодежь, „якъ мужеская, такъ и женская", а гимназическая молодежь, проникнутая „украинизмомъ" (sic!) и „люди злой воли", распространяютъ это изданіе среди простого народа, то въ результатѣ получается „развратъ" для молодежи и простонародія, а дѣятельность душепастырей сильно затрудняется. Въ виду этого добромильскій деканатскій съѣздъ проситъ обратить на этотъ предметъ должное вниманіе, „и якъ были запрещены книжечки „съ упавшимъ съ неба листомъ", такъ точно должны быть подвергнуты опалѣ и изданія Шевченка съ нерелигіозными и безнравственными стихотвореніями...

Явленіе не новое... Какъ извѣстно, чуть ли не съ первыхъ дней доступа сочиненій Шевченка въ болѣе широкіе круги галицкаго общества, противъ нихъ (сочиненій) изъ года въ годъ ведется кампанія въ опредѣленныхъ изданіяхъ. Тѣмъ не менѣе интересъ и уваженіе къ нимъ со стороны галицкихъ украинцевъ не только не уменьшается, но съ каждымъ днемъ все больше и больше растетъ, такъ что кампанія противниковъ остается безрезультатной. «Всуе бдѣ стрегій»...

Излишекъ заботливости или что-либо иное? Изъ канцеляріи Общества им. Михаила Качковскаго во Львовѣ, принадлежащаго партіи «твердоруссовъ», которое распространяетъ въ народѣ, въ читальняхъ им. Качковскаго, всевозможныя народныя изданія на томъ-же язычіи, на которомъ издается и газета «Галичанинъ» и др. изданія «твердоруссовъ»,—въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Краевую Школьную Раду от-

правлено письмо, въ которомъ просятъ послѣднюю обратить вниманіе на нѣкоторые отрывки въ учебникѣ «Руска Читанка для шкіл виділових, Львів, 1902», «несходныи съ педагогичными цѣлями народной школы и производящіи даже вредное вліяніе на сердце и умъ молодежи».

Конечно, всякій согласится съ тѣмъ, что школьные учебники, въ особенности учебники родного языка и литературы, должно составлять весьма умѣло, такъ, чтобы они могли давать здоровую пищу для дѣтскаго ума, развивать его духовныя силы, дѣйствовать на его воображеніе. А для этого они должны какъ можно ближе стоять къ дѣйствительной жизни, и знакомить ребенка съ реальными фактами жизни, не ограничиваясь лишь исторіями нравоучительно-поучительнаго и добродѣтельнаго характера, при полномъ игнорированіи отрицательныхъ явленій. Обратимся теперь къ инкриминируемымъ Обществомъ Качковскаго отрывкамъ и увидимъ насколько справедливы обвиненія, взведенныя на «Читанку».

«Въ названной Читанцѣ»,—читаемъ мы («Приложеніе къ Галичанину», ч.ч. 264 и 265»),—«въ уступѣ 17 идеализуется сельскій хлопакъ Проданъ, который играетъ найлучше на «сопівці», найлучше гудить на трембитѣ и на скрипцѣ, вытинаетъ «дрібненького», присвистуетъ, приспѣвуетъ и приговорюетъ, що ажъ хата ходитъ, «а як возьме яку в танець, то аж духу не стане». *Такого рода идеальный образецъ можетъ навести молодежъ лишь на дорогу легкомыслія* (?!)»... Члены Общества Качковскаго, повидимому, наивничаютъ,—они дѣлаютъ видъ, что «мужицкія» и другія дѣти воспитываются подъ стекляннымъ колпакомъ, вдали отъ суетнаго міра, и «легкомысленныя картины», подобныя цитированной, настолько чужды дѣтскому пониманію, настолько ему неизвѣстны, что одно лишь упоминаніе о нихъ въ книгѣ можетъ повести дѣтей «на дорогу легкомыслія».

Раздѣлавшись такъ съ «хлопакомъ Проданомъ», Общество приводитъ затѣмъ цѣлый рядъ выдержекъ или голословныхъ ссылокъ на страницы «Читанки», гдѣ, по его выраженію „поддостаточно эротики". Не угодно ли будетъ узнать, что слѣдующій отрывокъ изъ „Тополи" Шевченка—„есть также эротическаго содержанія»:

„Полюбила чорнобрива
Козака дівчина,
Полюбила—не спинила.

Як би знала, що покине,
Була б не любила.
. . . .
Там десь милий, чорнобривий
По полю гуляє,
А я плачу, літа трачу—
Його виглядаю"...

Эротическаго содержанія оказывается также и „Орыся" Кулиша... И вообще, всякія выраженія, въ которыхъ говорится, что „дивчына чорнявенька", глаза у нея „як тернові ягідки", „бровоньки—як на шнурочку"—все это „едва ли можетъ составлять спасительную лектуру для молодежи въ такомъ возрастѣ, когда у нея пробуждаются половыя страсти, которыи лишь могутъ вспламенитись подобными впечатлѣніями" (!). Дѣйствительно, это „si non é vero—é ben trovato!" Г.г. члены Общества, вѣроятно, не были бы обезпокоены, если бы о той же „дивчынѣ" говорилось, что глаза ея—„як у жаби", брови,—„як у рудоі миші" и т. п.! Необычайно цѣломудренные г.г. члены!!

Наконецъ, отрывокъ на стр. 219. „Храм у Сторонці"—„есть прямо богохульствомъ!" Обвиненіе слишкомъ серьезное, чтобы не остановиться на немъ. Оказывается слѣдующее: „церковныи праздники установлены въ память святыхъ и Угодниковъ Божіихъ и должны являтись моментами, въ которыхъ христіане имѣютъ наполнити свои сердца набожностію и направити свои чувства и мысль къ Богу и его закону. Между тѣмъ авторъ представляетъ праздникъ святый въ такомъ видѣ, якобы опредѣленіемъ его было, щобы дѣвчата и паробкы смѣялись, крутили, танцовали, ѣли, пили, и веселились". Ясное дѣло, что и въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, г.г. члены Общества прибѣгли попросту къ извѣстному пріему, инсинуаціей именуемому, и обо всѣхъ этихъ пустыхъ нападкахъ не стоило бы и говорить, если бы они не выходили изъ предѣловъ терпимаго вздора.. Но дѣло въ томъ, что съ этимъ вздоромъ обращаются за воздѣйствіемъ къ правительственному учрежденію и имѣютъ въ виду, достигнуть успѣха. Трудно повѣрить, чтобы «Краева Шкільна Рада», въ числѣ членовъ которой есть и украинцы, обратила какое-либо вниманіе на явно нелѣпыя обвиненія.

Новая эра въ „Обществѣ Качковскаго". «Общество Качковскаго», принадлежащее партіи «староруссовъ» и распространявшее до сихъ поръ въ основываемыхъ имъ читальняхъ для народа изданія на той неудобочитаемой смѣси, которую тѣмъ не менѣе, создатели и благотворители ея называютъ „русскимъ языкомъ", существующимъ будто бы въ Галичинѣ—въ настоящее время сдѣлало шагъ впередъ и изданія свои ведетъ на чисто русскомъ языкѣ, котораго, безъ сомнѣнія, въ Галичинѣ не существуетъ. Само собою разумѣется, если до сихъ поръ народъ въ изданіяхъ Качковскаго узнавалъ хотя отчасти родной языкъ, то въ нынѣшнихъ великорусскихъ брошюрахъ находитъ совсѣмъ ужъ мало родственнаго. Недавно въ Обществѣ Качковскаго, какъ сообщаетъ „Руслан" (№ 284), получено письмо одного крестьянина слѣдующаго содержанія: „посилаю 2 к(ороны), членский внос на рік 1902 і прошу присилати книжочки в нашой руской мові, бо діставем дві книжочки од общества одна Ніч перед Рождест., друга Іван Дурак не есть писані нашов мовов (?) нам таких не потрібно. Симеон Притула".

Вѣче въ Станиславовѣ (въ Галичинѣ). Стараніями филіи Общества „Просьвіта" состоялось 8 декабря въ Станиславовѣ вѣче, на которомъ, несмотря на будничный день, присутствовало болѣе 500 крестьянъ, нѣсколько десятковъ священниковъ и множество станиславскихъ мѣщанъ, и интеллигенціи. Вѣче открылъ о. Барышъ изъ Угринова рефератомъ „Про наше шкільництво", въ которомъ, остановившись вкратцѣ на ошибкахъ и недостаткахъ школьнаго дѣла въ Австріи, изобразилъ яркими примѣрами преслѣдованіе украинскаго школьнаго образованія въ восточной Галиціи, гдѣ умышленно стараются держать крестьянъ во тьмѣ съ своекорыстными цѣлями. Совершенная неправда, будто въ Галичинѣ украинскихъ народныхъ школъ больше, чѣмъ польскихъ, такъ какъ украинскія школы—по большей части—утраквистическія, и ребенокъ, пройдя курсъ такой школы, набиваетъ себѣ голову баснями о Кракусахъ и Вандахъ. Референтъ протестовалъ также противъ занесенія въ число Поляковъ тѣхъ Русиновъ, которые исповѣдываютъ латинскій обрядъ. Коснувшись средней школы, ораторъ справедливо замѣтилъ, что по своей численности Русины должны имѣть не $3^1/_2$ украинскихъ гимназій, но и 24 было бы мало, а Львовскій университетъ долженъ быть всецѣло украинскимъ. Въ концѣ референтъ обратился ко всему украинскому народу съ призывомъ къ борьбѣ за свои

исконныя права и къ просвѣтительной дѣятельности. Въ обсужденіи этого вопроса принимали участіе многіе изъ присутствующихъ, и между прочимъ М. Петрицкій предложилъ резолюцію съ требованіемъ отъ правительства основанія украинскаго университета во Львовѣ путемъ ежегоднаго открытія 5 каѳедръ („Руслан", № 268).

Украинскіе курсы въ Львовскомъ университетѣ. На филологическомъ факультетѣ Львовскаго университета по-украински въ настоящее время читаются слѣдующіе курсы: 1) проф. Грушевскій—исторія Литвы и Польши; 2) проф. Студынскій—исторія украинской литературы до конца XV в.; 3) проф. Колесса—исторія украинской литературы XIX в.; 4) проф. Кокоруздъ—украинскій языкъ и отличительныя черты его отъ польскаго. („Извѣстія по лит. наук. и библіогр." 1902 г., № 2).

Избраніе галицкаго ученаго въ Академію наукъ. Въ срединѣ декабря Академіей Наукъ избранъ въ члены-корреспонденты молодой галицкій ученый Володимиръ Гнатюкъ, редакторъ „Літературно-Наукового Вістника" и дѣятельный членъ и сотрудникъ „Наукового Товариства ім. Шевченка». Г. Гнатюкъ извѣстенъ многочисленными и солидными изслѣдованіями въ области украинской этнографіи и письменности, въ особенности касающимися почти не затронутой научными изслѣдованіями Угорской Руси.

Привѣтствуемъ по поводу избранія г. Гнатюка важный фактъ признанія Академіей Наукъ цѣнныхъ научныхъ заслугъ одного изъ талантливыхъ галицко-украинскихъ ученыхъ, сгруппировавшихся въ „Науковім Товаристві ім. Шевченка".

Первый Русинъ въ Палатѣ Господъ. Въ Австрійскую Палату Господъ, въ составъ которой входятъ принцы царствующаго дома, владѣтели майоратовъ, архіепископы (въ томъ числѣ и львовскій митрополитъ), а также по назначенію императора нѣкоторыя лица, оказавшія выдающіяся услуги церкви, государству, наукѣ и искусствамъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ истекшаго года назначенъ, какъ сообщаетъ «Руслан» (№ 276) между прочимъ первый (не считая львовскихъ митрополитовъ) русинъ Владиславъ Федоровичъ, владѣтель Викна

(Окна), Товстого, Шляхтинець и Черниховець (въ повѣтахъ Скалатскомъ, Збаражскомъ и Тернопольскомъ), оказавшій не мало услугъ для украинскаго національно-просвѣтительнаго и культурнаго развитія въ Галичинѣ. Въ 70 г.г. подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ украинскихъ дѣятелей въ особенности Василія Ильницкаго, онъ отдался дѣятельности просвѣтительной и культурной. Въ «Правді» было помѣщено его изслѣдованіе по философіи, затѣмъ онъ былъ нѣсколько лѣтъ «головою» общества «Просьвіта», которому, между прочимъ, принесъ въ даръ 14.000 гульденовъ. Имъ основаны четыре промышленныя школы: въ Викнѣ—для выдѣлки «килимівъ», въ Товстомъ—образцовая ганчарская, «штельмахивська» и «ковальска»; издѣлія ковровъ въ Викнѣ пріобрѣли европейскую извѣстность благодаря оригинальности узоровъ, заимствованныхъ изъ чрезвычайно богатаго собранія ихъ въ Викнинскомъ замкѣ, постоянной резиденціи Федоровичей. Въ 1887 г. Влад. Федоровичъ принялъ дѣятельное участіе въ устройствѣ этнографической выставки въ Тернополѣ въ честь великаго князя Рудольфа, на которой была прекрасно представлена галицкая Русь; цѣнная памятка объ этой выставкѣ—альбомъ фотографическихъ снимковъ, имѣющійся и въ обществѣ «Просвіта».

Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что позже, съ 80-тыхъ годовъ Федоровичъ пересталъ выступать, какъ дѣятель національно-украинскій, и если можно говорить о его заслугахъ въ этомъ направленіи, то лишь въ прошломъ. Въ настоящее время онъ посвящаетъ свои досуги научно-философскимъ изслѣдованіямъ и занятіямъ археологіей. Въ его замкѣ въ Викнѣ, кромѣ богатѣйшей библіотеки и архива, имѣется солидная коллекція археологическихъ древностей изъ Подольскихъ (Подилля галицького) кургановъ и могилъ, раскопанныхъ частью самимъ Федоровичемъ, частью приглашенными имъ археологами, среди которыхъ Шараневичъ, а Петрушевичъ и В. Б. Антоновичъ были частыми гостями въ Викнѣ.

По поводу выборовъ Федоровича въ Палату Вельможъ изъ Черновицъ была прислана избранному слѣд. телеграмма: «Першому представителеви Руси в палаті вельмож шле щирий привіт і низький поклін клюб буковинських руських послів,—др. Стоцкий, голова». (Буковина, ч. 146).

Съѣздъ національно-демократической партіи. Два дня, 13 и 14 декабря, происходилъ во Львовѣ съѣздъ делегатовъ національно-

демократической партіи. На очередь были поставлены вопросы: объ организаціи, стачкѣ и академическомъ фондѣ. Относительно второго пункта была постановлена слѣдующая резолюція: «организація стачекъ нужна тамъ, гдѣ господствуетъ злоупотребленіе трудомъ крестьянина-землепашца и такъ какъ, въ виду этого, стачки обязательно возникнутъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и въ будущемъ (1903) году, то «Народний Комітет» долженъ принять всяческія мѣры, чтобы не допустить прекращенія стачекъ».

Затѣмъ, по предложенію д-ра Олесницкаго, рѣшено основать во Львовѣ бюро юридической помощи при «Народномъ Комитетѣ», которое будетъ имѣть своей задачей охрану интересовъ украинскаго населенія въ странѣ и въ каждый нужный моментъ подавать юридическую помощь всѣмъ, кто понесъ потери изъ за сельско-хозяйственной стачки или находится въ заключеніи. Что касается академическаго фонда (суммы, собранной на студентовъ—сецессіонистовъ), постановлено отдать весь фондъ «Народному Комитету» въ Львовѣ для выдачи субсидій стачечникамъ.

Затѣмъ, по предложенію г. Гурика, рѣшено и въ будущемъ году организовать и провести стачки, въ особенности въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Галицкаго Подолья—въ противовѣсъ колонизаціонной дѣятельности польскаго центральнаго комитета. Планъ проведенія стачекъ выработанъ тайнымъ стачечнымъ комитетомъ, сдѣлавшимъ соотвѣтствующія постановленія на секретномъ собраніи.

На съѣздѣ были также затронуты вопросы объ отношеніи къ сейму и парламенту. По первому вопросу постановлено слѣдующее рѣшеніе: «принимая во вниманіе, что Галицкій сеймъ въ теперешнемъ составѣ приноситъ вредъ украинскому населенію Галичины, и вся политика большинства этого сейма направлена противъ интересовъ и національнаго существованія Русиновъ, и что господствующая въ странѣ партія поляковъ въ послѣднее время открыла дѣйствія съ цѣлью окончательно погубить Русиновъ, какъ народность—Народный Съѣздъ обращается къ своимъ посламъ, чтобы они соотвѣтственно съ этимъ держали себя въ сеймѣ и выступали противъ польскаго большинства и его дѣятельности въ сеймѣ съ самой рѣшительной оппозиціей». Такое же постановленіе сдѣлано относительно парламента.

Наконецъ, съѣздъ избралъ правленіе національно-демократической партіи, въ составъ котораго вошли: др. Е. Левицкій, др. Николай Шухевичъ, Лонгинъ Цегельскій, Кулачковскій и проф. Шухевичъ.

Съѣздъ закрылся при всеобщемъ воодушевленіи послѣ рѣчи посла священ. Богачевскаго, въ которой послѣдній отмѣтилъ, что нынѣшній «Народный Съѣздъ» удался необычайно во всѣхъ отношеніяхъ, и что въ общемъ къ нему интересѣ, въ особенности со стороны крестьянъ, и въ серьезности постановленій и рѣшеній можно видѣть залогъ благопріятнаго исхода борьбы, навязанной ему польскимъ гакатизмомъ. («Буковина», ч. 150, «Руслан», ч. 281).

Мертвая ли глыба нашъ народъ? Такой вопросъ поставилъ корреспондентъ газеты «Руслан» (№ 285). Въ отвѣтъ какому-то г. Милковскому, назвавшему галицкихъ украинцевъ «мертвой глыбой», корреспондентъ приводитъ въ доказательство любопытную статистику изъ м. Угнева (Равскаго повита) которое, несмотря на неудовлетворительныя экономическія условія, обучаетъ десятки своихъ дѣтей въ разныхъ школахъ. Въ истекшемъ 1902 году въ школахъ внѣ Угнева обучалось 29 душъ мужского и женскаго пола—угневскихъ украинскихъ горожанъ, а именно: во львовскомъ университетѣ 5, вѣнскомъ—1, во львовской гимназіи—8, въ перемышльской—6, въ коломыйской—1, въ учительской семинаріи въ Соколѣ—1, въ учительской семинаріи во Львовѣ—1, въ народной школѣ въ Равѣ Руськой—4, въ женской учительской семинаріи во Львовѣ—1, въ институтѣ имени св. Ольги—1.

Къ этому надо добавить, что болѣе 20 русиновъ изъ Угнева занимаютъ солидное общественное положеніе.

По тому же вопросу имѣемъ матеріалъ и въ № 278 той же газеты. Статистика еще болѣе любопытна, такъ какъ касается 2-хъ обыкновенныхъ селъ—Жужель и Цебловъ, населеніе которыхъ не ограничивается одними мѣстными школами, но отправляетъ своихъ дѣтей въ высшія учебныя заведенія для завершенія образованія. Оказывается слѣдующее: учащихся мужскаго пола—въ гимназіяхъ львовскихъ—7, ярославской—3, въ перемышльской—2, въ учительской семинаріи въ Соколѣ—4, въ промышленной школѣ во Львовѣ—1, въ Римской коллегіи—1, получили учительскія мѣста—3. Учащихся женскаго пола: во Львовѣ въ Василіанской женской школѣ—1, въ Соколѣ въ частной учительской семинаріи—1, въ Рожджаловѣ на учительской должности—1, въ Закопаномъ, въ женской сельскохозяйственной школѣ—4, въ Жужелѣ въ женской школѣ при монастырѣ—9.

«Такихъ селъ, замѣчаетъ редакція, нашлось бы у насъ сотни» и проситъ читателей присылать фактическія данныя. Уже изъ приведенныхъ фактовъ достаточно ясно, можно ли говорить о невѣжествѣ и инертности галицкаго простонародья.

Народныя пѣсни въ Австріи. Общество «Die Universal Edition Actiengesellschaft in Wien, Maximilianstrasse, № 11» задумало выпустить грандіозное изданіе подъ заглавіемъ „Das Volkslied in Oesterreich", гдѣ будутъ помѣщены перлы народнаго пѣсеннаго творчества, вмѣстѣ съ нотами, всѣхъ австрійскихъ народовъ въ такой формѣ и такомъ объемѣ, какихъ донынѣ еще не было.

Въ качествѣ матеріала для этого предпріятія слѣдуетъ присылать только что вышедшія изъ печати изданія, затѣмъ рукописи еще не напечатанныхъ пѣсенъ и отдѣльные, для этой цѣли приготовленные, сборники изъ народныхъ устъ и списки изъ музыкальныхъ архивовъ. Общество выплачиваетъ расходы за приготовленіе такихъ матеріаловъ. Общество будетъ помѣщать оригинальные тексты, а также и хорошіе переводы. Этимъ капитальнымъ предпріятіемъ заинтересовалось Министерство Просвѣщенія и циркулярно предписало подчиненнымъ своимъ прійти Обществу на помощь („Русланъ", 275). Было бы крайне печально, если бы галицкіе композиторы и представители музыки не приложили усилій къ тому, чтобы наилучшимъ образомъ представить галицко-украинское народное пѣсенное творчество въ капитальномъ трудѣ Вѣнскаго Общества.

Альбомъ старинныхъ церквей. Такой альбомъ предлагаетъ издать «Галичанинъ» (№ 282) въ Галичинѣ. Старинныхъ церквей, по заявленію газеты, найдется еще довольно много. Въ альбомъ должны войти фотографическіе снимки церквей съ обозначеніемъ мѣста, года основанія и другихъ данныхъ. Изданіемъ такого альбома „могло бы занятись наше многозаслуженное Общество им. Михаила Качковскаго и разослати его яко книжечки Общества для своихъ членовъ". Конечно, разослать не трудно, но гораздо труднѣе издать проектируемый альбомъ, особенно тѣмъ путемъ, какой рекомендуетъ авторъ статьи (Николаевичъ), а именно—путемъ обращенія къ духовенству съ просьбой о содѣйствіи. Не знаемъ, быть можетъ Галицкое

духовенство слишкомъ не похоже на наше, но все-таки сомнѣваемся, чтобы изъ проекта «Галичанина« что-либо вышло.

Статистика украинскаго населенія въ Галичинѣ. Изъ отчетовъ переписи населенія въ Австрійскихъ земляхъ въ 1890 и 1900 г.г. видно, что первое мѣсто въ Австріи занимаютъ нѣмцы (8.461.580 и 9.170.936), второе чехи (5.472.879 и 5.955.397), третье поляки (3.719.232 и 4.259.152) и четвертое—*русины (3.105.221 и 3.375.576).* Затѣмъ идутъ словинцы (около 3 мил.), сербо-хорваты (811.380), итальянцы (727.102), румыны (230.963) и мадьяры (9.516) (?).

Такимъ образомъ Русины стоятъ въ отношеніи количества населенія на четвертомъ мѣстѣ, но въ отношеніи политическомъ чуть ли не въ самомъ концѣ. Изъ тѣхъ же отчетовъ явствуетъ, что въ теченіе 10 лѣтъ относительно больше всего возросли поляки, (въ Силезіи и отчасти въ Галичинѣ,—съ 15.84% до 16.61%). За то потеряли больше всего нѣмцы вм. (36,05%—35.68%) и отчасти чехи (вм. 23,32%—23,23%). Число русиновъ за 10 лѣтъ возросло на 1/4 милліона, но въ % отношеніи уменьшилось на 0,05% (вм. 13.22%—13,17%). (Русланъ, № 273).

Старыя пѣсни. Въ № 9617 газ. «Новое Время» нѣкій анонимъ, именующій себя, вѣроятно изъ скромности, «Русской Правдой» излился потокомъ глубокофилологическихъ замѣчаній въ статьѣ «Русинъ» и «русскій», будто бы выясняющей галицкія (польско-русинскія) отношенія. Чтобы видѣть, насколько г-жа Русская Правда выясняетъ ихъ, достаточно будетъ указать на такіе, обычные на столбцахъ «Новаго Времени», пріемы: различіе между «русиномъ» и „русскимъ" существуетъ лишь въ воображеніи австрійскихъ властей, нѣмецко-еврейскихъ (!) публицистовъ Вѣны и Будапешта и польскихъ шовинистовъ: австрійскія власти, а вмѣстѣ съ ними и *поляки* кокетничаютъ съ галицкими украйнофилами—это ужъ совсѣмъ что-то несуразное, даже со стороны пріютившейся въ „Новомъ Времени" г-жи Русской Правды, какъ бы она ни старалась наивничать. „Кому же неизвѣстна,—патетически восклицаетъ Русская Правда,—попытка этихъ господъ *создать* разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ особую „украинскую" или „руськую народность" и т. п. А 10-ю строками ниже можно прочесть, что „поляки перестаютъ теперь поддерживать „украинофи-

ловъ“ и содѣйствовать «эволюціи русинской національной идеи»!
Вообще, статья написана. какъ подобаетъ такой важной особѣ, какъ Русская Правда,—съ великимъ апломбомъ, но отъ этого не становится, конечно, не правдивѣе, ни содержательнѣе.

Новое Общество въ Буковинѣ. Въ Черновцахъ основалось новое «Руське Товариство історичне», цѣль котораго способствовать научному развитію исторіи, етнографіи, статистики и исторіи искусства; особое вниманіе будетъ удѣляться, конечно, галицкой и буковинской Руси. Во главѣ новаго общества стоятъ: предсѣдатель—проф. Владимиръ Мыльковычъ, товарищъ-предсѣдателя--проф. Степанъ Смаль-Стоцькый, секретарь--Осип Маковей, кассиръ--Миронъ Кордуба. Новое общество имѣетъ въ виду не только моральную и матеріальную помощь для отдѣльныхъ работъ, но также будетъ обращать вниманіе и на веденіе коллективныхъ трудовъ, напр. собираніе древностей, изданіе грамотъ, составленіе географическаго словаря и т. д. Ежемѣсячно общество будетъ устраивать засѣданія, на которыхъ будутъ читаться доклады и сообщенія. Общество намѣрено издавать свой собственный органъ, а также заняться популяризаціей науки среди общества. („Руслан“ 1902, № 267).

Тоже новое Общество. Въ газетахъ появилось сообщеніе о новомъ обществѣ, задающемся, впрочемъ, весьма старыми цѣлями. «15 декабря, въ помѣщеніи Русскаго Собранія, въ Петербургѣ состоялось учредительское собраніе галицко-русскаго благотворительнаго общества. Собраніе открылось рѣчью одного изъ учредителей общества В. С. Драгомирецкаго, изъ которой видно, что общество возникло для созданія въ центрѣ Россіи звена, связующаго Прикарпатскую Русь съ столицей русскаго народа. Объединеніе это идетъ уже въ теченіе долгаго времени, но подвигается впередъ чрезвычайно медленно, благодаря противодѣйствію на мѣстѣ нѣмцевъ и поляковъ. Учредители общества, въ концѣ-концовъ, пришли къ заключенію, что сдѣлать что-либо въ Галиціи не возможно, и что толчекъ ихъ дѣлу долженъ быть данъ изъ центра Россіи. Идея учрежденія общества возникла еще 8 лѣтъ тому назадъ, но добиться разрѣшенія надлежащаго устава удалось лишь осенью текущаго года. Главныя цѣли открывающагося общества—благотворительность и распространеніе среди галичанъ русскаго языка, чтобы они жили вполнѣ русской жизнью. Послѣ избранія

предсѣдателемъ собранія члена совѣта министра народнаго просвѣщенія А. С. Будиловича, онъ произнесъ рѣчь, въ которой указалъ, что центральная Русь въ большомъ долгу предъ Червонной Русью, за то, что она какъ бы не желаетъ замѣчать ея существованія; между тѣмъ, въ ней-то и лежитъ разрѣшеніе многихъ серьезныхъ и важныхъ для Россіи вопросовъ. Послѣ рѣчи А. С. Будиловича, былъ выбранъ составъ совѣта общества. Предсѣдателемъ общества избранъ А. С. Будиловичъ, товарищемъ его—инженеръ I Н. Ливчакъ, секретаремъ—В. С. Драгомирецкій, членами совѣта: докторъ Добрянскій, оберъ-секретарь сената Б. Ю. Ходобай, магистръ международнаго права А. Н. Штиглицъ, В. В. Комаровъ, ген.-лейт. Н. П. Писаревскій и инж. Чайковскій. Въ настоящее время въ обществѣ состоитъ 25 членовъ учредителей; капиталъ его равняется 1,100 слишкомъ рублей. Изъ всѣхъ поступающихъ суммъ рѣшено было отчислять 10 проц. на изданіе популярной брошюры о Зарубежной Руси». «С.-Петерб. Вѣд.». Судя по опытамъ прошлаго и по отсутствію указаній на что-нибудь новое и оригинальное въ пріемахъ дѣйствія этого общества, что-то плохо вѣрится въ благіе результаты его дѣятельности для нашихъ закордонныхъ братьевъ.

Засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ. 4-го, 5-го и 6-го сего января въ домѣ императорскаго московскаго археологическаго общества происходили, подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, засѣданія предварительнаго комитета по устройству лѣтомъ 1905 года въ г. Екатеринославѣ XIII-го археологическаго съѣзда. Въ засѣданіяхъ участвовало около 60 депутатовъ отъ университетовъ, духовныхъ академій и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, археологическихъ и иныхъ учебныхъ обществъ, въ томъ числѣ и екатеринославскаго научнаго общества, правительственныхъ архивовъ, музеевъ губернскихъ учебныхъ архивныхъ комиссій, губернскихъ статистическихъ комитетовъ, екатеринославскаго городского общественнаго управленія и екатеринославскаго комитета по устройству XIII археологическаго съѣзда.

Въ результатѣ совѣщаній было принято, что XIII съѣздъ долженъ состояться въ г. Екатеринославѣ съ 15-го по 27-е августа 1905 года, что занятія его будутъ распредѣлены по тѣмъ же 9-ти отдѣленіямъ или секціямъ, что и на XII-мъ харьковскомъ съѣздѣ, съ

тѣмъ измѣненіемъ, что IV секція должна получить названіе «Древности юридическія; бытъ хозяйственный, домашній и военный», а IX-я—«Археографія и архивовѣдѣніе». Правила съѣзда приняты, вообще, тѣ же, что и для предшествовавшихъ съѣздовъ, съ небольшими лишь измѣненіями въ редакціи нѣкоторыхъ параграфовъ. Екатеринославскіе депутаты Я. Г. Гололобовъ, В. В. Куриловъ, А. С. Синявскій и Д. И. Эварницкій заявили, что, по иниціативѣ екатеринославскаго губернатора гр. Келлера, образованъ мѣстный предварительный комитетъ по устройству съѣзда подъ предсѣдательствомъ екатеринославскаго губернскаго предводителя дворянства М. И. Миклашевскаго, причемъ уже въ настоящее время выяснилось, что для XIII съѣзда могутъ быть отведены вполнѣ достаточныя и подходящія помѣщенія въ зданіяхъ Потемкинскаго дворца, высшаго горнаго училища и екатеринославскаго музея, который будетъ отстроенъ ко времени съѣзда; что екатеринославскій комитетъ и всѣ мѣстные дѣятели готовы работать по указаніямъ московскаго археологическаго общества; что есть возможность произвести археологическія раскопки въ нѣсколькихъ мѣстахъ при содѣйствіи землевладѣльцевъ гр. Канкрина, Миклашевскаго, Струкова, Левшина, Гана, Шишкина и др., что возможно будетъ устроить археологическую и этнографическую выставку и организовать экскурсіи для ознакомленія съ древностями края; что богатый матеріалъ для изслѣдованій представляютъ курганы близъ самаго г. Екатеринослава, и вообще берега Днѣпра, особенно близъ пороговъ и мѣст. Никополя, но желательно было бы произвести раскопки кургановъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ, что служило бы продолженіемъ изслѣдованій, производившихся для XII харьковскаго съѣзда, а также въ другихъ мѣстностяхъ Херсонской и Бессарабской губерній. Собраніе благодарило гг. екатеринославскихъ депутатовъ за ихъ сообщенія и за любезную готовность представляемыхъ ими учрежденій послужить интересамъ XIII археологическаго съѣзда. Депутатъ харьковскаго университета проф. Д. И. Багалѣй выразилъ мнѣніе, что, при опредѣленіи работъ предстоящаго съѣзда, необходимо имѣть въ виду: 1) продолженіе работъ предшествовавшаго харьковскаго съѣзда и 2) спеціальныя задачи екатеринославскаго съѣзда. Къ прежнему району изслѣдованій слободской и лѣвобережной Украины слѣдуетъ прибавить Екатеринославскую и Херсонскую губерніи, въ частности—продолжить нѣкоторыя раскопки въ Харьковской губ. (въ Салтовѣ), по рѣкѣ Донцу и проч. и произвести изслѣдованія по Днѣпру, Орели, Каль-

міусу, сѣверному побережью Азовскаго моря, составить археологическую карту Екатеринославской губерніи, собрать свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ въ этой, Херсонской, Таврической губ. и Донской области, озаботиться собираніемъ памятниковъ запорожской старины, сдѣлать обзоры документовъ, находящихся въ различныхъ архивахъ и касающихся исторіи Запорожья и Новороссійскаго края, собрать коллекціи старинныхъ картъ района и составить карту заселенія Новороссіи въ XVII—XVIII ст., наконецъ, собрать памятники мѣстной церковной старины. Д. Я. Самоквасовъ указалъ на желательность изысканія печенѣжскихъ кургановъ и «готскихъ» могилъ, а проф. Н. И. Веселовскій (депутатъ Императорскаго русскаго археологическаго общества)—на предпочтительность обстоятельной раскопки одного большого кургана типа, сходнаго съ извѣстнымъ чертомлыкскимъ, каковой имѣется, повидимому, на землѣ г. Нечаева-Мальцева; на это г. Синявскій замѣтилъ, что подобный же курганъ находится по близости, на землѣ г. Шишкина, причемъ отъ владѣльца получено разрѣшеніе на раскопку этого кургана. Проф. М. Н. Ясинскій (депутатъ кіевскаго университета) сообщилъ, по порученію общества Нестора-лѣтописца, программу подготовительныхъ работъ по съѣзду, предложенную пр. В. З. Завитневичемъ. Въ программу эту входятъ: организація археологической выставки при съѣздѣ, составленіе археологической карты Екатеринославской губерніи, или собраніе матеріаловъ для нея, производство лѣтомъ 1903, 1904 и 1905 гг. археологическихъ раскопокъ избѣгая, по возможности, кургановъ, такъ называемаго, скиѳскаго періода, организація экскурсій для осмотра днѣпровскихъ пороговъ и Запорожской Сѣчи. Проф. А. А. Кочубинскій (депутатъ Новороссійскаго университета) указалъ на желательность отысканія слѣдовъ культурнаго вліянія итальянскихъ факторій, бывшихъ въ южной Россіи въ XIV вѣкѣ, а пр. А. Н. Красновъ (депутатъ Харьковскаго университета) выразилъ желаніе, чтобы былъ изученъ вопросъ о томъ, какія черты собственной культуры удержали тѣ народности, которыя заселили территорію нынѣшней Екатеринославской губерніи. По предложенію граф. Уваровой, рѣшено обратиться въ ближайшіе къ Екатеринославу университетскіе города—Кіевъ, Одессу и Харьковъ, а также въ другіе важнѣйшіе центры южной Россіи, съ цѣлью привлечь къ участію въ подготовительныхъ работахъ къ съѣзду мѣстныя силы и организовать, гдѣ возможно, мѣстные предварительные комитеты, причемъ намѣчены были и тѣ ученыя общества, къ которымъ необхо-

димо обратиться по этому поводу. Доложено было письмо проф. А. И. Маркевича, въ которомъ онъ указываетъ, что большое значеніе для съѣзда могли бы имѣть популярныя лекціи по археологіи въ различныхъ мѣстностяхъ Новороссіи; по этому поводу было указано, что такія лекціи уже читались въ разныхъ городахъ Екатеринославской губерніи Д. И. Эварницкимъ, и постановлено было просить способствовать осуществленію этой идеи и пр. Маркевича. Севастопольскій городской голова Максимовъ просилъ комитетъ телеграммой «включить Севастополь въ число мѣстъ, которыя члены съѣзда предполагаютъ посѣтить въ августѣ 1905 г.»; комитетъ постановилъ благодарить севастопольское городское общественное управленіе и, по окончаніи съѣзда, предпринять экскурсію въ Севастополь, гдѣ особенно интереснымъ является посѣщеніе развалинъ Херсонеса. Императорское уральское общество любителей естествознанія сообщило, что оно проситъ имѣть въ виду г. Екатеринбургъ въ качествѣ мѣста для собранія XIV археологическаго съѣзда; аналогичныя заявленія получены также изъ Чернигова и Тифлиса. Постановлено обратиться въ черниговскую губернскую земскую управу съ просьбой о выставкѣ въ Екатеринославѣ ко времени съѣзда наиболѣе интересныхъ предметовъ изъ мѣстнаго археологическаго музея Тарновскаго. В. А. Городцовъ указалъ на важность а) опредѣленія юго-восточной границы домонгольской Руси XIII в. и б) выясненія типовъ погребенія печенѣговъ, торковъ, половцевъ и татаръ XIV в. Проф. Кочубинскій замѣтилъ, что для разработки послѣдняго вопроса желательно бы привлечь также мадьярскихъ археологовъ. Въ заключеніе постановлено обратиться къ гг. министрамъ народнаго просвѣщенія и финансовъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи членамъ будущаго съѣзда, занимающимся преподаваніемъ въ учебныхъ заведеніяхъ означенныхъ министерствъ, отпуска не только на время съѣзда, но и на время имѣющихъ состояться по окончаніи съѣзда научныхъ экскурсій. («Вѣстникъ Юга», № 319).

Народныя школы въ Галиціи. Въ 1901—1902 г. въ Галиціи всѣхъ народныхъ школъ было: польскихъ—2083, *украинскихъ—1994* и нѣмецкихъ—29 съ 698,153 учениками во всѣхъ школахъ. („Nowa Reforma“).

Библіографія.

Т. Г. Шевченко. Мотивы поэзіи. Переводы „Кобзаря" С. П. Дремцова. Съ иллюстраціями Хохрякова и А. Рылова и фрагментами музыки М. Лысенка. *Выпускъ І-й Цѣна 45 к. Вятка. 1902 г.* in 8°, 40 стр.

«Въ наше время, когда такъ больно звучитъ лира, не мѣшаетъ вспомнить о великомъ народномъ поэтѣ, о томъ батькѣ-Тарасѣ, который сквозь невозможныя жизненныя условія, подъ тягчайшими ударами жизни, пронесъ до могилы свято и вѣрно свое чистое, теплое, высокочеловѣческое отношеніе къ народу»,—такъ оправдываетъ г. Дремцовъ задуманное имъ изданіе своихъ переводовъ «Кобзаря».

Нисколько не возражая противъ выставленныхъ г. Дремцовымъ мотивовъ, мы готовы привѣтствовать всякую новую попытку ознакомленія съ музой великаго поэта широкихъ круговъ русскаго общества, для которыхъ чтеніе «Кобзаря» въ подлинникѣ представляетъ затрудненія, такъ какъ русская литература, несмотря на истекшія пятьдесятъ лѣтъ со времени выхода «Кобзаря» въ свѣтъ, и до сихъ поръ не располагаетъ вполнѣ удовлетворительнымъ полнымъ переводомъ его. Несомнѣнно, что отсутствіе полнаго и хорошаго перевода безсмертныхъ произведеній Т. Г. Шевченка, является крупнымъ и чувствительнымъ пробѣломъ для великорусской литературы и общества. Вышедшій въ (1900 году) переводъ «Кобзаря» подъ редакціей г. Бѣлоусова, до нѣкоторой лишь степени содѣйствовалъ уменьшенію этого пробѣла, но цѣликомъ не устранилъ его.

Лежащая передъ нами книжка производитъ пріятное впечатлѣніе прежде всего своею внѣшностью: внѣшность книги вполнѣ опрятна; въ книгѣ—находимъ два портрета Т. Г. Шевченка, воспроизведеніе гравюръ съ картинъ художника Ижакевича и снимки съ картинъ г.г. Хохрякова и Рылова[1]). Правда иллюстраціи заставляютъ желать многаго, но пріемы техники у насъ таковы, что и за то спасибо. Но особенно пріятное впечатлѣніе производитъ тепло написанное авторомъ переводовъ предисловіе. Все оно проникнуто глубокимъ чувствомъ любви и къ самой личности великаго поэта, и къ созданіямъ его музы, и къ тѣмъ основнымъ мотивамъ, какими вдохновлялась лира поэта. Указанію главнѣйшихъ мотивовъ поэзіи Т. Г. Шевченка посвящено главнымъ образомъ предисловіе къ переводамъ «Кобзаря». Обращаемся къ самымъ переводамъ.

Г. Дремцовъ въ своемъ предисловіи говоритъ: «Переводить Т. Г. Шевченка не только трудно, но въ иныхъ случаяхъ почти невозможно, ибо русскій языкъ не можетъ передать красотъ и глубины подлинника и его образнаго характера душевныхъ настроеній. Поэтому переводчикъ поставилъ себѣ скромную цѣль: до нѣкоторой степени служить помощникомъ при чтеніи подлинника, по преимуществу стремясь къ передачѣ настроеній».

Въ этихъ строкахъ предисловія мы находимъ, такимъ образомъ, ключъ къ уразумѣнію нѣсколько страннаго заголовка книжки, въ которомъ рядомъ съ словами «мотивы поэзіи» стоятъ слова: «переводы Кобзаря». Но не въ заголовкѣ, хотя бы и порождающемъ недоразумѣніе, дѣло, а въ томъ, насколько авторъ перевода справился съ своей задачей. Въ составъ перваго выпуска вошелъ переводъ всего лишь десяти стихотвореній изъ «Кобзаря», а именно: «Думы мои, думы мои», «Чого мени тяжко», «Мени трынадцятый мынавъ», «Мынають дни», «Сонъ», (Прощай, свите, прощай, земле), «Не нарикаю я на Бога», «Муза», «Огни горять», «За сонцемъ хмаронька плыве» и, наконецъ, «Заповитъ». Въ общемъ переводы г. Дремцова по своему достоинству должны быть признаны выше и лучше нѣкоторыхъ изъ извѣстныхъ доселѣ переводовъ изъ «Кобзаря», но въ то же время

---

[1]) Кромѣ того, въ текстѣ много виньетокъ, исполненныхъ очень недурно и относящихся къ содержанію стихотвореній: такъ, предъ стих. „Мени трынадцятый мынавъ“ заглавная виньетка изображаетъ хатку въ которой Тарасъ Григорьевичъ провелъ дѣтство.

справедливость требуетъ сказать, что автору не вездѣ удалось справиться съ взятой на себя задачей. Въ мѣстахъ близкихъ къ подлиннику, чувствуется отсутствіе силы и выразительности; въ мѣстахъ, представляющихъ перепѣвы мотивовъ Шевченковой поэзіи голосъ музы г. переводчика звучитъ до такой степени слабо и блѣдно, что и самое тонкое ухо читателя не способно разслышать его, а иногда беретъ даже фальшивыя ноты. Для примѣра возьмемъ хотя бы первое стихотвореніе «Думы мои, думы мои». Въ переводѣ г. Дремцова оно звучитъ вотъ какъ:

Думы мои, думы мои,
Дорогія дѣти,—
Тяжело, мои родныя,
Съ вами жить на свѣтѣ!..

И всегда, всегда больныя,—
Днями и ночами
Вы со мною неразлучны...
Что мнѣ дѣлать съ вами?!

Что васъ вѣтромъ, какъ пылинку,
Въ поле не умчало?!..
Что жъ васъ ночью, какъ ребенка,
Горе не заспало?!..

Конечно, читатели знаютъ, какъ начало этого стихотворенія читается въ подлинникѣ и какъ далекъ отъ него переводъ. Или далѣе слова подлинника:

Не пыталы бъ люде, що въ мене болыть,
Не пыталы бъ, за що проклынаю долю,
Чого нужу свитомъ... «Ничого робыть»
Не сказалы бъ на смихъ...

у г. Дремцова переданы слѣдующимъ образомъ:

Меня-бъ не пытали,
И мнѣ-бъ не сказали
Съ усмѣшкой лукавой.
— «Молчи и терпи»!

Слова подлинника:

Нехай думка, якъ той воронъ,
Литае та кряче,
А серденько соловейкомъ
Щебече, та плаче
Нышкомъ—люде не побачуть,
Та й не засмiються...
Не втырайте жъ мои слёзы,
Нехай соби льються,
Чуже поле полываютъ що дня и що ночи.

даютъ мотивъ для такого крайне слабаго перепѣва:—

Какъ воронъ угрюмый летаетъ и вьется,—
Пусть дума моя на просторѣ витаетъ,
Какъ пѣснь соловья тоскливая льется,—
Пусть сердце больное щебечетъ-рыдаетъ.
Пусть горькiя слезы въ тиши моей льются,
Незримыя ранней и поздней порой,
Въ чужбинѣ, на поле чужое прольются,—
Въ могилѣ укроютъ чужою землей!

Или, напримѣръ, какъ мало мысли и настроенiя подлинника «Чого мени тяжко»? въ слѣдующей передачѣ г. Дремцова:

Отчего же мнѣ тяжко,—такъ грустно и больно?
И о чемъ мое сердце тоскуетъ, скорбитъ?
Ребенокъ голодный, страдая невольно,—
Чего-то все ждетъ и о чемъ-то болитъ...

Но особенно далеки отъ подлинника и слабы послѣднiя два стихотворенiя: «Огни горятъ и «Заповитъ». Начало перваго стихотворенiя истолковано г. Дремцовымъ вотъ какъ:

Залитый свѣтомъ
Залъ... Играетъ
Оркестръ... волной
Веселье льется...

А сердце бѣдное рыдаетъ,—
Тоской въ немъ
Радость отдается...

Слова поэта:

Тилькы я неначе заклятый,
Дывлюся й нышкомъ плачу
Плачу я... Чого жъ я плачу?..
Мабудь шкода, що безъ прыгоды,
Мовъ негода мынула молодисть моя.

переводчику внушаютъ слѣдующія строки:

А я—одинъ,
Больной душою,
Я, какъ отверженный
Средь нихъ
Брожу... Смотрю
Вокругъ съ тоскою...

Потоки горькихъ
Слезъ моихъ
Подъ счастья шумъ
Толпы веселый,
Какъ гнетъ храню
Въ душѣ тяжелый!..

Что касается, «Заповита», то онъ является лишь слабымъ напоминаніемъ подлинника.

Когда я умру,—на Украйнѣ родной
Въ степи, безпредѣльной какъ море,
На старой могилѣ казачьей, святой
Вы тамъ схороните меня на просторѣ...
Чтобъ звукъ ни одинъ не тревожилъ меня
Въ равнинѣ Днѣпровской широкой,
Чтобъ голосъ людской не дошелъ до меня,—
Чтобъ тихо я спалъ, одинокій...
Но видѣть хотѣлъ-бы отчизны родной
Я степь золотую въ безбрежномъ просторѣ!—
Хотѣлъ бы туда я, за синюю даль,
Закинуть мое неослабное горе...
Но слышать хотѣлъ бы, какъ Днѣпръ нашъ родной,
Стремясь чрезъ пороги и кручи,
Поетъ вѣковую Украйны печаль,
И стонетъ, какъ витязь могучій.

Эта слабая передача подлинника вызвала въ нашей памяти полный силы и выразительности переводъ того же «Заповита» на нѣмецкомъ языкѣ, напечатанный въ „Allgemeine Geschichte der Literatur" Gustav'a Karpelesa (т. 2-й, стр. 813,—Berlin 1891 г.).

Wenn ich sterbe, so begrabt mich
Auf dem Grabeshügel
Mitten in der weiten Steppe
Meiner Ukraine.
Dass die breitgehenden Auen
Und die Felsenufer
Ich des Dnipr schau'und höre,
Wie der Rauscher rauschet.
Wälzend Feindesblut ins blaue
Meer aus Ukraina
Dann, ja dann will Berg und Auen
Will ich lassen alles,
Fliegen will ich selbst zu Gott und
Beten.—Doch bis dahin
Kenn ich keinen Gott. Begrabt mich
Und erwacht und sprenget
Eure Ketten, tränkt mit schlechtem
Feindesblut die Freiheit!
Und im grossen Kreis', im freien
Neuen sollt ihr meiner
Auch gedenken, nicht mit bösem,
Doch mit stillem Worte.

Указанныя нами лишь въ самыхъ общихъ чертахъ недочеты переводовъ г. Дремцова тѣмъ болѣе непріятны, что на всемъ его трудѣ, какъ въ отношеніи самого перевода такъ и изданія его, лежитъ отпечатокъ необычайно горячей любви и глубокаго уваженія къ поэту и его пѣснямъ печали и слезъ. Въ заключеніе нашей замѣтки мы все же не можемъ не выразить пожеланія г. Дремцову въ дальнѣйшихъ выпускахъ переводовъ «Кобзаря» болѣе успѣшнаго выполненія взятой имъ на себя задачи.

Ф. М.

В. Гринченко. Драмы й комедіи. *У Чернигови. 1902 года. Ст. 400* in *8°. Цина 1 р. 50 к.*

Подъ выписаннымъ выше названіемъ вышла въ началѣ текущаго года въ Черниговѣ довольно объемистая, изящно изданная книга, содержащая четыре драмы: «Ясни зори», «Степовый гисть», «Середъ бури», и «Арсенъ Яворенко», и комедію «Нахмарыло»,—принадлежащія перу Б. Гринченка[1]). Всѣ эти драмы принадлежатъ къ числу т. наз. идейныхъ произведеній, при чемъ, къ сожалѣнію, ихъ идейность проявляется значительно въ ущербъ ихъ художественной правдѣ и реализму. Приходится повторить старую истину, что положительныхъ типовъ не создашь, разъ жизнь не даетъ ихъ намъ. А драмы г. Гринченка страдаютъ именно тѣмъ, что авторъ выводитъ въ нихъ героевъ, надѣленныхъ всѣми положительными качествами, людей безусловно симпатичныхъ и желательныхъ въ каждомъ обществѣ, но... къ сожалѣнію, присматриваясь къ жизни, мы не только не находимъ такихъ людей, но даже замѣчаемъ, что и существовать то они такими, какъ ихъ изображаетъ г. Гринченко, при современныхъ условіяхъ жизни врядъ ли могутъ. Что же касается историческихъ его героевъ, то исторія положительно не даетъ намъ указаній на существованіе подобныхъ людей въ старину. Всѣ безъ исключенія дѣятели въ пьесахъ г. Гринченка раздѣляются, выражаясь словами одного изъ дѣйствующихъ лицъ ком. Самійленка, на «патріотивъ и простыхъ людей». Первые, разумѣется, принадлежатъ къ положительнымъ типамъ. Присмотримся теперь къ содержанію пьесъ. Драма «Ясни зори»—историческая, относящаяся къ XVII ст. Дѣйствіе происходитъ въ саду турецкаго паши въ Крыму, гдѣ работаютъ невольники украинцы; среди нихъ находится молодой козакъ Дмытро, воспитанникъ Кіевской Академіи, женатый, человѣкъ съ необыкновенно развитыми поэтическими наклонностями, великій эстетикъ и любитель красоты. Въ саду встрѣчаетъ его жена паши Амина, тоже родомъ украинка, и съ такою же нѣжной поэтической душою. Оба производятъ другъ на друга

---

[1]) Пьесы, напечатанныя въ этомъ сборникѣ, появляются не впервые: „Ясни зори“ и „Нахмарыло“ были помѣщены въ „Зорі“ за 1897 годъ, а остальныя - въ „Літературно-Наук. Віст.“ за 1898—901 г. Кромѣ того, драма „Середъ бури“ была перепечатана въ альман. „Хвыля за хвылею“ (Черн. 1900 г.).

сильное впечатлѣніе, и между ними завязывается романъ. Все идетъ хорошо, пока не появляется жена Дмытра Олена, явившаяся выкупить мужа. Тотъ сначала встрѣчаетъ её холодно, но потомъ, подъ вліяніемъ ея словъ и укоровъ, въ немъ пробуждается его прежняя любовь къ ней, и оба рѣшаютъ бѣжать. Ихъ подслушиваетъ Амина и, сгарая ревностью, рѣшаетъ отмстить Дмытру. Она предаетъ ихъ въ руки турокъ, но проситъ пашу не казнить ихъ а заключить пока въ тюрьму. Между тѣмъ о любви Амины къ Дмытру узнаетъ одинъ приближенный паши, Халиль, опять таки при помощи подслушиванія, и сообщаетъ объ этомъ пашѣ. Амина является въ тюрьму, чтобы насладиться видомъ страданій несчастныхъ супруговъ, но видитъ, что они спокойны и готовы умереть; въ душѣ Амины пробуждаются воспоминанія о религіи, которой она измѣнила, о родномъ краѣ. Подъ вліяніемъ этихъ воспоминаній и упрековъ Олены, Амина возвращается къ исповѣданію христіанской религіи; она выпускаетъ на свободу Олену и Дмытра. Но скоро является паша, который и закалываетъ её за измѣну. Драма написана довольно хорошими гладкими стихами, встрѣчаются кое-гдѣ прекрасныя поэтическія мѣста, и еслибы не наличность слишкомъ идеальныхъ героевъ и слишкомъ утрированныхъ злодѣевъ, (напр. Халиль) то заслуживала бы значительнаго интереса; замѣтно въ ней также и присутствіе устарѣлыхъ поэтическихъ пріемовъ (подслушиваніе).

Комедія «Нахмарыло» взята изъ современной жизни. Героемъ ея является молодой сельскій учитель, сынъ помѣщика, искренній народолюбецъ; онъ влюбленъ въ свою ученицу-крестьянку и, пользуясь взаимностью, собирается на ней жениться. Препятствіемъ на пути къ осуществленію ихъ счастья являются «прымхы» (капризъ) дядюшки учителя, которому тотъ является единственнымъ наслѣдникомъ. Дядюшка не можетъ допустить, чтобы его племянникъ женился на простой «мужичкѣ», и угрожаетъ лишеніемъ наслѣдства. Когда же это не дѣйствуетъ, и когда племяннякъ, въ свою очередь, угрожаетъ дядюшкѣ разстройствомъ одной его коммерческой сдѣлки, дядюшка соглашается на этотъ бракъ, и все заканчивается благополучно. Какъ видимъ, герой комедіи надѣленъ всѣми симпатичными качествами: народолюбіемъ, самоотверженіемъ и настойчивостью, качествами, которыхъ лишенъ его противникъ-дядюшка. Не менѣе идеальная особа и возлюбленная учителя. Остается только пожелать, чтобы въ жизни дѣйствительно встрѣчались такія лица, какъ учитель и его невѣста.

Драма «За батька» представляетъ изъ себя кровавую пьесу въ духѣ сумароковскихъ трагедій. Главнымъ мотивомъ дѣйствій ея героевъ является месть: кто мститъ за отца, кто за мужа, кто за сына, кто за брата. Положенія въ драмѣ бываютъ совсѣмъ исключительныя, вдобавокъ пьеса пересыпана массой патетическихъ монологовъ, воззваній, восклицаній. Дѣйствіе въ драмѣ происходитъ наканунѣ возстанія Хмельницкаго, на Украинѣ, но въ какой части—опредѣлить весьма трудно, опредѣленныхъ указаній на это не имѣется. Богатый шляхтичъ Гонтаревськый, мечтающій увеличеніемъ своего состоянія сравниться по могуществу съ Вишневецкими и Острожскими, убилъ изъ засады своего сосѣда Демченка и тяжело ранилъ его сына, который свалился замертво и былъ сочтенъ тоже убитымъ. Затѣмъ Гонтаревскій женился на вдовѣ убитаго Демченка, захватилъ ея имущество, а также имущество воспитываемой ею дальней родственницы, которую Гонтарев. насильно желаетъ выдать замужъ за своего сына. Но его постигаетъ месть со стороны молодого Демченка, спасшагося на Запорожье, и уже оттуда возвратившагося домой въ качествѣ эмиссара Хмельницкаго. Послѣ всевозможныхъ приключеній Демченку удается покончить съ Гонтаревскимъ. Освобожденіе семьи Демченка отъ Гонтар. было вмѣстѣ съ тѣмъ освобожденіемъ и крестьянъ, жившихъ у него въ подданствѣ, отъ жестокаго владѣльца. Въ общемъ, драма «За батька», какъ литературное произведеніе, безусловно, представляетъ изъ себя вещь слабую. Пожалуй, она можетъ еще имѣть успѣхъ на сценѣ, такъ какъ изобилуетъ сценическими эффектами.

Значительно выше, чѣмъ «За батька», стоитъ драма «Середъ бури»—тоже историческая, относящаяся къ эпохѣ Руины. Дѣйствіе происходитъ въ г. Кальныкѣ, занятомъ сторонниками гетмана Дорошенка. Противъ полковника Коваленка, начальствующаго надъ кальницкими козаками, ведется интрига со стороны преверженцевъ партіи Ханенка, съ цѣлью свергнуть его и передать городъ въ руки Ханенка. Интрига эта не удается благодаря геройству жены Коваленка. Пьеса написана серьёзно, и въ ней довольно вѣрно переданъ духъ эпохи Руины съ ея деморализаціей высшихъ классовъ малорусскаго общества и чудовищнымъ развитіемъ личныхъ эгоистическихъ интересовъ.

Наконецъ, намъ остается еще разсмотрѣть послѣднюю пьесу сборника—драму «Арсенъ Явòренко». Драма эта въ идейномъ и художественномъ отношеніи является лучшею пьесою сборника, хотя и

она страдаетъ обычными недостатками пьесъ г. Гринченка: тенденціозностью, раздѣленіемъ дѣйствующихъ лицъ на безусловно добродѣтельныхъ и безусловно порочныхъ, сценическими эффектами. Арсенъ Яворенко—это украинскій докторъ Штокманъ. Подобно Ибсеновскому герою, Яворенко, молодой ученый агрономъ, является пропагаторомъ новыхъ идей; въ данномъ случаѣ онъ стремится поднять благосостояніе крестьянъ своего села путемъ ирригаціонныхъ работъ на ихъ земляхъ. Но крестьяне не понимаютъ его и не довѣряютъ, на томъ основаніи, что врядъ ли «панъ» искренне и безкорыстно желаетъ имъ помочь, а скорѣе онъ имѣетъ въ виду собственную пользу: только на горькомъ опытѣ убѣдившись въ правильности совѣтовъ Яворенка, крестьяне обращаются къ нему. Положеніе Яворенка тѣмъ болѣе тягостно, что ему приходится переживать тяжкую семейную драму, именно быть покинутымъ любимой женой, совсѣмъ не понимающей и не раздѣляющей его убѣжденій относительно работы на пользу «мужиковъ». Однако Яворенко выходитъ побѣдителемъ изъ всѣхъ затрудненій и благо общественное ставитъ выше семейнаго счастія и собственнаго благополучія.

Какъ бы то ни было, пьесы г. Гринченка, несмотря на отмѣченные недостатки, представляютъ цѣнное пріобрѣтеніе для нашего театра, репертуаръ котораго такъ бѣденъ серьёзными и идейными пьесами. По нашему мнѣнію, пьесы г. Гринченка были бы весьма пригодны для постановки на сценахъ народныхъ театровъ, такъ какъ замѣтный въ нихъ дидактическій элементъ, не удовлетворяя вкусамъ болѣе интеллигентныхъ зрителей, можетъ сослужить большую пользу для простой сельской публики, тѣмъ болѣе, что, какъ отмѣтилъ это самъ г. Гринченко [1]), на народъ производятъ большее впечатлѣніе и нравятся типы болѣе, положительные, чѣмъ отрицательные.

Д. Д.

---

[1]) См. его статью „Народные спектакли“ въ „Черниговскомъ Земскомъ Сборникѣ“ за янв. и февр. 1900 г. и отдѣльной брошюрой.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца *Книга шестнадцатая, выпускъ IV. Издана подъ редакціей Н. П. Дашкевича. Кіевъ 1902 г.*

Раньше «Чтенія» выходили по одной книгѣ въ годъ. Теперь, начиная съ четырнадцатой книги, они выходятъ выпусками. Четырнадцатая книга вышла въ 3, а пятнадцатая въ четырехъ выпускахъ. Шестнадцатая книга также предположена въ четырехъ выпускахъ. Нельзя, конечно, не привѣтствовать подобное нововведеніе. Оно не даетъ возможности залеживаться отпечатанному уже матеріалу въ типографіи и дѣлаетъ его скорѣе доступнымъ лицамъ, интересующимся имъ. Изданіе книгъ „Чтеній" выпусками предполагаетъ выходъ послѣднихъ въ опредѣленные сроки. Къ сожалѣнію этого, очевидно, нельзя было выполнить при изданіи шестнадцатой книги. До сихъ поръ вышелъ въ свѣтъ только послѣдній—четвертый выпускъ ея. „Первые три выпуска настоящей книги, составляющіе „Гоголевскій сборникъ", гласитъ объявленіе, въ непродолжительномъ времени выйдутъ въ свѣтъ". Должно быть, кропотливая работа, невольно связанная съ изданіемъ подобнаго рода юбилейныхъ сборниковъ, задерживаетъ и до сихъ поръ выходъ въ свѣтъ „Гоголевскаго сборника", который будетъ очень интереснымъ, по содержанію, если судить по заголовкамъ статей, въ немъ помѣщенныхъ.

Въ четвертомъ выпускѣ XVI т. окончена печатаніемъ статья *проф. Н. П. Дашкевича „Рыцарство на Руси въ жизни и поэзіи"*. Очень интересная по содержанію, статья эта обставлена громаднымъ научнымъ аппаратомъ, какъ обыкновенно умѣетъ обставлять свои статьи Н. П. Дашкевичъ. Написана она живо, порой увлекательно и читается съ неослабѣвающимъ интересомъ.

Задачей статьи Н. П. Дашкевича является выясненіе того, какъ проникали рыцарскіе идеи и идеалы въ русскія земли? Общій выводъ, къ которому приходитъ авторъ, такой: „рыцарскіе идеи и идеалы проникали въ Русь не въ такой слабой степени какъ можно было бы думать безъ ближайшаго разсмотрѣнія, притомъ вторгались къ намъ дважды, т. е. въ два различные періода русской исторіи, отдѣленные одинъ отъ другаго цѣлымъ вѣкомъ, именно въ столѣтіи XII и первой половинѣ XIII-го и вторично—съ конца XIV-го вѣка вплоть до XVII-го включительно.

Въ первый періодъ западное рыцарство передавало намъ не только свою внѣшность, но и свой кодексъ морали и даже нѣкоторыя изъ созданій своей поэзіи... Въ годы до татарскаго нашествія мы воспринимали лучшія черты западной рыцарственности безъ ея крайностей... Въ свѣтской поэзіи мы получили, повидимому, не мало заманчивыхъ принадлежностей западной романтики, и „Слово о полку Игоревѣ" можетъ быть признано отчасти и лучшимъ примѣромъ западнаго вліянія: это была какъ бы наша «Пѣснь о Роландѣ» но пѣснь болѣе живописная и поэтическая...

Во второй періодъ проникновенія къ намъ воздѣйствіе рыцарскихъ идей и идеаловъ сказывалось лишь въ Западной Руси.. Съ XVI-го вѣка рыцарскій идеалъ въ смыслѣ религіознаго воодушевленія и служенія защитѣ угнетенныхъ сталъ достояніемъ южно-русскаго козачества и, такимъ образомъ, пересталъ быть сословною принадлежностью, перешелъ въ массу южно-русскаго народа и пріобрѣлъ вполнѣ демократическій отпечатокъ... Запорожская Сѣчь была построена на началахъ внѣсословности и даже внѣнаціонализма. Въ украинской массѣ выработался своеобразный идеалъ «лыцаря», доселѣ памятный народу, какъ живетъ доселѣ въ южно-русской словесности и самое слово «лыцарь» [1]).

Живо написанное и обставленное солиднымъ фактическимъ матеріаломъ изслѣдованіе *проф. М. Н. Ясинскаго „Счисленіе суточнаго времени въ Западной Россіи и въ Польшѣ въ XVI—XVII в.в."* устанавливаетъ тотъ фактъ, что въ Литвѣ и Польшѣ счетъ суточныхъ часовъ шелъ непрерывно отъ 1 до 24 ч. «Такой способъ счисленія суточныхъ часовъ не былъ извѣстенъ ни грекамъ, ни римлянамъ, ни евреямъ временъ евангельскихъ, ни населенію Вел. Новгорода и Московскаго государства: у всѣхъ перечисленныхъ народовъ велся отдѣльный счетъ для дневныхъ и ночныхъ часовъ». За начало сутокъ въ Литвѣ и Польшѣ принималась полночь или вечеръ. Что касается времени, когда въ Литвѣ стали распространяться механическіе приборы для измѣренія времени, то данныхъ для установленія его нѣтъ; можно думать только, что въ Литвѣ они появились раньше, чѣмъ въ Московскомъ государствѣ и въ XVI вѣкѣ были уже довольно распространены.

---

[1]) Чтенія въ О-вѣ Нестора Лѣтописца кн. XVI вып. IV стр. 21—22.

Изъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Малороссіи, покойный А. М. Лазаревскій помѣстилъ въ настоящемъ выпускѣ очень важные *„гетманскіе универсалы о Кіевскомъ городскомъ хозяйствѣ (1677—1719 г.)“*. Первый изъ нихъ, относящійся къ 1677 г., представляетъ собою охранный листъ, выданный кіевскимъ мѣщанамъ при закупкѣ ими хлѣба въ разныхъ подесенскихъ мѣстахъ черниговскаго и нѣжинскаго полковъ»; 2, 5 и 8 (1698, 17..., 1716)—запрещеніе кіевскимъ козакамъ торговать водкою въ ущербъ кіевскому магистрату; 3-й (1699)—запрещеніе кіевскимъ козакамъ вмѣшиваться въ «права мѣскія ратуша кіевскаго» относительно суда въ «справахъ заграничныхъ людей»; 4-й (1706 г.)—ограждаетъ кіевскихъ мѣщанъ отъ обидъ при отправленіи подводной повинности; 6-й (1712 г.) говоритъ о раз мѣрѣ пошлины (индукты и электы) при заграничной и внутренней торговлѣ кіевлянъ; 7-й (1714) о сборахъ въ пользу города за торговлю въ Кіевѣ заграничными винами; 9-й (1718)—о разрѣшеніи кіевлянамъ пользоваться строевымъ деревомъ изъ окрестныхъ лѣсовъ, при возобновленіи послѣ пожара своихъ построекъ; 10-й (1719 г.)—о порядкѣ торговли въ Кіевѣ привозными водкою и винами и, наконецъ 11-й (1719 г.)—о правѣ прежнихъ собственниковъ городскихъ лавокъ (въ Кіевѣ) возобновлять ихъ послѣ пожара на прежнихъ мѣстахъ.

Напечатанное В. А. Чаговцемъ *„Свидѣтельство стародавнихъ людей“* даетъ нѣсколько любопытныхъ чертъ къ исторіи малорусскаго землевладѣлія. Свѣдѣнія относятся къ селамъ Выхвастову, Буровкѣ, Дроздовицѣ, слободѣ Невклѣ, Ловинь, Александровкѣ и селу Полуботкамъ.

Письма П. А. Кулиша къ М. И. Гоголь (1859—1863 г.) сообщены также В. А. Чаговцемъ. Они, конечно, интересны уже потому, что писаны Кулишемъ; кромѣ того они содержатъ нѣсколько чрезвычайно интересныхъ фактовъ какъ изъ литературной дѣятельности Кулиша (напр., исправленіе имъ проповѣдей протоіерея Гречулевича ко 2-му изданію), такъ и вообще для характеристики того времени, когда письма написаны. Всѣхъ ихъ 17, включая и маленькія записочки. Изъ нихъ мы цѣликомъ приведемъ одно письмо, въ котсромъ П. А. Кулишъ сообщалъ М. И. Гоголь *о смерти и похоронахъ Т. Г. Шевченка*. Письмо писано 9 марта 1861 года.

«Почтеннѣйшій другъ мой Марія Ивановна! Вѣроятно, и до Васъ дошелъ слухъ о смерти поэта Шевченка. Петербургское общество

выразило полное къ нему сочувствіе. Церковь не могла вмѣстить всѣхъ посѣтителей. Сошлись къ нему на похороны люди разныхъ націй и званій, потому что въ Шевченкѣ публика видѣла поэтическаго дѣятеля народной свободы. Такъ какъ я зналъ, что Шевченка будутъ хоронить не одни украинцы, то и не приготовилъ надгробнаго слова, которое должно было быть на языкѣ украинскомъ; но въ церкви я узналъ, что многіе приготовили украинскіе рѣчи и стихи, а меня начали просить, чтобы я сказалъ что-нибудь... Тогда я обдумалъ небольшую рѣчь и первый говорилъ надъ гробомъ Шевченка [1]). Вы удивитесь, когда я скажу, что великорусскіе посѣтители остались еще больше довольны моимъ словомъ, чѣмъ украинцы. Они никакъ не воображали, чтобъ украинскій языкъ могъ выражаться съ такимъ достоинствомъ о предметахъ высокихъ. Тутъ стояли враги мои Панаевъ и Некрасовъ, но и тѣ очень хвалили мою рѣчь общимъ нашимъ знакомымъ. Многіе плакали, а при выходѣ изъ церкви люди, мало знакомые со мной, тѣснились ко мнѣ, чтобы пожать мнѣ руку и поблагодарить. Дѣло въ томъ, что я взялъ темою свободу мысли и идею народности и высказался такъ рѣшительно, какъ въ небольшомъ кружкѣ близкихъ людей. Моя рѣчь будетъ напечатана, а если не позволятъ, то она есть въ Полтавѣ: я послалъ Пильчикову для прочтенія братіи. За мною говорилъ Бѣлозерскій и за нимъ Костомаровъ—лица, пострадавшія съ Шевченкомъ за благородство убѣжденій. Это было поразительно. Послѣ того говорилъ одинъ полякъ отъ имени Польской націи, которая посредствомъ высшихъ умовъ ищетъ съ нами примиренія, воздавая должную дань уваженія нашему поэту. Потомъ читались стихи на украинскомъ языкѣ. Остальныя рѣчи на украинскомъ и русскомъ языкѣ говорились на кладбищѣ. Студенты несли гробъ Шевченка, который, противъ обычая столичнаго, былъ открытъ. Крышку несли особо. Поэтъ былъ буквально укрытъ лавровыми вѣнками. И теперь еще его могила безпрестанно укрывается свѣжими цвѣтами. Кіевляне просятъ перевезти его прахъ въ Украину, принимая на себя всѣ издержки; а здѣсь тоже собрано болѣе тысячи р. ср. для той же цѣли. Если только правительство не воспрепятствуетъ, то перенесеніе праха Шевченкова будетъ тріумфальнымъ

---

[1]) Отрывокъ изъ этой рѣчи приведенъ въ біографическомъ очеркѣ г. Шенрока.

шествіемъ черезъ города и села украинскіе. Это должно совершиться во исполненіе его завѣта, написаннаго еще въ 1846 году:

Якъ умру, то поховайте
Мене на могилі
Середъ степу широкого,
На Вкраіні милій,—
Щобъ лани широкополі,
И Дніпро, и кручи
Були видні, було чути,
Якъ реве ревучій и пр. и пр. [1]).

Въ заключеніе нашего обзора 4-го выпуска шестнадцатой книги Чтеній отмѣтимъ еще двѣ чрезвычайно важныя замѣтки академика А. И. Соболевскаго, помѣщенныя въ отдѣлѣ «Библіографическія рѣдкости». Одна изъ нихъ касается лубочныхъ изданій кіево-печерской лавры 17 и начала 18-го вѣка, религіознаго содержанія, которыя имѣли хорошій сбытъ въ Великороссіи. Подлинники этихъ изданій не сохранились, но за то сохранились рукописи, списанныя, очевидно, съ этихъ изданій. Академикъ А. И. Соболевскій указываетъ теперь, что одно изъ изданій кіево-печерской лавры отъ 1683 года сохранилось въ Ростовскомъ музеѣ.

Въ другой своей замѣткѣ, озаглавленной „Мало извѣстное сочиненіе І. Галятовскаго, А. И. Соболевскій отмѣчаетъ, что брошюра Галятовскаго „Rycerz prawoslavnokatolickiej cerkwi“, упоминаемая проф. И. Ф. Сумцовымъ въ монографіи его объ Іоанникіи Галятовскомъ, но ему неизвѣстная, сохранилась въ прекрасномъ экземплярѣ въ Московской типографской библіотекѣ подъ № 4220—1. Академикъ А. И. Соболевскій сообщаетъ полностью длинное заглавіе этой книги.

Изъ сдѣланнаго нами перечня можно видѣть, какимъ богатствомъ и цѣнностью матеріаловъ отмѣчается четвертый выпускъ XVI книги «Чтеній». Въ этомъ, конечно, несомнѣнная заслуга ея редактора.

Н. В.

---

[1]) Чтенія кн. XVI вып. IV стр. 110—111.

Очаковъ. Краткій историческій очеркъ военныхъ дѣйствій русскихъ морскихъ и сухопутныхъ войскъ у стѣнъ Очаковской твердыни, по случаю спуска въ Высочайшемъ присутствіи, крейсера 1-го ранга „Очаковъ" при Лазаревскомъ Адмиралтействѣ Севастопольскаго порта 21-го сентября 1902 года. *Составилъ по порученію начальства лейтенантъ П. И. Бѣловетцъ. Издано при содѣйствіи Севастопольскаго порта. Севастополь, 1902.*

Вслѣдъ за широковѣщательнымъ заглавіемъ слѣдуетъ сжатое предисловіе, въ которомъ сообщаются слишкомъ уже краткія свѣдѣнія о новомъ крейсерѣ, а за симъ идетъ историческій очеркъ «военныхъ дѣйствій русскихъ морскихъ и сухопутныхъ войскъ у стѣнъ Очаковской твердыни». Самъ авторъ называетъ его «краткимъ», но онъ несоразмѣрно кратокъ только для X—XVII вв. и достаточно подробенъ для XVIII и XIX вв. Краткость изложенія военныхъ дѣйствій перваго періода авторъ часто объясняетъ тѣмъ, что у него или „нѣтъ возможности," или „нѣтъ мѣста" (?) сообщать подробности. Говоря о военныхъ дѣйствіяхъ „у стѣнъ Очаковской твердыни", авторъ лишь упоминаетъ о дѣйствіяхъ запорожцевъ—«этой воинственной христіанской республики, безшабашной вольницы», оправдываясь страннымъ мотивомъ, что онъ не можетъ подробно «указывать эти походы (козацкіе) *за неимѣніемъ мѣста*». Нѣсколько страннымъ кажется намъ взглядъ автора на запорожцевъ, какъ на „безшабашную вольницу", когда значеніе Запорожья и цѣлесообразность козацкой борьбы съ Крымомъ вполнѣ установлена исторіей. Все вниманіе автора обращено на военныя дѣйствія въ XVIII и XIX вв.; имъ подробно изложено въ 4-хъ главахъ взятіе Очакова русскими въ 1737 году, первая турецкая война въ 1769—1774 гг., вторая турецкая война въ 1787—1791 гг. и нападеніе союзниковъ на Очаковъ и Кинбурнъ въ Крымскую кампанію 1853—1855 гг. Очеркъ написанъ живо, читается съ интересомъ; внѣшность изданія изящна. Кромѣ портретовъ царственныхъ лицъ, къ очерку приложены также портреты историческихъ дѣятелей и снимки съ картинъ, изображающихъ военныя дѣйствія, а равно множество военныхъ плановъ. Эти многочисленныя приложенія, нерѣдко заключающія матеріалъ для исторической топографіи мѣстности, придаютъ извѣстную научную цѣнность самой книгѣ, несмотря на ея фактическую неполноту относительно событій, предшествовавшихъ XVIII ст.

И. К.

Необходимое объясненіе по поводу рецензіи г Гринченка. *(См. Кіев. Стар. 1903 г. № 1-й).*

Въ видахъ возстановленія истины, я считаю необходимымъ сдѣлать нижеслѣдующее объясненіе по поводу напечатанной въ январьской книжкѣ „Кіев. Стар.“ рецензіи г. Б. Гринченка моихъ брошюръ по народной технической терминологіи.

Въ статьѣ „Къ вопросу о толковомъ словарѣ украинской народной терминологіи“, я (см. стр. 4) обращалъ прежде всего вниманіе на то, что „самое наименованіе промысловъ, какъ равно техническіе термины не имѣютъ ничего общаго съ литературными названіями“—и въ доказательство привелъ цѣлый рядъ техническихъ наименованій *туземныхъ* и *литературныхъ*. Не я виноватъ, что оставивъ это безъ должнаго вниманія, г. рецензентъ усмотрѣлъ далѣе—на стр. 6—въ приведенныхъ имъ примѣрахъ—мое изложеніе „довольно сбивчивымъ и неяснымъ“. Рѣшительно не могу уразумѣть—какимъ это образомъ у г. рецензента „выходитъ, какъ будто въ украинской терминологіи нѣтъ или почти нѣтъ ничего украинскаго“, когда я именно послѣднюю противопоставляю отечественной или литературной (стр. 4), и говорю далѣе „вполнѣ аналогична терминологія и по всѣмъ другимъ промысламъ...: между тѣмъ огромное число неграмотныхъ кустарей въ городахъ и селеніяхъ Полтавщины сжились въ продолженіе вѣковъ и въ преемствѣ ряда поколѣній съ терминологіей и техническими пріемами и способами предковъ и другой терминологіи не вѣдали и не вѣдаютъ“ [1]).

За симъ въ § 2 инструкціи я предложилъ приступающему къ собиранію матеріаловъ—„*сперва подробно осмотрѣть* полный наборъ всѣхъ инструментовъ и друг. приспособленій, а также *прослѣдить на дѣлѣ всѣ операціи* кустаря, съ помощію которыхъ постепенно превращался сырой матеріалъ въ готовое издѣліе въ окончательно отдѣланномъ видѣ“, но все это г. рецензентъ проглядѣлъ или оставилъ безъ вниманія. Правда, я не указалъ на то, что „при описаніи необходимы (по замѣчанію г. рецензента) рисунки, чертежи (хоть грубые)“ зная по непосредственному опыту во многихъ случаяхъ не-

---

[1]) Да, это сказано на с. 4, но то, что говоритъ авторъ на стр. 6 и что приведено въ моей рецензіи, противорѣчитъ этому, да и въ самомъ себѣ заключаетъ нѣсколько противорѣчій, которыя я и указалъ. Б. Г.

сподручность подобной работы, да и не считаю это существенно необходимымъ для „толковаго" словаря, тогда какъ безъ рисунковъ и чертежей немыслимъ спеціально техническій словарь, о которомъ я не помышлялъ[1]).

Что касается самого словаря, то раздѣливъ его на три отдѣла, я ясно сознавалъ, что „безспорно, принятая на этотъ разъ классификація кустарно-промышленной терминологіи, въ видѣ первоначальнаго опыта систематической разработки толковаго словаря, не можетъ удовлетворить *строгихъ научныхъ* требованій». Понималъ я хорошо также и то, что „собранныя во время экспедицій, попутно народныя поговорки и изреченія, конечно, *не относятся къ технической терминологіи*..." и т. д.[2]) (предисл. 6) но едва-ли это давало г. рецензенту право выразить, что „съ такимъ же точно основаніемъ можно было бы включить въ словарь и весь сборникъ, напр. Номиса". Вѣдь по поводу собранныхъ мною поговорокъ и изреченій, я объяснилъ (стр. 71), что „на этотъ разъ сдѣлана попытка группировки матеріала по главнѣйшимъ предметамъ—въ видѣ характеристикъ быта земледѣльцевъ, нѣкоторыхъ кустарей и ремесленниковъ", въ томъ числѣ введена рубрика „характеристика отдѣльныхъ лицъ" (стр. 73).

Наконецъ, если обратить вниманіе на сдѣланное мною (стр. 4) объясненіе различія между кустаремъ и ремесленникомъ; если принять въ соображеніе, что могъ быть собранъ матеріалъ по терминологіи только 25 промысловъ, и что „громадное большинство сельскихъ занятій и промысловъ, не имѣющихъ *кустарнопромышленнаго* характера остается до настоящаго времени безъ систематическаго обслѣдованія",—то станетъ понятнымъ включеніе въ „особое прибавленіе" (стр. 55—56) терминологіи случайно или попутно собранной по нѣ-

---

[1]) Въ рецензіи говорится ясно, что для неопытнаго собирателя матеріала указанія г. В недостаточны. Стоитъ просмотрѣть хотя бы рядъ томовъ „Материялів до українсько-р. етнології", чтобы не согласиться съ авторомъ и относительно несущественности рисунковъ въ матеріалахъ для техническаго словаря. Б. Г.

[2]) Но въ такомъ случаѣ ихъ и слѣдовало издать отдѣльно и не разбивать на рубрики *по промысламъ* рядъ общеупотребительнѣйшихъ выраженій и пословицъ, въ большинствѣ случаевъ не имѣющихъ къ промысламъ даже и отдаленнаго отношенія (стр. 72 и слѣд.), а тѣмъ болѣе не включать въ первые два отдѣла такихъ, напр., словъ какъ *холодокъ* (тѣнистое мѣсто)—въ терминологіи *сапожничества*! (стр. 24). Б. Г.

которымъ промысламъ. Терминологія же, по указаннымъ г. рецензентомъ промысламъ, оказывается не „разорванною на двѣ части“ потому, что съ моей точки зрѣнія установлено различіе между кустарными промыслами и сельскимъ хозяйствомъ, вслѣдствіе чего и матеріалъ разгруппированъ такъ, а не иначе по отдѣламъ[1]).

Скажу въ заключеніе, что алфавитнаго указателя я не успѣлъ составить при отсылкѣ рукописи для напечатанія въ трудахъ Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда.

Настоящимъ объясненіемъ считаю вопросъ исчерпаннымъ окончательно.

В. Василенко.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Разсмотрѣны для этой книжки слѣдующіе журналы конца 1902 года и начала 1903 года: 1) Русскій Архивъ, 1903 года № 1; 2) Русская Старина, 1903 г. № 1; 3) Историч. Вѣстникъ, 1902 г. № 12 и 1903 г. № 1; 4) Вѣстн. Европы, 1903 г. № 1; 5) Русская Мысль, 1902 г. № 12; 6) Міръ Божій, 1903 г. № 1; 7) Русскій Вѣстникъ, 1903 г. № 1; 8) Научное обозрѣніе, 1902 г. № 12; 9) Русская Школа, 1902 г. № 12; 10) Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1902 г. № 12; 11) Варшав. Университет. Извѣст. 1902 г. № 6, 7 и 8; 12) Земскій Сборн. Черниговской губ. № 12; 13) Літерат.-Науковий Вістн. 1903 г. № 1; 14) Wisła, 1903 г. № 1.

Историческій Вѣстникъ, 1902 г. № 12.

Г. Градовскій.—«Встрѣчи съ Царемъ-Освободителемъ» (стр. 933—940). Здѣсь передано три эпизода встрѣчъ автора съ Императ. Александромъ 2-мъ. Первая встрѣча—въ Харьковѣ въ 1859 г., когда авторъ былъ еще студентомъ и былъ свидѣтелемъ посѣщенія импер. Александромъ 2-мъ этого города и между прочимъ университета. Второй эпизодъ, наиболѣе интересный, относится къ 1868 году, когда им-

---

[1]) Но вѣдь это различіе *экономическаго* характера и достаточно взглянуть на указанные мною (стр. 27 рецензіи) отдѣлы, чтобы увидѣть, что нѣтъ никакой надобности и неудобно сохранять его въ *филологической* работѣ; впрочемъ, это и безъ того ясно. Б. Г.

ператоръ посѣтилъ въ Петербургѣ больного А. П. Безака, кіевскаго генералъ-губернатора, при которомъ, въ качествѣ чиновника, состоялъ г. Градовскій. Третій случай встрѣчи—у граф. А. Д. Блудовой въ Петербургѣ въ 1873 г.

1903 г. № 1.

Г. К. Градовскій—«Полвѣка назадъ» (Отрывокъ изъ воспоминаній) (стр. 103—117).

Здѣсь находимъ нѣсколько очень блѣдныхъ картинокъ изъ жизни Харькова въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, т. е. въ тѣ годы, когда авторъ воспоминаній учился въ харьковской гимназіи.

Въ отдѣлѣ *«Критика и библіографія»* даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ, касающихся Малороссіи: 1) *В. И. Ясевичъ-Бородаевская.* Сектантство въ Кіевской губерніи: баптисты и малеванцы. Спб. 1902 г. (стр. 319—322); 2) *Гоголь на родинѣ.* Альбомъ художественныхъ фототипій и геліогравюръ. І. Хмѣлевскаго. Полтава 1902 г. (стр. 343).

Помѣщенъ краткій некрологъ *И. А. Грабовскаго,* о которомъ статью мы помѣщаемъ въ настоящемъ номерѣ (стр. 404).

Вѣстникъ Европы, 1903 г. № 1.

А. В. Романовичъ-Славатинскій.—«Моя жизнь и академическая дѣятельность 1832—1884 г.г. Воспоминанія и замѣтки» гл. I—III (стр. 138—197). Въ первыхъ трехъ главахъ этихъ воспоминаній, принадлежащихъ перу заслуженнаго профессора Кіевскаго университета А. В. Романовича-Славатинскаго, читатель съ удовольствіемъ прочтетъ живо изображаемые моменты изъ жизни дѣтства и гимназическихъ лѣтъ ученія автора. Всѣ эти моменты связываются съ мѣстами и лицами, принадлежащими нашей Малороссіи: сначала характеризуется помѣщичій кругъ переяславскаго и лохвицкаго уѣздовъ; затѣмъ, въ періодъ дѣтскаго ученія въ Кіевѣ въ 1843 и 1844 г. г., даются коротенькія замѣтки объ университетской средѣ, съ которой авторъ воспоминаній былъ немного знакомъ, живя въ зданіи университета во время приготовленія къ гимназическому ученію; наконецъ, особенно любопытными являются воспоминанія изъ періода ученія въ Нѣжинѣ, до самого окончанія гимназическаго курса.

Русская Мысль, 1902 г. № 12.

Въ статьѣ *«Русскіе писатели въ ихъ перепискѣ»* напечатана записка Т. Г. Шевченка при посылкѣ экз. Кобзаря для передачи А. И. Герцену (стр. 165). См. объ этой запискѣ въ отдѣлѣ «Документы, извѣстія и замѣтки».

Въ *Библіографическомъ отдѣлѣ* помѣщенъ маленькій отзывъ о книгѣ *А. Крымського* «Пальмове гылля». Звеныгородка 1902 р. (стр. 421).

Міръ Божій, № 1.

Въ отдѣлѣ *библіографическомъ* помѣщенъ отзывъ *М. Славинскаго* о книгѣ Т. Г. Шевченко. Переводъ С. П. Дремцова, Вып. 1-ый. Вятка, 1902 г. Цѣна 45 к.» (стр. 59—61).

Научное Обозрѣніе, декабрь.

Ив. Стешенко.—«Новѣйшая украинская поэзія». Стр. 36—55.

Работа г. Стешенка представляетъ собой попытку освѣтить и объяснить развитіе новѣйшей украинской поэзіи, отмѣтить ея характерныя черты и особенности,—попытку, нужно сказать, автору совершенно не удавшуюся. Поражаетъ читателя какой-то странный масштабъ, съ которымъ авторъ подходитъ къ оцѣнкѣ украинскихъ писателей. Такъ, напр., оказывается, что „продолжая дѣло предшественниковъ (Котляревскаго и А.-Гулака), Шевченко, ***понятно (?), не создалъ ничего новаго и оригинальнаго*** (курсивъ вездѣ нашъ), что дало бы основаніе думать о постоянной жизни и способности къ развитію украинской поэзіи“ (стр. 41), между тѣмъ какъ г. Старицкій„ сказалъ новое слово въ поэзіи въ отношеніи своихъ предшественниковъ“ (стр. 48). Точно также, упомянувъ лишь о Щоголевѣ, Кулишѣ, Конисскомъ и Руданскомъ и ни словомъ не обмолвившись, напр., о г. Гринченкѣ, г. Стешенко отводитъ почетное мѣсто—г-жамъ Старицкой и Романовой. Впрочемъ о первой изъ названныхъ писательницъ самъ г. Стешенко, открывши даже „ея (!) школу“ среди современныхъ украинскихъ поэтовъ, принужденъ сознаться, что „окончательно опредѣлить ея направленіе довольно трудно“, такъ какъ она „пишетъ слишкомъ мало“ (стр. 52). „Тяжелая рука“ Шевченка оказывается повинной въ томъ, что „почти всѣ виднѣйшіе его преемники-поэты допускаютъ неуклюжесть освястихащенную (,!) ихъ великимъ учителемъ“—это утвержде-

ніе читатель найдетъ на стр. 45 работы г. Стешенка. Не обошлось также безъ странныхъ и для читателя непонятныхъ противорѣчій, взаимно другъ друга уничтожающихъ. Такъ напр., говоря о поэзіи Шевченка, г. Стешенко на стр. 44 замѣчаетъ: „какъ бы близко ни подошла она (поэзія Шевченка) къ западной поэзіи, за ней все-таки числился одинъ дефектъ,—именно отсутствіе обращенія къ интеллигенціи и малое развитіе субъективной лирики", а *буквально черезъ пять строчекъ* Шевченко уже является „яркимъ представителемъ" той самой субъективно-интеллигентной, по выраженію г. Стешенка, лирики, отсутствіе или малое развитіе которой было ему поставлено въ дефектъ.

Русская школа, декабрь.

Калишевичъ Н.—«Среднее и начальное образованіе въ Кіевскомъ учебномъ округѣ» (окончаніе). Стр. 96—119.

На основаніи данныхъ изъ отчетовъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, статья г. Калишевича даетъ очеркъ положенія школьнаго дѣла въ названномъ округѣ.

Бѣлоконскій И. П.—«Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію въ 1902 г.» (окончаніе). Стр. 173—179.

Въ отдѣлѣ библіографіи данъ отзывъ объ извѣстной книгѣ проф. Мандельштама „О характерѣ гоголевскаго стиля".

Варшавскія Университетскія Извѣстія, кн. VII.

Проф. Филевичъ И. П.—«Изъ исторіи Карпатской Руси» (продолженіе). Стр. 1—32.

Въ настоящей части своего изслѣдованія авторъ излагаетъ событія 1848 года, удѣляя больше вниманія внѣшнимъ проявленіямъ политическаго положенія, чѣмъ внутренней жизни народа. Что касается русиновъ, то авторъ продолжаетъ упорно именовать и считать ихъ „русскими", несмотря на то, что этому противорѣчатъ приводимые имъ же самимъ факты.

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, декабрь.

Въ приложеніи продолжается печатаніе „Генеральнаго слѣдствія о маетностяхъ Черниговскаго полка", подъ редакціей Н. П. Василенка.

Літературно науковий Вістник, січень.

Зміст: Із поезий *Лесі Украінки.—О. Кобиляньска*—Через море (нарис).—*Ів. Франко*—Лісова ідилля (поема).—*М. Старицький*—Заклятий скарб (подільська легенда).—Дрібні малюнки: В лісі, *Е. Ярошиньскоі,* Береза, *Я. Жарка*; В читальні, *Н. Николаєва*; Остап Мельниченко, *М. Корчинського*; На кладовищі, *О. Д-ка.—Вол. Короленко*—Оповідане про Фльора-Римлянина і про Агріппу-царя.—Із поезий Гете, переклад *Куліша.*—Оліва Шрайнеръ—мріі і сни, переклад *Насті Грінченко.*

Де-що про Закопане, *Вол. Шухевича*—Данська література по р. 1870, *Ю. Брандеса.*—Де-що про бандуристів та лірників, *Г. Хоткевича.*—Наукові листки.—Хроніка і бібліографія.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 5 журнала «Молода Украіна» помѣщена статья С. Людкевича *«Про композиции до поезіи Шевченка»*. Авторъ отмѣчаетъ трудность переложенія на музыку стихотвореній Шевченка, которая объясняется особымъ характеромъ послѣднихъ: указываетъ на неудачныя музыкальныя произведенія на слова Шевченка галицкихъ композиторовъ пр., Воробкевича и о. Кишакевича, признавая единственнымъ въ этой области талантливымъ композиторомъ Н. В. Лисенка, хотя и въ его «Хустыни» замѣтна неорганичность композиціи. Вообще же, авторъ не совѣтуетъ браться за произведенія Шевченка композиторамъ безъ высшаго музыкальнаго образованія и глубокаго знанія украинской народной поэзіи.

По поводу истекшаго 9 января столѣтія со дня смерти послѣдняго украинскаго гетмана—гр. Кирилла Разумовскаго «Кіевская Газета» (№ 9) помѣстила его портретъ и статью г. Лащенка: «Къ столѣтію со дня смерти послѣдняго украинскаго гетмана—графа Кирилла Разумовскаго». Въ своей статьѣ г. Лащенко излагаетъ причины, приведшія къ уничтоженію гетманщины и біографію послѣдняго гетмана, а также даетъ сжатую, но достаточно опредѣленную характеристику его личности. Подобныя же замѣтки появились въ

«С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 8) и „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" (№ 18, статья г. П. Быкова).

Въ № 20 «Кіевской Газеты» помѣщена замѣтка г. Мировця по поводу статьи объ украинской литературѣ въ англійскомъ журналѣ «The Athenaeum» („Англичанинъ объ украинскомъ изданіи"). Передавъ содержаніе статьи англійскаго журнала, г. Мировець особенно подчеркиваетъ то обстоятество, что *англійскій* журналъ, *англійскіе* слависты интересуются украинской литературой и относятся къ ней благожелательно и безпристрастно, тогда какъ многіе изъ органовъ *русской* прессы и нѣкоторые изъ *русскихъ* славистовъ „къ украинству и украинской литературѣ относятся или съ враждою, или съ холоднымъ презрѣніемъ и плохо скрываемымъ пренебреженіемъ, или—наичаще—съ полнымъ равнодушіемъ... и если бы могли, то съ удовольствіемъ уничтожили бы и ненавистный имъ украинскій языкъ, и возмущающую ихъ украинскую литературу". „Не странно ли это?"—такимъ вполнѣ понятнымъ вопросомъ заканчиваетъ свою замѣтку г. Мировець.

Въ № 358 „Кіевской Газеты" помѣщена интересная замѣтка г. Мировця—«Къ вопросу о мѣстномъ элементѣ въ народномъ образованіи». Изложивъ содержаніе уже извѣстнаго нашимъ читателямъ доклада г. Немоловскаго въ хотинскомъ уѣздномъ комитетѣ о нуждахъ сельско-хозяйств. промышленности, г. Мировець такъ заканчиваетъ свою замѣтку: «Намъ кажется, что не далеко ужъ то время, когда на вопросъ о мѣстномъ элементѣ въ народной школѣ будутъ смотрѣть. какъ на вопросъ исключительно школьный и отнюдь не политическій. Тогда исчезнетъ боязнь всякаго рода «измовъ» и «фильствъ», тогда прекратятся излишнія подозрѣнія въ отношеніи къ многимъ самоотверженнымъ дѣятелямъ на нивѣ народнаго просвѣщенія,—и народное образованіе пойдетъ болѣе вѣрными, смѣлыми и быстрыми шагами... Мы твердо вѣримъ, что не далеко ужъ то время: gutta cavet lapidem non vi, sed saepe cadendo»...

„Slovanský Prehled" въ 3 выпускѣ за декабрь помѣстилъ статью В. Гнатюка „Украинскій языкъ и русская цензура" и нѣсколько не-

большихъ замѣтокъ, касающихся украинской общественной жизни и литературы.

Въ № 304 газеты „Вѣстникъ Юга" г-номъ Ков.-Кол. помѣщенъ фельетонъ „Изъ новостей малорусской литературы", содержащій обзоръ послѣднихъ книжекъ „Кіевской Старины" за прошлый годъ. Авторъ фельетона останавливается на украинскихъ произведеніяхъ г.г. Яновской, Винниченка и Чернявскаго, а также и на статьѣ С. Ефремова „Въ поискáхъ новой красоты".

Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ (№ 20) помѣщенъ отзывъ о вышедшей недавно книгѣ „Литературный збирныкъ, зложеный на спомынъ Олександра Кониського". О той же книгѣ даны отзывы въ № 391 „Кіевскаго Слова" и „Волыни" № 7.

Въ № 10 „Волыни" данъ сочувственный отзывъ о книгѣ Андрея Конощенка „Украиньски писни зъ нотамы. Друга сотня". Въ № 8 той же газеты помѣщена рецензія на сборникъ стихотвореній И. Федорченка „Въ чаду мрій"; рецензію на послѣднюю книжку находимъ также въ III выпускѣ харьковскаго журнала „Мирный Трудъ".

Въ № 4 „Приложеній къ Вятскимъ губ. Вѣдомостямъ помѣщенъ сочувственный отзывъ о переводахъ изъ „Кобзаря" С. П. Дремцова.

Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ"; № 22 напечатанъ переводъ съ малорусскаго разсказа Павла Смутка „Марійка"; малорусскій оригиналъ помѣщенъ въ изданіи „Литературный збирныкъ", посвященное памяти А. Конисскаго, Кіевъ 1903 г.

Въ №-рахъ 18 и 19 газеты „Волынь" помѣщена обстоятельная характеристика литературной дѣятельности покойнаго. П. А. Грабовскаго („Памяти П. А. Грабовскаго"), принадлежащая г-ну Мировцю.

Некрологи П. А. Грабовскаго помѣщены въ слѣдующихъ изданіяхъ: „Сибирскій Листокъ“ (№ 96 за 1902 г.), „Югъ“ (№ 1382), „Кіевское Слово“ (№ 5374), „Волынь“ (№№ 276 и 13) „Харьковскія губ. Вѣдомости“ (№ 335) и «Кіевская Газета» (№ 350).

Въ № 17 газеты „Волынь“ находимъ отзывъ о 1-мъ томѣ „Творивъ Степана Руданського“; въ № 19 той же газеты помѣщена сочувственная рецензія на „Збирныкъ поэзій М. Чернявського—Зори“.

Въ № 1 „Волыни“ за настоящій годъ напечатанъ въ русскомъ переводѣ очеркъ г-жи Кибальчичъ „Отрывки изъ автобіографіи Идеи“. Съ № 20 той же газеты начатъ печатаніемъ переводъ разсказа, принадлежащаго г-ну Гринченко,—„Якъ я вмеръ“.

Разсказъ украинскаго писателя В. Стефаныка „Кленові листки“, переведенъ на польскій языкъ.

Въ № 329 „Харьковскихъ губ. Вѣдомостей“ помѣщена корреспонденція г. Василенка изъ Полтавы—„Бандуристы и лирники“, содержащая отзывъ объ извѣстномъ полтавскомъ концертѣ народныхъ пѣвцовъ.

Въ № 335 «Харьковскихъ Губ. Вѣдомостей» за прошлый годъ помѣщена этнографическая замѣтка И. Б—ева «Сочельникъ у валашскихъ хохловъ», содержащая описаніе народнаго празднованія сочельника у украинцевъ, живущихъ среди молдаванъ.

При разборѣ бумагъ, оставшихся послѣ смерти проф. Императорской военно-медицинской академіи Ѳ. И. Пастернацкаго, найдена среди другихъ рукописей и замѣтокъ вполнѣ готовая къ печати рукопись покойнаго, озаглавленная: «Полѣсье въ климатическомъ и санитарно-бытовомъ отношеніи и его обитатели». Конференція академіи, до свѣдѣнія которой было доведено объ этомъ обстоятельствѣ, постановила напечатать этотъ посмертный трудъ покойнаго профессора Ѳ. И. Пастернацкаго въ «Извѣстіяхъ» Императорской военно-медицинской академіи. («Извѣстія по литер. наук. и библіографіи», 1902 г., № 2).

На елкѣ, устроенной 27 декабря въ школѣ станицы Новотиторовской (Кубанской области) особенно сильное впечатлѣніе на присутствующихъ было произведено чтеніемъ украинскихъ стихотвореній, исполненныхъ учениками мѣстной школы. Прочитаны были басни Глѣбова: «Вовкъ та ягня» и «Жаба та вилъ» и стихотвореніе Кулиша «Чумацьки диты». («Кубанск. Обл. Вѣдомости», № 4).

Въ № 1382 газеты «Югъ» помѣщена замѣтка по поводу солдатскихъ спектаклей. Авторъ замѣтки рѣшительно возстаетъ противъ «драматическаго мусора, написаннаго суконнымъ языкомъ, съ кисло-сладкой приторной тенденціей», господствующаго на сценѣ солдатскаго театра и предлагаетъ эти бездарныя произведенія замѣнить болѣе подходящими пьесами. «Мы говоримъ здѣсь,—продолжаетъ авторъ,—о малороссійскихъ одно или двухъ-актныхъ произведеніяхъ, таковы: «По ревизіи», «Кумъ мирошныкъ», «Бувальщина», «Риздвянный вечиръ», «Гласный», «Якъ ковбаса та чарка, то минется й сварка», «Простакъ», «Досвиткы», «Москаль Чаривныкъ», «За двома зайцямы», «Запорожецъ за Дунаемъ», «Пошылысь у дурни» и т. д. Пьесы эти, написанныя безъ предвзятыхъ тенденцій, выхвачены талантливыми писателями изъ глубины народной жизни—родной и понятной солдату—простолюдину. Пьесы эти художественны, сценичны, не особенно трудны для постановки и доставили-бы солдату громадное эстетическое наслажденіе, минуты неподдѣльнаго веселья».

Въ „Русск. Вѣдомост.“ (№ 21) помѣщена довольно большая статья объ историческомъ музеѣ Черниговскаго земства (бывшемъ В. В. Тарновскаго).

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

А....а Н.—Козакъ изъ украинской оперы „Катерына“. Спб. Ц. 60 коп.

Богородицкій В. А.—Склоненіе въ аріо-европейской грамматикѣ. Вып. 4. Казань, 1902. Ц. 80 к.

Винниченко В.—Биля машыны. Оповидання. Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“. Стор. 24. Кіевъ, 1902.

Голубовскій П. проф.—Съ какого времени можно прослѣдить на югѣ Руси способъ защиты таборомъ? Москва. 1901. Ц. 25 к.

Гульдманъ В.—Помѣстное землевладѣніе въ Подоліи. Изд. 2-е, дополнен. Стр. 250. Каменецъ-Подольскъ, 1902.

Ефремовъ С.—Въ поискахъ новой красоты. Замѣтки читателя. Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина". Стр. 113. Кіевъ, 1902.

Конисъкый-Перебендя О. Я.—Творы, томъ IV. Стор. 284. Одесса, 1903. Ц. 80 коп.

Косач Л. і Квітка К.—Дитячі гри, пісні й казки з Ковельщини, Лущини та Звегельщини на Волині. Изд. О-ва изслѣдователей Волыни. Стор. 37. Кіевъ, 1903. Ц 25 коп.

Краснянскій В.—Минскій департаментъ Великаго княжества Литовскаго (эпизодъ изъ исторіи войны 1812 г.) Спб. 1902. Ц. 60 к.

Кужеля А.—Коломийка на фортепян. VIII вып. „Видавництва музичного Станиславівського Бояна". Ц. 60 сот.

Лебедевъ Л. С.—Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности (по архивнымъ документамъ). Харьковъ, 1902. Ц. 2 руб.

Любичъ-Кошуровъ I.—Зеленыя святки. Изъ украинскихъ сказаній (Записано со словъ лирныка). Москва, 1902. Ц. 50 коп.

Морозовъ Ю.—О городищахъ харьковской губерніи. Харьковъ, 1901. Ц. 30 коп.

Рѣдинъ Е. К.—Икона „Недреманное око". 2 вып Харьковъ, 1902. Ц. 65 к.

Его же.—О лицевыхъ Синодикахъ, поступившихъ въ распоряженіе Харьк. предварит. Комитета XII арх. съѣзда. Харьковъ, 1902. Ц. 1 руб.

Его же.—Исторія искусства и русскія художественныя древности. Харьковъ, 1902. Ц. 50 к.

Смирновъ Я. И.—О бронзовомъ водолеѣ зап.-европ. работы, найденномъ въ харьковской губерніи, и другихъ подобныхъ находкахъ въ предѣлахъ Россіи. Харьковъ, 1902. Ц. 1 руб.

Тобилевичъ (Карпенко-Карый) Ив.—Драмы и комедіи, томъ III. Стор. 434. Одесса, 1903. Ц. 1 р. 25 к.

Толстой Лев.—Крейцерова соната. Вид. Видавничої Спілки. Стор. 185, in 16⁰. У Львові, 1902. Ц. 1 кор.

Франко Іван.—Захар Беркут, повість з громадянського життя Карпатськоі Руси в XIII в. Вид. Видавничої Спілки. Стор. 224. У Львові, 1902. Ціна 1-60 кор.

Черaковъ А.—Ѳ. В. Чижовъ и его связи съ Н. В. Гоголемъ. Біографическій очеркъ. Москва, 1902. Ц. 60 коп.

Чириковъ Г. Каменныя бабы въ харьковской губерніи. Харьковъ, 1901. Ц. 30 коп.

Як повстала наша земля і який буде ій кінець. Вид. т-ва „Руска Бесіда", ч. 167. Ціна 15 кор.

Яновсъка Л.—За высокымъ тыномъ. Оповидання. Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина". Стор. 23. Кіевъ, 1902.

Ясинскій М.—Счисленіе суточнаго времени въ Западной Руси и Польшѣ въ XVI—XVII в. Кіевъ, 1902. Ц. 20 к.

тикѣ въ магазинахъ: С. В. Кульженко, Л. и Влад. Идзиковскаго, Овчинникова, и Розова. 3) Въ Москвѣ и Петербургѣ у Метцль и К°.

Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ главную контору «Кіевскаго Слова»—Большая Владимірская, домъ № 43.

За Редактора *Т. В. Локоть.* Издательница *В. М. Антоновичъ.*

ОБЪЯВЛЕНІЯ: за строку петита или ея мѣсто въ одинъ столбецъ: на первой страницѣ—20 коп., послѣ текста—10 коп. При многократныхъ объявленіяхъ дѣлается уступка.

За разсылку при газетѣ приложеній—по 8 рублей съ тысячи вѣсомъ не болѣе одного лота каждое.

Редакція и главная контора помѣщаются на Екатерининскомъ проспектѣ, въ д. Немировскаго (противъ Городского сада).

ОБЪ ИЗДАНІИ КІЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ въ 1903 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университескаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностью Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универ. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и посторонних слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы дисертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п.. а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя. пробныя. публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—о ф ф и ц і а л ь н у ю и протоколы, отчеты и т. п. 2)—н е о ф ф и ц і а л ь н у ю (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ. состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки. списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

«*Университетскія Извѣстія*» въ 1903 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ «*Извѣстій*» безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе «*Университетскихъ Извѣстій*» 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается

«Университетскія Извѣстія» высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. О г л о б л и н у въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4. и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же. или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ *В. Иконниковъ*.

Только благодаря тому обстоятельству, что издатель журн. является въ то же время издат. всѣхъ произведеній Вас. Ив. Немировича-Данченко, и можно давать такія цѣнныя приложенія.

5) *Настольное роскошно-иллюстрир. изданіе* ПОЭМА ГЕТЕ «РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ» **12** пѣсенъ до *20 печ. листовъ 160 стр. больш. форм. Полный переводъ (безъ сокращеній) М. Достоевскаго.* съ 36 рисунками художн. *Каульбаха.* Заграничное нѣмецкое изданіе стоило около 30 руб., русское—(А. Ф. Маркса)—12 руб.

МЫ ДАЕМЪ «РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ» **БЕЗПЛАТНО.**

Уплатившіе сполна подписную сумму получатъ «РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ» **НЕМЕДЛЕННО** (№ 1 журнала).

Подписавшіеся въ разсрочку—по уплатѣ послѣдняго взноса.

Допускается разсрочка: при подпискѣ *2* руб., къ 1 марта *1* руб., къ 1 мая *1* руб. и къ 1 іюля *2* руб. Безъ доставки въ СПБ. пять рублей.

Подписка принимается у издателя П. П. Сойкина СПБ. Стремянная, 12, собст. д.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1903** ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

„НОВЫЙ МІРЪ“

Большой иллюстрированный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній.

ЗА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ

въ 1903 г. каждый подписчикъ „Новаго Міра“ получитъ съ доставкой и пересылкой слѣдующія изданія:

24 №№ интереснаго богато-иллюстрированнаго литературно-художественнаго журнала «НОВЫЙ МІРЪ» въ форматѣ лучшихъ наибольшихъ европейскихъ иллюстрацій.

24 №№ иллюстр. двухнедѣльнаго обзора текущей жизни—политической, общественной, литературн. и художеств., п. н. «ВСЕМІРНАЯ ЛѢТОПИСЬ»—въ форматѣ «Новаго Міра».

24 №№ особаго иллюстрированнаго журнала прикладныхъ знаній и новѣйшихъ изобрѣт., п. н. «МОЗАИКА», съ хроникою самообразованія и справочнымъ отдѣломъ.

52 №№ еженедѣльн. журнала «ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ», иллюстриров. вѣстника отчизновѣдѣнія, исторіи, культуры, государственной. общественной и экономической жизни Россіи.

52 №№ еженедѣльнаго обзора текущей русской жизни п. н. «ВРЕМЕННИКЪ ЖИВОПИСНОЙ РОССІИ». представляющаго собою полную еженедѣльную газету.

12 №№ ежемѣсячнаго журнала романовъ, повѣстей, разсказовъ, историческихъ очерковъ и проч. для семейнаго чтенія, п. н. «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА», и *ВЕЛИКОЛѢПНЫЯ БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ, состоящія изъ 12* изящно переплетенныхъ книгъ «БИБЛІОТЕКИ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ», въ составъ которыхъ войдутъ 6 томовъ сочиненій Д. И. СТАХѢЕВА въ *6 переплетахъ*, заключающіе въ себѣ, между прочимъ: 4 большіе романа, 3 большія повѣсти, нѣсколько разсказовъ и другихъ мелкихъ произведеній. 6 томовъ сочиненій С. СМАЙЛЬСА въ *6 переплетахъ*, заключающіе въ себѣ слѣдующія произведенія: «Характеръ», «Бережливость», «Самодѣятельность», «Долгъ», «Жизнь и трудъ» и «Вѣчный труженикъ». Кромѣ того, независимо отъ всѣхъ перечисленныхъ изданій и премій, гг. подписчики получатъ *безплатно* ДВА ЦѢННЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗДАНІЯ, а именно:

1) Графъ Л. Н. Толстой

въ изображеніяхъ живописцевъ, скульпторовъ и граверовъ, русскихъ и иностранныхъ, фотографическихъ портретахъ, снятыхъ въ разныхъ періодахъ его жизни, картинахъ, медаляхъ, рисункахъ, автографахъ, предметахъ, связанныхъ съ его именемъ и пр. и пр., хранящихся въ общественныхъ музеяхъ, библіотекахъ и коллекціяхъ частныхъ собирателей, въ Россіи и за границею, съ приложеніемъ мыслей и изреченій великаго писателя.

2) Русскій Музей Императора Александра III

Роскошное изданіе, содерж. свыше *120 картинъ*, съ описательнымъ текстомъ Н. Корсакова.

Годовая подписная цѣна «Новаго Міра» на *веленевой* бумагѣ, со всѣми объявленными приложеніями и безплатными преміями, съ доставкой и пересылкою въ Россіи—*14 р.* Съ пересылкой за границу—*24 р.*

Гг. подписчики, желающіе получить «Новый Міръ» на *слоновой* бумагѣ, уплачиваютъ за годовое изданіе журнала, съ упомянутыми приложеніями, вмѣсто 14 р.—*18* руб.; съ пересылкой за границу, вмѣсто 24 р.—*28* руб.

Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ не менѣе 2 р. и ежемѣсячно не менѣе 1 р., съ тѣмъ, чтобы вся подписная сумма была уплачена полностью не позже 10 декабря 1903 г.

Гг. подписчики, взамѣнъ сочиненій Д. И. Стахѣева и Самуила Смайльса, могутъ, по желанію, получить на выборъ *одно* изъ слѣдующихъ собраній сочиненій: или а) собраніе сочиненій *И. И. Лажечникова* въ *12* томахъ, или б) собраніе сочиненій *Архіепископа Иннокентія* въ *12* томахъ, или в) собраніе сочиненій *Генриха Гейне* въ *12* томахъ, или-же г) собраніе сочиненій *В. И. Даля* (Казака Луганскаго) въ *10* томахъ. Каждое изъ этихъ собраній будетъ выслано въ изящно *переплетенномъ* видѣ.—Интересующіеся-же сочиненіями *Д. И. Стахѣева* могутъ получить въ 1903 году *все собраніе сочиненій* этого писателя въ *12* изящно *переплетенныхъ* томахъ, при чемъ лишніе шесть томовъ будутъ высланы, взамѣнъ объявленныхъ шести томовъ сочиненій Смайльса.—О ВЫБОРѢ ПРЕМІИ просятъ гг. подписчиковъ заявлять *при самой подпискѣ.*

Подписка на «НОВЫЙ МІРЪ» принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ: въ С.-Петербургѣ, Гостинный Дворъ, 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій Мостъ, д. Джамгаровыхъ, а также во всѣхъ прочихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 лин., д. № 5—7.

Гг. подписчики „НИВЫ“ получатъ въ теченіи 1903 года:

52 №№ художественно-литерат. журнала „НИВА“ заключающаго въ себѣ въ теченіе года **до 2000 столбцовъ текста и 1100 гравюръ, рисунковъ и художественныхъ снимковъ.**

40 ТОМОВЪ „Сборника Нивы“ (каждый отъ 10—15 листовъ, въ общемъ около **9.000 страницъ**), содержащихъ:

Полное собраніе сочиненій въ 16 ТОМАХЪ

АНТ. П. ЧЕХОВА

[цѣна въ отдѣльн. продажѣ 17 р. 50 к.], которое будетъ отпечатано четкимъ шрифтомъ на **хорошо-глазированной бумагѣ** и будетъ выдано въ теченіе **одного 1903 года.**

И ОСТАЛЬНЫЕ 24 ТОМА ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛѢСКОВА

[цѣна въ отдѣльной продажѣ 17 р.], значительно дополненнаго многими произведеніями, не вошедшими въ прежнія изданія, въ томъ числѣ: **По поводу „Крейцеровой сонаты“, „Мелочи архіерейской жизни“ „Расточитель“** и друг.

12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧН. ЛИТЕРАТУРНЫХЪ и ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ», содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическія статьи *современныхъ* авторовъ и отдѣлы библіографіи, музыки, смѣси, шахматовъ и шашекъ, спорта, забавъ и разныхъ игръ. До *2000* столбцовъ текста съ иллюстраціями.

12 №№ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ», выходящихъ ежемѣсячно. До *200* столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. *Съ почтовымъ ящикомъ* для отвѣтовъ на разнообразные вопросы подписчиковъ.

12 ЛИСТОВЪ *рисунковъ (около 300) для рукодѣльныхъ и выпильныхъ* работъ и *для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину,* выходящихъ ежемѣсячно.

1 „Стѣнной календарь“ на **1903** годъ, отпечатаный въ 9 красокъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годовое изданіе со всѣми приложеніями: *безъ доставки*: 1) *въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ—6 р. 50 к.,* 2) *въ МОСКВѢ* въ конт. *Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ* (Петровск. линіи)—*7 р. 25 к.,* 3) въ *ОДЕССѢ* въ книж. маг. «*ОБРАЗОВАНІЕ*» (Ришильевск.. № 12)—*7 р. 50 к. СЪ ДОСТАВКОЙ ВЪ С.-ПЕ-*

комъ смыслѣ слова.—Второй отдѣлъ—**„Временникъ живописной Россіи"—является серьезной еженедѣльной газетой,** имѣющей цѣлью дать интеллигентному читателю въ живомъ и исключительно фактическомъ изложеніи точное и правдивое изображеніе того, какъ живетъ Россія въ настоящемъ.

Оба отдѣла «Живописной Россіи», занимающіе, какъ по новизнѣ своей программы, такъ и по средствамъ ея достиженія, совершенно обособленное положеніе въ семьѣ русской печати, даютъ читателю возможность обогатить свои познанія необходимымъ для каждаго русскаго человѣка изученіемъ родины въ ея прошломъ и настоящемъ и слѣдить, съ небольшой затратой времени, за текущей государственной, общественной, экономической и умственной жизнью Россіи.

„ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ" ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Такимъ образомъ, каждый подписчикъ получитъ въ теченіи года:
52 №№ ИНТЕРЕСНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА и
52 №№ ВРЕМЕННИКА «ЖИВОПИСНОЙ РОССІИ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА «Живописной Россіи» на годъ съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи **5 р.**, за границу на годъ **8 руб.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА, причемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 рублей, остальныя же деньги могутъ высылаться черезъ каждые два мѣсяца по 1 рублю.

Подписная цѣна «Живописной Россіи» совмѣстно съ двухнедѣльнымъ иллюстрированнымъ журналомъ *«Новый Міръ»* на веленевой бумагѣ съ безплатными къ нему приложеніями: 24 №№ *«Мозаики»*, 12 кн. *«Литературныхъ Вечеровъ»*, 24 №№ *«Всемірной Лѣтописи»*, *двѣнадцатью изящно переплетенными* книгами *«Библіотеки Русскихъ и Иностранныхъ Писателей»*, въ составъ которыхъ въ 1903 г. входятъ: 6 томовъ сочиненій *Д. И. Стахѣева* и 6 томовъ сочиненій *С. Смайльса,* и двумя роскошными художественными изданіями-альбомами *«Гр. Л. Н. Толстой»* и *«Русскій музей Императора Александра III»*, съ доставкой и перес.: въ Россіи *14* руб., за границу *24* руб.—Желающіе получать «Новый Міръ» на слоновой бумагѣ (вм. веленевой) уплачиваютъ за всѣ названныя изданія, съ дост. и перес.: въ Россіи, вм. 14 р.—*18* р., за границу вм. 24 р.—*28* р.—Разсрочка платежа допускается отъ 2 р. при подпискѣ и ежемѣс. не менѣе 1 р. съ тѣмъ, чтобы вся подписная сумма была уплочена полностью не позже 10 декабря 1903 г.

Отдѣльные №№ «Живописной Россіи» продаются по 15 к., съ перес. по 20 к. (можно почтовыми марками).

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ: С.-Петербургъ, Гостинный Дворъ, 18, и Москва, Кузнецкій Мостъ, 12, а также во всѣхъ прочихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 л., д. 5—7.

2—3

(химія), *В. Передольскій* (антропологія), проф. *Л. Петражицкій* (юрид. науки), проф. *С. Ф. Платоновъ* (исторія), *Э. Реклю* (географія), *Е. де-Роберти* (философія), *Н. Родзевичъ* (исторія права), прив.-доц. *Н. Рожковъ* (исторія и экономія), проф. *Л. Саккетти* (исторія искусства), прив.-доц. *В. Таліевъ* (ботаника), проф. *М. Тамамшевъ* (исторія), проф. *Ф. Трачевскій* (исторія), *В. Тотоміанцъ* (полит. экон.), *Ѳ. Е. Туръ* (физіологія), *М. Филипповъ* (философія и истор. литер.), *А. Финнъ* (полит. экон.), проф. *О. Хвольсонъ* (физика), проф. *Н. Холодковскій* (зоологія), проф. *В. Шимкевичъ* (зоологія) и мн. др.

Въ отдѣлѣ: «Народный Университетъ» (для САМООБРАЗОВАНІЯ) принимаютъ участіе учредители русской парижской школы Общественныхъ наукъ: проф. *Ю. Гамбаровъ*, проф. *Максимъ Ковалевскій*, проф. *М. Томашевъ, Е. де-Роберти*, члены одесскаго лекціоннаго комитета и другіе ученые.

Въ этомъ отдѣлѣ будутъ напечатаны въ 1903 г., между прочимъ, слѣдующіе курсы и сочиненія: Проф. *Лассаръ-Конъ*. Химія обыденной жизни. (Съ рис.). Д-ръ *Гааке*. Строеніе и жизнь животнаго (Съ рис.).— *Тиндаль*. Теплота, какъ родъ движенія. (Съ рис.). *Б. Латкафель*. Африканскія и американскія расы. Съ дополненіями В. Передольскаго. (Съ рис.). Проф. *М. Тамамшевъ*. Багдадскій халифатъ. Исторія арабовъ. *Летурно*. Психологія народовъ. Проф. *Е. Бемъ-Баверкъ*. Критика теорій эксплуатаціи и, въ частности, теоріи Маркса. *Тиндаль*. Звукъ (съ рис.). *Таръ*. Первобытное общество. (Съ предисл. *М. Ковалевскаго*. Систематика животныхъ: *Бау*. Руководство къ опредѣленію жуковъ, пер. под. ред. *Н. Холодковскаго*. (Съ рис.).— Кромѣ того:

І. Шерръ. Всеобщая исторія литературы.

Новое русское изданіе, переработанное и значительно дополненное относительно новѣйшей эпохи, подъ ред. *М. Филиппова*. Со многими *рисунками и портретами*. Въ 1903 году, изъ этого извѣстнаго труда будетъ помѣщенъ *первый томъ*, представляющій вполнѣ законченное цѣлое (литературы Востока, Эллады, Рима, французская, итальянская, испанская и др. романскія).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ безъ доставки въ Спб. 7 р. Съ доставкой и пересылкою по всей Россіи 8 р. Разсрочка по ДВА рубля за четверть года. За границей 10 р. Адресъ Главной Конторы: Спб., *Улица Жуковскаго (Малая Итальянская). д. 37.*

Открыта подписка на 1903 годъ

(третій годъ изданія)

НА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

Изданіе Русскаго Библіологическаго Общества.

Журналъ выходитъ безъ предварительной цензуры 8 разъ въ годъ.

Въ журналѣ печатаются: научныя статьи и матеріалы, хроника ученой и литературной жизни, обзоры иностранной литературы о Россіи, отзывы и обзоры книгъ и статей преимущественно въ области исторіи русской литературы и русской исторіи: извѣстія, замѣтки и сообщенія по тѣмъ же вопросамъ, указатели и библіографическія работы, отчеты о дѣятельности Русскаго библіографическаго Общества, объявленія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

А. В. Андреевъ, Н. Н. Бахтинъ, А. К. Бороздинъ, В. Ѳ. Боцяновскій, С. Н. Брайловскій, Н. М. Буда-Жемчужниковъ, А. М. Бѣловъ, С. А. Венгеровъ, П. А. Висковатовъ, Ѳ. А. Витбергъ, Э. А. Вольтеръ, Н. А. Гастфрейндъ, Б. М. Городецкій, К. Я. Гротъ, П. А. Дилакторскій, П. А. Заболотскій, Г. А. Ильинскій, І. И. Іогансонъ, В. В. Каллашъ, В. Н. Кораблевъ, Н. И. Коробка, А. О. Круглый, И. А. Кубасовъ, Г. З Кунцевичъ, А. Л. Липовскій, И. М. Лисовскій, Л. П. Лобовъ, А. М. Ловягинъ, Х. М. Лопаревъ, Э. Э. Лямбекъ, Е. А. Ляцкій, А. І. Лященко, М. Н. Мазаевъ, В. В. Майковъ, А. І. Малеинъ, А. Э. Мальмгренъ, Б. Л. Модзалевскій, А. П. Налимовъ, Н. П. Павловъ-Сильванскій, В. Н. Перетцъ, Н. М. Петровскій, П. В. Петровъ, Е. В. Пѣтуховъ, В. И. Саитовъ, А. В. Селивановъ, П. К. Симони, В. В. Сиповскій, А. В. Смирновъ, А. И. Соболевскій, В. И. Срезневскій, А. Г. Тарасевичъ, А. М. Филипповъ, В. А. Францевъ, В. В. Фурсенко, К. І. Храневичъ, П. Н. Шефферъ, И. А. Шляпкинъ, С. В. Штейнъ, С. Н. Шубинскій, П. Е. Щеголевъ, В. Е. Якушкинъ.

Подписная цѣна: за годъ: съ доставкою и пересылкою въ Россіи *5* р., за границу *6* р.; за полгода: въ Россіи *3* р., за-границу *3* р. *50* к.

Допускается разсрочка отъ **2 руб.** (черезъ каждые 2 мѣсяца). За границу доплачивается **2 руб.** за пересылку. **Всѣ подписчики «Южныхъ Записокъ»** могутъ получить за **3 руб. 50 коп.** роскошное иллюстрированное изданіе (по мѣрѣ выхода въ свѣтъ въ теченіе года) ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ ЗНАМЕНИТАГО НѢМЕЦКАГО ПОЭТА **ГЕНРИХА ГЕЙНЕ** въ *12 изящныхъ томахъ*, въ переводѣ извѣстныхъ русскихъ писателей, съ *500* превосходныхъ иллюстрацій, взятыхъ изъ рѣдкаго изданія Бензингера, стоющаго за границей *40 руб.* Подписавшіеся на соч. ГЕЙНЕ съ разсрочкой уплачиваютъ при подпискѣ *1 руб. 50 коп.* и черезъ каждые 2 мѣсяца по *1 руб.* Иногородніе доплачиваютъ 1 р. за пересылку книгъ.

Подписка и объявленія принимаются: въ Одессѣ исключительно въ Главной Конторѣ Журнала, Ришельевская, д. № 6 (при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени»). Въ другихъ городахъ—во всѣхъ книжныхъ магазинахъ—(скидка 50 к. съ годов. экз.).

Первый № «ЮЖНЫХЪ ЗАПИСОКЪ» выйдетъ въ серединѣ декабря.

Адресъ редакціи: г. Одесса, Почтовая 6.

Редакторъ-издатель д-ръ мед. **И. Ѳ. Сабанѣевъ.**

1—3

Съ 1901 г. **„Чтенія въ Историч. Общ. Нестора-лѣтописца“** выходятъ ежегодно въ четырехъ выпускахъ, которые составляютъ одну книгу. Цѣна ей, при подпискѣ на всѣ 4 выпуска, **5 руб.** съ пересылкой; цѣна же каждаго выпуска въ отдѣльности 1 **руб. 50 коп** съ пересылкой.

Продажа I-й и III-й книгъ, оставшихся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, прекращена.

Цѣна IV-й и V-й книгъ по 2 р. 50 к., ц. VI-й —3 р. 50 к., ц. II, VII, IX, XIII—3 р., ц. VIII, X, XI—2 р., ц. XII—4 р., ц. XIV, вып. 1—1 р. 25 к., ц. 2 и 3 в.—1 р. 40 к., ц. XV кн. 1, 2, 3 и 4 в.—1 р. 50 к., ц. XVI кн. 1—3 в. (Гог. сб.)—4 р. 50 к., ц. XVI кн. вып. 4—1 р. 50 к.—Каждая съ пересылкой.

II-й отдѣлъ II-й книги имѣется и въ отдѣльномъ оттискѣ подъ заглавіемъ: **„Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси“**. Цѣна 1 рубль.

„Труды III-го археологическаго съѣзда“, два тома in-4°, съ атласомъ и указателемъ выставки. Кіевъ, 1878 г. Цѣна 15 р. (вмѣсто 25 р.), съ пересылкой.

„Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева“ (съ 2 рис.) К. 1897 г. Цѣна 75 коп.

„25-лѣтіе Историческаго общества Нестора-лѣтописца“ (Рѣчь и историческая записка Н. П. Дашкевича). К. 1899 г. Цѣна 75 к.

—

Съ подпиской и письменными требованіями относительно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра**, съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

каго рода, званія и положенія, съ серьезными требованіями къ литературѣ.

Ежемѣсячное изданіе «НОВАГО ДѢЛА» представляетъ собою литературный журналъ съ критическимъ отдѣломъ, какъ-бы самостоятельное ежемѣсячное изданіе, посвященное тѣмъ сторонамъ жизни, которыя не входятъ въ область интересовъ дня. ОСОБЫЕ ОТДѢЛЫ, посвященные русской и иностранной журналистикѣ, даютъ читателю возможность слѣдить за движеніемъ мысли и литературы въ Россіи и за границей.

Еженедѣльная общественно-политическая газета „НОВОЕ ДѢЛО", вмѣстѣ съ книжками «НОВАГО ДѢЛА», охватываетъ всѣ вопросы и интересы текущей жизни. Кромѣ общихъ руководящихъ общественно-политическихъ статей, помѣщаются руководящія же статьи по очереднымъ практическимъ вопросамъ, тщательно обработанная хроника законодательной, земской и общественной дѣятельности, политическія извѣстія и обзоры текущей заграничной жизни; извѣстія обо всемъ новомъ, что дѣлается въ наукѣ; подробныя сообщенія о новыхъ книгахъ, обстоятельныя статьи общекультурнаго, бытового, общественно-житейскаго и популярно-научнаго характера; корреспонденціи; замѣтки о живописи, музыкѣ и театрѣ. Особенное вниманіе удѣляется явленіямъ мѣстной русской такъ называемой «провинціальной» жизни.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на ежемѣсячный журналъ или еженедѣльную газету *отдѣльно* на годъ—*7* руб., на 6 мѣс.—*3* руб. *50* коп., на 3 мѣс.—*1* руб. *75* коп., съ пересылкой. То же, съ приложеніемъ еженедѣльной газеты на годъ—*10* руб., на 6 мѣс.—*5* руб., на 3 мѣс.—*2* руб. *50* коп., на 1 мѣс.—*85* коп. съ пересылкой. За границу на *3* руб. въ годъ дороже. *Книгопродавцамъ уступка.* Гг. иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи (Гончарная, д. 10, С.-Петербургъ), гдѣ принимаются объявленія.

Адресъ редакціи и конторы: *С.-Петербургъ, Гончарная, 10.*

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: кромѣ конторы редакціи, также и въ отдѣленіи конторы „НОВАГО ДѢЛА", при книжныхъ магазинахъ „Новаго времени", Н. П. Карбасникова, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ и др. магазинахъ. Въ Кіевѣ у Н. Я. Оглоблина, въ Москвѣ въ конторѣ Печковской.

Редакторъ-издательница *А. Н. Пѣшкова-Толивѣрова.*

2—3

ныя свѣдѣнія. 13) Портреты, рисунки къ тексту. 14). Стороннія извѣстія (рекламы) 15) Казенныя и частныя объявленія.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на 1903 годъ.

На годъ *7 р.,* на 9 мѣс. *6 р.* на 6 мѣс. *4 р.* на 3 мѣс. *2 р.* на 1 мѣс. *75 к.*

Подписка *на 1903 годъ* и объявленія принимаются: 1) въ Главной Конторѣ и 2) въ книжныхъ магазинахъ и кіоскахъ.

Заграничные подписчики къ подписной цѣнѣ приплачиваютъ за каждый мѣсяцъ по 60 коп.

За перемѣну адреса 40 коп., при чемъ необходимо сообщать заблаговременно прежній и новый адресы. О каждой перемѣнѣ адреса просятъ сообщать отдѣльно.

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца и не далѣе, какъ до конца года.

Плата за объявленія: впереди текста первый разъ по 40 коп., со строки, а послѣдующія по 20 к.; позади текста первый разъ 20 к. со строки, а послѣдующіе по 10 к. съ печатной строки.

Иногороднихъ просятъ адресоваться въ главную контору «Кіевской Газеты» Б.-Владим. ул. № 34.

Адресъ Главной конторы: Кіевъ, Б.-Владимірская ул. № 34. Телефонъ Главной Конторы: № 1276.

Издатели: *С. Я. Богдановъ, А. Ф. Френкель.*

Редакторъ *А. Ф. Френкель.*

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1903 годъ

на новый ежемѣсячный литературный, историческій и научный журналъ

„Всемірный Вѣстникъ“

Общее направленіе журнала остается тѣмъ же, что было въ «Вѣстникѣ всемірной исторіи» (т. е. общественно-прогрессивнымъ), полнымъ правопреемникомъ котораго явится «Всемірный Вѣстникъ». Литературно-историческія задачи изданія настолько выяснились за $2^1/_2$ годовой періодъ существованія журнала, что намъ, которые вели В. В. И. впродолженіе этого періода, нѣтъ необходимости повторять о нихъ.

Не рекламируя изданія и не указывая на его предполагаемое содержаніе, Редакція всегда стремилась къ тому, чтобы книги журнала представляли собой значительный литературный интересъ. *Мы не будемъ указывать на то, что дадимъ, напомнимъ лишь о томъ, что мы уже напечатали.* Изъ трудовъ, помѣщ. въ В. В. И., позволимъ себѣ, переименовать слѣд.: проф. *Максимъ Ковалевскій:* «Эволюція собственности», «Рабочій вопросъ въ средніе вѣка», Почитаніе предковъ у Кавказскихъ народовъ»; проф. *М. А. Рейснеръ:* «Языческій Римъ и христіанская совѣсть», «Католичество и религіозная нетерпимость въ средніе вѣка»; проф. *А. С. Трачевскій:* «Наполеонъ I»—истор.-біогр. оч., «Міръ Ислама», «Французскіе интенданты»; проф. *Н. П. Лихачевъ:* «Антоній Поссевинъ и Истома Шевригинъ»; проф. *Н. М. Коркуновъ:* «Четыре проекта преобразованія Сената»; проф. *С. Ѳ. Платоновъ:* «О титулѣ «думный дьякъ»; проф. *Г. А. Комаровскій:* «Англія и Трансвааль»; проф. *П. И. Ковалевскій:* «Христина, королева Шведская»—ист.-психолог. оч.; проф. *Э. Марксъ:* «Королева Елисавета Англійская и ея время»; проф. *И. Н. Ждановъ:* «Пушкинъ о Петрѣ Великомъ»; *В. М. Грибовскій:* «Алмазъ изъ рода Гиреевъ»—романъ, «Процессъ братьевъ Пушкиныхъ», «Деревенскій Грозный старыхъ временъ»; проф. *Ѳ. О. Зелинскій:* «Первое свѣтопреставленіе»; *Д. Л. Мордовцевъ:* «За всемірное владычество»—ист. ром.; *В. Я. Свѣтловъ:* «Даръ слезъ»—ром., «Венецейская лагуна», ром.; *Д. Ѳ. Кобеко:* «Директоръ Царскосельскаго лицея Е. А. Энгельгардтъ и его питомцы»; *Н. К. Шильдеръ:* «Къ исторіи Шкловской командировки Г. Р. Державина въ 1799 г.»; *Э. Вестермаркъ:* «Матріархатъ»; *Л. Е. Оболенскій:* «Механизмъ идеала въ исторіи»; *А. А. Хахановъ* «Прошлое Грузіи»; *П. О. Пирлингъ:* «Сорбонна и Россія»; *Батуринскій:* «Герценъ и Тургеневъ» (переписка Г. съ Т.); *В. С. Соловьевъ:* «Воскресное письмо»; *Іосибуми Куроно:* «Принцъ Ммая-до»—оч. изъ ист. Японіи; *К. Каутскій:* «Очерки по исторіи культуры», «Парламентаризмъ и партіи въ Англіи», «Общественныя отношенія во Франціи въ концѣ прошлаго вѣка»; *І. І. Ясинскій:* «Очерки захолустной жизни»; *В. Смоленскій:* «Исторія польскаго народа»—и мн. др. Редакція главнымъ образомъ обращаетъ вниманіе на интересъ содержанія и художественность воспроизведенія беллетристическихъ, историческихъ и научныхъ статей, помѣщаемыхъ въ журналѣ. Обѣщали свое участіе многіе выдающіеся писатели, ученые и другіе художественные и общественные дѣятели. Въ портфелѣ Редакціи имѣется нѣсколько интересныхъ произведеній, съ которыми она предполагаетъ ознакомить своихъ подписчиковъ, между ними рядъ статей: *К. И. Арабажина,* кн. *В. В. Барятинскаго, Батуринскаго, А. М. Бобрищева-Пушкина,*

Б. П. Бурдесъ, Н. А. Гастфрейндъ, С. Ѳ. Годлевскаго, Е. В. Давыдова, И. И. Забрежнева, И. М. Иванова, проф. *Максима Ковалевскаго,* проф. *П. И. Ковалевскаго, Е. Н. Лебедевой, В. Н. Никитина, Н. К. Никифорова,* проф. *В. П. Перетца, Н. А. Попова, І. В. Радзивилловича,* проф. *М. А. Рейснера, Н. Ѳальева, Н. Б. Хвостова, Вс. Чешихина* и мн. др. Затѣмъ будетъ данъ рядъ художественныхъ переводовъ съ иностранныхъ языковъ подъ ред. *А. М. Бобрищева-Пушкина.* Редакція будетъ слѣдить за ходомъ литературы и науки всего міра и по мѣрѣ появленія выдающихся трудовъ въ этой области будетъ знакомить съ ними своихъ читателей. Подписчики получатъ въ теченіе года двѣнадцать книжекъ (около 300 стр. въ каждой) съ иллюстраціями; при каждой книжкѣ будетъ дано не менѣе двухъ приложеній съ особой послѣдовательной нумераціей страницъ. Никакихъ особыхъ премій не будетъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ **6** руб., на полгода **3** руб., за границу на годъ **9** руб.

Допускается разсрочка по 50 коп. въ мѣсяцъ. Для ознакомленія съ журналомъ высылается книжка за 50 к. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція и Контора: С.-ПБ., Дмитровскій пер., 15.

Редакторъ-Издатель **С. Сухонинъ.**

1—3

ПОЛТАВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Ежедневная общественно-литературная газета.—Годъ изданія первый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1903 ГОДЪ

Условія подписки: на годъ *6* р., на 6 мѣсяцевъ *3* р. *50* к., на 1 мѣсяцъ *1* р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Полтавѣ въ Главной конторѣ «Полтавскаго Вѣстника» при Губернской типографіи. *Въ Отдѣленіяхъ Главной Конторы* «Полтавскаго Вѣстника» въ Кременчугѣ, на Старомъ Базарѣ по Петровской ул., д. № 41. *Въ Лубнахъ*—въ книжномъ магазинѣ Х. И. Фишелева. *Въ Лохвицѣ*—въ книжномъ складѣ уѣзднаго земства.

Принимаются объявленія для помѣщенія въ «Полтавскомъ Вѣстникѣ».

Редакторъ-издатель *Д. А. Иваненко.*

1—2

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ LXXX.

1903 г.

МАРТЪ.

КІЕВЪ

Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.

1903.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 11 февраля 1903 года.

Житье—бытье лубенскаго крестьянина.[1]

VI. Сѣнокосъ.

Названіе и составъ сѣнокосовъ. Начало косовицы, обычаи съ ней соединенные: покосарщина и мытье ложекъ; гребовица. Рабочія пѣсни.

Травосѣяніе въ лубенскомъ уѣздѣ не распространенно. Большинство козаковъ и крестьянъ довольствуется естественными сѣнокосами: левадами—огражденными участками въ селѣ и близъ него, степными твердыми, мягкими облогами и перелогами, луговыми помирками, луками и піймами. На этихъ сѣнокосахъ растутъ важнѣйшія кормовыя травы, принадлежащія къ семействамъ злаковъ и мотыльковыхъ: тонконигъ (Festuca ovina. L.),—на твердыхъ облогахъ, пырій (Agropyrum repens. RB.)—на мягкихъ мышиный или горобьячый горошокъ (вика, Vicia Cracca. L.), просто горошокъ (люцерна, Medicago lupulina. L.) и всѣ виды клевера: огирошнынъ, волошки, ивась (Trifolium alpestre, arvense, pratense, repens. L.), на левадахъ и лугахъ, съ другими болѣе крупными, жосткими и кислыми травами. Всѣ отношенія крестьянъ къ такимъ естественнымъ сѣнокосамъ ограничиваются лишь надзоромъ до косовицы, начинающейся за недѣлю до Петра и Павла или съ десятой послѣ пасхи пятницы и продолжающейся до начала іюля. Уборка сѣна, требующая сочетанія силъ, происходила въ старину различно, смотря по тому, гдѣ имѣла мѣсто. Въ панскихъ хозяйствахъ сѣно скашивало и убирало все налич-

[1]) См. Кіев. Ст. 1903 г., № 2.

ное крѣпостное населеніе [1]). У болѣе мелкихъ и среднихъ хозяевъ: козаковъ, государственныхъ крестьянъ, вольноотпущенныхъ, уборка сѣна производилась также общими силами: «толокой», сохранявшейся до 60-хъ годовъ, прошлаго вѣка. Каждый такой хозяинъ поочередно сзывалъ къ себѣ косарей: душъ десять и болѣе, смотря по размѣру сѣнокоса «на покосарщыну», а хозяйка—ихъ женъ «косарокъ, кумивъ ложкы мыть» утромъ въ хату Здѣсь хозяинъ, предлагая косарямъ водку и закуску: уху, пироги со сметаной, курицу, отпивалъ прежде самъ, приговаривая: «Дай, Боже, намъ легко, весело сю траву знять»!—Посылай, Господы!—отвѣчають косари. «Дякую Богу и вамъ: що вы мене послухалы». Якъ же васъ не слухать, аже якъ мы идемо, то вы насъ рятуете.

Позавтракавъ, хозяинъ съ косарями идуть или ѣдуть на сѣнокосъ. Волы или лошади выпрягаются, косари отбиваютъ косы, становятся въ рядъ, занимая каждый «ручку» въ ширину на сажень, въ длину до предѣла сѣнокоса, съ лучшимъ косаремъ (ота́маномъ) съ одного края ряда и нѣсколько отстающимъ хозяиномъ съ другого. Видны мѣрные взмахи рукъ и бѣлыхъ рукавовъ рубашекъ косарей, блескъ косъ; слышенъ легкій шелестъ падающей травы.

Между тѣмъ, хозяйка предлагаетъ кумамъ обѣдъ: борщъ постный съ рыбой или скоромный съ курицей, кашу, поросенка, шуляки съ медомъ; пьетъ водку сама и частуетъ подругъ, приговаривая: «Будьмо, кумо, здоровенькы, дай же, Боже, шобъ Господь помигъ косарямъ косыть, а намъ ложкы помыть»! Женщины, выпивая, отвѣчаютъ: «дай, Боже, шобъ нашимъ косарямъ и трава легко лягала и коса брала»! Моя ложки, пьютъ много, пока не уснутъ на ряднахъ, иныя женщины погружаются одѣтыя въ рѣку. Прежде мѣстами косарки, разодѣтыя празднично въ плахты, червоныя запаски, ленты, приносили косарямъ обѣдъ и водку, а на обратномъ пути черезъ Сулу косари, шутя, опрокидывали лодку съ женщинами на мелкомъ мѣстѣ, и измокшія кумы

---

1) Картина этой косовицы—у Маркевича: Обыч., пов., кух. малорос. 14, 15.

съ хохотомъ и визгомъ выбирались на берегъ. Чаще, однако, самъ хозяинъ варитъ обѣдъ косарямъ въ казанѣ: кулишъ, галушки съ саломъ или таранью. Послѣ обѣда косари отдыхаютъ часъ и болѣе, хозяинъ ихъ не будитъ, зная, что принявшись за работу, они быстро наверстаютъ потерянное (якъ шаркнуть!). На полдникъ косарямъ дается мягкій пшеничный хлѣбъ съ саломъ или лукомъ, а къ вечеру, на ужинъ косари возвращаются въ село, звеня косами,—«грають на косахъ».

Для сбора высохшаго сѣна къ хозяину опять собираются въ хату: женщины дѣвки и нѣсколько мужчинъ. Хозяйка даетъ имъ водки и завтракъ, выпивая и приговаривая: «Здорови будьмо! Дай Богъ у годыну, въ добримъ здоровьи сино упорать, гребовыцю кончыть».—Дай Богъ сей годъ убрать и на той диждать,—отвѣчаютъ рабочіе. «Якъ сонечко пиднялось, роса опала» всѣ идутъ на сѣнокосъ, гдѣ женщины и дѣвки, гребутъ сѣно, а мужчины складываютъ въ копны.

Теперь описанныя выше обыкновенія, сопровождавшія косовицу, почти совершенно уничтожились и старая форма кооперація—толока смѣнилась холоднымъ личнымъ наймомъ. Только и остались отъ старины слѣдующія пѣсни [1]), распѣваемыя работницами на сѣнокосахъ, жнивьѣ и панскихъ табачныхъ плантаціяхъ.

1.

Ой раночку, раночку!
Заховайсь у ямочку,
Сонечко въ траву,
Ты, вечоре, гу!

(Въ 1900 г. отъ кр. с. Литвяковъ, Фотины Полянкиной).

---

[1]) Изъ настоящихъ пѣсенъ только 6 представляются варіантами къ напечатаннымъ мною въ Кіев. Стар. 1895 г., X, въ Док., изв. и зам., 10—22, «Рабоч. пѣс. Луб. у.», остальныя, кромѣ одного вар. у Чубинскаго и одного у Конощенка—совсѣмъ не встрѣчались въ печати. Въ той же статьѣ заключаются свѣдѣнія о табаководствѣ, почему послѣднее и не вошло въ настоящіе очерки.

2.

Ой, ранку, ранку,
Сховайся у ямку,
А ты, вечирокъ,
Напны холодокъ.

(Въ 1900 г. отъ кр. м. Снѣтина, Даріи Сизоненковой).

3.

Ой, ты ранку, ранку,
Ховайся у ямку,
А ты, дню, холодню
А ты, вечоре,—гу!

(Въ 95 г., отъ коз. м. Лукомья, Мотрены Норовой). **Вар.** въ Кіев. Стар. 95 г. подъ № 1. Раб. пѣсни луб. уѣзда.

4.

Пошлы, Боже, погоду
Зъ неба холодну воду
Хоть днивъ на чотыри,
Щобъ мы й опочылы,
Хоть днивъ та й на пьять,
Щобъ намъ погулять,
Хоть днивъ та й на симъ,
— Погулять усимъ.

(Вар. въ Кіев. Стар. 95 г., № 2.

5.

Ой дай, Боже, дощъ
На панове сино,
Щобъ попеломъ сило,
На панивъ овесъ,
Щобъ погнывъ увесь!

(Въ 95 г. отъ коз. с. Михновецъ, Домникіи Сидоренковой).

6.

Уже сонечко кружкомъ, кружкомъ
Намъ до-дому разкомъ, разкомъ
Лужкомъ, бережкомъ,
Жовтенькимъ пискомъ.

(Въ 1900 г. отъ козачки сел. Мацковецъ, Евдокіи Лантуховой).

7.

Ой, паночку нашъ!
Намъ до-дому часъ.
И часъ и пора
Намъ до куреня,
И часъ, и давно,
А мы не йдемо
Прыказу ждемо:
Нашъ панъ прыкаже,
Тройку коней запряже,
Хлопцивъ пидпряже,
Дивчатъ повезе.

(Отъ кр. с. Мацковецъ, Федосьи Кононенковой). Вар. у Конощенка. Украинськи писни. Одесса. 1900. № 71, стр. 95.

8.

Уже сонце надъ дубкомъ
Намъ до-дому холодкомъ,
А мы не йдемо, прыказу ждемо,
Прыказу ждемо одъ пана свого,
Одъ пана свого кучерявого:
Покы нашъ панъ прыкаже,
Пару коней запряже,
Сидай тай бижы,
Боже поможы!

(Въ 95 г. отъ М. Норовой, м. Лукомья).

9.

Уже сонце на лану,
Я до-дому полену.
Поленула бъ я,
Недоля моя!
Покы прыйде панъ
Тай скаже намъ;
Покы прыйде дидъ
Тай скаже: йдить.

(Въ 95 г. отъ коз. с. Лихнавецъ, Христины Мирченковой).

10.

Нашъ панъ Копытанъ
Не нашои виры,
Якъ учора вечерялы,
То й доси не йилы.

(Въ 95 г. отъ к. м. Лукомья, М. Норовой).
Вар. въ Кіев. Стар. № 8.

Вар. Послѣднія двѣ строчки:

Чужи люды обидають,
Мы й доси не йилы.

(Въ 1900 г. отъ кр. хутора Вязовка, Агафіи Тарановой).

11.

Шо въ нашого прыгинчого [1])
Рябая кобыла,
Бодай тебе прыгоныла
Лыхая годына.

(Въ 1900 г. отъ кр. с. Литвяковъ, Фотины Полянкиной).

---

[1]) Приказчика, табачника, вообще распорядителя.

12.

А въ нашого прыгинчого
Рябый лошачокъ,
Шобъ нашому прыгинчому
Сорокъ болячокъ.

(Въ 1901 г. отъ кр. д. Шекъ, Федосьи Матвіенковой).

13.

Одчыняй, пане, ворота,
Бо йде твоя робота
Зъ выламы, зъ граблямы,
Съ чорнымы бровамы!

(Въ 1900 г. отъ коз. с. Мацковецъ, Евдокіи Лантуховой).

14.

Одчыняй, пане, ворота,
Бо йде твоя робота.
Одчыняй не бары,
Йидять комары!
Погреблы й поклалы
Та й не спочывалы.
Одчыняй, пане, хату
Давай гребцямъ плату.

(Въ 1900 г. отъ крест. с. Юсковецъ, Агрипины Сеньковой).

15.

Одчыняй, пане, ворота,
Бо йде твоя робота,
Косари, гребци
Добри молодци,
Одчыняй комирку,
Та давай горилку.

(Отъ коз. м. Лукомья, М. Норовой въ 95 г.). Вар. въ К. Ст. № 29. Чуб., Ш, № 16, 234.

16.

У насъ пани, якъ билочка,
Йесть у неи горилочка.
И сама не пье,
И намъ не дае.
Тай налыла у рыночку,
Поставыла на прыпичку.
Муха летила,
Тай пролыла.
Ото тоби за те, пани,
Шо намъ не дала!

(Въ 1900 г. отъ кр. д. Шекъ, Ф. Матвіенковой).

Вар. у Чуб. Труды этногр. эксп. т. III, № 47, Вар. А, стр. 247).

17.

Наша пани нагидочка,
Йесть у неи горилочка;
И сама не пье,
И намъ не дае.
Ой, дай, пани, дай
Горилочкы намъ,
Бо якъ не дасы,
Бильше не просы!

(Въ 1900 г. отъ крест. д. Пятигорецъ, Варвары Карпенковой).

18.

У насъ пани невелычка
Въ червонихъ черевычкахъ
Вышла проты насъ,
Выглядаты насъ
И вывела тры музыци,
А четвертый басъ,
А пьятую сопилочку

Та все за-для насъ!
Ой, грайте вы, музыченькы,
Все ризвенько,
Ой, шобъ нашимъ тютюнныцямъ
Веселенько!

(Въ 1901 г. отъ кр. д. Шекъ, Федосьи Матвіенковой).

19.

Наша пани Хывря
Заризала пивня
И рукы помыла.
Сама чорнобрыва
Выйшла проты насъ,
Оглядаты насъ,
Та вывела тры музыкы,
А четвертый басъ.
Помійнычкы скокы въ бокы,
Сыриточка въ плачъ:
Якъ бы мени ридна маты,
То я бъ краще васъ.

(Въ 95 г. отъ коз. м. Лукомья, М. Норовой). Вар. К. Ст. 95 г. № 26. Чуб. т. 3, № 47 Б., стр. 247.

20.

Наша пани Хивря
Заризала пивня,
Сама пожыла
И намъ не дала.

(Въ 95 г. отъ коз. м. Лукомья, М. Норовой).

21.

Наша пани ризва
Тры дни на пичъ лизла.

И смихъ и бида:
Пани молода,
Дитей череда.

(Въ 1900 г. отъ кр. д. Пятигорецъ, Варвары Карпенковой). Вар. въ Кіев. Стар. 95 г. № 23, безъ послѣдней строчки.

22.

Одчыняй, пане, ворота—
Иде твоя робота,
Сино позгрибалы,
Грабли поламалы.

(Въ 1901 г. отъ кр. д. Шекъ, Федосьи Матвіенковой).

23.

Одчыняй, пане, комирочку,
Давай жинцямъ горилочку.
Уже й жыта дожалы
И серпы поламалы.
Жинци молоденькы,
Серпы золотеньки
Наша пани дома
Й вечеря готова.

(Въ 1900 г. отъ кр. д. Шекъ, Ефиміи Купріевой).

24.

Ой чіи-жъ то женци:
Дивчата та хлопци
До нового двора йдуть
Пана звеселяють?
У нашого пана двиръ новенькый,
Нашъ панъ молоденькый;
У нашого пана
Голова кудрява,
Очи якъ терночокъ,

Бровы якъ шнурочокъ.
Винъ кудрямы затрясе,
Горилочкы унесе.

(Въ 1901 г. отъ кр. д. Шекъ, Федосьи Матвіенковой).

VII. Поле.

Предсказанія урожая по состоянію погоды и по зернамъ. Условія урожайности. Время неблагопріятное посѣву. Выѣздъ изъ дома сѣятеля, неблагопріятныя предзнаменованія. Пріемы посѣва вообще, посѣвъ отдѣльныхъ яринъ и озимей. Періодъ жатвы, выгоды серпа, первая горсть, первый снопъ, послѣдняя полоска, послѣдній снопъ, вѣнокъ, обжинщины.

Народныя малорусскія предсказанія грядущаго урожая пріурочены большею частью къ новому году, канупу его (меланкамъ, щедривкамъ) и къ 1-му марта, празднику св. Евдокіи. По народнымъ наблюденіямъ если въ новогоднюю ночь съ вечера ярко сіяють звѣзды (зоряно), а съ полночи появятся тучи, то будетъ урожай тѣхъ хлѣбовъ, откуда тучи: тучи съ сѣвера предвѣщають урожай озимей, съ юга—яринъ[1]). Тихая погода въ дни меланокъ и новаго года указываетъ на урожай гречихи, а осѣдающій на деревья иней какъ въ эти дни, такъ и вообще по большимъ зимнимъ праздникамъ, свидѣтельствуетъ объ общемъ урожаѣ хлѣбовъ. Чтобы опредѣлить точнѣе, на какой именно хлѣбъ будетъ урожай не довольствуются однимъ только наблюденіемъ инея, но производятъ слѣдующій опытъ: на очищенномъ мѣстѣ двора или тока складываютъ горсти или насѣваютъ полоски всѣхъ родовъ хлѣбовъ, и замѣчаютъ, что тотъ хлѣбъ будетъ урожайнѣе, на которомъ осядетъ больше инея[2]). Такія же важныя примѣты приноситъ 1-е марта. «Якъ Явдоха красна, той весна красна». Хорошая погода въ этотъ день предвѣщаетъ урожай пшеницы[3]).

---

[1]) Въ моихъ «Рожд. святк. сѣверн. части Луб. у.», 22.

[2]) Тоже у Чубинскаго. Тр. эксп. I, в. 1, 32 и т. III, 1, и у Гринченка. Изъ устъ нар. 34.

[3]) Тоже у Манжуры. Сказ. въ Сбор. Хар. И. Фил. Общ. II, 156, 157.

пасмурная—гречки. («И на бжолу добре»). Затѣмъ на урожай гречки есть нѣсколько особыхъ указаній. «Якъ на масныци (масляной) у понедилокъ, або вивторокъ иде снигъ велыкый, лапчастый, густый, то буде рясна ранння гречка, якъ середъ тыжня,—то другои сійбы, а якъ снигъ пиде на кинци тыжня,—то пизня буде рясна». «Якъ идуть зъ страсты и держать свичку, то якъ витеръ потушыть, то й гречку оббибье витеръ; якъ же тыхо—буде гречка рясна хороша». «А то ще примичають що якъ зъ весны багато блихъ, то гречка буде рясна». Кромѣ метеорологическихъ наблюденій, угадываютъ еще будущій урожай по зернамъ. При посыпаніи зернами на новый годъ мальчиками поздравителями замѣчаютъ какого зерна попало больше на столъ, на тотъ родъ хлѣба предвидится урожай. Въ первую паляницу, которую пекутъ подъ новый годъ, также въ пшеничный крестъ, скачанный на четвертой недѣлѣ великаго поста, втыкаютъ разнородныя зерна, а когда хлѣбъ спечется, разсматриваютъ: какое зерно вышло на верхъ, такой родъ хлѣба дастъ урожай [1]).

Таковы общія, независящія отъ воли людей условія урожая, но и самъ хозяинъ долженъ слѣдовать извѣстнымъ правиламъ, если хочетъ чтобы надежды на урожай оправдались. Онъ долженъ избѣгать посѣва на третьей лунной четверти, а обсѣваться на другихъ, особенно на второй; долженъ избѣгать вербной недѣли, а если обстоятельства принуждаютъ, то слѣдуетъ высѣять по крайней мѣрѣ одинъ мѣшокъ на похвальной недѣлѣ и тогда можно безопасно продолжать на вербной. Не слѣдуетъ начинать посѣвовъ въ дни св. мучениковъ, какъ и всякого дѣла вообще, ни по понедѣльникамъ [2]) (въ томъ числѣ и въ проводной) или четвергамъ, кромѣ чистаго [3])—«укынуться червы». Въ субботу

---

[1]) См. В. Щ. Пища и питье крест. малор. въ Этн. обозр. 1899 г. № 1, 2, 312, 314.

[2]) По другимъ «можно начинать у понедилокъ, бо у понедилокъ свитъ зачынався».—Понедѣльникъ и пятница неблагопріятны посѣвамъ у бѣлоруссовъ (Зап. Импер. Геогр. Общ., V, 457).

[3]) Хлѣбъ, посѣянный въ чистый четвергъ будетъ чистымъ и полнозернымъ. (Богдановичъ. Свѣдѣн. 222. Маркевичъ. Обыч., нов, 4).

также не слѣдовало бы начинать, но если ужъ начато, то нужно постараться и кончить въ одинъ день. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что лучшими, легчайшими днями для весенней пахоты и посѣва признаются: вторникъ, среда и пятница.

Но если далеко не всѣ хозяева раздѣляютъ указанные предразсудки, то всѣ одинаково спѣшатъ съ посѣвами, потому что по народному взгляду самые лучшіе посѣвы—ранніе [1]). «На раннёму женци жнуть, на пизнёму вивци бьють». «Лучше рилля ранняя... що на ранній женци жнуть, а пизнюю скотомъ бьють». Начинаютъ посѣвъ даже съ 17-го марта (теплаго Олексія), нормальный же—къ исходу марта [2]), съ Благовѣщенія: «Тоди Богъ благословывъ». Не всегда, однако, ранній посѣвъ служитъ непремѣннымъ залогомъ успѣха, иногда и поздній посѣвъ удается лучше ранняго при условіи дождей въ маѣ. И вообще народное земледѣліе не знаетъ никакихъ аксіомъ. «Усёго можно вывчыться, а хлиба не вывчыссся, бо не давъ Богъ знать. Инший годъ раньше, а иншый пизнише лучше сіять—якъ яке полиття [3]). Бо не земля родыть, а лито; не похиття, а полиття». То же значеніе имѣетъ какъ приводимая г-номъ Комаровымъ [4]) поговорка: «Не на всяке лито добре полиття», такъ и древнегреческій афоризмъ, переведенный Рейнье [5]) такъ: Das Jahr produzirt und nicht Erde.

Сѣятелемъ можетъ быть только мужчина [6]) и важное первоначальное участіе женщины въ земледѣліи сохранилось, какъ

На Дону же нельзя сѣять въ чистый четвергъ—растенія уничтожатъ насѣкомыя (Нов. Время 1902 г., № 9513, 3).

[1]) В. И. Василенко. Земледѣл. по укр. народ. воззр. Полтава 1893 г., 25.

[2]) Арендаренко. Зап. о Полт. губ. I, 25 и III, 319.

[3]) Полиття—совокупность метеорологическихъ условій въ періодъ прозябанія и созрѣванія хлѣба. Василенко. Земледѣл. 25.

[4]) Нова збир. нар. малор. прык. Одесса. 1890 г., 50.

[5]) Ackerb. der Alt. 173.

[6]) Исключеніе встрѣчается въ пѣснѣ, можетъ быть какъ пережитокъ:

выше приведено, лишь по отношенію къ огороду. Народъ не даетъ точныхъ объясненій причинъ такого устраненія женщинъ отъ полевыхъ посѣвовъ, ограничиваясь такими фразами: «Жинци сіять пашни не подоба, не резонъ, не полагается. Якъ бы жинкамъ показано сіять, то и въ вивтарь можна ходыть».

Сѣятель (сіяльныкъ) долженъ выѣхать на поле какъ можно раньше; «якъ сонечко схвачуется, щобъ ще не ходылы бабы, шобъ дорогы не переходылы». Предъ выѣздомъ, сѣятель, ударивъ три поклона у образовъ и окропивъ смѣсью освященныхъ разновременно водъ: «вечиришнёи, орданьскои и стритеннои», особенно оберегающей отъ сглаза при дурной встрѣчѣ,—воловъ, запряженныхъ въ возъ, бороны, мѣшки съ зерномъ, обращается сначала къ воламъ со словами: «Будьте сыти якъ земля, а швыдки якъ вода»; кропитъ потомъ усадьбу, огородъ, крестится на четыре стороны и приговаривая: «Господы! поможы у Божу путь святого хлиба почынать робыть»! или: «Благословы и поможы намъ, Господы, у добру путь», выѣзжаетъ со двора, самъ себѣ отворивъ ворота. Лучше не выѣзжать, а отъѣхавъ—вернуться, потому что всё равно дѣла не будетъ, а будетъ одна лишь ломка:—въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если встрѣтится женщина съ дурнымъ взглядомъ, «нехороша на перехидъ», 2) женщина съ пустыми ведрами [1]), 3) если курица выскочитъ изъ подъ лошадей, 4) котъ

Изъ за горы буйный витеръ віе,
А въ яру удивонька пшеныченьку сіе.
Россіявшы, стала волочыть,
А заволочывшы, стала Бога просыть:
Роды, Боже, сю пшеныченьку въ яру
На вдовыне счастя, а на людську славу.
Ище й-удивонька та до дому не дійшла.
Уже-жъ удовына та пшеныченька зійшла.
Ище й удова та на лави не сила,
Уже-жъ удовына та пшеныця поспила.
Годи тоби, удово, та на лави сидаты,
Иды въ чысте поле пшеныченькы жаты.
(отъ А. Кириченковой, с. Литвяковъ).

[1]) То же у Гринченка. Изъ устъ нар. 35.

или собака или заяцъ [1]) перебѣжитъ дорогу. Пріѣхавъ на поле, сѣятель распрягаетъ воловъ или лошадей (худобу), беретъ мѣшокъ (торбу) съ мѣркой зерна черезъ плечо и, положивъ на «рылю» хлѣбъ съ солью, посыпаетъ его зерномъ или просѣваетъ трижды крестообразно по пахоти, а затѣмъ, выдвигая правую ногу впередъ, набираетъ въ правую же руку полную горсть зерна и сѣетъ его, распуская межъ пальцами по направленію вѣтра вдоль поля (гонъ), а при противномъ вѣтрѣ—поперекъ. Разсѣвая сѣмена, хозяинъ приговариваетъ: «Господы поможы! Дай, Господы, часъ добрый! Роды, Боже, на всякого долю и на крывого и на слипого и на бачущого и на выдющого. Щобъ було людямъ дать и продать». Или: «Господы поможы и роды, Боже, на всякого долю: на слипого и хромого. Не оставы, Господы, и мене». Или: «Дай, Боже, въ добрый часъ! щобъ Господь уродывъ хлибъ святый намъ. Прыспоры намъ, Господы, и поситы насъ. Господы роды, дай ударыться»! Слѣдуетъ еще замѣтить, что сѣятель, посѣвая, сбрасываетъ съ себя кожухъ, а мѣстами и сапоги, если погода позволяетъ [2]). Количество посѣвныхъ сѣмянъ на десятину, разсѣеваемыхъ сѣятелемъ, зависитъ отъ качествъ земли и рода хлѣба. Лучшая по качеству и обработкѣ земля требуетъ меньше сѣмянъ. Затѣмъ, овесъ, просо и гречка не любятъ густого посѣва. Слишкомъ густой хлѣбъ похожъ на мохъ, даетъ больше соломы, рѣдкій колосистѣе. Вообще предпочитаютъ среднiй и болѣе густой посѣвъ. «Дай нывци, то й нывка дасть. Якъ насыпъ

---

[1]) Предразсудокъ о встрѣчѣ съ зайцемъ общечеловѣческій G. L. Gomme. The handbook offolklore 25. Н. Ѳ. Сумцовъ. Заяцъ въ народ. слов. Москва. 1891, 70—встрѣча съ зайцемъ предвѣщаетъ несчастіе.

[2]) Пріемы сѣйбы главнымъ образомъ обусловлены удобствомъ, хотя возможно, что описанное обыкновеніе снимать одежду составляетъ пережитокъ римскихъ и греческихъ пріемовъ: пахать, сѣять, жать голымъ, что вызывалось климатомъ и неудобствомъ шерстяной одежды. Поэтому римляне, позже принявшіе льняную одежду, дольше удержали и этотъ обычай. (Rejner. Ack. der. Alt. 171, 172),

часто, той на кипъ часто. Сій мене густо, то не буде пусто»[1]).

Постепенность посѣва яринъ изрѣдка въ с. Мгарѣ и Пѣскахъ опредѣляютъ одновременно съ приведеннымъ выше гаданіемъ на крестѣ такимъ образомъ: которое изъ зеренъ вышло при печеніи на поверхность, то и нужно раньше сѣять. Повсемѣстно, однако, весенній посѣвъ начинаютъ съ древнѣйшаго хлѣба, извѣстнаго человѣчеству[2])—ячменя (Hordeum vulgare. L.), который сѣютъ на средняго качества землѣ: пшеничищѣ и ржищѣ. Предъ посѣвомъ сѣмена смываютъ и оставляютъ мокрыми на ночь, переточивъ на рѣшето. Отъ такой перечистки и мочки овсюгъ (Avena fatua или sterilis) отойдетъ, а если и останется, то очень намокшій и не взойдетъ по крайней мѣрѣ въ томъ же году; ячмень же не боится мокроты и не замокаетъ, какъ видно изъ пословицы, варьируемой въ Лубенщинѣ на разные лады: Топчы мене въ калъ, то буду панъ; скынь мене въ калъ, то вздягну въ жупанъ; сій мене въ калъ, я тебе вдину въ жупанъ; кыдай мене у калъ, зроблю тебе якъ панъ; укынь ячминь

---

[1]) Варіанты у Чубинскаго. Тр. I, в. 1, 299, Номиса. Укр. Пр. 138, у Комарова (Нов. збир. 97) иначе: Посій ридко—уродыть мидко, а засій густо—уродыть пусто.

[2]) Встрѣчается въ свайныхъ постройкахъ каменнаго вѣка. (Хётчинсонъ. Очер. доист. міра) въ Мірѣ Бож. 1897 г., IX, прилож. 154, извѣстенъ былъ праарійцамъ. (См. рецензію K. Bruchmann на соч. Dr. F. Spiegel. Die arishe Periode und ihre Zustände въ Zeitschr. für Völker. II Heft. 187). Ячмень воздѣлывался на вавилонской низменности и у евреевъ; былъ въ большомъ употребленіи у грековъ, римлянъ, персовъ, египтянъ. Занесенъ пеласгами въ Европу. (Rejnier. Ackerb. der Alt. 184, 185, 277. Липпертъ. Ист. культ. 23—26. Летурно. Эволюц. торг. Міръ Бож. 1898 г., X., 131. Григорьевъ. Бот. 315. Но если хлѣбныя растенія и заимствованы, славянами, то заимствованіе это произошло въ глубочайшей древности, что доказывается одинаковыми названіями родовъ хлѣба, овощей, плодовъ, способовъ обработки, орудій, житницъ, мельницъ у всѣхъ славянскихъ племенъ. (А. Н. Пыпинъ. Древ. пер. рус. литер. въ Вѣст. Евр. 1875 г., XI, 119). Сумцовъ. Хлѣбъ въ обряд. и пѣсн. Харьк. 1885 г., 15, 17.

у калъ, надине на тебе жупанъ; сій ячминь у калъ, одягнешься въ жупанъ [1]). Предъ посѣвомъ ячменя кладутъ на ниву ячную паляницу и потомъ разсѣваютъ $8^1/_2$—9 пуд. лучшаго, крупнаго (дориднёго) и 8 пуд. худшаго зерна на десятину [2]).

Затѣмъ сѣютъ другое раннее растеніе—овесъ (Avena sativa. L.), единственный туземный злакъ, поведенный отъ дикихъ европейскихъ видовъ [3]), потому, вѣроятно, неприхотливый, могущій расти на худшей землѣ, напримѣръ на ячнищѣ. «Винъ не сердыться». Кромѣ обыкновеннаго, мѣстнаго, сѣютъ еще изрѣдка французскій бѣлый, безостый лучшій на наборъ, и арабскій, черный съ голубоватой соломой, похожій на овсюгъ. Овса сѣютъ мало, только для лошадей, кладутъ $8^1/_2$—9 пуд. на десятину [4]).

Въ лубенскомъ уѣздѣ извѣстно нѣсколько разновидностей ярой пшеницы [5]). (Triticum vulgare L.): кущовка, крупная, бѣлая, съ продолговатымъ, скоро высыпающимся зерномъ, бѣлогирка, съ болѣе круглымъ зерномъ, красногирка, мягкая, арнаутка (арновка)—твердая, «червона», съ красноватымъ зерномъ и «остыста», цвѣтомъ бѣловатая, съ остями какъ на ячменѣ, нелюбимая воробьями [6]), почему ее можно сѣять на левадахъ вблизи деревьевъ, Вообще пшеницу сѣютъ на лучшей землѣ: «присци, льнищѣ, баштанищѣ, ржищѣ» и на толокѣ, рано, согласно съ пословицей: «на

[1]) Вар. приведены у Номиса. Укр. Пр. 198 и у Василенка Землед. 26.

[2]) По Сбор. хозяйст. ст. (Луб. у IV. Полт. 1885 г., 93) кладутъ 9 п. на дес., а по Короновскому (Ст. опис. Луб. у. въ Полт. губ. вѣд. 1890 г., № 51, 2,—10 мѣр.

[3]) Липертъ. Ист. Культ. 23—26.—Въ числѣ обработываемаго арійцами хлѣба былъ и овесъ. А. Н. Пыпинъ. Древн. пер. въ Вѣст. Евр. 1875 г. XI, 110.

[4]) По сб. хоз. ст.—10 пуд. (стр. 93).

[5]) Воздѣлывалась: египтянами, евреями, греками. Липпертъ. Ист. культ. 23—26. Rejnier. ack. der alt 186, 279.

[6]) По Котельникову (О воздѣл. хлѣб., 26) она выносливѣе, ее меньше пьютъ воробьи.

раннему пшеныця, на пизнёму—метлыця» [1]), сейчасъ послѣ Благовѣщенія; но она требуетъ теплой, сухой «рили», такъ чтобы пыль шла изъ-подъ бороны, меньше поражаясь тогда зоною. Въ предупрежденіе зоны совѣтуютъ избирать для посѣва пшеницы тотъ день, въ какой послѣ новаго года осаждался иней на деревьяхъ, притомъ солнечный, и избѣгать какъ дней, въ которые чистились трубы, такъ часовъ топки печей, когда дымъ идетъ вверхъ. Пшеницу приготовляютъ къ посѣву 1-го марта, перетопчивъ во избѣжаніе зоны и бурьяна; а незадолго до посѣва смываютъ для уничтоженія овсюга и кукиля. Затѣмъ сѣятель, взявъ крестъ, спеченный на четвертой недѣлѣ поста, и, надѣвъ рубашку, въ которой пріобщался, отправляется на поле. Здѣсь кладетъ онъ крестъ, и обсѣваетъ его трижды, потомъ засѣваетъ поле, забирая зерно не изъ отверстія мѣшка, а прорѣзая шовъ снизу (изъ гузыря), для того, чтобы пшеница была чистая, безъ зоны. Разсѣевается 7—8 пуд. на десятину [2]). Что касается креста, то часть его зарывается сѣющимъ въ «рилю», остальное съѣдается послѣ третьей посѣянной бороды или въ концѣ посѣва. Иногда онъ искрашивается въ кашу или въ разведенный медъ. Когда пшеница подымается, ее очищаютъ отъ разныхъ сорныхъ травъ: пирія (Agropyrum repens. L.), кукиля (Agrostemma githago. L.), кукилицы (Melampyrum pratense. Röhling.), однолѣтняго растенія съ большими душистыми бѣлыми цвѣтами; затѣмъ отъ гвоздичныхъ (sileneae): Silene inflata. Ehrt, Lychnis noctiflora. L., L. vespertina. Sibth.; и отъ березки (Convolvulus arvensis. L., иначе павилики, рогатки) съ желтоватыми цвѣтами. Самымъ главнымъ врагомъ пшеницы, уничтожающимъ много зеренъ, признается зона [3]).

---

[1]) Иначе метлюгъ (Apera Spica venti. P. Beauv).

[2]) Такъ и по Короновскому (Полт. губ. Вѣд. № 51, 2) По Сб. Хоз. Ст. (93)—9 мѣръ.

[3]) Зона или головня производится спорами разныхъ видовъ грибка Ustilago: carbo, destruens, maidis, разростающихся въ самомъ веществѣ пшеничнаго зерна, которое отъ того темнѣетъ и наполняется черной или бурой тонкопорошистой массой. Ржавчина же—порошистые

Кромѣ указанныхъ выше предосторожностей отъ нея, въ народѣ не совѣтують еще: подмазывать избу наканунѣ Рождества и смазывать на току дегтемъ ремень (капицу), которымъ соединяются части цѣпа; бичь иципильно между собой.

Просо (Panicum miliaceum. L.) также издавна извѣстно людямъ [1]). У насъ оно двухъ родовъ: комовое (червоне) крупное съ сжатой метелкой и метельчатое съ повислой метелкой (жовте, або биле). Посѣвъ его двоякій: ранній на вспаханной осенью землѣ, ржищѣ (на зябли), вслѣдъ за ярой пшеницей, такое просо называется «житкове»; и поздній—на облогѣ весенней оранки (на новорилли), такое зовется «гречкове, у гречкахъ». О посѣвѣ послѣдняго существують слѣдующія правила: «Тоди саме просо сіять, якъ на гречку орють, передъ Мыколою. Просо якъ не посіешъ до Мыколы, то не сій николы». Дѣйствительно, просо, посѣянное послѣ св. Николая весьма плохо. По Свидницкому [2]) на Подолѣ просо сѣють тогда, когда хрущи летають. Проса нельзя сѣять въ мокрую землю. Выоравъ [3]) весной землю, ожидають дня три съ посѣвомъ: «шобъ мышій не вкыпувся». Предъ посѣвомъ ниву скородять въ 4—5 слѣдовъ, а на облогѣ—въ 10 и укатывають каткомъ; зерна пропускають сквозь колодку въ колесѣ, «не буде головни». Съ тою же цѣлью сѣють просо въ той рубашкѣ, въ которой причащались, а чтобы воробьи не выпили—стараются посѣять предъ разсвѣтомъ. Прежде сѣявши, брали

кучки бураго и желтаго цвѣтовъ на листьяхъ и другихъ частяхъ растеній производится грибкомъ изъ рода Uredo. (Григорьевъ. Рук. къ бот. 367.

[1]) Просо найдено въ остаткахъ свайныхъ построекъ, изъ него пекли лепешки. (Хетчинсонъ. Очер. въ Мір. Бож. 1897 г., IX, 154). Первоначальная родина Остъ-Индія. (Григорьевъ. Рук. 315). Оно извѣстно было персамъ (Rejnier. Ack. 280); воздѣлывалось иберійцами и кельтами Галліи и верхей Италіи. (Липпертъ. Ист. Культ. 22, 26). По мнѣнію Липперта славянами просо заимствовано, вѣроятно, изъ Венгріи.

[2]) Велыкд. у подол. въ Основѣ 1861 г., XI, XII, 59.

[3]) Лат. и итальян. arare ора́чъ, польск. oracz—ратай.

зерно двумя пальцами, теперь горстью. «Просо сивке», его кладуть на десятину до 3-хъ пудовъ [1]). Народная формула посѣва приведена у Манжуры [2]): «Сій просо ридко де дитей черидка, сій просо густо, де дитей пусто». Замѣчаютъ, что послѣ посѣва проса можна обѣдать, а по Чубинскому [3]) и вечерять на дворѣ, а до того нельзя. Въ лубенскомъ уѣздѣ не ломаютъ, не перенахиваютъ [4]) посѣва для уничтоженія сорныхъ травъ, а полютъ и выбрасываютъ слѣдующія: блекоту (Hyoscyamis niger. L.), брыцю [5]) (Setaria glauca P. de Beau), лободу (Chenopodium album. L). мышій (Setaria viridis. P. de Beau), свирипу (Brassica napus. L.) и щырыцю (Amarantus Blitum. L.). Небольшія нивки ограждаютъ отъ птицъ кольями и протянутымъ на нихъ валомъ (толстыми нитями) и привязанными перьями.

Позже всѣхъ яринъ сѣютъ гречку [6]). (Polygonum fagopyrum. Fagopyrum esculentum) согласно извѣстному правилу: «До Мыколы не сій гречкы, не стрыжы овечкы» [7]). Ранній посѣвъ ея производятъ лишь съ половины мая до средины іюня, поздній всю Петровку. Такъ какъ раннюю гречку (майковку) часто опаляетъ вѣтеръ, а позднюю обрываетъ вѣтеръ же и губитъ морозъ, то лучшимъ временемъ посѣва признаются 12 и 13 іюня (на Онопрія

---

1) По Коронов. (Полт. губ. Вѣд. № 51, 2) и по Сбор. Хоз. Ст. (93) - отъ $1^1/_2$—2 мѣръ.

2) Сбор. Хар. Ист. Фил. Общ. II, 165.

3) Тр. эксп. I, в. I, 84.

4) Котельниковъ. О возд. хлѣб. 65.

5) Подъ «briza» разумѣлась въ древности ѳракійская рожь (Rejnier. 188).

6) По Гену названіе это означаетъ вообщѐ югъ; гречка получена отъ монгольской расы, почему и назвалась въ Европѣ turcicum frumentum и tatarcorn (Кулишеръ. Науч. Обозр. въ Рус. Мысли 1895 г., I, 135). Занесена была въ Европу съ войнами (Rejneir. 308) въ XVI в. (Григорьевъ. 268).—И теперь у нѣмцевъ слыветъ степнымъ хлѣбомъ—Heiderkorn, Heidel.

7) Чубинскій. Тр. I, в. II, 243 и III, 184, 193; Номисъ. Укр. Пр. 10; Василенко. Землед. 27.

и Кулынку). На троицкой недѣлѣ совсѣмъ нельзя сѣять гречиху, выйдетъ одинъ пустоцвѣтъ. Для посѣва избирается день, въ который въ первый разъ послѣ новаго года замѣченъ былъ иней на деревьяхъ; сѣютъ передъ разсвѣтомъ [1]) и ночью. «Тоди вдается така рясна гречка, шо якъ глянь на неи—мовъ у мишку». Гречку сѣютъ какъ въ толокѣ на ржищѣ и пшеничищѣ, такъ и въ степи на худшей (вивсюговатій) землѣ, «бо вона пидновля землю» [2]). Въ лѣсномъ участкѣ, вдоль Лохвицкой границы, въ тишковской волости и частяхъ лубенской (бывшей ольшанской) и тарандинцовской, въ области наибольшаго въ уѣздѣ развитія культуры гречки, ею замѣняютъ другія ярины и сѣютъ во второй смѣнѣ. Сѣютъ обыкновенно недѣли черезъ 2—3 послѣ оранки, чтобы земля подгорѣла, полагая лучшаго зерна (чорну, чола́) по 6—8 пуд., а худшаго (рыжухи или охвостья, рудяка) по $4^1/_2$ пуда на десятину. Сѣютъ иногда гречку пополамъ съ просомъ, а по сборѣ подтачиваютъ.

Изъ озимей раньше сѣютъ рожь [3]) (Secale cereale. L.). Въ с. Мгарѣ для опредѣленія времени посѣва ржи засѣвали прежде 8 іюля (на Прокипья) грядочку, которую раздѣляли на три части, обозначивъ: ранній, средній и поздній посѣвы. Если на которой нибудь изъ этихъ частей жито всходило гуще, то такой посѣвъ и слѣдовало производить. Ранній посѣвъ начинаютъ съ первыхъ чиселъ августа. Молодые хозяева признаютъ его лучшимъ. Неудобство ранняго посѣва, поѣданіе ростковъ червями [4]). Средній

---

[1]) По Гринченку (Изъ уст. нар. 35) нельзя ничего ѣсть, покуда не досѣешь гречки.

[2]) Гречиха, вѣтвясь и отѣняя землю широкими листьями, заглушаетъ сорныя травы, и тѣмъ очищаетъ почву. (Котельниковъ. О воздѣлыв. широколист. мучнист. С.-Петерб. 1898 г., 7).

[3]) Жито разводилось древними персами и греками. Rejneier. 182, 278

[4]) Изъ болѣзней ржи всего чаще и опаснѣе такъ называемые рижкы (Secale cornutum), черное продолговатое, изогнутое тѣло, появляющееся на колосѣ вмѣсто зерна, производимое микроскопическимъ чужеяднымъ грибкомъ изъ рода claviceps (по другимъ sphaceliu segetum),

посѣвъ производится съ половины августа до 1 сентября (св. Симеона). Старыми крестьянами онъ признается самымъ надежнымъ. «Якъ къ Семену сіется,—то то настоящій хлибъ. Теперъ пишло раньше, а ранійшій черва зйисть». Послѣдній посѣвъ—14 сентября, хотя изрѣдка сѣютъ и позже [1]). Лучшими числами для посѣва считаютъ: 3, 5, 27 августа и 14 сентября. Рожь сѣютъ на толокѣ, гречкивкѣ, иногда въ степи на худшей (вивсюговатій) землѣ для очистки послѣдней. Предъ посѣвомъ кладутъ еще коегдѣ за Лубнами ржаной хлѣбъ съ солью на поле [2]); сѣютъ въ мокрую землю послѣ дождя, такъ какъ въ сухой землѣ зерно прѣетъ и уничтожается птицами, полагая 7, $7^1/_2$ пуд. мелкого зерна на худшей землѣ и 8 пуд. крупного на хорошей петровской «рилли» [3]). Весной, около Тройцы изъ ржи выбрасываютъ будяки (Carduus nutans. L.). Въ сѣверовосточной части уѣзда

зарождающимся въ неоплодотворенной завязи зерна, отчего составная часть муки измѣняется, получается жирное масло, сахаръ фосфорная кислота и ерготинъ, особенно частое когда во время цвѣтенія ржи бываетъ пасмурная погода и когда для посѣва взяты отсырѣвшія въ закромахъ сѣмена. Отъ рожковъ развивается злая корча или рафанія. (Описан. спор. 1--16 также Григорьевъ. Рук. къ бот. 362).

[1]) В. И. Василенко въ ст. «Землед. по укр. нар. воз. (18, 25 и 26) называетъ поздній посѣвъ наволокомъ нищенскимъ. Онъ можетъ удаться развѣ случайно; такъ Арендаренко въ Зап. о полт. губ. (т. III, 318) разсказываетъ, что въ 1839 г. въ лубенск. у. произведенъ посѣвъ 20 ноября и получился удовлетворительный результатъ.

[2]) Можетъ быть въ такихъ фактахъ содержится остатокъ жертвъ хлѣбному, полевому божку или землѣ, какъ у грековъ Деметрѣ—божеству земли въ періодъ посѣва и жатвы. (A. Lang. Mythes, cult. et relig., trad. par L. Marillier. Par. 1896. 563, 569). О ритуальномъ употребленіи ржи и о гаданіяхъ по зернамъ упоминалось мною неоднократно. Между прочимъ молодой въ понедѣльникъ бросаютъ рожь и деньги за воротникъ сорочки, которыя она кладетъ въ четыре угла скрыни, не считая.

[3]) По Коронов. (Полт. Вѣд. № 50, 2) и по Сбор. Хоз. Ст. (93) кладутъ 8—9 пуд. на десятину.

изрѣдка сѣють еще на толочной землѣ озимую пшеницу: старую, «гладеньку, стрыжену», вѣроятно перproducing сандомирки, и «колючу», новѣйшую остистую, бѣлую. Главный посѣвъ съ половины августа до 8-го сентября (межъ пречистыми), но лучшій до 29 августа (осикновенія): «вона добре урунеться и не такъ іи холода возьмуть». Предѣлъ посѣва озимой пшеницы—20 сентября (Остапья). Ее очень портитъ стоколосъ, по Роговичу [1]) овсянка, костирь, костюльки, (Bromus arvensis, mollis, secalinus), по Волкову: B. squarrosus. L. [2]). При посѣвѣ разсѣваютъ 8—9 пуд. на десятину. Площадь ея посѣва сокращается какъ за неимѣніемъ годныхъ земель, такъ и по ненадежности самаго злака. «Вона хлибъ нижный, утлый, ридко удается, въ голоморозь вымерза».

Самое раннее начало жатвы, какое только запомнятъ мѣстные старожилы было въ 1897 году. Въ корреспонденціи моей въ Полтавскія губернскія вѣдомости [2]) жатва эта изображалась такъ: Іюнь выдался въ этомъ году особенный. Обыкновенно это лучшій мѣсяцъ въ году: время синихъ ночей, соловьевъ, трояндъ, петривокъ. Народная поэзія печалится объ окончаніи такого чуднаго времени:

Ой, Петре, Петре, и ты, Иване!
Уже твоя петривочка мынае!..
Уже петривочка мынается,
Сызая зозуленька ховается...
Уже петривочци не буваты,
Сызій зозуленци не куваты...

Но іюнь 1897 года былъ чисто дѣловымъ мѣсяцемъ. Жатва началась съ 22 іюня, когда косили озими, съ 22 іюня принялись за ячмень, вдругъ «зажегся» овесъ, начали косить и его, а съ 1-го іюля поспѣла ярая пшеница. Въ началѣ іюля виднѣлись въ

---

[1] и [2]) Слов. въ Зап. Геогр. Общ. 114. 157.

[2]) № 151, 3; (недописана).

Лубенщинѣ среди синѣющихъ лѣсковъ и темныхъ вкрапинъ конопли, блѣдно-желтыя карты стерни и на ней рѣдкія копы. Мелкіе хозяева успѣли кончить жатву до Петра и Павла, т. е. ко времени, когда она едва начинается». Въ обыкновенные годы къ 29 іюня спѣшили нажать лишь немного новаго хлѣба для освященія въ церкви, начальнымъ же праздникомъ жатвы признается 8-ое іюля [1]) (Прокопья), а предѣльнымъ—15 августа (Пречыста) теперь 1-ое сентября (Семена) и даже Покрова—прежде. Причина такого сокращенія періода жатвы—почти повсемѣстная замѣна серпа косою [2]). Мужчины жнутъ еще изрѣдка въ лѣсномъ участкѣ, гдѣ меньше хлѣба, женщины, особенно вдовы, чаще, сжиная высокую рожь, въ большей же части уѣзда люди разучились жать, рѣжутъ себѣ пальцы, А между тѣмъ народная оцѣнка орудій жатвы склоняется въ пользу серпа. Происхожденіе его сверхъестественно [3]). Затѣмъ сжатый снопъ красивѣе, ровнѣй, прочнѣе и выгоднѣе. «Винъ гарный якъ калына, хороше на ёго и подывыться». Колоски сжатаго снопа всѣ вмѣстѣ, его и птица не возьметъ, онъ не такъ гніетъ, на умолотъ лучше, даетъ вдвое зерна. Съ него больше и лучше околотъ. Кромѣ того при жатвѣ меньше истощается земля, такъ какъ оставляется большая стерня (въ $1/4$ аршина), задерживающая дольше снѣгъ на нивѣ. Но всѣ эти выгоды серпа уничтожаются однимъ неудобствомъ—крайне медленной уборкой хлѣба, на что указывали и прежніе и новые изслѣдователи [4]). Изрѣдка еще встрѣчается въ уѣздѣ и первобытный способъ жатвы: срываніе рѣдкаго, низкорослаго

---

[1]) Вообще начало жатвы съ первыхъ чиселъ іюля. (Аренд. III, 319).

[2]) Серпъ извѣстенъ былъ древнимъ египтянамъ, евреямъ и грекамъ. Картина ихъ жатвы напоминаетъ отчасти нашу. Впереди шли жнецы, за ними вязальщики. Ячмень вязали въ снопы и складывали вмѣстѣ (Rejnirer, 98—191). Французское serpe—означаетъ кривой ножъ.

[3]) Манжура, Сб. сказ. 145.

[4]) Арендаренко. Зап. II, 317. Котельниковъ. О сѣм. и посѣвѣ. С.-Петерб. 69.

хлѣба руками. Лучшими днями для начала жатвы признаются вторникъ и пятница. Въ эти дни слѣдуетъ приступить къ жатвѣ и нажать сноповъ 10—20. Приступъ къ жатвѣ не сопровождается теперь праздникомъ. Если поле далеко въ степи, то семья выѣзжаетъ туда съ орудіями и пищей надолго. Постороннихъ жнецовъ хозяинъ, угостивъ водкой, и проговоривъ: «Благословы, Боже, щобъ зъ сёго дня такъ що-дня! хай вамъ Богъ помогае»! также ведетъ на поле. Прежде женщины одѣвались въ плахты, завертывались намитками и съ пѣснями шли на поле, а вечеромъ всегда было угощеніе (зажинщины). Выйдя первый разъ на ниву [1]), женщина становится на колѣни, крестится, и взявъ серпъ говоритъ: «Господы поможы и дай часъ добрый. Господы поможы намъ у рукы взять оцей хлибъ святый! Поможы мени Маты Божа, царыця небесна, шобъ мени жыто выжать и легенько й веселенько. Святытелю Мыколаю! чудотворець святу помищь давай и сохраняй оцъ болизни, поки обижнусь». Первую горсть (жменю) сжатой ржи жница, окрутивъ трижды вокругъ руки, затыкаетъ себѣ за поясъ и жнетъ такъ цѣлый день въ предупрежденіе боли поясницы, затѣмъ эта горсть хранится дома на сволокѣ или коминѣ, чтобы безбѣдно и благополучно жилось: «Шобъ було въ осели», а при боли рукъ варятъ эту горсть въ водѣ и моютъ руки. Слѣдующія три горсти кладутся крестообразно въ первый снопъ. Сжавъ и связавъ первый снопъ, женщина ставитъ его, приговаривая: «Дай Боже, шобъ якъ нажалы одынъ снипъ, а зъ сёго снопа шобъ сто кипъ, а зъ снопа четверыкъ, а

[1]) Начинаютъ жать или косить всегда озими. Если ячмень поспѣетъ одновременно съ рожью (ажъ крычыть жать), то его собираютъ по утрамъ, пока роса, такъ какъ сухого ячменя убирать нельзя, перепустить также нельзя: «уклякне ажъ до земли, склякне»; притомъ часть ячменя скашиваютъ надзелень—«кращи паляныци». Днемъ же продолжаютъ уборку жита. Овесъ косятъ «якъ зажыгается, якъ почнуть верхни квитки билить». Совѣтуютъ (Котельниковъ. О возд. хлѣб. 60) и его косить надзелень, тогда онъ тяжелѣе, сытнѣе (тримнише) и дороже коп. 5—10 на пудъ. Потомъ жнутъ ярую пшеницу, раннее просо, позднее просо, а съ Александра Невскаго (30 августа) гречки.

зъ копы сто пудъ»; или такъ: «Стой снипъ на сто кипъ, що хипъ, то й снипъ, що колосокъ, то й мишокъ»,—сама же ложится на лежникъ (обнижокъ), потягивается, расправляетъ члены, говоря: «Шобъ мени не заробыться, шобъ хочъ копу нажать, шобъ поперекъ не боливъ». Кой-гдѣ приплясываютъ вокругъ перваго снопа и катаются по стерни (пожнѣ), приговаривая: «Нывка. нывка! верны мою сылку, шобъ и на той годъ була», или: «Нывка. нывка! верны мою сылку! На нывку гноёкъ, а на мене, молоду. лоёкъ». Зерномъ перваго снопа закармливаютъ курей и обсѣваютъ токъ для предохраненія скирдъ отъ мышей. За третьимъ снопомъ жница опять садится, отдыхаетъ, «шобъ не заробыться» съѣдаетъ кусочекъ хлѣба, послѣ чего жнетъ до вечера съ перерывами для принятія пищи. Предъ вечеромъ сжатые снопы складываютъ въ полукопы: одинъ (житній переломленный, яринный нѣтъ) кладутъ посрединѣ, вокругъ него помѣщаютъ «навхрестъ» три раза по восемь сноповъ, одинъ рядъ надъ другимъ, сверхъ нихъ еще четыре и на самомъ верху одинъ. Этотъ верхній снопъ называется шапкой. При окончаніи работъ благодарятъ Бога: «Спасыби Богу за помогу»! А возвращаясь съ первой жатвы приговариваютъ: «Одна гора, одна й вода, одни й люды. Нехай нашимъ женцямъ урокивъ не буде. Поставылы копкы, та вдарымо гопкы: шобъ булы й на завтра здорови».

Въ лубенскомъ уѣздѣ и до настоящаго времени, убирая хлѣбъ, оставляютъ на корню горсть хлѣбныхъ колосьевъ, какъ «перевесло» на снопъ, съ правой стороны поля, на краю. Ихъ завиваютъ, т. е. скручиваютъ отъ себя (навпакы) и оставляютъ въ полѣ. Назначеніе этой горсти въ народныхъ представленіяхъ различно, смотря по ближайшему предстоящему празднику и отчасти по роду хлѣба. Такъ жито оставляютъ: «Спасови на бороду», также «Петру, Прокопу, Гаврылу, Илькови и Пантелеймону (Палію) на бороду»; затѣмъ ячмень оставляютъ «Маковіёви на бороду, пшеныцю—Пречистій на одивання, гречку—Покрови на одивання и овесъ—царському коневи на грыву». То же обыкновеніе записано: въ Харьковской губ. [1]), Волынской и По-

[1]) Сумцовъ. Этногр. зам. Москва, 1899. 17.

дольской [1]), Кіевской [2]), Херсонской [3]), въ Бѣлоруссіи [4]) и западной Европѣ [5]). Спеціалисты [6]) же объясняютъ, что оставленіе бороды на полѣ, лишь пріурочено къ именамъ святыхъ, а на самомъ дѣлѣ составляетъ дохристіанское обыкновеніе предоставленія растительному или полевому духу, покровителю жатвы и подателю плодородія, вродѣ Фавна или Сильвана, убѣжища въ послѣднемъ снопѣ. И въ Лубенщинѣ прежде также мѣстами оставляли на полѣ послѣдній снопъ, равнозначущій, вѣроятно, послѣдней горсти, чаще однако съ нимъ поступали такъ, какъ въ западной Европѣ [7]) и Великороссіи. Его увеличивали въ размѣрѣ противъ

---

[1]) Чубин. Тр. III. 226, Бѣньковскій. Кіевск. Стар. 1895. VII. VIII, Док. 14.

[2]) Nowosielsky. Lud Ukr. 1, 131.

[3]) Чернявская. Обр. и пѣсни с. Бѣлоз. Харьк. 1893 г., 19.

[4]) Зап. Импер. Рус. Геогр. Общ. V, 795.

[5]) И между прочимъ въ Скандинавіи оставляли снопъ на кормъ лошадей Одина. Nowos. 1, 131, Van den Ghein. Essais de mythologie et de philologie comparée. Paris-Bruxelles. 1885, 113.

[6]) Потебня. Объясн. малор. и срод. пѣс. II. Варш. 1887 г., 178. Сумцовъ: Хлѣбъ въ обр. и пѣсн. 118 и Этногр. зам. 17.—Полевой божокъ повсемѣстно изображается народомъ въ видѣ животнаго: зайца въ восточной Пруссіи, собаки, суки во Франціи, гдѣ послѣднюю жатву жнутъ съ крикомъ: tuez le chien, собаки въ Тиролѣ, козла, быка, кобылы во Франціи и у насъ («За Семена кобыла въ вивси зйила полдень»). Въ послѣднемъ образѣ представляются и болѣе важныя земельныя божества: Деметра въ образѣ кобылы изнасилована Посейдономъ въ видѣ жеребца, Филира—Кроносомъ, Саранія—Вивасватомъ. (См. рецензію Брухмана на соч. Лемке Volkstümliches in Ostpr. въ Zeitschr. für Volkerpsycholog. und Sprachv. Leip. 1888. I. 104. L. Marillier. „M. Frazer et la Diane de Nemi“. Rev. de l'ist. des relig. XXV. 83. Vanden Ghein. Essais. 63, A. Laug. Mythes. 464, 465, 566, 567. В Миллеръ. Всемірн. сказка въ Рус. Мысли, 1893 г., 11, 212).

[7]) Въ виду того, что малорусскія обыкновенія съ послѣднимъ снопомъ не были записаны этнографами, слѣдовательно и не могли

другихъ сноповъ, подвязывали красной сподницей или платкомъ, украшали полевыми цвѣтами: васильками (Centaurea Cyanus. L.), сокирками (Delphinium consolida. L.), такъ что оставались видны одни колосья. Мѣстами (въ с.с. Мгари, Литвякахъ) сверхъ снопа надѣвали вѣнокъ изъ ржаныхъ колосьевъ съ полевыми цвѣтами и три женщины несли снопъ съ пѣніемъ въ день обжинщинъ хозяину, ставили на покуття, а потомъ этотъ послѣдній снопъ молотили прежде другихъ и снимали съ него пробу. Чаще однако такимъ вѣнкомъ увѣнчивалась красивая дѣвушка, женщина, мальчикъ, а въ с. Волчкѣ вѣнокъ замѣняли крестомъ, сдѣланнымъ изъ соломы [1]). Принеся вѣнокъ или крестъ хозяину, жнецы останав-

---

быть сравнены съ западноевропейскими, необходимо представить здѣсь нѣсколько болѣе подробную выписку изъ The handbook of folklore, edited by G. L. Gomme. XIV. Local customs. 96, 97.

Въ Германіи, говоритъ Гоммъ, послѣдній снопъ дѣлается въ формѣ животнаго: пѣтуха, поросенка, зайца, волка, козла коровы, или въ него помѣщается деревянное изображеніе этихъ животныхъ. Въ послѣднюю связку льна кладутъ живую жабу Въ другихъ мѣстахъ Германіи и въ Даніи послѣдній снопъ ближе къ нашему, изображая мужскую или женскую куклу, съ грубыми намеками на члены, одѣтую, иногда украшенную лентами и цвѣтами. Кукла эта носитъ различныя названія: жнивная леда (королева), дѣвушка, зерновая кукла (kirn-dolly, kirn-baby) мать, бабушка, овсяная (пшеничная) невѣста, старая потаскуха (whore) и т. д. Такую куклу помѣщаютъ за обѣденнымъ столомъ, также возятъ по селу и отвозятъ въ ригу, гдѣ иногда погружаютъ въ воду. Н. Ѳ. Сумцовъ. въ соч. Хлѣбъ въ обряд. и пѣсн. Харьковъ, 1885 г., 86, приводитъ дожинки Пензенской и Симбирской губ., въ которыхъ послѣдній снопъ называютъ именинникомъ и наряжаютъ въ сарафанъ и кокошникъ.

[1]) Вѣнокъ—символъ солнца подателя урожая (Н. Ѳ. Сумцовъ. Этногр. замѣт. 16), и крестъ извѣстной формы, изображающій движенія солнца, слѣдовательно имѣющій тоже символическое значеніе (Comte Goblet d'Alviella. La migration des symboles. Paris, 1891, 68) приняты: первый почти во всей Малороссіи (См. Чуб. III, 226, Сумцовъ. Этногр. зам. 15, Маркевичъ. Обыч. 17) и Бѣлоруссіи (Зап.

ливаются у воротъ. Хозяинъ выходитъ и приглашаетъ: «Прошу до мене на обжинщины». Садятся за столъ, дѣвушка въ вѣнкѣ на покути. Хозяинъ угощаетъ приговаривая: «Спасыби вамъ, шо хлибъ зибралы и винокъ у домъ унеслы. Шобъ я диждавъ ще вамъ сіять». — Спасыби и вамъ, отвѣчаютъ жнецы, выпивая водку, шо вы насъ пустылы. Благодарить Бога мылосердного, шо мы благополушно дожалы. Дай Боже, хозяинъ, шобъ ты посіявъ и на той годъ, а Богъ уродывъ и позерныв̕ъ, а мы диждалы у тебе заробыть.—Послѣ обѣда, состоящаго изъ борща, варениковъ, молочной каши, запродаютъ хозяина. Обычай этотъ выполняютъ въ Лубенщинѣ такъ.—Хто жъ насъ знатыме, шо се мы обжалысь? говорятъ женцы: ходимъ прославымось.—Чимъ?—Ходимъ у трахтыръ. Хай люды подывлятся, якъ мы гарно зъ хозяиномъ обиходылысь и рощыталысь.—Женцы увѣнчиваютъ хозяина или хозяйку и со словами: «Якъ откупышъ, такъ твій буде, а якъ не откупышъ, то возьмемо винокъ до дому та продамо, купымъ соби горилочкы», идутъ толпой въ корчму, гдѣ хозяинъ выкупаетъ вѣнокъ, т. е. покупаетъ кварту, послѣ чего складываются и женцы, а на другой день угощаютъ хозяина у себя.

В. Милорадовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

геогр. Общ. 459—461), и зернами съ него засѣваютъ поле, второй въ Херсонской губ. (Чернявская. Обр. и пѣс. 19) и заграницей въ Бельгіи, гдѣ колосья ржи предлагаются на деревянномъ крестѣ хозяину, а пшеницы—хозяйкѣ (E. Monseur. Le Folkl. wallon. 18). Въ Лубенскомъ у. есть слѣдующее обыкновеніе: отецъ и мать послѣдней дочери, выдаваемой замужъ, во время брачнаго пира, увѣнчиваются ржаными вѣнками (См. мои Нар. обр. и пѣсни луб. у. 125), въ какомъ обыкновеніи значеніе вѣнка ясно.

Письма къ Гр. Петр. Данилевскому.[1]

Письмо проф. И. Борисяка[2].

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Собираясь умирать и разбирая мои фамильныя бумаги, наткнулся я на посылаемую у сего рукопись. По моимъ недальновиднымъ соображеніямъ, она должна принадлежать незабвенному В. Н. Каразину. Памятна мнѣ Ваша прекрасная статья о семъ истинно замѣчательномъ мужѣ, памятно мнѣ также и Ваше заявленіе касательно доставленія всего, что до исторіи любимой нами Слободской Украины касается. Позвольте мнѣ поднести Вамъ сію малую лепту отъ искренно Васъ уважающаго И. Борисяка.

Обратите вниманіе на логичность постановленій и на замѣтки должно быть или губернатора или архіерея.

1867 г. февр. 20 дня.

Письмо архіеп. Макарія[3].

9 янв. 1868 года.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Сердечно благодарю Васъ за Ваше привѣтствіе и благожеланія мнѣ по случаю Новаго года. Позвольте привѣтствовать и

---

[1]) См. Кіев. Ст. 1903, № 2.

[2]) Профессоръ геологіи въ Харьковскомъ университетѣ.

[3]) Извѣстный авторъ исторіи русской церкви.

Васъ съ наступившимъ Новымъ годомъ и пожелать, да благословитъ Господь всѣ Ваши начинанія и труды для пользы общественной и для блага Вашего семейства. Супругѣ Вашей и новорожденному малюткѣ послалъ просфору и иконку. Да хранитъ ихъ Господь! Мнѣніемъ людей достойныхъ, о которомъ Вы извѣстили меня, я дорожу очень. Но исполнятся ли или не исполнятся ихъ желанія о мнѣ, покоряюсь волѣ Божіей. Прошу Васъ, если найдете возможнымъ, передать мой привѣтъ и усердный поклонъ А. Серг. Норову. До пріятнаго свиданія. Съ искреннимъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть Вашего Высокородія покорнѣйшимъ слугою Макарій, архіепископъ Харьковскій.

Письма М. И. Сухомлинова [1]).

1.

Многоуважаемый Григорій Петровичъ!

Позвольте мнѣ, во имя старой пріязни, обратиться къ Вамъ съ усерднѣйшей просьбой о близкомъ мнѣ человѣкѣ. Въ Харьковѣ служилъ и служитъ остающійся за штатомъ чиновникъ Даніилъ Ивановичъ Жуковъ, мой родственникъ. Этотъ человѣкъ столько выдержалъ въ жизни, злая судьба преслѣдуетъ его такими невзгодами, что онъ дѣйствительно заслуживаетъ участія. Въ настоящее время онъ желалъ бы получить какое либо мѣсто въ Харьковѣ или въ губерніи. У Васъ столько связей въ Харьковѣ, Вы пользуетесь общественнымъ довѣріемъ и Ваше доброе слово много можетъ помочь г. Жукову, не имѣющему поддержки, хотя и отличающемуся добросовѣстностью и честностью. Не откажите, многоуважаемый Григорій Петровичъ, принять участіе въ Жуковѣ, который лично явится къ Вамъ съ этой просьбой. Исполненіемъ его и моей просьбы Вы навѣки вѣчные обяжете искренно преданнаго Вамъ и уважающаго Васъ.

М. Сухомлинова.

18 іюня 1868 г. Петербургъ.

Адресъ мой: Въ Спб., въ Университетъ.

---

[1]) Недавно скончавшійся академикъ.

2.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Усердно благодарю Васъ за Вашу готовность принять участіе въ г. Жуковѣ, выраженную Вами въ письмѣ ко мнѣ. Повторю свою задушевную просьбу не отказать въ содѣйствіи Жукову и помочь ему въ устройствѣ его судьбы; надѣюсь на Васъ и съ нетерпѣньемъ ожидаю извѣщенія о послѣдствіяхъ объясненій Вашихъ съ Жуковымъ. Что касается Вашего дѣла, т. е. Вашей книги, представленной въ академію наукъ, то оно находится вотъ въ какомъ положеніи. Я представилъ въ академію свой отзывъ съ заключеніемъ, что книга имѣетъ полное право на премію и я прошу академію поддержать Вашъ прекрасный трудъ. Одинъ изъ членовъ академіи выразилъ уже мнѣ свое сочувствіе и моему отзыву о Вашей книгѣ и сказалъ, что, по его мнѣнію, мой отзывъ не встрѣтитъ противодѣйствія въ академикахъ, избранныхъ для суда надъ Вашею книгою. Окончательнаго приговора еще не состоялось какъ по причинѣ каникулъ, такъ и потому, что уваровскія награды объявляются только въ концѣ сентября на актѣ, посвященномъ памяти Серг. Серг. Уварова (25 сентября). Какъ только послѣдуетъ академическое рѣшеніе, немедленно Васъ увѣдомлю. До свиданія, многоуважаемый Григорій Петровичъ, будьте здоровы, счастливы и не забывайте Жукова и Вашего покорнаго слуги Михаила Сухомлинова.

Адр. мой: Въ Спб. Въ Университетъ. Поздравляю Васъ съ *шейнымъ* украшеніемъ (Станиславомъ) *съ карманнымъ* поздравлю послѣ—по полученіи преміи.

3.

14 окт. 1868 г. Спб.

Многоуважаемый Григорій Петровичъ!

Отъ всей души поздравляю Васъ съ преміей, и желаю, чтобъ это послужило добрымъ началомъ и число премій увеличивалось

съ каждымъ новымъ выпускомъ Вашего труда. Задушевная моя просьба: ради Бога, устройте моего Жукова. Если Вы имѣете хоть малую долю пріязни къ Вашему покорному слугѣ, не оставьте устроить Жукова. Вы можете это сдѣлать, и я увѣренъ, что сдѣлаете. Заранѣе благодарю Васъ и крѣпко жму Вашу руку. Вашъ Михаилъ Сухомлиновъ.

Ограничиваюсь этими немногими строками, потому что желаю, чтобы письмо мое отправлено было съ этою же почтой и, слѣдовательно, на этой же недѣлѣ оно будетъ въ Вашихъ рукахъ. *Даніилъ Ивановичъ Жуковъ* служитъ въ Харьк. гражд. палатѣ.

Письмо арх. Нектарія.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Примите мою глубочайшую благодарность за Вашу книжку, за обязательное письмо и за доставленное мнѣ съ Вашимъ Высокородіемъ знакомство, вполнѣ желательное мною. Очень много обяжете меня, если посѣтите меня и побесѣдуете со мною. Въ четвертокъ, на этой недѣлѣ 1 мая, я весь вечеръ буду дома и очень бы радъ былъ принять Васъ, милостивый Государь! Призываю благословеніе Господне на Васъ, и поручаю себя Вашему вниманію съ истиннымъ уваженіемъ и глубочайшей благодарностью имѣю честь быть Вашего Высокородія, милостивый Государь, покорнѣйшимъ слугою Нектарій, архіепископъ Харьковскій.

29 апр. 1869 г.

Письмо Ал. М. Лазаревскаго [1]).

Благодарю Васъ, Григорій Петровичъ, за память; дѣйствительно довольно долго мы не видѣлись, да врядъ ли скоро и свидимся: пріѣхавъ сюда на короткій срокъ, теперь я думаю уже со-

[1]) Извѣстный, недавно скончавшійся, историкъ Малороссіи.

всѣмъ осѣсть въ этихъ мѣстахъ; а Вы въ гетманскую Украину кажется, не заглядываете. Романовъ Вашихъ новыхъ я еще не читалъ, а слыхалъ о нихъ довольно; какъ поправлюсь со своими оффиціальными дѣлишками, примусь и за нихъ. Порученій Вашихъ о Филаретѣ къ сожалѣнію и я не могу исполнить: бываю въ Черниговѣ очень рѣдко и случай до сихъ поръ меня съ нимъ не сводилъ, а самому знакомиться съ владыками нѣтъ охоты... Указателя моего здѣсь нѣтъ ни единаго экземпляра, даже у меня самого, а въ Спб. гдѣ то очень много, должно быть у бр. Василія межъ моими книгами. Будете тамъ—возьмите хоть нѣсколько. Письмо Кохановской препріятное для автора прилагаю; изуродовано оно почтой. Преданный Вамъ Ал. Лазаревскій.

Библіографія оставлена мною въ сторонѣ—теперь я сижу надъ мѣстною исторіею, собираю крупицы, оброненныя украинскими историками. Епарх. Черн. Вѣд. врядъ ли нужно Вамъ выписывать, скоро можетъ быть издано Филаретомъ опис. черниг. епархіи, очень дорогое по новизнѣ свѣдѣній. Отрывками изъ этого описанія и наполняются теперь Епархіальныя Вѣдомости. Черниговскій листокъ намѣренъ скоро преобразиться, и тогда я Вамъ вышлю его программу. Будьте здоровы.

Письмо Н. Краевскаго [1]).

15 дек. 1862 г. Екатеринославль.

Не знаю, какъ и оправдаться предъ Вами въ слишкомъ долгомъ молчаніи, мой старый сослуживецъ по крестьянскому дѣлу, добрѣйшій Григорій Петровичъ! Письмо Ваше застало меня на выѣздѣ изъ Павлограда въ Бахмутъ и въ такое время, когда, по моему разсчету, Вы должны были уже двинуться въ далекій путь. Теперь пишу наудалую, предполагая, что Вы, вѣрно, возвратились уже изъ своего странствованія по необозримымъ пространствамъ матушки Россіи. Впечатлѣніями, вынесенными изъ

---

1) Помѣщикъ, дѣятель крестьянской реформы.

этого путешествія, безъ сомнѣнія, Вы подѣлитесь съ нами—домосѣдами. Жду ихъ съ нетерпѣніемъ, также точно, какъ предвкушаю удовольствіе въ чтеніи новаго Вашего романа «Сельскій агитаторъ» (скоро ли и гдѣ онъ появится?) Одно изъ писемъ Вашихъ съ юга, гдѣ Вы такъ ловко щелкнули Герсеванова, вызвало въ сердцѣ моемъ тысячу благодарностей: Вы вообразить себѣ не можете, сколько онъ портитъ во мнѣ крови на мировыхъ съѣздахъ и какую систематическую войну веду я съ этимъ отчаяннымъ плантаторомъ, которому сочувственнымъ хоромъ вторятъ почти всѣ, достойные такого предводителя, новомосковскіе дворяне. Я очень золъ на Митрофана Заруднаго, который далъ мнѣ слово отхлестать возмутительную статейку Герсеванова про новомоск. уѣздное собраніе дворянства (помѣщенную въ Нов. Времени и перепечатан. въ Сѣвер. Пчелѣ) и не пишетъ до сихъ поръ ни слова. Самъ я, при всякомъ удобномъ случаѣ втыкаю сему тщеславному генералу загвоздки въ журналѣ Губерн. Присутствія, и вотъ Вамъ одинъ образецъ (несомнѣнно, впрочемъ, смягченный нашими смиренномудрыми членами Присутствія). Какъ видите, я всетаки горячо преданъ крестьянскому дѣлу, какъ и въ былое время общихъ нашихъ съ Вами трудовъ; во время, свободное отъ странствія по мировымъ съѣздамъ, я бываю и въ засѣданіяхъ Губ. Присутствія и участвую иногда въ составленіи его журналовъ. Отъ труда по сердцу я никогда не прочь, да здоровье что то все плохо. (Вы, я думаю, слышали, что со мною прошлую зиму повторилась было *харьковская* болѣзнь); предполагаю въ началѣ лѣта полѣчиться за границей... Меня недавно возмутила статейка Стопановскаго въ Искрѣ, гдѣ онъ зло задѣваетъ новаго нашего губернатора Извольскаго, человѣка въ высшей степени прямого и честнаго и дѣйствительно, въ энергическомъ преслѣдованіи всякой подлости, обходящаго подчасъ формалистику закона, какъ это и случилось въ извѣстномъ Вамъ, вѣроятно, дѣлѣ о подложномъ завѣщаніи Саломича, на которое и напираетъ Стопановскій, и гдѣ Извольскій распорядился такъ, какъ сдѣлалъ бы всякій истинно честный господинъ, власть имѣющій)! Досадно очень! Если случай приведетъ Васъ познакомиться съ Изволь-

скимъ, Вы вполнѣ согласитесь съ этимъ. Будьте здоровы. Крѣпко. крѣпко пожимаю Вамъ руку. Надѣюсь, что среди непрерывныхъ засѣданій Вашихъ, Вы удѣлите немножко времени на письмо къ истинно преданному Вамъ Н. Краевскому. Адресъ мой: въ Екатеринославль.

Письма барона А. Розена [1]).

1.

Викнина, 30 марта 1864.

Назаръ Ивановичъ задержалъ Ваше письмо, многоуважаемый Григорій Петровичъ, отъ 17 марта до 28, когда я самъ завернулъ въ Глинскъ и получилъ Ваши пріятныя строки и занимательный отчетъ. Благодарю Васъ за доброе памятованіе о стараніяхъ старика, только бы другіе не стали завидовать и злиться,— но какъ всѣхъ убѣдить? Благо, есть все таки гласность и кто не доволенъ, тотъ отписывайся. Благодарю Васъ также за сообщенную вѣсть о Завалишинѣ. Мнѣ чрезвычайно желательно съ Вами увидѣться, но какъ это устроить, когда не располагаю временемъ: въ среду и четвергъ 8 и 9 апрѣля я дома, 10-го на мировомъ съѣздѣ, откуда прямо въ дорогу, а къ Вамъ заѣхать время не позволитъ, пока въ общественной должности, которая безпрестанно толкаетъ во всѣ стороны, а не туда, куда хочется самому. Все семейство мое вмѣстѣ со мною кланяется Вамъ и милому Вашему семейству. Вашъ Бар. А. Розенъ.

2.

Викнина, мая 18-го, 1864.

Въ концѣ Ѳоминой недѣли былъ я въ Дмитріевской волости, гдѣ получилъ пріятныя строки Ваши, почтенный Григорій Пе-

---

[1]) Дѣятель крестьянской реформы.

тровичъ, и крѣпко досадовалъ, что не засталъ Васъ. Если бы Вы предувѣдомили меня о пріѣздѣ Вашемъ, я перемѣнилъ бы свой маршрутъ. Радуюсь, что Вы молодецки поправились послѣ горячки. Какъ скоро получу выкупныя бумаги Глинскихъ, то тотчасъ отправлю; между тѣмъ владѣлецъ ничего не теряетъ при лѣтней панщинѣ, а къ зимѣ разрѣшенъ будетъ выкупъ. Терентій Найденко старается во время отлучки вахмистра и подрался горячо съ Кремяннымъ, собиравшимся ѣхать съ кирпичемъ къ Извѣкову, вмѣсто того, чтобы отработать панщину. Потравы въ апрѣлѣ не давали покоя никому. Такса громила и теперь легче. Слѣдовало бы написать отвѣтъ на дѣльный вызовъ Д. А. Хрущова въ журн. Харьк. Присутствія отъ 14 апрѣля № 15, но право нѣтъ часа досужнаго; пусть уѣздная предстоящая управа обдумаетъ и представитъ, а мировой напослѣдокъ заваленъ отвѣтственностью за каждаго нанимающагося въ услуженіе, за каждую потраву, за недоимки всѣхъ родовъ, за условія и договоры, за погоду и за все. Иное дѣло тамъ, гдѣ оказывается уваженіе къ волостному правленію и къ волостному суду; тамъ отрадно, легко мировому. Вамъ и милому семейству Вашему всего лучшаго желаетъ преданный Вамъ Бар. А. Розенъ. Мои здравствуютъ пока, но Марья Васильевна выдержала здѣсь горячку. Строеніе, подаренное Вами на школу волостную, остается на крестьянской землѣ возлѣ волостного правленія по желанію схода и священника. Никулищевъ, какъ уполномоченный отъ Готовицкаго не могъ дарить землю подъ строеніе, выборъ мѣстности былъ спорный, чтобъ не разстроить площадку вокругъ церкви. Даръ Вашъ не останется безъ благословенія свыше, и Вы доживете, что выучившіеся читать въ Дмитріевской волости прочтутъ Вамъ Ваши: «Бѣглые въ Новороссіи» и все, что Вы писали въ Украинѣ и объ Украинѣ.

Письмо А. Милюкова [1]).

Добрѣйшій Григорій Петровичъ!

Получа первое Ваше письмо, я не отвѣчалъ потому, что не зналъ, гдѣ Вы обрѣтаетесь; вѣдь Вы записной лѣтній туристъ и въ хорошее время года сидѣть дома, знаю, не любите. Теперь, вижу, вы возвращаетесь въ родное гнѣздо и спѣшу писать Вамъ. Вотъ уже цѣлые мѣсяцы меня безпокоитъ обстоятельство, о которомъ мнѣ необходимо съ Вами объясниться. Вы помните, передъ отъѣздомъ Вашимъ изъ Петербурга я говорилъ Вамъ, что собираюсь писать о Вашей «Волѣ» въ «Эпоху» и въ «Голосъ». Помните, я даже откровенно говорилъ Вамъ, въ какомъ смыслѣ намѣренъ писать о романѣ. Теперь скажу Вамъ, чѣмъ кончились мои намѣренія. Только что собрался я писать статью въ «Эпоху», какъ получилъ отъ М. М. Достоевскаго записочку (по случаю скарлатины въ его домѣ мы лично не видѣлись), чтобы статьи, если не начата, не писать. Вслѣдъ затѣмъ приготовилъ я рецензію въ «Голосъ», и она была вскорѣ напечатана, но редакція почему то прибавила послѣднія строки въ статьѣ, которыя измѣнили смыслъ моего отзыва и, безъ сомнѣнія, должны показаться Вамъ обидными. Мнѣ было это крайне больно, потому что Вы могли считать меня человѣкомъ не откровеннымъ и двуличнымъ. Но что это такъ, Вы можете сохранить это письмо и показать его кому слѣдуетъ—что я говорилъ Вамъ лично, отъ того не откажусь и сохраню прежнее мнѣніе о Вашемъ сочиненіи. Благодарю Васъ за Ваши письма, которыя мнѣ всегда пріятно получать. Послѣднее письмо застало меня уже въ Павловскѣ (въ 3-й Матросской, на дачѣ Тировой), куда мы перебрались въ началѣ мая, несмотря на скверную погоду. Было, впрочемъ, нѣсколько дней, въ которые мы не завидовали и Вамъ, южнымъ жителямъ. Новостей особенныхъ не имѣется ни въ общественной жизни, ни въ литературѣ. Въ «Эпохѣ» я напечаталъ статью о малороссій-

---

[1]) Историкъ русской литературы.

ской литературѣ, мнѣ интересно бы узнать Ваше откровенное мнѣніе о ней. На дняхъ продалъ я Вольфу два изданія свои (Исторія поэзіи и собраніе путешествій); теперь самъ готовлю два другія изданія, и все это выйдетъ къ началу зимы. Вѣроятно, это мои послѣдніе литературные подвиги—и пора: отзвонилъ, да и съ колокольни. Гораздо больше занимаетъ меня предстоящая въ будущемъ году отставка отъ службы съ пенсіей. Хотѣлось бы пожить хотя немного пенсіонеромъ. При желаніи Вамъ всего добраго, а особенно здоровья, остаюсь Вамъ преданный А. Милюковъ.

Супругѣ Вашей прошу засвидѣтельствовать почтеніе, какъ отъ меня, такъ и отъ моей дочери.

Письмо С. Аксакова.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Я получилъ письмо Ваше отъ 16-го марта съ приложеніемъ Вашего пріятнаго подарка, т. е. «Слобожанъ». Очень Васъ благодарю и за то и за другое. До сихъ поръ нездоровье мѣшало мнѣ прочесть Ваши разсказы; но я скоро надѣюсь имѣть это удовольствіе. Сынъ мой Константинъ также благодаритъ Васъ за обѣщанный отрывокъ изъ «Гуслярской пѣсни Святополку Окаянному». Очень охотно отвѣчаю на Вашъ вопросъ относительно комедіи г-на Квитки «Пріѣзжій изъ столицы»; она точно одобрена была мною къ напечатанью 26-лѣтъ тому назадъ, вмѣстѣ съ другими комедіями того же автора, а именно: «Дворянскіе выборы, Вторые дворянскіе выборы, Турецкая шаль, Шельменко и Странница или Сонамбула». Я даже не зналъ, что «Пріѣзжій изъ столицы« былъ напечатанъ, и теперь не помню въ подробности его содержанія; но могу Васъ смѣло увѣрить, что «Ревизоръ» не могъ быть писанъ подъ вліяніемъ этой пьесы, потому что Ревизоръ былъ напечатанъ прежде, чѣмъ Гоголь узналъ о существованіи комедіи г-на Квитки. Я спрашивалъ Гоголя (около 40-го года), знаетъ ли онъ эту комедію, и онъ отвѣчалъ мнѣ, что

слышалъ о ней, но не читалъ. Не подлежитъ сомнѣнію только то, что анекдоты о ложныхъ ревизорахъ ходили по Россіи издавна, съ разными варіаціями, и что одно и то же происшествіе подало мысль написать комедію обоимъ авторамъ. Я не былъ знакомъ лично съ Григоріемъ Ѳедоровичемъ Квиткою, но мы нѣсколько лѣтъ переписывались по поводу его комедій; онъ имѣлъ неподдѣльное дарованіе и нѣкоторыя сцены въ обоихъ «Дворянскихъ выборахъ» имѣютъ высокое достоинство. Я слышалъ, что жизнь этого замѣчательнаго человѣка была богата разными интересными происшествіями и любопытными переходами въ противоположныя обстоятельства и положенія. Вы вѣрно имѣли возможность собрать объ немъ всѣ свѣдѣнія отъ его племянника. Ваша біографія вѣрно будетъ очень интересна и я ожидаю много удовольствія отъ ея чтенія. Честь имѣю быть Вашимъ покорнымъ слугой

С. Аксаковъ.

Марта 28. 1854 г.

Письмо К. Аксакова [1]).

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Такъ какъ черезъ меня Русская Бесѣда получила сочиненіе Ваше о жизни Сковороды, то мнѣ же поручаетъ она извѣстить Васъ о ея рѣшеніи. Вашего жизнеописанія Сковороды, въ томъ видѣ, какъ она есть, Русская Бесѣда принять не можетъ. А слибы Вамъ благоугодно было уступить Русской Бесѣдѣ матеріалы и документы для жизнеописанія Сковороды,—то Русская Бесѣда очень охотно пріобрѣтетъ ихъ и проситъ въ такомъ случаѣ Васъ назначить за нихъ сумму. Рукопись немедленно къ Вамъ будетъ выслана.

Готовый къ услугамъ Константинъ Аксаковъ.

Ноября 27-го. 1857 г.

---

[1]) Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ—извѣстный славянофилъ.

Письмо неизвѣстнаго (вѣроятно И. С. Аксакова).

Ваше письмо, любезнѣйшій Григорій Петровичъ, было получено мною 21-го февраля, въ самый день смерти Гоголя. И какъ странно мнѣ было читать это письмо, въ которомъ Вы безпрестанно о немъ говорите, въ которомъ Вы просите маменьку помолиться за Гоголя и за М. Души. Ни того, ни другого больше не существуетъ! М. Души сожжены, жизнь Гоголя сама сгорѣла отъ постоянной душевной муки, отъ безпрерывныхъ духовныхъ подвиговъ, отъ тщетныхъ усилій отыскать обѣщанную имъ свѣтлую сторону, отъ необъятной творческой дѣятельности, вѣчно происходившей въ немъ и вмѣщавшейся въ такомъ скудельномъ сосудѣ. Сосудъ не выдержалъ. Гоголь умеръ—безъ особенной болѣзни. Нечего теперь распространяться много: современемъ Вы узнаете всѣ подробности его жизни, мученичества и кончины. Въ настоящее время едва ли прилично будетъ разсказывать о немъ печатно нашему языческому обществу. Гоголь былъ избранный мученикъ искусства и мученикъ христіанства: художественная дѣятельность этого монаха-художника была истинно подвижническая. Теперь намъ надо начать новый строй жизни *безъ Гоголя.* Подъ вліяніемъ страшной скорби, я не сталъ читать Вашихъ стиховъ и долго не могъ приняться за это чтеніе. Читать записки 20-ти лѣтней генеральши, когда передъ нами только что разыгралась такая страшная драма, когда только что совершилось огромное историческое событіе, полное необъятно-строгаго смысла, согласитесь—дѣло трудное. Я говорю съ Вами откровенно; иначе это было бы неуваженіе къ Вамъ съ моей стороны. Наконецъ, я прочелъ ихъ. Хотите выслушать мое безпристрастное сужденіе? Во всякомъ случаѣ совѣсть обязываетъ меня высказать Вамъ его вполнѣ безъ обиняковъ. По плану сборника, въ немъ—изъ произведеній изящной словесности могутъ найти мѣсто только такія, которыя служатъ общей мысли изданія, писаны въ духѣ народнаго направленія, пробуждаютъ сочувствіе къ народности. Въ этомъ смыслѣ имѣютъ право на помѣщеніе въ

сборникъ повѣсти Григоровича, охотничьи разсказы Тургенева, мой бродяга... Романы г-жи Туръ, комедіи Тургенева и т. п. нами положительно не принимаются. Съ обществомъ, и въ особенности со свѣтскимъ, никакихъ сдѣлокъ мы не дѣлаемъ и стараемся на каждомъ шагу клеймить ложь его быта. – Заглавія: 20 лѣтъ генеральши, Родина хорошенькаго мальчика, Ямбы героини нашего времени, отзываются... *(конца нѣтъ).*

Письма И. С. Аксакова [1]).

1.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Въ одномъ изъ №№ Московскихъ вѣдомостей за 1852 г. была помѣщена Ваша статья о поѣздкѣ Вашей на родину Гоголя. Эта статья возбудила отвѣтъ, помѣщенный во 2-мъ № Отечеств. Зап. нынѣшняго года и названный «біографическими выправками». И Вы, и возражавшій Вамъ неизвѣстный авторъ статьи Отечеств. Зап. (по крайней мѣрѣ скрывшій свое имя) допустили разныя ошибки въ своихъ разсказахъ и описаніяхъ; и Вы и онъ упоминаете имя моей сестры «Н. С. А—вой».

Я покорнѣйше прошу Васъ, если Вы захотите возражать Отеч. Запискамъ, *не упоминать* въ Вашемъ печатномъ спорѣ имени Надежды Сергѣевны. Я буду просить объ этомъ и автора статьи От. Записокъ. Вообще довольно непріятно видѣть, что разговоры, которые велись въ домашней бесѣдѣ такъ запросто, предаются печати, получаютъ публичность, подвергаются анализу и критикѣ, дѣлаются предметомъ спора—и все это безъ дозволенія и вѣдома тѣхъ лицъ, въ домѣ которыхъ происходили эти разговоры.—Не говорю уже о томъ, что публика можетъ наскучить спорами и толками о разныхъ мелкихъ біографическихъ подробностяхъ, важныхъ въ полной и цѣльной біографіи, но не

---

[1]) Иванъ Сергѣевичъ—извѣстный публицистъ славянофилъ.

представляющихъ отдѣльно большого интереса для общества (особенно, если объ нихъ говорится часто).

Впрочемъ, мы пошлемъ къ автору статьи Отеч. Записокъ подробное указаніе всѣхъ сдѣланныхъ имъ промаховъ и ошибокъ. Многія его возраженія справедливы, но многія и ошибочны. Во многомъ Вы правы, но очень многое передали невѣрно.—И Вы, и авторъ статьи Отеч. Записокъ допустили эти неточности, разумѣется, по незнанію и потому, что въ дѣлѣ, требующемъ положительныхъ и точныхъ свѣдѣній, основались на обыкновенномъ разговорѣ, въ которомъ многое могло быть недослышано, не понято, схвачено на лету, безъ полнаго и подробнаго объясненія, способнаго устранить всякія недоразумѣнія... Повторяю Вамъ мою покорнѣйшую просьбу.

Ив. Аксаковъ.

P. S. Еще одно слово: какъ Вамъ не совѣстно трактовать о Гоголѣ въ статьяхъ фельетонныхъ, въ одно время и вмѣстѣ съ описаніями разныхъ приключеній, пассажа, американскихъ театровъ, танцовщицъ, папиросъ и пр.; говорить о внутреннемъ подвигѣ Гоголя съ непріятною фельетонною легкостью.

20 февр. 1853 г. С. Абрамцево.

2.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Ваше письмо отъ 23-го апрѣля пришло въ самое тяжелое и трудное для насъ время. Намъ было не до отвѣта, особенно же Константину Сергѣевичу, по его исключительно нѣжнымъ отношеніямъ къ покойному нашему отцу... Тогда было не до того; письмо куда то засунулось, и я теперь только его отыскалъ. Дѣлами редакціи Русской Бесѣды завѣдываю я, а потому Вамъ и отвѣчаю. Вы въ полномъ правѣ сердиться за мѣшкотность Бесѣды въ дѣлѣ печатанія біографіи Сковороды. Я попрошу Васъ потерпѣть до осени. Гиляровъ, желая придать Вашему труду какъ можно болѣе полноты и ученаго значенія, занялся предварительно

собраніемъ всѣхъ сочиненій, всѣхъ рукописей Сковороды, съ тѣмъ, чтобы вновь просмотрѣть и изучить ихъ. Онъ много собралъ и прочелъ, хотя еще не все, но мы признали, что такая добросовѣстность здѣсь уже излишняя, что данныхъ достаточно для основательнаго заключенія. Къ осени трудъ его будетъ оконченъ. Благодарю за портретъ. Мы достали самую доску. О Вашей полезной дѣятельности нынѣшнею зимою я много слышалъ, и даже читалъ, и искренно радовался. О моей неудачной зимней дѣятельности Вы, вѣроятно, также слышали. Максимовичъ у себя, на Михайловой Горѣ, подъ Золотоношей, и потому я, къ сожалѣнію, не могъ передать ему интересной Вашей новости объ отысканной Вами украинской эпопеѣ: странствія бога и Петра. Напишите ему сами и обрадуйте его этимъ. И письма объ Украинской охотѣ, и село Сорокопановка были очень замѣчены и прочтены съ интересомъ. Ал. Ив. Кошелевъ теперь за границей. Я намѣренъ хлопотать о новой газетѣ, но едва ли дозволятъ.

Вамъ преданный Ив. Аксаковъ.

P. S. Мой адресъ:—въ редакцію Русской Бесѣды.

3.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Очень радъ, что могу, наконецъ, удовлетворить Васъ. Рукопись Ваша о Сковородѣ послана мною, вмѣстѣ съ 15 № Дня къ Кожанчикову. По полученіи письма, можете тотчасъ къ нему отправиться и получить отъ него пакетъ на Ваше имя.—Собственно говоря, это не статья, а матеріалы, изъ которыхъ Гиляровъ долженъ былъ составитъ статью, съ указаніемъ на Ваши матеріалы. Чтобы составить статью, Гиляровъ вошелъ въ переписку по отысканію сочиненія Сковороды и добылъ подлинную біографію, написанную его ученикомъ, и проч. и проч. Разумѣется, рукопись Ваша должна Вамъ быть возвращена и Вы вправѣ ее напечатать, гдѣ Вамъ угодно. Что же касается до денегъ, Вами за нее полученныхъ, то Кошелева здѣсь нѣтъ, но онъ долженъ скоро воз-

вратиться и тогда объяснитесь всего лучше съ нимъ. Редакція Р. Слова объявила Кожанчикову, что оттисковъ Гайки у нея нѣтъ: забыла, дескать, сдѣлать. Нельзя ли вамъ справиться, въ какой степени это правда?

Вашъ Ив. Аксаковъ.

19 янв. 1862 г. М.

4.

Милостивый Государь Григорій Петровичъ!

Вы выступаете въ письмѣ Вашемъ ко мнѣ заступникомъ угнетенной малорусской народности. Вѣрю совершенно Вашей искренности: Вы искренно ошибаетесь и обманываетесь. Я долгимъ опытомъ убѣдился, что нѣтъ у народа худшихъ друзей, какъ «патріоты». Согласитесь, что самъ народъ не назоветъ себя «*патріотомъ*»: Вы, напримѣръ, не скажете: русскій народъ—патріоты! Патріоты, любя большею частью свой народъ только въ идеалѣ, ими же созданномъ, совершенно противорѣчатъ живущему, дѣйствительному, реальному народу,—и довольно деспотически обращаются съ нимъ. Примѣръ тому: Польша, Сербія и проч., и проч.—Поэтому, позвольте Вамъ посовѣтовать—дѣлать строгій выборъ, по крайней мѣрѣ, между людьми, называющими себя украинофилами, хлопоманами и т. д. Вы говорите, что по *доносамъ* Говорскаго произведены аресты и проч. Я нисколько не симпатизирую личности Говорскаго, но изданіе его признаю полезнымъ и болѣе честнымъ, чѣмъ всю Петербургскую журналистику. Что значитъ это слово «доносы». Дѣло у насъ дошло до того, что разбойникъ схватилъ Васъ за горло и рѣжетъ, и когда Вы вздумали закричать, такъ разбойникъ Вамъ угрожаетъ: «молчи, а не то ты выйдешь *доносчикъ*»! Вы говорите: «Украинскій сепаратизмъ *подлѣйшій вымыселъ* чиновниковъ á la Бибиковъ и проч. А знаете ли Вы, что я получилъ письмо отъ партіи тѣхъ русскихъ, которые *подписали* адресъ Подольскихъ дворянъ. Въ этомъ письмѣ эта партія старается оправдать свой по-

ступокъ, но всѣ ихъ оправданія—вздоръ. Этого гнуснаго поступка, этого преступленія противъ народности Русской ничѣмъ оправдать нельзя. Между тѣмъ, эта же партія называетъ себя Малорусскою, *народною*, стоитъ за народность Малорусскую,—и вѣрно, заводитъ школы á la Стояновъ. Эти господа, подписавшіе адресъ, крайне негодуютъ на правительство за то, что оно за подписаніе адреса преслѣдуетъ русскихъ сильнѣе, чѣмъ поляковъ!! Одинъ изъ нихъ, мировой посредникъ, Ге, уволенъ отъ службы и въ страшной на это претензіи!!!—Слѣдовательно, гайсинскому предводителю не нужно было рыться въ Вѣстникѣ Говорскаго, чтобы составить свое показаніе. Въ виду этого письма, которое я Вамъ покажу по пріѣздѣ, я не могу повѣрить, Вамъ, что «Сепаратизмъ» есть гнусная ложь и проч. Что касается до перевода Евангелія, то не предостереженіе, *а совѣтъ* дали мы переводчикамъ. И какъ же было не дать совѣта въ этомъ важномъ дѣлѣ? *Съ моей стороны было бы величайшею подлостью не дать совѣта.* А что Муравьевъ съ компаніей воспользовались этимъ для своихъ цѣлей,—въ этомъ я не виноватъ.

Посовѣтуйте-ка лучше Вашимъ Санктпетербургскимъ малорусскимъ патріотамъ отказаться отъ всякой солидарности съ господами патріотами, подписавшими Подольскій адресъ, перестать нападать на Москву при всякомъ удобномъ случаѣ,—и стать поменьше «Украинофилами» и побольше—настоящими Украинцами, людьми *народа*, которому дороги интересы православія и единство Святой Руси!

Ив. Аксаковъ.

Марта 1-го 1863 г. Москва.

Благодарю за карточку.

Антрепренеръ Гаркунъ-Задунайськый.

(Оповидання).

I.

Занесла мене лыхая годына въ невелычкый повитовый городъ N. Бувъ литній погожый ранокъ, колы я пересидавъ зъ вагона на драбынчастый визокъ до дядька, що мавъ довезты мене до N.

Сонце тилькы-тилькы выглядало зъ-за якогось лиска, що темнивъ по краевыду тоненькою смужкою, и роса ще не встыгла розійтыся туманомъ по зеленому полю. Пройма́ло трохы холодкомъ, але видъ ёго було такъ здорово й легко, що можно було забуты не тилькы про холодъ, але й про те потрусювання, якымъ почавъ діймати все бильшъ та бильшъ драбынчастый визокъ. Хиба тилькы тоди, якъ турсоне десь на выбоини такъ, що голова дядькова нахылытся ажъ до хвоста мыршавенькои кобыльчыны, завважышъ и почуешъ увесь смакъ такои йизды. Але дядько очевыдячкы не поспишавсь, а бильше йихавъ то пидтюпцемъ, то ходою—то й мылуватысь околыцею можна було безъ перешкоды.

Вильно й шыроко разлягалысь зелени поля; не тисныли ихъ похмури лисы, не давылы высокыи горы, и далеко-далеко сягало око вподовжъ ланивъ та невелычкыхъ гайкивъ, що зеленымы верпечкамы выглядалы зъ яривъ та балокъ.

Нисля душного, тисного города найбильшъ захоплювалася шырота краевыду, нисля пороху и дыму особлыво мылувалы око зелени хлиба та шпорышъ, що порисъ край дорогы; а сыла того чыстого, запашного повитря иначе лыла у груды якусь жвависть, бадёристь и енергію.

Все мынуле десь ховалось въ якомусь тумани, и будучнисть ласкаво й прывитно всмихалась, якъ всмихався мій визныкъ до высокыхъ и пышныхъ хлибивъ. Думка за думкою легко спливалы. Думкы булы про те здебильшого, якъ прыйиду я въ N., зайиду въ «гостиницу Малороссію», знайду тамъ добродія Гаркуна-Задунайського, антрепренера украинськои труппы, зійдуся зъ нымъ и... якось то воно буде. Ставала на очи навить и та «гостиница». Маленькый мабуть будыночокъ, чыстенькый, гарненькый; коло ёго садочокъ, квиткы, метелыки и таке инше; маленька кимнатка старосвитського ладу зъ деревьяпымъ лижкомъ и сытцёвыми зависками на викнахъ; сусиды, сусидкы; тыхо, любо и затышно. Спадавъ на думку и самъ Гаркунъ-Задунайськый, але думка сёго образу якось не могла схопыть выразно. Не знаю вже черезъ що то, чы черезъ те, що мій мозокъ бувъ на той часъ такый легковажный, чы вже просто черезъ те, що звычайно образъ не простои персоны важко уявыты соби,—однымъ словомъ, я тилькы мигъ схопыть одно: вважаючы на гучне призвыще сёго добродія, се повыненъ буты чоловикъ не абы-якый и артыста славный. И думкы порхнулы въ другый бикъ. То заносылы воны мене на сцену N—ського театру, де я, не маючы ніякои иншои роботы въ чужому мисти, гадавъ добуваты соби хлибъ; то ставалы середъ труппы, яка повынна була мени статы и товарыствомъ, и родыною; то зновъ въ «гостиницу Малороссію», де, якъ мени казано, жыве самъ Гаркунъ-Задунайськый, то зновъ до труппы и зновъ до іи антрепренера.

А визокъ усе торохтивъ, зсовуючы зъ-нидъ мене солому на спыну дядькови, що сыдивъ вже на самому краечку воза, спустывшы ногы на голобли. Сонечко пиднялося вже выще, зигнало росу и стало нибы й прыпикаты, зганяючы, якъ и росу, бадёристь и нагадуючы, що можна-бъ и скорище йихать.

— А що чы далеко ще до N.?—наважывся я натякнуты дядькови.

Винъ очевыдячкы зъ охотою, нибы тилькы сёго й чекаючы, заразъ же повернувся до мене, и зъ устъ, зъ сынихъ очей, навить зъ рудои, кучерявои бороды ёго такъ и полылась на мене прывитнисть и щыристь.

— До N.?.. Хм. Та якъ вамъ сказаты?.. Та верстовъ мабуть, буде зъ... десять... А може й усихъ дванадцять... Ось мынемъ цей лисокъ, то, мабуть, буде десять... А то кажуть, що й всихъ висимъ... А я такъ думаю, що й восьмы не буде... Верстовъ зъ шисть якъ буде, то й буде...

Треба памьятаты, що далына чы блызына у селянына залежать видъ того, чы винъ ходыть, чы винъ йиздыть. Якъ ходыть, то неодминно буде одно мисце видъ другого дали верстовъ на пьять, а якъ йиздыть, то блыжче. Маючы се на увази, я взявъ середне мижъ шостьма и десятьма и вырахувавъ, що до N. висимъ верстъ.

— Ну... а якъ N.—хорошый городъ?

— N.?

Дядько хлёснувъ конячынку батогомъ и усмихнувся.

— Хто ёго зна... Чы хорошый?.. Хм... Господь ёго святый знае... Городъ, якъ городъ... Ну, що тамъ? Йе соборъ, базаръ... Та отъ побачыте сами!..

«Хм... Трохы невыразно»—подумавъ я.

— Ну, театръ тамъ бачылы? Грають тамъ у театри? Булы колы небудь въ театри?

— Театръ?..

Дядько хотивъ одповисты, але кобыльчына, певно заслухавшысь нашои розмовы, узяла та й стала соби, злегка цомахуючы поскубанымъ хвостомъ.

— О!—здывувався дядько, хоча, правду казаты, часъ бы ёму було вже й звыкнуть до сёго.—Ты дывы! Н-но! Ачъ!.. Чы не капосна тварюка? А-н-но!

Кобыльчына рушыла. Дядько ще трохы почмокавъ губамы, пошарпавъ вижками и зновъ повернувся до мене.

— Театръ, кажете? Ни, театру не бачывъ... Не знаю... Що не знаю, то не скажу... Грають, кажете? Не чувъ, не чувъ...

— И про Гаркуна-Задунайського не чулы?

— А то жъ хто? Сродственыкъ вашъ якый, чы якъ?

— Ни... такъ соби...

Я змовкъ. Дядько ще посыдивъ трохы бокомъ, прывитно всмихаючысь очыма, и повернувся нарешти до кобыльчыны.

Годыны черезъ пивторы мы вйизжалы въ бажаный N.

— А це вже и N—прывитно повернувъ до мене свою руду бороду дядько.—Отто соборъ... о... А то пошта... о... А онъ за тымъ червонымъ гамазыномъ жывуть батюшка, отець Софроній... Сыльно строги батюшка,—якъ побачять...

На сёму слови ёму прыйшлося змовкнуть, бо мы выйихалы на буркованy улыцю.

— Такъ отсе N.!—думавъ я и повертався на вси бокы, не вважаючы навить и на те, що пидъ бокомъ у мене стало колоты видъ «мостовои».

Мы булы саме на плацу. Тутъ уже я побачывъ на власни очи и соборъ, и базаръ, и навить будынокъ «сыльно строгого» о. Софронія. Плацъ бувъ порожній, мертвый, тилькы зъ бокивъ ёго стоялы ряды крамныць зъ чымъ-сь червонымъ на дверяхъ, зъ стильчыкомъ коло входа и зъ неодминною калюжою биля кожнои, повною черепкивъ, лушпаёкъ та смиття. За крамныцямы йшлы рундучкы зъ насиннямъ, перцемъ, бублыкамы; дали якись порожни стойкы, а ще дали почыналася вже улыця. На заляпаному, обшарпаному будыночкови, що стоявъ пидъ зализнымъ червонымъ дахомъ на рози улыци, высила вывиска зъ напысомъ: «И здесъ любопытно выпыть и закусыть Кышлихцы, И розкурка табаку».

Що тамъ було такы справди «любопытно», про се я а ни трохы й не вагувався, але що повынни булы значыть останни слова, то якъ я не сушывъ соби головы, не мигъ ничого путнёго выгадать, и вже ажъ дядько вывивъ мене зъ непевносты.

— Та то кыслыци!—повернувся винъ до мене, колы я ёго запытавъ про «кышлихцы».

— Кыслыци?

Ну-да! Бо жыдъ, знаете... Отъ у ёго замисць «кыслыци» та «кышлыхцы». По жыдивськы, значыть, напысано... Кыслыци... Ну-да, бо тамъ такы йе кыслыци. Колысь, якъ не було ще монопольки, такъ писля горилкы разъ-у-разъ кыслыцямы закусювалы... Н-но! А дывы!.. Та куды, куды? Тпрру!

Слухняна конячынка заразъ же якъ прыкыпила.

— Що таке?—спытався я.

— Та вамъ же до «Малороссіи»?—зстрыбуючы, кынувъ винъ и почавъ вытягать мого чемодана. Я подывывся на «Малороссію». То була друга половына тои «любопытнои» пывнои. Надъ дверыма рундука, на якыхъ биля клямкы чорнила масна пляма одъ рукъ, высила вывиска, що проказувала: «Номера для прыежающыхъ Малоросія». Стины сеи «Малоросіи» булы облуплени, сири; виконыци похылылысь въ рижни бокы; четверо виконъ, що дывылысь своимы зеленымы одъ часу шыбками на улыцю, наганялы якыйсь сумъ и нудьгу. Чого іи названо «Малороссіею» и що въ неи було «малороссійського», невидомо. Хиба черезъ те, що хазяиномъ іи бувъ жыдъ и на двадцять хатъ навкругы не було ни одного «малоросса».

Поторгавшы за клямку, мій визныкъ напнувъ плечемъ, и двери зъ шумомъ одскочылы зъ защипкы. Передъ намы встала дывна картына. Середъ чорного брудного невелычкого корыдорчыка въ самыхъ рижнихъ позахъ лежало де-килькы велыкыхъ и малыхъ жыдкивъ. Ногы одного булы пидъ самымъ носомъ у другого, третій уткнувся четвертому въ жывитъ головою и сягавъ колиномъ въ спыну пьятому; носы мишалыся зъ пальцямы, рукы зъ ногамы; брудни подушкы, ажъ блыскучи видъ сала, що назбиралось за немалый мабуть часъ, лежалы десь ажъ биля порога. Повитря... Дядько мій тилькы крутнувъ носомъ, плюнувъ и уперше за весь часъ сердыто закрычавъ:

— А ну, вы! Гей... Розляглысь... Уставай!

Жыдкы тилькы похрапувалы.

— Э-э-э...—ставляючы до-долу чемоданъ, ришуче протягнувъ винъ.—Що я довго зъ вамы тутъ буду... Уставай!—и такы не

жартуючы, штовхнувъ ногою якусь спыну. Зъ пидъ якоись ногы вмыть вызволылась голова въ пуху и въ пирьяхъ на чорному волоси и здывовано подывылась на насъ маленькымы, чорненькымы оченяткамы.

— Ну?—прыкрыкнувъ дядько—чого вылупывъ очи? Вставай!

— Вусъ?—хрыпнула голова и выкашлялась.—Што такое?

— У васъ номера есть?—вмишався я.

Голова подывылась на мене и вмыть весь сонъ збигъ зъ неи, якъ тинь видъ сонця. Зскочывъ, натягнувъ на себе якесь дрантя и заразъ же почавъ шарпать за якусь руку, чы ногу, прымовляючы:

— Лейзеръ! Лейзеръ! Ну? Штелль шуинъ! Ну? Гихеръ!

Щось заворушылось и зъ-пидъ рядна, що нымъ укрывалась уся кумпанія зъявылась невелычка голова зъ запухлымъ носомъ и очима и, клипаючы на свитъ, почала, сопучы, пидійматысь.

— Ну, гихеръ!.. Покажы имъ номеръ! Вамъ самый луччый? Покажы имъ самый луччый номеръ! Гихеръ! Вотъ онъ вамъ сичасъ покажетъ номеръ... Вамъ и зъ абедомъ и зъ чай?.. Мы вамъ дешево дадимъ абедъ... Гихеръ, Лейзеръ!.. Поведи ихъ въ самый луччый номеръ... Вотъ онъ вамъ сичасъ поведетъ въ номеръ... Только тамъ типеръ спыть моя жена, такъ она сичасъ выйдёть зтудова... Вы будете довольны... Гихеръ, Лейзеръ...

Лейзеръ насылу вставъ и, чухаючысь, почавъ одягатысь. Мы, терпляче чекаючы, роздывлялысь тымъ часомъ на ёго. Се бувъ маленькый, чорненькый жыдокъ въ брудній, ажъ рябій видъ блохъ, сорочци и зъ лыцемъ такъ ґусто засіянымъ ластовынням, що, здавалось, що и тамъ блохы зоставылы свои слиды.

— Вотъ имъ номеръ... Покажы имъ самый луччый номеръ, Гихеръ!

Лейзеръ, чухаючысь и позихаючы, повивъ насъ. Номеривъ було усёго тры и якъ разъ «самый луччый» бувъ занятый родыною хозяина. Знову прыйшлось чекаты. Нарешти дверы одчыныдысь, Лейзеръ ввійшовъ туды и звидтиль почала высыпаты родына. Спершу вышла «балабусте», себъ-то господыня, потимъ трое хлопчыкивъ, дви дивчынкы, одне на рукахъ и одне въ ко-

лысци; за ными зъявылася перына, за перыною, выглядаючы зъ-пидъ неи, дивка, за дивкою волочылысь якись рядна, якесь дрантя и... таки гостри, ущиплыви пахощи, якыхъ мени зроду не доводылось чуты.

Мій дядько тилькы промовывъ:

— Ну-ну!

Зайшлы мы. Господы! Ни! Нема, мабуть, на свити ниде такого пера, щобъ змогло намалюваты той «самый луччый» номеръ. Не було та й не буде, мабуть, николы такого хымика, що проанализувавъ бы те повитря. Я зъ свого боку берусь тилькы сказаты, що воно було не степове, хоча й пахтила тамъ и цыбуля, и часныкъ, и тарапя, навить жыви якись комахы, що поважно повзлы по стини у куточкы. То було щось надзвычайне. А обстанова?.. Праворучъ—зализне лижко, що, здавалось, ще пахтило тиломъ господаркы и чысленного потомства іи; просто—покрывленый стилъ, на якому валялысь лушпайкы видъ цыбули и тарани; подекуды де-килькы на-пивцилыхъ стильцивъ; лямпа зъ жовтымъ гасомъ; и безличъ патретивъ по стинахъ зъ суворымы жыдивськымы облыччямы. На викнахъ руди подрани завискы.

— И скилькы за сей... за сей—номеръ?—повернувсь я до Лейзера.

— Одинъ рубъ.

— Не меньче?

— Хе!—усмихнувся винъ, нибы жалкуючы, нибы навить соромлячысь за мене.—Такой номеръ? Дешевлѣе вы не найдёте нигдѣ! У насъ завсегда ночуе здѣсь Гаврылянськый батюшка. У насъ усё благородныи гости зупыняются... Даже студенты булы... Это самый первый номеръ у весь N. Это не какой нибудь себѣ сарай...

— А Гаркунъ-Задунайськый тутъ у васъ?

— Гарку-у-нъ?—перепытавъ винъ якось хутко и пыльно подывывся на мене.—Вы до ево имѣете какое-сь дѣло?

— Нѣтъ... такъ... А что такое?

— Ничево... Я думавъ... Нѣтъ, ничего... Да, онъ бувъ у насъ... Теперь онъ на другую квартира... Этъ! это такой че-

ловѣкъ!—вмыть зъ прызырствомъ махнувъ винъ рукою и одійшовшы, розчынывъ викно. Потягло свижымъ повитрямъ, повіявъ прыемно витерець и пухъ закрутывся по хати.

— Гаркунъ, онъ такой человѣкъ—заразъ же зновъ повернувся винъ до мене.—Если вы имѣете зъ нему какое-сь дѣло, такъ вы заберить напередъ у ёго деньги... О! И тогда онъ будеть—ша! А если онъ вынуватый вамъ шось, такъ онъ вамъ не отдасть никогда. Это просто халамидникъ, а не актёръ? Какой онъ актё-оръ? Актёры усё—благородныи люди, а онъ шарлатанъ какой-сь... Мы ему выгнали зъ нашой гостиницы, такъ онъ завёзъ наши 10 рублей и годи! Босякъ и больше ничево!

— Оттакои!—подумавъ я и замовкъ. И бильше про «антрепренера и режиссера русско-малорусской труппы» вже не мавъ охоты розпытувать.

II.

Поспавшы трохи, я сивъ биля викна, роздумуючы, якъ и де знайты тутъ яку-небудь роботу. Вмыть почувъ я легке стукання въ двери. Дывно мени стало. Якый бисъ мигъ до мене йты въ сёму городи та ще и въ таку ранню добу.

— Ввійдить!—гукнувъ я, дывуючысь.—Певно Лейзеръ зъ самоваромъ—згадавъ я и заспокоився.

Колы жъ ни! Въ дверяхъ зъявылась якась постать, що ніякъ не могла навить нагадуваты Лейзера. Въ сыній, суконній чумарци, такыхъ же штаняхъ въ чоботы, зъ сывою шапкою въ одній руци (то середъ пекучого лита!) и якоюсь ломакою въ другій, постать ся нагадувала швыдче якогось гайдамаку, а нижъ маленького, смырного жыдка.

— Удивляетесь?—гукнула постать такъ, нибы я сыдивъ видъ неи гинъ на двое прынаймни.—И, конечно, поражаетесь?

Я такы справди и здывувався и «поразывся».

— Позвольте отрекомендоваться: Гаркунъ-Задунайській, антрепренеръ и режиссеръ русско-малорусской мѣстной труппы. Очень пріятно!

Шаркнувшы ногою, винъ схопывъ мою руку и шарпнувъ нею такъ, нибы хотивъ запевнытысь, чы мицно вона прыроблена до мого бидного тила. Я тилькы скрывывся зъ болю и щось, не памьятаю вже що, пробурмотивъ и соби.

— Позволите?—шарпнувъ винъ до себе стильця и, шыроко розсившысь на ёму, промовывъ:

— Фу! Припекаетъ сегодня! Абсолютно жарко будетъ! Фу!

Я сыдивъ мовъ прыбытый такою несподиванкою. «Откуда мнѣ сіе?»—думавъ я здывовано, дывлячысь, якъ добродій Гаркунъ втырався червоною хусткою зъ якымысь пташкамы на кинцяхъ и оглядавъ мое прыстановыще меткымъ и смилывымъ поглядомъ.

— Но... позвольте...—опамьятався я нарешти.—Какъ же вы... Откуда же вы узнали, что я... пріѣхалъ... То... есть... я просто не понимаю. Откуда вы меня знаете?

— Я?—загорлавъ винъ знову и зареготався такъ, якъ, мабуть, нихто й николы тутъ не реготався, скилькы памьяталы себе сувори жыды на патретахъ. Але заразъ же зробывся поважнымъ и навить зитхнувшы, сумно додавъ:

— N., знаете, такое болото, гдѣ лишній... какъ бы вамъ сказать, лишній голосъ въ этомъ концертѣ, э... э... слышенъ сейчасъ же... Д-да!

Певна ричъ, я бувъ дуже вдячный ёму за те, що винъ и мене прылучывъ до сёго шановного концерту, але акустыка сёго болота була мени все-такы мало зъясована,

— Такъ!—одповивъ я.—Но... какъ же все-таки... только-что пріѣхалъ, нигдѣ не былъ, никого не знаю...

— О, это пустяки!—заспокоивъ винъ мене.—Абсолютно достаточно, если вы меня спросили у Лейзера... Я къ вашимъ услугамъ и душой, и тѣломъ... и... и всѣмъ тѣломъ своимъ.

И зновъ чого-сь зареготався. Проты воли задывывшысь на ёго велыки, жовти зубы, я перенисъ поглядъ на лыце и ставъ роздывлятысь ёго. Воно було кругле, скризь выголене и страшенно червоне; здавалось, добродій Гаркунъ колысь дуже чого-сь розсердывся, почервонивъ, та такъ и застыгъ на-викы червоный. Надъ выголеною верхнёю губою стрымивъ гострый, орлыный

нисъ и разомъ зъ велыкымы, круглымы й безцвитнымы очима. нагадувавъ якусь птыцю.

— Ну-съ! — вмыть повернувся винъ до мене зъ такымъ выразомъ, що, мовъ, жарты жартамы, а дило диломъ.—Какъ же думаете здѣсь устроиться? Вы... надолго сюда?.. Да постойте: що жъ це я, вы жъ малороссъ, украинецъ?

Я зъ симъ згодывся.

— Ахъ, щобъ же насъ! Такъ будемъ же розмовляты по своему!..

Я й на се прыставъ. Винъ зрадивъ, нибы найшовъ те, що давно вже шукавъ и почавъ засыпать мене пытаннямы. Але, не слухаючы мене, перебывавъ, перескакувавъ зъ одного на друге, переводывъ розмову на себе, скаржывся, хвалывся, словомъ розмова ажъ кыпила у насъ, чы то пакъ у ёго. Говорывъ винъ зъ надзвычайнымъ авторитетомъ, вжывавъ мало не за кожнымъ словомъ «абсолютно» и весь часъ мавъ выглядъ людыны, що на своихъ плечахъ носыть таку вагу обовязкивъ, яку не кожный вытрымать може.

— Вы визьмить хочь бы таке:—говорывъ винъ зъ запаломъ.—Есть у васъ репертуаръ пьесъ, пьесъ передовыхъ; такъ сказать э... э... зъ... ну, зъ направленіемъ... Вы ихъ хочете поставыть, хочете, такъ сказать, познакомыть э... э... зъ ными общество. И не можна!.. Абсолютно не можна!!

Винъ розставывъ рукы и, вызвирывшысь на мене своимы круглымы банькатымы очима, такъ и застыгъ на хвылыну. Я, задывывшысь на ёго, заклипавъ очима и не знавъ, що ёму на се сказаты.

— А черезъ що?—вмыть одкынувся винъ назадъ, очевыдячкы зовсимъ и не цикавлячысь моею одповиддю,—черезъ що? Цензура, скажете? Хо! Ин-ди-фе-рентызмъ! Онъ-що, о! Ин-ди-фе-рен-тызмъ!!

Винъ смаковыто вымовывъ се слово, подывывся на мене и зновъ заговорывъ:

— Вы думаете, я для грошей? Вы думаете воны мени потрибни? Такъ званый «презрѣнный металлъ»? Клянусь вамъ (винъ

пиднявъ до горы руку, зробывъ нею въ повитри якыйсь рухъ и зновъ поклавъ въ кышеню): нехай мени дають милліоны, розуміете: мил-лі-о-ны! щобъ тилькы я покынувъ сцену, я скажу тилькы имъ: «господа! вы меня не знаете! Вы не знаете Гаркуна-Задунайскаго»! И бильшъ ничого! (Певно, винъ гадавъ, що милліоны ёму будуть давать великороссы, бо по йихнему й одповивъ такъ гордо). Сцена—це абсолютно все! Гроши...

Зневага ёго до грошей очевыдячкы була така велыка, що винъ навить не хотивъ и говорыть про ныхъ. Винъ тилькы стыснувъ плечыма, закынувъ ногу за ногу и почавъ утыратысь хусткою. Я згадавъ розмову зъ Лейзеромъ и цилкомъ повирывъ ёму.

— Знаете що!—скрыкнувъ винъ вмыть зъ великою щыристю й одвертистю,—вступайте до мене.... до насъ въ товарыство! Га?

Я, не крыюсь, трохы перелякався сеи несподиванкы.

— Будемъ грать, служыть э... э... искуству... э... э.

— Дуже дякую—пробурмотивъ я,—але я якъ разъ теперъ маю роботу, я повыненъ...

— Эть! плюньте вы на неи!—перебывъ винъ мене.—Що може зривнятыся зъ тымъ, якъ выйдешъ на сцену: очи горять, серце э... э... бьется, публика, аплодисменты... А тутъ ще музыка... тромъ-тромъ-тромъ!

Хоча картына справди була досыть колоритна, але я ще хотивъ подумать.

— И, главное, дывиться:—винъ навить уставъ и, широко розипьявшы ногы, ставъ загынать пальци, до речи сказаты, зашкарубли и зовсимъ не артыстычни.—Вы тилькы будете грать! Тилькы! Це—разъ!

Винъ загнувъ мызынець и подывывся на ёго.

— Дали: вы не знаете ніякого реквызиту. Абсолютно! Це—два.

Биля мызынця лигъ сусидъ ёго зъ чорненькою смужкою на кинци нигтя.

— О... Реквызиту ніякого... То вже моя несчасна доля така!—гирко усмихнувся винъ,—що я повыненъ и за реквызитомъ дывытся, и афишы, и музыку, и билеты, и на сцени, и по за сценою, и хоръ, и... Вы не знаете, якъ це все... тяжко! И, вы думаете, на багато бильше я маю видъ инчыхъ артыстивъ? На багато? Эхъ!

Винъ махнувъ рукою зъ загнутымъ мызынцемъ и сивъ на стилець, очевыдячкы забувшы вже, зъ чого почавъ.

— Гралы мы въ одному городи,—задумлыво и дывлячысь кудысь у кутокъ, заговорывъ винъ тыхо и трагычно.—Сборъ... 500 чыстыхъ!... Публикы?... Тысячы!... Гралы... Ну, якъ вамъ сказать?... Гралы вси... ничого. Я, знаете, пидибравъ тоди труппку—первый сортъ. Вона теперъ зо мною тутъ... У мене вже... э... э... абсолютно око на це... «мѣткое». Подывывсь, обдывывсь,—разъ, два, сказавъ слово, два: ступай вправо, ступай вливо. Абсолютно!.. Д-да! Пидибралась труппка антычная просто, зигралысь уси... Иде пьеса. Вирыте? У Кропывныцького ридко такъ ишла (якъ ще йшла такъ колы-небудь)! Се—не хвастаючысь. Абсолютно! Побачыте!.. Публика ажъ перерывается: Гаркуна, Гаркуна, Задунайського!! Ажъ театръ отъ-такъ... (Винъ похытавсь усимъ тиломъ вправо и вливо). Що жъ вы думаете? Труппа уся... недовольна! Розуміете: не-до-воль-на! А чого? Вызывають мене, а не ихъ! Та пры чому *я* тутъ? Абсолютно пры чому? Треба грать и будуть вызывать. Не партачъ! А то просто стыдно дывыться на ихъ, партачать абсолютно, якъ... э... э... лошади... Якъ бы не я.., провалъ бы абсолютный... Вывизъ все такы... за то жъ... Эхъ! Ни, знаете, гирко! гирко и боляче! Душу надрываешъ, абсолютно на одныхъ своихъ плечахъ вывозышъ усю труппу и... Эхъ!

Винъ зновъ махнувъ рукою и картынно замыслывся. Нисъ його выразно красувався на брудному фони стины, очи мутно дывылысь кудысь пидъ стилець, чумарка розхрысталась и звидтиль цикаво выглядала брудна сытцёва сорочка. Въ хати затыхло, тилькы за стиною якыйсь потомокъ суворыхъ жыдивъ на патретахъ жалибно й одноманитно благавъ:

— Ма-о-о-ме, ихъ вылль ессенъ! Мо-о-о-ме, ихъ вылль бы-ы-лке!

— Тяжке... положеніе артыста,—не миняючы позы, якось дуже драматычно, ажъ шепочучы, заговорывъ знову Гаркунъ.— Винъ мученыкъ, винъ... йе... йе... винъ страдалець... Винъ абсолютно... страдалець! Вы загляньте до ёго въ душу, загляньте!.. Тамъ... одна мука... Абсолютно!..

Винъ на хвылыну змовкъ, але заразъ же пидвивъ голову и гордо й натхненно додавъ:

— Але винъ и... святый! Винъ святый! Винъ не индиферентно дывытся, якъ працюе бидный народъ, такъ сказать, пролетарій. Винъ страдае. Вирьте мени, я самъ изстрадався. Въ цій груди (винъ вдарывъ себе въ груды такъ, що тамъ ажъ загуло). страданій много! Я... плакавъ! Смишно? Да?.. Сміітесь, сміітесь!— гирко, але й гордо хытнувъ винъ головою, не вважаючы на те, що я навить и не посмихнувся,—зъ насъ сміются уси. Се—наша доля... Индиферентызмъ—отъ намъ плата за страдання! Д-да! Мучся, мучся, артыстъ! Ты несешъ хрестъ велыкый!..

Винъ уставъ и заходывъ по кимнати, а полы ёго чумаркы такъ и маялы за нымъ, що-разу обдаючы мене якымысь «артыстычнымы» пахощамы, якымы за свое довге пробування на плечахъ артысты протхнулась чумарка. Я почувавъ себе ніяково передъ сымъ безмирнымъ стражданнямъ и соромывся за свій индиферентызмъ.

— Сёгодня мы граемъ,—почавъ винъ знову и зупынывся передо мною,—пьеса розыграна... Сборъ... не меньшъ двухсотъ, а то й трёхсотъ чыстыхъ. Не меньше! Абсолютно!

— Невже?—здывувався я.—Такый маленькій городокъ: здается, й на сотпю не назбиралося бъ...

— Правда?—жыво пидхопывъ винъ.—А отъ же!.. И мусыть пропадаты... Нема суфлёра,—сумно додавъ винъ.

— Якъ? Та въ кожній же труппи...

— Есть суфлёръ?—гирко перебывъ винъ мене.—Може скажете, въ кожній порядочній труппи? (Винъ саркастычно пидкреслывъ «порядочній»). Не бійтесь, *моя*-то вже труппа порядочна...

Да!.. Но... нашъ суфлёръ зостався въ тимъ городи, де мы гралы недавно, и повыненъ прыйихать, ще вчора повыненъ бувъ тутъ буть. И нема. Прыносыть учора почтальонъ телеграмму: «Играйте безъ меня, заболѣлъ». Вы бачыте въ сёму рокъ, судьбу, прокляту, злостную судьбу? Га? Вы бачыте тутъ насмишку рока?—

Прызнаюсь, я, кримъ его вылупленыхъ, мудрыхъ очей, выголеныхъ губъ и червоного носа, ничого не бачывъ.

Теперъ пропадае все... И времья, и праця... и... сборъ... Афишы надруковани, за театръ заплочено, билеты продани... О!

Винъ зъ безмирнымъ одчаемъ ухопывъ себе за чуба, та такъ и застыгъ на хвылыну. То була дуже трагычна поза!

— Ни!—вмыть енергычно зирвавъ винъ руку и заходывъ по кимнати.—Я найду! Я... Индиферентызмъ мене не побачыть... О, ни! Не на такого попавъ! Я жывъ и страдавъ! Я найду. Я ще оббигаю ввесь городъ, а найду. Найду и наплюю въ саму морду нотаріусу. Скотына, мерзавець! Любытель несчасный, абсолютная бездарность! Ще й соби туды жъ... Хе! Давай ёму першы роли, такъ винъ суфлёра дасть, свого паршывого пысарчука. Ёму перши роли... Ха, ха, ха, ха!

Винъ саркастычно зареготався сухымъ, робленымъ смихомъ, якымъ сміются актёры на драматычныхъ роляхъ, убываючы свою полюбовныцю.

— Нотаріусу, курыному перу доручыть пьесу?! Ха-ха-ха! Ни! Винъ ще не зна Гаркуна-Задунайського, нычтожнисть паршыва! Гаркунъ-Задунайськый ще мае очи! Я найду суфлёра и безъ ёго. На свити много чесныхъ душъ! Я вамъ предлагаю буть у мене... у насъ суфлёромъ!—раптомъ зупынывся винъ проты мене и мылостыво протягнувъ мени руку. А очи дывылысь суворо, мовъ хотилы сказать: «гляды! може й ты такый, якъ нотаріусъ»!

И я такы почувъ, що я справди такый, якъ нотаріусъ, хиба що не мавъ охоты й першыхъ роливъ браты.

— Одказуетесь?—похмуро, не опускаючы своеи рукы, промовывъ Гаркунъ.—Не хочете?

— Ни, не те...—промымрывъ я, не знаючы чымъ бы тутъ одбрехатысь.—А, бачыте, у мене робота... и дуже спишна робота... Я бъ зъ велыкою охотою...

— Значыть, пропадай все: и сборъ, и расходы, и... афишы...

Винъ опустывъ свою руку и одвернувъ голову на бикъ, безнадійно дывлячысь въ викно. Мы трохы помовчалы. Въ корыдори було тежъ тыхо, тилькы знадвору доносывся иноди жалибный плачъ ненажерлывого потомка патретивъ.

— А роботу вы не можете оставыть покы?—тыхо кынувъ Гаркунъ, и въ голоси его зачулось щось жалисне и справди сумне.—Выручить насъ... Тутъ же недовго: прыйшлы, прочыталы... Та й чытать щó тамъ: разъ, два та й усе... Абсолютно... Намъ тилькы позы та жесты..., та щобъ звыкнуть хочъ трохы до суфлёра... Ну, и ввечери ще на спектакль... Пожалуста... Га? А мы бъ може вамъ и въ роботи вашій помоглы... Пожалуста...

— Ни... то робота не така... Вы не зможете. Ій Богу, не знаю, що робыты...

— Ну, я васъ умоляю... Пожалуста!

Винъ навить схопывъ мого гудзыка и почавъ невидомо для чого крутыть ёго на вси бокы. Я глянувъ на гудзыка, на пальци, зъ якыхъ одынъ бувъ зъ понивеченымъ нигтемъ, и мени чогось жаль ёго стало.

— И недовго жъ.., часа тры, чотыри загубыте... А якъ не можна въ роботи, то якось такъ... Ій-Богу... Сыдымо теперъ безъ копійкы грошей... Йисты нема чого... Вы жъ сами знаете, яке жыття актёра...—крыво всмихнувся винъ и выпустывъ гудзыка.

Я згодывся.

— Ну, отъ! ну, отъ и спасыби!—радисно заговорывъ винъ.—Часа тры не бильше... Репетиція... Теперъ котора годына?.. У васъ часы йе? Мои, знаете, вытягнувъ хтось у дорози... Така жалисть! Часы, я вамъ скажу, роскошъ... Мени вмисти зъ золотымъ перстнемъ подарувалы въ тому городи, де теперъ суфлёръ... Великолѣпные часы... А перстень, ажъ горыть, дають, знаете, сто

десять рублывъ... но, навищо продавать?.. Подарокъ, такъ сказать... Я вамъ покажу, прямо поразытесь...

— Теперъ безъ чверты десять...

— Ага!.. Ну, добре! Такъ въ дванадцять я васъ прошу буть въ театри... Тилькы прошу не спизнятысь... У насъ, знаете, аккуратно...

Я пообицявъ, але на всякый случай упередывъ, що може хвылынъ на десять, пьятнадцять спизнюсь, маючы на увази, що нигде ще ни одна репетыцыя не почыналась ривно хвылына въ хвылыну. Але винъ не давъ мени навить договорыть.

— О, ни!—гордо усмихнувся винъ.—Превратное понятіе про мою труппу. Абсолютно! Вы, значыть, моеи труппы ще не знаете... Ни, я васъ уже прошу прыйты ривно въ 12. У мене цёго нема! Сказано въ 12 ночы, вси будуть въ 12 ночы, сказано въ ранци въ 6, будуть въ 6. Ни, це у мене поставлено не такъ... Перве—це дисциплына... Абсолютно! Ни, я васъ жду въ 12 ривно!

По сёму мени лышалося подывуватыся ёму й обицяты прыйты ривно въ 12. Винъ ще трохы посыдивъ, розсказавъ, якъ знайты театръ, кудою выйты, кудою пройты, застибнувъ чумарку и ставъ прощатысь. Подаючы въ останне руку, винъ ще разъ и навить строго нагадавъ мени «ривно 12!» и поважно выйшовъ изъ кимнаты, якъ выходять звычайно на сцени короли за кулисы.

III.

Ривно безъ двадцяты дванадцять я заперъ номера й пишовъ одшукувать театръ. Пройшовъ, якъ наказано мени було, базаръ, де поважно и прыстойно ходылы парамы повбирани жыды (тоди булы якъ разъ якись йихни свята), звернувъ у якыйсь глухый переулочокъ, де кримъ дерезы, лопухивъ та кропывы по пидъ глухымы тынамы ничого не выдно було, и выйшовъ на ту улыцю, де повыненъ бувъ буты театръ. Выйшовъ, глянувъ просто, глянувъ назадъ—и ничого похожого на театръ не побачывъ. Звы-

чайни чыстеньки, биленьки хаткы у садочкахъ, шырока зелена улыця зъ стежкою пидъ однымъ бокомъ, по-де-куды струнки, высоки тополи, тай годи. А будынка, що мавъ буты театромъ—не було.

— Чы не помылывся я?—подумавъ я, але, перевирывшы себе, мусивъ такы прызнаты, що се такы та улыця.

— Дывно!—стыснувъ я плечыма и, не знаючы, що робыты дали, ставъ посередъ вулыци. А на ній хочъ бы одна жыва людына,—неначе вымерло все. Постоявъ я, постоявъ та вже хотивъ рушать назадъ, колы це зъ одного двору, биля якого стояла крамнычка пидъ мализною покривлею, выйшла червона жиноча постать, за нею дви чоловичи въ сиренькому й жовтенькому и, оглядаючы одне одного зо всихъ боковъ, пишлы просто на мене. Я зрозумивъ, що то жыдкы йшлы на плацъ «у прахoдке». Почекавшы, покы воны поривняются зо мною, я звернувся до ныхъ и спытавъ, де грае труппа Гаркуна-Задунайського.

— Теа-а-атръ?—перепытавъ мене сиренькый жыдокъ.—Вамъ на прыставлення хатиться пасматрѣть?

Я сказавъ, що мени тилькы треба знаты, де театръ.

— Что значыть «на прыставлення пасматрѣть»!—вмыть вызвирылась на ёго червона жыдивочка (На голови у неи бувъ ще соломьяный капелюшокъ зъ зеленою, велыкою птыцею). Тибѣ спрашувають, дѣ театръ, такъ ты скажи. Что значыть «пасматрѣ-ѣ-ть»!... Вотъ... вы пайдить прамо до этому большое дерево... Вотъ...

— Тамъ будить вывиска сапожникъ... Такъ вы...—перебывъ їи сиренькый, але мусивъ замовкнуть, бо жыдивочка заразъ же зъ прызырствомъ зупынила ёго:

— Что значыть «вывиска»! Какъ онѣ знайдуть вывиска, если они не знають, какъ студова ити?... Такъ вы идить прамо. А если вы павидите большое дерево, такъ вы станьте... Тамъ вы павидите афише... Такъ вы зайдёте у фортке и пайдёте упьять прамо... У садъ будить теа-а-тръ...

— Тольки тамъ типеръ ничево нѣ-ѣ-тъ...—зновъ умишався сиренькый, але зновъ зупынывся.

— Что значыть «ничево нѣтъ»?—Какое тибѣ дѣло? Имъ нужно театръ, такъ онѣ ему шукають! Ты сибѣ идёшъ, и онѣ сибѣ идутъ, такъ они тибѣ не спрашувають, куда ты идёшъ... Такъ вы идите прамо и больше ничево... До свиданія!

Мовчазный жовтенькый и цикавый сиренькый ще разъ окынулы мене цикавымы поглядамы и рушылы за нею.

Я подякувавъ и пишовъ. Найшовъ «большое дерево». вывиску шевця и... афишу. На ній стояло:

«19—Городъ N. Съ дозволенія начальства—02 г.

Сего N мѣсяца N числа въ зданіи театра Г-на А. Цыбельмана по Херсонской улицѣ товариществомъ русско-малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ режиссера и антрепренера В. А. Гаркуна-Задунайскаго при благосклонномъ участіи знаменитой артистки императорскихъ театровъ А. Галиной (си два прызвыща велыкымы литерамы) представлено будетъ:

I.

Люте серце

або жъ

чотыри смерти разомъ.

Драма на 4 діи Сёгобережного.

II.

Она одна.

Водевиль въ 1 д. соч. Мансфельда.

Дали «участвующія лица», «цѣны мѣстамъ со включеніемъ благотворительнаго сбора», «начало *ровно* въ $8^1/_2$ ч. вечера» и знов велыкымы литерамы: «антрепренеръ и режиссеръ В. А. Гаркунъ-Задунайскій.

Переконавшысь, що театръ такы истнуе, я зайшовъ у двиръ, знайшовъ хвирточку, якъ сказано, у садъ и пишовъ по стежци, що ховалась за кущамы бузку. Пройшовъ бузокъ, промынувъ якыйсь загинъ зъ деревьяною повиткою, продерся ище кризь якись кущи и... опынывся въ кинци сада.

— Ну, а де жъ все-такы театръ?—запытавъ я въ повитря. Одповиддю мени було цвиринькання горобцивъ та скрекитъ коныкивъ

яъ густій злегка пожовклій травы. Садокъ кинчався ровомъ, за якымъ почыналась чужа левада зъ городомъ и поддвиррямъ. Я ще постоявъ трохы, послухавъ коныкивъ и вернувся назадъ.

— О! а я васъ шукаю!—вмыть наче вырисъ зъ-за загону, повзъ котрый я проходывъ, Гаркунъ-Задунайськый и злегка торкнувсь до шапкы.

— Що це, «обозрѣвали окрестности»?

— Эге жъ,—одмовывъ я,—шукавъ театру, та щось не найшовъ?

— Театръ?—скрыкнувъ здывовано Гаркунъ—та вы жъ коло ёго стоите? Оце жъ театръ!

Отъ-тутъ то вже я здывувався: той загинъ, що я мынувъ такъ байдуже, и та деревьяна повитка и булы театромъ.

— Такъ отсе винъ?

— А вы жъ гадалы де?.. Трохы не... той... не изящный...—повивъ винъ навколо театрально рукою.—Ну, та не въ форми дило... Форма, по моёму, абсолютно—нищо!... Главное, искуство... Хоча... А скилькы, вы думаете, тутъ може буть сбору?—вмыть хытро подывывся винъ на мене.—Скилькы по вашому, а-ну?

— Не знаю,—промовывъ я—треба въ середыни подывытысь.

— Добре! Гайда въ середыну!

Черезъ хвылыну ввійшлы мы въ середыну. Чы бачылы вы колы загинъ середъ поля для худобы? Якъ бачылы, то прыставте до сёго загону ще... повитку не повитку, а такъ якесь чортъ знащо зъ поганенькыхъ, старыхъ дощокъ, запнить се чортъ-зна-що зпереду старымъ, полатанымъ брезентомъ, и вы будете мать передъ очыма N-ськый театръ. Тилькы й рижныци мижъ загономъ и «партеромъ» буде того, що въ загони не може буты набытыхъ на стовпчыкы шаршавыхъ дощокъ, а тутъ ихъ було рядивъ зъ пьятнадцять. Передъ повиткою, чы то пакъ—передъ сценою, було щось подибне до велыкого корыта, де те-жъ булы понабывани стильчыкы. То—мисце для музыкивъ. Я порахувавъ ряды, накынувъ имъ цину и промовывъ:

— Рублывъ зъ... 70?

— Ха-ха-ха!—зареготався Гаркунъ.—Отъ вамъ и неизящный театръ! Ха-ха-ха! А двисти карбованцивъ не хочете? Га?

Я не посмивъ не повирыть ёму, але жъ... щось не вирылось. Винъ се запрымитывъ.

— Не вирыте?—скрыкнувъ винъ.—Думаете, шаржъ? Утрировка?... Побачыте сами... Я въ одынъ свій бенефисъ узявъ тутъ 227 руб. 36 копіёкъ!.. Тутъ же багати буржуа, помищыкы найизжають... Тутъ треба тилькы уміючы ставыть спектакли... Ну, а мене... въ сёму вже... не учыть,—додавъ винъ зъ такою усмишкою, яка такъ вамъ и говорыла, що про се «абсолютно» навить и говорыты не варто, та...

— Та й чого бъ я й йихавъ сюды, якъ бы зборивъ не було?—здывовано пиднявъ винъ плечи до горы.—Туракъ я хиба, чы що?.. Театръ? Форма? Ерунда!.. Хоча... Тутъ кулисы, знаете, хороши... Да, кулискы славни... Не велыки, не на шыкарному полотни, но... намалёвани порядочно... Абсолютно хороши! Выдъ, знаете, такый сымпатычный..., пробуждается, знаете, чувство... э... э... якъ бы вамъ сказать, э... э... затышка, чы що... Мыленькы кулискы... Отъ побачыте!

— Такъ...—промовывъ я.—А де жъ ваши артысты... Здается, уже...—подывывся я на годынныка—трохы бильше 12. Вже чверть на першу.

— Невже?—здывувався винъ.—Хмъ... Що жъ це ихъ нема? Може де въ саду?.. Гонта!.. Галя!.. Зализнякъ!...

Але, не дывлячысь на те, що, здается, й справдешни Гонта й Зализнякъ, якъ бы тутъ лежалы, мертви изъ труны посхоплювалысь бы видъ сёго голосного гукання, нихто не озывавсь и не показувавсь.

— Хмъ... Що жъ це? Певно щось помишало... Але воны заразъ прыйдуть... Гонта!... Зализнякъ!... Фю-фю-фю-ю-ю!... Абсолютно дывно!

А я вже «абсолютно» не дывувався. Я покирно прысивъ на одне зъ «креселъ» першого ряду и зибрався чекать. Заразъ же заспокоився и Гаркунъ. Пидсившы до мене, винъ почавъ спершу оповидать історію повиткы, чы то пакъ театру, якъ

спершу вона прызначалась для складу лантухивъ зъ зерномъ, якъ винъ, Гаркунъ, потратывшы сылу энергіи, одвоювавъ іи у хазяина-жыда, того самого шевця, що ёго вывиска красувалась на воротяхъ, якъ винъ заходывсь биля «партеру» и въ тры дни утворывъ ёго, якъ потимъ ставъ граты, выховувать суспильство (не обійшлось, розуміется, безъ «индеферентызму»). Потимъ перескочывъ на себе и зъ дружною щыристю ввивъ мене въ свое мынуле,—велыке й славне...

Такъ мынавъ часъ.

— А вашыхъ все-такы нема,—похопывся якось я вставыты, покорыстувавшысь тымъ, що ёму треба було высякатысь.—Вже хутко й перша...

— Та ну?! Це щось не... той... не певне!—скрыкнувъ винъ и схопывся зъ мисця.—Щось сталося!.. Знаете що? Посыдьте вы тутъ, а я побижу, поклычу... Тутъ недалеко... Десять мынутъ...

Винъ хутко повернувся й выбигъ зъ «партеру». Я зостався середъ загону самъ. Пройшло пьять хвылынъ, пройшло десять, пройшло вже й пьятнадцять, а я все сыдивъ самотою. Въ загони було тыхо й вохкувато одъ холодку, що разъ-у-разъ тутъ стоявъ видъ гыллястыхъ берестивъ, що нибы въ обіймахъ трымалы и загинъ и повитку. На вышняхъ, що зазыралы изъ садка черезъ тынъ «партера», гудилы горобци и иноди цикаво злиталы на «кресла» и, пидскакуючы бочкомъ, скоса подывлялысь на мене.

Вмыть десь зъ того боку, де счезъ Гаркунъ, почувся тыхый дзвинъ балабайкы и ледве чутный спивъ. Грало на голосъ «Камаринського мужыка». Потимъ зтыхло й хвылыны черезъ дви знову задзвенило биля самого загону и зачулась навить писня:

Чай пыла, булкы ѣла,
Позабыла зъ кымъ сыдѣла,
Чай пыла зъ сухарямы,
Домой пойшла зъ фонарямы...

— Ухxха-уха-ха!

Хвиртку мовъ выхромъ розчыныло, и въ загинъ, танцюючы, ускочывъ добродій въ чоботяхъ «гармоникой», въ картатому пиджаци й брыли на бакиръ. Самъ бувъ высокый, билявый, безусый, у рукахъ балабайка зъ червоною стёжкою. За нымъ усунулась и друга постать, коротенька, прысадкувата въ вузькыхъ сталёвого колёру штаняхъ. Си штаны булы страшенно вузьки и кримъ того одягнути на чоботы, такъ що халявы ажъ выпыналыся зъ-пидъ ныхъ, и ногы выще колинъ булы тоньши, нижъ на лыткахъ. Въ обохъ пидъ пиджакамы булы однакови червони сорочкы зъ однаковымы навить поясамы. У першого на вузькій та довгій голови—брыль, у другого на короткій и круглій—картузъ.

Побачывшы мене, воны раптомъ змовклы и чогось засміялысь.

— Давай, братъ, закурыть!—повернувся высокый до короткого.—Щобъ, значытся, дома не журылысь.

— Закурыть, такъ закурыть...

Очевыдячкы имъ обомъ було ніяково и сю ніяковисть хотилы заховать и видъ мене и видъ себе пидъ робленою розвьязнистю.

— Въ тебе «Ласточка»? Давай, давай «Ласточкы»!

Запалылы «Ласточкы» й одійшлы трохы въ кутокъ, иноди кыдаючы на мене цикави погляды. Я чекавъ, що буде дали, Воны посидалы на тынокъ, що огорожувавъ музыкивъ видъ публикы й тыхо загомонилы, про себе. Иноди долиталы до мене слова: «роль, Гаркунъ, реквызитъ». Я почавъ догадуватысь, що се булы артисты.

Чы не Гонта се зъ Зализнякомъ? подумавъ я. Але не вспивъ одповисты соби, бо за кущамы зачулысь якись голосы, а дали навить можна було розибрать и розмову. Одынъ голосъ бувъ дуже выразный, гучный—то бувъ голосъ Гаркунивъ, другый може й ще гучнищый, але тонкый и выходывъ, очевыдячкы, зъ жиночого горла.

— Скажите пожалуста! Пхи!—дзвенивъ жиночый.—Какая аккуратность! Съ какихъ это поръ?... Удивительно!

— Не удивительно, а нужно являться во-время. Я тебѣ еще вчера говорилъ, что на базаръ нужно раньше ходить...

— Ну, такъ и ходи, какого-жъ ты чорта не ходишь? Скажите пожалуста! я ему должна вставать въ 4 часа и бѣжать на базаръ... Извольте видѣть, мода какая!

— Не мода, а...

— Ахъ, замолчи ты ради Создателя, пока я тебя не отчистила, какъ послѣднюю скотину! Что это въ самомъ дѣлѣ!

По сій мови въ хвиртку ввійшла дуже худа, дуже щупла, дуже билява молодычка въ якій-сь мантыльци на плечахъ, билій косынци на голови и зъ кныжкою въ руци.

— Аккуратность начали заводить!—саркастычно усмихаючысь, пидійшла вона до добродіивъ и протягнула имъ руку. Поздоровкавшысь, кынула на мене поглядомъ и щось заразъ-же тыхо спытала у Зализняка и Гонты (бо то, певно, воны булы). Ти стыснулы плечыма.

— Вы знакоми?—похмуро кынувъ Гаркунъ и повивъ рукою на мене й на панію.

Я вставъ, и мы перезпаёмылысь. То була «артистка императорскихъ театровъ А. Галина» и жинка Гаркуна-Задунайського, а добродіи, якъ я и гадавъ, высокый—Гонта, а короткый—Зализнякъ.

— Ну, а Петренкивъ и доси нема?—ни до кого не звертаючысь пробурмотавъ Гаркунъ.

— И за нымы бигты? Та й вы тоже, господа...—повернувся винъ сухо до Гонты й Зализняка.—Сказано въ 12, а прыходыте въ часъ... Це...

Зализнякъ трошкы вытягнувся й вынувато нахылывъ свою круглу голову, а Гонта, навпакы, пиднявъ и весело одповивъ:

— Та хиба жъ це первый разъ, Васылій Александровычъ? Разъ-у-разъ же такъ!..

— Багато вы понимаете!—одрубавъ Васылій Александровычъ и одвернувся. Гонта высунувъ ёму языка и крутнувсь на одній нози до Зализняка.

— На сцену!—скомандувавъ Гаркунъ.

Гонта и Зализнякъ перелизлы черезъ «оркестръ», пиднялы брезентъ и сховалысь въ повитци. Черезъ якыйсь часъ щось

дуже заторохкотило въ середыни, заскрыпило, и брезентъ почавъ хылытатысь, мовъ видъ витру велыкого. «Зависа» пиднялась. Передъ моимы очыма зъявывся малюнокъ.. сказать бы лису, дакъ то не лисъ бувъ, тына.., такъ и не тынъ. Було щось мени невидоме.

— А що?—заразъ же звернувся до мене Гаркунъ—гарненьки кулискы? Маленьки правда... Але жъ не можна було зробыть бильши... Цилу недилю красывъ самъ... Це—лисъ. Бачыте, онъ тамъ зъ ливого боку нибы даже десь э... э... лужайка такая. А тамъ—онъ... Переспектива удачно выйшла!.. Кулисы, знаете, це—одынъ изъ э... э... факторивъ... э... э... артыстычнои жызни. Абсолютно!

Винъ ще посмакувавъ трохы й заклыкавъ мене на сцену. Тутъ я блыжче прыдывывся до «лиса» и справди мусивъ згодытысь, що то бувъ лисъ. Булы и дерева, и кущи и навить лыстя. И зроблено було такы не погано. На рямахъ заввышкы въ чоловика напъято було полотно и зъ одного боку намалёвано хату, а зъ другого лисъ. Лисъ бувъ зробленный такъ: посередыни рямы ривненько й чепурно зроблено сажою шыроку смугу, се—стовбуръ; зъ бокивъ ишлы тежъ ривненьки й чыстеньки тоньши смужкы, то—гылля; по гылляхъ начыплено кругленьки, якъ яблука, лыстя, штукъ по десять на кожній. Рямы прыставлялысь одна до однои щильно й ривно, тилькы зъ двохъ бокивъ лышалысь проходы для героивъ драмъ и комедій. И выходывъ справжній лисъ. Аккуратно було зроблено.

— А, наконецъ-то!—почувъ я гучный голосъ Гаркунивъ и повернувся. Въ той саме часъ зъ-за «лису» выходывъ якыйсь добродій въ чорній одежи и самъ чорнявый и якъ бы не дуже худый, то й дуже бъ гарный. За нымъ зъявылася струнка, жыноча постать, одягнена въ темну сукню и зъ рушныкомъ на голови, що гарно облягавъ іи смугляве, гарненьке лычко зъ велыкымы, нибы здывованымы очима. Воны мовчкы зо всима поздоровкалысь, не мынаючы й мене, и заразъ же сталы на бикъ.

— А за вамы, господа, може карету посылать?—кынувъ имъ Гаркунъ, перегортаючы кныжку, що взявъ у Галинои.

Петренкы, не розуміючы, подывылысь на ёго.

— Сказано въ 12 на репетицію, а вы колы прыходыте?...

— Та разъ-у—разъ же мы такъ збираемся!—промовывъ Петренко, дывуючысь.

— Молчать!—вмыть чогось скыпивъ Гаркунъ.—Я—режыссеръ и прыказую вамъ не спизняться бильше... Абсолютное свынство!.. Ставайте на мисця... Пожалуста!—звернувся винъ до мене и ткнувъ пальцевъ въ перпу дію «Люте серце, або-жъ чотыри смерти разомъ».

Репетыція почалась. Гаркунъ бувъ справдешнимъ режыссеромъ. Винъ крычавъ, лаявся, бундючывся, выкрывлявся и весь часъ коверзувавъ Петренкамы, якъ самъ хотивъ. То не туды стала вона, то не такъ повернувся винъ, то не зъ того боку обняла вона, то не въ ту щоку поцилувавъ винъ. Петренкы покирлыво робылы, якъ хотивъ винъ, и иноди перекыдалысь сумнымы поглядамы.

— Ну, отъ! ну, отъ!—крычавъ Гаркунъ, пидбигаючы до Петренка.—Хиба жъ такъ хто сердытся? Вы понимаете, що такъ же не можна сердыться?!... Насупте бровы... Ще!.. Ще!.. Стулить губы...

— Та мени жъ говорыты треба, якъ же я стулю губы?

— Пожалуста не росказуйте! Колы треба говорыть, воны сами розтулятся... Ну... Теперъ.. Зробить взглядъ грозный...

Петренко стулывъ губы, насупывъ бровы и «зробывъ взглядъ грозный». Выйшло, нибы винъ зибрався заплакать.

— Ну, такъ... Теперъ дали... Тилькы станьте до рампы блыжче... И вы, и вы...—злегка штовхнувъ Гаркунъ Петренкову,—положить ёму руку на плече... Ну, й дывиться на ёго. Пріятнѣе, пріятнѣе дывиться... Смійтесь до ёго... Бильше... Ну, дали...

Тутъ увійшлы ще дви паніи и, нашвыдку хытнувшы всимъ головою, сталы збоку. Гаркунъ тилькы суворо подывывся на ныхъ.

— Мализнякъ! Що вы все рукамы тыкаете, якъ говорыте?—прычепывся винъ до Гонтыного прыятеля.—Вы жъ не дратву

просовуете въ чоботы? Колы вы вже забудете свою мастерськую?.. Абсолютно глупый народъ!

Зализнякъ ніяково всмихнувся и мицно склавъ рукы на жывоти.

— Ну, отъ! винъ ихъ на жывитъ!.. Ну, положымъ, нехай такъ... Держить, держить такъ... Та веселѣй смотрить... Пиднимить голову... Та громче говорить, бо васъ и не почують... Ну, повторить вашу фразу...

— Та годи вамъ уже сварыться!—крыкнувъ Зализнякъ изъ роли и махнувъ рукою. Але, злякавшысь, заразъ же склавъ іи знов на жывитъ и подывывсь на Гаркуна.

— Бильше интонаціи треба...—сказавъ Гаркунъ.— Ну, дали.

Тилькы до Гонты та до Галинои не мигъ прычепытысь. Гонта очевыдячкы бувъ «талантъ». Винъ поводывся вильно й розвьязно. Колы кинчалась ёго роля, винъ бравъ у рукы балабайку и, пидморгуючы двомъ паніямъ, що несмилыво усмихалысь до ёго и скоса подывлялысь на Гаркуна, тыхо дзвенивъ на неи. Талантъ же ёго мабуть выявлявся въ тому, що винъ за одным духомъ выкрыкувавъ свою ролю, котру знавъ, якъ отченашъ, и умивъ добре «реготатысь». Гаркунови дуже подобалось, якъ Гонта почынавъ тарабаныты свои «мисця», не зупыняючысь ни на одынъ ментъ, хоча, треба додаты, самъ винъ дуже погано знавъ свою роль. Але винъ на се не вважавъ.

— Я такы николы й не учу роли,—говорывъ винъ.—Суфлёръ, вдохновеніе, отъ и все... Старый, опытный артистъ николы не учыть... Искусство така штука, що... э... э...

Тутъ винъ зупынявся, жувавъ трохы губамы и накыдався на кого небудь. Такъ такы я й не довидався, яка така «штука» искусство. А шкода, та й не мала!

Почалася пьята дія.

— Ну, теперъ вы вже пожалуста тилькы реплику мени, тилькы реплику...—звернувся до мене Гаркунъ,—тутъ таки мисця, що безъ суфлёра треба...

Винъ гризно нахмурывся и ставъ середъ кону. Здавалось, отъ-отъ стины не вытрымають сёго погляду, завалятся и помнуть такъ гарно намалёваный лисъ.

— Ну?—скомандувавъ винъ мени.

Я подавъ ёму реплику, винъ сказавъ іи..., але дали у насъ не пойихало.

— Дали, дали що-жъ вы!

— Та вамъ-же тилькы реплику...

— Ахъ, пожалуста давайте! Що вы хочете все настроеніе мое прогнать?!

Я злякався сёго й почавъ ёму прямо такы суфлировать.

— Ни! такъ не можна!—махнувъ винъ рукою и розправывъ бровы.—Я жъ васъ просывъ тилькы реплику, а вы... Эхъ!

Я тилькы рукамы розвивъ.

— Петренко! Це вамъ не полицейская канцелярія! То тамъ можна було строчыть бумажкы и сидать... Прошу встать! Що це справди таке?!—загорлавъ винъ.—Я й на репетиціи склыкай, я й реквызитъ готовъ, я и за музыкою бигай, я и на сцени вывозь, я... а вы будете гроши забирать и сыдить соби! И прошу мени зъ интонаціями и жестами репетирувать... Зализнякъ! Це вамъ не сапожная мастерская! Що вы думаете, що й театръ вамъ сапожная мастерская?.. Станьте блыжче... Та куды? до кругу блыжче... Вы, Гонта, перейдить на той бикъ... Треба, щобъ группа выйшла, картына... Галя, перейды сюды...

— Глупости!—одризала Галя.—Никакой картины не выйдетъ... Нужно, чтобъ Петренко сталъ за Людмилой Петровной... Когда я буду падать въ обморокъ, нужно чтобъ...

— А ты все-таки думаешъ падать въ обморокъ?—перебывъ іи Гаркунъ—но это жъ... абсолютно...

— Ты абсолютный муракъ! Разъ я говорю, что буду падать въ обморокъ, такъ значитъ буду... И не тебѣ меня учить, вотъ что! Лучше бъ своихъ сапожниковъ училъ... Вонъ какъ стоитъ!—зневажлыво тыкнула вона на Зализняка, якый почервонивъ и, выпрямывшысь, боязко подывывся на Гаркуна.

— Но вѣдь... Какъ же ты будешь падать въ обморокъ, если этого въ драмѣ нѣтъ?—не звернувшы навить увагы на Зализняка, скрыкнувъ Гаркунъ—это жъ... ей Богу...

— А въ драмѣ есть, что она поетъ по нотамъ? есть?

— Но... Если бъ ты знала на память, такъ...

— Ну, такъ и не разсказывай... Ну, словомъ, я падаю въ обморокъ или... иди себѣ къ чорту съ твоимъ спектаклемъ, вотъ и все!..

И повернувшысь, одійшла въ кутокъ и сперлась на «лисъ». Гаркунъ стыснувъ плечыма й замовкъ.

— Себѣ небойсь можно!—зновъ почала Галина—ему й то, ему й се... Скажите, пожалуйста, цаца какая... Набралъ какихъ то... писарей, сапожниковъ. . Играй съ ними... Еще указываетъ...

— Анна Семеновна!—вмыть обизвався трохы блидый Петренко—не я просывъ Васылія Александровыча играть зъ нымы, а воны мене, значыть...

— Ну, то й поцилуйтесь зъ нымъ!..

— А для чого жъ оскорблять насъ?—вмишалась Петренкова, и гарненьке іи лыце спалахнуло полумьямъ.—Що мы вамъ должны 10 рубливъ, такъ мы... одыграемъ вамъ... а...

— Воображаю эту игру!

— Вы тилькы уміете играть? Не задавайтесь пожалуста!—блыснула очыма Петренкова и круто одвернулась видъ Галинои.

Васька!—вмыть кынулась та до Гаркуна, якъ опечена.—Если ты не выбросишь ихъ вонъ сейчасъ же, я играть не буду! Они уже давно мнѣ дерзости говорятъ! Я со всякой швалью играть не желаю!

— Сама барыня!..—кынула Петренкова.

— Та цыть!—спынывъ іи чоловикъ, але пизно! Пиднялась лайка, крыкъ, галасъ; Гаркуна й не слухалы, ось-ось вчеплются въ косы одна одній. Бачучы, що така репетыція не скинчытся й до спектакля, або скинчытся такымъ, що доведется ще побувать у полиціи, я голосно заявывъ, що або будемо кинчать, або я кыдаю и йду до дому. Сварка затыхла и драма якось скинчылась.

— Ну, теперъ ще водевиль, та й годи!—промовывъ Гаркунъ и пидсунувъ мени другу кныжечку.

— Я водевиля играть не буду!—суворо бовкнула Галина и пустыла носомъ дымъ.

— Почему?

— Не хочу!

— Хм...

Уси замовклы и подывлялысь то одне на другого, то на Галину, що «индиферентно» палыла соби цыгарку, розвалывшысь на стильчыку.

— Такъ давайте девертысментъ та й шабашъ! Що тамъ!— скрыкнувъ Гонта.—Я на балабайку, Зализнякъ на губахъ... Идёть, Зализнякъ?

Зализнякъ тилькы усмихнувся й подывывся на Гаркуна.

— Такъ не будешь?—спытавъ той у Галинои.

— Нѣтъ.

— Ну, то мы поставымъ справди девертысментъ... Скажемъ публици, що... Ну, словомъ, щось скажемъ... А що жъ на девертысментъ?

— А я выйду, постою, постою та й пиду...—засміявся Гонта.—И буде эффектъ, ей Богу!

— Хмъ...—замыслывся Гаркунъ.—Такъ... Хм... Ну, знаете що?... Вы Людмыла Петровна, проспиваете—«Мотылечекъ-дружокъ», вы Зализнякъ... Що жъ вы зробыте?.. Що вы вміете?...

Зализнякъ ніяково всмихнувся и почервонивъ.

— Ну?.. Що вы знаете?

— А «Прекрасную злодѣйку», Зализнякъ?—повернувся до ёго Гонта.—Винъ зна, и дуже добре зна «Прекрасную злодѣйку»... Стишкы такыи...

— Хм... Ну, нехай «Злодѣйку»... Я прочытаю изъ Гамлета...

— А потомъ хоръ!—пидхопывъ Гонта—«Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», або «Ой, у лузи»...

Нарешти гуртомъ складено программу девертысменту, и я вже зибрався до дому, якъ мене зупынывъ Гаркунъ.

— Виноватъ!.. Осмѣлюсь просыть васъ до себе на обидъ... По трудахъ, такъ сказать...—не выпускаючы моеи рукы, шаркнувъ винъ навить ногою по пидлози.—Жена моя прыглашена на обидъ до... э... э... справныка, такъ мы, значыть, по холостому...

— Спасыби, дуже дякую,—одмовывъ я,—але жъ я маю обидъ и мушу...

— Не хочете?—суворо подывывся винъ на мене.—Прренебрегаете?

Ничого робыты, мусивъ я згодытысь. Пишлы мы.

— Жыву я просто, безъ роскошивъ и... безъ церемоній... Не черезъ те, що не можу, а просто... люблю простоту,—говорывъ винъ мени дорогою зъ тою велычною простотою, що разъ-у-разъ видрижняе велыку людыну видъ звычайнои.—Простоту люблю и уважаю... Д-да... «Простота это—всё, роскошь—ничто»—сказавъ Декартъ, и я зъ нымъ согласенъ... Здоровый образъ жызни и простота—це... моя жызнь... И знаете, що я вамъ скажу? Николы талантъ и не може ужытысь зъ роскишшю.. Ёму треба, такъ сказать, абсолютно... э... э... атмосферу... э... э... такъ сказать... простую... Да!.. Потому, искусство така штука, що... э... э... «Роскошь—то мать пороковъ», сказавъ Шопенгауеръ. И правыльно сказавъ! Мудро сказавъ!.. Це умъ... Я, знаете, Шопенгауера уважаю... Согласенъ, и Левъ Толстой, тоже... можна сказать, прынципіальный..., но, знаете, я замѣтилъ мижъ нымы велыку разныцю! Той, знаете, бильше все такъ сказать,.. э... э... въ атмосферу... духовную... А ось и мои аппартаменты!—перебывъ винъ себе и уступывсь мени зъ дорогы, пропустывшы въ невелычкый двиръ.

«Аппартаменты» справди булы досыть прости. То була друга половына звычайнои хаткы, брудна и темна. Доли валялысь клапти зъ паперу, якись стружкы, на столи розкыдани булы афиши й роли, на шырокому, деревьяному лижку въ велыкій простоти лежала непрыбрана постиль. Простоты було уже занадто, занадто, навить и для такого таланту, якъ Гаркунивъ.

Театрально посадывшы мене на стилець зъ диркою посередыни для рукы, винъ заразъ же вытягъ зъ печи горщыкъ, розставывъ на столи два зализныхъ полумыска и, згадуючы про простоту, налывъ зъ горщыка по сами винця. Найшлось дви деревьяныхъ ложкы зъ погрызяными кинцямы, и мы взялысь до тежъ просто звареного борщу. Закусылы мьясомъ, що було вкрыто якоюсь слыззю, и я ставъ прощатысь, зважаючы на покынуту нибы роботу.

— Ну, Богъ зъ вамы, отпускаю,—протягуючы мени руку, нарешти згодывся винъ пустыть мене.—Тилькы глядить; ривно въ половыни девятого будьте... Я терпить не можу, якъ почынають въ 10, а пышуть ривно въ 8. У мене це не такъ якъ по другыхъ труппахъ. Напысано въ 8, въ 8 и начынаемъ, въ $8^1/_2$, начынаемъ въ $8^1/_2$... Абсолютно!.. Пожалуста-жъ...

Я хотивъ нагадать ёму про репетыцію, але тилькы махнувъ про себе рукою и пообицявъ не спизнытысь.

IV.

Зновъ ривно въ 25 хвылынъ на девьяту я пидходывъ до ворить шевця, биля якыхъ стояла купка хлопчыкивъ, що цикаво заглядалы у двиръ, де-килькы жыдкивъ, и... полисменъ, поважный и велычный. За воритьмы у двори стоявъ столыкъ, на ёму свичка, яка-сь шабатурка зъ билетами, а на стильци биля ёго сыдила одна зъ паній, що булы на репетиціи. Я зрозумивъ, що то була каса. Поздоровкавшысь зъ паніею, я пройшовъ въ садокъ и тилькы що мавъ выпырнуты зъ якоись ямы, куды шугнувъ несподивано, якъ за кущемъ страшенно зарыпило, загудило и такъ загупало у щось порожне й гучне, що въ ухахъ у мене ажъ засвербило. Потимъ до сёго прыставъ якыйсь не то свыстъ, не то скрыпъ, щось застогнало, зашыпило, и кризь се ревыще й галасъ почала пробыватысь якась мелодія. Колы я вылизъ изъ ямы й выйшовъ зъ-за куща, мени уявылась картына. На маленькому горбыку зъ поважнымы и серьёзнымы лыцямы прымостылось чотыри добродія и що сылы—одынъ бывъ у бубонъ, другый дувъ у флейту, третій ризавъ на скрыпци и всихъ заглушавъ четвертый своимъ велычезнымъ, покрученымъ тромбономъ. И ажъ теперъ тилькы я зрозумивъ, щò то бувъ за гукъ якыйсь, що ще зъ сёмои годыны я чувъ у себе въ номери. То гравъ сей «оркестръ»!

Маючы на увази, що здалека мелодія разъ-у-разъ вчуваеться краще, я поспишывъ одійты й попростувавъ до театру. По дорижкахъ саду й биля театру було темно и безлюдно, а въ самому театри въ темряви чорнилы тилькы «кресла» сумнымы рядамы.

Артыстивъ и духу ще не було. Я постоявъ, постоявъ и выйшовъ знов у садокъ, сылкуючысь порахувать, на скилькы есть уже збору. Але, не дывлячысь и на музыкы, ёго було щось мало, у всякому рази на двисти карбованцивъ не було. Ходыло де-килькы паръ жыдкивъ и жыдивочокъ, сыдивъ на лавочци якыйсь старенькый поштовый чыновныкъ зъ дивчынкою, реготалысь за кущемъ якись гимназисты та ще коло музыкивъ, зазыраючы чотырёмъ добродіямъ въ ротъ, стояла купка «зайцивъ», хлопцивъ и дивчатокъ.

— Певно щось помишало публици,—подумавъ я и, заспокоившысь на тому, пишовъ соби въ глыбыну садка. Пидъ бузковымъ кущемъ була шырока лавочка, я лигъ соби на ній и, здрыгуючысь видъ несподиваныхъ варіацый «оркестру», ставъ дывытысь у небо.

— Отъ колы бъ Гаркуну стилькы публикы, якъ отсе зирокъ заразъ!—зитхнувъ я, блукаючы окомъ по безкраёму, темносынёму неби, зъ якого, мовъ моргаючы до мене, свитылысь—усмихалыся зори.

И раптомъ стало тыхо-тыхо. Я здывовано пидвивъ голову и ставъ слухать. Було такы тыхо. Десь здалека долитавъ до мене ледве чутно гоминъ, пидо мною цвирчавъ цвиркунъ и бережно, потыху затёхкавъ въ кущахъ соловей. Було якось спокійно и легко, мовъ я тилькы що вырвавъ болячый зубъ.

— Ахъ, то музыкы пересталы!--догадався я, й за сею догадкою острахъ наче морозомъ пройшовъ по мени.

— А що, якъ воны це тилькы спочывають, набираются духу, щобъ ще голоснище утнуть?

И соловейко те жъ, мабуть, сёго боявся, бо наче поспишавсь насниватысь; оксамытни, мягки згукы прыемно голубылы ухо и нагадувалы багато-багато такыхъ же зоряныхъ ночей, такыхъ же соловейкивъ..., тилькы безъ «оркестривъ» и Гаркунивъ-Задунайськыхъ.

И вмыть все зныкло: и мынуле, й соловейко, и зори, въ очахъ потемнило, въ ухахъ заляскотило, а по тили мовъ громовына пройшла. Музыкы врызалы якусь польку.

Я. якъ опеченый, схопывся й побигъ до театру. Въ середыни уже свитылось, и я радый тому, якъ не знать чому, пидбигъ до дверець, що булы позаду театру, и поторгавъ ными. Мени видчынывъ Гонта и любьязно шаркнувъ ногою.

— Добродію Гаркунъ! чы хутко жъ мы почнемо?—звернувся я заразъ же до антрепренера.—Вже хутко десять годынъ!

Винъ мовчкы повернувся до мене видъ дзеркальця, у яке дывлячысь, щось мазавъ у себе на лыци и, трохы подывывшысь на мене, одмовывъ:

— Вы жъ бачыте, що грымируемся...

Я спершу сёго не бачывъ, але, прыдывывшысь, побачывъ що воны справди «грымирувалысь». Се-бъ-то: кожный изъ актёривъ мочавъ пальцемъ спершу въ одну черепяну мысочку зъ водою, потимъ у другу зъ червоною фарбою и, ничесоже сумняшеся, навманя розтыравъ у себе по лыци всею долонею,—тилькы у Гаркуна бувъ шматочокъ дзеркальця. Потимъ такымъ же чыномъ умочалось въ воду и въ другу мысочку зъ сажою и вже одынъ одному наводывъ бровы, а кому треба було то й вуса. Поклавшы, якъ казалы воны, «кгрунтъ», почыпалы робыть зморшкы. А се вже робылось такъ. На свичци, що одыноко свитыла на всю ызеньку, голу «уборну», запалювався сирныкъ, и заразъ же гасывся. Потимъ де треба було буть зморшкамъ, засмалянымъ кинцемъ сирныка проводылось де-килькы тоненькыхъ смужокъ.

Але, не вважаючы на сю простоту «грыму», лыця булы поважни и навить торжественни; выдно було, що мало буты щось таке, до чого «индиферентно» видносытысь «абсолютно» не можна.

Я попробувавъ було заговорыть до Гаркуна про те, що може сёгодня й граты не доведется, бо щось публикы не густо, але винъ зъ такою велычнистю одповивъ мени, що ёму теперъ не до публикы, що винъ слова свого ламаты не може и щобъ не було, а буде граты, зъ такымъ натхненнымъ лыцемъ попрохавъ не чиплятысь до ёго въ такый часъ зъ «матеріальнымы пустякамы», що я ажъ засоромывся самого себе. Але не вспивъ я

одійты, якъ въ уборну ввійшла касирша и звернулась до Гаркуна зъ тымъ же:

— Васылій Александровычъ! Публика просыть начынать, а въ каси усёго 6 р. 73 коп. Будемъ играть?

— Господы! Я николы не бачывъ и, мабуть, до вику вже не побачу такого лыця, зъ якымъ добродій Гаркунъ повернувся до касиршы. Уявить тилькы соби: велыки, товсти бровы, зъ якыхъ ажъ сыпалась сажа, червоный нисъ, розпатланый парыкъ, зморшкы видъ ока до рота и поглядъ, гризный, велычный и страшный. Касирша вже й не казала бильше ничого, побачывшы се лыце, а винъ ще й додавъ словамы:

— Вы бачыте, щó я роблю? Вы бачыте, до чого я готовлюсь? Вамъ повылазыло? Що вы хочете, щобъ я сёгодни оскандалывся? Вы хочете все настроеніе мое зигнать?... Скилькы бъ не було збору... мы граемъ! Пидить и скажить це публици! Черезъ полчаса начынаемъ!

Касирша зныкла, наче іи витромъ змело.

— Васька!—вмыть почувся зъ-за перегородкы, що передиляла жиночу «уборну» видъ чоловичои, голосъ Галинои.—Неужели ты думаешь играть при 6 рубляхъ сбору? Вѣдь это идіотство!

Тутъ, я думавъ, добродій Гаркунъ не вытрымае такои наругы надъ своимъ «настроеніемъ» и покаже, якъ можна такъ «индиферентно» видносытысь до «искусства, котре есть така штука, що»... Але выйшло инше. Правду кажуть, що чужа душа—темный лисъ. Добродій Гаркунъ тилькы лагидно видповивъ:

— Ну, а що жъ робыть?.. Треба.. Може хочъ музыкантамъ стане.. Та може й ще публика надійде...

— Смотри!—почулося зъ-за перегородкы.

— Дайте первый звонокъ!—скомандувавъ Гаркунъ.

Уси кынулысь шукать дзвинка и одынъ зъ добродіивъ, що знайшовъ його у куточку на табуретци, несамовыто загремивъ нымъ и выскочывъ у садокъ.

Я подывывся ще трохы, якъ добродій Гаркунъ репетирувавъ передъ дзеркальцемъ рижни страшни позы, и выйшовъ зновъ у садокъ. Музыкы мовчалы и зъ дорижокъ садка неслась тыха роз-

мова парочокъ. На тыну «партера» вже сыдила частына публикы и, то спыхаючы одне одного, то выробляючы всяки гимнастычни рухы, весело чекала початку.

Черезъ десять хвылынъ задзвенивъ удруге дзвинокъ, и публика потягла у «партеръ». Було де-килькы чыновныкивъ, де-килькы гимназыстивъ и студентивъ зъ велыкымы купамы рижноколёровыхъ панночокъ и повнотелесыхъ матусь, було де-килькы купцивъ зъ жинкамы и дитьмы, якыхъ-сь добродіивъ въ чоботяхъ и круглыхъ картузахъ, мабуть прыкащыкивъ зъ економій и, на останне, жыдкы и жыдивочкы. Музыкы ревнулы й посунулы тежъ у «партеръ», на ходу выробляючы таки варіаціи, яки ни одному композиторови й уви сни бъ не прыснылыся. Вси умостылысь и сталы чекать. Зъ деревъ и зъ-за деревъ выглядала «безпаспортна» публика.

Я поспишывъ у театръ. Тамъ вже було наготовлено все, якъ слидъ. За кулисамы товпылысь яки-сь добродіи въ чоботяхъ «бутылкамы» и «гармоніямы»,—не то шевци, не то звощыкы,—якъ я потимъ довидався, хористы; гасалы чого-сь Гонта и Зализнякъ по сцени и скажено гукалы на хлопцивъ, що добывалы останни цвяхы въ кулисы; поважно и натхнено ходывъ Гаркунъ биля «уборныхъ», заклавшы рукы въ кышени чумаркы, що служыла и на сцени и по-за сценою, не злазячы николы зъ шырокыхъ плечей артысты.

И ось третій дзвинокъ. Тромбонъ въ останне ревнувъ, бубонъ гупнувъ, и въ «партери», и на сцени стало тыхо. Запалылы дви свичкы биля суфлёрськои будкы, и я почавъ залазыть у неи. А туды зализты було не такъ просто, якъ все робылось тутъ. Треба було трохы пидняты завису, статы на вколишкы задомъ до будкы и тоди вже впутысь туды помалу й обережно, щобъ не перекынуть будкы въ «оркестръ».

— О! Суфлёръ полизъ, суфлёръ полизъ!—почулось зъ публикы.—Дывы, дывы, акъ пнется... Якъ жукъ!.. Ачъ!.. ачъ!..

Влизъ я. Зъ сцены повтикалы вси; за сценою зарыпило, заторохкотило, и зависа, зачепывшысь попереду за будку и

ледве не перекынувшы іи пидня лась и видкрыла публици: ногы Гонты, що чого-сь бувъ вернувся и теперь тикавъ за «лисъ».

«Прыставлення» почалось.

Гаркунъ, само собою, гравъ героя, Галина—героиню. То була выразна гра! Вы бачылы колы небудь, якъ гнивается чоловикъ? Вы скажете, що бачылы, а я вамъ скажу, що не бачылы. Для сёго треба подывытысь на добродія Гаркуна. Вы, мабуть, бачылы, якъ чоловикъ почервоніе, зробыть якый небудь рухъ рукамы, пидниме, може, хутко голову, словомъ—бачылы гнивъ звычайного чоловика. Э, такъ то—дурныця! Тутъ, уперше, сердывся дуже палкый и добродійный герой Мыронъ, а удруге, гравъ ёго самъ Гаркунъ-Задунайськый. Мене винъ, видома ричъ, и не слухавъ, гравъ, якъ и самъ казавъ, «по вдохновенію». И то жъ такы гра була! Голосъ ёго лунавъ, якъ ревъ здоровенного вола, що почувъ кровъ; очи, пидмазани сажою, весь часъ гризно свитылыся, крутылыся и ось-ось малы выскочыть, а зъ ногамы робылось таке, що я гадавъ, чы не корчи вхопылы славного, палкого артысту. Куды тамъ тому Гонти, хоча й винъ досыть голосно торохкотивъ свою ролю, куды Петренкови зъ ёго тыхымъ голосомъ и звычайнымы рухамы! Одна тилькы добродійка Галина й ривнялась зъ нымъ, але й то не могла такъ выгукнуть, якъ винъ, не могла зъ такымъ запаломъ ляснуть себе долонею по лоби, щобъ ажъ луна пишла по садку, не могла крутнуть такъ вылупленымы баньками, щобъ у васъ ажъ морозъ пишовъ по-за шкурою. Я тишывся, подаючы иноди слова Галиній, або Петренкови. Шкода тилькы, що я багато втратывъ черезъ те, що мусывъ ажъ крычаты зъ будкы, бо одынъ тилькы Гонта й знавъ свою ролю. Вже мени й гукалы зъ публикы «тише, суфлёръ»!!, вже якый-сь добродій зъ галереи вылаявъ мене досыть выразно, пообицявшы «каминюкою затулыть мени горлянку», а я тилькы думавъ про себе: «не вѣдаютъ бо, что творятъ» и постановывъ хочъ бы й постраждать за правду. А до того ще комари, корыстуючысь зъ того, що мени нiякъ було й поворухнутысь, щобъ будка не заворушылась за кожнымъ моимъ рухомъ, пылы мою кровъ, скилькы сами вже хотилы. Лыце й шыя мои ажъ пашилы видъ ихъ по-

цилункивъ, а я не вгававъ, бачучы передъ собою тилькы перелякани лыця артыстивъ, що забувалы вже и про «интонацію и жесты», а чекалы, якъ манны, видъ мене сливъ,—одныхъ-однисенькыхъ сливъ, щобъ не було такыхъ довгыхъ паузъ.

И ось першій діи кинець. Я загасывъ одну свичку, подавъ Гаркунови ёго слова и загасывъ другу. То було ознакою, що зависа повынна була впасты й заховать видъ публикы и хату, и героивъ, и колодязь, якый перекынувъ въ запали́ Гаркунъ, и выпустыть мене изъ тисной халабудкы. Але зависа чого-сь не падала. И публика не знала, що ій робыты, чы плескаты вже, чы почекать ще: артысты повтикалы, а сцена показувала, що нибы ще не кинець. А сталося, бачыте, таке, що колы пиднялы дуже энергично завису, вона зачепылась тамъ за щось и, скилькы іи не шарпалы, ніякъ не хотила спадать. Прыйшлось добродію Гаркуну выголосыть передъ публикою, що се вже кинець и антрактъ буде десять хвылынъ, а зависа не пада «по непредвидѣнному стеченію грустныхъ обстоятельствъ, бывающихъ въ жизни э... э... каждаго человѣка». Почувшы се, я безъ церемоніи вылизъ изъ будкы и на очахъ всихъ прошмыгнувъ за кулисы.

Такъ скинчылась перша дія, скинчылась бы й друга, и третя, и може, усе скинчылося бъ добре, якъ бы не трапылось нове «непредвидѣнное стеченіе грустныхъ обстоятельствъ».

Почалась друга дія. Гаркуна вже не було (ёго заслано на Сахалинъ и винъ за кулисамы готувався повернутысь въ четвертій діи звидтиля, себъ-то: чиплявъ соби бороду, намазувався крейдою, бо зъ Сахалину вертаются блидымы, й переодягався зъ чумаркы у Гонтынъ пиджакъ). На сцени булы Галина, Петренкова, ще одна пани, Гонта и Зализнякъ. Я ажъ перерывався у будци, покручуючы тилькы головою на вси бокы видъ комаривъ, колы се... Але тутъ я мушу розсказать змистъ драмы.

Любляться соби, бачыте, двое пренепорочныхъ, страшенно добродійныхъ коханцивъ Маруся (Галина) та Грыцько (Гаркунъ). Люблятся воны вирно, честно, жывуть душа въ душу, ось-ось маютъ побратыся, колы жъ... не можна! Не дозволяе драма! Бо й справди такы: щобъ то була за украинська драма, якъ-бы кож-

ному, дозволялось женытысь. Марусю любыть ще Гаврыло (Петренко). Сей Гаврыло... Та вы знаете, якый се Гаврыло, ёго въ кожнiй украинськiй драми можна бачыть. Злый, ехидный, поганый, гыдкый... Але Грыцько ревнуе Марусю до ёго и разъ на вечерныцяхъ убывае Гаврыла. Заразъ же прыходыть урядныкъ и забирае Грыцька на Сахалинъ. Але винъ въ четвертiй дiи тикае звидтиль и прыходыть до Маруси. А Маруся вже выйшла замижъ за Максыма (Гонту). Грыцько, видома ричъ, сердытся и вбывае Максыма, а колы Маруся хоче оступытысь за ёго то й iи. Тутъ зновъ прыходыть урядныкъ и I, II, и III чоловикы и хочуть забрать зновъ Грыцька на Сахалинъ, але винъ зъ реготомъ выпывае отруты и, дрыкгаючы ногамы, умирае биля Маруси. Урядныкъ зъ чоловикамы стають на колина и молятся Богу. Сымъ кинчается драма.

И отъ у другiй дiи, колы Маруся зъ роспущеною косою, зъ соломою въ волосси, блида, якъ крейда, и зъ здоровенными сынякамы пидъ очамы (видъ горя за Грыцькомъ, певна ричъ) колы, кажу, Маруся, повынна всю дiю плакать не вгаваючы, трапляется се «непредвидѣнное стеченiе грустныхъ обстоятельствъ». Вже пройшло зъ половыну дiи. Уже Маруся проспивала Шевченкове «Колы розлучаются двое» (музыка Лисенка цина 30 к.), уже й наготовылась спиваты «Мы заспивалы, розiйшлысь», гарненько утершы слёзы, колы се... двери розчыняются и на сцени зъявляется тилькы що засланый на Сахалинъ патлатый, весь у крейди, бородатый, въ Гонтыному пиджаци, обшарпаный Грыцько (Гаркунъ). Видъ такои несподиванкы мы вси наче покамъянилы. Та де жъ! Тутъ ще Маруся повынна плакать та й ще плакать, Максымъ повыненъ iи розважаты, повыненъ сватать iи, вона повынна падать ёму на груды и дякувать за се, а въ третiй дiи вона повынна усе говорыты, що ся зрада iй такъ не мынется, а Максымъ зновъ мусыть розважаты iи. И на жъ тоби: Грыцько! Що ёго було робыты? Радиты? Колы жъ дуже рано повернувся винъ, та й по драми зовсимъ радиты не прыходытся. Жахатысь? Колы жъ Маруся ще не выйшла замижъ за Максыма, ще навить той

и не сватався. Схопыть и запровадыть ёго зновъ на Сахалинъ? Тежъ якось ніяково, та й жалко все-такы; а до того ще жъ нема ни урядныка, ни чоловикивъ, яки саме й заправляють сымъ. Мовчать и дывытысь на ёго? передъ публикою якось не прыходытся. Настало дуже трагычне мовчання. Грыцько почавъ було щось говорыты, але очевыдячкы зрозумившы й самъ, що тутъ щось непевне, замовкъ и тилькы подывлявся на вси бокы. Мы тежъ мовчалы й почувалы зъ страхомъ и жалемъ, що се вже кинець драмы, що пропадають и третя й четверта діи. И дуже намъ жаль ихъ було.

— Марусю!.. голубко..., я утикъ изъ... Сахалыну.. до тебе... Я... я... ты... ты...—почавъ було зновъ Гаркунъ и замовкъ.—

И хоча винъ не сказавъ сымъ ничого нового намъ, але се насъ наче збудыло. Я почавъ що-сь суфлировать, Маруся чогось впала на вколишкы й почала благать Царыцю небесну, а Максымъ, схопывшы Грыцька за груды, заговорывъ до ёго щось по російськы на пивъ зъ украинськымъ. Не знаю, чымъ бы скинчылась ся драматычна сцена, якъ бы не загула, не затарахкотила зависа и не заховала насъ видъ публикы, що ничого не розуміючы, слухала насъ и почала вже реготатысь.

И тоди тилькы кожный зъ насъ запытавъ, чого се Гаркуну-Задунайському прыйшло бажання такъ рано утикты зъ Сахалыну и тымъ скоротыть такъ нашу драму. Колы я, выбравшысь изъ будкы, прыбигъ зъ сымъ пытаннямъ за кулисы, я заставъ тамъ таку сцену. Середъ уборнои червоный навить кризь крейду, зъ парыкомъ, що злизъ на одне вухо, безъ Гонтыного пиджака, стоявъ Гаркунъ и гризно насовувався на Петренка.

— Вы знаете, щò вы наробылы?!—гукнувъ винъ, махаючы кулакомъ пидъ самымъ носомъ несчасного Павла.—Вы знаете, що вы мени весь эффектъ спортылы?! Вы знаете, що вы мене оскандалылы?! Хто васъ просывъ выпыхать мене изъ хаты? Хто? Хто?

— Я не выпыхавъ, я...

— Мовчать! Вы ще врать хочете!.. Тутъ весь драматизмъ, тутъ эффектъ въ цій сцени...

— Але жъ... почекайте!—вмишався я,—здывовано,—вы жъ не въ тій діи зъявылысь. Вамъ треба въ третій... у лиси... Якый же тутъ эффектъ?

— Якый? якый?—гризно повернувся винъ до мене.—Такый эффектъ, що плювать мени на вси ти діи!.. Я ошыбся... Да! Усякъ може ошыбыться... Але це—пустякъ! Ти діи можна выкынуть, и драма одъ того не теряе... Да! А вы не далы мени сказать монолога, вы убылы роскошную сцену... Да! Теперъ скандалъ! Скандалъ на весь городъ! Осоромылы вы мене! О!.. Хто спустывъ занависъ?

— Я думавъ, що...—почавъ було Гонта, але заразъ же спынывся.

— Хто васъ просывъ? Хто васъ просывъ? Га? Яке вы малы право думать? Яке вы малы право спускать занависъ? Га? Ни! Я бильше зъ такымы актёрамы грать не хочу! Зъ сапожныкамы зъ пысарчукамы, зъ якою-сь сволоччю... Годи! Я не хочу страмыться! Я не хочу, щобъ мени портылы гру!

— Та вы жъ сами вынни!—не втерпивъ я, ажъ скрыкнувшы зъ дыва.—Вы жъ сами зъявылысь тоди, якъ...

— Я?—гукнувъ Гаркунъ—Я выненъ? Хо-хо-хо-хо! Ще я й выненъ?.. Ха-ха-ха-ха!.. О, ни! Ни, годи, годи!.. Скажить публици, що представлення дальше не буде... Завтра я выйизжаю... Я не можу! Я не можу зъ такымы партачамы! Такъ я, по вашому, выненъ? Я? Вы понимаете, що вы говорыте? Вы абсолютно увѣрены, що вы говорыте?

— Та вже жъ...

— Ха-ха-ха-хо-хо-хо!!

Я схопывъ зъ килка свою шапку и мовчкы выскочывъ зъ «уборнои». По дорижкахъ сада, регочучысь и голосно балакаючы зъ прыводу «непредвидѣннаго обстоятельства», купчылась публика и збиралась до-дому. Зъ деревъ злазылы «безпаспортни» и, не розуміючы, розпытувалысь одне у другого, чого такъ хутко скинчылось «прыставлення». Зъ театру чувся крыкъ и галасъ.

Другого дня надъ-вечиръ, сыдячы биля викна й любуючы зъ празныковыхъ сукень жыдивокъ, що гулялы парамы по сере-

дыни вулыци я почувъ щось мени знаёме. Прыслухавшысь, я заразъ розибравъ дзвинъ балабайкы и голосъ Гонты, що наспивувавъ «народню» писню:

«Заходю я въ Вѣнскую,
Садюсь я за столъ,
Скыдáю хуражку,
Кы́даю на полъ;
Спрашуваю мылу:
«А що будешъ пыть»?
Вона жъ отвичаить:
—«Голова болыть».
—«Я жъ тибе не спрашую,
Що въ тибе болыть,
А я тибе спрашую,
Що ты будешъ пыть.
Ахъ чы пыво, ахъ, чы выно,
Ахъ, чы фыялку, ахъ, чы ничево»?

И заразъ же биля мого викна зъявылася «компанія невелычка, але чесна», се-бъ-то: Гаркунъ-Задунайськый, ёго жинка, дви пани въ якыхъ-сь надзвычайныхъ капелюшахъ и сукняхъ, що лопотилы, якъ лыстове зализо, Гонта, Зализнякъ и ще якыхсь два невидомыхъ мени добродія. «Кумпанія» наблыжалась весело й гучно, пиддержуючы одне одного за станъ та иноди любенько обнимаючысь и цилуючысь.

Поривнявшысь зъ моимъ викномъ и зобачывшы мене, воны на хвылыну зупынылысь и якъ хто мигъ, прывиталысь до мене.

— Зъ понедилкомъ и... Будьте здорови!—гукнувъ весело Гаркунъ,—якъ здоровьячко?

Я подякувавъ и виддавъ имъ на добрыдень. Черезъ хвылыну въ корыдори затупотило, загуло и стало зныкать въ номери, якъ разъ проты мого. Тамъ, якъ я потимъ довидався, жылы Гонта зъ Зализнякомъ.

«Чай пыла, булкы ѣла,
Позабыла зъ кымъ сыдѣла»...

Заразъ же почувся голосный спивъ веселого Гонты, а за нымъ гучный голосъ Гаркуна-Задунайського:

— Лейзеръ! Лейзеръ!

Щось дрибно затупотило и спынылось биля Гонтыного номера.

— Полкварты водкы, 2 фунта ковбасы, дюжыну пыва, и 3 фунта хлѣба! Моментально!

И за сымъ я почувъ стукъ до себе въ двери.

— Можна!—гукнувъ я.

Двери розчынылысь, и въ кимнату увійшовъ Гаркунъ-Задунайськый. Мовчкы й поважно пидійшовшы до мене, винъ протягнувъ мени руку, шарпнувъ мою и мовчкы зупынывся биля мене. Очи ёму булы ще мутнищи, нисъ ще червонищый, губы прыпухлы трохы.

— Прошу сидать,—повивъ я рукою на стилець.

— Бла-го-да-рю, но... не могу!

И зновъ мовчкы зупынывъ на мени свій мутный поглядъ. Я проты воли злегка усмихнувся.

— Смишно? Да?—якось глухо промовывъ винъ.—Моя фигура возбуждаетъ смѣхъ у иныхъ? Да?

— Боже бороны, що вы?

— Смійтесь, смійтесь!—сумно махнувъ винъ рукою.—Я достоинъ! Да!.. Судьба сміется зъ мене, смійтьесь и вы! Я пасынокъ судьбы...

«Очень домы, очень лестны,
Подъ решоточкой залѣзпой,
Тамъ Маша жывёть,
Та-а-мъ Маша-а-а жывёть»!!

вырвалось вмыть зъ номера и луною розійшлося по «Малороссіи».

На Гаркуна нибы хтось вылывъ видро жывущои воды: винъ стрепенувся, мацнувъ рукою по лыци и жыво промовывъ:

— Мылостивый гасударь... э... э... господинъ... э... выбачайте... словомъ, прошу васъ до насъ на чашку... э... чаю. Надѣюсь?.. Отказъ вашъ убъе мене... Пожалуста!

Винъ пидставывъ мени бублыкомъ руку и попробувавъ навить прывитно усмихнутысь.

Мене кынуло въ холодъ. Пробурмотившы щось про велыку свою подяку за честь и ще щось, я попрохавъ выбачыть мени, що не можу ніякъ погулять зъ нымы, бо маю дуже нагальну й велыку роботу.

— Пренебрегаете?—выпроставсь винъ гордо.—Мы до васъ не пиднялысь? Мы нызько плаваемъ? О! Да! Мы зъ выщымъ образованіемъ, студентъ! Ха-ха-ха!.. Ну, знаете що? плюньте! Часокъ посыдыте и... свободны... Абсолютно свободны! Га?.. Вы не безпокойтесь, тамъ усе свои, товарыши... Моя супруга, дви дамы, артысты... Выпьемъ, закусымъ, заспиваемъ... Пожалуста!..

— Шановный добродію, я бъ зъ велыкою охотою...

— Въ такому рази, извыните... До свиданія... Выбачайте!

Винъ уклонывся и злегка похытуючысь, поважно выйшовъ зъ кимнаты. Я заперъ за нымъ двери и, трохы заспокоеный, зновъ сивъ биля викна и ставъ дывытысь на вулыцю. Въ номери Гонты трохы затыхло, потимъ зновъ залунала пьяна писня й зачувся дзвинъ балабайкы. Я вже зовсимъ бувъ заспокоився, колы се у двери зновъ хтось постукавъ.

— Извините, я ще разъ до васъ...—промовывъ Гаркунъ, колы я одчынывъ двери, и просунувсь до мене въ кимнату.— Извыните... Все... э... общество, мои, значыть, товарыши и супруга... просять васъ... Не я... Не я... прошу. Я—пустякъ. Супруга и товарыши... Стаканъ пывця.

Я зновъ подякувавъ и супрузи, й товарышамъ, але... зновъ одмовывся.

— Та-а-къ-съ!—промовывъ винъ,—но може на пивчаса можна? Га?.. Стаканчыкъ пыва... закусочкы... У насъ просто... Простоту люблю... Дамы тоже прости... Може вы стисняетесь? Дакъ зъ нымы можна... всё... И объятія, и... Гименей, и Амуръ, и Психея... ну, словомъ, якъ я зъ супругой, такъ и вы зъ нымы... Пожалуста... Просять вси...

Але я, не вважаючы навить на таку простоту, все-такы не одважывся питы до ныхъ.

— Ну, извыните...—зновъ уклонывся винъ и тыхо выйшовъ зъ кимнаты. Я зновъ сивъ биля викна. Але не вспивъ ще гарно вмостытысь, якъ зновъ застукало въ двери.

— Извыните, я ще разъ... Одну мынутку...—Зъявывся въ дверяхъ Гаркунъ зъ пляшкою пыва въ однiй руци и цыгаркою въ другiй.—«Еще одно послѣднее сказаніе»... Може вы роздумалы?.. Дамы просять васъ... Только дамы!.. И обищають вамъ мылліоны поцилуивъ... Мылостивый государь!.. Если вы не пойдёте, вы— мнѣ не другъ! Абсолютно!.. Пожалуста!..

— Высокоповажный добродію!—розвивъ я рукамы.—Мене прямо дывуе таке... якъ бы вамъ сказать...

— Нахальство?—пидхопывъ винъ и зареготався.—Вы не стисняйтесь... Гаркунъ-Задунайськый выще цёго... Гаркуна-Задунайського трудно... э... Я васъ ще разъ прошу... Не хочете? Въ послѣднiй разъ: не хочете?..

— Добродію!..

— Ну, такъ плювать мени на васъ! Отъ-що!.. Задавака и бильше ничого!.. Суфлеръ несчасный!.. Наплювать и растереть... О!

Винъ плюнувъ, ростеръ навить и гордо выйшовъ зъ номера, грюкнувшы дверыма.

Довго ще потимъ въ корыдори тупалы ногы Лейзера, довго чулысь писни, крыкы, жиночый, пьяный пыскъ и регитъ, довго дзвенила балабайка пидъ спивъ Гонты:

«Тры аршыны сапогыщи,
На выпуску голяныщи,
Бальшой генералъ,
Ба-а-а-льшой гене-ралъ»!!

Довго гуляла трупа, але Гаркунъ-Задунайськый бильше не прыходывъ.

Я хутко писля того диставъ спроможнисть выйихать зъ N. и вже ни трупы, ни антрепренера іи Гаркуна-Задунайського бильше не бачывъ.

В. Винниченко.

Д. В. Марковичъ.

Дмитрій Васильевичъ Марковичъ [1]) родился въ Полтавѣ 26-го октября 1848 года; дѣтство свое онъ провелъ въ селѣ черниговской губерніи; среднее образованіе получилъ въ гимназіи сперва въ Новгородѣ-Сѣверскѣ, а затѣмъ въ Вологдѣ, куда переѣхала семья его отца въ 1862 году. На дальнемъ сѣверѣ, куда судьба забросила Марковича, прошли его ученическіе годы. Счастливое стеченіе обстоятельствъ способствовало правильному умственному развитію мальчика, его идейному воспитанію. Отецъ Марковича былъ человѣкъ образованный и умный; въ его домѣ часто собирались люди, которые интересовались литературой, слѣдили за пробуждавшимся умственнымъ движеніемъ, вообще жили дѣйствительно интеллигентной жизнью. Всѣхъ ихъ свело вмѣстѣ одинаковое міровоззрѣніе, объединила искренняя любовь къ родному народу, стремленіе облегчить горькую долю убогаго брата-селя-

[1]) Литература:—1) Д. Марковичъ. Замѣтки и воспоминанія объ Афанасіи Васильевичѣ Марковичѣ. Кіевская Старина, 1893, IV, 50—77;—2) Дмытро Марковычъ. Зъ давнёго мынулого. Літературно-Науковий Вістник, 1901, IX;—3) С. Н. «Д. Марковичъ. По степамъ та хуторамъ»: рецензія. Кіевская Старина, 1899, VII, 20—23;—4) Б. Гринченко. Нѣсколько дополненій къ статьѣ Франка объ украинской литературѣ. Кіевская Старина, 1902, III, 169—171;—5) Наша статья: «Дмытро Марковычъ», Літературно-Науковий Вістник, 1902, VIII, 54—75.

нина, рѣшимость посвятить способности и молодыя силы служенію родинѣ,—надъ ними въ обаяніи юной свѣжести носились свѣтлыя идеи 60-хъ годовъ, блестящія надежды на лучшее будущее, нетерпѣливыя ожиданія разсвѣта... «Все се мало велыкый и благодійный вплывъ на молоди души и головы насъ, сынивъ крипацького вику»,—говоритъ самъ Марковичъ [1]). Непосредственное знакомство въ раннемъ дѣтствѣ съ ненормальностями крѣпостничества заставляло М-ча еще тогда задумываться, будило сознательное отношеніе къ народу [2]).

Въ это время, благодаря тѣмъ мыслямъ, которыя высказывались въ обществѣ, окружавшемъ его отца, пробудилось впервые у Марковича національное самосознаніе, развилась любовь къ литературѣ, сыгравшая впослѣдствіи немаловажную роль въ пробужденіи склонности къ писательской дѣятельности. Почва для этого въ значительной степени была подготовлена впечатлѣніями ранняго дѣтства, проведеннаго на родинѣ, и, главнымъ образомъ, вліяніемъ его «дядька» Афанасія Васильевича, подъ сильнымъ, хотя и спорадическимъ, воздѣйствіемъ котораго складывалось міросозерцаніе М-ча [3]). Среди людей, часто бывавшихъ въ домѣ Марковичей, мы встрѣчаемъ и покойнаго А. Я. Конисскаго, который жилъ даже нѣкоторое время въ ихъ семьѣ: близкое знакомство съ нимъ было очень полезно для молодого человѣка. Дружескія отношенія, задушевныя бесѣды почившаго писателя съ мальчикомъ оставили глубокій слѣдъ во всей его жизни. «Перши гыскры свидомои любови до ридного краю,—пишетъ онъ въ вышеупомянутой статьѣ,—розвынулысь пидъ ёго вплывомъ; завдякы ёму, я николы не забувавъ про свій наридъ, жывъ зъ нымъ, учывся у ёго; а що мигъ, и якъ мигъ, переказувавъ громади у своихъ маленькыхъ оповиданняхъ».

---

[1]) «Зъ давнёго мынулого».

[2]) Д. Марковичъ. Замѣтки и воспоминанія объ Афанасіѣ Васильевичѣ Марковичѣ (Кіевская Старина, 1893, IV, 50—77).

[3]) Ibidem. Вообще въ этой замѣткѣ мы находимъ нѣсколько весьма цѣнныхъ подробностей, уясняющихъ обстоятельства, вліянія на выроботку опредѣляемаго міровоззрѣнія у молодого М-ча.

Преждевременная смерть отца (1865 г.) была тяжкой утратой для 17-тилѣтняго юноши, которому пришлось испытать много лишеній. Поддержкой М-чу въ тяжелыя минуты его молодости быть пок. Аф. Вас.; благодаря ему, юношѣ удалось пробить дорогу къ продолженію образованія [1]). Высшее образованіе М-чъ получилъ въ Новороссійскомъ университетѣ, по юридическому факультету. Съ того времени нашъ писатель уже не покидалъ Украины. Еще на студенческой скамьѣ началъ онъ свою литературную дѣятельность, но сперва пишетъ на русскомъ языкѣ: «Туракъ»—разсказъ въ «Еженедѣльномъ новомъ времени» (1877), «Маленькое недоразумѣніе»—въ «Пчелкѣ» (1880), «Иванъ изъ Буджака»—въ «Словѣ» (1885). Мы уже отчасти видали, подъ какими вліяніями росло и крѣпло въ душѣ М-ча чувство любви къ забытому родному слову, но намъ неизвѣстно, что именно заставило его избрать нелегкій путь украинскаго писателя; хотя тутъ, безъ сомнѣнія, обнаружились благодѣтельныя послѣдствія давняго знакомства съ А. Я. Конисскимъ, слова котораго: «И завше пышить те, що бачылы, що чулы: пышить такъ, якъ говорыте», сдѣлались для М-ча девизомъ его литературнаго творчества. «И я пысавъ завше,—говоритъ онъ самъ,—памятуючы завитъ Олександра Яковлевыча, такъ, якъ я говорывъ, але я ще додавъ до сёго: я пышу не тилькы такъ, якъ говорю, але й якъ видчуваю и якъ думаю» [2]). Хотя мы, такимъ образомъ, вслѣдствіе неполноты имѣющагося у насъ подъ рукой фактическаго матеріала, и должны отказаться отъ полнаго выясненія генезиса творчества нашего писателя, тѣмъ не менѣе вышеприведенныя слова М-ча, свидѣтельствуя о непосредственномъ вліяніи на него идей покойнаго А. Я. Конисскаго, проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ. Къ этому можемъ еще добавить, что ближайшимъ стимуломъ литературной дѣятельности М-ча, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, было непосредственное знакомство съ народной жизнью. Какъ бы то ни было, въ 1883 году онъ пишетъ уже по-укра-

[1]) Ibidem.

[2]) «Зъ давнёго мынулого».

ински разсказъ «Невдалыця», которымъ и выступаетъ на поприще нашей письменности. Этотъ разсказъ впервые напечатанъ въ «Зори» за 1890 годъ. Въ 1886 году, живя въ Херсонѣ, М-чъ редактировалъ и вмѣстѣ со своей женой издалъ литературный сборникъ «Степъ», гдѣ, между прочимъ, были напечатаны по-украински слѣдующіе его разсказы: «Два платочкы» «Шматокъ», «Омелько Каторжный»; въ 1891 г. вышелъ его разсказъ «У наймы», а въ «Зори» за 1894 годъ напечатана комедія «Не зрозумилы» (псевд. Оленинъ). По-русски М-чъ писалъ въ «Кіевской Старинѣ», «Русскомъ богатствѣ» («Бразиліане»—въ 1896 году) и другихъ изданіяхъ. Часть украинскихъ произведеній его вышла въ свѣтъ въ Москвѣ сборникомъ «По степамъ та хуторамъ», заключающимъ пять «оповиданнь слидователя» («Иванъ зъ Буджака», «На вовчому хутори», «У наймы», «Винъ прысягавъ», «Невдалыця») и комедію «Не зрозумилы».

Служба по судебнымъ учрежденіямъ, преимущественно въ степной Украинѣ, представила М-чу возможность ближе познакомиться съ нашимъ селомъ, внимательнѣе присмотрѣться къ его современному положенію, узнать его горе: такимъ образомъ, онъ пріобрѣлъ цѣнный матеріалъ для своихъ «оповиданнь», среди которыхъ одни даютъ намъ невеселыя картинки сѣраго сельскаго быта, другія рисуютъ жизнь совершенно особенную и оригинальную—въ степяхъ, иныя же, наконецъ, знакомятъ съ психологіей нѣкоторыхъ представителей міра «униженныхъ и оскорбленныхъ».

Выяснивши по мѣрѣ возможности генезизъ разсказовъ М-ча, мы, чтобы ближе ознакомиться съ литературной физіономіей нашего автора, бросимъ взглядъ на современное положеніе украинскаго села, какъ оно опредѣлилось въ его произведеніяхъ, а затѣмъ перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ сторонъ его творчества.

Разсказы М-ча—это по большей части картины народнаго горя, въ яркихъ краскахъ рисующія тяжелое положеніе нашего села; главная тема ихъ—неблагопріятныя соціально-экономическія и моральныя условія современной жизни нашего народа. Среди нихъ первое мѣсто по справедливости принадлежитъ эко-

номической несостоятельности крестьянства, его зависимости въ этомъ отношеніи отъ другихъ слоевъ общества. Очень часто эти элементы, чуждые селу, подчасъ ничѣмъ съ нимъ не связанные, кромѣ личной выгоды, несмотря на то, что они извлекаютъ пользу изъ работъ убогого «селянина-наймыта», полагаютъ его потъ и кровь въ основаніе своего благосостоянія,—въ тяжелыхъ обстоятельствахъ отказываютъ ему въ поддержкѣ. Въ случаѣ неожиданнаго несчастья—напримѣръ, голода, во время которого особенно даетъ себя чувствовать потребность въ помощи, когда единственная надежда «на заробитки або наймы», хозяинъ не считаетъ своимъ долгомъ хотя бы прокормить тѣхъ, отъ кого онъ требовалъ и усердной работы, и честности по отношенію хозяина, и обереганія хозяйскаго имущества, какъ собственнаго, и выгоняетъ на зиму... «Робывъ, робывъ, а проты зимы взялы тай прогналы. За що це, за що це воны таке роблять»,—съ горечью спрашиваетъ Ганна своего сына Степана, пришедшаго домой («У наймы»). Но при всей несправедливости отношеній къ работнику, люди принуждены—«йты въ наймы»,—ихъ гонитъ туда нужда; тамъ есть возможность заработать небольшія деньги. «А на те жъ воны й гроши, щобъ усе куповать: и працю людську, й сылу, й волю»... («Шматокъ»).

Изъ этой зависимости вытекаетъ эксплоатація народныхъ силъ, проявляющаяся въ очень разнообразныхъ формахъ. Человѣкъ для «хозяина»—это лишь пара рабочихъ рукъ, автоматъ, отъ котораго онъ требуетъ извѣстной работы, не желая даже полюбопытствовать, хватитъ ли у него силы выполнить задачу. Хозяину нѣтъ дѣла до того, что «наймытъ»—иногда почти ребенокъ—вслѣдствіе болѣзни не имѣетъ физической возможности работать; какъ автоматъ, «наймытъ», конечно, не имѣетъ права и болѣть, хоть подчасъ довольно мудрено не простудиться человѣку, одѣтому глубокой непастной осенью лишь въ полотняные штаны и рваную свитку, какъ вотъ «пидпасычъ» Иванъ Вильный («Шматокъ»); едва ли слѣдуетъ упоминать, что чуткому къ своимъ интересамъ хозяйскому сердцу гораздо ближе и дороже сохранность своего имущества, деньги и выгода, чѣмъ здоровье и даже

жизнь какого-то «паймыта»: опасный для хозяина «шматка»,—вѣрнѣе, для его кармана,—день прошелъ «благополушно»; пропало лишь нѣсколько овецъ, а смерть убогого больного «пидпасыча» не принимается въ разсчетъ. Въ самомъ дѣлѣ—«шматокъ вартъ 12 тысячъ карбованцивъ»—развѣ можно панскому атагасу «кынуты шматокъ шпанкы та дывытысь за хлопцемъ». Невольно возникаетъ вопросъ,—кто же виноватъ въ этой страшной (и въ безчисленномъ множествѣ не менѣе тяжелыхъ, но никому не вѣдомыхъ драмъ), голодной смерти обезсилѣвшаго «пидпасыча»? Намъ кажется, что помимо печальныхъ обстоятельствъ здѣсь въ значительной мѣрѣ сказались неумолимыя послѣдствія эксплоатаціи. А быть можетъ, нѣсколько виноватъ и господинъ хозяинъ, спокойно «кушающій чай» въ то время, какъ замерзаетъ бѣдный мальчикъ?—Ту же эксплоатацію видѣли мы уже раньше въ разсказѣ «У наймы». Наконецъ, не жертва ли этого же «здырства», пользованія чужой работой почти даромъ—и Иванъ изъ Буджака, трудившійся цѣлую жизнь свою «за два чы тры карбованци на рикъ» и не могшій выпросить у приказчика тридцати копѣекъ?

Вотъ передъ нами и другое зло—быть можетъ и болѣе опасное и болѣе могущественное—кулачество. Мало-по-малу охватываетъ оно цѣлыя села, душитъ ихъ въ своихъ крѣпкихъ тискахъ, разоряетъ въ конецъ крестьянское хозяйство, уничтожаетъ благосостояніе. Достаточно нѣсколькихъ лѣтъ хозяйничанья подобнаго господина—и въ нѣкогда зажиточномъ селѣ почти нищіе. Неумолимая сила печально сложившихся историческихъ обстоятельствъ поставила еврейство, лишенное другого выхода, въ тяжелую необходимость отдать всѣ свои силы торговлѣ и вообще финансовой дѣятельности, уже по самому существу способствующей развитію стремленія къ наживѣ и другихъ несимпатичныхъ качествъ. Это все имѣло свое вліяніе на еврейство, выработавшее изъ своей среды распространенный типъ сельскаго кулака. Въ разсказахъ М-ча мы находимъ довольно рельефно обрисованную фигуру еврея-кулака. Панъ Лейба («Невдалыця»), Гершко («Винъ прысягавъ») ссужаютъ людямъ деньги, но берутъ за нихъ очень большой процентъ. «Гершко бере за два карбованци пивтора, а черезъ

два або тры рокы выходыть, що вынепъ ёму ще рублив 15. Дывно, якось се выходыть у Гершка. Звычайно, письменный чоловикъ може бъ и зрозумивъ, а прости люде бачуть тилькы, що платять тай платять и кинця нема». Но онъ даетъ ссуды только подъ закладъ,—это непремѣнное условіе,—къ тому же приносимыя къ нему вещи оцѣниваетъ очень низко, а если есть возможность, не гнушается и обманомъ: здѣсь обыкновенно видную роль играетъ водка и лесть. Мягкое униженное обращеніе съ людьми, которымъ водка уже вскружила голову, облегчаетъ ему грабежъ селянъ. Отвратительная сцена мошеннической операціи съ кожухомъ несчастнаго Панаса—печальная картина дѣйствительности. Сколько горькой правды въ словахъ обманутаго Панаса, которому «здавалося, що все горе видъ Лейбы, що винъ повыненъ за все одвитъ даты. Видъ Лейбы ёго биднисть. Лейба грабуе; вся неправда видъ Лейбы, видъ ёго жъ усе шахрайство». Можно ли обвинять селянина за то, что «непросвитній слабый розумъ бачывъ тилькы въ Лейби все зло»? И въ самомъ дѣлѣ, куда онъ ни глянетъ, о чемъ ни вспомнитъ,—вездѣ видитъ тяжкія слѣды хозяйничанья кулака: «Де жъ ёго воды? Чы не жыды продалы? Жыдъ Лейба забравъ. Хто знущается надъ людьмы? Чы не жыды? Воны... А кожухъ де? У Лейбы». Власть евреевъ даетъ себя чувствовать не только на селѣ, но и въ мѣстечкѣ; господство ихъ простирается и на торговлю. Безъ посредничества еврея крестьянинъ не имѣетъ возможности сбыть продукты своего хозяйства; еврей и дастъ ему дешевле, а то и обманетъ. Селянинъ привыкъ къ этому, терпитъ молча; еврейское мошенничество обыкновенно его даже не удивляетъ: «на те винъ и жыдъ, щобъ обманывъ»; но все же, болѣзненно чувствуя на себѣ самомъ сомнительнаго свойства финансовыя операціи кулака,—онъ иногда возмущается. Вотъ хотя бы Панасъ Музыка, когда его обманули евреи, купившіе у него буряки за четверть цѣны: «Що жъ хиба на то правда? Що жъ я наймытъ жыдамъ? И де у мене була голова, що я не бачывъ сёго? Що жъ се таке? Де жъ правда? Немае: шахрайство и годи»... Въ неравной борьбѣ съ этимъ кулачествомъ и грабежомъ падаетъ обезсиленнымъ нашъ народъ.

Не слѣдуетъ забывать, однако, что кулачество со всѣми его характерными свойствами не является исключительной принадлежностью еврейства. Кулаки свои нисколько не лучше. («Винъ прысягавъ»). Явленіе печальное, но къ сожалѣнію, очень распространенное въ наше время. Кулакъ изъ своихъ людей, крестьянъ, въ сравненіи съ евреемъ имѣетъ многія отличительныя черты. Въ то время, какъ еврей,—мы это видѣли уже выше,—обманывая, мошенничая, обыкновенно обращается со своими кліентами мягко, любезно и льстиво, Мусіенко, новый и очень характерный типъ,—человѣкъ суровый и жестокій. «Нехай, каже, мруть, колы нема хлиба. То брехня: не мерлы й не вмруть. А якъ берешъ, то треба виддаваты». И нѣтъ человѣка, отъ котораго бы Мусіенко не добился своего, не получилъ обратно своихъ денегъ: и баба Горпына, которая цѣлую жизнь свою судилась, и всѣмъ извѣстный «злодій» Саврадымъ—возвращали ему долги. Этого онъ достигалъ своей неодолимой энергіей, безразличіемъ къ окружающему его человѣческому горю; здѣсь снова рельефно оттѣняется разница между нимъ и евреемъ. «Гершко не тисныть: йе гроши—бере, а ни—винъ пидожде, тилькы процентъ кладе велыкый. А Мусіенко ни за яки гроши не видкладе, а прыйде и свое здере: доты не выйде зъ хаты, покы свого не визьме. Слёзы, людске горе, за-для него все нищо, винъ не подывытся, що може чоловикови нема чого йисты,—визьме свое. Лаялы ёго, хтилы быты, а ёму все однаково,—бере гроши и кладе у кышеню». У крестьянъ, которыхъ нужда заставляла обращаться къ этимъ пьявкамъ за помощью, хотя и очень сомнительною, отказъ кулака въ ссудѣ еще болѣе вызывалъ возмущеніе, чѣмъ непомѣрно высокій процентъ. Вообще взглядъ народа на кулачество выразился въ словахъ «дида» Панаса: «Яки грихы (у Мусіенка)? Проценты—осе и грихъ, велыкый грихъ»!

Къ этому слѣдуетъ еще добавить для полноты картины подати и всякаго рода платежи, тяжкимъ бременемъ нависшіе надъ селяниномъ и еще болѣе ухудшающіе его положеніе. Сборы эти очень многочисленны и разнообразны, а подчасъ и нѣсколько миѳическаго характера, какъ видно изъ реестра ихъ въ разсказѣ

«Невдалыця»: «Складу й подушного пьять карбованцивъ; на волость три; та що личыты: на школу, на станъ, на сильську розправу, на волость, на кватырю урядныкови, на сильську почту, на памятныкъ, на кватырю, на розсыльного становому, въ управу за хлибъ»... Гнетъ этотъ еще болѣе увеличиваетъ волостное начальство—темное, необразованное, съ довольно своеобразнымъ понятіемъ о честности, которое относится къ крестьянамъ презрительно, съ высоты своего величія, иногда даже издѣвается надъ убогими людьми. Достаточно припомнить обращеніе головы и писаря съ больнымъ Сокальческимъ («Два платочкы»), тяжелую сцену отбиранія старостой съ сотскимъ за недоимки послѣдней рубашки у Панаса («Невдалыця»). Иногда же господа чиновники волостные—люди весьма недалекіе: они только и способны на то, чтобы съ пріятной компаніей сидѣть въ шинкѣ, а если прійдется къ дѣлу, какой-нибудь сотскій проявитъ и большую распорядительность и большія способности («Омелько Каторжный»). Но все это еще полъ бѣды,—самое жъ большее зло порядковъ волостныхъ это злоупотребленія. Сельскія власти предержащія—часто въ соглашеніи съ кулаками, и горе тогда убогому «хлиборобу»! Вотъ характерный образчикъ: «Отъ винъ (Панасъ) на роботи: багато дитей, хлопцивъ, жинокъ и де-килькы парубкивъ на гребли зъ лопатамы весною, у саму гарячу пору для оранкы.— «Чого жъ се такъ? Якъ же? Гребля жыдивська! Чому жъ зганявъ соцькый та голова? Хиба жъ по правди, хиба жъ то громадське дило, хиба то шляхъ?»—сказалы його думкы и винъ голосно промовывъ: «шахрайство»! («Невдалыця»).

Ближайшимъ послѣдствіемъ этихъ тяжкихъ условій—экономической зависимости, эксплуатаціи, кулачества, мошенничества и невозможныхъ порядковъ волостного управленія—и являются тѣ печальныя обстоятельства, среди которыхъ долженъ жить нашъ народъ. Немного нужно селянину,—потребности его очень ограничены, но все же по временамъ приходится ему ужъ очень тяжело: иногда не хватаетъ куска черстваго хлѣба, а «нема хлиба,—нема й счастя на сели» («Невдалыця»). Вотъ тогда то до боли

чувствительно отзывается необезпеченность отъ голода. «Голодъ у сели! Страшне слозо» («У наймы»). И передъ глазами читателя одна за другой встаютъ невеселыя картинки изъ жизни голодныхъ, истощенныхъ «хлиборобивъ, жизни пóлной трагизма и мало кому извѣстныхъ, но мучительныхъ страданій; разсказъ «У наймы» и есть въ самомъ дѣлѣ «образокъ зъ життя», изъ котораго можно видѣть убожество, нужду и недостатки, царящіе въ селѣ во время голода, когда на счету каждая горсть муки... Но и вообще нужда и бѣдность не покидаютъ сельской хаты, онѣ живутъ тамъ всегда; безъ нихъ нельзя представить себѣ убогой «хлиборобськой» семьи. Въ разсказахъ Марковича есть цѣлый рядъ яркихъ картинъ «злыднивъ». Мы уже видѣли жизнь во время голода бѣдной вдовы, у которой на «святый вечиръ» нѣтъ даже и кутьи («У наймы»); вспомнимъ Панаса Музыку съ его тяжелой непрестанной работой, у котораго, несмотря на то, иногда «нема» шкурынки черствои въ хати («Невдалыця»); присмотримся внимательнѣе къ тому, какъ живется бабѣ Ковалихѣ и Москалихѣ; которыми владѣетъ одна мысль: «абы на шматочокъ хлиба заробыты» («Два платочкы»); заглянемъ мы и въ хату несчастной Явдохы Злодіевой, жены Омелька Каторжного, которая должна работать сама и кормить еще трехъ дѣтей; — сведемъ все это въ одно—и тогда предъ нами предстанетъ въ своемъ грозномъ неумолимомъ величіи убожество—зло, обезсиливающее нашъ народъ.

Эта бѣдность, это горе и гонятъ его изъ родной хаты на заработки «въ наймы», на переселеніе, Богъ знаетъ куда, въ Бразилію (смотри по-русски: «Бразиліане»), гдѣ надѣется онъ тяжелой работой сколотить какую-нибудь копѣйку, чтобы хоть немного улучшить свое положеніе. Много горя приходится извѣдать, много лишеній претерпѣть человѣку, въ особенности же молодому, почти мальчику—«въ наймахъ» (мы уже выше старались отмѣтить отношеніе хозяина къ работнику); хотя бы, напримѣръ, Степанъ, что «нужа ёго зайидала, сорочкы немае, шматочкы покаляни замисть неи» («У наймы»), или Иванъ Вильный, который въ глубокую осень, въ непогоду долженъ былъ цѣлый день работать голодный «въ полотняныхъ штанахъ та латаній

свытыни» («Шматокъ»). Какъ ни тяжело и горько работать «въ наймахъ», все же подчасъ здѣсь единственное спасеніе отъ голодной смерти, но иногда и найти работу не легко. Бѣдность и голодъ вызываютъ конкуренцію, уменьшаютъ возможность наняться и заработать, понуждаютъ работать за одинъ «харчъ»; жертвой этой конкуренціи сдѣлался и Степанъ, котораго разсчитали на зиму, «бо на ярмарку у Каховци полтавци поставалы дешевше» («У наймы»).

Въ непосредственной связи съ этими неблагопріятными условіями, этимъ убожествомъ, тяжелой работой стоитъ новое горе народное—пьянство, которое въ конецъ разрушаетъ благосостояніе и хозяйство нашего крестьянина, но за то оказываетъ немаловажную услугу кулакамъ—евреямъ. Печальныя послѣдствія пьянства ясно видны хотя бы на Панасѣ Музыкѣ («Невдалыця») и Сокальческомъ («Два платочкы»). Панасъ—человѣкъ вообще не пьющій, но не откажется отъ рюмки водки, которая и была причиной ухудшенія его положенія. Лишь благодаря водкѣ, вскружившей голову Панасу, смогъ Лейба почти даромъ взять у него кожухъ и тѣмъ отнять у него послѣднюю надежду улучшить свое положеніе, предоставивъ ему одинъ исходъ—«луснуты зъ голоду». Совершенно не похожъ на него Сокальческій—это ужъ типичный пьяница, который не можетъ безъ водки и дня прожить. Можетъ быть именно вслѣдствіе этой гибельной страсти, ему «нема де й головы прыхылыты». То же пьянство толкнуло его на кражу: онъ отблагодарилъ бабу Ковалиху, давшую ему пріемъ, тѣмъ, что похитилъ у нея два платочка.

Да и помимо пьянства, дѣлаетъ людей преступниками уже само горькое убожество. Лишь нужда заставила избрать опасное ремесло конокрада Степана въ разсказѣ «На вовчому хутори»; и только благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, все окончилось очень хорошо, и для Степана представилась возможность жить честнымъ трудомъ.

Все это, всѣ тяжелыя и неблагопріятныя условія современной сельской жизни образуютъ тотъ, какъ бы заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ никакой возможности вырваться, вздохнуть

свободнѣе, глянуть на окружающій міръ шире. Большинство, впрочемъ, и не чувствуетъ этой потребности порвать цѣпи и живетъ, вѣрнѣе, прозябаетъ среди тьмы, нужды и убожества; лишь отдѣльныя единицы видятъ абсолютную невозможность дальнѣйшаго существованія среди такихъ обстоятельствъ, пылко желаютъ вырваться на волю изъ этого заколдованнаго круга и идутъ къ своей цѣли вѣрнымъ путемъ. Такой человѣкъ—Панасъ; онъ понимаетъ, что зло, окружающее ихъ, можно одолѣть лишь при помощи просвѣщенія, что въ просвѣщеніи ихъ единственное спасеніе; вслѣдствіе этого онъ хотѣлъ дать доступное образованіе своему сыну: «хотивъ зъ ёго зробыты пысьменного чоловика, щобъ не дававъ себе грабуваты, щобъ мигъ и знавъ якъ и другымъ запомагаты, жыты, якъ Богъ звеливъ,—а тутъ горе, горе!» («Невдалыця»)! Всѣ старанія Панаса не увѣнчиваются успѣхомъ; онъ падаетъ сраженный въ борьбѣ, а тьма и нужда еще сильнѣе окружаютъ его.

Остается одно—молча терпѣть, но иногда и терпѣнія не хватаетъ,—невозможное положеніе вызываетъ протестъ преимущественно противъ «здырства»,—протестъ, хотя и въ довольно непривлекательной формѣ. Тотъ самый Панасъ Музыка, который такъ горячо рвался прочь изъ этого темнаго царства, съ разбитыми надеждами, въ отчаяніи приходитъ къ печальному выводу, что разъ себѣ ничѣмъ ужъ не помочь, то слѣдуетъ по крайней мѣрѣ, хотя отомстить притѣснителямъ: «А, Лейбо, а пане Лейбо! а пьявка выпыла крови багато! и зъ мене досыть выпыто! И ще пытымешъ? Ни, шкода! Годи знущаться надъ людьмы... Го-о-ди»! («Невдалыця»). Едва ли хватило бы у кого-нибудь рѣшимости и мужества обвинять Панаса, если бы онъ привелъ въ исполненіе свое намѣреніе. Иное дѣло Саврадымъ. У него, конечно, совсѣмъ другія побужденія, и онъ только прикрываетъ ихъ местью за убогаго брата, но все же и въ его поступкѣ есть доля протеста противъ ненормальныхъ отношеній, и въ его словахъ надо видѣть не одни лишь личные счеты съ Мусіенкомъ, но и голосъ той «голоты», которой пришлось многое претерпѣть отъ кулака: «Годи тоби знущаться надъ биднотою та голотою»! («Винъ прысягавъ»).

Все это дѣлаетъ фонъ разсказовъ М—ча печальнымъ; вы не найдете у него яркихъ веселыхъ картинъ, лишь лучшія чувства, тлѣющія среди этихъ тяжелыхъ условій въ груди обиженныхъ, истощенныхъ, по большей части голодныхъ людей бросаютъ лучъ свѣта, пробивающійся живительной струей сквозь густыя черныя тучи общаго настроенія творчества нашего автора. Въ его произведеніяхъ тамъ и сямъ встрѣтимъ не мало благородныхъ поступковъ, по временамъ по силѣ чувства, высотѣ побужденій и вообще нравственной красѣ равныхъ геройству; и невольно взглядъ читателя съ симпатіей останавливается на типахъ, то отличающихся могучимъ духомъ, то обладающихъ необыкновенно развитымъ чувствомъ, типахъ, которые составляютъ истинное украшеніе его разсказовъ.

Вотъ передъ нами крестьянская семья съ ея горемъ, убожествомъ, вѣчной нуждой, безустанной работой и заботами. Но все это еще не сломило великой силы родственной любви, служащей поддержкой забитому человѣку въ его борьбѣ за кусокъ насущнаго хлѣба. Именно эта любовь заставляетъ Степана, почти мальчика («У наймы»), идти на зиму изъ родной хаты, чтобы матери и дѣтямъ надольше хлѣба хватило. Развѣ это не жертва, не бросающаяся, положимъ, въ глаза, но за то сознательная и великая? Даже въ душѣ Явдохи («Омелько Каторжный») тлѣетъ еще искра привязанности къ своему мужу, который погубилъ ея молодость, оставилъ ее одну съ дѣтьми среди горя, нужды, заботъ. Вотъ какъ живая стоитъ предъ нами несчастная Явдоха.— «одна-однисенька удова»...—вотъ она припала къ связанной рукѣ своего мужа, прощаясь съ нимъ «на довичне розстання», и въ ея сердцѣ нѣтъ и слѣдовъ ненависти, укора и презрѣнія,—въ глазахъ ея можно прочитать лишь любовь и тяжкую муку. И въ невеселой жизни Панаса Музыки («Невдалыця») есть счастливыя минуты: онъ еще не потерялъ способности забываться и радоваться, играя съ маленькимъ Левкомъ; онъ не забылъ еще о своей первой молодой любви. Она и теперь еще живетъ въ его сердцѣ. Отношенія его къ женѣ озарены свѣтомъ этого святого чувства. Ради него, чтобы высушить слезы на рѣсницахъ дорогой

Горпыны, вызвать ея улыбку и защитить отъ жизненной тины ея свѣтлыя воспоминанія, онъ, человѣкъ глубоко правдивый, рѣшился на ложь. За дорогую для его жены «хустку» онъ отдалъ свою любимую скрипку, которая одна «розважала ёго тугу», была единственной утѣхой въ его безотрадной жизни. Панасъ въ душѣ музыкантъ и артистъ, любитъ поэзію, почитаетъ прекрасное и рвется къ нему; благодаря этому, онъ достигъ въ искусствѣ значительныхъ успѣховъ, удовлетворяя душевные запросы свои и сосѣдей. Даже среди этого горя, зла и нужды возможны высокія эстетическія наслажденія. Вообще Панасъ Музыка—личность весьма симпатичная, типъ вполнѣ положительный. Онъ не способенъ на что-нибудь нехорошее. Онъ даже своихъ враговъ, причинившихъ ему столько зла,—несмотря на то, что невольно въ его душѣ просыпается желаніе мести,—не оставляетъ въ бѣдѣ безъ помощи. Едва онъ увидѣлъ, что жизнь Хайки въ опасности, злость и возмущеніе покидаютъ его, и онъ бросается спасать ея жизнь, хотя имѣлъ полную возможность даже не шевельнуть пальцемъ; передъ его глазами уже не притѣснитель, не пьявка, вытянувшая его кровь, а такой же человѣкъ въ несчастьи, потому что для него въ бѣдѣ всѣ—и свои, и чужіе,—одинаково заслуживаютъ помощи.

Рядомъ съ этимъ героизмомъ, вызывающимъ къ себѣ удивленіе и невольное почтеніе, нужно поставить хотя и менѣе яркія, но все-же весьма симпатичныя проявленія братскихъ отношеній къ человѣку. Вотъ хотя бы старая бабуся въ разсказѣ: «У наймы». Подъ холодной наружностью, безразличнымъ взглядомъ кроется начало святой любви и состраданія: она приноситъ дѣтямъ Горпыны кутьи, «паляныци» кормитъ ихъ, даетъ совѣтъ Ганнѣ, присматриваетъ ея малышей, которыхъ очень любитъ; даже сердится, когда Ганна вздумала ее благодарить: «То не мое и не твое,— Боже, онъ чые»! Выглядываетъ изъ тѣни и симпатичный образъ бабы Ковалыхы («Два платочкы»), едва намѣченный авторомъ нѣсколькими удачными штрихами. Сокальческій укралъ у нея платочки, и она же ему дала пріютъ, ухаживая за нимъ, когда онъ бѣжалъ; но несмотря на этотъ подвигъ милосердія, она чу-

ждается мысли, что совершила нѣчто особенное, что искупила вполнѣ свою сомнительную вину; она даже сокрушается отъ мысли, что способствовала, поднявши исторію о кражѣ, смерти бѣдняги: «Де жъ такы! платочкы на смерть заховала, по души, до Бога вбиралась, а тутъ за ти платочкы загубыла людыну, загубыла свою душу. Чы не грихъ же то»? Даже въ загрубѣвшей, суровой душѣ стараго «дида» Тараса («На вовчому хутори»), настоящаго степного волка, пробуждается подъ вліяніемъ воспоминаній о давно прошедшемъ, о семьѣ, о маленькихъ дѣтяхъ и просьбѣ любимой внучки—чувствительность, жалость къ злѣйшему врагу—конокраду. И стараго Мусіенка («Винъ прысягавъ»), для котораго не существовали горе и слёзы людскія, передъ смертью охватываетъ могучая сила великаго христіанскаго чувства любви и всепрощенія: съ яснымъ взоромъ говоритъ онъ Саврадыму, своему мучителю, кающемуся теперь: «Богъ простыть»! Надо отличать въ характерѣ того же Мусіенка такія положительныя черты, какъ энергію, обращенную, правда, на зло, и вѣрность своему слову: онъ не выдалъ своихъ палачей.

Вотъ цѣлый рядъ типовъ преступнаго міра, у которыхъ, повидимому, замерло ужъ всякое хорошее чувство; здѣсь, по всей вѣроятности, тщетно искать хотя бы искры любви, добра и правды. Но это ошибка. Стоитъ лишь внимательнѣе заглянуть въ глубину ихъ души, взволновать ее, передъ нами—совсѣмъ другой человѣкъ съ развитой духовной жизнью, человѣкъ, радости и скорби котораго близки и понятны каждому, человѣкъ, въ душѣ котораго не совсѣмъ еще погасли лучи чувства, они лишь скрыты подъ грубой оболочкой; подъ сѣрымъ арестантскимъ халатомъ бьется сердце, способное любить и страдать. Нашъ авторъ опытной рукой умѣетъ коснуться струны добра въ каждомъ сердцѣ и она звучитъ дивнымъ аккордомъ, внося лучи яркаго свѣта въ непроглядную тьму преступной души, поднимаетъ ее на почти недосягаемую въ этомъ мірѣ униженныхъ и оскорбленныхъ высоту. Передъ нами Иванъ изъ Буджака, изъ-за семи копѣекъ лишившій жизни человѣка. Мы не будемъ останавливаться надъ

тѣмъ, подъ какими вліяніями, среди какихъ условій вырабатывается могучій характеръ Ивана. Атагасъ въ «оповиданни» «Шматокъ»—это его родной братъ, дальнѣйшее видоизмѣненіе и развитіе одного и того же типа. И у этого «запеклого злодія» чувствительное доброе сердце, для котораго не представлялось до сихъ поръ случая лишь проявить себя; сердце, именно оно, да живое воображеніе подсказываютъ ему самоотверженный поступокъ, котораго не въ силахъ были понять ни смотритель, ни конторщики. «Ввыжаются ёму лисы безкраи, сыпки снигы глыбоки, а середъ нихъ жинка,—слаба, блида зъ дытынкою на рукахъ»... Зная ближе Ивана, невольно приходитъ па мысль, не ошибался ли господинъ прокуроръ въ суровомъ и рѣшительномъ приговорѣ: «Се на викы пропащій чоловикъ, се запеклый злодій,—погляньте на ёго облычча, звернить увагу на ёго уперте мовчання, на ёго упертый, похмурый поглядъ,—и страшенный злочынець стане передъ вамы, нанове»! Господинъ прокуроръ даже и не подозрѣвалъ, какія добрыя силы скрываются въ душѣ этого «страшенного злочынця». Близорукость прокурора еще болѣе оттѣняется при сравненіи его мнѣнія объ Иванѣ и мыслей о немъ товарищей: «Иванъ зъ Буджака звиръ,—а всежъ товарышъ добрый, а найголовнійше—душа-чоловикъ». Отсюда явствуетъ, что психологія арестантовъ, людей, казалось бы, потерявшихъ уже нравственный обликъ, и глубже и вѣрнѣе взглядовъ спеціалиста прокурора. А вотъ яркая, рельефная фигура Омелька Каторжного, превращающагося въ глазахъ читателя въ настоящаго героя. Въ этой глубоко испорченной, но въ то же время измученной душѣ каторжника живетъ одно чувство—любовь его къ семьѣ; оно захватываетъ все его истерзанное существо, властвуетъ надъ всѣми его мыслями и, въ концѣ концовъ, толкаетъ его на просто геройскій поступокъ бѣжать съ одной мыслью, съ одной цѣлью—увидѣть родныхъ, дорогихъ сердцу. Глубокой душевной мукой, тяжкимъ неодолимымъ страданіемъ вѣетъ отъ словъ этого несчастнаго человѣка, желѣзная энергія котораго, его сильная воля, его идеалъ, выношенный и взлелѣянный въ глубинѣ любвеобильнаго сердца—все разбито и попрано холодностью и безучастіемъ семьи: «чого

утикъ? Чого бигавъ два рокы якъ та звирюка, чого по тыждню не йивъ? А того, щобъ прыбигты до дому, щобъ диты батька не пизналы, щобъ жинка вид... видцуралася».

И у всѣхъ преступниковъ, типы которыхъ находимъ въ разсказахъ М-ча, гдѣ-то въ глубинѣ души подчасъ едва тлѣютъ искорки хорошихъ чувствъ,—но пусть только что-нибудь коснется ихъ, и они разгораются яркимъ пламенемъ. И Иванъ изъ Буджака, и Омелько Каторжный—это все-таки люди недюжинные; присмотримся же внимательнѣе къ тѣмъ незамѣтнымъ преступнымъ испорченнымъ натурамъ, которыхъ всегда можно встрѣтить достаточно, какъ, напримѣръ, Саврадымъ («Випъ прысягавъ»), Сокальческій («Два платочкы»).—Саврадымъ—разбойникъ, къ тому же очень жестокій (достаточно вспомнить сцену истязанія Мусіенка),—и вотъ въ его огрубѣломъ, преступномъ сердцѣ, подъ могучимъ вліяніемъ того, что Мусіенко не выдалъ своихъ враговъ, хотя и могъ имъ этимъ жестоко отомстить, пробуждается совѣсть, онъ добивается прощенія у своей жертвы и кается въ своемъ грѣхѣ, принявши наказаніе, причитающееся ему по закону. Ту же самую картину духовнаго возрожденія видимъ мы и въ разсказѣ «Два платочка» съ Сокальческимъ: бродяга, пьяница укралъ у бабы, пустившей его къ себѣ въ хату, «хусточкы» и хотѣлъ пропить. Случай самый обыкновенный, казалось бы, на этомъ и конецъ. Но нѣтъ, Сокальческаго начинаютъ мучить укоры совѣсти, и онъ, убѣжавъ изъ полиціи, направляется не къ кому иному, какъ къ бабѣ: «пустить, каже, мене, бабусю». Онъ умеръ, смывъ съ себя свой грѣхъ чистосердечнымъ раскаяніемъ и тѣмъ горемъ, которое испыталъ въ своей печальной жизни.—Даже въ этихъ окончательно деморализованныхъ натурахъ подмѣтилъ внимательный взоръ автора проявленіе лучшихъ сторонъ человѣческаго духа, и въ нихъ, какъ и во всѣхъ арестантахъ, видитъ онъ людей, смотритъ на нихъ съ теплымъ сочувствіемъ и искреннимъ сожалѣніемъ и радуется, когда въ ихъ душѣ пробуждается совѣсть.

Совершенно въ сторонѣ стоитъ единственное драматическое произведеніе Мар-ча: скорѣе драма, чѣмъ комедія, какъ назвалъ ее авторъ: «Не зрозумилы». Главная тема пьесы—дѣятельность интеллигента на селѣ—«колы прыйшовъ часъ дила, виры и праци»—«хлиборобськи спилкы» (земледѣльческія артели), возбуждающія теперь общій интересъ. Богуна, героя пьесы, задавшагося цѣлью сродниться съ народомъ и улучшить, по мѣрѣ возможности, его благосостояніе основаніемъ артели, встрѣтили неудачи въ его дѣятельности. Если мы зададимся вопросомъ, какая же этому причина, то найдемъ въ комедіи точный отвѣтъ. Первое мѣсто слѣдуетъ отвести той глубокой пропасти, которая разъединила высшіе и низшіе слои нашего народа. Богунъ хотѣлъ забыть, стереть эту разницу между мужикомъ и паномъ, жилъ съ народомъ, работалъ вмѣстѣ съ нимъ, женился на крестьянкѣ и несмотря на все это—онъ въ глазахъ селянъ остался паномъ. Его пріятель Петро, знающій его лучше другихъ, говоритъ: «я не такый, якъ вы, и вы не такый, якъ я, и други не таки, якъ Оксана»! старый Коноплєнко, когда Богунъ спрашиваетъ его согласія на его бракъ съ дочерью, выражаетъ удивленіе: «на що жъ вамъ мужычка? Вона жъ проста, а вы—панычъ». Это разъединеніе еще болѣе увеличиваетъ крестьянская подозрительность, недовѣріе ко всякому новому дѣлу, упорная увѣренность, что «панъ и жыдъ завше брешуть». Помимо этихъ неблагопріятныхъ отношеній значительное препятствіе просвѣтительной дѣятельности Богуна оказали старанія сельскаго кулака-шинкаря Перцова, сумѣвшаго весьма успѣшно для себя воспользоваться предубѣжденіемъ людей къ пану, ихъ темнотой. Какой силой обладаютъ у насъ въ селѣ подобнаго рода народные благодѣтели, въ лучшей мѣрѣ свидѣтельствуетъ успѣхъ Перцова, которому удалось выжить изъ села Богуна. Слова шинкаря: «Я васъ хочу спрашивать: ражве буваютъ зъ мужыкомъ какой гешефтъ безъ водка»—обнаруживаютъ во всей ихъ непригдядной наготѣ ту темноту, ту духовную бѣдность, которая царитъ «пидъ сильськымы стрихамы». И тутъ передъ глазами тѣ же печальныя соціально-экономическія и моральныя условія современнаго быта нашего

села, невеселую картину которыхъ мы уже видѣли въ разсказахъ М-ча. И тутъ то же поразительное убожество, та же нужда и некультурность. Сколько горькой правды въ словахъ Коноплєнка: «Уси чесни и уси беруть! Селяне—воны не беруть, бо нихто не дасть... По моёму такъ: у мужыка чесносты тіеи нема, и не шукайте,—винъ голодный; увесь викъ зъ-за шматка хлиба бьется, тому й ненажерлывый. Мужыкови треба добре найистысь вволю, тоди винъ чесный стане, а покы що—винъ за гроши и душу продасть»... Тяжело! Только утѣшаешься мыслію, что приговоръ Коноплєнка ужъ очень суровъ, что и онъ кое въ чемъ ошибается. Вообще и въ своей драмѣ авторъ посвятилъ не мало мѣста освѣщенію сельскаго быта; онъ затрогиваетъ здѣсь нѣкоторыя стороны народной жизни, которыя едва намѣчены въ разсказахъ и стоятъ тамъ въ тѣни.

Въ борьбѣ съ этимъ зломъ и панъ Богунъ. Онъ шелъ на село «повный надій та виры» въ святую идею, въ свои силы, которыхъ хорошо не разсчиталъ. Онъ—благородный типъ идеалиста, но это не какое-то олицетвореніе идеала безъ всякаго пятна, это живой человѣкъ, который борется, ошибается, разочаровывается и платитъ дорогой цѣной за юношеское увлеченіе, за попытку сродниться съ меньшимъ братомъ, стать по духу и по плоти сыномъ своего народа. Другихъ взглядовъ на задачу дѣятельности интеллигенціи въ селѣ, на отношенія къ народу держится Береза: «Я робыла и роблю интелигентну панську роботу,—говоритъ она:—мы люде культурни, вчени, повынни буты прымиромъ людямъ простымъ, прымиромъ, наукою, освитою пиднима441 ихъ до себе, а не намъ до ихъ спускатыся». Гдѣ же правда? Изъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ напомнимъ прежде всего пріятеля Богуна, Петра, человѣка умнаго, достаточно просвѣщеннаго, пьяницу «майстра Ивана», что «за громаду и душу покладе», который и въ самомъ дѣлѣ въ послѣдній моментъ нашелъ въ себѣ моральную силу признаться въ своей винѣ противъ Богуна. Совершенно реальный типъ и жена Богуна, Оксана,—едва ли можно обвинить ее за то, что она не могла быть такой супругой, какой искалъ Богунъ; она въ значительной мѣрѣ жертва

окружающей ихъ тьмы, неправильныхъ общественныхъ отношеній. Жена Петра—типичная «молодыця», намѣченная нѣсколькими штрихами, выхваченными изъ жизни. Кононенко—характерный типъ селянина, жестокаго и очерствѣвшаго въ борьбѣ за насущный хлѣбъ. Любопытная фигура шинкаря Перцова въ значительной мѣрѣ дополняетъ портреты нашихъ старыхъ знакомыхъ—Лейбы («Невдалыця») и Гершка («Винъ прысягавъ»).

Со свойственной М-чу острой наблюдательностью, онъ замѣтилъ въ современной жизни новое общественное движеніе—«хлиборобськи спилкы», и тотчасъ же чуткое перо его отозвалось на это явленіе, освѣтило его и нарисовало намъ картину первыхъ шаговъ новаго дѣла, привлекшаго къ себѣ вниманіе и нашего выдающагося драматурга И. К. Карпенка-Карого, въ своей пьесѣ «По-надъ Днипромъ» разработавшаго тотъ же сюжетъ съ большей основательностью. Основательное знакомство съ жизнью, проявляющееся во всѣхъ произведеніяхъ М-ча, дало фонъ для его драмы, въ которой мы видѣли ту же нужду крестьянскую, тѣ же печальныя условія современнаго быта нашего народа. И тутъ М-чъ не измѣнилъ реализму: вся его драма—печальная дѣйствительность. Что касается сценичности этой пьесы, то мы къ сожалѣнію, не можемъ сказать что-нибудь достовѣрное, потому что она и до сихъ поръ не ставится на сценѣ. Въ концѣ концовъ «Не зрозумилы»—одинъ изъ первыхъ опытовъ въ украинской литературѣ соціальной драмы, въ которой авторы выступаютъ на новый путь изображенія экономическаго положенія нашего народа,—и въ этомъ ея литературное и общественное значеніе.

Мы уже познакомились въ самыхъ общихъ чертахъ съ генезисомъ творчества М-ча, современнымъ положеніемъ и отношеніемъ украинскаго села, какъ онѣ отразились въ разсказахъ нашего автора, съ разнообразными типами, ярко обрисованными въ его произведеніяхъ,—намъ осталось остановиться хоть немного на общихъ характерныхъ чертахъ въ его литературной дѣятельности, обратить вниманіе на особенности его таланта и сказать

кое-что вообще о литературной цѣнности и значеніи его произведеній.

Характерной чертой дарованія М-ча мы считаемъ реализмъ; это направленіе—главный руководитель его творчества. Всѣ его разсказы выхвачены изъ дѣйствительной жизни, насквозь проникнуты глубокою правдивостью изображенія, чуждой всякой фальшивой нотки. Авторъ описываетъ то, что видѣлъ собственными глазами, что ему извѣстно; онъ разсказываетъ такъ, какъ было на самомъ дѣлѣ, но это не мертвая фотографія.

Талантливое перо М-ча изъ будничныхъ жизненныхъ картинъ современнаго быта украинскаго народа—создало высокія своимъ драматизмомъ очерки, которыя, при несложности и обыденности содержанія, производятъ тѣмъ не менѣе сильное впечатлѣніе. Всѣ его произведенія озарены глубиной чувства, согрѣты искренней любовью. Всѣ его герои—простые люди съ ихъ печалью и горемъ, съ ихъ убожествомъ и нуждою. Но съ какимъ теплымъ сочувствіемъ относится нашъ писатель къ этимъ несчастнымъ людямъ, «чистымъ сердцемъ»; какимъ задушевнымъ сожалѣніемъ къ ихъ тяжелой и горькой судьбѣ запечатлѣны его слова! «Характерной чертой этого автора,—замѣчаетъ Б. Д. Гринченко,—является гуманное, любовное отношеніе къ изображаемымъ людямъ и постоянное стремленіе найти подъ самой загрубѣвшей корой теплое, человѣческое чувство, благородный порывъ сострадательной души» [1]). Вотъ что говоритъ по этому поводу самъ авторъ въ своей автобіографіи, присланной для «Вика»: «служба, у котрій прыходылось буты завше на людяхъ и середъ людей, то злыхъ, то обездоленныхъ, де приходылось щоденно видатыс зъ серцемъ, навчыла ёго любыты и жалуваты людыну,—а все се дало результатомъ рядокъ ёго оповиданнь «По степамъ та хуторамъ» [2]). Эти симпатичныя отношенія, эта чуткость, те-

---

1) Б. Гринченко «Нѣсколько дополненій къ статьѣ объ украинской литературѣ». Кіевск. Ст. 1902, ст. 169—170.

2) Къ этой же серіи принадлежатъ и «Два платочкы», «Омелько Каторжный», «Шматокъ», не вошедшіе въ сборникъ по совершенно независящимъ причинамъ.

плота и сердечность изображенія, какими отмѣчено все литературное творчество М-ча, съ перваго взгляда бросается въ глаза: «всѣ разсказы проникнуты не то что пессимизмомъ, а скорѣе какою-то тихою грустью, и читатель ясно видитъ, что невесело живется у насъ «по степахъ та хуторахъ»: съ одной стороны полная матеріальная необезпеченность, а съ другой—дикость нравовъ, темнота безпросвѣтная и полное неумѣніе оградить себя отъ эксплоататоровъ [1]).

Вслѣдствіе этого и тонъ произведеній нашего писателя вообще невеселый, по временамъ сурово холодный, когда онъ рисуетъ злые поступки и несимпатичныхъ для него людей, по временамъ мягкій, проникнутый сочувствіемъ, когда онъ повѣствуетъ о своихъ незамѣтныхъ герояхъ, съ любовью останавливается на ихъ лучшихъ дѣяніяхъ; лишь иногда можно замѣтить кое-гдѣ искорки юмора.

Форма разсказовъ М-ча неблестящая, сѣренькая, какъ и жизнь, изъ которой взяты ихъ сюжеты; нѣтъ здѣсь яркихъ, блещущихъ разнообразіемъ красокъ, картинъ, громкихъ фразъ, окутанныхъ легкой, полной прелести дымкой художественнаго вдохновенія,—но все это выкупаетъ ихъ несложное жизненное содержаніе, богатое глубокими мыслями, интересными и новыми замѣчаніями, въ чемъ главная основа ихъ литературнаго значенія. Совершенно справедливо видятъ цѣнность литературной дѣятельности М-ча, какъ она выразилась въ его разсказахъ, въ томъ, что «въ каждомъ изъ нихъ автору удается выдвинуть впередъ новыя, еще не затронутыя стороны сельской жизни и дать нѣсколько типичныхъ фигуръ» [2]).

Что касается языка произведеній разбираемаго автора, то онъ, по нашему мнѣнію, не въ достаточной степени колоритенъ, но, быть можетъ, это именно находится въ связи съ содержаніемъ: такая обыденная, будничная рѣчь соотвѣтствуетъ общему настрое-

---

[1]) Кіевская Ст. 1899, VII.

[2]) Ibidem.

нію разсказовъ. По временамъ, хоть и рѣдко, встрѣчаются и руссизмы, непріятно дѣйствующіе на слухъ [1]).

Читаются разсказы Мар-ча легко и съ захватывающимъ интересомъ. Они оставляютъ по себѣ чувство эстетическаго удовлетворенія. Изъ всего вышесказаннаго, какъ намъ кажется, ясно видно, что произведенія нашего автора, отмѣченныя такими положительными чертами, какъ строгій реализмъ, ґлубокая правдивость въ изображеніи, сила и драматизмъ, чуткое сердце и искренняя любовь къ человѣку, тонкая наблюдательность и основательное знаніе жизни—составляютъ цѣнное и не малое, если не по размѣрамъ, то по содержанію и идейности, пріобрѣтеніе для нашей литературы.

Къ сожалѣнію, въ послѣднее время авторъ нашъ почему-то замолкъ; послѣ изданія сборника «По степамъ та хуторамъ», составленнаго къ тому же изъ вещей, написанныхъ гораздо раньше, ничего не пишетъ, по крайней мѣрѣ ничего не печатаетъ. Мы не знаемъ, какія причины побудили талантливаго писателя оставить перо, но на насъ это упорное молчаніе производитъ тяжелое впечатлѣніе. Вѣдь, несомнѣнный талантъ подавалъ надежды, что родная литература можетъ ожидать еще цѣнныхъ и интересныхъ пріобрѣтеній въ разсказахъ М-ча, надѣяться на дальнѣйшее развитіе его творчества. Направленіе, котораго придерживается М-чъ, обезпечиваетъ ему возможность сказать въ нашей литературѣ еще не одно правдивое слово о современномъ положеніи украинскаго села.

В. Черепинъ.

---

[1]) Правда, нѣкоторые изъ нихъ—это оффиціальные термины, силою обстоятельствъ проникшіе въ село, какъ напримѣръ, «дознаніе» (264), «имущество» (ib.), «бумажка» (49) и др.; иныя, въ устахъ всякаго «начальства» и вообще людей, тронутыхъ внѣшней культурой,—что придаетъ больше реальной правдивости рисунку: «грабежникъ» (ib.), «пустяшный» (ib.); кое-какія и совсѣмъ излишни: «обстановка» (9), «по прежнёму» (13), «задвиркы» (264).

Іосифъ Максимовичъ Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи [1].

IV.

Насъкы украинсъкы казкы запорозъця Исъка Матырынкы. Отзывы о нихъ В. Г. Бълинскаго и Н. И. Костомарова. Собираніе О. М. Бодянскимъ памятниковъ народнаго творчества. Занятія О. М. Бодянскаго малорусскимъ языкомъ. Статья его: «Разсмотрѣніе различныхъ мнѣній о древнемъ языкѣ сѣверныхъ и южныхъ руссовъ».

Въ 1835 году въ Москвѣ, въ университетской типографіи, была напечатана небольшая, въ 16-ю долю листа и въ 47 страницъ, книжечка, подъ такимъ заглавіемъ: «*Насъкы украинсъкы казкы запорозъця Исъка Матырынкы*». О предстоявшемъ выходѣ ея въ свѣтъ, какъ мы уже знаемъ, говорилъ въ одной изъ своихъ статей О. М. Бодянскій [2]). Появленіе этой книги не было, значитъ, неожиданностью.

Эпиграфомъ къ *казкамъ* избрано двустишіе:

«Якъ у насъ, якъ у насъ—пѣсьни да казкы:
Послухайте, добры люде, зъ вашои ласкы»...

Книжечка посвящена «Матери моій ридненькій, неньцѣ старенькій, коханій, любій Украинѣ». Написанное по-малорусски предисловіе носитъ подпись иниціалами *І. Б.* и помѣчено: «М. Варва 1834 г.». Къ предисловію сдѣланы *примѣчанія корректора*, но уже на языкѣ русскомъ.

---

1) См. Кіев. Ст. 1903, № 2.

2) Телескопъ 1834 г. часть XXI. Критика, стр. 337.

Авторомъ этой книжечки былъ О. М. Бодянскій [1]).

Предисловіе къ *казкамъ* составлено такимъ образомъ, какъ будто бы оно выражаетъ собой мысли варвинскаго головы Леська Таранухи, высказанныя имъ въ бесѣдѣ съ кумомъ своимъ—выборнымъ по поводу прочитанныхъ головою казокъ Иська Матырынкы. Горячей любовью къ родинѣ проникнуты всѣ мысли Леська Таранухи. Вспоминая вольное, безпечное запорожское рожитье, варвинскій голова спрашиваетъ:... «А мы-жъ, мы? Що робымо мы теперъ, дома й на господѣ? Що мовять про насъ наши внучята? «Дѣды наши,—скажуть воны,—сыдѣлы собѣ, да тилькы гавы ловылы»!.. «Оттакъ! За всѣ головы!.. Хыба жъ, оце, наша неня Украина такъ зъ глузду зсунулась, що вже ни метелыци не потаньцюе, ни козачька зъ парубкомъ не прогарцюе? Ой ни, пане куме, вона хоча й старенька, да все такы ще геть-то моторненька... А дѣты іи? Хыба й воны зледащилы? Хыба воны забулы, якъ колы-сь весело бурлаковалы, хвацько козаковалы, въ Крыму й на Дону чумаковалы? Хыба мы й доси ще не згадуемо свого Батька Богдана,

Якъ Польщу винъ, колы-сь, трощывъ,
Де ни піймавъ Ляхивъ—душывъ?

Якъ наши козаченькы всюды залицялысь: въ Волощынѣ, Турещынѣ, Нѣмещынѣ, Крыму, на Сынимъ морѣ и по тимъ боцѣ моря, якъ тіи свѣтлыи соколонькы просвѣщалысь?—Або й теперъ, хыба вжебъ то мы перевчылыся воёваты? Дарма, що въ тій пѣсьнѣ спѣвають:

Да вже шабли заржавѣлы,
Мушкеты—безъ куркивъ...

Слухай, що далѣ?

«А ще серце козацькее
Не боицьця Туркивъ»!..

Бачь? Не боицьця Туркивъ! Да не тилькы Туркивъ, й самого найстаршого чорта, Пане-брате!.. Або, хыба такы мы не хороше

---

[1]) *А. Н. Пыпинъ.* Исторія русской этнографіи, т. Ш, стр. 108. Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, подъ ред. С. А. Венгерова, т. П, стр. 546, прим. 179.

жывемо? А де, лышень, знайдешъ, ты такіи розмаитьни пѣсьни, що тилькы зачуешъ, такъ серце тобѣ ходоромъ й заходыть затлѣе, замлѣе, серденька просыть... Такую хлѣбъ-силь, такыхъ дѣвонёкъ й парубятъ? Де, на свѣтѣ, такъ балакають? Нибы въ ротъ тобѣ кожне слово кладуть. Де стилькы казокъ, прыказокъ, загадокъ и всякои всячыны?.. Я вже мовчу про нашу землю, про наши поля, сады, лугы, степы, рѣчкы, про наше збѣжьжя... Що й доси нихто не схаменецьця, не гляне да не подывыцьця на сее? Мій Боже, Боже! Чымъ же мы прошкодылысь? Хыба-жъ-то вже у насъ душа зъ лопуцька, не хоче того, чого й людьська?.. Ни! ни! Въ гостяхъ добре, якъ то кажуть, а дома—ще лучьче... Чы може, хочете дождацьця, щобъ якый врагъ нетруженый нашою батькивщыною пожывывся? Насъ же да нашымъ же добромъ почастовавъ? Улизъ у солому да ще й шелыстыть? А, здаецьця, незабаромъ тее буде. Бо, що-сь, не передъ добромъ, якъ я бачу, сякы-такы, немазаны хвертыкы шляюцьця частесенько уже промижъ намы. Глядить лышень, щобъ воны зъ нашого жъ хворосту да не загнулы намъ якои чуденнои карлючкы! Отъ-то-то буде сорому-сорому, за всѣ головы сорому [1])»!.. Къ этому мѣсту предисловія «корректоръ» сдѣлалъ такого рода примѣчаніе: «Сими словами панъ Голова намѣкаетъ на нерадѣніе своихъ соотечественниковъ къ собранію и изданію Украинскихъ народностей (sic). Сѣтованіе его, конечно, не безъ основанія; ибо легко можетъ случиться, что и здѣсь, какъ и во многихъ другихъ земляхъ, кто-нибудь изъ постороннихъ предупредитъ ихъ на семъ поприщѣ [2])»...

Насъкы украинсъкы казкы не записаны прямо изъ устъ народа, а являются только стихотворной передѣлкой народныхъ сюжетовъ. На нихъ мы должны смотрѣть, поэтому, какъ на произведеніе литературно-художественное, не больше. Хотя въ предисловіи къ нимъ и говорится о собираніи памятниковъ народнаго творчества и выражается опасеніе, что кто-нибудь изъ иноземцевъ, а не малороссовъ займется этимъ, но это не даетъ еще

---

[1]) Наськы украинськы казкы, стр. IX—XIII.

[2]) Тамъ-же, стр. XIII—XIV.

намъ права считать, какъ дѣлаетъ это Н. И. Петровъ [1]), *казки* своеобразной записью произведеній народнаго творчества, при которой допускалось исправленіе, передѣлка народной рѣчи, вставки въ народный разсказъ и переработка его сообразно вкусамъ лица, его записавшаго. Это противорѣчило бы взглядамъ и требованіямъ О. М. Бодянскаго, предъявлявшимся имъ къ собирателямъ памятниковъ народнаго творчества. Мы знакомы уже съ его требованіями въ этомъ отношеніи и знаемъ, какъ сурово онъ отнесся къ Смирницкому, когда тотъ допустилъ нѣкоторыя неточности и неполноту при изданіи малорусскихъ пословицъ.

Литературно-художественное достоинство *казокъ* очень невелико. Поэтическаго дарованія у О. М. Бодянскаго, очевидно, не было никакого: стихъ часто у него вымученъ, рифма уродлива, образы искусственны и порой неуклюжи. Творческая фантазія, видимо, работала туго и съ большимъ трудомъ. Чтобы не быть голословными, возьмемъ для примѣра такой отрывокъ изъ *«казки про дурня да ёго коня»*. Отрывокъ этотъ выбранъ нами прямо-таки наудачу.

Давно день къ вечору звернувъ.
Отъ ничь покрыла всѣ дороги;
На небѣ мѣсяць, отъ, нырнувъ...
Отъ выставывъ зъ-за хмары рогы...
Зиркы, те й дѣло, що юлять:
Покажуцьця, та въ хмары впять;
Не мовъ бы вамъ у самимъ дѣлѣ,
Дразнылы тѣхъ, що на весильлѣ:
Якъ мѣсяць--тежъ и молоды—
Сюды-туды воны заглянуть;
Якъ зироньки,—тежъ й дѣвонькы—
То защебечуть, перестануть,
То впять почнуть, то впять мовчять [2]).

---

[1]) *Н. И. Петровъ.* Очерки исторіи украинской литературы XIX стол., стр. 186.

[2]) Насьꙗы казкы, стр. 25—26.

Если художественная сторона *казокъ* слаба; если стихотворная передѣлка народныхъ сюжетовъ лишила ихъ чисто народнаго колорита, то все же *казки* имѣютъ свое достоинство и значеніе. Онѣ написаны безукоризненнымъ малорусскимъ языкомъ, какимъ, по отзыву покойнаго А. А. Котляревскаго, писали только немногіе [1]), и притомъ написаны авторомъ, который хорошо былъ знакомъ съ малорусскимъ бытомъ. По крайней мѣрѣ, Н. И. Костомаровъ въ «Молодикѣ» 1844 года признавалъ за Иськомъ Матырынкомъ не только знатока малороссійскаго языка, но и «знатока малороссійской народности [2])».

Сюжетъ, даже самая фабула *казокъ* заимствованы О. М. Бодянскимъ у народа. Это было довольно обыкновеннымъ явленіемъ въ тогдашней литературѣ. «Малороссійскія повѣсти» Гоголя тоже, вѣдь, цѣликомъ построены на народныхъ преданіяхъ и разсказахъ. Хотя Бодянскій довольно близко придерживается въ своемъ изложеніи народныхъ сказокъ [3]), но было бы ошибочно думать, что въ *Казкахъ Иська Матырынкы* мы имѣемъ дѣло съ простымъ пересказомъ ихъ въ стихотворной формѣ. Авторъ внесъ туда немалую долю и своихъ наблюденій надъ жизнью народною. Описаніе сада въ первой *казкѣ*, съ перечисленіемъ цѣлаго ряда обычныхъ и любимыхъ въ Малороссіи ра-

---

[1]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 434.

[2]) Молодикъ на 1844-й годъ, украинскій литературный сборникъ, издаваемый И. Бецкимъ. Харьковъ 1834 г. Науки и матеріалы, стр. 184.

[3]) Н. И. Петровъ говоритъ по этому поводу: «Сказки Бодянскаго (числомъ три) всѣ заимствованы изъ народныхъ устъ, и основное содержаніе ихъ воспроизводится въ записанныхъ въ позднѣйшее время народныхъ малорусскихъ сказкахъ въ изданіяхъ Рудченка, Драгоманова и др. Такъ напр. «Казка про царивъ садъ, да живую супилочку» напечатана у Рудченка (Южно-русскія народныя сказки» вып. I, стр. 150—151); «Казка про дурня, да его коня срибна шерстынка, золота шерстынка» и «Казка про малесенького Ивася, змію, дочку іи Олесю та заднихъ гусенятъ»—въ сборникѣ «Малорускихъ народныхъ преданій и разсказовъ» Драгоманова, 1876 г. (Стр. 262—267 и 353—355).—Очерки, стр. 186.

стеній; времяпрепровожденіе царя въ саду; описаніе затѣмъ во второй *казкѣ* деревенскаго лѣтняго вечера и ночи; дѣтскихъ игръ и забавъ въ третьей *казкѣ*; описаніе, наконецъ, свадьбы съ чисто-народными свадебными пѣснями—все это вполнѣ можетъ служить оправданіемъ словъ Костомарова о Бодянскомъ, какъ знатокѣ малорусской народности. *Казки* Бодянскаго являются произведеніемъ малорусской литературы не по одному только тому, что онѣ написаны на чистомъ малорусскомъ языкѣ, но и еще потому, что онѣ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ воспроизводятъ малорусскую жизнь съ ея особенностями. Съ этой точки зрѣнія они вполнѣ народны.

Для характеристики литературной дѣятельности О. М. Бодянскаго это послѣднее обстоятельство имѣетъ особое значеніе.

Мы уже знаемъ, что Бодянскій съ особымъ вниманіемъ и сочувствіемъ слѣдилъ и говорилъ о современномъ ему «всеобщемъ направленіи и стремленіи къ народности» [1]) и указывалъ на то преимущество, въ которомъ, по его мнѣнію, находилась малорусская литература сравнительно съ другими: она избѣгла безполезнаго и вреднаго подражанія и начинала «разработкою богатыхъ самородныхъ своеземныхъ рудниковъ *національнаго*» [2]). *Наськы украинськы казкы* являлись, такимъ образомъ, какъ бы практическимъ осуществленіемъ тѣхъ требованій, которыя Бодянскій предъявлялъ къ малорусской литературѣ. Но допуская въ литературѣ описаніе нравовъ, обычаевъ, образа жизни народнаго, Бодянскій требовалъ, чтобы авторъ не загромождалъ ими своего произведенія. Въ этомъ отношеніи онъ дѣлалъ, напримѣръ, упрекъ Грыцьку Основьяненку за его повѣсть «Маруся», гдѣ авторъ часто отвлекается въ сторону и говоритъ «со всею подробностью о всемъ томъ, что только малѣйшее имѣетъ отношеніе къ его предмету» [3]). *Казки* не страдаютъ этимъ недостаткомъ. Вставки съ этнографическимъ характеромъ не загромождаютъ ихъ, не от-

---

[1]) Ученыя Зап. москов. у-та. 1834 г., № 5, стр. 289.

[2]) Телескопъ 1834 г. кн. XXI, стр. 337.

[3]) Ученыя Записки москов. у-та 1834 г. № 5, стр. 301.

личаются случайностью, а вполнѣ на своемъ мѣстѣ. По своему характеру, онѣ нѣсколько напоминаютъ намъ подобныя же вставки въ «Энеидѣ» Котляревскаго. Послѣдняя высоко цѣнилась Бодянскимъ [1]), и, конечно, не осталась безъ вліянія на его литературное развитіе.

Имѣли ли *Казкы Иська Матырынкы* значеніе въ исторіи развитія малорусской литературы [2])?

Думаемъ, нѣтъ. Слишкомъ незначительны онѣ по содержанію, слишкомъ онѣ нехудожественны для того, чтобы произвести впечатлѣніе и служить толчкомъ къ разработкѣ литературныхъ сюжетовъ въ томъ направленіи, какому слѣдовалъ О. М. Бодянскій въ своихъ *казкахъ*. Новаго, оригинальнаго онѣ изъ себя ничего не представляли. Послѣ выхода ихъ въ свѣтъ въ № 27—30 «Молвы» за 1835 г. появилась небольшая замѣтка объ нихъ В. Г. Бѣлинскаго. Послѣдній былъ университетскимъ товарищемъ Бодянскаго и товарищемъ по сотрудничеству въ «Телескопѣ». Замѣтка Бѣлинскаго о *казкахъ*—въ нѣсколько строкъ и чрезвычайно сдержана. *Казкы*, говоритъ онъ, отличаются «самымъ чистымъ малороссійскимъ языкомъ, который совершенно недоступенъ для насъ, москалей, и потому лишаетъ насъ возможности оцѣнить его по достоинству. Мы слышали, что это произведеніе есть плодъ отдыха человѣка, посвятившаго себя занятію науками, и напи-

---

1) Тамъ-же стр. 288. Кіев. Ст. 1903 г. январь, стр. 56.

2) *Насъкы украинськы казкы* въ Россіи были изданы одинъ разъ въ 1835-мъ году. Правда, въ своихъ «Очеркахъ» (стр. 186) Н. И. Петровъ «по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ» заявлялъ о приготовленіи второго изданія казокъ; но оно не выходило въ свѣтъ. Недавно, ко дню 25-лѣтія со дня смерти Бодянскаго, *казки* вышли новымъ изданіемъ въ Галиціи, подъ редакціей д-ра Франка. Въ Галиціи они составляютъ ч. 49—50 «Литературно-науковой библіотеки», издаваемой подъ редакціей В. Гнатюка. Полное заглавіе ихъ такое: «Тексти й пояснення вибраних творів Української й иньших літератур. — II Осип Бодянский.—Наські Українські казки запорожця Іська Матиринки. Видав і пояснив Др. Іван Франко. У Львові, 1903». Стр. 88, въ 16 д.

сано безъ всякихъ авторскихъ претензій, какъ-то доказываетъ приложенный къ нему эпиграфъ:

«Якъ у насъ, якъ у насъ—пѣсьни да казкы:
Послухайте, добры люде, зъ вашои ласкы»...

Есть, наконецъ, усердное и посильное приношеніе своей родинѣ, какъ-то свидѣтельствуетъ простое, но поэтическое посвященіе: «Матери моій ридненькіи, неньцѣ старенькій, коханій, любій Украинѣ» [1]). Еще неопредѣленнѣе и безцвѣтнѣе былъ отзывъ о *Казкахъ Иська Матырынкы* Іереміи Галки, т. е. Н. И. Костомарова, въ «Молодикѣ» на 1844-й годъ. «Въ 1833-мъ году, читаемъ мы въ этомъ отзывѣ, напечатаны были *Наськй Украинськй казки Запорожця Иська Материнки*, маленькая книжечка, гдѣ помѣщены три малороссійскія сказки въ стихахъ: первая *Сопилка,* замѣчательная по своему поэтическому содержанію; вторая-*про дурня та его коня*, общая всѣмъ славянскимъ племенамъ; третья-*про Ивася та змію, та дочку іи Олесю*, одна изъ любимыхъ малороссіянами. Всѣ эти сказки достойны вниманія и показываютъ въ авторѣ знатока малороссійской народности и языка» [2]). Вотъ и весь отзывъ. «Теперь намъ нечего дѣлать, писалъ въ 1857 году П. А. Кулишъ—съ сочиненіями Иська Материнки, (Бодянскаго), Іереміи Галки, Амвросія Могилы (Метлинскаго), хотя въ нихъ и можно, порывшись, найти 5—6 стиховъ, близкихъ къ поэзіи, а иногда вѣрную черту народныхъ нравовъ или преданіе отжившей старины» [3]). Кулишъ, думаемъ, рѣзче только высказывалъ то, чего не договаривали или не желали договаривать Бѣлинскій и Костомаровъ...

---

[1]) Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, подъ редакціей *С. А. Венгерова,* т. II, стр. 160.

[2]) Молодикъ на 1844 г. Украинскій литературный сборникъ, издаваемый И. Бецкимъ. Харьковъ 1843 г. Наука и матеріалы стр. 184.

[3]) Рус. Вѣст. 1857 г. кн. XII, «Взглядъ на малороссійскую словесность по случаю выхода въ свѣтъ книги «Народни Оповидання Марка Вовчка» (Цитата взята у Н. И. Петрова. Очерки, стр. 7).

Несмотря на все это, историкъ малороссійской литературы не можетъ обойти молчаніемъ «*Насьkихъ украинсьkихъ казокъ*. и правъ, кажется намъ, проф. Н. И. Петровъ, говоря что *казки* Бодянскаго «имѣютъ немаловажное историческое значеніе, какъ для уразумѣнія и оцѣнки нравственнаго характера О. М. Бодянскаго и его учено-исторической дѣятельности, такъ и для уясненія исторической связи между явленіями украинской литературы» [1]). Пусть это неудачная попытка переработки народныхъ сюжетовъ въ художественно-литературную форму: все-же она чрезвычайно интересна и характерна для своего времени Она—не случайное явленіе, разсчитанное на спекуляцію. Она—результатъ извѣстныхъ воззрѣній ея автора. Въ появленіи въ печати *Казокъ* сказалась и любовь къ родинѣ, и вѣра въ ея духовное развитіе, и желаніе, по мѣрѣ силъ, способствовать этому развитію. Не нужно забывать, что въ то время, когда появились *Казки*, малорусская литература только что зарождалась, искала для себя путей, прокладывала ихъ. Въ этомъ смыслѣ *Казки* тоже имѣютъ свое значеніе, какъ характерный образчикъ того начальнаго періода малорусской литературѣ, когда идея народности стала завоевывать себѣ все большее и большее мѣсто. Мы уже знаемъ, что О. М. Бодянскій былъ однимъ изъ самыхъ ярыхъ защитниковъ и проповѣдниковъ ея...

Прежде чѣмъ заняться изложеніемъ содержанія *Казокъ*, мы позволимъ себѣ привести характеристику малорусскаго правописанія ихъ, сдѣланную д-ромъ Иваномъ Франко [2]). При этой характеристикѣ г. Франко исходитъ изъ правописанія, принятаго въ настоящее время въ Галиціи, но отъ этого, конечно, сущность дѣла не измѣняется.

Правописаніе, по мнѣнію д-ра Франко, принадлежитъ къ числу наиболѣе интересныхъ особенностей *Насьkихъ украинсьkихъ казокъ*. «Принимая во вниманіе, говоритъ онъ, что книжечка приготовлена къ изданію, безъ сомнѣнія, самимъ Бодянскимъ, нужно думать, что и привописаніе ея—вполнѣ его соб-

---

[1]) *Н. И. Петровъ.* Очерки, стр. 187.

[2]) Насьскі украïнські казки. У Львові 1903, стр. 22—25.

ственное; отсюда книжечка пріобрѣтаетъ для насъ значеніе въ нѣкоторомъ родѣ историческаго документа, такъ какъ даетъ возможность узнать взгляды Бодянскаго на звуки и формы украинскаго слова. Правописаніе Бодянскаго лишено послѣдовательности: но въ основѣ своей оно является фонетическимъ и приспособлено къ людямъ, которые привыкли читать по-русски. Украинское *и* Бодянскій передаетъ буквою *ы*, а украинское *і*—буквою *и* или передъ гласною—буквою *і*. Такимъ образомъ мы читаемъ: дывысь, трохы, хыбажъ, лышень, вбывъ; винъ, хлопци, нигде, мижъ, своимы, шабли, Туркивъ, своеи. Уже здѣсь, на почвѣ различія звуковъ *і* и *ї* (ji и ьї), начинается непослѣдовательность Бодянскаго. Смягченное или іотированое *і* онъ передаетъ различно: одинъ разъ буквою *и* или *і*: нигде (нїгде), шабли (шаблї), весильля (весїлля), своеи (своеї), моій (моїй), чудасія (чудасїя); другой разъ—буквою *ѣ*: въ школѣ, въ купьцѣ (въ кучці) свѣтъ (світ), на господѣ, дѣды, всѣ, дѣти, на морѣ, въ пѣсьнѣ спѣваютъ. Но та же самая буква *ѣ* служитъ для передачи и другихъ звуковъ, напр., несмягченнаго остраго і: тѣ (ті), тѣжъ, собѣ, вѣе, грѣе, царевъ, на печѣ, къ батьковѣ; одинъ разъ она служитъ, должно быть, для передачи звука *е*: вѣдьмидь (ведмідь: можетъ быть, спрашиваетъ д-ръ Франко, на мѣстномъ говорѣ відьмідь?) Звуки *е* и *є* переданы одной буквою *е*; *е* только въ началѣ слова пишется э; іотированное о (jo) передается буквою ё: ёго, сёго, ёму, всёго. Къ оригинальностямъ стихосложенія Бодянскаго слѣдуетъ отнести полугласное *'о*, которое обыкновенно слѣдуетъ за гласной и образуетъ съ ней одинъ слогъ, напр., ни óдного—читай нї вдного, за 'обценькы (за-вбценьки); но также одинъ-'одынъ (чит. одинъ-вдинъ). *Г* Бодянскій всегда читаетъ по-украински, а не какъ русское *г* (=лат. *g*); для *г* (*g*) нѣтъ особаго знака, хотя въ словахъ дзыгъ-дзыгъ *г* нужно выговаривать, какъ *g*, такъ какъ этого, требуетъ рифма съ словомъ «языкъ», стоящимъ выше. Оригинально пишетъ Бодянскій также слово ось-ось: вмѣсто такого удвоенія слова, онъ вездѣ употребляетъ форму осё-сь. Очень чутокъ нашъ авторъ къ смягченіямъ и употребляетъ *ь* даже въ такихъ случаяхъ, когда позднѣйшіе фонетики считали его лишнимъ.

Мы постоянно, такимъ, образомъ, читаемъ: весильля, въ куцьцѣ (въ кучці), недѣльля, летаньня, вивьци, щебетаньня, потаньцюе, въ пѣсьнѣ, збѣжьжя, людьська, лучьче, чередьню, на супильці, розмаитьни, зьзикрадецьця, оцьци, Запорозьця, затрясь ся, въ печатьню и т. д. Интересно также, что Бодянскій вмѣсто вставочнаго (епентетичнаго) *л* (подивлюся, тямлять) любитъ употреблять *н*: зтямняцьця, памнять, мнята. Зато уже не отъ правописанія Бодянскаго, а отъ говора его зависитъ то, что онъ постоянно употребляетъ наськы, украинськы, люды добры, батьковы хлопци, а также кры вмѣсто край—крій...

Нужно замѣтить, добавляетъ въ заключеніе д-ръ Франко, что кой-гдѣ Бодянскій, должно быть, во время печатанія, измѣнилъ свое правописаніе и въ «опечаткахъ» исправилъ такія слова, какъ «царевѣ», «пановѣ», «отцевѣ» на «цареви», «панови», «отцѐви»; зато не поправилъ нѣсколькихъ опечатокъ тамъ, гдѣ вмѣсто *ы* употреблено *и* (галицкое *i*), напр. въ предисловіи «залицялысь», «проходить»; или гдѣ вмѣсто *и* стоитъ *ы* (помырковавшы, перстынь)».

Перейдемъ теперь къ изложенію самихъ *Казокъ*.

Ихъ три. Первая—*Казка про царивъ садъ, да живую супилочку*. Эпиграфомъ къ ней Бодянскій поставилъ двѣ пословицы «лучьче свое латане, нижъ чужее хватане» и «чуже добро бокомъ вылѣзе»...

Жилъ царь съ царицей. У нихъ долго не было дѣтей. Стали они горевать, а затѣмъ спросили знахарей, неужели же у нихъ никогда дѣтей не будетъ? Знахари утѣшили ихъ, предсказали, что у нихъ родится три сына; но правды при этомъ не скрыли: изъ сыновей два будутъ умные, а третій—дурень. Такъ и случилось. Дѣти росли не по днямъ, а по часамъ:

Ще вчора кожный бувъ хлопя,
Сёгодни глянь—хорошый парубя.

Выросли дѣти. Изъ старшихъ каждый то забавляется охотой, а то

. . . . . зъ дѣвчатамы пустуе
Умѣстѣ зъ нымы пѣсьни тне,

На досвѣткахъ загадкы гне.
Младшій же, дурень,
Крейдою маглюе,
Знай, коныкы все на печѣ,
Або изъ жыта робыть греблю,
Або, котятъ, вамъ, товчучы,
Якъ зъ неба вгрѣецьця объ землю!..

У царя былъ красивый, хорошо убранный садъ, которымъ онъ больше всего хвастался. Бодянскій такъ описываетъ его:

Тамъ яблука рослы и глывы,
И Шпанськы ягоцы, и слывы,
И хвыгы, выноградъ, орѣхъ,
И опельсыны, и калына;
Черемха, дули и малына;
Та хто ихъ въ Бога счыслыть всѣхъ?
Поричкы, агрусъ и суныця,
И вышни трыдцяты сортивъ,
Шовковыця и полуныця;
А скилькы всюды тѣхъ цвѣтивъ!
Кануперъ, мнята и нагидкы,
И крученыи панычи;
Зинзиверъ, царськіи боридкы,
Що розцвѣтають у ночи,
Оксамытъ, пѣвныкы, любыстокъ,
Нечосы—панночкы цвѣлы,
Биждерево и козій лыстыкъ,
Зъ барвинкомъ слався по землѣ;
Тамъ красовався чорнобрывець,
Жовтогарячый рисъ гвоздыкъ,
Цвѣтъ Королёвый—горделывець,
Бузокъ и чоловѣчій вѣкъ;
Пивонія и конвалія,
Троянда, рута и шевлія;
А пташокъ, пташокъ на гилькахъ!

Мій Боженьку!—поглянуть страхъ!
На 'одному чыжъ, щыголь спѣвають,
Тамъ соловейко голосыть;
Тутъ канарейка верещыть,
А тамъ гракы свою кругляють!
Угору жайворонокъ вьецьця,
Ось орлыця по мылимъ бьецьця,
Тутъ пугачъ и зъ своимъ—пугу!
А тамычкы бугай—бугу!...
Зозуля жалибно ковае,
По грядкамъ пава похожае...

Въ садъ никто не ходилъ, кромѣ царя, который время отъ времени водилъ гулять туда и царицу.

Тоди, бувало, ростелють
Якъ снѣгъ той бѣлу скатерныцю,
Сёго, того имъ прынесуть
(Свою щобъ пидкрѣпыты душку):
Сметаны, пирожкивъ, яець,
И меду золотый корець,
Родзынкивъ, ягидъ на закуску.

Послѣ закуски, царь обыкновенно отдыхалъ, положивши голову на колѣни царицѣ, а та

Платочокъ въ бѣлы рукы взявъ,
Нымъ мухъ одъ ёго одганяла,
Або ёму головкуськяла.

Все шло хорошо. Вдругъ въ саду появился кабанъ и сталъ немилосердно портить деревья. Сколько ни объявлялъ царь наградъ тому, кто убьетъ этого кабана, обѣщая сдѣлать такого человѣка вторымъ послѣ себя лицомъ въ царствѣ--ничего не помогало. Пробовали ходить въ садъ стеречь кабана, но никому не удавалось увидѣть его, такъ какъ всѣ сейчасъ же засыпали. Не удалось увидѣть кабана и старшимъ сыновьямъ царя. Сталъ тогда проситься младшій

царскій сынъ--дурень. Царь сначала посмѣялся, но затѣмъ все-таки пустилъ его въ садъ. Дурню, дѣйствительно, удалось увидѣть и убить кабана. Но онъ, видимо, мало интересовался обѣщанной наградой, потому что не спѣшилъ къ отцу, а, убивши кабана, сѣлъ возлѣ него и заснулъ. Увидѣлъ это старшій братъ и захотѣлъ воспользоваться удачей дурня, убилъ его въ свою очередь, вырылъ могилу, похоронилъ, а самъ запрегъ кобылу и притащилъ кабана къ царю. Царь повѣрилъ и исполнилъ свое обѣщаніе—все «до волосынкы» отдалъ ему.

Прошла недѣля, другая послѣ этого событія. Старшій братъ продолжалъ веселиться. О дурнѣ никто даже и не вспомнилъ, на столько онъ мало всѣхъ интересовалъ.

И тилькы бъ-то ёго могыла
(Якъ въ тій спѣвають пѣсьнѣ намъ),
У полѣ зъ вѣтромъ говорила!..

Но вотъ однажды вечеромъ пастухъ гналъ овецъ на водопой къ рѣкѣ; смотритъ, на могилѣ выросла очеретина. Онъ сорвалъ ее и сдѣлалъ себѣ сопилочку; сталъ играть на ней, а сопилочка сквозь слезы стала просить:

Да помалу-малу, вывчарыку, грай!
Да не вразы мого ты серденька вкрай.
Пры саду—саду братъ мене вбывъ,
За того кабана, що въ саду рывъ!..

Остолбенѣлъ пастухъ; постоялъ нѣсколько времени, подумалъ, да и отправился къ царю. Царь куда-то отлучился, его не было дома. Тогда пастухъ добился свиданія съ царицей. Заиграла царица въ сопилочку, а сопилочка сказала ей то же, что и пастуху, назвала ее только *матусенькой*. Пріѣхалъ потомъ царь, также заигралъ, а сопилочка назвала его *батенькой*, Послѣ этого предложили поиграть старшему сыну.

Того цыганськый питъ схватывъ,
Не стямывся, якъ й взявъ супилку.

Супилочка назвала его *братикомъ* и сказала, что онъ ее убилъ. Это такъ поразило старшаго брата, что тотъ успѣлъ только крикнуть «рятуй!» и упалъ мертвымъ.—«Поганому—погана й смерть»—говоритъ царь, утѣшая окружающихъ.

Таково содержаніе первой сказки. Вторая носитъ такое названіе: «*Казка про дурня да его коня: срибна шерстынка, золота шерстынка*». Содержаніемъ ея служитъ извѣстная народная сказка о томъ, какъ одинъ человѣкъ, умирая, завѣщалъ сыновьямъ придти ночью поочередно на его могилу и обѣщалъ дать имъ за это богатство и силу. Два старшихъ сына, умныхъ, не пошли, третій же, дуракъ, пошелъ. Отецъ далъ ему двѣ шерстинки, золотую и серебряную, припаливъ которыя, дурень получалъ способность превращаться въ рыцаря; тогда къ нему являлся быстрый конь. Съ помощью этихъ шерстинокъ дурень женился потомъ на царевнѣ, которую царь посадилъ на высокомъ мраморномъ столбѣ и обѣщалъ отдать тому, кто доскачетъ до нея и поцѣлуетъ ее въ губы. Много рыцарей скакало, но неудачно, одинъ дуракъ доскакалъ на своемъ быстромъ конѣ и получилъ за это царевну.

Описывая приближеніе вечера, когда дурень долженъ былъ пойти на могилу отца, Бодянскій рисуетъ намъ такую деревенскую картину:

Отъ череду уже женуть:
Стары, малы къ ій выбѣгають;
Коровы да быкы ревуть,
Телятъ дѣвчата розлучають;
Отъ зъ поля йдуть гуртомъ женьци
За нымы косари, гребци;
Отъ въ хатахъ всюды засвѣтылы;
На улыцю повыходылы
Дѣвонькы, хлопци, парубкы:
Пустують, то жартують въ волю,
Знимають зъ мылыхъ стричечкы,
Говорять, шепчуть мижъ собою;
Прытыхнуть впять заголосять;
Всѣ парамы тобѣ сыдять.

Дѣло подходило къ полночи. Дурню необходимо было идти на кладбище.

Замовкло всюды, ни шышырхне;
Затыхъ дѣвоцькый перезовъ,
Хыба—то де-не-де що пыкне...

А когда возвращался дурень домой, то

Оть незабаромъ розсвѣтало:
Изъ досвѣтокъ дѣвчата шлы;
Вивчаръ гнавъ череду безъ—лику;
По полю бжолы, знай, гулы:
Крычалы пѣвни кукурику!..

Самое описаніе наружности царевны, на которой потомъ женился дурень, носитъ на себѣ извѣстный этнографичеекій отпечатокъ. Главныя черты этого описанія излюбленныя малорусскія.

Хороша, якъ троянда тая;
Лыце—що сонечко твое!..
Губкы якъ медъ солодкы;
Очыци карыи въ нее,
Дугою надъ нымы бровонькы:
Прямый тополёвый станокъ,
И соловейка голосокъ...

Свадьба дурня съ царевной была отпразднована вполнѣ по малорусскому ритуалу. Наканунѣ былъ «дѣвычь-вечиръ»: собрались дѣвушки, сѣли за столъ, на которомъ стоялъ коровай и стали завивать «выльце». На другой день молодыхъ обвѣнчали, «потимъ веселый бувъ бенкетъ»... Описывая «дѣвичь-вечеръ», затѣмъ свадьбу, Бодянскій приводитъ нѣсколько народныхъ пѣсенъ, которыя пѣлись дружками. Говоря о томъ, что она должна выйти замужъ за дурня, царевна поетъ извѣстную пѣсню:

Кохавъ мене батько, якъ бѣлу тополю:
Ой оддала мене маты въ тяжкую неволю!...

Третья сказка—«*Казка—про малесенького 'Ивася, змію, дочку іи Олесю, та заднихъ гусенятъ*». Ивась росъ не такъ какъ всѣ. Онъ рано привыкъ къ водѣ. Большую часть своего времени онъ проводилъ въ лодкѣ. Мать приносила ему ѣсть и, напѣвая, звала его къ берегу:

«Сынку—сынку Ивашечку!
Прыплынь-прыплынь икъ бережку!
Несу тобѣ ѣсты, пыты,
И хороше походыты...

Ивась приплывалъ.

Подслушала это змѣя и захотѣла овладѣть Ивасемъ; стала звать его своимъ грубымъ голосомъ - Ивась не приплылъ. Тогда змѣя обратилась къ ковалю съ просьбой сковать ей голосокъ, какъ у матери Ивася. При помощи этого голоса змѣя поймала Ивася, унесла его въ лѣсъ и, посовѣтовавшись съ дочерью своею Олесею, задумала сжарить и съѣсть. Но Ивасю удалось обмануть Олесю; змѣя съѣла свою дочь. Ивась же, при помощи гусей, которые взяли его на крылья, возвратился домой.

Въ этой сказкѣ, основной сюжетъ которой всѣмъ, конечно, съ дѣтства хорошо извѣстенъ, авторъ такъ описываетъ свои дѣтскія забавы:

«Мы жъ дѣтьмы—бѣгаемъ, крычымъ:
Зимою грынджола тащымъ.
Або громакъ, або санчята,
Щобъ стрѣлкою зъ горы летѣть:
Або—маршъ кучкою глядѣть,
Якъ въ бокы въѣлыся хлопята!
А якъ овсянка—чыркъ пидъ писъ:
«Покынь санкы, берысь за визъ!»
Чужы дѣтвора, власно мухы,
На двиръ летять попустовать;
Давай въ опукы, швайку грать!
Геть чоботы! Геть и кожухы!

Тутъ гылкы, каша, городокъ,
Хто до нацивъ, хто до цурокъ,
Хто булку въ дучечку ганяе,
Хто у крагли, хто у лозу,
Хто въ трояна, хто у мету,
Хто въ хрещыкъ зъ дѣвонькамы грае.
Обѣдаты хочъ не просы...
Прысталы мовъ-бы до косы!
Глядышъ—у пужьмиркы розбѣглысь
По цѣлому тобѣ селѣ;
Тѣ одъ джгута нибы въ огнѣ;
Тѣ въ тѣсну бабу заходылысь;
Тѣ въ гуркала, тѣ въ маршалкы,
Тѣ въ кремняхы, а де-якы
Колодязь пожыкомъ копають;
Тѣ въ горю-дуба, у гусей:
Отъ вовкъ зикрався до дѣтей...
А тіи сонце запускають!...
Увисипь тая-жъ пѣсньья внять:
До скобзалкы, да до санчять...

Мы уже знаемъ, что покойный А. А. Котляревскій приписывалъ большое вліяніе на О. М. Бодянскаго малорусскимъ пѣснямъ, изданнымъ въ 1827 году М. А. Максимовичемъ. Конецъ 1820-хъ и въ особенности начало 1830-хъ годовъ было временемъ, когда сталъ особенно пробуждаться интересъ къ малорусской народности. Это отмѣчалъ въ своихъ статьяхъ и Бодянскій. Волна народности не могла не захватить и его самого. Значительные слѣды ея мы сейчасъ только видѣли на *Наськихъ украинськихъ казкахъ*. Въ предисловіи къ нимъ Бодянскій обращалъ особенное вниманіе своихъ земляковъ-малороссовъ на необходимость немедленно же позаботиться о собираніи и сохраненіи памятниковъ народнаго творчества. Онъ считалъ это обязанностью именно малороссовъ и боялся, чтобы кто-нибудь другой, не малороссъ, не взялся за это. «Що-сь, не передъ добромъ,

якъ я бачу, говоритъ онъ, сякы-такы, неказаны хвертыкы шлянюцьця частесенько уже помижъ намы. Глядить, лышень, щобъ воны зъ нашого-жъ хворосту да не загнулы намъ якои чуденнои карлючкы! Отъ-то-то буде сорому-сорому, за всѣ головы сорому»[1])! Бодянскій считалъ, такимъ образомъ, позоромъ, если бы кто-нибудь другой, а не малороссъ, занялся собираніемъ и изданіемъ памятниковъ малорусской народной словесности. Въ этомъ сказывалось его желаніе вызвать малорусскую интеллигенцію къ самодѣятельности, къ пробужденію ея интереса къ народу и, главнымъ образомъ, къ народному творчеству.

У самого Бодянскаго интересъ этотъ зародился еще на школьной скамьѣ. Реальнымъ образомъ онъ выразился въ творчествѣ его на родномъ малорусскомъ языкѣ, въ тѣхъ виршахъ, которыя мы уже знаемъ и которыя написаны Бодянскимъ еще въ семинаріи. Тогда же Бодянскій сталъ собирать и записывать памятники народнаго творчества. Мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ, указаніе на это, идущее отъ него самого. Въ одномъ изъ примѣчаній къ своей книгѣ «О народной поэзіи славянскихъ племенъ», изданной въ 1837 году[2]), онъ говоритъ: «что же касается до многочисленности пѣсенъ украинскихъ, то скажемъ, что въ нашемъ собраніи ихъ, котораго отнюдь не выдаемъ за полное, начатомъ за 7 лѣтъ передъ этимъ и наполняемомъ пѣснями, собранными только въ одной полтавской губерніи, то въ немъ теперь имѣется уже слишкомъ за *восемь* тысячъ, 8000, пѣсенъ». Отсюда мы видимъ, что пѣсни народныя Бодянскій началъ собирать приблизительно въ 1830 году. Толчокъ къ этому могли дать «Малорусскія пѣсни», изданныя М. А. Максимовичемъ въ 1827 году. Такъ думалъ и А. А. Котляревскій[3]). Бодянскій не издалъ собранныхъ имъ пѣсенъ, хотя постоянно и мечталъ объ этомъ[4]). Мы знаемъ, что часть пѣсенъ онъ пере-

---

[1]) Наськы украинськы казкы, стр. XIII.

[2]) Стр. 136.

[3]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 432.

[4]) Письма М. А. Максимовича къ О. М. Бодянскому въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древ.» 1887, кн. I, стр. 134.

далъ М. А. Максимовичу, и онѣ вошли во второе изданіе малороссійскихъ пѣсенъ послѣдняго, вышедшее въ свѣтъ въ 1836-мъ году [1]). Собираніе пѣсенъ О. М. Бодянскимъ не прекратилось въ 1837 г. Онъ, повидимому, продолжалъ, собирать ихъ втеченіе всей своей жизни. По крайней мѣрѣ, на это указываетъ намъ его переписка съ А. М. Лазаревскимъ [2]).

Опредѣлить точно, какіе виды народнаго творчества собиралъ О. М. Бодянскій, мы не можемъ. Изданіе *Наськихъ украинськихъ казокъ* даетъ намъ право думать, что О. М. Бодянскій собиралъ и сказки. Зато точныя указанія мы имѣемъ относительно пословицъ и поговорокъ. Въ 1855 году ихъ у него было уже свыше 1500 [3]). Къ пословицамъ и поговоркамъ Бодянскій чувствовалъ большую слабость. Онъ зналъ ихъ огромное количество на всевозможныхъ языкахъ и любилъ пересыпать ими свои статьи и письма, нагромождая одну пословицу на другую, часто во вредъ даже ясности мысли [4])...

Мы не знаемъ, какими путями собиралъ О. М. Бодянскій памятники народнаго творчества, самъ ли онъ записывалъ ихъ или пользовался записями другихъ. Братъ его Федоръ Максимовичъ тоже, вѣдь, собиралъ народныя пѣсни. По словамъ М. Стаховича, въ 1840-хъ годахъ у него было ихъ до 4-хъ тысячъ [5]). Очень можетъ быть, что онъ и передавалъ свои пѣсни брату [6]).

---

[1]) Сочиненія М. А. Максимовича т. II, стр. 453.

[2]) Кіев. Стар., т. 27, стр. 448.

[3]) Тамъ-же стр. 447.

[4]) Ученыя Зап. Москов. унив. 1834. № 5. Критика стр. 311—312.

[5]) Рус. Арх. 1886. Цитата взята у А. А. Кочубинскаго «Графъ С. Т. Строгановъ.» Вѣст. Евр. 1886 г. іюль стр. 188 прим. 2-е.

[6]) Рукопись съ пѣснями, собранными Федоромъ Максимовичемъ Бодянскимъ, находится въ настоящее время у О. И. Левицкаго (Кіевъ), а ему передана преподавателемъ полтав. кадет. корпуса И. Ф. Павловскимъ, который въ свою очередь, получилъ ее отъ Н. М. Артемьева, бывшаго преподавателемъ полтавской классической гимназіи. Рукопись, въ четвертку толстой сѣрой бумаги, носитъ такое заглавіе: «Наськы Украинськы саги, або малоросыйськы пѣсьни. Зобраны Запорозьцемъ

Изученіе малорусской литературы и народной словесности привело О. М. Бодянскаго и къ занятію малорусскимъ языкомъ. Къ сожалѣнію, и здѣсь все сдѣланное имъ въ этомъ отношеніи погибло для насъ безвозвратно.

На занятія свои малорусскимъ языкомъ О. М. Бодянскій смотрѣлъ, повидимому, очень серьезно. Говоря о пробужденіи у малороссовъ интереса къ своему національному и народному, О. М. Бодянскій отмѣчалъ въ одной изъ своихъ статей не только тѣхъ лицъ, которыя занимаются собираніемъ народныхъ произведеній, но и тѣхъ, которыя «посвящають свое время на знакомство съ прочими славянскими языками и ихъ литературою, изучають оные и, такимъ образомъ, стараются уяснить для себя то отношеніе, въ какомъ должна находиться ихъ собственная словесность и языкъ къ прочимъ родственнымъ съ нимъ языкамъ славянскимъ» [1]). Въ числѣ малороссовъ, посвятившихъ себя изученію славянскихъ литературъ, Бодянскій, конечно, разумѣлъ себя. Изъ той же статьи Бодянскаго мы знаемъ далѣе, что одинъ изъ малороссовъ трудился «надъ составленіемъ сравнительной грамматики своего языка съ прочими славянскими языками и такого же словаря» [2]). А. Н. Пыпинъ увѣренно говоритъ, и съ нимъ нельзя не согласиться, что этимъ малороссомъ былъ также О. М. Бодянскій [3]). Мнѣніе А. Н. Пыпина подтверждается и слѣдующимъ фактомъ. Въ 1835 году Погодинъ былъ въ Прагѣ чешской и здѣсь впервые встрѣтился съ знаменитымъ Шафарикомъ. Шафарикъ, задумавшій тогда классическую «Этнографію славянъ» спросилъ Погодина о малорусскомъ нарѣчіи. Погодинъ не сумѣлъ ничего отвѣтить и, какъ самъ признается, почувствовалъ себя крайне неловко [4]). Возвратившись въ Москву, Погодинъ

Хведоромъ Горкавенкомъ Мѣськымъ.—Часть первая». Заглавіе—несомнѣнно, подражаніе *Наськимъ Украинськимъ казкамъ.*

[1]) Телескопъ 1834 г. т. XXI стр. 337—338.

[2]) Тамъ же стр. 337. Ученыя Зап. Москов. у-та 1835 г. кн. IX стр. 489, примѣчаніе.

[3]) *А. Н. Пыпинъ.* Исторія русской этнографіи т. III стр. 109.

[4]) *А. А. Кочубинскій.* Графъ С. Г. Строгановъ. Вѣст. Евр. 1896 г., іюль, стр. 189.

обратился за помощью къ О. М. Бодянскому, и тотъ написалъ спеціально для Шафарика статью о малорусскомъ нарѣчіи— очеркъ географическаго распространенія племени и языка, которую въ началѣ 1836 года Погодинъ и отослалъ Шафарику. Послѣдній встрѣтилъ эту статью, какъ превосходный опытъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ ея продолженія, просилъ пояснять болѣе рѣдкія малорусскія слова и совѣтовалъ написать въ такомъ же родѣ о нарѣчіи бѣлорусскомъ и новгородскомъ. Съ этихъ поръ и началось знакомство Бодянскаго съ Шафарикомъ.

Намъ неизвѣстна статья, посланная Бодянскимъ Шафарику, но очень можетъ быть, что она, по своему содержанію, близка къ той, которая была помѣщена въ IX книгѣ «Ученыхъ Записокъ московскаго университета за 1835—1836 годъ подъ заглавіемъ: «*Разсмотрѣніе различныхъ мнѣній о древнемъ языкѣ сѣверныхъ и южныхъ Руссовъ*». Эта послѣдняя статья, во всякомъ случаѣ, явилась не случайно, а какъ результатъ опредѣленныхъ занятій О. М. Бодянскаго малорусскимъ языкомъ.

А. А. Котляревскій даетъ ей такую оцѣнку: «Бодянскій рѣшалъ вопросъ не на основаніи фактовъ филологическихъ, а на основаніи историческихъ соображеній. Здѣсь едва ли не въ первый разъ высказана мысль о сравнительномъ изученіи славянской грамматики. Нѣкоторыя сужденія молодого ученаго уже и тогда были запоздалыми, напр. утвержденіе, что древне-церковнославянскій языкъ—отецъ остальныхъ славянскихъ языковъ и что онъ тожественъ съ древне-русскимъ; не видно также, чтобы будущій профессоръ славянскихъ нарѣчій былъ знакомъ съ изслѣдованіями Востокова, но много въ статьѣ угадано вѣрно» [1])...

Всѣ славянскія племена—члены одного многочисленнаго семейства, говорили они когда-то и однимъ языкомъ. Что это былъ за языкъ—неизвѣстно. Исторія его не запомнила. Бодянскій думаетъ, что родоначальникомъ всѣхъ діалектовъ славянскихъ слѣдуетъ признать языкъ церковно-славянскій. Его можно назвать древнимъ славянскимъ языкомъ по отношенію всѣхъ славянъ или древнимъ русскимъ языкомъ по отношенію сѣверныхъ и южныхъ

[1]) Сочиненія Котляревскаго, т. II, стр. 433.

руссовъ. Конечно, въ жизни языкъ этотъ не оставался безъ измѣненія: время дѣлало свое, языки отдѣльныхъ славянскихъ племенъ отдѣлялись и отдалялись другъ отъ друга, принимая въ себя новые слова, обороты и т. д. Такъ отдалились одинъ отъ другаго и языки сѣверныхъ и южныхъ руссовъ. Въ памятникахъ, писанныхъ въ Малой Россіи на языкѣ церковно-славянскомъ, довольно уже рано попадается языкъ малороссійскій. Его, по мнѣнію Бодянскаго, мы встрѣчаемъ «въ Несторѣ, въ договорахъ Олега, Игоря, Святослава съ греками, въ уставѣ Ярослава о церковныхъ судахъ, въ Кириллѣ Туровскомъ, въ вопросахъ Кирика, въ посланіи митрополита Іоанна къ архіепископу римскому о опрѣсноцѣхъ, въ словѣ о Даніилѣ Заточникѣ, въ посланіи Симона, епископа владимірскаго и суздальскаго къ Поликарпу, черноризцу печерскому, въ паломникѣ, въ духовной Мономаха, въ правилѣ Кирилла, митрополита русскаго, въ посланіи митрополита Никифона къ Мономаху въ лѣтописяхъ кіевской, волынской и др.», не говоря уже о сочиненіяхъ появившихся съ XV ст. Въ нихъ языкъ русскій, такъ сказать, *осязаемъ*. Языкъ этотъ, слитый въ одно цѣлое съ языкомъ церковнымъ, иногда перемѣшанный съ полонизмами, особенно въ сочиненіяхъ писателей, жившихъ и воспитывавшихся въ Польшѣ или же бывшихъ природными поляками, но приставшихъ затѣмъ къ малороссамъ—и составилъ тотъ языкъ, который Лаврентій Зизаній, Мелетій Смотрицкій, Памва Берында и др. называли языкомъ *славяно-русьскымъ* и просто *русьскымъ*, разумѣя подъ Русью—Русь южную. На этомъ языкѣ они и писали свои *Грамматики* и *Словари* [1]). Кромѣ нихъ на этомъ же языкѣ писали Петръ Мо-

[1]) Въ доказательство того, что писатели эти не смѣшивали языка великороссійскаго съ малороссійскимъ, Бодянскій приводитъ слѣдующее замѣчаніе Зизанія въ его Грамматикѣ о правописаніи буквы *ы*: «се *ы* дебелымъ гласомъ вѣщается, яко Влдка Хс, употребляютъ же сего нѣціи (наипаче же Москва) во множ. ч. въ мѣсто *и*: яко праведници вм. праведницы, и пр., и сихъ мню не лѣпо быти употребленіе. Или: ѧ никогда въ началѣ не полагается, но на концѣ и въ срединѣ, обыкновенно значитъ множ. число, яко же обыкоша писцѣ писати великои Россіи и пр.».

гила, Иннокентій Гизель, Антоній Радивиловскій, Захарій Копыстенскій, Голятовскій, сочинители Евхаристиріона, албо вдячности, Лазарь Барановичъ, Іоаннъ Максимовичъ и мн. др. «Такимъ образомъ, говоритъ Бодянскій, начало языка южныхъ руссовъ должно искать тамъ же, гдѣ и языки сѣверныхъ руссовъ и прочихъ славянскихъ народовъ: онъ столько же древенъ, какъ и сіи, что доказываютъ памятники, выше нами приведенные.

Но когда въ Южной Руси старый порядокъ вещей, въ силу всеповелѣвающихъ обстоятельствъ, смѣнился новымъ; когда долго тлѣвшая искра козачества, наконецъ, вспыхнула сперва бѣглымъ огонькомъ, потомъ болѣе и болѣе увеличиваясь, превратилась въ пламя и, напослѣдокъ, въ повсемѣстный пожаръ: тогда вмѣстѣ съ такимъ переворотомъ во внутренней и внѣшней жизни Южныхъ Руссовъ, и простой обыкновенный языкъ рѣшительно сдѣлался всѣмъ общимъ: имъ стали говорить всѣ сословія—отъ удалаго козака до его гетьмана, отъ церковнослужителя до владыки, отъ селянки до вельможной *панянкы*; стали употреблять его во всѣхъ военныхъ и гражданскихъ дѣлахъ, выключая только священнослуженіе, гдѣ, по прежнему, оставался господствующимъ языкъ славяно-церковный, хотя поучавшіе духовныхъ чадъ своихъ нерѣдко, для большей вѣрности въ успѣхѣ, позволяли себѣ вмѣшивать въ свои поученія и сей разговорный языкъ. Къ сему-то времени должно отнести появленіе историческихъ думъ, въ коихъ воспѣваются подвиги южныхъ чудо-богатырей. Такъ, нѣтъ почти ни одного славнаго предводителя сихъ рыцарей, ни одного гетьмана, ни одного геройскаго подвига, не увѣковѣченнаго народомъ въ звучныхъ, мелодичныхъ стихахъ. Удачи и неудачи, любовь, разлука, тоска по миломъ, печаль матери по сынѣ, увлеченномъ бурнымъ потокомъ наѣздничества и павшемъ въ схваткѣ съ невѣрными, или захваченномъ въ плѣнъ и преданномъ мучительной смерти, безотрадная грусть сестры по братѣ, буйное пиршество козаковъ по возвращеніи своемъ изъ походовъ, прелести привольной, независимой жизни: все это было темой пѣсней. Можно сказать, не преувеличивая, что Южная Русь съ половины XV ст. стала какъ бы одною огромною *эпопеей*. Ни одинъ изъ славян-

скихъ народовъ столько не богатъ пѣснями, какъ южные руссы; послѣ нихъ стоятъ, безъ сомнѣнія, сѣверные ихъ братья. Это объясняется вообще ихъ жизнію, въ коей, съ самою положительною дѣйствительностію, въ высочайшей степени сочеталась *романическая* занимательность» [1]).

Сходство южнорусскаго языка съ языками западныхъ славянъ дало поводъ нѣкоторымъ производить его отъ языка польскаго. Но съ послѣднимъ онъ «имѣетъ столько сходства, сколько и со всѣми прочими языками славянскими». При русскихъ, затѣмъ при литовскихъ князьяхъ, польскій языкъ не имѣлъ вліянія на языкъ южнорусскій; вліяніе его начинаетъ сказываться только позже, послѣ соединенія Литвы съ Польшей въ одно государство, и дѣлается замѣтнымъ преимущественно на письменномъ языкѣ людей духовнаго званія. «Но полонизмы сіи, продолжаетъ Бодянскій, съ перваго взгляда могутъ быть отличены и замѣнены истинными малоруссизмами или церковнаго языка оборотами. Напротивъ, *разговорный малороссійскій* языкъ, на *лѣвой сторонѣ Днѣпра*, никогда не терпѣлъ никакихъ полонизмовъ ни въ письмѣ, ни въ разговорѣ. Тѣ же изъ малороссіянъ, кои *на правой сторонѣ Днѣпра* обитаютъ, равно на Волыни, въ Подоліи и Галиціи, говорятъ симъ же языкомъ, только съ весьма незамѣтною примѣсью нѣсколькихъ польскихъ словъ, вкравшихся уже въ позднѣйшее время владычества поляковъ, особенно отъ того, что большая часть ихъ магнатовъ имѣли и имѣютъ тамъ огромныя помѣстья; при чемъ отъ долговременнаго обращенія подданныхъ съ господами, естественно первые должны были невольно заимствовать отъ послѣднихъ кой-что какъ въ обыкновеніяхъ, такъ и въ языкѣ. И потому языкъ сихъ украинцевъ остается *нарѣчіемъ* языка малороссійскаго, того, которымъ говорятъ въ губерніяхъ: полтавской (здѣсь самый чистый, пріятный, истинный малороссійскій языкъ), черниговской (по р. Деснѣ и Сейму), слободско-украинской, екатеринославской, частію херсонской, землѣ войска

[1]) Ученыя Записки московск. университета, 1835 г., т. IX. стр. 481—483.

черноморскаго, запорожцевъ, въ Анапѣ и Азовѣ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ губерній: воронежской, саратовской и др. Въ остальныхъ же уѣздахъ черниговской и въ нѣкоторыхъ курской—языкъ, употребляемый малороссіянами, по множеству словъ изъ языка великорусскаго и обыкновеннаго бѣлорусскаго (происшедшаго отъ смѣшенія языковъ великорус. съ польскимъ и малоросс.), по причинѣ смежности жительства, составляетъ тоже *нарѣчіе* языка малоросс. Послѣднее нарѣчіе образовалось гораздо позже перваго; ибо здѣсь съ давнихъ временъ существовала точка соприкосновенія южныхъ руссовъ съ сѣверными» [1]).

Мнѣніе о томъ, что русскій языкъ, которымъ говорили въ XII в. въ Кіевѣ и Черниговѣ, подвергся потомъ въ историческихъ актахъ Волыни и Литвы вліянію языка польскаго и послужилъ, такимъ образомъ, основой для языка бѣлорусскаго и разговорнаго малорусскаго—Бодянскій считаетъ ложнымъ. «Одно изъ двухъ, говоритъ онъ: или всѣ сіи слова, коихъ большая половина никогда и нигдѣ не употреблялась и не употребляется поляками, суть *малороссійскія* и слѣд. есть *малорос. языкъ*, хотя на немъ, по изложенной прежде причинѣ, до образованія *козачества*, не писали, какъ не писали въ то же время на сѣверѣ языкомъ великороссійскимъ: или же слова эти—польскія, и тогда слѣдуетъ показать, какимъ образомъ они попали въ памятники письменности древнихъ юго-руссовъ въ ту пору, когда поляки никакихъ не имѣли сношеній съ сими руссами, а потому не имѣли и никакого вліянія ни на языкъ, ни на нравы, обычаи, постановленія, духъ народа южно-русскаго? Откуда ведутъ свое начало слова сего языка, встрѣчаемыя въ польскомъ? Какъ случилось, что грамматика языка малороссійскаго вовсе несходна и никогда не была сходною ни въ чемъ съ грамматикою языка польскаго, ежели первый происходитъ отъ послѣдняго? Иначе, допустивъ такое происхожденіе, непремѣнно должно будетъ допустить и образованіе языковъ богемскаго, моравскаго, словацкаго, карпато-росскаго, краинскаго, сербскаго и булгарскаго отъ языка польскаго, съ ко-

[1]) Тамъ-же, стр. 483—485.

торымъ всѣ они гораздо большее имѣютъ сходство, чѣмъ языкъ малороссійскій. Другаго слѣдствія не можетъ быть. Въ противномъ случаѣ, всѣ толки о семъ предметѣ будутъ вопреки свидѣтельству исторіи и генію самаго языка южныхъ руссовъ» [1]).

Древнѣйшими памятниками малорусскаго языка О. М. Бодянскій считаетъ *привилегіи*, данныя малороссіянамъ литовскими в. князьями и польскими королями. Сюда онъ относитъ привилегіи Ягайлы 1410 г., Владислава 1634 г. и др. Хотя въ нихъ кой-гдѣ и встрѣчаются польскія слова, но всѣ рѣшительно привилегіи писаны языкомъ южно-русскимъ. «Въ 1672—81 г. появилось сочиненіе, писанное отъ начала до конца нынѣшнимъ малороссійскимъ языкомъ. Это— *Кроника съ лѣтописьцивъ стародавныхъ Ѳеодосія Софоновича*, игумена михайловскаго золотоверхаго монастыря (Кіевъ). Были, безъ сомнѣнія, и постарше сочиненія; но время всѣ ихъ унесло съ собою. Другое, не менѣе важное сочиненіе: *Лѣтописецъ малороссійскій*, помѣщенный Туманскимъ въ его «Россійскомъ Магазинѣ». Мнѣ, прибавляетъ Бодянскій, нѣсколько попадалось также рукописныхъ лѣтописей объ Украинѣ, изъ коихъ нѣкоторыя, довольно древнія, осуждены тлѣть въ какомъ-нибудь пыльномъ архивѣ или темномъ уголкѣ частнаго человѣка» [2]).

Къ этому мѣсту Бодянскій дѣлаетъ любопытное примѣчаніе, въ которомъ, въ видѣ исторической справки, перечисляетъ главнѣйшія явленія въ исторіи малорусской литературы до его времени. «Изъ многочисленныхъ сочинителей пѣсенъ, говоритъ онъ въ этомъ примѣчаніи, которое мы, въ виду его интереса, воспроизводимъ здѣсь цѣликомъ,—извѣстны только *Климовскій*, козакъ, коему приписывается пѣсня: *Ѣхавъ козакъ за Дунай* и нѣсколько другихъ; *Кальнашъ* (Кальнишевскій), послѣдній кошевой запорожцевъ, сочинитель, по мнѣнію Бантыша-Каменскаго, пѣсни: *Ой бѣда, бѣда чайцѣ—небозѣ*! Нѣсколько пѣсенъ, большею частію запорожскихъ, подарены *Голованёмъ*, также кошевымъ. Извѣстный *Сковорода* написалъ также довольное число пѣсенъ, напр: *Ой ты*

---

[1]) Тамъ-же, стр. 485—486.

[2]) Тамъ-же, стр. 487.

пытычка, жовтобока; Всякому городу нравъ и правá и др. Въ началѣ текущаго (XIX) столѣтія первый, принявшій твердое намѣреніе писать только на малороссійскомъ языкѣ, былъ г. *Котляревскій*, авторъ *Енеиды на-изнанку*, оперы: *Наталка-Полтавка;* оды: *На новый годъ батьку и пану нашому князю Олексію Куракыну* и нѣск. друг.; за нимъ слѣдуетъ *Артемовскій-Гулакъ*, написавшій баладу *Твердовскый*, нѣсколько коротенькихъ *казокъ* (пѣсень), *одъ*, переведшій балладу Гёте *Рыбакъ* и мн. др. мелкія соч.; замѣчательны также стихотворенія: г.г. *В.* переводчика *Свѣтланы (Маруся)*, помѣщенной въ одной изъ книжекъ Вѣстн. Европы за послѣдній годъ, *Боровиковскаго*, изъ піесъ коего лучшая *Урывокъ зъ казкы Гайдамакы; Писаревскаго* (протоіерея), сочинителя пѣсенъ: *За Нѣмань иду; Де ты ходышъ моя доле? Г. Гребенка* издалъ: *Малороссійскія приказки* (басни); въ началѣ текущаго (1835) года появились *Насъкы Украинськы казкы запорозъця Иська Матырынкы*. Нельзя умолчать также о комедіяхъ *Дворянскіе выборы* и *Шельменко*,—соч. *г. Квѣткы:* они писаны русскимъ и малоросс. яз.; нѣкоторыя сцены на семъ послѣднемъ обличаютъ великаго мастера, хотя слогъ и не вездѣ ровенъ. Ему же принадлежатъ *Малороссійскія повѣсти на отечественномъ языкѣ*. Сверхъ упомянутыхъ сочиненій довольно имѣется еще въ рукописяхъ, сочинители коихъ неизвѣстны, но въ коихъ много комическаго, языкъ довольно чистъ (таковы: *Заговоръ на попа, Вакула Чмыръ, Оды* на 1812 г. и др.). *Г. Павловскій* написалъ для сего языка *Грамматику*, но это одинъ только слабый очеркъ. Опыты *Краткихъ Словарей* были сдѣланы гг. *Котляревскимъ* (къ его Енеидѣ), *Павловскимъ* (къ его Грамматикѣ), *Войцеховичемъ* (въ трудахъ Общ. Любит. Рос. Слов.), *кн. Цертелевымъ* (къ изд. имъ 10 историч. пѣснямъ) и *Максимовичемъ* (къ малоросс. пѣснямъ); *полнаго же Словаря* доселѣ нѣтъ, равно какъ и грамматики. Впрочемъ, отъ многихъ слышно о составленіи кѣмъ-то *Сравнительнаго Словаря и Грамматики языка малороссійскаго* съ языками прочихъ славянъ» [1]). Этотъ *кто-то*, какъ мы уже знаемъ, былъ самъ О. М. Бодянскій.

[1]) Тамъ-же, стр. 487—489. Примѣчаніе.

Общій выводъ, къ которому приходитъ Бодянскій въ заключеніе своей статьи, такой. Сначала, до XII в., языкъ сѣверныхъ и южныхъ руссовъ былъ очень схожъ, но послѣ нашествія татаръ и завоеванія Южной Руси литовцами, языки руссовъ «такъ далеко отстали одинъ отъ другаго (равно какъ и самые говорившіе ими), что впослѣдствіи составили собою совершенно двѣ отличныя вѣтви, рѣшительно никогда уже не могущія сблизиться. Языкъ одного изъ сихъ народовъ другому кажется чѣмъ-то дикимъ, непріятнымъ для слуха и большею частію непонятнымъ (говорю о простомъ народѣ; высшій классъ, какъ и вездѣ, составляетъ исключеніе); повидимому, звучитъ что-то знакомое, но произношеніе, грамматическое сочетаніе и обороты того и другаго языка дѣлаютъ ихъ между собою совершенно разными» [1]). Народный языкъ развивался независимо отъ языка письменнаго. На своемъ народномъ языкѣ народъ слагалъ свои пѣсни и передавалъ ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Славяно-церковная письменность шла также своей обычной чередою какъ у сѣверныхъ, такъ и у южныхъ руссовъ, съ той только разницей, что «первые долго довольствовались простымъ перенесеніемъ произведеній послѣднихъ и усвоеніемъ ихъ себѣ» [2]). *Слово о полку Игоревѣ* Бодянскій считаетъ произведеніемъ южно-русской словесности но не XII вѣка, а спустя еще вѣка два-три. «Если бы *Слово* сіе, говоритъ онъ, было писано въ XII в., языкъ его мало чѣмъ бы разнился отъ языка церковнаго; оно не противорѣчило бы цѣлымъ почти своимъ составомъ тогдашнему времени, было бы приспособлено къ тогдашнимъ обстоятельствамъ» [3]).

Послѣ этой статьи О. М. Бодянскій въ печатной литературѣ, сколько намъ извѣстно, не заговаривалъ больше о малорусскомъ языкѣ, хотя и продолжалъ имъ интересоваться [4]). Не смотря на то,

---

[1]) Ученыя Зап. Московскаго университета, 1835 г. кн. XI. Критика, стр. 489—490.

[2]) Тамъ-же, стр. 490.

[3]) Тамъ-же, стр. 491.

[4]) См. напр., письмо къ Г. П. Данилевскому, 29 ноября 1855 г. Кіев. Ст. 1903 г. январь, стр. 56—57.

что онъ объяснялъ свои занятія языками западныхъ славянъ желаніемъ уяснить отношеніе своей родной, малорусской словесности къ другимъ славянскимъ [1]), все-же спеціализація сдѣлала свое дѣло. Занятіе языками и литературой западныхъ славянъ поглотило Бодянскаго цѣликомъ и надолго, навсегда отвлекло его отъ научнаго изученія своего родного языка и малорусской литературы, общіе контуры развитія которой онъ такъ смѣло, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ правильно, набросалъ въ только что изложенной нами статьѣ. Задуманные Бодянскимъ труды—малорусскій словарь и сравнительная грамматика малорусскаго языка, надъ которой онъ, по его словамъ, уже работалъ, остались въ области однихъ только предположеній; исчезли, повидимому, и матеріалы, собранные имъ для этой цѣли...

Ник. Василенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Телескопъ, 1834 г.. т. XXI, стр. 338.

ПРОПАЩА СЫЛА.

Повисть [1].

ЧАСТЫНА ПЕРША.

I.

Полёва царивна.

На двори весна вповни. Куды не глянь—скризь розвернулося, роспустылося, зацвило пышнымъ цвитомъ. Ясне сонце, тепле и прыязне, ще не вспило наложыты палючыхъ слидивъ на землю: якъ на велыкдень дивчына, красуется вона въ своимъ роскишнимъ убранни... Поле—що безкрае море; скилькы зглянешъ—розислало зеленый кылымъ, ажъ сміется у вочихъ. Надъ нымъ сынимъ шатромъ розипьялось небо: ни плямочкы, ни хмарочкы, чысте, прозоре—поглядъ такъ и тоне... Зъ неба, якъ росоплене золото, льется на землю блыскучый свитъ сонця; на ланахъ грае соняшна хвыля; пидъ хвылею спіе хлиборобська доля... Буяе вона въ гору; зеленіе, якъ рута... Легенькый витрець по-

[1]) Печатаемая нами теперь повѣсть *Панаса Мырного та Ивана Билыка* написана еще въ 1875 году и тогда же была разрѣшена цензурой къ напечатанію подъ заглавіемъ „Хиба ревуть волы, якъ ясла повни». но своевременно издана въ Россіи не была.

дыхае зъ теплого краю, перебигае зъ нывкы на нывку, жывыть, освижае кожну былынку... И ведуть воны мижъ собою тыхутаемну розмову: чутно тилькы шелестъ жыта, травыци... А зъ горы лыне жайворонкова писня: доносытся голосъ, якъ срибный дзвиночокъ,—тремтыть, перелывается, застыгае въ повитри... Перерывае ёго перепелячый крыкъ, зирвавшысь въ гору; заглушае докучне сюрчання травяныхъ коныкивъ, що якъ не розирвутся— и все те злывается до купы въ якыйсь чудный гоминъ, врывается въ душу, розбуркуе въ ній добристь, щыристь, любовъ до всёго... Ґарно тоби, любо, весело! На серци стыхають негоды; на думку не лизуть клопоты; добра надія обгортае тебе добрымы думкамы, бажаннямы... Хочется самому жыты и любыты; бажаешъ кожному счастя. Не даромъ въ таку годыну—абы недиля, або яке свято— хлиборобы выходять на поле хлиба обдывлятысь!

Оттакои саме поры, въ недилю, писля раннёго обиднёго часу,—тымъ шляхомъ, що, звывшысь гадюкою, пославсь одъ велыкого села Писокъ ажъ до славного колысь Ромодану,—ишовъ молодый чоловикъ. «Не багатого роду»!—казала проста свыта, накынута на-опашкы.—«Та чепурнои вдачи»,—одмовляла чыста, била, на грудяхъ вышывана сорочка, выглядуючы зъ-пидъ свыты. Червоный зъ кытыцямы поясъ телипався до колинъ, а высока сыва шапка зъ решетыливськыхъ смушкивъ, перехыляючысь набакиръ, натякала про парубоцьку вдачу...

Ишовъ справди парубокъ. На першый поглядъ—ёму, може, литъ до двадцяты добиралося. Чорный шовковый пухъ тилькы що высыпався на верхній губи, де колысь малося буты вусамъ;— на мовъ стесаній боридци де-де понялось тонке, якъ павутыння, волосячко. Нисъ невелычкый, тонкый, трохы загостреный; темни кари очи—тежъ гостри; лыце довгобразе—козаче; ни высокого, ни нызького зросту,—тилькы плечи шыроки, та груды высоки... Оце й уся врода. Такыхъ парубкивъ часто и густо можна зустриты по нашыхъ хуторахъ та селахъ. Одно тилькы въ нёго не абы-яке—дуже палкый поглядъ, швыдкый, якъ блыскавка. Нымъ свитылась якась незвычайна смилывисть и духова мицъ, разомъ зъ якоюсь хыжою тугою.

Парубокъ плывся повагомъ, позакладавшы рукы назадъ себе, зазыравъ навкругы себе своимы блыскучымы очима: иноди зупынявся и довго розглядавъ зелене нывья. То знову йшовъ; то зновъ становывся де небудь на згирку—и зновъ оглядавъ поле. Ось, перейшовъ и драный мисточокъ посередъ лукъ, на пызыни, на бальци. Пидъ нымъ ще не высохлы весняни калюжи—ажъ зацвилы, позеленилы; кумкають въ ныхъ жабы рапо й вечиръ. Отъ, опынывсь винъ на невелычкимъ горбку по той бикъ мисточка; ставъ, обернувся лыцемъ до ёго; глянувъ на рудку; перевивъ поглядъ на крайне жыто. «Одже тутъ кращи хлиба, нижъ пидъ селомъ,»—подумавъ самъ соби: «тутъ, мабуть, сыльнищый дощъ пройшовъ». Зновъ повернувся и рушывъ дали.

Спустывшысь въ долыну, повернувъ зъ курного шляху на обнижокъ—и пишовъ помижъ зеленымы жытамы. Ось, пидійшовъ до одніеи нывы, пахылывся, вырвавъ пры самимъ корени пучокъ жыта, глянувъ на ёго, дали глянувъ на ныву,—и лыце засвитылось одрадою: «Отъ де моя праця,—немовъ казалы ёго очи,—не марно потрачена: вона зробыла зъ мене чоловика, хазяина»! Повертившы въ рукахъ вырване жыто, винъ скынувъ очима на другый бикъ межи; зновъ глянувъ на свою ныву, наче ривнявъ дви нывы мижъ собою—и промовывъ въ голосъ: «Бачъ... на нашому поли жыто краще, нижъ у дядька Кабанця: мое таке густе та гонке, а въ ёго—ледве одъ земли одлизло,—пызеньке, жовте, засмоктане»...

Не вспивъ доказаты останнёго слова, чуе—недалеко, зъ-за жыта, хтось спивае... Винъ прытаивъ духъ; насторожывъ уха; слуха... Голосъ тонкый, гнучкый, дзвинкый, такъ и росходывся на вси бокы то розлягався въ высокимъ простори, то слався по земли, по зеленыхъ жытахъ, то замыравъ оддалекы на поляхъ розлогыхъ, то влывався въ душу якымсь несвидомымъ счастямъ...

Парубокъ стоявъ, якъ зачарованый. Ёму здалося—винъ зъ роду не чувъ такого свижого, гнучкого голосу. У ёго въ очахъ засвитылась одрада; лыце прояснылось, наче хто збрызнувъ ёго свижою водою; серце затипалось, немовъ хто доторкнувся до ёго.

«Хто бъ це»?—подумавъ винъ,—та й пишовъ на голосъ.

Не встыгъ ступыты десяты ступнивъ, якъ писня стыхла—тилькы одна луна іи бренила ще надъ головою у ёго. Ще ступинь, ще... зашелестило тыхо, заколыхалося, немовъ у ёму щось борсалось, былось... Ще хвылына—и зъ жыта заманячила дивоча постать... Парубокъ ставъ. Дивчына, якъ перепилка знялась и майнула вподовшъ нывы. Ныземька, чорнява, заквичана полёвымы квиткамы, вона и трохы не схожа була на селянокъ, часто запеченыхъ сонцемъ, высокыхъ, иноди дуже неповоротныхъ, дивчатъ. Маленька, кругленька, швыдка и жвава, одягнена въ зелене убрання, мижъ высокымъ зеленымъ жытомъ вона здавалася русалкою.

Парубокъ спершу, мабуть такы, чы й не прынявъ іи за ту полёву царивну, бо стоявъ, якъ укопаный, ростягшы и безъ того довгобразе лыце, шыроко роскрывшы здывовани очи...

Дивчына одбигла трохы и соби стала. Озырнулась: глянула на ёго веселымы очима; усмихнулась свижымъ, молоцымъ лычкомъ. Тутъ іи краще розгледивъ парубокъ.—Чорне кучеряве волосся, заквичане полёвымы квиткамы, чудовно вылося коло билого чола; тоненьки пасма того чорного, ажъ лыскучого, хмелю спадалы на биле, румяне лычко, якъ яблучко налывчате; очи аксамытови, чорни,—здается, самъ огонь говорывъ нымы... Дви чорни бровы, мовъ дви чорни пьявкы, повпывалыся надъ очыма, злегенька прыкрытымы довгымы густымы віямы. Сама—невелычка, метка и жвава, зъ веселою на выду усмишкою, вона такъ и вабыла до себе. Зелена баёва керсетка, зъ червонымы мушками; червона въ букетахъ спидныця; на шыи дороги корали, хресты, золоти дукаты—усе гарно прыстало до хорошои дивоцькои вроды.

Вона стояла навпроты парубка, якъ намалёвана,—наче вабыла ёго до себе своею дывною красою. Не спускаючы зъ очей, винъ пидходывъ до неи.

— Чого ты тутъ ходышъ?—обизвалась вона перша.

— А ты чого хлибъ толочышъ?—не зовсимъ ласкаво одмовывъ винъ.

— Хиба се твій хлибъ?

— Не чый же... А що?

— Цуръ тоби, якъ мене злякавъ!...—та й замовкла.

Парубокъ и соби мовчавъ.

— А ты хто така?—трохы згодомъ пытае винъ, ковтаючы слова.—Де ты взялася? звидкиля сюды прыйшла?...

Дивчына почула, якъ тилькы чують дивчата, чого въ його запнувся голосъ: очи въ неи заискрылы, загралы...

— Навищо тоби?—прядучы ныцы, вона пытае въ його.

— А чого жъ ты прыйшла сюды, на чуже поле?—каже винъ.—Хто ты така? чого тоби тутъ треба?...—Чутно—ажъ духъ спира ёму въ грудяхъ одъ кожного слова.

— Не ска-жу!—одмовыла вона на-ростягъ, осмихаючысь и подалася трохы лычкомъ впередъ, згорнувшы пухки, били рукы по-пидъ ликтямы.—А прыйшла сюды, бо недалечко жыву... А ты хто?

— Сюды йды!—каже винъ усмихаючысь и разомъ запрохуючы очима.—Посидаемо тутъ... побалакаемо... я тоби й розскажу, хто я.

Якъ стрель стрельнувъ у дивчыну. Сплеснула въ долони, зареготалася, та й майнула буйнымы жытамы... Дали—выскочыла на зелену луку, що красувалася полёвымы квиткамы; потимъ—повернула круто наливо, почесала ярыною; якъ билочка на деревыну въ лиси, такъ вона збигла прудко на згирокъ; стала, перевела духъ; озырнулася, осмихнулась; махнула правою рукою: «сюды, мовъ»!—та наче манячка, спустылася въ ныз—и скрылася за горою.

Парубокъ ни зъ мисця. Стоить та дывытся въ слидъ іи ще дывнищымы очима—мовъ бы перегляпувъ черезъ гору!... У вухахъ його ще вчувався іи голосъ, свижый, тонкый, іи смихъ молодый та дзвинкый; передъ очима, якъ та прычуда, манячила іи постать метка, жвава; ёму усмихалося іи лычко било-румяне, зъ яснымы очима, зъ чорнымы бровамы; уся вона, зъ зеленою керсеткою, зъ червоною спидныцею, прывыджувалась ёму, якъ жыва... «Що це?—думавъ винъ.—Чы справди, чы ввыжается»... И вид-

кыля бъ це?... чы не москаливна? такъ же, казалы, у москаля дочка вмерла... гмъ... мовъ—бачця, на хуторахъ никого такого й немае... Хиба Хоменкова?—такъ же не блызькый свить одъ Хоменкового хутора сюды телипатыся... А выдно—хутирська: на сели, окримъ попивны, здается, никого пидхожого... Адже й не попивна: попивну я знаю—попивна не така, та й не пиде за пьять верстовъ одъ села... Чыя бъ же це»?..

Не розвьязавшысь зъ такою думкою, винъ выйшовъ на згирокъ—подывытысь, куды пишла дивчына. Було вже пизно. Дивчыны не выдно,—тилькы зеленилы то тамъ, то тамъ, обложывшысь полямы, хутирськи сады, якъ роскишни квитныкы, а мижъ зеленою лыствою вышняку, грушъ, слывъ та яблунь, билилы чепурни хаточкы. Парубокъ постоявъ на згирку, помылувався красою околыци, задывывся на одынъ хутиръ, на другый; прыгадувавъ хазяиливъ ихъ, перебиравъ у памьяти ихъ дочокъ,—та плутаючысь въ догадкахъ, повернувъ назадъ, до-дому.

Ишовъ винъ такою жъ тыхою ходою, якъ и сюды, а може ще й тыхшою,—та все думавъ, та думавъ... А въ серци—почувавъ винъ—прокыдалось щось невидоме, чудне: и важко мовъ и легко, и сумно и весело, и хочется спиваты, и хочется плакаты... Слёзы не льются, а голосъ урвется; несподиваный сумъ обнимае голову; думка думку гоныть; нигде прыстаты, ни за що зачепыться—такъ и ганяе за маною... А передъ очима—зелена керсетка, червона спидныця, знадный зъ усмишкою поглядъ, червони, якъ кармазынъ, уста, зъ котрыхъ выглядае рядокъ дрибныхъ, якъ перлы, зубивъ... Ажъ морозомъ сыпнуло ёго по-за спыною...

— «Оце такъ»!—промовывъ винъ у голосъ.—«Чы не здуривъ, бува, я, чы не збожеволивъ?... Дома худоба не напована, а я блукаю тутъ—и думаты забувъ»!—Та пидвившы голову, чымъ дужъ прыдавъ ходы въ ногы.

Ось незабаромъ и Пискы. На самому краю села, одъ выгону, стояла невелычка хатка, викнамы на шырокый шляхъ. Зъ-за хатки выглядалы невелычки хливци, повиточкы; трохы дали—тикъ: за токомъ—горόдъ; а все кругомъ обнесено нызенькою лискою. Зразу выдно було, що то плець не дуже заможнёго

хазяина. Не достатки, а тяжка праця кыдалась въ вичи. Хата хочъ старенька, та чепурна, била,—выдно, биля неи ходылы хазяйськи рукы; двиръ выметеный, чыстый; огорожа цила, хочъ и ньзенька, а ворота дощани, хрещати.

Недалечко видъ хатнёго порогу стояла немолода вже молодыця, бидненько зодягнена, и, розсыпаючы зъ мыскы зерно, голосно склыкала курей. Натомисть, зъ хливця прожогомъ выскочыла невелычка свынка и кабанчыкъ--и давай похапцемъ хапаты зерно, не пидпускаючы курей. Молодыця спершу одгоныла непроханыхъ гостей крыкомъ: «аря, гладки! аря»! потимъ того, плескала въ долони и штовхнула кабанчыка ногою; а якъ побачыла, що зъ такымы ненажерамы ничого не вдіешъ ни крыкомъ, ни легенькою бійкою,—вона высмыкнула зъ митлы держално и стала потягаты «ненáсытну прожыръ» и вздовшъ и впоперекъ,—ажъ покы хруснуло держално... «Отъ, прокляти, каторжни!... черезъ ныхъ держално знивечыла»...—на ввесь голосъ гукала молодыця и кынула въ свыноту надтриснутымъ держалномъ.

Саме на цей крыкъ у двиръ повернувъ парубокъ. Не вспивъ винъ ще гараздъ и ворить прычыныты за собою,—якъ уже на него напустылась розсержена молодыця.

— И де ты, Чипко, ходышъ? де ты бродышъ?—докоряла вона.—Ось до якои поры выходывъ! Ни корова, ни кобыла не наповани, а винъ блукае...

— Я, мамо, на поли бувъ... до ярыны довидувався,—одказавъ винъ.

Маты пыльно подывылась ёму въ вичи, наче вывиряла— чы правда тому? Та сынъ уже повернувся и пишовъ до загороды.

— Не гайся жъ, жены корову напуваты, бо треба ще колысь іи й доиты!—зъ докоромъ гукнула маты вже зъ синешныхъ дверей.

Сынъ не чувъ того докору. Винъ выпустывъ зъ загороды корову, одвьязавъ одъ яселъ кобылу,—погнавъ до водопою. Хутко погнавъ, хутко и назадъ вернувся. Позаганявъ у загороду ху-

добу, набравъ оберемокъ свижон травы. Зелена трава нагадала ёму зелену керсетку: заманячила нибы знаёма постать... Винъ мерщій кынувъ у ясла оберемокъ... ёму здалося, що зъ-пидъ травы заблыщалы, мовъ дви углыны, двое чорныхъ очей... «Згынь ты, марюко»!—скрыкнувъ винъ, выпростуючы зъ травы рукы. «Отъ прычепылася»!!

Швыденько зачынывъ загороду, пишовъ у хату.

Повечерялы мовчкы. Полягалы спаты.

— Чы вы, мамо, не знаете: у москаля йе дочка?—пыта винъ трохы згодомъ.

— У якого москаля, сыну?

— Що жыве коло нашого поля хуторомъ?

— Не знаю, моя дытыно. Знаю, що була,—та казалы, лыбонь, умерла. А що тамъ?

— Та я такъ пытаю... ничого.

Розмова увирвалася. Маты заснула на полу. Сынъ лежыть на лави. Сонъ не йде ёму въ голову. Душно ёму, млосно, пече по-пидъ бокамы, а въ виччю—вона, та й вона. «Пропады ты, навиженна»!—шепче винъ. Перевернувся зъ боку на бикъ, натягъ на голову рядныну,—не спытся, та й годи... «Ни, вже не швыдко ты диждешъ, щобъ я пишовъ на поле»!

II.

Двужонъ.

Литъ за двадцять до крипацькон воли, зъ того самого Ромоданового шляху, якымъ йшовъ парубокъ, у село Пискы вступавъ якыйсь невидомый захожый. Выдно—зъ далекон дорогы. Сорочка на ёму чорна; штаны выбійчани, пидсукани ажъ до колинъ; за сыьною верёвкою на-вхрестъ перевьязана одежа: черезъ праве плече, на палыци перекынута торба—мабуть зъ харчю, та пара шкаповыхъ чобитъ. На взиръ—чоловикъ середнихъ литъ. Чорни, якъ гайворонъ, усы почыналы вже по краяхъ

рудиты: борода стырчала чорна, остюковата, давно, мабуть, не бачыла скиска.

Ишовъ захожый тыхо, нога за ногою, и роздывлявся на вси бокы. Сказаты бъ—зъ заробиткивъ, колы бъ не така ранния пора. А то тилькы що весна настала. Постикалы воды, зазеленилы травы, зацвилы садкы, городы.

Дійшовшы до одного двору, де середъ нечыстого городу влизла въ землю старенька хатка, захожый ставъ. «Оце жъ, мовъ бачся, и Окунёва хата»!—каже винъ самъ до себе.

На той часъ зъ ныженькыхъ хатнихъ дверей выйшовъ молодый парубокъ.

— Здоровъ бувъ!—обизвався до ёго захожый.

— Здоровъ.

— Чы це Окунь жыве?

— Якый Окунь?

— Карпо Окунь, старый дидъ.

— Ни—це Лымарь, а не Окунь.

— А де жъ Окунь?

— Та якый Окунь?

— Дидъ старый, що зъ бородою ходывъ.

На ихъ розмову нахопылася зъ-за хаты старенька жинка. Выдно, поралась коло городыны,—бо очипокъ подався трохы на бикъ, лыце въ поту, рукы въ земли.

— Та кого ты, чоловиче, пытаешъ?

— Окуня Карпа.

— Э-э-э... ёго вже давно и слиду нема... Знала я того Окуня, знала... Вже мабуть, литъ зъ десять буде, якъ померъ... А тоби жъ навищо винъ!

— Та треба... Такъ умеръ, кажете?

— Умеръ, умеръ.

— А хто жъ пися ёго зостався?

— Та хто жъ пися ёго зостався?!—каже жинка, задумавшысь... Зосталася Ганна небога, що выйшла за Соломенка. Та й та вже вмерла. Оце мы въ неи и дворыще купылы. Та ще зо-

стався Грыцько—бувъ ёму якыйсь далекый родычъ... торикъ ёго у некруты взялы. Та, здается, вже й немае никого такого...

— Такъ... А волость же ваша далеко?

— Волость?—глянула жинка на ёго, и, перегодя трохы, одказала:—на тимъ боци села. Отъ якъ пидешъ сiею вулыцею, та й выйдешъ прямисенько. Спершу будуть гамазеи, а тамъ—заразъ и волость.

— Ну, спасыби вамъ. Прощайте.

— Счаслыво.

Пишовъ соби чоловикъ тiею тропою, що розсказала жинка. А жинка и парубокъ ще довго стоялы—дывылысь у слидъ, ажъ покы не скрывся захожый зъ очей у крывiй вулыци.

— Ты не пытавъ, Грыцьку,—тоди жинка до парубка:—хто винъ такый? навищо ёму Окунь?

— Ни, не пытавъ.

— Гляды, лышень, чы не родычъ якый... Тамъ у ёго, въ Донцыни, багато, кажуть, всякои ридни... Тамъ и братъ ёго жывъ То чы не по худобу бува прыйшовъ и сей?!.

— Богъ ёго зна.

— Треба бъ дознатысь, Грыцьку.—Чы не збигавъ бы ты, слидомъ за нымъ у волость, та розслухався бъ: що воно за чоловикъ.

— Добре, мамо,—каже парубокъ. И обое пишлы въ хату.

Жинка справди догадалася, навищо захожому здався мертвый Карпо Окунь. Той, що роспытувавъ, объявывся въ волости небожемъ Окуня—Останомъ Хрущемъ, що литъ, може, пьятнадцять, якъ пишовъ на Динъ. Уже ёго зъ ревызiи выкынулы, не тилькы зъ думкы. Тилькы стари люде памьяталы ще—колы бородатый та билый Окунь выряжавъ на Динъ до дядька свого хлопця—небожа. А теперъ оце винъ назадъ повернувся и просывся въ пищанську громаду.

— Чого ты звидтиля вернувся?—пыта ёго голова:—хиба тамъ не добре стало жыты?

— Та трудно вже и тамъ,—кланяючысь, каже Останъ. Не ти теперъ порядкы пишлы: багато вже и тамъ нашого брата... пропадае...

— А тутъ хиба краще?—пыта пысарь.

— Та все жъ бачте—ридна сторона.

— Якъ-же мы теперъ тебе прыймемо, що въ тебе ни выду ніякого, ничого? —знову голова.

— Та въ мене ось йе старый пашпортъ.—Та вытягшы зъ гамана шматокъ засмальцёваного паперу, зъ обтипанымы краямы, и подавъ голови.

Подывывся той на папиръ, росправывъ, прочытавъ—и знову зложывъ.

— Що зъ сёго!—каже.—Чому хочь ты не обзывався, якъ ревызія пысалась!

— А Богъ его знае —чого... Не знавъ.

— Видколы пашпорта не переминявъ!—Не выпускаючы зъ рукъ паперу, дывувався голова.

— Та тамъ мене и по цёму всюды прыймалы.

— Гмъ... Що жъ теперъ, Васыль Васылёвычъ, будемо робыты?—пыта голова пысаря.

— А що! Треба громаду збираты; та хай поставыть громади могорычу, то може и дило буде,—одказавъ пысарь.—А то, якъ бродягу якого, ще въ тюрьму запруть.

— Здилайте мылость,—каже, кланяючысь, Останъ,—уже поклоночиться! Я вже вамъ, колы такъ не маю чого даты, то хочь одслужу за те.

Пысарь тилькы покрутывъ свого рудого вуса, та разомъ зъ головою и пишлы у волость.

Черезъ тры недили Останъ косывъ у пысаря сино. Та такый зъ ёго косарь: такый жвавый, такый робочый—невтомный! Усёму ладъ дае, усимъ передъ веде—отамануе. А черезъ мисяць ёму объявлено, що теперъ винъ пищанськый громадянынъ—козакъ, Останъ Макаровычъ Хрущъ.

Ажъ перехрестывся Останъ, якъ почувъ це. Та въ осены прямисинько и почвалавъ у городъ найматысь. Не довго и мисця шукавъ: заразъ жыдъ злебенывъ ёго, та й заправывъ у поштари. Добре Останови. И одежа, и хлибъ жыдивськый, и плата добра, та й одъ пройизжыхъ перепада.—Послужывъ винъ рикъ, а на

другый уже кгрунтъ и хату купывъ. Якъ разъ на краи села, на белебни, стояла соби осторонь чыясь сыритська пустка: необмазана, невкрыта, городъ необгороженый: звисно—сыритська, та ще й за селомъ.

Купывъ Остапъ хату, та, не довго думавшы, и шле старостивъ до Мотри Жукивны—бидной, некрасывои дивчыны, уже такы и литнёи, що жыла въ сусидахъ, у двохъ зъ старою матирью.

— А що жъ, Мотре,—каже ій маты:—иды! Хочъ хата своя буде, хочъ не тынятымешся на старисть, якъ отъ я, стара.

— Та чы йты, то й йты!—одказуе дочка.—И такъ натерпилысь усёго.—

Обминылы хлибъ, и въ недилю й весилля загралы.

Якъ уступыла Мотря въ свою хату, то немовъ знову на свитъ народылася. Чепурыть іи, прыбира. Диждалы весны,—городъ обкопала, скопала, засадыла: хату вымазала, оббилыла; прысьпу жовтою глыною пидвела: коло хаты виныкомъ обмела. Чысто кругомъ—любо глянуты, и огородына зеленіе.

Та й тилькы жъ то, що огородына своя, а бильше земли—ни ступня. Прыходылось у чужыхъ людей косыты, хлибъ заробляты, спыны не розгынаючы, спочывку не знаючы... Отъ якъ не працювала Мотря зъ Остапомъ та зъ Орышкою—старою своею матирью, а все бидно жылы. Иноди зимою ни зъ чого було и галушокъ зварыты,—прыходылось сухымъ хлибомъ давытысь...

Остапъ спершу бувъ повеселивъ: такый балакучый, такый щырый,—Мотрю жалуе, коло тещи ласкавый; а дали—все хмурнишавъ, та й хмурнишавъ. Стала нудьга выглядаты ёго очима, журба обнимаы ёго голову... Ходыть, бувало, въ-осены, або зимою, по двору опустыть на груды голову, та за цилый день и слова не промовыть ни до кого...

Такъ мынувъ рикъ: мынае й другый; а воны вси тройко (дитей не було)—похмури, невесели... Немае доли,—немае радосты! Лягла зима. Падавъ дрибный снигъ, якъ бува въ холодъ; буйный витеръ крутывъ заметамы и вывъ, якъ звиръ у лиси, у дымари Остаповои хаты. Ничъ уже спустылася на землю. Мотря

й Орышка сыдилы на полу: передъ нымы на стильчыку неясно блымавъ каганець—оть-оть збирався погаснуты. Воны прялы мовчкы: кожна про себе думала якусь тяжку думку. Остапъ лежавъ на печи... Тыхо: тилькы веретена сюрчать...

— О-охъ!—важко зитхнувъ Остапъ.—Обрыдло вже мени по цихъ краяхъ горюваты,—промовывъ винъ, наче самъ до себе.— Дижду весны, пиду на заробиткы. Тамъ, може, знайду добре мисце, то й васъ переведу...

— А якъ же не найдешъ?—на це ёму опаслыво Мотря. —Лито втратышъ... а я однымы рукамы що тутъ зароблю?..—додала вона журлыво, и скрывылася.

— Та вже жъ вы тутъ зъ матирью то сымъ, то тымъ бокомъ настягаетесь на зиму... А я, колы що, то тамъ и зазимую. Такъ мени тутъ остогыдло!

Диждалы весны. Порадывся Остапъ зъ жинкою та зъ тещею, узявъ пашпортъ, пишовъ соби. Мотря зъ старою матирью зосталысь сами соби на хазяйстви.

Вырядылы Остапа на Динъ у велыкый пистъ, а такъ—къ зеленій недили—прыходыть зъ Дону бумага: чы йе, мовъ, у васъ такый и такый козакъ Остапъ Хрущъ? и де винъ у васъ узявся? Що тутъ винъ прозывався не Хрущъ, а Прытыка... що винъ кынувъ у насъ жинку и трое дитей, пропадавъ бувъ—не знать де, тры рокы, безъ малого... А ось теперъ у пашпорти винъ уже Хрущемъ пышется, та ще и жонатымъ... Що се воно за знакъ? зъ якои це речи така плутанына?

Такъ оце запытувала якась Донська станыця у Пищанськои волости... И задала жъ роботу волоснымъ оця несподивана бумага!

Якъ прочытала іи козацька старшына, то голову и рукы опустыла.

— Оце такъ!—скрыкнулы въ одынъ голосъ голова и пысарь. Буде жъ теперъ видъ окружного... И якъ такы повирыты такому волоцюзи?! Прыйшовъ—чортъ ёго зна и видкы; сказавсь—бисъ ёго зна кымъ; а мы—на тоби! взялы, та й лапкы по-

клалы... Окунивъ небижъ, та й Окунивъ,—нестеменно Окунивъ... Чому не прыняты?.. Ажъ воно онъ якый небижъ!!

— Эге жъ... Не даромъ я казавъ,—выбрихувавсь пысарь: пидождемо трохы, роспытаемось... Не послухалы?..

— Щожъ тепереньки робыты?—мовъ не чувъ, пытае голова въ пысаря.

Той мовчавъ, потупывшы въ землю очи. Выдно було—щось прыгадувавъ.

— Не дурно мени сю ничъ чорна собака снылася!—похвалывсь голова.

— Жинка одгадувала: напасть... Такъ воно й йе!

— А мени руда свыня!—увернувъ пысарь.

Порадывшысь, мерщій послалы за Мотрею десятныка. Мотря прыйшла.

— Чы не розсказувавъ тоби чоловикъ чого про Динъ?—стрилы іи волосни.

— Ни, не розсказувавъ, одказала Мотря, здывувавшысь такому пытанню. А що тамъ? Хиба яка чутка прыйшла?..—запытала вона зляканымъ голосомъ.

Такъ и такъ, кажуть; таке й таке дыво...

Якъ почула таке Мотря, то й лыця на ій не стало: поблидла, якъ крейда, затрусылась, якъ лысть на осычыни; хотила щось сказаты, та не вымовыла й слова, тилькы разъ-по-разъ тяжко зитхала, и якось чудно дывылась мутнымы очима...

— Чого ты зитхаешъ?—грымнувъ на неи голова. У чоловика навчылася?.. Той тежъ, якъ прыйшовъ, то такого Лазаря скорчывъ... Прокляти! Черезъ васъ на Сыбиръ ще пидемъ...

Мотря ничого не одказала, тилькы жалибно дывылася Колы бъ хто заглянувъ тоди въ іи душу:—що тамъ робылося! Якъ бы зазырнувъ у серце:—що въ ёму поверталося!

— Иды соби!—гукнувъ голова, бачучы, що въ неи и ричъ видняло.

Мотря повернулася, выйшла. Ишла по вулыци,—не бачыла свита передъ собою; прыйшла до-дому,—якъ пьяна, мовъ учмелена...

— Що тамъ, дочко?—стрила іи маты. Чого тебе клыкалы?

Пожовкло въ Мотри у виччю, заколыхався свитъ, пишло все ходоромъ... Не памьятала вона, якъ опустылась на лаву,—такъ не роздягнена, не роззута, и впала опукою. Слёзы, якъ горохъ, полылыся зъ очей.

— Чого ты, дочко? Чы, не прыводь Господы?. —Орышка не доказала, у неи въ думци пробигла смерть Остапова.

Мотря не озывалася; плакала мовчкы. Орышка пыльно дывылася на неи. Серце почуло якесь лыхо; передъ очима вже стояла бида... Въ Орышкы затипалысь челюсты, забигала по выду мышка...

— Та кажы!.. чого ты плачешъ?—ажъ скрыкнула вона.

Мотря утерла рукавомъ слёзы и простогнала... А дали натужылась и схлыпуючы, перерываючы слова, стала казаты: «О-о, Боже мій!.. не дурно випъ все сумный бувъ... мовчавъ... журывся... та все черезъ сонъ про Динъ выкрыкувавъ... про Хыврю та Грыцька... не дурно жъ це воно!.. Ой, пропала жъ моя головонька бидная!!

— Що жъ тамъ таке?—кажы вже, не морочъ моеи головы! Про яку се ты Хиврю плещешъ?

— Про жинку того сучого сына. щобъ ёму... ни добра, ни жыття!..

— Кого?

— Остапа...

— Чы ты не збожеволила, дочко?

— Мымо воли збожеволіешъ, колы таке...

— Мотре! не туманъ ты головы моеи: роскажы по-людськи,—що тамъ таке?

— Отой волоцюга, блудяга... покынувъ на Дону жинку зъ дитьмы... прыплився сюды на мою голову... Господы! и за що ты мене отакъ караешъ на симъ свити?—скрыкнула Мотря и залылась слизьмы.

Теперъ тилькы Орышка розибрала свое лыхо. Образа, гора тяжкои образы дочкы, людськи поговоры та смихы,—все разомъ пиднялось у голови матери, налягало на іи старе серце важкымъ жалемъ. Вона глянула ще разъ на Мотрю, поступылася назадъ, простогнала, сила мовчкы на пилъ, узявшысь холодными рукамы

за крайню дошку, щобъ не впасты. Старе тило тремтило, колыхалося, стара голова не здержувалась на вязахъ—хылылася на груды. Орышка болизно пиднимала іи, и тяжко стогнала. Мотря не переставала плакаты. Гиркый іи плачъ, стогнання Орышкы злывалыся въ купу, носылыся по хати, слалысь по билыхъ стинахъ. И темнилы воны для дочкы и для матери: здавалась темною хата, и свитъ, що врывався у викна, чорнивъ у вичлю въ ныхъ... И стояла въ темноти тій ще темниша доля ихъ—чорна, темна, страшна, зъ худымъ, зйиденымъ нуждою лыцемъ, зъ злымы одъ голоду очима...

Такъ день наставъ; такъ и мынувъ. Одходячы на спокій, сонце обдало землю блыскучымъ проминнямъ; земля на прощання усмихнулася—и потемнила. Спустылася ничъ: выклыкала соби на втиху зори; выкотывся зъ-за гаю мисяць—и ставъ оглядаты околыцю... Усе кругомъ спало, мовъ зачароване, въ тыхимъ забутти теплои ночи,—не спавъ тилькы одынъ соловейко, выспивуючы въ зеленимъ садочку свою любу писню,—та не спало ще лыхо въ Орыщынимъ та въ Мотрынимъ серци... завело и воно свою писню—гирку, журлыву, безнадійну... И не росходылась та писня по свиту, не оклыкалась луною въ лузи, якъ соловейкова; а, якъ важкый камипь, налягала на душу, морочыла голову цилымъ роемъ темныхъ гадокъ, пекла серце нерозважною тугою... Мотря и Орышка не спалы, не плакалы,—тилькы то одна, то друга зитхала... И видкиля це лыхо взялося? и чого воно до ныхъ прыченылося?.. чымъ була Мотря Останова?.. чымъ вона теперъ осталася? Мотря и Орышка роздумувалы, розгадувалы... Жинка жонатого чоловика!.. покрытка—дивка?.. Ни жинка, ни дивка, а замужня вдова.. Грихъ передъ Богомъ,—чымъ ёго замолыты? Соромъ передъ людьмы,—чымъ ёго змыты?.. А ще жъ и каратысь за це прыйдется—хочъ не на симъ, то на тимъ свити... Непевный той Останъ,—винъ щось лыхе, страшне... Страхъ, справди, закрадався писля такыхъ думокъ, закрадався имъ въ душу—и воны обыдви тыхо молылыся.

Якъ не мучылысь воны цилу ту ничъ, що вже не думалы, а все-такы не выдумалы нічого для себе утишного.

Не выгадалы порады и волосни. Судылы, рядылы—та окружному; а окружный—та губернаторови. Пишлы пысаты та одпысуваты...

Незабаромъ найихало въ село чыновного панства. Пытають-роспытують, пышуть-запысують. Натерпилася страху Мотря одъ тыхъ хытрыхъ спросивъ та переспросивъ: набралася Орышка горя, глядючы на свою дытыну.

А въ сели—тилькы й мовы, тилькы й речи, що про Хруща. Наче все на свити для Писокъ провалылося, одынъ Хрущъ зостався, а черезъ Хруща—и Мотря... Хто іи зъ роду не знавъ,—ставъ допытуватысь: де вона. Не можна Мотри никуды очей показаты, щобъ на неи пальцямы не тыкалы. Выйде Мотря на вулыцю,—мали диты слидкомъ за нею; порается Мотря на вгороди,—бачыть: дви жинкы стоять коло тыну, дывлятся на неи й перешиптуются. Сталы іи сусиды обходыты, а зустрившысь—сторонытысь. Немае Мотри спокою й у церкви: й тамъ іи не спускають зъ очей.

— Ото... ото вона! нызенька, чорнява... чорнымъ платкомъ голова повьязана,—чуе Мотря позадъ себе въ бабынци.

— Ота чорнява, що хрыстытся?

— Эге жъ, эге... Ото вона сама... за жонатого замижъ пишла.

Чуе Мотря, та боится озырнутысь: ій чого-сь соромно, страшно. Вона впаде на вколюшкы, прыныкне головою до помосту,—шепче молытву щыру, просыть у Бога ласкы, одмолюе свій грихъ—и разомъ слёзы ковтае.

Тоди тилькы люде трохы забулы про Хруща, якъ жныва насталы. Свои клопоты, праця, утома трохы защипылы языкы людськи.

Колы це—передъ другою Пречыстою, ведуть Хруща у лапцюгахъ черезъ Пискы. Якъ зачулы люде, та за малымъ не все село выбигло зъ хатъ, мовъ на медведя дывытысь. «Хрущъ... Хрущъ иде!... Хруща... Хруща ведуть»...—выкрыкують зъ усихъ бокивъ по селу. И бижыть на Хруща дывытысь и старе й мале.

Повелы Хруща у Гетманське; засадылы въ тюрму за зализни штыбы; давай выпытуваты та роспытуваты. Пиднялыся знову спросы та переспросы... Зовсимъ загубыла спокій Мотря: водять іи то въ городъ, то зъ города... А туть—друге лыхо: Мотря почула—щось заворушылось пидъ серцемъ...

Помитылы люде—та якъ у дзвоны задзвонылы:

— Чы чулы?...—пытае молодыця другу, стривши на вулыци.—Заваготнила...

— Чула, серденько, чула... И скажить: одъ такого!!

— Це вже выдно не передъ добромъ, моя матинко!.. Чы не кинець бува й вику швыдко буде... Тамъ, торикъ хвостата зоря свитыла, а це зновъ проява якась вырескалась...

— И я кажу: не передъ добромъ таке на свити коится!

Та якъ пидуть отакъ цокотаты,—не переслухаешъ.

А пидъ недилю або свято, зберется де-небудь чоловикивъ купа, надійдуть жинкы, парубкы, дивчата—назбираєтся чымала юрба людей, та й давай перетыраты на зубахъ у сотый разъ того чудного Хруща.

Ажъ ось—не знать звидкиль узялася на сели чутка, що винъ ни Хрущъ, ни Прытыка, а прямисенько такы Иванъ Варenыкъ—крепакъ пана Польского, що панувавъ у Пискахъ. Така чутка збыла зъ пантелыку судовыхъ и громаду. Що зъ нымъ робыты? Якъ теперъ ёго судыты? Кынулысь до пана,—панъ одсахнувся: робить, мовъ, зъ нымъ, що хочете, якъ знаете... Тоди громада розвязала дило. Якъ голылы хлопцивъ у москали: «У некруты ёго... лобъ ёму! лобъ!»—закрычала громада. Пойихавъ голова у Гетманське: пишовъ, куды треба; однисъ, що годылось—и «перевертня» прямо зъ тюрмы повелы до прыёму. Заголывшы лобъ, перевернулы ёго ще въ четверте—и ставъ винъ зъ Варeныка Хрущовымъ. Незабаромъ ёго кудысь погналы,—та бильшъ винъ не вертався, на озывався.

Отдалы Вареныка въ москали передъ Покровою. А такъ, передъ пущенням̆ъ породыла Мотря сына,—та ще породыла не абы-якъ. Роды булы тяжко трудни: потугувала нымы Мотря два

дни и двп ночи, не своимъ голосомъ выкрыкуючы... Що вже не робыла «довгопьята» баба-повытуха,—нищо не помагало. Ледве Мотря на той свитъ не переставылась. Уже и не крычала, и не стогнала—лежала мертвою колодою... Ажъ на третій день Господь іи помылувавъ: середъ тыхого плачу Орыщыного, почувся голосный дытячый крыкъ...

— Енералъ!...—зрадившы, скрыкнула «довгопьята баба».

Орышка пидняла руку, перехрестылася... Мотря важко зитхнула, опамьяталася. Хату обняла тыха одрада.

Якъ же почулы люде про таки роды,—знову загомонилы. Пишло зновъ по селу шушукання, глумъ, таемни страхы... Дійшло до того, що нихто вже Вареныка не вважавъ и за чоловика, а такъ такы за самисинького куцого... Де хто помитывъ и невелычки рижкы на голови въ ёго, якъ стрыглы въ прыёму. А Кырыло Кнуръ—недалечкый сусида—Хрыстомъ-Богомъ клявся, що якъ купалысь зъ Остапомъ укупи, то й хвостыка бачывъ... Не пры хати згадуючы—куцый, та й годи!

А тутъ ще дытынка знайшлась, та ще пры такыхъ родахъ.

— Щось воно такы не певне, моя матинко!.. цокочуть жинкы, похытуючы головамы.

И не одна, и не дви нарошне забигалы въ хату до Мотри, дывлячысь, чы немае на ёму якыхъ ознакивъ? Одна якось забачыла на ливимъ колинци невелычку родынку... «Оце жъ воно й йе»!—подумала, та мерщій зъ хаты.

— А що?—стрива іи кума.

— Тожъ воно, кумонько, саме!..– каже кума, перехрестывшысь. Незабаромъ циле село слебезовало про ту пляму. Уси въ одынъ голосъ: «чортеня», та й годи!

Прыйшлось кумивъ браты,—нихто не хоче. Що тутъ робыты? Вже тры дни, якъ дытына не хрещена... Не дай, Боже, якого случаю—и вмре, не введене въ законъ!..

Кынулась Орышка по сусидахъ... Всякъ дякуе, сторонытся... Ходыть вона по хати—сама не своя: свитыть сидымъ волосомъ, ломыть сухи рукы... Мотри вже не хвалытся: вона и безъ того ледве дыше.

На той часъ лучылысь въ сели перехожи москали. Орышка до ныхъ: «москалыкы-лебедыкы, охрестымъ дытя»! Купыла москалямъ кварту горилкы. Тоди одынъ якось згодывся. Москаль за кума, сама Орышка за куму.

Понеслы до батюшкы. А панъ-отець и соби: «Якъ ёго такого выродка въ хрестъ уводыты»?

«Боже мій!.. що ёго робыты на свити»?!—плаче Орышка,—та до попади: «Матушка!.. я вамъ сёго й того... я вамъ мотокъ пряжи напряду,—умовте панъ-отця»!.. Попадя зглянулась. Охрестывъ дытыну батюшка: назвавъ Нечыпоромъ.

III.

Дытячи лита.

Не судылося Мотри счастя. Не знала вона ёго змалку, не бачыла дивкою, жинкою; не сподивалася замужнёю вдовою... Не тилькы іи саму, а и іи матиръ стару сталы цуратыся люде. Навить те мисце, де воны жылы, зробылося якымъ-сь страшнымъ;—сталы ёго оббигаты... Казалы, що до Мотри кожнои ночи змій у дымаръ литае: якыйсь захожый чоловикъ заставъ ёго въ хати, та насылу зъ душею вырвався... Непевне мисце! Бувало, въ ночи нихто не пройде поузъ ихъ хату, не перехрестывшысь; а дитямъ—то и у день забороняли туды бигаты...

Мисцына справди стала пустыремъ одгоныты. Лежыть за селомъ на самому белебни, неогорожена, неокопана—такъ ривець невелычкый прокопаный, та й годи... Иде скотына—нема перекопу,—черезъ грядкы такъ и чеще; собакы такъ и гниздятся: кубла повыбывалы... Пустырь пустыремъ!—Хата хочъ стара була, та якъ полагодывъ бувъ Остапъ, покы ще не женывся, то вона, мовъ, и бадёрылася; а якъ пиднялась лыха годына, що замчала не тилькы ладъ у хати, а й самого Остапа,—то й хата осунулась... Стриха мисцямы повыгнывала, покривля де-где провалылася, викна побыти: замисть шыбокъ, ганчиркы свитять; ще до

того дощъ та хуртовына оббыла, обшмарувала... Пусткою ажъ воняе! И въ середыни не краще. Стины чорни, ажъ цвиллю взялыся одъ воды, що доцщи поналывалы кризь лыху оселю: черевата пичъ потрискалась, дымила, курыла; замисть лавъ, якись крывоноги ослинчыкы—и систы на ныхъ страшно: стилъ ходоромъ ходыть; пилъ—на пядь дошка отъ дошкы: Мотря пидъ холодъ дви дошкы спалыла, бо не було чымъ у хати прокурыты... Биднота несказанна, злыдни невылазни!

Не одрадне жыття Мотрыне. Не веселымъ окомъ дывылася и іи стара маты на ту оселю, на лыхый той захыстъ... Воны-бъ ёго кынулы, якъ бы було де прытулытыся. Та де ёго пры недостачахъ, пры убожестви?! Колы на роботу боялыся прыйматы Мотрю.. Литомъ Мотря стае жаты,—у Пискахъ нихто не прыймавъ, бо помитылы, що въ кого Мотря жне, вся нывa закрутнямы унызана. Въ сусиднёму сели Байракахъ Мотря хлибъ заробляла—на жныва становылася.

Що за лито заробыть Мотря, те за зиму и прожывуть... колы ще и ставало! А було такъ, що ни дрибка соли, ни пылынкы борошна... Де вже думаты про одежыну!.. Що, дивуючы, прыдбала Мотря, то все позношувала:—саме кгноття та ремья высило... Якъ заробыть конопель,—то й добре. Помочыть ихъ, высушыть, вытипа; кострыця на топлыво, волокно на прядыво. Напряде отакъ литъ за двое, оснуе, вытче, такъ и сорочка йе, выбье—спидныцю пошые, юпку... У выбійчаному и у свято ходыла Други въ плахтахъ та запаскахъ, головы шовковымы платкамы повывьязують, а Мотря зъ выбійчапои юпкы та спидныци не вылазыла. Биленькою хусткою завьяжется, та й шмаруе... Ото буденне и празныкове!.. А що старе, дране—посшывае, позаштопуе, матери старе тило прыкрые, дытыни—штанци, куцыну... Нужда! На зиму на всихъ одна юпка була... Пиде куды Мотря,—сыды, маты, зъ хлопчыкомъ дома—и не рыпайся! Питы треба матери,—сыды, Мотре, бо и чоботы одни! Такъ на переминку въ одному и ходылы.

Робота не страшна, якъ сыла йе. Мотря день и ничъ въ роботи, та въ роботи; литомъ—на поли, зимою—дома. А Орышка—

стара вже—не здужала,—тилькы й того, що доглядае дытыны... Якъ литкомъ немае Мотри дома,—баба зварыть ёму йисткы, догляне, и нагодуе, и спаты положыть, котка спивае...

А й дытына жъ то выйшла—на славу!—Повновыде, чорняве, головате, розумне. Тилькы якесь невеселе, вовчкувате, тыхе. Други диты жвави—якъ дзыкгы крутятся, на мисци не всыдять. Скажешъ ёму: дай те! дай друге!—Якъ стрила пустытся. Чипко, якъ ёго звалы—не такый, ни! Оце, було, Мотря чы Орышка скаже: «Подай, Чипко. воды! або—ножа, або—веретено»!.. То винъ и почне: «А дежъ воно лежыть, чы стоить»? Отакъ роспытае, повагомъ устане, повагомъ пиде, пидниме, и повагомъ подасть. Мотря за це не любыла Чипка.—«Десь Чипко у насъ буде дуже велыке ледащо»!—жаліется Орышци: «ёму якъ що робыты, то треба за тыждень загадуваты, щобъ роздумався»... А иноди було й буханця улипыть Чипкови въ спыну, щобъ довго «не роздумувавъ»... Тоди Чипко рукы опустыть, реве на всю хату. Э, значыть, робота баби! Орышка справди души не чула въ Чипкови, такъ ёго любыла и жаловала! И цяцёкъ ёму надае, и играшокъ якыхъ тамъ—полывяного пивныка, свистилочку, а йисты—сама не дойисть—ёму зоставляе...

Якъ пидрисъ Чипко—ставъ бигаты, то выбижыть, було, зъ двору на выгинъ, та прямо до дитворы такъ и чеше. Такъ же и дитвора ёго не прыймае. Заразъ почнуть зъ ёго глузуваты, щипаты, а иноди побьють, тай проженуть. Не дурно паны своимъ родомъ велычаются. На сели тежъ роспытують—хто якого роду. Тилькы те не однаково, що въ городи пытають: чымъ той родъ уславывся—чы давнистю, чы боямы, чы послугамы? А село знае одну славу—честь. Тымъ на сели и пытають: чы «чесного» роду? А тоди вже братаются. Чипко бувъ—«выродокъ». Якъ же Чипка прыняты дитямъ до играшкы? Хиба щобъ поглумыться...

— Выродокъ иде!—крычыть, забачывшы здалека Чипка, билоголовый шершавенькый хлопчыкъ.

— Запортокъ!—пидхопыть другый.—Ходимъ до ёго!

Побижать, оступлять кругомъ. То це зъ-заду хто-небудь и скубне Чипка за чорне волосся. Окрутнется Чипко, насупыть

бровы, скрывытся, тилькы очима свитыть. Зли Чипчыни очи, та не добри и диты, що довелы до того. Понуро и гостро дывытся на ныхъ Чипко. А ти за бокы берутся зо смиху.

—Чипко! де ты взявся?—смыкнувшы Чипка за полу, пытае хто зъ хлопцивъ.

Мовчыть Чипко,—сопе.

— Ты зъ яйця вылупывся?!—знову другый.

Уси зареготалысь. Чипко похнюпыть голову, потупыть въ землю очи, корпысае нигтемъ пидъ нигтемъ.

— Ни!... мене бабуся на вгороди піймала... въ бурьяни,— одмовляе понуро,—та все корпысае пидъ нигтемъ.

Регитъ—ажъ выгинъ розлягается...

— Такъ ты, Чипко зъ бурьяну взявся?.

— Ни...

— А де жъ твій батько, колы ты не зъ бурьяну?

— Не знаю.

— То то и йе... ты байстрюкъ!...

— Брешешъ!..—зыркнувъ, якъ той вовкъ, Чипко.

— А хто жъ ты?

— Я... Чипко.

— Ты—Чепига, а не Чипко! крыкне хто зъ середыны—и вскубне Чипка...

— Чого ты скубешся?—зъ плачемъ вымовля Чипко.—Постій, я бабуси скажу,—вона тоби дасть!

— Боюсь я твоеи бабуси,—куды жъ пакъ!—одказуе хлопець, та и знову вскубне.

За нымъ другый, третій. Повертается Чипко на вси бокы въ крузи, якъ ведмидь на цепу, а хлопци регочутся та за чупрыну смычуть—ажъ покы не росплачется Чипко. Тоди визьмуть, тай проженуть ёго геть.

Иде Чипко до-дому,—иде та й плаче.

— Чого ты, Чипко, плачешъ?—стрива Орышка.

Чипко жаліется, плаче... Бере ёго Орышка за руку, поведе въ хату, почне умовляты.

Не ходы туды, сыну! Не ходы, моя дытыно! Бачъ яки то лыхи диты: бьють тебе, малого, зобижають .. Не ходы!...

Утышытся трохы Чипко, сяде на колинахъ у бабы, або прыляже головкою. Щобъ забавыты дытыну, почне ёму баба казочку про рябеньку курочку, або про горобця доброго молодця. Чипко слухае й дума: «И чого о той дидъ зъ бабою плаче? чого тая курочка кудкудаче?... И чому тій былыни зразу не поколыхаты горобця—доброго молодця»?!...

Дуже любывъ Чипко казкы слухаты. Въ казкахъ ёго зъ роду розумна голова знаходыла не малу роботу. Казка ёму була не выгадкою, а былыцею. Не разъ хлопья ривняло казку до жыття, а жыття до казкы—и само соби миркувало, дывувалося... Въ казци звири та птыци те саме й такъ само говорять, якъ и люде... А такъ—птыци щебечуть, волы ревуть, собакы гавкають... И нихто не знае, що воны кажуть... А добре бъ—дознатысь: що то каже скотына, якъ иде ревучы зъ поля до—дому? яку писню спивае пташка въ лузи?... И чого—одни пташкы такъ гарно щебечуть, а отъ горобци—тилькы цвириныкають?! И про що то розмовляе травыця мижъ собою, колы мовъ жыва, шелестыть малымы лысточкамы?

— Чы волы, бабусю, говорять?—пытае Чипко въ Орышкы.

— Богъ зна сыну... Кажуть бы то, що говорять.

— А птыця?

— И птыци говорять.

— Якъ же воны говорять? Про що воны говорять?—допытуется.

И розсказуе баба, якъ уміе, про все те Чипкови. «Скотъ, мовъ, якъ реве, идучы до-дому, то то винъ радіе, що скоро дома буде, спочыне... А, може, голодный, то пойисть, пиджывытся... А птыци щебечуть такъ, якъ самъ Господь давъ; одній сказавъ гарно щебетаты, а другій—ни. Отъ—соловейко--якъ гарно спивае»... Та й зачне розсказуваты, якъ одна маты та прокляла своихъ дитокъ—сына и дочку—що вбылы іи мужа—ужа... Сынокъ каже:— «не вбывай, сестро»! А сестра не послухала—вбыла, за те маты и прокляла ихъ. Сынови жъ каже:— «Леты ты, сыну, сырымъ со-

ловейкомъ, та щебечы людямъ и пизно и раненько: щобъ тебе люде слухалы—и не наслухалысь»!—«А ты, каже, дочко, стань жалкóю кропывою: щобъ тебе люде проклыналы, щобъ тебе зъ городивъ выкыдалы»!—Отъ, сынъ полетивъ соловейкомъ, а дочка стала кропывою... То то: якъ соловейко щебече, то увесь мыръ ёго слуха—такъ гарно! А кропыву завжде вырывають, якъ погане зилля,—щобъ и городыны не глушыло, и людей не жалыло»!

Таки казочкы бабусыни, пры самотнёму жытти, осторонь одъ товарыста, пластомъ ложылыся на дытячый розумъ, гонылы въ голови думку за думкою, гадку за гадкою. Глыбоко западалы воны въ ёго гаряче серце, а въ души пидіймалы хвылю горою—зъ самого споду до верху. Якъ рій той, гулы въ дытячій голивонци; якъ заверюха, крутылысь, выхорылысь. Одъ былынкы перелиталы до птыци, до скотыны, одъ скотыны до чоловика—покы не засягалы всёго свита! И здавався винъ ёму увесь жывымъ, балакучымъ. И скотъ, и травыця, и навить каминня—все те мало свій говиръ, свою мову,—тилькы вымовляло якось инакше. А колысь усе те було—люде, и все балакало одніею мовою... А теперъ—ніякъ и довидатысь, що то за розмова! А черезъ вищо?.. Черезъ людей?.. Все то вынни люде! То воны такъ наробылы. Воны и въ травыци, и въ пташкы, и въ худобы одибралы людську мову! Воны людей своихъ ридныхъ повернулы въ усе те. И за людей жалкувавъ Чипко на людей. Здавалыся воны ёму лыхымы, недобрымы. И прокыдалася невелычка злисть у ёго невелычкому серци, росла, выростала—и сторонывся винъ людей дали та дали... Тай люде ёго не жалувалы.

— Бабусю!—пытае разъ Орышкы,—чы въ мене батько бувъ?

— Бувъ, сыну.

— Де жъ винъ теперъ?

— У москали пишовъ.

— Бачъ, а хлопци казалы, що въ мене батька не було... байстрюкъ!—кажуть.

— То—дурни хлопци!

— А хиба що?.. Що то воно—недобре що?

— Старый, сыну, будешъ, якъ усе знатымешъ. Не думай про се: то погане слово! Выкынь ёго зъ головы... То тилькы зли диты такъ кажуть.

— Я не буду злый, бабусю!..—одказуе Чипко та й задумается.

Трохы перегодя знову пытае:

—А чого жъ мій батько пишовъ у москали? Навищо винъ покынувъ матирь?

— Люде оддалы.

— За вищо жъ воны оддалы ёго?

— Такъ треба було... Выростешъ, сыну, тоди все самъ збагнешъ, а теперъ ще не годытся тоби розсказуваты.

— Чому, бабусю?

— Такъ. Малый ще ты дуже...

Така розмова велась у ныхъ не вряды-годы. Чипка жъ зачинало, все торкало. Винъ про все бабы роспытувавъ. Баба розсказувала. Ій любо було одкрываты свитъ ёго очамъ,—утишно думаты: зъ якою натоптаною головою выросте ін онуча.

Щедрою рукою перекладала баба зъ своеи старои въ молоду Чипчыну голову усе, що заховала іи шестыдесятылитня памьять. А Чипко не бравъ—гарбавъ усе те! Оце було литкомъ, якъ зайде вже сонце и спустытся вечиръ на землю, выйде баба зъ Чипкомъ зъ хаты (бо въ хати душно), простеле рядно передъ порогомъ; дожыдають Мотрю зъ роботы. Орышка сяде, а Чипко— колы сыдыть, колы лежыть... Та отакъ соби й давай розмовляты. Чипко бильше слухавъ,—иноди и засне, слухаючы бабынои мовы, що якъ струмень тыхо журчала. А иноди и самъ росщебечется... Уже и ничь настала: засвитылы зори, замыготилы, заискрылы... Задывывся Чипко не небо.

— Що то, бабусю?—указуе на зори.

— То?—Зори.

— Що жъ то за зори?

— То—янголы дывлятся! У кожного йе свій янгол: то то винъ и пыльнуе за душею, стереже іи, щобъ, бува, що лыхе не

спиткало. Ото жъ якъ зирочка покотытся,—то душа переставытся. Душа переставытся,—и зирочка покотытся—счезне...

— И моя тамъ, бабусю, йе зирочка? и ваша? и мамына?

— И твоя, и моя, и мамына.

— А де жъ моя, бабусю?—пыта Чипко, положывшы голову на бабыни ногы и не спускаючы очей зъ цилого рою зирокъ, що, здавалося, ворушылыся на темно-сынёму неби.

— Богъ ёго знае, сыну! Чоловикови туды не досягнуты... То Боже дило, то винъ и знае...

— А й Богъ тамъ?..

— Тамъ, сыну.

— А що то за Богъ, бабусю?

— Богъ?!.. Богъ-батько. Винъ усе держыть на свити: усяку комашыну, усяку скотыну и усяку людыну. Винъ за всимъ ходыть, до всёго додывляется, одъ злого береже. Ото, якъ побачыть, що сатана вмишается въ ёго святе дило,—почне свитомъ каламутыты, то и шле святого Илію на вогняній колисныци вбыты сатану. Ото якъ Илія котыть, то гримъ гремыть, а якъ стрельне вогняною стрилою, то блыскавка заблыще. Отакый то Богъ! Винъ страшный за для злого, а для доброго—и винъ добрый. Богъ-батько.... на свити насъ держыть, и хлибомъ годуе...

Загадается Чипко. И встае передъ ёго очима розгниваный Богъ, обгорнувшысь чорнымы хмарамы... и гукае на Илію—караты злого. Котыть Илія—небо и земля двыгтять, якъ одъ витру перына, одъ ёго бигу. Ось шваркнуло... вогняна стрила роспанахуе небо... Страхъ обійме Чипка! На двори зовсимъ темно; мисяця не выдно; биліе, мыготыть чумацькый шляхъ черезъ небо; блыщать, мыготять зори... Тулытся Чипко до бабы та стыха шепче: «Я, бабусю, добрый... Я злого не робытыму, то й Богъ мене не побье... А тыхъ дитей, що мене былы та проганялы—тыхъ Богъ побье, бо воны зли! Я буду добрый, бабусю»... Замовкъ Чипко—духъ прытаивъ: дума про Илію страшного, про Бога доброго. Трохы згодомъ, пытае бабы:

— Вы казалы, бабусю, що Богъ насъ хлибомъ годуе?

— Винъ, дытыно,—винъ насъ годуе.

— А чого жъ мама хлибъ заробляе—ось доси зъ роботы нема. Каже, якъ бы не робыла, то ничого бъ не було и йисты?

— Дурный ты, хлопче, каже баба.—Чоловикъ на те и уродывся, щобъ робыты, а не лежаты. То тилькы, кажуть, спершу, покы ще люде въ раи жылы, то ничого не робылы,—якъ святи булы. Тамъ, кажуть, було всякои всячыны—и йисты, й пыты! Отъ воны ходылы соби та йилы. А сатана й заздрывъ на ихъ счастя,—та давай пидбываты, щобъ согрішылы. Воны и переступылы слово Боже. Тоди ото Господь выгнавъ ихъ зъ раю огняною ризкою—и рай зачынывъ, и сказавъ робыты самимъ на себе. Ото жъ зъ того часу и почалы люде робыты. А то—ничого не робылы,—якъ святи булы!

— И навищо ти люде согришылы, бабусю?.. Отъ бы теперъ и мама дома була, не плакала бъ такъ часто... и хлибъ бы бувъ: колы здумавъ, йивъ бы!

— На те Божа воля, моя дытыно!..

Не дурно Чипко жалкувавъ про хлибъ: винъ бувъ у ныхъ, якъ розважений. Одными рукамы що заробышъ? Тилькы що зъ голоду не мерлы. Сказано—убожество! Разъ була чудасія зъ-за того хлиба.

Мотря була на поли. Орышци треба на грядкахъ полоты. Якъ на те Чипко розвередувався:—йисты, тай йисты, бабо»! въ одну шкуру «йисты»! Взяла Орышка окраець хлиба, одломыла шматокъ, дала ёму, а останній положыла на столи. «Не беры жъ цёго, наказуе Чипку, бо онъ-дывысь: дывытся бозя! Прыйде маты, спытае,—хто хлибъ пойивъ?—То бозя вкаже пальцемъ,—маты и выбье... Гляды жъ не беры»!—Та й пишла соби. Сивъ Чипко середъ хаты: дывытся на образъ—очей не спускае; йисть. Зйивъ той шматокъ, що баба дала,—ще йисты хочется! Хлибъ на столи лежыть,—кортыть ёго. Гляне въ кутокъ: бозя дывытся! Отъ, ставъ винъ крадькома до хлиба руку посылаты, а на образъ все дывытся... Посылае руку, не спускае очей; здается ёму, що и бозя глядыть на ёго,—хоче посварытысь пальцемъ... винъ и прыйме руку назадъ... Оце прыляже до столу головкою (забравсь на лаву), знову пидкрадается. Гляне на образъ: дывытся бозя,

та й годи! И йисты хочется, и хлибъ предъ очима,—та бозя дывытся!.. Задумався Чипко. А це, зразу, якъ кынется одъ столу. Очи горять, губы оддулыся... Та до стильця, що баба пидставляла пидъ ногы, якъ пряла. Ухопывъ стильця, стребнувъ на лаву, знайшовъ ножа, злизъ на стилець, и повыдовбувавъ очи въ образа! Тоди взявъ—увесь хлибъ зйивъ, та й побигъ на грядкы до бабы.

— «Бабо! бабо-о»!—гукае.—Чого, Чипко? ходы сюды!—озывается зъ бурьяну баба. Прыбига Чипко.—«А я, бабо, и той хлибъ зйивъ»! хвалытся.—«На що жъ ты, сыну, зйивъ? А якъ маты прыйде та спытае: «хто пойивъ»?—то бозя скаже...—«Э...э... бозя, бабо, не бачыла... Я повыймавъ очи, щобъ не дывылася»!..—И байдуже соби,—забулося.—Колы такъ, передъ Риздвомъ, прыйшлося хату билыты, образы мыты. Зыркъ, Мотря на образъ—ажъ очей немае! Вона такъ и отетерила.—«Хто це очи повыймавъ?» пытае въ Орышкы.—«Де»?—Глянула—справди безъ очей. Тоди до Чипка: «Ты очи повыймавъ»?—Сміется:—«Я... Щобъ не бачыла, якъ хлибъ йистыму»!—Згадала тоди Орышка, що ій хвалывся Чипко. Та що? Звисно—дытына: дурне, мале! Погрымала на ёго Мотря, налякала, що бозя бытыме, колы таке буде робыты, та й годи.

А булы таки часы, що не бозя, а Мотря была Чипка—и добре была! Сынякы иноди по мисяцю не сходылы. Не можна сказаты, щобъ вона не любыла Чипка. Ни—вона ёго любыла, якъ кожна маты свою дытыну. Чы, не дай Боже, занедужае Чипко,—Мотря сама не своя. Цилу ничъ очей не заплющыть: сыдыть надъ нымъ, плаче, молытся... «Тилькы жъ и утихы, и надіи! Все-такы выросте своя дытына, стане хоть на старисть у помочи. Може, хочъ на старисть не прыйдется до кривавого поту робыты, терпиты одъ холоду и голоду, та одъ литнёи спекы налючои». Така въ Мотри думка. И не досыпля вона ночей, прыслухается, якъ дыше іи едына «надія й утиха»... А нехай, здоровый, зробыть що Чипко,—нехай зйисть безъ спросу шматокъ хлиба, чы покачается въ калюжи... Лышенько! То не огонь пыше, то лыце Мотрыне: то не искры сыплются—то іи клёны и про-

клёны та духопелыкы... Инша мачуха здержуе руку надъ пасынкомъ, а Мотря, роспалывшысь, не вмила здержуваты надъ риднымъ сыномъ.

Та не такый же й Чипко вдався, щобъ его можна було бійкою спыныты. Спершу такы боявся матери, а дали—звыкъ уже й до бійкы, хочь якъ вона глыбоко иноди въ серце впывалася, до жывыхъ печинокъ доходыла. Ой, злый же винъ бувъ тоди! Ой, лютый! Винъ бы, абы змигъ, матери очи выдравъ, або самъ соби що заподіявъ, якъ бы не баба... А то вона, іи тыха мова, гасыла его лютощи. Якъ почне, було, его умовляты,—та словомъ, якъ повывачемъ, зивье... За те Чипко любывъ бабу; души не чувъ. Що баба не скаже, усе послухае. А матери не любывъ и не слухавъ. Одъ бійкы то сховается, то втече; а послухаты—не послуха. Не разъ Мотря зъ серця гирко плакала...

IV.

Жывъ—жывъ!

Отакъ жывъ Чипко, рисъ, выроставъ у голоди, та въ холоди у злыдняхъ та недостаткахъ. И все самъ соби, якъ палецъ. Други до дитей, до гурту, а винъ знай самотою. Заберется було въ бурьяны, нарве квитокъ, назбира кузёкъ, та й грается нышкомъ. А до людей, до дитворы—ни! Чипко мавъ добру намьять: зъ неи николы не выходыла думка, що винъ «выродокъ»; винъ николы не забувавъ бабынои рады. Соби на лыхо, рядомъ зъ добрымы думкамы, въ малому серци ворушылося щось недобре, невпокійне. Розбуджене, воно не давало ёму забутыся,—николы не прощало никого, колы бачыло яку помылку. И росло лыхо въ его серци—и выростало до гарячои видплаты, котра не зна ни впыну, ни забороны. Не було тоди ничого, передъ чымъ бы винъ оступывся; яка бъ страховына передъ нымъ не вставала—не злякаты ій того видважного духу, упертои думкы, палкого серця... Такому нема на свити ничого такого, чого бъ винъ злякався. Ни Богъ, ни люде не страшни ёму... Богъ страшный

злому, а Чипко думавъ, що винъ добрый, а лыхи люде ёго дратують.

Ось ёму мынуло дванадцять литъ. Въ осены радытся Мотря зъ матирью:

— Чы не найняты бъ намъ Чипка хочъ за харчъ служыты?

— Я вже й сама думаю, каже Орышка.—Тилькы куды винъ годенъ? Якыйсь нелюдный, неговиркый, якась тума зъ ёго... И зъ дитьмы винъ не поводытся, якъ други—усе самотою, усе соби дома...

— Що жъ ёго на свити робыты?—журлыво одказуе Мотря.— Уже жъ всякъ баче, якъ я працюю... Та що моя праця? Сылу вытратыла, здоровья збавыла, а тилькы що зъ голоду не мремо... Якъ бы ёго наняты,—хочъ бы меньше зйижи... все бъ такы хочъ на одежу зосталося!

— Якъ знаешъ, дочко.

Пишла Мотря пытаты мисця. Незабаромъ и знайшла. Багатый козакъ Бородай шукавъ хлопця до скоту. Зъ нымъ вона и умовылась.

— А збирайся лышень, Чипко, на завтра въ наймы,— каже вернувшысь у вечери Мотря.—Годи дома сыдиты та хлибъ переводыты,—пора й самому заробляты!--Чипко--рукамы й ногамы! Та вже Орышка давай ёго умовляты: стала ёму вычытуваты ихъ гирки недостачи та нужды... Послухавъ Чипко, пишовъ. Прыйнявъ ёго Бородай на зиму за харчъ та одежу. Вернулася Мотря додому рада та весела.

— А що дочко?—стрива іи Орышка.

— Зоставыла... Колы бъ то шанувався!

— А, може, звыкне... Дай-то, Боже!—потипа и молытся Орышка.

Зостався Чипко въ Бородая. Хазяинъ коло ёго спершу мыромъ та ласкою, и показуе та розсказуе—якъ и що, и колы робыты. Такъ же Чипко ничого и знаты не хоче! Хазяинъ прыказуе: «Пиды, Чипко, загороду почысть». А Чипко пиде на тикъ, заберется въ ожередь соломы, та й давай зъ неи то верчыкы крутыты, то хресты вывьязуваты.

Разъ якось розсердывся господарь, що не послухавъ Чипко,— узявъ ёго, та й выбывъ. Розсердывся й Чипко... та трохы за малымъ не спалывъ хазяина! Якъ не було въ хати никого, винъ полизъ у пичъ, вытягъ жару въ покрышку, вынисъ у хливець... Добре, що люде побачылы—залылы.

Прогнавъ ёго Бородай. Пишовъ до-дому Чипко, насупывшысь, понисъ у серци гирке почуття ненавысты на долю, що подилыла людей на хазяина и на наймыта. Мотря плаче,—вже не бье, плаче. Страшно ій, щобъ, бува, не позывавъ Бородай... Орышка вмовляе Чипка, а Чипко тилькы понуро дывытся, мовчыть, мовъ ёму въ ротъ воды налыто. Такъ и зостався дома зимуваты.

На весну знову радытся Мотря зъ матирью.

— Найняты бъ Чипка?

— То й наймы.

Знову иде Мотря шукаты хазяина—и знову швыдко выщукала. Дидъ Уласъ, вивчарь, що пасъ громадську отару, шукавъ хлопцивъ у помичъ.

Дидъ Уласъ—самъ панській, ходывъ у пана Польского за скотомъ. Отже якъ ставъ старый, немощный, та ще захорувавъ до того,—такъ ёго и одпустылы зъ двору, щобъ не переводывъ даремно панського хлиба. Ледве вылизъ Уласъ за ворота, та й загадався. «Куды ёго»!? До роду—блызького никого, и далекый—у панській роботи... Прыйшлося Уласови—хочъ пидъ греблю! Та вже громада зжалылась: выбудувала ёму землянку въ царыни, та й наставыла чабаномъ.

До ёго ставъ Чипко пидпасычемъ. И—дыво! згодывся видъ разу: робота прыйшлась ёму по души.

Устане Чипко рано, ще до сонця; набере хлиба въ торбу; визьме малахай, що дидъ давъ завертаты овець, та й иде въ царыну, до землянкы, дожыдаты, покы зберется отара. Прыходыть. У дида все ще позапирано. Тилькы Лыско лежыть коло дверей, простягшы передни лапы, положывшы на ныхъ голову... Дрима ранкомъ.

— Лыско!—гука Чипко.

Лыско пидведе, нехотя, голову; подывытся на Чипка—и знову кладе іи на ногы, позихнувшы на все горло... Тобъ-то «рано, хлопче ходышъ; ще дидъ спыть».

Сида Чипко коло землянкы, выймае хлибъ зъ торбыны—почынае снидаты. Тымъ часомъ люде згоняють овець до царыны. И розійдутся воны по-надъ ровомъ, щипаючы зелену травыцю.

Ось прыходыть и другый пидпасычъ—Грыцько, Чупрунивъ сынъ,—хлопчыкъ однаковыхъ зъ Чипкомъ литъ, та не кращыхъ—выдно—и достаткивъ... На ёму сорочка чорна-чорна—полотна не знать, та ще й подрана; штаныпята—саме кгноття высыть на очкури—позасуковани ажъ за колина.

Грыцько—козачый сынъ, сырота. Писля смерти батька та матери (воны пидъ халеру померлы обое одного такы й року) громада оддала сыроту далекій родычци—вдови Вовчыси; а якъ пиднявся хлопець на ногы, то дидъ узявъ ёго до себе въ помичъ коло отары.

Сидае й Грыцько коло Чипка; розвьязуе свою торбу; выймае зъ неи сухари—чорни, якъ земля,—и снидають обыдва разомъ, колы не колы перекыдаючысь словомъ.

Отъ, рыпнулы двери—показався дидъ на порози.

— Уже вы, хлопци, тута?

— Тута.

— А щожъ це овець такъ мало?

— Згонять.

— А вы снидаете?

— Снидаемо.

— Ну, снидайте жъ, покы овець позганяють. А я тымъ часомъ умыюся, та зберуся, та й рушымо!

Иде дидъ у прысинкы; набира воды въ кухоль—умывается.

Тымъ часомъ—свитъ, якъ день; тилькы сонце щось забарылося... Закрасывшы увесь схидень палко-рожевымъ цвитомъ, воно ще не рушало зъ-за горы, ще не блыснуло ни однымъ променемъ надъ землею. А земля вже налагодылась ёго стритыты: зелени травы пороспрavлялы свои дрибненьки лысточкы, повмы-

валыся вже свижою раннёю росою. Якъ дивчына, дожыдаючы свого мылого, умывается и прыбирается, тремтыть, мовъ у лыхоманци, не терплячы,—такъ земля дожыдае ясного сонця... и мынытся, не дождавшысь. Повиие тыхый витерець,—потемніе и насупытся іи зеленый убиръ; затыхне витерець—убиръ заясніе, усмихается...

Уже й овець позгонылы, и дидъ зибрався. Выйшовъ зъ землянкы. На голови соломьяный брыль; на плечи, на кгерлыдзи, высыть торба зъ хлибомъ та свыта—на случай негоды; у руци—малахай.

— А що, хлопци,—будемо рушаты!—каже дидъ.

Хлопци пидводятся, ховають у торбы свое чорнохлибне снидання и бижать згоныты овець, що ростеклыся по всій царыни, на-ще серце смакуючы росяною травою... Отъ уже и овець позгонылы до гурту.

— А-г-у-у... тьу-у-у!—гукнувъ дидъ.—Трешъ-трешъ-трешъ!! Свыснувъ малахай у руци... Одчыняе Грыцько або Чипко ворота въ царыни—и тыхо-помалу, посхылявшы у-нызъ головы, потяглы вивци шляхомъ у поле. Хлопци по бокахъ; дидъ зъ-заду; а Леско, пиднявшы свій хвистъ и голову въ гору, гордо выступае за дидомъ, мовъ вирный джура за отаманомъ.

Отара супе по-малу: выкрыкуе—то «бе-е», то «ме-е»; кахыкае, якъ зимою стари бабы на печахъ, колы почнуть прядиво мняты... А курява—якъ хмара, слидкомъ за вивцямы...

— Агу—тьу-у-у!—гукнувъ дидъ, ляснувшы малахаемъ.

— А куды, руда?—крычыть Грыцько на овечку, що одризнылась одъ отары и прожогомъ почесала зъ шляху до зеленого морижку вхопыты свижои травыци, та хочъ капельку прокваеыты душу одъ тіеи страшенпои пылюгы, що до самыхъ печинокъ добыралася, давыла-душыла...

Грыцько бачыть, що за рудою и други повертають зъ шляху,—пустывся пидтюпцемъ, разъ-позъ-разъ выгукуючы: «терешъ! терешъ»! та выляскуючы малахаемъ.—Блудягы нехотя повернулы до гурту.

Сонечко почало зъ-за горы выплываты,—грало, всмихалося. Якъ легеньки блыскавочкы, забигалы по земли его паросы, и

крышталемъ заискрыла роса по зеленій трави. За сонцемъ усе жыве прокынулось. Тамъ коныкы крычалы та сюрчалы, якъ не порозрываются; тамъ перепелы хававкалы, та якъ у забій былы; тутъ вивци бекають, мекають, кахыкають... Легенькый витрець подыхае—и скризь розносыть тепло раннёго литнёго ранку... Хороше, такъ весело!

Чипко йде зъ боку отары, похнюпывшы голову. Объ чимъ винъ думае? що гадае?—Ничого винъ не думае, не гадае. Винъ прыслухается, що діется въ ёго серци, въ души. Хоче збагнуты— и забувае... Ёму такъ гарно, весело; ёму такъ вильно, просторно... Чвала соби по-малу. Торбына на плечи; малахай у-руци... Байдуже ёму!... Посылае впередъ ногу за ногою—не думае: де винъ, и що винъ... Легко трепече ёго серце; дывни якись радощи—не то сонъ, не то дримота—спозывають ёго душу.

Догналы отару до становыща. Дидъ свыснувъ малахаемъ,— вивци розскочылысь, розсыпалысь по зеленому полю.

— Отеперъ, хлопци, спочынемо!

И сидають наши вивчари въ-трёхъ пидъ деревомъ. Дидъ выймае шматокъ хлиба та дрибокъ солы—почынае й соби снидаты.

Грыцько—чы прысивъ, чы ни,—вже—дывысь—опынывся гинъ за двое, скочывъ верхы на барана—трендыкае та высвыстуе...

Чипко лежыть на спыни,—дывытся въ блакытне небо. Небо сыне, чысте—ни плямочкы; глыбоке, просторе та шыроке. Не продывытысь ёго глыбыны, не досягнуты окомъ до краю! Поглядъ тоне въ тій сыній безодни, якъ у сывому тумани; тилькы думка росте та шырша...

«Що тамъ»?—дума Чипко.—Тамъ, мабуть, гарно такъ... Ачъ, якъ сыніе!... якъ сонечко сяе!

— Диду!

— Чого сыну?

— Що тамъ?

— Де?

— У неби?

— Богъ.

Задумався Чипко... Дывытся въ небо,—ёму такъ гарно дывытысь у ёго...

— Чы воно, диду, йе тамъ люде?

— Де?

— На неби.

— Нема, сыну! Тамъ Богъ святый, янголи ёго, та души праведни.

— А хиба хто тамъ бувъ?

— Такъ кажуть. Батюшка такъ и въ церкви чытае.

— А гарно, мабуть, тамъ... Бачте: яке сыне, гарне!..

Дидъ, поснидавшы, молывся Богу.

— Гарно, сыну!—прошептавшы молытву, одказавъ Чипкови.— Гарно!.. Не те, що тутъ на земли... Тамъ усе добре, святе... А тутъ—усе гришне та зле...

Замовкъ дидъ. Трохы згодомъ прокашлявся, та й знову почавъ:

— То ще тилькы одынъ Богъ мылосердный держыть насъ на свити, а то бъ насъ давно треба выполоныты, якъ тварь нечестыву! Дывысь: вивця! Що вона кому заподіе? Никому ничого!... Ходыть соби, щыпле травыцю зелену... вивця, та й годи!... А мы іи рижемо, мы йимо іи, якъ вовкы голодни. И чого мы тилькы не йимо?... А воно то все—грихъ! Усе намъ оддячытся на тимъ свити, все... Гришни мы, прокляти души! Мы не тилькы надъ скотыною знущаемся—мы и свого брата часомъ черкнемо... Бачъ: у брата—онъ те й друге, а въ мене ни сёго, ни того... зарижу, мовлявъ, брата,—добро ёго пожыву! И риже чоловикъ чоловика... А не зна, що ёму на тимъ свити буде! Лыхый ёго путае,—винъ и риже... Охъ, гришни мы, прокляти души!

Чипко слухае—и проходыть по ёго души страхъ, холодъ... и шепче винъ стыха за дидомъ: «гришни мы, прокляти души»... И маты моя гришна, думае винъ, бо вона мене была малого, вона мене середъ зимы на шляхъ выкыдала, щобъ не просывъ хлиба. А баба не гришна: вона мене николы не была; вона мени усёго давала, жалувала мене, вговорювала, отъ якъ дидъ...

И дидъ, мабуть, не гришный... А Грыцько? Грыцько—гришный: онъ якъ винъ верхы на барани ире!...

— Грыцьку! Грыцьку!—скочывши на ногы, крыкнувъ Чипко:— не йиздь на барани,—грихъ! А Грыцько гыка та тпрука на все поле.

— А винъ на барани йиздыть?—пытае дидъ.—Бачъ! Я й не туды,—чого винъ такъ выгукуе.—Ось я тоби, я тоби!!—сварытся на Грыцька дидъ здалека кгерлыкгою.

Грыцько скочывъ зъ барана, побигъ до вербъ, що рослы надъ шляхомъ. А дидъ, понюхавшы табакы, розиславъ свыту, розвернувся проты сонця, та гривъ старе тило. Чипко соби прымостывся биля его.

Незабаромъ Грыцько вернувся зъ повною пазухою горобенятъ.

— А я, диду, ось скилькы горобенятъ надравъ!—хвалытся.

— Навищо жъ ты ихъ надравъ?—пытае дидъ, не пидводячы головы.

— А щобъ оця погань не плодылася.

— Хиба вона кому зробыла що?... А грихъ,—промовывъ Чипко, прыдавывшы на останнёму слови.

— А хто, якъ жыды Хрыста мучылы, крычавъ: жывъ-жывъ?— одказавъ Грыцько, та й высыпавъ зъ пазухы голоцюцкивъ зъ жовтымы зайидамы.

Чипко подывывся на дида, що лежавъ соби та дримавъ, не слухаючы ихъ розмовы. Горобенята почалы розлазытысь. Грыцько ухопывъ кгерлыкгу.

— А куды!... куды,—закрычавъ. Та—гепъ! кгерлыкгою по горбенятахъ... Такъ кышечкы и повыскакувалы...

— Оце вамъ жывъ-жывъ!.. жывъ-жывъ!—гукае Грыцько, та разъ-позъ-разъ кгерлыкгою, кгерлыкгою...

Чипко дывытся то на горобенятъ, то на дида: чы не скаже чого дидъ? Дидъ лежавъ соби мовчкы. «Значыть, правда, що воны крычалы: жывъ-жывъ»!—подумавъ Чипко, та якъ схопытся... Очи горять, самъ трусытся...

— Стривай, Грыцьку! стривай! не бый... Давай краще имъ головы поскручуемо!...

Якъ ухопыть горобыня, якъ крутне за головку... Не вспивъ окомъ моргнуты,—въ однiй руци зостався тулубець, а въ другiй—головка.

— А що—жывъ! а що—жывъ!!—крычыть Чипко...

— А що—жывъ! а що—жывъ!..—додае за нымъ Грыцько.

Незабаромъ горебенятъ не стало: валялыся тилькы одни головкы та тулубци...

— Отъ теперь можна вже и кгерлыкгою, каже Чипко, взявшы кгерлыкгу въ рукы: Грыцько и соби за нымъ, та зложылы горобенятъ у купу и почалы перищыты—якъ снопы молотыты... Не зосталось горобенятъ и слиду: валялося тилькы одно мнясо та кышечкы, перебыти, перемишани зъ землею.

— Ходимъ ще драты!—каже Грыцько: тамъ ще йе.

— Ходимъ.—згожуется Чипко.

Та й побиглы до вербъ, одынъ одного выпереджуючы.

— А куды вы?—пидвившы голову, пытае дидъ.—Пiйдить, лышень, овець позавертайте! Бачыте, якъ поросходылысь... Щобъ ще звирюка не зайнявъ... Дидъ знову лигъ. Скоро и заснувъ.

Хлопци побиглы.

— А хиба жыды Хрыста мучылы?—пытае на бигу Чипко.

— Жыды жъ... А горобци сыдилы та крычалы: жывъ-жывъ! щобъ ото ще мучылы...

— Ну, теперъ же мени не попадайся ни одынъ жыдъ!—нахваляется Чипко. А очи, якъ у того вовчаты, горять...

— Э-э! жыдамъ ты ничого не зробышъ,—каже Грыцько:—воны здорови... А жыденятамъ можно бебехы надсадыты! Я вчора одного бывъ-бывъ, та ще й пейсы вырвавъ..

— Iй-Богу?

— Iй-Богу.

— Отъ, колы бъ я пiймавъ!... Я бъ ёму голову скрутывъ, якъ горобеняти!...

Швыдко воны позаверталы овець и, якъ кошенята, дралыся по вербахъ, выдыраючы горобенятъ. У двохъ надралы ще бильше,

нижъ самъ Грыцько надравъ. А дали—поскручувавшы головы, былы кгерлыкгамы... помисылы чысто на гамузъ!

Сонце де дали—все выще та выще пидплывало. Перше жъ такъ гарно сяло та грило, а це вже стало пекты—палыты, ажъ дидъ прокынувся...

— Ачъ якъ угрило!—обизвався винъ, пидсуваючы свыту пидъ вербу, въ холодокъ.—А ну ще понюхаемо, та заграемо... Хлопци, выдно, десь горобцивъ деруть... Дидъ понюхавъ...

— А-а... та й добра жъ!—промовывъ, чхнувъ—и полизъ у торбу за сопилкою. Выйнявъ сопилку, послыпывъ дирочку, свыснувъ разъ, у-друге—и зачавъ «Вивчарыка». Гучно-гучно загула сопилка на все поле, немовъ хто заспивавъ жалибно: ажъ ось замира—тилькы сопе... А це зразу, не мовъ опикъ хто, закрычало, завызжало,—тай стыхло... вдруге... втрете... и полывся тяжкый плачъ... Сумно зробылося, важко. Отара посхыляла у нызъ головы, немовъ слухала того плачу тяжкого... Отъ, знову сопилка замовкла. Трохы перегодя, тыхый регитъ, кризь слёзы стыха веселывъ поле: дали—дужче... дужче... слёзы сохлы... регитъ замиравъ... и понисся веселый, танцюрыстый козачокъ...

— То дидъ гра,—каже Чипко.—Ходимъ до ёго!

— Ходимъ.

Побиглы.

— А, мабуть, часъ, хлопци, и овець напуваты!—зустричае ихъ дидъ.

Хлопци зибралы ватагу, погналы до водопою. Туть зъ ными трохы халепы не сталося. Якъ гналы отару черезъ лугъ,—де не взявся сирый вовкъ и потягъ нышкомъ ягнятко въ диброву. Отара схарапудылась, сыпнула вбикъ—ажъ Грыцька повалыла; Леско майнувъ за вовкомъ, Чипко за Лескомъ. Вовкъ бачыть, що не перелывкы,—покынувъ ягнятко, та драла въ лисъ... Чипко зъ Лескомъ за нымъ. Дидъ почувъ, що Леско гавка на вовка,—и соби надійшовъ... Такъ де жъ ты вовка въ лиси шукатымешъ? Тилькы й того, що дидъ похвалывъ Чипка за те, що не побоявся вовка, одбывъ ягнятко... Вернулысь зъ водопою. Пообидалы сухый хлибъ зъ силлю; дидъ знову лигъ спаты; хлопци бигалы за-

вертаты овець. Чипко розсказувавъ, якый ёму вовкъ здавсь:— «здоровый, а легкодухый». Грыцько не вважаючы на грихъ, на барани йиздывъ, щобъ тилькы дидъ не бачывъ... Потимъ того, воны полудналы... Чипко дида про що небудь роспытувавъ; дидъ розсказувавъ про всяку всячыну; гравъ на сопилци... Такъ-ажъ покы сонце не повертало на взахидъ. Тоди дидъ завжды казавъ хлопцямъ:—«Пора, хлопци, до-дому вертаты»!

Хлопци збиралы овець въ отару, гналы въ село. Тамъ, у царыни, стривалы ихъ люде, и кожне своихъ овець залучало додому. Пороспускавшы овець, хлопци вертaлы по домивкахъ, а дидъ запиравсь въ землянци до другого ранку.

Та такъ коженъ день.

Панасъ Мырный та Иванъ Билыкъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ исторіи заселенія и устройства екатеринославской губерніи. *(Изъ семейнаго архива Хорватовъ).* Собирая матеріалы по исторіи курскаго общественнаго театра, кстати сказать, одного изъ старѣйшихъ въ провинціи и нѣкогда процвѣтавшаго, интересуясь попутно многочисленными когда-то въ курской губерніи крѣпостными оркестрами и труппами актеровъ, я въ сентябрѣ прошлаго года побывалъ въ слободѣ Головщинѣ, грайворонскаго уѣзда, курской губ. Головщина—эта бывшая резиденція рода Хорватовъ—въ свое время славилась далеко за предѣлами губерніи радушіемъ и гостепріимствомъ хозяевъ, прекраснымъ струннымъ оркестромъ и труппою актеровъ, подвизавшихся не только въ усадьбѣ владѣльца на утѣшеніе хозяина и его многочисленныхъ гостей, но и съ успѣхомъ гастролировавшихъ въ Курскѣ, Коренной ярмаркѣ, Харьковѣ и другихъ мѣстахъ.—Въ этомъ покинутомъ пріютѣ музъ и грацій, память о которомъ еще живетъ въ воспоминаніяхъ курскихъ старожиловъ, тамъ гдѣ еще витаютъ тѣни прошлаго, я разсчитывалъ собрать обильную жатву и, дѣйствительно, при любезномъ содѣйствіи мѣстной интеллигенціи, мнѣ удалось разыскать нѣсколько оставшихся въ живыхъ Хорватовскихъ музыкантовъ и одного актера, при помощи которыхъ можно будетъ сохранить отъ забвенія многое болѣе или менѣе интересное изъ театральнаго прошлаго Головщины, Курска и Коренной. Въ той же Головщинѣ мнѣ посчастливилось найти у мѣстныхъ купцовъ братьевъ Власенко большую связку старыхъ бумагъ Хорватовскаго семейнаго ар-

хива [1]). Эти бумаги были скуплены Власенковыми у разныхъ мѣстныхъ крестьянъ и такимъ образомъ сохранены отъ окончательнаго истребленія на «цыгарки». Надо сказать, что послѣдній изъ Головщинскихъ Хорватовъ, Николай Ивановичъ, умеръ одинокимъ и послѣ его смерти въ числѣ многаго другого былъ растащенъ фамильный архивъ. Вспоминаю по этому поводу курьезъ, слышанный мною въ Курскѣ отъ одного грайворонца. Онъ сообщалъ за вѣрное, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Головщинѣ можно было встрѣтить крестьянъ и крестьянокъ, обряженныхъ въ разныя части богатаго театральнаго гардероба Хорватовъ.

Связка документовъ любезно была предоставлена г.г. Власенковыми въ мое распоряженіе для разсмотрѣнія и возможнаго использованія. Среди частной переписки Хорватовъ, особаго интереса не представляющей, тамъ оказалось немало документовъ общественнаго значенія, относящихся къ концу 18 и началу 19 вѣка и касающихся курской, воронежской, харьковской и екатеринославской губерніи. Документы по первой губерніи я обѣщалъ уже обработать для изданій курскаго губернскаго статистическаго комитета, такъ что въ «Кіевской Старинѣ» помѣщу только документы остальныхъ трехъ губерній и для начала сообщаю отчасти въ копіяхъ, отчасти въ извлеченіяхъ и передачѣ содержаніе четырехъ документовъ, имѣющихъ значеніе для исторіи быта, устройства и заселенія екатеринославской губерніи.

Копія перваго представленія генералъ-лейтенанта Хорвата [2]), посланнаго къ князю Платону Александровичу Зубову отъ 7-го іюня 1795-го года. Когда я имелъ повеленіе на представленіе мое о переводѣ кременчугскаго моста въ губернскій городъ Екатеринославъ, размышлялъ я тогда, что въ случае переходу войскъ не безъ отягощенія было бы городу вмещать въ себѣ команды отряженныя для печенія хлебовъ и пересушки въ сухари, поставилъ себѣ должностію обезпечить сей новый городъ и зделать всеподданническую услугу губерніи мнѣ ввѣренной. По прямой дорогѣ лежащей къ городу Херсону въ десяти верстахъ отъ Екатеринослава купилъ я за умерен-

---

[1]) Сообщаю для свѣдѣнія интересующихся, что у тѣхъ же гг. Власенковыхъ имѣется еще одна любопытная вещь: это весьма недурно сохранившееся изображеніе масляными красками извѣстнаго морехода Шелехова съ его сподвижниками.

[2]) Іосифъ Ивановичъ, екатеринославскій губернаторъ.

ную цѣну помещичьихъ земель 4,410 десятинъ; построилъ тамъ сто двадцать домовъ, одинъ небольшой домъ со службами, въ коемъ и чиновники на случай проезда останавливаться могутъ; поселеніе сдѣлано на высокомъ мѣстѣ, кругомъ всего селенія ключи, въ чѣтырехъ местахъ поделалъ небольшія земляныя плотины гдѣ водъ довольно, на земле принадлежащей къ оному леса небольшія и у дому господскаго роща съ садомъ въ двадцати десятинахъ.—Часть сего строенія употребилъ я изъ еканоміи, которую соблюлъ отъ фабрикъ суконныхъ, кои засталъ еще неоконченными. Населилъ сіи сто двадцать дворовъ людьми нашедшими здавнихъ летъ изъ малороссіи и польши прописными и въ ревизіи нынешнѣй такъ же въ тѣхъ селеніяхъ вписанными быть невозможныхъ по малоименію земель, которыхъ до ныне состоитъ обоего пола 600 душъ; скота: лошадей 17-ть рогатаго 591—овецъ 410-ть, къ свѣденію моему о таковыхъ прописныхъ и много еще подобныхъ имъ дошло тогда, когда я имѣлъ повеленіе кормить народъ губерніи моей терпящей голодъ, коему раздача отъ меня чинена была и чинится въ каждомъ селѣніи за поручительствомъ одинъ за другова;—ревизскія души старожилыя на себя обязательства таковаго дать нежелали, и симъ способомъ открыли мнѣ подобныхъ проживающихъ во всехъ казенныхъ селеніяхъ, о коихъ делаютъ у меня теперь вѣдомости, которые по окончаніи буду имѣть честь представить на благоусмотрѣніе вашему сіятельству съ приобщеніемъ моего мнѣнія, что бы всѣхъ таковыхъ изъ селеніевъ гдѣ земель много вывѣсти и поселить въ мѣстахъ еще не засѣленныхъ на казенномъ иждивеніи. Прошедшею осѣнью и нынѣшнею весною посѣяно всей даче пятьсотъ четвертей всякаго хлѣба собственно моего; всѣ 120 домовъ построены изъ сосноваго лѣса, покрыты дранью, въ трехъ улицахъ регулярныхъ и раздѣленныхъ на четыре квартала съ площадками; у сего и планъ поднесть честь имѣю, на коемъ изображено строеніе и плотины. отъдая ее въ казенное вѣдомство, ничего за ее не требую, а прошу принять оную за доказательство истиннаго моего усердія къ высочайшей службѣ, и что между множественными дѣлами забочусь и о украшеніи губерніи мне вверенной. Съ каковыми расположеніями до послѣднихъ дней жизни моей прѣбуду.

Копія втораго представленія о засъленіи Звонецкомъ. При устройствѣ означеннаго поселенія Краснопольемъ имѣнуемаго предвидевъ возможность отъ умноженія по днепру селѣній лежащихъ между по-

роговъ, где бѣспрерывно находится не малое число людей частныхъ и военнослужителѣй служащихъ при переправе чрезъ оные влѣтніе время судовъ, байдаковъ и платовъ, а внизу къ сохраненію остающихся тутъ казѣнныхъ черноморскому флоту и поставщикамъ въ оное принадлежащихъ лесовъ, снарядовъ и иныхъ тягостей, кои послучающемуся въ днепре на порогахъ мелководію остаются тутъ до вѣсны и на коемъ находилось три токмо казѣнныя селенія именуемые: Нижняя Камянка, Старые Кайдаки и Волоское; разъстояніе жъ отъ сего послѣдняго селенія до самыхъ важнейшихъ Ненасытецкихъ пороговъ оставалось въ рукахъ партикулярныхъ небогатыхъ владѣльцовъ весма малыя засѣленія имевшихъ, яко то статскаго совѣтника Крамина и полковника Синельникова. Такимъ образомъ сообразя пользу отъ умноженія на семъ мѣсте многолюднаго поселенія, могущаго не только давать пристанище военнослужащимъ и частнымъ людямъ, но и вспомоществовать при переправе чрезъ пороги въ лѣтнеѣ время судовъ и прочаго подобно первымъ сѣленіямъ; изкупилъ я сіи участки, и сделавъ оное посѣленіе съ построеніемъ пространной ковмещенію народа церкви и особеннаго дому, водворихъ и тутъ такихъ же черкасъ составляющихъ съ купленными 729 мужеска и 607 женска пола душъ, равно первымъ обзаведѣнныхъ и снабженныхъ. Оба сіи поселенія составляютъ теперь 1066 мужска и 958 женска полу душъ, въ числѣ дворовъ въ Краснополье 136 и Звонецкомъ 200 и подъ коими числится земли до 10000 десятинъ. Устроивъ такимъ образомъ вышеписанныи поселеніи изъ единаго токма усѣрдія къ пользе казенной, прошу покорнейше причислить ихъ къ оной.

—

Третій документъ составляетъ черновикъ письма Хорвата къ графу Зубову отъ 25 января 1796 года. Содержаніемъ его служитъ, главнымъ образомъ, повтореніе двухъ предыдущихъ представленій. Какъ новое, здѣсь указывается, что Краснополье и Звонецкое были заселены черкасами, «кои въ ревизіи 1782 г. не бывъ вписанными, жили по разнымъ сея губерніи казеннымъ селеніямъ безъ платежа всякихъ податей и съ утѣсненіемъ старожиловъ въ землѣ крайній недостатокъ терпѣвшихъ». Далѣе сообщается, что стройка домовъ въ обоихъ селеніяхъ закончена лѣтомъ 1795 г., что при селеніи Краснопольи насаженъ садъ, открыты пруды, построены двѣ мельницы и оканчивается сооруженіемъ церковь, а при поселеніи Звонецкомъ («при урочищѣ

противъ Звонецкаго порога») устроены двѣ водяныя мельницы съ сукновальнями, двѣ вѣтряныя мельницы и также строится церковь.

Четвертый и послѣдній документъ по этому дѣлу—это копія доклада Зубова Екатеринѣ II-й. Изъ него мы узнаемъ только, что согласно представленіямъ Хорвата Зубовъ сдѣлалъ распоряженіе о принятіи обоихъ селеній въ казенное вѣдомство и причисленіи жителей ихъ въ воинскіе поселяне съ двухлѣтнею льготою отъ рекрутскаго набора; «о достохвальномъ же подвигѣ» Хорвата было представлено на «благовоззрѣніе» Императрицы.

І. А. Горновскій.

Образчикъ современнаго пѣсеннаго творчества малорусскаго народа. Среди нашей интеллигенціи, интересующейся народомъ, сложилось печальное мнѣніе, что народное творчество въ последнее время упало совершенно, что пѣсня, какъ лучшая и совершеннѣйшая форма его, потеряла свой національный—украинскій характеръ и уступила мѣсто пѣснямъ банально-фабричнымъ и солдатскимъ. Правду сказать, не безъ основанія такое мнѣніе сложилось. Развитіе, съ одной стороны, фабрично-заводской промышленности, съ ея разлагающимъ вліяніемъ на нравственные устои народа, съ другой—солдатчина, въ корнѣ подрывающая семейное начало, съ третьей, наконецъ, «гонители» народной пѣсни въ лицѣ сельскихъ властей—вотъ факторы, задерживающіе развитіе народной украинской пѣсни. Но жива душа народа-поэта! Какъ ни тяжелы условія развитія народной пѣсни, какъ ни сильно вліяніе вышеупомянутыхъ факторовъ, душа нашего народа остается по прежнему такой же поборницей нравственности, такой же чистой украинской, какой была и двѣсти лѣтъ назадъ. Удивительно чуткая, она, какъ туго натянутая струна, отъ малѣйшаго прикосновенія быстро и звонко отзывается на всѣ проявленія народной жизни и однимъ сочувствуетъ въ своихъ думахъ, другія казнитъ въ своихъ пѣсняхъ-сатирахъ.

Съ одной изъ такихъ пѣсенъ-сатиръ я и хочу познакомить читателей. Составлена она въ прошломъ году молодежью села Узина, васильковскаго уѣзда, въ которомъ два завода: конный и сахарный, и въ которомъ ежегодно живетъ до 150 душъ великороссовъ, служащихъ на заводахъ. Поводомъ къ составленію пѣсни послужило слѣдующее романическое происшествіе. Дочь зажиточнаго крестьянина Харька

Назаренка—Оксана[1]) полюбила молодого, франтоватаго паробка Васыля Бондаренка, который любилъ хвастнуть передъ своими товарищами «городськимъ убраннемъ и мовою рассейською». Старикъ Харько ни за что не соглашался выдать свою дочь за «такого шалопута», какъ онъ называлъ Васыля. Всѣ просьбы и мольбы со стороны Оксаны не повели ни къ чему: старикъ упорно стоялъ на своемъ. Тогда Оксана рѣшилась на послѣднее средство: она ушла изъ дома отца въ семью Васыля и стала жить съ нимъ, какъ со своимъ законнымъ мужемъ. Родители Васыля не прочь были женить сына на богачкѣ и потому всѣми силами старались устроить этотъ бракъ. Сватомъ они выбрали одного изъ сельскихъ проныръ-дѣльцовъ Хвадея. Но тотъ былъ съ позоромъ выгнанъ Харькомъ изъ хаты. Послѣ столь неудачнаго сватовства старый Бондарь отправился въ Кіевъ искать попа-разстригу, который бы согласился повѣнчать молодыхъ безъ благословенія родителей. Такого попа въ Кіевѣ не оказалось, и Бондарь возвратился домой ни съ чѣмъ. Тогда онъ самъ рѣшился отправиться къ Харьку и склонить его дать на бракъ своё благословеніе. Но и его постигла участь Хвадея. Вся эта исторія заинтересовала сельскую молодежь. Составлено было нѣсколько пасквильныхъ куплетовъ, которые усердно потомъ и распѣвались паробками на той улицѣ, гдѣ жила счастливая парочка. Оксана вздумала было жаловаться на дерзкихъ паробковъ «за пѣсню», но тѣ пригрозили еще одну составить, и она должна была успокоиться. Таковъ сюжетъ пѣсни. А вотъ и она сама.

«Ой, ще сонце не заходыть,
До Хвадея Бондарь ходыть.

Припѣвъ послѣ каждаго стиха:

Ты Харькивно моя,
Полюбыла Васыля.
Ой, ты—доле моя,
Черезъ тебе пропавъ я!

«Ты, Хвадею, ридный брате,
Порадь, якъ Харькивну взяты»!

---

[1]) Собственныя имена здѣсь и въ пѣснѣ измѣнены.

Хвадей довго не зивае,
Пырога платкомъ сидлае...
„Здрастуй Харьку Назаренко!
Буде зять твій Бондаренко“?
Харько довго не зивае,
Та Хвадея въ груды пхае...
„Пишовъ геть, Хвадею, зъ току,
Бо не буде зъ цёго толку“!
Бондарь кони запрягае...
До Кыйива одъиждже...
До Кыйива прыйиждже,
Дыкого попа шукае...
Дыкого попа не мае,
Винъ до дому повертае.
На Меланкы раненько
Прыйшовъ Бондарь старенькый:
«Здрастуй, Харьку, тоби въ хату,
Чы не будешъ мойимъ сватомъ»?
Старый Харько не зивае
Та Бондаря въ спыну пхае:
«Пишовъ, Бондарь, геть изъ току,
Бо не буде зъ цёго толку»!
Почкай Харьку, не казыся!
На Васыля роздывыся:
Винъ же хлопець моторный,
Танцюрыстый, ще й проворный...
Въ нёго чоботы на зборкы—
«Посмотрите, ума сколькы»!
Бондарь прыходыть до дому
Та й не хвалытся никому.
Сыдыть Васыль за верстатомъ,
Та й говорыть зъ своимъ татомъ...
—«Якось, сыну, мы... побачымъ—
То мы зъ цёго не заплачемъ—...
Будымъ соби клопотаты,
Щобъ Оксану намъ узяты»...
Хочъ дыкый пипъ не звинчавъ,
Та й не винчану узявъ...

Хлопци письню столкувалы
Кожный вечоръ проспивалы...
А Харькивна чуе писню,
Та зъ досады каже: «трисну!»...
До Хвадея бижыть лёдомъ
Та говорыть изъ народомъ:
„Буду хлопцивъ я збираты
Та за писню позываты"!
Хлопци цёму не дывують,
Якъ схотять, другу столкують».

Пѣсня эта можетъ служить доказательствомъ того, что не заглохло еще творчество малороссійскаго народа, что не потеряло оно своего національнаго характера, когда съ такимъ сарказмомъ, копируя манеру Васыля говорить «по рассейськи», паробки приглашаютъ полюбоваться имъ:

«Въ нёго чоботы на зборкы—
Посмотрите ума скольки»!—

когда, несмотря на неудовольствіе и даже угрозы Оксаны подать въ судъ—

«Хлопци тому не дывують,
Якъ схотять, другу столкують».

Характеренъ еще и самый способъ составленія этой пѣсни. На мой вопросъ: «якъ вы іи столкувалы»? паробки отвѣтили: «а такъ: одынъ скаже, а другый прыкаже».

Въ заключеніе скажу словами нашего незабвеннаго поэта:

«Наша дума, наша писня
Не вмре, не загыне...
Ось де, люде, наша слава—
Слава Украины»......

1903 г. 27 янв.

И. П Котляревскій въ роли церемоніймейстера. Со времени перваго малороссійскаго губернатора князя А. Б. Куракина (1802—1808) до 1832 г. издавался такъ наз. «Обрядъ дворянскимъ выборамъ». Это подробнѣйшій, особенно при кн. Репнинѣ, церемоніалъ, регламентирующій всѣ дѣянія дворянскаго собранія до мельчайшихъ подробностей. Обыкновенно, по этимъ «Обрядамъ», избирались изъ дворянъ или назначались генералъ-губернаторомъ два церемоніймейстера, обязанности которыхъ состояли въ томъ, что они должны были группировать дворянъ по уѣздамъ при представленіи ихъ генералъ-губернатору, разставлять ихъ въ соборѣ передъ литургіей и вообще слѣдить за точнымъ исполненіемъ «Обряда». Роль такого церемоніймейстера, по назначенію генералъ-губернатора кн. Репнина, исполнялъ въ 1829 г. и извѣстный малорусскій поэтъ И. П. Котляревскій. (Двор. архивъ 1829, отношеніе за № 4132).

Сообщ. **И. Ф. Павловскій**

Нѣсколько словъ о памятникѣ Котляревскому въ Полтавѣ. Сооруженіе памятника начинателю украинской литературы И. П. Котляревскому приближается уже къ концу. На Протопоповскомъ бульварѣ осенью прошлаго года установленъ сдѣланный въ Тибурищенской мастерской г. Певнаго изъ днѣпровскаго гранита постаментъ памятника и укрѣпленъ на мѣстѣ вылитый изъ бронзы бюстъ чествуемаго поэта, работы извѣстнаго художника-скульптора г. Позена. Въ январѣ текущаго года Полтавской городской управой получены художественно выполненные горельефы, также работы г. Позена, на которыхъ воспроизведены характерныя сцены изъ произведеній Котляревскаго: «Энеиды», «Наталки-Полтавки» и «Москаля-Чаривныка». Все изготовленное для памятника отличается тщательностію отдѣлки и изяществомъ.

Г. Певный, какъ почитатель поэта, приложилъ всѣ старанія и сдѣлалъ все отъ него зависящее для наилучшаго выполненія постамента памятника. Особенно же высокія достоинства присущи скульптурной работѣ г. Позена и, главнымъ образомъ, выше означеннымъ горельефамъ.

Трудно сказать, какому изъ горельефовъ отдать предпочтеніе: изображающему ли сцену изъ Энеиды—«снаряженіе Энея съ товарыствомъ въ морской походъ», или же горельефу, представляющему бе-

сѣду Align Align Вознаго съ Наталкою. Реализмомъ дышутъ обѣ эти сцены. Сила и живость изображенія отличаютъ первую изъ названныхъ картинъ, тогда какъ преобладающій тонъ второй картины—глубокая ясность изображенія: фигуры Наталки и пана Вознаго, можно сказать, просвѣчиваютъ тѣмъ внутреннимъ содержаніемъ, какое вложено поэтомъ въ старѣйшую въ украинской литературѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ неизмѣнно свѣжую пьесу «Наталка-Полтавка». Блѣднымъ, по сравненію съ отмѣченными предъ этимъ шедеврами скульптурнаго искусства вышелъ третій горельефъ, изображающій сцену появленія Москаля-Чаривныка въ хатѣ чумаковавшаго Михайла Чупруна. Впрочемъ, полная достоинства „господыня"—Тетяна и бравый «москаль» временъ Александра І-го изображены довольно жизненно; не характерна лишь фигура писца Финтика, представленнаго, кстати сказать, недостаточно естественно и въ самомъ произведеніи поэта.

Горельефы эти предполагается вдѣлать въ 1-й ярусъ гранитнаго постамента съ наступленіемъ весны; тогда же будутъ высѣкаться и надписи на памятникѣ.

Затраты на сооруженіе памятника, по свѣдѣніямъ Полтавской городской управы, до этого времени достигли общей суммы около 12.800 рублей въ томъ числѣ (къ 1 янв. 1903 г.) уплочено 6.982 руб. 25 коп. г. Певному за работу по изготовленію пьедестала памятника; 5.150 руб. уплочено г. Позену для разсчетовъ за отливку изъ бронзы выполненныхъ имъ безвозмездно бюста поэта и отмѣченныхъ предъ этимъ горельефовъ, а также на другіе расходы, вызванные этой работой; на установку памятника и потребовавшіеся при этомъ матеріалы израсходовано 670 руб. Предстоитъ еще уплатить г. Певному до условленной суммы около 1860 руб. и сверхъ того произвести расходъ на устройство рѣшетки вокругъ памятника, изготовленіе вѣнка для бюста, разбивку скверика и другіе расходы для окончательнаго устройства памятника, по приблизительному разсчету около 1000 руб. Всѣ затраты на сооруженіе памятника, составятъ, такимъ образомъ, свыше $15^1/_2$ тыс. рублей.

Къ сожалѣнію въ Полтавской городской управѣ намъ не удалось получить точныхъ свѣдѣній о состояніи капитала, составившагося изъ пожертвованій на памятникъ и роста на собранныя суммы. Опредѣленно показана намъ сумма пожертвованій и проценты на нихъ по 6 окт. 1900 года въ 13,436 руб. 56 коп.—Насколько увеличилась эта сумма въ послѣдующее время, мы не имѣли возможности получить

данныхъ. Неизрасходованныя еще средства для сооруженія памятника, повидимому, не превышаютъ вышеозначенной суммы, слѣдуемой къ уплатѣ г. Певному за работу постамента памятника. Такимъ образомъ, Полтавскому городскому управленію въ скоромъ времени придется обратить вниманіе на недостатокъ средствъ для окончательнаго устройства памятника.

Въ заключеніе настоящаго сообщенія о положеніи дѣла по устройству памятника Котляревскому остается выразить пожеланіе, чтобы неопубликованныя Полтавской городской управой съ 1 января 1898 г. свѣдѣнія о поступленіи пожертвованій на памятникъ, а равно и другія подробности, относящіяся къ дѣлу сооруженія памятника, о которыхъ общество за послѣдніе 4 года освѣдомлялось лишь случайно изъ отрывочныхъ извѣщеній періодической печати, были бы, наконецъ, сообщены Полтавской городской управой во всеобщее свѣдѣніе.

Л. П.

Шекспировскій фондъ и Руська-украинська Выдавныча Спилка. Весьма немногимъ, вѣроятно, изъ нашихъ читателей извѣстно, что въ теченіе 1899—1902 г.г. во Львовѣ вышли въ свѣтъ, въ изданіи «Українсько-Руськоі Видавничоі Спілки», 10 драмъ Шекспира въ переводѣ П. Кулиша. Если къ этимъ 10 драмамъ прибавить еще три (Отелло, Троилъ и Крессида и Комедія ошибокъ), опубликованныя Кулишомъ въ одномъ томѣ въ 1881 году, то это будетъ и все, что мы пока имѣемъ въ переводѣ на нашъ языкъ изъ произведеній безсмертнаго англійскаго писателя. Насколько извѣстно, Кулишъ въ 1881 г. спеціально пріѣхалъ было во Львовъ съ цѣлью издать полный переводъ Шекспира, на что ему однимъ украинскимъ патріотомъ была ассигнована крупная сумма (по слухамъ, до 6000 р.). Но увлекшись политикой, онъ употребилъ ассигнованную ему сумму совершенно на другія цѣли (не считая упомянутаго перваго тома переводовъ Шекспира): имъ были изданы далеко не цѣнныя произведенія въ родѣ «Хуторна поезія», «Крашанка» и еще два не менѣе безцѣльныя изданія брошюры „Die Vergewaltigung des Basilianerordens“. Истративъ всѣ деньги, онъ вернулся ни съ чѣмъ на Украину [1]). Вѣроятно, не-

---

[1]) Уѣзжая изъ Львова, всѣ свои изданія, въ томъ числѣ и Шекспира, Кулишъ отдалъ на сохраненіе невѣдомому никому изъ русинъ

удача съ изданіемъ перваго тома, неблагосклонно встрѣченнаго публикой, благодаря нѣкоторымъ странностямъ въ переводѣ и вообще той роли въ политикѣ, какую взялъ на себя Кулишъ, у него пропала охота продолжать переводъ Шекспира, помимо тѣхъ 10 драмъ, которыя были у него уже готовы. И надо было ждать еще чуть ли не 20 лѣтъ пока и эти его переводы увидѣли свѣтъ. Благодаря щедрости одного мецената, пожертвовавшаго на изданіе переводовъ Шекспира около $2^1/_2$ тысячъ рублей (6011 коронъ). «Украінсько-Руська Видавнича Спілка» во Львовѣ приступила къ издачію ихъ и въ теченіе 4 лѣтъ выпустила 10 изящныхъ томовъ, редактированныхъ др. И. Франкомъ. Каждая пьеса въ переводѣ Кулиша сличена др. Франкомъ съ оригиналомъ, снабжена нужными поясненіямя, и каждой драмѣ предпослана имъ, въ видѣ введенія, прекрасная научная статья, въ которой популярно изложено все необходимое для пониманія драмы и оцѣнки ея на основаніи новѣйшихъ критическихъ и литературно-историческихъ изслѣдованій. Такимъ образомъ, благодаря трудамъ почтеннаго нашего ученаго, мы имѣемъ десять солидныхъ томовъ драмъ Шекспира въ переводѣ на нашъ языкъ. Нельзя не согласиться со словами почтеннаго редактора, переводовъ [1]) слишкомъ скромно заявившаго: «І тепер, скінчивши вложену на мене земляками працю, я з чистим сумліннем можу сказати, що хоч і які б були в деталях хиби моєі редакційноі роботи, все-таки воно ліпше, що Кулішеві переклади Шекспірових драм вийшли в такім одязі, ніж коли б були вийшли зовсім голі, так як перші три, що іх опублікував сам Куліш».

Правда, пора, когда начали выходить въ свѣтъ переводы Шекспира, оказалась неблагодарной для популярности ихъ: переводы, изданные въ Галичинѣ, въ Россію не доходятъ, а въ Галичинѣ старшая генерація интеллигенціи занята исключительно политической борьбой за существованіе; для простого народа, для читаленъ Шекспиръ — слишкомъ тяжелъ, среди же молодежи, особенно университетской, господствуетъ увлеченіе декадентствомъ, Пшибишевщиной. «Охота комусь друкувати такого старого дурня, як Шекспір—тепер, коли маемо въ руках твори Пшибишевского!»—такими словами

поляку, у котораго они и пролежали въ пачкахъ 10 лѣтъ, пока по его смерти не были пріобрѣтены на аукціонѣ Н. Т-вомъ им. Шевченка, гдѣ и понынѣ находятся нераспроданныя.

[1]) См. предисловіе къ 10 тому „Міра за міру“, стр XIX—XXVI.

одинъ изъ представителей украинской молодежи публично привѣтствовалъ появленіе «Гамлета». Не удивительно поэтому, что администрація «Видавнич. Спілки» жалуется, что «Шекспір не йде».

Для нашей читающей публики не безинтересно будетъ узнать, что жертвователь на изданія переводовъ Шекспира поставилъ условіемъ, чтобы по изданіи всѣхъ драмъ и покрытіи расходовъ на печать, чистый доходъ составилъ спеціальный *Шекспировскій фондъ*, который, по усмотрѣнію Видавничоі Спілки долженъ быть употребленъ на опубликованіе дальнѣйшихъ украинскихъ переводовъ Шекспира, а также и другихъ классическихъ произведеній чужихъ литературъ. Чистый доходъ, который будетъ поступать въ Шекспировскій фондъ, создается изъ дохода отъ продажи книгъ, по отчисленіи 40% въ пользу Видавничоі Спілки—на покрытіе расходовъ администраціи и склада.

Но скоро ли нашъ «Шекспірів фонд» будетъ въ состояніи развивать интенсивную дѣятельность—сказать трудно. Сейчасъ на очереди стоитъ изданіе еще одного перевода Кулиша—Чайльдъ-Гарольда Байрона, полный автографъ котораго недавно переданъ вдовой покойнаго Видавничій Спілці. Этотъ переводъ будетъ изданъ въ теченіе настоящаго года [1]).

Было бы крайне желательно, чтобы земляки наши обратили вниманіе на существованіе Шекспировскаго фонда и старались по возможности поддержать его. Хорошіе переводы великихъ произведеній чужихъ литературъ имѣютъ огромное значеніе для развитія каждой національной литературы. Нерѣдко можно случайно узнать, что тотъ или другой писатель много работалъ надъ такими переводами, влагалъ въ нихъ немало труда и оставилъ ихъ въ рукописяхъ, какъ это, напр., случилось съ произведеніями А. Навроцкаго (см. Кіевская Ст. 1902, кн. XII); въ рукописяхъ, оставленныхъ имъ, имѣются полные переводы Иліады, Одиссеи, почти всего „Оссіана", много вещей изъ Байрона, Мицкевича, Шиллера и т. п. Такихъ работъ нашлось бы не мало и въ другихъ мѣстахъ (что сталось, напр., съ литературнымъ наслѣдствомъ Васыля Мовы?). „Шекспірів фонд" долженъ быть цен-

---

[1]) Мы слышали, что дальнѣйшій переводъ произведеній Шекспира, какъ только начнетъ функціонировать „Шекспировскій фондъ", или если бы представилась иная возможность, беретъ на себя нашъ уважаемый ученый др. Иванъ Франко

тромъ такихъ изданій. И хотя теперь, вложивши весь предназначенный для него капиталъ въ изданіе Шекспировыхъ драмъ, онъ весь пребываетъ въ книгахъ, продажа которыхъ идетъ очень туго, все-таки и съ доходовъ отъ продажи, и при небольшой посторонней помощи онъ можетъ далѣе исполнять свою функцію—опубликованія новыхъ переводовъ.

Считаемъ не лишеннымъ интереса привести статистическія данныя по изданію и продажѣ переводовъ Шекспира.

Доходъ выразился: въ присылкѣ 6011. 76 корон жертвователемъ и 169 кор. отъ продажи книгъ до половины 1901 года,—всего 6180. 76 кор. Расходъ: на изданіе 10 драмъ 6328. 81 кор. и плата за складъ 100 кор.,—всего 6428. 81. Такимъ образомъ Видавнича Спілка принуждена была приплатить еще къ изданію послѣдней драмы 348. 10 кор., которыя, впрочемъ, отчасти пополнятся приходомъ отъ продажи книгъ начиная съ половины 1901 г. (точные счеты еще не сведены). Такимъ образомъ въ данный моментъ весь фондъ заключенъ въ книгахъ, нижеслѣдующій итогъ которыхъ показываетъ его дѣйствительное положеніе:

	Напечатано экз.	На складѣ 31 дек. 1902 г.	Продано.	Цѣна экземп.
1. Гамлет	1000	558	442	1.80
2. Приборкана гоструха.	1000	661	339	1.40
3. Макбет	1000	693	307	1.60
4. Коріолян.	1000	716	284	1.80
5. Юлій Цезарь. . . .	1200	970	230	1.60
6. Антоній і Клеопатра.	1200	937	263	1.80
7 Багато галасу з нечевля	1000	783	217	1.60
8. Ромео і Джульета. .	1000	869	171	1.80
9. Король Лір	1000	834	166	1.80
10. Міра за міру . . .	1000	1000	—	1.50

Изъ этого явствуетъ, что на счетъ „Шекспірового фонду" издано понынѣ 10400 экземпл., изъ которыхъ разошлось 2379, а на складѣ въ магазинѣ Спілки лежитъ 8021 экз. Считая приблизительно въ среднемъ по 1 кор. реальную стоимость экземпляра, можно надѣяться, что послѣ распродажи изданія, отчисленіи 40% чистой выручки для Спілки, Шекспировскій фондъ составитъ сумму въ 6240

кор. Весь вопросъ въ томъ, чтобы изданіе какъ можно скорѣе разошлось, ибо, понятно, что чѣмъ дольше книга лежитъ, тѣмъ болѣе расходовъ на магазинъ и администрацію, а слѣдовательно—тѣмъ менѣе ея реальная стоимость.

—

Говоря о Шекспировскомъ фондѣ, мы неоднократно упоминали объ «Русько-Украінській Видавничій Спілці», издавшей упомянутые выше 10 томовъ драмъ Шекспира. Издательство, это на столько серьезно и интересно, что на немъ слѣдуетъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Основана «Русько-Украінська Видавнича Спілка» въ концѣ 1898 г., но открыла дѣйствія въ мартѣ 1899. Состоитъ она въ завѣдываніи *дирекціи* (изъ 5 членовъ и 2 замѣстителей), въ составъ которой въ настоящее время входятъ: проф. М. Грушевскій, др. Иванъ Франко, Володымеръ Гнатюкъ, Иванъ Макухъ и Юл. Мудракъ. Побудительной причиной къ ея основанію послужило, главнымъ образомъ, намѣреніе дать возможность галицкой интеллигентной публикѣ читать выдающіяся произведенія иностранныхъ писателей на родномъ языкѣ, и такимъ способомъ постепенно вытѣснять польскую и нѣмецкую переводную литературу. Надо замѣтить, что въ Лейпцигѣ существуетъ знаменитая нѣмецкая библіотека Реклама («Reclams Universal Bibliotek»), издавшая въ теченіе 26 лѣтъ своего существованія болѣе 4000 книгъ и брошюръ всевозможныхъ родовъ литературы: здѣсь можно найти, кромѣ беллетристическихъ, научныхъ и др. книгъ, изданія законовъ различныхъ государствъ, полныя произведенія нѣмецкихъ и иностранныхъ писателей,—напр. сочин. Достоевскаго, Тургенева и т. д. Изданія эти, въ виду того, что печатаются въ огромномъ количествѣ (нѣкоторыя по 500.000 экз.!), крайне дешевы въ продажѣ (12 крейцеровъ=5 коп. толстая брошюра; 20 крейцер. книга, которая у насъ въ оригиналѣ цѣнится 2 рубля). Вотъ по образцу этой библіотеки, изданія которой сильно распространены въ Галичинѣ, «Укр.-Р. Видавнича Спілка» рѣшила вести свои изданія. Первоначально она предполагала издавать лишь книги бóльшаго объема, какъ напр. упомянутые томы Шекспира,—серія I: „Беллэтристична Бібліотека“ и серія II: «Наукова Бібліотека», (въ 1899 и 1900 г. г. носившая названіе «Національна Бібліотека»); но съ 1901 года рѣшено было прибавить еще третью серію—«Літературно-Наукова Бібліотека»—книжекъ болѣе мелкихъ, во-первыхъ потому, что, какъ оказалось, книги бóльшаго формата туго расхо-

дятся въ продажѣ, а во 2-хъ—чтобы имѣть возможность издавать отдѣльно небольшія беллетристическія или научныя книжки, которыя заслуживаютъ быть изданными. Въ настоящее время какъ въ этой третьей, такъ и въ первой серіи вышло въ каждой болѣе 50 книгъ, во второй же—лишь 12. Очевидно отсюда, что цѣль «Спилки»—вытѣснить иностранную литературу, которую должна замѣнить своя,—далека еще отъ своего осуществленія: всего вышло пока около 120 книжекъ, которыя, какъ ни цѣнны сами по себѣ, еще далеко не могутъ дать удовлетворенія галицко-украинской интеллигенціи; для этого потребовалось бы по крайней мѣрѣ въ 10 разъ большее количество ихъ! Но, оставляя въ сторонѣ отдаленную цѣль «Спилки», нельзя не привѣтствовать ея появленіе и не воздать должныхъ похвалъ ея энергичной дѣятельности. Въ лицѣ ея мы имѣемъ первую украинскую издательскую организацію, развившую широкую, на прочныхъ началахъ, дѣятельность съ солидными задачами, подъ руководствомъ и при участіи лучшихъ научныхъ и литературныхъ силъ. Руководимая опытными людьми, представителями галицкой печати, «Видавнича Спілка», помимо доставленія обществу солиднаго чтенія, можетъ способствовать выработкѣ литературнаго вкуса въ публикѣ, такъ какъ знакомитъ ее съ лучшими, выдающимися произведеніями родной и міровой литературы [1]), а помимо того можетъ имѣть значеніе и для выработки литературнаго языка, такъ какъ при изданіи обращено особое вниманіе на

[1]) До сихъ поръ „Видавничою Спілкою" изданы слѣдующія книги. *Серія I. Украинскія:* П. Воробкевич, С. Над Прутом, Заревич Ф. Хлопська дитина, Катренко. Пан Природа та інши оповідання, Кобринська. Дух часу та інші, Кобилянська О. Покора та інші, Ковалів С.—три книги, Кониській О. Молодий вік Максима Одинця, Коцюбинський - три книги, Кравченко В. Буденне жите, Кримський А. Пальмове гилля, Лепкий Б. З житя, Леся Українка. Думи і мрії, Лесь Мартович. Нечитальник, Лукіянович Д. За кадильну, Панас Мирний: Лихі люде і Лихо старе і новочасне; Сроковський В. Оповіданя, Стороженко О. Марко Проклятий, Стефаник В. Дорога, Тимченко Е. Калевала, Франко Іван—шість книг, Яцків М. В царстві Сабани. *Русскія:* Короленко. Судний день, Толстой. Відроджене (3 тома). *Польскія:* Оркан. Скапаний сьвіт, драма. *Чешскія:* Гавлічек-Боровский. Вибір поезий, *Нѣмецкія:* Гауптман—Візник Геншель, Гейне Подорож на Гарц, Гуцков. Урієль Акоста. *Французскія:* Мопасан—двѣ книги, Золя. Жерміналь. *Англійскія:* Киплингъ. Мауглі, Шекспір—десять томовъ, *Датскія:* Кнут Гамеун. Голод, Понтоппідан. Із хат.

чистоту его. Между прочимъ, «Видавнича Спілка» выдаетъ извѣстный гонораръ не только за оригинальныя, но и за переводныя произведенія—вещь довольно рѣдкая въ исторіи украинскаго издательства! Объ одномъ лишь можно скорбѣть: что Галицкое украинское общество, сплошь и рядомъ необезпеченное, не въ состояніи, даже при всемъ своемъ желаніи, позволить себѣ такую роскошь, чтобы пріобрѣтать многія изъ выходящихъ на украинскомъ языкѣ книгъ. Галицкіе издатели всѣ поголовно жалуются на крайне слабый сбытъ книгъ. То изданіе, которое у насъ, въ количествѣ 2—3 тысячъ, раскупается нерѣдко въ теченіе одного года, много 2—3, въ Галичинѣ не разойдется и въ 10 лѣтъ. Въ виду этого и «Видавнича Спілка», первоначально печатавшая каждый номеръ въ колич. 3.000 экз., вскорѣ сократила количество это до 1200. Несмотря на очень низкія цѣны (2—40 коп. въ 3-й серіи, и 20 к.—1 р. 25 к., въ переплетахъ, въ 1 и 2 серіяхъ). Книжки расходятся туго: еще ни одно изданіе за 4-лѣтнее существованіе «Спілки» не разошлось совершенно. Вслѣдствіе этого «Спілка» не получаетъ чистой

Серія II. Кауцкі. Народність і її початки, Енгельс. Людвік Фаєрбах і початки родини, приватноі власности і держави, Сеньобос. Австрія в XIX ст., Будзиновський В. Хлопська посілість, Флямаріон. Про небо, Драгоманов. Переписка, т. I, Степняк С. Підземна Росия, Адріян. Аграрний процесс у Добростанах, Тан Г. Фільософія штуки, Ферієр. Дарвінізм, Інгрем. Историја політ. економіі.

Серія III. Украинскія. Барвінський. Досліди з поля статістики, Бодянський. О. Украінські казки (2 кн.), Боровиковський Л. Маруся, Грушевський М. Хмельницкий и Хмельнищина і—Дех-Аль-Джубур, Драгоманов М. Мих. Ів. Костомарів і Два учителі, Ефремов С. Національне питанне в Норвегіи, Квітка Г. Маруся, Костяковська М. Іван Гус, Куліш. П. Орися, Мирний П. Лови і Лихий попутавъ, Піщинський П. Гомерова Іліяда (2 пісні), Пулюй I. Нові і перемінні звізди, Раковський І. Вік нашоі землі і Вулькани, Стороженко О. Оповідання, т. I, Терлецький О. Москвофіли й народовці, Томашівський С. Киівська козачина 1855 р., Франко Ів. Шевченко в польскій рев легенді і Украдене щасте. *Русскія*: Гоголь М. Вій, Короленко В. Ліс Шумить, Чехов. Каштанка. *Польскія:* Олехнович. Раси Европи (3 книги), Міцкевич, Лист до братів Галичан. *Французскія*: Золя Нацад на млин, Повінь і смерть, Олівіе Бекая, Фльобер. Іродіяда. *Англійскія:* Уайт. Розвій географічних поглядів і Розвій астроном. поглядів. *Чешскія:* Масарик. Ідеали гуманности. *Мадьярскія*: Етан. Руські селяни на Угорщині, *Др. латинск.:* Курцій Руф. Фильотас, Люкіян. Юпітер у клопотах. *Греческія:* Гомер. Іліяда (3 пісні).

прибыли, такъ какъ весь капиталъ всегда заключенъ въ изданіяхъ. Впрочемъ, когда дѣятельность расширится, когда каждая серія будетъ имѣть приблизительно по 100 №№, тогда и при незначительной продажѣ каждаго № все-таки получится солидная сумма, достаточная для дальнѣйшей издательской работы.

При «Видавничій Спілці» существуетъ 2 фонда: одинъ—Шекспировскій, о которомъ мы говорили выше, и второй—«фонд імени Котляревського», для вспомоществованія недостаточнымъ литераторамъ. Этотъ фондъ, въ настоящее время незначительный (500 коронъ), пополняется 10% ежегодной чистой прибыли Спилкы. Если бы онъ обладалъ крупными суммами, то функціи его были бы тѣ же, что и русскаго литературнаго фонда. На этотъ первый фондъ украинскихъ литераторовъ, находящихся въ несравненно худшемъ, чѣмъ русскіе и другіе литераторы, матеріальномъ положеніи, не получающихъ никакихъ выгодъ отъ своихъ литературныхъ работъ, мы рекомендуемъ нашимъ литераторамъ обратить особое вниманіе. Разъ оффиціально существуетъ такой фондъ съ выработаннымъ уставомъ, находящійся въ завѣдываніи солиднаго учрежденія (фондъ находится въ вѣдѣніи 3 представителей отъ Науковаго товариства ім. Шевченка и 3—отъ «Видавничої Спілки), самое раціональное, намъ кажется, примкнуть украинскимъ литераторамъ къ этому фонду.

В. Доманицкій.

Текущія извѣстія.

Къ предстоящему юбилею Н. В Лисенка. Осенью настоящаго года исполняется тридцать пять лѣтъ энергичной, неутомимой и многоплодной дѣятельности лучшаго украинскаго композитора, Н. В. Лисенка (первый «Збирныкъ» его разрѣшенъ цензурою въ 1868 г.). Среди современныхъ украинскихъ дѣятелей, кажется, нѣтъ ни одного, имя котораго было бы такъ популярно среди широкой публики. Кто у насъ на Украинѣ не знаетъ Н. В. Лисенка? Кто не слышалъ собранныхъ имъ и разложенныхъ для хора пѣсенъ? Кто не присутствовалъ на концертахъ, ежегодно устраиваемыхъ Н. В., и не знакомъ съ нимъ, какъ съ рѣдкимъ по своимъ способностямъ регентомъ и выдающимся піанистомъ?..

Тридцать пять лѣтъ ужъ трудится Н. В. Лисенко на поприщѣ разработки родной, украинской музыки, и какъ обширна и разностороння дѣятельность его на этомъ трудномъ поприщѣ!... Онъ и теоретикъ, онъ и практикъ; онъ и оригинальный композиторъ, онъ и выдающійся музыкантъ-этнографъ. Конечно, въ небольшой замѣткѣ невозможно дать всестороннюю характеристику дѣятельности Н. В. Мы и не думаемъ объ этомъ; намъ только хочется хотя вкратцѣ напомнить почитателямъ таланта Н. В. о его неисчислимыхъ заслугахъ передъ національною музыкою.

Отъ природы надѣленный рѣдкими музыкальными способностями, воспитанный среди чарующей украинской сельской природы, впитавшій въ себя всю, такъ сказать, квинтъ-эссенцію народной украинской пѣсни, Н. В. всю свою жизнь и всѣ свои богатыя силы посвятилъ родной пѣснѣ и національной украинской музыкѣ. Ни годы ученія вдали отъ родного села (Кіевъ, Харьковъ), вдали даже отъ родины (Лейпцигская консерваторія), ни вліяніе западной (Рейнеке и Рихтеръ) и чисто-русской народной музыки (Н. А. Римскій-Корсаковъ) не въ силахъ были изгладить и уничтожить живучихъ раннихъ дѣтскихъ впечатлѣній. Изучая подъ руководствомъ выдающихся профессоровъ западно-европейскую и русскую музыку,—видя, какого совершенства достигла національная музыка у болѣе счастливыхъ народовъ, Н. В. никакъ не могъ забыть родной, полной силы и музыкальной прелести пѣсни, никакъ не могъ примириться съ ожидающимъ ее полнымъ забвеніемъ и постепеннымъ безслѣднымъ вымираніемъ. Вотъ тутъ то, по всей вѣроятности, и созрѣла у Н. В. рѣшимость посвятить всего себя, весь свой талантъ и всѣ свои способности на разработку народной пѣсни и музыки.

Въ совершенствѣ изучивши теорію музыки вообще, Н. В. съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности старается примѣнить свои теоретическія знанія спеціально къ украинской музыкѣ. Ему принадлежитъ первый серьезный трудъ по исторіи украинской пѣсни,—это рефератъ «Характеристика музыкальныхъ особенностей малорусскихъ думъ и пѣсенъ, исполненныхъ кобзаремъ Остапомъ Вересаемъ». Въ этомъ рефератѣ, прочитанномъ въ 1873 г. въ засѣданіи Им. Р. Географ. Общества, Н. В. устанавливаетъ различіе между украинскою и великорусскою пѣснью и высказываетъ новый, оригинальный взглядъ на украинскую пѣсню. Глубокія теоретическія познанія вообще и серьзное теоретическое изученіе украинской музыки и пѣсни въ частности

были причиною того, что, взявшись за собираніе и записываніе украинскихъ пѣсенъ, Н. В., какъ этнографъ-музыкантъ, занялъ несомнѣнно первое мѣсто въ ряду собирателей народныхъ пѣсенъ. Знатоки и спеціалисты, указывая на трудность точнаго записыванія народныхъ пѣсенъ съ сохраненіемъ типичныхъ особенностей, сообщающихъ имъ колоритъ, преклоняются передъ необыкновеннымъ трудолюбіемъ и способностями Н. В. къ такому записыванію и поражаются тѣмъ «колоссальнымъ» пѣвческимъ матеріаломъ, какой собранъ имъ однимъ въ шести томахъ его «Збирныкивъ Украинськихъ писень» („Корифеи укр. сцены"—стр. 109,— «Русск. Музык. газ. 1900 г. № 12). Эти сборники заключаютъ въ себѣ 240 пѣсенъ съ многочисленными варіантами къ нимъ и занимаютъ 516 страницъ большого формата.

Однако Н. В. отнюдь не ограничивался дѣятельностью музыканта-этнографа. Богатыя отъ природы, развитыя солиднымъ музыкальнымъ образованіемъ творческія силы его требовали себѣ выхода, жаждали проявиться въ чемъ нибудь оригинальномъ. Удовлетворяя этой непреодолимой потребности, Н. В. принимается за разработку нашихъ народныхъ мелодій для хоровъ. И въ самыхъ этихъ «роскладкахъ», и въ фортепіанныхъ сопровожденіяхъ къ нимъ Н. В. проявилъ очень много таланта и знанія хорового дѣла. Одинъ изъ спеціалистовъ такъ отзывается объ этихъ „роскладкахъ": «Такой красоты звука, то мощнаго, то ласкающаго, такого стройнаго движенія хоровыхъ массъ очень трудно встрѣтить въ хоровыхъ пьесахъ. Но главное достоинство этихъ работъ—это типичное и вмѣстѣ съ тѣмъ художественное голосоведеніе, основанное на глубочайшемъ знаніи народнаго контрапункта« («Кориф. укр. сцены», 118—119 стр.). Впрочемъ, намъ кажется, излишне распространяться о достоинствахъ хоровыхъ «роскладокъ» Н. В. (всего вышло 11 выпусковъ по 10 пѣсенъ въ каждомъ) [1]); такъ какъ онѣ всѣмъ любящимъ украинскую музыку и всѣмъ интересующимся украинскою пѣснью прекрасно извѣстны. Ни одинъ почти украинскій спектакль, ни одна украинская вечеринка не проходитъ безъ пѣнія этихъ пѣсенъ.

Связанный отчасти въ своихъ «роскладкахъ» данною народною мелодіею, Н. В. вполнѣ ужъ проявляетъ свои самостоятельныя

---

[1]) Сюда же нужно отнести и четыре сборника—Украйиньски обрядови писни", І и ІІ, Веснянки,—ІІІ—Купальська справа,—IV—Колядкы, Щедривкы.

творческія способности въ операхъ и музыкѣ къ «Кобзарю» Шевченка и къ произведеніямъ другихъ украинскихъ поэто́въ (Франко, Леся Украинка, Славинськый). Перу Н. В. принадлежитъ четыре оперы («Риздвяна ничъ», «Тарасъ Бульба», «Зима и Весна», «Сафо»). Эти оперы, по условіямъ современнаго состоянія украинскаго театра, никогда не играются и широкой публикѣ очень мало извѣстны. Гораздо болѣе извѣстны и даже популярны двѣ оперетты Н. В.—„Чорноморци“ и „Наталка-Полтавка“, а также дѣтская „опера“—«Коза-дереза». Кто изъ насъ не бывалъ на этихъ опереттахъ? Кто не знаетъ и не пѣвалъ хоть нѣсколькихъ номеровъ изъ этихъ опереттъ?.. Не меньшею популярностью пользуются также и оригинальныя композціи Н. В. къ произведеніямъ Шевченка. Безъ преувеличенія можно сказать, что нѣтъ ни одного не только пѣвца-украинца, но даже и простого любителя пѣнія, который бы не пѣвалъ такихъ вещей, какъ «Мынають дни»..., «Ой Днипре».... „Гетьманы“..., «Ой чого ты почорнило»... „Огни горять“..., «Ой одна я, одна»..., «И шырокую долыну»... Необыкновенная популярность этихъ композицій и любовь къ нимъ широкой публики, кажется, довольно ясно свидѣтельствують о выдающихся достоинствахъ этихъ произведеній.

Нельзя не упомянуть, наконецъ, и о многочисленныхъ трудахъ Н. В. въ области фортепіанной и даже оркестровой музыки.

Н. В. необыкновенно глубоко проникъ въ духъ народнаго творчества. Поэтому и его собственныя мелодіи часто такъ близко подходятъ къ народнымъ пѣснямъ по своему строенію и по своимъ поворотамъ, что ихъ положительно трудно бываетъ отличить отъ этихъ пѣсенъ («Хусточко мережаная», „Ой одна я, одна“..., многіе номера изъ «Наталкы-Полтавкы» и «Чорноморцивъ»). Вообще, все, что написано Н. В., носитъ яркую печать украинской народной музыки. Н. В. въ полномъ смыслѣ слова *національный украинскій композиторъ, народный пѣвецъ, кобзарь Украины.*

Изъ только что представленнаго краткаго очерка дѣятельности Н. В. мы видимъ, какъ много сдѣлано имъ для украинской музыки. Заслуги Н. В., какъ украинскаго оригинальнаго композитора и какъ собирателя украинскихъ народныхъ пѣсенъ неисчислимы. Н. В. является въ полномъ смыслѣ слова отцомъ украинской національной музыки: онъ какъ бы открылъ ее не только для украинцевъ, но и для всего цивилизованнаго міра,—онъ показалъ, какъ много несрав-

неннаго музыкальнаго богатства скрываетъ въ себѣ наша украинская пѣсня,—онъ поставилъ украинскую національную музыку въ уровень съ обще-европейскою, заимствовавши отъ этой послѣдней ея современную блестящую форму и вложивши въ нее спеціально украинское содержаніе. Справедливо нѣкоторые изслѣдователи произведеній Н. В. сравниваютъ его дѣятельность съ дѣятельностью Шевченка. Что сдѣлалъ для украинской поэзіи Шевченко, то же самое сдѣлалъ для украинской національной музыки Н. В. Лисенко. „Раньше малороссы,—читаемъ въ Руской Музыкальной Газетѣ (№ 12, 1900 г.),—справедливо гордились своей славой—кобзаремъ-Шевченкомъ Нынѣ къ славному имени своего дивнаго *кобзаря-поэта* они могутъ прибавить не менѣе славное имя *кобзаря-музыканта* Николая Витальевича Лисенка". Шевченко полагалъ славу Украины въ народной пѣснѣ и думѣ и своимъ вѣщимъ словомъ предсказалъ, что «Наша дума, наша писня не вмре, не загыне»; Н. В., всю свою жизнь посвятившій народной музыкѣ, больше чѣмъ кто-либо другой способствовалъ тому, чтобы эта „пѣсня" и дума не вымерла, не забылась, не затерялась, чтобы исполнилось вѣщее слово Шевченка о славѣ нашей народной музыки.

Многолѣтняя неутомимая дѣятельность Н. В. всѣмъ извѣстна, у всѣхъ на виду. Можно думать, что предстоящій осенью настоящаго года тридцатипятилѣтній юбилей его дѣятельности будетъ отпразднованъ вполнѣ достойнымъ образомъ. Среди почитателей таланта Н. В. возникла добрая мысль поднести почтенному юбиляру какой-либо даръ, который явился-бы выраженіемъ ихъ глубочайшаго уваженія къ его выдающемуся таланту и необыкновенному трудолюбію. Какъ намъ извѣстно, для этой цѣли уже собрана значительная сумма. Думается, что и всѣ остальные многочисленные почитатели таланта Н. В., разсѣянные по всему лицу земли русской и даже далеко за ея предѣлами, не преминутъ присоединиться къ этому благому дѣлу. Едва ли кто-либо изъ нихъ захочетъ лишить себя нравственнаго удовлетворенія—участвовать въ чествованіи такого почтеннаго, выдающагося дѣятеля, какъ Н. В. „Хто грае,—говоритъ Шевченко,—того знають и дякують люде"...

В. Мировець.

„Шевченковскій" вечеръ въ Полтавѣ. Въ такъ наз. «просвѣтительномъ зданіи имени Н. В. Гоголя»—8 февраля состоялось чествованіе памяти Т. Г. Шевченка, соединенное съ пожертвованіемъ чистаго сбора въ пользу попечительства о бѣдныхъ г. Полтавы. Въ вокально-музыкальной части вечера главное участіе выпало на долю нѣкоторыхъ артистовъ и артистокъ, хора и оркестра товарищества артистовъ подъ управленіемъ Д. А. Гайдамаки. На этотъ разъ въ Полтавѣ чествованіе памяти народнаго поэта состоялось въ сравнительно обширномъ помѣщеніи театра, вмѣщающемъ тысячу посѣтителей, и было обставлено весьма изящно и торжественно. Довольно помѣстительная сцена театра, въ моментъ поднятія занавѣса, была блестяще освѣщена электричествомъ и представляла прелестный украинскій пейзажъ, въ видѣ утопающаго въ зелени садовъ поселка, расположеннаго надъ балкой или долиной. На переднемъ планѣ красиво расположились отдѣльные высокіе дубы и клены, и между ними широкая прогалина, въ центрѣ которой на авансценѣ красовался декорированный экзотическими растеніями бюстъ поэта, ярко освѣщенный электрическими рефлекторами сверху и съ боковъ. Постаментъ былъ весьма изящно убранъ расположенными рукой художника г. Сластіонова разнообразными полотенцами и плахтами. У подножія постамента, какъ бы сливаясь съ нимъ, расположились по обѣ стороны—хористы, костюмированные въ красные запорожскіе костюмы. Изъ устъ хора полились весьма гармонично и стройно слова «Заповита» поэта. Въ зрительномъ залѣ лишь въ первыхъ рядахъ партера осталось весьма немного незанятыхъ мѣстъ, а всѣ остальныя въ партерѣ, въ ложахъ, амфитеатрахъ и галереяхъ сплошь были заполнены разноообразною публикой съ значительнымъ числомъ молодежи обоего пола. Программа вечера состояла изъ трехъ отдѣленій. *Первое.* 1) «Заповитъ» исп. мужской хоръ, 2) «Чернець» прочелъ А. Я. Рудченко, 3) «Думы мои, думы мои» исп. артистъ Разсадкинъ, 4) «Жалибный маршъ», исп. смѣшанный хоръ. *Второе.* 1) «Ой що-жъ бо то та й за воронъ» исп. муж. хоръ, 2) «Ой поплывы вутко» исп. г. Хижнякова-Черносвитова; 3) «У тытаря» прочелъ артистъ Дьяковъ, 4) «Витре буйный» исп. артистка Жданова, 5) Думу «про Бурю на Чорному мори» испол. г. Хоткевичъ (Галайда) на бандурѣ; 6) «Бьють пороги» исп. смѣшанный хоръ съ оркестромъ. *Третье*—былъ исполненъ второй актъ изъ «Назара Стодоли» извѣстныя «Вечерныци».

Этотъ вечеръ вообще въ художественномъ отношеніи доставилъ многочисленнымъ зрителямъ и слушателямъ много наслажденія и оставилъ весьма пріятное воспоминаніе. Слѣдуетъ отмѣтить, что продолжительныя и единодушныя одобренія публики вызвало въ особенности художественное чтеніе г. Дьякова, который продекламировалъ почти цѣликомъ, безъ суфлера, обширный отрывокъ изъ „Гайдамакъ", и проявилъ тонкое пониманіе мысли автора и неподдѣльное увлеченіе потрясающими моментами, при чемъ дикція его отличается чрезвычайною ясностью, отчетливостью и силою голоса, такъ что каждое слово слышится во всѣхъ концахъ театра. Особенное удовольствіе доставила весьма виртуозно исполненная г. Хоткевичемъ музыкальная прелюдія къ думѣ «Буря на Чорному мори», и глубоко захватывающіе аккорды, сопровождающіе типичную передачу думы. Точно также нужно отдать справедливость прекрасному исполненію смѣшанными хорами «Жалибного марша» и «Бьють пороги», въ которыхъ ярко выразилась вся красота и художественность оригинальныхъ твореній высоко-талантливаго композитора. Но да позволено будетъ сказать, что потрясающія картины въ «Бьють пороги» въ нѣкоторыхъ мѣстахъ требуютъ безспорно гораздо болѣе мощныхъ (въ смыслѣ массивности) хоровъ и оркестра.

Что касается «вечерныць», то въ качествѣ очевидца, свидѣтельствую полное удовольствіе публики и въ особенности «верховъ», и я самъ считаю пріятнымъ присоединить свой голосъ, но съ нѣкоторою оговоркой. Не смѣю причислять себя къ знатокамъ, но въ молодости я лично былъ любителемъ музыкантомъ (скрипка, альтъ, гитара): причастенъ и къ этнографіи—въ качествѣ собирателя узоровъ и образцовъ вышивокъ и т. п., потому дерзаю «смѣть свое сужденіе имѣть». Такъ, я считаю прямо недостаткомъ этнографическаго вкуса и произволомъ фантастическіе костюмы хористокъ съ головными уборами—чуть не цѣлыми снопами искусственныхъ цвѣтовъ. Между тѣмъ уже въ настоящее время въ музеяхъ, въ Кіевѣ, Черниговѣ, Полтавѣ, имѣются собранія народныхъ костюмовъ, образцы издѣлій, узоровъ и т. п., не говоря о музеяхъ въ Петербургѣ и Москвѣ; въ свою очередь въ литературѣ имѣются также подобнаго рода изображенія и описанія. Такимъ образомъ, уже нельзя пожаловаться на отсутствіе достовѣрныхъ источниковъ и указаній въ отношеніи жизненной обстановки исторической и современной въ приложеніи къ сценическому искусству. Само собою разумѣется, живая жизнь въ городахъ и селеніяхъ Украины

можетъ служить неисчерпаемымъ источникомъ для собиранія образцовъ костюмовъ всѣхъ классовъ населенія, такъ что при желаніи—можно обходиться безъ утрировки и искаженій при изображеніи бытовыхъ сценъ на театральныхъ подмосткахъ. Да простятъ меня земляки артисты и артистки за все сказанное, такъ какъ, проникнутый лучшими пожеланіями процвѣтанія родного театра, я поступаю по поговоркѣ: «мужыча правда колюча, а панська—на вси бокы гнуча». Еще одно замѣчаніе: изъ непосредственныхъ многолѣтнихъ наблюденій мнѣ извѣстно, что на Украинѣ давностью вѣковъ утвердились національные своеобразные танцы, преимущественно въ средѣ молодежи обоего пола, подъ различными наименованіями и съ различными такъ наз. фигурами, но я не занимался систематическимъ собираніемъ хореографической терминологіи. Приходилось видѣть искусныхъ танцоровъ обоего пола изъ сельскихъ жителей, выдѣлывавшихъ разныя «колина»; но, признаться, видѣнная мною на «Шевченковскомъ» вечерѣ лихая пляска двухъ танцоровъ—главнымъ образомъ въ видѣ «присядки» и прыжковъ—скорѣе можетъ быть признана акробатическими кунштюками, чѣмъ украинскими танцами. Отдаю должное: поразительная ловкость, легкость и высота прыжковъ и другія «выгадки» представляются необычайными, но это не тѣ «выхылясы» и «выкрутасы», которые можно наблюдать въ средѣ развеселившихся селянъ на «весилляхъ» и т. п., такъ что почтенные артисты такъ сказать «передають кути меду».

На этомъ прекращая свою воркотню по поводу видѣннаго на чествованіи 42-й годовщины смерти славнаго поэта народнаго, у котораго въ безсмертныхъ произведеніяхъ не бывало «зерна неправды», и посвящая его памяти настоящую замѣтку, я не могу не пожелать отъ всей души дальнѣйшаго процвѣтанія и преуспѣянія нашему театру въ отечествѣ. Принося глубокую признательность хорамъ и оркестру г. Гайдамаки за художественное исполненіе «Жалибного марша» и «Бьють пороги», закончу пожеланіемъ, чтобы это послужило примѣромъ для Полтавскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества и музыкальныхъ классовъ Базилевичъ. Думаю, что наши полтавцы вмѣстѣ со мной будутъ весьма признательны дирекціи музыкальнаго отдѣленія, если на предстоящемъ въ этомъ году открытіи памятника нашему поэту-согражданину, И. П. Котляревскому, будетъ исполнена симфоническимъ оркестромъ отдѣленія съ смѣшанными хорами учащихся при участіи любителей—кантата «Бьють

пороги» и «Слава нашымъ козаченькамъ». Надежда представляется осуществимою, такъ какъ симфоническій оркестръ отдѣленія исполнялъ уже, въ присутствіи самого композитора, прекрасную симфонію на украинскіе мотивы быв. питомца Лейпцигской консерваторіи, Н. В. Колачевскаго; а Н. В. Лисенко—питомецъ и свободный художникъ той же консерваторіи и общепризнанный талантливый композиторъ и нашъ землякъ—стяжалъ право на такое-же вниманіе симфонистовъ родной Полтавщины въ томъ же просвѣтительномъ зданіи, въ которомъ впервые познакомили публику съ кантатою «Бьють пороги» хоры и оркестръ г. Гайдамаки.

В. Василенко.

Культурная работа украинцевъ въ Америкѣ. Извѣстно, что галицкіе украинцы первые занесли въ южную Америку гречиху, которая превосходно тамъ культивировалось. Теперь, какъ сообщаетъ Куритибскій «Robotnik Parański» (отъ 24 декабря), Паранское (полуоффиціальное) Земледѣльческое Общество публично выразило похвалу нашему земляку Ивану Алексѣевичу (въ Портѣ Уніонъ-да Викторія, за Ріо-Кляро), который, несмотря на то, что въ прошломъ году пробы разведенія пшеницы были неудачны, сумѣлъ вырастить на своемъ участкѣ прекрасную пшеницу. Казначей Земледѣльческаго Общества,—пишетъ «Robotnik»—такъ былъ пораженъ этой пшеницей, что, какъ какое-то чудо, сфотографировалъ на корню. «Если бы то всѣ наши русины и поляки въ Паранѣ,—говоритъ въ «заключеніе «Robotnik».—могли имѣть такой урожай!»

Затѣмъ, по сообщенію той же газеты, въ прихожей правительственной Куритибской газеты Republika выставлена на показъ штука льняного полотна, сотканнаго въ украинскомъ поселкѣ Абуа Амарелля. Этотъ промыселъ первыми начали наши земляки на Ріо-Кляро, несмотря на то, что прежніе поселенцы (другихъ народностей) заявляли, что ленъ не прививается. Эти результаты мозольнаго труда бѣднаго украинскаго переселенца пользуются всеобщимъ признаніемъ среди мѣстнаго населенія. Этотъ же переселенецъ научилъ полудикихъ мѣстныхъ жителей печь хлѣбъ... Между тѣмъ немилосердные «кобрадоры» (сборщики податей) такъ безсовѣстно взыскиваютъ налоги за землю съ убогихъ поселенцевъ въ колоніи Люцена, что, какъ сообщаетъ «Gazeta Polska»—доведенные до отчаянія колонисты хотятъ бросить

свои участки и идти дальше, куда глаза глядятъ, хотя бы и на смерть, на невольническій трудъ къ плантаторамъ кофейныхъ плантацій.

Народный языкъ въ начальной школѣ. Въ засѣданіи полтавскаго уѣзднаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности былъ поднятъ, между прочимъ, вопросъ о роли народнаго языка въ начальной школѣ. По этому вопросу избрана спеціальная комиссія, которая высказалась въ томъ смыслѣ, что примѣненіе народнаго украинскаго языка при первоначальномъ обученіи должно быть признано желательнымъ («Полтавскій Вѣстникъ», № 2). Этотъ-же вопросъ разработанъ былъ и въ коммиссіи Черниговскаго уѣзднаго комитета. Здѣсь, между прочимъ, указано было, что народная школа не приспособлена къ потребностямъ населенія, къ особенностямъ сельско-хозяйственнаго быта. Немаловажнымъ тормазомъ служатъ, съ одной стороны, учебники, не приспособленные къ мѣстному сельскому быту, представляющіе учебный матеріалъ изъ великорусскаго міра, а съ другой стороны—русскій языкъ, не совсѣмъ понятный дѣтямъ, говорящимъ мѣстнымъ народнымъ языкомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ выборъ книгъ, доступныхъ для народнаго чтенія, помимо общей цензуры, ограниченъ спеціальными каталогами: книги, написанныя мѣстнымъ народнымъ языкомъ, наиболѣе понятныя народу, недопущены въ народную школу, библіотеку. Одно Министерство Земледѣлія сдѣлало изъятіе для нѣсколькихъ брошюръ по сельскому хозяйству, написанныхъ мѣстнымъ народнымъ языкомъ, допустивъ ихъ въ библіотеки сельско-хозяйственныхъ школъ.

Исходя изъ изложеннаго коммиссія полагала бы необходимымъ допущеніе въ библіотеки книгъ на мѣстномъ народномъ языкѣ; допущеніе мѣстнаго народнаго языка къ преподаванію въ начальныхъ и земледѣльческихъ школахъ, къ народнымъ чтеніямъ, а равно и бесѣдамъ по сельскому хозяйству.

Въ народномъ языкѣ нашли выраженіе особенности мѣстнаго сельско-хозяйственнаго быта, на немъ созданы термины для названій сельско-хозяйственныхъ работъ и другихъ явленій земледѣльческой жизни. Употребленіе литературнаго языка, созданнаго на великорусской почвѣ, порождаетъ недоразумѣніе между учителемъ, лекторомъ, инструкторомъ и населеніемъ, къ которому обращено поученіе; мѣстный народный языкъ и земледѣлецъ неотдѣлимы; при существую-

щемъ запрещеніи употреблять мѣстный языкъ съ учебно-просвѣтительными цѣлями и при исключительномъ господствѣ русскаго литературнаго языка въ школьномъ и внѣшкольномъ образованіи, невольно возникаетъ неуваженіе къ народному мѣстному языку и къ самому поселянину, говорящему на этомъ языкѣ.

Открытіе русско-галицкаго Общества состоялось 9-го февраля. Цѣль этого новаго благотворительнаго Общества—оказывать нравственную и матеріальную поддержку *русскимъ галичанамъ* (т. е. русинамъ, поселившимся въ Россіи, какъ поясняетъ Kraj, № 51). Первую рѣчь произнесъ священникъ Г. И. Петровъ—о значеніи отдѣльныхъ національностей въ жизни человѣчества. Проповѣдникъ сравнивалъ народности съ «красками» въ палитрѣ великаго Создателя вселенной, съ «струнами» въ великомъ хорѣ инструментовъ, который называется человѣчествомъ. Чтобы не уничтожилась гармонія, ни одна изъ національностей не должна быть затерта, притѣсняема другою. Въ далекомъ будущемъ всѣ онѣ сольются въ братской любви между собою.

Эта прекрасная рѣчь явилась противорѣчіемъ дальнѣйшимъ рѣчамъ: что Общество будетъ слѣдовать совсѣмъ инымъ принципамъ, доказываетъ рѣчь—предсѣдателя его тайн. сов. А. С. Будиловича. Въ карпатской Руси 4 милліона населенія, по своему языку, обычаямъ, религіи, вообще, по всей своей культурѣ, родственнаго русскому народу, хотя австрійское правительство и поддерживаетъ всѣми силами ту мысль, что галицкіе русскіе или «рутены», какъ ихъ называютъ австрійцы, составляютъ особый народъ. Чтобы оторвать галичанъ отъ русскихъ, австрійцы стараются развить среди нихъ украинофильство. Русскіе должны противодѣйствовать этому и галицко-русское общество должно быть звеномъ между Русью державною и Русью зарубежною.

«Австрійцы стараются развить украинофильство»! Слишкомъ упрощенный способъ объясненія историческихъ явленій. И какъ онъ излюбленъ на святой Руси! Припомнимъ, чего только ни дѣлала «польская интрига», по воззрѣніямъ Каткова. «Русскіе должны противодѣйствовать этому»,—т. е. стремиться стереть самую родную себѣ «краску» въ палитрѣ Создателя, заглушить такую же струну въ хорѣ человѣчества. А секретарь Общества В. С. Драгомирецкій сдѣлалъ призывъ послужить на пользу духовнаго единенія Руси Прикарпатской съ цен-

трами русской культурной жизни. Значитъ, мы имѣемъ передъ собой, такъ сказать, благотворительность на политической подкладкѣ.

Нехорошъ этотъ союзъ. Политика задавитъ, убьетъ благотворительность, какъ показала судьба предшественниковъ этого общества. Наученные опытомъ прошлаго, мы еще разъ высказываемъ сомнѣніе, что новое общество неизбѣжитъ участи старшихъ своихъ братьевъ. (См. кн. II, «Кіевск. Ст.», текущія извѣстія 97—98).

Украинскій отдѣлъ на выставкѣ въ Таврическомъ дв рцѣ. На международной выставкѣ историческихъ и современныхъ костюмовъ въ Таврическомъ дворцѣ малороссійскій отдѣлъ устроенъ такъ: всѣ экспонаты перенесены въ особо приготовленную живописную малороссійскую хату. Помимо національной одежды, здѣсь находится интересное вооруженіе и другія вещи изъ музея Тарновскаго въ г. Черниговѣ.

Изъ наряженныхъ манекеновъ составлены нѣкоторыя историческія группы. Такъ, изображено присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству.

Издѣлія Ефименко въ Полтавскомъ музеѣ. Въ Полтавскомъ естественно-историческомъ музеѣ выставлены изящныя издѣлія изъ дерева въ украинскомъ стилѣ, принадлежащія рѣзцу талантливыхъ художниковъ Ф. И. и его сына П. Ф. Ефименко (изъ м. Великихъ-Будищъ, зѣньковскаго уѣзда).

Выставлены въ музеѣ: вырѣзанная на грушевомъ деревѣ картина, изображающая и до настоящаго времени популярнаго на Украинѣ запорожца, а также предназначаемая для богатаго дома мебель, состоящая изъ стола, дивана, стула, полочки—въ стилѣ малорусскаго «мысныка»—и рамы для зеркалъ. Выполнены эти работы вполнѣ художественно.

Интересенъ пояснительный текстъ самого исполнителя, относящійся къ изображенію запорожца. «Запорожца нужно представлять на могилѣ среди широкой степи. Нагнувъ свою чубатую голову, съ выбившейся изъ-подъ шапки чуприной, онъ играетъ на бандурѣ, выливая въ звукахъ свою «вельмы велыку тугу». Возлѣ запорожца осѣдланный конь и поломанный на три части козацкій спысъ. Конь щи-

щетъ посохшую степную траву и слушаетъ полную горя пѣсню своего хозяина, какъ онъ тужитъ по своей пропащей молодости и неудавшейся молодецкой славѣ»... (Полтавскій Вѣстникъ, № 19).

Проектъ устава музея А. Н. Поля въ Екатеринославѣ. 9-го февраля въ засѣданіи совѣта музея А. Н. Поля принятъ проектъ устава, изъ котораго приводимъ важнѣйшія статьи. Ст. 1. Музей имени А. Н. Поля есть образовательное учрежденіе, имѣющее цѣлью: а) служить сборнымъ пунктомъ для свѣдѣній о мѣстныхъ естественныхъ и промышленныхъ произведеніяхъ, а также о бытовыхъ особенностяхъ жителей екатеринославской губерніи; б) служить складочнымъ хранилищемъ для лекцій и книгъ, имѣющихъ научное и образовательное значеніе, и в) служить распространенію, черезъ посредство своихъ лекцій и книгъ, историческихъ, естественно-историческихъ, и техническихъ знаній, вообще, и касающихся екатеринославской губерніи— въ особенности.

Ст. 2. Музей заключаетъ слѣдующіе отдѣлы: историческій (съ подраздѣленіями: археологическій, нумизматическій и др.), естественно-историческій (съ подраздѣленіями: этнографическій, промышленный, художественный, педагогическій), научная библіотека и отдѣлъ библіографическій

Ст. 3. Библіотека музея состоитъ изъ рукописей, книгъ, картъ, чертежей и рисунковъ, отвѣчающихъ цѣли музея. («Приднѣпровскій край», № 1731).

Народная передвижная выставка. У недавно окончившаго академію молодого художника Вячеслава Разводовскаго созрѣла идея народныхъ передвижныхъ выставокъ. Народныхъ—въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Выставка будетъ кочевать не только изъ города въ городъ, не только изъ мѣстечка въ мѣстечко, но даже изъ села въ село. Есть-ли необходимость въ подобныхъ выставкахъ? Конечно, есть. Одна за другой, онѣ разовьютъ, поднимутъ эстетическій уровень нашихъ крестьянъ. Ихъ вліяніе должно благотворно отразиться на кустарной промышленности, развивая въ деревенскихъ жителяхъ чувство формъ и прекраснаго. Наконецъ, эти выставки значительно ослабятъ производство лубочныхъ картинокъ.

Выставка будетъ состоятъ изъ 40—60 картинъ историческаго, религіознаго и бытового содержанія. Первый маршрутъ—Кіевъ, кіевская губернія, подольская, бессарабская. Начнетъ выставка путешествовать весной и кончитъ поздней осенью. Намѣченный маршрутъ знакомъ Разводовскому практически. Минувшимъ лѣтомъ художникъ проѣхалъ верхомъ чрезъ весь этотъ край, подготовляя для выставки почву среди деревенской интеллигенціи: духовенства, учителей, помѣщиковъ. Въ селахъ и деревняхъ—входъ безплатный. Въ городахъ и мѣстечкахъ: 5—10 коп.

Художественно исполненныя репродукціи съ картинъ будутъ продаваться народу весьма дешево и такимъ образомъ вытѣснятъ «лубокъ» (Биржевыя Вѣдомости, № 60).

XXV-лѣтній юбилей С.-Петербургскаго археологическаго института былъ отпразднованъ 15 января с. г. Арх. институтъ былъ основанъ 15 янв. 1874 г. по инициативѣ Н. В. Калачова. Въ 1897 г. утверждено нынѣшнее положеніе объ институтѣ. Главная задача его—подготовка ученыхъ архивистовъ и археологовъ—выполнена блестяще. Питомцы института разбирали и разбираютъ главнѣйшіе архивы—правительственные, общественные и частные. Разсѣявшись по городамъ Россіи, они пробуждаютъ въ мѣстномъ населеніи интересъ къ родной старинѣ, отыскиваютъ и разрабатываютъ мѣстныя древности. Ими написано много изслѣдованій по вопросамъ и издано оч. много историческихъ матеріаловъ. Изъ изданій самого института нужно отмѣтить «Сборникъ археол. института» 7 кн., «Вѣстникъ археологіи и исторіи» 15 кн. и роскошное юбилейное изданіе «Портреты, гербы и печати Большой Государственной книги 1672 года».—Особенно велики заслуги перваго директора института Н. В. Калачова, много потрудившагося на пользу архивовѣдѣнія и археологіи. По его инициативѣ, съ 1884 г. стали учреждаться губернскія ученыя архивныя комиссіи—для собиранія, охраны и научной разработки мѣстныхъ архивовъ и памятниковъ старины. Всѣхъ коммиссій теперь 19. Съ институтскимъ юбилеемъ совпалъ 25-лѣтній юбилей профессорской дѣятельности въ институтѣ нынѣшняго директора Н. В. Покровскаго. Изъ его ученыхъ трудовъ наиболѣе пользуются извѣстностью «Стѣнныя росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ» (Москва, 1892) и Евангеліе въ памятникахъ византійскихъ и русскихъ (СПБ., 1892 г).

Университетскій этнографическій музей. Этнографическая выставка бывшаго въ Харьковѣ XII археологическаго съѣзда, какъ извѣстно, привлекла къ себѣ большое общественное вниманіе и вызвала въ печати много одобрительныхъ отзывовъ, въ томъ числѣ и со стороны спеціальныхъ научныхъ изданій. Почти весь матеріалъ выставки поступилъ въ собственность состоящаго при университетѣ историко-филологическаго Общества, которое рѣшило утилизировать коллекціи для общей пользы въ видѣ учрежденія постояннаго общедоступнаго этнографическаго музея. Весь собранный матеріалъ временно, до осени текущаго года, сложенъ въ небольшомъ и тѣсномъ помѣщеніи университетскаго архива; но съ весны настоящаго года начнется постройка новаго зданія для учрежденій историко-филологическаго Общества, на углу зданія университета, рядомъ съ новымъ его книгохранилищемъ, подъ одинъ съ нимъ фасадъ; зданіе красивое, трехъ-этажное, при чемъ третій этажъ почти цѣликомъ отводится подъ этнографическій музей. Помѣщеніе, правда, не особенно просторное, но на первое время достаточно удовлетворительное. Если удастся, какъ это предполагается, размѣстить коллекціи по выдержанному плану и въ такой системѣ, которая давала бы наглядное представленіе о различныхъ формахъ народнаго быта въ ихъ взаимодѣйствіи, то при такомъ устройствѣ этнографическій музей, несомнѣнно, представится весьма полезнымъ университетскимъ учрежденіемъ и быстро завоюетъ общественныя симпатіи.

Можно надѣяться, что въ устройствѣ музея примутъ участіе и тѣ мѣстные художники, которые работали уже по устройству этнографической выставки, и тѣ друзья народа, которые принимали на себя трудъ по собиранію этнографическихъ матеріаловъ для XII археологическаго съѣзда, тѣмъ болѣе, что этнографическій музей, какъ учрежденіе постоянное, представляетъ гораздо большую цѣнность, чѣмъ выставка—всегда кратковременная и случайная. При этнографическомъ музеѣ современемъ можетъ возникнуть самостоятельное этнографическое Общество, которое въ музеѣ и въ его библіотекѣ будетъ имѣть опору для развитія научной дѣятельности въ дѣлѣ народоизученія, уже потому плодотворномъ, что оно должно основываться на мѣстныхъ изученіяхъ, опираться на мѣстныя научныя силы и косвенно содѣйствовать ихъ продуктивности.

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

Аггресивныя дѣйствія поляковъ въ восточной Галиціи. Недавно, съ декабря мѣсяца мин. года, Восточная Галичина сдѣлалась ареной политической агитаціи польскаго Центральнаго Комитета съ явной цѣлью—полнаго разъединенія украинскаго крестьянства съ его интеллигенціей, финаломъ котораго должно явиться обращеніе русиновъ въ польскихъ «влосцянъ». Средствомъ къ достиженію этой цѣли названный Комитетъ поставилъ образованіе въ каждомъ повѣтѣ съ украинскимъ населеніемъ постоянныхъ комитетовъ, которые и должны заняться исполненіемъ намѣченныхъ цѣлей: они обязаны стараться о возможно интенсивномъ распространеніи среди населенія польскаго языка и католицизма посредствомъ основанія польскихъ школъ и обществъ и сооруженія костеловъ, должны приложить усилія къ привлеченію народа на сторону польской партіи и къ поселенію среди сплошной массы украинскаго населенія мазуровъ-колонистовъ. Любопытно, что въ этихъ комитетахъ выступаютъ лица оффиціальныя, которымъ, повидимому, совершенно не пристало быть въ нихъ, какъ то: чиновники староствъ и судовъ, школьные инспектора, директора и учителя гимназій. Съѣзды такихъ комитетовъ въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ состоялись уже во многихъ пунктахъ Восточной Галичины. Главнымъ дѣятелемъ въ этомъ Sturm und Drang'ѣ nach Osten является др. В. Козловскій, делегатъ Центральнаго Комитета, который съ неутомимой энергіей появляется то здѣсь, то тамъ, собираетъ тотчасъ же съѣздъ мѣстной администраціи, помѣщиковъ-поляковъ, ксендзовъ и затѣмъ обычно открываетъ собраніе рѣчью на старую тему объ «уцискѣ» поляковъ русинами, съ обязательной оговоркой, что «дѣйствія, которыя слѣдуетъ предпринять, вовсе не направлены противъ русинскаго народа (!); напротивъ, этимъ народомъ слѣдуетъ заняться, чтобы сдѣлать его независимымъ отъ вожаковъ, сѣющихъ ненависть, съ которыми слѣдуетъ вести борьбу всѣми мѣрами». Въ чемъ выражается «занятіе» русинскимъ народомъ, съ полной очевидностью явствуетъ изъ слѣдующихъ постулатовъ др. В. Козловскаго: 1) ставить всяческія препятствія для поступленія на государственную службу и, вообще, стараться не допускать ихъ ни въ правительственныя, ни въ краевыя вѣдомства; 2) смотрѣть въ оба за поведеніемъ сельскихъ учителей-русиновъ, оказывающихъ всегда, по мнѣнію пропагатора, вредное вліяніе на русинскую молодежь, а во избѣжаніе въ будущемъ разныхъ для поляковъ затрудненій, могущихъ произойти отъ наличности русиновъ на учительскихъ постахъ, не должно вообще принимать русиновъ въ учителя; наконецъ, 3) постановленіе Золочевскаго съѣзда, достойно быть увѣковѣченнымъ навсегда на скрижаляхъ польской культуры въ Га-

личинѣ.—«наводить справки, кто изъ русиновъ и какія русинскія газеты читаетъ, и эти справки препроводить въ польскій центральный избирательный комитетъ».

Задачи нѣкоторыхъ съѣздовъ формулированы такъ: 1) Заселить колонистами-мазурами свободныя земли Восточной Галиціи, тщательно наблюдать чтобы polśke majątki не переходили въ руки Русиновъ.

2) Строить kościołki, чтобы русины молились въ нихъ (хотя и не понимають по-польски) и не ходили въ церковь. Потомъ съ успѣхомъ kościołków—создавать и новые польскіе приходы.

3) Основывать польскія читальни Tow. szkoly ludowej и школы, чтобы русины учились въ нихъ ojczystej mowy и забросили свои „гайдамацкія" газеты и книжки. Надъ «рускими» читальнями, ихъ руководителями и посѣтителями Повѣтовый комитетъ обязанъ усердно наблюдать, т. е. попросту—шпіонить—и обо всемъ доносить Центральному Комитету. Онъ долженъ надзирать за выборами въ «громадські повітові ради», непослушныхъ війтовъ устранять и выбирать своихъ людей.

Достаточно уже этихъ фактовъ, чтобы оцѣнить по заслугамъ «культурную» миссію г. Козловскаго и вообще Центральнаго польскаго Комитета. При такомъ образѣ дѣйствій со стороны польской интеллигенціи и польскихъ властей по отношенію къ русинскому населенію пусть не покажется гг. культуртрегерамъ и выходящимъ изъ предѣловъ обычнаго порядка вещей, если насильно благодѣтельствуемые русины, и безъ того скопившіе въ своей груди достаточное количество горючаго матеріала, дадутъ въ одинъ прекрасный моментъ чувствительный отпоръ своимъ «добродзѣямъ» и попробуютъ обойтись безъ ихъ «ласковой» опеки. Такого момента не долго прійдется ждать, если только болѣе благоразумные элементы польскаго общества и высшія власти не обратятъ своевременно должнаго вниманія на явныя посягательства и издѣвательства надъ духовнымъ достояніемъ и элементарными правами и безъ того обиженнаго судьбой русинскаго народа.

Образецъ польской антирусинской акціи. Отголоскомъ агитаціонной противорусинской дѣятельности въ восточной Галичинѣ, руководимой преимущественно Козловскимъ, является нижеслѣдующій разительный фактъ. Во Львовѣ, съ незапамятныхъ временъ, чуть ли еще не съ

XVIII ст., торгуетъ фруктами отрасль русинскаго племени—бойки. Они единственные среди Русинъ не гнушались торговлей и поставили свое дѣло образцово; чуть ли не въ каждомъ городѣ восточной Галиціи, до самаго Кракова, они имѣютъ свои магазины; дѣло ведутъ на артельныхъ началахъ; во Львовѣ, напр., артель бойковъ обладаетъ весьма солиднымъ капиталомъ. Продукты торговли—фрукты, которые хотя и цѣнятся у нихъ дорого, но за то товаръ лучшаго качества.

Въ настоящее время львовскіе евреи попробовали отнять торговлю фруктами у бойковъ и взять ее въ свои руки. Подъ вліяніемъ польской агитаціи, ихъ ходатайство, послѣ нѣкоторой борьбы, окончилось успѣшно; львовскій магистратъ велѣлъ удалить бойковъ изъ города и передать торговлю евреямъ.

Кажется, бойки, торгующіе фруктами, не имѣютъ ужъ никакого отношенія къ политикѣ, и ихъ считаютъ нужнымъ преслѣдовать спеціально лишь потому, что они—русины. Этотъ примѣръ еще разъ доказываетъ, какъ сильно въ настоящее время охватило польское общество антирусинское настроеніе.

Мазурская колонизація. Вновь организованные польскіе «Повітові комітети» начали живую колонизаціонную дѣятельность, предоставляя мазурамъ продажныя «земли» для парцелляцій, не допуская до покупки ихъ русинскаго населенія. Комитеты располагаютъ значительными капиталами. Въ Рогатинщині, напр., комитетъ распродалъ нѣкоторыя земли мазурамъ, не имѣвшимъ ни крейцера за душой, и задатки уплатилъ за колонистовъ онъ же. Подобное дѣлается и въ Перемишлянском и Самбірском повітахъ. Въ послѣднемъ земли распроданы мазурамъ, несмотря на то, что мѣстные крестьяне давали значительно большую сумму. Очевидно, денежныя затраты гакатистовъ покрываетъ какой-то тайный фондъ. Дѣятели золочівскаго комитета не скрываютъ, что имѣютъ вѣрные фонды. (Діло, № 26—27).—Въ товмацкомъ повітѣ продается 6 имѣній за 1 мил. 200 зр. „Głos Narodu“ ратуетъ объ организаціи спілки для покупки и парцелляціи этихъ имѣній между мазурскими колонистами... и, конечно, для внесенія національной и обрядовой розни между компактнымъ кореннымъ русинскимъ населеніемъ. Słowo polskie—главный органъ всеполяковъ—такъ формулируетъ принципы и мотивы, какими руководятся поляки относительно колонизаціи мазуровъ. «Мы должны создать въ

восточной Галичинѣ такую силу, которая бы рѣшительно побѣдила русиновъ съ ихъ фантастическими—сепаратистичными планами».

Шовинизмъ и русиноѣдство польскаго духовенства въ Галиціи. Польское духовенство не останавливается ни предъ какимъ способомъ дѣйствій, если только дѣло идетъ объ униженіи украинскаго языка и народа, «рускоі» церкви и духовенства, о внесеніи національной и религіозной ненависти въ народную массу. Старшее поколѣніе его было еще сноснѣе. Поведеніе нынѣшняго младшаго поколѣнія польскаго клира въ Галичинѣ прямо нестерпимо, переходитъ всякія границы не только христіанской этики, но и государственнаго законодательства. Для иллюстраціи приведемъ нѣсколько примѣровъ. Съ особеннымъ фанатизмомъ выступили польскіе ксёндзы противъ русиновъ въ пору «рільничого страйку». Они дошли до злоупотребленія самимъ евангеліемъ, толковали, что хлопъ долженъ работать на польскаго помѣщика за 25 кр. поденной платы, ибо «въ евангельской притчѣ сказано, что хозяинъ виноградника заплатилъ своимъ работникамъ по одному грошу, а тогдашній грошъ равнялся нынѣшнимъ 25 кр.» Кс. Букъ изъ Камінки Струмиловоі называетъ съ церковной каѳедры Русиновъ, автохтоновъ Галичины, пришельцами, запрещаетъ имъ говорить на родномъ языкѣ въ русинскихъ семьяхъ, ходить въ *церковь* (а не въ костелъ) и предаетъ проклятію всѣхъ, кто не исполнитъ его приказаній. (Діло № 7). Кс. Бѣльскій въ Перемишлянахъ въ костелѣ вымогаетъ отъ русиновъ-латынниковъ обѣщаніе, что они будутъ говорить только по-польски и запрещаетъ имъ читать русинскія газеты (Діло, № 20). Кс. Громницкій изъ Бучача при освященіи костела въ проповѣди возбуждаетъ поляковъ противъ русиновъ, называетъ послѣднихъ „врагомъ", который крадетъ души у костёла, унижаетъ польскій языкъ и эту *нашу* польскую землю (Діло, № 20). Это русиноѣдское миссіонерство польскихъ ксёндзовъ приноситъ, конечно, свои печальные плоды. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Перемишлянщины, напр., замѣтно расторженіе смѣшанныхъ супружествъ—латынники мужья издѣваются надъ женами-русинками, подъ вліяніемъ проповѣдей начинаютъ принуждать свою семью—«руского обряда» говорить только по-польски,—латынянки жены становятся язвою для мужей русиновъ. Кс. Земба въ Судовій Вишні еженедѣльно проповѣдуетъ, чтобы русины... выбрасывали изъ своихъ домовъ «рускі» иконы и

кресты. Одна «вѣрная» послѣдовала проповѣди. Мужъ-русинъ не могъ допустить такого поруганія своего дома. Насталъ семейный адъ.— Такъ національно-религіозный антагонизмъ, привитый польскими ксендзами, подрываетъ и разрушаетъ семейную жизнь. Самъ собой напрашивается вопросъ: живутъ ли русины въ старой шляхетско-іезуитской Польшѣ, или въ нынѣшней Австріи, въ новомъ, правовомъ государствѣ, основные законы котораго признаютъ за каждымъ вѣроисповѣданіемъ право свободнаго и безконтрольнаго исполненія предписаній и обрядовъ своей религіи?

Борьба за просвѣщеніе въ Галичинѣ. Благодаря энергичной политической дѣятельности Украинской „народно-демократической" партіи значительно развилось политическое самосознаніе русиновъ. Зато наступилъ застой въ области органической работы—просвѣтительной и экономической. Между тѣмъ враги русиновъ—поляки и москвофилы— наиболѣе грозятъ своею дѣятельностью именно на этомъ полѣ—культурномъ и экономическомъ. Цѣлый рядъ польскихъ обществъ различныхъ оттѣнковъ работаетъ надъ полонизаціей русинской Галичины, получая для этой работы щедрыя субсидіи изъ краевыхъ фондовъ—5 такихъ обществъ получаютъ 57.000 кронъ. Towarzystwo oświaty ludowej основало въ восточной Галиціи и въ пограничныхъ повітахъ около 370 читаленъ, Towarzystwo szkoły ludowej—въ 1901 г. *основало* тамъ же до 80 читаленъ, пріобрѣло 3000 новыхъ членовъ. Вся энергія этихъ Towarzystw направлена на „wschodnie kresy". Въ полонизаторскомъ же духѣ дѣйствуютъ „Kółka rolnicze", „Macierz Polska" и „Wydawnictwo dziełek ludowych". Каждое изъ этихъ обществъ распространяетъ между русинскимъ населеніемъ сотни тысячъ шляхетско-патріотичныхъ брошюръ и книжекъ. Въ сотняхъ же тысячъ экземпляровъ расходятся по русинскимъ селамъ и польскія газетки, дышащія ненавистью къ русинамъ и одурманивающія крестьянъ, это— Przyjaciel ludu, Wieniec i Pszczółka, Niedziela,, Przewodnik kólek rolniczych (онъ же издается и по-украински).—„Краева Шкільна Рада" обращаетъ свое материнское попеченіе на поляковъ, конечно, не на русиновъ. Получивъ отъ правительства 4.000 к., она открыла новую Учительскую семинарію—въ западной Галичинѣ. Въ русинскія школы Рада присылаетъ учительницъ-полонизаторокъ. Въ своемъ полонизаторскомъ усердіи школьныя власти не останавливаются и пе-

редъ такой мѣрой, какъ перемѣщеніе русиновъ-учителей въ отдаленные повѣты. Такъ польскій гакатизмъ ad majorem Dei gloriam стремится отнять у русиновъ ихъ лучшія интеллигентныя силы, заслать ихъ въ чужую сторону, на чужую службу чужимъ людямъ. Другимъ врагомъ русиновъ-украинцевъ являются москвофилы. Ихъ учрежденія и издательства дѣйствуютъ въ направленіи, противномъ народнымъ интересамъ, оч. усиленно. „Общество имени М. Качковскаго" имѣетъ ок. 8.200 дѣйствительныхъ членовъ, ок. 500 читаленъ и ежемѣсячно распространяетъ ок. 10.000 экземпляровъ крайне тенденціозныхъ изданій. Москвофилы издаютъ также цѣлый рядъ газетъ для народа: „Русская Рада"" „Господарскій Указатель" и „Русское Слово" (3.000 экз.). (Діло, № 18).

Какими же силами располагаютъ русины въ борьбѣ съ невѣжествомъ и враждебнымъ просвѣщеніемъ? Товариство „Просьвіта" имѣетъ въ настоящее время 8,000 дѣйствительныхъ членовъ, 21 мѣстное отдѣленіе и 1,193 народныя читальни съ 60,000 членовъ и съ 100,000 томовъ; кромѣ того, оно распространило въ народѣ около $1^1/_2$ милліона популярныхъ книгъ.

На каждый русинскій „повіт" приходится въ среднемъ 21 читальня; но въ 4 „повітах" нѣтъ даже 10 читаленъ, въ 16—менѣе 20 (одна читальня на 5 селеній); лишь въ 7 повѣтахъ имѣется по 40—47 читаленъ (1—на 3 селенія). Такая организація—особенно въ виду горячихъ стараній враждебныхъ обществъ—оказывается оч. слабою. „Діло" считаетъ священной обязанностью всякаго сознательнаго русина—сторонника „народно-демократичноі"—партіи приложить всѣ усилія, чтобы въ теченіе года въ каждомъ украинскомъ селѣ была заведена читальня „Просьвіты", чтобы въ каждомъ повіті была филія того же общества. (Діло, 20).

Къ борьбѣ украинскихъ студентовъ во Львовскомъ университетѣ. На поданный львовскому сенату меморіалъ съ требованіемъ чтенія формулы присяги на украинскомъ языкѣ [1]), сенатъ далъ, неблагосклонный отвѣтъ. Въ своемъ отвѣтѣ онъ ссылается на разныя правительственныя распоряженія, чтобы тѣмъ доказать, будто государственный языкъ во львовскомъ университетѣ—только польскій, поэтому и формула присяги можетъ быть лишь на польскомъ языкѣ.

[1]) См. предыдущ. книгу.

Какъ сообщаютъ газеты, студенты-украинцы начнутъ записываться на лекціи, но на постановленіе университетскаго сената отправятъ жалобу въ высшую инстанцію.

Воззваніе „Народнаго Комитета“. Русинская галицкая «народно-домократическая» партія (органы ея «Діло» и «Свобода») имѣетъ свою собственную политическую организацію съ тѣхъ поръ, какъ болѣе умѣренные радикалы слились съ «народной партіей». Во главѣ партіи стоятъ два комитета, изъ которыхъ одинъ, называемый «народнымъ комитетомъ», управляетъ всѣми дѣлами партіи и осуществляетъ свою власть при посредствѣ повѣтовыхъ (уѣздныхъ) организаторовъ. Составъ обоихъ комитетовъ мѣняется ежегодно послѣ общаго собранія членовъ «народно-демократической» партіи. (С.-Петербургскія Вѣдомости, № 33).

«Народный комитетъ» издалъ воззваніе, начинающееся слѣдующими словами: «Въ послѣднее время наши противники (поляки) развили въ русскихъ повѣтахъ (уѣздахъ восточной Галиціи) вызывающую и враждебную оппозицію, направленную къ уничтоженію русскаго народа. Въ этой легкомысленной работѣ, направленной противъ туземнаго русскаго населенія наши гегемоны пользуются всѣми силами, средствами и лицами, какими только могутъ распоряжаться, благодаря своей власти и своимъ вліяніямъ». Далѣе воззваніе говоритъ, что съ разныхъ сторонъ края приходятъ вѣсти о преслѣдованіи самыхъ невинныхъ русскихъ людей... Если кто либо изъ русскихъ людей обратитъ на себя вниманіе хотя какой-нибудь спокойной работой надъ просвѣщеніемъ и улучшеніемъ экономическаго положенія, равно какъ и надъ пробужденіемъ гражданскаго чувства русскаго народа, тотчасъ же подвергается самымъ тенденціознымъ нападкамъ за свою якобы преступную дѣятельность. «Призываемъ всѣхъ «русиновъ»,—заключаетъ воззваніе,—какъ прямо и лично потерпѣвшихъ, такъ и тѣхъ, кто имѣетъ основательныя свѣдѣнія о преслѣдованіяхъ другихъ доставлять намъ, какъ можно скорѣе, свѣдѣнія о всѣхъ происшествіяхъ изъ мартиролога русскаго народа, особливо же о дѣятельности тѣхъ нашихъ людей, которые что-нибудь—хотя бы перемѣщеніе, выговоръ и т. п.—претерпѣли за свою работу».

Съѣздъ „русско-народной партіи въ Галичинѣ. Во Львовѣ происходилъ съѣздъ далегатовъ (ок. 350) «русско-народной» («москалефильской») партіи. Онъ былъ созванъ «Народнымъ Совѣтомъ», руководящимъ органомъ партіи. Послѣ докладовъ: 1) о положеніи русиновъ въ Галиціи въ отношеніи политическомъ, и 2) о положеніи ихъ въ отношеніи экономическомъ, были приняты соотвѣтствующія резолюціи, равно какъ была принята и новая организапія всей партіи.

Изъ чисто политическихъ резолюцій нужно указать на протестъ противъ теорій о государственно-правовомъ положеніи крупныхъ австрійскихъ славянскихъ народностей и на признаніе этнографическаго принципа для нормальнаго устройства Австріи; далѣе—на требованіе раздѣла Галиціи на польскую и русскую части (впредь до соединенія русской части съ русской частью Буковины) и предложеніе русскимъ депутатамъ проводить крайнюю оппозицію въ сеймѣ и парламентѣ.

По злободневному вопросу, объ отношеніи малороссовъ къ великороссамъ, съѣздъ высказался въ такомъ смыслѣ: малороссы составляютъ, подобно великороссамъ, часть русскаго народа: существуетъ общерусская культура и общерусскій міровой языкъ, на почвѣ которыхъ и возможно только дальнѣйшее развитіе какъ великороссовъ, такъ и малороссовъ; тѣмъ не менѣе, партія признаетъ необходимость просвѣщенія въ Галичинѣ и Буковинѣ и на мѣстныхъ нарѣчіяхъ русскаго языка.

По отношенію къ другимъ галицко-русскимъ партіямъ, съѣздъ рекомендовалъ примирительную политику, въ интересахъ цѣлаго народа. Организація партій, принятая на съѣздѣ, представляется въ такихъ чертахъ. Во главѣ организаціи будетъ по прежнему стоять «народная рада», только съ большимъ составомъ (18 членовъ, вмѣсто 9). Наименьшей организаціонной единицей признанъ не избирательный округъ, а политическій повѣтъ (уѣздъ). «Народная рада» будетъ управлять всѣми дѣлами партіи и выбирать кандидатовъ въ депутаты парламента и сейма. (С.-Петербургскія вѣдомости, № 30).

Отказъ отъ союза. Чешскія газеты сообщаютъ, что на предложеніе вступить въ союзъ славянскихъ журналистовъ Австріи «украйнофильскіе» журналисты «Діла» отвѣтили отказомъ, мотивируя свой отказъ утвержденіемъ, что идея славянской взаимности, лежащая въ основѣ союза, не можетъ принести «украинскому» народу ничего,

кромѣ вреда... Вѣроятно, они не хотѣли встрѣтиться въ «Союзѣ» со своими врагами—поляками и галицкими «москвофилами». По крайней мѣрѣ, въ основавшемся во Львовѣ союзѣ *русскихъ журналистовъ* «украйнофилы» не принимаютъ никакого участія. („Спб. Вѣд.“, № 39).

Мадьяризація угро-руссовъ въ Венгріи. Мадьярскіе политики за послѣднее время принялись съ новой силой за истребленіе русской народности въ Венгріи. Они находятъ при этомъ подготовленную почву среди самихъ угро-руссовъ. Большинство угро-русскаго духовенства и почти вся свѣтская интеллигенція выносятъ изъ семьи и школы такое убѣжденіе, что они—мадьяры греческаго вѣроисповѣданія... Оффиціальная переписка консисторій съ духовенствомъ давно уже ведется по-мадьярски. Въ духовныхъ семинаріяхъ въ Ужгородѣ и Пряшевѣ лекціи по богословію читаютъ частью по-латыни, частью по-мадьярски. Русскіе гимназисты и семинаристы разговариваютъ между собой по-мадьярски; разговоръ по угро-русски считается уже подвигомъ патріотизма. Въ семьяхъ духовенства обиходный языкъ тоже мадьярскій; по угро-русски говорятъ только съ крестьянами. Чиновники, учителя, врачи и т. д. ведутъ агитацію, чтобы въ угро-русскихъ церквахъ было введено мадьярское богослуженіе; при этомъ они находятъ поддержку и въ части духовенства, желающаго отличиться своимъ мадьярскимъ патріотизмомъ и получить за это что-нибудь. Въ самое послѣднее время мадьярское культурное общество въ Пресбургѣ назначило 7,600 кронъ для распредѣленія между священниками, преподавателями и ректорами духовныхъ семинарій, которые пожелаютъ ввести мадьярское богослуженіе въ угро-русскихъ церквахъ. До чего доходитъ мадьяризація, показываетъ такой примѣръ. Одинъ угро-русскій священникъ прислалъ письмо на русскомъ языкѣ пряшевскому русскому епископу Іоанну Вопіо. Епископъ, правда, принялъ письмо и по прочтеніи его, отвѣтилъ ему на мадьярскомъ языкѣ слѣдующее: «Такъ какъ ваше преподобіе написали свое письмо къ епархіальному начальству на рутенскомъ (русскомъ) языкѣ, то мы строго предписываемъ вамъ впредь писать начальству на оффиціальномъ языкѣ, т. е. по-латыни или по-мадьярски». Русская печать не будитъ патріотизма среди читателей, такъ какъ ея издатели и редакторы находятся подъ вліяніемъ и властью правительства. Органы русской печати въ Галиціи—«Галичанинъ» и украинское «Діло»—запрещены

въ Венгріи; *русскія же газеты изъ Имперіи* могутъ попадать къ угорскимъ русскимъ, такъ какъ мадьярское правительство ихъ не боится: *онѣ обыкновенно ни единымъ словомъ не упоминаютъ о существованіи 500,000 угро-руссовъ въ Венгріи и о томъ, тяжело-ли ихъ положеніе...*

Политическія отношенія въ Буковинѣ. Какъ вся Австрія, такъ и маленькая Буковина населена разными, большими и малыми, народностями, съ различными національными и экономическими положеніями. Не такъ давно въ Буковинѣ оффиціально были 3 народности: русины, румыны и нѣмцы (вмѣстѣ съ евреями). Хотя большинство населенія—русины, но власть въ свои руки захватили румыны. Такъ было издавна. Послѣ появленія нѣмцевъ, со времени присоединенія Буковины къ Австріи въ 1770 г., румыны не хотѣли мириться съ новыми пришельцами и уступить имъ часть своихъ привилегій. Румыны стали проявлять большое тяготѣніе къ румынскому королевству. Вѣнское правительство создало въ сеймѣ искусственное большинство противъ румынъ—изъ нѣмцевъ и русиновъ. Однако, румыны скоро поправили свои дѣла и составили противъ русиновъ новое большинство, къ которому, кромѣ нѣмцевъ, присоединились и немногочисленные въ краѣ поляки и польскіе армяне. Поляки играютъ большую роль въ новомъ оборотѣ дѣлъ противъ русиновъ. Враждебность ихъ къ русинамъ сказывается и въ нижеслѣдующемъ фактѣ. Мѣсто буковинскаго митрополита занялъ только-что бывшій генеральный викарій румынъ Репта. Русины ждутъ, что теперь мѣсто викарія будетъ замѣщено русиномъ. Однако, польскія газеты въ Галиціи (Czas) пишутъ, что русины еще не доросли политически до права имѣть своего представителя въ церковной іерархіи Буковины; на мѣсто Репты они видятъ самаго достойнѣйшаго кандидата въ лицѣ румына Колинеску. «Діло» возмущается вмѣшательствомъ поляковъ въ дѣла чуждой имъ церкви...

Культурная жизнь на Буковинѣ. Въ № 13 газ. «Буковина» подведенъ итогъ культурной дѣятельности на Буковинѣ въ 1892 г., насколько можно объ этомъ судить изъ двухъ газетъ: «Буковина» и «Руска Рада». Оказывается, что для 300.000 украинскаго населенія здѣсь сдѣлано было хотя и не такъ ужъ много, но все же сравни-

тельно достаточно. Прежде всего было открыто 10 новыхъ читаленъ, и 15 т. наз. Райфайзеновскихъ ссудныхъ кассъ. Къ этимъ двумъ родамъ сельскихъ обществъ прибавилось парубоцкое общество «Січ» в Кіцмани. Затѣмъ существовавшія и раньше мѣщанскія общества: «Міщаньска Читальня», «Міщаньский Хор», ремесленная «Зоря»; «Братство сьв. Тадея» развивали живую дѣятельность и въ мин. году, устраивая вечера и театральныя представленія, оказывали матеріальную помощь членамъ и дѣтямъ. Общество православной «шляхти» значительно разрослось и устроило 5 вечеровъ съ рефератами, пѣніемъ, декламаціями. Продолжали энергичную дѣятельность студенческое общество «Союз», і „Молода Україна", которыя въ настоящее время соединились въ одно—„Січ". Основалось новое общество „Кружок украиньских дівчат" въ Черновцахъ, гдѣ собирались для чтенія и слушанія рефератовъ по женскомъ вопросу. Молодёжь среднихъ учебныхъ заведеній устраивала литературно-музыкальные вечера въ честь Шевченка и Федьковича. Кромѣ того въ Черновцахъ основано общество вспомоществованія учащимся «Шкільна поміч». На «Народний дім» въ Черновцахъ собрано около 2,000 коронъ, и «Руска каса» къ концу года имѣла въ оборотѣ 200.000 коронъ.

Продолжали свою дѣятельность Музыкальное общество «Буковиньский Боян», организовавшее прекрасный хоръ, и общество „Руска Школа". Общество „Руска Бесіда" открыла первую свою филію въ Кіцмані и издала нѣсколько брошюръ. Наконецъ основалось новое—*историческое* Общество, устроившее нѣсколько историко-научнаго содержанія лекцій; общество это намѣрено быть центромъ научныхъ работъ Буковинскихъ Русинъ.

Какъ видимъ, немногочисленные Буковинскіе Русины развиваютъ почтенную дѣятельность, свидѣтельствующую о духовныхъ запросахъ народа.

Народный театръ въ Галичинѣ. Труппа галицкихъ украинскихъ артистовъ подъ управленіемъ Михаила Губчака [1]) дала въ минувшемъ году въ 12 пунктахъ Галичины и въ Каменцѣ-Подольскомъ 208 представленій, въ томъ числѣ были представлены 9 новыхъ (не игранныхъ еще въ Галичинѣ) драматическихъ произведеній: „Ничъ"—

[1]) О ней см. К. Стар. 1902 г., № 11, отд. текущ. извѣст. стр. 109—110.

Оркана, „Писни въ лыцяхъ“—Кропивницкаго, „Якъ ковбаса та чарка, то мынется й сварка“—Старицкаго, „Невольныкъ“—Кропивницкаго, „Будка 27“—Ивана Франка, „Бурлака“—Карпенка-Карого, „Хазяинъ“—Карпенка-Карого, „Катерына“—Оркана, „Видьма“—оперетта Яновскои—Лисенка. Премированныхъ на конкурсѣ минувшаго года трехъ драматическихъ пьесъ труппа не могла представлять, такъ какъ лишь въ половинѣ декабря онѣ выпущены изъ цензуры львовской полиціи. Онѣ будуть представлены во Львовѣ, куда труппа переѣзжаетъ въ половинѣ февраля и въ залѣ Colosseum будетъ давать спектакли до конца марта.

Львовское Общество „Руська Бесіда“. Въ январѣ мѣсяцѣ происходило годичное собраніе Львовскаго Оообщества „Руська Бесіда“. Изъ отчета за мин. годъ видно, что упомянутое Общество имѣло 158 членовъ. Доходъ въ мин. году составили 5332 короны, расходъ 4775. Имущество упомянутаго Общества оцѣнивается въ 8.484 кор. Театръ, состоящій подъ управленіемъ „Бесіди“, получилъ въ мин. году отъ львовскаго сейма въ качествѣ пособія 14.500 обычнаго и 2.000 сверхъ смѣты. Въ результатѣ театръ далъ незначительный (20 коронъ) дефицитъ. Эмеритальный фондъ артистовъ театра выражается въ 6.594 кор. (въ течен. 1892 г. увеличился на 505 коронъ). Предсѣдателемъ Общества снова избранъ Влад. Шухевичъ. (Галичанинъ, № 16)

Читальни „Просьвіти“. Газета „Діло“ сообщаеть, что въ настоящее время въ Галичинѣ существуетъ 1193 читальни „Просьвіти“, въ нѣкоторыхъ повѣтахъ по 30—40. Кромѣ того въ Коломыйскомъ округѣ есть около 30 радикальныхъ „Народних Спілок“ і „Січей“, съ тѣми же задачами и направленіемъ, что и „Просьвіта“. Читалень им. М. Качковскаго газета насчитываетъ до 500 и считаетъ ихъ такъ же вредными для интересовъ русинскаго народа, какъ и рольничіе „Kółka“ и польскія читальни „Oświata ludowa“ i Szkoła Ludowa“.

Памяти Володимира Барвинскаго. Весь № 16 газ. „Руслана“ посвященъ памяти Володимира Барвинського, двадцатилѣтіе смерти котораго исполнилось 21 января с. г. Покойный. подобно Маркіану Шашкевичу, создавшему эпоху въ развитіи литературы въ Галичинѣ, положилъ основы галицкой народной политики съ ясно выраженною программой; онъ былъ одинъ изъ основателей „Просьвіти“, энергичный сотрудникъ „Правды“, которую редактировалъ съ 1876—1880 г.г., основалъ въ 1880 г. газету „Діло“, которой отдался всей душей; онъ созвалъ первое всенародное виче въ Львовѣ (подъ предлогомъ 100-лѣтія со дня вступленія на престолъ Іосифа II), созывалъ провинціальныя вича, вслѣдъ за которыми началось оживленное національное движеніе, сказавшееся въ основаніи новыхъ читаленъ, сельскихъ магазиновъ, банковъ и т. п. Великой его заслугой была борьба съ партіей „староруссовъ“ и ихъ органомъ „Слово“, которые, жертвуя національными интересами во имя личныхъ разсчетовъ, сбивали съ истиннаго пути галицкую мысль и тормозили развитіе національнаго самосознанія въ его естественномъ и необходимомъ направленіи. Кромѣ передовой статьи, посвященной характеристикѣ личности покойнаго, въ газетѣ помѣщены интересныя два письма: В. Навроцкаго къ Барвинскому (янв. 1879 г.) и Барвинскаго къ Навроцкому (конца 1879 г.), а также одно неизвѣстное стихотвореніе В. Навроцкаго 1878 г. и планъ и отрывокъ изъ неоконченной исторической драмы „Павло Полуботок“; планъ этотъ былъ разработанъ въ драмѣ брата В. Барвинскаго, Осипа, подъ тѣмъ же заглавіемъ.

О. Антонъ Бончевскій (некрологъ). Въ январѣ мѣсяцѣ, какъ сообщаетъ «Русланъ», скончался въ Ансоніи, въ Сѣв. Америк. Соединенныхъ штатахъ, рѣдкій по энергіи и неутомимости дѣятель на пользу родного народа священникъ Антонъ Бончевскій. Покойный родился въ 1871 въ Галиціи, сдалъ въ 1890 г. экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, и затѣмъ поступилъ на богословскій факультетъ Львовскаго университета. Во время прохожденія курса усиленно занимался общественными науками и старательно изучалъ русско-украинскую исторію. По окончаніи университета занялъ священническое мѣсто въ селѣ Варяжѣ, Сокальскаго повѣта, и энергично принялся за культурную работу на мѣстѣ своего служенія: работалъ много надъ развитіемъ читальни, организовалъ потребительскую лавку и т. п., чѣмъ снискалъ

расположеніе и любовь своихъ прихожанъ, но попалъ въ немилость мѣстнаго староства, которое и принудило его оставить родной край и искать такого мѣста, гдѣ бы его полезной дѣятельности не ставили препятствій и преградъ. Онъ переѣхалъ въ Сѣв. Америку и тамъ поселился въ качествѣ священника въ Ансоніи. Здѣсь онъ развилъ поразительную дѣятельность: превосходно организовалъ свою рабочую колонію, выстроилъ церковь, школу, читальню, организовалъ немало украинскихъ школъ и читаленъ даже въ чужихъ, отдаленныхъ парафіяхъ. Несмотря на его молодые лѣта, онъ, благодаря природной добротѣ, привѣтливости и глубокой интеллигентности, былъ избранъ недавно «головою» наиболѣе солидной украинской американской организаціи „Амер.-Руского Народного Союза".

Въ Америкѣ покойный работалъ также много. Въ америк. „Свободі" имъ помѣщено было въ послѣдніе годы много цѣнныхъ изслѣдованій и популярно-научныхъ статей; писалъ онъ также корреспонденціи въ галицкія газеты.

Въ лицѣ покойнаго американскіе русины понесли незамѣнимую потерю.

ИЗВѢСТІЯ ПО АРХЕОЛОГІИ.

Историческая коллекція оружія артиллерійскаго музея имѣетъ на-дняхъ пополниться большой витриной съ коллекціей стариннаго холоднаго оружія (кинжаловъ, наконечниковъ стрѣлъ и др.), найденнаго ген.-л. Н. Е. Бранденбургомъ при прошлогоднихъ курганныхъ раскопкахъ вблизи г. Кіева. (Биржев. Вѣдом., № 72).

Въ послѣднемъ засѣданіи предварительнаго комитета по организаціи съ 25-го по 7-е августа 1905 года въ гор. Екатеринославѣ XIII археологическаго съѣзда обсуждался, между прочимъ, весьма важный принципіальный вопросъ о правахъ юридической собственности на тѣ цѣнные въ археологическомъ отношеніи предметы, которые могутъ быть обнаружены при подготовительныхъ къ съѣзду раскопкахъ. Въ заключеніе преній было постановлено: найденные интересными въ археологическомъ отношеніи предметы, за исключеніемъ взятыхъ въ Императорскій историческій музей, считать собственностью съѣзда, какъ вещи, найденныя при произведенныхъ на счетъ средствъ

съѣзда раскопкахъ, а по закрытіи съѣзда распредѣлить ихъ по усмотрѣнію московскаго археологическаго общества, какъ устроителя съѣзда, которому они по праву и принадлежатъ.

Археологическая коммиссія. Харьковское историко-филологическое Общество, желая оказать возможное содѣйствіе въ подготовкѣ XIII археологическаго съѣзда въ Екатеринославѣ, избрало археологическую коммиссію, въ составъ которой вошли многіе члены бывшаго харьковскаго предварительнаго комитета: гг. Багалѣй, Рѣдинъ, Халанскій, Сумцовъ, Данилевичъ, Миллеръ, Ивановъ и др. (Южный Край № 7637).

Къ открытію въ Екатеринославѣ ученой архивной коммиссіи. Получено разрѣшеніе, и въ скоромъ времени будетъ учреждена въ г. Екатеринославѣ ученая архивная комиссія. Задача и цѣль ея—собираніе, приведеніе въ порядокъ и изученіе архивныхъ дѣлъ и документовъ, болѣе или менѣе важныхъ въ историческомъ и научномъ отношеніяхъ, а также разысканіе, описаніе и объясненіе всякихъ другихъ памятниковъ старины.

Почва Новороссіи, по которой совершалось постоянно въ древности переселеніе народовъ, въ археологическомъ отношеніи весьма интересна, такъ какъ хранитъ въ своихъ курганахъ вовсе неизслѣдованныя сокровища древности, а Новороссійскій край изобилуетъ памятниками быта народовъ, населявшихъ преемственно южную Россію отъ эпохи доисторической до послѣднихъ дней.

Между тѣмъ, существующіе музеи мѣстныхъ древностей не могутъ пока похвалиться богатствомъ предметовъ старины. Многіе архивы разныхъ губернскихъ учрежденій остались пока неразобранными систематически съ научною цѣлью, а нѣкоторые изъ нихъ, хранившіе дѣла первоначальныхъ дней Новороссіи, даже не разысканы. На ряду съ казенными архивами, не изслѣдованы также научно и многіе фамильные архивы, сохраняющіе документы, которые могли бы въ извѣстной степени освѣтить прошлую жизнь Новороссійскаго края.(Одесскій Листокъ).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка, *т.т. XLVIII, XLIX и L (кн. 4, 5 и 6 за р. 1892). У Львові, 1902.*

Къ концу 1902 года почтенное львовское научное Общество имени Шевченка выпустило въ свѣтъ 50-й томъ издаваемаго имъ періодическаго журнала, помѣщающаго на своихъ страницахъ солидныя изслѣдованія и цѣнные матеріалы по всѣмъ отраслямъ украиновѣдѣнія, безъ знакомства съ которыми въ настоящее время немыслима обстоятельная разработка вопросовъ историко-литературнаго и этнографическаго характера. Лучшей рекомендаціей этого изданія является интересъ къ нему со стороны множества научныхъ обществъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ и даже въ Новомъ Свѣтѣ, которыя охотно предлагаютъ въ обмѣнъ свои изданія. Къ сожалѣнію, для нашей читающей публики, за единственными рѣдкими исключеніями, книжки даннаго *научнаго журнала* оказываются недоступными: журналъ въ Россіи не получается. А между тѣмъ и въ русскихъ (не говоря уже объ украинскихъ) литературно-научныхъ кругахъ давно сознана важность «Записок Н. Товариства», какъ подспорья для научныхъ работъ. Не такъ давно одинъ изъ солиднѣйшихъ русскихъ журналовъ («Русская Мысль», кн. 1, за 1901 г.), давая отзывъ о «Запискахъ», замѣчаетъ: «Въ общемъ «Записки» производятъ очень отрадное впечатлѣніе, и приходится только пожалѣть, что политическая разобщенность и незнаніе малорусскаго языка мѣшаютъ широкому (sic!) распространенію въ Россіи этихъ интересныхъ и содержательныхъ львовскихъ изданій».

Въ трехъ послѣднихъ книгахъ помѣщены слѣдующія историческія статьи, касающіяся Галичины и Буковины. Первая статья—*А. Крыжановскаго «Причинки до історії роду Бибельских, зібрані арцибискупом Яном Прохніцким»* (*т. XLVIII*, ст. 1—12), дѣятелемъ первой четверти XVII ст., собравшимъ нѣкоторыя данныя о родѣ Бибельскихъ, отъ которыхъ Прохницкій силился вывести и свое происхожденіе. Небезинтересенъ въ этихъ документахъ общій взглядъ ех-Русина XVII в. на исторію присоединенія Руси къ Польшѣ (стр. 6—8).

Вторая статья—др. *Івана Франка „Лукян Кобилиця, епізод із історії Гуцульщини в першій половині XIX віка"* (т. XLIX, стр. 1—40). Почтенный авторъ собралъ и надлежащимъ образомъ освѣтилъ любопытную личность одного простого гуцула, Лукьяна Кобылыци, бывшаго между прочимъ въ 1848 г. посломъ въ первомъ законодательномъ сеймѣ въ Вѣнѣ. Этотъ Кобылыця—личность незаурядная. Съ 1843 года и до 1849, когда былъ арестованъ, онъ отдался всей душой разрѣшенію вопроса объ аграрныхъ отношеніяхъ гуцуловъ, и въ 1848 г. спеціально занялся вопросомъ объ отнятіи тѣхъ крестьянскихъ земель, лѣсовъ и пастбищъ, которые были захвачены доминіями. Онъ прибѣгаетъ къ мистификаціи (приноситъ «папиръ»—«цисарськый патентъ»), чтобы поддержать у крестьянъ вѣру въ удачный исходъ дѣла, созываетъ сессію, увѣряетъ народъ въ томъ, что цисарь далъ ему власть въ краю, заводитъ новые порядки, но вообще убѣждаетъ населеніе вести себя спокойно. Что побудило Кобылыцю къ такимъ дѣйствіямъ, трудно рѣшить; составился ли у него болѣе или менѣе ясный идеалъ гуцульской автономіи: «щоб гуцули були самі в собі, аби ім ніхто не мав до розказу, лише сам цісарь», или онъ пріобрѣлъ наивную вѣру въ цисарскую благосклонность и помощь во время пребыванія въ Вѣнѣ? Смерть Кобылыци, увѣковѣченнаго народной памятью въ пѣсняхъ, загадочна: существуетъ преданіе, что онъ былъ отравленъ.

Третья статья *Михаила Грушевскаго*—«Два селянські контракти куплі-продажі з початку XVI в»,—(т. L, стр. 1—6),—два рѣдкіе документа—контракты купли-продажи въ русскомъ оригиналѣ, вышедшіе изъ сельской канцеляріи села Одреховы (пов. Сянокскаго); участниками являются крестьяне. Форма записей свидѣтельствуетъ о соединеніи вліянія формулъ польскаго права съ элементами болѣе древними, выступающими въ наиболѣе давнихъ галицкихъ контрактахъ

второй полов. XIV в. и служащими непосредственнымъ отголоскомъ др.-русскихъ временъ. Статья снабжена фотографическими снимками съ упомянутыхъ документовъ.

Къ историческимъ статьямъ непосредственно примыкаетъ и статья др. *Івана Франка „Др. Остап Терлецький, спомини й матеріяли“* (L, стр. 1—64). Авторъ, близко знавшій симпатичную личность покойнаго, не берется дать, въ виду отсутствія матеріаловъ, полной и всесторонней оцѣнки ея. Его цѣлью было: «схопити на лету ті деталі ёго житя, що оживають у памяти при виді ёго домовини, доповнити іх по змозі тими документами, які полишились у моіх руках після довголітніх зносин з покійним, відтворити на сих сторінках по змозі повно й плястично ёго духову фізіономію». И, надо отдать справедливость почтенному автору, характеристика личности покойнаго, въ связи съ общимъ теченіемъ культурной жизни русинской интеллигенціи 70—80 гг., получилась крайне интересная и поучительная. Разсказывая біографію покойнаго, авторъ упоминаетъ объ отношеніяхъ его къ Вл. Навроцкому, Федьковичу, Владиславу Федоровичу, М. Драгоманову, наконецъ самому автору. Страницы, посвященныя изложенію этихъ отношеній, въ высшей степени интересны, какъ для уясненія личности О. Терлецкаго, такъ и для многострадальной жизни самого автора. Немалый интересъ представляютъ матеріалы о вѣнскомъ обществѣ „Січ“, дѣятельнымъ членомъ котораго былъ О. Терлецкій въ первой половинѣ 70 гг.

Вообще статья, подъ скромнымъ заглавіемъ «Воспоминанія и матеріалы о Терлецкомъ», является цѣннымъ очеркомъ культурной жизни галицкаго общества въ критическіе 70—80 годы, освѣщеніе которой крайне важно для свѣдѣнія молодого поколѣнія галицко-русскихъ дѣятелей, находящихся въ несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ для развитія своей дѣятельности.

Наконецъ, къ историческому же отдѣлу должна быть отнесена статья *М. Грушевського «Київські мінятюри при Трірськім Псалтири»* (т. XLIX, Наукова Хроніка, стр. 1—11). Авторъ, разсмотрѣвъ появившіяся въ послѣднее время литературныя извѣстія объ упомянутыхъ миніатюрахъ въ трирской псалтыри (въ х. Чивидале, сѣв. Италіи), которыя оказались драгоцѣннѣйшими кіевскими миніатюрами — конца (70—80 гг.) XI ст. Наибольшій интересъ изъ миніатюръ представляютъ двѣ— съ портретными фигурами Ярополковой семьи. Проф. Грушевскій полагаетъ, что не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что

здѣсь мы имѣемъ дѣло съ портретными изображеніями князя и княгини, притомъ гораздо лучше сохранившимися, чѣмъ въ извѣстной миніатюрѣ Изборника.

Къ области исторіи литературы и этнографіи относятся изслѣдованія, принадлежащія др. Івану Франку и В. Гнатюку.

На первомъ мѣстѣ должно быть отмѣчено продолженіе капитальнаго изслѣдованія др. *Івана Франка: «Сьвятий Климент у Корсуні, причинки до історії староруської легенди»* (т. XLVIII, стр. 45—144). Въ настоящей части своего труда авторъ занялся разборомъ Псевдо-Климентовой повѣсти (гл. IV), авторъ которой пользовался древнѣйшими попытками софистическаго романа, извѣстными и неизвѣстными намъ, а также и романомъ Ксенофонта Ефесскаго (перв. полов. III в.); далѣе (въ гл. V) останавливается на дальнѣйшемъ развитіи легенды о жизни и дѣятельности Климента Римскаго и отмѣчаетъ отголоски Псевдо-Климентинъ въ христіанской литературѣ—въ легендѣ о Евстафіи Плакидѣ, въ безыменномъ латинскомъ разсказѣ о Константинѣ и Еленѣ, о Вильгельмѣ королѣ англійскомъ (12 или 13 в.), Бертѣ-Геновефѣ (12 в.), Еленѣ Константинопольской, Святой Улифѣ, наконецъ—и въ новѣйшей литературѣ. Въ VI гл. авторъ разбираетъ вопросъ о папствѣ Климента и легенду о Θеодорѣ и Сисиніѣ, и въ VII—о мученичествѣ Климента. Легенда о мученической смерти Климента зародилась еще въ V вѣкѣ и въ VI в. уже существовала на западѣ, не будучи пріурочена ни къ какому мѣсту, и лишь впослѣдствіи, въ VI или VII в., перешла на греческую почву и локализировалась въ Корсунѣ, самомъ отдаленномъ сѣв.-восточномъ пунктѣ греческой культуры. Получивъ здѣсь литературную форму и будучи пріукрашена отрывками и воспоминаніями изъ древнихъ писателей, она снова въ IX в. появилась въ Италіи, въ Римѣ, и далѣе на западѣ, сдѣлавшись разсадникомъ извѣстій о чудесахъ далекаго Корсуня и источникомъ горячаго почитанія Св. Климента. Въ концѣ VII главы авторъ разсматриваетъ историческое происхожденіе группы мотивовъ, связанныхъ съ пребываніемъ и мученичествомъ св. Климента въ Корсуни, а именно: чудесное вырытье колодца, якорь Климента, гробница Климента, морской отливъ.

Г. Гнатюку принадлежатъ два изслѣдованія: окончаніе статьи „*Угроруські духовні вірші*" (XLIX, стр. 165—272)—продолженіе текстовъ духовныхъ виршей (№№ 128—225), записанныхъ авторомъ на Угорской Руси (съ алфавитнымъ указателемъ пѣснямъ вкратцѣ), и

„Пісенні новотвори в українсько-руськії народній словесности“ (т. L, стр. 1—37, окончаніе слѣдуетъ). Авторъ, собирая этнографическіе матеріалы въ Галичинѣ и въ Украинѣ, встрѣтилъ нѣсколько новосозданныхъ пѣсенъ на тему эмиграціи; дополнивъ свои записи матеріаломъ такого же рода изъ Гуцульщины и Америки (изъ газеты „Свобода“), онъ сообщаетъ ихъ тексты (пока 31 №№), предпославъ имъ интересное предисловіе. Въ этомъ предисловіи онъ затрагиваетъ важный вопросъ: дѣйствительно ли вымираютъ наши пѣсни? Отмѣтивъ взгляды украинскихъ этнографовъ, начиная съ Павловскаго (автора первой украинской грамматики) и до современныхъ собирателей, подводитъ итогъ повидимому противорѣчивымъ взглядамъ въ слѣдующемъ положеніи: что народныя пѣсни вымираютъ, не имѣя соотвѣтственной почвы для созданія и дальнѣйшаго развитія (козацкія, чумацкія, гайдамацкія, опришковскія и т. д.),—этого никто не можетъ отрицать; но совершенно неосновательны мнѣнія нѣкоторыхъ авторовъ относительно полнѣйшей гибели народнаго творчества. Пока народъ живетъ, до тѣхъ поръ жизнь его должна имѣть конкретныя формы ѝзвнѣ, которыя обязаны проявляться между прочимъ и въ его народной поэзіи. Полная гибель народной поэзіи означала бы и гибель народа. Между тѣмъ эта печальная участь еще не угрожаетъ нашему народу. Достаточно обратиться къ событіямъ XIX ст. въ Галичинѣ и прослѣдить ихъ отраженіе въ народной поэзіи панщины и ея уничтоженіе—рекрутчина, Кошутская война, война прусская и итальянская, оккупація Босніи и Герцеговины, пропаганда трезвости (съ митрополитомъ Сембратовичемъ во главѣ), неурожай картофеля, смерть императрицы Елисаветы,—чтобы убѣдиться въ противномъ. Мало того, народное творчество не ограничивается одной поэзіей, и если бы обстоятельнѣе его изслѣдовать, то мы нашли бы не мало доказательствъ ея существованія и въ иныхъ сферахъ умственной жизни народа. Затѣмъ: стоитъ ли народное творчество на высотѣ прежняго и замѣщаетъ ли своими продуктами отсутствіе забытыхъ пѣсенъ? По мнѣнію автора, если взять хотя бы эмиграціонные мотивы, которые въ виду своей молодости не успѣли отшлифоваться,—послѣдніе не много уступаютъ козацкимъ пѣснямъ.

Быть можетъ въ общемъ послѣднее утвержденіе нѣсколько оптимистично, но, насколько можно судить изъ нѣкоторыхъ приводимыхъ текстовъ, наше современное творчество дѣйствительно обладаетъ высокимъ качествомъ. Большинство же пѣсенъ—еще не обработаны,

страдаютъ нерѣдко отсутствіемъ риѳмъ и ритма, нѣкоторыя же чуть ли не имѣютъ извѣстныхъ авторовъ.

Было бы желательно, чтобы почтенный авторъ расширилъ рамки своей статьи и привлекъ для своей интересной работы также новосозданныя пѣсни изъ нашей Украины; здѣсь бы онъ встрѣтилъ то же явленіе, что и въ Галичинѣ: панщину и ея уничтоженіе, пѣсни объ Александрѣ II, фабричныя, заводскія, бытовыя, съ отраженіемъ новѣйшей сельско-хозяйственной культуры, наконецъ, переселенческія. Помнится намъ, въ концѣ 90-тыхъ гг. вышла въ Одессѣ или Харьковѣ брошюра (Васильева?), посвященная спеціально украинскимъ фабрично-заводскимъ пѣснямъ. Да и въ новѣйшихъ сборникахъ г. Гринченка и др. нашлось бы не мало соотвѣтствующаго матеріала.

Во второмъ отдѣлѣ—«*Miscellanea*»—сообщены слѣдующія замѣтки и документы: 1) „*До бойківського говору*“ В. Гнатюка (т. XLVIII, стр. 1—3),—особенности склоненія мѣстоименія *нон* (онъ) и другія особенности говора, 2) „*Шість листів галицьких старорусів*“ *р.р. 1853—1863* (XLVIII, стр. 3—12), сообщ. І. Франко,—3 письма Северина Шеховича 1864 г., два о. Григорія Шашкевича (брата Маркіяна), 1853 и 1854 гг., и одинъ Я. Головацкаго—1861 г. Характерно письмо Гр. Шашкевича отъ 25/IV 1853, гдѣ онъ говоритъ слѣдующее: „и видитъ ми ся, що тою дорогою идучи (держась родного языка) можь борше трафити до правды, якъ оученившися за хвистъ якои особовои поваги, якого Греча або Ломоносова або Крылова и т. п., котріи не менше намъ суть чужими, якъ Карпинській, Красѣцкій, Нѣмцевичь“ (письмо къ извѣстному лицу,—„честному отцу професору“). Письма Шеховича и Головацкого свидѣтельствуютъ о безидейности ихъ и безнадежныхъ потугахъ писать по-русски, хотя они и не знаютъ этого языка. 3) „*Др. Остап Терлецький, некрольогічна замітка*“ (т. XLIII, стр. 12—15),—М. Грушевського, 4) „*Кілька заміток до „Чуда св. Климента, папи римського*“ (т. XLIX, стр. 1—4)—М. Грушевського,—замѣчанія по поводу опубликованнаго проф. Соболевскимъ въ I кн. за 1901 г. «Извѣстій II отд. академ. Наукъ» Чуда св. Климента, написаннаго или произнесеннаго въ Кіевѣ не позже 3-ей четверти XI в., не безъ вліянія Иларіоноваго слова; извѣстно еще и Похвальное слово Клименту, тоже не позже средины XII ст. Всѣ эти три произведенія носятъ на себѣ печать одной и той же школы, кіевскаго риторства XI—XII вв. «Не свидѣтельствуетъ ли это объ опредѣленной проповѣднической школѣ, связанной съ Кіевской

каѳедрой?» Ставитъ вопросъ проф. Грушевскій, 5) «*Полтва-Полтава*» сообщ. Т. Реваковичъ (XLIX, стр. 4—5),—сообщается документъ изъ бумагъ краеваго суда во Львовѣ (Liber Pactorum, № 16, fol. 51, документ. 13), изъ котораго явствуетъ, что рѣка Полтва, текущая черезъ Львовъ, называлась въ 1805 г. *Полтава* или *Полтова.* 6) «*Олексій Андрієвський, некрольоґічна замітка*» (т. XLIX, стр. 5—8), М. Грушевського; 7) «*Никита Мелешко, незвісний панеґірист XVII в.*» (т. L, стр. 1—8),—Ол. Сушка,—сообщается похвальная вирша неизвѣстнаго панегириста XVII ст. въ брошюрѣ 1615 г. въ библіотекѣ Баворовскихъ во Львовѣ; вирша написана русскимъ письмомъ (кириллицей) и озаглавлена «На пресвѣтлаго и пречистаго архіерея на вся вѣнца увязеніе» (привѣтствіе епископу Я. Прохницкому, назначенному въ 1615 г. изъ Каменца-Подольскаго во Львовъ). Г. Сушко останавливается на томъ, какимъ образомъ попала русская вирша въ латинскій панегирикъ, посвященный польскому католическому архіепископу; и отвѣчаетъ въ томъ смыслѣ, что во Львовской іезуитской коллегіи, подобно Виленской и Луцкой, было введено также преподаваніе на русскомъ языкѣ, и приблизительно въ одно время съ Луцкой коллегіей, т. е. около 1614 г. 8) *Парцеляция війтівства поміж підданих села Мшанця (нынѣ въ Старосамбарскомъ повѣтѣ) 1788 р.*» (L, стр. 8—12) М. Зубрицького; 9) «*Тадей Рильський некрольоґічна замітка*»,—L, стр. 12—13), М. Грушевського; 10) «*До некрольоґу Остапа Терлецького*» (L, стр. 13—15), М. Грушевського.

Отдѣлы бібліографіи (Наукова хроніка,—обзоръ журналовъ и газетъ, и въ собственномъ смыслѣ библіографія) составляются по обыкновенію полно, интересно, служа цѣннымъ подспорьемъ для всякаго, кого интересуютъ вопросы, имѣющіе прямое или болѣе отдаленное отношеніе къ области украиновѣдѣнія.

В. Д.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-Лѣтописца. Книга семнадцатая. Выпускъ I. *Издана подъ редакціей Н. П. Дашкевича. Кіевъ, 1903. Ц. 1 р. 50 коп.*

Въ только что вышедшемъ въ свѣтъ 1-омъ выпускѣ XVII книги «Чтеній» мы находимъ въ отдѣлѣ «Сокращеннаго изложенія сообщеній» «Отчеты» членовъ Коммиссіи по описанію древностей Украины о поѣздкахъ—въ Глуховъ Н. Ф. Бѣляшевскаго, М. П. Истомина—

въ Межигорье и Кіевское Полѣсье; о. Е. І. Сѣцинскаго—по Подольской губерніи. Несмотря на краткость, отчеты даютъ много свѣдѣній о характерѣ тѣхъ памятниковъ древности, которые удалось открыть и осмотрѣть экскурсантамъ. Здѣсь, кстати отмѣтимъ, очевидно, редакціонный промахъ. Въ отчетѣ Н. Ф. Бѣляшевскаго есть ссылка на таблицы; самихъ же таблицъ нѣтъ, да врядъ ли онѣ и будутъ помѣщены въ «Чтеніяхъ» такъ какъ, сколько намъ извѣстно, снимки и таблицы составляютъ собственность Московск. Археологич. Общества, на средства котораго и предпринимались экскурсіи. Сообщеніе И. М. Каманина подъ таинственнымъ заглавіемъ «Кто онъ»? посвящено было догадкамъ автора объ одномъ изображеніи въ тетрадяхъ учениковъ Кіево-печерской лавры. Въ изображеніи этомъ И. М. Каманинъ видитъ портретъ Мазепы. Предположеніе его вызвало возраженія со стороны О. И. Левицкаго и Н. И. Петрова.

Во 2-мъ отдѣлѣ мы находимъ чрезвычайно интересную и мастерски написанную статью О. И. Левицкаго «Исторія учрежденія Кіевскаго Центральнаго Архива». Изложеніе этой статьи, въ связи съ другой статьей того же автора «Объ актовыхъ книгахъ», помѣщенной въ Трудахъ XI археол. Съѣзда—мы дадимъ послѣ ея окончанія. Въ 1-мъ выпускѣ XVII книги «Чтеній» напечатана только первая половина ея.

Въ отдѣлѣ «Матеріаловъ» находимъ «Древній памятникъ Кіево-Михайловскаго (Златоверхаго) монастыря XVI—XVII вв.»). Мы не отрицаемъ значенія памятниковъ для исторіи, но все же считаемъ печатаніе ихъ излишнею роскошью, особенно въ изданіяхъ такого общества, какъ «Общество Нестора Лѣтописца», обладающаго, какъ извѣстно, очень скромнымъ бюджетомъ. Дѣйствительно ли памятникъ настолько важный, настолько нужный большому числу научныхъ дѣятелей, настолько, наконецъ, недоступный для отдѣльныхъ изслѣдователей, чтобы стоило его печатать?... То-же мы можемъ сказать и о „Древностяхъ Константинополя“, даже больше: мы считаемъ просто какимъ-то страннымъ недоразумѣніемъ, что трудъ этотъ появился въ приложеніяхъ къ «Чтеніямъ Общества Нестора-Лѣтописца». Его мѣсто или въ какомъ-нибудь спеціальномъ академическомъ изданіи, или же въ изданіи, спеціально посвященномъ изученію Византіи.

Въ отдѣлѣ «Замѣтокъ и Извѣстій» мы находимъ статью Н. И. Петрова, написанную съ свойственнымъ автору знаніемъ предмета:

«Объ иконописномъ отдѣлѣ выставки и рефератахъ о немъ на XII археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ». Статью свою Н. И. Петровъ читалъ въ одномъ изъ засѣданій Общества Нестора Лѣтописца, именно 29 сентября 1902 г., которое было посвящено исключительно докладамъ о Харьковскомъ археологическомъ съѣздѣ.

Несмотря на нѣкоторые, по нашему мнѣнію, недочеты, на которые мы указали, 1-й выпускъ XVII книги «Чтеній» отличается разнообразіемъ содержанія и является все же виднымъ явленіемъ въ нашей исторической литературѣ.

Н. В-ко.

В. К. Гульдманъ. Настольно-справочная книжка для г.г. землевладѣльцевъ и арендаторовъ. *Помѣстное землевладѣніе въ подольской губерніи. Изданіе 2-е, исправленное и значительно дополненное. Каменецъ, 1903 г., цѣна 2 р. 50 к.*

«Книжка» представляетъ объемистый томъ въ 950 страницъ, выпускъ котораго въ свѣтъ объясняется въ предисловіи распродажею перваго изданія этой книги (1898 г.) и поступившими къ издателю многочисленными на нее требованіями. Съ цѣлью освободить новое изданіе отъ вкравшихся въ первое «неточностей и промаховъ», составитель, какъ значится въ предисловіи, «принялъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры», а именно: «нѣсколько расширилъ программу необходимыхъ для включенія въ книгу свѣдѣній» и «измѣнилъ самый способъ ихъ собиранія». Но въ чемъ заключалось это измѣненіе и каковъ вообще былъ тотъ «способъ», при посредствѣ котораго собирались эти свѣдѣнія, составитель не объясняетъ, почему и трудно судить о степени его пригодности въ данномъ случаѣ и о степени достовѣрности собранныхъ этимъ способомъ данныхъ. Впрочемъ, о послѣднемъ можно отчасти судить по свѣдѣніямъ о нѣкоторыхъ лично намъ извѣстныхъ имѣніяхъ. При наличности совершенно вѣрныхъ свѣдѣній по многимъ изъ такихъ имѣній, мы встрѣтили однако въ свѣдѣніяхъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ «неточности и промахи», отъ которыхъ составитель надѣялся избавиться при помощи придуманнаго имъ какого то новаго способа собиранія свѣдѣній. Вотъ нѣсколько такихъ примѣровъ: Рѣдкодубы, проскур. у., находятся не въ 50, а въ 3—5 верстахъ отъ ст. ж. д. «Черный Островъ». Имѣніе Черный Островъ уже не при-

надлежитъ гр. Игнатьевой, а пріобрѣтено кн. Волконскимъ и г. Федоровымъ. Если же эта сдѣлка по продажѣ имѣнія можетъ быть окончательно не была еще юридически оформлена во время составленія книги (т. е. купчая крѣпость не была еще можетъ быть утверждена старшимъ нотаріусомъ), то слѣдовало по крайней мѣрѣ отмѣтить фактъ происходящаго перехода имѣнія къ другимъ лицамъ, такъ какъ для пользующихся справками изъ книги, надо полагать, гораздо важнѣе знать, кому имѣніе фактически принадлежитъ въ данный моментъ, чѣмъ кто былъ его прежнимъ владѣльцемъ. По имѣнію Галузинцы г-жи Кострубской указано, что оно въ арендѣ у г-жи Подгородецкой, которая и является «представительницей имѣнія» (терминъ употребляемый въ книгѣ на каждомъ шагу, но о значеніи котораго, за отсутствіемъ объясненій, можно только догадываться); между тѣмъ въ имѣніи этомъ живетъ сама владѣлица, которая и ведетъ въ немъ хозяйство за свой счетъ. О женишковецкомъ имѣніи Ѳ. И. Исаковой сказано, что представителемъ имѣнія является арендаторъ имѣнія, тогда какъ владѣлица обыкновенно сама живетъ въ имѣніи и, очевидно, можетъ быть лучшимъ «представителемъ» имѣнія, чѣмъ арендаторъ его. По имѣнію Литки г. Злунчилло не показано ни одной десятины сѣнокоса, тогда какъ тамъ довольно много болотныхъ сѣнокосовъ (повидимому показанныхъ въ книгѣ, какъ выгонъ—400 дес. и частію въ неудобной землѣ—200 д.). Для свѣдѣнія интересующихся данной книгой надлежитъ также отмѣтить, что Шарки г. Рудницкаго пріобрѣтены уже теперь г-жею фонъ-Кругъ, что можетъ быть и немогло еще быть извѣстно составителю во время изданія книги. Однако и по этому имѣнію допущена неточность: сказано, что оно въ арендѣ у сахарнаго завода, тогда какъ арендаторомъ его была (до продажи имѣнія ф. Кругъ) жена управляющаго имѣніемъ г-жа Трелевская. Въ Шелеховой слободѣ г-жи Исаковой $31^3/_4$ дес. показаны подъ выгономъ, тогда какъ въ дѣйствительности они представляютъ сѣнокосъ. Новоконстантиновское имѣніе въ 1585 дес., по свѣдѣніямъ книги, принадлежитъ крестьянскому банку, тогда какъ большая часть этихъ земель (кромѣ лѣсовъ) распродана уже крестьянамъ, а около 900 дес. куплено г. Петрусевичемъ, фактически вступившимъ уже во владѣніе имѣніемъ. Адресъ «представителя» Онитковецкаго имѣнія В. Л. Гудшонъ указанъ неточно: не с. Торковъ, а м. Тывровъ. По имѣнію Крутенькому кн. Абамелекъ сказано, что тамъ имѣется винокуренный заводъ; въ дѣйствительности—только зданіе завода, который не дѣй-

ствуетъ уже почти 10 лѣтъ, такъ что высохъ и прудъ бывшій около завода. А это, конечно, весьма значительно измѣняетъ дѣло и можетъ ввести справляющихся въ заблужденіе. По Конатковцамъ г. М. А. Клоръ не указано, что въ имѣніи имѣется пивоваренный заводъ (который показанъ въ имѣніи Е. О. Дембицкой тогоже имени), а управляющимъ и представителемъ имѣнія названъ г. Зиттъ, тогда какъ управляетъ имѣніемъ г. Гриневскій и сама владѣлица теперь живетъ обыкновенно въ имѣніи. За Д. Ѳ. Драгомирецкимъ при с. Перегонкѣ показано 203 дес. земли въ разныхъ угодьяхъ, тогда какъ теперь ему принадлежитъ тамъ гораздо менѣе и онъ, вопреки показанію книги, не живетъ въ имѣніи. Жванчикъ М. И. Хелминскаго не принадлежитъ уже послѣднему, а купленъ въ 1902 г. М. Е. Крупенскимъ. Такъ какъ всѣ эти факты имѣли уже мѣсто въ 1902 г., а книга издана въ 1903 г., то имѣется полное право отнести указанныя неточности къ недостаткамъ изданія и примѣненнаго къ его составленію новаго «способа собиранія свѣдѣній».

За всѣмъ тѣмъ изданіе это можетъ все-таки принести свою долю пользы для лицъ, нуждающихся въ подобныхъ справкахъ, которымъ (т. е. справкамъ, или справочному матеріалу) составитель книги придаетъ, какъ видно изъ предисловія къ ней, весьма важное значеніе, заявляя, что его книга «является *весьма полезнымъ* справочнымъ подспорьемъ не только для землевладѣльцевъ, арендаторовъ» и т. д. и т. д., «но и для многихъ, какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ, какъ напр., для волостныхъ правленій» и т. д. и т. д.—«и не менѣе полезной является она и для нотаріусовъ, присяжныхъ» и т. д. и т. д. Словомъ, по мнѣнію автора, изложенному въ заключеніи его предисловія,—заключеніи, имѣющемъ къ сожалѣнію, замѣтно рекламный характеръ, книга весьма полезна чуть ли не для всѣхъ на свѣтѣ профессій, должностей и учрежденій, которыми, конечно, и должна покупаться на расхватъ.

Пользоваться этой объемистой «книжкой» значительно облегчено приложеніемъ алфавитовъ населенныхъ мѣстъ и фамилій, въ ней помѣщенныхъ. Было бы желательно, въ интересахъ сокращенія объема книги, чтобы въ слѣдующемъ изданіи возможно большая часть справочныхъ свѣдѣній (напр., разстояніе отъ уѣзднаго города, число десятинъ земли по угодьямъ, нумера стана, мировыхъ, судебныхъ и урядническихъ участковъ) излагались не текстуально, а въ табличной формѣ.

Л. С. Л.

Чернятинское имѣніе въ литинскомъ у., подольской губ., М. М. Львовой *Десятилѣтній отчетъ по управленію имѣніемъ (1890—1900). Кіевъ, 1902.*

При неудовлетворительной постановкѣ оффиціальной и при отсутствіи земской статистики, описанія отдѣльныхъ имѣній являются наиболѣе цѣннымъ и почти единственнымъ источникомъ, изъ котораго можно почерпнуть свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ интенсивныхъ частновладѣльческихъ хозяйствахъ юго-западнаго края, какова ихъ техническая и экономическая организація. Къ 1890-мъ г.г. многія хозяйства юго-западнаго края, послѣ продолжительныхъ и неувѣренныхъ исканій и приспособленій, выработали прочную организацію, которая, покончивъ въ значительной степени съ пріемами хищническаго полеводства, поставила культуру свекловицы на раціональную основу. Накопленный хозяйствами опытъ нуждался въ систематической обработкѣ, и кіевское общество сельскаго хозяйства взяло на себя починъ въ этомъ дѣлѣ. Особая коммиссія общества выработала программу собиранія свѣдѣній о состояніи хозяйствъ и затѣмъ было предпринято описаніе нѣсколькихъ высокоинтенсивныхъ хозяйствъ кіевской и подольской губ. (смѣлянскаго, деребчинскаго, калиновскаго и др.). Правда, дѣятельность кіевскаго общества сельскаго хозяйства не развилась широко въ этомъ направленіи, но былъ данъ толчекъ дѣлу, даны образцы описанія имѣній. Во второй половинѣ 90-хъ г.г., по иниціативѣ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ края, было составлено еще нѣсколько подробныхъ описаній (имѣній г.г. Терещенко, гр. Бобринскаго, Балашева, гр. Потоцкаго), представляющихъ большой интересъ. Описанія, принадлежащія перу М. Е. Филиппченко (мошногородищенское имѣніе Балашова) и И. В. Левченко (шпиковское—Балашова и теплицко-ситковецкое—гр. Потоцкаго) даютъ особенно обильный матеріалъ для сужденія о строѣ хозяйствъ, очень слабо использованный пока въ работахъ общаго характера по сельско-хозяйственной экономіи.

Описаніе Чернятинскаго имѣнія, составленное г. Борисовымъ, отличается большою краткостью (всего 44 стр. текста) и въ этомъ отношеніи значительно уступаетъ предыдущимъ описаніямъ, заключающимъ сотни страницъ текста и обстоятельно изображающимъ различныя стороны жизни имѣній. Но и въ такомъ видѣ оно даетъ ясное представленіе о хозяйственномъ строѣ имѣнія, объ его эволюціи въ

90-хъ г.г., объ условiяхъ хозяйства въ центральной Подолiи. Приложенныя къ описанiю таблицы (VII) и дiаграммы (III) значительно дополняютъ текстъ и иллюстрируютъ его.

Нельзя не пожалѣть, что составитель описанiя не далъ болѣе подробной обрисовки условiй хозяйства въ отношенiи рабочихъ рукъ, равно не привелъ данныхъ относительно предшествующей исторiи имѣнiя, когда оно сдавалось въ аренду. По вопросу о такомъ интересномъ явленiи экономики юго-западнаго края, какъ капиталистическая аренда, въ существующихъ описанiяхъ имѣнiй имѣются скудныя данныя, а между тѣмъ желательно обнародованiе ихъ.

На основанiи данныхъ одного чернятинскаго имѣнiя нельзя строить какихъ-либо широкихъ выводовъ о частновладѣльческомъ хозяйствѣ юго-западнаго края, но эти данныя позволяютъ отмѣтить нѣкоторыя характерныя для многихъ хозяйствъ края черты. Съ начала 90-хъ г.г. въ Чернятинскомъ, какъ и во мног. другихъ имѣнiяхъ края, дѣлается попытка покончить съ хищнической и малодоходной системой хозяйства и перейти отъ сдачи имѣнiя въ аренду къ собственнному хозяйству. Въ Чернятинскомъ имѣнiи къ этому въ особенности побуждало то, что неблестящiя почвы имѣнiя сильно были истощены и засорены арендаторами (имѣнiе сдавалось въ аренду сахарнымъ заводамъ, пересдававшимъ его крупнымъ субъ-арендаторамъ) и требовались большiя затраты для возстановленiя доходности имѣнiя. Въ первые переходные годы не получалось значительныхъ выгодъ,—тѣмъ болѣе, что эти годы совпали съ годами недородовъ (1890 и 91 г.г.) и низкихъ цѣнъ на пшеницу (1894, 95, 96 г.г.). Во второе пятилѣтiе обнаружилась вся цѣлесообразность сдѣланныхъ затратъ и принятой системы хозяйства: доходность имѣнiя по полеводству поднялась съ 10 тыс. р. (среднее за первые пять лѣтъ) до 31 тыс. р. или съ 5 р. 50 коп. до 17 р. 37 коп. съ десятины. Такiе успѣхи связаны, впрочемъ, не только съ повышенiемъ урожаевъ, благодаря введенiю хозяйства, но и съ измѣненiемъ общихъ экономическихъ условiй въ краѣ въ пользу частновладѣльческаго хозяйства—повышенiемъ цѣнъ на хлѣба и свекловицу—при неизмѣнномъ уровнѣ заработной платы. Столь выгодная экономическая конъюнктура упрочила реорганизацiю частновладѣльческаго хозяйства въ краѣ и обезпечила въ массѣ случаевъ процвѣтанiе его. Въ послѣднiе годы сравнительно рѣдко слышны тѣ жалобы на гибель сельскаго хозяйства которыми въ 90 г.г. аграрiи наполняли прессу, съѣзды, засѣданiя сельскохозяйственныхъ обществъ:

сельское хозяйство юго-западнаго края испытываетъ пору подъема, чему доказательствомъ служитъ, какъ ростъ продажныхъ и арендныхъ цѣнъ на землю, такъ и ростъ интенсивности земледѣлія.

Я—чъ.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе номера журналовъ конца 1902 года и начала 1903 года: 1) Русскій Архивъ 1903 г. № 2; 2) Русская Старина 1903 г. № 2; 3) Историч. Вѣстн. 1903 г. № 2; 4) Всемірный Вѣстникъ 1903 г. № 1; 5) Вѣстникъ Европы 1903 г. № 2; 6) Міръ Божій 1903 г. № 2; 7) Русскій Вѣстникъ 1903 г. № 2; 8) Научное Обозрѣніе 1903 г. № 1; 9) Журн. Мин. Народн. Просв. 1903 г. № 1 и 2; 10) Кіевскія Универс. Извѣст. 1903 г. № 1; 11) Варшавск. Универс. Извѣст. 1902 г. № 8; 12) Ученыя Записки Казанск. Универс. 1902 г. № 12; 13) Труды Кіевск. Духовн. Акад. 1903 г. № 1; 14) Книжки Восхода 1903 г. № 1; 15) Земскій Сборн. Черниг. губ. 1903 г. № 1; 16) Этнографич. Обозрѣн. 1902 г. № 4.

Историческій Вѣстникъ, № 2.

Изъ записокъ графа А. X. Бенкендорфа (продолженіе). Здѣсь приведенъ разсказъ имп. Николая I-го о посѣщеніи имъ въ 1837 году Кіева, при чемъ дается отзывъ Императора объ университетѣ и студентахъ: «Университетъ развивается: число студентовъ выростаетъ, и русскій языкъ идетъ успѣшно: но случаются еще глупыя польскія выходки. У нѣсколькихъ студентовъ нашли пасквильные стишонки, и хотя этому ребячеству не придали очень справедливо бóльшей важности, чѣмъ оно заслуживало, однако, надо держать ухо востро. Попечитель (фонъ-Брадке) хорошій человѣкъ, но не довольно энергическій; я приказалъ написать Уварову (министру народн. просв.), чтобы онъ пріѣхалъ сюда лично на все взглянуть и дать всему должное направленіе. Впрочемъ, у студентовъ порядочный видъ; они смотрѣли на меня съ удовольствіемъ, и многіе изъ нихъ русѣютъ, что не слишкомъ нравится нѣкоторымъ изъ родителей» (стр. 454).

Вѣстникъ Европы, 1903 г. № 2.

А. Романовичъ-Славатинскій. Моя жизнь и академическая дѣятельность (продолженіе: гл. 4 и 5-ая; стр. 606—650). Въ этихъ главахъ разсказывается о поступленіи въ Кіевскій университетъ въ 1850 г. и дается самая краткая характеристика многихъ профессоровъ того времени и ихъ чтенія лекцій. Характеризуются также, но очень блѣдно, и студенческія партіи—польская и русская; больше мѣста удѣлено освѣщенію жизни студентовъ въ зависимости отъ формальныхъ порядковъ, царившихъ въ то время, а также разсказамъ о студенческомъ разгулѣ. Вообще вся четвертая глава—студенческій періодъ до самого окончанія университета—даетъ мало интереснаго. По окончаніи университета—жизнь въ качествѣ домашняго учителя у гр. Комаровскаго въ Сѣкиренцахъ (полтав. губ.); здѣсь кратко характеризуется сѣкиренское общество, состоявшее изъ окрестныхъ полтавскихъ дворянъ: Галаганъ, Марковичъ, Тарновскій; тутъ-же находимъ интересную страничку—описаніе малороссійскаго праздника, устроеннаго Г. П. Галаганомъ въ его лохвицкомъ имѣніи Лебединцахъ, гдѣ находится и извѣстный «Лебединскій будынокъ».

Міръ Божій, № 2.

Н. Рожковъ. Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія (стр. 65—79). Здѣсь помѣщено только начало этой работы. Во введеніи устанавливаются основные принципы, во имя которыхъ авторъ будетъ слѣдовать опредѣленному методу при разсмотрѣніи фактовъ жизни въ исторіи Россіи, и указывается раздѣленіе русской исторіи на пять періодовъ: 1) кіевскій—до конца 12-го вѣка; 2) удѣльный—съ 13-го до половины 16-го вѣка; 3) московскій—съ половины 16-го до конца 17-го вѣка; 4) новый, крѣпостной періодъ, охватывающій 18-е столѣтіе и первую половину 19-го; 5) новый, пореформенный, начинающійся второю половиной 19-го вѣка и продолжающійся до сихъ поръ. Послѣ этого введенія, напечатана только первая глава перваго періода; здѣсь разсматриваются: природа и населеніе восточно-европейской равнины въ 6—12 вѣкахъ.

М. Славинскій. Малорусскій университетъ во Львовѣ (отд. 2-й, стр. 69—78). Указавъ вначалѣ на своеобразный характеръ въ жизни Австріи, при ея разноплеменномъ составѣ, и въ частности охарактеризовавъ жизнь въ Галичинѣ, авторъ останавливается затѣмъ кратко

на исторіи національнаго возрожденія въ восточной Галичинѣ и перечисляетъ тѣ культурныя пріобрѣтенія, которыя достигнуты галичанами въ настоящее время, при чемъ конечнымъ результатомъ этихъ стремленій долженъ явиться спеціально малорусскій университетъ.

Журналъ Минист Нар. Просв., 1903, № 1 и 2.

А. Я. Ефименко. Литовско-русскіе данники и ихъ дани (№ 1, стр. 109—120).

Изслѣдованіе касается данниковъ Поднѣпровскихъ волостей. Полѣсья и Кіевщины. Выясняется значеніе дворища—основной хозяйственной и юридической единицы на родовомъ началѣ; трактуется о порядкѣ взиманія дани, о дани медовой и грошевой, о повинностяхъ, о судебныхъ пошлинахъ.—Литовская Русь явилась прямой наслѣдницей Кіевской Руси. Литовско-русскіе данники и ихъ дани—пережитокъ предыдущей эпохи.

А. Л. «Двѣнадцатый археологическій съѣздъ въ Харьковѣ» (№ 1, стр. 1—26).

Въ этомъ прекрасномъ очеркѣ данъ перечень „Трудовъ" Харьковскаго предварительнаго комитета по устройству съѣзда,—описаніе выставки съѣзда и резюме докладовъ по всѣмъ секціямъ съѣзда. Особенно интересны доклады 2-й секціи—древностей историко-географическихъ и этнографическихъ. Харьковскій районъ оказался оч. богатымъ археологическими памятниками; наибольше труда по изслѣдованію ихъ приложили мѣстные ученые.

Характерно, что 2-я секція—славянскихъ древностей—оказалась наименѣе организованной, наиболѣе неудачной. «Не виной ли этого извѣстныя пререканія о языкахъ на XI археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ?»—спрашиваетъ А. Л.

Въ отдѣлѣ «критика и библіографія» помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся нашего юга: 1) *М. Любавскаго*—статья «Новые труды по исторіи литовско-русскаго сейма», (не окончена) въ которой говорится о книгахъ *М. В. Довнаръ-Запольскаго* «Спорные вопросы по исторіи литовско-русскаго сейма» и *Н. А Максимейко*, «Сеймы литовско-русскаго государства до Люблинской уніи 1569 г.», (№ 2, стр. 379—393); 2) *И. А.*—рецензія о книгѣ *А. Грановскаго* «Полтавская епархія въ ея прошломъ и настоящемъ» (№ 2, стр. 393—397).

Труды Кіевской духовной академіи, 1903 г. кн. І.

Н. И. Петровъ. «Тридцатилѣтіе Церковно-историч. и Археологич. Общества при К. Д. Ак.» (стр. 134—152). Здѣсь данъ историческій очеркъ Общества, развитія и расширенія его научной дѣятельности.

Ѳ. Т. «Страничка изъ тридцатилѣтней исторіи Церк.-Истор. и Археол. Общества». (стр. 152—159).

Она посвящена Макарію (Булгакову), Митрополиту Московскому, поощрителю Общества, оказавшему цѣнныя услуги ему въ 1874 г.

«Отчетъ о состояніи Кіевск. Дух. Акад. за 190$^1/_2$ уч. годъ». (стр. 84—134).

Особенно интересенъ перечень учено-литературныхъ трудовъ гг. профессоровъ и студентовъ изъ исторіи юго-западной церкви и церковной письменности.

Земскій Сборникъ Черниговъ. губ., № 1.

Въ *приложеніяхъ* продолжается печатаніемъ «Генеральное слѣдствіе о мѣстностяхъ Черниговскаго полка, 1729—30 гг.» подъ редакціей Н. П. *Василенка* (стр. 257—288). Здѣсь-же, *въ приложеніяхъ* помѣщены «Программы для собиранія свѣдѣній археологическихъ, историческихъ и этнографическихъ по Черниговской губ. (стр. 1—30).

Этнографическое Обозрѣніе 1902 г. № 4.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» помѣщены отзывы о слѣдующихъ книгахъ: 1) *Володимиръ Гнатюкъ Галицко-руськи народни легенды.* Т. І. Львивъ 1902—статья *Вл. Б.* (стр. 125—126): 2) *Косичъ М. Н. Литвины—бѣлоруссы черниг. губ., ихъ бытъ и пѣсни.* Спб. 1902.—статья *Вл. Б.* (стр. 127).

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Украинскія періодическія изданія въ Австріи. Согласно послѣднимъ извѣстіямъ почтовыхъ бюро въ Австро-Венгріи—всѣхъ газетъ получается: 4788 нѣмецкихъ, 913 чешскихъ, 578 французскихъ, 469 англійскихъ, 330 итальянскихъ, 304 польскихъ 160 русскихъ, 58 словин-

скихъ, 53 хорватскихъ и *43 украинскихъ*. Число это, сравнительно съ другими цифрами, довольно бѣдное, съ началомъ текущаго года увеличилось еще четырмя новыми изданіями. Еще въ концѣ минувшаго года начала выходить въ Коломыѣ «Зоря», дешевая и содержательная газетка, выходящая разъ въ мѣсяцъ и стоимостью въ 1 корону (40 к.). Изданіе это удобно прежде всего въ томъ отношеніи, что каждый номеръ составляетъ самостоятельное цѣлое и съ теченіемъ времени не теряетъ цѣнности.

Кромѣ того, тамъ же въ Коломыѣ съ новаго года появились еще двѣ народныхъ газеты. Первая—„Хлопска Правда" д-ра Трильовскаго, выходящая вмѣсто прекратившаго свое существованіе „Громадського Голосу". Выходитъ два раза въ мѣсяцъ и стоитъ 4 короны. Вторая—„Поступ", издаваемая др. Лесемъ Кульчыцькимъ. Газета выходитъ еженедѣльно по пятницамъ и стоитъ въ годъ 4 короны. Первое число составлено очень интересно, и редакція извѣщаетъ, что къ сотрудничеству приглашены наиболѣе выдающіеся украинскіе публицисты, какъ напр. др. Іван Франко.

Въ Черновцахъ поялись два народныхъ изданія: „Наука і Розвага" народная библіотека, издаваемая украинской молодежью, подъ редакціей Льва Когута. Вышелъ уже первый выпускъ—разсказъ: „Чи є тепер панщина"? „Наука і Розвага" будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ и стоитъ всего 2 короны.

Второе изданіе—еженедѣльная газета „Приятель". Въ предисловіи говорится, что „Приятель" намѣренъ попробовать быть независимымъ отъ всякихъ партій, „бо у нас (въ Австро-Венгріи) непотрібно розділюють нарід у ворожі собі табори". Въ первомъ номерѣ помѣщенъ портретъ М. Горькаго и его новелла „Перед богинею житя". Цѣна въ годъ—6 корон.

Если къ этому добавить еще „Свободу", „Волю" и „Гайдамаки", выходящія во Львовѣ, и „Руску Раду"—въ Черновцахъ, то вотъ весь выборъ періодическихъ изданій для народа.

Во Львовѣ, по сообщеніямъ галиційскихъ газетъ, возникаетъ новое общество украинскихъ журналистовъ.

Въ № 3 (12) и 4 (№ 1 тек. года) журнала „Slovanský Přehled помѣщены: статьи—„Баптисты и Малеванцы въ кіевской губерніи"

(стр. 122—126, 173—177), извлеченія изъ статьи В. Ясевичъ-Бородаевской, напечатанной въ мин. году въ журналѣ „Живая Старина", В. Гнатюка—„Русская цензура и украинскій языкъ" (стр. 128—132, 180—183); проф. Нидерле „Сколько было Славянъ въ концѣ 1900 г." (стр. 153—163), гдѣ число украинскаго населенія во всемъ мірѣ показано 31—32 милліона; Ружены Ясенской—„Изъ малорусской поэзіи. Іванъ Франко" (съ портретомъ),—переводъ 4 стихотвореній изъ „Зівялого листя".

Въ отдѣлѣ хроники (Rozhledy o zprawy) помимо важнѣйшихъ явленій общественной жизни въ Украинѣ, отмѣчены: партійныя отношенія среди русиновъ (стр. 142), назначеніе новаго буковинскаго митрополита, некрологъ Т. Рыльскаго (стр. 142—143), польская колонизація въ восточной Галиціи (стр. 197), къ біографіи Григорія Купчанка (ibid), число русиновъ на Буковинѣ (стр. 198).

Въ отдѣлѣ библіографіи отмѣчены книги „Володимер Шухевич. Гуцульщина. Третя часть. Львів, 1902, і тоже на польскомъ языкѣ, т. I". (Стр. 149),—галицкія изданія радикальной партіи (стр. 151).

Въ польской газетѣ „Ogniwo" (№ 9) помѣщена небольшая статья о *Ѳ. Р. Рыльскомъ.* Авторъ болѣе всего говоритъ о его научныхъ трудахъ и о своемъ личномъ знакомствѣ съ нимъ. Кончается статья указаніемъ на то, что Рыльскій еще въ 1861 г. писалъ о своемъ основномъ принципѣ жизни такъ: „я убѣдился въ необходимости быть солидарнымъ съ мѣстнымъ населеніемъ, признавая его нужды моими собственными; люди нашего направленія хотятъ работать на пользу общую, безъ различія національностей, общественныхъ и матеріальныхъ положеній, добиваясь только спокойствія, братской любви и счастья для всѣхъ". И эти слова юношеской присяги—говоритъ авторъ—Рыльскій оправдалъ всей своей жизнью. Не любила его наша шляхта за то, что онъ жилъ просто, сторонился отъ праздной жизни и пышныхъ собраній,—но за то онъ снискалъ уваженіе и любовь простого народа. Заключительныя слова статьи слѣдующія: „имя его будетъ записано золотыми буквами на страницахъ исторіи культурно-этическаго развитія Украины".

Въ № 2 журнала „Aus fremden Zungen" помѣщенъ хвалебный отзывъ Н. Зегеля объ украинскихъ новеллахъ Ольги Кобылянской;

Olga Kobylanska: Kleinrussische Novellen. Eingeleitet durch einen Essay: „Ein Jahrhundert kleinrussischer Literatur“ von Heorg Adam“.

Предполагается изданіе украинскаго сборника подъ заглавіемъ «Нова Рада». Издатели его просятъ украинскихъ писателей и всѣхъ лицъ, сочувствующихъ духовному развитію Украины, принять участіе въ осуществленіи задуманнаго намѣренія и присылать всякаго рода беллетристическія произведенія и стихотворенія на украинскомъ языкѣ, а также научныя, критическія статьи и рецензіи, касающіяся Украины,—по слѣдующимъ адресамъ: Старицкіе Мих. Петр. и Людмил. Михайловна (Маріинско-Благовѣщенская, 93, Кіевъ), Ольга Петровна Косачъ (Маріинско-Благовѣщенская, 97, Кіевъ); Иванъ Матв. Стешенко (Жилянская 64, Кіевъ).

Отклоненное ходатайство. Читателямъ нашего журнала извѣстно, что украинскими писателями-популяризаторами Е. Чикаленкомъ и М. Левицкимъ было возбуждено передъ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати ходатайство о разрѣшеніи издавать въ Кіевѣ еженедѣльный популярный журналъ на украинскомъ языкѣ—„Селянинъ“ съ ежемѣсячными беллетристическими приложеніями. (Смотр. II кн. „Кіевск. Стар.“. Предполагаемое украинское изданіе, стр. 84). На дняхъ получено извѣщеніе, что Главнымъ управл. по дѣламъ печати ходатайстко гг. Чикаленка и М. Левицкаго признано неподлежащимъ удовлетворенію.

Появилось въ продажѣ новое изданіе общества изслѣдователей Волыни, а именно: собранныя извѣстной украинской писательницой г. Ларисой Косачъ „Дѣтскія игры, пѣсни и сказки ковельскаго, луцкаго и новоградволынскаго уѣздовъ волынской губерніи“. Трудъ г-жи Косачъ изданъ на двухъ языкахъ, русскомъ и украинскомъ. Музыка записана г. К. Квиткой. Для лицъ, интересующихся отечественной этнографіей, послѣднее изданіе общества излѣдователей Волыни представляетъ, несомнѣнно, глубокій интересъ.

Вдова П. А. Кулиша обратилась къ И. М. Каманину съ предложеніемъ принять на себя изданіе полнаго собранія сочиненій ея покойнаго мужа на ея средства, а также написать обстоятельную и возможно полную біографію покойнаго писателя. Предложеніе это И. М. Каманинъ принялъ. Къ изданію будутъ приложены портреты П. А. Кулиша и автографы. Печатаніе потребуетъ около двухъ лѣтъ.

Императорское географическое общество присудило малую серебряную медаль В. Н. Останченку за присланный имъ сборникъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, записанныхъ въ люблинской и сѣдлецкой губерніяхъ.

Въ библіографическомъ листкѣ 32 № «Волыни» находимъ извѣстіе о вновь вышедшей книгѣ: Яроцкій Я. В. Изъ прошлаго Волыни. Выпускъ II. Житомиръ, 1903 г.

Трудъ г. Яроцкаго заключаетъ въ себѣ два очерка. Одинъ подъ заглавіемъ «Къ топографіи гор. Овруча въ эпоху до второй половины XVI вѣка», а другой, подъ заглавіемъ «Изъ области случайныхъ археологическихъ находокъ».

Въ № 2057 «Южнаго Обозрѣнія» помѣщена библіографическая замѣтка Л. П. С. о «Литературномъ Збирныкѣ, на спомынъ Ол. Конисскаго». Г-нъ С. называетъ «Збирныкъ» замѣчательнымъ литературнымъ явленіемъ, указываетъ лучшія произведенія, вошедшія въ него, упоминаетъ о заслугахъ самого А. Конисскаго.

Украинскій драматическій писатель И. Тобилевичъ (Карпенко-Карый) ожидаетъ въ непродолжительномъ времени разрѣшенія театральной цензуры для постановки его новой исторической пьесы «Гандзя». Если пьеса будетъ разрѣшена, то въ первый разъ пойдетъ въ Русскомъ театрѣ въ г. Одессѣ.

Въ № 1404 «Юга» находимъ переводъ г-на A. Z. съ малорусскаго разсказа Павла Смутка «Марійка»—перепечатку изъ «Русскихъ Вѣ-

домостей» № 22. Оригиналъ разсказа напечатанъ въ «Литературнимъ Збирныку», посвященномъ памяти А. Конисскаго. Кіевъ, 1903 г.

«Вѣстникъ Юга» (№ 333), «Югъ», (№ 1402) и „Полтавскій Вѣстникъ" (№ 55), помѣстили довольно обстоятельное сообщеніе о ходатайствѣ г. Чикаленка—разрѣшить изданіе газеты «Селянынъ»; констатировали назрѣвшую потребность въ періодической прессѣ на украинскомъ языкѣ, ссылаясь на прежнія ходатайства и на компетентный голосъ цѣлаго ряда Комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.

Въ № 1400 «Юга» въ замѣткѣ «Симпатичная задача» перепечатано письмо Н. Ф. Чернявскаго—о предполагаемомъ сборникѣ произведеній начинающихъ писателей (см. Кіевск. Старина, № кн. I) и подчеркнута необходимость періодическаго литературнаго органа на Украинскомъ языкѣ. Такого же содержанія замѣтка „Симпатичное предпріятіе» помѣщено въ № 326 «Вѣстника Юга».

Въ № 2051 «Южнаго Обозрѣнія» и № 19 «Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостей» напечатано объявленіе гг. Карпенко-Караго, Саксаганскаго и Садовскаго—о преміи за новыя украинскія пьесы.

Въ № 333 „Вѣстника Юга" находимъ глубокопрочувствованный некрологъ—„На свѣжую могилу" (Памяти П. А. Грабовскаго).

Въ 19 № „С.-Петербургскихъ вѣдомостей"—А. А. на основаніи сообщенія К. Оберучева „Къ біографіи Н. А. Некрасова", помѣщеннаго въ 1-й кн. „Кіевской Старины", приходитъ въ своей замѣткѣ „Мать Н. А. Некрасова" къ такому выводу: „Мать поэта называлась Еленой Андреевной, по отцу Закревской, и не была дочерью польскаго магната, а православной. Изъ имѣющихся данныхъ о землевладѣніи въ подольской губерніи видимъ, что фамилія Закревскихъ встрѣ-

чается здѣсь еще съ XVI в. Очевидно, это была одна изъ старинныхъ малорусскихъ фамилій, сохранившая въ неприкосновенности свою религію и національность".

Въ 20 № той же газеты М. Филипповъ въ возраженіи „Кто была мать Н. А. Некрасова"? утверждаетъ „возможность принятія невѣстою (матерью Некрасова) православія непосредственно передъ совершеніемъ брака... Для католички принять православіе вовсе не такъ сложно, какъ для еврейки". Помимо православныхъ Закревскихъ, могли существовать и католики. Два изъ нихъ иначе назывались Закржевскими, „что какъ разъ и доказываетъ, по крайней мѣрѣ, временное ополяченіе". Сильнѣйшимъ доводомъ въ пользу польскаго происхожденія матери Некрасова М. Филипповъ считаетъ „автобіографическія показанія самого поэта въ поэмѣ мать. „Останься такъ—отступницею края и москаля презрѣнною рабой"!—пишетъ по словамъ поэмы, бабка поэта его матери. Этого не могла написать малороссіянка. „Несчастна ты, о родина! Я знаю: весь край въ крови, весь заревомъ объятъ".—Эти стихи поэмы „опять указываютъ на Польшу". Выводъ М. Филиппова: „По всей вѣроятности, мать Некрасова была полька, дочь богатаго посессіонера (но не магната въ настоящемъ смыслѣ этого слова), Андрея Закревскаго, имѣвшаго помѣстье въ подольской губерніи.

Чтобы усомниться въ фактахъ, приведенныхъ самимъ поэтомъ, чтобы усмотрѣть въ нихъ лишь плодъ поэтическаго творчества, требуются болѣе вѣскіе доводы", чѣмъ приведенные въ статьѣ Оберучева,—такъ заканчиваетъ статью авторъ.

Въ 52 № (1902 г.) „Новаго дѣла" помѣщено описаніе Святокъ на Украйнѣ. Украинцы, оторванные отъ родины, не утрачиваютъ особенностей своего характера и быта. Воспоминанія о славномъ историческомъ прошломъ вдохновляютъ и утѣшаютъ ихъ. Вотъ главныя мысли статьи.

Въ № 110 „Живописной Россіи" начата печатаніемъ статья проф. А. Краснова „Современныя хаты крестьянъ харьковской губерніи"; въ текстѣ ея—много фотографическихъ снимковъ хатъ.

Въ № 6 Хуторянина напечатаны „Путевыя впечатлѣнія“—Л-та характеристика малорусскаго и великорусскаго селъ константиноградскаго уѣзда полтавской губ.

Профессоръ Львовскаго Университета М. Грушевскій перевелъ на украинскій языкъ „Иродіаду“ Флобера.

„Справочная книга для коллекціонеровъ памятниковъ старины въ Россіи (преимущественно монетъ)“ Н. Бѣлозерскаго. С.-Петербургъ, 1903 г.

Настоящее изданіе, какъ говоритъ авторъ въ предисловіи, представляетъ первый опытъ справочной книги, заключающей адреса коллекціонеровъ не только монетъ, но и всякихъ памятниковъ старины, а также адреса торгующихъ ими. Адреса расположены въ извѣстномъ порядкѣ, по отдѣламъ. При этомъ указана спеціальность каждаго коллекціонера и приведены необходимыя свѣдѣнія, касающіяся торговцевъ, что значительно облегчитъ для тѣхъ и другихъ процессъ собиранія памятниковъ. („Югъ“ № 1412).

Въ „Кіевскихъ Епарх. Вѣдом.“ (№ 4) напечатана библіографич. замѣтка о книгѣ *Ор. Левицкаго* „Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.“. Кіевъ, 1902 г.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Акты, издаваемые Виленскою Комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. 29-й. Акты о евреяхъ. Вильна 1902 г. in 4/°, стр. I—L.+1—539. Ц. 2 р. 50 к.

Бантышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи отъ водворенія славянъ въ сей странѣ до уничтоженія Гетманства—въ 3-хъ частяхъ. Изданіе 4-е. Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1903 г. ц. 2 р. 50 к.

Н. Бѣлозерскій. «Справочная книга для коллекціонеровъ памятниковъ старины въ Россіи (преимущественно монетъ)». С.-Петербургъ, 1903 г.

Гребенка Е. П. Полное собраніе сочиненій—въ 2-хъ томахъ, съ портретомъ автора томъ I-й. Издан. Ф. А. Іогансона Кіевъ, 1903 г., цѣна по подпискѣ—2 рубля.

Имшенецькый В. Про пошести або лыхи хворобы. Выд. 2-е С.-Петербургъ.

Кишакевичъ Й. Катерина. Хоры мишани, мужски и соля въ супроводи фортопяна по 2 кор. Львивъ.

Кишакевичъ Й. Писни пидчасъ службы Божои. Ц. 1 кор. (на 3 голосы) Львивъ.

Кубанскій сборникъ т. IX—изданіе Кубанскаго областного статистическаго комитета. Екатеринодаръ, 1903 г. цѣна 2 рубл.

Левицкій О. И. Объ актовыхъ книгахъ, относящихся къ исторіи Югозападнаго края и Малороссіи. Москва, 1902 г., in 4°, стр. 30, ц. 50 к.

Друга збирка писень зъ Подолля. Зибравъ и для хору уложывъ *М. Д. Леонтовычъ.* Посьвята—Миколі Виталіевичу Лысенкови. Кыивъ, 1903 г. ц. 25 к.

Лепкий Богдан. Осінь. Коломия, 1902 р.

Осадчій Т. На службѣ Обществу. Повѣсть (1882—1829 гг.). 2-е переработанное изданіе «Силы деревни», дополненное 3-ею частью. Москва 1902 г. ц. 75 к.

Правнича Бібліотека, II-й випуск. «Про Австрійське право облігацийне». Накладом Наукового Товариства імени Шевченка. Львів. 1903.

Систематическій сводъ постановленій Полтавскаго уѣзднаго земства за время съ 1865—1901 г.г. въ двухъ томахъ, съ прибавленіемъ алфавитнаго указателя въ особомъ выпускѣ.

Хлопска політика під редакц. Будзиновського, II-й том. Зміст. 1) Мілітаризм, 2) Державні будови водні і дороги в східній і західній Галичині, 3) Галицька нужда, 4) Наші права, 5) Війско.—Львів, 1903 р.

Чикаленко Е. Х. Розмова про сельске хозяйство. Кн. 5. Садъ Изданіе «Благотворительн. Общества общедоступн. и полезныхъ книгъ» С.-Петербургъ, 1903 ц. 10 к.

Чикаленко Е. Розмова про сельске хозяйство. кн. II—Худоба. Выданне 2-е. (С.-Петербургъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ковъ у Кавказскихъ народовъ»; проф. *М. А. Рейснеръ:* «Языческій Римъ и христіанская совѣсть», «Католичество и религіозная нетерпимость въ средніе вѣка»; проф. *А. С. Трачевскій:* «Наполеонъ I»— истор.-біогр. оч., «Міръ Ислама», «Французскіе интенданты»; проф. *Н. П. Лихачевъ:* «Антоній Поссевинъ и Истома Шевригинъ»; проф. *Н. М. Коркуновъ:* «Четыре проекта преобразованія Сената»; проф. *С. Ѳ. Платоновъ:* «О титулѣ «думный дьякъ»; проф. *Г. А. Комаровскій:* «Англія и Трансвааль»; проф. *П. И. Ковалевскій:* «Христина, королева Шведская»—ист.-психолог. оч.; проф. *Э. Марксъ:* «Королева Елисавета Англійская и ея время»; проф. *И. Н. Ждановъ:* «Пушкинъ о Петрѣ Великомъ»; *В. М. Грибовскій:* «Алмазъ изъ рода Гиреевъ»—романъ, «Процессъ братьевъ Пушкиныхъ», «Деревенскій Грозный старыхъ временъ»; проф. *Ѳ. О. Зелинскій:* «Первое свѣтопреставленіе»; *Д. Л. Мордовцевъ:* «За всемірное владычество»—ист. ром.; *В. Я. Свѣтловъ:* «Даръ слезъ»—ром., «Венецейская лагуна», ром.; *Д. Ѳ. Кобеко:* «Директоръ Царскосельскаго лицея Е. А. Энгельгардтъ и его питомцы»; *Н. К. Шильдеръ:* «Къ исторіи Шкловской командировки Г. Р. Державина въ 1799 г.»; *Э. Вестермаркъ:* «Матріархатъ»; *Л. Е. Оболенскій:* «Механизмъ идеала въ исторіи»; *А. А. Хахановъ* «Прошлое Грузіи»; *П. О. Пирлингъ:* «Сорбонна и Россія»; *Батуринскій:* «Герценъ и Тургеневъ» (переписка Г. съ Т.); *В. С. Соловьевъ:* «Воскресное письмо»; *Іосибуми Куроно:* «Принцъ Ммая-до»—оч. изъ ист. Японіи; *К. Каутскій:* «Очерки по исторіи культуры», «Парламентаризмъ и партіи въ Англіи», «Общественныя отношенія во Франціи въ концѣ прошлаго вѣка»; *І. І. Ясинскій:* «Очерки захолустной жизни»; *В. Смоленскій:* «Исторія польскаго народа»—и мн. др. Редакція главнымъ образомъ обращаетъ вниманіе на интересъ содержанія и художественность воспроизведенія беллетристическихъ, историческихъ и научныхъ статей, помѣщаемыхъ въ журналѣ. Обѣщали свое участіе многіе выдающіеся писатели, ученые и другіе художественные и общественные дѣятели. Въ портфелѣ Редакціи имѣется нѣсколько интересныхъ произведеній, съ которыми она предполагаетъ ознакомить своихъ подписчиковъ, между ними рядъ статей: *К. И. Арабажина,* кн. *В. В. Барятинскаго, Батуринскаго, А. М. Бобрищева-Пушкина, Б. П. Бурдесъ, Н. А. Гастфрейндъ, С. Ѳ. Годлевскаго, Е. В. Давыдова. И. И. Забрежнева, И. М. Иванова,* проф. *Максима Ковалевскаго,* проф. *П. И. Ковалевскаго, Е. Н. Лебедевой, В. Н. Никитина, Н. К. Никифорова,* проф. *В. П. Перетца, Н. А. Попова, І. В. Радзивилловича,* проф. *М. А. Рейснера, Н. Ѳальева, Н. Б. Хвостова, Вс. Чешихина* и мн. др. Затѣмъ будетъ данъ рядъ художественныхъ переводовъ съ иностранныхъ языковъ подъ ред. *А. М.*

Бобрищева-Пушкина. Редакція будетъ слѣдить за ходомъ литературы и науки всего міра и по мѣрѣ появленія выдающихся трудовъ въ этой области будетъ знакомить съ ними своихъ читателей. Подписчики получатъ въ теченіе года двѣнадцать книжекъ (около 300 стр. въ каждой) съ иллюстраціями; при каждой книжкѣ будетъ дано не менѣе двухъ приложеній съ особой послѣдовательной нумераціей страницъ. Никакихъ особыхъ премій не будетъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ **6** руб., на полгода **3** руб., за границу на годъ **9** руб.

Допускается разсрочка по 50 коп. въ мѣсяцъ. Для ознакомленія съ журналомъ высылается книжка за 50 к. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція и Контора: С.-ПБ., Дмитровскій пер., 15.

Редакторъ-Издатель **С. Сухонинъ.**

3—3

SLOVANSKY PREHLED

(Славянское Обозрѣніе),

ежемѣсячный всеславянскій журналъ

въ V-омъ году изданія.

будетъ издаваться по прежней программѣ. Журналъ выходитъ книжками въ 3 и больше листовъ, въ первую пятницу каждаго мѣсяца (исключая августъ и сентябрь), заключая въ себѣ статьи и корреспонденціи, касающіяся культурной жизни всѣхъ славянскихъ народовъ; сверхъ того будутъ печататься переводы стихотвореній славянскихъ поэтовъ на чешскомъ языкѣ, библіографическія извѣстія изъ всѣхъ славянскихъ литературъ, свѣдѣнія объ славянскомъ искусствѣ и пр.

Подписная цѣна для Россіи 4 руб. въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Подписка принимается въ конторѣ журнала „Slowanský Přehled" въ Прагѣ Чешской (адресъ: Nakladatelstvi *F. Šimáček,* Praha Jerusalemská ul. 11).

Издатель *Ф. Шимачекъ.* Редакторъ *А. Черны.*

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 80-го:

январь, февраль, мартъ, 1903 г.

Книга первая—январь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга вторая—февраль.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга третья—мартъ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

АПРѢЛЬ

1903 г.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 12 марта 1903 года.

Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія [1].

Экономическія отношенія.

Въ 1888—89 г.г. я помѣщалъ въ «Кіевской Старинѣ» мои письма объ украинскомъ народномъ міровоззрѣніи. Я говорилъ о религіозномъ міровоззрѣніи и о семейныхъ отношеніяхъ. Теперь я хочу поговорить о народномъ взглядѣ на правовыя нормы экономической жизни. Такъ какъ мои письма печатались довольно давно, то мнѣ приходится здѣсь повторить, что я далекъ отъ притязанія на исчерпывающее освѣщеніе предмета. Это не болѣе, какъ попутныя наблюденія человѣка, поставленнаго условіями личной жизни въ довольно близкое соприкосновеніе съ сельскимъ людомъ. Къ тому же и районъ наблюденій довольно ограниченъ: въ молодости я жилъ въ кіевскомъ уѣздѣ, потомъ поселился въ сквирскомъ (кіевской губ.) и дѣлалъ иногда болѣе или менѣе от-

[1]) Настоящая статья, служащая продолженіемъ печатавшихся въ «Кіев. Старинѣ» (1888 г. № 11; 1889 г. № 9—11) очерковъ подъ тѣмъ-же заглавіемъ, найдена была между бумагами Ѳ. Р. Рыльскаго послѣ его смерти. Нашъ дорогой сотрудникъ готовилъ эту часть статьи тоже для нашего журнала, но продолжительная болѣзнь не позволила ему окончательно обработать ее до конца, такъ что только начало статьи помѣщается теперь въ окончательной отдѣлкѣ, а остальная часть, тоже почти совсѣмъ выправленная, печатается по черновымъ листамъ. *Ред.*

даленныя экскурсіи по Украинѣ. Этимъ матеріаломъ личныхъ наблюденій я и хочу главнымъ образомъ воспользоваться въ настоящемъ письмѣ.

Около тридцати лѣтъ тому назадъ ко мнѣ обращался за разными совѣтами одинъ зажиточный крестьянинъ сквирскаго у., имѣвшій въ виду купить у сосѣдняго помѣщика около 30 десятинъ земли. Онъ ее и купилъ, но во время разныхъ совѣщаній о цѣнѣ, условіяхъ продажи и т. п. онъ мнѣ сказалъ, что, можетъ быть, стремясь къ покупкѣ даннаго куска земли, онъ поступаетъ неблагоразумно, такъ какъ говорятъ, что всѣ земли будутъ надѣлять на души и что въ такомъ случаѣ данная покупка будетъ для него безполезною (ему придется получить и такъ достаточное количество земли). Этотъ крестьянинъ принадлежалъ къ числу зажиточныхъ, что видно уже и изъ размѣровъ покупаемаго (безъ содѣйствія какого-нибудь кредитнаго учрежденія) участка. Въ виду этого его взглядъ на данный вопросъ былъ результатомъ спокойнаго размышленія, выросшаго на общемъ фонѣ крестьянскаго міровоззрѣнія, а не продуктомъ страстной мечтательности. «Тымъ часомъ докы що буде, треба купыть».

Глухіе, неопредѣленные толки о вѣроятныхъ болѣе или менѣе радикальныхъ аграрныхъ преобразованіяхъ, зарождаются, какъ извѣстно, отъ времени до времени среди селянъ той или иной мѣстности. Вѣсти о подобныхъ толкахъ вызываютъ часто преувеличенную тревогу и служатъ матеріаломъ для обличенія крестьянъ въ грубой жадности, невѣжествѣ и т. п., и благо еще, если этимъ только и ограничивается обличительное направленіе. Необходимо, однако, констатировать, что бо́льшее оживленіе подобныхъ толковъ въ извѣстные моменты не вызываетъ обыкновенно насильственныхъ дѣйствій со стороны крестьянъ. Причину этого я постараюсь объяснить дальше, теперь же хочу указать на одно явленіе, довольно часто повторяющееся и находящееся въ связи съ даннымъ общимъ направленіемъ народной мысли.

Когда случается, что какой-нибудь болѣе значительный участокъ земли или все помѣщичье имѣніе продается, и имѣніе это

покупаетъ другой помѣщикъ или вообще чужой человѣкъ, то крестьяне даннаго села обыкновенно говорятъ: «мы жъ блыжнійши», особенно если имѣніе торговали и они. На основаніи этого аргумента («мы жъ блыжнійши») они довольно часто обращаются къ властямъ съ просьбой уничтожить данную сдѣлку и предоставить мѣстнымъ крестьянамъ преимущественное право купить землю за цѣну, условленную покупателемъ. Надежды и оживленіе въ подобныхъ случаяхъ бываютъ обыкновенно довольно значительны. Случается, разумѣется, что нечистые дѣльцы своекорыстно возбуждаютъ эти надежды обѣщаніями цѣлесообразной юридической акціи, тѣмъ не менѣе, когда хлопоты въ данномъ направленіи оказываются тщетными, населеніе, не безъ чувства горечи, конечно, примиряется съ фактомъ, вытекающимъ изъ положительнаго закона. Отмѣченное въ указанныхъ случаяхъ отсутствіе склонности къ насильственнымъ дѣйствіямъ, наряду со смѣлостью теоретическихъ предположеній, неправильно было бы объяснить пассивностью народнаго темперамента и тому подобными соображеніями.

Какъ извѣстно бываютъ у насъ случаи такъ-называемыхъ аграрныхъ столкновеній, сопряженные съ дѣяніями, которыя юридическая терминологія подводитъ подъ понятіе самоуправства, насилія и т. п., но эти столкновенія имѣютъ мѣсто тогда только, когда (основательно или ошибочно) крестьяне предполагаютъ, что положительный законъ на ихъ сторонѣ, и что онъ самоуправно нарушается другими лицами во вредъ имъ, и потому считаютъ дозволенной бо́льшую рѣшительность дѣйствія при осуществленіи своего права.

Въ случаѣ, когда крестьяне разсчитываютъ на преобразованіе въ желательномъ для нихъ направленіи положительнаго закона, они не оставляютъ легальной почвы, обращаются къ офиціальнымъ лицамъ и учрежденіямъ, компетентнымъ по ихъ мнѣнію въ данномъ отношеніи, не предпринимая отдѣльныхъ дѣяній, запрещаемыхъ существующимъ положительнымъ закономъ.

Если мы захотимъ разобраться въ основахъ народнаго міровоззрѣнія по данному вопросу, то, отвлекаясь отъ своеобразныхъ формулъ народной стилизаціи, мы можемъ, мнѣ кажется, такъ ихъ формулировать: данный аграрный строй не есть окончательное звено сюда относящейся эволюціи общественныхъ явленій; будущее развитіе расширитъ земельныя права лицъ, обрабатывающихъ своимъ непосредственнымъ трудомъ землю, при чемъ безвозмездность этого преобразованія не есть необходимое его условіе («теперъ нема безплатнои земли»), законодатель имѣетъ очень широкія полномочія по данному вопросу и потому съ положительными его требованіями въ каждый отдѣльный моментъ нужно серіозно считаться.

Выраженное въ этомъ болѣе обычномъ для насъ стилѣ народное міровоззрѣніе не производитъ уже впечатлѣнія фантастической мечтательности, диктуемой грубой жадностью. Не входя въ оцѣнку даннаго міровоззрѣнія по существу, мы должны признать, что взгляды многихъ серіозныхъ мыслителей и практическихъ общественныхъ дѣятелей довольно близко съ нимъ сходятся, отличаясь только болѣе строгой аргументаціей, болѣе послѣдовательнымъ ходомъ мысли и болѣе уравновѣшенными соображеніями о степени общей и технической культурности общества.

Но если въ программу настоящаго очерка не входитъ разборъ даннаго міровоззрѣнія по существу, то сюда, конечно, относится все, что можетъ уяснить генезисы направленія народной мысли.

Въ скромныхъ, намѣченныхъ уже раньше, рамкахъ настоящихъ замѣтокъ, я постараюсь это сдѣлать. Но общія разсужденія я предпочитаю замѣнить фактическими наблюденіями. Я начну съ экскурсіи въ край архаическихъ (до недавняго по крайней мѣрѣ времени) аграрныхъ отношеній. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ (19-го столѣтія) я проѣзжалъ по землѣ бывшаго войска черноморскаго. Изъ Ейска въ Екатеринодаръ я ѣхалъ на одноконной подводѣ съ возницею, уроженцемъ полтавской губ., но прожившимъ уже нѣсколько лѣтъ въ Черноморіи. Мы ѣхали не спѣша, пасли лошадь по мѣрѣ надобности въ степи, не справ-

ляясь ни съ какими разрѣшеніями. Меня это не удивляло, такъ какъ изъ болѣе давней экскурсіи въ Новороссійскій край я былъ знакомъ съ такой свободой отношенія къ подножному корму. Но я удивился, когда въ одномъ мѣстѣ мой возница остановилъ лошадь среди дороги, досталъ изъ воза косу и началъ косить прекрасную степную траву. На мой вопросъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, онъ отвѣтилъ, что намъ придется ночевать въ балкѣ, въ которой нѣтъ хорошей травы, и потому нужно здѣсь запастись. Я ему замѣтилъ, что не въ томъ дѣло, но что такимъ безцеремоннымъ отношеніемъ къ сѣнокосу мы можемъ нажить непріятности.—«Ни, ще тутъ—хвалыть Бога—цёго немае». Въ другомъ мѣстѣ мы проѣзжали около хаты, въ которой хозяйка козачка угощала пришлыхъ рабочихъ косарей «чаркою и вечерею». Мѣстное населеніе не могло справиться съ уборкой сѣна и хлѣба тѣмъ болѣе, что мужское населеніе было отвлекаемо продолжавшеюся еще борьбою съ горцами. Пришлые рабочіе были желанными и сравнительно хорошо оплачиваемыми помощниками въ козацкомъ хозяйствѣ. Въ данномъ случаѣ исполненіе хозяйскихъ обязанностей по отношенію къ харчеванію смѣшивалось, подъ вліяніемъ удачной косовицы, съ гостепріимнымъ радушіемъ. Хозяйка была радостно возбуждена, косари начинали уже пѣть, мы чуть было не попали, по приглашенію хозяйки, въ оживленную компанію. Проѣзжая дальше, я сказалъ моему возницѣ, что хозяйка, угощавшая косарей, имѣла видно много земли, такъ какъ косарей у нея работаетъ много. Мой возница объяснилъ мнѣ, что не въ землѣ тутъ сила, а въ деньгахъ; всякій можетъ накосить сколько имѣетъ силы, «скилькы може, стилькы и накосыть».

Изъ Екатеринодара въ Тамань я пріѣхалъ уже съ другимъ возницей, имѣя въ виду переѣхать оттуда въ Керчь и Одессу. Мой возница «впросывся» ночевать въ одну изъ станичныхъ хатъ. Пароходъ, сообщавшій Тамань съ Керчью, ходилъ въ то время, помнится, одинъ разъ въ недѣлю, и такъ какъ я не поспѣлъ ко времени его отхода, то мнѣ пришлось прожить въ Тамани нѣсколько дней. Съ разрѣшенія хозяйки и старухи-матери я остался въ той же хатѣ; хозяинъ находился на военной

службѣ. Во время моего пребыванія пріѣхалъ на одинъ день и онъ. Разъ хозяйка заявила ему: «а що—пора вже нашъ ячминь жать».

— «А де жъ нашъ ячминь»?—спросилъ хозяинъ. Жена разсказала ему, называя разныя урочища. Меня удивило такое незнаніе со стороны хозяина мѣста его ярового посѣва. Но дѣло объяснялось просто. Всякая козацкая семья засѣвала тотъ или иной хлѣбъ въ томъ мѣстѣ, которое она считала удобнымъ, оставляя послѣ одного или нѣсколькихъ сборовъ пидъ «перелигъ», которымъ могъ воспользоваться тотъ или иной изъ хозяевъ. На другой день хозяйка съ наймытомъ собрались ѣхать собирать ячмень. Такъ какъ я видѣлъ, что съ моего возницы не взяли платы за прокормъ его съ конемъ, то, предполагая (какъ оказалось, основательно), что и со мною это можетъ случиться, я предложилъ свое участіе въ сборѣ ячменя. Жнецъ то я былъ неважный, но все-таки жалъ кое-какъ. Мы и отправились вмѣстѣ. Ячмень, дѣйствительно, удался прекрасно и потому его жали, а не косили. Мѣсто, гдѣ онъ былъ посѣянъ, было порядочно таки удалено отъ станицы, такъ что мы и ночевали въ полѣ, несмотря на то, что съ нами были лошади. Смотря на этотъ прекрасный ячмень и припоминая значительное разстояніе, которое мы проѣхали въ степи, я думалъ, что недаромъ же хозяйка потрудила свою умную «головку» и свои «били нижкы», выбирая мѣсто для посѣва.

Вотъ аграрныя условія, при которыхъ для мѣстнаго населенія «степы-поля» была, дѣйствительно, «роскишъ моя». Встрѣчались они на мѣстахъ наиболѣе поздняго поселенія малорусскаго племени. Здѣсь исторія аграрныхъ отношеній находилась въ одномъ изъ наиболѣе раннихъ фазисовъ своего развитія, и потому въ этой новой землѣ можно было замѣчать черты, свойственныя очень давнему періоду развитія давнонаселенныхъ мѣстностей, не оставившему послѣ себя даже достаточныхъ документальныхъ данныхъ. Правда, и въ то уже время въ теоріи, значащейся въ оффиціальныхъ документахъ, право пользованія землею было болѣе точно регламентировано (30 десятинъ, кажется, на

простого козака), но регламентація эта существовала только на бумагѣ. Тѣмъ не менѣе и въ краѣ этого земельнаго приволья встрѣчались уже--по словамъ мѣстныхъ жителей--и земельные споры. Споры эти относились къ усадебнымъ землямъ. Большая ограниченность земель удобныхъ для усадьбы, большая интенсивность ихъ культуры достаточно объясняютъ это явленіе. Оно же служитъ и указаніемъ на ограниченную пригодность архаическихъ формъ землепользованія. Увеличивающійся натискъ на землю возрастающаго населенія, большая интенсивность культуры, вызываемая имъ, составляютъ естественныя непреоборимыя препятствія для ихъ существованія. Но изъ этого далеко не слѣдуетъ, что исторически онѣ разбивались объ этотъ именно камень преткновенія. За исчезающими по своей мелочности, спорадичности и неполнотѣ исключеніями, европейскій землевладѣлецъ почувствовалъ относительную земельную тѣсноту далеко раньше естественнаго ея наступленія подъ вліяніемъ причинъ совсѣмъ иного порядка. Такъ было и на Украинѣ. Этотъ дѣйствительный историческій ходъ событій выразился естественно и въ формулахъ положительнаго закона относительно правъ землевладѣнія и въ критическомъ воззрѣніи на него со стороны слоевъ населенія, считавшихъ себя обойденными историческимъ ходомъ событій. Еще въ старой козацкой думѣ звучитъ нареканіе на «ляхивъ-дукивъ», которые «забралы вси наши лугы й лукы». Такой именно взглядъ на аграрныя отношенія, какъ на результатъ насилія, доминировалъ въ народномъ міровоззрѣніи временъ крѣпостныхъ. Подвергаясь подъ вліяніемъ измѣняющихся обстоятельствъ разнымъ модификаціямъ, взглядъ этотъ не могъ, конечно, исчезнуть, не оставляя слѣдовъ въ современномъ народномъ міровоззрѣніи. Это и побуждаетъ меня нѣсколько остановиться на народномъ міровоззрѣніи временъ крѣпостной зависимости. Суровый отрицательный взглядъ на крѣпостной строй нигдѣ, мнѣ кажется, такъ ярко не выражался, какъ на территоріи бывшихъ вольностей войска запорожскаго, гдѣ и традиція свободнаго доступа къ землямъ, и относительное обиліе ихъ, и болѣе позднее появленіе фактическаго «пидданства»—придавало особенно живую окраску народной мысли и чувству.

Къ концу 50-хъ годовъ (прошл. стол.) нѣсколько насъ товарищей студентовъ провели значительную часть каникулъ въ «мандривкѣ» по Новороссіи. Мы держались преимущественно мѣстъ болѣе близкихъ къ Днѣпру, проѣзжая по правому его берегу. Это были мѣста, давнѣе населенныя или смежныя съ ними, и здѣсь на всякомъ почти шагу мы встрѣчались съ живымъ воспоминаніемъ о Запорожьи.

Воспоминаніе это для крестьянскаго населенія имѣло значеніе воспоминанія о свободномъ доступѣ къ землѣ и личной волѣ. Этотъ порядокъ противопоставлялся крѣпостному, панскому. «За запорожцивъ добре було жыть, а теперъ де ярокъ—тамъ панокъ, а де яръ—тамъ панъ». Это была ходячая стереотипная фраза, съ которою мы встрѣчались на каждомъ шагу. Это противопоставленіе запорожскихъ и крѣпостныхъ порядковъ было такъ живо, что при разговорѣ объ ожидаемомъ и приготовлявшемся освобожденіи крестьянъ случалось слышать разсужденіе: «чы не запорожець пиднявся». Я помню сильное впечатлѣніе, произведенное на насъ бесѣдою старика «рыбалки» въ с. Покровскомъ на мѣстѣ одной изъ сѣчей запорожскихъ. Впечатлительность нашу оживляла историческая почва, матеріальные слѣды прошлаго (каменные кресты на могилахъ товарища того или иного куреня, памятникъ Сирка), благодушіе всей семьи, да наши молодые годы. Мѣсяцъ освѣщалъ бѣлую, обвѣшанную «нызками» рыбы, хату и всю семью, вечерявшую передъ хатой. Насъ также пригласили на вечерю. За вечерею старикъ разговорился, побуждаемый нашими вопросами. Онъ разсказывалъ о бытовыхъ чертахъ козацкой жизни, разсказалъ, между прочимъ, въ прозаической формѣ одинъ изъ варіантовъ думы о Ганжѣ Андыберѣ, но рѣчь его звучала особенно краснорѣчиво, когда онъ перешелъ къ разсказамъ о разореніи Сѣчи, когда передавалъ легенду о церкви, которая провалилась въ землю, не желая быть свидѣтельницей совершающихся фактовъ. Но факты совершились, «народъ и земли» были легкомысленно, капризно розданы. Здѣсь такъ и слышался тотъ тонъ, который звучитъ у Шевченка, когда онъ говоритъ о разныхъ невзгодахъ, которыя на Украину «сараною силы».

Въ давно населенной «городовой» Украинѣ *подданскія* отношенія были давнимъ фактомъ. и если во второй половинѣ 18 ст. встрѣчались еще массовые протесты противъ него, то неудачный ихъ исходъ, съ одной стороны, и болѣе сильныя руки, взявшіяся за охрану даннаго общественнаго строя съ конца 18 ст.—съ другой, подсказывали какъ будто мысль о стихійной ихъ непреоборимости. Потому въ давно населенной Украинѣ (я говорю о болѣе мною знаемой—правобережной) тонъ протестующаго негодованія, болѣе рельефно обрисовывавшійся въ Новороссіи, уступалъ иногда мѣсто безнадеждному унынію. Когда-то, давнымъ давно, я слышалъ въ кіевскомъ уѣздѣ сказку, детали которой ускользнули, къ сожалѣнію, изъ моей памяти. Но сущность ея такова. «Заможній» хозяинъ широко оповѣстилъ о томъ, что онъ устраиваетъ обѣдъ, но за столъ онъ посадитъ только *правду*. Къ нему явились люди разныхъ общественныхъ положеній, претендуя на мѣсто за столомъ, но онъ устранялъ ихъ всѣхъ, указывая на разныя ихъ дѣянія, несогласныя съ идеей правды. Пришелъ и Богъ. Хозяинъ сталъ говорить о томъ, что Богъ даетъ однимъ всѣ блага жизни, оставляя на долю другихъ только ея тягости, и отказалъ и Богу въ мѣстѣ за столомъ. Тогда пришла смерть. Да, сказалъ хозяинъ, для тебя нѣтъ худшихъ и лучшихъ, ты относишься ко всѣмъ одинаково—твое мѣсто за столомъ.

Вотъ въ какомъ суровомъ, непригляднoмъ видѣ представлялась иногда воображенію народа правда. Въ дѣйствительномъ, окружающемъ его мірѣ нѣтъ ея. «Нема въ свити правды, правды не зиськаты, що теперъ неправда стала папуваты»—говорится въ извѣстной лирницкой пѣснѣ. Такая нота безнадежнаго пессимизма звучала иногда въ разговорѣ крѣпостного люда. Въ дни очень ранней молодости моей мнѣ случалось слышать среди крестьянъ безнадежные разговоры о непоколебимости крѣпостного строя, хотя это и было наканунѣ его упадка. Такой же смыслъ имѣетъ и пословица: «мужыкъ мужыкомъ, на вики викомъ» (sic.). Такой же характеръ унылаго и какъ будто безнадежнаго протеста звучитъ и въ пѣснѣ, записанной мною въ крѣпостное время въ д. Маковищахъ, кіевскаго уѣзда. Тѣ или иные ея варіанты попадали

уже въ печать, но мнѣ она кажется настолько выразительной для освѣщенія затронутаго вопроса, что я рѣшаюсь привести здѣсь ее цѣликомъ.

Ой Содома, пане брате,
Содома, Содома—
Нема въ мене снопка жыта
Ни въ поли, ни дома.
Було въ мене, куме, жыто
Зелене, зелене,
Зайихалы вражи паны,
Забралы одъ мене.
Було въ мене, куме, жыто
Гей скризь по-пидъ ричку,
Зайихалы вражи паны
Забралы на сичку.
Ой пишовъ я, пане брате,
Платы помынаты,
А винъ мене выбывъ добре,
Ще й выгнавъ изъ хаты.
А щожъ майемъ, пане брате,
Тепера робыты,
Йде колія на панщыну
Ввесь тыждень ходыты.
Ой пишовъ я въ понедилокъ,
Пишовъ у вивторокъ,
Ажъ выйихавъ панъ комысаръ,
Давъ нагайивъ сорокъ.
Ой ходывъ я увесь тыждень,
Ходывъ до суботы,
Ажъ выйихавъ самъ панъ-дидычъ:
«Чортъ-ма зъ васъ роботы».
А въ недилю дуже рано
Уси дзвоны дзвонять,
Осаулы зъ козакамы
До выпысу гонять.

Ой думавъ я, пане брате,
Богу помолюся,
Осаула бере за лобъ
Бье кіёмъ по ушахъ.
А нашыи осаулы
Мають въ пана ласку,
Зъ чоловика деруть штаны,
А зъ жинкы запаску.
Въ Колонщыни дзвоны дзвонять
Въ Маковыщахъ тыхо,
Въ Колонщыни чортъ-ма добра
Въ Маковыщахъ лыхо.
Ой ходимо, пане-брате,
По за крути горы,
Нехай тута выводятся
Крукы та вороны.

И никакого, кажется, луча надежды... Проклятіемъ родному мѣсту заканчивается пѣснь. Да, это было время, вызвавшее и у Шевченка вопль сомнѣнія: «чы Богъ бачыть изъ-за хмары наши слёзы й горе»?

Но если гнетъ жизненныхъ условій вызываетъ иногда у отдѣльныхъ единицъ чувство полной безнадежности, то съ нимъ не мирится постоянно возобновляющаяся притокомъ новыхъ силъ коллективная единица. Для коллективной психологіи острое горькое сознаніе тяжелыхъ условій жизни служитъ обыкновенно точкой отправленія для мышленія, направленнаго на противодѣйствіе имъ. Если съ чувствомъ безвыходнаго отчаянія не мирится вообще мысль коллективнаго человѣка, то въ данномъ случаѣ— меньше всего мысль украинскаго народа съ его традиціей двухвѣковой борьбы съ панскимъ общественнымъ строемъ, предшествовавшей времени, о которомъ была рѣчь. Вѣрный и чуткій сынъ этого народа—Шевченко вслѣдъ за цитированнымъ пессимистическимъ вопросомъ говоритъ: «пошлемъ думку ажъ до Бога, ёго запытаты: чы довго ще на цимъ свити катамъ пануваты?» И въ

данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, онъ былъ вѣрнымъ выразителемъ направленія народной мысли, переходящей отъ сознанія жизненныхъ условій къ протесту противъ нихъ.

Въ волынскомъ варіантѣ только что цитированной пѣсни о панщинѣ, записанномъ Вл. Б. Антоновичемъ, послѣдняя строфа гласитъ:

Ой ходимо, пане брате,
Въ степъ, та въ гайдамакы,
Може колысь вражымъ панамъ
Дамося у знакы.

Исхода въ своемъ горѣ народъ ищетъ здѣсь въ обращеніи къ исторической традиціи. Такое ободряющее ея значеніе сохраняли для народа уцѣлѣвшія историческія пѣсни. На правобережьи не сохранилось бандуристовъ съ ихъ историческими думами. Историческую пѣснь сопровождалъ здѣсь жалобный аккомпаниментъ лиры или же она пѣлась хоромъ непрофессіональныхъ сельскихъ пѣвцовъ. Не трудно понять, какой эффектъ производили среди крѣпостного люда пѣсни о борьбѣ съ «ляхами—мостивымы панамы», такъ какъ извѣстно, что подъ вліяніемъ хода историческихъ событій въ словѣ *ляхъ* почти исчезло его національное значеніе и оно стало синонимомъ слова—панъ.

Значительною популярностью пользовалась пѣснь о сподвижникѣ Хмельницкаго, Нечаѣ. Его не легко тревожатъ вѣсти объ идущихъ на него войной «ляшкахъ—панкахъ». «Козакъ Нечай, козакъ Нечай на те не вповайе, зъ кумасею Хмельныцького медъ, выно кружайе», многократно повторяетъ пѣснь. Но когда этотъ беззаботный козакъ вскочилъ на коня, «за козакомъ, за Нечаемъ кровъ ричкою тече», какъ снопы ложатся «ляшкы-панкы» и послѣ нѣкотораго времени «не выскочыть кинь козацькій зъ-пидъ панського трупу». Въ окрестностяхъ Макарова (кіевск. уѣзда) пѣли о Бондаренкѣ, который «пишовъ до Бышева ляшкивъ-панкивъ быты», на югѣ кіевской губ. въ Субботовѣ былъ записанъ П. А. Кулишемъ извѣстный торжественный гимнъ: «Ой не дывуйте, добрыи люде, що на Вкраини настало». Въ другихъ мѣ-

стахъ пѣлись другія аналогичныя пѣсни. Пѣсни эти пѣлись, оглядываясь на то, что «пичъ у хати», почти по секрету, избѣгая слушателей изъ пановъ или полиціи. Это сообщало имъ тѣмъ болѣе эффектности; онѣ, также какъ и уцѣлѣвшіе остатки исторической традиціи, дѣйствовали ободряюще, напоминая о томъ, что какъ ни важенъ панъ—и съ нимъ всякое бывало. «Якъ кынувся ляхъ до шабли, бурлака до друка—оце жъ тоби, вражый сыну, зъ душею розлука». Конечно, историческія традиціи съ теченіемъ времени ослабѣвали, да кромѣ того ими неохотно дѣлились съ людьми, стоящими внѣ народной среды, такъ какъ онѣ по общему своему направленію представлялись въ крѣпостное время запрещеннымъ, такъ сказать, плодомъ. Направленіе это было то же, которое было присуще разсказамъ Тарасоваго *дида*, когда у него «столитніи очи, якъ зори сіялы».

Маленькой иллюстраціей народнаго угла зрѣнія на событія прошлаго можетъ служить слѣдующій эпизодъ изъ моихъ личныхъ воспоминаній. Во время нашей студенческой каникулярной экскурсіи въ концѣ 50-хъ годовъ мы остановились въ Трипольѣ (кіевской губ.). Старикъ, *рыбалка*, угощалъ подъ корчмою надъ Днѣпромъ *молодыцъ*, помогавшихъ ему въ рыбной ловлѣ. Такъ какъ онъ видѣлъ меня водившимъ лошадей къ водопою, то считалъ меня дворовымъ какихъ-нибудь проѣзжихъ пановъ и потому не стѣснялся въ разговорахъ со мною; къ тому же онъ нѣсколько подвыпилъ. Я старался съ нимъ завязать разговоръ о преданіяхъ старины. Богатый могильникъ Триполья послужилъ точкой отправленія разговора. Конечно, курганы онъ считалъ, по обыкновенію, козацкими, но хотя и говорилъ кое-что о козачествѣ, представленія его въ этомъ отношеніи были довольно смутны. «А чы не памятаете чого, диду, про гайдамакивъ»?—«Про гайдамакивъ? я й самъ, щобъ тоби не збрехать, зъ симдесятъ панивъ заколовъ». По сопоставленію его наружности и годовъ событій,—дидъ, кажется, напрасно, употреблялъ оговорку: «щобъ тоби не збрехать», но по оживленію разсказа, детальности картинъ можно было съ увѣренностью заключить, что данныя преданія онъ слышалъ въ ранней молодости отъ живыхъ участниковъ событій. Я

не берусь уже теперь за возстановленіе его живого, складнаго разсказа; я постараюсь возстановить только нѣкоторые его моменты, глубоко врѣзавшіеся въ мою память. Героемъ его разсказа былъ Швачка. Онъ со своими «хлопцямы» сурово расправлялся съ «панамы и жыдамы»; въ добытыхъ панскихъ дворахъ устраивалъ пиршества, орошаемыя напитками изъ бывшихъ панскихъ погребовъ. Разъ какъ то евреи спрятались въ погребъ и на вопросъ: «кто вы такіе?» отвѣчали: «ченци».—«Щожъ вы робыте»? —«За батька Хмельныцького Богу молымось». Я спросилъ дида: кто такой Хмельницкій.—«Хмельныцькій—Швачка все йидно». Мнимымъ «ченцямъ», конечно, плохо пришлось отъ гайдамакъ. Но Швачку, наконецъ, поймали и закованного въ кандалы увезли. На прощаніе, обращаясь къ товарищамъ, онъ сказалъ имъ: «вы на те не вважайте, пыйте, гуляйте, вражыхъ панивъ розбывайте».

Во всемъ этомъ разсказѣ до самохвальнаго утвержденія дида о его личныхъ дѣйствіяхъ включительно—ясно выступаетъ точка зрѣнія народной массы на событія прошлаго, а за ней и критерій оцѣнки крѣпостного строя. Разумѣется, подобные разсказы не были единственными, варьируясь по мѣсту и темпераменту разсказчика. Утверждать, что они очень часто встрѣчались, было бы рискованно, но и предполагать полную ихъ исключительность на томъ только основаніи, что съ ними рѣдко встрѣчались наблюдатели народной жизни изъ интеллигенціи—было бы другою крайностью. Нужно помнить о томъ недовѣріи къ людямъ, стоящимъ внѣ крестьянской среды со стороны народа, съ которымъ въ значительной мѣрѣ мы и теперь встрѣчаемся и которое въ крѣпостное время было, конечно, значительно сильнѣе.

Я уже упоминалъ о рѣзкомъ критическомъ отношеніи къ крѣпостному строю, встрѣчаемомъ въ Новороссіи, при чемъ воспоминанія о болѣе недавнемъ земельномъ довольствѣ и личной свободѣ придавало здѣсь міровоззрѣнію народному по данному вопросу особенную живость. Этотъ оттѣнокъ народнаго міровоззрѣнія не оставался безъ вліянія и на болѣе давно закрѣпощенное населеніе болѣе сѣверной Украины. Довольно часто повторявшіеся временные побѣги изъ давно населенныхъ мѣстъ въ Ново-

россію служили орудіемъ этого воздѣйствія. Какъ ни рѣшительно крѣпостное право признавалось законнымъ порядкомъ и въ Новороссіи, однако сравнительная скудость населенія и обиліе земель не дозволяли здѣсь построить всей системы хозяйства на мѣстномъ крѣпостномъ трудѣ. Пришлецы изъ сосѣднихъ губерній были крайне желательны, и въ виду этого никто не допытывался особенно тщательно о томъ: была ли у появившагося наймита «бумага». Одинъ мой знакомый, бѣглый крѣпостной изъ кіевскаго уѣзда, служилъ нѣсколько лѣтъ у станового пристава въ херсонской губ. Нѣкоторые изъ *заробитчанъ* въ Новороссіи могли имѣть и законные виды (напр. старики, имѣвшіе болѣе 50 лѣтъ и не подлежавшіе панщинѣ по инвентарнымъ правиламъ, а то, такъ называемые вольные люди, чиншевики и др.) но преобладали, кажется, «безбилетни»: Нѣкоторые изъ нихъ возвращались въ родныя села при измѣняющихся обстоятельствахъ, при переходѣ, напр., имѣнія въ другія руки, иные возвращались и поневолѣ. Тѣ и другіе дѣлились, конечно, съ мѣстнымъ населеніемъ впечатлѣніями, вынесенными изъ мѣстъ ихъ временнаго пребыванія. Уже самый фактъ сравнительно хорошихъ заработковъ по вольному найму имѣлъ оживляющее значеніе для крѣпостной массы. Разсказы и пѣсни о бурлакахъ, ходившихъ на степной югъ и на взморье, встрѣчались въ отдѣльныхъ мѣстахъ сѣверной Украины. Правда, и на степномъ югѣ давали себя чувствовать иногда знакомые суровые порядки.

Якъ булы мы на мори,
То гулялы доволи—
Теперъ же мы не на мори,
Безбилетнымъ жыть намъ горе
Въ чужій сторони».

Непосредственно преслѣдовалъ «безбилетныхъ» «війтъ» или «соцькій» (ото жъ сынъ пребисовській), тотъ или другой «суду не розбере, тилькы зъ бурлакъ гроши бере», но они были только орудіями панскихъ стараній. Бѣжали отъ панскихъ порядковъ

иногда и подальше, куда нибудь за Дунай, но и здѣсь подчасъ встрѣчались препятствія.

Та Дунай ричка не глыбока
Ще й на перевози не шырока,
Берегы зъ берегамы,
А лугы изъ лугамы,
Де проходять кораблямы».

Корабли эти возили бурлакъ въ новые края, на вольные заработки,

«А теперъ не проходять
И бурлакъ не провозять
За превражымы панамы».

Бывало, значитъ, и въ тѣхъ далекихъ мѣстахъ плохо, но бывало и лучше. Въ Новороссіи не разъ весело и довольно «збиралася бидна голота у трахтыръ гулять», и не какой-нибудь панскій «осаула» гналъ ее на панщину, а конкурирующіе приказчики ухаживали за ними, зазывая на вольную работу къ тому или иному хозяину. Воображенію крѣпостного люда и эти уже отношенія говорили много; къ этому присоединялись разсказы о большемъ земельномъ довольствѣ въ Новороссіи и большей зажиточности, связанной съ нимъ. Не безъ того, что побывавшіе тамъ иной разъ пріукрашивали дѣйствительность, можетъ быть, не преднамѣренно, а подъ вліяніемъ той иллюзіи, которая часто окружаетъ личныя воспоминанія на нѣкоторомъ протяженіи мѣста и времени при значительно измѣнившихся обстоятельствахъ. Изъ воспоминаній очень ранней молодости я помню эти разсказы и впечатлѣніе, испытываемое мною. Оно не было критически провѣряемо и несомнѣнно значительно скрашивало дѣйствительность, но мнѣ кажется, что именно потому оно было тѣмъ ближе къ впечатлѣнію, выносимому изъ данныхъ разсказовъ средой, сопоставлявшей ихъ съ своей панщинной жизнью: «Жыве винъ у землянци (новороссійскій крестьянинъ), а зайды до ёго: скилькы тамъ всякого добра, а скилькы того степу!» Какъ будто слышится

мнѣ разсказъ моего знакомаго Данила въ д. Маковищахъ (кіевскаго уѣзда).

Кромѣ разсказовъ изъ современной жизни, люди, побывавшіе на территоріи бывшихъ «запорожскихъ вольностей», приносили и пѣсни, касавшіяся послѣднихъ временъ существованія Запорожья. Этимъ, вѣроятно, объясняется, сравнительно значительная распространенность историческихъ пѣсенъ, касающихся того времени, въ тѣхъ мѣстахъ кіевекой губ., съ которыми мнѣ удавалось ближе познакомиться. Воспѣванія въ разныхъ варіантахъ старанія запорожцевъ о томъ, чтобы имъ были возвращаемы «степы-поля» («*планськи*»—значащіяся на планѣ земли—по другому варіанту) «по прежню граныцю», естественнымъ образомъ переносились пѣвцами и слушателями на ихъ текущіе житейскіе интересы.

Всѣ они и, конечно, много другихъ, упущенныхъ здѣсь мною изъ виду обстоятельствъ, поддерживали духъ критики по отношенію къ данному, существовавшему въ то время строю. На ея почвѣ выростали иногда и проявленія болѣе активнаго протеста.

Одною изъ его формъ были побѣги крѣпостныхъ на степной югъ, а то и въ кіевскія «цегельни» и вообще въ тѣ мѣста, гдѣ былъ спросъ на вольнонаемный трудъ. Сколько-нибудь благополучный исходъ этихъ побѣговъ (собственно—извѣстной ихъ части) былъ возможенъ только при томъ сознаніи солидарности интересовъ сельскаго люда, которое вызывало повсемѣстное благосклонное участіе селянъ къ судьбамъ бѣглецовъ. Во время нашихъ студенческихъ экскурсій случалось иногда, что насъ принимали за тѣхъ «безбилетныхъ», которымъ «жыты горе». Въ такихъ случаяхъ мы могли лично замѣтить то благорасположеніе, которое по отношенію къ дѣйствительно въ немъ нуждавшимся принимало, конечно, болѣе активныя формы, несмотря на тотъ рискъ, съ которымъ оно было связано.

Значительно болѣе рѣзкою формою протеста были такъ называемые «бунты» крѣпостныхъ.

Я не имѣю матеріала для сколько-нибудь детальной ихъ исторіи, да въ данномъ случаѣ это не представляется необхо-

димымъ. Достаточно извѣстно, что эти «бунты» спорадически появлялись въ разныхъ мѣстахъ, несмотря на суровость репрессіи, которой въ наше время уже «вѣрится съ трудомъ». Они такъ естественно-неизбѣжно выростали въ краѣ, гдѣ,—по словамъ Шевченка,--«козакы тяжко шляхту покаралы за те, що не вмилы въ добри пануваты», что несмотря на логическія построенія доктринеровъ крѣпостного права, и въ средѣ, пользующейся имъ, часто зарождались инстинктивныя сомнѣнія въ его устойчивости; чаще—у менѣе богатыхъ, поставленныхъ условіями хозяйственной жизни въ болѣе близкое, хотя и далеко не пріятельское, соприкосновеніе съ народомъ: у поссесоровъ, экономовъ, мелкихъ землевладѣльцевъ. Я помню изъ впечатлѣній моего дѣтства тѣ разговоры полушопотомъ, отъ слушанія которыхъ устраняются дѣти и которые все-таки, такъ или иначе, доходятъ до ихъ ушей. Заинтересованные сообщали другъ другу то о заготовленіи въ какой-нибудь кузницѣ ножей и «списъ» (пикъ), традиціонныхъ оружій гайдамаковъ, то о какой-нибудь картинѣ, изображающей эпизоды борьбы съ шляхтой и т. п. Оставшіеся еще въ живыхъ люди моихъ лѣтъ, имѣвшіе соприкосновеніе съ шляхетской средой, помнятъ, конечно, изъ временъ нашей молодости зарождавшіяся отъ времени до времени среди шляхты опасенія повторенія коліивщины, пріурочиваемые обыкновенно—не знаю почему—къ всенощной наканунѣ Пасхи.

Ходили ли параллельно съ подобными слухами въ шляхетской средѣ аналогичные и въ крестьянской—не знаю, думаю скорѣе, что нѣтъ; но тѣмъ не менѣе они мнѣ кажутся характеристичными, какъ продуктъ исторической почвы края. Это историческое прошлое, внушавшее болѣе или менѣе сильный паническій страхъ въ шляхетской средѣ, оставалось, конечно, не безъ вліянія и на крестьянскую среду, несмотря на слабое ея ознакомленіе съ нимъ. Но формы активнаго протеста приспособлялись поневолѣ къ измѣнившимся обстоятельствамъ. Иногда онъ выражался въ дѣяніяхъ, напоминающихъ сюжеты, охотно воспѣвавшіеся романтической поэзіей.

Такой характеръ имѣютъ дѣянія Кармелюка, очень извѣстнаго въ свое время въ Подоліи и Кіевщинѣ—по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ перешли въ преданіе. Дѣйствительной, фактической исторіи Кармелюка я, къ сожалѣнію, не знаю; мнѣ тоже неизвѣстно, была ли она кѣмъ-нибудь изслѣдована, но не подлежатъ сомнѣнію популярность его въ свое время и ея мотивы. Они формулированы въ пѣснѣ, сложенной, кажется, внѣ народной среды, но усвоенной и варьируемой народомъ. По преданіямъ и по пѣснѣ Кармелюкъ съ внѣшней стороны не былъ въ согласіи съ закономъ; это его и завело въ Сибирь. Изъ Сибири, правда, онъ вернулся, но и на родинѣ не нашелъ *доли*, «хочъ здается не въ кайданахъ, а все жъ не на воли». Онъ собралъ «славныхъ хлопцивъ—що жъ кому до того?—засидайемъ по дорогамъ ждать подорожнёго». Его за это преслѣдують «ассесоры исправныкы», но въ сущности они грѣшнѣе его, такъ какъ «бильше воны людей былы, нижъ я грихивъ маю». Эта его безгрѣшность объясняется просто:

«Зъ багатого хочъ я визьму,
Убогому даю,
А такъ грошы роздилывшы,
Гриха я не маю».

Такимъ представляется Кармелюкъ по преданію; дѣянія его снискали всеобщія симпатіи среди народа въ виду данной ихъ мотивировки. Вотъ почему Костомаровъ, въ полемикѣ съ Падалицею (въ Основѣ), не колеблясь поставилъ имя Кармелюка на ряду съ извѣстными дѣятелями борьбы украинскаго народа съ шляхтою. Здѣсь нельзя не упомянуть объ одномъ весьма характерномъ, хотя и весьма мало изслѣдованномъ явленіи изъ недавняго прошлаго Кіевщины. Я говорю о народномъ движеніи 1855 г., охватившемъ, на сколько мнѣ извѣстно, въ большей или меньшей мѣрѣ уѣзды каневскій, васильковскій и сквирскій кіевской губ. Удовлетворительнаго изслѣдованія исторіи этого движенія, насколько мнѣ извѣстно, не имѣется; воспоминанія о немъ протоіерея Лебединцева (въ Кіевской Старинѣ) далеко не исчер-

пываютъ затронутаго вопроса. Не имѣя достаточнаго матеріала, я не берусь за сколько-нибудь систематическій разсказъ о данномъ движеніи, тѣмъ не менѣе самыя общія, очень ясныя и характерныя черты его не трудно установить людямъ, близкимъ по времени и мѣсту къ событіямъ. Сущность ихъ состояла въ слѣдующемъ. Во время восточной войны въ 1855 г. между крестьянами названныхъ мѣстностей распространился слухъ о томъ, что есть царскій указъ, которымъ они причисляются къ козакамъ и вслѣдствіе этого освобождаются отъ панщины и вообще зависимости отъ пановъ, получая въ свое пользованіе, взамѣнъ за козацкую службу, всѣ земли, принадлежащія къ даннымъ селамъ. Этотъ мнимый указъ былъ яко-бы присланъ для обнародованія приходскимъ священникамъ, но они, подкупленные панами, сохраняютъ его въ тайнѣ. Оплачиваемая полиція помогаетъ имъ въ этомъ и преслѣдуетъ крестьянъ, стоящихъ въ данномъ случаѣ на легальной яко-бы почвѣ. Здѣсь повторилось часто встрѣчавшееся въ разныхъ случаяхъ предположеніе объ антагонизмѣ между верховной властью и исполнительными ея органами. Между прочимъ въ одномъ изъ варіантовъ пѣсни о разореніи Сѣчи Екатерина II отвѣчаетъ на просьбы запорожцевъ: «ой рада бъ я, запорожци, вамъ добро чыныты, та не можу за сынодчыкамы въ Сынодъ (sic) прыступыты».

Движимые упомянутыми слухами, крестьяне обращались къ мѣстнымъ священникамъ съ просьбою объявить имъ предполагаемый манифестъ о козачествѣ, чего тѣ, конечно, за его отсутствіемъ, не могли сдѣлать. Это вызывало рядъ непріятностей, устраиваемыхъ крестьянами священникамъ. Независимо отъ этого, вполнѣ убѣжденные въ вѣрности слуха, крестьяне обращались къ сельскимъ грамотѣямъ, которые составляли по ихъ желанію «регистры козаковъ». Я зналъ лично одного изъ такихъ составителей козацкихъ регистровъ, занимавшаго во время знакомства со мной скромную должность «кухара». Исполненіе панщины прекратилось; въ селахъ была установлена «козацька стража» для наблюденія за порядкомъ и въ огражденіе отъ пріѣзда злонамѣренныхъ людей; шинки въ иныхъ мѣстахъ закрывались. Осо-

бенно рѣзкихъ насилій крестьяне, убѣжденные въ правотѣ и легальности своего дѣла, не совершали. Но нарушеніе даннымъ движеніемъ всего крѣпостного строя вызвало, конечно, репрессію и неизбѣжную въ то время суровость расправы. Ружейные выстрѣлы мало тутъ работали,—холостые выстрѣлы вызывали панику среди крестьянъ, не ожидавшихъ такого поворота дѣла, и кое-гдѣ только было убито нѣсколько человѣкъ острыми зарядами—напр. въ с. Березнѣ (сквирск. уѣзда). За то ужъ розги, конечно, работали исправно. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ данныхъ событій мнѣ случалось слышать разсказы людей, побывавшихъ въ этой расправѣ, хотя и не принадлежавшихъ къ числу болѣе видныхъ дѣятелей. Одинъ изъ этихъ разсказчиковъ изъ с. Велико-Половецкой (васильков. уѣзда) называлъ эти событія съ нѣкоторой иронiей «мужыцькою войною». Но какъ ни рѣшительна и сурова была расправа съ участниками этой «мужыцькои війны», внушая страхъ, она не внушала, однако, мнѣнія о полной несостоятельности легальныхъ яко-бы мотивовъ движенія или по крайней мѣрѣ внушала не совсѣмъ полно. Года черезъ четыре послѣ упоминаемыхъ событій, въ бесѣдѣ, коснувшейся случайно ихъ, одна крестьянка въ с. Сотникахъ (вблизи Корсуни), указывала мнѣ на смерть нѣсколькихъ священниковъ, отказавшихся въ свое время отъ объявленія мнимаго манифеста, какъ на кару провидѣнія за это дѣяніе.

Вспоминая эти событія, нельзя въ данномъ мѣстѣ не обратить вниманія на двѣ его характерныя черты. Съ одной стороны аспираціи къ лучшему будущему представляются какъ бы продолженіемъ аналогичныхъ аспирацій прошлаго, и воля представляется въ козацкой формѣ, а съ другой—въ движеніи видна глубокая вѣра въ необходимость законодательнаго вмѣшательства въ существующія общественныя отношенія, вмѣшательства въ интересахъ обиженныхъ, въ данномъ случаѣ крестьянъ.

Моментъ этого вмѣшательства дѣйствительно приближался. Во время упомянутой уже здѣсь нашей студенческой экскурсіи шли уже приготовительныя работы къ великому акту 19 февраля. Въ дорогѣ при всякомъ случаѣ завязывались разговоры на дан-

ную тему. Мы, конечно, сообщали то, что намъ было извѣстно о ходѣ подготовительныхъ работъ, а такъ какъ въ то время сельскіе интеллигенты считали нужнымъ секретничать по данному вопросу передъ крестьянами, то наша откровенность цѣнилась значительно выше нашей заслуги. Я думаю—оставшіеся въ живыхъ товарищи мои по данной экскурсіи хорошо помнятъ эти оживленные разспросы; имъ памятна, вѣроятно, фраза: «колы буде добро?»; они не забыли того радушія, которое мы встрѣтили напр. въ с. Македонахъ (каневскаго уѣзда) въ отвѣтъ на наши скромныя и осторожныя сообщенія. «Колы буде добро?»—живо и горячо спрашивали насъ какъ мужчины такъ и женщины, а пока, кормили нашихъ лошадей и насъ хлѣбомъ, орошеннымъ «кровавымъ потомъ и слёзамы» панщинной жизни, собираемымъ въ короткіе промежутки, достававшіеся въ лѣтнюю страду на долю сбора хлѣба на своей нивѣ.

Самая повсемѣстность и интенсивность данныхъ разспросовъ указывала на то, что, несмотря на скрываніе ожидавшагося законодательнаго акта отъ крестьянъ людьми иносословными, слухи о немъ широко распространились въ народной средѣ, вызывая надежды и предположенія, часто въ значительной мѣрѣ отклонявшіяся отъ реальной почвы. Самое секретничаніе по данному вопросу подготовляло почву для этихъ предположеній. У меня нѣтъ матеріала для того, чтобы болѣе или менѣе точно опредѣлить общій типъ этихъ предположеній, и потому я ограничусь сообщеніемъ только нѣкоторыхъ отрывочныхъ данныхъ. Крестьянамъ, не чуявшимъ еще надвигавшихся осложненій капиталистическаго хозяйства, представлялось въ будущемъ положеніе ихъ болѣе доминирующимъ, чѣмъ оно оказалось въ дѣйствительности, положеніе пановъ болѣе безвыходнымъ. Это послѣднее согласно пословицѣ: «колыбъ панъ за плуга взявся, то бъ и свиту одцурався». Этотъ тонъ звучитъ и въ народныхъ пѣсняхъ о волѣ, гдѣ разговоры пановъ о безвыходности ихъ положенія пересказываются съ веселою насмѣшкою. Одна изъ такихъ пѣсенъ была не такъ давно помѣщена въ «Кіевской Старинѣ». Эти же соображенія просвѣчивали и въ разговорѣ со мною проѣзжихъ крестьянъ,

остановившихся было для отдыха около корчмы въ д. Маковищахъ (кіевскаго уѣзда). Они завязали разговоръ на тему объ ожидавшейся реформѣ. Я имъ сообщалъ все извѣстное мнѣ. Мои собесѣдники были очень тронуты моей откровенностью и въ заключеніе обратились ко мнѣ со словами: «хочъ мужыкивъ одберуть одъ панивъ, вы межъ намы не пропадете: мы зробымо васъ головою або старшымъ пысаремъ».

Конечно, болѣе, или менѣе значительный радикализмъ предположеній, сюда относящихся, былъ различенъ: самую радикальную ихъ формулу мы слышали на Подоліи во время студенческой экскурсіи отъ «дида—шынькаря». Подобно другимъ, онъ разспрашивалъ насъ объ ожидавшейся реформѣ, объ основаніяхъ земельнаго надѣла и т. п. Очевидно, все сообщаемое нами казалось ему слишкомъ сложнымъ, и онъ закончилъ бесѣду своимъ упрощеннымъ проектомъ: «зигнать бы всихъ панивъ въ йидну слободу, а мужыкамъ отдать земли, нехай всякъ на себе робыть». Не всѣ, конечно, такъ далеко заходили, но въ общемъ живыя надежды, связывавшіяся съ такъ долго ожидаемымъ «добромъ», питаемыя къ тому же незнаніемъ фактическаго хода подготовительныхъ работъ, вызывали предположенія слишкомъ оптимистическія, которыя и были причиною затрудненій при введеніи уставныхъ грамотъ. Ими объясняется между прочимъ и общее нежеланіе входить въ добровольныя соглашенія, формулируемыя словами: «нехай и у насъ буде, якъ у людей», или же: «почекаймо до слушного часу».

Ѳ. Рыльскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПРОПАЩА СЫЛА.

Повисть.

(Продолжение [1]).

V.

Тайна—невтайна.

Добре Чипкови у дида пидпасачемъ. Робота не важка, саме прыпала ёму до вподобы—и по ёго литахъ, и по ёго души. Та не те, щобъ и безъ корысти. Дидъ бравъ за лито по пьятаку одъ вивци. Шага дававъ на Чипка та Грыцька, та ще хлиба мишкивъ пьять, та ягнятъ двое або трое на рикъ. Чого ще? На харчъ винъ соби зароблявъ. гроши йшлы на одежу; ягнята—на прыбутокъ.

— Слава тоби, Господы, що ты зглянувся на наше безталання!—дякуе Мотря Богови.—А я вже не думала, щобъ зъ ёго выйшлы люде.

— Ставъ розуму доходыты,—одказуе Орышка,—самъ побачывъ, що треба робыты. И мени. довелося ёго хлиба зйисты... спасыби Богу!

Отакъ радіють, та Богови не надякуются, що хочъ трохы втеклы одъ тыхъ важкыхъ злыднивъ, нужды та горя. И въ хати въ ныхъ стало чепурнійше, яснійше; и хлибъ не такый чорный та сухый; и каша до борщу не вряды-годы; а часомъ и сыръ на

---

1) См. Кіев. Ст. 1903, № 3.

Чипко мовчавъ. Мотря перехрестылась, та й знову заплакала. Тыхо носывся той плачъ по хати пидъ темный вечиръ; тыхо слався по доливци, по стели, по билыхъ стинахъ,—та давывъ, якъ обценькамы, серце у матери, и у сына.

Винъ сыдивъ зажуреный, нимый, якъ стина. Въ ёго думци, передъ ёго очыма, носывся чорнымъ ворономъ батько.

— Бидный мій тату!—думавъ винъ. Не знавъ ты доли видъ самого малку й до самого останку. Ганяла вона тебе зъ одного краю свита на другый—одъ панського двору до Дону, одъ Дону до прыёму. Де жъ теперъ ты? Що теперъ зъ тобою? Чы тліе пидъ землею твое наболилее тило? чы порвала ёго московська нагайка на шмаття? чы пронызала тебе вража куля на війни? И загреблы твои кости зъ кинськымы кисткамы въ одну домовыну, въ одну высоку могылу?! И никому вона не скаже, не повида, що пидъ нею лежыть твоя мучена душа безъ одплаты. А може тебе доля занесла куды въ далеку чужыну, на инчый край свита;— ты думаешъ-гадаешъ, не досыпаючы ночей, про матиръ: якъ вона тутъ, бидолашна, повертается, що зъ нею выробляють люде... Ой, Боже нашъ, Боже! Ты—всесвитній царю: ты все бачышъ, все знаешъ. Ты одынъ наглядаешъ надъ землею—и маешъ волю надъ нею. Чому жъ ты не скараешъ злого—хай не карае доброго?! Чому ты не вдарышъ на злочынця своимъ гнивомъ праведнымъ? Ни,—ты мовчышъ,—мовчышъ, якъ глуха нічъ... До тебе не доходыть плачъ нашъ, наши слёзы. Ихъ заступылы одъ тебе ворогы наши. Ты не скараешъ ихъ?.. Ни?!..

Знемигся Чипко. Якъ колода, повалывся на лаву, та тилькы стогнавъ. Сылу ёго пидйихала важка, неспodивана туга; думкы помутылыся,—куёвдылысь у голови безъ порядку, якъ заверюха зимою. Не памьятавъ винъ, що думавъ; не почувавъ,—якъ тяжко стогнавъ.

— Чого ты стогнешъ, сыну?—пытае журлыво Мотря.

Мовчыть Чипко.

— Чы ты нездужаешъ?

Мовчыть.

— Ты спышъ, сыну?

Мовчыть.

Дощъ давно вже переставъ; хмары розійшлыся; выплывъ ясный мисяць, заглядавъ у викна, а на доливци и по стинахъ розмалёвувавъ чудни якись выводы—узоры. Мотря тыхенько пидвелась, пидійшла крадькома до лавы, де спавъ Чипко, заглядае въ ёго биле лыце. Очи ёму видъ знемогы закрылыся; зубы сцишлени; выдъ—страшный, гризный. У матери ажъ серце боляче повернулося одъ того выду страшного.

— Хай тебе крые маты Божа видъ усёго лыхого!—шенче вона.—Спы, сыну,—може переспышь.—Та прокынувшы на полу рядныну, лягла й сама хочъ задриматы.

Теперъ на Чипка не напала пропасныця, тилькы помарнивъ на выду трохы. За те сумъ обнявъ ёго голову. Такый сумъ та журба, що ажъ дывно: якъ такы такый молодый парубокъ, та такый сумный!

Сякъ-такъ добувъ Чипко пидпасачемъ до осени. Въ осены почалы зъ дида правыты гроши. Дидъ не дававъ, бо десяты карбованцивъ не було, а пьяты не прыйнялы. Потяглы дида, якъ до ризныци вола, до пана Польського въ двиръ. На Чипка налягла ще гирша журба, ще мицнише сповывавъ ёго смутокъ. То було, хочъ зъ дидомъ одведе душу, розважытся, а теперъ—дида нема, и въ двиръ не пускають!

VI.

Дознався.

Лягла зима. Выйшовъ Чипко на царыну; ходыть коло землянкы, голову повисывшы. Дидова оселя снигомъ прыкрыта; морозъ мали виконця позамуровувавъ; двери замело, забыло. Розгрибъ Чипко ногамы снигъ, одкынувъ трохы, одхылывъ двери, увійшовъ у землянку. Пусто та холодно! «Нема дида—думае Чипко—и землянка, така ще недавно прывитна, тепла, стала холодною та неодрадною. Отъ що робыть сыльный зъ немочнымъ,

' Вони и зъ моимъ батькомъ таке выро-

блялы,—одибралы и ёго видъ мене; я й ёго не знаю, не бачывъ; покрылы мою голову соромомъ, докорамы. Прокляти!»

Вертае Чипко въ село. Иде улыцею мымо шынку; роздывляется, прыслухается. Тамъ люде сновыкгають; тамъ чоловикы бидкаются своимъ убожествомъ та лютымы морозамы; тамъ молодыци сварятся черезъ тынъ. Коло шынку крепакивъ цила юрба, позбывалысь у купу. Крыкъ, гукъ, суперечкы, змагання.

Одни выкрыкують:—Що воны насъ дурять? Що воны надъ намы знущаются? Ще якись два рокы выдумалы,—ще трохы?

— А выдно, що трохы,—одказують други. Такъ воны, бачъ, намовылысь, щобъ не зразу пански рукы покаляты.

— Кать ихъ беры, зъ ихъ рукамы!—озываются трети:— воны звыклы чужымы жаръ загрибаты.

— Эге жъ. А теперъ прыйшлося своимы,—такъ воны хочъ ще два рокы!

— Такъ-то, выдно, имъ наши рукы подобалысь,—ришае сывоголовый дидъ.

— Ну, стривай!—крычыть знову хтось зъ горячишыхъ: —тилькы дійде до царя чутка, що воны и ёго, и насъ дурять,— знатымуть воны! Випъ ихъ заразъ у крепакы поверне, а насъ панамы поробыть.

— Це тоди буде, якъ на долони волосся выросте,—охоложуе неймовирный.

— Чого волосся выросте!—крычыть.—Скаже царь: будьте панамы,—ну, и будемо!

— Оть-тоди то буде!!—глузуе неймовирный.

— А вже жъ,—не те, що теперъ!

— Я бъ свого заразъ, якъ бовкуна, запригъ у санчата—та по дрова,—а то теперъ у хати така холоднеча, що ажъ вовкы выють.—каже хтось зъ гурту.

— Ну, вже и морозы! Ще такыхъ сю зиму не було,—загомонивъ гуртъ.

— То чы не пидемо гритысь до Галькы?

— Ходимъ,—ходимъ!—одказало разомъ килька голосивъ.

Юрба посунула въ шынокъ. Чипко пишовъ додому, повисывшы голову,—про все, що чувъ, роздумуючы.

На весну радытся Чипко зъ матирью:—Що, мамо, робыты!—дидъ у неволи, чы не взятысь мени зъ кымъ овець пасты?

— Знаешъ, сыну, яка моя рада?—каже маты.—Ось покынь ты свои вивци,—не викъ же ихъ тоби пасты.—Прыймайся краще коло земли. Не все жъ чужымъ та чужымъ іи робыты. Може якъ-небудь розгорюемось на скотынку: свій хлибъ буде. Самъ хазяиномъ станешъ. А на осинь, якъ Богъ прыведе диждаты, треба и объ чому иншому подуматы. Я вже стара, никчемна стала,—хто въ хати порядокъ дасть? Слава тоби Господы, и ты вже не малый... Други твоихъ литъ дитей мають.

Та не слуха Чипко матерынои рады. Стенъ, прывилля,—отъ що ёму снытся! «Я зрисъ, выкохався коло овець,—коло ныхъ и посывію»,—дума винъ.

На другый день пишовъ радытысь зъ громадою.

Не прыйняла ёго послугы громада. «Молодый ще, ненадежный. Намъ треба вивчаря старого, щобъ овець не порозгублювавъ». Такъ одказалы Чипкови хазяйськи головы и наставылы вивчаремъ якого-сь дида зъ другого села.

Тяжко образыла Чипка громадська неправда. «Чы я не служывъ? чы я не годывъ? чы за мене яка пропажа сталася?.. И де правда? де вопа? И громада, бачу, жыве крывдою. Скрызь однаково».

Вернувся винъ додому, трохы не плачучы. Хочъ-не хочъ—треба за плугъ братыся.

Закыпила въ Чипка въ рукахъ робота. Найнявъ плугъ воливъ; зоравъ поле; засіявъ, заборонывъ; зійшло—якъ щитка! У косовыцю ставъ за косаря,—выкосывъ двадцять копыць сина. Йе чымъ овечокъ у зиму годуваты. Насталы жныва,—мисячнои ночи жне. Розгорювався десь на десять рублывъ, купывъ у зайизжого цыгана стару кобылу; звозывъ хлибъ, поставывъ у току: оттаки

скырты понавертавъ! Дывуются люде, що Чипко до хазяйства такый удатный! А Чипко—дывысь—уже й хлибъ вымолотывъ--сама солома стоить; завалывъ увесь городъ ожередамы. Скоту нема. Продавъ Чипко бильшу половыну соломы, килька мишкивъ хлиба, та въ осены купывъ корову на ярмарку.

Радіе Мотря. Коло тіеи коровы, якъ коло дытыны, ходыть. Ось и телятко знайшлося. И молоко свое, и сыръ, и маслечко. Чого ще? И для себе йе, и для людей.—Продае Мотря молоко глечечокъ по глечечку, склада копійку до копійкы. Настягалося рубливъ на килька грошей,—та къ Риздву справыла Чипкови парубоцьку одежу: купыла добру сыву шапку, червоного пояса, чоботы добри юхтови. Дякуе Богови, що зъ Чипка выйшлы люде.

Ось знову весна-красна. Чипко такъ и прыпадае до хазяйства. Рано встае, пизно лягае,—та все въ поли, та въ поли. Хочъ не дуже радіе, та й не журытся: за роботою николы. Самъ на себе, на свою працю всю надію покладае. Прыпадае до того поля, наче закохався въ ёго. Не тилькы въ будень—и въ свято.

— Чого се ты, сыну, такъ унадывся въ те поле, що и у недилю не посыдышъ дома?—пытае Мотря.—Чы ты, бува, не нагледивъ чого тамъ?

— Эге жъ, нагледивъ...—сміется Чипко:—тамъ така перепелычка!

— Ты бъ соби пошукавъ, сыну, хазяйкы, а мени—помочи.

Чипко ничого не одказавъ: узявъ шапку, выйшовъ зъ хаты.

Недиля. День выпавъ якыйсь хмурный. Дощу не було,—тилькы десь сонце заховалося, небо сирымы хмарамы обмазалось. Сталы благовистыты до церквы. Чипко убрався, пишовъ зъ матирью. Вернулыся зъ церквы, пообидалы. Напоивъ Чипко корову, кобылу. Рано ще. Ходыть винъ по двору, нудытся.—Хиба питы?—дума.— Пиду... Іи не побачу—на поле налюбуюся».

Знявся й пишовъ. Перехопывсь черезъ мистокъ, доходыть до лукы. Колы чуе—знову той самый голосъ. Винъ увесь затрусывся, а серце—отакъ заходыло!

— «Ни, пострывай... теперъ не такъ!—прошепотивъ винъ; теперъ не счуешся звидкиля и лыхо складется!» Постоявъ ще —трохы, послухавъ, та прысивъ у борозну, й тыхо, якъ той злодій, порачкувавъ на голосъ.

Дивчына сыдила на обнижку, на зеленій трави, та плела винокъ зъ ромену, сокырокъ, травянокъ и другыхъ полёвыхъ квитокъ, що тутъ же недалеко на луци розстылалысь чудовнымъ цвитнымъ кылымомъ, напувалы пахощамы повитря. Вона сыдила спыною до того мисця, звидкиля пидкрався Чипко. Кругомъ неи обсыпано було квиткамы, натрушено травою; повна хвартушына того полёвого добра розстылалась на колинахъ. Дивчына знай опускала туды то одну, то другу руку, вытягала квиточку по квиточци, пидбирала одынъ колиръ до другого, сплитала до купы, перевьязуючы гнучкымы петровымы батогамы. Одначе робота ця забрала не вси іи думкы: дивчына стыха спивала. Тыхенькый подыхавъ витеръ, ворушывъ іи невелычки чорни кучери, що повыбывалысь на выскахъ зъ товстои та довгои косы, маявъ червоною шырокою стёжкою, заплетеною въ косу, и розносывъ по полю журлыву писню. По сумному голосу, по задуманому лычку можна було помитыты, що дивчына не жыла безъ лыха.

-- Здорова була!—гукнувъ ій на саме ухо Чипко, закравшысь зъ-за спыны.

Дивчына кынулась, затряслася: схопылась, щобъ утикаты, та высыпавшы на землю квиткы зъ хвартушыны, похопылася, знову опустылась на траву й стала обома рукамы гарбаты й кыдаты назадъ у хвартушыну полёве добро.

— А куды ты тепереньки втечешъ видъ мене?—пыта іи Чипко.

— Я й тикаты не буду!—перевившы духъ, одмовыла вона та й пидвела на ёго свои оксамытни очи.—О-охъ... та й злякавъ же ты мене... хай тоби!

Одъ искрыстого погляду, одъ іи голосу, свижого та дзвинкого, такъ и звывся Чипко!—«А хороша жъ яка! а люба та мыла!—промайнуло въ ёго въ думци.—Винъ стоявъ передъ нею

мовчкы та мылувався такою вродлывою красою. Мовчала й вона, пидбырала квиткы. Винъ осмилывся— сивъ поручъ зъ нею.

— Що це буде?—обизвався винъ першый, показуючы на недоплетеный винокъ.

— Хиба не бачышъ?—винокъ!—ажъ скрыкнула вона.

Знову замовклы обое. Винъ схылывся биля неи трохы на ликоть, та скоса поглядавъ на іи лычко, що видъ такои несподиванои тривогы зашарылось, здается—пашыло полумьямъ. Вона пидбирала квиткы, та звязувала въ невелычки пучечкы одномастныхъ колёривъ. Навкругы тыхо, гарно, зелено: тилькы буйни жыта стыха шурчалы довгымы колоскамы, мовъ розмовлялы зъ собою; одъ квитокъ пахощи разомъ зъ повитрямъ втягалысь грудьмы: й легко, и мыло було дыхаты.

— Се твое поле?—трохы згодомъ, якось боязко, спытала вона Чипка, не одрываючы очей одъ винка.

— Мое.

— И хлибъ твій?

— Мій.

— И то, пидъ гаемъ, твое?

— Мое.

— А я ту мисцыну найдужче люблю. Бачъ, яки на ій гарни квиткы ростуть. Чипко не потрапывъ, що ій одмовыты, та замисть того уставывсь на неи очыма. Розмова перервалася. Хвылына... дви... Чипко не спускае зъ неи очей.

— Чого ты дывышся на мене?—обизвалася вона, скынувшы на ёго поглядъ.—Дывысь—яку моду выгадавъ... мовъ зйисты хоче!

Чипко не одрывае очей. Такъ ёму мыло дывытыся на неи.

— Не дывысь!—скрыкнула вона, та й затулыла ёму очи своею рукою.

Чипко—самъ не свій: такъ ёму любо, що вона доторкнулася до ёго выду своею биленькою, пухленькою рукою. Здается, якъ бы можна, такъ бы гамкнувъ за мызынчыкъ-пальчыкъ, що свитывся навпроты свита, якъ рожева квитка. Вона въ одну мыть прыняла руку. Винъ знову, осмихаючысь, упьявъ свои очи.

— Не дывысь! чуешъ?.. а то повернуся!—Та взяла справди повернулася до ёго спыною.

Чипко, якъ мала дытына, перелизъ на другый бикъ, та все такы заглядае въ вичи.

— А-а-а, осоружный! прычепа! не дывысь, кажу! не дывысь!!—Та давай ёго винкомъ по голови й по выду быты.

«Бый—дума Чипко—бый дужче... бый хочъ цилый викъ такъ,—тилькы не прогонь видъ себе... мени такъ любо та мыло зъ тобою».

Вона трипала объ ёго винокъ, а винъ тилькы осмихався. Винокъ швыдко розсыпався; головкы одъ квитокъ поодлиталы; бадылля вона кынула геть у траву—й зацокотала:

— Бачъ, що ты наробывъ? бачъ, що? бачъ?!—та згорнувшы по-нидъ ликтямы свои били рукы, сама вже посылала ёму бисыкы очыма

Чипко не выдержавъ. Якъ китъ на мышу, такъ винъ кынувся до неи; мицно-мицно здавывъ іи цупкымы рукамы, влипывшы въ щочку такый поцилунокъ, що ажъ выляскы роздалыся, наче хто ударывъ долонею зъ усіеи сылы.

— Пу-у-сты... пу-у-сты-ы!—закрычала дивчына, пручаючысь. Винъ іи ще мицнище прыгортавъ, покы вона, выпручавшы руку, не мазнула ёго по выду. Тоди винъ выпустывъ.

— Ну, та й ударыла жъ,—ажъ закрутыло въ носи!—каже винъ, скрывывшысь.

— А чого жъ ты лизешъ, безсоромныку?.. Радъ, що саму дивчыну застукавъ на поли, то вже й лизе!—каже вона. А въ самои очи такъ и сміются, такъ и грають!

— Дурна ты... хиба що?

— Якъ що? Онъ, послынывъ... ве-е!—Та й стала вытыраты рукавомъ щоку.

— Не одкусывъ же!—сміется Чипко.

— Ото бъ добре, якъ бы одкусывъ. Тоди бъ я тоби й очи выдрала!

— Якъ бы подужала.

— Тоди бъ побачывъ.

Розмова зновъ унышкла. Вона кудысь геть-геть дывылася, а винъ—на неи. Повинувъ витрець, розирвавъ дымчасту хмарку, що заступала сонце; воно зъ-пидъ неи выплыло въ своїй пышній краси и обдало ихъ хвылямы блыскучого свиту, наче гарячымъ золотымъ дощемъ обсыпало. Жыта зашамотилы, пиднимаючы до горы свои похылени колоскы.

Дивчына прямо глянула Чипкови въ вичи: якъ разъ стрилася зъ його очыма, та, спустывшы внызъ довги й густи віи, запытала:

— Де ты бувъ, що такъ довго тебе не выдно було? чому ты сюды не прыходывъ?

—Николы було,—не прызнается Чипко, а самъ соби подумавъ:—чому я іи не зустричавъ тутъ?

— Що жъ ты робывъ?—вона йому.

— Коло хазяйства...

— А въ тебе земля ще де йе?

— Ни, нема.

— А хата йе?

— Йе.

— А батько та маты? браты та сестры?

— Одна маты.

— Де жъ ты жывешъ?

— У Пискахъ. А ты де?

— Тоби навищо?

— А ты же мене пытала?

— На що жъ ты розсказувавъ?

— Скажы хочъ, якъ тебе звуть?

— Такъ, якъ хлибъ жують...

— Чыя ты?

— Батькова та матерына...

— Чудна ты!

Винъ прылигъ грудьмы на землю, пидперъ свое лыце обома рукамы пидъ щокы, та пыльно-пыльно задывывся на неи.

— Чы ты справди налагодывся мене зйисты? Чого ты вытрищывъ очи?

— Бо хороша дуже...

Вона всмихнулася, навела на ёго свои чорни очи—гладыла нымы, вабыла...

— Иды жъ соби до-дому. Чого ты прыйшовъ? Ковтнуть хоче, не давъ винка доплесты!..

— На що жъ ты побыла?

— Чого жъ ты лизъ, безсоромныку? Геть соби!—Та якъ пыхопе ёго рукы своимы, такъ Чипко клюнувъ носомъ у зелену траву. Вона зареготалася молодымъ та дзвинкымъ смихомъ, мовъ хто срибло роскотывъ по золотій тарильци.

Не вспивъ Чипко пидняты голову, колы чуе—щось гукае: —Галю!.. Галю!.. Галю!..—Дивчына кынулася, стрепенулася. Чипко дывытся то на неи, то въ той бикъ, звидкиля вчувся голосъ.

— Хто то?—пытае винъ.

— Не знаю!—промовыла вона, та якъ сполохнута перепелка, разомъ зирвавшысь зъ гниздечка, прожогомъ пурхае въ гору,—такъ вона одскочыла видъ ёго, и—тилькы окомъ моргнуты—майнула подовжъ жыта.

Чипко пидвився, вставъ, выпрямывся, не спускавъ іи зъ очей. Вона, якъ выхоръ, майнула густымъ жытомъ: воно тилькы розлягалося за нею, якъ розлягаются хвыли пидъ натыскомъ дужои рукы, що керуе човномъ. Дали та дали—пролынувшы черезъ квитючу луку, вона пиднялась на гору, стала зъ очей зныкаты. Чипко пидтюпцемъ побигъ соби въ догонку за нею Вона скрылася за горою. Винъ напружывъ ногы, паче доганявъ злодія. Мыттю выскочывъ на гору, перевивъ духъ; глянувъ на долыну—и ёму въ вичи кынулось ось що. Коло хутора, гонъ може за двое видъ гребеню того самого згирка, на котримъ стоявъ винъ, пидъ двором, стояла товста, пидстаркувата жинка, наставывшы руку надъ очыма видъ сонця, та на всю околыцю гукала Галю. Дивчына бигла прямо до жинкы, та ще здалека озывалася:—«Чого вы? Я—ось! Ось-осё—заразъ! заразъ!». Незабаромъ вона опынылась коло жинкы, та разомъ обыдви й пишлы въ двиръ.

— Ну теперъ же я знаю, чія ты!—промовывъ голосно Чипко й весело повернувъ назадъ.

Писля того винъ ажъ мовъ прояснывся трохы: зъ лыця спала давня туга, зъ очей не выглядавъ давній смутокъ: ставъ винъ веселійшый, прывитнійшый; иноди можна було й писню почуты видъ ёго... Щастя ёго маныть до себе, пестыть, голубыть доброю надією; свитъ ёму любо всмихается; дывытся на ёго Чипко не злымъ окомъ, прыслухается чуткымъ серцемъ: хочется ёму увесь мыръ обняты, втерты ёму слёзы, втыхомырыты горе...

Повернется винъ до себе думкою,—чуе, якъ у голови борюкается острахъ зъ надією: то надія подужае острахъ, то острахъ надію... Отже надія все-такы зверху! «А може... всёго на свити буває! Часомъ убогый покохає багачку, а багачка убогого, та й поберутся»... А страхъ знову сполохне надію: «Може москаль іи панови судовому кохає... не попусты, Боже! завьяне, помарніе свижый квитъ пидъ холоднымъ, жовтымъ поглядомъ нелюба... погаснуть ясни очи, поблекнуть рожеви уста... захляне душа... Не доведы, Господы! не одна душа згыне, а разомъ ажъ дви! А може...—прорывается на верхъ такы надія:—счастя, якъ трястя». И очи въ ёго засяють радистю; серце затрипоче въ грудяхъ вильнище.

Зъ того часу поле якъ прычарувало ёго: перебуде день, два,—та й иде. «Може хочъ здалека побачу, колы не доведется побалакаты». Ходыть по полю, зъ нывы на ныву, видъ шляху до горы, видъ горы до шляху; всюды ныкає, до всёго додывляется. «Отутъ іи вперше зобачывъ... осьдечкы винокъ плела... ось та мисцына, де сыдила... сюды тикала... А це—выдно—недавно ходыла, бо свижый слидъ»... Дывысь—не стямывся й звидкы выхопылась, та й почемчыкувала жытамы,—тилькы одежа матнается... Чипко помитывъ,—берегтыся стала.

— Ачъ, утикла!—мовыть винъ голосно.—Генъ-генъ уже... за горою. Ну, та й дивчына жъ!!

И вертає винъ назадъ у Пискы, радый та веселый, що хочъ здалека побачывъ.

VII.

Хазяинъ.

Ну, а Грыцько що?

Грыцько—не промахъ. Якъ тилькы почувъ, що дида въ двиръ беруть: «Э-э, колы такъ,—мабуть годи на баранахъ йиздыть, годи за вивцямы ганяты, бо невелыка зъ ныхъ корысть. Ось, служывъ-служывъ, то тилькы й того, що на мени. Часъ, мабуть, про хлибъ подуматы. Подумавъ—та тіеи жъ такы весны й покынувъ дида. Выходылы на заробиткы пищане,—потягъ и Грыцько зъ нымы; скынувъ черезъ плече косу, а за спыну—торбыну зъ сухарямы, лыхеньку свытыну та не кращи й чоботы.

Невидоми мисця, котри довелось Грыцькови вперше переходыты, люде, якыхъ ёму лучылося стричаты,—все це мало незвычайный вплывъ на парубка. На все те винъ дывывся, рота роззявывшы.

— Ачъ, якъ люде жывуть! Ачъ, якъ будовы помуровалы! яки двери, викна повставлялы!.. всёго тебе, якъ у води выдно! И що то воно коштуе? Адже, якъ бы взявъ цеглыну та пошпурывъ у шыбку—мабуть бы й за рикъ не одслужывъ за неи! Таке багатство, таки роскоши!—думавъ винъ, проходячы шыроку улыцю велычезныхъ магазынивъ.

Улыця—справди надывовыжу. По обыдва бокы цилымъ муромъ вытяглысь у струнку высочезни палацы—били, якъ снигъ, и зелени, якъ рута, и блакытни, якъ кытайка. Пистрота кыдалась въ вичи. Парубокъ не знавъ, на чому зупынытыся, навищо подывуватысь: чы на блыскучи проты сонця, якъ крышталь, двери, надъ котрымы высила, або стояла по бокахъ здоровенна червона або блакытна дошка зъ золотою наковкою, або зъ гарнымъ малюнкомъ усякои всячыны—машынеріи, окуляривъ, хлиба, ковбасъ, свынячыхъ окостъ; чы на дзеркальни въ чоловичый зристъ викна, зъ котрыхъ вызыралы на вулыцю, до ладу розставлени ризни золоти й срибни выробкы, пистрилы всякымы колирамы сытци, шовкови саеты блыщалы, мняки оксамыты сызилы, червонилы, цile море робленыхъ квитокъ, якъ жыви, вабылы носа

понюхаты. По улыци, зъ одного и зъ другого боку, проходылы лавамы люде; по середыни, бытій каминемъ, гуркоталы кареты, каляскы, хваетоны; дзеренчалы звозчыцьки дрожкы.

Заробитчане проходылы мымо магазына зъ дытячымы цяцькамы.

— Дядьку Остапе!—обернувсь Грыцько до одного зъ своихъ:—що то?

— Ляльќы.

— Навищо?

— Панамъ на играшкы...

— А дывится, що то за звиръ—роззявывъ такъ страшенно рота, немовъ тебе зйисты хоче? Гляньте, якъ у роти червоно! А зубы яки?! Отъ, якъ-бы такого выпустыты, та піймавъ винъ кого на зубы!..

— Хиба, ты думаешъ, винъ жывый? То зроблено зъ чого-сь.

— Невже? Де жъ такы?! Вы гляньте: онъ якъ у его очи блыщать!

— То що, що блыщать? И очи ему шкляни повставлялы.

— А чого жъ винъ такый страшный? И навищо робыты таку страшну играшку?—допытувавсь Грыцько, прыглядаючысь кризь шкло до неи.

— Та хай ему цуръ! Ходимо... а то ще тутъ по гамалыку заробымо.

Пишлы. Одначе въ Грыцька зъ ума не сходыла та страшна лялька. «И що воно за звирюка?—думавъ винъ.—Грыва тоби—якъ у коня; а саме—Богъ его знае, навищо зхоже! А люте мабуть? Лютище вовка!.. Не даромъ рота роззявыло, зубы выщырыло... А чы воно то можна такого чоловикови зловыты? Навряд чы зловышъ! Воно, мабуть, дужче видъ найдужчого чоловика. А чы я бъ то его подужавъ? Ни, мабуть. И Чипко бъ, мабуть, не подужавъ,—а вовка винъ разъ самъ на самъ одигнавъ видъ овець. Цього наврядъ чы одженешъ. И де воно заведется таке! Господы ты мій мылый!..

— Дядьку Остапе!

— Чого?

— Що воно таке за звирюка ото?—пытае знову Грыцько, якъ перейшлы воны вулыцю зъ магазынамы, та йшлы трохы глухишою.

— Та я й знавъ, якъ его зваты, та забувъ!

— Кого тамъ зваты?—пытае третій чоловикъ.

— Звирюку. Тамъ мы бачылы въ викни одного: грыва била, саме руде, голе, рота роззявыло, немовъ тебе проковтнуты збирается!—одмовляе Грыцько.

— А хвистъ довгый?.. на кинци зъ кытыцею?

— Эге-ге!

— То—левъ.

— Левъ?!—вымовывъ здывованый Грыцько.—Що жъ то воно за левъ?

— Звирь такый. Царь надъ звирямы...

— Царь?! Такъ ото той царь!! А нестеменный тоби царь! Уже, мабуть, що тилькы винъ не скаже, то коженъ послухае. Бо де его, такого страховыща, не послухаты?

— А звисно. На те винъ и царь,—одмовля чоловикъ.

— Та мабуть же винъ и здоровый дуже, сыльный?

— А вже жъ—сыльный: сыльнише видъ усякого звира.

— Якъ же его ловлять такого?—пыта Грыцько.

— Якъ? Звисно,—якось ловлять... прырозумилы якось, колы, кажешъ, держать у хати.

— Его, мабуть, одынъ нашъ царь тилькы и зможе пійматы; а нашому братови—не сикайся!—каже Грыцько.

— Такъ! царь тоби ловытыме!—увернувъ дядько Остапъ.—Пошле такыхъ, якъ ты... отъ и ловы!

— А що жъ у насъ нигде такого не чутно, щобъ ловылося?

— Та воно у насъ не водытся.

— А де-жъ?

— Десь за моремъ.

— А хиба за моремъ йе земля?

— Богъ его знае. Выдно йе, колы цей звирь зъ-за моря.

— А чого жъ стари люде кажуть, що за моремъ уже земли немае, а тилькы тры кыты... на ныхъ и земля держытся...

— То, може, воно тамъ, мижъ тымы кытамы, й водытся!— одказавъ третій чоловикъ. Розмова на цимъ обирвалася.

Йшлы вже заробитчане мовчкы, нога за ногою, коженъ самъ—зъ своею думкою.

Выйшлы зъ миста въ поле на бытый шляхъ. Туть уже инчи речи клопочуть Грыцькову голову, инчи думкы захоплюють ёго серце. Середъ шырокого й просторого степу, ривного якъ долоня, надъ котрымъ носывся тилькы буйный витеръ, та чорный воронъ колы-не-колы скрыкувавъ надъ головою, прорызуючы звонко повитря своимъ дужымъ крыломъ, або степова чайка кыгыкала, зъ купыны на купыну злитаючы—мовъ за дыткамы плакала маты,—тутъ ёму думка розмалёвувала картыну за картыною. То передъ его очыма выводыла обставы городського жыття, бучного, шумного, клопотлывого: усе те ревло та клекотило, якъ вода въ прырви, й лякало ёго своимы роскошамы, бiганыною, выгукамы, та выкрыкамы. Заквылыла чайка—и разомъ перенесла ёго думку на село, въ тыху сильську хатыну, нагадала про жинку, про дитокъ. Жиночка така маленька, чепурненька, швыденька,—усе въ неи до-ладу якось не тилькы въ хати, а и у работи: швыдко вона повертается, дило горыть въ неи въ рукахъ—чысто, гладко. Дывытся винъ на іи роботу, а самого жаль бере, що вона такъ працюе. Винъ ажъ розрывается, щобъ найбильше зачепыты, найважче самому зробыты, а жинци щобъ менче зосталося, щобъ вона не натрудыла своихъ билыхъ рукъ. Хай колы й робыть, то-такъ, ненарокомъ, мовъ для играшкы, а не видъ нужды.—А прыйде свято, недиля, пидуть воны у пари до церквы, зъ церквы—обидаты: писля обида—полягають спочыты. А тутъ—дывысь: Ивась або Васылько прылизе, стае дыбкы коло матери, спыняется на іи руку—не дае задриматы.

— Пиды, Ивасю, пиды гратыся—каже маты, покы тато задримае...

— Ди-ма-е... ма...—лепече дытына.

— А тато чуе це, дывытся на дытыну кризь віи и серцемъ радіе. Сынъ одступывъ одъ матери; дыбае малымы ногамы до ёго. Винъ повернувъ на бикъ голову—скоса поглядае на дытыну.

— Бачъ, бачъ!—збудывъ батька,—каже маты:—не давъ спочыты...

— Бу-дывъ... цы-ты,—одно лепече дытына.

— А батько визьме прута, та-ажъ-ажъ-ажъ-а!

Дытына стоить, пыльно дывытся то на батька, то на матиръ.

— Жа-жа!.. жа-жа!—промовыло й соби за матирью, замахуючы малою ручкою коло батькового выду.

— Ой, ты, сучый сыну! за що ты бьешъ батька? Ось постій: я тебе закыну,—обизвався винъ; пидвився, бере на рукы дытыну—гойдае. Дытына лежыть—усмихается. Жинка любо, прыязно поглядае то на дытыну, то на чоловика...

— Ничого бъ я въ свити не хотивъ,—шептавъ Грыцько середъ такыхъ думокъ,—тилькы бъ хату теплу, жинку любу, та малу дытынку! А то бъ—усе мавъ: хлиба бъ мы заробылы за лито, та й зажылы бъ цилу зиму!

Голублячы таку думку въ серци, непрымитно переходывъ винъ безкраи степы безъ утомы, безвидни довги шляхы безъ некучои згагы;—тилькы й бажавъ, щобъ швыдче статы на мисце, заробыты грошей, вернутысь у село, купыты дворыще, одружытыся, та й зажыты сильськымъ громадяныномъ.

У мисти дуже багато крыку та галасу, а въ сели найкраще—й тыхо, й вильно... Прыйшлы воны на мисце, Грыцько не кыдався своихъ. Цилою громадою сталы воны на косовыцю до сина, а потимъ до хлиба.

Легка тому робота й сама найважча, сама найбазарнійша, хто іи робыть по своій воли, за-любкы, хто пестыть у серци надію, що не марно вона йде, що черезъ ту роботу винъ засягне свого счастя, котре ще й не выдне, ще не чутно ёго й шелесту, котре десь далеко-далеко, ще за скилькома рокамы праци, нужды, всякого горя, малюе ёго думка рожевымы квиткамы надіи. Легко тому за всячыну братысь,—робыть винъ, якъ вилъ, безъ утомы: працюе, якъ хазяинъ, завжды веселый, покійный.

Такъ робывъ Грыцько весну й те лито. За цилый день выпускавъ косу зъ рукъ тилькы тоди, колы треба було попойисты та выспатысь. И спавъ винъ ту коротеньку литню ничку мертвымъ сномъ, якымъ тилькы спыть чоловикъ, вымореный важкою роботою. А тилькы що свитова зоря займалася, почынавъ жеврити схидъ сонця,--знову въ Грыцьковыхъ рукахъ звывалась коса, якъ та гадюка, по ривному степу. Хазяинъ зглянувся на ёго щыру працю, похвалывъ ёго й набавывъ трохы плату.

— Лыбонь ты, Грыцьку, маешъ думку городы та села закупыты, що такъ налягаешъ на роботу?—казалы ёму землякы-селяне.

— А що?—усмихаючысь казавъ Грыцько —Чого тутъ дывыться. Узявъ косу—чешы!

— Гляды лышень, щобъ очкуръ не урвався,—хто-небудь щыпне.

— Не бійсь: не твоеи вдачи!--одкаже Грыцько, та й знову за косу.

Одначе, якъ не щыро налягавъ Грыцько, якъ зъ мочи не рвався, а прыйшлося пидъ осень личыты заробиткы,--тилькы сотню и наличывъ!

— Воно й добре, дума самъ соби, адже все-такы трохы. Що ты зъ сотнею вдіешъ? Поганенькый грунтъ можна купыты,—такъ же до грунту ще багато треба. Де ты, объ вищо рукы зачепышъ?... Хиба на зиму зостатысь? И справди Грыцько зостався. Селяне пишлы назадъ до-дому, а винъ потягъ дали до Ростову. На дорози винъ зустривъ такыхъ, якъ и самъ.

— А куды?—завжде пыталы ёго подорожни.

— До Ростову.

— Не ходы до Ростову,—ходимъ до Херсону!—раивъ ёму одынъ зъ ныхъ.

-- Чому?

— Тамъ малый заробитокъ, а въ Херсони на корабляхъ дуже добрый.

— За те жъ дали.

— На пивтыжня... То що? Ходимъ!

— Та чы ходимо, то й ходимо,—подумавшы, одказавъ Грыцько, та й пишовъ зъ людьмы.

Прыйшлы воны въ Херсонъ ще зарани, обiйшлы городъ; роздывылася; пишлы на прыстань.

Лыманъ передъ ихъ очыма—скилькы засягнуты—леливъ; по ёму, мовъ велыки палацы, ходылы судна, берлыны, баркасы, плоты, а мижъ нымы и пароходы снувалы. А люде на прыстани, якъ черва ворушылысь, бигалы, всяку всячыну выносылы, крычалы, гвалтувалы.

— По полтынныку одъ сотни дощокъ!—крычавъ хазяинъ зъ плоту. Народъ бигъ туды.

— По тры семыгрывенныкы!—крычавъ зъ другого, и народъ, якъ хвыля, кыдавъ цей плотъ, перебигавъ до другого.

— По карбованцю день!—крычалы зъ судна.

— По карбованцю зъ четвертакомъ! По пивтора!—

Усякъ выкрыкувавъ свою цину, усякъ бигавъ, якъ несамовытый, одъ одного судна до другого, де бильше давалы,—одъ плоту до плоту. Сторгувавшысь въ цини, робитныкы залазылы на плотъ, або на берлыну, выймалы звидты усячыну; и неридко по поясъ у води—выносылы на головахъ дошкы, бочонкы, качалы на верёвкахъ сорокови бочкы.

Ставъ и Грыцько до одного плоту. За день—мало не тры карбованци заробывъ.

— Эге!—подумавъ винъ,—та це мисяць отакои роботы, то й багатыремъ станешъ! Отъ же-ба! Разъ—така робота не що дня й трапляется, а въ друге—зъ кожнымъ днемъ миняется й плата за роботу; то бильшае, якъ багато товару прысуне; то менчае, колы дви, чы тры берлыны. Одначе плата за день николы не падала видъ карбованця; за те бильшала иноди и до пьяты. Всетакы далеко корыстнише косовыци!

Грыцько радивъ, дякувавъ у души порадныкивъ. А робывъ—якъ той вилъ, цилый день; спавъ на голiй земли, або на колоддяхъ; устававъ, тилькы що на свитъ благословылося, та зновў за роботу брався; навить мало що йивъ, та й то все на ходу: пыльнувавъ, надолужавъ, якъ бы бильше заробыты!

Пизнёи осены, якъ уже плоты перестaлы прыгоныты, а баркы та судна колы-не-колы прыходылы, роботы треба було дожыдаты днямы, а не часамы.—Грыцько поличывъ свои барыши: дви сотни зъ лышкою лежало въ кишени! Грыцько радивъ, якъ мала дытына. Теперъ ёго надія, що, якъ выходывъ на заробиткы, ще тилькы мрилася,—стала выразнише выступаты передъ очыма: и огородъ зъ садкомъ, и нова тепла хата мовъ уже лежалы въ ёго кышени... Воно бъ таке, що й до-дому—жинкы пошукаты, та зима застукала.

— Яки тутъ у васъ заробиткы зимою?—пытавъ винъ знаёмыхъ херсонцивъ.

— Очереты косыты,—раилы ти.

Пишовъ Грыцько очереты косыты.

— Все жъ такы, хочъ на ти грошы прожыву та одягнуся, а весна настане—заразъ и потягну въ Пискы!

Мынула зима; наступыла весна. Знову закыпила робота то на прыстани, то въ поли.

Залышывъ Грыцько думку вернутысь по весни до-дому: одиклавъ на осинь. «А, може, тымъ часомъ надійде хто зъ своихъ, то тоди вже разомъ!» Грыцько не помылывся: прыйшлы весною пищане; роспытують—якъ, що, до чого; розсказують за Пискы—хто оженывся, хто замижъ пишовъ, хто вмеръ; розсказують, якъ трохы крепакамъ позначылося неволи, яки податкы...

— А Чипко,—якъ зажывъ, колы бъ ты знавъ, Грыцьку!—хвалятся ёму.

— А ще не одружывся?

— Ще. Та дурный буде, якъ не оженытся. Маты що-дня грызе голову; такъ усе одкладае, та й одкладае: не мае каже по мени пары!

Грыцько и тому радый.

— Мы зъ нымъ паслы вивци. Винъ парень добрый, та чудный соби. А теперъ, кажете, зажывъ? Отъ и добре!

Вытрудывъ Грыцько рукы ту весну й те лито; а въ осены—вернувся зъ своимы въ Пискы.

Якъ тилькы прыйшовъ, заразъ кынувся вышукуваты грунту. Тоди ихъ не труднація була купыты: козакы, почувшы за Кубаньски пустоши, що казна оддавала выселеньцямъ, шарахнулы на Кубань. Грыцько швыдко купывъ велычезный огородъ зъ новою хатою, зъ повиткамы, погребомъ, колодяземъ. За те все—щось пивторы сотни, чы що.

Купывшы грунтъ, почувъ себе Грыцько заразъ инчымъ,—немовъ на аршынъ вырисъ, немовъ потовщавъ. И люде заговорылы въ сели: «Отъ парубокъ! отъ хазяинъ»! Батькы та матери гострылы на ёго зубы, якъ на корыстного женыха,--особлыво убогши. Та Грыцько теперъ зовсимъ инчымы очыма дывывся на людей: до багачивъ горнувся, а на голоту дывывся зъгорда.

Мижъ парубкамы винъ поводывся зъ-высока. Якъ же лучалося ёму выйты на вулыцю, або питы куды на вечерныци,—винъ заразъ пускавъ имъ ману въ вичи. Де, мовлявъ, вы бувалы? що выдалы? Що вы знаете?.. Ось, якъ я бувъ,—отамъ и тамъ! Та иноди почне верзты таке, якъ той москаль, що вернувся въ ридне село по билету. Хлопци слухають, уха розвишавшы, роты пороззивлявшы. А винъ—таке плете, що й на голову не нализе! Правда, дивчата, постеригшы видразу таки балясы, по своій жартовлывій натури, часомъ и геть-то сміялыся зъ ёго, прышывалы квиткы ёму прылюдно, а про те на самоти кожна думала:

— Отъ бы за Грыцькомъ буты! Хата йе, огородъ йе, та й грошенята, мабуть, водятся,—не треба бъ на першый разъ дуже й працюваты. Отъ бы добре!

Отже Грыцько, хвастаючы своею бувалостю, пышаючысь своимы достаткамы, самъ теперъ думавъ не про убожество. Ему бажалося до свого добра прыточыты ще й жинчыне, щобъ выйшло одно, та велыке! Отакъ помиркувавшы самъ зъ собою, засылае винъ старостивъ до найбогатшого козака Лозы, котрый що року посылае въ дорогу паровыць по десять за силлю та за рыбою. Такъ же й Лоза Грыцьковои натуры. Винъ думавъ маты зятемъ не простого козака, не такого, що колысь у драныхъ штаныньятахъ за вивцямы бигавъ.

— Ще моя дочка не багато хлиба перейила, сыдячы дома,— одказавъ Лоза старостамъ.

Це трохы збыло пыху Грыцькови, осадыло ёго на нызъ. Винъ прытыхъ, прысмыривъ, навить зайшовъ якось до Чипка, котрымъ почавъ бувъ гордуваты,—та не заставъ дома.

Оселывся Грыцько на зиму въ чужій симьи, въ котрои кунывъ городъ зъ уговоромъ, що воны жытымуть до весны у проданій хати. Прыставъ у сусиды, хочъ и въ своій хати, та й почавъ роздумуваты: яку соби жинку браты. Хочется й багачкы: хочется, щобъ була и вродлыва. Довго винъ миркувавъ соби, перебравъ у думци всихъ дивчатъ на сели,—та самъ не счувся, якъ и колы закохався въ сусидчыну наймычку—веселу, моторну й робочу дивчыну, хочъ и невелыку красулю.

Хрыстя—такъ іи звалы—зосталася малою пислія батька-матери. Родычи, що можна було, рознеслы,—осталося тилькы днивъ на пьять поля, та й тымъ орудувавъ дядько, у котрого спершу вона й жыла. Якъ пидиялась на ногы,--бачыть: скилькы не робы на дядька, ничого соби не прыдбаешъ. Такъ вона кынула дядька, а сама пишла въ наймы. Перепелыха, заможня козачка вдова, що жыла недалеко одъ Грыцьковои хаты, найняла Хрыстю. Зажыла вона въ Перепелыхы, якъ у себе дома. Перепелыха була вже стара людына, добра, жалистна. Вона жыла велыкою симьею,— зъ дочкамы, сыротамы—внукамы, за котрымы треба було прыглянуты, нагодуваты, напоиты. Хрыстя—молода, весела, щебетуха, працёвыта дивчына; дядына ще змалку не давала ногамъ та рукамъ іи одпочынку, прызвычаила до роботы. Хазяйка вподобала наймычку; наймычка—хазяйку. Зъ боку дывлячысь, Хрыстя не наймычка, а дочка рідна.

Такъ оця то Хрыстя, нызенька, чорнявенька, не дуже хорошои вроды дивчына, якось ненарокомъ запала Грыцькови въ серце. Забувъ Грыцько про велыкый посагъ, якый думавъ засягты за жинкою; годи думаты про якусь незвычайну красу,— давай лыцятыся та женыхатыся зъ Хрыстею... Не довго тяглыся ихъ любощи: пислія водохрестя заславъ Грыцько старостивъ до Хрысти, а черезъ тыждень молоди й побралыся. На весну оди-

бравъ Грыцько въ дядька Хрыстыныну землю; купывъ парку воливъ та коривчыну за остатни гроши, яки заробывъ, плоты розбыраючы, очереты бьючы, та й ставъ тую землю ораты, спрягшысь зъ такымъ же, якъ и винъ, не багатымъ козакомъ—сусидомъ. Зажывъ Грыцько тыхымъ жыттямъ,—хочъ не такымъ, яке ёму за парубоцтва думка высновувала, а все-такы гараздъ,—такъ, якъ и люде. Зъ жинкою Грыцько жывъ мырно, любязно: ни лайки, ни сваркы не чула ихъ просторна, весела хата. Въ будни—обое воны працювалы; въ свято—ходылы вкупи до церквы; по обиди—спочывалы, або куды въ гостыну ходылы, або въ себе гостей прыймалы... И сталы воны мижъ людьмы, поважными хазяинамы, чесными, робочымы людьмы, добрымы сусидамы, на вдывовыжу парою...

— Отъ зъ кого берить, диткы, прымиръ, якъ у мыри жыты!— не одна, не дви матиркы радылы своимъ дочкамъ зъ зятямы, або сынамъ зъ невисткамы:—зъ Грыцька та Хрысти... Винъ зостався сыротою й вона сыротою.—А що зъ ныхъ выйшло? Чесною працею онъ-скилькы надбалы! Чесно воны й пожывуть ёго,—у мыру, та въ ладу, якъ брать зъ сестрою,—нихто зъ ныхъ и не замутыть... Одна въ ныхъ думка, одна рада. Отакъ, диткы, треба на свити жыты!

Панасъ Мырный та Иванъ Билыкъ.

(Кинець 1-ои частыны).

Письма къ Гр. Петр. Данилевскому.

(Продолженіе [1]).

Письма П. П. Сокальскаго [2]).

1.

Одесса. Декабря 27. 1858 г.

Милостивый Государь, многоуважаемый Григорій Петровичъ!

Узнавъ по письмамъ изъ Харькова, что Вы проживаете зиму въ этомъ градѣ, и утѣшаясь мыслью, что, можетъ быть, изъ памяти Вашей не совсѣмъ еще изгладилось имя нѣкоего Петра Сокальскаго, я рѣшился обратиться къ Вамъ съ этими строками. До слуха Вашего, можетъ быть, дошло извѣстіе о томъ, что съ 1859 года редакція Одесскаго Вѣстника (газета) передана въ руки брата, Николая Сокальскаго, и что въ связи съ этой газетой имѣетъ выходить ежемѣсячный журналъ: «Южный Сборникъ» также подъ нашей редакціей.—(Хотя номинально издаваемый про-

---

[1]) См. Кіев. Ст. 1903 г., № 2.

[2]) Петръ Петровичъ—музыкантъ и публицистъ, проживавшій преимущественно въ Одессѣ.

фессоромъ Ришельевскаго лицея Н. Максимовымъ, но это дѣло общее насъ всѣхъ). Замѣчательнѣе всего здѣсь то, что это—суть единственныя изданія на югѣ Россіи, исключая «Кавказа», коего поле дѣйствія совсѣмъ иное; были охотники, которые просили разрѣшенія издавать и другіе журналы, вѣстники и газеты въ Одессѣ, но всѣмъ отказано. Такимъ образомъ, волею судебъ, мы остались какъ бы на правахъ монополіи. Остается воспользоваться сими благопріятными условіями: «Одесскій Вѣстникъ», по своей зависимости отъ города, поневолѣ будетъ болѣе или менѣе оффиціаленъ, предоставляя лишь *фельетону* быть поразвязнѣе. Однакожъ, по своей спеціальности,—преслѣдованіемъ экономическихъ интересовъ Новороссійскаго края, даже событій на Востокѣ, для чего вездѣ есть у насъ корреспонденты,—онъ долженъ пріобрѣсти значеніе и занять принадлежащее ему мѣсто между газетами. Но большую часть нашей души, теплоту нашу мы отдаемъ журналу «Южный Сборникъ», въ которомъ надѣемся выразить прогрессивное и либеральное направленіе. Запасъ статей на первое время есть достаточный. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ по заглавіямъ: «Удовлетворяютъ ли акціонерныя компаніи экономическимъ потребностямъ Россіи»?—«О значеніи конкуренціи въ Новороссійскомъ краѣ»,—«Вліяніе откупной системы на государственный бытъ»,—«Византійскія женщины» (замѣчательная статья!),—«Похожденія провинціала въ столицѣ»,—«О татарскомъ элементѣ въ нашемъ общественномъ мнѣніи»—(сіе заглавіе имѣетъ быть смягчено),—«Ватиканъ»,—Стихотворенія,—«О юридическомъ образованіи въ Россіи» и т. д.—Журналъ нашъ независимъ ни отъ какого начальства, и потому можетъ принести свою долю пользы въ прогрессивномъ развитіи Россіи.

Извѣщая Васъ обо всемъ этомъ, добрѣйшій Григорій Петровичъ, просимъ и Васъ, какъ *литератора* и какъ *сына юга,* принять участіе въ нашихъ изданіяхъ, какъ прекраснымъ талантомъ Вашимъ, такъ и содѣйствіемъ къ распространенію ихъ въ обширномъ кругу Вашихъ знакомыхъ. Для полноты присовокупляю здѣсь слѣд. факты: 1) съ 1859 г. «Одесскій Вѣстникъ» улучшенъ въ форматѣ, внѣшнемъ видѣ и величинѣ. 2) Имѣются

телеграфическія сообщенія съ Питеромъ—чего прежде здѣсь никогда не бывало. 3) Имѣются корреспонденты въ Парижѣ, Нью-Іоркѣ, Аѳинахъ, Марсели, Константинополѣ, во всемъ Левантѣ, а также Болгаріи, Петербургѣ, Бессарабіи, и въ губернскихъ городахъ Новороссіи, также и въ Харьковѣ. 4) Имѣется постоянный фельетонъ.—«Одесскій Вѣстникъ» выходитъ 3 раза въ недѣлю. Цѣна для иногороднихъ въ годъ—12 руб. сер., въ полгода—7 руб. Годовые подписчики, приложившіе сверхъ 12 руб. сер.—еще 1 р. 50 к. сер. всего (13 р. 50 к.), получаютъ безплатно всѣ №№ журнала «Южный Сборникъ». Отдѣльная же подписка на «Южный Сборникъ» (ежемѣсячно листовъ въ 3—4, до 5) для иногороднихъ въ годъ—4 р. сер.

Надѣясь, что Вы не откажете въ Вашемъ благосклонномъ вниманіи къ нашей просьбѣ. Редакція можетъ увѣрить, что, какъ Ваши статьи, такъ и содѣйствіе Ваше къ успѣху изданій, будутъ приняты нами съ чувствомъ живѣйшей благодарности.— При этомъ случаѣ позвольте узнать Ваше мнѣніе на счетъ слѣдующаго: съ теченіемъ времени мы хотимъ просить Высочайшаго разрѣшенія на открытіе въ *Од. Вѣст.* подписки для сооруженія памятника *Богдану Хмельницкому*. Что Вы объ этомъ думаете? Будетъ ли это принято въ Питерѣ, какъ подобаетъ великой памяти этого геніальнаго мужа? Будетъ ли это популярно тамъ? Не откажите въ Вашемъ мнѣніи. Вы отлично знаете Петербургскую публику.—Что сталось съ Малороссійскими пѣснями Вашими? Публика ждетъ. Грѣхъ скрывать это золото подъ спудомъ.—На досугѣ, въ Америкѣ, я написалъ цѣлую оперу «Мазепа» съ стихами изъ Пушкина «Полтава». Отдѣльныя сцены думаю попробовать поставить и въ Одессѣ, въ переводѣ на итальянскій языкъ. Но по пріѣздѣ въ Питеръ, постараюсь вполнѣ приготовить и для русской сцены. Къ тому же времени надѣюсь и отдѣлать другую оперу, которая вчернѣ и готова уже. это— «*Майская ночь*», либретто изъ Гоголя вечеровъ на Диканькѣ. До тѣхъ поръ въ Одессѣ, изучаю трудную науку оркестровки.— А съ пѣснями Вашими, Григорій Петровичъ, что-нибудь сдѣлайте. Право, это—золото, настоящее золото! Позвольте, при

этомъ случаѣ, принести мое поздравленіе съ вступленіемъ въ брачныя узы; многоуважаемой Юліи Егоровнѣ, а также почтеннѣйшей Катеринѣ Адамовнѣ—прошу передать мое отличное уваженіе и желанія всякаго счастія и благополучія.—Льстя себя надеждою, что Вы не оставите этихъ строкъ безъ отвѣта, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ неизмѣнно преданный Вамъ П. Сокальскій.

P. S. Адресъ мой: Его В-дію П. Петровичу Сокальскому, въ д. Попудова, на Преображенской улицѣ, Одесса.

Подписка на изданіе: («Од. Вѣстн. и «Южн. Сб.»)—прямо въ *Контору Редакціи Одесскаго Вѣстника, въ Одессѣ.*

NB. Не знаете ли, что сталось съ Алисовымъ. М. И.?

2.

Любезнѣйшій Григорій Петровичъ!

Много, много виноватъ передъ Вами за долгое молчаніе; и особенно еще мнѣ стало совѣстно, когда Вы предупредили меня своимъ недавнимъ письмомъ. Но такъ какъ это все совершившіеся факты, то я Вамъ скажу только нѣсколько словъ въ ихъ разъясненіе. Я лѣнился отвѣчать по украинской натурѣ своей, а второе —по англійской привычкѣ—писать тогда только, когда это неизбѣжно. При редакціонныхъ занятіяхъ, отписки и отвѣты составляютъ весьма важную статью, отъ которой бѣгаешь, по возможности. Чаще всего пишу къ брату, но и это составляетъ 2 — 3 раза въ годъ. При такихъ обстоятельствахъ мнѣ казалось, что я уже отвѣчалъ на Ваше письмо тѣмъ, что исполнилъ все, что Вы тамъ поручали мнѣ; несмотря на то, я имѣлъ намѣреніе писать и Вамъ объ этомъ, для чего отложилъ Ваше письмецо отдѣльно на столъ, и только ждалъ случая узнать: все ли за границей Вы, или ужъ вернулись домой, и въ такомъ случаѣ, куда, въ деревню, или въ Харьковъ. О Вашемъ возвращеніи въ Россію я узналъ только въ августѣ (назадъ тому недѣли 4) отъ Д. Е. Замятина, который былъ въ Одессѣ. Онъ же можетъ сообщить

Вамъ, что я чувствовалъ за собою долгъ—написать Вамъ письмецо, и собирался сдѣлать это вскорѣ.—Вотъ Вамъ, добрѣйшій Григорій Петровичъ, хоть нѣсколько слабыхъ оправданій, которыя Вы вѣроятно примете по-дружески. Повторяю Вамъ, я потому только оправдываюсь передъ Вами, что люблю и уважаю Васъ. Теперь факты. 1) Письмо, которое Вы прислали изъ Ниццы, съ просьбою *напечатать его, если оно прійдетъ раньше 15-го марта, а въ противномъ случаѣ послать его г. Антонову вмѣстѣ съ приложеннымъ къ нему письмомъ*, пришло именно 15-го марта, вслѣдствіе чего, придерживаясь всегда строго и буквально желаній авторовъ,—мы препроводили и статью Вашу: «Голосъ за родину» и письмо къ г. Антонову—по *Вашему же желанію*—къ г. Антонову въ изюмск. уѣздъ. Стало быть, въ Од. В. письмо Ваше изъ Ниццы не было напечатано. 2) *Бюджетъ одного взяточника*—очень милъ и занимателенъ, и будетъ вскорѣ напечатанъ, при чемъ будутъ исполнены всѣ Ваши желанія, именно: 10 оттисковъ и корректурный листъ, въ случаѣ придирки цензуры, будутъ Вамъ высланы въ Чугуевъ. Я думаю, что со стороны цензуры, можетъ быть, будетъ затрудненіе въ пропускѣ слова: *министръ* (гдѣ част. приставъ разсуждалъ объ откупщикѣ, и т. д). Впрочемъ, увидимъ. 3) Если будете проживать нѣкоторое время въ Харьковѣ, отпишите какую-нибудь гадость, одну изъ тысячи, какими изобилуетъ этотъ грязный, болотистый городъ (въ переносномъ смыслѣ). Я думаю, нѣтъ въ Россіи города, который слѣдовало бы больше казнить и бичевать, какъ Харьковъ. Это сознательный подлецъ! О Вашей литературной дѣятельности скажу, что Вы съ каждымъ годомъ подвигаетесь впередъ. Ваши повѣсти за прошлый годъ я прочелъ съ удовольствіемъ,—и начало новой, въ этомъ году (въ библіотекѣ—*не вытанцовалось*) началъ и незамѣтно прочелъ всю до конца,—противъ обыкновенія своего не читать неоконченныхъ повѣстей, пока они не появились вполнѣ въ печати. Въ послѣдней повѣсти есть очень милыя личности, и очерчены живо. Хвалятъ также Вашу «Феничка» въ Свѣточи, которую я еще не читалъ, но прочту. Во всякомъ случаѣ, Вы идете постоянно впередъ. Одного только не могу

Вамъ простить: Вашихъ передѣлокъ сказокъ въ стихи. Это не эстетично.—Въ Свѣточи объ Васъ былъ очень лестный разборъ. Въ Современникѣ Чернышевскій,—о чемъ Вы также пишите,—въ обращеніи къ Вамъ оказался именно безчестнымъ. Онъ, во первыхъ, не правъ, а во вторыхъ—грубъ. Чтобы произносить подобные рѣшительные приговоры, слѣдовало бы ихъ подтвердить.—Намѣренія Вашего протестовать однакожъ не могу одобрить, по множеству причинъ. Конечно, это зависитъ отъ *формъ* протеста, но все-таки авторы никогда не защищаются передъ критикою сами отъ себя. Вы можете этимъ привлечь на себя остроты юмористическихъ изданій и уронить свое достоинство. Впрочемъ, повторяю, все зависитъ отъ формы, въ какой Вы напишете этотъ протестъ (который, конечно, Вы не назовете въ печати *протестомъ*)...—Въ заключеніе скажу Вамъ нѣсколько словъ и о себѣ. Я переселяюсь снова въ С.-Петербургъ. Переселеніе сіе совершится или въ будущемъ сентябрѣ 1861 года, или же въ нынѣшнемъ декабрѣ, т. е. черезъ три мѣсяца, что вѣрнѣе. Весьма вѣроятно, что къ Новому году я буду въ Харьковѣ. Мнѣ весьма хотѣлось бы встрѣтиться съ Вами при проѣздѣ и поговорить о разныхъ вещахъ. Если когда-нибудь Вы будете у брата, сообщите ему,—будете ли Вы жить зимою въ Харьковѣ, или въ деревнѣ. Онъ отпишетъ мнѣ о томъ. Заранѣе заявляю Вамъ, что я имѣю виды на Ваше собраніе малоросс. пѣсенъ. Конечно, если Вы будете скряжничать съ ними, то все это окажется безплоднымъ, но такъ какъ я, наконецъ, спеціально перешелъ въ область *музыкальнаго композиторства* (въ подготовленіяхъ къ которому прошло все то время, въ продолженіе котораго мы не видѣлись, послѣ встрѣчъ въ С.-Петербургѣ), то думаю серьезно заняться участью малоросс. пѣсенъ и въ С.-Петербургѣ хлопотать объ изданіи ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, везу въ Питеръ оперу: «Майскую ночь», успѣху которой могутъ помѣшать развѣ интриги, или внѣшнія обстоятельства, но не достоинства ея, въ которыя я вѣрю всей душой. Есть у меня музыка на «Мазепу», но ею я недоволенъ, и отложилъ на послѣ. А между тѣмъ, хлопочу заранѣе о *либреттахъ*. Знаете ли, что это такая трудная вещь,—

составить либретто для малоросс. оперы, какой Вы себѣ и не воображаете! На чистомъ малоросс. языкѣ—нельзя; нéкому будеть играть; на чистомъ русскомъ тоже нельзя; я остановился на слогѣ Гоголя (русская рѣчь, на малоросс. оборотѣ, конструкціи и *запахъ*)... Изъ малороссійскихъ сюжетовъ меня занимаетъ еще два: «Тарасъ Бульба» и «Чорная рада». Изъ сюжетовъ, болѣе русскихъ, но безъ сильныхъ элементовъ національности (что мнѣ нужно для отдыха, ибо утомляетъ національный стиль) я остановился на «Дубровскомъ» Пушкина. У меня есть даже готовые мотивы,—но либретто, либретто нѣтъ,—а самъ я не могу писать ихъ по 2 пр. 1) не владѣю стихомъ, 2) утомляюсь достаточно и музыкальною частью;—О, еслибъ Вы могли мнѣ помочь когда-нибудь по части либретто!

Весь Вашъ П. Сокальскій.

3.

С.-Петербургъ, 7 мая. 1863 г.

Любезнѣйшій Григорій Петровичъ.

Ужъ Вы не сѣтуйте на меня за долгое молчаніе—долгое, конечно, не въ смыслѣ Петербургскомъ, а Изюмско-Харьковскомъ—ибо я, по обыкновенію, имѣлъ намѣреніе соединить письмо вмѣстѣ съ отвѣтомъ на кое-какія дѣла и коммиссіи, какъ подобаетъ дѣловому питерцу. На сей разъ, къ сожалѣнію, я пишу къ Вамъ подъ спѣшную пору: совершенно нежданно завтра мнѣ приходится ѣхать въ Москву. Потому, вмѣсто длиннаго письма, какъ я располагалъ вначалѣ, пишу коротенькое. Во 1-хъ порученіе Ваше по дѣлу съ Вольфомъ исполнено. И хоть я 3 раза нарочно заходилъ въ его магазинъ, тѣмъ не менѣе его самого лично не могъ увидѣть: онъ цѣлые дни пропадалъ гдѣ то, такъ какъ теперь переводится его типографія и заведеніе изъ одного мѣста въ другое. Тѣмъ не менѣе я написалъ подробно все, что Вы хотите, и почтенный прикащикъ обѣщалъ непремѣнно все пере-

дать, и лично еще прибавить все, что нужно. По пріѣздѣ изъ Москвы я немедленно опять навѣдаюсь туда. Во 2-хъ, адресъ мой перемѣнился съ 1 мая. Отнынѣ онъ гласитъ такъ: П. П. Сок. Сбургъ, *по Демидову переулку, близъ банковскаго моста, домъ Карчевскаго, въ квартирѣ Бакмана, № 23.* Это тотъ самый домъ, гдѣ я жилъ прежде, только теперь въ другомъ концѣ дома, живу на дворѣ. Квартиру старую сдалъ по контракту, ибо дороговато обходилась. Мною приняты, впрочемъ, всѣ мѣры, чтобы все дошло до меня, по какому бы адресу ни писалось. На время отсутствія моего изъ Питера отъ 9 мая до 9 іюня, ровно мѣсяцъ въ Москвѣ, будутъ мнѣ пересылаться всѣ письма. Въ 3-хъ, благодарю Васъ за адресъ и статью Вашу. Скажу однакожъ откровенно, что редакція адреса не совсѣмъ удачна: можно было бы лучше и выразительнѣе. Вотъ старообрядцы то лучше всѣхъ отписались: истинно въ эпическомъ стилѣ! За ними костромичи, за ними рязанцы. Толки и опасенія войны усиливаются, хотя съ другой стороны говорятъ, что царь готовъ на всякія уступки въ пользу Польши.—Когда въ Вашемъ письмѣ дошелъ я до того, гдѣ Вы охотитесь за куликами и бекасами—слюнки у меня потекли. Чувствуете ли Вы все блаженство свое? Я думаю, что нѣтъ.—но я за Васъ чувствую. Новаго въ нашихъ кружкахъ немного. Были у насъ послѣ того еще многія засѣданія и митинги; Times послана куда слѣдуетъ. Концертъ въ пользу книгъ на малорусскомъ языкѣ отлично удался: около 500 руб. чистыхъ выручено. Костомарову страшно аплодировали Тамъ пѣли и изъ моихъ сочиненій Никольскій и Леонова, и съ успѣхомъ. Затѣвалась потомъ кампанія: не подать ли отъ лица литераторовъ адресъ Государю? Имѣлось въ виду просить о созваніи земскаго собора. Но засѣданіе, бывшее у Краевскаго на дому, разбило эту идею, и нашло ее нелѣпою. Сухомлиновъ уѣхалъ. Мы положили съ Костомаровымъ и Сухомлиновымъ ежегодно устраивать такой концертъ въ пользу малороссійскихъ книгъ. Но если я останусь въ Москвѣ, то, конечно, я не буду участвовать въ этомъ. Ѣду я въ Москву на мѣсяцъ, послѣ 3-хъ писемъ отъ Георгіевскаго къ Каткову, писали и Щербина, и Майковъ обо мнѣ, и очень хорошо

писали. Предубѣжденіе разсѣяно. По моему предложенію—пріѣхать для пробы на мѣсяцъ въ Москву, чтобы намъ ознакомиться другъ съ дружкою, и узнать дѣло, распредѣлить занятія,—они согласились. За это я попросилъ 200 рублей, ибо я бросаю всѣ дѣла свои и занятія въ Питерѣ и къ тому же издержки путевыя и мѣсяцъ жизни. *Они* согласились, и очень просили поскорѣе. Я, признаться, не ожидалъ такого быстраго соглашенія и оно застало меня врасплохъ. Послѣ мѣсяца житья, я опять вернусь въ Питеръ,—поживу въ Оренбургѣ лѣто, и если поѣду обратно въ Москву, то не ранѣе осени. Такой примѣрно планъ мой.—Прошу передать мой искренній поклонъ и привѣтъ Юліи Григорьевнѣ.—Во «Времени» въ апрѣлѣ началась моя статья: «Наши главные спорные пункты», гдѣ дѣло идетъ о національномъ началѣ. Для того же «Времени» написалъ я «Польскій вопросъ предъ судомъ нашихъ партій» и ее не пропустили. Такъ и пропали даромъ дни работы; если бы зналъ, то отдалъ бы оперѣ, которая у меня теперь очень подвинулась. За то я сдѣлалъ вмѣсто 3-хъ четыре дѣйствія. Иначе мнѣ всунули бы, по уставу театровъ, еще и балетъ, или водевиль; въ дополненіе 3-хъ актовъ оперы, и испортили бы впечатлѣніе. Я хочу, чтобы весь вечеръ *былъ мой*, и для сего 2-ое дѣйствіе разбилъ на два. Теперь ужъ не всунутъ водевиля, этой ложки дегтя въ бочку меда. Артемовскаго оперетта «Запорожецъ за Дунаемъ» оказалась слаба и безцвѣтна до крайности. Пишите въ Пчелу, чтоли. Если будетъ время, изъ Москвы отпишу что-нибудь. А Вы то пишите почаще: вѣдь есть же время за куликами ходить. А мнѣ очень пріятно читать Ваши письма. Отвѣчать только часто не могу.

Весь Вашъ П. Сокальскій.

4.

С.-Петербургъ. 10 іюня 1863 г.

Добрѣйшій Григорій Петровичъ!

Письмо Ваше изъ Харькова отъ 22-го мая я получилъ, или вѣрнѣе прочелъ по возвращеніи моемъ изъ Москвы, что случи-

лось въ первыхъ числахъ іюня. Благодарю Васъ за память и спѣшу отвѣтить Вамъ тѣмъ же. Много можно бы написать въ отвѣтъ на разные вопросы въ Вашемъ письмѣ, но я ограничусь, по обыкновенію, краткостью. Во первыхъ, адресъ мой съ 1-го іюня таковъ: *Въ Средней Мѣщанской, домъ Пойтелинга, № 5, кв. № 6.* Не удивляйтесь частой перемѣнѣ моихъ адресовъ (это уже третій за май мѣсяцъ); это происходитъ отъ независящихъ отъ меня причинъ. У меня отвращеніе къ перевозкамъ, и каждый разъ я переживаю точно лихорадку при перевозкѣ. Я столько на вѣку ѣздилъ, что одинъ видъ чемодана возбуждаетъ мои нервы: у меня теперь просто страсть къ своему *углу*, и если бы не опасенія войны, то я бы въ это же лѣто купилъ себѣ уголъ гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Питера. Во вторыхъ, на счетъ заглавій Вашихъ романовъ я не успѣлъ еще справиться у Вольфа, но буду тамъ на дняхъ. Изо всѣхъ Вашихъ заглавій мнѣ кажется только одно подходящимъ, именно: «На зарѣ», и при нихъ внизу: «Два романа изъ быта бѣглыхъ». Остальныя названія все вычурныя и неточныя. Еще кое-какъ можно помириться съ: «Послѣдніе аккорды крѣпостной жизни»; но въ такомъ случаѣ не надо уже ставить: «Два романа изъ быта бѣглыхъ».—И такъ, если позволите быть крестнымъ папашей Вашихъ романовъ, то я предлагаю: «На зарѣ». За симъ, что дѣлать,—отпишите: по возможности, все исполню. На счетъ московскихъ похожденій скажу слѣдующее: по уговору, я на мѣсяцъ прибылъ въ Москву, чтобы поработать при редакціи. Я проработалъ всего 3 недѣли,—послѣ чего мы успѣли придти къ опредѣленнымъ результатамъ: въ настоящую минуту я отказался вступить въ редакцію, по разнымъ неудобствамъ,—но сохранилъ за собою и за ними готовность вступить *впослѣдствіи* въ соглашенія. Они увидѣли, что я точно могу быть полезнымъ имъ; я увидѣлъ, что тамъ точно есть надъ чѣмъ работать—вотъ и все. Нуждаются они въ пополненіи состава сотрудниковъ по политическому отдѣлу въ Моск. Вѣдом., гдѣ работаетъ Георгіевскій, Капустинъ и нѣсколько переводчиковъ. Имѣлось въ виду отпустить на мою долю—слѣдить за Америкой и Франціей; Англію, Испанію и Италію и часть передовыхъ статей— Капустину;

Германію, Турцію, Грецію, Скандинавію и часть передовыхъ статей—Георгіевскому. При семъ 2, 3 переводчика,—и все подъ главною отвѣтственностью Георгіевскаго, какъ завѣдующаго политическимъ отдѣломъ. При нуждѣ я бы согласился,—и, можетъ быть, когда-нибудь соглашусь. Но теперь отказался до времени. Работать подъ рукою—не совсѣмъ мнѣ по душѣ. Да и вся обстановка этого труда—грязновата, по-московски. Входъ въ контору есть въ то же время черный ходъ К° М°; въ редакціи, гдѣ каждый день отъ 10, 11 часовъ до 4, 5 работать приходится, нѣтъ ни одного цѣлаго стула, темно, никакого комфорта. Наконецъ отношенія выходятъ неопредѣленныя, и время указало бы, что изъ насъ 3-хъ одинъ лишній, если два работаютъ какъ слѣдуетъ. И искать то они стали потому, что Капустинъ немного легко работаетъ, а разстаться съ нимъ не могутъ, по старымъ связямъ. Что касается до лицъ, то Капустинъ—премилый человѣкъ; Георгіевскій—работящій и съ большими познаніями. Леонтьевъ—практикъ, я съ нимъ имѣлъ длинный разговоръ, и мнѣ онъ понравился; Каткова лицезрѣлъ только единожды; голова крѣпкая, и на твердой почвѣ стоитъ. Только со всѣми этими господами трудно сойтись человѣку, пропитанному петербургскимъ ядомъ. Они не понимаютъ оппозиціи Питера и издѣваются надъ нею. И хотя они тоже, съ своей стороны, правы, защищая свою точку зрѣнія, но они удалены отъ мерзостей источника, и не живутъ ежедневно ненавистью, какъ приходится *бѣдному* Питеру. Они также не понимаютъ Малороссіи. Потому внутренно съ ними я не могу сойтись, да и никогда не сойдусь. У насъ все-таки есть своя отчизна—Украйна, а Питеръ тѣмъ хорошъ, что онъ космополитъ. Тутъ всѣмъ можно жить.[1] Въ Москвѣ надо быть москвичемъ. Ну, а перерождаться въ наши лѣта—невозможно. Я сію минуту получилъ письмо отъ брата Nicolas изъ Одессы. Онъ всячески меня отстраняетъ отъ всякаго завербованія моей личности и тянетъ въ Одессу. Готовъ даже гарантировать мнѣ 2000 р. годового жалованья, если его планы удадутся. Онъ затѣваетъ сдѣлать кое-что пошире изъ Одесск. Вѣст. Скажу Вамъ откровенно, туда, *на югъ*, и душа тянетъ. И очень можетъ быть,

что я къ 1864 г. буду въ Одессѣ. Въ этомъ же мѣсяцѣ братъ увѣдомитъ меня обстоятельно.—Я же теперь принялся оркестровать оперу. Хочу къ октябрю кончить, такъ чтобы, кончивъ ее, ѣхать въ Одессу. Это тѣмъ болѣе важно, что на сюжетъ «Майской ночи»,—какъ сообщили мнѣ пока по секрету—пишетъ гр. Соллогубъ либретто для Леви (музыканта). Надо опередить и скорѣе кончить. Передайте мой душевный поклонъ Юліи Григорьевнѣ. Желаю удачнаго разрѣшенія, и въ особенности *сынка*. Дай же Боже! Съ малороссами нашими давно не вижусь, да и всѣ почти разъѣхались. Я рѣшительно *противъ* поляковъ, á tout prix. Войны ждутъ, скоро ли, поздно ли; Питеръ укрѣпляется, и острова.

Преданный Вамъ П. Сокальскій.

5.

1863 г. С.-Петербургъ. 26 августа.

Добрѣйшій Григорій Петровичъ!

Счастливая звѣзда вновь тянетъ меня на югъ. Съ 1-го сентября, если вздумаете писать ко мнѣ, то вотъ адресъ: П. П. Сокальскому, въ Одессу, въ редакцію Одесскаго Вѣстника. Я выѣзжаю отсюда 3-го сентября, и надѣюсь быть 15-го въ Одессѣ. Ѣду бѣлорусскимъ трактомъ на Островъ, Черниговъ, Кіевъ, etc. Вещи свои уже отправилъ и самъ бы поѣхалъ сейчасъ, еслибы не любопытство увидѣть «Юдиѳь» Сѣрова, которая назначена на 1-е сентября. (Ее давали въ маѣ, но я былъ тогда въ Москвѣ). Я не писалъ Вамъ до сихъ поръ, потому что, въ сущности, по Вашему дѣлу нечего было писать. Сообразно Вашему желанію, я былъ нѣсколько разъ у Вольфа и наконецъ достигъ того, что лицезрѣлъ его лично. Онъ мнѣ съ свойственнымъ ему остроуміемъ замѣтилъ, что Данилевскому тутъ нечего хлопотать; денежки взялъ себѣ и кончено. А ужъ мой интересъ заставитъ меня прибрать эффектное заглавіе его романамъ. «Золотую волю» цензура запретила. Посему, если Данилевскій хочетъ, пусть при-

шлетъ мнѣ дюжину, другую названій (заглавій), и я уже выберу на досугѣ. За симъ мы разстались. Вольфъ, кажется, не спѣшитъ печатать, и по всему видно, что онъ считаетъ ваши заботы совершенно излишними, предоставляя самому себѣ выбрать и время, и мѣсто, и заглавіе, и шрифтъ, и т. д. Благодарю Васъ за посвященіе мнѣ разсказа «Бѣглый лакей» въ Одесск. Вѣстн. Это съ Вашей стороны большая любезность. Свою оперу, которую я сначала твердо рѣшился ставить въ этотъ зимній сезонъ ($18^{63}/_{64}$), я вновь отложилъ до слѣдующаго сезона ($18^{64}/_{65}$), когда для этого нарочно пріѣду изъ Одессы въ Питеръ. Главное—отставка *Леоновой*, дѣлала невозможною постановку въ этотъ сезонъ, ибо у меня партія *Prima donn'ы* для контральто. А второе, что при самомъ ускоренномъ трудѣ, она бы—по справкамъ это оказалось—не явилась бы готовою на сценѣ ранѣе апрѣля или мая 1864.—Въ Одессу я переселяюсь на 5 лѣтъ, а можетъ быть и навсегда сдѣлаю ее центромъ своего пребыванія. Въ Питеръ не буду дѣлать экскурсіи. Украинскій вопросъ, какъ Вы уже конечно знаете, наткнулся на двухъ враговъ: Валуева и Каткова. Пока они въ силѣ, вопросъ будетъ стоять. Теперь запрещены изданія учебныхъ и священныхъ книгъ на малоросс. языкѣ. Остаются только пѣсни, да думки позволенными. Костомарова предполагаютъ (министръ Н. П. Головинъ) послать въ почетное изгнаніе—въ поѣздку по Славянскимъ землямъ. Головинъ, впрочемъ, сильно стоялъ за Украину и украинцевъ, но не въ силахъ одолѣть мѣдноголовыхъ. Мой нижайшій поклонъ Юліи Григорьевнѣ.

Остаюсь весь Вашъ П. Сокальскій.

Предъ отъѣздомъ у меня тьма заботъ, хлопотъ и посѣщеній. По сему за краткость не сѣтуйте!

6.

Павловскъ. 1862 г. Іюль 10.

Добрѣйшій Григорій Петровичъ!

Я имѣлъ удовольствіе получить Ваше письмо отъ 16 іюня, вмѣстѣ съ приложеніемъ Харьковскихъ вѣдомостей и извѣстіемъ

о скоромъ окончаніи либретто. За все это премного благодарю Васъ.—За симъ постараюсь дать Вамъ по пунктамъ кое-какія объясненія.

1) Когда кончите либретто и будете высылать его, то до 1-го сентября (и даже до 15 сентября) мой адресъ таковъ: П. П. С—ому, *въ г. Павловскъ, царскосельскаго уъзда, домикъ Хованскаго, № 10, противъ вокзала.* Въ сентябрѣ опять перебираюсь въ Питеръ. Я очень буду жалѣть, если Яковлевъ, о коемъ Вы пишете, не найдетъ меня въ Питерѣ.—На счетъ либретто я уже терялъ всякія надежды и принялся за новое. Но Ваше письмо дало мнѣ кое-какія надежды увидѣть, наконецъ, давно жданное либретто. Жду съ нетерпѣніемъ.

2) *Бъглые.* На счетъ бѣглыхъ, т. е. рецензіи о нихъ, не могу Вамъ сказать ничего опредѣленнаго. Какъ Вы знаете, Совр. и Рус. Слово закрыты на 7 мѣсяцевъ; остаются только Свѣточъ, Отеч. Зап. и Библ. для чтенія. Изъ нихъ я мало вхожъ въ редакціи: немного только съ старцемъ Андреемъ знакомъ,—но въ О. Зап. Дудышкинъ главное лицо. У нихъ всѣ отдѣлы, особенно критическіе, на откупу, такъ сказать. Все проводятъ какіе то взгляды, и все *свои* люди пишутъ.—Я полагаю, что слѣдуетъ наперетъ на С. П. Вѣдомости, которыя съ 1863 г. поступаютъ къ Коршу. Въ первыхъ №№ этой газеты въ 1863 г. появится литературное обозрѣніе за минувшій годъ. Писать его будетъ Анненковъ. Если Вы знакомы съ нимъ, то по пріѣздѣ Вашемъ въ Питеръ, можетъ быть Вы напомните ему и о «Бѣглыхъ». Если же мнѣ представится таковой случай напомнить, то Вы можете быть увѣрены, что я не пропущу его. Съ Коршемъ я познакомился недавно, и онъ имѣетъ даже меня въ виду для музыкальнаго отдѣла въ С. П. Вѣдомостяхъ въ 1863 г., о чемъ у насъ былъ краткій разговоръ. Въ августѣ Коршъ переселяется въ Питеръ, и вѣроятно я съ нимъ встрѣчусь.—Я Вамъ скажу прямо: что всей душею желаю Вамъ быть полезнымъ по журналистикѣ: но Вы знаете, она вся состоитъ изъ *дрязгъ.* Поэтому мое мнѣніе таково: надо обождать. Это потому необходимо, что самая *соль* рецензіи на вашихъ Бѣглыхъ можетъ быть основана только на

либеральныхъ, политическихъ и національныхъ основахъ. А теперь—реакція. Надо выждать время. Я думаю, что по пріѣздѣ Вашемъ въ Питеръ мы потолкуемъ объ этомъ основательно. Вы должны также знать, что *напередъ намъ надо обезпечить пріемъ* нашей рецензіи гдѣ-бы то ни было. Ибо если писать для того, чтобъ ее нигдѣ не приняли, то игра свѣчъ не стоитъ. Вашъ пріѣздъ будетъ еще тѣмъ хорошъ, что мы вмѣстѣ обсудимъ, на что болѣе напереть.—Странно, что въ *Основѣ* ничего не говорится о бѣглыхъ. Я замѣтилъ это когда то Бѣлозерскому. Да кто жъ напишетъ?—спросилъ онъ; у меня никого нѣтъ въ редакціи, знающаго этотъ край... Разговоръ замолкъ на томъ.—Но какъ Основа не платитъ за статьи (о чемъ самъ редакторъ жаловался скудостью средствъ), то я и не предложилъ своего содѣйствія.—Во всякомъ случаѣ, рецензію на Бѣглыхъ надо чѣмъ-нибудь *мотивировать.* Присяжный критикъ въ журналахъ, конечно, могъ бы между прочимъ сказать и о нихъ; но *не присяжный* не можетъ. Такими мотивами могутъ быть: обозрѣніе литературы за цѣлый годъ, выходъ вашего романа отдѣльной книжкой, какой нибудь особенный повый взглядъ, и т. п.—Итакъ, Вы видите, что я смотрю серьезно на это дѣло, и рецензію на «Бѣглыхъ» считаю необходимымъ сдѣлать не *слегка,* а основательно. Иначе, никакого интереса и эффекта не будетъ.—Теперь лѣто; все въ затишьѣ. Съ осени опять зашевелится все, и *тогда,* вѣроятно, на что нибудь рѣшимся. Я очень буду радъ, когда Вы пріѣдете. Фортепьянишка, о которомъ Вы вспоминаете, у меня ужъ нѣтъ: я купилъ себѣ порядочное роялино.—Недавно кончилъ комедію въ 5 дѣйств., сюжетомъ которой—наша мачеха и ея пансіонъ. Это въ нѣкоторомъ родѣ мщеніе за всѣ подлости ея семейныя. Думаю ее пустить осенью куда-нибудь; всего вѣроятнѣй—во Время.—Ѳ. Достоевскій уѣхалъ за границу лѣчиться. М. Достоевскій былъ у меня однажды на дачѣ, въ Павловскѣ. Кстати, Вы ничего не упоминаете, получили ли Вы письмо мое изъ Петербурга мѣсяца два или три тому назадъ. Вашимъ поѣздкамъ завидую. Когда будете слышать пѣсни, то примѣчайте кое-какія подробности (для меня): напр., какъ вступаетъ хоръ,—разомъ, или

постепенно? если поетъ запѣвало (solo), то то ли самое, что и хоръ потомъ, или свой собственный мотивъ? Не случается ли гармонія, или больше все одногласіе? Меня очень полюбилъ Костомаровъ. Все убѣждаетъ, на малороссійскомъ языкѣ либретто чтобы было, и предлагаетъ выхлопотать содѣйствіе Кулиша. Но я отказываюсь. Я составилъ между тѣмъ планъ оперы: *Богданъ Хмельницкій.* Когда кончу, прочту Костомарову, чтобы съ его благословенія и писать. Я его чрезвычайно люблю. А какъ онъ музыку любитъ! Вообразите, справлялся у меня объ «исторіи музыки» и «теоріи музыки», хочетъ почитать и познакомиться теоретически.—Въ моихъ дѣлахъ музыкальныхъ у меня большею частью неудачи. Недавно написалъ маршъ на «Тысячелѣтіе Россіи»,—исполнить негдѣ. Затѣялъ общество любителей музыки,— и уже дѣло пошло въ ходъ, но пожаръ 28 мая вмѣстѣ съ прочими бумагами М-ва Внутр. Дѣлъ спалилъ и мой проектъ и прошеніе. Надо возобновлять и опять всю процедуру съ начала проходить. Что касается до рекламъ въ Харьк. Губ. Вѣд., то они, конечно, для мѣстныхъ жителей имѣютъ свое значеніе; но я не совсѣмъ радъ, что туда попало извѣстіе объ оперѣ, которая еще Богъ знаетъ когда осуществится. Я до такой степени раздраженъ различными препятствіями въ музыкальныхъ дѣлахъ своихъ, что даже сталъ избѣгать всякихъ разговоровъ о нихъ; затѣй много, а ничто не удается. Да и вообще я все болѣе и болѣе перехожу къ мизантропству: кругомъ все такъ гадко, и въ литературѣ и въ искусствахъ (музыкѣ), что я всегда очень радъ, когда могу забыть всю эту мерзость въ своемъ тепломъ углу у рояля.

Мой нижайшій поклонъ Юліи Григорьевнѣ.

Весь Вашъ П. Сокальскій.

7.

Павловскъ. 2 августа. 1862 г.

Я только что получилъ Ваше письмо отъ 22 іюля, и обрадованный *истинною* радостью, сейчасъ же взялся за перо. *Сто*

тысячъ благодарностей Вамъ, добрѣйшій Григорій Петровичъ, за либретто! Я заранѣе надѣюсь изъ Вашего описанія, что будетъ хорошо и что я буду доволенъ. Что касается до либретто на украинскомъ языкѣ, то я надолго (если не навсегда) отказался отъ него, и не знаю, съ чего Вы взяли, будто я хочу *Богдана* на украинскомъ языкѣ писать. Напротивъ, и онъ будетъ на русскомъ. Нѣкоторыя сцены уже приведены въ стихъ; весь сценаріумъ (т. е. планъ сценъ) разбитъ. Даже на музыку положилъ татарскую пѣсню и финалъ, гдѣ Богданъ подымаетъ къ войнѣ козаковъ. Такъ какъ дѣло о либретто, въ ожиданіи близкаго его прибытія ко мнѣ, считаю оконченнымъ (Богданомъ я занялся на досугѣ, въ ожиданіи Майской почи), то я поговорю съ Вами о другомъ. Не отчаивайтесь, о Бѣглыхъ я не могъ Вамъ написать ничего утѣшительнаго потому, что въ журналистикѣ мой кругъ дѣйствій очень малъ пока, да можетъ и надолго. Онъ ограниченъ Од. В., Земледѣльч. газетою и Временемъ. Съ другими редакціями я не близокъ и притомъ два изъ нихъ: Совр. и Русс. Слово (закрытые нынѣ) по принципу не дали бы мѣста разбору Бѣглыхъ. Но это еще ничего не значитъ. Я считаю нравственнымъ долгомъ—непремѣнно замолвить въ Петерб. журналистикѣ доброе слово о Бѣглыхъ. И Вы можете быть увѣрены, что рано или поздно я это выполню. Меня это занимаетъ еще потому, что когда нибудь я соберусь съ силами и поговорю о холопствѣ въ нашей литературѣ. Это холопство причиною того, что такъ мало цѣнили и говорили о Меѣ, Полонскомъ и теперь о Васъ. Вы никому не ходили на поклонъ, не лизали подножія алтарей нашихъ гнусныхъ критиковъ и редакцій—и на Васъ гоненіе. И повѣрьте, пока честный голосъ не раздастся въ критикѣ, до тѣхъ поръ кумовство будетъ главной мѣркой таланта автора. Напр. о Козьмѣ Igнинѣ Островскаго всюду болтали, а о Мея «Псковитянкѣ» почти нигдѣ. Но при семъ замѣчу Вамъ, что, вдаваясь все болѣе и болѣе въ музыку, я слабѣю въ литературѣ. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы Вы приняли къ сердцу такую мысль: когда Вы пріѣдете въ Питеръ, то общими силами можно написать или обдумать громоносную статью о холопствѣ въ ли-

тературѣ: тогда можно будетъ выставить Вашихъ «Бѣглыхъ» въ яркомъ свѣтѣ. Напр. о Добролюбовѣ кричали много, а потому, что былъ кумъ у него въ редакціи, Островскаго вывезъ Мартыновъ, тотъ же кумъ въ своемъ родѣ. Меня никто не вывозилъ, Васъ никто. Соврем. и Русск. Слово запрещены не за какую либо статью, а вообще за направленіе соціалистическое и коммунистическое. Изъ статей послѣдняго времени, впрочемъ, обратили на себя вниманіе начальства въ Рус. Сл.—стихи В. Крестовскаго съ какимъ то царемъ іудейскимъ (я уже забылъ ихъ заглавіе) а въ Соврем. статья Гербышевскаго: «Научились ли?». Связи между пожарами и литературой не открыто никакой да и нѣтъ. Въ распространеніи воззваній также дѣйствуютъ отдѣльныя лица, безъ всякаго общенія между собою, изъ общества. До такихъ результатовъ, говорятъ, достигли всѣ розыски по сіе время, болѣе ничего не извѣстно въ оффиціальномъ мірѣ. Теперь очень разъярились на эти воззванія: множество арестовъ и въ Питерѣ и въ Москвѣ сдѣлано. Въ Питерѣ арестованы между прочимъ, какъ Вамъ вѣроятно уже извѣстно, Чернышевскій и Серно-Соловьевичъ. Первый за то, что состоялъ, какъ говорятъ, въ переискѣ съ Герценомъ. Новостей въ Питерѣ много, но большая часть ихъ неутѣшительна или неудобна въ писаніи. Реакція—замѣтная въ правительствѣ. Костомаровъ недавно написалъ статью о пожарахъ, гдѣ доказывалъ, что пожаръ на Руси никогда не имѣлъ политическаго значенія. Статью сію запретила цензура. За лѣто я не видался почти ни съ кѣмъ изъ литературныхъ щелкоперовъ и потому новостей кружковъ никакихъ не имѣю для передачи Вамъ. Прошу передать мой нижайшій поклонъ Юліи Григорьевнѣ, Въ ожиданіи увидѣться съ Вами въ Питерѣ остаюсь преданный Вамъ П. Сокальскій. Съ 1-го сентября мой адресъ: Его Высокородію Сергѣю Павловичу Щепкину въ С.-Пб. въ Спасскомъ переулкѣ (возлѣ Сѣнной), домъ Буха. Съ передачею П. П. Сокальскому.

8.

Виноватъ предъ Вами, добрѣйшій Григорій Петровичъ, что до сихъ поръ не написалъ Вамъ ни строчки въ отвѣтъ на по-

слѣднія два письма Ваши, за которыя очень благодарю Васъ. Вы знаете, что такое жизнь въ Питерѣ, что такое постоянная работа срочная, среди вихря разныхъ необходимыхъ встрѣчъ и посѣщеній. И теперь я вырвался отъ спѣшной работы только на пару словъ, надѣясь лично, при встрѣчѣ съ Вами, послушать Васъ и поговорить поподробнѣе. Во 1-хъ, адресъ мой таковъ: П. П. Сок. близъ Вознесенскаго моста, домъ № 80, Струкъ, кв. 13. С.-Пб. Это адресъ для почты. Дальнѣйшія подробности его: по Екатериненскому каналу, между Вознесенскимъ переулкомъ и Подьяческой, входъ съ канавы по парадной лѣстницѣ на самый верхъ. Это—на случай, когда Вы пріѣдете въ Питеръ и захотите меня навѣстить. Вамъ кланяется М. М. Достоевскій и проситъ черезъ меня извинить его въ томъ, что доселѣ не отвѣчалъ Вамъ; говоритъ, корректуры и цензура заѣдаютъ его. Онъ ждетъ Вашего «Сельскій агитаторъ» и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Если можно, то даже въ нынѣшній годъ желалъ бы имѣть его. Мой искренній поклонъ» супругѣ Вашей Юліи Григорьевнѣ и желаніе здравствовать сто лѣтъ отъ нынѣшняго числа. Такое же желаніе и Вамъ, добрѣйшій Григорій Петровичъ. Въ литературѣ реакція и тишина. *Либреттомъ весьма доволенъ и благодарю воченно за него.* Передѣлки, однако же, потребуются кое-гдѣ. Понемногу пишу музыку къ нему.

Въ ожиданіи встрѣчи остаюсь весь Вашъ П. Сокальскій.

9.

С.-Пб. 25 окт. 1862.

Добрѣйшій Григорій Петровичъ!

Ваше послѣднее письмо надѣлало много шуму въ моемъ дворцѣ (сирѣчь—головѣ). Я былъ очень, очень радъ за Васъ и бранилъ себя, потому что точно я виноватъ предъ Вами; я Васъ понялъ—и Вы правы. Это главное дѣло. Остальное зависитъ не отъ насъ, а отчасти и отъ насъ. Во всякомъ случаѣ всякія объясненія и пренія я отлагаю до пріѣзда и личнаго свиданія съ

Вами. А теперь позвольте позабавиться немного. Мнѣ кажется, что при нашемъ расположеніи другъ къ другу мы можемъ позволить себѣ иногда вольность, даже медвѣжьи шутки (до извѣстныхъ границъ) надъ собою. Я, напримѣръ, все какъ будто считаю своимъ правомъ иногда задрать Васъ или сказать Вамъ жесткое, рѣзкое слово, что ли,—и все потому, что мнѣ кажется, что я люблю Васъ. Вы не давали мнѣ этого права; но признакъ, что я незамѣтно присвоилъ его себѣ, не можетъ обмануть меня насчетъ Вашихъ отношеній. Я помню и знаю, что тѣхъ, кого я больше любилъ, съ тѣми то я болѣе всего и ссорился и говорилъ имъ много жесткаго, полагая, что любовь уполномочиваетъ на все. Да это и понятно: все хочется, чтобъ любимое существо было еще лучше, и хочется его исправить. Идеаловъ ищется. Вы видите, куда повернуло: мы, конечно, не влюблены другъ въ друга, но, вѣроятно, цѣнимъ обоюдно наши лучшія стороны и симпатизируемъ общимъ вещамъ въ искусствѣ. Сталкиваясь съ разными личностями и слыша иногда отзывы, между прочимъ, и о Васъ и про Бѣглыхъ, я всегда радовался за успѣхъ послѣднихъ въ публикѣ. Успѣхъ, точно большой. Но холопство читающей публики до такой степени сильно, далай-ламство «присяжныхъ» до того налегло на нее, что боятся даже прямо сказать, что зачитывались Вашихъ Бѣглыхъ. А это видишь между строкъ изъ похвалъ, высказываемыхъ съ какой-то робостью. Даже литературные враги ваши, какъ напр. Аѳанас. Чужбинскій, на мой вопросъ: «какъ понравились ему «Бѣглые»— замѣтилъ съ важностью, гмъ да! читаются съ интересомъ! Словомъ, Вы зажали ротъ Вашимъ критикамъ и они не знаютъ теперь, какъ начать, съ какого тона. Все это такъ. Но меня всегда раздражали непочтительные отзывы и шутки надъ Вами нѣкоторыхъ «сапожниковъ слова». Вездѣ, гдѣ случалось мнѣ слышать что либо подобное, всегда горой стоялъ за Васъ. Къ несчастію, иногда шутки попадали отчасти въ цѣль, и Вы точно невольно сами подавали къ нимъ поводъ. Это раждало и раждаетъ во мнѣ желаніе снабжать иногда Васъ тѣмъ невыносимымъ хламомъ, который въ просторѣчіи и въ дружбѣ прозывается «совѣтомъ». Мерзѣйшая это вещь, а искушеніе велико. Во первыхъ, плюньте на

Питеръ, пока онъ самъ не подастъ Вамъ руки. Въ немъ теперь въ литературѣ происходитъ реакція, а пока все выяснится, плюньте на него. Критика, преслѣдовавшая Васъ, теперь въ загонѣ, по крѣпостямъ, въ опалѣ. Браниться съ нею теперь не у мѣста, ибо она не можетъ отвѣчать. Если прежде она давала тонъ критикѣ, то теперь никто его на дастъ. Когда же критика снова заговоритъ, то это уже будетъ не тотъ тонъ. За періодъ реакціи выросла и публика и критика. Итакъ, понимаю вполнѣ Ваше страстное желаніе видѣть оцѣнку Вашего добросовѣстнаго, отличнаго труда,—понимая, насколько Вы оскорблены (повѣрьте, что я понимаю это вполнѣ и сочувствую Вамъ) равнодушіемъ критики, признавая вполнѣ, что Вы правы, правы, правы, я все таки посовѣтую Вамъ терпѣніе. А между тѣмъ, съ своей стороны, я рѣшился написать, quand même, рецензію на Вашихъ «Бѣглыхъ». Но не теперь, а къ 1863 г. т. е. въ концѣ 62 г. Досуга положительно нѣтъ. Но я пошелъ въ сторону... Дѣло въ томъ: съ чего это Вы такъ наэлектризовались?.. Начиная съ того, что Вы въ каждомъ письмѣ прибавляете—«пишите съ первой же (?!)» почтой и проч., точно мы влюбленные или новобрачные, которыхъ разлучили сейчасъ же послѣ перваго акта отождествленія, точно въ самомъ дѣлѣ у насъ съ Вами дѣла, не терпящія отлагательства (affaires argentes). Далѣе, я вижу точно, что Вы досужій человѣкъ и чрезвычайно этому радъ, потому что это даетъ Вамъ возможность мило писать (и пишите таки), а мнѣ читать хоть изрѣдка Ваши живыя письма. За все, за все благодарю, за то, и то, и проч. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что я досужій человѣкъ. У меня $^3/_4$ времени уходитъ на пріобрѣтеніе средствъ къ «сей бренной жизни», а $^1/_4$ на музыку. Итакъ, не вините и не приравнивайте къ мерзлымъ панычамъ Невскаго. Знайте, что я всегда радъ, когда получаю отъ Васъ письмо, и сейчасъ же отвѣчаю на него въ душѣ; а на бумагѣ—откладываю. Изъ прежнихъ порученій Вашихъ я нѣкоторыя не исполнилъ. Напр., хотя Вы и предписали мнѣ сдѣлать копію съ либретта и выслать немедленно какъ оригиналъ, такъ и копію обратно къ владѣльцу оныхъ, но я отложилъ это, потому что въ томъ же письмѣ, въ

которомъ получено было предписаніе, сказано было также, что Вы уѣзжаете скоро, стало быть адресъ Вашъ перемѣнится, чтобъ еще не пропали такія драгоцѣнности; это primo, a secundo: къ чему это? оригиналъ я сохранилъ и передамъ Вамъ при свиданіи съ великою благодарностью. Изъ за чего такая спѣшность, суета, срочность? Передѣлки кое-гдѣ потребуются. Кое-что я уже написалъ на Ваше либретто. Если же первое (т. е. предпослѣднее) письмо мое было слишкомъ кратко, то потому, что я имѣлъ въ виду лишь сообщить Вамъ *во время* свой адресъ. Остальное все было—только... Но не скрою, что вслѣдствіе работъ, я получилъ полную отвычку писать письма; только дѣловыя вызываютъ меня теперь изъ этой отвычки и тѣ, слава Богу, рѣдки. Великъ Аллахъ и его пророкъ! Мой нижайшій поклонъ Юліи Григорьевнѣ.

Весь Вашъ П. Сокальскій.

10.

Одесса 26 ноября 1863 г.

Письмо Ваше, отъ 15 ноября, почтеннѣйшій Григорій Петровичъ, я получилъ, благодарю Васъ за оное и спѣшу отвѣтить на кое-какіе вопросы. Во первыхъ, присланная Вами «исторія» оказывается неудобною для напечатанія въ газетѣ вообще и въ Од. В.—въ частностяхъ. Отрывочность этой «исторіи» и изолированность ея въ средѣ матеріаловъ Од. В. сдѣлали бы изъ нея странное *непереваренное* явленіе. Но она имѣетъ свои несомнѣнныя достоинства. И съ полнымъ правомъ должна занять мѣсто въ какомъ-нибудь археологическомъ или народно-этнографическомъ сборникѣ. Вы это сами, конечно, понимаете, и остается только жалѣть, если ужъ Вы себя считаете въ долгу предъ Од. В., что Вы не выбрали чего-нибудь болѣе живого и менѣе «архивнаго». Хоть бы нѣсколько словечекъ отписали, что дѣлается въ вашемъ околоткѣ или въ Харьковѣ, или нѣтъ ли сплетень какихъ, которыя всегда инстиктивно прилипаютъ къ Вамъ, какъ къ своему естественному меценату. Я говорю это, имѣя въ виду Вашъ во-

ображаемый долгъ и Ваше непонятное для меня стремленіе исполнить какую то формальность. Вѣдь послѣ этого я готовъ подозрѣвать въ Васъ скрывающагося чиновника: по моему откровенному мнѣнію, дѣлать—такъ дѣлать какъ слѣдуетъ, или вовсе ничего не дѣлать. Вотъ Вамъ мой дружескій выговоръ. Secundo. На Вашу поэтическую тираду о херсонскомъ піонерѣ я думаю сдѣлать маленьку замѣтку въ Од. В., которую Вы, вѣроятно, встрѣтите въ скоромъ времени, если почитываете наше посильное изданіе. Вѣра—отличная вещь и благо тому, кто вѣруетъ. Но я, признаюсь, въ этомъ отношеніи скептикъ, вѣрую только въ неминуемый кризисъ въ будущемъ. Послѣ него дѣло пойдетъ на ладъ. А такъ какъ дѣла идутъ теперь, въ своемъ видѣ,—то мы прійдемъ только къ экономичекому нигилизму. Многое крутится у меня въ головѣ по поводу разныхъ разностей, а пуще всего по поводу нашей Украины. Но въ письмѣ этого не передать. Я благославляю свою судьбу, что бросилъ во время Питеръ. Тамъ бы я околѣлъ скоро, какъ мнѣ объяснилъ доктериссимусъ. Я не выходилъ, по пріѣздѣ въ Одессу, почти цѣлый мѣсяцъ; оказался застуженный кашель, пріобрѣтенный по Каменнымъ, Васильевскимъ островамъ, разнымъ проспектамъ и Мѣщанскимъ. Сей кашель оказалъ свое раздражающее вліяніе на сердце и оно участило свое біеніе. Теперь я ужъ поправился, а весною надѣюсь, съ помощью купаній, войти совершенно въ норму. Я очень радъ, что Вы не ѣдете этой зимою въ Питеръ. Пріѣзжайте лучше въ будущую зиму, тогда мы вновь встрѣтимся. Я разсчитываю пріѣхать въ Питеръ въ началѣ 1865 г. и пробыть тамъ до мая, что ли, для постановки оперы. Въ этомъ году я не успѣлъ бы ее вполнѣ окончить и потому, ради здоровья, я убѣжалъ изъ Питера, ибо серьезно начиналъ тамъ хворать. Что за чудный воздухъ на Украинѣ! Проѣзжая теперь бѣлорусскимъ трактомъ на Черниговъ и Кіевъ, я упивался просто видомъ и родного неба, и родного народа, и родного языка и благодатнаго воздуха... Пребываніе мое въ Одессѣ имѣетъ еще тотъ интересъ, что я имѣю пять лѣтъ обезпеченнаго существованія, ибо на пять лѣтъ съ 1864 г. переданъ Од. В. въ управленіе брата, который пригласилъ меня

раздѣлить съ нимъ труды и выгоды по редакціи. Очень радъ, также, что «Время» возобновляется и что оно проситъ у Васъ романа или эпопеи. Пишите и отдавайте на вѣсъ золота. Но только я заранѣе предсказываю теперь «Времени» другія неудачи, оно не удержится, ибо братъ Ѳеодоръ, кажется, очень ужъ хвораетъ, а Михаилъ—на что онъ годенъ? Григорьева теперь у нихъ нѣтъ, онъ—на якорѣ. Страховъ слишкомъ наивный и благонравный публицистъ, а затѣмъ кто же у нихъ останется въ редакціонномъ мѣшкѣ?.. Вѣдь съ польскимъ вопросомъ Россія въ 5-ть мѣсяцевъ выросла гигантомъ; теперь уже..... на тему «почва» будетъ не эффектной, когда не поймутъ, куда именно претъ человѣкъ. А чтобы дѣльно поговорить о почвѣ, надо много учености, таланта и знанія Россіи. Вѣдь почва—народъ. Ну, а куда вы дѣнете имперію? А если почва—народъ, то кто такое Москва, кто Бѣлоруссія, кто Латыши, чего они хотятъ и какъ нужно съ ними обойтись? И что такое имперія? Чего она хочетъ? Мишенькѣ ли съ такими вопросами возиться! ему бы только сигары пробовать, да защищать разницу между Бафра и Мариландъ. Словомъ, въ будущность «Времени», я болѣе не вѣрую. За то я болѣе чѣмъ когда-нибудь сталъ вѣровать въ будущность Украины: сознаніе своего *я* видимо пробудилось повсюду, и я убѣдился въ этомъ во время своего переѣзда по Украйнѣ. Спѣшить нечего, жертвъ теперь не надо еще, надобно только обращать въ новую вѣру язычниковъ, дремлющихъ въ невѣдѣніи, умножать прозелитовъ. Такъ порѣшили мы и на послѣдней сходкѣ въ Питерѣ, гдѣ Костомаровъ устроилъ, по случаю отъѣзда моего, прелестную вечеринку у Артемовскаго.—Опера Юдиѳь Сѣрова—вещь толковая, но нѣмецкая. За то какъ онъ заважничалъ послѣ нея. Елена Павловна подарила ему 1.000 р. за оперу, въ качествѣ мецената; онъ ужъ на Лжедмитрія хочетъ писать оперу. Передайте мой поклонъ брату и Юліи Григорьевнѣ. Занятій у насъ теперь тьма по случаю кризисныхъ мѣсяцевъ въ подпискѣ: декабрь, генварь и февраль утѣшаютъ судьбу издателей. Весь Вашъ П. Сокальскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Тимоѳей Бордулякъ.[1]

Сынъ крестьянина, Тимоѳей Бордулякъ, извѣстный въ украинской литературѣ подъ псевдонимами Т. Бондарышынъ и Т. Ветлына, родился 2 февраля 1863 года въ селѣ Бордулякахъ, Бродскаго уѣзда. въ Галиціи. Село Бордуляки расположено надъ рѣкою Стыромъ, среди зеленыхъ луговъ и дремучихъ сосновыхъ лѣсовъ. Здѣсь-то, среди красотъ сельской природы, подъ родительской кровлей и протекло дѣтство писателя. Начальное образованіе Бордулякъ получилъ въ народной школѣ мѣстечка Станиславчика. Отъ села Бордуляковъ оно расположено въ разстояніи трехъ четвертей мили, и маленькій Бордулякъ раннимъ утромъ отправлялся такъ далеко въ школу, а домой возвращался уже довольно поздно ночью. Среднее образованіе онъ получилъ въ украинской львовской гимназіи. Отецъ Бордуляка не настолько былъ богатъ, чтобы онъ могъ дать своему сыну всѣ средства, нужныя для жизни въ городѣ, вдали отъ родного села, и потому, во Львовѣ, Бордулякъ, какъ и большая часть крестьянскихъ дѣтей, жилъ въ бѣдности и самъ долженъ былъ для себя добывать средства къ жизни, занимаясь уроками. Несмотря на это, въ гимназіи онъ учился хорошо: основательно изучилъ нѣмецкій и французскій языки, прочелъ много разныхъ книгъ, особенно любилъ читать

---

[1]) Источн.—«Осип Маковей. Тимотей Бордуляк (Т. Ветлина)». Л.-Н. Вістник, 1898 р. т. III (кн. VIII—IX).

Шевченка, Федьковича, Гейне, Ленау и Гельти... Изъ гимназическихъ учителей большое вліяніе на Бордуляка имѣлъ покойный профессоръ Дамянъ Гладиловичъ, памяти котораго авторъ посвятилъ впослѣдствіи свой сборникъ разсказовъ: «Ближні».

После окончанія гимназіи Бордулякъ хотѣлъ было поступить на философскій факультетъ Львовскаго университета, но отсутствіе всякихъ средствъ къ жизни заставило его поступить въ духовную семинарію, богословскій факультетъ университета. Четыре года университетской жизни Бордулякъ употребилъ не только на изученіе богословія, но и на общее свое образованіе. Въ это время онъ изучалъ языки и литературы: русскую, польскую и французскую, читалъ солидныя изслѣдованія по эстетикѣ и критикѣ; два года слушалъ лекціи украинскаго языка и литературы извѣстнаго профессора Омеляна Огоновскаго; кромѣ этого изучилъ еще итальянскій языкъ. Вообще, будучи въ университетѣ, Бордулякъ серьезно поработалъ надъ своимъ литературнымъ развитіемъ... Послѣ посвященія во священники въ 1889 году Бордулякъ былъ «сотрудникомъ» (викаріемъ) сначала въ с. Утиховичахъ Перемышльскаго уѣзда, потомъ, съ весны 1890 г., въ с. Голгичъ Подгаецкаго уѣзда. Весною 1893 г. онъ былъ назначенъ «самостійнымъ парохомъ» въ с. Городыщу, Тернопольскаго уѣзда, гдѣ пребываетъ и до настоящаго времени.

Писать Бордулякъ началъ еще будучи въ гимназіи, за что товарищи считали его «великимъ» поэтомъ, хотя онъ тщательно скрывалъ отъ нихъ свои литературные опыты. Въ гимназіи имъ было написано множество стихотвореній и одна большая поэма изъ исторіи Украины подъ заглавіемъ: «Свята могила». Изъ всѣхъ этихъ опытовъ лишь переводъ изъ Гейне «Русалка» былъ напечатанъ («Зоря», 1887 р. ст. 60); остальное, какъ очень слабое, не могло появиться въ печати и это такъ повліяло на автора, что онъ изорвалъ всѣ свои гимназическія стихотворенія. Въ бытность свою въ университетѣ Бордулякъ ничего не писалъ: онъ хорошо видѣлъ, что съ тѣмъ запасомъ знаній, какимъ онъ тогда обладалъ, нельзя выступать на литературное поприще, и поэтому все свое свободное отъ занятій время посвящалъ литературному

образованію, откладывая свою литературную работу на то время, когда онъ отправится въ село, гдѣ онъ, какъ ему казалось, будетъ имѣть много свободнаго времени. Но предположенія его не оправдались. Будучи, «сотрудныкомъ» въ с. Утиховичахъ, Бордулякъ имѣлъ такъ много служебныхъ обязанностей—три села, три церкви, множество прихожанъ были на его попеченіи,—что писать было некогда; въ это время онъ перевелъ одинъ только разсказъ Тургенева: «Часы» («Годинник»). Хотя въ с. Голгичъ онъ и имѣлъ уже больше свободнаго времени, но за перо не брался, и только послѣ убѣжденій профессора Гладиловича, онъ прислалъ въ журналъ «Зоря» одно стихотвореніе, а въ газету «Діло» два небольшихъ разсказа: «Дай Боже здоровля корові!» и «Мати». Оба эти разсказа были напечатаны въ фельетонахъ «Діла» за 1891 годъ. Послѣ этого Бордулякъ почти ежегодно помѣщаетъ тамъ-же по нѣсколько своихъ бо́льшихъ или меньшихъ разсказовъ. Въ 1899 году разсказы его вышли во Львовѣ отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: «Ближні» [1])

Къ сожалѣнію, послѣ изданія «Ближніх» Бордулякъ почти ничего не печатаетъ: обстоятельства жизни автора въ селѣ не благопріятствуютъ его литературной дѣятельности, какъ онъ самъ

---

[1]) «Ближні» Бордуляка составили собою LXII томъ «Бібліотеки найзнаменитших повістей», издаваемой во Львовѣ подъ редакціей Ивана Белея. Въ этотъ сборникъ вошли слѣдующіе разсказы автора: «Дай, Боже, здоровля корові»! «Мати», «Сабета Себі», «Дід Макар», «Рішучий крок», «Самітна нивка», «Дядько Федюсь», «Ось, куди ми підемо, небого»... «Бузьки», «Галилеївський війт», «Дяк Гриць», «Діти», «Для хорого Федя», «Перший раз», «Жебрачка», «Нічний привид», «Право патронату», «Михалкові радощі», «Бідний жидок Ратиця», «Гаврило Чорній», «Іван Бразилієць»—Изъ нихъ первый разъ были напечатаны въ календаряхъ «Просьвіти»: «Рішучий крок» (на 1895 р.) и «Самітна нивка» (на 1896 р.), а остальные разсказы—въ фельетонахъ «Діла»(1891—1899 р.р.). Кромѣ разсказовъ, составившихъ собой сборникъ «Ближні», Бордулякомъ были написаны еще: «Страшний сон» и «О зозулю»; оба эти разсказы были напечатаны въ библіотекѣ «Батьківщини» 1893 р., ч. II.

писалъ въ 1898 г. Осыпу Маковею: «Я не літерат з професиі, бо маю инші обовязки; я пишу лише прихапцем, щоб так сказати, для рекреаціи, для заспокоеня вродженої, чи може тільки виробленої потреби. Ви не думайте собі, що священик на селі спочивае на рожах та розпоряджае часом до вподоби. Праці багато. Ось я маю дві церкви, дві школи, котрих пильную, як ока в голові, есьм кожної хвилі до розпорядимости парохіян, навіть в ночи,—ну, а про щоденні господарські клопоти хиба вам і не буду згадувати, бо може-б ви і не хотіли повірити, як мало чоловік, наш брат на селі, мае спокою і вільного часу»... [1])

Оригинальныхъ своихъ стихотвореній Бордулякъ напечаталъ немного и самъ онъ не придаетъ имъ большого значенія; за то разсказы его имѣютъ большую литературную цѣнность. Уже первый его разсказъ: «Дай, Боже, здоровля корові!» сразу обратилъ на себя вниманіе читателей и своимъ содержаніемъ, и художественностью изложенія, обнаруживая у автора настоящій талантъ; появившееся потомъ свидѣтельствовало о дальнѣйшемъ развитіи писателя.

Крестьянинъ по своему происхожденію и постоянный житель деревни, Бордулякъ всесторонне изучилъ жизнь галицкаго села, знаетъ его радости и горе,—естественно поэтому, что и любимыми героями его разсказовъ являются крестьяне и крестьянки на фонѣ сельской природы. Жизни интеллигенціи онъ касается лишь въ видѣ исключенія.

Однимъ изъ такихъ исключеній является небольшой разсказъ «Жебрачка». На художественной выставкѣ господинъ съ двумя дамами любуется изображеніемъ нищей: оно такъ вѣрно дѣйствительности, въ немъ столько жизни, что у зрителей является жалость къ нищей, желаніе помочь ей: «Ах!—закликала панночка.—Чоловік хвилями забувае, що се полотно, и ось-ось готов сягнути до калитки, щоби втиснути в руку милостиню»... (162). Но когда они встрѣчаютъ дорогой нищую, послужившую

[1]) Осип Маковей. Т. Бордуляк (Т. Ветлина). Л.-Н. Вістник, 1898, т. III, 82.

художнику моделью для картины,—этотъ живой страдающій человѣкъ не можетъ у нихъ вызвать никакого состраданія къ себѣ.

Только два коротенькихъ разсказа: «Нічний привид» и «Право патронату» посвящено нашимъ авторомъ жизни сельской интеллигенціи,—въ обоихъ онъ касается неблагопріятнаго положенія галицкаго сельскаго священника. Въ другихъ разсказахъ Бордуляка если и выводится священникъ или учитель, то лишь какъ наблюдатели народной жизни, а не какъ главныя дѣйствующія лица. За то сельская жизнь представлена авторомъ въ остальныхъ его разсказахъ съ полнотою и обстоятельностью, съ очень небольшою дозою идеализаціи. Лучшими изъ этихъ разсказовъ можно считать слѣдующіе: «Дай, Боже, здоровля корові!», «Мати», «Дід Макар», «Самітна нивка», «Дядько Федюсь», «Бузьки», «Діти», «Для хорого Федя», «Перший раз», «Михалкові радощі», «Бідний жидок Ратиця», «Гаврило Чорній» и «Іван Бразиліець».

Содержаніемъ всѣхъ разсказовъ Бордуляка изъ сельской жизни служитъ изображеніе тяжелой экономической нужды галицкаго села и указаніе факторовъ, служащихъ причиною развитія этой нужды. Малоземелье, отсутствіе побочныхъ заработковъ, эксплоатація народа евреями, главными работодателями,—все это способствуетъ тому, что лишь съ огромнымъ трудомъ и къ тому же только болѣе счастливыя семьи способны противостоять всѣмъ этимъ невзгодамъ и пополамъ съ бѣдой перебиваются изъ года въ годъ, не видя лучшаго будущаго. Но какъ непрочно существованіе и этихъ семействъ, авторъ показываетъ въ разсказахъ: «Мати» и «Дід Макар». Умираетъ глава семьи, единственный ея кормилецъ, или сына, главную поддержку семьи, берутъ въ солдаты, и все хозяйство этой, оставшейся безъ всякой опоры семьи разстраивается и жизнь остальныхъ членовъ ея нерѣдко доходитъ до трагическаго конца. Такой, именно, конецъ постигъ, «стару Кліщиху» («Мати») послѣ того, какъ забрали въ солдаты ея любимаго младшаго сына Якова. Ни отъ кого не получая помощи, даже отъ своего старшаго сына, живущаго въ одномъ домѣ съ матерью, и не будучи въ силахъ на старости лѣтъ тяжелымъ тру-

домъ добывать себѣ все нужное для жизни, она умираетъ въ страшной бѣдности.

Такъ же трагически чуть было не окончилась и жизнь семьи вдовы Катерыны Грущыхы («Дід Макар»), оставшейся послѣ внезапной смерти своего мужа Семена съ пятью маленькими дѣтьми почти безъ всякихъ средствъ. И здѣсь уже нужда дошла до крайности: «осталось було трохи припасів хліба, муки, пшона, картофель,—все се поволи минулось, бо діти живі, хочуть їсти. Все вийшло, остався лише голий борщъ, а до борщу хліба ни шматочка» (51). Наконецъ, приходитъ помощь. Но откуда? Это нищій, живущій подаяніемъ «дід Макар», выпрошенными у людей кусками хлѣба спасаетъ семью отъ голодной смерти...

Такова, по изображенію Бордуляка, бѣдственная жизнь крестьянской семьи, которая вдругъ почему либо лишается своего единственнаго кормильца; но и въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ они есть, жизнь не многимъ лучше, такъ какъ существуетъ много причинъ, дѣлающихъ жизнь крестьянъ въ Галиціи почти невозможной. Одною изъ такихъ главныхъ причинъ нашъ авторъ считаетъ большія государственныя подати, которыя въ Галиціи тяжелымъ бременемъ ложатся главнымъ образомъ на крестьянъ, отнимая у нихъ иногда весь заработокъ, нужный имъ для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей. Въ разсказѣ «Для хорого Федя» представлена имъ жизнь семьи Марка Бураго, несчастнаго бѣднаго крестьянина, у котораго боленъ сынъ Федя, а онъ не имѣетъ даже чѣмъ протопить въ избѣ, чтобы согрѣть больного. Правда, тяжелымъ трудомъ Марко заработалъ немного денегъ и на нихъ надѣется купить себѣ дровъ; но какъ разъ подоспѣла пора платить подати, и его вмѣстѣ съ другими такими же бѣдняками зовутъ «до громадськоі канцеляріи платить податок». Дорогой Марко Бурый утѣшаетъ себя надеждой, что «може ще випроситься, може йому ще почекають до другого разу та не будуть грабити» (139), но лишь только онъ вошелъ въ канцелярію, какъ надежды его разлетѣлись прахомъ: здѣсь онъ услыхалъ, какъ «здекуцник» закричалъ на одного крестьянина, который «просився і плакав, що не має чим заплатити податок, бо мусить купити дітям хліба»:—

«Податок перший, як твоя губа, мудю еден! давай гроші»! (139). Послѣ этихъ словъ у Марка пропадаетъ всякая охота просить отсрочки съ уплатой податей, потому что, думаетъ онъ, «коли податок перший від губи, то певно, що податок перший також від дров, від голих плечей, від босих ніг, від хорої дитини, від його Федя»... (139)—и онъ отдаетъ всѣ свои деньги «здекуцнику», а самъ остается безъ дровъ. Дома онъ рубитъ на дрова большую, еще совершенно здоровую грушу,—свою «корову», какъ онъ ее называлъ: вѣдь она приносила ему не только небольшой доходъ нѣсколькими проданными гарнцами овощей, а еще давала полуголодной семьѣ и пищу, и единственное ея лакомство. Но она должна теперь сгорѣть, чтобы спасти семью отъ холода, спасти отъ смерти больного ребенка...

Здѣсь, хотя семья и осталась безъ всякихъ средствъ, ей удалось избѣжать «здекуціи», ее не грабили. Но въ селѣ всегда много бываетъ такихъ бѣдняковъ, которымъ, нечѣмъ уплатить подати: такихъ «недбалыхъ» «війтъ зи здекуцныкомъ и зъ прысяжнымъ» ходятъ «по хатахъ грабыты». Какъ происходитъ эта «здекуція»—«грабежъ», изображено нашимъ авторомъ въ разсказѣ: «Михалкові радощі». Во время этой «роботи» забирается все, имѣющее какую нибудь цѣнность, даже предметы первой необходимости: у больного «пропасныцею» Мыколы «війтъ» хотѣлъ было взять единственный «кожухъ, котрымъ бувъ Мыкола накрытый», такъ какъ больше нечего было взять; только доброта «прысяжного Мыхалка», который закладываетъ за Мыколу «свій батькивськый, сыній жупанъ», спасаетъ его отъ «грабежа». Исполненіе «здекуціи» вызываетъ у крестьянъ столько возмущеннаго чувства, всевозможныхъ «благань, насмишокъ, проклёнивъ», что доброму «прысяжному Мыхалкови» вечеромъ, уже по окончаніи этой «роботы» «все в упором лізла до голови тая його нинішня робота... Ось він тягне старій вдові Химі Пукасисі брудну верету з постелі... Пукасиха не дає, а він тягне... вкінці Пукасиха пускає з рук верету та ще й клене... «Бери—каже вона—бодай ви нею вдавилися, дериверетники нечестиві!» А ось, у Гренджолів, халупників у хаті голо, як в турецькій церкві, в куті стоїть порохнява скриня...

«Заглянь—каже війт—що там є в скрині?»—Він підніс віко, перехелився до скрині, а там повно різного лахмітя... «Шукай»!—каже війт—і він став нишпорити та на самім дні знайшов кавалок полотна. «Ось полотно»!..—«Бери»!—каже війт.—Він за полотно, а Гренджолиха в крик: «Не руш!—каже—то чоловікові на штани»!—«Бери»!—каже війт.—Михалко бере... «А бодай ви собі на смерть сорочки з того полотна пошили»!—клене Гренджолиха».. (207). Мы привели эту нѣсколько длинную выписку, чтобы словами автора показать, какія чувства вызываетъ «здекуція» даже у исполнителей ея... Нѣтъ ничего удивительнаго, что мучимый такими тяжелыми воспоминаніями Мыхалко отказывается отъ «гонору и славы» быть «прысяжнымъ», говоря: «Ні, не хочу я бути присяжним, ані поліцаєм! Ось що! Нехай хто другий дивиться з так близька на людську біду, а я не маю до того серця... нехай хто другий стягає на себе людські проклёни, а я не хочу!»... (208).

Въ связи со всѣмъ этимъ убожествомъ и нуждой галицкаго села авторъ выводитъ новое народное бѣдствіе: эксплуатацію темнаго, прибитаго нуждой и горемъ народа евреями и пьянствующими сельскими властями—«війтомъ и радою громадською». Особенно даютъ себя знать темному селу евреи, которые, захвативъ въ свои руки всю торговлю, всѣ фабрики, заводы, лѣса и минеральныя богатства, имѣютъ въ своихъ рукахъ всѣ нужныя средства для эксплуатаціи народа; они помимо того, что назначаютъ слишкомъ низкую, «занадто нужденну» плату своимъ работникамъ, и ту еще не хотятъ имъ выплачивать деньгами, а заставляютъ забирать у нихъ въ лавкахъ негодные къ употребленію продукты по очень высокой цѣнѣ и спаиваютъ народъ водкой. Народъ самъ чувствуетъ этотъ гнетъ, сознаетъ всю тяжесть его, но не имѣетъ силъ, чтобы освободиться отъ него. Нужно много силы воли, нужно очень любить свою семью, нужно быть просто героемъ, чтобы твердо «стояти о жидівську ласку, щоби песій жидовин не пхав чоловікові замісць грошей горілки» (3). Въ разсказѣ «Страшний сон» авторъ изобразилъ крестьянина, которому кажется во снѣ, что онъ карась, а жидъ Хуна поймалъ

его и потрошить (намекъ на экономическую «руину», которую задумываетъ Хуна противъ села).

Не менѣе зла, если не болѣе, чѣмъ евреи, причиняютъ селу и свои же братья «війтъ и рада громадська»,—пьянствующее сельское начальство, которое съ утра до вечера «сыдыть въ коршми и залагоджуе тамъ вси справы громадськи», какъ это мы видимъ въ разсказѣ Бордуляка: «Галилеівський війт». Понятно, что у такого начальства нѣтъ мѣста справедливости: «все іде на міру килішка: хто споіть війта, а з ним і раду громадську, того буде й верхъ, а кого не стати на почастунок, то той пропавъ, якъ песъ на ярмарку»... (105) При такомъ управленіи нечего и думать о заведеніи въ селѣ какихъ бы то ни было порядковъ: всѣмъ попыткамъ въ этомъ направленіи «війтъ и рада громадська» будутъ противостоять, видя въ нихъ «бунтъ противъ начальства»: «Кількох нас,—разсказываетъ крестьянинъ,– завело разъ бесіду, чи би не було добре для волосноі користи завести въ громаді касу позичкову, а війт в крик: «То бунт!» каже. То може би шпихлір громадський привести до ладу... бо громадський шпихлір у насъ бувъ давнійше, але коли нашого війта вибрали вдруге війтом, то з тоі пори і шпіхлір заснітився. Війт і на тее каже: бунт, а йому вторують радні: бунт... (105). Положеніе дѣла ухудшается еще тѣмъ, что такой «війтъ» въ селѣ всегда желателенъ для высшаго начальства, потому что «на виборах він голосуе на того, на кого йому вже скажуть голосувати... на того, що горілкою, пивом і дреглями купуе собі голоси...» (108), и начальство горой стоитъ за такого «війта», называя всѣхъ недовольныхъ имъ крестьянъ «бунтівниками і ще якимись *вархолами»* (108)...

Къ пьянству, какъ такому народному бѣдствію, которое часто помимо другихъ причинъ окончательно губитъ экономическое благосостояніе села, особенно часто обращается Бордулякъ въ своихъ разсказахъ. Въ нихъ онъ показываетъ, какъ нерѣдко и довольно зажиточныя крестьянскія семьи обращаются въ «жебракивъ», сельскихъ пролетаріевъ, благодаря пьянству; о немъ всегда упоминаетъ авторъ, лишь только начнетъ говорить о причинахъ бѣд-

ственнаго экономическаго состоянія села. Болѣе же глубоко затронутъ авторомъ этотъ видъ народнаго бѣдствія въ его разсказѣ: «Гаврило Чорній». Гаврыло Чорній—типичнѣйшій представитель людей, преданныхъ пьянству. Когда то зажиточный крестьянинъ, онъ своимъ пьянствомъ вгоняетъ въ гробъ жену, прекрасную хозяйку, и продолжаетъ растрачивать имущество вдвоемъ со второю женою, извлекающею изъ этого свои выгоды. Подъ вліяніемъ пьянства и этой жены онъ доходитъ до того, что хочетъ продать свою дочь Татяну «панычеви въ двиръ», надѣясь, что послѣ этого никто не захочетъ на ней жениться, и онъ будетъ имѣть возможность по своему распорядиться ея хатой и землей, оставшимися ей отъ матери...

Послѣ всего этого становится понятнымъ появленіе смѣльчаковъ, рѣшающихся бросать родное село, домъ, ниву и отправляться въ поиски лучшей доли въ далекіе неизвѣстные края Америки—«до Бразыліи». Эта тема послужила автору для двухъ коротенькихъ разсказовъ, гдѣ представленъ несчастный обѣднѣвшій крестьянинъ-эмигрантъ, который, не видя никакого исхода изъ своего положенія, задумываетъ ѣхать въ Бразилію искать счастья и этимъ утѣшаетъ свою любимую жену («Ось куди ми підемо, небого...»),—на оставленной имъ избѣ поселятся прилетѣвшіе съ юга, давно уже живущіе здѣсь «бузькы» и будутъ удивляться, куда дѣвались хозяева, что ихъ нигдѣ не видно («Бузьки»).

Болѣе глубоко эта тема затронута авторомъ въ большомъ его разсказѣ: «Іван Бразиліецъ», въ которомъ изображены бѣдствія крестьянской семьи, увлеченной такъ называемой, «бразылійською гарячкою», которая съ особенной силой разыгралась въ Галиціи лѣтомъ 1895 года. Тяжелая жизнь, нужда, эксплуатація крестьянъ,—все это создаетъ среди нихъ большой классъ недовольныхъ своимъ положеніемъ. Этимъ настроеніемъ бѣдняковъ стараются воспользоваться нечестные люди, подсылаютъ къ нимъ своихъ агентовъ, убѣждающихъ оставить свою родину и эмигрировать въ Бразилію, которая, по ихъ словамъ, является обѣтованной землей. Горе тѣмъ несчастнымъ, которые поддадутся на льстивыя рѣчи этихъ агентовъ! Лишь только эмигранты выѣдутъ

за предѣлы своей родины, какъ сейчасъ же и начнутся ихъ страданія, достигающія наивысшей степени по пріѣздѣ ихъ въ Бразилію. Невообразимая эксплуатація труда эмигрантовъ, за которыми присматриваютъ съ револьверами въ рукахъ, убійственный климатъ, голодъ, желтая лихорадка,—все это способствуетъ страшному вымиранію эмигрантовъ: изъ большихъ семействъ остаются въ живыхъ одинъ-два болѣе выносливыхъ члена. Смерть дорогихъ существъ, разочарованіе въ своихъ надеждахъ такъ удручающе дѣйствуютъ на оставшихся въ живыхъ, что они при первой же возможности стараются оставить эту негостепріимную страну и возвратиться домой, въ свое родное село, чтобы увеличить собою и такъ не малое число сельскихъ «жебракивъ». Немудрено, что Иванъ Загуменный, прозванный послѣ своей неудачной эмиграціи въ Бразилію—Бразылійцемъ, перенесшій всѣ невзгоды эмиграціи, потерявшій горячо любимыхъ дѣтей и жену, начинаетъ въ водкѣ топить свое горе вмѣстѣ съ другими бѣдняками-односельчанами, приглашая ихъ: «ходіть, братя, напьемось, але так, щоби-сьмо всю нашу біду втопили в горілці, щоби-сьмо потім аж співали з великоі утіхи!» (412). Страшно становится за такого человѣка и его боятся сами товарищи по бѣдѣ, но все-таки идутъ съ нимъ «до коршмы» топить свое горе, не видя для себя никакого выхода изъ настоящаго своего положенія...

Такъ изображена въ разсказахъ Бордуляка жизнь галицкаго села,—въ такомъ селѣ самъ авторъ жилъ въ дѣтствѣ и теперь живетъ. Авторъ съ любовію и сочувствіемъ относится къ этому селу и его обитателямъ и у читателей возбуждаетъ тѣ же чувства.

Какъ велико вліяніе Бордуляка на читателей, это видно по тому впечатлѣнію, которое производитъ на нихъ его разсказъ: «Дай Боже, здоровля корови!» «Халупныкъ»... Матвій Басъ на заработанныя тяжелымъ трудомъ въ лѣсу 50 «рынськыхъ» купилъ для своей семьи корову, вотъ и все, о чемъ говорится въ этомъ разсказѣ. Но это обыденное событіе изображено съ такою правдивостью, съ такими симпатіями автора къ этой семьѣ, что чи-

татель не можетъ не переживать съ нею этой ея великой радости, и разсказъ навсегда остается въ его памяти.

«Діти, як заздріли батька, (который «непостережно зьявився під ворітьми з коровою»), так і кинулись прожогом до воріт, лиш одно маленьке зісталося у матері на руках.

— Тато! тато! Корова!—кричало одно то друге.

Четверо малих люда вчепились за ворота і въ одну мить отворили навстиж. Отворили: і корова з триюмфом вступила на подвіре, а діти обступили іі і стали оглядати з цікавостію.

Матвііха перехрестила хребет корови і поцілувала іі в лоб межи рогами.

— Ах, моя голубонько! ах, моя маленька ти певно хочеш історчки, ти певно хочеш питоньки!—лебеділа вона, примилюючись до корови і гладячи іі по боках (5)».

Читателю становятся понятными и чувства Матвія, который «стояв з боку і гордо дивився на ту сцену. Його очі так і промовляли: «Дивись, стара, який з мене господар! який з мене батько! Шануй же мене, небого»!.. (5). Всякій, прочитавшій этотъ разсказъ, скажетъ вмѣстѣ съ семьей Матвія: «Дай, Боже, здоровля корові» за ту радость, которую она принесла собой этой семьѣ!..

Въ каждомъ словѣ автора такъ и пробивается любовь автора къ его героямъ; отъ всякаго разсказа такъ и вѣетъ на читателя какое-то теплое чувство, съ которымъ авторъ относится къ этимъ несчастнымъ, изнуреннымъ чрезмѣрными трудами и заботами людямъ. Любовь къ людямъ труда и уваженіе къ труду,— вотъ постоянныя чувства нашего автора: «Женці в поли при роботі—се для мене красний, зворушаючий вид. На той вид огортає мене якесь неописане, боговійне почуванє, я клоню чоло перед тою величною працею і виддаю честь рукам, що тоі праці піднялыся» (153). Съ глубокимъ сочувствіемъ къ народному горю и его тяжелой участи авторъ спрашиваетъ далѣе: «Та чы скоро прыйде для ныхъ лучша доля, видраднійша будучнисть для тыхъ холодныхъ, захлялыхъ робитныкивъ—хлиборобивъ? Гей,

Господы Боже, зглянься, допоможы та прыскори той часъ!.. (153). Весь вообще этотъ разсказъ («Перший раз»), изъ котораго мы привели эти слова, есть не что иное, какъ гимнъ труду, гимнъ неизвѣстнымъ работникамъ-крестьянамъ. Много темныхъ пятенъ въ жизни галицкихъ крестьянъ и все-же этихъ тружениковъ въ изображеніи Бордуляка, нельзя не уважать!

Но не къ одному только своему народу относится нашъ авторъ съ такой любовью,—нѣтъ, каждый терпящій, страдающій имѣетъ право на его сочувствіе. Несмотря на все зло, которое причиняютъ евреи галицкому селу своей эксплуатаціей народа, Бордулякъ могъ написать свой художественный разсказъ: «Бідний жидок Ратиця», въ которомъ изображены бѣдствія еврейской семьи. Еврей Ратыця, настоящее имя котораго было Кыва, честно жилъ со своими односельчанами-крестьянами, за что они любили его и даже иногда помогали ему кое чѣмъ. Когда наступили для села «злі часи», Ратыця отправляется въ лѣсъ въ надеждѣ хоть что-нибудь заработать при рубкѣ лѣса для прокормленія своей многочисленной семьи. Но плата за работу слишкомъ ничтожна, къ тому же крестьяне, сами очень нуждаясь, даже за деньги не хотятъ дать ему съѣстныхъ припасовъ,—и это заставляетъ его отправиться въ ближайшее мѣстечко просить у знающихъ его людей помощи. Съ тяжелымъ сердцемъ шелъ онъ въ мѣстечко за прошенымъ хлѣбомъ, но здѣсь счастье улыбнулось ему: еще онъ не обошелъ всѣхъ домовъ, гдѣ надѣялся получить помощь, а «мав уже повний міх всякого добра, він чув, що його кишеня тяжка від дрібняків і тішився в душі» (250),—и онъ веселый спѣшитъ домой, гдѣ его ожидаетъ голодная семья... Образъ Ратыци, въ изображеніи Бордуляка такъ симпатиченъ, что у всякаго возбуждаетъ къ себѣ сочувствіе и состраданіе: пускай расовая ненависть къ евреямъ приметъ еще болѣе ужасающіе размѣры, чѣмъ теперь, «бідного жидка Ратицю» никто не будетъ ненавидѣть!

Съ особенною любовью Бордулякъ останавливается въ своихъ разсказахъ надъ людьми павшими, пьяницами; и у нихъ онъ находитъ свѣтлыя проявленія добрыхъ порывовъ, лучшихъ способ-

ностей человѣческой души. При изображеніи такихъ людей авторъ не довольствуется описаніемъ однѣхъ только внѣшнихъ чертъ ихъ характера, а старается заглянуть и понять самую душу ихъ. Онъ не сглаживаетъ, не замалчиваетъ ихъ недостатковъ и пороковъ, но и не останавливается только на этомъ; и у такихъ, на первый взглядъ кажущихся совершенно потерянными людей, онъ находитъ нерѣдко цѣлыя сокровища, скрытыя отъ взоровъ всего міра: любовь отца, матери къ дѣтямъ, самопожертвованіе для родственниковъ и пріятелей, возвращеніе на путь истины послѣ многихъ лѣтъ лѣни и пьянства, охоту послужить обществу и др. Бордулякъ фактами показываетъ, что и въ самыхъ испорченныхъ натурахъ нерѣдки свѣтлыя проявленія человѣческой души. Глубоко было паденіе Гаврыла Чорнія, но и у него гдѣ-то въ глубинѣ души еще тлѣетъ искра родительской любви къ своей дочери Татянѣ, хотя онъ, подъ вліянемъ пьянства, и хотѣлъ было продать ее «паничеви в двір». И эта искра, воспламенившись въ опасный моментъ, когда онъ собирается зарубить топоромъ своего зятя Федорка, мужа Татяны, спасаетъ его отъ убійства и разгорается въ такую любовь къ дочери, что, какъ онъ говорилъ впослѣдствіи, «сліди ії цілував, коли-б пізнав їх де на дорозі» (312). Эта родительская любовь къ дочери уже никогда не угасала въ сердцѣ Гаврыла Чорнія и вмѣстѣ съ другими причинами довела его, хотя и послѣ многихъ новыхъ паденій, до исправленія, которое такъ психологически вѣрно изображено авторомъ, что у читателя не является никакого повода къ сомнѣніямъ въ его возможности... Эта же родительская любовь къ своимъ дѣтямъ останавливаетъ крестьянина Мырона въ разсказѣ «Діти», когда онъ послѣ смерти горячо любимой жены въ отчаяніи рѣшилъ было «взяти пояс, пійти до стодільчини, зробити петлю, привязати до платви, закинути собі на шию і—кінець»... (134). Мысль о дѣтяхъ спасаетъ его отъ самоубійства: «Бідні діти!—думав він,—матері не мають, а щоби з ними сталося, коли-б їм і батька не стало»?.. (135). «Дякую вам, мої сердечні, та обіцюю і присягаю вам, що від тепер буду для вас виключно жити і працювати»... (136).

Изображеніе силы родительской любви къ своимъ дѣтямъ особенно часто встрѣчается въ разсказахъ нашего автора, въ нѣкоторыхъ случаяхъ любовь эта граничитъ съ настоящимъ самопожертвованіемъ. Для примѣра можно указать на «стару Кліщиху (въ разсказѣ: «Мати»), которая, сама очень нуждаясь, посылаетъ любимому сыну Якову, солдату, свои послѣдніе «три ринськихъ; и когда ей говорятъ, что Яковъ пишетъ неправду, прося у нея денегъ, она отвѣчаетъ: «Правда, чи неправда, що він там пише, але я таки гроші пошлю. Знайшлося ще три ринських, ось вони»... (26).

Проявленіе такихъ свѣтлыхъ сторонъ характера среди несчастныхъ людей обнаруживаетъ героевъ тамъ, гдѣ всего меньше можно было ихъ ожидать. Всѣ такія душевныя движенія человѣческой души нашъ авторъ представляетъ въ своихъ разсказахъ съ особенной любовью и старательностью, принуждая и насъ смотрѣть на всѣхъ его героевъ съ сожалѣніемъ и благорасположеніемъ. Этотъ теплый, сердечный тонъ, съ какимъ описываетъ Бордулякъ поступки и дѣянія своихъ героевъ—его спеціальность, его отличительная характеристическая особенность, какъ писателя, черта, которою онъ глубоко трогаетъ и возбуждаетъ душу читателя (достаточно вспомнить разсказы его: «Іван Бразиліець», «Бідний жидок Ратиця», «Дай, Боже, здоровля корові»! «Для хорого Федя» и др.). «Бордуляк—реалист,—говоритъ о немъ Осыпъ Маковей,—але в нього тиха, спокійна, зрівноважена, поетична душа, охоча добачувати радше кращі сторони людського життя, як його лихі сторони. Він у своіх оповіданях оптіміст—і як оптімістичний погляд на житє все приєднує собі душу читача, так і оптімізм Бордуляка є розрадою для його читачів» [1]). И дѣйствительно, въ его разсказахъ мы находимъ болѣе добрыхъ людей,—положительные типы, преобладаютъ въ нихъ надъ отрицательными; авторъ и у наиболѣе убогаго крестьянина находитъ въ жизни немногія тихія минуты радости, которыя укра-

[1]) Осип Маковей. Тимотей Бордуляк (Т. Ветлина). Л.-Н. Вістник, 1898, т. III, 80.

шаютъ его жизнь. Герои разсказовъ Бордуляка видятъ много зла и несправедливости вокругъ себя, испытываютъ горе и разочарованіе въ жизни, въ близкихъ людяхъ, но преодолѣваютъ всѣ эти бѣдствія и испытанія, посылаемыя имъ судьбой. Отъ разсказовъ нашего автора въ душѣ читателей остается свѣтлое впечатлѣніе, потому что онъ вѣритъ въ торжество добра, въ побѣду нравственной силы надъ внѣшними обстоятельствами жизни. Этотъ оптимизмъ, исходящій не изъ романтической идеализаціи дѣйствительности, а изъ серьезнаго и вдумчиваго отношенія къ смыслу человѣческихъ страданій составляетъ идейное значеніе разсказовъ Бордуляка.

Разсказы Бордуляка чужды тенденціозности, авторъ даетъ въ нихъ реальный образъ сельской жизни; изображенія людей не выходятъ у него односторонними, а совершенно полными, жизненными: никто не можетъ сказать, что такихъ людей, какихъ мы встрѣчаемъ въ его разсказахъ, нѣтъ и не можетъ быть. Этому много способствуетъ самый способъ изображенія авторомъ своихъ героевъ. Онъ выводитъ людей въ ихъ обыденной, не праздничной обстановкѣ, нисколько не пріукрашивая ни ихъ, ни тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ имъ приходится жить и дѣйствовать. Нѣтъ у него эффектныхъ сценъ, какія нерѣдко можно встрѣтить у писателей съ романтично-этнографическимъ направленіемъ, онъ обращаетъ больше вниманія на буднишнія, хотя не менѣе сильныя проявленія человѣческой души; идейный замыселъ автора состоитъ въ томъ, чтобы въ своихъ разсказахъ показать духовное содержаніе самой обыденной жизни галицкаго села...

Читатель самъ такъ проникается оптимистическимъ взглядомъ Бордуляка на сельскую жизнь, что тѣ немногіе разсказы, въ которыхъ авторъ изображаетъ однѣ только отрицательныя стороны сельскаго быта (пьянство, судебная волокита, непредпріимчивость и др.); кажутся ему нѣсколько тенденціозными, написанными съ исключительно морализаторскими цѣлями. И дѣйствительно, одинъ, изъ критиковъ (Осыпъ Маковей) называетъ эти разсказы «*морализаторскими*», «що не дорівнюють иньшим, хоч не раз також

повні поезиі, як н. пр. «Самітна нивка» [1]). На самомъ дѣлѣ и въ этихъ разсказахъ Бордуляка нѣтъ морализаціи, въ нихъ онъ не поучаетъ, а просто, ярко и правдиво изображаетъ дѣйствительность, грустную и тяжелую жизнь въ той средѣ, которую описываетъ...

Тонъ разсказовъ Бордуляка вездѣ ровный, спокойный, безъ аффектацій; онъ не разсказываетъ, а скорѣе рисуетъ сцену за сценой спокойно, широко, со многими характерными подробностями, съ большимъ поэтическимъ чувствомъ. Несмотря на этотъ ровный и спокойный тонъ, какимъ авторъ разсказываетъ о своихъ герояхъ, разсказы его отличаются большимъ драматизмомъ изложенія, изобилуютъ многими высокодраматическими сценами, которыя производятъ глубокое впечатлѣніе на душу читателей (здѣсь достаточно будетъ указать на сцену прощанія Гаврыла Чорнія со своей семьей, когда онъ собирается навсегда оставить ее и уйти «до Львова», въ разсказѣ: «Гаврило Чорній»). Превосходное изображеніе народнаго быта, интересныхъ характеровъ и типовъ, легкій, симпатичный юморъ, любовь и сочувствіе къ низшему брату,—составляютъ главное художественное значеніе разсказовъ Бордуляка. Въ большинствѣ случаевъ эти разсказы невелики, но композиція ихъ вполнѣ безупречна: нѣкоторые изъ нихъ («Самітна нивка», «Бузьки», «Перший раз» и др.) производятъ впечатлѣніе, какъ настоящая поэзія въ прозѣ, и пересказать ихъ нельзя, можно скорѣе почувствовать ихъ. Слогъ разсказовъ Бордуляка живъ и изобразителенъ, хотя и встрѣчаются довольно часто непріятные для слуха галицизмы и руссизмы [2]).

Нельзя не пожалѣть, что обстоятельства жизни Бордуляка не даютъ ему возможности больше удѣлять времени для занятій ли-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Вотъ нѣсколько на удачу выписанныхъ руссизмовъ: *біле*, *лучі* сонця, *впрочім*, *віддільно*, *взаїмно*, *осторожно*, *вольнодумний*, *рівнодушний*, я був *в немилім положеню*, з матерних *обнять*, сказав *з жаром* и др.

тературой; тѣмъ болѣе приходится жалѣть, что и его литературный талантъ и напечатанные уже имъ разсказы, давшіе ему право на почетное мѣсто среди младшей генераціи украинскихъ писателей, служатъ залогомъ, что онъ могъ бы подарить нашей небогатой литературѣ еще не одно цѣнное произведеніе...

Е. К.

Историческій очеркъ мѣстности, составлявшей Полтавскій полкъ.

(Неоконченная рукопись А. М. Лазаревскаго).

Отъ редакціи. Въ годовщину смерти незабвеннаго историка Малороссіи Александра Матвѣевича Лазаревскаго (31 марта) признаемъ благовременнымъ помѣстить его «послѣднее сказаніе»— начальные листы новаго историческаго труда, отъ котораго оторвалъ его тяжкій недугъ, столь неожиданно разрѣшившійся смертнымъ исходомъ. Друзьямъ покойнаго, собравшимся на первую по немъ панихиду, памятны эти недописанные листки, оставшіеся на его рабочемъ столѣ и краснорѣчиво говорившіе о томъ, какими думами и помыслами былъ занятъ почившій историкъ въ послѣдніе дни своей жизни. Это были все тѣ же благородныя думы и высокіе помыслы, которые занимали его умъ и сердце съ юныхъ лѣтъ и составляли высшее содержаніе его жизни: думы о прошломъ родного края, помыслы о найболѣе полномъ и вѣрномъ его воспроизведеніи. Еще въ концѣ 1880-хъ годовъ А. М. Лазаревскій задумалъ издать рядъ капитальныхъ сочиненій по исторіи Малороссіи, въ которыхъ онъ могъ бы сдѣлать сводъ тому безмѣрно-громадному фактическому матеріалу, какой имъ былъ собранъ въ теченіе всей жизни путемъ неустаннаго кропотливаго изученія неизданныхъ документовъ. Это было его драгоцѣнное «Описаніе старой Малороссіи», имѣвшее составить десять томовъ, по числу козацкихъ полковъ, на которые дѣлилась старая Малороссія. Первый томъ этого «Описанія», обнимающій Стародубскій

полкъ, вышелъ въ свѣтъ еще въ 1889 году; второй, посвященный Нѣжинскому полку,—въ 1893 г.; третій—Прилуцкому полку—въ концѣ 1901 г. Дальше на очереди былъ Полтавскій полкъ, для описанія котораго А. М-чъ собралъ уже сполна матеріалъ и приступилъ къ его обработкѣ. Соотвѣтственно принятому имъ плану, каждый томъ «Описанія» начинается историческимъ очеркомъ мѣстности, составлявшей территорію даннаго полка; такой именно очеркъ для Полтавскаго полка и началъ было составлять А. М-чъ, но тяжкій недугъ заставилъ его положить перо на 5-мъ листкѣ.

Помимо того значенія, какое могутъ представлять эти недописанные листки для почитателей почившаго историка, мы рѣшили напечатать эту неоконченную статью еще и потому, что она сама по себѣ, независимо отъ имени автора, представляетъ большой интересъ. Въ ней рѣчь идетъ о началѣ заселенія территоріи бывшаго Полтавскаго полка, именно средняго Поворсклья. Извѣстно, какая путаница господствуетъ въ исторической литературѣ хотя бы по вопросу о времени поселенія г. Полтавы. Даже такой осторожный и критическій изслѣдователь, какъ М. А. Максимовичъ, ничто же сумняся признавалъ существованіе этого города въ XII ст., неоднократно титуловалъ миѳическаго Лексу (XIV в.) «первымъ Полтавскимъ помѣщикомъ», допускалъ существованіе Полтавскаго полка въ 1576 г. и т. под. [1]); историки-компиляторы прямо уже фантазируютъ, въ родѣ того, напр., будто Батый въ 1243 г. расположилъ часть своихъ войскъ въ Полтавѣ на зимнія квартиры [2]) и т. под. Давно уже чувствовалась потребность въ строгой критической провѣркѣ данныхъ, на которыхъ основывались эти легендарныя свѣдѣнія, и такую именно провѣрку представляетъ послѣдняя работа Ал. М-ча. Съ свойственнымъ ему талантомъ и знаніемъ дѣла, онъ подвергъ анализу лѣтописныя извѣстія о пресловутой «Лтавѣ», въ которой прежніе

---

[1]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I, стр. 658 и 724—25, т. II, стр. 358—361.

[2]) Грановскій, «Полт. Епархія, 116.

историки видѣли городъ Полтаву, а также родословіе князей Глинскихъ, якобы владѣвшихъ этимъ городомъ въ XIV—XV в.в., и сопоставивъ эти свѣдѣнія съ цѣлымъ рядомъ документальныхъ данныхъ, представилъ точную картину состоянія Поворсклья въ XV—XVI в.в., при чемъ оказалось, что въ тѣ времена вся эта мѣстность представляла пустыню, въ которой лишь съ половины XVI ст. изрѣдка появляются такъ называемые «уходники», промышлявшіе ловлею рыбы и бобровъ, а поселеніе Полтавы возникло лишь около 1630 года. Къ сожалѣнію, на этомъ годѣ и прерывается посмертная рукопись нашего историка, но въ ней онъ успѣлъ вполнѣ разсѣять легендарный туманъ, до сихъ поръ окутывавшій начальную исторію Полтавщины, а для изложенія дальнѣйшаго ея періода уже нѣтъ недостатка въ точныхъ фактахъ.

Историческій очеркъ мѣстности, составлявшей Полтавскій полкъ.

Полтавскій полкъ занималъ междурѣчье двухъ Днѣпровскихъ притоковъ, Ворсклы и Орели, распространяясь частью и на правый берегъ первой. О Ворсклѣ упоминаетъ древняя лѣтопись подъ 1174 годомъ, при описаніи похода Игоря, князя Новгородъ-Сѣверскаго, противъ половцевъ: «Игорь Святославичъ, совокупивъ полки свои, и ѣха въ поле за Ворьсколъ и срѣте Половцѣ, иже ту ловять языка». Черезъ нѣсколько строкъ ниже: «Игорь же поѣха противу половцемъ и переѣха Въросколъ у Лтавы» и т. д. [1]) Изъ этого описанія можно видѣть, что Поворсклье было окраиною древней Руси, на которой уже свободно бродили Половцы. Едва-ли оно было населено въ то время, а упомянутая въ лѣтописи Лтава, вѣроятно, была какимъ-нибудь урочищемъ, обозначавшимъ скорѣе перевозъ или бродъ черезъ Ворсклу, чѣмъ городъ. Слѣдующее за симъ упоминаніе о Ворсклѣ относится къ 1399 году, когда здѣсь былъ разбитъ Витовтъ татарами. И при этомъ упоминаніи Поворсклье представляется

---

[1]) Ипатская Лѣтопись, 387.

пустынею, на которой бродили татары, тутъ и встрѣтившіе Витовта. Упоминая о походѣ Витовта къ Ворсклѣ, родословіе князей Глинскихъ говоритъ, что «послѣ Донского побоища, Мамаевъ сынъ Мансуръ зарубилъ три городы: Глинскъ, да Глинницу, да Полтаву», при чемъ эти города достались младшему сыну Мансура Алексѣ (въ крещеніи Александру), отъ котораго и пошли князья Глинскіе. Эта же легенда добавляетъ, что, послѣ пораженія Витовта у Ворсклы, его вывелъ изъ южнорусскихъ степей сынъ Алексы, Иванъ [1]). При спорѣ между Москвою и поляками за «Путивльскій рубежъ» (въ 1638 г.), послѣдніе показывали «грамоту дѣловую, какъ князья Глинскіе, братья Богданъ и Григорій Федоровичи, дѣлили межъ собою вотчину свою: Глинскъ, Бѣльскъ, Ворсклъ и иныя сѣверныя вотчины», при чемъ Григорію, меньшему, досталась «Сѣверъ-Глинщина и въ (на?) Ворсклѣ и Мерла рѣчка съ верху до устья» [2]). Представленная при этомъ поляками грамота относилась къ самому концу XV в. Какъ видимъ, въ этой грамотѣ о Полтавѣ не упоминается, изъ чего можно заключить, что упоминаніе о ней въ родословіи Глинскихъ основано на позднѣйшей легендѣ [3]). Названныя въ грамотѣ Глинскихъ поселенія Глинскъ и Бѣльскъ и теперь существуютъ и находятся—первый на Ворсклѣ, а второй верстахъ въ пяти отъ него (въ зѣньковск. у.).

Слѣдующее затѣмъ упоминаніе о Поворскльѣ находимъ въ описаніи Черкасскаго замка 1552 года, при чемъ перечисляются и принадлежавшіе къ этому замку «уходы» («або станы»), расположенные по Днѣпру и его притокамъ; въ числѣ ихъ упоминаются «уходы» и по рѣчкамъ Ворсклѣ и Орели [4]). На этихъ

---

[1]) Временникъ Моск. Общ. Исторіи и древн., X, 84.

[2]) Дворцовые Разряды, II, 900.

[3]) У Максимовича (I, 725) говорится, что Лекса, родоначальникъ князей Глинскихъ, получилъ отъ Витовта Глинскъ, Глинницу и *Полтаву;* но о Полтавѣ мы знаемъ только легенду объ основаніи ея будто-бы Мансуромъ.

[4]) Архивъ Югозап. Россіи, ч. VII, т. 1, стр. 84.

уходахъ, или «станахъ», разные нахожіе люди занимались главнымъ образомъ рыбною ловлею, а отчасти и ловлею бобровъ. Поворсклянскіе и поорельскіе уходы принадлежали почти исключительно черкасскимъ боярамъ и мѣщанамъ; но промысламъ этихъ черкашанъ очень мѣшали тамошніе старосты, требовавшіе отъ уходниковъ большихъ себѣ даней и всячески ихъ притѣснявшіе ради захвата уходовъ въ свое личное распоряженіе. Напр., изъ грамоты короля Сигизмунда-Августа 1546 г. видимъ, что «войтъ и мѣщане и все поспольство мѣста Черкасского» жаловались королю на своего старосту князя Андрея Пронскаго, что онъ имъ «въ тѣхъ ихъ уходахъ, которые суть по Днѣпру и по Орели, новины чинитъ, не дозволяетъ «городцовъ» въ тѣхъ уходахъ ставить и со всей ихъ добычи забираетъ себѣ половину, противно старому обычаю» [1]). Въ люстраціи Черкасскаго замка (1552 г.) перечислены и жившіе въ немъ «земяне»; къ числу послѣднихъ принадлежали, повидимому, мѣстные землевладѣльцы, имѣвшіе у себя нѣкоторое подобіе если не крестьянъ, то какъ-бы позднѣйшихъ «подсосѣдковъ» [2]). Главнымъ земяниномъ въ Черкассахъ былъ князь Василій Домонтъ, во владѣніи котораго находились: селище Мошны, на правомъ берегу Днѣпра, а на лѣвомъ—селище Лебединъ и «селище и городище у Сивере, на рецѣ Ворскле, на имя Глинско» [3]). Отсюда мы видимъ, что черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ раздѣла князьями Глинскими своихъ поворсклянскихъ вотчинъ, Глинскъ имъ болѣе не принадлежитъ, и кромѣ того, этотъ городокъ называется уже «селищемъ», т. е. запустѣвшимъ поселеніемъ. Вѣроятно, такой же участи подвергся и Бѣльскъ, такъ какъ и удаленный отъ Глинска Лебединъ (харьковскій) называется тоже *селищемъ*. Очевидно, запустѣніе Глинска, случившееся въ

---

[1]) Тамъ же, часть VII, т. 2, стр. 372.

[2]) При перечисленіи Черкасскихъ мѣщанъ встрѣчаемъ между ними такихъ, которые «позадавалися» земянамъ: Ермакъ Севрюкъ «задался ново Михаилу Грибуновичу, земянину, Семенъ Покиданъ заложился за земенина Яна Келбовского» и т. д.

[3]) Архивъ Югозап. Россіи, ч. VII, т. 1, стр. 90.

концѣ XV или въ началѣ XVI ст., какъ равно и запустѣніе всего верхняго Поворсклья, должно быть отнесено къ тому же разоренію южной Руси Менгли-Гиреемъ, на которое мы уже раньше указывали (Описаніе старой Малороссіи, т. III, предисл. стр. VIII).

Въ той же люстраціи Черкасскаго замка 1552 г. мы находомъ указаніе, что селище Глинскъ «у Сивере, на Ворклѣ» князь Домонтъ отдалъ въ приданое за дочерью зятю своему Михайлу Грибуновичу. Такимъ образомъ, вмѣсто князей Глинскихъ, на среднемъ Поворсклье явился новый владѣлецъ въ лицѣ пана Байбузы, какъ назывался въ актахъ Михаилъ Грибуновичъ. Но этотъ владѣлецъ Поворсклья, несмотря на свою энергичную колонизаторскую дѣятельность, этими мѣстами видимо мало интересовался,—конечно, по причинѣ ихъ пустынности, и стремился захватывать въ свое обладаніе, какъ увидимъ ниже, земли болѣе близкія къ Днѣпровскимъ замкамъ. Въ то же время на Поворсклье, сосѣднее съ землями Байбузы, нашелся охотникъ въ лицѣ тоже одного изъ «украинскихъ» земянъ, какой-то Омелянъ Ивановичъ. Въ грамотѣ 1571 г. значится, что король пожаловалъ «земенину Омеляну Ивановичу за службу его на той Украинѣ (гдѣ жъ и на сесь часъ вязневъ непріятелскихъ, татарина, самъ отъ себе и отъ всихъ товаришовъ своихъ, козаковъ, намъ отдалъ) землю входную (т. е. способную для промысловъ) Северу, за Черкасы, у 20-ти миляхъ,, то ест почавши отъ Санчаровского перевозу на реце Ворскли, шляху татарского, на низъ тою рекою Ворскломъ къ устью речки Полузоры, которая съ поля, зъ Московское стороны, съ правое руки приходитъ и въ Ворскло впадываетъ, а оттоль Ворскломъ до речки Кустови (теперь Кустовая), которая теж съ поля, отъ Орды, зълева, тамъ же впадаетъ, и засъ Ворскломъ ажъ до рубежа Степана Жарковича, Артемковыхъ песковъ, по обудву сторонахъ тое речки Ворскъла, зо всими кгрунты, пожитки ихъ и належностями, яко ся тая земля Север зъдавна в собе маеть» [1]). Изъ приведеннаго описанія видно, что по этой грамотѣ была отдана «шляхетному козаку» Омеляну

---

[1]) Чтенія въ Общ. Нестора-лѣтоп., VIII, отд. 3, стр. 12.

Ивановичу незначительная часть Поворсклья, начиная отъ нынѣшняго Стараго-Санжарова вверхъ по рѣкѣ, нѣсколько выше теперешней Полтавы, такъ какъ с. Ивончинцы расположено при долинѣ рѣчки Полузорья, теперь уже исчезнувшей [1]). Можно догадываться, что этимъ королевскимъ «наданьемъ» Омелянъ Ивановичъ имѣлъ въ виду только закрѣпить за собою Поворсклянскіе «уходы», чтобы быть свободнымъ отъ притѣсненій Черкасскихъ старостъ. Другого значенія это «наданье» имѣть не могло, такъ какъ пожалованная земля представляла собою «неосѣдлую пустыню», какъ называли Поворсклье польскіе люстраторы еще и въ началѣ XVII ст. На такую пустынность только что описаннаго Поворсклья указываетъ запись Литовской Метрики о томъ, что турецкіе и крымскіе купцы, торговавшіе съ Москвой въ XVI в., ходили туда двумя путями: «съ Перекопа на Тавань и на замки: на Черкасы, на Каневъ и на Кіевъ»; когда же они, уклоняясь отъ платежа пошлинъ, мѣняли «ту звѣчную дорогу, хотячи пройти *полями*, а не дорогою», то шли «съ Перекопа чрезъ *поля яловые*, на врочище Санъчарово [2]), которое врочище отъ тыхъ замковъ въ 60-ти миляхъ» [3]). Слѣдовательно, изъ Крыма въ Москву обычная дорога шла по правому берегу Днѣпра, а лѣвобережье, включавшее и Поворсклье, представляло собою только «поля яловыя», т. е. пустынную степь.

---

[1]) При всемъ уваженіи къ мнѣніямъ почившаго историка, не можемъ согласиться съ его топографическимъ объясненіемъ данной грамоты. Въ ней прямо сказано, что земля, пожалованная Омельяновичу, простиралась отъ Санчаровскаго перевоза *внизъ*, а не вверхъ по теченію Ворсклы, съ правой ея стороны до устья рч. Полузеры, а съ лѣвой—до устья Кустови. Рѣчка *Полузерье* и нынѣ существуетъ и впадаетъ въ Ворсклу, съ правой стороны, у м. Новыхъ-Санжаръ, верстахъ въ 12-ти ниже Стараго Санжарова, а подъ именемъ рч. Кустови несомнѣнно разумѣется нынѣшній *Кустоловъ*, лѣвый притокъ Ворсклы, впадающій ниже м. Бѣликъ. *Ред.*

[2]) Здѣсь былъ перевозъ, или вѣрнѣе, бродъ черезъ Ворсклу, какъ видно изъ приведенной выше грамоты Омеляну Ивановичу.

[3]) Книга Посольской Метрики вел. княж. Литовскаго, т. I, стр. 30.

Мы уже видѣли, что, при указаніи границъ «наданья» Омеляну Ивановичу, королевская грамота упоминаетъ, что рч. Полузорье впадаетъ въ Ворсклу «съ поля, зъ Московское стороны», т. е. указываетъ, что тутъ гдѣ-то, къ сѣверу отъ средняго Поворсклья, земли считались уже Московскими, а не королевскими. Какія именно земли считались тутъ «московскою стороною», объ этомъ имѣется указаніе при перечисленіи тѣхъ мѣстностей, которыя находились въ кругѣ вѣдѣнія «сторожевой службы» Путивльскихъ и Рыльскихъ станичниковъ. Изъ росписи 1571 года тѣхъ мѣстъ, къ югу отъ Путивля, какія должны были посѣтить сторожевые разъѣзды, мы видимъ, что они обязаны были направиться «къ верхъ Самари» (лѣвый притокъ Днѣпра, южнѣе Орели) такимъ путемъ: черезъ рч. Бобрикъ къ Сулѣ, потомъ къ Пслу, а потомъ, «Ворсколъ перелѣзши», па устье Буймира, къ Мерлу, а «Мерлъ перелѣзши», къ Коломаку и т д. [1]). Такимъ образомъ отсюда видно, что Московское правительство считало своими землями верховья Сулы, Псла, Ворсклы, Коломака... Для насъ, впрочемъ, свѣдѣніе это важно лишь тѣмъ, что и оно указываетъ на пустынность верховьевъ Ворсклы и Коломака и такимъ образомъ подтверждаетъ сдѣланное раньше указаніе, что все междурѣчье Ворсклы и Орели и въ концѣ XVI ст. представляло собою одни «поля яловыя», чрезъ которыя татары, кроясь отъ московской сторожи по ярамъ и лѣсамъ, пробирались къ населеннымъ мѣстамъ съ цѣлью ихъ грабежа [2]).

---

[1]) Акты Московскаго Государства, изд. Академіею Наукъ, т. I, стр. 13.

[2]) Тамъ же, стр. 15. Насколько «усторожливо» должна была «сторожа» относиться къ своимъ обязанностямъ»—беречь «украины» отъ „крымской и отъ ногайской стороны, чтобы воинскіе люди на государевы украины безвѣстно не приходили“,—объ этомъ говоритъ наказъ имъ: „а стояти сторожемъ на сторожохъ съ конь не слѣзая, перемѣняясь, и ѣздити по урочищамъ перемѣняясь же направо и на лѣво по два человѣкъ и по наказомъ, каковы имъ наказы дадутъ воеводы. А становъ имъ (сторожамъ) не дѣлати, а огни класти не въ одномъ мѣстѣ; коли каша сварити, и тогды огня въ однымъ мѣстѣ

Въ началѣ XVII ст. положеніе дѣлъ въ Поворскльѣ измѣняется. Здѣсь появляются новые владѣльцы, которые, повидимому, измѣняютъ прежній порядокъ хозяйства. При люстраціи Кіевскаго воеводства въ 1616 г. нѣсколько такихъ владѣльцевъ: Федоръ Сущанскій-Проскура, Федоръ и Евстафій Байбузы (сыновья Михайла Грибуновича?), Иванъ Лучкевичъ и Василій Добрянскій заявили люстраторамъ, что у нихъ имѣнія наслѣдственныя, люстраціи не подлежащія, и при этомъ указали «na pewne Sywiery abo grunty na rzece Worskle, także *sewruki albo danniki* swe, w Czerkasiech mieszkaiące [1]), при чемъ черкасскіе обыватели люстраторамъ подтвердили, что тѣ имѣнія (dobra) принадлежали указаннымъ лицамъ по наслѣдству, «а тѣхъ севруковъ они сами судятъ (sądzą)». Изъ той же люстраціи видимъ, что полученное въ Поворскльѣ въ 1571 г. Омеляномъ Ивановичемъ имѣніе («ziemia wchodna Siewera, Worskła z rzeczką Połuzorą y Kustowem») въ 1616 г. принадлежало шляхетному Василію *Мѣленину*, при чемъ поясняется, что это имѣніе дано предкамъ последняго королемъ Сигизмундомъ-Августомъ (1548—1572 гг.), а потомъ подтверждено кор. Генрихомъ [2]). Отсюда съ нѣкоторою достовѣрностью можно заключить, что Мѣленинъ былъ сынъ Ивана Омельяновича, усвоившій себѣ прозвище, взятое отъ имени дѣда «Омеляна».

По свѣдѣніямъ 1618 года, владѣнія Проскуръ-Сущанскихъ (Ѳедора и Юрія) на Ворсклянской пустынѣ (puszczyzna), близъ

не класти дважды; а въ коемъ мѣстѣ кто полднивалъ, а въ томъ мѣстѣ не ночевать"... и т. д. Тамъ же, стр. 2.

[1]) Это мѣсто приводимъ въ подлинникѣ, боясь ошибки въ переводѣ, но понимаемъ такъ, что здѣсь говорится объ имѣніяхъ «у Сивере, на Ворсклѣ", при чемъ подъ именемъ „севруковъ" слѣдуетъ разумѣть, какъ кажется, тотъ людъ, который промышлялъ въ Поворсклянскихъ уходахъ за извѣстную дань, какую онъ долженъ былъ отдавать собственникамъ ухода за пользованіе послѣднимъ. Эти севруки, какъ видно, жили въ Черкасахъ и состояли подъ юрисдикціей владѣльцевъ тѣхъ уходовъ, въ которыхъ они промышляли.

[2]) Архивъ Юго-зап. Россіи, ч. VII, т. I, стр. 315—316.

могилы Скороборъ, оспаривали наслѣдники черкасскаго старосты князя Михаила Вишневецкаго [1]).

Послѣ люстраціи 1616 года, мы имѣемъ тарифы подымной подати Кіевскаго воеводства 1628 и 1631 годовъ. Въ первой показанъ уходъ Ворсклы, «пустыни неосѣдлой», съ однимъ уходникомъ, принадлежавшій Ѳедору Пашкевичу, и одна третья часть Орельскаго ухода, тоже съ однимъ уходникомъ, принадлежавшая Станиславу Янковскому [2]). Во второй тарифѣ, 1631 года, часть Поворсклья показывается во владѣніи Ивана Лучкевича, Естафія Байбузы и дѣтей его брата Ѳедора Байбузы, т. е. тѣхъ самыхъ владѣльцевъ, которыхъ мы видѣли за пятнадцать лѣтъ передъ этимъ [3]); умеръ только Ѳедоръ Байбуза и ему наслѣдовали его дѣти. А относительно Поорелья въ тарифѣ 1631 г. указываются два владѣльца: панъ Юрій Чеховичъ, у котораго въ его «маетности Орлей (Orłey) числился всего одинъ уходникъ, и какая-то пани Олена Якова Драбовичева (жена?), которой принадлежала третья часть Орельской маетности, всего съ однимъ «огородникомъ» (уходникомъ? [4]).

Изъ всѣхъ приведенныхъ свѣдѣній видно, что въ первой четверти XVII ст. Поворсклье находится во владѣніи нѣсколькихъ лицъ, при чемъ старѣйшими тутъ являются Байбузы и Мѣленины, основавшіеся здѣсь съ 70-хъ годовъ XVI ст., а затѣмъ Проскуры-Сущанскіе, Лучкевичи, Добрянскіе и Пашкевичи. Владѣнія ихъ были неособенно пространны и не были точно опредѣлены. Такъ можно думать потому, что, по грамотѣ Сигизмунда-Августа 1571 г., Омеляну Ивановичу была пожалована часть Поворсклья, въ предѣлы котораго, судя по указанію на Санчаровскій перевозъ и на рѣчку Полузорье, несомнѣнно входила мѣстность теперешней Полтавы [5]). Владѣльцемъ этой мѣстности, слѣдовательно,

---

[1]) Zródła dziejowe, XXI, отд. II, стр. 252.

[2]) Тамъ же, отд. I, стр. 85.

[3]) Архивъ Юго-зап. Россіи, часть VII, т. I, стр. 398.

[4]) Тамъ же, стр. 392 и 399.

[5]) По нашему толкованію грамоты 1571 г., этого нельзя допустить. См. выше примѣч. на стр. 103. *Ред.*

долженъ былъ быть Мѣленинъ, который значится въ люстраціи 1616 г. А между тѣмъ въ грамотѣ короля Сигизмунда Ш 1630 года вотъ что читаемъ: «Имѣя милостивый взглядъ на заслуги Варѳоломея Обалковскаго, секретаря нашего, жалуемъ ему слободу пустую, въ нашемъ распоряженіи находящуюся, Полтавою называемую, надъ рѣкою Ворсклою, на шляху Муравскомъ, въ воеводствѣ Кіевскомъ, со всѣми принадлежащими къ ней угодьями, а равно и другія пустыя мѣста, годныя для заселенія, съ правомъ селить села и мѣстечки и оными владѣть до воли нашей, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы въ пущахъ и лѣсахъ тамошнихъ поташу, клепки и никакихъ товаровъ лѣсныхъ, а также селитры и соли не выдѣлывалъ безъ нашего на то особливаго королевскаго позволенія» [1]).

Объ этомъ Обалковскомъ см. Архивъ Юго-зап. Россіи, часть VII, т. I, стр. 375, гдѣ онъ, въ 1631 г., именуется администраторомъ королевскихъ имѣній (dobr), т. е. завѣдывавшимъ въ Полтавщинѣ «королевщизнами»... *(на этомъ рукопись прерывается).*

---

1) Записки Наукового Товар. імени Шевченка, кн 2, Miscellanea, 11.

СВЯТЫЙ ГОРОДЪ.

(Прысвячуется вичній памьяты любого мого дядька Хведора Хведоровыча Лащинського).

Праведная душе! прыймы мою мову,
Не мудру, та щиру,—прыймы, прывитай...
Т. Шевченко.

I.

Нызенько спустывся вже волосожаръ; не разъ и не два прошелестивъ по тополяхъ холодный витрець, шо налитá передъ схидъ-сонця, и давно вже все село спало; а у хати въ старого Якыма ще свитылося та чуты було гоминъ.

Ще передъ вечоромъ вернувся винъ зъ прощи, зъ далекого города, та якъ почавъ розсказуваты про ти дывовыжи, що тамъ бачывъ, то й балакавъ до самого свиту.

Сорокъ рокивъ прожывъ дидъ Якымъ крепакомъ, ще за панивъ, та трыдцять просыдивъ у пасици писля воли, а це вперше бувъ такъ далеко видъ свого села. Хотилося ёму хочъ передъ смертью помолытыся коло угодныкивъ Божыхъ. Дочка ёго Хымка,—вже й сама не дуже молода удова,—слухала, слухала про той городъ, а потимъ схылылася на стилъ та й задримала.

Старшый онукъ Якымивъ Степанъ,—вже здоровый парубокъ,—тежъ разъ-у-разъ позихавъ та чухався. Одна тилькы онучка Прися, гарненька, трохы меньша за Степана дивчына, слухала дида не здвыгаючысь зъ миста.

На ничъ вона почала розчисуватысь, та такъ и не дочесалася, а сыдила зъ гребинкою у руци. Довге, наче золоте іи волосся розсыпалося одніею частыною по плечахъ, а другою розислалося край столу. Тыхо пиднималыся и опускалыся молоди груды, а блыскучи розумни очи не зводылысь зъ дидовыхъ сывыхъ вусивъ, що колыхалыся видъ розмовы.

А старый гомонивъ та й гомонивъ:

— У насъ черезъ ричку треба переправлятысь човномъ або пороиомъ, а тамъ черезъ Днипро зализный мистъ изроблено такый, що по ёму сто чумацькыхъ возивъ йихатыме, а винъ и не сколыхнется.

— Ото у насъ у сели дзвиныця, кажуть, девьять чы десять сажнивъ заввышкы; а тамъ йе дзвиныця, такъ наша, мабуть, и до першыхъ іи дзвонивъ хрестомъ чы й досягне...

Отсе у нашого пана у викнахъ яки велыки шибкы, а тамъ скризь по лавкахъ таки шыбкы́, якъ наши ворота, о!

У насъ такій дивчыни, якъ отъ-це ты, у наймахъ дають десять чы пьятнадцять карбованцивъ на рикъ, а тамъ на мисяць,— ось якои, о!..

А якъ бы ты побачыла оту машыну, що людей по вулыцяхъ возе, такъ, мабуть, излякалась бы, що нема ни дыму, ни вогню, и не свыстыть и не пыхка, а бижыть такъ, якъ и парова. Дасы пьятака, такъ верстовъ дви або й тры и йидешъ. И попы, и жыды, и паны, и селяне, и охвыцеры—уси вмисти сыдять.

Бачывъ я ще, якъ на билыхъ коняхъ москали йихалы, а дали якъ заграють у мидни трубы, ажъ земля дрижыть.

А у собори пивча якъ заспива, такъ наче янголы зъ неба...

Такъ, такъ! Сыды жъ, мое серце, а я пійду воды напьюся, а то вже у горли наче сукнына стырчыть. Ой Боже жъ мій мылый, пересыдивъ я ногу!.. Ой лышенько, наче деревьяна зробылася...

Дидъ такы вылизъ зъ-за столу и пошкытыльгавъ у сины; тамъ трохы не впавъ и довгенько ляпавъ кухлемъ, покы на-

пывся воды. Дали выйшовъ на двиръ, постоявъ и зновъ вернувся до хаты.

— Отсе досыдились мы зъ тобою, онучко!.. И маты, й хлопець уже сплять, та й сонечко незабаромъ сходытыме; небо вже почервонило. Чуты, якъ пидъ Трохымовою хатою перепелъ у решети пидьпидёмка, а я усе балакаю та балакаю,—це тымъ, що дома дуже давно не бувъ. Гасить же каганець та лягайте спаты, а я ляжу у хыжи... Звыкъ у дорози ночуваты на двори; воно якъ кожухомъ накрыепіся, то не холодно.

Дидъ пишовъ у хыжу. Прися наче прокынулася, збудыла матиръ та брата и почала слатысь на полу. Дали заплела косу, прочытала «отченашу», и молючысь усе держала на думци той городъ, шо про ёго розсказувавъ дидъ; писля ще трычи перехрыстылась и дмухнула на каганець.

II.

Зоряна, ясна та тыха ничъ у Петривку. Дивчата сыдять на колодкахъ, пидъ царыною, и спивають:

Ой котылася та ясная зоря,
Гей та й не впала до-долу...
Просылася молода дивчына
Гей зъ юлыци до до-о-о-му..

А Прися не спива та дума: «Отъ-же жъ добре дивчата спивають, а дидъ казалы, що у городи пивча краще спива; а воны жъ николы неправды не скажуть».

Попрыходылы зъ другого кутка парубкы, посидалы коло дивчатъ. Засвитылыся цыгаркы, запахло тютюномъ. Гоминъ дужчый ставъ, регитъ покотывся, а дали змовклы та зновъ заспивалы уси разомъ ще дужче, ще голоснипе.

Высокый та тонкый парубокъ, у сынёму картузи, Иванъ Ложка чогось одразу змовкъ и зновъ почавъ робыты зъ газетного паперу цыгарку, потимъ пидийшовъ до Приси и спытавъ:

— А ты, дурне козеня, чого мовчышъ?

— Якъ дурне, то пиды пошукай соби розумнійшого.

— О, я пошуткувавъ, а вона вже й сердытся!

— Такъ чого жъ ты: «дурне, дурне»! Не хочу, то й не спиваю. Адже жъ и ты мовчышъ!

— Такъ мени безъ тебе не хочется спиваты.

— А мени яке дило, чы хóчется тоби, чы не хочется?

— Ось якои, о!.. Постій же жъ!...

— А устану, такъ и постóю.

— Дывиться, дывиться!—забелькотала Одарка Вивчаренкова: Иванъ зъ Приськoю завелысь лаятысь. Це, мабуть, у лиси щось велыке здохло!

— Такъ хиба жъ то я лаюсь? То жъ винъ почавъ: «дурне» та «чого не спиваешъ».

— А й справди, чомъ ты, Присю, не спиваешъ?—обизвалася іи подруга Наталка: на тимъ тыжни вже Пéтра-Павла, а дали й жныва. Якъ попогнешъ спыну у поли, то тоди у вечери й справди не схочется спиваты.

— Чого бо вы до мене уси прысикалысь? Не хочу, то й не спиваю.

— Ну, якъ ты не хочешъ, то я заспиваю,—одмовыла Наталка, пидморгнула на Ивана Ложку и почала:

На Петра-а-а
Хлибъ пекла-а,
А на Ивана
Вы-би-ра-ла-а-а...

Гулялы парубкы та дивчата до самого свиту. Иванъ Ложка мовчкы сивъ биля Прися. Бильшъ воны не сварылыся и не розмовлялы, тилькы до-дому йшлы умисти. Пидъ Ложчыною клунею зновъ спынылысь. Иванъ узявъ Присю за руку та й спытавъ:

— Чого бо ты, справди, наче смутна? Може, кого иншого полюбыла?

— Кого тамъ?...

— Ну, такъ чого жъ?

— Та такъ. Маты сёгодня у поли булы, такъ казалы, що жыта наврядъ чы й по девьять кипъ на десятыни буде, то й до Риздвяныхъ святъ хлиба вже не стане. Адже ты знаешъ, що у насъ теперъ усихъ пивторы десятыны зосталося, та пивъ-десятыны городу. Маты журятся, такъ и я журюся...

— А хиба въ дида нема грошей? Адже жъ винъ зимою разъ-у-разъ на панськый двиръ лазывъ, то й заробывъ.

— Казалы, що було двадцять карбованцивъ, такъ отсе жъ на прощу ходылы. Дуже стратылыся. Дви корогвы у церкву купылы, та намъ де-чого.

— Ну, а Степанъ хиба не заробе?

— Степанъ заробе! Тамъ такый, що цилый день лежыть на левади та на сопилку гра. Винъ и косыты гараздъ не вміе. Торикъ грабкы на ячменю побывъ, такъ и доси не наладнавъ, такъ коса й лежыть несправна; а цидъ не здужають усе.

— Пидожды, може такы й дожывемо, що старостивъ зашлю.

— Колы 'то воно ще буде! Адже-жъ тоби сю осинь на прызовъ, а якъ и не пидешъ у москали, то памьятаешъ, що тоби батько казалы: «якъ оженышся на такій, що немае земли, то й зъ хаты выжену», а наша жъ земля упада не мени, а Степанови.

— Заробымо...

— То жъ бо то воно и йе!..

— Ну, годи про це.

Иванъ узявъ Присю одніею рукою за плече и хтивъ обняты ще й другою.

— Що це бо ты? Дывысь, уже свитъ; люде побачять, то бо-зна що казатымуть.

Прися потыхеньку выкрутылася зъ ёго рукъ и побигла до своеи хаты.

Иванъ постоявъ ще, подывывся ій у слидъ, потимъ знявъ картузъ и кынувъ нымъ объ землю такъ, що ажъ пылъ закуривъ.

— Щось воно та йе!—сказавъ винъ самъ соби, пиднявъ картузъ, покрутывъ головою и пишовъ до-дому тыхою ходою.

III.

Черезъ два дни писля «Петра» сталы на жныва. Зъ самого ранку сонце наче вогнемъ пекло. Вода у барыльци зробылася тепла, ажъ наче кысла. Посылала Хымка до крыныци Степана, такъ не схотивъ иты, а налаять добре никому було. Прися жала, изигнувшы спыну. Болила въ неи и голова, та не такъ видъ сонця, якъ видъ думокъ.

— Господы мылосердный! Оце жъ и на себе и на людей працюешъ зъ усіеи сылы, а писля Риздва прыйдется позычаты борошна. Дидъ пійдуть соби у економію до пана, то ихъ тамъ и нагодують и напоять, а намъ зъ матирью нихто дурно й шматка хлиба не дасть. Степанъ десь у молотныкы найметься, що заробе, те на досвиткахъ пропье. А я де зароблю? Понесу до жыда пидъ заставу плахты та свое добре намысто, дасть винъ тры карбованци, купымо борошна, а дали—знову бида... Зберутся на «Кузьмы-Демьяна» на досвиткы парубкы та дивчата, почнуть складатысь на горилку та на млынци, а я що дамъ? Иванъ позыче копōвычку, а потимъ тіею коповычкою цилый тыждень очи дратыме, скаже: «гроши берешъ, а до другыхъ залыцяешся»... И чого-то воны отти парубкы таки,—якъ справди любе, то наче здуріе, а якъ тилькы грается, то такъ и дывытся, щобъ покрыткою зробыты! Нема у ихъ правды, нема и справжнёи ласкы. Отъ хочь бы й Иванъ: каже, що любе, а що-вечора грызе та й грызе: «ты кого-сь иншого кохаешъ»... Кого я тамъ кохаю? Наче й не баче, що мени изъ тымъ коханнямъ свитъ за очи ставъ... А якъ оженытся, то й быты буде. Адже торикъ Домаха зъ Косенковымъ Хведоромъ якъ цилувалыся та любылыся, а побралыся, то черезъ тры тыжни винъ ій коромысломъ голову проломывъ. Чы ёго покынуть усе та пійты на заробиткы у той городъ, де дидъ бувъ? Адже казалы дидъ, що тамъ у-наймахъ по десять карбованцивъ на мисяць платять»...

Передъ вечоромъ змучылася Прися зовсимъ. Рукы трусятся и поперекъ наче одпалкувавъ хто. Вернулыся до-дому, посидалы пидъ хатою вечерять. И дидъ, и маты, и Степанъ йидять ложкамы юшку, а Прися й ни.

— Чомъ ты, доню, не вечеряешъ?—пытають маты.

— Такъ,—не хочется.

— То тымъ, що затомылася. Я сама якъ була молодою, то отсе якъ першый день станешъ на жныва, такъ у вечери здается, що завтра й серпа въ рукахъ не вдержу, а на другый день и ничого. А же якъ йихаты у далеку дорогу, то кони томлятся тилькы зразу, а дали убижатся, то йидуть тюпкы безъ-перестану. Такъ же воно и люде. Сёгодня мы не багато й нажалы, ще трычи стилькы на пни стоить. Отъ-же жъ завтра Богъ недиленьку дае,—одпочынешъ. Йижъ бо, доню, юшечку.

— Та не хочется жъ мени,—одмовыла Прися, а потимъ спытала:

— Диду!

— Га.

— А чы й у городи йидять такый хлибъ, якъ отсе у насъ?

— Ни, серце, тамъ усе булкы та бублыкы зъ макомъ йидять. Ну, а по манастырахъ, то правда, йидять такый хлибъ, якъ и въ насъ, тилькы наче солодкый якыйсь. Дурно й дають ёго.

— Дурно?

— Дурно. А на Велыкдень такъ и паску дурно давалы.

— Годи вже вамъ, тату, все про той городъ розсказуваты,—обизвалася Хымка: де жъ такы, щобъ усимъ людямъ та дурно хлибъ давалы!

— Ій-Богу, дають; отъ не дурно забожывся. Звисно, якъ ты сыдитымешъ тамъ у манастыри мисяць, то вже й не даватымуть, а зразу такъ дають.

— Та годи вже...

Прися глянула скоса на матиръ, устала и пишла у садокъ. Тамъ вона обиперлась на лису та й задумалась зновъ. Важко

чогось на серци було, и здавалося ій, що вона не молода дивчына, а вже стара баба.

— И сонечко зайшло, а такъ душно, наче й дыхаты ничымъ,—думала Прися,—чы то мени такъ здается. Зъ матирью и балакаты не хочется, а Иванъ наче божевильный якыйсь зробывся, одно грызе: «ты про кого-сь думаешъ». Хиба про те, що десь воно есть таки мисця, де люде лучче одъ нашого жывуть»...

Вона й не счулася, якъ до лисы й справди пидійшовъ Иванъ.

— Присько!..

— Це ты? Ой Боже жъ мій, якъ я злякалася!

— Чого?

— Не знаю.

— Не знаешъ? Такъ. А на вулыцю у вечери выйдешъ?

— Хиба жъ теперъ гуляють на вулыци? Саме жныва почалыся.

— Такъ завтра жъ недиля.

— Такъ що?

— Якъ «такъ що»? Спатымешъ хочъ и до-обидъ. Такъ не выйдешъ?

— Ни.

— Ну, гляды жъ!..

Иванъ плюнувъ и не оглядаючысь пишовъ вулыцею.

Хочъ и затомлена була Прися, а не скоро заснула ціеи ночи. Усе наче душно ій показувалося. Вона прыслухалася до писень, що чуты було зъ вулыци. Вже на думци було одягнутысь самій, та йты до гурту, а дали наче хто-сь извеливъ: «не ходы», вона й не пишла.

IV.

Якъ ишлы люде до церквы, такъ небо було сыне, а якъ служба одійшла, то зъ пивночи насунула велыка, наче олывьяна хмара зъ жовтымы краямы. Душно такъ стало, ще гиршъ нижъ

у суботу. Куры соби ямкы у писку повыкопувалы. Горобци десь пидъ стрихамы поховалыся. Зирвався разъ и другый витеръ; зачавъ накрапаты дощъ, зразу ридкый, а дали наче квасолею запырыцывъ. Диты повтикалы зъ улыци. Де-котра баба, напнувшысь спидныцею, що-духу бигла до-дому, ляпаючы босымы ногамы по грязи.

Загуркотивъ гримъ и налетивъ ще дужчый витеръ. Хряснула и зигнулася велыка горишына у саду, а дали выдно було, якъ одломыло крыло на тому млыни, що стоявъ биля выгона, а потимъ поставыло сторчъ и увесь млынъ.

Зновъ наче зъ десяты гарматъ ударыло, и тіеи жъ хвыли лынувъ дощъ помижъ изъ градомъ. Заторохтило по викнахъ, и вылетила одна шыбка. Побилило въ садочку и на двори наче зимою. У комини гуде та гуде.

Хымка кынулася свитыть страсну свичку. Рукы въ неи трусылыся, тры сирныкы збавыла, покы засвитыла, а дали почала голосыть:

— Ой пропалы жъ мы, несчасни! ой выбыло жъ и вымолотыло послидне наше жытечко, высыпалося, мабуть, воно чысто!.. А Боже жъ мій мылый, за що Ты такъ тяжко насъ покаравъ!.. Прися мовчкы сыдила на лави, зморщывшы чоло, а потимъ лягла на пилъ и укрылася зъ головою велыкою хусткою...

Дидъ вычытувавъ «Да воскреснеть»... и вусы ёго трусылыся.

Торохнуло знову наче у самій хати, ажъ кырпычына выпала зъ комину... Черезъ годыну олывьяна хмара посунулась геть-кудысь далеко, тремтило на деревьяхъ листячко зъ блыскучымы крапелькамы воды, а зъ сынёго неба дывылось та сміялось надъ людськымъ горемъ сонечко.

Хымка и Прися понадывалы чоботы и побиглы у поле. Тяжко дыхаты було имъ на бигу, у кожнои важко былося серце, наче отъ-отъ розирвется. Зналы обыдви, що тамъ побачять, але не хотилося йняты виры...

Мокри покосы не лежалы рядамы, а позбывалыся у купы. Жыто, що було на ныни, полягло наче сковаными крыгою хвылямы. Высоко десь щебетавъ жайворонокъ.

Хымка плакала, втыраючысь рукавомъ. Прися тилькы побилила, и бривкы іи ныжче спустылысь надъ блыскучымы очыма. Мовчкы вернулыся дочка та матиръ до-дому.

На другый день поле высохло, а до суботы на Хымчыній ныви стояло вже симнадцять кипъ зъ порожними колоскамы. Богъ давъ погоду зновъ. Дни булы ясни, ночи теплы та душни. Парубкы изновъ почалы збиратысь на вулыци, и писни розлягалыся далеко за село.

Стари люды сумувалы. Хымка наче постарила. Прися никуды не ходыла, а все думала та инюди у вечери гомонила зъ дидомъ пидъ хатою.

V.

На Иллю Хымка зъ Присею та зъ дидомъ посидалы пидъ хатою обидаты. Степанъ десь забарывся на панському двори. Прися зйила дви чы тры ложкы борщу, та й каже:

— Мамо!

— Чого?

— Я пійду у городъ.

— У якый?

— Ажъ у той, що дидъ ходылы на прощу.

— Такъ хиба жъ теперъ на прощу ходять? То жъ ходять на весни або на Пречысту.

— Такъ я пійду не на прощу, а у наймы.

— Богъ зъ тобою, що це ты мелешъ?

— Чого жъ тамъ «Богъ зъ тобою»? Адже жъ вы сами казалы, що въ насъ не стане борошна, мабуть, и до Покровы. А я стану у наймы на всю зиму, зароблю грошей, то й вамъ поштою подамъ.

— Де жъ ты наймешся?

— А де-небудь, адже тамъ панивъ багато.

— Э, ни, доню, ничого ты тамъ сама не вдієшъ.

— Чому? Хиба я дытына?

— Изъ кымъ же ты підешъ? Ты жъ сама й дорогы не знайдешъ.

— А зъ бабою Ковалыхою, вопы ось на цимъ тыжни збираются туды говить иты.

— Мени таке наче й чудно слухаты; краще нехай уже Степанъ иде у наймы.

— Винъ такый, що й зъ голоду опухне, а никуды не пійде...

— Ни, моя доню, не йды ты никуды. Хиба вже до Шмуля наймыся, усе жъ такы у своему сели.

— Нехай вамъ той Шмуль сказытся, щобъ я за карбованецъ у мисяць жыденятъ няньчыла.

— Ой, страшно жъ мени: якъ такы ты сама пидешъ!

— Та кажу жъ бо, що не сама, а зъ Ковалыхою.

Дидъ слухавъ, слухавъ, а дали обизвався:

— Нехай иде, може й справди долю свою тамъ знайде. Вона дивка розумна. Хиба тилькы й свиту що у нашому сели?

Балакалы та спорылыся, покы й борщъ прохоловъ.

Ще й сонечко не сходыло, якъ Прися устала, убралася и оглядаючысь на матиръ, шо ще спала, выйшла за ворота. Вернулася вона тилькы передъ вечоромъ.

Хымка дуже розсердылася и цилый день ходыла наче несамовыта. Кого не пытала вона, то нихто не бачывъ Приси и не знавъ, куды вона ходыла. Побачывшы дочку, Хымка узяла коромысло и пидступыла до неи.

— Ты де була?

— У волости, ажъ у Самбури.

— Чого жъ тебе туды носыло?

— Хотила билетъ узять, бо по чужыхъ городахъ, кажуть, неможна безъ билета жыть.

— А ты матери спытала?

Прися уся затремтила.

— А матинко жъ моя любая, быйте мене, лайте, тилькы пустить. Занудылася я. Пустить мене... Ось побачыте, я грошей

зароблю и старисть вашу заспокою... А, пустить же мене у той городъ!..

Хымка покынула коромысло и тяжко зитхнула.

— Я ще такыхъ дивокъ и зроду не бачыла. Адже глянь, твои подругы ще бидниши одъ насъ, та й весели жъ, и спивають и никуды йты не збираются. А въ-осены де-котри до шлюбу стануть; може бъ, и тоби судылося. Хиба въ насъ на сели вже й гарныхъ парубкивъ нема? Ты не крыворота, не ряба, не калика, чорнобрыва та зъ лыця била, якъ намалёвана; невже жъ тебе не свататымуть?..

— Ой мамочко, ой огыдлы жъ мени воны уси: здаются таки якъ звиры.

— Чого жъ такы люде та на звиривъ схожи будуть?

До самои глыбокои ночи балакалы маты зъ дочкою. Слухавъ и дидъ и де-колы свое слово вставлявъ.

Выйшло такы на Присыне,—пустылы іи.

У суботу вранци попрощалася вона зъ матирью, зъ дидомъ и зъ братомъ, узяла ципокъ у рукы, перехрестылася та й пишла изъ бабою Ковалыхою шляхомъ.

Прися усе оглядалася: довгенько такы їй здавалося, що Иванъ Ложка за нею буде гнатысь.

А Иванъ не гнався, тилькы у вечери, не звисно зъ якои речи, напывся пьяный и не звисно за що повыбывавъ викна въ хати у Шмуля.

VI.

Двадцять верстовъ увійшлы Прися зъ Ковалыхою за першый день. Хотилы йты й ще, та потомылыся дуже. Ночувалы на зайиздному двори у невелычкому повитовому городи.

Ще й зиркы зъ неба не посходылы, якъ стара Ковалыха почала вже зновъ збиратысь у дорогу. Знову йдуть шляхомъ. Хытають шырокымы гильямы вербы, и здается Приси, що то ти сами вербы, котри й учора вона бачыла,—наче увійшлы одъ ридного села зъ верству, не бильшъ. Ковалыха, баба не бала-

куча, иде мовчкы, сопе та ципкомъ землю довбае Жерстяный чайнычокъ за іи плечыма видъ кожного ступня злегенька брязчыть.

На другый день увійшлы трыдцять верстовъ, ще й пидвезлысь на вози въ якогось дядька. Чоловикъ бувалый трапывся, доводылося ёму жыты й по велыкыхъ городахъ. Прися трохы налякалася, якъ винъ почавъ розсказуваты, що тамъ выробляють зъ дивчатамы панычи та москали. Ну, та увечори Ковалыха іи заспокоила, що то усе видъ самои дивкы выходе,—котра схоче пустытысь, то й пустытся, а котра не схоче, то нихто ій ничого не вдіе.

Сама тяжка дорога була на третій день. Дуже сонце пекло и грунтъ ставъ писчаный. Люде ще скризь працювалы по пывахъ, а Приси наче соромъ було на ихъ дывытысь черезъ те, що вона не працюе.

На неби жаднои хмарочкы не выдно. Видъ спекы показуется, наче далеко-далеко овечкы бижать, а ще дали буцимъ то дерева стовбурамы догоры ростуть и помижъ нымы блыщыть водою ставокъ.

Пройихавъ у полотняній кыреи становый на рыжыхъ конихъ, и за брычкою наче чортяка пидхватывъ и закрутывъ цилый стовпъ писку.

У Ковалыхы репнула пьята, набылося земли у щилыну, и стара зачала шкытыльгаты, де дали то дужче, а потимъ и зовсимъ сила. Одпочыла зъ годыну, посунулы дали ще тыхше; люде на волахъ ихъ обганялы. Тяжко показувалося Приси йты, а усе жъ такы вертатысь до-дому не хотилося.

Надъ вечиръ прыйшлы у Володькову-Дивыцю, що пидъ городомъ Нижыномъ. Тамъ заночувалы въ якогось мищанына. Хотилы вранци знову збиратысь, такъ у Ковалыхы нога дуже спухла; зъ верству, може, й прошла бъ, а въ далеку дорогу й не подужа.

Мищанынъ той нараявъ иты у Нижинъ, а тамъ до вокзалу просытысь, щобъ дурно пидвезлы на машыни.

Такъ и зробылы. Покы дойшлы до Нижына, Ковалыха ще дужче натрудыла ногу. Сила стара на платхворми на вокзали

та й плаче, а Прися скризь по станціи ходе,—проха кондухторивъ, щобъ пидвезлы ихъ на машыни, а ти сміются.

Знайшовся одынъ молоденькый, обищався въ-ночи посадыты ихъ у вагонъ, тилькы не у людськый, а у той, що звется товарнымъ, де крамъ та скотъ возять. И за те сказалы спасыби.

Поночи прыйшовъ той молоденькый и повивъ Присю изъ бабою до вагона. Ледви улизлы воны обыдви. У вагони темно, вапною понатрушувано, ни на чому ни систы, ни лягты. Пойихалы. Гуде та трусе, ще гиршъ нижъ на вози. Ковалыха крекче та одно каже: «Мабуть, не дойиду—вмру»... На якійсь станціи улизъ до ихъ и кондухторъ Тилькы рушылы, а винъ заразъ почавъ лизты до Приси. Налякалась вона ще дужче, наробыла крыку. Кондухторъ давъ ій двичи по потылыци, такъ що ажъ хустка злетила, а потимъ вже й не займавъ; якъ машына спынылась, винъ кудысь утикъ.

Стало розвыднятыся. Пойихалы лисамы. Хочъ и не спала Прися, а трошкы ій легше зробылося, якъ изійшло сонце. Затыхла й Ковалыха.

Трохы згодомъ вылетивъ пойиздъ зъ лису, и далеко показався на гори городъ, наче сыній увесь, золоти бани на церквахъ тилькы блыщать. Глянула й Ковалыха, зачала хрестытысь та молытысь: «отсе, каже, той самый святый городъ».

Якъ перейизжалы черезъ мистъ, то Прися ажъ трусылася зъ переляку: унызу вода жовта та шырока, здается, якъ бы впала туды, то жывою не долетила бъ и до воды.

За мостомъ спынылася машына. Прибигъ знову молоденькый кондухторъ:

— Ну, бабы, давайте по рублю, та й ступайте къ чортовій матери!

— Ще жъ не зовсимъ дойихалы,—каже Ковалыха.

— Нечего тутъ разговаривать: давайте деньги и убирайтесь.

— А вы жъ казалы, що дурно йихатымемъ,—обизвалася Прися.

— Если бъ ты не была дурой, то и ѣхали бы дурно,— одповивъ кондухторъ и засміявся такъ гыдко; дали узявъ гроши, выйнявъ свыстокъ и затюрчавъ у ёго. Машына рушыла, а Прися зъ Ковалыхою пишлы помаленьку край реёкъ.

VII.

Чудно жъ показувалося Приси у городи! Быржовыкъ пройиде, то вона заразъ дывытся, якъ у ёго кинь запряженый. Ударе десь у дзвинъ,—вона прыслухается. Чоловикъ изъ дижкою на голови иде та щось крычыть не своимъ голосомъ,—зновъ ій чудно показуется.

Довго йшлы воны городомъ, може верстовъ изъ пьять, покы дійшлы до манастыря. Занедужала Ковалыха зовсимъ, опухла въ неи уся нога, ажъ сыня стала. Гукнувъ якыйсь монахъ хвершала, той подывывся на стару, полапавъ іи за ногу та й каже:

— Нужно положыть въ больныцю.

Прися пидбигла до старои:

— Бабусю, голубочко, а я жъ де динусь?

А Ковалыха мовчыть, тилькы очыма лупа,—наче зомлила.

Розсказалы ченци Приси, що у манастырську больныцю покладуть бабу и якъ и колы можна іи буде одвидаты, а дали пытають:

— А въ тебе жъ билетъ есть?

— Йе,—каже Прися, и выйняла ёго зъ-за пазухы й показуе.

— Ну и хорошо. Боже тебя благослови. Съ билетомъ вездѣ можно жить. Хочешь, у насъ молись; хочешь, по другимъ монастырямъ походи, посмотри...

Напойилы й нагодувалы Присю и грошей не узялы, такъ якъ и дидъ казавъ.

На другый день пишла вона скризь по городу, та трохы не заблудыла. Пытала, пытала того манастыря, де воны зъ бабою

зостановылысь,--такы допыталась. Ажъ туманъ у неи въ голови стоявъ, якъ увиходыла вона у-вечери у манастырськи ворота. Їй увыжалася то машына, що людей безъ пары и безъ коней возе, то той козакъ, що зъ булавою на кони сыдыть середъ улыци на камьяній гори. Дзеленчалы у вухахъ дзвинкы и нибы торохтилы быржовыкы.

Лягла вона спаты на двори, помижъ другымы жинкамы та дивкамы, що попрыходылы на прощу зъ далекыхъ сторинъ, и крипко, крипко заснула.

Прокынулася на другый день раненько, пишла до утрени и молылася дуже, и за матиръ, и за дида. Потимъ издумалося ій постановыты свичку. Торкнула Прися за кышеню, щобъ чересокъ выйнять, а кышеня порожня. Ажъ рукы въ неи затрусылыся...

— Мабуть, я учора, якъ лягала спаты, за пазуху ёго сховала,—подумала. Нема череска й за пазухою,—самъ билетъ. Злякалася Прися, трохы не упала, ледви зъ церквы выйшла.

По двори, швыденько, махаючы одніею рукою, бигъ чернець. Прися до ёго.

— Батюшко, батюшко, ой лышечко жъ зо мною скоилося!

Чернець спынывся.

— Что такое?

— Ой обикрадено жъ мене у ночи... Було у мене чотыри карбованци у череску, такъ изъ череском узято. Що мени теперъ у свити Божому робыты? Пропала я, несчасна!..

— Что жъ? это случается,--каже чернець: злыхъ людей много, нужно остерегаться.

— Такъ якъ же я теперъ зостанусь?

— А вотъ посмотримъ, я отцу эконому скажу, чтобы полиціи заявилъ.

— Такъ и найдутся гроши?

— Ну, это неизвѣстно.

Чернець здвыгнувъ плечемъ и побигъ дали. Кынулась Прися у больныцю, щобъ изъ Ковалыхою порадытысь Сказалы: «пидожды». Сыдила вона, ждала у колидори годынъ зо тры, а може й бильшъ. Нудно на серци такъ стало. Округы чужи люде

ходять и не дывлятся. Чимъ-сь вонючымъ душыть. Вода десь булька.

Диждалася такы. Повела іи мылосердна сестра у велыку кимнату, усю кроватямы позаставлювану. Трохы темно тутъ було и духъ наче ще тяжчый, нижъ у колидори.

Ледви пизнала Прися Ковалыху: жовта, наче мертва лежыть стара, у билу копту одягнена. Одна нога замотана такъ товсто, ще й билою стёжкою перевьязана. Поздоровкалася Прися, сила биля кровати, посыдила, а дали про свою биду стала розсказуваты. Выслухала іи Ковалыха та насылу прошепотила:

— Не въ добрый часъ, моя донечко, выйшлы мы зъ тобою... И я учора не сподивалася, що жыва зостанусь...

Отдыхала стара зъ хвылыночку и знову помаленьку загомонила:

— Крыкомъ крычала я усю ничъ, рвало у мене усю ногу, а у вечори якъ гній пишовъ, то наче трошкы легше изробылося... Казавъ дохторъ, що якъ бы не пишовъ гній, то ризалы бъ. Ой не далась бы я имъ ризаты, лучче бъ умерла...

Ковалыха замовкла. Тыхо. Чуты тилькы, якъ на другому кинци кимнаты хтось важко такъ стогне.

— Бабусю,—каже Прися, чы не позычылы бъ вы мени трошкы грошей.

— Чому бъ и не позычыла, якъ бы ихъ у мене бильше було, а то усихъ шисть карбованцивъ, а казавъ дохторъ, щобъ до-дому не йшла пишкы, а безпреминно йихала машыною... Хиба полтынныка можу тилькы даты.

— Дайте хочъ полтынныка.

Зновъ тыхо, и зновъ чуты, якъ хтось стогне.

— Бабусю!

— Чого, доню?

— Що жъ мени теперъ робыты?

— Не знаю, серце, не знаю. Абы жъ я одужала, то може бъ удвохъ кого-небудь роспыталы, чы не найшлося бъ якого мисця для тебе, а такъ я й сама ничого не знаю..

Прися ажъ похолола. Здавалося ій, наче вона у якусь глыбоку яму упала и нихто не хоче іи видтиля вызволыты.

— Бабусю, такъ куды жъ мени иты шукаты мисця?

— Попытай, доню, у ченцивъ...

Прыбигъ дохторъ и прогнавъ Присю, сказавъ—що теперъ ажъ у середу тилькы можна прыйты одвидаты бабу.

Вернулася Прися до манастыра, знайшла того ченця, що уранци розсказувала ёму про свою биду, и зновъ почала роспытуваты, чы не знайшлысь гроши.

— Нѣтъ,—каже манахъ,—теперь уже трудно найти.

Подывывся винъ на Присини заплакани оченята и параявъ ій такъ, якъ и баба Ковалыха,—щобъ шукала якогось мисця. До першои Пречыстои, мовлявъ, можна бъ було заробыть хочъ трошкы грошей, а на празныкъ прыйты у манастыръ, то тутъ зъ ихъ села певно хтось та буде, ну а свои люде вже не покынуть: тоди схоче—до-дому вернется зъ ными, а не схоче—служыть зостанется. Писля розмовы зъ монахомъ наче повеселійшало трохы на серци у Присі.

Щыро помолылася вона Богу и знову лягла спаты на двори. Хочъ и затомлена вона була, а нескоро заснула, усе дывылася на зиркы та думала про свою долю.

VIII.

Прокынулася Прися саме якъ сонечко устало. Жваво умылася вона, помолылася, потимъ почала роспытуваты у иншыхъ прочанъ, куды ій иты и въ кого просыты мисця. Такъ ти й сами не знають, да ще й балакають такъ чудно, нерозбирно.

Звернула Прися за воритьмы праворучъ та й пишла по камьяній дорижци, куды очи. Десь на вулыци купыла за копійку бублыка та выпыла кружку квасу, отъ-то такъ и пополуднувала. Сонечко пече. Торохтять быржовыкы.

Побачыла Прися велыкый садъ и ворота у ёму одчыняни. Пишла туды. Опынылася на гори; внызу Днипро, а за водою та за островамы сыни лиса мріють. «Черезъ отъ-ти лиса, мабуть,

на нашу сторону машына йиде», подумала Прися и знову на серци въ неи важко, наче ажъ душно зробылося.

Дійшла вона до кинця саду, глянула, ажъ стоить такый будынокъ, що вона ще й зроду не бачыла. Наче церква изъ срибнымы банямы, такъ на ихъ хрестивъ нема, сами шпыли, а округы балконы пороблени таки, якъ у пана коло дому. На тыхъ балконахъ столы стоять, билымы скатертямы понакрывани, и якись паничи у билыхъ хвартухахъ коло тыхъ столивъ похожають.

Спынылася Прися. Чуе, колы одынъ чорнявый панычъ на неи гука:

— Дивчыно, а йды сюды.

Вона подумала та й пидійшла, бо панычъ такый прывитный ій показався, на Ивана Ложку трохы схожый.

— А чого тоби тутъ треба?—пыта.

Прися уклонылася.

— Та отсе, панычу, мисця якого шукаю, чы не узялы бъ вы мене у наймы.

Той усмихнувся, подобалося ёму, що вона ёго панычемъ назвала.

— Пидожды,—зновъ каже,—я хазяина спытаю, намъ судомойку треба було.

— Що жъ то за судомойка?—миркуе соби Прися. Мабуть, то посуду мыть; я бъ на таку роботу согласна.

Вернувся зновъ чорнявый.

— Иды, каже, до хазяина.

Пишла Прися за нымъ. Хазяинъ тежъ на пана здае, товстый та червоный, шыя якъ у кнура, и пыво пье. Подывывся на неи.

— Паспортъ у тебя есть?—пыта.

— Есть.

Выйняла билетъ, оддала. Винъ прочытавъ, знову пиднявъ голову, та й каже:

— Больше семи рублей въ мѣсяцъ я дать не могу.

«И за те слава Богу!»—подумала Прися и спытала:

— А харчи жъ ваши будуть?

— Наши,—одвича. Ну, такъ остаешься?

— Та зостанусь.

— Ну, хорошо, паспортъ у меня будетъ... А дали каже на чорнявого:

— Иванъ, проводи ее на кухню и объясни, что слѣдуетъ.

«О! й Иваномъ звуть!»—подумала Прися. Одвивъ іи чорнявый Иванъ на кухню и почавъ розсказуваты, якъ и що робыты.

Такъ несподивано знайшла соби Прися мисце у ресторани. Того жъ дня узнала вона, що Иванъ и ёго товарыши не панычи, а таки жъ якъ и вона наймыты и лакеямы звутся.

У ресторани робота не тяжка, одно мый тарилкы, та й годи. У саду що-вечора музыка грае и Приси подобалось іи слухаты. Досада тилькы брала черезъ те, що найбильшъ робыты прыходылося у ночи, а зранку и вона и лакеи булы вильни до пивдня.

Друга досада була, що лакеи разъ-у-разъ до неи чиплялыся. Хтила вона одного вдарыть по пыци, та побоялася. Спала Прися у особій кимнати изъ старою клюшныцею. На балачку клюшныця наче була прыятна, а на лыце така, якъ сова, и очыма вона наче николы й не лупала. Тилькы вдосвита бувъ Приси покій, а то цилу ничъ клюшныця ходе та дверыма грюка. Прывыкла Прися и до цёго, натомытся та й спыть якъ заризана.

Прослужыла вона тыждень, а у вивторокъ, саме на Спаса, побигла вранци до манастыря одвидаты Ковалыху. Въ больныци Ковалыхы не було вже: сказала мылосердна сестра, що баба одужала и вже два дни, якъ выпысалася.

Выйшла Прися у двиръ, колы дывытся, ажъ Ковалыха вже шкытыльгае мижъ другымы людьмы, зъ торбынкою и зъ чайныкомъ на плечахъ, до ворить. Наздогнала вона іи. Поздоровкалася. Зрадилы обыдви. Розсказала ій стара, що стратылася дуже, двичи молебствія правыла и де-чого для подарунку ридни своій купыла и хотилося бъ ще по церквахъ походыты, такъ тилькы тры карбованци й зосталося.

— И за тебе усе думала: ну що я казатыму Хымци, якъ вернуся до-дому?.. Хочъ бы ты одвидаты прыйшла, я тебе ще у середу дожыдала...

Прися й соби усе чысто розсказала, що зъ нею скоилося и якъ вона мисце знайшла.

— А бабуню, риднесенька, якъ то мени кортило васъ одвидаты, такъ боялася жъ; така думка, щобъ хазяинъ або клюшныця не розсердылыся. Тилькы що на мисто поступыла, та вже й гуляты пиду... Перекажить матери, що якъ мисяця добуду, то заразъ и грошей подамъ, а якъ обрыдне дуже, то, може, й сама вернуся... Отсе якъ я знатыму, що васъ у городи вже нема, то мени наче страшно показуватыметця.

Хотила Прися проводыты Ковалыху до вакзалу, такъ побоялася, щобъ не забарытысь.

Попрощалася вона зъ старою, уклонылася ій та й побигла до свого ресторану.

IX.

Найбильше чиплявся до Приси Иванъ чорнявый.

— Я тебѣ мѣсто далъ, можетъ счастье твое устроилъ, а ты, пручаешся,—каже.

Не втерпила вона: сунула ёго разъ у груды, такъ, що трохы не покотывся. Думала, що Иванъ пиде жалитысь до хазяина колы ни,—ще писля цёго наче й посмырнійшавъ.

Стала Прися трохы прывыкаты у новому мисти...

На першу Пречысту у-вечери въ садъ назбиралося дуже багато панивъ. Лакеи позатомлювалыся, подаючы напыткы й найидкы. Не прыйшлося Приси ціеи ночи й хвылыны заснуты. Уже й сонечко зійшло, а лакеи усе носылы тарилкы. Ажъ рукы у неи порепалысь одъ окропу. Скинчыла Прися свою роботу, то вже й спаты ій перехотилося, важко тилькы на серци було и голова болила.

Пишла вона на край саду, лягла биля самои кручи, пидперла голову рукамы, та й дывытся на Днипро та на зелени

лисы. Трохы блыжче выдно ій острывъ, скризь винъ порисъ лозою и лоза та одбывается у тыхій води.

И згадалося Присп, якъ вона йшла изъ старою Ковалыхою шляхомъ и отдали тежъ здавалыся дерева, и наче у води ввыжалыся.

Ливоручъ, якъ сыня стёжка, простягся Днипро, а на ёму пароходъ колесамы меле та пыхка, и наче дорога по небу, лигъ за имъ дымъ.

«Оттакый же дымъ йшовъ зъ машыны, якъ мы зъ бабою сюды йихалы,—дума соби Прися. И здалося ій, наче це дуже дуже давно було. И не схотилося Приси—тяжко стало дывытысь на ту роскишъ свиту Божого, що була передъ нею. Такъ не хочется дывытысь голодному на ти найидкы та напыткы, що не для ёго повыставлювани на викни у багатій лавци.

Наче якось охляла Прися и видъ думокъ, и видъ того, що не спала ничъ. Схотилося пійты до своеи кимнаты, лягты, укрытысь зъ головою та трохы подримать, але не прійшлося. У кимнати сыдилы: клюшныця, Иванъ чорнявый, та ще одынъ молоденькій лакей Пылыпъ, що дуже смишно перекривлявъ селянъ. Воны ґралы у карты, пылы горилку та выно и закусювалы якоюсь рыбою.

Прися хтила повернутысь назадъ та зновъ иты до кручи, такъ клюшныця не пустыла, ухватыла іи за руку та й почала прохать сидаты до гурту, бо казала, шо справля сёгодня свои мыныны, чы що. Лакеи тежъ давай прохаты и соби и карты поклалы.

— Да погуляйте, намъ очень даже пріятно, что прыйшла такая красивая баришня.

— Хиба я барышня?—усмихнулася на ихъ речи Прися.

— А хотя и нѣтъ, то лучше отъ всякои барышни,—обизвався Пылыпъ.

— Ни вже, я лучше пиду у садъ.

— Та сядь дурная; ну што тебѣ издѣлается, какъ посидишь, злыняешь што ли?—вмишалась клюшныця.

«А справди, посыжу зъ имы. може тугу свою розважу»,—подумала Прися, та й сила. Иванъ заразъ налывъ чарку горилкы и зачавъ іи частуваты. Прися горилкы не схотила. Тоди сама клюшныця налыла у маленьку чарочку чогось чырвоного та густого, якъ запиканка, и почала прохаты, щобъ выпыла за іи здоровья, «невже я упьюся видъ такои маленькои чарочкы? Адже на досвиткахъ доводылося и бильшъ горилкы пыты, тай ничого», подумала Прися та й покоштувала того червоного. Крипке щось та солодке показалося.

Почалы прохаты щобъ вона выпыла ище одну чарочку.

— Ну, глядить же—послидню.

Выпыла вона й дргуу Посыдила, погомонила, наче й не довго, колы голова чогось завернулася и ногы помлилы, наче вона ихъ пересыдила, або що. Хотила встаты, такъ наче извязана. Ублагалы іи лакеи, щобъ вона выпыла ще стаканъ вына.

Чы пыла, чы не пыла Прися те выно, уже й не памьятала. Памьятала тилькы, що и клюшныця и лакеи повыходылы зъ кимнаты, а вона зосталася сама та й лягла на своій кровати.

Писля зновъ вернувся Иванъ чорнявый и зачынывъ двери на замокъ... Ключъ тилькы дзенькнувъ... И скоилося зъ Присею велыке лыхо...

У-вечери дуже лаявся та крычавъ на іи хазяинъ за те, що вже не мала сылы й тарилкы въ рукахъ держаты. Наименувавъ іи пьяныцею та ще такъ, що якъ бы ридна маты почула, то може бъ и вмерла видъ такого сорому. А музыка въ саду грала якоись веселои.

Хочъ и змучена и затомлена була Прися, а зновъ не спала и другу ничъ, усе плакала та думала, чы вертатысь ій до-дому, чы ни. И думкы не йшлы ривно, а наче переверталыся та горилы въ іи налытій кровью голови. Роспатлалося волосся, росхрысталася сорочка. Порвала и покыдала до-долу Прися намысто, що було на шыи.

Писля схидъ-сонця тилькы заснула вона, а прокынулася видъ тяжкого гарячого дыханя Ивана, котрый знову опынывся биля неи.

Прися вже не крычала и не прогнала ёго; нею опанувала якась незвычайна байдужисть, та вона навить мало тямыла, що зъ нею робылося...

Мынувся тыждень и другый,—Прися служыла у ресторани. Схудла тилькы на лыци та пожовкла и одягнута була вже инакше. Справывъ ій Иванъ кохту и спидныцю шерстяну, та черевыкы изъ резыною. Здавалося ій иноди що вона ёго любе.

Одного дня Иванъ напывся пьяный и незвисно зъ якои речи вылаявъ хазяина. Заразъ ёму и росчотъ далы.

Збираючысь уходыты, винъ страшенно крычавъ та лаявъ, и хазяина, и клюшныцю и Присю.

Гукнулы полыцейського и забравъ винъ Ивана.

Бильше й не бачыла ёго Прися. Хочъ и не дуже вона ёго любыла, а теперъ стало наче ще страшнише жыты въ свити.

Послаты до-дому грошей такъ вона и не здумала, та й не було ихъ, бо якъ получыла такъ Иванъ позычывъ та й не виддавъ.

Наступала осинь.

Ничъ подовшала, а ранкомъ дуже холодно бувало и шыбкы на викнахъ потилы. Вода у Днипри наче не така сыня стала, а далеки лисы, що такъ подобалося Приси на ихъ дывытысь, наче пожовклы. Меньше вже збиралося у вечери панивъ до саду.

Черезъ тыждень хазяинъ перебрався зъ усимъ своимъ ресторано́мъ и зъ лакеямы у городъ.

Перейихала зъ нымы й Прися и зновъ такъ же мыла тарилкы до самого ранку, а натомывшысь ишла до своеи кимнаты, тилькы спала тамъ уже не зъ Иваномъ, а съ Пылыпомъ.

Борысъ Лазаревськый.

Севастополь, 22 декабря 1902 г.

Украинскія колядки.[1]

II.

Колядка-легенда.

Безъ сомнѣнія, какъ всякое эволюціонное движеніе, въ какой бы области явленій оно ни наблюдалось, эволюція идей, представленій и образовъ въ интеллектуальной жизни и словесномъ творчествѣ даннагó народа слишкомъ многообразна, слишкомъ переплетена въ отдѣльныхъ элементахъ, чертахъ и черточкахъ стараго и болѣе новаго; поэтому весь матеріалъ, котораго она касается, нельзя подѣлить рѣзкими гранями на извѣстныя, вполнѣ опредѣленныя и обособленныя части. Съ этой точки зрѣнія, конечно, нельзя и колядки наши, на всемъ пути, который онѣ прошли въ своемъ развитіи, подѣлить на рѣзко обособленныя группы; но всё-же можно намѣтить, какъ предположено было мною, выдающіеся типы, носящіе особенно характерныя черты, опредѣляющія собою состояніе мысли и чувства, создававшихъ пѣсню.

Вторая намѣчаемая мною группа *колядокъ-легендъ* представляетъ собою такія, въ которыхъ появляется уже христіанскій элементъ. Этотъ элементъ не является сразу въ видѣ пѣсенъ-гимновъ, или хотя бы и пѣсенъ эпическаго характера, но болѣе или менѣе близко передающихъ евангельскій текстъ разсказа о рож-

---

[1]) См. Кіев. Ст. 1903, № 2.

дествѣ Христовомъ и связанныхъ съ нимъ событіяхъ; христіанскій элементъ является вначалѣ въ колядкахъ даже не въ видѣ народной передачи апокрифовъ, а въ совершенно своеобразномъ видѣ: онъ воплощаетъ въ себѣ черты культа языческаго, со всею его непосредственностью представленій, образовъ и выраженія въ словѣ.

Для того, чтобы видѣть это яснѣе, приведемъ прежде образцы колядокъ, въ которыхъ выражено съ полной наивностью поклоненіе видимымъ силамъ природы, а именно—возвеличиваются солнце, мѣсяцъ и дождь.

№ 1.

Ой тамъ на гори свитлонька стоить.
Ой дай Боже!
А въ тій свитлоньци трое виконцивъ:
Въ першимъ виконци—яснее сонце,
Въ другимъ виконци—ясненькій мисяць,
Въ третимъ виконци—дрибненькій дощыкъ.
Чымъ ся похвалыть яснее сонце?
— Ой якъ я зійду рано на зори,
То врадуются горы, долыны,
Горы, долыны й весь мыръ на земли.—
Чымъ ся похвалыть ясненькій мисяць?
— Ой якъ я зійду темнои ночи,
То врадуется весь звиръ у лиси,
Весь звиръ у лиси и гисть въ дорози,
Гисть у дорози и рыба въ мори.—
Чымъ ся похвалыть дрибненькій дощыкъ?
— Ой якъ я впаду тры разы на ярь,
То врадуется жыто, пшеныця,
Жыто пшеныця, всяка пашныця.—
Ой дай Боже!
(Новоградволынскій уѣздъ).

Въ слѣдующемъ варіантѣ (тоже волынской колядки) тѣ-же персонажи, олицетворенные въ видѣ гостей, являются въ домъ пана-господаря:

№ 2.

Чи дома есы, господареньку?
Якъ дома есы, на зустричъ иды:
Иде до тебе трое гостонькивъ,
Трое гостонькивъ, трое свитленькихъ;
Первый гостонько—ясне сонечко,
Другый гостонько--ясный мисячыкъ,
Третій гостонько—дрибный дощыкъ.

Всѣ трое обѣщають выказывать тѣ-же благодѣтельныя свойства, о которыхъ говорилось въ первой колядкѣ (радовать міръ, свѣтить, растить).

Далѣе одно изъ этихъ лицъ, небесныхъ посѣтителей, замѣняется уже именемъ Господа. Вотъ варіантъ, въ которомъ этимъ именемъ замѣняется солнце:

№ 3.

...У поли, поли церковця стоить,
Зъ трёма верхами, зъ двома викнами.
Въ першому викни—ясный мисячыкъ,
Въ другому викни—ясная зоря,
А на дверечкахъ—самъ Господь стоить,
Самъ Господь стоить, мыръ благословыть.
Или: Самъ Господь стоить, службоньку правыть,
Службоньку правыть, за господаря.
Здоровья въ твій димъ, на челядоньку,
Щастя у твій двиръ, на худибоньку.
На челядоньку, на домовую,
На худибоньку, на роговую.
(Ковельскій уѣздъ, много варіантовъ).

Въ слѣдующей колядкѣ замѣняется «товарышъ»-дождь.

№ 4.

У господаря добре діется,
Въ его свитлонька чысто метена,

Тисови столы позастылани,
Що на тыхъ столахъ, та все обрусы,
А ти обрусы все шовковыи.
На тыхъ обрусахъ калачи лежать,
Калачи лежать—все пшенышныи,
По пры ихъ стоять злоти кубочкы [1]);
Въ однимъ кубочку—червоне выно,
Въ другимъ кубочку—кудряве пыво,
Въ третимъ кубочку—медокъ-солодокъ.
За столомъ сыдять тры товарыши:
Першый товарышъ—яснее сонце;
Другый товарышъ—ясный мисячыкъ,
Третій товарышъ—самъ Господь зъ неба.
Выхваляется першый товарышъ,
Першый товарышъ,—ясный мисячыкъ:
— Ой якъ я зійду пизнимъ вечеромъ,
То я освичу горы й долыны,
Горы й долыны, й гостямъ дорогы;
Выхваляется другый товарышъ,
Другый товарышъ,—яснее сонце:
— Ой якъ я зійду ранымъ раненько,
То обигрію горы, долыны,
Горы, долыны, поля діброви:
Выхваляется третій товарышъ,
Третій товарышъ, самъ Господь зъ неба:
— Ой якъ я спущу дрибного дощу,
То я звеселю горы й долыны,
Горы й долыны, поля ярыны,
Жыта, пшеныци, всяки пашныци,
Всяки пашныци, всяки сивбыци.—

Есть колядки, въ которыхъ всѣ три «товарыша», какъ небесныя могучія силы, называются именами святыхъ. Но прежде

---

[1]) Или: «На столи стоять повни шкляночкы».

я приведу колядку, въ которой дѣйствія трёхъ товарышивъ выставляются не всегда благодѣтельными; такъ, о нихъ поётся:

№ 5.

...Мисяць хвалытся *заморозыты*
Горы, долыны, потокы-ричкы;
Сонце хвалытся розморозыты
Горы, долыны, потокы-ричкы;
Дощыкъ хвалытся зазеленыты
Горы, долыны, поля—ярыны.

Въ параллель этому и служитъ, съ указанной выше замѣной, колядка слѣдующая, почти буквально повторяющая слова о дѣйствіяхъ стихійныхъ товарышивъ, лишь съ замѣною ихъ именами святыхъ.

№ 6.

Ой тамъ на гори древо рубають,
Древо рубають, церкву будують.
У тій церковци престолы стоять,
А на престолахъ тры святцй сыдять:
Першее святце—святый Мыкола,
Другее святце—святе Юрія,
Третее святце—самъ Богъ небесный.
Що першый казавъ—святый Мыкола:
Ой якъ я схочу, то й поморожу
Горы, долыны, поля, диброві;
Що другый казавъ—святе Юрія:
Ой якъ я схочу, то й зазеленю
Горы, долыны, поля, диброві;
А третій казавъ—самъ Богъ небесный:
Ой якъ я схочу, все розморожу,
Все розморожу и обигрію,—
Горы, долыны, поля-ярыци,
Поля-ярыци, жыта-пшеныци.

(С. Скулинъ, ков. уѣзда).

Въ нѣкоторыхъ варіантахъ называются только святые, съ перемѣною имёнъ:

Що святый Юрій поля окропля,
А святый Петро жыта зажына,
А святый Илля копоньки збира.

Такая-же замѣна лицъ происходитъ и въ колядкахъ того же типа съ другимъ мотивомъ,—гдѣ выводится миѳологическій *играющій пастухъ*. Привожу прежде, какъ мнѣ кажется, первообразный варіантъ:

№ 7.

Ой изъ за горы, выйшлы туманы;
То жъ не туманы, не темна хмара,
Не темна хмара,—овець отара.
За ными иде гречный молодець,
Злотымъ поясомъ пидперезався,
Трема трубамы та й обтыкався:
Що одна труба та роговая,
А друга труба та мидяная,
А третя труба та золотая,
Ой якъ заграе у роговую,
То врадуется весь звиръ у поли,
А якъ заграе у мидяную,
То врадуется рыба у мори,
А якъ заграе у золотую,
То врадуется весь мыръ на земли.

Въ слѣдующей колядкѣ играющими пастухами являются святые:

Захмарылася высока гора [1];
Чы хмара-туманъ, чы били вивци?

---

[1]) Какъ и въ предыдущей колядкѣ гора—символическое изображеніе неба.

Не хмара-туманъ, а били вивци.
За нымы ходять тры вивчарыкы,
Тры вивчарыкы, а все святыи:
Ой воны ходять и трубы носять,
А все разніи, все голосніи:
Ой якъ заграе святый Мыколай
У свою трубу, у мидяную,
Пидуть голоса въ темныи лиса,
Горы-долыны та й побиліють;
А якъ заграе та святый Юрій
У свою трубу, у роговую,—
Горы, долыны зазеленіють;
А якъ заграе самъ Богъ небесный
У свою трубу, у золотую,
Пидуть голоса по-пидъ небеса,
Райскіи двери одчынылыся,
Ясныи свичкы засвитылыся.

Къ этимъ колядкамъ, записаннымъ мною въ новоградв. уѣздѣ, относится также одинъ небольшой отрывокъ изъ ковельскаго уѣзда потворяющій начало предыдущей колядки, съ добавкою, что на пастухѣ—«сывый жупанець» [1]). При всей кажущейся исключительности содержанія этихъ колядокъ, говорящихъ о стихійныхъ «товарышахъ» и небесныхъ пастухахъ, есть много варіантовъ ихъ въ разныхъ мѣстностяхъ малорусскихъ [2]). Я думаю, что хотя въ нихъ и упоминаются имена христіанскихъ святыхъ, но колядки эти—до-христіанскаго происхожденія; мнѣ кажется, на приведенныхъ параллеляхъ совершенно ясно видно, какъ новыя имена были только приложены къ представленіямъ и олицетвореніямъ очень древняго миѳа. Это мнѣніе согласуется съ объясненіями глубокаго знатока нашей народной пѣсенности г-на Потебни, образовъ стараго миѳа и противорѣчитъ мнѣнію г. А. Веселов-

[1]) Риѳмуется съ словами «стадойко овець».

[2]) Они есть во всѣхъ малор. этногр. сборникахъ.

скаго, который думаетъ иначе,—говоря слѣдующее: «Нельзя сомнѣваться, что типъ колядки о посѣщеніи дома святыми и Богородицей или тремя товарищами сложился подъ вліяніемъ рождественскихъ обходовъ, въ коихъ являлись Богородица и Риздво (Берта) и 3 царя волхва».

Конечно, это мнѣніе дѣлается понятнымъ, разъ мы знаемъ, какое большое значеніе придаетъ г. Веселовскій вліянію христіанской легенды и связанныхъ съ нею обычаевъ на наши духовные стихи, въ томъ числѣ и на колядки, но въ данномъ случаѣ текстъ вышеприведенныхъ колядокъ совершенно не даетъ основанія для такого сближенія, тѣмъ болѣе въ такой категорической формѣ. Я уже не говорю, что странно ставить «Риздво» *синонимомъ* Берты, но и «рождественскіе обходы» съ тремя волхвами [1]) никакъ не могли обусловить созданіе колядокъ *того* типа, къ которому относятся колядки о «трёхъ товарышахъ». У насъ есть колядки, обусловленныя вліяніемъ христіанскихъ «дѣйствъ», въ томъ числѣ и «вертепныхъ» представленій, въ которыхъ три волхва играютъ извѣстную роль, но такія колядки имѣютъ совсѣмъ другой характеръ. Я возвращусь къ нимъ въ главѣ о колядкѣ-виршѣ, теперь же скажу, что, по моему мнѣнію, колядки о трёхъ товарышахъ и играющемъ пастухѣ, или трёхъ пастухахъ, несмотря на упоминаніе въ нихъ именъ христіанскихъ святыхъ, должны были сложится внѣ всякаго вліянія «рождественскихъ обходовъ трехъ царей волхвовъ»; слишкомъ очевиденъ ихъ гораздо болѣе древній, космогоническій характеръ не говоря о томъ, что въ приведенныхъ колядкахъ безъ всякаго даже маскированія являются дѣйствующими лицами «ясне сонечко», «свитлый мисячокъ» и «дрибный дощыкъ», самые «святи овчари» слишкомъ напоминаютъ и небесныхъ пастуховъ ведъ, и Аполлона, «гоняющаго стада» - облака, этого Бога-музыканта, и гремящаго Тора, и меньшихъ боговъ съ тѣми же свойствами. Все это божественные герои того-же небеснаго миѳа,—миѳа солнечнаго, облачнаго и громового (съ его свѣтомъ, огнемъ, звукомъ и благодѣтельною влагою).

---

[1]) Если они когда-либо у насъ были?

Мнѣ кажется, что тотъ же образъ «небеснаго музыканта» виднѣется и въ слѣдующемъ отрывкѣ колядки, находящейся въ сб. Чуб. (III т. стр. 429):

У поли, поли
Плужокъ ходыть,
А за тымъ плужкомъ
Самъ Богъ изъ рожкомъ.
А Божа Маты...
Оддай, Господы, рогъ...

Конечно, для объясненія отрывочныхъ пѣсенъ, притомъ для объясненія въ нихъ образовъ, уже утратившихъ для поющихъ свое прежнее символическое значеніе и потому приводящихся сбивчиво [1]), требуется большая осторожность. Несоблюденіе этой осторожности послужило причиной тому, что г. Ящуржинскій, объясняя [2]) миѳологическое значеніе вожденія «козы», цитировалъ этотъ же отрывокъ, видя въ немъ отраженіе образа «Волоса—скотьяго бога»; очевидно, г. Ящ-скій принялъ рожокъ не за инструментъ, а за рогъ растущій... Между тѣмъ какъ, принимая во вниманіе колядки, гдѣ говорится о трубящихъ святыхъ, слѣдуетъ думать, что здѣсь говорится—объ инструментѣ. (Да и слова, хотя отрывочныя, «оддай, Господы, рогъ», показываютъ, что рѣчь идётъ о вещи, которую можно отдавать, или не отдавать, о вещи движимой)..

Изображенія же Бога въ видѣ пастуха именно съ рожкомъ или другимъ инструментомъ (свирѣлью), находило себѣ мѣсто даже въ представленіяхъ первыхъ христіанъ, уже отвергнувшихся отъ языческой религіи, фанатическихъ приверженцевъ религіи отвлеченной,—но не оторвавшихся отъ языческихъ образовъ божества.

---

[1]) Съ «рожкомъ» выведенъ въ пѣснѣ не богъ-пастухъ, а богъ-плугатарь, который въ лучше сохранившихся варіантахъ изображается съ «пугою».

[2]) Въ Кіев Ст. за 1889 г. февр. («Бѣлор. колядки»).

Въ римскихъ катакомбахъ,—мнѣ лично приходилось этому удивляться лѣтъ 20 назадъ,—можно видѣть изображенія Христа въ видѣ Аполлона, Орфея, а Дѣву Марію въ видѣ Діаны и другихъ языческихъ богинь. Мнѣ это многое объяснило и часто вспоминалось впослѣдствіи, при мысляхъ объ аналогичныхъ явленіяхъ въ мірѣ искусства и идей.

Но возвратимся къ тексту волынскихъ колядокъ, въ которыхъ главныя дѣйствующія лица называются святыми и низводятся уже на землю. Къ какому культу могутъ относиться слѣдующія колядки?

№ 8.

Ой ты спышъ, чи ни, господареньку?
Святый вечеръ!
Пидведы свою та головоньку.
Подывыся ты у виконечко,
Уже билый день, зійшло сонечко;
По твоимъ двори самъ Господь ходыть,
Ходыть винъ, ходыть, та все лагодыть:
Ставыть волыкы та у тры плугы,
А за рикъ, за два буде въ чотыри.

—

Ой ты спышъ, чи ни, господареньку?
(Повторяются слѣдующіе три стиха).
По твоій стайни самъ Господь ходыть,
Ходыть винъ, ходыть, та все лагодыть:
Ставыть коныкы у тры табуны,
А за рикъ, за два буде чотыри.

—

...По твоихъ хливцяхъ самъ Господь ходыть,
Ходыть винъ, ходыть, та все лагодыть:
Ставыть коривкы на тры черидкы,
А за рикъ, за два буде чотыри.

—

...По твоимъ току самъ Господь ходыть,
Ходыть винъ, ходыть, та все лагодыть:
Ставыть стиночкы[1]) у тры рядочкы,
А за рикъ, за два буде чотыри.

—

...Въ тебе въ комори самъ Господь ходыть,
Ой ходыть, ходыть, та все лагодыть:
Кладе золоти́, у тры боднонькы [2]),
А за рикъ, за два буде чотыри.

—

...Въ тебе въ пасици самъ Господь ходыть,
Ходыть винъ, ходыть, та все лагодыть:
Рои, па-рои ставыть въ тры ряды,
А за рикъ, за два буде чотыри.

—

№ 9.

Ой ишло, ишло тры пахолыкы,
Святый вечеръ, тры пахолыкы!
А стричае ихъ Божая маты:
— Чи не бачылы сына моего,
Сына моего, Бога вашого?
Ой одынъ каже:—я-жъ бо й не бачывъ,
А другый каже:—я мовъ забачывъ,
А третій каже:—я й добре бачывъ:
У господаря за столомъ сыдыть,
За столомъ сыдыть, тры суды судыть:
Одынъ судъ судыть — у поли вроджай.
Другый судъ судыть—жывотынци плидъ,
Третій судъ судыть — пчилци ярыи,
Пчилци ярыи,—меды густыи,

---

1) Стинкою называется на полѣсьи плотный рядъ сноповъ въ клунѣ.

2) Круглая деревянная утварь съ крышкою, служитъ какъ сундукъ.

Меды густыи,—гости свитлыи.
А за тымъ словомъ та й бувай здоровъ,
Ой самъ собою, зъ своею жоною,
Зъ своею жоною, изъ дитойкамы,
Ще й изъ блызькымы сусидойкамы.
(Ковельскій уѣздъ, с. Запрудье).

№ 10.

Ой рано, рано куры запилы,
А господыня ще раній встала.
Господынейко, одчыняй двери,
Маешъ гостойкы въ своёму двори;
Одчыняй двери вси тисовыи,
Стелы килымы та все новыи,—
Маешъ гостойкы вельмы свитлыи:
До тебе иде свята Пьятюнка,
Дарує тебе отъ якъ матюнка:
Въ коморы иде замыканыи,
Одчыня скрыни малёваныи:
У одну кладе—тонке прядево,
У другу кладе—биле полотно,
У третю кладе—добрее сукно—
Свята Пьятныця дары давала,
Бо господыня мудрая була:
Що у пьятныцю кужиль не пряла,
Свичъ не сукала, хустя не прала,
Хустя не прала, въ золу не клала.
А за цымъ словомъ бувай здорова,
Сама собою и зъ дитойкамы,
И зъ кумойкамы, зъ сусидойкамы!
(Луцкій уѣздъ, с. Незвиръ).

Таковы въ колядкахъ этого типа божества, сходящія на землю. Несмотря на христіанскія имена, онѣ совершенно не имѣютъ отвлеченнаго христіанскаго характера, напротивъ, являются

въ совершенно языческомъ олицетвореніи, съ чѣмъ согласуются и ихъ дѣйствія, на пользу хозяевъ (къ которымъ онѣ какъ бы призываются),—среди самой реальной обстановки. Въ этомъ отношеніи Пьятныця ничѣмъ не отличается отъ другихъ божествъ,—она одинаково языческая по представленію о ней и одинаково христіанская по имени. (Св. Парасковея,—замѣняющая Пятницу потому, что Παρασκευή по гречески значитъ пятница). Пятница играетъ большую роль въ нашихъ народныхъ вѣрованіяхъ и представленіяхъ; во всѣхъ нашихъ этнограф. сборникахъ, старыхъ и новыхъ (послѣднее собраніе—г. В. Милорадовича) [1]) есть записанныя въ разныхъ мѣстахъ сообщенія о ней, прозаическія, отчасти и стихотворныя (изъ послѣднихъ напомню извѣстный «стихъ о пятницѣ», имѣющій значеніе амулета). Народъ нашъ представляетъ себѣ Пятницу въ совершенно реальномъ видѣ,—въ образѣ женщины, съ исколотыми пальцами и пораненными ногами, причиною чему служитъ то, что не всѣ чтятъ ея день, а прядутъ и рубятъ дерево въ пятницу. «Св. Пьятныця»—божество, могущее карать и миловать.

На волынскомъ полѣсьи мнѣ не разъ приходилось слышать разсказы о томъ, что Пятница приходитъ въ хату и можетъ спутать, вообще испортить пряжу тѣмъ, кто «не шануе» ея дня, и, наооборотъ, невидимо напрясть, прибавить на веретенахъ пряжи тѣмъ, кто въ пятницу не прядетъ.

Пятницу сближаютъ съ нѣсколькими женскими божествами, въ миѳологіи разныхъ народовъ (съ Фреей, Венерой, Бертой) и несомнѣнно, что *общія* черты есть. Но, скажемъ и здѣсь,—сходство не есть заимствованіе; въ особенности-же нѣтъ основаній утверждать, что вѣрованія въ пятницу сложились подъ вліяніемъ христіанскихъ апокрифическихъ жизнеописаній святыхъ [2]) и церковнаго поученія соблюдать постъ въ пятницу. Скорѣе могло быть наоборотъ...

---

[1]) Изданіе 1902 г. Малор. нар. повѣрья о Пятницѣ.

[2]) См наведенія этого рода (въ Опыт. разв христ. легенды Веселовскаго), по поводу средневѣковыхъ жизнеописаній.

По тѣмъ даннымъ, которыя имѣются въ нашей этнографіи, «Пьятныця» божество несомнѣнно происхожденія языческаго и очень древняго. Это божество домашняго, такъ сказать, женскаго обихода, поэтому у нея есть общія черты съ «Покровою», «св. Недилею», а такъ какъ въ народныхъ обращеніяхъ къ Пятницѣ [1]) есть эпитеты «Пьятинка-матинка», «свята Пьятныця наша пречыстая матинка»,—«небесна царыця», то, пожалуй, можно предположить, что въ послѣдней приведенной колядкѣ, на ряду съ приходомъ Господа, Пятница (гостья «вельмы свитлая», «отъ, якъ матюнка»), является какъ бы синонимомъ Дѣвы Маріи, отождествляется съ нею; но вполнѣ утвердительно сказать этого нельзя. Справедливо замѣчаетъ покойный Потебня, что «сомнѣніе полезнѣе утвержденія»... Какъ-бы то ни было, если, по имени, то есть по эпитетамъ, «Пьятинка-матинка» и сходится съ «Маты-Божою» то все-таки по существу она является въ приведенной колядкѣ въ совершенно языческомъ представленіи, т. е. такъ, какъ она является и во всѣхъ прозаическихъ народныхъ разсказахъ о ней.

Но въ какихъ же чертахъ является въ колядкахъ даннаго типа и сама Дѣва Марія? Въ приведенныхъ мною образцахъ, въ колядкѣ № 9, она является впервые, какъ ищущая сына. Этотъ мотивъ сближаетъ колядку № 9 съ тѣми колядками (имѣющимися въ нѣсколькихъ варіантахъ въ сборникахъ Головацкого и Чуб.), гдѣ Христа ищетъ, или видитъ—(у господара, или въ другомъ мѣстѣ)—зоря, «мисяцева сестрычка». Также точно колядка-легенда и далѣе связываетъ съ Дѣвою Маріею ту символику, которая вообще въ народной пѣснѣ связывается съ зарей, утренней зарей, близкой къ солнцу, являющимся въ народной фантазіи то ея милымъ, то ея сыномъ. Зарю же наша пѣсня постоянно олицетворяетъ въ дѣвушкѣ, чистой и прекрасной. И замѣчательно, какъ запѣвы колядокъ-веснянокъ, гдѣ говорится о дѣвушкѣ, сходны съ запѣвами колядокъ о Дѣвѣ Маріи: «Дивка Ганнуся—биль билыла... хустя прала» и «Дива Марія—рызы

---

[1]) См. молитвы въ сборникѣ Драгоманова «Малор. преданія».

прала»; «дивчына саду стерегла. мицно заснула»,—въ такой-же ситуаціи изображается и Дѣва Марія,—«Божее дытя заколыхала, твердо уснула». Но пусть говорять сами тексты колядокъ, болѣе полно.

1, a).

Була въ батенька нова свитлонька,
А коло неи садокъ садженый,
Садокъ садженый, злотомъ ряшеный [1]),
Стерегла жъ ёго дивка Ганнуся и т. д.

Въ параллель къ этому:

1, b).

Пане господару, твій двиръ осаженъ,
Твій двиръ осаженъ все выноградомъ,
А въ выногради свитлонька стоить,
А въ тій свитлоньци Дива Марія.

2, a).

Тамъ у бережку, на тыхій води,
Прала дивчына (имя) шовкове хусте,—
Вишала ёго на срибнимъ шнурку;
Десь узялыся буйныи витры,
Понеслы хусте по тыхій води.

(Хусте находить милый).

2, b).

Ой на ричци на Ордани
Тамъ Пречыста рызы прала,
Повисыла на ялыни;
Прылетилы два ангелы,
Взялы рызы на крылечка,

---

[1]) Ряса́, роса—постоянная спутница, зари.

Та понеслы на небеса,
А небеса розтворылцсь,
Вси святыи поклонылысь.

Или конецъ такой:

...Сами дзвоны задзвонылысь,
Сами свичи запалылысь,
Царськи врата отворылысь.

(Господь надѣваеть ризы).

Очень любимымъ мотивомъ въ колядкахъ-легендахъ, гдѣ говорится о Дѣвѣ Маріи и рожденномъ Христѣ, является—«рожевый садъ», «квитка зъ рожи» и просто «рожа», которая есть однимъ изъ любимыхъ въ нашихъ обрядовыхъ пѣсняхъ (купальск., весн. и свад.) символомъ дѣвичьей красоты и вообще дѣвичества. Да и не только въ обрядовыхъ: всякому, сколько нибудь знакомому съ малор. пѣснями, должны придти на память отрывки въ родѣ.—

— Ой колы мы поберемся, *дивчынонько-рожє*,
У осены, козаченьку, якъ Богъ намъ поможе».

Вслѣдъ за полнымъ уподобленіемъ, синонимомъ, какъ это вообще бываеть въ пѣснѣ и миѳѣ, та-же «рожа»—*синонимъ* является уже *атрибутомъ:* дѣвушка «рожою» заквитчуется, даетъ её милому, посылаеть своему роду:

— Ой зирву я зъ рожи квитку,
Та й пущу на воду,
Плывы, плывы, зъ рожи квитко,
Ажъ до мого роду...

Сочетаніе рожевого цвиту съ водою считается, съ полнымъ основаніемъ, отраженіемъ представленія о зарѣ (какъ «розоперстой» Ἠώς), что «росыцею умывается, у крыныцю выдывляется».

Но возвратимся къ тексту колядокъ:

А. (колядка дивчынѣ).

Ой чого ты, роженько, сама въ горо́ди,
Рожо моя повна, червона, багрова?
Та чого ты, Марьечко, сама у батенька?
(Не сама,—есть браты и мылый).

В).

У пана господаря двиръ у горожи,
Двиръ у горожи, у червоній рожи,
А туды збиралысь та уси святіи,
Та уси святіи, до Дивы Маріи,
Щобъ Хрыста назваты, имья ёму даты.

А вотъ цѣльная колядка, съ тѣмъ же символомъ, относящимся къ Маріи и переходящимъ къ Христу.

№ 11.

Ой на ричци тыхая вода стояла,
Тамъ Панна Марія билого сына купала,
А укупавшы, въ тонки рубочкы вповыла,
А уповывшы, на престоли положыла,
Рожеву квитку ёму у ручку дала.
Ой квито, квито, рожева квито ясна́я,
Усёму свиту, усёму мыру дывная!
(Ковельск. уѣздъ, с. Облапы).

Любопытна колядка, говорящая о самомъ рожденіи Христа изъ «рожи».

№ 12.

Ой тамъ на гори церковця стоить,
Зъ трёма викнамы, зъ трёма дверямы,
А у церковци престолы стоять,
За престоламы святыи сыдять:

За першымъ столомъ сыдыть Сусъ Хрыстосъ,
За другымъ сыдыть святе Илія,
За третимъ столомъ Дива Марія.
Надъ Сусомъ Хрыстомъ янголъ спивае,
Надъ святымъ Иллемъ свичка палае,
Надъ Маріею *рожа процвита*,
А зъ теи рожи та вылетивъ птахъ,
Полетивъ же винъ по-пидъ небеса,
Ему небеса ростворитеся,
Уси янголы уклонитеся.
(Ковельскій уѣздъ во многихъ варіантахъ).

Повидимому, «рожа» прикрѣпилась въ колядкахъ еще и по созвучію съ словомъ «Рожество»; по крайней мѣрѣ, это символическое слово «рожа», является иногда и безъ непосредственнаго отношенія въ Дѣвѣ Маріи, а какъ символъ самого «Рожества», о чемъ прямо говорится въ слѣдующей колядкѣ; да и нѣтъ ничего страннаго въ народной символизаціи Рождества Христа цвѣткомъ: вѣдь даже сама богословская псальма говоритъ о Рождествѣ Христовомъ—«днесь солнце возсія міру», а однимъ изъ символовъ солнца, по народнымъ представленіямъ, есть также цвѣтокъ; поэтому если даже богословская, завѣдомо книжная, псальма поетъ о Рождествѣ—«Цвѣтъ мыслéнный днесь ся родитъ», или же—«Цвѣтъ красній произниче», то тѣмъ болѣе можетъ пѣть наивная, простонародная колядка такъ:

№ 13.

На Ордани тыха вода стояла,
Тамъ Пречыста свого сына купала;
А скупавшы, въ пелюшечкы вповыла,
А сповывшы въ васылечкы вложыла.
Надъ нымъ волы своимъ духомъ дыхалы,
А янголы надъ нымъ писни спивалы.
Туды ишло та тры цари на зори,
А прынеслы Ему тры дары дороги:

Що перший царь Ёго злотомъ дарувавъ,
А другый царь святымъ Рожествомъ назвавъ,
А третій царь золотую *квитку* давъ.
Тожъ *не квитка тожъ святе Рожество*
Всёму мыру воно радисть прынесло.
(Звягель,—г. Новоградволынскъ).

Слова Іордань и «цари» служатъ отголоскомъ уже евангельскаго преданія; но эти отголоски совершенно поглощены старымъ содержаніемъ и складомъ колядки. Любопытно сравнить эту колядку съ предпослѣднимъ номеромъ 11-мъ,—тогда явственно выступитъ болѣе старая основа, т. е. представляемая колядкою № 11. Не говоря о томъ, что «тыхая вода» была въ пѣсняхъ, конечно, раньше, чѣмъ «Іордань», но и сами цари, называющіе Христа «Рожествомъ», дающіе ему квитку—по существу выходятъ иными, чѣмъ евангельскіе волхвы... Кажется, они по происхожденію древнѣе евангельскихъ, во всякомъ случаѣ они сошлись съ мотивами болѣе старыми, чѣмъ въ то время, когда къ нашему народу могла проникнуть книжная христіанская традиція.

Говоря о рожденіи Христа, но сильно отступая при этомъ отъ евангельской передачи этого событія, наша народная колядка-легенда подъ словомъ «Рожество» какъ бы представляетъ себѣ не событіе, рожденіе,—а особое миѳическое олицетвореніе:—въ иныхъ варіантахъ, среди именъ святыхъ, (св. Петра, св. Иліи [1]), упоминается какъ лицо—«святе Рожество» св. Риздво». Среди этихъ варіантовъ особенно странною является въ сборникѣ Чубинскаго, (стр. 351, т. III), слѣдующая колядка (записанная въ подольской губ., въ ушицкомъ уѣздѣ):

а.

А вси святи ослономъ силы
Тилькы нема святого Риздва.

---

[1]) Являющихся на небѣ, или на землѣ.

Рече Господь святому Петру:
Петре, Петре, послуго моя,
Пиды, прынесы святе Риздво!
Це ввійшовъ Петро, якъ пивъ дороги,
Здыбало Петра чудо чудное,
Чудо чудное, вогнемъ страшное.
Петро жахнувся, назадъ вернувся.
Рече Господь до святого Петра:
— Ой Петре, Петре, послуго моя,
Чомъ ты не прынисъ святе Риздво?
— Ой здыбало мене чудо-чудное,
Вогнемъ страшное,
А я жахнувся, назадъ вернувся.
Ой не есть-то, Петре, ніяке чудо,
А то есть святе Риздво;
Було ёго взяты, Петре, на рукы,
Сюды прынесты, па стилъ покласты.
Зрадовалы бы ся вси святыи,
Що передъ нымы Риздво сило.
Ой дай Боже!

Слѣдующій варіантъ, начинающійся на той же страницѣ того же сборн. Чуб., даетъ ключъ къ пониманію этого образа, на первый разъ такого страннаго.

b.

До пана господаря самъ Богъ завитавъ,
Госпóдь зо своимы святымы.
А вси святи ослономъ силы,
Тилькы нема святого Риздва.
Сталы судъ судыть, на щó врожай буде.
А Господь каже: Петре, Петре, послуго моя,
Послужы мени бардзо-немного.
Въ далеку дорогу.
Ой вже Петрови, ой пивъ дóрогы,

Здыбается зъ святымъ Иліемъ,
Здыбается, та й пытается:
— Святый Илія, чомъ на судъ не йдешъ?
— Я на судъ не йду, часу не маю,
Часу не маю, пшеныцю стережу,
Видъ буйного витра;
Щобъ колосочка не хылыло...
(Помѣтка, что записано тамъ же, въ ушицкомъ уѣздѣ).

Варіантъ этотъ, очевидно, прерванный,—въ концѣ какъ-будто не достаетъ чего-то (обыкновенно, въ законченныхъ варіантахъ послѣдняя строка съ чѣмъ-нибудь риѳмуется, хоть отдалённо), да и записывавшій поставилъ въ концѣ многоточіе. Но даже и при томъ, что въ этомъ варіантѣ есть, видна тождественность «вогнемъ страшного» Риздва,—ужаснувшаго св. Петра,—съ Иліею, на котораго народныя представленія перенесли свойства громовника, гремящаго по небу колесницею и палящаго небеснымъ огнемъ копы («вогнемъ страшного»)... Такъ какъ божество упоминается въ благожелательной колядкѣ,—(святые «завитали во дворъ до господаря»),—то на этотъ разъ оно милостиво: не палитъ, а стережетъ копы.

Такъ во всѣхъ колядкахъ, названныхъ мною *колядки-легенды*, проступаютъ черты стараго языческаго типа, сливающагося съ именами христіанскими.

Предлагаемыя ниже колядки говорятъ о событіяхъ евангельскихъ, лишь касаясь ихъ, или же берутъ только имена лицъ священной исторіи, привязывая къ нимъ событія, въ евангельской передачѣ не находящіяся вовсе.

№ 14.

Панна Марья мандрувала,
Мандруючы заплакала;
Мандрувала въ чысте поле,
Ажъ тамъ хлопко плужкомъ оре.
— Помагай-бигъ тоби, хлопку,

Що ты робышъ?—Сію пшонку [1]).
— Теперь сіешъ, завтра зажнешъ,
Господь тоби допоможе.—
Биглы жыды у погоню,
Надыбалы хлопка въ полю.
— Помагай-бигъ тоби, хлопку.
Що ты робышъ?—Сію пшонку.
— Чы не бачывъ Панны Марьи,
Якъ тутенька мандрувала?
— Въ той часъ бачывъ, въ той часъ выдивъ.
Якъ сю пшонку въ полю сіявъ.—
Тіи жыды полякалысь,
Каменямы поставалы.
Ой гоните, не гоните,
Панны Марьи не зловыте.
Панна Марья мандрувала,
Мандруючы заплакала.
Мандрувала цилу ничку
До славного чоловичка.
— Ой ты славный чоловичку,
Переночуй [2]) хоть сю ничку!
— Есть у мене шопа [3]) въ полю,
Панни Марьи для спокою.
Панна Марья ночувала,
Тая шопа злотомъ стала;
Тая шопа злотомъ стала,
На цилый свитъ засяяла.

(С. Запрудье, Ков. у).

№ 15.

Въ Почаеви, въ манастыри,
Божа Маты сына мала (2)

---

[1]) Пшеныцю.

[2]) Переночуй мене—частый оборотъ въ укр. пѣснѣ. (Ой ты переночуй мене молодого).

[3]) Сарай (по большей части для сѣна).

У пелюшкы вповывала;
У пелюшкы уповыла,
На престоли положыла,
Одъ престола одступыла.
А янголы кныгы бралы
И всихъ святыхъ пыталы:
Яке ёму менне даты?
— Даймо ёму святый Пе́тро.—
Божа Маты не вхвалыла (2)
Уси кныгы зачыныла,
Одъ престола одступыла.

—

Въ Почаеви въ манастыри...
(повторяется все то же, что вначалѣ, до слѣдующихъ словъ):
— Даймо ёму святый Па́вло.
Божа Маты не вхвалыла (и т. д.)
Въ Почаеви у манастыри
Божа Маты сына мала
(опять повторяется все то же, до слѣдующаго стиха):
— Даймо ёму самъ Сусъ-Хрыстосъ!
Божа Маты ухвалыла,
Божа Маты ухвалыла,
До престола прыступыла,
Уси кныгы одчыныла,
Усе свитло засвитыла;
На ручейкы сына брала,
У лычейко цилувала!

(С. Запрудье, Ков. уѣзда [1]).

№ 16.

Пане Господарю, выйды-но на двиръ!
Святый вечоръ, выйды-но на на двиръ! [2])

---

[1]) Та же колядка была записана мною и въ Звяглѣ.

[2]) Послѣ каждаго стиха—«святый вечоръ» и вторая половина стиха.

Выйды-но на двиръ,—щось тоби давъ Бигъ:
Ой давъ тоби Бигъ нову крыныцю,
А въ тій крыныци—Пресвятая Дива,
Пресвята Дива сына купала.
Прыйшло до іи *трое жыдове*:
— Пресвята Диво, де Хрыста дила?—
— Занесла ёго въ велыки лиса.—
Пишлы жыдове лисы рубаты,
Лисы рубаты, Хрыста шукаты;
Лисы зрубалы, Хрыста не знайшлы.
— Пресвята Диво, де Хрыста дила?—
— Занесла жъ ёго въ густыи гаи.—
Пишлы жыдове гаю рубаты.
Гаю рубаты, Хрыста шукаты.
Гаи зрубалы, Хрыста не знайшлы.
— Пресвята Диво, де Хрыста дила?—
— Занесла его въ шовкову траву.—
Пишлы жыдове траву косыты;
Траву скосылы, Хрыста не знайшлы.
Пресвята Дива Хрыста купала.
Прыйшло до неи трое жыдове:
— Пресвята Диво, де Хрыста дила?—
— Занесла жъ ёго на сыне море.—
Море вылылы, Хрыста не знайшлы.
— Пресвята Диво, де Хрыста дила?—
— Занесла жъ ёго на круту гору.—
Гору скопалы, Хрыста не знайшлы.
— Пресвята Диво, де Хрыста дила?—
— Занесла жъ Хрыста по-пидъ небеса.
Вы—те, небеса, растворитеся,
Янголы Хрысту уклонитеся!

(С. Запрудье, Ковельск. у.)

№ 17.

Ой сивъ Хрыстосъ та вечеряты,
Щедрый вечиръ, добрый вечиръ!

Прыйшла до ёго та Божая Маты.
Щедрый вечиръ, добрый вечиръ![1]
— Ой сыну мій, сыну мылый!
Прошу жъ тебе ключи даты.—
— На що, Маты, ключи даты?—
— Гришни души выпускаты,
На свить билый погуляты.
Тилькы жъ теи не пустыты,
Що тяженько згришыла
И покуты не зложыла:
Що батенька не слухала,
Ридну неньку зневажала
И простыты не вблагала,
Що пьяныци не глядила,
Що сыроту окрывдыла.—
(Звягель,—г. Новоградволынскъ.)

Въ такихъ колядкахъ, какъ приведенныя, нѣкоторые видятъ отраженіе апокрифической литературы, считаютъ даже, что именно она и создала ихъ. Но что такое самые апокрифы?.. Развѣ они, эти произведенія непризнанныхъ книжниковъ, не содержатъ въ себѣ элементовъ бродячихъ народныхъ вымысловъ, знакомыхъ подробностей, привычныхъ образовъ, подходящихъ къ извѣстной ситуаціи?

Такимъ образомъ и въ приведенныхъ колядкахъ развѣ подробности, при которыхъ Дѣвѣ Маріи удается уйти отъ преслѣдующихъ жидовъ и спрятать сына, не напоминаютъ подробностей нашихъ сказокъ,—ухода доброй царевны или царевича отъ змія, или злой мачехи?

Таковы колядки-легенды. Онѣ, какъ мы видѣли, имѣютъ глубокіе корни въ до-христіанскихъ миѳическихъ представленіяхъ; христіанское книжное вліяніе не породило ихъ, а легло добавочными красками на ихъ старую основу, которая довольно прозрачно сквозь нихъ просвѣчиваетъ.

---

[1]) Послѣ каждаго стиха.

Съ точки зрѣнія, такъ сказать, психологической, христіанское вліяніе все же внесло элементъ морализующій. Въ то время какъ колядка-веснянка болѣе жизнерадостна, эта болѣе вдумчива,—въ ней нерѣдко выдвигается вопросъ о грѣхѣ и покаяніи. Правда, и въ этомъ направленіи можно находить старые прототипы: такъ, есть у насъ богатая варіантами древняя колядка-легенда о томъ, какъ мѣсяцъ звалъ съ собою «сестрыцю зорю», она же отказалась, пошла на землю—посмотрѣть, такъ ли живутъ люди, какъ должно, какъ было «зъ передъ-вику», и находитъ, что не такъ: «братъ на брата мечъ пидиймае», «сестра на сестру чары готуе» и т. д. Правда, интересъ къ этимъ этическимъ вопросамъ выражается въ очень наивной формѣ: такъ, зорю прежде всего интересуетъ,—«чы сытять меды, чы варять пыво» къ «роковымъ» праздникамъ?..

Въ колядкахъ, затронутыхъ элементомъ христіанскимъ, эти вопросы опущены, берутся только вопросы болѣе важные; затѣмъ относительно «гришнои души» выдвигается играющее такую большую роль въ кругу христіанскихъ идей—покаяніе (напр., въ послѣдней колядкѣ: «которая зогришыла и покуты не зробыла»... «ридну неньку зневажала и простыты не вблагала»...)

Относительно музыкальныхъ мотивовъ, на которые поются колядки этого типа, можно сказать, что многія изъ нихъ поются на мотивы прежніе; но въ нѣкоторыхъ мелодіяхъ слышатся уже минорныя ноты. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія, по задушевности минорной мелодіи, послѣдняя колядка («Ой, сивъ Христосъ та вечеряты»), довольно распространенная, исполняемая, съ незначительными варіаціями, «по всихъ Украинахъ».

Не могу не привести здѣсь одной сценки, связанной въ моемъ воспоминаніи съ этой колядкой

Это было очень давно, еще въ дни моего «невозвратнаго дѣтства»,—въ полтавской губ., въ г. Гадячѣ. Былъ одинъ изъ рождественскихъ вечеровъ; старшіе куда-то уѣхали, оставивъ насъ, дѣтей, на вѣрномъ попеченіи разныхъ Улянъ и Марынъ (тогдашнихъ нашихъ крѣпостныхъ),—съ которыми-то мы и сидѣли въ

дальней комнатѣ, гдѣ помѣщались ближайшія дворовыя женщины. Какъ мы, такъ и всѣ остальные были довольно свободны въ своемъ времяпрепровожденіи; хорошо помню, что мы, въ сообществѣ нашего друга дѣтства, «Параскы малои», занимались перетапливаніемъ въ серебряной ложкѣ, на свѣчкѣ, кусочковъ сахара,—для того чтобы вылить этотъ сплавъ въ чашку съ водой и получить леденецъ (въ то далекое время конфекты, даже для панскихъ дѣтей, не были такимъ банально доступнымъ благомъ, какъ теперь). Во время нашихъ кондиторскихъ занятій, пришли колядники, взрослые хлопцы,—тоже «наши», изъ нашего ближайшаго хутора. Ихъ было всего двое; вѣроятно первые дни они колядовали у себя, теперь же, попавши въ городъ, зашли и къ намъ, «до своихъ панивъ». Ихъ позвали въ комнаты, и мы даже оставили для нихъ свое занятіе. Надо полагать, что, по обычаю, они пропѣли вначалѣ кому-нибудь изъ насъ,—на то время представлявшихъ хозяевъ,—соотвѣтствующую величальную колядку. Можетъ быть, это было что-нибудь въ родѣ «Ой ягидочко, красна панночко, N!».. Эта колядка также памятна мнѣ еще съ тѣхъ временъ; но почему то вызываетъ всегда въ моей памяти цѣлую гурьбу колядующихъ, стоящихъ подъ окномъ нашего отцовскаго дома и потомъ призываемыхъ «у горныци»; въ этотъ же разъ колядовавшихъ было всего двое и изъ пѣнія этихъ случайныхъ колядниковъ у меня осталась въ памяти не эта, или подобная ей свѣтло-веселая колядка, а именно эта—«Ой сивъ Хрыстосъ та вечеряты!...» Былъ ли у главнаго пѣвца особенно хорошій голосъ, или же сами слова и трогательная мелодія колядки могли на насъ,—(составлявшихъ эту наивную аудиторію, не слыхавшую ни концертовъ, ни оперъ)—произвесть такое впечатлѣніе, но только я и теперь, черезъ многіе годы, какъ будто вижу передъ собою стоящихъ у двери колядниковъ, какъ будто слышу: «...Прыйшла до Его та Божая Маты, щедрый вечоръ»!.. Можетъ быть, пѣніе было особенно проникновеннымъ, но только я хорошо помню, что наша главная пѣстунья, баба Марына, заплакала, а за нею и мы, дѣти... Такую роль играютъ колядки среди непосредственной аудиторіи...

Съ тою же колядкою я встрѣтилась опять, спустя значительное время,—на Волыни, гдѣ я жила уже своимъ домомъ, въ Звяглѣ (такъ мѣстные люди зовутъ этотъ уѣздный городокъ, перекрещенный оффиціально въ Новоградволынскъ). Признаюсь, что въ первое же Рождество, которое я тамъ проводила, я, въ своей полтавской самомнительности, происходившей отъ невѣжества, была очень удивлена, что «и на Волыни» колядуютъ,—да еще такъ похоже, какъ «у насъ въ Гадячѣ!..» Пришелъ къ намъ и лирникъ (ихъ на Волыни и теперь довольно много); онъ былъ уже знакомъ съ нашимъ домомъ, такъ какъ я даже записывала отъ него нѣкоторыя псальмы и пѣсни; по случаю Рождественскихъ праздниковъ онъ зашелъ тоже къ намъ, поколядовать. Онъ спѣлъ, подъ аккомпаниментъ своей лиры, нѣсколько «божеств́енныхъ» колядокъ, потомъ одну-двѣ попроще. И какая странная игра случая: въ числѣ ихъ оказалась, съ незначительными варіаціями, та жъ самая колядка:—«Ой сивъ Христосъ та вечеряты»!.. Собственно говоря, страннаго ничего не было въ этомъ совпаденіи: вѣроятно, многія изъ приводимыхъ мною въ этихъ двухъ главахъ волынскихъ колядокъ покажутся моимъ лѣвобережнымъ землякамъ въ общемъ похожими на давно знакомыя имъ колядки, которыя они слыхали далеко отъ Волыни... Но, попавши, между прочимъ, на ту колядку, которая оставила такой глубокій слѣдъ въ моей душѣ, печальная лира волынскаго лирника особенно меня тронула. Снова поднималось умиленное чувство, снова хотѣлось заплакать, какъ въ тѣ далекіе дѣтскіе годы...

Здѣсь мы опять пришли къ тому вопросу, о которомъ я уже упоминала въ первой главѣ,—къ вопросу о языкѣ, которымъ поетъ и говоритъ народъ на Волыни. Напоминая о предубѣжденіи противъ этого языка со стороны моихъ земляковъ, возражая на это предубѣжденіе, которое, можетъ быть, основано лишь на незнакомствѣ съ предметомъ, а слѣдовательно могло бы исчезнуть при бо́льшемъ знакомствѣ съ нимъ (какъ это и показалъ мой личный опытъ),—я спрошу въ заключеніе: гдѣ въ этихъ 27 образцахъ народныхъ волынскихъ пѣсенъ, приводимыхъ въ этихъ

двухъ главахъ, можетъ быть усмотрѣнъ «испорченный языкъ», «смѣсь польскаго съ жидовскимъ?» Кто не признаетъ въ этихъ волынскихъ пѣсняхъ чисто малорусскій языкъ,—быть можетъ даже лучше сохранившійся, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ?

О. Пчилка.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Розыски волшебниковъ и отравителей въ Нѣжинскомъ полку въ 1767—1777 гг. Въ архивѣ покойнаго А. М. Лазаревскаго имѣется подлинное дѣло гродскаго Нѣжинскаго суда 1777 года подъ заглавіемъ: «Дѣло по репортамъ полку Нѣжинского сотенныхъ канцелярій о проискиваніи въ техъ сотняхъ розъездною и обходною командами волшебниковъ, составляющихъ вреднія питя, и о притвержденіи обивателямъ в обереженіи себе от того». Несмотря на многообѣщающее заглавіе, здѣсь, собственно говоря, нѣтъ никакого дѣла, а есть лишь пустая канцелярская переписка, возникшая по такому необычайному поводу. Въ концѣ 1776 или въ самомъ началѣ 1777 г. въ Почепской волости, въ селѣ Витовкѣ, былъ обнаруженъ маловѣроятный случай, будто какіе-то „злодѣи волшебники наповали вреднимъ зеліемъ посполитыхъ оного села Василія Кормаченка с товарищи и протчиихъ жителей". Подробности этого страннаго происшествія остались невыясненными, виновники преступленія не были задержаны, и это обстоятельство побудило Нѣжинскій гродскій судъ разослать въ сотенныя канцеляріи указы (отъ 27 марта 1767 г.) съ предписаніемъ разыскивать «оныхъ злодѣевъ волшебниковъ по ихъ примѣтамъ, тако жъ и другихъ такихъ же злочинцовъ между шатаючимись безпашпортными и проезжаючими по какимъ-либо пашпортамъ прилѣжно присматривать, не будетъ ли кто гдѣ зелія и вредного питія составлять, и всѣ мѣры к поимки таковыхъ употреблять и за поимкою тотъ же часъ представлять на уряды», при чемъ въ указахъ было обѣщано 20 рублей «награждения тому, кто таковаго злодѣя или таковія зелія составляющаго объявит и зобличитъ; и кто би къ тому приличной

оказался и пойманъ былъ, и какого онъ званія и куда отправленъ»; равно и вообще объ успѣхѣ этихъ розысковъ ежемѣсячно рапортовать гродскому суду, «а обывателямъ в обереженіи себе от оныхъ волшебниковъ притверждать».

Такъ какъ Почепская волость, гдѣ были обнаружены преступныя дѣйствія отравителей, въ Стародубскомъ полку, а указы объ ихъ поимкѣ разсылаетъ Нѣжинскій гродскій судъ, то слѣдуетъ предполагать, что подобныя распоряженія были сдѣланы по всѣмъ малороссійскимъ полкамъ или, по крайней мѣрѣ, сосѣднимъ съ Стародубскимъ; но въ лежащемъ передъ нами «дѣлѣ» мы имѣемъ лишь донесенія сотенныхъ канцелярій Нѣжинскаго полка, и при томъ не всѣхъ, а лишь пяти: Батуринской, Кролевецкой, Шаповаловской Веркіевской и Бахмачской. Всѣ онѣ. изъ года въ годъ, ежемѣсячно рапортовали гродскому суду, что «во исполненіе Е. И. В. указу, таковие волшебники розъездною и обходною командами проискиваются и обивателямъ в обереженіи себе от того притверждается, токмо въ истекшемъ мѣсяцѣ нѣкого с таковихъ злочинцовъ не сискано и о составлѣваніи кымъ-либо таковаго вреднаго зѣлля нѣ отъ кого не представлѣвано». А сотникъ батуринскій неизмѣнно рапортовалъ, что въ его сотнѣ «какъ чародѣевъ и чародѣйницъ, такъ волшебныковъ и волшебныць в семъ мѣсяцѣ не сискалось».

Напомнимъ, что связка рапортовъ, которой мы пользуемся, относится къ 1777 году, значитъ рапортованіе продолжалось уже 11 лѣтъ, послѣ вызвавшаго его событія. Долго ли еще тянулись эти безцѣльные розыски и канцелярскіе рапорты—не извѣстно.

О. Л.

Къ вопросу о происхожденіи названія Полтавы. Время основанія Полтавы—въ точности неизвѣстно. Есть свѣдѣніе, что она была основана въ 1608 году [1]), но свѣдѣніе это врядъ ли можно считать вполнѣ достовѣрнымъ [2]). Вопросъ о времени основанія Полтавы, равно какъ и о происхожденіи ея названія былъ очень внимательно обслѣдованъ Л. В. Падалкой [3]), но Л. В. Падалка не рѣшилъ вопроса,

[1]) Кіев. Ст. 1900 г. т. 69. Отд. II, стр. 161.

[2]) Кіев. Ст. 1891 г. т. 34. Стр 359.

[3]) Чтенія въ Общ. лѣт. Нестора, кн. X. Отд. II, стр 15 и слѣд.

а высказалъ только рядъ болѣе или менѣе основательныхъ и интересныхъ соображеній, которыя могутъ быть еще очень оспариваемы. Съ этой точки зрѣнія является не лишеннымъ интереса и мнѣніе по этому вопросу, высказанное извѣстнымъ славистомъ О. М. Бодянскимъ въ одной изъ его раннихъ критическихъ статей. Мнѣніе это помѣщено въ примѣчаніи къ разбору «Малороссійскихъ пословицъ и поговорокъ, собранныхъ В. Н. С.» [1]).

«Замѣчателенъ случай, подавшій поводъ къ названію Полтавы—говоритъ О. М. Бодянскій. Въ 1608 году, по словамъ одной малороссійской лѣтописи (издан. Рубаномъ), козакъ миргородскаго полка *Масло* вышелъ съ шестью семьями изъ *Олтавы* (Олтвы и Голтвы), бывшей тогда малороссійскимъ городомъ, поселился на мѣстѣ нынѣшней Полтавы, которую, вѣроятно, и назвалъ по имени прежняго своего жительства *По-Олтавою* (о-оо) *Полтавою*, (оо-у) Пултавою, *По-Олтвою*, т. е. *другою*, *новою* *Олтавою*. Самая же *Олтава*, безъ сомнѣнія, названа по рѣкѣ Олтавѣ, при которой и рѣкѣ Пслѣ она находится, и въ которую впадаютъ еще двѣ маленькія рѣчки одна *Олтава—Олшана*, а другая *суха Олтва* (см. карту Украины Боплана). Но откуда сіи рѣчки получили свое названіе? Для рѣшенія сего нужно сообразить такое же имя одной изъ рѣкъ, при которой стоитъ Переяславъ (Переяславъ малороссійскій, или, какъ говоритъ Никоновская лѣтопись, *Переяславль Русскій, иже въ Кіевъ,* именно рѣки *Альты*, по Нестору *Олты*, *Олуты* (по малоросс. *Ильты*, уменьш. Ильтыци (а-о-и); припомнить объ одной провинціи Руссовъ Черноморскихъ и столичномъ ихъ городѣ, названныхъ по словамъ арабскихъ писателей: *Иби-ел-Варди* (около 1232) и *Касвини* (въ первой полов. XIV стол.), Атлава (Отлава, Олтава, а-о-т переставлено), Тлава (Отлава, Лтава, Олтава); далѣе въ Валахіи есть рѣка *Алута* и еще, не помню гдѣ, другая какая то *Алута*. Многія украинскія рѣки имѣютъ названія совершенно непонятныя для самихъ украинцевъ, напр. *Воръсколь*, нынѣ *Воркла*, *Супой*, *Псёлъ*; подобныя встрѣчаются и на Кавказѣ: *Субай*, *Пса*, *Псё*; также въ степяхъ кавказскихъ и за-уральскихъ находится и озеро Ильмень». (Телескопъ, 1834 г. кн. XXI. Критика, стр. 345—346).

Н. В—ко.

---

[1]) Телескопъ, 1834 г., кн. XXI. Критика, стр. 345.

Къ біографіи Кіевскаго митрополита Серапіона Александровскаго. Письмо м. Серапіона къ сенатору тайному совѣтнику С. С. Кушникову, предсѣдателю Дивановъ Молдавіи и Валахіи—1809 г.

Превосходительный Господинъ,

Милостивый Государь!

Въ уваженіе особы Вашей, по почтеннѣйшему Вашему писанію и по отношенію ко мнѣ Высокопреосвященнаго Гавріила митрополита и Экзарха, уволилъ я изъ Кіевской епархіи въ молдо-влахійскую митрополію регента, коллежскаго регистратора Петра Гетопанова. Что же уволненіе его мною было замедлѣно,--хотя съ моею непріятностію, а объяснить я долженъ, что виною тому самовольная его, безъ всякаго моего вѣдома, изъ моей въ другія епархіи отлучка, а затѣмъ послѣдующіе не только непріятные, но и оскорбительные для меня и для всего дому моего его поступки, кои въ послужномъ о немъ, посланномъ изъ Кіевской дикастеріи въ молдо-влахскую, спискѣ всѣ означены; однако, во всемъ, такъ какъ и въ причиненномъ имъ чрезъ то мнѣ личномъ оскорбленіи, онъ совершенно мною прощенъ, а посему и отъ законнаго за все сужденія освобожденъ. Въ прочемъ, я съ истиннымъ моимъ къ особѣ Вашей почитаніемъ честь имѣю пребыть навсегда Вашего Превосходительства, милостиваго государя покорнѣйшій слуга и богомолецъ Серапіонъ митрополитъ Кіевскій.

№ 29-й.

Марта 3 дня 1809 г. Кіевъ.

Примѣч. Приведенное письмо будетъ не безъинтересно для характеристики Кіевскаго митрополита *Серапіона Александровскаго* (1803—1822 г.г.), еще ожидающаго своей полной біографіи.—Мы помнимъ еще его ставленниковъ, священниковъ Кіевской епархіи, въ домахъ которыхъ, рядомъ съ рукоположительной грамотой, надписанной извѣстнымъ его четкимъ, старинннымъ, весьма красивымъ почеркомъ, висѣлъ и портретъ его. Памятно намъ, какъ впечатлѣніе дѣтства, это лицо его на рисункѣ—съ большою окладистою бородою, при чемъ на усахъ и подъ нижнею губою совсѣмъ не было волосъ [1]).

---

[1]) Кстати—о портретѣ м. Серапіона. Существуетъ очень искусно сдѣланный *силуэтъ его*—въ альбомѣ извѣстнаго въ Петербургѣ и Москвѣ послѣднихъ временъ Екатерины II и Павла I силуетиста *Фридриха Антинга*—снятый въ бытность Серапіона въ Москвѣ епископомъ Дмитровскимъ, викаріемъ Московск. митрополита *Платона Левшина.*

Тихость нрава, миролюбіе, аккуратность и точность въ служебной и домашней жизни были, какъ это видно изъ разсказовъ о немъ лично знавшихъ его и изъ документовъ, отличительными чертами этого кіевскаго архипастыря. Онъ ежедневно велъ записи въ своемъ *домашнемъ журналѣ*, гдѣ отмѣчалъ кратко, но рельефно—съ примѣсью латыни—всѣ переживаемыя имъ впечатлѣнія жизни—и крупныя и мелкія... Извлеченія изъ этого Серапіоновскаго дневника напечатаны покойнымъ проф. Кіевской Академіи и университета св. Владиміра *Фил. Ал. Терновскимъ* († 1884 г.) отчасти въ „Трудахъ Кіевской дух. Академіи» 1880-хъ г.г., а отчасти въ «Кіевской Старинѣ». О регентѣ Серапіона *Петрѣ Гетопановѣ*, котораго онъ уступилъ молдо-влахійскому экзарху Гавріилу, и о дальнѣйшей судьбѣ этого, повидимому, безпокойнаго человѣка мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.—Любопытенъ фактъ послѣдняго времени жизни м. Серапіона. Тогда какъ другіе архипастыри, несмотря на свою старость и дряхлость, рѣдко желали добровольно оставлять службу, а считали для себя лучшимъ, какъ говорится, *in cathedra mori*,—а если и отказывались по необходимости отъ власти, то обыкновенно пристраивались или были пристраиваемы при какомъ-либо монастырѣ,—митр. Серапіонъ самъ добровольно уволнился отъ службы и доживалъ послѣдніе свои годы въ Кіевѣ—въ *частномъ* домѣ, купленномъ имъ вблизи Кіево-Софійскаго собора, пользуясь уходомъ и услугами своихъ ближайшихъ родственниковъ—именно родной сестры и племянницъ [1]). Здѣсь онъ и скончался въ 1824 г. Сколько намъ извѣстно, бумаги его домашнія съ теченіемъ времени перешли къ проф. Кіевской дух. Академіи протоіерею *Александру Мих. Воскресенскому*, который, по женѣ своей—кіевлянкѣ,—приходился родственникомъ м. Серапіону. Онъ-то, т. е. Ал. М. Воскре-

---

Подъ силуэтомъ есть и собственноручная подпись Серапіона—на латинскомъ языкѣ—слѣдующая:

„Vivos exanguis imago refert vultus
Efficit hoc docti artificis manus.
Serapion, Dei gratia episcopus Dmitrovensis".

(Смотр. *Русскій Архивъ*—1899 г. № 5, стр. 136-я въ статейкѣ: „Замѣтка объ Альбомѣ Антинга".

[1]) Одна изъ его племянницъ вышла замужъ за *Тимоѳея Сухобрусова*, который былъ сначала священникомъ въ Троицкой церкви и жилъ у тещи своей въ домѣ, купленномъ Серапіономъ; послѣ онъ былъ ключаремъ Кіево-Софійскаго собора и скончался въ 50-хъ годахъ XIX в.

сенскій и передалъ вышеупомянутый *дневникъ* Серапіона Ф. А. Терновскому.

Выше помѣщенное письмо м. Серапіона къ Кушникову списано нами еще въ 1880 г. съ подлинника, хранившагося въ Архивѣ Бессарабскаго Губернскаго Правленія—въ отдѣлѣ его такъ называемомъ: «Архивъ господъ сенаторовъ» (1809 г. № 492: «дѣло о присылкѣ изъ Кіева къ его высокопреосвященству митрополиту и экзарху Гавріилу регента, коллежскаго регистратора Гетопанова). Во время турецкой войны 1808—1812 г.г., кончившейся присоединеніемъ къ Россіи Бессарабіи,—русскія войска заняли княжества Молдавію и Валахію и утвердили въ нихъ русское управленіе—и гражданское и церковное. Первымъ представителемъ русскаго гражданскаго управленія въ княжествахъ былъ сенаторъ, тайный совѣтникъ *Сергѣй Сергѣевичъ Кушниковъ* (1808—1810 г.г.), а послѣ него—сенаторъ *Вас. Ив. Красно-Милашевичъ*. Они носили титулъ «Предсѣдательствующій въ Диванахъ Молдавіи и Валахіи». Представителемъ же русскаго церковнаго управленія—во весь означенный періодъ—съ титуломъ экзарха св. Синода былъ митропол. *Гавріилъ Банулеско-Бодони*, предшественникъ по кіевской митрополіи Серапіона. Уволенный въ 1803 г. отъ управленія кіевской митрополіей *(причины этого увольненія еще доселѣ не разъяснены)*, м. Гавріилъ Банулеско проживалъ нѣкоторое время *на покоѣ*—сначала въ Одессѣ, а потомъ въ Дубоссарахъ; но затѣмъ, по занятіи Россіей Молдавіи и Валахіи, найденъ былъ наиболѣе подходящимъ лицомъ для занятія поста представителя власти русскаго св. Синода въ этихъ княжествахъ. Когда же, по заключеніи мира съ Турціей,—къ Россіи отошла только Бессарабія,—тогда всѣ письменныя *дѣлá*,—какъ по гражданскому, такъ и по церковному управленію княжествъ—въ періодъ оккупаціи ихъ Россіей—переведены были изъ Яссъ въ Кишиневъ, и первыя—подъ именемъ «Архива господъ сенаторовъ»—легли въ основу нынѣшняго Бессарабскаго Губернскаго (прежде—областного) архива, а вторыя—т. е. по управленію экзарха Гавріила—составили начало нынѣшняго Архива Кишиневской духовной консисторіи. Оба эти Архива заключаютъ въ себѣ богатѣйшій матеріалъ вообще для исторіи русской, въ частности—для исторіи бытовыхъ отношеній Малороссіи къ Молдавіи и Валахіи, существовавшихъ между этими народностями споконъ вѣка; въ особенности же для исторіи заселенія Бессарабіи, послѣ присоединенія къ Россіи, бывшими *запорожскими выходцами*, возвращавшимися изъ-за границы, а

также выходцами—бѣглыми крестьянами изъ Кіевщины, Подоліи и Волыни [1])... Къ сожалѣнію, архивы эти доселѣ не обращали на себя должнаго вниманія изслѣдователей. Только въ послѣднее время, съ учрежденіемъ Бессарабской губернской ученой архивной коммиссіи, сокровища этихъ архивовъ начали выступать на свѣтъ Божій... Коммиссія эта пріобрѣла себѣ замѣчательнаго дѣятеля—въ лицѣ нынѣшняго правителя ея дѣлъ, кандидата Кіевской д. академіи Ивана Николаевича Халиппы... Подъ его редакціею вышло уже два тома «Трудовъ Бессарабской ученой Архивной Коммиссіи», наполненныхъ, въ существенныхъ своихъ частяхъ, работами самого Ив. Ник. Халиппы, который, по своей талантливости, по своей горячей любви къ изысканіямъ въ области Бессарабской старины и по рѣдкому трудолюбію, составляетъ просто кладъ для Бессарабіи... Въ вышедшихъ двухъ томахъ «Трудовъ Бессарабской Архивной Коммиссіи» И. Н. Халиппа уже началъ помѣщать и свое подробное описаніе «Архива гг. сенато-

---

[1]) Въ хронологическомъ порядкѣ—за Архивомъ сенаторовъ слѣдуетъ „Архивъ канцеляріи г. полномочнаго намѣстника Бессарабской области“. Въ 70-хъ годахъ и мы имѣли возможность нѣсколько познакомиться съ этими архивами, коимъ есть предметно-хронологическая и алфавитная опись. Вотъ заглавіе нѣкоторыхъ изъ дѣлъ, намѣченныхъ нами тогда для разсмотрѣнія: 1) на букву Г: „Гуменный Степанъ“ выходецъ, 1882 г., „Грищенко Андрей“—выходецъ; „Губа Петръ и Чарминдеръ Кузьма“—выходцы, 1823 г.; „Гусь Иванъ Запорожецъ“, 1825 г.; „Гоголь-Яновскій и Воскобойниковъ штабсъ-капитанъ“, 1821 г.; 2) На букву Л: „Люди разнаго званія, населяющіе Бессарабію“, 1817 г.; „Ляшенко Запорожецъ“, 1822 г.; „Левченко Запорожецъ“, 1824 г.; „Люди изъ-за границы“, 1825 г.; 3) На букву Н: „Навроцкій Иванъ, турецкій запорожецъ“, 1824 г.; „Неводченко-выходецъ; Никитенко-Потай, турецкій выходецъ; Негода Петръ, турецкій запорожецъ“, 1824 г.; 4) На букву С: „Скарбекъ графъ военно-плѣнный - 1816 г; Суботный Иванъ—выходецъ, 1818 г.; Сербиновичъ Леонтій (онъ же уніатскій священникъ), 1819; Степуринъ Ѳ., Стирный, Скоробогатенко,—запорожцы; Иванъ Сидоровъ запорожецъ; Смерть отъ голода въ селѣ Градештахъ, 1823 г.; Старгоусъ—выходецъ“; 5) разныя буквы: „Ефименко, некрасовецъ, 1826 г.; Нерубаенко и бѣжавшіе съ нимъ великороссійскіе народы (sic!)—1826 г.; Запорожцы Стаси—1226; Запорожецъ Перхогубъ—1821 г.; Петровъ Иванъ—малороссъ—1823 г., Нечай—выходецъ—1821 г., Щербакъ запорожецъ, 1825 г. и проч.. Въ 1885 г. полныя выписки изъ этихъ и другихъ подобныхъ „дѣлъ“ сдѣлалъ, по нашей просьбѣ, Кириллъ Тимофеевичъ М-чъ, бывшій тогда преподавателемъ Кишиневскаго духовнаго училища. Но теперь нѣтъ у насъ подъ руками этой любопытной рукописи...

ровъ» и во 2-мъ томѣ довелъ его уже до № 300 (а всѣхъ №№—4415, въ 95 связкахъ»).—Отъ всей души желаемъ ему успѣха въ добровольно взятомъ имъ на себя великомъ подвигѣ. «Боже поможы»!...

Сообщ. **Л. М.**

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. *Заботы генералъ-губернатора Анненкова о строеніи въ юго-западномъ краѣ православныхъ храмовъ и снабженіи ихъ утварью.* 10 апрѣля 1864 г. генералъ-губернаторъ Анненковъ обратился къ супругѣ кіевскаго уѣзднаго предводителя дворянства Бутовича, Софьѣ Васильевнѣ, съ письмомъ, въ коемъ сообщалъ, что, по всеподданнѣйшему его докладу, государь императоръ высочайше соизволилъ на отпускъ до 400 тыс. р. изъ казны на строеніе православныхъ храмовъ въ губерніяхъ юго-западнаго края, съ приглашеніемъ благотворителей по всей имперіи къ добровольнымъ приношеніямъ. «Зная усердіе Ваше къ святой вѣрѣ и благотворенію, а также что подъ руководствомъ Вашимъ вышиваются разныя вещи, приносимыя въ жертву церквамъ, я счелъ долгомъ довести о сказанной выше Монаршей волѣ до Вашего свѣдѣнія, на тотъ конецъ, не изволите ли признать возможнымъ церковныя приношенія Ваши и Вашихъ сотрудницъ распространить и на здѣшній край»... писалъ между прочимъ Анненковъ. 17 мая полученъ отвѣтъ: «движимая усердіемъ къ святой вѣрѣ, я нѣсколько лѣтъ уже занимаюсь работами въ пользу православной церкви и поставленіемъ церковной утвари въ болѣе нуждающіеся храмы. Учредивъ въ зимніе мѣсяцы, по пятницамъ, вечера для работъ, я, по благости Божіей и при содѣйствіи моихъ сотрудницъ, успѣла пріобрѣсти церковной утвари и облаченій 800 предметовъ. Предметы эти были разсылаемы мною въ разныя епархіи Россійской имперіи, а также на Востокъ. Кромѣ отправленныхъ вещей, находится у меня въ остаткѣ до 150 разнородныхъ предметовъ, которые нынѣ же, по назначенію Вашего Высокопревосходительства, могли быть распредѣлены въ болѣе нуждающіеся приходы въ краѣ, ввѣренномъ управленію Вашему». Далѣе она писала: «Я бы полагала необходимымъ открыть общество святой Ольги, на подобіе существующихъ уже въ столицѣ и другихъ городахъ Имперіи»... Прилагался проектъ устава. Общество поставляло себѣ ближайшею цѣлью снабженіе приличною утварью церквей въ предѣлахъ ге-

нералъ-губернаторства (облаченія, покровы, плащаницы, священные сосуды, иконы, книги и т. п.). Часть предметовъ предполагалось пріобрѣтать, а что возможно, изготовлять руками членовъ. Въ цѣляхъ выполненія заказовъ и принятія на себя посредничества—имѣлось въ виду учрежденіе собственной мастерской. Предсѣдательство предлагалось супругѣ генералъ-адъютанта Анненкова. Попечителемъ имѣлъ быть митрополитъ кіевскій. Членами распорядителями назывались: предсѣдательница, ея помощница; непремѣнный членъ изъ состава православнаго духовенства, казначей, секретарь и его помощникъ. Общество составлялось изъ трехъ категорій членовъ: почетныхъ, жертвующихъ не менѣе 50 р. ежегодно; дѣйствительныхъ—жертвующихъ не менѣе 12 р., и сотрудниковъ—содѣйствующихъ цѣлямъ общества личнымъ трудомъ, или сборомъ пожертвованій. Въ маѣ 1864 г. Уставъ представленъ въ С.-Петербургъ, но, полагать можно, утвержденъ не былъ, ибо въ іюлѣ уже, при Софійскомъ соборѣ, открыло дѣйствія Свято-Владимірское братство, и, на запросъ генералъ-губернатора о судьбѣ Ольгинскаго Общества, въ дѣлѣ не содержится отвѣта.

—

Къ исторіи нѣмецкихъ колонистовъ на Волыни. Во время проѣзда императора Николая I 15 сент. 1847 года въ г. Дубно была подана ему жалоба уполномоченными незадолго поселившихся тамъ будто бы до 200 семействъ нѣмцевъ.

По ихъ заявленію, владѣлецъ города, князь Любомирскій весною 1845 г. пригласилъ ихъ къ себѣ изъ Царства Польскаго, гдѣ заработки стали слишкомъ скудны. Владѣлецъ продолжаетъ быть милостивымъ, но полиція ихъ притѣсняетъ, не дозволяя пришельцамъ учредить отдѣльный, собственный нѣмецкій судъ, стѣсняя въ работѣ, произвольно лишая свободы и взимая за освобожденіе изъ-подъ стражи плату.

Колонисты не желали присоединяться ни къ городовому обществу, ни къ цехамъ, а просили Государя даровать имъ къ руководству *особый статутъ*, необходимый имъ въ виду незнакомства съ русскимъ языкомъ.

Дознаніемъ обнаружено, что нѣмцами открыты, безъ надлежащаго разрѣшенія, ткацкія фабрики, а въ многочисленныхъ пивныхъ и шинкахъ по ночамъ безобразничаетъ нѣмецкая молодежь.

Губернаторъ, доставляя свѣдѣнія главному начальнику края, высказывается за сохраненіе дѣйствующей у колонистовъ собственной

расправы съ подчиненіемъ таковой, однако же. Дубенскому ремесленному головѣ, избираемому всѣми ремесленными управами раіона.

Ближайшія распоряженія администраціи изъ переписки не видны.

Къ исторіи учрежденія графомъ Потоцкимъ крестьянскихъ пріютовъ. 26 мая 1847 года графъ Болеславъ Станиславовичъ Потоцкій просилъ генералъ-губернатора разрѣшить ему „учредить собственнымъ коштомъ въ вотчиныхъ имѣніяхъ, подольской губерніи, брацлавскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Немировѣ пріютный, а въ с. Коваліовкѣ крестьянскій сиротскій, на 25 мужеска и 25 женска пола дѣтей домы". Капиталъ для содержанія крестьянскаго пріюта опредѣленъ въ 3000 р. сер. Учителя Немировской гимназіи изъявили согласіе давать уроки безденежно. Пріютъ въ Немировѣ на 46 чел. открытъ 21 апрѣля 1848 г.; въ томъ же мѣсяцѣ учрежденъ и Ковалевскій домъ, на что въ январѣ 1849 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Немировскіе евреи воспользовались сочувствіемъ графа Потоцкаго дѣлу народнаго образованія и выпросили у вотчинника, въ томъ же 1847 году, передачу имъ дома, въ которомъ пріютилось еврейское училище, обслуживавшее цѣлыхъ три уѣзда..

Сообщ. **Алексѣй Мёрдеръ.**

Къ біографіи украинскаго философа Григорія Савича Сковороды. На XII археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ мною прочитанъ былъ рефератъ о первомъ (малороссійскомъ) періодѣ жизни и научно-философскаго развитія Григорія Савича Сковороды[1]), имѣвшій въ виду установить хронологическую канву жизни украинскаго философа въ этомъ періодѣ его жизни и намѣтить, хотя въ самыхъ общихъ чертахъ, тѣ вліянія, подъ которыми складывались философскія воззрѣнія Сковороды. Рефератъ этотъ, уже по напечатаніи его, вызвалъ нѣсколько важныхъ сообщеній, которыя существенно измѣняютъ нѣкоторыя сдѣланныя нами заключенія о разныхъ событіяхъ въ жизни Сковороды или восполняютъ пробѣлы въ его біографіи. Мы имѣемъ въ виду 1) списки студентовъ Кіевской духовной Академіи за 9 лѣтъ, съ 1736—7 по 1744—5 учебные годы, и 2) нѣсколько доку-

---

[1]) Напечатанъ въ Трудахъ Кіевской Дух. Академіи за декабрь, 1902 года.

ментовъ, объ учительствѣ Сковороды въ „прибавочныхъ классахъ“ при Харьковскомъ Коллегіумѣ въ 1768—9 учебномъ году.

I.

По словамъ біографа Сковороды. Мих. Ковалинскаго, Сковорода родился въ 1722 г. въ селѣ Чернухахъ, Лубенской округи; послѣ домашняго обученія отданъ былъ отцомъ въ кіевскую Академію, при вступленіи на престолъ императрицы Елизаветы Петровны выбранъ былъ ко двору въ пѣвческую капеллу, но въ 1744 году, при возвращеніи императрицы изъ Кіева въ Петербургъ, «остался въ Кіевѣ и паки началъ учиться». На этотъ разъ его сотоварищемъ по Академіи будто бы былъ Самуилъ Миславскій, впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій [1]), что, повидимому, подтверждалось и спискомъ студентовъ Кіевской Академіи, переписывавшихъ для Кіевскаго митрополита Тимоѳея Щербацкаго полемическій трактатъ Адама Зерникова «Объ исхожденіи Св. Духа»: въ этомъ спискѣ значатся и Сковорода, и Миславскій [2]). О Самуилѣ же Миславскомъ извѣстно, что онъ окончилъ полный курсъ ученія въ Кіевской Академіи въ 1754 году, и слѣдов. въ 1744—5 году, въ которомъ Сковорода вторично поступилъ въ Кіевскую Академію, учился въ классѣ грамматики [3]). А между тѣмъ означенные списки студентовъ Академіи за 1736—1745 годы совершенно опровергаютъ собою этотъ выводъ.

Списки эти хранятся въ архивѣ Св. Синода [4]). За первые два года въ нихъ обозначены ученики не только духовнаго, но и свѣтскаго происхожденія, тогда какъ въ спискахъ за остальныя семь лѣтъ поименовываются только студенты духовнаго происхожденія. Ни въ тѣхъ, ни въ другихъ спискахъ нѣтъ имени Сковороды: въ первыхъ двухъ, конечно, потому, что Сковорода въ 1736—7 и 1737—8 учебныхъ годахъ еще не учился въ Кіевской Академіи, а въ остальныхъ потому, что онъ былъ не духовнаго происхожденія. Но за то въ этихъ послѣднихъ спискахъ мы встрѣчаемъ имена школьныхъ товарищей Сковороды духовнаго происхожденія, вмѣстѣ съ которыми онъ переписывалъ впослѣдствіи трактатъ Зерникова. Въ 1744 году, когда Ско-

---

[1]) „Сочиненія Гр. С. Сковороды, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣемъ“, Харьковъ, 1894 г., отд. I, стр. 2 и 3.

[2]) Рукопись библіотеки Кіево-Софійскаго собора, № 312.

[3]) „Труды Кіевской Дух. Академіи“, декабрь, 1902 г., стр. 591.

[4]) Архивъ Св. Синода, дѣло 1737 г, № 380 въ пяти томахъ.

ворода вторично поступилъ въ Кіевскую Академію, они перешли въ классъ піитики. Между ними есть и Миславскій, но не Семенъ, какъ звали въ мірѣ Самуила Миславскаго, а Тимофей, тогда какъ Семенъ Миславскій въ этомъ году только-что поступилъ въ самый низшій классъ Академіи—аналогію или фару, и слѣдов. по ученію былъ моложе Сковороды на 4 года[1]).

Если же Г. С. Сковорода, возвратившись въ 1744 году въ Кіевскую Академію поступилъ въ классъ піитики, а съ другой стороны, его нѣтъ въ спискахъ за 1736—7 и 1737—8 годы, то слѣдуетъ заключить, что первый разъ онъ поступилъ въ Кіевскую Академію въ 1738—9 учебномъ году, четыре года учился здѣсь въ фарѣ или аналогіи, инфимѣ, грамматикѣ и синтаксимѣ и въ 1742 году выбылъ въ придворную капеллу, пробывъ въ ней около двухъ лѣтъ.

Съ 1744—5 учебнаго года Сковорода уже не покидалъ Академіи вплоть до 1750 года, послѣдовательно проходя классы піитики, реторики, философіи и богословія. Въ 1744—5 году онъ былъ въ піитикѣ въ 1745—6 году въ реторикѣ, въ 1746—7 и 1747—8 годахъ въ философіи и въ 1748—9 и 1749—50 г.г. въ богословіи. Будучи въ богословскомъ классѣ, Г. С. Сковорода и участвовалъ въ перепискѣ трактата Адама Зерникова для кіевскаго митрополита Тимоѳея Щербацкаго, посвященнаго въ этотъ санъ лишь весною 1748 года[2]).

Опредѣливши точно годы ученія Г. С. Сковороды въ Кіевской Академіи, мы можемъ съ такою же точностію указать и непосредственныхъ учителей Сковороды по Кіевской Академіи и отчасти даже оставшіеся отъ нихъ учебники и учебные курсы. Въ фарѣ или аналогіи, въ инфимѣ и грамматикѣ учителемъ Сковороды былъ іеродіаконъ Сильвестръ Добрына, въ синтаксимѣ—Варлаамъ Иваницкій[3]); въ піитикѣ—іеромонахъ Гедеонъ Слонимскій[4]); въ реторикѣ—іеро-

---

[1]) Тамъ же, т. V, л. 360 и 376.

[2]) „Труды Кіевской Дух. Академіи", декабрь, 1902 г., стр. 591.

[3]) Объ этихъ учителяхъ см. тамъ же, за май 1902 г., въ статьѣ Д. К. Вишневскаго „Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII столѣтія".

[4]) Объ учителяхь піитики и реторики см. тамъ же, за октябрь того же года. Экземпляръ рукописнаго учебника іеромонаха Гедеона Слонимскаго по піитикѣ, 1744—5 года имѣется въ распоряженіи профессора университета Св. Владиміра. Н. П. Дашкевича.

монахъ Тихонъ Александровичъ[1]) и Досиѳей Галяховскій[2]). Философію первый годъ слушалъ онъ у іеромонаха Гедеона Сломинскаго[3]), а второй—у іеромонаха Георгія Конисскаго[4]); богословіе же, около двухъ лѣтъ, слушалъ у ректора и профессора, архимандрита Сильвестра Ляскоронскаго[5]). Въ учебникахъ и курсахъ этихъ профессоровъ, начиная съ піитики и по богословіе включительно, и нужно искать ключа къ разъясненію литературныхъ пріемовъ и религіозно-нравственныхъ воззрѣній Сковороды, начинавшихъ слагаться или сложившихся у него еще въ бытность студентомъ Кіевской Академіи. Особенное значеніе должны были имѣть для него философскія лекціи Гедеона Сломинскаго и Георгія Конисскаго и богословскія—Сильвестра Ляскоронскаго.

О дальнѣйшихъ похожденіяхъ Г. С. Сковороды, по выходѣ его изъ академіи и до 1766 года, въ настоящее время мы не можемъ прибавить ничего новаго. Въ 1750 году, прослушавъ около половины богословскаго курса, Г. С. Сковорода отправился съ полковникомъ Гавріиломъ Вишневскимъ въ Токайскую миссію, въ Венгрію, пробылъ тамъ около $2^1/_2$ лѣтъ и возвратился въ Малороссію уже въ первой половинѣ 1753 года. Въ этомъ же году онъ поступилъ въ учители поэзіи въ Переяславскую семинарію, но вскорѣ былъ изгнанъ изъ нея переяславскимъ епископомъ Іоанномъ Козловичемъ и осенью того же года нанялся въ домашніе учителя къ малорусскому помѣщику Стефану Томарѣ. Въ 1754 году онъ оставилъ это мѣсто и въ концѣ этого года или въ началѣ слѣдующаго 1755 года отправился съ іеромонахомъ Владиміромъ Каллиграфомъ въ Москву и посѣтилъ Троице-Сергіеву Лавру и Троицкую семинарію, гдѣ свелъ знакомство и дружбу съ намѣстникомъ Лавры архимандритомъ Кирилломъ Ляшевецкимъ. Но въ томъ же 1755 году Г. С. Сковорода возвратился въ Переяс-

---

[1]) Начало учебника Тихона Александровича по реторикѣ, 1746 г., см. въ библіотѣ Кіево-Соф. собора, № 487.

[2]) Учебникъ Галяховскаго по реторикѣ, 1746—7 г., подъ заглавіемъ Institutiones Rhetoricae, см. въ „Описаніи рукописей церковно-археологическаго музея при Кіевской Дух. Академіи", Н Петрова, № 427, стр. 391.

[3]) Объ его философскомъ курсѣ см. въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи", октябрь, 1892 г., стр. 311 и 312.

[4]) См. „Описаніе рукописей церковно-археологич. музея при Кіев. Дух. Академіи", Н. Петрова, № 51, стр. 25, и № 565, стр. 548.

[5]) Тамъ же, №№ 88 и 89, стр. 38 и 39.

славъ и снова поступилъ въ домашніе учители къ тому же помѣщику Томарѣ и на этотъ разъ прожилъ у него около 4 лѣтъ. Въ 1759 году, по рекомендаціи архимандрита Гервасія Якубовича, Г. С. Сковорода приглашенъ былъ въ Харьковъ и, по волѣ мѣстнаго епископа Іоасафа Миткевича, занялъ должность учителя поэзіи въ Харьковскомъ коллегіумѣ. Черезъ годъ онъ оставилъ эту должность, но въ 1762 году снова приглашенъ былъ въ учители въ Харьковскій коллегіумъ и два года преподавалъ здѣсь синтаксиму и греческій языкъ. Эту должность онъ оставилъ въ 1774 году, при новомъ Бѣлгородскомъ епископѣ Порфиріѣ Крайскомъ[1]). Но послѣдній эпизодъ изъ служебной дѣятельности Сковороды въ «прибавочныхъ классахъ» при Харьковскомъ коллегіумѣ мы имѣемъ возможность освѣтить нѣкоторыми новыми данными.

II.

«Прибавочные классы» при Харьковскомъ коллегіумѣ для дворянскихъ дѣтей проектированы были еще въ 1765 году. Предполагалось къ преподававшимся въ Харьковскомъ коллегіумѣ наукамъ «прибавить еще классы французскаго и нѣмецкаго языковъ, математики, геометріи и рисованія, а особливо инженерства, артиллеріи и геодезіи». Но тогдашнему Бѣлгородскому епископу Порфирію Крайскому очень не понравился этотъ инородный придатокъ къ коллегіуму, и преосвященный употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы отклонить учрежденіе этихъ классовъ при коллегіумѣ. Они открыты были уже по смерти преосвященнаго Порфирія Крайскаго[2]), скончавшагося 7 іюля 1768 года[3]). Къ этому времени и относится послѣдняя попытка привлечь Г. С. Сковороду къ преподавательской дѣятельности.

Замѣчательно, что въ самый день смерти преосвященнаго Порфирія Крайскаго Г. С. Сковорода подалъ губернатору Щербинину прошеніе о назначеніи его преподавателемъ катехизиса въ «прибавочныхъ классахъ». Прошеніе это, писанное какимъ-то канцеляристомъ довольно безграмотно, только подписано собственноручно Г. С.

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. въ моей статьѣ о Г. С. Сковородѣ, въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи", декабрь, 1902 года.

[2]) „Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности", А. С. Лебедева, Харьковъ, 1902 г., стр. 146—149.

[3]) „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія церкви", Павла Строева, С.-Петербургъ, 1877 г., стр. 634.

Сковорода и, очевидно, подсунуто было ему для подписи уже въ готовомъ видѣ. Вѣроятно, позаботился объ этомъ самъ губернаторъ Щербининъ. Приводимъ самое прошеніе:

«Его Превосходительству опредѣленному в слободскую украинскую губернію с властію губернаторскою господину генералъ-маиору леиб-гвардіи примеръ маиору и ковалеру евдокиму алексеевичу Щербинину

Доношеніе.

Я предсимъ находился въ здешнемъ коллегіумскомъ монастыре учителемъ школы піитики, ныне же осведомился что надобность есть во вновь прибавочныхъ здесь классахъ в учителе для толкованія вступившимъ во оные классы ученикамъ катахизиса, то к симъ трудамъ желаніе имею быть того катахизиса учителемъ; чего ради вашего превосходительства прошу об определеніи меня в те классы в учители, и о произведеніи жалованья в годъ пятидесяти рублевъ зъ свободною квартирою учинить разсмотрѣніе.

Къ сему доношенію учитель Григорій Сковорода руку приложилъ.

Іюля 7 дня 1768 году [1]).

На слѣдующій день, 8 іюля, губернаторъ Щербининъ далъ такой приказъ по поводу приведеннаго прошенія Сковороды:

«1768 года іюля 8 дня.

Опредѣленный въ слободскую украинскую губернію съ властію губернаторскою, генералъ-маіоръ лейбъ-гвардіи премієръ-маіоръ и кавалеръ Щербининъ по доношенію учителя Григорья Сковороды, которымъ объявляетъ, что онъ предъ симъ находился въ здѣшнемъ коллегіумскомъ монастырѣ учителемъ школы піитики, нынѣ же освѣдомился, что надобность есть во вновь прибавочныхъ здѣсь классахъ въ учителѣ для толкованія вступившимъ въ оные классы ученикамъ катехизиса, то къ симъ трудамъ желаніе имѣетъ онъ Сковорода быть того катехизиса учителемъ и тѣмъ доношеніемъ проситъ объ опредѣленіи его въ тѣ классы въ учители и о произведеніи жалованья въ годъ пятидесяти рублевъ, съ свободною квартирою, *приказалъ:* оного

[1]) Архив. Харьков. Губерн. Правленія, дѣло 1768 г. „о прибавочныхъ классахъ", л. 1. Копія любезно сообщена мнѣ архиваріусомъ Историческаго Архива при Харьковскомъ университетѣ Евг. Мих. Ивановымъ.

Сковороду причисля въ учители, жалованья производить ему съ числа сего опредѣленія по пятидесяти рублевъ въ годъ, по опредѣленіямъ губернской канцеляріи, съ запискою въ расходную книгу, съ росписками, изъ входящихъ на содержаніе оныхъ прибавочныхъ классовъ получаемыхъ съ вступающихъ въ тѣ классы для наукъ вольныхъ дворянскихъ и прочихъ дѣтей, противъ учиненнаго и въ правительствующій Сенатъ представленнаго прожекту штата, 16 пункта, денегъ, о чемъ въ Слободскую Губернскую Канцелярію предложить и къ имѣющему въ дирекціи тѣ классы коллежскому ассессору господину Выродову ордеръ дать, съ тѣмъ, чтобы распоряженіе времени, въ которое ему Сковородѣ въ толкованіи ономъ катехизиса, упражняться, учинилъ онъ господинъ Выродовъ отъ себя, не повреждая нынѣшняго въ прочихъ наукахъ тамо теченія, и о томъ генералъ-маіору и кавалеру репортовалъ бы.

Въ подлинномъ подписано такъ: Евдокимъ Щербининъ
протоколистъ Максимъ Павловъ [1]).

Въ «прибавочныхъ классахъ» Г. С. Сковорода преподавалъ свой предметъ и въ слѣдующемъ 1769 году. Объ этомъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующая выписка изъ вѣдомости 13 апрѣля 1769 года о расходахъ на содержаніе «новоприбавочныхъ классовъ», представленной Щербинину директоромъ классовъ Николаемъ Выродовымъ: «учителю катахизиса Григорію Сковородѣ заслуженаго жалованя двадцать три рубли» [2]).

Но и въ «прибавочныхъ классахъ» Г. С. Сковорода былъ учителемъ недолго, не болѣе года, если не менѣе. Для своихъ учениковъ онъ написалъ сочиненіе, подъ заглавіемъ «Начальная дверь къ христіянскому добронравію для молодаго шляхетства харьковской губерніи». «Сочиненіе сіе,—говоритъ біографъ Сковороды Ковалинскій,— содержало въ себѣ простыя истины, краткія коренныя познанія должностей, относительныхъ до общежитія. Всѣ просвѣщенные люди признавали въ ономъ чистыя понятія, справедливыя мысли, основательныя разсужденія, чувствительныя побужденія, благородныя правила, движущія сердце къ подобному себѣ концу высокому; но какъ все то основывалось на познаніи Бога и достойномъ почтеніи онаго, то епископъ Бѣлградскій, бывшій тогда епархіальнымъ, почитая такое раз-

---

[1]) Тамъ же, л. 2. Сообщено тѣмъ же Евг. Мих. Ивановымъ.

[2]) Архивъ Харьков. Губерн. Правл., „связка о классахъ 1769, № 39. Сообщено Евг. Мих. Ивановымъ.

сужденіе въ устахъ свѣтскаго человѣка за похищеніе власти и преимуществъ своихъ, вознегодовалъ на него съ гоненіемъ: требовалъ книжицу на разсмотрѣніе; нашелъ нѣкоторыя неясности для него и сомнѣнія въ рѣчахъ и образъ ученія несоотвѣтсвующій обыкновенному правилу; почему и препоручилъ своимъ спросить Сковороду, для чего онъ преподавалъ наставленіе христіанскаго благонравія различнымъ образомъ отъ обыкновеннаго. Сковорода отвѣтствовалъ: «дворянство различествуетъ знаніемъ и одѣяніемъ отъ черни народной и монаховъ: для чего же не имѣть оному и понятій различныхъ о томъ, что нужно знать ему въ жизни? Такъ ли,—продолжалъ онъ въ отвѣтъ,—государя разумѣетъ и почитаетъ пастухъ и земледѣлецъ, какъ министръ его, военачальникъ, градоначальникъ? Подобно и дворянству такія ли прилично мысли имѣть о верховномъ существѣ, какія въ монастырскихъ уставахъ и школьныхъ урокахъ?—По семъ отвѣтѣ все замолчало» [1]).

Этотъ Бѣлгородскій архіерей, котораго біографъ Сковороды выставилъ передъ читателями въ невыгодномъ для него освѣщеніи, былъ не кто иной, какъ Самуилъ Миславскій, образованнѣйшій человѣкъ своего времени, котораго Сковорода, повидимому, считалъ своимъ школьнымъ товарищемъ по Кіевской Академіи и поставлялъ ниже себя по умственному развитію. Самуилъ Миславскій хиротонисанъ былъ въ епископа Бѣлгородскаго 28 декабря 1768 года [2]) и могъ вступить въ управленіе своей епархіи въ началѣ слѣдующаго 1769 года. Въ «прибавочныхъ классахъ», къ которымъ преосвященный Порфирій Крайскій отнесся такъ неблагосклонно, преемникъ его Самуилъ Миславскій призналъ полезное дополненіе коллегіумской программы, почему и расписаніе учебныхъ часовъ въ коллегіумѣ и прибавочныхъ классахъ приказалъ составить такъ, чтобы для учениковъ коллегіума не было никакого препятствіи къ хожденію въ эти классы [3]). Весьма вѣроятно, что преосвященный Самуилъ Миславскій обратилъ вниманіе и на Г. С. Сковороду, какъ преподавателя катехизиса въ «прибавочныхъ классахъ», и указалъ на несоотвѣтствіе его книжки съ катехизическою программою; но, во всякомъ случаѣ, замѣчанія пре-

---

[1]) „Сочиненія Г. С. Сковороды", Харьковъ, 1894 г., отд. I, стр. 24.

[2]) „Списки іерарховъ" П. Строева, 1877 г., стр. 634.

[3]) „Бѣлогородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности". А. С. Лебедева. Харьковъ, 1902 г., стр. 165.

освященнаго Самуила не имѣли никакихъ практическихъ послѣдствій, неблагопріятныхъ для Сковороды. «По семъ отвѣтѣ,—говоритъ біографъ Сковороды М. Ковалинскій,—все замолчало». Но Сковорода все-таки оставилъ учительскую должность въ прибавочныхъ классахъ, едва ли даже закончивъ учебный 1768—9 годъ.

Послѣ этого, Сковорода не дѣлалъ уже никакихъ попытокъ занять какую либо общественную или,—точнѣе, оффиціальную учительскую должность и въ теченіе послѣднихъ 28 лѣтъ своей жизни постоянно переходилъ съ мѣста на мѣсто, рѣдко останавливаясь гдѣлибо на болѣе предолжительное время, и всюду проповѣдывалъ словомъ, писаніемъ и самою жизнію то религіозно-нравственное ученіе свое, которые вырабатывалъ доселѣ путемъ науки, созерцаніемъ природы и богатымъ жизненнымъ опытомъ. Съ этого времени собственно появляются и болѣе капитальныя произведенія его, какъ напр. «Наркизъ», «Книга Асхань», и др., тогда какъ доселѣ онъ писалъ только малыя отрывочныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Умеръ онъ, какъ извѣстно, 29 октября 1794 года, въ селѣ Ивановкѣ, принадлежавшемъ помѣщику Ковалевскому [1]).

Н. Петровъ.

Текущія извѣстія.

Итоги занятій Комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. *По кіевской губерніи.* Наиболѣе важныя постановленія комитетовъ кіевской губерніи сводятся, конечно, къ заявленіямъ о настоятельной необходимости скорѣйшаго введенія у насъ выборнаго земства въ полномъ его объемѣ, мелкой земской единицы и всеобщаго образованія съ объединеніемъ дѣла завѣдыванія народнымъ образованіемъ въ рукахъ одного вѣдомства—министерства народнаго просвѣщенія, въ виду единогласно признанной всѣми комитетами полной несостоятельности церковно-приходскихъ школъ. Пожеланія эти, такъ же, какъ и постановленіе о необходимости уравненія правъ крестьянъ съ другими сословіями (и въ томъ числѣ объ освобожденіи ихъ отъ тѣлеснаго наказанія), не только составили въ ко-

---

[1]) „Сочиненія Гр. С. Сковороды", Харьковъ, 1894 г., стр. 24—40.

митетахъ предметъ самостоятельнаго обсужденія каждаго изъ этихъ вопросовъ въ отдѣльности, но кромѣ того неоднократно выражались комитетами и при обсужденіи другихъ вопросовъ, правильное разрѣшеніе которыхъ представлялось для комитетовъ немыслимымъ безъ осуществленія этихъ главнѣйшихъ пожеланій. Безъ введенія выборнаго земства, всеобщаго образованія, мелкой земской единицы и уравненія правъ, признавалось невозможнымъ ни широкое распространеніе въ народѣ сельскохозяйственныхъ знаній, ни сельскохозяйственнаго опытнаго дѣла, ни борьбы съ врагами сельскаго хозяйства, ни охраны земельной собственности, ни хорошаго устройства содержанія мѣстныхъ дорогъ общаго пользованія и пр и пр.;—словомъ, при разсмотрѣніи всѣхъ главнѣйшихъ вопросовъ программы то тотъ, то другой комитетъ, а иногда единодушно и всѣ комитеты вспоминали либо о земствѣ, либо о всеобщемъ образованіи, или объ уравненіи правъ, о мелкой земской единицѣ,—или обо всѣхъ ихъ разомъ, какъ объ основныхъ требованіяхъ, безъ осуществленія которыхъ невозможно ожидать дѣйствительнаго улучшенія сельско-хозяйственной промышленности въ краѣ и повышенія уровня экономическаго благосостоянія его населенія. Всѣ постановленія по этимъ кардинальнымъ вопросамъ прошли въ комитетахъ единогласно, или за малыми исключеніями—почти единогласно, въ то время какъ нѣкоторые другіе вопросы возбудили оживленные, а иногда даже и довольно жестокіе споры. Таковы вопросы о разселеніи крестьянъ на хутора, неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ и установленіи у крестьянъ личной собственности на надѣльныя земли, а также вопросъ о разверстаніи и сервитутахъ. Ставя весьма широко вопросъ объ уравненіи правъ крестьянъ съ другими сословіями и находя, что наивысшая степень сельскохозяйственной культуры возможна только при полной собственности на землю, многіе настаивали на установленіи у крестьянъ права личной,—а не семейной только (какъ теперь)—собственности на землю. Другіе же, не отрицая необходимости уравненія въ правахъ, настаивали только на одномъ ограниченіи—ограниченіи въ правахъ распоряженія надѣльною землею, опасаясь, что въ настоящее время крестьянинъ не подготовленъ еще къ вполнѣ самостоятельной жизни достаточнымъ образованіемъ (которое теперь только признано необходимымъ ввести въ возможно ближайшемъ будущемъ) и что поэтому предоставленіе ему полныхъ правъ распоряженія надѣлами можетъ повести къ ускоренію и безъ того замѣчаемаго уже процесса обезземеленія крестьянства. Разница въ этихъ взглядахъ членовъ комитетовъ

на вопросъ о личной собственности на надѣльныя земли и на неотчуждаемость таковыхъ и обусловила ту оживленность споровъ по этимъ вопросамъ, которая съ особенною силою сказалась въ засѣданіяхъ губернскаго комитета. Собственно говоря, засѣданія послѣдняго отразили какъ въ фокусѣ всю сущность засѣданій уѣздныхъ комитетовъ по этимъ вопросамъ и, говоря о первомъ, можно уже не говорить объ остальныхъ, тѣмъ болѣе, что губернскій комитетъ обладалъ при обсужденіи ихъ и наибольшею массою данныхъ, да и пренія въ немъ отличались, повидимому, большею обстоятельностью и подробностію. «Въ оправданіе своего стремленія уничтожить неотчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ—сообщается въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (1903, № 45) о засѣданіяхъ кіевскаго губернскаго комитета—большинство доказывало, что выдѣленіе въ средѣ крестьянъ и безземельныхъ все равно неизбѣжно при всякихъ условіяхъ и, что съ теченіемъ времени уже и при наличныхъ ограниченіяхъ надѣльной собственности, вся масса населенія все равно превратится въ безземельный и малоземельныйп ролетаріатъ. Государство же и общество, по мнѣнію большинства, прямо заинтересованы въ томъ, чтобы земля принадлежала тѣмъ, кто въ состояніи наилучше ее использовать, а такой подборъ наиболѣе умѣлыхъ, энергичныхъ владѣльцевъ возможенъ лишь при свободномъ передвиженіи собственности». Въ виду всего этого большинство и высказалось за личную (а не семейную) собственность. Надо сказать, что пренія по этому вопросу были, такъ сказать, преддверіемъ къ рѣшенію вопроса о разселеніи крестьянъ по хуторамъ, такъ какъ отъ рѣшенія перваго вопроса зависѣло и рѣшеніе второго. Разъ большинство высказалось за отчуждаемость, полную свободу распоряженія землей, личную собственность и пр., то уже этимъ самымъ предрѣшено было и постановленіе о желательности предоставленія отдѣльнымъ крестьянамъ права, вопреки даже согласію крестьянскаго міра, выселяться по хуторамъ, заставляя такимъ образомъ всѣхъ крестьянъ общества по единичному желанію одного выселяющагося на хуторъ, перемѣрять каждый разъ между собою всѣ земли, чтобы отвести разбросанныя въ разныхъ частяхъ надѣла полосы этого домохозяина къ одному мѣсту. Такимъ образомъ, какъ совершенно вѣрно замѣтили по этому поводу «Р. Вѣд.», «большинство, во имя полнаго уравненія правъ и полной свободы распоряженія, далеко въ то же время не чуждо было и мѣръ принужденія; обезземеленіе же большинства считало даже благомъ для государства. Немудрено, что при такихъ взглядахъ большинства, ко-

митетъ высказался и противъ допущенія крестьянскихъ переселеній изъ кіевской губ., несмотря на то, что, по показаніямъ нѣкоторыхъ уѣздныхъ комитетовъ, около 90% крестьянскихъ хозяйствъ находятся въ упадкѣ, такъ какъ не обладаютъ живымъ инвентаремъ, хуже обрабатываютъ землю и получаютъ все худшіе урожаи. Основаніемъ же къ такому взгляду на вопросъ о переселеніи выставлялось то соображеніе, что «для прироста своего населенія губернія даетъ еще достаточно средствъ и заработковъ по свекловичному производству и вообще въ интенсивныхъ хозяйствахъ, и что улучшенія экономическаго положенія крестьянъ легче и лучше можно достигнуть выселеніемъ ихъ на хутора съ дарованіемъ правъ личной собственности на надѣлы».

По вопросу о разверстаніи и сервитутахъ два уѣздныхъ комитета, Кіевскій и Бердичевскій, высказались—за добровольное разверстаніе, Каневскій, Уманскій и Звенигородскій, за обязательное, при условіи требованія одной изъ сторонъ, Липсвецкій, Радомысльскій, Васильковскій, Черкасскій и Чигиринскій—за общее обязательное разверстаніе. Въ губернскомъ комитетѣ первенство осталось за первымъ мнѣніемъ, отчасти можетъ быть потому, что много членовъ самаго многочисленнаго изъ уѣздныхъ комитетовъ—Кіевскаго—вошли и въ составъ губернскаго комитета. Большинство высказалось въ губернскомъ комитетѣ за добровольное разверстаніе, какъ это видно изъ печатныхъ матеріаловъ о засѣданіяхъ комитета, потому, что выдача крестьянамъ земельнаго вознагражденія за утрачиваемые при разверстаніи сервитуты была бы безусловно обязательна при обязательномъ разверстаніи, но такая выдача въ то же время была бы безусловно непосильною для помѣщиковъ, особенно въ виду высокой задолженности ихъ имѣній. Поэтому такая мѣра была бы или разорительна для землевладѣльцевъ, или же убыточна для крестьянъ—въ томъ случаѣ, еслибы вознагражденіе было выдано имъ только въ томъ размѣрѣ, который выгоденъ помѣщикамъ. При такихъ условіяхъ, по мнѣнію большинства, оставался одинъ выходъ—оставить дѣло такъ, какъ оно есть, предоставя въ то же время заинтересованнымъ сторонамъ вступать въ тѣ добровольныя соглашенія о разверстаніи ихъ имѣній, которыя, по показанію меньшинства, за 40 лѣтъ не привели ни къ какимъ результатамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы облегчить все-таки помѣщикамъ освобожденіе отъ тяготы пастбищныхъ сервитутовъ, большинство высказалось за предоставленіе имъ полнаго права измѣненія

общаго съ крестьянами сѣвооборота, наличность котораго только и удерживаетъ еще существованіе начинающаго уже исчезать и весьма важнаго для крестьянъ толочнаго сервитута. Этою мѣрою, а также и поощреніемъ крестьянъ къ (невозможному безъ добровольнаго разверстанія и неминуемо ведущему къ уничтоженію всѣхъ сервитутовъ) разселенію крестьянъ по хуторамъ имѣлось въ виду устранить всякую необходимость обязательнаго разверстанія и возможно болѣе ускорить быстро идущій процессъ исчезновенія сервитутовъ. Тогда ни въ какихъ разверстаніяхъ не было бы надобности и сервитуты исчезли бы сами собой безъ всякаго за нихъ вознагражденія. Постановка дѣла—весьма хитроумная и предусмотрительная, и для крестьянъ, конечно, невыгодная и едва ли бы они высказались за нее, еслибы находились въ числѣ членовъ комитета.

—

По подольской губерніи. Наибольшее вниманіе удѣлено было комитетами подольской губ. вопросамъ: о разселеніи крестьянъ на хутора, о переселеніяхъ, объ отхожихъ сельско-хозяйственныхъ заработкахъ, объ уничтоженіи пастбищныхъ сервитутовъ, охранѣ частной земельной собственности, а также вопросу о распространеніи въ народѣ сельскохозяйственныхъ знаній. Вопросъ этотъ, какъ и въ комитетахъ другихъ двухъ губерній юго-западнаго края, въ виду общепризнанной некультурности населенія и полной неподготовленности его къ воспріятію сельскохозяйственныхъ знаній выдвинулъ на очередь общее пожеланіе о скорѣйшемъ введеніи всеобщаго обязательнаго обученія, о полной несостоятельности церковно-приходскихъ школъ и объединеніи всѣхъ школъ подъ руководствомъ министерства народнаго просвѣщенія въ виду желательности прекращенія существующей розни между школами разныхъ вѣдомствъ. Вопросъ о необходимости поднятія уровня умственнаго развитія населенія путемъ введенія всеобщаго образованія возникъ и при обсужденіи вопроса объ охранѣ частной земельной собственности отъ захватовъ ея крестьянами, какъ явленія, зависящаго въ значительной мѣрѣ отъ неразвитости крестьянъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. При обсужденіи этого же вопроса объ охранѣ земельной собственности, возникъ впервые, возбуждавшійся затѣмъ и при обсужденіи вопроса объ урегулированіи отношеній между нанимателями и работниками и вопросъ о необходимости всесословной волости, какъ органа мѣстнаго управленія, дающаго возможность «мѣстной сельской интеллигенціи» принять въ

немъ личное участіе и обезпечивающаго возможность твердаго и разумнаго вліянія на неразумныя массы, нуждающіяся въ твердой власти, которая совершенно отсутствуетъ въ существующемъ крестьянскомъ самоуправленіи. Рядомъ съ всесословной волостью, комитетами выдвинутъ былъ вопросъ о необходимости скорѣйшаго введенія въ губерніи выборнаго земства въ полномъ объемѣ на началахъ положенія 1864 года.

При обсужденіи вопросовъ о переселеніи и отхожихъ промыслахъ комитетамъ пришлось коснуться выясненія вопроса объ экономическомъ положеніи мѣстнаго крестьянскаго населенія и въ нѣсколькихъ прочтенныхъ по этому поводу докладахъ отдѣльныхъ членовъ приведены были весьма интересныя и далеко не утѣшительныя въ этомъ отношніи данныя. Такъ, въ Винницкомъ комитетѣ констатирована была необходимость мѣръ къ «прекращенію дальнѣйшаго роста малоземелья въ уѣздѣ», въ ямпольскомъ—указано было на необезпеченность сельскохозяйственныхъ рабочихъ и на малоземелье крестьянъ, какъ на явленія, «особенно тягостно отражающіяся на состояніи крестьянскаго хозяйства, въ гайсинскомъ комитетѣ, съ чѣмъ согласился губернскій комитетъ, было признано, что главнымъ источникомъ средствъ существованія являются для крестьянъ сельскохозяйственные заработки въ крупныхъ экономіяхъ, а совсѣмъ не надѣльная земля, вслѣдствіе чего «большую часть населенія надо считать сельскимъ рабочимъ классомъ, а не исключительно хлѣбопашцами», при чемъ однимъ изъ докладчиковъ отмѣчено было также, что, при существующемъ малоземельи, крестьянинъ является у насъ рабочимъ, прикрѣпленнымъ къ данному району своимъ клочкомъ земли и «принужденнымъ за безцѣнокъ продавать свой трудъ, чѣмъ пользуются крупныя хозяйства, платя крестьянамъ нищенское вознагражденіе»—и т. д.

Любопытно, что губернскій комитетъ, обсуждавшій вопросъ уже при наличности всѣхъ данныхъ, имѣвшихся въ распоряженіи уѣздныхъ комитетовъ, пришелъ по вопросу о переселеніи къ такому заключенію, что такъ какъ губернія имѣетъ весьма плодородную почву, дающую населенію достаточное пропитаніе и такъ какъ то же населеніе находитъ обильные заработки на многочисленныхъ заводахъ, перерабатывающихъ сельскохозяйственные продукты (т. е. на сахарныхъ заводахъ), то и нѣтъ надобности въ поощреніи переселеній. По вопросу же объ отхожихъ заработкахъ губернскій комитетъ призналъ желательнымъ учрежденіе обязательной общегосударственной эмеритальной

кассы по германскому образцу, отмѣтивъ при этомъ, что всестороннее упорядоченіе рабочаго вопроса въ интересахъ обѣихъ сторонъ находится въ тѣснѣшей связи съ подъемомъ умственнаго развитія населенія путемъ широкаго школьнаго образованія.

По вопросу о разселеніи крестьянъ на хутора комитеты подольской губерніи единогласно высказались за разселеніе. Постановленія уѣздныхъ комитетовъ по этому вопросу получили наиболѣе полное выраженіе въ резолюціи губернскаго комитета, признавшаго переходъ крестьянъ къ хуторскому хозяйству «важнѣйшимъ вопросомъ, на разрѣшеніи котораго зиждется подъемъ сельскохозяйственной культуры и экономическаго благосостоянія, урегулированіе аграрныхъ отношеній и укрѣпленіе правового сознанія населенія». Въ виду этого комитетъ призналъ необходимымъ «поощрять хуторское разселеніе и коммассацію (уничтоженіе крестьянской чрезполосицы и выдѣлъ каждому двору земли въ одномъ отрубѣ)». Ради осуществленія этого разселенія комитетъ предложилъ, чтобы вопросъ объ общемъ разселеніи рѣшался не $^2/_3$ голосовъ крестьянъ, а простымъ большинствомъ для полученія же разрѣшенія на выдѣлъ отдѣльныхъ хозяевъ достаточно было желанія $^1/_4$ или $^1/_3$ части состава схода, но не иначе какъ при согласіи мѣстнаго владѣльца чрезполоснаго имѣнія,—и чтобы выселяющимся выдавались ссуды, съ нихъ слагались бы выкупные платежи и уменьшались страховыя преміи съ возведенныхъ ими хуторскихъ построекъ. Признано, кромѣ того, необходимымъ, чтобы крестьянскій банкъ выдавалъ ссуды на покупку земли только тѣмъ крестьянамъ, которые обязуются селиться хуторами.

По вопросу о правѣ выпаса крестьянскаго скота и на чрезполосныхъ земляхъ, находящихся въ общемъ—крестьянъ и помѣщиковъ—сѣвооборотѣ (особый видъ пастбищнаго сервитута), губернскій комитетъ высказалъ, что нѣтъ никакого основанія выдавать крестьянамъ вознагражденіе за этотъ сервитутъ въ случаѣ его принудительнаго уничтоженія, такъ какъ это право (выпасы) обоюдное; но имѣя въ виду мнѣнія комитета министровъ 1875 г., постановленія государственнаго совѣта 1886 г. и 1889 г. и особаго совѣщанія по сервитутному вопросу въ 1889 г. о необходимости выдачи этого вознагражденія, рѣшилъ «принять это къ руководству». При обсужденіи этого вопроса констатировано было, что названный видъ сервитута постепенно самъ собою исчезаетъ съ развитіемъ культуры края и, что есть надежда, что съ теченіемъ времени онъ пропадетъ безъ слѣда, такъ что данный вопросъ «разрѣшается естественнымъ путемъ безъ всякихъ

потрясеній, подчиняясь общему порядку культурнаго развитія страны» и безъ необходимости для помѣщиковъ выдавать крестьянамъ вознагражденіе за безслѣдно утрачиваемыя ими права. Поэтому комитетъ высказался противъ принудительнаго уничтоженія этого сервитута, при которомъ выдача такого вознагражденія была бы неизбѣжною и призналъ только желательнымъ изданіе закона о правѣ землевладѣльцевъ измѣнять по своему усмотрѣнію общій сѣвооборотъ, какъ стѣсняющій возможность улучшеній въ хозяйствѣ, чтобы тѣмъ самымъ содѣйствовать вящшему ускоренію уже совершающагося процесса исчезновенія этого сервитута.

Разсмотрѣвъ возбужденный нѣкоторыми уѣздными комитетами вопросъ о необходимости ограничить срокъ аренды крестьянскихъ земель въ видахъ охраны крестьянства отъ разоренія со стороны кулаковъ, для которыхъ право долгосрочной аренды крестьянскихъ надѣловъ является одною изъ формъ эксплуатаціи, губернскій комитетъ не призналъ желательнымъ вводить такое ограниченіе, мотивируя его тѣмъ, что для защиты крестьянъ отъ кулаковъ необходимы другія мѣры, а именно раціональная организація крестьянскаго кредита и вообще мѣры, непосредственно направленныя къ поднятію экономическаго благосостоянія населенія; но каковы должны быть мѣры этого рода, комитетъ не указалъ и вообще вопроса объ этихъ мѣрахъ не обсуждалъ.

Въ заключеніе необходимо отмѣтить еще одинъ вопросъ, привлекшій особое вниманіе многихъ уѣздныхъ и самого губернскаго комитета, это—вопросъ о народныхъ праздникахъ. Комитетами заслушано было нѣсколько докладовъ разныхъ лицъ (нѣсколькихъ помѣщиковъ и мировыхъ посредниковъ) относительно чрезмѣрнаго изобилія у народа праздниковъ, не установленныхъ закономъ и упадающихъ главнымъ образомъ на лѣтнее рабочее время, что ставитъ крупныя хозяйства въ тяжелое положеніе вслѣдствіе невозможности своевременно имѣть достаточное число рабочихъ. Нѣкоторыми докладчиками указано было при этомъ, что изобиліе такихъ излишнихъ праздниковъ находитъ поддержку у сельскаго духовенства, такъ какъ крестьяне, считая грѣхомъ работать въ такіе дни «на себя», охотно работаютъ даромъ на церковныхъ земляхъ. Въ виду всего этого комитеты высказались за необходимость строгаго и законодательнаго установленія дней, въ которые народъ можетъ не работать съ тѣмъ, чтобы и всѣ табельные отнесены были къ числу дней рабочихъ. Нельзя не отмѣтить по этому

случаю, что тѣ же комитеты подольской губ. высказались также и за «уравненіе правъ», т. е. за предоставленіе крестьянамъ тѣхъ же правъ, которыя имѣютъ другія сословія, что какъ будто стоитъ въ противорѣчіи съ ходатайствомъ о законодательномъ установленіи для крестьянъ числа рабочихъ дней. Впрочемъ, такое распоряженіе объясняется самымъ составомъ комитетовъ, большинство членовъ которыхъ принадлежало къ числу людей, сильно заинтересованныхъ въ данномъ вопросѣ.

—

По волынской губерніи. На первомъ же вопросѣ, подлежавшемъ обсужденію комитетовъ—на вопросѣ о распространеніи въ народѣ сельскохозяйственныхъ знаній и умѣній—и уѣздные, и губернскій комитетъ высказались за необходимость введенія всеобщаго обязательнаго обученія въ виду полной неподготовленности мѣстнаго населенія къ воспріятію даже элементарныхъ сельскохозяйственныхъ знаній: „сельскохозяйственныя знанія немыслимы—говорится въ постановленіи губернскаго комитета—и недѣйствительны безъ общаго развитія крестьянской массы, почему и первой заботой въ этомъ направленіи должно быть поднятіе общей культуры крестьянъ. Необходимо всеобщее обязательное обученіе, которое должно быть признано такимъ же государственнымъ дѣломъ первѣйшей важности, какъ и другія государственныя нужды и потребности, для которыхъ находятся и колоссальныя средства». По поводу средствъ на народное образованіе указано было, что нынѣ казна на всѣ школы всѣхъ вѣдомствъ тратитъ въ губерніи всего 150 т. руб., получая съ одной только продажи питей свыше $7^1/_2$ милліоновъ дохода. Коснувшись при этомъ вопроса о завѣдываніи дѣломъ народнаго образованія, «въ виду доказанной опытомъ несостоятельности церковно-приходскихъ школъ», комитетъ высказался за объединеніе всѣхъ народныхъ школъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Обсужденіе даннаго вопроса о поднятіи уровня умственнаго развитія народа привело комитеты также и къ мысли о необходимости введенія земства. Указавъ на эту необходимость при обсужденіи перваго же вопроса, подлежавшаго ихъ обсужденію, комитеты волынск. губ. возвращаются затѣмъ къ нему не разъ при обсужденіи то тѣхъ, то другихъ вопросовъ программы, каждый разъ указывая на необходимость введенія земства и въ концѣ концовъ, выдѣливъ этотъ вопросъ въ предметѣ особаго обсужденія

внѣ указанной программы, высказываются за введеніе земства въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало по положенію 1864 г.

Въ житомирскомъ губернскомъ комитетѣ возникъ кромѣ того и вопросъ объ уравненіи правъ крестьянъ съ другими сословіями, но возникъ онъ не изъ принципіальныхъ, а изъ чисто практическихъ соображеній такого рода. Члены комитета, обсуждая программный вопросъ объ охранѣ земельной собственности, высказали, что, по ихъ наблюденіямъ, склонность крестьянъ къ земельнымъ захватамъ все болѣе увеличивается, нанося иногда немалый ущербъ частному землевладѣнію. Указавъ при этомъ на то обстоятельство, что нарушенія земельныхъ владѣній значительно облегчаются чрезвычайной черезполосицею и неразверстанностью многихъ имѣній, вслѣдствіе чего является настоятельная необходимость въ производствѣ обязательнаго разверстанія имѣній, они высказали, что главная причина захватовъ заключается «въ неуваженіи крестьянина къ правамъ другого». Поэтому, въ устраненіи даннаго явленія, «прежде всего нужны общія мѣры для поднятія личности селянина, такъ какъ отсутствіе у крестьянина всѣхъ правъ свободной личности» и составляетъ «главную причину того, почему нашъ крестьянинъ не можетъ относиться съ уваженіемъ къ правамъ другого».

Но не остановившись на одномъ этомъ, комитетъ указалъ еще на необходимость «точной законодательной регламентаціи имущественныхъ отношеній крестьянъ и подчиненія ихъ общимъ гражданскимъ законамъ», а въ видахъ этого предложилъ «упразднить въ крестьянскомъ быту въ отношеніи судебныхъ дѣлъ примѣненіе обычнаго права, являющагося нынѣ анахронизмомъ и уничтоживъ волостной судъ подчинить крестьянъ общимъ гражданскимъ законамъ» и сверхъ того предоставить крестьянамъ право личной, а не семейной собственности на землю.

Интересно, что тотъ же мотивъ, т. е. стремленіе къ охранѣ земельной собственности, на почвѣ котораго «помѣстными землевладѣльцами ведется съ крестьянами крупная экономическая борьба за потравы, порубки и прочія правонарушенія», послужилъ для всѣхъ уѣздныхъ комитетовъ волынской губерніи, а также и для комитета губернскаго главнымъ основаніемъ къ тому, чтобы высказаться за скорѣйшій переходъ крестьянъ къ хуторскому хозяйству (такъ какъ съ этимъ переходомъ захваты крестьянами помѣщичьихъ земель должны значительно сократиться).

При разсмотрѣніи вопроса объ упорядоченіи сельскохозяйственныхъ отхожихъ промысловъ членами комитетовъ, по преимуществу состоявшихъ изъ мѣстныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, было высказано почти единодушное мнѣніе, что при многоземельности губернія не даетъ излишка въ рабочихъ, нуждающихся въ отхожихъ промыслахъ, и этотъ вопросъ наиболѣе интересуетъ ее, наоборотъ, въ смыслѣ привлеченія большого количества рукъ извнѣ, такъ какъ существующія въ губерніи свекловичныя, кортофельныя и хмѣлевыя плантаціи, нуждающіяся въ срочной и массовой обработкѣ, не могутъ довольствоваться мѣстными рабочими». На самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ такъ. Совершенно вѣрно, конечно, что въ періоды спѣшныхъ работъ болѣе или менѣе крупныя плантаціи нуждаются въ настолько значительномъ контингентѣ рабочихъ, что, не ограничиваясь крестьянами ближайшихъ деревень, имъ приходится производить наемку со стороны. Но въ то же время «нельзя не имѣть въ виду, что «многоземелье» крестьянъ волынской губерніи, т. е. сравнительно болѣе крупная величина нарѣзанныхъ имъ надѣловъ, обусловлена плохимъ качествомъ и слабой производительностью ихъ земель (болота и пески Полѣсья и мѣстности прилегающей къ нему), что вызываетъ, напр., широкое развитіе такихъ промысловъ, какъ рубка и сплавъ лѣса, смолокуреніе и т. п., значеніе которыхъ все болѣе падаетъ съ сокращеніемъ площади лѣсовъ, заставляя крестьянъ искать себѣ какихъ-нибудь новыхъ заработковъ.

Обсуждая данный вопросъ въ подробностяхъ, губернскій комитетъ остановился, между прочимъ, на ходатайствѣ нѣкоторыхъ изъ уѣздныхъ комитетовъ «объ оставленіи и на будущее время вольныхъ работъ войскъ» въ имѣніяхъ. Чрезвычайно интересно отмѣтить, что такія работы войскъ «вопросъ щекотливый, такъ какъ, преслѣдуя выгоды помѣщиковъ, онѣ нарушаютъ интересы крестьянъ въ смыслѣ пониженія рабочей платы, низкій уровень которой, и незначительные будто бы земельные надѣлы, въ связи съ обостренными часто взаимными отношеніями крестьянъ и помѣщиковъ и служатъ причиною трудности найма крестьянъ и вызова пришлыхъ рабочихъ со стороны». Однако, возраженіе это не было принято во вниманіе и большинство комитета высказалось не только за «упорядоченіе» даннаго вопроса— главнымъ образомъ съ точки зрѣнія облегченія, удешевленія и ускоренія передвиженія сельскохозяйственныхъ рабочихъ по желѣзнымъ

дорогамъ, но и «за сохраненіе на будущее время вольныхъ работъ войскъ».

Наибольшій интересъ среди членовъ и уѣздныхъ и губернскаго комитетовъ возбудилъ вопросъ о необходимости уничтоженія пастбищныхъ сервитутовъ, т. е. права крестьянъ пасти скотъ въ лѣсахъ помѣщика и права пасти его на «толокѣ» (парахъ и пожнивьѣ въ поляхъ общаго—помѣщика и крестьянъ—сѣвооборота). При значительной чрезполосицѣ земельныхъ владѣній въ губерніи и значительномъ же поэтому развитіи сервитутныхъ отношеній вопросъ объ уничтоженіи сервитутовъ имѣетъ здѣсь дѣйствительно весьма важное значеніе, какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ. Наличность «права толоки» стѣсняетъ помѣщиковъ въ установленіи новыхъ сѣвооборотовъ «на чрезполосныхъ земляхъ общаго сѣвооборота», слѣдовательно, препятствуетъ улучшенію хозяйства. Право пастьбы по лѣсу стѣсняетъ помѣщиковъ въ пользованіи послѣднимъ, а волынская губернія и отличается изобиліемъ лѣсныхъ пространствъ отъ остальныхъ губерній юго-западнаго края. Съ другой стороны, уничтоженіе этихъ сервитутовъ увеличитъ весьма значительно доходность помѣщичьихъ имѣній именно тѣмъ, что лишенные выпасовъ крестьяне вынуждены будутъ нанимать ихъ за дорогую цѣну. Но именно, въ виду важности пастбищныхъ сервитутовъ для крестьянъ, послѣдніе всецѣло за сохраненіе послѣднихъ и обыкновенно не идутъ въ этомъ отношеніи ни на какія соглашенія съ помѣщиками. Для волынскихъ крестьянъ пастбищные сервитуты имѣютъ тѣмъ больше значеніе, сравнительно съ крестьянами другихъ губерній края, что благодаря меньшей производительности земли и большей обширности надѣловъ у нихъ значительно болѣе развито скотоводство. При этомъ сѣверные уѣзды губерніи отличаются большимъ развитіемъ чрезполосицы, большимъ развитіемъ скотоводства у крестьянъ и большею распространенностью сервитутовъ, въ особенности лѣсныхъ, чѣмъ южные, болѣе въ этомъ отношеніи сходные съ подольской и большею частью кіевской губерніи, гдѣ наиболѣе развитъ сервитутъ, заключающійся въ правѣ общей толоки. Соотвѣтственно этой разницѣ мѣстныхъ условій опредѣлилась и разница въ мнѣніяхъ комитетовъ. Меньшинство (главнымъ образомъ острожскій комитетъ, принадлежащій къ южнымъ уѣздамъ), признало возможнымъ не настаивать на введеніи обязательнаго разверстанія земель съ уничтоженіемъ сервитутовъ, а предоставить рѣшеніе вопроса добровольнымъ соглашеніямъ сторонъ, но съ тѣмъ, чтобы изданъ былъ

законъ, предоставляющій помѣщикамъ право «свободно распоряжаться сѣвооборотомъ», т. е. измѣнять его по своему усмотрѣнію даже и такъ, что для крестьянъ устранится всякая возможность осуществить свое право выпаса на чрезполосныхъ земляхъ, которыя такимъ образомъ перестанутъ уже стоять и въ общемъ съ крестьянами сѣвооборотѣ. Также рѣшеніе вопроса имѣло еще ту несомнѣнную выгоду для помѣщиковъ, что съ замѣчаемымъ нынѣ постепеннымъ фактическимъ исчезновеніемъ сервитутовъ, устраняло для нихъ непріятную и даже тяжелую необходимость вознаградить крестьянъ за теряемые сервитуты, что было бы неизбѣжно при введеніи принудительнаго разверстанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ введеніе проектируемаго закона только облегчило бы и ускорило уже происходящій на нашихъ глазахъ процессъ исчезновенія сервитутовъ.

Но большинство комитетовъ губерніи (главнымъ образомъ комитеты сѣверныхъ уѣздовъ) и въ томъ числѣ комитетъ губернскій, высказалось за разверстаніе принудительное и за желательность его скорѣйшаго осуществленія, такъ какъ, при полной противоположности интересовъ входящихъ въ это дѣло сторонъ, на рѣшеніе его путемъ добровольныхъ разверстаній нѣтъ никакой надежды, а между тѣмъ въ скорѣйшемъ уничтоженіи сервитутовъ для помѣщичьихъ имѣній ощущается настоятельная надобность. Но, высказавшись всецѣло за скорѣйшее обязательное разверстаніе, комитетъ предусмотрительно умолчалъ о вознагражденіи за нихъ со стороны помѣщиковъ.

На случай же, если скорѣйшее введеніе обязательнаго разверстанія будетъ почему либо признано неосуществимымъ, большинство предложило, чтобы дѣла о добровольныхъ разверстаніяхъ крестьянъ съ помѣщиками рѣшались на сельскихъ сходахъ не двумя третями крестьянскихъ голосовъ, а простымъ большинствомъ, и чтобы законъ предоставилъ помѣщикамъ право измѣнять общій съ крестьянами сѣвооборотъ безъ ихъ согласія по собственному усмотрѣнію, какъ это предложилъ острожскій комитетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду того, что въ сенатской практикѣ по сервитутнымъ дѣламъ есть нѣсколько рѣшеній, изъ которыхъ одни толкуютъ сервитутный вопросъ въ ограничительномъ, а другіе разъясняютъ его въ распространительномъ для крестьянъ порядкѣ, рѣшено ходатайствовать «объ изданіи закона, чтобы судебныя установленія, при возбужденіи исковъ объ убыткахъ, не дѣлали распространительнаго толкованія сервитутныхъ правъ».

Такимъ образомъ исключительный составъ нашихъ комитетовъ далеко не гарантировалъ справедливаго рѣшенія вопросовъ и по большинству наиболѣе серіозныхъ изъ нихъ далъ лишь возможность представителямъ крупнаго заводо- и землевладѣнія, подъ видомъ радѣнія сельскаго хозяйства въ губерніи, постоять за свои интересы.

Комитеты высказались также за желательность введенія всесословной волости, мотивируя это главнымъ образомъ особенностью крестьянскаго міра и управленія, увеличивающею существующую рознь интересовъ и отсутствіемъ въ нынѣшней волости разумной и твердой руководящей власти.

Л. С. Л.

Преобразованіе кіевскаго центральнаго архива. Состоящій при университетѣ св. Владиміра центральный архивъ для древнихъ актовъ 3-хъ губ. ю.-зап. края—кіевской, подольской и волынской—съ января настоящаго 1903 г. получилъ новую организацію, въ которой давно уже ощущалась настоятельная потребность. Вводимые новые штаты значительно увеличиваютъ служебный персоналъ архива; этимъ дается возможность болѣе плодотворной работы надъ изслѣдованіемъ цѣннаго архивнаго матеріала.

Архивъ учрежденъ 2-го апр. 1852 г. одновременно съ Виленскимъ и Витебскимъ (для губ. сѣв.-зап. края). Въ эти архивы повелѣно было сосредоточить всѣ древнія актовыя книги различныхъ присутственныхъ мѣстъ до 1799 г. включительно. Кіевск. центр. архивъ явился и учебно-вспомогательнымъ учрежденіемъ при университетѣ, въ зданіи котораго и былъ помѣщенъ. Библіотекарь университета получилъ и завѣдываніе архивомъ; учреждены были должности: одного штатнаго помощника завѣдующаго, двухъ помощниковъ по вольному найму и одного штатнаго писаря. При такомъ бѣдномъ штатѣ скорое изданіе описей архива, конечно, было невозможно. Въ архивѣ находится 6.000 актовыхъ книгъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ болѣе 1000 документовъ. Кромѣ книгъ, хранится около 500.000 актовъ и разныхъ документовъ въ связкахъ, около 100.000 дѣлъ и др. документовъ. Въ общемъ въ архивѣ имѣется около 4.000.000 документовъ—XVI, XVII, XVIII и отч. XIX в.в. По языку большинство документовъ—польскіе, затѣмъ слѣдуютъ документы на латинскомъ, русскомъ, французскомъ, греческомъ, еврейскомъ языкахъ. Весь этотъ матеріалъ весьма цѣненъ для исторіи ю.-з.

края. Изученіемъ его занимались многіе выдающіеся ученые, написавшіе впослѣдствіи изслѣдованія на основаніи изученныхъ актовъ. Труды такихъ крупныхъ ученыхъ, какъ проф. В. Б. Антоновичъ, М. Ф. Владимірскій-Будановъ, И. М. Каманинъ--написаны главнымъ образомъ на основаніи матеріаловъ, хранящихся въ кіевскомъ архивѣ.

Годовое собраніе общества имени Т. Г. Шевченка. 23 февраля, подъ предсѣдательствомъ Д. И. Эварницкаго, состоялось годовое собраніе общества имени Т. Г. Шевченка для вспомоществованія нуждающимся уроженцамъ южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга. Какъ видно изъ прочтеннаго на собраніи отчета общества за 1902 годъ, въ общество вступило вновь 131 членъ; всего въ настоящее время въ обществѣ состоитъ 410 членовъ. Сумма прихода за годъ является 4,862 руб., расходъ равнялся 4,047 руб. Неприкосновенный капиталъ общества составилъ къ 1 января 1903 года 2,176 руб. На пособіе было выдано въ теченіе года 3,864 руб., наименьшій размѣръ единовременнаго пособія былъ въ 20 руб., а наибольшій—въ 100. Большинство лицъ, получившихъ стипендіи—слушательницы женскаго медицинскаго института и студенты технологическаго института и университета. Самое большее число пособій пришлось на уроженцевъ полтавской и черниговской губерній. Отказано въ пособіяхъ было въ теченіе года 15 лицамъ.

Желая установить рессурсы общества на болѣе твердыхъ основаніяхъ, правленіе обратилось за помощью къ общественнымъ учрежденіямъ южной Россіи и съ печатными обращеніями во всѣ городскія управы, а также земскія управы, губернскія и уѣздныя, но получило неутѣшительные результаты, такъ какъ только семь учрежденій отозвалось на нужды общества.

Индифферентное отношеніе нѣкоторыхъ общественныхъ учрежденій южной Россіи, тѣмъ болѣе неутѣшительно, что общество имени Т. Г. Шевченка удовлетворяетъ пособіями учащихся изъ южной Россіи всѣхъ ея предѣловъ.

Въ виду этого правленіе пришло къ заключенію, что наиболѣе вѣрнымъ источникомъ пріобрѣтенія благотворительныхъ средствъ должны быть признаны членскіе взносы. Съ ростомъ личнаго состава общества будутъ возрастать и постоянныя его средства, и обезпечиваться будущее.

Затѣмъ правленіемъ была высказана весьма симпатичныя идея, а именно: чтобы выдавать въ исключительныхъ случаяхъ лицамъ не ссуды, а пособія (безъ возврата). Собраніе единогласно присоединилось къ мнѣнію правленія. Далѣе, на ежегодныя панихиды по Т. Г. Шевченку рѣшено ассигновать сумму изъ средствъ общества, а не производить ежегоднаго сбора.

Къ изученію кобзарнаго искусства. 7 марта, въ 8 ч. вечера, *въ засѣданіи Екатеринодарскаго общества любителей изученія Кубанской области* кобзаремъ Михаиломъ Кравченкомъ было исполнено нѣсколько малороссійскихъ пьесъ, а также г. Петлюрой былъ прочитанъ докладъ «Кобзари, ихъ положеніе и значеніе». Докладчикъ въ своемъ обстоятельномъ и интересно написанномъ рефератѣ нарисовалъ слушателямъ исторію развитія «кобзарничества» и современнаго его состоянія.

Причину упадка «кобзарнаго искусства» онъ видитъ, главнымъ образомъ, въ притѣсненіяхъ, чинимыхъ кобзарямъ полиціей, которая относится къ нимъ чрезвычайно строго. Въ заключеніе доклада авторъ его высказалъ пожеланіе, чтобы общество любителей изученія Кубанской области взяло на себя иниціативу собиранія думъ и сказаній, такъ или иначе относящихся къ прошлому Малороссіи и ея исторіи, еще можетъ быть сохранившихся въ Кубанской области, которая населена потомками бывшихъ запорожцевъ, что нашло сочувственное отношеніе среди членовъ общества.

Изъ числа исполненныхъ Михаломъ Кравченкомъ пьесъ особенно удачной по исполненію и содержанію была дума «Про Морозенка». («Кубанскія Обл. Вѣд.», № 55).

Удовлетворенное и отклоненное ходатайства. Предсѣдательница императорскаго московскаго археологическаго общества, графиня П. С. Уварова, сообщила Полтавской губернской земской управѣ копію полученнаго ею отношенія министра внутреннихъ дѣлъ, по поводу возбужденныхъ ею ходатайствъ объ оказаніи покровительства кобзарямъ и лирникамъ и объ утвержденіи устава общества любителей изученія полтавской губ. По отношенію къ первому изъ этихъ ходатайствъ г. министръ, признавая значеніе лирниковъ и кобзарей для русской литературы, изъявляетъ готовность итти на встрѣчу пожела-

нію, выраженному XII археологическимъ съѣздомъ, и сдѣлать распоряженіе объ оказаніи имъ возможной поддержки, для чего проситъ доставить данныя относительно этихъ лицъ и обычнаго раіона ихъ передвиженія. Что же касается ходатайства о скорѣйшемъ утвержденіи устава общества любителей изученія полтавской губ., то г. министръ сообщилъ, что бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Горемыкинымъ, ходатайство объ этомъ отклонено въ 1899 г. и что основаній къ пересмотру этого распоряженія не имѣется, тѣмъ болѣе, что на очередь выдвинутъ вопросъ объ открытіи въ Полтавѣ губернской ученой архивной коммиссіи, разрѣшенію которой будутъ подлежать большинство задачъ, намѣченныхъ уставомъ общества любителей изученія полтавской губерніи. («Полтавскій Вѣстникъ», № 80).

Лѣкарственныя растенія въ лубенскомъ уѣздѣ. Въ лубенскомъ уѣздѣ съ давнихъ поръ водятся лѣкарственныя растенія. Петръ I устроилъ тамъ казенную аптеку для собиранія и разведенія лѣкарственныхъ травъ. Съ теченіемъ времени все это уничтожилось. Но и нынѣшніе случайные и жалкіе сборы травы составляютъ предметъ значительной торговли въ Лубнахъ. Травы эти большими партіями отправляются заграницу, оттуда же возвращаются въ наши аптеки, въ видѣ дорогихъ эѳирныхъ маслъ и экстрактовъ.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ было прислано въ Лубны для культивировки изъ Министерства нѣсколько образцовъ знаменитой англійской мяты, дающей мятное масло. Мѣстный помѣщикъ-любитель М. И. Исаевичъ раздобылъ нѣсколько корешковъ этой травы, развелъ ее у себя около десятины и началъ добывать изъ нея мятное масло, которое ничѣмъ не уступаетъ знаменитому англійскому митгамскому маслу. Интереснѣе всего, что, по нѣкоторымъ археологическимъ даннымъ [1])—англійская мята, несомнѣнно, произрастала когда-то въ Лубнахъ во времена гетманщины, и тутъ же добывалось мятное масло. Послѣ полтавской битвы, когда палъ Мазепа, зять его Войнаровскій, убѣгая въ Лондонъ, захватилъ, между прочимъ, съ собой и образчики тогда энциклопедически цѣлительной травки мяты. Въ Англіи эту траву культивировали и превратили въ драгоцѣнное эѳир-

---

[1]) Смотр. Очерки лубенской старины К. Бочкарева.

ное масло. А у насъ растеніе, предоставленное самому себѣ, постепенно вырождалось и превратилось почти въ сорную траву.

Понадобилось три столѣтія, чтобы это полезное растеніе подъ англійскимъ клеймомъ вновь водворилось на своей прежней почвѣ.

Что станется съ травкой—неизвѣстно. Можетъ понадобиться еще триста лѣтъ, чтобы она вновь попала въ отечество подъ иностраннымъ флагомъ («Южный Край», № 7651).

Предполагаемый даръ г. Кіева С.-Петербургу. Между кіевскою городской управой и ювелирно-гравернымъ ателье Л. В. Шифрина ведутся переговоры объ изготовленіи художественно-исторической группы, которую предполагается поднести отъ Кіева г. С.-Петербургу въ день его 200-лѣтняго юбилея. По идеѣ Л. В. Шифрина, группа эта изъ 4 фигуръ и барельефовъ должна будетъ связать въ себѣ важнѣйшія историческія событія постепеннаго перемѣщенія древнѣйшей столицы государства россійскаго изъ Кіева въ С.-Петербургъ, указывая, такимъ образомъ, на тѣсную связь между этими городами. («С.-Петербургскія Вѣдомости», № 47).

Симпатичное пожеланіе. «Полтавскій Вѣстникъ» (№ 80) высказываетъ заслуживающее горячей поддержки пожеланіе, чтобы Полтавское городское общественное управленіе пригласило Н. В. Лисенка на торжество открытія памятника И. П. Котляревскому, и вошло въ соглашеніе съ мѣстнымъ отдѣленіемъ музыкальнаго Общества, дабы кантата «Бьють пороги» и «Слава нашымъ козаченькамъ» были исполнены подъ управленіемъ композитора Н. В. Лисенка, въ память заслугъ его народной музыкѣ, въ виду истекающаго осенью этого года 35-лѣтія дѣятельности его на поприщѣ народнаго композитора.

Лекціи по исторіи Украины въ Парижѣ. Свободный Русскій Университетъ въ Парижѣ прислалъ приглашеніе профессору украинской исторіи во Львовѣ Михаилу Грушевскому прочесть рядъ лекцій по исторіи Украины. («Літерат.-Науковий Вістник», кн. 3).

Интересная лекція. Марія Конопницкая въ первыхъ числахъ марта прочтетъ во Львовѣ двѣ публичныя лекціи, посвященныя памяти знаменитаго польскаго поэта „украинской школы" Богдана Залѣскаго. («Волынь», 46).

Лекціи изъ украинской исторіи въ г. Полтавѣ. Въ непродолжительномъ времени, профессоромъ Московскаго университета Д. И. Эварницкимъ будутъ прочитаны въ г. Полтавѣ двѣ лекціи: 1) На тему по запорожскимъ урочищамъ, 2)—Гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный. („Полтавскій Вѣстникъ", № 79).

Премія за новыя малорусскія пьесы. Артисты украинскаго театра гг. Карпенко-Карый, Садовскій и Саксаганскій обращаются къ украинскимъ драматургамъ съ просьбой доставлять имъ новыя, еще не появлявшіяся на сценѣ, но дозволенныя къ представленію пьесы. За каждую изъ представленныхъ пьесъ, удовлетворяющую литературнымъ и сценическимъ требованіямъ и признанную годной къ постановкѣ лицами, объявляющими преміи, выдается при первомъ представленіи, сверхъ обыкновенной поспектакльной платы, премія въ 150 руб. Необходимыми условіями для присужденія преміи признаны слѣдующія: а) пьеса должна быть написана на украинскомъ языкѣ, б) имѣть не менѣе 4-хъ актовъ и в) разрабатывать содержаніе, взятое изъ современной жизни. Каждая удостоенная преміи пьеса предоставляется въ собственность и распоряженіе гг. Садовскаго и Саксаганскаго на одинъ годъ.

Рефератъ о Галичинѣ. 3 марта въ собраніи церковно-историческаго и археологическаго общества при Кіевск. духовн. академіи былъ предложенъ рефератъ о современномъ состояніи Галицкой Руси проф. академіи, священника Ѳ. И. Титова, по личнымъ его наблюденіямъ во время 4-мѣсячнаго пребыванія его во Львовѣ, Краковѣ и др. городахъ Галичины. Въ рефератѣ были, между прочимъ, отмѣчены цѣнныя архивныя сокровища въ городахъ Галичины (Львовѣ, Перемышлѣ, Станиславовѣ, Краковѣ), обиліе историческихъ памятниковъ и изображено современное состояніе галицко-руской уніатской церкви и народа.

Портретъ работы Т. Г. Шевченка. Недалеко отъ Седнева было мѣстечко Бѣгачъ, гдѣ жило семейство князя Кекуатова, у котораго Шевченко писалъ въ 1847 г. портретъ красавицы-жены князя. Писанъ портретъ вѣроятно въ февралѣ—мартѣ 1847 г.

Портретъ этотъ находится на выставкѣ кіевскаго музея, выставленъ г. Шлейферомъ, къ коллекціи картинъ котораго принадлежитъ.

Рисунки могилы Т. Г. Шевченка. На весенней выставкѣ картинъ въ Академіи художествъ находится интересное и хорошо исполненное произведеніе В. К. Развадовскаго „Могила Т. Г. Шевченка". («Биржевыя вѣдомости»).

Украинскій театръ въ селѣ. Въ м. Ковалевкѣ, полт. г., по иниціативѣ мѣстнаго помощника учителя основанъ кружокъ любителей драматическаго искусства изъ мѣстныхъ жителей, преимущественно селянъ; пока поставлено было двѣ пьесы. Для перваго раза было поставлено „Сватання на Гончаривци". Хотя эта пьеса особеннаго успѣха въ смыслѣ денежномъ и не имѣла (сборъ былъ около 45 руб.), но за то была встрѣчена очень сочувственно и вызвала горячія симпатіи къ родному искусству. Когда для второго спектакля была поставлена «Бондаривна», то она прошла съ необыкновеннымъ успѣхомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Сборъ былъ около 105 руб. Сумма для села очень солидная! Всѣ посѣтители остались весьма довольны спектаклями и съ нетерпѣніемъ ждутъ постановки новыхъ пьесъ.

Нельзя не пожалѣть, что у названнаго кружа крайне ограниченный запасъ пьесъ и что онъ стоитъ внѣ всякой связи съ подобными себѣ кружками въ другихъ мѣстахъ, не имѣя съ ними никакихъ сношеній. Сношенія эти были-бы полезны во-первыхъ потому, что можно было-бы мѣняться книгами пьесъ, а во-вторыхъ—наиболѣе способные любители могли гастролировать изъ одного мѣста въ другое и тѣмъ увеличивать интересъ къ родному искусству.

Фондъ для изданія обще-полезныхъ и дешевыхъ книгъ на малорус. языкѣ. Въ память сорокалѣтія со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости служащими въ Полтавскомъ губернскомъ земствѣ собранъ былъ капиталъ въ 335 рублей, который

предположено было употребить на просвѣтительныя цѣли, предоставивъ его въ распоряженіе Благотворительнаго «Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» на извѣстныхъ условіяхъ. Въ настоящее время отъ правленія этого общества, предсѣдателемъ котораго состоитъ извѣстный писатель Д. Мордовцевъ, получено извѣщеніе о присоединеніи капитала къ средствамъ общества и о принятіи имъ условій пользованія капиталомъ. Условія эти таковы: 1) деньги 335 р. составятъ особый фондъ для изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ на малорусскомъ языкѣ, по мѣрѣ расходованія пополняемый доходами отъ продажи изданій; 2) фондъ этотъ будетъ носить наименованіе «капитала, собраннаго служащими въ Полтавской губернской земской управѣ въ память сорокалѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости»; 3) на книжкахъ, издаваемыхъ на средства фонда, печатается его названіе и 4) въ случаѣ изданія книгъ по сельскому хозяйству, содержаніе ихъ должно быть приноровлено къ хозяйственнымъ условіямъ полтавской губ. и ея быту. Сообщая о принятіи этихъ условій Правленіе общества выражаетъ свою искреннюю признательность за предоставленіе этого капитала въ распоряженіе Общества.

Шевченковскій вечеръ въ Петербургѣ. 27-го февраля петербургскіе малороссы праздновали память своего родного поэта Т. Г. Шевченка. Красивый залъ «Новаго театра» г-жи Яворской былъ буквально переполненъ собравшейся публикой. Съ лѣвой стороны сцены на возвышеніи былъ поставленъ бюстъ покойнаго поэта, очень красиво задрапированный малорусскими «кылымами» и тропическими растеніями. Вѣнки украшали подножіе бюста, а надъ головой его возвышалась громадная цвѣточная лира. Поэтъ съ опущенной головой, казалось, прислушивался къ звукамъ родной рѣчи, внезапно огласившей большое помѣщеніе театра. Вечеръ начался рѣчью маститаго писателя Д. Л. Мордовцева. «Старый, сывый дидъ», подъ руки взведенный на сцену, трижды поклонился бюсту Тараса.—«Шановна громадо»! пронеслось по залу, и все сразу смолкло. Говорилъ старый ветеранъ, много видѣвшій и испытавшій на долгомъ пути своей рабочей жизни, и чутко внимала ему горячая молодость, и сосредоточенно молчала богатая воспоминаніями старость. Рѣчь его, печально начатая воспоминаньями прошлаго, постепенно, чѣмъ ближе ораторъ подходилъ къ нашему времени, становилась радостнѣе, и слова его, полныя надеждъ

и вѣры въ будущее, глубоко западали въ душу притаившихъ дыханіе слушателей. Не зачѣмъ плакать по исчезнушей козаччинѣ, говорилъ Д. Л.; она исчезла безвозвратно, но «стара маты»—Украйна живетъ. У нея есть еще дѣти, ея внуки, а у тѣхъ дѣтей и внуковъ—свои дѣти и внуки. «Я слипый, я ихъ не бачу», жаловался дидъ: «але я серцемъ чую, що воны ось тутъ»,—и дрожащей рукою онъ указывалъ на внимавшую ему залу. Перенесшись затѣмъ мыслью на далекую родину и указавши на Амуръ, Уссури и далекую Америку, гдѣ теперь тоже «лунае наша мова и письня», ораторъ перешелъ къ петербургскому обществу имени Т. Г. Шевченка, раздавшему въ минувшемъ году около 4000 рубл. нуждающимся студентамъ—малороссамъ.

Свою рѣчь «дидъ Мордовецъ» закончилъ «славой» Т. Г. Шевченку. Занавѣсъ опустился при долгихъ и шумныхъ апплодисментахъ. Когда онъ опять поднялся, зрителямъ представился цѣлый цвѣтникъ—смѣшанный хоръ, одѣтый въ малорусскіе народные костюмы. Дирижеръ, г. Томашевскій, взмахнулъ своей палочкой и залъ наполнился чудными звуками финальнаго хора изъ оп. «Чорноморци»—«Слава нашымъ козаченькамъ».

Было бы излишне перечислять всѣ номера удачно составленной программы. Ихъ всего предполагалось 15, но можно съ увѣренностью сказать, что исполнено было, по меньшей мѣрѣ, втрое больше. Публика, жадно внимавшая роднымъ звукамъ, послѣ каждаго номера приходила въ экстазъ, требуя повторенія, и ея желанья удовлетворялись. Изъ пѣсенъ, исполненныхъ хоромъ,—пѣвшимъ, надо сказать, очень стройно и воодушевленно, особенно понравились публикѣ граціозно-шутливыя «Кучерява Катерына» и «На бережку у ставка», а также начальный хоръ изъ оп. «Утоплена» Н. В. Лисенка «Туманъ хвылямы лягае». Мечтательная мелодія послѣдняго, полная невыразимой поэтической прелести лѣтняго малороссійскаго вечера, придала меланхолическій оттѣнокъ настроенію публики. Но задорные, блещущіе молодостью и весельемъ звуки «Добрый вечиръ, дивчаточка», быстро прогнали тѣнь грусти съ лицъ слушающихъ.

Изъ отдѣльныхъ исполнителей восторженнѣе другихъ были приняты г-жа Слатина, съ большимъ чувствомъ спѣвшая «Садокъ вышневый коло хаты» Н. Лисенка и на bis «Тамъ за тыхымъ за Дунаемъ» изъ оп. «Запорожецъ за Дунаемъ». Съ большимъ успѣхомъ выступила и г-жа Зарницкая, участвующая въ труппѣ г. Суслова, находящейся теперь въ Петербургѣ. Спѣтыя ею «Витре буйный», «Гандзя» и «Ой

гопъ гопака, полюбыла козака» привели публику въ полный восторгъ. Не менѣе горячо принимали и г-жу Орель, блеснувшую своимъ колоратурнымъ сопрано въ «Ой, у саду на вышенци соловейко щебетавъ» и затѣмъ съ замѣчательнымъ выраженіемъ спѣвшую извѣстную пѣсню: «Ой, казала мени маты». Много апплодисментовъ вызвалъ и г. Манько своей декламаціей.

Но гвоздемъ вечера былъ поставленный въ заключеніе 3-й актъ изъ драмы Кропивницкаго «Невольныкъ». Роль Ярыны была исполнена М. К. Заньковецкою. Вѣчно юный, могучій талантъ артистки сдѣлалъ чудо: въ нѣсколько минутъ онъ заставилъ развеселившуюся публику забыть все и пережить всю драму, происходящую въ душѣ бѣдной Ярыны. У многихъ на глазахъ, только что блестѣвшихъ весельемъ и смѣхомъ, теперь блестѣли слёзы. Послѣ литературно-музыкальной части вечера начались танцы. («Полтавскій Вѣстникъ»», № 73).

Въ 42-ую годовщину смерти Т. Г. Шевченка были отслужены панихиды: 3-го марта въ Кіевскомъ Софійскомъ каѳедральномъ соборѣ, 26-го февраля въ С.-Петербургскомъ Казанскомъ соборѣ и въ г. Черниговѣ—при большомъ стеченіи почитателей поэта.

Литературно-музыкальные вечера въ память Т. Гр. Шевченка состоялись: *въ Кіевѣ*—27-го февраля въ Народной аудиторіи, и 26 марта въ залѣ купеческаго собранія; *въ С-Петербургѣ*—27 февраля въ новомъ театрѣ, 16-го марта—въ аудиторіи народныхъ чтеній.

Чествованіе памяти Т. Г. Шевченка въ Краковѣ. Краковская украинская интеллигенція торжественно чествовала годовщину смерти Тараса Шевченка. Въ чествованіи этомъ приняли также участіе и представители мѣстной польской интеллигенціи. («Волынь», № 60).

Юбилей В. Г. Короленка. 15 іюля н. года исполнится 50 лѣтъ со дня рожденія Влад. Галакт. Короленка. Въ думу г. Житомира—родины писателя—внесено предложеніе о чествованіи этого дня, между прочимъ, открытіемъ школы им. В. Г. Короленка и народными чтеніями.

Юбилей академика А. Н. Пыпина. Лѣтомъ истекаетъ 50 лѣтъ научной и литературной дѣятельности академика А. Н. Пыпина. Среди почитателей таланта историка русской литературы возникла мысль отмѣтить этотъ день жизни писателя. 25 марта въ день 70-лѣтней годовщины жизни А. Н. Пыпина, академія наукъ чествовала своего сочлена. («Русскія Вѣдом.», № 66).

Юбилей П. П. Пелехина. Бывшій ординарный профессоръ Императорской военно-медицинской академіи, нынѣ вице-предсѣдатель «благотворительнаго общества изданія полезныхъ и дешевыхъ книгъ», докторъ медицины и хирургіи, тайн. сов. П. П Пелехинъ закончилъ 10-го марта сорокалѣтіе своей врачебной и учебно-литературной дѣятельности. Профессоръ-юбиляръ состоитъ въ числѣ учредителей общества имени Т. Г. Шевченка въ С.-Петербургѣ. («С.-Петербургскія Вѣд.», № 62).

Юбилей проф. В. С. Иконникова. Главный редакторъ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій» и членъ-корресподентъ Императорской академіи наукъ по 3-му отдѣленію ея, заслуженный ординарный профессоръ кіевскаго университета, докторъ русской исторіи В. С. Иконниковъ закончилъ 23-го февраля тридцатипятилѣтіе своей профессорской службы въ кіевскомъ университетѣ, что совпадаетъ съ сорокалѣтіемъ его учено-литературной дѣятельности вообще. Въ наукѣ В. С. навсегда увѣковѣчилъ свое имя извѣстнымъ трудомъ «Очерки русской исторіографіи», въ двухъ томахъ, болѣе $2^1/_2$ тысячъ страницъ; третій томъ «Очерковъ» уже составленъ профессоромъ и вскорѣ появится въ свѣтъ.

Къ юбилею Н. В. Лисенка. Въ нашу редакцію присланы отъ нѣкоторыхъ лицъ деньги на поднесеніе подарка Н. В. Лисенку въ день предстоящаго празднованія его 35-тилѣтняго юбилея, а именно: отъ Е. Х. Чикаленка—1000 р.; отъ В. Н. Леонтовича—25 р.; отъ В. Б.—10 р.; отъ В. Н.—10 р.; отъ К. Солухи—10 р.; отъ П. Проспав—5 р.; отъ П. П.—5 р.; отъ А. Ч.—5 р.; а всего—1070 р.

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ И БУКОВИНЫ.

Годовой отчетъ „Наукового Товариства імени Т. Г. Шевченка“. – «Товариство ім. Шевченка» въ Львовѣ издало свой отчетъ за 1902 г. Оно израсходовало въ отчетномъ году на всѣ свои изданія 40,840 кр. Доходы общества состояли изъ пособія галицкаго сейма въ 10,000 кр., изъ пособія государства въ 8,000 кр. Остальные доходы давала типографія «Товариства», печатающая школьные учебники для народныхъ школъ и гимназій съ украинскимъ языкомъ преподаванія. Правленіе «Товариства» пыталось развить продажу своихъ научныхъ изданій, но успѣха не имѣло. Комиссіонеръ, занятый распространеніемъ по краю и польскихъ, и нѣмецкихъ книгъ, возвратилъ обществу его изданія, такъ какъ ихъ никто не покупаетъ. Въ виду этого общество вновь серьезно озабочено вопросомъ о сбытѣ своихъ изданій. Въ виду недостатка матеріальныхъ средствъ, библіотека общества пополнялась только обмѣномъ и пожертвованіями (наиболѣе значительныя пожертвованія сдѣланы проф. кіевскаго университета Антоновичемъ и Житецкимъ). Общество владѣетъ еще своимъ домомъ, пріобрѣтеннымъ на пожертвованіе изъ Россіи отъ лица, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ; но домъ пока не приноситъ дохода, такъ какъ заложенъ. Общество въ истекшемъ году занято было обсужденіемъ вопроса объ открытіи частнаго украинскаго университета во Львовѣ; но эта мысль была оставлена: университетъ стоилъ бы непосильно дорого; кромѣ того, австрійское правительство не признало бы дипломовъ этого университета и т. о. лишило бы его слушателей. Изъ изданій общества слѣдуетъ отмѣтить: 1) Записки (вышло уже 50 томовъ), 2) сборники различныхъ секцій, 3) изданія этнографической комиссіи (очень цѣнныя) и юридической, 4) библіотеки историческую и украинско-рускую, наконецъ 5) Літературно Науковий Вістник. Въ 1902 году расходъ на эти изданія поглощалъ почти весь доходъ. Душой общества является его предсѣдатель проф. львовскаго университета по исторіи Руси-Украины (бывшій кіевскій доцентъ) Михайло Грушевскій. Помощниками проф. Грушевскаго являются извѣстные гг. Барвинській и Студинській. Мечта этихъ дѣятелей направлена къ созданію изъ общества «Украінско-рускоі академіі наук». («С.-Петербугск. Вѣд.» 71).

Къ вопросу объ украинско-рускомъ университетѣ во Львовѣ. На собраніи славянскихъ студентовъ въ Грацскомъ университетѣ между другими принята слѣдующая резолюція, предложенная Е. Косевичемъ: «Славянское студенчество, собранное на вѣче 11 марта 1903 г., требуетъ основанія украинскаго университета во Львовѣ и чешскаго въ Прагѣ». Участвовало въ вѣчѣ свыше 300 человѣкъ («Діло», 49).

Публичныя лекціи во Львовѣ. Стараніями т-ва «Кружок українських дівчат» въ мартѣ мѣс. устроенъ рядъ публичныхъ лекцій: 1) д-ръ Франко—«Данте Алігієрі і його Божественна Комедія»; 2) д-ръ Студинський—«Старинна руска повість»; 3) проф. Боберскій—«Ваймар тепер а передше»; 4) проф. Колесса «Українська література XIX в. до Шевченка». («Діло», № 41).

«**Кружок українських дівчат в Чернівцях**». 22 февр. состоялось общее собраніе «Кружка українських дівчат в Чернівцях» подъ предсѣдательствомъ г-жи Ольги Кобылянской Изъ отчета видно, что въ теченіе годичнаго своего существованія означенный «кружокъ» имѣлъ 8 собраній, на которыхъ читались рефераты, и новѣйшія беллетристическія и научныя произведенія. Членовъ всѣхъ кружокъ имѣетъ 27, въ томъ числѣ на провинціи 11. Библіотека состоитъ изъ 225 томовъ; большая часть ея куплена на средства «Кружка», часть получена въ даръ. На общемъ собраніи принято рѣшеніе всяческими способами подвинуть вопросъ объ основаніи «дівочої бурси». а кромѣ того, по предложенію г-жи Кобылянской,—чтобы члены, живущіе на провинціи, собирали народныя сказки и пѣсни, которыя могутъ быть изданы на средства «Кружка». («Буковина», ч. 19)

Перемѣна президента Буковины. Бр. Бурбіньонъ палъ жертвой своей антирусинской политики. Пока онъ шелъ рука объ руку съ русинами, чувствовалъ себя сильнымъ на своемъ посту. Послѣднія его антирусинскія дѣйствія въ Буковинѣ убѣдили центральное правительство, что нельзя управлять Буковиной не только противъ, но и безъ русиновъ. На мѣсто Бурбіньона назначенъ кн. Гогенлое-Шиллингефирстъ («Діло», 37—38).

Къ колонизаціи мазуровъ въ восточной Галичинѣ. «Польскій парцелляціонный банкъ» въ Галичинѣ напечаталъ отчетъ о своей

дѣятельности, обратившій на себя вниманіе русинской печати Галичины («Діло»). Сначала банкъ занимался распродажей земельныхъ участковъ по порученію владѣльцевъ. Когда же разгорѣлась польско-русинская борьба въ вост. Галичинѣ, то банкъ сталъ на собственный рискъ покупать земли и распродавать ихъ. Съ основанія банка до конца 1902 года было предложено для распродажи *272* земельныхъ имуществъ, въ 63 повѣтахъ, площадью въ *200,000* морговъ. Банкъ же принялъ на парцелляцію 24 имущества площадью въ 9200 морговъ, изъ которыхъ распродалъ—8,368 морговъ за 3.458,375 кр, въ томъ числѣ въ послѣдній, 1902 годъ, за 2.112,519 кр., 12 имуществъ уже окончательно распроданы по частямъ, 12 же еще не совсѣмъ. «Діло» утверждаетъ, что польскія газеты намѣренно умалчиваютъ названія мѣстностей, гдѣ находятся распроданныя банкомъ земли, даже утверждаютъ, что дѣятельность банка, главнымъ образомъ, распространялась не на восточную, русинскую, а на западную, польскую Галицію. Въ вост. Галичинѣ распроданы участки мазурамъ (полякамъ) только-де въ 2 повѣтахъ—львовскомъ и ярославскомъ; остальное будто бы продано мѣстному, русинскому населенію. «Діло» называетъ это неправдой, утверждая, что цѣль банка—колонизовать вост. Галичину мазурами, а русиновъ побудить къ переселенію въ Америку. («С.-Петербургск. Вѣд.», 67).

Ограниченіе ухода на заработки въ Галичинѣ. Отсутствіе заработка и невозможно низкая заработная плата—вынуждаютъ русиновъ уходить на работы «за Бескид», въ Сѣверную Америку, и въ послѣднія 10 лѣтъ—въ Германію, даже оч. далеко на сѣверъ ея. Казалось бы ничто въ Австріи не должно препятствовать этимъ поискамъ работы и лучшей платы. 4-я статья основного закона (^{21}/XII—1867) обезпечиваетъ каждому австрійскому гражданину не только неограниченную свободу переселенія въ предѣлахъ государства, но и свободу выселенія (ограниченную, только обязанностью воинской службы). И все-таки въ восточной Галиціи всевозможныя препятствія въ этомъ отношеніи, какъ затрудненія въ выдачѣ паспортовъ и т. п.—обычное явленіе. Особенно теперь, послѣ прошлогоднихъ «страйків», Галицкіе верховоды рѣшили показать русинскому рабочему народу свою силу и наказать его непокорность; русинскій народъ, по ихъ планамъ, долженъ гибнуть отъ голода или работать на панскихъ ланахъ

за плату, какую ему великодушно дадутъ изъ милости. Вотъ послѣднія извѣстія. 18 февр. на «війтівскій» сессіи въ бережанскомъ старостве секретарь старосва запретилъ эмиграцію и выходъ на заработки въ Пруссію, заявилъ, что никому не дастъ паспорта и приказалъ, чтобы війты немедленно доносили староству, если кто будетъ записывать людей на работы въ Пруссію. Или вотъ оффиціальная бумага рады Перемышлянской волостному начальству въ Барычахъ запрещаетъ эмиграцію въ Америку безъ предъявленія 2.000 кор. наличными и безъ предварительнаго увольненія отъ Австрійскаго подданства. («Діло» 33). Или вотъ фактъ изъ Брідщини. Въ с. Топорові нѣмецкая фирма наняла 50 человѣкъ русиновъ на лѣсныя работы въ Баваріи. Секретарь староства въ Бродахъ—отказалъ выдать имъ паспорты. Отправившіеся съ служебными книжками рабочіе были задержаны на Львовскомъ вокзалѣ и возвращены. Фирма имѣетъ обжаловать это беззаконіе передъ вѣнскимъ правительствомъ. («Діло», 37—38).

Воззваніе къ галицкому духовенству. Въ № 35 «Діло» свящ. О. Д. Танячкевичъ обращается съ просьбой ко всему Галицкому русинскому духовенству—присылать извѣстія о фактахъ безправія, обидъ и оскорбленій, какія причиняетъ латинскій клиръ, латинская церковь въ Галичинѣ «руско-католицькой» православной церкви. Эти факты, какъ иллюстрація положенія «руско-католицькоі» церкви, должны быть занесены въ церковно-историческій актъ—меморіалъ, который будетъ преподнесенъ Апостольскому Престолу (согласно постановленія народнаго собранія во Львовѣ 8 сент. 1902). Гакатистическое направленіе польской политики и ея слуги—латинской церкви дѣлаетъ особенно необходимымъ такое собираніе фактовъ притѣсненій. Цѣли этой политики—не допустить исполненія самостоятельной миссіи «руско-католицькоі» церкви, унизить ея обрядъ, подорвать авторитетъ и вліяніе ея духовенства. («Діло», 35).

Откуда берутся „латинники“ въ Галичинѣ? Д-ръ Голомбинскій насчиталъ въ восточной Галичинѣ $1^1/_2$ милліона поляковъ; д-ръ Козловскій, созвавшій уже тридцать слишкомъ «повітових з'їздів», всюду провозгласилъ, что Галицкая Русь—отъ созданія міра—польская земля, что поляки здѣсь—автохтоны, что «обрушённые» латин-

ники—это остатки прежняго польскаго населенія, а русины—чуждые пришельцы. Многіе въ западной Галиціи дѣйствительно вѣрятъ, что латинники восточной Галичины—это обрушенные польскіе колонисты. Въ дѣйствительности эти поляки—только перетянутые въ латинство, въ этомъ поколѣніи или два-три поколѣнія назадъ, коренные русины «З діда-прадіда», русины по крови и расѣ, по языку, по вѣрѣ и обычаямъ. Польскіе колонисты составляютъ между ними едва десятую часть, и до нынѣ остаются поляками.—Подъ предлогомъ «однольщеня зрущоних влосцян на Русі» —идетъ усиленная латинизаційно-полонизаторская работа, ежедневное перетягиванье «греко-католиків» русиновъ въ латинскій обрядъ, на «польске». Глубоко интересныя данныя о такихъ массовыхъ перетягиваньяхъ находимъ въ брошюрѣ о. Прислопского (изъ Дубецка) «Примір латинизаторськоі гакати». Въ 1874—1876 гг. приведена въ латинство большая половина русиновъ въ Дубецкѣ и захвачены приходскія земли. А было тамъ нѣсколько «руских» церквей. Въ 1875 г. олатинено цѣлое село Сільниця надъ Сяномъ. Въ 1878—80 гг. перешла въ латинство большая часть прихожанъ с. Динова. Въ 1880 г. олатинено почти все село Кремінка надъ Сяномъ. Въ 1892—цѣлое село Умяниця надъ Сяномъ. Въ послѣднее 10-лѣтіе олатинена большая половина села Бахорця. Всѣ эти села были прежде—самостоятельными «рускими» приходами. А теперь въ нихъ говорятъ по-польски и считаютъ себя поляками. Остатки русиновъ-православныхъ тоже ополячиваются: вѣдь въ школахъ не преподается украинскій языкъ, даже не празднуются «руски» праздники. О. Прислопский даетъ также много мелкихъ фактовъ систематическаго обращенія въ латинство единицъ. Такъ польскіе ксёндзы (напр., въ Бахори, Бахорци, Делягови) систематично вѣнчаютъ тайно русиновъ съ польками и особенно русинокъ съ поляками, иногда близкихъ родственниковъ (вопреки каноническимъ правиламъ), не увѣдомляя русинскихъ священниковъ, и даже не дѣлая оглашеній въ церкви. Такія смѣшанныя семьи дѣлаются, конечно, цѣликомъ польскими. Не щадятъ ксёндзы и дѣтей. Въ школахъ они высмѣиваютъ «руски» молитвы и богослуженіе (какимъ способомъ, о. Прислопскій не рѣшается пересказать, ожидая конфискаціи за униженіе вѣры). Даже не рожденныя, только ожидаемыя дѣти заблаговременно приводятся въ латинство; на исповѣди отцы-поляки обязываются крестить новорожденныхъ въ костелѣ. Не останавливаются, конечно, ксёндзы и передъ разрушеніемъ семейной жизни, давая инструкціи мужьямъ-полякамъ обра-

щать въ латинство своихъ женъ-русинокъ, и разстраивая иногда еще не заключенные смѣшанные браки.—При постройкѣ новой руской церкви ксёндзы всевозможными доносами властямъ и агитаціей въ приходѣ стараются помѣшать, прекратить возку матеріаловъ для церкви. Надъ всѣми жалобами и протестами русиновъ ксёндзы только посмѣиваются: латинская консисторія всегда ихъ оправдываетъ. (Такъ за богохульство въ школѣ кс. Дучка получилъ отъ консисторіи аттестацію «vir gravis et probus»).—Брошюра о. Прислопского касается лишь нѣсколькихъ селъ; въ скоромъ времени онъ обѣщаетъ издать другую о всемъ руско-польскомъ пограничьѣ. («Діло» 37—38).

Русины въ западной Галиціи. По статистическому изданію «Szematyzm królewstva Galicyi i Lodomeryi na rok 1903», въ 33 селахъ и мѣстечкахъ западной Галиціи насчитывается русиновъ «греко-католиковъ» 1165. Эта цифра гораздо ниже дѣйствительной, по крайней мѣрѣ, въ 10 разъ. Въ 9 мѣстечкахъ совсѣмъ не указано греко-католиків, не упоминается и о солдатахъ-русинахъ, отбывающихъ службу въ зап. Галиціи. Большую часть этихъ заброшенныхъ на чужбину русиновъ составляетъ интеллигенція и полуинтеллигенція, во всякомъ случаѣ, люди болѣе состоятельные. На родинѣ они поддерживали бы свои институціи, свои общества, свою промышленность а въ мазурскомъ морѣ—волей-не-волей—свои средства и трудъ отдаютъ на чужое дѣло. Для восточной Галичины, столь бѣдной интеллигентными и матеріальными силами, такая массовая потеря слишкомъ вредна. опрямо страшна. «Заточники на мазурахъ» силой обстоятельствъ ополячиваются: женятся на полькахъ, дѣтей крестятъ въ католичество. На требованія выслать метрики русскому священнику ксёндзы отвѣчаютъ: «Tu ziemia polska, znamy tylko cerzest polski»! Дѣти изъ этихъ ополяченныхъ семействъ зачастую становятся въ ряды польскхъ гакатистовъ и командируются въ восточную Галичину для „odbudowania Polski“. А въ самой западной Галиціи жандармерія состоитъ почти исключительно изъ русиновъ (въ статистикѣ, они показаны, конечно, рим.-католиками).—По оч. значительному числу русиновъ западная Галиція является фактически смѣшаннымъ краемъ, а не Польшею. Слѣдовательно, русины имѣютъ право добиваться признанія правъ своего языка въ управленіи и школѣ. А пока необходимо принять мѣры, чтобы вывести этихъ заточниковъ изъ національной дремоты и

омертвѣнія, и, прежде всего,—дать имъ возможность слушать православное богослуженіе и принимать таинства у православныхъ священниковъ. («Діло», 46).

Русинско-польское дѣло въ австрійскомъ парламентѣ. Во время бюджетныхъ преній въ австрійскомъ рейхсратѣ, русинскій депутатъ Романчукъ произнесъ рѣчь, посвященную національнымъ антагонизмамъ въ Австріи. Нѣмцы, по его словамъ, желаютъ играть въ государствѣ первенствующую роль, и на это имъ даетъ право ихъ численность, высокая культура, разселеніе по всему государству, матеріальная сила и, наконецъ, историческое развитіе государства. Имъ не слѣдуетъ, однако, заходить въ своихъ притязаніяхъ слишкомъ далеко, напр., требовать признанія нѣмецкаго языка исключительнымъ оффиціальнымъ языкомъ государства и парламента. Но введеніе общаго языка для сношеній между общественными учрежденіями разныхъ націй не только желательно, но и необходимо. Такимъ языкомъ можетъ быть лишь нѣмецкій. Въ до-конституціонной Галиціи нѣмецкій языкъ неограниченно господствовалъ въ судахъ, правительственныхъ установленіяхъ и школѣ. Неожиданно произошла перемѣна, и поляки получили всѣ права, а у русиновъ осталось лишь то, что у нихъ было въ эпоху централизма, но и эти остатки свободы пытаются отнять у нихъ поляки. Въ то время какъ нѣмцы относились къ полякамъ и русинамъ одинаково, теперешніе хозяева страны стремятся лишить русинъ всяческихъ правъ. Результатомъ такого положенія дѣлъ является совершенный матеріальный и политическій упадокъ русинскаго народа. Въ рейхсратѣ у русинъ лишь 8 представителей, а у поляковъ—70. Въ Галиціи строятъ сильныя крѣпости, но о сооруженіи могущественнѣйшей крѣпости—въ сердцахъ народа, о пробужденіи чувствъ вѣрности и привязанности не заботится никто. Заправилы австрійскаго правительства идутъ по стопамъ руководителей б. польскаго государства. Во главѣ государства часто стоятъ потомки тѣхъ людей, которые не умѣли устроить собственныхъ дѣлъ.

„Я просилъ бы—отвѣтилъ Керберъ—представителей вост. Галиціи нѣсколько измѣнить свою тактику. Краснорѣчивыя жалобы, которыя мы слышали и сегодня, успѣли составить особую литературу. Намъ очень хорошо извѣстно положеніе дѣлъ на востокѣ Галиціи, и потому-то *я совѣтовалъ бы русинскому населенію заявить,* наконецъ,

свои требованія открыто, смѣло и лойяльно, но освободившись отъ чувства ненависти, *галиційскому сейму*. Вѣроятно, мѣстныя власти удовлетворятъ всѣ справедливыя требованія. Такъ какъ національный антагонизмъ въ вашей провинціи носитъ яркую соціальную окраску, то я рѣшительно рекомендую вамъ бросить опасную агитацію и начать болѣе осмотрительную работу. Правительство имѣетъ въ виду возможное возобновленіе аграрной стачки. Политическая агитація, сопровождающая забастовку, заставляетъ насъ внимательно слѣдить за нею и готовиться къ самой энергичной защитѣ, если агитація прибѣгнетъ къ недозволеннымъ средствамъ. Мы не нуждаемся въ чрезвычайныхъ полномочіяхъ и удовлетворимся тѣми, которыя предоставляетъ намъ конституція, но порядокъ долженъ быть сохраненъ—во что бы то ни стало".

„Діло" справедливо замѣчаетъ. „Пусть знаетъ д-ръ Керберъ, что руководящая польская партія не хочетъ вообще дѣлать никакихъ уступокъ, а вліянія и напора г. Кербера, какъ и всего центральнаго правительства, она совсѣмъ не боится. Русины не откажутся отъ соціальной борьбы, ибо, при теперешнемъ положеніи дѣлъ, политическое и экономическое освобожденіе крестьянства является единственнымъ путемъ къ пріобрѣтенію въ краѣ силы и національно политическихъ правъ (№ 43).

Надо быть послѣдовательными!.. Съѣздъ довѣренныхъ мужей старорусской партіи въ Галичинѣ, состоявшійся во Львовѣ 2 февраля, принялъ слѣдующее рѣшеніе: „съѣздъ взываетъ всѣхъ дѣятелей и членовъ русско-народной партіи къ всестороннему распространенію во всѣхъ слояхъ русскаго населенія Галичины знанія русскаго литературнаго языка, русской исторіи и словесности, единственно способныхъ (sic!) обезпечить культурное развитіе и успѣваніе русскаго народа въ Австро-Угорщинѣ и къ *всеобщему употребленію русскаго литературнаго языка въ сношеніхъ съ властями*". Казалось бы, постановленія съѣзда, не мѣшало бы исполнять по крайней мѣрѣ самимъ иниціаторамъ „новой эры", но оказывается, (см. № 6 худосочнаго и малокровнаго журнальца „Живая Мысль", стр. 185), что даже „секретаріатъ съѣзда напечаталъ оффиціальный отчетъ о съѣздѣ *язычіемъ*, а не по русски; какъ рѣшено употреблять русскій языкъ „всеобще" и „всесторонне". Собственныя рѣшенія слѣдуетъ исполнять. „Это первое

и непремѣнное условіе разумной и цѣлесообразной политики",—замѣчаетъ редакція „Живой Мысли".

Не можемъ не присоединиться къ вполнѣ здравому дезидерату редакціи „Живой Мысли" или, что то же, создателей и благотворителей „новой эры" въ Галичинѣ. Польза отъ сего можетъ быть двоякая: во-первыхъ, писанія староруссовъ дѣйствительно будутъ (если будутъ!) на настоящемъ русскомъ литературномъ языкѣ, а не на томъ „языческомъ" quasi-языкѣ, на которомъ напр. слѣдующимъ образомъ изображается ранній приходъ весны: „Весною пахнетъ уже отъ нѣсколькихъ дней" (какая благодать имѣть пахучіе дни!). Хорошій полъ (не комнатный, а „прекрасный полъ"!), тѣ, *раньшіи чѣмъ ласточки* (sic!) предвѣстники весны, гуляютъ по улицамъ въ весняныхъ (!) нарядахъ; на *плантахъ добывается изъ земли* травица (вѣроятно, какъ у насъ каменный уголь!)... Не рано ли еще? Вѣдь мѣс. мартъ рѣдко когда *резигнуетъ* (!) *изъ своихъ каприсовъ*... („Галичанинъ", № 40). Упраздненіе этой тарабарщины, осужденной, какъ видимъ и самими ея творцами въ лицѣ молодого поколѣнія (или новаго направленія?), только лишь крайне желательно. Во-вторыхъ, употребляя въ своихъ изданіяхъ чистый литературный русскій языкъ представители русской партіи откроютъ глаза какъ читателямъ изъ народа, такъ и правящимъ сферамъ, которыя уже во-очію убѣдятся, что имѣютъ дѣло съ волками даже не въ овечьей шкурѣ. Если еще въ средѣ первыхъ они могли бы встрѣтить нѣкоторую поддержку, то въ лицѣ послѣднихъ, мы увѣрены, не найдутъ ни малѣйшаго сочувствія, которое не можетъ быть компенсировано даже матеріальнымъ и идеальнымъ сочувствіемъ извнѣ.

Дѣятельность Историческаго Общества въ Черновцахъ. „Історичне Товариство" въ Черновцахъ въ началѣ марта открыло двѣ серіи популярно-научныхъ лекцій: I. *Про славяньску старину*—читаетъ проф. университета д-ръ См. Смаль-Стоцкій. II. *Про фільозофію*—преподаватель гимназіи Юліянъ Кобылянскій. Въ каждой серіи предположено по нѣсколько лекцій. Лекціи читаются въ „Народнім домі". („Буковина", № 15).

Українсько-Руске драматичне Товариство імени Івана Котляревського. 22 февраля происходило общее собраніе членовъ «Укра-

інсько-руского драматичного Товариства імени Котляревского» во Львовѣ. Предсѣдатель (Іл. Огоновский) въ своей рѣчи отмѣтилъ, что въ минувшемъ году Общество не могло развить своей дѣятельности такъ, какъ этого можно было требовать, причиной чему послужила сецессія студенченской молодежи изъ Львовскаго университета и затѣмъ сельско-хозяйственная стачка. Вслѣдствіе этихъ причинъ драматическая напр. секція, лишенная наиболѣе энергичныхъ членовъ, должна была прекратить свою дѣятельность болѣе чѣмъ на полгода. Въ теченіе года Общество имѣло десять засѣданій, предметомъ обсужденія на которыхъ были: изданіе драматической библіотеки, устройство лекцій, проектъ основанія театра и т. п. Въ качествѣ перваго выпуска драматической библіотеки Общество пріобрѣло право на изданіе и представленіе драмы Цеплинскаго «Ворожбит»; а также отъ «Рускоі Бесіди» все изданіе «Наталки-Полтавки» съ партитурой. Лекціи были прочитаны др-омъ Студинскимъ (три) о началѣ драматургіи на Руси «Щуратомъ—о 3 національныхъ гимнахъ на Руси. Членовъ общество имѣетъ 411, имущества на 4912 коронъ. («Діло», ч. 44).

Общество «для розвою рускоі штуки». 14 февраля состоялось общее собраніе «Товариства для розвою рускоі штуки». Изъ прочитаннаго на собраніи отчета видно, что въ минувшемъ (4-мъ отъ основанія) году Общество насчитывало 131 члена. Общество имѣло въ теченіе 1902 года 19 заказовъ (преимущественно отъ церквей), на сумму 18013 кор. Въ концѣ прошлаго года устроена была выставка изъ области нецерковной живописи, которая прошла весьма удачно и большинство картинъ было куплено. Въ настоящемъ году Общество также предполагаетъ устроить обширную выставку работъ украинскихъ художниковъ («Діло», ч. 39).

Грандіозная церковь. Огромныхъ размѣровъ церковь въ непродолжительномъ времени начинаетъ строить г. Богородчаны (въ Галичинѣ) по плану архитектора В. Нагирного. За образецъ взятъ Владимірскій соборъ въ Кіевѣ, церковь будетъ украшена прекраснымъ иконостасомъ изъ скита Манявскаго, весьма цѣннымъ и художественнымъ памятникомъ искусства XVII вѣка. Безъ сомнѣнія, Богородчанская церковь будетъ единственная въ своемъ родѣ во всей Галичинѣ.

Какъ сообщаютъ, художественный оттискъ плана В. Нагирного заказанъ для выставки въ Петербургѣ. («Діло», ч. 20).

Какъ пишутъ иногда рецензіи. Въ настоящее время во Львовѣ играетъ извѣстная читателямъ «Кіевской Старины» украинская труппа подъ управленіемъ М. Губчака. По поводу водевиля М. Старицкаго «Якъ ковбаса та чарка, то мынется й сварка» газета «Руслан»(№ 36) помѣстила слѣдующую любопытную рецензію, заслуживающую того, чтобы значительную часть ея передать въ оригиналѣ. Замѣтимъ, между прочимъ (для дальнѣйшаго изложенія), что «Руслан»—органъ посла Барвинскаго. «Як ковбаса та чарка»—се дуже сьмішна заковика (!). Підстаркуватий п. Рубчак (рецензентъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ пьесы замѣняетъ исполнителями) зі своім наймитом п. Захарчуком ідять дуже сьмішно борщ, випивши по пів чарочки горівчаних зливків, відтак позалицявшись до гарноі пані Рубчаковоі, ніби то шинкарки, відіздять, а до шинку заіздить п. Гембицький. Сего розперізуе дуже сьмішно п. Юрчак та урвавши пояс, дуже сьмішно перевертався на землю, відтак страшно комічно стягае бацькори, суваючи пана з лавою по цілій хаті. У високих шкарпитках по коліна бигае п. Гембицький по шинку, та нарікае, що посварився з п. Барвінським (не послом, а актором!) і не мае що випити, бо на спільне полѳоване звикли они були брати до складкового сніданя один ковбасу з чосником, а другий горівку з вишняком. Шукае по полиці, чи нема де горівки, виливае всі фляшки, чи нема де хоть каплинки, але --годі! На те надіздить п. Барвінський (але не той з Відня, а з Украіни) завязаний дуже сьмішно в хустці, яку знов розвязуе ему его наймит і роздягае з кожуха. Але щоби не повторятися, се роздягане виходить меньше сьмішно, тілько знов п. Барвінський (як звісно, посол не курить зовсім) витягае забитий цибух і так дуе в него, що мало не лопне. Тепер зачинаеся чудасія. П. Барвінський (як звісно, посол належить до елевтериків [1]) витягае фляшку і чарку..... Нараз оба незгідні сусіди п. Гембицький і п. Барвінський (пригадуемо ще раз, що се не посол), починають дальшу сварку .. П. Барвінський (чей же не треба повторяти, котрий се), вертае, а ту чарка порожня»... и т. д...

---

[1]) Общество трезвости во Львовѣ.

Быть можетъ, извѣстной части публики подобныя «дуже сьмішні» рецензіи и по вкусу, но во всякомъ случаѣ редакціи «Руслана» не пристало выставлять себя же въ смѣшномъ видѣ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи Галицкія газеты (какъ украинскія, такъ и польскія, не стѣсняются и прибѣгаютъ къ такого рода литературнымъ пріемамъ, которые кажутся по меньшей мѣрѣ странными для нашего, привыкшаго къ извѣстной корректности въ прессѣ глаза. Въ Галицкихъ газетахъ, напримѣръ, не трудно встрѣтить такія милыя выраженія: «два наші півправительственні цуцики: «Руслан» і черновецька «Буковина», «отсі стрічки, що їх пишу, най будуть довбнею на кацапску недотепну макітру «наблювателя» (статья «Наблюдателя» въ «Галичинѣ»)...

Народная школа въ Буковинѣ. «Шематизм буковинських народних шкіл і учителів», изд. учителемъ Фурманомъ, показываетъ значительные успѣхи школьнаго дѣла послѣ 1894 года. Число школъ увеличилось на 19% (вм. 381—401), число учительскихъ силъ на 93.55% (вм. 653—1264), процентъ учащихся на 24.31% (въ 1894 г. 57.4%, въ 1902 г. 71.71%). («Діло», 36).

Народный домъ въ Черновцяхъ является самой важной культурной институціей въ Буковинѣ; задача его—нести матеріальную и нравственную помощь русинскому народу. Къ сожалѣнію, число членовъ и финансовыя средства его весьма незначительны. Въ прошломъ году всѣхъ членовъ-основателей было 245, полную вкладку дали лишь 124 изъ нихъ. На содержаніе бурсы для русиновъ учениковъ (55 человѣкъ, преимущественно гимназистовъ) и на пособія ученикамъ Товар-о «Народнаго Дома» израсходовало 10.639 кор. (На этотъ предметъ Тов-о получило отъ «религійного фонду» 5.000 к.) «Народный Домъ» имѣетъ читальню (изъ 3-хъ комнатъ), гдѣ происходятъ также засѣданія разныхъ обществъ, и библіотеку. Для вечеринокъ и любительскихъ спектаклей онъ уступаетъ русинскимъ обществамъ большую залу за пониженную плату. Всѣмъ этимъ «Нар. Домъ» содѣйствуетъ пробужденію общественной жизни въ самыхъ широкихъ кругахъ Буковинскаго народа. Тов-о «Нар. Дома» имѣетъ также собственную типографію.—Къ началу 1903 г. у Тов-а—7.330 кор. дефицита. «Діло»

призываетъ русинское общество—поступленіемъ въ члены и вкладками поддерживать «Нар. Домъ».

Конкурсъ. Львовское товариство «Просьвіта» опубликовало еще 27 сент. 1902 года конкурсъ *Михайловыхъ премій* за драматическое или повѣствовательное произведеніе изъ историческаго прошлаго Украины-Руси. Напоминаемъ авторамъ нашей Украины, что, согласно условіямъ конкурса, которыя приводимъ ниже, срокъ представленія сочиненій истекаетъ 27 сентября 1903 года.

§ 1. а) *Премія 1100 (тысяча и сто) коронъ*, зложена на руки Товариства «Просьвіта» у Львови, прызначена за орыгинальну драму або трагедію зъ историчного житя Украины-Руси;

б) *Премія 700 (симсотъ) коронъ, прызначена за оригинальну повисть* зъ историчного жытя Украины-Руси.

§ 2. Конкурсомъ правыть товарыство «Просьвита»; оно оголосыть отси правыла по усихъ народно-руськыхъ часопысяхъ и у двохъ польськыхъ: одній у Львови, другій у Варшави або Петербурзи.

§ 3. Речынець конкурсу *однорічный* зъ того дня, якъ буде оголошена перша оповистка. Колы бъ въ часи одного року не прислане видповидныхъ творивъ, тогди оголосыть ся новый конкурсъ на дальшый одынъ рикъ и такъ дальше, докы не наспіють творы достойни преміи.

§ 4. За для суду надъ прысланымы на конкурсъ творамы и для прысуду премій товариство «Просьвита» зложыть Раду, до якои поклыче: голову товариства «Просьвита» зглядно его заступника, фундатора преміи, двохъ професоривъ руськои мовы и пысьменьства на львивскому университети, професора руськои мовы на черновецькому университети и двохъ членивъ товариства «Просьвита». Въ рази, колы-бъ котрый небудь зъ членивъ, запрошеныхъ до суду, выбору не прыйнявъ або зрикъ ся, товариству «Просьвита» прыслугуе право, поклыкаты на ёго мисце кого иншого. Судъ обовязаный оголосыты выслидъ конкурсу *найпизнійше въ пивъ року* по речинци, призначенимъ для прысылкы творивъ.

§ 5. До конкурсу належыть прыйматы орыгинальни, ще недруковани и не давани на сцени твори Русинивъ зъ цилого обширу украинсько-руськыхъ земель.

§ 6. Авторъ не пидпысуе на твори имени и призвыща, лыше подае девизу. Свое имя и призвыще прысылае авторъ въ замкненій коверти, яку конкурсовый судъ витворыть лыше тогди, колы творови буде прысуждена премія.

§ 7. Змистъ драмы чы трагедіи чы повисти повыненъ буты историчный, взятый зъ епохы дружынно-вичевои, русько-литовськои, або козацькои; подія мусыть буты дійсно-историчною. Характеръ и кольоритъ драмы, трагедіи чы повисты повыненъ видповидаты историчнымъ и етнографичнымъ умовамъ свого часу. Тенденція мае переходыты черезъ весь твиръ выразно, мусыть буты патріотычною, але не образлывою для сусиднихъ народивъ.

§ 8. Мова діячивъ драмы, чы трагедіи, чы повісты повынна буты чыстою украинсько-руською; вона мусыть видповидаты часовы, змистовы, обставынамъ діи и вдачи діячивъ. Въ твори не вильно ужываты жадного трывіялизму. Треба уважаты, щобъ мова видповидала формамы народному сынтаксысу. За взирци мовы треба взяты: а) Історычни писни, выдани въ Кыеви Антоновычемъ и Драгомановымъ, б) Украинськи прыказкы, выдани Номисомъ, в) судови и иньши исторычни документы и д) Шевченкови творы.

§ 9. Письмо творивъ, прысланыхъ на конкурсъ, мусыть буты *выразне и чытке*, пысане по змози *не власною* рукою автора. Змистъ и оцинка творивъ можуть буты оголошени друкомъ доперва по ришеню конкурсу.

§ 10. Творы членивъ конкурсового суду не будуть преміовани

§ 11. Преміована драма чы трагедія хоть и буде авторовою власностью, але авторъ не матыме права забороныты даваты іи на сцени руського театру.

§ 12. Авторъ обовязаный преміовану драму чы трагедію чы повисть выдруковаты въ протягу року, писля прысудженя преміи. Въ протывнимъ рази право першого накладу прыслугуе товариству «Просьвита». Въ друку не вильно авторови робыты ніякыхъ змин такъ пидъ оглядомъ змисту, якъ и тенденціи.

Вси творы належыть прысылаты пидъ адресою: Товарыство «Просьвита» у Львови, Рынокъ, ч. 10.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Акты, издаваемые Виленскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Томъ XXIX. Акты о евреяхъ. *Вильна, 1902 г. in 4, стр. I—L+1—539.*

По своему содержанію настоящій томъ является продолженіемъ XXVIII тома Актовъ Виленской Коммиссіи и заключаетъ въ себѣ 245 документовъ, съ 1561 по 1795 гг., относящихся къ исторіи евреевъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Въ виду однородности историческихъ условій существованія и дѣятельности евреевъ на всемъ пространствѣ бывшаго польско-литовскаго государства, вновь изданные акты могутъ представлять интересъ и для исторіи нашего края.

При всемъ разнообразіи содержанія этихъ актовъ, ихъ можно распредѣлить по слѣдующимъ рубрикамъ:

I. Жалованныя королевскія грамоты евреямъ на разныя права и привилегіи. Гонимые и преслѣдуемые во всей западной Европѣ, евреи, какъ извѣстно, нашли въ Польшѣ и Литвѣ какъ-бы новое отечество, что и послужило причиною массового ихъ переселенія сюда. Дѣйствительно, польскіе короли и литовскіе великіе князья оказались самыми вѣротерпимыми государями: они не только благосклонно приняли новыхъ поселенцевъ, но и сдѣлали ихъ предметомъ своей особенной заботливости, оградивъ неприкосновенность ихъ бытового, религіознаго и общественнаго строя и наградивъ ихъ такими правами и привилегіями, которыя нерѣдко шли въ разрѣзъ съ интересами кореннаго населенія. Отсюда—ненависть этого населенія къ пришель-

цамъ, доходившая до взведенія на нихъ самыхъ ужасныхъ противообщественныхъ преступленій. Но польско-литовскіе государи постоянно являлись вѣрными покровителями и защитниками гонимаго Израиля. Особенно замѣчательна грамота Сигизмунда-Августа, выданная въ 1564 г. по слѣдующему поводу: жаловались литовскіе евреи, что велико-княжескіе урядники судятъ, рядятъ, даже осуждаютъ ихъ «на горло», грабятъ имущество и чинятъ другія насилія вопреки дарованнымъ имъ правамъ, поэтому евреи просили уравнять ихъ въ правахъ съ евреями «коронными», т. е. польскими, и въ особенности оказать имъ защиту въ случаѣ несправедливыхъ, но весьма частыхъ въ то время обвиненій ихъ въ убійствѣ христіанскихъ дѣтей (для ритуальныхъ цѣлей) и поруганіи «сакрамента» (т. е. даровъ св. причастія). Королю неоднократно приходилось разсматривать дѣла по такимъ обвиненіямъ, и онъ убѣдился «зъ доводовъ святого письма», что евреи, по ихъ закону, «крови христіянской никóли не потребуютъ» (т. е. не имѣютъ въ ней надобности для своихъ религіозныхъ обрядовъ) и что самъ папа римскій удостовѣрилъ, «ижъ жидове тому не винни и того не требуютъ»; поэтому Сигизмундъ-Августъ издалъ слѣдующій знаменательный для половины XVI в. законъ: а) всѣ дѣла по обвиненію евреевъ «о мордованье дѣтей христіанскихъ або о сакраментъ» навсегда изъемлются изъ компетенціи обыкновѐнныхъ судовъ и поступаютъ исключительно на судъ королевскій, и то не единоличный, а сеймовый; б) обвинитель долженъ доказать справедливость обвиненія свидѣтельствомъ не менѣе, какъ четырехъ благонадежныхъ свидѣтелей изъ христіанъ и трехъ изъ евреевъ, и в) не доказавшій этого преступленія «маетъ быти каранъ горломъ и маетностью». Разумѣется, при данныхъ условіяхъ судебные процессы о ритуальныхъ убійствахъ евреями христіанскихъ дѣтей становились невозможными; тѣмъ неменѣе попытки къ ихъ возбужденію никогда не прекращались, и еще въ 1766—1767 гг. евреи находили нужнымъ вносить въ актовыя книги эту старинную грамоту Сигизмунда-Августа, очевидно въ видахъ огражденія себя отъ возможности подобныхъ фанатическихъ обвиненій.

II. Ко второй категоріи могутъ быть отнесены разнаго рода документы, рисующіе взаимныя отношенія христіанскаго населенія къ еврейскому и обратно. Документы эти безспорно свидѣтельствуютъ о крайней враждебности этихъ отношеній. Рѣзче всего она проявлялась въ городахъ, гдѣ было больше евреевъ. Мѣщане, ремесленники, іезуитскіе студенты учиняютъ надъ евреями постоянныя насилія, грабятъ

ихъ имущество и устраиваютъ съ ними частыя побоища. Рѣдкій годъ обходился безъ того, чтобы въ томъ или другомъ городѣ поспольство не пыталось учинить форменный еврейскій погромъ. Въ 1682 г. одинъ виленскій шляхтичъ передъ огромною толпою народа держалъ такую рѣчь: «Панове! Знайте, что пока мы не проявимъ отваги, не обращая вниманія ни на какія ихъ (евреевъ) права и дарованныя имъ королевскія привилегіи, до тѣхъ поръ не будетъ съ ними конца; поэтому намъ нужно пораскинуть умомъ, чтобы такъ или иначе ихъ отсюда выкурить: однихъ перетопить, а другихъ перебить; пусть они тогда ищутъ на насъ суда»! Больше всего раздражали мѣщанъ привилегіи евреевъ, освобождавшія ихъ отъ исполненія нѣкоторыхъ общегородскихъ повинностей; поэтому магистраты сплошь и рядомъ знать не хотѣли еврейскихъ привилегій, а цеховые то и дѣло нападали на евреевъ-ремесленниковъ, дѣлавшихъ имъ подрывъ.

Въ свою очередь и евреи не оставались въ долгу передъ христіанами. Въ тѣ времена они, повидимому, вовсе не были робкимъ, запуганнымъ народомъ; имѣя въ лицѣ королей могущественныхъ покровителей, они, напротивъ, высоко держали голову передъ туземнымъ населеніемъ страны и при всякихъ враждебныхъ съ нимъ столкновеніяхъ смѣло давали отпоръ, переходя нерѣдко въ наступательныя дѣйствія. Смѣлость евреевъ простиралась до того, что они оказывали нерѣдко вооруженное сопротивленіе исполненію трибунальскихъ декретовъ. Часто они отказывались платить подымное и другіе налоги, отчего увеличивалась податная тяжесть мѣщанъ, укрывали и переводили краденое, сами обворовывали костелы и даже учиняли по дорогамъ, изъ-засады, разбои и убійства.

Но всего чаще евреи привлекались къ суду за неплатежъ по займамъ. По роду своихъ торгово-промышленныхъ занятій, они больше другихъ классовъ населенія нуждались въ кредитѣ и, за отсутствіемъ въ тѣ времена банковъ, искали его у частныхъ лицъ, соблазняя ихъ высокимъ процентомъ: въ то время, какъ христіане-заемщики платили 5, 6 и 7 процентовъ, евреи предлагали 8, 9 и 10%. Въ тѣ вѣка самые крупные капиталы скоплялись въ различныхъ духовныхъ учрежденіяхъ—монастыряхъ и коллегіяхъ, преимущественно іезуитскихъ; они-то и были главными заимодавцами, а ихъ заемщиками являлись евреи, и притомъ не отдѣльныя лица, а цѣлые кагалы. Заемъ обезпечивался такими многочисленными и необыкновенными гарантіями, что, казалось, заимодавецъ могъ оставаться совершенно спокойнымъ

за цѣлость своего капитала и исправное поступленіе процентовъ. Вотъ, для образчика, содержаніе заемной или облигаціонной записи, выданной въ 1678 г. пинскимъ кагаломъ пинскому іезуитскому коллегіуму: въ случаѣ неуплаты въ одинъ изъ условленныхъ сроковъ процента, ректоръ коллегіума «имѣетъ право запечатать въ г. Пинскѣ обѣ наши школы и скотобойню, а также всѣ школы и скотобойни во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ, принадлежащихъ къ пинскому кагалу, и равно всѣ лавки и дома наши, насъ же самихъ, нашихъ женъ и дѣтей сажать въ тюрьмы, отбирать отъ насъ товары, дома, усадьбы, денежныя суммы, и держать все это въ своихъ рукахъ, а насъ самихъ въ тюрьмахъ, до тѣхъ поръ, пока не заплатимъ ему сполна реальной суммы, процентовъ, тройныхъ зарукъ (штрафа), совитости (удвоенной суммы, въ видѣ неустойки) и убытковъ,—и все это онъ имѣетъ право сдѣлать безъ суда и формальныхъ доказательствъ, мы же не имѣемъ защищаться нашими еврейскими правами, привилегіями и вообще никакими юридическими способами». Такъ всегда составлялись евреями долговыя записи,—и тѣмъ не менѣе долги рѣдко когда уплачивались аккуратно, а если заимодавецъ пытался осуществить какую-либо изъ гарантій, наприм. опечатать школу или лавку, то встрѣчалъ вооруженный отпоръ и, за отсутствіемъ въ Польшѣ исполнительной полицейской силы, вынужденъ былъ смириться и вести съ должниками мирные переговоры, или начинать дорого стоившій процессъ въ высшемъ судебномъ учрежденіи—въ трибуналѣ. Не диво, что трибуналъ, безпрестанно заваливаемый дѣлами о неплатежѣ евреями долговъ, склоненъ былъ разсматривать эти обычныя правонарушенія какъ тяжкіе уголовные проступки и сплошь и рядомъ присуждалъ и отдѣльныхъ неплательщиковъ, и старшинъ кагаловъ къ «выволанью» (изгнанію изъ предѣловъ государства), къ «инфаміи» (лишенію покровительства законовъ) и даже къ смертной казни. Не видно только, приводились ли въ исполненіе эти суровые декреты; по крайней мѣрѣ, въ разсматриваемомъ томѣ актовъ мы не встрѣтили ни одного положительного на это указанія.

III. Намъ остается отмѣтить еще третью категорію документовъ, рисующихъ внутреннюю жизнь еврейскихъ общинъ въ XVII—XVIII вв. Здѣсь мы встрѣчаемъ нѣкоторыя любопытныя черты, изображающія пресловутую еврейскую солидарность далеко не въ симпатичномъ видѣ. Такъ оказывается, что еврейскія общины нѣкоторыхъ городовъ по временамъ находились между собою въ крайне враждебныхъ отноше-

ніяхъ. Въ 1680 г. Брестскій кагалъ заявилъ право какого-то старшинства надъ сосѣдними кагалами и потребовалъ, чтобы они подчинились его юрисдикціи. Изъ-за этого возникли такія распри и «тумульты», что вмѣшавшійся въ это дѣло король далъ предписаніе, чтобы на ближайшемъ еврейскомъ сеймѣ[1]) эти кагальныя распри непремѣнно были такъ или иначе умиротворены. Слуцкая и другія синагоги какъ-то примирились съ Брестскимъ кагаломъ, но Минская община ни за что не хотѣла ему подчиниться. Тогда брестскіе евреи, подущаемые своими кагальными старшими, объявили минскимъ евреямъ настоящую войну: хватали ихъ на дорогахъ и въ домахъ, не позволяли имъ даже показываться вблизи Бреста, открыто грабили на ярмаркахъ ихъ лавки и товары и производили другія насилія. Цѣлыхъ пять лѣтъ длилось это израильское междуусобіе, и самъ король былъ безсиленъ усмирить его.

Не въ лучшемъ видѣ рисуется и внутренняя жизнь еврейскихъ кагаловъ; въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляютъ документы 1786—1788 гг., заключающіе въ себѣ жалобы самихъ же евреевъ на разнаго рода злоупотребленія и насилія, чинимыя кагальными старшинами. Оказывается, что группа вліятельныхъ евреевъ. захвативъ въ свои руки кагальныя должности, до такой степени закабалила остальное еврейское населеніе г. Вильны и обложила его такими тяжкими, произвольными поборами и налогами, что бѣдному люду рѣшительно не стало житья. Кто былъ непріятенъ старшинамъ или оказывалъ имъ сопротивленіе, того они записывали въ какія-то «черныя книги», и это такъ устрашало непокорныхъ, что они поневолѣ смирялись.

—

Мы не могли исчерпать содержанія всѣхъ сколько-нибудь интересныхъ документовъ вновь изданнаго тома и старались отмѣтить въ нихъ лишь наиболѣе важное. Остается сказать нѣсколько словъ о самомъ изданіи.

Документамъ предпослано «Предисловіе», составленное редакторомъ настоящаго тома г. Спрогисомъ. Общій недостатокъ всѣхъ изданій Виленской Коммиссіи тотъ, что въ подобныхъ «предисловіяхъ» лишь кратко излагается содержаніе издаваемыхъ документовъ по из-

---

[1]) Еврейскіе сеймы въ Литвѣ собирались одинъ разъ въ каждые три года.

вѣстнымъ категоріямъ, безъ указанія и оцѣнки того, какую же научную цѣнность имѣетъ этотъ матеріалъ въ связи съ другими однородными данными, уже добытыми историческою наукою и вошедшими въ ея оборотъ. Безъ такого широкаго освѣщенія предмета, при передачѣ лишь содержанія новыхъ матеріаловъ, легко впасть въ извѣстную односторонность и незамѣтно перейти черту, отдѣляющую научное разсмотрѣніе вопроса отъ публицистическаго. Намъ кажется, что нѣчто подобное случилось и съ г. Спрогисомъ. Если сравнить его «Предисловіе» съ вступительною статьей проф. В. Б. Антоновича къ 1 тому V части «Архива юго-зап. Россіи», тоже посвященному актамъ и о евреяхъ, то легко сразу увидѣть разницу между научнымъ и публицистическимъ трактованіемъ одного и того же вопроса. Проф. Антоновичъ тоже не скрываетъ и не умаляетъ антиобщественныхъ чертъ еврейскаго населенія въ бывшемъ Польско-Литовскомъ государствѣ и того вреда, какой оно причинило мѣстному, коренному населенію въ нашемъ краѣ; но онъ объективно оцѣниваетъ условія, въ какія были поставлены тогда евреи, и даетъ понять, что эти-то ненормальныя условія и породили тотъ вредъ, какой возникъ для мѣстнаго населенія отъ сожительства съ евреями. У г. Спрогиса нѣтъ этой широты взгляда и справедливаго отношенія къ чужой народности. Онъ явно обнаруживаетъ свою нерасположенность къ еврейскому племени и откровенно выражаетъ недовольство тѣмъ, что оно не было въ свое время «поглощено и ассимилировано великимъ, могучимъ, извѣчнымъ организмомъ Русско-Литовскаго государства», «къ великой скорби исторіи». Безпристрастный читатель сразу видитъ, что это языкъ публицистики, а не науки...

Отмѣтимъ въ заключеніе одинъ редакціонный недосмотръ. На стр. 453 находимъ документъ, озаглавленный такъ: «1766 г., іюня 30. Привилегія короля Сигизмунда-Августа, снимающая съ евреевъ подозрѣніе въ убійствѣ христіанскихъ дѣтей»; на стр. 455 тоже: «1767 г. іюня 30. Привилегія кор. Сигизмунда-Августа...» Читателя поражаетъ странная хронологія: какой это Сигизмундъ-Августъ, дающій привилегіи въ 1766—67 годахъ? Оказывается, что обѣ эти привилегіи даны въ 1564 и 1566 гг. и лишь внесены (конечно, не въ первый разъ) въ актовыя книги Лит. трибунала и Виленскаго земскаго суда въ 1766—67 гг.; но въ такомъ случаѣ ихъ и помѣстить слѣдовало между документами XVI, а не XVIII ст.

О. Л.

С. А. Енохинъ. На вику, якъ на довгій ныви. *Елисаветградъ. 1903 г. 1—31 стр. Цѣна 20 коп.*

«На вику,—якъ на довгій ныви»... Какое громкое, эффектное, заманчивое и многообѣщающее заглавіе!.. За тридцать одну страницу маленькаго формата книжечки—двадцать копеекъ. Вѣроятно, малъ золотникъ, да дорогъ...

Однако, много ли на самомъ дѣлѣ скрывается за этимъ громкимъ названіемъ книжечки г. Енохина, и такъ ли и на самомъ дѣлѣ дорогъ его золотникъ?

Судя по громкому заглавію, можно было думать, что г. Енохинъ очень много видѣлъ, наблюдалъ и самъ лично испыталъ,—можно было ожидать, что въ своей книжечкѣ онъ дастъ интересный итогъ всего имъ видѣннаго, слышаннаго, передуманнаго и перечувствованнаго. Къ сожалѣнію, вмѣсто всего этого въ книжечкѣ нашего автора мы находимъ только нѣсколько довольно грубыхъ, подчасъ совсѣмъ не остроумныхъ, плоскихъ анекдотовъ, рисующихъ передъ нами крестьянина и его бытъ въ духѣ г.г. Раевскаго, Лучицкаго et cet... Чтобы не быть голословными, передадимъ вкратцѣ содержаніе первыхъ трехъ разсказовъ. Вотъ передъ нами крестьянинъ, который хочетъ увидѣть вѣдьму и для этого употребляетъ всякія освященныя народнымъ суевѣріемъ средства, а подъ конецъ напивается до безчувствія, во снѣ борется съ вѣдьмами и потомъ вѣритъ, что онъ, дѣйствительно, видѣлъ вѣдьму («Видьма»). Вотъ крестьянка, которой страстно хочется разбогатѣть. Для этого она продаетъ корову, покупаетъ много муки, напекаетъ «паляныць», передѣлываетъ «паляныци» (т. ч. ихъ никто не покупалъ) въ калачи, а эти послѣдніе въ квашу и, такимъ образомъ, теряетъ всѣ свои деньги («Кваша»). Вотъ парень, который поѣхалъ вѣнчаться въ церковь и по какой-то, одному только автору понятной причинѣ не замѣтилъ, какъ съ его невѣстою обвѣнчался другой «парубокъ» («Посунься»). Остальные два разсказа («Прыстроивъ гроши» и «Пошлы, Боже, сылкы (!)» по своему содержанію нисколько не лучше только что разсмотрѣнныхъ нами. Очевидно г. Енохинъ очень посредственный наблюдатель, если изъ всего видѣннаго имъ «на вику, якъ на довгій ныви» онъ только и смогъ отмѣтить пять совсѣмъ не характерныхъ анекдотовъ. Неужели же, на самомъ дѣлѣ, въ деревенской жизни нѣтъ ничего болѣе интереснаго, болѣе важнаго и болѣе заслуживающаго подробнаго описанія?..

Неважные по своему содержанію, разсказы г. Енохина не блещутъ и красотою формы. Разсказываетъ г. Енохинъ довольно скучно, однообразно, безъ всякой живости. Нѣкоторые изъ его разсказовъ положительно напоминаютъ собою газетную корреспонденцію или какой-то протоколъ («Пошлы, Боже, сылкы !»). Съ современной техникой разсказа нашъ авторъ, очевидно, совершенно не знакомъ. Всѣ его разсказы представляютъ изъ себя нѣчто въ родѣ этнографической, довольно сухой притомъ, записи. Единственнымъ достоинствомъ этихъ разсказовъ является ихъ довольно правильный и чистый въ общемъ украинскій языкъ. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи г. Енохинъ не вполнѣ безупреченъ («поприкать», «отказавъ» «одмовывъ» «не довольна», «удобнище»...), а странное правописаніе, принятое имъ въ своей книгѣ, часто ставитъ читателя положительно втупикъ («у ранци» «утромъ»...).

Такимъ образомъ, ближайшее знакомство съ книжечкой Енохина показало, что его золотникъ и малъ и не очень то дорогъ. Впрочемъ, мы ничуть не въ претензіи на автора за то, что онъ поставилъ на своей книжкѣ очень дорогую цѣну,—мы даже рады этому, потому что вслѣдствіе дороговизны книжка его не такъ скоро разойдется и не найдетъ такъ много читателей, какъ если бы она была подешевле...

В. Мировець

Творы О. Я Конисскаго-Перебенди, т. IV. *Одесса 1903, ц. 80 к.*

Если мы обратимъ вниманіе на даты, поставленныя почти подъ всѣми 13 «оповіданнями» IV тома «творівъ» покойнаго О. Я. Конисскаго, то увидимъ что половина помѣщенныхъ здѣсь „оповідань“ написана въ 80-хъ г.г. нѣсколько „оповідань“ относится къ 70-мъ и 90-мъ гг., одно написано въ 1862 и одно въ 1900 году. Отсутствіе хронологической системы въ группировкѣ литературнаго матеріала—недостатокъ, замѣтный во всѣхъ, вышедшихъ уже, четырехъ томахъ произведеній О. Я. Конисскаго. Вообще, безсистемность и случайная группировка произведеній упомянутаго автора должна быть поставлена въ упрекъ его издателямъ. Правда, у Конисскаго близкое сосѣдство произведеній 60-хъ и напр. 90-хъ годовъ не звучитъ диссонансомъ въ виду того, что всѣ его литературныя произведенія проникнуты однимъ духомъ любви къ меньшему брату и въ основѣ ихъ лежитъ одна идея—представить картину соціальнаго и экономическаго

строя и очертить при этомъ духовно-нравственный обликъ украинскаго общества, преимущественно его низшихъ слоевъ. Но тѣмъ не менѣе хронологическая безпорядочность въ группировкѣ произведеній О. Я. Конисскаго лишаетъ читателя возможности наглядно видѣть картину постепеннаго развитія литературнаго дарованія этого автора.— Лучшими изъ повѣстей, вошедшихъ въ 4-ый томъ, по своей художественной обработкѣ нужно признать слѣдующія: „Чернычка", „Драма въ тюрми", „Судья Гарбузъ", „Сичовыкъ", „Наввыпередкы", „Доля одного пысьменныка".—Съ внѣшней стороны книга издана удовлетворительно и заключаетъ въ себѣ 284 стр. средняго формата. Корректорскихъ ошибокъ мало. Желательно было бы въ послѣдующихъ томахъ изданія „творів" Конисскаго видѣть болѣе прочную бумагу.

В. С.

А. Андріевскій. Объ отношеніи Т. Г. Шевченка къ жизни. *Одесса, 1903 г. 1—16 стр.*

Прошло уже сорокъ слишкомъ лѣтъ со дня смерти Т. Г. Шевченка. За это время успѣла накопиться цѣлая громадная литература, посвященная его личности и поэтической дѣятельности. Трудно разобраться во всѣхъ этихъ, разбросанныхъ по всевозможнымъ журналамъ и написанныхъ на различныхъ языкахъ, матеріалахъ. Однако, даже при чисто внѣшнемъ только знакомствѣ съ ними нельзя не отмѣтить одного литературнаго явленія. До сихъ поръ большинство изслѣдователей, писавшихъ о Шевченкѣ, останавливались главнымъ образомъ на его многострадальной біографіи. Благодаря этому (особенно трудамъ покойнаго А. Я. Конисскаго), внѣшняя, такъ сказать, біографія нашего геніальнаго кобзаря болѣе или менѣе удовлетворительно разработана. Къ сожалѣнію, далеко нельзя сказать того же самаго относительно историко-литературнаго и критическаго разбора произведеній Шевченка. Правда, мы имѣемъ цѣлый рядъ небольшихъ изслѣдованій и статей, посвященныхъ разбору или отдѣльныхъ произведеній или основныхъ идей и мотивовъ произведеній нашего славнаго поэта (особенно ст. О. Партицкаго, проф. О. Огоновскаго, д-ра Франка, проф. Колессы, Зѣнковскаго и друг.), но не было у насъ еще такого человѣка, который бы собралъ всѣ эти матеріалы для внутренней біографіи Шевченка, который бы на основаніи всѣхъ этихъ матеріаловъ

и статей представилъ намъ болѣе или менѣе основательное, обстоятельное и подробное изслѣдованіе относительно собственно произведеній его. Между тѣмъ потребность въ подобномъ изслѣдованіи внѣ всякаго сомнѣнія. Безъ подробнаго и обстоятельнаго критико-литературнаго разбора никогда не будетъ для насъ вполнѣ ясна личность нашего геніальнаго Кобзаря, а также главныя мотивы и основныя идеи его безсмертныхъ произведеній. Въ настоящее время, въ виду приближающагося пятидесятилѣтняго юбилея со дня смерти Т. Г. Шевченка, положительно необходимо озаботиться не только составленіемъ его подробной біографіи, но и основательнымъ, критическимъ, строгонаучнымъ разборомъ его произведеній. Это послѣднее не такъ то уже и трудно сдѣлать,—нужно, главнымъ образомъ, собрать, объединить и систематизировать многочисленныя, разбросанныя въ различныхъ повременныхъ періодическихъ изданіяхъ статьи и изслѣдованія.

Послѣ этого нѣсколько длиннаго вступленія, намъ кажется, понятно то вниманіе, съ какимъ приходится относиться ко всякой попыткѣ освѣтить жизнь Шевченка на основаніи его произведеній, ко всякой попыткѣ подвести итогъ взглядамъ его на то или другое выдающееся жизненное явленія. Не удивительно поэтому, что мы съ большимъ интересамъ и вниманіемъ перечитали брошюру покойнаго А. Андріевскаго—„Объ отношеніи Т. Г. Шевченка къ жизни". Правда, незначительный объемъ книжечки (16 стр.) нѣсколько смутилъ насъ,—намъ казалось страннымъ и почти невозможнымъ затрогивать въ такой маленькой брошюркѣ такую глубокую и серьезную тему... Однако, обратимся уже къ самой книжкѣ г. Андріевскаго.

Отмѣтивши въ началѣ брошюры общее бодрое отношеніе къ жизни, которое характеризуетъ всю вообще лирику Шевченка, въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи почтенный авторъ старается найти отвѣтъ на вполнѣ естественный для всякаго знакомаго съ тяжелыми условіями жизни генія нашего слова вопросъ: чѣмъ же объяснить этотъ бодрый тонъ произведеній и цѣнность жизни въ глазахъ „геніальнаго горемыки". На основаніи анализа произведеній Шевченка и критическихъ замѣчаній къ нимъ другихъ изслѣдователей (Франко) г. Андріевскій показываетъ намъ, что общее бодрое настроеніе и цѣнность жизни у нашего поэта зависѣли отъ его любви къ природѣ, къ родинѣ и человѣчеству,—что эта любовь спасала поэта отъ отчаянія въ самыя тяжелыя минуты его жизни и помогала ему сохранить въ себѣ бодрость и силу духа.

Таково вкратцѣ содержаніе брошюрки г. Андріевскаго. Конечно, кто возьмется читать брошюру Андріевскаго съ мыслью найти въ ней полный и обстоятельный отвѣтъ на вопросъ объ отношеніи Шевченка къ жизни, тотъ жестоко ошибется. Благодаря своимъ слишкомъ незначительнымъ размѣрамъ, брошюра эта, собственно говоря, не даетъ ничего новаго и оригинальнаго. Впрочемъ, несмотря на это, она заслуживаетъ быть отмѣченною, какъ и всякая вообще попытка охарактеризовать ту или иную сторону многострадальной внутренней жизни нашего Кобзаря. Большимъ плюсомъ книжечки г. Андріевскаго является также та любовь и благоговѣніе передъ Шевченкомъ, которыя какъ бы проникаютъ всю ее, которыя проглядываютъ въ каждомъ словѣ ея.

В. Мировецъ.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1902 г., кн. 3 и 4. *С.-Петербургъ, 1902.*

Изъ статей и замѣтокъ, имѣющихъ отношеніе къ области нашего изслѣдованія, отмѣтимъ слѣдующія. Въ кн. 3-й *Д. Абрамовичъ. Изслѣдованіе о Кіево-Печерскомъ Патерикѣ, какъ историко-литературномъ памятникѣ*, (стр. 34—76, 43—65). Болѣе интересенъ анализъ этого памятника со стороны культурно-бытовой исторіи (въ послѣдней части); *Н. П. Некрасовъ. Замѣтка о двухъ статьяхъ въ договорѣ Игоря съ греками 945 г.* (стр. 77—78). Цѣнное объясненіе къ пониманію того мѣста договора, гдѣ идетъ рѣчь о побѣгѣ рабовъ («аще оускочитъ челядинъ отъ Руси»); *М. П—ій. Слово на Рождество Богородицы* (по рукописи музея чешскаго королевства, относимой къ XVI вѣку (стр. 115—126). Текстъ слова повидимому очень древній, судя по упоминанію въ немъ о «Роуси—новомъ твоемъ стадѣ», *В. Н. Щепкинъ.* II-й отчетъ отдѣленію русскаго языка и словесности (стр. 156—218). Для насъ интересны цѣнныя свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о византійской миніатюрѣ и древней русской иконописи, почерпнутыя изъ разсмотрѣнныхъ имъ древнихъ рукописей (XI—XIV в.) въ Римѣ, Болоньи и Венеціи; *Е. Н. Карскій. Къ вопросу объ этнографической картѣ бѣлорусскаго племени* (стр. 221—234). Очень важно для насъ опредѣленіе южной границы бѣлорусскаго племени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сѣверной малорусской (стр. 224—227); *Н. И.*

Коробка. Къ изученію малорусскихъ колядокъ (тр. 235—276). Авторъ пытается разобраться въ достоинствахъ и недостаткахъ методовъ изученія малорусскихъ колядокъ, созданныхъ А. Веселовскимъ и Потебней. Выступая противъ туманности въ изслѣдованіяхъ, объясняемой въ извѣстной степени «отторженностью отъ соціологической почвы, которой страдаютъ въ большей или меньшей степени труды изслѣдователей школы заимствованій», почтенный авторъ, однако, не проясняетъ затрогиваемыхъ имъ вопросовъ, затемняя ихъ, какъ намъ кажется, еще болѣе новыми гипотезами. Тѣмъ не менѣе изслѣдованіе автора содержитъ много цѣнныхъ указаній, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе изслѣдователямъ народной поэзіи. Въ отдѣлѣ библіографіи—*И. А. Лось. Народный элементъ въ польской поэзіи* (рецензія на книгу Stanisław Zdziarski: «Pierwiastek ladowy w poezji polskiej XIX wieku. Warszawa, 1901)—указанія на то, въ какой степени малорусская народная словесность отразилась въ польской литературѣ, и общія упоминанія о польско-украинской школѣ; рецензія К. О. Тіандера на работу St. Rożnieck'аго Perun und Tor (Arch. für slav. Filologie, т. XXIII.

Въ кн. 4-ой. О. Ашботъ. Нѣсколько замѣчаній на сочиненія В. И. Ягича объ исторіи происхожденія церковно-славянскаго языка. I. Болгарское шт и славянскія, заимствованныя, слова венгерскаго языка. II. Мадьярское angyal „Engel“ (стр. 246—320). Цѣнное филологическое изслѣдованіе, имѣющее немалое значеніе для нашей филологіи. *А. Погодинъ. Къ вопросу о геродотовскихъ Неврахъ* (стр. 346—353). Авторъ приходитъ къ выводу о тождественности Невровъ со славянами, основываясь, между прочимъ, на данныхъ географической номенклатуры, а именно, допуская, что тырь или тыръ (Τύρης, Τύρις, Τύρας)=Стырь (какъ Вислочь=Свислочь), отсюда и Днѣстръ= Dona—stris (или ster), значитъ „въ *stris* кроется память о прежнемъ названіи Днѣстра Стырью“. Въ отдѣлѣ библіографіи—*Г. Улашинъ.* Польскія библіографическія изданія за послѣдніе годы (1898—1901) (стр. 366—402). Въ обзорѣ этихъ изданій встрѣчаемъ указанія на давнія печатныя и рукописныя (напр. въ покуцкомъ музеѣ въ Коломыѣ) произведенія, небезынтересныя для насъ.

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы текущаго года: 1) Русскій Архивъ, № 3; 2) Русская Старина, № 3; 3) Историческій Вѣстникъ, № 3; 4) Русское богатство, № 1; 5) Міръ Божій, № 3; 6) Русскій Вѣстникъ, № 3; 7) Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія, № 3; 8) Университ. (Кіевскія) Извѣстія, № 2; 9) Варшавскія Университ. Извѣстія, № 1; 10) Ученыя записки Казанскаго Университета № 2; 11) Труды Кіев. Духовн. Акад. № 2; 12) Книжки Восхода, № 2; 13) Земск. Сборн. Черниг. губ. № 2; 14) Литер.-Наук. Вистн. № 2 и 3.

Русскій Архивъ, № 3.

Письмо I. Ф. Квитки (Основьяненка) къ С. Т. Аксакову (стр. 445—447). Письмо это относится къ 1829 году и касается комедіи «Дворянскіе выборы» и ея постановки на Московской сценѣ.

Русская Старина, № 3.

Изъ письма Н. М. Языкова къ брату его Александру Михайловичу. Сообщилъ В. И. Шенрокъ (стр. 529—539). Въ этихъ отрывкахъ изъ писемъ встрѣчаются краткіе отзывы о М. А. Максимовичѣ, Гоголѣ и О. М. Бодянскомъ. Больше всего отзывовъ, и при томъ самыхъ неблагопріятныхъ, о Максимовичѣ, котораго Н. М. Языковъ считаетъ ничего не понимающимъ въ дѣлѣ литературы. Напр., говоря объ изданіи «Денницы», авторъ писемъ сообщаетъ: «Обозрѣніе русской словесности до 1830 года пишетъ самъ Максимовичъ. Уже мѣсяцъ, какъ носится онъ съ нимъ по знакомымъ домамъ, собирая коекакія мнѣнія и изреченія о предметахъ, которыхъ самъ ничуть не понимаетъ, и изъ этого выходитъ такая сумятица, такая гиль, что не дай Богъ злому татарину быть ея авторомъ!»

Историческій Вѣстникъ, № 3.

Въ отдѣлѣ „Критика и библіографія“ находится отзывъ о книгѣ П. Ф. Павловскаго. Полтава въ началѣ XIX вѣка. Вып. I. Генералъ-Губернаторство Куракина (1802—1808 г.)

Русское Богатство, № 1.

Въ отдѣлѣ «Новыя книги» помѣшенъ отзывъ о книгѣ *Т. Лубенца* «Педагогическія бесѣды», гдѣ между прочимъ идетъ рѣчь о преподаваніи въ школѣ на мѣстномъ языкѣ, при чемъ ставится автору бесѣдъ въ упрекъ его сбивчивая точка зрѣнія на постановку вопроса о преподаваніи на малорусскомъ языкѣ (стр. 35—37).

Міръ Божій, № 3.

Н. Рожковъ. Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія (продолженіе: глава 2-ая, стр. 123—150). Здѣсь авторъ трактуетъ о народномъ хозяйствѣ Кіевской Руси (съ VI до к. XII в.). Господствующей отраслью хозяйства была добывающая промышленность (звѣроловство и пчеловодство). Въ менѣе развитомъ сельскомъ хозяйствѣ скотоводство преобладало надъ земледѣліемъ. Обрабатывающая промышленность и торговля (преимущественно внѣшняя) были весьма незначительны. Затѣмъ идетъ разслѣдованіе—о формахъ землевладѣнія:—о семьѣ и верви, какъ хозяйственныхъ единцахъ, о землевладѣніи высшихъ классовъ и смердовъ; о техникѣ или системѣ хозяйства (экстенсивной, хищнической); о распредѣленіи хозяйственныхъ благъ.

Русскій Вѣстникъ, № 3.

Въ отдѣлѣ «Современная лѣтопись» (на стр. 436—439) находимъ двѣ замѣтки. Первая—«Галицко-русское братство»—привѣтствуетъ открытіе этого общества, ожидая отъ него великихъ и богатыхъ милостей для нашихъ закордонныхъ братьевъ. Наше мнѣніе высказано уже во II-ой и III-ей книжкѣ. Въ другой замѣткѣ «Маленькій пунктъ зарубежной программы» журналъ высказываетъ свое сужденіе о задачахъ украинофильской партіи. Украинофильство называется здѣсь поверхностной и ничтожной затѣей нѣсколькихъ пустыхъ интеллигентовъ и т. п. Старая, неумная и непорядочная выходка.

Журналъ Минист. Нар. Просв., № 3.

М. К. Любавскій. Новые труды по исторіи Литовско-русскаго сейма (окончаніе, стр. 121—167).

Въ этой обширной и детальной рецензіи подвергнуты разбору изслѣдованія М. В. Довнаръ-Запольскаго «Спорные вопросы по исторіи литовско-русскаго сейма» и Н. А. Максимейко „Сеймы литовско-русскаго государства до 1569 г.“ Въ послѣднемъ трактатѣ, по мнѣнію рецензента, благодаря неправильному методу раціоналистическаго объясненія историческихъявленій, собственно отрицается исторія сейма, отрицается всякое движеніе, всякія перемѣны въ составѣ и компетенціи этого учрежденія въ зависимости отъ внутреннихъ условій государственной жизни.

Въ этомъ же отдѣлѣ „критики и библіографіи“ помѣщенъ отзывъ *А. И. Соболевскаго* (стр. 182—185) объ изслѣдованіи *Д. Совицкаго.* Русскій гомилетъ XVIII в. Іоакимъ Богомолевскій; и *С. Н. Браиловскимъ* сообщенъ новый документъ къ біографіи св. Димитрія Ростовскаго. *См.* „*Замѣтки по литературѣ* переходного времени“ (стр. 185—188).

Университетскія Кіевскія Извѣстія, № 2.

М. А. Стельмашенко. Политическая дѣятельность Петра Скарги (продолженіе отд. VIII, IX, стр. 81—149).

Въ этой части изслѣдованія идетъ рѣчь о Скаргѣ, какъ иниціаторѣ и руководителѣ уніатскаго движенія въ королевствованіе Баторія; о трудахъ и вліяніи Скарги, какъ писателя (автора произв. «O jedności kościola»), проповѣдника, организатора и агитатора, вдохновеннаго поборника польскихъ національныхъ и римскихъ религіозныхъ идеаловъ; затѣмъ трактуется о дѣятельности Скарги при Сигизмундѣ III, при чемъ дается общая картина положенія православной церкви въ Польшѣ, изображается почва, на которой выросла религіозная унія 1596 года.

А. С. Грушевскій. Пинскіе акты XV—XVI вв. (стр. I—16). Приложеніе къ сочиненію «Очеркъ исторіи Турово-Пинскаго княжества».

Предположенные къ печатанію здѣсь акты распадаются на 2 группы: 1) акты, относящіеся къ исторіи Пинскаго Полѣсья, за 1471—1566 гг.; 2) акты, обрисовывающіе различныя стороны мѣстнаго быта и жизни, выбранные изъ книги Пинск. Гор. Суда за 1561—1563 гг. Первыхъ 75 №№, вторыхъ 35 №№. Въ настоящей книгѣ напечатаны только 11-ть первыхъ №№.

Вавшавскія Университетскія Извѣстія, № 1.

Проф И. П. Филевичъ. Къ исторіи Карпатской Руси (продолженіе, стр. 41—64).

Здѣсь авторъ останавливается на самомъ свѣтломъ событіи Галицкой весны 1848 г.—на октябрьскомъ (съ 19-го по 26-е) собраніи русиновъ, на которомъ они вырабатывали этнографическое опредѣленіе своей народности и рѣшили вопросъ о своемъ литературномъ языкѣ. Галицкая Русь была объявлена частью 15-милліоннаго народа, т. е. Украинской Руси и умолчано объ остальной Руси. Языкомъ общенароднаго просвѣщенія былъ признанъ малорусскій. Эти факты блестяще опровергаютъ слова и иллюзіи профессора, какими онъ хочетъ перетолковать ихъ въ пользу своей позиціи.

Земскій Сборникъ Черниговс. губ., № 2,

«Музей украинскихъ древностей, пожертвованный Черниг. губ. земству В. В. Тарновскимъ» (стр. 50—65).—Здѣсь разсказана исторія перехода музея въ собственность земства и дано описаніе отдѣловъ музея.

Въ *приложеніяхъ* продолжается печатаніемъ «Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка «1729—30 гг.» подъ редакціей Н. П. Василенка (стр. 289—320).

Літературно-Науковий Вістник, № 2 и 3.

Зміст: Із поезий *М. Вороного*: I. I кар; II. До моря і III.—Із поезий. *Над. Кибальчич:* I. Уривок; II. Переспів; III. З давнини і IV.—*М. П. Старицький.* Заклятий скарб (подільська легенда).—Целебс, *М-а.—Волод. Винниченко*—Народний діяч.—Із поезий *Некрасова*—переклад Франка.—*Волод. Короленко*—Оповідання про Фльора-Римлянина і Агріппу-царя.

— Ненастанна деградація енергії, *Юл. Гірняка.*—Новини нашої літератури: 1) Нове укр. оповідання М. Вовчка, оцінка Франка; 2) Талан чи випадковість. Ів. Личка; 3) М. Чернявський, Зорі, рец. Франка; 4) Народний декляматор, рец. Франка; 5) Про календар «Просьвіти на рік 1903», В. Левицького; 6) Б. Лепкий, Осінь, рец. М. Грушевськоі.—Руські памятники в Кракові, О. Макарушки.—Мик. Некрасов, М. Грушевського.—Дискусиі: 1) В погоні за новою красою:

а) Прінціпи і безпрінціпність, Ів. Франка; б) Для прояснення неясности, В. Коцовського.—Народня осьвіта в Росії по цифрам, Р. Петлюри.—Надъ сьвіжими могилами: І. Павлові Грабовському—Б. Грінченка, Г. Ков.-Кол. і Ів. Франка; ІІ. Кость Горбаль, Ів. Франка.—Хроніка і бібліографія.

Із поезій *В. Сивенького:* І. Заспивав би я; ІІ. Божий приклад.—Із поезий Вол. Темницького і Осипа Фаціевича.—*М Вороний,* Іванові Франкові —*М. П. Старицький,* Заклятий Скарб.—*М. Яцків,* Поема долин.—*П. Барвінський,* Титарь.—*М. Степовенко,* З життя гімназіястів.—*Н. Дойль,* За кулисами діпльоматичної сцени.—Із німецьких народних пісень. 1) Пісня про кравців, перекл. Фр.

Д. Мордовець, Про незабутне.—*Д-р. І. Копач.* На старім шляху.—*Д-р. М. Кордуба,* Біблія в осьвітленю найновійших вавилонських розкопів.—Гн. Хоткевич, Дрібні Листи з України.—Дискусиї. ІІ. Чи повинні ми просьвічати наші діти про полові справи, М. П.—Історичне товариство в Чернівцях.—Хроніка і библіографія.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

14 февраля н. г. и. д. доцента С.-Петербургской духовной академіи Д. И. Абрамовичъ защищалъ диссертацію. «Изслѣдованіе о Кіево-Печерскомъ Патерикѣ, какъ историко-литературномъ памятникѣ». Ислѣдуемый авторомъ Патерикъ является,—богатымъ и цѣннымъ источникомъ: здѣсь много данныхъ, касающихся церковной жизни вообще и монашества, въ частности. Въ немъ немало указаній также на политическія, общественныя и бытовыя отношенія того времени. Диссертантъ считаетъ Кіево-Печерскій Патерикъ—однимъ изъ источниковъ для изученія «Несторовой Лѣтописи»: вопросъ же объ этой послѣдней онъ отдѣляетъ отъ вопроса о «Повѣсти временныхъ лѣтъ», въ томъ именно смыслѣ, что «Лѣтопись» есть лишь составная часть «Повѣсти». Въ Кіево-Печерскомъ Патерикѣ, мы находимъ указаніе на составъ «Несторовой Лѣтописи, изъ котораго видно, что въ эту послѣднюю входило лишь нѣсколько сказаній: «Слово о первыхъ черноризцахъ Печерскихъ», „Слово объ открытіи и перенесеніи мощей пр. Ѳеодосія Печерскаго“ и нѣсколько мелкихъ церковно-историческихъ извѣстій и замѣтокъ. Остальная часть диссертаціи посвящена литературной

исторіи Патерика, и анализу цѣлаго ряда памятниковъ, частью входящихъ въ составъ послѣдняго, частью связанныхъ съ нимъ. Д. И. Абрамовичъ—сынъ священника Волынской епархіи, состоя членомъ-корреспондентомъ общества любителей древней письменности, онъ принималъ дѣятельное участіе въ послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ.

Въ засѣданіи харьковскаго историко-филологическаго Общества 7 марта, было доложено о предложеніи московскаго археологическаго Общества озаботиться составленіемъ указателей статей по исторіи, археологіи и этнографіи, напечатанныхъ въ мѣстныхъ Харьковскихъ изданіяхъ. Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ по этому поводу замѣтилъ, что *Библіографическій указатель И. А. Устинова* (1887) обнимаетъ собой литературу о харьковской губерніи до *1880* г., въ частности представляетъ полный указатель къ „Харьк. Губ. Вѣд.“ съ 1838 г. по 1880 г. включительно. Устиновъ воспользовался многими библіографическими статьями и указателями, и трудъ его представляется въ настоящее время цѣннымъ пособіемъ. Но съ 1880 г. остается непочатое поле для библіографіи, при чемъ наиболѣе матеріала представляютъ „*Южный Край*“ и „*Харьк. Губ. Вѣд.*“, преимущественно въ отдѣлѣ корреспонденцій, и затѣмъ изданія харьк. губ. статистическаго комитета, въ частности „Статистическій Листокъ“ покойнаго проф. И. П. Сокальскаго. Постановлено просить редакціи мѣстныхъ газетъ озаботиться составленіемъ библіографическихъ указателей по исторіи, археологіи и этнографіи съ 1880 года. Прекратившіяся изданія разобраны для пересмотра членами Общества. („Южный Край“, 667).

Харьковскимъ университетомъ предпринимается изданіе «Исторической записки объ Императорскомъ харьковскомъ университетѣ за 100 лѣтъ его существованія». Трудъ этотъ долженъ вкратцѣ дать понятіе о заслугахъ харьковскаго университета, какъ учебнаго заведенія и учрежденія ученаго и просвѣтительнаго. Планъ «исторической записки» составленъ профессоромъ Д. И. Багалѣемъ. Сообразно съ дѣйствовавшими 4 уставами, въ запискѣ будетъ четыре отдѣла. («Южный Край», 7638).

Въ «Новомъ Времени» проф. П. А. Висковатовъ сообщилъ свои воспоминанія о смерти и похоронахъ Т. Г. Шевченка.

Въ 73 № «Полтавскаго Вѣстника», въ 56 № «Волыни» и въ 105 № «Биржевыхъ Вѣд.» находимъ обстоятельныя и восторженныя описанія Шевченковскаго вечера въ Петербургѣ (27 февр. н. г.).

Памяти Т. Гр. Шевченка—въ 42-ую годовщину его смерти посвящены статьи въ слѣдующихъ періодическихъ изданіяхъ: 1) «С.-Петербургск. Вѣд.», № 55, ст. А. Л—каго; 2) «Кіевская газета», № 57, ст. В. Мировця; 3) „Южный Край", № 7649, ст. Ан. Молдавскаго; 4) Астраханскій листокъ, № 44, В. С—аго; 5) «Кубанскія областн. вѣдом.», № 46.

Черниговской ученой архивной коммиссіей составлена и разсылается обширная программа для собиранія археологическихъ, историческихъ и этнографическихъ данныхъ по черниговской губерніи. Программа распадается на 12 отдѣловъ: древности археологическія и историческія, древности юридическія (семейный бытъ, имущественныя отношенія, поземельно-экономическія отношенія, уголовное право), народная словесность, бандуристы (кобзари) и лирники, повѣрія и суевѣрія, училище и дворъ, одежда, пища и напитки, украшенія, народная музыка, занятія, ремесла и промыслы (земледѣліе, скотоводство, овцеводство, птицеводство, рыболовство, охота, сапожничество, пчеловодство, мирошничество, плотничество, токарство, колесничество, бондарство, выдѣлка деревянной посуды, портняжество, торговля, нищенство и проч.). Детально и умѣло составленная программа обѣщаетъ дать богатый матеріалъ по описанію губерніи. Эта программа небезынтересная и для архивныхъ коммиссій другихъ губерній напечатана въ январскомъ № «Сборника черниговской губерніи» за 1903 годъ. („Вѣстникъ Юга", 367).

Въ 369 № «Вѣстника Юга», находимъ горячо прочувствованную замѣтку «Памяти героя труженика», посвященную А. А. Андріевскому, какъ учителю и писателю.

Въ 7669 № „Южнаго Края“ г. Евг. Альбовскій помѣстилъ оч интересную статью «Когда основанъ г. Харьковъ? (По новымъ архивнымъ документамъ»). Устанавливая годъ основанія города (1654) и личность основателя (Ив. Корчакъ), авторъ даетъ общую картину колонизаціи и существованія Харькова въ первые его годы.

Въ 11 № „Вѣстника Самообразованія“ за 1902 г. находимъ довольно обстоятельную статью „Историческій музей имени В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ“.

Въ 54 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» появилась полемическая статья г. Котовича «О племенномъ составѣ гродненской губ. Основное положеніе автора,—что народная масса гродненск. губ. (главн. обр., юго-западной части ея) принадлежитъ къ малорусскому племени, доказывается изслѣдованіемъ Е. О. Карскаго «Къ вопросу объ этнографическ. картѣ бѣлорусскаго племени». Другое положеніе, что мѣстное православное духовенство развитѣе великорусскаго, доказывается историческими судьбами края, давшаго и дающаго многихъ выдающихся общественныхъ дѣятелей и ученыхъ

Въ № 11 Словинскаго журнала „Ljubljanski Zvon“ помѣщена рецензія Ант. Ашкерца (выдающагося современнаго словинскаго поэта) на книжку С. Яричевскаго «Франц Прешерн, найбільший сьовінский поет. Його жите і твори. Перемишль 1902». Рецензія весьма сочувственна, и свидѣтельствуетъ о знакомствѣ автора съ нашей литературой.

Въ 1753 № «Приднѣпровскаго Края» находимъ глубоко интересную и поучительную статью «Къ исторіи музея им. А. Н. Поля». Екатеринославское Общество проявило выдающуюся заботливость и энергію при созданіи своего музея. Между пожертвованіями особенно интересна коллекція запорожскихъ древностей Д. И. Эварницкаго. Всего въ музеѣ свыше 3650 №№.

Въ 1433 № „Юга“ находимъ оцѣнку новой книжки «На вику,—якъ на довгій ныви“, С. Енохина.

Въ № 49 „Кубанскихъ обл. вѣдомостей“ помѣщена обстоятельная статья «Кобзарь Мыхайло Кравченко».

Въ 2094 «Южнаго Обозрѣнія» г. Кыслыкъ далъ оч. сочувственную рецензію на важнѣйшія украинскія изданія преимущественно Кіевскія, за 1902 годъ.

Въ Энциклепедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона (71 полутомъ, стр. 473—476), напечатана статья А. Крымскаго объ Ів. Франко.

Въ 7649 № (19 февр.) „Южнаго Края“ находимъ оч. цѣнную статью проф. Н. Ѳ. Сумцова «Изъ мрака къ свѣту»,—посвященную характеристикѣ крѣпостничества на основаніи печатныхъ данныхъ и устныхъ преданій изъ харьковской старины.

Въ 54 № „Русскихъ Вѣдомостей“ дана сочувственная рецензія на брошюру *Е. Чикаленка.* „Розмова про сельске хазяйство 5-та кныжка. Садъ“.

Въ 45 № „Волыни“ помѣщена самостоятельная и подробная характеристикастатьи англійскаго журнала The Athenaum (№ 3924, янв. 10, 1903 г.) объ украинской литературѣ. (см. о ней нашъ журналъ кн. II, стр. 79).

Годичнымъ подписчикамъ «Юга» обѣщана интересная премія—2-я часть книги «Клады и древности Херсонской губерніи».

Въ Библіографическомъ листкѣ № 7 Волыни находимъ сочувственную рецензію на «Литературный Збирныкъ, зложенный на спомынъ Ол. Коныського. (1836—1900). Кыивъ, 1903). Авторъ г. К. прихо-

дитъ къ выводу, что молодая украинская литература замѣтно развивается, что литературный языкъ уже значительно выработался и окрѣпъ; подчеркиваетъ также «почвенность» современныхъ украинскихъ писателей, т. е. тѣсную связь ихъ съ своимъ народомъ.

Въ 5391 № «Кіевскаго Слова» г. Лисовыкъ далъ оч. обстоятельную оцѣнку того же «Литературнаго Збирныка». Рецензентъ отмѣчаетъ идею и художественныя достоинства каждаго произведенія, вошедшаго въ «Збирныкъ», находитъ что новая, свѣжая струя проходитъ черезъ весь сборникъ и придаетъ ему особый интересъ.

Въ № 2085 «Южнаго Обозрѣнія» находимъ оч. цѣнную, оригинальную статью покойнаго А. А. Андріевскаго «Степь и море въ произведеніяхъ Т. Гр. Шевченка».—Авторъ исчерпалъ всѣ стихотворенія поэта, въ которыхъ является на сцену степь и море, какъ обстановка дѣйствія, какъ самостоятельный образъ, какъ поэтическое сравненіе; онъ приводитъ массу отрывковъ изъ разнообразныхъ по содержанію и формѣ произведеній Шевченка. И въ личной жизни поэта, и въ настоящемъ и прошломъ Украины оч. часто вспоминаются степь и море. Слово степь встрѣчается въ «Кобзарѣ» 79 разъ.

Къ № 7656 «Южнаго края» проф. Н. Ѳ. Сумцовъ помѣстилъ прекрасную статью «О рисункахъ и картинахъ Т. Г. Шевченка (преимущественно харьковскихъ). Шевченко едва-ли не первый русскій офортистъ; въ его рисункахъ чувствуется художественное настроеніе. Какъ живописецъ, онъ является типичнымъ, лучшимъ ученикомъ Брюлова и Рембрандта. Рисунки его имѣютъ важное авто-біографическое, историческое и этнографическое значеніе. Сумцовъ подробно описываетъ двѣ харьковскія картины Шевченка, написанныя масляными красками; это—«Спаситель»—въ духѣ Брюлова, хранящійся въ коллекціи Б. Г. Филонова, и «Бурлакъ» въ стилѣ Рембрандта изъ музея харьковск. университета. Въ заключеніе, профессоръ высказываетъ пожеланіе, чтобы всѣ рисунки и картины Шевченка были воспроизведены и изданы.

Въ „Сб. Вѣдом.“. (№ 19 и 20) помѣщены были двѣ статейки по вопросу о томъ, кто была мать Н. А. Некрасова. Первая изъ нихъ представляетъ краткое извлеченіе изъ замѣтки, напечатанной г. Оберучевымъ въ нашемъ журналѣ (см. № 1-й), а вторая, принадлежащая перу М. Филиппова, высказываетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы можно было утверждать не польское происхожденіе матери Некрасова. Свои доводы авторъ основываетъ, главнымъ образомъ, на поэмѣ Некрасова «Мать», имѣющей автобіографическій характеръ.

Въ «Вѣстникѣ Юга» (№ 333) напечатана статья *Г. Ков.-Кол.*, посвященная памяти недавно почившаго украинскаго поэта П. А. Грабовскаго.

Въ Вѣнскомъ Zeitschrift für oesterreichische Volkskunde (въ посл. кн. 1902 г.) напечатана рецензія на кн. В. Тухевича „Гуцульщина“. Къ статьѣ приложено много рисунковъ.

Въ 3 и 4 кн. Slovanský Přehled помѣщена интересная статья д. В. Гнатюка о положеніи украинской литературы въ Россіи.

Новое изданіе. Во Львовѣ недавно появилось новое періодическое изданіе «Іскра», подъ редакціей Павла Волосенка, спеціально предназначенная для украинской молодежи. Изъ вступительной статьи видно, что журналъ издается студентами старшихъ курсовъ для учениковъ и учеництъ среднихъ учебныхъ заведеній, которые, по мнѣнію редакціи,—должны «вчитись, як на сьвіті жити»; т. е. пріобрѣсть тѣ познанія, какихъ не даютъ школьные учебники, т. е. слѣдить за всевозможными проявленіями жизни и духа человѣческаго и выработать цѣльное міросозерцаніе, которое дало бы возможность оріентироваться среди различныхъ явленій общественной жизни. Всѣмъ этимъ потребностямъ молодежи будетъ удовлетворять «Іскра», при чемъ редакція заявляетъ, что она вовсе не желаетъ ставить китайскую стѣну между воспитанниками среднихъ заведеній и студентами, которые имѣютъ свой отдѣльный органъ «Молода Україна». Оба эти журнала должны установить болѣе тѣсную связь между старшими и младшими членами

украинской молодежи, чтобы соотвѣтственно подготовить ихъ къ полезной работѣ на пользу родного народа.

Вѣнская газета *Die Zeit* начала печатать въ своихъ фельетонахъ разсказъ д-ра Івана Франка «На Дні» (Der Bodensatz).

Еженедѣлный журналъ «Slovanský Obzor», начавшій выходить съ начала сего года въ Прагѣ подъ редакціей Ярослава Розводы, содержитъ въ № 3 переводъ новеллы Васыля Стефаныка «Кленові листки».

Въ № 24 газ. «Руслан» др. Ярослав Окуневскій помѣстилъ интересныя воспоминанія о М. П. Драгомановѣ, относящіяся къ 1891—1893 гг. Въ №№ 45, 46 той же газеты начато печатаніемъ письмо въ редакцію М. Павлика „М. Драгоманов, „високій рівень украінства та «нова ера»,—являющееся возраженіемъ на «Замітку до згадки д-ра Я. Окуневскаго про Драгоманова», помѣщенную въ №№ 26 и 27 «Руслана».

Въ № 46 газ. «Руслан» помѣщено стихотвореніе Богдана Лепкого „*В XLII* річницю смерти Тараса Шевченка“ и небольшая статья отъ редакціи «*Тарас Шевченко*»,—о значеніи поэта въ пробужденіи національнаго самосознанія украинскаго народа. Номеръ украшенъ двумя иллюстраціями: «Тарас Шевченко в домовині» і „Шевченкова могила“.

Въ №№ 29, 30, 33—35 «Руслана» помѣщена интересная статья Степана Томашівського «Враження з побуту на Украіні». Авторъ, извѣстный украинскій историкъ, дѣлится своими наблюденіями, въ большинствѣ случаевъ весьма цѣнными, такъ какъ это не простое изложеніе субъективныхъ впечатлѣній путешественника, а научно, съ исторической точки зрѣнія, обоснованные выводы.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Андріевскій А. Объ отношеніи Т. Г. Шевченко къ жизни. Одесса. 1903 г.

Бодянський Осип. Наські укрінські казки запорожця Іська Матиринки. Видав і пояснив Франко (Літ-Наук. Бібл. Ч. 49—50). У Львові, 1903. Наклад. укр-руськ. Видавн. Спілки. Ст. 88 ц. 50 сот.

Будзиновский Вячеслав. Руский страйк в 1902 році. Львів, накладом «Свободи». ст. 104.

Вахевичъ Б. А. Западно-русская лѣтопись по списку Румянцевскаго музея. Одесса, 1903 г., ц. 75 к.

Hутпе. Український гимн, видання Сидорацькаго. Paris. Українська тискарня у Паріжі. ціна 50 с. ст. 20.

Гостинецъ чемним діточкам. Видання черновецькоі філіі тов-а „Руска Школа" Ч. 1. Черніівці, 1903 ст. 16, ціна 6 ст.

Гумористичний—ілюстрований каляндар «Комара» на 1903 р. З друкані Уділовоі. стр. 68, ціна 50 сот.

Дубове лысте. Альманахъ на згадку про П. О. Кулиша. Упорядкувалы: М. Черниявськый, М. Коцюбинськый, Б. Грінченко. Зъ 4 потретамы та зъ малюнкамы: У Кыиви, 1903, ц. 1 р. 50 к. стр. 278.

Енохинъ С. А. На вику,—якъ на довгій ныви. Елисаветградъ 1903 г. ц. 20 к.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка. т. L., кн. II., Львів. ст. 192, ц. 3 кор.

Збірник математично-природописно-лікарскоі секциі Наукового тов. ім. Шевченка. т. VIII. Випуск II. Часть математично-природописна під редакциєю Ів. Верхратского і Волод. Левицкого. Львів. 1902, стор. 190, ціна 3 к.

Золя Еміль. Смерть Олівія Бекайля. Перекл. М. Грушевська (Літ-Наук. Бібл. Ч. 51). У Львові; 1903. Накл. укр-руськ. Вид. Спілки. ст. 56, ц. 50 ст.

Конощенко Андрій. Украинськи писни зъ нотами. Друга сотня. Одесса стр. 141+III.

Крушельницкий Антін. Героі, драма. Коломия. ціна 70 сот. Стор. 48.

Лебедів Віра. Мами. Нариси із нашоі домашноі педагогіі. У Львові, 1902. З друк. Н. Т. ім. Шев. ст. 26, 8⁰. (Виданнє Руского Товариства Педагогічного, ч. 105). Ц. 20 сх.

Марченко Ярослав. Власна хата. Прольог. написаний на відчинене Народного Дому в Бережанах, I—III 1903 р. Коломия, 1903. Накладом редакціі «Поступу».

На коляду Руси-Украіні оден сніп з гайдамацькоі ниви. Львів, 1903. Накладом ред. „Гайдамака". Ст. 80, ц. 20 сот.

Народний декляматор. Коломия, 1903. Ст. XVI+306. Ціна 120 кор.

Народно-церковні пісні. Уложив текст і ноти о. В. Стех. Ч. С. В. В. Ціна 12 сот. Львів, 1903.

Правнича Библіотека, т. II. Про австрийске право облігацийне. Львів, 1903. Накладом Наук. Т. ім. Шевч.

Пропамятне письмо, предложене Его Святости Льву XII. Папі Римскому в імени руского народа провінциі Галицькоі в Австриі в справі руско-католицкоі церкви в Америці. Львів, 1902 р. ц. 10 сот.

Руська Історична Бібліотека. Т. XXII. Розвідки про селянство на Украіні-Руси в XV—XVIII в. Ч. 2. У Львові. Ст. VIII+272. Ц. 3 кор.

Зміст: 1) Вступне слово від редакциі, 2) Владимірскій-Будановъ. Форма селянського володіння землею в Литовсько-руській державі XVI в; 3) Його жъ: Селянське володіння землею в Західній Руси до 1/2 XVI в; 4) Олександер Лазаревський. Украінські посполиті (1648—1783), історико-правничий начерк; 5) Додатки; 6) Показчик імен.

«Свѣтъ» Календарь на годъ 1903. Цѣна 35 цент. Изданіе американской газеты «Свѣтъ». Бриджпорт.

Слюсарчук. Алексій парох. Псалтира розширена въ дусѣ христіяньскои молитвы и церковного богослуженя, на основѣ выкладôвъ д-ра Вольтера, Р. Белярмина и д-ра В. Райшля. Печатня о.о. Василиян. Жовква, 1903.

Теяковъ И. Рынки найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ на Югѣ Россіи въ санитарномъ отношеніи и врачебно-продовольственные пункты. I. Врачебно-продовольственные пункты для пришлыхъ рабочихъ въ херсонской, екатеринославской, самарской, симбирской и другихъ губерніяхъ. Спб. 1902. Ц. 50 к.

Тобилевичъ Иванъ (Карпенко-Карый). Драмы и комедіи. Томы III и IV. Одесса. 1903 г. цѣна каждаго тома 1 р. 25 к.

Зміст III-го т: 1) По-надъ Днипромъ, 2) Хазяинъ, 3) Лыха искра поле спалыть и сама счезне. Зміст IV-го т: 1) Чумакы, 2) Сава Чалый, 3) Пидпанкы.

Труды V сельско-хозяйственнаго съѣзда юго-западнаго края о нуждахъ с.-хоз. промысла. Подъ ред. Т. Локтя. 250 стр. Ц. 1 р. 50 к. Кіевъ, ред. «Земледѣліе».

Хлопска політика. Серия I, т. II. Ціна 53 сот. Накладом В. Будзиновского. Львів, 1903.

Хроніка украінсько-руського Наукового Товариства імени Шевченка у Львові. Р. 1902. Вип. IV. ч. 12 (вересень-грудень). Ст. 26. Ц. 30 сот.

Чи є тепер панщина? Оповідане. (Наука і Розвага. Народня Бібліотека. Додаток до «Приятеля», ч. I, 1903). Чернівці, 1903. Стр. 32. Ц. 10 сот.

Шекспір Уілліям. Міра за міру. Переклад М. А. Куліша. Видав і пояснив др. Ів. Франко. (Белетристична бібліотека. Ч. 48). Львів. Накладом укр.-руськоі Видавничоі Спілки. Ст. XXVI+128, 8⁰. Ціна 140 кор.

Шематизмъ всего клира греко-католицкои митрополичои архіепархіи Львôвскои на рôкъ 1903. Жовква. Печатня о.о. Василиянъ.

Schematismus der Bukowinaer Volksschulen u. Lehrer. Redigiert von Moses Fuhrman, lehrer in Sadagóra. Preis 1 k. 20 h.

Яричевскій Сильвестр. Франц. Прешерен, найбільший сьловинський поет. Його жите і твори. Перемишль. 1902.

Фототрафическій портретъ Т. Г. Шевченка (по портрету Здолбнова), размѣромъ 18×24. Цѣна 1 р. 20 к. Новое изданіе.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ LXXXI.

1903 г.

МАЙ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1903.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 1 апрѣля 1903 года.

Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія [1].

Экономическія отношенія.

Окончаніе.

Въ планъ настоящей статьи не входитъ исторія проведенія крестьянской реформы. Я старался только дать нѣкоторыя указанія, поясняющія народную точку зрѣнія на исторически слагавшіяся земельныя отношенія. При оцѣнкѣ ихъ народной мыслью не дѣлается ни малѣйшаго намека на осложненія жизни, вызываемыя усиливающейся интенсивностью культуры, но для тѣхъ, кто помнитъ общій типъ дореформеннаго помѣщичьяго хозяйства, это вполнѣ понятно. Исторически слагавшійся аграрный строй представлялся какъ результатъ борьбы, не имѣвшей ничего общаго съ прогрессирующей земледѣльческой техникой, борьбы, въ которой крестьянская масса оказалась фактически побѣжденной, но въ глубинѣ своего сознанія не сдавшейся, не отказавшейся и

[1]) См. Кіев. Ст. 1903, № 4.

среди тяжелыхъ условій крѣпостного быта отъ надежды на лучшее будущее. Этими вѣковыми усиліями работы народной мысли объясняется и то ограниченное пониманіе существующаго аграрнаго строя, на которое я указалъ въ началѣ статьи.

Но какъ бы то ни было, освобожденіе крестьянъ съ землею стало дѣйствительностью, крестьяне сами стали свободными владѣльцами земли. Современемъ проведено и надѣленіе чиншевиковъ землею, да кромѣ того бо́льшее или меньшее количество помѣщичьей земли перешло въ руки крестьянъ путемъ частныхъ сдѣлокъ безъ помощи или же съ помощью крестьянскаго банка. Конечно, эти факты не могли остаться безъ вліянія на развитіе народной мысли. Существующій аграрный строй пересталъ быть исключительно предметомъ отрицанія: онъ принимается за солидную точку опоры текущей хозяйственной жизни съ тою только оговоркою, что на него не смотрятъ, какъ на послѣдній, какой то абсолютно неподвижный фазисъ ея эволюціи. Такое значеніе, мнѣ кажется, имѣетъ то ограничительное пониманіе даннаго ея момента, о которомъ здѣсь была рѣчь, если только мы постараемся различить общій смыслъ сюда относящагося народнаго міровоззрѣнія отъ нѣсколько наивныхъ формъ его проявленія. Такимъ образомъ этотъ ограничительный взглядъ на данный аграрный строй составляетъ предметъ теоретическаго мышленія, старающагося предугадать общее направленіе сюда относящейся законодательной дѣятельности. Для текущей практической жизни этотъ строй принимается за точку отправленія хозяйственной дѣятельности не только въ силу внѣшней необходимости, но и въ силу внутренняго сознанія о необходимости для этой жизни опираться на опредѣленномъ основаніи. Въ виду этого то, что добыто усиліями людскими при данныхъ условіяхъ хозяйственной жизни, т. е. движимая собственность, вообще въ міровоззрѣніи сельскаго люда считается неприкосновенною. Для иллюстраціи этого положенія я хочу обратить вниманіе на явленіе, въ которомъ внѣшнія гарантіи этой неприкосновенности очень слабы и дѣйствительное ея охраненіе опирается почти всегда на правовомъ воззрѣніи крестьянской массы.

Во время сбора хлѣбовъ милліонныя цѣнности спокойно лежатъ на поляхъ въ формѣ копъ хлѣба, но увозъ чужихъ копъ съ поля никогда почти не случается. Между тѣмъ всякій, сколько-нибудь знакомый съ нашею сельско-хозяйственной жизнью, знаетъ, что никакіе «полевые» не могутъ въ этомъ отношеніи составлять серіознаго препятствія. Возка хлѣба крестьянскаго и помѣщичьяго идетъ одновременно въ разныхъ мѣстахъ; одни крестьяне везутъ свой хлѣбъ, другіе помѣщичій, часто хозяинъ, везшій одинъ разъ свой хлѣбъ, другой разъ везетъ чужой по найму; услѣдить за всѣми крестьянскими «обмирками» не въ состояніи никакой «полевый», а при преобладающей въ юго-западномъ краѣ черезполосицѣ крестьянскихъ и частно-владѣльческихъ земель это относится и къ частновладѣльческимъ межамъ; рядомъ съ хозяевами, везущими свой хлѣбъ, везутъ и «зажонщики» заработанныя копы съ полей болѣе зажиточныхъ крестьянъ и частновладѣльцевъ; возка крестьянскаго хлѣба часто совершается и ночью. Очевидно, контроль полевыхъ сторожей при такихъ условіяхъ сводится почти къ нулю. Очень многимъ своего и заработаннаго хлѣба далеко не хватаетъ до новаго—и тѣмъ не менѣе не только крестьянскія, но и панскія копы достаются ихъ владѣльцамъ. Собственность оберегается здѣсь въ сущности правовымъ воззрѣніемъ крестьянской массы. Вообще, во взглядѣ на движимую собственность крестьянское міровоззрѣніе сходится съ міровоззрѣніемъ болѣе культурныхъ классовъ, и здѣсь по этому поводу можно бы объ этомъ вопросѣ и не говорить, если бы не нѣкоторыя особенности во взглядѣ на извѣстные продукты земли. Но прежде, чѣмъ я перейду къ указанію этихъ особенностей, я долженъ сдѣлать маленькую оговорку.

Оговорка эта необходима потому, что раздражительность, диктуемая классовыми интересами отдѣльныхъ группъ, слишкомъ часто вызываетъ склонность смотрѣть на объективное изложеніе побужденій дѣятельности людей, стоящихъ внѣ данной среды, какъ на идеализацію міровоззрѣнія этихъ людей, апологію à tout prix и т. д., а также предвзятый взглядъ на попытки изученія народной среды, конечно, далеко не способствуетъ этому изученію.

Итакъ, я долженъ прибавить: говоря о томъ или иномъ народномъ взглядѣ на тотъ или иной видъ собственности, на то или иное проявленіе хозяйственной дѣятельности, я имѣю въ виду то отношеніе къ даннымъ вопросамъ, которое одобряется или же не одобряется общественной совѣстью, не отрицая единичныхъ нарушеній ея постулатовъ, встрѣчающихся, конечно, въ народной средѣ точно такъ же, какъ и во всякой другой.

Нормы юридическаго міровоззрѣнія являются не какъ нѣчто данное извнѣ, а вырабатываются въ тѣсной связи съ условіями жизни того или иного общества. Въ средѣ, въ которой экономическое благосостояніе тѣсно связано съ условіями труда, принципъ труда естественно является главной санкціей права собственности. Вслѣдствіе этого ненарушимость и видъ собственности на тѣ или иные предметы расходятся по народному міровоззрѣнію въ тѣсной зависимости отъ вопроса, насколько трудъ участвовалъ въ ихъ созданіи. Я только что указывалъ на общую ненарушимость собственности, выражающейся въ хлѣбѣ. Но хлѣбъ и есть главный продуктъ земледѣльческаго труда, и этотъ видъ собственности уважается независимо отъ того, непосредственно ли или посредственно собственникъ участвуетъ въ его производствѣ. Другое дѣло получаемые безъ примѣненія человѣческой работы дары природы: лѣсъ, естественный лугъ и т. п. Никто своимъ трудомъ не участвовалъ въ ихъ созданіи, а потому и не могутъ они по народному міровоззрѣнію, носить той печати личной собственности, которую сообщаетъ другимъ предметамъ вложенный въ ихъ производство трудъ. Правда, историческія условія сдѣлали и эти предметы объектомъ частной собственности, но это только фактъ, а не принципъ, а потому и нарушенія даннаго вида собственности не представляются, по народному міровоззрѣнію предосудительными.

Вотъ нѣсколько примѣровъ этого взгляда. Когда то въ корчмѣ на кіево-житомирскомъ шоссе я обратился къ встрѣченному тамъ крестьянину съ разспросами о дорогѣ въ одно изъ ближайшихъ селъ.—«Не знаю я добре, я, бачте, не тутешній, я

прыйихавъ сюды трохы казённого лису вкрасты»,—и это разсказывалось откровенно совсѣмъ незнакомому человѣку.

Въ дни моей ранней молодости у меня былъ значительно старшій меня пріятель, крестьянинъ д. Маковищъ (кіевскаго у.). Его задержали съ фурою дровъ, нарубленныхъ въ лѣсу, принадлежавшемъ моему отцу. «Отаке несчастя, панычу», говорилъ мнѣ мой пріятель, «и скилькы вже я того лису попокравъ— ничого не було, а теперъ скортило въ недилю рубать—отъ и попався».

Другой разъ съ этимъ же пріятелемъ я отправился на его поле жать. Мы ѣхали «бычкамы», чтобы къ вечеру какую-нибудь копу и привезти домой. По дорогѣ лежало бревно дерева: «Знаете»,—сказалъ мнѣ мой пріятель, «вашому батькови ця деревына непотрибна, а въ тимъ у його есть чымало лиса, а мени такъ бы то вона здалася затягты окладыну у клуни. Що, якъ бы мы положылы іи на визъ и пидъ снопомъ прывезлы до-дому». Признаюсь—прошло уже нѣсколько давностей съ того времени—аргументы моего пріятеля мнѣ показались убѣдительными и на обратномъ пути съ поля мы привезли въ клуню не одни снопы.

Время шло, и въ свою очередь я сталъ владѣльцемъ куска лѣса въ сквирскомъ уѣздѣ. Моя жена, гуляя въ лѣсу, встрѣтила женщину, собиравшую въ немъ дрова. Она начала говорить ей о томъ, что не слѣдуетъ обламывать вѣтвей, что для того, чтобы собирать дрова, нужно бы имѣть разрѣшеніе владѣльца лѣса и т. п. Баба тѣмъ временемъ укладывала свою «вязку», разсказывала о своихъ недостаткахъ, о томъ, что у нея нѣтъ худобы, чтобы ѣздить въ болѣе далекій лѣсъ покупать дрова и т. п.

Разговаривая на эти темы, онѣ шли рядомъ, при чемъ «баба» несла свою вязку. Баба была «старенька» и перелѣзть черезъ канаву съ вязкой дровъ ей было трудно. Она положила вязку, сама перелѣзла и обратилась къ моей женѣ съ просьбой подать ей ея вязку.

Разъ я обратился въ волостной судъ съ жалобою на порубку лѣса. Отвѣтчикъ старался въ началѣ доказать, что находя-

щееся у него дерево куплено имъ въ другомъ лѣсу, но когда ему была доказана невѣрность его показанія, онъ обратился къ суду: «Ну, нема чого таить, тутъ сорома не мае, усяке вкраде лисъ, якъ ёму треба». Это откровенное объясненіе заставило насъ всѣхъ: и судцивъ, и меня, и публику разсмѣяться, тѣмъ болѣе, что мы всѣ чувствовали, что онъ правъ (съ точки зрѣнія обычаевъ и правовыхъ нормъ народнаго міровоззрѣнія). «Це вже треба готуваты насиння»,—говорилъ мнѣ одинъ сосѣдъ—«тилькы ще на ципыльно и быяка треба буде у васъ вкрасты». Я читалъ записку о нуждахъ крестьянства, составленную однимъ крестьяниномъ сквирскаго уѣзда. Записка была вручена мировому посреднику и предназначалась для представленія ея высшему начальству. По стилю, по пріемамъ аргументаціи авторъ представляетъ собою мыслящаго, толковаго, довольно грамотнаго крестьянина, нѣсколько ознакомленнаго съ законоположеніями, относящимися къ устройству мѣстнаго крестьянства, такъ сказать звено, связанное во всѣхъ отношеніяхъ съ данной средой. Мысль о томъ, что крестьянство нуждается въ томъ то (потребуйе того), онъ формулируетъ обыкновенно словами: крестьянство требуетъ отъ правительства, но при этомъ онъ желаетъ твердо стоять на почвѣ закона. На первомъ планѣ онъ указываетъ на необходимость назначенія для всякой волости человѣка, на обязанности котораго лежало бы ознакомленіе крестьянъ съ ихъ правами и обязанностями на основаніи положительнаго закона. Людей этихъ онъ называетъ законоучителями. Переходя къ занимающему насъ въ данномъ мѣстѣ вопросу, онъ выражаетъ желаніе, чтобы правительство запретило владѣльцамъ лѣсовъ всякую ихъ продажу въ стороннія руки, такъ какъ мѣстные крестьяне нуждаются въ лѣсномъ матеріалѣ для своихъ построекъ и орудій. Въ дальнѣйшія подробности по вопросу объ организаціи этого участія крестьянъ въ лѣсномъ хозяйствѣ онъ не входитъ: онъ ограничивается только подчеркиваніемъ нужды крестьянъ въ лѣсномъ матеріалѣ. Когда нужно устроить или исправить то или иное орудіе, необходимое въ крестьянскомъ хозяйствѣ, то крестьянинъ, конечно, старается добыть нужный матеріалъ порубкою въ панскомъ лѣсу и «самъ

законоучитель»,—добавляетъ авторъ записки,—поступилъ бы при такой нуждѣ не иначе.

Но самородная трава на естественныхъ лугахъ, въ лѣсахъ, стерняхъ произрастаетъ также безъ участія людского труда, а потому и къ данному виду произведеній почвы примѣняется тотъ же взглядъ, что и къ лѣсамъ. Когда то я держалъ воловъ на подножномъ корму. Такъ какъ волы выглядѣли хорошо, то я выразилъ благодарность наймиту, пасшему ихъ.—«А то жъ хиба я для васъ не стараюсь,—и синожать (сосѣдней владѣлицы), думаете, чыи волы спаслы, якъ не наши».

Понятіе о томъ, что потрава естественныхъ пастбищъ не представляетъ сама по себѣ ничего предосудительнаго, выражается при всякомъ случаѣ. Когда то, проѣзжая черезъ Пятыгоры (таращанскаго уѣзда), я остановился въ корчмѣ, гдѣ два словоохотливые «диды» разсказывали разныя «прыгоды» изъ ихъ хозяйской жизни. Одному изъ нихъ пришлось пахать поле, находившееся на далекомъ разстояніи отъ обычнаго мѣста выпаса. Работы оставалось немного, и для того, чтобы ее кончить, онъ «прыпизнывся» съ оранкою. Волы и такъ томлены, гнать ихъ на свое пастбище далеко, а тутъ вблизи «въ панськимъ гаю така то вже славна паша». Бѣда только въ томъ, что небольшой упругъ засѣяннаго поля отдѣлялъ его отъ гаю, и все-таки въ гай нужно гнать черезъ посѣвы. «Що тутъ робыть? Чы такъ грихъ, чы такъ? Гей волы!»—и дидъ погналъ ихъ въ гай. Въ этой дилеммѣ «грихъ» состоялъ въ одномъ случаѣ въ томъ, что приходилось гнать часть дороги черезъ посѣвъ, въ другомъ—оставить усталые волы безъ паши. «А не дбать» про интересы «худобы», конечно грихъ—«воно жъ нимый языкъ».

Конечно, хозяинъ въ своихъ интересахъ можетъ оберегать свое пастбище, но если постороннему удается «вкрастысь» —это дѣло его удачи, и никому не придетъ въ голову считать это предосудительнымъ. Вотъ почему, несмотря на то, что я, въ качествѣ частнаго владѣльца, заинтересованъ въ охраненіи пастбищъ отъ потравъ, многіе сосѣди-крестьяне разсказывали

мнѣ при случаѣ о томъ, какъ они пасли скотъ на пастбищѣ той или иной сосѣдней экономіи.

Но говоря о данномъ направленіи народнаго міровоззрѣнія, нельзя не упомянуть и о томъ, что въ дѣйствительной жизни замѣчается въ значительной мѣрѣ приспособленіе къ ея текущимъ условіямъ. Такъ, лѣсныя порубки имѣютъ своимъ объектомъ болѣе или менѣе крупное дерево въ зависимости отъ большей или меньшей лѣсистости даннаго мѣста, а большая или меньшая значительность потравъ на естественныхъ пастбищахъ находится въ связи съ большимъ или меньшимъ обиліемъ ихъ въ данной мѣстности. Искусственные луга, если они разводятся безъ нарушенія пастбищныхъ правъ крестьянъ, довольно рѣдко подвергаются потравамъ. По крайней мѣрѣ я замѣчалъ это въ своемъ личномъ хозяйствѣ.

Эта способность къ приспособленію взглядовъ и обычаевъ къ условіямъ текущей хозяйственной жизни указываетъ косвеннымъ образомъ, съ одной стороны, на историческія условія этой жизни, благопріятствовавшія ихъ укрѣпленію, съ другой—на возможность эволюціи народнаго міровоззрѣнія параллельно съ эволюціей хозяйственной культуры при наличности, впрочемъ, условій, дѣлающихъ полезность ея процесса доступною болѣе широкимъ слоямъ населенія.

Правовое міровоззрѣніе въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, не является, какъ нѣчто данное извнѣ, законченное само по себѣ, но развивается подъ вліяніемъ дѣйствительной хозяйственной жизни. Чѣмъ больше мы будемъ удаляться отъ даннаго момента въ прошедшее, тѣмъ яснѣе будетъ выступать относительное обиліе лѣсовъ и естественныхъ пастбищъ. Конечно, то и другое составляло уже давнымъ давно предметъ частной собственности, но собственникъ менѣе скупился на какой-нибудь дубокъ или выпасъ.

Одинъ мой пріятель, уроженецъ бѣлорусскаго полѣсья, былъ крайне удивленъ тѣмъ, что мѣстные чиншевики просили у меня разрѣшенія на какую-нибудь фуру-другую хвороста. «Что у васъ разумѣется подъ словомъ хворостъ?»—спрашивалъ онъ меня.

«И для порубки такого матеріала у васъ нужно имѣть разрѣшеніе владѣльца лѣса»? За мою память въ нашей мѣстности (сквирскій уѣздъ) не трудно было «выпросить» у того или иного владѣльца нѣсколько столбовъ на хату, хотя бы владѣлецъ и не отличался особенной мягкостью въ сосѣдскихъ отношеніяхъ. Право сборки валежника принадлежало крестьянамъ во многихъ мѣстахъ, а пастбищный сервитутъ прислуживаетъ еще до сихъ поръ огромному большинству крестьянскихъ обществъ юго-запад. края.

Но съ теченіемъ времени условія хозяйственной жизни осложняются; общественныя пастбища въ открытыхъ мѣстахъ исчезаютъ; въ стерняхъ, при болѣе интенсивной культурѣ, все болѣе и болѣе исчезаетъ самородная растительность; искуственное травосѣяніе является необходимой потребностью сельскаго хозяйства, начинается искусственное лѣсонасажденіе.

При такихъ условіяхъ неизбѣженъ конфликтъ между понятіями, выросшими на почвѣ отживающихъ хозяйственныхъ условій и позднѣйшимъ ихъ видоизмѣненіемъ. Указанная здѣсь способность приспособленія народнаго міровоззрѣнія указываетъ на возможность устраненія, или по крайней мѣрѣ значительнаго смягченія, этого конфликта, но для этого является необходимымъ такой складъ хозяйственныхъ условій, при которомъ и народная масса могла бы участвовать въ положительныхъ результатахъ земледѣльческаго прогресса въ данномъ отношеніи. Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе тѣхъ предварительныхъ условій, отъ которыхъ зависитъ возможность такого хода дѣлъ, мы должны однако замѣтить, что ожидать полнаго примиренія народнаго міровоззрѣнія съ ходомъ дѣлъ, при которомъ на долю народной массы достаются почти исключительно отрицательныя его стороны, невозможно, а къ сожалѣнію таковъ до сихъ поръ ходъ агрикультурнаго прогресса въ данномъ отношеніи. Не удивительно поэтому, что народная масса относится къ нему отрицательно, что традиціонное міровоззрѣніе, несмотря на нѣкоторыя его смягченія, держится упорно. Характерны въ этомъ отношеніи слова одного изъ крестьянскихъ представителей на первомъ львовскомъ

сеймѣ (1860 г.). «Згода, кажете панове, згода—а лисъ де? а де пасовысько»?

«Тисно стало жыть на свити»—говорятъ крестьяне, и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе увеличивается эта «тиснота»; «земля людей не здержыть». Очень часто повторяется фраза «теперъ курки не можно выпустыть», такъ какъ кругомъ «все шкода».

Это понятіе тѣсноты имѣетъ въ данномъ случаѣ въ виду не только малоземелье, но и систему хозяйства. Въ послѣдніе годы въ сквирскомъ уѣздѣ развилось было довольно сильное переселенческое движеніе въ южно-уссурійскій край, на «зеленый клынъ», или на «сирый клынъ», какъ стали потомъ говорить. Такъ какъ для того, чтобы получить разрѣшеніе на переселеніе, нужно было представить сравнительно довольно значительную сумму денегъ на переѣздъ, то переселялись главнымъ образомъ хозяева средней зажиточности; болѣе малоземельные и безземельные остались на мѣстѣ, не получая притомъ возможности скупать оставляемыя переселенцами земли, которыя переходили въ руки болѣе зажиточныхъ односельчанъ. Такимъ образомъ переселеніе въ крайне слабой степени противодѣйствовало малоземелью и въ значительной мѣрѣ являлось протестомъ противъ той «тисноты», которая обусловливалась усиливающеюся системою болѣе интенсивнаго хозяйства. Довольно зажиточный хозяинъ, собиравшійся на «зеленый клынъ», на замѣчаніе, что въ его положеніи можно устроиться довольно удобно и на мѣстѣ, говорилъ мнѣ: «та що зъ того? тутъ тиснота»,—и повторялъ онъ стереотипную фразу о куркѣ, которой здѣсь «не можно выпустыть». Понятно, что никакой трактатъ о земледѣліи не имѣетъ той обаятельной силы, какъ мысль о 100 десятинахъ посѣва, да къ тому «лисъ, пасовысько, вси выгоды». И въ самомъ дѣлѣ, такъ ли ужъ ошибаются переселенцы, какъ нѣкоторые предполагаютъ? Конечно, и здѣсь желательны нѣкоторыя усовершенствованія въ организаціи дѣла, но эти вопросы не входятъ въ программу настоящей статьи.

До сихъ поръ я говорилъ, главнымъ образомъ, объ ограничительномъ взглядѣ крестьянъ на право внѣкрестьянской собственности, теперь я хочу указать на тѣ ограничительныя поня-

тія о ней, которыя относятся къ внутреннему быту крестьянства. И здѣсь, конечно, они являются продуктомъ общихъ жизненныхъ условій и данной системы полеводства. Впрочемъ я долженъ прибавить, что въ данномъ отношеніи я имѣю въ виду главнымъ образомъ юго-западный край и, болѣе спеціально, среднюю полосу кіевской губерніи, къ которой преимущественно относятся мои наблюденія.

Начнемъ съ главной основы крестьянскаго хозяйства: крестьянскаго земельнаго надѣла.

Въ средѣ внѣкрестьянской выработался подъ вліяніемъ ея жизненныхъ условій взглядъ на главу семейства, какъ на исключительнаго носителя права собственности, при сохраненіи, впрочемъ, правъ имущественной самостоятельности мужа и жены. Законъ, правда, ограничиваетъ право завѣщанія такъ называемыхъ родовыхъ имѣній въ пользу прямыхъ наслѣдниковъ, но не право распоряженія ими при жизни владѣльца. Если при отсутствіи завѣщанія законъ устанавливаетъ право наслѣдованія въ пользу остающихся въ живыхъ членовъ семьи, то мотивируется это предположеніемъ (въ огромномъ большинствѣ случаевъ вѣрнымъ), что эти члены семьи являются наиболѣе близкими сердцу собственника людьми и что признанная закономъ группа наслѣдниковъ совпадаетъ съ невыраженнымъ желаніемъ наслѣдодателя.

Въ крестьянскомъ быту хозяйственныя отношенія и, подъ вліяніемъ ихъ, взглядъ на право собственности внутри семьи слагаются нѣсколько иначе. Независимо отъ узъ родственнаго чувства, крестьянская семья представляетъ собою производительную экономическую ассоціацію, всѣ члены которой участвуютъ посильно въ ея производствѣ. Такъ какъ производительность труда членовъ семьи измѣняется съ теченіемъ времени, менѣе производительныя въ данный моментъ ея силы становятся современемъ болѣе производительными, и наоборотъ—трудоспособность болѣе производительныхъ въ данный моментъ ослабѣваетъ съ теченіемъ времени, то и права всѣхъ членовъ ассоціаціи признаются равными. Эту точку зрѣнія усвоило себѣ и мѣстное положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, признавая

крестьянскій земельный надѣлъ общей собственностью членовъ семьи. Этотъ принципъ глубоко проникаетъ весь строй семейно-экономической жизни крестьянъ. По мѣстному обычаю дочери вообще не участвуютъ въ наслѣдованіи земельнаго надѣла, хозяйственнаго живого и мертваго инвентаря, и получаютъ только приданое въ видѣ какой-нибудь телычки, овечокъ, кожуха, подушекъ и т. п., да «весилья» должно быть устроено «коштомъ» семьи. Сообразно съ этимъ и опредѣляется ихъ участіе въ семейномъ хозяйствѣ. Онѣ, конечно, помогаютъ матери въ уходѣ за огородомъ, плоды котораго онѣ потребляютъ вмѣстѣ съ другими членами семьи, въ сборѣ хлѣба, когда это нужно, въ уходѣ за младшими дѣтьми и т. п., но заработковъ, добываемыхъ на сторонѣ (на бурякахъ, при молотилкѣ, на разныхъ оплачиваемыхъ деньгами работахъ на чужомъ полѣ) онѣ не отдаютъ въ общую семейную кассу, употребляя ихъ по своему усмотрѣнію на наряды и т. п. Другое дѣло *хлопци*. Работаютъ ли они въ своемъ хозяйствѣ, зарабатываютъ ли на сторонѣ, работа ихъ должна имѣть въ виду тотъ общій фондъ семейнаго хозяйства, котораго они теперь и въ будущемъ соучастники. При постороннихъ заработкахъ заработанныя деньги поступаютъ въ общую кассу, и только какая-нибудь незначительная доля удерживается ими иногда на чарку, на тютюнъ и т. п., при молчаливомъ согласіи главы семейства. Но отдавая свои заработки въ общую кассу, они чувствуютъ себя въ правѣ и контролировать ходъ общаго хозяйства. Служащіе при моемъ хозяйствѣ сроковые рабочіе—хлопцы—обыкновенно сами получаютъ «до рукъ» заработанныя деньги, иногда поручаютъ выплатить ихъ «до рукъ батька», иногда прямо таки заявляютъ, чтобы «батькови» не давать заработанныхъ ими денегъ. Это случается тогда, когда они замѣчаютъ, что зарабатываемыя ими деньги не идутъ въ хозяйственное дѣло. Такой запретъ имѣетъ обыкновенно значеніе временной понудительной мѣры, и послѣ истеченія нѣкотораго срока сынъ или беретъ для врученія отцу деньги, или поручаетъ выплатить ихъ ему непосредственно. Но случалось иногда и такъ, что недоразумѣнія даннаго рода не улаживались дома, и отецъ въ моемъ присут-

ствіи мотивировалъ сыну расходъ заработанныхъ послѣднимъ денегъ на покупку лѣсного матеріала, для ремонта или постройки клуни, на пріобрѣтеніе лошади или бычковъ и т. п., находя, такимъ образомъ, неправильность не въ желаніи контролировать общій ходъ хозяйства, а въ ошибочности разсчета. Случалось и обратное: родители иногда просили нѣсколько затруднять полученіе сыномъ денегъ въ счетъ заработка, находя, что онъ слишкомъ много расходуетъ на личныя потребности и удовольствія, несмотря на насущныя потребности общаго хозяйства, далеко, впрочемъ, не претендуя на полное завладѣніе заработками сына.

Конечно, этими и имъ подобными случаями не исчерпываются проявленія значительной самостоятельности членовъ семьи, идущей рядомъ съ ея экономической солидарностью.

Мнѣ не разъ случалось слышать разсужденія младшаго поколѣнія, порицающаго способъ веденія хозяйственныхъ дѣлъ главою семьи и говорившаго о желаніи выдѣла, при чемъ, настаивая на своемъ правѣ на ту или иную часть хозяйственнаго инвентаря (построекъ, орудій, скота), они подчеркивали участіе своего личнаго труда непосредственно или посредственно въ постройкѣ какой-нибудь «повитки», пріобрѣтеніе лошади за заработанныя сыномъ деньги и т. п.

Въ виду жизненныхъ условій, на которыя опираются данныя экономическія отношенія членовъ семьи, имущественные семейные споры въ крестьянской средѣ имѣютъ значительно иной характеръ, чѣмъ такіе же споры въ семьяхъ, гдѣ случается встрѣчать имущественныя притязанія младшихъ членовъ семьи значительно раньше ихъ участія въ производствѣ. Этимъ объясняется и оправдывается снисходительное отношеніе волостныхъ судовъ къ спорамъ между младшимъ и старшимъ поколѣніемъ. Въ приговорахъ по подобнымъ дѣламъ волостной судъ говоритъ обыкновенно объ уваженіи, которое должно оказывать младшее поколѣніе старшему, напоминая, впрочемъ, въ случаѣ надобности и старшему о желательномъ хозяйственномъ направленіи его поведенія; иногда даже присуждаетъ рѣзко неуважительнаго сына къ какому-нибудь наказанію, но въ концѣ концовъ, при упор-

ствѣ, обязываетъ отца выдѣлить сыну припадающую на него часть земли (полагая на сыновей и на отца по равной части) и помогать ему въ извѣстныхъ предѣлахъ въ первоначальномъ обзаведеніи жильемъ, клунею и т. п. Вѣдь и онъ участвовалъ своимъ трудомъ въ созиданіи общаго семейнаго хозяйства.

Этотъ трудовой принципъ обнаруживается и при разсмотрѣніи семейно-имущественныхъ отношеній, болѣе выходящихъ изъ рамокъ обыкновеннаго теченія семейной жизни. Случается иногда фактическое расторженіе брака, при чемъ жена переходитъ на жительство или въ свою семью, или входитъ въ новое неузаконенное сожительство, и на этой почвѣ выростаетъ судебное дѣло. Мнѣ случалось перелистывать рѣшенія волостного суда въ подобныхъ случаяхъ. Судъ высказываетъ обыкновенно мнѣніе о похвальности и обязательности законнаго сожительства, прибавляетъ, однако, что если оно не состоится, то мужъ обязанъ выдать женѣ движимости, внесенныя ею въ имущественное хозяйство, а если дѣло идетъ о спорѣ, выросшемъ на почвѣ неузаконеннаго сожительства, то сюда же прибавляется обязанность уплаты за трудъ, вложенный въ хозяйство сожителя, оцѣнивая его, примѣняясь къ времени сельско-хозяйственнаго года и принимая во вниманіе общую его продолжительность. Случается иногда, что въ составъ хозяйственной семьи входитъ внѣбрачный сынъ. Это обыкновенно сынъ, прижитый женой до брака съ кѣмъ-нибудь другимъ. Мнѣ случилось видѣть духовное завѣщаніе отца, относящееся къ внѣнадѣльной землѣ. Большую часть земли онъ завѣщалъ своему законному сыну, но и внѣбрачный сынъ его жены не былъ обойденъ земельнымъ надѣломъ, такъ какъ онъ съ малыхъ лѣтъ трудился въ общемъ семейномъ хозяйствѣ. Въ случаяхъ, когда подобнаго рода дѣла доходятъ до волостного суда, онъ рѣшаетъ ихъ въ такомъ же направленіи, признавая за внѣбрачнымъ сыномъ или участокъ земли (меньшій впрочемъ, чѣмъ брачнымъ сыновьямъ) или опредѣленный списокъ правъ, пріобрѣтенныхъ его трудомъ, изъ общаго семейнаго имущества.

Имѣя въ виду очертить только общія экономически-правовыя тенденціи украинскаго народнаго міровоззрѣнія, я не буду

здѣсь входить въ болѣе детальную разработку семейно-имущественныхъ отношеній. Но эти общія замѣчанія о данной (семейной) экономически солидарной группѣ приводятъ насъ неизбѣжно къ посильному разсмотрѣнію общаго вопроса, настойчиво выдвигаемаго современнымъ теченіемъ экономической жизни. Я подразумѣваю здѣсь вопросъ о томъ: склоненъ ли украинецъ, въ какой мѣрѣ и при какихъ условіяхъ, подчинять свою индивидуальную независимость организаціи ассоціированнаго производства?

Есть по этому вопросу нѣсколько противорѣчивыхъ пословицъ. Съ одной стороны: «найкраща спилка—чоловикъ та жинка», «гуртове--чортове» и т. п., съ другой «громада—велыкій чоловикъ», «у гурти каша йистся», «якъ жыть у купи, не болыть у пупи», «гуртъ и въ Бога краде» и т. п. Въ этомъ, какъ и во многихъ иныхъ случаяхъ, на пословицы, значитъ, нельзя смотрѣть какъ на полную формулировку народнаго міровоззрѣнія; онѣ обыкновенно освѣщаютъ одну сторону вопроса, и популярность, доставшаяся на долю извѣстныхъ изреченій, объясняется, главнымъ образомъ, ихъ стилистическимъ достоинствомъ. Поэтому я оставляю пока въ сторонѣ этотъ, такъ называемый, кодексъ народной мудрости и постараюсь подойти къ вопросу на основаніи нѣкоторыхъ явленій дѣйствительной жизни. Группа, связанная между прочимъ тѣсной общностью экономическихъ интересовъ—это семья. Въ ней. вслѣдствіе кровныхъ, возрастныхъ и экономическихъ условій, дѣйствуютъ болѣе или менѣе продолжительное время, за исключеніемъ круглыхъ сиротъ, всѣ крестьяне, и потому, мнѣ кажется, наблюденіе надъ условіями ея существованія и распаденія должно лечь въ основаніе разсмотрѣнія поставленнаго выше вопроса.

Семья (здѣсь мы имѣемъ въ виду только экономическую ея сторону) представляетъ собой чрезвычайно тѣсную группу, обнимающую собою и производство, и потребленіе, при томъ группу авторитетно связанную значеніемъ главы семейства.

Чѣмъ обширнѣе хозяйство, тѣмъ болѣе выступаютъ на первый планъ производительныя стороны ассоціаціи, и тѣмъ менѣе

тяжелымъ кажется авторитетъ главы семьи, надъ волею котораго господствуютъ техническія условія хозяйства. Обратно, по мѣрѣ уменьшенія размѣровъ хозяйства, значеніе производственной общности отступаетъ на болѣе далекій планъ, потребительная общность выдвигается на первый, и распоряженія главы семейства мотивируются болѣе его личными наклонностями и произволомъ, а не техническими потребностями хозяйства. Участіе въ производительной дѣятельности, выражающейся въ заработкахъ на сторонѣ, косвеннымъ только образомъ можетъ быть связано съ производственной организаціей семейной группы, а поступленіе заработковъ личнаго труда въ общую кассу дѣлаетъ результаты изолированнаго труда предметомъ солидарнаго потребленія. Конечно, всякая общность обязываетъ ея участниковъ поступиться въ извѣстной мѣрѣ своимъ личнымъ усмотрѣніемъ общимъ потребностямъ, въ виду болѣе полнаго удовлетворенія и своихъ личныхъ потребностей, но производственная и потребительская общность значительно различны въ этомъ отношеніи. Если даже допустить (въ чемъ можно сомнѣваться), что общность потребленія приноситъ относительно такую же долю экономической пользы, какъ и солидарная организація производства, то мѣра ограниченія личной самостоятельности въ первомъ случаѣ несравненно больше, чѣмъ во второмъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ формахъ экономической солидарности, которыя свойствены крестьянской семьѣ.

Такъ очевидно смотрятъ на дѣло люди, непосредственно въ немъ заинтересованные. Постниковъ (Южно-русское крестьянство) устанавливаетъ рядомъ цифръ, относящихся къ крестьянамъ таврической губерніи, что численность семейнаго состава увеличивается параллельно размѣрамъ площади посѣва и уменьшается вмѣстѣ съ уменьшеніемъ этой площади. Иначе говоря, экономическая солидарность семьи усиливается и ослабѣваетъ въ зависимости отъ преобладанія въ семейно-хозяйственной организаціи производственной или потребительской общности,—и потому, при малоземельи семейные раздѣлы чаще, чѣмъ при болѣе обширномъ землепользованіи.

Въ болѣе мнѣ знакомой кіевской губ. рѣдко случаются крестьянскія хозяйства такихъ сравнительно значительныхъ размѣровъ, какъ въ таврической губ., да и данныхъ, аналогичныхъ съ данными Постникова, добытыми земской статистикой, у меня не имѣется, да ихъ и вовсе, кажется, не имѣется для кіевской губ.

Такимъ образомъ, предметомъ моихъ личныхъ наблюденій является такая группа, въ которой трудоспособность болѣе многочисленной семьи далеко не поглощается самостоятельнымъ ея хозяйствомъ, и потому организованная общность производства отступаетъ на болѣе далекій планъ, на первый же планъ выступаетъ общность потребленія.

Здѣсь уже было замѣчено, что въ такой группѣ сильно проявляется тенденція къ распаденію, и это общее замѣчаніе приходится только дополнить нѣкоторыми данными личнаго наблюденія относительно ближайшихъ причинъ ея. Мнѣ случалось, конечно, слышать со стороны соучастниковъ извѣстной семейной группы заявленія неудовольствія на нерегулярность жизни, недостаточное трудолюбіе, небрежность въ исполненіи хозяйственныхъ работъ и т. п. относительно того или другого члена семьи, но эти нареканія скорѣе носили характеръ временнаго неудовольствія, чѣмъ постоянно дѣйствующей причины. Если семейные раздѣлы и выростаютъ иногда на этой почвѣ, то это случается относительно очень рѣдко. Значительно чаще причиною ихъ является расточительное отношеніе кого-нибудь изъ членовъ семьи къ результатамъ общаго труда, при чемъ старшее, болѣе властное, поколѣніе чаще бываетъ причиною разлада. «Батько» пропиваетъ зерно, деньги, вырученныя за отдачу въ аренду участка земли и т. п. На этой почвѣ выростаютъ споры, иногда и драки. Если дѣло доходитъ до волостного суда, то онъ, подвергая наказанію непокорнаго сына, обязываетъ обыкновенно отца выдѣлить сына. Но чаще всего случаются и не обращаютъ на себя ничьего особеннаго вниманія—раздѣлы, вызываемые общностью потребленія. Пока сынъ не женатъ, эти

вопросы никогда почти не выдвигаются; онъ рѣдко имѣетъ причину жаловаться на то, что къ нему во время работы въ полѣ «тепла страва не доходыть»; вопросъ о пользованіи жильемъ для него третьестепенный, семейная общность не стѣсняетъ его общественныхъ отношеній, такъ какъ съ товарищами, друзьями и дивчатами онъ встрѣчается, главнымъ образомъ, *на улыци*, въ хатѣ, гдѣ «збыраются досвиткы» и т. п., а въ мужской исключительно компаніи—въ былое время въ корчмѣ, а послѣ введенія водочной монополіи—въ разныхъ ея суррогатахъ. Здѣсь его не стѣсняетъ ничей авторитетъ («въ корчми вси ривни»), а веселый «жартъ», свободныя разсужденія, дружная пѣсня замѣняютъ будничные разговоры домашней жизни. Другое дѣло «жоначъ». На улыци, на досвиткы уже ёму «дорогы не выдно»; корчма, конечно, можетъ пріютить и его, но «не туда вже серце лежыть», онъ уже отсталъ отъ «товарыства» молодежи. «Оженывся—зажурывся». Не только «молодыця» зажурылась «и ложкою и мыскою, ще й третёю колыскою», но и его мысли сосредоточились на домашней жизни. А жизнь то эта осложнилась. Въ данную семью вошла «невистка», у сына образовались новыя общественныя отношенія, отношенія съ родомъ жены, расширился кругъ «кумивъ побратымивъ, и всѣ эти отношенія не могутъ уже ютиться гдѣнибудь у «жыдивочкы», а нуждаются въ хатнемъ общеніи. А хата то тѣсна, и запасовъ въ ней не Богъ вѣсть сколько. «Старимъ» кажется страннымъ появленіе новыхъ хозяевъ въ домашнихъ распорядкахъ; молодые косятся на стѣсненіе ихъ самостоятельности. Бываютъ, конечно, исключенія, но въ общемъ, неминуемо всплываетъ наружу извѣстный антагонизмъ свекрухи и невѣстки, совмѣстная жизнь становится все труднѣе, дѣло кончается выдѣленіемъ сына «щобъ отступыться одъ гриха». Не общность въ производительной дѣятельности лежитъ обыкновенно въ основѣ этого выдѣленія: случается не разъ, что наканунѣ еще раздѣла вся семья работаетъ дружно съ серпомъ, косою, но именно общность потребленія, стѣсняющая свободное распоряженіе результатами труда.

Придерживаясь принятаго мною метода, по которому общія тенденціи, способствующія экономической ассоціаціи или противодѣйствующія ей, нужно выводить на основаніи наблюденія надъ самой распространенной семейной группой,—я долженъ упомянуть вкратцѣ о нѣкоторыхъ чертахъ семейно-экономическихъ отношеній, о которыхъ здѣсь была уже рѣчь, по скольку эти черты могутъ освѣщать общій вопросъ о степени и условіяхъ склонности украинскаго народа къ экономической ассоціаціи. Раньше мы видѣли принципъ экономической равноправности, широкое право контроля всѣхъ членовъ группы, не останавливающееся и передъ родительскимъ авторитетомъ, право свободнаго выхода изъ ассоціонно-связанной группы. Если мы къ этому прибавимъ сравнительно большую легкость подчиненія индивидуальныхъ соображеній техническимъ потребностямъ производства и сильную нерасположенность къ обобщенію потребленія, о которомъ только что была рѣчь, то мы, кажется, исчерпаемъ тѣ указанія, которыя по данному вопросу мы можемъ получить изъ наблюденій надъ семейно-экономической группой. Мнѣ кажется, что эти указанія вполнѣ гармонируютъ съ результатами наблюденія надъ тѣми мелкими временными экономическими ассоціаціями, которыя въ значительной мѣрѣ распространены въ народной жизни, и о которыхъ какъ то принято забывать. О нихъ то я и хочу здѣсь сказать нѣсколько словъ.

Ассоціаціи эти обусловливаются потребностями производительной техники на томъ уровнѣ ея развитія, который присущъ крестьянской производительной дѣятельности въ данное время. 1) Самая распространенная изъ нихъ—это *сýпряга*. Она имѣетъ главнымъ образомъ въ виду оранку поля. Въ моей мѣстности (сквирскій уѣздъ, кіев. губ.) пашутъ обыкновенно Саковскимъ плугомъ при упряжкѣ въ 4 вола или 4 лошади (это послѣднее несравненно чаще). Конечно, лестно «орать своимъ плугомъ», подразумѣвая подъ словомъ плугъ не только орудіе, но и нужное для пахоты количество скота. Но для того, чтобы использовать работоспособность такого плуга, нужно имѣть въ своемъ распоряженіи значительно бóльшее количество земли, чѣмъ то, кото-

рымъ пользуется огромное большинство нашихъ крестьянъ. При малой площади земельнаго пользованія и незначительности стороннихъ заработковъ тягломъ, «свой плугъ» былъ бы нецѣлесообразной и разорительной роскошью. Этимъ и обусловливается возникновеніе супряги. «Спрягаются» обыкновенно 2 хозяина, изъ которыхъ каждый даетъ въ супрягу пару лошадей; нужные для пахоты *погонычъ* и *плугатырь* поставляются ими также въ равной мѣрѣ. Такъ они пашутъ свою и, если случится, чужую землю,—послѣднюю за часть сбора или за деньги. Сборомъ или деньгами, заработанными на чужой землѣ, они дѣлятся поровну. Если у супряжниковъ равный надѣлъ своей земли, то работа на полѣ одного погашается работой на полѣ другого; въ случаѣ неравномѣрности излишняя работа хозяина съ меньшимъ надѣломъ возвращается ему другимъ супряжникомъ натурою, при другихъ полевыхъ работахъ, или же оплачивается деньгами по текущимъ цѣнамъ работы. Чаще случается, что орудіе пахоты—собственный плугъ—имѣется только у одного изъ супряжниковъ (Саковскій плугъ для крестьянскаго хозяйства сравнительно дорогъ). Въ такомъ случаѣ неимѣющій плуга супряжникъ уплачиваетъ его владѣльцу за каждый свой моргъ [1]) по 20 коп. Оранка—главное дѣло супряги, и этой работой обыкновенно ограничивается ея дѣятельность. Но и при другихъ работахъ ея участіе было бы если и не такъ необходимо, то все же полезно. Такъ, при взрыхливаніи поля раломъ потеря почвенной влаги тѣмъ меньше, чѣмъ скорѣе взрыхленное поле будетъ забороновано (заскорожено или заволочено). Въ виду этого, «колы спилка добра», случается, что супряжники раломъ и волочатъ вмѣстѣ. Во время возки хлѣба, когда у одного изъ супряжниковъ некому подавать снопы на возъ, или когда это удобно по другимъ причинамъ (напр. при

---

[1]) Моргъ=1317 кв. саж.; десятина почти равна $1^3/_4$ м. На вспаханье морга требуется одинъ день, также и на „ралиння"; это же и средняя мѣра дня косьбы травы или средняго овса. Вотъ почему, несмотря на то, что покупки и аренды исчисляются обыкновенно подесятинно, въ хозяйственныхъ работахъ счетъ на морги держится твердо въ моей мѣстности.

кладкѣ «стижка» на открытомъ воздухѣ), случается, что перевозятъ хлѣбъ прежде одному, потомъ другому. Случается, что это дѣлается при подобныхъ условіяхъ сосѣдями, не находящимися въ супрягѣ. Супряга имѣетъ въ виду обѣ вспашки («на новь и на зябъ»), иногда только одну, но чаще всего она повторяется между супряжниками изъ года въ годъ довольно продолжительное время.

2) Значительныя преимущества молотьбы молотилкою передъ молотьбою цѣпомъ (бóльшая производительность труда, болѣе полный вымолотъ зерна, бóльшая возможность использовать благопріятные сухіе дни для молотьбы) вызвали все усиливающееся въ моей мѣстности среди крестьянъ стремленіе пользоваться молотилками. Держать молотилку для собственной только надобности не подъ силу и болѣе зажиточнымъ крестьянамъ (подразумѣвая не сословную, а экономическую категорію), такъ какъ они только въ весьма ограниченной мѣрѣ могутъ использовать работоспособность этой сравнительно дорогой машины. Случаевъ покупки молотилки товариществомъ крестьянъ въ моей мѣстности не бываетъ, но работаетъ довольно много молотилокъ, перевозимыхъ съ мѣста на мѣсто къ разнымъ хозяевамъ. Случается, что такія молотилки принадлежатъ крестьянамъ; случается, что и другимъ лицамъ, не ведущимъ сельскаго хозяйства. Въ томъ и другомъ случаѣ владѣлецъ молотилки отдаетъ обыкновенно въ наймы право пользованія его машиною, получая плату отъ копы молотьбы. Ни лошадей, нужныхъ для работы, ни рабочихъ онъ не даетъ, все это поставляютъ тѣ, которые молотятъ свой хлѣбъ. Молотилки эти обыкновенно 4-хконные. Болѣе богатые крестьяне впрягаютъ своихъ лошадей, и рабочія силы семьи дополняются нанятыми по текущимъ цѣнамъ (практикуемымъ въ экономіяхъ) рабочими. Но большинство среднихъ хозяевъ должны прибѣгать къ *спилкѣ*. Дѣлается это у насъ обыкновенно такимъ образомъ. Ассоціируются 2 хозяина, изъ которыхъ каждый даетъ по парѣ лошадей въ молотилку; рабочія силы ихъ семействъ дополняются наемными рабочими по текущимъ цѣнамъ. Такъ какъ число копъ, вымолачиваемыхъ каждымъ изъ товарищей, а также и число пѣшихъ

рабочихъ въ каждой изъ двухъ семей обыкновенно не одинаково и часто разнится значительно, то здѣсь представляется случай для нѣсколько сложнаго разсчета, производимаго однако временными товарищами вполнѣ раціонально. Товарищъ, у котораго перемолочено больше копъ хлѣба, платитъ другому за работу его лошадей при молотьбѣ даннаго излишка сообразно съ временемъ работы, потребовавшимся на этотъ излишекъ, и текущими цѣнами такой работы. Сторонніе (не принадлежащіе къ семьямъ товарищей) рабочіе получаютъ поденную плату: къ числу дней наемныхъ рабочихъ прибавляется число рабочихъ дней членовъ семьи, считая ихъ по той же цѣнѣ, и на этомъ основаніи исчисляется стоимость обмолотки копы хлѣба, падающая на пѣшую работу. Разсчетъ между товарищами производится на основаніи количества копъ, перемолоченныхъ у каждаго изъ нихъ, общей стоимости пѣшей работы, падающей на его долю, и стоимости рабочихъ дней, поставленныхъ имъ. При незначительной разницѣ въ количествѣ перемолоченныхъ копъ и рабочихъ силъ ассоціированныхъ семействъ, случается, что «сходятся такъ, по сусидськы», безъ подробнаго разсчета за лошадей и за рабочихъ. Случается иногда, что безлошадный сосѣдъ присоединяется къ товариществу для обмолота своего хлѣба, въ такомъ случаѣ онъ поставляетъ относительно бо́льшее число пѣшихъ рабочихъ. Если количество перемолачиваемаго у него хлѣба незначительно, то случается, что дѣло ведется «по сусидськы» безъ особенно строгаго разсчета.

3) Постройка хатъ и другихъ строеній, нуждающаяся въ одновременномъ сотрудничествѣ нѣсколькихъ лицъ, вызываетъ обыкновенно ассоціацію на слѣдующихъ основаніяхъ. Два или три «майстри» договариваются съ хозяиномъ оптомъ за постройку. Потомъ они добираютъ себѣ другихъ «майстривъ». Добираются обыкновенно болѣе или менѣе равные въ «майстерстви». Платою, получаемою отъ хозяина, дѣлятся всѣ поровну съ тѣмъ, однако, что принятые впослѣдствіи плотники уплачиваютъ въ пользу первоначально договорившихся (за те, що згодылысь) по 1 рублю. Обыкновенно, первые договорившіеся бываютъ и глав-

ными руководителями работы. На «простяцьки», не плотницкія, работы (копка ямъ для столбовъ и т. п.) *спилка* нанимаетъ поденныхъ.

4) При заготовкѣ дровъ на топливо плата бываетъ обыкновенно отъ кубическаго сажня (стоса). Потребность въ содѣйствіи двоихъ при работѣ пилою вызываетъ и соотвѣтствующую ассоціацію. Обыкновенно 2 рабочихъ вмѣстѣ рубятъ, пилятъ и раскалываютъ дрова, на общія средства покупаютъ и «пылку», а заработокъ дѣлятъ поровну. Иногда *спилка* принимаетъ въ свой составъ и 3-го рабочаго; тогда два пилятъ, а третій раскалываетъ и укладываетъ дрова. Платою съ нимъ дѣлятся поровну, если онъ равносильный работникъ.

5) При по-саженной копкѣ новыхъ или ремонтѣ давнихъ рвовъ ассоціируются два работника; одинъ копаетъ, другой выбрасываетъ землю изъ канавы. Платою дѣлятся поровну.

Кромѣ указанныхъ здѣсь, встрѣчаются и другія краткосрочныя ассоціаціи труда, напр., при покрываніи построекъ или скирдъ соломою, сооруженіе плетней, при корчовкѣ и т. п., вообще при работахъ, оплачиваемыхъ оптомъ или поштучно, особенно, если нанимателемъ требуется исполненіе работы къ опредѣленному недалекому сроку. Впрочемъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ ассоціированіе труда не есть необходимое явленіе.

Я упомянулъ здѣсь о разныхъ видахъ *спилкы*, болѣе часто встрѣчающихся въ моей мѣстности; въ разныхъ мѣстностяхъ, въ зависимости отъ техники и объектовъ производства, размѣровъ крестьянскаго землепользованія и т. п., эти типы могутъ варьироваться, нѣкоторые виды *спилкы* могутъ исчезать, другіе развиваться болѣе сильно или вновь являться. Такъ напр., въ мѣстностяхъ, гдѣ паханье совершается одной парой рабочаго скота или же наоборотъ тремя парами, —описанный здѣсь видъ супряги можетъ исчезать или же варьироваться; въ мѣстностяхъ, гдѣ болѣе развитъ лѣсной промыселъ, возникаетъ *спилка* при ручной заготовкѣ досокъ и т. п.; въ иныхъ мѣстахъ наемъ молотилокъ крестьянами не въ ходу, съ другой же стороны въ херсонской губерніи встрѣчаются, какъ я слышалъ, покупки молотилокъ това-

риществами или обществами крестьянъ и даже паровыхъ молотилокъ. Впрочемъ, всѣ эти видоизмѣненія не нарушаютъ, кажется, принциповъ, лежащихъ въ основѣ описанныхъ здѣсь самобытныхъ крестьянскихъ ассоціацій. Но прежде чѣмъ перейти къ общей ихъ характеристикѣ, здѣсь, кажется, умѣстно будетъ упомянуть о нѣкоторыхъ видахъ помощи, которые косвеннымъ, впрочемъ, образомъ примыкаютъ къ явленіямъ экономическихъ ассоціацій. Я говорю *косвеннымъ образомъ*—потому, что хотя въ основѣ ихъ лежитъ потребность въ ассоціированіи труда, но въ нихъ отсутствуетъ тотъ элементъ строгаго экономическаго разсчета, который ясно выступаетъ въ описанныхъ здѣсь разныхъ видахъ *спилокъ*. Онъ замѣняется здѣсь элементомъ взаимнаго сосѣдскаго благоволенія.

При постройкѣ хатъ часто практикуется *закладщына*. Дѣло происходитъ такимъ образомъ. *Майстри* приготовляютъ и обдѣлываютъ столбы, а также верхнюю вязь и кроквы. Когда все это приготовлено и размѣряно, сосѣди и болѣе близкіе люди приглашаются *на закладщыну*. Прибывшіе на *закладщыну* устанавливаютъ общими усиліями, подъ руководствомъ *майстра*, столбы, заносятъ верхнюю вязь и кроквы, иногда «закидаютъ» нѣкоторую часть стѣнъ. Къ вечеру (закладщына продолжается одинъ день) остовъ хаты готовъ. Участвующіе въ закладщинѣ не получаютъ платы, но хозяинъ кормитъ ихъ по возможности сытно и угощаетъ ихъ водкой. Помощь *закладщыны* настолько существенна, что плотники требуютъ бóльшаго или меньшаго вознагражденія за свою работу въ зависимости отъ того, будетъ или не будетъ *закладщына*. Когда плотницкая работа окончена, и требуется облѣпить новую хату глиною, то эта работа тоже часто совершается *толокою*. Приходятъ сосѣдки и болѣе близкія знакомыя (въ противоположность закладкѣ, гдѣ работаютъ только мужчины, здѣсь работаютъ только женщины) и, обыкновенно при пѣсняхъ и веселыхъ разговорахъ, совершаютъ за день обмазку хаты, которая, такимъ образомъ, сохнетъ равномѣрно во всѣхъ своихъ частяхъ. Здѣсь также работницы не получаютъ платы, а только угощеніе *горилкою* и *стравою*.

Встрѣчаются до сихъ поръ, но больше какъ переживаніе, разные виды *толоки* при полевыхъ работахъ, особенно при сборкѣ сѣна и хлѣба; иногда бываютъ и случаи пахоты поля священника прихожанами. При толокахъ плату за трудъ замѣняетъ угощеніе (водка и яства). Въ иныхъ случаяхъ толоки имѣютъ характеръ общій съ закладщыною, т. е. взаимность сосѣдскихъ услугъ. Такъ, въ дни моей молодости я помню у крестьянъ д. Маковицъ (кіевскаго уѣзда) обычай косить траву толокою. Два, три сосѣда сходились и выкашивали поочередно свои сѣнокосы; хозяинъ, сѣнокосъ котораго косили, угощалъ сотоварищей. Получалось такимъ образомъ одновременное высыханіе сѣна. Не знаю, существуетъ ли тамъ до сихъ поръ этотъ обычай. Но за исключеніемъ обычныхъ случаевъ, толоки имѣли обыкновенно характеръ не взаимности услугъ, а услугъ со стороны болѣе зависимыхъ въ пользу болѣе вліятельныхъ и со стороны этихъ послѣднихъ характеръ спекуляціи, эксплоатирующей зависимость и слабость сельскаго населенія. Такой характеръ въ наиболѣе грубой степени имѣли толоки, устраиваемыя экономіями, начиная съ крѣпостного времени вплоть до довольно недавняго. Но толоки этого типа въ моей мѣстности или совсѣмъ исчезли, или очень рѣдко встрѣчаются, о чемъ, конечно, не приходится сожалѣть. Оставляя въ сторонѣ этотъ послѣдній видъ толокъ и имѣя въ виду тѣ, которыя основываются на осуществляемой непосредственно (напр. при сѣнокошеніи) или предполагаемой въ возможномъ будущемъ взаимности услугъ (напр, закладщына), нельзя не замѣтить въ нихъ въ примитивной формѣ принципа взаимнаго страхованія на случай работъ, превосходящихъ единичныя силы хозяина. Но данный принципъ представляется здѣсь въ очертаніяхъ, ускользающихъ по бóльшей части отъ точнаго учета въ то время, когда въ разныхъ *спилкахъ*, о которыхъ здѣсь была рѣчь, разсчетъ между *спилныкамы* ведется очень строго. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что обычные разные виды помощи идутъ скорѣе на убыль, чѣмъ на возрастаніе. При возрастающей сложности хозяйственной жизни и ея трудностей, принципъ «нехай мое переходыть» отодвигается на задній планъ, уступая мѣсто строгому разсчету

между сотоварищами, присущему указаннымъ здѣсь болѣе или менѣе продолжительнымъ ассоціаціямъ. Обращаясь къ общей ихъ характеристикѣ, мы должны прежде всего признать, что ходячее мнѣніе о безусловномъ якобы отвращеніи украинца отъ ассоціированнаго труда не выдерживаетъ критики фактовъ. Не только болѣе давніе ихъ виды, при малыхъ измѣненіяхъ производительной техники, продолжаютъ существовать съ соотвѣтственными приспособленіями къ ея модификаціямъ (напр. супряга), но выростаютъ и новые параллельно съ появленіемъ новыхъ пріемовъ производства, напр.—ассоціаціи для пользованія молотилками. Дѣло въ томъ, что стремленіе пользоваться ими у крестьянъ среднезажиточныхъ—въ моей мѣстности дѣло совсѣмъ новое, считающее свою исторію единицами, а не десятками лѣтъ, тѣмъ не менѣе уже выработались, какъ мы видѣли, ясные, точно опредѣленные принципы данной временной ассоціаціи. Далѣе мы видимъ, что возникнувшія, количественныя и временныя границы труда опредѣляются потребностями производительной техники на томъ ея уровнѣ, который считается въ данный моментъ экономическаго развитія необходимымъ и цѣлесообразнымъ крестьянскимъ населеніемъ. Считающееся менѣе необходимымъ скорѣе остается внѣ сферы ассоціированнаго труда, чѣмъ наоборотъ (напр., спорадическое только проявленіе ассоціаціи супряжниковъ при ролянкѣ и боронованіи).

Затѣмъ, въ ассоціаціи ведется строгій разсчетъ между сотоварищами соотвѣтственно суммѣ услугъ, оказываемыхъ каждымъ изъ нихъ (плата за пользованіе плугомъ въ супрягѣ, счетъ рабочихъ дней при молотьбѣ и т. п.)—или по энергическому формулированію Прудона (Système des contradictions économiques) «да, братья—сколько вамъ угодно, но отдайте мнѣ все мое и возьмите все ваше». Полная равноправность сторонъ, отсутствіе авторитетнаго руководства внѣ технической необходимости (значеніе руководящихъ *майстривъ* при постройкахъ), свободный выходъ изъ данной спилки и присоединенія къ новой, продолжительность существованія ея въ зависимости отъ технически необходимаго времени для достиженія даннаго опредѣленнаго результата (сфера

производства, какъ единственная сфера ихъ примѣненія)—дополняютъ характеристическія черты ассоціацій, о которыхъ здѣсь была рѣчь.

Принимая все сказанное во вниманіе, мы должны допустить, что, по мѣрѣ развитія производственной техники, будутъ развиваться и приспособленные къ ней виды ассоціаціи, при чемъ это развитіе (по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ времени) скорѣе выразится въ увеличеніи числа временныхъ ассоціацій *ad hoc*, къ которымъ будутъ примыкать самостоятельные производители, чѣмъ въ развитіи такихъ формъ ассоціаціи, которыя полно, или болѣе полно, поглощаютъ личную иниціативу. Свойства земледѣльческаго производства на данномъ его уровнѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ такому ходу дѣлъ.

Этотъ общій ходъ дѣлъ состоитъ въ томъ, что индивидуальное производство временно уступаетъ мѣсто ассоціированному въ границахъ *твердо* сознанной полезности этого ассоціированія. Я подчеркиваю слова—твердо сознанной полезности,—полезности, превосходящей удобства индивидуальной независимости.

Простого признанія, что ассоціированіе производства принесло бы нѣкоторую пользу—недостаточно. Довольно долгое время я велъ свое хозяйство, отдавая землю мѣстнымъ крестьянамъ исполу, оставляя за собой только нѣкоторый контроль относительно времени и качества обработки, выбора зерна для посѣва и т. п. Пока велось у меня трехпольное хозяйство, всякій плугъ (обыкновенно супряжный) обрабатывалъ свой участокъ, и дѣло шло относительно недурно. Рѣшившись ввести такъ называемую плодоперемѣнную систему, я составилъ ея планъ при участіи и съ одобренія тѣхъ же половинщиковъ. При переходѣ къ ней, явились участки, нуждавшіеся въ совмѣстной обработкѣ всѣми плугами, и хотя при посѣвѣ всякій половинщикъ выдѣлялъ свою часть, но нѣкоторыя работы приходилось производить совмѣстно. Работа на этихъ участкахъ шла значительно хуже, чѣмъ на остальныхъ: запаздываніе однихъ, непроизводительное ожиданіе другихъ съ лошадьми, привязанными къ возу, небрежность работы, нерѣдкіе взаимные споры по этимъ причинамъ вызывали

замѣчанія участниковъ о томъ, что «гуртове--чортове», и, признаюсь, вызывали во мнѣ одностороннее предположеніе не о томъ, что данныя формы производства не приспособлены къ пріемамъ, выработаннымъ мѣстнымъ крестьянскимъ хозяйствомъ, но о томъ, что эти крестьяне вообще не способны къ ассоцiированiю труда. Можно указать и на многіе другіе случаи, въ которыхъ существующее признаніе полезности извѣстныхъ пріемовъ обработки, не достигло той интенсивности, которую зарождаетъ ассоціированное производство. Такъ преимущество запахиванія навоза одновременно съ вывозкою его признается очень многими, но не вызываетъ соотвѣтственной этому признанію ассоціаціи; то же самое замѣчается съ весьма распространеннымъ признаніемъ преимуществъ посѣва рядовою сѣялкой передъ ручнымъ, и т. д. Съ сѣялкою, вѣроятно, случится то, что случилось съ молотилкою: она явится современемъ, какъ орудіе нанимаемое, для эксплоатаціи котораго будутъ ассоціироваться отдѣльные хозяева. Если это маленькое уклоненіе въ область вѣроятностей будущаго и не входитъ въ рамки настоящей статьи, то, кажется, оно можетъ служить иллюстраціей общаго впечатлѣнія, производимаго наблюденіемъ надъ разными формами ассоціацій, о которыхъ здѣсь была рѣчь. Онѣ существуютъ и нарождаются, но въ общемъ ходѣ своемъ отстаютъ болѣе или менѣе отъ успѣховъ техники. Практическое усвоеніе успѣховъ техники легче, чѣмъ соотвѣтствующія ему модификаціи міровоззрѣнія: дерево и желѣзо болѣе податливый матеріалъ, чѣмъ людскіе нравы. Изъ этого вытекалъ и вытекаетъ, не только у насъ, цѣлый рядъ чувствительныхъ экономическихъ противорѣчій. Правда, есть школы, которыя въ крайнемъ развитіи ассоціацій видятъ залогъ будущей полной гармонизаціи экономической жизни; но едва ли возможенъ прогрессъ, который не имѣлъ бы предпосылкой умѣніе производителя приспособить формы общественной жизни къ сознательному веденію производства соотвѣтственно уровню производительной техники.

Съ этой точки зрѣнія наша общественная жизнь оставляетъ широкое поле для цѣлесознательной инициативы въ данномъ на-

правленіи. Здѣсь нельзя не помянуть добрымъ словомъ преданнаго служителя кооперативной идеѣ на Украинѣ, Н. В. Левицкаго. Его удачи и неудачи, нарожденіе и распаденіе организуемыхъ при его участіи артелей могутъ служить богатымъ матеріаломъ для освѣщенія занимающаго насъ вопроса и указаніемъ практическихъ поправокъ дѣятельности въ томъ направленіи, которымъ онъ прокладываетъ новый путь среди нашихъ мѣстныхъ условій жизни.

Выраженіемъ пожеланія появленія объективнаго очерка исторіи этихъ артелей я и закончу этотъ отдѣлъ настоящей статьи.

Здѣсь я хочу сказать еще нѣсколько словъ о взглядѣ на договоръ. Нескончаемое число договорныхъ сдѣлокъ, заключаемыхъ крестьянами между собою и людьми иносословными, дѣлается въ огромномъ числѣ безъ скрѣпленія какими-либо формальными актами, особенно когда договоръ ограничивается крестьянской средой.—Это достаточно указываетъ на серьезное отношеніе къ правамъ и обязанностямъ, связаннымъ съ данною неизбѣжною формою житейскихъ отношеній, выростающихъ на почвѣ современной экономической жизни. Но въ народномъ міровоззрѣніи изъ этого не вытекаетъ то поклоненіе фетишу—договорному праву, которое выработалось въ средѣ, извлекающей обыкновенно изъ него преимущественно полезные для нея результаты. Общая идея ненарушимости договора пріобрѣтаетъ въ теоріи свою санкцію въ предположеніи равнозначительности услугъ, оказываемыхъ договаривающимися сторонами. Дѣйствительная жизнь, какъ извѣстно, далеко не всегда оправдываетъ это предположеніе: болѣе слабыя экономическія единицы испытываютъ очень часто на себѣ отрицательныя стороны этого уклоненія дѣйствительности отъ идеала. На этой почвѣ и выростаетъ ограничительное, въ извѣстной мѣрѣ, толкованіе договорнаго права въ народной средѣ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ для иллюстраціи этой мысли.

Мой односельчанинъ А купилъ (какъ у насъ выражаются) на нѣсколько посѣвовъ землю другого крестьянина Б, уплативъ деньги впередъ. Сдѣлка, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ,

была очень выгодна для А. До истеченія срока сдѣлки Б засѣялъ приготовленную А землю и собралъ хлѣбъ въ свою пользу. Волостной судъ, къ которому обратился А, присудилъ съ Б въ пользу А плату за совершенныя имъ полевыя работы; что же касается сбора хлѣба въ данномъ году и продолженія сдѣлки до окончательнаго ея срока, то судъ отказалъ въ этомъ А, мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что онъ уже и такъ получилъ въ предыдущихъ сборахъ достаточное вознагражденіе за данныя имъ впередъ деньги. А, недовольный этимъ рѣшеніемъ, обратился въ съѣздъ мировыхъ посредниковъ, но съѣздъ, не находя достаточныхъ кассаціонныхъ поводовъ, утвердилъ рѣшеніе волостного суда. Я былъ случайнымъ свидѣтелемъ объявленія А этого постановленія съѣзда мировыхъ посредниковъ и былъ крайне изумленъ тѣмъ спокойствіемъ, съ которымъ А отнесся къ нему. Въ глубинѣ души онъ очевидно признавалъ правоту рѣшенія волостного суда и болѣе налегалъ на то, что «нема що казаты», такъ какъ его работу оцѣнили добросовѣстно.

Другой «случай» въ сосѣднемъ селѣ. К. купилъ у М. его полевой надѣлъ на нѣсколько посѣвовъ; до истеченія срока этой сдѣлки сестра М. умираетъ. Онъ обращается къ К. съ просьбой ссудить ему нужныя на погребеніе деньги, но К. отказываетъ въ этомъ М. М. рѣшается отдать свою землю въ наемъ другому односельчанину П. на два, кажется, ближайшіе сбора, не дожидаясь срока истеченія сдѣлки съ К., и такимъ образомъ получить нужныя ему деньги. Возникаетъ дѣло въ волостномъ судѣ по жалобѣ К. Судъ рѣшаетъ, что П., въ удовлетвореніе послѣдней сдѣлки, долженъ приступить къ пользованію землею въ ближайшемъ времени, а К. додержать слѣдуемые ему годы послѣ П. Рѣшеніе это мотивируется тѣмъ, что К. зналъ стѣсненное положеніе М., зналъ ограниченную его кредитоспособность и, держа его землю въ своихъ рукахъ, все-таки отказался отъ ссуды, такъ что для М. не оставалось другого исхода, какъ нанять свою землю П.

И общественное мнѣніе несомнѣнно одобряетъ рѣшенія такого рода. Точно также оно не осудитъ наймита, плохо оплачи-

ваемаго (въ сравненіи съ текущими цѣнами) или стѣсняемаго инымъ образомъ, за оставленіе хозяина. Впрочемъ, при случаѣ нельзя не замѣтить, что шумъ, поднимаемый нѣкоторыми въ последнее время по поводу этого вопроса, полонъ преувеличеній, диктуемыхъ крайней экзальтаціей узко понимаемыхъ интересовъ и безцеремонныхъ аппетитовъ извѣстной категоріи нанимателей.

Заканчивая этимъ, конечно, далеко не исчерпывающій очеркъ, нельзя не упомянуть о томъ, что среди крестьянства идетъ подъ вліяніемъ общихъ условій хозяйственной жизни процессъ имущественной дифференціаціи. Въ зависимости отъ этого болѣе сильныя экономически группы крестьянъ примыкають въ большей или меньшей мѣрѣ къ экономическому міровоззрѣнію верхнихъ слоевъ общества, но тѣмъ не менѣе понятіе о крестьянскомъ юридически-экономическомъ міровоззрѣніи сохраняетъ свою силу, разъ мы будемъ здѣсь подразумѣвать историческую, а не юридически сословную категорію. Міровоззрѣніе это, конечно, далеко отъ совершенства и законченности; въ немъ мы встрѣчаемся иной разъ съ довольно наивной формулировкой, но не съ точки зрѣнія совершенства и законченности нужно оцѣнивать его значеніе. Мы уже привыкли къ тому, чтобы не смотрѣть на тѣ или иныя юридическія и бытовыя нормы экономической жизни, какъ на нѣчто абсолютное, мы привыкли въ нихъ видѣть видоизмѣняющійся продуктъ исторической жизни племени, но мы склонны еще забывать, что результаты этой жизни не одинаково отражаются на интересахъ отдѣльныхъ слоевъ населенія. Это и вызываетъ различіе въ ихъ міровоззрѣніи на вопросы, сюда относящіеся, и то, что мы привыкли считать наиболѣе совершенною для даннаго времени ихъ формулою,—не больше, какъ формула міровоззрѣнія слоевъ, всплывшихъ къ верху въ извѣстный моментъ исторической эволюціи. Формулы эти достигли относительной степени законченности, какъ извѣстно, не сразу, а постепенно. Такою же способностью къ совершенствованію обладаетъ, конечно, и міровоззрѣніе другихъ слоевъ населенія, и если только мы правы, предполагая въ будущемъ отведеніе болѣе широкаго мѣста ихъ интересамъ (а исторія оправдываетъ, кажется, это предположеніе), то мы должны смотрѣть на ихъ міровоззрѣніе, какъ на серьезное основаніе дальнѣйшей эволюціи понятій, сюда относящихся.

Ѳ. Рыльскій.

Украинскія колядки. [1]

III.

Колядки-вирши.

Колядки-вирши примыкаютъ къ цѣлой особой области украинскаго творчества. Область «вирши» вообще очень обширна и далеко не вполнѣ обслѣдована; даже основные ея вопросы нельзя считать рѣшенными, такъ какъ относительно ихъ не сошлись во мнѣніяхъ наши спеціалисты, касавшіеся въ своихъ ученыхъ трудахъ изслѣдованія украинской виршевой словесности. М. П. Драгомановъ, помѣстивши въ сборникѣ «Ватра» (вышедшемъ въ Галиціи въ 1887 г.), пасхальную виршу изъ журн. Основы, а также имѣя въ виду нѣсколько виршей изъ имѣвшихся у него рукописныхъ сборниковъ, высказалъ предположеніе, что эти и подобныя имъ воскресныя и рождественскія вирши пошли отъ церковныхъ драмъ; ту же мысль высказалъ онъ и въ журналѣ «Жыття и Слово» (1894 г. т. I), помѣщая тамъ рождественскія вирши; такое же мнѣніе поддерживалъ и галицкій ученый Миронъ. Но П. И. Житецкій былъ не согласенъ съ этими мнѣніями и высказалъ въ своей книгѣ («Энеида Котл.», гл. X) взглядъ, что прототиповъ рождественскихъ виршей нужно искать въ колядкахъ; «когда появилось на Украинѣ просвѣтительное движеніе, создавшее малорусскую школу, на почвѣ древнѣйшихъ колядокъ начали развиваться вирши-колядки, которыя тоже шли въ народъ и предназначались для пѣнія. Изъ нихъ то и выработались вирши-ораціи, предназначавшіяся для пѣнія»; оживляясь діалогомъ, «вирши-ора-

---

1) См. Кіев. Ст. 1903 г., № 4.

ціи сближались уже съ драмой и могли служить матеріаломъ для нея. Инымъ путемъ развивались тѣ изъ нихъ, которыя почерпали вдохновеніе въ украинскомъ юморѣ. Такія вирши не могли найти въ книжной рѣчи надлежащей поддержки. Составлялись онѣ на народномъ языкѣ съ большею или меньшею примѣсью книжныхъ элементовъ для стилистическихъ эффектовъ. Обычный художественный пріемъ въ нихъ—низведеніе религіозныхъ сюжетовъ въ кругъ обыдённыхъ представленій и, такъ сказать, реализація духовнаго міра посредствомъ внесенія въ него бытовыхъ подробностей мѣстной жизни. Иногда вирши игриваго, и праздничнаго тона спускались въ народъ и превращались въ вирши-колядки, но никогда не входили онѣ въ составъ серьёзной драмы».

Такимъ образомъ получилось большое несходство во мнѣніяхъ, такъ какъ тѣ вирши, которыя Драгомановъ и Миронъ выводили изъ драмъ, были въ добавокъ именно юмористическаго характера и составлены на языкѣ народномъ.

Быть можетъ, сравнительно небольшое количество извѣстныхъ списковъ виршей, подлежащихъ изученію, не даетъ возможности дать вполнѣ вѣрное опредѣленіе ихъ, такъ какъ не достаетъ порванныхъ звеньевъ, соединяющихъ одно съ другимъ. Быть можетъ, со временемъ получится болѣе полная картина въ этой спорной области, при чемъ лучше выяснятся отношенія вирши къ другимъ произведеніямъ украинскимъ, народнымъ и книжнымъ, а также чужимъ (таковымъ же). Каждый годъ, именно въ последнее время, приноситъ находки очень цѣннаго матеріала изъ этой области: его въ обиліи даютъ рукописные сборники, находящіеся въ столичныхъ, кіевскихъ, галицкихъ церковныхъ и библіотечныхъ хранилищахъ (а также въ «коморахъ» и другихъ случайныхъ «сховахъ»). На страницахъ Кіевской Стар. не мало появилось интереснѣйшихъ находокъ этого рода, сдѣланныхъ, иногда совершенно неожиданно, г.г. Левицкимъ, Науменкомъ, Франкомъ и многими другими. Драгоцѣнныя вещи открыты также въ самое послѣднее время г. г. Перетцемъ и Гнатюкомъ. Кто знаетъ, что сулятъ слѣдующіе еще болѣе энергичные поиски.

Но если смотрѣть, что будущія находки увеличатъ лишь количественно, а не качественно тѣ данныя, которыя уже и теперь имѣются для сужденія о нашей виршѣ и ея отношеніяхъ ко всякимъ другимъ произведеніямъ нашей и сосѣдней словесности, народной и искусственной, то и по тѣмъ характернымъ образцамъ, какіе теперь извѣстны, можно судить о типичныхъ чертахъ нашей вирши, а въ значительной мѣрѣ и о ея генетическихъ связяхъ.

Если же можетъ возникать несогласіе критическихъ мнѣній,—возможное и при найбольшемъ обиліи матерьяловъ, подлежащихъ критикѣ (чему есть не мало примѣровъ въ наукѣ),—то это не должно останавливать каждаго, положившаго извѣстный трудъ на добываніе новыхъ матеріаловъ и на изученіе даннаго предмета, высказать свое мнѣніе, при полномъ уваженіи авторитетности спеціалистовъ; тѣмъ болѣе, что можно не соглашаться въ одномъ пунктѣ, но при томъ не только согласиться, а даже поддержать своими наблюденіями чужіе выводы—въ другихъ пунктахъ; съ этой стороны самое скромное мнѣніе, опирающееся на извѣстныхъ фактахъ, можетъ имѣть свое значеніе. Во всякомъ же случаѣ, справедливо сказано, что—du choc des opinions jaillit la verité!

Выходя изъ этого положенія и, конечно, ничуть не претендуя на безошибочность моихъ выводовъ,—зная такъ сказать «свое мѣсто» по отношенію къ названнымъ, глубоко уважаемымъ мною ученымъ знатокамъ дѣла,—я рѣшаюсь высказать о предметѣ моего изслѣдованія въ данной части, о виршевомъ творчествѣ, поскольку оно имѣетъ отношеніе къ колядкамъ, мнѣніе—въ нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ расходящееся съ выводами достойныхъ критиковъ, что выяснится при дальнѣйшемъ послѣдовательномъ изложеніи.

При этомъ пусть читатель не посѣтуетъ на меня, если я начну съ періода, гораздо болѣе ранняго, чѣмъ тотъ, къ которому относится начало и расцвѣтъ собственно «виршей», тѣхъ произведеній, которыя получили свое названіе отъ латинскаго versus.

Возвратиться къ болѣе раннему періоду я должна уже и потому, что мнѣ вообще хотѣлось бы высказать не отрывочное мнѣніе о той или другой частности вопроса, а сдѣлать цѣльный очеркъ судьбы колядокъ, въ данной главѣ—колядокъ-виршей.

Отмѣтивъ, уже не разъ, невозможность ставить рѣзкія грани на эволюціонномъ пути пѣсни, я все же скажу, что колядки-вирши довольно существенно отличаются отъ предыдущихъ, какъ произведенія не чисто народныя, а *искусственныя*. Конечно, какъ самыя простонародныя пѣсни могутъ получить искусственную обработку, такъ и произведенія искусственныя могутъ быть въ значительной степени близки по содержанію и формѣ къ произведеніямъ народнымъ; но, если говорить о нашихъ старыхъ рождественскихъ виршахъ, — притомъ неюмористическихъ, а серьёзныхъ виршахъ и ораціяхъ,—то приходится признать, что онѣ относятся къ той области творчества, которая не имѣла и даже не желала имѣть общности съ простонародной пѣсней, ни по содержанію, ни,—за очень малыми исключеніями,—по языку, вообще по формѣ. Это мой главный выводъ, къ которому я пришла, познакомившись съ довольно обширнымъ матеріаломъ, имѣющимъ отношеніе къ колядкамъ-виршамъ; выводъ этотъ я надѣюсь подтвердить фактическими данными.

Ставя же вопросъ такъ, считая рождеств. вирши исключительнымъ продуктомъ творчества искусственнаго, исходившаго отъ словесности письменной, интересно оглянуться и хотя бѣгло посмотрѣть какъ эта словесность письме́нная (употребляю это слово въ малороссійскомъ значеніи), относилась къ колядкѣ съ самаго начала и въ послѣдующіе періоды,—до нашихъ дней.

Итакъ, какой пріемъ встрѣтила пѣсня-колядка, вмѣстѣ съ своею обрядностью, отъ сколько-нибудь укрѣпившейся у насъ письменности, въ начальный періодъ, когда христіанство получило на Руси полное право гражданство? что́ получила старая обрядовая пѣсня, примкнувшая ко времени христіанскаго праздника,—отъ своихъ письме́нниковъ?

Первые лѣтописцы, они же представители просвѣщенія въ новомъ христіанскомъ духѣ, отнеслись вообще къ колядкѣ со

страстнымъ протестомъ и ненавистью. Достаточно вспомнить, какія выраженія употребляли они, говоря о колядованьи, которымъ занималась «простая чадь»: по ихъ мнѣнію «кликать коляду» значило «утѣшать дьявола», губить свою душу, «богомерзкія» пѣсни должны были быть только искореняемы. Конечно, такое отношеніе, даже самая страстность обличенія колядокъ первыми письме́нниками совершенно понятна: колядныя пѣсни слишкомъ шли въ разрѣзъ съ идейно-душевнымъ складомъ обличителей, съ ихъ отвлеченной религіозностью и отношеніемъ ко всему мірскому; имъ претило не только содержаніе колядокъ, въ которомъ обличители видѣли прославленіе не умершаго въ представленіяхъ «простой чади» языческаго «бѣса Коляды», но и самое настроеніе, выражавшееся въ колядованіи; аскетически настроеннымъ умамъ были противны всѣ вообще проявленія жизнерадости въ обрядностяхъ и забавахъ «простой чади»,—пляски, пѣсни сами по себѣ,—поэтому они говорили съ ненавистью не только о колядованіи, а вообще объ «игрищахъ», «выхляніи хребтомъ», «безчинныхъ кликахъ», имѣвшихъ мѣсто во всякихъ другихъ случаяхъ, во всѣхъ полуобрядовыхъ, полубытовыхъ забавахъ: всѣ эти мірскія утѣхи были «прелестью сатаны» и могли вызывать страстное порицаніе со стороны «письме́нниковъ».

Если же и они, эти «письме́нники», чествовали великій христіанскій праздникъ Рождества Христова, въ словѣ и пѣніи, то вѣдь это были славянскіе или даже греческіе тропари, которые совершенно были чужды и по содержанію и по формѣ, т. е. по языку, «простой чади».

Такимъ образомъ рознь между славословіемъ одними и другими Рождества и новолѣтія,—слившихся въ одинъ праздничный циклъ,—была полная. Колядка не давала ничего тропарю, а тропарь колядкѣ. Тропари пѣлись въ церквяхъ и келіяхъ, а колядки по стогнамъ, можетъ быть даже въ предсѣніяхъ княжескихъ свѣтлицъ, если благочестивые господари высокаго дому это позволяли. Возможно предположить нѣкоторое право гражданства колядованья въ тѣ времена, при наличности такого факта, доку-

ментально засвидѣтельствованнаго «Повѣстью временныхъ лѣтъ», когда въ Кіевѣ, для принесенія клятвы въ вѣрности договора, передъ греческими послами,—*одновременно* «...Игорь приде на холмъ кдѣ стояше Перунъ и покладоша оружье свое и щиты, и золото, а хрестеяную Русь водиша въ церкви святаго Ильи»,—то возможно предположить, что и позже, когда кіяне оплакали низвергнутыхъ языческихъ боговъ «Перуна, Стрыба, Мокоша, Волоса» и другихъ, (о чемъ подробно вспоминается еще въ житіи св. Владиміра, писанномъ въ 16 вѣкѣ),—хвала колядѣ могла раздаваться открыто на стогнахъ даже стольныхъ городовъ

Съ теченіемъ времени, когда двухъ-вѣрные алтары уже не стояли рядомъ, въ представленіи «простой чади»—Перуна, метающаго громы, вытѣснилъ гремящій колесницею по небу Илья, но вытѣснилъ только замѣною по имени... (Впрочемъ, даже въ XX-мъ столѣтіи не совершенно умерло у насъ и самое имя Перуна: недавно мнѣ пришлось отъ уроженца черниговщины слышать поразившую меня пословицу,—«не бье Перунъ съ первой тучи-облачины»).

До «хрестеяныхъ» весей доходили имена новыхъ божествъ, отрывки евангельскаго разсказа, главнѣйшіе факты котораго узнавались по поводу важнѣйшихъ праздниковъ и передавались въ праздничной пѣснѣ колядкѣ, съ претвореніемъ однихъ образовъ въ другіе, сходные, понятные, съ прибавленіемъ чертъ реальной, своей обстановки и съ привычнымъ введеніемъ божествъ въ свою повседневную жизнь, съ привязываніемъ своихъ житейскихъ интересовъ къ именамъ божествъ, могущихъ карать и благопріятствовать. На этомъ мы остановились въ послѣднихъ образцахъ колядокъ. Чѣмъ же могла пополнить свои религіозныя пѣсни дальше—толпа, населявшая грады и особенно веси? Кто и что давалъ ей, понятное для нея?..

Духовно-умственная дѣятельность ея, такъ сказать, интеллигенціи—расширялась, но «не про нея», не про «чадь», писались ученыя сочиненія «зѣло ученыхъ мужѣй» на языкѣ греческомъ и на языкѣ далекой «словенской» вѣтви, принесенномъ въ добавокъ книжниками, желавшими сколько можно больше подтянуть сло-

восочиненіе и синтаксисъ этого языка къ греческому, съ котораго они переводили и стиль котораго служилъ имъ образцомъ.

Чуждость и тяжесть этого литературнаго языка могла быть причиною, что не только богословскія сочиненія, но и писанія полегче, помѣщавшіяся въ разныхъ «изборникахъ» и болѣе позднихъ хронографахъ, съ трудомъ могли быть понятны простолюдину. Это были разсказы о людяхъ, удаляющихся въ пустыню, «слова» о «горѣ-злосчастьи», о «злой женѣ»... Знаменитое «слово», представляющее собою героическую поэму того времени, списано въ такомъ изложеніи, что оно для человѣка неписьменнаго едва ли и тогда могло представлять что-нибудь другое, кромѣ одного сплошного «темнаго мѣста»...

Когда въ заведенныхъ школахъ съ теченіемъ времени явились запросы болѣе свободнаго литературнаго творчества, въ той области, которую мы называемъ изящной словесностью,--поэтическому вдохновенію пѣвцовъ-художниковъ поставлены были рамки тоже греческаго стихосложенія, несмотря на то, что конструкція стиха греческаго совершенно не подходила къ стихосложенію русскому,—такъ какъ самая *природа* языковъ греческаго и русскаго была различна.

Не одно вдохновеніе погибло въ дебряхъ непримѣнимой къ нашему слову прозодіи—«греческа образа мудра»...

Народъ—этихъ вымученныхъ декламацій не слыхалъ, да и не много бы понялъ, еслибы напр. въ рождественскую пѣсню, которую бы онъ могъ слышать, былъ вставленъ слѣдующій «ироелегійскій» стихъ («елегійскій иройскому припряжемый, пятма степенми состоящъ»):

Христе елика просятъ ины даждь имъ пребогате;
Мнѣ тебе сладчайшій даждь мене взайма тебе...

Это образецъ довольно поздній, но еще строго составленный по правиламъ греческаго образа мудра и безъ малѣйшей уступки языку народному.

Въ сферѣ словеснаго творчества народъ былъ предоставленъ самъ себѣ и творилъ на своемъ плебейскомъ языкѣ, который—книжная премудрость совершенно игнорировала.

Среди той жестокой борьбы, которую пришлось Украинѣ-«небози»,—що вывела дитокъ пры бытій дорози»,—вынести съ напиравшими сосѣдями, полудикими ордами, она создавала свои пѣсни. Скорбнымъ, но прекраснымъ памятникомъ борьбы украинскаго народа съ татарско-турецкимъ міромъ явились ея такъ называемыя старшія думы.

Отбывши страшные погромы татарскіе, кое-какъ оправлялась Украина отъ «лихолиття». Въ XVI вѣкѣ мы видимъ на Украинѣ, при военномъ козацкомъ строѣ, довольно большое развитіе гражданственности: городское устройство, школы, церковныя братства, институціи права. Въ то же время на смѣну греко-славянскому могучей струей приблизилось другое вліяніе,—западно-европейское, латино-польское, которое съ одной стороны приносило культуру, съ другой—грозило стираніемъ національности украинской. Стереть цѣлый народъ трудно, особенно народъ уже окрѣпшій; но поглощеніе его податливой интеллигенціи было возможно. Въ началѣ эта интеллигенція пробуетъ бороться. Выступаютъ въ XVI в. борцы «за вѣру», въ сущности за *традицію*, греко-православную. Выступаютъ извѣстные того времени проповѣдники-богословы. Но они оказались безсильны остановить движеніе, увлекавшее украинскую интеллигенцію въ сторону католической Польши.

Средства борьбы были не равны, на сторонѣ Польши было больше просвѣтительныхъ учрежденій,—которыхъ такъ недоставало сторонѣ другой. Къ тому же, въ то время, какъ въ войнахъ «за вѣру», за обрядовую [1]) православную традицію, народъ проливалъ свою кровь,—ни въ немъ, ни въ его интеллигенціи не было чувства сознательнаго *націонализма*. Это прежде всего сказывалось въ вопросѣ языка: народъ говорилъ на своемъ языкѣ, любилъ свою пѣсню, выражалъ съ помощью ея свои радости и печали, но все, что изъ него выбивалось въ интеллиген-

[1]) Вѣра была одинаково христіанская и у противниковъ, богословскаго же различія,—«отъ отца», или «отъ отца и сына»—народъ даже не могъ понять...

цію, оставляло свой языкъ, ни чуть не дорожа имъ. Школа украинская не воспитывала любви къ родному языку, этому могущественному элементу національности; напротивъ, школа,—прежде греко-славянская, а теперь воспринимавшая латынь,—по прежнему не снисходила къ народному языку, а чуждою рѣчью преподаванія и чуждыми образцами словеснаго искусства создавала какъ бы стѣну между интеллигенціей и народомъ.

Пастыри духовные,—они же главнымъ образомъ были и представителями просвѣщенія, заправителями школы,—односторонне понимали положеніе дѣлъ, ихъ занималъ только религіозный вопросъ, а потому, когда они говорили къ народу, или о народѣ, то только съ точки зрѣнія проповѣдниковъ-богослововъ.

Въ *этой* области они *чувствовали* рознь, огорчались ею и нападали на нее. Вотъ какъ громитъ «простóту» Іоанъ Вишенскій, этотъ знаменитый украинскій проповѣдникъ, страстный и грубоватый «Иванъ зъ Вышни», говоря другимъ пастырямъ о воздѣйствіи на народъ:

«Праздничные ярмарки, што вы зовете соборами,—очистите, якъ въ Жидичинѣ и Горахъ въ Святого Спаса. Коляды зъ мѣстъ и зъ селъ—ученіемъ выженѣте; не хочетъ бо Христосъ, да при его Рождествѣ діавольскіе коляды мѣсце маютъ, але нехай соби ихъ въ пропасть свою занесеть. Волочѣльное по Въскресеніи, зъ мѣстъ и зъ селъ выволокши,—утопите! не хочетъ бо Христосъ того смѣху и руганя діавольского имѣти. На Георгія Мученика праздникъ діавольскій на поле изшедшихъ, сатанѣ офѣру танцами и скоками чинити,—разорите. Пироги и яица надгробные въ Острозѣ, и гдѣ бы ся знаходили,—упраздните. Купала на Крестителя—утопѣте и огненное скаканя—отсѣчете! Петръ и Павелъ молятъ васъ, если хочете отъ нихъ ласку мѣти (!), да потребите и попалите колыски и шибиницѣ, на день ихъ чиненые на Волыню и Подолю, и гдѣ бы ся толко тое знаходити мѣло,—мерзко бо имъ на зѐмлю съ небеси смотрѣти, на тое діавольское позорище христіанскимъ людямъ збираючися»!

Изъ этой выписки видно, какъ съ одной стороны нетерпимо и деспотично относился Іоанъ Вышенскій къ своему опекаемому

народу, даже къ его въ сущности совершенно невиннымъ обычаямъ и забавамъ («пироги»... «колыски») и какъ односторонне и недальновидно смотрѣлъ на дѣло!.. Желаніе же упразднить даже «праздничныя ярмарки» показываетъ привычку смотрѣть на народъ именно какъ на «стадо», совершенно игнорируя всѣ его запросы и жизненныя условія, кромѣ вопроса «истинной вѣры». Конечно, это «утопите»! «отсѣчите»! «разгоните»! рекомендовалось «ради спасенія души», но эти возгласы звучатъ такъ грубо... и презрительно.

Что же давали народу, хотя бы взамѣнъ «колядъ», эти люди, считавшіе себя солью земли родной, пастырями душъ народныхъ?

Остановимся еще на двухъ цитатахъ изъ области православно-русскаго культурнаго слова того времени; кстати, онѣ конкретнѣе удержатъ наше вниманіе на нашихъ колядахъ: [1])

1. Около того времени, спеціалистъ словесной науки [2]) издаетъ: «На Рождество Бога и Спаса нашего Іисуса Христа *Вѣршъ*, для утѣхи о. православнымъ христіаномъ». Въ «Прологѣ» къ этимъ вѣршамъ стоитъ:

Христос збавител нынѣ с Панны нароженый
От Бога отца ведлуг тѣла оувелбеный
Нынѣ в вѣрных щасливе нехай завитает,
И радос въ серцу кождого з насъ проквитает»...

Таковъ былъ языкъ «вѣршѣй», предназначавшихся для «утѣхи» православнымъ колядникамъ...

2. Въ городѣ князей Острожскихъ, этихъ знаменитыхъ волынскихъ ревнителей православія и просвѣщенія народнаго въ XVI вѣкѣ, издана была библія, при которой былъ помѣщенъ гербъ князей Острожскихъ, а рядомъ съ гербомъ—вирши. Вотъ двѣ строфы изъ нихъ:

---

[1]) При чемъ читатель будетъ имѣть первые образцы собственно вѣрши, съ которой я начала эту главу.

[2]) П. Беринда.

Зри сія знаменія княжате славнаго,
Их же съдрьжить домъ его от вѣка давнаго
И разумѣй яко не туне и не безъ причины,
О чом властнѣи и ширѣи повѣсть ти кто иныи
Но яко достоить дѣлатель своея заплаты,
Не щадяще здравія никоея оутраты,
Крѣпко побѣждалъ различныхъ съпостат полки,
И разгонялъ с короны драпѣжныа волки.
И еще можеть
Аще богъ поможет.

Въсіяла звѣзда ясно от востока,
Послѣдуя прьвои възвѣщенеи от пророка.
И приводить от Прьсиды трех цареи съ дары,
Поклонитися съ вѣрою цареви над цары.
Твоя звѣзда нынѣ тому же послѣдуе цареви,
Хотя всѣхъ створити жители раеви,
И убываеть луна ветхаго завѣта,
Сіяеть бо солнце неприступнаго свѣта.
В немже ходя не поткнется,
Но паче спасется.

Г. Перетцъ, цитируя эти вирши въ своемъ изданіи (Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы), находить «генетическую связь» между ними и украинскими народными думами, основывая это родство на томъ, что въ этихъ и подобныхъ имъ виршахъ—«неискуссно составлены, *неравносложныя*» строчки [1]); я же генетической связи этихъ вѣршей съ думами совершенно не нахожу: въ нихъ и неравносложность совсѣмъ другого характера, и все изложеніе (тяжелое, напыщенное), и, наконецъ, языкъ—совершенно чуждый думамъ, полный славянизмовъ (тоже совсѣмъ иныхъ, чѣмъ въ думахъ). Думаю, что всѣ эти отличія

---

[1]) Отдѣльные стихи (еще не такіе, какъ въ позднѣйшемъ силлабич. стихѣ—съ одинаковымъ числомъ слоговъ).

сдѣлали бы такія «вѣршѣ» совершенно непонятными пѣвцу думъ, если бы онъ ихъ слышалъ... По моему мнѣнію, такія вирши не только не могутъ поддержать положеніе о вліяніи школьной литературы на думы, а наоборотъ, могутъ показывать, какъ *далека* была и въ XVI столѣтіи школьная украинская литература (современница «старшихъ думъ»), отъ *народной* музы! Поставьте рядомъ съ приведенными отрывками:

Ой на чорному мори,
На билому камени,
Ой тамъ сыдыть ясенъ сокилъ билозорець,
Нызенько голову склоняе,
Та жалибненько квылыть-проквыляе..

Въ этомъ образцѣ стихи тоже не имѣютъ равнаго числа слоговъ (въ каждомъ отдѣльномъ стихѣ), но *ритмъ* другой, а поэтому уничтожается сходство съ размѣромъ приведенныхъ выше неравносложныхъ виршей.

Школьное стихотвореніе пренебрегло и размѣромъ, и всѣмъ складомъ, и языкомъ—даже самаго «возвышеннаго» рода современнаго ему народнаго стихотворства, къ какому принадлежали думы.

Такъ-же точно мнѣ кажется сомнительнымъ мнѣніе, что на почвѣ древнѣйшихъ колядокъ начали развиваться *вирши*-колядки, ораціи, предназначавшіяся для произнесенія. Мнѣніе это сравненіемъ даже ранней виршевой литературы съ колядками, да еще съ колядками древнѣйшаго типа, подтверждаться не можетъ; эта литература ни по складу стиха, ни по содержанію, ни по языку ничего общаго съ народной колядкой стараго типа не имѣетъ. Образцы колядокъ, приведенныхъ мною въ предыдущихъ главахъ, мнѣ кажется, говорятъ сами за себя: эти колядки—сама простота, искренно-наивная, выражаемая чисто народнымъ языкомъ, тогда какъ произведенія виршевой литературы, даже ранняго ея періода,—сама искусственность, по содержанію и языку. Далеко держалась отъ творчества «простоты» творческая среда виршей, орацій!

Конечно, можно предположить, что даже самъ ученый Константинъ Острожскій, читавшій латинскія сочиненія и самъ пи-

савшій по латыни, охотно слушалъ, если его «посполитые» острожане, пришедши «цовиншуваты зъ роковымъ святомъ» своего «можного Пана», пѣли ему колядку, въ родѣ—«А въ нашого пана остроженый двиръ, славенъ-есы»!.. и соединяли, по обычаю, его имя съ героемъ колядки, или, въ видѣ добраго пожеланія, колядовали ему, что самъ Господь, ходя по его двору, умножаетъ всю его «худобу»; м. б. даже, что за колядованье можный «панъ-господарь» отвѣчалъ благодарностью на языкѣ «посполитыхъ», но языка этого, въ видѣ преобладающаго элемента, мы въ писаніяхъ князя Константина не находимъ,—онъ пишетъ или по латыни, или на «языкѣ образованнаго класса южно-руссовъ XVI-го столѣтія»; языкъ же этотъ состоялъ изъ смѣси церковнославянщины и выраженій польскихъ. Слова языка народнаго иногда лишь врывались въ него [1]).

Повинуясь обычаю «виншувать» съ Рождествомъ пѣснею, прославляющею «рокове свято» и поздравляемыхъ, поэты-книжники слагають тоже стихотворенія, которыя они даже и называютъ «Вѣршѣ на Рождество Христово», но этимъ показываютъ намъ лишь то, какъ силенъ былъ *обычай* «колядовать», «виншувать» на Рождество; самой же пѣснѣ, народной колядкѣ рождественской интеллигентые поэты подражать не думали,—не брали ни ея элементовъ, ни языка,—напротивъ какъ будто бы сознательно хотѣли дать нѣчто другое «православнымъ христіаномъ», если ужъ таковые хотятъ величать великій праздникъ и другихъ православныхъ христіанъ. Вторая цитированная выше строфа изъ вирши при гербѣ на библіи острожской тоже давала образецъ для руководства въ послѣднемъ случаѣ: вспомнивъ о звѣздѣ «отъ востока», которая привела трехъ царей «отъ Персиды съ дары», авторъ вирши, Герасимъ Смотрицкій, говоритъ князю, что его звѣзда и нынѣ «тому-же послѣдуе цареви, хотя всѣхъ сотворити жители раеви». Все это не всякій могъ разобрать; но грамотѣи разбирали... О. И Левицкій въ 1889 году открылъ въ старомъ

[1]) Какъ это мы видимъ въ судебныхъ актахъ того времени, въ показаніяхъ и пр.—какъ бытовой терминъ.

рукописномъ сборникѣ любопытную, довольно уже позднюю виршу, которая была сложена тоже на мотивъ рождественскаго «повиншування» и говорила уже настоящій комплиментъ кому-то:

«Вольфы скоро поспѣшалы
Прийтыть въ городъ Выфълеемъ,
Когда по звѣздѣ узналы
Что родылсь Месыя въ немъ.
Такъ и я предсталъ предъ вами
Не для прочиихъ причинъ,
Какъ что зрю двома глазами,
Что живетъ въ немъ Божый Синъ.
Да живетъ же *неотлучно*
И въ васъ Богъ и Человѣкъ
И да вашъ благополучно
Временной продолжитъ вѣкъ! Finis».

Указывая на извѣстный историческій интересъ этого стиха въ сборникѣ «подканцеляристы полкового Гадяцкаго», О. И. Левицкій совершенно справедливо указываетъ всю «безцвѣтность формы и содержанія» стиха. Между тѣмъ мотивъ—тоже «рождественскій»!.. Только онъ такъ-же далекъ отъ народной колядки, какъ небо отъ земли!

Да, не взяло украинское виршевое творчество того, что оно могло бы взять отъ творчества своего даровитаго народа и что могло бы обезпечить совсѣмъ другую будущность и самой литературѣ и, пожалуй, народу.

Былъ одинъ моментъ въ украинской культурной исторіи, когда просвѣтительная дѣятельность въ краѣ становилась на народную почву, какъ бы понявъ значеніе не только просвѣтительнаго, но и національно-народнаго начала: въ томъ-же XVI вѣкѣ сознана была необходимость преподаванія въ школахъ на своемъ языкѣ, а также было сдѣлано нѣсколько переводовъ книгъ священнаго писанія (евангелія, псалтири) на народный языкъ, «для лѣпшого вырозумѣнія». Наблюдая равнодушіе, даже пренебреженіе къ своему національному языку со стороны украинской интеллиген-

ціи, зная о томъ «занедбанни», въ которомъ былъ этотъ языкъ въ болѣе раннемъ и позднемъ періодѣ,—страннымъ кажется появленіе этихъ переводовъ. Было ли оно отраженіемъ раціоналистическаго движенія въ религіозныхъ сферахъ запада? Вѣяніе это проникло и къ намъ, въ видѣ «социніанства», увлекшаго извѣстную часть нашей интеллигенціи, имѣвшей сношенія съ Европой, черезъ Польшу и непосредственно – при поѣздкахъ за границу, для «цвичення» въ наукахъ. О. И. Левицкій, въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи «Социніанство», даетъ блестяще написанную картину этого движенія въ средѣ украинскаго шляхетства, движенія, которое, можно сказать, «отцвѣло, не успѣвши расцвѣсть»... Мимолётность его заставляетъ думать, что оно не имѣло глубокихъ корней въ украинской почвѣ; а слѣдовательно и литературную, какъ бы связанную съ этимъ движеніемъ, дѣятельность въ направленіи національномъ, даже простонародномъ, нельзя считать органическимъ проявленіемъ культурной жизни края.—если она была такъ же кратковременна, какъ и раціоналистическое религіозное движеніе;—б. м. она была отчаянной попыткой спасти уже *замѣтно убывавшія, свои* культурныя силы. Мнѣ кажется съ этой стороны въ высшей степени любопытнымъ предисловіе къ одному изъ упрощенныхъ переводовъ евангелія, нѣкоего Тяпинскаго, напечатавшаго этотъ переводъ въ своей «убогой друкарнѣ». Впрочемъ, что́ бы ни подтверждалось его работой, интересно какъ самъ переводчикъ думалъ о своемъ трудѣ,—почему и для чего онъ его предпринималъ: «Радъ покажу мою вѣру, которую маю, народу своему русскому», такъ начинаетъ Тяпинскій свое предисловіе къ переводу евангелія и проситъ поправить «въ чомъ блудна» его работа. Желаетъ онъ, «абы сума закону божего» для его людей «зъ словенскаго имъ тежъ ихъ власнымъ языкомъ рускимъ въ друку вышла»; «не смысленымъ, або красомовнымъ выводомъ, не залецаными а ни часу угажаючими словы, але яко сприязлывый, простый а щирій, зъ зычливости ку моеи отчизне,—поневажъ которымъ бы то властней учинити пристоело, митрополитове, владыки, и нихто зъ учоныхъ черезъ такъ многій часъ не хотѣли,—зъ убогое своее маетности народу моему услугую».

Далѣе объясняется «*потреба*» такого труда: «хто не мусилъ плакати, видечи такъ великихъ княжат, такихъ пановъ значныхъ, такъ многих детокъ невинныхъ, мужовъ зъ жонами—языка своего славного занедбане, а просто взгарду [1]), съ которои такая оплаканая неумеетность пришла, же вже некоторие и писмом се своим въ слове божемъ встыдаютъ. А на остатокъ, што можетъ быти жалоснейша, што шкарадша, ижъ и тые, што се межи ними зовутъ духовными, и учители, смеле мовлю намней его не вмеютъ, намней его вырозуменя не знаютъ, а ни се въ немъ цвичат, але и ани школы *коу науце его* никогда не мают, *зачим въ полскіе*, або въ иные писма... себе и дети... заправуютъ». Перечисляетъ авторъ разные другіе народы, «же слово боже зъ латинскихъ и иныхъ письмъ своимъ тежъ языкомъ прирожонымъ перекладати и читати почали». Далѣе авторъ обращается къ людямъ знатнымъ («о зацные панове!») и проситъ ихъ помочь дѣлу, такъ какъ «простота́ человека бедного посполитого на васъ очи завжды удавала и удает и за вами идет»; проситъ онъ помочь «прикладомъ своимъ милосерднымъ, если есть што милости братерскои у вас»! Умоляетъ подвинуть къ тому же и духовенство, напомнить ему, что прежніе благодѣтели, («ваши предки»), давали маетности не для его житейскихъ выгодъ и возможности «поседаня столиць одинъ перед другим», «не для марнотрацтва», а «для наукъ», чтобы поэтому заводились школы, въ которыхъ бы процвѣтала наука, не такая, «какъ теперь», когда на вѣчный свой встыд только прочести, и то ледво, въ своем езыку учат се». Наконецъ, поручая зацнымъ панамъ «потребу отчизны», авторъ готовъ «если отчизна до конца згинетъ,—зъ нею згинуть, або если черезъ вашъ ратунокъ будетъ выдвигнена,—зъ вами выбринуть»!

Не бодрость дѣятеля, который работаетъ на пользу уже сколько-нибудь обезпеченнаго дѣла, слышится въ этомъ предисловіи, а какое-то отчаяніе! Картина, которая сама собой вырисовывается въ строкахъ и между строками этого предисловія, дѣйстви-

[1]) Презрѣніе.

тельно, способна была вызывать гнетущую боль сердца у человѣка съ демократическими, просвѣтительными и національными задачами, какія, повидимому, были у автора.

Не удалось усиліямъ единичныхъ людей,—притомъ, очевидно людей «маленькихъ»,—удержать своихъ достаточныхъ и вліятельныхъ земляковъ вѣрными «отчизнѣ» и ея «потребѣ»: «великіе княжата», «значные паны» одинъ за другимъ переходятъ на сторону латинства, католичества и польщизны. Вельможные русско-православные роды Вишневецкихъ, Сапѣгъ, измѣняютъ, уходятъ отъ «своихъ», одинъ за другимъ.

Съ теченіемъ времени, потомки «хвалебныхъ предковъ» дѣлаются особенно ярыми врагами вѣры и народности своихъ отцовъ. Такъ Іеремія Вишневецкій дѣлается лютымъ противникомъ козачества, а княжна Анна-Алоиза, внучка Константина Острожскаго, знаменитѣйшаго ревнителя православія, любимца волынскаго, похищаетъ даже прахъ своего отца и переноситъ въ католическій костелъ, чтобы этотъ прахъ не лежалъ въ «схизматицкой» святынѣ; тогда же, на самый свѣтлый праздникъ, она въ томъ же самомъ Острогѣ, наноситъ обиду православному люду, проѣхавши въ каретѣ цугомъ, черезъ толпу,—(которая шла *съ хоругвями изъ церкви)*,—и опрокидывая на своемъ пути всѣхъ и вся. Горожане возмутились, но были жестоко покараны...

За уходившею знатью уходило меньшее панство, служилый людъ и духовенство,—на лучшія, болѣе спокойныя мѣста.

Впрочемъ, преувеличено, мнѣ кажется, мнѣніе, что вообще интеллигенція, духовная и свѣтская, переходила въ унію, или католицизмъ и польщизну— «для лакомства нещасного»: немалую роль должно было играть и то, что многихъ влекла бо́льшая культурность Польши. Тамъ было большее «цвиченье» и въ наукахъ, и даже въ «дворности»... Тамъ была уже окрѣпшая литература, сбросившая уже иго доминирующаго церковнаго языка, непонятнаго болѣе широкому кругу читателей. Польскіе писатели обратились къ языку своему и создали литературу польскую. Такіе поэты, какъ Рей и Кохановскій, обучившись піитикѣ по латинскимъ учебникамъ, пишутъ *по-польски* стихи; Скарга говоритъ

свои проповѣди по-польски и находитъ въ этомъ языкѣ достаточно элементовъ для выраженія самыхъ отвлеченныхъ понятій. Созидая зданіе своего литературнаго языка, польскіе писатели не пренебрегаютъ элементами чисто-народными, и въ этомъ отношеніи они б. м. подняли многіе камушки, презрительно отброшенные писателями нашими: такія слова, какъ ozdoba, vahanie, zdobycz, liczba, zaniedbanie и масса другихъ были *въ нашемъ* языкѣ *народномъ* и могли бы быть взятыми *нашею* литературою... Историкъ польской литературы (Мацѣевскій, «Piśmiennictwo polskie»), говоритъ, что польскіе писатели XVI в., ввевши въ польскій языкъ русскія слова, (подобныя приведеннымъ выше), «обогатили его и сдѣлали мягче». Мы же эти слова «занедбали» и забыли настолько, что если встрѣчаемся съ ними теперь въ нашемъ народномъ языкѣ. то намъ кажется, что это полонизмы...

Даже начинанія такихъ людей какъ Васыль Тяпинскій, которому такъ «болило сердце» отъ занедбання родного языка, были *слишкомъ робки*, когда брались за его поднятіе. Читатель не посѣтуетъ, если я приведу маленькій отрывочекъ изъ перевода евангелія, (отъ Матө., гл. 24), сдѣланнаго Тяпинскимъ: «И седече ему на горе оливной [1]), приступили къ нему ученики на-одине, мовечи [2]): речи намъ, коли тое будеть и што есть за знаме [3]) твоего прийстья [4]) и сконченья веку. И отповедаючи [5]) Исусъ, рекъ имъ: стережитесе [6]), бы нихто васъ не звелъ [7]). Многіе бо приидуть въ имени моемъ, мовечи—я естомъ Христосъ и многихъ зведуть».

Какъ видитъ читатель, радикальной ломк церковно-славянскаго языка въ переводѣ нѣтъ.

Текстъ церковно-славянскій:

[1]) Елеонстѣй.

[2]) Глаголюще.

[3]) Знаменіе.

[4]) Пришествіе.

[5]) Отвѣщавъ.

[6]) Блюдите.

[7]) Прельстилъ.

Но даже и такія осторожныя пробы, сдѣлать книжный языкъ болѣе близкимъ къ своему народному,—не привились... Все болѣе даровитое ушло на чужую ниву, пользоваться «уже готовыми» плодами, а отчасти и *помогая своими трудами* воздѣлывать эту чужую ниву.

Оставленный народъ, когда возставалъ и боролся съ попиравшими его народность и вѣру, то долженъ былъ бороться какъ съ родовитыми поляками, такъ и съ *своими* отщепенцами, «недоляшками». — Школа наша и на дальше сохраняла свой прежній характеръ, съ культивированіемъ науки языковъ чуждыхъ и мертвыхъ для народа. Пожалуй, выходило, что «послѣдняя была горше первыхъ»: къ царившей въ школѣ греко-славянщинѣ прибавилась тяжелая наука латыни. Когда познакомишься съ нашими учебниками XVII в.—грамматики и піитики, то удивляешься, какъ могло помѣщаться въ головахъ школяровъ столько труднѣйшихъ премудростей словосплетенія. Учебникъ, напр. Мелетія Смотрицкаго, даетъ 12 размѣровъ стихотворныхъ для руководства и множество другихъ для свѣдѣнія, массу риторическихъ правилъ съ образцами на манеръ греческихъ, латинскихъ, все это—на ужасномъ языкѣ, тяжелой славянщинѣ, съ подлинной терминологіей тѣхъ языковъ, откуда правила взяты (греч. и лат.).—Ничуть неудивительно, что эта школа, не дававшая доступа языку своему, языку живому, не дала также ни одного поэта, имя котораго было бы извѣстно— не однимъ только спеціалистамъ словесникамъ; хотя не мало было написано по греко-словенно-латинскимъ «прецептамъ» разныхъ произведеній—у насъ были оды, дифирамбы, орацѣи, діалоги, кармѣны, вѣршѣ—но не было произведеній поэтическихъ!..

Въ польскихъ учебникахъ все же отдѣльно приводились образцы на польскомъ языкѣ, на которыхъ ученикъ могъ отдохнуть душою и получить не только умѣнье, но и охоту подражать имъ на томъ же родномъ языкѣ. Иначе стояло дѣло у насъ.

Въ польскомъ учебникѣ напр. при объясненіи, что такое одинадцатисложный «carmen *polonicum*», приводится такой образецъ:

O piękna nocy, nadzwyczaj tych czasow
Patrz na nas jasno pośród tych tu lasow,
Gdzie, jako pszczoły, koło swego pana
Straż dzierżąc, palim ogień aż do rana.

Въ современномъ же этому кіевскомъ учебникѣ піитики,—для рода *басни,* (который, какъ извѣстно, считается самымъ легкимъ по слогу и найболѣе допускающимъ простую рѣчь), помѣщенъ такой языко-ломательный образецъ:

Fabula de Cicada et Formica.

Въ сицево бѣдство лѣнивый впадаетъ,
Якъ самъ о себѣ Коникъ извѣщаетъ.
Какъ, рече, поля вездѣ зеленѣли,
Якъ древа сѣннимъ листвіемъ шумѣли,
Ряснымъ тяжели гроздомъ винограды,
Какъ гобзовала овощъ вертограды,
На нивахъ сноповъ со множествомъ класовъ
Болѣе было главныхъ неже власовъ и т. д...

Таковъ былъ образецъ «легчайшаго» жанра!... (въ учебникѣ Кіевской Академіи, предназначенномъ «ad usum Roxolanae juventutis». Бѣдная juventus! Не даромъ она предпочитала уходить и отъ такой бездны премудрости, мертвой, формалистической, и—отъ такихъ вѣршѣй)!..

А народная муза продолжала творить свои пѣсни. Народъ жилъ, вёлъ борьбу съ своими ворогами, (среди которыхъ было такъ много его перéвертнивъ!), и о своихъ удачахъ и неудачахъ слагалъ козацкія пѣсни,—такъ называемыя теперь младшія думы. Должно ли признать хотя бы и въ этихъ думахъ XVII вѣка авторство нашей школы, или хотя бы замѣтное вліяніе ея?

«Гей, не дывуйте добрыи люде»!..

—

«Ой зажурылась та Хмельныцького старая голова....

—

Ой Морозе-Морозенку,
Та ты славный козаче,
Гей за тобою, да ты Морозенку,
Вся Украина плаче!..

Слишкомъ это не похоже на приведенныя выше произведенія нашей школы...

Ни подъ одной думой, хотя бы и въ записяхъ современниковъ, не подписано имя кого-нибудь изъ школьныхъ писателей,—охотно подписывавшихъ свое имя подъ стихами другого стиля и языка. «Острожскій ляментъ» писалъ «найныжшый служебныкъ зъ служебныкивъ», и «ляментъ» всё-же далекъ по складу и языку отъ думы, заключаетъ въ себѣ много полонизмовъ.

Лѣтописцы вставляли кусочки думъ изъ *неизвѣстныхъ* источниковъ, именно какъ современную пѣсню *народа*.

Были ли творцами думъ школяры, мандровани дьяки, находившіеся подъ вліяніемъ школы и нёсшіе это вліяніе дальше?.. П. И. Житецкій говоритъ объ этомъ такъ обаятельно, такъ краснорѣчиво, но типы, которые представляются мнѣ при словѣ «пиворѣзъ», «дидаскалъ», «дьякъ» и произведенія, которыя они учили въ школѣ, какъ-то не даютъ мнѣ возможности согласиться, что эти люди и эта традиція участвовали въ творчествѣ думъ, старшихъ и младшихъ. Такъ и кажется, что козацкія думы были произведеніями самыхъ козаковъ, музы народной,—которую не пускали въ школу и къ которой не спускалась муза школьная съ своего Парнаса. Конечно, я сойдусь съ П. И. Житецкимъ въ томъ, что бывшіе ученики и руководители школъ становились часто въ ряды козаковъ-воиновъ и тогда вмѣстѣ съ другими могли участвовать въ созданіи думы, но тогда имъ приходилось бы снова «опроститься», совершенно отрѣшиться отъ языка и пріемовъ школы.

Любопытно, что первое письменное упоминаніе о «думахъ» находится—у *польскаго* историка, (Сарницкаго, подъ 1506 годомъ): «elagiae quae dumas Russi vocant». Первый учебникъ піитики, который удостоилъ упомянуть о думахъ, какъ объ особомъ родѣ стихотворства, былъ тоже—*польскій* (Bicollis Parnassus): «sunt

nonnuli Peanes, dumy Kozackie, non artificio, sed natura laborante». Значитъ, думы были чѣмъ-то особеннымъ, если заправскіе риторы, сжившіеся съ признаками поэзіи *искусственной*, не чувствовали въ думахъ этихъ признаковъ, находя, что онѣ—sed natura laborante...

Однако, возвращаясь къ колядкамъ, должно признать что этому обычаю, поздравлять «панивъ-господаривъ» на Рождество, соотвѣтствующимъ празднику словомъ,—школяры отдали свою дань. Я именно потому дольше остановилась на характерѣ нашей старой школьной піитики и поэзіи, чтобы само собою опредѣлилось, какого рода могло быть несомнѣнное участіе школяровъ въ обычаѣ «повиншовання» съ Рождествомъ. Я думаю, что ими могли произноситься тѣ короткія вирши (съ бѣглымъ упоминаніемъ обстоятельствъ, касающихся Рождества Христова и благопожеланіемъ въ концѣ), которыя отыскиваются теперь въ разныхъ рукописныхъ сборникахъ,—напр.:

Орація Рождеству Христову:

Христосъ родися въ Вифлеемѣ нынѣ,
Лежитъ во яслѣхъ убогихъ на сѣнѣ;
Ангели Слава во вышнихъ спѣваютъ,
И на колѣна быдлята впадаютъ;
Звѣзда посельство тое отправуетъ
И до Египту путь показуетъ.
Мы Христу рожденному хвалу отдадѣмо
И на колѣна предъ нимъ упадѣмо:
Христе рожденный, дай намъ тебе зрѣти
(И одесную въ день суда сыдиты) [1].

---

[1]) Орація XVII в. найдена О. И. Левицкимъ въ рукописной Минеѣ, находящейся въ Волын. епарх. музеѣ и поступившей туда изъ старинной церкви ровенскаго уѣзда, волын. губ. Стихъ курсивомъ—возстановленъ О. И—чемъ, съ оговоркой, что въ рукописи этотъ стихъ пропущенъ совсѣмъ.

Того я вашмостямъ оповидаю,
А Рождествомъ Христовымъ поздравляю.

Въ такомъ же родѣ слѣдующая вирша, найденная тоже О. И. Левицкимъ (въ гадяцкомъ уѣздѣ, полт. губ. въ «коморѣ» одного священника, между старинными бумагами).

Антепатровъ синъ Иродъ былъ неистовій:
Наситился, якъ хотѣлъ, младенческой крови.
Отъ двою лѣтъ и ныже всѣхъ сущихъ младенцовъ
Въ предѣлахъ Іудейскихъ рубилъ, якъ птенцовъ.
Закричала и Рахиль, сколько мала сили,
Якъ отъ грудей на копье младенца схватили.
О, Христе, днесь рожденій и въ яслехъ повитій!
Прыйми кровъ ихъ ради той вины знаменитой,
Да славимъ и мы твою божественну славу,
Вѣдуще Твою милость крѣпку и державу.
Поздравляю васъ рожденіемъ отъ Дѣвы Бога,
Желаю вамъ жить лѣта многа.

Эти двѣ вирши представляютъ типъ орацій, которыя не пѣлись, а произносились въ видѣ поздравленія, замѣняя колядованіе. Были ли онѣ написаны по «прецепту» піитики, по образцу учебника, или въ подражаніе печатнымъ виршамъ, въ родѣ Беринды, или по личному вдохновенію для нарочитаго случая, во всякомъ случаѣ—вдохновеніе это чисто школьное (по складу и по языку виршей [1]). Такое вдохновеніе, хотя и служило обычаю поздравленія съ Рождествомъ, но отъ народныхъ колядокъ ничего не брало и произведенія его въ репертуаръ колядованія поступить не могли (тѣмъ болѣе, что въ такихъ виршахъ-ораціяхъ музыкальнаго мотива не было).

---

[1]) По словамъ г. Левицкаго—такъ и по почерку: «вирша была написана по линейкамъ славянскими, печатнаго типа, буквами,—очевидно, рукою школяра».

Сомнѣваясь, такимъ образомъ, въ генетической связи произведеній нашей школы съ колядками, даже съ колядками болѣе серьёзнаго типа,—(о юмористическихъ я скажу ниже),—я обращаюсь къ другимъ источникамъ.

Мнѣ кажется, что часть болѣе серьёзныхъ, такъ назыв. «божествѐнныхъ» колядокъ пошла отъ церковныхъ псальмъ, или лучше сказать, отъ псальмъ костельныхъ, т. е. католическихъ, польскихъ.

Какъ извѣстно, въ польскихъ костёлахъ, кромѣ собственно мессы, отправляемой на латинскомъ языкѣ, многіе канты поются по-польски. Благодаря этому очень старому обычаю [1]), польскія церковныя пѣсни,—или будемъ ихъ называть «псальмы»,—могли проникать и въ украинскую среду; особенно это было возможно съ принятіемъ уніи, которая во всякомъ случаѣ не вполнѣ отрывала прихожанъ-уніатовъ отъ той ближайшей среды, изъ которой они вышли и съ которою они не порывали связей окончательно. Особенно это надо сказать о *мелкихъ* единицахъ: крестьяне уніаты ходили не въ церковь, а въ костёлъ, но, конечно, не были, какъ высшее панство, отдѣлены каменной стѣной отъ крестьянъ-православныхъ,—большинство тѣхъ, которые «ходылы до костёла», не умѣли даже хорошо говорить по-польски; и теперь можно встрѣтить напр. на Волыни многихъ изъ мелкой шляхты, настоящихъ *католиковъ*, которые гораздо лучше говорятъ по-малорусски, чѣмъ по-польски, и даже въ своей семьѣ только молятся по-польски. При такомъ отсутствіи отчужденности, конечно, костельная пѣсня легко дѣлалась извѣстной и въ православной средѣ.

Между тѣмъ обычай пѣть въ костелахъ «kolędy» очень распространенъ издавна и держится до настоящаго времени: въ немъ получилъ освященіе собственно обычай народный, такъ какъ и въ польскомъ народѣ существуетъ и, конечно, существовало издавна, много колядокъ простыхъ,—похожаго содержанія съ нашими. Я знаю, что это многихъ неспеціалистовъ удивитъ: скажутъ—„какъ? и

---

[1]) Пѣснь «Bogurodzica», приписываемая св. Войцѣху, исполнялась въ польскихъ костелахъ еще въ XIV ст.

у поляковъ колядуютъ"?.. Не отвлекаясь очень, приведу только первые стихи двухъ польскихъ колядокъ, изъ которыхъ будетъ видно, что «и у нихъ» народныя колядки имѣютъ содержаніе похожее съ нашими: 1) «Dobry wam dzień, gospodarzu nasz miły»! 2) «Hej, hej, kolęda! Nowy Rok nastaje»!—Мотивы польскихъ народныхъ колядокъ—веселые, бравурные и очень красивые.

Получили kolędy доступъ и въ церковь католическую. Конечно, съ принятіемъ церковнымъ обычаемъ kolęd, содержаніе ихъ (тѣхъ kolęd, которыя пѣлись въ костёлѣ), должно было измѣниться,—принять характеръ «набóжный». Едва ли я ошибусь, если скажу, что одна изъ самыхъ распространенныхъ набóжныхъ польскихъ колядокъ есть слѣдующая:

W żłobie leży, któż pobieży
Kolędować małemu?
Jezusowi, Chrystusowi,
Dziś nam narodzonemu... и т. д.

Kolędy поются въ костелѣ всѣмъ хоромъ присутствующихъ. Обычай пѣть «kolędy» встрѣтился съ пѣніемъ чисто религіозныхъ пѣснопѣній, для которыхъ, конечно, первоначально являлись образцами--латинскія псальмы; съ этой стороны, польскія набожныя kolędy тоже не могутъ назваться вполнѣ самостоятельными, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя рождественскія псальмы и до сихъ поръ поются въ костелахъ также по латыни, а въ молитвенникахъ латинскій текстъ ихъ помѣщаютъ въ цѣломъ составѣ, или хотя одинъ первый стихъ: «Angelus pastoribus dixit», а затѣмъ польскій текстъ:—Anioł Pasterzom mówił и т. д. Здѣсь переводъ буквальный; но бываетъ, что послѣ первыхъ строкъ польскій текстъ значительно измѣняется въ выраженіяхъ, сохраняя лишь общность содержанія.

Вотъ эти-то польскія псальмы, распѣваемыя въ костёлахъ, вѣроятно, послужили образцами и для нѣкоторыхъ нашихъ колядокъ-виршей, или точнѣе колядокъ-псальмъ. Ихъ заимствовали простые люди, съ голоса, а также и письмéнные—изъ пѣнія, изъ печатныхъ изданій и рукописныхъ списковъ...

Когда мнѣ приходилось вначалѣ слышать нашу колядку «Нова рада стала», мнѣ всегда казалось страннымъ, чужимъ, одно выраженіе въ ней: «Ой ты Царю, нашъ Царю, ты небеськый *шахварю*»... Слово это оказалось польское [1]) и означаетъ въ буквальномъ смыслѣ—ключникъ, завѣдывающій чѣмъ-нибудь [2]); въ польскомъ языкѣ, какъ оказалось изъ моихъ разспросовъ, есть даже въ разговорной рѣчи такое выраженіе:—schafarz łask niebieskich. Но одно слово, конечно, еще не можетъ служить доказательствомъ заимствованія (хотя иной разъ одно слово, *слишкомъ исключительное*, можетъ быть болѣе доказательнымъ, чѣмъ общность содержанія, особенно въ данномъ случаѣ, въ колядкахъ богословскаго характера, въ которыхъ содержаніе очень не разнообразно: звѣзда, рожденіе отъ Дѣвы, пастыри, три царя, заключеніе; въ самыхъ краткихъ чертахъ повторяются части того-же евангельского разсказа).

Кромѣ этого, сомнѣніе мое возбудила еще одна волынская колядка, которая оказалась лишь фонетически измѣненной противъ польской. Наши люди поютъ её такъ:

1.

Вчора изъ вечóра, (2)
Зъ пебесного двóра,
Прыйшла намъ новы́на,
Роды Панна Сына.
Анголъ о пивночи
Свитло зъ неба точе и т. д.

По польски же эту колядку пѣли (совершенно на тотъ-же мотивъ) такъ:

2.

«A wczora z wieczora
Z niebieskiego dwora

---

[1]) Отъ нѣмецкаго—Schaffner.

[2]) Слѣдовательно, въ переносномъ смыслѣ можетъ означать—промыслитель.

Przyszła nam nowina
Panna rodzi Syna,
Gdy Anioł z pólnocy
Swiatłość z nieba toczy» и т. д...

Это было уже слишкомъ явно... Дальнѣйшіе стихи показывали, что прототипомъ была колядка—польская, такъ какъ въ нашей дальнѣйшія риѳмы были еще болѣе натянутыя, чѣмъ въ приведенномъ началѣ.

Странно тоже казалось, что въ колядкѣ «Ой дывнее нарожденне» иногда поютъ—«народзенне»...

Сомнѣнія мои окончательно утвердились открытіями, сдѣланными хотя и не по поводу нашихъ колядокъ, но вообще въ области духовной литературы, польской, малорусской и русской. Работы г-на Перетца, изданныя имъ въ I томѣ его Историко-литературныхъ изслѣдованій и матеріаловъ, въ высшей степени цѣнны. Кромѣ того, что г. Перетцъ опубликовалъ много совершенно новаго матеріала, лежавшаго въ рукописяхъ, въ разныхъ хранилищахъ (въ Кіевѣ, Вильно, Петерб., Москвѣ), но многія его сопоставленія, подтвержденныя самымъ тщательнымъ сличеніемъ (стараго и новаго матерьяла),—требовавшимъ массы кропотливаго труда,—производятъ нообыкновенно яркое впечатлѣніе своею убѣдительностью. Такова въ особенности глава, касающаяся вліянія польскихъ псальмъ на малорусскія вирши и на великорусскіе духовные стихи. Многіе стихи оказываются просто переводами (въ началѣ даже просто перепискам), потомъ передѣлками, болѣе или менѣе близкими, или же отдаленными, но связь которыхъ съ оригиналами можно уловить. Болѣе слабымъ пріемомъ г. Перетца мнѣ кажется способъ доказательства близости стиховъ одинаковымъ размѣромъ; особенно это шаткій признакъ въ стихахъ, которые *поются* (такъ какъ въ пѣніи иногда получаются не только неожиданныя ударенія, но даже какъ-бы новые слоги). Но возвращаюсь къ польскимъ псальмамъ и ихъ вліянію.

Чтобы все-таки не утомлять вниманія читателя, передамъ всего два-три примѣра изъ цитатъ г. Перетца.

Псальма польская:

Wesoły nam dziś dzień nastał,
Którego z nas każdy żądał
Tego dnia Chrystus z martwych wstał,
alleluja [1]).

Въ русскомъ текстѣ:

Веселый нам есть дзѣнь насталъ,
Креторего знас кажди жондалъ:
Тего дня Христусъ зъ мартвыхъ всталъ,
аллилуя [2]).

Дальше по-русски есть уже болѣе отходящій текстъ той же вирши:

«Веселы намъ днесь день насталъ,
Котораго Христосъ з мертвых встал.
аллилуя».

И наконецъ:

«Светел праздник днес настал
Ибо Христос з мертвых востал» и т. д.

Въ такомъ же родѣ передѣлывались и другія польскія псальмы,—напр.:

Affect do Pana Jezusa:

A mam że ja mego Jezusa miłego?
Nie czyniłem nic dobrego dla miłosci jego!
(Псальма XVII в.).

По русски (текстъ, надписанный на нотахъ):

Имамъ азъ своего Исуса моего?
Не творилъ бо есмь благаго любве ради его!.. и т. д.
(Рукоп. начала XVIII в.).

---

1) „Pieśni nabożne“, wyd. w Grodnie.
2) Просто переписанъ польск. текстъ кирилицей.

А вотъ и рождественская псальма:

По-польской рук. до 1650 г.	Переводъ:
Anioł pasterzom mówił:	Ангелъ пастыремъ вѣстилъ:
Chrystus się nam narodził	Христосъ ся вамъ днесь родилъ,
W Bethtleem miasteczku Dawidowem,	Въ Вифлеемѣ градѣ Давидовомъ,
W pokoleniu Judowem	Въ колѣнѣ Іудовомъ,
Z panienki Maryey.	Отъ Дѣвы Маріи.
Chcąc się dowiedzieć tego	Хотяще знать извѣстно,
Poselstwa wesołego	Еже имъ благовѣстно,
Z ochotą do Bethleem bieżeli	Въ Вифлеемъ скоро пошли,
Dziecię w żłobie naleźli...	Отроча въ ясляхъ нашли...

Для моего положенія, что позднѣйшія наши колядки могли пойти не отъ школьныхъ орацій, а отъ польскихъ псальмъ, особенно важна послѣдняя цитата, которая взята (переводъ) изъ Рождественской драмы, приписываемой Дмитрію Ростовскому [1]) и написанной около 1700 г.; приведенный переводъ составляетъ въ этой Рожд. драмѣ вставку, «поклоненія пастырей». Авторъ большой пьесы (съ разными аллегорическими фигурами,—Жизнь, Смерть, Натура)—почти дословно переводитъ рождественскую *польскую* псальму. Это показываетъ ея извѣстность, а также и то, что съ польскими псальмами можно было быть знакомымъ не только черезъ костелъ, слыша ихъ тамъ; очевидно онѣ были вообще извѣстнымъ матерьяломъ духовнаго обихода, доступнымъ и для православныхъ. То обстоятельство, что эти стихи *пѣлись*, конечно, служило особенной причиною ихъ распространенія, такъ какъ красивая музыка при словахъ—особенно покоряетъ. Что же удивительнаго, что не только наши писатели, (хотя бы и ревнители православія), брали за образецъ польскія псалмы для своего

---

[1]) Въ мірѣ Данило Туптало, уроженецъ Кіевщины, воспитанникъ Кіево-Могил. Кол., игуменъ монастыря Батуринскаго, потомъ митроп. Ростовск.

письме́ннаго круга [1]), но и люди изъ народа нашего—брали ихъ, эти костельныя kolędy, для себя, въ свой репертуаръ «набо́жнаго» колядованія; только и тѣ и другіе—на разные языки переводили: одни на письмѐнный, другіе на простой. «Рождественская драма» (или «Комедія на Рождество Христово») была представляема и въ Москвѣ. Такимъ образомъ черезъ южно-русскихъ письме́нниковъ польская псальма шла и въ «Московщину»; любопытны данныя, добытыя г. Перетцомъ, которыя показываютъ, что при этомъ на сѣверѣ заимствовались польскія псальмы не только въ южно-русскихъ переводахъ, но въ самыхъ подлинникахъ: нѣкоторые списки показываютъ, что польскій текстъ иногда списывался даже безъ пониманія его значенія, переходя, вѣроятно, «съ голоса». Это доказываютъ такія искаженія:

Aaronowa *roszczka* zielona	Ааронова *рожка* зелена
Stała się nam *kwitnіąca*...	Сталася нам *квитюнца*...

Попадаются и худшія мѣста; вотъ далѣе тотъ же сѣверный, *русскій* переводъ рождественской пѣсни:

Бежали до ветхлѣем щенсливе,
налезли двецѣ безлове (sic),
Марію со Юземъ.

Это значило въ подлинникѣ, найденномъ г. Перетцомъ въ другой рукописи, слѣдующее:

Bieżeli do Bethleem szczęsliwie,
naleźli dziecię we żłobie,
Marią z Józefem.

Такимъ образомъ заучивалась и списывалась даже безсмысленница, и все-таки записывалась въ сборники «псальмъ». Вѣроятно, московскіе слушатели и читатели этихъ псальмъ думали,

[1]) Вставляя ихъ,—какъ мы это сейчасъ видѣли,—въ свои драмат. сочиненія.

что «м. б. оно тамъ такъ и нужно»...—Но когда же это было, такое вліяніе польской пѣсни?— спроситъ, пожалуй съ оттѣнкомъ недовѣрія, читатель. Пусть же не посѣтуетъ онъ за болѣе обширную выдержку изъ упомянутыхъ «Изслѣдованій» г. Перетца (она многое объяснитъ въ вопросахъ заимствованія; а мы какъ разъ на нихъ остановились). Вотъ что говорится въ гл. VIII «Изслѣд.» («малорусское вліяніе въ Москвѣ XVII—XVIII ст.»): «въ Москву начинаютъ проникать изъ южной Россіи и Польши представители искусства, безъ сомнѣнія не чуждые и поэзіи: при дворѣ царя Михаила Өеодор. около 1637 г. были музыканты-органисты польскаго или малорусскаго происхожденія. Царю подражали и вельможи, заводя музыкантовъ и пѣвцовъ, обучавшихъ, въ свою очередь, москвичей своему искусству. Одновременно съ этимъ возрастало ихъ вліяніе и на церковное и религіозное пѣніе. Объ искусствѣ малорусскихъ пѣвцовъ и о превосходствѣ ихъ надъ московскими въ XVII в. свидѣтельствуетъ діаконъ Павелъ Алеппскій, спутникъ патріарха антіох. Макарія:—Пѣніе козаковъ, говоритъ онъ, радуетъ душу и исцѣляетъ отъ печалей, ибо ихъ напѣвъ пріятенъ, идетъ отъ сердца и исполняется какъ бы изъ однихъ устъ; они страстно любятъ нотное пѣніе, нѣжныя и сладостныя мелодіи. У этихъ же (москвичей) пѣніе идетъ безъ обученія, какъ случится, все равно». Краснорѣчивую вымѣтку дѣлаетъ далѣе г. Перетцъ изъ описи книгъ Заиконоспасскаго монастыря: «книга псалтырь полская на виршахъ», «книга псалтырь на виршахъ Іана Кохановскаго», «книга псалтырь на польскомъ языкѣ».

Москва даже заволновалась отъ такого успѣха «новшества». Никона старые законники обвиняли, между прочимъ, въ томъ, что онъ—«кіевское партесное пѣніе начатъ въ церковъ вводити согласно мирскимъ гласоломательнымъ пѣніямъ». Въ предисловіи къ своей «риөмотворной» псалтири Симеонъ Полоцкій пишетъ: «мнози во всѣхъ странахъ малыя, бѣлыя, и черныя, и червонныя Россіи, паче же во велицѣй Россіи, въ самомъ царствующемъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, возлюбше сладкое и согласное пѣніе польскія псалтири стиховно преложенныя, обыкоша тыя

псальмы пѣти, *рѣчей* [1]) *убо мало или ничто же знающе,* и точію о сладости пѣнія увеселяющеся духовнѣ». Не имѣя силы бороться съ популярностью польской псалтири, С. Полоцкій приспособляетъ нѣкоторыя изъ своихъ переложеній такъ, чтобы ихъ можно было пѣть на извѣстный уже голосъ польскихъ псальмъ. Такъ кончаетъ г. Перетцъ страницу о судьбѣ польской псальмы въ Москвѣ.

С. Полоцкій, прибавимъ мы отъ себя, былъ воспитанъ кіевскою школой и въ постановку литературнаго дѣла въ Москвѣ внёсъ все искусство, полученное отъ этой школы; ему помогали многіе украинцы, являвшіеся въ Москву, особенно послѣ Хмельниччины. Извѣстно также усердіе учениковъ этой школы въ Петровскій и слѣдующій періодъ, положенное на созданіе новой литературы. Съ теченіемъ времени «кармѣны» и пѣніе бандуристовъ, (тоже, какъ извѣстно, имѣвшихъ одно время большой успѣхъ въ Москвѣ и Петерб.), были сданы въ лакейскія; когда же кіевская виршевая литература умерла на московскихъ и петерб. задворкахъ, а на ея перегноѣ выросла уже новая «россійская литература», то она,—развиваясь дальше уже при помощи своихъ элементовъ,—пожелала быть полной госпожей и заставила кіевскихъ ученыхъ учить грамматику и піитику «господина Ломоносова». Недавніе учителя-южане принялись учить его сѣверныя оды. Учились усердно... Кіевская академія посылаетъ на свой счетъ въ Москву нѣсколькихъ воспитанниковъ собственно для того, чтобы научиться московскому произношенію.

Но народъ украинскій одъ не училъ; его словесностью были, по прежнему, его пѣсни. Мы видѣли, что въ обрядовую пѣсню, въ колядки, вошла церковная, костельная псальма, которая получила значительную поддержку въ такъ называемомъ вертепѣ. Изъ документальнаго доказательства, что переведенная съ польскаго псальма была вставлена въ рождеств. драму Д. Ростовскаго, какъ готовый «номеръ» [2]), несомнѣнною является тѣсная

---

[1]) Т. е. содержанія.

[2]) Выражаясь по теперешнему.

связь польской костельной псальмы, болѣе или менѣе переработанной, съ этимъ своеобразнымъ театромъ,—«вертепною» или вообще религіозною драмою; значитъ, польская псальма предшествовала ему.

Впрочемъ, вѣдь и самъ «вертепъ» вышелъ изъ польскаго костела, который въ свою очередь получилъ эти представленія отъ церквей западно-европейскихъ. Я не стану передавать подробно исторію вопроса; напомню ее лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ: католическая церковь, вообще больше любящая образность и декоративность, еще въ средніе вѣка начала демонстрировать соотвѣтствующими фигурами свои служенія, посвященныя важнѣйшимъ праздникамъ: во время мессы «резурекціи» поднимали фигуру Христа (которая въ послѣдніе страстные дни лежала въ гробу, окруженная статуями, или вырѣзными ангелами)[1]; также точно въ костелѣ къ Рождеству ставилось изображеніе вертепа,—извѣстнымъ, образомъ декорированнаго мѣста, въ которомъ помѣщались, въ большемъ или меньшемъ видѣ, соотвѣтствующія статуи. Постепенно эти демонстрированія расширялись,—такъ, въ страстные дни, страсти Христовы читались въ лицахъ, при чемъ читавшіе какъ бы исполняя роли, тамъ же въ церкви представляли священныхъ и иныхъ лицъ, относящихся къ разсказу о страстяхъ. Это и были «мистеріи», которыя, съ теченіемъ времени, еще болѣе расширившись, вышли изъ церкви въ общественныя зданія, коллегіумы и на площади. Къ священному содержанію прибавились вставки комическаго и современно-бытового характера; мистеріи переходили въ настоящій театръ, превращаясь въ пьесы историческія и т. д. Подобныя же представленія давались и на кукольномъ театрѣ,—который изъ Зап. Европы перешелъ въ Польшу, а оттуда и къ намъ. Такъ какъ на этомъ театрѣ представлялась главнымъ образомъ Рождественская драма, то и самъ онъ назывался у поляковъ «яселки», шопка (сарай, отъ нѣм. Schoppen), а у насъ—«вертепъ».

---

1) Послѣдній обычай до сихъ поръ живетъ въ нашихъ большихъ польскихъ костелахъ.

Какъ въ Польшѣ такъ и у насъ представленія на темы изъ священнаго писанія особенно привились и культивировались—при школахъ. Возражая на мнѣніе г. Петрова, П. И. Житецкій совершенно вѣрно говоритъ, что собственно мистеріи, *церковныя. религіозныя представленія*, у насъ не могли быть въ ходу. И въ самомъ дѣлѣ, православная церковь, устранившая изъ храмовъ даже статуи, могла бы считать мистеріи лишь профанаціей и не могла бы «связывать ихъ съ богослуженіемъ».

Въ школѣ же нашей представленія на религіозныя темы получили большое развитіе, превратившись потомъ въ полуисторическія, полубытовыя пьесы еще въ концѣ XVII стол. (Вопросъ этотъ превосходно разработанъ П. И. Житецкимъ въ его предисловіи къ «Энеидѣ Котл.»).

Содержаніе Рожд. драмы, представляемой на сценкѣ яселокъ и вертепа, было въ общихъ чертахъ одинаково: оно состояло изъ серьёзной части,—гдѣ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ являлись ангелы, поклоняющіеся пастухи, волхвы, Иродъ, смерть,—и комической, по большей части отдѣляемой особо, гдѣ являются разные народные типы,—говорятъ, поютъ, танцуютъ. Иногда сценки перемѣшивались.—Я не буду говорить о комической части «вертепа», (развѣ только упомяну, что напрасно думаютъ, будто комическій характеръ бытовой части вертеннаго представленія обязанъ именно украинскому юмору: въ бытовой части польскихъ «яселекъ» тоже много забавнаго и остроумнаго; хотя, конечно, есть и тутъ, и тамъ свои особенности). Обращаясь къ серьезной части текста вертепа, мы непосредственно встрѣчаемся съ матерьяломъ, связаннымъ съ колядками. Уже одна и та-же тема должна была вызывать сходный репертуаръ. Выйдя же, по своему началу, изъ костела, вертепъ вынесъ съ собою и то, что пѣлось въ костельныхъ псальмахъ,—можетъ быть, еще тогда, когда вертепъ изображался въ костелѣ. Съ привѣтомъ пастуховъ имѣетъ полное соотвѣтствіе псальма «Anioł pasterzom mówił [1]). Не да-

---

[1]) Въ старомъ богогласникѣ: Anioł trzody pasącym zwiastował czuwającym»,—съ примѣчаніемъ: «stosownie do Lacińskiego Textu—Angelus pastoribus dixit vigilantibus».

ромъ, какъ мы видѣли, кіевскій авторъ большой Рож. драмы, тоже взялъ эту псальму, въ переводѣ: («Ангелъ пастырямъ вѣстилъ»). Дальше въ этой же псальмѣ, въ польскомъ текстѣ, есть такая строфа:

O dziwne Narodzenie,
Nigdy nie wysławione:
Poczęła Panna Syna w czystości,
Porodzila w całości
Panieństwa swojego.

Въ той же вставкѣ «Ком. рожд.» Д. Рост. это переведено такъ:

То дивное рождество
Не изрѣчетъ вѣтѣйство:
Зачала Дѣва сына въ чистотѣ
И родила въ цѣлостѣ
Дѣвства своего.

Волынская колядка[1]) начинается такъ:

Ой дывнее нарожденне
Божого Сына,—
Его жъ бо намъ породыла
Дива Марія.
Народывся Исусъ Хрыстосъ
Изъ Дивы, зъ Панны,
Нихтожъ теи не дознае
Божои тайны.

Кромѣ этого, мною записаннаго волынскаго текста, колядка эта есть во многихъ варіантахъ въ сборникахъ Чуб. и Голов. (вездѣ первая строка та-же, «Ой дывнее нар.»).

Въ старомъ богогласникѣ, почаевскаго изданія, есть еще такая псальма:

[1]) Объ ней упоминалось выше; очень распространенная.

1) Radość wielka nam nastała,
Iaka nigdy nie bywała.

Въ «вертепѣ», по списку Галагана, есть тотъ же номеръ:

2) Нова рада стала,
Якъ на неби хмара [1]).

Въ народной колядкѣ, очень распространённой:

3) «Нова рада стала,
Що на неби хвала»,
(или «*Яка не бувала*»).

Дальше всѣ тексты расходятся, но большая сходность *начальныхъ* стиховъ не могла явиться случайно. Въ № 2, текстѣ *вертепномъ*, стоятъ далѣе слова:—«Просымъ тебе, царю, небеськый *шапарю*» [2]), что, какъ мы говорили, тоже показываетъ на связь съ первоначальнымъ текстомъ польскимъ. Въ колядкахъ, принявшихъ болѣе народную отдѣлку, слово это замѣняется—«небеськый владáрю».

Кромѣ этого номера въ текстахъ вертепа (къ сожалѣнію, сохранившагося въ очень короткой редакціи), есть еще стихи, которые то пѣлись, то говорились (хоромъ, объяснявшимъ дѣйствіе, и режиссёромъ—за куколъ); языкъ въ этихъ стихахъ обычный «вѣршамъ»; въ содержаніи ихъ видно тоже знакомство съ польскимъ текстомъ, или съ самымъ его прототипомъ:

4) «*Ангелъ:* Возстаньте, *пастыріе*, и *бдите зѣло*» [3])
Возстаньте и *радуйтесь*, яко се приспѣло

---

[1]) Думаю, что это случайная замѣна, такъ какъ по народной пѣсенной символикѣ хмара къ «радости» не подходитъ,—соотвѣтствуя понятію о чемъ нибудь непріятномъ.

[2]) Спис. Галагана.

[3]) *Angelus pastoribus* dixit *vigilantibus:*
Nuntio vobis magnum *gaudium*,
Salvatorem omnium in terris *genitum*.
. . . .

Рождество Спасово, міру *пророками* предреченно,
Который вже родывся отъ Дивы совершенно.

—

5) Хоръ: Слава буди въ вышнихъ Богу,
Дающему радость премногу,
Рожденну, явленну
И во яслѣхъ безсловесныхъ положенну и т. д.
(Вертепъ, въ зап. Маркевича)

Интересно сравнить въ *уніатскомъ* почаевскомъ богогласникѣ 1790 г. Рождественскую пѣсню,—она дословно сходна съ приведеннымъ псальмомъ хора (№ 5) въ вертепѣ Марк.:

Слава буди во вышнихъ Богу,
Дающему радость премно́гу,
Рожденну, явленну,
Во яслѣхъ безсловесныхъ положенну. (Богог. № 11).

—

Далѣе въ томъ самомъ вертепномъ хорѣ (у Маркевича) перестановка строфъ и какое-то искаженіе:

Щобъ даровавъ златыи клиты (sic)
Намъ пожыты въ ныхъ многіи литы,—
Спивайте, играйте,
Вси людіе рожденного выхваляйте.

Ты, вертепе, возвеселыся,
Се-бо въ тоби Хрыстосъ родыся,
Во струнной псалтыри
Рожденного прославляйте во всемъ міри.

Волъ и оселъ его вытають,
Пастыріе ёго прославляють
И цари государы
Отъ Персъ и Индіи принесоша дары.—

Quomodo *Aaron virga* fronduit
Atque *„flore floruit“*... (рѣчь о *пророчески* процвѣвшемъ «жезлѣ Аароновомъ»).

Въ богогласникѣ же псальма продолжаетъ такъ:

Волъ и оселъ Пана познаютъ,
Пастыріе его витаютъ,
А цари звѣздари,
Съ Персиды, поклонъ даютъ, кладутъ дари.

—

Ты, вертепе, возвеселыся,
Се бо въ тебѣ свѣтъ намъ явися,
Спѣваймо, граймо,
Людіе, рожденного вихваляймо.

—

Бы златые даровалъ *лѣта*,
Живущимъ намъ во скорбѣхъ свѣта.
Во мірѣ, во вѣрѣ,
Рожденнаго славити при офѣрѣ,

—

Даруй тое, преблагій Боже,
Желаннѣйше намъ есть ничтоже:
А въ небѣ якъ требѣ
Со Ангелы возглашати пѣснь тебѣ. (конецъ).

Къ сожалѣнію, самый старый богогласникъ почаевскій, изъ котораго я беру эту выписку для сличенія, есть все-таки довольно поздняя запись псальмъ (1790 г.), притомъ завѣдомо передѣланныхъ,—какъ о томъ прямо сказано въ предисловіи иноками-издателями. Вертепъ же Маркевича записанъ еще много позже (изданъ въ 1862 г.). Но во всякомъ случаѣ очень большое сходство хоровыхъ номеровъ въ вертепѣ Маркевича и Галагана («Нова рада») съ уніатскимъ и польскимъ текстомъ, такъ равно какъ и вышеприведенныхъ колядокъ [1]) съ тѣми же польскими псальмами несомнѣнно. Дальнѣйшіе розыски должны подробнѣе освѣтить этотъ вопросъ.

[1]) Ой дывнее нарожденне, Нова рада, Вчора изъ вечора.

Признавая зависимость, какъ нашихъ колядокъ-виршей, или набо́жныхъ, такъ и вертепныхъ псальмъ отъ польскаго *источника*, я не думаю лишать ихъ самобытности, такъ какъ и составители вертепнаго текста всё-же измѣняли его, а колядки, какъ увидимъ ниже, и совершенно переработали полученные вмѣстѣ съ мелодіей основные мотивы пѣсни.

О. Пчилка.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПРОПАЩА СЫЛА.

Повисть.

(Продолженіе [1]).

ЧАСТЫНА ДРУГА.

I.

Сичовыкъ.

Велыке село Пискы. Розкынулось, розляглося и вздовшъ, и вшыръ и впоперекъ, на ривній нызыни, въ балци, а передъ самымъ селомъ мовъ хто борошна насыпавъ—билого писку середъ чорнои землі. Такъ—наче хто билый кылымокъ прославъ, щобъ вытерты ногы, вступаючы въ село. Посередъ села стоить невелычка старенька церковця, трохы перехылылася на одынъ бикъ и вросла въ землю. Не тилькы покривля, де-не-де и ребра поросли зеленымъ мохомъ. Проты церквы, на невысокимъ згирку, велычезный палацъ свитыть дверыма—викнамы... И палацъ уже выдно давній, та ще й запущеный. Стины пооблупувани—де-не-де вывалюется цегла; покривля поржавила; у викнахъ шыбокъ не доличышся. Мабуть нихто не жыве въ тимъ палаци, бо и двиръ непрочыщеный—зарисъ густою муравою. Тилькы дви протоптани узеньки стежечкы тягнутся черезъ увесь двиръ до двохъ невелычкыхъ будынкивъ—по одынъ и по другый бикъ палацу. Все те осунулось, опустылося... Такъ выглядалы Пискы передъ волею.

---

[1]) См. Кіев. Ст. 1903, № 4.

А литъ за пивторы сотни не тилькы цёго палацу, а й самыхъ Писокъ и слиду не було. Тамъ стояло невелычке сельце, чы то такъ—невелычки хуторци розсыпалысь по балци, якъ стогы сина зимою по степу. Мазанокъ було всёго, може, хатъ зъ пьять, а то все—землянкы пры самій земли, якъ могылкы повиддымалыся. Тилькы одынъ дымаръ нагадувавъ, що то не берлога звиряча, а людська оселя, що оберегала людей одъ звира и одъ лыхои годыны.—Землянка була зъ прысинокъ, схожыхъ на ривъ, та зъ хаты—лёху. У хати була пичъ, де можна зварыты йисты та погритыся; однымъ-одно виконечко—мале, якъ оддушына въ бджолянныкахъ выглядало зъ боку на шляхъ. Недалеко видъ землянкы стоялы кружкомъ вербы, мовъ зачаровани дивчата, а посередыни—чорнила яма, обставлена очеретомъ. То—копанка для воды. Огорожи—ніякои. То теперъ тилькы сталы городы обгорожуваты, а тоди—нихто цёго и у думци не мавъ. Зайвои земли лежало неозорно передъ тобою и за тобою... Прыходь, заоры, скилькы хочъ—нихто тоби й слова не скаже. Хиба тилькы сусидній панъ полковныкъ або сотныкъ подума: «Ловысь, мовъ, рыбко, мала й велыка!» Покы тамъ панъ налагодытся сплесты невода, рыбка соби въ затышку плодытся, прыбувае, выростае... Середъ пустыхъ степивъ красуются, якъ квитныкы, весели хуторы, прысилкы, села; де-не-де вже, посередъ села й церква биліе,—ще здалека горыть хрестъ на сонци.

Такъ уродылося багато селъ и хуторивъ округъ Гетманського. Де бувъ колысь биръ,—стало велыке село Биркы; середъ яривъ та байракивъ, мовъ зъ земли выpослы Байракы—мали й велыки: тамъ, де колысь на лощыни вовкы вылы та лысыци норы рылы,—красуется село Вовча долына. Тоди заснувалыся и Пискы.

Адже, якъ не давно Пискы насталы, що вже почала вывитрюватысь и людська памьять про ихъ основу,—та людська памьять не сховала того, колы и якъ оселывся въ ныхъ захожый сичовыкъ Мыронъ Гудзь. Заховала тилькы людська спомка, що цей Мыронъ бувъ вже не молодый чоловикъ, коренастый, зъ довгымы усамы, зъ закрученымъ за ухо оселедцемъ, та що винъ ще довго пислят того, якъ оселывся, не кыдавъ свого запорож-

ського звычаю—воювання. «Воювавъ, казавъ винъ, зъ ляшнею, воювавъ зъ башею, воювавъ зъ татарвою,—а теперъ воюватыму зъ звиремъ!» И дывысь: скынувъ рушныцю на плече, та й потягъ подовшъ поля—скилькы окомъ зглянешъ... Немае день, немае два; иноди и на третій не выдно. А тамъ—глянь! и несе шкуръ пьять або шисть вовчыхъ. Отакъ Мыронъ доты воювавъ, доты бывся, рубався, покы й самъ не набигъ на свого звира, що й ёго звоювавъ. И нихто другый звиръ той, якъ Марына Зайцивна,—зъ Писчанськихъ такы хуторивъ козача дочка.

Йшовъ якось разъ Мыронъ зъ полювання до-дому. Сонце стояло на вечирнёму прузи, а ще якъ огнемъ пекло. Витеръ подыхавъ гарячый... «Дохожу я, каже Мыронъ, до Зайцёвого хутора—вымореный, змоченый потомъ. Пыты—ажъ душа горыть. Колы—зыркъ!—выскочыла ласочка зъ землянои норы зъ видерцемъ въ рукахъ,—та скикъ у кружало вербъ, до копанкы! Якъ забачывъ, я видро, то въ мене ажъ закыпило въ середыни... Пиду, думаю, напьюся воды холоднои... Иду. А дивчына нахылылася надъ копанкою, бере воду, та стыха спивае... Та такымъ же любымъ голосомъ, такымъ важкымъ спивомъ,—ажъ за серце хапа! Пидхожу я.—Дивчыно! кажу, дай лышъ воды напытыся!—Вона глянула на мене—любесенько такъ... та й спиваты годи. А мени вже тоди и пыты перехотилося... Въ іи чорныхъ блыскучыхъ очахъ втопылася моя згага! Подае вона мени видро, нахылывся я... «А, бодай тебе, кажу, зъ такою водою, яка мутна та нечыста!» Та вже хотивъ бувъ напытыся. Вона—хвить видро... воды—якъ не було,—тилькы калюжка на земли стала.—«Стрывайте, стрывайте: я друге вытягну!»—Та за видро, та до копанкы. Прыхылылась, вытягла. Та вже жъ и вода, холодна, та чыста, якъ слёза. Напывся—трохы не цилисеньке видро выдувъ и подякувавъ,—та й пишовъ. Прыхожу до дому. Що за знакъ? зъ ума не сходыть моя дивчына: такъ передъ очыма и вертытся. Що за нечыста маты?—думаю. Отъ тоби й напывся воды! Переходыть день,—все одно, що вчора. Мынае другый,—не забувается. Пиду на полювання,—вона мени наче мара, зъ-за бурьянивъ прывыджуется!! Разъ на вовка хука давъ; у друге схы-

бывъ; за третимъ разомъ зарядъ у пенёкъ всадывъ... Овва! зовсимъ здуривъ»...

— Такъ воно жъ, бачу, тилькы на Сичы добре козакуваты; а на займанщыни—хлибъ робыты!—Сказавъ самъ соби, та дождавшы недили, и пишовъ до Зайця на хутиръ. Розсказую ёму свою прыгоду, та разомъ, нибы шуткуючы, и дочку сватаю. Гомонымо соби въ двохъ... Клыкнувъ Заець Марыну,—старои не було, за рикъ передъ тымъ вмерла. Отакъ и такъ,—каже дочци: «сватае тебе Мыронъ. Чы пидешъ»? А вона—звисно, молода, соромязна:—Не знаю,—одказуе. «А хто жъ зна»?—пытае батько.—Мовчыть вона. Такъ мы зъ Зайцемъ удвохъ выпылы доброго могорычу,—та й справу зробылы. Узявъ винъ—поблагословывъ насъ. А черезъ тыждень, у неделю, пишлы мы до попа на побыванку, та й повинчалыся. Зъ того часу заржавила сичова рушныця, злигся порохъ, розгубылось креминня. Ставъ Мыронъ Гудзь поле ораты, та хлибъ сіяты, а Марына—сына Ивана колыхаты...

Середъ шырокыхъ та розлогыхъ степивъ, на вильнимъ просторы, вырощувавъ Ивась свою молоду сылу. Кровъ батькивська, сичова, ще змалку обизвалася въ жылахъ малои дытыны. Найлюбищою забавкою було ёму будуваты та руйнуваты землянкы, валы, окопы, шаньци. Чуючы одъ батька страшни прыповисты про війны та походы на туреччыну, на татарву, на панивъ ляхивъ,—Ивась перекладавъ усе те въ дытячи игрaшкы. Оце зробыть окипъ, та й давай ёго розвертаты,—буцимъ зъ бою бере. Батько дывытся, сміется. Любо старому рубаци згадаты на своій дытыни свои молоди лита! Винъ було Ивася и пидохочуе: А ну-ну, сынку! учыся змалу: на старисть—якъ нахидка буде!

За те маты не дуже втишалася тымы страшнымы играшкамы! Ивась у неи бувъ однымъ одынъ. Ій тяжко и страшно було подуматы, що, якъ выросте іи одынчыкъ, а тутъ—не дай, Господы, схопытся яка заверюха зъ башею або зъ татарвою, та замчыть іи ясного сокола бо-зна за якый край свита,—вона ёго може, бильше и не побачыть. Тамъ десь, въ чужій сторони, середъ кри-

вавои війны, зложыть винъ свою козацьку головоньку; маты не закрые очей своiй ридній дытыни: ихъ хыжи орлы зъ гракамы повыклёвують, голодни вовкы—сыроманци порозносять жовти кости. Хиба тилькы зозулька, невтишна вистовныця—прынесе звисточку, що іи сынъ бидолашный полигъ середъ чыстого поля Важко матери, таке згадуючы: гирко та сумно на души, боляче въ серци,—такъ, наче хто шматочокъ одрывае одъ его. И Марына падала на вколюшкы, молыла Матиръ Божу, щобъ велыка заступныця наслала мыръ на іи ридну сторону и захыстыла видъ напасты! Жахаючысь тои страшнои хуртовыны, яка тоди часто й густо пидіймалася, матырыне серце боялося, щобъ Ивась у играшкахъ бува не прывчывся до неи. И, колы батько ти играшки пидхвалювавъ, Марына грымала и на батька и на сына, що збывъ таку кептюгу коло землянкы.

А въ вечери, якъ не спытся Ивасеви, визьме маты ёго русяву головоньку въ свои рукы, цилуе, мылуе, и стыха, любымъ голосомъ, малюе ёму картыну инчого жыття, жыття тыхого, хлиборобського побыту, литнёи праци на своiй добрій ныви, зимнёи лежни въ теплій хати, що якъ повна чаша; середъ малыхъ дитокъ, що одно говоре, друге белькоче, а трете въ колысци мугыче; середъ добрыхъ сусидъ, що,—не дай, Боже, хворобы,—и одвидають, и провидають, не, то, що сичове товарыство, котре всюды несе смерть за собою!

Ивась писля того хылывся на матерыну ручъ. На другый день уже винъ не рывъ ровивъ, не копавъ шанцивъ; не высыпавъ окопивъ и не бравъ ихъ зъ бою; а ходывъ соби по городу або по полю, та весело выспивувавъ.

Таки речи разомъ врывалыся въ Ивасеву голову. Дытына сама не знала: що робыты, кого слухаты. Оце батько розскаже про найизды на Туреччыну. На другый день Ивась и воюе зъ нею. А тутъ маты, у вечери, своимъ пестывымъ голосомъ нашепче дытыни про любовъ до всёго жывого. Ивась кыдае свои боища та руйнованння; любуется красою свитовою, квитучымы рослынамы, жывломъ усякымъ,—пестыть козачкивъ, сонечко, коныкивъ; слухае дзвинку жайворонкову писню. Гляне батько на дытыну: той

Ивась, та не той!—не высыпае окопивъ, не рые шанцивъ, не бере ихъ боемъ.

— А що жъ ты, Иване, не берешъ свого Берестечка?—пытае батько?

— Не хочу!

— Чому?

— Маты не велять.

— Чому?

— Кажуть: гришка змалечку прывчатысь, якъ зъ людьмы бытысь. Треба зъ нымы въ мыру жыты!

— Бреше маты! То зъ добрымы, то й въ мыру; а зъ лыхымы,—колы ихъ не вкладешъ, то воны тебе вложать. Отже важчымъ здается Ивасеви тыхе, любьязне матерыне слово, нижъ суворе та грубе батькове. Такъ що, якъ повернуло Ивасеви на шиснадцятый рикъ, то винъ зовсимъ покынувъ играшкы въ бои—та ставъ ходыты биля воливъ, додывлятыся до плуга, до бороны. Спершу и це все було хлопцеви за играшку; а дали—увійшло въ его щоденни звычаи, блызько прыпало до серця. Ставъ винъ уже бильше нудьгуваты тоди, колы пидласый, або сывый вилъ захворіе,—нижъ одъ прыповисткы батьковои за татарськый набигъ.

Маты радила. Та й батько—не то, щобъ легко було ёго сичовому серцю дывытысь, якъ замирала въ сынови лыцарська вдача, а все жъ и батько не дуже горювавъ видъ того. Кругомъ усе старе лыцарство розставало. Не стало ривносты,—не стало братства. Козацька старшына, що колысь, выбыраючы на іи головы груддямъ кыдалы, щобъ не зазнавалася,—позадерала теперъ головы въ гору, а прости козачи до самои земли понагынала. Дряпижныкы, сутяжныкы, всяки військови товарыши, розкынулы свои тенеты—и, якъ зайцивъ, ловылы въ ныхъ просту темноту. Не стало вже и гетьмана. Та й на вищо винъ тоди, кому винъ тоди здався? Кругомъ Украину облегло панство, позалазыло въ саме серце—и, якъ те гайворопня, шматувало іи полумертвый трупъ. Зажурылысь наши левенци—та вже було пизно! Та сама земля, котру воны довгымы спысамы скородылы, своимы кист-

камы засивалы, обороняючысь одъ лютыхъ ворогивъ,—стала для ныхъ ворогомъ, одъ котрого прыходылось тикаты. Пиднявся струсъ, биганына. Зъ одного мисця переходылы люде на друге, шукаючы воли, бажаючы панивъ здыхатысь—не чужыхъ, а своихъ уже кревныхъ панивъ! Одъ панивъ тикалы въ козакы, давалы військовымъ урядныкамъ басарынкы, щобъ запысалы въ «компутъ козачый»; а козакы не вряды-годы шукалы ласкы въ панивъ—бигалы одъ козацькои старшыны, просылыся «пидъ протекцію». А панъ и старшына—якъ браты ридни! Воронъ ворону ока не выклюе. А часто—самъ панъ, самъ и старшына. Хто самъ соби ворогъ?

Правда, писчане булы ще вильни. Та що зъ того—колы прыходылось дожыдаты, що отъ-отъ и ихъ злыгають. А кругомъ неволя, кругомъ сумъ людськый,—никому порадонькы даты. Пиднялысь булы за Днипромъ гайдамакы, та й ти повернулысь у розбышакы, а не въ справжнихъ лыцаривъ. А тутъ уже чутка: Текеля на Сичи попорався». Ростеклося товарыство,—хто куды. Одни—въ землю; други—до турка; а трети—на Вкраину, до плуга. Прыдыбало ихъ щось два чы тры у Пискы,—та незабаромъ и померлы. Тилькы й памьяткы, що церкву почалы будуваты.

Все це пережывавъ старый Мыронъ, за плугомъ ходячы; все це переболило ёго гаряче серце, коло хазяйства нудячысь. Зостався Мыронъ самъ соби, якъ палець. Якъ дубъ середъ осычокъ въ лиси, такъ винъ середъ писчанськои громады. Одынъ одынцемъ! И сынъ—ёго кревная дытына—цурався батькивського духу!! Сумне недоладне прыйшлося сичовикови волочыты жыття на старисть. И скризь ворогы,—и ворогивъ не мае, бо люде попидылы: нихто не хоче прямо мырятысь сылою! Всюды тыхо, хочъ умырай! А це козача вдача гучно одклыкалася въ старому серци; рука шукала потягтыся зъ ворогомъ. Такъ же й ворога, окримъ свого хатнёго не мае. Сумно и глухо!

— Пустіе, глухне нашъ край! Незабаромъ и заплисніе середъ такои каламуты!—казавъ иноди Мыронъ, згадуючы давне.

И порядкы яки теперъ насталы!? Що воно за порядкы? Свій свого въ неволю правторыть. Старшына козацтво въ нывець повернула. Уси земли посила. Не даромъ у писни спивають: «Ой дукы вы, дукы, позабыралы вы наши степы й лукы»! А теперъ на ныхъ чужымы рукамы роботызну справляють. Ой, не такъ колысь було въ насъ у Сичи—у нашому козацькому краи! Уси ривни, уси вильни. Сёгодни ты атаманъ, а завтра—я! А земли—скилькы хочъ. Оры, сій, де любищу мисцыну выберешъ. Сказано: воля... А теперъ?.. теперъ що?.. Скажить мени: до чого це йдется?! Ни! немае добра, немае,—та вже, мабуть, ёго николы й не буде!—додасть, якъ гвиздкомъ прыбье, та й замовкне.

Люде слухають, похнюпывшысь. Инчи—потылыцю скребуть.

Трохы згодомъ, отдыхавшы, Мыронъ знову росчынае. Зъ ляхамы-панамы мы былыся, рубалыся, вставалы якъ одынъ чоловикъ. Навищо? На те хиба, щобъ насъ нашою жъ старшыною побыто, у неволю повернено?! Це на те й выйшло: нашымъ саломъ та по нашій шкури! Ну, и носить іи, здорови, покы ще цила, покы не здеруть. А черезъ вищо все? Усе черезъ те, що коженъ самъ про себе дбае. Братове лыхо—чуже лыхо! Немае єдносты,—чортъ мае й воли! А якъ бы гуртомъ забралы косы, та шарконулы всю кропыву. Отъ бы—такъ! Чого дывытысь? Косить, кажу! косить, а то гирше буде!

Отакъ не разъ не два выгукуе було, роспалывшысь, пьяненькый Мыронъ своимъ сусидамъ, якъ посходятся де на гулянку, пидъ недилю, або пидъ свято. Писчане слухають, миркують. Де хто зъ давнишыхъ хлиборобивъ и заспорыть зъ Мыроном: якъ и въ старыну добра та ладу не було, а булы тилькы бучи, колотнеча та сваволя.

— Що мы тоди одъ ляшни та татарвы наругы прынялы! Що мы терпилы видъ турка, та видъ москаля! Та часомъ и свій братъ запорожець, якъ було вберется въ хату, то й ладаномъ не выкурышъ. Розоръ бувъ.

— А теперъ? а теперъ??—крычыть Мыронъ.

— А теперъ—що? Теперъ, спасыби Богови хочъ тыхо. У насъ и хлибъ йе, и скотынка прыбувае, и захыстъ безпешный... Жывемо, якъ и люде.

— Жывете?—крычыть Мыронъ.—Ныдіете, а не жывете. Та постойте, постойте, трохы! Буде й вамъ те, що Ведмидивцямъ! Попомнуть и вамъ бокы, якъ Подильцямъ! Тоди знатымете: чы жывете, чы ни! Побачыте. Выдно вже—видкиль витеръ віе.—Покы хвалько нахвалытся—будько набудется!

— Бевзни! никчемныкы! пеньки головати!!—закрычыть на остатку Мыронъ, та й затыхне. Ти, що недавно выселылысь зъ видкиль-небудь до вильныхъ Писокъ, потягнуть руку за Мырономъ. Почнуть на вси бокы костыты теперешни порядкы, а найбильше панивъ. Стануть розсказуваты, якъ у Гетманському не тилькы панъ полковныкъ надъ людьми знущается, а якъ пани полковныця черевыкамы зубы и очи выбывала; якъ по цилому тыжню въ колодкахъ морыла сердешныхъ дивчатъ; якъ имъ косы ризала, голову дёгтемъ мазала и пирямъ натыкала; якъ нихто ни женывся, ни замижъ не йшовъ, не заплатывшы куныци.

— То воно и правду каже дядько Мыронъ,—процидыть хто-небудь кризь зубы,—воно бъ то и выкосыты, та никому!

Мыронъ сыдыть, насупывшы бровы, червоный, якъ жаръ,—мовчыть. Выдно тилькы, якъ у ёго груды то пидіймаются, то опускаются, та якъ иноди, зъ пидъ густывъ бривъ, блыскае блыскавка.

Отакъ посперечаются, покрычать; одни поблагословлять, други проклынуть тодишни порядкы, та й розійдутся. А на завтра—и ти и други знову за що-денну хлиборобську працю.—Хто такы насъ займе? Вже колы за гетьманивъ не ганялы, то теперъ байдуже! И порплытся коженъ соби у господи, якъ курка на гнизди. Вымощуе, пидмощуе, смыче, обсмыкуе, курчатъ высыжуе. Ростуть Пискы—и багатіють. Не вряды годы—дывысь: ни видсиль, ни видтиль, та й вырвется якый захожый: або зъ Новои Сичи, зъ-пидъ турка (бо тамъ вира турецька земля бусурманська) або зъ-за Днипра, видъ ляхивъ,—та все на вильни степы, все на вильни степы.

Зопне куринь, выкопае землянку, визьме жинку, та й зажыве тыхымъ хлиборобомъ. Глянь: землянка по землянци, мазанка по мазанци—зъ невелычкыхъ хуторцивъ, набралося хатокъ циле село, зъ улыцямы, зъ горóдамы, зъ садкамы, зъ левадамы! Спасыби запорожцямъ и церковъ своя. Не треба вже до чужого попа иты ни дытыны хрестыты, ни шлюбъ браты.

Уже Ивасеви за двадцять рокивъ мынуло. Парубокъ литній,—часъ бы вже й про жинку подуматы. Также батько не хоче про невистку и слухаты. «Молодый ще»—було каже. У сына вже усы позакручувалысь, а Мыронъ, абы згадалы про невистку, каже: «Ще молоко не обсохло коло губивъ»! Усе ще, мовъ чогось дожыдавъ старый: не раивъ сынови женытысь. Тилькы тоди вже, якъ почувъ Мыронъ, що зруйновалы Очакивъ, клыкнувъ Марыну (сынови старый сичовыкъ соромывся про це нагадуваты), та й каже:

— Ничого вже теперъ дожыдаты. Годи! Не такъ уже поцвило все—хлиборобськымъ ледарствомъ прыпало. Не козакуваты ни намъ, ни дитямъ нашымъ. Не треба насъ!! Мынулося козаче царство, настало хлиборобське господарство. Пора и сынови хазяиномъ статы. Часъ ёму пошукаты дружыны,—свое кубло звесты!

А маты давно вже й дивчыну наглядила. У заможнёго козака Кабанця була однымъ одна дочка Мотря. Уродлыва, моторна дивчына; працёвыта и невсыпуща хазяйка. Маты сынови: такъ, и такъ—оте й те казавъ батько. У Ивася ажъ усмихъ пробигъ по лыцю.—Рае маты сынови Мотрю. А въ сына давно вже серце типается, якъ де зострінется зъ Мотреею.

Порадылысь отакъ; поблагословывъ батько зъ матирью святымъ хлибомъ Ивана; важко здыхнувъ старый; маты заплакала— и вырядылы старостивъ до Кабанця. Кабанець добре знавъ старого Мырона, знавъ Марыну й ридъ Марынынъ. Все люде роботящи, не волоцюгы, не пьяныци. Чого ще?

— Якъ знаешъ, дочко!—каже Мотри.

А Мотря стоить коло печи, та въ запичку колупае. Почервонила, розгорилася,—ще краща стала, нижъ була.

— Якъ маты скажуть,—одмовляе батькови.

— А що, стара? каже Кабанець своій жинци:—кажы ще ты!

— Та що жъ мени казаты? Марына—жинка добра; Миронъ трошкы крутенькый. Та хиба жъ ій зъ Мыроном жыты?.. А Иванъ парубокъ—хочъ куды!

— Ну, то й будьмо сватамы!—одказавъ Кабанець старостамъ.

Повьязалы молодымъ рукы, поблагословылы ихъ святымъ хлибомъ зъ сылью. Вернувся Иванъ зъ велыкою радистью: прынеслы старосты обминеный хлибъ въ батькову хату. Черезъ два тыжни повинчалы молодыхъ.

Зажывъ Иванъ Гудзь зъ своею молодою дружыною тыхо та мырно, любьязно, спокійнымъ хлиборобськымъ жыттямъ. Землю оре, добро складае. Мотря порядкуе зъ тещею въ хати. Жывуть,—якъ медъ пьють. А тутъ уже й диткы пустылыся. Породыла Мотря за тры рокы трёхъ сынивъ, якъ соколивъ. Йе баби на старисть утиха й забавка! А хлопьята справди вдалыся—ниврокy: одынъ Максымъ, другый Васыль, а третій Омелько—здорови, червонощоки, повни! Радило серце батькове та матерыне, на ихъ дывлячысь, радила и стара Марына, гойдаючы онукивъ. Одынъ тилькы Мыронъ на все чогось понуро дывывся. Одначе й винъ частенько садовывъ на колина до себе старшенького онука, Максыма,—и покы дытына забавлялася ёго здоровенными сывымы вусамы, винъ ёму розсказувавъ грізни прыповисты про давни чвары.

Прыйшлыся цикавому хлопцеви до вподобы дидови переказы, страшни, а иноди й смишни, полюбылысь ёму дидови вычыты—розумни. правдыви, добри. И Максымъ полюбывъ старого дида бильше батька та матери. Уподобавъ и дидъ свого розумного й моторного онука. На крайнимъ порози жыття оддавъ старый свое литамы та негодамы побыте серце малій дытыни. Старисть побраталась зъ малистю; малисть прылыпла до старосты. Жылы однымъ жыттямъ; тишылыся одніею втихою; сумовалы од-

нымъ сумомъ. Старый сичовыкъ натхнувъ свою душу въ молодисеньку душу онука.

II.

Пискы въ неволи.

Та не довго прыйшлося Мыронови втишатысь своимъ малымъ онукомъ, не довго й онукови дослухатысь до дидовыхъ переказивъ! Жыття круто повернуло своимъ важкымъ колесомъ— та й закрутыло Пискы въ неволю!

Йихала недоля до ляхивъ у гости, та завернула у Пискы. Пронеслася, якъ гримъ грянувъ, чутка: писчанъ оддалы генералови! Пидъ той саме часъ ляхы закуёвдылысь. Затипалось розшматоване тило Речи Посполитои, якъ типается индыкъ писля того, якъ голова одрубана. Якъ не рвався, якъ не кыдався гарячый Костюшко, щобъ розбудыты чоловичу душу въ панському тили,—ничого не вдіявъ. Винъ проклявъ тоди вельможне шляхетство, що довело отчыну до смерты, натыкався зъ горя на свою смерть, швергонувъ геть видъ себе, якъ бильше непотрибну, гостру шаблю—и закрычавъ не своимъ голосомъ: «Капутъ Польщи»!.. Одгукнувся той крыкъ далеко, далеко—ажъ у самыхъ Пискахъ. Досталыся Пискы панови Польському.

Що жъ то за панъ? Хто винъ? де винъ узявся?

Кажуть бы то, що то бувъ небагатый шляхтычъ—зъ тіеи «голопузои шляхты», котра въ Польщи за панування магнативъ, кышила по ихъ дворахъ, пыла ихъ меды, вына, оковыту, йила хлибъ, надбаный «хлопствомъ», танцювала пидъ панську музыку, выбырала вельможного магната—свого патрона—въ урядъ, у сеймови послы, йиздыла зъ нымъ по сеймыкахъ та сеймахъ, крычала, колы хотивъ іи владыка, «згода!» а пидъ часъ готова була за свого хлибодара вытягаты зъ пыховъ гостри шабли—и розлываты братерську кровъ. Гультяи, свавольныкы, дармойиды, воны иноди зражувалы пана, перебигалы до другого, котрый бильше выкочувавъ имъ пьяного трунку, котрый роскыдавъ имъ зароблени хлопськымы

рукамы, гроши... Магнатъ лютывся, розсупонювавъ свою калытку, кыдавъ пьяній зграи золоти червинци, переманювавъ нымы щырыхъ прыслужныкивъ видъ третёго магната, заводывся зъ тымъ, що переманывъ ёго слугъ, бажавъ помстытыся, и знову розлывалася, шумила ричка братерськои крови. Та такъ не разъ, не два,—таке жыття тяглося цили викы шляхетського панування, ажъ покы Польща впала, росшатана рукамы свого безпутного вельможного шляхетства. Магнатамъ же—байдуже! У ныхъ було земли немиряно: булы хуторы, села, навить цили городы—не десяткы, а сотни тысячъ люду, зъ здоровымы до праци рукамы, котри, наче самъ Богъ, розгнивавшысь, прысудывъ трудыты на одного вельможного дармойида. Магнатамъ було—байдуже! За те урвалася нытка «голопузымъ». То було въ пана въ двори—и сытый винъ, и пьяный; а теперъ—не треба вже панови конныци, пикинеривъ, жовнирства: винъ теперъ роскошуе въ Парыжи, въ Рыми, въ Бадени. Що жъ було робыты тымъ голоднымъ ротамъ, котри прызвычаени до гулянокъ, до сваволи, а не до праци? Чымъ ёго й де ёго годуватыся и обуватыся? «Голопузи» сыпнулы по всихъ усюдахъ. Поробылысь økономамы, управытелямы, поссесорамы невелычкихъ маеткивъ, а де-якн побралысь на службу до сыльного колысь ворога, а теперъ владыкы—москаля! Подрыбзавъ пихтурою и панъ Польськый зъ быстрои Стыри ажъ до самои холоднои Невы. Зализъ у якыйсь полкъ, терся по переднихъ у вельможъ, покы такы дотерся до генерала и до Писокъ!

Не вспилы писчане одуматысь, якъ прыйиздыть самъ вельможный у Пискы—та ще й не самъ, а зъ якымсь жыдкомъ—обтипанымъ, обсмыканымъ у довгополому, заложеному балахони, въ ярмульци на голови, въ патынкахъ на ногахъ. Хто зъ роду не бачывъ жыда, не знавъ на кого бильше дывытыся: чы на генерала, чы на ёго жыда, що ходывъ за нымъ слидомъ—мовъ прышытый до генеральськыхъ хвостыкивъ.

Генералъ прочумавъ писчанъ першый.

— Теперъ уже вы не козакы,—сказавъ винъ, зибравшы громаду,—годи вамъ гайдамацтво плодыты! Теперъ вы мои. За мои щыри послугы, сама царыця пожаловала мени Пискы.

— Якъ це? що це? зъ якои це речи??—загула громада, якъ передъ бурею. Мыронъ одризнывся одъ громадянъ. Выступывъ зъ лавы, пидійшовъ до генерала.

— То це, каже, такъ?! Це вже и до насъ рукы простягаете? Уже й на вильни степы пора? Помагай-би! А хиба тамъ забулы, якый уговоръ малы? га? забулы??—Генералъ трохы подався назадъ и пыльно дывывся на Мырона; зъ-за генеральськои спыны выглядала переляканa жыдивська пыка, зъ пейсамы. Люде поторопилы. Тыхо, нихто ни пары зъ устъ. Генералъ чувъ, якъ типалось серце у Мырона.

А Мыронъ проказавъ ото генералови, та до громадянъ:

— А що, люде добри? Не я вамъ казавъ? Не я вамъ пророкувавъ? Отъ же радьте теперъ!

Селяне, якъ жукы, загулы: «не дижде! До вику не дижде! Щобъ мы робылы? Щобъ мы ёму служылы? Не диждешъ, ляше!!»

Генералъ не вытерпивъ.—Мовчать!—закрычавъ винъ, ще й ногою тупнувъ. Жукы прытыхлы. Посунулысь назадъ трохы. Мырона не выдно.. Мыронъ пидъ шарпаныну десь дився.

А генералъ, мовъ по команди, выкрыкуе.—Земля моя! и вы мои! и все мое!!

— Брехалы твого батька сыны, та й ты зъ нымы!—хтось ёму зъ середыны.

Якъ хто прыскомъ кынувъ на вельможного! Пидскочывъ до лавы; зацидывъ по уху переднёго, той ажъ стовбура ставъ, закрычавъ на звощыка; пхнувъ у повозку жыда, що вже давно вертився коло повозкы; вскочывъ самъ—и тилькы курява встала.

Крайній пидвився, покректавъ, пиднявъ зъ земли шапку, почухавъ за вухомъ и обизвався до товарыша:

— Оце такъ! Оце поздоровкався!!

— Чомъ ты ёму зубивъ не поличывъ?—загомонилы кругомъ, зъ усихъ бокивъ.

— Эге, чомъ! Колы винъ—бисы ёго батькови,—не вздривъ звидкиля й выхопывся!

— Чому жъ ты ёго хочъ на повозку не пидсадывъ?—жартуе хтось зъ середыны.

— Тому, що за твоею спыною не сховався!--одказавъ зъ серцемъ крайній.

— За те жъ винъ тебе и охрестывъ, що ты напередъ лизешъ?!

— Охрестывъ!! о-го-го... го-о, го-о!.. То справди охрестывъ!!—регоче громада.

Зъ того часу крайнёго прозвалы Хрещеныкомъ: Хрещеныкъ, та й Хрещеныкъ.

— Та буде вамъ! годи!—гукнувъ чоловикъ зъ чорнымы вусамы, а зъ сывою головою. Знайшлы, колы реготатыся! Кажить краще: що робыты?—Регитъ стыхъ. Громада загомонила:

— Та мы й до Кыива, мы й у столыцю, мы до самои царыци! Що це за напасть? Де ця проява выраскалась?

Прыходять до Мырона радытысь: що робыты? якъ бы краще?

— Чы не пойихалы бъ вы, Мыроне, въ столыцю розвидаты? Що це за прычепа така звидтиля вырвалась? Чы не перепросылы бъ тамъ кого?

— Щобъ я йиздывъ? Щобъ я просывъ??—закрычавъ Мыронъ не своимъ голосомъ.—Та краще я всю симью свою пидъ турка выведу! Легше въ бусурманській земли зогныты, нижъ у себе дома въ панській неволи пропасты.

Громада пишла видъ Мырона ни зъ чымъ, миркуючы та сумуючы.

Зажурывся й старый сичовыкъ. Не йисть, не спыть...—

«Сынъ, онукы, своя кровъ, свое дило, свое добро, земля, худоба, все, все въ неволи»!.. Такъ шептавъ старый, по двору ходячы. Не знае, де мисце знайты! Колы це одного вечора, пропавъ старый... Немае ночуваты; не прыходыть вранци; не йде обидаты; не вертае и на вечиръ. «Де винъ? де старый сичовыкъ Мыронъ Гудзь? Чы не бачылы? чы не чулы?» Нихто не чувъ, не бачывъ.—Переходыть день, мынае другый,

третій—якъ кризь землю провалывся! Марына плаче. Сынъ сумуе. Невистка якъ зъ хреста знята. Диты й ти прытыхлы, мовъ ихъ и въ хати немае.

А генералъ тымъ часомъ не сыдыть, зложывшы рукы, не дожыдае, покы пищанська громада самохить пидставыть пидъ ярмо шыю: «Оры, мовъ, вельможный пане»! Генералъ знае, що вола треба добре прызвычаиты, щобъ, колы скажешъ «шыи!»—винъ шыю пидставывъ. А покы то винъ обходытся,—треба ёго сылою неволыты. Генералъ свое робыть.

То немочный дбае за сылу, а генералови—що? Покотывъ у Гетманське; розсказавъ, якый «бунтъ» пиднялы писчане; якъ неуважно прынялы царыцыну мылость; обизвавъ усихъ за це быдломъ, гадюкамы,—нехъ ихъ дзяблы визмуть! А на другый день знову прыйихавъ у Пискы,—та тилькы вже не вдвохъ зъ жыдомъ. Ще ледви зоря займалася, въ Пискы вступала москаливъ рота. Налетила Москва на Пискы, якъ сарана на зелене поле,—та й кынулась усе жерты, все трощыты.

Писчане такого не сподивалыся. Поторопилы,—сами не зналы, що почaты. Повыходылы зъ хатъ; збылысь у купу, якъ отара пидъ дощъ, коло церквы; послалы за батюшкою, щобъ одправывъ молебень. Батюшка побоявся,—не пишовъ. Трохы по троху писчане закрычалы, загвалтувалы, що воны ляшкови до вику не покорятся, що видъ ляхивъ диды та батькы ихъ тикалы сюды на слободы, а теперъ ляшкивъ сюды насылають панувaты! Може бъ ще довго гвалтувалы, колыбъ прыкладамы ротивъ имъ не заципыло...

Порозганялы ихъ по домивкахъ. Якъ схарапужена отара,—кынулысь воны въ ростичъ, хто куды. Де-хто въ други села; инчи въ лисы та болота; а де-яки ажъ на пичъ позалазылы. Такый сумъ наче на село божа кара впала, або татарва найшла. На двори бильше жинокъ выдно; а чоловикы, яки булы дома, боялыся зъ хаты й носа выткнуты. Коженъ сыдивъ,—якъ той критъ у нори.

Такый переполохъ—генералови на руку ковинька. Винъ ходывъ зъ хаты въ хату—робывъ усёму своёму добру перепысь.

Лейба на пальчыкахъ тыхо слидкувавъ за паномъ, якъ вирный собака за стрильцемъ. На ничъ пойидуть у Гетманське; а на ранокъ знову въ Пыскахъ. Пыше, та й пыше.

Покы генералъ перепысувавъ свое добро, справывся й Мыронъ.

Тыжнивъ тамъ черезъ два, чы що, вернувся винъ до-дому— засмаленый сонцемъ, увесь прыбытый пыломъ.

— Не журысь, сыну!—скрыкнувъ старый, увійшовшы въ хату, забувъ и поздоровкаться.

— Ось тоби—на! Покы свита сонця, козакомъ будешъ. А ти, що не слухалы мене, дурного,—хай теперъ, якъ сами знають!—Та й виддавъ сынови до рукъ бумагу.

Мовъ сонце вступыло въ хату. Таки вси ради весели. И Мыронъ вернувся, и волю прынисъ. Теперъ ихъ нихто не прысылуе ни панщыною, ни чыншемъ.

Якъ же довидалысь про бумагу писчане,—давай у-вечори, крадькома, до Мырона бигаты:

— А що? А якъ?

— А такъ—якъ бачыте!—каже Мыронъ.—Хто запысаный «въ компутъ», той до вику вильный, и симья ёго, нащадкы ёго на викы вильни; а хто не запысаный,—тому генераловымъ буты!

Якъ почулы таке писчане, батечкы! Щобъ ёго даты, якъ бы ёго зробыты, щобъ тилькы запысанымъ буты? Якъ такы: одного села люде, однаково жылы, вкупи хлибъ-силь дилылы, вкупи робылы, а теперъ: одни—вильни; други—невильни! Одни запысани въ якыйсь «компутъ»; други запысани (не даромъ винъ пысавъ) за генераломъ! Хто жъ туды запысаный? хто сюды? Хто розбере? Бида та й годи!

Генералъ розибравъ. Не дурно жъ винъ терся зъ мисяць у Гетманському—оббывавъ у старшыны порогы; не даромъ своимы ногамы обходывъ кожну хатку въ Пыскахъ.

Що це за знакъ: то писчанъ розгонылы, а це війтъ по селу бига—загадуе на завтра усимъ хазяинамъ до церквы зби-

ратысь? «Уже впьять якась новына!»—миркують писчане. А проте посходылысь.

Рано ще. Сонце тилькы ще схопылося, та таке пекуче, сердыте, мовъ хто не давъ ёму выспатысь. Ажъ душно писчанамъ. Стоять воны на цвынтари, гомонять. Колы трохы згодомъ, на шляху щось закурыло, зателенькавъ голосный дзвинокъ. Серце въ кожного на хвылынку стало, а дали—дужче затипалось. Попрытыхалы вси; послалы очи на шляхъ. «Тпру-у»!—кони спынылысь коло брамы. Громада заворушылась, затовпылась. Коженъ знавъ, хто прыйихавъ, и коженъ посувався впередъ своймы очыма побачыты.

Зъ повозкы выскочывъ генералъ, якъ слидъ генералови: въ мундыри, въ палетахъ, срибный поясъ зъ кинцямы стягувавъ тонкый перехватъ. За генераломъ вылизъ зъ повозкы якыйсь панокъ—ызенькый, старенькый, згорбленый трохы; а за панкомъ—Лейба, генеральськый жыдъ. Москали выстроилысь недалеко за цвынтаремъ на выгони. Генералъ перштъ усёго пидійшовъ до ныхъ, поздоровкався. Дали—послалы Лейбу за батюшкою—молебень служыты. Батюшка,—якъ зъ земли вырисъ. Одправылы и молебень. Тоди старенькый панокъ, що зъ генераломъ прыйихавъ, давай писчанамъ вычытуваты: за яки и за яки послугы «пожалувалы» ихъ генералови,—та хто зъ ныхъ запысаный въ «козачый компутъ», а хто въ генеральськый «реестръ». Кожного хазяина вычытувавъ та выкрыкувавъ, и не помылывся! Козакивъ—тилькы жменька; а генераловыхъ—повнисеньки Пискы!

Якъ пиднимуть тоди генералови баталію! Де той и страхъ дився?!

— Мы все, все покыдаемо!.. до чыста все!.. грунты, и хаты, и худобу... пидемо шукаты иншого краю... кращои стороны, воли!!

Гвалтъ, лементъ такый—ажъ у дзвиныци гуде.

Козакы тымъ часомъ сталы одризнятысь. Повыходылы зъ гурту, та й потяглы до-дому, жинкамъ хвалытысь, що ихъ теперъ нихто не займе, бо воны и диты ихъ до вику вильни. Зо-

сталыся на цвынтари одни генералови. Довго воны гвалтувалы, крычалы, що отъ заразъ же такы все покыдають, та й пидуть. Генералъ давай ихъ утишаты, що воны теперъ ёму не потрибни —що винъ ихъ не буде насыльною роботою морыты,—на панщыну ганяты...

— Вы мени давайте отого й того, по скилькы тамъ, та платить чыншъ за землю, а тамъ—жывить соби, якъ сами знаете. Мени зъ вамы не жыты: мое мисце въ столыци. Що слидъ, оддавайте Лейби: винъ у мене на хазяйстви зостается.

— Служылемъ, ясневельможному пану,—увирвавъ Лейба, перегынаючысь,—зъ малыхъ лятъ и бенде служыць до коньца мего жиця.

— Вемъ, Лейбо, вемъ! ты естесь шляхетны жыдъ,—одказавъ генералъ.

— Такъ прыстаете?—обернувся до громады.

— Щобъ мы платылы за свою землю? Щобъ мы давалы? За вищо? Ни зроду вику!—закрычала громада.

— Якъ знаете. Колы не хочете платыты, я васъ пожену на панщыну. Даю вамъ день подуматы: що для васъ зручнише. Чуете, пислязавтрёго щобъ я знавъ!

Та й пойихавъ соби. На цвынтари пиднявся гвалтъ ще бильшый.

Уси выкрыкувалы, що покыдають. За тымъ и розійшлыся.

Правда, де-яки, гарячиши,—душъ може зъ десять—позабыралы торбы на плечи, тай потяглы шукаты вильнои стороны. А решта—зосталася. Куды його? якъ його? Воно бъ то и пійты, пьятамы накываты,—та якъ глянуть воны на свои хаткы, садочкамы закрашени, на свои засіяни поля, що зеленіють навкругы села; якъ згадають,—якъ биля ныхъ, мовъ биля дытыны, свои рукы ходылы; якъ здумають прощатысь зъ старымъ гниздомъ, де,—мовлявъ,—и вылупывся и выгодувався, зрисъ и посывивъ,—зъ батькивськымы могыламы... Шкода имъ стане ридной стороны; страшно невидомои, темнои якъ ничь, будущыны... Та й зосталыся до слушного часу!

Прыйиздыть генералъ.

— А що? якъ?

— Та мы вже вамъ, пане, дамо, що тамъ треба,—тилькы не зачипайте насъ!

— Добре, хлопци! добре! Такъ бы давно. Покирлыве телятко дви маткы ссе. Отъ вамъ на могорычъ! Вынявъ золотого, подавъ крайнёму.

Лейба крутывся биля пана, не знавъ зъ якого боку пидступыты. Генералъ помитывъ.

— Що тоби, Лейбо, треба?—пытае.

— Нехъ ясневельможны панъ бендзе ласкавъ,—жебы хлопи не едней кгуральни не будовали, ни тежъ жадной корчмы не трымалы!

— Та ще, слухайте—ось що. Щобъ нихто зъ васъ бильше ни горилкы не курывъ, ни шынкарувавъ! Вы мои—и шынокъ буде мій. Ось, вамъ Лейба и горилкы накурыть.

Писчане почухалы потылыци. Воны догадалыся, що це тилькы почалося—ось що!!!

Попрощався генералъ зъ ными. Сидаючы въ визокъ, гукнувъ:—«Глядить, бережить мени Лейбу»!—Та тилькы писчане ёго бачылы.

Лейба зостався на хазяйстви. Черезъ мисяць прыкотыла въ Пискы велыка-велыка буда,—писчане зроду такои не бачылы, а въ тій буди--Лейбова жинка и жыденятъ зъ десятеро. Одно одного меньше. Генералъ одибравъ Лейби на краи села гуляще мисце; за лито зипьявъ Лейба на высокыхъ стовпахъ будынокъ—и ставъ шынкуваты. Пишло все по старому, та по давнёму. Козакы й генералови жылы соби въ мыру, спокійно, тыхо; оралы землю, засивалы, жалы, косылы, молотылы; збиралы добро, худобу; дитокъ плодылы—ридъ шырылы. Прыйшло въ Пискы ще килькы душъ захожыхъ, та й оселылысь мижъ селянамы. Генералови давалы Лейби,—чы то пакъ генералови—одсыпного трохы, платылы невелычкый чыншъ,—та сами соби й порядковалы якъ зналы.

Звыклы писчане до Лейбы. Прывыкъ Лейба до писчанъ. Сталы воны до Лейбы въ шынокъ ходыты,—могорычу пыты. Ко-

зачи шынкы обмыналы, бо въ Лейбы горилка дешевша. Ставъ Лейба нужный чоловикъ на сели!

И Лейба—нивроку! Зъ довгополого, засмальцёваного демыкытонового балахону, убрався Лейба въ чорный ластыковый; и Сурка Лейбова ходыла не такою заяложеною, якъ прыйихала; и Лейбови диты—не таки мыршави та шолудыви. Йе въ Лейбы,— не знать де винъ и взявъ іи,—й коза зъ козыняткомъ; биля Лейбовои коровы ходыть уже наймычка Гапка; завивъ Лейба и пару шкапокъ. Зажывъ Лейба зъ писчанамы, сказавъ бы, якъ у Хрыста за пазухою,—колы бъ Лейба въ Хрыста вирувавъ. А то Лейба—«невира», Лейбови предкы надъ Хрыстомъ знущалысь. Було иноди за те Лейби, якъ пидопьють писчане! Та не такъ Лейби, якъ Лейбовымъ дитямъ. Не разъ гвалтувавъ Лейба, що хлопци его дитямъ повырывалы пейсыкы, понамазувалы саломъ губы, що,—абы не встрилы,—заразъ и насядуть, якъ шулика курчатъ!

Та силькось! Пейсыкы знову одросталы; сало на губахъ обмывала Сурка,—жыденята рослы, гладчалы, сталы ажъ вылыскуватысь, якъ сыти поросята, котрымы ихъ дражнылы хлопци. Гараздъ Лейби!

Не погано й писчанамъ. Пискы пиднялыся, розкоренылыся! Весело кыдалысь у вичи середъ шырокополого степу цвитучи огороды, зъ вышневымы садочкамы. Чорни, понури землянкы часъ одъ часу все злазылы. Натомисть, помижъ зеленою гущавыною колючыхъ грушъ, плакучыхъ вербъ, темно-зеленои вышныны, билилы чепурни мазанкы, зъ трёма викнамы, зъ пидведеною червоною глыною прызьбою, въ середыни—зъ прысинкамы, зъ хыжою, а часомъ и зъ кимнатою. И тыны скризь калачыкомъ позаплитани, де-не-де и зъ острышкомъ; и ворота тамъ и тамъ дощани; а коло воритъ, мовъ сторожа, выглядалы на шляхъ довгошыи журавли.

Мыронови ничого того не довелося бачыты. Якъ косою, скосыла ёго думка про неволю. Захыривъ старый, згорбывся, скарлючывся, та й умеръ останній сичовыкъ безъ одного року ста литъ.

III.

Паны Польськи.

Бида, кажуть, не сама ходыть, а зъ диткамы. Першый разъ вона затесалась у Пискы зъ генераломъ. А такъ—рокивъ, може, черезъ десятокъ,—якъ зъ неба впала середъ Пискивъ вистка, що генералъ умеръ, и генеральша йиде зъ сынамы на село жыты.

Писчане спершу не вирылы. Чого вона сюды прыйиде? Що вона тутъ забула? Чого тутъ не бачыла? Та тоди тилькы поняли виры, та й то ще не зовсимъ, якъ понайиздылы въ Пискы бородати кацапы. Генеральша, першъ нижъ сама прыйихала, заздалегидь понасылала зъ батькивщыны прыказчыкивъ. Лейба тоди, одпасшысь на панському добри, пишовъ на пиднижный кормъ.

Понайиздылы нови прыказчыкы, та заразъ кынулысь одбыраты мисце для панськыхъ покоивъ. Дывылысь, обдывлялысь, мирялы, розмирялы,—та звелилы Блищенкови та Мотузци выселытысь ажъ на выгинъ. Ти, якъ почулы—рукамы й ногамы! Та трохы не наложылы головамы.—Такъ воны мусилы все свое добро покыдаты, кынулы симью, та й змандрувалы.

Якъ побачылы таке писчане, та й зажурылыся. Встала передъ ихъ очыма ихъ будуща доля—сумна, заплакана, безъ воли, безъ радосты, зъ батогомъ у рукахъ!

Дожыдаты страшного страшнійше, нижъ ёго пережываты. Що буде? Що завтра буде?—коженъ думавъ, лягаючы спаты. А тымъ часомъ, на сёгодни роботы було доволи; кацапы роскыдалы Блыщенкову та Мотузчыну хату. На завтра заложылы натомисть палацъ. Десь понабувалы и дерева: такого понаверталы, що писчане ажъ жахалыся. На пислязавтрёго загадалы чоловикамъ тее дерево обтисуваты. Забралы чоловикы сокыры,—пишлы обтисуваты. Незабаромъ и вродылысь, якъ зъ земли вырослы, велыки рублени палаты, ажъ у дванадцять горныць, зъ лёхамы пидъ ызомъ, зъ бляшаною покривлею. Дывовалысь писчане, що така озія стоить середъ села, а навкругы ихъ—ызеньки хаточкы.

А палацъ справди выглядавъ далеко краще, нижъ писчанська невелычка церковця.

Отже воны ще бильше—не то здывувалыся, не то перелякалыся, якъ у вечери бородатый прыказчыкъ ходывъ видъ хаты до хаты—загадувавъ щобъ завтра жинкы булы той палацъ мазаты.

— Ой, горенько! що жъ то теперъ буде?—пыталы кризъ слёзы чоловикивъ жинкы.

— Не що,—треба иты, щобъ не було, бува, того, що Мотузци,—раилы чоловикы.

На завтра рано-рано, чуть зоря, жинкы, залываючысь слизьмы, прощалыся зъ диткамы, мовъ выходылы въ далеку дорогу—першый разъ потяглы на панщыну. Швыдко той палацъ и обмазалы. А кацапы, тымъ часомъ, будовалы кухни, коморы, сараи, станю. Не тилькы треба панамъ десь жыты,—треба десь челядь мистыты, провызію складаты, коней ставыты. Треба поспишаты, щобъ довгобородому Потаповычу превосходытельна й спасыби сказала!

Та й ганявся Потаповычъ за тымъ спасыби! Кыдався и сюды и туды; самъ бигавъ за тымъ и за другымъ; скризь устрявавъ; всюды вештався, прыдывлявся: надъ робитныкамы крючкою высивъ. Здается, писчане не дбалы такъ за своимъ добромъ, якъ Потаповычъ за генеральськымъ. Таке ёму смашне те генеральське спасыби!!

Ще генеральша въ дорози, а вже Потаповычъ цили Пискы зганяе: муштрує «хохликовъ», якъ треба «кгаспажу» зустричаты.

Ажъ ось—и сама прыйихала...

Збиглысь писчане,—козакы й генералови—дывытысь на неи, мовъ на яке дыво. Кацапы порядкувалы. Козакивъ геть попрогонылы. А генераловыхъ—чоловикивъ выстроилы въ одну лаву, жинокъ—у другу; парубкивъ—у третю; дивчатъ—у четверту, а малыхъ дитокъ—у пьяту. Сывыхъ дидивъ выслалы назустричъ зъ хлибомъ-силлю... «Ось, мовъ, вельможна,—усе твое добро

прыпадае»... Потаповычъ такъ и вчывъ, щобъ сказалы:—«прыпадае до твоихъ превосходытельныхъ нигъ»!

Выйшлы диды сыви безъ шапокъ, зъ хлибомъ-силлю... Такъ батько та маты стричають молодыхъ, якъ ти вертаются зъ церквы. Генеральша за дорогу дуже втомылася;—сказала, що недужа, не прыняла ни хлиба, ни соли, навить не глянула на кумедію... Такъ и пишовъ набій задаромъ!—Писчане тилькы побачылы свою «молоду» зъ заду—высоку, суху, якъ вьялену тараню,—колы вона вылазыла зъ пышного рыдвану, та сунула въ горныци, злягаючы на рукы двохъ хороше зодягненыхъ дивокъ...

Диты—два хлопчыкы: старшенькому литъ, може, дванадцять, а меньшому зъ десять,—повыскакувалы зъ матирью зъ рыдвану, та й побиглы мижъ народъ. Не глянулы воны на дидивъ; мынулы чоловикивъ, жинокъ, парубкивъ... Паньски оченята зразу забигалы по роскишному садочку ризныхъ квитокъ, що выглядалы зъ-за чорнявыхъ дивочыхъ голивъ...

Оглядившы дивчатъ, перебиглы воны до хлопьячои лавы. Хлопьята стоялы безъ шапокъ, зъ нызенько пострыженымы головамы, зъ невелычкымы оселедцямы. Панычи запыталы: що то, полапалы рученятамы, поскублы злегенька. Нарызно одъ писчанъ, неподалеку, стоялы кацапы—у червоныхъ сорочкахъ, у шырокыхъ бородахъ—и сміялыся зъ панычивськои выгадкы.

— Вишь, Афоня,—на што ѳфти хохлики!.. Знатна, баря, дери!.. А ну, вотъ таво хахлёнка!

— Какова?—пыта старшенькый, поглядаючы то на хлопьятъ, то на кацапивъ.

— А вотъ таво,—чумазаво!

Панычъ узявъ за оселедчыкъ чорноголового хлопця, що стоявъ зъ краю. Той, якъ яструбъ вырвався.

— Чого ты скубешся? Дывысь—якый!!

— Ты, ты, и! Зарычалы на ёго бородати заступныкы, сципывшы кулакы й зубы! Старенька, згорблена бабуся, повьязана билою хусткою зъ намиткою, высунулась зъ-за другыхъ жинокъ. Блида, якъ крейда, вона кризь слёзы ледве промовыла:

— За ви-що жъ вы, панычонькы, знущаетесь зъ хлопьятъ!.. А гришка!

Панычи весело зареготалысь, та й побиглы въ горныци.

Незабаромъ прыйшовъ прыказъ росходытысь: барыня зъ дорогы спочываты хочуть! Лавы перемишалыся... Потяглы писчане по домивкахъ, носы повисывшы, понеслы неодрадни думкы въ похнюпленыхъ головахъ, невеселе почування въ серци..

Доброго, кажуть, дожыдаты треба, а лыхе—само прыйде.— На другый же такы день прыйшла загадка—зносыты Омелькову и Стецькову хату, що прылягалы городамы до панського двору: нигде було садка заводыты.—Знеслы хату Омелькову и Стецькову, насадылы садокъ, ставокъ выкопалы и рыбы напустылы.— Трохы згодомъ—улыця вузька. Треба росшыриты,—треба врызаты людськыхъ городивъ!—Урызалы й городивъ,—розчыстылы не вулыцю, а майданъ...—Знову велено: позносыты насупроты палацу вси хаткы, бо за тымы крывобокымы хаткамы немае ніякого выду зъ панськыхъ виконъ!—Позносылы й супротывни хаткы,— насадылы передъ дворомъ высокыхъ та тонкыхъ тополь...

Отакъ що день—усе новый та й новый прыказъ, нова та й нова выгадка. Що для каминець по каминчыку выбывалы зъ людськои воли. Коженъ часъ вкорочувався урывокъ, на якимъ булы писчане прывьязани до генеральши,--покы не вкоротылы такъ, що вже можна було безпешно за чуба браты!..

Писчане довго не подавалыся, а все такы генеральскои сылы не подужалы. Тоди воны кынулысь до того, до чого кыдается немочный. Воны наляглы на ногы,—давай тикаты! Знимется оце чоловикъ майне на вильни степы Катерынославськи або Херсонськи, або й на Динъ; оселытся, де знае; а черезъ рикъ жинку зъ диткамы выкраде—переведе туды. Багато тоди накывало пьятамы и одынокыхъ и цилымы симьямы... Тоди и поговирку зложылы: мандривочка—наша титочка! Таки що-денни, безперестанни мандры дуже ображалы генеральшыне серце. Вона всимъ и усюды жалилася на невдячнисть «хахлацкова мужичья», на ёго грубу, звирячу натуру. Де жъ пакъ? Прокляти «хахлы», гречкосіи, не хотилы ораты ланивъ мылостывои велыкороднои, паніи Польськои, по батюшци—Дюрыгынои!! У неи, въ Бородаеви, все народъ «руськый»—и той слухавъ; а ци «мазепы»—тикалы!!!

Отъ-же якъ не мандрувалы «мазепы», а все такы бильше сотни симей зосталося на розвидъ панамъ Польськымъ, на послугу ихъ прымхамъ та выгадлывымъ прымусамъ. Генеральскый прыказъ, зъ нагайкою въ рукахъ, зробывъ доладу свое дило. Винъ розимьявъ звирячу натуру; оббилувавъ іи, якъ овечку; прычесавъ, прыгладывъ; натворывъ цилу ватагу дворни; а зъ завзятыхъ степовыкивъ поробывъ покирныхъ воливъ, котри вздовшъ и поперекъ переорювалы теперъ уже панське нывья, та засивалы зерномъ—на прыбутокъ панськіи кышени...

А и не трохы жъ то треба, щобъ іи наповныты! Симейка въ генеральши,—абы госпóды! Зъ нею прыйихалы два сыны,—опецькувати, швыдки, якъ молошни телята. Черезъ рикъ сынивъ генеральша одвезла въ науку, а зъ наукы вернулась старша дочка.

— Эй! Кто тамъ?—гукнула генеральша.

У порога, якъ стовпъ, стоявъ лакей, у чорному сертуци, у мáнышци зъ брыжамы, пры часахъ.

— Позвать Потапича!—прыказала глухымъ голосомъ, зъ протягомъ.

Лакей выйшовъ. Незабаромъ Потаповычъ увійшовъ.

— Слушай, Потапичъ! Вѣрѣ Семеновнѣ нужна кгорнишную.

— Вѣстима, нужна,—прогувъ густымъ басомъ Потаповычъ.

— Выбери красивую дѣвушку.

— Какъ прикажете, ваше превосходительство!

— Молодую, лѣтъ этакъ—шестнадцати, только поскорѣе!

— Слушаю-съ.

— Завтра, что-ли.

— Слушаю-съ.

— Потаповычъ выйшовъ.

А вранци рано—Кырыло Очкуръ, зъ жинкою, зъ малымы диткамы, проводылы до двору, якъ до гробу, старшу дочку Ганну,—вродлыву, хорошу дивчыну.

— На другый рикъ прыйиздыть друга дочка; на третій—третя.

Хто жъ буде вычисуваты ихъ, заплитаты ихъ довги, чорни косы? Хто стягатыме дивоцьки корсеты? Хто буде вышываты спидныци, комирчыкы, рукавци? Не мынула панського хлиба Омельковa дочка Олеся; ходыла за менчою барышнею невелычка дивчына,—сырота Уляна, дочка того самого Хрещеныка, що генералъ, нехай царствуе, похрестывъ... Въ дивочій за пьяльцямы сыдила Стеха, Маруся; ткала кылымы Гапка.—На другимъ кинци палацу, у лакейській, нудылы свитомъ безъ роботы Петро, Вареныкивъ сынъ, та Иванъ Шкляръ; а передъ самою залою, на стильчыку, у ливреи зъ золотымы позументамы, Степанъ Пугачъ,—молодый, вродлывый камердынеръ генеральши. А въ кухняхъ—скилькы!! Треба подуматы,—чымъ ту юрбу голодныхъ ротивъ нагодуваты; треба жъ ихъ и зодягты чымсь. А своя симья? Тры дочкы—якъ голубочкы!! Простому чоловикови треба розумомъ роскынуты, щобъ дочци скрыню прыдбаты. А що жъ то за дума морочыла генеральшыну голову, щобъ надбаты ажъ трёмъ генеральскымъ дочкамъ? Та чы одна въ матери думка! Не держаты жъ дочокъ на высадкы: треба и про зятивъ подуматы. Дивчата—не розсада, щобъ ихъ ховаты геть одъ свиту. Дивчатамъ треба свиту,—багато свиту. Треба, щобъ ихъ побачылы; треба, щобъ и воны бачылы. Треба, щобъ було чымъ згадаты молодый дивоцькый викъ! Заклекотавъ генеральськый палацъ. Музыка, ажъ струны рве,—грае; у викнахъ свитла—свитла: здалека здается—горыть у середыни палацъ! Саме велыкый найиздъ. Циле чорне подвиря каретамы, коляскамы та бричкамы заставлено; пидъ каретамы, позасвичувавшы лихтари, грають кучери въ хвылькы, у трылысныка, або въ джгута; у стани хрумають кони смашне степове сино.

А въ горныцяхъ гостей—нигде просунутысь! Найихалы зъ Гетьманського гусары; завернувъ старый Крывынськый зъ цилою нызкою старыхъ дочокъ; не забула й Шведчыха—и вона тутъ, зъ своею дочкою кралею; а коло неи вертытся сотныченко Саенко,—молодый, чорнявый, веселый, танцюрыстый; тутъ же и гетьманського колысь полковныка Кряжа сынъ Павло—похожае зъ сыномъ полковныка Кармазыномъ, що прыйихавъ на бенькетъ

зъ молодою жинкою ажъ зъ самого Ромна. Не тилькы зъ Гетьманського, найиздылы иноди до генеральшы гости и зъ сусиднягъ повитивъ.

Генеральша — прывитча хозяйка кожному скаже ласкаве слово; до одного обернется зъ усмихомъ, до другого — зъ повагою; кожному годыть; коло кожного ходыть. Гостямъ— прывилля! Хто въ карты грае; хто дывытся; инчи балакають то се, то те: тамъ зибралась купка—розсказуе, яки теперъ ледацюгы крепакы поробылыся; уверне й генеральша свое слово про своихъ мазепъ. А въ гостынній—панійкы скреготять, якъ ти сорокы: безъ сорома кожного на зубахъ перетыраютъ. У залу дверы росчынени: у ныхъ натовпылась цила юрба тежъ паніёкъ,—ніякъ пройты. Пидмичаючы, хто коло якои дивчыны залыцяется, моторни цокотухы шепочуть одна другій свои думкы про любощи, наді—про шлюбы. А въ зали—розвернулысь танци на вси бокы,—ажъ помистъ ходоромъ ходыть. Тилькы—круть та верть круть та верть! Гусары не даромъ найихалы.

— По танцяхъ—туды вже къ свиту, якъ прокрычать други пивни,—вечеря. Свитомъ тилькы розйизжаются.

Та такъ справляють не одни менины (а и то жъ то чотыры разы на рикъ), справляють на риздво бенькетъ; бенькетують на масныци; на велыкодныхъ святкахъ. Це велыки, прохани бенькеты. А такъ гости—не мынае дня, щобъ за столомъ не сыдило душъ тры або чотыры чужыхъ.

Весело, роскишно жыла генеральша. Не сумувалы й генеральски дочкы,—бо николы було. Та й чого ёго журытыся панночци, молодій, не поганій, зъ велыкороднои симьи, та й не зъ порожнимы рукамы?

Правда, чы порожни въ генеральськыхъ дочокъ рукы, чы не порожни—про те сами воны николы не думалы, не гадалы. За ныхъ думала маты, а справджувалы ихъ думку бородаевци, та писчане. Бородаевци прывозылы ій по два разы на рикъ «оброкы», а писчане, якъ ти волы, робылы на неи по чотыры дни въ тыждень,—та зносылы въ двиръ курей, гусей, яйця. Чому не гуляты!!

Гуло отакъ генеральске подвиря щось, мабуть, рокивъ зъ пьять. У старшои дочкы почалы вже въ куточкахъ коло очей складатысь ледве прымитни брыжыкы, похмурнишавъ трохы выдъ. Колы це—прыйихавъ здалека, ажъ зъ Бородаева, сусида—панокъ, та й оженывся на старшій. Одгулялы весилля. Пискы зъ роду-вику не бачылы такого весилля! Палацъ ажъ ревивъ, стогнавъ. Почынъ, кажуть, велыкый чоловикъ. Якъ побачылы гусары, що зъ передъ носа таке добро выплывае, та ще дужче зачастылы въ Пискы. Черезъ пивъ-року оддалы другу дочку—за старого гусарського полковныка. Осталася на утиху матери сама менча. Такъ же й утихы зъ неи—ніякои! Меньшои дочкы генеральша не долюблювала. Не разъ, було, грымае на неи, сварытся, и зодягала іи биднище, нижъ старшыхъ. Розсказувалы, що менча дочка прогнивала матиръ: у себе въ хати разъ переховала горнычну Уляну, котра—капосна дивчына—тилькы те й робыла, що сердыла генеральшу. Скаже грубо; гляне якось дуже вильно;—мовъ дывытся въ вичи своій ривни. «Яка сама,—така въ тебе й горнышна!»—докоряе було, розгнивавшысь на дочку, генеральша. А дочка—на лыхо соби—гаряча вдалася: николы було не змовчыть. Пиде въ ныхъ спирка та змашка. Не разъ матерыне серце щымило видъ іи гиркого слова.

Якъ на тежъ: устрявъ за менчою дочкою «чумазый хахолъ»,—отой самый хорошый сотныченко Саенко. Устрявъ, та й устрявъ.

— Слушай, Дуня, чого винъ до насъ йиздыть? я вже сёгодня ёму рукы не подала,—каже разъ маты, вырядывшы Саенка.

— Незвычайно зробылы. Саенко—чоловикъ, якъ слидъ.

— Хто—чумазый хахолъ?!

— То що, що хахолъ, доказуе дочка:—хиба хахлы не люде?

— Мазепы! облываньци, а не люде!

— Та хто тамъ бувъ: чы ёго купалы, чы облывалы,—заступается дочка.

— Гляды—справди: чы ты бува не вляпалась у того жучка, що такъ заступаешся?

— А хочъ бы й такъ. Чымъ не чоловикъ?

— Що це зъ тобою?! чы винъ тоби ривня? Твого батька сама царыця витала, прыймала, Пискамы жалувала! А винъ— що? Може, ёго батько въ гайдамакахъ бувъ. Харцыза! дигтяръ!! П-ху-у!

— Яке мени дило до ёго батька,—одказувала дочка, вже йдучы до себе въ хатыну.

Черезъ день Саенко знову въ Пискахъ.

«И стыда и сорома не мае, и честы! Я ёму спыну показую, а винъ що-дня. Сказано:—зъ хама не буде пана!»—каже розгнивана генеральша.

Отже хамъ такы свого дойиздывся. Разъ дочка прызналась матери, що вона хама покохала, а хамъ іи покохавъ, и обое разомъ просять у матери «благословенія».

— Зъ кымъ? зъ кымъ?—закрычала генеральша, мовъ хто шыломъ шпыгонувъ іи.—Зъ дигтяремъ?!! Та рука бъ мени одсохла!

— Ну, якъ знаете. Не хочете,—мы й такъ поберемося. Богъ зъ вамы: вы не моя маты, я—не ваша дочка!

Якъ почула таке генеральша, якъ зальется слёзамы!

— Чы я жъ гадала, чы я дожыдала, щобъ моя ридна дытына такъ мое серце вразыла?!

Щось зъ мисяць шла баталія. А дали—бачыть генеральша, що дочкы не переможешъ,—ще, не дай господы, всёму роду наробыть сорому,—взяла та й поблагословыла.

Весилля не справлялы: генеральша нездужала.

Повизъ Саенко свою молоду жинку до себе въ Кытайку,— та не повизъ посагу...

Зосталася генеральша сама соби на хазяйстви. Недавно була симья велыка, було такъ весело, гарно; а теперъ—никому ни розважыты, ни розигнаты суму. Старша дочка—десь далеко въ Московщыни; середня—тягается по всихъ усюдахъ за полкомъ, а менча хочъ и недалеко, такъ же краще іи не бачыты! Не такъ іи, якъ іи «мазепы», безъ котрого вона ступня не ступыть. Генеральша до вику не простыла дигтяреви того, якъ винъ осмилывся знева-

жыты «честь» іи старынного роду,—побратысь зъ іи дочкою! Довелося генеральши на старости литъ самотою свитомъ нудыты. А и старисть же іи вподобала! То була суха; а то ще дужче высохла; ажъ згорбылась, ажъ мовъ поныжчала; голова—сывымъ сриблом блыщала.

Будынокъ велыкый,—а никого нема! Идешъ на однимъ конци—на другимъ ступни одгукуются. Ажъ сумъ бере! Обнявъ сумъ та нудьга и генеральшыну голову. Видъ суму й генеральськи головы не заховаются. Сама не знае вельможна—що робыты. Хочъ бы чымъ трохы одвесты свою самотню душу, погриты одыноке серце. Старе серце завжде шукае,—де бъ ёго погритыся, кому бъ ёго посвитыты на прощання своимъ погаслымъ свитомъ. Генеральша до людей давно охолола. Люде сами шукають тепла та свитла. Де свитло, тамъ и тепло. А теперъ у старимъ серци на макове зерно. Кому жъ ёго оддаты?

Генеральша не довго задумувалась: взяла тай оддала ёго котамъ. Лакеи и горнышни скризь ходылы по селу та зносылы въ горныци хвостатыхъ мышодавивъ. Генеральша выбрала, якыхъ сама знала. Завелось у палацу циле котяче царство: коты и кишкы, и кошенята. Для послугы царству, генеральша нарошне взяла въ двиръ бездитну вдову Мокрыну.

Мокрына за ными дывытся. Мокрына ихъ завжде годуе, стеле имъ постиль. То воны за Мокрыною слидомъ. Иде якось разъ Мокрына, а за нею кошенятко. Вона й не доглядила—прыдавыла якось дверыма. Котятко запыщало. Генеральша якъ почула,—наче ій пальця одрубалы! На другый день котятко здохло. Що жъ,—такъ те Мокрыни и мынулося? Такъ ій те й подарувати? Генеральша була не зъ тыхъ, що посердятся та й забудуть. Не подарувала и Мокрыни котячои смерти. На другый день, Мокрына середъ села, прылюдно, цилый день мазала панськи кухни зъ окола, а на шыи въ Мокрыны за іи щыри послугы—на червоній стёжечци, телипалося здохле котенятко!!

То доставалось тоди не одній Мокрыни, и не за одни котенята. Було всимъ добре! Дочку, кажуть, дай, та й за дочкою

оддай. Повыдавала генеральша дочокъ: за старшою далекый Бородаивъ оддала—никому «оброкивъ» теперъ платыты; за середнёю уплылы ти «оброкы», що насклaдала давнище; тилькы одна «мазепыха» не пожывылася. А все жъ такы, що генеральша прыдбала, те й уплыло за дочкамы. Треба—значыть—знову складаты, свое убожество полататы. Писчане роблять тилькы чотыри дни на тыждень. Щобъ уже имъ и пьятый день робыты?! Загадалы пьятый. Писчане послухалы: пишлы на панщыну и пьятый день, сподивалыся незабаромъ ще й шостого.

Шостый загаявся. Шостого генеральша не вспила накынуты

Черезъ цю Ульку жыття мени нема! Що не зробыть,—все не по-людськы; и що не скаже,—то збреше!

Такъ не вряды-годы жалилася генеральша своимъ сусидамъ на горнышну Уляну, що зъ малои дивчынкы, на панськимъ хлиби, выкохалась у справжню дивку—билолыцю, чорняву, зъ повнымы очыма, спивуху невсыпущу.

Любылы Уляну въ двори и за дворомъ, старе й мале. Любылы въ Уляни щыру душу, добре серце, а найбильше—веселу натуру. Хто кого покохае,—Уляна перша знае; зажурывся хто,—Уляна розважыть. Уляна не знае горя! Вона справди николы не журылася; а може й журылася, та нихто того не знавъ, не бачывъ. Бачылы Уляну,—весела; чулы Уляну,—спивае; слухалы,—яки Уляна выгадкы выгадуе, квиткы прышывае. Сказано: не журь-дивка! Одно тилькы лышенько: немае генеральши жыття черезъ дивку Уляну! Не доспала превосходытельна: «Чы то можна заснуты за тіею зипакою»? А Уляны цилый ранокъ и въ горныцяхъ не було: въ кухни людей смишыла, покы генеральша спыть.—Не дошыла Стеха прызначенои роботы—рукавчыкивъ,—Уляна вынна. Вона своимы реготамы та теревенямы не дае дивчатамъ дила робыты. Не швыдко прыбигъ лакей на генеральшынъ клыкъ,—не де жъ винъ бувъ, якъ не щырывъ зъ Уляною зубы!! Сказано: не мае жыття генеральши черезъ ту Уляну!!

Одного дня,—чуе генеральша,—у дивочій тыхо. «Мабуть, уже кудысь майнула, побигайка!»—подумала генеральша, та й выйшла довидатысь. Уляны въ дивочій не було.

— Де Улька?—пытае дивчатъ.

— Пишла, кажуть, у кухню воды напытысь.

— Позвать!

Прыходыть Уляна.

— Де ты була?—заглядуючы въ вичи, пытае генеральша и на кожному слови прыдавлюе. «Поганый знакъ!»—подумалы дивчата.

— Въ кухню ходыла, воды пыты,—одказуе Уляна.

— Хиба тутъ тоби воды немае?—показуе на грахвынъ зъ водою.

— Це вже давня. Я ходыла свижои напытысь,—каже Уляна.

— Свижои? Брешешъ! Ты зъ бахурамы знюхалась. Ты зъ Стёпкою. Стёпка! Стёпка!—гукнула генеральша.

Черезъ увесь будынокъ, мовъ несамовытый, летивъ камердынеръ Стёпка. (Генеральша вподобала Стёпку за те, що винъ моторный и красывый зъ себе. На велыкдень одногу Стёпку пидпускала до рукы похрыстосуватысь. Гапка-ткаля розсказувала въ кухни, що очевыдячкы бачыла, якъ генеральша гладыла Стёпку по пидбориддю своею сухою, костлявою рукою. Чы правду Гапка казала, чы выдумала,—нихто не скаже. Людямъ, а надто горнышнымъ, ротивъ не позавьязуешъ).

— Ты де бувъ?—стрила Стёпку генеральша и прямо глянула ёму въ вичи.

— У лакейській.

— Брешешъ! Ты бувъ у кухни. Прызнавайся: бувъ у кухни?

— Бувъ, каже Стёпка.

— Бачъ, іи! бачъ! Не я жъ казала. Ажъ такъ и йе!! Такъ ты здумала барыню обдурюваты? Такъ ты злыгалась зъ лакеямы? зъ Стёпкою?? Такъ ты въ моимъ генеральськимъ доми осмилылась бахуривъ позаводыты??! Постій же!

— Петре! Иване!

Лакеи, якъ опечени, одынъ одного штовхаючы, кынулысь на генеральшынъ крыкъ.

— Прынесить березкы!—сказала генеральша поважно, тыхо, мовъ звелила хустку або воды податы,—тилькы очыма засвитыла хыжо.

Лакеи побиглы назадъ. Дивчата ныжче попрыгыналысь до пьяльцивъ. У тій тыхій говирци имъ почулася гризна буря. Усе прытыхло, прытаилося. Такъ затыхае чорна хмара передъ тымъ, якъ мае гримъ загуркотиты. У хати зробылось душно, важко, мовъ стеля въ нызъ опустылася и нагничувала дивчатамъ головы. Ни одна зъ ныхъ не ворушылася. Имъ страшно було подуматы: що—не дай боже, якъ стринутся ихъ, мутни видъ страху та жалю, очи зъ іи очима?! Воны боялысь глянуты и на Уляну, щобъ не скрыкнуты!

А Уляна стояла по одынъ бикъ хаты, коло одныхъ дверей. Лыця на ній не знать! По другый бикъ хаты, коло другыхъ дверей—Стёпка. Винъ якось смутно дывывся въ нызъ, на помистъ,—мовъ забувъ: де винъ, що винъ,—забувъ и про генеральшу, и про Уляну: думавъ щось друге, свое. А посередъ хаты, мижъ двома вынуватымы, стояла генеральша. Выпрямылась—высока, суха, мура, ажъ зелена; а очи—якъ и у іи любымчыкивъ—котивъ—жовти-жовти. Вона ныме грізно поводыла то на Стёпку, то на Уляну.

Вернулыся лакеи, зъ пучкамы въ рукахъ.

— А нуте провчить іи, щобъ знала, якъ барыню обдурю...

— Панійко! голубонько!!—не дала договорыты Уляна—и кынулась въ ногы.

— Прочь!

— Не буду! Я не бачылась зъ Стёпкою. Ой, не буду! Я не була въ кухни. Ра-ту-й-те! Я бигала до дядыны. Ой, ра-ту-й-те!! Ра-ту-й-те, хто въ Бога вируе!!!

Дивчата ще ныжче, до самого шытва, понагыналы головы. На пьяльци закапалы слёзы.

— Стёпка—за двери.

На сылу пидвелы Уляну...

До Стёпкы—якъ его лызь злызавъ. Що вже було Петрови та Иванови, що выпустылы Стёпку! Пропавъ Стёпка, якъ у воду впавъ. Нема, та й нема, та й по сей день нема! Перетревожылась генеральша. Де Стёпка? Де винъ дився? Чого винъ утикъ? Чому винъ, дурный, не схотивъ обновыты старои на нову шкуру?! А все не черезъ кого, якъ черезъ неи, черезъ ту дивку Уляну! Сказано: не дасть Уляна генеральши вику дожыты! Знемоглася генеральша. У вечери спать лягла, стревожена,—не попрощалась навить и зъ котамы; у ночи посылалы Дмытра кучера въ Гетьманське за ликаремъ; вранци верховый бигавъ у Кытайку до «мазепыхы»! Бида! А на третій день товстопузый Потаповычъ самъ пидтюпцемъ перъ до отця Юхыма, щобъ збиравъ «соборъ»— робыты маслосвятіе. Пособорувалы генеральшу въ обидню годыну, а на ранокъ и по души прозвонылы.

Дойихала такы іи дивка Уляна!!

Не вспилы генеральшу поховаты, якъ прыйихавъ зъ полку старшый панычъ—теперъ уже якыйсь тамъ поручыкъ, чы що. Тонкый, цыбатый, якъ журавель, зъ рыжуватымъ, шорсткымъ, якъ на ведмеди, волоссямъ, зъ велыкымъ лобомъ,—хочъ кошенятъ бый, зъ велыкымы, розумнымы, сирымы очыма, зъ товстою, у ныэъ одвыслою, губою. Якъ вылыта маты!

Осився Васыль Семеновычъ на батькивськимъ добри. Першъ усёго звеливъ роспудыты котяче царство. Годи ёму роскошуваты! Старыхъ котивъ зъ кишкамы роздавалы писчанамъ мовъ гостынци, одъ нового пана; а кошенятамы, якыхъ люде не бралы, велено въ ставку рыбу погодуваты. Сказано—зроблено.—Потимъ того одпустылы за двиръ Петра лакея: панычеви буде одного Ивана.— Дивчатъ Васыль Семеновычъ не роспускавъ чомусь. Не ридко було самъ у дивочу зайде, жартуе зъ дивчатамы. Тымъ тилькы було и душу одводыть, що ходыть зъ рушныцею, та колы тамъ зъ дивчатамы побалакае. Найбильше ёму подобалась Уляна. Весела, спивуча, вона не давала журытысь молодому панычеви.

— Десь у тебе, Улинько, соловей въ голоси гниздо звывъ!— хвалыть Васыль Семеновычъ іи голосъ.

— А може—сыныця,—жартуе Уляна.

— Ты сама—сыныця!—одказуе панычъ и злегенька здавыть іи за носа пальцямы.

Уляна зачервоніе, якъ макова квитка.

Роскишъ дивчатамъ за молодымъ паномъ. То було—страшно лышнёго слова сказаты, боялыся лышній ступень ступыты одъ загаданои роботы. А теперъ—робота лежыть, а дивчата свое справляють... Реготы, спивы—ажъ будынокъ розглягается! Уляна всимъ верховодыть. Панычеви за носа оддячыла: стала ёго за носа водыты... Що Уляна схоче,—панычъ не встоить!

Отакъ щось тяглося зъ пивроку. Колы це—одного вечера, велыть панычъ Иванови складаты, що нужнище въ чемоданы—завтра кудысь далеко йихаты.

Вранци рано, ще свитова заря тилькы займалася, пиднялась у палацу биганына. То збиралы въ чемоданы збижжя Васыля Семеновыча. Покы встало сонце, усе було вже готове.

Прокынувся и Васыль Семеновычъ. Напывся чаю; поклыкавъ до себе дивку Уляну; сказавъ ій, що—може—винъ бильше не вернется; обицявъ за іи щыри послугы николы не забуты; дозволывъ ій покынуты палацъ, жыты, де сама знае; давъ на нове хазяйство 50 карбованцивъ грошей; подарувавъ усе іи, яке мала, убрання; поцилувавъ навить на прощання въ лобъ, якъ цилують мертвого друга, та й бувъ такый!

Выйшла Уляна одъ паныча зъ червонымы, заплаканымы очыма. Того жъ самого дня забрала вона, яки подарувавъ панычъ, манаткы; попрощалася зъ подругамы, котри іи зъ плачемъ провожалы ажъ до іи дядыны, де вона и оселылася. Черезъ мисяць—гулялы весилля. Уляна йшла замижъ за Петра Вареныка—того самого колысь лакея, що нашывъ ій нову шкуру. А черезъ тры мисяци—пославъ богъ Петрови сына Ивана!

Покы все це діялось, Пискамы правывъ Потаповичъ. Ще николы Писчане не зазналы такого лыха, якъ тоди, колы нымы правыла мицна рука товстопузого Потаповыча. Не одному вона выправыла щелепы; не въ одного вылущыла зубы; не одній молодыци попидсынювала очи... Важкый бувъ на руку Потаповычъ, та дужый!

Черезъ рикъ вернувся Васыль Семеновычъ зъ молодою жинкою. Незабаромъ и братъ ёго, Степанъ, прыйихавъ — тежъ охвыцеръ, и тежъ зъ молодою жинкою. Взялы воны та й подилылы мижъ собою «писчанськый ключъ». Одному—по сей бикъ Чортополоху; другому—по той бикъ. Вовча Долына, Байракы, Побыванка—досталыся менчому; а Пискы, Гайдамакивка, та Красногорськый хутиръ—старшому.

Писчанамъ спершу наче бъ то и поводы попустылы. Панъ навить, на новимъ хазяйстви, подарувавъ на симью по дню поля. За те, трохы згодомъ, прыкрутывъ ихъ такъ, що николы було й того поля ораты.

Потаповычъ ставъ уже невгодный. Винъ выкупывся на волю и завивъ надъ Ромоданомъ трахтыръ. А молода барыня, замисть старого, выпысала зъ свого села нового прыказчыка—Карпа Дровыченка. Карпо—свій чоловикъ: а писчане ще й доси не можуть безъ проклёнивъ згадаты Карпа.

— Уже Потаповычъ бувъ! — кажуть писчане:—зубы тоби повыбывае, очи попидсынюе, щелепы зверне, а все такы шкоды не зробыть! А цей—иржа, а не чоловикъ! Уже якъ у кого встряне, якъ уйистся; точыть-точыть, покы такы наскризь не проточыть! Такъ ёго писчане и прозвалы Иржою. И справди—Иржа наточывъ и соби не трохы, й панови... Винъ пидбывъ Васыля Семеновыча на шостый день панщыны и поле назадъ одибравъ.

— Роспылысь, зовсимъ розледачилы! Зъ панщыны все такы не пиде въ шынокъ...

Писчане справди роспылысь, розледачилы. Забулы навить въ мандры бигаты. Якъ було хто втече, то це таке дыво—на пивроку розмовы! Неволя, якъ той чадъ, задурманыла людямъ головы. Уже воны и не сумувалы—наче такъ тому й треба! сталы тилькы по шынкахъ кыснуты... Колы не на панщыни, то въ корчми. Иржа не одного вже купавъ и въ березыни видъ запою, не помагае!

Зубожало село... Обшарпане, обтипане... Тилькы козачи хаткы и біліють...

Сталы прокыдатысь де-не-де и злодіячкы—новына въ Пискахъ! Перше колысь николы ни въ кого и двери не запиралыся; а теперъ—и на засови страшно. Доставалося иноди й панськымъ коморамъ...

Бачыть Васыль Семеновычъ, що въ Пискахъ не перелывкы,—що колы-небудь вберутся прокляти пьянюгы та й зъ душею не выпустять,—та сказавъ будоваты новый палацъ на Красногорськимъ хутори, та й перебрався туды жыты. Сталы тоди велычаты хутиръ—Красногоркою.

Хто зъ гетьманцивъ не знае Красногоркы?? Хто не знае «Меккы», куды збиралось зъ цилого повиту паньство, якъ на Магометову могылу бусурмане зъ цилого свиту?.. Не въ одному Гетьманському знають Мекку, знають іи й по-за Гетьманськымъ... Та якъ же іи не знаты, колы тамъ жыве такый чоловикъ, якъ Васыль Семеновычъ—голова зъ рода панивъ Польськыхъ?

А ридъ же то роскоренывся—велыкый та дужый! На новимъ хазяйстви въ Васыля Семеновыча симейка, якъ кукилъ, покотылася. Що року, та й дытынка. Шкода тилькы—всёго одынъ однымъ сынокъ за десять рокивъ, а то все дочкы—ажъ шисть дочокъ.

Та вже жъ и сынокъ у Васыля Семеновыча,—сказано: якъ бы такый розумъ—батько, якъ дви капли воды. Такый зъ лыця, такый зъ стану, така врода, така и натура. Батько, якъ бувъ ще хлопцемъ, любывъ лапаты за оселедчыкъ чумазого. Сынокъ, якъ зипьявся на ногы, любывъ и соби лапаты... А такъ якъ писчане вже оселедцивъ не носылы,—то й за мняке тило можно полапаты...

Васыль Семеновычъ—чоловикъ твердый на слово. Сказавъ Уляни—не забуду—и не забувъ! Якъ пидрисъ іи Ивась, Васыль Семеновычъ звеливъ узяты ёго до паныча у горныци. Такъ же и ледащо Улянынъ сынъ, а Чипчынъ батько... Ни роботы зъ ёго, ни послугы ніякои—одна шкода! Натерпився видъ ёго сынокъ Васыля Семеновыча, покы запекла душа не потягла въ мандры... Такъ молоденькый панычъ и не долапався: чы тверде, чы мняке

въ неи тило. Правда, незабаромъ кудысь и самого паныча одправылы вчытыся.

Не таки дочкы въ Васыля Семеновича, якись цыганкы подавалыся! Зъ чорнымы очима, зъ довгымы, якъ кендюхы, носамы, зъ цыганськымъ кучерявымъ волоссямъ, а чорни жъ то чорни, якъ у сажу вымазани! Нестеменно—плащувати цыганкы... За те въ Степана Семеновыча дочкы--кожну хоть у рямця вправъ! А проте и плащуватымъ, и въ рямцяхъ—треба женыхивъ, ажъ цилый десятокъ женыхивъ!

Бажалы бъ паны Польськи повыдаваты своихъ дочокъ за багатыривъ и зъ роду знатного... Такъ де жъ ты наберешъ стилькы багатыхъ та знатныхъ женыхивъ? А въ Гетьманському—якъ на те! всёго тилькы тры значныхъ роды на цилый повитъ. Одынъ ридъ—Гетьманськый, николы не жывъ у себе дома: въ столыци родывся, хрестывся, вырисъ, тамъ и жывъ.

Другый ридъ—багатый ридъ козачкы Шведыхы—Шведовыхъ бабы, що зумила провесты онукивъ зъ простого козачого роду села Свынокъ, ажъ у самый дворецъ. А третій ридъ—Польськыхъ.

Два коты въ однимъ мишку не помырятся. Не помырылыся и Шведовы зъ Польскымы. Васыль Семеновычъ хвастае було, що ёго батько въ дворци бувъ, якъ свій чоловикъ; а Петро Степановычъ Шведовъ самъ камергеръ, самъ покоштувавъ того дыва: то, бувало, хоть ничого и не скаже на ти хвастощи,—такъ же гляне скоса такъ, мовъ скаже: «А ты що, голубчыку?..» Васыль Семеновычъ потупыть тилькы очи... Отакъ ни защо, зъ-за панськои пыхы, й ворогуваты сталы. А воно бъ и гараздъ: у Петра Степановыча—сыны, у Васыля Семеновыча—дочкы... Та-ба! Така ворожнеча пиднялась... крый, господы!

Лита идуть... Дочкы ростуть, хочъ на базаръ выводь! Хочъ бы тоби хто на смихъ здумавъ у себе въ хати завесты плащувату цыганку! А то жъ—никогисенько! Степана Семеновыча дочкы—дарма що молодчи—вже ёму и онукивъ подарувалы; а цыганкы сыдять у батька, якъ пидъ шатромъ... Ничого робыты: давай Васыль Семеновычъ заклыкаты до себе не багатыхъ и не

велыкородныхъ панычивъ, абы тилькы зъ дворянського кодла;— давай на ныхъ накыдаты своихъ плащуватыхъ... Поробылысь зятямы Совынськи, Крывынськи, Березкы, Мытили... Скризь по цилому повиту позаводылысь хутори плащуватыхъ цыганъ. Дійшло до того, що и у Гетьманському й кругомъ Гетьманського паны—родычи та й родычи. Роскоренывся и ридъ Саенкивъ— жиноче кодло панивъ Польськыхъ—усе такы своя кровъ. Усе то булы жывоты, котри прытьмомъ бажалы йисты й пыты,—ажъ роты пороззявлялы. То була здавна, ще за Гетьманщыны, голодна, ненажерлыва сарана, котра налетила зъ Польщи на вильни степы роскишнои Украины... Жерты, трощыты—одна въ неи здавна думка... Звыкшы пидбыраты крыхты зъ панського столу, вылызуваты тарилкы писля смашныхъ панськыхъ стравъ,—вона передала и нащадкамъ нахлибныцьки звычаи, и страшенну жагу до всёго смашного... Своимы рукамы вона ничого не заробляла,— бо шляхетськи рукы здалысь на що инче—до гострои шабли, до легкои послугы чы королю, чы магнату... Нащадкы «голопузыхъ» усмокталы зъ матерынымъ молокомъ про це думку... Було ихъ у війську сыла,—найбильше тамъ воны и почыналы свою службу. А вертаючысь до-дому,—бо військова служба, разъ, не легка, а въ друге—и не безпешна,—осидалысь на батькивськыхъ грунтахъ—и роззявлялы роты... Хотилося йисты й пыты, и хороше походыты... Зъ чого жъ ёго? Де ёго взяты, щобъ своихъ панськыхъ ручокъ не покаляты?

Отъ воны и поробылысь зятямы заможныхъ панивъ... Прямо сказаты: попродалысь, сподиваючысь за те нагороды.

Паны не выпускалы зъ дому своихъ дочокъ голыхъ и босыхъ. Та й тилькы жъ то, що манаткы давалы, та на пивсотни душъ на завидъ. Що ты зъ такою жменькою людей зробышъ? Не прыйматыся жъ справди зятямъ панивъ Польськыхъ самымъ за плуга:—дворянынови соромно було свои рукы коло земли трудыты; не копатыся жъ у грядкахъ и дочкамъ велыкыхъ панивъ, котри за молоду ихъ кохалы въ багатстви, и роскошахъ... Що жъ ёго казаты?

Зъ половыны двадцятыхъ по шестыдесяти рокы бувъ у насъ золотый викъ панського панування. Паны не тилькы панувалы надъ хуторамы та селамы, надъ родовымы и неродовымы маетностямы,—не тилькы переорювалы шыроки и довги ланы селянамы та хуторянамы, иноди ихъ миняючы на довгоногыхъ хортивъ,—панськый духъ витавъ скризь и всюды: и въ городи, и въ повити, и въ губерніи. Усимъ и усюды заправлялы паны. Зъ панивъ выбиралы комысаривъ, потимъ того, зъ ныхъ переробдювалы капытанъ-справныкивъ, а дали—просто справныкивъ; панськый выборный бувъ суддя и пидсудкы...

А головою цилого повиту бувавъ тежъ такы выборный дворянамы маршалъ, пизнише—предводытель дворянства... Сказано—якъ йе, цилый повитовый урядъ, окримъ казначея (скарбныка), окружного, почмейстра, стряпчого («царевого ока!»), та становыхъ,—бувъ панськый выборный... Лахва була!!

Тоди саме настало царювання и панивъ Польськыхъ у Гетьманському. Худоба ростеклась на вси бокы, по всёму повиту. Дочкы не прынесуть, а и що йе, то рознесуть. Увирвалы трохы добра и у Васыля Семеновыча,—та ни сами не забагатилы,—тилькы его зубожылы. Що жъ его вбогымъ робыты? Треба на щось жыты... Треба роздобуваты и добра—на пожыву, й честы—для пиддержкы славного роду... Нигде дытысь: треба въ службу йты... Треба,—то й треба...

И пишлы!

Заверховодылы паны Польськи въ Гетьманському, якъ у себе на царстви. Васыль Семеновычъ—царёкъ; ёго родычи—царськи слугы; а цилый повить, зъ панамы и мужыкамы—пиддани. Васыль Семеновычъ у себе и прыёмы царськи уставывъ. Хто бъ зъ панивъ не прыйихавъ въ повитъ, кого бъ зъ чыновныкивъ не прыслано,—не йидь на свое добро, не прыймайся за свое дило, не поклонывшысь Красногорському владыци...

И всякъ йиздывъ, кланявся... А що вже й казаты въ установлени дни... Йиздылы на Риздво; йиздылы поздоровляты «зъ новымъ рокомъ, зъ новымъ счастямъ, и зъ Васыллямъ», у четверъ

на масныци тамъ оладкы йилы; на другый день велыкодня—паску... Коженъ знавъ, що въ ци дни ниде бильше не можно буты, якъ у Красногорци. Щобъ тамъ не було,—а буты треба! Жинка въ постиль злягла, дытынка ледве дыше,—не можна: треба йихаты! На Риздво иноди таке мете, що и свита божого не выдно, на масныци, або на велыкодныхъ святкахъ така калюка, що ни пройты, ни пройихаты, иноди дощъ, якъ зъ видра лье... У Васыля Семеновыча день, треба буты!!

Цилый повитовый урядъ плився въ Мекку. Коженъ пидслужувався, пиддобрювався, запобигавъ ласкы, доброго слова, хочъ погляду прывитного... Кого було Васыль Семеновычъ «подарує» ласкою,—той немовъ выросте... Други дывлятся, завыдують; вырисъ чоловикъ одъ одного слова! А на кого Васыль Семеновычъ гнивъ положыть,—прямо, хочъ въ ополонку... И ти, що булы прыятелямы, одвертаются... За тежъ и правывъ панюга Гетьманськымъ, якъ своею батькивщыною. Що було скаже,—такъ тому и буты. Якъ згадае,—такъ и станется. Ёму тилькы одному годылы й служылы,— та ще хиба орандарю ёго, Лейби Оврамовычу—зятеви старого Лейбы, генеральського прыказчыка.

Та якъ же ёго и не служыты? Свои слугы, свои й прыслужныкы! Нехай бы хто сказавъ слово на-сторчъ,—тилькы бъ и мисце бачывъ! Пишло въ Гетьманському такъ, що нихто мисця не знаходывъ въ уряди, безъ воли Васыля Семеновыча...

Самъ—предводытель; родычи—урядныкы: справныкъ, суддя, пидсудкы—все те зяти, родычи зятивъ, племинныкы. Якъ квочка курчатъ збирае пидъ крыла, такъ Васыль Семеновычъ прыбравъ до своихъ лапъ цилый повитъ... И все кругомъ мовчало, терпило, слухало й робыло на кореныстый ридъ панивъ Польськыхъ, та все ныжче нагынало голову передъ ёго владыкою...

IV.

Махамедъ.

Писля смерты Мырона й Марыны, лыха доля, зачепывшы крайкомъ слизмы змоченого крыла жыття Иванове та Мотрыне,

майнула на инчи хаты зъ бильшымы недостачамы, злыднямы—на крепацьки хаты поризненыхъ людей... Козачи кубла обгорнуло тыхе хлиборобське счастя. Насталы рокы кохання въ поли та въ худоби, складання всякого прыбутку, тяжкои господарськои праци дома й на поли,—та втиха диткамы,—кого благословывъ Господь...

Иванъ,—ще дытыною напрямованый по хлиборобській дорози,—такъ іи й державcя. Оравъ поле, сіявъ, жавъ, молотывъ, складавъ зерно—те на посивъ, те на пожыву, те на продажъ, або въ горлати ямы—на голодни годы. Мотря—жинка хорошого господарського роду,—тежъ допомогала Иванови въ ёго праци.

Зъ весны Иванъ що-дня въ поли—то оре, то засивае ярыною. Зъ-ранку пойиде, пизно въ вечери вертается. Такъ до самои паскы. Одсвяткують велыкдень,—косовыця. Тутъ уже й Мотри робота—грамадиння. Дали настають жнывa. Циле лито, якъ муха въ окропи, выкрутятся обое, рано встаючы, пизно лягаючы. Писля жнывъ, Иванови возовыця; дали—оранка на озымыну; ще дали—сійба; а тамъ уже въ осинь молотиння зароб-леного хлиба. Мотри на осинь нибы легшае трохы: хатня робота—спочывокъ, а на двори—прыхваткомъ типае плоскинь, або матирку; скрыпыть терлыця пидъ повиткою. А тамъ уже й зима--заметы навертае. Прыходыть вона въ село страшною хуртовыною, прыводыть за собою своихъ дитокъ,—хызы и охызы, та трискучи морозы. Люде ажъ переляка̀лыся. Давай маткы плесты; одну, запынаты викна й двери, щобъ не перся морозъ у хату. Одначе и зимою—не сидня, згорнувшы рукы. Жинкамъ свое дило, а чоловикамъ—тежъ свое. У хати—Мотря обидъ або вечерю варыть, дитей пантруе и годуе; а въ вечери, пры каганци, пряде кужиль, або що голкою шые; на двори—ходыть коло коровы; напувае іи сытнымъ пійломъ, зъ высивками або мнякыною; рано й вечиръ—дойить. Иванъ—коло худобы порается: скотови и вивцямъ пидкладае въ ясла просяной або гречаной соломы, двичи на день до водопою гоныть, самъ вычыщае двичи на тыждень загороду. Нема роботы биля товару,—лаштуе пидъ повиткою що потрибнише до веснянои справы. А въ вечери—плете рукавыци,

бавытся зъ диткамы,—шуткуе, учыть молытысь, спаты ихъ ложыть, або самъ лежыть на печи въ нызъ черевомъ—парытся. А въ недилю, або въ свято, Иванъ зъ Мотрею пидуть до церквы; иноди, якъ не дуже холодно, позабыраютъ и хлопцивъ зъ собою. Прыйшовшы зъ церквы, обидаютъ ласише, нижъ у будень; писля обиду—спочывокъ. Спочывшы трохы, колы годынка, пидуть воны куды нѐбудь до сусидъ у гостыну, або жъ у себе гостей прыймаютъ. А въ вечери треба Иванови коло худибкы поратысь,—треба іи напуваты, на ничъ паши пидкладаты; Мотри—вечерю варыты, дитокъ спаты класты.

Такъ—и зима мыне, на весну красне сонце заграе. И знову въ поле, та въ поле... знову торишня робота... знову торишни клопоты. Та такъ не одынъ, не два рокы: такъ циле жыття, цилый викъ. Робышъ, щобъ було йисты; йисы, щобъ здужавъ робыты. Отака-то весела хлиборобська доля!...

Одже хто до неи прызвычаився, тому вона здается веселою и красною. Наши хуторы, села, а часомъ повитови городы, обложывшысь родючымы полямы та ланамы, другои доли не знають. А про те—жывуть цили довги-предовги викы, копаются въ сытній земли,—мовъ попрыросталы до неи. Яка земля, таки й люде. Вона сыта, й воны сыти; вона голодна—и воны рота пороззявлялы. Селянынъ безъ поля—старець безъ рукъ и безъ нигъ. Поле ёго годуе; поле ёго втишае; на поли винъ выростае; на поли часомъ и вмирае. Поле мовъ воздухъ: ничымъ бы дыхаты, якъ бы зостався безъ ёго!

Важка хлиборобська праця; а ще важче тому, хто іи не знае, або не вподобае. Тымъ до неи ще змалечку прывчають селяне дитей, щобъ вона здавалась ни нудною, ни тяжкою. Диты на сели—помичъ. Абы зипьялось на ногы,—заразъ у поле: хай змалку прывыкае до свого побыту!

У такому побути бажалы Иванъ зъ Мотрею своихъ дитокъ зростыты-выгодуваты. Пиднялысь трохы хлопци,—треба ихъ до дила прызвычаиты.—Отъ, и почалось завжденне, на першый разъ для дитей любе, прызвычаювання. Першъ усёго скотынку пасты, товару доглядаты. Тутъ не треба ни сылы, ни умилосты:

дывысь тилькы за худобою, пыльнуй свого легкого дила! Дали—поганяты. Гей, та цобъ, та цабе!—отъ и вся невелычка наука погоныча...

Хлопци до всёго того кыдалысь зъ гарячымъ запаломъ, а найщырше брався Максымъ. Винъ цилу ничъ не буде спаты, абы ёму найранишъ устаты, братывъ побудыты въ поле. За те жъ ёму найскорійше и надокучыло. Двичи, трычи зробывъ що,—уже ёму и не хочется,—уже ёму новынку подавай. Та ни заставыты, ни застрахаты! Таку неспокійну натуру выкохавъ старый дидъ, на лыхо Иванови, й загартувавъ іи своимы страшнымы переказамы про невмыруче завзяття, та своимы сердытымы закыдамы про те, якъ теперъ на свити сталося. Сичови оповисткы про запорозьку вдачу, про запорозьку волю западалы въ гаряче серце онукове... Якъ у гниздечку, такъ у Максымовимъ сердечку, выплодылась воля, про яку дидъ переказувавъ; порывала хлопця до сваволи, до невпокою, кыдала одъ одного до другого, пекла ненавыстю до всёго, що гнитыло або перечыло, не давало робыты, якъ намъ хочется. Жыви картыны зъ позадавнёго-давна выступалы въ хлопьячій голови:—Максымови хотилось самому бытысь, рубатысь, розгардіяшыты. Зъ кымъ же его?.. де ёго?!. Пишла ходоромъ думка за думкою.

Ось зъ-за села пиднялась страшенна курпела. Выхоръ пидхопывъ іи высоко—и мчавъ прямо на село. Максымъ побачывъ—и згадавъ дидову оповистку про бойище зъ татарвою. То не курпела курнотыть, то татарва мчытся на нашыхъ!... Крыкъ, зыкъ, галасъ несется разомъ зъ курпелою. «Стійте, братця!—крычыть отаманъ на нашыхъ. Вы, середни, ни зъ мисця, а вы, бокови—у объйиздъ на Сокильни Байракы. Заляжете тамъ,—мовъ не жыви, а ни чычыркъ...—ажъ покы голосна гакивныця не промовыть: «пора». Хлопци помчалысь, тилькы хвостамы кони машуть. А крыкъ та галасъ все блыжче та блыжче. Ось уже и татарськый баша насамперёдъ йиде, зъ голою шаблею наблыжается. Наши схытнулысь,—дали татарамъ навздогинъ. Крыкъ, галасъ, шарпанына. Ось блыснула блыскавыця, гуконула гакивныця,—полетивъ татарськый баша зъ коня сторчака брытою макотырею...

«Быйте!. . рубайте»... иде лементъ зъ краю до краю. Ажъ ось, и зъ боку курява мовъ чорна хмара, пиднялася: то наши зъ-пидъ Байраkивъ поспишають на выручку. Летять—ажъ земля стогне. У Максыма ажъ духъ захопыло: заграла гаряча кровъ, розбуджена такымы думкамы,—Максымъ помчався и соби за лавою славныхъ лыцаривъ. Ажъ курява встае шляхомъ, ажъ идуть вылясkы одъ бою босыхъ нигъ по твердій земли. Отъ и майданъ. Максымъ, якъ кинь, басуе: то мовъ схарапудывшысь, у бикъ шарахне; то, якъ молоде теля, пиде скокомъ та выбрыкомъ. Ляскае батогомъ, свыстыть, гукае. Молодый крыкъ розглягается навкругы—и деренчыть по викнахъ генеральського будынку. Бачыть Максымъ—у воротяхъ заманячыла страшенна постать заводського бугая. Немовъ яке страховыще, зъ зложеною въ зморшкы шыею. уставленою въ землю головою зъ рогамы, зъ налытымы кровью очыма,—высунуло воно зъ генеральського двору и пишло повагомъ, хыжо ревучы та завываючы. Пидъ ногамы страховыща двыгтила земля: дыки заводы реву розлягалысь по околыци. Максымивъ голосъ здавався цвириньканнямъ горобчыка проты страшного бугаёвого реву. Одже Максымъ не злякався. Забувъ и про боище зъ татарвою, кынувся на незбыту дорогу, набравъ груддя повну пазуху—и помчався на супроты бугая, ревучы и передражнюючы страшну звирыну. Бугай ставъ, пидвивъ голову, нибы думавъ розгледиты, що воно,—та знову круто повернувъ шыю, и нагнувъ голову до самои земли,—хотивъ копырснуты рогомъ, щобъ страху завдаты,—та видъ жыру не нагнувся. Тилькы зозла гребнувъ страшенно ногою—и геть далеко видкынувъ землю видъ себе. Максымъ пошпурывъ грудку. Метка рука якъ разъ піймала середъ крутого лоба; грудка розбылась—и пылъ засыпавъ бугаеви очи. Зъ нечевья страховыще жахнулося. Залупало червонымы очыма... пидвело голову, глянуло на свого ворога,—та ажъ потемнило. Круто схылывшы въ нызъ голову, воно пишло насупроты Максыма. Максымъ не злякався и тутъ; груддя залитало, якъ ти кули—одно передъ другымъ. Воно несло бугаеви гостынци то въ лобъ, то въ нисъ, то въ бокы. Страховыще—ничого того не чуло: воно навить не чуло земли пидъ собою. За-

выючы, воно ишло прямо на Максыма—де-дали скорше та скорше.

— Эй, эй!—загукало щось зъ генеральського двору:—тикай, хлопче, бида буде! Якъ опеченый, крутнувся Максымъ—и витромъ помчався вподовшъ майдану. Бугай—за нымъ. Страшно було дывытыся, якъ таке страховыще, наставывшы рогы, неслось зъ усёго свого страшного прожогу за невелычкымъ хлопчыкомъ, що, якъ горошынка, котывся поперёдъ ёго. Отъ-отъ бугай настыгне; отъ-отъ простроме рогомъ наскризь Максымову спыну. Ажъ ось и тынъ видъ генеральского двору—никуды бигты... пропавъ Максымъ!.. Ни, не пропавъ! Винъ, якъ собака, плыгнувъ на тынъ, а зъ тыну—въ бурьянъ. Скочывъ и бугай на тынъ,—та на килку й застрявъ. Лынула кровъ зъ пробытого боку. Страховыще заколыхалось, ревнуло не своимъ голосомъ рванулось зъ усіеи сылы. Тынъ упавъ,—упавъ разомъ зъ тыномъ и бугай додолу,—и такъ болизно заревивъ, що ажъ слухаты страшно. Килокъ пройшовъ подовшъ всёго жывота, вымотавъ геть кышкы зъ середыны. Пиднявся крыкъ людськый, збиглася дворня.

— Щожъ оце ты наробывъ?!—пытае Максыма одынъ зъ дворакивъ, показуючы на бугая, що ледве-ледве дыхавъ—сопъ.

Максымъ сміявся.

— Чого ты зубы щырышъ, сучый сыну? ходимъ, я тебе до паніи поведу.

Якъ зъ цепу зирвався Максымъ,—такъ помчався до-дому.

Досталося бъ Иванови одъ генеральши за того бугая, якъ бы було крепакы не покрылы Максыма. А то сказалы, що бугай погнався за собакою, та й пробывся. Тилькы всёго—Максыма выбывъ батько. Та що та бійка? Переплакавъ Максымъ,—та й знову за свое. Душа ёго прохала воли; молоди сылы—простору. Сумно було Максымови середъ шырокого, пустого степу, середъ пооранои рилли, тисно въ тыхій батькивській хати, тяжко мижъ довемовчазною скотыною, котру ёму, якъ старшому, першому довелось пасты. И хлопець выдумувавъ шкодлыви игры: то телятъ лякавъ, то прывьязувавъ имъ до хвостивъ дрючкы—и залывався

залывнымъ реготомъ, якъ телята дрочылыся. Часто й густо батько ёго манижывъ за це, одже ничымъ не змигъ переломыты шкодлывого, веселого норову Максымового. Оце, було, выбье ёго батько; а черезъ годыну вже Максымъ на вулыци зъ хлопцямы навкулачкы бьется, або братывъ за чубы таскае, або запряже ихъ у кгрынжолята, якъ зимою, сяде самъ за пана и батогомъ поганяе... покы не вшкварне такъ, що ревы на всю вулыцю.

Палкый, якъ порохъ, смилывый, якъ голодный вовкъ,—винъ усихъ побывавъ, надъ усима верховодывъ. А насміятыся надъ кымъ, украсты, одняты що,—ёму дай! Генеральша николы не йила овощу зъ свого молодого садка; винъ усе пообносыть, усе выкраде, не дывлячысь ни на собакъ, ни на сторожывъ. Разъ ёго застукалы на яблуни. Що жъ—винъ злякався? Сторожи до ёго, а винъ якъ почавъ на ныхъ шпурляты яблукамы,—такъ ти назадъ. Тоди винъ скочывъ на землю; якъ витеръ, помчався садкомъ; якъ собака, перескакувавъ черезъ тыны—и забигъ въ чысте поле. Якъ же дійшовъ до литъ та вбрався въ сылу,—бида зъ нымъ, та й годи. Высокого зросту, станкый, жвавый, шырокоплечый, якъ зъ зализа збытый, а до того ще меткый, якъ заець, спивунъ-реготунъ. Хорошый зъ лыця--повновыдый, румянець на всю щоку, зъ чорнымы, веселымы очыма, зъ чорнымъ лыскучымъ усомъ,—винъ бувъ першый красень на сели. Вся молодижъ любыла Максыма за ёго вдачу, за веселый, безбоязный норовъ,—уси ёму корылыся... Хто напереди ставныкъ несе, якъ идуть весною святыты парубоцьку крыныцю? Максымъ несе.—Хто на Гудзевій улыци отаманує, улыцю водыть?—Не кому, якъ не Максымови. Кому насміятысь надъ кымъ?—У Максыма языкъ, якъ гостра брытва. Хто занисъ Луценкови ворота и почепывъ на самимъ верси столитнёго дуба? Хто въ Тхорыхы-вдовы вымазавъ дёгтемъ ворота?.. Не хто,—якъ не Максымъ. Чыихъ рукъ не втекла Хоменкова дочка Хвеся?... Не втекла Максымовыхъ рукъ!—Хто пустывъ погану славу на багатырку Шрамченкову дочку? У кого жъ языкъ довшый, якъ не въ Максыма! Самъ устряне, зведе дивчыну,—самъ потимъ першый и насмихается. Не одна ихъ и не дви наробыло стыда-сорому батькови й матери: не одну ма-

тиръ, не одного батька, на донынимъ весилли, въ хомутахъ черезъ село водылы. Не одна и не дви матиркы плакало на Махамеда, якъ ёго прозвалы стари бабы. Не одынъ парубокъ або й чоловикъ, покоштувавшы на кулачкахъ Махамедового «безмина»,—похыріе-похыріе, та черезъ пивроку и на той свитъ переступыть. А горилку пыты, гуляты—Махамедъ усимъ пьянюгамъ прывидъ дае! Позалываютъ очи—та шкоду, капости людямъ роблять.

Сталы люде жалитыся батькови, що Махамедъ сынивъ ихъ роспоюе; сталы радыты, щобъ здержувавъ сына. Та що батько вдіе зъ такымъ велетнемъ? Ни батькова гризьба, ни матерына умова—ничого не подіють зъ такымъ гульвисою, шыбеныкомъ.

Дай, одружу!—дума Иванъ и радытся зъ Мотрею. Знайшлы и молоду: умовылы якось Максыма—пишовъ зъ старостамы. Такъ що жъ! На заручынахъ Максымъ такъ налызався, що трохы-трохы не побывъ свого нареченого тестя.

— Господь зъ вамы, зъ вашымъ молодымъ такымъ!—каже тоди батько старостамъ.—Хочъ бы мени прыйшлося голодною смертю помираты та було сказано: якъ виддасы Мелашку за Максыма, то жывый будешъ,—то й тоди бъ не згодывся!

Вернулысь люде зъ гарбузомъ; розсказалы батькови-матери.

— Побыла мене лыха годына та нещаслыва зъ такою дытыною!—крычыть батько.

— Ты насъ, сыну, на старисть у славу ввивъ, нашого недовгого вику не жалуешъ,—плаче маты.

А Максымъ,—якъ ногу вломывъ: зъ хаты та на вулыцю, а тамъ—у шынокъ до жыда. Такъ розледачивъ, розибрався, роспывся, що сказано: ни до чого! Ажъ запухъ, якъ той бугай, що-дня очи залываючы. Зовсимъ пустывся берега: що дома не зарве,—заразъ у шынокъ! Пье, гуляе; зъ жыда насмихается, зъ крепакамы панибратается, жалкымы докорамы ихъ коле, що роблять на панивъ, навчае не слухатысь ихъ прыказивъ, а мандруваты. На капости чоловикъ здався, та й годи.

Сама генеральша знала Махамеда. И такъ ёго зненавыдила, що якъ прыходылось пройиздыты або проходыты повзъ ёго, то

вона, завжде одверталася и сплёвувала. Якъ же почула, що винъ крепакивъ бунтуе, то жалилася комысарови. Колы бъ бувъ Максымъ на той часъ не постеригся,—не змандрувавъ кудысь зъ Писокъ,—щось на тыждень чы й бильше,—то мабудь бы не мынуты ёму и тюрмы, а може и самого Сибиру. Та що ёму Сибиръ!—ничого!

Мучывсь отакъ зъ нымъ батько, мучывся, та заплакавшы—и каже Мотри: Ни, вже—ничого зъ харцызою не вдію! Ни тыхе слово, ни прозьба, ни лайка—нищо не помагае. Немае сылы мени зъ нымъ бытысь. Хай же иде въ москали! Нехай ёго въ службі попомуштрують,—може, вытруть ту юшку, що набрався дома!.. Хай ёго други вчать: я зъ нымъ ничого не вдію!..

Мотря въ слёзы. Жалько матери своеи дытыны. Уже якый винъ тамъ не лыхый, якый не недобрый,—а все жъ такы своя кровъ. Мотря плакала гиркымы; а прохаты Ивана не посмила: вона догадалася, що то останне слово батькового горя. Тутъ уже ніяке прохання не поможе!

А Максымъ якъ почувъ, то ни скрывывся, ни поморщывся. Такъ такы зразу згодывся—та й пишовъ до прыёму, выспивуючы та выгукуючы.

Тоди саме въ столыци велыке дило скоилось. Старый царь умеръ, а зосталося два браты. Старшому жъ не можна чомусь було царствомъ правыты,—осився на предкивськимъ столи менчый. Одже це не обійшлося мырно. Багато тоди лягло правыхъ и новынуватыхъ, покы той бунтъ замырылы. Якъ затыхло,—то новый царь, роспудывшы стару гвардію, звеливъ нову набираты. Та щобъ бувъ—одынъ у одынъ высокый, станкый, показный. Максымъ якъ разъ пидійшовъ пидъ миру. Якъ выпускалы ёго зъ прыёму, то не крычалы и «лобъ»! А якыйсь усатый охвыцеръ закрычавъ: «У гвардію ёго! у гвардію»!—Максымъ якъ почувъ,—ажъ засміявся... та прожогомъ у двери. Тутъ винъ трохы не вдарывся лобомъ объ якогось бидолашного некрутыка. Не довго думавшы, винъ ёго стусонувъ колиномъ пидъ бикъ,—закрычавъ: «Сторонысь, крупа! гвардіенець идёть!»... Той поточывся, трохы не впавъ.

Не вспивъ Максымъ одягтысь, якъ его погнало тры якыхсь москали въ некруцьку хованку, и заперлы на замокъ; хатка невелычка, викна зъ зализнымы штыбамы, якъ у тюрми, а людей— повно. Той сыдыть,—плаче: той хочъ не плаче,—журытся; тамъ купка регочется зъ якоись выгадкы.

— Прыймить, братця, й мене!—каже Максымъ до тыхъ, що регочуть.

— Иды... додасы и свого слова.

— За що насъ, братця, позапыралы въ цю тисну хурдыгу?— пытае Максымъ, оглядаючы чорни, якъ сажа, стины некруцькои.

— А щобъ не втикъ!—одказавъ хтось.

— Та якый его бисъ думавъ тикаты. И довго воны такъ держатымуть?

— Та хто его зна. Кажуть бы то, що тры дни.

— Погано! хочъ бы сюды горилкы,—то воно бъ якось веселише.

— А сыривцю зъ дохлымы пацюкамы не хочешъ?

— Пый самъ, колы подобается!

Дали Максымъ уже орудувавъ бесидою: точывъ балясы та баляндрасы; розсказувавъ про свои сельськи походы; смишывъ усихъ и реготався самъ.

Товарыськый чоловикъ,—ничого казаты! У ночи тилькы сумно чогось ему зробылося, якъ ставъ выкрыкувать часовой: «Слушай»!

Черезъ тры дни ихъ справди выпущено и дозволено питы попрощатысь зъ родыною, що поназйизжалась до прыему, якъ на ярмарокъ. Плачъ, голосиння,—мовъ мертвыхъ выряжають до гробу. Тамъ стара маты залывается гиркымы слезамы, обнимаючы брыту голову сынову; тутъ молода молодыця, зъ дытынкою на рукахъ, голосыть на весь майданъ, одніею рукою схопывшы за шыю молодого чоловика; а ось сестра зъ братомъ розмовляе, слезамы долываючы горе. Отъ и стари диды посхылялы головы; отъ браты розмовляють, похнюпывшысь. А тамъ знову батькы, матери. Мижъ нымы и Мотря, якъ зъ хреста знята, а коло неи сыны—Васыль та Оныською. Ходять воны въ трехъ одъ воза до воза, роспытують некрутъ—чы не бачылы де Максыма?—Ни, не бачылы.

Выйшлы зъ некруцькои разомъ, а де винъ дився—нихто не знае. А Максымъ, якъ тилькы выпустылы зъ некруцькои, заразъ потягъ зъ москалямы до шынку. Други прощалыся зъ родомъ, а винъ водыть за собою юрбу москаливъ,—и побратався вже! та здоровкается зъ шклянньмъ богомъ. Такъ Мотря и пойихала зъ сынамы, не бачывшысь зъ Максымомъ.

Незабаромъ некрутъ погналы кудысь далеко-далеко. Люде знову поназйиздылысь прощатыся, може, вже въ останне зъ своимы бидолашнымы сынамы, чоловикамы, братамы. То не глыбока ричка клекоче, прорвавшы греблю, то гудуть селяне, прощаючысь зъ некрутамы. То не ховають мертвыхъ,—то люде, тужать за жывымы родычамы. И Мотря мижъ нымы. Згорбылась, скрывылась, заплакана, стоить вона, опустывшы на груды голову, а коло неи Васыль зъ Оныськомъ—и Максымъ. Выдно, матерынъ жаль уразывъ и ёго безжурне серце: стоить винъ биля матери, похнюпывшысь. Ажъ ось—затуркотивъ барабанъ; москали скомандувалы въ лаву строитысь. Пиднялась шатаныпа. Скризь затужылы, заголосылы. Сталы прощатыся. Максымъ пидступывъ до матери.

— Прощайте, мамо!.. не згадуйте лыхомъ.

— Прощай, сыну!.. прощай, моя дытыно!.. Ша... ша-нуй... се-бе.

Мотря обхопыла ёго шыю обома рукамы, та такъ и повысла,—за слёзамы свита не бачучы.

— Та годи вамъ, мамо!.. Не журится: я не пропаду!—Винъ высвободывся зъ закляклыхъ рукъ старои матери,—давай прощатысь зъ братамы.

Отъ, уже построилы некрутъ у лавы: одынъ за однымъ, одынъ за однымъ. Знову затуркотавъ барабанъ; старши скомандувалы.

— Прощайте!..

— Оставайтесь здорови!..

— Хай вамъ богъ помогае!..

— Щаслыво!..

— Прощайте, мамо!..—казавъ Максымъ, проходячы поузъ матиръ.

— Постій, сыну!..

Мотря пидскочыла, сунула Максымови въ руку грошей.

— Спасыби, мамо!..—сказавъ Максымъ и гроши, на ходу, заховавъ у кышеню.

Прощайте... подякуйте батькови, що въ москали виддавъ!..

— Ша-нуй... ся... про... щай... сы...

Мотря не договорыла. Та й Максымъ не чувъ,—винъ бувъ уже далеко.

Вернулыся селяне до-дому. Вернулась и Мотря зъ сынамы— заплакана, убыта горемъ. Иванъ ходывъ по хати, хмурый, якъ осиння темна ничъ. Винъ ни на одного сына не глянувъ, не обизвався. А якъ воны пишлы зъ хаты, тоди до Мотри:

— Ну що... пишовъ?...

— Провела... каже Мотря, залываючысь слёзамы.

— Що жъ винъ?..

— Ничого.

— А оддала?...

— Оддала.

— Що-жъ?..

— Казавъ подякуйте батькови, що въ москали оддавъ!..

— Нехай винъ дякуе своему дурному розумови,—сказавъ Иванъ, та й замовкъ.

Не стало Максыма—затыхла буча та лайка въ Ивановій хати, не чуть ніякои и шкоды въ Пыскахъ. Не стало ватажка,— товарывство мовъ роскотылось по свиту. Хочъ воно тутъ же такы и було,—тилькы пишло инчымъ шляхомъ, зажыло другимъ жыттямъ. Одни повмиралы, други поженылысь, хазяинамы сталы, дитей годують.

Иванъ въ останне згадувавъ Максыма въ той день, якъ Мотря зъ проводивъ вернулася. Зъ того часу—самъ николы не згадае, и сердытся було, якъ хто другый нагадае.

— У мене немае третёго сына—и не було николы! казавъ винъ.—Та вже, писля того, за цилый день або вечиръ, ни до кого и слова не обзывався. Думкы,—выдно,—не одженешъ видъ себе!

Одна Мотря що-недили, що-свята, ходыла до церквы та подавала якъ не шага, то копійку на часточку за здоровья Максыма. Оддавшы свою вбогу лепту, падала Мотря передъ Пречыстою на колина и молыла іи тыхымъ, гарячымъ словомъ, щобъ вона берегла іи дытыну одъ лыхои годыны, щобъ направыла ёго на добрый розумъ. Браты трохы посумувалы за Максымомъ, а дали и забулы. Жыття пишло соби тыхою ходою, прыносячы то одраду, то тугу, та все стыраючы спомынъ про Максыма.

А тутъ пишлы въ Ивановій хати клопоты за клопотамы.

Тамъ Васыля женылы и одризнылы; тутъ Мотря переставылась. Иванъ, побачывшы, що и ёму, мабудь, незабаромъ за Мотрею,—одружывъ Оныська, подилывъ сынивъ, зоставывшы свою хату та дви десятыны поля—москалеви, колы одклыкнется. Швыдко писля того Иванъ и самъ полигъ. Онысько оселывся въ батькивскій хати—доглядаты москалевои худобы.

И стала та худоба кисткою въ горли, якъ въ одного брата, такъ и въ другого. Пиднялыся зъ-за неи спирка та ворожнеча мижъ братамы. Менчый правывъ худобою, якъ хазяинъ, забиравъ усю корысть соби; а старшый, думаючы, що москаля вже на свити не мае,—загрызався зъ братомъ.

— Хиба винъ мени братъ?—каже бувало Васыль.—Якый винъ братъ мени? Захопывъ у свои лабеты все добро, та й братъ! Москаля вже и кисточокъ доси немае. Чому жъ винъ не подиляе добра?.. Ты мени десятыну поля дай, та «пивъ-хаты. Або-мени твоеи хаты не треба: у мене своя хата йе. Оддай мени землю,—хай тоби хата!. Або заплаты мою половыну. А то-все самъ. Собака винъ, а не братъ! Онысько соби не дякуе Васылеви. Не разъ и за чубы бралыся. Якъ бы люде не розлылы,—то може-бъ обыдва безъ головы осталыся на батькивськимъ добри. Сталы воны тяжкымы ворогамы. Коженъ кожному робывъ перешкоды, коженъ кожного судывъ мижъ людьмы. А люде—позвыкалы вже до такои братнёи ворожнечи,—хиба вже дуже счеплятся,—тоди тилькы розводылы.

Ворогувалы отакъ дома, ворогувалы,—та хтось пораивъ судытысь. Пойихавъ Васыль до секретаря Чыжыка; повизъ тры

мишкы пшеныци и десять рубливъ грошей. Завивъ тяганыну. Пойихавъ и Онысько до Чыжыка, повизъ и соби тры мишкы борошна, та й грошей не меньше. Давай судытыся! Тягалысь воны, тягалысь; вымотувалы зъ ихъ грошенята, вымотувалы! Дійшло до того, що якъ Васыль збиднивъ, такъ и Онысько зныщывъ,—а тилькы и того, що дозналыся: Максымъ жывый и вже старшымъ якымсь надъ москалямы. Тоди браты пересталы ворогуваты, помырылыся. Васыль заспокоився своею худобою, а Онысько жывъ безпешно въ москалевій хати и володивъ ёго землею.

Панасъ Мырный та Иванъ Билыкъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма къ Гр. Петр. Данилевскому.

Окончаніе.

Письма П. П. Сокальскаго.

Одесса 22 сент. 1864.

11.

Любезнѣйшій другъ мой Григорій Петровичъ! Сейчасъ получилъ Ваше письмо и сейчасъ же отвѣчаю. потому что иначе, *боюсь*, опять затяну отвѣтъ на цѣлый годъ. Только что окончилъ писать политическое обозрѣніе и, не покидая стойки (извѣстной Вамъ), пишу Вамъ. Очень радъ, что Вы, судя по всему, продолжаете пользоваться цвѣтущимъ здоровьемъ и что у Васъ въ деревнѣ выросло такъ много сѣна. Это меня очень радуетъ. Вѣроятно и Вы подъ хорошимъ впечатлѣніемъ принимаетесь за «Дикія мѣста».? Что касается письма Кашперова, то я ничего не могу сказать: писано грамотно. Пишите либретто; отчего-жъ и не писать? До сихъ поръ я слышалъ только его «Марію Тюдоръ». Самобытности и оригинальности никакой, стиля также никакого, къ школѣ никакой тоже нельзя отнесть, вдохновенія—всего менѣе, но изученіе видно, особенно оркестръ работаетъ у него за все и всѣхъ. Можетъ быть онъ хорошій человѣкъ, я ничего не знаю. Рѣшайте, какъ знаете—только по моему мнѣнію, Вы *одни* не можете написать либретто, надо непремѣнно сообща съ композиторомъ; въ расположеніи плана и сцены и даже содержанія собственно на Вашу долю можетъ прійтись только стихъ и его обработка. Я этой зимой не ѣду въ Питеръ, а на будущую ѣду. Поэтому съ оперой не спѣшу; 2 акта совсѣмъ готовы и выправ-

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 4.

лены: партитура оркестра, партитура пѣнія и фортепіано и либретто. Остальные 2 акта обработаю этой зимой. А чтобы не скучать, я основалъ здѣсь *хоръ* (мужчинъ и дамъ) и Общество любителей музыки при благородномъ собраніи. Въ октябрѣ будетъ первый концертъ этого общества, въ коемъ, между прочимъ, мы исполнимъ: »Славься» Глинки (изъ Жизни за Царя) и балладу «Слушай», которую я нарочно сочинилъ для этого случая. Стихи были въ Современникѣ напечатаны Ив. Г. М. (кажется, Михайловъ)? Музыка мрачная и всѣмъ здѣсь чрезвычайно нравится. Братъ благодаритъ Васъ за память и проситъ передать свой поклонъ Вамъ и Вашей супругѣ. Примите таковой и отъ Вашего пріятеля П. Сокальскаго. Итакъ до свиданья, душенька, желаю Вамъ всякихъ благодатей земныхъ и небесныхъ.

12.

Одесса 28 сент. 1865.

Получивъ Ваше милое письмо, почтеннѣйшій Григорій Петровичъ, я спѣшу, во-первыхъ поблагодарить Васъ за корреспонденцію, и пожалѣть, что такъ мало, во-вторыхъ отвѣтить на нѣкоторые пункты. Относительно умственнаго рынка, я не разсчитываю ѣхать туда этою зимою. Хотя у меня дѣло мое оперное близится къ концу—и можно бы уже ѣхать, но я не спѣшу. Одесса доставила мнѣ главное, что я начиналъ уже терять—здоровье, и я рѣшаюсь поэтому побаловаться здѣсь еще годикъ или два. Очень жалѣю, что намъ не придется вмѣстѣ потолкаться въ Питерѣ, хотя главный интересъ этого толканія--любопытство, и только. Я утратилъ вѣру въ Питеръ. Но безъ него никакъ нельзя обойтись, ни шагу ступить. Нечего дѣлать: надо ѣхать, но только не теперь. А Вы вѣроятно везете уже на этотъ рынокъ новый товаръ. Нельзя ли узнать, въ чемъ дѣло? Литература наша теперь въ хаосѣ: мальчишки балуются, а посолиднѣе люди отдыхаютъ или ловятъ рыбу гдѣ съ руки. Единственная надежда на то будущее поколѣніе, которое выйдетъ изъ новыхъ университетовъ. А теперешнее, извращенное нашею журналистикою, играющее въ жмурки—едва ли пойдетъ дальше пустозвонныхъ фразъ.—Замѣтку Вашу мы напечатали и благодаримъ.

Нельзя ли при случаѣ повторить? Изъ вашихъ мѣстъ у насъ мало вѣстей. Когда будете также въ Питерѣ, то въ часъ досуга... впрочемъ, я и забылъ—у Васъ досуга не будетъ: Вы всегда спѣшите. Въ этомъ—я совершенно противоположный Вамъ полюсъ. Что касается свободы печати, то безъ новыхъ судовъ ея нѣтъ, и я въ нее не вѣрю.—Отлично бы Вы сдѣлали, еслибъ переселились поближе къ Одессѣ. Теперь, при Университетѣ, здѣсь соберется нѣкоторый кружекъ, въ коемъ можно иногда развлечься. Я также располагаю примкнуть въ свое время къ Университету, имѣю въ виду кафедру искусствъ, а точнѣе—музыки; объ этомъ мною запущены уже сѣти, и надежды благопріятны. Но само собой разумѣется, что это такъ только, чтобы подѣлиться съ юнымъ поколѣніемъ и публикою тѣми многими замѣчательными открытіями въ музыкѣ и физіологіи нашихъ чувствъ, которыя рѣшительно дѣлаютъ теперь изъ эстетики—естественную исторію, реальную науку. Я много читалъ за послѣднее время сочиненій физіологовъ и эстетиковъ: то, что отражается въ нашей журналистикѣ, только слабая волна того, что дѣлается теперь въ Европѣ.—Что же касается композицій музыкальныхъ, то опера—по прежнему вѣроятно навсегда останется любимымъ предметомъ и цѣлью всѣхъ моихъ плановъ. Но я разомъ веду теперь три дѣла: укрѣпляю здоровье, коплю денежку про черный день и старость (вѣдь операми у насъ въ Россіи не проживешь, а только въ пролетаріи попадешь), и кончаю первую оперу. А что значитъ написать *первую* оперу, это знаютъ только тѣ, кто ихъ писалъ. За первою уже, какъ по маслу, идутъ вторая, третья, и т. д. У меня, кстати есть уже и сюжетъ второй оперы, и планъ, и нѣсколько отрывковъ музыки. Но и она будетъ народно-этнографическая. А это еще не исчерпываетъ всего того, что хочетъ выразить душа: я давно уже думаю о третьемъ сюжетѣ изъ образованнаго быта, гдѣ бы ключемъ била драма современной жизни. Хоть бы что нибудь въ родѣ русской Травіаты: бываютъ минуты, когда я отлично написалъ бы музыку въ такомъ общечеловѣческомъ вкусѣ. не стѣсненномъ рамками національности... и эти минуты пропадаютъ: нѣтъ сюжета. А что и мнѣ хочется временами

дать волю своей личности, своему европеизму, это, я думаю, простительно. Краски, народъ, этнографія—сами собою. Но хочется иной разъ рвануться впередъ, или окунуться прямо въ жизнь, въ современныя страсти... Вѣдь искусство должно идти съ жизнью рука объ руку. Что все писать Россіады, Мессіады и т. п.? а наши теперешнія оперы въ своемъ родѣ Россіады—такъ далеки они отъ жизни. Перебиралъ я много сюжетовъ русскихъ, все не подходитъ. Маскарадъ Лермонтова, Дубровскій Пушкина, Тургенева разсматривалъ, нѣтъ не то, не то. Если Вамъ придетъ что либо въ голову по этой части, очень бы хорошо сдѣлали сообщивъ мнѣ Вашу идею. Кажется, надо *сочинить* такой сюжетъ нарочно, ибо оперныя и музыкальныя требованія довольно капризны. Наконецъ, въ случаѣ чего, можно бы иностранный сюжетъ взять, но это жалко будетъ... Надобно Россіи служить. У Островскаго нѣтъ ничего для музыки: ни Гроза, ни послѣдняя его (забылъ заглавіе—Сонъ на Волгѣ) не идутъ. Впрочемъ, всѣ эти мысли изъ моей мастерской, непереваренныя еще, невыясненныя, можетъ быть Васъ не займутъ. Во всякомъ случаѣ остаюсь неизмѣнно преданный Вамъ П. Сокальскій.

13.

Одесса 1 марта 1866.

Какого Вамъ лучше отвѣта,—почтеннѣйшій Григорій Петровичъ, какъ не исполненіе Вашихъ желаній? Изъ Од. В. Вы видите, что Ваши порученія исполнены, n'est ce pas? Поздравляю Васъ съ утвержденіемъ правительствомъ—проведенія Харьковско-Азовской линіи. Это хорошій подарокъ. Наша Бессарабская канула въ воду. Я Вамъ оченъ благодаренъ, что Вы меня не забываете; быть можетъ, сведетъ насъ опять судьба гдѣ-нибудь и когда-нибудь, тѣмъ болѣе, что въ будущую зиму я снимаюсь съ обогрѣтаго мѣста, чтобы попрежнему бродить. Но, пожалуйста, не претендуйте на меня за рѣдкость писемъ: это неизбѣжная дань рабочаго человѣка, который, подобно мнѣ, усваиваетъ привычку только *по дѣлу* писать. Les epanchements предоставимъ прекрас

ному полу, у него, кстати, мало дѣла. Что это за «Новыя мѣста»? О чемъ собственно рѣчь? Прелюбопытно. Прошу передать мой усерднѣйшій поклонъ Вашей супругѣ, а при случаѣ, и брату Ивану Петровичу, вмѣстѣ съ поздравленіемъ его супружескаго сочетанія. Снабдитесь вѣрою паче Авраама, заклавшаго (т. е. собиравшагося заклать) Исаака, и вѣрьте, что я остаюсь къ Вамъ все тотъ же, что и былъ Петръ Петровичъ Сокальскій. Вѣрьте также, что я ищу всякаго случая не брать въ руки пера и не омокать его въ чернило: до зарѣзу обрыдла ежедневная работа писанья.

14.

14 марта 1866. Одесса.

Считаю нелишнимъ отписать Вамъ слѣдующее, Григорій Петровичъ: нѣсколько фразъ въ прошеніи и статьяхъ Вашихъ (земскихъ) по поводу желѣзной дороги къ Азовск. морю весьма могутъ повредить Вамъ. Вашъ путь ясенъ: хлопотать о Вашей (азовской) дорогѣ и не *трогать* Харьково-Одесской. На такомъ основаніи Вы встрѣчаете въ новороссійско-бессарабскомъ генералъ-губернаторѣ союзника и дѣятельнаго помощника; вѣдь онъ же основалъ и комитеты въ Приазовскихъ портахъ для изслѣдованія вопроса Азовск. жел. дор. и дѣлалъ до сихъ поръ многое, безъ него до сихъ поръ и Харьковъ остался бы въ сторонѣ. Вы же, вашею недипломатическою полемикою *противъ* Одесско-Харьковской дороги, поражаете въ самое сердце Вашего естественнаго союзника. Знаете ли вы, что дѣло легко можетъ принять такой оборотъ, что не будетъ ни *той*, ни *другой* Харьковск. дороги. (ни отъ Харьк. на Кременчугъ, ни отъ Харьк. на Азовск. море). Это вещь весьма возможная. Притомъ, выражаясь, что Одесско-Харьк. дорога принесетъ Вамъ *вредъ*, Вы прямо наживаете себѣ сильнаго врага. Вѣдь эту дорогу вырвали съ бою страшнымъ усиліемъ, безъ котораго Харьковъ долго бы оставался, быть можетъ, безъ сообщеній; Вы знаете усердіе Москвы къ Кіеву и наклон-

ность правительства къ Одесско-Кіевской дорогѣ (для военныхъ цѣлей, которыя теперь *sur le tapis*). И какъ же это Вы забыли, что Харьково-Кременчугская дорога есть *первый* шагъ къ Харьково-Азовской и что безъ первой нескоро поднялся бы вопросъ и о послѣдней? Наша оговорка въ Од. В. при помѣщеніи Вашей статьи—оговорка, на которую Вы претендовали совершенно напрасно, имѣла именно цѣлью сгладить Вашу неловкость, помирить двѣ вещи, которыя, въ сущности союзники, а не враги, какъ Вы стараетесь ихъ представить. И какъ же Вы не догадались объ этомъ? Я пишу Вамъ объ этомъ, потому что знаю, что генералъ-губернаторъ Новороссіи—entre-nous—задѣтъ *за самое живое мѣсто* Вашимъ неодобреніемъ того, что онъ такъ упорно защищалъ. И странно: какъ же послѣ того Вы просите *его же*, чтобъ онъ былъ Вамъ помощникомъ? Дѣло это вообще будетъ испорчено, если Вы не поправите его. А исправить его можно только оговоркою, разъясняющею одностороннимъ «увеличеніемъ» то, что Вы говорите о значеніи Одесско-Харьковской дороги. Да вѣдь и само дѣло и цифры не могутъ оправдать Вашего рѣзкаго приговора надъ Харьк.-Одесск. линіею. Можетъ быть, она для юговосточныхъ уѣздовъ Харьк. губ. и безполезна, но никакъ не вредна и послѣдняго удара не нанесетъ. Но, вѣдь кромѣ Харьк. губ. есть еще: Полтавская, Херсонская, Екатериносл., Подольская. Да и Вамъ, по правдѣ говоря, рѣшительно нѣтъ никакой надобности и никакого разсчета—ругать Харьк.-Одесс. дорогу. *Не ругайте ее, а защищайте свою*, разъясняйте ея пользу, и Вамъ поможетъ Новоросс. сторона; иначе, Вы сами накликаете себѣ врага. Да вѣдь и то сказать: ошибка то вся въ *фразѣ*, въ неловкости оборота, и исправить ее вовсе не трудно. Лишь была бы охота и добрая воля. Пишу Вамъ все сіе совершенно серьезно, и въ видахъ блага для Харькова. Идите рука въ руку съ Новороссіей, не топчите въ грязь того, что Васъ не касается, и Вы найдете здѣсь друзей. Иначе—дѣло испорчено. Кланяйтесь брату Ивану Петровичу и его супругѣ; также Вашей супругѣ. Вообще, въ Вашихъ же пользахъ, совѣтую Вамъ побольше дипломатіи въ такихъ вопросахъ государственныхъ, каковы, напр., желѣзныя

дороги. Тутъ *враги* и *лица* на каждомъ шагу. Осторожность нужна крайняя. Чѣмъ скорѣе исправите дѣло, тѣмъ лучше будетъ для Харькова. Вѣдь иначе вы *заставите* Новор. губ. защищать себя, поймите сіе. Да и Вамъ не только легко, но и естественно въ силу общихъ интересовъ идти съ Новорос. рука объ руку.

Весь Вашъ П. Сокальскій.

15.

Одесса, 21 янв. 1867 г.

Любезнѣйшій Григорій Петровичъ!

Вы, пожалуй, имѣли бы право упрекнуть меня въ молчаніи, если бы Ваши разсчеты надо мною были сдѣланы при моемъ участіи. Но теперь я чувствую себя совершенно правымъ. На оберткѣ Вашего романа написано карандашемъ: «9 ноября находится въ Харьковѣ, 14 ноября пріѣдетъ въ Одессу; просятъ 20 ноября возвратить, 24 ноября пріѣдетъ въ Харьковъ обратно». Получивъ рукопись Вашу, я прежде всего намѣтилъ краснымъ карандашемъ: «Получено въ Одессѣ 12 декабря 1866 г. П. Сокальскій, что Вы и увидите, ибо я сохранилъ оберточную бумагу. Далѣе, письмо Ваше и рукопись пришли въ самое каторжное время по редакціи. Декабрь, генварь и, отчасти, февраль—самая усиленная работа у насъ. Время мое разсчитано по часамъ и минутамъ. Я сначала хотѣлъ возвратить Вамъ немедленно рукопись--ибо Ваши даты (числа) сбили меня съ толку, и я боялся, что будетъ задержка, но потомъ, не видя отъ Васъ письма съ запросомъ и надѣясь, что я выберу времячко для пересмотра, я рѣшилъ отложить пересылку на нѣкоторое время. Моему колебанію посодѣйствовало и то, что я навѣрное не зналъ Вашего адреса и боялся, чтобы рукопись Ваша не была затеряна или не погуляла до Харькова, какъ она гуляла до Одессы (*болѣе мѣсяца*, если принять къ свѣдѣнію Ваши даты); кромѣ того я, какъ не-

женатый человѣкъ, не имѣю подъ бокомъ кому поручить зашить въ полотно (купить полотно, иглу и проч.), веревкой обмотать и проч., и посему предпочиталъ лучше отложить. Но какъ Ваше письмо къ брату показало мнѣ, что Вы имѣете причину спѣшить, то я рѣшился возвратить Вамъ рукопись, изъ которой прочиталъ только нѣсколько отдѣльныхъ главъ. Да если бы я и прочелъ весь романъ, то все же на письмѣ неудобно передавать то, что возможно только въ длинномъ разговорѣ, за чашкою чая и сигарой, за полночь...—Не могу также не припомнить, что я Вамъ неоднократно говорилъ, что я не могу и не имѣю природнаго расположенія исполнять какія бы то ни было порученія *срочныя*. Образъ занятій моій, самъ по себѣ *очень срочный* (я завѣдую теперь иностр. извѣст., депешами и политич. отдѣл.), не позволяетъ мнѣ свободно располагать своимъ временемъ, отымаетъ цѣлые дни и въ заключеніе утомляетъ на столько и глаза и умъ, что съ радостью бросаешь, въ свободную минуту, всякое бумажное занятіе. Я помню, что говаривалъ Вамъ на этотъ счетъ—и мои личныя антипатіи къ срочности, спѣху и мою невозможность фактическую. Поэтому, полагаю, что разсчеты Ваши не надъ однимъ мною, но и надъ всякимъ другимъ лицомъ, всегда будутъ оказываться фальшивыми, если въ Ваши разсчеты не будетъ введенъ весьма важный факторъ: «разсчетъ того лица, къ которому Вы обращаетесь». Надѣюсь, что мои разъясненія вполнѣ удовлетворятъ Васъ, потому что они вполнѣ искренни и что они ни въ чемъ не измѣнятъ нашихъ прежнихъ отношеній. Какъ я не знаю навѣрно Вашего адреса, то я отчасти и рискую выслать рукопись, которая пойдетъ днемъ или двумя позже письма; но боясь, что задержка будетъ для васъ непріятна, я предпочелъ ускорить. Мой нижайшій поклонъ уважаемой Юліи Егоровнѣ. Въ Петербургъ я точно собирался было ѣхать въ *Генварѣ*, что и усложнило мои занятія еще болѣе обыкновеннаго,—но теперь, по солиднымъ разсчетамъ отложилъ до тѣхъ поръ, пока выяснятся мои переговоры съ Питеромъ. Партитура же оперы (фортепіанная) уже въ Петербургѣ. Находятъ мое личное присутствіе необходимымъ для того, чтобы толкнуть ходъ дѣла впередъ, безъ

меня же, говорятъ, можетъ принять неблагопріятный ходъ. Я же, съ своей стороны, поставилъ вопросъ: пусть безъ меня рѣшатъ, принять къ постановкѣ или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ я ѣду на 4 мѣсяца въ Питеръ, во второмъ,—остаюсь на мѣстѣ, не разстраивая безплодно своихъ дѣлъ и финансовъ. Бросить же совсѣмъ Одессу и переводиться въ Питеръ, по моимъ разсчетамъ я могу, начиная съ іюля или августа 1867 г. Но рѣшусь ли я ее оставить или нѣтъ—это зависитъ отъ многихъ другихъ причинъ и соображеній. Вотъ, любезнѣйшій Григорій Петровичъ, въ какомъ видѣ мои оперныя дѣла. *Опера кончена и вполнѣ готова къ постановкѣ* и лежитъ у меня въ бюро. Мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобъ ее разсмотрѣли безъ меня постомъ 1867 г. и рѣшили къ постановкѣ въ сезонъ сентябрь—генварь 1867 г. до новаго года 1868 г. Тогда программа моей жизни складывается такъ: я ѣду на 4 мѣсяца (сент.—генв.) въ Питеръ и по постановкѣ возвращусь назадъ въ Одессу. Въ этомъ смыслѣ я и сдѣлалъ кое-какія усилія: написалъ письма Бороздину, Краевскому, Сѣрову, Кондыреву (служитъ въ Питерѣ директоромъ театра), и еще кое-кому. Главное, чтобъ ее хоть удостоили разсмотрѣть безъ меня: эти петербуржцы съ такимъ высокомѣріемъ смотрятъ на насъ, провинціаловъ, что безъ многихъ просьбъ и пролазничествъ не хотятъ даже утруждать себя разсмотрѣніемъ труда, стоющаго мнѣ 4 года. Тутъ пресса можетъ помочь, чтобы подтолкнуть. Я и просилъ въ Питерѣ кое-кого замолвить словечко въ газетѣ гдѣ-нибудь. Если и Вы окончательно не разсвирѣпѣли на меня и захотѣли бросить нѣсколько словъ отъ себя въ Петербургскую прессу о моей оперѣ,—то, безъ сомнѣнія, этимъ существенно бы подтолкнули дѣло и вмѣстѣ оказали бы мнѣ услугу. Дирекція театровъ, хоть немного, да чувствительна къ заявленіямъ прессы; быть можетъ, это рѣшило бы ее подвергнуть оперу разсмотрѣнію, хотя графъ Борхъ положительно сказалъ Бороздину, чтобы я выслалъ и что ее разсмотрятъ (вслѣдствіе чего я и выслалъ ее). Сказать же можно о моей оперѣ слѣдующее: она въ 4 актахъ и идетъ за Гоголемъ и его юморомъ рука объ руку; тѣмъ не менѣе народъ и хоръ и чувство мужиковъ не разрабо-

таны каррикатурно, а серьезно; авторъ смотрѣлъ на мужиковъ, какъ на такихъ же людей, какъ оперные графы, герцоги и короли. Народные мотивы составляютъ основную почву всей оперы, но сдѣланы надлежащія уступки практическимъ требованіямъ сцены, оркестра и широко развита оркестровка. Комизмъ и лирика, главные элементы оперы, вмѣстѣ съ эпическими хорами, и комико-лирическая опера--новизна на русской оперной сценѣ. Главная примадонна—контральто, а не сопрано. Пьяному Каленику, являющемуся пьянымъ во всѣхъ актахъ, дана характерная музыка. Декораціи и обстановка просты (крестьяне и крестьянская деревня), и потому постановка ея не можетъ стоить дирекціи никакихъ издержекъ. Какъ текстъ, такъ и музыка, то-есть вся опера, представляетъ *реальную* дѣйствительность, въ отличіе отъ псевдоклассическихъ оперъ умирающаго опернаго репертуара, наполненнаго ходулями, миѳами, волшебствомъ и т. п., но лишеннаго дѣйствительной правды, реальности. Музыка представляетъ собою оригинальный стиль, никого ненапоминающій и выработанный на южнорусскихъ мотивахъ, что тоже новизна для русской сцены въ Петербургѣ. Отрывки изъ моей оперы исполняли и въ Петербургѣ и въ Одессѣ, всегда съ успѣхомъ. У меня, кромѣ того, начаты уже другія оперы. Впрочемъ, къ чему это я пишу? Если мои усилія не увѣнчаются успѣхомъ, то придется измѣнить планъ жизни и перебраться въ Питеръ на нѣсколько лѣтъ. Я это и сдѣлаю, ради удовольствія своего, но выгоды никакой не пріобрѣту,--ибо опера не вознаграждаетъ нисколько, а утрачу только то, что имѣю здѣсь, въ Одессѣ. Поручаю себя попрежнему Вашему вниманію и расположенію.

Весь Вашъ П. Сокальскій.

16.

Одесса 10 апр. 1869 г,

Добрѣйшій Григорій Петровичъ!

Очень обрадовался, получивъ Ваше милое письмо. Признакъ, что Вы меня не забыли, за что Вамъ душевное спасибо. Мно-

гое бы хотѣлось перемолвить съ Вами—въ отвѣтъ на Ваше письмо—но «не можна». Время мое сосчитано, какъ у англичанина. Послѣ послѣдняго переѣзда моего изъ Питера въ Одессу произошелъ (или, лучше сказать, я произвелъ) крупный переломъ въ моей жизни. Съ тѣхъ поръ прошло 1½ года и чего только не было со мной? Гдѣ я только не понюхалъ пороху? все въ Одессѣ, правда—но въ разныхъ сферахъ. Въ началѣ, мотылькомъ стремился на огонекъ брачной жизни, но во-время очнулся и зигзагомъ улизнулъ въ сторону; далѣе, окунулся въ омутъ торговли и комиссіонерства, вступилъ во 2 компаніи и изъ обѣихъ вышелъ. Результатомъ перваго было сохраненіе личной свободы, результатомъ второго—растрепаніе капитальца, собраннаго съ такими трудами; былъ моментъ, когда онъ висѣлъ на волоскѣ весь,—ужасная была ночь!.. Но я не посѣдѣлъ и не полысѣлъ. Уразумѣвъ пошлость и подлость того міра, къ которому меня влекла любознательность и любопытство болѣе, нежели корысть, я отвернулся отъ него и выскочилъ изъ него съ разумѣніемъ, но съ общипанными крыльями. Засимъ, не теряя бодрости духа, ударилъ на практическую дѣятельность, оставилъ пока въ сторонѣ и музыку и литературу. Я ихъ люблю по прежнему и не теряю ни желанія, ни охоты вернуться къ нимъ, но только *не рабомъ*, а *свободнымъ*, сирѣчь, не для куска хлѣба, а обезпеченнымъ джентльменомъ, могущимъ на собственный счетъ имѣть квартиру, столъ, одежду, обувь, халатъ, сапоги, сигары; папиросы и творящимъ то, что онъ хочетъ. Вы когда то говорили, что хотите и меня взять какъ частицу «zu» въ какой то типъ. Пожалуйста, добрѣйшій Григорій Петровичъ, примите къ свѣдѣнію въ такомъ случаѣ: 1) что я дѣйствительно типиченъ для текущаго поколѣнія и даже для молодого; которое со мною пульсъ имѣетъ одинъ, 2) что преобладающія черты моей природы и убѣжденій, равно какъ и молодого поколѣнія, не наука, и не искусство, и не корысть—а свобода. Прежде чѣмъ ея нѣтъ, мы не люди, а работники; только когда ее достигнешь, тогда видно, что мы за люди. И тогда оказывается: одинъ—дрянь, другой—такъ себѣ, третій—ничего, четвертый—молодчина. Но преобла-

дающая черта современнаго типа—завоевать свободу, т. е. чувство свободы. Я отложилъ въ сторону все, при первомъ давленіи на мою свободу; по мѣрѣ того, какъ я начинаю ее обезпечивать, опять возникаютъ прежніе инстинкты, вкусы и желанія. Въ настоящее время я окружилъ себя цѣлымъ лѣсомъ работы: 1) завѣдую политич. отдѣломъ въ редакціи Од. В.: 3 раза въ недѣлю передовыя обозрѣнія и размѣтка газетъ для переводчика. 2) Директоръ (одинъ изъ 5) Од. Общ. Взаим. Кред. (которое я и толкнулъ къ жизни, за что меня и выбрали). 3) Кассиръ въ ономъ же Общ., ибо довѣряютъ мнѣ всѣ, а обороты уже милліонами черезъ какихъ-нибудь 10—12 мѣс. 4) Секретарь Импер. Общ. Сельск. Хоз. Южн. Рос. 5) Редакторъ записокъ этого же общ., каждый мѣсяцъ по 1 книжкѣ въ 4 листа. Подпишитесь кстати: 5 р. въ годъ. Впрочемъ, Вы, вѣрно, выругаете меня, но я пришлю 2 перв. книжки, уже вышедшія; можетъ быть, Вы замолвите о нихъ что-нибудь доброе въ Правит. Вѣстн. Старыхъ друзей при случаѣ не забывайте. Пожалуйста, Александру Ѳедоровичу Тюрину—супругѣ его мой поклонъ; о немъ у меня самыя чистыя воспоминанія. За это время я сочинилъ двѣ музыкальныя вещи: 2 марша болгарск. (изъ болгарск. мотивовъ) и балладу на слова Гейне: «сегодня приснилась мнѣ царская дочь» для хора мужчинъ и женщинъ съ арфой и оркестромъ. Михаилу Ивановичу Сухомлинову тоже поклонъ; мы съ дядей его, Ѳедоромъ Ивановичемъ Сухомлиновымъ, сослуживцы по Общ. Вз. Кред., въ коемъ онъ тоже директоръ-предсѣдатель, а равно предсѣдатель земскаго банка. Николая Ивановича Костомарова, если встрѣтите, попросите позволенія облобызать отъ моего имени; я, наконецъ, начинаю раздѣлять его убѣжденія, что оперу «Майскую ночь» слѣдовало бы либретто на малороссійскомъ языкѣ. На этомъ разводѣ либретто съ содержаніемъ и музыкой у меня и вышло душевное противорѣчіе и я отложилъ дѣло на нѣсколько лѣтъ; пусть зрѣетъ мысль. Отчего бы Николаю Ивановичу не пріѣхать на лѣто въ Одессу? Если встрѣтите его, скажите—прямо ко мнѣ, въ городскомъ саду, въ центрѣ города, въ домѣ Общ. Сельск.-Хоз. Южн. Рос. Вотъ квартира моя и адресъ. Просторно. 4 комнаты. Въ саду. Столъ

свой держу; прислуга: кухарка, горничная, служитель по Обществу. Удобства есть. Рояль есть. Пусть пріѣдетъ. Если все еще онъ въ домѣ Караманова, на В. О. въ 9 линіи, то я напишу ему. А бѣдный Даргомыжскій! Незамѣнимая потеря; это былъ въ своемъ родѣ замѣчательный человѣкъ. Біографія нужна.

Весь Вашъ П. Сокальскій.

17.

Окт. 31 1869 г.

Добрѣйшій Григорій Петровичъ!

Не взыщите за поздній отвѣтъ. Я временемъ очень не богатъ, и если Вы это мнѣ не поставите въ вину, то Вы тѣмъ самымъ оправдаете меня. Искренно благодарю Васъ за милое письмо отъ 20 сентября и за оказанное Вами участіе Гоняеву. Я увѣренъ, что онъ оцѣнитъ Ваше вниманіе, такъ же точно, что Вы съ удовольствіемъ ему поможете, если представится къ тому случай или возможность. Ваше желаніе я исполнилъ: въ Од. В. помѣщена желаемая замѣтка о новомъ Вашемъ романѣ. Жду его и съ удовольствіемъ прочту, тѣмъ болѣе, что присутствовалъ у самаго его зародыша. Касательно высылки корректуръ прибавлю только одну просьбу, ту же, что и прежде: будьте добры, не назначайте мнѣ срока, а въ особенности краткаго. Все сдѣлано съ особеннымъ удовольствіемъ—но только досугами, дѣла же мои всѣ почти состоятъ изъ сроковъ, и я едва успѣваю ихъ сводить къ желаемымъ точкамъ. Понятно, что я не владѣю временемъ и потому заранѣе предупреждаю Васъ, чтобы потомъ не сердились на меня и не бранились, что я подружески исполняю Ваше милое желаніе, которымъ я горжусь и которое пріятно, и исполню по возможности скорѣе, но ни на какой срокъ не пойду, ибо не могу исполнить подобнаго ограниченія. Откуда у Васъ такой запасъ воображенія? Романъ—за романомъ, *а вы все еще не высказались*. Да, именно Вы, милостивый государь и современный беллетристъ, что Вы за человѣкъ? Чего Вы хотите? За кого Вы и противъ кого Вы? На это Вы мнѣ превосходно отвѣтите: я художникъ, я ни за кого,

ни противъ кого я улавливаю законы природы, рисую ихъ въ лицахъ, и проч. и проч. Такъ-съ! Это доставляетъ Вамъ удовольствіе, а за романъ платятъ наличныя деньги. Совершенно правы. Какъ пріятель Вашъ, я вполнѣ одобряю, оправдываю и благословляю Вашу дѣятельность, Вы занимаете пріятно досуги—свои и чужіе—и вмѣстѣ полезны себѣ и Вашему семейству. Вы полезный и честный гражданинъ и семьянинъ. Но для писателя-художника этого мало. Художественное произведеніе всегда болѣе или менѣе *протестъ* въ пользу или противъ кого-либо или чего-либо. *Вспомните Жоржъ-Зандъ, Диккена, Гюго, Байрона, Шиллера, даже Шекспира—этого музыканта страстей и характеровъ.* Я всегда это вспоминаю, когда говорю о Вашей литературной дѣятельности. Вы такъ наломали руку, у Васъ столько воображенія, опытности, знанія, упрямства и настойчивости, что придай Вамъ еще *нѣчто*—и изъ Васъ вышелъ бы крупный писатель. И вотъ тщусь каждый разъ это нѣчто уловить, чтобы по-пріятельски подсунуть его Вамъ въ руку—и не могу, не умѣю. Но попробую еще разъ. *Не хитрите съ читателемъ; когда Вы пишете, представляйте себѣ, что Вы завтра умрете и что Вы пишете завѣщиніе для нѣжно любимыхъ Вами дѣтей, значитъ полная откровенность, всякое «себѣ на умѣ» прочь, душу всю выворачивайте.* Вотъ тутъ то мы и усмотримъ, что тамъ у Васъ накопилось. Какъ бы ни былъ объективенъ художникъ, но его отношенія къ реальному міру, къ людямъ, всегда кладутъ несмываемый характеръ на всѣ его произведенія. *Не бойтесь* увлеченія, но бойтесь лжи и утрировки. Никакой рядъ живыхъ, ловкихъ сценъ не замѣнитъ отсутствія основной идеи, а она является сама собою, когда въ романѣ есть два живыхъ, не *одинаковыхъ* лица. Это—*законъ природы: достаточно прикосновенія двухъ металлическихъ пластинокъ одной холодной, другой теплой, чтобы уже потекло* электричество. Но довольно; я люблю Васъ за то, что Вы любите литературу; и можно съ Вами толковать объ этомъ. Но писать лѣнь—ибо надо много. На счетъ музыки, если желаете знать, отчего я оставилъ ее (впрочемъ, не навсегда, если только живъ буду, ибо природа моя,

организація—музыкальна и перестанетъ таковою быть только со смертью моею,—скажу вкратцѣ: я не уважаю ее—а только люблю. Она—моя любовница, но не жена. Я гораздо болѣе уважаю литературу, особенно беллетристику—романъ и драму, и если бы былъ человѣкъ съ обезпеченными средствами, то охотно взялъ бы ее себѣ въ жены. Но въ литературные работники, поденщики—ни за что. Свобода—дороже даже жены. Что Вы тамъ развиваете въ романѣ: «Гдѣ пристань»? Очень радъ, что Вы въ Питерѣ; Вамъ тамъ мѣсто. Надѣюсь и желаю, что супруга Ваша здорова и довольна и что семейство Ваше приноситъ Вамъ тихія радости—конечно рядомъ съ заботами, которыми только и держится семейное начало. Voilà le mot! Пресыщенный Парижъ среди всеобщаго разврата открылъ крестовый походъ противъ избѣгающихъ брака... О, содомъ и гомора; О! О! Га! Га! Впрочемъ чортъ съ ними! Я бы желалъ когда-нибудь вмѣстѣ *съ Вами совмѣстно* написать что-либо, какъ пишутъ французы. Было бы любопытно. Деньги пополамъ. Впрочемъ, теперь это нельзя. Досвиданія, добрѣйшій Григорій Петровичъ! Благодарю Васъ за вѣсти о Тюринѣ и Костомаровѣ. Бѣдный Александръ Ѳедоровичъ; его жена, я догадываюсь, доживаетъ послѣдніе дни. Это—большое испытаніе; мнѣ жаль нашего добраго, милаго Александра Ѳедоровича. А Костомаровъ, говорятъ, хотѣлъ жениться на гувернанткѣ. Мнѣ разсказывала объ этомъ извѣстная *Милорадовичъ*, патріотка. Она была въ Одессѣ и собирается провесть здѣсь всю зиму. Мы съ ней быстро подружили. Она была красивая женщиная, но сильно здоровье ея разстроено. Я не женатъ доселѣ и, надѣюсь, на долго, если не навсегда. Обстоятельства жизни такъ сложились, что я уже не требую отъ жизни жены. Довольно и любовницы. Братъ Nicolas Вамъ кланяется. Еще лѣтъ 4--5—и дѣло въ шляпѣ. Дочь его 16-ти лѣтъ *невѣста*, очень миленькая, высокая, стройная, прекрасные глаза. Приданое надо давать скоро. Мои финансы въ прошломъ году были въ полномъ безпорядкѣ. Въ этомъ 1869 г.—я успѣлъ собрать до 6000 р. въ руки. Въ 1870 г. буду собирать еще до 6000 р. (т. е. это быв-

шія мои сбереженія, превратилъ въ векселя—на $1/2$ надежныя, а на $1/2$ кто знаетъ)? Разсчитывая, что если посижу на мѣстѣ 4—5 лѣтъ, то завоюю себѣ свободу отъ поденнаго труда, и тогда... что же тогда? Ноги задрать вверхъ и dolce farniente. Право, буду доволенъ, ибо я не жаденъ.

Весь Вашъ П. Сокальскій.

Сообщ. **Д. Багалѣй.**

САНИТАРЪ.

(Оповидання ликаря).

Тяжку годыну пережывъ нашъ народъ за холеры 1892 та 1893 року. Ликарськои помочи було дуже мало, особлыво въ тыхъ губерніяхъ, де нема земства: у Кыивщыни, на Волыни та на Подилли, а до того ще бидный, темный народъ не тямывъ, що холера така сама пошисть, якъ и вси инши пошесни хоробы; никому и ніякъ було розъяснyты людови, якъ и черезъ що розповсюжуется та пошисть, та що треба робыты, щобъ захыстытысь видъ неи.

Народъ думавъ, що це кара Божа за грихы; де-яки балакалы, що ликари трують людей, що ликарямъ за те платять, навить цину говорылы: за чоловика 5 карбованцивъ, за жинку 3 (и тутъ навить жинка меньше цины мае!), а за дитей по 50 копіёкъ. Скилькы я розпытувавъ людей: яка-жъ прычына ликарямъ труиты народъ и хто мигъ бы имъ платыты за те гроши—нихто не мигъ мени сказаты. Тилькы одынъ полицейськый урядныкъ казавъ мени, що чувъ видъ кого-сь, буцимъ то англичане думають воюваты насъ, але, бачывшы, що народу у насъ сыла велыка, пидкупылы ликаривъ, щобъ попереду выгубылы трохы народу.

Трудно, тяжко трудно було ликарямъ боротыся зъ пошестью середъ такои темрявы та забубонивъ.

Въ однимъ кутку на Волынському полисьи холера дуже лютувала.

Довелося мени прожыты тамъ трохы не два мисяци у сели Забирьи. Чымале те село розкынулось на писчаному горби надъ невелычкою ричкою, середъ виковичного соснового бору. Дывувався я не разъ, чому се холера такъ облюбыла те село, бо власне санитарни умовыны тамъ булы гарни: на писчаному грунти болота не бувало николы; село лежало на горби и николы ніякыхъ калюжъ не могло буты; хаты стоялы не густо, булы й садочкы, и городы при всякій хати; гній у Полищукивъ ричъ дорога и вывозять воны ёго разъ-у-разъ на поле. Вода була гарна, чыста; село було глухе, дуже далеко видъ мистъ та мистечокъ, а навркугы ёго, кажу, на скилькы мыль розлигся старый сосновый биръ.

А про те холера тамъ дуже лютувала; траплялося, що въ одынъ день бувало по 60 слабыхъ и на превелыку сылу встыгавъ я зъ фельдшеромъ обійты ихъ всихъ и даты помичъ.

Переляканый пошистью народъ розбигся по «заходахъ».

На Полисьи поля и синожати часто лежать дуже далеко видъ селъ, по 10—15 верстъ, бо здатнои земли для оранкы тамъ мало, а бильше лиса та болота – мочары. Отже люде звыклы тамъ на своихъ далекыхъ поляхъ та синожатяхъ ставыты соби холодни хаткы, або хочъ курини та халабуды, и жывуть по тыхъ «заходахъ» цилымы тыжнямы у робочу пору, тилькы у недилю вертаючысь до села, щобъ довидатысь до хаты.

Холера почалась у Забирьи въ осени, колы вси люде жылы вже у сели. А якъ почала пошисть косыты народъ, то мало не вси, хто бувъ здоровый, повтикалы до заходивъ, полышывшы хворыхъ на волю Божу, безъ догляду.

У заходахъ, звычайно, тежъ занедужувалы де-якы, тай тамъ и помыралы, а мени зъ фельдшеромъ не сыла була довидуватысь до тыхъ заходивъ, бо и у сели мы на превелыку сылу встыгалы управлятысь.

Тяжко було намъ, а ще тяжче було бидному народови.

Бувало такъ, що никому було доглянуты хворыхъ, хочъ воды податы, никому було и домовыну, хочъ будь яку, збыты для помершого, яму выкопаты ёму на вичный спочынокъ. Не ставало

и дошокъ на домовыны, и доводылось де-колы збываты труну зо старыхъ воритъ або розбыраты для того тынъ, а въ одну домовыну клалы часомъ и по двое покійныкивъ, а дитей и по трое. Не доведы Боже, якый сумъ бувъ!

Булы, правда, санитары, котри обходылы хворыхъ, розносылы имъ ликы, розтыралы ихъ, колы, було, корчи почнуть браты, робылы дезинфекцію и помогалы ховаты померщыхъ. Але це бувъ народъ непевный, здебильшого бурлакы, пройдысвиты та пьяныци, бо путящыхъ людей, охочыхъ до такои роботы, дуже трудно було знайты, та ще за невелыку платню: пьять рублывъ на мисяць, якъ тоди було назначено.

Не любылы люде тыхъ санитаривъ. Увійде, було, въ хату, то заразъ просыть горилкы, бо, каже, при такій роботи не можна, щобъ не выпыть. Дадуть горилкы, та ще мусять добре глядиты, щобъ не потягъ чого. А выпье, було, то почне верховодыты у хати, гукать та командувать, наче яке начальство, ховай Боже.

Але бувъ у Забирьи одынъ санитаръ не такый, якъ вси инши, и варто про ёго де-що розсказаты.

Звався винъ Демьянъ Ходорчукъ и бувъ забирськый такы хазяинъ-кравець—не зъ заможныхъ, але й не дуже бидный, такъ соби, середнёго достатку.

Демьянъ бувъ пидстаркуватый чоловикъ, кремезный на вроду, трудящый, тверезый и дуже побожный.

Жыло ихъ тилькы двое старыхъ, бо диты пійшлы по свиту: дочкы виддани, сыны десь у городи на служби, одынъ у москаляхъ. Стара, якъ тилькы почалась холера у Забирьи, майнула кудысь до дочкы тай не поверталась. Демьянъ не схотивъ тикаты.

— Видъ Бога не втечешъ,—говорывъ винъ. И по загряныцяхъ хоробы бувають всяки и помырають люде. Що тоби назначено, видъ того никуды не сховаешся.

Дывувався я не помалу, що Демьянъ ставъ за санитара, колы вси забирьяне цуралысь того дила, якъ нечыстого.

Не моглы ёго ти пьять рублывъ такъ скортиты, бо не бувъ винъ бидный тай ни для кого було такъ дуже збыраты гроши. Не такый зновъ винъ бувъ, щобъ за-для спасенія души таке

дило робыты, бо, по ёго думци, не конче треба було для души добро творыты: абы лышъ лыха не робывъ.

Такъ, найнявся—тай годи; стара забралася, вдома роботы нема—чого жъ безъ дила вештатысь?

Чудный трохы бувъ зъ ёго санитаръ. У наши ликы винъ не вирывъ, у дезинфекцію—ще меньше, хочъ и робывъ по совисти все, що казавъ ёму я, або фельдшеръ. И ликы розносывъ, и теръ хворыхъ дуже щыро, и чыстывъ все, що треба було, але до того ще видъ себе дбавъ, щобъ хворый безъ покаяння не померъ и свичечку щобъ далы ёму въ рукы, колы схоче помыраты. Воно не вадыть.

Дывный свитоглядъ ёго бувъ, дывни й розмови.

Оце прынесе до хворого ликы, почне глядиты кухлыка, щобъ даты ёму запыть ихъ водою. Спытае хто:

-- Дядьку, воно-жъ не гирше буде видъ того?

— А я хиба знаю?

— Може смерть видъ того?

— Дурныцю кажешъ. Видъ Бога смерть, не видъ ликивъ. У заходы видъ смерти не сховаешся. Онъ, кажуть, пьятёхъ вчора поховалы у заходахъ, якъ собакъ закопалы, безъ покаяння. Пый.

— Труять, кажуть.

— Пый. Колы тоби назначено видъ отруты вмерты, то такъ и буде.

— Такы правда, що труять ликари?

— Мабуть, брехня. Собаци дававъ—не здохла. Тай не таки воны, здается, люде, на душогубивъ не скыдаются.

Хвори слухалы Демьяна, хочъ винъ и не дуже ласкаво зъ ными поводывся: часомъ и налае, було.

Винъ не вирывъ, що холера—пошесна хороба, що вона входыть у тило зъ йижою або водою. И не боявся іи.

Було почнешъ ёму розсказуваты, якъ розповсюжуется ця хороба, на що потрибна дезинфекція; показувавъ я ёму и малюнкы холерныхъ бациллъ. Не йнявъ виры.

— Воно-бъ то выходыть, що люде мудрійши сталы видъ Бога?—озвется було понуро.

— Чого-жъ мудрійши? Мабуть, и розумъ людямъ Богъ дае, щобъ дила ёго розумилы.

— На що-жъ людямъ ти дила розумиты? Не гоже.

— Чому не гоже?

— А такъ. Одно дило треба розумиты: не гришы. А почнуть мудри люде Божи дила розбыраты—ще хто ёго знае, чы розберуть якъ слидъ, чы ни, а грихъ тымъ часомъ вже йе: вже ти мудри и скоромъ у пистъ, не вамъ кажучы, йидять, и у блуди жывуть, у церкву не ходять. Тьху!

— То по вашому, Демьяне, выходыть, що хворобы личыть не треба, зъ пошестью боротысь не слидъ, бо це дило Боже?

— А то-жъ. Хвороба—кара Божа.

— А пожаръ гасыте, колы займется? Аджежъ и пожаръ—кара Божа?

— Тожъ кара. Хто ёго знае?

— То на що-жъ вы орете, сіете, збыраете хлибъ, заробляете гроши? Аджежъ Богъ сказавъ: воззрить на птыци небесни, яко не сіють и не жнуть, а Богъ годуе ихъ.

— Ни, не такъ кажете, выбачайте,—озвався Демьянъ. Богъ сказавъ чоловикови: за твій грихъ—въ поти лыця будешъ заробляты хлибъ соби. Отъ и повыненъ винъ заробляты. И вы у поти лыця заробляете соби хлибъ, и я, и всякъ другый. А хто чужый хлибъ йисть—грихъ. Хиба що калика, не може заробыты, ну то такому вже ёго калицтво--кара Божа. А колы заробывъ у поти лыця хлибъ, то й ховай ёго, и шануй, и гасы вогонь, колы горыть твоя праця. Працю шануваты треба. Не пошануешъ своеи—не будешъ шануваты и чужои. Такъ и до злодійства доходять.

Я бачывъ, що Демьяна не переможешъ абы-якъ. Въ тимъ—якъ блыскавка промайнула мени одна думка.

— Оце-жъ вы кажете, що хворобъ личыты не треба. Алежъ и Ісусъ Хрыстосъ личывъ слабыхъ, и святый Демьянъ, що вы ёго ймення маете, тежъ бувъ ликарь, знаете: Кузьма й Де-

мьянъ? И святый Пантелеймонъ бувъ ликарь. Отже хочъ хвороба и видъ Бога, а воны личылы іи. Значыть, не грихъ?

Демьянъ здывовано подывывся на мене и задумався.

— Хто його знае,—сказавъ винъ, зитхнувшы,—може воно й такъ.

Зъ тои поры Демьянъ переминывъ свою думку про непотрибнисть ликивъ, и я знаю, що навить хворымъ, говорывъ винъ, що ликы прыймать треба, бо святи ликари давалы ихъ.

Але въ потребу дезинфекціи та чыстоты винъ все такы не вирывъ и колысь навить сказавъ мени, що такого и святи ликари певне не велилы робыть. Я не мигъ вже прыгадаты зи святого пысьма доказу для дезинфекціи, бо знавъ певне, що святи Кузьма и Демьянъ жылы передъ Листеромъ и Пастеромъ, не зналы ни микроскопа, ни бациллъ, а значыть и дезинфекціи не робылы.

Оце, було, зайду до слабого. Демьянъ тре ёму ногы «шпигинаромъ», щыро тре, ажъ упріе самъ, дали покладе ёму прыпарку зъ высивокъ на жывитъ, вытре свои рукы у ряднину, що постелена слабому, выпростыть натружену спыну та вытре рукою мокре чоло.

— Ху! ажъ зогрився.

— Демьяне, скажу я, помыйте рукы.

— Та воны чысти.

— Та помыйте бо, кажу. Воны по вашому, чысти, а зараза на ныхъ йе. Хлибъ будете браты, до хлиба вона прыстане, тай найистеся лыха.

Демьянъ пры хворыхъ зо мною не сперечався, бо знавъ, що я того не люблю, а мене винъ поважавъ, може трохи й за мои богословськи видомости, на його мирку—велыки.

Винъ хочъ неохоче, але мывъ рукы.

А потимъ, у вильну хвылыну, якъ не було роботы, зачепыть такы мене.

— А оце, пане, якъ воно выйде: вы мени кажете разъ-у-разъ рукы мыты. А безъ васъ, выбачайте, и не мыешъ ихъ, и хлибъ йисы, а воно й ничого. Воно, по вашому, скризь зараза

йе: и на одежи, и на стинахъ, и на доливци, и на дверяхъ—то выходыть: тилькы й роботы людыни, що рукы мыть. Увійшовъ у хату—мый, выйшовъ зъ хаты—мый, почухався, выбачайте—мый. А до мене ось, бачыте, не прыстае. Що-жъ—то, хиба я у Бога праведныкъ? Такый—саме гришный, якъ и вси.

Подекуды Демьянъ казавъ правду.

Розсказувавъ я ёму, що здоровыхъ, крипкыхъ людей, не пытущыхъ, зараза не такъ швыдко поборе, але знавъ я, що мій доказъ слабкый, що не вдовольныть винъ допытлывого, цикавого розуму Демьяна.

— Гай, гай!—казавъ винъ.—А хиба забулы вы Романа Колодія? На що вже здоровенный, якъ бугай, и не пытущый бувъ, хай царствуе. А скрутыло ёго въ одынъ день, до вечора не дожывъ. Вже-жъ посталалысь коло ёго и вы, и фершалъ та що зъ того? А оте мале, сусидське, выдужуе; яке паршыве, просты Господе, ще й горбате. Що й казаты!... Кому назначено. Воно такъ скажемъ прымирно, якъ на війни: якъ котрый, такъ и пидъ турка, и пидъ поляка и на Кавказъ ходывъ, може въ якыхъ двадцяты страженіяхъ перебувъ, а якъ кому другому, такъ тилькы посунувся—амин тоби.

Тутъ вже Демьянивъ верхъ бувъ.

Ще труднійше було мени зъ Демьяномъ черезъ ёго практычну, бережлыву, навить трохы скупу вдачу. якъ доводылось робыты дезинфекцію писля слабого або померлого. Скажешъ помыты все шмаття—воно добре, чому-жъ не попраты. Але на що ёго попереду мочыты у сулеми? Сулема дорога, грошi коштуе, здалась-бы на що инше, путяще. Помыты лавы, столы—можна; та нехай бы вже передъ святамы, а не у пистъ. И на що ихъ мыты мыломъ? Хто такы бачывъ, щобъ дерево мыломъ мыты? Ну, нехай-бы пискомъ потерла дивка. А мыло-жъ гроши коштуе, для шмаття воно назначено.

Побилыты хату можно, воно й добре. Але на що-жъ сыпаты вапномъ доливку? Хто таке бачывъ?

Посыпае, було, Демьянъ доливку вапномъ; йидке негашене вапно выйидае очи, пече въ носи, а Демьянъ вже не стерпыть;

тай клене, бубоныть соби про себе: «нехай ёму маму мордуе зъ ёго дохторамы, зъ ёго фершаламы, зъ дурнымы выгадкамы. А-пчхы! просты Боже»!

А найгирше було зъ теплою, зимовою одежою.

Мени булы дани гроши, щобъ я мигъ платыты людямъ за ти речи, яки доведется попалыты для знищення заразы.

Отже палылы мы те, чого не можно було вымочыты и выпраты: подушкы, кожухы, якымы вкрывалысь слаби, килымы, шапкы та валянкы. Поклычу було старосту, понятыхъ чоловика трое, тай цинуемо, скилько вартъ, напрыкладъ, кожухъ? Оцинують люде, напрыкладъ, стару кожушанку въ карбованцивъ висимъ, а я накыну поверхъ того ще карбованця або й два, щобъ не нарикалы люде на крывду и не ховалы видъ мене одежи.

— Ну, Демьяне, згортайте оту солому, що була пидъ рядномъ, берить кожухъ, таскайте все на городъ тай палить. Та далеченько йдить, щобъ крый Боже, пожежи не зробыты.

Оце для Демьяна була справжня пеня.

Ну якъ такы палыты працю? Нехай-бы вже солому; що вона тамъ варта, оберемокъ якыйсь,—та и то краще було-бъ у хливець вытрусыты, гній бувъ-бы. А кожухъ же гроши яки вартъ! Хиба жъ не грихъ знущатысь такъ, працю нивечыты, палыты?

Скажу було: Демьяне, вы-жъ заразу палыте, людямъ добро робыте, крывды никому нема: кожухъ вже ничый, за ёго гроши виддани; ще кращый, новый соби куплять.

— Напалылы вже тіеи заразы, а хоробы не спалылы. Хиба меньше теперъ слабують? Грихъ, ій-Богу грихъ!

— Ну палить, Демьяне, палить. Нехай вже це мій грихъ буде.

— Хто ёго зна, чый грихъ?

А пошесть такы косыла людей тай косыла. Ажъ передъ Риздвомъ, якъ взялы морозы, почала вона вгаваты. Хворыхъ стало меньше, меньше й помырало, а вже якось бильше выдужувало. На мою думку, сыла, заразы поменшала видъ морозу, бо холера сама родомъ зъ Индіи, земли теплои, и у насъ вона

свое дило робыла добре, покы було тепло. Прыборкавъ іи холодъ краще, нижъ наша дезинфекція. Така була моя думка, але того я Демьянови вже не казавъ. Згодомъ я выйихавъ зъ Забирья.

Пошисть тамъ вже була спынылась, але поодыноки люде ще де-не-де занедужувалы, траплялось що й помыралы. И на весну и у литку ще траплялысь холерни хвори, не такъ вже у Забирьи, якъ по околычныхъ селахъ та мистечкахъ, навить у такыхъ мисцяхъ, де торикъ пошести не було. Трудно було зрозумиты, чого се такъ облюбыла холера той глухый закутокъ Полисся.

На другу осинь трапылась прыгода у Забирьи: обикрадено почтаря, Кырыла Хвою.

Хвоя бувъ багатырь на все село: и земли, и скотыны мавъ найбильше; державъ волостну почту—шестеро коней, гроши дававъ людямъ пидъ заклад на процентъ або на видробитокъ, якъ колы—то й киньмы барышувавъ. Хазяйство було у ёго якъ у пана: хата добра, на помости, рундукъ зъ вытребенькамы, свитлыця гарна, вся завишана та застелена килымамы. Якъ доводылось ночуваты у Забирьи якому начальству, то вже не въ кого, якъ у Хвои.

Земли державъ винъ багато, гноййивъ іи добре, то й родыла, якъ ни у кого, а робитныкъ бувъ ёму дешевый, бо видробляли ёму люде гроши.

Комора була у Хвои, якъ яка добра крамныця, бо и свого добра мавъ чымало и людського, що у заставъ давалы, ще бильше. Комору-жъ и обикрадено.

Самъ Хвоя ночувавъ у стайни, бо трусывся за коней, а кони булы у ёго дороги. За комору винъ и не боявся бо, була вона пры хати, двери дубови, добри, виконце зъ зализнымы кгратамы, якъ у острози, а собакы у двори люти.

Отже ворогъ собакъ ёму потруивъ, кграты у комори высадывъ ломомъ тай выбравъ, що було краще: одежу всяку—и свою, и людську, упряжъ нову, яку державъ почтарь для справныка та

мырового, кылымы, полотна,—шкоды на карбованцивъ трыста, колы не бильше.

Репетъ знявся у-ранци; зійшлысь сусиды, люде, балакалы, выгадувалы всячыну. Слидъ бувъ за тыномъ, що пидйихавъ возомъ; у кропыви знайшлы сувій полотна, що згубылы злодіи; дали вулыцею слидъ пропавъ, а зновъ биля ворить Демьяна Ходорчука, санитара, знайдено кылымъ. Прызнався и хазяинъ того кылыма, що заставывъ ёго недавно почтареви.

Хвоя верхы скочывъ до станового у Рокытну.

Въ обидню пору прыйихавъ становый, роздывывся, ходывъ за слидомъ, людей розпытувавъ, чы не думають на кого. Нихто не мигъ сказаты.

— Чого-жъ це кылымъ знайшовся биля Ходорчуковыхъ воритъ?—Спытавъ становый.

— Згубылы, мабуть, озвався староста. Полотно ось у бурьяни знайшлы, тежъ згубылы.

— Полотно не дыво, що згубылы, передаючы черезъ тынъ. А якъ-же зъ воза кылымъ згубыты?

— Чому-жъ, хиба не бувае таке?—озвався хтось. Дячыха чоловика пьяного згубыла, вертаючысь зъ весилля.

Зареготалысь люде, сміялося й начальство:

— Жартъ жартомъ,—сказавъ становый,—а думка така, чы не знае чого Ходорчукъ у цій справи. Нема ёго тутъ?

— Нема и не бувъ.

— Дывно. Все село тутъ перебуло, а винъ не навидався.

— Мабуть, дома немае, на базаръ пойихавъ

— Винъ разъ-у-разъ по ярмаркахъ всячыну возыть, продае,—озвався хтось.

— У ту недилю кожухъ продававъ у Рокытному,—сказавъ другый.

— Эге, продававъ!

— Та-акъ,—сказавъ становый, задумавшысь. Чы не переховуе винъ часомъ краденого, онъ-що? Соцькый, беры двохъ десяцькыхъ, йды зо мною до Ходорчука, а вы розійдиться, ничого тутъ товктысь. Гайда!

Але люде не розійшлыся; такъ цилою юрбою й посунулы оддаля́ за становымъ.

Ходорчукъ бувъ дома. Якъ увійшовъ становый, зъ понятымы у двиръ, винъ выйшовъ зъ хаты, прывитавъ здывовано, погля-даючы на юрбу людей биля своихъ ворить.

Становый знавъ Ходорчука ще зъ торишнёи холернои поры.

— Ось що,—брате, сказавъ винъ, кывнувшы головою на по-клинъ Демьяна:—обчыстылы комору у Хвои, чувъ?

— Чувъ.

— А не знаешъ, куды подилася пропажа?

Якъ мени знаты? Хиба я тамъ бувъ, колы кралы?—здыво-вано видповидавъ Демьянъ.

— Може й не бувъ, видповивъ становый, але коло твоихъ ворить кылымъ знайшовся.

— Такъ що-жъ?

— Думка така, бачышъ, чы не знайдется ще де-що у тебе въ хати?

— Демьянъ шырокымы очыма подывывся на становогo и видступывъ назадъ.

— Грихъ вамъ буде, ваше благородіе, що таке на мене ду-маете. Я вже, хвалыть Бога, до сывого волоса дожывся и зроду зъ злодіями не знався. Хиба хто скаже про мене таке?

— Та нихто не каже,—видповивъ трохы збентеженый ста-новый. Та ось, кажуть, ярмаркуешъ одежою, то-що.

— Я-жъ кравецъ, видповивъ Демьянъ.

— Та воно такъ,—видповивъ становый; а все-жъ певнище буде, колы поглядымо у тебе; поговору не буде. Не знайдется ничого, то й тоби краще.

— Про мене, шукайте,—видказавъ Демьянъ.

Увійшлы въ хату; перетрусылы все и у скрыняхъ, на печи по всихъ закапелкахъ, у комори—не знайшлы ничого.

— А полизьте хлопци на горище, сказавъ становый.

Полизло двое.

— Ие, ваше благородіе!—гукнувъ зъ горища соцькый: и кожухы й кылымы, и свыты.

— А що?—звернувся становый до Демьяна,—честный чоловикъ, зъ роду не знався зъ злодіями!?—глумлыво говорывъ винъ, лизучы самъ по драбыни на горище.

— Бо й не знався такы зъ роду,—казавъ сьмилыво Демьянъ.

На горищи справди бувъ цилый складъ всякого добра? Найбильше одежи, кожухивъ, та кылымивъ.

— А де ты, честный чоловиче, набравъ такого добра?—пытавъ зверху становый? А поклычте сюды Хвою, нехай прызнае свою пропажу.

— Та це не ёго добро,—озвався Демьянъ.

— А чые-жъ, голубе мій сывый?—допытувавъ ядовыто становый.

— Холерне,—видказавъ Демьянъ.

— Яке холерне?

— Торикъ, значитъ, якъ помыралы люде, то докторъ цинувавъ всяку оцю одежу та веливъ мени палыты. Ну, а я пожаливъ палыты...

Становый страшенно боявся холеры. Мовъ ошпареный, прожогомъ винъ спустывся зъ горища черезъ одну, черезъ дви щаблыны, а зъ половыны драбыны зискочывъ на землю, важко дыхаючы и дыкымъ поглядомъ вырачывся на Демьяна. А Демьянъ спокійно казавъ дали.

— Воно ничіе, за ёго гроши выдани людямъ, докторъ платывъ пры старости...

— На.. на що-жъ, на що-жъ ты ёго ховаешъ?—скрыкнувъ становый.

— Та такъ. Потрóхы продаю по базару... А щобъ краденого...

— Ироде!.. завыщавъ становый, ты-жъ заразу продаешъ!

Иродъ усмихнувся.

— Яка тамъ зараза! Це доктори выдумалы... Хиба воно видъ заразы?

— Та воливъ-бы ты краще десять разъ крадене продаваты, а нижъ таку погань! Анафемо!

— Яка-жъ це погань? Що погане було, старе, дрантыве, те я палывъ. А це не погань. Ваша-жъ пани сами у мене купылы на Покрову кылымъ у Рокытному на базари, гарный кылымъ, дешево виддавъ...

М. Левицькый.

Іосифъ Максимовичъ Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи [1].

V.

Основаніе кафедры славяновѣдѣнія въ Москвѣ. Приготовленіе О. М. Бодянскаго къ занятію этой кафедры. Критическая статья О. М. Бодянскаго о сборникѣ словацкихъ пѣсенъ Яна Коллара. Переводъ «Славянскихъ Древностей» Шафарика. Магистерская диссертація О. М. Бодянскаго «О народной поэзіи славянскихъ племенъ». Критическая статья О. М. Бодянскаго объ изданной Ѳ. Булгаринымъ книгѣ «Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ».

Изъ воспоминаній К. С. Аксакова мы уже знаемъ, что въ университетѣ О. М. Бодянскій былъ однимъ изъ самыхъ дѣльныхъ студентовъ и серьезно занимался исторіей [2]). Обстоятельства, впрочемъ, не сдѣлали изъ него спеціалиста-историка, а толкнули его на новый путь—славяновѣдѣнія, гдѣ онъ и пріобрѣлъ себѣ крупное, почетное имя въ наукѣ.

Окончаніе О. М. Бодянскимъ университета совпало какъ разъ съ введеніемъ въ русскихъ университетахъ новаго устава 1835 года, по которому учреждалась и новая кафедра исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій.

---

1) См. Кіев. Ст. 1903, № 3.

2) День, 1862 г. № 40.

Хотя основаніе этой кафедры и не было неожиданной случайностью, потребность въ ней сознавалась давно, но самый фактъ основанія засталъ русскихъ ученыхъ, можно сказать, врасплохъ. Любителей славяновѣдѣнія было немало; спеціалистовъ же, ученыхъ, годныхъ для занятія кафедры славянскихъ нарѣчій, совсѣмъ не было. Въ Москвѣ кафедру эту занялъ временно извѣстный, но тогда уже сильно постарѣвшій, учитель О. М. Бодянскаго М. Т. Каченовскій, болѣе другихъ, конечно, имѣвшій правъ на ея занятіе. Сдѣлана была затѣмъ попытка пригласить въ Москву профессоромъ славянскихъ нарѣчій знаменитаго І. Шафарика, на тотъ отклонилъ предложеніе. Тогда остановились на О. М. Бодянскомъ [1]).

Бодянскій былъ учителемъ въ одной изъ московскихъ гимназій. Ходилъ разсказъ, что извѣстный московскій попечитель гр. С. Г. Строгановъ пришелъ однажды въ классъ латыни къ Бодянскому и, нѣсколько пораженный его украинско-семинарскимъ произношеніемъ, замѣтилъ ему: «Какъ дурно вы читаете по-латыни. «А вы почему знаете, что я дурно читаю—отвѣчалъ Бодянскій:—быть можетъ, римляне читали еще хуже меня»! Любителю смѣлыхъ и оригинальныхъ отвѣтовъ этотъ отвѣтъ понравился, и съ этихъ поръ началось ихъ сближеніе [2]). Сближеніе это и привело О. М. Бодянскаго къ кафедрѣ.

Разсказъ, передаваемый А. А. Котляревскимъ, вѣроятнѣе всего, принадлежитъ къ числу тѣхъ своеобразныхъ анекдотовъ, которыхъ не мало, говорятъ, ходило про грубую прямоту О. М. Бодянскаго. Сближеніе О. М. Бодянскаго съ С. Г. Строгановымъ могло произойти и другимъ способомъ—чрезъ М. Т. Каченовскаго или чрезъ М. П. Погодина. Какъ тотъ, такъ и другой, должны были хорошо знать О. М. Бодянскаго. У М. Т. Каченовскаго О. М. Бодянскій работалъ по русской исторіи, и мы видѣли уже, что первыя работы О. М. Бодянскаго по исторіи

---

[1]) *А. А. Кочубинскій.* Графъ Строгановъ въ Вѣст. Евр. 1896 г. іюль, стр. 165 и слѣд.

[2]) Сочиненія А. А. Котляревскаго т. II, стр. 434.

носятъ на себѣ всѣ слѣды скептицизма М. Т. Каченовскаго. Такъ естественно было для Каченовскаго, разъ самъ онъ перешелъ на каѳедру славянскихъ нарѣчій и литературъ, сосредочить и занятія своего ученика на этомъ предметѣ. Еще большее значеніе въ этомъ отношеніи имѣлъ для О. М. Бодянскаго М. П. Погодинъ. Мы уже знаемъ изъ отзыва самого О. М. Бодянскаго, какую роль сыгралъ М. П. Погодинъ въ его ученой судьбѣ, какъ онъ живо интересовался его занятіями, направлялъ ихъ, помогалъ имъ.

Точныхъ фактовъ у насъ нѣтъ, но мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что Погодинъ съ Каченовскимъ предназначали на каѳедру славянскихъ нарѣчій въ Москвѣ именно О. М. Бодянскаго. При такихъ обстоятельствахъ, гр. С. Г. Строганову совсѣмъ не трудно было «оріентироваться среди новыхъ условій» [1]): стоило только съ довѣріемъ отнестись къ людямъ науки. Онъ такъ и сдѣлалъ.

Разъ выяснилось для О. М. Бодянскаго направленіе его ученой карьеры, молодой ученый все свое вниманіе сосредоточилъ на изученіи славянскихъ нарѣчій и литературъ. Въ сентябрѣ 1836 года Бодянскій подалъ въ совѣтъ университета просьбу о допущеніи къ экзамену на степень магистра «преимущественно по предмету исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій». Магистерскій экзаменъ происходилъ въ октябрѣ въ полномъ собраніи перваго отдѣленія философскаго факультета и въ присутствіи двухъ депутатовъ отъ совѣта университета. На экзаменѣ присутствовалъ и попечитель С. Г. Строгановъ. Это показываетъ, что уже тогда онъ относился къ О. М. Бодянскому съ интересомъ.

Экзаменъ, какъ письменный, такъ и устный, сошелъ у О. М. Бодянскаго хорошо: «всѣ гг. испытатели, говорится въ оффиціальномъ донесеніи словеснаго факультета совѣту, изъявили полное свое удовольствіе». Для магистерской диссертаціи была предложена тема «О народной поэзіи славянскихъ племенъ», «поелику, говорится въ томъ же донесеніи, кандидатъ Бодянскій

---

[1]) *А. А. Кочубинскій*, гр. С. Г. Строгановъ. Вѣст. Евр. 1896 іюль, стр. 185.

заранѣе объявилъ, что славянскія нарѣчія и ихъ литература составляли главный предметъ его занятій» [1]).

Тема «О народной поэзіи славянскпхъ племенъ была оффиціально предложена факультетомъ, но надъ ней О. М. Бодянскій уже раньше работалъ подъ руководствомъ своего учителя Каченовскаго, который то собственно и предложилъ эту тему въ факультетѣ

Въ 1835 году въ 4 книгѣ журнала «Московскій Наблюдатель» появилась первая работа О. М. Бодянскаго, явившаяся результатомъ занятій его славянскими нарѣчіями и литературой. Это была критическая статья о «Народныхъ спѣванкахъ или свѣтскихъ пѣсняхъ словаковъ въ Венгріи», изданныхъ въ 2 частяхъ Яномъ Колларомъ въ 1834 и въ 1835 годахъ.

Статья начинается указаніемъ, какъ мало извѣстно про словаковъ въ Россіи, причемъ выражается увѣренность, что съ основаніемъ славянскихъ кафедръ въ русскихъ университетахъ, знакомство русскихъ съ славянскимъ міромъ станетъ на прочную почву. «Придетъ пора—говоритъ О. М. Бодянскій,—и у насъ явятся свои, Дубровскіе, свои Линде, Юнгманы, Копитари, Караджичи и т. п. растолкуютъ намъ, какъ важно, необходимо для насъ узнать покороче славянскія племена, эту кость отъ костей и плоть отъ плоти нашей; какъ неизвинительно, вредно было наше невѣдѣніе объ нихъ, и, напротивъ, сколько пользы можетъ произойти отъ ближайшаго съ ними знакомства» [2])... Пользуясь сочиненіемъ Шафарика «Geschichte der Slavischen Sprache uud Litteratur nach allen Mundarten», О. М. Бодянскій цѣлую статью посвящаетъ историко-этнографическому очерку словацкаго племени, а затѣмъ уже, во второй статьѣ, переходитъ къ словацкимъ пѣснямъ, стараясь опредѣлить ихъ характеръ и отношеніе ихъ къ пѣснямъ другихъ славянскихъ племенъ. Въ этой второй статьѣ высказана сущность всѣхъ тѣхъ мыслей, которыя потомъ были подробнѣе развиты въ магистерской диссертаціи О. М. Бодянскаго «О народной поэзіи славянскихъ племенъ». Нѣкоторыя страницы изъ

---

1) Рус. Ст. 1879 г. ноябрь стр. 462—463.

2) «Московскій Наблюдатель», стр. 385.

критической статьи о сборникѣ Коллара, какъ напр., страницы о поэзіи великороссовъ[1]), малороссовъ[2]) и поляковъ[3]) почти цѣликомъ были перепечатаны въ диссертаціи О. М. Бодянскаго. Потому мы и не будемъ болѣе останавливаться на статьѣ О. М. Бодянскаго о сборникѣ Коллара, хотя она, конечно, и интересна въ исторіи постепеннаго развитія научныхъ мнѣній знаменитаго слависта.

Занимаясь славянскими нарѣчіями, О. М. Бодянскій скоро пріобрѣлъ себѣ извѣстность знатока ихъ. Мы уже знаемъ, что Погодинъ поручилъ ему написать спеціально для Шафарика статью о малорусскомъ нарѣчіи, и Шафарикъ встрѣтилъ ее очень лестнымъ отзывомъ. «Систематическое полное обозрѣніе и характеристика діалектовъ русскихъ, писалъ по этому поводу Шафарикъ Погодину, есть pium disiderium, можетъ быть исполнено Бодянскимъ: его письма о малороссійскомъ столь превосходны, что я желаю распространенія его изслѣдованія на бѣлорусское, новгородское»[4]). Когда вышла въ свѣтъ первая тетрадь «Славянскихъ Древностей» Шафарика Погодинъ задумалъ перевести ее на русскій языкъ. «Я убѣдилъ, пишетъ Погодинъ г. Бодянскаго, одного, или лучше сказать, единственнаго знатока славянскихъ нарѣчій въ Москвѣ, принять на себя переводъ этой важной книги»[5]). Шафарикъ, послѣ нѣсколькихъ колебаній, согласился на это, хотя просилъ не спѣшить съ переводомъ и, во всякомъ случаѣ, стáраться, чтобы «переводъ былъ вѣренъ съ подлиннымъ»[6]). О. М. Бодянскій съ большой готовностью взялся за это дѣло. Самъ онъ въ своихъ научныхъ занятіяхъ исходилъ отъ

---

[1]) Моск. Набл. 1835 г. ч. IV, стр. 581—584, ср. О нар. поэзіи, стр. 114—120.

[2]) Моск. Наб., стр. 584—592, ср. О нар. поэзіи, стр. 122—134.

[3]) Моск. Наб., стр. 592 и слѣд. ср. О нар. поэзіи, стр. 80 и слѣд.

[4]) *Н. П. Барсуковъ.* Жизнь и труды М. П. Погодина т. IV, стр. 427.

[5]) Тамъ-же, стр. 427—428.

[6]) Тамъ-же, стр. 428.

Шафарика и былъ убѣжденъ въ необходимости перевода его «Славянскихъ Древностей» не только на русскій, но и на другіе европейскіе языки. Въ 7-й части «Московскаго Наблюдателя» за 1836-й годъ былъ напечатанъ переводъ историческаго изслѣдованія Шафарика «О народахъ скифскаго племени», сдѣланный О. М. Бодянскимъ, независимо, кажется, отъ инициативы Погодина. Въ 8-й части того же «Московскаго Наблюдателя» и за тотъ же 1836-й годъ появилась статья Бодянскаго «Мысли о древности славянъ въ Европѣ». Статья представляетъ собой пересказъ, а въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ прямо таки переводъ работы Шафарика «Мысли о самобытности славянъ въ Европѣ». Въ предисловіи къ этому пересказу О. М. Бодянскій дѣлаетъ оцѣнку Шафарика и его трудовъ. Шафарика онъ называетъ «глубокимъ знатокомъ славянскихъ языковъ, славянской словесности, дѣеписанія и древностей, основательнымъ цѣнителемъ и неутомимымъ изслѣдователемъ всего относящагося къ славянскому міру» [1]). Отъ «Славянскихъ Древностей», которыя тогда начали выходить тетрадями, О. М. Бодянскій ожидалъ «рѣшенія многихъ сомнѣній и спорныхъ вопросовъ, объясненія темныхъ мѣстъ какъ вообще исторіи міра и славянскихъ народовъ, такъ и въ частности исторіи нашего отечества, если не вездѣ окончательнаго, по крайней мѣрѣ, способнаго надоумить другихъ изыскателей, навести ихъ на новую тропинку и, такимъ образомъ, значительно споспѣшествовать дальнѣйшему совершенствованію нашихъ историческихъ свѣдѣній». Бодянскій выражалъ при этомъ надежду, сто «это отличное твореніе не замедлитъ появиться въ переводѣ и на другіе европейскіе языки, равно какъ и на нашемъ родномъ, и, разумѣется, прямо съ подлинника, т. е. съ чешскаго языка» [2]).

Двѣ первыя книги перваго тома «Славянскихъ Древностей», въ переводѣ О. М. Бодянскаго, вышли въ 1837 году; третья книга, хотя и получила цензурное одобреніе, но вышла въ 1838 году [3]). Съ изданіемъ книги на русскій языкъ случилось то, чего

---

[1]) Московскій Наблюдатель 1836 г. ч. VIII, стр. 49.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Жизнь и труды М. П. Погодина, т. V, стр. 93.

особенно боялся Шафарикъ. «Мнѣ будетъ очень пріятно, писалъ онъ Погодину, когда возникла только мысль о переводѣ, если не будете спѣшить съ русскимъ переводомъ, потому что все сдѣланное на скорую руку не бываетъ хорошо, а я желалъ бы, чтобы переводъ былъ вѣренъ съ подлиннымъ»[1]). Благодаря поспѣшности переводъ былъ изданъ очень небрежно, такъ что въ послѣдствіи, въ 1848 году, Бодянскій счелъ нужнымъ переиздать его вновь[2]). Самый рѣзкій отзывъ о трудѣ Шафарика, о самомъ Шафарикѣ и о переводѣ Бодянскаго былъ сдѣланъ Сенковскимъ въ «Библіотекѣ для чтенія». «Этотъ переводъ, говоритъ Сенковскій, сдѣланъ такъ искусно, что нашъ языкъ кажется въ немъ почти богемскимъ»[3]). О Бодянскомъ Сенковскій выражался, что онъ «служитъ въ русской литературѣ по словенской части».

О. М. Бодянскій отвѣчалъ Сенковскому на его критику коротенькой замѣткой. «Переводчикъ «Древностей», писалъ онъ, считая дѣломъ вовсе безполезнымъ вступаться за книгу или за автора, и не отказываясь отъ чести служить въ русской литературѣ по словенской части, какъ угодно провозгласить объ этомъ г. Сенковскому, желалъ бы очень съ своей стороны знать: по какой части въ русской литературѣ служитъ г. Сенковскій?»[4]).

Переводъ «Славянскихъ Древностей» Шафарика шелъ параллельно съ работой О. М. Бодянскаго надъ магистерской диссертаціей «О народной поэзіи славянскихъ племенъ». Она была напечатана и защищена въ 1837 году. Основныя мысли, развитыя въ ней, какъ мы уже замѣчали, были высказаны О. М. Бодянскимъ еще въ 1835 году въ отзывѣ его о сборникѣ словацкихъ пѣсенъ Яна Коллара. Нельзя, поэтому, особенно удивляться быстротѣ, съ какой, будто бы, написана эта диссертація въ 154

[1]) Жизнь и труды М. П. Погодина, т. IV, стр. 428.

[2]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 439.

[3]) Библіотека для чтенія 1837 г. XXIII, стр. 62—64. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. V, стр. 95.

[4]) Жизнь и труды М. П. Погодина, т. V, стр. 98.

страницы небольшого формата [1]). Несомнѣнно, О. М. Бодянскій работалъ надъ диссертаціею раньше, чѣмъ она была предложена ему оффиціально факультетомъ. Хотя предложилъ ее Каченовскій, но мы врядъ ли ошибемся, если будемъ думать, что тема для диссертаціи была выбрана, по взаимному соглашенію Каченовскаго съ Бодянскимъ. По крайней мѣрѣ, она прямо вытекала изъ того интереса, который обнаруживалъ Бодянскій къ изученію народной литературы и который онъ проявилъ въ цѣломъ рядѣ статей, съ которыми мы уже познакомились выше. Въ диссертаціи Бодянскаго мы найдемъ только наиболѣе полное обоснованіе тѣхъ мыслей, которыя онъ высказывалъ и раньше, часто мимоходомъ, въ своихъ журнальныхъ статьяхъ.

Для характеристики тогдашнихъ научныхъ взглядовъ Бодянскаго диссертація представляетъ большой интересъ. Мы, поэтому, остановимся довольно подробно на ея содержаніи. Въ настоящее время она, конечно, большой научной цѣны не имѣетъ: много въ ней парадоксальнаго, мало обоснованнаго, отвергнутаго наукой. Но въ свое время диссертація Бодянскаго сыграла крупную роль. «Въ 1837 году, говоритъ А. А. Котляревскій, это былъ живой, исполненный воодушевленія манифестъ о славянскомъ народномъ характерѣ, раскрывающемся въ его поэзіи. Еще больше, чѣмъ у насъ, значеніе имѣла эта книга у западныхъ славянъ: она была переведена на языки сербскій и итальянскій (гр. Медо Вучичемъ) и въ извлеченіи—на чешскій (Штуромъ)» [2]).

«Въ наше время всеобщаго стремленія къ самобытности—такъ начинаетъ Бодянскій свою книгу—всѣ почти народы, особенно европейцы, хотятъ жить жизнію, въ полномъ смыслѣ имъ принадлежащею, вытекающею изъ собственныхъ ихъ нѣдръ, слагающеюся изъ совокупности всѣхъ стихій человѣческаго бытія, коими навсегда устанавливается физіономія народа, рѣзко и мѣтко отличающая его отъ его сосѣдей и прочихъ народовъ; короче, хотятъ быть независимыми, истинно народными». Теперь

---

[1]) Вѣстн. Европы, 1886 г. іюль стр. 191.

[2]) Сочиненія А. А. Котляревскаго т. II, стр. 434.

всѣ твердо убѣждены, что не все чужое—хорошее, а потому и не все чужое слѣдуетъ перенимать, а только «то, что безъ насилія прививается, усвоивается, обращается въ родное». Прошла пора соблазнительныхъ идей космополитизма, когда думали всѣ народы перекроить по одному образцу, признанному безусловно изящнымъ. Всякій народъ хочетъ въ настоящее время оставаться тѣмъ, чѣмъ онъ есть, «жить своей коренной жизнью, мыслить своей головой, чувствовать своимъ сердцемъ, желать своей волей, дѣйствовать самъ собой, непосредственно, и, такимъ образомъ, жить всѣми силами своего бытія, сдѣлаться вполнѣ *народнымъ*». Народность не препятствуетъ совершенствоваться какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и цѣлому народу. Совершенствованіе обусловливается и достигается только при посредствѣ образованія и просвѣщенія, а просвѣщеніе, гдѣ угодно, уживается. Только худо понятое или и вовсе ложное просвѣщеніе тѣснитъ и давитъ, гонитъ и истребляетъ народность. «Неужели просвѣщеніе необходимо требуетъ изглаженія всѣхъ родимыхъ оттѣнковъ, требуетъ уровня безцвѣтности? Кто менѣе образованъ: страстно ли привязанный къ идеализму нѣмецъ, суетливый французъ, или расчетливый англичанинъ? И, однако же, родная физіономія въ каждомъ изъ нихъ положительно всегда проглядываетъ, какъ въ людяхъ, занимающихъ высшія государственныя должности, отличающихся преимущественно своимъ просвѣщеніемъ, такъ и въ людяхъ, стоящихъ на низшей ступени общества, и ни вельможа, ни поденщикъ, ни лордъ, перъ, герцогъ, ни селянинъ и нищій, не гнушаются собой, не отвергаются себя». Конечно, нѣтъ народа, который собственными бы силами, безъ помощи другихъ, достигъ полнаго развитія своихъ способностей. Но за то каждый народъ долженъ не только перенимать у сосѣдей, но и стремиться къ тому, чтобы отдѣлить хорошее отъ дурного, «стараться собственное свое, родное, возвести до равной степени и, даже пойти далѣе, возвыситься, стать съ ними на одинакой высотѣ жизненнымъ развитіемъ стихій своенародныхъ». Такая любовь къ своему родному «есть настоящій ключъ къ истинному просвѣщенію, вѣрному самоусовершенствованію, источникъ жизни новой, плодоносной, са-

мостоятельной, своеобразной, своевременной, своестихійной, всесторонной, полной, вѣчно юной» [1]).

Каждый народъ имѣетъ свою опредѣленную физіономію и когда «развиваетъ въ своемъ существованіи свою личность, свою особенность, онъ живетъ самобытно, своеобразно, народно, выражаетъ своимъ бытіемъ идею, какую предопредѣлено ему вѣчнымъ Промысломъ осуществить своею жизнію». Эта идея сказывается во многомъ: въ народной религіи, философіи, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, въ языкѣ; но больше всего въ словесности. Послѣдняя, являясь, «отраженіемъ стихій, составляющихъ бытіе народа», должна быть непремѣнно народною. Это не значитъ, что она должна только рабски списывать народъ, преимущественно простой. Нѣтъ, она должна вездѣ уловить изящество, «провидѣть его сквозь толстую кору, покрывающую его собой. Потому и голая черневая сторона жизни народа, если взглянуть на нее съ этой точки, прошедши чрезъ горнило поэтическаго вдохновенія, можетъ возвыситься до степени изящества. Такую-то народность, очищенную, переплавленную, облагороженную должна отражать въ себѣ словесность каждаго народа» [2]).

Вѣнцомъ словесности народа является поэзія. Она тоже должна быть въ высшей степени народной. Нѣтъ и не можетъ быть народа, у котораго не было бы поэзіи. Какъ «плодъ внутренняго творчества народа, его поэтической способности», поэзія непремѣнно должна быть отпечаткомъ «жизненнаго бытія народа, отголоскомъ всѣхъ его сотрясеній, являться въ томъ или иномъ видѣ, смотря по ходу судьбы народа, его жизни, положенія, обстоятельствъ—слѣдовательно, безпристрастно отражать внутреннюю и лицевую сторону существованія его, быть своенародною» [3]). Поэзія опредѣляется исторіей народа; она поясняетъ, порой даже замѣняетъ ее. Все это не мѣшаетъ, однако, поэзіи оставаться изящной, потому что «изящное никогда неизмѣнно: оно всегда и вездѣ равно самому себѣ, одинаково».

---

[1]) О народной поэзіи славян. племенъ стр. 1—7.

[2]) Тамъ-же, стр. 8—9.

[3]) Тамъ-же, стр. 14—15.

Первоначальной формой всякой поэзіи является *пѣсня*, и нѣтъ народа болѣе богатаго пѣснями, чѣмъ славяне. «Пѣсня—это ихъ дневникъ, ихъ исторія, хранилище всякаго вѣдѣнія, всякаго вѣрованія, ихъ ѳеогонія, космогонія, память, тризна по своихъ отцахъ и дорогихъ сердцу, надгробный памятникъ священной старины, живая, говорящая лѣтопись временъ, давно прошедшихъ, въ коей, какъ въ прозрачномъ кристаллѣ водъ, отражается, безъ малѣйшей примѣси, вся ихъ жизнь, съ ея добромъ и зломъ, характеръ каждаго врозь и общее всего цѣлаго, многосложная картина минувшаго вѣка, его духа, вѣрный очеркъ быта и всѣхъ его, неуловимыхъ простымъ глазомъ, мельчайшихъ подробностей. Это исповѣдь души, розоблаченной передъ вами до тончайшихъ изгибовъ своихъ и оттѣнковъ чувствъ, волненій, страданій, надеждъ, веселія и грусти; это чистѣйшее выраженіе славянской народности, нравовъ, обычаевъ, занятій, причудъ и т. п. Въ нихъ, наконецъ, языкъ родной хранится во всей своей чистотѣ, неподдѣльности, свѣжести, силѣ, прелести и богатствѣ» [1].

Какой же общій характеръ и отличительныя свойства славянской народной поэзіи?

Славяне—народъ земледѣльческій, по преимуществу. Это—народъ осѣдлый, миролюбивый, тихій, спокойный, уживчивый, больше всего на свѣтѣ любившій бытъ сельскій, домашній. Все это отражается и на ихъ поэзіи. Поэзія славянъ—«плодъ простой, неискаженной природы, картина помысловъ, чувствъ, нравовъ и дѣяній людей, не раззнакомившихся еще съ питавшею ихъ въ дни нѣжнаго младенчества, для коихъ она не мачиха, но мать, *веселящаяся о чадѣхъ своихъ*. Оттого всѣ изліянія ихъ чувствъ, всѣ ихъ пѣсни дышатъ чистѣйшею любовію къ природѣ; оттого въ пѣсняхъ ихъ такое богатство образовъ; оттого они для каждаго движенія сердца своего такъ легко находятъ въ природѣ вполнѣ выражающее его изображеніе; оттого въ поэзіи ихъ все такъ ясно, понятно, естественно, все такъ идетъ къ дѣлу» [2]. Сравниваютъ

---

[1]) О народной поэзіи славянъ стр., 24.

[2]) Тамъ-же, стр. 42.

иногда поэзію славянъ съ поэзіею грековъ, но «это рѣшительно ложно». Если между ними и есть сходство, то это сходство общечеловѣческое. Въ существѣ же между той и другой поэзіей заключается глубокое различіе. «Въ поэзіи грековъ, по общему сознанію всѣхъ знатоковъ ея, преобладаетъ форма надъ идеей,— напротивъ, въ поэзіи славянъ форма и идея находятся въ гармоническомъ соотношеніи между собою, соразмѣрномъ сліяніи, проникновеніи другъ друга; форма и идея не подавляютъ одна другой, но уравновѣшиваются» [1]).

Конечно, эти общія свойства славянской поэзіи не у всѣхъ славянскихъ народовъ проявляются въ одинаковой степени. О. М. Бодянскій старается опредѣлить и выяснить эти особенности. Начинаетъ онъ съ поэзіи *чеховъ* и *моравовъ*. Поэзія ихъ лирическая. по преимуществу. Началась она, правда, эпосомъ, но затѣмъ условія жизни, постоянная борьба чеховъ и моравовъ съ нѣмцами и другими сосѣдями дали преобладаніе лирикѣ. У *словаковъ* поэзія идиллическая. Лишенные политической самостоятельности, словаки на долго сохранили свой патріархально-земледѣльческій характеръ, который и выразился въ ихъ поэзіи. У *поляковъ* почти нѣтъ народныхъ пѣсенъ. Это удивительное явленіе среди славянъ, «самаго пѣсеннаго народа», О. М. Бодянскій объясняетъ ненормальностями польской жизни. „Поэзія необходимо требуетъ досуга, говоритъ онъ, спокойствія, свободныхъ думъ, вдоволь времени, такъ сказать, для разговора съ самимъ собою». Польскій народъ не имѣлъ этого. «Онъ не могъ привольно вздохнуть, не только *поэтизировать*. Гдѣ ему до историческихъ, обрядныхъ, и подобныхъ тому пѣсенъ, когда онъ не имѣлъ ничего за душой, долженъ былъ всѣ дни и ночи проводить за работой на пана; когда на него смотрѣли не какъ на своего собрата, но какъ на бездушную вещь» [2]). У поляковъ есть только коротенькія народныя пѣсни—*краковяки*. Отличительную особенность ихъ, кромѣ краткости, составляетъ еще веселость. Появленіе краковяковъ

---

[1]) Тамъ-же, стр. 48.

[2]) Тамъ-же, стр. 86.

съ такимъ характеромъ О. М. Бодянскій объясняетъ, какъ результатъ минутнаго веселья среди постояннаго горя, нужды и труда [1]). Нѣкоторые къ краковякамъ приравниваютъ русинскія *коломійки*, но О. М. Бодянскій рѣшительно отвергаетъ это, такъ какъ не находитъ у русиновъ условій, на почвѣ которыхъ могло бы появиться что-нибудь подобное краковякамъ [2]).

У *сербовъ* поэзія, преимущественно, эпическая. Вѣчная борьба съ турками естественно выдвигала рядъ личностей, дѣлала отдѣльныя событія особенно памятными въ народѣ. Нѣтъ ничего «страннаго, если поэзія сербовъ вся полна разсказами о доблести, о славныхъ подвигахъ и смерти ихъ витязей—«юнакъ до юнака»—неутомимо пытавшихся въ теченіе цѣлыхъ столѣтій возвратить свободу своей отчизнѣ, если ихъ пѣсни преимущественно гомерическаго содержанія» [3]). О. М. Бодянскій думаетъ, что изъ пѣсенъ можно было бы даже составить *Славянскую Иліаду*. «Содержаніемъ Сербской Иліады въ этомъ случаѣ была бы борьба сербовъ съ турками за независимость; предметомъ Иліады Украинской—подобая же борьба козаковъ съ ляхами» [4]).

Отличительнымъ признакомъ *великорусскихъ* пѣсенъ является «глубокая унылость, величайшее забвеніе, покорность своей судьбѣ, какое-то раздолье и плавная протяженность» [5]). Опять таки все это обусловлено природой сѣвера, угрюмой, мрачной, унылой, которая и наложила свой оттѣнокъ на все, на всѣ проявленія жизни великоросса, на его исторію, образъ жизни, на его думы и чувства. Поэзія великороссовъ повѣствовательно-описательная, по преимуществу.

Иное дѣло на югѣ Россіи. Малорусская поэзія діаметрально противоположна великорусской, и изъ всѣхъ славянъ «сѣверные и южны руссы самые несходственные между собою»: «тутъ гео-

---

1) Тамъ-же, стр. 87 и слѣд.

2) Тамъ-же, стр. 92—93.

3) Тамъ-же, стр. 101.

4) Тамъ-же, стр. 104.

5) Тамъ-же, стр. 114.

графическое имя как нельзя больше согласуется съ этнографіей обоихъ изъ нихъ». Характеръ мѣстности, ихъ исторія, бытъ и другія обстоятельства—все имѣло значеніе для этого различія.

«Вспомните, говоритъ Бодянскій, Югъ русскій за девять и болѣе предъ этимъ вѣковъ: вѣчныя, безсмысленныя ссоры и драки его князей между собою за какой-нибудь пустой участокъ земли и т. п., довели ихъ до крайнего ослабленія и передали первенство на нѣсколько времени Сѣверу, пока и онъ, отъ тѣхъ же причинъ, не разстроился и не потерялъ его и, наконецъ, оба не сдѣлались добычей монголовъ и татаръ». Народъ мало интересовался всѣмъ этимъ. Доказательствомъ этого служитъ то обстоятельство, что «народъ не почтилъ этихъ усобицъ ни одной своей пѣсней, никакимъ почти преданіемъ, ни малѣйшею, хотя бы глухою, темною, отдаленною молвой. Онъ ихъ предалъ забвенію, какъ недостойное имени русскаго, что не могло бы быть, еслибы онъ бралъ въ нихъ сердечное участіе; напротивъ, онъ сохранилъ въ своей памяти, передалъ позднѣйшему потомству въ своихъ разсказахъ и пѣснопѣніяхъ дѣла предковъ гораздо древнѣйшей эпохи, которыя, почему бы то ни было, занимали его, дороги были ему своего цѣнностью (напр., пѣсня о построеніи Кіева, многія пѣсни о дѣлахъ Владиміра В. и т. п.). Но когда полчища Батыя положили, напослѣдокъ, конецъ междусобной борьбѣ Сѣвера и Юга Руси, то первый съ покорностію повиновался своей судьбѣ. Князья его, сперва лаской и колѣнопреклоненіемъ задобривали къ себѣ Хановъ; потомъ, когда и ихъ престолъ сталъ, колебаться отъ внутреннихъ несогласій и междоусобій, В. Князья Московскіе стали употреблять къ своему освобожденію изъ подъ Азіатскаго ига политику, въ которой они были очень свѣдущи и опытны. Напротивъ Южные Князья, безпрестанно тѣснимые, съ одной стороны, закочевавшими слишкомъ близко къ нимъ Татарами, съ другой Литовцами, двигавшимися изъ среды мрачныхъ Бѣлорусскихъ лѣсовъ, напрасно силились противостоять могучимъ своимъ врагамъ: имъ и политика не помогла, и они должны были безмолвно сносить свою участь—быть данниками, пока мало помалу не перевелись. Но народъ не потер-

пѣлъ, чтобы прекрасная его земля осталась навсегда за *погаными*: Melius frangi, quam flecti, или, говоря его же пословицей: «Або добуть, або дома (въ господѣ) не буть. Лучьче въ землѣ тлѣты, нижъ Татарвѣ служыты.»... Еще въ прежнихъ схваткахъ и битвахъ съ Печенѣгами, Половцами и пр. Азіатскими ордами, безпрерывно нападавшими на *Русичей*, коротко ознакомившись съ ихъ наѣзднической системой войны, нѣкоторые изъ среды ихъ, сберегая лучшее благо человѣка, съ непримиримой местію въ душѣ къ разорителямъ своей родины, удалились, разумѣется, прежде всего въ дремучіе при-Днѣпровскіе лѣса, какъ первый и самый ближайшій притонъ. Но не находя и здѣсь вѣрнаго убѣжища, спустились внизъ по Днѣпру и засѣли на его многочисленныхъ, уютныхъ островахъ, срубили себѣ *Сѣчь* на островѣ *Хортыцѣ* (кажется первая *Сѣчь*), потомъ противъ Каменнаго затона (недалеко отъ Никополя, на правой сторонѣ Днѣпра: Сѣчь *Никитинская*, *Мыкытына застава*, *ригъ*, *перевизъ*), далѣе *Тышлицькую* Сѣчь (при Днѣпровскомъ протокѣ, Тышлыкѣ, пониже Хортицы? при Ташлыкѣ, впадающемъ въ Синюху? за р. Саксаганомъ, по сказанію Симоновскаго? или же гдѣ индѣ, по близости Днѣпра), при устьѣ *Бузулука*, и т. д. И тамъ, въ окопахъ (родъ небольшихъ укрѣпленій и т. п., по обоимъ берегамъ Днѣпра по *Лыманѣ*, и въ другихъ угодныхъ мѣстахъ), окруженныхъ валомъ, рвомъ, частоколомъ, имѣя передъ ними, когда нужда требовала, *шаньци*, рогатки, или берлоги, западни, потаенные входы и выходы, могилы, маяки, пушки, словомъ все, что только могло обезпечить ихъ отъ нечаяннаго нападенія, гдѣ только можно было держаться, равно какъ и въ темныхъ окрестныхъ лугахъ, особенно въ *Велыкимъ лузѣ* (лѣсѣ, покрывающемъ низменныя мѣста: собственно занимающемъ собой весь лѣвый берегъ, Днѣпра отъ усьтя р. Конской воды, впадающей въ Днѣпръ, внизъ къ Черному морю, междо Днѣпромъ, Азовскимъ моремъ и его заливомъ Сивашемъ), *Чорномъ* (между большимъ Ингулемъ и Телункой), *Мотрыномъ* (подлѣ Чигрина, по Тясмину и Днѣпру вверхъ), *Лебедыномъ*. *Майдановомъ*, *Стебловомъ* (между Днѣпромъ, Ингу-

лемъ, Тясминомъ, Росью, Бугомъ и Тилигуломъ) лѣсѣ, и др., за Днѣпровскими порогами и на нихъ, въ *Дикомъ полѣ*, и т. п., безопасные отъ всѣхъ поисковъ и ярма чужеземнаго, совѣтовались между собой, куда и какъ лучше и вѣрнѣе направлять свои набѣги. Дружина этихъ *Бурлакъ*, *Гайдамакъ*, несмотря на ихъ холостую жизнь (женамъ тутъ не было мѣста ни по времени, ни по обстоятельствамъ, ни по мѣсту, ни по образу жизни), не уменьшалась, но день со дня увеличивалась все болѣе и болѣе приходомъ новыхъ смѣльчаковъ, досадовавшихъ на притѣсненія Татаръ, Литовцевъ, Поляковъ, и др. Вѣроятно, также, къ нимъ, по временамъ, присоединялись и разрозненные, бродившіе безъ пристанища, тамъ и сямъ, остатки Половцевъ, Торковъ, Берендѣевъ, и п. и., которые, какъ малочисленнѣйшіе и ниже образованіемъ. *Русичей*, слѣдовали во всемъ примѣру этихъ послѣднихъ: принимали ихъ вѣру, нравы, языкъ, и т. д., и, так. обр., нечувствительно перерождались въ *Русичей*. Окруженные, осаждаемые со всѣхъ сторонъ. *ворогамы*: съ Сѣверо-Востока Монголами, Литвой, съ Юга Крымцами и Турками, съ Запада Польшей, они *мужалися*: никогда не зная себѣ покоя, распивая день и ночь кровавое вино на своемъ богатырскомъ пирѣ, *сватовъ поили* и *сами ложились за землю Русскую*, желая *луцежь потяту, неже полонену быти*. Эти *чубатые* всюду являлись, какъ снѣгъ на голову:

По степахъ, по лугахъ,
По Татарськыхъ земляхъ, по Турецькыхъ горахъ,
По Чорныхъ моряхъ и по Ляцькыхъ поляхъ.

Никто не зналъ, гдѣ, когда и какъ покажутся эти безстрашные:

Козакъ лежыть на могылѣ, не думае, не гадае:
Стрепенувся да й полынувъ, вѣтеръ чубомъ грае.

Оттого ихъ молодецкая слава:

По всёму свѣту дыбомъ стала
По всёму свѣту степомъ розляглася, простяглася,
Да по всёму свѣту луговымъ гоминомъ роздалася..

Но не всѣхъ же равно могла плѣнить холостая жизнь; природа взяла свое: многіе доставали женъ себѣ въ своихъ походахъ, или просто призывали прежнихъ подругъ; а какъ въ Сѣчь не впускались *обабившіеся*, то имъ дозволялось селиться неподалеку отъ *Ковша* (sic). Изъ соединенія нѣсколькихъ *куреней* и *хатъ* этихъ послѣднихъ образовывался постепенно *хуторъ*, изъ *хуторовъ села*, и т. д.; подвигаясь далѣе и далѣе вверхъ, по Днѣпру, коего обапола лежали въ пустоши по милости Монголовъ, они, так. обр., сближались непримѣтно съ своими братьями *горожанами*, сами дѣлились *горожанами*, и образовывали незамѣтно, исподоволь *Козачество городское, полковое и осѣдлое*, давая совершенно новый видъ, новую форму *Руссинамъ*, подготовляли новую эпоху жизни, не насильно, но осторожно, черезъ противоположеніе стараго новому быту, черезъ *наглядное* сравненіе преимуществъ одного передъ другимъ. Лишовцы не прекословили разселяться, какъ менѣе непріятные имъ, какъ уже сдѣлавшіеся христіанами, у коихъ языкъ Славянскій былъ *актовымъ*, *судебнымъ и придворнымъ*, но только съ условіемъ охранять отъ нападеній непріятелей Волынь, Подолъ, Кіевъ и Черниговъ, особенно для нихъ важные; равно и Поляки въ началѣ той же системѣ слѣдовали, позволяя раздвигать имъ свои *сельбища*, до самаго Кіева (впослѣдствіи *охочекомонные*, Козаки). Наконецъ, за свои услуги, «за мужество великое на бранѣхъ», получили нѣсколько городовъ при Днѣпрѣ и за Днѣпромъ, и систематическое устройство, разныя привиллегіи, права, титулы, и т. д. «Оттолѣ болѣ въ силу Козаки ростяху (Стар. запорож. лѣтоп.)». Этимъ переходомъ ихъ въ гражданское общество, покончился *первый* періодъ ихъ жизни, *Бурлацтво Гайдамацтво,* и начался *новый гражданско-воинственный*, въ которомъ, хотя не было уже столько роздолья и беззапретности, но все же *воля вольная*, широкая, въ полномъ смыслѣ *Козацькая* (здѣсь-то и слово *Козакъ*, прежде бранчивое, коимъ Татары и подобные имъ ругали удалыхъ *Русичей* и оставили за ними навсегда, было облагорожено, возвышено, получило совсѣмъ другое значеніе, *лыцарськое* (какъ изъ слова Ritter, первоначально всадникъ, то, что разумѣютъ подъ

именемъ *Рыцарь*, Кавалеръ). Башорій, прозорливый, Великій Башорій, *«поразумѣвая о казакахъ»*, предрекъ имъ блестящую будущность: «будешъ, рече, когда-сь одъ тѣхъ юнакивъ Рѣчь посполитая вольная (Стар. Запор. лѣтоп.)». Онъ всѣми мѣрами старался привязать къ себѣ Козаковъ, «шановавъ и поважавъ, велыкіи дары даровавъ», прося, чтобы они:

Зъ ёго Ляхамы,
Якъ зъ риднымы братамы
Жылы,
А ёму, королю Польщы, якъ боговѣ,
Що жыве высоко на небѣ,
Вѣрою и правдою служылы»,

зная всю бездонность, всю мощь ихъ воли. И эта широкая, безграничная Козацкая или Рыцарская воля, nec plus ultra развернула себя, горячими, огненными буквами вписала время своего полнаго разлива въ лѣтописи, одушевленную и неодушевленную природу и память людей, особенно въ XVI и XVII в., когда Козакъ на своемъ лихомъ конѣ, далеко превышавшемъ въ быстротѣ самаго царя пернатыхъ (по словамъ пѣсни), когда онъ на этомъ *волоцюзѣ*, *розбышацѣ*, больше имъ *поважаемомъ мамы*, *тата*, *сестры*, *брата*, и не бравшій за него *срибла хочъ повную груду*, съ дугообразною *Дамасскою шаблею*, *сыпавшею зраду по всѣ вѣчны рокы*, парою мѣткихъ *пистоливъ*, съ *спысомъ*, острымъ *якъ голочка*, онъ, повитый войною, закаленный въ буести, *хмарою* налеталъ на *бусурманивъ*, грудью отстоивая свою отчизну и религію отъ ихъ наводненія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и остальную Европу. Это была пора *чести, славы и війсковои справы*:

Сама себе на смѣхъ не давала,
Непріятеля пидъ ногы топтала.

Но эта же исполинская, бездонная, адамантовая Козацкая воля, еще больше, еще рѣзче обозначила себя въ войну за *Восточную Церковь*, въ періодъ *престрашныхъ злыднивъ, бездольныхъ годынъ*, *війсковыхъ чваръ*, когда самая *трава ничила жа-*

лощами, а древо съ тугою къ земли преклонялось, когда, какъ поютъ Украинскіе рапсоды, прилетѣли *изъ западу гусы*, явились *попы въ ладивныцяхъ*, завязалась ужасная борьба въ Церкви и Обществѣ, *стала тяжка брань*, такъ что

Дывытыся горе:

потому что теперь ополчилась Вѣра противъ Вѣры:

Вѣра Вѣру боре.

Ожесточеніе съ обѣихъ сгоронъ было равное: все, что только можетъ выдумать человѣкъ въ такомъ изступленіи самаго страшнаго, смертоноснаго, вѣрнѣйшаго для истребленія себя, все это было выдумано и исчерпано до дна въ эту религіозную войну. И тщетны, суетны были всѣ усилія Папы, Іезуитовъ и Ляховъ; Козацкая воля устояла на своемъ, охранила Вѣру, родину и свободу:

...Пройшлы, изійшлы злыи незгодыны:
Немае никого, щобъ насъ подолѣлы...

Не смотря на это, Козаки, однако же, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, при всемъ напряженіи силъ умственныхъ и тѣлесныхъ, не могли добыть себѣ у своей судьбы согласія на долговременную, прочную самобытность. Въ эту самую пору провидѣнію угодно было, чтобы Сѣверная Русь, Турція, Швеція и Польша ближе столкнулись между собою, глазъ на глазъ свидѣлись, и рѣшили бы сами великую прю о первенствѣ на Востокѣ и Сѣверѣ Европы и представительствѣ ихъ предъ Западомъ и Югомъ. Сыны Украйны должны были войти въ систему Бѣлаго Царя послѣ 8-го Генваря 1654 г., послѣ изъявленной *готовности на соединеніе на вѣчныя времени, какъ одновѣрнымъ, единокровнымъ, чтобы не было разнодумья и шатости съ обѣихъ сторонъ, ежебы защитити и сохранити народъ православный отъ врага и местника, чтобы враги не посмѣвалися;* и послѣ поступленія *подъ Высокую руку*, Козаки покорились своей судьбѣ.

Такая долгая треволненная жизнь: цѣлые пять вѣковъ не влагать въ ножны меча, день и ночь вести борьбу съ внѣшними и внутренними врагами, отъ *Бурлацко-Гайдамацкаго* быта перейти къ *Козацкому*, а отъ этого, наконецъ, съ слезами на глазахъ, къ *Чумацко-Земледѣльческому* [1]), такая жизнь народа, всею душей своей привязавшагося пламенно, бѣшенно къ воинской славѣ, и чѣмъ, долѣе упивавшагося ею, тѣмъ болѣе жаждавшаго, народа, у котораго желѣзная Славянская мощь достигла высшей степени разгара, своего зенита, безъ всякой посторонней помочи и сотрудничества, но при лично-собственныхъ силахъ, такая огненная жизнь, неожиданно, ex abrupto прерванная судьбой на пути величайшаго своего разширенія, полнаго разлива, *на всемъ ходу,* на всемъ бѣгу корабля, несшагося къ землѣ обѣтованія, что спрашиваемъ, такая жизнь такого народа должна была произвести въ немъ самомъ?

Судя по человѣчески, никакого не могло быть другаго слѣдствія, какъ только одно неудовольствіе, прямо отъ глубины души шедшее и запечатлѣнное всею энергіей ея, одна досада на свою *щербатую долю.*

Потому-то и въ пѣсняхъ ихъ это неудовольствіе, эта досада, этотъ ропотъ на *долю,* вполнѣ отразились, во всѣхъ точкахъ проницаютъ ихъ, стоятъ на первомъ мѣстѣ. Чувствуя свое достоинство и полное право на лучшій жребій, но при всемъ усиліи не получая его, естественно изъ груди ихъ должны были вырваться горькія жалобы на свой рокъ, глубокая тоска, сильная грусть облечь сердце. Очень часто слышатся стоны, вопли, крики такіе болѣзненные, свѣжіе, живые, что вчужѣ заплачешь, обольешься го-

---

[1]) Указаніе на эти три періода жизни Украинцевъ находимъ въ слѣдующемъ куплетѣ одной изъ ихъ пѣсенъ:

«Ой хвортуно, хвортуныно!
Послужы жъ ще такъ корысно:
Служыла въ Бурлацьтвѣ, служыла въ Козацьтвѣ,
А послужы жъ ще й въ Чумацьтвѣ»...

рючими слезами; безнадежность же нигдѣ такъ болѣзненно, такъ нестерпимо-мрачно, такъ невыносимо-тяжело для сердца, такъ могильно не рисуется, такимъ гробовымъ холодомъ не обдаетъ, не пашетъ (sic) на васъ. Да, тутъ невольно скажешь и себѣ съ *Паліемъ* «*Лыхо жыты въ свѣтѣ*»!..

Ои пиду жъ я, пиду, да зъ сёго края пиду:
Ой покыну я да усимъ краи бѣду.
Ой оглянусь я за крутою горою,—
Ажъ иде бѣда слѣдочкомъ за мною...
Ой чого жъ ты, бѣда, за мною ввязалася?
— Я зъ тобою, безталанный, зъ тобою вѣнчалася.
Ой чого жъ ты, бѣда, за мною вчепылася?
— Я зъ тобою, безталанный, зъ тобою родылася.—

Или въ другой пѣснѣ:

Ой выйду я за ворота—погляну на провальля.
Чы всѣмъ людямъ таке жытьтя, а якъ мое безталаньня!...
Да жывить, люде добры, ой якъ то вамъ подалося,
А я буду тулятыся, бо такъ мынѣ довелося!..
Ой бодай ты, моя доле, на днѣ моря утонула,
Якъ ты мою головоньку въ неволю втопыла!..:

Характеръ женскихъ пѣсенъ--тотъ же самый. Тоска по избранномъ сердцемъ, увлеченномъ долгомъ *бороныты* Украину, долгомъ, отъ котораго ничто въ мірѣ не въ силахъ оторвать его, проклятія на виновниковъ одиночества, и отъ того жалобы на Небо, пеня на долю, сѣтованіе, скорбь, грусть, недовольство своимъ жребіемъ, и т. п., рѣдко, весьма рѣдко улыбка, растворенная счастьемъ: вотъ ихъ тема, до безконечности разнообразная. Здѣсь, кромѣ тоскливости, роптанія, часто, также, слышите безнадежное отчаяніе:

Ой хвортуно несчаслыва! що ты выробляешъ?
Дала начасъ познатыся, теперъ розлучаешъ!
Охъ вы рокы, охъ вы рокы, рокы неправдывы!

Вкоротите жытьтя мынѣ, будьте мылостывы!
Вкоротите жытьтя мынѣ, покиль въ смутку буду?
Лучьче жъ мене умертвите, то всёго забуду!
Охъ вы рокы, охъ вы рокы, хочъ не прыбувайте!
Колы вы насъ розлучылы, дакъ жытьтя не дайте!
Летѣвъ орелъ по-надъ моремъ, да й ставъ голосыты:
Тяжко важко намъ убогымъ багатыхъ любыты!
Не такъ счастьте, не такъ доля, якъ багаты люде:
Якъ розлучуть по любови, то й счастьтя не буде...
Степъ шырокый, воду выдно, мылого не бачу:
Якъ почую мову его, то заразъ заплачу.
Не зхотѣвъ же, мій мыленькый, дружыною буты:
Ой дай мынѣ того зильля, щобъ тебе забуты!
Е у мене таке зильля, блызько перелазу:
Якъ дамъ тобѣ напытыся—забудешъ одъ разу;
Буду пыты, выпываты, и капли не впущу:
Тодижъ тебе я забуду, якъ очи заплющу!...

Даже въ пѣсняхъ веселыхъ, гульливыхъ, въ коихъ дается полная, совершенная свобода разгулу, насмѣшливыхъ, издѣвочныхъ (сатирическихъ, ироническихъ), шуточныхъ, обрядныхъ, и т. п., тамъ, гдѣ всего менѣе можно было бы встрѣтить, вдругъ, сверхъ всякаго ожиданія, замѣчаете примѣсь грусти, какой-то дальній отголосокъ знакомаго гореванья, извѣстной кручины, слышите *журбу-тугу*.

Что касается до изложенія, то оно, вслѣдствіе столько дѣятельной, бурной, кипучей, полной заботъ и безпокойствъ жизни, вездѣ почти *Драматическое*, что, наоборотъ, говоритъ о сильной дѣятельности того народа, коему принадлежатъ такія пѣсни. Гдѣ дѣятельная, разнообразная, исполненная трудностей и борьбы жизнь, тамъ и лично-народныя поэтическія произведенія непремѣнно отливаются въ форму *драматическую*, безъ вѣдома виновниковъ, ихъ бытія, потому что это ихъ прямой, естественный, единственный путь, а другаго нѣтъ и быть не можетъ. Въ противномъ случаѣ Поэзія эта не была бы собой, тѣмъ, чѣмъ она есть. Поэзіей народа, его свѣтлымъ и вѣрнымъ отраженіемъ, его

чистосердечной, *щырою* исповѣдью, его откровеніемъ; иначе онъ немилосердно, безсовѣстно *лгалъ бы* самъ на себя; а народы, отколь свѣтъ стоитъ, въ такихъ обстоятельствахъ, по свидѣтельству и мертвыхъ и живыхъ, никогда не притворствуютъ, не *лгутъ*. Если гдѣ, такъ именно здѣсь, и только здѣсь, извѣстная пословица: «гласъ народа—гласъ Божій», имѣетъ свое настоящее предложеніе. свое законное мѣсто. Въ этомъ отношеніи пѣсни Южно-Русскія—единственныя въ своемъ родѣ, стоятъ выше пѣсенъ всѣхъ прочихъ Славянскихъ племенъ, у коихъ рѣдко, очень рѣдко, встрѣтите драматическое положеніе, составляющее, потому, случайное явленіе, между тѣмъ какъ у первыхъ оно необходимое, повсемѣстное, существенно-естественное, природное свойство. Пѣсни Украинскія столько выше пѣсенъ другихъ Славянъ, сколько Драма выше прочихъ другихъ родовъ Поэзіи, составляя собой какъ соединеніе, единство всѣхъ ихъ въ одной себѣ, такъ и послѣднюю цѣль, конечное, полное, гармоническое развитіе всякой Поэзіи, сколько дѣйствіе превосходитъ умствованіе, чувствованіе—разсказъ, описаніе, и т. п. Кромѣ того, онѣ выше прочихъ и своею музыкой, напѣвомъ, голосами, языкомъ, въ высокой степени поэтическимъ и музыкальнымъ (который, въ этомъ случаѣ, сравнивать можно только, изъ древнихъ съ Греческимъ, изъ новыхъ съ Итальянскимъ), стихосложеніемъ, заключающимъ въ себѣ и размѣръ, и тонику, и риѳму, удивительно свободнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стройнымъ, разнообразнымъ и богатымъ, своею многочисленностію и разнородностію и т. д. [1]). Поэтому мы не

---

[1]) Все, сказанное нами теперь, слѣдовало бы подтвердить доводами, но это далеко бы отвлекло насъ за предѣлы нашего разсужденія; тѣмъ не менѣе, однако же, все это справедливо. Кто хорошо знакомъ съ языками Славянскими и ихъ народною и искусственною Литературой, тотъ, безъ сомнѣнія, не сочтетъ словъ нашихъ парадоксомъ, или еще хуже, пустымъ хвастовствомъ. Въ свое время мы надѣемся изложить этотъ важной предметъ во всей его обширности, и доказать его истинность. Что же касается до многочисленности пѣсенъ Украинскихъ, то скажемъ, что въ нашемъ собраніи ихъ, котораго отнюдь не выдаемъ за полное, начатомъ за 7 лѣтъ предъ этимъ и наполня-

думаемъ, чтобы какой-нибудь другой народъ, не исключая, даже, и остальныхъ Славянъ, могъ быть столько *пѣснолюбивымъ, пѣсеннымъ*, какъ Южные Руссы (Украинцы, Малороссіяне): тамъ на все и во всякое время—своя пѣсня, не одна, но цѣлыя сотни. Любовь къ музыкѣ и пляскѣ неразрывно соединяется у нихъ съ любовію къ пѣнію и пѣснямъ, идутъ объ руку: «*Москаль до чытання, Ляшокъ до скакання*, а *нашъ братъ Козакъ до спивання*»,—говоритъ ихъ пословица, вѣрно характеризующая въ этомъ случаѣ три сосѣдственные и одноплеменные между собой народы. Пѣсня—дневникъ Малороссіянина, въ который онъ вноситъ все, что ни мыслитъ, ни чувствуетъ, ни дѣлаетъ. «Въ этомъ отношеніи»,—справедливо замѣчаетъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ писателей, хорошо постигающій Малороссію *(Н. Гоголь)*,—пѣсни для Малороссіи—все: и Поэзія, и Исторія, и отцевская могила (См. ст. о Малоросс. пѣсняхъ въ его Арабескахъ). Онѣ могутъ вполнѣ назваться историческими, потому что не отрываются ни на мигъ отъ жизни и всегда вѣрны тогдашней минутѣ, тогдашнему состоянію чувствъ». Описанія въ нихъ, такъ сказать, мимоходомъ, эпизодическія, при всемъ томъ всегда удивительно согласныя съ природою. Въ нихъ, обыкновенно, самыя рѣзкія, характеристическія черты предмета схватываются, и то, большею частію, употребляются лишь для точнѣйшаго, сильнѣйшаго выраженія душевныхъ чувствъ, лавою исторгающихся изъ глубины сердца и ни на мгновеніе не охлаждаемыхъ многорѣчіемъ или длиною періода; напротивъ, всюду порывъ страсти, сжатость, твердость, лаконизмъ выраженія, простодушіе, естественность, особенная нѣжность и сила чувствъ. Вообще должно сказать, что эти образы, уподобленія, сравненія и т. д., въ пѣсняхъ Южно-Русскихъ отличаются всею безыскусственностію, непринужденностію, всею ненатянутостью, самобытностью, природнымъ изяществомъ и поразительной точностью, между тѣмъ какъ въ

емомъ пѣснями, собранными только въ одной Полтавской губерніи, то въ немъ теперь имѣется уже слишкомъ за *восемь тысячъ*, 8,000 пѣсенъ.

пѣсняхъ Сѣверо-Русскихъ видно, по замѣчанію *Максимовича* «больше искусственности, нѣкотораго рода произволъ, желаніе прикрасъ» (См. Предисл. въ Малорос. пѣснямъ). Сравненія послѣднихъ—безпрерывно *отрицательныя;* напротивъ того сравненія первыхъ вездѣ, исключая развѣ кой-какія Думы и Историческія пѣсни, постоянно—*положительныя.* Отъ этой-то любви къ положительному, нѣкоторымъ образомъ, происходитъ положительность даже въ самомъ выраженіи единичныхъ предметовъ, взятыхъ изъ внѣшняго (иногда и внутренняго) міра, и замѣняющихъ собой цѣлое, родъ ихъ, для означенія какого-нибудь обстоятельства, мѣста, времени, бывшихъ свидѣтелями того или другого случая, той или другой были:

Въ недѣлоньку рано розигралося море:
Не одному сыну на чужынѣ горе!

—

Шлы коровы изъ дубровы, овечкы изъ поля:
Выплакала кары очи кры Козака стоя.

—

Черезъ гору орелъ воду носыть:
Дѣвчынонька Козаченька просыть.

—

Рыбалочка по бережку да рыбоньку ловыть,
А мылая по мылому бѣлы ручкы ломыть.
Рыбалочка по бережку да рыбоньку удыть,
А мылая по мылому бѣлымъ свѣтомъ нудыть.
Рыбалочка по бережку рыбоньку хапае,
А мылая по мылому тяженько вздыхае.
Рыбалочка по бережку якъ ластивка вьецьця,
А мылая по мылому якъ орлыця бьецьця» [1]).

Опредѣленіемъ и объясненіемъ характера малорусскихъ пѣсенъ О. М. Бодянскій и заканчиваетъ собственно характеристику

---

[1]) О народной поэзіи славянскихъ племенъ, стр. 122—138.

пѣсенъ отдѣльныхъ славянскихъ народовъ. О пѣсняхъ остальныхъ славянъ онъ не говоритъ уже потому, что въ его время не существовало ихъ сборниковъ.

Конецъ книги посвященъ опредѣленію отличительныхъ свойствъ, общихъ пѣсенъ всѣхъ славянъ[1]). Во всѣхъ ихъ пѣсняхъ О. М. Бодянскій находитъ «какую то всеобщую *томность*, меланхолическое, жалостное *тоскливое чувство*, какую то *унылость*, печальность, траурность, какое то *грустное*, скорбное повѣтріе, что то мрачное, замѣтное, даже тамъ, гдѣ, по всему, нельзя было ожидать его, гдѣ самое содержаніе веселое, радостное» [2]). Всѣ славянскія пѣсни, по его мнѣнію, отличаются простотой и естественностью замысла и изложенія, самостоятельностью исполненія, совершенствомъ отдѣлки, необыкновенною рѣзкостью и энергіей выраженій. «Проникнуты онѣ какой-то братской любовью людей къ природѣ, патріархальной близостью съ предметами видимаго міра. Отсюда участіе въ пѣсняхъ славянъ существъ одушевленныхъ и нѣмыхъ, получающихъ на этотъ разъ душу, умъ, голосъ, языкъ и т. д. преимущественно же птицъ. Кромѣ того пѣсни славянскихъ племенъ особенно отличаются своими уменьшительными, предпочтительно любимыми, нѣсколько разъ повторяющимися, своими подражательными природѣ, словами» [3]).

Вскорѣ послѣ выхода книги Бодянскаго въ свѣтъ, о ней появилась небольшая критическая замѣтка въ «Библіотекѣ для чтенія». Говорятъ, замѣтка эта принадлежала перу извѣстнаго Сенковскаго.

«Славяне—*первый* народъ въ мірѣ по своему поэтическому характеру, и пѣсни ихъ показываютъ *славу* и *добродѣтели* великаго народа славянскаго. Вотъ тема на которую г. Бодянскій написалъ новыя варіаціи—говоритъ Сенковскій.

Казалось бы, спорить тутъ не о чемъ. Первобытная пѣсня вездѣ составляетъ одно изъ основаній всякой народной поэзіи

---

[1]) Тамъ же, 149—152 и стр. 154.

[2]) О народной поэзіи, стр. 147—152.

[3]) Тамъ же, стр. 146.

но это еще не поэзія, а лепетанье младенца, и оно у каждаго народа отличается особыми достоинствами. Романсъ испанца, пѣсня араба, сага скандинава, легенда германца, всѣ прекрасны въ своемъ мѣстѣ и подъ своею точкою зрѣнія. Потомъ у каждаго народа наступаетъ эпоха заимствованія, учености, и наконецъ, уже изъ нея развиваются начала поэзіи истинно національной, настоящей поэзіи,—сложный результатъ климата, мѣстности, рода жизни и исторіи.

Но западные славяне, г. Венелинъ, г. Бодянскій не такъ думаютъ объ этомъ дѣлѣ. Для нихъ все заключено въ первобытной поэзіи: славяне являются на этомъ поприщѣ самымъ славнымъ поэтическимъ народомъ, и, слѣдственно, изъ всѣхъ народовъ въ мірѣ, ни у кого поэзія «не была такъ дома», какъ у славянъ. Съ энтузіастами разсуждать невозможно. Скажемъ, однакожъ, что въ диссертаціи г. Бодянскаго есть много частныхъ дѣльныхъ замѣчаній и любопытныхъ подробностей, которыя показываютъ большую начитанность и близкое знакомство съ славянскими языками» [1]).

При всемъ уваженіи къ трудамъ О. М. Бодянскаго, нужно все-таки сказать, что замѣчанія Сенковскаго заключаютъ въ себѣ очень много вѣрнаго. Правда, проф. А. А. Кочубинскій видитъ въ нихъ ни больше, ни меньше, какъ простую «издѣвку» надъ трудомъ О. М. Бодянскаго [2]). Но мы считаемъ такое мнѣніе совершенно несправедливымъ. Диссертація Бодянскаго построена, дѣйствительно таки односторонне, мысли, развитыя въ ней требуютъ большей обоснованности и меньшей парадоксальности, чѣмъ мы это находимъ. На это, въ сущности, и указывалъ Сенковскій.

Въ концѣ мая 1837 года О. М. Бодянскій защищалъ диссертацію и получилъ степень магистра. Защита была признана «весьма удовлетворительною» [3]). Тогда серьезно былъ поставленъ

---

[1]) Библіотека для чтенія 1837 г., т. XXIII, отд. VI. Литературная лѣтопись, стр. 16.

[2]) Вѣст. Европы, 1896 г., іюль, стр. 191—192.

[3]) Тамъ-же, стр. 191.

вопросъ объ отправленіи его за границу, для приготовленія къ профессурѣ. А. А. Котляревскій на основаніи разсказовъ современниковъ, не отвергаемыхъ и самимъ Бодянскимъ, передаетъ, что въ этомъ отношеніи О. М. Бодянскому много помогла статья, помѣщенная Бодянскимъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ» о книгѣ Булгарина «Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ» [1]).

«Книга эта, по отзыву покойнаго К. Н. Бестужева-Рюмина, отличающаяся нѣкоторымъ чисто-юношескимъ увлеченіемъ, построена на чрезвычайно—вѣрной мысли: русская исторія должна быть изучаема въ связи съ славянскою и вообще евпропейскою; большая, хотя неупорядоченная начитанность, ясность мысли и талантъ изложенія выдвигаютъ высоко эту книгу» [2]). Она была подписана Ѳ. Булгаринымъ, но собственно не онъ былъ авторомъ ея, а молодой дерптскій ученый Н. А. Ивановъ, бывшій впослѣдствіи профессоромъ въ Дерптѣ и въ Казани. Нуждаясь въ деньгахъ и не имѣя возможности издать книгу на собственныя средства, Ивановъ обратился за содѣйствіемъ къ Ѳаддею Булгарину. Тотъ согласился, но подъ условіемъ, чтобы авторомъ книги былъ названъ онъ. Въ такомъ видѣ книга и вышла въ свѣтъ. Вся эта исторія была затѣмъ разоблачена дерптскимъ профессоромъ Крузе въ «Jenaische Allgemeine Litteratur-Zeitung» и надѣлала много шума. Булгаринъ, не докончивъ изданіе «Россіи», уѣхалъ за границу и долго оттуда не возвращался» [3]).

Критическая статья О. М. Бодянскаго объ этой книгѣ появилась въ печати до разоблаченій Крузе. Подписана она псевдонимомъ «Далиборъ О. Варвинскій» и помѣчена Переяславомъ, конечно, полтавскимъ [4]).

О. М. Бодянскій не зналъ о происхожденіи книги и говоритъ, поэтому о ней, какъ о произведеніи Ѳ. Булгарина. Кри-

---

[1]) Московскій Наблюдатель, 1837 г., апрѣль кн. I.

[2]) *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.* Русская исторія, т. I. Введеніе, стр. 232.

[3]) Заря 1871 г., кн. 4. Изъ воспоминаній петербургскаго старожила. Четверги у Греча, стр. 35—36.

[2]) Московскій Наблюдатель 1837 г., апрѣль, кн. I.

тическая статья его чрезвычайно рѣзка. Эта рѣзкость была вызвана тѣмъ самодовольно-нахальнымъ тономъ, которымъ Ѳ. Булгаринъ написалъ свое *Введеніе* къ книгѣ. «Какъ нашъ вѣкъ ни недовѣрчивъ, говоритъ Бодянскій, какъ ни мало расположенъ онъ вѣрить кому-бы то ни было на слово, но все еще мы не дошли до той степени отчаяннаго скептицизма въ совѣсть человѣка, чтобы сколько-нибудь не повѣрить ему, когда онъ такъ, какъ г. Булгаринъ, станетъ твердить намъ: «*Я* составилъ собственную свою систему и методу изложенія;—*Я* ввелъ въ *мою* Русскую исторію *всѣ важнѣйшія* всемірныя событія;—*Я* представилъ *полные* очерки Вѣры, законодательства, Правленія, Управленія, нравовъ и обычаевъ различныхъ народовъ, бывшихъ въ прямыхъ или косвенныхъ сношеніяхъ съ нашими предками... *Я* сдѣлалъ то, что въ моей книгѣ «*каждая* эпоха представляется въ своемъ подлинномъ характерѣ, причины объясняются *сами собою*, а послѣдствія ведутъ всякаго къ собственнымъ заключеніямъ. Читатель *поневолѣ долженъ* думать, разсуждать и поучаться.—*Я* открылъ въ историческихъ источникахъ *новыя стихіи*, *новыя* качества и свойства. Многое, что до *меня* почиталось истиннымъ, кажется лишь ложнымъ, или сомнительнымъ, многое, что считалось ложнымъ, или сомнительнымъ, не заслуживающимъ вниманія принято мною или за истинное, или за важное вспомогательное или за достойное особеннаго вниманія. Для отысканія истины, *я* употреблялъ *всѣ* извѣстныя средства и *всѣ* системы, призвавъ *здравый смыслъ* на помощь памяти и науки»... Дальше слѣдуютъ выписки изъ книги Булгарина въ такомъ же родѣ[1])... *Я* устраняю всѣ безхарактерныя событія и избираю только тѣ, которыя имѣли вліяніе на судьбу народа и государства. *Дѣло велъ я совѣстно*».

Хотя въ послѣднемъ никто не сомнѣвается—говоритъ Бо-

---

[1]) Подробная выписка изъ статьи О. М. Бодянскаго сдѣлана А. А. Котляревскимъ. См. Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 435—539.

дянскій съ ироніей, конечно, но если бы авторъ «Россіи» могъ выполнить и десятую долю того, что обѣщаетъ въ Введеніи, то вся книга его была бы первенствующею между историческими сочиненіями не только въ нашей, не довольно еще богатой самостоятельными трудами литературѣ, но и во всѣхъ древнихъ, новыхъ и допотопныхъ... Теперь вѣковыя задачи ума рѣшены. «Я не хотѣлъ, говоритъ почтенный авторъ, чтобы *мои* читатели, занимаясь *моею* Русскою исторіею, заглядывали въ другія книги, чтобы они припоминали читанное, справлялись или поучались въ другихъ авторахъ». Альфа и омега человѣческаго разумѣнія! Имѣя такую книгу, мы можемъ уже безъ всякой потери оставить въ покоѣ всѣ другія книги и замѣнить ихъ однимъ сочиненіемъ Булгарина; читатели *поневолѣ должны будутъ думать, разсуждать и поучаться*, за что не брались ни логика, ни математика. Такова-то наша ручная книга для русскихъ всѣхъ сословій!!!

Но оставимъ шутки. Скажите, ради Бога, случалось ли кому-нибудь на Руси читать подобныя объявленія? За кого насъ принимаютъ, думая увѣрить, что мы... но пусть говоритъ самъ г. Булгаринъ: «прежде нежели я принимаю показанія писателей *древнихъ, среднихъ вѣковъ и новаго времени*, я разсматриваю: 1) кто онъ былъ; 2) какъ былъ образованъ; 3) къ какой принадлежалъ вѣрѣ, сектѣ или политической и литературной партіи; 4) гдѣ писалъ и подъ какими условіями или вліяніемъ; 5) въ какихъ отношеніяхъ находился къ народу, котораго событія описывалъ; 6) какими источниками пользовался; 7) былъ ли самовидцемъ, или писалъ по слухамъ; 8) въ чьихъ рукахъ хранилась рукопись до напечатанія или до обнародованія ея»... Г. Булгаринъ основывается, напримѣръ, на Геродотѣ, Страбонѣ, Тацитѣ, Птолемеѣ, Цезарѣ: легко жъ ли это ему было доискаться о каждомъ изъ нихъ: кто онъ былъ? какъ былъ образованъ? къ какой принадлежалъ вѣрѣ, сектѣ или политической и литературной партіи, и въ чьихъ рукахъ находилась рукопись до напечатанія или до обнародованія ея? когда этого не могли привести въ ясность и

всѣ совокупныя усилія европейскихъ филологовъ! Удобно ли ему было заниматься византійскими историками и западными латинскими лѣтописцами, когда въ одно и то же время онъ писалъ и издавалъ Выжигиныхъ, Чухиныхъ и еще кое-что въ этомъ родѣ! Обращаюсь, говоритъ Бодянскій, съ этимъ вопросомъ ко всѣмъ 2656 подписчикамъ, выставленнымъ въ концѣ 1-й части. И потому, прежде нежели начнутъ читать Булгарина, пусть они сами послѣдуютъ его благоразумному примѣру и разберутъ его собственные вопросы... Просмотрѣвъ такимъ образомъ сочиненіе, каждый уже будетъ знать, какое мѣсто дать ему въ ряду историческихъ сочиненій» [1].

Въ своей критической статьѣ Бодянскій обращаетъ главное вниманіе на исторію славянъ и старается разсмотрѣть, какими источниками пользовался Булгаринъ и какъ онъ ими пользовался? Выводы получились самыя неблагопріятныя: неправильное толкованіе источниковъ, странныя заключенія, отсутствіе ссылокъ на авторовъ... «Незнакомый съ твореніями писателей, говоритъ Бодянскій, подумаетъ, что все, насказанное въ нихъ О. В. составляетъ его *благопріобрѣтенную* собственность, добытую кровными трудами, честнымъ, и, выражаясь его же словами, *совѣстнымъ* образомъ. Кто такъ *совѣстно ведетъ свое дѣло*», у кого такое «крайнее разумѣніе», тотъ можетъ «не жалѣть времени для сохраненія воспоминаній о подвигахъ principis terrarum populi, можетъ надѣяться, что въ толпѣ историковъ имя его *озарится славою*, не мучить себя «блескомъ и величіемъ своихъ счастливыхъ совмѣстниковъ». Вѣдь и его подвигъ «*стоилъ* ему *много труда, времени и терпѣнія*». Какъ не скажешь послѣ этого съ Гораціемъ: Nil hominibus arduum est» [2])!

Статья Бодянскаго заканчивается словами: «переходимъ къ разбору *второй* части «Россіи» Г. Булгарина»; но такой статьи не появлялось въ печати. Вторая статья писана уже не Бодян-

---

[1]) Московскій Наблюдатель, 1837 г., апрѣль, кн. I. Критика, стр. 398—400.

[2]) Тамъ-же, стр. 422.

скимъ, а И. Кумеровымъ и посвящена статистикѣ Россіи. Продѣлка Ѳ. Булгарина была въ это время разоблачена, и И. Кумеровъ говоритъ о Булгаринѣ только какъ о *хозяинѣ* книги, авторомъ же называетъ Иванова[1]). Отзывъ И. Кумерова, въ общемъ, довольно благопріятенъ для книги Иванова.

Хотя замѣчанія Бодянскаго по существу книги, изданной Булгаринымъ, должны относиться собственно къ Иванову (кромѣ, конечно введенія, которое цѣликомъ написано Булгаринымъ), но такъ какъ авторство его не было извѣстно, то вся статья была направлена противъ Булгарина и произвела очень сильное впечатлѣніе въ обществѣ, особенно послѣ того, какъ Крузе разоблачилъ исторію книги. Мы уже знаемъ, что современники разсказывали, будто бы эта то статья собственно и выдвинула О. М. Бодянскаго и доставила ему кафедру въ университетѣ [2]). Но это положительно не вѣрно. Факты говорятъ, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ другое.

Ник. Василенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Московскій Наблюдатель, 1837 г., ч. XII, іюнь. Критика стр. 326 и слѣд.

[2]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 435.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Два письма къ Н. И. Костомарову. Н. И. Костомаровъ всегда стремился какъ можно разностороннѣе изучить изслѣдуемыя имъ историческія явленія. Какъ извѣстно, онъ не ограничивался одними лишь письменными матеріалами; онъ обращалъ много вниманія также и на устныя сказанія, старался собрать и узнать ихъ, вводилъ ихъ въ свое повѣствованіе. Чтобы добыть ихъ и, главное, чтобы какъ можно живѣе представлять себѣ и потомъ изложить для читателей всѣ условія мѣстности, гдѣ нѣкогда совершались историческія событія, Николай Ивановичъ предпринималъ туда поѣздки, подробно осматривалъ и изучалъ всѣ замѣчательныя въ историческомъ отношеніи мѣста, всѣ сохранившіяся древности. Такъ поступалъ Костомаровъ смолоду въ 40-выхъ годахъ прошлаго вѣка, когда готовилъ свой трудъ о Богданѣ Хмельницкомъ—онъ объѣхалъ тогда всѣ мѣста, гдѣ разыгрывалась эта великая историческая эпопея; такъ поступалъ онъ и впослѣдствіи: въ концѣ 70-хъ годовъ, уже старикомъ, посредствомъ личнаго посѣщенія изучалъ онъ мѣстности, ознаменованныя дѣятельностью Мазепы, монографію о которомъ онъ тогда готовилъ. Онъ побывалъ въ Кіевѣ, гдѣ списалъ полуистертую надпись на могилѣ Искры и Кочубея, тогда еще существовавшей на лаврскомъ дворѣ. Посѣтилъ онъ также Батуринъ и очень тщательно изучилъ его, а поѣздку свою въ эту столицу Мазепы онъ описалъ въ газетѣ «Порядокъ» (1881 г., № 87). По поводу этой статьи ему замѣтили, что онъ назвалъ мѣсто жительства Мазепы въ Батуринѣ «Гончаровкой», тогда какъ оно называлось «Городокъ». Кромѣ того, по напечатаніи монографіи о Мазепѣ, протоіерей П. Г. Лебединцевъ въ письмѣ указалъ Николаю Ивановичу,

что онъ неправильно скопировалъ надгробную надпись на могилѣ Искры и Кочубея; неправильность эта вполнѣ понятна, если вспомнить слабое зрѣніе историка и истертость самой надписи. Эти указанія покойный историкъ, повидимому, рѣшилъ имѣть въ виду при слѣдующемъ изданіи изслѣдованія о Мазепѣ. Для этой цѣли онъ вложилъ въ оставленный имъ для собственной библіотеки томъ своей монографіи о Мазепѣ письмо П. Г. Лебединцева о надгробной надписи, а также письмо А. М. Лазаревскаго, въ которомъ послѣдній между прочимъ касается и вопроса о Гончаровкѣ, подтверждая правильность указанія Николая Ивановича.

Просматривая этотъ томъ по поводу предпринятаго Обществомъ Пособія Литераторамъ и Ученымъ (Литературный фондъ) изданія «Собранія сочиненій Н. И. Костомарова», вдова покойнаго, Алина Леонтьевна, нашла эти два письма и любезно предоставила ихъ для напечатанія въ нашемъ журналѣ.

Вотъ эти письма:

I. *Письмо А. М. Лазаревскаго.*

Глубокоуважаемый Николай Ивановичъ! Кое-какія свѣдѣнія о женѣ Мазепы у меня найдутся, но сообщить эти свѣдѣнія я могу Вамъ не раньше октября, такъ какъ теперь у насъ горячее время, по случаю каникулъ, когда судъ работаетъ только въ половинномъ составѣ.

Повидимому, Мазепа женатъ былъ на вдовѣ какого-то поляка Фридрикевича, такъ какъ не разъ встрѣчается въ показаніяхъ разныхъ свидѣтелей нач. XVIII в. «пасынокъ Мазепы Криштофъ Фридрикевичъ».

Очень жалѣю, что не видѣлъ Васъ въ нашихъ мѣстахъ. Въ Батуринѣ Вы, конечно, ничего не нашли послѣ Меншиковской Руины. Лѣтъ пятнадцать назадъ я нарочно поселился было въ Батуринѣ, чтобы порыться въ людской памяти но ничего не добылъ... Мазепа жилъ въ Батуринѣ, на Гончаровкѣ, которая составляетъ предмѣстье около такъ называемой Тепловки; а передъ измѣной, онъ укрѣпилъ такъ называемый Городокъ, гдѣ теперь пасѣка извѣстнаго нашего пчеловода Великдана.

Замѣтили-ли Вы въ «Пчелѣ» 1876 г., кажется, рисунокъ Шевченка «Остатки дома Мазепы въ Батуринѣ». Откуда взялъ Ш. этотъ рисунокъ—трудно угадать, такъ какъ объ оригиналѣ людская память

и пятнадцать лѣтъ назадъ ничего не сохранила. Притомъ же, по преданію, послѣ разоренія Батурина въ 1708 г., въ немъ осталось только три дома, въ томъ числѣ и Кочубеевскій домикъ, который теперь обезображенъ неумѣлымъ реставраторомъ. (Но подвалы въ этомъ домикѣ и теперь хороши, съ тѣми кольцами, на которыхъ висѣли бочки со всякимъ питіемъ).

Есть у меня и о Мазепѣ кой-какія частныя свѣдѣнія, напр. о тѣхъ взяткахъ, которыя онъ бралъ у старшинъ за уряды и за универсалы; о его хозяйствѣ, пока онъ былъ еше «дворяниномъ» Самойловича.—Все это сообщу Вамъ, буде понадобится, со всякою охотою. Въ Москвѣ Вы, разумѣется, найдете не мало малоизвѣстныхъ свѣдѣній въ Архивѣ М. И. Д.; но кое-что, вѣроятно, есть и въ бывшемъ архивѣ Ник. Маркевича, въ Румянцевскомъ музеѣ; архивъ Маркевича набранъ изъ дѣлъ Генеральной канцеляріи, сохранившейся, впрочемъ, лишь съ 1709 г., такъ какъ прежній архивъ сгорѣлъ при взятіи Батурина.—Лучшія архивныя свѣдѣнія о Батуринѣ въ томъ видѣ, какъ онъ взятъ былъ Меншиковымъ въ свое владѣніе въ 1727 г., кажется, имѣются у Никол. Бѣлозерскаго (младшій братъ Василія Мих-ча), зарывшаго не мало добытыхъ имъ шпаргаловъ въ его хуторѣ, подъ Борзною. О сподвижникахъ Мазепы также многое у меня есть; но желательно бы знать о комъ и чтó Вамъ нужно. Ближайшими людьми къ Мазепѣ были Дмитрій Горленко, Ломиковскій и Апостолъ. О первомъ, что зналъ, я напечаталъ въ Русск. Арх. 1875 г. Апостола Вы знаете, вѣроятно, лучше меня, изъ Московск. архива, а о Ломиковскомъ свѣдѣнія въ его завѣщаніи, въ Харьковскомъ Молодикѣ 1844 г.

Будьте здоровы! Искренно уважающій Васъ Ал. Лазаревскій.

1 сентября 1878 г. Нѣжинъ.

—

II. *Письмо прот. П. Г. Лебединцева.*

Пречестнѣйшій Господине Николай Петровичъ! Дочитавшись въ Вашей книжкѣ о Мазепѣ до казни Искры и Кочубея, встрѣтилъ я тамъ надгробіе имъ, скопированное въ непр вильномъ видѣ. Не желая, чтобы эти эррары повторялись при новомъ изданіи Вашей прекрасной книги, сообщаю Вамъ на оборотѣ сего сіе надгробіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно возстановлено М. А. Максимовичемъ и напечатано мною въ «Кіев. Еп. Вѣдомостяхъ» за 1866 годъ.

Къ сему считаю не излишнимъ присовокупить, что по мѣстному преданію они, по доставленіи въ Борщаговку, содержались въ хатѣ, на нынѣшней священнической усадьбѣ, а потомъ ведены для казни за мѣстечко, на гору, по дорогѣ въ с. Кашевъ, и казнь ихъ совершена тамъ на мѣстѣ, на которомъ близъ дороги виднѣется и теперь довольно большая могила. Вѣроятно, по этой возвышенности, на правомъ берегу р. Роси, стоялъ обозъ Мазепы.

Пожелавъ при семъ случаѣ Вамъ доброго здоровья и душевнаго спасенія въ наступившіе дни В. Поста, остаюсь съ глубокимъ уваженіемъ Вамъ преданный Петръ Лебединцевъ.

2 марта 1883 г. Кіевъ.

Кто еси мимо грядый о насъ невѣдущій,
Елицы здѣ естесмо положени сущи?
Понеже намъ страсть и смерть повелѣ молчати,
Сей камень возопіетъ о насъ ти вѣщати:
Ижъ за правду и вѣрность ку Монарсѣ нашу
Страданія смерти испилисмо чашу.
За уданемъ Мазепы, о Всевѣдче правый,
Посѣчени зоставше топоромъ во главы,
Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матери Владычны,
Подающей всѣмъ своимъ рабомъ животъ вѣчный.

Старинная картина не на своемъ мѣстѣ. Въ Софійскомъ соборѣ, на хорахъ, находится очень древній чудотворный образъ св. Николая, именуемаго *Мокраго*. Это наименованіе дано иконѣ въ память чудеснаго спасенія младенца, котораго уронили въ Днѣпръ родители, ѣхавшіе лодкой изъ Вышгорода въ Кіевъ, и который на другое утро былъ найденъ живымъ и невредимымъ въ Софійскомъ храмѣ, предъ этой иконой. По преданію, событіе это произошло въ концѣ XI вѣка.

Подъ колокольней собора, на стѣнѣ, прибита старинная картина, изображающая это самое событіе. Писана она на холстѣ, въ чорныхъ деревянныхъ рамахъ, около $2^1/_4$ аршинъ длины и $1^3/_4$ высоты. На ней изображены два момента: въ лѣвой части картины виденъ широкій разливъ Днѣпра съ неясными очертаніями отдаленнаго Вышгорода; на срединѣ рѣки лодка съ двумя фигурами въ ней, изъ коихъ

одна въ ужасѣ подняла вверхъ руки надъ упавшимъ въ воду спеленаннымъ ребенкомъ. Остальныя двѣ трети полотна заняты изображеніемъ другого момента: представлена внутренность храма, вправо кіотъ съ образомъ св. Николая, по обѣимъ сторонамъ его иноки въ мантіяхъ, а внизу лежитъ спеленанный цвѣтнымъ «повивачомъ» младенецъ. Слѣва къ нему приближаются изумленные родители, а за ними видны фигуры какихъ-то молодыхъ женщинъ. Все это изображено довольно живо и искусно, но манерно, совершенно въ стилѣ южнорусской живописи XVIII ст. Въ изображеніи родителей спасеннаго ребенка замѣтна даже попытка художника воспроизвести мѣстный типъ и костюмъ. Внизу подъ картиной, на бѣломъ полѣ, идутъ силлабическія вирши:

За князя Всеволода и митрополіта
Ефрема, бывшаго здѣ на престолѣ лѣта
Тысяща девятьдесятъ втораго, святитель
Чудотворецъ Николай въ Софійску обитель
Призрѣвъ свыше, гдѣ его Икона святая,
Возлюбилъ мѣсто сіе и въ даръ себѣ в . . . ая [1])
Съ вѣрою приходящихъ, началъ здѣ оттомъ
Различная чудеса творити по волѣ
Бога всеблагаго. Межъ тыми чудесами
Въ первихъ есть знаменито се, что предъ очами:
Пловущимъ съ Вышгорода кіевлянамъ, мало
Дитя внегда . . . . . . въ Днѣпръ упало,
И абіе утопе; но какъ въ домъ прибили
И къ сему святителю горько возопили,
Услышалъ ихъ: нощію взявъ зъ воды ихъ сына,
Внеслъ въ церковъ предъ свой образъ жива. Се причина,
Что сего чудотворца Мокримъ называютъ.
При сей Иконѣ и днесь цѣльбы многи получаютъ.
Здѣлано 1768 году, генваря 30 дня.

Такимъ образомъ предъ нами точно датированная картина кіевскаго письма половины XVIII вѣка. Уже по этому одному, не говоря о ея художественномъ достоинствѣ, картина эта заслуживаетъ самаго

[1]) Точками означены буквы и цѣлыя слова, которыхъ нельзя уже прочесть вслѣдствіе того, что краска совсѣмъ облѣзла.

тщательнаго храненія, ибо много ли сохранилось у насъ памятниковъ мѣстной живописи половины позапрошлаго столѣтія? И болѣе чѣмъ странно видѣть, что такая художественная древность хранится не въ храмѣ и не въ музеѣ, а въ воротахъ подъ колокольнею, гдѣ ее заноситъ пылью, дождемъ и снѣгомъ. Когда и кому пришла странная мысль помѣстить ее здѣсь—не знаемъ; въ извѣстномъ «Описаніи Кіева» Н. Закревскаго, составленномъ въ 1865 г., эта картина отмѣчена тамъ же, гдѣ и нынѣ. Очевидно, она находится здѣсь около 40 лѣтъ, если не больше. И нужно только удивляться тому, что, подвергаясь такъ долго разрушительному дѣйствію влаги и пыли, она все еще хорошо сохранилась; только нижнія строки виршей нѣсколько испортились. Пора, давно пора убрать отсюда эту драгоцѣнность и помѣстить ее туда, гдѣ всего приличнѣе находиться ей,—въ Церковно-археологическій музей при Дух. Академіи.

О. Л.

Къ исторіи народнаго повѣрья о „скарбахъ“ (кладахъ). Нахожденіе кладовъ было исконнымъ явленіемъ на территоріи Южной Руси. Въ огромномъ количествѣ они остались здѣсь еще отъ древнихъ кочевниковъ и затѣмъ съ великокняжеской эпохи. Статутъ Литовскій 1566 года уже трактуетъ «о найденью скарбу, захованого въ земли або у якомъ покладеню», какъ о фактѣ обычномъ: «Уставуемъ, коли бы ся трафило кому налѣзти (найти) въ земли який скарбъ: гроши, золото, серебро або иншое, яко се трафляеть находити»... (Розд 9, артыкулъ 20). Въ томъ же XVI в. на пустынныхъ степяхъ нынѣшней Полтавщины, въ тогдашнихъ «Сиверскихъ уходахъ», мы встрѣчаемъ кладоискательство, какъ спеціальный промыселъ; такихъ промышленниковъ называли тогда «копачами». Въ 1552 г. каневскіе мѣщане жаловались королевскимъ люстраторамъ, что имъ много вредятъ («переказують») въ пользованіи тѣми «уходами» «копачи зъ драбовъ [1]), которые по городищамъ и селищамъ ходячи, могилы (курганы) роскопываютъ, ищущи тамъ обручей а перстеней, мощи погребенныхъ выкидываютъ, на помъсту за то живымъ и невиннымъ» [2]).

---

[1]) Драбами назывались жолнеры-пѣхотинцы; въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о мѣстномъ замковомъ гарнизонѣ.

[2]) Архивъ Юго-зап. Россіи, часть VII, т. I, стр. 103.

Между тѣмъ условія тогдашней жизни—частыя войны, безпрестанныя вторженія татаръ постоянно способствовали новому накопленію кладовъ въ нѣдрахъ земли: во время подобныхъ тревогъ жители разбѣгались по лѣсамъ и болотамъ, а болѣе цѣнное имущество—деньги, утварь и т. под. зарывали въ землю. Не всѣ владѣльцы зарытаго добра благополучно возвращались въ покинутые дома; многіе погибали отъ враговъ, другіе попадали въ плѣнъ, а припрятанный ими «скарбъ» становился нерѣдко цѣлью нарочитыхъ розысковъ со стороны сосѣдей [1]).

Такимъ образомъ вполнѣ естественно, что въ малорусскомъ народѣ съ древнихъ временъ возникла и укрѣпилась увѣренность въ существованіи въ нѣдрахъ земли многочисленныхъ кладовъ, а затѣмъ уже народная фантазія создала цѣлый рядъ поэтическихъ повѣрій, связанныхъ съ этимъ предметомъ. Однимъ изъ такихъ вымысловъ, и нынѣ широко распространенныхъ въ народной средѣ, является вѣрованье, что на мѣстѣ зарытаго клада при извѣстныхъ условіяхъ появляются горящія свѣчи и вообще огни. Оказывается, что это повѣрье существовало уже въ половинѣ XVII ст. Вотъ документальное свидѣтельство объ этомъ.

Въ актовой книгѣ Полтавскаго полковаго суда, находившейся въ библіотекѣ В. В. Тарновскаго (нынѣ принадлежащей Черниг. губ. земству), имѣется судебный актъ 31 іюля 1671 г. по дѣлу объ отрытомъ въ землѣ кладѣ гдѣ-то близъ Полтавы, именно допросъ пастуха Васька, служившаго у какого-то Гринца. На судѣ, въ присутствіи полковника Ѳедора Жученка, этотъ Васько далъ слѣдующее показаніе: «Панове! Ведле повинносты моеи, выгналемъ рано пасти товаръ (скотъ) по святой недели, съ понеделка на вовторокъ, и такъ обачилемъ — огонь горитъ розними матеріями, и домислилемся, же (что) то скарбъ мѣетъ бити, и сталемъ копати ножемъ и докопалемся казанъ, прикритий глиною. Ознаймилемъ то заразъ господареви моему Гринцу. Теди (тогда) Гринецъ, господарь мой, дождавши вечера, открилъ той казанъ грошѣй и зась тое срѣбро мѣхомъ носилъ въ лѣсъ, а мене отправилъ: «пойди ти къ дому, товаръ гляди, будетъ и тобѣ тихъ грошей». Теди-мъ (тогда я), ведле его росказаня, и пошолъ, нѣчого собѣ не взявши. Теди напотомъ, кгди южъ вибралъ Гринецъ той скарбъ, сталъ мнѣ говорити, кгди люди того мѣли бы довѣдатися, бо мѣсце

---

[1]) См. подобный случай въ нашихъ „Очеркахъ народной жизни въ Малороссіи во 2-й половинѣ XVII ст.“, стр. 196—200.

значне и трудно его закрити: «Ты кажи на Сѣдаковъ на Стефана, на Моисѣя и на Процика». Теди-мъ мусѣлъ ведле мови Гринцевои, господара моего, на тихъ людей невинныхъ неправдиве говорити, а Гринецъ самъ той скарбъ, винявши, затаилъ».

Судьи, «вислухавши тоеи мови», не повѣрили свидѣтелю «и казали того Васка потрикротне, безъ жадного милосердя, сродзе, публѣце, на рынъку нагайками бити», т. е. подвергли его пыткѣ. «За першимъ битемъ, за вторимъ и за третимъ все той Васко едно твердилъ: «хочъ мя панове, на смерть вбийте, тилко самъ Гринецъ той скарбъ винялъ, а мнѣ и едного таляра не далъ». Протоколъ заключается такимъ опредѣленіемъ: «Ми, по томъ немилостивомъ караню Васка до вязеня (подъ арестъ) давши, отложили тую справу на далшій часъ и до книгъ мѣскихъ Пултавскихъ велѣли вписати, року и для вишменованого».

Этотъ отрывочный документъ заставляетъ лишь догадываться о сущности дѣла. По всей вѣроятности, кладъ былъ откопанъ на чужой землѣ, а въ Лит. Статутѣ на этотъ счетъ существовалъ такой законъ: если находка скарба будетъ сдѣлана на собственной землѣ, то скарбъ долженъ принадлежать тому, чья земля; а если на чужой землѣ, то нашедшій обязанъ дать половину тому, на чьей землѣ нашелъ; «а хто бы умысльне (съ умысломъ, намѣренно) на чужой земли кладу искалъ и нашолъ, тогды маеть, што будеть найдено, все тое отдати, чій грунтъ есть». (Лит. Ст. 1566 г., разд. 9, арт. 20; Лит. Ст. 1588 г., разд. 9, арт. 30). Очевидно, на основаніи этого закона, владѣлецъ земли и претендовалъ къ Гринцу о выдѣлѣ половины клада, а Гринецъ отвергалъ самый фактъ находки «скарбу». Доказчикомъ и уличителемъ Гринца выступилъ его пастухъ Васько, якобы участвовавшій въ открытіи «скарба»; но мы видѣли, что судъ не далъ вѣры его показаніямъ, и хотя Васько, подвергнутый троекратному истязанію, продолжалъ стоять на своемъ, судьи, отложивъ дѣло, все-таки подвергли его заключенію.

Самая любопытная черта въ этомъ документѣ—упоминаніе о горящемъ огнѣ, какъ примѣтѣ скарба; но столь же любопытно и то обстоятельство, что благоразумные люди (въ данномъ случаѣ члены полковаго суда) и въ то время не придавали вѣры этимъ суевѣрнымъ росказнямъ.

О. Л.

Школа чистописцевъ, существовавшая въ Полтавѣ. Пользуясь архивнымъ матеріаломъ, можемъ сообщить исторію этой рѣдкой школы, въ которой получили образованіе многіе изъ нынѣ здравствующихъ чиновныхъ лицъ. Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ баронъ Компенгаузенъ въ іюлѣ 1823 года сообщилъ малороссійскому генералъ-губернатору Н. Г. Репнину о необходимости, на основаніи представленія комитету министровъ министра вн. дѣлъ В. П. Кочубея, устроить въ Малороссіи, подъ вѣдомствомъ Приказа Общ. Призрѣнія, школу для приготовленія писцовъ. Такихъ школъ на первое время предполагалось устроить двѣ: одну въ Ярославѣ, гдѣ Приказъ имѣлъ большія средства, а другую въ Полтавѣ. Нельзя не обратить вниманія на мотивъ учрежденія этихъ школъ. «Въ домахъ воспитательныхъ (писалъ В. П. Кочубей) призрѣваются незаконнорожденные (подкидыши), которые тожъ воспитываются или въ домахъ сихъ или внѣ оныхъ; воспитанники таковые увольняемы были изъ вѣдомства приказовъ по собственному ихъ распоряженію и терялись изъ виду, такъ что ни правительство за попеченіе свое о призрѣніи ихъ никѣмъ не вознаграждалось, ни общество не получало никакой пользы. Въ семъ уваженіи государь императоръ въ 1820 году, обративъ вниманіе на участь воспитанниковъ, Приказами призрѣваемыхъ, высочайше утвердить изволилъ представленіе мое объ опредѣленіи ихъ на нижеслѣдующихъ основаніяхъ: 1) чтобы воспитанники были увольняемы изъ Приказа съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ не иначе, какъ по засвидѣтельствованіи мѣстнаго начальства о соотвѣтственномъ устроеніи ихъ участи, и 2) чтобы воспитанники обращаемы были въ общеполезныя заведенія по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ». Этихъ воспитанниковъ министерство опредѣляло въ С.-Петербугскую аптекарскую школу, въ школы садоводства, существовавшія тогда въ губерніяхъ полт. и пензенской, въ сады—екатеринославскій, одесскій, крымскій; въ наборщики казенныхъ типографій и т. под. Изъ этихъ же питомцевъ должна была состоять и проектируемая школа въ Полтавѣ, цѣль которой—«приготовить молодыхъ людей на службу для тѣхъ губерній, кои, по отдаленности или другимъ причинамъ, имѣютъ въ канцелярскихъ служителяхъ большой недостатокъ». Въ школу эту принимались мальчики не моложе 10 лѣтъ. Они ходили учиться или въ гимназію, или въ уѣздное училище; но для уроковъ чистописанія должны быть положены особые часы, такъ какъ воспитанники должны были писать хорошимъ почеркомъ, правильно и скоро. Тѣхъ изъ

воспитанниковъ «школы чистописцевъ», которые проходили гимназическій курсъ, опредѣляли на службу писцами, а болѣе способные изъ нихъ могли получить мѣсто помощника столоначальника. Смотря по успѣхамъ, окончившіе получали званіе старшихъ и младшихъ писцовъ. Образцы письма окончившихъ представлялись въ министерство, которое и опредѣляло ихъ на службу. За полученное образованіе надо было прослужить отъ 8 до 10 лѣтъ; а по выслугѣ можно было получить оберъ-офицерскій чинъ. Если позволялъ возрастъ, то разрѣшалось опредѣлять воспитанниковъ на службу и до окончанія курса ученія. Неуспѣвавшихъ или дурного поведенія учениковъ обращали въ ремесленниковъ, работниковъ въ заведенія, содержимыя приказами; опредѣленные же на службу писцами, въ случаѣ дурного поведенія или неспособностей, обращаемы были въ податное состояніе. На такихъ основаніяхъ была открыта «Школа чистописцевъ» въ Полтавѣ. Содержалась она на счетъ Приказа. По штату въ ней положено было имѣть 50 воспитанниковъ. Первоначальное обзаведеніе ея обошлось 9996 р. 55 к., а ежегодное содержаніе стоило 12136 р. $3^1/_2$ к. Для помѣщенія былъ нанятъ домъ Руденка (гдѣ раньше помѣщался «домъ для воспитанія бѣдныхъ дворянъ», а нынѣ здѣсь губернская земская Управа), для приспособленія котораго было истрачено 16683 р. 90 к. Первые питомцы «Школы чистописцевъ» въ Полтавѣ по распоряженію министерства внутр. дѣлъ были присланы изъ воспитательныхъ домовъ: смоленскаго, тульскаго, калужскаго и воронежскаго. Завѣдующимъ этой школой былъ назначенъ депутатъ полтавскаго генеральнаго Суда 1 департамента Θедоръ Константиновичъ. Точной программы обученія въ школѣ не существовало. Въ нее поступали нерѣдко совершенно неграмотные, которыхъ и обучали здѣсь; иные учились ариθметикѣ и грамматикѣ, а всѣ безъ исключенія чистописанію. Введено было рисованіе, и директоръ училищъ полт. губерніи Огневъ увѣдомивъ въ августѣ 1825 г. начальника училища, что «воспитанники Школы чистописцевъ могутъ не ходить въ уѣздное училище по средамъ и субботамъ, чтобы заниматься рисованіемъ». Школа эта просуществовала въ Полтавѣ до начала 1860-хъ годовъ, когда была закрыта. При этой школѣ, добавимъ, существовалъ прекрасный церковный хоръ, пѣвшій въ церкви богоугоднаго заведенія. (Арх. Полт. Губ. Земства. Дѣла Приказа по описи № 317).

И. Ф. Павловскій.

Пастырская увѣщательная грамота Кіевск. Митроп. Гавріила. Въ мартѣ 1802 года въ типографіи кіево-печерской лавры «съ Оуказнаго дозволенія Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода» напечатана «Пастырская Оу́вѣща́тельная Грамота» Митрополита Кіевскаго Гавріила «къ Духовенству Кіевской Епархіи, и Благочинническая Інструкція». Въ своей увѣщательной грамотѣ митрополитъ Гавріилъ отмѣчаетъ нѣсколько весьма любопытныхъ явленій въ жизни подвѣдомственнаго ему духовенства.

«По входящимъ къ Намъ и въ Дикастерію Нашу доносамъ, жалобамъ и прозбамъ, съ великимъ удивленіемъ, и крайнимъ сожалѣніемъ видимъ Мы. а) Что многіе изъ нихъ» («Пастырей словеснаго стада»), разными способами вступивши въ Духовный чинъ;—говоритъ Высокопреосвященный Гавріилъ,—не ищутъ пользы церкви, не стараются по долгу присяги о спасеніи ввѣренной имъ паствы, и о благолѣпіи храмовъ Божіихъ: но или съ великимъ роптаніемъ жалуясь на скудость того прихода. каковъ сами добровольно избрали, или на недоброхотство своихъ прихожанъ, безпрестанно просятъ о переводѣ ихъ въ другіе лучшіе приходы, въ противность обязательства ихъ и правилъ Святыхъ Отецъ: но такіе прихоти свои стараются прикрыть разными сторонними причинами, в) Нѣкоторые нарушая свою совѣсть, стараются клеветами, ласкательствомъ къ прихожанамъ своимъ и помѣщикамъ, и другими пронирствами вытѣснить законно опредѣленнаго Пастыремъ Священника изъ прихода, и занять оной сами: и такъ по слову Христову, не входятъ дверми но прелазятъ инудѣ, г) Другіе имѣя по видимому въ предметѣ одно стяжаніе богатства, вступаютъ въ несвойственные Священническому сану торги и промыслы, и дѣлая связи даже съ Евреями заимодавствомъ имъ денегъ, для одной лихвы, порокомъ скверностяжательства себя безобразятъ, простираются на обманы, обиды и другіе неправды во вредъ ближняго, отъ чего безпрерывно умножаются жалобы, и они подвергаются сужденіямъ и штрафамъ. И такъ, по Апостолу, яко хотящіи богатитися впадаютъ въ напасти и сѣти, и въ похоти многи, несмысленны, и враждующыя, яже погружаютъ человѣка во всегубительство и погибель. Корень бо всѣмъ злымъ сребролюбіе есть: егоже нѣцыи желающе, заблудиша отъ вѣры, и себе пригвоздиша болѣзнемъ многимъ, д) Иные до нынѣ не отстаютъ отъ піянства, и не только въ домѣхъ, въ гостяхъ, но и входя въ корчмы напиваются до піяна, и не живутъ мирно, тихо и любовно: но съ разными людьми входятъ

въ ссоры, и не только съ низшими и равными себѣ, но и съ вышшими обходятся сурово, угрюмо, строптиво и предпріимчиво: другіе, забывъ страхъ божій, руками, коими приносятъ безкровную жертву, дерзаютъ причинять по злости и необузданной ярости своей, тяжкіе людямъ побои даже до крови, и тѣмъ кромѣ того, что не подаютъ паствѣ своей добраго примѣра, служатъ къ разврату, и наводятъ на себя справедливое отъ прихожанъ нарѣканіе: а самы подвергаются нещастному жребію. Изъ числа таковыхъ дерзкихъ людей, нѣкоторый Священникъ въ недавнемъ времени, за побои причиненные прихожанину, отъ коихъ онъ чрезъ нѣсколько дней умеръ, подпалъ оуголовному суду: а за тѣмъ строгому оштрафованію, съ отрѣшеніемъ отъ прихода, е) Нѣкоторые священники или самы между собою, или съ свѣтскими людьми собравшись, вмѣсто того, чтобы, яко учителямъ ввѣренной имъ паствы и строителямъ таинъ Святыхъ, продолжать бесѣды полезные, и къ назиданію душъ человѣческихъ служащіе, даютъ полную волю языку своему: и не только гнилые, смрадные и буесловные рѣчи произносятъ, безъ всякаго разсужденія въ соблазнъ другимъ: но еще заводятъ разговоры нелѣпые, неосновательные, и по легкомыслію своему, разглашенія дѣлаютъ о такихъ дѣлахъ кои до нихъ вовсе не принадлежатъ и тѣмъ и другихъ повреждаютъ, и самы подпадаютъ нещастіямъ».

Всѣ эти и «подобные имъ неустройства и буянства» происходили, по мнѣнію Митрополита, отъ невниманія священниковъ «званію своему, и тому спасительному предмету, для коего они въ Священный санъ поступили: ибо многіе изъ нихъ не только Священныхъ полезныхъ книгъ, но и ставленныхъ своихъ грамотъ, сокращенаго катихизиса и книги о должности пресвитеровъ не читаютъ, и поведенія своего съ евангельскимъ ученіемъ и правилами Святыхъ Отецъ соображать не стараются». Кромѣ того—«отъ слабаго смотренія за поведеніемъ ихъ Благочинныхъ, и Духовныхъ Правленій: ибо довольно примѣчено нами,—говоритъ Митрополитъ Гавріилъ,—что, гдѣ оуѣздные Протоіереи и Благочинные къ своей должности ревностны, отправляютъ оную рачительно, и ни какихъ безчинствъ, и неустройствъ подчиненныхъ своихъ безъ должнаго вниманія не оставляютъ, въ тѣхъ оуѣздахъ Духовенство исправнѣе и спокойнѣе, напротиву того по дѣламъ довольно извѣстно, что нѣкоторые Духовные Правленіи и Благочинные, по доходящимъ къ Намъ свидѣніямъ, жалобамъ и доносамъ о піянствѣ, ссорахъ, о дракахъ и другихъ разныхъ престу-

пленіяхъ и оупущеніяхъ должностей Священно и церковнослужительми, или въ закрытіе ихъ преступленій, не входятъ въ испытаніе и обнаруженіе дѣла, и не предаютъ виновныхъ сужденію, или же оканчиваютъ дѣла тѣ примиреніемъ: и такъ оставляютъ виновныхъ въ прямомъ преступленіи должности своей являющихся, безъ всякаго суда и заслуживаемаго ими по мѣрѣ преступленій оштрафованія, чемъ подаютъ поводъ простираться и впредь на вящшыя дерзости и буянства».

«Имѣя попеченіе о приведеніи епархіи въ надлежащее благоустройство», митрополитъ Григорій, отмѣтивъ выше указанные неустройства и буянства» въ средѣ духовенства, завѣщаетъ «именемъ Божіимъ» и «властію Пастырскою» повелѣваетъ «Протоіереамъ, Іереамъ, Діаконамъ и причетникамъ вообще: Въ званіи своемъ свято и непорочно пребывати: поступая вовсемъ по ставленнымъ грамотамъ: и прилѣжая прямо, своей должности; скверностяжательства удаляться, довольствуясь положенными по Оуказамъ оброками и доброхотнымъ подаяніемъ: держась ученія Святого Апостола Павла». Особенно же предписываетъ Благочиннымъ: «за поведеніемъ Священно и церковнослужителей имѣть неослабное наблюденіе, чего ради какъ при посѣщеніи церквей, такъ и при всякомъ случаѣ не упущать изъ виду ничего по Інструкціи имъ предписаннаго: а дабы Священно и церковнослужители съ своей стороны извѣстны были, чего Благочинные смотрѣть и наблюдать за ними обязаны, а тѣмъ бы въ порядкѣ и добронравіи образовались», митрополитъ повелѣваетъ «напечатавъ оные Інструкціи церковными литерами на щетъ заплаты изъ церковныхъ денегъ, раздать во всѣ церкви ко всегдашнему прочитыванію: а за симъ Благочиннымъ печатные вручить, къ непремѣнному исполненію, за подписомъ Дикастеріи»...

Духовнымъ Правленіямъ митрополитъ предписываетъ «смотрѣть неослабно за Благочинными, дабы они должность свою исправляли неопустительно, и были бы примѣромъ всякаго благонравія своимъ подчиненнымъ... Въ недоумѣніяхъ ихъ Благочинныхъ, наставлять, и къ исправному прохожденію должностей руководствовать».

Предложивъ цѣлый рядъ болѣе частныхъ указаній касательно того, какъ должны поступать священно и церковнослужители, благочинные и духовныя Правленія, митрополитъ, въ заключеніе своей пастырской увѣщательной грамоты высказываетъ слѣдующее: «За всѣмъ таковымъ Нашимъ распоряженіемъ надѣемся, что оуѣздные Прото-

іереи присутствующіе въ Духовныхъ Правленіяхъ, и Благочинные потщатся проходить должности свои прилѣжно, усердно, вѣрно: а симъ самимъ пресѣкутъ не только развратъ священно и церковнослужителей: но и всякія къ тому поползновенія. И тѣмъ содѣлаютъ себя достойными Нашего Пастырскаго особливаго объ нихъ вниманія, и за ревностные труды ихъ награжденія: объявляя при томъ всѣмъ и каждому изъ нихъ, что нерадивые, и возложеннаго на ихъ званія по долгу присяги неисполняющіе, и о благѣ общемъ непекущіеся, не только отрѣшены будутъ отъ должностей своихъ: но подвергнутся и неизбѣжному сужденію. И притомъ, ни прозбы ихъ, ни прежнія заслуги, ни извиненія не вѣдѣніемъ порядка, и ни какія сторонныя объ нихъ ходатайства, не будутъ имѣть мѣста къ облегченію судьбы ихъ».

Въ концѣ увѣщательной грамоты поставлена дата: «дана въ Богоспасаемомъ Градѣ Кіевѣ. Августа 12 дня. 1801 года». А на заглавномъ листѣ значится: «Печатана съ Оуказнаго дозволенія Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода, въ тvпографіи Кіевопечерской Лавры, 1802 года. Марта дня.

В. С

Народныя повѣрія, суевѣрія и примѣты, пріуроченныя къ „Благовищеню". (Записаны въ волынск. губ., въ уѣздахъ: заславл., староконстант. и ковельскомъ и подольской губ. каменецкій уѣздъ). Послѣ «Велыкодня» и «Риздвяныхъ святъ» въ понятіи и вѣрованіи нашего народа однимъ изъ главнѣйшихъ праздниковъ считается «Благовищеня». Насколько этотъ праздникъ считается важнымъ въ понятіи народа,—свидѣтельствуетъ та масса повѣрій, суевѣрій и примѣтъ, какая существуетъ у него въ связи съ этимъ праздникомъ. Мы раньше сообщали уже въ «Кіев. Стар.» повѣрія, суевѣрія и примѣты, пріуроченныя къ «Велыкодню», «Риздвянимъ Святамъ» и «Спасу», теперь предлагаемъ читателямъ подобныя-же повѣрья, пріуроченныя къ «Благовищеню».

По понятію народа «Благовищеня» такой же важный и большой праздникъ, какъ и Пасха, и въ этотъ день, какъ и на Пасху, можно ѣсть скоромное,—«але-жъ на йиденъ день не вартъ паскудытысь и скоромытысь»,—прибавляютъ крестьяне.

На Благовѣщеніе, какъ и на Пасху—даже грѣшниковъ въ аду не мучатъ. Всякая, даже малѣйшая работа на Благовѣщеніе безусловно грѣшна и воспрещена: такъ, напримѣръ, если на Благовѣщеніе взять въ руки или только прикоснуться къ огороднымъ, цвѣточнымъ или хлѣбнымъ сѣменамъ для посѣва и посадки, то онѣ отъ этого сейчасъ потеряютъ всхожесть и не взойдутъ. Яйца домашней птицы: куръ, утокъ, нельзя подсыпать подъ насѣдку, ибо изъ этихъ яицъ или ничего не выйдетъ, и яйца будутъ «бовтуны», или изъ такихъ яицъ цыплята выйдутъ уроды и калѣки.

На Благовѣщеніе даже ни одна птица не вьетъ гнѣзда; кукушка давнымъ давно вздумала было въ этотъ день вить гнѣздо,—но ее Господь за это проклялъ, воспретилъ навсегда вить себѣ гнѣздо. (Каменецкій уѣздъ, подол. губ.).

Къ Благовѣщенію «боцюнъ» (аистъ) успѣваетъ уже или сѣсть на яйца, или во всякомъ случаѣ снести первое яйцо. Народъ по «боцюнамъ» примѣчаетъ: если боцюны на Благовѣщеніе сидятъ уже на яйцахъ,—весна будетъ теплая и весеннихъ морозовъ не будетъ, если къ Благовѣщенію они чуть лишь начинаютъ нестись,—весна будетъ холодная. (Заславл. и староконстант. уѣзды, волын. губ.). По аисту народъ также предвидитъ и ожидающійся урожай: народъ вѣритъ, что аистъ ежегодно что-нибудь выбрасываетъ изъ гнѣзда—яйцо или птенца-дѣтеныша; если аистъ выброситъ яйцо,—на хлѣбъ будетъ урожай и онъ будетъ дешевъ; если выброситъ птенца, дѣтеныша,—будетъ неурожай хлѣба и онъ будетъ такъ дорогъ, что его не купить и за дитя (ковельск. уѣздъ, волын. губ.).

Если благовѣщенскую просфору положить въ «засикъ» (закромъ) или мѣшокъ съ хлѣбнымъ зерномъ для посѣва,—то зерно это дастъ хорошій урожай, мыши его не будутъ ѣсть, а градъ на полѣ не побьетъ его. (Каменец. уѣздъ, подольск. губ.).

На Благовѣщеніе просыпаются отъ зимней спячки и вылазятъ на свѣтъ Божій: гадюки, ужи.

На Благовѣщеніе „весна зиму вже зовсимъ поборе"; и съ Благовѣщенія наступаетъ «вже правдыва (т. е. настоящая) весна".

Если весна поздняя,—то на Благовѣщенье пчеловоды выставляютъ пчелъ изъ зимовниковъ и омшанниковъ и первый разъ кормятъ ихъ сытою съ благовѣщенскою просфорою и артосомъ

Если на Благовѣщеніе родится что либо изъ скота—теленокъ или лошенокъ, то будетъ или калѣкою, или недолговѣчнымъ; родив-

шійся въ этотъ день ребенокъ тоже будетъ недолговѣченъ и скоро умретъ,—а если и будетъ живъ, то будетъ злой, нехорошій человѣкъ или какой-нибудь преступникъ.

Если на Благовѣщеніе дождь,—будетъ урожай на грибы,—если гроза—ожидать теплаго лѣта и урожая орѣховъ.—Въ этотъ день недѣли въ который припадаетъ Благовѣщеніе въ данномъ году, до конца года ничего нельзя начинать или предпринимать, т. к. будетъ неудача и неуспѣхъ въ дѣлѣ или предпріятіи.

Воры, напротивъ, на Благовѣщеніе стараются что-либо украсть, чтобы цѣлый годъ имѣть успѣхъ

Равнымъ образомъ по народному вѣрованію, вѣдьмы тоже на Благовѣщеніе стараются подоить чужихъ коровъ, чтобы цѣлый годъ имѣть успѣхъ въ кражѣ у чужихъ коровъ молока.

Горохъ, посѣянный подъ Благовѣщеніе, будетъ очень урожайный и не будетъ червивый (староконст. уѣздъ).

Ив. Бѣньковскій.

Легенда о горохѣ. 1) Въ староконстантиновскомъ уѣздѣ, волын. губ., горохъ крестьяне называютъ «слезами Адама» и о происхожденіи гороха разсказываютъ слѣдующую легенду: «То, якъ Господь выгнавъ Адама зъ раю, то винъ мусивъ взятыся за роботу, обробляты землю,—щобъ прокормыты себе зъ Эвою. Трудно було Адамови прывыкаты до тяжкои праци, и отъ, якъ винъ першый разъ взявся обробляты землю и першый разъ ходывъ за плугомъ,—то дуже плакавъ; и де падалы на землю ёго слёзы,—тамъ вырисъ горохъ». (С. Молчаны, баба Прокопыха).

Ив. Бѣньковскій.

Текущія извѣстія.

Юбилей А. Н. Пыпина. 25 марта состоялось въ Петербургѣ чествованіе извѣстнаго ученаго академика А. Н. Пыпина по поводу 50-лѣтія его учено-литературной дѣятельности. Въ исходѣ 2-го часа дня, небольшая квартира юбиляра была переполнена его знакомыми, почитателями и членами депутацій. Въ $2^1/_2$ часа началось чтеніе адресовъ. Первыми привѣтствовали А. Н. Пыпина отъ Императорской

Академіи Наукъ академики Ал-ръ Н. Веселовскій и Н. Ѳ. Дубровинъ; проф. И. А. Шляпкинъ произнесъ привѣтствіе отъ историко-филологич. факультета Петербургскаго университета, проф. Гельсингфорскаго университета г. Мандельштамъ прочелъ адресъ отъ историко-филологич. факультета и отъ профессорской корпораціи этого университета (на латинскомъ языкѣ); затѣмъ читали адресы: отъ общества любителей россійской словесности проф. Алексѣй Н. Веселовскій, отъ Московскаго Археологическаго Общества, Московскаго Общества исторіи и древностей. Отъ литературнаго фонда привѣтствовали П. И. Вейнбергъ и Н. Ѳ. Аненнскій, отъ историческаго общества при Спб. университетѣ—проф. Н. И. Карѣевъ и В. И. Семевскій, отъ этнографическаго отдѣла музея имп. Александра Ш—Д. А. Клеменцъ, отъ украинцевъ Д. Л. Мордовцевъ и А. А. Русовъ (текстъ послѣдняго адреса, помѣщаемый ниже, былъ покрытъ въ Петербургѣ болѣе чѣмъ 80 подписями), отъ Лицейскаго Пушкинскаго Общества—нѣсколько бывшихъ лицеистовъ, съ директоромъ Имп. Публичной Библіотеки Д. Ѳ. Кобеко во главѣ, отъ редакціи «Міра Божія», отъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музея, избравшаго юбиляра почетнымъ членомъ и др., Чтеніе адресовъ сопровождалось шумными рукоплесканіями. Потомъ началось чтеніе нѣкоторыхъ изъ многочисленныхъ полученныхъ телеграммъ, а именно: отъ управляющаго Музеемъ Имп. Александра Ш Е. И. В. Вел. князя Георгія Михайловича, отъ Казанскаго университета, избравшаго А. Н. почетнымъ членомъ, отъ историко-филологическихъ факультетовъ университетовъ Кіевскаго, Харьковскаго и Варшавскаго, отъ Историч. Общества Нестора Лѣтописца, съ извѣщеніемъ объ избраніи въ почетные члены, отъ Сибирякова, отъ редакціи «Русскаго Богатства», Томскихъ общеобразовательныхъ вечернихъ курсовъ, И. Е. Забѣлина и др.

Во всѣхъ адресахъ и телеграммахъ были отмѣчены выдающіяся научныя заслуги юбиляра, его неуклонное стремленіе къ правдивому изображенію прошлой жизни славянскихъ народовъ и русской общественности, благородное отстаиваніе правъ на уваженіе и самобытное развитіе, какъ всѣхъ славянскихъ народностей, такъ и всего разноплеменнаго состава Русскаго государства. Особенно сильно подчеркнуты были заслуги юбиляра въ дѣлѣ защиты народной самобытности въ привѣтствіяхъ изъ Сибири.

Взволнованный и растроганный юбиляръ, отвѣчая кратко, благодарилъ всѣхъ за необыкновенное вниманіе къ его трудамъ, ощути-

тельно напоминающее, что его жизнь прошла не безслѣдно и что работалъ онъ не даромъ.

Послѣ чтенія привѣтствій, продолжавшагося болѣе часа, въ 6 ч. вечера состоялся обѣдъ въ ресторанѣ Донона съ многочисленными искренними и задушевными рѣчами и тостами.

Текстъ адреса, поднесеннаго украинцами, проживающими въ Петербургѣ.

Высокошановный Олександеръ Мыколаёвычъ!

Помежы прывитаннямы, яки пидносять вамъ зъ поводу Вашои 50-литнёи литературнои праци, дозволяемо соби й мы, украинци, выголосыты щыру подяку Вамъ за спивчуття Ваше бажаннямъ розвою нашои риднои мовы и литературы.

Справди, 50 годъ назадъ, колы Вы ступылы на шляхъ ученои и публицистычнои діяльносты середъ интеллигенціи не тилькы повитовыхъ и губерньськыхъ мистъ, але й у столыцяхъ нашого царства багато зустричалося людей, що здвыгалы плечыма, колы передъ имы згадувано про Украиньску літературу й мову. «Де жъ той народъ, пыталы вони, якый говорыть цією мовою? Ни у Кыиви, ни въ Одесси, а ни въ Харькови - не чуты тіеи мовы, нигде по кныгарняхъ не знайдешъ кныжокъ, такъ званои, «Украиньскои» литературы, а газетъ, або другыхъ выдань періодычнои пресы—и не шукайте! Яка жъ то литература?!»

Своею кныжкою про «Исторію Славяньскыхъ литературъ» за-для молодого поколиння 60-хъ рокивъ Вы подалы доказъ, що той народъ, якому зъ-за часивъ Кырылла та Меѳодія Солуньськыхъ и Володымера Святого викивъ 8 прыходылося пысаты й чытаты на чужыхъ мовахъ, здобувъ, накинець, помежы своимы сынамы—пысателивъ и заснувавъ свою литературу.

Колы сами етнографы украиньски безнадійно сумувалы и журылыся, що пидъ гоминъ и брязкитъ поступового розвою милитаризму гыне мова украиньска й скоро може и зовсимъ переведется нинавищо, Вылингу зброи наукъ исторіи, молвистыкы и етнологіи, пидтрымувалы ихъ виру у правдывый прогресъ всихъ народивъ и въ своёму труди про етнографію называлы марнымы и непидставнымы таки погляды, яки высловлювавъ зъ цёго поводу, напр., Метлинськый у 30—40 рокахъ мынулого вику, бо колы мова Украиньска, казалы Вы, выражае особлыви напрямкы духовного жыття великого народа, то

тилькы, не вміючы дошукатыся у тому жытти чого слидъ, можна прыйты до такыхъ думокъ!

Не разъ, якъ ученый публицыстъ, пиднималы Вы голосъ въ оборону Украинськои идеи проты нападивъ на неи Угрюмъ-Бурчеевыхъ, ризныхъ верствъ и котерій.

Звисно, «разъ добромъ налыте серце въ викъ не прохолоне!»— и мы певни, що колы Вамъ доведется дожыты до часу дозволу друкуваты по-украинськы вичну кныгу усихъ народивъ про Хрыста-Спасытеля и вси инши кныжкы, журналы и газеты за-для 90% народу Полудневои Россіи,—то й Ваше серце озвется на цей актъ политычного зросту нашого царства зъ такымъ же щырымъ почуттямъ, яке огорне и всихъ землякивъ нашыхъ.

Прыймить же, Высокошановный Добродію, видъ насъ щыре бажання ще не разъ чуты зъ Вашыхъ компетентныхъ вустъ прыхыльни и пидкрепляючи слова про неодминнисть розвою духовного благобыту усихъ славянськыхъ народивъ, помежъ якымы Ваше имья стало славнымъ, черезъ Ваши невпынни праци на поли розповсюдненя гуманныхъ поглядивъ и думокъ.

На переплетѣ изящнаго, покрытаго свѣтлою обложкой адреса выбито: Велыкому заступныкови народнёго слова Олександру Мыколаевычу Пыпину видъ украинцивъ. 1853—1903.

Археологическій музей въ г. Глуховѣ. Въ самомъ недалекомъ будущемъ Приднѣпровскому краю предстоитъ обогатиться новымъ археологическимъ музеемъ, открываемымъ въ г. Глуховѣ, черниг. губ., по мысли одного изъ мѣстныхъ археологовъ, нынѣ уже покойнаго Н. В. Шугурова. Всю жизнь посвятивъ собиранію книгъ и художественныхъ изданій, относящихся къ Малороссіи, Н. В. Шугуровъ не разъ высказывалъ пожеланіе, чтобы Глуховъ устроилъ у себя музей древностей по примѣру Конотопа, гдѣ музей возникъ по идеѣ А. М. Лазаревскаго. Желаніе покойнаго осуществляется только теперь. Въ очередную сессію 1902 г. глуховского земск. собранія предсѣдатель управы В. М. Аммосовъ внесъ предложеніе, поддержанное гласнымъ П. Я. Дорошенкомъ, объ учрежденіи въ Глуховѣ, при земской управѣ, «Собранія предметовъ мѣстной старины»; цѣль учрежденія этого «Собранія»— сохранить, насколько возможно, быстро исчезающіе вещественные и письменные памятники исторіи и культуры данной мѣстности, что для

Глухова, какъ города, игравшаго въ свое время видную роль въ политической жизни Малороссіи, является прямой необходимостью.

Предложеніе г.г. Аммосова и Дорошенка было принято собраніемъ, и затѣмъ особой комиссіей были выработаны «Основныя правила собранія предметовъ мѣстной старины:» 1. Имѣя въ виду собрать и сохранить отъ уничтоженія различнаго рода памятники мѣстной старины, какъ вещественные, такъ и письменные, глух. уѣздн. земск. собр. учреждаетъ «Собраніе предметовъ мѣстной старины». 2. Въ составъ собранія входятъ: старинныя иконы и кресты, всевозможныя археологическія находки, всякаго рода старинное оружіе, предметы стар. домашняго обихода, портреты мѣстныхъ дѣятелей, картины, гравюры и т. д.; всякаго рода историческіе и юридическіе акты, какъ-то: Высочайшія грамоты на имѣнія, гетманскіе универсалы, оффиціальная и частная переписка, купчія крѣпости, духовныя завѣщанія и т. п. Желательно при «Собраніи» имѣть библіотеку печатныхъ источниковъ для изученія мѣстной старины и искусствъ, и кромѣ того, собрать по возможности всѣ тѣ сочиненія, которыя касаются собственно исторіи г. Глухова и мѣстности, занимаемой нынѣшнимъ глуховскимъ и сосѣдними съ нимъ уѣздами. 3. «Собраніе предм. мѣстн. ст.» глуховск. земства должно находиться при глух. земск. управѣ и быть въ ея вѣдѣніи. Всѣ поступающіе въ «Собраніе» предметы должны вноситься въ особый инвентарь съ краткимъ обозначеніемъ свѣдѣній о нихъ, а также съ указаніемъ, кѣмъ они пожертвованы. Земская управа должна ознакомить населеніе съ цѣлью и задачами учрежденія «Собранія», а также принимать мѣры къ его пополненію. 4. Правилъ внутренняго порядка «Собранія», какъ-то: размѣщеніе вещей, обзоръ ихъ публикою и т. п., земское собраніе не устанавливаетъ, поручая это усмотрѣнію земской управы, съ той лишь оговоркою, что выдача предметовъ и документовъ на домъ ни подъ какимъ видомъ не должна быть допускаема».

Управленіе музеемъ будетъ находиться въ рукахъ особаго комитета, состоящаго изъ членовъ управы и 3 лицъ отъ земства.

Для помѣщенія музея предположено отвести комнату во вновь строящемся зданіи публичной библіотеки. Мѣсто выбрано очень удачно— въ центрѣ города, на базарной площади, вблизи учебныхъ заведеній; къ сожалѣнію, помѣщеніе отведено для музея слишкомъ тѣсное. Не мѣшало бы теперь же позаботиться о расширеніи его.

Для новаго музея уже обѣщаны довольно щедрыя пожертвованія книгъ и вещей. Такъ Н. А. Шугурова, согласно высказанной покойнымъ ея мужемъ волѣ—пожертвовать свою довольно цѣнную коллекцію г. Глухову, рѣшила всю библіотеку Николая Васильевича передать въ глуховскій музей; П. П. Скоропадскій обѣщалъ дать большіе старинные портреты гетмана и гетманши Скоропадскихъ и образцы фарфоровыхъ издѣлій бывшей фабрики Миклашевскихъ; поступили обѣщанія и отъ другихъ, менѣе крупныхъ жертвователей. („Кіевская Газ. № 97").

Музей имени А. Н. Поля въ Екатеринославѣ. Музей находится въ настоящее время въ Потемкинскомъ дворцѣ, гдѣ занимаетъ двѣ комнаты. Въ музеѣ производится разборка и систематизація коллекцій. Такъ какъ витрины еще не закончены отдѣлкой, то всѣ коллекціи размѣщаются на столахъ, но съ соблюденіемъ предполагаемаго въ будущемъ порядка классификаціи. На первомъ планѣ здѣсь выдвигается отдѣлъ каменнаго вѣка. Всѣ коллекціи этого отдѣла относятся къ неолитическому періоду. Между интереснѣйшими предметами этого періода отмѣтимъ фрагментъ мельничнаго жернова, живого свидѣтеля того, что уже въ ту эпоху существовало земледѣліе; мельницы существовали исключительно ручныя, самой примитивной формы; цѣлый рядъ молотковъ, характерныхъ тѣмъ, что одновременно они служили и топорами (hâche-marteau); при помощи ихъ воздвигались всѣ постройки и, въ особенности—свайныя; точильные камни, на которыхъ оттачивались орудія каменнаго вѣка, и къ нимъ полировочные камни для болѣе тонкой отдѣлки и т. д., и т. д. Изъ украшеній отмѣтимъ буссы изъ какого то слоистаго вещества; тѣ-же буссы служили точильнымъ камнемъ для мелкихъ вещей, какъ, напримѣръ, наконечниковъ стрѣлъ.

Наиболѣе замѣчательны между этими коллекціями образцы знаменитой на югѣ мастерской (стоянки) каменныхъ, костяныхъ и гончарныхъ издѣлій—фрагменты съ довольно грубой орнаментаціей. Въ этомъ отдѣлѣ свыше 30 отдѣльныхъ коллекцій.

Отдѣлъ бронзоваго вѣка содержитъ, приблизительно, такое же число коллекцій, изъ которыхъ обращаютъ на себя вниманіе бронзовые браслеты и фибулы, найденные на мѣстѣ древняго Танаиса. Весьма богатой является коллекція наконечниковъ стрѣлъ разныхъ типовъ и временъ.

Отдѣлъ древней керамики насчитываетъ до 20 коллекцій. Особенно интересны между ними орнаментированные пунктиромъ горшки бронзоваго вѣка и погребальная урна каменнаго вѣка.

Центромъ музея долженъ быть признанъ отдѣлъ козацкихъ древностей. Не говоря уже о такихъ уникахъ, какъ булава сотника Поповича, здѣсь можно найти живыхъ свидѣтелей славнаго прошлаго. Здѣсь имѣются предметы, относящіеся къ козацкому обиходу, и образцы козацкихъ вооруженій; довольно богатъ также отдѣлъ козацкой керамики.

Живопись представлена въ музеѣ классическими картинами, описаніе которыхъ можно найти въ сочиненіяхъ Скальковскаго, Эварницкаго и друг. Здѣсь играющій на бандурѣ козакъ, окруженный аттрибутами козацкой жизни—горилкой, люлькой и двумя повѣшенными «жидами», а тамъ изображена цѣлая сцена въ корчмѣ.

Естественно-историческій отдѣлъ также начатъ разборкой и приведеніемъ въ порядокъ. Повидимому, здѣсь является богатымъ отдѣлъ палеонтологіи; главное, что имѣетъ значеніе въ смыслѣ изученія края, это—извѣстныя коллекціи профессора Гурова полезныхъ ископаемыхъ екатеринославской губерніи, а равно почвъ и горныхъ породъ, которыя имѣютъ быть систематизированы по районамъ мѣстонахожденія.

Нумизматическій отдѣлъ музея можетъ уже конкурировать и съ болѣе старыми музеями. Здѣсь имѣются цѣнныя коллекціи монетъ: римскихъ и греческихъ колоній; довольно обширна коллекція русскихъ монетъ и медалей.

Научная библіотека музея насчитываетъ до 200 томовъ, а вмѣстѣ съ документами и старинными актами въ этомъ отдѣлѣ насчитывается до 1,000 номеровъ.

Недавно въ этотъ музей поступили пожертвованія: отъ В. І. Строменка коллекція «украинскихъ писанокъ», собранныхъ въ екатеринославскомъ уѣздѣ. Коллекція запорожскихъ люлекъ и серебряныхъ монетъ изъ Подпиленской сичи (екатеринославскій у.). Отъ г. Красицкаго—наконечникъ гайдамацкаго копья, найденный въ лѣсу между Смѣлой и Жаботинымъ (кіевской губ.). Музеемъ пріобрѣтены за пятьдесятъ руб. двѣ запорожскія иконы и два портрета запорожцевъ Шыянивъ (всѣ копіи). («Приднѣпровскій Кр.», 1765 и 1778).

Кобзарь Пархоменко въ Екатеринославѣ. 24-го марта, въ Екатеринославскомъ коммерческомъ училищѣ состоялся вечеръ въ пользу архивной комиссіи, при участіи еще молодого слѣпого кобзаря Терешка Пархоменка. Присутствовали члены архивной комиссіи; начальницы гимназій, и довольно много публики. Программа вечера была разнообразна, но центромъ всеобщаго вниманія былъ, конечно, кобзарь Терешко Пархоменко, онъ спѣлъ слѣд. псальмы, думы и пѣсни. Отдѣлъ религіозный (псальмы): «Ангелы душу пробуждають»; „Плачъ душе моя всегда"; «Про Почаивську Божу матерь»; «Що въ мыри являеться». Отдѣлъ историческій (думы): «Про Савву Чалого», «Невольныцькый плачъ»; «Про трёхъ братывъ Азовськыхъ»; «Про Хведора Безридного»; «Про смерть Хмельницького»; «Про оборону Почаивськои Лавры»; «Про бурю на Чорнимъ мори и Олексу Поповича». Отдѣлъ бытовой (пѣсни): «Побратався сокилъ съ орломъ сызокрылымъ»; «Про Морозенка»; «Оженывъ мене батько». Наибольшій успѣхъ имѣла „Дума про Морозенка". («Приднѣпров. Кр.», 1772).

29-го марта въ помѣщеніи желѣзнодорожнаго училища состоялся «вечеръ народной музыки». Передъ концертнымъ отдѣленіемъ г. Любченко прочелъ историческій очеркъ о малорусскихъ народныхъ думахъ, составленный А. Лисовскимъ. Затѣмъ кобзарь Т. М. Пархоменко исполнилъ своимъ мягкимъ пріятнымъ баритономъ нѣсколько народныхъ думъ и историческихъ пѣсенъ. Пѣніе кобзаря вызвало бурныя одобренія публики, его заставляли повторять свои №№ по нѣсколько разъ. («Вѣстникъ Юга», 387).

Къ предстоящему открытію памятника И. П. Котляревскому. Недавно состоялось засѣданіе комиссіи по устройству памятника И. П. Котляревскому.

Городской голова В. П. Трегубовъ, сообщивъ объ окончаніи вчернѣ памятника, предложилъ на обсужденіе комиссіи вопросъ о расположеніи на памятникѣ горельефовъ и надписи, не измѣняя по существу редакціи ея, какъ уже утвержденной правительствомъ.

Членъ комиссіи Л. В. Падалка, исходя изъ того соображенія, что памятникъ есть оцѣнка поэта, предложилъ на лицевой сторонѣ памятника въ верхней части пирамиды помѣстить выдержку изъ кобзаря Шевченка, какъ первую, достойную и самую вѣрную оцѣнку

поэта Котляревскаго, а въ нижней части пирамиды—горельефъ изъ «Энеиды», какъ самаго лучшаго, по его мнѣнію, произведенія Котляревскаго, показавшаго впервые возможность передѣлки классическаго произведенія на родной языкъ.

Городской голова и большинство членовъ комиссіи, признавая «Наталку Полтавку» образцовымъ безсмертнымъ произведеніемъ автора, находили лучшимъ на лицевой сторонѣ помѣстить горельефъ и выдержку изъ «Наталки».

Послѣ обмѣна мнѣній, комиссія постановила: 1) на лицевой сторонѣ памятника, обращенной къ Александровской улицѣ, расположить: а) вверху пирамиды, въ полированномъ медальонѣ, годы столѣтія «Энеиды» (1798—1898), изъ бронзовыхъ накладныхъ цифръ, б) ниже бюста въ верхней части пирамиды—«Котляревскій», годы рожденія и смерти его *(1769—1838)* и четверостишіе изъ „Наталки-Полтавки": «Де згода... сторона» и в) внизу пирамиды—горельефъ съ изображеніемъ сцены изъ «Наталки». 2) на противоположной сторонѣ: а) въ верхней части пирамиды надпись изъ «кобзаря» Шевченка: «На вічну память Котляревскому». А подъ ней фамилію автора, б) затѣмъ въ нижней части пирамиды помѣстить дѣловую надпись на бронзовой, темнаго цвѣта, доскѣ, одинаковой по размѣру съ горельефами, объ отливкѣ которой просить П. М. Певнаго вести переговоры въ Харьковѣ и о результатахъ переговоровъ сообщить управѣ. По предложенію Г. И. Маркевича, комиссія рѣшила измѣнить редакцію второй половины дѣловой надписи, а именно: послѣ словъ... «скульпторъ Л. В. Позенъ», сдѣлать слѣдующее добавленіе: «Пьедесталъ, по проекту архитектора, класснаго художника 1-й степени, А. И. Ширшова изготовленъ изъ днѣпровскаго гранита и поскавленъ П. М. Певнымъ». 3) на правой боковой сторонѣ памятника, обращенной на юго-востокъ, по направленію къ старому городу, комиссія рѣшила поставить горельефъ изъ «Энеиды»—походъ Троянцивъ.

Г. И. Маркевичъ доложилъ, что средства особаго фонда на устройство памятника И. П. Котляревскому ко дню засѣданія составляли 13.868 руб. 97 к.; расходъ же къ этому времени выразился въ суммѣ 14.268 руб. 68 коп.; кромѣ того предстоитъ расходъ по уплатѣ за исполненныя работы до 400 р., на устройство ограды, вѣнка и другія болѣе мелкія потребности. Комиссія рѣшила просить городского голову доложить думѣ, чтобы устройство бульвара и рѣшетки было принято за счетъ города, въ виду недостатка средствъ, а также

и въ виду того, что городская дума, кромѣ отвода мѣста, до сихъ поръ никакихъ денежныхъ пожертвованій на сооруженіе памятника Котляревскому не дѣлала. Относительно же увеличенія фонда—просить членовъ комиссіи позаботиться о притокѣ новыхъ пожертвованій. Съ цѣлью усиленія средствъ фонда, Г. И. Маркевичъ предложилъ заказать фотографическіе снимки съ горельефовъ памятника и открытыя письма для продажи въ пользу фонда на сооруженіе памятника: снимки по 1 р., а открытки по 4—5 к. за штуку.

Въ заключеніе комиссія постановила: просить г. Хмѣлевскаго изготовить фотографіи съ горельефовъ, съ каждаго въ количествѣ 100 штукъ, по цѣнѣ 50 к. экземпляръ, и если будутъ требованія—увеличить до 1000 штукъ, при чемъ просить Л. В. Падалку и Н. А. Дмитріева составить для фотографіи надлежащія пояснительныя надписи. Разослать потребное количество экземпляровъ фотографій почетнымъ лицамъ. Относительно открытыхъ писемъ, комиссія большинствомъ голосовъ высказалась, что до открытія памятника пускать въ продажу открытокъ не слѣдуетъ, но нужно заблаговременно заказать.

М. И. Сосновскій предложилъ комиссіи выразить благодарность Л. В. Позену за живое участіе и дѣятельное содѣйствіе, которое онъ безвозмездно оказалъ исполненіемъ для памятника Котляревскому бюста и горельефовъ и вообще всѣмъ лицамъ, оказавшимъ весьма сочувственное отношеніе по устройству памятника Котляревскому въ Полтавѣ. Предложеніе это единодушно было принято. („Полтавскій Вѣстникъ", № 90).

Предполагаемыя украинскія изданія. Среди петербургскихъ украинцевъ возникла мысль издать сборники сочиненій слѣдующихъ малорусскихъ писателей: Леси Украинки, Васыля Стефаныка и Михайла Старицкаго, послѣдняго—лирическія произведенія; къ составленію этихъ сборниковъ уже приступлено. Нельзя не привѣтствовать эту мысль нашихъ петербургскихъ земляковъ, во первыхъ, потому, что широкая публика россійской Украины почти не знакома до сихъ поръ съ произведеніями этихъ авторовъ, по той причинѣ что всѣ они изданы за границей (въ Галиціи изданы слѣдующіе сборники Леси Украинки: «Думи і мріі», «На крилах пісень» и „Відгуки" и В. Стефаника; „Синя книжечка", „Дорога" (новелі) и „Камінний хрест"), а во вторыхъ, въ виду высокой цѣнности многихъ изъ предполагаемыхъ къ изданію произведеній: несомнѣнно, что украинской интеллигенціи важно

познакомиться съ этими авторами, чего въ данное время она лишена по весьма понятнымъ причинамъ.

Тамъ же, въ Петербургѣ, „Благотворительное общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ“ для малорусскаго народа предполагаетъ издать иллюстрированныя поэмы Т. Шевченка и байкы Глибова. Это изданіе является несомнѣнно желательнымъ въ интересахъ народа. („Вѣстникъ Юга“, 390).

Литературный фондъ и украинскіе писатели. Вдовѣ недавно скончавшагося украинскаго поэта-гражданина Павла Арсеньевича Грабовскаго литературный фондъ русскихъ писателей предполагаетъ назначить ежегодную пенсію въ 300 руб. Это не первый случай проявленія высокогуманнаго отношенія литературнаго фонда къ заслугамъ безкорыстныхъ тружениковъ на украинской литературной нивѣ. Мы знаемъ, что фондъ постановилъ выдавать и уже выдаетъ ежемѣсячно по 50 руб. вдовѣ покойнаго украинскаго писателя П. А. Кулиша—извѣстной также украинской писательницѣ Ганнѣ Барвинокъ; выдаетъ онъ, если не ошибаемся, пенсію и престарѣлому украинскому драматургу М. П. Старицкому и, наконецъ, теперь предполагаетъ выдавать вдовѣ Грабовскаго, которая, къ слову сказать, осталась съ малолѣтнимъ сыномъ. («Вѣстникъ Юга», № 390).

Новое изданіе сочиненій Н. И Костомарова. Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (литературнымъ фондомъ) задумано новое изданіе: «Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова. Все изданіе составитъ 21 томъ (около 375 печатныхъ листовъ) и въ него войдутъ всѣ историчечкія монографіи и изслѣдованія покойнаго историка.

Всѣ двадцать одинъ томъ историческихъ монографій и изслѣдованій Н. И. Костомарова въ предполагаемомъ изданіи будутъ размѣщены въ восьми книгахъ. («Кіевская Газ.», № 105) [1]).

Поѣздка гр. П С. Уваровой въ Екатеринославъ.—Предсѣдательница Императорскаго московскаго археологическаго общества графиня П. С. Уварова,—отправляется въ скоромъ времени въ Екатеринославъ для выработки, совмѣстно съ организаціоннымъ комите-

---

[1]) См. объявленіе въ концѣ книги.

томъ по устройству въ Екатеринославѣ въ 1905 г. XIII археологическаго съѣзда, программы дѣятельности предварительнаго комитета на лѣтнее время. («С.-Петербургск. Вѣд.», № 87).

Сектанты и раскольники въ херсонской губ. По отчету, составленному противо-сектантскимъ миссіонеромъ М. Кальневымъ, въ 1902 г. въ херсонской епархіи насчитывалось: штундистовъ до *5500* чел., хлыстовъ до *500* чел., штундо-хлыстовъ до *180* чел. пашковцевъ до *100* чел. и скопцовъ до *30* чел. Въ этомъ году, говорится въ отчетѣ, пропаганда штундизма велась съ большей интенсивностью, чѣмъ прежде. Авторомъ отчета за это время было произведено до 40 судебныхъ экспертизъ по дѣламъ о штундистахъ. Что касается секты хлыстовъ, то въ послѣднее время наблюдается весьма замѣтный ея упадокъ, въ виду того, что она постепенно поддается вліянію другихъ сектъ напр,, пашковщины и по мѣстамъ—толстовства. Иногда, подъ вліяніемъ сектантства, на бесѣдахъ православные задаютъ миссіонерамъ вопросы въ чисто сектантскомъ духѣ и тонѣ. Въ отчетѣ, составленномъ М. Кальневымъ, указывается на то, что, кромѣ штундизма, нѣтъ совращеній ни въ одну секту за весь отчетный годъ. Совратилось изъ православія въ штунду 139 чел., считая, впрочемъ, и дѣтей; возвратилось изъ штундизма въ православіе 151 чел. Раскольниковъ-старообрядцевъ въ епархіи насчитывалось въ прошломъ году 25 тыс., изъ этого числа безпоповцевъ—1000 чел. («Югъ», № 1440).

Совѣщаніе объ отмѣнѣ сервитутовъ.—При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ образовано особое совѣщаніе по вопросу объ отмѣнѣ сервитутовъ въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ краѣ изъ представителей всѣхъ министерствъ и особо приглашенныхъ въ качествѣ экспертовъ крупныхъ землевладѣльцевъ западнаго края. («Русск. Вѣд.» № 100).

Выселеніе нѣмцевъ изъ Волыни. Эмиграціонное движеніе нѣмецкихъ колонистовъ изъ волынской губерніи съ наступленіемъ первыхъ весеннихъ дней начинаетъ усиливаться. Кромѣ житомирскаго уѣзда, гдѣ значительно пустѣютъ колоніи по Новоградволынскому шоссе и вблизи Фасовой, эмиграція обнимаетъ также значи-

тельную часть нѣмецкихъ колоній дубенскаго уѣзда, особенно расположенныхъ на сѣверо-восточной его части, такъ называемыхъ, «лѣсныхъ нѣмцевъ», живущихъ по линіи селъ Сатыевъ, Косарево, Новинки, Надчицы и пр. Есть также свѣдѣнія, что нѣмецкіе колонисты сѣверо-западной части луцкаго уѣзда также имѣютъ въ виду переселеніе изъ Россіи.

Въ послѣдніе два года нѣмецкія переселенія въ дубенскомъ и прочихъ сѣверныхъ уѣздахъ волынской губерніи уже имѣли мѣсто, но прежде нѣмцы выселялись отдѣльными семействами; теперь же переселеніе имѣетъ болѣе или менѣе общій характеръ. Куда именно переселяются нѣмецкіе колонисты, опредѣлить весьма затруднительно. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ въ виду переселеніе сначала въ Привислинскій и Западный край, а потомъ переселеніе въ познанскія провинціи и въ восточную Пруссію, другіе же прямо имѣютъ въ виду переселиться въ юго-западную часть Познани. («Биржив. Вѣд.» № 171).

Въ обществѣ изслѣдователей Волыни. 26 марта состоялось засѣданіе общества.—Этнографнческая секція представила на разсмотрѣніе членовъ *программу для собиранія этнографическаго матеріала на Волыни;* эту программу постановлено отпечатать въ 2000 экз. и разослать ее учителямъ, священникамъ и др. лицамъ. Затѣмъ секція рѣшила собирать свѣдѣнія о монетныхъ находкахъ, кладахъ, составить каталогъ библіотеки и описаніе музея общества. («Волынь», № 71).

Научная командировка. Харьковскій юридическій факультетъ въ засѣданіи своемъ постановилъ ходатайствовать о командированіи съ научной цѣлью профессора Н. А. Максимейко въ тѣ заграничные и россійскіе города, гдѣ находятся матеріалы по исторіи литовско-русскаго права. («Южный Край», № 7676).

Новое научное Общество въ Харьковѣ. Среди профессоровъ харьковскаго университета возникла мысль организовать научное антропологическое Общество, которое не носило бы спеціальнаго характера и было бы доступно для каждаго образованнаго человѣка—не спеціалиста. Инициаторами и учредителями этого Общества яв-

ляются представители различныхъ каѳедръ университета. На дняхъ было собраніе учредителей этого Общества, въ которомъ вырабатывался проектъ устава. По проекту устава, членами Общества могутъ быть, кромѣ лицъ, занимающихся научной дѣятельностью при университетѣ, всѣ образованные люди, при чемъ первые принимаются безъ баллотировки, вторые по баллотировкѣ. Предметами занятій Общества будутъ: антропологія, психологія и этнографія. Уставъ Общества въ скоромъ времени поступитъ на утвержденіе въ обычномъ порядкѣ, и надо надѣяться, что съ осени это интересное Общество вступитъ въ жизнь. («Южный Край», № 7693).

Естественно-историческое изученіе Южной Руси.—Новороссійское общество естествоиспытателей предприняло по особо выработанной программѣ рядъ интересныхъ научныхъ изслѣдованій по изученію природы трехъ южно-русскихъ губерній: херсонской, бессарабской и таврической, предназначенныхъ для докладовъ на будущемъ одесскомъ съѣздѣ естествоиспытателей и врачей. Часть намѣченной задачи—уже осуществлена обществомъ. Начатыя въ прошломъ году работы продолжаются и въ нынѣшнемъ 1903 году. («С.-Петербургскія Вѣдом.» № 83).

Годовое общее собраніе С.-Петербургскаго „Благотворительнаго Общества“. 16 марта состоялось въ помѣщеніи городской думы годовое общее собраніе «Благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» на малорусскомъ языкѣ. Изъ отчета, прочитаннаго секретаремъ г. Стебницкимъ, видно, что издательская дѣятельность общества выразилась въ выпускѣ 8-ми брошюръ, изъ которыхъ шесть появились на свѣтъ впервые, а двѣ—переизданы. Всего появилось на свѣтъ въ отчетномъ году 85 тыс. экземпляровъ, обошедшихся въ 2195 р. 55 к.; продажа ихъ даетъ 50 проц. чистой прибыли. Въ общество поступило въ 1902 году 14 рукописей и брошюръ, достойными же напечатанія оказались лишь 4. Въ отчетномъ году поступили три брошюры по сельскому хозяйству и пять по медицинѣ и гигіенѣ. Комиссія, въ составъ которой вошли: В. И. Филипьевъ, В. Г. Котельниковъ, В. В. Пашкевичъ, проф. П. П. Пелехинъ, д-ръ В. И. Долинскій и д-ръ В. В. Пасажный, не присудила первой преміи по сельскому хозяйству никому, а по медицинѣ и ги-

гіенѣ г-ну Задёрѣ за брошюру: «Якъ годуваты малыхъ дитей». Дѣйствіе конкурса на лучшую брошюру по сельскому хозяйству продолжено еще на одинъ годъ, т. е. до 1-го января 1904 г. Въ отчетномъ же году была учреждена комиссія для выработки общей программы издательства. Въ виду желательности содѣйствія поднятію образовательнаго уровня сельскаго населенія южно-русскихъ губерній правленіемъ возбуждено ходатайство о допущеніи въ читальни и народныя библіотеки книгъ на малорусскомъ языкѣ на одинаковомъ основаніи съ русскими: это—лучшее средство популяризаціи знаній въ народѣ. Правленіе ходатайствовало также о пособіи изъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ на дальнѣйшее изданіе книгъ по сельскому хозяйству. Ходатайство это уважено, и общество получило отъ министерства 200 р. Изъ денежнаго отчета видно, что весь приходъ равняется 3673 р. 41 к. въ томъ числѣ отъ продажи изданій 695 р. 74 к. расходъ—2,713 р. 44 к. Въ заключеніе состоялись выборы. («С.-Петербургскія Вѣд.», № 74).

Къ юбилею Н. В. Лисенка. Въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 1070 рублямъ (см. № 4-й, стр. 41) для поднесенія подарка Н. В. Лисенку въ день предстоящаго празднованія его 35-тилѣтняго юбилея, вновь прислано: 1) В. Ф. Симиренкомъ—1000 руб.; 2) свящ. Ант. Г.—8 руб.; 3) К—имъ—5 руб.,—что, вмѣстѣ съ прежними, составитъ *2083 рубля.*

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЦІИ.

Нужды Лемкивщини. Лемкивщина—съ большими или меньшими поселками, разбросанными всюду по Мазурщинѣ, одинъ изъ самыхъ глухихъ угловъ Галичины. Совершенно почти отрѣзанная отъ центровъ Галицкой народной жизни, она цѣлые вѣка жила своей собственной жизнью, предоставленная волѣ судебъ, почти забытая русинскимъ обществомъ. И нужно удивляться чрезвычайной стойкости и отпорной энергіи населенія ея: лишенное въ теченіе ряда вѣковъ всякаго духовнаго руководства, залитое со всѣхъ сторонъ мазурскимъ моремъ, оно сохранило свое національное бытіе. Еще самое сердце Лемкивщини—Карпатское подгорье—находится въ

лучшихъ условіяхъ, тамъ, по крайней мѣрѣ, широкія пространства заселены сплошь русинами. Но много «руських» островов въ долинахъ, отрѣзанные десятками миль отъ родного корня, словно тонутъ въ мазурскомъ морѣ. И при такихъ условіяхъ Лемки не денаціонализовались, напротивъ, сохранили не только прадѣдовскую вѣру, но и національное самосознаніе и чистый родной языкъ. По правительственной переписи населенія за 1900 г. въ западной Галичинѣ живетъ 153.850 человѣкъ греко-кат. обряда, изъ нихъ «признались доръускои народности 139,208», не считая смѣшанныхъ „повітів" надъ Сяномъ, на пограничьи. Такая масса народа при лучшихъ обстоятельствахъ принесла бы очень большую пользу народному дѣлу, а такъ едва прозябаетъ. Духовныхъ руководителей Лемки никогда не имѣли и не имѣютъ. Духовенство, за единичными исключеніями, не чувствуетъ другихъ обязанностей относительно своей паствы, кромѣ совершенія богослуженія да—крайне рѣдко—произнесенія проповѣди на такомъ темномъ «язычьи», котораго народъ совсѣмъ не понимаетъ. Про какія-нибудь читальни «Просьвіти», или хоть бы даже Качковскаго въ лемкивськихъ селахъ ничего не слышно. И, несмотря на эту вѣковую тьму кромѣшную, лемкивський народъ—замѣчательный матеріалъ, если бы было кому добросовѣстно заняться имъ. Лемки очень подвижны, любознательны, предпріимчивы, далеко практичнѣе своего брата-русина изъ восточной Галичины, особенно подоляка. Земля въ Лемкивщинѣ и вездѣ въ Мазурщинѣ, гдѣ живутъ русины, очень плоха, неплодородна. Земельные участки крайне раздроблены; въ среднемъ на одного хозяина едва выпадаетъ 5 морговъ гористаго поля. И однако Лемки не эмигрируютъ въ Бразилію или Канаду. Матеріальное благосостояніе ихъ стоитъ значительно выше, чѣмъ у подолянина—владѣльца самой плодородной земли. Единственнымъ побочнымъ источникомъ дохода для Лемковъ—служатъ заработки въ Америкѣ, въ Пруссіи и въ Угорщинѣ. Тысячи Лемковъ уѣзжаетъ на заработки (не на поселеніе) въ Америку, работаютъ тамъ на фабрикахъ стали, въ рудокопняхъ; хорошій работникъ получаетъ ежедневно 2—3 доллара, за годъ въ среднемъ сберегаетъ до 700 злр. Черезъ годъ-два онъ возвращается въ родное село, выплачиваетъ долги, ставитъ новую хату; не станетъ денегъ, ѣдетъ въ другой—третій разъ и опять вскорѣ возвращается съ деньгами. Вслѣдствіе этого цѣна на землю очень поднялась, всюду на нее большой спросъ: за моргъ плохой земли тутъ платятъ 300—400 злр. и больше.

На Лемкивщинѣ настоящее перенаселеніе. Удивительно, что до сихъ поръ никто не постарался, чтобы при парцелляціи имѣній въ восточной Галичинѣ, приглашать Лемковъ, которые на Мазурахъ съ трудомъ и очень дорого покупаютъ землю, а о продажѣ земли въ Восточной Галичинѣ ничего не знаютъ. Тогда земля русинская переходила бы въ свои, а не въ мазурскія руки.—Въ послѣднее время начало разсвѣтать и на глухой Лемкивщинѣ благодаря неутомимымъ трудамъ новосандецкихъ дѣятелей. Необходимо расширить Новосандецкую бурсу, чтобы она дала пріютъ сотнямъ молодыхъ лемковъ, стараться основать бурсы и въ другихъ мѣстахъ, напр., въ Краковѣ и Ясли, чтобы поскорѣе воспитать молодое сознательное поколѣніе Лемковъ. До сихъ поръ отъ окончившихъ школы Лемковъ не было помощи народному дѣлу. Изъ нихъ выходили или заскорузлые москвофилы, или деморализованные прислужники польской гакаты. И неудивительно. Въ польскихъ гимназіяхъ они не слыхали родного языка, тамъ некому привить въ нихъ любовь и охоту трудиться для своего родного дѣла.

Среди Лемковъ есть много состоятельныхъ людей, которые могутъ посылать своихъ сыновей въ школы, нужно только заохотить ихъ. Есть на Лемкивщини и народныя школы съ русинскимъ преподавательскимъ языкомъ и учителями русинскими. Только эти учителя, при всѣхъ благихъ желаніяхъ, не въ состояніи много сдѣлать въ такомъ захолустьи. Лемкивщинѣ нужны какъ можно скорѣе просвѣтители съ національнымъ самосознаніемъ—и прежде всего молодые, идейные священники. Имъ должны помочь въ народной работѣ свѣтскіе интеллигенты заточники на мазурахъ, основывая бурсы, въ мѣстечкахъ, читальни и лавки въ селахъ. Такой работой они поразятъ гакату въ самомъ ея сердцѣ и покажутъ, что перемѣщеніе русиновъ на мазура можетъ принести лишь пользу русинскому національному дѣлу («Діло, 7280»).

Интерпелляціи русинскихъ пословъ. 18-го декабря 1902 г. русинскіе послы обратились къ Вѣнскому правительству съ интерпелляціей, въ которой указывали на перемѣщенія русиновъ-чиновниковъ и учителей изъ восточной Галичины въ западную, «на Мазури», и на вредныя послѣдствія, какія происходятъ отъ этого и для перемѣщенныхъ русиновъ и для всего русинскаго населенія. На эту интерпелляцію отвѣта и до сихъ поръ не послѣдовало, а перемѣщенія продолжаются дальше. Такое поведеніе галицкихъ краевыхъ властей нужно

считать просто—преслѣдованіемъ и терроризированьемъ русинскихъ чиновниковъ и учителей, которые—особенно въ глухихъ мѣстностяхъ—часто являются единственной русинской интеллигенціей; у нихъ хотятъ отнять возможность публичной дѣятельности на пользу культурнаго и экономическаго развитія родного народа.—На чужбинѣ, далеко отъ родной стороны, «заточники» не слышатъ своего богослуженія, не могутъ удовлетворять своихъ религіозныхъ потребностей, дѣтей своихъ принуждены крестить по латинскому обряду, а за этимъ обыкновенно наступаетъ ихъ денаціонализація. На мѣсто ихъ переселяются въ восточную Галичину совсѣмъ незнакомые съ русинскимъ языкомъ. Указавъ на всѣ эти несправедливости, въ интерпелляціи къ вѣнскому правительству отъ 31 марта 1903 г. посолъ Романчукъ съ товарищами спрашиваетъ: 1) «Какое положеніе занимаетъ ц. к. центральное правительство относительно этого тенденціознаго и систематическаго поведенія ц. к. галицкихъ властей»! 2) Готово ли оно (т. е. президентъ министровъ, министръ финансовъ и министръ просвѣщенія), позволить перемѣщеннымъ противъ собственной воли чиновникамъ и учителямъ—вернуться на родину, въ восточную Галичину»? 3) «Захочетъ ли ц. к. правительство допустить дальнѣйшія принудительныя перемѣщенія русинскихъ чиновниковъ и учителей изъ восточной Галичины въ западную»? («Діло», 72).

21 марта пос. Романчукъ съ товарищами внесли центральному правительству интерпелляцію «о незаконномъ ограниченіи свободы выхода изъ края и отниманіи возможности заработка со стороны галицкихъ властей». Приведя относящіеся сюда факты (см. IV кн. «Кіев. Стар.», стр. 44—45) и констатировавъ, что поведеніе галицкихъ властей противорѣчитъ 4-ой статьѣ основного закона (21/XII—1867), интерпелляція оканчивается слѣдующими требованіями: 1) «Немедленно приказать ц. к. галицкимъ властямъ, чтобы тамошнимъ крестьянамъ и рабочимъ, которые хотятъ эмигрировать изъ края или искать за предѣлами края временнаго заработка, не ставили никакихъ затрудненій, не основанныхъ на законѣ, и безпрепятственно выдавали паспорты и рабочія книжки». 2) Дать выходцамъ необходимую охрану какъ во время дороги, такъ и на мѣстѣ ихъ будущаго пребыванія.» 2) „Безпроволочно приступить къ урегулированію дѣла эмиграціи и облегченія въ отысканіи заработковъ въ краѣ и заграницей, что было обѣщано въ тронной рѣчи 4/II 1901 г.».

На эту интерпелляцію д-ръ Керберъ обѣщалъ дать отвѣтъ сейчасъ послѣ пасхальныхъ праздниковъ («Діло, 67).

Францъ Вол. Ригеръ о русинахъ. Покойный (ум. 18 февр. с. г.) великій вождь чеховъ Фр. Ригеръ относился съ большой симпатіей къ русинскому народу. Особенно благопріятное положеніе относительно русиновъ занималъ Ригеръ въ кромерижскомъ сеймѣ 1848 г., когда въ дебатахъ надъ пропозиціей русинскихъ пословъ о раздѣлѣ Галичины высказалъ слѣдующія памятныя слова. «Я признаю русиновъ самостоятельнымъ народомъ. По собственнымъ наблюденіямъ знаю Галичину и говорю здѣсь вполнѣ объективно. Три милліона русиновъ живетъ въ Галичинѣ и 13 милліоновъ въ Россіи, и этотъ 16-милліонный народъ не пропадетъ, согласитесь вы на раздѣлъ Галичины или нѣтъ. Такого народа не затаите, однимъ почеркомъ не вымажете съ карты Европы. Свобода слова придастъ теперь силы русинскому элементу. Его литература, проникнутая свободой, растопитъ твердый ледъ рабства. Она станетъ Архимедовымъ рычагомъ, который разрушитъ то темное царство, оторвавъ отъ него милліоны закрѣпощенныхъ русиновъ. Уважайте національныя стремленія этого народа, призваннаго къ самостоятельной жизни и до сихъ поръ подвергающагося преслѣдованіямъ, какъ бы ни было это непріятно для васъ, поляковъ. Уступки, какія вы дѣлаете русинамъ, очень малы. Если русины ничего не добьются отъ васъ, они сумѣютъ найти себѣ помощь; но помните, господа, что это принесетъ вредъ не только польскому элементу, не только Австріи, а и всему дѣлу свободы». (Protokolle des Verfassungsausschusses im Österr. Reichstage im J. 1848—1849. («Діло», 40).

Народное просвѣщеніе въ Галичинѣ. Главной организаціей въ Галичинѣ, имѣющей широкія просвѣтительныя задачи и огромное значеніе для края, является основанное въ 1868 году общество «Просьвіта» съ его филіями и читальнями. Это общество въ настоящее время имѣетъ около 8000 дѣйствительныхъ членовъ, 21 филіальное отдѣленіе и 1193 читальни съ 60.000 дѣйствительныхъ членовъ и 100.000 библіотечныхъ томовъ; кромѣ того оно распространило до сихъ поръ въ народѣ болѣе $1^1/_2$ милліона популярныхъ книжекъ. Въ сред-

немъ каждый повѣтъ съ украинскимъ населеніемъ имѣетъ по 21 читальнѣ «Просьвіти». Если къ упомянутымъ 1193 читальнямъ «Просьвіти» прибавимъ около 50 читаленъ «самостійних» да около 20 «Народних спілок» (на Покутьи) и столько же сельских «Січей» і «Соколів»,—то вся просвѣтительная огранизація украинская на селахъ можетъ быть выражена въ количествѣ 1200 читаленъ. Если принять во вниманіе, что на всей украинской территоріи Галичины насчитывается до 4000 «громадъ», то оказывается «что около 2800 мѣстностей, т. е. болѣе $^2/_3$ края остается безъ всякой просвѣтительной организаціи. („Діло", ч. 20).

Конкурсъ. Виділ «Українсько-руського драматичного товариства ім. Івана Котляревского у Львови» объявилъ конкурсъ на два сценическія произведенія изъ области драмы, трагедіи или комедіи въ одномъ или двухъ актахъ (діях). Срокъ конкурса полугодичный, именно—произведенія должны быть присланы до послѣдняго числа сентября мѣсяца сего 1903 г. первая премія 100 кор., вторая—70 кор.

Почетное избраніе русина. Narodopisna Společnost Českoslovanska избрала своимъ членомъ корреспондентомъ проф. Volод. Шухевича за «заслуги въ области славянской этнографіи». Главной наиболѣе замѣчательной научной работой Шухевича является его работа про Гуцульщину.

„Клюб Русинок" во Львовѣ. На общемъ собраніи «Клюба Русинок» 4 марта с. г. принятъ проектъ перемѣны устава этого общества. Основанное 10 лѣтъ тому назадъ товар-о «Клюб Русинок» поставило себѣ такую цѣль: создать очагъ интеллектуальной жизни, оживить умственное движеніе среди русинокъ, укрѣпить и поднять въ нихъ народный духъ и пробудить товарищескую жизнь. Соотвѣтственно этой цѣли былъ составленъ и статутъ Товар-а. Теперь рѣшено въ область дѣятельности «Клюба» включить—«заохочуване» Русинок къ труду надъ распространеніемъ образованія и экономическаго прогресса народа. Для пріобрѣтенія матеріальныхъ средствъ «Клюб Русинок» принимаетъ членскіе взносы, добровольные дары, наслѣдства, призываетъ къ пожертвованіямъ.—Въ общемъ собраніи „Клюба" участвовало 36 членовъ. Согласно отчету за послѣднее время прибавилось—

20 съ лишнимъ новыхъ членовъ, засѣданій было 14, на нихъ обстоятельно обсуждался вопросъ объ основаніи «дівочоі бурси» во Львовѣ.

Съѣздъ „русскихъ женщинъ" во Львовѣ. 12 (25) марта во Львовѣ, въ залѣ «народнаго дома», происходило засѣданіе «съѣзда русскихъ женщинъ» изъ Галиціи и Буковины, подъ продсѣдательствомъ г-жи Геровской; всего собралось до 168 женщинъ. На съѣздѣ были, въ качествѣ гостей, и мущины. Былъ прочитанъ рядъ докладовъ: «По вопросу о положеніи червоно-русской женщины»—г-жей Лѣсковацкой, «Объ организаціи червоно-русскихъ женщинъ»—г-жею Дудкевичъ, «По вопросу о женскомъ образованіи»—г-жею Яновской и «По вопросу о женскомъ образованіи»—г-жею Ясиницкою. („С.-Петерб. Вѣдом.", № 76).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Дубове лыстя. Альманахъ на згадку про П. О. Кулиша. *Упорядкувалы: М. Чернявськый, М. Коцюбинськый, Б. Гринченко. 278 стр. К. 1903 г. ц. 1 р. 50 к.*

Въ послѣднее время вошло въ обычай чествовать память выдающихся литературныхъ дѣятелей особыми, посвященными имъ сборниками. Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ отрадный фактъ, что этотъ симпатичный обычай прививается и въ нашей украинской литературѣ. Недавно вышелъ литературный сборникъ, посвященный памяти А. Я. Конисскаго, а вотъ передъ нами и другой сборникъ—«альманахъ на згадку про П. О. Кулиша».

Заслуги покойнаго П. А. Кулиша предъ украинской литературой извѣстны не только спеціальнымъ знатокамъ ея, но и всѣмъ вообще интересующимся исторіею этой литературы. Всю свою жизнь, не выпуская пера изъ рукъ, работалъ П. А. Кулишъ для горячо любимой родной литературы. И труды его были далеко не безрезультатны: своею дѣятельностью въ качествѣ поэта, беллетриста, переводчика, критика и ученаго онъ оставилъ въ украинской литературѣ прочные, неизгладимые слѣды.

Всякое напоминаніе о подобныхъ труженикахъ слова имѣетъ большое значеніе не только какъ выраженіе почтенія къ ихъ памяти, но и какъ средство моральнаго воздѣйствія на современное поколѣніе. Нашему времени и нашему поколѣнію такъ недостаетъ энергіи и бодрости, такъ свойственна апатія, бездѣятельность и вялость, что нужно пользоваться

всякимъ средствомъ для его пробужденія и возбужденія. Напоминаніе о дѣятеляхъ, подобныхъ Кулишу, можетъ имѣть въ этомъ отношеніи не маловажное значеніе.

Въ виду всего этого нельзя не радоваться появленію въ свѣтъ сборника, посвященнаго памяти П. А. Кулиша.

Предъ редакторами настоящаго сборника была очень интересная и почтенная, но въ то же время и далеко не легкая задача: составить такой сборникъ, который бы соотвѣтствовалъ заслугамъ Кулиша и явился, дѣйствительно, чествованіемъ его памяти.

Обратимся, однако, къ самому сборнику и посмотримъ, насколько удачно выполнена редакціею эта трудная задача.

Сборникъ, какъ и слѣдовало ожидать, открывается краткимъ, живымъ, довольно полнымъ очеркомъ жизни и литературной дѣятельности покойнаго Кулиша, составленнымъ Б. Д. Гринченкомъ.

Далѣе въ сборникѣ помѣщена талантливая композиція Н. В. Лисенка на одно изъ лучшихъ стихотвореній Кулиша—«У досвита вставъ я»... Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ разсказовъ, очерковъ и стихотвореній многихъ изъ лучшихъ современныхъ украинскихъ писателей.

Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ прекрасный очеркъ П. Мырного—«Середъ степивъ». Давно уже намъ не приходилось читать въ украинской литературѣ такъ сочно, такъ красиво, такъ художественно написаннаго произведенія. Собственно въ этомъ очеркѣ нѣтъ какого либо опредѣленнаго содержанія. Весь очеркъ представляетъ изъ себя не что иное, какъ рядъ художественно описанныхъ картинъ природы, какія пришлось наблюдать автору во время одного изъ его путешествій по степи. Только сильная рука такого художника, какъ Мырный, можетъ дать такія яркія, и подробныя, такія блестящія и пластичныя картины восхода солнца, утра, полдня, захода солнца, вечера и наступленія ночи. Всѣ эти картины какъ будто оживаютъ и проносятся передъ читателемъ. Читатель чувствуетъ себя такъ, какъ будто онъ самъ перенесся въ степь и самъ лично наблюдаетъ все то, что описываетъ своею мастерскою рукою художникъ авторъ. Однако, увлекаясь самъ и увлекая читателей прелестью степи, нашъ авторъ не забываетъ, что жизнь полна страшныхъ контрастовъ, что эти контрасты не даютъ возможности человѣку съ чуткою душою вполнѣ отдаться наслажденію красотами природы, что эти контрасты способны отравить человѣку самое сильное наслажденіе, способны пробудить

его отъ самаго сильнаго очарованія... Взошло солнце, и подъ его благодатными лучами все живое какъ-то усиленно ощущаетъ прелесть жизни, еще выше цѣнитъ ее, всѣми силами стремится къ этой жизни. Но вотъ появляется маленькій хищникъ ястребокъ—и вмѣстѣ съ нимъ смерть и насиліе. Вся картина, прежде такъ ласкавшая, радовавшая взоръ, теряетъ вдругъ все свое очарованіе. «Смерть... розбій!.. тёхнуло у вашому серци. Середъ сіеи красы свитовои, де заклёвуется радисть та счастя, де прокыдается любовъ до всёго,—лыха смерть та розбій появылыся!.. На що то? За-що?.. Видразу помутылась у вашыхъ очахъ краса свитова, тыхая радисть почала зныкаты, щось васъ злегка вщыпнуло за серце,—не болисть—а якесь недобре почування окрыло вашу душу» (23 стр.)... Солнце поднялось выше, щедро обливаетъ оно всю природу своими теплыми, животворными лучами. «Вы дывытесь и дывуетесь; вамъ здается, що вы йидете не по вбытій дорози зеленого степу, а якымсь невидомымъ краемъ красы та чару, та вильного повитря. Вамъ легко дышется, легко жывется. Все, що васъ колысь давыло та смутокъ будыло,—зныкло; знову люби та мылы почування почалы васъ огортаты, сны якись душу колышуть; зъ самого глыбу серця вырынають думкы непрымитни, гадкы легкокрылы,—самы мчатся и васъ мчать за собою... Куды?.. Не пытайте! Не шукайте»!.. (25 стр.). Но вотъ показались скрипучіе возы переселенцевъ, отправляющихся на Амуръ,—возы, наполненные жалкими пожитками крестьянской нищеты, и «голова ваша похылылася, смутокъ облягае душу, нерадисни думкы почалы за серце щыпаты»... (26 стр.). Спустилась ночь, небо покрылось миріадами звѣздъ, этихъ отдаленныхъ, таинственныхъ, необъятныхъ міровъ. Величіе картины наводитъ автора на грустныя мысли о человѣкѣ, его мѣстѣ и значеніи на землѣ, его настоящемъ и прошломъ, въ которомъ такъ много жестокости, борьбы, насилія, зла... Подъ вліяніемъ всего этого авторъ сомнѣвается въ томъ, что онъ будетъ въ силахъ вмѣстѣ съ остальною природою забыться ночью въ благодатномъ освѣжающемъ снѣ. «Чы зійде жъ сонъ на вашу заклопотану душу? Чы заспокое винъ ваше розражене серце розьятрену душу?»—(43 стр.) спрашиваетъ въ заключеніе авторъ.

Несомнѣнно крупный художественный интересъ представляетъ также и небольшой разсказъ г. Грыгоренка—«Вона пысьменна». Разсказъ, помимо своихъ художественныхъ достоинствъ, интересенъ новизною своей темы. Г. Грыгоренко въ своемъ разсказѣ касается вопроса о тяжеломъ положеніи даровитой, выдающейся дѣвушки въ

крестьянской средѣ. Тяжело положеніе даровитаго мальчика, но онъ имѣетъ хоть какую-нибудь, хоть слабую надежду выбиться изъ этихъ тяжелыхъ обстоятельствъ, увидѣть тотъ свѣтъ, къ которому онъ такъ рвется. Положеніе выдающейся дѣвушки въ крестьянской средѣ почти безнадежно,—она должна забыть всѣ свои лучшія желанія, лучшія надежды и мечты,—для нея у насъ пока еще нѣтъ пути къ свѣту. Вотъ такую то богато одаренную отъ природы дѣвушку, тонкую, поэтичную, художественную натуру и выводитъ въ своемъ разсказѣ Г. Грыгоренко въ лицѣ молодой крестьянки Оксаны. Оксана рѣзко выдѣляется изъ среды своихъ сверстницъ и подругъ,—она жаждетъ знанія, стремится къ свѣту знанія. Но окружающая ее среда не можетъ понять ея желаній и стремленій; сверстницы и парни смѣются надъ нею, а старшее поколѣніе идетъ еще далѣе—награждаетъ своими насмѣшками не только Оксану, но и ея родителей. Родители любятъ Оксану, имъ даже нравится, что она умѣетъ читать, но имъ больно выслушивать насмѣшки по ея адресу и видѣть ее всегда какою то грустною, убитою. Хотя родители и снисходятъ *къ слабостямъ* своей дочки, однако и они явно не понимаютъ ея: они были бы гораздо болѣе довольны, если бы ихъ дочка была такая же, какъ и всѣ остальныя ея подруги. Вышедши замужъ за Ивана Недопеченого, Оксана силится передѣлать себя, забыть всѣ свои прежнія мечты и думы, распроститься навсегда съ книгами. На время это ей какъ будто удается. Но одинъ разъ, въ воскресенье, когда никого не было въ хатѣ, Оксанѣ такъ сильно захотѣлось почитать, что она не удержалась,—вынула книгу и начала читать, сидя около постельки своего маленькаго сына. Входитъ Иванъ и удивляется. Оксана страшно смущена и перепугана,—она ожидаетъ отъ мужа, если не ругательствъ, то, по крайней мѣрѣ, острыхъ, злыхъ насмѣшекъ. И вдругъ, совершенно неожиданно она встрѣчаетъ со стороны мужа сочувствіе: мужъ одобряетъ ее и радъ, что она сможетъ сама выучить грамотѣ своего сына. Прекрасно передаетъ авторъ радость и смущеніе Оксаны послѣ этихъ столь неожиданныхъ для нея словъ мужа... Оксанѣ на минуту улыбнулось счастье. Однако эта минутка счастья не въ силахъ побороть тяжелыхъ, безотвѣтныхъ думъ читателя, разбуженныхъ грустною исторіею Оксаны. До какихъ поръ тьма и невѣжество будутъ царить среди нашего крестьянства,—долго ли еще истинно талантливые, выдающіеся элементы крестьянства будутъ гибнуть, не встрѣчая себѣ сочувствія и не находя себѣ выхода,—

вотъ вопросы, которые мучительно, болѣзненно стоятъ въ мозгу и требуютъ себѣ отвѣта...

Разсказъ г-жи Яновской «Рукавычкы» производитъ какое то неопредѣленное впечатлѣніе. Съ одной стороны, разсказъ этотъ, безусловно, недурно задуманъ и мѣстами хорошо написанъ, съ другой стороны—центральное мѣсто всего разсказа—самоубійство Мыкыты является какъ то очень слабо мотивированнымъ. Вмѣсто настоящей подробой мотивировки авторъ даетъ только отдѣльные намеки. Въ результатѣ: прочитаешь этотъ симпатичный разсказъ, и дѣлается какъ то положительно досадно на автора, что онъ не далъ себѣ труда обработать болѣе тщательно столь интересную тему.

Сильное впечатлѣніе производитъ на читателя небольшой талантливо написанный очеркъ І. Франка «Мій злочынъ». Авторъ разсказываетъ о томъ, какъ въ раннемъ дѣтствѣ онъ замучилъ маленькую невинную птичку. Почему то воспоминаніе объ этомъ проступкѣ сохранилось у автора на всю жизнь. Находясь черезъ двадцать лѣтъ послѣ этого убійства въ тюрьмѣ, онъ невольно вспомнилъ о невинно замученной имъ птичкѣ. И съ этого времени нашъ авторъ не можетъ избавиться отъ этого мучительнаго воспоминанія. «Мени здается,— говоритъ онъ,—що все дурне, безцильне, жорстоке и погане, що я тилькы зробывъ у своимъ жыттю, скрыстализовалося въ конкретный образъ отсёго малого, невынно замордованого пташка, щобы тымъ докучлывище мучыты мене» (80 стр.).

Въ этюдѣ г. Коцюбинскаго «Лялечка» разсказывается о томъ, какъ тридцатилѣтняя земская учительница Раиса, переведенная на новое мѣсто въ другое село, вначалѣ недовѣрчиво и даже враждебно относится къ мѣстному вдовцу священнику о. Василію, а затѣмъ постепенно подчиняется его вліянію и влюбляется въ него.—Настоящее произведеніе г. Коцюбинскаго далеко не можетъ идти въ сравненіе съ прежними работами этого талантливаго автора. Трудно понять прежде всего цѣль и задачу автора,—что хотѣлъ сказать своимъ произведеніемъ г. Коцюбинскій?.. Затѣмъ, приходится отмѣтить не вполнѣ ясную и отчетливую характеристику главныхъ персонажей (Раиса и о. Василій) и общую какую то сухость и вялость разсказа. Впрочемъ, и въ настоящемъ произведеніи есть нѣсколько поистинѣ прекрасныхъ мѣстъ, которыя ярко свидѣтельствуютъ о сильномъ талантѣ автора. Достаточно вспомнить здѣсь хотя бы интересное, оригинальное, въ

духѣ Чеховскихъ «мужиковъ» описаніе села, куда ѣхала Раиса, (104 стр.) и художественное описаніе грозы (111 стр.).

Разсказу г. Чернявскаго «Змій» недостаетъ простоты и естественности: слишкомъ сгущены въ немъ краски и слишкомъ много ненужной, хотя и очень красивой лирики.

На глубокія размышленія наводитъ талантливый разсказъ г. Гринченка «Якъ я вмеръ», въ которомъ авторъ коснулся тяжелаго, ненормальнаго положенія украинскихъ писателей. «У поэта,—говоритъ авторъ,—въ голови йе мозокъ, а въ грудяхъ почування... Си дви речы прызначено на те, щобъ служыты поэзіи во имья счастя ридного краю й народу. Але поэзія у насъ мае зъ усёго тилькы недогрызкы: той мозокъ зйидае канцелярія чы контора, а почування вытрачуется на эквилибрыстыку мижъ мріямы про вильный свитъ шырокый и порозуминнямъ зъ слугамы запаморочення. На поэзію мае поэтъ килькы сонныхъ видъ утомы хвылынъ, якъ що ихъ не забере ёму хатній клопитъ... Середъ пустыни жыве у насъ поэтъ. Ёго слово—гласъ вопіющаго въ пустыни...» (156 стр.). Разсказу г. Гринченка нѣсколько недостаетъ выдержанности тона: то въ немъ беретъ верхъ сатирикъ, то публицистъ.

«Бытва» г-жи Кобылянской представляетъ поэтическую картину рубки стараго, вѣкового лѣса. Если бы не тяжелый мѣстами языкъ, не неправильная конструкція рѣчи и не рискованныя подчасъ выраженія въ декадентскомъ вкусѣ, то это произведеніе г-жи Кобылянской можно было бы признать вполнѣ художественнымъ.

Недурной поэтъ, сатирикъ и литературный критикъ, г. Маковей въ своемъ очеркѣ «Самота», кажется, дѣлаетъ попытку написать нѣчто въ современномъ модномъ духѣ и стилѣ. Герой очерка г. Маковея—безусловно какой то маленькій Übermensch: онъ ничѣмъ не доволенъ, онъ презираетъ толпу, онъ всѣхъ и все безпощадно анализируетъ. Имѣя въ виду изобразить современнаго моднаго героя, г. Маковей прибѣгаетъ и къ модному способу письма: пишетъ коротенькими, отдѣльными строчками, употребляетъ предложенія безъ подлежащихъ и т. д. Кажется, однако, г. Маковею не вполнѣ удалось написать нѣчто модное: въ его произведеніи слишкомъ много яснаго смысла и очень мало философскаго тумана...

«Мали люде,—мале й горе», разсказъ г. Ефремова, читается съ интересомъ, хотя и страдаетъ растянутостью.

Съ интересомъ же читается и разсказъ г. Гринченка «Болотяна квитка».

Кромѣ прозаическихъ произведеній въ разсматриваемомъ нами сборникѣ есть не мало и стихотвореній. Здѣсь помѣщены талантливыя стихотворенія г-жи Леси Украинки—«Египетськи фантазіи» и ея-же прекрасная поэма «Робертъ Брюсъ». По обыкновенію красивы, но не блестящи, стихотворенія г. Крымскаго—«На темы зъ Хейяма» и «Зъ Абуль-Аля». Заслуживаютъ вниманія также стихотворенія г.г. Самійленка, Чернявскаго, Грабовскаго и Вороного.

Значительную цѣнность сборнику придаетъ тщательно составленный г. Баликою библіографическій указатель произведенія П. А. Кулиша.

Мы обозрѣли, насколько возможно было подробно въ библіографической замѣткѣ, все содержаніе сборника, посвященнаго памяти П. А. Кулиша. Въ общемъ, сборникъ составленъ очень тщательно и умѣло,—выше мы видѣли, какъ много интересныхъ произведеній помѣщено на его страницахъ. Очевидно, редакторы сборника вполнѣ прониклись важностью предстоявшей имъ задачи и съ любовью взялись за ея осуществленіе. Результатомъ такого серьезнаго и любовнаго отношенія къ дѣлу со стороны редакціи и явилась настоящая книга, вполнѣ достойная имени П. А. Кулиша.

Что касается внѣшности сборника, то ее нужно признать вполнѣ безукоризненною: сборникъ отпечатанъ четкимъ шрифтомъ на плотной бѣлой бумагѣ и кромѣ того снабженъ четырьмя портретами П. А. Кулиша, видомъ его дома, погребенія и могилы.

Сборникъ «Дубове лыстя» является цѣннымъ пріобрѣтеніемъ на сравнительно небогатомъ украинскомъ книжномъ рынкѣ.

Принимая во вниманіе внутреннія и внѣшнія достоинства настоящаго изданія, а также и его не высокую цѣну (1 р. 50 к.), отъ души желаемъ ему самаго широкаго распространенія и смѣло рекомендуемъ его вниманію всѣхъ любителей украинской литературы.

В. Мировець.

Ганна Барвинокъ (О. М. Кулишева). *Оповидання зъ народнихъ устъ. I—XXV+544 стр. Кіевъ 1902 г. ц. 1 р. 75 к.*

Давно уже признано, что, идя впередъ, необходимо всегда осматриваться назадъ. Это общее житейское правило примѣнимо въ значи-

тельной степени и къ литературѣ. Прошлое даетъ много уроковъ для настоящаго, помогаетъ оріентироваться въ сложныхъ, разнообразныхъ литературныхъ направленіяхъ, даетъ возможность хоть сколько-нибудь приподнять темную завѣсу будущаго. Вообще полезно не забывать прошлаго. Но бываютъ и особенныя, исключительныя обстоятельства, когда дѣлается положительно необходимымъ заглянуть въ прошлое, провѣрить имъ настоящее и опредѣлить путь для будущаго. Современная намъ украинская литература переживаетъ именно подобное состояніе. Въ настоящее время почти всѣ молодые представители ея, не удовлетворяясь старыми, по ихъ мнѣнію, уже отжившими формами и содержаніемъ литературныхъ произведеній, ищутъ чего то новаго, какихъ то новыхъ путей, новыми вліяніями стараются оживить старое. Въ виду такого положенія современной украинской литературы, намъ далеко не безполезно оглянуться назадъ.

Исходя изъ этого положенія, нельзя не признать благовременнымъ изданіе произведеній маститой украинской писательницы Ганны Барвинокъ—А. М. Кулишъ, жены извѣстнаго украинскаго писателя П. А. Кулиша. Сорокъ уже слишкомъ лѣтъ служитъ родной литературѣ А. М. Кулишъ. Недавно вся украинская читающая публика праздновала сорокалѣтній юбилей ея писательской дѣятельности. Появившееся въ прошломъ году собраніе ея сочиненій можно считать поэтому въ нѣкоторомъ родѣ юбилейнымъ. Въ громадномъ томѣ, заключающемъ въ себѣ свыше 500 страницъ текста, помѣщено тридцать разсказовъ почтенной писательницы. Какъ показываетъ самое заглавіе книги, разсказы г-жи Кулишъ всѣ взяты изъ народной жизни. Мало того, разсказы эти, по замѣчанію автора, записаны изъ «народнихъ устъ», т. е. представляютъ изъ себя нѣчто въ родѣ этнографической записи. Однако, между простою этнографическою записью и произведеніями г-жи Кулишъ существуетъ громадная разница. Въ то время, какъ этнографъ записываетъ все характерное для извѣстной мѣстности, записываетъ, мало обращая вниманія на художественность или нехудожественность матеріала, записываетъ съ буквальною точностью,—г-жа Кулишъ, обладая несомнѣннымъ художественно развитымъ вкусомъ, изъ всего громаднаго количества встрѣчавшагося ей въ жизни, при постоянномъ сношеніи съ крестьянами, матеріала, записывала у себя только наиболѣе яркое, наиболѣе поэтичное и художественное. Трудно предположить при томъ же, чтобы самъ авторъ только буквально записывалъ изъ устъ народа и чтобы ему

всегда случались столь краснорѣчивыя, такъ богато одаренныя разсказчицы. Естественнѣе, кажется, полагать, что г-жа Кулишъ, дѣйствительно, имѣла нѣсколько такихъ исключительно одаренныхъ знакомыхъ крестьянокъ, а отъ нихъ уже и сама переняла до мельчайшихъ подробностей крестьянскій складъ рѣчи, крестьянскій способъ разсказа и вообще все тѣ мелкія, мало замѣтныя черточки, которыя роднятъ ея произведенія съ народными, чисто этнографическимъ способомъ записанными разсказами. Прекрасно изучивши бытъ народа и его языкъ, г-жа Кулишъ въ своихъ произведеніяхъ не рабски слѣдуетъ народному разсказу, а пользуется имъ нерѣдко какъ только подходящимъ матеріаломъ, измѣняя его сообразно съ требованіемъ своего художественнаго вкуса. Народный разсказъ въ ея обработкѣ является чѣмъ то въ родѣ канвы, на которой она своею искусною рукою вышиваетъ разнообразные узоры. Близость къ народнымъ произведеніямъ, дѣлающая разсказы г-жи Кулишъ вполнѣ понятными и доступными для народа, сообщающая имъ высшую степень реализма и объективности, въ то же время отчасти и вредитъ имъ: даетъ имъ слишкомъ однообразную, подчасъ утомительную форму, заставляетъ автора дѣлать много отступленій въ сторону, благодаря чему сильно запутывается и затемняется самый разсказъ. Вообще, въ смыслѣ техники произведеніямъ нашего автора многаго недостаетъ,—современная техника выработала гораздо болѣе изящную, удобную и совершенную форму разсказа, чѣмъ та однообразная форма, какою пользуется г-жа Кулишъ.

Одинъ изъ критиковъ (Б. Д. Гринченко) назвалъ Ганну Барвинокъ «поэтомъ жиночого горя». И дѣйствительно, почти всѣ произведенія почтенной писательницы посвящены изображенію тяжелаго положенія женщины въ крестьянской средѣ. Читая подрядъ всѣ разсказы г-жи Кулишъ, приходишь къ убѣжденію, что она прямо поставила себѣ цѣлью въ своихъ разсказахъ изобразить тяжелую долю женщины-крестьянки. И сколько самыхъ разнообразныхъ женскихъ натуръ мы встрѣчаемъ при чтеніи этихъ разсказовъ: тутъ и веселыя и грустныя, и счастливыя и несчастныя, и кроткія, терпѣливыя, выносливыя и болѣе самостоятельныя, протестующія, энергичныя, смѣлыя, и среднія, не возвышающіяся надъ уровнемъ посредственности и богато одаренныя, выдающіяся. Но всѣхъ этихъ женщинъ объединяетъ и, такъ сказать, сближаетъ одна общая всѣмъ имъ тяжелая, горькая доля. Вникая въ жизнь крестьянки, нашъ авторъ своимъ любящимъ взоромъ находитъ въ ней много такого, что не доступно обычному менѣе вни-

мательному взору: онъ открываетъ въ нашей невзрачной съ виду, запуганной, загнанной, забитой крестьянкѣ много ума, воли, настойчивости, терпѣнія, любви и преданности. Однако, при всемъ этомъ, г-жа Кулишъ отнюдь не идеализируетъ своихъ героинь: на ряду съ симпатичными женщинами она рисуетъ передъ нами и не мало совсѣмъ не симпатичныхъ («Вирна пара», «Половынщыкъ» и др.). Благодаря строгой реальности, объективности и отсутствію идеализаціи, разсказы почтенной писательницы, обнимающіе собою почти сорокалѣтній періодъ, могутъ служить очень цѣннымъ историческимъ матеріаломъ, при изученіи вопроса о положеніи женщины у нашихъ крестьянъ.

Не всѣ разсказы г-жи Кулишъ одинаково обработаны. Есть между ними и такіе, что по своимъ художественнымъ достоинствамъ могутъ служить украшеніемъ любой литературы («Русалка», «Перемогла»...); но есть не мало и такихъ, что почти ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенной этнографической записи.

Великимъ незамѣнимымъ достоинствомъ произведеній г-жи Кулишъ является ихъ прекрасный, вполнѣ народный, богатый, колоритный, образный языкъ.

Хорошо было бы, если бы и современные намъ молодые писатели позаботились такъ изучить народъ, его бытъ и народный языкъ, какъ изучила ихъ г-жа Кулишъ. Тогда, безъ сомнѣнія, многіе изъ нихъ нашли бы интересныя, богатыя и благодарныя темы для своихъ произведеній изъ народной жизни,—тогда они не говорили бы, что нечего уже писать изъ жизни народа, что всѣ темы использованы,—тогда они не терзали бы и себя и читателей напрасными потугами сказать что-то новое, особенное, оригинальное,—тогда они не залазили бы въ непроходимыя дебри символистической метафизики,—тогда они писали бы для всѣхъ интересно и ясно,—писали бы чистымъ, народнымъ, правильнымъ украинскимъ языкомъ.

Книгѣ разсказовъ г-жи Кулишъ предпослана обстоятельная интересная статья о ней г. Гринченка.

В. Мировецъ.

Хроніка українсько-руського Наукового Товариства імени Шевченка у Львові. *Вип. I. Р. 1903 (ч. 13). Львів, 1903, стр. 1—86.*

Наукове Товариство імени Шевченка, для ознакомленія публики со своей широкой дѣятельностью, съ 1900 года начало издавать «Хроніку», ежегодно по 4 выпуска, на украинскомъ языкѣ, и одновременно, для тѣхъ, кто не понимаетъ нашего языка, на нѣмецкомъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ издано было 12 выпусковъ, и сейчасъ передъ нами лежитъ 1-ый выпускъ за 1903 годъ по счету 13-ый.

Считаемъ небезъинтереснымъ для нашихъ читателей пересказать вкратцѣ главнѣйшіе факты дѣятельности почтеннаго научнаго общества, заканчивающаго въ настоящемъ году 30-лѣтіе своего существованія (первоначально, до 1892 года—носившаго характеръ литературнаго), а также отмѣтить то духовное и матеріальное достояніе, какимъ обладаетъ оно въ данное время.

По статуту, которымъ до сихъ поръ руководствовалось общество (въ минувшемъ мѣсяцѣ предположено было его нѣсколько видоизмѣнить), Наукове Товариство, имѣющее цѣлью «плекати та розвивати науку і штуку в українсько-руській мові, збирати та зберегати всякі наукові предмети і памятки старовини Украіни-Руси» (а по вновь предложенному проекту: «взагали дбати про поступ українсько-руськоі нациі на всіх полях людського знаня»), состоитъ изъ членовъ: 1) «звичайних»—имъ можетъ быть каждый, принадлежащій къ украинско-русской націи, кто будетъ принятъ «виділом» (правленіемъ Общества); 2) «дійсних»—избранныхъ одной изъ секцій общества за самостоятельные научные труды, и прежде всего—за выдающееся участіе въ изданіяхъ Общества. 3) «основателів»—тѣ, кто былъ именованъ на основаніи давняго статута; 4) «почесних»—людей, избранныхъ на общемъ собраніи, оказавшихъ крупныя заслуги въ области науки, искусства, литературы или по отношенію къ самому Обществу.

Къ началу 1903 г. во всѣхъ 3-хъ секціяхъ Общества: історично-фільософічній, фільольогічній і математично-природописно-лікарській,—состояло 37 дѣйствительныхъ членовъ. Всѣ же «наукові комісиі», составляемыя секціями, а именно: археографическая, юридическая, етнографическая, языковая, медицинская, а также административныя: для завѣдыванія типографіей, для выдачи пособій изъ фонда литераторовъ—насчитывали 94 члена.

Въ теченіе минувшаго года всѣ секціи имѣли 34 засѣданія, на которыхъ было доложено 46 рефератовъ, – почти вдвое болѣе сравнительно съ предыдущимъ годомъ.

Археографическая и этнографическая коммиссія имѣли по 3 засѣданія, на которыхъ обсуждался планъ предстоящихъ изданій, а въ послѣдней еще планъ этнографической экспедиціи, на которую этнографическая коммиссія получила спеціальное пособіе отъ мѣстнаго правительства.

Языковая коммиссія имѣла два засѣданія, на которыхъ главнымъ предметомъ обсужденія явился вопросъ урегулированія правописанія и изданіе пособія, въ которомъ должны быть отмѣчены всѣ отклоненія отъ обычнаго правописанія. Юридическая коммиссія также имѣла нѣсколько засѣданій, лишь медицинская коммиссія не собралась ни разу. Въ послѣднее время явился проектъ основанія новой коммиссіи—технической. Проектъ принятъ и Виділомъ і секціями, но пока еще коммиссія эта не начала функціонировать.

Издательская дѣятельность секцій и коммиссій возросла въ минувшемъ году до солидной цифры 39 томовъ (не считая оттисковъ). Сравнительно со средствами, располагаемыми Товариством, это весьма значительная цифра, которая, съ увеличеніемъ ихъ безъ сомнѣнія, возрастетъ еще болѣе. Къ прежнимъ изданіямъ: Записки Наукового Товариства (т. т. XLV—L), Збірників секциі: історично-фільософічноі (т. V), фільольогічноі (т. V), математично-природописно-лікарськоі (т. VIII), Часопись правнича і економічна (т.т. IV и V), Правнича Бібліотека (III выпускъ), Руська Історична Бібліотека (т. 22), Жерела до історії Украіни-Руси (т. VII), Памятки украінсько-руськоі мови і літератури (т. III), Етнографічний Збірник (т. XI—XIII), Материяли до украінсько-руськоі етнольогії (т. V), Хроніка товариства—на украинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, Літературно-Науковий Вістник (5 годъ изданія),—прибавилось новое изданіе фільольогічноі секциі «Украінсько-Руська Бібліотека, которой вышло уже 3 тома (писаня Осипа Юрія Федьковича).

Распорядительная и административная власть товариства находится въ рукахъ «Виділа», состоящаго изъ «голови», 6 членовъ и 3 кандидатовъ. «Головою», какъ и въ прежніе годы, состоялъ проф. М. Грушевський.

Главнѣйшей заботой Виділа было финансовое хозяйство Товариства. Онъ прилагалъ всяческія старанія, къ увеличенію доходовъ

его, такъ какъ расходы съ каждымъ годомъ непрестанно возрастаютъ въ особенности на научныя изданія. Изъ сравнительной таблицы расходовъ на послѣднія, за послѣдніе три года, видно, что цифра 1900 года 40.810 коронъ возросла въ 1902 году до 54.800 кор. Между тѣмъ субсидія, назначаемая Товариству мѣстнымъ правительствомъ (краем) и государствомъ, не увеличилась севершенно, хотя Виділ и старался объ этомъ; какъ и въ 1901 г. она равнялась 16 000 кор. (6.000 государственныхъ и 10.000 краевыхъ). Такимъ образомъ бюджетъ научныхъ изданій Товариства превышаетъ болѣе чѣмъ втрое получаемую субсидію. Что въ неувеличеніи Товариству субсидіи играли роль не причины финансоваго характера, а совершенно иныя, видно ясно изъ того, что аналогичныя съ нашимъ Товариствомъ научныя институціи Академіи въ Краковѣ и Прагѣ получили просимое увеличеніе.

Главнѣйшимъ источникомъ доходовъ Товариства является его типографія, на которую и обращено Виділом особое вниманіе. Общая же цифра бюджета Товариства въ минувшемъ году выразилась въ 144.289 кор. Въ это число вошли и слѣдующіе фонды, находящіеся въ оборотѣ Наукового Товариства: запасной академичный—10.285 кор., стипендія им. Мих. Грушевського—3.640 кор., фондъ доцентовъ--3.135 кор., фондъ памятника Т. Шевченку—2.350 кор., литературный им. Д. Мордовцева—2.266 кор., литературный им. Котляревскаго—1.496 кор., фондъ для пособій—1.959 кор., фондъ художниковъ—25 кор.

Бібліотека Товариства содержитъ 6470 названій въ 12361 томахъ. Періодическихъ изданій 862, изъ числа которыхъ въ настоящее время получается 358. Библіотекой пользовались въ мин. году 574 душъ (въ количествѣ 2459 разъ) которые потребовали 3118 назв. (въ 1901 г. 189 душъ и 1566 назв.). За деньги куплено книгъ не много,—преимущественно пополнялся отдѣлъ «Ruthenica», который современемъ будетъ выдающимся по полнотѣ. Отдѣлъ рукописей возросъ до 80 (въ мин. году 53). Важнымъ шагомъ въ развитіи библіотеки и Товариства слѣдуетъ признать присоединеніе его въ минувшемъ году къ международному союзу библіотекъ академій и научныхъ Обществъ для взаимнаго одолженія рукописей, архивныхъ дѣлъ и рѣдкихъ книгъ. Такимъ образомъ для нашихъ научныхъ дѣятелей является возможность пользоваться иностранными архивами при условіи исполненія правилъ выработанныхъ Берлинской академіей наукъ и принятыхъ съѣздомъ академій въ Парижѣ 16—18 апрѣля 1901 г.

(Правила эти помѣщены на стр. 51 «Хроники»). Главнымъ источникомъ пополненія библіотеки, не считая даровъ, является обмѣнъ изданіями Товариства съ изданіями другихъ институцій. Число послѣднихъ возросло въ мин. году до 202 (въ 1901 г. 143), которыя снабжаютъ Товариство 358 періодическими изданіями. Здѣсь мы встрѣчаемъ литературно-научныя изданія всего міра. Болѣе всего приходится на долю Россіи (80), затѣмъ идутъ Чехи, Поляки Сѣверная и Южная Америка (30), Германія (25), Австрія (25 украинскихъ и 13 нѣмецкихъ и русскихъ), Сербы и Хорваты (18), Румынія и Швейцарія (9), Англія, Голландія, Норвегія, Венгрія (8), Болгарія (6), Славонія, Италія (4), Финляндія и Австралія (3), Греція и Испанія (2), Бельгія и Португалія (1).

При Товаристві существуетъ музей, еще не очень многочисленный, но содержащій не мало цѣнныхъ предметовъ. Болѣе широкое развитіе музея можетъ начаться лишь тогда, когда онъ будетъ имѣть отдѣльное собственное помѣщеніе и хоть небольшой, но постоянный фондъ на пріобрѣтеніе предметовъ.

Уже изъ этого краткаго обзора состоянія и дѣятельности Наукового Товариства явствуетъ, что оно упрочило вполнѣ свое положеніе, и если бы встрѣчало больше сочувствія со стороны своего правительства, развивало бы свою дѣятельность еще плодотворнѣе. Но пока—надо еще удивляться той настойчивости и энергіи, съ какой руководители Товариства въ теченіе послѣдняго десятка лѣтъ, несмотря на не совсѣмъ благопріятныя условія, достигли такихъ поразительно крупныхъ результатовъ. Gutta cavat lapidem nonvi, sed saepe cadendo!

В. Д.

Хто робыть, той и мае. *Оповиданне про Джемса Гарфильда. За людьмы переказавъ Б. Гринченко. Спб. 1—71 стр. Цина 6 коп.*

Нельзя не привѣтствовать отъ всей души стремленія С.-Петербургскаго благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ знакомить нашъ народъ съ біографіями выдающихся писателей (Шевченко, Котляревскій, Гребинка) и общественныхъ дѣятелей (Антонъ Головатый, Богданъ Хмельницкій, Выговскій) родной стороны. Брошюры, знакомящія народъ съ жизнью и дѣятельностью

выдающихся людей родины не только безусловно полезны, но даже и необходимы, особенно если принять во вниманіе, что въ нашихъ школахъ совершенно игнорируется все родное—и языкъ, и литература, и исторія. Подобныя брошюры могутъ хотя отчасти замѣнить народу недостающее ему знаніе родного прошлаго. Однако, на ряду съ знаніемъ родной исторіи народу необходимо знакомство и съ жизнью другихъ народовъ. Сознавая хорошо все это, Петербургское общество и издало настоящую брошюру о Джемсѣ Гарфильдѣ, жизнь котораго представляетъ много интереснаго и поучительнаго для народа.

Разсматриваемая нами, прекрасно изданная брошюра принадлежитъ перу извѣстнаго украинскаго писателя Б. Д. Гринченка, неоднократно уже заявившаго себя опытнымъ и талантливымъ популяризаторомъ. Въ своей тщательно и обстоятельно составленной книжечкѣ уважаемый авторъ въ живой, доступной и интересной формѣ разсказываетъ поучительную повѣсть о жизни и дѣятельности Гарфильда, изъ простого рабочаго постепенно возвысившагося до званія президента Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ Штатовъ. Каждый фактъ изъ жизни этого выдающагося дѣятеля свидѣтельствуетъ о его любви къ знанію, необыкновенной энергіи, выносливости, стойкости, работѣ и трудолюбіи. Благодаря этому и вся вообще брошюра г. Гринченка является чѣмъ то въ родѣ призыва къ свѣту, къ знанію, къ энергичному, настойчивому труду, къ надеждѣ на себя, на свои силы. Всякій внимательный наблюдатель согласится съ авторомъ, что этого то именно и нужно народу для улучшенія его въ настоящее время довольно тяжкаго соціально экономическаго положенія.

Интересная, полезная и строго проведенная идея, чистый, прекрасный языкъ, живое и легкое изложеніе,—все это является несомнѣннымъ плюсомъ книжки г. Гринченка. Кажется только, что мѣстами авторъ впадаетъ въ излишнія подробности, а мѣстами пишетъ въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ. Впрочемъ, это—уже мелочи...

Если принять во вниманіе указанныя выше достоинства брошюры о Гарфильдѣ, а также ея безукоризненное изданіе и полезную доступность по цѣнѣ, то нельзя не пожелать этой книжечкѣ самаго широкаго распространенія среди народа.

Въ заключеніе позволимъ себѣ сказать еще нѣсколько словъ по поводу этой брошюры. Выше мы сказали, что народу необходимо знакомство съ родной исторіей и исторіей другихъ народовъ. Если мы приномъ во вниманіе всю необходимость такого знакомства и сопо-

ставимъ съ нею то, что нами уже сдѣлано въ этомъ направленіи, то увидимъ, какъ много намъ еще предстоитъ работы. Хорошо было бы, если бы и мы—интеллигенція, подобно Гарфильду, бодро и энергично взялись за работу. Тогда, быть можетъ, и мы скоро бы достигли утѣшительныхъ, положительныхъ результатовъ: «Хто дбае, той и мае»...

В. Мировецъ.

Линевичъ Д. М. О разверстаніи и хуторскомъ хозяйствѣ. *Винница, 1901 г. Изданіе Подольск. Общества сельск. хоз.*

Хоть наша рецензія на настоящее изданіе 1901 года нѣсколько запоздала, но это произошло потому, что мы только теперь случайно узнали о существованіи вышеназванной брошюрки, что лишній разъ указываетъ, на сколько бы желательно было, чтобы авторы и издатели, а тѣмъ болѣе являющіяся въ роли издателей мѣстныя сельскохозяйственныя и всякія другія «Общества», въ видахъ распространенія въ публикѣ свѣдѣній объ ихъ же изданіяхъ, доставляли въ редакцію по одному экземпляру своихъ изданій—для отзыва и опубликованія въ спискѣ нововышедшихъ книгъ за каждый мѣсяцъ. Данная брошюра, несмотря на изданіе ея въ 1901 г., имѣетъ вполнѣ современное значеніе, потому что трактуетъ о вопросѣ, интересующемъ землевладѣльческіе классы въ настоящее время, что съ особенною яркостью выяснилось на засѣданіяхъ уѣздныхъ и губернскихъ Комитетовъ края по вопросамъ сельскохозяйственной промышленности. Брошюра довольно подробно знакомитъ съ положеніемъ хуторского вопроса въ крестьянскихъ селеніяхъ житомирскаго уѣзда, гдѣ мѣстное населеніе добровольно перешло на хутора, и потому фактическія данныя, въ ней приводимыя, имѣютъ несомнѣнный интересъ, который былъ бы еще выше, еслибы авторъ не ограничивался относительно нѣкоторыхъ селеній приведеніемъ лишь краткихъ оффиціальныхъ справокъ, выдержекъ изъ общественныхъ приговоровъ и т. п. и привоцидъ бы, рядомъ съ фактами, свидѣтельствующими о выгодахъ перехода на хутора, также и факты обратнаго свойства, существованіе которыхъ по собраннымъ свѣдѣніямъ, не подлежитъ сомнѣнію. Было бы также очень полезно для лучшаго выясненія даннаго вопроса, если-бы авторъ располагалъ данными объ экономическомъ положеніи добровольныхъ хуторянъ *до* переселенія на хутора *и теперь,* чтобы,

сравненіемъ тѣхъ и другихъ данныхъ между собою, выяснить, къ какимъ экономическимъ результатамъ приводитъ разселеніе по хуторамъ крестьянскія хозяйства разныхъ типовъ: богатыя, среднія, бѣдныя, мало- и многорабочія, мало- и многоскотныя и т. п.

Увлекаясь теоретическими соображеніями о пользѣ хуторского хозяйства, а также и двумя фактами добровольныхъ разверстаній крестьянъ съ помѣщиками ради перехода на хутора, авторъ настойчиво рекомендуетъ принятіе всевозможныхъ мѣръ къ переходу крестьянъ на хутора съ цѣлью скорѣйшаго разрѣшенія сервитутнаго вопроса безъ выдачи крестьянамъ вознагражденія за теряемые сервитуты. Разумѣется, такое пожеланіе, не разъ высказывавшееся нѣкоторыми аграріями и въ засѣданіяхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохоз. промышленности, вполнѣ естественно въ устахъ лица, желающаго скорѣйшаго уничтоженія сервитутовъ во чтобы то ни стало, но можно очень сомнѣваться, чтобы такое разрѣшеніе вопроса, кромѣ одноличныхъ исключительныхъ случаевъ, оказалось выгоднымъ для крестьянъ.

Л. С. Л.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы текущаго года: 1) Журн. Мин. Народнаго Просвѣщенія, № 4; 2) Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 3; 3) Варшав. Университ. Извѣстія, № 2; 4) Записки Импер. Харьковскаго Университета, № 1; 4) Труды Кіевск. Дух. Академіи, № 3; 6) Всемірный Вѣстникъ, № 2; 7) Вѣстникъ Европы, № 3; 8) Этнографич. Обозрѣніе, № 1; 9) Літерат.-Науков. Вістник, № 4; 10) Научное Обозрѣніе, № 2 и 3; 11) Русскій Вѣстникъ, № 4; 12) Книжки Восхода, № 3.

Журналъ Министъ. Нар. Просв., № 4.

И. В. Якубовскій. Земскіе привилеи Великаго княжества Литовскаго (стр. 239—279).—Здѣсь помѣщено начало—введеніе и 1-ая часть работы. Авторъ подвергаетъ критическому анализу только формальную сторону привилеевъ, устанавливаетъ правильный текстъ этихъ важнѣйшихъ для изученія государственнаго права Литвы документовъ. Въ 1-ой части данъ разборъ текстовъ общеземскихъ привилеевъ; въ концѣ приложена таблица всѣхъ разобранныхъ 16 привиллевъ (1-ый

отъ 20/II 1387, XVI-ый 1/VII 1568) съ обозначеніемъ, кѣмъ, когда, гдѣ выданъ. привилей, и гдѣ онъ напечатанъ. Въ этомъ трудѣ молодой ученый обнаруживаетъ рѣдкую начитанность и пріемы строго-научнаго критическаго мышленія.

Въ отдѣлѣ Критики помѣщенъ сочувственный отзывъ *А. Кирпичникова* о книгѣ проф. *А. С. Лебедева.* Бѣлогородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности. Критикъ признаетъ это изслѣдованіе очень цѣннымъ вкладомъ въ культурную исторію Россіи вообще, въ извлеченіи приводитъ самыя характерныя черты изъ исторіи Бѣлогородской епархіи и ея іерархіи.

Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 3.

М. А. Стельмашенко. Политическая дѣятельность Петра Скарги (окончаніе, 151—210). Здѣсь рѣчь идетъ о взаимной полемикѣ между католиками и православными, о значеніи Скарги, какъ полемиста; о вліяніи Скарги на внѣшнія политическія отношенія Польши—враждебныя къ протестантскимъ государствамъ и Москвѣ—и на внутреннюю политику; цѣлью той и другой было—подавить разновѣсіе и усилить католицизмъ.

А. С. Грушевскій. Пинскіе акты XV—XVI в.в. Приложеніе къ сочинен. «Очеркъ исторіи Турово-Пинскаго княжества» (продолженіе, стр. 17—64). Здѣсь напечатаны дальнѣйшіе 34 документа (№ XII—XLVI).

Варшавскія Университетскія Извѣстія, № 2.

«Къ исторіи Карпатской Руси». Проф. *И. П. Филевича* (продолженіе, стр. 65—80). Здѣсь разсматриваются событія послѣ 15 окт. 1848 г., при губернаторѣ В. Залескомъ, затѣмъ шефѣ, вскорѣ намѣстникѣ Голуховскомъ. По министерск. распоряженію 29 октября преподаваніе въ гимназіяхъ и Львовскомъ университетѣ вводилось на польскомъ языкѣ: «Руска Рада» добилась распоряженія—о нѣмецкомъ преподавательскомъ языкѣ. 29 марта 1849 г. она же подала петицію о раздѣлѣ Галичины; (проэктъ Палацкаго - о федераціи этнографическихъ группъ Австріи—также требовалъ объединенія всей Карпатской Руси). Вопросъ о раздѣлѣ встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны представителей политическихъ націй въ парламентѣ, бюрократіи и особенно Голуховскаго.

Записки Императорскаго Харьковскаго Университета, № 1.

Въ «Приложеніяхъ» продолжаются печатаніемъ «Протоколы засѣданій предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ» (стр. 1—64). Въ настоящей книжкѣ помѣщены протоколы 5-ти засѣданій (18—22-го) и въ видѣ приложеній къ нимъ доклады Данилевича (2), Алякритскаго, Ветухова (матеріалы Комитета о кобзаряхъ и лирникахъ), Дринова, Халанскаго, сообщеніе Спѣсивцева, замѣтка Еленева.

Труды Кіевской Духовной Академіи, № 3.

Ѳ. Т. Критико-библіографическая замѣтка (о книгѣ) проф. А. С. Лебедева: Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности (стр. 472—494). Давъ общую сочувственную характеристику настоящаго изслѣдованія и указавъ архивы (духовнаго вѣдомства Харьковской и Курской губ.), матеріалъ которыхъ авторъ разработалъ, рецензентъ въ детальномъ, обширномъ разборѣ указываетъ неправильности и пробѣлы изслѣдованія. Послѣдніе произошли отъ того, что авторъ не использовалъ матеріала архивовъ московскихъ, петербургскихъ и кіевскихъ. Разборъ еще не законченъ.

Всемірный Вѣстникъ, № 2.

Въ отдѣлѣ журнальное обозрѣніе помѣщенъ сочувственный отзывъ о январской книжкѣ нашего журнала, именно о статьяхъ—г. *Василенка* «Іос. Макс. Бодянскій», Б. Гринченка «А. Е. Крымскій» и Л. С. Личкова «Къ вопросу объ экономическомъ изслѣдованіи юго-западнаго края».

Вѣстникъ Европы, № 3.

А. Романовичъ-Славатинскій. „Моя жизнь и академическая дѣятельность 1832—1884 г.г.“. Воспоминанія и замѣтки. (стр. 168—214). Въ этой книжкѣ помѣшены 6-ая и 7-ая главы воспоминаній, при чемъ 7-ая глава посвящена краткому описанію заграничнаго путешествія автора въ 1860 году и потому не представляетъ для насъ интереса; въ главѣ-же 6-й идетъ рѣчь о жизни автора въ Кіевѣ, въ качествѣ молодого ученаго, готовящагося къ занятію профессорской кафедры, затѣмъ преподавателя въ университетѣ и наконецъ адъюнкта. Въ этой

главѣ встрѣчается много интересныхъ характеристикъ университетскихъ профессоровъ и другихъ общественныхъ дѣятелей г. Кіева конца 50-хъ годовъ.

Этнографическое Обозрѣніе 1902 г. № 1.

Пѣсня про Морозенка. Н. Д-винъ. (стр. 115—116). Въ коротенькомъ предисловіи авторъ передаетъ впечатлѣнія отъ засѣданія этнографическаго отдѣленія 19-го августа 1902 г. во время Харьковскаго археологическаго съѣзда, гдѣ приняли участіе кобзари и лирники, и говоритъ, что исполненіе пѣсенъ ими «заронило въ душу слушателей новую искру любви къ народной поэзіи и ея носителю—народу». Во время этого засѣданія бандуристомъ Терентіемъ Пархоменкомъ исполнена была дума о Морозенкѣ, текстъ которой авторъ и помѣщаетъ цѣликомъ.

Въ отдѣлѣ „*Критика и библіографія*" помѣщены отзывы о книгахъ: 1) *Б. Д. Гринченка* «Литература украинскаго фальклора» и 2) *В. Гнатюка* «Угроруськи духовни вирши» (стр. 133—134).

Літературно-Науковий Вістник, № 4-й.

Зміст: Неначе з Енеіди (про селянські розрухи).—*Галина-Комарівна*, Поезіі въ прозі: І. Дві. II. То був сон.—*Сергій Ефремов*, Нерви. оповідане.—*Арсен Рущенко*, Сестри, оповідане (конець буде). Дрібні малюнки: VI. Зелена сукня, *Ів. Липи.* VII. Чоботи, Жаб... VIII. Жерело, *М І. Вдовиченка.* IX Дві стрічі. *А. Чайківського* Юлій, *Зайєръ*, Jnultus, переклав *М. Мочульский.*

Д. Мордовець, Про незабутне (докінчене)—Др. І. *Луценко,* Роля високоі температури въ хворобах і чи треба іі понижати?—*М. Вороний*, Сергій Васильківський, артист-маляр. Із чужих літератур: II. Словінська література в 1902 році.—*К. Квітка*, Дещо про вірменську нар. музику. М. П., Фр. Рігер,—*П. Грабовський*, Автобіографія.—Наукові листки: IV. Найновійші видання Бібліографічного Інституту у Липску й Відні, д-ра *Ів. Копача.* V. З королівськоі бібліотеки старого Вавилону—Дискусиі: III. Критика Sui generis, *С. Ефремова.* Хроніка й бібліографія.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ 83 № «Приазовскаго Края» находимъ прекрасную статью г. Н. Ященка «М. И. Глинка подъ вліяніемъ малорусской пѣсни». Въ 1838 г. для набора пѣвчихъ въ придворный хоръ Глинка совершилъ поѣздку въ Малороссію. Украинскія пѣсни и думы послужили матеріаломъ и вмѣстѣ съ украинской природой были источникомъ вдохновенія при созданіи оперы «Русланъ и Людмила». Своимъ характеромъ пѣсенное украинское творчество напоминало Глинкѣ сочиненія Бетховена: малорусскія пѣсни по своему строенію имѣютъ болѣе сходства съ нѣмецкимъ пѣсеннымъ складомъ, нежели съ великорусскимъ.

Въ 86 № «Полтавскаго Вѣстника» напечатана большая статья г. Василія Федоровича. «Театръ въ деревнѣ». Авторъ призываетъ искреннихъ доброжелателей народа къ организаціи сельской молодежи для участія въ народныхъ спектакляхъ; отмѣчаеть затрудненія, какія тормозятъ развитіе народнаго театра. Въ нашей деревнѣ театръ, въ которомъ принимала бы участіе сельская молодежь, возможенъ только на украинскомъ языкѣ. «Между тѣмъ, именно малорусскіе спектакли представляютъ наибольшія затрудненія для разрѣшенія ихъ». Затѣмъ рѣчь идетъ о помѣщеніяхъ, театральной обстановкѣ и репертуарѣ народнаго сельскаго театра.

Въ 100 № «Кіевской газеты» напечатанъ докладъ С. А. И. общему собранію Кіевскаго Общества грамотности «О народныхъ развлеченіяхъ». Докладчикъ рекомендуетъ смѣшанныя развлеченія, по нѣмецкому образцу, указываетъ настоятельную необходимость правильной и болѣе широкой организаціи обществъ хорового украинскаго пѣнія.

Статьи объ Александрѣ Николаевичѣ *Пыпинѣ*—по поводу пятидесятилѣтія его научной дѣятельности—находимъ въ слѣдующихъ изданіяхъ: въ 7683 № «Южнаго края»—ст. проф. Н. Ѳ. Сумцова—здѣсь отмѣчены съ глубокой признательностью и труды А. Н. по изученію Малороссіи—въ 71 № «Волыни», въ 82 № «С-Петербургскихъ вѣдомостей», въ 2115 № «Южнаго Обозрѣнія», въ 1776 № «Приднѣпровскаго Края».

Въ 7692 № «Южнаго Края» помѣщена статья о Н. А. Сергѣевѣ—Харьковскомъ уроженцѣ—художникѣ украинской природы, попутно упоминаются и другіе знаменитые земляки—художники Г. И. Семирадскій, И. Е. Рѣпинъ, С. И. Васильковскій.

Замѣтки, болѣе или менѣе обширныя, о предстоящемъ юбилеѣ Н. В. Лисенка появились въ слѣдующихъ періодическихъ изданіяхъ:— «Волынь», № 71, В. Мировця, «Кубанскія Областныя вѣдомости», № 67, Влад. Страшкевича, «Биржевыя вѣдомости», № 175, «Полтавскій вѣстникъ», № 94, г. Л. П.

Одинъ изъ членовъ международнаго конгресса историковъ въ Римѣ польскій историкъ Александръ Яблоновскій представилъ секціи исторической географіи свой историческій атласъ украинскихъ провинцій, принадлежавшихъ въ XVI ст. польскому государству. Атласъ, пользующійся заслуженною извѣстностью въ польскомъ научномъ мірѣ, возбудилъ интересъ среди членовъ секціи оригинальностью метода и техникой исполненія. Съ особеннымъ вниманіемъ отнесся къ атласу парижскій ученый Галлуа. («Кіевск. газ.», № 95).

Въ 379 № «Вѣстника Юга» помѣщена замѣтка «Роковыны Т. Г. Шевченка», излагающая впечатлѣніе отъ бывшаго въ г. Екатеринославѣ 16 марта литерат.-муз. вечера.

Въ 399 № «Вѣстника Юга» напечатана замѣтка «Къ исторіи открытія Екатеринославской ученой архивной комиссіи».

Въ *83* № «Кіевской Газеты» помѣщена замѣтка «Къ предстоящему юбилею Н. В. Лисенка».

Въ 383 № «Вѣстника Юга» помѣщена рецензія о брошюрѣ Е. Чикаленка. Розмова про сельске хазяйство. 5-та кныжка. Садъ. О той же книжкѣ находимъ отзывъ въ 77 № «Волыни» и въ 83 № «Кіевской газеты».

Въ 1765 № «Приднѣпровскаго Края» находимъ статью «Музей имени А. Н. Поля», въ которой данъ обзоръ всѣхъ отдѣловъ и болѣе интересныхъ коллекцій этого музея.

Въ 77 № «Волыни» находимъ сочувственный отзывъ г. М. К. о недавно вышедшемъ сборникѣ «Дубове лысте. Альманахъ на згадку про П. О. Кулиша». Авторъ характеризуетъ литературную дѣятельность Кулиша; дѣлитъ содержаніе альманаха на 5 отдѣловъ, отмѣчаетъ лучшія произведенія въ немъ, приводитъ въ подлинникѣ стихотвореніе М. Чернявського «Писля похорону», подчеркиваетъ и внѣшнія достоинства сборника.

Въ 377 № «Вѣстника Юга» г. А. Петрищевъ помѣстилъ прекрасную статью «По поводу одного недоразумѣнія». Разрѣшено издавать въ Тифлисѣ газету «Шаркы Русь» на адербейджанскомъ нарѣчіи—языкѣ кавказскихъ татаръ, составляющихъ всего 1% населенія имперіи. Газета грузинская, армянская, татарская и т. д. есть та лабораторія, гдѣ общеимперское принимаетъ форму, удобопонятную для каждаго отдѣльнаго племени, и потому является необходимой даже изъ чисто-государственныхъ соображеній. Между тѣмъ, народность, составляющая почти 1/4 всего населенія имперіи, какъ бы исключена изъ государственнаго обихода. «Хотѣлось бы надѣяться, что вопросъ о малорусской печати будетъ разрѣшенъ скоро, разрѣшенъ такъ, какъ это подсказывается исторіей, интересами общегосударственной солидарности,—наконецъ, просто здравымъ смысломъ».

Въ № 67 «Кубанскихъ областныхъ вѣдом.» изложено содержаніе рѣчи г. Хаханова о роли кавказовѣдѣнія въ развитіи исторической, лингвистической и этнологической наукъ.

Въ 379 № «Вѣстника Юга» помѣщена обширная статья г. Ков.-Кол. «Малорусскій Университетъ», сокращенное изложеніе статьи г. Славинскаго «Малорусскій Университетъ во Львовѣ» (см. «Міръ Божій», кн. 2, стр. 69—78).

Въ 77 № «Волыни» данъ отзывъ о брошюрѣ Б. Гринченка «Хто робыть, той и мае. Оповидання про Джемса Гарфильда».

Въ 2109 № „Южнаго Обозрѣнія", въ замѣткѣ «Памяти А. А Андріевскаго» сдѣланъ призывъ къ одесскому обществу—почтить память А. А. А-го участіемъ въ постановкѣ памятника ему и учрежденіи стипендіи его имени.

Въ 382 № «Вѣстника Юга» помѣщена біографія и характеристика Кобзаря Т. М. Пархоменка.

Въ 97 № «С.-Петербургскихъ вѣдомостей» напечатана замѣтка г. Влад. Котовича «Пока лѣсъ шумитъ». Авторъ дѣлаетъ краткій обзоръ исторіи волынскаго Полѣсья, доказываетъ, что жители его—самые чистые въ этнографическомъ отношеніи представители русскаго племени, и призываетъ къ этнографическому изслѣдованію Полѣсья.

Въ 79 № «Волыни» помѣщенъ переводъ съ украинскаго разсказа Ивана Франка «Исторія одного тулупа».

Въ 90-мъ № «Полтавскаго Вѣстника», въ замѣткѣ «Къ лекціи Эварницкаго» дана характеристика научной дѣятельности и перечень трудовъ лектора.

Въ 89 № «Полтавскаго Вѣстника» помѣщенъ интересный разсказъ свящ. М. Ко—нова «Дідъ Петро». Рѣчь идетъ о чтецѣ псалтири надъ покойными и вмѣстѣ, такъ сказать, благочестивомъ сельскомъ знахарѣ.

Грамотность этого убѣжденнаго до фанатизма знахаря сказалась въ его складныхъ заговорахъ «молитовкахъ на церковный ладъ».

Въ 395 № „Вѣстника Юга" помѣщена статья Г. Ков.-Кол. «Изъ новостей малорусской литературы». Авторъ даетъ сочувственную ре-

цензiю о беллетристическихъ произведенiяхъ и отмѣчаетъ историко-литературныя статьи, напечатанныя въ I—III кн. нашего журнала за 1903 г., констатируя неотложную необходимость перiодической украинской прессы.

Въ 93 № „Полтавскаго Вѣстника" находимъ въ отдѣлѣ «Литературное Обозрѣнiе» подробный; съ массой обстоятельныхъ выдержекъ. пересказъ беллетристическихъ произведенiй, помѣщенныхъ въ мартовской книжкѣ нашего журнала.

Новыя украинскiя изданiя. „Nova reforma" сообщаетъ, что во Львовѣ съ апрѣля будетъ издаваться новый украинскiй еженедѣльникъ съ примирительной программой по отношенiю къ полякамъ.

Въ Вѣнѣ вскорѣ появится первая книжка двухнедѣльнаго русинскаго журнала на нѣмецкомъ языкѣ «Ruthentische Revue". Основатели журнала-депутаты Романчукъ и Яворскiй, редакторъ д-ръ Косъ. («Кiевская Газ.», № 105).

Предполагаемый альманахъ. Украинская „академiчна" молодежь, сгруппированная въ товарищество „Сiч" въ Вѣнѣ, задумала издать альманахъ, или сборникъ беллетристическихъ произведенiй самаго младшаго поколѣнiя нашихъ писателей. Приводимъ въ сокращенiи ея возванiе. „Каждому хорошо извѣстно, какое благодатное влiянiе на молодого автора долженъ имѣть моментъ, когда произведенiя его являются предъ широкой публикой, ждутъ отъ нея отвѣта, оцѣнки. Чувствуя эту необходимость, мы хотимъ дать нашимъ товарищамъ возможность стать предъ forum publicum съ тѣмъ, что они лелѣяли въ своемъ умѣ, воспитали въ сердцѣ. Съ другой стороны, мы хотимъ дать нашему обществу характеристичную картину того, что думаетъ, что чувствуетъ, чѣмъ живетъ, чѣмъ хочетъ жить самое младшее поколѣнiе литераторовъ... Что касается программы или содержанiя сборника, мы то думаемъ помѣстить въ немъ самый богатый, наилучшiй матерiалъ, дать слово какъ можно большему кругу нашихъ молодыхъ литераторовъ. Хотимъ посвятить сборникъ исключительно „краснiй лiтературi": стихотворе-

ніямъ рифмованнымъ и бѣлымъ, разсказамъ, очеркамъ, эскизамъ и т. д., краткимъ драматическимъ произведеніямъ—въ цѣломъ видѣ или въ отрывкахъ. Просимъ молодыхъ, начинающихъ авторовъ прислать свои лучшія еще ненапечатанныя произведенія.

Подписная цѣна нашего сборника 2 кор. 30 сот. Чистый доходъ отъ изданія поступитъ частью на „запомоговий фонд" тов-а „Січ", частью на «фонд видавничий". Срокъ присылки рукописей —до 1 іюня 1903 г. Рукописи адресовать: Johann Bryn, Wien, XVIII. Stangasse 54. Деньги: Johann Borusowski, Wien, VIII. Lerchenfelderstrasse 58.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Бартошевський Іван. Проповіди недільні. 2-е видане У Львові, 1903. Ціна 4 кор.

Буря на мори. Оповидане. № 28. У Кыиви, 1903. Стор. 72, ціна 7 коп.

Всегорев. Варвара, історично-релігійна драма в 4 актах з прольогом епильогом Стор. 270. Випуск 37-й «Бібліотеки для рускоі молодежи» під редакціею Ю. Насальского в Коломиі.

Гостинець чемним діточкам. Видане черновецкоі філіі тов. «Руска школа», 26 ст. Ціна 5 сот.

Гринченко Б. Хто робыть, той и мае. Оповідання про Джемса Гафильда. Выд. благотворительного общества и зданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. У Петербурги, 1903. Ц. 6 коп.

Е. А. Про касы задаткови системи Шульце Деліча и Райфайзена для ремѣсниковъ и селянъ и про организацію селянъ на подставѣ тыхъ касъ, написав А. Д. Жовква, 1903. Ст. 46. Ц. 60 сот.

Етнографічний Збірник, видае етнографічна комісия Наукового Товариства ім. Шевченка, т. XIII. Галицько-руські народні легенды, зібрав Володимир Гнатюк, У Львові, 1902, стор. 290.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка. 1903, кн. I, (Рік XII, т. LI). Львів. стор. 174.

Зміст: Острозька трагедія, розвідка Павла Житецького, ст. 1—24. Кілька грамотъ Володислава Опольского, подав М. Грушевський, ст. 1—8. з історіі нашоі фільольогіі. Три галицькі граматики (Могиль-

ницькй, Левицький, Лозинський), написав др. Осип Маковей ст. 1—5. Miscellanea. Наукова хроніка. Бібліографія. Показчик до т.т. XLV—L записок.

Збірник історично-фільософічноі секціі Наукового Товариства імени Шевченка, том V. Матеріяли до культурноі історіі Галицькоі Руси XVIII і XIX віку, Зібрані Мих. Зубрицьким, Юр. Кмітом, Ів. Кобилецьким, Ів. Е. Левіцьким і Ів. Франком, видані під редакц, Ів. Франка. У Львові 1902, стор. 334.

В. П. Карповъ. Харьковская старина. Изъ воспоминаній старожила. Съ портретомъ автора (1830—1860 г.г.). Цѣна 1 руб. 25 коп.

Карскій Е. О. Къ вопросу объ этнографической картѣ бѣлорусскаго племени. Спб. 1903. 16 стр.

Кузьменко Петро. Не такъ ждалося, да такъ скалося. Оповиданне. № 31. У Кыиви, 1903. Стор. 26, ціна 2 к.

Левицькый М. За коліивщыны. Оповидання. (За Падалыцею). № 27. У Кыиви, 1903. Стор. 60, цина 5 к.

Левицкый Иванъ. Рыбалка Панасъ Круть. Оповиданне. У Кыиви, 1903. № 30. Цина 5 коп.

Матушевскій Ф. Посѣтители могилы Т. Г. Шевченка. Оттискъ изъ журн. «Кіевская Старина». Кіевъ, 1903. Стр. 27.

Мырный Панасъ. Кныжка перша творивъ. Оповидання, прыповисти та инша дрибныця. У Кыиви, 1903. Стор. 445.

Мырный Панасъ. Лыхый попутавъ. Оповиданне. У Кыиви, 1903. Стор. 49, цина 5 коп.

Д-ръ Олесницкий Ярослав. Австрійске право прасове і его реформа. (Відбирок з «Час. правн. і екон.» т. IV і V), ст. 39.

Памятки украінсько-руськоі мови і літератури, видае Археографічна Комісия Наук. Тов-а ім. Шевченка, том III. У Львові, 1902. Апокріфи і легенди з украінських рукописів зібрав, упорядкував, і пояснив д-р. Іван Франко. Апокріфи новозавітні. Б. Апокріфічні діяння апостолів. Стор 428.

Про украінських козаків, татар та турків. (Наука і Розвага. Народна Бібліотека. Ч. 2. Додаток до «Приятеля» ч. 4, 1903 р.). Видавництво украінськоі молодіжи. Чернівці, 1903. З друкарні тов. „Австрия“ ст. 32. Ціна 10 сот.

Перетцъ В. Н. Памятники русской драмы эпохи Петра Великаго. Спб. 1903. XXIV—570 стр. цѣна 3 р. 50 к. Изданіе Императорской академіи наукъ.

Россія, полное географическое описаніе нашего отечества. Изданіе А. Ф. Девріена въ С.-Петербургѣ. Томъ VII-й. Малороссія. (Описаніе губерній: харьковской, черниговской и полтавской). Со 100 политипажами, 40 діагр., картогр., схемат. профил., 1 большой и 10 мал. картами. Составили: В. Г. Карповъ, А. Я. Пора-Леоновичъ, Ф. А. Виноградовъ, Я. Ф. Ставровскій, Е.К. Замысловская, В. В. Морачевскій, И. М. Малышева.

Цѣна 2 руб. 50 коп., въ мягкой папкѣ 2 руб. 75 коп., въ переплетѣ 3 руб.

Тихий Стефан. Як робити тестамент? Коломия, 1903. Накладом редакц. „Поступу". Стр. 34.

Уайт Андрю. Розвій астрономічних поглядів. З англійского переклав Іван Петрушевич. Стор. 94, ціна 45 сот.

Франко Ів. Абу-Касимові капці. Накладом руского товариства педогогічного. Львівъ, 1902. Ціна 60 сот.

Хроніка українсько-руського Наукового Товариства імени Шевченка, у Львові, рік 1903, вип. I, ч. 13.

Часопись правнича і економічна. Т. т. IV і V під редакц. д-ра Станислава Дністрянського Накладом Тов-а ім. Шевченка. Стор. 294.

Зміст: 1) д-ръ Зобків. Емфітев За греко-римского права; 2) д-ръ Стан. Дністрянский: звичаеве право а социяльні звязки; 3) д-ръ Юл. Заяцъ: usus fructus nominis; 4) Мих. Новаковский: сплата ратами в обороті торговельнім; 5) д-ръ Олесницкий: Австрийське право прасове і его реформа; 6) Вол. Старосольский. Причинки до теориі соціольогіи; 7) Зацерковний. Причинки до правничоі терминольогіі; 8) Ів. Чорнявский. З судейскоі практики. Хроніка, оцінки і реферати.

Щурат В.— Гімназияльна пропедевтика фільозофіі. Замітка по поводу анкети краевоі ради шкільноі. Львів. 1903 Стор. 20.

Яновська Л. Дзвинъ до церквы склыкае, та самъ у ій не бувае. (Лисова квитка). Комедія на 4 діи. Прысвячуеться М. К. Заньковецькій. У Кыиви, 190. Стор. 90, цина 15 коп.

Ярошинська Е. Повістка для молодіжи. Накл. Рус. Тов. педагогічного. Львівъ, 1902. Стр. 56. Ціна 24 сот.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

НА

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. КОСТОМАРОВА,

издаваемое Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (Литературнымъ Фондомъ).

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (Литературный Фондъ), приступая, по соглашенію съ Ал. Л. Костомаровой, къ изданію **Собранія сочиненій Н. И. Костомарова**, объявляетъ, что въ предпринимаемое нынѣ изданіе войдутъ историческія монографіи и изслѣдованія покойнаго историка, въ числѣ 21 тома. Монографіи эти будутъ сгруппированы въ 8 книгъ, въ общемъ объемѣ около 375 печатныхъ листовъ. Цѣна на это изданіе по подпискѣ назначается, безъ пересылки, *20 рублей*, уплачиваемыхъ въ такомъ порядкѣ: при подпискѣ вносится *4 рубля* и подписчику выдается билетъ на полученіе всѣхъ *8 книгъ*; затѣмъ уплачивается по *3 рубля* при выдачѣ *I* и *II* книгъ; по *2 рубля* при выдачѣ *III*, *IV*, *V*, *VI* и *VII* книгъ, а *VIII* книга будетъ выдана безплатно подписавшимся на изданіе лицамъ.

По выходѣ въ свѣтъ всего изданія, которое предположено окончить не позже, какъ черезъ два года (къ маю 1905 года), цѣна будетъ повышена, а именно: за всѣ восемь книгъ *25 руб* и при покупкѣ отдѣльными книгами: 1-я и 7-я книги по *3 руб. 50 к.*, 2-я, 4-я, 5-я и 6-я книги по *4 рубля*, 3-я книга *2 р. 50 к.* и 8-я *4 р. 50 к.*

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ Книжномъ складѣ типографіи **М. М. Стасюлевича** въ С.-Петербургѣ, В. О., 5 линія, домъ № 28.

Плата за пересылку взимается, по почтовой стоимости, при доставкѣ книгъ.

Всѣ двадцать одинъ томъ историческихъ монографій и изслѣдованій **Н. И. Костомарова** въ предлагаемомъ изданіи будутъ размѣщены въ восьми книгахъ такъ:

ВЪ ПЕРВУЮ КНИГУ войдутъ томы *I-й, II-й и III-й*, содержащіе въ себѣ: *I-й томъ:* Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси.—Двѣ русскія народности.—Черты народной южнорусской исторіи.—Мистическая повѣсть о Нифонтѣ.—Легенда о кровосмѣситетѣ.—О значеніи Великаго Новгорода.—Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостного права?—Великорусскіе религіозные вольнодумцы въ XVI вѣкѣ: Матвѣй Башкинъ и его соучастники. Ѳеодосій Косой.—Иванъ Сусанинъ. *II-й томъ*: Иванъ Свирговскій; украинскій казацкій гетманъ XVI вѣка.—Гетманство Выговскаго.—Бунтъ Стеньки Разина.—По поводу мыслей свѣтскаго человѣка о книгѣ «Сельское духовенство». *III-й томъ:* Куликовская битва.—Ливонская война.—Южная Русь въ концѣ XVI вѣка. (Подготовка церковной уніи.—Бунтъ Косинскаго и Наливайки.—Унія).—Литовская народная поэзія.—Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи.

ВО ВТОРУЮ КНИГУ войдутъ томы *IV-й, V-й* и *VI-й*, составляющіе монографію «Смутное Время Московскаго Государства въ началѣ XVII столѣтія».

ВЪ ТРЕТЬЮ КНИГУ войдутъ томы *VII-й* и *VIII-й*, составляющіе монографію «Сѣверно-русскія народоправства во времена удѣльно-вѣчевого уклада. (Исторія Новгорода, Пскова и Вятки).

ВЪ ЧЕТВЕРТУЮ КНИГУ войдутъ томы *IX-й, X-й* и *XI-й* составляющіе монографію «Богданъ Хмельницкій».

ВЪ ПЯТУЮ КНИГУ войдутъ томы *XII-й, XIII-й* и *XIV-й*, содержащіе въ себѣ: *XII-й томъ*: Начало единодержавія въ древней Руси.—Гетманство Юрія Хмельницкаго.—Церковно-историческая критика въ XVII вѣкѣ.—Исторія раскола у раскольниковъ.—Воспоминаніе о молоканахъ. *XIII-й томъ*: Преданія первоначальной русской лѣтописи въ соображеніяхъ съ русскими народными преданіями въ пѣсняхъ, сказкахъ и обычаяхъ.—Личность царя Ивана Васильевича Грознаго.—О слѣдственномъ дѣлѣ по поводу убіенія царевича Димитрія.—Личности Смутнаго Времени.—Кто виноватъ въ Смутномъ Времени?—Великорусская народная пѣсенная поэзія. *XIV-й томъ*: Аѳанасій Филипповичъ.—Петръ Могила передъ судомъ изслѣдователей нашего времени.—Богданъ Хмельницкій—данникъ Оттоманской Порты.—

О козакахъ.—Царевичъ Алексѣй Петровичъ.—Павелъ Полуботокъ.—Екатерина Алексѣевна, первая русская императрица.—Самодержавный отрокъ.

ВЪ ШЕСТУЮ КНИГУ войдутъ томы *XV-й* и *XVI-й*, содержащіе въ себѣ: *XV-й томъ:* «Руина». Историческая монографія. 1663—1687 г.г (Гетманство Бруховецкаго, Многогрѣшнаго и Самойловича). *XVI-й томъ*: Мазепа и Мазепинцы.

ВЪ СЕДЬМУЮ КНИГУ войдутъ томы *XVII-й* и *XVIII-й*, составляющіе монографію подъ заглавіемъ «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой» и

ВЪ ВОСЬМУЮ КНИГУ войдутъ томы *XIX-й*, *XX-й* и *XXI-й*, содержащіе въ себѣ: *XIX-й томъ:* Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ.—Старинные Земскіе Соборы. *XX-й томъ:* Очеркъ торговли Московскаго Государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. *XXI-й томъ*: Историческое значеніе южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ LXXXI.

1903 г.

ІЮНЬ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1903.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 16 мая 1903 года.

Украинскія колядки.[1]

Богогласникъ же отцовъ-базиліанъ является, до самаго послѣдняго времени,—въ нѣкоторомъ отношеніи вдохновителемъ нашихъ колядниковъ. Мнѣ пришлось убѣдиться въ этомъ лично, въ моей, такъ сказать, этнографической практикѣ, при чемъ фактъ руководства со стороны колядниковъ богогласникомъ подтвердился именно документально.

Мнѣ пришлось, вскорѣ послѣ того какъ я поселилась на Волыни, проводить первые дни Рождества въ м. Полонномъ[2]) Тамъ я услышала, между прочимъ, колядки, которыя мнѣ показались очень странными, какъ будто книжными (съ выраженіями «тріе цари», «Хрысте́ добротлывый» и пр.); я стала распрашивать компанію колядниковъ, хлопцевъ мѣщанъ, что это у нихъ за колядки? откуда такихъ научились? Они съ гордостью отвѣчали мнѣ, что у нихъ «така кныжка есть»; на мое желаніе посмотрѣть книжку и на просьбу принести её въ домъ, гдѣ я гостила, отвѣчали уклончиво... Однако, благодаря мѣстному жителю Е. И. Щербицкому-Мыкыташу, мнѣ удалось получить на нѣсколько дней интересовавшую меня книгу. Это и былъ «богогласникъ», котораго я до того времени еще никогда не видала и о которомъ, признáюсь, въ то время вовсе даже не слыхала... Къ сожалѣнію, я не помню, какое это было изданіе, но книга была «на видъ» очень старинная и похожа была на молитвенникъ, продолговатый, толстый. Богогласникъ почаевскій, который есть

[1]) См. Кіев. Ст. 1903 г., № 4.

[2]) Старомъ, теперь огромномъ гнѣздѣ, упоминаемомъ въ думѣ времени Хмельницкаго.

теперь въ моемъ пользованіи (1790 г.), формою своею на тотъ не похожъ, но содержаніе въ немъ, кажется, такое же, по крайней мѣрѣ тѣ, правда не многія выписки, которыя я успѣла тогда сдѣлать изъ полонской «книги», совпадаютъ съ текстомъ богогласн. 1790 г. Когда я сличила свои полонскія записи колядокъ [1]) съ полонскою же «книгою», то увидѣла что онѣ очень близко изъ нея заимствованы, но содержатъ и отклоненія отъ «книги»,—фонетическія измѣненія, пропуски цѣлыхъ строфъ и даже сочетанія двухъ колядокъ-псальмъ въ одну (начало одной и конецъ другой). Почему пѣвцы поступали такъ, я не знаю... Можетъ быть, они пропускали то, что труднѣе:—такъ, изъ моей записи того, *что пѣлось*, выходитъ, что полонскіе колядники, въ колядкѣ «Предвичный родывся», пропустили слѣд. строфы:

Гдѣ Сына породила Панна,
Падаетъ въ Ефесѣ Діанна,
Познай бога, храмино,
Веселыся, дружыно,
Христова.
Иродіяне вси смутятся,
Въ Египтѣ балваны крушатся,
Ангелъ во снѣ сказуетъ,
Же ся Иродъ готуетъ,
На Христа [2]).

Много мнѣ пришлось послѣ того слышать колядокъ «божественного» типа,—очевидно, происходящихъ изъ того же источника: «кныга» больше не попадалась, но отголосокъ ея узнавала я всегда, какъ бы ни былъ измѣненъ текстъ ..

1) Трехъ помѣщаемыхъ ниже колядокъ.

2) Эти строфы находятся во всѣхъ изданіяхъ богогласника. Упоминаніемъ о паденіи «Діанны въ Ефесѣ» и «балвановъ въ Египтѣ» издатели-иноки желали напомнить книжное преданіе о томъ древнемъ пророчествѣ Сивиллы, по которому при рожденіи Христа падутъ—храмъ Діаны и статуи языческихъ божествъ. Гдѣ объ этомъ знать колядникамъ-селянамъ!..

Въ виду этого, Богогласникъ (не въ новѣйшихъ сокращенныхъ изданіяхъ, а въ старыхъ, отъ 1790 г.) кажется мнѣ памятникомъ въ высшей степени интереснымъ. Онъ содержитъ въ себѣ собраніе набожныхъ пѣсенъ на всѣ главнѣйшіе праздники года, а также нравоучительныя пѣсни и пр. Любопытно, что несмотря на изданіе этого сборника въ Почаевѣ монахами-«базыліанами» и «Towarzystwa Jezusa», когда монастырь былъ еще уніатскимъ, въ книгѣ совсѣмъ нѣтъ преобладанія «латинства» и «польщизны», напротивъ: въ сборникѣ всего три псальмы по латыни, 27 по польски и 114 псальмъ на славянскомъ языкѣ, съ примѣсью не польскихъ, а малорусскихъ словъ. Псальмы всякаго рода, ходившія въ спискахъ, были собраны и поправлены, о чемъ прямо и говорится въ предисловіи: «егда писменемъ отъ единаго другому пѣвцу предаватися начаша, тако повредишася, яко не удобна разумѣнія своего возъимѣха». Къ инымъ сочинена мелодія, другія совсѣмъ на-ново сочинены, при чемъ выставлено имя автора («творецъ»—такой-то). Такимъ образомъ, весь поданный матерьялъ псальмъ вышелъ, по словамъ предисловія, «аки снѣдь иными смаками утвореная, аки потемненное сребро искушено же огнемъ». (Жаль, что отцы не оставили хоть нѣсколько образцовъ еще не «искушенныхъ»!). Впрочемъ, по сравненію съ нѣкоторыми псальмами въ другихъ сборникахъ, главнымъ образомъ подправлялся языкъ, а не самое соедержаніе; конецъ псальмы измѣнялся больше, (съ придаваніемъ ему болѣе богословскаго характера), начало же оставлялось,—должно быть, для того, чтобъ напоминать музыкальный мотивъ, къ которому привыкли. Въ смыслѣ виршевого искусства, псальмы отдѣланы очень искуссно: разнообразные размѣры, хорошія риѳмы, есть даже акростихи (изъ которыхъ выходятъ имена авторовъ). Не смотря на передѣлки согласно «инымъ смакамъ», все таки нѣкоторыя псальмы Богогласника сохраняютъ большую простоту и наивностъ;—напр. въ одной рожд. пѣснѣ Богогласника поется:

Слава наша лежитъ днесь на сини, во яскини,
... Богъ Агнѐцъ и Юнѐцъ всѣмъ пожаданный.

Радость многа! Мусикія--ра! ра! ра!
Свирѣль красна—тра! тра! тра!
Малому, вѣчному
Рожденну Царю.
Веселятся голубицы: охъ! охъ! охъ!
Ины птицы: тіохъ! тіохъ! тіохъ!
Радость всѣмъ, и миръ Тѣмъ
На многа лѣта!

Но за то есть въ Бог., по выраженію одного колядника, «дуже круто» сочиненныя псальмы, какъ объ этомъ можно судить изъ отрывковъ, приведенныхъ выше. Повидимому, искусная версификація часто была въ ущербъ простотѣ, понятности и чувству. Въ болѣе простыхъ стихахъ Богогл. встрѣчаются слова малорусскія:—«зори, зрада, спивы, смутный, прытуляты, выхваляты, ягната, немовлята», но въ общемъ языкъ—церковно-славянскій, довольно строго выдержанный. Есть слова рѣдкія, какъ звѣздàрь [1]), владáрь [2]), моцáрство [3]). Однимъ словомъ, это языкъ «вѣршей», который лишь иногда какъ бы обмолвится своимъ народнымъ словомъ... Выписываю еще одну «чернечу» колядку,—почаевскихъ отцовъ-базиліянъ: (Богогл. 1790 г.), при чемъ напомню о предположеніи, что буква *ѣ* произносилась по малорусски, за *и*; многія риѳмы стиховъ богогласника это доказываютъ: «ангеловъ лики»—«на вѣки», «ланиты»—«совѣты», «знаменитъ»—«завѣтъ» и т. п. Поэтому въ слѣдуюшей виршѣ изъ Богогл. (впрочемъ, только въ одной этой) измѣняю транскрипцію *ѣ* на *и*:

Пѣснь на Рождество Христово.

Стань, Давиде, съ гуслями,
Брящай писни со нами!

---

1) Это слово есть въ словарѣ Беринды, 17-го в., служитъ тамъ для перевода славянскаго слова «звѣздочетецъ».

2) Въ Пересопн. еванг., и у Беринды.

3) «Перло многоцѣнное», Транкв.

Припѣвъ:

Христу Рожденному играймо
И весело спиваймо,
Играймо, спиваймо,
Спиваймо, играймо,
Днесь во Рождестви его,
Яко Творца нашого,—
Выхваляймо!

Солнце, луна и зори,
Свитяще съ высшей горы,
Христу Рожденному играймо...
Воды превысше небесъ,
Шумяще вмисто словесъ,—
Христу Рожденному играймо!
Огнь, градъ, бурніе духи,
Гласяще всимъ во слухи,—
Христу Рожденному играймо...
Горы, земля и холмы,
Скачуще со юдольми,—
Христу Рожденному играймо...
Князи людей, царіе,
Скоты, гады, звиріе,—
Христу Рожденному играймо...
Юноши, старцы литни,
Дивыци младо-цвитни,—
Христу Рожденному играймо...
И весело спиваймо!...
Днесь во Рождесви его,
Яко Творца нашого,—
Выхваляймо!

Въ отдѣлѣ псальмъ, названныхъ «покаянными» и «умилительными», есть нѣсколько очень теплыхъ. Это все размышленія о смерти... Все на тему—«земля еси и въ землю отъидешь». Старая и вѣчно новая тема! Въ какое бы время ни жилъ человѣкъ,

на какой бы степени культуры ни стоялъ,—съ трепетомъ глядитъ онъ въ раскрытую, уже близкую могилу и съ «жалемъ» оглядывается на прожитую жизнь, сколько ни увѣряетъ себя, что все на этомъ свѣтѣ—одна только «марность», vanitas vanitatum... Все это есть въ послѣднемъ отдѣлѣ почаевскихъ псальмъ, одна изъ которыхъ такъ и названа:—не «пѣснь», а «жаль»; этотъ «жаль» («Ахъ ушли-жъ мои лита»...) и другой—(«Кажуть люде, же я умру, а я хочу жыты»)—принадлежатъ къ лучшимъ въ сборникѣ и приводятъ на память слова П. И. Житецкаго, открывшаго, что и въ «мертвой»,—какъ говорили, совершенно «бездушной» виршевой литературѣ— была душа[1]); онъ реабилитировалъ съ этой стороны виршу; открытыхъ имъ строкъ, такихъ какъ «Годи вамъ шумиты, зеленыи лугы, годи млиты серцю моему зъ несносной тугы» и т. д. нельзя забыть, такъ онѣ трогательны и своеобразно красивы. Но эти прекрасныя вирши—тоже передсмертный жаль... Замѣчательно, что въ серьёзной литературѣ виршей[2])— именно въ этихъ, «*покаянныхъ*» виршахъ получалъ найбольшее право гражданства народный языкъ. Зачѣмъ по преимуществу въ келейныхъ элегіяхъ о смерти!..

Псальмы о «марности свѣта», помѣщенныя въ богогласникѣ, поютъ волынскіе лирники[3]); а молодежь поетъ его колядки-вирши. Мнѣ кажется, что всякому записывающему колядки непремѣнно слѣдуетъ подробнѣе познакомиться съ богогласникомъ; это устранитъ въ его работѣ нѣкоторыя недоразумѣнія: такъ напр. кто нибудь изъ этнографовъ-записывателей встрѣтитъ въ колядкѣ спутанный обрывокъ о «Діанѣ» или «Гехвесѣ»[4]) и подумаетъ, что это отраженіе «классическаго вліянія»,—«калѐнднаго»,—или какого нибудь «апокрифа», средневѣковаго сказанія, стараго книж-

---

[1]) «Мысли о думахъ».

[2]) Комическую я ставлю особо,—тамъ народный языкъ считался иногда подходящимъ для содержанія «смѣшного»...

[3]) Недавно г. Гнатюкъ опубликовалъ въ Зап. Тов. Им. Шевч. довольно много псальмъ на ту же тему, записанныхъ вообще отъ народа.

[4]) Стихъ, кот. я цитировала («Падаетъ въ Ефесѣ Діана»)

наго памятника; между тѣмъ, это будетъ если и *классическое*, или *книжное* вліяніе, то самое новѣйшее, воспринятое м. б. въ тотъ же годъ (какъ пѣлась колядка)—изъ холмскаго богогласника, (напечатаннаго въ типогр. Кіево-Печ. Лавры въ 1885 г.), купленнаго, напр. въ бытность на богомольѣ въ Кіевѣ, въ лаврской книжной лавочкѣ[1])... А что эта книжка, вмѣщающая въ себѣ и колядки, имѣетъ ходъ, доказывается тѣмъ, что она выходитъ уже 2-мъ изданіемъ. Это очень сокращенная (и потому дешевая) перепечатка стараго почаевскаго Богогласника, съ соблюденіемъ того же языка: («Иродъ лютый тое чуетъ, приказъ даетъ, декретуетъ». Или: «И принесши во храмину, на колѣна падоша»)... Тотъ же неуклюжій и мало понятный для простолюдина нашего языкъ, изъ котораго если что и выброшено, то именно—нѣкоторыя слова малорусскія; въ этомъ отношеніи оказывается, что даже «ополяченные» уніаты и «заядлые» езуиты, издатели старыхъ богогласниковъ, были терпимѣе и милостивѣе къ народному языку, чѣмъ холмское православное Братство, которое въ своемъ новомъ изданіи уніатскаго богогласника выбрасываетъ такія слова: «для зрады», «умерты», «створитель», «вельми»[2]); вмѣсто же этихъ словъ поставлено—«для смерти», «умрѣти», «Творецъ», «весьма», («Діаны» же, «египетскіе балваны»—остались).

Но не смотря на неуклюжій и странный языкъ, книжка раскупается и колядки «богогласниковъ» имѣютъ большое распространеніе въ народѣ. Этому есть много причинъ и я остановлюсь на нихъ подробнѣе, такъ какъ онѣ имѣютъ непосредственное отношеніе къ нашему предмету. Прежде всего нашихъ колядниковъ манитъ нѣкоторая примѣсь простыхъ словъ и выра-

---

[1]) Не называю именъ, но подобныя недоразумѣнія уже и случались, поэтому думаю, что предупрежденіе не лишне.

[2]) Любопытна участь этого слова: почему-то нѣкоторые засчитали его польскимъ, между тѣмъ какъ именно *этого* слова польская рѣчь *не* употребляетъ; «вельми»—есть старинное *южно-русское* слово. Почему его должно замѣнить «весьма»—не понятно.

женій («мати дитя притуляеть», «сердце умлѣваеть» и т. п.) которыхъ еще не вытравили даже и новѣйшіе издатели. За тѣмъ очень большое значеніе имѣетъ то, что текстъ старыхъ и новыхъ богогласниковъ укрѣпляется старинными музыкальными мотивами, очень красивыми; развѣ не случается и намъ запоминать слова самаго неуклюжаго текста, изъ романса, или опернаго либретто, если намъ нравится музыкальный мотивъ, на который эти слова поются?

Очень большое значеніе имѣетъ еще и то, что только пѣніе «божествéнныхъ» колядокъ еще кое-какъ терпимо особами, имущими власть надъ колядниками и гонящими самый обычай колядованія. А этихъ лицъ, враждующихъ съ колядкою, много: прежде всего сельскіе священники. Хотя съ 11-го вѣка прошло довольно времени, но призракъ «бѣса Коляды» по видимому еще не исчезъ—въ ихъ глазахъ... Съ нимъ же борятся и другія лица, включительно до урядника, который борется не только вѣсъ имѣющимъ словомъ, но въ добавокъ и дѣйствіемъ,—тоже очень вѣскимъ и внушительнымъ!.. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ получается соизволеніе на хожденіе колядовать «на церкву»,—тогда ужъ колядники ходятъ «не крыючысь», но, разумѣется, поютъ «божествéнныхъ». А собственно говоря, что̀ такое ужасное и не христіанское можно видѣть въ томъ, если колядники пропоютъ въ домѣ добрыхъ сосѣдей хотя бы и старинную колядку,—если напр. они пропоютъ дѣвушкѣ, будто передъ ея красою «паны шапкы знимають», если пожелаютъ «господарю» удачи, урожая, провести святки въ добромъ здоровьи,—«изъ мылымъ богомъ, изъ усимъ родомъ»?.. Но это—«не порядокъ»; при томъ, многимъ претитъ само это «мужицкое», малорусское слово въ колядкахъ.

Такимъ врагомъ малорусскаго слова въ колядкѣ—является и школа. О положеніи этого дѣла въ сельской школѣ можно судить по тому, какъ оно стоитъ въ большихъ центрахъ,—дающихъ тонъ «медвѣжьимъ угламъ». Въ г. Кіевѣ, устроители школьныхъ рождественскихъ «утръ» и «живыхъ ёлокъ» вотъ ужъ года три какъ завели обычай, чтобы дѣтскій хоръ колядовалъ: (очевидно, обычай колядокъ у насъ слишкомъ могучъ и поистинѣ—«невми-

рущій!»). Казалось бы, если ужъ такъ, то чего проще: дать дѣтямъ разучить народную колядку,—кстати есть прекрасное изданіе колядокъ, положенныхъ Н. В. Лисенкомъ на ноты, съ выборомъ лучшихъ мотивовъ и даже раскладкою на голоса; но г.г. кіевскіе педагоги берутъ текстъ—«новѣйшаго» духовнаго пѣсенника, богогласника [1]), въ которомъ есть даже такіе перлы: «Иродъ весьма засмутился» [2]) (вмѣсто стараго—Иродъ *съ того* засмут.). Еще и этого показалось мало и—кіевскіе руководители юныхъ колядниковъ еще ревностнѣе пріуготовляютъ текстъ «иными смаками», въ сторону его «благопотребности» или обрусѣнія; изгоняютъ даже слово «якъ»,—(допускаемое въ Холмѣ),—замѣняютъ его словомъ «какъ».. Въ результатѣ дѣти (ученики и ученицы кіевскихъ народныхъ училищъ и даже гимназіи) «колядуютъ»: «Нова радость стала, кака не бывала», или «какъ на небѣ хвала»... «ангелы спѣваютъ»... «какъ человѣкъ передъ Богомъ убогоповился»... «Иродъ весьма засмутился» и т. п.

Конечно, если даютъ пѣть такой текстъ, то это дѣлается «ad animam salvandam» учащихся кіевскихъ дѣтей; но удивительно все-таки одно: вѣдь руководителями участвующихъ въ школьныхъ «утрахъ» и «ёлкахъ» бываютъ обыкновенно учащіе, б. м. учителя русскаго языка и словесности, у которыхъ художественный вкусъ долженъ бы быть особенно развитъ;—неужели же имъ не претитъ та безвкусица и комично-пестрая мѣшанина, которую они даютъ пѣть дѣтямъ? Вѣдь это даже не по-русски,—это только уродливо! «Спѣваютъ», «весьма засмутился»—такъ говорятъ теперь только лакеи «изъ малороссовъ».

Я даже думаю, что это уже—ревность не по Бозѣ... Такого ужъ никто и не требуетъ.—Можетъ показаться, что я захожу въ постороннюю область, педагогію; но въ данномъ случаѣ педагогическая практика имѣетъ непосредственное отношеніе къ моему предмету, такъ какъ вліяетъ на эволюцію колядокъ; поэтому я и заношу относящіеся къ дѣлу факты на страницы исто-

---

[1]) О которомъ сказано выше, или м. б. еще какой-ниб. болѣе новый.

[2]) Богогласникъ, изданія Холм. Брат. стран. 11.

рическаго журнала: они многое разъяснятъ будущему (да и настоящему) историку въ судьбѣ колядокъ.

Такъ колядуютъ на школьныхъ торжествахъ въ Кіевѣ; а что поютъ въ подобныхъ случаяхъ наши сельскіе школяры,—легко угадать, зная съ какою ревностью (достойною лучшаго примѣненія) ведется сраженіе въ нашихъ сельскихъ школахъ съ народнымъ языкомъ.

Текстъ богогласниковъ порождаетъ массу искаженій. Любопытно для этнографа и даже для филолога наблюдать ту отчаянную борьбу, которую ведетъ малоруссая фонетика и народная мысль съ чуждыми элементами слова и мало понятнымъ содержаніемъ, съ затѣйливыми формами, оборотами церковно-славянскаго языка и виршевого искусства. Очень часто усилія колядующихъ, перенимающихъ текстъ одинъ отъ другого, «съ голосу», и старающихся проникнуть въ смыслъ его—бываютъ безуспѣшны; получаются такія искаженія, что съ трудомъ можно записать то, что поютъ... Получается иногда просто безсмысленница. Это явленіе случалось наблюдать не только мнѣ:—на страницахъ К. Ст. не разъ помѣщались указанія на это обстоятельство (замѣтки г.г. Бѣньковскаго, Милорадовича и др.), такъ какъ этнографъ, уважающій свою науку, не станетъ скрывать такихъ фактовъ.

Искажаются имена, отдѣльныя слова, цѣлыя выраженія,—по созвучію ихъ съ знакомыми словами: вмѣсто ливанъ—Иванъ, главанъ, вмѣсто дадоша—ноша, вмѣсто кринъ—хринъ и т. д. Иногда поющіе силятся придать какой-нибудь смыслъ непонятному набору словъ и потому выходятъ напр. такія странности: вмѣсто:—«Во утробу Дѣвыя Слово вселися» (Богогл.)—утромъ у дѣвы вси веселымся»...

Или

«Цари дають дары, злото,
Иванъ смырный—срибло»... (ливанъ, смирну, злато)...

Есть въ Богогласникахъ (во всѣхъ) злополучное выраженіе: о младенцахъ, убитыхъ Иродомъ, говорится [1]):

[1]) Въ колядкѣ «Видѣ Богъ, видѣ твовецъ»...

«Праведныи, якъ финики, (sic)
Процвѣтаютъ на вѣки» (будутъ жить въ небѣ).

Имѣю смѣлость предположить, что многіе изъ моихъ читателей, не узнавая давно знакомаго слова въ фонетикѣ базиліянъ, будутъ недоумѣвать, что это за „финики", чего они сюда попали?.. Я думаю, что финики означаютъ—фениксы: должно быть, отцы-базыліяне хотѣли символически выразить ту мысль, что убитыя дѣти—какъ *фениксъ* возродятся для новой жизни въ небесахъ. Не будучи знакомы ни съ фениксомъ, ни съ финиками,—въ какомъ бы то ни было смыслѣ,—колядники селяне поютъ: «фигурныкы», «ехвендрыкы» и т. д. Одинъ разъ мнѣ попалось такое искаженіе этого слова, изъ котораго вышелъ даже подходящій смыслъ:

Праведныи мученыкы
Будуть за насъ «*офирныкы*».

(Т. е. принесутъ себя въ жертву за насъ). Вышло даже какъ будто лучше...

Чтобы не показалось, что именно *мнѣ* попадались такія странныя искаженія, я сдѣлаю слѣдующія выдержки, напримѣръ, изъ сборн. Чуб., (стр. 365. т. Ш):

Благовистный [1]) въ Назарети!
... Владыко въ Вехлееми...
Тверды вразтай иды [2])
Нызько ходыть Боже сонце
Въ дивыченськіи лози [3]).
Рада-бъ она осіяты,
Весь свитъ просвичаты...
... И прынисшы *орнамента* [4]),
На колинця впадають.

[1]) Благовѣствуй.
[2]) Отверзи врата Эдема.
[3]) Незаходимое солнце имѣло возсіяти отъ Дѣвы.
[4]) И принесше во храмину.

Тамъ же, на страницѣ 359:

Исусу Хрысту дары:
Лымонъ, смырну ище й злато и т. д.

Тамъ же, на стр. 333:

Выплакала за насъ гришныхъ въ Каменци-Подольску,
Тры-красна панна зъ высокого маку (sic).

Такъ бьется мысль колядниковъ, желая добраться до смысла непонятнаго текста. Пожалуй, скажутъ:—Но какъ можетъ народъ пѣть такую безсмыслицу? и развѣ ужъ такъ непонятенъ славянскій текстъ?—Значитъ, непонятенъ. По «корнямъ» народъ не умѣетъ разбираться и потому не узнаетъ напр. въ словахъ «класъ», «млатъ»—колосъ, молотъ; сбиваетъ его и звуковая чуждость флексій, приставокъ: *отверзи*, *дадоша, произниче* и т. д. А то обстоятельство, что народъ поетъ искаженный текстъ,—тоже не удивительно: этотъ текстъ, этотъ жанръ,—единственный дозволяемый и даже иногда рекомендуемый; если что и кажется странно, то колядники, пожалуй, тоже думаютъ: «можетъ быть, оно тамъ такъ и нужно!»... Вѣдь это «божестве́нне», въ родѣ молитвы,—а развѣ текстъ молитвъ такъ ужъ понятенъ? Развѣ не говорятъ съ умиленіемъ:—«блажы, дытя, Богородыцю»?.. (вмѣсто «блажити тя»)...

Народъ желаетъ пѣть колядки иного тона, чѣмъ старыя веснянки, у него явились уже запросы иные, онъ желаетъ почтить Рождество *Христа*—«*набо́жною*» пѣснею [1]). Сколько можетъ, народъ приспособляетъ прежнія колядки; какъ новый «благопотребный» текстъ рождественскій, ему даютъ—то, что мы видѣли, т. е. вмѣсто хлѣба—камень, да еще какой твердый!

Но обычай колядовать слишкомъ силенъ, а пѣсенное творчество нашего народа тоже сильно, настолько сильно, что оно и камни перевариваетъ, перетворяетъ ихъ все-таки въ пѣсню,—въ которой вы узнаете все ту-же малорусскую пѣсню, какою мы ее знаемъ въ ея неиспорченныхъ образцахъ.

---

[1]) Г. Сумцовъ и другіе совершенно вѣрно указываютъ, что это—преобладающая теперь тенденція колядованья.

Среди многихъ искаженныхъ «набóжныхъ» колядокъ находимъ все-таки много прекрасныхъ образцовъ, которые, будучи соединяемы съ величественными и красивыми мелодіями,—(совершенно въ малорусскомъ духѣ),—являются достойнымъ выраженіемъ приподнятаго душевнаго настроенія колядующихъ. И, конечно, нельзя не пожалѣть, что бѣдная колядка встрѣчаетъ столько препятствій, гоненій и такихъ деспотически услужливыхъ—друзей!

Какія прекрасныя произведенія (даже «въ настоящее время»), могло бы дать, и въ этой области, пѣсенное творчество нашего народа, еслибы оно развивалось свободно, еслибы не пріучали народъ смотрѣть съ презрѣніемъ на его слово.

Конечно, на языкѣ чуждомъ творить трудно (на языкѣ лакейскомъ тоже еще небыло создано поэтическихъ произведеній даже и въ болѣе интеллигентныхъ сферахъ); но когда народъ отбрасываетъ стѣсняющіе его элементы слова, онъ творитъ.

Предлагаемые ниже образцы представляютъ именно результатъ усилій колядующихъ создать осмысленныя «набóжныи» пѣсни Риздву.

Я уже говорила, какіе способы онъ для этого употребляетъ: одни элементы выбрасываются, другіе берутся; подставляются, какъ мозаиковые камушки, мѣста изъ старыхъ пѣсенъ, добавляются новыя вставки, пожеланія и т. д.

Можно было бы дать и больше образцовъ въ этомъ отдѣлѣ, но я не сборникъ колядокъ издаю, а лишь даю для каждаго ихъ типа характерные образцы.

Эта глава, касающаяся колядокъ-виршей (т. е. колядокъ все же болѣе искусственнаго типа, чѣмъ другія), или «набóжныхъ», вышла длиннѣе, чѣмъ прежнія главы; это потому, что колядки послѣдняго типа относятся къ періоду болѣе новому, связи ихъ съ разными другими элементами всё-же виднѣе и осязательнѣе, поэтому о нихъ и приходится говорить много. Къ тому-же послѣднія, «набóжныя» колядки представляютъ тотъ разрядъ, къ которому теперь преимущественно направляется народный обычай и народная мысль,—тѣмъ болѣе слѣдовало удѣлить вниманія именно этому отдѣлу.

Вотъ самые образцы. Они всѣ—волынскіе и записаны мною лично въ уѣздахъ новоградволынскомъ, луцкомъ и ковельскомъ.

№ 1.

Добрый вечеръ тоби,
Пане господарю,
Радуйся!
Ой радуйся, земле,
Сынъ Божый народывся!
Чы чувъ-есы тую
Веселу новыну,—
Радуйся...
Що у Бетлеми
Хрыстосъ народывся,—
Радуйся...
Пречыстая Дива
Его породыла,—
Радуйся...
Его породыла
Весь мыръ звеселыла,—
Радуйся...
Земля процвитае,
Сыне море грае,—
Радуйся...
Сыне море грае,
Хвалу повидае!
Радуйся!
Ой радуйся, земле,
Сынъ Божый народывся!

№ 2.

Ой на Ордани, въ недилю рано,
У вси дзвоны дзвонено,
Дзвонено.
Грай, море, грай

Въ недилю рано,
Раненько!

—

Идить мыряне, вси Ордіяне.
Витать Хрыста Господа,
Господа.
Грай, море, грай
Въ недилю рано ..
Хто грихы чуе, хай спокутуе
Ласка́вому Богови,
Богови.
Грай, море, грай...
Богъ грихы возьме, на себе прыйме,
Буде душа чыстая,
Чыстая.
Грай, море, грай,
Въ недилю рано...
Одчы́ныть тому небесну браму
До раю пресвитлого,
Свитлого!
Грай, море, грай,
Въ недилю рано,
Раненько!

№ 3.

Ой дывнее нарожденне Божого Сына,
Его-жъ бо намъ породыла Дива Марія.
Народывся Исусъ Хрыстосъ у Дивы Панны,
Нихто жъ теи не дознався Божои тайны.
Дозналыся два ангoлы зъ неба летючы,
Въ ясну зорю оповывшы, Хрыста несучы.
Ой спивалы жъ два ангoлы, Хрыста несучы,
Въ яселечка убогіи ёго кладучы.
Надъ тымъ мистомъ, надъ вертепомъ, тамъ дыво стало:
Мале дытя нарожденне свитъ осяяло.
Осяяло небо й землю, урадувало
И дыво всимъ предывнее воно зъявыло:

Що на Риздво Хрыстовее ричкы розлылысь,
Що на Риздво Хрыстовее садкы розцвилысь.
Дывуются тому люде й малыи диты,
Що розцвилысь на Рожество рожевыи квиты.
Мали диткы-пастушата витаты прыйшлы,
Ягняточко биленькее Хрысту принеслы;
И тры цари приходылы, поклонъ даючы,
Рожденному безсмертному дары несучы.
Одынъ дае срибло, злото, другый мыруе,
А третій царь зъ рожы квитку у ручку дае.
Дай намъ, Хрысте добротлывый, тее здарыты,
Щобъ зъ тобою въ царстви твоимъ на викы жыты! (Звяг.).

Кромѣ первыхъ четырехъ строчекъ, очень сходныхъ съ текстомъ польскимъ, въ дальнѣйшемъ содержаніи колядки сходства этого нѣтъ: дальше она представляетъ народную обработку сюжета, гдѣ старые образы и представленія переплелись съ новыми.

№ 4.

Нова рада стала,
Що на неби хвала,
Надъ вертепомъ звизда ясна
Увесь свитъ осіяла.
Тамъ Хрыстосъ явывся,
Въ Дивы народывся,
Сотворытель всёго свита—
Въ яслахъ positionжывся:
Не въ гарныхъ палатахъ,
Не въ дорогыхъ шатахъ,
А у стайни, на синечку,
Помежы быдлята.
А пречыста Маты
Его пыльнувала,
Всёму мыру щастя-доли
У Его благала.

Пастушкы зъ ягняткомъ
Передъ тымъ дытяткомъ
На колинця упадають,
Хрыста-Бога выхваляють.
Просымъ тебе, Царю,
Небесный владарю,
Даруй лита щаслывыи
Сёго дому господарю,
Пану господарю
Й пани господыни,
И старому, и малому,
Всій ёго родыни.

№ 5.

Даръ ныни пребогатый изъ неба прыйде,
Яко капля каплющая на землю впаде.
Богъ одъ Дивы чыстои на свитъ народывсь,
Яко сонцемъ праведнымъ весь мыръ освитывсь.
Яко небо яснее вертепъ явывся,
Де въ яслахъ убогыхъ Богъ положывся.
Анголы на крылахъ тамъ ся зблыжають,
На облаци веселыи писни спивають:
«Слава въ вышнихъ Богу», «слава Господу»...
Даруй, Боже, многи лита, хто въ дому сёму.

№ 6.

Ангелы на землю зъ неба злитають,
Голосомъ прекраснымъ писни спивають:
«Слава въ вышнихъ Едыному,
Богу зъ Дивы рожденному,
И на земли мыръ»!
А Ёсыпъ старенькый пры яслахъ стоить,
Малому дытяти пелены строить,

Маты Божая спивае,
Къ серцю сына прыпадае,
Радосте моя!
Ой Сыну мій, Сыну, райскій мій квите!
Даруй, Сыну мылый, щобъ тіи диты,
Що за тебе постраждалы,
Вично въ неби царствовалы,
Утихо моя»!
Иродъ соби пекло вичне зготувавъ,
А Хрыстосъ младенцямъ винець дарувавъ,
Же невынно постраждалы,
А зъ Нымъ радисть мыру далы
На викы виковъ!

№ 7.

Предвичный Богъ на земли вродывся,
Хотячы землю просвитыты,
Одъ темности одведе
И до свитла прыведе
Гришныхъ насъ.

—

Прывыкай, Панно, сповываты,
Прывыкай Сына пыльнуваты;
Цилу ничку свитыла,
Волю ёго чыныла,
Мусила.

—

А волы надъ нымъ поставалы,
Дышучы, Его зогривалы,
Створытеля своего,
Знають Пана нашого
Й быдлята.

—

Прыбулы цари изъ дарамы,
Виталы Хрыста зъ пастухамы,
Бо всихъ звизда прывела,
Всимъ дорогу вказала
Къ Царю всихъ.

—

Новыи лита зачынае,
Новый Царь царя подолае,
Убого ся народывъ,
Богатого засмутывъ,
Ирода.

—

Ой Иродъ зъ того засмутывся,
Що Хрыстосъ на свитъ народывся,—
Казавъ его шукаты,
По всихъ свитахъ пытаты
Для зрады.

—

Йосыпе, беры-жъ ты Марію,
Избранну чыстую лелію,
Треба Хрыста сховаты,
На поталу не даты
Ироду.

Ничъ тоди мисячна прыпала,
Якъ Панна зъ сыномъ мандрувала,
Вона-жъ Его завезла,
Вона-жъ Его занесла,
Сховала.

—

Ироде, ты царю злостывый,
Ироде, ты жъ немылостывый,
Дармо диты стынаешъ,
Уже Хрыста не знайдешъ
Во викы.

—

Ироду не уподобимся,
А Хрысту уси поклонимся,
Щобъ одъ грихивъ одвертавъ,
Свое царство дарувавъ
На викы!

(Полонное).

№ 8.

Выдыть Богъ, выдыть Створытель, що весь мыръ погыбае,
Архангела Гавріила изъ небесъ посылае:
Возвистыты всимъ новыну,
И щаслывую годыну,
Що родывся Вызволытель,
Всёго мыру Спасытель.

—

Тріе цари зъ пастушками до ёго прыхожають,
Дары несуть, поклонъ дають, на колина впадають.
А злый Иродъ засмутывся,
Що царь добрый народывся,--
Свои слугы посылае,
Его смерты шукае.

—

Идуть слугы, чынять волю, диточокъ выдырають,
Немовлятокъ гострымъ мечемъ на очахъ посикають.
Лежать сыны—соколочкы
Лежать ныни якъ снопочкы,
Вы жъ, матери, не вбывайтесь,
И слизьми не вмывайтесь!

—

За своимы диточкамы перестаньте рыдаты!
— Ой якъ маю перестаты, я жалйбпая маты!
Иродъ диты убывае,
Мени серце умливае,
Я жалибная маты,—
Якъ мени не рыдаты!—

—

Не плачъ, маты печальная, не вбывайся ты нынп,
Не розношуй смутни гласы по глыбокій пустыни.
Твои диты царство мають,
Немовлята въ винцяхъ сяють,
Воны въ Бога пробувають,
Тоби доли благають.

—

— Ой щожъ мени по тій доли,—я нещасная маты!
Буду плакаты, рыдаты, буду Бога благаты:
Прыймы, Боже, душу й тило,
Щобъ серденько не болило;
На щожъ мени въ свити жыты,
Якъ дитокъ не выдиты!—

(Зап. отъ лирника, въ г. Звяглѣ).

№ 9.

Цвитъ змысленный ныни розцвивсь,
Богъ на земли народывсь,
А пречыстая Марія, прекрасна лелія,
Нарождае и кохае
Сына годуе, його пыльнуе
У пустыни, у яскыни,
Преславно ныни.

Пастушкы тамъ прыспилы
Бога въ яслахъ узрилы,
Хрыста Бога витають, щырымъ серцемъ благають:
Прыймы виру за офиру,
Преблагый Боже, бильше не можемъ
Даривъ даты зъ биднои хаты,
Опричъ ягняты.

Тріе цари тежъ прыйшлы,
За звиздою слидомъ ишлы.
Дороги дары складають, на колина упадають,

Рожденному, безсмертному,
Богу владарю, высшому Царю
Свои троны и короны
Оддають воны,
До вертепу вси ходимо,
Зъ ангеламы прославымо,
Въ людській вроди явленного, одъ Маріи рожденного,
Бога свята, мижъ быдлята,
Выдымо ныни, въ яслахъ на сини,
Бо зъ-предвика—чоловика
Возлюбывъ Господь.

(Полонное).

№ 10-а.

Новая рада свиту ся зъявыла,
Пречыста Панна сына породыла.
У Бетлееми мисти вельмы рано
Витаты Пана пастырямъ казано.
Ясная звизда зъ вечора сіяла,
Царямъ звиздарямъ шляхъ показувала.
Принеслы ёму дары, срибло-злато,
Достануть плату небесную за-то.
Иродъ злослывый зъ того засмутывся,
Що Царь предвичный на свитъ народывся;
Наказавъ слугамъ Хрыста одшукаты,
Дволитни диты у-пень постынаты.
Малыхъ немовлятъ усихъ постыналы,
А межы нымы Хрыста не досталы.
Нехай же Иродъ вично погыбае,
Нашъ Панъ рожденный всихъ насъ потишае.
А мы изъ того уси веселимся,
Хрысту Рожеству ныженько вклонимся.

(Полонное).

№ 10-б.

Новая рада свиту заявыла,
Де чыста Панна сына породыла.
Наказавъ Гыродъ землю руйнуваты,
Нарожденного дытятка шукаты.
Найшлы дытятко у поли вповыте,
Въ ясельцяхъ лежыть, щей синцемъ прыкрыте.
А сьвятый Йосыпъ дрибныи лысты пыше,
Лысты пышучы, дытятко колыше:
— «Ой люляй, люляй, маленьке дытятко,
Ой люляй, люляй, небесне пахолятко!—
Беры, Йосыпе, Марію за жону,
Втикай, Марію, въ чужую сторону.
Въ чужій сторони нашъ Царь погыбае,
Гыродъ проклятый на огни погарае.
А мы изъ того уси веселимся,
Хрысту—Рожеству нызейко поклонимся!
(С. Запрудье, ковельск. уѣздъ).

Кромѣ этихъ десяти образцовъ, помѣщаю еще одну волын. колядку-виршу; она навѣрное не народная,—пожалуй, даже «полуинтеллигентъ» изъ народа такой псальмы не могъ-бы сложить; но я все-таки её помѣщаю, такъ какъ считаю её интересной, хотя бы въ томъ отношеніи, что она показываетъ, какъ даже довольно «возвышенную» мысль (какая лежитъ въ основѣ этой псальмы) можно выразить, не прибѣгая къ напыщенному, изломанному языку, а самыми простыми словами простого народа. Знатоки же нашей пѣсни и вирши пусть рѣшатъ, кто и когда могъ сложить эту рождественскую пѣснь:

Пречистая Маты,—
Якъ зоря свитыла,—
Надъ Сыномъ седила,
Дытятко глядила, (2)
Писни Ему пила,—
Пречыстая маты!

—

Пречыстая маты!
Колыбъ ты то знала,
Яку долю да́ла,
Сынови, що мала,—(2)
То ты-бъ заплакала,
Пречыстая маты!

—

Пречыстая маты,
Дознаешъ розлукы:
Визьмуть Его дукы, [1])
Пробьють Ему рукы,
И завдадуть мукы, (2)
Пречыстая маты!..

—

Пречыстая маты,
Колыбъ ты дозналась,
На що́ мука здалась,
За що кровъ пролялась,—(2)
То ты-бъ усмихалась,
Пречыстая маты!

—

Пречыстая маты
Усе тее знала,—
Слизонькы втырала,
Дытя забавляла, (2)
Себе розважала,
Пречыстая маты!

IV.

Намъ остается сказать о колядкахъ юмористическихъ. Споры о томъ, откуда пошли юмористическія вирши-колядки и вирши воскресенскія, а также пародіи,—отъ драмъ, отъ школы, или народа,—упрощается, если не соединять ихъ всѣ, или хотя-

[1]) Этотъ мотивъ есть и въ народн. колядкахъ.

бы только юморист. вирши-колядки, *въ одинъ разрядъ.* Юмористическія колядки очень разнообразны по своему составу и когда ближе и подробнѣе присмотрѣться къ нимъ, тогда видно, что однѣ несомнѣнно чисто народныя, сочиненныя простѣйшими колядниками, другія могли быть произведеніями школьниковъ, а третьи м. б. и совсѣмъ ужъ «письме́нныхъ» людей. Хотя, конечно, это будутъ *типы*; но совершенно неподвижныхъ границъ нѣтъ и между ними.

Образчиками народной юмористической колядки могутъ служить слѣдующія (тоже записанныя, мною же, на Волыни):

1.

Мы колядували,
Мы васъ виншували,—
Намъ ни перижечка,
Намъ ни шеляжечка,
Ничого не да́лы;
Посунемо дали,—
Де перигъ почуемъ,
Тамъ заколядуемъ.

2.

Господыненько,
Наша матинка,
Дайте-жъ бо вы намъ
Хотъ два перижка,
А ковбасочкы
Для закусочкы...

3.

Чи вы жыдове
Чы вы туркове,
Чи въ васъ печене
Ще не готове?
Дарить, не дарить,
Та насъ не барить:

Холодни святкы,
Коротки свыткы,
Померзлы лыткы...

Очевидно, что это просто веселыя шутки, (которыя ни для кого не обидны), вызванныя тѣмъ, что время праздничное, молодежь ходитъ гурьбой и болѣе чѣмъ когда либо склонна къ шуткѣ.

Къ тому роду чисто народной невинной шутки я отношу и слѣдующія пародіи на извѣстныя серьёзныя колядки:

4.

Нова рада стала,
Що хлиба не стало,
А вы тее, люде, знайте,
Перижечкивъ намъ давайте.
Якъ буде ще й кнышыкъ
И повная чара,
То скажемо—«спасы боже,
Сёго дому господара»!

5.

Ой на ричци на Ордани,
Нема хлиба, ходимъ дали,
Нема хлиба ни кавалка,
Ходимъ, ходимъ до Мыхалка;
Нема хлиба ни скорынкы,
Ходимъ, ходимъ до Марынкы.

6.

Китъ змысленный десь ся зявывъ,
На полыци горщыкъ розбывъ;
Треба ёго уловыты,
Треба добре набыты,
Нехай знае, памьятае,
Мыши най ловыть, мыши най гоныть,

Не въ пустыни, не въ яскыни,
А въ насъ въ комори и т. д.

7.

Нещасный на свитъ я вродывся,
Пишовъ на лидъ, та й лидъ завалывся,
И сокырку загубывъ,
И свыточку замочывъ,—
Що до крышкы!

И такъ далѣе, цѣлая комич. эпопея,—къ рождественскимъ сюжетамъ никакого отношенія не имѣющая.

Было бы невѣрно видѣть въ этихъ послѣднихъ номерахъ, представляющихъ пародіи на серьезныя колядки, профанацію послѣднихъ; эти пародіи—выражаютъ тоже лишь невинный юморъ; дѣйствительно, забавнымъ выходитъ, когда серьёзно-размѣреннымъ голосомъ поютъ шутливую вещицу,—но этимъ, да повтореніемъ перваго стиха колядки, (или половины его), все пародированіе ограничивается. При томъ эти пародійки никогда не исполняются вмѣстѣ съ серьёзными колядками, гдѣ нибудь у чужихъ людей, при хожденіи съ колядою; онѣ поются дома, (и не только на Рожд., а когда придется), какъ дѣтская или домашняя шутка. Серьёзной колядки онѣ не профанируютъ; каждый родъ остается на своемъ мѣстѣ и при своемъ значеніи.—Сочинить пѣсенку-пародійку можетъ каждый, кто помнитъ мотивъ колядки и желаетъ пробовать свои способности къ юмористическому творчеству. Нѣсколько иного характера слѣдующія юмористическія вирши, имѣющія отношеніе къ рождественскому циклу и его темамъ. Это уже произведенія, требующія нѣкоторыхъ книжныхъ знаній,—правда, не особенно большихъ,—но все же знаній, которыми масса народа не обладаетъ. Вѣроятно, эти вирши сочинены «полу-интеллигентами» изъ народа: «подканцеляристами», или-же духовными лицами низшаго ранга.

Впрочемъ, такъ какъ это жанръ юмористическій, то можетъ быть въ сочиненіи нижепомѣщаемыхъ виршей принималъ участіе

и кто-нибудь болѣе письменный и значный. Здѣсь я какъ разъ хочу сказать, что область «смѣшного» была именно такою, куда у насъ охотно допускался народный языкъ и въ старое время. Это можно видѣть на текстѣ старинныхъ драмъ, между прочимъ рождественскихъ, включительно до кукольнаго вертепа: для хора, для рѣчей лицъ сколько-нибудь важныхъ, употреблялся языкъ церковно-славянскій,—лица эти говорили всё серьёзныя рѣчи,—но если на сценѣ происходило что нибудь «смѣшное», то ужъ тамъ имѣлъ право гражданства—малорусскій языкъ. Такое его употребленіе наши старые авторы различали даже въ своемъ домашнемъ обиходѣ; въ этомъ отношеніи очень любопытны два отрывка изъ писаній о. Нарушевича [1]): когда Нарушевичъ посылаетъ шутливое пригласительное письмо пріятелю, онъ пишетъ такъ:

Отець Иванъ, Петро й Степанъ
Зъ своимы жѣнками,
Просимъ до насъ хотя на часъ
Пріѣхать святками.
Будемъ гулять и зухвалять
Рожденного Бога,
Уже до насъ просто одъ васъ
Зроблена дорога.

Складъ и даже отдѣльныя выраженія чрезвычайно похожи на тѣ же въ юмор. виршѣ, приводимой ниже. Тотъ же Нарушевичъ, посылая благодарность одному изъ духовныхъ лицъ за какое-то «особливое благодѣяніе», пишетъ такъ:

«О неисчетни судьбы! о благость премнога»! и т. д.

Поэтому возможно, что *комическую* виршу въ народномъ духѣ могъ сочинить и какой-нибудь настоящій интеллигентъ того времени.

Я имѣю въ виду ту пасхальную виршу, которую, будто бы говорили запорожцы Потёмкину и главное содержаніе которой

---

[1]) П. И. Житецкій, Энеида,—предисловіе.

касается выхода Адама и прочихъ праотцевъ изъ адскаго плѣна. Любопытно, что совершенно то-же содержаніе вставляется и въ *рождественскую* виршу (почему я и говорю объ этой виршѣ). Такое пользованіе мотивомъ избавленія отъ ада совершенно возможно и въ рождественской виршѣ, потому что въ нѣкоторыхъ священныхъ текстахъ уже самое Рождество Христа побѣждаетъ дьявола и сокрушаетъ «врата адовы». Я позволю себѣ сдѣлать краткую выдержку изъ обѣихъ опубликованныхъ уже виршей, пасхальной и рожд.—одного содержанія:

Рождест. вирша [1]).
Хрыстосъ родывся,
Мыръ звеселывся,
Сегодняшнимы часы
Для сыхъ родынъ
Всякъ христіянынъ
Уменае ковбасы.
(пропускаю 2 строфы)
Бо вже на свитъ,
Якъ рожи цвитъ
Хрыстосъ народывся,—
Винъ адъ стребыть,
Чорта смырыть,
Щобъ той не гордывся.

Пасхальная вирша:
Хрыстосъ воскресъ,
Радъ мыръ увесь,
Диждалысь мы божои ласкы,
Теперъ вже всякъ
Найистся въ-смакъ
Свяченои паскы.

Вси гуляють,
Прославляють
Воскресшого бога,
Бо вже тая
Всимъ до рая
Протерта дорога.

Пропавъ той страхъ, теперъ той шляхъ до раю протертый,
Безъ сторожей вси навстежей ворота одперти.
Пропавъ той страхъ, зарисъ той шляхъ купьямъ та болотомъ,
Де той злый духъ глытавъ якъ мухъ ненасытнымъ ротомъ.
Кать бы ихъ ма, у ихъ нема никому и спуску:
Хоть бы чернець, або святець,—осмалыть якъ гуску.
Бидна Ева одну зъ древа вырвала кыслычку,—

---

[1]) Напечатана по записи К. В. Болсуновскаго, со словъ Ан. Ал. Порохонской. Варіантъ ея сообщ. С. И. Пономаревымъ, въ Кіев. Ст. 1882 г. дек.

Збула власты, треба прясты на гребени мычку.
За ту йиду Ева биду заслужыла сію,
Нечесть Адаму, що ажъ за браму выбылы у шыю и т. д.

Стихи, идущіе по серединѣ страницы, *совершенно* одинаковы въ виршахъ—рождественской и воскресенской (какъ это можно видѣть и по другимъ опубликованнымъ записямъ). Дальше въ обоихъ виршахъ одинаково говорится о пораженіи,—съ приходомъ Христа,—Вельзевула и о радостномъ выходѣ заключенныхъ изъ ада. Слѣдовательно, главное содержаніе вставлялось въ виршу, смотря по времени, то въ одно привѣтствіе съ праздникомъ (Рождества), то въ другое (Пасхи); измѣнялся текстъ въ началѣ, а также и въ концѣ: въодной редакціи вирши пасхальной въ концѣ высказывается извиненіе, что вирша говорится (одному духовному лицу)—безъ поднесенія писанки; а только что цитированная *рождественская* вирша кончается такъ:

Сю виршу, панове, що празныка чытаю
И святымъ Рожествомъ васъ поздоровляю.

Какъ рѣшить теперь, куда *прежде* попало главное содержаніе вирши?

Я не буду останавливаться теперь на этомъ вопросѣ, возвращусь къ связи вообще юмористическаго виршевого творчества съ народнымъ матерьяломъ. Думаю, читатель согласился, что выдержка изъ письма о. Нарушевича имѣетъ чрезвычайное сходство съ началомъ пасхальной вирши («протерта дорога»), а также и рождественской. Весьма вѣроятно, что подобный же авторъ, изъ старинной интеллигенціи, могъ и цѣлую праздничную виршу написать; но откуда взятъ источникъ для нея?

Въ варіантѣ рождественской вирши, сообщенной г. Пономаревымъ, рисуется далѣе картина веселья праотцевъ послѣ освобожденія изъ пекла:

Беруть жинокъ, ведуть въ танокъ, затыкавшы полы...
Пророкъ Давыдъ тамъ же сыдыть и въ кобзу играе...

Чорнявый Хамъ сыдыть тежъ тамъ и риже въ сопилку,
Самъ добре пье и всимъ дае квартою горилку и т. д.

Такіе *мотивы* находятся также и въ шутливыхъ колядкахъ, они не составляютъ непремѣнно принадлежности виршей-орацій, равно какъ и перемѣна тона изъ серьёзнаго на шуточный, не составляетъ, по моему, коренного отличія виршей отъ колядокъ, а также не можетъ быть признана «рѣшительнымъ признакомъ преобладающаго вліянія виршей-орацій на вирши-колядки», а скорѣе наоборотъ. И простонародная колядка часто освобождалась отъ «условныхъ формъ церковной лирики» (колядокъ набóжныхъ). Да и вирша-орація, рождественская, не всегда была юмористической, напротивъ, какъ мы видѣли въ типичныхъ образцахъ, даже короткая вирша-орація, рождественская—поздравительная, брала очень серьёзный тонъ (по содержанію и языку); если же спускалась до юмористическаго трактованія сюжета, притомъ—народнымъ языкомъ, то это было, конечно исключеніемъ для тяжелой ораціи, а не типическою чертою.

Собственно говоря,—то-же, что и въ колядкахъ; но для вирши-ораціи, т. е. вирши письме́нной,—конечно, болѣе исключительна юмористическая окраска сюжета, съ коренной перемѣной языка, чѣмъ для народной колядки.

Можетъ быть, дальнѣйшіе розыски дадутъ больше образцовъ юмористической вирши, тогда можно будетъ лучше видѣть генетическія связи народной колядки и вирши. Во всякомъ случаѣ, можно сказать, что юмористич. элементъ въ народныхъ колядкахъ-шуткахъ существовалъ въ нихъ независимо отъ орацій.

Конечно, авторъ такой вирши, какъ приведенная выше, (рожд. или пасх.—можно считать какъ угодно, вообще *праздничная*) могъ, какъ человѣкъ письме́нный и владѣющій стихомъ, несравненно шире разработать ходячій мотивъ, а юморъ обнаружить еще болѣе тонкій. Цитированная вирша, въ своихъ полныхъ текстахъ, представляетъ замѣчательно остроумное произведеніе.

Какъ жаль, что наши старинные писатели виршъ такъ рѣдко спускались со своего силлабическаго Парнаса къ народнымъ мо-

тивамъ и народной рѣчи,—въ сущности такъ еще имъ близкимъ и извѣстнымъ! Могли бы создать въ области юмора цѣлую литературу (если ужъ не считали народный языкъ достойнымъ и умѣстнымъ въ *серьезныхъ* областяхъ),—«та ба!»..

Въ дополненіе къ мысли о необходимости бо́льшихъ поисковъ виршевого матерьяла, думаю, что слѣдовало бы не пренебрегать архивнымъ «хламомъ» старыхъ польскихъ коллегіумовъ на Волыни; возможно, что тамъ найдутся интересныя работы учениковъ-волынцевъ.

На это предположеніе наводятъ сцены Гаватовича, давшаго въ своемъ текстѣ (противъ другихъ извѣстныхъ текстовъ «вертепа») найбольшій доступъ малорусскому языку,—допустивши его даже въ *серьёзной* части драматическаго текста! А Гаватовичъ какъ разъ принадлежалъ школѣ—польской.

Такъ какъ сюжетъ объ освобожденіи пекельныхъ плѣнниковъ является общимъ для воскресенской и рождественской драмы, то слѣдуетъ напомнить о томъ, что этотъ сюжетъ выводятъ (М. П. Драгомановъ, а потомъ И. Франко) изъ вертепной драмы, западно-европейской, давшей начало и нашей. Дѣйствительно, тотъ отрывокъ, который М. П. Драг. приводитъ [1]) изъ нѣмецкой драмы 14-го в. (разговоръ Вельзевула съ ангелами и пр.,—сцена въ пеклѣ) очень напоминаетъ, какъ мотивъ, содержаніе нашей вирши. М. П. Драгомановъ говоритъ, что и вообще въ этой области было такъ: «Рождественська драма вкорочувалась зъ вертепу до звизды и дали до вирши и колядки» [2]). Впрочемъ, *какая* колядка имѣлась въ виду? Есть несомнѣнно и *такія*, которыя сохранились отъ вертепа [3]), какъ подставленныя къ его содержанію. Во всякомъ случаѣ, какъ *одинъ изъ путей*, указаніе М. П. Драгоманова на тексты западныхъ драмъ—драгоцѣнно: это цѣлая новая область, открытая для интересующихся предметомъ. Содер-

---

[1]) Въ сборникѣ Ватра.

[2]) Жыття и слово. Т. I, стр. 48.

[3]) Такова можетъ быть «Нова рада стала»,—сильно измѣненная народомъ впослѣдствіи.

жаніе же того, что представлялось въ верт. драмѣ, конечно, могло быть сюжетомъ и для иной юмористич. ораціи и для нѣкоторыхъ колядокъ, близкихъ польскимъ «пасторалкамъ». Такъ, или иначе, слѣдуетъ обратить вниманіе на польскія *народныя* колядки (вообще очень любопытныя). Онѣ не только не меньше, а гораздо больше нашихъ реализуютъ священныя темы, лица и подробности сюжета (хоть это и кажется страннымъ для людей, незнакомыхъ съ народными колядками «фанатическихъ католиковъ»). Реализація эта обнаруживается во множествѣ веселыхъ польскихъ народныхъ колядокъ; передо мною сборникъ «pastorałek i kolęd» [1]) и въ немъ [2]) болѣе ста колядокъ самаго веселаго содержанія, съ комическими подробностями: одна колядка говоритъ о комическихъ препятствіяхъ въ путешествіи пастуховъ (когда они шли поклониться Христу), другая о томъ, какъ «Jòzef staruszek» подпираетъ колкомъ стайню, Aniołki подаютъ св. младенцу «pieluszeczki» и т. д. И вездѣ превеселая музыка и танцы.

Вотъ, напр., являются пастухи:

«Wojtek z budy bieży z dudy,
A mòj Łuka bębna szuka,
Andrys z Jackiem na wioli,
Smyczkiem sobie wąsy goli.
«Józef» chwali:—grajcie dali!
Nuż, bandura, rżnij mazura! Hej nam hej»!..

Танцы продолжались такъ долго, что «staruszek», наконецъ, взялъ «batoga» и прогналъ «пастырей». Но въ иныхъ колядкахъ и Józef, видя необыкновенно живые танцы «въ стайнѣ», самъ пускается танцовать и—веселье идетъ общее.

Реальныя и даже комическія подробности ничуть не устраняютъ, иногда въ тѣхъ же колядкахъ, самаго умиленнаго отношенія къ Дѣвѣ Маріи и «malutkiemu» Іисусу. Пастыри приносятъ все, что могутъ: «masła garnuszek», «koszyk gruszek» и

---

[1]) Варшавское изданіе 1897 г.

[2]) конечно, кромѣ колядокъ костельныхъ и вообще серьезныхъ

т. д., желаютъ укрыть, согрѣть «Dziecko», терпящее «zimno», вмѣстѣ съ ангелами приготовляютъ ему kąpiel, и т. д. Но событіе радостное, рожденіе Христа принесло «wyzwolenie z mocy czarta» и потому—снова «skoczna» музыка и танцы...

Dali Mu ofiary, a drudzy bez miary
Pląsali hoc, hoc, hoc mazurka.
A z tej się ochoty Dziecina śmiała,
Na dudki paluszkiem skazowała;
A w tem Maciek porwawszy dudy wielkośne,
Dzieciątku piosneczki grał rozkoszne;
Jedni tańcowali, w podkòwki krzesali,
A drudzy hola! hola! śpiewali...

По случаю «вызволенья» вспоминаютъ и о праотцахъ:

Z raju pięknego miasta
Wygnana jest niewiasta,
Dla jabłka skuszona.
Wędrujże, Ewo, z raju,
Iuż cię tu dobrze znają...

А вотъ другая колядка говоритъ очень сходно съ нашей виршей:

... «Bóg się narodził, aby odkupił
Człowieka mizernego
Od czarta przeklętego.
Ten wąż sprawił, iż zaraził
Adama, ojca naszego.
O nędzna Ewo, o mizerna Ewo!
Cożes ty uczyniła!
Iabłko skusiła, raj opuściła...
... Zdejm manele, pójdź do kądziele, [1])
Weźmij motyczkę, także prześliczkę,
Zarabiaj sobie chleba»... и т. д.

---

[1]) «Кудель»—пряжа.

Въ такихъ же выраженіяхъ говорится и о радости всѣхъ и всего по случаю пришествія Христа и освобожденія изъ ада.

Я не хочу сказать, что наши вирши, или нѣкоторыя наши колядки заимствовали свои мотивы изъ польскихъ колядокъ; но послѣднія даютъ доказательство тому, что въ народной колядкѣ также могутъ быть такіе мотивы [1]); а если они есть въ родственномъ и сосѣднемъ творчествѣ народномъ, то вполнѣ возможны и натуральны также въ нашей колядкѣ. Поэтому встрѣчая такія колядки, какъ слѣдующія, не обязательно считать ихъ отраженіемъ вліянія вирши, или ораціи, а можно признать ихъ чисто народными. Очень вѣроятно, что и юмористическія вирши съ рождественскими мотивами и такія же колядки (польскія и наши) имѣютъ общимъ источникомъ вертепныя и всякаго рода иныя дѣйства, для которыхъ послужили образцомъ западноевропейскія средневѣковыя мистеріи и другія представленія (между прочимъ Paradiesspiele). Мотивы этихъ дѣйствъ, какъ серьезные, такъ и комическіе, переходили и въ виршу и въ простонародную колядку.

Во всякомъ случаѣ слѣдующія колядки записаны мною (на Волыни-же) отъ пѣвцевъ изъ народа:

1.

Вставай-но, Мыкыто,
Беры кобенякъ,
Иды виншуваты,
Говорывъ намъ дьякъ.
Взялы бубна, взялы скрыбку,
На дорогу хлиба й рыбку,
Хутко подалысь.
Прыйшлы мы до стайни,
Ажъ тамъ панятко,—
Марія и Йосыпъ
Глядять дытятко.
Мы-жъ не зналы, кому граты,

---

[1]) Какъ въ приведенной юмор. праздничной виршѣ.

Кого саме выхваляты,—
Утялы для всихъ!
Гей! утялы для всихъ!

(Поется на мотивъ очень веселый, въ родѣ плясового).

2.

Хрыстосъ народывсь,
Весь мыръ звеселывсь,—
Ну-мо граймо, та спиваймо,
Рожденного выхваляймо,
У Бетлеему, у Юдейському!
Гей, у Юдейському!
Визьмимъ барана,
Несимъ до Пана;
Пишовъ Сава по переду,
Сколотывъ винъ всю череду
У Бетлеему, у Юдейському!
Барана взялы,
Дуду забулы,
На которій писню граты,
Рожденного выхваляты,
У Бетлеему, у Юдейському!
Взялы цымбалы,
До стайни прыйшлы;
Коло яселъ старый Йосыпъ,
Оберемкомъ сино носыть,
У Бетлеему, у Юдейському.
Радисть же намъ, радисть,
Радисть не мала,
Якъ загралы у цымбалы,
Стайня двыжала!
Танцювалы по всій стайни,
Ще й хотилы на Ордани,—
Не позволено, заборонено!

3.

На высокій гори,
Пры святимъ собори,
Святи собиралысь,
Сей день празнувáлы,—
День Рожество!
Со духамы невыдыми,
Съ ангеламы херувымы,
День Рожество!
Съ того свиту батько,
Охотныкъ порядкомъ,
Засивъ одъ востоку,
А пророкы збоку,—
День Рожество!
По за столомъ священныкы,
Передъ столомъ мученыкы,
По прыпиччу молодыци,
Коло ихъ сыдять дивыци,—
День Рожество!

Мыколай нашъ чесный
Взявся до почесты,
Перехылывъ жбана,
Перепывъ до Йвана.
Гукнувъ вельми на Параску:
— Подай мени зъ медомъ пляшку!
Клыче Грыцько Гната,—
Здоровъ пане брате!—
Онохрій Пахнума:
— Пый до мене, куме!—
Клыче Грыцько Васыля:
— Пыйте добре, буду й я!—
Мыхаилъ у трубу
Загравъ на всю губу,
На цымбалы Илько,

А на басъ Гаврылко.
Сіонскія дочкы
Заграйте въ скрыбочкы!
Музыкы загралы,
На то зготувалы.
— Святый боже, святый крипкый,
Вы въ цымбалы, а мы въ скрыбкы!—
Гукае Мыкыта:
— Добра оковыта,
Дуже смаковыта!
Пыйте, гости, вси горилку,
Ты, Матвійку, грай у дудку!—
А дали Мыкыта
Вже ставъ выгоныты:
— Годи гомоныты,
На вечерню йдите!—
День Рожество!
(Полонное).

Варіанты этихъ юмористическихъ колядокъ есть въ сборникахъ Чубинскаго и Головацкаго.

4.

Калядувать я не вмію,
Просыть дармо не насмію,
Скажу вамъ казку,
А вы укыньте въ торбу ковбаску.

—

Якъ Сусъ-Хрыстосъ народывся,
Зозуля кувала,
Вона ему трыдцять рокивъ
Жыття вищувала.
— Бреше пташка,—мало вику!...
Господь такъ сказавъ,
А якъ пожывъ бильше въ свити,

То й самъ угадавъ...
Не вспивъ же винъ родытыся,
Вже Иродъ шукае;—
Та на мудрій тій ослыци
Дытятко втикае.
Край Ордани, у пустыни,
Хрыстосъ жыты ставъ;
Ишлы къ Ему цилытыся,
Ишлы къ Ему хрестытыся,
Ишлы къ Ему учытыся,—
Усимъ догожавъ.
Якъ за добро жъ обвынылы,
И на мукы засудылы,
То хтожъ ратувавъ?
Той за его сторгувався,
Той прылюдно одцурався,
Третій нышкомъ заховався,—
А все вченыкы,
Перви друзякы!...
Зажурывсь тоди Спасытель
И заломывъ рукы:
— Охъ, вы жъ люды, охъ вы люды,
Гирши видъ ослюки!
На що жъ для васъ я рождавсь?
На що для васъ я страждавсь?—
Таки-жъ вы падлюкы!..

—

Люде добри, чи дасте жъ вы
Ковбаску у рукы?

Послѣднюю виршу считаю не народною и позднѣйшаго происхожденія. Она напоминаетъ такія стихотворенія, какъ Руданскаго,—въ которыхъ обработанъ въ стихотворной формѣ народный анекдотъ, разсказываемый въ прозѣ. Есть въ народѣ прозаическіе разсказы и о святыхъ (изъ хожденія Христа по землѣ).

Можетъ быть, и здѣсь темою послужилъ какой-нибудь разсказъ, въ которомъ была сопоставлена услуга ослицы и недоброе поведеніе людей. Во всякомъ случаѣ обработка темы—искусственная. Начало и конецъ о «ковбаскѣ», очевидно, придѣланы для бóльшаго юмора, (какъ и въ той рождественской виршѣ объ освобожденіи изъ ада). Вирша эта, «казка», дошла ко мнѣ въ рукописномъ сборничкѣ, гдѣ было нѣсколько незначительныхъ бытовыхъ пѣсенъ, «сонъ Богородицы» и эта вирша; г. Савкевичъ, давшій мнѣ списать эту виршу, увѣрялъ, что она народная: но письменный складъ ея—очевиденъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется. Сборникъ былъ данъ мнѣ въ мѣст. Любарѣ, новоградв. уѣзда.

Мы прослѣдили главнѣйшіе типы колядокъ, по сколько ихъ можно обособить изъ общей длинной цѣпи, указывая связывающія ихъ черты. Отдѣленные типы явились довольно разнообразными и, какъ мнѣ кажется, достаточно доказываютъ своей разнохарактерностью, насколько ошибочно давать общее, огульное опредѣленіе «колядкѣ». Эволюціонный путь, пройденный колядками, длиненъ и широкъ, поэтому такъ многообразны и формы, которыя онѣ принимали; по сколько мѣнялись поэтическія представленія и религіозныя воззрѣнія народа, по столько измѣнялись и эти пѣсни культа, не разрывавшія и съ реальной обстановкой жизни, а также отражавшія въ себѣ различныя настроенія. Все это и запечатлѣлось въ томъ обширномъ и разнообразномъ циклѣ пѣсенъ, сохранившихся до нашихъ дней въ различныхъ стадіяхъ своего развитія.

Резюмируя все сказанное о колядкахъ, я снова позволю себѣ прежде всего усумниться въ непреложности мнѣнія о самомъ происхожденіи колядокъ и всего ритуала колядованія отъ классическихъ календъ, перешедшихъ къ намъ изъ Византіи; мнѣніе это едва ли можно высказывать такъ рѣшительно, какъ это дѣлается и въ самое послѣднее время,—напр. г. Коробкою, который, подробно разбирая и сопоставляя изслѣдованія г.г. Веселовскаго и Потебни о колядкахъ, говоритъ [1]), что не ясно то содер-

[1]) Изв. Имп. Ак. Н. 1902 г. томъ VII, кн. 3.

жаніе, съ которымъ заимствована была «коляда», но что самое это названіе «несомнѣнно заимствовано», отъ календъ. Мнѣ же и это положеніе вовсе не кажется несомнѣннымъ, а тоже лишь гипотезой; конечно, трудно доказать заимствованность содержанія колядокъ отъ календъ, при полной утратѣ для насъ объекта сравненія съ одной стороны,—такъ какъ неизвѣстно, какія пѣсни пѣлись во время византійскихъ календъ (приводится лишь обычай новогодняго хожденія по улицамъ съ шумнымъ весельемъ и ряженіемъ); но и звуковой близости *названій* коляды и календъ, которая будто-бы доказываетъ несомнѣнность заимствованія, можетъ съ одинаковымъ правомъ быть противопоставлена звуковая близость названія *коляды* съ славянскими же словами, такими какъ *коло* (кругъ),—образъ, имѣющій непосредственное отношеніе къ солнечному миѳу и празднику новаго года, новаго «лѣта».

Этотъ вопросъ и съ филологической стороны еще требуетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія, во всякомъ случаѣ большей осторожности при его рѣшеніи; настоящее положеніе его не даетъ возможности рѣшать его такъ категорически.

Что же касается самаго содержанія колядокъ, то несомнѣнно, что какъ самый народъ не былъ изолированъ отъ постороннихъ культурныхъ воздѣйствій, такъ и пѣсни его, относившіяся къ одной изъ главнѣйшихъ обрядностей, могли и даже должны были отражать эти воздѣйствія; но когда рѣчь идетъ о вліяніяхъ, отодвинутыхъ вглубь вѣковъ, чрезвычайно трудно судить, при скудости данныхъ, о самой степени извѣстнаго культурнаго вліянія на *народъ*, на его обрядности и творчество. Не только нельзя уловить, какъ происходило съ одной стороны воздѣйствіе, съ другой стороны заимствованіе и ассимиляція, комбинація старыхъ элементовъ съ новыми,—что́ представляетъ такой интересъ,—но и самые факты заимствованія являются лишь гадательными.

Вообще древнія культурныя теченія, особенно въ области миѳа,—область крайне трудная для изслѣдованія, факты ея неясны и сбивчивы; новыя данныя, добытыя наукою сравнительнаго изслѣдованія, расширяютъ область изслѣдованія, но и въ этомъ

случаѣ не всегда даютъ ключъ для уясненія самихъ теченій культурныхъ. Мы говорили вначалѣ,—такъ какъ это относилось непосредственно къ нашему вопросу,—что общность названій новогодняго праздника оказывается не у однихъ только славянъ и даже не у однихъ лишь народовъ, «подлежавшихъ классическому вліянію», теперь укажемъ еще на слѣдующіе факты: обыкновенно, находя въ нашихъ пѣсняхъ, или прозаическихъ легендахъ разсказъ о сотвореніи міра и отдѣльныхъ предметовъ въ немъ, о борьбѣ при этомъ творчествѣ двухъ противоположныхъ силъ, Бога и дьявола, видѣли въ этихъ пѣсняхъ и сказкахъ съ дуалистическимъ началомъ—богумильское вліяніе. Но теперь находятъ легенды съ дуалистическимъ содержаніемъ, чрезвычайно близкимъ къ такому же содержанію нашихъ сказокъ, у отдаленнѣйшихъ азіатскихъ инородцевъ,—совершенно чуждыхъ богумильскому вліянію... Очевидно, что представленіе о борьбѣ добраго и злаго начала болѣе обще; да и почему ему не быть такимъ, когда это понятіе по своей сущности исходитъ изъ первичнаго космогоническаго представленія о борьбѣ и взаимодѣйствіи свѣта и тьмы въ природѣ,—представленія, конечно, присущаго людямъ, стоящимъ хотя бы на самой первичной степени культуры.

Легенду о хлѣбѣ, распространенную у европ. народовъ, нашли недавно въ Китаѣ: населеніе, живущее на вост. отрогахъ Тарбагатая, разсказываетъ, совершенно сходно наприм. съ нашей малорусской легендой, какъ Богъ за непочтительное обращеніе съ хлѣбомъ лишилъ людей этой пищи и только собака выпросила зерно. (Сообщеніе г. Ивановскаго въ Этн. Обозр.).

Такихъ примѣровъ общности легендъ у самыхъ разобщенныхъ народовъ можно указать много, я ограничиваюсь лишь болѣе яркими.

Такъ загадочны направленія и соотношенія культурныхъ теченій. При знакомствѣ съ ними, съ полнымъ правомъ можемъ повторить сказанное вначалѣ очерка, что сходство этнографическаго матерьяла еще не доказываетъ непосредственнаго заимствованія, а часто можетъ указывать лишь на общее болѣе отдаленное родство (въ иныхъ же случаяхъ и случайное совпаденіе).

Въ настоящее время задача изученія колядокъ по сравнительному методу была бы выполнена съ тѣмъ болѣе несомнѣнными и вѣскими результатами, чѣмъ конкретнѣе бы её брали въ области сравненія. Съ этой стороны слѣдовало бы подробнѣе изучить и сопоставить прежде ближайшія между собою, славянскія коляды,—тексты которыхъ не гадательны, а составляютъ точное достояніе науки.

Въ колядкахъ болгарскихъ, сербскихъ и др. есть, также какъ и въ нашихъ, свои градаціи, свои соотношенія элемента книжнаго, болѣе новаго, съ чисто народнымъ, болѣе старымъ. При такомъ разсмотрѣніи сравнительнаго ближайшаго матерьяла колядокъ могли бы получиться и болѣе конкретныя данныя, могущія быть очень интересными также по сравненію этого ближайшаго матерьяла съ нашимъ,—какъ это мы видѣли, коснувшись близости польскихъ колядокъ къ нашимъ (къ этому предмету я надѣюсь еще возвратиться въ особомъ очеркѣ). Въ этихъ случаяхъ, конечно, имѣетъ особое значеніе указаніе также тѣхъ характерныхъ народныхъ чертъ, которыя все-же обнаруживаются хотя бы и при извѣстной родственности, вообще близости пѣсенъ.

Но даже, если и не задаваться разыскиваніемъ родственныхъ элементовъ и постороннихъ вліявшихъ источниковъ, колядки наши отлившись,—въ силу какихъ бы то ни было жизненныхъ условій,—въ извѣстныя опредѣленныя формы, въ какихъ мы находимъ ихъ въ данный моментъ,—представляютъ сами по себѣ большой интересъ и значеніе, являясь, какъ пѣсни особой, болѣе важной для самого народа, священно-обрядовой области, съ отпечаткомъ его языка, его поэтической фантазіи, представленій, психологіи и моральныхъ началъ.

Въ какой семьѣ, въ какой сферѣ вліяній былъ нашъ народъ, когда началъ пѣть тѣ колядки, которыя мы обособили въ первую группу, для насъ неясно, но тѣмъ не менѣе для насъ представляютъ значеніе тѣ космогоническіе мотивы, первобытно-идиллическія или героическія картинки, которые мы видимъ въ колядкахъ этого типа. (Перейдя къ колядкамъ болѣе серьёзнаго характера, народъ все же не забылъ до сихъ поръ и этихъ,—да

мотивы, образцы ихъ продолжаютъ быть для него близкими и въ другихъ областяхъ обрядовыхъ пѣсенъ, свадебныхъ и обыкновенныхъ веснянокъ).

Далѣе, мы не можемъ сказать, въ какомъ вѣкѣ примѣшалось къ первообразной колядкѣ упоминаніе христіанскихъ божествъ и мотивовъ священной исторіи, но это наивное смѣшеніе элементовъ христіанскихъ съ языческими представленіями—передъ нами на лицо въ колядкахъ слѣдующаго типа и не можетъ не привлекать нашего вниманія, представляя собою очень яркіе факты въ психической жизни народа.

Интересъ еще усиливается, когда мы разсматриваемъ колядки послѣдняго типа, *виршевого*, такъ какъ кромѣ интереснаго содержанія, которое онѣ имѣютъ въ данный моментъ, въ видѣ амальгамы послѣдовавшихъ новыхъ культурныхъ вліяній и старыхъ элементовъ, мы можемъ въ значительной мѣрѣ изучать исторію этой послѣдней формаціи нашей колядки въ опредѣленномъ историческомъ періодѣ такъ сказать документально.

Въ данномъ случаѣ, какъ показано выше, мы явственно видимъ вліяніе западно-европейское, черезъ посредство польскаго Въ такихъ обнаруженіяхъ вовсе не должно чувствоваться какое-то «развѣнчиваніе» нашей народной пѣсни: конечно, колядка наиболѣе сложнаго типа тѣмъ паче не могла явиться какъ Аѳина изъ головы Зевса,—отчего ей не быть въ зависимости отъ культурныхъ вліяній,—которыя въ свою очередь имѣли извѣстную преемственность и развитіе.

Говоря въ своемъ мѣстѣ о латинско-польскихъ вліяніяхъ у насъ, мы должны были оттѣнить то, что наши интеллигентныя сферы, прежде всего воспринимавшія эти вліянія, не въ одинаковой степени были близки къ народному творчеству. Конечно, народъ, какъ говорилъ Тяпинскій еще въ 16-мъ столѣтіи, «возводитъ очи къ интеллигенціи» и желаетъ подражать ей,—но при этомъ онъ воспринимаетъ болѣе доступное для него; наша же школьная поэзія была въ общемъ мало доступной для народа, слишкомъ искусственной, далекой по языку и складу отъ народнаго творчества; поэтому, возвращаясь въ частности къ колядкамъ, можно

думать, что не отъ виршей-орацій (за немногими отголосками «виршування» въ комическомъ праздничномъ репертуарѣ), произошли колядки; ближе подошла къ нимъ пѣсня церковная, точнѣе сказать костельная «kolęda», претворившая въ себѣ латинскіе образцы: какъ религіозная псальма, она исполнена была бо́льшаго чувства и, что весьма важно, вмѣстѣ съ *музыкальной мелодіей* больше говорила народной лирикѣ, ближе была къ *пѣснѣ*. Тѣсно связанныя съ этой областью сценическія представленія рождественскихъ «яселекъ», тоже соединенныя съ пѣніемъ, дѣйствовали въ томъ же направленіи, вліяя и на серьёзный и на комическій репертуаръ колядокъ. Много еще надо положить труда, чтобы разобраться во всемъ этомъ матерьялѣ, но и теперь уже зависимость болѣе новыхъ колядокъ отъ этого вліянія можетъ быть указываема наглядно.

Конечно, народъ *претворялъ* взятые мотивы, измѣняя языкъ и содержаніе пѣсни, добавляя къ ней старыя и новыя частности. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что напр. такая польская «kolęda» какъ «A wczora z wieczora, z niebieskiego dwora, przyszła nam nowina, rodzi Panna Syna» была, пожалуй, и по фонетикѣ и по складу болѣе легкой для усвоенія народомъ, чѣмъ иная наша школьная орація, сочиненная на тогдашнемъ языкѣ «русскаго образованнаго сословія» и по всѣмъ правиламъ піитики.

Претворенные, ассимилированные образцы, въ которыхъ иногда можно лишь *уловить* источникъ заимствованія, составили разрядъ совершенно *своеобразныхъ* народныхъ пѣсенъ, колядокъ «боже́ственныхъ». Пояснимъ для примѣра образецъ такой колядки въ нашей 3-ей главѣ, № 4: «Ой дывнее нарожденне»; здѣсь мы видимъ вставку старыхъ образовъ—«зъ рожи квитку», которую цари даютъ Христу, и другой, въ высшей степени поэтическій, образъ поющихъ ангеловъ,—«въ ясну зорю оповывшы, Хрыста несучы»; въ той же колядкѣ говорится—о разливающихся рѣкахъ и расцвѣтающихъ на Рождество Христа садахъ. Хотя «божестве́нна» колядка вполнѣ смогла усвоить и по своему выразить отвлеченныя, такъ сказать богословскія понятія, напр. о воплощеніи Христа («страждаеться чоловича врода»), о неземномъ царствѣ

(«щобъ зъ Тобою въ царстви твоимъ на викы жыты»), не говоря уже о часто упоминаемомъ мотивѣ, что народился Царь убогій («не въ пышныхъ палатахъ, не въ дорогихъ шатахъ»), Царь добрый и милостивый, который «засмутывъ» Ирода «злостывого» и «немылостывого»; хотя все это есть въ «божествéнныхъ» колядкахъ и не мало возвышаетъ ихъ достоинство, но нѣкоторыми прибавками народная передача придаетъ имъ,—среди иныхъ простодушныхъ выраженій,—особенную жизненность и значеніе: такъ, въ лирницкой колядкѣ № 8 совершенно измѣнена (противъ текста богогласника) 2-ая половина колядки, при чемъ такъ ярко выступаетъ образъ «жалúбнои» матери («на що мени въ свити жыты, якъ дитокъ не выдиты...» [1]); въ другихъ колядкахъ—прибавлено, что Пречыста Маты «къ серцю сына прыпадае» и у него «всему мыру щастя-доли благае (см. №№ 4 и 6, въ виду которыхъ я помѣстила и послѣднюю рождественскую псальму, въ 3-ей главѣ,—«Преч. Маты»,—хотя и считаю эту псальму искусственной); устраняя уже въ божествéнныхъ колядкахъ слишкомъ реалистическія пожеланія, колядка № 4 («Нова рада») все же измѣняетъ обычный конецъ этого типа колядокъ (о царствѣ *небесномъ)* и въ очень распространенныхъ варіантахъ желаетъ «щаслывыхъ литъ» господарю, его «дружыни», «и старому и малому, всій ёго родыни». Все это въ связи съ радикальной перемѣной языка воспринятыхъ рождественскихъ псальмъ придаетъ и колядкамъ божествéннымъ, виршевого типа, характеръ своеобразныхъ памятниковъ народнаго пѣсеннаго творчества [2]).

---

[1]) Эта пѣсня служитъ еще одной прекрасной иллюстраціей къ тому, что сказано П. И. Житецкимъ (Мысли о думахъ) объ этомъ образѣ въ малор. пѣсняхъ, образѣ любящей матери. Къ сожалѣнію въ колядкѣ № 8 случайно пропущена послѣдняя строфа, въ которой высказывается хозяевамъ пожеланіе быть всегда со своими дѣтьми.

[2]) Въ параллель этому идутъ и тѣ наши церковно-монастырскія вирши-*псальмы* (т. е. имѣвшія *музыкальную мелодію*),—о смерти, о тщетѣ міра,—которыя, повидимому, имѣли первообразомъ лат. текстъ: иногда онѣ были, вмѣстѣ съ польскими текстами, лишь переводами или очень близкими передѣлками лат. текстовъ (какъ все это и помѣщалось *рядомъ* въ старыхъ богогласникахъ). Лирницкая, вообще на-

Колядки комическія, быть можетъ, въ извѣстной части своей носящія европейско-польское вліяніе, послужившее источникомъ для ихъ созданія, въ то же время могутъ служить образцами народнаго украинскаго юмора. Здѣсь какъ и въ другихъ областяхъ, поставить *рѣзкую* границу между народнымъ и «не народнымъ»— нельзя.

Всѣ эти разнообразные виды колядокъ, съ большею или меньшею интенсивностью продолжаютъ жить въ нашемъ народѣ. Любовь къ пѣснѣ вообще слишкомъ сильна въ немъ, а обычай колядованія слишкомъ могучъ. Сознательное или случайное уродованіе народныхъ текстовъ колядокъ не можетъ имѣть огромнаго значенія. Искаженія, шероховатости стираются, шлифуются народною редакціей—и снова является все та же наша народная пѣсня.

Во всякомъ случаѣ, до сихъ поръ цѣлые вѣка преслѣдованія не могли убить колядки. Въ послѣднее время народныя колядки вошли въ значительномъ числѣ въ малорусскій сценическій репертуаръ,—что много способствуетъ ихъ популяризаціи въ кругахъ интеллигентныхъ и полуинтеллегентныхъ (склонныхъ пренебрегать своей пѣсней изъ ложнаго мнѣнія, что она уже не достойна ихъ вниманія). Въ поднятіи престижа вообще народной украинской пѣсни лежитъ огромная заслуга нашей сцены.

Нерѣдко услышать теперь колядки и вообще въ исполненіи интеллигентной молодой компаніи «колядниковъ», при чемъ хорошо выбранныя и умѣло исполняемыя колядки производятъ прекрасное впечатлѣніе. Любителю же народной пѣсни—наши колядки даютъ такъ много матерьяла: отъ древней граціозной идиллической картинки, до простодушно-художественной—(какъ несовершенныя, но имѣющія свою наивную прелесть, изображенія христіанскихъ сюжетовъ старыми мастерами живописи)—колядки-легенды и кончая величественной колядкой-псальмой.

родная редакція еще болѣе упростила языкъ и складъ этихъ лирическихъ псальмъ, въ которыхъ наши ушедшіе отъ міра иноки давали найбольшій просторъ задушевности чувства и выраженій *родного* языка.

Исполнители, а также поэты и музыканты, желающіе творить въ народномъ духѣ, найдутъ въ нашихъ колядкахъ много сокровищъ слова и мелодіи,—различныхъ стилей богатаго народнаго творчества.

Въ заключеніе, такъ какъ я иллюстрировала свой очеркъ украинскимъ матерьяломъ волынскимъ, то пожелаю успѣха начинанію Общества. Изслѣд. Волыни, которое намѣрено издать обширный сборникъ волынскихъ колядокъ. Это будетъ дорогимъ пріобрѣтеніемъ и для науки, и для всѣхъ любителей этой важной области украинской пѣсни.

Олена Пчилка.

ПРОПАЩА СЫЛА.

Повистъ.

(Продолженіе [1]).

V.

У москаляхъ.

Погналы некрутъ зъ ридного краю ажъ у Московщыну. Гналы ихъ цилою юрбою. И якый же невеселый здався имъ той довгый перегинъ! Щобъ хочъ трохы скоротыты часъ, воны то казкы казалы, то рижни прыгоды зъ життя прыгадувалы, то про давни бои переказувалы, сподиваючысь незабаромъ соби стритысь у чыстому поли зъ ворожою сылою. Максымови спалы на думку дидови прыповисткы; винъ подилявся ными зъ товарыствомъ, а въ самого ажъ душа закыпала.

— Ой, та й знатымуть же мене вражи ворогы!—думавъ винъ самъ соби, качаючысь у ночи на доливци коло своихъ товарышивъ, котри, выморывшысь, мертвымъ сномъ спалы. И выплиталы ёго думкы въ темній темряви страшну картыну сичи. Гукъ, крыкъ, бій; дымъ застылае все поле—ажъ очи риже; огонь, якъ зъ пекла, то зъ того, то зъ другого боку; бряжчать шабли; гуркають гарматы; палять гакивныци; брязкають спысы; тупотять кони. Татарва мчытся, якъ скажена. «Ага, ворожи татарюгы!» крычыть винъ слидъ имъ—и пускается навздогинъ своимъ баскымъ, бы-

[1]) См. Кіев. Ст. 1903, № 5.

строногымъ воронькомъ. Шабля заблыщала—голова татарська покотылася; кинь настоптавъ копытомъ—голова луснула, якъ стыглый кавунъ. У Максыма ажъ духъ у грудяхъ сперло.—Господы! колы бъ швыдче!... Тилькы ще на свитъ заблагословытся, якъ знову вже ихъ женуть. И знову воны йшлы, то писень спиваючы, то задывляючысь на невидоми мисця, котри прыходылось переходыты. Багато воны тыхъ мистъ уже помынулы, а ще бильше,—кажуть,—напереди зосталося!

Довго воны йшлы все своимъ краемъ, крижъ своимъ людомъ,—вже имъ ажъ обрыдло. Чы далеко ще та Московщына?—пыталы воны одынъ одного.

Та ще пидтопчемъ ногы,—одказувалы други, догадуючысь: не блызько, мовъ!

Помынувшы свои степы, зъ невелычкымы хуторамы, що якъ квитнычкы весело кыдалысь у вичи, свои велыки села, зъ крывымы вулыцямы, зъ билымы хаточкамы, зъ вышневымы садочкамы, свои городы, схожи на села,—увійшлы воны въ лисный край. Передъ ными й за ными стоялы страшни боры сосны, ялыны та осычыны. Ишлы воны день, ишлы другый... лисъ, та й лисъ!

— Оце й Московщына почынается, сказавъ хтось.

— Оце?! Та й не весела жъ яка вона!.. все лисы та боры, куды окомъ не скынь... тилькы небо кризь верховыну мріе.

Сумно стало Максымови середъ лису; жаль ёму стало своихъ степивъ безкраихъ, свого неба высокого: тутъ за лисомъ було тисно, душно, а небо здавалось нызькымъ, похмурымъ. И справди воно було нызьке й похмуре: йшлося вже до осены,—темни хмары, ажъ чорнуватi, снувалы по небу; перепадалы части дощи. Пройшлы верстовъ зъ пьятьдесятъ чы зъ шистьдесятъ лисомъ—ни хатынкы, ни людынкы?..

— Де жъ тутъ хуторы, села, городы? Хиба тутъ и людей немае?..—толкуются сами мижъ собою.

— Та тутъ лыбонь одынъ тилькы городъ Москва и йе, та й той ажъ на самому краи Московщыны,—одказавъ хтось.

Уси похмурилы, зажурылыся: йшлы мовчкы, повисывшы головы. Пройшлы ще верстовъ зъ десять або й бильше: выйшлы

на узлисся. Зъ пидъ тесовои стрихы якоись чорнои будивли показався дымокъ... Очи напрямылысь на ёго.

— Що то? Кузни?—пыта Максымъ.

— Село!—одказавъ ёму старшый москаль, що вивъ ихъ.

— То це кузни у царыни?

— Нѣтъ, то—избы?

— Що то за избы?

— Хаты, по твоему, хахолъ!

Максымъ зареготався...

— Побый васъ лыха годына, бисови люде, зъ вашымы хатамы!—каже винъ, регочучысь, до своихъ.—У насъ кузни чыстищи, нижъ у ихъ хаты. А ще выхваляются своею стороною?! Ну, вже й сторона!.. Не прыводь, Господы, бачыты николы такои другои!

Увійшлы въ село, або краще въ одну довжелезну вулыцю, котра й була циле село. Ажъ дывно! Однымъ одна вулыця, парканамы одгорожена зъ одного й зъ другого боку; а на вулыцю выглядалы безъ виконъ хаты—чорни, якъ коморы, закурени дымомъ. Де-де забованилы й люде—въ лычакахъ, у довгополыхъ балахонахъ, зъ бородамы.

— То це кацапы!—скрыкнувъ Максымъ, почувшы ихъ мову.

— Та кацапы жъ. Оце й йе тоби справжня кацапщына!—одказувалы други, и соби дывуючысь на іи прохвалену красу.

Отъ, розвелы ихъ по кватыряхъ. Максымъ—ажъ сплёвувавъ. Тараканы, прусакы, стоногы—снувалы скризь по столахъ, та було ихъ и въ страви, и въ кваси. У хати—невыметено; смитныкъ по колина; несло одъ нёго чымъ-сь смердючымъ; пидъ сволокомъ, де на ёго сторони зайви горшкы ховають,—тутъ булы замисть лижка лавы. Свитылы въ хати не смальцемъ або оліею, а якымысь тонкымы лучынамы. Дымъ зъ печи валывъ прямо въ хату,—бо хата безъ дымаря;—давывъ у горли, ризавъ очи. Максымъ не полизъ на «палати»; страшно ёму було прылягты и въ тій багнюци, що на доливци.—Винъ за цилу ничъ не прылягавъ: зъ хаты ходывъ на двиръ, зъ надвору—въ хату; смоктавъ люльку (бо хазяинъ

прохавъ, щобъ не курывъ у хати), та лаявъ кацапивъ й кацапщыну. Тутъ винъ уперше побачывъ, якый кацапъ у себе дома.

— Черезъ те жъ воны, бисови ведмеди, и йдуть до насъ хлиба заробляты, що имъ тутъ не медяно середъ оцихъ боривъ та пущъ сосновыхъ!—думавъ винъ.

Ранкомъ знову погналы ихъ дали.

Чымъ дали йшлы, тымъ не краще, а гирше. Помыналы воны ще такыхъ же селъ, може, зъ десятокъ; мынулы й городъ одынъ. Церковъ билило ажъ шисть, чы симъ, а то все чорнило сиро-чорнымъ цвитомъ. За городомъ тилькы якась хвабрыка мурила, бо до цеглы не такъ дымъ прыстававъ, а, може, ще була недавно вымурована. Засумувалы наши некрутыкы! А до того попидбывалыся такъ, що молылы Бога, колы бъ уже швыдче доставытысь на мисце,—хай воно вдесятеро буде гирше того, що бачылы:—абы спочыты. Ишлы вже два тыжни й два дни.

Ажъ ось, пройшовшы ще днивъ зъ пьять, сказано имъ, що вже не далеко те мисце, куды ихъ гналы. Лисы, що-дали, все ридчалы та ридчалы; почалося нывья—не нывья, а такъ, поле зъ пенькамы (выдно, не дуже давно и тамъ лисъ бувъ); а здалека заманячыло имъ щось высоке—то тамъ, то тамъ... Пидійшлы блыжче—побачылы верховыны церковъ, и зъ золотымы банямы, й зъ блакитнымы, а найчастище—по зеленому полю золоти зирочкы. «Ще трохы—витеръ доносывъ до ныхъ заводы дзвонивъ, гвалтъ, крыкъ. Серце въ кожного радисно забылося. Ось-ось такы спочынуть!

Велыке мисце зъ своимы церквамы высокымы, зъ своимы палацамы довгымы та шырокымы, зъ камьянымы крамныцямы, роскынулось на невелычкимъ згирку. Внызу, посередъ города, текла ричка—шырока й глыбока; багато по ній снувало барокъ, плотивъ, пароходивъ; коло ричкы й на вулыцяхъ—гармыдеръ, крыкъ, тиснота, якъ на ярмарку. Багатство миське некрутивъ здывувало. Тамъ—цила вулыця камяныхъ крамныць, де выдымоневыдымо понапыхано всякого краму. У крымныцяхъ, за прылавкамы, сыдилы бородати кацапы—купци й заклыкалы прохожыхъ, разомъ выкрыкуючы, яки въ ныхъ товары. Отъ—базары

зъ усякымы найидками, напытками. «Отъ бы це въ Пискы перенесты»!—не втерпивъ Максымъ. А це—величезни хоромы зъ такымы викнамы, що всёго тебе зъ нигъ до головы выдно, якъ у дзеркали. Улыци широки, ривни, каменемъ убыти.

— Бачъ, бисови кацапы!—подумавъ Максымъ; яки въ себе городы позаводылы, а села бильше на загороды схожи, нижъ на людське жытво?! Все, що було на селахъ найкращого, мабуть, постягалы сюды.

Прывелы ихъ до камьяныци—довгои-довгои, облупанои, чорнои. Построилы въ лаву передъ камьяныцею. А зъ неи повыходыло панства-панства—и въ палетахъ, и безъ палетивъ. Ходыло те панство помижъ ихъ рядамы, обдывлялося.

— А й да маладецъ какой!—промовывъ одынъ до Максыма.

— Соби такый вдався!—одрубавъ Максымъ.

Уси зареготалыся. Панокъ гризно глянувъ на Максыма й пишовъ дали.

— Въ казармы!—хтось гукнувъ зпереду.

Повелы ихъ у казармы.

Хаты булы велыки, простори, тилькы темни та чорни, по стинахъ цвила плиснявка; потёкы збигалы до долу. Посередъ хаты стоялы довги столы въ тры ряды: то нары, для спання. На доливци—сміття по бокы. У хати стоявъ мовъ чадъ; смердило, якъ зъ помыйныци.

— Тутъ, выдно, чорты жылы, а не люде!—промовывъ Максымъ, увійшовшы. Уси сумувалы, журылыся, повкладавшысь спаты на довгыхъ столахъ. Одъ натомы ни рукъ, ни нигъ не чулы, а спаты—довго не спалы. Усе имъ здавалося, що це воны въ тюрьми, въ неволи. Що, якъ-бы побачылы родычи, де воны ночують? Мабуть бы одцуралыся на викы. Булы таки, що плакалы, згадавшы про домивку. Не легко було й Максымови; одже винъ не плакавъ, а насмихався надъ усимъ:... и надъ кацапамы, и надъ своимы, и надъ собою.

Йе таки люде, що найважчу тугу вылывають смихомъ, жартамы. Про ныхъ завжде кажуть, що воны николы горя не зна-

ють; зовуть ихъ за те щаслывымы. Отакымъ щаслывымъ и Максымъ удався.

Ранкомъ вывелы ихъ зъ казармы на двиръ; розставылы лавамы; выщый зъ выщымъ, ныжчый зъ ныжчымъ. Знову ихъ обдывлялыся, розставлялы, переставлялы, якъ було треба, наказуючы, щобъ не забувалы хто биля кого стоить. Попорядкувавшы, одпустылы ихъ передыхнуты, бо завтра вже на учення.

Замисть передышкы, некруты одпрохалыся въ старшыхъ москаливъ—городъ подывытыся. Ти одпустылы. Проблукалы наши новобранци цилисенькый день по городу; набродылыся и надывылыся до утомы,—такъ що, вернувшысь, заразъ же полягалы спаты, та й поснулы, якъ побыти. Нови дыва, котри воны бачылы въ ґороди, прогналы вчорашню думку про домивку.

Тилькы що стало на свитъ благословлятыся, затуркотивъ барабанъ, пиднялася шатанына. Коженъ схоплювався зъ постели; на швыдку вмывався; натягавъ одежынку й выходывъ на шыроке дворыще—заразъ же за казармою. На «плацу» розставылы ихъ невелычкымы купкамы, прыставылы до кожнои по старшому,—та й давай учыты: якъ ходыты, стояты, якъ рукы держаты, колы й що казаты. Неслухняныхъ былы, а все такы вчылы: учылы, щобъ быты, былы, щобъ учыты. Такъ день у день, день у день. «И на що жъ це воно? кому вона здалася оця муштра?... для чого?»—думалы воны, вертаючысь зъ учення. Здавалася вона имъ гирше каторжнои роботы.

Одже Максымови було все це за играшку. Скоро винъ вывчывся добре «носкы» вытягуваты, маршыруваты, стрыбаты, по московській выкрыкуваты. Такъ мовъ старый москаль! Стари москали дывувалыся ёго дотепности, та выхвалювалы передъ молодчымы некрутамы.

Трохы згодомъ напьялы на ёго мундырь, мунацію—ранець, каску, прытупею,—далы шенелю и рушныцю. Якъ убрався Максымъ,—москаль москалемъ. Ридна бъ маты не пизнала! Меткый, поворотній, — на вси бокы москаль! Вранци рано пиде на учення; промуштрують ихъ—геть уже сонечко пидобьется. Ведуть снидаты каши зъ саломъ; а того сала—й духу нема. Пе-

репочынуть трохы,—знову на збиръ: обидаты. Пообидають. Сонце вже повернуло зъ полудня. Барабанъ туркоче,—знову на учення. Муштруются вже ажъ до пизнёго вечора. Мынають мисяци, рикъ. Одно та й одно.

— А, бый тебе сыла Божа!—думае Максымъ. Хочъ-бы вже повелы куды инде... або ворогъ вырескався! А то—муштра, та й муштра! Та хочъ бы ризна; а то: якъ сёгодня, такъ и завтра, й позавтрёму. Вытягай ногу, крычы: «разъ!... два!»... Скыдай ружжо на плече; скыдай зъ плеча; прыциляйся разивъ сто на день... а хочъ бы тоби разъ сказалы выстрелыты!... Я думавъ: що въ тыхъ москаляхъ? ажъ воно—одна тоби муштра... на ученни и на смотру, и на паради пидъ церквою. Уже такъ затвердывъ,—якъ свои пьять пальцивъ. Ну, муштруйся! Доведется одъ нудьгы пропасты

Отъ, и давай Максымъ свою нудьгу розгоныты: ставъ горилку, якъ воду, дудлыты. Москали пидхвалювалы его за те, що «чысто» пье; иноди й у шынокъ водылы,—бо въ самого Максыма не було й шеляга за душею. Ти гроши, що маты передала, давно пропывъ.

Разъ побывся Максымъ на-взакладъ, що выпье кварту и не буде пьяный. Закладъ на пьять карбованцивъ. Товарыши розънялы рукы. Далы кварту горилкы. Максымъ якъ прыложывъ до губивъ,—тилькы на тры ковткы й стало. И хочъ-бы скрывывся, поморщывся! Тилькы, мовъ, очи заблыщалы, та повеселишавъ трохы. Супротывныкъ выйнявъ пьять карбованцивъ,—дае ёму.

— На биса мени гроши крыкнувъ Максымъ.—Катай, братця, на вси!!

Пропылы ти пьять карбованцивъ, попылыся пьяни, якъ земля,—на сылу рачкы до казармы попрылазылы. А тутъ—якъ на те—була перевирка. Не доличылыся щось пьяты чы що. Выходять ранкомъ на двиръ,—ажъ воны рачкують по дворыщу. Забралы ихъ, позачынялы въ темну. Сумують воны.

— Не сумуйте, братця!—утишае Максымъ.—Симъ бидъ—одынъ одвитъ! Я васъ вызволю.

— Якъ же ты насъ вызволышъ?

— А такъ: кажить, що я напоивъ.

— Ну, то що?

— Ну, то й ничого. Тамъ уже мое дило.

Колы це—клычуть ихъ до ротного. Ротный такъ и накынувся на ныхъ звиромъ. Стоять москали, та одно твердять: «вынувати»! «вынувати»! А Максымъ стоявъ-стоявъ, слухавъ-слухавъ, та й выступывъ уперед. Его ротный уподобавъ за моторнисть.

— Я, каже винъ, усёму выною, ваше б—родіе! Я ихъ напоивъ. Отъ, уже скилькы тутъ, а не зибрався подякуваты имъ за науку. А це—выбравъ ничку, та й то не гараздъ. Бийте мене, ваше б—родіе, скилькы хочете: я всёму выною. Не наказуйте тилькы моихъ товарышивъ, учытеливъ!

Це ротному сподобалось. Помнякшавъ зразу, ще полаявъ, побатькувавъ трохы, та й прогнавъ: «Не смѣть мнѣ! другой разъ... засѣку!»

Выйшлы одъ ротного, сміются; дякують Максымови, що, колы бъ не винъ, дуже бъ солоно прыйшлося.

Писля того, Максымъ ставъ душею москаливъ. Моторный, смилывый, винъ скризь дававъ усёму прывидъ; оступався за товарышивъ, колы ти де на гулянкахъ заводылы сварку; говиркый—винъ завжде выбрихувався передъ начальствомъ, якъ де попадалось товарыство. Бувшы на всёму казенному, не маючы велыкои недостачи въ одежи,—винъ не жалувавъ ничого свого. Лучалося що-небудь роздобуты,—все те йшло на гуртъ, на товарыськи пропои.

Товарыши души въ ёму не чулы. Колы лучалося ёму яке лыхо,—воны завжде гуртомъ ёго выручалы. Чы згубыть бува люльку въ сварци, а грошей на нову катъ-ма,—воны складалыся по шагу тамъ, чы по копійци—и купувалы; чы порвалося що зъ одежи, пры бійци, до останку,—воны ёму выслужену й залежану въ якого бережлывого бралы й давалы. Повага й шаноба Максымови!

Прывыкъ Максымъ до такого жыття. Ни, думавъ винъ: Московщына далеко краща, нижъ ридна сторона! Що тамъ? степъ та й степъ, плугы, та бороны, та витеръ по степу; а люде—коженъ самъ соби. А тутъ,—чого душа забажала, все йе; а товарыши—браты ридни: за нымы, якъ у Бога за дверыма—и поможуть, й выручать... зъ нымы краще, нижъ зъ батькомъ та матирью»!

Максымъ, якъ тамъ кажуть, и горенько покотывъ! Одно тилькы його мучыло, одно здавалося гирше печеной редькы, становылося руба въ горли. Це—жыття въ казарми вонючій та вонюча йижа. Хлибъ той—чорнишый земли, зъ остюкамы,—та ще до того, якъ згадае Максымъ, глядючы на його, що винъ у шаплыку ногамы мишаный,—то ажъ занудыть. Капуста—до носа не прыводь, каша—зъ рота верне.

— За все у васъ добре, хвалытся Максымъ кацапамъ-товарышамъ,—одно погано: йисты ничого.

— Пидожды!—одказують,—диждемо недили—будемо прохатысь на «пракармленіе». Колы бъ тилькы намъ хвидхвебеля задобрыты, а то бъ—усе було гараздъ!

— Куды на прокормленіе?—пыта Максымъ.

— Да по міру прайтись. Авось атыщится добрый челаекъ, дастъ свои заплаты солдатскія дыры заплатать!

Максымови стало ніяково. Одначе винъ на те ничого не одказавъ.

Диждалы недили. Тилькы що почало на свитъ благословлятыся,—прыбигають товарыши.

— Братъ! а братъ!—будять.

— Ну?

— Вставай, падёмъ къ ротному.

— Чого?

— Какъ чаво? развѣ забылъ?

Максымъ уставъ. За нымъ прокынулысь де-яки други; почалась товарыська розмова.

— Ну, что фельдфебель?—пыта одынъ.

— Собака!

— Какъ?

— Да такъ, двадцать пять содралъ! Звѣрь, братъ, настоящій звѣрь! Гаваритъ: кали дадите, братцы, четвертную,—скажу ротному; а не дадите,—не смѣй и рта разинуть...

— Старава, братъ, воробья на мякинѣ не изловишь! Онъ, братцы, знаетъ досканальна всю ефту механику,—выяснявъ одынъ зъ наръ, посмоктуючы люльку и сплёвуючы на стелю.

— Да вѣдь пайми ты, Митричъ: такъ вѣдь безбожно драть! Ето вѣдь съ сваво брата, а не съ чужова.

Пади... Станетъ онъ разбирать: гдѣ свой, гдѣ чужой... Ему—дай!

— Ну, и не звѣрь ли?.. Звѣрь и есть.

Отакъ розмовлялы москали, покы Максымъ умывся, убрався. Пишлы воны въ трёхъ до хвидхвебеля. Той заразъ же повивъ ихъ до ротного.

— Ну, што, Федосеичъ?—пыта ротный. Всё благополучно?

— Всё, ваше б-родіе? Толька адно худо...

— Што?

— Ребятамъ, ваше б-родіе, худо...

— Чѣмъ?

— Ѣсть нечево, ваше б-родіе. Просятся на пракармленіе!

— Куда?.. зачѣмъ?—скрыкнувъ ротный.—Я имъ дамъ пракармленіе!

— Ѣсть нечево, ваше б-родіе,—одно ёму хвидхвебель.—Гаварятъ: пампрёмъ съ голоду...

— Што ты врёшь, старый хрѣнъ? Какъ ѣсть нечево?.. Вѣрно ужъ успѣлъ содрать?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше б-родіе! Гаварятъ: четвертую часть за позволеніе!

Ротный замовкъ; крутывъ вуса.

— Кто идётъ?—спытавъ, помовчавшы трохы.

— Да вотъ: Ивановъ, Евпраксеевъ, да хахолъ—Максимъ.— Поди сюда, ребята!—гукнувъ винъ кризь двери въ сины!

Ребята увійшлы въ хату, сталы, вытяглыся въ струночку,—якъ верствы на шляху.

Ротный заразъ до Максыма (любывъ такы «хохлыка»).

— Што, братъ, Максимъ--худа жить?

— Худо, ваше благородіе: йисты ничого!..

— На пракармленіе хатите?

— Точно такъ, ваше б-родіе,—забелькоталы разомъ москали.

— Развѣ пазволить, Федосеичъ?.. пытае ротный, скоса поглядаючы на хвидхвебеля.—Пазволить легко... Ну, а какъ попадётесь?

— Никакъ нѣть, ваше б-родіе,--знову забелькоталы вси въ одынъ голосъ.

Ротный подумавъ ще.

— Ну, пазваляю... Только сматрите: попадётесь,—засѣку! Слышь?..

— Слушаемъ, ваше б-родіе!

— Ну, съ Богомъ, братцы, маршъ!

— Благадаримъ пакорно, ваше б-родіе!—выкрыкнулы москали на прощання, и выйшлы за двери.

Скоро вся рота заворушылася. Оступылы кругомъ заробитчанъ; роспытують, куды идуть, одни раять—въ одно мисце, други—въ друге. Гудуть, мовъ бджолы въ улику... А заробитчане ради таки! Думка: хочъ тыждень у смакъ пожывлятся: попойидять мняса, а не гнылу капусту та хлибъ зъ остюкамы; побудуть на воли, а че въ казарми вонючій.

— Не худо бы, братцы,—каже хтось,—пійты по купцамъ съ образкамы.

— А што?... Право, братцы, не худо!—промовылы заробитчане.

Побалакалы отакъ, порадылысь, зибралысь,—пишлы. Надъ вечиръ зъ пивсотни рубливъ несуть! Рота радіе, юртуется... Прысудылы заразъ виддаты двадцять пьять Федосеичу, а останни—виддалы до схову старому унтерови.

Швыдко заробитчане знову пишлы, а рота, сподиваючысь на добру пожыву, загуляла. У кого зосталася яка копійка про чорный день,—той и ту вытрушувавъ. Зложылысь гуртомъ, купылы горилкы; набражылысь, якъ квачи;—спивають, лаются, згадують тогоришни прыгоды, свои заробиткы, утраты... Горилка

порозвьязувала языкы. Той журытся въ голосъ за своимы: якъ тамъ жинка, диты? Той розсказуе про зрадлыву дивчыну,—якъ винъ іи пацёркы обирвавъ; той хвалытся коханнямъ своеи... Коженъ—своимъ!

Сонце вже спускалося, якъ выйшлы заробитчане зъ города въ чысте поле. Пройшлы верстовъ зъ пьять... Передъ нымы сосновый биръ стоявъ, якъ чорна стина, за нымы мисто гвалтувало,—невгавучый крыкъ та гоминъ доносывся до ныхъ... Заробитчане все ийшлы, та ийшлы... Уже й захидъ сонця ставъ жовтиты та блидниты, ничъ насовувала на землю; ясни зори выблыскувалы въ темному неби; морозъ дужчавъ; дорога рыпила пидъ ступнямы...

Заробитчане йшлы мовчкы. Не доходячы до лису, почулы воны жалибный скрыпъ полозкивъ объ мерзлу дорогу; важку ступню кинську и цмокання людського голосу; незабаромъ показалыся й сани, повно навантажени. Зверху сыдивъ здоровенный чоловикъ, у бороди, зодягненый по кацапському.

— Стой!—крыкнувъ одынъ зъ москаливъ.—Ивановъ перебигъ шляхъ и вхопывъ коня за удыла. Кинь ставъ.

У Максыма морозъ побигъ по-за спыною... «Що жъ це воно буде?»—думавъ винъ,—та й одійшовъ у бикъ, подывытыся. Другый москаль, Евпраксеевъ, пидступывъ до купця.

— Здарово, купецъ! А што, братъ, за товаръ везёшъ?

— А ты—што? Што ты, што я тебѣ стану отвѣтъ давать?.. Пади прочь!.. Та и устае зъ саней.

Глаза имѣешь,—самъ видишь!—одказавъ Евпраксеевъ.

— Да вижу, что солдатъ... Но чаво тебѣ нужна?

— А вотъ чево, купецъ: вотъ ты товаръ везёшъ; а у тебя ево и безъ ефтава многа...

— Ну-у?

— Да ты лошадь понукай, а не меня!.. Такъ вотъ видишь-ли: у тебя товару многа, а у салдата ничево... у салдата,—самъ знаешъ,—и душа казённая... Пажертвуй, што твоя милость, на солдатское житье-бытье!

— А ты откелева—такой?

— Да ужъ откелева—не тебе знать... Мы просимъ... Дашь,—за тваё здаровье выпьетъ братъ-салдатъ, а не дашь,—не надо, праваливай!

— Праваливай? Ишь ты какой вострый! А ты бы такъ и сказалъ, а то вишь, лошадь астанавливаетъ, словно воръ какой...

— Да вѣдь тебя, барада, не астанави,—обизвався спередъ коня Ивановъ,—ты нашево брата и слушать не станешь, вотъ что!

— Дашь?—спрашиваю,—прыстававъ Евпраксеевъ.

— Во—на!—одмовывъ купець, показуючы кулака.

— Ну, Богъ съ табой! Пусти ево, братъ,—промовывъ до Иванова Евпраксеевъ.

Той пустывъ коня. Пидійшовъ до ныхъ и Максымъ, та разомъ и потяглы лисомъ.

Купець пыльно дывывся въ слидъ имъ и щось думавъ. А це якъ скрыкне!

— Е-ей, ты? слышь?.. какъ тебя?..

— А што?—пытае Евпраксеевъ, повернувшысь до купця.

— Вазвратись!

— Да чаво? поѣзжай себѣ!

— Вазвратись, гаварю!

Москали гуртомъ вернулыся.

— Вотъ вамъ, братцы, красненькая, вспамяните раба Божія Парамонта,—промовывъ купець, подаючы до рукъ десятырублёву бумажку.

— Спасибо, купецъ. Не забудемъ, Парамонта, гаваришь?

— Парамонта, братцы! Парамонта!

— Ну, пращай. Счастливаго пути!

— Пращайте, братцы. А далече идёте?

— Да на сёла.

— На пабывку?

— На пабывку.

— Памаги вамъ Богъ!

— Спасиба. Пращай, батюшка!

Розійшлыся. Купець пойихавъ у городъ; москали пишлы дали шляхомъ.

Максымъ дывувався. «Узявъ бы ты въ нашій сторони!—думавъ винъ.—Мабуть бы, чорта спикъ»...

— А добрый, братця, купець,—обернувся винъ зъ словомъ до товарышивъ.

— Што, братъ!.. Купецъ, братъ—свой челаекъ. Онъ самъ знаетъ нужду солдатскую,—всегда пособитъ... Во—баринъ, братъ! О, то вострый шельма! У таво просьбой не вазьмёшь: духъ развѣ вышиби, ну, тогда такъ.

Отакъ, розмовляючы мижъ собою, ишлы заробитчане боромъ. Уже до пивночи добиралося, якъ воны входылы въ село, та прямо до шынку. Тамъ ще свитылося. Чутно було:—пьяными голосамы тоненько бородачи выводылы «лучынушку».

Заробитчане ввійшлы въ шынокъ: поскыдалы зъ плечей клункы, посидалы въ рядъ на лави.

— А дай-ка, хазяинъ, три касушки служиламу брату, ево косточки разагрѣть!—промовывъ Ивановъ до шынкаря.

— А на што я дамъ?

— Какъ на што?

— А на то: деньги есть?

— На што те деньги? Развѣ ты съ міру не надралъ? Небось—никаво въ кабакѣ не было!

— Ну, дакъ што?.. были... спасиба, заходятъ добрые люди!

— А то: ани вотъ и внесли сваю капеечку на салдатскую долю,—обизвався Евпраксеевъ.

— Какъ бы не такъ? Держи карманъ!

— Да ужъ вѣрна.

— Да, вѣрна. Только вотъ теперъ народъ что-то забаловался: водки мало пьётъ.

— Ну, неври!

— Какъ же? Стану те врать.

— Ну-у! давай, полна те!

— Да што ты? Давай деньги,—вотъ те и сказъ; у меня, вишь, водка не своя—купленая.

— А мнѣ то што за дѣло, что купленая. Ты съ миру надерёшь. А салдату гдѣ взять? Ты знаешь: салдатъ—казенный челаекъ.

— Филипичъ! а, Филипичъ!--крычыть на шынкаря одынъ зъ пьяныхъ кацапивъ:—дай ужь имъ, право-дѣло,—дай! Люблю салдата. Салдатъ, братъ, казённый челаекъ. Не ровенъ часъ, завтра всѣ пайдёмъ. Вонъ, сказываютъ Турка шельма царя батюшки не слушаетъ. Дай!

— А ты што ли мнѣ заплотишь?

— Будетъ,—заплачу. Дай!

— Какъ же? Съ тебя твоихъ не выдерешь, а ты еще и за другихъ!

— Да што ты—не вѣришь на слово доброму челаеку? барада ты казлиная!—крыкнувъ Евпраксіевъ и сунувся до бороды.

— Да ты барады не тронь!—одказавъ, одпыхаючы ёго руку, шынкарь. Самъ бы насилъ, да небось сбрили.

— Сталъ бы я твоимъ казлинымъ атродьемъ сваё благородное лицо марать?!

— Да ты то што такое?

— Развѣ не видишь? мираѣдъ ты етакой! Развѣ не видишь, кто я?

— Да видно, что салдатъ. Ну, а што?

— Какъ, ну? Ты знаешь, что такое салдатъ? Салдатъ за тебя, дурака, грудь сваю подъ непріятельскія пули подставляетъ, крофь свою праливаетъ. Вотъ што—салдатъ!—Таки слова розжалобылы всю пьяну бесиду.

— Терёха? а, Терёха! А правду, вѣдь, салдатъ гаваритъ У-ухъ! какую правду. Салдатъ—ето, братъ,—бѣда! Салдатъ—ето, братъ, казённый челаекъ, слуга царскій. Ето не то, что мы съ табой! Онъ, братъ, свою грудь подъ непріятельскія пули подставляетъ, кровь за насъ проливаетъ!

Терёха, якъ выдно, лызнувъ уже и геть то, бо посоловилымы очыма мутно тилькы дывывся на свого товарыша, хытаючы зъ боку на бикъ головою, а слова не здужавъ вымовыты.

Други кацапы й соби пиднялы голосъ за москаливъ: давай шынкаря лаяты, ганьбыты; страхалы, що бильше въ ёго й чаркы не выпьють. Шынкарь стоявъ за стойкою, мовъ не до ёго ричъ,— тилькы почервонивъ, та знай оддувався, та гладывъ рукою свою шыроку та густу бороду.

— Да што, братцы, на ево сматрѣть?—крыкнувъ Евпраксіевъ до пьяныць.—Тащи, кали такъ, цѣлое ведро!—Та й кынувся за перегородку до бочкы.

— Толька тронь, убью!—зарычавъ сципывшы зубы шынкарь,— и вхопывъ здоровенный обрубокъ у рукы, замахнувся. Пьяныци пидскочылы, выхопылы зъ рукъ обрубокъ.

— Дакъ ты ещо на жизнь маю посягаешь, барада ты казлиная?!—закрычавъ Евпраксеевъ, уплутавшы пьятерню въ шынкарську бороду. Шынкарь у крыкъ.

— Вали, братцы, ево! вали! Вотъ я ему задамъ салдатскихъ тесаковъ, чтобы онъ зналъ мираѣдъ едакой, какъ васъ, братцы, абдирать, да какъ съ салдатомъ абходиться! Вали! Кацапы разомъ кынулысь. Та й шынкарь, выдно, пры сыли бувъ, бо тилькы струхнувся,—такъ уси и одскочылы, якъ груши. Шынкарь кынувся на москаля, збывъ зъ нигъ и насивъ, якъ шулика курча.

Жаль пронявъ Максыма, якъ винъ побачывъ, що свого бьють.

Однымъ замахомъ кулака повалывъ винъ шынкаря на землю, взявшы мижъ ногы ёго голову. Тымъ часомъ пидскочывъ другый москаль—и давай почыщаты тесакомъ. Шынкарь не крычавъ, не пручався, а тилькы стогнавъ.—Попобывшы добре, пустылы. Шынкарь плакавъ, лаявся.

— А что—теперь дашь по касушкѣ?—пыта знову москаль.

— Бери, пусть те удавитъ!—кризь слёзы промовывъ шынкарь и пишовъ соби въ другу хату.

Пьяныци сміялыся. Москали выпылы по косушци, зайилы хлибомъ.

— Ну, теперъ намъ не время. Нада на работу поспѣшать. Прощайте чесная кампанія! Прощай и ты, дядя. Не сердись, да вперёдъ умнѣе будь!—промовылы москали до шынкаря, покло-

нылыся чесній компаніи—и выйшлы зъ хаты. За ными де-яки зъ пьяныць. Одного москали завербувалы зъ собою и потяглы на ничъ до ёго, роспытуючы, хто тутъ на сели багатырь и якъ хто поводытся зъ людьмы. На ранокъ, чутно, то того, то другого обикрадено. Шынкарь, чухаючысь, и свою прыгоду розсказавъ. Поклыкалы старосту, кынулысь за москалямы, та ихъ уже й слидъ замело! У другому сели спродувалы те, що добулы въ сёму.

Прошвендялы заробитчане цилый тыждень. Вернулыся въ городъ, несучы зъ собою чымалу сылу грошей. Що слидъ, оддалы ротному, а на останни загулялы. Таки походы хоча спершу и будылы якось сумъ и острахъ у души Максымовій неправдою, крадижкою, рабункомъ, а не чеснымъ заробиткомъ, але-жъ пры такому товарыстви, пры гульни та выхвалкахъ одного передъ другымъ своею сылою, своею вдатнистью, стыралы ту чорну думку. Максымъ швыдко забувъ про неи. Усе жъ такы для ёго непосыдячои натуры се була робота, зъ котрои одному выходыла корысть, другому—шкода. Не те, що нудна що денна муштра, котра—якъ думавъ Максымъ—никого ни знобыть, ни гріе. И винъ цилкомъ оддався тій роботи. Ни одынъ случай не обходывся безъ ёго. Тутъ винъ выказувавъ свою сылу и свій розумъ. Иноди и геть-то круто прыйшлося бъ, якъ бы не винъ.

За те ёго ривни любылы, якъ товарыша, котрый, никому не попустыть свого брата въ образу; старши любылы, якъ добру дійну корову, а начальство любыло, якъ на все здатного, моторного москаля, котрого не встыдъ послаты въ ордынарци и на смотръ, передъ ще выщымъ начальствомъ показаты. Незабаромъ Максыма зробылы униеръ-офицеромъ.

VI.

Максымъ-старшымъ.

Що можна ляли, того не можна мами. Що можна простому москалеви, того,—бороны Боже,—старшому. Теперь Максымови

не можна вже ни гуляты, якъ колысь, бо начальство старшыхъ частише бачыть; ни на «прокормленіе» попрохатысь, бо старшыхъ не пускалы. Старши держалы себе геть-далеко одъ простыхъ москаливъ, щобъ ти не зазнавалыся; докорялы ихъ за всяки провыны; былы, нехтувалы. За те ихъ прости москали ненавыдилы. Не жылы старши въ мыру и мижъ собою: кожному бажалося выскочыты передъ начальствомъ, показаты себе за найкращого. Черезъ це коженъ на кожного клепавъ, наговорювавъ, всякъ пидставлявъ ногу другому. Не стало братерства, не стало товарыства—и коженъ думавъ тилькы про себе, норовывъ тилькы для себе,—абы самому добре!

Перевернуло старшынування й Максыма. Спершу винъ бувъ запышався, почавъ гордуваты ныжчымы себе, а найбильше—своимы землякамы; ставъ ихъ ганыты, а часомъ и по зубахъ даваты, щобъ похнюпый «хахолъ» державъ ривнише голову; иноди по руци або по нози тесакомъ увирве, що не такъ ружжомъ кыдае, не такъ носкы вытягае. Учни терпилы. Хочъ у души й проклыналы Максыма, а про те—слухалы,—духу его боялыся. На те служба!

Отже ни похвальба старшыхъ, ни покора ныжчыхъ не вдовольнялы Максыма. Стало ёму те старшынування гирчійшъ полыню, ни съ кымъ души одвесты; ни до кого по братерськи забалакаты: ни на чому свои сылы показаты. А вона такъ и рвется на волю... та воли ни въ чому не було!

Наткнувся якось разъ Максымъ на граматку. Накынувся винъ на неи, якъ на свого ворога; прыгорнувся, якъ до матинкы,—почавъ учытысь. Нудно й трудно було заучуваты азы та букы. Та що жъ робыты?—учывъ. Якъ пройшовъ усю азбуку,—ажъ повеселивъ: дило пишло спирнише. Винъ бачывъ, якъ зъ литеръ складалыся слова; и дывувався дуже. Почавъ уже чытаты! И тутъ бида! Ниде ни запопаде такои кныжкы, щобъ по души прыпала. Перечытавъ винъ псалтыръ, часловець, перечытавъ жытіе якогось святого. Разъ—уторопавъ тилько черезъ девьяте-пьяте, а въ други—таки кныжкы его не вдовольнылы. Молода душа, гаряче серце, выкохани на жывыхъ гризныхъ дидовыхъ перека-

захъ про Сичъ, про бои, про чвары, прохалы такого жъ палкого жывого слова про таки сами бои та чвары, а не чернечого смыреномудрія. Максымъ ёго не розумивъ—и куды зъ бильшою охотою слухавъ иноди побрехеньку якого-небудь сидоусого москаля про походы зъ «свитлишымъ князем Суворовымъ», або про давни московськи выходеньки! Надокучыла ёму й граматка, якъ никчемна ричъ. Ему хотилося гуляты, бытыся, рубатыся. Якъ на те жъ: кругомъ було тыхо, ниде ни що ни шерхне.

Що ёго робыты? Прыходылося смырытысь зъ своею долею, зъ такымъ нуднымъ жыттямъ. Максымъ помырывся, почавъ тилькы про одного себе думаты, за одного й для одного себе дбаты. Якъ грамотный, винъ усихъ ривныхъ пидвертавъ пидъ себе,—першымъ личывся въ начальства. А зъ простымы москалямы недобре поводывся: не тилькы зобижавъ ихъ, якъ други, а также, якъ и вси старши, почавъ обризуваты та обкраюваты ти злыденни московськи достачи, яки давалыся. А щобъ чымъ-небудь хочъ трохы одводыты душу, обзавився якоюсь повійныцею, та й гулявъ иноди зъ нею.

Ишовъ 1848 рикъ. Заворушылысь итальянци, храицузы; за ними пиднялысь нимци. Обхопывъ вильнолюбывый духъ чехивъ, цесарцивъ зъ ляхамы. Скризь червонила пожежа вольного духу. Покы жъ те зарево було здалека выдно,—силькись! Ажъ—ось палае огонь у сусида на самій границы, не дай Боже, вихоть перекыне й на нашу сторону! Що тоди? «До зброи! до зброи!» загукалы наши. «До зброи,—бороныты Цисаря одъ ёго бунтовлывыхъ пидданныхъ!» Узброилысь наши и—погналы полкы за полкамы обороняты австріяка одъ венгра,—гасыты пожежу, котра то тамъ, то тамъ прокыдалася по Цисарщыни. Пишовъ и Максымъ, повивъ свого звода. Тутъ ёму вперше довелося побачыты боёву смерть своимы очыма. Разъ, середъ кривавого бою, де крыкъ, гамъ, дымъ, рикы крови, де те, що йшло въ гору, мишалося зъ тымъ, що ховалося въ землю,—Максымови трохы не довелося свою голову зложыты. Напалы на ихъ трёхъ—цилыхъ десять; сиклы, рубалы. Воны не подавалыся. Колы це—де не возьмысь,—пидскочыло зъ заду тры своихъ, якъ рубонуть вен-

герцивъ,—то одынъ тилькы втикъ, а девьять на капусту посиклы Подякувавъ Максымъ незнаёмымъ москалямъ-товарышамъ, що выручылы зъ выдымои смерты, та й знову побигъ рубатыся.

А то вдруге, винъ выручывъ трёхъ москаливъ и знамено. День бувъ палкый-гарячый, а до того соняшного жару пиддавалы ще й гарматы свого—то зъ одного, то зъ другого боку. Наши стоялы на однимъ згирку, а венгеры навпроты, на другимъ. Палылы зъ гарматъ, палылы—ничого не бере! Тоди сказалы нашымъ «батарею взяты»... Пихота кынулась бигомъ. Ворогъ обсыпавъ іи картечнымъ градомъ—отже пихота добигла. Узялы наши батарею, та вже хотилы назадъ вертатыся. Колы—зыркъ! гонъ, може зъ двое, въ бикъ счепылася купка, рубается. А посередъ купкы,—выдно,—знамено: то опускается въ нызъ корогва, то знову пиднимается въ гору. Максымъ стоявъ зъ краю. Якъ побачывъ,—та не дожыдаючысь прыказу, якъ крыкне:—Зводъ, за мною!—Повіявся звидъ за Максымомъ. Пидбигають зъ блызька—ажъ то наши зъ венграмы за знамено ризанину справляють. Якъ кынется Максымъ на ворогивъ. Такъ хиба левъ кыдается на охотныка! Ти бачуть—не перелывкы—та въ-ростичъ. А Максымъ тоди: «Пали!» Москали прыложылыся: бухъ! бухъ! бу-ухъ! Одынъ поточывся, два стовбура стало. Максымъ прицилывся: бухъ!—вергерськый охвыцеръ заоравъ носомъ—и не скрыкнувъ, и не типнувся. Ни душечкы не зоставылы ворогивъ. Тоди до своихъ. Посередъ калюжи свижои крови, лежало чоловика зъ пьять: а обороныли тилькы трёхъ, та знамено. Максымъ глянувъ на жывыхъ—порубани, покарбовани; тоди глянувъ на мертвыхъ, й затрусывся. Посередъ купы лежавъ, объюшеный кровью, той самый чорненькый москаль, що оборонывъ Максыма одъ смерти,—лежавъ, типався, ще жывый. «Ой лышенько»!—промовлявъ недобытокъ: «Ой, ратуйте! Мотре! Хивре! Ой, ратуйте... Простить мене»! И, захарчавшы, замовкъ на викы.

— Хто то?—пытае Максымъ недорубкивъ, що одынъ бувъ безъ вуха, другый безъ пальцивъ, а въ третёго зъ плеча кровъ юшыла.

— Знаменосецъ, хохолъ Хрущовъ,—одказавъ безпалько.

— Ну, пущай ево! Брось, Захаричъ! Панесёмъ знамья,— каже безухый.

— Панесёмъ.

И вси пишлы.—Повивъ й Максымъ назадъ свого звода. Оглянутся—ажъ не мае Федосіевыча, хвидхвебеля. Де винъ? Тамъ, мабуть, де й други... Сказалы ротному; той полковныкови. Не можна пидъ такый гарячый часъ роти безъ хвидхвебеля буты! Кого жъ ёго? Хто бильше зарубавъ, хто кыдався въ саме пекло? А хто жъ, якъ не Максымъ! Винъ й знамено одборонывъ. Буть Максымови хвидхвебелёмъ!—Ставъ винъ хвидхвебелемъ. Незабаромъ ему за знамено Георгія почепылы. А тутъ и війни—шабашъ! Вертаймося до-дому!

Вернулыся.

Бильше старшынування ще дужче гнитыло Максыма. Теперъ уже треба буты кожну годыну готовымъ, сподиватыся, що ось-ось клыкнуть до ротного, або й до полковныка. Треба стерегтыся, щобъ не чутно часомъ горилкы.

Покынувъ Максымъ зовсимъ пыты; розплювався зъ своею дивчыною; ставъ тилькы ще дужче про себе дбаты. Воно й добре. Теперъ зручнише глыбче пьятерню запустыты въ московськи достачы: не зводъ якый тамъ, а цила рота на рукахъ! Зъ мыру по нытци—голому сорочка. Максымъ зарубавъ соби на уми, що це мудрише правыло на свити,—та й ставъ по ёму жыты. Нищо не проходыло мымо ёго рукъ, щобъ винъ не одколупнувъ хочъ трошкы на свою долю; нищо не перепускалось черезъ ёго рукы, щобъ винъ не выгадавъ остачы для себе.

Назбиравъ винъ и грошей, и одежи. Навищо? Самъ не знае, де ёго подиты, куды прыткнуты. Хочъ бы симья, тоди инча ричъ! А то—самъ, якъ палецъ. Симья? подумавъ Максымъ:— добре бъ теперъ дило симью маты: знавъ бы на кого працюю, було бъ кому покынуты. Та й душу бъ можна одвесты.

Часто Максымъ, загадуючысь надъ своимъ бурлацькымъ жыттямъ, отакъ думавъ. Одно лыхо: ніякъ соби пары не знайде.

Кацапкы ему не сподобалысь. Биляви, хочъ иноди й хороши, воны завжде здавалыся Максымови немоторнымы неповоротнымы: сказано—якъ колода—ни прыгорнуты, ни поцилуваты, незугарна! Жалкувавъ винъ теперъ за своимы Марусямы, Горпынамы, Приськами, Малашкамы—часомъ и геть-то чорнымы, та палкымы дивчатамы, котрыхъ винъ за-молоду такъ безжалисно зъ ума зводывъ.

— Проклята сторона! думавъ винъ. Хочъ бы швыдче вырватысь до-дому,—щобъ хочъ пару знайты, а то доведетця тутъ и посывиты!

На его втиху, пара себе довго не заставыла ждаты.

На самому краи того самого городу, де воны жылы казармамы, на велыкому роспутти, куды завжде звозылы гній, нечысть, выкыдалы всяку падаль,—стояла однымъ одна хатка, якъ кажуть, на курячій нижци. Стины попрогнывалы, вывалювалысь,—порохня сыпалася зъ голыхъ колодъ; а по весни текла всяка нечысть—слызотила й пиныла; викна побыти, ганчиркамы позатыкани; верха зовсимъ не було; оселя наполовыну геть—чысто зогныла. Руина, а не хата! Кругомъ пустыръ, гноище. Одынъ Богъ знае, скилькы та хата переховала всякого темного й лыхого люду, що ховався у цій берлози самъ и переховувавъ легкои праци зароблене добро.

Жывъ теперъ у тій хати якыйсь москаль зъ своею невинчаною половыною. Москаль та его половына тилькы й зналы, що лаялысь та былысь, пылы та гулялы, переховувалы всякыхъ блудягъ, переводылы крадижку.

Чы на добро, чы на лыхо, росло въ тій хатци невелычке дивчатко—Явдошка, що найшлася черезъ рикъ писля того, якъ косоока Маланія зійшлася зъ крывоногымъ Терёхою. Росло воно само соби, безъ усякого прызору, безъ турботъ та клопоту батькаматери, немовъ воно було не ихъ дытына. Чы йило воно, чы голодне й холодне, було,—байдуже имъ! Покы жъ Явдошка була малою, то знай голосыла на всю хату, колы хотила, а пидняласся на ногы,—стала по дворахъ ходыты, прохаты Хрыста-рады. Що, рады души спасенія, клалы люде въ протягнену дытячу руку,—все воно несло до себе въ нору. Гроши заразъ же про-

пывалыся, пройидалыся, а одежынка надягалася на старе рамья и носылася безъ переминкы, покы сама не опадала стряпьямъ та гноттямъ.

Швендяння зъ-малу по дворахъ, простягання Хрыста-рады рукы по пидъ виконню,—прывчылы дивчыну не до праци, а до биганыны, до неповагы на чуже добро, часомъ тяжкою працею чесно зароблене. А до того—й прымиръ передъ очима! Дивка що ночи бачыла якыхсь людей, котри прыносылы до батька-матери всяке добро, та оддавалы скрытно до схову. Воно й само прывчалося до того, стало пидниматы все, що тилькы лежало не прыглянене.

Разъ якось, протягаючы одъ хаты до хаты Хрыста-рады руку, помитыла Явдошка въ одному двори на веревци развишани два здоровенныхъ платкы. Не довго думавшы, вона потягла ихъ, сховала пидъ юпочку, та й однесла до-дому. Батько та маты й не спыталы: де вона взяла ихъ, а почалы іи по головци гладыты, зваты «умныцею»—й далы трошкы горилкы выпыты. Явдошци вона подобалась. Пислягнеи стало тепло й весело. Зъ того часу дивчынка не пропускала вже николы такого случаю: черезъ ёго вона прыймала ласку одъ батька-матери, й горилку.

Зъ року па рикъ, пидростаючы та розумнишаючы, робылася Явдошка все хыжише та хыжише; до горилкы прывчылася, якъ до воды. Батько-маты теперъ уже не цуралыся дочкы, якъ спершу: воны іи прыхылялы до послуху то сымъ, то тымъ, а найбильше горилкою. Воны бачылы въ своій дочци добру помишныцю—и радилы, що знайшлы таку помичъ.

Якъ мынуло ій пьятнадцять литъ, воны ще щось запрымитылы. Кынулысь имъ у вичи тонки на шнурочку бровы, блыскучи, хочъ и сири, очи, й волосся, якъ лёнъ, лычко биляве и якъ рожа румьяне. Запала имъ у памьятку іи краса, урода дивоча. Воны порадылысь—не пропустыты даремно, не взявшы свого.

Пораялысь. Вымылы, вычесалы іи, одяглы въ нову одежынку, якъ панночку, и однієи темнои ночи, одвела іи сама маты въ мисто, до велыкого будынку.

Пустылася дивчына, якъ собака зъ ожереду: що-дня, щоночи гуляла! Тутъ знайшовся охвыцеръ якыйсь; узявъ іи зъ сырои холоднои хаты перевивъ у свій теплый, ясный будынокъ. Прожыла тамъ Явдоха зъ пивроку, въ тепли та на добри, та въ роскошахъ купалася; та жыва іи натура невдовольнылася тымъ: покрала вона срибло та золото въ охвыцера. Прогнавъ іи охвыцеръ, обидравшы якъ билочку. Одначе вона не довго тужыла: незабаромъ знайшовся другый. Обикравшы й того, вона вже сама втекла.—Потимъ того, ни до кого вже не переходыла жыты, а стала сама до себе прыйматы—хто бильшу плату дававъ. Знаючы краси своій цину, вона торгувала нею, якъ жыдъ крамомъ, не пропускаючы случаю зирваты найбильше, а то—й пидголыты. Слава про злодійкувату Явдошку одбыла хить у панства та охвыцерства зайиздыты до неи. Грошыкы, що прыдбала, пишлы на роскишни уборы, на дороги наидкыт а напыткы. А тутъ--лыхо! почала вже й краса осуватысь, спадаты. Треба щось гадаты зъ собою! Треба зазделегидь десь захысту шукаты, прытулку для себе. Про батька-матиръ вона давно забула:—не знала—чы й жылы воны на свити. Жывучы сама зъ собою, вона розгадала, що черезъ ныхъ втеряла.

На той часъ зустривъ іи Максымъ. Зъ своимъ норовомъ веселымъ, та безжурнымъ, пры своій, хочъ уже и помьятій, а ще хорошій краси,—Явдошка запала ему въ око, вразыла въ серце. Максымъ почавъ лабузнытысь. Явдошка помитывшы це, та роспытавшы, що Максымъ мижъ москалямы не остання спыця въ колеси,—давай на его ще дужче налягаты. То дывысь: словомъ укольне; то мовчаннямъ дойме; то прыголубыть его коло себе, то знову одипхне его—гулянкамы зъ другымы.

Максымъ биснувався, а про те ще дужче закохувався. Часомъ вона розжалоблювала ёго розмовою про свое безталання, про свои недостачи. Максымъ несе ій на другу ничъ того й другого; даруе й жалуе.

Не обійшлося безъ того, щобъ и вона не задумувалась про Максыма. Кари его очи заглянулы и ій въ серце; чорный вусъ

здавався такымъ хорошымъ; постать—бравою, дужою; та Максымъ чоловикъ и не безъ достаткивъ, не безъ копійчыны.

Зійшлыся воны, прожылы рикъ, другый; звыклы мижъ собою, якъ чоловикъ та жинка. Дитей не було. Журбы й турботы не зналы. Тилькы те й робылы, що пылы та гулялы, нышкомъ та тышкомъ, щобъ бува начальство Максымове не дозналося.

Тоди саме перегналы ихъ полкъ зъ одного миста въ друге. Пишовъ Максымъ—та й засумувавъ. Зосталась Явдоха—и тежъ сумувала. Черезъ мисяць подае Максымъ нызенькый поклонъ, цилуе іи «въ сахарни уста» та «въ билоснижну грудь», посылае грошей, просыть, щобъ прыйихала: колы хоче, то воны й повинчаются. Тоди вже розлучыть ихъ «мать сыра земля».

Явдоха зибрала свои манаткы, пойихала. Швыдко воны й побралыся.

Выйшла зъ Явдохы справжня московка. Не страшни ій ни походы, ни переходы; завжде моторна, весела, до гулянокъ удатна. Щобъ не даромъ жыты, не марно тратыты часъ, вона взялась то сымъ, то тымъ перепродуваты. Накупыть рубливъ на десятокъ усякого краму, та й перепродуе москалямъ. А часомъ якый небудь молоденькый москалыкъ пидниме що й чуже, односе до титкы Явдохы. Явдоха прыймае москалыка й подарунокъ. Правда, иноди й доставалося ій одъ Максыма за ти подарункы: не разъ и не два ходыла вона зъ пидсынюмы очима. Та—байдуже! Москали це добре зналы, а все-такы лабузнылысь до Явдохы, а Явдоха справляла зъ нымы смихы та реготы. Московка-московкою: іи побьють, а вона ни гадкы!

Отакъ прожылы воны щось рокивъ зъ десятокъ. Максымъ постаривъ; постарила й Явдоха—краса іи спала, помарнила, одцвила. Уже теперъ не такъ и молоди москалыкы горнулыся. Рада-не рада, треба було схаменутыся. До всёго того, десять литъ безпутнёго життя вытяглы вси грошенята, що Максымъ наскладавъ до парування. Треба було на-дали подуматы. Схаменулась Явдоха, а черезъ рикъ—гойдала невелычку дивчынку Галю.

Галя зразу все переломыла. Гулянкы одлетилы; жарты—те жъ: выступылы впередъ клопоты та жаль за марно потраченымъ добромъ. Маленька Галя спарувала Максыма зъ Явдохою вже на викы, звязала мицно ихъ думы до купы, пидбывала на одно дило. Максымъ бажавъ дочку выростыты въ багатстви та роскоши; бажала й Явдоха того самого. Вона думала, що багатство та роскишъ заховають дытя іи видъ такои лыхои доли, яка ій судылася. Й обое воны клопоталыся объ однимъ—надъ пожывою, та нажывою. Чы сякъ, чы такъ, а нажытысь треба!

Знову Максымъ зъ Явдохою, хочъ й инакше, прыйнялыся за дило молодыхъ литъ. Максымъ--за «прокормленіе», Явдоха—за крадижку. Максымъ, докладаючы ротному, що москали просятся «на побывку»—бравъ зъ ныхъ свое такъ, якъ и покійный Федосіевычъ. А якъ верталыся москали «зъ прокормленія»,—воны зносылы до Явдохы накрадене, награблене добро, а вона вже сама знаходыла ёму ярмисъ. За те титци Явдоси, якъ сховачу й переводчыку, доставалася половына всёго.

Такъ ихъ захопыла «чыста». Та ба! Чыстои Максымови не далы. У той саме рикъ почалася Крымська війна зъ туркамы. Погналы Максыма пидъ Силистрію, а потимъ перевелы въ Крымъ. Явдоха зъ маленькою Галею й соби повіялась за полкомъ, все-такы не кыдаючы свого краму. Тутъ вона такы добре заробыла, бо не одни прости москали купувалы въ неи всячыну; купувалы й небогати охвыцеры. Зовсимъ бы добре, колы бъ не страшно, що оть-оть Максымъ зложе свою голову, одтынаючы другымъ. Отже страхъ іи не справдывся. Максымъ теперъ уже знавъ цину жыттю,—не кыдався такъ, якъ за-молоду, въ саме, мовлявъ, пекло. Тилькы всёго, що ёго въ руку штыкомъ кольнувъ якыйсь хранцузъ. Максымъ зрадивъ, та заразъ у лазаретъ. Пошептався тамъ зъ ликаремъ:—Не годытся, кажуть, у службу: въ чысту его!—Максымъ полежавъ ще зъ мисяць; далы ёму «чысту», почепылы ще нову медаль, та й выпустылы на вси чотыры стороны. Максымъ забравъ жинку зъ дочкою, та й потягъ на ридну сторону видшукуваты батькивщыны.

Вертаючысь до-дому черезъ трыдцять литъ, винъ думавъ застаты Пискы такымы жъ самымы Пискамы, якымы кынувъ. Черезъ те й раився зъ жинкою, прыбувшы до-дому, спродаты батькивщыну, оселытысь де въ багатому, людному мисци, та прыстроитысь до торгу на ти гроши, що прыдбала Явдоха. Колы прыйихавъ—и здывувався. Не ти Пискы, та й годи! Ниде ни однои землянкы,—скризь мазанкы; село велыке, шыроке, довге, а кругомъ край веселый, людный, хочъ и не багатый. «Значыть, бильше пожывы для грошовытого!» подумавъ—Максымъ.

— Ни, жинко, каже Явдоси: мабуть уже кисткы зложымо на моій сторони. Бачъ, якый гарный край!

Явдоха й сама те бачыла. Оселывся Максымъ у батькивській хати.

Явдоха крамарувала дома. Максымъ по ярмаркахъ йиздывъ, купывшы коняку. Жылы соби тыхо та мырно, вырощувалы—пестылы дочку Галю, та въ торгу кохалыся. Черезъ рикъ батькивську хату перекынулы, збудувалы нову,—простору и ясну, зъ свитлыцею, зъ кимнатою пидъ пройизжыхъ.

Дывуются писчане, що московська служба зъ людьмы діе, якымы ихъ робыть! Ишовъ Максымъ у москали розбышакою, волоцюгою, сказано,—Махамедомъ; а повернувся поважнымъ чоловикомъ, зъ багатствомъ, зъ заслугамы. Прости люде зъ заздристю дывлятся на Максыма Ивановыча, поважають, шанують, хочъ Максымъ Ивановычъ геть—высоко дере голову проты «нетесаного мужычья». Батюшка, волосни завертають до ёго «чайку» попыты, та пропустыты чарочку-другу тіеи «жывыци-водыци»; самъ становый Ларченко, колы не йиде черезъ Пискы, завжде завертае до Максыма въ двиръ.

Отакъ прожывъ винъ щось рокивъ тры, чы чотыри въ Пискахъ. А це зразу—спродавъ дворыще, будынокъ, зибрався тай выселывся на хутиръ, на батькивську землю.

Пипъ, волосни такъ жалкують:—Не кыдайте насъ, Максымъ Ивановычъ,—не сыротить нашыхъ Писокъ!

— Тамъ мени, одказуе, буде краще, вильнише. Тутъ на сели багато заздрыхъ! Нихто не пройде повзъ дворыще, щобъ не позавыдувавъ.

На хутори заразъ же на перше лито двынувъ будынокъ, мовъ пански хоромы, а не мужыча або москалева хата. На друге лито—обзавився трояномъ коней; выбудувавъ стайню, коморы рублени; обплився высочезною густою лисою зъ остришкомъ и зъ такымы, якъ по трахтырахъ, ворітьмы. Колы чутка,—буцимъ хоче постоялый одкрыты.

Писчане зовсимъ роты пороззявлялы. Одни догадувалысь що Максымъ, выдно, въ служби грошей заслужывъ; други казалы, що, мабуть, чы не въ Туреччыни де пожывывся,—може уклавъ якого багатого, та гроши соби забравъ; а трети мовылы, що за жинкою взявъ.

Отже нихто не знавъ, не бачывъ, якъ Максымъ жывъ на хутори. Якъ веселывся зъ Писокъ, то ни до ёго нихто, ни винъ ни до кого: такъ, мовъ умеръ! Якъ бы не доводылось писчанамъ бачыты ёго по ярмаркахъ, то певне бъ нихто не знавъ, чы йе винъ на свити, чы вже немае. А то зъ ярмаркивъ було прывозять новыну про Максыма: выбудувавъ, мовъ, оте й те, а намиряется—кажуть—будуваты ще й те! Отакъ переказувалы люде те, що чулы, а сами, на свои очи, нихто не бачывъ. Зналы тилькы, що въ ёго все було на запори—позапиране, позамыкане.

— Москаль хвортецю соби выбудувавъ!—сміются иноди писчане.

Панасъ Мырный та Иванъ Билыкъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ галлереи отжившихъ типовъ: Дмитріевосвапскій протопопъ Гапоновъ.

(Этюдъ къ характеристикѣ церковнаго управленія конца XVIII и начала XIX в.).

Когда мы просматривали кипы старинныхъ—конца XVIII и начала XIX в.—документовъ, относящихся къ интересующему насъ предмету, эти пожелтѣвшіе листы, исписанные мудренымъ, неразборчивымъ, полууставнымъ-полускорописнымъ почеркомъ, содержащіе въ себѣ характерныя и яркія картины прошлаго, невольно возникалъ въ умѣ вопросъ: что же скрывалось въ тѣ времена за этими *оффиціальными* документами? Насколько должны быть краснорѣчивы тѣ фактическія подробности, которыя не уложились въ рамки формальныхъ «репортовъ», «ордеровъ» и другихъ подобныхъ бумагъ?

Предлагаемый очеркъ основанъ почти исключительно на подлинныхъ архивныхъ документахъ [1]); и въ этомъ то, по на-

---

[1]) У насъ подъ руками было болѣе 40 подлинныхъ указовъ, рапортовъ, «ордеровъ» и т. п., относящихся къ дѣлу о Гапоновѣ. Кромѣ того: преданія о Гапоновѣ сохранились до сихъ поръ въ той обширной мѣстности, гдѣ онъ жилъ и дѣйствовалъ. То, что было для насъ не совсѣмъ ясно въ оффиціальныхъ бумагахъ, пополнялось и объяснялось преданіями. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ для насъ большую

шему мнѣнію, и заключается особенный интересъ сообщаемыхъ свѣдѣній, которыя, вслѣдствіе этого, получаютъ вполнѣ историческій характеръ и особую, если такъ можно выразиться, архивную свѣжесть. И было бы поистинѣ жаль, если бы эти документы навѣки остались подъ спудомъ, и еслибы «потомки православныхъ» не увидѣли тотъ маленькій уголокъ исторической картины, который они открываютъ.

I.

Въ 1794 году помѣщица села К., «коллежская ассесорша» Нелидова, подала Θеоктисту, епископу (впослѣдствіи архіепископу) бѣлоградскому и курскому, прошеніе, въ которомъ ходатайствовала о томъ, чтобы преосвященный принялъ въ бѣлоградскую епархію сѣвской семинаріи богословіи ученика М. Гапонова и посвятилъ его къ приходской церкви означеннаго села во священника. Ходатайство это было удовлетворено, и подпись молодого священника Гапонова уже со второй половины 1794 года фигурируетъ въ ряду другихъ подписей, помѣщаемыхъ подъ циркулярными предписаніями благочиннаго. Вѣроятно, Гапоновъ чѣмъ-нибудь понравился помѣщицѣ, и она принимаетъ въ судьбѣ его дѣятельное участіе. Чуждый для бѣлоградской епархіи пришлецъ, уроженецъ города Трубчевска [1]) (сынъ діакона соборной церкви), онъ сразу возвышается изъ среды мѣстнаго духовенства. Уже въ 1795 году онъ назначается на почетную должность депутата отъ духовенства (въ свѣтскомъ судѣ), вскорѣ послѣ этого—на должность благочиннаго (22—23 лѣтъ отъ роду), въ срединѣ 1797 г.,

---

услугу оказалъ одинъ достопочтенный священникъ, убѣленный сѣдинами старецъ,—живая лѣтопись мѣстныхъ событій чуть не всего XIX вѣка, человѣкъ, очень хорошо освѣдомленный по всѣмъ вопросамъ мѣстной исторіи.

[1]) Нужно, впрочемъ, имѣть въ виду, что до 1788 года нынѣшній г. Дмитріевъ, вмѣстѣ съ окрестными селами, находился въ составѣ сѣвской епархіи.

т. е. всего черезъ три года послѣ поступленія въ село К., получаетъ онъ санъ протоіерея и подписывается: «дмитріевосвапскій протопопъ» (или: «протоіерей») Гапоновъ», а потомъ и должность главнаго благочиннаго».

Этому-то лицу и суждено было играть видную и значительную роль въ средѣ духовенства дмитріево-свапской «округи». Періодъ наиболѣе видной дѣятельности Гапонова начинается собственно съ того времени, когда онъ былъ назначенъ присутствующимъ сначала въ льговское духовное правленіе, а потомъ, когда центръ управленія дмитріево-свапской округой былъ перенесенъ въ Фатежъ,—въ фатежское духовное правленіе. Въ концѣ 1815 г. Гапоновъ назначается «первоприсутствующимъ» въ фатежское духовное правленіе [1]), и такимъ образомъ достигаетъ высшей ступени церковно-іерархической лѣстницы, открытой для провинціальнаго бѣлаго духовенства.

Вотъ краткая схема служебной карьеры Гапонова. Перечисленныя должности давали почти неограниченныя (конечно, въ извѣстной, опредѣленной сферѣ) полномочія Гапонову. Должность «главнаго благочиннаго» сама по себѣ уже была почетна и отдавала подъ руководство Гапонова всѣхъ благочинныхъ округи, благодаря чему онъ являлся «благочиннымъ благочинныхъ», какъ тогда говорили. Должность «присутствующаго» увеличивала область его полномочій, а званіе «первоприсутствующаго» дѣлало его главнымъ руководителемъ въ томъ административномъ центрѣ, который представляло собою духовное правленіе. Всѣ эти должности были крайне необходимы въ то время и получали особенное значеніе, въ зависимости отъ условій времени. Нужно имѣть въ виду, что сообщеніе епархіальнаго центра съ различными отдаленными пунктами обширной бѣлоградско-курской епархіи было чрезвычайно затруднительно; поэтому, бывали, напр., священники, которые за 20—30 лѣтъ служенія не видѣли ни разу своего ар-

---

[1]) Кандидаты въ духовное правленіе избирались мѣстнымъ духовенствомъ и утверждались архіереемъ. См. соотв. отдѣлы «Исторіи Московск. епарх. управленія» Розанова.

хіерея (фактъ извѣстный). Кромѣ того: между архіереемъ и духовенствомъ были двѣ посредствующихъ инстанціи, которыя очень отдаляли ихъ другъ отъ друга; это—консисторія и духовное правленіе. Благодаря этому, архіерей представлялся для духовенства какимъ то далекимъ и мало извѣстнымъ властителемъ. Всѣ указы преосвященнаго шли чрезъ то же самое духовное правленіе, гдѣ предсѣдательствовалъ Гапоновъ, и отсюда же, послѣ соотвѣтствующаго опредѣленія правленія, разсылались причтамъ къ свѣдѣнію и исполненію. Притомъ же личные указы преосвященнаго были сравнительно рѣдкими и касались лишь такихъ фактовъ пастырской дѣятельности, которые имѣли общее значеніе. Между тѣмъ, уже при примѣненіи этихъ и другихъ указовъ къ жизни, встрѣчались различныя препятствія и возникали нерѣдко осложненія, которыя нужно было улаживать на мѣстѣ, сообразно мѣстнымъ потребностямъ. Въ пастырской дѣятельности, несомнѣнно, было множество недоразумѣній, множество частностей чисто мѣстнаго характера; въ отношеніяхъ членовъ причтовъ между собою бывало множество столкновеній и споровъ личнаго свойства. Многіе изъ этихъ фактовъ были случайными въ извѣстномъ отношеніи, и многіе изъ нихъ не могли быть предусмотрѣны ни въ общихъ узаконеніяхъ, ни въ распоряженіяхъ архіерея. При объясненіи ихъ рѣшающее значеніе имѣло духовное правленіе, которое дѣйствовало, не освѣдомляясь каждый разъ съ волею преосвященнаго, а лишь на основаніи общихъ распоряженій его и подходящихъ статей закона. Слѣдовательно, духовныя правленія стояли гораздо ближе къ дѣйствительной жизни, чѣмъ архіерей. Поэтому то и выходило, что фактически духовныя правленія, въ лицѣ своихъ членовъ, имѣли гораздо больше значенія и гораздо болѣе страшны были для мѣстнаго духовенства, чѣмъ архіерей.

Разумѣется, все то, что относится въ этихъ разсужденіяхъ къ духовнымъ правленіямъ, больше всего должно относиться къ «первоприсутствующимъ» духовныхъ правленій. По отзывамъ историковъ, всѣ дѣла въ правленіи окончательно рѣшались первоприсутствующимъ; онъ имѣлъ право даже арестовать и посадить на цѣпь при правленіи каждаго провинившагося члена причта, а

въ нѣкоторыхъ случаяхъ могъ подвергнуть и тѣлесному наказанію. Исторія столѣтняго существованія духовныхъ правленій (съ половины XVIII до половины XIX в.) представляетъ много фактовъ подобнаго рода [1]). Неудивительно поэтому, что бывали случаи, когда первоприсутствующаго встрѣчали и провожали въ селахъ колокольнымъ звономъ—какъ архіерея.

Такова сама по себѣ была роль, предоставленная судьбою Гапонову.

Но были и особыя условія, которыя придавали еще больше значенія этой роли. Помимо авторитета власти, усиленію вліянія Гапонова способствовали его личныя качества. Какъ можно судить по сохранившимся документамъ и по преданіямъ, Гапоновъ былъ человѣкъ замѣчательный по силѣ воли, уму и энергіи, человѣкъ вообще даровитый, съ горячимъ темпераментомъ, способный къ широкимъ размахамъ своей богатой натуры и преподносившій своимъ современникамъ интересные и всегда чрезвычайно неожиданные сюрпризы. Оригинальность, своеобразный складъ ума проявляются во всей дѣятельности Гапонова и доказываютъ, что это былъ положительно незаурядный человѣкъ.

Несомнѣнно, Гапоновъ былъ энергичнымъ и умнымъ дѣльцомъ. Онъ не уклонялся отъ дѣлъ, а напротивъ—самъ стремился къ нимъ и все расширялъ область своихъ полномочій. Это вполнѣ соотвѣтствовало его честолюбію, стремленію къ самовластію, его гордому и независимомому характеру. Такимъ образомъ здѣсь мы видимъ счастливое совпаденіе внѣшнихъ благопріятныхъ обстоятельствъ и его душевныхъ потребностей. И, благодаря этому, дѣятельность Гапонова поистинѣ изумительна. Отправляя свои сложныя обязанности по духовному правленію и по благочинію, Гапоновъ въ то же время состоитъ мѣстнымъ цензоромъ, членомъ оспеннаго комитета, директоромъ «дмитріев-

---

[1]) См. напр., интересный подборъ ихъ у Г. Пясецкаго, въ его «Исторіи орловской епархіи». Много фактовъ подобнаго рода указано и въ «Приложеніяхъ», къ цитов. выше книгѣ Розанова. Духовныя правленія въ настоящее время существуютъ лишь въ 3—4 епархіяхъ.

скаго «библейскаго сотоварищества» (т. е. отдѣленія библейскаго общества). Не говоря уже о другихъ должностяхъ, послѣднія двѣ также должны были доставлять ему много трудовъ и хлопотъ. Не забудемъ, что вопросъ объ обязательномъ привитіи оспы въ то время только начиналъ свою исторію. На епархіальное духовенство была возложена обязанность, побуждать жителей всѣми возможными мѣрами къ тому, чтобы они прививали оспу; и мы видимъ нѣсколько указовъ епархіальнаго начальства, очень настойчиво рекомендующихъ духовенству такую дѣятельность. Что же касается библейскаго общества, то извѣстно, что, благодаря ясно выразившимся симпатіямъ императора Александра I и министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ Голицына, библейское общество получило большую популярность въ Россіи, и покровительство ему считалось дѣломъ чуть ли не государственной важности. Даже въ такомъ незначительномъ городкѣ, какъ Дмитріевъ, было отдѣленіе общества, которое имѣло своего «президента», вело обширную переписку и распоряжалось довольно значительными денежными суммами.

Въ отношеніи къ образованію дѣтей духовенства Гапоновъ является однимъ изъ передовыхъ людей того времени и играетъ такую же первенствующую роль. Онъ, напр., открылъ «сиротское» духовное училище въ г. Дмитріевѣ. Въ одномъ указѣ духовной консисторіи (1806 года) говорится слѣдующее: «Города Дмитріева, что на Свапѣ, благочинный прот. Гапоновъ учредилъ духовное училище и собралъ священно-церковнослужительскихъ дѣтей изъ всей дмитріевосвапской округи. Таковому достохвальному примѣру могутъ по возможности подражать и другіе благочинные. Притвердить и нынѣ о обученіи духовныхъ дѣтей, а особливо, сиротъ, по примѣру благочиннаго Гапонова». Этою дѣятельностью Гапоновъ заслужилъ благодарность преосв. Θеоктиста. На донесеніи Гапонова объ открытіи этого училища преосв. Θеоктистъ положилъ такую резолюцію: «Такъ. Ежели бы въ каждомъ благочиніи по городамъ... таково стараніе было» [1]). Весьма замѣча-

[1]) См. «Къ исторіи рыльскаго духовнаго училища». Курскія Епархіальныя Вѣдомости, 1880, № 12.

тельно то обстоятельство, что Гапоновъ давалъ даже собственныя средства на содержаніе въ училищѣ сиротъ и дѣтей «малоимущественныхъ» отцовъ. Такъ. напр., въ одинъ годъ изъ 56 учениковъ на полномъ «коштѣ» Гапонова обучалось 16 человѣкъ, въ другой—изъ 45 учениковъ 9 и т. д. [1]). Это свидѣтельствуетъ о томъ, что Гапоновъ принималъ очень близкое участіе въ жизни мѣстнаго духовенства.

Своими дарованіями Гапоновъ обратилъ на себя вниманіе преосв. Ѳеоктиста. Изъ всѣхъ дѣлъ о Гапоновѣ видно, что преосв. Ѳеоктистъ благоволилъ къ нему,—можетъ быть потому, что видѣлъ въ немъ умнаго и энергичнаго администратора. Все время, пока живъ былъ преосв. Ѳеоктистъ, Гапоновъ неизмѣнно пользовался его расположеніемъ. Нерѣдко въ своихъ «ордерахъ» Гапоновъ упоминаетъ о томъ, что онъ былъ у преосвященнаго, что онъ получилъ лично отъ него инструкціи, на основаніи которыхъ и дѣлаетъ свои распоряженія. Эта личная близость къ преосвященному, конечно, еще болѣе возвышала его авторитетъ въ глазахъ духовенства.

II.

Изъ всѣхъ должностей протоіерею Гапонову доставляла больше всего хлопотъ должность присутствующаго въ духовномъ правленіи, отправленіе которой требовало и много времени, и большихъ трудовъ. Гапоновъ, состоя на приходѣ въ Дмитріевѣ, гдѣ онъ освобождался отъ обязанности отправлять мірскія требы, разъ въ недѣлю ѣздилъ въ Фатежъ для того, чтобы присутствовать при рѣшеніи дѣлъ въ духовномъ правленіи. По разсказамъ старожиловъ, Гапоновъ выѣзжалъ изъ Дмитріева обыкновенно во вторникъ, въ своемъ экипажѣ, но почти всегда на обывательскихъ лошадяхъ, и на другой день утромъ пріѣзжалъ въ Фатежъ (разстояніе отъ Дмитріева до Фатежа—около 70 в.) По окончаніи засѣданія въ Фатежѣ онъ возвращался обратно

---

[1]) Тамъ же. Кромѣ того: Курскія Епарх. Вѣдом., 1900, № 10.

въ Дмитріевъ, только другимъ трактомъ, по другимъ селамъ. Несомнѣнно, эти еженедѣльныя путешествія—во всякое время года и при всякой погодѣ—были очень тягостны и обременительны сами по себѣ, въ особенности потому, что это было вначалѣ прошлаго столѣтія, когда въ оффиціальныхъ сферахъ и рѣчи еще не было о дорожномъ вопросѣ во всемъ его объемѣ, и когда сплошные лѣса покрывали почти всю территорію нынѣшней курской губерніи. И теперь лѣса занимаютъ въ дмитріевскомъ и смежныхъ уѣздахъ громадную площадь, а тогда здѣсь были едва проходимыя трущобы, по которымъ проѣздъ былъ и затруднителенъ и опасенъ. Но протопопъ Гапоновъ не тяготился этими поѣздками и, какъ видно, съ удовольствіемъ исполнялъ свои обязанности присутствующаго. По крайней мѣрѣ, когда, при возобновленіи г. Дмитріева въ 1802 году, консисторія предложила ему благочинническую должность въ этомъ городѣ, то онъ отъ нея отказался, предполагая, вѣроятно, что принятіе этой должности отвлечетъ его отъ исполненія обязанностей присутствующаго. И дѣйствительно, неудобства путешествій съ избыткомъ искупались тѣми удовольствіями, которыя Гапоновъ получалъ по пути.

Въ поясненіе этого замѣтимъ слѣдующее. Нельзя сказать, чтобы вліяніе Гапонова опиралось только на авторитетѣ власти. Съ большимъ искусствомъ онъ умѣлъ свое значеніе, какъ благочиннаго и присутствующаго въ духовномъ правленіи, поддержать многими и прочными связями съ наиболѣе вліятельными лицами мѣстнаго дворянства и духовенства. Гапоновъ любилъ общество, любилъ веселье. Его никакъ нельзя было назвать «канцелярской крысой» или «судейскимъ крючкомъ»; не былъ онъ и скопидомомъ, скрягой. И всего меньше онъ былъ похожъ на заурядного сельскаго священника того времени. Это былъ «развеселый малый», bon vivant, какъ говорятъ въ наше время; онъ любилъ и умѣлъ пожить въ свое удовольствіе. Онъ очень любилъ карты, умѣлъ хорошо выпить, былъ, наконецъ, большимъ хлѣбосоломъ, и собиралъ въ своемъ домѣ въ Дмитріевѣ большія компаніи, которыя, по старинному, по цѣлымъ недѣлямъ проживали у него.

Онъ велъ обширное знакемство съ мѣстными помѣщиками, которые тогда весьма нерѣдко проводили праздную и веселую жизнь, пользуясь плодами дарового труда своихъ крѣпостныхъ. А изъ духовенства онъ выбиралъ богатыхъ священниковъ-землевладѣльцевъ, благочинныхъ, и изъ нихъ— тѣхъ, которые, такъ же какъ онъ, могли широко пожить и повеселиться. Всѣ эти люди любили весельчака-протопопа, умѣвшаго и дѣло дѣлать, и пользоваться земными благами, которыя въ изобиліи предоставляла ему жизнь; всѣ они съ удовольствіемъ поддерживали съ нимъ знакомство. Поэтому Гапоновъ, совсѣмъ не интересуясь приходскими требами и охотно уступая доходы отъ нихъ своимъ сослуживцамъ священникамъ, лишь бы извлечь для себя свободное время, при всякомъ удобномъ случаѣ выѣзжалъ къ своимъ знакомымъ. Выѣзды эти совершались съ большимъ комфортомъ и торжественностью: обыкновенно Гапоновъ ѣздилъ «въ гости» въ собственной каретѣ, на четверкѣ собственныхъ лошадей, захвативъ съ собою дьячка въ качествѣ кучера или выѣздного слуги.

Пользуясь своею властью и своими связями, Гапоновъ почти безконтрольно распоряжался въ округѣ. Онъ былъ полнымъ хозяиномъ ея. Это былъ своего рода викарный архіерей; и несомнѣнно, онъ имѣлъ для мѣстнаго духовенства даже больше значенія, чѣмъ епископъ. Онъ дѣйствуетъ. вообще говоря, совершенно самостоятельно и независимо, какъ ему вздумается,—самостоятельно иной разъ до произвола. Такой типъ могъ создаться только на почвѣ самовластія древнихъ временъ, при условіи приниженности и забитости духовнаго сословія, когда всякій маломальски выдающійся человѣкъ изъ «начальства» могъ стать неограниченнымъ властелиномъ и могъ давить своей тиранніею обширную «округу», въ составъ которой входила территорія нынѣшнихъ почти двухъ уѣздовъ.

Всѣ дѣла, которыя состояли въ вѣдѣніи духовнаго правленія, были, конечно, разграничены между отдѣльными лицами, входившими въ составъ правленія,—подобно тому, какъ это дѣлается въ консисторіи. Но несомнѣнно, что тогда это разграни-

ченіе не проводилось достаточно строго, и потому первоприсутствующій могъ лично вмѣшиваться во всѣ отрасли управленія, особенно, когда онъ хотѣлъ этого. Гапоновъ, дѣйствительно, такъ и дѣлаетъ. Онъ лично издаетъ предписанія, «ордеры», и «предложенія» рѣшительно по всѣмъ отраслямъ церковнаго управленія, и самые разнообразные указы правленія подписываются только его именемъ. Онъ своею особою олицетворяетъ какъ бы все правленіе, и за его личностью мы почти не замѣчаемъ существованія другихъ членовъ духовнаго правленія; коллегіальный составъ правленія стушевывается подъ его властной рукою. Онъ даже выражалъ свое недовольство, когда благочинные почему либо свои донесенія направляли мимо него, прямо въ правленіе. «Прошлаго февраля 5-го—пишетъ онъ одному благочинному—послано отъ меня къ вамъ предложеніе, дабы вы по всѣмъ дѣламъ и жалобамъ отъ священно-церковнослужителей относились ко мнѣ; но вы, въ противность указовъ, для единаго только затрудненія и *умноженія переписокъ* относитесь репортами недѣльными въ духовное правленіе; рекомендую вамъ впредь отъ сего воздержаться». Можно было бы на основаніи этого заключить, что къ Гапонову собственно шли дѣла, возникавшія по поводу различныхъ недоразумѣній между членами причта; но такое заключеніе рѣшительно опровергается всѣмъ матеріаломъ, находящимся въ нашихъ рукахъ; дѣятельность Гапонова направлена на всѣ сферы церковной жизни.

Иногда Гапоновъ имѣлъ обыкновеніе объѣзжать всѣ села подвѣдомственной ему округи для личныхъ распоряженій относительно церквей и причтовъ или «для свидѣтельствованія качествъ священно-церковнослужителей», церковнаго имущества и т. п. Недѣли за двѣ до этихъ путешествій Гапоновъ обыкновенно «предлагалъ» духовному правленію «наистрожайше предписать» членамъ причта и церковнымъ старостамъ, «дабы они находились при церквахъ своихъ безотлучно, поелику онъ, протоіерей Гапоновъ, имѣетъ отправиться» и т. д. Какими подробностями сопровождались эти поѣздки, изъ документовъ не видно, но о нихъ можно судить съ достаточной вѣроятностью, имѣя въ виду нравы

того времени, а также все то, что было сказано о Гапоновѣ выше.

Въ какихъ именно фактахъ выражалось самовластіе Гапонова, объ этомъ будетъ сказано ниже; здѣсь же только замѣтимъ, что вся дѣятельность Гапонова и вся жизнь его носитъ печать произвола и самовластія.

Въ своей канцелярской дѣятельности Гапоновъ является такимъ же оригинальнымъ, самобытнымъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и передовымъ человѣкомъ, какъ и въ обычной жизни. Вотъ, для примѣра, нѣсколько его «ордеровъ». «Ежели—пишетъ онъ благочинному—села Р. священникъ Илія К. продолжаетъ бить масло (рѣчь идетъ о «маслянкѣ»), то рекомендую вамъ тотчасъ сіе остановить, дабы сослужители его не могли приносить начальству жалобы». Или: «Вѣдомства вашего въ селѣ Г. есть течь въ церковной крышѣ; настойте по должности вашей, чтобы оной не было, и меня о послѣдствіяхъ увѣдомьте». Или, напр., онъ шлетъ приказъ дьячку села Л.: «съ полученія сего тотчасъ отправиться тебѣ въ слоб. М., гдѣ объявить благочинному, дабы онъ всенепремѣнно прислалъ бы съ нарочнымъ чертежи о питейныхъ домахъ въ правленіе, а то имѣетъ быть представленъ къ Его Преосвященству». Мы могли бы сдѣлать много подобныхъ выписокъ; всѣ предписанія Гапонова похожи на эти со стороны формы; добавимъ, притомъ, что такой же характеръ носятъ и указы правленія, подписанные Гапоновымъ и имъ редактированные.

Въ этихъ предписаніяхъ все заслуживаетъ нашего вниманія—и тонъ властный, строгій (голосъ Гапонова звучитъ въ нихъ твердо и самоувѣренно—видно, что онъ не привыкъ къ противорѣчію), и въ особенности форма ихъ: оригинальный стиль, манера сжато и лаконично излагать свои мысли. Канцелярскія произведенія того времени слишкомъ извѣстны, чтобы о нихъ нужно было много говорить. Они отличаются своеобразнымъ складомъ рѣчи, содержатъ много повтореній, ненужныхъ ссылокъ и подробностей, и всѣ испещрены длинными титулами и цыфровыми датами времени, поэтому они слишкомъ утомительно дѣйствуютъ

на современнаго читателя. За сложными и неточными оборотами, за витіеватыми длиннѣйшими періодами часто очень трудно бываетъ уловить истинный смыслъ указовъ. Гапоновъ отрѣшается отъ современной ему канцелярщины, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ цѣлой головой выше своихъ современниковъ. Онъ кратокъ и точенъ. Въ своихъ предписаніяхъ онъ никогда не ссылается на какіе-нибудь указы или распоряженія епархіальной власти (эти ссылки непремѣнно помѣщались въ канцелярскихъ произведеніяхъ), а просто предписываетъ. Безъ всякихъ предисловій и вступленій онъ приступаетъ прямо къ изложенію дѣла, безъ всякихъ излишнихъ поясненій и оговорокъ онъ ведетъ рѣчь о немъ и требуетъ неукоснительнаго исполненія. Видно, что онъ не привыкъ попусту тратить время на канцелярщину—«дабы чрезъ прихотливы волокиты и разбродничества, совсѣмъ безпорядочныя, въ дѣлахъ не послѣдовало остановки», а еще больше и потому, что его увлекала дѣйствительная жизнь: все время у него было распредѣлено и употреблялось на болѣе пріятныя, чѣмъ канцелярская работа, дѣла.

III.

Преобладающія въ характерѣ Гапонова черты—стремленіе къ самовластію, необузданность и страстность и любовь къ «широкой» веселой жизни—опредѣляли общее направленіе его дѣятельности и были нерѣдко причиною того, что Гапоновъ попадалъ въ очень непріятное положеніе.

Какъ мы уже имѣли случай замѣтить, протопопъ Гапоновъ очень любилъ карты. Это былъ страстный игрокъ, любившій по преимуществу азартныя игры—и любившій до самозабвенія. Повытчикъ духовнаго правленія, нѣкто Г—ій, разсказывалъ, что, когда онъ привозилъ изъ Фатежа въ Дмитріевъ къ Гапонову бумаги правленія для подписи, ему приходилось иногда ждать Гапонова по нѣсколько сутокъ, такъ какъ Гапоновъ бывалъ занятъ въ это время карточной игрой, а безпокоить его онъ не смѣлъ. Одинъ разъ онъ пріѣхалъ на Страстной недѣлѣ въ четвергъ, и

Гапоновъ будто бы игралъ въ карты съ своими пріятелями-помѣщиками три дня и опомнился лишь тогда, когда заблаговѣстили къ пасхальной заутренѣ; все это время Г—ій долженъ былъ безропотно ждать.

Больше всего приходилось Гапонову играть въ карты и пировать во время путешествій изъ Дмитріева въ Фатежъ. Гапоновъ обыкновенно останавливался ночевать у своего закадычнаго друга, священника села Р., Б—ва. Этотъ Б—въ по своему характеру и склонностямъ вполнѣ подходилъ къ Гапонову; поэтому у нихъ было много общаго. Такимъ образомъ между ними установилась тѣсная дружба, которую современники ихъ и ближайшее поколѣніе характеризовали извѣстнымъ стихотвореніемъ. приписывавшимся (конечно, совершенно неосновательно) Гапонову:

Б—въ, буйный забіяка
Собесѣдникъ дорогой!
Ради рома и арака,
Посѣти домишко мой.

Пріятели прекрасно проводили время за виномъ и картами. Гапоновъ еженедѣльно бывалъ у Б—ва, а Б—въ наѣзжалъ иногда къ нему въ Дмитріевъ. Обратный путь изъ Фатежа въ Дмитріевъ Гапоновъ совершалъ обыкновенно другимъ трактомъ, заѣзжая въ орловскую губернію къ одному знакомому помѣщику, у котораго также находилъ радушный пріемъ, угощеніе и доступныя въ деревнѣ удовольствія, опять таки съ неизбѣжной карточной игрой. Да и вообще, во всѣхъ селахъ, гдѣ онъ останавливался, онъ находилъ хорошій пріемъ, благодаря своему значенію для мѣстнаго духовенства; всякій священникъ считалъ за честь принять у себя такое вліятельное лицо, какъ Гапоновъ.

Нерѣдко Гапонову приходилось проигрывать всѣ деньги, которыя онъ имѣлъ при себѣ, и, кромѣ того, даже лошадей и экипажъ. Такія случайности, можетъ быть, и причиняли ему непріятныя ощущенія, но вообще не оставляли глубокаго слѣда въ его жизни. Былъ, впрочемъ, одинъ случай, который чуть было не надѣлалъ хлопотъ Гапонову. Одинъ разъ Гапоновъ поѣхалъ

къ знакомымъ помѣщикамъ, жившимъ недалеко отъ Дмитріева, въ селѣ М. Засѣли въ карты, по обыкновенію. Игра прерывалась обильными возліяніями; всѣ увлеклись и провели незамѣтно почти цѣлую ночь. Гапонову страшно не везло. Онъ проигралъ уже хозяину всѣ свои деньги, экипажъ и собственныхъ лошадей, на которыхъ пріѣхалъ. Наконецъ, онъ предлагаетъ поставить на карту своего кучера, съ которымъ онъ пріѣхалъ. Хозяинъ согласился, и кучеръ также былъ проигранъ. Утромъ Гапоновъ попросилъ себѣ лошадь—доѣхать до Дмитріева, а кучеру приказалъ остаться, увѣривъ его, что за нимъ послѣ будетъ прислана изъ Дмитріева подвода. По отъѣздѣ Гапонова помѣщикъ захотѣлъ посмотрѣть, какого рода собственность онъ пріобрѣлъ себѣ у Гапонова, что за человѣкъ выигранный имъ кучеръ. Позвали кучера. Уже одна наружность его обращала на себя вниманіе: это былъ худощавый юркій старичокъ, одѣтый въ какое-то полукафтанье совсѣмъ некучерского покроя и меньше всего похожій на типичнаго «кучера».—«Ты что умѣешь дѣлать?» спрашиваетъ баринъ: «знаешь какое-нибудь мастерство? мнѣ мастера нужны».—«Да какое-жъ мое мастерство, ваше в—іе! только и знаю, что «тили-бомъ, тили-бомъ»; умѣю протянуть «Всемірную славу», прочитать»...—«Какъ! да кто-же ты»?!—«Дьячокъ N—ской церкви, ваше в—іе»!..—«Такъ вотъ какъ?! Хорошъ отецъ протопопъ»!.. Дѣло оказалось очень простымъ: Гапоновъ поставилъ на карту и проигралъ дьячка, съ которымъ обыкновенно выѣзжалъ. Разумѣется, Гапонову не поздоровилось отъ партнера, и едва удалось замять эту исторію. Въ другой разъ возникло дѣло по обвиненію Гапонова въ томъ, что онъ «подъ видомъ выигрыша въ карты» забралъ самовольно у однодворца села Гостомли Василія Творогова «разные фрукты и закуски». Дѣло это, хотя и не имѣло особенно дурныхъ послѣдствій для Гапонова, но надѣлало скандальнаго шума, такъ какъ было въ производствѣ у дмитріевскаго городничаго; а злосчастные «фрукты и закуски», сыгравшіе роль своего рода casus belli, увѣковѣчены исторіей.

Открытая веселая жизнь и карточная игра требовали значительныхъ средствъ, которыя у Гапонова не всегда были. Его

значеніе въ округѣ само по себѣ обезпечивало ему извѣстный доходъ—и гласный, и не гласный. Извѣстно, что духовныя правленія не упускали удобныхъ случаевъ, когда можно было получить приличную мзду; напр., при представленіи годовыхъ вѣдомостей о церквахъ со всѣхъ церквей брали по 6 рублей въ пользу канцеляріи и членовъ правленія, брали также и при представленіи «вѣдомостей о качествахъ священнослужителей». Мы не говоримъ уже о томъ, что тяжбы между членами причтовъ были неизсякаемымъ источникомъ доходовъ. Но всего этого было слишкомъ недостаточно для широкихъ инстинктовъ Гапонова; приходилось нерѣдко добывать деньги и другими способами. Гапоновъ, напр., иногда бралъ «заимообразно» изъ церковныхъ денегъ (церквей своего благочинія) довольно крупныя суммы—даже до 250 рублей, для чего входилъ въ соглашеніе съ тѣми-же своими пріятелями благочинными. Врядъ-ли когда-нибудь эти «займы» оплачивались. Въ 1808 году возникло дѣло о томъ, что Гапоновъ бралъ церковныя деньги у церковныхъ старостъ соборной дмитріевской церкви; очевидно, Гапоновъ бралъ изъ своей церкви деньги не одинъ разъ, такъ какъ пришлось вызывать двухъ церковныхъ старостъ, и такъ какъ предписано было провѣрить приходо-расходныя церковныя книги за періодъ съ 1799 года по 1808-й. Конечно, и благочинные, и церковные старосты не имѣли возможности входить въ пререканія съ Гапоновымъ и безпрекословно исполняли его требованія: церковныя сокровищницы любезно открывались для своеобразныхъ «займовъ». Нужно еще удивляться тому, что по поводу этихъ займовъ возникали «дѣла»... Затѣмъ: Гапоновъ собиралъ деньги въ кассу «библейскаго сотоварищества», а также и на покупку разныхъ рекомендованныхъ начальствомъ книгъ, которыя иногда высылались цѣлыми транспортами изъ Петербурга, и т. д.; какъ видно изъ документовъ, эти деньги далеко не всегда доходили полностію по назначенію. Да и мало-ли, вообще, могло представиться случаевъ для Гапонова къ тому, чтобы поживиться!..

Стремленіе къ самовластію, необузданность характера и недисциплинированность натуры нерѣдко вызывали непріятности

болѣе серьезнаго свойства,—непріятности, благодаря которымъ Гапоновъ становился притчей во языцѣхъ, что было большимъ ударомъ для его самолюбія.

Такъ, напр., въ 1801 году возникло дѣло по обвиненію Гапонова въ томъ, что онъ вымогаетъ подводы у духовенства и, злоупотребляя своимъ вліяніемъ, останавливается для ночлеговъ у священниковъ, чѣмъ причиняетъ имъ хлопоты и вводитъ ихъ въ непосильные расходы. Несомнѣнно, что это обвиненіе вполнѣ согласуется съ тѣми представленіями о Гапоновѣ, которыя мы имѣемъ: вполнѣ возможно, что Гапоновъ требовалъ своею властію лошадей и людей для своихъ путешествій, когда ему хотѣлось и сколько хотѣлось, и останавливался для ночлеговъ по пути, гдѣ ему было угодно. За это дѣло взялись энергично въ духовномъ правленіи; но ничего опредѣленнаго выяснить не удалось—Гапоновъ съумѣлъ вывернуться и здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ. Два раза посылался изъ духовнаго правленія ордеръ, которымъ благочинному предписывалось спросить у священно-церковнослужителей, жившихъ по тракту отъ г. Дмитріева до Фатежа: «дѣйствительно-ли присутствующій сего правленія прот. Гапоновъ, переѣзжая изъ Фатежа въ Дмитріевъ и изъ Дмитріева въ Фатежъ, вымогаетъ у нихъ подводы»? Любопытно, что вторичный ордеръ былъ подписанъ самимъ-же обвиняемымъ, Гапоновымъ. На указанномъ «трактѣ» благочиннымъ былъ большой пріятель Гапонова, священникъ М. О—скій, къ которому, такимъ образомъ, и перешло означенное дѣло. Неудивительно, что оно было окончено полнымъ оправданіемъ Гапонова. Самъ же Гапоновъ написалъ для О—скаго начерно «репортъ» въ духовное правленіе, въ которомъ значится слѣдующее: «спрошенные священнослужители единогласно показали, что прот. Гапоновъ проѣзжалъ по тракту на своихъ лошадяхъ и останавливался иногда въ ихъ домахъ, чѣмъ, однако, никакого убытка имъ не причинилъ; только два раза бралъ онъ у священника села Л. трехъ лошадей, но въ оба раза заплатилъ за нихъ законные прогоны» [1]).

---

[1]) Этотъ «репортъ», писанный собственноручно Г—вымъ, хранится въ дѣлахъ архива.

Особеннно громкая исторія вышла у Гапонова, благодаря его необузданности, съ священникомъ Б—вымъ, о которомъ мы говорили выше.

Въ одно время между пріятелями возникло недоразуменіе,—какъ говоритъ преданіе, изъ-за картъ. Они основательно поссорились. И вотъ однажды, когда Б—въ пріѣхалъ въ Дмитріевъ, Гапоновъ приказалъ своимъ крѣпостнымъ разложить Б—ва и выпороть —фактъ, вполнѣ возможный для того времени и понятный, такъ какъ крѣпостные, за неисполненіе приказаній своего господина, могли поплатиться собственною шкурою. Какъ громомъ сразило бѣднаго Б—ва, совершенно невинно потерпѣвшаго такое страшное—въ особенности для духовнаго лица—оскорбленіе. Неясные слухи о расправѣ Гапонова разнеслись по округѣ и дошли даже до преосв. Ѳеоктиста, который, однако, не нашелъ возможнымъ возбудить это скандальное дѣло. Б—въ глубоко затаилъ въ сердцѣ страшную обиду и лелѣялъ надежду отомстить когда-нибудь своему бывшему пріятелю. Прошло нѣсколько лѣтъ. Разумѣется, всякія отношенія между Гапоновымъ и Б—вымъ прекратились. Одинъ разъ, однако, имъ пришлось встрѣтиться въ домѣ общаго знакомаго на вечеринкѣ. Можетъ быть, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, на Гапонова нашло благодушное и примирительное настроеніе, тѣмъ болѣе, что уже нѣсколько лѣтъ прошло послѣ ссоры. Милостиво онъ обратился къ Б—ву и началъ съ нимъ бесѣдовать. Выпили, помирились за чаркой вина и стали повидимому опять друзьями. Вспомнилось Гапонову, какіе пріятные часы онъ проводилъ у Б—ва въ былое время, и захотѣлось ему возобновить прежнія отношенія. Поэтому онъ пригласилъ Б—ва къ себѣ въ Д. Тотъ согласился; и вотъ чрезъ нѣсколько времени въ «домикѣ» Гапонова состоялось полное примиреніе враговъ, при многочисленныхъ свидѣтеляхъ, радовавшихся этому. Съ тѣхъ поръ Гапоновъ опять сталъ ѣздить въ Фатежъ чрезъ село, въ которомъ жилъ Б—въ, и опять стали повторяться прежнія вечеринки въ домѣ Б—ва. Повидимому, было ясно на горизонтѣ, и ничто не омрачало отношеній пріятелей. Но между тѣмъ собиралась грозная туча, которая вдругъ разразилась

надъ Гапоновымъ. Послѣ одной ночи, пріятно проведенной въ обществѣ Б—ва, Гапоновъ, въ самомъ благодушномъ настроеніи, завтракалъ, собираясь ѣхать далѣе.—У крыльца уже стоялъ экипажъ, поданный для Гапонова. Случайно—а можетъ быть и не случайно—зашла рѣчь о лошадяхъ. Б—въ похвалился, что у него на конюшнѣ стоитъ въ настоящее время, хорошій жеребецъ, котораго онъ готовитъ къ продажѣ. Гапоновъ, большой любитель лошадей, заинтересовался этимъ и попросилъ показать ему жеребца, который и Гапонову очень понравился. На порогѣ конюшни вдругъ, по знаку Б—ва, на Гапонова накинулись конюхи и челядь и схватили его. «Выпороть его!» крикнулъ Б—въ. Гапоновъ, блѣдный, растерянный, съ выраженіемъ нѣмого ужаса на лицѣ смотрѣлъ на Б—ва. Прерывающимся дрожащимъ голосомъ онъ умолялъ Б—ва: «что-жъ ты, братъ, дѣлаешь?!»—«А помнишь, отецъ протопопъ»?..—По окончаніи экзекуціи Гапонову сейчасъ же былъ поданъ экипажъ, и онъ уѣхалъ—въ какомъ состояніи, предоставляемъ судить читателямъ. Слухъ объ этомъ распространился по благочинію и поразилъ всѣхъ: еще до нѣкоторой степени была понятна расправа съ Б—вымъ, который былъ все-таки простымъ священникомъ; но въ умѣ обывателей рѣшительно не укладывалось представленіе о солидномъ протопопѣ, «благочинномъ благочинныхъ», и о жестокой экзекуціи, учиненной надъ нимъ.

Сейчасъ-же по пріѣздѣ изъ Фатежа въ Дмитріевъ, Гапоновъ оправился въ Бѣлгородъ къ преосв. Ѳеоктисту съ жалобой на Б—ва. Подаетъ прошеніе преосвященному. Тотъ принялъ его сухо и сдержанно.—«Ну, что жъ? надѣешься доказать то, о чемъ пишешь? были свидѣтели»?—Какъ же, ваше преосвященство, тамъ было много народу изъ крестьянъ Б—ва».—«Тѣмъ хуже для тебя. Крестьяне развѣ покажутъ за тебя? станутъ-ли они говорить противъ своего владѣльца?»—«Я не знаю».—«Если надѣешься доказать, то принимаю прошеніе; а лучше, совѣтую оставить дѣло».—«Да какъ же такъ, владыка? какъ же стерпѣть такую тяжелую обиду»!—«А такъ. Теперь о твоемъ позорѣ еще немногіе знаютъ,—ходятъ только неясные слухи; а когда оффи-

ціально начнется судебное дѣло, то узнаетъ объ этомъ вся епархія, и мнѣ придется поставить какое-нибудь рѣшеніе. Къ тому же, я слышалъ, будто и ты продѣлалъ съ Б—вымъ то же самое; было это»?.. Гапоновъ замялся, помолчалъ и съ поклономъ удалился. Разумѣется, совѣтъ преосвященнаго не возбуждать дѣла былъ очень разумнымъ, и Гапоновъ не могъ не сознавать этого.

Такъ окончилось это дѣло, единственное въ своемъ родѣ въ лѣтописяхъ духовенства курской епархіи. Гапоновъ съ этихъ поръ не пользуется такимъ благоволеніемъ епархіальнаго начальства, какъ раньше.

IV.

Какъ и слѣдовало ожидать, прот. Гапоновъ кончилъ очень плохо. Слишкомъ ужъ расходилась его широкая натура; а окружающая среда не представляла никакого противодѣйствія его произволу, напротивъ, всѣ потворствовали его прихотямъ, все было къ его услугамъ, и нужны были особыя чрезвычайныя мѣры, чтобы покончить съ гнетомъ могущественнаго протопопа. Сообразно естественному ходу вещей, жажда дѣятельности и стремленіе къ самовластію развивались въ Гапоновѣ все болѣе и болѣе. Но, вѣдь, не могли жъ они развиваться безъ конца; когда-нибудь долженъ былъ наступить моментъ, когда дѣйствія Гапонова превысятъ всѣ возможныя нормы, когда область возможнаго и терпимаго будетъ исчерпана. И такой моментъ наступилъ... Впрочемъ, нужно сказать, что Гапоновъ попался не въ той сферѣ, гдѣ онъ совершилъ наиболѣе злоупотребленій и гдѣ именно и нужно было возмездіе за совершенное имъ, а въ чуждой—гражданской области, и притомъ лишь благодаря случайному «увлеченію» Гапонова.

Съ самыхъ первыхъ лѣтъ дѣятельности Гапонова были люди, завидовавшіе ему и съ неудовольствіемъ смотрѣвшіе на усиленіе его вліянія въ мѣстной средѣ. Это были почти всегда соперники его въ административно-церковной сферѣ: члены духовнаго правленія, вліятельные благочинные и т. д. Вначалѣ они не имѣли

возможности бороться съ Гапоновымъ—они терялись въ массѣ сочувствовавшихъ ему лицъ. Если же они и пробовали бороться, то по большей части терпѣли неудачу и сходили со сцены въ число заурядныхъ дѣятелей. Такова напр., поучительная исторія одного благочиннаго (Сергѣя Ѳедотова), который вздумалъ было раскрыть злоупотребленія Гапонова и его пріятелей; пользуясь своимъ вліяніемъ, Гапоновъ едва не добился того, чтобы Ѳедотовъ былъ устраненъ отъ должности (это было въ 1817 году) [1]). Но съ теченіемъ времени число недовольныхъ росло, благодаря необузданности и неосторожности Гапонова; обаяніе авторитета власти Гапонова и его личности уменьшалось. Обыватели стали возмущаться выходками и беззаконіями Гапонова и стали все громче и громче выражать свой протестъ. Это стало особенно замѣтно съ тѣхъ поръ, какъ умеръ преосв. Ѳеоктистъ (въ 1818 году), благоволившій къ Гапонову. Значеніе Гапонова съ этого времени начинаетъ замѣтно падать. Теперь на него ополчились всѣ враги, до сихъ поръ скрывавшіеся въ разныхъ закоулкахъ; выступаетъ на сцену—и уже съ бо́льшимъ успѣхомъ—его прежній недоброжелатель, свящ. С. Ѳедотовъ. Такимъ образомъ, начиная съ 1821 года возникаютъ одно за другимъ нѣсколько дѣлъ, въ которыхъ обвиняемымъ лицомъ является протоіерей Гапоновъ. Дѣла эти, какъ значится въ одной изъ мѣсячныхъ вѣдомостей духовнаго правленія, были слѣдующія.

Апрѣля 1-го, 1821 года священнослужители и церковный староста соборной г. Дмитріева церкви (т. е., сослуживцы Гапонова) подали въ духовное правленіе репортъ о томъ, что Гапоновъ взялъ 914 рублей церковныхъ свѣчныхъ денегъ, предназначенныхъ къ отсылкѣ «въ казенныя мѣста» для храненія, и изъ нихъ представилъ только 386 р. съ копейками [2]). 15 апрѣля благоч.

---

[1]) Ѳедотовъ подавалъ, между прочимъ, доносъ на благоч. О—скаго, пріятеля Гапонова; но рапортъ его найденъ не заслуживающимъ довѣрія (совершенно безъ всякихъ основаній); въ отвѣтъ на этотъ рапортъ духовное правленіе, во главѣ съ Гапоновымъ, сдѣлало уже постановленіе объ устраненіи Ѳедотова отъ благочиннической должности.

[2]) Вспомнимъ, что подобное дѣло возникало въ 1808 г. (см. выше); очевидно, эти заимствованія изъ церковныхъ суммъ практико-

Сергѣй Ѳедотовъ донесъ, что Гапоновъ совершилъ по греко-россійскому обряду погребеніе *скоропостижно* умершаго *лютеранина*—помѣщика, тайнаго совѣтника Брискорна, и похоронилъ его подъ новопостроенной церковію (конечно, православной) въ селѣ П—ахъ, куда также было перенесено и тѣло ранѣе умершаго трехлѣтняго сына Брискорна; причемъ, по словамъ Ѳедотова, священнослужители, участвовавшіе въ этомъ беззаконномъ дѣлѣ вмѣстѣ съ Гапоновымъ, дѣйствовали по личному приказанію и подъ давленіемъ Гапонова. 13 іюня того-же года свящ. соборной г. Дмитріева церкви Алексѣй В—въ подалъ прошеніе на Гапонова, обвиняя его въ томъ, что онъ причинилъ ему, В—ву, во время всенощнаго бдѣнія *въ алтарѣ* «обиды поносительными словами». 11-го августа того-же года тотъ-же С. Ѳедотовъ донесъ, что прот. Гапоновъ «въ разныя времена» собиралъ съ нѣкоторыхъ церквей дмитріевскаго уѣзда изъ кошельковыхъ суммъ пожертвованія на россійское библейское общество, каковыя деньги не были доставляемы имъ, Гапоновымъ, полностію въ кассу общества.

По этимъ 4 дѣламъ въ духовномъ правленіи началось разслѣдованіе, которое производилось съ удивительною—даже и для того времени—медленностію, удивительною тѣмъ болѣе, что обвиненія, предъявленныя къ Гапонову, были серьезнаго характера. При преемникѣ преосв. Ѳеоктиста, Евгеніи (Казанцевѣ), дѣло нисколько не подвинулось впередъ—видно, все еще боялись взяться за протопопа безъ особенно сильныхъ побужденій. Но когда на курскую каѳедру былъ назначенъ умный, энергичный и строгій Владиміръ (Ужинскій, въ апрѣлѣ 1822 г.), то дѣло приняло нѣсколько другой оборотъ. 2 ноября 1822 г. состоялось постановленіе консисторіи объ увольненіи Гапонова отъ благочиннической должности, которая была временно поручена благочинному слоб. М. Евдокиму Ѳедотову, о чемъ къ Гапонову былъ посланъ указъ. Само собою разумѣется, что Гапоновъ былъ устраненъ и отъ должности первоприсутствующаго въ духовномъ правленіи.

вались Гапоновымъ систематически; теперь его сослуживцы потеряли всякое терпѣніе.

Но привыкшій къ самовластію и къ исключительному привилегированному положенію въ средѣ мѣстнаго духовенства, протоіерей Гапоновъ никакъ не могъ помириться съ указаннымъ постановленіемъ консисторіи—вѣрно, ему ужъ очень обидно было отказаться отъ прерогативъ «главнаго благочиннаго» и соединенныхъ съ этимъ званіемъ житейскихъ удобствъ; онъ рѣшительно не могъ согласиться удовлетвориться скромнымъ положеніемъ простого уѣзднаго протоіерея. И вотъ онъ, можетъ быть, питая смутныя надежды вернуть какъ-нибудь благоволеніе епархіальнаго начальства, всѣми мѣрами старается отсрочить моментъ окончательнаго отчета по благочинію. Онъ придумываетъ разныя увертки, пускается на разныя хитрости: то сказывается больнымъ, то по цѣлымъ недѣлямъ не бываетъ дома и т. д. Сильныя связи въ консисторіи, а можетъ быть и денежныя подачки вліятельнымъ лицамъ помогали ему въ этомъ случаѣ.

Какъ мы уже замѣтили, 2 ноября 1822 года, Гапоновъ былъ устраненъ отъ должности благочиннаго. Его временному преемнику, Е. Өедотову, поручено было «учинить исполненіе по всѣмъ указамъ, кои были посланы къ бывшему благочинному прот. Гапонову, но имъ не исполнены», и принять отъ Гапонова всѣ дѣла по должности. Но прошелъ уже почти мѣсяцъ послѣ этого указа, а Гапоновъ и не думалъ сдавать должности. Прот. Евдокимъ Өедотовъ рапортуетъ духовному правленію, что онъ два раза ѣздилъ въ Дмитріевъ къ Гапонову для принятія отъ него дѣлъ—16-го и 24-го ноября, но, по пріѣздѣ туда, «онаго протоіерея Гапонова въ его домѣ не заставалъ, а потому по благочинію дѣлъ никакихъ отъ него не могъ принять, да и *впредь не надѣется*, за его частою отлучкою, принять». Въ виду этого репорта правленіе опредѣлило: «послать вторичный къ показанному прот. Гапонову указъ съ тѣмъ, чтобы онъ безъ всякаго уклоненія сдалъ всѣ письменныя дѣла, до благочиннической должности касающіяся, по описи, съ роспискою, а священнослужителямъ г. Дмитріева соборной церкви предписать, что какъ скоро прот. Гапоновъ возвратится въ свой домъ, то они того жъ числа увѣдомили бы прот.

Е. Ѳ—ва съ нарочнымъ письменно о таковомъ его, Гапонова, возвращеніи въ свой домъ».

Изъ документовъ не видно, когда и при какихъ именно обстоятельствахъ было исполнено это предписаніе. Но нельзя не признать, что эта крайняя мѣра—полицейскій надзоръ за Гапоновымъ его сослуживцевъ—является довольно остроумнымъ выходомъ изъ затруднительнаго положенія, въ которое было поставлено духовное правленіе.

Устраненіе прот. Гапонова отъ должности благочиннаго, конечно, было только началомъ дѣла. Эта мѣра сама по себѣ не могла служить наказаніемъ; она лишь отчасти предупреждала возможность злоупотребленій по должности со стороны Гапонова. Но на этомъ началѣ епархіальная власть пока и остановилась. До самаго конца 1823 года мы не находимъ въ архивѣ никакихъ слѣдовъ начатаго о Гапоновѣ дѣла: что именно за этотъ годъ сдѣлало фатежское правленіе для разслѣдованія, отбирало ли оно отъ Гапонова какія-нибудь показанія, требовало ли оно вообще его къ допросу—ничего неизвѣстно; а дальнѣйшій ходъ событій доказываетъ, что сдѣлано было во всякамъ случаѣ очень мало или даже и совсѣмъ ничего.

Для дальнѣйшаго движенія дѣла имѣли большое значеніе «вѣдомости о дѣлахъ, производящихся относительно духовныхъ лицъ», которыя ежемѣсячно представлялись духовными правленіями преосв. Владиміру, по его требованію. Преосв. Владиміръ внимательно прочитывалъ эти вѣдомости и слѣдилъ за дѣлами. Изъ дѣлъ о Гапоновѣ особенное вниманіе преосвященнаго обратило на себя дѣло о недоставленіи въ кассу библейскаго сотоварищества собранныхъ денегъ. Это дѣло признавалось и духовнымъ правленіемъ и епископомъ, какъ видно, особенно важнымъ. Изъ духовнаго правленія къ Гапонову были посланы три указа о доставленіи объясненія относительно этого дѣла: отъ 3 ноября, отъ 24 ноября 1823 года и отъ 10 января 1824 года. Когда же отъ Гапонова не получено было никакого отвѣта на эти указы,—послѣдовала такая резолюція преосвященнаго: «по означенному дѣлу велѣть духовному правленію чрезъ нарочнаго вызвать прот.

Гапонова и на законномъ основаніи настоятельно требовать отъ него показаннаго объясненія». Во исполненіе этой резолюціи, послѣдовавшей во второй половинѣ января 1824 года, духовное правленіе послало къ Гапонову указы о явкѣ въ правленіе для отвѣта какъ по этому дѣлу, такъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и по другимъ вышеупомянутымъ: отъ 27 февраля, отъ 7 марта и отъ 28 апрѣля; а 13 іюня былъ посланъ за Гапоновымъ нарочный «съ инструкціей».

Гапоновъ, для отвѣта по касающимся до него дѣламъ, въ духовное правленіе не явился и объясненій никакихъ не представилъ даже послѣ этихъ распоряженій правленія и резолюціи преосвященнаго. Преблагополучно онъ проживалъ въ Дмитріевѣ, пользуясь все еще протоіерейскими доходами и попрежнему собирая у себя веселыя компаніи. Очевидно, въ своемъ «домишкѣ» онъ чувствовалъ себя прекрасно и въ полной безопасности. Онъ и не думалъ оставлять своего прежняго образа жизни и попрежнему разъѣзжалъ по окрестнымъ помѣстьямъ.

Духовное правленіе очутилось въ очень затруднительномъ положеніи. Что нужно было дѣлать? какъ исполнить резолюцію преосвященнаго и притянуть Гапонова къ отвѣту?...

Духовное правленіе дѣлаетъ запросъ въ консисторію: какъ ему поступить съ Гапоновымъ?—рѣшить-ли его дѣла, не взирая на его отсутствіе, или же переслать ихъ въ консисторію? Это «отношеніе» духовнаго правленія въ консисторію является документомъ довольно любопытнымъ: видно, что канцелярія правленія призвала на помощь всѣ свои свѣдѣнія по юридической части, употребила въ дѣло всѣ канцелярскія увертки, извѣстныя ей,—лишь-бы только не ударить лицомъ въ грязь предъ консисторіей и показать во всемъ блескѣ свою дѣятельность. Между прочимъ, правленію слѣдовало сдѣлать въ «отношеніи» такъ называемую «справку», т. е., нужно было сослаться на какой-нибудь (подходящій) законъ, которымъ можно было бы мотивировать постановленіе по дѣлу. Но въ распоряженіи правленія не оказалось вполнѣ удовлетворительныхъ и удобопримѣнимыхъ постановленій, которыя могли бы служить для руководства. Самый

подходящій, но значительно уже устарѣвшій (1723 года) и не вполнѣ пригодный законъ гласилъ слѣдующее: «ежели отвѣтчикъ или истецъ къ суду не станетъ на положенный срокъ и не объявитъ о себѣ, для чего не сталъ, то его сыскивать такимъ образомъ: первый день *съ барабаннымъ боемъ* и указъ публиковать, чтобъ явился къ суду въ недѣлю, а когда по прошествіи недѣли не явится, того *обвинить*». Духовное правленіе и ссылается на этотъ законъ. Но чувствуя, что онъ какъ будто-бы и не совсѣмъ идетъ къ дѣлу и всего меньше можетъ быть приложимъ на практикѣ, авторъ отношенія здѣсь же рядомъ приводитъ совсѣмъ ужъ неюридическую справку: «а въ посланіи св. ап. Павла къ ефесеямъ, главы 13-й, въ стихахъ 1-мъ и 2-мъ, говорится: всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется» и т. д. (слѣдуетъ выписка извѣстныхъ словъ посланія о повиновеніи властямъ).

Въ отвѣтъ на запросъ правленія консисторія шлетъ длиннѣйшій и изложенный чрезвычайно запутанно и сбивчиво указъ. Въ основаніи этого указа лежитъ новый, еще не дошедшій до правленія, законъ: высочайше утвержденное 29 января 1824 года мнѣніе государственнаго совѣта «о пресѣченіи подсудимымъ способовъ уклоняться отъ явки въ уголовный судъ». Въ этомъ «мнѣніи» подробно трактуется о томъ, «какъ привлекать къ отвѣту уклоняющихся отъ него преступниковъ», какъ поступать, когда они сказываются больными и т. д., т. е., какъ разъ именно примѣнительно къ дѣлу о Гапоновѣ.

Можно было бы заключить, что послѣ этой переписки, послѣ столькихъ хлопотъ и огорченій консисторія, наконецъ, нашла способъ уладить затрудненіе и пришла къ какому-нибудь вполнѣ опредѣленному и имѣющему жизненное значеніе выводу. Но... гора родила мышь. Внушительный съ внѣшней стороны и юридически обоснованный указъ заканчивается опредѣленіемъ довольно таки плачевнаго характера: «предписать мѣстному, по г. Дмитріеву, благочинному, чтобы онъ, объявя сей законъ (вышеупомянутое «мнѣніе») протоіерею Гапонову, обязалъ его на основаніи онаго подпискою о явкѣ въ правленіе по касающимся до

него дѣламъ» и подписку эту доставилъ въ правленіе немедленно [1]).

Очевидно, эта мѣра не только не могла привести къ какимъ-нибудь дѣйствительнымъ и существеннымъ результатамъ, но даже являлась въ судебной процедурѣ «шагомъ назадъ»: сколько ужъ разъ посылали къ Гапонову—и «ордеры» и нарочныхъ! Духовное правленіе ужъ и счетъ потеряло своимъ посламъ...

Кажется, что, такимъ образомъ, начальствомъ были испытаны всѣ мѣры, находившіяся въ его распоряженіи къ тому, чтобы вызвать прот. Гапонова. Не доставало только «барабаннаго боя». И дѣйствительно, если-бы, какъ разъ къ этому случаю, не было опибликовано указанное «мнѣніе» государственнаго совѣта, то прот. Гапонову, пожалуй, предстояла бы перспектива сыска «съ барабаннымъ боемъ» и опубликованіемъ указа.

Гапоновъ, и послѣ упомянутаго указа консисторіи продолжалъ отсиживаться въ Дмитріевѣ, сославшись на упорную болѣзнь. Такимъ образомъ прошло еще 4—5 мѣсяцевъ. Въ ноябрѣ Гапоновъ прислалъ благочинному рапортъ, въ которомъ сказывался больнымъ и обязывался по выздоровленіи явиться къ отвѣту. Но и до февраля мѣсяца, какъ и слѣдовало ожидать, онъ не явился; поэтому духовное правленіе предписываетъ благоч. Е. Ѳедотову отправиться на мѣсто (въ Дмитріевъ) и «совершенно узнавъ, боленъ-ли оный прот. Гапоновъ или здоровъ», донести правленію о результатахъ своей поѣздки (указъ правленія отъ 28 февраля 1825 года). 26 марта духовное правленіе вынуждено опять послать благочинному предписаніе, чтобы онъ «не медля, при надлежащемъ посредствѣ и чрезъ кого слѣдуетъ, освидѣтельствовалъ Гапонова: подлинно ли онъ боленъ до невозможности явиться (въ правленіе) и какою именно болѣзнію; а затѣмъ доставить безпристрастныя свѣдѣнія, не занимается ли онъ, Гапоновъ, съ того времени, какъ сталъ отзываться больнымъ, отправленіемъ своей должности по церкви и приходу, и часто ли и въ пол-

---

[1]) Указъ курской духовной консисторіи отъ 4 августа 1824 года за № 2809.

номъ ли порядкѣ, также не отлучался ли онъ куда-либо, и буде отлучался, то куда именно, надолго ли, сколько разъ и по какимъ причинамъ».

Мы потому такъ долго останавливаемся на подробностяхъ этого дѣла, что онѣ очень ярко характеризуютъ намъ судебную процедуру того времени. Въ 1821 году началось судебное дѣло. Но вотъ наступилъ уже 1825 годъ, а оно не двинулось ни на шагъ. За 4 года, при всѣхъ стараніяхъ, не могли даже снять допроса съ Гапонова или, можетъ быть, и могли, да не хотѣли...

Чрезвычайно курьезное, а подчасъ и трагикомическое, впечатлѣніе производитъ вся эта исторія. Съ одной стороны—«начальство», вооруженное «ордерами», «предложеніями» и т. д., имѣющее въ своемъ распоряженіи всѣ возможныя средства—до грубой полицейской силы включительно; съ другой—обыкновенный уѣздный протопопъ, прежде, можетъ быть, и сильный, и вліятельный, но теперь, во всякомъ случаѣ, сошедшій со сцены, обвиняемый въ разныхъ преступленіяхъ и потому лишенный не только почета, но и расположенія своихъ знакомыхъ и друзей. И при всѣхъ своихъ усиліяхъ начальство ничего не могло сдѣлать съ этимъ протопопомъ; а онъ все оттягивалъ и оттягивалъ развязку...

И трудно сказать, чѣмъ окончилась бы эта неравная (Гапоновъ, несомнѣнно, былъ фактически сильнѣйшей до сихъ поръ стороною) борьба, если бы не случилось происшествіе, которое подвинуло дѣло впередъ и привело его къ роковому для Гапонова исходу.

V.

Въ окрестностяхъ Дмитріева жила въ своемъ имѣніи вдова, помѣщица Брискорнъ. Это была очень богатая землевладѣлица; нѣсколько селъ подъ-рядъ принадлежали ей; въ главномъ имѣніи, въ селѣ С., былъ у нея прекрасный «дворецъ», въ которомъ она и проживала. Прот. Гапоновъ, какимъ-то образомъ пріобрѣлъ ея

довѣріе и сдѣлался главнымъ управляющимъ ея имѣній, удачно совмѣщая свои сложныя обязанности съ этою частною должностію. Для повѣрки отчетовъ и для общаго наблюденія за хозяйствомъ Гапоновъ нерѣдко пріѣзжалъ въ имѣніе. Въ эти наѣзды Гапоновъ чинилъ судъ и расправу надъ провинившимися «подданными» (какъ тогда называли себя крѣпостные) ея превосходительства и давалъ порядки, при чемъ дѣйствовалъ, конечно, вполнѣ самостоятельно и независимо. И вообще, Гапоновъ былъ полнымъ хозяиномъ у Брискорнъ; у него были какія то тѣсныя связи съ ея семействомъ: мы уже видѣли выше, что онъ хоронилъ ея мужа, о чемъ и возникло дѣло. Какъ онъ расправлялся съ крестьянами—объ этомъ можно судить уже по тому, что мы знаемъ о его характерѣ и склонностяхъ.

Одинъ разъ онъ жестоко наказалъ крестьянъ Брискорнъ—и притомъ, нужно думать, незаслуженно и несправедливо, такъ какъ крестьяне подали жалобу на него «свѣтской командѣ». Это было въ 1823 или 1824 году. Вскорѣ послѣ этого Гапоновъ еще рѣзче проявилъ свой произволъ. Онъ жестоко выпоролъ какого то «иностранца Франка». Какое положеніе въ домѣ Брискорнъ занималъ этотъ Франкъ, былъ ли онъ гувернеромъ или же управлялъ какимъ-либо изъ имѣній Брискорнъ, изъ документовъ не видно; но несомнѣнно, что онъ былъ лицомъ привилегированнымъ. Всего вѣроятнѣе, онъ навлекъ на себя неудовольствіе Гапонова тѣмъ, что не потворствовалъ его прихотямъ, не одобрялъ его дѣйствій по управленію имѣніями; во всякомъ случаѣ, если онъ игралъ значительную роль въ имѣніи, то поводы для столкновенія съ Гапоновымъ всегда могли найтись, тѣмъ болѣе, что Гапоновъ не привыкъ улаживать ссоры мирнымъ путемъ. Почти одновременно съ потерпѣвшими крестьянами подалъ жалобу на Гапонова и Франкъ.

Такимъ образомъ возникли два новыхъ дѣла о прот. Гапоновѣ—уже въ судѣ свѣтскомъ. Къ первому дѣлу—о крестьянахъ—была привлечена и госпожа ихъ Брискорнъ, очевидно, принимавшая самое живое и дѣятельное участіе въ расправѣ; вмѣстѣ съ Гапоновымъ она обвинялась въ «безпорядочномъ обращеніи» съ крестьянами.

Однако, и въ этомъ случаѣ Гапоновъ на первый разъ съумѣлъ уклониться отъ отвѣта; дѣла затянулись: «свѣтская команда» отнеслась къ начальству Гапонова, это послѣднее дало отвѣтъ «командѣ», нужно было назначить депутата для присутствованія при дѣлѣ и т. д., и т. д. Но такъ какъ дѣла были серьезнаго характера и возникли въ свѣтскомъ судѣ, и такъ какъ въ судьбѣ потерпѣвшихъ приняли участіе высшія лица администраціи, то и велись эти дѣла нѣсколько иначе, чѣмъ тѣ, которыя были въ судѣ церковномъ. Вѣсть о дикой расправѣ, благодаря этому, дошла до Петербурга, и изъ святѣйшаго синода послѣдовало грозное предписаніе: нарядить надъ прот. Гапоновымъ строжайшее слѣдствіе по жалобамъ Франка и крестьянъ Брискорнъ; назначить для этого трехъ протопоповъ—по одному изъ епархій: курской, орловской и черниговской, которые должны поѣхать въ имѣніе Брискорнъ и, не выѣзжая съ мѣста, разобрать все дѣло и донести о результатахъ святѣйшему синоду.

Назначенные синодомъ слѣдователи прибыли на мѣсто, въ имѣніе Брискорнъ, для производства слѣдствія. Разумѣется, они были тамъ не желанными гостьми. Понятно, поэтому, что ихъ приняли очень плохо и всѣми мѣрами старались выжить изъ имѣнія. Такъ, напр., содержанія отъ Брискорнъ имъ никакого не выдавалось, какъ и слѣдовало, впрочемъ, ожидать, и они должны были сами изыскивать себѣ средства пропитанія—въ буквальномъ смыслѣ слова; приходилось просто бѣдствовать, такъ какъ на пути къ достиженію этой цѣли имъ ставились всевозможныя препятствія со стороны экономіи, и положеніе протопоповъ, принужденныхъ отыскивать себѣ хлѣбъ, провизію, «приварокъ» и т. п., становилось нерѣдко просто комическимъ. При допросѣ свидѣтелей и потерпѣвшихъ, вообще, при веденіи слѣдствія мѣстныя власти уклонялись, по возможности, отъ всякаго содѣйствія слѣдователямъ.

Поработавъ недѣлю-другую, слѣдователи отсылали протоколы о дѣлѣ чрезъ мѣстную почту въ Петербургъ, при чемъ испрашивали обыкновенно дальнѣйшихъ руководственныхъ для себя указаній. Такимъ образомъ прожили они нѣсколько мѣсяцевъ, ото-

слали много бумагъ въ синодъ и ждали отвѣта. Не получивъ его, они продолжали разслѣдовать дѣло по собственнымъ соображеніямъ, на свой страхъ. Прошло еще нѣсколько времени. Дѣло было окончено, вся переписка отослана въ Петербургъ, и слѣдователи только ждали разрѣшенія возвратиться по домамъ. Отвѣта опять таки не получалось никакого. Оставалось ждать. Преданіе говоритъ, что протопопы просидѣли такимъ образомъ въ имѣніи Брискорнъ больше года. Наконецъ, былъ полученъ изъ синода запросъ: почему они затягиваютъ слѣдствіе и *не представляютъ* о немъ никакого *отчета?* Нужно представить себѣ изумленіе слѣдователей!... Недоразумѣніе объяснилось очень просто: мѣстные почтовые чиновники были подкуплены, они жгли всѣ бумаги, которыя отсылались въ синодъ, такъ что ни одна изъ нихъ не достигла по назначенію, и самый этотъ запросъ былъ полученъ лишь потому, что онъ былъ направленъ чрезъ консисторію, которая и доставила его чрезъ нарочнаго по адресу. Пришлось опять повторять всю процедуру сначала: собирать и допрашивать толпы свидѣтелей, отбирать подписи наводить разныя оффиціальныя справки и т. д., и т. д. Близкаго конца дѣлу не предвидѣлось.

Между тѣмъ одинъ изъ пострадавшихъ—Франкъ—уже терялъ терпѣніе, ожидая возмездія Гапонову за обиду. Живя въ имѣніи, наблюдая всю эту судебную волокиту и не видя конца ей, онъ хотѣлъ добиться чего-нибудь самъ, своими собственными силами. Онъ хотѣлъ отправиться лично въ Петербургъ. Но Брискорнъ не разрѣшила ему отпуска, а подкупленная полиція не выдавала вида на проѣздъ; мало того: приняты были всѣ мѣры къ тому, чтобы не выпустить его изъ усадьбы. Франкъ долженъ былъ такимъ образомъ оставаться на мѣстѣ и быть невольнымъ свидѣтелемъ происходившаго. Наконецъ, кто то внушилъ Франку счастливую мысль: перерядить жену въ платье нищей и въ такомъ видѣ попытаться вывести ее изъ усадьбы. Этотъ планъ удался; жена Франка, переряженная, незамѣтно выбралась изъ усадьбы и отправилась въ Петербургъ. Она благополучно добралась до столицы, нашла доступъ къ одной изъ высокопоставленныхъ при-

дворныхъ дамъ, которая была одной національности съ Франкомъ, разсказала ей о всемъ, что происходило въ усадьбѣ Брискорнъ, представила яркую характеристику прот. Гапонова. Та съ участіемъ выслушала ее и обѣщала свое содѣйствіе. Благодаря этому, о дѣлѣ было доведено до свѣдѣнія Государя Николая Павловича. Это было въ срединѣ 1826 года.

Государь былъ возмущенъ, услышавши о дикой расправѣ прот. Гапонова надъ крестьянами и Франкомъ [1]), о судебной волокитѣ и о прочемъ, и отдалъ строжайшій приказъ рѣшить дѣло какъ можно скорѣе. Вотъ почему дѣло выходитъ изъ области спеціальныхъ полномочій епископа и синода и переходитъ въ комитетъ министровъ. Результатомъ этого распоряженія былъ указъ, которымъ судьба прот. Гапонова рѣшается безповоротно и навсегда [2]).

Въ этомъ указѣ между прочимъ значится слѣдующее. «Святѣйшему правительствующему синоду г. оберъ-прокуроръ онаго князь П. С. Мещерскій предлагалъ *во-первыхъ*: выписку изъ журнала комитета г.г. министровъ отъ 26 октября 1826 года для надлежащаго исполненія содержащейся въ оной высочайшей воли о заключеніи курской епархіи протоіерея М. Гапонова, участво-

---

[1]) Извѣстно, каковы были взгляды имп. Николая I на крѣпостное право въ началѣ его царствованія. «Я не понимаю,—говорилъ Государь—какимъ образомъ человѣкъ сдѣлался вещью, и не могу объяснить себѣ этого иначе, какъ хитростью, обманомъ съ одной стороны и невѣжествомъ—съ другой». Двумя рескриптами на имя управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Государь предписалъ дворянству христіанское и сообразное съ законами обращеніе съ крестьянами, явно высказывая свое желаніе оградить крестьянъ, «отъ помѣщичьяго произвола. (См. Джаншіевъ, «Эпоха великихъ реформъ», изд. 7-е, стр. 12 и др. и очеркъ. Шильдера, «50 лѣтъ русской исторіи» въ сборникѣ «XIX вѣкъ», изд. Маркса, стр. 101).

Имѣя въ виду эти взгляды государя, мы поймемъ, почему онъ принялъ такое живое участіе въ дѣлѣ о Гапоновѣ, не говоря уже о томъ, что ходатайство близкихъ къ государю лицъ, возбужденное женою Франка, могло имѣть значеніе и само по себѣ.

[2]) Указъ святѣйшаго синода отъ 27 марта 1827 года.

вавшаго съ помѣщицей Брискорнъ въ безпорядочномъ обращеніи съ ея крестьянами, въ монастырь на покаяніе, пока, въ нравственности исправится; *во-вторыхъ,* что Государь императоръ, разсмотрѣвъ отношеніе къ статсъ-секретарю Муравьеву сенатора князя Долгорукова отъ 16 ноября того-жъ года, о причиненныхъ Гапоновымъ безчеловѣчныхъ побояхъ иностранцу Франку, высочайше повелѣть соизволилъ, чтобъ протоіерей Гапоновъ лишенъ былъ священническаго сана, какъ недостойный онаго по его поступкамъ». Кромѣ того Государю угодно было спросить: «почему поведеніе Гапонова *до сихъ поръ неизвѣстно духовному начальству»?*

«Духовному начальству» пришлось употребить большія усилія, чтобы снять съ себя обвиненіе, скрытое въ этомъ вопросѣ Государя. Объясненіе вышло натянутое и искусственное, хотя повидимому и снимало отчасти съ епархіальной власти упрекъ въ потворствѣ Гапонову и смягчало обвиненіе въ небрежности и нерадѣніи. «Поведеніе Гапонова—отвѣчаетъ св. синодъ,—какъ по справкѣ съ послужнымъ его спискомъ оказалось, *давно обращаетъ вниманіе* епархіальнаго начальства по нехорошимъ дѣламъ, изъ коихъ по нѣкоторымъ учиненъ отъ суда свободнымъ по недоказательству, а по другимъ и теперь состоитъ подъ судомъ и только за неоканчаніемъ оныхъ не воспріялъ донынѣ должнаго наказанія» (вспомнимъ, что дѣло о Гапоновѣ началось въ 1821 году, а это писалось въ декабрѣ 1826 г.). На этомъ докладѣ св. синода послѣдовала 9 января 1827 года высочайшая резолюція такого содержанія: «не должно было оставлять его при должности, когда совершенно неблагонадеженъ».

Во исполненіе высочайшей воли св. синодъ съ своей стороны опредѣлилъ: «лишить прот. Гапонова протоіерейскаго—священническаго сана вовсе, яко недостойнаго носить оный по таковымъ поступкамъ и, исключивъ его изъ духовнаго званія и вѣдомства, отослать въ губернское правленіе для поступленія съ нимъ по точной силѣ указа сената отъ 20 ноября 1806 года». Въ «реэстрѣ бывшимъ священно-церковнослужителямъ, кои лишены духовнаго званія и отосланы въ гражданское вѣдомство на

разсмотрѣніе», который былъ составленъ въ 1830 году по распоряженію преосв. Владиміра, и въ которомъ указаны также и причины лишенія сана, значится на первомъ мѣстѣ: «протоіерей Михаилъ Гапоновъ, бывшій благочиннымъ и присутствующимъ въ духовномъ правленіи—за бой иностранца Франка».

Такъ печально окончилъ свою дѣятельность на духовномъ поприщѣ этотъ несомнѣнно незаурядный и талантливый человѣкъ, стоявшій цѣлою головою выше своихъ современниковъ и имѣвшій на нихъ сильное вліяніе. Полный силъ, энергіи, страстно желавшій практической дѣятельности, онъ не зналъ, куда приложить свои силы, и растратилъ ихъ по-мелочамъ. Заброшенный судьбою въ маленькій захолустный городокъ, въ невѣжественную и грубую среду, онъ съ головою окунулся въ это болото и погрязъ въ немъ, проводя развеселую и беззаботную жизнь. Не встрѣчая противодѣйствія своимъ, не всегда чистымъ и безупречнымъ, стремленіямъ, онъ, естественно, увлекся далѣе, чѣмъ слѣдуетъ и сталъ считать все для себя возможнымъ и позволительнымъ.

Д. Булгаковъ.

Очерки изъ прошлаго и настоящаго черноморскаго побережья Кавказа [1]).

I.

Черты изъ прошлаго Геленджика и вообще побережья.

Вступленіе. Геленджикъ въ прошломъ и настоящемъ. Нѣкоторые эпизоды изъ исторіи Геленджика. Первыя попытки заселенія побережья. Колонизація его кубанскими козаками. Вольная колонизація. Недочеты обоихъ видовъ колонизаціи. Обращеніе козаковъ въ крестьянъ. Общинные порядки. Экономическое положеніе мѣстнаго населенія нынѣ.

Черноморское побережье Кавказа привлекаетъ въ послѣдніе годы общее вниманіе. Притокъ временныхъ посѣтителей его, ѣдущихъ на побережье, частію съ цѣлью полѣчиться купаньемъ въ морѣ, частію ради лѣченія чистымъ горнымъ воздухомъ, а частію и для

[1]) Предлежащіе очерки кавказскаго побережья, какъ и ожидаетъ читатель, неизбѣжно и съ возможною подробностью коснутся исторіи заселенія побережья тѣми самыми кубанскими козаками, происшедшими изъ запорожцевъ, которые тамъ—на Кубани, на второй своей родинѣ, „сохранили до настоящаго времени малороссійскій говоръ и обычай“ (Энциклоп. слов. Брокгауза, стр. 838), а здѣсь, на третьей своей родинѣ, въ громадномъ большинствѣ безропотно слагали свои буйныя головы въ борьбѣ съ лихорадками, незнакомыми условіями жизни и чуждой природой. Эти же очерки по возможности познакомятъ читателя и съ

того, чтобы провести тамъ лѣто на дачѣ, или же просто повидать вошедшую въ моду кавказскую Ривьеру,—увеличивается съ каждымъ годомъ. Даровая, или почти даровая, раздача, такъ наз., культурныхъ участковъ и мѣстъ подъ дачи, устройство новыхъ курортовъ, организація новыхъ городовъ, надежда на скорое обогащеніе перепродажей земель и дачъ—все это только увеличиваетъ вниманіе и интересъ къ побережью. Слухи о богатствѣ природы и возможности разнообразнѣйшихъ культуръ привлекаютъ отчасти и людей, желающихъ устроиться тамъ на постоянное занятіе собственнымъ хозяйствомъ. Наконецъ, слухи о вольныхъ плодородныхъ земляхъ влекутъ сюда также и засельщиковъ изъ крестьянъ юга, а частью и центра Россіи. Понятно, что весь этотъ разнообразный людъ, стремящійся лѣчиться, жаждущій отдохнуть, либо только покейфовать, какъ и желающій нажиться, разбогатѣть на чужой счетъ, или стремящійся только устроиться собственнымъ трудомъ безбѣдно и скромно, интересуется побережьемъ и при томъ съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія.

Помимо того, одно уже прошлое кавказскаго побережья Чернаго моря, этой колыбели древней Колхиды, куда въ свое время ѣздили отважные Аргонавты и гдѣ Язонъ искалъ золотое руно, должно привлекать къ нему наше вниманіе. На памяти нашей, или по крайней мѣрѣ нашихъ отцовъ, тамъ еще кипѣла многолѣтняя упорная и кровавая борьба горцевъ съ русскими, во время которой незамѣтно, но безвозвратно погибла создававшаяся многими вѣками интенсивная горская культура. На той же

положеніемъ выжившихъ на побережьѣ кубанцевъ и ихъ потомковъ въ настоящее время. Но говоря о кавказскомъ побережьѣ, о нынѣшнемъ положеніи его населенія, объ исторіи его заселенія, о колонизаціонной политикѣ края, его будущемъ, а слѣдовательно и будущемъ его населенія, нельзя забывать, что нынѣшнее побережье—это край курортовъ и что условія жизни его населенія и условія развитія въ немъ культуры тѣсно связаны съ этой чисто курортной стороной его жизни, на которой неизбѣжно приходится поэтому останавливаться съ извѣстною подробностью. Пусть не посѣтуетъ поэтому на эти подробности читатель, интересующійся получить только свѣдѣнія о жизни бывшихъ кубанцевъ, тѣмъ болѣе, что и свѣдѣнія о нашей „кавказской Ривьерѣ“ тоже имѣютъ свой интересъ и къ чему-нибудь могутъ когда-нибудь пригодиться.

памяти раскошная Колхида стала и кладбищемъ большинства кубанскихъ козаковъ—исконныхъ степняковъ, волею судебъ заброшенныхъ въ чуждыя горы и долженствовавшихъ насадить, на мѣстѣ погибшей во время войны, новую еще болѣе прочную культуру, но «полегшихъ костьми» въ борьбѣ съ чуждыми условіями въ незнакомой странѣ...

Одна культура исчезла, первыя попытки созданія новой потребовали массы жертвъ и окончились почти полною неудачею, но на мѣсто первыхъ піонеровъ явились новыя наслоенія, новыя попытки колонизаціи и культуры—и край сталъ понемногу заселяться и оживляться. Богатство и разнообразіе природы, разнообразіе климатовъ, почвъ, растительности, дающее вовможность введенія всевозможныхъ культуръ отъ простой ржи до винограда и маслинъ, лимона и чая включительно, изобиліе свободныхъ «впустѣ лежащихъ» земель, никому лично не принадлежавшихъ,—все это привлекало къ себѣ новыхъ засельщиковъ и способствовало созданію новыхъ условій жизни въ завоеванномъ краѣ. Узнать, какимъ путемъ создавались эти новыя условія, во что они вылились, какъ сложилась культура края, какое направленіе ей дается и каково оно должно быть—все это вопросы, заслуживающіе вниманія и возбуждающіе также несомнѣнный интересъ къ побережью.

Литература этого края уже довольно богата, но она далеко еще не обнимаетъ всѣхъ тѣхъ сторонъ жизни побережья, которыя возбуждаютъ къ нему интересъ въ читающемъ обществѣ, и не дала еще болѣе или менѣе подробнаго описанія всѣхъ наиболѣе выдающихся мѣстъ побережья. Лучшія, по моему мнѣнію, изъ наиболѣе современныхъ изслѣдованій побережья—это работа П. Н. Клингена: «Основы хозяйства въ Сочинскомъ округѣ», а изслѣдованіе профессоровъ А. И. Воейкова, Ѳ. И. Пастернацкаго и горнаго инженера М. В. Сергѣева «Черноморское побережье» и статьи проф. Краснова. Къ сожалѣнію, послѣднія два изданія мало распространены, мало доступны для публики и уже вызвали нѣкоторыя возраженія со стороны лицъ, изслѣдовавшихъ побережье (напр. проф. Краснова) [1].

---

[1]) Первое—изданіе департамента земледѣлія, которое, какъ знаю по личному опыту, достать довольно трудно. Второе—оттискъ изъ «Трудовъ перваго всероссійскаго съѣзда дѣятелей по климатологіи,

Въ виду этого, вѣроятно, небезполезно будетъ и то немногое, что добыто мною частію путемъ личныхъ наблюденій, частію путемъ подробныхъ разспросовъ заслуживающихъ довѣрія и компетентныхъ лицъ, отчасти и ознакомленіемъ съ литературой края и изложено въ предлежащихъ очеркахъ, отнюдь однако не претендующихъ на полное описаніе побережья. И это тѣмъ болѣе, что нѣкоторые уже вошедшіе въ славу пункты побережья завѣдомо будутъ пропущены въ моемъ описаніи, какъ вслѣдствіе недостаточнаго съ ними знакомства, такъ отчасти и потому, что о нихъ писалось уже съ большею подробностію, чѣмъ могу сообщить я.

Настоящіе очерки черноморскаго побережья Кавказа надлежало бы, слѣдуя географическому порядку, начать съ описанія Новороссійска [1]). Но при наличности извѣстной связи между жизнью этого города и жизнью тяготѣвшаго и тяготѣющаго къ нему сельскаго района, жизнь перваго, какъ города и порта, шла все-таки своей особой колеей и сложилась, конечно, нѣсколько иначе, чѣмъ вообще на побережьѣ и, въ частности, въ прилегающемъ къ Новороссійску районѣ. Поэтому удобнѣе будетъ начать эти очерки именно съ описанія прилегающаго къ Новороссійску района, чтобы предварительно дать читателю общее понятіе о его исторіи, условіяхъ колонизаціи и современномъ состояніи. По окончаніи описанія этого района послѣдуетъ глава о Новороссійскѣ, а затѣмъ и описаніе нѣкоторыхъ мѣстъ побережья на югъ отъ Геленджика и Новороссійска.

гидрологіи и бальнеологіи». (т. I, цѣна 3 р., 1899 г.)—изданіе тоже малораспространенное. Первое касается при томъ же, къ сожалѣнію, одного лишь сочинскаго района. Второе представляетъ результатъ изслѣдованія, принаровленнаго главнымъ образомъ къ выясненію вопроса о постановкѣ курортнаго дѣла на побережьѣ и произведеннаго въ довольно короткій періодъ времени (что впрочемъ частію искупается тѣмъ обстоятельствомъ, что участниками изслѣдованія были компетентные спеціалисты). Во всякомъ случаѣ при пользованіи этими 2 изданіями небезполезно сопоставить ихъ выводы съ нѣкоторыми другими печатными источниками послѣдняго, времени и прежде всего съ работами проф. Краснова («Книжки недѣли» 1900 г. №№ 1 и 2 и слѣд. и «Кавказскій Вѣстникъ» 1901 г. № 1).

[1]) Сѣвернѣе я не былъ.

До войны русскихъ съ кавказскими горцами Геленджикъ, благодаря своей удобной бухтѣ, имѣлъ большое торговое значеніе. Въ 1811 г. командиръ фрегата «Іоаннъ Златоустъ» Скуртули доносилъ о бухтѣ Геленджикъ-Кале, что она «довольно выгодна своимъ закрытіемъ отъ вѣтровъ и глубиною для купеческихъ и малыхъ военныхъ судовъ»... «Владѣтель оной бухты есть черкесскій князь Калобатъ-Оглу, котораго поддерживаетъ Анапскій паша и сія бухта есть единственная отъ Суджука до Сухума, которая доставляетъ всѣ жизненные и другіе припасы для черкесъ».

По собраннымъ мною на мѣстѣ разсказамъ старожиловъ, Геленджикъ «на памяти стариковъ» (людей, бывавшихъ здѣсь ради торговыхъ и другихъ цѣлей задолго до конца войны съ горцами) былъ такимъ оживленнымъ торговымъ центромъ, о которомъ нынѣшніе его жители пока даже и мечтать не смѣютъ. Въ бухтѣ его постоянно стояло множество торговыхъ фелюгъ и турецкихъ кораблей (тогда какъ теперь изрѣдка зайдетъ въ бухту на день-два пароходъ къ цементному заводу или въ теченіе двухъ-трехъ дней покачаются на легкихъ волнахъ бухты одна или двѣ парусныя шкуны) [1]. Чрезъ Геленджикъ сбывались въ изобиліи рогатый скотъ, овцы, домашняя птица, медъ, воскъ, въ большомъ количествѣ яйца. Это—всё такіе товары, о сбытѣ которыхъ чрезъ Геленджикъ теперь уже и помина нѣтъ. Надо сказать, впрочемъ, по этому поводу, что и сама прилегающая страна, не въ примѣръ нынѣшнему времени, была [2]) въ то время «обильна млекомъ и медомъ». Въ концѣ, напр., тридцатыхъ годовъ, когда русскіе начинали приступать къ сооруженію береговыхъ укрѣпленій, все побережье съ прилегающей къ нему горной полосой представляло тщательно разработанный культурный оазисъ, гдѣ о-бокъ съ дикими неприступными скалами и вѣковыми (теперь безпощадно вырубленными на всѣхъ наиболѣе доступныхъ мѣстахъ) лѣсами ютились прекрасные виноградники, зеленѣли роскошныя нивы, расположенныя мѣстами даже на искусственныхъ террасахъ, снабжаемыя водою изъ нарочито устроенныхъ оросительныхъ каналовъ, оберегаемыя отъ ливней искусственными во-

---

[1]) А крейсирующіе пароходы (одного только) Русскаго Общества заходятъ сюда не болѣе какъ на $^1/_4$—$^1/_2$ часа.

[2]) Какъ видно, напр., изъ изслѣдованій г. Клингена.

доотливами. По побережью пестрѣли густые сады, въ которыхъ зрѣли разнообразные фрукты, составлявшіе для мѣстнаго горскаго населенія одинъ изъ важныхъ предметовъ сбыта, какъ и медъ и воскъ, получавшіеся ими съ обширныхъ пчельниковъ. На поляхъ береговой полосы росли кукуруза, ячмень, просо, пшеница и др. хлѣбные злаки, убираемые въ извѣстное время спускавшимися съ горъ горцами, которые изъ опасенія лихорадокъ въ низинахъ, всегда жили въ горахъ и только въ извѣстное время дня въ опредѣленное время года спускались для работъ на береговой низинѣ. Близкое знакомство съ климатомъ и природой страны, полученное вѣковымъ опытомъ умѣнье приспособляться къ неблагопріятнымъ климатическимъ особенностямъ края, извѣстный уровень культурности, котораго они уже успѣли достигнуть ко времени начала кровавой борьбы съ русскими—все это дало имъ возможность насадить высокую культуру въ такихъ мѣстахъ, которыя русскій и теперь еще считаетъ непригодными для какой бы то ни было культуры. Умѣло пользуясь дарами богатой природы, горцы съумѣли воспользоваться и близостью моря для расширенія своихъ торговыхъ сношеній и увеличенія размѣровъ сбыта разнообразныхъ продуктовъ своего хозяйства. Естественно, что во всѣхъ приморскихъ пунктахъ, гдѣ морскіе суда могли найти хоть какую нибуть защиту отъ морскихъ вѣтровъ, шла оживленная торговля, потому что было что сбывать и было кому пріобрѣтать; естественно, что Геленджикъ съ его почти наилучшей на побережьѣ бухтой былъ однимъ изъ главныхъ такихъ торговыхъ центровъ.

Но кровавая война изгнала и уничтожила горцевъ[1]), въ корень разрушила ихъ культуру, искусственные каналы заросли и засорились, стоившія много труда искусственныя террасы осыпались, обширные сады и прекрасные виноградники частью вырублены во время войны и въ періодъ заселенія страны русскими, частію одичали и такъ обросли другими породами деревьевъ, что теперь уже «трудно опредѣлить, гдѣ кончается перевитая дикою виноградной лозой лѣсная чаща и гдѣ начинается бывшее культурное насажденіе».

[1]) Поистинѣ потрясающая душу исторія выселенія горцевъ подробно изложена у Берже: «Русск. Старина» 1882 г. № 5.

По преданіямъ, такіе же роскошные сады, защищенные отъ холоднаго нордъ-оста могучими густыми лѣсами, окружали Геленджикъ въ былыя времена такою стѣною, что весною онъ утопалъ въ цвѣтахъ, какъ богато убранная невѣста. Отсюда и производятъ нѣкоторые его названіе «Геленджикъ», которое, по ихъ толкованію, означаетъ «Бѣлая невѣста». Справедливость требуетъ, однако, сказать, что другіе, производя его отъ иныхъ словъ и нарѣчій, переводятъ это названіе нѣсколько иначе: «Красавица-невѣста», «Городокъ-невѣста», а нѣкоторые и просто «Бухта». Кубанцы-малороссы, поселившіеся тутъ впервые, дали ему названіе «Зеленчукъ», которое за нимъ осталось въ народной средѣ и понынѣ. Являясь, повидимому, производнымъ отъ «Геленджикъ», оно въ то же время, надо думать, характеризовало все таки это мѣсто съ точки зрѣнія дѣйствительно бывшаго тогда изобилія зелени.

Въ 1831 г., на мѣстѣ черкесскаго городка Геленджикъ, заложено было русскими, подъ начальствомъ генерала Вельяминова, Геленджикское укрѣпленіе, уничтоженное и оставленное русскими въ 1853 г., при началѣ крымской войны, и затѣмъ въ 1857 г. вновь занятое русскими. За это время, если не считать довольно частыхъ стычекъ съ горцами, произошло только одно событіе, которое можетъ быть особо отмѣчено въ исторіи Геленджика, это—посѣщеніе его Императоромъ Николаемъ I въ 1837 г. Генералъ Филипсонъ былъ въ это время въ Геленджикѣ и говоритъ о немъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», что нашелъ Геленджикъ мало измѣнившимся съ 1831 года. «Безъ сухопутнаго сообщенія гарнизонъ Геленджика нерѣдко нуждался въ самомъ необходимомъ. Непривычный климатъ, безпрестанныя тревоги и лишенія произвели общую апатію и развили болѣзни, преимущественно перемежающіяся лихорадки и цингу. Первымъ комендантомъ былъ полковникъ Чайковскій, отъ котораго я слышалъ много разсказовъ объ этой тяжелой порѣ: на первый день Пасхи офицеры всего гарнизона собирались къ нему разговляться, и при этомъ закуска состояла изъ рюмки водки и нѣсколькихъ селедокъ, составлявшихъ неслыханную роскошь». Описаніе посѣщенія Геленджика Николаемъ I, сдѣланное Филипсономъ и Берже[1]), очень

[1]) «Воспоминанія» и «Императоръ Николай I на Кавказѣ въ 1837 г.—Русская Старина 1884 г. № 8.

интересно и въ особенности въ отношеніи характеристики... климата Геленджика.

Наканунѣ пріѣзда государя задула сильная бора[1]), такъ усилившаяся къ вечеру, что не только разметала солдатскія палатки, но и опрокинула поставленныя въ козлы ружья и прекратила всякую возможность разводить въ кухняхъ огонь и варить пищу. Впрочемъ бора была еще «не изъ самыхъ сильныхъ», такъ что государь, пріѣхавшій со свитою на 2 пароходахъ, могъ все таки, «хотя и съ большимъ трудомъ и не безъ опасности» выйти на берегъ, гдѣ ему приготовлена была квартира въ домѣ командира, «мало отличавшаяся *отъ остальныхъ жалкихъ мазанокъ*». Войска были построены на широкой площадкѣ, заранѣе очищенной отъ покрывавшаго ее мелколѣсья, въ одну линію развернутымъ фронтомъ въ боевой аммуниціи и фуражкахъ, и фронтъ, по недогадливости начальства, былъ прямо противъ вѣтра. Когда государь подъѣзжалъ къ правому флангу, почти всѣ фуражки были унесены вѣтромъ; несмотря на строгую дисциплину николаевскихъ временъ, солдаты держа ружья «на караулъ», должны были отставить лѣвую ногу впередъ, чтобы удержаться на мѣстѣ и все-таки едва стояли на ногахъ, а при крикахъ «ура»!—невольно отворачивались въ сторону. Весь фронтъ кричалъ ура, а вѣтеръ забивалъ открытые рты пескомъ, пылью и мелкими камешками, такъ что многіе нижніе чины закашливались и строили гримасы. Имѣвшіе еще «головные уборы» держали ружья на караулъ одною только лѣвою рукою, а правою придерживали фуражки. Убѣдившись, что ѣхать при такомъ вѣтрѣ верхомъ по фронту невозможно, государь сошелъ съ коня; его примѣру, конечно, послѣдовала и свита. До лѣваго фланга государь со свитой дошли пѣшкомъ «постоянно набрасываемые вѣтромъ на фронтъ». Обойдя войска, государь направился къ палаткѣ, которую, кромѣ обыкновенныхъ укрѣповъ, съ величайшими усиліями удерживала еще «цѣлая сотня казаковъ»!...

---

[1]) Мѣстный вѣтеръ, дующій изъ Кубанскихъ степей, по мѣстному называется нордъ-остъ.

Побережная полоса, прилегающая къ Геленджику съ обѣихъ сторонъ, составляетъ часть знаменитой нѣкогда «Черноморской береговой линіи», о прошломъ которой стоитъ сказать нѣсколько словъ. Подъ этимъ именемъ въ періодъ кавказской войны подразумѣвался, на оффиціальномъ языкѣ того времени, въ узкомъ смыслѣ слова, «рядъ укрѣпленій и занятыхъ войсками неукрѣпленныхъ пунктовъ вдоль сѣв.-вост. и вост. береговъ Чернаго моря до турецкой границы» [1]). Берже [2]) относитъ начало устройства береговой линіи къ 1837 году,—къ тому именно времени, когда корпусный командиръ бар. Розенъ послѣ покоренія Цебельды занялъ на восточномъ берегу Чернаго моря мысъ Адлеръ (гдѣ погибъ писатель Марлинскій) и возвелъ на этомъ мѣстѣ первое береговое «укрѣпленіе св. Духа». Оффиціальный же конецъ ея существованія Берже пріурочиваетъ къ началу войны Россіи съ союзными державами—къ 1853 году, когда всѣ гарнизоны были увезены, а укрѣпленія взорваны. Главная цѣль устройства этого ряда укрѣпленій, къ которымъ принадлежали и нынѣшніе Геленджикъ, и Новороссійскъ [3]) заключалось въ желаніи прекратить свободное сообщеніе горцевъ съ помогавшими имъ турками и уничтожить вѣками установившіеся между ними торговыя отношенія, поставивъ такимъ образомъ горцевъ въ необходимость завести мирныя торговыя сношенія съ русскими. Устройство береговой линіи стоило «много милліоновъ» и хотя оффиціальная береговая линія просуществовала всего 16 лѣтъ, однако успѣла сдѣлаться могилою «многихъ десятковъ тысячъ людей, сдѣлавшихся жертвою губительнаго климата» и дала «взамѣнъ всего этого самые ничтожные результаты» [4]). Со-

---

[1]) Карльгофъ. Военно-статист. обозрѣніе вост. берега Черн. моря.

[2]) Живописная Россія, т. IX, 1886.

[3]) По Карльгофу, береговая линія дѣлилась на 3 отдѣла. Въ 1-й входили Новороссійское и Кабардинское укрѣпленія. Геленджикомъ начинался второй, въ которомъ были еще укр Новотроицкое, Тенгинское, Вельяминовское, фортъ Лазаревъ и Головинскій. Третій состоялъ изъ форта Новачинскаго, укр. Святого Духа, Гагръ, Пицунды, Бомбаръ, поста Исыртскаго, крѣпости Сухумъ-Кале, Дранды и друг.

[4]) Филипсонъ. Воспоминанія.

временникъ береговой линіи, генералъ Филипсонъ рисуетъ ее положеніе въ сороковыхъ годахъ весьма мрачными чертами: «вездѣ гарнизоны были ослаблены жестокими болѣзнями и неестественнымъ порядкомъ жизни и службы. Всѣ ночи гарнизонъ проводилъ подъ ружьемъ, ежеминутно ожидая нападенія, и ложился спать, только когда совсѣмъ ободнѣетъ и обходы осмотрятъ ближайшія окрестности. Если къ этому прибавить томительную скуку, отсутствіе женщинъ, недостатокъ движенія, рѣдкость свѣжаго мяса и овощей, лихорадочный климатъ, то станетъ понятно, что роты доходили до половины своего состава и даже менѣе. Надобно еще удивляться, что войска при такомъ страшномъ положеніи нигдѣ и никогда не теряли бодрости и нравственныхъ силъ. Дисциплина вездѣ соблюдалась строго, но *побѣги къ горцамъ* были, къ сожалѣнію, не рѣдки» [1]).

И далѣе: «Страшная болѣзненность въ войскахъ поразила меня. Особенно свирѣпствовали перемежающіяся лихорадки, которыя послѣ 2—3 пароксизмовъ, оканчивались нерѣдко спячкой, столбнякомъ или ударомъ. Если же продолжались долго, то обращались въ цингу и оканчивались смертельнымъ кровавымъ поносомъ. Особенно страшно свирѣпствовали болѣзни въ Сухумѣ и Гаграхъ» [2]). Отъ лихорадокъ страдали не только люди, но и животныя; Филипсонъ видалъ даже куръ, ежедневно трясшихся въ лихорадкѣ.

Таковы были климатическія условія, при наличности которыхъ начались затѣмъ первыя попытки заселенія побережья русскими.

Такъ какъ исторія заселенія Геленджика русскими тѣсно связана съ общею исторіею заселенія побережья, то необходимо теперь же сказать о ней нѣсколько подробнѣе, что въ дальнѣйшемъ избавитъ кстати отъ необходимости повторять эту исторію при описаніи нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ побережья.

---

[1]) Стр. 129 и 215 «Воспоминаній».

[2]) Стр. 204—205 «Воспоминаній».

Вопросъ о насажденіи поселеній на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря при Суджукской (нынѣ Новороссійской) и Геленджикской бухтахъ впервые обсуждался въ правительственныхъ сферахъ въ 1832 г. Тогда комитетъ министровъ рѣшилъ «на первый разъ» разрѣшить козакамъ «селиться при Анапѣ, Геленджикѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ будутъ укрѣпленія наши», хотя и «безъ всякихъ особенныхъ вспоможеній отъ казны», но съ освобожденіемъ отъ податей, повинностей и «воинскихъ обязанностей, кромѣ защиты отъ горцевъ».

Но такія льготы были, конечно, совершенно недостаточны для привлеченія поселенцевъ извнѣ, тѣмъ болѣе, что война была въ самомъ разгарѣ, горцы производили постоянные набѣги на побережье и потому селиться тамъ было крайне рискованно. При такихъ условіяхъ заселеніе побережья, пока не изгнаны были горцы, могло быть достигнуто единственно путемъ принудительнаго поселенія и при томъ такихъ людей, которые способны бы были отражать постоянные набѣги враговъ. Къ этому и пришлось дѣйствительно прибѣгнуть впослѣдствіи, такъ какъ до изгнанія горцевъ никакія льготы не привлекали въ край вольныхъ засельщиковъ, а между тѣмъ правительство считало необходимымъ возможно скорѣйшее заселеніе побережья. И такими подневольными засельщиками были избраны кубанскіе козаки, отважные потомки лихихъ запорожцевъ. Во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ только что минувшаго столѣтія произведено было принудительное переселеніе части кубанскихъ козаковъ на побережье съ разселеніемъ ихъ въ 12 заранѣе намѣченныхъ пунктахъ, названныхъ станицами [1]), куда приселены были кромѣ того немного азовскихъ козаковъ и—почему то—матросы и разночинцы г. Николаева. Сначала въ козацкихъ станицахъ былъ сдѣланъ вызовъ охотниковъ, желающихъ переселиться на побережье. Каждому обѣща-

[1]) Геленджикская, Адербійская, Пшадская, Береговая, Вуланская, Джубга, Дефановская, Новомихайловская, Ольгинская, Небугская, Вельяминовская и Георгіевская, населеніе которыхъ и составило такъ наз. Шапсугскій береговой баталіонъ.

лось право на участіе въ общинномъ надѣлѣ въ размѣрѣ тридцати десятинъ на каждую семью и кромѣ того по 10 десятинъ лучшей земли въ полную личную собственность. Но такихъ охотниковъ нашлось мало, да и находились они преимущественно изъ неимѣвшихъ своего хозяйства голыхъ бѣдняковъ, или лѣнтяевъ, лодырей, непосѣдовъ, не дорожившихъ ничѣмъ на родинѣ. Тогда пришлось приступить къ принудительному выселенію, и начальство велѣло бросать жребій,—кому идти, кому оставаться. Жеребьевые имѣли право только на 30 дес. надѣла, но 10 дес. въ собственность уже не получали. Жеребьевымъ позволялось нанимать за себя охотниковъ, которыхъ оказалось еще меньше и тоже только изъ среды голыхъ бѣдняковъ или «разныхъ лодырей, которымъ гдѣ бы ни жить, лишь бы деньги получить за наемку». Азовскіе козаки, матросы и разночинцы изъ Новороссійска получили право на такой же 30-десятинный надѣлъ, какъ и принудительно-выселенные кубанцы [1]).

Когда набрали намѣченный комплектъ козацкихъ семей, сдѣлано было распоряженіе о срокахъ отправленія въ путь партіи.

— Мы йшлы зъ усіею худобою—разсказывали мнѣ геленджикцы изъ бывшихъ кубанцевъ:—тильки залышылы на якій-сь часъ дома скотыну, а потимъ вже зновъ ходылы за ею. Тильки це все пишло на-дарма, бо тутъ уся скотына до однисенькои пропала,—мабуть видъ якои-сь попести, черезъ трупы.

— Отъ какихъ же труповъ?

— Звычайно видъ якыхъ,—видъ черкеса. Тоди жъ це часъ такый бувъ, що ораты доводылось зъ рушныцею за плечыма,—орешъ та й оглядаешся, а рушныцю держы напоготови. Тилькы трошкы закгавывся,—тутъ тоби й гакъ! такъ не сповидавшысь и

---

[1]) Нечего, конечно, и говорить, что матросы и въ особенности разночинцы оказались людьми наименѣе приспособленными къ новымъ условіямъ жизни; не умѣли ни пахать, ни косить и никогда еще не живали внѣ города.

згынешъ, якъ собака... А якъ пійдешъ у лисъ по дрова, або деревыну зрубаты на хату,—зновъ такы беры зъ собою рушныцю; колы жъ куды дали видъ дому треба одлучытыся, то самотою не йды, а хиба въ гурти, бо небезпешно! Ну, а якъ тилькы заглedивъ ёго, то вже кгавъ не ловы: хто першый поспишывся, той и панъ, а хто запизнывся—пропавъ, бо черкесъ народъ бидовый, сказано—еройскій народъ!

— Опасный?

— А то жъ! кажу—самый еройскій народъ! Тай меткый же!.. И середъ насъ булы не абы-яки, бо и мы жъ таки козакы,—ну, а супроты черкеса куды тоби! Бидовый народъ! Такъ тоби прямисенько на смерть и лизе!.. Тай то треба сказать—на одчай ишовъ, бо свою ридну землю, свое ридне гниздечко оборонявъ. Якъ що по правди говорыты, то ёго тутъ правда була, а не наша,—бо це жъ не наши кубаньски степы, де вся земля була зъ дида-прадида наша.

— Ну, а вы съ ними какъ?

— А то жъ якъ? Такъ само и мы! Усякому своеи головы жалко: встыгнешъ ранійше застрелыты ёго—то й панъ; до завтрёго, значытся, ще жывый будешъ, якъ що сёгодни жъ таки не наскочышъ на другого... Бидовый народъ!

— Родину свою, значитъ, они крѣпко защищали?

— Авже жъ! Таки вже воны! Кохалысь воны дуже въ своій земли,—не хтилы дурно виддаваты. Тай то сказать: отъ же и мы зъ ридныхъ вильныхъ степивъ своихъ зирвани булы началствомъ, а тамъ то жъ земля—не ци нетри,—то намъ бы за ридною стороною ще бильше треба побыватысь,—патетически восклицаетъ разсказчикъ.—А винъ отъ за ци косогоры та оврагы стильки годъ боровся,—выдыма ричъ, що дуже кохався въ цихъ нетряхъ.

— Скилькы вже годъ оттутъ жыву,—замѣчаетъ другой изъ старыхъ козаковъ,—а все, правду кажучы, дывуюсь, якъ воны вмилы на цій земли такъ гарно хазяинуваты... Мы тутъ давно жывемо, а все гараздъ прыладнатыся не можемо.

— Какъ же все-таки, я не понимаю, коровы отъ труповъ заражались?—недоумѣвалъ я.

— Бо багато трупу скризь валялось; якъ що мы знаходылы де свого, забытого имы, то, звычайно, заразъ же до станыци неслы тай ховалы якъ слидъ, по-христіянськи. а ёго хиба бъ мы сталы таскаты! сказано—нехрысть,—ну, то й лежы соби, поки згныешъ! Черезъ це багато трупу и зоставалось на поли, а скотына видъ цёго, якъ пасется на поли, то й слабуе и здыхае. Тай дохлои скотыны тежъ нихто не закопувавъ, бо й не доглядышъ, та й не до того намъ було! Оттакъ воно одно до одного, тай скоилось лыхо! [1])

Кромѣ того геленджикскій житель, козакъ Пименъ Алексѣевичъ Пономаренко разсказывалъ мнѣ подробно и о самомъ переселеніи изъ родныхъ станицъ въ Черноморье.

— Мы йшлы партіямы. Такъ ось же сталось таке, що въ станыци Абинскій, мало не напивъ-дорогы до моря, першіи партіи несподивано булы затрымани, бо дорога на Чорноморію не була ще вся выкинчена, черезъ що и не можно було пройты туды. Довгенько таки простоялы ци першіи партіи,—мабуть такъ недиль зъ дви, або й уси тры; черезъ це выхарчувалы все чисто, що зъ собою понабиралы. А вже що попостраждалы дорогою, то й сказаты не можно: тутъ тоби грязюка страшенна, ніякои дорогы нема,—а до того ще й ци горы проклятущи, та недостача харчивъ; зновъ же жъ таки и черкесы давалыся въ знакы... Оселю жъ прыйшлося выбираты, не бачучы іи та ничого не видаючы, яки таки мисця достанутся намъ. Де-якимъ партіямъ ще въ Абыни, колы робылы тамъ передышку, сказалы назвыська станыць та й спыталы, хто куды хоче подаватысь,—выбирайте—значыть—по своій воли! Ну, а якъ ёго выберешъ, колы для тебе однаковисенько, чы Геленджикская станыця, чы Адерба, чы Джубга! Сказано—выбиралы тилькы навдачу: яке назвысько кому вподобалось,—туды той и подавався.

— Тай справди, що все йидно було, куды йты,—добавляли мнѣ разсказчики:—всимъ досталыся однаковисеньки нетри, и хто

[1]) На самомъ дѣлѣ скотъ, повидимому, падалъ не отъ этого, а благодаря рѣзкой перемѣнѣ въ условіяхъ жизни и пищи.

тилькы прыбувавъ на свои нови миста, то ажъ за голову брався,— чысто за якыйсь грихъ покаравъ Господь Богъ!

«Поселенцы—говоритъ по этому поводу изслѣдователь Черноморья И. Н. Клингенъ [1])—выбирались не по свободной волѣ, а по жребію; они съ тоской взирали на окружающія ихъ горы и только и мечтали воротиться домой. Хозяйство у нихъ положительно не шло, они сильно страдали отъ лихорадки, и смертность между ними была очень значительна. Взятый ими изъ своихъ низовыхъ станицъ черноморскій скотъ тоже не выдерживалъ мѣстнаго климата, а хлѣба, посѣянные по низинамъ подъ плугъ, на большую глубину, родили жалко и невѣрно»...

Недаромъ же простой и неграмотный, но почтенный геленджикскій козакъ Пименъ Алексѣевичъ Пономаренко, знавшій, что я собираю свѣдѣнія о прошломъ Геленджика для печати, кончилъ послѣдній разсказъ о быломъ крайне неожиданною для меня просьбой не забыть напечатать «какъ мы страдали»! [2])

— Оце жъ я вамъ розсказавъ усе, шо мигъ прыгадаты про те, якъ воно було. Теперечкы вже можете опысаты усе безъ помылкы, бо кажу жъ вамъ—такъ воно все було, усе—самисинька правда; хиба може де-що позабувавъ, бо старый вже ставъ,—то то вже не мій грихъ. Пышить же тепереньки про все, якъ тамъ вже сами знаете... Про одно тилькы прохаю: не забудьте, мій голубе, напышить про те, якъ мы страждалы, та якъ намъ тяжко було и въ дорози, та й тутъ; нехай уси люде знають про наши страждання!

Вскорѣ же по прибытіи на мѣсто, новоселы стали слезно просить о возвращеніи на родину, но получили отказъ. Три года сряду они получали пособіе отъ казны: ежемѣсячно паекъ по 1 п.

---

[1]) Основы хозяйства въ Сочинск. округѣ, стр. 70; изданіе деп. землед.

[2]) Чтобы читатель повѣрилъ полной искренности этой просьбы, приведу слова того же И. Н. Клингена (Основы хоз. въ Сочинск. окр., стр. 88): „страданія этихъ несчастныхъ въ первые годы послѣ переселенія неисчислимы“...

32 ф. муки па взрослую мужскую душу, а до 7-лѣтняго возраста полупаекъ; кромѣ того говядину, капусту, цибулю, хрѣнъ, водку и деньги на покупку соли [1]).

— Бувало й таке, що дурно прысылалы намъ цили гурты, колы наша скотына чы дохла, чы черкесы забиралы... Скилькы разъ такъ бувало, що мы наздоганялы черкесивъ та скотъ свій назадъ одбиралы... Та все жъ такы теперъ, якъ згадаешъ про мынуле, колы вже все видъ сердця одлягло,—то треба сказать правду, що начальство дуже таки тоди пиклувалось про насъ... Ничого путнёго зъ цёго не выходыло, бо наши не дуже то розумилы, що діется, тай виры мало давалы. Отъ хочъ бы сказать про худобу,—безъ грошей іи давалы, а у насъ було такъ: хто не боявся, той бравъ іи, а найбильшъ було, що не хотилы іи браты, бо все боялыся, що потимъ за неи видвертать гроши будуть...

А якъ прыходылось, що люде одъ пропасныци мерлы, та одъ водянкы,—то ликаривъ та хвершаливъ прысылалы до насъ; хвершалъ що-дня було обийиздыть уси хаты... Пыльно дывылыся за цимъ... Тилькы не помогалось!..—

— Це вже такъ, що пиклувалысь про насъ дуже,—добавилъ другой.—Оце жъ и пшеныцю дурно выдавалы на насиння,—абы сіялы тилькы... Такъ щожъ,—никому й сіяты не хотилось: коженъ тилькы про те й гадавъ, якъ бы зовсимъ утикты.

— И уходили?

— Та тилькы одъ насъ, зъ Зеленчука, мало не половына повтикала; а зъ Адербіевки 23 симьи зъ 28 втикло, бо тамъ дуже вже важко жылось: земля зовсимъ плоха, навкругы самисинькы

---

[1]) Любопытно, что выдача этого пайка, служившаго для новоселовъ серіозной поддержкою въ первое время, приведя ихъ къ убѣжденію въ обязательности его выдачи въ теченіе всей ихъ жизни въ этой странѣ («если выселили насильно, то обязаны и кормить»), вселила мысль о томъ, что этотъ даровой казенный прокормъ освобождаетъ отъ всякой обязанности работать («если казна насъ обязана содержать, то зачѣмъ и работать!») и повела впослѣдствіи къ неудовольствію на «отнявшее паекъ начальство».

горы,—нема тоби никуды ходу. У насъ то хочъ море йесть, а тамъ то й того бигъ-ма.—

Меня очень интересовалъ вопросъ, вѣрны ли весьма распространенные разсказы о томъ, будто-бы засельщики, чтобы доказать начальству непригодность здѣшнихъ мѣстъ для сельскохозяйственной культуры, передъ посѣвомъ варили выдаваемыя имъ сѣмена и уже варенымм засѣвали землю. Я нарочно спросилъ объ этомъ Пимена Алексѣевича, разсказы котораго дышали такою неподкупною искренностью.

Онъ улыбнулся какою то неопредѣленною, какъ-будто конфузливою улыбою.

— Та чувавъ и я про це... Багато про це й теперъ балачкы усякои ходыть... Та тилькы самъ я цёго не робывъ, та не бачывъ, щобъ и други робылы; а чого самъ не бачывъ, про те й казаты не буду... А такъ мени здается, що це все выгадкы,—поговиръ тилькы на нашого брата...

Принудительное переселеніе это (1864—1865 г.) не было единственною мѣрой по заселенію Побережья. Вслѣдъ за нимъ— именно 10 марта 1866 г. изданъ былъ законъ «о заселеніи Черноморскаго округа и управленіи онымъ», по которому пространство между р. р. Бзыбью и Туапсе отъ морского берега и до вершинъ главнаго кавказскаго хребта предназначено было для «сельскихъ прибережныхъ поселеній» [1]). Допуская свободный доступъ лицамъ всѣхъ сословій и національностей для поселенія на Побережьѣ, законъ этотъ предоставлялъ засельщикамъ разнообразныя льготы, каковы—освобожденіе на 15 лѣтъ отъ платежа податей, рекрутской повинности, воинскаго постоя, гербовыхъ и канцелярскихъ пошлинъ, предоставленіе права безпошлиннаго и безпатентнаго производства торговли, промысловъ и рыбной ловли

---

[1]) Изъ этого видно, что законъ 1866 г. собственно на Геленджикъ съ его ближайшими окрестностями не распространялся; но съ 1870 г. на жителей этого района, при перечисленіи козаковъ въ крестьяне, распространено положеніе кавказскаго комитета 6 іюня 1867 г. для государственныхъ крестьянъ ставропольской губ.

въ морѣ. Переселенцы изъ крестьянъ получали сверхъ того денежныя пособія на обзаведеніе хозяйствомъ,—впрочемъ только до 50 р. на семью, что было очень недостаточно при тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, съ которыми приходилось считаться каждому засельщику и при той дороговизнѣ труда и рабочихъ рукъ, которая въ то время существовала на побережьѣ, благодаря отсутствію путей сообщенія и крайне рѣдкому (и еще тоже неустроившемуся) населенію. Въ силу названнаго закона, новопоселенцы должны были «безотлагательно» надѣляться «осмотрѣнною и избранною, ими предварительно приписки» землею. Какъ и принудительно выселеннымъ на Черноморье кубанцамъ, надѣлы эти полагалось отводить въ размѣрѣ не свыше 30 дес. удобной земли на каждую поселявшуюся семью по возможности на общинномъ правѣ, а гдѣ этого было нельзя по мѣстнымъ условіямъ—въ подворное владѣніе. Но никакого отвода надѣловъ «въ натурѣ» не было,—начальство ограничивалось только припиской засельщика по его желанію къ той или иной общинѣ и указаніемъ ему его права на 30-десятинный надѣлъ на его землю. А уже онъ самъ, придя на мѣсто, въ свою новую общину, долженъ былъ добывать себѣ это право, сводившееся фактически къ обязанности самому потрудиться надъ разработкою подъ культуру «впустѣ лежащей», заросшей лѣсомъ земли, самому же отыскавъ таковую въ удобныхъ для культуры мѣстахъ, еще не занятыхъ общинниками, поселившимися до него.

Такъ какъ нѣкоторыя станицы находились сравнительно близко другъ отъ друга, то при пользованіи землями могли впослѣдствіи войти изъ-за нихъ въ столкновеніе—нужно было вообще установить районъ пользованія каждой станицы, въ предѣлахъ котораго каждый имѣлъ право на соотвѣтственный надѣлъ удобной земли. Межеванія въ то время не было, а обошлось дѣло, по разсказамъ, приблизительно такъ:

— Полковныкъ Росковській зибравъ насъ тай каже: «ребьяте, оце-жъ вы зъ сусиднихъ станыць, нывы ваши сумижни,—то щобъ потимъ не було суперечокъ, покажить по згоди, до якого миста хочете взять земли для кожнои станыци: однiй нехай буде

по той яръ, другій—по ту ричку. Якъ що може де-яки не згодни на це, то побалакайте мижъ собою,—може сусиды поступлятся зъ своимы межамы; тилькы вы не дуже вже роскыдайтесь, бо все одно земли на всихъ выстачыть. Такъ ось-же и зробить згоду, кому по яку межу браты землю». Такъ и прыйшлы до згоды; а потимъ вже, далеко пизнійшъ, прыйихалы землемиры, поличылы, скильки въ якій станыци душъ, та такъ на око ци горы намъ и одмирялы; поставылы грянови стовпы, въ грянови межи поклалы угля, а яка земля залышылася, ту въ казну запысалы. Та це й не одынъ разъ було: потимъ ще килька разъ найиздыла межова комиссія, зновъ щось перемиряла и мало не що-разу щось у казну одпысувала. Въ кожній станыци земли булы не подилени мижъ семействамы, то ото кожный и почавъ выбираты для себе, де краща земля, щобъ заразъ-же іи выораты и засіяты: усякому хотилось захопыты нызыны, де ривнійше та де лисъ меньшый, тилькы-жъ, звычайно, не усякому такъ прыпадало, бо найкращіи миста коло моря заразомъ одмиряни булы «охотныкамъ», по 10 десятынъ на симью, то вже другымъ такои земли и не выстачыло: довелось иншому довгенько шукаты соби пидходящои земли, та вже самому іи розробляты.

Такъ какъ готовыхъ разработанныхъ земель почти не оказалось—все разработанное когда то горцами успѣло во время войны уже обратиться въ дикое состояніе, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ прибрежныхъ сѣнокосныхъ долинъ, и то порядочно позаросшихъ,—то каждому общиннику приходилось начинать съ начала. Каждый засельщикъ могъ получить только то, что разрабатывалъ собственными руками.

Въ большинствѣ новопоселенныхъ общинъ, напр. въ Геленжикѣ и его окрстностяхъ, засельщики рѣшили, что каждый долженъ самъ выискивать и разрабатывать пригодныя въ предѣлахъ границъ отведеннаго «юрта» (надѣла всей общины) земли, «гдѣ что кому понравится». Въ нѣкоторыхъ же изъ окрестныхъ общинъ, напр., въ Береговой, Пшадѣ, Архипоосиповкѣ первые засельщики подѣлили свой неразработанный юртъ сплошными участками по числу пришедшихъ семей приблизительно поровну. При та-

комъ дѣлежѣ всей неразработанной земли гуртомъ, каждой семьѣ пришлось, конечно, даже болѣе установленной закономъ нормы 30 дес. на семью, и вскорѣ это привело къ недоразумѣніямъ съ новоприселяемыми къ общинамъ. Начальство знало, что по разсчету числа десятинъ къ юрту можно еще причислять новыя семьи, а между тѣмъ новоселы встрѣчали со стороны старожиловъ отказъ въ разрѣшеніи разрабатывать земли въ юртѣ.

— У насъ вже все чысто подилено: це мое, а оце—ёго, а оце—другого сусиды; а про чужыхъ у насъ нема вже земли. Иды соби кудысь у други станыци, отъ хочъ-бы въ Зеленчукъ; тамъ ще не дилылысь, тай земли багато.—

Но оффиціально причисленный уже къ Береговой, напр., или къ Пшадѣ не имѣлъ правъ на земли геленджикскаго юрта и тамъ его не пускали, а отсюда гнали; приходилось жаловаться начальству или просить о перечисленіи въ другую общину. Хлопоты эти, особенно при почти полномъ отсутствіи дорогъ, обыкновенно тянулись подолгу, такъ что новоселъ проѣдалъ послѣднее и иногда, потерявъ всякую надежду, уходилъ съ Кавказа навсегда.

Наоборотъ, въ Галенджикѣ, сосѣдней Адербіевкѣ и нѣкоторыхъ другихъ окрестныхъ общинахъ, гдѣ юрты были обширные и предварительнаго раздѣленія ихъ между общинниками первозасельщики не сдѣлали, пріисканіе и разработка годныхъ къ культурѣ земель дѣлались каждымъ свободно.

Общинамъ въ первое время довольно трудно было добиться какого-нибудь ладу между своими сочленами по части установленія порядка пользованія землею, потому что составъ общинниковъ былъ крайне разношерстный. Хотя почти половину его составляли кубанскіе козаки [1]), но и они были изъ разныхъ станицъ и потому до пріѣзда на мѣсто мало знали или даже и совсѣмъ не знали другъ друга. А кромѣ кубанцевъ, какъ уже было

[1]) Хатисовъ и Ротиньянцъ: Обзоръ мѣстности с. в. берега Черн. моря между Новороссійскомъ и постомъ Вельяминовскимъ на р. Туапсе»—Записки Кавк. О. С. Х. 1867 г. № 3—4.

сказано выше, въ составъ общинъ входили еще матросы, азовцы, разночинцы изъ Николаева—исконные горожане, наконецъ вольнопоселенцы (по законамъ 1866 г. и 1867 г.), изъ разныхъ губерній, число которыхъ постепенно увеличивалось. Этою разношерстностью состава общинниковъ уже заранѣе предопредѣлялось—по крайней мѣрѣ на первое, а слѣдовательно и на самое важное время—отсутствіе солидарности и единства среди членовъ новосозданныхъ общинъ, которымъ предстояло между тѣмъ бороться съ крайне тяжелыми условіями въ совершенно имъ незнакомой и даже враждебной странѣ.

Но главная бѣда была въ томъ, что одновременно надо было и строиться и спѣшно разрабатывать землю и отбиваться отъ горцевъ и приспособляться къ новымъ условіямъ. Условія же эти были совершенно незнакомы засельщикамъ, не имѣвшимъ понятія о тѣхъ культурахъ, которыя только и могли имѣть успѣхъ въ заселяемой ими странѣ, о тѣхъ орудіяхъ, пріемахъ и способахъ хозяйства, которые только и примѣнимы были при данныхъ условіяхъ. Ничего этого не зная, они поступали во всемъ такъ, какъ привыкли вести хозяйство въ степяхъ Прикубанья и въ равнинной черноземной Россіи. Неумѣлая разработка неумѣло подысканныхъ для разработки участковъ велась единичными силами отдѣльныхъ засельщиковъ поневолѣ, конечно, очень медленно и эта медленность усугублялась еще быстрымъ заростаніемъ медленно разрабатываемыхъ пространствъ лѣсомъ и сорными травами. Между тѣмъ до перваго достаточнаго на годовое прокормленіе урожая нужно было чѣмъ нибудь жить; заработковъ же не было, а припасы были дороги.

Ровной знакомой степи, гдѣ каждое мѣсто, кромѣ развѣ солончаковъ или голыхъ песковъ, годно подъ пахоту, не было, конечно, и въ поминѣ. А были горы, гдѣ удобные для культуры участки нужно было искать среди овраговъ и по косогорамъ, по уступамъ горъ, заросшимъ вѣковымъ лѣсомъ, и по непривычной для глазъ крутизнѣ своей казавшимся недоступными для какой бы то ни было разработки. И были сырыя, малярійныя низины въ ущельяхъ горъ, да прибрежная, тоже малярійная, мѣстами

сильно заболоченная, но за то привлекавшая взоръ богатою растительностью прибрежная полоса между горами и моремъ,—та самая «степь», на которой съ радостью отдыхалъ взоръ исконныхъ степняковъ и гдѣ они спѣшили устраивать себѣ поселки, даже и не догадываясь о предстоящей гибели отъ маляріи. Не соображаясь съ тѣмъ, что при недостаткѣ пригодныхъ къ культурѣ земель подъ постройки слѣдуетъ занимать здѣсь (какъ это дѣлалось горцами) мѣста негодныя для культуры и селиться по возможности вблизи разбросанныхъ по горамъ и ущельямъ культурныхъ клочковъ, чтобы быть къ нимъ возможно ближе и не тратить массу времени на лишніе дальніе переѣзды, засельщики, напротивъ, спѣшили селиться въ равнинахъ. Такимъ образомъ подъ обширные поселки съ огородами, телятниками и приусадебными выгонами они занимали лучшія прибрежныя земли, почти уже готовыя къ культурѣ безъ всякихъ разработокъ (отличные естественные покосы и т. п.), лишая себя этимъ возможности утилизировать эти сравнительно большія площади ровныхъ мѣстъ подъ посѣвы и луга. Это поневолѣ вынуждало ихъ къ усиленной разработкѣ мало-мальски удобныхъ мѣстъ подъ культуру въ горахъ, гдѣ, и разработка и доступъ къ удобнымъ мѣстамъ были гораздо труднѣе и всѣ эти разработки оказывались обыкновенно очень удаленными отъ поселка.

Не зная мѣстныхъ условій, не зная, какъ надо вести здѣсь хозяйство, засельщики могли вести его только такъ, какъ вели у себя на родинѣ. Легкія почвы, требующія слабаго взрыхленія, они пахали тяжелыми плугами; тамъ, гдѣ нужна была для вспашки лошадь или даже ручная обработка, нѣкоторые, по старому обычаю, пробовали утилизировать воловъ. Отъ глубокой задѣлки сѣмянъ поля, благодаря изобилію дождей, заболачивались, сѣмена вымокали и урожай пропадалъ. На землѣ, пригодной только для винограда или для табака, засельщики сѣяли хлѣбъ; сады устраивали на открытыхъ мѣстахъ, внѣ защиты отъ губительнаго нордъ-оста и на почвѣ болѣе пригодной для какихъ-либо иныхъ культуръ. Вырубая лѣса для сбыта ради полученія хоть какого-нибудь заработка, они рубили ихъ тамъ, гдѣ не слѣдуетъ, гдѣ

они защищали посадки или отъ нордъ-оста или отъ вѣтровъ съ моря и пр. и проч. Словомъ, дѣлали почти все какъ разъ не такъ, какъ было нужно: наперекоръ природѣ и наоборотъ тому, какъ поступали горцы. Хозяйство не шло, новоселы «проѣдались», разорялись и, убѣждаясь въ невозможности вести хозяйство въ этой «трущобѣ», приходили въ полное отчаяніе.

Прибавьте къ этому донимавшія засельщиковъ упорныя лихорадки, съ которыми они безсильны были бороться, отъ которыхъ не умѣли оберегаться, да и не могли уберечься уже потому, что устроили поселки на малярійныхъ низинахъ. Малярія съ перваго же дня поселенія выхватывала жертву за жертвою, лишая людей возможности работать и унося иногда въ могилу цѣлыя семьи. Даже въ Галенджикѣ, извѣстномъ теперь отсутствіемъ маляріи, тогда при большемъ количествѣ мѣстной растительности, неразработанности окрестныхъ земель и чрезмѣрной заболоченности не осушенныхъ еще окрестностей, малярія тоже похищала не мало жертвъ.

Законъ 1866 г. имѣлъ то несомнѣнное преимущество передъ послѣдующими законами о заселеніи Побережья, что предоставлялъ переселенцамъ право свободнаго выбора мѣстъ для поселенія, по ихъ собственному усмотрѣнію. Но, къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ это право не дало ожидаемыхъ результатовъ какъ вслѣдствіе того, что переселенцы не могли оріентироваться въ совершенно чуждыхъ имъ условіяхъ, такъ и потому, что имъ негдѣ и не отъ кого было получить въ этомъ отношеніи какихъ бы то ни было указаній или совѣтовъ. Пришедшіе до нихъ знали столько же, или почти столько же, сколько и они; мѣстное начальство состоявшее изъ людей также пришлыхъ со стороны также не знало мѣстныхъ условій. Кромѣ того для разоренной и заброшенной страны пришлыми чуждыми ей людьми недостаточно было издать только законъ, дозволяющій поселеніе въ ней съ правомъ имѣть столько то земли и съ правомъ получить пособіе всего лишь до 50 р. на семью,—надо было принять хотя какія-нибудь предварительныя мѣры къ облегченію положенія засельщиковъ на первыхъ порахъ. Нѣкоторыя предвари-

тельныя мѣры по оздоровленію мѣстности, напр., дренированіе, возможное въ большинствѣ мѣстностей при значительномъ склонѣ къ морю, могли бы, напр., быть приняты уже передъ поселеніемъ козаковъ и первыхъ вольныхъ засельщиковъ [1]). Но ничего подобнаго, къ сожалѣнію, не было сдѣлано и засельщики осѣдали прямо на малярійные участки. Говоря словами доктора Пантюхова, «главнымъ вопросомъ» для засельщиковъ являлось прежде всего «побороть малярію», но независимо отъ незнанія причинъ ея происхожденія и мѣръ борьбы съ нею, если иногда въ отдѣльныхъ случаяхъ это могли сдѣлать такія объединенныя общины, какъ напр., сектанты ленкоранскаго уѣзда, то это почти невозможно было для «составленныхъ изъ разнообразныхъ элементовъ общинъ православнымъ». Засельщики не были даже предупреждены о вредѣ такого поселенія въ заболоченныхъ мѣстностяхъ. Они работали на низинахъ (вопреки обычаю горцевъ) во всякое время дня и года, спали на землѣ, пили какую попало воду—и малярія дѣлала свое дѣло.

Удивительно ли послѣ всего этого, что отливъ переселенцевъ съ побережья начался вскорѣ же послѣ прихода туда первыхъ вольныхъ засельщиковъ его, привлеченныхъ на побережье слухами о вольныхъ земляхъ и богатой природѣ?! Разоренные и убитые горемъ вольные засельщики стали уходить кто домой, кто на заработки, кто по паспортамъ на Кубань или прямо «въ безвѣстную отлучку», а одновременно съ ними пошли на утекъ и кубанцы, находившіеся въ совершенно тѣхъ же условіяхъ, за исключеніемъ только полученія пайка въ первые три года и отсутствія формальнаго права на обратное переселеніе на родину.

---

[1]) «Береговая полоса, говоритъ д-ръ П. И. Пантюховъ въ брошюрѣ своей: «Вліяніе маляріи на колонизацію Кавказа», (изд. ред. газ. «Кавказъ», Тифлисъ, 1899 г.), какъ имѣющая (обыкновенно) значительный склонъ къ морю, можетъ быть оздоровлена дренированіемъ гдѣ надо, почвы, обезпеченіемъ населенія здоровою водою, насажденіемъ хорошо растущихъ здѣсь эвкалиптовыхъ рощъ, уничтоженіемъ папоротниковъ и вообще правильною интенсивною культурою».

«Несмотря на всевозможныя субсидіи и заботы правительства (о заселеніи края), поселенцы—говоритъ В. Я. Бабилашвили [1])—при первой возможности уходили»... «Поселенцы разбѣгались или вымирали отъ лихорадки»...

Разорѣніе пришло къ козакамъ еще въ періодъ полученія ими казеннаго пайка. Гг. Хатисовъ и Ротиньянцъ [2]), посѣтившіе побережье еще въ этотъ первый періодъ ихъ поселенія, нашли козацкія станицы въ крайне печальномъ положеніи. Слѣдующій изслѣдователь побережья Я. К. Васильевъ [3]), изучавшій положеніе сельскохозяйственной промышленности въ краѣ чрезъ 14 лѣтъ послѣ изданія закона 10 марта 1866 г. нашелъ, что и вольные засельщики побережья и козаки не только не оказали благотворнаго вліянія на развитіе въ немъ сельскозяйственной производительности, но скорѣе вносятъ вліяніе отрицательное, такъ какъ расчищенные въ былое время горцами плодороднѣйшіе участки на ихъ нынѣшнихъ надѣлахъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе зарастаютъ лѣсомъ, а почва полевыхъ земель все болѣе истощается постоянной обработкой безъ отдыха и удобренія. «Только небольшая часть этого населенія примѣняетъ, по его наблюденію, трудъ къ извлеченію на мѣстѣ продуктовъ потребленія, остальная же работаетъ на хлѣбородныхъ земляхъ Кубанской области»...

Этотъ уходъ изъ Побережья его засельщиковъ еще болѣе увеличился съ опубликованіемъ закона 1870 г. о расформированіи Шапсугскаго берегового баталіона съ обращеніемъ козаковъ въ крестьянъ, которымъ, однако, предоставлялось этимъ закономъ право на 20-десятинный надѣлъ на каждую мужскую душу, вмѣсто прежняго 30-десятиннаго на цѣлую семью. По этому поводу надо замѣтить теперь же, что къ 1870 г. для засельщиковъ вполнѣ

[1]) Труды виногр. съѣзда 1899 г. въ Новороссійскѣ.

[2]) См. уже цитированный выше трудъ ихъ въ Зап. Кавк. О. С. Х. 1867 г. № 3 и 4.

[3]) «Очеркъ развитія с. хоз. въ Черном.-округѣ». Зап. Кавк. О. С. Х. 1879 г., вып. 2-й.

уже выяснился фактическій недостатокъ въ ихъ «юртахъ» земель удобныхъ для обращенія подъ культуру.

Горькій опытъ выяснилъ уже имъ къ этому времени, что даже и разработка всего того, что было бы сколько-нибудь годно подъ тѣ или другія знакомыя и доступныя имъ культуры, не можетъ дать того количества культурныхъ земель, на которое они имѣютъ право по закону 1866 г., т. е. 30 дес. на семью,— не говоря уже о 20 дес. на душу по закону 1870 года! «Начальство» же, не зная этого и желая утѣшить козаковъ за переводъ ихъ изъ козачьяго сословія въ мужики, обѣщало имъ право на эту новую значительно увеличенную, но для нихъ завѣдомо фиктивную норму надѣла. На сколько далеко была она отъ дѣйствительности, можно судить по тому, что напр., въ Геленджикской общинѣ [1]) при 153 «дымахъ» [2]) фактически имѣлось къ 1899 году только 600 дес. разработанной земли, т. е. въ среднемъ только по 3 дес. на дворъ или менѣе чѣмъ по $1^1/_2$ дес. на мужскую душу, вмѣсто нормированныхъ 30 и 20 десятинъ!—Недоразумѣніе, выражаясь языкомъ Глѣба Успенскаго, вышло въ полномъ смыслѣ «взаимообразное»...

«Прошлое козачества—писалъ по этому поводу г. Новомарьинскій [3])—еще слишкомъ въ памяти у всѣхъ козаковъ, чтобы они рѣшились изъ воиновъ—джигитовъ и рыцарей обратиться въ «мужика» или солдата: и то и другое слово у козаковъ употребляется, какъ бранное; а козачки и слышать не хотятъ, чтобы онѣ когда-либо были обращены въ «мужичѐкъ». Перенести, ради необходимости, ради, можетъ быть, тѣхъ же военныхъ цѣлей, переселеніе съ родины въ причерноморскія горы, они еще могли; если это было и тяжело, то по крайней мѣрѣ не позорно и не обидно... Но стать «на мужичье положеніе»—это иное дѣло!...

Разсказывавшіе мнѣ о своемъ прошломъ козаки изобразили мнѣ очень образно, какъ еще до изданія закона о расформиро-

---

[1]) По даннымъ «справочной книги черн. губ. за 1899 г.».

[2]) Платежныхъ дворахъ.

[3]) «Живописная Россія», т. IX, стр. 156.

ваніи пріѣзжалъ къ нимъ намѣстникъ, собралъ всю станицу и сообщилъ, что въ виду прекращенія войны и для облегченія станичниковъ отъ службы предполагается оказать имъ «милость»: «переводъ на крестьянское положеніе» съ дарованіемъ надѣла по 20 дес. на душу.

— Ни, не згодни мы на це!—загомонилы вси гуртомъ.— А вы помиркуйте, говорыть винъ, бо не можно жъ такъ видразу... А самъ дывытся на насъ та такъ неначе всмихается; а вси генералы та охвыцеры навкругы его стоять, та вси тилькы дывлятся на насъ, а де-яки зъ ихъ пидходять нышкомъ до насъ тай кажуть: «дякуйте швыдче за ласку, дурни вы»! Отъ мы пишлы, потолкувалысь мижъ собою, та вси крычымо: «не згодни мы йты въ мужыкы»! Довгенько такъ балакалы мижъ собою, а дали вернулысь назадъ тай говорымо: «Ни не хочемо мы такои ласкы, щобъ мужыкамы статы»!—Не, хочете?—пытае винъ, а самъ знов наче усмихается.—Ни, не хочемо! нема на це нашои згоды!— А винъ зновъ такы каже: «пидить вы та *гарненько* помиркуйте, та тоди вже мени и скажете, бо--говорыть—памьятайте, що якъ вы навить вси гуртомъ не дасте свои згоды, то все жъ таки законъ цей буде, и вы таки повернытесь на мужыкивъ, себъ-то ця ласка васъ все йидно не мыне.—Тоди мы зновъ пишлы; порадылысь ще трохы, тай зновъ, повернувшысь назадъ, говорымо: «Ни, не хочемо! не буде на це нашои згоды»!—

Переводъ «на крестьянское положеніе», самъ по себѣ неизбѣжный въ силу прекращенія войны съ горцами, имѣлъ тѣмъ не менѣе въ исторіи и Геленджика и прочихъ станицъ отрицательное значеніе: много козацкихъ семей, недовольныхъ реформой, выселилось отсюда,—одни перечислились обратно въ Кубанскую область, другіе постоянно живутъ тамъ на заработкахъ по паспортамъ. Но уменьшеніе населенія отъ этихъ уходовъ отчасти пополнялось притокомъ новоселовъ извнѣ: приходили переселенцы изъ Евр. Россіи и приселялись къ тѣмъ или инымъ общинамъ. Принимая новосела, община говорила: «иди и ищи годную землю самъ и разрабатывай своими силами сколько можешь».

По закону, новоселъ имѣлъ право на 30 дес. на семью, а старожилъ изъ козаковъ (уже по закону 1870 г.) по 20 дес. на душу. Этимъ, конечно, устанавливалась неуравнительность и неравноправность владѣнія внутри общины [1]). Но такъ какъ община и общинные распорядки продолжали еще существовать, то міръ скоро додумался до благополучнаго выхода изъ этого ненормальнаго положенія, устанавливавшаго неуравнительность правъ владѣнія между членами общины. Сама жизнь указала общинѣ этотъ выходъ. Видя недостатокъ земли, доступный для разработокъ, мѣстныя общины, игнорируя законодательныя нормы, сами стали устанавливать свои нормы, единообразныя для всѣхъ членовъ каждой данной общины и обыкновенно далеко не достигающія размѣровъ нормъ, опредѣленныхъ закономъ.

Въ Геленджикѣ, напр., община постановила, что каждый дымъ, т. е. податной дворъ, будь онъ староселъ или новоселъ— все равно, имѣетъ *право* на 10 дес. разработанной земли въ юртѣ (кромѣ плановой, т. е. усадебной); кто имѣетъ фактически меньше—можетъ разрабатывать до этой нормы; кто имѣлъ больше, у того отобрали излишки въ пользу остальныхъ. Старались разверстать такъ, чтобы при имѣющемся у каждаго количествѣ разработанной земли каждому достать 2 десятины по возможности подъ самой станицей, и чтобы каждому досталася одинаковая съ

---

1) Эта неуравнительность внутри общинъ еще болѣе увеличилась благодаря тому, что, по закону 1870 г., штабъ-офицеры, оберъ-офицеры, нижніе чины изъ козаковъ, ихъ вдовы и дѣти получили изъ общинныхъ земель въ полную потомственную собственность всѣ тѣ усадьбы изъ общаго надѣла (и въ тѣхъ размѣрахъ) какими каждая семья пользовалась въ моментъ изданія закона (а офицерамъ сверхъ того отведено по 200—400 дес. на семью въ полную собственность «порядкомъ указаннымъ въ § 69 положенія 10 мая 1862 г. о заселеніи предгорій западной части кавказскаго хребта»). Этимъ въ сферу общинно-поземельныхъ порядковъ и отношеній введена была не только новая неуравнительность, но и нарушеніе самого принципа общиннаго владѣнія. Этого вопроса объ образованіи личной собственности въ краѣ придется еще коснуться въ послѣдующемъ изложеніи.

другими пропорція и худой и хорошей земли; нѣкоторыя исключенія сдѣлали для тѣхъ у кого были очень тяжелыя раскорчевки— въ вознагражденіе за потраченный на нихъ трудъ имъ оставили побольше земли хорошей.

Такимъ образомъ приходившіе сюда новоселы, вмѣсто полученія воображаемыхъ 30 дес. на семью, которыя при томъ многіе изъ нихъ предполагали найти уже болѣе или менѣе разработанною землею, на первыхъ же порахъ убѣждались въ фиктивности этихъ цыфръ и слишкомъ большой разницѣ ихъ дѣйствительностью. Рядомъ съ этимъ, они, конечно, встрѣчали тѣ же чуждыя имъ условія, которыя такъ неблагопріатно вліяли на бытъ первыхъ засельщиковъ. Правда, съ теченіемъ времени горцы были изгнаны и набѣги ихъ прекратились; благодаря уничтоженію лѣсовъ, распространенію культуры на все большее количество земель, а мѣстами и осушенію отдѣльныхъ участковъ, кое-гдѣ начала ослабѣвать и малярія. Но во всемъ почти остальномъ новоселъ попадалъ въ условія почти однородныя съ тѣми, въ какія попали и первые засельщики страны. Природа, климатъ, мѣстныя условія были ему чужды, а научиться, посовѣтоваться было не съ кѣмъ и не у кого, потому что оставленные на произволъ, безъ указаній людей знающихъ мѣстныя условія и руководимые только собственнымъ умомъ да горькимъ опытомъ большею частію непонятныхъ имъ неудачъ въ собственномъ хозяйствѣ, староселы и понынѣ сравнительно мало чему научились. Въ результатѣ, конечно, опять многочисленные уходы обратно въ Россію послѣ неудачной траты силъ и расходовъ на обзаведеніе хозяйствомъ.

Понятно, что благодаря всему этому экономическій ростъ Геленджика и окрестныхъ селеній двигался оченъ медленными стопами и что «благосостояніе» его мѣстнаго населенія (входящаго въ составъ общины) характеризуется въ настояще время далеко не блестящими статистическими цыфрами.

Всѣхъ домохозяевъ считалось за 1900 годъ 191. У нихъ подъ виноградниками было всего въ юртѣ только 2 дес., а подъ садами 5. Разработки подъ культуру произведены довольно не-

равномѣрно, что обусловливаетъ, конечно, неравномѣрность въ обезпеченности домохозяйствъ культурною землею, при чемъ большинство хозяйствъ далеко еще не успѣло расширить свои разработки до предѣльной нормы 10 дес. на семью. Послѣднихъ только около 3% общаго числа хозяйствъ, тогда какъ совсѣмъ не имѣющихъ своихъ разработокъ, т. е. безземельныхъ, 22%; имѣющихъ до 3 дес. на хозяйство 35%, отъ 3—6 дес.—32%. а отъ 6—9 дес. только 8%, между тѣмъ какъ главное занятіе населенія и составляетъ земледѣліе. Изъ общаго количества хозяйствъ 34% не имѣютъ никакого скота; въ среднемъ на каждые 2 хозяйства приходится менѣе 1 лошади, въ среднемъ на одно хозяйство приходится прочаго скота: 0,8 вола, 0,8 коровы, 0,6 свиньи и 0,8 козы.

Правда, среди Геленджикцевъ нѣтъ особенно бѣдствующихъ (какъ нѣтъ и особенно богатыхъ, кромѣ развѣ единичныхъ семей. отчасти разжившихся торговлей во время проведенія здѣсь «голоднаго» шоссе)[1]). Наилучше живутъ многорабочія семьи; малорабочія и не имѣющія рабочаго скота, вмѣсто воздѣлыванія земли наймомъ, что они считаютъ невыгоднымъ при дороговизнѣ рабочихъ рукъ, сдаютъ свою землю исполу (при своихъ сѣменахъ), занимаясь сами пилкой и рубкой дровъ, поденьщиною, рыболовствомъ, заработками при цементномъ заводѣ. Однолошадники занимаются ломовымъ извозомъ («дрягили»).

Размѣръ всего юрта (надѣла) опредѣляется для Геленджика въ 5400 дес.[2]). Но изъ нихъ ровныхъ, удобныхъ для хлѣбопашества мѣстъ считается только около 2000 дес. (отсюда при 191 хозяйствѣ помянутая 10—десятинная норма разработокъ на каждаго домохозяина), а 2100 дес. тоже подъ сравнительно ровными,

---

[1]) Большимъ подспорьемъ геленджикцамъ является возможность нерасходоваться на уплату податей, которыя покрываются доходами отъ оброчныхъ статей (на 1901 г., напр., по смѣтѣ ожидалось отъ цементнаго завода. сдачи усадебъ подъ дачи, каменоломень, пароходной пристани и пр. свыше 8000 р.).

[2]) По свѣдѣніямъ мѣстнаго сельскаго управленія, а по даннымъ помянутой «Справочной книги»—въ 6470 дес.

но негодными для хлѣбопашества пространствами, поросшими колючимъ «держи-деревомъ» на почвѣ изъ известково-глинистыхъ сланцевъ и песчанниковъ. Дровяной лѣсъ находится только въ горахъ и по оврагамъ на разстояніи 9 верстъ отъ Геленджика. Въ юртѣ замѣчается крайнѣ неудобный для скотоводства недостатокъ воды, горные ручьи послѣ дождливаго времени года быстро пересыхаютъ и водопоевъ для скота почти нѣтъ, такъ какъ р. Адерба протекаетъ преимущественно среди частновладѣльческихъ (бывшихъ потомственныхъ 10-десятинныхъ) участковъ. Сѣнокосныхъ участковъ мало, вслѣдствіе чего приходится косить траву около полей, на прогалинкахъ между кустами. Вслѣдствіе недостатка сѣна, скотъ круглый почти годъ пасется на подножномъ корму, а въ случаѣ нерѣдкаго недостатка его подкармливается преимущественно соломою. Вслѣдствіе этихъ причинъ мѣстное скотоводство не увеличивается, а повидимому сокращается.

Л. С. Личковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Грыцько Грыгоренко.

Первые восемь разсказовъ Грыцька Грыгоренка появились въ 1898 г. въ трехъ отдѣльныхъ выпускахъ и одновременно въ одномъ томѣ подъ общимъ заглавіемъ «Наши люде на сели». Послѣ этого литературная дѣятельность г. Грыгоренка нѣсколько ослабѣваетъ количественно, такъ-что съ того времени вышло всего пять новыхъ его разсказовъ: «Не такъ, якъ люде» (Літер.-Наук. Вістн. 1899 г. ч. 8), «Переселыци» (Кіевск. Старина 1900 г. № 11), «Такъ краще» (Літ.-Наук. Віст. 1901 г. ч. 2), «Чомъ чомъ чорнобровъ, чомъ до мене не прыйшовъ» (Сборникъ на памьять Конiського 1902 г.) и «Вона пысьменна» (Альманахъ «Дубове лыстя» 1903 г.). Украинская публика встрѣтила первыя произведенія г. Грыгоренка не то недоброжелательно, не то съ недоумѣніемъ. Общее впечатлѣніе, быть можетъ не вполнѣ сознательное, было, а отчасти и до сихъ поръ остается, такимъ: появились вещи, которымъ нельзя отказать въ литературныхъ достоинствахъ, которыя вносятъ въ нашу литературу нѣчто новое, но какъ онѣ странны и какъ онѣ намъ не нравятся, и притомъ за то именно и не нравятся, что въ нихъ является новымъ.

Многіе въ то время склонны были упрекать г. Грыгоренка въ чрезмѣрно пессимистическомъ взглядѣ на народъ, даже въ недоброжелательствѣ, чуть ли не въ клеветѣ на него. Нельзя, однако, признать справедливымъ это обвиненіе. Несомнѣнно, г. Грыгоренко не принадлежитъ къ числу идеализаторовъ деревни. Взглядъ

его на нравственный уровень крестьянства довольно мраченъ, но во 1-хъ—въ немъ нѣтъ и тѣни безнадежности относительно будущаго, а во 2-хъ —въ произведеніяхъ Грыгоренка явственно видны его глубокое сочувствіе къ народнымъ массамъ и искренняя скорбь о ихъ судьбѣ и ихъ деморализаціи. Осужденіе Грыгоренка не похоже ни на безплодное хныканіе моралиста, ни на злобное шипѣніе народнаго врага,—это исполненный сочувствія къ больному діагнозъ врача-друга, который, не закрывая глазъ на болѣзнь, вмѣстѣ указываетъ и путь къ ея исцѣленію. И кто станетъ спорить, что такое отношеніе къ народу для него безконечно полезнѣе, чѣмъ замалчиваніе его недостатковъ.

На нашъ взглядъ, предубѣжденіе, которымъ на первыхъ порахъ встрѣтили у насъ произведенія Грыгоренка, объясняется тѣмъ, что во время ихъ появленія въ украинской литературѣ было еще сильно вліяніе того крайняго народничества, которое въ 70--80 годахъ было распространено и въ нашей, и въ русской литературѣ. Народничество этого оттѣнка не ограничивалось призывомъ къ работѣ на пользу обездоленной части населенія, но еще хотѣло увѣрить интеллигенцію, что народъ нравственно выше и умнѣе ея, что спасеніе не въ принципахъ, выработанныхъ образованною частью человѣчества, а въ народныхъ идеалахъ, что интеллигенціи слѣдуетъ не учить народъ, а учиться у него и т. д. и т. д. Параллельно съ этими взглядами и въ нѣкоторой духовной связи съ ними, у представителей этого направленія замѣчалась исключительная заинтересованность экономическими вопросами въ ущербъ вопросамъ, затрагивающимъ другія, ничуть не менѣе важныя стороны общественной жизни, выдвиганіе на первую очередь вопросовъ отдаленнаго будущаго и забвеніе тѣхъ, которые слѣдовало-бы ставить на дневномъ порядкѣ. Правда, въ украинской литературѣ направленіе это, быть можетъ, ни однимъ писателемъ не было выражено столь опредѣленно и рѣзко, какъ въ русской литературѣ, но за то романтическая идеализація народа господствовала у насъ безраздѣльнѣе. Украинскіе беллетристы 80-хъ годовъ почти не знаютъ другихъ обездоленныхъ, кромѣ кре-

стьянина-земледѣльца, и все разцѣнивають съ точки зрѣнія интересовъ этого класса. Они идеализирують крестьянъ, съ любовью ищутъ въ ихъ средѣ положительныхъ типовъ и часто ихъ прикрашиваютъ, надъ недостатками же народными останавливаются неохотно, стараясь смягчить вызываемое ими отрицательное впечатлѣніе. Всѣ надежды свои на общественное обновленіе украинскіе писатели возлагали на крестьянъ, а нѣкоторые до того проникались крестьянскимъ міровоззрѣніемъ, что съ симпатіей относились и къ крестьянскому ритуалу и даже къ нѣкоторымъ предразсудкамъ крестьянъ, или же почти цѣликомъ принимали взгляды народа на общественныя отношенія и не только народную оцѣнку наличныхъ отношеній съ точки зрѣнія справедливости, но и мысли народа о томъ, какимъ путемъ и какими средствами можно достичь и нужно достигать ихъ улучшенія. А между тѣмъ, едва ли нужно и говорить объ этомъ, если народъ, неся на себѣ тяготы общественнаго строя, можетъ вѣрно указать на нѣкоторыя противорѣчія даннаго порядка съ справедливостью, то онъ, конечно, не въ силахъ безъ указанія интеллигенціи найти вѣрный путь къ раціональному рѣшенію сложныхъ общественныхъ задачъ. Такое настроеніе началось въ украинской литературѣ еще раньше, чѣмъ въ русской, и продержалось дольше. У насъ оно было еще очень сильно и въ 90-хъ годахъ. Правда, среди украинскихъ писателей, выступившихъ въ концѣ 80-хъ, въ 90-хъ годахъ, у многихъ замѣтно болѣе трезвое отношеніе, и все-же никто изъ нихъ не высказался опредѣленно и твердо противъ прежнихъ увлеченій, на которыхъ продолжали настаивать писатели старшей генераціи. Молодые писатели, кто сразу, кто постепенно, сами освобождались отъ чрезмѣрной идеализаціи народа и упомянутыхъ крайностей народничества, но одни изъ нихъ занялись изображеніемъ другой—не крестьянской среды, другихъ старыя традиціи еще настолько подавляли своимъ авторитетомъ, что они лишь изрѣдка и несмѣло рѣшались рисовать отдѣльные эскизы и штрихи, противорѣчащіе установившейся догмѣ.

Украинская литература—литература народа, состоящаго почти исключительно изъ крестьянства; она и писала преимущественно

о немъ, для него и въ защиту его интересовъ, и это вполнѣ объясняетъ, почему въ ней такъ долго продержались именно отмѣченныя выше увлеченія.

Но вслѣдствіе тѣхъ-же условій въ ней не нашло себѣ почвы то крайнее разочарованіе въ крестьянинѣ-земледѣльцѣ, какое охватило значительную часть русской литературы въ 90-хъ годахъ, отчасти какъ реакція противъ крайностей народничества. Въ то время широкіе круги русской интеллигенціи какъ бы вовсе отвернулись отъ деревни и махнули на нее рукой, не ожидая ничего положительнаго въ общественномъ смыслѣ отъ этой косной и фатально-инертной, по взглядамъ того времени, массы. Но исключительное преобладаніе крестьянства среди украинскаго народа не позволило украинскимъ писателямъ зайти въ разочарованіи крестьянствомъ такъ далеко. Извѣриться въ немъ значило-бы для украинцевъ извѣриться въ самихъ себѣ, и, конечно, живой народъ и живые люди не могли пойти на такое самоотрицаніе.

Очень характернымъ признакомъ этой разницы, обозначившейся въ данный періодъ развитія двухъ смежныхъ литературъ, можетъ служить, между прочимъ, самое появленіе въ украинской литературѣ въ концѣ 90-хъ годовъ г. Грыгоренка. Въ то время, когда въ великорусской литературѣ, какъ справедливо указываетъ г. Подарскій, «послѣ Успенскаго изученіе крестьянства совершенно остановилось» и она «остановилась на беллетристикѣ» изъ народнаго быта «80-хъ годовъ», въ нашей сравнительно бѣдной литературѣ появляется новый столь вдумчивый и талантливый изобразитель народной жизни, какъ г. Грыгоренко.

Однако и украинская литература не могла остановиться на прежней точкѣ зрѣнія. Критическое отношеніе къ прежнимъ увлеченіямъ и отказъ отъ нихъ неизбѣжно должны были появиться и у насъ. и дѣйствительно появились. Изъ украинскихъ беллетристовъ раньше всѣхъ Грыцько Грыгоренко выступилъ вполнѣ опредѣленно и ясно въ означенномъ направленіи. Этимъ опредѣляется его мѣсто въ исторіи украинской литературы, а вмѣстѣ и объясняется первоначальное предубѣжденіе противъ него; а то обстоятельство, что, вслѣдствіе особенности украинскихъ

условій, онъ не могъ дойти до крайностей своихъ русскихъ товарищей, дѣлаетъ его изображеніе крестьянской жизни особенно реальнымъ и вѣрнымъ. Къ этой основной причинѣ того, почему нашъ талантливый авторъ былъ встрѣченъ несоотвѣтственно своимъ дѣйствительнымъ достоинствамъ, нужно присоединить и другую—склонность къ рутинѣ, къ традиціи, въ сильной степени свойственной нашей, какъ и всѣмъ еще слабо развитымъ, литературамъ. У насъ не сложился пока тотъ широкій кругъ образованныхъ читателей, который, внося въ оцѣнку наличной литературы все разнообразіе вкусовъ и взглядовъ очень большого числа людей, подготовляетъ почву для возникновенія новыхъ литературныхъ школъ и теченій. Цѣпкость, съ какою украинская литература придерживается уже отжившихъ пріемовъ, сказывается между прочимъ во вкусѣ къ этнографіи въ беллетристикѣ, которая со временъ Квитки, а въ особенности Кулиша, вкоренилась въ украинской беллетристикѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ не давая ничего ни для развитія общей идеи произведенія, ни для обрисовки типовъ или окружающихъ ихъ условій и среды. Я указалъ здѣсь на частный примѣръ, относящійся къ художественной техникѣ, примѣромъ-же рутинности въ направленіи можетъ служить отмѣченное выше отношеніе къ Грыгоренку.

Основными чертами творчества Грыгоренка нужно признать удивительную трезвость и чувство мѣры, придающіе его разсказамъ столь жизненный характеръ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ г. Грыгоренко для изображенія не ищетъ красивыхъ, исключительныхъ положеній. Напротивъ, онъ именно любитъ рисовать положенія самыя повседневныя и обыденныя, и оттого-то разсказы его такъ точно воспроизводятъ украинскую деревню. Но и въ повседневной обстановкѣ авторъ умѣетъ отмѣтить такое разнообразіе типовъ, освѣтить такія стороны жизни украинскаго крестьянина, которыя ускользали отъ далеко не заурядныхъ наблюдателей. Въ своемъ небольшомъ сборникѣ онъ съумѣлъ обрисовать много новыхъ, до него не отмѣченныхъ деревенскихъ типовъ,

---

1) Рус. Бог. 1903 г. № 3.

такъ что весьма немногіе изъ его предшественниковъ дали намъ такое разнообразіе ихъ, и, кажется, никто не сдѣлалъ этого въ столь небольшой книгѣ. Правда, вслѣдствіе краткости, свойственной г. Грыгоренку, страдаютъ иногда техника разсказовъ и отдѣлка типовъ, иногда можно было-бы желать болѣе подробной ихъ обрисовки, но это несомнѣнно портреты, если и не тщательно отдѣланные, то съ поразительно вѣрно схваченнымъ сходствомъ.

Избѣгая эффектовъ, Грыгоренко не ищетъ драматическихъ положеній, не беретъ матеріаловъ для своихъ разсказовъ изъ уголовной хроники и не выискиваетъ столь рѣдкихъ въ дѣйствительной жизни деревни случаевъ борьбы за общественный или мірской интересъ. Его герои не преступные типы и не борцы за правду—это рядовые крестьяне; но вѣдь они то, благодаря своей подавляющей численности, и создаютъ характеръ деревенской жизни, а потому наблюденія Грыгоренка и имѣютъ особенное значеніе для читателя, который хочетъ изучить нашу деревню и основать свои на нее надежды на трезвой оцѣнкѣ фактовъ.

Въ изображеніи экономическаго положенія деревни нашъ авторъ также чуждъ стремленію искать случаевъ исключительной бѣдности, чтобы сценами голода и нищеты вызвать въ читателѣ сочувствіе къ положенію изображаемой среды. Чутье подсказываетъ автору, что всѣ такіе ужасы, какъ бы ни было сильно первое впечатлѣніе, созданное ими, будутъ потомъ оцѣнены читателемъ, какъ случаи исключительные, какъ бѣдствіе отдѣльныхъ немногихъ лицъ, а задача г. Грыгоренка поставить вопросъ принципіально и дать картину жизни широкихъ круговъ населенія.

Крестьяне г. Грыгоренка не нищіе, не голодаютъ, но онъ рисуетъ ихъ экономическое положеніе какъ разъ такимъ, каково оно есть на самомъ дѣлѣ. Ихъ относительная сытость достигается повседневной работой и неусыпнымъ разсчетомъ и бережливостью надъ каждой самой незначительной тратой; она какъ бы вѣчно находится подъ угрозой. Благосостояніе ихъ таково, что ежеминутно можетъ разрушиться вслѣдствіе самой незначительной хозяйственной неудачи или кратковременнаго только отвлеченія

работника отъ труда и бережливости. Для того лишь, чтобы не погибнуть, а кое-какъ поддерживать существованіе, имъ ни на минуту нельзя забыть объ опасности истратить лишнюю копѣйку, нельзя даже въ горѣ или при увлеченіи оторваться отъ дѣла, и въ добавокъ къ этому бремени бѣдности на ихъ долю выпадаетъ приниженное положеніе и неравенство правъ. Казалось бы, такое положеніе достаточно тягостно, чтобы нужно было искать эффектовъ для возбужденія къ нему сочувствія. Но оно такъ обычно, къ нему всѣ присмотрѣлись настолько, что большинство не видитъ его ненормальности, смотря равнодушными глазами на окружающую насъ юдоль скорби. Тѣмъ большій талантъ и тѣмъ высшую заслугу нужно признать за г. Грыгоренко въ томъ, что онъ умѣетъ простыми изображеніями обыденной жизни средняго крестьянина всколыхнуть задремавшую впечатлительность читателя и вызвать въ немъ раздуміе надъ фактами, къ которымъ онъ привыкъ и съ которыми сжился.

Тяжелыя экономическія условія разлагающимъ образомъ вліяютъ на нравственный обликъ деревенскаго населенія. Невесело смотритъ Грыгоренко на умственный и нравственный его уровень. Страшно становится отъ той бездны эгоизма, несправедливости, корыстолюбія, жестокости, какую раскрываетъ предъ нами нашъ авторъ. Семейныя отношенія таковы, что жена, вспоминая о смерти мужа, говоритъ: Ну то ще ничого, якъ-бы бувъ мене пидъ той шанець изъ малымы дитьмы не покынувъ» (Стр. 4. Сватання). Она-же «просыла» Бога, «щобъ прыбравъ хочъ двохъ зъ моихъ сыритъ»... «Не давъ Богъ—уси жыви (стр. 4. Ibid). Постоянное обычное пожеланіе дѣтямъ: «А щобъ-же зъ тебе душа выйшла, якъ ты мени вже остыгло» (стр. 21. Осъ яка сторія). Старикъ Мыкыта хотя и чувствуетъ, что поступаетъ несправедливо, все-же обдѣляетъ своего неудачника сына въ пользу другого, не будучи въ состояніи противостоять клеветѣ, угощеніямъ, и тутъ же выговаривая, чтобы сынъ, получающій все имущество, ему за это «добру домовыну зробывъ» (Ibid, стр. 24). Чтобы завладѣть частью огорода, которая должна была достаться брату, Мыкола (Ibid) не останавливается ни передъ клеветой, ни

передъ спаиваніемъ отца, а когда достигаетъ своей цѣли, въ немъ не замѣтно и тѣни угрызеній совѣсти. Истомленная чрезмѣрнымъ трудомъ, чтобы избавиться отъ него, Хрыстя (Божевильна) прикидывается сумасшедшей, и для лучшаго выполненія принятой на себя роли, не останавливается предъ тѣмъ, что отказывается кормить своего груднаго ребенка.

Если таковы отношенія къ своимъ близкимъ, то чего можно ожидать въ отношеніи къ постороннимъ? Права ихъ въ сущности не пользуются никакимъ уваженіемъ. Огромное большинство героевъ Грыгоренка относится къ этимъ правамъ съ нескрываемымъ вожделѣніемъ и всегда готово нарушить ихъ, если можно сдѣлать это безнаказанно. Ни чужія права, ни чужіе интересы въ глазахъ ихъ не имѣютъ никакой цѣны. Крестьянинъ, ушедшій на переселеніе и тамъ разорившійся, въ письмахъ на родину къ односельцамъ и родственникамъ, рисуетъ въ соблазнительныхъ краскахъ жизнь на новыхъ мѣстахъ, чтобы и другихъ завлечь въ ту же бѣду: «Самому трудно бидуваты, то нехай и другый спробуе» (Пересельци К. С. 1900 г., № 11, стр. 318). Чужая собственность, особенно если она плохо ограждена, не въ твердыхъ рукахъ, является объектомъ постоянныхъ покушеній. И, что всего хуже въ нравственномъ отношеніи, дѣлается это далеко не потому, чтобы у нарушителя чужой собственности было какое нибудь сомнѣніе въ справедливости этого института; такого сомнѣнія нѣтъ, въ принципѣ ему отдается полное уваженіе, а своя собственность цѣнится дороже и охраняется ожесточеннѣе жизни,—просто—нѣтъ стимула, способнаго противостоять соблазну увеличить свое благосостояніе какими бы то ни было средствами. «Боитесь може, що скрыня іи буде?... Ни, дежъ таки... Ваша дочка попереносыть усе, покы вона пиднимется» (Сватання стр. 17)—говоритъ дѣдъ о скрынѣ, доставшейся его внучкѣ послѣ смерти ея матери, его первой невѣстки, чтобы склонить бабу Секлиту выдать замужъ свою дочь за его сына. «Не вкрасты—не маты»—заявляетъ авторитетно баба Секлита (стр. 5).

Не лучше и отношеніе къ правдѣ. Ложь не только не осуждается, часто напротивъ осуждается правда. «Максымъ... за

чарку горилкы зробыть чоловика и святымъ и багатымъ, а якъ схоче, то чорнишымъ видъ сажы» (стр. 12). «А ну тебе къ чортовій матери зъ твоею правдою! ось втерявъ черезъ тебе два рубля» — сердится на Хиврю отецъ (Хивря языката стр. 93). Общественное мнѣніе деревни, при общемъ низкомъ нравственномъ уровнѣ, вырождается въ травлю слабыхъ и въ лицемѣрное сплетничаніе. «Нышкомъ люде такы судылы Мыколу за брата, въ голосъ-же нихто не обсмилывся ничого сказаты, бо Мыкола бувъ чоловикъ строгый и багатый; якъ бы хто й роззявывъ рота, винъ бы знавъ, що ему зробыты (Ось яка сторія» стр. 45). Много подобныхъ фактовъ можно было бы найти еще въ разсказахъ Грыгоренка, но довольно и этихъ; обратимся теперь къ его положительнымъ типамъ. Къ сожалѣнію исторія ихъ жизни способна только усилить мрачное впечатлѣніе, создаваемое деревенской жизнью въ описаніи нашего автора. Это или исторія постепеннаго нравственнаго паденія, или исторія гибели въ борьбѣ за существованіе, при чемъ причиной этой гибели послужила какъ бы сама ихъ нравственная порядочность. Трогательно-грустныя, горькія чувства будитъ въ читателяхъ описаніе жизни бѣдной «языкатой Хиври», правдивой и чистой по природѣ натуры, которая не умѣетъ лгать и за это именно нелюбима всѣми окружающими. Благодаря своей правдивости, она не могла помочь тѣмъ, кому хотѣла; ея правдивостью пользуются, чтобы оклеветать человѣка и устроить свои грязныя дѣлишки; за правдивость ее обвиняютъ въ искательствѣ у пановъ и въ доносахъ на товарищей, за правдивость ей мстятъ поджогомъ, разоряютъ и доводятъ ее до слѣдующаго ужаснаго состоянія: «Хивря одъ тихъ поръ якъ замовкла тай замовкла... Вона все тилькы зъ дитьмы пораєтся: то прыгортае, то цилуе ихъ,—одного тилькы вона для ихъ боялася, щобъ не булы дуже говирки и все було Натальцю зупыняе: «не кажы», «помовчъ», «скажы: а хто ёго знае»!... «Цытьте, диточкы, сыдить соби тыхо въ своій порци. Вы никого не чыпайте—васъ нихто не чыпатыме»! (Стр. 111—112 Хивря языката). А вотъ еще замѣчательны характерныя сомнѣнія Степана Зануды. Степанъ по натурѣ исключительно

справедливый человѣкъ. Во всѣхъ житейскихъ столкновеніяхъ онъ прежде всего становится на точку зрѣнія правъ не своихъ, а того, съ кѣмъ сталкиваются его интересы. Но вотъ Степану угрожаетъ въ самомъ дѣлѣ большая бѣда. Отецъ его, овдовѣвъ, собирается жениться, во второй разъ. Степанъ знаетъ, что въ деревнѣ это почти всегда влечетъ за собой изгнаніе отцомъ сына и его семьи изъ своей хаты. Такимъ образомъ ему угрожаетъ полный хозяйственный крахъ, опасность остаться съ семьей на рукахъ безъ крова и безъ всякихъ средствъ существованія. Замѣчательно справедливый по природѣ, онъ и здѣсь не можетъ не войти въ положеніе отца, не стать на его точку зрѣнія, но въ виду бѣдъ, предстоящихъ ему самому, не въ силахъ и остаться безпристрастнымъ. Дума Степана по этому поводу настолько характерный примѣръ того, какъ тяжелое экономическое положеніе является бѣсомъ искусителемъ и надламываетъ чувство справедливости даже въ такихъ хорошихъ людяхъ, что я позволю себѣ занять вниманіе читателя довольно длинной выпиской.

«А Степанъ ставъ и почавъ розбираты: «Жинкы треба. Мени жинкы треба, значыть—и батькови треба. Чого-жь мы зъ Наталкою не позволялы ёму оженытысь? Значыть, не мигъ я упретыты. Бо винъ старый? Дакъ що? А якъ бы маты жыва, то у ёго була-бъ жинкы, значыть, ёму треба жинки, значыть, добре, що оженывся... Тилькы для насъ не дорбе, бо хочъ поки що ничого, а, може, скоро воны изъ своею жинкою и іи дитьмы (може, ще й свои будуть) насъ зъ Наталкою вытурять. Якъ же це? Колы батькови, якъ и всякому чоловикови, треба жинкы, а старои вже не стало, то винъ повыненъ бувъ взяты соби нову, а якъ взявъ жинку, то выходыть дило такъ, що насъ выжене... Хиба жъ непреминно мене выгнаты, бо тисно скоро стане вкупи жыты... А я, якъ бы бувъ на ёго мисци, чы выгнавъ бы сына? Не знаю. Може, якъ бы сынъ бувъ на мене похожый, то ни. Чому? Тому, що кождый чоловикъ дума про себе, що винъ одъ усихъ кращый. Хиба що такъ? А якъ бы мени було тисно въ хати, то и я повыненъ бы бувъ кого небудь выганяты... Охъ, хо, и чого-то маты вмерла? Треба жъ имъ було вмираты, що

наробылы! Молодша була, а вмерла ранійше одъ батька, чого такъ? Краще-бъ....»

«Степанъ передумавсь: «що це я батькови смерти выклыкаю? Ни! Я тилькы такъ, я тилькы кажу: на що молодши поперед старійшыхъ умырають? А якъ бы вопы жылы, а батько... тоди бъ все инакше було... Щобъ тоди було?»... Степанъ пишовъ до дому разомъ зъ своимы думкамы». (Стр. 74, Старый молодый).

На примѣрахъ языкатой Хиври и Степана Запуды авторъ какъ бы хочетъ показать причинную зависимость нравственнаго разложенія деревни отъ тяжелаго экономическаго ея положенія,— объяснить первую послѣднимъ. Такая зависимость несомнѣнно можетъ существовать. У людей, находящихся подъ гнетомъ постоянныхъ бѣдности и труда, часто не достаетъ времени для развитія собственнаго я, а строгое согласованіе своихъ дѣйствій съ нравственными требованіями, обходится въ такихъ условіяхъ иногда слишкомъ дорого. Въ жизни бѣдняковъ бываютъ такія положенія, и въ этомъ самая ужасная сторона бѣдности, при которыхъ сохраненіе своего нравственнаго достоинства равносильно рѣшимости на чрезвычайно суровыя испытанія.

При всемъ томъ, еслибы авторъ такъ безусловно высказывалъ мысль о деморализующемъ вліяніи бѣдности, съ нимъ едва-ли можно было бы согласиться. Въ дѣйствительности жизнь даетъ не мало примѣровъ, когда самая вопіющая нищета не только не подавляетъ въ людяхъ нравственнаго чувства, а какъ бы еще придаетъ нравственнымъ запросамъ бѣдныхъ классовъ особенную яркость и остроту. Не будь этого, будущее общество представлялось бы въ гораздо болѣе мрачныхъ краскахъ, такъ какъ бывали эпохи, когда только самые бѣдные классы и возрождали его изъ состоянія полнаго нравственнаго упадка. Очевидно, есть еще какое то другое условіе, которому принадлежитъ рѣшающее значеніе и которое опредѣляетъ, положительно или отрицательно подѣйствуетъ бѣдность на нравственный уровень бѣдныхъ классовъ. Этого фактора г. Грыгоренко не указываетъ прямо. Повидимому, онъ считаетъ, что въ жизни нашей деревни этотъ факторъ еще не проявился. Есть, однакоже, въ произведеніяхъ нашего автора

косвенныя указанія, выясняющія его взглядъ на этотъ вопросъ. Почти у всѣхъ героевъ своихъ г. Грыгоренко наблюдаетъ одну черту, общую какъ лучшимъ, такъ и худшимъ деревенскимъ людямъ, постоянно окрашивающую всѣ ихъ побужденія, какъ дурныя такъ и хорошія.—Это какая то стихійность, непосредственность чувствъ и стремленій. Постоянно отмѣчая ее, г. Грыгоренко какъ бы подчеркиваетъ, что именно эта стихійность и дѣлаетъ нашихъ крестьянъ столь неустойчивыми нравственно и создаетъ то, что тяжелыя экономическія условія воздѣйствуютъ отрицательно на нравственный уровень деревни. Крестьяне въ изображеніи Грыгоренка—это дѣти; они идутъ туда, куда толкаетъ ихъ первое побужденіе, вызванное окружающей обстановкой; ничто не сдерживаетъ ихъ, у нихъ нѣтъ ни твердо выработанныхъ нравственныхъ правилъ, ни сознательнаго пониманія общественныхъ отношеній; захватитъ ихъ какое-нибудь чувство, хорошее ли, дурное ли,—они подчинились ему; встанетъ предъ ними какая-нибудь бѣда, даже просто непріятность,—они всецѣло поглощены желаніемъ избавиться отъ нея и ничѣмъ не контролируютъ своихъ дѣйствій, направленныхъ къ достиженію этой цѣли. Вотъ, напр., Христинина кума Мелашка, у которой своего дѣла по горло и четверо дѣтей, когда заболѣла Христя, взяла на себя вести ея хозяйство и кормить ея ребенка. Она самоотверженно отдаетъ свой трудъ несчастной семьѣ, но когда сосѣди убѣждаютъ ее, что ей не стоитъ такъ заботиться о чужихъ дѣлахъ, она терялась и «не вмила добре розсказаты, що іи пхало помогаты Христи. Сказать бы, що вона кума ій, дакъ и другымъ вона було пособля, якъ треба. Чы то й було жалько, чы то й свого дила ще мало було? Такъ и бигала, якъ галушка въ окропи, то сюды, то туды». (Божевильна, стр. 207). А вотъ, напр., старикъ Миронъ (Батько), и хорошій старикъ, когда зять его хочетъ обмануть громаду и ищетъ его содѣйствія, начинаетъ съ того, что съ негодованіемъ бранитъ и зятя, и свою любимицу дочь; онъ хочетъ даже изобличить зятя, но тутъ же, боясь, чтобы зять не побилъ его дочери, безъ всякой почти борьбы идетъ въ зборню и выручаетъ зятя, помогая ему своимъ вліяніемъ об-

мануть громаду. Правда, послѣ «Мыронъ строго наказувавъ Андрію вернуты громадськи гроши, тилькы Андрій забувся якось. Мыронъ не забувся та думавъ: «Добре, що с... с... для Оксаны (дочери) хочъ корову купывъ: буде молоко для дытыны, а то вона все бидкается» (Батько, стр. 259).

А вотъ сцена у качели (Вона пысьменна). Одна изъ дивчатъ, Катря, сообщаетъ подругамъ о другой, что та чытаетъ книги. Но прислушайтесь, съ какой насмѣшкой говоритъ объ этомъ Катря: «Ось ій Богу, ха—ха—ха, що вона у кныжкахъ чыта, ха--ха—ха! Ось ій Богу, що чыта, хрестъ мене побый». Дивчата бѣгутъ къ огороду обвиняемой Оксаны, чтобы удостовѣриться, вѣрно ли сообщеніе Катри, и, когда застаютъ подругу за чтеніемъ, относятся къ ней съ насмѣшкой, даже враждебно.

«Га, хоче розумнійшою одъ насъ буты!—якъ ножемъ ризонула Мокрына».

— «И яка нудна ця Оксана, наче въ неи крови нема... Тутъ весна на двори, тутъ писни, тутъ парубкы ха—ха—ха!, а вона кныжкы, тьху на тебе!»

Чѣмъ же объясняется эта веселая жестокость, съ какою дивчата издѣваются надъ читающей подругой. Въ поступкѣ ихъ нѣтъ ни заранѣе обдуманнаго намѣренія, ни сознательной злости. Имъ просто, какъ и всякому неразвитому человѣку, стихійно подчиняющемуся своему первому побужденію, кажется смѣшнымъ, страннымъ и непріятнымъ все непохожее на нихъ.

Прислушайтесь теперь къ общественнымъ взглядамъ героевъ Грыгоренка. Вотъ Мыкыта (Ось яка сторія, стр. 21), и Мыронъ (Батько, стр. 224) разсуждаютъ о преимуществахъ крѣпостного состоянія надъ свободнымъ. Грыцько (Старый—молодый) также жалѣетъ о крѣпостномъ правѣ потому, что «панъ бы заразъ звеливъ самій найкращій дивци за мене йты» (Стр. 71). Вотъ разсужденія Васыля (Хивря языката, стр. 102) о томъ, что «якъ бы чоловикови ще й жинкы не вильно було побыты, то бувъ бы винъ вже зовсимъ нещаслывый, бо въ зборни ёму одвичай, гроши въ казну платы, або зборщыкомъ, або чимъ поставлять—служы, въ москали йды, якъ время прыйде,—треба хочъ вдома душу од-

весты»; или прислушайтесь къ сбивчивымъ разсужденіямъ Мирона о деньгахъ. (Батько, стр. 227).

Среди героевъ г. Грыгоренко, человѣкъ съ найбольшимъ общественнымъ настроеніемъ, найболѣе критически относящійся къ неустройствамъ общественной жизни, Карипонъ (Такъ краще, (Л. Н. В. 1901 г. ч. 2.) въ сущности—злобный психопатъ, не способный ни связать своихъ мыслей, ни тѣмъ менѣе выставить какую-нибудь программу. Чувство личной обиды, правда, создало въ немъ нѣкоторое смутное пониманіе неправды, царящей въ обществѣ, но его не волнуетъ желаніе найти путь къ исправленію этого общаго зла, да онъ и не въ силахъ разобраться въ сложныхъ общественныхъ отношеніяхъ. Онъ только весь преисполненъ сознаніемъ своей обиды, раздраженіемъ и ненавистью ко всѣмъ и на все. Руководимый ими, онъ держитъ въ страхѣ и пана, и своихъ односельцевъ-крестьянъ и оканчиваетъ ничѣмъ въ сущности немотивированнымъ преступленіемъ—поджогомъ. Послѣ ссылки его, и его собственная семья, и односельцы облегченно вздыхаютъ. «Безъ него кращенько, ій Богу, що кращенько»—говоритъ его жена сосѣдкамъ (Лит.-Науков. В. 91 г. ч. 2, стр. 185). «Ради булы и люде, що позбулыся того каменя зъ шыи, якъ той Карипонъ, що й самъ не знавъ, чого ёму треба и инчихъ баламутывъ»... «Ну, теперъ уже скоро не побачымось,—казалы. Винъ свою дорогу пробывъ, отсе пожежа, а писля душогубство буде (Л.-Н. В., 1901, № 2, стр. 185).

А между тѣмъ, проявленіе критики и общественнаго настроенія такъ рѣдки въ деревнѣ, что у автора невольно пробуждается сожалѣніе о гибели Карипона, хотя онъ ясно видитъ и отрицательныя стороны Карипона, и его безполезность для деревни.

Такимъ образомъ Грыгоренко указываетъ на темноту народную какъ на второе добавочное къ бѣдности и вмѣстѣ рѣшающее условіе нравственнаго разложенія нашей деревни. Выясненіемъ этой причины въ значительной степени ослабляется мрачное впечатлѣніе, созданное картинами Грыгоренка, такъ какъ тѣмъ самымъ намѣчается выходъ изъ даннаготяжелаго положенія, и надежды на обновленіе деревни получаютъ вполнѣ опредѣленное

обоснованіе. Несомнѣнно, здравыя понятія объ обществѣ и его жизни, широко распространенныя въ народныхъ массахъ, и умственный подъемъ этихъ массъ способны поднять нравственный уровень ихъ, а вмѣстѣ сдѣлаютъ невозможными и эту гнетущую бѣдность, и много другихъ скорбныхъ сторонъ деревенской жизни. Не преодолѣвъ же этого основного зла, едва ли можно разсчитывать на какія-либо прочныя улучшенія въ ней.

Въ ряду другихъ особенностей Грыгоренка, какъ писателя, нужно отмѣтить особенную, свойственную ему, манеру писать, особенную архитектуру его разсказовъ, отъ которой онъ начинаетъ отступать только въ двухъ послѣднихъ своихъ вещахъ («Чомъ, чомъ не прыйшовъ» и «Вона пысьменна»), и то, часто возвращаясь къ своей прежней обычной манерѣ. Во всѣхъ разсказахъ, составляющихъ его сборникъ, и въ невошедшихъ въ него «Переселъцяхъ» и «Такъ краще» авторъ пользовался все тѣмъ же пріемомъ. Всѣ они ведутся отъ автора, и даже разговоры дѣйствующихъ лицъ какъ бы цитируются имъ. Часто онъ даже приводитъ ихъ для того, чтобы подкрѣпить сдѣланную имъ характеристику дѣйствующихъ лицъ или какъ примѣръ другихъ однохарактерныхъ разговоровъ. Этотъ пріемъ не вызывается у Грыгоренка, какъ то случается иногда у другихъ писателей, неумѣніемъ воспроизводить живые разговоры. Напротивъ, онъ обладаетъ удивительно богатымъ запасомъ наблюденій надъ жизнью и удивительнымъ умѣніемъ схватывать характерныя особенности разговоровъ своихъ героевъ. А между тѣмъ нельзя признать удачной эту манеру автора; она въ большинствѣ случаевъ уменьшаетъ живость разсказа и приближаетъ его къ публицистикѣ или литературной характеристикѣ. Къ тому же, послѣдовательно проведенная въ цѣломъ рядѣ разсказовъ, она придаетъ имъ нѣкоторое однообразіе. Повидимому, то, что г. Грыгоренко такъ часто пользовался этимъ пріемомъ, является послѣдствіемъ нѣкоторой спѣшности работы, а можетъ быть и желанія автора скорѣе ознакомить читателя съ своими наблюденіями. Такое объясненіе тѣмъ правдоподобнѣе, что у нашего талантливаго автора можно отмѣтить и другіе

признаки спѣшности въ работѣ. Къ числу ихъ нужно отнести обиліе у Грыгоренка вводныхъ предложеній, иногда удивительно длинныхъ и слишкомъ часто прерывающихъ нить разсказа. Авторъ пользуется ими, чтобы сказать вскользь то, что было-бы лучше развить подробнѣе и самостоятельно, или для того, чтобы добавить какую-нибудь опущенную подробность въ сдѣланной раньше характеристикѣ лица или положенія. Онъ не хочетъ, повидимому, исправить разъ написанное и довольствуется вставкой при случаѣ добавочнаго поясненія въ видѣ вводнаго предложенія. Нечего и говорить, что пріемъ этотъ нельзя признать художественнымъ, и, только благодаря жизненности темъ и живости таланта г. Грыгоренка, онъ не производитъ того непріятнаго впечатлѣнія, какое, несомнѣнно, долженъ былъ бы производить у другого менѣе талантливаго автора. Какъ на примѣръ вводныхъ предложеній г. Грыгоренка, укажу наугадъ на одно изъ многихъ на стр. 96—97, занимающее собой десять строчекъ—ни больше, ни меньше!

Есть еще одинъ признакъ спѣшной работы нашего автора—это обиліе руссизмовъ, отъ времени до времени какъ бы эпидемически поражающее языкъ Грыгоренка. Приписать это недостаточному знакомству Грыгоренка съ украинскимъ языкомъ нельзя. Онъ безспорно прекрасно владѣетъ украинской рѣчью, языкъ его богатъ, чисто-народный, удивительно образный. Я не знаю другого современнаго малорусскаго писателя, обладающаго въ такой мѣрѣ, какъ Грыгоренко, способностью пользоваться выхваченными прямо изъ народной среды образами и такимъ ихъ богатствовомъ. И не смотря на это, Грыгоренко, къ крайней досадѣ читателя, иногда переполняетъ свою рѣчь руссизмами. И это случается именно какъ будто эпидемически. Иногда на десяткахъ страницъ лишь изрѣдка встрѣтишь у Грыгоренка немалорусское слово или оборотъ, и вдругъ на одной страницѣ онъ засыплетъ ими читателя.—Очевидно, это страница, которая, не обсохнувъ, изъ-подъ пера автора попала прямо на типографскій станокъ. Вотъ, напр. (стр. 147). «А все жъ такы Захарко *стоявъ на своёму* и завѝрявъ, що ёго набыто,

и, щобъ забыты бакы Опанасу, *предложывъ* ёму йты огиркы на баштанъ красты. Опанась, що перше мало не побывъ зъ досады Захарка, теперъ вже *соглашався* (бо Захарко такъ умивъ чоловика умисыты, якъ тисто) и, сказавши «отъ ловко *прыдумавъ*», йшовъ за Захаромъ и знову *попадавъ у биду* и самъ *одвичавъ* за все, бо Захара николы тоди не було, якъ ёго було треба. Такъ довго *попадався* Опанасъ, якъ птыця въ ситку, *въ рукы Захара*, покы не *переставъ* ёму зовсимъ *вирыты*, покы не порозумнійшавъ, хочъ и тоди *случалось* Захару ёго пидманыты, якъ почне було выхваляты Опанаса, що той розумный».

Объяснить эти руссизмы желаніемъ Грыгоренка передать точно рѣчь тѣхъ крестьянъ, которые стараются руссить, нельзя, какъ потому, что они попадаются и въ словахъ самого автора, такъ и потому, что между ними встрѣчаются слова, навѣрно неизвѣстныя малорусскимъ крестьянамъ, напр. «сквалыка» (на стр. 161).

Рѣже, но все же иногда, спѣшность работы сказывается у Грыгоренка не только на формѣ, но и на содержаніи, создавая въ такихъ случаяхъ нѣкоторую непослѣдовательность въ обрисовкѣ типовъ и противорѣчія между характеромъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ отдѣльными поступками. Это замѣчаніе относится главнымъ образомъ къ слабѣйшему, на мой взглядъ, по выполненію разсказу Грыгоренка «Хто кого», гдѣ намѣчены два очень интересные типа двухъ братьевъ, но гдѣ, къ сожалѣнію, такъ много путаницы и противорѣчій, что и типы эти, и разсказъ нужно признать неудавшимися. Здѣсь на стр. 145, напр., Опанасъ—Захару «ни копійкы не давъ одъ того времья, якъ батько померъ», а на стр. 147« — Слухаючы таки слова, Опанасъ якъ вискъ на вогни топывся и помагавъ братови то роботою, то грошьмы». Опанасъ выставляется то корыстолюбцемъ, женящимся изъ-за денегъ, раздающимъ деньги на ростовщическіе проценты, то добрякомъ, который, прійдя требовать проценты и увидя нужду своего должника, подбрасываетъ ему деньги. Одно и то же дѣйствіе Захара— лжесвидѣтельство—объясняется авторомъ разъ ложными по-

нятіями Захара о долгѣ и грѣхѣ, а черезъ нѣсколько строкъ разсчетомъ. Вслѣдствіе той-же спѣшности работы въ разсказѣ «Хто кого» кое-гдѣ замѣчается сбивчивость изложенія, такъ напр.: дѣтство и зрѣлый возрастъ Захара описаны какъ-то въ перемежку, и авторъ много разъ переходитъ отъ одного къ другому.

Отмѣтимъ еще одну маленькую особенность Грыгоренка. Тонъ его разсказовъ вообще удивительно объективенъ. Авторъ описываетъ людей и факты, какъ они есть, нигдѣ не обнаруживая своего сочувствія или несочувствія къ нимъ, нигдѣ онъ не отрывается отъ описанія, чтобы высказать свои огорченія, негодованіе, жалость и т. д. Но есть одинъ вопросъ, составляющій исключеніе—это вопросъ женскій; онъ очевидно особенно дорогъ нашему автору. И каждый разъ, когда ему приходится коснуться этого вопроса (а Грыгоренко любитъ его затрогивать), онъ не можетъ уже сохранить свою всегдашнюю объективность и у него вырываются горячія лирическія отступленія (напр. въ разсказѣ «Языката Хивря» 95—99 стр.); проникнутыя искреннимъ чувствомъ, они вполнѣ удаются автору и производятъ сильное впечатлѣніе.

Въ самое послѣднее время у Грыгоренка замѣчается нѣкоторый поворотъ въ характерѣ работы и въ выборѣ темъ. Грыгоренко теперь какъ будто больше заботится объ отдѣлкѣ и красотѣ формы своихъ разсказовъ. (И этого, конечно, нельзя не привѣтствовать!). А на ряду съ тѣмъ ищетъ и болѣе красивыхъ темъ. Онъ оставляетъ прежде занимавшія его картины будничной, дѣловой жизни и начинаетъ изображать поэтическія, праздничныя настроенія, въ ряду которыхъ прежде всего заинтересовывается чувствомъ любви.

Погоня за красотой, за красивыми положеніями можетъ однакоже представлять нѣкоторую опасность для писателя. Увлекаясь созданіемъ красивыхъ картинъ, писатель можетъ незамѣтно для самого себя погрѣшить противъ правды. Было-бы глубоко жаль, если бы нѣчто подобное захватило г. Грыгоренка и ослабило то, что составляетъ его найбольшее достоинство, реализмъ, трезвость и чувство мѣры. А между тѣмъ въ послѣднемъ, въ об-

щемъ прекрасномъ разсказѣ Грыгоренка «Вона пысьменна» есть одна небольшая подробность, свидѣтельствующая о томъ, что и этотъ замѣчательно реальный писатель, не устоялъ противъ соблазна отступить отъ правды ради созданія эффектной сцены. Оксана ходитъ и читаетъ среди цвѣтущихъ вишенъ. «На тымъ боци, де сонце ховалось, все державлося червоне сяево и въ тому сяеви помалу-помалу ходыла по садочку вся середъ квитокъ одъ вышення, наче обведена имы якъ каблучкою, дивчина зъ сухенькымъ, довгообразымъ облыччемъ, нахыленымъ до кныжкы... Облычче нахылылось такъ нызько, що яснилы тилькы іи товсти косы, завьязани кругомъ чола. Били вышневи лысточкы сыпалыся ій разъ у разъ на голову, вона того не помичала. Вона въ голосъ чытала зъ кныжкы «земля наша не ривна якъ стилъ, а ссарообразна»... Вона все збывалася на цёму слови «ссарообразна як»... (Дубове лыстя стр. 46).

Красиво! что и говорить. Но читать прогуливаясь могла-бы барышня, много-много читавшая, а не дивчына еще не вполнѣ разбирающая прочитанное. Хожденіе мѣшало бы ей и читать и понимать, да на сколько я знаю крестьянскую жизнь, я положительно не въ силахъ представить себѣ крестьянку, читающую прогуливаясь. Это, конечно, только мелочь, незначительная подробность, и я указалъ на нее только какъ на примѣръ, иллюстрирующій общее положеніе, что погоня за красотой можетъ заставить писателя согрѣшить противъ правды. Такимъ образомъ, если можно вполнѣ привѣтствовать замѣтное въ послѣднее время у. г. Грыгоренка стремленіе къ красотѣ формы и къ болѣе тщательной отдѣлкѣ своихъ вещей, то было-бы въ высшей степени желательно, чтобы эти новыя достоинства развивались у него не въ ущербъ прежнему, еще большему, его достоинству—реализму.

Въ заключеніе нашей характеристики г. Грыгоренка, какъ писателя, мы должны сказать, что онъ не принадлежитъ къ числу «счастливыхъ» писателей, которые «мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ печальною своею дѣйствительностью, приближаются къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство

человѣка» и «изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ» избираютъ «одни немногія исключенія». Скорбное чувство сопровождаетъ все изображаемое имъ. Отъ него не скроются отрицательныя стороны жизни. вездѣ на каждомъ шагу онѣ преслѣдуютъ его, и сознаніе ихъ придаетъ грустный отпечатокъ его картинамъ. Но онъ замѣчательно вдумчивый, правдивый и умный писатель.

В. Леонтовичъ.

Малороссы въ Петербургѣ.

Статистическое отдѣленіе с.-петербургской городской управы недавно выпустило въ свѣтъ, въ качествѣ своего рода юбилейнаго подарка сѣверной столицѣ, весьма любопытное изданіе «С.-Петербургъ по переписи 15 декабря 1900 г.», представляющее первый выпускъ подробной разработки матеріала по послѣдней однодневной переписи петербургскаго населенія. Сведенный въ многочисленныя статистическія таблицы, матеріалъ этотъ даетъ возможность составить довольно полное представленіе о составѣ столичнаго населенія и его распредѣленія по званіямъ, возрастамъ родному языку, религіи, образованію. Та крупная роль, которую Петербургъ играетъ въ судьбахъ нашего отечества, естественно, вызываетъ особый интересъ ко всему, что можетъ сколько-нибудь освѣтить нынѣшнюю физіономію прорубленнаго двѣсти лѣтъ назадъ «окна въ Европу». Мы не предполагаемъ останавливаться на всѣхъ тѣхъ вопросахъ, на которые даютъ отвѣтъ результаты переписи 1900 г., имѣя въ виду, въ соотвѣтствіе съ задачами «Кіевской Старины», выдѣлить, главнымъ образомъ, тотъ статистическій матеріалъ, который касается малорусскаго элемента въ населеніи Петербурга,—но попутно будемъ приводить и другія въ томъ или другомъ отношеніи характерныя данныя.

Общій итогъ населенія С.-Петербурга и его пригородовъ въ день переписи составлялъ 1.439.613 человѣкъ, такъ что въ настоящее время, при быстромъ ростѣ петербургскаго населенія въ

послѣдніе годы, общее число жителей Петербурга, павѣрное, уже значительно превышаетъ $1^1/_2$ милліона. За Петербургомъ, какъ извѣстно, установилась репутація «чиновничьяго города», которая твердо держится до сихъ поръ, несмотря на то, что она уже разрушена предыдущими переписями. На самомъ дѣлѣ, Петербургъ—городъ крестьянскій: 63,1 % общаго числа жителей (908.786 человѣкъ)—крестьяне; затѣмъ 19,1% (275.122 человѣкъ)—мѣщане и только 8,2% (275.122 чел.) относится къ категоріи дворянъ личныхъ и потомственныхъ.

Другая общеизвѣстная особенность Петербурга,—что онъ преимущественно городъ пріѣзжихъ,—вполнѣ подтверждается статистикою. Изъ общаго числа жителей отъ 16 лѣтъ и выше, значительно большая половина—884.720—родилось внѣ С.-Петербурга, тогда какъ въ С.-Петербургѣ—родилось всего 523.394 челов.

По религіи—петербужецъ преимущественно православный: 86,2% всего населенія (1.230.265 чел.) исповѣдуютъ православную вѣру. Изъ иновѣрцевъ больше всего насчитывается протестантовъ (101.278), затѣмъ—католиковъ (69.329) и евреевъ (20.385). Родной языкъ у подавляющаго большинства—88,3% (1.260.541 чел.)—русскій. Такимъ образомъ, послѣдняя перепись констатируетъ намъ несомнѣнное преобладаніе въ населеніи Петербурга основныхъ элементовъ государства: русскихъ и православныхъ людей, преимущественно крестьянскаго происхожденія, прибывшихъ въ Петербургъ изъ провинціи.

Перейдемъ къ интересующимъ насъ даннымъ о малорусскомъ элементѣ въ общей массѣ петербургскаго населенія. Къ сожалѣнію, примѣняемая въ нашихъ переписяхъ форма вопросныхъ листковъ, составленная, правда, примѣнительно къ постановленіямъ международныхъ статистическихъ конгрессовъ, не заключаетъ особаго вопроса о національности и, такимъ образомъ, вообще говоря, заранѣе исключаетъ возможность яснаго представленія о національномъ составѣ данной территоріальной единицы. Приходится, слѣдовательно, довольствоваться косвенными признаками, опредѣляющими принадлежность къ той или другой

національности. Такимъ признакомъ, весьма существеннымъ, но, какъ извѣстно, далеко не безусловно точнымъ, является родной (материнскій) языкъ. Въ данномъ случаѣ этотъ признакъ оказывается особенно шаткимъ, въ виду того, что въ пояснительныхъ примѣчаніяхъ къ вопроснымъ пунктамъ, при перечисленіи подлежащихъ отмѣткѣ языковъ, не былъ строго проведенъ этнографическій принципъ, и малороссійскій языкъ, вмѣстѣ съ бѣлорусскимъ, были противопоставлены не *велико*-русскому, а просто-*русскому* языку. Такимъ образомъ, уже тогда можно было предвидѣть, что значительное число малороссовъ и бѣлоруссовъ войдетъ въ графу «русскаго языка», и притомъ не только тѣ, кто дѣйствительно своимъ материнскимъ языкомъ считаетъ русскую литературную рѣчь, но и тѣ, кто вообще игнорируетъ различіе трехъ этнографическихъ группъ, связанныхъ понятіемъ «Руси».

Дѣйствительно, мы видѣли уже, что число жителей Петербурга обозначившихъ въ графѣ о родномъ языкѣ—«русскій»,—опредѣлилось огромною цифрою 1.260.541. Малороссійскій языкъ отмѣтило, въ качествѣ материнскаго, только 1.513 человѣкъ, т. е. $^1/_{10}$% всего населенія Петербурга, а бѣлорусскій и того меньше,—857 челов. Приводимъ тѣ языки и нарѣчія, статистика которыхъ дала болѣе высокія цифры, чѣмъ для малороссійскаго языка: нѣмецкій—48.465, польскій—45.033, финскій—18.315, эстонскій—15.444, еврейскій—12.535, латышскій—8.221, литовскій—6.951 татарскій—5.825, шведскій—4.203, французскій—3.677, англійскій—2.282. Болѣе низкія цифры, чѣмъ малорусскій языкъ, дали слѣдующіе языки и нарѣчія: армянскій, бѣлорусскій, итальянскій. корельскій, чешскій, грузинскій, греческій, болгарскій, датскій и т. д.

Приведенная цифра малорусскаго населенія въ С.-Петербургѣ поражала бы своею незначительностью тѣхъ, кто привыкъ думать, что Петербургъ привлекаетъ къ себѣ множество южанъ изъ самыхъ различныхъ общественныхъ слоевъ; но мы увидимъ далѣе, что высказанныя нами выше соображенія подтверждаются отчасти и опубликованными статистическими данными. Предварительно, однако, мы остановимся нѣсколько подробнѣе на сооб-

щаемыхъ статистикою свѣдѣніяхъ о тѣхъ 1513 жителяхъ Петербурга, которые считаютъ своимъ роднымъ языкомъ—малороссійскій.

Распредѣленіе населенія по возрасту указываетъ, что преобладающее большинство этихъ малороссовъ, а именно 903 человѣка относится къ возрасту 21—30 лѣтъ, принадлежа, вѣроятно, въ значительной степени, къ учащемуся юношеству. Не мало, однако, должно быть отнесено изъ общаго числа и къ низшимъ классамъ населенія, судя по тому, что начиная съ 6-тилѣтняго возраста—грамотныхъ въ этой группѣ насчитывается всего 1.205, а 266—неграмотны. Распредѣленіе по вѣроисповѣданіямъ указываетъ на весьма любопытные факты: при огромномъ большинствѣ православныхъ, въ числѣ малороссовъ находимъ, однако, 108 римско-католиковъ, 2 раскольниковъ, 1 протестанта и 1 еврейку. Кстати о евреяхъ: заслуживаетъ вниманія сопоставленіе общаго числа лицъ еврейскаго вѣроисповѣданія (20.385) съ числомъ лицъ, считающихъ еврейскій языкъ материнскимъ (12.535). Какъ видно изъ этого сопоставленія, 38,5 проц. петербургскихъ евреевъ уже отрѣшилось отъ своего національнаго нарѣчія, преимущественно въ пользу русскаго языка (7379).

Насколько приведенныя нами цифры въ дѣйствительности мало выражаютъ численность малорусскаго населенія Петербурга, легко видѣть изъ таблицъ, посвященныхъ статистикѣ крестьянскаго элемента. Здѣсь мы находимъ, между прочимъ, обозначеніе мѣста приписки крестьянъ по губерніямъ, которое даетъ намъ возможность опредѣлить съ достаточною достовѣрностью, число лицъ несомнѣннаго коренного малороссійскаго происхожденія и несомнѣнно, въ качествѣ материнскаго языка, пользовавшихся малорусскою рѣчью. Крестьянъ, приписанныхъ къ губерніямъ съ чистымъ малорусскимъ населеніемъ, насчитывается:

Губерніи:	Число душъ:
Полтавская.	2.216
Кіевская	1.852
Подольская.	1.736
Харьковская	1.725

Черниговская	1.221
Екатеринославская	1.059
Волынская.	774
Херсонская	650
Итого	11.333

Такимъ образомъ, малорусская колонія въ Петербургѣ имѣетъ въ своей средѣ однихъ крестьянъ свыше 11 тысячъ; очевидно, приведенная выше цифра—1513 ч.—вовсе не выражаетъ дѣйствительнаго числа лицъ, для которыхъ малороссійскій языкъ былъ материнскимъ. Намъ могутъ возразить, что въ перечисленныхъ губерніяхъ не все крестьянское населеніе можно относить къ малорусской народности, такъ какъ на сѣверѣ черниговской губерніи есть достаточно крестьянъ-великороссовъ, на западѣ подольской губ. встрѣчаются молдаване и т. п. Но за то нами не приняты въ разсчетъ такія губерніи, какъ воронежская, курская, донская обл., гдѣ малороссы составляютъ значительную часть населенія, такъ что во всякомъ случаѣ выведенная нами цифра скорѣе меньше дѣйствительнаго числа находящихся въ Петербургѣ крестьянъ-малороссовъ. Правда, не всѣ живущіе въ Петербургѣ крестьяне малорусскаго происхожденія представляютъ пришлый элементъ; часть изъ нихъ—и даже довольно значительная—родились въ самомъ Петербургѣ и, слѣдовательно, лишь номинально числятся крестьянами южныхъ губерній, на самомъ дѣлѣ являясь уже коренными петербуржцами. Для этой части, быть можетъ, дѣйствительно, малороссійскій языкъересталъ быть роднымъ, но если мы и исключимъ петербургскихъ уроженцевъ изъ общаго числа крестьянъ, приписанныхъ къ малорусскимъ губерніямъ, то все же этимъ не приведемъ въ соотвѣтствіе статистики родного языка съ статистикою происхожденія. Всего, по восьми указаннымъ выше губерніямъ, крестьянъ, родившихся въ Петербургѣ, насчитывается 2.172, а слѣдовательно—прибыло въ Петербургъ изъ малорусскихъ губерній—9.161. Но едва ли будетъ ошибочно предположеніе, что родившіеся въ Петербургѣ крестьяне представляютъ собою членовъ семействъ крестьянъ,

прибывшихъ сюда изъ другихъ губерній, и, слѣдовательно, далеко не безспорно утвержденіе, что для этой части крестьянъ-малороссовъ роднымъ языкомъ сдѣлался русскій.

Менѣе несомнѣнный этнографическій элементъ представляютъ малорусскіе мѣщане, которые даже на своей родинѣ являются уже довольно смѣшаннымъ населеніемъ, включая въ себя представителей разнообразныхъ національностей и, главнымъ образомъ, евреевъ. Не причисляя, поэтому, всѣхъ, отмѣченныхъ переписью, мѣщанъ изъ малороссійскихъ губерній къ малорусской колоніи Петербурга, мы думаемъ, однако, что и изъ этой группы не малая часть могла бы отмѣтить въ графѣ о родномъ языкѣ— «малороссійскій». Всего въ С.-Петербургѣ и пригородахъ, какъ мы упоминали, мѣщанъ числится 275.122. Изъ этого числа приписано къ малороссійскимъ губерніямъ: Кіевской 724, Херсонской 653, Харьковской 604, Черниговской 521, Полтавской 402, Волынской 266, Екатеринославской 216, Подольской 208, а всего— 3.594. Изъ этого числа 673 родилось въ С.-Петербургѣ, а остальные 2921 представляютъ пришлый элементъ.

Какой же характеръ носитъ пребываніе уроженцевъ малорусскихъ губерній въ Петербургѣ? Являются-ли они элементомъ непрочнымъ, временнымъ, каковы, напр., чернорабочіе, ежегодно массами приливающіе въ столицу въ строительный періодъ, съ тѣмъ, чтобы опять отхлынуть по окончаніи работъ,—или они осѣдаютъ въ Петербургѣ болѣе прочно, превращаясь мало по малу въ петербургскихъ старожиловъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ распредѣленіе родившихся внѣ Петербурга крестьянъ и мѣщанъ по возрастнымъ группамъ. Оказывается, что изъ общаго числа—9.161 крестьянъ-малороссовъ 2.643 лица или около 29% прибыло въ С.-Петербургъ въ 1900 г., остальные же 71% поселились въ немъ ранѣе года переписи, при чемъ 4.383 человѣка или около 48% общаго числа прибыли въ Петербургъ въ теченіе промежутка времени съ 1891 г. Если къ нимъ присоединить и прибывшихъ въ 1900 году, то число прибывшихъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія превысить 76% общаго числа переселившихся въ Петербургъ крестьянъ малороссовъ. Такимъ образомъ,

приливъ крестьянскаго элемента изъ малорусскихъ губерній носитъ особенно интенсивный характеръ за послѣднее десятилѣтіе, при чемъ въ большинствѣ случаевъ переселяющіеся въ Петербургъ крестьяне-малороссы остаются на болѣе или менѣе продолжительное пребываніе. Если мы сопоставимъ приведенныя цифры съ общими итогами, относящимися ко всему крестьянскому населенію Петербурга, то усиленіе прилива малорусскаго крестьянства въ сѣверную столицу за послѣдніе годы выступитъ еще ярче. Изъ общаго числа—718.410 крестьянъ, родившихся внѣ Петербурга, на десятилѣтіе 1890—1900 г. приходится 435.156 человѣкъ или всего около 62%, слѣдовательно—передвиженіе крестьянъ изъ немалорусскихъ губерній въ Петербургъ происходило гораздо равномѣрнѣе. Явленіе это станетъ совершенно понятно, если принять во вниманіе, что главную массу прибывающихъ въ Петербургъ крестьянъ составляютъ уроженцы губерній сѣверной полосы Россіи и что со второй половины разсматриваемаго десятилѣтняго періода началъ дѣйствовать нынѣшній желѣзнодорожный тарифъ, значительно удешевившій передвиженіе пассажировъ на далекихъ разстояніяхъ и, слѣдовательно, облегчившій переселеніе въ Петербургъ именно уроженцамъ дальнихъ губерній. Не остались, вѣроятно, безъ вліянія и постепенное усиленіе тѣсноты въ малорусской деревнѣ и тѣ экономическіе факторы, которые изъ года въ годъ увеличиваютъ передвиженіе крестьянъ-малороссовъ и въ болѣе отдаленныя окраины, чѣмъ Петербургъ.

Что касается мѣщанъ, то ихъ передвиженіе въ Петербургъ изъ южныхъ губерній также значительно усилилось въ послѣднее десятилѣтіе передъ переписью, но происходило оно съ гораздо большею постепенностью, чѣмъ передвиженіе крестьянъ. Изъ общаго числа 2.921 мѣщанъ, приписанныхъ къ малороссійскимъ губерніямъ и родившихся внѣ Петербурга, въ теченіе 1890—1900 г. прибыло въ Петербургъ 2.039 или около 70%, при чемъ на 1900-й годъ приходится всего 729 или около 25% общаго числа. Въ этомъ, болѣе раннемъ по сравненію съ крестьянами, тяготѣніи къ столицѣ сказывается бо́льшая подвижность мѣщанскаго сословія, не связаннаго съ землей, какъ крестьяне. Сопоставленіе

же съ общимъ числомъ проживающихъ въ Петербургѣ мѣщанъ приводитъ къ тому же заключенію, которое изложено выше по отношенію къ крестьянамъ,—что мѣщане изъ немалороссійскихъ губерній переселялись въ Петербургъ на жительство гораздо болѣе равномѣрно, нежели мѣщане-малороссы. Число прибывшихъ въ Петербургъ въ теченіе 1890—1900 г. мѣщанъ составляетъ 58.403 или всего около 45% общаго числа проживающихъ въ Петербургѣ, но родившихся внѣ его, мѣщанъ (131082).

Въ заключеніе остановимся еще на одномъ любопытномъ вопросѣ, по которому въ разсматриваемомъ изданіи имѣются статистическія данныя; это—вопросъ о степени распространенія грамотности въ тѣхъ слояхъ пришлаго крестьянства, изъ которыхъ преимущественно приходитъ отливъ къ Петербургу. Въ примѣненіи къ крестьянамъ малороссамъ, вопросъ этотъ, какъ увидимъ ниже, пріобрѣтаетъ спеціальный интересъ. Для ясности, сопоставимъ свѣдѣнія о грамотности крестьянъ малорусскихъ губерній въ слѣдующей таблицѣ:

Губерніи:	Число грамотныхъ:	% къ общему числу:
Полтавская	1.501	67,7
Кіевская	1.181	63,7
Харьковская	1.114	64,5
Подольская	1.110	63,9
Черниговская	780	63,9
Екатеринославская	676	63,9
Волынская	505	65,2
Херсонская	430	66,1
Итого	7.297	64,1
Всего по всѣмъ губерніямъ	491.263	54,0

Изъ этого сопоставленія вытекаютъ слѣдующіе любопытные выводы. Грамотность въ средѣ прибывающихъ въ Петербургъ крестьянъ-малороссовъ распространена гораздо шире, нежели среди крестьянъ немалороссійскихъ губерній, что и понятно,

такъ какъ самый фактъ переселенія въ Петербургъ предполагаетъ гораздо болѣе высокій уровень общаго развитія и болѣе широкій кругозоръ у крестьянъ, прибывающихъ изъ южной окраины, нежели у крестьянъ сосѣднихъ губерній, для которыхъ Петербургъ является обычнымъ центромъ притяженія и источникомъ заработка. Далѣе, изъ всѣхъ малороссійскихъ губерній, выселяющихъ своихъ крестьянъ въ Петербургъ, наиболѣе высокій процентъ грамотныхъ поставляютъ губерніи Полтавская и Херсонская, что нельзя не поставить въ связь съ энергичною просвѣтительною дѣятельностью мѣстныхъ земствъ; наименѣе грамотны крестьяне изъ Кіевской губерніи, что можно объяснить какъ общимъ низкимъ уровнемъ грамотности въ этой губерніи, какъ и тѣмъ, что кіевскіе крестьяне представляютъ болѣе подвижной элементъ, независимо отъ вліянія школы, а просто въ силу сравнительно бойкаго темпа промышленной жизни въ ихъ раіонѣ и благодаря относительно большему удобству сообщенія.

Абсолютныя числа прибывающихъ въ Петербургъ крестьянъ-малороссовъ, какъ мы видѣли выше, располагаются приблизительно въ такомъ же порядкѣ, какъ и число грамотныхъ. Первое мѣсто занимаютъ губерніи, больше всего выселяющія рабочихъ на отхожіе промыслы: Полтавская, Кіевская, Подольская, Харьковская. На послѣднемъ мѣстѣ стоятъ губерніи южной степной полосы, экономическіе интересы которыхъ тяготѣютъ болѣе къ югу.

Не останавливаясь подробно на распредѣленіи грамотныхъ мѣщанъ, приписанныхъ къ малороссійскимъ губерніямъ, приведемъ лишь общіе итоги. Всего въ Петербургѣ числится такихъ мѣщанъ, какъ мы уже упоминали, 3.594; изъ этого числа грамотныхъ насчитывается 2.746, т. е. 76,4%, тогда какъ число всѣхъ грамотныхъ мѣщанъ въ Петербургѣ составляетъ 188.080 человѣкъ или всего 68% общаго числа мѣщанъ (275.122). Такимъ образомъ, и по отношенію къ мѣщанамъ малороссійскихъ губерній наблюдается тотъ же фактъ, который мы отмѣтили выше по отношенію къ крестьянамъ: переселяющіеся въ Петербургъ изъ малороссійскихъ губерній мѣщане находятся на болѣе высокомъ

уровнѣ по образованію, чѣмъ представители сословія мѣщанъ изъ другихъ, не малороссійскихъ губерній.

Этимъ мы заканчиваемъ нашъ краткій очеркъ главнѣйшихъ выводовъ, которые вытекаютъ изъ результатовъ переписи 1900 г. по отношенію къ малорусскому элементу въ населеніи Петербурга. Послѣдующіе выпуски разсматриваемаго изданія, которыхъ ожидается еще три, по всей вѣроятности, будутъ заключать въ себѣ не менѣе интересный матеріалъ для характеристики населенія сѣверной столицы. Разсматривая это изданіе лишь съ опредѣленной точки зрѣнія, мы не коснулись множества любопытныхъ вопросовъ и выводовъ, для которыхъ статистика петербургскаго населенія даетъ матеріалъ,—но не можемъ не выразить удовольствія по поводу успѣшнаго хода разработки этого матеріала статистическимъ отдѣленіемъ петербургской городской управы. Остается пожелать, чтобы и данныя всероссійской однодневной переписи 1878 г., если только имъ суждено когда нибудь появиться на свѣтъ во всей полнотѣ. были разработаны съ подобною же тщательностью. Но даже и при этомъ условіи, какъ мы показали въ настоящей статьѣ, изслѣдованіе вопросовъ, спеціально относящихся къ малорусской народности, представляетъ рядъ немаловажныхъ трудностей, въ которыхъ приходится винить недостаточную ясность и опредѣленность положенныхъ въ основу переписи вопросныхъ листковъ.

А. Ирпенскій.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Штунда въ Волынской губерніи. Вопросъ о современномъ положеніи штундизма въ нашемъ краѣ представляетъ, конечно, громадный интересъ. Къ сожалѣнію, изученіемъ этого важнаго народно-общественнаго явленія изъ людей, оффиціально въ немъ не заинтересованныхъ, никто почти не занимается, и если въ печать проникаютъ о немъ какія либо свѣдѣнія, то единственно благодаря печатнымъ отчетамъ епархіальныхъ миссіонеровъ. Пользуясь такимъ отчетомъ за 1902 г., помѣщеннымъ въ одномъ изъ №№ «Волынскихъ Епарх. Вѣдомостей» текущ. года (№ 10), извлекаемъ изъ него краткія свѣдѣнія о современномъ состояніи штунды въ Волынской губ.

Штунда появилась въ Волынской губ. въ 1870-хъ—80-хъ гг. подъ вліяніемъ нѣмецкихъ колонистовъ, а позднѣе, въ 90-хъ гг., руководство ею приняли главы кіевскихъ штундистовъ. Распространяется штунда здѣсь медленно и не прививается вовсе въ тѣхъ приходахъ, гдѣ прихожане находятся въ добрыхъ и мирныхъ отношеніяхъ со своими священниками.

Пунктами распространенія штунды считаются 11 приходовъ: Въ Житомирскомъ у.—м. Горошки, с. Малые Горошки, с. Дашенка, с. Миньковцы, д. Пекарщина, с. Райки, м. Черняховъ и приписная дер. Плехова, въ Заславскомъ у.—с. Конотопы, въ Луцкомъ—колонія Копче Романовскаго прихода, и въ Новоградъ-Волынскомъ—села Смолдыревъ и Суемцы. Всѣхъ штундистовъ въ Волынской епархіи 171 (86 мужч. и 85 женщ.). Опредѣленныхъ мѣстъ для молитвенныхъ собраній у штундистовъ нѣтъ, но тамъ, гдѣ ихъ больше, напр. въ с. Суемцахъ и д. Пекарщинѣ, они собираются въ своихъ домахъ по очереди, осо-

бенно у своихъ вожаковъ, при чемъ собранія посѣщаютъ и православные.

По мнѣнію г. миссіонера, штунда, какъ по происхожденію, такъ и по существу вѣроученія—секта иновѣрная, протестантская, развившаяся подъ вліяніемъ баптизма и сектантскихъ идей нѣмецкихъ братствъ—«штунде». Въ основѣ вѣроученія штунды лежитъ догматъ объ оправданіи одною личною вѣрою въ искупительныя заслуги Христа, ибо смертью Христа искуплены грѣхи всѣхъ людей, и кто вѣруетъ въ это, тотъ не имѣетъ грѣха въ себѣ, Спаситель держитъ его въ своей рукѣ, въ немъ дѣйствуетъ непосредственно Св. Духъ, а потому церковь со своими таинствами излишня. Отсюда вытекаетъ отрицаніе крещенія младенцевъ, таинствъ, какъ благодатныхъ средствъ, почитанія и призыванія Божіей Матери, угодниковъ, иконъ, храма, креста, молитвъ за умершихъ и всѣхъ церковныхъ обрядовъ. Штундизмъ, по мнѣнію о. миссіонера, дѣйствуетъ на крестьянъ тѣмъ, что предлагаетъ легкій путь къ спасенію. освобождая отъ обязанностей, налагаемыхъ на нихъ церковью: не нужны ни аскетическіе подвиги, ни обязательства по отношенію къ священнослужителямъ. Крестьяне увлекаются какъ простотою штундистскихъ молитвъ и пѣснопѣній, такъ и толкованіемъ по собственному разумѣнію Слова Божія. Изъ св. Писанія штундисты стараются извлечь то, въ чемъ надѣются найти опору своему ученію, отвергаютъ св. Преданіе и церковные обряды; молитвы и пѣснопѣнія для своихъ собраній составляютъ сами, заимствуя часто у лютеранъ и нѣмцевъ-баптистовъ. Держась ученія о спасеніи вѣрой, штундисты отрицаютъ значеніе добрыхъ дѣлъ, хотя миссіонеръ и признаетъ, что трезвостью и братскою взаимопомощью они превосходятъ православныхъ, чѣмъ и привлекаютъ сочувствіе къ себѣ православныхъ. О. миссіонеръ отмѣчаетъ также и отрицательныя качества штундистовъ, напр. гордость, своеволіе, непочтительность къ властямъ и т. п.

Руководителями и требоисправителями штундисты избираютъ изъ своей среды болѣе способныхъ и грамотныхъ и именуютъ ихъ пресвитерами. Пресвитеры управляютъ общинами и особенно заботятся объ устройствѣ собраній, въ которыхъ отражается религіозная жизнь штундистовъ. Собранія у нихъ - время молитвы, «преломленія хлѣба», пѣнія, толкованія Слова Божія. Собираются они наканунѣ праздниковъ и воскресеній и въ самые праздничные и воскресные дни, хотя собранія бываютъ и въ другіе дни, даже по нѣсколько разъ. Руководитъ

собраніями «пресвитеръ», замѣняющій для штундистовъ всю іерархію православной церкви. Онъ привлекаетъ новыхъ членовъ изъ православныхъ, открываетъ собранія, преимущественно толкуетъ слово Божіе, совершаетъ «преломленіе хлѣба», избираетъ пѣсни для пѣнія во время собраній, наблюдаетъ за порядкомъ, креститъ обращающихся въ штунду, вѣнчаетъ, погребаетъ и т. п. Главнымъ руководителемъ волынскихъ штундистовъ является одинъ изъ кіевскихъ штундистовъ, который не только посѣщаетъ ихъ на Волыни, но и является въ судѣ ихъ защитникомъ. Нѣкоторые изъ волынскихъ «пресвитеровъ» также пользуются особымъ вліяніемъ на своихъ единовѣрцевъ. Одинъ изъ нихъ съ дѣтства былъ въ услуженіи у нѣмцевъ, говоритъ по нѣмецки и женился на баптисткѣ; удаленный за распространеніе штунды изъ своего села, онъ поселился въ 5 верстахъ отъ другого села въ глухой лѣсистой и болотистой мѣстности. Другой, состоящій въ штундѣ болѣе 20 лѣтъ, пріобрѣлъ много послѣдователей.

Штундисты, развиваясь подъ вліяніемъ баптизма и идей нѣмецкихъ братствъ «штунде», составляютъ дружныя общины, въ которыхъ члены называютъ другъ друга «братомъ» и «сестрой». Каждая штундистская община представляетъ изъ себѣ нѣчто цѣлое, сплоченное; всѣ члены ея находятся въ постоянномъ взаимномъ общеніи другъ съ другомъ, взаимно поддерживаютъ другъ друга и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніи. Эта сплоченность и взаимопомощь въ сектантскихъ общинахъ и составляетъ ту притягательную силу, которая привлекаетъ православныхъ въ штунду, а штундистовъ удерживаетъ отъ обращенія въ православіе. Православный идетъ въ штунду потому, что тамъ обѣщаютъ ему помощь въ нуждѣ, а штундистъ, хотя и убѣжденъ въ ложности штундизма, боится уйти въ православіе, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ будетъ лишиться матеріальной помощи своихъ единовѣрцевъ.—Для утвержденія въ сектѣ не вполнѣ утвердившихся въ ней, равно и для успѣшнаго совращенія православныхъ, появляются иногда среди мѣстныхъ штундистовъ пропагандисты сектанства изъ другихъ мѣстъ, какъ, напр., вышеупомянутый житель гор. Кіева.

Составляя общины и находясь въ самыхъ близкихъ и почтительныхъ отношеніяхъ къ своимъ вожакамъ, а также считая себя однихъ святыми и спасенными, штундисты къ православію и къ православнымъ относятся съ пренебреженіемъ и враждою, а особенно питаютъ они непримиримую ненависть къ духовенству. Въ большинствѣ слу-

чаевъ пропаганда между православными начинается съ униженія пастырей, которыхъ штундисты стараются какъ можно болѣе опорочить и обезславить въ глазахъ слушателей. Осуждая и понося пастырей церкви, штундисты, при бесѣдѣ съ православными, стараются посѣять въ нихъ сомнѣнія относительно чистоты провославной вѣры и церкви.

Впрочемъ штундисты, въ виду необходимаго и частаго столкновенія съ епархіальнымъ миссіонеромъ и другими лицами, высылаемыми въ зараженные сектантствомъ приходы по распоряженію духовной власти, по необходимости свыкаются съ ними и являются для слушанія бесѣдъ. Бывали случаи, что миссіонеръ, совершая литургію въ приходскихъ храмахъ, приглашалъ и штундистовъ для присутствованія при богослуженіяхъ и для слушанія наставленій и бесѣдъ, и сектанты приходили въ храмы, хотя иногда и не въ полномъ составѣ, слушали православное богослуженіе съ пастырскими бесѣдами и не тяготились 3-хъ или 4-хъ часовымъ стояніемъ въ церкви, при чемъ нѣкоторые изъ штундистовъ выражали даже чувства благодарности за вразумленіе и наставленіе, а тѣ, которые своими возраженіями испытывали терпѣніе проповѣдниковъ евангельской истины, часто извинялись въ концѣ бесѣдъ и просили прощенія, разставаясь по большей части въ мирѣ.

Кромѣ бесѣдъ нарочитаго миссіонера, въ отчетномъ году вели бесѣды съ штундистами и частныя лица, ревнующія о православіи, именно: въ дер. Пекарщинѣ житель гор. Житомира Викторъ Семеновъ Михайловъ и въ селѣ Суемцахъ воспитанникъ VI класса Волынской духовной семинаріи Николай Варжанскій. По наблюденіямъ миссіи, штундисты избѣгаютъ общераспространеннаго и давно усвоеннаго этой сектѣ правительствомъ названія штунды и, гдѣ слѣдуетъ—въ судахъ, на миссіонерскихъ собесѣдованіяхъ, при столкновеніи съ властями и въ житейскомъ быту—называютъ себя «евангельскими христіанами», «евангеликами», а чаще всего «баптистами». Это стремленіе сектантовъ начало особенно проявляться послѣ изданія въ 1894 г. закона, по которому штунда признается сектою особо вредною по своему направленію не только въ церковномъ, но и въ государственномъ отношеніи, при чемъ ограничены ея права въ отправленіи общественныхъ молитвенныхъ собраній; баптизмъ же, подъ которымъ разумѣется сектантство среди нѣмецкихъ колонистовъ,—секта дозволенная по закону 1879 года и даже уравненная въ правахъ, относительно

устройства своего церковнаго быта, съ инославными исповѣданіями, въ виду чего штундисты, наученные совѣтами и указаніями своихъ вожаковъ, теперъ всегда вездѣ, и особенно въ судахъ, отрицаютъ всякую связь со штундой, называя себя баптистами.

Въ другомъ номерѣ тѣхъ же Вѣдомостей (9) помѣщена небольшая замѣтка одного изъ свѣтскихъ миссіонеровъ-добровольцевъ, В. С. Михайлова, о его собесѣдованіяхъ съ штундистами въ д. Пекарщинѣ, житом. у., гдѣ онъ прожилъ около мѣсяца. Вначалѣ сектанты относились къ нему немного подозрительно, но скоро вполнѣ освоились съ нимъ, и едва онъ заходилъ въ какую-либо избу, какъ вокругъ него собирался довольно значительный кружокъ, и бесѣда иногда затягивалась до поздней ночи, а при прощаньи сектанты проводили миссіонера совершено дружески, иные даже со слезами. Вотъ какъ мало чуждаются штундисты общенія съ православными миссіонерами, если только послѣдніе приходятъ къ нимъ безъ атрибутовъ власти, съ любовью и искреннимъ желаніемъ просвѣтить ихъ словомъ истины! Очень интересны мысли и чувства самого В. С. Михайлова, съ какими онъ разставался съ сектантами. «Уѣзжая изъ Пекарщины,—пишетъ онъ,—я уѣзжалъ съ болью, потому что этотъ бѣдный народъ оставленъ почти на произволъ судьбы, и не объ однихъ жителяхъ Пекарщины я скорбѣлъ, но вообще о всѣхъ нашихъ малороссахъ. Нѣтъ у него ни друзей, ни руководителей; видитъ онъ вокругъ себя однихъ лишь чиновниковъ и повелѣвателей, и нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ всякаго хитраго проходимца принимаетъ за друга. Не находитъ онъ даже настоящаго утѣшенія и въ церкви; идетъ онъ туда въ большинствѣ случаевъ только по привычкѣ, но не получаетъ тамъ того настроенія, какое бы долженъ получить. Не слышитъ онъ ни-внятнаго чтенія, ни хорошаго пѣнія, не слышитъ онъ живого, прочувствованнаго слова; не знаетъ онъ ни значенія священнодѣйствій, ни того, что онъ слышитъ въ церкви. И вотъ подвернется какой-нибудь сектантъ, начнетъ свою бесѣду о всѣхъ этихъ недостаткахъ, укажетъ на священника, какъ на наемника, служащаго для своей корысти,—и соблазнъ произведенъ. Или прійдетъ къ человѣку, чувствующему за собою какой-нибудь тяжелый грѣхъ, укажетъ ему на покаяніе, какъ на единственное средство для облегченія души, разъяснитъ ему значеніе покаянія—и тотъ на его сторонѣ. У священника онъ этого не слыхалъ; онъ прежде смотрѣлъ на покаяніе, какъ на извѣстную форму, необходимую для того, чтобы причаститься, но что такое при-

частіе, какой смыслъ имѣетъ исповѣдь—объ этомъ онъ имѣлъ самое смутное понятіе. И вотъ, не имѣя никакого понятія о православіи, не находя и въ церкви ничего такого, что бы его привязывало къ ней, онъ идетъ въ штундизмъ и идетъ исключительно для того, чтобы избавиться отъ священника, отъ матушки, отъ псаломщика и отъ всѣхъ тѣхъ требъ, исполненіе которыхъ для него сопряжено со всякаго рода неудобствами и непріятностями. Что же дѣлать, чтобы предупредить надвигающуюся грозу и чтобы возвратить церкви, если не всѣхъ, то хотя нѣкоторыхъ отпадшихъ? Прежде всего нужно, чтобы священники были друзьями народа, чтобы церковныя службы совершались истово; чтобы и въ псаломщики назначались лица благонадежные, хорошей жизни; еще лучше было бъ, еслибы они выбирались изъ крестьянъ же. Миссіонеру больше всего нужно имѣть искреннюю любовь къ народу, такъ какъ ни ученость, ни краснорѣчіе безъ любви не расположатъ къ нему сердце сектанта. Надо такъ дѣйствовать, кромѣ того, чтобы ни малѣйшаго повода не дать сектанту заподозрить миссіонера въ желаніи отличиться передъ начальствомъ».

Къ этимъ справедливымъ словамъ можно бы прибавить только одно: чтобы пастырское слово было живымъ и дѣйственнымъ, чтобы оно проникало къ сердцу пасомыхъ—оно должно произноситься на языкѣ народномъ, ибо только родная рѣчь можетъ найти дорогу къ сердцу человѣка. Когда пастырь поучаетъ прихожанъ на государственномъ языкѣ, онъ этимъ самымъ выдѣляетъ себя изъ народной среды и ставитъ себя въ разрядъ какъ бы чиновныхъ лицъ, обычно говорящихъ съ народомъ тѣмъ же оффиціальнымъ языкомъ. Послѣднимъ, какъ представителямъ государственной власти, можетъ быть, это и къ лицу—придаетъ имъ больше внушительности; но духовному отцу презирать родную рѣчь своихъ чадъ совсѣмъ уже не приходится.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края 1) *Къ исторіи Немировской гимназіи.* Въ августѣ 1838 года въ принадлежащемъ графу Болеславу Потоцкому мѣстечкѣ *Немировкѣ* должно было воспослѣдовать открытіе гимназіи. Директоромъ ея молва называла смотрителя Немировскаго уѣзднаго училища, поляка Миладовскаго.

Подольскій губернаторъ, въ донесеніи главному начальнику края, замѣчаетъ: нѣтъ сомнѣнія, что сіе послѣднее обстоятельство, съ одной

стороны, а съ другой—ласковое вниманіе, графомъ Потоцкимъ оказываемое дѣтямъ, привлечетъ туда большое количество учащихся, которыхъ и теперь уже въ уѣздномъ и приходскомъ училищахъ до 430.

Губернаторъ предвидитъ, что населеніе мѣстечка, превышающее нынѣ 4000 душъ, сильно умножится; явятся въ немъ ученическія квартиры, мастерскія, «наконецъ, будутъ являться и такія, коихъ цѣль можетъ состоять въ развращеніи нравовъ и самыхъ умовъ обучающихся, и кои, при всемъ наблюденіи училищнаго надзора, могутъ имѣть въ томъ успѣхъ». Становому приставу справиться съ многосложными обязанностями не подъ силу, а потому испрашивается разрѣшеніе представить соображенія объ изъятіи мѣстечка изъ вѣдѣнія земской полиціи, съ учрежденіемъ особаго для него полицейскаго управленія въ такомъ порядкѣ: городничій, два квартальныхъ надзирателя; письмоводитель, писецъ, унтеръ-офицеровъ двое (изъ нихъ одинъ—исп. об. брантмейстера) и двадцать будочниковъ.

Генералъ губернаторъ, одобривъ предположенія подольскаго губернатора, представилъ о томъ въ Министерство, затребовавъ въ то же время свѣдѣнія отъ начальника волынской губерніи о положеніи дѣлъ въ м. *Клевани*, гдѣ гимназія уже существовала.

Въ донесеніи находимъ объ этомъ мѣстечкѣ слѣдующія свѣдѣнія: принадлежитъ оно князю Чарторыйскому; домовъ въ немъ 133, на половину еврейскихъ (75.); жителей обоего пола 2584 души. Гимназія помѣщается въ княжескомъ замкѣ. Состоитъ изъ директора, тринадцати учителей, четырехъ чиновниковъ и 333 учащихся въ семи классахъ. На квартирахъ у учителей размѣщены дѣти помѣщиковъ и болѣе достаточныхъ людей, прочіе учащіеся, по 8 и 10 человѣкъ вмѣстѣ, расквартированы у обывателей. Въ распоряженіи станового пристава состоятъ: особый для мѣстечка смотритель, на жалованьи вотчинника, 1 тысяцкій, двое сотскихъ и четверо полицейскихъ служителей. Въ виду принятаго на себя княземъ Фридрихомъ Любомирскимъ обязательства построить къ 29 іюня 1840 г. зданіе для гимназіи въ г. Ровно, куда и будетъ переведено клеванское заведеніе, губернаторъ находитъ преобразованіе клеванской полиціи излишнимъ.

Между тѣмъ министерство, по поводу представленія подольскаго губернатора, отвѣтило, что, буде съ возникновеніемъ въ Немировѣ гимназіи явится дѣйствительная необходимость въ реорганизаціи полиціи, то пусть владѣлецъ на ея содержаніе изыщетъ средства, въ

ожиданіи чего становому приставу, по отношенію къ мѣстечку, предоставить права городничаго.

—

2) Христіанинъ въ роли Гамана на еврейскихъ „святкахъ", пуримъ именуемыхъ. Въ августѣ 1830 года изъ могилевской римско-католической духовной консисторіи пришло къ кіевскому генералъ-губернатору сообщеніе о томъ, что, проживающій въ с. Рейментарщизнѣ (Антоновка тожъ) дворянинъ Ѳома Я—скій уже нѣсколько лѣтъ какъ состоитъ корчемнымъ музыкантомъ и, невзирая на неоднократные уговоры приходского пастыря не играть въ *постные* дни, а въ святые дни воздерживаться отъ игры по крайней мѣрѣ во время богомоленій, не только продолжаетъ музицировать, но въ послѣднее празднованіе евреями ихъ святокъ, пуримъ именуемыхъ, въ память погубленія Гамана (24—25 февраля), договорился изображать самаго Гамана. Въ шинкѣ онъ принялъ въ задатокъ серебряный рубль, а затѣмъ, явясь на собраніе, по выпитіи водки, дозволилъ приправить себѣ пейсы и бороду, надѣть на себя покрывало, употребляемое евреями при богомоленіяхъ, затѣмъ всталъ среди хаты. Первоначально женатые и замужнія, затѣмъ холостые, дѣвицы и подростки, поочередно, стегали его приготовленными на сей случай плетенками (у простолюдиновъ именуемыми фитилями), толкали, «толкли головой объ стѣну» и, затѣмъ, сорвавъ уборъ, вытолкали «въ потылицу за двери».

Разслѣдованіемъ обнаружено явное несоблюденіе Я—скимъ приличій и публичное играніе на инструментѣ въ неуказанное время, но фактъ исполненія имъ роли Гамана какъ въ семъ, такъ и въ два предыдущіе года,—остался неустановленнымъ, а потому дѣло производствомъ прекращено и музыкантъ оставленъ въ Антоновкѣ на свободѣ.

—

3) Благородное похищеніе денегъ. Проскуровскій уѣздный судъ 30 октября 1847 года доносилъ генералъ-губернатору Бибикову о неприличномъ званію поведеніи кандидата при подольскомъ губернскомъ правленіи Т-аго, который, пользуясь болѣзнью и слѣпотою довѣрившагося ему дворянина Воленцкаго, владѣльца с. Кагуринецъ, присвоилъ себѣ банковые его билеты, на сумму до 19000 р. сер., заботясь «всѣми силами сдѣлать какъ бы *благородное похищеніе денегъ*».

—

4) Уважительная причина къ опредѣленію въ одну изъ придворныхъ конторъ. Въ бытность Императора Николая Павловича въ г. Кіевѣ въ 1847 г. нѣкій Михалевичъ, бывшій учитель кіево-печерскаго уѣзднаго дворянскаго училища, подалъ Его Величеству прошеніе, въ которомъ, между прочимъ, изъяснялъ: «Пріѣздъ въ г. Кіевъ Вашего Императорскаго Величества очень облегчилъ снѣдающую меня чрезвычайную грусть и скуку, но отъѣздъ усугубилъ оныя, подобно, или еще гораздо болѣе, какъ отъѣздъ изъ Кіева Вашего Императорскаго Величества въ 1840, 1843 и 1845 годахъ»... На семъ основаніи. М. проситъ помочь ему добраться до С.-Петербурга, для помѣщенія «въ одной изъ придворныхъ конторъ»...

Высочайшаго соизволенія не послѣдовало.

---

5) Тревога среди Дунаевскихъ колонистовъ. Въ 1831 году генералъ-адъютантъ графъ Красинскій вызвалъ изъ Царства Польскаго въ принадлежавшее ему мѣстечко Дунаевцы[1]) до 100 семей нѣмцевъ ремесленниковъ, которые не замедлили завести нѣсколько суконныхъ, чулочныхъ, экипажныхъ и другихъ фабрикъ.

Дѣла переселенцевъ на первыхъ же шагахъ пошли превосходно, но, побывавъ въ 1839 году на Нижегородской ярмаркѣ для сдачи законтрактованныхъ у нихъ суконъ, нѣмцы вернулись смущенные толками злонамѣренныхъ людей, увѣрявшихъ ихъ, будто по истеченіи десяти лѣтъ они будутъ обращены въ состояніе казенныхъ (государственныхъ) или помѣщичьихъ крестьянъ, подчинены рекрутской повинности натурою, обложены поголовно податьми и лишены права выѣзда за предѣлы уѣзда, въ коемъ водворены.

Крайне встревоженные этими слухами, нѣмцы стали подумывать и поговаривать объ уходѣ изъ Имперіи.

Объ этомъ узнали въ столицѣ, и въ 1840 г. министръ финансовъ просилъ генералъ-губернатора принять съ своей стороны мѣры къ предупрежденію выселенія и къ успокоенію умовъ, къ чему де,—существующіе законы, по надлежащемъ ихъ разъясненіи, совершенно достаточны.

Бросивъ помышленіе объ уходѣ, колонисты усердно принялись за работу, не соображаясь съ россійскимъ календаремъ. Бдительная полиція потребовала прекращенія занятій въ мастерскихъ въ табельные дни и церковные праздники, каковыхъ оказалось, по счету нѣм-

---

[1]) Мѣст. подольской губ. ушицкаго у.

цевъ, 37 дней, независимо отъ недѣль страстной и пасхальной; это побудило суконныхъ мастеровъ Андріяна, Захерта, Маге, Миттельштандта, Шебеля и каретника Маевскаго въ 1841 году жаловаться въ министерство финансовъ на притѣсненія.

По сему поводу графъ Канкринъ писалъ главному начальнику края, что, казалось бы, самимъ хозяевамъ, внутри домовъ, не слѣдуетъ воспрещать работать и въ праздники, если въ работу не употребляются посторонніе люди и *«работа не производится съ огласкою»*.

—

6) Дворяне татарскаго происхожденія въ юго-западномъ краѣ въ 1840-хъ годахъ. Въ 1844 году, по приказанію главнаго начальника края, изъ губерній доставлены въ Кіевъ слѣдующія свѣдѣнія о мѣстныхъ дворянахъ изъ татаръ. Въ губерніи кіевской татаръ, претендующихъ на дворянство, не оказалось вовсе. Въ Подоліи—въ с. Ковалевкѣ, брацлавскаго уѣзда, указано на 42 души, изъ коихъ потомственныхъ дворянъ двадцать два и двадцать однодворцевъ. Фамиліи первыхъ: *Богдановичъ* Мустафа, *Кѣнскій* Иванъ, *Ловчицкій* Самуилъ, *Смульскій* Салій, *Томкевичъ* Али и *Юзефовичъ* Стефанъ. На Волыни двадцать три семьи, изъ коихъ десять владѣютъ населенными имѣніями. Распредѣлены по уѣздамъ: въ новоградволынскомъ одна: *Лебедзъ* Яковъ, въ острожскомъ, въ с. Тудоровѣ двадцать одна семья: *Ассановичъ* Мезимъ, *Асановичъ* Самуилъ Белялла, *Асановичъ* Самуилъ Мустафовъ, *Богдановичъ* Александръ, *Богдановичъ* Мустафа, *Дашкевичъ* Іосифъ, *Ждановичъ* Авелій, *Казимовичъ* Ив., *Козакевичъ* Ал-ндръ, *Лебедзъ* Абрамъ, *Лебедзъ* Самуилъ, *Лебедзъ* Солиманъ, *Ломинскій* Ал-ндръ, *Мулла Имамъ Ахмуловичъ* Есманъ, *Муравскій* Самуилъ, *Солтыкъ* Ал-ндръ, *Солтыкъ* Іомеръ, *Солтыкъ* Яковъ, *Шахманцеръ* Самуилъ, *Янкевичъ* Леонтій, *Янкевичъ* Мустафа Стефанъ, и въ староконстантиновскомъ уѣздѣ одно—*Хуромовичъ* Юлій.

—

7) Жестокая расправа съ заподозрѣннымъ въ конокрадствѣ. Въ заславскій земскій судъ 10 мая 1848 года приставомъ представлены были при рапортѣ: однодворецъ Закржевскій и казенный крестьянинъ Пасынчукъ.

З. на допросѣ показалъ, что тому другой годъ, какъ у братьевъ его, неизвѣстно кѣмъ уведены съ подножнаго корма 6 лошадей, да у самого—одна лошадь. Крайне симъ огорченный, З. рѣшился вора

подкараулить. Истекшимъ великимъ постомъ его вниманіе привлекъ и подозрѣнія возбудилъ нищій, часто появлявшійся близъ двора, въ лѣсу. Съ 17 на 18 мая, ночуя съ мальчиками у костра, въ полѣ, онъ поутру увидѣлъ этого нищаго выходящаго изъ лѣса и, задержавъ его, сталъ спрашивать:—отчего безъ дѣла шатается? Увѣреніямъ, что единственная цѣль—сборъ подаяній, З. не повѣрилъ и рѣшилъ плѣннику залить глаза кипящимъ саломъ. Задержанному связаны были руки, а одинъ изъ мальчиковъ посланъ къ «бабѣ», за саломъ, но баба такового не отпустила. Тогда плѣнникъ былъ положенъ къ костру, а однодворецъ разгорѣвшимся бревномъ принялся жечь глаза своей жертвѣ... Провидѣніе, однако же, хранило Пасынчука: принятый на излѣченіе въ городскую больницу, онъ не лишился зрѣнія.

8) *Дѣйствительная мѣра къ ускоренію производства дѣлъ въ дореформенныхъ судахъ.* Въ 1830-хъ годахъ въ кіевской уголовной палатѣ образовалось значительное скопленіе неоконченныхъ дѣлъ. Комитетъ министровъ, обративъ на сіе обстоятельство вниманіе, 6 февраля 1834 года назначилъ двѣнадцатимѣсячный срокъ для рѣшенія тѣхъ дѣлъ. Къ 6 февраля 1835 г. число нерѣшенныхъ дѣлъ все еще было значительно. Тогда комитетъ продолжилъ срокъ еще на $4^1/_2$ мѣсяца, но съ оставленіемъ всѣхъ членовъ палаты и служащихъ безъ отпуска имъ положеннаго отъ казны денежнаго довольствія. Мѣра оказалась дѣйствительною и цѣль была достигнута.

Сообщ. **Алексѣй Мёрдеръ**.

Реестръ вѣновной 1774 г. Прилагаемый ниже «реестръ вѣновной» (подлинникъ) представляетъ собою документъ, сохранившій въ себѣ любопытныя подробности относительно того, какое и въ чемъ состояло приданное, которымъ въ XVIII в. надѣляли своихъ дочерей, при выходѣ ихъ въ замужество, наши предки. Упоминаемая въ прилагаемомъ документѣ, Марія Яковлева Зарудновна, судя по «реестру», невѣста была состоятельная и принесла своему мужу, войсковому товарищу Андрею Александровичу [1]), приданаго на двѣ тысячи рублей, что представляетъ собою сумму немалую, принимая въ расчетъ цѣн-

[1]) Предокъ Александровичей, имѣющихъ осѣдлость и до сихъ поръ въ мѣстечкѣ Воронежѣ, глуховского уѣзда, черниговской губерніи.

ность рубля въ XVIII в. сравнительно съ настоящимъ. Любопытенъ этотъ «реестръ» еще и въ томъ отношеніи, что въ немъ, помимо подробностей при описаніи костюмовъ и домашняго обихода, противъ всѣхъ предметовъ, составлявшихъ приданое, проставлены цѣны, дающія возможность судить о стоимости различныхъ предметовъ въ XVIII в.

Реестръ вѣновной, данній от мене ниже подписавшагося господину тестю моему, подсудку земскому повѣта остаповскаго, [1]), Якову Мойсѣевичу Зарудному, сколко мною принято, чего и на коликую сумму в приданное за дочерю его господина Зарудного, а моею женою, Маріею Яковлевною дочерю Зарудновною разнимы часы до сего 1774 года іюня по десятое число:

Коляску критую новую вибитую зеленимъ сукномъ съ новою оковкою съ окошко, цена	70 р.
Четверню лошадей съ новыми хамутамы, уздамы, недоуздкамы, лѣнцямы и другимъ конскимъ уборомъ, цена	100 р.
Четверо воловъ, с коихъ я всякой продалъ по десяти рублей, итого	40 р.
Готовихъ денегъ получилъ я	200 р.
Приехавши первой разъ в гостѣ получилъ сто овецъ зъ ягнятамы и десять барановъ, которіе и проданы мною в Хоролѣ за	130 р.
Принялъ тогда жъ десять коровъ и двохъ бугаевъ, которіе мною и проданы	60 р.
Принялъ тогдажъ десять кобылицъ съ четирмя стригунами и едного жеребця, которіе мною и проданы за	120 р.
Вдобавокъ того прислано в Воронѣжъ четверо лошадей въ	50 р.
Да тогожъ года прислано четиры корови	20 р.
Какъ била жена моя сама в гостяхъ, приняла готовихъ денегъ пятдесятъ рублей да пару лошадей в цену двадцать рублей	70 р.
В прошломъ 1772 годе въ февралѣ мѣсяцѣ чрезь швадра моего Федора Яковлевича господина Зарудного прислано трое лошадей	30 р.

[1]) Нынѣ м. Остапье, хорольскаго у.

Да сего 1774 года июня 10 принялъ семеро лошадей, двѣ кобылицъ да пять лошаковъ молодихъ . . . . 110 р.
Да тогожъ года на покупку грунтовъ получилъ . 90 р.

Съ фантей принялъ:

Кунтушъ штофу французкого новой, подбитой блакитною тафтою съ золотою круговою сѣткою и усамы . . . . 70 р.
Кунтушъ красной грезетной новой, обложенной круговою золотою сѣткою и усамы . . . . 40 р.
Ребронъ перепелной съ юпкою жъ перепелною и съ окладкою серебраною круговою . . . . 60 р.
Юпка люстровая чорная, новая съ гасомъ . . . 20 р.
Запаска штофовая голубая новая . . . . 7 р.
Юпка голевая (sic!) красная новая . . . . . . 8 р.
Юпка ситцевая чорная . . . . 6 р.
Карсетъ перепеловой новой з гасомъ золотимъ . 10 р.
Карсетъ люстровой красной съ сребною сѣткою . 6 р.
Шнуровка раптовая по жолтому канавачу . . . 3 р.
Шапочка маленкая парчевая новая . . . . 5 р.
Кофта gрезетная зеленая . . . . 12 р.
Кофта тафтяная . . . . 7 р.
Кофта полситцева алая . . . . 5 р.
Постѣль тахтяная зеленая новая, какъ-то: шесть наволочокъ, простира круговая, павилёнъ и ковдра на бавелнѣ . . . . 50 р.
Мантилія оберова по белому цветами . . . . . 6 р.
Другая мантилія грезетная белая подъ . . . [1]) хуторцемъ (х. вм. ф.?) . . . . 6 р.
Платковъ четиры . . . . 10 р.
Кунтушъ суконной тонкой с позументомъ . . . . 15 р.
Юпка, зшита по полотнѣ разною синѣлью . . . 4 р.
Шапка парчевая новая футерная . . . . 6 р.
Шуба футерная новая блакитной гразеты под самимы запонкамы . . . . 60 р.

---

[1]) Слово не разобрано.

Другая шуба новая красного полутабенку под шлямамы	30 р.	
Третья шуба новая алого камлоту водянистого под чорными смушамы	12 р.	
Килимовъ три большихъ: еденъ жолтой въ десять аршинъ, другой блакитной, а третой чорной	35 р.	
Другая шапка зимняя чорного бархату с куницею	3 р.	50 к.
Коверецъ еденъ	5 р.	
Рубашекъ женскихъ сорокъ	50 р.	
Мужескихъ рубашекъ царъ десять	8 р.	
Скатертей семь	7 р.	
Скатерть одна шленская болшая	3 р.	
Салфетъ сорокъ	8 р.	
Утиралниковъ семъ	4 р.	
Простиръ двѣ	2 р.	50 к.
Да двѣ простиры шленскіе	6 р.	
Павиліонъ паспетой (sic!) полотняной	2 р.	
Перелъ низокъ десять	160 р.	
Ланцюжокъ золотой въ пятнадцять червонихъ . .	40 р.	
Перстней золотихъ два: еденъ с камушкомъ, а другой гладкой	15 р.	
Серебрянихъ чарокъ двенадцать	14 р.	
Подносъ сребной	18 р.	
Цѣнѣ разной посуды пудовъ два	25 р.	
Чайникъ жолтой мѣди	1 р.	50 к.
Чайникъ красной мѣди	1 р.	
Чашекъ паръ четиры фалфурнихъ	3 р.	
Шесть наволочокъ швабскихъ	8 р.	
Восемъ подушокъ с кужѣлнимы наволочкамы . .	6 р.	
Пуховикъ болшой	2 р.	
Ковдра виболваная новая	5 р.	
Сундуковъ деревянихъ большихъ малеванихъ съ оковкою	8 р.	
Погребецъ съ фляшкамы фрусталнимы	1 р.	50 к.

Итого всего мною принято по сему реестру на сумму двѣ тысячы рублей. Сей вѣновной реестръ своеручно писалъ и подписался при своей печаты войсковой товаришъ Андрей Александровичъ. Къ

сему вѣновному реестру по персоналному прошенію господина войскового товариша Александровича съ приложеніемъ печатей своеручно подписались: войсковой товаришъ.., войсковой товаришъ Лука... (фамиліи разобрать нельзя).

Въ концѣ «реестра» есть запись, что онъ былъ представляемъ въ земскій судъ повѣта миргородскаго, а оттуда перенесенъ былъ въ земскій судъ повѣта остаповскаго, въ коемъ и записанъ былъ въ урядовую книгу на листахъ 75, 76 и 77 въ 1784 г. октября 28-го.

А. Шр—ко.

Баку. 1903 г. 7-го марта.

Купальскіе обряды въ сквирскомъ уѣздѣ. Вечеромъ 24 іюня 1902 года, въ селѣ Пархомовкѣ, сквирскаго уѣзда, кіевской губерніи, я наблюдалъ такую картину. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ церкви, на бугоркѣ, собралась кучка дѣвочекъ и мальчиковъ. Они стали о чемъ-то хлопотать. Черезъ нѣкоторое время притащили вѣтку вербы. Эту вѣтку закопали въ землю. Дѣвочки стали украшать вѣточки вѣнками изъ полевыхъ цвѣтовъ. Окончивъ уборку, дѣвочки затянули пѣсни и хотѣли было сѣсть подъ вербою, но днемъ былъ дождь,—требовалось подостлать. Бросились въ дворы, принесли соломы. Усаживаясь, дѣвочки выталкивали мальчиковъ, но тѣ упорно лѣзли въ кругъ; дѣвочки уступили, и челядь ребятъ размѣстилась подъ вѣткой. Начались пѣсни. Пропѣвъ нѣсколько пѣсенъ, дѣти вставали, брались за руки и цѣлымъ сомкнутымъ кружкомъ ходили вокругъ вѣтки съ пѣсней, кланяясь вербѣ. Обойдя раза три, дѣти опять садились. Гулянье подъ вербой продолжалось больше часа; дѣти, видимо, были очень довольны своимъ праздникомъ Купайломъ. Пѣсенъ пѣлось много. Мальчики сидѣли не долго чинно, толкали дѣвочекъ, передразнивали ихъ, бѣгали одинъ за другимъ вокругъ «купайлыци» (такъ называли они вѣтку): гуляющіе становились все рѣзвѣй, рѣзвѣй... Когда рѣзвость дошла до высшаго напряженія, то мальчики съ пронзительнымъ крикомъ бросились къ вѣткѣ, чтобъ сломать. Дѣвочки хотѣли защитить дорогую для нихъ «купайлыцю», но куда!.. Среди визга, крика, смѣха, брани затрещала верба. Съ вербы всякъ хваталъ себѣ хоть что-нибудь, въ томъ числѣ и дѣвочки; еще минута, и площадка опустѣла.

Изъ своего дѣтства я помню, что этотъ вечеръ былъ самымъ отраднымъ. Мы гуляли, бывало, съ сверстниками у той «купайлыци»,

пока уже темно станетъ, тогда и вѣтки, по совѣту родныхъ, несли на огородъ въ огурцы, «щобъ рясни уродылы». Въ то время я еще видалъ, какъ взрослые парни шли чуть не съ цѣлою вербою изъ одного конца села на другой къ своимъ любимымъ «дивчатамъ на улыцю». А теперь большіе уже не носятъ вербъ своимъ «дивчатамъ», хотя поютъ «купальни» и взрослыя дѣвушки, обзывая въ нихъ своихъ «хлопцивъ» «недбайлыцямы».

Помѣщаю нѣсколько пѣсенъ Купайла.

1) Ой на Ивана,
На купайла,
Выйшла (имя дѣвушки),
Якъ та панна.
На неи хлопци
Заглядалыся,
Іи займаты
Стыдалыся.
Одынъ (имя парня)
Не стыдався,
Взявъ за ручeньку—
Прывитався.

—

2) Ой плывала дощычка [1])
Пидъ млыномъ
Ой давала (имя дѣвушки)
Ручку двомъ,
Ой на тоби (имя парня)
Ручку мою,
А я тебе другою—
Обійму.
А я тебе другою
Обійму,
До свого серденька
Прыгорну.
До свого серденька
Прыгорну.
Щыру правдоньку
Розскажу.
Щыру правдоньку
Розскажу,
Черезъ кого на улыцю
Не хожу.
Не ходыла на улыцю,
Не пиду
Не любыла поганого –
Не буду.

—

3) Ой скакавъ конықъ
Пидъ гречкою,
За нымъ (имя парня)
Зъ гнуздечкою.
Ой зажды коню
Загнуздаю,
Та поидымо
До Дунаю.
Ой до Дунаю
Воды пыты
А до (фамилія того, чья дочь)
Дивкы любыты.

—

[1]) Нѣкоторыя поютъ вмѣсто „дощычка“ „утонька“ пидъ млыномъ.

Ой на городи
Крокисъ порисъ...
Забравъ чортъ хлопцивъ,
Та й въ лисъ, понисъ.
Ой й на городи
Крокосытця,
Забравъ чортъ хлопцивъ,
Та й носытця.
Ходимъ дивчата
Дывытыся,
Якъ будуть хлопци
Казытыся.

—

Ой наши хлопци
Недбайлыци
Не вырубалы
Купайлыци.
Ой якъ бы воны
Про насъ дбалы,
Намъ купайлыцю
Вырубалы.
Намъ купайлыцю
Вырубалы,
Насъ на улыцю
Выклыкалы.

—

Ой молодая
Молодыце,
Выйды зъ вечора
На улыцю.
Выйды зъ вечора
На улыцю,
Поставъ дивчатамъ
Купайлыцю
Ой на городи
Катрапъ родыть,
А до (имя дѣвушки)
(Имя парня) ходыть.

—

Ой роды, роды
Катрапочку,
Ходы (имя парня),
Мій паночку.
Ой роды, роды
Жолудывый,
Ходы (имя парня),
Чорнобрывый.
Ой Петре, Павле,
Иване!
Уже жъ твоя петривонька
Мынае.

—

Уже жъ твоя петривонька
Мынае,
Половына вербонькы
Всыхае.
Половына вербонькы
Всыхае.
Половыны литечка
Немае.
Ой мала ничка
Петривочка,
Не выспалася
Невисточка.

—

До череды гнала,
То дримала,
На шпычкы очи
Повыймала.
На шпычкы очи
Повыймала,
На грудкы пальци
Позбывала.
Ой мала ничка
Петривонька,
Не выспалася
Невистонька.

—

Вставай, невистко,
Годи спаты,
Вже черыдонькы
Не выдаты.
Вже черыдонька
Въ чыстимъ поли,
А косарыкы
Въ зеленій диброви.
Сяяла зиронька,
Летила:
За кого ты (имя дѣвушки)
Хотила?

Ой за того, дивчата,
За того,
Ой за того (имя хлопця)
Молодого.
Сяяла зиронька,
Сяяла:
Съ кимъ ты (имя дѣвушки)
Стояла?
— А съ тобою (имя парня),
Съ тобою.
Якъ ясный мисяць
Зъ зорою.

— «Ой по чому ты мене
Пизнала;
Що ты мене мисяченькомъ
Назвала?
— А по тоби, (имя парня),
По тоби,
Сывая шапочка
На тоби.
Сывая шапочка
На тоби,
Чорніи чобиточкы
На нози.

Чорніи чобиточкы
На нози,
Золотый перстынь
На руци.
Золотый перстынь
На руци,
А самъ биленькый
На лыци.

(Варіантъ записанъ со словъ А. Лот., поющійся въ с. Лобочевѣ, таращанскаго уѣзда).

Сообщ. **Л. К.**

Потомокъ Семена Палія на службѣ въ полтавскомъ депутатскомъ собраніи. Съ 1833-го по 1859 г.г. столоначальникомъ въ Павловскомъ депутатскомъ собраніи служилъ нѣкто Иванъ Петровичъ Палѣй, называвшій себя потомкомъ извѣстнаго Семена Палія. Занималъ онъ штатную должность до 1848 года, а затѣмъ занимался частнымъ образомъ въ канцеляріи того же депутатскаго собранія. Лишился онъ штатнаго мѣста въ силу Высочайшаго повелѣнія о лишеніи его чиновъ коллежскаго регистратора и губернскаго секретаря, что случилось по настоянію управлявшаго государственными имуществами Арандаренка, которому сдѣлалось извѣстнымъ, что Палѣй, по ревизіи

1835 года, записанъ былъ въ число податныхъ, а потому и не имѣлъ права поступить на государственную службу и получать чины. Нуждаясь въ средствахъ къ жизни, онъ подалъ въ сентябрѣ 1859 г. слѣдующее прошеніе испр. должность губернскаго предводителя дворянства С. Н. Кованьку: «До двадцати шести лѣтъ продолжая службу въ полтавскомъ депутатскомъ собраніи, былъ я награжденъ чинами коллежскаго регистратора и губернскаго секретаря, но къ тяжкому несчастью, по неправильному вписанію меня въ ревизію 1835 года, а также по настоянію бывшаго управляющаго полтавскою палатою государственныхъ имуществъ Арандаренка, по Высочайшему повелѣнію, отъ 2 іюня 1848 года, сняты съ меня чины. Со времени совершенія надо мною этихъ несчастныхъ послѣдствій, я остаюсь безъ службы, занимаясь частно отпискою дѣлъ въ полтавскомъ дворянскомъ депутатскомъ собраніи съ 1848 г. по настоящее время, получаю весьма ограниченное за труды мои вознагражденіе, изъ котораго имѣю скудное содержаніе семейства моего. Въ такомъ горестномъ положеніи, стѣсняясь жизнью, не имѣя средствъ содержать и пропитать семью, я вынуждаюсь предстательствовать у вашего превосходительства: обратите вниманіе на тяжкую участь состоящаго въ покровительствѣ вашемъ и не оставьте предложить на благоуваженіе общаго собранія г. г. предводителей дворянства и депутатовъ при выборахъ, имѣющихъ быть въ настоящемъ сентябрѣ мѣсяцѣ о вознагражденіи меня за труды мои, понесенныя въ полтавскомъ дворянскомъ депутатскомъ собраніи. Къ сему прошенію подписался потомокъ полковника Семена Палія, Иванъ Петровъ Палѣй»... Собраніе предводителей вмѣстѣ съ депутатами опредѣлило выдать Палѣю двѣсти рублей „за усердную службу въ дворянскомъ депутатскомъ собраніи». Впослѣдствіи Палѣю были возвращены чины и онъ былъ утвержденъ даже въ правахъ потомственнаго дворянства. Въ 1860 г. онъ вторично ходатайствовалъ о пособіи и о прибавкѣ жалованья въ видѣ вознагражденія за «безвинное страданіе въ теченіе 12-ти лѣтъ“, но полтавское дворянство не вняло его просьбѣ. Впрочемъ, спустя нѣсколько лѣтъ ему была назначена пенсія 150 р. въ годъ. Въ 1866 г., въ виду появленія холеры въ Харьковѣ и Кременчугѣ, Полтава была раздѣлена на 9 участковъ; подчиненныхъ завѣдыванію избраннымъ губернскимъ предводителемъ дворянъ, и въ число завѣдующихъ однимъ изъ участковъ былъ и И. П. Палѣй. На какомъ основаніи онъ именовалъ себя потомкомъ Семена Палія, у котораго, какъ извѣстно, не было сыновей—этотъ во-

просъ не подвергался изслѣдованію. Очевидно, продолжительная канцелярская служба въ депутатскомъ собраніи привела Палѣя къ убѣжденію, какъ нетрудно было въ то время сочинить для себя какое угодно родословіе и безъ всякаго основанія выдавать себя за потомка любого гетмана или, если угодно, польскаго графа. (Двор. Архивъ, дѣло 1859 г., по описи № 53).

И. Ф. Павловскій.

Вирши о смерти въ синодикѣ XVIII ст. Въ архивѣ Николаевской церкви с. Куреня, конотопскаго у., черниг. губ., хранится Синодикъ, писанный съ 1734 по 1816 г. На первомъ листѣ его изображена смерть въ видѣ человѣческаго скелета, съ косою и заступомъ въ рукахъ, а внизу—люди разнаго пола и возраста. Всѣхъ фигуръ пять. На оборотѣ этого листа замѣтка: «Сія кніга, глаголемая Сінодікъ, создася въ селѣ Куренѣ, стараниемъ же и коштомъ освященого пресвитера Афанасія Кибальчича, отъ него же дарствіемъ и нагородою изволися мнѣ Иоану Максимовичу, на тотъ часъ боудучому подъячому курѣнскому. Пісана сія книга в Коуренѣ, при церквѣ святителя Христова Николая, 1734 году, м-ця апрѣля 10 дня.

Далѣе слѣдуютъ вирши·

О смеръте, смеръте! Ти еси страшна́я.
Вижду, же в тебе коса замашная.
Безъ желѣза и безъ всякого оружия
Творишъ людей немощнихъ и недолужния.
На кого очима своима позришъ,
То воскорѣ его и мертва сотворишъ,
Ни в малое не попускаешъ вщадѣние,
Но вскорѣ берешъ во свое владѣние.
Но ти и малихъ отрочатъ
Приводишъ до небесныхъ оградъ;
Не единыхъ молодиковъ и дѣвицъ,
Не срамляешся и всякихъ лицъ.
Святителей и патриарховъ
И всякихъ иераръховъ;
Священического и дияконского чина не минаешъ,
Такожде и иноческого велми не оставляешъ;

Яко же превысочайшихъ імператоровъ і императрицъ,
Такожде и зѣло славнихъ царей и царицъ;
Необходно великихъ князей
И всякихъ пресловутихъ государей.
Славнихъ и храбрихъ гетмановъ,
Якоже и прочиихъ登 становъ.
Славние рицаре зѣло бываютъ,
Но и тие на Марсовомъ пляцу полѣгаютъ;
Но и всякого воинъского чина
Смертная постизаетъ вскорѣ година;
Премудрихъ риторовъ и философовъ,
Такожде теологовъ и острономовъ,
Яко и купеческихъ зѣло богатырей,
Но и всякого стану господарей;
И старихъ, лѣтами, но и тихъ не оставляешъ,
Болъныхъ, калѣкъ, сиротъ, вдовъ, странними не перебѣраешъ,
Всякий возрастъ и чинъ аки траву косишъ,
Найбарзе часто человѣческій родъ ко гробу носишъ
Здѣ и мы, смерте, на тя взираемъ,
Того жде и себѣ ожидаемъ
В сіи временние лѣта
Скоро преселитися отъ сего свѣта
Имѣетъ тя, смерте, острогу,
Же мѣемъ отъсемъ прейти ко Богу,
Во землю вселитися
И во гробъ положитися,
И тамо вѣчне пребывати,
А лице Господа Бога нашего во вѣки вѣкомъ
Сподоби насъ всѣхъ оглядати.

Амынь.

Сообщ. І. **Егоровъ**.

Текущія извѣстія.

Управленіе земскимъ хозяйствомъ въ юго-западныхъ губерніяхъ. Опубликовано о преобразованіи учрежденій, вѣдающихъ дѣло земскаго хозяйства въ 9-ти западныхъ губерніяхъ.

Управленіе земскимъ хозяйствомъ въ губерніяхъ Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Кіевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской вѣдаетъ дѣла о мѣстныхъ хозяйственныхъ пользахъ и нуждахъ названныхъ губерній и ихъ уѣздовъ. Управленіе земскимъ хозяйствомъ въ каждой губерніи образуется изъ губернскаго и уѣзднаго комитетовъ по дѣламъ земскаго хозяйства, изъ губернской и уѣздной управы по дѣламъ земскаго хозяйства. Губернскимъ комитетамъ по дѣламъ земскаго хозяйства присваивается распорядительная власть по дѣламъ управленія. Уѣздные комитеты созываются для подготовительнаго обсужденія важнѣйшихъ дѣлъ земскаго хозяйства. Исполнительныя дѣйствія по земскому хозяйству возлагаются въ губерніяхъ на губернскую, а въ уѣздахъ—на уѣздную управы.

Преобразованіе повелѣно ввести въ дѣйствіе въ губерніяхъ Витебской, Минской, Могилевской въ теченіе 1903 г., предоставивъ министру внутреннихъ дѣлъ относительно времени введенія въ дѣйствіе этихъ преобразованій, въ губерніяхъ Виленской, Волынской, Гродненской, Кіевской, Ковенской и Подольской испрашивать установленнымъ порядкомъ законодательное разрѣшеніе. Съ преобразованіемъ новыхъ учрежденій управленія земскимъ хозяйствомъ мѣстные приказы общественнаго призрѣнія, а также должности дѣлопроизводителя при губернскихъ распорядительныхъ комитетахъ упраздняются. Вновь образуемымъ учрежденіямъ передаются дѣла, подвѣдомственныя приказамъ общественнаго призрѣнія, дѣла по губернскимъ земскимъ повинностямъ, дѣла по управленію врачебно-ветеринарной частью въ уѣздахъ и дѣла по взаимному губернскому страхованію имуществъ («Южн. Кр.», 772).

Новыя губерніи на Волыни. Есть слухъ, что рѣшено Волынскую губернію, состоящую изъ 12-ти уѣздовъ, раздѣлить на 2 губерніи: одну—съ губернскимъ городомъ Житомиромъ, другую—съ Луцкомъ. При новой житомирской губерніи останется 8-мь юго-восточныхъ уѣздовъ нынѣшней губ. Волынской, именно: Житомиръ, Овручъ, Староконстантиновъ, Звягель, Острогъ, Заславъ, Кременецъ и Дубно. Новая Луцкая губернія будетъ состоять изъ уѣздовъ нын. Волынской губ.: Луцкъ, Ровно, Ковель и Владиміръ-Волынскій; сверхъ того, къ ней будутъ присоединены изъ Люблинской губ.—Грубешовъ, Томашовъ, Яновъ, Холмъ и Бѣлграй и изъ Сѣдлецкой губ.—Влодава.

Съѣздъ славистовъ. 10—15 апрѣля въ С.-Петербургѣ происходили засѣданія членовъ предварительнаго съѣзда русскихъ славистовъ для обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся предстоящаго съѣзда представителей славяновѣдѣнія. Инціатива будущаго съѣзда принадлежитъ второму отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ. Сообщаемъ важнѣйшія для насъ свѣдѣнія о состоявшемся предварительномъ съѣздѣ. Съѣздъ былъ раздѣленъ на шесть секцій по вопросамъ: 1) объ организаціи съѣзда представителей славяновѣдѣнія 2),—о славянской энциклопедіи, 3)—объ изданіи церковно-славянскаго словаря, 4)—о славянской библіографіи, 5)—объ изданіи церковно-славянскихъ памятниковъ, 6)—о книжномъ дѣлѣ.— Въ засѣданіи 1-ой секціи 10 апрѣля было рѣшено созвать съѣздъ представителей славяновѣдѣнія въ августѣ или сентябрѣ будущаго 1904 года, созвать не только русскихъ и иностранныхъ ученыхъ, но пригласить и частныхъ лицъ, а также русскія и иностранныя ученыя и правительственныя учрежденія, имѣющія отношеніе и соприкасающіяся съ славяновѣдѣніемъ.

Будущій съѣздъ разобьется на слѣдующіе 7 отдѣловъ: языкъ, этнографія, литература (и искусство), исторія, археологія, право, общіе вопросы.—По вопросу о языкѣ, на которомъ будутъ дѣлаться доклады съѣзду, поставлено: *допустить къ чтенію на съѣздѣ доклады на всѣхъ славянскихъ языкахъ.* 2-ая секція высказалась за изданіе славянской энциклопедіи на русскомъ языкѣ; кромѣ того, рѣшено было, что желающіе, вмѣсто гонорара, могутъ получать оригинальные тексты своихъ трудовъ, въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ, на ихъ родномъ языкѣ. Программа славянской энциклопедіи, по проекту второго отдѣленія академіи, очень обширна: въ нее войдутъ очерки исторіи славянъ, языка, въ его прошломъ и настоящемъ, литературы, искусства, исторіи культуры, этнографіи, діалектологіи, бытовой и художественной археологіи и юридическо-соціальныхъ отношеній. 4-ая секція рѣшила, что необходимо въ славянской библіографіи каждому народу дать отдѣльное мѣсто, придерживаться въ библіографіи принципа національнаго, какъ болѣе цѣлесообразнаго и практичнаго. Въ 6-ой секціи проф. Сумцовъ выразилъ желаніе, чтобы было возбуждено ходатайство объ устраненіи или, по крайней мѣрѣ, уменьшеніи внѣшнихъ препятствій, которыя встрѣчаютъ иностранныя книги при выпискѣ ихъ въ Россію. Препятствіемъ является часто даже не содержаніе книги, а мѣсто ея изданія; напримѣръ, нельзя получить книгъ,

издаваемыхъ во Львовѣ. Было указано также и на то, что слѣдовало бы ходатайствовать объ облегченіи или снятіи цензуры книгъ по славяновѣдѣнію, такъ какъ часто даже профессора университетовъ не могутъ получать того, что хотятъ, а если и получаютъ заграничныя изданія, то въ совершенно испорченномъ видѣ. Находя, что послѣдній вопросъ внѣ компетенціи членовъ съѣзда, рѣшено было хлопотать объ облегченіи обмѣна изданіями, вообще. («С.-Петербургск. Вѣдом.», №№ 96—101).

Въ 425 № «Вѣстникѣ Юга» находимъ «Письмо въ редакцію» г. Ков.-Кол. по поводу постановленія предварительнаго съѣзда славистовъ: «допустить къ чтенію на съѣздѣ доклады на всѣхъ славянскихъ языкахъ». «Дѣйствительно ли на съѣздѣ будутъ пользоваться правомъ гражданства всѣ славянскіе языки и нарѣчія, на которыхъ существуетъ наука?.. Горькій опытъ послѣднихъ двухъ археологическихъ съѣздовъ Кіевскаго и Харьковскаго, когда на нихъ отсутствовали представители украинскаго «Наукового Товариства ім. Шевченка» (во Львовѣ), по причинѣ недопущенія на этихъ съѣздахъ украинской рѣчи, невольно заставляетъ остановиться на данномъ вопросѣ.

Хотѣлось бы надѣяться, что въ интересахъ чистой науки, далекой отъ всякаго политиканства, которымъ занимаются нѣкоторые ученые, этотъ «горькій опытъ» не повторится на предстоящемъ съѣздѣ славистовъ».

Запросъ о кобзаряхъ и лирникахъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ обратилось къ начальникамъ губерній съ просьбой сдѣлать распоряженіе о приведеніи въ извѣстность проживающихъ въ губерніяхъ кобзарей и лирниковъ. Вотъ программа, по которой желательно собрать нужныя свѣдѣнія: 1) села, въ которыхъ кобзари и лирники имѣютъ осѣдлость, села, посѣщаемыя ими временно; 2) главнѣйшія біографическія черты тѣхъ и другихъ, какъ-то: когда кобзарь и лирникъ ослѣпъ, бывалъ ли въ городѣ, у кого учился кобзарскому искусству и на какихъ условіяхъ и пр.; 3) отношеніе крестьянъ къ кобзарямъ и лирникамъ, ихъ матеріальное житье-бытье, свойство и степень вліянія на окружающихъ; 4) адресы кобзарей и лирниковъ и ихъ портреты, если таковые имѣются, а также свѣдѣнія о томъ, существуютъ ли еще и гдѣ кобзарскія школы. («Кіевская Газета», № 123).

Забота Полтавской губернской земской управы о развитіи кустарныхъ промысловъ. Полтавская губернская земская управа въ настоящее время озабочена изысканіемъ средствъ и способовъ къ поднятію и развитію кустарныхъ промысловъ полтавской губерніи. Полагая, между прочимъ, что примѣненіе ко всякаго рода кустарнымъ издѣліямъ мѣстнаго малорусскаго стиля и орнамента, придавъ этимъ издѣліямъ опредѣленный своеобразный колоритъ, должно поднять мѣстный спросъ и содѣйствовать спросу за предѣлы губерніи, управа во всѣхъ подвѣдомственныхъ ей губернскихъ земскихъ мастерскихъ и школахъ съ начала нынѣшняго года, вводитъ, насколько и гдѣ это окажется возможнымъ, въ работы учениковъ мѣстный стиль, пользуясь старинными образцами.

Въ высшей степени желательнымъ представлялось бы вліяніе въ этомъ направленіи и на производства кустарей, хотя бы въ районахъ нахожденія уѣздныхъ земскихъ мастерскихъ при помощи послѣднихъ, что могло бы быть достигнуто какъ путемъ выполненія такихъ работъ самими мастерскими, такъ и путемъ заказовъ кустарямъ. Попытка такого рода, осуществленная 15-ю уѣздами губерніи, къ концу года могла бы дать, съ одной стороны, чрезвычайно любопытную картину порайонныхъ особенностей мѣстнаго творчества, а съ другой— богатый матеріалъ для дальнѣйшаго примѣненія стиля къ кустарному производству. Кромѣ того, концентрація подобнаго рода издѣлій на выставкѣ для продажи могла бы имѣть громадное значеніе какъ въ смыслѣ опредѣленія спроса, такъ и сбыта.

Съ этой цѣлью губернская управа предполагаетъ ко времени предстоящаго очередного губернскаго земскаго собранія въ концѣ 1903-го года устроить выставку-базаръ кустарныхъ произведеній полтавской губерніи со включеніемъ издѣлій всѣхъ земскихъ мастерскихъ какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ. По окончаніи этой выставки такую же выставку-базаръ кустарныхъ издѣлій Полтавской губернской управой предположено устроить въ Кіевѣ во время контрактовъ въ началѣ 1904-го года.

Въ виду изложеннаго губернская управа обратилась съ просьбою къ уѣзднымъ управамъ не отказать въ своемъ содѣйствіи и вліяніи на производство работъ въ указанномъ смыслѣ земскими уѣздными учебными мастерскими, а также путемъ заказовъ на производство издѣлій мѣстными кустарями, начавъ свою дѣятельность въ этомъ направленіи немедленно съ полученія настоящаго отношенія, а затѣмъ,

къ концу ноября мѣсяца, по особому извѣщенію губернской управы, накопившіяся такимъ образомъ издѣлія прислать въ губернскую управу для устройства выставки.

Если бы исполненіе уѣздными мастерскими для выставки работъ по разнымъ отраслямъ кустарнаго производства встрѣтило затрудненіе въ недостаткѣ образцовъ, губернская управа, имѣя въ своемъ распоряженіи при естественно историческомъ музеѣ губернскаго земства нѣкоторые предметы стариннаго производства, главнымъ образомъ по ткачеству, могла бы, по заявленію уѣздной управы, представить, если окажутся на лицо, необходимые образцы.

При исполненіи работъ ткацкаго производства, уѣздныя ткацкія мастерскія могутъ пользоваться услугами ткацкаго инструктора, находящагося при губернской мастерской въ с. Дегтяряхъ, прилуцкаго уѣзда, слѣдуетъ адресовать ему приглашенія.

Походъ на украинофильство. Въ Петербургѣ, въ помѣщеніи «Русскаго Собранія» состоялось 16 апрѣля собраніе членовъ галицко-русскаго благотворительнаго общества, въ которомъ проф. варш. унив. Филевичъ сдѣлалъ сообщеніе о Галицкой Руси въ связи съ малорусскимъ вопросомъ. Проф. Филевичъ разобралъ исторію украинофильства, которое, зародившись въ Россіи, переселилось затѣмъ въ гор. Львовъ. Въ преніяхъ приняли участіе: проф. кіевск. унив. Флоринскій, профессора варш. унив. Смирновъ и Францевъ, а также профессора К. Я. Гротъ и пред. А. С. Будиловичъ. Всѣ участвующіе съ непонятнымъ ожесточеніемъ «уничтожали» украйнофильство. («Волынь», № 89 и «С.-Петербург. Вѣд.». № 103).

Въ собраніи того же общества 3-го мая редакторъ издатель «Славянскаго Вѣка» г. Вергунъ сдѣлалъ сообщеніе о галицко-русскомъ вопросѣ въ связи съ вопросомъ славянскимъ въ Австро-Венгріи. («С.-Петербургск. Вѣдом.»).

Литературно-музыкальные вечера въ память Т. Г. Шевченка. 17-го апрѣля въ Ставрополѣ Кавказскомъ состоялся концертъ подъ управленіемъ А. Кошица, съ большимъ художественнымъ и матеріальнымъ успѣхомъ («Сѣверный Кавказъ», № 46).

3-го мая черниговцы, послѣ многолѣтнихъ тщетныхъ попытокъ, чествовали память великаго Тараса.

Нѣсколько лѣтъ подрядъ здѣсь добивались разрѣшенія устроить шевченковскій вечеръ, однако это, на видъ простое дѣло, представляло большія трудности. Тамъ далеко, въ столицахъ, концерты и вечера, посвященные памяти великаго поэта Украины—заурядное дѣло, а здѣсь, гдѣ неподалеку пѣлъ чудныя пѣсни старый Тарасъ, въ теченіе ряда лѣтъ не только не разрѣшались вечера, посвященные памяти Шевченка, но не слышно было ни малороссійской думки, ни малороссійской пѣсни.

Новый представитель высшей власти не раздѣлилъ мнѣніе прежняго, и Черниговъ получилъ возможность собраться на вечеръ въ память пѣвца Украины только въ настоящемъ году.

Иниціатива устройства вечера принадлежитъ черниговскому музыкально-драматическому кружку.

На сценѣ красовался портретъ Тараса Шевченка, обвитый и украшенный живыми цвѣтами съ кобзой, плахтами и рушниками у подножія портрета. Портреты, декорированные живыми цвѣтами, украшали также входъ и хоры. («Кіевская Газ».).

Къ открытію памятника И. П. Котляревскому. Намъ сообщаютъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что талантливый украинскій композиторъ Н. В. Лысенко, въ виду предстоящаго открытія у насъ памятника И. П. Котляревскому, положилъ на музыку для хора и оркестра—кантату въ честь поэта и что эта кантата уже печатается и вскорѣ выйдетъ въ свѣтъ. Конечно, было бы въ высшей степени желательно, чтобы это новое произведеніе композитора было бы публично исполнено впервые у насъ, подъ управленіемъ самого композитора. Но нужно, чтобы медлительная комиссія по устройству памятника оживила бы свою дѣятельность и безотлагательно вошла бы въ сношеніе какъ съ композиторомъ, такъ и съ туземными вокально-музыкальными представителями, въ томъ числѣ съ представителемъ лирниковъ и кобзарей, г. Хоткевичемъ. Въ противномъ случаѣ празднованіе открытія памятника народному поэту—при отсутствіи туземной народной музыки и пѣнія на родномъ языкѣ—можетъ представить нѣчто безпримѣрное, и едва ли комиссія и городское управленіе могутъ тогда разсчитывать на признательность современниковъ и потомства. («Полт. Вѣстн.», № 127).

Подготовительныя работы къ 13-му археологическому съѣзду въ Екатеринославѣ. 1) 28 апрѣля, въ г. Екатеринославѣ состоялось засѣданіе подготовительнаго комитета по устройству XIII археологическаго съѣзда, подъ предсѣдательствомъ граф. П. С. Уваровой.

Главное вниманіе предположено обратить на районъ по рѣкамъ Донцу и Кальміусу до Азовскаго моря. Въ этомъ районѣ будутъ работать командированные археологическимъ обществомъ ученые Большаковъ и Городковъ и студентъ Харламовъ. «Городища» въ харьковской губерніи изслѣдуетъ г. Покровскій. Для раскопокъ въ Таврической губерніи, въ имѣніи графа Канкрина, гдѣ главное мѣстонахожденіе остатковъ готской культуры, командированъ проф. Эварницкій.

Изслѣдованіе же Самарскаго района уѣздовъ новомосковскаго и верхнеднѣпровскаго и береговъ Днѣпра въ его порожистой части принимаетъ на себя мѣстный Екатеринославскій комитетъ, и работы будутъ производиться подъ руководствомъ, наблюденіемъ и при личномъ участіи проф. Д. И. Эварницкаго. Комитетъ постановилъ: во исполненіе намѣченной программы, произвести съ помощью мѣстныхъ дѣятелей, въ особенности учителей народныхъ школъ изслѣдованіе мѣстонахожденій каменныхъ бабъ, кургановъ, пещеръ и древнихъ памятниковъ. составить имъ описаніе и снять фотографическіе снимки. Рѣшено также произвести этнографическое изслѣдованіе губерніи и устроить при съѣздѣ этнографическую выставку съ помощью спеціалистовъ, для чего просить губернское и уѣздныя земства ассигновать пособіе въ распоряженіе комитета. Гр. П. С. Уварова заявила, что къ открытію съѣздъ надѣется положить начало серьезному труду по изученію Херсонеса Таврическаго, гдѣ начало раскопокъ положено покойнымъ супругомъ графини. Всѣ добытые матеріалы будутъ представлены на разсмотрѣніе екатеринославскаго съѣзда.

Для соображеній при работахъ комитета и съѣзда представлено ходатайство въ центральный статистическій комитетъ о сообщеніи статистическихъ свѣдѣній по губерніи, добытыхъ изслѣдованіемъ, произведеннымъ въ 1872 году. Дубликатъ этихъ свѣдѣній погибъ въ Екатеринославѣ, во время наводненія, вызваннаго ливнями. Въ число работъ съѣзда и комитета войдетъ изслѣдованіе о кобзаряхъ и лирникахъ, которыхъ, согласно ходатайству харьковскаго съѣзда. г. министръ внутреннихъ дѣлъ согласился принять подъ особую защиту и

покровительство администраціи. Изъ сообщенія гр. Ѳ. Э. Келлера выяснилось, что лирники существуютъ и въ екатеринославской губерніи, такъ какъ графу нѣсколько разъ приходилось выдавать имъ разрѣшенія на игру на ихъ инструментахъ на ярмаркахъ и въ другихъ мѣстахъ. Предварительные комитеты по устройству екатеринославскаго съѣзда открыты и въ нѣкоторыхъ др городахъ края, а гр. Ѳ. Э. Келлеръ предложилъ привлечь къ работамъ и дѣятелей екатеринодарскихъ,—области, близко связанной съ екатеринославскимъ козачествомъ, такъ какъ въ составъ тамошняго козачества несомнѣнно вошли потомки запорожцевъ. По предложенію Ѳ. А. Духовецкаго, въ виду изслѣдованія болгарскихъ древностей мѣстнаго района, черезъ который слѣдовали болгары при переселеніи съ Волги на Дунай, рѣшено привлечь къ работамъ съѣзда занимающагося изслѣдованіемъ болгарскихъ древностей директора археологическаго музея въ Константинополѣ, академика Ѳ. И. Успенскаго, а черезъ него—и болгарскихъ археологовъ. Что касается церковныхъ древностей, то до свѣдѣнія комитета гр. П. С. Уваровой доведено, что преосвященный епископъ Сумеонъ рѣшилъ устроить епархіальное хранилище церковныхъ древностей. М. В. Родзянко заявилъ, что губернское земство приняло на свой счетъ печатаніе трудовъ мѣстнаго комитета по устройству съѣзда. („Придн. Край“, № 1801).

—

29 апр. происходило совѣщаніе Екатеринославскаго археологическаго комитета съ представителями дворянства. Засѣданіе открылъ рѣчью губернскій предводитель дворянства М. И. Миклашевскій, въ своей рѣчи М. И. отмѣтилъ важное значеніе избранія мѣстомъ будущаго съѣзда г. Екатеринослава, благодаря чему Екатеринославъ приравнивается къ университетскимъ городамъ; далѣе М. И. отмѣтилъ въ общихъ чертахъ задачи съѣзда, а также тѣ благіе результаты, которые можетъ имѣть съѣздъ для культурнаго подъема города и губерніи. Графиня Уварова въ обстоятельной запискѣ познакомила собраніе съ организаціей съѣздовъ и отмѣтила важное значеніе общественнаго сочувствія, впервые съ особой силой проявившагося на съѣздѣ въ Прибалтійскомъ краѣ. Графиня познакомила детально собраніе съ тѣми вопросами, которые подлежатъ разрѣшенію съѣзда и указала въ чемъ могло выразиться содѣйствіе мѣстнаго общества и въ частности дворянства въ устройствѣ съѣзда. Д. И. Эварницкій отмѣтилъ весьма важное значеніе въ археологическомъ и историческомъ

отношеніяхъ нынѣшняго раіона съѣзда—Новороссійскаго края и въ частности екатеринославской губерніи. П. В. Каменскій обратился съ запросомъ, будутъ ли отпечатаны программы съѣзда, изъ которыхъ можно было бы болѣе подробно ознакомиться съ задачами, а равно выяснить въ чемъ могло бы выразиться участіе дворянства въ устройствѣ съѣзда. Послѣ обсужденія нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ, возбужденныхъ членами комитета, засѣданіе было закрыто. («Вѣстн. Юга», 417).

2) 25-го апрѣля состоялось 1-е засѣданіе Харьковской подготовит. коммиссіи. Проф. М. Г. Халанскій отмѣтилъ, что одной изъ важнѣйшихъ задачъ современной науки о русскомъ языкѣ является изученіе мѣстныхъ говоровъ. Говоры харьковской губерніи изучены еще въ слабой степени, и онъ желалъ бы совершить нѣсколько поѣздокъ по харьковской губерніи къ предстоящему XIII археологическому съѣзду, чтобы собрать матеріалы о мѣстныхъ говорахъ.

Коммиссія вполнѣ присоединилась къ мнѣнію проф. М. Г. Халанскаго и постановила ходатайствовать передъ московскимъ предварительнымъ комитетомъ объ отпускѣ средствъ на эту экспедицію. Вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссія постановила передавать проф. М. Г. Халанскому пѣсенные и другіе матеріалы по народной словесности харьковской губерніи, которые будутъ поступать на ея разсмотрѣніе, такъ какъ онъ выразилъ готовность заниматься изученіемъ и обработкой ихъ. Кромѣ того, М. Г. Халанскій изъявилъ желаніе составлять описаніе старинныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, если таковые будутъ поступать въ коммиссію.

Проф. Е К. Рѣдинъ сообщилъ, что въ бумагахъ бывшаго предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ осталось много весьма интересныхъ матеріаловъ, которые не могли быть использованы тогда надлежащимъ образомъ. Между этими матеріалами имѣется не мало такихъ, которые отличаются поэтическимъ характеромъ и собраны въ предѣлахъ харьковской губерніи. Краткій обзоръ матеріаловъ послѣдняго вида и былъ сдѣланъ докладчикомъ.

Проф. Д. И. Багалѣй сообщилъ, что изъ рукописныхъ замѣтокъ покойнаго проф. Ю. И. Морозова имъ извлечено много матеріаловъ по археологіи харьковской губерніи. Затѣмъ проф. Д. И. Багалѣй отмѣтилъ, что въ портфеляхъ харьковскаго историко-филологическаго

общества накопилось много интересныхъ въ научномъ отношеніи матеріаловъ по исторіи, археологіи и этнографіи, которые остаются ненапечатанными по недостатку средствъ.

Проф. Е. К. Рѣдинъ сообщилъ, что, кромѣ тѣхъ рукописныхъ матеріаловъ, о которыхъ онъ доложилъ раньше, онъ имѣетъ еще много рукописныхъ замѣтокъ и сообщеній по археологіи и этнографіи екатеринославской, полтавской, курской и воронежской губерній и области Войска Донского.

Проф. Д. И. Багалѣй сообщилъ коммиссіи составленную имъ программу раскопокъ и другихъ археологическихъ изслѣдованій къ предстоящему XIII археологическому съѣзду. Программа эта была доложена имъ въ январѣ текущаго года въ засѣданіяхъ московскаго предварительнаго комитета и имѣетъ цѣлью связать изысканія, произведенныя къ XII археологическому съѣзду въ г. Харьковѣ, съ тѣми раскопками и изслѣдованіями, которыя будутъ производиться къ предстоящему въ г. Екатеринославѣ съѣзду. Какъ извѣстно, мысль созвать предстоящій съѣздъ въ г. Екатеринославѣ возникла подъ вліяніемъ того соображенія, что необходимо продолжить изысканія, начатыя передъ бывшимъ въ Харьковѣ съѣздомъ, такъ какъ они намѣтили много интересныхъ вопросовъ, да и вообще юго-восточный уголъ Европейской Россіи слабо изученъ въ археологическомъ отношеніи. Поэтому проф. Д. И. Багалѣй предлагаетъ закончить нѣкоторыя раскопки въ предѣлахъ харьковской губерніи и продолжить ихъ затѣмъ въ предѣлы екатеринославской губерніи по рр. Бахмуткѣ и С. Донцу, а также по р. Калміусу до его устья. Если вѣрно предположеніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что р. Калміусъ тождественна съ той р. Калкой, на которой произошла въ 1224 г. несчастная битва русскихъ съ татарами, то раскопки на ней представляютъ особенный интересъ для русско-славянской археологіи до-монгольскаго періода. Но раскопки на берегахъ этой рѣки важны и по той причинѣ, что она, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, служила съ самыхъ отдаленныхъ временъ важнымъ воднымъ путемъ отъ Днѣпра къ Дону, и по ней совершалось обширное торговое движеніе Значитъ эти раскопки интересны не только съ точки зрѣнія русскихъ древностей до-монгольскаго періода, но онѣ могутъ еще доставить много цѣнныхъ данныхъ для топографіи Половецкой степи. Далѣе, по мнѣнію докладчика, эти раскопки интересны для изученія древностей болѣе поздняго времени, такъ какъ и знаменитый описатель Украины Гильомъ Бопланъ ука-

зываетъ на р. Калміусъ, какъ на составную часть пути изъ Поднѣпровья въ область р. Дона и Азовскаго моря. Конечно, раскопки по р. Калміусу не должны ограничиваться однимъ правымъ берегомъ его, ихъ слѣдуетъ перенести и на лѣвую сторону рѣки, въ предѣлы области Войска Донского. Въ харьковской губерніи было бы весьма желательно продолжить раскопки въ сѣверо-западномъ углу губерніи, въ ахтырскомъ, богодуховскомъ и сумскомъ уѣздахъ, гдѣ извѣстно много неизслѣдованныхъ кургановъ и городищъ; напримѣръ, обширная группа кургановъ находится около г. Сумъ, въ имѣніяхъ П. И. Харитоненка. Кромѣ того, необходимо продолжить изслѣдованія могильника и городища около В. Салтова, волчанскаго уѣзда. Верхне-Салтовское городище интересно, между прочимъ, и потому, что оно представляетъ остатки единственнаго каменнаго города въ предѣлахъ харьковской губ. Довольно значительные остатки укрѣпленій существовали тамъ еще въ XVII столѣтіи, и камень ихъ служилъ не только для мѣстныхъ построекъ, но возился даже въ Харьковъ, гдѣ изъ него сдѣлали первыя мостовыя. Поэтому, необходимо произвести правильное изслѣдованіе Салтовскаго городища и изучить при помощи пробныхъ раскопокъ топографію салтовскаго могильника, такъ какъ онъ далъ послѣ съѣзда въ Харьковѣ нѣкоторыя совершенно новыя открытія. Затѣмъ надлежитъ окончить изслѣдованіе Донецкаго городища и произвести изысканія на Хорошевскомъ городищѣ и въ его окрестностяхъ, гдѣ извѣстенъ могильникъ. Кромѣ того, необходимо изслѣдовать еще одно городище въ лебединскомъ уѣздѣ, такъ какъ оно представляетъ ту рѣдкую особенность, что могильникъ расположенъ на самомъ городищѣ. Наконецъ, желательно произвести раскопку кургановъ около с. Деркачей, въ имѣніи г. Любарскаго, и закончить изслѣдованіе могильника въ имѣніи г. Духовского, около с. Мерчина.

Заслушавъ сообщеніе проф. Д. И. Багалѣя коммиссія постановила просить московскій предварительный комитетъ объ отпускѣ средствъ, необходимыхъ для производства археологическихъ изысканій къ предстоящему съѣзду, при чемъ таковыя должны производиться по программѣ, составленной проф. Д. И. Багалѣемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссія рѣшила обратиться къ мѣстнымъ землевладѣльцамъ съ просьбой разрѣшить производство раскопокъ и другихъ изысканій на принадлежащихъ имъ земляхъ и оказать работамъ коммиссіи матеріальную поддержку.

Прив.-доц. Е. П. Трифильевъ заявилъ, что слѣдовало-бы продолжить раскопки въ купянскомъ уѣздѣ, гдѣ имѣется еще нѣсколько кургановъ съ каменными бабами.

Проф. Д. И. Багалѣй отмѣтилъ, что къ предстоящему съѣзду надлежитъ закончить изученіе архивовъ харьковской и сосѣднихъ съ нею губерній. Кромѣ того предложилъ посвятить XIII археологическому съѣзду въ г. Екатеринославѣ тѣ изданія историко-филологическаго общества, которыя это общество будетъ печатать къ съѣзду, такъ какъ археологическая коммиссія состоитъ при обществѣ и тѣсно связана съ нимъ. («Южный Край», № 7715).

Засѣданіе Екатеринославской архивной коммиссіи состоялось 23-го апрѣля. А. С. Синявскій доложилъ собранію, что въ теченіе перваго мѣсяца своей дѣятельности коммиссія предприняла слѣдующее: она обратилась во всѣ архивныя коммиссіи другихъ городовъ имперіи съ просьбой прислать свои ученые труды, на что весьма многія коммиссіи уже и откликнулись. Между прочимъ весьма цѣнное сочиненіе въ видѣ прекрасно исполненной фототипіи получено отъ Черниговской архивной коммиссіи.

На приглашеніе къ разнымъ оффиціальнымъ лицамъ и учрежденіямъ въ губерніи оказать содѣйствіе увѣдомленіемъ объ архивномъ матеріалѣ тоже откликнулись очень многіе. Полученъ отвѣтъ, напр. отъ Маріупольскаго исправника о томъ, что за многіе годы дѣла въ его учрежденіи проданы, а за нѣкоторые—хранятся въ полицейскомъ управленіи. Аналогичные отвѣты получены изъ Бахмута, Павлограда, гдѣ хранятся дѣла за 1795 годъ, изъ Славяносербска и др.

Между прочимъ Павлоградскій исправникъ прислалъ очень старый деревянный небольшой крестъ, съ желѣзнымъ на немъ распятіемъ. По поводу этого креста Я. П. Новицкій сообщилъ, что, по его личнымъ справкамъ, къ этому кресту приводили колодниковъ въ старыя времена при отобраніи показаній при полиціи.

Затѣмъ получено отъ г. Токмакова описаніе жизнедѣятельности 24 историческихъ лицъ нашей губерніи для помѣщенія въ трудахъ коммиссіи.

Постановлено просить губернскія и уѣздныя учрежденія прислать описи всѣхъ старыхъ дѣлъ, чтобы коммиссія могла рѣшить, какія изъ нихъ можно рѣшить подвергнуть уничтоженію и какія оставить.

Постановлено также для усиленія средствъ коммиссіи просить профессора Новороссійскаго университета г. Маркевича прочесть публичную лекцію по исторіи въ Екатеринославѣ осенью, на что предварительно уже и получено согласіе этого лица.

Профессоръ Д. И. Эварницкій заявилъ, что онъ предполагаетъ прочесть нѣсколько лекцій въ уѣздныхъ городахъ, чтобы возбудить интересъ къ археологіи въ краѣ.

Поручено С. А. Бродницкому навести справки о томъ, чтобы получить разрѣшеніе на изданіе сочиненій Елагина, писавшаго романы и очерки, относящіеся къ бытовой сторонѣ Екатеринослава средины прошлаго столѣтія. («Вѣстникъ Юга», 411).

Археологическія раскопки кургановъ. Текущимъ лѣтомъ завѣдующимъ спб. артиллерійскимъ музеемъ археологомъ ген.-лейт. Н. Е. Бранденбургомъ, съ разрѣшенія Императорской археологической коммиссіи, будутъ совершены раскопки кургановъ въ кіевской и полтавской губ. Всѣ вещи, найденныя при раскопкахъ, поступятъ въ спб. артиллерійскій археологическій музей и въ хранилища историческихъ вещей Эрмитажа. («Биржев. Вѣд.», 189).

Музей А. Н. Поля въ Екатеринославѣ. Согласно докладу Правленія Екатеринославскаго Научнаго Общества (въ общемъ собраніи $^{6}/_{V}$ 1903), въ организаціи музея приняли участіе: 1) Екатеринославское губернское земство, ассигновавшее на постройку зданія музея 20000 руб.; 2) городъ Екатеринославъ, ассигновавшій 10000 руб. и отведшій мѣсто для постройки зданія; 3) губернское дворянство, ассигновавшее 5000 руб. 4) А. П. Струковъ 2000 руб. Постройка зданія ведется губернской земской управой.

Уставъ музея выработанъ и отосланъ на утвержденіе высшей власти. Общія основанія устава слѣдующія: а) музей есть самостоятельное учрежденіе, б) управляется представителями учрежденій—дворянства, земства, города и научнаго общества. Представители избираются этими учрежденіями. Основанія частныя: Въ музеѣ имѣется залъ засѣданій научнаго общества, в) отчетъ о дѣятельности музея отсылается на разсмотрѣніе вышеуказанныхъ учрежденій, а слѣдовательно и научнаго общества. («Вѣстникъ Юга», 425).

2-го мая въ засѣданіи комитета музея обсуждалась смѣта музея на 1903 годъ. Въ распоряженіи Екатеринославскаго научнаго общества для цѣлей музея имѣется 1298 руб. и ожидается еще къ полученію отъ уѣздныхъ земскихъ управъ 600 рублей. Вообще, какъ выяснилось въ засѣданіи, средства музея для пріобрѣтенія вещей и изученія мѣстнаго края крайне незначительны. Остается надѣяться на сочувственное отношеніе и посильную помощь интеллигентнаго населенія, на то, что музей будетъ пополняться добровольными пожертвованіями предметовъ, имѣющихъ значеніе историческое, археологическое, этнографическое и пр. («В. Ю.», 421).

Научная командировка. Хранитель Екатеринославск. музея им. А. Н. Поля г. Строменко командированъ совѣтомъ музея въ Никополь для осмотра находящихся тамъ, по свѣдѣніямъ профессора Эварницкаго, въ частныхъ рукахъ запорожскихъ древностей. («Приднѣпровск. Кр.», 1812).

Открытіе древнихъ каменныхъ сооруженій въ г. Чигиринѣ. Въ Императорской археологической коммиссіи было получено изъ Чигирина сообщеніе о томъ, что тамъ на горѣ открыты остатки какого-то древняго каменнаго сооруженія. Коммиссія командировала для осмотра хранителя кіевскаго музея древностей и искусствъ В. В. Хвойко, который и совершилъ экскурсію въ Чигиринъ.

Чигиринская гора возвышается надъ городомъ саженей на 20. Ближе къ ея крайнему выступу со стороны, обращенной къ городу, В. В. Хвойко замѣтилъ каменную кладку, по расчисткѣ которой обозначились двѣ параллельныя каменныя стѣны, отстоящія одна отъ другой на 8 арш. Сооруженіе имѣло сводъ, провалившійся, какъ полагаютъ, во время бомбардированія въ 1675 или 1678 году. Г. Хвойко относитъ зданіе къ XV—XVI вѣкамъ. Въ нижней части той же горы, у подошвы ея, на берегу р. Тясмина, г. Хвойко нашелъ остатки другого каменнаго сооруженія, еще болѣе обширнаго. Кладка его, какъ и перваго, относится, судя по кирпичамъ, къ литовской эпохѣ. Въ народѣ есть преданіе, что тутъ «ще до турокъ» былъ монастырь съ большими подземными ходами, въ которые Дорошенко спряталъ свою казну, множество книгъ, бумагъ и проч. Въ верхней части горы, на плато, по сосѣдству съ остатками земляныхъ укрѣпленій, замѣчены

слѣды какихъ то деревянныхъ сооруженій, отъ которыхъ въ землѣ сохранились даже бревна. Мѣстами, внутри такихъ сооруженій, найдены большія полосы культурнаго слоя, а также полосы выжженной глины (повидимому, остатки очаговъ и развалившихся печей). Быть можетъ, это были казармы гарнизона чигиринской крѣпости. Систематическія раскопки чигиринской горы весьма желательны, такъ какъ онѣ могли бы обогатить науку цѣнными находками. Нужно помнить, что Чигиринъ—столица Б. Хмельницкаго и П. Дорошенка, много разъ подвергавшаяся осадамъ. Во время этихъ осадъ многое могло быть въ этомъ многострадальномъ городѣ спрятано въ землю и тамъ оставаться до сихъ поръ. На сѣверъ отъ города, по направленію къ Днѣпру, г. Хвойко нашелъ слѣды доисторической культуры: желѣзные и бронзовые наконечники стрѣлъ, кремневыя орудія и даже слѣды «трипольской» культуры. Еще ближе къ Днѣпру идутъ правильными рядами древніе курганы, въ томъ числѣ и такъ-называемые скиѳскіе. («С.-Петербургскія Вѣдом.», № 120.

Раскопки въ имѣніи Петрены. Директоръ одес. музея общества исторіи и древностей проф. Э. Р. фонъ-Штернъ возвратился, изъ поѣздки съ научной цѣлью въ имѣнье Петрены, бѣлецкаго у., гдѣ подъ его руководствомъ были произведены раскопки съ цѣлью отысканія древностей. На глубинѣ нѣсколькихъ аршинъ отъ поверхности земли обнаружена масса предметовъ древности, относящихся къ самому отдаленному періоду исторіи человѣчества, именно—къ каменному вѣку. Въ Одессу прибудетъ цѣлый транспортъ добытыхъ при раскопкахъ археологическихъ древностей. Раскопки производились на землѣ, принадлежащей владѣльцамъ имѣнія Петрены гг. Бузни. Въ виду успѣха раскопокъ, онѣ будутъ продолжены. («С.-Петербургск. Вѣд.», 119).

Къ юбилею Н. В. Лисенка. Въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 2083 руб. (см. № 5-й, стр. 116) для поднесенія подарка Н. В. Лисенку въ день предстоящаго празднованія его 35-лѣтняго юбилея, вновь прислано: 1) Изъ *Екатеринослава* отъ почитателей таланта—*150 р.;* 2) симья Лисака—15 р.; 3) *изъ Черкассъ—11 р.;* 4) *Л. Д.—10 р.;* 5) изъ *Херсона:* И. Коз.—5 р.,

А. Кон.—5 р., И. Зуб.—5 р., Г. Ков.-Кол.—3 р., Н. Черн.—2 р., Ф. Вас.—2 р., Манж.—2 р., А. Охр.—1 р., В. Сен.—1 р., Лон.—1 р., Е. Петр.—1 р., А. М. Ш.—1 р., Мар. Ков.—1 р, Никол.—50 к., А. Ш.—50 к., Х. Ив.—50 к., Бач.—20 к., Егор.—20 к. Макс.—15 к., всего—*32 р. 5 к.;* 6) черезъ г. *Н-скаго:* Лисовскій—5 р., Михалевичъ—5 р., Немоловскій—5 р., Нейманъ—5 р., Соболевскій—5 р., Амбражевичъ—5 р., Рошко—1 р., Здановичъ—1 р., Струменскій—1 р., Дибольдъ—1 р., Пшеборовскій—1 р., Киріякъ—1 р., Алексинскій—1 р., NN—1 р., Яблоновскій—2 р., всего—*40 р.;* 7) изъ *Мачухи* (полт. губ.): Ив. Фисунъ—1 р., Ст. Кузьменко—1 р., Хар. Гарькавенко—1 р., Ал. Замковый—1 р., Андр. Геращенко—3 р., Свящ. Ѳ. Булдовскій—1 р. 50 к., Ол. Булдовская—1 р. 50 к., всего *10 р.;* 8) Г.—*5 р.* Всего съ прежде поступившими—*2356 р. 50 к.*

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЦІИ.

Къ вопросу объ „Академічнім Домі" во Львовѣ. Въ то время какъ русины-студенты покинули Львовскій университетъ, изъ общенародныхъ пожертвованій составился так. назыв. «академічний фонд» для помощи сецессіонистамъ. По возвращеніи сецессіонистовъ комитетъ, распоряжавшійся «академічним фондом» обратился къ галицкому обществу съ запросомъ, что дѣлать съ остатками фонда (около 18.000 кор.). Молодежь на митингѣ въ 1902 г.—отвѣтила на этотъ вопросъ такъ: она обратилась къ комитету съ своимъ заявленіемъ—употребить остатки фонда на поддержку крестьянъ-стачечниковъ и передать ихъ спеціальному, междупартійному комитету. Это благородное, самоотверженное постановленіе было встрѣчено, конечно, восторженнымъ одобреніемъ. Но часть общества, отнесшись къ дѣлу болѣе вдумчиво и спокойно, высказалась за то, чтобы «академічний фонд» расходовался на нужды самихъ же студентовъ. Въ X книгѣ 1902 г. «Літер.-Науков. Вістника» проф. Грушевскій въ замѣткѣ «Що зробити з академічним фондом»? подалъ проектъ—употребить остатки фонда на постройку общежитія—«Академічного Дому» для студентовъ-русиновъ. Мотивировано это было предложеніе слѣдующимъ образомъ. Начатая народомъ экономическая борьба потребуетъ *своихъ* фондовъ, и они будутъ созданы самими участниками стачекъ и русинскимъ обществомъ. Но «академічний фонд» былъ собранъ на

нужды высшаго національнаго образованія; къ этому дѣлу общество не скоро вернется съ прежнимъ вѣчно памятнымъ одушевленіемъ; посему собранныя деньги нужно употребить соотвѣтственно ихъ первоначальному предназначенію.

Деньги вносились подъ лозунгомъ борьбы за «україньско-руський» университетъ. Борьба эта продолжится до тѣхъ поръ, пока не осуществится мысль объ основаніи украинскаго университета. Деньгами, собранными для этой цѣли, нужно укрѣпить студенческую молодежь, облегчить ея численный ростъ и научныя занятія. Остатки фонда и поступающія обратно ссуды и должны быть употреблены на самую основную нужду студенческой молодежи—на улучшеніе матеріальной обстановки ея жизни. Въ Галичинѣ мало заботились о студентахъ. Укоренился взглядъ, что юноша, получившій аттестатъ зрѣлости, сумѣетъ и сможетъ самъ пробиться, безъ посторонней помощи. Межъ тѣмъ борьба за существованіе, забота о кускѣ хлѣба во время университетскихъ занятій и экзаменовъ не разъ истощала послѣднія силы студентовъ, такъ что они вступали въ жизнь изнуренными инвалидами, жаждущими покоя и доходнаго мѣста, а не дѣятельности, не говоря уже о томъ, что поиски средствъ существованія отрывали молодежь отъ научныхъ занятій. Беззаботность, небрежность или бережливость общества въ этомъ дѣлѣ приносили тяжелый ущербъ ему самому: вмѣсто свѣжихъ, энергичныхъ дѣятелей—больныхъ, утомленныхъ, измученныхъ «недобитків» съ смутными остатками вытверженныхъ къ экзамену дисциплинъ въ головѣ вмѣсто научнаго образованія. Такъ было до сихъ поръ. Въ будущемъ положеніе дѣлъ представляется еще печальнѣе, если не позаботиться о немъ заблаговременно. Въ послѣдніе годы, благодаря стараніямъ провинціальныхъ дѣятелей, въ гимназіи двинулись значительныя массы крестьянскихъ и мѣщанскихъ сыновей. Черезъ нѣсколько лѣтъ выйдутъ первые, очень численные выпуски изъ новыхъ украинскихъ гимназій. Что будетъ дѣлать бѣдная студенческая молодежь во Львовѣ, когда число ея увеличится въ полтора, въ два раза, если и теперь такъ трудно найти заработокъ, который бы оставлялъ возможность научной работы?

Остатки «академічного» фонду наилучше употребить на устраненіе этого вопіющаго зла, необходимо немедленно приступить къ постройкѣ «Академічного дому» во Львовѣ. Съ восемнадцатью тысячами коронъ, оставшихся въ рукахъ комитета (17806 кор. наличными и

500 к. ссуды народному комитету) можно начать постройку. Къ нимъ будутъ прибавляться возвращенныя сецессіонистами ссуды; за 5 лѣтъ такихъ возвратовъ поступитъ тысячъ на 30. Не будетъ недостатка, конечно, и въ новыхъ пожертвованіяхъ на это въ высшей степени симпатичное и важное дѣло, когда оно войдетъ въ жизнь. Наконецъ, очень большихъ фондовъ оно и не требуетъ для начала.—Проф. Грушевскій предлагаетъ и нѣкоторыя детальныя соображенія по принципіальному вопросу о постройкѣ «Академічного дому». Нуженъ особый комитетъ, составленный наполовину изъ представителей отъ товариществъ студенческой молодежи, и наполовину изъ делегатовъ отъ болѣе близкихъ къ этому дѣлу «українсько-руських» обществъ (каковы Наукове Товариство імени Шевченка, Просьвіта. тов Педагогічне). Этотъ комитетъ долженъ приступить къ основанію академичного дома, а потомъ занять относительно него положеніе надзирающаго совѣта.— Землю для постройки дома долженъ бы дать магистратъ гор. Львова. Если же онъ, ослѣпленный шовинизмомъ, откажетъ, можно купить подходящее мѣсто въ какой-нибудь болѣе отдаленной части Львова, но въ близкомъ сосѣдствѣ съ университетомъ. Лучше построить новый домъ, по специіальному плану, чѣмъ нанимать какое-нибудь давнее, мало пригодное зданіе.—За 60 тыс. кор. можно построить двухъэтажное зданіе, правда, безъ большихъ прихотей, но солидное, спеціально приспособленное, гдѣ бъ могли имѣть помѣщеніе 80 студентовъ. На первый разъ достаточно этого числа; съ дальнѣйшимъ ростомъ средствъ и усиленіемъ общественнаго интереса къ академичному дому можно будетъ основать другой и третій такой домъ.—Организація академическаго дома должна быть основана на принципѣ: *все какъ можно дешевле, ничего даромъ*. На *minimum* своего содержанія студентъ долженъ заработать, долженъ оплатить его сейчасъ, или—въ крайности—позже. Minimum долженъ быть очень невеликъ. Помѣщеніе (квартированіе въ комнатѣ, предназначенной для 4-хъ студентовъ, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ) обойдется не дороже 7 кор. въ мѣсяцъ, *столъ*—не дороже 15 кор. Жизнь, конечно, не роскошная; но здѣсь рѣчь идетъ о недостаточныхъ, которыхъ желательно охранить отъ голода и чрезмѣрной нужды.

Кромѣ матеріальной выгоды, получалась бы и нравственная польза. Общая жизнь въ Академичномъ домѣ способствовала бы солидарности, отучала бы отъ хожденія по ресторанамъ и кофейнямъ; (правда, львовскую молодежь и теперь нельзя сильно упрекать въ

этомъ); мѣсто послѣднихъ заняли бы студенческая столовая и читальня. Уменьшилось бы отсутствіе изъ города, сидѣнье по селамъ, и поднялся бы уровень научной работы.

Что касается содержанія Академ. дома, то хозяева его—изъ той же студенческой молодежи—будутъ знать матеріальныя и всѣ другія обстоятельства своихъ квартирантовъ-товарищей и охранятъ фонды отъ злоупотребленій. Каждый долженъ оплачивать свое содержаніе. Лишь въ исключительномъ случаѣ,—когда студентъ дѣйствительно не можетъ заработать и не имѣетъ откуда заплатить, ему кредитуютъ и записываютъ въ его счетъ. Этотъ счетъ, долженъ быть выплаченъ въ самомъ скоромъ времени; только преждевременная смерть, увѣчье или политическія преслѣдованія могутъ освободить отъ него. Извѣстно изъ горькаго опыта, что по окончаніи университета, добившись приличнаго содержанія, люди не выплачиваютъ своихъ студенческихъ долговъ, но это уже дѣло общественнаго контроля, общественной совѣсти. Студенческое общество, обнаружившее въ послѣднее время такую удивительную способность къ организаціи, можетъ привить своимъ членамъ добросовѣстное и честное отношеніе къ академичному фонду, къ этому «грошу бѣдныхъ».

Наконецъ, окажутъ поддержку и отдѣльные благотворители, и бывшіе воспитанники «Академічного Дому» и жертволюбивое украинское общество, - нужно только не оттягивать дѣла, а сразу поставить его на ноги, хоть и въ очень скромныхъ размѣрахъ для начала.— Двадцать тысячъ коронъ фонда—это самое благопріятное для начала условіе; стоитъ упустить его, и оно не скоро повторится. Имѣя 20 т. въ рукахъ, и обезпечивъ себѣ въ украинскихъ финансовыхъ учрежденіяхъ столько же ссуды, можно немедленно приступать къ постройкѣ, и черезъ годъ праздновать открытіе «Академічного Дому». Съ нимъ прибавилась бы новая твердыня народной силы, соціальнаго и культурнаго прогресса. Таковъ былъ проектъ и призывъ проф. Грушевскаго.

Дальнѣйшая судьба остатковъ «Академічного фонда» сложилась слѣдующ. образомъ. Такъ назыв. «Львівська громада» рѣшила употребить эти остатки на нужды студенческой молодежи и для распоряженія ими учредить особое товарищество. Проектъ устава такого Товарищества былъ предложенъ представителямъ львовскихъ Обществъ. Молодежь запротестовала противъ этого рѣшенія и проекта, (обиженная главн. образомъ тѣмъ, что проектъ почти исключалъ её изъ пред-

полагаемаго товарищества), постановила даже извѣстнаго рода бойкотъ противъ субсидій проектированнаго товарищества изъ суммъ академичнаго фонда. Послѣ этого «Львівська Громада» постановила—передать рѣшеніе вопроса объ академ. фондѣ собранію національно-демократической партіи. Въ декабрѣ состоялось собраніе представителей этой партіи—такъ назыв. «Народний з'їзд»; на немъ окончательно постановлено употребить «академічний фонд» на пособія стачечникамъ и лишь остатки—на нужды самой молодежи.

Что же сталось съ проектомъ «Академічного Дома»? Комитетъ академ. фонда сдѣлалъ противъ него нѣкоторыя возраженія и высказался за раздачу стипендій, какъ за лучшую форму употребленія фондовъ. Въ проектѣ устава Общества «Академічна Поміч», предложенномъ тѣмъ же комитетомъ, между разными формами помощи молодежи основаніе Академічного Дома было поставлено въ концѣ съ примѣткой—«коли буде можна»; въ такой комбинаціи проектъ терялъ всякое реальное значеніе. Студенческая молодежь, рѣшивъ передать остатки фонда стачечникамъ, также не дала ближайшей оцѣнки плана «Академічного Дома».

Общество украинское межъ тѣмъ оцѣнило проектъ и стало выражать ему свое сочувствіе: изъ Львова и изъ провинціи шли заявленія, что постройка Академічного Дома—очень важное и необходимое при нынѣшнихъ обстоятельствахъ дѣло. Украинцы изъ Россіи также изъявляли желаніе жертвовать извѣстныя суммы на Акад. домъ, выговаривая, конечно, право пользоваться такимъ домомъ студентамъ изъ россійской Украины.

Съ другой стороны, нужда въ академичномъ домѣ среди студенческой молодежи сдѣлалась еще болѣе неотложной. Число студентовъ на свѣтскихъ факультетахъ, вынужденныхъ добывать себѣ средства на прожитье, возросло. Тѣмъ временемъ обостреніе національной борьбы стало отражаться на заработкахъ: при поискахъ уроковъ у студента спрашиваютъ, какой онъ національности, и узнавши, что онъ русинъ, отсылаютъ ни съ чѣмъ. Такой же успѣхъ имѣютъ и поиски другихъ заработковъ. Фонды «запомоги академічноі громади» исчерпались въ часы сецессіи. Когда студенческимъ крейцерамъ, привезеннымъ съ каникулъ или сбереженнымъ тяжкимъ трудомъ въ гимназіи, приходитъ конецъ,—начинается голодовка—«обѣдаютъ черезъ день или два, ужинаютъ еще рѣже». Въ такой нуждѣ молодежь те-

ряетъ здоровье, энергію и часто всякія идеальныя стремленія на вѣки.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ проф. Грушевскій снова выступилъ съ своимъ проектомъ въ замѣткѣ «В справі Академічного Дому» (Літерат.-Наук. Вістник, XII). Теперь онъ отстаиваетъ свой проектъ уже независимо отъ судьбы академичнаго фонда, употребленнаго на другую цѣль. Профессоръ обращается къ украинскому обществу съ призывомъ. Людей, сердцу которыхъ близко столь жизненное и необходимое дѣло, какъ академичный домъ, и которые могутъ оказать ему извѣстную матеріальную помощь, М. С. Грушевскій приглашаетъ заявлять о своемъ намѣреніи пожертвовать на академичный домъ извѣстную сумму—въ печати или другимъ способомъ.—Свое отношеніе къ изложенному проекту мы уже высказали въ I-ой кн. за 1903 («Къ положенію дѣлъ въ Галиціи», стр. 118).

Народная организація въ Галичинѣ. Въ виду новыхъ требованій жизни послѣдній народный з'їзд постановилъ—провести общенародную организацію всѣхъ русинскихъ силъ на всѣхъ поприщахъ общественной жизни во всемъ краѣ. Эта организація русиновъ должна охватить не только политическую (какъ было доселѣ), но и просвѣтительную дѣятельность народа.

Обязанность провести такую коренную реорганизацію возложена на народный Комітет.

Нынѣшняя народная организація. имѣетъ слѣдующій видъ:

1) Всѣ сторонники народнаго дома объединяются въ одну національно-демократическую партію.

2) Основами народной организаціи служатъ: а) краевое политическое общество «Народна Рада» во Львовѣ, б) съѣзды и комитеты партіи, в) повитовые организаторы и организаторы помощники.

3) «Народна Рада» во Львовѣ проводитъ въ жизнь народную организацію, обсуждаетъ на общихъ собраніяхъ и собраніяхъ членовъ народныя дѣла и является представительницей народной партіи тамъ, гдѣ нужно представительство общества, опирающагося на статуты.

4) «Народний з'їзд» является верховной рѣшающей властью, рѣшеніямъ которой всѣ члены партіи обязаны подчиняться. Исполнительную власть имѣетъ «Народний Комітет».

5) Въ «Народному з'їзди» участвуютъ: а) всѣ члены «народного комітета»; б) всѣ организаторы и ихъ помощники; в) выбранные на «повітових з'їздах» «повітові делегати» (не больше 10-ти изъ 1-го повіта).

6) «Народний Комітет» —двоякій: «тійснійший» і «ширший». Въ составъ «тіснійшого» Комитета входятъ: а) голова «Народноі Ради», какъ председатель; б) 6 членовъ «Народноі ради»; 6 членовъ выбранные въ него «народним з'їздом».—Въ составъ «Ширшого» входятъ: а) весь Комитетъ тіснійший; б) сеймовые и парламентные послы партіи; в) редакторы органовъ партіи; г) болѣе выдающіеся и дѣятельные члены, выбранные въ него «Народним з'їздом».

7) Въ каждомъ политическомъ повіті организація проводится на «повітових з'їздах».

8) Въ каждый повіт назначается одинъ организаторъ, ему даются помощники, по 1-му на каждый „судовий повіт". Каждый организаторъ или его помощникъ обязанъ провести въ отдѣльныхъ громадахъ своего повіта „громадські збори", на которыхъ должно выбрать „мужів довір'я" для проведенія организаціи въ громадахъ. „Мужі довір'я" вмѣстѣ съ повітовими организаторами и ихъ помощниками составляютъ „Повітовий з'їзд партиі. „Мужі довір'я ведутъ всѣ народныя дѣла въ громадахъ и подчиняются повітовому организатору.

9) Организаторовъ и ихъ помощниковъ выбираютъ „Повітові з'їзди" (для каждаго повіта отдѣльно) и утверждаетъ тіснійший народн. Комитетъ.

10) „Народний з'їзд" созывается minimum 1 разъ въ годъ Народним Комітетом.—Также и „повітові з'їзди" созываются minimum 1 разъ въ годъ организаторами для выбора делегатовъ на „Народн. з'їзд".

11) Постановленія Народн. з'їзду обязательны для Народн. Комитета; постановленія ширшого Комитета обязательны для тіснійшого.

12) Ширший Народный Комитетъ является Краевымъ избирательнымъ комитетомъ для проведенія выборовъ въ сеймъ и парламентъ во всей Галичинѣ.

Голосъ русскаго о галицкихъ дѣлахъ. Въ 102 № «С.-Петербургск. Вѣдомостей» корреспондентъ изъ Вѣны пишетъ о галицкихъ дѣлахъ слѣдующее. Къ серьезнымъ вопросамъ, которые, будучи разъ

затронуты, не сходятъ больше съ очереди, принадлежитъ также вопросъ о полной политической независимости Галиціи.

Польскіе вожди знаютъ, что съ того момента, какъ Галиція получить самостоятельность, она займетъ въ имперіи второе и даже третьестепенное мѣсто. Они знаютъ также, что Галиція въ экономическомъ отношеніи представляетъ пассивную страну и что, лишь будучи недѣлимой частью большого государства, она кое-какъ сводитъ концы съ концами... Слѣдуетъ считаться и съ тѣмъ, что русины требуютъ раздѣленія Галиціи на двѣ области: западную, до Пшемышля—польскую и русинскую—на востокъ отъ этого города съ особымъ русинскимъ сеймомъ, русинскимъ училищнымъ совѣтомъ и пр. Несомнѣнно, что пока національныя и политическія требованія русиновъ не будутъ удовлетворены, до тѣхъ поръ поляки не могутъ выставлять требованій относительно Галиціи, такъ какъ поляки не могутъ говорить отъ имени всего ея населенія. Въ этомъ году при уборкѣ хлѣба стачка русинскихъ сельскихъ рабочихъ грозитъ принять грандіозные размѣры. Польскіе помѣщики очень обезпокоены: они выписываютъ рабочихъ изъ Славоніи и опасаются, чтобы между ними и русинами не произошли серьезныя столкновенія. Нѣкоторые помѣщики предпочитаютъ поэтому продать теперь же все свое имущество, чѣмъ пережить лѣтомъ тревожные дни. Польскіе вожди могутъ, конечно, предотвратить это опасное столкновеніе посредствомъ исполненія наиважнѣйшихъ требованій русиновъ,—тѣмъ болѣе, что имъ лучше чѣмъ кому-либо извѣстно, что русины до тѣхъ поръ не успокоятся, пока имъ не будутъ даны конституціонныя права, пока они не будутъ имѣть въ галицкомъ сеймѣ и въ парламентѣ депутатовъ соотвѣтственно своей численности. Это требованіе желательно исполнить, и конечно, чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, потому что иначе ожесточеніе народныхъ массъ и расовая ненависть съ обѣихъ сторонъ можетъ принять уродливыя формы.

Русины—о назначеніи новаго намѣстника Галиціи. Назначеніе новаго намѣстника Галиціи должно состояться въ іюнѣ. Русинскій клубъ принялъ резолюцію, которая всѣ упоминавшіяся до настоящаго времени кандидатуры на постъ намѣстника признаетъ совершенно неподходящими и требуетъ назначенія на эту должность или эрцгерцога, или генерала съ гражданскимъ помощникомъ. Въ край-

немъ случаѣ, намѣстникомъ могъ бы стать гр. Станиславъ Бадени, назначеніе котораго, по сравненію съ другими кандидатами, представлялось бы «наименѣе провокаціоннымъ». («Волынь», № 91).

Польская газета о русинскомъ университетѣ. «Dziennik Polski» обмолвился слѣдующимъ знаменательнымъ замѣчаніемъ. Самый многочисленный элементъ въ населеніи Буковины—русины (42 проц.). Если вспомнить, что къ Буковинѣ прилегаютъ русинскіе уѣзды Галиціи, то слѣдуетъ признать, что въ Черновцахъ долженъ быть учрежденъ «русинскій» университетъ. Русины должны требовать преобразованія черновицкаго университета,—въ русинскій университетъ». («С.-Петербургск. Вѣдом.», 102).

Дѣятельность русинскихъ пословъ въ вѣнскомъ парламентѣ. Для характеристики угнетеній, какія терпятъ русины, со стороны поляковъ, весьма поучительны итоги дѣятельности русинскихъ пословъ за два послѣдніе періода парламентскихъ засѣданій—отъ $^{16}/_{X}$ по $^{13}/_{XII}$ 1902 г. (22 засѣд.) и отъ $^{15}/_{I}$ по $^{3}/_{IV}$ (21 засѣд.).— Работа въ полномъ собраніи палаты, за исключеніемъ работы въ комиссіяхъ складывается изъ 1) произнесенія рѣчей, 2) изъ «ставленя внесень», 3) изъ внесенія интерпелляцій. Рѣчей за указанное время русинскіе послы сказали 11 большихъ и 4 меньшихъ; «внесень» поставили 7; интерпелляцій внесли 73.

Отчетъ показываетъ, что русинскіе послы стараются добросовѣстно исполнять свою миссію. Если успѣхъ ихъ дѣятельности незначителенъ, въ этомъ не ихъ вина. Малый успѣхъ объясняется бездѣятельностью или противодѣйствіемъ оппозиціи тѣхъ пословъ, которые были выбраны помимо воли народа, «административнымъ порядкомъ» и зависимы въ своемъ парламентскомъ поведеніи отъ администраціи, ихъ избравшей. («Діло», 83).

Къ гоненіямъ на русинскій языкъ въ Галичинѣ. «Діло» пишетъ слѣдующее о порядкахъ, господствующихъ въ львовскомъ университетѣ: «когда послѣ окончанія сецессіи наша (русинская) молодежь возвратилась въ львовскій университетъ, университетскія власти, боясь новыхъ вспышекъ, сдѣлали въ началѣ осенняго семестра нѣко-

торыя отступленія отъ своей «польской системы», допустили, напримѣръ, для студентовъ русиновъ «рутенскіе кодексы». Теперь, къ началу лѣтняго семестра, начинается старая исторія: всѣ бумаги, подаваемыя студентами на русинскомъ языкѣ, возращаются имъ обратно, а въ бумагахъ, написанныхъ на двухъ языкахъ, русинскій текстъ перечеркивается».

Вотъ еще оч. характерный фактъ пренебреженія къ русинскому языку. 20-го янв. священникъ м-ка Копичинець о. Струминськии получилъ отъ гусятинского староства повѣстку—явиться туда, написанную на польскомъ языкѣ. О. Струминський отослалъ повѣстку обратно, выразивъ желаніе, чтобы ему, какъ русину и русскому священнику, повѣстка была изготовлена по-русински. 18-го февр. была прислана вторичная повѣстка опять по-польски, и снова возвращена съ тѣмъ же пожеланіемъ. 16-го апр.—въ страстной четвергъ—прибыли жандармы, чтобы представить о. Стр—ого въ Гусятинъ; по обязанностямъ службы о. Стр—ій не могъ поѣхать. 19-го цѣлый день жандармы поджидали о. Стр—ого, но онъ цѣлый день былъ занятъ по приходу. 22-го послѣдовалъ третій визитъ жандармовъ; на этотъ разъ они не забрали священника только потому, что онъ былъ тяжко боленъ. 23-го о. Стр—ій послалъ телеграмму—жалобу президенту министровъ д-ру Керберу. 28-го пос. Романчукъ съ товарищами внесли въ интерпелляцію по дѣлу о самоволіи повитового комиссара Ягосинскаго изъ Гусятина. Констатировавъ, что поведеніе комиссара рѣзко противорѣчитъ министерскимъ распоряженіямъ, послы дѣлаютъ запросъ: захотите ли, Ваше Прев-о, привлечь ком. Ягосинскаго къ строгой отвѣтственности и показать разъ навсегда примѣръ, чтобы и другіе галицкіе административные чиновники обуздали свое самоволіе и противузаконное поведеніе? 2. Захотите ли, В. Прев-о, припомнить галицкимъ властямъ распоряженія и предписанія, обезпечивающія русинамъ ихъ языковыя права и предписать точное ихъ исполненіе подъ угрозою наказанія? 3. Готовы ли, В. Прев-о, издать строгій приказъ галицкимъ властямъ и правительственнымъ органамъ, чтобы разъ навсегда перестали угнетать русинское населеніе самоволіемъ и преслѣдованьями?

Вотъ еще болѣе крупное своеволіе польскихъ властей. Ц. к. староство въ Старимъ Самбори своимъ распоряженіемъ отъ 17/XI 1902 г. возвратило русинскимъ приходскимъ управленіямъ списки рекрутовъ, сдѣланные на русинскомъ языкѣ, и потребовало, подъ угрозой строгой отвѣтственности новыхъ списковъ на языкѣ... латинскомъ. Многіе священники,

страха ради, послали латинскіе списки. Священники же, вторично отославшіе русинскіе списки, получили предписаніе староства отъ 27/III представить свидѣтельства о рожденіи и крещеніи для каждаго рекрута въ отдѣльности—въ видѣ дословной метрической выписи. Оба эти распоряженія являются грубымъ нарушеніемъ правъ русинскаго языка. Статья XIX основн. законовъ опредѣленно говоритъ: «Государство признаетъ равноправность всѣхъ краевыхъ языковъ въ школѣ, администраціи и публичной жизни». Постановленіе цес. Франца Іосифа отъ 10/IV 1861 ясно приказываетъ: «ц. к. власти и управленія обязаны принимать «рускі письма» и исполнять по нимъ такъ, какъ законъ велитъ». Распоряженіе министерства отъ 20/XI 1869 г., ч. 12.466 гласитъ: «автономнымъ управленіямъ предоставляется выборъ языка, какой слѣдуетъ употреблять въ ихъ перепискѣ».

Приходскія управленія—автономны, слѣдовательно, имъ предоставлена свобода употреблять русинскій языкъ. Распоряженіе мин-ства внутр. дѣлъ отъ 5/VI 1869 г., ч. 2.354 –§ 5 опредѣленно говоритъ: «всѣ существующія предписанія относительно корреспонденціи властей, управленій и судовъ съ сторонами, съ властями негосударственными, съ корпораціями и громадами—обязательны и на далѣе и настоящимъ распоряженіемъ не нарушаются».—Полит. Товариство Народна Рада въ Старім Самборі обратилось съ просьбой къ посламъ, чтобы они побудили центральное правительство разслѣдовать дѣло и привлечь староство къ отвѣтственности («Діло», №№ 82 и 90).

О новомъ зданіи для львовскаго университета. Сенатъ львовскаго университета рѣшилъ ходатайствовать у министерства народн. просвѣщенія о постройкѣ новаго зданія университета, вмѣсто перестройки стараго. Къ прошенію приложены планъ и смѣта къ постройкѣ новаго зданія. («Кіевс. Газ.», № 117).

Эмиграція на заработки изъ Западной Галиціи. Выѣзжать на заработки въ Пруссію, Данію, Сѣв.-Америк. Соединенные Штаты является въ Западной Галиціи—въ коренной Мазурщинѣ—дѣломъ столь же обыкновеннымъ, какъ у насъ—выѣзжать на торгъ или ярмарокъ. Нѣтъ ни одного села, откуда бы не выходили люди за границу—группами или въ одиночку. Въ эмиграціонномъ дѣлѣ посредниками служатъ частныя бюро посредничества труда, или крестьяне

уговариваются непосредственно. Такое бюро въ Зап. Галичинѣ легко устроить, только въ Восточной—концессіи даются съ большими затрудненіями. Эмиграція на заработки самымъ своимъ появленіемъ подняла высоту заработной платы во всей Зап. Галичѣ. Безъ страйковъ, безъ штыковъ, безъ интерпелляцій и предложеній въ парламентѣ, безъ арестовъ и процессовъ страйковыхъ произошло почти незамѣтно повышеніе платы. Мѣстный работникъ отъ этого вдвойнѣ выигрываетъ: съ одной стороны, онъ имѣетъ недурной заработокъ у себя дома, съ другой стороны, еще больше денегъ привозитъ изъ-за границы. Выкупъ задолженныхъ земель, парцелляція на заработанныя деньги у зап. галицкихъ крестьянъ естественное, обычное явленіе. Въ Восточной Галиціи почти не бываетъ случая, чтобы крестьяне отдавали свои сбереженные капиталы въ банки или вкладывали въ какой-ниб. промыслъ. На Мазурщинѣ—много такихъ кассъ, въ которыхъ большую половину членовъ составляютъ крестьяне, и они не одолжаютъ, какъ на Востокѣ, а вкладываютъ въ кассы деньги. Справедливо говорятъ здѣсь въ Галиціи, что гаката больше боится заработной эмиграціи, чѣмъ страйковъ. Нужно только хорошо съорганизовать эту эмиграцію и крестьяне-русины выиграютъ половину битвы съ поляками эксплоататорами. Кромѣ отсутствія работы или низкой платы на мѣстѣ и спроса на рабочихъ за границей, третьимъ условіемъ эмиграціи—является способность къ конкурренціи у ищущаго работы. И этой способностью зап. галицкій крестьянинъ владѣетъ вполнѣ. Прирейнскіе рабочіе вытѣсняютъ американскихъ, познанскіе—прирейнскіе, западно-галицкіе—познанскихъ; все это потому, что рабочій съ меньшими требованіями безусловно вытѣсняетъ того, кто привыкъ къ лучшей жизни. А восточно-галицкій рабочій питается несравненно хуже, чѣмъ западный; слѣдовательно, русины имѣютъ всѣ данныя, чтобы выдержать конкуренцію чужихъ рабочихъ. Нужно только восточнымъ галичанамъ завести бюро посредничества труда, и они вытѣснятъ мазурскихъ рабочихъ изо всей Германіи. («Діло», 83).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Иванъ Тобилевичъ (Карпенко-Карый). Драмы и комедіи. Томъ III. Зместъ: 1) **По-надъ Днипромъ.**—2) **Хазяинъ.**—3) **Лыха искра поле спалыть и сама счезне.** *Одесса, 1903, стр. 434, цина 1 р 25 к.*

Ив. Тобилевичъ безспорно занимаетъ первое мѣсто среди нашихъ драматическихъ писателей; онъ, по выраженію Ів. Франка, «перший, нині майстер на полі украінськоі драматичноі літератури». (См. «Русько-украінська література», Чернівці, 1899).

Главная заслуга нашего талантливаго драматурга состоитъ въ томъ, что онъ въ своихъ произведеніяхъ далъ галлерею артистически исполненныхъ образовъ, яркихъ, законченныхъ типовъ. Въ своей замѣткѣ мы и остановимся преимущественно на характеристикѣ центральныхъ фигуръ, главныхъ дѣйствующихъ лицъ каждой пьесы.

«По-надъ Днипромъ». Драматычни картыны. — Главное дѣйствующее лицо этой пьесы—сынъ крестьянина Мыронъ Серпокрылъ. Благодаря земству, онъ получилъ высшее агрономическое образованіе. Полный поэзіи земледѣльческій трудъ, свободное, независимое положеніе крестьянина—были наиболѣе сродни здоровой, цѣльной, крестьянской натурѣ Мырона. «Кращого життя, якъ життя хлибороба, немае въ свити» (31)—вотъ его убѣжденіе. Понятно, что для Мырона—при его органической, непосредственной любви къ крестьянскому труду—чиновничья карьера, панская жизнь—оказалась бы несносной, скучной, узкой, давила бы его духъ, жаждавшій простора въ дѣятельности. Чиновничество не имѣетъ своей «громады», каждый живетъ въ одиночку, самъ по себѣ. Но Мыронъ по своимъ симпатіямъ и воспи-

танію—всецѣло общественный человѣкъ. И общественныя стремленія влекутъ его къ крестьянской громадѣ. Онъ глубоко убѣжденъ въ мощи кооператіи, непоколебимо вѣритъ, что «спилка»—(артель)—самое надежное средство спасенія для бѣднаго, экономически-разореннаго крестьянства. «Громада—велыкый чоловикъ; спильна думка, спильни интересы багатёхъ—поменьшать мижъ людьмы биднисть, хворобы, нудьгу, тьму—дадуть бильше задовольненя и счастя людямъ на земли» (26)—такъ думаетъ Мыронъ. Но главная движущая сила, заставившая Мырона жить въ селѣ, сдѣлаться организаторомъ земледѣльческихъ «спилокъ»—это его *любовь* къ родному, темному, безпомощному крестьянину. Совѣсть не позволяетъ ему быть паномъ. Всѣмъ существомъ, дѣятельно, самоотверженно любя меньшаго брата, Мыронъ не можетъ жить иначе, какъ вмѣстѣ съ нимъ, одной общей съ нимъ жизнью. Съорганизовавъ спилку, Мыронъ работаетъ наравнѣ со всѣми артельщиками. Какъ интеллигентъ, онъ свѣтомъ, добытымъ на общественныя средства, просвѣщаетъ своихъ братьевъ: учитъ ихъ грамотѣ, заботится о нравственномъ подъемѣ ихъ; къ больнымъ приглашаетъ товарища—доктора. Вѣра Мырона въ свою идею, въ свое дѣло и огранизаторскій талантъ помогаютъ ему успѣшно выполнить свою жизненную задачу. Онъ завоевываетъ сочувствіе и довѣріе болѣе воспріимчивыхъ къ новому дѣлу односельчанъ. Столкновенія съ сельскими кулаками и враждебныя насмѣшки скептиковъ не ослабляютъ его энергіи. Онъ добивается того, что крестьяне сознаютъ пользу и спасительность «спилкы». Въ личной жизни Мыронъ—вовсе не аскетъ. Онъ женится на крестьянкѣ Маріи. И женитьба не мѣшаетъ его дѣлу, не отрываетъ его отъ труда для ближнихъ; напротивъ, личное счастье только усугубляетъ его силы. Самоотверженно работая руками и умомъ, работая безъ устали, ночью и днемъ, Мыронъ надрываетъ свои силы. Ранняя смерть уноситъ отца и душу артели.

Идеалистъ Мыронъ изображенъ нашимъ драматургомъ ярко, правдиво, реально. Образованный, развитой интеллигентъ, работающій въ селѣ надъ воплощеніемъ своего идеала въ жизни, надъ осуществленіемъ его въ конкретной дѣйствительности; богато одаренная личность, ограничившаяся скромнымъ трудомъ въ будничной обстановкѣ, скромной задачей дѣлать, что́ можно, что́ позволяютъ обстоятельства—въ такомъ типѣ все естественно, нѣтъ ни зерна фальши. Мыронъ въ крестьянской одеждѣ, за черной мужицкой работой—живая личность,

не схема, не формула литературная, начерченная для обозначенія извѣстной идеи.

Оч. жизненны, типичны и другія лица пьесы: Павло Серпокрылъ, отецъ Мырона, глытай—дидъ Мыкола, Куперьянъ—«Цехмейстеръ надъ соломою», писарь. Особенно хороша Марія, привлекательная своей простотой, наивностью и добротой. Изъ отдѣльныхъ сценъ наиболѣе художественны: картина въ Оренбургской степи, объясненіе Мырона съ Маріей и вся заключительная сцена смерти Мырона. Во второмъ варіантѣ 5-го дѣйствія авторъ, къ сожалѣнію, увлекся проповѣдью, публицистикой въ ущербъ художественности. Но вообще нужно признать, что каждая картина драмы обработана въ совершенствѣ, и всѣ вмѣстѣ онѣ сливаются въ одно гармоническое, пластическое цѣлое. Мы не видимъ здѣсь никакого подтягиванья къ апріорному тезису, не слышимъ провозглашенія доктринъ и теорій, нѣтъ, теоріи сами вытекаютъ изъ поступковъ и дѣлъ героя.

Въ драмѣ вдумчиво, проникновенно, съ полной объективностью затронуты жгучіе общественные вопросы—объ артели, о переселеніи, круговой порукѣ. Но не въ этихъ вопросахъ, а въ высоко-художественномъ типѣ Мырона,—въ этомъ образѣ дѣятельной любви къ ближнимъ—общественное значеніе пьесы.

Центральной фигурой *комедіи «Хазяинъ»* является богатый землевладѣлецъ Терентій Пузырь. Словомъ «хазяинъ» наиболѣе полно и мѣтко характеризуется этотъ типъ. Всѣ помыслы, вся энергія Пузыря поглощены хозяйствомъ, наживой. «Хазяйство, або смерть» (327) — вотъ его жизненный девизъ. «Земля, скотъ, вивци, хлибъ, комерція, барыши,—отсе жыття! Для чого жъ и жыть, на свити, колы не мать сёго ничого? Та краще гробакомъ нечувственнымъ родытсья, нижъ такою людыною, що про хазяйство не дбае» (328). Дѣйствительно, любовь Пузыря къ хозяйству безгранична; она подкупаетъ своей беззавѣтностью. Предсмертный смотръ овецъ, трогательное обращеніе къ нимъ хозяина: «быри, мои, быри! У, вы славни быречкы мои!... Быри, бырюшечкы» (332)—способны, пожалуй, вызвать въ зрителѣ лучшія, нѣжныя чувства. Какъ видимъ, Пузырь—не сухая, не черствая, не безсердечная натура. И дочь свою онъ любитъ сильно, глубоко, но, конечно, по своему, по-хозяйски; желаетъ ей богатаго, а не близкаго сердцу жениха. Но этимъ и исчерпываются лучшія стороны въ личности хозяина. Людей вообще онъ не любитъ; бѣдныхъ—терпѣть не можетъ. «Якъ побачу старця, то здается, тикавъ бы видъ нёго скилькы

сылы»—признается Пузырь. И дѣйствительно, хозяйская бережливость, скупость, доходящая до скряжничества, несовмѣстимы съ дѣятельной любовью къ бѣднымъ. Неразлучная спутница скупости—жадность также властвуетъ надъ Пузыремъ. Имѣя земли больше, чѣмъ въ нѣмецкомъ княжествѣ или герцогствѣ, Пузырь всё ищетъ, гдѣ-бъ еще прикупить ея, ему все мало, «все бракуе» земли. Поставивъ цѣлью жизни наживу, Пузырь никогда не зналъ—«що можна, а чого не можна». «Абы барышъ, то все можна» - вотъ его нравственный кодексъ. Онъ съ легкимъ сердцемъ разоряетъ цѣлыя села, лишь бы имѣть дешеваго рабочаго; и этому рабочему не доплачиваетъ, кормитъ его такимъ хлѣбомъ, которымъ «можна зъ пушкы-маркелы стрилять у непрыятеля».—Хозяйство—та же война. Хозяйская отвага ни передъ чѣмъ не останавливается, лишь бы побольше сорвать. Никому нѣтъ пощады,—и горе побѣжденнымъ! Въ ожесточенной погонѣ за барышемъ, хозяинъ, какъ воинъ, рубитъ направо и налѣво, плюетъ на все, и знать не хочетъ «людського поговору». Къ общественнымъ дѣламъ онъ, конечно, вполнѣ равнодушенъ, до земства ему нѣтъ дѣла, лучшихъ людей своего края онъ не цѣнитъ и знать не хочетъ. Безполезность, безплодность такихъ людей для родного края и народа—прекрасно выражена въ словахъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ Золотницького: «Ахъ ты несчасна, безводна хмара! И прожене тебе витеръ надъ ридною землею и розвіе. не пролывшы и крапли цилющои воды на ридни нывы, де пры такыхъ хазяинахъ засохне наука, поэзія и благо народа»!!! (225).

Въ образѣ Пузыря драматургъ далъ вполнѣ безупречно-художественный типъ. Предъ нами живое лицо съ своимъ добромъ и зломъ, съ своими достоинствами и пороками. Изъ второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ каждое имѣетъ свои характерныя черты, свою оригинальную физіономію. Наиболѣе типичны—экономъ Лихтаренко, «права рука хазяина» Феногенъ, шафмейстеръ Куртцъ.

Пьеса производитъ оч. мрачное впечатлѣніе. Авторъ изображаетъ въ ней хозяйственную машину на полномъ ходу. Колеса капиталистическаго хозяйства выжимаютъ послѣдніе соки съ рабочихъ, иныхъ на смерть давятъ. Успѣхъ хозяйства основывается на неправдѣ, на эксплоатаціи. Между интересами капитала и труда. хозяина и рабочихъ непримиримая противоположность, непроходимая пропасть. И никакого исхода не видно. Просвѣтительная дѣятельность Калиновича, воспитывающаго въ гуманномъ духѣ молодое поколѣніе, имѣетъ слишкомъ ужъ отдаленную связь съ капиталистической эксплоатаціей.

«Лыха искра поле спалыть и сама счезне», драматычна поэма. Въ этой пьесѣ изъ историческаго прошлаго наиболѣе рельефно, опредѣленно, ярко—обрисованъ главный герой—Юліанъ. Сильная натура Юліана была воспитана, выработана, закалена суровой школой жизни. Отецъ его—молдавскій господарь—былъ прогнанъ съ престола турецкими пашами и убитъ; сестра взята въ султанскій гаремъ; мать умерла отъ горя. Все имущество отца было заграблено турецкимъ дворомъ. Ободраннымъ, голоднымъ нищимъ Юліанъ пришелъ въ Царьградъ искать правды и защиты у султана. Онъ убѣдился, конечно, что здѣсь все продажно, что только съ помощью золота можетъ вернуть себѣ отцовскій престолъ. Кровь и мозгъ Юліана горѣли жаждой мести. Познакомившись съ запорожцами, дѣлавшими набѣги на Туреччину, онъ присоединился къ нимъ, чтобы грозно мстить врагамъ. Какъ истый сичовыкъ, онъ бился съ турками, и запорожское товарыство прославляло его молодецкую отвагу. Но одна козацкая слава не могла удовлетворить Юліана. «Родывся я на свитъ господаремъ и княземъ жыть повыненъ!» (386)—съ этимъ желаніемъ и надеждой не разстается онъ и на Запорожьи. Онъ мечтаетъ о славѣ и почетѣ, богатствѣ и роскоши княжеской. Мечтаетъ—собственной рукой править дорогимъ сердцу народомъ, отдать всѣ силы, всю жизнь на пользу родины, показать врагамъ доблесть своего народа. Жизнь безъ власти не имѣетъ для Юліана никакой цѣны. Онъ не остановится ни передъ какимъ преступленіемъ. онъ на все готовъ, только бы исполнить свою завѣтную мечту достичь власти. Для трона «вартъ пролыты ричку крови» (388). На крови многихъ созидается счастье единицъ—таково воспитанное жизнью убѣжденіе Юліана. И онъ, рискуя жизнью, совершаетъ рядъ убійствъ и грабежей. Наконецъ, онъ избираетъ своей жертвой богатаго полковника Платона, поселяется у него и увлекаетъ его сестру Ялыну. Созданная повелѣвать, властная натура Юліана покоряетъ, подчиняетъ своему вліянію окружающихъ. Онъ увлекаетъ всѣхъ трогательной теплотой и задушевностью въ отношеніяхъ, искренностью и откровенностью. Своимъ трагическимъ прошлымъ, доблестями веселаго, жизнерадостнаго запорожца, умомъ, краснорѣчіемъ, красотой, а главное—полной поэзіи, карающей, опьяняющей мощью и богатствомъ натуры Юліанъ покоряетъ сердце Ялыны. Нѣжныя чувства къ Ялынѣ не поколебали однако его рѣшенія—отравить Платона, чтобы овладѣть его богатствами. Планъ не удался. У Юліана, какъ истиннаго героя, нашлось мужество—откровенно признаться въ своемъ за-

мыслѣ и покончить съ собою.—Натура злая, безчеловѣчная. Юліанъ однако привлекаетъ къ себѣ симпатіи читателя и зрителя своей демонической силой, своей волей титана.—Очень симпатичны и правдивы образы Платона, Ялыны и Марты. Жизненными, типичными чертами изображены и эпизодическія лица пьесы: Кузьма «прыбичныкъ» Юліана, запорожецъ Максымъ.

Въ пьесѣ много красивыхъ образныхъ выраженій, мѣткихъ оригинальныхъ сравненій и эпитетовъ. Двѣ первыя пьесы, помѣщенныя въ настоящемъ томѣ, уже были изданы отдѣльно, при чемъ «По-надъ Днипромъ» первоначально напечатано было въ нашемъ журналѣ, и получили широкое распространеніе даже среди простого народа. Впервые появляется теперь въ печати только третья пьеса—«Лыха искра».

Напечатанъ 3-й томъ «Драмъ и комедій» по такому же типу, какъ и два предыдущіе, на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ; къ сожалѣнію, корректура довольно небрежна. При значительномъ объемѣ книги—434 страницы цѣна ей назначена оч. недорогая—1 р. 25 к.

О 4-мъ томѣ, вышедшемъ одновременно съ третьимъ, мы скажемъ въ слѣдующей книгѣ.

П. Г.

Панасъ Мырный. Кныжка перша творивъ. Оповидання, приповисти та инша дрибныця. *У Кыиви, 1903.*

Читающая украинская публика давно съ нетерпѣніемъ ожидала изданія полнаго собранія сочиненій П. Мырного. Наконецъ, первый томъ такого изданія появился. П. Мырный, по своему литературному дарованію, по литературному направленію и по особенностямъ своего творчества, одна изъ крупныхъ величинъ въ украинской литературѣ. Начавши писать съ 1872 года, онъ обогатилъ украинскую литературу цѣлымъ рядомъ цѣльныхъ и значительныхъ художественныхъ произведеній, отличающихся глубиною содержанія, красотой формы, силой и пластичностію образовъ.

Направленіе своей литературной дѣятельности самъ авторъ ясно опредѣляетъ въ предисловіи («Въ дорогу!») къ первому тому своихъ произведеній. Онъ намѣренъ разсказывать людямъ «просто и правдыво про буденне жыття» родного «краю». Въ этомъ «безталанномъ» краѣ авторъ видитъ «заздристь нелюдську людей, хыжисть та мукы

голодного брата, безпомошни слёзы вдовы, плачъ малыхъ диточокъ, зраду своихъ й чужыхъ, мукы пропащыхъ надій, лыхои доли замиры».

Освѣщенію этихъ именно явленій непріглядной стороны жизни авторъ и посвящаетъ свои литературныя силы. Въ разсказѣ «Лыхый попутавъ» онъ изображаетъ горькую судьбу крестьянки-наймычкы, которой тяжело живется и въ домѣ родственниковъ, гдѣ она безкорыстно трудится, получая за это лишь упреки въ лѣни и дармоѣдствѣ, и въ городѣ, гдѣ ея довѣріемъ злоупотребляетъ красавецъ-мастеровой Васыль, обезславившій ее и выманувшій у нея заработанныя ею деньги. Въ разсказѣ «Морозенко» авторъ рисуетъ образъ покрытки Катри, которая изъ панскихъ горницъ попала въ городъ въ наймычкы и возвратилась оттуда съ сыномъ Пылыпкомъ. Она жвеитъ въ крайней бѣдности и только ея сынъ служитъ ей утѣшеніемъ. Но вскорѣ она лишается и сына, который замерзъ въ лѣсу, отправившись въ сильный морозъ наканунѣ Новаго года къ крестному отцу «посыпать».

Въ разсказѣ „Лыхо давне й сёгочасне“ авторъ описываетъ жизнь цѣлаго украинскаго села Одрады, страдающаго подъ гнетомъ экономической нужды. Освободившись отъ давняго «Лыха»—крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ, «одрадяне», вслѣдствіе малоземелья очутились въ полной экономической зависимости отъ тѣхъ-же помѣщиковъ и ихъ управляющихъ, которые, по своему усмотрѣнію, понижаютъ плату „одрадянамъ“ и могутъ совсѣмъ лишить ихъ заработковъ. Въ этомъ «сёгочасне лыхо“ одрадянъ, и не только одрадянъ, а каждаго украинскаго села, гдѣ предложеніе всегда превышаетъ спросъ на рабочія руки, а новый способъ обработки земли при помощи новѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ орудій въ помѣщичьихъ экономіяхъ еще болѣе понижаетъ спросъ на эти руки. И вотъ получается то грустное явленіе, что крестьяне, не будучи въ состояніи прокормиться съ своихъ уже дѣленныхъ и передѣленныхъ земельныхъ надѣловъ, не имѣя заработковъ на родинѣ, покидаютъ родную Украину и изъ этой, повидимому, богатой страны, гдѣ все такъ поражаетъ наблюдателя своей красой и своимъ кажущимся довольствомъ («Середъ степивъ»), массами переселяются на далекій Амуръ. Помимо экономическаго гнета панскіе «дворы» съ ихъ особымъ укладомъ жизни и съ особымъ кодексомъ нравственности, оказываютъ деморализующее вліяніе на крестьянское населеніе. Жертвы такого вліянія изображены П. Мырнымъ въ лицѣ Хведора и Марыны Проценковъ, «стрічнихъ кумивъ» пана Башкыря («Лыхо») и «клюшныци—Орышки» съ ея

дочерью Параской («Якъ ведется, такъ и жывется»). Параска родилась и провела дѣтство въ экономіи пана Батіева; впослѣдствіи она ходила на заработки въ эту экономію и тамъ близко сошлась съ какимъ то «панычемъ». Выйдя замужъ за сына богатаго казака Оныська Грыцая—Йосыпа, Параска принесла лишь неурядицу въ семью своихъ новыхъ родственниковъ и отравила всю жизнь своему мужу.

Сюжетъ для двухъ слѣдующихъ разсказовъ—«Пьяныця» и «Ловы»—заимствованъ авторомъ не изъ крестьянской жизни. Въ первомъ изъ нихъ авторъ даетъ намъ психологическую картину, какъ даровитый молодой чиновникъ Иванъ Лывадный сталъ пьяницей и посмѣшищемъ въ средѣ своихъ сослуживцевъ. Причиной, такъ изуродовавшей жизнь Ивана Лывадного, явился безшабашный братъ его Петро, легкомысленно насмѣявшійся надъ лучшими чувствами брата къ дочери его квартирной хозяйки. Во второмъ изъ названныхъ нами разсказовъ приподнята авторомъ завѣса надъ недоступной для посторонняго наблюдателя семейной жизнію полицейскаго чиновника—карьериста, молодая жена котораго измѣняетъ ему, спустя не болѣе недѣли послѣ ихъ свадьбы.

Въ сказкѣ «Правда и Крывда» авторъ въ поэтической формѣ коснулся вопроса о томъ, почему Крывда овладѣла всѣмъ міромъ, и какъ «чымъ дали, то все та Кривда роскориняется та шырытся, старшынуе та пануе на земли, а Правда голодна та холодна сневыкгае по свиту, горемъ сыта, слёзамы полыта... Нихто іи знати не хоче. Часомъ тільки стари слипци, божи люде, згадують іи въ своихъ важкихъ писняхъ.

Таково содержаніе «оповидань, прыповистей та иншои дрибныци», помѣщенныхъ въ первомъ томѣ произведеній П. Мырного. Съ внѣшней стороны всѣ они болѣе или менѣе цѣльны и закончены. Лучшими по художественной цѣльности и законченности являются, по нашему мнѣнію, разсказы «Лыхый попутавъ», «Пьяныця», «Ловы», «Морозенко» «Середъ степив». Сказка «Правда и крывда» очень растянута; этимъже отличается вторая часть разсказа «Якъ ведется такъ и живется», а вторая половина «Лыха», какъ намъ кажется, написана эскизно.

Какъ писатель, П. Мырный обнаруживаетъ глубокое знаніе народнаго быта, тонкое пониманіе психологіи человѣка и богатую способность къ сильному, пластическому изображенію описываемыхъ явленій. Благодаря этому, въ произведеніяхъ П. Мырного мы находимъ дѣйствительную жизнь и живыхъ людей въ собственной имъ обстановкѣ.

Достаточно будетъ припомнить здѣсь мощную фигуру пана Башкыря, Ивана Лывадного, Катрю, Марыну или же трехъ пастушковъ изъ разсказа «якъ ведется такъ и жывется» («День на пастивныку»). Авторъ съ большимъ искусствомъ изображаетъ бытовыя сцены. Укажемъ какъ на болѣе удачныя, на полную трогательной простоты и невинности сцену „жартивъ“ Ивана Лывадного съ Наталею, на цѣлый рядъ идиллическихъ сценокъ на „пастивныку“ между пастушками Ивасемъ, Грыцемъ и Васылемъ („Якъ ведется“...), на цѣлый рядъ необыкновенно сильно написанныхъ сценъ въ первой главѣ „Лыха“ вообще достойной кисти первокласснаго художника.

Не менѣе удачно изображаетъ П. Мырный картины природы. Его описанiе картинъ природы чаруютъ насъ сочностiю и свѣжестью красокъ; одухотворенная природа подъ его перомъ живетъ полной и всесторонней жизнiю. Цѣлый рядъ такихъ прелестныхъ картинъ мы находимъ въ разсказѣ автора „Середъ степивъ“, и между ними лучшая—картина разсвѣта.

Тонъ всѣхъ произведенiй автора помѣщенныхъ въ первомъ томѣ, вообще весьма простой и задушевный; нѣсколько приподнятъ онъ, какъ намъ кажется, только во второй главѣ разсказа „Морозенко“. Языкъ произведенiй П. Мырного—вообще чистонародный, плавный и звучный. Въ вину автору можна было бы поставить нѣкоторые руссизмы, ихъ, впрочемъ, немного: „*прытворялась*“ „*бовтався*“ („телiпався“), „*дернувъ*“ „*свиркнувши*“, „*дизнавшiй*“. Встрѣчаются въ языкѣ автора и нѣкоторые провинцiализмы, напр. „*пры* плямку“ (87 стр.) и малопонятныя выраженiя, напр. „дворище з доливкою у три хаты“ (82 стр.) впрочемъ, языковыхъ дефектовъ у Мырного замѣчается очень немного: мы выписали здѣсь почти все, что казалось намъ неудобнымъ въ языкѣ, вообще безукоризненно-правильномъ.

Книга издана тщательно; корректурныыхъ ошибокъ на 445 стр. книги не много. Цѣна книги вполнѣ доступная 1 р. 25 к.

Изданiе полнаго собранiя произведенiй П. Мырного—это назрѣвшая потребность времени; отъ души можно пожелать этому изданiю совершеннаго успѣха, на какой произведенiя П. Мырнаго имѣютъ, по своимъ художественнымъ достоинствамъ, несомнѣнное право.

В. С.

Л. Яновська. „Дзвинъ до церквы склыкае, та самъ у ій не бувае. (Лисова квитка)". *Комедія на 4 дiи. Кыивъ, 1903.*

Извѣстна всѣмъ та истина, что знаменемъ высокихъ идей часто прикрываются низкія личности съ сильными аппетитами къ общественному пирогу. Такой мелкой, подленькой личностью является герой пьесы г-жи Яновской - Андрій. Въ студенческіе годы онъ нахватался «великих слов»; можетъ быть, и искренно увлекался народническими идеями. По крайней мѣрѣ, своимъ вліяніемъ и убѣжденіями онъ научилъ отзывчивую дѣвушку Орысю—непосредственно служить народу, кормить голодныхъ и лѣчить больныхъ. Но, сбросивъ студенческій мундиръ, Андрій оставилъ и свои юношескія, идеальныя стремленія. Служебная карьера, правда, не соблазнила его, не отвѣчала—его лѣности, барскимъ замашкамъ и желанію быстро разбогатѣть. Андрій выбралъ путь болѣе легкій и скорый—увлечь притворной любовью скучающую богачку Людмылу и жениться на ея милліонѣ. Андрій привозитъ Людмылу въ свою деревню—въ голодный годъ. Здѣсь вся его дѣятельность сводится къ охранѣ денегъ Людмылы... отъ раздачи ихъ нуждающимся. Видъ страданій голодныхъ и больныхъ крестьянъ нисколько не трогаетъ Андрія. Хвататься за ту работу, какая подъ рукой—это дѣло маленькихъ людей. Накормятъ они десятокъ голодныхъ, научатъ грамотѣ десятокъ пастуховъ—и довольны. Андрій «повыненъ выще литаты, ширше сягаты». Онъ понимаетъ, что «кандёромъ голоду не переведешъ, пластыремъ усихъ болячокъ не загоишъ» (48). Андрій поставилъ себѣ цѣлью—всеобщее счастье людей, онъ хочетъ оздоровить весь край, спасти милліоны страдающихъ. Свое безсердечное бездѣйствіе онъ оправдываетъ тѣмъ, что молъ нужно сперва выработать «программу» и «организацію» для спасенія края. Въ дѣйствительности Андрій мечтаетъ лишь о томъ, какъ бы на деньги Людмылы купить для себя имѣніе. И эту мечту онъ прикрываетъ идейными соображеніями—«треба жъ маты грунтъ, де працюваты; и земли треба не мало, щобъ було де роспростертысь».—Людмыла и Орыся (жертва весенняго студенческаго романа Андрія) преклоняются передъ Андріемъ, вѣрятъ ему безусловно. Учитель Сергій—истинный дѣятель народный—представляетъ имъ Андрія въ надлежащемъ свѣтѣ; но тѣ не хотятъ видѣть. Андрей уклоняется отъ дуэли съ Сергіемъ, по трусости, конечно; но показываетъ видъ, что онъ бережетъ жизнь ради своихъ обязанностей передъ народомъ, ради своихъ великихъ плановъ все-

общаго счастья. И Орыся вѣритъ и принимаетъ трусость за необычайную силу воли, за геройство. Все удавалось Андрію, онъ былъ близокъ къ своей цѣли, и не достигъ ея только изъ-за неосторожности, по неопытности. За спиной постылой невѣсты Андрій приставалъ съ любовью къ служанкѣ—Зинькѣ. Его застали на нѣжной сценѣ—и на этомъ сорвалась вся тонкая сѣть его лицемѣрія и обмана. Такъ понимаемъ мы личность Андрія. Въ пьесѣ эта центральная фигура обрисована оч. неясно. Непонятно, кто же такой въ сущности Андрій,—карьеристъ ли только, или безхарактерный, безвольный идеалистъ. Неясны отсюда и отношенія Орыси къ Андрію. За что собственно она любитъ Андрія? Невѣроятно и ея слѣпое довѣріе къ лицемѣру.—Пьеса вообще страдаетъ недостаткомъ мотивировки въ взаимныхъ отношеніяхъ Андрія и Орыси.

Характеристики Орыси, Людмылы и Сергія также блѣдны и схематичны. Наиболѣе яркой и жизненной является фигура Зиньки. Этотъ образъ непосредственной, близкой къ природѣ дикарки наиболѣе удался автору. Зинька—простосердечна, сострадательна, наивна, и вмѣстѣ съ тѣмъ проницательна, наблюдательна, подчасъ хитра. Все въ ней—(въ особенности рѣчь) своеобразно и естественно. Отъ этой «Лисовоі квітки» дѣйствительно какъ бы вѣетъ запахомъ лѣса, земли.

Пьеса посвящена вопросу объ отношеніяхъ нашей интеллигентной молодежи къ народу. Вся она—серьезна, идейна, будитъ мысль, и потому, несмотря на указанные художественные недочеты, комедія г. Яновской заслуживаетъ широкаго распространенія. Смѣло рекомендуемъ ее вниманію читателей.

Издана книжка прекрасно—на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, корректура тщательная. Принимая во вниманіе значительный объемъ (80 стр.) и небольшое количество экземпляровъ, нужно признать, что цѣна книжки назначена оч. недорогая—15 коп.

П. Г

С. А. Бѣлокуровъ: Юрій Крижаничъ въ Россіи (по новымъ документамъ). *М., 1903 г.*

Во II книгѣ „Чт. въ Обществ. Ист. и Древ. при Московск. университетѣ“ за 1903 г. былъ напечатанъ, вышедшій затѣмъ и отдѣльнымъ оттискомъ, прекрасный трудъ С. А. Бѣлокурова о Кри-

жаничѣ: поводомъ для его появленія было отысканіе и опубликованіе какъ г. Бѣлокуровымъ, такъ и другими лицами (М. И. Соколовымъ, О. Пирмингомъ) новыхъ документовъ о знаменитомъ хорватѣ. Документы эти освѣщаютъ многіе неясные до сихъ поръ факты изъ его жизни; тѣмъ не менѣе не мало остается и теперь еще темнымъ, и обстоятельный трудъ Бѣлокурова чуть ли не на каждой страницѣ пестритъ фразами: „это неизвѣстно“, «этого я не знаю» и т. п. Разумѣется, такую неполноту нельзя поставить въ вину изслѣдователю; но, мнѣ кажется, онъ могъ бы гораздо полнѣе обрисовать личность Крижанича, для чего его произведенія даютъ совершенно достаточный матерьялъ. Авторъ же совершенно отклонилъ отъ себя эту задачу, придавъ своему изслѣдованію внѣшне-біографическій характеръ. Конечно, это его право; но—давно уже сказано, что плохую книгу судятъ по тому, что въ ней есть, а хорошую—чего въ ней нѣтъ.

Сочиненіе С. А. Бѣлокурова о Крижаничѣ состоитъ изъ шести главъ. Въ первой изложенъ обзоръ литературы о Юріѣ Крижаничѣ, полный, но недостаточно систематичный. Трудъ Бѣлокурова лишаетъ значенія всѣ бывшія до него работы по біографіи Крижанича, но не касается его, какъ политика, экономиста, литератора, грамматика и пр., относительно чего сдѣлано уже немало въ прежнихъ о немъ сочиненіяхъ. Вторая глава—Юрій Крижаничъ до пріѣзда въ Москву въ 1659 г.—сообщаетъ, между прочимъ, свѣдѣнія, не безынтересныя и для исторіи юго-западной Руси. Таковы страницы о пребываніи Крижанича въ Смоленскѣ, о жизни у пана Голынскаго (въ 1647 г.) о сношеніяхъ его съ Ад. Киселемъ. Еще интереснѣе поѣздка Крижанича въ 1659 г. въ Малороссію и пребываніе въ Нѣжинѣ, гдѣ онъ сыгралъ и политическую роль: когда послѣ Конотопской битвы въ Москвѣ считали Малую Россію потерянною, Крижаничъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ нѣжинскимъ протопопомъ Максимомъ Филимоновымъ повліялъ на то, что Нѣжинъ снова присягнулъ Москвѣ; а это имѣло немаловажное значеніе: примѣру Нѣжина послѣдовали другіе города, и результаты Конотопскаго пораженія оказались сглаженными. Имѣются еще коекакія мелкія свѣдѣнія о положеніи южной Руси въ то время.

Третья глава—Юрій Крижаничъ въ Москвѣ въ 1659—1661 гг.; четвертая—онъ въ Сибири (1661—1676 г. г.);—въ этой главѣ есть указанія на литовскихъ людей и черкесъ, сосланныхъ въ Сибирь; пятая—Крижаничъ въ Москвѣ въ 1676—1677 гг. и шестая—годы

жизни его послѣ выѣзда изъ Россіи. Здѣсь довольно любопытныя свѣдѣнія о доминиканскихъ монахахъ въ Вильно.

Трудъ С. А. Бѣлокурова получилъ, по рецензіи извѣстнаго знатока исторіи западной Руси Любавскаго, премію Г. Ѳ. Карпова.

Ал. Маркевичъ.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующія книжки журналовъ: 1) Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія, № 5; 2) Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 4; 3) Ученыя Записки Импер. Казанскаго Университета, № 3; 4) Варшавскія Университетск. Извѣстія, № 9 1902 г.; 5) Русскій Филологическій Вѣстникъ, № 1 и 2; 6) Труды Кіевск. Дух. Академіи, № 4; 7) Земскій Сборникъ Черниговск. Губ., №№ 3 и 4; 8) Всемірный Вѣстникъ, № 3; 9) Научное Обозрѣніе, № 4; 10) Міръ Божій, №№ 4 и 5; 11) Русская Мысль, №№ 1, 2, 3, 4; 12) Русское Богатство, №№ 3 и 4; 13) Русскій Вѣстникъ, № 5; 14) Книжки Восхода, № 4; 15) Літ.-Наук. Вистн. № 5; 16) Русск. Арх. №№ 4 и 5; 17) Русск. Стар., № 4 и 5; 18) Вѣстн. Евр., № 4.

Журналъ Минист. Нар. Просв., № 5.

Н. М. Каринскій. «Остромирово Евангеліе какъ памятникъ древнерусскаго языка (стр. 94—110)». Въ этой вступительной лекціи разсказана исторія изученія даннаго памятника русскими филологами, начиная съ Востокова, въ связи съ разработкой древне-русской письменности вообще и привлеченіемъ новаго сравнительнаго церк.-слав. матеріала.

П. В. Голубовскій. «Гдѣ находились существовавшіе въ домонгольскій періодъ города:Ворголъ, Зартый, Оргущь, Сновскъ, Уненѣжъ, Хороборъ» (стр. 111—136). Данное изслѣдованіе представляетъ отвѣтъ на запросъ г. Бунина на XII-мъ археологич. съѣздѣ въ Харьковѣ. При рѣшеніи поставленнаго вопроса авторъ исчерпываетъ всѣ указанія лѣтописей и др. историч. источниковъ, приводитъ соображенія историковъ и даетъ массу своихъ положеній.

Университетскія Кіевскія Извѣстія, № 4.

А. С. Грушевскій. Пинскіе акты XV—XVI вв. Приложеніе къ сочин. «Очеркъ исторіи Турово-Пинск. княжества» (продолженіе, стр. 65—96).

Здѣсь помѣщены дальнѣйшіе 17 документовъ (№№ 47—64), извлеченные изъ Литовск. метрики записей, кн. №№ 32 и 33.

На стр. 1—2. «Извѣстій» напечатанъ отчетъ о состояніи Кіевскаго Центральнаго Архива въ 1902 г.

Варшавскія университетскія извѣстія, № 9, 1902 г.

Проф. *И. П. Филевичъ. Къ исторіи Карпатской Руси.* (Продолженіе; стр. 33—40). Въ этой части очерка говорится о памятной дѣятельности Галицкой «Рускои Рады» лѣтомъ 1848 г. Главнѣйшими фактами ея, сохранившими не только историческое, но и жизненное значеніе, были: успѣшная агитація передъ выборами въ Парламентъ (изъ 96 депутат. отъ Галиціи русиновъ было 35); петиція къ парламенту о раздѣлѣ Галичины—на русинскую и польскую части; ходатайство о преподаваніи на украинскомь языкѣ въ народн. школахъ и о распространеніи этого языка въ друг. учебн. заведеніяхъ края.

Русскій Филологическій Вѣстникъ, № 1 и 2.

В. Шенрокъ. Къ вопросу о вліяніи Гоголя на послѣдующихъ писателей (стр. 179—192). Подражаніе Гоголю выражалось, кромѣ усвоенія реализма, въ выборѣ и обработкѣ сюжетовъ, въ подражаніи юмору, манерѣ и пріемамъ повѣствованія, даже въ перифразѣ и заимствованіи отдѣльныхъ выраженій. Подъ сильнымъ вліяніемъ Гоголя, и въ особенности его петербургскихъ разсказовъ, находился Григоровичъ.

А. Ветуховъ. Заговоры, заклинанія, обереги и друг. виды народнаго врачеванія. Часть II. Гл. I-ая. Заговоры отъ лихорадки (стр. 250—296). Здѣсь сведенъ богатый матеріалъ по данному вопросу изъ этнографіи славянской, преимущественно малорусской и германской; приводятся также греческіе и латинскіе заговоры.

Труды Кіевск. Духовн. Академіи, № 4.

Ѳ. Т. Критико-библіографическая замѣтка (окончаніе, стр. 665—680). Здѣсь продолженъ детальный разборъ книги проф. А. С. Лебедева «Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ дѣятельности»; рѣчь идетъ объ архипастыряхъ Досиѳеѣ Богдановичѣ, Петрѣ Смѣличѣ, Іосафѣ Горленкѣ и Ѳеоктистѣ Мочульскомъ.

Земскій Сборникъ Черниговск. Губ. № 3 и 4

А. Н. Малинка. Кобзари и лирники (№ 4, стр. 60—93). Послѣ общей характеристики и историческихъ справокъ о кобзаряхъ вообще, авторъ даетъ біографіи и перечисляетъ репертуаръ трехъ современниковъ—бандуриста Т. Пархоменка, лирниковъ Н. Дудки и Ал. Побегайла; затѣмъ приводитъ текстъ 7 №№ кобзарскаго репертуара съ библіографическими и историко-литературными примѣчаніями. Языкъ и обстановка дѣйствія въ старинныхъ думахъ про Олексія Поповича и Васыля Удовыченка значительно обрусѣли: украинизовалась дума чисто-великорусскаго происхожденія «Похыщеніе Второго Александра». Въ концѣ приложены образцы тайнаго языка лирниковъ. «Народъ съ глубокимъ интересомъ слушаетъ думы, разспрашиваетъ пѣвца о разныхъ событіяхъ и лицахъ, упоминаемыхъ въ нихъ, но, къ сожалѣнію, самъ пѣвецъ не можетъ давать надлежащихъ комментаріевъ. Желательно поэтому изданіе для народа сборника думъ съ поясненіями, необходимыми для пониманія его содержанія простымъ народомъ.

Въ приложеніяхъ продолжается печатаніемъ «Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка, 1729—30 гг.» подъ редакціей Н. П. Василенка (стр. 321—384).

Всемірный Вѣстникъ, № 3.

В. В. Святловскій пр.-доц. Очерки по экономической исторіи древней Руси (стр. 1—39).—Авторъ изслѣдуетъ, главн. образ., экономическое положеніе, соціальную дифференціацію и нравы жителей Кіевской Руси. Въ древней Руси господствовали тѣ же экономическіе факторы, какъ и въ западной Европѣ, и наблюдался аналогичный процессъ—распаденія древняго натурально-хозяйственнаго уклада и переходъ къ денежному строю.

Міръ Божій, №№ 4 и 5.

Н. Рожковъ. Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Часть I-я Кіевская Русь (съ VI до конца XII вѣка). (Продолженіе). Гл. 3-я. Устройство общества въ Кіевск. Руси (стр. 74—96). Въ этой главѣ рѣчь идетъ объ общественныхъ классахъ—о смердахъ (свободныхъ людяхъ) и княжеской дружинѣ—болярахъ и отрокахъ, о составѣ этихъ классовъ и ихъ правахъ—гражданскихъ и политическихъ, личныхъ и корпоративныхъ, о положеніи свободныхъ

женщинъ, о закупахъ и залогахъ и ихъ обязанностяхъ.—*Въ IV-ой главѣ* (стр. 72—106) авторъ трактуетъ о до-государственномъ бытѣ предъ приходомъ варяговъ—о верви и племени, и о политическомъ государственномъ строѣ: объ организаціи верховнаго управленія—вѣче, князь и боярская дума; объ управленіи, подчиненномъ-центральномъ и областномъ, затѣмъ, о цѣли государства—частные интересы—и о субъектѣ власти—личное государство. Въ соціологическихъ обобщеніяхъ политическій и соціальный строй сводится, гл. обр., къ экономической основѣ.

Въ библіограф. отдѣлѣ помѣщены рецензіи *М. Славинскаго*: 1—о всѣхъ брошюрахъ С.-Петербургск. «*Благотворит. Общ-ва* изд. общепол. и деш. книгъ» (№ 4, стр. 113—116); 2—о книгѣ *Д. Бантышъ-Каменскаго.—Исторія Малой Россіи.* Изд. 4-е (№ 5, стр. 102—104); рецензіи сжаты и дѣльны.

Русская Мысль, №№ 1. 2, 3 и 4.

Н. Лебедевъ. Бытъ крестьянъ и рабочихъ въ мѣстахъ посѣва свеклы. (№ 1 стр. 101—121). Авторъ трактуетъ о положеніи сельско-хозяйств. рабочихъ-украинцевъ харьковск. губ. въ экономіяхъ при сахарныхъ заводахъ; о заработной платѣ при посѣвѣ, прорывкѣ и копкѣ свеклы, о вліяніи работъ на здоровье, о болѣзняхъ и медицинской помощи, о жилищахъ и питаніи рабочихъ; въ заключеніе—о необходимыхъ улучшеніяхъ въ горькомъ положеніи рабочихъ. При обиліи статистическ. данныхъ изслѣдованіе имѣетъ строго-научный характеръ.

В. В. Каллашъ. Къ 50-лѣтію научно-литерат. дѣятельности А. Н. Пыпина (№ 4, стр. 175—179).—Эта замѣтка выясняетъ великое общественное значеніе научныхъ трудовъ А. Н. П.—по исторіи славянскихъ литературъ, русской литературы и этнографіи; въ особен. подчеркнуто отношеніе А. Н. къ національной самобытности славянскихъ народностей.

Въ журнальномъ обозрѣніи № 3-яго (стр. 257—260) данъ обстоятельный разборъ очерка С. Елпатьевскаго «Чужая красота», гдѣ нарисованъ образъ украинской дѣвушки Одарки—погибшей горничной въ богатомъ домѣ. (Очеркъ помѣщенъ во II кн. Міра Божьяго).

Вл. Каллашъ. Страничка изъ исторіи русск. народн. театра (№ 2 стр. 100—115). Во 2-ой гл. этой статьи дана характеристика.

«мандрованыхъ дякивъ—пыворизивъ» по изслѣдованію П. И. Житецкаго «Мысли о нар. мал. дум.».

Въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщены отзывы о слѣдующихъ изданіяхъ: въ № 1—о книгѣ *Соколова и Хитрова.* Старина русской земли (стр. 24), объ альбомѣ *Хмѣлевскаго* (въ Полтавѣ). Гоголь на родинѣ, (стр. 28—29) о «*Трудахъ XI-го Археологич. съѣзда въ Кіевѣ»,* (стр. 30) во 2-мъ № дана рецензія объ изданіи «*Матеріалы для исторіи* экономич. и обществ. быта *Старой Малороссіи*», под. ред. *Н. П. Василенка.* Вып. I и II. (Стр. 65—66); въ № 3—о кн. *А. С. Лебедева.* Бѣлгородскіе архіереи. (Стр. 103) и о сборникѣ—*Викъ* (1798—1898), тт. I—III 2-е изд.» (стр. 105—106); въ № 4—о кн. *В. А. Бертенсона.* По Югу Россіи. Сельско-хозяйств. очерки Вып. IV. (Стр. 153).

Русское Богатство, №№ 3 и 4.

Н. Карышевъ. Къ началу весенняго отхода. (№ 3, стр. 103—109). Въ этой замѣткѣ говорится о бѣдственномъ положеніи отхожихъ рабочихъ въ херсонской и друг. южн. губ.; фактическ. данныя заимствованны изъ работы г. Тезякова, въ заключеніе, подчеркивается необходимость законодательной охраны, здоровья и жизни рабочихъ.

Въ отдѣлѣ «Новыя книги» данъ отзывъ о трудѣ *Н. И. Тезякова.* «Рынки найма сел.-хоз. рабочихъ на Югѣ» вып. 2-ой (№ 4, стр. 65—67).

Літературно-Науковий Вістник, № 5-й.

Зміст: Із поезий *Сергія Павленка*: I. Не судилось, II. З поеми: «На батьківщину», III. Епіграф.—Із поезий *Уляни Кравченко*: Спогад.—Із поезий *Ѳ Дафненка*: Вродини хліборобського сина.—Із поезий Ѳ. Д—ки.—*Арсен Рушенко*: Сестри, оповидане (кинець).—*Андрій Веретельник:* По черзі, оповидане.—*Г. Коваленко-Коломацкий*:—Фотографіи з житя новобранця: I. На словесности, II. На гимнастиці, III. По обіді й до ночи.—*А. М. Варшавський*: Божевільні, фантазия.—*Анатоль Франс*: Під новий рік, нариси: I. Новорічна казка, II. Кренкебіль.—Із поезий *Іог. В. Гете*, пер. *П. О. Куліша*: III. Рибалка.

Олександра Ефименко. Національне роздвоєне в творчости Гоголя, нарис.—*Стефан Пятка.* Продукция нафти (скального олію) в

Бориславі.—*И. Ван т'Гоф.* Розвій природних наук у XIX віці—В. *Яґіч.* Александер Николаевич Пипін.—Дискусиї: IV. До питаня про ество і ціну штуки, д-ра *Ивана Копача.* V. А може ще не все пропало?—*В. Доманицького* —Хроніка і бібліографія.

Русская Старина, № 4 и 5.

Н. Дубровинъ. Графъ А. Х. Бенкендорфъ и В. Н. Каразинъ (№ 4 стр. 5—27). Здѣсь разсказана, на основаніи писемъ В. Н. Каразина, исторія его столкновенія съ А. Х. Бенкендорфомъ въ періодъ опальнаго состоянія перваго. Любопытно видѣть, какъ этотъ, обласканный было судьбою, человѣкъ попалъ въ немилость и, начиная съ 1804 года до конца своей жизни (въ 1842 г.), не могъ окончательно стать на ноги, несмотря на то, что писалъ постоянно письма разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ и даже самому государю.

Цензура въ царствованіе императора Николая I (№ 4). Въ главѣ 7-ой настоящаго изслѣдованія находимъ преинтересныхъ нѣсколько страницъ (177—181), касающихся вопросовъ о взглядахъ правительства на малорусскій языкъ въ 1843 году. Въ этомъ году кіевскій генералъ-губернаторъ Бибиковъ жаловался министру внутреннихъ дѣлъ и министру народнаго просвѣщенія, на нѣсколько статей, помѣщенныхъ въ русскихъ журналахъ въ пользу Польши. Изъ нихъ особенно отмѣчены были Бибиковымъ статьи Сенковскаго въ «Библіотекѣ для чтенія» по поводу «Исторіи Малороссіи» Н. Маркевича и «Михайло Чарнышенко» Кулиша. Бибиковъ возмущенъ былъ тѣмъ взглядомъ на исторію южной Руси, который характеризовалъ эту страну, какъ совершенно наново заселенную съ 13 ст. пустыню, благодаря чему въ Малороссіи и образовался языкъ, извѣстный нынѣ подъ названіемъ *малороссійскаго.* Глядя съ своей точки зрѣнія, генералъ-губернаторъ Бибиковъ сталъ на защиту малорусскаго народа и языка и добивался, помимо всякихъ взысканій за напечатаніе этихъ статей, еще и опроверженія ихъ въ той-же «Библіотекѣ для чтенія». Въ концѣ концовъ статья эта была, по распоряженію Бибикова, сочинена въ Кіевѣ и направлена къ министру народн. просвѣщенія для напечатанія въ «Библіот. для чтенія», что тогда-же и было исполнено. Любопытно отмѣтить здѣсь, что въ 1843 году власть усмотрѣла въ такой точкѣ зрѣнія на малорусскую народность чуть-ли не преступленіе, а пишущему эти строки пришлось лично выслушивать въ 1887 году,

тоже отъ большой власти, да еще и ученой, что-то въ родѣ вразумленія, что «вѣдь малороссійскаго языка нѣтъ совсѣмъ, что это только испорченый русскій языкъ подъ вліяніемъ польскаго» и пр.

В. В. Тимощукъ. Россія и папскій престолъ 1580—1601 г.г. Въ этой статьѣ начало 8-ой главы посвящено характеристикѣ отношеній кн. Константина Острожскаго къ Поссевину по вопросу о соединеніи церквей и о введеніи въ русскихъ областяхъ новаго календаря (стр. 214—217).

Вѣстникъ Европы, № 4.

А. В. Романовичъ-Словатинскій. Моя жизнь и академическая дѣятельность (стр. 527—566). Въ настоящей книжкѣ напечатаны 8-я и 9-я главы, описывающія пребываніе молодого профессора заграницей, и только въ концѣ 9-ой главы разсказано кратко о возвращеніи въ Кіевъ въ 1862 г.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

«Россія», т. VII. Малороссія, ц. 2 р. 50 к., изд. Девріена. Фирма Девріена продолжаетъ свое громадное предпріятіе, изданіе полнаго географическаго описанія Россіи. Въ VII-ой томъ, названный „Малороссіей“, вошло описаніе, собственно говоря, только лѣво-бережной Украины: губерній Черниговской, Полтавской и Харьковской, т. е. не всей Малороссіи. Цѣль, преслѣдуемая изданіемъ—двоякая: съ одной стороны, дать научную географію нашего отечества по образцу географіи Реклю, съ другой, дать нѣчто въ родѣ рус. Бедекера.

Стремленіе сдѣлать изъ своей книги кромѣ ученой географіи, и доступный путеводитель, побудило редакторовъ описывать населенные пункты по ходу желѣзнодорожныхъ линій. Мы считаемъ это ошибкой и думаемъ, что школьное описаніе по уѣздамъ и губерніямъ было бы цѣлесообразнѣе особенно въ виду того, что къ изданію приложенъ очень подробный указатель именъ.

Къ изданію приложены прекрасная карта трехъ малороссійскихъ губерній и масса рисунковъ и фотографій, изъ которыхъ большинство очень удачны. («Южное Обозрѣніе», № 2133).

Въ 7726 № «Южнаго Края» напечатана замѣтка проф. Сумцова «Географическія неудачи г. Харькова»; здѣсь указаны болѣе характерныя изъ многочисленныхъ, мѣстами смѣхотворныхъ, ошибокъ въ описаніи Харькова въ VII т. изданія Девріена. «Россія. Полн. геогр. опис. н. отеч-а».

Г-жей Л. Д. Левитонъ переведена на украинскій языкъ извѣстная драма Гауптмана «Извозчикъ Геншель», разрѣшенная на дняхъ драматической цензурой къ представленію подъ названіемъ «Друга жинка». Другой переводъ г-жи Левитонъ на малорусскій языкъ, пьесы «Власть тьмы», съ личнаго разрѣшенія автора пьесы, къ сожалѣнію, не допущенъ къ представленію той же цензурой. („Югъ,“ 1481).

На дняхъ выйдетъ изъ печати въ Одессѣ украинскій альманахъ подъ названіемъ „Зъ надъ хмаръ и зъ долынъ“, подъ редакціей Миколи Вороного; кромѣ того, здѣсь же готовится къ печати другой альманахъ на украинскомъ же языкѣ, редакторомъ котораго называютъ молодого украинскаго писателя Липу. («С.-Петербургск. Вѣд.»), № 117.

Въ 1791 № „Приднѣпровскаго Края“ находимъ замѣтку „Какъ образовалось малорусское племя?“—пересказъ замѣтки Котовича „Пока лѣсъ шумитъ“ (см. „С.-Петерб. В.“, № 97). Здѣсь представлена схема образованія двухъ русскихъ народностей, по изслѣдованіямъ проф. Ключевскаго. Выводъ: ни великорусское, ни малорусское племя—не чистославянское. Чистаго славянина надо искать въ Волынскомъ Полѣсьѣ, которое осталось чуждымъ западно-европейскаго вліянія.

Въ 419 № «Вѣстника Юга» находимъ статью Т. Романченка «Памяти И. И. Манжуры (По поводу 10-лѣтія со дня смерти, 3/V 1893—3/V 1903 гг.»). Авторъ даетъ характеристику Манжуры, какъ этнографа, поэта и литератора, подчеркиваетъ невзгоды и лишенія его страдальческой жизни; въ заключеніе—дѣлаетъ призывъ, чтобы знакомые и почитатели нашли затерянную могилу Манжуры и замѣнили бы сгнившій крестъ хорошимъ, новымъ крестомъ, также, чтобы кто-либо изъ лицъ близко стоявшихъ къ покойному писателю, почтилъ память его болѣе обширной статьей или біографическимъ очеркомъ.

Въ 7722 № «Южнаго Края» помѣщена статья В. Кривенко «Галицкая Русь»; авторъ ополчается противъ литературныхъ и политическихъ стремленій галицкихъ украинцевъ, впрочемъ, точка зрѣнія его крайне сбивчива и неопредѣленна.

Въ газ. «Сѣверный Кавказъ» находимъ обстоятельную статью Ал. Гавриша о Н. В. Лысенко, посвященную характеристикѣ его музыкальнаго творчества.

Въ «Полтав. Вѣстн.» (№ 75) напечатана статья В. Василенка «Еще къ юбилейному чествованію Н. В. Лисенка». Здѣсь авторъ дѣлаетъ предложенія о характерѣ подарка юбиляру и между прочимъ высказываетъ мысль о покупкѣ для подарка усадьбы надъ Днѣпромъ.

Въ 50 № „Сѣвернаго Кавказа» помѣщена обширныя статья Ал. Гавриша «М. Л. Кропивницкій». Въ виду предстоящаго 35-лѣтняго юбилея литературно-артистической дѣятельности Кропивницкаго, авторъ подробно перечисляетъ заслуги почтенаго юбиляра для украинскаго театра, попутно приводитъ историческія справки о тяжеломъ административномъ гнетѣ лежавщемъ на нашей сценѣ.

Въ № 44 „Сѣвернаго Кавказа“ напечатанъ разсказъ В. Д. Марковича „Шматокъ“ въ переводѣ Ал. Гавриша.

Въ „Горнозаводскомъ Листкѣ“ помѣщена статья инженера Фонякова о промышленности южной Руси. Промышленность у насъ создается и направляется исключительно иностранцами, преимущественно бельгійцами. Изъ 18-ти доменныхъ заводовъ, перечисленныхъ авторомъ, нѣтъ ни одного русскаго („Южн. Край“, № 7720).

Въ 88 № «Волыни» помѣщенъ очеркъ „Уголокъ старой Волыни“, посвященный характеристикѣ дворянъ земледѣльцевъ с. Березовки съ громкими фамиліями Тышкевичей, Чаплинскихъ и др.; эти дворяне-крестьяне представляютъ значительный этнографическій и историческій интересъ.

Въ 118 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», въ 92 № «Кубанскихъ Областныхъ Вѣдом.», въ «Курьерѣ» и въ 7711 № «Южнаго Края» находимъ извѣстіе о предстоящемъ открытіи памятника И. П. Котляревскому.

Въ 121 № «Кіевской Газеты» находимъ сообщеніе о кобзарѣ Терентія Пархоменка; здѣсь же высказывается пожеланіе, чтобы кіевскіе хранители украинской старины постарались будущей осенью устроить концертъ лирныковъ, пѣсенниковъ и бандуристовъ.

Въ 1800 № «Приднѣпровскаго Края» помѣщена статья А. С—ого «XIII археологическій съѣздъ въ Екатеринославѣ», излагающая задачи и програму съѣзда.

«Клады и древности Херсонской губерніи». Книга первая, съ 157 рисунками. (Безплатная премія для подписчиковъ «Юга» на 1902 г.). Херсонъ, 1903 года.

Въ предисловіи авторъ объясняетъ цѣль своей книги: дать возможность всему грамотному населенію ознакомиться съ богатствами, вѣками накопившимися у насъ въ землѣ: денежными кладами и памятниками старины. При этомъ приводятся результаты поисковъ кладовъ, свѣдѣнія о кладахъ, дѣйствительно найденныхъ, и о народахъ, которымъ они принадлежали. Авторъ подробно описываетъ древнія монеты, находимыя въ почвѣ Херсонской губерніи и даетъ точныя ихъ изображенія.

Во второмъ отдѣлѣ книги изложены свѣдѣнія о древностяхъ, которыя хранятся въ могилахъ прежнихъ обитателей нашего края, указаны правила научной раскопки кургановъ и затѣмъ подробно описаны древности «киммерійской эпохи» по VII вѣкъ до Рождества Христова. Всѣ предметы, о которыхъ говорится въ этой части книги, показаны на рисункахъ. («Югъ», 1472).

Въ 1801 № «Приднѣпровск. Края» и въ 1480 № „Юга“ напечатана статья „О Днѣпровскихъ лоцманахъ“—историческій очеркъ правового и экономическаго положенія этихъ потомковъ запорожцевъ, обитателей с.с. Старые Кайдаки и Камянка.

Въ „Вѣдом. Сельск. хоз. и Пром.“ находимъ обстоятельную статью г. П. Ѳедоренка «О чехахъ колонистахъ дубенскаго у. Волынск. губ.», выясняющую вліяніе этихъ иноземцевъ на мѣстное населеніе, какъ учителей сельск. хозяйства.

О составленіи исторіи Кубанскаго казачьяго войска.

Въ высшемъ центральномъ войсковомъ учрежденіи возникъ вопросъ относительно составленія исторіи казачьихъ войскъ. Военный Министръ приказалъ «поспѣшить составленіемъ подробныхъ историческихъ трудовъ по каждому изъ казачьихъ войскъ, по опредѣленной программѣ о его прошломъ и затѣмъ составить по общей программѣ описаніе о настоящемъ казачьихъ войскъ».

По порученію, г-на начальника Кубанск. обл., начальникомъ войскового штаба—сдѣлано предложеніе принять на себя трудъ по составленію исторіи Кубанскаго казачьяго войска, послѣ отказа проф. Эварницкаго, принадлежащему къ сословію Кубанского войска, почетному члену Кубанскаго обл. статистическаго комитета и завѣдующему статистическимъ отдѣленіемъ воронежской губ. земской управы Ѳедору Андреевичу Щербинѣ, который изъявилъ согласіе принять на себя этотъ трудъ. Г. Щербина представилъ уже докладную записку Г-ну Начальнику области, въ которой изложены: во 1-хъ, организація труда по составленію исторіи войска; во 2-хъ, разработана программа этой исторіи и въ 3-хъ, опредѣленъ срокъ окончанія этого труда и смѣта расходовъ на это. Для составленія исторіи войска потребуется два года; расходовъ на составленіе и изданіе исторіи исчислено всего 26,900 руб. (Кубанск. обл. вѣд., № 101).

Въ 76 № «Волыни» напечатана историческая замѣтка «Житоміръ въ 1825 году», на основаніи описанія Ант. Гатонія, бывшаго тогда президентомъ житом. город. магистрата.

Stołyhwo, K. Czaszka z Gadomki.—Въ изданіи Wszechświat, (1903, № 15, pp. 225—227, 1 рис.) напечатана статейка; въ ней описанъ черепъ, выкопанный зъ 1888 году у деревни Гадомки или Воли, каневскаго уѣзда кіевской губерніи г. Хойновскимъ. Черепъ принадлежалъ скелету, лежавшему въ скорченномъ положеніи, безъ всякихъ

предметовъ, на глубинѣ 472 футовъ ниже основанія кургана, въ которомъ (надъ вышеупомянутымъ скелетомъ) найдено погребеніе двухъ полянъ (?) съ осѣдланными конями и съ оружіемъ. Подробныя измѣренія автора приводятъ къ выводу, что описываемый имъ черепъ принадлежитъ къ долихоцефалическимъ, низкимъ и узконосымъ (по Брока). Черепъ этотъ мужской, съ очень покатымъ лбомъ и сильно развитыми подбровными дугами; относится къ Неандертальскому типу.

Кружокъ вѣнскихъ русиновъ вмѣстѣ съ русинскимъ парламентарнымъ клубомъ и „Народнымъ Комитетомъ" основали русинскій журналъ на нѣмецкомъ языкѣ—Ruthenische Revue. Журналъ будетъ трактовать только объ украинскихъ дѣлахъ, будетъ помѣщать статьи политическія, научныя и историческія,—давать біографіи виднѣйшихъ нашихъ дѣятелей и т. п. Первый номеръ вышелъ въ началѣ мая. Во второмъ № будетъ данъ краткій обзоръ украинской исторіи, и—приложена карта Украины-Руси. Важнѣйшія статьи будутъ печататься также въ переводѣ на французскій и англійскій языки. Въ журналѣ обѣщали принимать участіе всѣ виднѣйшіе писатели «украинской партіи», депутаты и учителя гимназій. Подписная цѣна—4 кор. Нужно надѣяться, что русинское общество, понимая всю важность этого изданія, окажетъ ему сильную матеріальную и нравственную поддержку, чтобы Ruthenische Revue дѣйствительно сталъ публицистическою трибуной предъ форумомъ Европы («Діло», 89).

Уполномоченный по екатеринославской губерніи попечительства государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны о глухонѣмыхъ, въ цѣляхъ усиленія средствъ на обученіе и призрѣніе глухонѣмыхъ въ екатеринославской губерніи (для устройства школъ-хуторовъ, мастерскихъ, рабочихъ домовъ и проч.) предполагаетъ выпустить сборникъ произведеній и статей на русскомъ и украинскомъ языкахъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы вырученныя отъ продажи сборника деньги употребить на организацію вышеуказанныхъ учрежденій для глухонѣмыхъ. Съ этой цѣлью уполномоченный обратился уже къ извѣстнымъ украинскимъ и русскимъ писателямъ, приглашая ихъ принять участіе въ предполагаемомъ изданіи. Несомнѣнно, что дѣло это встрѣтитъ полное сочувствіе, какъ со стороны литераторовъ, такъ и со стороны русской и

украинской интеллигенціи, и сборникъ этотъ вскорѣ разойдется. («Вѣстникъ Юга», № 401).

Въ № 24 газ. «Русланъ» др. Ярославъ Окуневскій помѣстилъ интересныя воспоминанія о М. П. Драгомановѣ, относящіяся къ 1891—1893 гг. Въ №№ 45 и 46 той же газеты начато печатаніемъ письмо въ редакцію М. Павлика, „М. Драгомановъ“, високій рівень украінства, та «нова ера»,—являющееся возраженіемъ на «Замітку до згадки д-ра Я. Окуневскаго про Драгоманова», помѣщенную въ №№ 26 и 27 «Руслана».

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Бертенсонъ В. А. По Югу Россіи. Сельско-Хозяйств. очерки наблюденія и замѣтки. Вып. IV. Одесса.

Бодревичъ Данило, свящ. *Стежечка* в рай або майске богослуженє. Львів, 1903. стор. 144 ц. 1 кор.

Гребенка. Е. П. Полное собраніе сочиненій въ 2-хъ томахъ. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1903 г.

Деде В. Солдатики! Малюнок з селянских розрухів. 5-й вип. «Науки і Розваги». Чернівці, 1903, стор. 16.

Жерела до істории Украіни-Руси. Вид. археографічн. Коміс. Наук. Тов. ім. Шевченка. Том VII. Люстрация королівщин в руських землях корони з р. 1570. У Львові, 1903. II+362 стор.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. 1903, кн. II (Рік XII, т. LI). Львів. Зміст: 1) Прешбурський з'їзд в справі спадщини по Бабенбергах (причинок до історіі великого австрійского безкоролівя», написав Богдан Барвіньский.—2) «До справи хронольогічноі звязи в Галицько-волинській літописи“, нап. Михайло Грушевсякий.—3) Галицько-руська бібліографія за роки 1772—1800, подав Іван Ем. Левицький.—4) Пісенні новотвори в украінсько-руській народній словесности, подав. Волод. Гнатюкъ (конець). Miscellanea. Наукова хроніка. Бібліографія.

И. П. Котляревскій. „Наталка-Полтавка“—малороссійская оперетта. Провѣренный текстъ (по изданію 1838 г. и по открытому списку 1820 г.) – подъ ред. И. Стешенка. Кіевъ, 1903 г., стр. 46, ц. 15 коп.

Корольковъ К. Златоустовская (желѣзная) церковь въ Кіевѣ. Кіевъ, 1892 г., 46 стр. Цѣна 10 коп.

Левицкий Іван Ем. Галицько-руська бібліографія за р.р 1772—1800. Відбитка з «Записок Наук. Тов. ім. Шевченка том III. У Львові, 1903, стор. 44.

Левицкий Іван Ем. Погляд на розвій низшого і висшого шкільництва в Галичині в р.р. 1772—1800 і розвій русско-народного шкільництва въ р.р. 1801—1820. Передрукъ з «Збірн. істор-фільософ. секції», том V. Львів, 1903. Стор. 71.

О. И. Левицкій. Отчетъ объ осмотрѣ старинныхъ храмовъ въ г. Полтавѣ и въ мм. Багачкѣ и Шишакахъ, миргор. у. (Оттискъ изъ «Чтеній Историч. Общ. Нестора-Лѣтописца»), Кіевъ, 1903 г., 29 стр

О. И. Левицкій. Исторія одного древняго Волынскаго храма. (оттискъ изъ журнала «Кіев. Старина»). Кіевъ, 1903 г., 21 стр., ц. 15 к.

Миклашевскій И. Н. Древне-русскіе поземельные кадастры. Спб. 1903, стр. 34, ц. 40 к. (Оттискъ изъ Записокъ Импер. Акад. Наук, т. VI, № 1).

Ой, не нам в кайданах ходитц. міцаний хор і мужеский «а capella». Слова Підгірянки, муз. Кишакевича. Видан. Станислав. Бояна, ч. 10, ц. 60 сот.

Памяти Гоголя. Научно-литературный Сборникъ, изданный Историческимъ Обществомъ Нестора-Лѣтописца, подъ редакціею Н. П. Дашкевича, Кіевъ, 1902 г., 579 стр., съ 6 портретами и 5 рисунками. Цѣна 4 р. 50 коп.

Русско-Еврейскій Архивъ. Документы и матеріалы для исторіи евреевъ въ Россіи. Томъ III. Документы къ исторіи польскихъ и литовскихъ евреевъ (1364—1569). С.-Петерб., 1903 г. Стр., 284. Цѣна 1 р. 50 коп.

В. Соколовъ и Хитровъ. Старина русской земли. 1. Древняя Русь. 1-я книга для чтенія по отечеств. исторіи. Изд. Думнова. Москва, 1903 г.

Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго Общества. Томъ 114. Юрьевъ, стр. 750, ц 3 р. Томъ 115. С-Петербургъ, стр. 567, ц. 3 р. Томъ 116. С.-Петербургъ, стр. 602, ц. 3 р.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 81-го:

апрѣль, май, іюнь, 1903 г.

Книга первая—апрѣль.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга вторая—май.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга третья – іюнь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ LXXXII.

1903 г.

ІЮЛЬ-АВГУСТЪ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1903.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 11 іюня 1903 года.

Житье—бытье лубенскаго крестьянина[1].

Худоба.

Поздней осенью, зимой и ранней весной на небольшомъ, чисто выметенномъ крестьянскомъ дворѣ средняго порядочнаго хозяина собирается обыкновенно вся живая движимость (худоба), которая въ другое время года въ разбродѣ. У круглыхъ плетенныхъ яселъ лошакъ бодро хватаетъ соломинки, блестя живыми глазами, и дремлетъ кобыла; волы, корова или телка мирно жуютъ неприхотливую пищу. Изъ овчарни или особой загородки доносится блеяніе овецъ, и кабанъ сердито приподымаетъ крышку въ сажѣ, требуя корма. По двору летаютъ голуби, прохаживаются утки, иногда гуси и всегда куры. Въ сторонѣ пѣтухъ сверкаетъ яркимъ гребнемъ и золотыми перьями хвоста на солнцѣ. Народное отношеніе къ каждому изъ этихъ домашнихъ животныхъ, лишь въ малой степени и отрывочно затронутое этнографіей, составитъ предметъ настоящихъ очерковъ.

I. Кони.

Понятіе крестьянина о внѣшнихъ и внутреннихъ качествахъ лошади: о ея статьяхъ и характерѣ. Лошадь купленная и доморослая. Содержаніе и работа лошади. Болѣзни и врачеваніе.

Обыкновенная мѣстная крестьянская лошадь происходитъ отъ первоначальной среднеазіатской породы, распространившейся

[1] См. очеркъ: „Вокругъ жилья“ въ Кіев. Стар. 1903 г., II, 181—217, и III, 349—377.

въ давнія времена дикими табунами по средней и восточной Европѣ [1]), въ томъ числѣ и по всей Малороссіи, такъ что Владимиръ Мономахъ ловилъ дикихъ коней возлѣ Чернигова. Позже лошади сохранились въ дикомъ состояніи только въ южныхъ степяхъ, въ которыхъ татары и запорожцы держали многочисленные полудикіе табуны [2]).

Древнѣйшее, преимущественно боевое, значеніе лошади сохранялось за нею и въ героическій, козацкій періодъ малорусской исторіи, но затѣмъ козацкій конь—боевой товарищъ, старый другъ и собесѣдникъ, провожавшій тѣло козака и дававшій близкимъ знать о его смерти, отходитъ въ область преданій старой поэзіи, замѣняясь въ дѣйствительности рабочей лошаденкой. Съ отмѣной крѣпостного права происходитъ даже замѣченное мѣстной статистикой [3]) перемѣщеніе лошади отъ болѣе зажиточной группы козаковъ, сохранившихъ еще воловъ, къ крестьянамъ, работающимъ въ большинствѣ случаевъ исключительно лошадьми. Цѣня въ лошади рабочую силу, крестьянинъ заботится преимущественно о крѣпости сложенія; красота имѣетъ въ его представленіи лишь второстепенное значеніе, какъ можно, между прочимъ, убѣдиться изъ слѣдующаго общаго очерка требованій, предъявляемыхъ крестьяниномъ къ «доброму коню». У хорошей лошади общій видъ веселый, бодрый (шустрый); у нея небольшая голова съ нѣсколько опущеннымъ, а не приподнятымъ храпомъ (горбоноса, горбатенька, а не кирпата). На языкѣ не должно быть темныхъ полосъ (сходъ, смугивъ), потому что такая лошадь недолговѣчна: «у симъ литъ здохне». Хорошо, если между костями нижней челюсти (вылыцямы) [4]) вмѣщаются два пальца, такъ какъ

---

[1]) Ю. Липпертъ. Истор. культ. С.-Петерб. 1895 г. I, 92.

[2]) П. Цорнъ. Еженедѣльн. для охотн. до лошад. С.-Пет. 1832 г. VI, 96 и XIV, 217, 232.

[3]) Сборн. хоз. стат. полт. губ. IV. Луб у. Пол. 1885 г., 56.

[4]) Названія частей лошадинаго тѣла въ Лубенщинѣ сходны съ великорусскими, кромѣ слѣдующихъ: щелепы, вылыци—верхнія и нижнія челюсти, перенисья, хряпы, шія, корпусъ, лопаты, перси, здуховыны (вздохи), пахвы, крыжъ.

такую лошадь легче откормить. Короткая шея, выражающая крѣпость лошади, предпочитается длинной, но она дожна быть крутою, полукруглою (хоботомъ), а не оленьей (выкоченою) [1]). Густая, длинная грива предпочитается также, какъ свидѣтельство крѣпости. Грудь у хорошаго коня бываетъ широкою, толстою, «бо винъ персамы везе», да и весь онъ долженъ быть ширококостнымъ («костыстымъ»), длиннымъ, ровнымъ «шобъ корпусъ и крыжъ прави», но выпуклость (горбына) по направленію къ крестцу [2]) одобряется: «така коняка крипша», а вислозадость не считается важнымъ недостаткомъ. Но лошадь съ дурнымъ образованіемъ реберъ, плоскоребрая (худоконна) не годится; ребра дожны быть крутыми, а разстояніе между послѣднимъ ребромъ и крестцомъ—небольшимъ, такъ, чтобы пахъ выходилъ круглымъ (съ запасомъ), а не впалымъ. Лошадь съ впалыми, большими пахами неспособна откармливаться, сытость же свидѣтельствуетъ о здоровьи лошади и повышаетъ цѣну ея. Хорошъ толстый, курчавый хвостъ. Переднія и заднія ноги должны широко раздвигаться, особенно у колѣнъ—«то дебелый кинь». Главное достоинство лошади--крѣпкія ноги; не годятся поэтому лошади съ выдавшимися или вогнутыми колѣнями (съ козинцемъ), на низкихъ бабкахъ. Лошади съ мозолистыми наростами подъ бабками признаются крѣпкими, безъ нихъ слабыми (млявыми). Не одобряются полнокопытыя и съ сторчевыми копытами лошади. Быстро потѣющую въ поѣздкѣ лошадь признаютъ слабой. Оцѣнивая лошадь со стороны ея способности къ труду, крестьянинъ придаетъ масти второстепенное значеніе, практически важное лишь потому, что извѣстному хозяину идутъ въ руку только опредѣленной масти лошади, другія не поправляются, не полнѣютъ, заставляя напрасно издерживаться на кормъ. Но при равенствѣ всѣхъ другихъ условій, крестьянинъ предпочитаетъ

---

1) Въ описаніи статей лошади XVIII в. (Малор. домаш. лечеб. Кіев. Ст. 1890 г. I, прилож., 18) о шеѣ сказано: «шіи вынесенной и крутой».

2) Плохо связанная въ поясницѣ, съ запавшею поясницей (почкой) лошадь бракуется. (Прав. для полк. лош. Полтава 1901 г., 17).

вороныхъ коней, воспѣваемыхъ во многихъ пѣсняхъ, особенно свадебныхъ. Караковая, гнѣдая, рыжая и буланая масти считаются средними по красотѣ; ниже поставлены: чалые, мышастые лошади и такъ называемые отмастки. Пѣгая (рябая) масть настолько нелюбима, что хозяинъ, предки котораго ѣздили на пѣгихъ лошадяхъ, навсегда получилъ фамилію Рябокинь. Между прочимъ рябой заболѣвшей лошади затруднительно шептать, такъ какъ заговаривать можно лишь извѣстную, опредѣленную масть, а у пѣгой лошади двѣ масти. Затѣмъ пѣгіе кони рѣже идутъ въ руку. Разные оттѣнки сѣрой масти: сыви, сывозализни, яблукови очень нравятся, особенно молодежи; за то бѣлые кони, священные у древнихъ персовъ, римлянъ, славянъ и германцевъ, изображавшіеся на щитахъ и знаменахъ владѣтельныхъ фамилій и подводившіеся въ видѣ дани сюзерену [1]),—совсѣмъ не цѣнятся въ дѣйствительсти, и единственное воспоминаніе о древнемъ значеніи бѣлой масти выразилось лишь въ томъ, что клады появляются въ видѣ бѣлаго коня, да еще развѣ въ томъ, что адъютантъ Императрицы Екатерины II на такомъ конѣ объявилъ монастырскимъ крестьянамъ освобожденіе отъ зависимости монастырю.

Не менѣе, если не болѣе внѣшнихъ качествъ лошади, важны и ея внутреннія, зоопсихологическія свойства. Главное достоинство коня заключается въ томъ, чтобы онъ былъ доброѣзжимъ: «добрымъ, щирымъ, везючимъ». Отклоненіе отъ этого основного достоинства въ обѣ стороны равно нежелательно; не бѣда нѣсколько лѣнивая (ледаченька) лошадь, ее трудно испортить, съ окончательно же лѣнивой (ледачою, прыгиршлывою)—одно мученье. Лѣнь и упрямство нѣкоторыхъ лошадей дѣлаетъ ихъ неспособными къ выѣздкѣ. «Йе така клята, шо не пиде у визъ, и такъ вона ходыть по ярмаркахъ, покы пропаде». Нехороши также и слишкомъ горячія лошади: ихъ легко запалить, возвращаясь съ ярмарки или со свадьбы. Есть горячія, пока не обошлись. «Йе така кобыла, шо якъ запрягать, то вона уся тремтыть, якъ на

---

[1]) Липпертъ. Ист. культ. 95. Цорнъ. Еженед. № XXV и XXVI, 411, 412.

огни. И тоди роскрывай ворота, одскакуй, и вона якъ шелесне! Пробижыть гоны, оббиглась, охмолосталась и пишла гарно». И боязливыя (харапудлыви) лошади часто носятъ, испугавшись мостовъ, грудъ камней, дерева, внезапнаго появленія людей или животныхъ, шороха и шума Къ числу относительныхъ достоинствъ лошади принадлежитъ ея способность запоминанія, «памятливость». Такая лошадь помнитъ дорогу, не собьется и въ мятель, но она же заворачиваетъ въ каждый дворъ, въ которомъ, бывала, подвозитъ хозяина къ трактиру; а проданная—убѣгаетъ къ прежнему владѣльцу. Безъ сомнѣнія большинство зоопсихологическихъ качествъ узнается постепенно, при случаѣ, и не можетъ быть обнаружено во время покупки лошади на ярмаркѣ.

Лошадь пріобрѣтается на ярмаркѣ съ соблюденіемъ слѣдующихъ торговыхъ обычаевъ [1]), остатковъ сѣдой древности. Продавецъ запрашиваетъ всегда отъ 5—15 руб. сверхъ дѣйствительной цѣны [2]) лошади, покупщикъ долго торгуется, находя недостатки; сойдясь, оба снимаютъ шапки и крестятся. Покупщикъ платитъ деньги и получаетъ лошадь въ недоуздкѣ изъ полы въ полу [3]). Взявъ лошадь, онъ кружитъ ее трижды вокругъ себя,

---

[1]) Варіантъ такихъ обыкновеній указанъ у проф Н. Ѳ. Сумцова: «Культ. переж.» Кіев. Ст. 1890 г., II, 324.

[2]) Цѣна средней крестьянской рабочей лошади долго держалась нормы указанной у Чубинскаго (Зап. Ю. З. Геогр. Общ. II, 178) 25—40 руб. или немного больше, сначала же XX в. удвоилась.

[3]) Къ объясненію приводимыхъ торговыхъ обычаевъ могутъ послужить слѣдующія общечеловѣческія обыкновенія. У персовъ, кельтовъ, германцевъ договоры о куплѣ-продажѣ животныхъ скрѣплялись рукобитьемъ, безъ чего нарушеніе договора не такъ строго преслѣдовалось. (Rejnier. Ackerb. der. Alten, 299). Передача купленнаго изъ полы развилась изъ торговой тайны. Персы и Мидяне, взявшись за руки и накрывъ ихъ изъ предосторожности полой, переговариваются условными знаками: вытянутый палецъ обозначаетъ цифру 10, согнутый 5, конецъ пальца—1, кисть руки—100, согнутая кисть—1000. (Ш. Летурно. Эвол. торг. въ Міp. Бож. 1898 г., XI, 147). Продажа лошадей и быковъ у римлянъ совершалась торжественно въ присутствіи свидѣтелей (mancipatio). В. И. Герье. Консер. у римл. Вѣстн.

а продавецъ стегаетъ сзади «щобъ не жалила за хазяиномъ». Затѣмъ покупщикъ беретъ съ правой стороны горсть земли и третъ спину лошади, приговаривая: «Йижъ гній, а беры на себе лій». Потомъ наставляетъ полу и проситъ талану: «А ну, свате, на таланъ, що Богъ давъ». Продавецъ долженъ бросить въ полу 1—2 коп., которыя покупщикъ спускаетъ съ полы на землю, перекрестивъ ихъ, и наблюдая которой стороной они упали. Паденіе монеты лицевой стороной возбуждаетъ восторгъ продавца и свидѣтелей сдѣлки.—Ну, ходимъ, свату, могорычу—приглашаетъ покупщикъ; ставитъ 1—2 чвертки, и, распивая, спрашиваетъ продавца: «Будь здоровъ, свату, скажы: чы годытся?—буду держать, а ни—продамъ.—Годытся, веды прямо до-дому.

Отъ купленной такимъ образомъ кобылы хозяинъ можетъ ожидать со временемъ приплода, но о случкѣ заботятся мало; только достаточные хозяева водятъ кобылъ къ казеннымъ или панскимъ жеребцамъ; кобылы мелкихъ крестьянъ сами случаются съ лошаками гдѣ-нибудь на выгонѣ. И обращеніе съ жеребой кобылой самое незатѣйливое; только мѣсяца за два до родовъ остерегаются, чтобы не напоить ее горячей, на возъ, въ который она впряжена, кладутъ не свыше 8—10 пуд. клади, но такія предосторожности не всегда соблюдаются, и кобыла иногда скидаетъ «якъ обийстся, потрудытся, впаде, або хто іи вдарыть». Своевременныя роды мѣстной матки, за самыми рѣдкими исключеніями, происходятъ быстро и правильно, въ какіе-нибудь четверть часа. Плодъ выходитъ клинообразно; морда лошонка прижата къ переднимъ колѣнямъ и весь передъ покрытъ пузыремъ, полнымъ воды. Затрудненныя, медленныя роды бываютъ только

Евр. 1875 г. IX, 233). Бросаніе металлическихъ знаковъ (jacta missilia)—чековъ на предъявителя составляло traditio (Нов. Время 1903 г., № 9662, 3). Въ нѣмецкомъ обычномъ правѣ могорычъ (Mittrinken, мѣстами Wingkoff, Leinkauf) сначала для всего общества, потомъ для однихъ только контрагентовъ свидѣтельствовалъ о заключеніи договора. У мазуровъ остатокъ вина выливаютъ черезъ голову, чтобъ купленное пошло въ прокъ. (C. Haberland. Ueber Gebr. und Aberglaub. beim Essen. въ Zeitschr. für Volkerpsych. 1888, IV, 384).

при слабыхъ потугахъ истощенныхъ кобылъ. Неправильные роды, когда лошонокъ выходитъ хвостомъ вмѣсто головы также неслишкомъ опасны, только поперечное положеніе смертельно, но его почти никогда не бываетъ [1]). Послѣдъ отходитъ также самъ собой. Такимъ образомъ въ дѣлѣ родовъ всё рѣшается благодѣтельной природой, не требуя никакихъ акушерскихъ пріемовъ со стороны крестьянина. Изрѣдка только при трудныхъ родахъ хозяинъ потягиваетъ слегка лошонка за ноги или за хвостъ, остерегаясь тянуть за шею изъ боязни, чтобы впослѣдствіи лошонокъ не мытился трудной формой подъ шеей, хотя коннозаводческая практика разрѣшаетъ тянуть и за шею [2]). Хозяину слѣдуетъ дернуть (смыкнуть) новорожденнаго за хвостъ, тоди воно вычыстытся (будетъ мытыться) задомъ». Затѣмъ хозяинъ одинаково довольный, родился ли болѣе выносливый конь или болѣе пригодная въ хозяйствѣ, прибыльная кобылка, не обращаетъ уже никакого вниманія на лошонка; только рѣдкіе, зажиточные хозяева наблюдаютъ, чтобы лошонокъ кормился сѣномъ съ земли, а не съ яселъ и такимъ образомъ лучше расправлялся [3]), а также даютъ ему немного овса для увеличенія роста. По истеченіи года лошонка стригутъ, для того чтобы грива не была слишкомъ мягкой и не сбивалась бы въ колтуны подъ хомутомъ [4]). По второму году лошонокъ (лошя) получаетъ названіе: стрыжакъ, стрыгунъ, стрыга, стрыжчя, а по третьему—лошакъ и лошыця. Впослѣдствіи у мелкихъ хозяевъ, обладающихъ одной лошадью, послѣдняя по-

---

1) Волгеборнъ. Объ усоверш. кон. завод. перев. П. Бурнашова. С.-Петерб. 1816 г., 96, 101, 113—115.

2) Ibid. ч. II, 102. Также. П. Цорнъ, Еженед. XXII, 368.

3) Для жеребятъ вредны высокія ясли, потому что отъ постояннаго подыманія головы вверхъ шея дѣлается оленьей, и получается выгибъ спины. Волгеборнъ, 27.

4) Востотное обыкновеніе; арабы стригутъ жеребятъ на восемьнадцатомъ мѣсяцѣ. Подъ колтуномъ разумѣется не болѣзнь, а просто грязные, спутанные волосы, которые трудно разобрать. (П. Цорчъ: 1, еженед. XXX и XXXI, 504, 2, запис. для любит. лошад. 1826 г., V и VI 8).

ситъ общую видовую кличку: кинь, коняка, кобыла, шкапа; обладатели же нѣсколькихъ лошадей для удобства даютъ имъ еще особыя названія, заимствованныя или отъ наружнаго вида, особыхъ примѣтъ и масти лошади, напр.—лысый, билоногый, кучерява, чубара, галка, или отъ ея внутреннихъ качествъ: горда, орлыця, или отъ лица продавца и мѣста продажи: попокъ, цыганъ [1]), вовчанка, самарка, или наконецъ—отъ именъ людей и человѣческихъ отношеній: Васька, Машка, Параска, кума, баба. Съ третьяго года лошака холостятъ для чего приглашается особый castratorius, коновалъ, получающій 50 коп. за операцію, производимую общеизвѣстнымъ способомъ [2]). Образовавшуюся рану прижигаютъ мѣднымъ купоросомъ (синимъ каминцемъ).

Съ распространеніемъ лошади среди крестьянъ и болѣе мелкихъ козаковъ соединяется ухудшеніе ея содержанія, какъ лѣтняго, съ 23 апрѣля до перваго снѣга, такъ и зимняго, въ остальное время года. Прежде весеннее и лѣтнее содержаніе лошади въ лубенскомъ уѣздѣ не представляло никакихъ затрудненій. По окраинамъ уѣзда разстилались дѣвственныя степи, по рѣкамъ луга, въ центрѣ лѣсъ, одинаково открытые табунамъ, которые сгонялись сюда жителями по снятіи сѣна и оставлялись до зимы подъ охраной жеребцовъ. Здѣсь сами лошади становились въ кругъ съ лошонками посрединѣ для защиты отъ звѣрей. Отдѣльныхъ запольныхъ владѣній тогда не было; всѣ земли были въ смѣнахъ и подлежали общему сѣвообороту, поэтому какъ толока, такъ и стерни предоставлялись также общему пользованію. По панской землѣ бродили козачьи лошади и наоборотъ. Только межеваніе, упорядочивъ земледѣліе, отозвалось невыгодно на скотоводствѣ. Послѣ размежеванія многія земли отошли изъ общихъ смѣнъ въ отрубные куски и толоки уменьшились, послѣдствіемъ чего было

---

[1]) Кличка цыганка, цыганъ особенно распространенна, встрѣчается въ дневникѣ Маркевича въ Кіев. Стар. 1901 г., XI, 92.

[2]) Судя по обозначенію у малороссовъ кастраціи нѣмецкимъ терминомъ валашить (walachen, Walach—меринъ) можно допустить, что и самое обыкновеніе заимствовано отъ нѣмцевъ. Оно не было извѣстно ни древнимъ грекамъ, ни арабамъ, (Rejnier. Ackerb. 86).

постепенное уничтоженіе общественныхъ табуновъ, оставшихся въ видѣ пережитка лишь въ нѣкоторыхъ селахъ засульской волости, въ которыхъ принимаютъ на пастьбу лошадей съ платежемъ 50—60 коп. и гарнца муки отъ головы. И землевладѣльцы, прежде охотно принимавшіе лошадей по 3 руб. каждую, съ развитіемъ земледѣлія отказались отъ пріема, предоставляя лишь въ наемъ часть сѣнокосовъ по 5—12 руб. десятину, а затѣмъ не нашли выгоднымъ и эти наймы, такъ что въ настоящее время крестьянинъ долженъ выпасывать лошадь какъ самъ знаетъ: на голой толокѣ и такомъ же выгонѣ, по рвамъ, межникамъ, вдоль проселочныхъ и почтовыхъ дорогъ, а на стерняхъ и отавахъ—по особому договору. Въ зависимости отъ распашки степей измѣнился и зимній лошадиный кормъ. Мѣсто сѣна (кромѣ крупнаго, кислаго лучного) занято ячной, овсяной соломой, остатками соломы изъ-подъ вымолоченнаго хлѣба (сбоинами) и разными отбросами ячменя (дертью) и при вѣяніи зерна (половой). Полова, обваренная кипяткомъ и обмѣшанная ячной мукой, представляется лучшимъ кормомъ для старыхъ лошадей, которыхъ особенно трудно укармливать со второй половины зимы. Овесъ дается лошадямъ рѣдко, больше въ дорогѣ.

Работы лошадью можно раздѣлить на общія и особенныя. Первыя, общія всему уѣзду, заключаются въ обработкѣ земли лошадьми, для чего два и больше хозяевъ соединяются вмѣстѣ, спрягаютъ своихъ коней и успѣваютъ вспахать десятину на паръ и полдесятины на зябъ. Боронятъ легкой бороной въ одну лошадь. Изъ особыхъ работъ лошадью грабарство распространено въ засульской волости у Лубенъ, гдѣ грабарь доставкой песка, земли, льда вырабатываетъ 50—60 коп. въ день, а разныя формы извоза извѣстны издавна въ сѣверовосточномъ углу уѣзда,—такъ ломка діабаза, а прежде и алебастра въ Исачкахъ содѣйствовала развитію извоза въ окресностяхъ этого села. Доставкой камня и всякой клади мѣстный извозчикъ (фурщикъ) вырабатываетъ 20—50 руб. въ годъ (по расчету $1^1/_2$ коп. за 10 верстъ съ пуда). Затѣмъ, крестьяне волчковской волости перевозятъ 5—8 богомольцевъ на повозкѣ съ восточной границы уѣзда до парома у

Писокъ возлѣ Мгарского монастыря, зарабатывая такимъ образомъ 50 коп. на лошадь. Къ особымъ формамъ извоза принадлежатъ подряды извозчичьихъ артелей жителей с. Берестачи на доставки: зерна, муки, каменнаго угля и товаровъ съ залогомъ въ 500 руб., остающимся въ случаѣ порчи товара и другихъ неисправностей отправителямъ. Жители сосѣдняго Волчка отправляются на все лѣто въ южныя губерніи и доставками пшеницы на пристани, зарабатываютъ 30—50 руб. на лошади. Разсчитано, что при трехъ лошадяхъ двѣ приносятъ по рублю въ день дохода, а третья идетъ въ «раскатъ», т. е. окупаетъ содержаніе всѣхъ трехъ: издержки на сѣно, овесъ, деготь и т. п. Прежде же, когда выходило до 500 лошадей [1]) изъ уѣзда, хозяинъ вырабатывалъ 60—100 руб. на лошади. Прежде, бывало, фурманъ даетъ свои деньги купцу на покупку товара, а по доставкѣ послѣдняго получаетъ и свои деньги, и плату за извозъ. Желѣзныя дороги уничтожили извозъ. «Теперъ тихъ фуръ нема, теперъ мала фура» — говорятъ крестьяне.

Итакъ, безпорядочная случка, недостатокъ питанія, ранняя работа служатъ причинами ослабленія крестьянской лошади. Къ этимъ причинамъ слѣдуетъ еще присоединить и неумѣлое лѣченіе [2]). Одно уже частое бросаніе крови, по отзыву спеціалиста [3]) «больше умерщвляетъ лошадей, чѣмъ всѣ болѣзни, вмѣстѣ взятыя». Обыкновенные хозяева крестьяне различаютъ слѣдующія болѣзни лошади, расположенныя по органамъ, подверженнымъ заболѣванію. Бѣльмо на глазу, о также и воспаленный глазъ лѣчатъ задуваніемъ соли и сахара [4]). Насось—опухоль неба—скалываютъ и натираютъ солью или кормятъ лошадь сухимъ ячменемъ (сби-

---

[1]) Короновскій. Стат. опис. луб у. въ полт. губ. Вѣд. 1890 г., № 57, 2.

[2]) О лѣкарствахъ и лѣченіи лошади въ старой Малороссіи много свѣдѣній заключается въ сообщенныхъ Потебнею «Малор. лѣчебн. XVIII в.» въ Кіев, Стар. 1890 г., I, Прил. 18—23.

[3]) Волгеборнъ. Объ усовер. конск. завод. 107.

[4]) По Кривенку (Бесѣды о лош. С.-Петерб. 1894 г., 49) бѣльмо задуваютъ свинцовымъ сахаромъ.

ваютъ). Волчьи зубы выбиваютъ. Мытъ—катарральное состоянiе, развивающееся чаще весной, одновременно съ линянiемъ и ослабленiемъ лошади [1]), и соединенное съ истеченiемъ изъ ноздрей и опухолью железъ (залозъ),—признается народомъ неизбѣжной болѣзнью: «Кажный кинь залозуе або ноздрямы, або провалытся пидъ горломъ». Мытъ не лѣчатъ. Сапъ, повальная болѣзнь, обнаруживающаяся язвами въ ноздряхъ съ истеченiемъ блѣдной, клейкой жидкости, справедливо признается народомъ неизлѣчимымъ. «Дрянь иде носомъ и кинь не прысне. Потимъ здохне». Обыкновенныя опухоли [2]), происходящiя отъ разныхъ причинъ, лѣчатъ квасцами, селитрой, роговою мазью, глиной [3]) и камфорой съ бураковымъ квасомъ. И сибирская язва (телiй) часто соединена съ мѣстными страданiями. «Зробытся опухъ, гуля, якъ пиде у середыну до грудей—то коняка здохне. Черкають, обсицають ножемъ, покы пухле [4]). Мажуть кислымъ молокомъ и глыною зъ уксусомъ». Затѣмъ лишаи и другiя кожныя пораженiя обмываютъ растворомъ соли, натираютъ солью съ куринымъ пометомъ, а чесотку (коросту)—смѣсью дегтя, сѣрки и гречаной золы. Что касается до страданiй растительныхъ органовъ, то пораженiе кашлемъ дыхательныхъ путей, приписывается крестьянами червямъ, гнѣздящимся въ горлѣ лошади, и лѣчится коноплянымъ сѣменемъ примѣшиваемымъ къ корму; кашель же при удушьи, соединенный съ затрудненнымъ дыханiемъ и прерывистымъ движенiемъ реберъ (запалъ), признается неизлѣчимымъ [5]). Опаснѣй-

[1]) П. Цорнъ. Зап. для охотн. до лошад. IV, 260.

[2]) Между прочимъ въ Дагестантѣ опухоль приписываютъ сглазу. (Пржецлавскiй. Дагес. въ Вѣстн. Евр. 1867 г., IX, 190).

[3]) Объ употребленiи глины. Кривенко. Бесѣд. 52.

[4]) Въ «Наставл. для дѣйст. противъ сибир. язвы», составленномъ Ветеринарнымъ Комитетомъ, весьма основательно запрещенно коноваламъ производить кровопусканiя и прорѣзывать опухоли (ст 7) въ предупрежденiе распространенiя заразы.

[5]) Обыкновенно кашель бываетъ припадкомъ другой болѣзни: воспаленiя легкихъ, мыта и т. д. Запалъ есть также слѣдствiе другихъ страданiй: анатомическихъ измѣненiй дыхательныхъ путей, недостатковъ сердца, грудобрюшной преграды и т. д. (Г. Ундрицъ. Дом. скотолѣч. С.-Пет. 1873 г. 52, 53).

шимъ, иногда смертельнымъ страданіемъ пищеварительныхъ органовъ признается чемеръ [1]), по народнымъ наблюденіямъ соотвѣтствующій сояшницамъ и завинамъ у людей [2]), бывающій «витрянымъ, водянымъ, найиздным ъ». Лошадь въ чемерѣ катается по землѣ, садится, хватается зубами за животъ и очень потѣетъ. Лошадь проводятъ, снаружи мажутъ животъ дегтемъ, а внутрь даютъ пить разсолъ или яичный бѣлокъ съ водкой, водку съ золой [3]), также олею. Рвоту у лошади лѣчатъ бураковымъ квасомъ со спиртомъ внутрь или разсоломъ съ олеей, также куринымъ яйцомъ, животъ мажутъ дегтемъ. Окормленную лошадь проводятъ и также мажутъ дегтемъ. Отъ запора даютъ внутрь олею съ разсоломъ, отъ поноса—гарнецъ проса, отъ глистовъ—антимоній въ кормѣ. Запоръ мочи у лошади лѣчатъ смазываніемъ ей губъ и рта овечьимъ каломъ. Затѣмъ въ различныхъ болѣзняхъ ногъ употребительны слѣдующіе пріемы врачеванія. Свихнутую въ плечѣ ногу [4]) потягиваютъ, растираютъ потомъ водкой съ оливой и кладутъ припарку изъ льняного сѣмени. Растираютъ скипидаромъ и при губчатой опухоли колѣна, колѣнномъ грибѣ («якъ росте хрящъ у колини»). и при ревматизмѣ колѣна, «луковкѣ» («якъ воно хрустыть»). И опой есть также ревматическое воспаленіе копытъ и отекъ ногъ, поражающее разгоряченную, напоенную холодной водой лошадь [5]). По народнымъ понятіямъ: «Опой йе такый, шо опухъ буде, нарве и провалытся, а йе и такый, шо напада кровъ». Въ предупрежденіе опоя приговариваютъ, наповая коня: «Пый, коню, воду, не бійся опою. Иванъ Хрестытель перехрестывъ своею правою рукою, шобъ не було опою». Есть еще и такое шептаніе противъ опоя: «Господы благословы нарожденій, благословеній скотыни воды дать. Одъ усти

---

[1]) Колики отъ скопленія газовъ въ кишкахъ. Нельзя давать кататься лошади, иначе можетъ быть заворотъ кишки. (Ib. 28, 29. Кривенко. Бес. 67).

[2]) См. мою «Нар. медиц. въ луб. у.» Кіевъ 1902, 80 81.

[3]) Спиртъ въ этомъ случаѣ не совѣтуется. (Ундрицъ, 29).

[4]) Сплекъ есть растяженіе плечевыхъ связокъ.

[5]) Кривенко. Бес. 67 и Нов. Время 1898 г. № 8139, 4.

и до вершыны ричокъ симдесять чотыри. Ой, пый, коню, пый сю воду, це орданьска вода не бійсь опою» [1]). Опоенной лошади бросаютъ кровь и ставятъ заволоку [2]): «По за шкурою протягають глычкою шворку». Кромѣ того павшую на ноги лошадь, какъ и въ другихъ случаяхъ хромоты, ставятъ въ холодную воду. Наконецъ, мокрецъ,—воспаленіе путового состава преимущественно заднихъ ногъ лошади, съ отдѣленіемъ ѣдкой жидкости («якъ пидъ бабкою слезыть») лѣчатъ прикладываніемъ куринаго помета (курякивъ) къ больному мѣсту.

II. Волы.

Признаки хорошаго вола; сложеніе, масть, названіе воловъ. Покупка, содержаніе, работа воловъ. Лѣченіе рогатаго скота, заговоры.

Волъ, давній сотрудникъ человѣка [3]), долженъ по народнымъ понятіямъ, отличаться слѣдующими признаками силы и красоты. Онъ долженъ быть рослымъ, длиннымъ, ровнымъ; «щобъ маслакъ правый», съ полной шеей (волыстый), съ крѣпкой, выдавшейся холкой (препоромъ). Волъ съ слабой холкой (безъ препору) мало годенъ въ работѣ: ярмо жметъ шею, волъ деретъ голову вверхъ и хрипитъ; лишь до нѣкоторой степени помогаетъ въ этомъ случаѣ привѣска тяжести мѣшка (торбы) съ землей къ ярму. Волъ долженъ имѣть хорошо развитой костный скелетъ: «щобъ бувъ вязыстый, костыстый, круторебрый, густоребрый, щобъ крыжъ

---

[1]) Записаны: въ Солоницѣ и Мгарѣ.

[2]) Заволокой называется искусственная язвина, сдѣланная для того, чтобы ввести тясму между кожей и мускуломъ. Она производитъ притокъ соковъ и нагноеніе (П. Цорнъ. Еженед. XL--XLIV, 662). Примѣненіе ея почти уничтожилось.

[3]) Быки приручены еще въ каменный вѣкъ (Хетчинсонъ. Очер. доист. міра въ Мірѣ Бож. 1897 г., IX, 153) изъ туземнаго дикаго быка (Липпертъ. Ист. культ. I, 89). Сѣрая украинская порода выведена изъ Валахіи (Арендар. Зап. I, 70).

бувъ пьядь съ корхомъ» [1]), и длинный, толстый хвостъ. Безхвостый (куцый) волъ не только самъ по себѣ цѣнится ниже, но и понижаетъ еще цѣну своего парнаго товарища. Главнымъ украшеніемъ волу служатъ крутые рога: лирой или полумѣсяцемъ: «таки, якъ лушни». Козлиные (козловати) и горизонтальные (мелати) рога одинаково нелюбимы. Самыми красивыми мастями рогатаго скота признаются различные оттѣнки сѣрой: «сира, сыва, прыкро-сыва (свѣтло-сѣрая) и голуба (стальная, желѣзистая)». Затѣмъ, различаютъ еще слѣдующія одноцвѣтныя и разноцвѣтныя масти: гниду, красну, рыжу, чорну, полову (сливочнаго цвѣта), лысу (съ бѣлой полосой на мордѣ), пидласу (съ бѣлыми пахами и брюхомъ), перисту (съ бѣлой спиной и черными боками), мургу, муру, красномуру и чорномуру (съ пестро-сѣрымъ, переливчатымъ цвѣтомъ шерсти [2]), зозулясту, напоминающую кукушку, и рябу. Хотя красивѣйшими мастями и признаются сѣрая, голубая, какъ выше сказано, отчасти рыжая, тѣмъ не менѣе хозяинъ, при выборѣ скотины, руководится не одной красотой,— какъ не одной крѣпостью, здоровьемъ животнаго; ему необходимо также знать: какая масть идетъ въ руку, такъ какъ счастливцы, которымъ каждая масть «у двиръ иде», рѣдки. Хозяинъ узнаетъ какая именно масть ему ко двору не только изъ опыта, хозяйничая и перебирая животныхъ разной шерсти, а также изъ наблюденій надъ своимъ домовымъ, какъ видно изъ слѣдующихъ народныхъ повѣрій.

1.

Щобъ побачыть домовыка треба прынесты зъ страсти додому свитло и въ хату не иты, а на оселю злизты. Якъ покажеться у шерсты, то по тій шерсты купувать скотъ, а якъ покажеться якъ дытына голе, або таке, якъ китъ,—то нищо нейтыме въ руку.

---

[1]) Т. е. 7 вершковъ въ обѣ стороны, лучшій кряжъ въ аршинъ ширины.

[2]) См. Основу 1862 г., X, 135.

2.

Домовыкъ йе въ кожній осели. У насъ, що ни куплять чы товаряку, чы коняку, то вона й погыбне. Чоловикъ навчывъ батька: «Якъ пидете на страсть, то лизте съ страстною свичкою на горыще». Батько злизлы на хату, колы лежыть пидъ верхомъ. Батько думають: чы здоровкаться, чы мовчать? Не здоровкалысь, мовчкы подывылысь; половына чоловика, половына въ шерсты. Шерсть рыжа, а ногы били и духъ хорошый. Съ того часу сталы батько купувать рыжу скотыну и мовъ полову, стала вона хороше держаться.

Кромѣ наблюденій надъ домовыми, слѣдуетъ еще разсматривать пасху, освященную на первый день свѣтлаго праздника и принесенную въ домъ. Какого цвѣта ворсинка или волоконце (ость, роса) окажется на ней, такой же масти долженъ хозяинъ покупать скотину [1]).

Мастью же часто опредѣляется и названіе вола: напримѣръ мураго вола называютъ мурашкой. Другія названія [2]) даются по формѣ рогъ: рогай, рожко, козелъ, мелатый, турко (у котораго рога похожи на рога жука тура—lethrus cervus); по сходству съ животными: галка, горобець, заець («сторожкій», пугливый), индыкъ, карась, китъ, комарь, курипей, курочка, огарь, орелъ, пивень, сокилъ, соловей, цапъ, шпакъ и шулика. Воловъ называютъ также по сходству съ неодушевленными предметами: качанъ, каюкъ (лодка), квитка, шпилька (узкозадый); по внѣшнимъ и внутреннимъ качествамъ: довгый, малюкъ, юрко, чемтукъ (сытый), красюкъ, ласько, мазуръ, орюня, спивакъ, страшко и, наконецъ, по національности, фамиліи и ремеслу хо-

---

[1]) То же замѣчаніе встрѣчается: въ ст. В. Щ. «Пища и пит. малор. въ Этн. обозр. 1899 г. № I и II, 318 и у Гринченка: «Изъ устъ нар.» 37.

[2]) Настоящія названія изложены частью въ порядкѣ, принятомъ въ ст. г-на Венгрженовскаго «Раб. волы на Врацлавщ.» (Кіев. ст. 1898 г. VII, VIII, 41—48).

зяевъ, отъ которыхъ пріобрѣтены, напр.: бандай, бондарь, бундыло, гончарь и жыдокъ.

Какъ бы ни предпочитался хозяиномъ доморослый скотъ, все же безъ покупки и промѣна воловъ обойтись никто не можетъ. Обыкновенно хозяинъ держитъ хорошихъ воловъ 5—10 лѣтъ [1]), затѣмъ откармливаетъ и продаетъ, себѣ же покупаетъ меньшихъ, по пословицѣ: «сытого продамъ, ласого куплю». Цѣна воловъ растетъ постепенно, быстро возвышаясь лишь по временамъ. Примѣръ внезапнаго удвоенія цѣнъ представляется въ самомъ началѣ XVIII в. До 1700 г. цѣна пары воловъ въ Малороссіи была 2 р. 50 к., съ этого же года она возвысилась до 4—5 р. [2])

Въ половинѣ прошлаго столѣтія пара воловъ въ Лубенскомъ уѣздѣ стоила 50—70 руб. [3]); а въ семидесятыхъ годахъ во всей Малороссіи 75—115 руб. [4]). Съ этого времени до самаго конца прошедшаго вѣка цѣна слабо возвышалась и вдругъ опять почти удвоилась въ первые годы настоящаго столѣтія, дойдя до 120—250 руб. за пару и до 500 руб. за лучшихъ. Обыкновенія при куплѣ—продажѣ воловъ почти тѣ же, что и при покупкѣ лошадей. Сторговавъ воловъ, покупщикъ и продавецъ бьютъ другъ друга по рукѣ, крестятся, приговаривая: «Господы поможы! Дай, Боже, щобъ я поблагодарывъ тебе за волы, а ты мене за гроши». Продавецъ передаетъ скотыну съ полы, а покупщикъ деньги, и, проговоривъ: «Йижъ гній, та беры на себе лій»! посыпаетъ вола навозомъ.

— Ну, выкынь мени талану (или на таланъ—на счастье), проситъ покупщикъ. Продавецъ выбрасываетъ 2—3 коп. въ заполъ покупщика, который машетъ полой и, выбросивъ деньги, трижды креститъ ихъ и разсматриваетъ: если деньги упали орломъ, то говоритъ: «ну, орлы будуть»! По народной примѣтѣ:

---

[1]) См. Сбор. хоз. стат. Полт. губ. IV. Луб. у., 71.

[2]) Костомаровъ. „Мазепа“ въ Рус. Мыс. 1882 г., III, 120.

[3]) Короновскій. Стат. опис. Луб. у. въ Полт. Губ. Вѣд. 1890 г., № 57, 2.

[4]) Чубинскій, въ Запис. Ю. З. отд. Геогр. Общест. II, 178.

«Якъ гроши упадуть короною наверхъ, то волы будуть у пользи; та ще якъ волы накаляють—то то на таланъ». Необходимо также признанiе на торгѣ продавцомъ «норововъ» уступаемыхъ воловъ, такъ какъ въ случаѣ признанiя, послѣднiе могутъ оставить дурные норовы. Затѣмъ, продавецъ, ударивъ воловъ, говоритъ: «Прощайте! идить до другого хазяина, а за мною не скучайте»! Торгъ заканчивается могорычомъ: по чвертке съ каждой стороны.

Хозяинъ долженъ отвесть для купленныхъ такимъ образомъ воловъ лучшее пастбище: толоку или сѣнокосъ по разсчету 1½ десятины на двухпарный плугъ, а не имѣя своей земли, помѣщаетъ воловъ, по необходимости, въ общественную череду, гдѣ послѣдняя сохранилась, хотя пасть рабочiй скотъ вмѣстѣ съ гулевымъ и коровами неудобно. Тамъ же, гдѣ нѣтъ и общественной череды, хозяину предстоитъ нанять сѣнокосъ за деньги (15 руб. за десятину) или за отработокъ (убрать за десятину двойное количество посѣва). Зимой волъ кормится соломой, преимущественно просяной, а къ веснѣ и въ рабочую пору—сѣномъ.

Быки прiучаются къ работѣ съ трехъ лѣтъ, сначала въ пустомъ возѣ, потомъ въ колишнѣ плуга [1]) при двухъ парахъ старыхъ воловъ, «абы носылы яремце, абы наламувалысь». Иногда сразу обнаруживается негодность быка къ работѣ,—лежащаго въ ярмѣ, но одна только лѣнь не признается особымъ недостаткомъ. Лучшiй волъ ставится въ плугъ справа и называется «борозен-

[1]) Плугъ вѣроятно азiатское изобрѣтенiе. Первоначальная модель легкаго плужка, въ какой впрягали женщинъ и рабовъ, найдена на Целебесѣ (Ш. Летурно. Соцiол., основ. на этногр. С. Петерб. 1895 г., I, 264). Персамъ извѣстенъ былъ какъ малый, такъ и большой плуги, (Rejnier. Ackerb. 277) также грекамъ (Н. 179); дальнѣйшее усовершенствованiе плуга принадлежитъ римлянамъ, поставившимъ градиль на колеса и придѣлавшимъ сошникъ. Слово кельтское (Липпертъ. Ист. Культ. I, 32) извѣстно нѣмцамъ, англичанамъ (plough) и славянамъ. Устройство мѣстнаго плуга и названiе частей такое же какъ у Чубинск. (VII, ч. III, 398 399).

нимъ», лѣвый—«пидручній»—можетъ быть слабѣйшимъ. Впередъ посылаются опытные волы, понимающіе «собъ и цабе» [1]).

Прежде, при старомъ, неуклюжемъ, римскаго образца плугѣ, успѣвали напахать въ день лишь $^3/_4$ десятины на паръ и $^1/_2$ дес. на зябъ, теперь, когда деревянный плугъ почти повсемѣстно замѣненъ новымъ, желѣзнымъ, пашутъ уже около десятины въ день. Теперь чаще встрѣчается смѣшанная упряжка изъ пары воловъ и пары лошадей.

Народныя представленія о болѣзняхъ рогатаго скота, ихъ опредѣленіе и лѣченіе, удобнѣе всего складываются въ три отдѣла: 1) страданія органовъ чувствъ, 2) болѣзни внутреннихъ растительныхъ органовъ и 3) пораненія и кожныя страданія.

Обыкновенное воспаленіе глазъ, случающееся большею частью отъ механическихъ причинъ—толчковъ, ударовъ, пыли,—излѣчиваютъ, промывая глаза холодной водой. Извѣстно, что запущенное воспаленіе глазного яблока, соединенное съ язвинками, оставляетъ постоянное помутнѣніе и даже бѣльмо [2]). По народнымъ же повѣріямъ бѣльмо у скотины образуется въ томъ случаѣ, если хозяева ея вытираютъ вспотѣвшія окна по праздникамъ и воскресеньямъ. Бѣльмо лѣчатъ слѣдующими средствами: задымаютъ ихъ чрезъ камышъ, очищенный отъ пленокъ: солью обыкновенной и освященной, сахаромъ [3]), «кришталемъ» (толчонымъ сте-

---

[1]) Изъ программы американскаго профессора H. Carrington Bolton „Terms used in talking to domes tic animals" видно, что наше малорусское восклицаніе гей и тождественное нѣмецкое hei похоже на восклицанія при управленіи движеніями животныхъ и у другихъ народовъ: get, dee, haw; у англичанъ: juh, gio, у американцевъ: gee, у французовъ: hue.

[2]) Ундрицъ. Домашн. ското-лѣчебн. 137.

[3]) То же средство указано въ ст. г. В. К. «Лики моего села» въ Кіев. Стар. 1902 г., IX, 332.

кломъ); также прикладываютъ къ больному глазу: яичный желтокъ и сокъ дождевыхъ червей [1]).

От бѣльмъ шепчутъ:

1.

Господы поможы мени, свята царыця небесна, стань мени на помочи первымъ разомъ и божимъ часомъ сей день святый господень вивторокъ; и вси святіи, преподобни, богоносни станьте мени на помочи рожденій, благословеній сирій коровоци, нашій Мотроноци одъ сёго горенька, одъ оціи болизни, одъ бильма. Буде се бильмо наспане, буде воно й наслане; буде воно й зъ трудивъ, испытене, изйидене и водяне и витряне и прозирне и навіяне и нанесене и подумане и погадане и помыслене и вранишне и вденишне и вечирне. Буде се бильмо и чоловиче и жиноче и парубоче и диводе, и стритене и супротывне и задавпене, занехаяне, и будешъ ты, бильмо, неотчаяне; а я се бильмо шепчу и выпиптую и выклыкаю и вызываю Божымы словамы, Божымы молытвамы и своимы сахарными устами одъ рожденои, благословенпои сирои коровочкы, своеи Мотроночкы я се бильмо на дыкы степа, на дыкы болота высылаю де люды не ходять, людьскій гласъ незаходыть и сонце праведне не сходыть. Тоби, бильмо, въ неи не стояты и ока не заступаты, сирои масты не сушыть и въ голову іи не быть, чыстого серця не тошныть, жовтои косты не ломыть и по еи суставахъ не ходыть и червонои крови не нудыть. И ты, бильмо, соби изступы, изійды якъ туманъ по долыни, морозъ на калыни, силь на води, щука рыба у води. И якъ воно все розійдется, такъ и ты бильмо изступы, изійды и посчезны, пропады! (Отъ Хомулиной изъ Волчка).

2.

Ишла Божая Маты черезъ золотый мистъ золотимъципочкомъ пидпиралась. Оглянулась назадъ, бижыть тры собаки: одна

---

[1]) Тоже въ моей «Нар. мед. въ Луб. у «Кіевъ 1902 г., 35.— Продѣваніе въ ухо скотинѣ красной шелковинки отъ бѣльма (Манжура. Сборн. Хар. Ист. филол. общ. II, 154) дѣлается рѣдко.

сира, друга била, а третяя руда. Сира лызнула слёзы, руда крови, а била бильма. (с. Губское).

3.

Господы поможы и пресвятая Богородица станьте въ помочи! Ишовъ самъ Ісусъ Хрыстосъ сриблымъ мостомъ, сриблымъ и золотымъ ципкомъ подпирався. За нымъ ишло тры хорты: одынъ билый, другый сирый, третій чорный. Билый бильмо изгоня, сирый слёзу утыра, чорный чоловичкы дае. Я шепчу, одшиптую одъ сирои шерсты, одъ жовтои косты. Бильмо бильмыще, полуда, полудыще!

4.

Йихавъ Юрій, Мыколаивъ братъ, на билому кони, державъ сокола въ руци, а за нымъ бигло тры хорты: одынъ чорный, другый рудый, третій билый. Сокилъ зорнувъ, чорный хортъ сокола нагнавъ, рудый розирвавъ, а третій сирому волу бильмо злызавъ [1]).

5.

Йихавъ святый Гурій на билому кони и кинь спиткнувся. Стій, мій кинь добрый! чого ты спотыкаесся, чого требуешъ? Я требую, щобъ се бильмо тутъ не було. (Отъ кр. с. Хитцовъ Гаврила Нагорянскаго).

6.

Иихавъ билій царь на билимъ кони, на билимъ сидли въ билій сорочци, въ билій жилетци, въ билихъ штаняхъ, въ билихъ и сапьянахъ. Я буду одъ бильма шептаты, Господа Бога прохаты. Мои слова, а Божа помочъ. (Отъ кр. с. Хорошковъ Софіи Сысиной).

7.

Йихавъ Войменъ сывымъ конемъ, пидъ правымъ плечемъ сокола державъ. Сокола впустывъ и кровъ спустывъ. За нымъ

---

[1]) Слизываютъ и трижды плюютъ въ глазъ.

тры ведмеди йшло. Одынъ чорный, другый сывый, а третій билый. Чорный кровъ спустывъ, а сывый полызавъ, а билый свить показавъ [1]). (с. Губское).

Органъ вкуса, языкъ, поражается иногда такъ называемымъ курдюкомъ, подъ которымъ понимается трещина, ранка, произведенная остюкомъ соломы. Курдюкъ сдираютъ ногтемъ до крови и натираютъ солью, потомъ смазываютъ синимъ купоросомъ однимъ или пережженнымъ съ дегтемъ, табакомъ, чеснокомъ, куринымъ или гусинымъ пометомъ. Эти же средства употребляются и при заболѣваніяхъ совершенно другого характера, заразномъ ящурѣ, называемомъ также иногда въ Лубенскомъ у. «обрывомъ», поражающемъ языкъ и губы животнаго особыми пузырьками, полными бѣловатой жидкости, и производящемъ иногда хромоту [2]). Пузырьки «сколюють» шиломъ или большой иглой и смазываютъ синимъ камнемъ съ указанными средствами и еще сельдями и сѣркой.

Опаснѣйшимъ страданіемъ внутреннихъ растительныхъ органовъ по народному мнѣнію признаются приливы крови (якъ кровъ напада, наляга). Болѣзнь эта, бывающая отъ опоя скотины горячею, отъ вѣтра, сглаза (урокивъ), также отъ того, что хозяева, несоблюдая праздниковъ, стираютъ въ праздничные дни лавы, выражается тѣмъ, что скотина невесела, ложится, уши ея отвисаютъ и дѣлаются холодными, она тяжело дышетъ, поводя боками и не отрыгаетъ жвачки (не ремыга). Отъ крови лѣчатъ разными способами. Заливаютъ больную скотину «четверговой» солью, положенной въ чистый четвергъ на окно и собранной на восходѣ, разсоломъ изъ подъ сала или огуречнымъ съ олеей и яйцомъ. Въ глотку бросаютъ десятокъ яицъ въ скорлупѣ и освященное сало, а ротъ смазываютъ дегтемъ; ноздри и уши заду-

---

[1]) Примѣчаніе. Предъ произнесеніемъ этого заговора нужно перекреститься и разъ зѣвнуть.—Варіанты заговоровъ: Манжура., 150; въ моей «Нар. мед.», 35.

[2]) Ундрицъ. 157—159. Бажановъ. Попуп. наст. наст. объ ухза рпгат. скотомъ. Моск. 1852. 74—76.

ваютъ солью, Если эти средства не помогаютъ, то прибѣгаютъ къ кровопусканію изъ шейной вены или отрѣзая кончикъ уха «якъ напада верхова кровъ». Нѣкоторые хозяева не разрѣшая этой опасной операціи, могущей вызвать анемію мозга, совѣтуютъ бросать кровь съ хвоста. Если наляжетъ внутренняя (степна) кровь, то кровопусканіе производятъ изъ шейной вены, а если скотина захромала,—то съ ноги.

Для отклоненія одной изъ причинъ описываемой болѣзни—опоя, приговариваютъ пьющей воду скотинѣ: «Пыйте волыкы іорданьску воду, небійтесь опою. Сей день Божый--свята середа, будьте сыльни, здорови якъ іорданська вода. Водыци напьется, воно все й мынеться». Въ самой болѣзни шепчутъ и отъ урокивъ, главной ея причины, и отъ крови:

1.

Уси святи станьте мени въ помочи одъ велыкои немочи, одъ урокивъ шептать. Господь буде, маты Божа, маты Хрыстова помагать. Мои слова, Божа помичъ. И вы, врокы, врочыща! вы стритени, вы зйидени, вы й подумани, вы й погадани, вы й невымовчени, вы и сказани, вы й задавнени, вы й спротывнени, вы й спрозорени, вы й витряни, вы й водяни, вы й хлопьячи вы й дивчачи, и оступиться одъ коровы нарожденои, одъ іи ригъ, одъ іи нигъ, одъ іи очей, одъ іи коровьячихъ плечей, одъ іи хвоста, одъ коровьячого стану. И тутъ вамъ не стоять и не гулять и парусивъ не пускать, веселого серця не нудыть, чорнои крови не пыть, жовтои косты не ломыть. Идить соби на далеки миста, на глыбоки ямы, куды витеръ не завіе и сонечко не загріе, де гора зъ горою на сходытся.

2.

Ишла Божая Маты, изостривсь Іисусъ Хрыстосъ.—Куды ты идешъ, Божая Маты?—Пиду до скотыны шептаты. Я буду шептаты, а Господь буде помагаты: одъ ёго очей, одъ ёго плечей, одъ ёго печинокъ, одъ щырого серця, одъ голосу и одъ волосу, одъ товарячого стану. Ссылаю васъ на болота, на черета де люде

не ходять, де дзвоны не дзвонять, де пивнячый гласъ не заходыть. Щобъ вы тамъ гулялы, буялы, жовтои косты не ломалы, червонои кровы не былы и въ голову не былы и веселого серця не нудылы. (Отъ крест. с. Хорошковъ Евдокіи Матяровой).

3.

Ишла Божа Маты, зостривъ Сусъ Хрыстосъ, ставъ пытаты: «куды ты идешъ, Божая Маты»?—Иду до скота шептаты. Одъ ёго косты, одъ рыжои масты и одъ ёго очей и одъ ёго плечей. Изсылаю васъ на черета, на болота, де люды не ходять, де й дзвоны не дзвонять, де пивнячій гласъ не заходыть. (Отъ крест. с. Хорошковъ Евдокіи Матяровой).

4.

У мори стоялы тры столы заслани, за ными сыдило тры паны. Та не вмилы воны ни шыты, ни прясты, ни жовтей жовтыть, ни билей билыть, та вмилы воны урокы урочыща одшиптувать и одмовлять и одганять одъ сирои шерсты: мужыцьки, жоноцьки, парубоцьки, дивоцьки, хлопячи, дивчачи, подумани, погадани, промовляни, прыговоряни, соньцови и витряни, нагляжени и витромъ навивани,—то я васъ одшиптую и одмовляю: идить соби на мхи и на очерета.

5.

Йихавъ Юрій, Мыколаивъ братъ, на дванадцяты быкахъ, дванадцяты жеребьяхъ и дванадцяты баранахъ до царыци Зосымовій на собраніе. Якъ началы воны пыть та гулять, начала я одъ крови шептать, ставъ Господь мылосердый помичъ давать. Туды я кровъ зсылаю, де скотъ не ремыгае, и земли на роси не пахае; де дивка зъ парубкомъ не стояла, косы не чесала. Куды христіянській гласъ не заходыть, туды ся кровъ заходыть.

6.

Бигло два браты рятуваты, крови замовляты нерожденій корови одъ іи косты, и одъ іи масты и одъ іи ригъ и одъ іи нигъ, одъ коровьячого стану и одъ іи головы и довгого хвоста. И тутъ

тоби не стояты и косты не ломыты и коровы не нудыты, покорму не дбираты. (Отъ Ф. Матвіенковой, изъ Шекъ).

7.

Ишла дивка на камьяну гору; зустрила тры рички: одна камяная, одна писковая, а друга водяная, а третя кривавая. Пискова розсунулась, а водяна розлылась, а кривава по костяхъ розійшлась. Одъ чернои масты, червонои крови. (м. Снѣтина).

8.

Я тебе одмовляю и я тебе одвертаю и я тебе замовляю: щобъ ты тутъ не стояла и стачыны не забавляла. (м. Снѣтина).

Среди страданій пищеварительныхъ органовъ часто встрѣчается у скота раздутость брюха («якъ скотына обидмется»), т. е. увеличеніе желудка, преимущественно рукава (rumen) отъ развивающихся во время пищеваренія газовъ, случающееся отъ зеленаго корма, смоченнаго дождемъ или обильной росой, особенно отъ клевера [1]). Раздутіе брюха, по народнымъ наблюденіямъ, бываетъ и тогда еще, когда скотина наѣстся мокрыхъ травъ изъ семействъ лютиковыхъ и маревыхъ, также веха! [2]) или росистой травы, по которой лазилъ тарантулъ. Лѣчатъ больной скотъ пріемами внутрь: разсола изъ подъ огурцовъ, мятаго конопляннаго сѣмени, освященнаго сала, горсти смолы; горло и ротъ мажутъ дегтемъ. Скотину гоняютъ сколько возможно долѣе, а если она, ложась, вздохнетъ или облизываясь, достаетъ ноздрей, то надѣются на выздоровленіе. Убиваютъ также оборотомъ руки (на выдли) паука и оборотомъ же руки бьютъ больную скотину, приговаривая: «Помылуй насъ, Господы, и увесь твій мыръ сохраны одъ усякои погыбели». Наконецъ прокалываютъ вздохъ швайкой, взамѣнъ троакара.

---

[1]) Ундрицъ. 134—136. Бажановъ. 83—85.

[2]) Иначе: бехъ, виха, вомига (cicuta virosa. L.) по словарю Роговича 117—118.—Одно изъ ядовитѣйшихъ растеній, встрѣчающееся у тихихъ водъ. (В. Григорьевъ. Руков. къ ботан. 219).

Заболѣвшую обыкновеннымъ поносомъ заливаютъ: спиртомъ съ солью, мятымъ пшеномъ, растертой свадебной шишкой, скотскимъ пометомъ, квасцами, кирпичемъ, распущенными въ водѣ, осьминой или двумя дегтя, а хвостъ перевязываютъ весильнымъ гарусомъ (жычками).

Отъ запора лѣчатъ: разсоломъ, разсоломъ съ олеей.[1]), олеей съ мыльной водой, водкой съ мыломъ, сыровцомъ съ яйцомъ и дегтемъ и отваромъ сокирокъ (delphinium consolida L.).

Гораздо опаснѣе этихъ обыкновенныхъ заболѣваній желудочныя колики или рѣзь (перелогы), соотвѣтствующія конскому чемеру и сояшницамъ у людей. «Якъ нападуть перелогы скотыну, то вона бьется, пада, качается, дрыга ногамы. Воны бувають одъ крови, воды, зъ витру, зъ людей». Перелоги нападаютъ и по особой причинѣ: если скотина перейдетъ первая раньше даже, чѣмъ птица перелетитъ, то мѣсто, на которомъ каталось какое-либо животное, раждающееся слѣпымъ: собака, котъ, заяцъ или волкъ. Отъ перелоговъ даютъ внутрь льняное масло, вздохи мажутъ дегтемъ, и больную скотину обвязываютъ штанами, также обводятъ ими трижды поперекъ животнаго отъ спины подъ животомъ; обводятъ и шапкой [2]), а въ селѣ Губскомъ еще и котомъ такимъ образомъ. «Сирого кота, абы бъ не билого, треба укынуть у мишокъ и перевернуть скотыни тричи кругомъ черезъ спыну. Скотыни мынется, а китъ не вдержытся. Той найдется, що его задушыть».

Отъ перелоговъ шепчутъ такъ:

1.

Перелогы витряни и водяни, подумани, погадани, наслани! Я васъ и вызываю, я васъ и высылаю изъ ёго нигъ, изъ ёго

[1]) Конопляное масло совѣтуется и ветеринаріей (О мѣр. предохр. отъ скот. падеж. Полт. 1867 г., 13).

[2]) Въ очеркѣ М. Горькаго «Ярмарка въ Голтвѣ» (Разск. т. III, изд. II, 89) переданъ случай перелогъ. Когда корова упала въ корчахъ, то хозяинъ растиралъ ей шапкой хребетъ и трижды обвелъ ею вокругъ рогъ, шеи и хвоста. Глотку залили дегтемъ и скипидаромъ, потомъ бросили кровь съ шеи больному животному.

жовтои кости, изъ его червонои крови. Тоби тутъ не ходыты, косты не сушыты, червонои крови не ялыты. Пиды ты туды, де люде не ходять, де людській гласъ не заходе! (с. Волчокъ).

2.

Перелогы, переложыщи! витряни и огняни и прозирни. Вы испытени, вы изйиздени, вы истритени, вы й оступиться, вы й одкотиться одъ его костей, одъ его мастей, одъ его жылъ, одъ его пажылъ, одъ его восьмыдесяты суставъ и одъ волового стану, одъ сирои мастыны, одъ нарожденои скотыны. (д. Шеки, отъ Е. Купріевой).

3.

Господы поможы! Мыколаю, угодныче Божый, рыжій скотыни! Йихавъ Кузьма и Демьянъ на гнидому кони и одлычивъ трыдевять коливъ [1]), и трыдевять коливъ положывъ и скоро ти перелогы перебывъ. Розійдитеся вы перелогы, якъ витеръ въ степу, а туманъ на води. (с. Калайденцы).

4.

Перелогы, переложыщи! Я васъ вызываю и выклыкаю одъ гнидои скотыны, я васъ высылаю Иродови въ ногы. Изойдить соби, изступить соби и посчезнить, пропадить у Ирода (с. Волчокъ, отъ Хомулиной).

5.

Перелогы ходылы коло дорогы, а я ти перелогы на очерета, на болота, на попови ворота, а зъ поповыхъ воритъ, сатани въ жывитъ. (с. Литвяки, отъ В. Кириченка).

6.

Сыдыть пипъ на покути, а дякъ на лави, чортъ на порози. Попови чачавыця, а дякови рукавыця, а чортови перелогы—въ

---

1) Кольевъ.

ёго велыки роги. Винъ болотомъ затрясе и перелогы понесе изъ билои масты, изъ жовтои косты изъ сёмыдесяты суставивъ, зъ червонои крови. (д. Солоница).

7.

Иде пипъ чытае, дякъ замичае. Попови горщыкъ, дякови каша, жыдови перелогы межъ ногы. (с. Михновцы).

8.

Йихало тры попы, а за ными тры чорты. Одынъ каже: «я буду одъ перелогивъ шептать», а другый каже: «я буду розгонять», а третій каже: «я буду помогать. А я васъ всихъ розжену и самъ поможу. (с. Губское).

9.

Перелогы, логы, логы ишлы на лозы, а зъ лизъ десь узявся ченець, завьязавъ перелогамъ кинець[1]). (с. Бересточь, отъ П. Величкиной).

Разнородныя пораненія скота лѣчатъ слѣдующимъ образомъ. Если волъ сотретъ себѣ шею дурно пригнатымъ ярмомъ или во время работы подъ дождь, то рану замазываютъ молокомъ или свинымъ смальцемъ; оборванныя копыта (обирвани ратыци) залѣчиваютъ саломъ, зажареннымъ на горячемъ желѣзѣ (пидиску), дегтемъ и роговой мазью; растрескавшіяся ноги (подсѣдъ) смазываютъ также растопленнымъ саломъ. Порѣзную или колотую рану засыпаютъ кое-гдѣ сушеной, стертой въ порошокъ черепахой или такъ называемымъ землянымъ духомъ—растеніемъ, похожимъ на цикорій, всего чаще сокомъ коноплянаго сѣмени, сжареннаго на угляхъ въ просверленномъ снизу горшкѣ. Струящуюся изъ раны кровь стараются остановить такими шептаніями.

---

[1]) Варіантъ заговора противъ перелоговъ встрѣчается у М. Комарова: Нова збир. малор. нар. прыказ. Одесса, 1900 г., 112.

1.

Мыръ тоби сира корова! Хата твоя, а воля моя. Аминь, аминь, аминь. Я тебе кровъ замовляю и заговоряю, щобъ ты не цянула и не капнула безъ мого видома; що я тебе шептала, я тебе заговоряла Божымы словамы и молытвами и своимы сахарнымы устамы. (с. Волчокъ, отъ Хомулиной).

2.

Ишла свята Пречыста зъ Кіева и несла изъ рызъ платочокъ рану затуляты и кровъ замовляты (с. Хитцы, отъ М. Ганенковой).

3.

Ишлы Божи старци по воду зъ золотымы видрамы, золотымы коромыслами. Коромысла поламалысь, видра побылысь, а вода розлылась. А въ нарожденои скотыны кровъ унялась. (д. Шеки, отъ Е. Купріевой).

4.

Ишла красна дивыця зъ камянòю дійныцею до камянóи коровы. Колы зъ камянóи коровы молоко побижыть, то тоди изъ рожденного сирого вола и кровъ побижыть. (Хитцы, отъ Ф. Копаня).

5.

Ишла дивка калынова черезъ калыновый мистъ тай стала, у нарожденои благословенной сирои коровы кровъ перестала. (с. Хитцы, отъ Глушковой).

6.

Сіяла дивка рожу, рожа не зійшла и кровъ щобъ у нарожденои рыжои коровы не пишла. (с. Губское, отъ А. Павленка).

7.

Ишлы тры чоловикы зъ-за билои ричкы, лозу рубалы, лоза не зійшла и кровъ щобъ не пишла. (с. Губское, отъ А. Павленка).

8.

Ишовъ баранъ черезъ сынее море, оглянется—бижыть джерело. Скынувъ зъ себе руно и заткнувъ джерело. [1]) (с. Губское, отъ Павленка).

Запущенную рану, въ которой зародились черви, очистивъ отъ послѣднихъ, мажутъ дегтемъ или роговой мазью и шепчутъ такъ:

Бувъ соби молодожинъ та державъ девьять жинъ, одъ девяты до восьмы, а одъ восьмы до семы, одъ семы до шесты, одъ шесты до пяты, одъ пяты до чотыри, одъ чотыри до тры, одъ тры до дви, одъ дви до одніи, щобъ не було въ половои коровы червяка ни одного [2]). (д. Шеки, Ф. Матвіенковой).

Животному, искусанному бѣшеной собакой, скалываютъ раскаленной иглой синіе пузырьки подъ языкомъ, такъ называемые щенята или песики, а внутрь даютъ: нѣсколько маекъ (littaves catoria) въ хлѣбѣ, смѣсь изъ $1/2$ кв. спирта, $1/2$ ф. селитры и $1/2$ ф. квасцовъ въ бураковомъ квасѣ черезъ каждые четыре часа по полъ кварты на пріемъ, и особенно дрокъ (genista tinctoria L.).

Рану, произведенную менѣе опаснымъ укушеніемъ змѣи обводятъ дегтемъ для того, чтобы опухоль не распространялась и колютъ иглой, потомъ выдавливаютъ и натираютъ солью, для утоленія же жара мажутъ ранку кислымъ молокомъ или прикладываютъ къ ней лягушку.

---

1) Варіанты заговоровъ отъ крови: у Комарова. Нов. Зб. 110, Гринченка. Изъ устъ нар. 60 и въ моей «Народн. Мед.» 1902 г., 24, 25.

2) «Казать такъ, щобъ выговорыть не одпыхаючи, тоди на правій пяти окрутнуться; землю зъ пидъ пяты зирать и затоптать де червы».

Отъ змѣй заговариваютъ слѣдующимъ образомъ:

1.

Господы поможы! Мыколай святый угодныкъ Божій и стань мени у помочи изъ усима святымы. Въ чыстимъ поли сынее море. У сынимъ мори стоить чорный явиръ, на явори соколове гниздо; въ тому гнизди гадына Тетяна. Гадыно Тетяно! зупыняй свои зросты, зупыняй ихъ, выклыкай ихъ: чорни, ряби, куци, слипи. Якъ не будешъ зупыняты, буду тоби ризать зубы, губы й пагубы. И тутъ ядови не стояты, червонои крови не пыты, жовтои косты не ламыты, гнидои масты не знобыты. И розійдыся ты, пухле, якъ витеръ у степу, а туманъ на води (с. Хелебцы).

2.

На мори на Дунаи и на острови Кіяни и тамъ стоявъ дубъ дупленатый, а въ тому дуби гниздо, а въ тому гнизди лежыть царыця Оленыця. Ты царыце Оленыце! закажы своёму війську старому и малому, крывому и слипому щобъ Господь на помичъ дававъ (с. Мгарь, отъ Бойкиной).

3.

У поли потикъ, а въ тому потоци стоить дубъ гилюватый и лыстоватый, а на тому дубови гниздо, а въ тому гнизди сыдыть гадына, царыця полова, а до іи прыйшла ще й друга. Годи тоби, гадыно царыце, тутъ сыдиты, ходимъ на осіянську гору каминя глодаты. Не пидешъ ты каминя глодаты,—буде тоби пры рыпици хвистъ одпадаты, а нарожденій корови, буйвалыци, сёмирижныци буде опухъ опадаты.

4.

У лиси пидъ деревомъ грушою гниздечко йе, а въ тимъ гниздечку тры гадыны сыдыть: одна ряба, друга полова, третя

чорна. Ряба не дуже зла и полова не дуже зла, и высыплются у неи зубы одъ іи зла [1]).

Разнородныя формы накожныхъ страданій: лишаи, случающіеся у скотины, взошедшей на мѣсто, на которомъ до того качалась лошадь, парши и коросту лѣчатъ частью однообразными средствами: больное животное моютъ отваромъ табака, а затѣмъ лишаи затаптываютъ гречаной золой (пазилками) или золой ивы (Salix cinerea. L.), коросту мажутъ дегтемъ съ синимъ купоросомъ, сѣркой и куринымъ пометомъ.

III. **Корова и теленокъ**.

Выборъ коровы по наружному виду и качеству молока на ярмаркѣ. Способы пастьбы и выгонъ скота на пастбище. Случка, предохраненіе коровы отъ порчи. Обращеніе съ новорожденнымъ теленкомъ. Коровьи немочи: недостатокъ молока, молоко съ кровью. Заговоры. Сохраненіе молока, доходъ отъ коровы.

Хотя цѣнность коровы опредѣляется преимущественно качествомъ молока, но и внѣшній видъ ея имѣетъ значеніе въ глазахъ хозяевъ. Хозяйки предпочитаютъ длинныхъ, широкихъ, округленныхъ коровъ на низкихъ ногахъ. Роги лучше крутые, въ видѣ ухвата (хватокъ), чѣмъ стоящіе впередъ или опущенные внизъ. Хороша толстая шея: «щобъ корова була волыста [2]), оподыстенька»; хвостъ долженъ быть длиннымъ съ рѣпицей до колѣнъ, толстой, слегка потрескавшейся, съ перхотью (лупою), а на концѣ хвоста должно быть утолщеніе въ родѣ лука. Большое вымя не всегда свидѣтельствуетъ о качествѣ молока, такъ что лучшей коровой признается не та, у которой большое вымя, а

---

[1]) Застромыть нижъ у землю и гладыть потимъ по опуху тимъ ножемъ.

Варіанты заговоровъ отъ укушенія змѣй въ Сбор. сказ. Манжуры въ Спб. Харьковск. истор. филологич. общ. II, 150 и въ т. VI, 279, 289.

[2]) Съ толстымъ подшейкомъ.

та, у которой толстыя молочныя жилы [1]) (родныкы, крынычкы) подъ животомъ, а подъ дойками должны быть углубленія, въ которыя заходили бы три пальца. Съ такими требованіями обращаются хозяева къ коровѣ на ярмаркѣ.

Продажную скотину гонятъ на ярмарку освященной вербой, для удачи же торга берутъ съ собой талисманъ. «Щобъ була фортуна, якъ купувать и продавать скотыну, беруть у ярмарокъ той чепець (сорочку), що якъ родытся дытына. то ёго сушать». На ярмаркѣ, покупая телицу, замѣчаютъ, гдѣ у нея расположенъ завитокъ изъ волосъ—вихорь. Если на лбу между глазами, то она будетъ ежегодно съ теленкомъ, если вихорь выше или совсѣмъ отсутствуетъ—то только черезъ годъ (перелитокъ). Безплодную корову (коминпыцю) при покупкѣ опредѣлить нельзя. Не слѣдуетъ покупать коровы [2]) съ дырявымъ рогомъ, также съ недостающимъ ребромъ или, все равно, съ впадиной межъ ребрами. Послѣ пропажи такой скотины сдыхаетъ у хозяина еще 11 головъ скота и только двѣнадцатая задерживается. Не покупаютъ и коровы, согнанной тростью и мочащейся во время торга—будетъ рѣцкомолокая [3]). Молоко коровы при покупкѣ тоже подвергаютъ изслѣдованію, брызгая на ладонь и растирая; молоко, сбивающееся въ маслянистый комокъ (мастке), указываетъ на хорошій сборъ, и такую корову покупаютъ. Такимъ образомъ предохраняются отъ покупки «молошнои середы, або пятныци». Есть, однако, случаи, въ которыхъ никакія предосторожности не помогаютъ: именно, если хозяйка, продающая корову, предварительно отберетъ у послѣдней молоко тѣмъ или другимъ способомъ; напр. сдоивъ продажную корову на кусокъ хлѣба, даетъ

---

[1]) Кровеносные сосуды, идущіе отъ вымени къ груди. Они должны быть толсты и извиты. Ундрицъ. Домашн. скотолѣч. С.-Пет. 1873 г., 122.

[2]) Средняя цѣна коровы по Чубинскому (Зап. Ю. З. отд. Геогр. Общ. II, 178) 36, теперь—60 руб.

[3]) То же замѣчаніе у Гринченка: Изъ устъ народ. Черниг. 1900 г., 37.

съѣсть его остающейся дома, при чемъ, по народнымъ повѣрьямъ, у остающейся молоко удваивается, а у продажной пропадаетъ. Только знатокъ,—какъ свидѣтельствуетъ приводимый разсказъ,—можетъ предохранить отъ убытка въ подобномъ случаѣ.

«Продае жинка корову на ярмарку, а чоловикъ купуе. Винъ грошы выйма зъ-за пазухы, а другый у сторони стоить и дывытся на ихъ; потимъ каже: «Не давай, чоловиче, грошей, покы вона тоби не оддасть того, що въ неи въ пазуси йе». А вона одмагается: «Що въ мене въ пазуси? У мене ничого нема въ пазуси». А той чоловикъ каже: «та выймай, выймай. Любышъ грошы брать, такъ любы и молоко оддавать». Вона выняла зъ пазухы и оддала каламарчыкъ. А потимъ той каже покупщыку: «О теперъ давай, чоловиче, грошы за ту корову, то ты йистымешъ молоко» [1])

Гоня въ дворъ купленную на ярмаркѣ корову, нужно заставить ее переступить въ воротахъ чрезъ разостланный красный поясъ, на которомъ положенъ хлѣбъ съ солью, и затѣмъ дать съѣсть тотъ хлѣбъ коровѣ. Если съѣстъ, то пойдетъ въ руку. Если у купленной коровы до года будетъ болѣзнь или другая случайность, то ее нужно непремѣнно сбыть, но если подобная случайность будетъ по прошествiи года, то корову перепродаютъ иногда фиктивно въ нѣдрахъ семейства [2]).

Купивъ корову, хозяйка прежде всего должна озаботиться о содержанiи ея, особенно лѣтнемъ. Пастьба скота въ лубенскомъ уѣздѣ организовывалась въ разное время различно. Во владѣльческихъ селахъ при крѣпостномъ правѣ крестьянскiя коровы ходили по панской толокѣ въ панскомъ стадѣ безплатно, пользуясь владѣльческимъ быкомъ, какъ средневѣковые вилланы—**taureau banal**. По прекращенiи крѣпостного права, паны нѣкоторое время, до размежеванiя, держали еще стада и принимали скотъ по 15—25 коп. за голову съ обязанностью пасть до Покровы. Пастухъ получалъ особо гарнецъ (10 фунт.) ржаной муки. Во многихъ

---

[1]) Отъ кр. д. Шекъ Е. Купрiевой.

[2]) То же у Гринченка. Изъ устъ нар. 69, 70.

селахъ была общественная череда[1]); пастухъ получалъ по 15 коп. отъ скотины и по пуду ржаной муки[2]). Пастухи поочередно кормились по хозяевамъ, а на день получали отъ нихъ припасы. Они отвѣчали только за испорченную или утраченную на пастьбѣ скотину, а за пригнанную въ село не отвѣчали. Въ общественномъ стадѣ былъ и общинный быкъ[3]), содержавшійся поочередно хозяевами или которымъ нибудь однимъ за плату. Въ настоящее время, въ мѣстахъ, гдѣ сохранились общественныя череды на общественной или нанятой землѣ, платится пастуху 10—75 коп. отъ скотины и гарнецъ гречки и проса отъ двухъ скотинъ; въ западной части уѣзда расплата съ пастухомъ производится снопами: 20—30 сноповъ за пару воловъ[4]). Вечеря круговая (черговa); кромѣ того дается пастуху на свѣтлый праздникъ: булка или паляныця и двѣ крашанки «отъ честы». Переходною формой представляется наемъ нѣсколькими хозяевами совмѣстно общей толоки съ очереднымъ пастухомъ, подъ условіемъ убрать владѣльцу тройное количество десятинъ посѣва по сравненію съ нанятой землей. Наконецъ, послѣдній способъ лѣтняго содержанія скотины—отдѣльная пастьба каждымъ хозяиномъ, подъ присмотромъ члена семьи, на выгонѣ, по дорогамъ, рвамъ и промежкамъ. Если и этотъ послѣдній способъ пастьбы не возможенъ, то приходится разстаться съ коровой. Пастьба начинается съ проводного понедѣльника или со св. Георгія и продолжается до снѣга. Въ Засульской волости долго сохранялся древній обычай при выгонѣ скота въ первый разъ на пастьбу, перегонять его на во-

---

1) Череда—очередь, отъ обыкновенія пасть общее стадо поочередно каждымъ хозяиномъ. (Ефименко. Догов. о наймѣ паст. Изъ Зап. Геогр. Общ. 1877 г. VIII, 62.

2) По Чубинскому (тр. VI, 76, по 2 п. съ дойной и 15—20 к. съ яловой коровы.

3) И правительство, и земство, заботясь объ улучшеніи скота, пріобрѣтали быковъ; напр. въ 40-хъ годахъ Управленіе Госуд. Имущ. выписало 17 бугаевъ въ лубенскій у. (Короновскій. Ст. опис. полт. губ. въ. 1900 г., № 54, 2).

4) Сб. стат. полт. губ. IV. Луб. у. 71, 72.

ротахъ черезъ огонь [1]); въ Тишковской волости на воротахъ кладутъ сѣкиру, обращенную остріемъ (лезомъ) противъ выходящей скотины. Затѣмъ обводятъ трижды переднія ноги коровы краснымъ женскимъ поясомъ [2]) и разстилаютъ этотъ поясъ на воротахъ, «щобъ кровъ не нападала». Кромѣ того повсемѣстно въ уѣздѣ скотъ окропляютъ освященной іорданской водой и ударяютъ его предъ выгономъ освященной вербой [3]), лозиной или осикой, которую потомъ затыкаютъ въ стриху, стѣну, глухой конецъ фортки хлѣва, въ которомъ скотъ ночуетъ, вѣря что онъ не заночуетъ въ полѣ, не запасется, а возвратится на ночлегъ туда, гдѣ вѣтка. Хозяйка напутствуетъ корову слѣдующими словами: «Гей, сира скотына, иды за густымъ молокомъ, за густою сметаною, де вчора ходыла! Що ты тамъ згубыла, пиды знайды и до-дому прынесы». По возвращеніи съ пастбища хозяйка креститъ корову, приговаривая: «Одверны Господи, Грыгорій побидоносець, одъ мого двора, одъ моеи скотыны нарожденнои сирои злу тварь». Въ первый разъ пастухъ выгоняетъ скотъ безъ торбы и хлѣба для того, чтобы скотъ лучше наѣдался [4]).

---

1) Римляне очищали стада, перегоняя ихъ черезъ огонь. Въ Болгаріи зажигаютъ свѣчи въ стойлѣ, чтобы духи не вошли въ скотъ (Тэйлоръ перв. культ. 253, 472).

2) Въ Шотландіи обвязываютъ хвостъ, въ Германіи рога и шею скоту краснымъ—симпатическимъ средствомъ отъ сглаза и болѣзней—предъ выгономъ въ поле. (Н. Ѳ. Сумцовъ Этн. зам. Моск. 1889 г. 21). См. также Грин. Изъ устъ нар. 70.

3) Въ Палатинатѣ гонятъ скотъ палочками, освященными на св. Мартина. J. Tuchmann. La fascin. въ Melusine 1899, T. IX, № 9, 199.

4) О первомъ выгонѣ скота освященной вербой, объ одареніи пастуховъ у малороссовъ яйцами и жаркимъ, у бѣлоруссовъ пирогами, а у великороссовъ еще деньгами и холстомъ, см. въ указанномъ сочиненіи Ефименка и у Кулишера „Научн. Обз." въ Рус. Мысли 1888 г., I, 123.—Когда послѣ пастьбы осенью ставятъ скотъ къ яслямъ, то прикармливаютъ его сначала сѣномъ съ вершка первой копицы, рожью, сорванной на св. Георгія съ трехъ нивъ, по нѣсколько стеблей или сразу соломой, чтобы скотина не перебирала корма.

Въ стадѣ случка коровы не вызываетъ никакихъ затрудненій. Хозяйка, желающая чтобъ телица ея понесла, не должна только выносить соръ (сmиття) изъ хаты пидрешиткомъ, иначе корова не будетъ телиться три года. Затѣмъ, осматривая корову, хозяйка замѣчаетъ признакъ тельности: у тельной коровы шерсть на вздохахъ (здуховинахъ) зачесана вверхъ. Болѣе затруднительна случка коровы мелкимъ хозяевамъ, соединившимся для пастьбы скота, или самопасамъ. Имъ приходится наблюдать похотливость (охоту) коровы, продолжающуюся 24—36 часовъ[1]), и вести корову къ быку, который можетъ быть занятъ въ то время, корова же между тѣмъ потеряетъ охоту (перебьется). Ведя корову къ быку, нѣкоторыя хозяйки рядятся, какъ молодая, въ плахту, запаску, шолковый платокъ, косныкъ для того, чтобы люди засматривались на женщину, а не на корову и не сглазили бы послѣднюю. Предъ тѣмъ, какъ ведутъ корову къ быку, ее ударяютъ завязкой отъ мѣшка или колышкомъ (натычкою изъ плетня. За случку платятъ 50 коп.—1 руб. Возвращающуюся отъ быка корову перегоняютъ предъ входомъ въ сарай черезъ голую косу. Забеременѣвшую корову уединяютъ по возможности, не бьютъ по головѣ[2]) и предохраняютъ отъ порчи разными способами. Прежде всего осматриваютъ помѣщеніе коровы и, найдя въ немъ пучки (верчикы) сѣна или палочки (лискови спычкы), подброшенные съ цѣлью испортить корову, сжигаютъ ихъ, а пепелъ развѣваютъ по вѣтру или перемѣшиваютъ съ землей. Въ глухомъ концѣ загороды забиваютъ въ землю осиновый колъ изъ «клечання» или древко кочерги (ожыво). Вѣдьма, желающая повредить коровѣ, должна предварительно вырвать такой колъ зубами; въ стриху же или стѣну загороды закладываютъ сожженную на святвечеръ головешку: «видьми не можна прыступыть, та головешка осяе огнемъ, мовъ іи осыпле и видьма острахнется». И самую корову не оставляютъ въ покоѣ. Ей вертятъ рогъ и забиваютъ въ него

---

1) Ундрицъ. 128.

2) Въ предупрежденіе выкидышей, мертворожденныхъ и уродовъ. (Бажановъ. Попул. наставл. 18).

девять осиковыхъ палочекъ, величиной съ иголку, часто изъ деревецъ, поставленныхъ у хатъ на зеленыхъ праздникахъ. Стружки съ ухватовъ, сажу съ кочергъ и кусочекъ кирпича (печину) ввязываютъ въ хвостъ коровѣ или туда же зашиваютъ кусочекъ ладану. Къ корму примѣшиваютъ крошки: пасхи, дарнику и просфоры; наконецъ, корову подкуриваютъ всякими остатками праздничнаго стола: пасхой, яйцами, крестовидной косточкой изъ головы поросенка, ладаномъ, смирной, стружками отъ хватокъ и лопатъ и ремезовымъ гнѣздомъ [1]).

Самые роды крестьянской коровы проходятъ, какъ и у кобылы, большею частью правильно и теленокъ появляется на свѣтъ передними ногами съ лежащею на нихъ головкою [2]). При замедленіи хозяинъ поталкиваетъ корову въ переносье приговаривая: «Господы поможы се теля зродыть якъ Богъ веливъ». Новорожденнаго теленка окропляютъ освященной водой, приговаривая: «Деркачъ на бикъ, щобъ нихто тебе не врикъ». Его трижды переступаютъ, говоря: «Не знаю я що ты таке: чы бикъ, чы телыця? Щобъ тебе не зналы ни кровъ ни врокы, ни перелогы». Затѣмъ очеркиваютъ ножемъ корову и теленка, продолжая: «Нихто зализа не буде кусаты и глодаты, нихто нарожденои коровы, буйвалыци, семирижныци не буде врикаты». Теленка осыпаютъ остатками освященнаго пасхальнаго стола, особенно перцемъ и солью и даютъ лизать коровѣ [3]). Замѣчаютъ, что изъ того теленка

---

[1]) Подобныя обыкновенія сохраняются и въ другихъ малорусскихъ областяхъ, напр. въ Кубанской области остатки освященнаго: скорлупу, крошки задѣлываютъ въ рогъ коровѣ, (Н. Ѳ. Сумцовъ. Писанки. Кіевъ 1891 г., 25) и за границей; такъ въ Палатинатѣ задѣлываютъ въ рогъ коровѣ бумажку съ надписью «св. Лука» и залѣпляютъ освященной свѣчей. (J. Tuchmann. La fascination. Mélusine 1899, T. IX, № 9, 199). Валлоны кормятъ коровъ освященнымъ подъ рождество овсомъ, (E. Monseur. Le folkl. Wallon, 135), а въ Верхнемъ Пфальцѣ скребутъ три угла стола и даютъ эти поскребки скоту въ пойлѣ для предохраненія отъ вѣдьмъ. (C. Haberland. „Ueber Gebr. und. Abergl. beim. essen. Zeisschr. fur Volkerpsych. 1888. III, 265.

[2]) Бажановъ, 21.; Ундрицъ, 129.

[3]) Ветеринары (Ундрицъ 129, Бажановъ 23) совѣтуютъ, посыпать теленка солью, если корова не хочетъ его лизать.

будетъ прокъ, который высосетъ первоначальное молоко (colostrum, молозыво). Когда на дворѣ холодно и теленка забираютъ въ хату, то покрываютъ штанами или обертываютъ его мужской рубахой, «щобъ було кругле, матнысте, щобъ ёго перелоги не нападалы». Внесши въ избу, теленка постукиваютъ слегка лбомъ о припичокъ «щобъ було гладке», а въ ротъ ему суютъ соломинку, «щобъ не перебирало паши» [1].

Не оставляютъ также безъ вниманія коровы, особенно первый разъ родившей (первитки). Стараются, чтобъ она поѣла счистка, въ которомъ есть полезныя «масляночки». Если не ѣстъ, то счистокъ нужно на мѣстѣ зарыть въ землю. «Якъ первитка, такъ бережять, щобъ видьма счыстка, або молозыва не зибрала. якъ збере, тоди корова не годытся». Въ предохраненіе отъ вѣдьмъ доютъ молозиво сквозь мужскую рубаху или молоко трижды изъ каждой дойки навкрестъ въ пустое яйцо, закрываютъ скорлупой и зарываютъ потомъ въ глухомъ концѣ загороды или на покути, приговаривая: «оце тоби, нечыста сыло, пытання, щобъ моеи скотыны не зайидавъ». Также осыпаютъ корову макомъ, собраннымъ изъ первыхъ трехъ расцвѣтшихъ маковокъ и освященнымъ вмѣстѣ съ пасхой, приговаривая такимъ образомъ.

1.

Якъ нихто не може̂ть мачку позбирать, такъ нихто не може̂ть нарожденнои сирои коровкы урикать.

2.

Хто сей макъ збиратыме, той мою скотыну зйидатыме.

---

[1]) На первыхъ порахъ теленку оставляютъ половину удоя, потомъ одну дойку, а три хозяйкѣ. Лѣтомъ теленокъ пасется при матери съ ёжакомъ на мордѣ или кормится травой въ хлѣву, осенью прикармливается хлѣбомъ, гречневой ухой, высѣвками и, по возможности, сѣномъ; по прошествіи года «бузивкомъ» отдается на степь. Кастрируютъ двояко: вычищаютъ (перевертають) или «товкають, бьють жилы». Въ бугаи оставляется «вязыстый, тяжолый, хвабрый, гарный». Такой же уходъ и за телкой.

3.

Хто оцей макъ избере, то той у коровы и молоко одбере[1]).

Предъ началомъ доенія въ кормъ коровѣ прибавляютъ освященныхъ остатковъ пасхальнаго стола и ее окропляютъ освященной водой, а если неспокойно стоитъ и дрыгаетъ ногой, то подкуриваютъ: ладаномъ, смирной, также стружками изъ лопаты или сохи дымаря (штаговыны). Ноги неспокойной коровы путаютъ путомъ, снятымъ съ мертвеца. При этомъ говорятъ:

1.

Маты Хрыстова на престоли стояла, Ісуса прохала: «Сыну мій возлюбленный! накажы злу лычыну за мою скотыну, за всяку шерстыну. Хай зла лычына исчезне и моеи скотыны не збавляе.

2.

Якъ выросте дубъ на церкви упызъ гиллямъ, уверхъ кориннямъ. Хто буде ёго ломаты, той буде мою корову терзаты.

Такъ какъ главное назначеніе коровы въ хозяйствѣ—доставленіе молока, то найбольшее число пріемовъ и заговоровъ направлено къ сохраненію и увеличенію послѣдняго. Съ этою цѣлью корову не гонятъ на водопой первые три дня, а поятъ водой, почерпнутой съ особыми пріемами. Хозяйка, идя за водой, замѣчаетъ, нѣтъ ли на дорожкѣ лежащихъ навкрестъ соломинокъ, а замѣтивъ, поднимаетъ ихъ и прячетъ, приговаривая: «Господы благословы иты до колодязя»! Воду берутъ изъ колодца «непочатого», т. е. такого, изъ котораго въ то утро никто не бралъ еще воды, или изъ трехъ криницъ или изъ двухъ криницъ и рѣки. Воду изъ послѣдней нужно зачерпнуть противъ теченія и сразу полное ведро, а не въ нѣсколько пріемовъ. При-

---

1) Варіантъ о посыпаніи макомъ у Чернявской «Обр. и пѣс. с. Бѣлозерки». Харк, 1893 г., 15.

несенную воду хозяйка ставитъ такъ, чтобъ корова не видѣла, потомъ поитъ, обмываетъ вымя и кряжъ, приговаривая: «Мылосердія двери отверзы намъ пресвятая Богородыця». Ведро принесенной воды ставятъ еще на ночь на восточномъ углу хаты и затыкаютъ въ это ведро ножъ, а на разсвѣтѣ поятъ той водой корову. Кромѣ воды, къ увеличенію количества молока служитъ еще и хлѣбъ, различно употребляемый. Учиняя дижу, напримѣръ, дѣлаютъ углубленія въ тѣстѣ и эти ямки наполняютъ непочатой водой; когда хлѣбъ взойдетъ и вода окажется наверху, ее собираютъ и, омочивъ первый вынутый изъ печи хлѣбъ, даютъ съѣсть коровѣ; или, срѣзавъ корку перваго хлѣба и вбросивъ въ кувшинъ, опускаютъ и вытаскиваютъ потомъ изъ колодца такъ, чтобы никто не видалъ. Ставятъ кувшинъ на покутѣ, потомъ становятся на порогѣ и, проговоривъ: «Покорме, покорме! де ты бувавъ?—На торгу,—Прыбувай до мене въ четвергу»,—кормятъ корову. Еще кормятъ корову найденными кусочками хлѣба. Также, взявъ тѣста изъ трехъ краевъ дижи и сдѣлавъ балабухи, въ средину которыхъ помѣщаютъ мелкія стружки съ четырехъ концовъ дверей, даютъ съѣсть коровѣ; или, сдоивъ молозиво, и просѣявъ на густое сито муку, замѣшиваютъ коржикъ, пекутъ на черини и кормятъ корову. Затѣмъ при недостаткѣ молока, поятъ корову желтымъ буркуномъ (донникомъ, mellilotus officinalis) [1]), собирая который, приговариваютъ:

Святый Оврамъ на се зилля оравъ, зъ усихъ доццивъ, зъ усихъ молній, зъ усихъ блыскавокъ росу сбиравъ и моій скотыни молочко прыбавлявъ. (с. Волчокъ отъ А. Мовиной).

Къ водѣ и колодцамъ обращены слѣдующіе заговоры:

---

[1]) Буркунъ указанъ для той же цѣли въ словарѣ Ѳ. К. Волкова въ Зап. Ю. Зап отдѣла Геогр. Общ. 1873 г. I, 166. Нѣкоторые варіанты приведенныхъ средствъ указаны: въ сообщеніи В. Ястребова въ Кіев. Стар. 1897 г., V, Док. 67: у В. Щ. «Пища и пит. Малор. въ Этн. обозр. 1899 г. № 1—2, стр. 276, у Гринченка: «Изъ устъ нар. 71, и въ моихъ Народ. обряд.» 26, 27.

1.

Добрыдень тоби, водо Тетяно, а земля Уляно! прыбувай зъ кручъ, изъ гиръ, поливъ, зъ лисивъ, изъ ростокивъ, изъ потокивъ, щобъ такъ до моеи коровкы молоко прыбувало. (с. Хорошки, отъ Е. Матяровой).

2.

Добрыдень тоби, водо Оліяно! видкиль вода прыбува зъ усихъ краивъ, зъ усихъ слоивъ, зъ усёго кориння, зъ усёго насиння, хай у моеи скотыны и молоко такъ прыбува.

3.

Добрыдень тоби, колодязь Иване, а вода Уляна! даешъ водыци изъ креминня, изъ каминня, изъ гиръ, изъ долынъ, изъ джерелъ, щобъ такъ нарожденій, сирій коровци Господь пославъ изъ жылъ, изъ пажылъ.

4.

Здоровъ бувъ, колодязь Авраме и ты, водо Уляно! прыбуваеть у тебе изъ ричокъ, изъ полуричокъ, изъ джерелъ, изъ слоивъ. Я прошу, щобъ моій корови нарожденій, благословеній прыбуло одъ Господа. (с. Хитцы, отъ Г. Нагорянскаго).

5.

Добривечиръ колодязь! дай воды набраты. Я буду воду браты и буду хлибъ упускаты. Земля Уляно, водо Тетяно! тутъ тоби не гоже стояты, иды до мене половій шерсты дійва прыбавляты. Матеръ Божа на олывьяній гори, на прыданській земли тамъ Ісуса Хрыста зродыла и съ того колодязя воду брала и святою водою облывала, Мыколая угодныка, скоропомошныка прохала: «Поможы мени на престолъ рызы пидняты и врожденній, благословеній половій шерсты дійва прыбавляты.

6.

Тры ричкы збигалось, тры зори скотылысь, тры янгола спустылысь, у гору зори пидиймалы, збору прыбавлялы моїй коровци.

Кромѣ количества молока, очень важно также и качество его. Появленіе дурного, водянистого, кислаго, синяго молока, зависящее, главнымъ образомъ, отъ дурного, кислаго корма[1]), одинаково приписывается народомъ порчѣ и сглазу коровы, почему испортившееся молоко сдаиваютъ въ кувшины, смазанные освященнымъ саломъ и окуренные ладаномъ, приговаривая: «Станьте на помощь вси святіи, щобъ таке, якъ було, таке й стало». Точно также и появленіе крови въ молокѣ при воспаленіи вымени, случающееся отъ удара, простуды и корма[2]), признается народомъ порчей, а именно перевязкой дойки волоскомъ. Впрочемъ кровянистое молоко появляется и въ томъ случаѣ, когда ласточка подлетитъ подъ корову. Въ первомъ случаѣ необходимо отцѣпить волосокъ, заложивъ подъ него иголку, и въ обоихъ случаяхъ—окурить корову ладаномъ, внутрь дать осиновую серцевину, а испорченное молоко, сдоивъ, отнесть и вылить на воду со словами: «Де таке взялося, хай туды и иде», или закопать въ землю—какъ въ слѣдующихъ народныхъ разсказахъ:

1.

Якъ спорчено мою корову, то дидъ узявъ росколовъ осыковый килочокъ пополамъ и вынявъ серце и взявъ ножыци. Пронявъ винъ трычи попидъ выменемъ ножыцямы, тоди навкрестъ выстрыгъ волосся. Тоди винъ положывъ волосся и серце роздилывъ надвое. Одно завьязавъ у бумажку и веливъ дать у хлиби, а друге—щобъ до схидъ сонця положыла на покути и не дывылась до девьяты день. Якъ девять день выйшло, я пишла подывылась—нихтямы подряпано кругомъ, такъ не узяла. (с. Хитцы, отъ Глушковой).

---

[1]) и [2]) Ундрицъ, 141, 160, 161.

2.

У Касьяновои коровы стало молоко зъ кровью. Винъ зъ жинкою повелы ту корову на ярмарку продать. Прыходыть дидъ купувать: «Продай, каже, дядьку сю корову». Жинка каже: «купить, дидусю, корова дуже добра.—А нащо-жъ ты продаешъ, якъ вона добра?—На те, що грошей треба.—Та не брешы, я бачу, нащо ты продаешъ. А ты не пожалій дидови, купы пивкварты, то будешъ йисты молоко. Ну, воны прызналысь тоди дидови, якъ имъ случылось, що стало молоко зъ кровью у коровы. Дидъ поробывъ щось—незвисно, потимъ сказавъ: «Выведить іи за ярмарокъ, надойте два видра молока и закопайте у ямку. И прыйдете до-дому, то ще видро надойте и те закопайте, и тоди держить корову, покы держатыметься, нихто не спортыть. (с. Литвяки, отъ С. Заики).

Отъ кровянистаго молока шепчутъ:

Господы благословы, Господы поможы! Нарожденій сирій коровци, жовтои косты, золотои шерсты у помочи статы, сіи прозиры исциляты, сіи прозиры уничтожаты и чоловичи и жоночи и дивчачи и хлопьячи и витровіи и снигові и ночніи и полуночніи и помысленіи и погадани и сострічени и супротывніи и застужени и стружени и спрацёвани небесными сыламы. Благословы ій, Господы, прекраты ій, Господы, сіи болизни, пошлы ій, Господы, во здравіе. (с. Мгарь, отъ Емченковой).

Если на воспаленномъ вымени появились трещины, то ихъ смазываютъ: пѣной парного молока, вершкомъ сметаны или теплымъ бараньимъ жиромъ. При дальнѣйшемъ развитіи болѣзни, осложненной появленіемъ на вымени твердой опухоли (нежитя) принимаютъ слѣдующія мѣры. Нагрѣваютъ брусъ и, положивъ въ мѣшокъ, давятъ вымя; также придавливаютъ его первыми штанами, сшитыми мальчику первенцу, сохраняющимися въ числѣ другихъ лѣкарствъ, или хозяйка, ставъ правой ногой на топоръ, подымаетъ вымя вверхъ своей исподницей, приговаривая: «Тупоръ тупорыщови а нежыть—нежытыщеви». Мѣломъ, которымъ пи-

сались кресты на голодную кутю, очеркиваютъ вымя и ставятъ посрединѣ его крестъ. Затѣмъ подкуриваютъ больную корову разными предметами: страстною свѣчей, бывшей три года въ церкви на страстяхъ, «смирнымъ ладаномъ», ремезовымъ гнѣздомъ, вихтемъ, которымъ мажутъ доливку, приговаривая: «Ой ты, нежыть, нежытыще! розійдыся якъ туманъ по долыни», и наконецъ устивкой изъ сапога правой ноги, бывшей въ сапогѣ на рождество, новый годъ и крещеніе [1]).

Отъ нежитя шепчутъ:

1.

Нежыдъ, нежыдяка, изъ витру усувается, брусомъ спасается. Нежыдъ, нежыдяка! тутъ тоби не можна стоять! Брусъ брусяка и нежыдъ, нежыдяка! Брусъ брусяка выганяе нежыдъ нежыдяку Тутъ тоби не стояты, въ вымья не шпыгаты и дійва не запираты! Одъ рыжои масты, червонои крови; нежыдъ нежыдяка, я тебе окружаю, я тебе брусомъ выганяю: тоби тутъ не стояты и вымья не затверждаты, иды соби за дымамы, за горячымы огнямы. Тебе видсиля выкурюется, выганяется, на сухе дерево изсылается. (м. Снѣтинъ, отъ К. Приходькиной).

2.

Нежыдъ, нежыдыще! и я тебе вышиптую, вызываю и выклыкаю. И ты тутъ щобъ не селывсь и не мистывсь, изъ прозору, изъ людей. И ты й подумала и ты й погадала и грихъ тоби буде. Подумала й погадала и на скотыну ссылала. (м Снѣтинъ, отъ Д. Тимченковой).

Для сохраненія удоя мало однихъ мѣръ предупрежденія и лѣченія болѣзней коровы; нужны еще нѣкоторые особые хозяйственные пріемы для того, чтобы молоко не уменьшалось. Такъ напримѣръ: нельзя давать лизать молока кошкѣ или сукѣ, вѣроятно изъ опасенія, что подъ ними можетъ скрываться вѣдьма,

---

[1]) См. также: Н. Ѳ. Сумцовъ. «Культ. пережив. въ Кіев. Стар. 1889 г., I, 76

а пролитое молоко нужно поскорѣе затоптать землей. Человѣкъ въ обмѣнъ за полученное молоко долженъ дать коровѣ кусокъ хлѣба съ солью, но отломленнаго, а не отрѣзаннаго ножомъ—иначе «урижется дійво». Сдоивъ корову, нужно три раза пріотворить хатнюю дверь и за третьимъ только разомъ взойти въ хату съ ведрами молока. Нельзя хвалиться обиліемъ молока. Нельзя брать кувшинъ пальцами: «Не беры глечыка пучкамы, а беры всею долонею, то буде й сбиръ у долоню». Нельзя скребти глечика ножомъ—«урижется дійво», а коснувшись кувшина нечаянно ножомъ, слѣдуетъ начертить крестъ на землѣ тѣмъ же ножомъ[1]). Самое главное условіе хорошаго сбора заключается въ чистотѣ глечиковъ. Въ лубенскомъ уѣздѣ ихъ выпариваютъ: стружками, житной соломой, крапивой (Urtica dioica. L.), щебцемъ (Thymus serpyllum. L., изъ губоцвѣтныхъ), глечкопаромъ (чистотѣломъ, chelidonium majus. L., изъ маковыхъ), потомъ окуриваютъ скорлупой освященнаго яйца, «щобъ бильшъ вершка було». Удой продавать всего выгоднѣе въ видѣ молока за 5—20 коп. кувшинъ, смотря по времени года и величинѣ кувшина. Крестьянская корова даетъ 1—3 кувшина молока въ сутки. Желая получить масло и сыръ, хозяйка оставляетъ кувшины въ погребѣ, «щобъ молоко застоялось», затѣмъ собираетъ верхи въ макитру и ставитъ въ нежаркую печь, и потомъ сбиваютъ масло въ макитрѣ качалкой. «Буде соломы визъ, а сахарю вкусъ. Буде масло якъ скло, якъ кришталь». Продаютъ масло по 20 коп. фун. соленаго и 25—30 коп. свѣжаго. Съ коровы собираютъ 10 фунт.

---

[1]) По Гринченку (Изъ устъ нар., 38 и 380) нельзя рѣзать хлѣбъ надъ молокомъ, не будетъ стоять корова; нельзя крошить хлѣбъ въ молоко ножомъ, корова заболѣетъ животомъ, и хлѣбъ, смазанный сметаной, нельзя рѣзать—треснутъ дойки.—Въ Германіи нельзя мѣшать пищи и напитковъ ножомъ и рѣзать хлѣбъ въ молокѣ—отрѣжется удой (Haberland. Ueb. Gebr. въ Zeitsch. füz Volkerps. III, 279), а въ восточной Пруссіи не принято объявлять, какое количество молока дала корова (J. Tuchmann. La fascin. въ Mélus. T. IX, № 2, 36, и въ рецензіи Брухмана на соч. Лемке «Volkstuml. in Ostpreus.» въ Zeits. fuz Volkerps. I, 103).

масла въ годъ. Весь низъ кувшина идетъ на приготовленіе сыра. Его сначала оттапливаютъ въ печи, потомъ кладутъ подъ пресъ или привѣшиваютъ въ мѣшечкѣ (ворочку), для удаленія сыворотки, продаютъ соленый по 3 и свѣжій по 4 коп. фунтъ. Сыра даетъ корова до пуда въ годъ.

IV. Овцы.

Наружный видъ овецъ, доморослая и покупная овца. Кормленіе на пастбищѣ, отара, первый выгонъ; кормленіе въ хлѣвѣ. Доходъ отъ овцы, ея болѣзни.

Съ уменьшеніемъ спроса на бѣлыя и сѣрыя сукна выводятся совсѣмъ почти и овцы этихъ мастей; теперь ватага мѣстной крестьянской овцы (бараны) представляются кучей чорныхъ животныхъ, въ которой то здѣсь, то тамъ мелькаетъ бѣлая овца, оставленная на пряжу изъ ея шерсти дѣвичьихъ поясовъ. И баранъ долженъ быть чернымъ. На племя оставляютъ лобатыхъ съ вѣтвистыми рогами и веселымъ взглядомъ барановъ, рослыхъ, широкихъ, округленныхъ, съ густой, мягкой (не лямцоватою) шерстью [1]), держатъ заводчикомъ не долго, не далѣе четырехъ лѣтъ. Такого же сложенія должна быть и матка: рослой, широкой, длинной на короткихъ ногахъ, не старше восьми лѣтъ. Въ маленькихъ группахъ въ 3—5 овецъ у бѣдняковъ и въ среднихъ

---

[1]) Овцы давніе спутники человѣка, прирученныя въ каменномъ вѣкѣ (Хётчинсонъ. Очер. доистор. міра въ Мір. Бож. 1897 г., IX, 152), неизвѣстно отъ какой именно породы, полагаютъ, что отъ дикой овцы, еще водящейся въ Корсикѣ и Сардиніи. Малорусская овца валашской породы. Бараньи роги представляются безполезнымъ, даже вреднымъ украшеніемъ, такъ какъ расширяя черепъ плода, затрудняютъ роды; требованіе же ровности и округленности правильно, иначе образуются на животномъ проборы шерсти и нарушенія волосяного покрова (штапеля). Ф. Шмидтъ. Овцевод. и шерстовѣд. перев. Фалькова подъ редак. Совѣтова. Санкпет. 1863 г., 7, 10, 12, 31, 132.

въ 10--12—не бываетъ большею частью своего барана, а овцы спариваются въ отарахъ, въ которыхъ приходится два и болѣе барановъ на сотню матокъ [1]). Спариваніе происходитъ естественнымъ путемъ лѣтомъ и осенью. Ярки котятся обыкновенно послѣ двухъ лѣтъ или къ исходу второго года. Ягница, родившая раньше называется нётка, нётчя́, и ягненокъ ея убивается, такъ какъ кормить своего ягненка нётка отказывается, не имѣя еще инстикта материнства, вообще слабѣе развитаго у овецъ, чѣмъ у другихъ домашнихъ животныхъ [2]). Самые роды обходятся почти всегда благополучно, развѣ у совсѣмъ худой, безсильной овцы приходится вытягивать (рятувать) ягненка. Новорожденнаго тотчасъ забираютъ въ хату. Ранней весной съ чистаго четверга и до проводъ принято валашить баранчиковъ; castratorius валашитъ натощакъ и получаетъ два крупныхъ яйца за подрѣзку каждаго животнаго. Доморослыя овцы предпочитаюся покупнымъ, но если нужно пополнить убыль или завесть вновь, то овецъ покупаютъ на весеннихъ ярмаркахъ пріемомъ, похожимъ на покупку лошадей и рогатаго скота, съ рукобитіемъ, но безъ передачи проданнаго животнаго съ полы. Бросаютъ лишь копѣйку «талану» въ полу продавца, откуда послѣдній выбрасываетъ таланъ на землю. При покупкѣ изъ кошары бе́рутъ немного соломы,—«купують изъ гниздомъ»; вообще стараются покупать съ восточной стороны (спидъ сонця), а не съ западной.

Предъ выгономъ овецъ на пастбище всѣ ягнята должны быть обозначены каждымъ хозяиномъ своимъ клеймомъ, состоящимъ изъ надрѣза, разрѣза прямого или бокового, вырѣза клиномъ уха или изъ проколотой дырочки (розризочкы, выцика,

---

[1]) Баранъ обскакиваетъ въ день до десятка матокъ, (Шмидтъ 157): правильно давать 40—70 матокъ барану. (Ундрицъ. Дом. скотолѣч. 177), хотя даютъ и до 95. (И. Мерцаловъ. Зап. о развед. исп. овецъ, изд. Д. Запары. Харьк. 1865 г., 133).

[2]) Шмидтъ. 6. M-me Achille Comte въ своей Histoire naturelle признаетъ овцу „dépourvue de sentiment“. При рожденіи двойней также умерщвляются одно изъ ягнятъ.

стрилки) на правомъ или лѣвомъ ухѣ [1]). Пастьба мелкаго скота не представляетъ еще никакихъ затрудненій. Вездѣ въ уѣздѣ сохраняются общественныя стада овецъ (отары, ватаги). Само общество наставляетъ отвѣтственыхъ чабановъ (вивчарей), получающихъ за свой трудъ по 8—20 коп. отъ овцы и по гарнцу ржаной или гречневой муки отъ одной или нѣсколькихъ овецъ или по пуду муки отъ десятка ихъ [2]). «Вечеря вивчарю—чергова» [3]). Предъ самимъ выгономъ дается пастуху «выгонщина», состоящая изъ пшена, сала, паляницы и соли, а на свѣтлый праздникъ дается ему же булка и 2—3 яйца. Выгоняютъ на пастбище, состоящее изъ выгоновъ, толоки, жнивья, съ раскрытіемъ весны, избирая легкій день. Нельзя гнать пасть первый разъ въ понедѣльникъ, субботу или день св. мученика. Выходящую овцу кропятъ священной водой, а остатокъ послѣдней выливаютъ въ глухой конецъ кошары; туда же закапываютъ и ладанъ, которымъ кадили на новый годъ. На порогъ кладутъ красный поясъ, сверхъ него сѣкиру и черезъ нихъ перегоняютъ овецъ, ударяя каждую кропиломъ или руномъ, и приговаривая [4]). «Одъ вовка втечы и рунце прынесы»! Отгоняетъ первый разъ овецъ непремѣнно дѣвочка. Въ селахъ хозяева разбираютъ ежедневно возвращающихся съ пастбища овецъ, на хуторахъ всѣ овцы загоняются на ночь въ одинъ загонъ. Если не досчитываются пропавшей на пастьбѣ овцы, то пастухъ долженъ предста-

---

[1]) Эти знаки на ушахъ животныхъ у многихъ народовъ представляются гербами, изображающими животныхъ, отъ которыхъ произошло по повѣрью то племя,—тотэмами. (A. Lang. Myth. cult et relig,, trad. par L. Maril. 67), у другихъ, напр. у Мордвы, знаками собственности. (Юб. Сбор. въ честь В. Ѳ. Миллера, 68).

[2]) По Чубинскому (Тр. этн. эксп. VI, 76) дается пастуху чвертка ржи или гречи отъ 5 овецъ, и 5 ф. муки, деньгами 5—10 коп. съ каждой.

[3]) Такъ и за границей, напр. въ Арденахъ, пастухъ, сверхъ небольшой платы, получаетъ еще отъ каждаго хозяина жилище и пищу поденно за каждую голову скота. (E. Monseur. Le folkl. Wal. 118.

[4]) Вар. слѣдующ. приговора: Номисъ. Укр. прык. 200.

вить доказательства, напр. кожу палой овцы. Предъ Введеньемъ, 21 ноября, когда овцы совсѣмъ оставляютъ пастьбу и возвращаются на зимовлю домой, имъ три дня подрядъ даютъ въ кормѣ хрѣнъ [1]) съ солью, «шобъ метелыця замирала» и для того, чтобы они лучше усваивали зимній кормъ, состоящій изъ пшеничной, ржаной, гречаной соломъ, половы и крупнаго лучного сѣна. На Іоанна крестителя (7-го генваря) даютъ овцамъ съѣсть того сѣна, которое подкладывалось на святвечеръ, наканунѣ Рождества подъ горшки съ кутьей и узваромъ, и по которому предварительно катались дѣвки и дѣвочки для того, чтобы больше плодилось ягницъ. Просяной и ячной соломы не даютъ овцамъ, а сохраняютъ крупному скоту. Кормъ задаютъ овцамъ понемногу въ узкихъ ясляхъ въ кошарѣ, разъ пять въ день, такъ какъ овца перебираетъ и разбрасываетъ пищу; поятъ дважды въ день. На ночь ихъ перегоняютъ въ хлѣвъ (вивчинець) и даютъ подстилку. Стѣны вивчинця, иногда и кошары, смазываются для того, чтобы овецъ не заметало снѣгомъ, такъ какъ онѣ боятся мокроты больше холода.

При сравнительной дешевизнѣ [2]) овца представляется выгоднѣйшимъ домашнимъ животнымъ, и развѣ бѣднѣйшій крестьянинъ не имѣетъ ея. Она даетъ хозяину: шерсть, разные виды кожъ—смушокъ, линтварь, мясо, сало и молочныя произведенія. Овецъ стригутъ дважды въ году: около 9 мая и въ августѣ (перестриги), если овцы сытыя. Передъ стрижкой ягнятъ, иногда и взрослыхъ, моютъ въ рѣкѣ, давая потомъ обсохнуть сутки и болѣе; стригутъ, связавъ ноги, положивъ на землю, и, начавъ простригать шерсть у брюха животнаго полосой, обходятъ его вокругъ. Остригши шерсть (вовну) [3]) парятъ въ теплой водѣ,—но не въ

---

[1]) По Мерцалову (Зап., 20) хрѣнъ особенно полезенъ въ осень; соль, какъ извѣстно, содѣйствуетъ пищеваренію.

[2]) Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка овца стоила 3 руб., а съ ягненкомъ—5. (Чубинск. Зап. Юз. Отд. Геогр. Общ. II, 178); теперь 5 р. овца, съ ягненкомъ—7.

[3]) Слово вовна сходно съ нѣмецкимъ Wolle (англ. wool), какъ и вышеуказанное валахъ, главнѣйшія же названія: вивця, ягня, ягныця

кипяткѣ, чтобы не сбѣгалась,—потомъ полощутъ въ холодной. Пудъ шерсти стоитъ теперь 6—8 руб., руно—1 р. 50 к., а фунтъ—20 коп., шкура взрослаго барана и овцы стоитъ 1—1 р. 50 к., перестриги 1—1 р. 20 к., шкура годового животного (линтварь)—90 коп.— 1 руб., шкура двухнедѣльнаго ягненка (смушокъ), годная на воротники и шапки—1—2 руб., лучшаго качества, вся въ завиткахъ (горошкомъ) 3—4 руб., овечья кожа безъ шерсти стоитъ 15, 20 коп. Туша валаха цѣликомъ 1—3 руб., 1 ф. баранины 5—8 коп., а туша ягненка 10—25 коп., пудъ перетопленнаго бараньяго сала стоитъ 4—5 руб. Изъ молока приготовляютъ масло и сыръ для себя, для продажи мѣшаютъ съ коровьимъ [1]).

Крестьяне склонны иногда приписывать овечьи болѣзни тайнымъ причинамъ, напримѣръ—несоблюденію хозяиномъ праздничныхъ дней, какъ въ слѣдующемъ случаѣ. «Батько на Махтея заходылысь молотыть, колы лежыть вивця и ногамы молотыть, здохла—испразнылы овечку». Еще чаще болѣзни овецъ производятся темными силами: овца скрутилась оттого, что съѣла закрутку, сдѣланную во ржи вѣдьмою; или овцы потому пожираютъ шерсть другъ на другѣ, что сглажены [2]). «Вона стане потягатся, упаде и сдохне». Въ началѣ болѣзни шепчутъ: «Урокы изійдить изъ нарожденнои; благословенної билои вивци». По соображеніямъ другихъ крестьянъ, сглаза овецъ совсѣмъ не бываетъ, потому что овца, особенно стриженная, представляется предметомъ мало возбуждающимъ зависить: «малый взятокъ тому, хто дывытся». Но

сходны съ латинскими: ovis, agnis, agna, agnina (баранина). Такъ какъ овца синонимъ тупости (ovis aurea—глупецъ), то быть можетъ и слово баранъ происходитъ отъ baro—глупецъ, означающаго еще: сильный и стражъ.

[1]) Въ 40-хъ годахъ руно стоило 30—40 коп., смухъ 50 к.—1 руб., 1 пудъ сыра—30 к., пудъ масла—3 руб. (Короновскій. Ст. Опис. въ Полт. Губ. Вѣд. 1890 г. № 57, 2).

[2]) Бываетъ отъ недостатка корма и недостачочности въ немъ соли. (Мерцаловъ. Записки. 81.

часто болѣзни, по народнымъ понятіямъ, случаются и отъ естественныхъ причинъ: ушибовъ, свойствъ пастбища и корма, простуды и заразы. Въ частности, бѣльмо случается у овцы оттого, «шо вона наштрекнется, або шо вдарыть». Лѣчатъ его засыпая солью, сахаромъ и, затягивая въ противоположное больному глазу ухо нитку (голубецъ) до уничтоженія послѣдней [1]). Пузыри, образовавшіеся во рту, мажутъ синимъ камнемъ и дегтемъ. Овцу часто нападаетъ кашель отъ пыли и отъ простуды стриженой овцы на холодныхъ дождяхъ [2]). Послѣдній кашель лѣчатъ хрѣномъ съ солью. Отъ простуды же или опоя горячей у овцы бываютъ приливы крови къ внутренностямъ [3]) (кровъ напада). «Якъ нападе витрова кровъ, ударыть у голову и захолоне, уха пороблятся холодни. Вивця похнюпытся, похылыть голову, не йисть. Вивчарь ухо вриже и збыва паличкою мазку́». Нѣкоторые не рѣшаются рѣзать ухо: «Ухо врижъ и потревожышъ уси жылы»; совѣтуютъ лучше ударять ножемъ въ лобъ надъ глазной впадиной. «Кровъ зійде и заразъ вивця пасется». Пускаютъ и съ хвоста. Внутрь даютъ овцѣ пить: разсолъ съ дегтемъ, мыльную воду съ коноплянымъ сѣменемъ, огуречнымъ разсоломъ и корой свѣжей бузины. Всего болѣе поражаются брюшные органы овецъ на пастбищѣ. Дѣло въ томъ, что по самому устройству овцы: заостренной мордѣ съ острыми рѣзцами нижней челюсти, тонкой ногѣ, затрудняющей ступаніе по болотистой почвѣ,—этому животному удобны высокія, сухія пастбища [4]), поэтому на солонцахъ овцы, напившись воды въ лужахъ, получаютъ воспаленіе желудка, а на лугахъ съ молодой травой: клеверомъ, сурѣпой, или на сочныхъ озимяхъ, покрытыхъ каплями дождя или росой, обдымаются [5]). «Сбижыть на росу таку, де лазывъ павукъ, або зйисть веху (cicuta virosa. L.) и обидмется». Въ такомъ случаѣ забо-

---

[1]) Ставятъ заволочку. Мерцаловъ. Запис. 76.

[2]) Шмидтъ. Овцевод. 249.

[3]) Мерцаловъ. 56.

[4]) Шмидтъ, 179, Мерцаловъ, 82.

[5]) Ib. 70, Ундрицъ, 183.

лѣвшую овцу поятъ разсоломъ и не пускаютъ на росы, иногда даютъ еще съѣсть кусочокъ освященнаго сала съ хлѣбомъ. Обыкновенный поносъ большею частью ничѣмъ не лѣчатъ, не выпускаютъ только больныхъ животныхъ на росы; отъ запора же задаютъ внутрь: разсолъ, мыльную воду, яйцо или сало. При задержкѣ мочи даютъ пить отваръ изъ сокирокъ (Delhinium consolida. L, изъ лютиковыхъ). На пастбищахъ же преимущественно поражаются овцы разными паразитами, проникающими во внутренніе органы, и накожными. Въ мозгу овецъ появляется особый червь этнозоонъ (Coenurus cerebralis), отъ котораго у нихъ дѣлается вертунъ и овцы «крутятся» въ одну сторону. Хотя въ ухо овцы и протягиваютъ заволоку, а также вертятъ овцу въ противоположную сторону, но конечно такими пріемами, какъ и вообще способами народной ветеринаріи [1]), невозможно излѣчить «кручену вивцю»; ее прирѣзываютъ и ѣдятъ, отбросивъ голову. Неизлѣчима и такъ называемая метелица, отъ заводящихся въ печени животнаго «метелыкивъ», на самомъ дѣлѣ печоночныхъ двуротокъ (Distoma hepaticum). Въ предупрежденіе метелицы овцамъ даютъ весной вмѣстѣ съ кормомъ: сухую рожь, рѣдьку, хрѣнъ, корни лепехи (аиръ, acorus calamus. L.) и гречаную золу. Лепъ, коросту, шолуди и лишаи моютъ отваромъ табака, смазываютъ дегтемъ, скипидаромъ или керосиномъ и засыпаютъ гречневой золой, содержащей поташъ [2]).

V. Свиньи.

Наружный видъ свиней. Случка, поросная свинья. Содержаніе свиней въ стадѣ, хлѣву и сажѣ. Болѣзни свиньи. Убой.

Народный взглядъ на усовершенствованныя породы свиней, распространяемыя земствомъ и разводимыя землевладѣльцами, не

---

[1]) Яйца ленточной глисты захватываются овцы съ растеніями, къ которымъ прилипли. Глистовъ извлекаютъ сверля черепъ, рану закрываютъ липкимъ пластыремъ. (Ундриц. 190).

[2]) Ундрицъ, 210, Мерцаловъ, 41, 42.

успѣлъ еще установиться. Въ народѣ все еще признаютъ болѣе прочной и дающей болѣе вкусное сало и мясо старую мѣстную породу свиней, происшедшую отъ дикихъ предковъ, жившихъ въ средней и южной Европѣ. Изъ этой породы предпочитаются особи съ толстой шеей, широкой, круглой спиной, боками и бедрами, на короткихъ ногахъ. «Свыня, або кабанъ, треба шобъ булы таки, якъ лава [1]); зъ гостроспынного не буде сала». Свѣтлыя масти: «била, руда, перыста, ряба» предпочитаются черной, потому что черная щетина, по народному замѣчанію, предопредѣляетъ и болѣе темный цвѣтъ сала и мяса. Впрочемъ, выбирая свинью, хозяинъ долженъ сообразоваться и съ тѣмъ обстоятельствомъ, какая масть идетъ ему въ прокъ. Выдержавъ доморослую или покупную [2]) свинку до года и замѣтивъ безпокойное состояніе животнаго, въ которомъ оно «не йисть, пиныть, гурчыть, на стину дерется», хозяинъ гонитъ ее случать съ сосѣднимъ боровомъ (кнуромъ) [3]), уплачивая владѣльцу послѣдняго 30—50 коп. за случку. Въ общественномъ стадѣ, гдѣ бываетъ по борову на 20—30 свиней [4]), случка, конечно, безплатна. Поросную свинью не бьютъ, особенно по брюху, не даютъ прѣлаго корму, а недѣли за двѣ до родовъ помѣщаютъ отдѣльно. Роды проходятъ боль-

---

[1]) Скамья.

[2]) Цѣна свиней, бывшая въ 70-е годы прошлаго вѣка 3—7 р. за голову (Чубинскій Зап. Ю. З. Отд. Геогр. Общ. II, 177), въ настоящее время доходитъ до 10—15 р. за кормленную свинью, 8 руб. за пидсвынка («И не балакать») и 3 р. за поросенка («таке якъ кошеня»). 1 ф. щетины «дебелои» стоитъ 1 р. 20 к., а «вовныстои»—60 к., кожка—20 коп., 1 ф. сала 20, 25 к., а 1 п.—8 руб., 1 ф. смальца (нѣм. Shmàlz.)—15, 20 коп. и 1 ф. мяса—6, 8 коп., а пудъ—3 руб. 20 к.

[3]) Названіе кнуръ сходно съ нѣмецкимъ: knurren—ворчать, knurrig—ворчливый, сердитый, вѣроятно, какъ и порося (лат. porcinus, porcellus) произошло изъ звукоподражанія. Названіе свинья съ нѣмецкимъ и ангійскимъ (swin).

[4]) Борову даютъ до 40 свиней. (Ундрицъ. Дом. скотолѣчебн., 224).

шею частью благополучно, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, приписываемыхъ сглазу («якъ хто нагляне»); въ такихъ случаяхъ свиньѣ помогають (рятують) бабы. Сейчасъ послѣ родовъ свиньѣ не дають лизать крови и съѣдать послѣда, такъ какъ она можетъ потомъ съѣсть и поросятъ, а даютъ напиться воды. Черезъ нѣсколько дней свинью съ поросятами выпускаютъ на дорогу или выгонъ, на спорышъ (polygonum aviculare. L.), гдѣ свиньи пасутся подъ наблюденіемъ младшихъ членовъ семьи иногда и всё лѣто. Во многихъ селахъ сохранились еще во всёмъ подобныя отарамъ стада свиней (свинитки, свинирки). Они также устраиваются обществомъ, какъ и отары; само общество ставитъ пастуха (свинаря), получающаго за охрану стада 8—20 коп. съ головы и гарнецъ муки отъ 1—3-хъ свиней, по мѣстамъ выгонщину: паляницу, пшено, сало или яйца. Отгоняютъ черидку съ раскрытіемъ весны, на свѣтлыхъ праздникахъ или проводахъ, при чемъ отгоняющій долженъ возвратиться тѣмъ же путемъ домой, чтобъ и свиньи не блудили. Пасутъ до Покровы, Введенія, вообще до перваго снѣга. Въ лѣсномъ участкѣ лубенскаго уѣзда съ Покровы пускаютъ свиней въ лѣса на жолуди, отъ которыхъ животныя быстро поправляются. Зимнее содержаніе животныхъ, не предназначенныхъ къ убою, въ обмазанныхъ и обставленныхъ на зиму хлѣвахъ (свининцахъ), заключается въ разныхъ половахъ, особенно гречневой, обмѣшанныхъ ячной мукой и дертью, картофели, буракахъ и разныхъ хозяйскихъ остаткахъ. Преимущественное вниманіе хозяевъ обращено на откармливаемыхъ въ сажѣ на убой кабановъ, закидываемыхъ къ разнымъ срокамъ: въ сентябрѣ къ Рождеству, предъ Покровой также, предъ Рождествомъ къ Свѣтлому празднику и предъ Свѣтлымъ праздникомъ—на лѣто. Существенно только опредѣлить, на какой именно срокъ укармливается кабанъ, и въ срокъ заколоть, иначе, по народнымъ предразудкамъ, онъ все равно сдохнетъ. Закидать (затягать) въ сажъ лучше «на молодыци—буде молода шкура и сало мякеньке, а якъ на старому мисяци, то буде застаркувата шкура, така, шо не вкусышъ, и сама тильки шкура, сало не буде набираться. Можна закыдать и на пидповнимъ мисяци». Для перваго кормленія, учи-

няя дижу, проводятъ крестъ на тѣстѣ, приговаривая: «Якъ ся дижа исходыть и хлибъ росте и такъ шобъ на кабанови сало росло», и мѣсятъ три хлѣбца (балабухи). Въ балабухи эти замѣшиваютъ зерна ржи, взятыя изъ первой копы въ количествѣ тридевяти колосковъ, также: шерсть, простриженную навкрестъ на лбу и вдоль спины кабана, надрубленный кончикъ хвоста, кусочекъ печеной глины (печину) и стружки, соструженныя со всѣхъ четырехъ угловъ стола. Балабухи даются кабану самой хозяйкой, ничего еще не ѣвшей (на ще серце), въ воскресенье, послѣ обѣдни, непремѣнно съ крышки дижи (зъ вика)—«щобъ йистивный бувъ, якъ йимо хлибъ зъ дижи, щобъ и винъ такъ йивъ». Вмѣсто балабухъ на первый кормъ кабану даютъ тоже съ вика кусокъ хлѣба, тѣсто и по горсти разнаго зерна, или сливаютъ въ миску [1]) по три ложки: борща, каши и ухи, и прибавивъ хлѣбъ, спеченный на непочатой водѣ, подаютъ кабану опять таки съ вика, приговаривая: «Йижъ до ножа, шобъ таке було сало, якъ панська дижа». Основаніемъ дальнѣйшаго корма кабана становится ячмень въ разныхъ видахъ: сырой, молотый, скрошенный. Кормятъ еще смѣсью четырехъ хлѣбовъ: ячменя, ржи, гречи и проса; печенымъ хлѣбомъ въ пойлѣ, остатками отъ стола: сухарями, борщемъ, кашей, жмыхами (макухами), злоупотребленіе которыми даетъ маслянистое (олійне) сало [2]), кореньями: картофелемъ, свеклой, желудями, листьями подсолнечника, маревыми: лободами (Atriplex hortensis. L. и Chenopodium album. L.), живокистомъ (окопникомъ, Symphytum officinale. L.), и куширомъ (Ceratophillum demersum. L.). Кормъ распредѣляется на четыре пріема въ сутки. Въ корыто кладутъ кирпичъ и поливаютъ водой, потомъ мѣшаютъ кормъ, вынувъ кирпичъ. И вдругъ всѣ эти труды пропадаютъ даромъ. Кабана тошнитъ, онъ ничего не ѣстъ, начинаетъ худать, у него закисаютъ глаза. Такія болѣзненныя состоянія въ

---

[1]) Въ Верхнемъ Пфальцѣ для того, чтобы свинья укармливалась, ей также въ первый разъ даютъ ѣсть изъ суповой миски. (С. Haberland. «Ueber. Gebr. und Aberglaub. bein essen.» въ Zeitshr. fur Volkerpsh 1889., 265

[2]) То-же замѣчаніе у Ундрица, 220.

народѣ всего охотнѣе приписывают сглазу, и хозяйка, замѣтивъ взглядъ сосѣдки, устремленный на сажъ, должна приберечь животное, проговоривъ: «Силь тоби та печына изъ твоимы очима». Отъ сглаза (прозора) окропляютъ кабана «стритенною водою», даютъ ему ѣсть кулишъ съ освященнымъ саломъ, «четвергову» соль; примѣшиваютъ къ половѣ «руду» глину, поятъ помоями или водой, въ которыя брошено раскаленное желѣзо, также сыровцомъ. Кромѣ того кабана ударяютъ по вздохамъ (здуховынамъ) трижды оборотомъ руки (на выдли), которою убитъ тарантулъ, и надрубливаютъ концы хвоста и ушей, иногда давая ихъ съѣсть больному животному. Къ довольно частымъ заболѣваніямъ свиней принадлежитъ жаба (обкладъ)—воспаленіе горла, осложненное опухолью желѣзъ и шеи (заушныкивъ, заволокъ, залазъ). Отъ этой болѣзни нажимаютъ шею животного ципомъ. У свиней «бува болячка на легкыхъ и печинци и воны стрюхнуть». На первыхъ порахъ поятъ заболѣвшихъ: губкой, трутовикомъ (Polyporus ignarius. Fr.), нарастающей на плодовыхъ деревьяхъ, и «нечуй—витромъ» (Hieracium Pilosella. L.), указаннымъ отъ бѣшенства свиней [1]). Глистовъ, развивающихся отъ кормленія рожью и сырымъ картофелемъ, изгоняютъ конопляным и цинтварнымъ сѣменемъ. Наружныхъ паразитовъ уничтожаютъ: при лепѣ, смывая мыломъ, отваромъ табака и засыпая гречаной золой; червей же выбрасываютъ, приговаривая: «Била масть—одъ девяты до восьмы, одъ восьмы до симы... и т. д. одъ одного та не одного [2]). При этомъ нужно взять горсть земли изъ-подъ правой передней ноги животного и ею засыпать рану. Если свиньи подвержены частымъ заболѣваніямъ и дохнутъ въ сажѣ или хлѣву, то значитъ послѣдніе построены не на мѣстѣ и ихъ слѣдуетъ перемѣстить.

Едва ли можетъ быть въ дѣйствительности случай своевременной, естественной смерти свиньи. Если животное и ускользнетъ отъ смертельной болѣзни, уничтожающей его преждевре-

---

[1]) Зап. Ю. Зап. Отд. Геогр. Общ. I, 172.

[2]) Многія бабы не соглашаются шептать свиньямъ «що воны дывлятся у землю».

менно, всё же ему не избѣжать насильственной смерти отъ руки колія.. По народнымъ понятіямъ не всегда, не каждый и не при всякихъ условіяхъ можетъ колоть свиней. Нельзя ихъ колоть ни на третьей лунной четверти, потому что будетъ непрочное, гнилое мясо и сало, ни по понедѣльникамъ, середамъ и пятницамъ, такъ какъ сало «буде слызьке», ни до зимняго Николая,—будутъ черви въ мясѣ. Колій долженъ имѣть легкую, но твердую руку, опытъ, сноровку. «Винъ стромля нижъ пидъ праву передню ногу» [1]). По однимъ, колій, убивая животное, долженъ сбросить съ себя шапку и кожухъ для удобства, по другимъ же, когда онъ колетъ въ кожухѣ, то сало будетъ тверже. Колій никогда не долженъ сдирать кожъ съ палаго скота или бить и убивать: собакъ, котовъ, воронъ и сорокъ, вообще животныхъ, неупотребляемыхъ къ пищу, иначе мясо убитой имъ свиньи будетъ гадкимъ, безвкуснымъ. Однажды колій на предложеніе отогнать собаку отвѣтилъ: «Я вдарыть іи вдарю, та душу свою запакую, не можна буде бильшъ колоть» [2]). Солятъ сало немытой (дрибною) солью.

---

[1]) И по Маркевичу (Обыч., повѣр., кухня малор. 16) свинью колютъ въ грудь подъ правую лопатку.—По отзывамъ свѣдущихъ лицъ (Нов. Время 1898 г. № 8173, со ссылк. на «Ремесл. газету») для прочности мяса и сала, а можетъ быть и для вкуса, не безразлично, при какихъ условіяхъ убито животное. Чѣмъ медленнѣе и мучительнѣе смерть, тѣмъ менѣе прочно мясо. Раздраженіе способствуетъ образованію кислотъ въ мышцахъ. Не безразлична также и разъемка туши.

[2]) Вѣроятно, это повѣрье связано съ требованіями нѣмецкой и малорусской цеховой этики, считавшей позорнымъ сдираніе кожъ съ палыхъ животныхъ, также убой животныхъ. Такъ въ 1705 г. ковельскій мѣщанинъ Иванъ Горбачыкъ чуть не исключенъ изъ цеха вслѣдствіе слуха, что онъ убилъ собаку. Такія же требованія въ гончарномъ цехѣ въ Хомутцѣ. (О. Левицкій. «Взглядъ на рем. пал. въ стар. Малор.» въ Кіев. Ст. 1899 г., XII, 395, 396 и Кулишеръ. «Изъ истор. цеховъ» въ Вѣстн. Евр. 1888 г., VIII, 595).

VI. Птица.

Выборъ пѣтуха и куръ на племя. Помѣщеніе насѣдки на яйца, высиживаніе цыплятъ. Индѣйки, голуби, гуси и утки.

Крестьяне предпочитаютъ куръ мѣстной породы, нѣкогда,—судя по названію,—выведенныхъ изъ Персіи[1]). На племя выбирается молодой пѣтухъ этой породы, такъ какъ старый тяжелъ для куръ, энергичный, голосистый (чустрійшый, бадёрнійшый, голоснійшый), съ большимъ гребнемъ, длинными и густыми перьями хвоста[2]) «Якъ рясный гребинь и хвистъ у пивня, то буде рясно яець и курчятъ». Куры свѣтлыхъ мастей, особенно желтоватыхъ, хохлатыя (чубати, волохати), какъ болѣе красивыя и носкія[3]), предпочитаются темнымъ. «Чорни кури дрибни, негарни». Выбирающій куръ на разводъ не можетъ, однако, ограничиться только своимъ вкусомъ, а долженъ еще принять въ разсчетъ: какая масть ёму въ руку. «Кому йдуть били, глыняcти, червони, а кому попельнасти, зозулясти». Покупающій куръ на разводъ долженъ еще сообразоваться и съ слѣдующими обстоятельствами. Лучше покупать куръ «зъ запада сонця» и противъ теченія рѣки, такъ какъ всё вообще купленное по теченію (зъ-за воды) быстро уплываетъ. Лучше всего купить птицу, назначенную на убой (зъ пидъ ножа), напримѣръ изъ еврейской кучи. Пріобрѣтая птицу, нужно обращать вниманіе и на то, отъ кого пріобрѣтаешь: «Якъ изъ якои руки, изъ однiеи пидуть у дило, изъ дру-

---

1) Курка—персидское churu, churuh, churus. (А. Н. Пыпинъ. Древн. періодъ рус. литер. въ Вѣстн. Евр. 1875 г., XI, 118).

2) По великорусскому народному повѣрію, записанному Г. Н. Потанинымъ (Этногр. зам. 191), пѣтухъ, лишенный большихъ перьевъ хвоста, становится слабѣй курицы. По мѣстному—(въ моей «Укр. вѣдьмѣ», 11) эти перья стараются вырывать вѣдьмы. Запѣвало (початунъ, почакунъ) пищитъ еще въ яйцѣ, опасенъ демонамъ. Н. Ѳ. Сумцовъ. Культ. пережив. Кіев. Ст. 1900 г. IV, 84).

3) То же и у французовъ: «Les poules huppées passent pour les meilleures pondeuses» (M-me Achille Comte. Hist. Natur. 170).

гои—ни». Возможенъ и обманъ. Продавщицы курицъ вырываютъ у послѣднихъ перья изъ-подъ крылъ, и такія куры безплодны. Разводя куръ, нельзя изъ нихъ уступать ни одной, пока заводъ не установился прочно. Нельзя держать курицу, поющую пѣтухомъ,—ей нужно отрубить голову или только хвостъ[1]).

Съ полгода курочка начинаетъ нестись[2]), указаніемъ чего служитъ покраснѣвшій гребень и особый крикъ. «Курка почына сокорить». Тогда ее по утрамъ ежедневно, кромѣ первыхъ дней Свѣтлаго праздника, Рождества и новаго года, ощупываютъ. Часто и сама курица извѣщаетъ о снесенномъ ею яйцѣ уже другого рода крикомъ. «Вона кудкудаче, хвалытся яйцемъ». Послѣ чего ее выбрасываютъ на дворъ, приговаривая: «Иды, тютю, на тичокъ, знесы копу яечокъ, сёгодня зъ мишечкомъ, завтра зъ яечкомъ». Снесенныя яйца даютъ высиживать насѣдкѣ (квочкѣ), выражающей желаніе высиживать еще третьимъ крикомъ (квочке). Гнѣзда квочкамъ устраиваютъ въ хатѣ подъ поломъ и лавами изъ старыхъ ситъ и рѣшетъ, въ которыхъ цѣлъ ободокъ (обычайка). Эти гнѣзда намащиваютъ соломой, прибавляя къ ней того сѣна, которое подстилалось наканунѣ Рождества подъ кутю[3]) и по которому предварительно катались дѣвочки: «Щобъ квочка сыдила якъ кутя на покути, щобъ не часто ходыла, а то и горшкы и викна побье въ хати». Всѣ вообще обыкновенія, повѣрья и предразсудки, окружающіе помѣщеніе насѣдки на яйца, сводятся къ тремъ подраздѣленіямъ: 1) на какія яйца садятъ насѣдку, 2) въ какое время и какимъ образомъ кладутъ яйца въ гнѣздо (пидсыпають) и 3) когда садятъ на нихъ насѣдку. Насѣдку садятъ на немытыя, содержавшіяся

---

[1]) То же замѣчаніе встрѣчается у Гринченка (Изъ устъ нар. 25). По Маркевичу (Об., пов. малор. 95) пѣніе курицы пѣтухомъ предвѣщаетъ особое событіе.

[2]) Точнаго счета яйцамъ, снесеннымъ курицей въ годъ, не дѣлаютъ, «знесе копу, або дви», вообще 30—100, едва ли болѣе.

[3]) То же дѣлаютъ въ губерніяхъ: Волынской (Бѣньковскій. Кіев. Ст. 1896 г., I, Док. изв. и зам. 8) и Херсонской (Чернявская. Обр. и пѣс. с. Бѣлозер. 8).

въ прохладѣ яйца, круглой формы[1]) съ внутренней выемкой (гузкою), приходящейся снизу или сверху, но не сбоку яйца, потому что отъ такихъ яицъ рождаются пѣтушки, а не курочки, съ густымъ кружочкомъ, но не камушкомъ посрединѣ, и съ толстой скорлупой (товстокори); тонкихъ, прозрачныхъ яицъ (не мицныхъ) нельзя класть подъ насѣдку, она ихъ подавитъ, нельзя класть и съ черными пятнушками на скорлупѣ (шкалярущи)—не вылуплятся цыплята. Нельзя класть въ гнѣздо яицъ отъ курицы, несущейся безъ хозяйскаго пѣтуха, также перваго и послѣдняго изъ снесенныхъ яицъ, и яицъ, снесенныхъ по праздникамъ, особенно на «благовищания и благовисныка»[2]). Высиженные изъ такихъ яицъ цыплята будутъ калѣками или предсказателями несчастія (благовисни). Родившійся въ с. Бѣлозеркахъ, херсонской губерніи, на вербное воскресенье пѣтухъ запѣлъ на слѣдующій день, оказался драчуномъ, бросался на людей и признанъ дьяволомъ[3]). Подсыпать яйца лучше въ сумерки или рано, на разсвѣтѣ, «щобъ не було ни сонця, ни мисяца». Подсыпаетъ тотъ, отъ кого лучше идутъ цыплята, изъ шапки, а не голыми руками, всѣ сразу въ нечетномъ количествѣ: 9, 11, 15 или 17. Всѣ присутствующіе садятся, а если вблизи мальчикъ, то его, а то и взрослаго, тянутъ (скубутъ) за уши, чубъ и штаны, »щобъ куры булы ухати, чубати, волохати». Насѣдку садятъ на яйца на молодикѣ, утромъ, если онъ всходитъ вечеромъ, и къ вечеру, если всходитъ по утрамъ; лучше садить вечеромъ, когда овечьи ватаги идутъ съ поля, «щобъ такъ курчята лупылысь, якъ вивци зъ горы котятся» (сбѣгаютъ). Хорошо также садить квочку по базарнымъ днямъ и воскресеньямъ, «щобъ курчята йшлы, якъ люды до церквы, або на базаръ». Посаженныя въ четвергъ и пятницу насѣдки высидятъ больше курочекъ, осо-

---

[1]) Изъ заостренныхъ яицъ рождаются пѣтухи, изъ притупленныхъ куры. (Ундрицъ. Дом. скотолѣч., 312).

[2]) То же у Маркевича (Обычаи, пов. кухня 3), Чубинскаго (Тр. эксп. Ш, 12) и Даля (О повѣр. рус. нар. С.-Петерб. 1880 г., 108).

[3]) Чернявская. Обр. и пѣс. 10.

бенно если садящій самъ родился въ четвергъ или пятницу; посаженныя же во вторникъ и среду—пѣтушковъ. Въ понедѣльникъ, субботу, дни св. мучениковъ и въ нѣкоторые ферральные дни (кыртычеськи, тытрыденни) нельзя садить квочку. Лучшіе дни для посадки тѣ, которые посвящены памяти преподобныхъ угодниковъ. Во всякомъ случаѣ всѣ присутствующіе при посадкѣ въ хатѣ садятся. Квочка сидитъ на яйцахъ три недѣли, въ какое время ее предохраняютъ отъ сглаза, накрывая ситомъ, особенно если неспокойна, и кормятъ также хлѣбомъ, какъ и вообще курей [1]), остерегаясь давать пшеницу, отъ которой квочка захочетъ нестись, а не высиживать цыплятъ: «почне сокорить». Черезъ три недѣли цыплята пробиваютъ скорлупу и выходятъ; тѣмъ, которые не могутъ сами выйти, приподымаютъ скорлупу. Прежде ихъ кормятъ однимъ освященнымъ пшеномъ, и просто пшеномъ, крошками хлѣба, искрошеннымъ яйцомъ болтуномъ (розбовткомъ), а потомъ просомъ. Въ первый разъ выносятъ цыплятъ изъ хаты въ постный день, окропивъ освященной водой или водой изъ «помыйныци», и ударяя деркачомъ, «щобъ шулики не хапалы».

Выносить цыплятъ въ первый разъ на дворъ должна непремѣнно дѣвушка съ зажмуренными или завязанными платкомъ глазами въ закрытомъ ситѣ или въ пазухѣ рубахи, откуда выпускаетъ цыплятъ черезъ рукавъ рубахи, «щобъ сорокы воны не бачылы». Часть цыплятъ раннихъ (мартюкивъ, мартенятъ) [2]) и болѣе позднихъ (пидкопанокъ, пидкипьятъ) [3]) оставляютъ на племя (насиння), остальныхъ продаютъ по 8—15 к. курченокъ; взрослая курица стоитъ 35, 40, пѣтухъ—30 коп.

Объ индѣйкахъ, разведенныхъ въ Малороссіи сравнительно недавно и доступныхъ лишь самому ограниченному числу бога-

---

[1]) Т. е. ячменемъ, просомъ, гречкой.

[2]) Мартовскіе цыплята лучшіе, потому что пользуются всѣмъ лѣтомъ для развитія организма. (Абозинъ. Доходн. птицев. С.-Пет. 1896 г., 150. Елагинъ. Куры, инд. С.-Пет. 1893 г., 9).

[3]) О нихъ говорятъ: „Скильки на поли кипъ, стильки буде яець и курчятъ“.

тыхъ или очень старательныхъ, неусыпныхъ хозяекъ, почти нѣтъ никакихъ народныхъ замѣтокъ. Хозяйка, пріобрѣвъ по случаю, рубля за полтора самца и самку (индыка и индычку) или чаще доставъ яицъ, несуществующихъ въ продажѣ, садитъ на яйца въ первомъ случаѣ индѣйку, во второмъ—насѣдку. Замѣчено, что индѣйка хорошо высиживаетъ: «Іи, мовъ барыню, треба знимать зъ гнизда, кормыть и поить». Черезъ мѣсяцъ появляются цыплята (индычята), которыхъ прикармливаютъ: молочной кашей [1]), крутыми яйцами, свѣжимъ сыромъ, лукомъ, деревіемъ (Achillea Millefolium. L.), потомъ, просомъ, пшеницей и т. п. Остерегаются выпускать на росы и дождь, «бо индычята утли». Оставляютъ на племя большихъ индюшатъ. Цѣна кормленнымъ индюку и индѣйкѣ 2—3 руб.

Голуби, напротивъ, всего менѣе озабочиваютъ хозяевъ. Для разведенія ихъ берутъ колья (чопы), которыми сверлили ледъ подъ Крещенье на рѣкѣ, и втыкаютъ въ крышу постройки, гдѣ думаютъ заводить голубей [2]); также «перетыку» изъ воза или голубиное перо. Въ предупрежденіе похищенія перьевъ голубей, нужно, зарѣзавъ, очищать (скубты) на чердакѣ и перья затыкать тамъ же за жердь. Даже кости освященныхъ голубей относятъ на голубятню. Для развода голубей, по устарѣлому, почти окончательно брошенному суевѣрію, на заутреню свѣтлаго праздника нужно идти съ голубями за пазухой и на возгласъ священника: Христосъ воскресъ! отвѣтить: «У мене голубы есть». Завесть голубей можно купивъ 1—2 пары птенцовъ, такъ какъ старые всегда возвращаются на прежнее мѣсто; иногда, впрочемъ, голубки, прибившись къ чужимъ голубямъ, остаются при нихъ. На чердакѣ голубямъ устраиваютъ гнѣзда изъ досокъ, старыхъ ведеръ, намащиваютъ соломой. Голубки высиживаютъ два птенца (голубьятъ, голубенятъ). Кормятъ голубей: просомъ, ячменемъ, гречкой. Различаютъ: обыкновенныхъ голубей, вертунивъ, вертящихся во время полета,

---

[1]) Рѣдко достающейся и крестьянскому ребенку.

[2]) Въ моихъ Рожд. святк. сѣв. час. Луб. у. 24.

и туркутивъ (турмановъ). «Воны туркотять довго, гарни, такъ боятся ястреба, ихъ треба дома кормыть». Цѣна пары голубенковъ 5—8 к., туркутовъ и вертуновъ 25—35 к.

Покупая гусей на племя, слѣдуетъ брать ихъ, какъ и куръ, противъ теченія рѣки и наблюдать, чтобы продавщица не выдрала пуха изъ-подъ крыльевъ (не помамрала). Гусь несется съ конца февраля и по народному наблюденію «снесе стильки яець, скильки недиль мясойида», яицъ 8—15, на которыя и садится. За мѣсяцъ до посадки въ избѣ тщательно чистятъ трубы (трусять сажу), иначе яйца почернѣютъ и гусенки не вылупятся. Въ гнѣздо кладутъ сѣно, бывшее подъ кутьей, и солому, подброшенную во время полета дикихъ гусей [1]).

Сажая гусь, берутъ присутствующаго мальчика за волосы, приговаривая: «Щобъ гусы булы ухати, волохати, бородати». Гусь сидитъ на яйцахъ около мѣсяца. Не слѣдуетъ смотрѣть на только что вылупленныхъ гусятъ; кормить ихъ нужно три дня разваренымъ пшеномъ, когда же оперяются и скрещиваютъ крылья (выбываютъ колодочкы), то ячменемъ. Вынося гусятъ первый разъ въ рѣшетѣ изъ хаты, имъ подстригаютъ лобикъ и окуриваютъ жженными перьями. На племя оставляютъ раннихъ гусынь и при нихъ злого (войного) гусака, который оберегалъ бы ихъ и не водилъ на чужіе огороды. Излишнихъ продаютъ по 50—60 коп., а къ Рождеству по 80 к. и по рублю [2]).

Народный вкусъ признаетъ красивѣйшими и лучшими утками глинистыхъ, воны, ажъ по земли лазять», а селезня—сизого. Пріобрѣтенныхъ на племя утокъ слѣдуетъ чаще кормить гречкой, будутъ лучше нестись. «Якъ гречка, такъ и яечка». Гнѣздо уткѣ устраивается, также какъ курямъ и гусямъ, съ прибавленіемъ сѣна изъ-подъ кутьи и перьевъ, которыя уронила утка, когда неслась. Утокъ нельзя садить на первыя яйца, не будутъ нестись.

---

[1]) См. Чубинскій. Тр. эксп. I, 62.

[2]) Въ половинѣ XVIII в. гусь и каплунъ стоили 6 коп., утка—$3^1/_2$ коп. (Лазаревскій. Прилукск. полкъ въ Кіев. Стар. 1901 г., VII, VIII, Прил. 290.

Садятъ тогда, когда утка стонетъ (кахкотыть). При недостаткѣ утокъ, ихъ замѣняютъ насѣдками. Утята выклевываются черезъ мѣсяцъ; ихъ скорлупу и все вообще гнѣздо нужно тотчасъ же отнесть на рѣку [1]), а самихъ утятъ подкармливать вареной гречкой и хлѣбными крошками. Первые девять дней никуда нельзя выпускать утятъ—«утли, урикливи дуже», а по прошествіи этого времени можно вынесть утятъ во дворѣ въ ситѣ, подкуривъ ихъ: страстной свѣчой, ладаномъ и пухомъ, и окропивъ освященной водой. Кормить утятъ во дворѣ нужно въ извѣстномъ мѣстѣ, приговаривая: «Де не ходить, а сюды йдить»; въ предупрежденіе болѣзней [2]) ихъ «загодовують» шпанскими мухами, полагая 10 насѣкомыхъ на большой горшокъ каши. Цѣна утокъ доходитъ осенью до 30 коп.

В. Милорадовичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) То-же у Свидницкаго (Патриченка), Велыкдень у подол. въ Основѣ 1861 г., X, 48.

[2]) Въ народѣ почти не различаютъ болѣзней домашней птицы и не умѣютъ ихъ лѣчить, почему эта часть птицеводства не излагается въ настоящемъ очеркѣ.

ПРОПАЩА СЫЛА.

Повисть.

(Продолженіе [1]).

ЧАСТЫНА ТРЕТЯ.

I.

Нема земли!

Жыття, кажуть, зжыты—не поле перейты. Жыття—що погода. Якъ середъ ясного литнёго дня, колы сонце ажъ пече, такъ гріе та свитыть,—дывысь: де не взявся витеръ, надувъ-нагнавъ зъ усихъ бокивъ чорни хмары,—заклуботалысь воны; насупылось небо, заховалось сонце—похмурыло, загуло, закрутыло, закушнелыло шляхомъ, зиркнула блыскавка, загуркотавъ гримъ, грякъ! трись!... Отакечкы й тутъ. Оце тыхо й мырно, любо та мыло,—гулькъ! не вспивъ озырнутысь, якъ повернуло на негоду.

У восены, тилькы що позвозывъ до-дому Чипка хлибъ зъ поля и лагодывся молотыты, самъ соби миркуючы—якъ тепереньки бачытысь зъ Галею,—на тикъ до его вскочыло лыхо. Стоить винъ на току зъ ципомъ,—ажъ прыходыть десятныкъ зъ волосты. «Чого ему треба?» подумавъ Чипка и прыкро глянувъ десятныкови въ вичи.

— Ходы лышъ у волость!—каже десятныкъ здалека.

Чипка ще разъ глянувъ на десятныка; подумавъ трохы, та тоди вже запытавъ:

— Чого?

1) См. Кіев. Ст. 1903, № 6.

— Не знаю,—одказавъ десятныкъ.—Клычуть, якыйсь чоловикъ прыйшовъ зъ Дону.

— Що за чоловикъ? На вищо я ему здався?

— Не скажу,—одмовывъ десятныкъ.—Прыйшовъ, щось побалакавъ зъ пысаремъ,—мене оце й послано.

— Добре, прыйду,—одказавъ Чипка.

Десятныкъ повернувся—и пишовъ повагомъ вподовшъ улыци.

Не пишовъ, а побигъ Чипка въ волость; не зайшовъ и въ хату, не сказавъ ничого матери.

Незабаромъ писля того вернувся до-дому,—та прямисенько въ хату. На той часъ Мотря поралась коло печи

— Отакъ, мамо!—обизвався винъ.

— А що, сыну?—пытае, не обертаючысь, Мотря, не помитывшы ни жалю въ голоси, ни смутку на лыци.

— Прыплентався якыйсь прыблуда. Каже: Луценкивъ небижъ. Хоче нашу землю одибраты.

Мотря мыттю обернулася, глянула на Чипку,—та й отетерила. Хочъ вона и дывылася, та ничого не бачыла, не розумила.

— Каже: не оддасы,—буду позываты.

Мотря поблидла и ледве вымовыла:—Якый небижъ? звидкиля?

— Кажу жъ: зъ Дону!—одмовывъ Чипка.

— Зъ Дону?!—якось боязко запытала Мотря,—та й опустылася на лаву.

Одно невелычке сливце «Динъ», якъ молоткомъ, ударыло іи въ голову. Памьять у неи зразу прокынулась—и вона згадала, що вже разъ прыйшла була лыха годына зъ Дону, котра перевернула все іи життя, та й кынула бидуваты на старисть. «Чи не нова, бува, прыйшла знову зъ Дону?» подумала Мотря, глядючы на сына,—хочъ ничого й не бачыла, бо въ виччю у неи почорнило, затуманылось.

Чипка подывывсь на смутну, перелякану матиръ—и оханувся. Винъ бачывъ, що ёго звистка впала громомъ на стару матерыну голову.

— Не журится, мамо! не лякайтесь!—ставъ винъ заспокоюваты матиръ.—Хай позывае. Намъ громада прысудыла землю. Байдуже! Нихто теперъ не вырве зъ моихъ рукъ.

— А клопоты, а тяганына,—проказала Мотря, задумуючысь.

— Силькись! А земли не дамъ! Зубамы держатыму,—не пущу!

— Оступайсь, сыну, за свое добро. У насъ же тилькы й багатства, що земля та. Скилькы я попоходыла, скилькы я попоносыла, покы тоди оддалы!—згадувала Мотря, якъ вона добувала ту землю.

— Кажу: не журится!—одказавъ Чипка, и пишовъ зъ хаты на тикъ молотыты.

Мотря посыдила ще трохы на лави; ще перекынула въ своій голови одну думку за другою, може бъ ще сыдила та думала, якъ бы не засычавъ окрипъ у печи, збигаючы ключемъ на черинь. Тоди Мотря встала, одсунула окрипъ—и знову стала поратысь коло печи, якъ и до того поралась.

Побалакалы воны въ той день за землю за обидомъ; побалакалы за вечерею и довго балакалы, полягавшы въ вечери спаты—и забулысь обое. Иде жыття у ихъ протертою стежкою: якъ сёгодни, такъ и завтра; якъ завтра, такъ и по-завтрёму. Мотря коло печи, та въ хати, або за коривчыною ходыть. Чипка—на току, коло хлиба порается: молотыть, та віе, та околотъ вьяже.

Колы такъ—тыжнивъ, може, черезъ два писля того, якъ клыкалы Чипку въ волость,—знову прыбигае десятныкъ, загадуе знову иты въ волость та вже не самому Чипци, а зъ Мотрею: Чипка не послухавъ: матери наказавъ сыдиты дома, а самъ мерщи почемчекувавъ.

Не вспивъ винъ ступыты на поригъ у волости, не вспивъ сказаты: «добры-день»—якъ пысарь до ёго зъ бумагою:—Ось зъ суду бумага за вашу землю! Велено одибраты въ васъ, и оддаты Луценковому небожеви.

Чипка—самъ не свій. Дывытся то на пысаря, то на бумагу: чы бумага бреше, чы пысарь?

— Якъ же це?—пытае въ пысаря.—Адже жъ тоди громада прысудыла намъ землю.

— Прысудыла-прысудыла, каже пысарь,—та, бачъ, парубче, йе й надъ громадою старши. Громада прысудыла, а судъ одсудывъ!

— То це такъ и оддать землю?!

— А вже жъ.

— Та ни, не буде цёго!

Бильше ничого не сказавъ Чипка, не поклонывсь навить старшыни волосній, а повернувся—и пишовъ, похнюпывшысь, до-дому.

— А що теперъ, мамо робыты?—запытавъ матиръ, ледве одхылывшы хатни двери.

— Що, сыну?

— Пропала земля!

— Якъ пропала?

— Кажуть: судъ одсудывъ.

Немовъ хто гострый нижъ вгородывъ у серце старои Мотри. Якъ сыдила вона на лави, на гребни, выводячы тонку пытку,—такъ и прыкыпила на дныщи: заколило веретено въ одній руци, а волокно въ пучци—въ другій.

— Краще бъ мени, сыну, въ домовыни лежаты, нижъ таку чутку чуты!—ледве вымовыла Мотря кризь слёзы...

А Чипка—не чувъ, не дослухався до іи сливъ.. Винъ земли пидъ собою не чуе. Миряе винъ хату—то вздовшъ, то впоперекъ, бье объ полы рукамы, нибы самъ соби прыговорюе:

— Та ни, не буде сёго!.. Брешуть воны... Я васъ знаю, знаю бисовыхъ сутягъ!.. Пидсыпавъ пысареви блудяга, и йе земля!.. Та ни!... Мене цимъ не пидведешъ... Я самъ свое знайду, допытаюсь свого... Хочъ отъ-по-сю (черкнувъ по горлянци рукою),—а землю не дамъ!

Поривнявшысь зъ матирью, ставъ, узявся въ бокы, глянувъ на неи...

— Выймайте гроши, якъ йе!—гукнувъ зъ-опалу.

— Яки гроши?—здывувалась Мотря.

— Яки йе, вси выймайте, въ городъ пиду—позыватысь.

— Де жъ у насъ гроши? Хиба ти пьять рубливъ, що за овечатъ вторгувалы... Тамъ у скрынци въ сувои захованп... Визьмы, колы треба.

— Пидить прынесить, я не знайду де.

Мотря, стогнучы, встала, видхылыла скрыню, довгенько рылася, покы знайшла гроши.

— На,—сказала вона Чипци, подаючы гроши правою рукою, а ливою зачыняючы скрыню.

Чипка взявъ гроши, подумавъ, повертивъ у рукахъ сыню бумажку, заховавъ іи въ кесетъ зъ тютюномъ, пхнувъ у кешеню, зитхнувъ—и взявся за шапку.

— Прощайте жъ, мамо! сёгодни мене не ждить,--хиба ажъ завтра вернуся въ вечери.

— Щаслыво, сыну. Ты бъ узявъ хочъ хлиба на дорогу.

Чипка не чувъ: винъ уже зачынявъ за собою хатни двери.

Зосталася Мотря сама--сама, якъ палець, зъ своею нерозваженою думкою... Сила вона за гребинь, не счулася сама, якъ узяла веретено; смыкнула зъ кужелю пасмо, вывела нытку... Въ голови—полизла всячына, завернула въ давне... У памьяти—прокынулысь ти давни часы, якъ на чужимъ поли на людей жала, зъ снопа заробляла,—якъ пьять снопивъ людямъ нажны, а соби шостый одверны, якъ за цилый довгый литній день, одъ свитовои зори до вечирнёи, спыны не розгынаючы, тилькы двадцять снопивъ и заробыла!.. А ще жъ ихъ треба и звозыты, и змолотыты! А тутъ—кругомъ лыха годына облягла: на хати стеля попрогнывала—кризь стелю капае, стины осинни дощи обшпарувалы—голымы ребрамы хата свитыть... А вже зима не за горамы... И холодъ, и голодъ... Пополотнила Мотря; ввирвала нытку... Покотылысь зъ очей слёзы—якъ горохъ, закапалы ажъ на доливку...

Чипка тилькы выйшовъ зъ двору, такъ и налигъ на свои ногы. Лыхо его мчало въ городъ: ёму хотилося перелетиты туды. Шляхъ у Гетьманське лежавъ повзъ ёго землю, мымо московського хутора. Та не дывывся теперъ Чипка ни на чорно-жовту стерню на поли, ни на билый верхъ, що одынъ тилькы й выглядавъ зъ-за высокого паркану москалевого двору. Чипка чесавъ шляхомъ, заклопотаный одніею думкою—про землю... «И що я безъ земли?—вертилося въ ёго похнюпленій голови.—Людськый попыхачъ, наймытъ.. Безъ земли—нема воли... Земля тебе годуе... земля ха-

зяиномъ робыть... А безъ земли—все пропало, и моя надія пропала»...

-- Щобъ вы сами пропалы, проклятии!—самъ не счувся, якъ зирвалысь слова зъ языка.

— Кому-то ты добра такого жычышъ?—любенько обизвалась Галя до ёго, на хвиртци стоя.

Вона вже давно ёго нагледила,—тилькы винъ не прымичавъ іи.

Несподивана стрича—якъ обварыла Чипку. Винъ пидвивъ голову, подывывся—де винъ, глянувъ на Галю—и не мигъ слова вымовыты... Галя стояла—и соби дывылася на ёго, нибы зъ усмишкою,—нибы радила, що такъ несподивано захопыла Чипку, що винъ замишався...

— А бачъ: переляқався й ты! а ще парубокъ!—зацокотала вона.

Чипка сердыто зыркнувъ на неи—и наче здмухнувъ веселу усмишку зъ іи веселого лычка.

— Лыхымъ людямъ, Галю,—понужаючы голосъ, ледве одмовывъ Чипка на перше пытання, та й повернувъ до хвирткы.

Галя соби повернулася, скочыла въ двиръ, защепнула хвиртку—и тилькы чутно—затупотила дворомъ.

— И вона втекла!—гирко вымовывъ Чыпка:—не пидождала, не побалакала...

Поглянувъ винъ на ворота, на хвиртку—мовъ бы поглядомъ знисъ ихъ; похытавъ журлыво головою; повернувся—и знову почесавъ дали...

Сонце вже стояло на вечирнёму прузи, якъ пидходывъ Чипка до Гетьманського. Череда съ поля пустылася до-дому: коровы поспишалы побачытысь зъ телятамы и заздалегидь подавалы про себе вистку протяжнымъ ревомъ. Череда нагнала отару—и перемишалася... Овечкы, бекалы та мекалы, розскакувалысь на вси бокы—и пиднималы зъ шляху страшенну пылюгу... Вона стояла сирымъ стовпомъ, навпроты сонця здавалася

червоно-дымчата. Вона закрывала собою городъ,—тилькы й выдко було зъ-за іи густого полоту—горила на сонци золота баня на церкви...

Чипка ни до чого не додывлявся. Винъ ишовъ соби похнюпывшысь, тыхо, ногу за ногою посылаючы. Не близькый свитъ Гетьманське. Набывъ добре ногы, натомывъ думкамы голову; втомывся трохы. Ёму задумалося спочыты; винъ ставъ миркуваты: де ёго на ничъ прытулытыся?—Ажъ ось и городъ...

У царыни нагледивъ Чипка нызенького, натоптуваного чоловика, зъ круглымъ запухлымъ лыцемъ, зъ рудымы товстымы усамы. На плечахъ у ёго на-опашкы була накынута сира московська шенеля, унызана блыскучымы кгудзыкамы, зъ зеленымы нашывкамы на комири. Москаль—не москаль, а службою пахне. Стоявъ винъ середъ двору безъ воритъ и, прыкрывшы рукою видъ сонця очи, поглядавъ на Чипку. Той повернувъ до двору.—Чоловикъ побачывъ—и соби видійшовъ до немазанои хаты. Напьявшы на ликти шенелю, винъ ставъ коло одного стовпа одъ воритъ, пидперъ его однымъ плечемъ—и обернувся до Чипка.

— А що скажешъ? Чы не по дилу?

— «Самъ Богъ насылае»—подумавъ Чипка, здіймаючы шапку.

— Скажить, будь-ласка: чы вы не знаете—де тутъ жыве секретарь Чыжыкъ?

У чоловика ажъ обыдва усы затипалысь; таранкувате лыце мовъ ще дужче порябило.

— Чого тоби до секретаря?—самъ себе здержуючы, пыта чоловикъ.—Секретарь такыхъ, якъ ты, не прыймае... А колы чого треба—то я тоби напышу... Шо въ тебе за дило?—прыставъ винъ до Чипкы.

— Та дило, бачыте, ось яке...

И давай Чипка выкладаты свою прыгоду.

— Такъ, еге, треба справкы наводыты, копійкы браты, понуро дывлячысь, якъ велыкый дока въ сёму дили, одрубавъ чоловикъ.—Треба прошеніе, еге, такъ-такъ... Такъ и напышемо... А гроши жъ у тебе йе?—спытавъ винъ и глянувъ прямо въ вичи Чипци.

— А багато на те треба?—вывивъ Чипка.

— Та рубливъ пьять на першый разъ треба... А тамъ—побачымо що буде: чы можна весты дило, чы, може, наплюваты...

Чипка стоявъ и роздумувавъ: чы не бреше винъ? онъ на ёму яка лыха одежынка! Може хоче выдурыты гроши... Бачъ: пьять рубливъ, щобъ тилькы, дознатыся, вси гроши на те тилькы, щобъ знаты: чы можна весты дило, чы не можна?... Ото здырство!...

— Ну, такъ ходимъ до хаты...

— Ни, задумався Чипка:—прощавайте!...

— Слухай!—постой!... Чувъ?—постой!

Чипка ставъ.

— Знаешъ що?—я тоби за тры карбованци напышу...

— Не хочу, спасыби вамъ,—тай иде дали.

— Постой! постой!—спыня ёго чоловикъ.—Якъ ты прозываешся?

— Вареныченко.

— Ты козакъ, чы хто?

— Мій батько москаль.

— Ага... Отъ, бачъ, и на бумагу не треба—на простій напышу... Хочъ?—за рубля напышу! Нихто тоби за рубля не напыше, а я напышу...

— Та Богъ зъ вамы!—одгрибався Чипка, не радъ, що й зачепывъ таку прычепу.

— Ты думаешъ, я тебе одурюю?... Ни, ще Васыль Порохъ никого не обдурювавъ... Ты чувъ про Пороха? Черезъ Пороха и секретареви твоему не разъ доставалося!

Чипка справди чувъ про Пороха: писчане хвалылыся, що Порохъ не разъ пысавъ прошеніе кому треба; Чипка задержався—и ще разъ обдывывся Пороха.

— Ну, отъ же я тоби за твою неймовирнисть,—прыстае Порохъ, узявшысь у бокы:—щобъ ты на другый разъ знавъ Пороха, дурно тоби напышу!

— Чы йты, чы ни?—подумавъ Чипка.

— Слухай, ходимъ!

Чипка повернувъ за Порохомъ у двиръ.

— Я це тилькы тоби дурно пышу,—проказувавъ Порохъ, идучы впередъ,—перше зроду пышу дурно! За те ты мени хочъ могорычу купы.

— Добре,—одказавъ Чипка.

— То онъ,—дывысь,—пляшка надъ хатою высыть,—показавъ Порохъ черезъ дорогу:—то—шынокъ... Пиды могорычу прынесы!

Чипка повернувъ до шынку; Порохъ пишовъ у хату. Незабаромъ Чипка вернувся зъ пляшкою горилкы въ рукахъ. Порохъ стривъ его на порози, ввивъ у хату.

Хата вдарыла Чипци въ вичи своею неохайнистью. Стины полупани, чорни, ажъ поцвилы; доливка була колысь на помости, теперъ тилькы недоколоти пидъ стинамы дошкы про те нагадували; посередъ хаты выбойи, повни смиття; викна темни, ажъ чорнувато-зелени, пропускалы въ хату якыйсь темный свитъ. Гыдко, непрывитно! У самому кутку, на покути, стоявъ невелыкый стилъ зъ двохъ дошокъ, на палець одна одъ другои.

— Здорови въ хату!—прывитавсь Чипка.

— Здоровъ, здоровъ,—весело задриботавъ Порохъ.—Сидай!— и ткнувъ пальцемъ на трыножокъ, що стоявъ коло столу, а самъ метнувся до грубы.

У хати була панська груба. Порохъ одчынывъ дверци, вытягъ звидты чарку и краець черствого хлиба, покалянаго въ попилъ.

— Оце прыходытся ховатысь одъ проклятои сараны зъ святымъ хлибомъ!—задриботавъ Порохъ.—Якъ та прожора жре! не заховай тилькы... Засохъ трохы, та силькись... Покалявся...—И винъ почавъ хлибъ обдуваты та обтераты...

— А дежъ горилка?—обернувся до Чипкы.

Чипка пидвився, щобъ достаты: винъ поставывъ пляшку коло порога.

— Сыды, сыды!—защебетавъ Порохъ, наглядившы горилку,— я самъ! я самъ!

Узявъ винъ пляшку, налывъ чарку, вылывъ у ротъ, кутулявъ, кутулявъ, розводывшы якось чудно очыма,—ковтнувъ, поплямцавъ; знову налывъ чарку, и знову вылывъ у ротъ, закутулявъ и ковтнувъ...

— Хто се дававъ?—спытавъ писля другои.

— Жыдивка.

— То-то, чортова душа,—паганои дала!.. Отъ, гаспыдська Ривка! Ще такы Оврамъ совиснише, а що вже Ривка... Ось покуштуй!

— Ни, не хочу.

— Чому? не пьешъ?

— Та таки и не пывъ доси...

— То не знаешъ, яка и на смакъ?

— Не знаю.

— Дурный же ты! Ничого доброго ты не знаешь. Знай, що тилькы и добра на свити, що горилка. Скилькы бъ безъ неи людей вишалось! А такъ... На, пый!—крыкнувъ на Чипку и подавъ ёму чарку.

Чипка давно чувъ, буцимъ горилка робыть полегкисть. Теперъ ось и Порохъ росхвалюе, а тутъ ще й досада зъ самого ранку за серце ссе... въ тили трохы холодъ чуется... Усе це разомъ намоглося на Чипку: выпый та й выпый! Ничого робыты,— треба спробуваты... Узявъ Чипка, выпывъ... Горилка запекла, защыпала въ роти трохы—не похлынувся, ажъ закашлявся.

— Такы выдно, що ты не вміешъ пыты!—каже Порохъ.— Ось якъ треба пыты!—и знову выхылывъ чарку въ ротъ, ковтнувъ, якъ воду. Потимъ того, одломывъ шматочокъ хлиба; почавъ зайидаты.

Чипка соби взявся за хлибъ. Хлибъ—якъ сухаръ сухый, насылу кутулявъ ёго Чипка.

— Зовсимъ ты никчемный!—каже Порохъ:—ни пыты, ни йисты.

— Та якъ ёго отаке гирке пыты?—зверта Чипка на горилку.

— То тилькы такъ здается... Ось пидожды трохы, пройме— самъ попросышъ!

Чипка справди почувъ—сперше наче хто гарячымъ зализомъ прыпикъ ёго въ середыни; запекло коло серця, та й розiйшлося по всёму жывоту... Дали—той огонь затухъ,—запекла згага; йисты схотилося... Здается, вола бъ ззивъ... и черствый хлибъ здается смашнымъ! Трохы згодомъ—мовъ щось у вичи вступыло... заграло въ голови... повеселишало на серци... Темни думкы сталы прояснятыся... стала прокыдатысь вира... узяло завзяття... «То все брехня!—думается ёму.—Хай карбованця прокучу, хай—два, або й уси пьять... а земля все-такы моя! Брешешъ, вражый чоловиче, земля моя»... И такъ стало Чипци весело, немовъ справди земля вже ёго, и винъ вертается до-дому забезпеченый. .

— А чы дорого се дило коштуватыме?—пытае винъ у Пороха.

— Яке дило?—Колы дуже закрутне—дорогше; а колы ни,—не дорого,—одказавъ Порохъ.

-- А мое дило?

— Ось трывай лышъ, ще по однiй выпьемо, та тоди вже й за дило.

Тилькы що Порохъ ставъ налываты чарку, двери прожогомъ росчынылыся и у хату вскочыла жинка—не жинка, дивка—не дивка; голова не покрыта, якъ у дивчыны, а косы заборсани въ мычку, немовъ жинка збиралася сховаты ихъ пидъ очипокъ, та завьязала на тимьи, а воны й розсыпалысь... Сама—не стара ще, высока, суха, худа, щокы усмокталысь у середыну, выдъ—болизный, жовтый,—тилькы одни очи, чорни, якъ теренъ, блыщалы якымсь божевильнымъ свитомъ...

— Уже пье... уже пье! щобъ тебе гаряча кровъ спыла!.. скрыкнула вона такымъ несамовытымъ голосомъ—ажъ у Пороха рукы затипалысь... Йисты ни крыхты нема, дитвора плаче, а винъ чортивъ бугай, горилку дудлыть!..

— Иды соби! иды, иды,—заидыкавъ Порохъ.—Мени николы. Я заразъ чоловикови пысатыму прошенiе... иды соби!

— Щобъ тебе пысачка спысала, проклятый! Мени жыття черезъ тебе нема...

— Хто жъ тебе держыть? Я тоби давно кажу: чымъ клопотаты мене зъ своимы дитьмы,—ишла бъ соби, куды сама знала... Такъ, бачъ, шкода москаля кыдаты!

— Аже жъ шкода!..—и якось страшено засвитыла очыма. Поглядъ іи упавъ на краець хлиба. Вона затипалась и, якъ та звирюка, кынулась до столу—ажъ Чипка подався на бикъ.

— Бачъ, проклятый! казавъ—хлиба нема, ажъ ось скилькы переховувавъ.

— Ну, беры, беры... та иды соби!—одказавъ Порохъ, ховаючысь зъ пляшкою.

Вона страшенно провела очыма—и повагомъ выйшла зъ хаты.

— Хто се?—запытавъ Чипка.

— Шматъ...—не доказавъ Порохъ, а трохы згодомъ, одмовывъ:—сестра... Не вси, бачъ, дома—божевильна..., а дитей плодыть,—та й жывуть, прокляти, на мою голову!..

Чипци такъ стало шкода божевильнои сестры Пороха, та малыхъ дитокъ!.. «Може воны голодни й холодни», думавъ винъ.—«Отъ, якъ бы багатство,—чы дишла-бъ вона до сёго?... Якъ-бы то багатство.—А то—отъ, останню землю одбирають»... Знову повернула ёго думка на землю - и почала передъ нымъ свои выводы выводыты...

— А що жъ: будемо прошеніе пысаты,—перебывъ Порохъ.

Чипка кынувся.

Порохъ побрався знову въ грубу!—вытягъ звидты недогарокъ шабашковои свичкы, каламарь зъ помаднои баночкы, перо; поставывъ усе це на столи, а самъ выйшовъ зъ хаты. Незабаромъ вернувся зъ папиромъ у рукахъ, зъ окулярамы. Перше всёго—заправывъ свичку въ росколоту пляшку.

— Якъ потемніе, то запалымо, щобъ не шукаться,—сказавъ винъ.—А теперъ пусты мене на свое мисце, а самъ сядь на лаву, або-що.

Чипка пересивъ на другый трынижокъ. Порохъ прысунувъ свій трынижокъ до столу, розложывъ папиръ и, осидлавшы носа окулярамы, почавъ пысаты. У хати стало тыхо-тыхо,—

тилькы колы-не-колы якось сердыто одгаркувався Порохъ, та чутно було скрыпъ пера, або одрубни вымовы Пороха—то: «такъ», то «ага»... «еге»... «добре»... «ну, а дали?»... И дали Порохъ, подумавшы трохы, знову пысавъ, ажъ стилъ ходоромъ ходывъ, знову одгаркувався, агакавъ, та егекавъ... Вечирне сонце, сидаючы за хмару, кынуло червону стяжку черезъ мутну шыбку—и обдало червонымъ свитомъ круглу лысу Порохову голову, переризала на двое билый папиръ, и довгою й шырокою попругою лягло черезъ усю хату, ховаючысь крайкомъ ажъ десь за грубою... Облыта свитомъ, и безъ того червона голова Порохова теперъ стала зовсимъ червоно-гарячою... Чипци здавалося: кривава голова пысала криваву жалобу.

Порохъ скинчывъ, положывъ перо; взявъ папиръ у рукы, пидійшовъ до викна.

— Слухай: чы такъ буде?—и ставъ чытаты.

— Що, такъ?—запытавъ знову, перечытавшы.

— Ну, оце жъ тоби й прозьба. Треба—колы до прозьбы выпылы, то й писля прозьбы не завадыть.

— Добре, згожуется Чипка.—На счастя значыть?

— Еге жъ,—сказавъ Порохъ; покректавъ, потягся, й выпывъ одну за другую ажъ дви чаркы.

Пиднисъ Чипци. Выпывъ и той -- и ставъ сплёвуваты. Сонце вже зовсимъ сило; въ хати стало темно; Порохъ свичкы не засвичувавъ, а ходывъ мовчкы зъ одного кинця хаты въ другый. Чипци стало ніяково.

— Ты въ насъ заночуешъ, а завтра и у судъ,—сказавъ Порохъ, та й замовкъ.

Важко стало въ хати. Чипка сыдивъ на трынижку. Порохъ тынявся зъ кутка въ кутокъ. Обыдва мовчалы. Щобъ перерваты нимоту, Чипка запытавъ:

— И се вы такъ жывете?

— Отакъ, якъ бачъ. Тилькы й того, що хата своя.

— Не смашно.

— Та якъ выпьемо, то воно й посолодча трохы; а безъ того—черезъ добрыхъ людей давно бъ высилы на трямку—сказавъ Порохъ и знову ковтнувъ чарку.

— Усимъ, значыть, добре... обизвався Чипка.

— А ты думавъ—ни?... У кожного—не безъ того... Ты знаешъ Польського?..—пыта Порохъ, зупынывшысь навпроты Чипкы.

— Котрого?

— Того, що и у васъ пануе,—що въ Красногорци жыве.

— То що?

— Не то—що... А отой мене дойивъ, той мене въ землю втоптавъ!—и Порохъ знову заходывъ по хати.—Якъ ставъ предводытелемъ,—такъ и нема мени жыття!.. Ябедныкъ! Ябедныкъ—та й нема мени добра... А до того мени добре було... Служывъ... Цей будынокъ, що похылывся теперъ... а колысь?.. Колысь у ёму беньketувалы... музыкы гралы... самъ комысаръ гулявъ тутъ... А теперь... нужда та злыдни!.. А все—винъ!

— Що жъ винъ вамъ заподіявъ?—пыта Чипка.

— Якъ що? Зъ службы выжывъ... ябеднықомъ зробывъ... онъ що! Та ни! Не такъ легко Васыля Пороха зробыты ябеднықомъ... Не така въ Васыля Пороха голова! Заславъ брата на Сыбиръ,—бо братъ дурный... Племиннычокъ звивъ зъ ума сестру,—сестра божевильна... А Васыль—ни! не вгрызешъ! Васыль колысь вертивъ цилымъ повитомъ... У Васыля вси булы въ рукахъ—и комысаръ, и суддя, самъ предводытель... ажъ покы винъ не влизъ у предводытели... Улизъ,—та й ну свою панську пыху показуваты. Що ты мени зъ своею пыхою, колы я за всихъ роблю?.. Плюваты на неи! Такъ, бачъ, ни... По ёго—хочъ ничого не робы, тилькы ёму зважъ... ёму лыжы... Не такый Васыль Порохъ щобъ лызався... Хай други лыжуть, а Васыль не лызатыме... Винъ якъ лызне, то й лызь васъ злыже!.. Ну?.. выжыты Пороха! Порохъ не хоче корытысь!.. Порохъ не лыже... Сказавъ судди, а суддя не хто, якъ ридный братикъ... Та хиба одынъ суддя?.. и пидсудкы—родычи... и справныкъ родычъ... уси одного заводу, одного кодла... Де жъ тамъ правда визьмется?.. Сказано: выжыты... Ну й выжылы... Не трудно выжыты, та трудно росквытатысь... Силькись... Що мени служба? Наплюваты на неи!.. А я такы вамъ дозолю... Я завьяжу кишци хвоста,—хай розвьязують!

Онъ по опеци одного братчыка допикъ, що пидъ судъ оддалы... Скрутылы, правда дило... выпутався... хай, кажу. Се мени хлибъ... Я зновъ пысатыму... И про выборы, якъ воны зйизжалысь та змовлялысь, напышу... и за те напышу, що вси кумы та побратымы... Все обпышу... Я ихъ на чысту воду выведу. На те я—ябеда! Макуха сыдыть уже пидъ судомъ,—оддамъ ще й порадныка вашого Чыжыка... Хиба здохну, щобъ ёго не оддавъ!.. Я знаю, якъ Чыжыкъ за Савынськыхъ дило скрутывъ... Савынськый дивку встрелывъ... Выйшовъ писля обиду въ садокъ. Дивчата рвалы ягоды... А ну, каже, яка скоче зъ вышни?.. Та—бухъ!—Такъ одна опукою до долу... та сама, що не пиддалася... Що жъ?.. Заразъ до Васыля Семеновыча... Той за Чыжыкомъ... Ну, звисно, и Чыжыкови перепало дысятынъ зъ двадцять поля... Чыжыкъ и скрутывъ дило,—очевыдячкы скрутывъ... За те Совынськый на дочци Польського оженывся... взявъ плащувату цыганку, съ такымъ носомъ, якъ сокыра... И покрылы... Людську кровъ покрылы... Та ни! навищо-жъ Васыль Порохъ жывый?.. винъ васъ роскрые... Кровъ—не вода... Васыль Порохъ самъ у яму ляже,—та й звидтиль крычатыме, що Совынськый дивчыну вбывъ!.. Душогубци!..

Страшно якось, гучно роздавалыся въ темній хати Порохови речи,—нибы справди хто зъ глыбокои ямы гукавъ про пански зли вчынкы... Чипка слухавъ ту обрубу бесиду, серце закипало въ ёго...

— Такъ воно скризь добре?..—промовывъ винъ:—усюды правда!!

— А ты шукаешъ правды?—суворо запытавъ Порохъ.—Тилькы й правды, покы повна пляшка; а колы порожня, то й брехня!.. А ну, лышень пидкрепымося...

И винъ самотужкы потягъ зъ пляшкы, тилькы булькотало въ горли.

Чипка не схотивъ пыты. У ёго и безъ того грало вже въ голови.

Пороховы речи глыбоко запалы въ серце. Передъ очыма встала вся неправда... «Винъ—старшый, а кругомъ ёго менши,

все родычи... Сказано слово—и все схылылося передъ нымъ... Панъ надъ мужыкамы, панъ и надъ панамы! Не мае ни въ чимъ перепону, не знае ніякои заборопы... Де жъ тутъ визьмется тая правда?»... Прокынулась въ Чипчынимъ серци недовира въ правду; обизвалась вона въ души ёго тяжкымъ сумомъ... Винъ сыдивъ, схылывшы па руку голову,—не чувъ, якъ рыпнулы двери.

— А вы поночи сыдыте?—щось спытало жиночымъ голосомъ—и знову зачыныло двери.

Трохы згодомъ у хату ввійшла сестра Порохова зъ каганцемъ у рукахъ. Свитъ ударывъ прямо Чипци въ вичи. Передъ нымъ, якъ мара та, стояла роспатлапа жинка—и жывцемъ нагадувала ёму про людську неправду...

— Тутъ будемо вечеряты, чы тамъ?—пытала вона, не выпускаючы каганця зъ рукъ.

— Тамъ мабуть... Тамъ, Галочко,—одказавъ Порохъ.

Чипка ажъ затипався, почувшы таке менння...

— Ходимъ же йисты!—гукнула вона, и пишла впередъ. Порохъ и Чипка пишлы за нею. Увійшлы въ кухню. Вона була ще чорнища, нижъ кимната, де сыдивъ Чипка. За кухнею чорнилы двери—въ третю хату. Що тамъ було—не выдко, тилькы зъ-за дверей выглядало дви кострубати дытячи головы. «То, выдно, іи диты», подумавъ Чипка.

Середъ хаты силы вечеряты. На перевернутимъ уверхъ денцемъ горняти блыщавъ каганець и прысвичувавъ у мыску. Всыпала вона галушкы. До вечери вси выпылы по чарци,—выпыла й сестра Порохова, и не скрывылася. Чипка покоштувавъ галушку,—глывка, якъ кглей, та ще й на зубахъ трищыть. Давай винъ сёрбаты одну щербу. Колы бъ не такъ хотилося йисты, винъ бы и не покуштувавъ такои вечери.

— Мамо! дай и намъ галускы.. и мы хочемо галускы,—обизвалася зъ-за дверей дытына.

— Вы!..—гукнувъ па ихъ Порохъ.

Диты поховалыся.

— Люцыпиръ!—зыркнула Галька:—самъ напывся, налопався, а дитямъ—то й нема?!..

— Чому вы, справди, дитямъ не даете?—обизвавсь Чипка до неи.

Вона встала; мовчкы достала недобытый полумысокъ; всыпала въ ёго галушокъ и поставыла коло порога. Зъ-за дверей высунулось двое дитей,—чорни, замурзани, въ якыхсь ганчиркахъ замисть сорочокъ, котри воны якось соромлыво позводылы на грудяхъ чорнымы рученятамы,—бо застибокъ не було... Прыпалы воны опукою надъ черепкомъ, запустылы въ юшку свои рученята, вытяглы по гарячій галушци, засычалы, захукалы,—и сталы жуваты, цмокаты... Чипци стало ажъ гыдко. Мабуть не любо було и Порохови, бо винъ знову закрычавъ на ихъ. Диты зъ-пидълоба зыркнулы на ёго, й налагодылысь шарахнуты за двери.

— Не крычы, пьяныце!—гукнула Галька на ёго.

— Сыдить!—обернулась до дитей.

Чипци вже не йилося. Дойивъ Порохъ останню галушку. Подякувавъ Чипка Порохови и Гальци.

— Иды жъ теперъ, та лягай спаты!—обизвався Порохъ до Чипка.

Выйшлы воны разомъ зъ кухни. Чипка покурывъ у синяхъ люлькы, пишовъ у хату, а Порохъ ходывъ ще довго по двору, смоктавъ люльку та сплёвувавъ...

Лежыть Чипка въ хати на доливци, не спыть, качается. Душно ёму, варко; по жылахъ бигае кровъ; гаряче полумья пашыть зъ рота; а въ голови одна думка ганяется за другою... То ёму прывыжуется вдача: земля знову ёго, винъ такый радый и маты рада,—не попустывъ свого! И Галя ёму любесенько ввыжается... Що не кажы, а Галя дивчына гарна! Отъ, якъ бы така жинка... Радіе Чипка видъ одніеи згадкы... Ажъ-ось повіяло холоднымъ витромъ зъ другого боку... Нема землы!.. проходывся дурно... марно втратывся... Маты плаче,—це ій, старій, знову прыйдется на чужимъ поли тынятысь... А самому якъ?.. Пропало все!.. То знову винъ хазяинъ... иде поручъ зъ Галею... Вона ёму любо глянула въ вичи; усмихнулася... А лыхый ворогъ позавыдувавъ ёму,—одибравъ землю, закрывъ своею нечыстою рукою мылый зразочокъ... Що теперъ ёму зосталося?.. Высовуется, мовъ

зъ туману, пьяна Порохова постать, а за нею—свитыть страшнымы очыма божевильна Галька: просовують до ёго рученята голи чорномази диты—страшни, сухи; тремтять одъ холоду... И встае передъ нымъ людська неправда... Бачыть винъ: вона, якъ павутына, заснувала цилый свитъ,—нихто не выплутается зъ іи тонкыхъ тенетъ... Правда, одынъ рванувся—и вырвався... та якъ? рукы и ногы назадъ скручени... ни систы, ни встаты: стій, якъ на кару выведеный!.. «Господы Боже! де жъ Твоя правда?»... шепче Чипка... «Де іи шукаты?» Ажъ-ось, здается ёму, павутына й ёго основуе,—отъ-отъ—и винъ въ тенетахъ. Винъ рванувся, кынувся... Хочется, ёму забутыся, заснуты; перевернувся винъ зъ боку на бикъ... Сонъ—якъ видьмы вкралы!

Хтось рыпнувъ дверыма, ввійшовъ у хату.

— Се вы, дядьку?—пытае Чипка.

— Я,—одказавъ Порохъ.—А ты ще й доси не спышъ?—спытавъ ёго, й побрався до свого лижка, по другый бикъ хаты. Не пройшло десяты хвылынъ, якъ Порохъ захарчавъ.

«Щаслывый винъ!»—подумавъ Чипка.—Таке лыхо, а спыть безпешно...

II.

Зъ легкои рукы.

У-ранци вставъ Чипка зъ досадою въ серци, зъ дурманомъ у голови. Узявъ прозьбу, поклонывсь Порохови, пишовъ у судъ. Ще було дуже рано: никого зъ судовыкивъ не було въ суди; тилькы одынъ сторожъ пидмитавъ скризь по хатахъ пороскыдани шматочкы никчемного папиру, и цилу коробку ёго, разомъ зъ сминттямъ, высыпавъ у грубу.

— Та й ранній же!—сказавъ винъ, побачывшы Чипку.— Пидожды лышень. Ще никого нема.

Чипка сивъ на рундуци. Писля недоспанои ночи, писля згагы, осинння ранкова прохолода здавалася ёму такою хорошою—нибы ожывыла ёго. Голова потроху одходыла: веселиши думкы прокы-

дался. Ранишне сонце облывало його мнякымъ свитомъ, пестыло його выдъ, очи, нагоныло сонне забуття. Чипка захытався—задримавъ. Його розбудывъ якыйсь гоминъ. Росплющывшы очи, винъ побачывъ,—цила купа людей увалыла въ двиръ. Въ одного зъ-за пазухы выглядавъ краёкъ папиру; въ другого на грудяхъ—наче горбъ вырисъ: то оддымався цилый хлибъ, узятый зъ дому на цилый день; у третёго—за плечыма торбына. Коженъ щось розсказувавъ другому; инчый розмахувавъ рукамы: всякого клопотало лыхо. Якось не знарошне поглядъ його впавъ на одного чоловика. На-ризно стоявъ винъ пидъ паркaномъ—зажуреный, похнюпленый. Други посидалы, сміялысь, балакалы... А винъ стоявъ мовчкы, якъ обшыбленый, и, здается, ничого не чувъ, не бачывъ. Чипка подумавъ: мабуть не абы-яке дило и въ цёго!

Ажъ-ось—хтось крыкнувъ: «Секретарь иде!» Уси повставалы, насторошылысь. Пиднявся и Чипка. У воротяхъ показався сухый, перегнутый у трое, панокъ, зъ зеленымъ комиромъ, зъ блыскучымы кгудзыкамы. Чипка глянувъ на його. Борода ёму була гладко выголена; якъ та сокырка, выдалась вона впередъ, ховаючы въ прогалыни мижъ довгымъ носомъ и собою запалый ротъ, зъ сухымы тоненькымы губамы; голова трохы подалась назадъ; довга шыя выпьялась такъ, якъ у вола, колы його въ ярмо запрягають; въ грудяхъ одтопырылысь верхни краи хворменного сертука, застёбнутого внызу на два кгудзыкы—и робылы нибы горбъ, а на спыни бувъ справжній горбъ—ажъ до самыхъ плечей до тонкого, перегнутого стану. «Ну, и цёго перегнуло!» подумавъ Чипка. Секретарь Чыжыкъ,—то бувъ винъ самый,—увійшовъ у двиръ, обпираючись на довгый цыпокъ,—якъ обпираются стари. Люде поздіймалы шапкы. Винъ озырнувъ усихъ своимъ мышачымъ поглядомъ—и пидступывъ до людей.

— И вы до насъ, Ёсыпъ Хведоровычъ?—осмихнувшысь, промовывъ до одного, выдно, полупанка, що стоявъ тутъ же мижъ народомъ.

Той поклонывся, розсказавъ свое дило. Секретарь пидступывъ до другого, до третёго—до всихъ по черзи. Знакомыхъ велычавъ на менння; незнакомыхъ запытувавъ прямо: «А чого?» Дійшовъ и до Чипкы:

— Ты чого?

— Зъ прошеніемъ.

— Объ чимъ?

Чипка подавъ до рукъ прошеніе. Секретарь шморгнувъ носомъ; вытягъ ливою зъ-за пазухы, зъ червонымы розводамы, чорну хустку; обтерся и ставъ потыхеньку чытаты прошеніе.

— Ничого не буде!—виддаючы назадъ прошеніе, одказавъ винъ, навить не глядючы на Чипка.

— Якъ?—здывувався той.

— Такъ, документивъ нема!

— Та намъ же громада цю землю одсудыла.

— То що, що громада?

-- А въ його хиба йе?—запытавъ Чипка про свого супротывныка.

Секретарь глянувъ, якъ пьятака давъ, и знову шморгнувъ носомъ.

— Пидожды,—сказавъ винъ Чипци, идучы въ хату!

Жде Чипка годыну, жде дви, жде вже й тры. Бачыть винъ: люде то прыходять, то выходять зъ суда, а його все не клычуть. Бере його нетерплячка; нудытся винъ. Колы це—выходыть сторожъ:

— Иды до секретаря!—сказавъ—и повивъ Чипку ажъ черезъ тры хаты, де сыдило багато судовыкивъ: одни за диломъ, други безъ дила.

— О-о! вже повивъ: чуе муха де струпъ!—сміялыся воны въ слидъ Чипци.

Чипка увійшовъ у невелычку хатку, де сыдивъ секретарь, обложеный кругомъ диламы. Сторожъ выйшовъ—и прыхылывъ двери. Остався Чипка зъ секретаремъ вичъ на вичъ.

— Ага!—глянувшы на Чипку, сказавъ секретарь, та й знову впьявъ очи въ дило.

Чипка стоявъ у порога; мовчавъ.

— То тоби Порохъ прозьбу пысавъ!—не дывлячысь у вичи, спытавъ знову секретарь, нахылывшысь надъ диломъ—и щось черконувшы перомъ.

— Порохъ.

Мовчанка. Чипци ажъ важко стало.

— А що давъ?

— Ничого не давъ.

Секретарь неймовирно глянувъ на Чипку.

— Знаешъ що?—почавъ винъ—и запнувся.—Якъ пьятьдесятъ рубливъ,—то и дило можна поправыты.

— Х-хе!..—хекнувъ Чипка, не то усмихаючысь, не то дывуючысь.

— Чого ты хекаешъ?

Чипка мовчавъ.

— А де жъ та правда, колы такъ?—у голосъ подумавъ винъ.

Секретаръ змирявъ його зъ головы до нигъ своимъ мышачымъ поглядомъ, котрый, здавалось, казавъ:—Ой, якый же ты молодый та зеленый!

Чипка глянувъ на секретаря: очыма воны стрилысь. Мышачый поглядъ не выдержавъ палкого та гострого—и, въ одну мыть, перебигъ на дило.

Знову мовчанка.

— Ну, чого жъ ты стоишъ? И мене не държы, и себе.

— Рука бъ мени одсохла отъ по сю!—скрыкнувъ Чипка, показуючы на ликоть правои рукы,—та й повернувъ зъ хаты, не доказавшы.

— Овъ-ва!!—гукнувъ секретаръ у слидъ ёму.—Гарячый якый. Гляды лышъ, щобъ не опикся!—докинчывъ винъ, идучы за Чипкою.

Судовыкы спершу вытрищылысь на секретаря; потимъ провелы очыма Чипку.

Чипка гордо и смило ишовъ черезъ хату. Винъ бачывъ, якъ усмихалысь судовыкы, переглядаючысь мижъ собою и показуючы на секретаря.

— Сутяжыще!—бовкнувъ Чипка въ голосъ, выйшовшы на двиръ. Кровъ прылыла ёму въ голову; серце затипалось; на выду зблидъ, а очи свитылы, якъ у вовка. Люде, глядя на ёго, роз-

ступылыся; давалы ёму дорогу. Винъ потягъ напрямкы до Пороха.

— А що?—зустривъ ёго Порохъ.

Чипка ще хыжише засвитывъ очыма.

— Проклятый! каторжный! не даромъ ёго въ тры погыбели скрутыло.

— Якъ саме?

— Хоче пьятьдесятъ карбованцивъ. За мою землю пьятьдесятъ карбованцивъ!! Х-хе!! И кары на васъ немае.

— Отакъ воно завжды. Ты думаешъ, якъ воно робытся?—пидогривае Порохъ.—Не пидмажешъ,—не пойидешъ. Суха ложка ротъ дере... Ка-хи! ка-хи! Бачъ, якъ дере въ горли. Хочъ бы промочыты.

— А горилка йе?—якось понуро спытавъ Чипка.

— Кый бисъ, хочъ бы капелька,—порожня пляшка. Бачъ!—Порохъ показавъ пидъ викномъ порожню пляшку.

Чипка, мовчкы, вытягъ зъ кышени карбованця,—кынувъ на стилъ, а самъ заходывъ зъ кутка въ кутокъ по хати—хмурый, якъ ничъ; нимый, якъ домовына.

Порохъ обома рукамы схопывъ карбованця—та шморгъ зъ хаты! Незабаромъ вернувся зъ веселымъ поглядомъ и веселою всмишкою на выду, а въ рукахъ—зъ повною пляшкою, солоною рыбою талавыркою и невелычкою паляныцею.

— Не журысь!—сказавъ винъ Чипци:—повна пляшка. Выпьемо!—пидсолодывшы голосъ и на Чипку глядючы, каже винъ.—Добре, що чортяка вынисъ кудысь Гальку. Выпьемо! га?

Чипка мовчавъ.

— Будьмо здорови!—обернувся до ёго Порохъ—и перехылывъ у ротъ чарку горилкы.

— На здоровья.

— А нашымъ ворогамъ на пропасть!—додавъ Порохъ, пидносячы Чипци повну чарку.

Чипка выпывъ и соби.

— Що, посолодчало?

— Кый бисъ!

— Выпый ще,—посолодчае.

Пидносыть Чипци чарку. Посоловило въ очахъ; вдарыло въ голову. Винъ заходывъ по хати; роспустывъ языкъ; давъ волю серцю,—ставъ батькуваты, лаятысь. Порохъ, зайидаючы талавыркою пидогривавъ словамы.

Выпылы ще, ще... Очи въ Чипкы налылыся кровью, въ чоловичкахъ засвитылы огни. Коло серця—немае ни миры, ни вагы тому, що тамъ діется! Горилка змишалася зъ страшною злостю—и запалыла серце. Ажъ знемигся Чипка. Сивъ на трынижку коло столу, схылывъ на рукы голову,—заснувъ.

Порохъ ще довго солонцювавъ талавыркою, обсмоктувавъ кожну кисточку, коженъ шматочокъ; та выпывавъ по повній, ажъ покы не стало ни рыбы, ни паляныци, а горилка—тилькы на денци. Тоди винъ уставъ, заховавъ у грубу пляшку, на прощання, нахыльци, выпывшы и останню горилку—и ставъ ходыты по хати. Довго винъ ходывъ коло Чипкы, прыхылявся, прыслухався, торкавъ ёго, будывъ. Чипка спыть. Тоди Порохъ тыхенько просунувъ руку до Чипкы въ кышеню; вытягъ кесетъ зъ тютюномъ та гришмы—и радіючы, мерщій выбигъ на вспынячкахъ зъ хаты. Чипка проспавъ до обиднёи поры. Прокынувся, пидвився. Въ голови—дурманъ, у грудяхъ—згага. Давай винъ прыгадуваты. Перше всёго ёму на думку спала зигнута въ тры погыбели постать Чыжыка:—гнучка, холодна, якъ гадюка. Чипка махнувъ рукою; найшовъ шапку, надивъ на голову и выйшовъ зъ хаты. На двори зъ люлькою въ зубахъ, пьяненькый Порохъ, и всмихався.

— Прощайте!

— Куды?

— До-дому?

— Щаслыво.

Понисъ Чипка у Пискы задурманену голову, ще дужче помучене серце. Теперъ вже не жеврила въ души надія, не пиднимала въ гору ёго духу, не гнала впередъ, якъ у городъ. Одна

неправда та втрата--всёго наймылишого, найлюбишого—пекла ёго серце. Винъ ишовъ, ледве здіймаючы ногы.

Надъ вечиръ доволикся до Максымового хутора, до своеи земли. Ёго обдало холодомъ,—потимъ—обсыпало жаромъ. Поривнявшысь зъ хуторомъ, винъ спынывся. «Не чуть, нема, все пропало! Ще вчора бачывъ, ще вчора. Мабуть и вона зна. Карай же васъ смерть нагла, прокляти»! Винъ прыдавъ ходы въ ногы.

Помынувъ свою землю, навить не глянувъ въ неи. Дали та дали. Уже сонце зовсимъ сило. Уже смеркло, якъ дійшовъ винъ до Писокъ. Зъ неба блыщалы ясни зори; по селу—то тамъ, то тамъ свитылося въ невелычки виконця свитло; а въ Гальчынимъ шинку топылось у печи—здавалося горила хата зъ середыны. Ось и ёго двиръ. Кругомъ тыхо; въ хати темно; не свитытся. «Мабуть маты спыть,—подумавъ винъ.—Нехай же спыть!»

И повернувъ до шынку.

— Сыпъ горилкы, Галько!—гукнувъ на жыдивку.

— Сцо це воно буде?—усмихнулась жыдивка на Чипку глядючы.

— Винъ прямо побрався за стилъ, на покутя.

— Не пытай, давай швыдче!

— Не крыцы, не злякалася. Дывысь, скилькы зъ хоцъ?

— Та сыпъ, що хочъ, гаспыдське кодло!

— Цы ты не здуривъ бува? Ну? Сыпъ. Давай попереду гросы!

Чипка полапавъ у кышени: ни кесета, ни грошей. Винъ скынувъ свыту:

— На! та давай швыдче!—и швыргонувъ черезъ стилъ свыту.

— Сцо мени съ твоеи свыткы? Вона мени не потрибна.

Одынъ зъ чоловикивъ, що сыдилы въ шынку, та мовчкы дывылыся, що це робытся зъ Чипкою, пидвився зъ лавы, пиднявъ зъ долу свыту, стряхнувъ, повернувъ у рукахъ на вси бокы.

— «Сыпъ, Галько! каже.—Я за свыту карбованця ложу.

— Сцо ты карбованця!—закрычала жыдивка, вырываючы зъ рукъ свыту. Цого ты мисаесся не въ свое дило! Вона твоя? Винъ заставля.

— Такъ чого жъ ты ерепенышся? Каже парубокъ: сыпъ,— ну, и сыпъ.

— Сыпъ, сыпъ,—запорощала жыдивка. Скилько зъ сыпаты?

— Та давай, щобъ тоби дыхаты не дало, проклята душа! Сыпъ!—гукнувъ Чипка на всю хату и ударывъ кулакомъ по столу—ажъ викна здвыгнулы.

— Ну, цетвертыну всыплю.

Жыдивка мотнула зъ свытою въ другу кимнату, кынула на бебехы свытку, а сама вернулась зъ четвертыною горилкы, поставыла іи передъ Чипкою, та й знову пишла до себе. Вона була сердыта, що такъ дорого досталася ій свыта.

Выпывъ Чипка одну чарку, выпывъ другу, выпывъ и третю. Дзенькало въ голови, посоловило въ виччю. Люде мовчкы дывылысь; одначе нихто не зважывся першый забалакаты.

Колы це—ввійшовъ у хату Якымъ Кабанець.

— А що це Чипка? И ты вже?.. обизвався.—Выпьемо, значыть?..

— Выпьемо,—понуро одказавъ Чипка. А дали смилише; выпьемо!—А це вже гукнувъ на всю хату:—Выпьемо, дядьку, такъ, щобъ ажъ мозокъ у лоби закрутывся! Та—грякъ по столу кулакомъ. Забряжчалы пляшкы и чаркы, трохы не попадалы додолу...

Тутъ уже и други прымовылысь. Слово по слову, чарка по чарци,—полылася зъ ротивъ розмова, а въ роты—горилка. Пидоспилы ще людци. Прыйшовъ старый Кулыкъ, що одынъ на все село носывъ ще оселедець. То бувъ уже старый дидъ, кремезный ще нивроку. Ёго скризь по селу зналы, якъ чоловика пысьменного: винъ завжде було на крыласи спивае, посередъ церквы апостола чытае. А на языкъ соби вдався—балакучый, а надто за чаркою. Та любывъ такы и выпыты. Бувало, въ недилю, писля обида, прыйде въ шынокъ, та й почне теревени то-

чыты,—та все по пысьменному, по церковному. Зійдутся въ шынокъ людци розважытысь, зъ людьмы посыдиты, побалакаты; визьмуть пивкварты, кварту, щобъ було чымъ горло промочуваты—и дида не мынуть. Тоди винъ хочъ до свита вже буде сыдиты та брехаты, абы слухалы. Иноди було насмишыть беседу—ажъ за жыботы берутся; не вряды-годы и зъ его покепкують—зъ его сывого оселедця, що ажъ за ухомъ закрутывся; а все-такы чаркою не мыналы николы. И Кулыкъ що свято въ шынку.

Прыдыбавъ винъ и теперъ. За нымъ—други. трети. Засилы кругомъ столу коло Чипчыной горилкы; пьють соби; патякають; люлькы цмокчуть. Найбильше тамъ було дворовыхъ. Выпущени на волю, якъ птыця, безъ оселі, безъ земли, безъ прытулку,—воны шукалы соби оселі по шынкахъ, щобъ швыдче скоротаты ти тяжки два рокы, котри воны повынни булы одробыты. Ще по панськыхъ дворахъ воны позвыкалы въ горильци кыснуты, іи пьянымъ хмелемъ пидсоложуваты свое гирке жыття: не покынуты жъ було своеи втихы теперъ!—И воны мерщій кыдалы панськи дворы, та ходылы видъ шынку до шынку. Колы не було за що выпыты, пиджыдалы,—може хто пиднесе чарку—другу. Шынкове панибратство завжде знайдется. Попрыходылы воны теперъ,—Чипка не обмынувъ и ихъ чаркою. Якъ пидпылы вже, то той заспивавъ зъ пьяныхъ очей, той бидкався, куды его прыстаты, якъ зъ паномъ розвяжется. А Чипка не дослухается. Въ одній сорочци, росхристаный, одно кружае тай кружае, крычыть, батькуе, по столу кулакомъ гамселыть, якъ навиженый.

— Що це воно за знакъ, Чипко?—пытае его Кабанець, колы Чипка знемигся трохы;—ты жъ, мовъ, до сёго дыва не тее?..

— Не вжывавъ?... Ні!... А теперъ буду.

— Чого жъ це такъ!

— Бо нигде немае правды... нема добра... и земля пропала!—Ну, и гуляй!

— Та де жъ твоя земля дилася?..

— Де?.. взялы!.. однялы гаспыдськи пьявкы... пропала!.. А земля пропала—все пропало.

— Такъ, такъ,—пидхопылы двораки: безъ земли—що?.. Безъ земли—жыття нема!

— Рыба безъ воды, а чоловикъ безъ земли—гыне,—увернувъ Кулыкъ по пысьменному.

— Эгъ жъ, эге. А колы такъ—пый, покы пьется; гуляй, покы гуляется! Безъ земли... все по-боку! На що воно? Навищо теперъ корова, кобыла, вивци?... Га?... Навищо?... Гуляй, душа безъ кунтуша!—Та—бухъ! по столу кулакомъ. Стилъ заходывъ ходоромъ; чаркы и пляшкы заторохтилы, одна чарка навить упала до-долу, пидъ стилъ,—та нихто не полизъ іи доставаты: вси задывылысь на Чипку... А винъ знову за свое:

— Дядьку Якове! Нихто не зна... о-охъ!.. нихто не зна... Прокляти! Пьятьдесятъ рубливъ хотилы за землю. Не въ земли сыла, не въ земли война була... ни!... Земля—що?.. Земля!... Хлибъ родыть, якъ коло неи походышъ; хазяиномъ робыть. Сказано: земля! А безъ земли—все пропало... все!...—Чипка прыдавывъ на останнёму слови, повивъ гризно по хати очыма, заскрыготавъ зубамы, положывъ на стилъ рукы, схылывъ на ныхъ голову—та й прытыхъ. Люде дывувалыся, поглядаючы на Чипку,—дывувалыся ёго непевнымъ речамъ, а про те—пылы ёго горилку, покы до капли выхылылы. Тоди де-хто давай рушаты.

— А ну, Мыкыто: часъ до дому! каже, ледве стоячы на ногахъ, одынъ крепакъ до другого, що сыдивъ та слухавъ, якъ Кулыкъ розсказувъ про Йосыпа, запроданого братамы.—Чувъ, Мыкыто, рушай!

— Пидожды трохы,—одказуе Мыкыта.

— Чого?... Ходимъ, кажу, а то покыну!... Ій-Богу, покыну!.. Той зостанешся зъ отымъ оселедькомъ ровы лычыты,—дарма що винъ по пысьменому балакае.

— А Кулыкъ глянувъ на крепака, похытавъ головою—и залепетавъ:

— Аще, аще... еда... егда... бо... созда мыръ... Сатанаилъ заздры... Согришы Адамъ зъ Евою... нехай царствуе!... Людіе! одъ слуха зла не убоимся...

Максымъ прыслухався. Одже, якъ почувъ, що це вже ричъ не про Ёсыпа,—уставъ, выйшовъ за сусидомъ зъ хаты. Хто тве-

резійшый, соби ставъ за шапку братысь. А зосталыся сами пьяныци. Той харчавъ, звалывшысь пидъ лавкою; той сыдивъ, обпершысь спыною объ косякъ викна, та здрыгувавъ—змерзъ! а дехто выводывъ не своимъ голосомъ якусь пьяныцьку писню—чы про «журбу впрямую», чы про неслухняну «долю».

Ажъ передъ свитомъ приплився Чипка до-дому, ледве на ногахъ стоячы—пьяный—пьяный, пьянійшый земли.

Якъ глянула Мотря на ёго, то й перелякалася.

— Що це, сыну?!.. на якыхъ це радощахъ?..

Чипка сивъ на лави, схылывъ голову.

— Де це твоя свытка, шапка?.. Заходывъ, кажешъ, не тилькы гроши, та й те.

— Свытка?... шапка?.. Нема!... На що вона?... Навищо все, колы... у-у... у... Завывъ на всю хату, мотнувъ роскудланою головою, засвитывъ повнымы слизъ очыма. Матерыне серце мовъ хто въ жмени здавывъ. Давай вона ёго умовляты!.

— Навищо це ты, сыну, самъ соби лыхо робышъ? Це жъ ты самъ себе зъ свита зжываешъ!... Плюнь ты на ту землю!... Щожъ робыты? Жылы жъ безъ земли килька литъ, та хлибъ йилы... и теперъ не сыдитымемо безъ ёго. Ты тоди малый бувъ; сама пучкамы та ручкамы заробляла,—та не померлы зъ голоду. А теперъ—не те, що тоди!.. Теперъ и ты заробышъ и я допоможу. Що жъ робыты? На все Его святая воля!

— Этъ, толкуй!.. Немае теперъ у мене ничого—а ни-ни! Що теперъ я?.. Людськый попыхачъ, наймытъ?... Пропало... все пропало! И добро и душа пропала... бо немае правды на свити... немае мижъ людьмы. Теперъ мое щастя—ось-ось було, та... вплыло!. Чипка розвивъ рукамы—и задумався.

— А все люде, все люде. Воны въ мене и батька однялы, людойиды; воны мене ще змалку ненавыдилы:—зъ играшокъ прогонылы, ишлы поузъ хату, одхрыщувалысь Я малымъ бувъ, а все бачывъ. За чортеня счыталы... баба вчыла мене людей прощаты, а дидъ—любыты. Дурни! дурни!—не стоилы воны слова доброго. Ихъ мучыты... му... мурръ...

Та—пуць! на землю. Та й захарчавъ.

Мотря встала, вытягла зъ пидъ себе рядныну, вкрыла нею Чипку, перехрестыла ёго, сама перехрестылась, лягла на голому полу, та сонъ уже не йшовъ ій на думку. Стоялы передъ нею давни лыхи рокы, прыгадала вона свою кроваву працю; перескочыла іи гадка на свого чоловика—москаля. Де винъ?... що зъ нымъ сталося?.. Може, роспывся, розволочывся, та такъ де-небудь пидъ шынкомъ и Богу душу виддавъ. Глянула на сына, що, якъ той снипъ, лежавъ на доливци—харчавъ, и стыха прошептала: «Господы! схороны ёго и заступы»!

Прокынувся Чипка—вже геть пидбылося сонце. Голова крутытся; коло серця пече—мовъ гадына смокче кровъ зъ ёго. Походывъ винъ, походывъ по хати; не глянувъ навить матери въ вичи;—выйшовъ, нибы до худобы, та й потягъ—не въ загороду, а прямисинько до Галькы. На третій день—зновъ на ослони въ шынку. На четвертый—тамъ ёго сонце праведне стритыло, тамъ и ничъ темна прывитала.

III.

Товарыство.

Пьючы та гуляючы, пидобравъ соби Чипка трёхъ товарышивъ щырыхъ: Лушня, Матня та Пацюкъ,—одна думка, одна гадка. Вси воны однаковыхъ литъ; не то щобъ стари, не то—и молоди,—вже пидтоптани парубкы. Лушня бувъ шырокоплечый парубыще, высокый, бравый, зъ хорошымъ панськымъ лычкомъ, зъ чорнымы гарнымы вусамы, зъ карымы, веселымы очыма. Воны такъ и говорылы въ ёго! Та здается на ёму и шкура говорыла,—такый балакучый.

Пацюкъ соби худощавый, нызенькый, мышастый,—справжній Пацюкъ, такый и прудкый; говиркый, спивучый,—на сели першый спивака.

Матня одризнявся одъ усёго товарыства и норовомъ, и околомъ. Якый завтовшкы, такый завбильшкы; неповоротный, неохайный. Голова велычезна; облыччя татарське, кругле

якъ гарбузъ; ногы коротки та товсти, якъ стовпци. Не любывъ винъ ни балакаты, ни спиваты, а любывъ на свити одну тилькы горилку: дудлывъ іи, якъ воду, и у тому покладавъ усю свою втиху.

Булы воны вси три панськи, и повыросталы по панськыхъ дворахъ. Лушня бувъ пана Совынського, а Пацюкъ та Матня—пана Польського, того самого, що и Чипчынъ батько.

Матня та Пацюкъ узяти въ двиръ ще малымы пидлиткамы; першый—видъ плуга, другый—видъ овець. Гирко було имъ розставатысь зъ батькомъ, матирью, братамы и сестрамы, та товарышамы, такымы жъ хлопцямы, якъ и воны; тяжко кыдаты ридне дворыще, де имъ знакоми булы вси закуткы, де ихъ родыла и пестыла маты; зелени степы, де воны выкохувалы хлопьячи сылы; гирко було кыдаты, яке не йе, свое, и йты до чужого, до панського. Та що ты вдієшъ супроты панськои воли? Панови треба... на те въ ёго и крепакы, що треба!—Якъ не плакалы, якъ не благалы матери пана—выкладалы ёму, що билоголови сыны ихъ, якъ старшеньки, едына помичь у труднїй праци,—та не помоглы ни слёзы, ни выкладкы. Панъ ще розгнивався, що ёго панську голову якись сельськи жинкы клопочуть такою дурныцею. Та й звеливъ попрогоныты матирокъ зъ двору.—Пишлы матиркы, понеслы невымовлени проклёны на устахъ, гиркый жаль у серци. А сыны ихъ зосталыся въ двори пидпасачамы: одынъ коло скоту, другый—коло овець.

Лушня родывся и выроставъ у панському двори. Умеръ старый Лушня, що жывъ на Вовчїй Долыни, на хутори; покынувъ дочку—дивку на свити.—Однымъ одна робоча сыла въ симьи, бо маты вмерла, а сыроты, якъ кукиль, зосталыся. Якъ на те, панови заманулось покоивкы. Іи ото и узялы до панськыхъ покоивъ,—бо, на лыхо соби, и не погана була. На іи жъ мисце перевелы на хутиръ симью зъ двору. Спершу плакала дивка, та боялась усёго, а найбильшъ—якъ бы догодыты старому панови. Та выдно, догодыла такы, бо черезъ рикъ зъ дивкы стала молодыцею, породывшы билолыцёго, чорноголового хлопця Тымошку.—Якъ пиднявся Тымошка на ногы, ставъ розбыраты всячыну, то

ёго взято за лакейчука до молодого папа,—старого тоди вже не було на свити,—чыстыты та набываты тютюномъ люльку, подаваты воды, а бильше всёго стояты въ кутку переднёи, коло дверей кабынету, на случай якого прыказу. Всёго натерпилося хлопья. Иноди, довго стоячы, на ногахъ засыпало, падало до-долу. Панъ тоди не то, щобъ одсылавъ спаты,—ни: выбывшы добре, щобъ не бувъ такый сонлывый, становывъ навколишкы на всю ничъ. А иноди, щобъ не задримавъ, бува, и на вколюшкахъ, пидсыпавъ гречкы пидъ голи колина. Було и такъ, що панъ, не знаходячы довго чого-небудь зъ своихъ розставленыхъ по столу цяцёкъ,—до хлопця, та бывъ за те, що той нибы покравъ, тоди якъ, роздывывшысь гораздъ, цяцькы або стоялы, або лежалы тутъ же передъ носомъ. Набачывши, знову бывъ за те вже, що хочъ не вкравъ, то замирявся вкрасты, бо поперепереставлявъ усе. Гирко прыйшлося хлопцеви таке жыття, злисть накыпила въ молодому серци. Колы не вкраду, то бьють—дума самъ соби—за те, що посягаю вкрасты; то хай же краще бьють за те, що краду! И черезъ рикъ, черезъ два, зъ малои та доброи дытыны зробывся якыйсь лыхый злодіячка, котрому ничого вкрасты все, що тилькы блызько лежало коло ёго, и божытысь—прысягатысь, що винъ и спомъ, и духомъ не знае, якъ воно опынылось у ёго въ кышени. Може хто другый пидкынувъ, щобъ тилькы ёго выбылы,—выправлявся винъ. Тымошку знову за це былы, тяжко былы; та бійкою ничого не взялы.—Пидрисъ винъ,—ставъ ще хыжишымъ, ще запеклишымъ. Украде, бувало, якый пустячокъ, та й пидкыне другому, щобъ видъ себе очи одвесты; а добре що вкраде, то такъ захова самъ, що не знайдуть. А оглянутся, стануть допытуватысь,—винъ ще и выказуе: оттой, мовъ, або отта вкрала! Безневынныхъ бьють, а винъ соби нышкомъ крадижку пожыве, та й сміется потайне.

Злодійкувате жыття не по души самому запеклому злодіеви. И въ такого иноди бувають часы, що оступлять ёго добри думкы—мучать ёго, розрывають. Людська совисть не замырае въ самій запеклій души. Не замерла вона и у души Тымохвія Лушни. Бувалы таки годыны, колы винъ, згадуючы свои вчынкы та без-

путне жыття, самъ соби думавъ: «А може жъ воно и грихъ такъ робыты? Може, за все те оддячытся—хочъ не на симъ, то на тимъ свити!»...

Страшно ёму стало, и разомъ тяжко, соромно. Тоди винъ, щобъ хочъ трохы розважытысь, щобъ погасыты проминь огню въ мученій души—прыхылявся до шкляного бога; прывчывся горилочку вжываты. Помитылы разъ ёго пьянымъ,—выбылы добре на конюшни, прогналы зъ горныць, наставылы кучеромъ. Це було литъ за двое передъ волею. Ёму було тоди литъ двадцять.

На стани вильнише трохы, нижъ у горныцяхъ. Тамъ—що не зробывъ, панъ бачыть, бо зъ своихъ очей не спускае; а тутъ—хочъ и бачать паньськи кони, та никому не скажуть. Переднёи покынуты не можна; а зъ стани—колы не въ день, то въ ночи вырвешся. Лушня встрявъ у шынкы. Тамъ винъ зазнався зъ Матнею и Пацюкомъ. Ци—тежъ повыросталы въ неволи. Хоча вильни степы та шыроке поле, де воны въ-литку скотъ паслы, одводылы трохы ихъ зимлило души: за те зимня пора налягала на ихъ плечи важкою вагою и давыла обохъ... до горилкы! Поробылыся воны пьяныцямы, волоцюгамы, злодіякамы. У шынку побраталыся зъ Лушнею. Побраталася и таемна крадижка; сховы та переховы, та нични пропои накраденого сталы ихъ товарыською роботою.

Мучылысь-мучылысь паны зъ нымы, та не диждавшы и тыхъ двохъ рокивъ, що крепакы повынни булы одробыты писля воли (а рокы ти здалыся довги-довги, тяглыся викамы)!—повыганялы ихъ зъ двору на вси чотыри.

Не маючы ни земли, ни осели, ни прыстановыща—ни пидъ собою, ни за собою, ни передъ собою,—якъ вильна птыця въ поли, якъ дыкый звиръ у бори,—хлопци розбрелыся по селу. Де ёго прыстаты? де голову прыклоныты, заховатысь часомъ видъ ролыхой годыны? Ще пидъ будень сякъ-такъ: де-небудь на роботи,—въ жыдивъ дрова рубаты, въ людей молотыты, віяты, косыты. А якъ вечиръ настане або свято, або зоставсь хто якый день безъ роботы... Хочъ пидъ греблю! Ниде прытулку немае,—нигде прыстаты спочыты. У сели дви мисцыны не куповани.

Одна—вулыця, друга—шынокъ. Тилькы на вулыци не безпешно. Ляжешъ пидъ тыномъ спочыты,—собакы стягнуть; посередъ улыци—найиде хто, а хочъ не найиде—волосни пиднимуть, запруть у чорну, подумавшы, що пьяный. Зостався—шынокъ. И за шыю не лье, и тепло, и людно. Йе де, хочъ не роскишно, спочыты—пидъ лавкою; йе зъ кымъ розважытысь,—побалакаты, заспиваты, выпыты. Ставъ и нашымъ хлопцямъ шынокъ—риднымъ батькомъ, горилка—матирью. Въ шынку воны малы соби захыстъ, прытулокъ; чарка горилкы стала имъ порадою и одрадою. Шынокъ николы не пустуе: то той, то другый. И наши хлопци тамъ! Якъ перепаде чарка горилкы—за́ упоко̂й раба Божого, за здоровья нарожденного, або й такъ по прыгоди,—то й добре! Веселыи, спивають воны, колы спивають ти, що частують, а плачуть,—колы воны плачуть. Якъ же выпадавъ колы такый несчасный день, що ни роботы, ни въ шынку никого,—а въ самого ни крихты хлиба, ни шага грошей—йисты, ажъ шкура болыть, выпыты ажъ за серце ссе... не грихъ тоди и пидняты, що легко лежыть!

Зъ оцимы то злодійкуватымы ледацюгамы, гультипакамы спизнався Чипка. Тыняючысь зъ шынку до шынку,—стривъ винъ ихъ разъ, у-друге, якъ частувавъ кожного, хто пидвертався пидъ руку; воны заразъ же такы и втерлыся до ёго въ товарыство. Пылы на ёго коштъ; гулялы за его добро, розсказувалы ёму свое бидолашне жыття, про свою гирку долю,—прывернулы ёго жалисне теперъ затроюжене несчастямъ серце,—и потоварышувалы. Цилый день пьють та гуляють по шынкахъ, гуляють иноди и за пивничъ, а передъ свитомъ идуть до Чипкы высыплятысь. Выспплются, выкачаются, визьмуть зъ собою Чипку, та зъ добра ёго що-небудь,—та знову въ шынокъ. Такъ кожнисинького дня.

Мотря сперше дывылася на таке безпутне жыття, та плакала, та вговорювала Чипку; потимъ того—лаяла, ганьбыла, а дали бигала въ себе по вгороду, по вулыци, та крычала-репетувала:

— Ой, лышенько! пропала жъ я теперъ, погыне моя бидна головонька. Теперъ же мени все одно, що зъ мосту та въ воду.

Стриваютъ люде, жалкуютъ, роспытуютъ.

— Та якъ же? якъ же?—розсказуе кожному зъ плачемъ Мотря; любый та мылый бувъ, а тожъ зразу нá тоби, та цыть! Не пережыву жъ цёго, не зможу. Свытку пропывъ, одежу всю— въ однiй сорочци, якъ харцыза, якъ махамедъ якый! Уже третю вивцю пропывае. Тай товарыство пидибравъ пидъ пару,—волоцюгъ усёго свита. Боже мiй!! що жъ теперъ робыты мени, биднiй?

— Вы бъ його вмовлялы; вы бъ його словамы ганьбылы,— радылы люде Мотри.

— Чы я жъ не вмовляла, чы я не благала?! плаче Мотря.— Та я жъ ёму не словамы,—я ёму слёзамы вылываю, гиркымы докорамы очи выбываю. Та що зъ того? Сказано,—якъ объ стину горохомъ!..

— То вы бъ у волость. Хай його зъ тыждень подержать у холоднiй! вытверезытся—опамьятается; а то ёму паморокы забыло...

Послухала Мотря людськои рады,—пожалилася въ волость. Узялы Чипку пьяного, сыломиць посадылы въ чорну.—Не счувся якъ и заснувъ.

Надъ вечиръ, оглянутся товарышы,—нема мижъ нымы Чипкы. У-вечери пишлы,—та якъ чорна була лыхенька вже,— воны iи продралы и выпустылы невольныка.

Иде Чипка до-дому. У голови—хмиль; на серци зло... А тутъ ще зъ-заду иде Лушня, прымовляе:

— Яка вона тоби маты? жалитыся на сына?! Хто назве iи писля сёго матирью? Садовить, мовлявъ сына, въ чорну: черезъ його мени жыття немае! Де се воно таке на свити выдано?!

Не йде Чипка—летыть до-дому; не дыше—огнемъ паше— и, якъ скаженый быкъ, налитае на хату. Брязь!—одно! Дзень— друге... Посыпалось трете. Грюкъ! ногою въ двери. Полетилы и двери въ сины.

Мотря зъ переляку зализла на печи ажъ у кутокъ. Убигъ Чипка въ хату, крычыть:

— Де вона? де стара видьма? Чы не замижъ бува забажала? Може бахуривъ навесты заманулося? То щобъ сынъ не перечывъ,—у чорну ёго!

Уразылы таки гадючи слова матерыне серце. Якъ пидстрелена горлыця типается-бьется, тыхо туркоче и стогне: такъ маты затипалась на печи въ куточку, та стыха, гирко промовыла до сына:

— Побійся, Чипко, Бога! Подумай, що це ты кажешъ?! Мени свитъ немылый, мени... не доказала залылася гиркымы слёзамы...

— А мени? Мени—ты думаешъ, легко жывется?! У мене, може, серце видъ болю якъ не розирвется! якыйсь иродъ у ёму мовъ свердломъ крутыть. Такъ же мени—на?!

— На що жъ ты пьешъ, сыну? Чы воно тоби легшае? Слухай отыхъ братчыкивъ, що понаводывъ зъ собою, то воны тебе пидведуть! воны будуть, покы въ тебе буде; а якъ не стане, то де й динутся.

— Не брешы, стара!—перебывъ іи Петро Пацюкъ.

— Хай же ты, молодчый, будешъ брехаты, а мени, старій, не прыходытся!

— И що то воно за маты, колы иде на сына жалитыся?— пиддае Лушня олію Чипци.—Хиба то йе маты?! Якый добрый чоловикъ скаже путне слово про неи?! Не те, щобъ покрыты сына. Чы бачыла що, кажы: не бачыла; чы чула,—не чула! Ни! вона заразъ: ось, мовъ, якый мій сынъ. Берить ёго, люде добри, та садовить у чорну! Яка жъ вона маты?

— Бачъ, що кажуть люде?!—гука Чипка.—Чуешъ, що кажуть...

— Люде?!—сумно, гирко, зъ плачемъ, промовыла Мотря,— та бильше не змогла и слова вымовыты: умываючысь слёзамы, замовкла.

Довго ще Чипка гукавъ, довго крычавъ, та вытягшы зъ скрыни матерыну нову билу свыту, майнувъ зъ товарыствомъ до Галькы.

Стояла вже пизня осиння пора. Холодный витеръ врывався въ побыти шыбкы, и навпростець віявъ у розчынени двери, що покынувъ за собою Чипка. Мотри зробылось морозно. Устала вона зъ печи, щобъ хочъ двери зачыныты. Гляне—въ хати, якъ у пустци: стилъ перекынутый, горшкы побыти, скрыня розчынена. Кынулась Мотря до скрыни,—та й охолола. Тамъ усе переверпено, перекыдано, порыто—и свыты немае. Мотря такъ и впала на скрыню!

— Боже жъ мій, Боже! скилькы я литъ працювала, скилькы ничокъ не досыпала, думокъ передумала, здоровья вкоротыла, покы сёго добра наскладала! А теперъ—ридна дытына все по шынкахъ розносыла!

Слёзы такъ и покотылыся; жаль та досада давыть одурене матерыне серце. Насылу пиднялася зъ скрыни.

— Боже! Велыкый заступныче!—замолылася, здімаючы рукы до Бога: едына надія, едына утиха,--та й та мене одурыла! Побый же ёго свята Твоя сыла,—де винъ ступнемъ ступыть, куды винъ лыцемъ повернется, колы винъ такъ зневажывъ матиръ стару! Дай ёму, Господы, диждаты такои шаны та честы видъ своихъ дитокъ. Та звьязавшы останне свое збижжячко въ клуночокъ, перекынула черезъ плече, перехрестылася—и пишла до сусиды, старои бабы-пупоризкы, що жыла недалеко видъ ихъ дворыща.

Немае тоди Чипци впыну, немае забороны,—бо и у хати никого немае. Такъ, зъ побытымы викнамы, стояла вона на край села пусткою.—А Чипка—одно: гуляе, зъ шынку до шынку сновикгае, та знай тягне зъ господы все, що тилькы на очи навернется. Пропывъ уже кобылу, корову, овець, свыню, навить усю одежу. Зосталося тилькы те, що на ёму: латана свытка, драни штаны, та однымъ одна сорочка,—чорна, якъ у дёготь вымочена. Босый, голый, безъ шапкы, ходыть винъ по селу видъ шынку до шынку, день у день, ничъ у ничъ; а передъ свитомъ, якъ домовыкъ, иде въ свою пустку. Ничого нема! Тилькы и зосталося, що въ току стижкы недомолоченого хлиба.

— На що то въ тебе хлибъ гніе въ стижкахъ?—разъ пытае ёго Лушня. Продай ёго жыдамъ; усе жъ гроши! А то такъ и пропаде!

— А справди,—промовывъ Чипка.

На другый день кынулысь хлопци вышукуваты купця. Чипка шукавъ свого чоловика та не знайшовъ. Лушня зъ Пацюкомъ метнулысь по жыдахъ. Найшлы купця швыдко и повелы на вгородъ, де ходывъ Чипка коло стижкивъ.

— Чипко!—гукнувъ Лушня ще за дворомъ:—купця ведемо.

— Жыда?

— Эге жъ.

— Жыдови не продамъ!

— Тю-тю! Чому? якый чортъ не купывъ, то купывъ, абы гроши давъ.

— Адже я жыдови не продамъ.

— Жыдъ пишовъ навкругы стижкивъ обдывлятысь. Высмыкуе колоскы зъ середыны, вымына на долони, роздывляется.

— А по цому буде!—пытае тоди.

— По карбованцю дасы?—каже Лушня.

Чипка стоявъ одсторонь коло одного стижка, та въ землю дывывся, миркувавъ щось.

— Ой, вей! за цей гній?--скрыкнувъ жыдъ.

— А по чому жъ ты думавъ?

— По копи зъ сагомъ, бильсе не мозна даты.

— Иды ты къ бисовому батькови—одрубавъ Чипка, та й пишовъ самъ до хаты.

Лушня та Пацюкъ зосталыся на току зъ жыдомъ.

— Це, Овраме,—каже Лушня, за таку цину ты ниде не купышъ.

— Це не такый хлибъ, Овраме, якъ ты думаешъ,—увернувъ Пацюкъ:—це хлибъ хазяйськый. Мы це знаемо. Мы знаемо, якъ винъ сіявся, якъ и складався. Тутъ хиба зверху трохы затекло, а то тоби—якъ порохъ сухе. Ось дывысь!—Та й высмыкнувъ зъ середыны стога жменю жыта.

Жыто було справди добре: колоскы товсти, довги, повни сухого зерна.

— Ось на, подывысь—яке жыто.

Жыдъ хочъ самъ уже вымынавъ колоскы и роздывывся певно добре, що то за жыто; а про те ще взявъ колосокъ у жменю, вымнявъ и розглядавъ зерно. Лыце ёго ничого не выказувало—ни похвалы, ни огуды; тилькы ледве прымитни искоркы зажеврилы на одну хвылыну въ ёго чорныхъ очахъ, та й потухлы. Винъ почухавъ бороду.

— Не скупысь, Овраме,—прыстае Лушня:—мы тоби ёго и вымолотымо, до розуму доведемо.

— Ну, сцо зъ, не скупыся? За висцо ёго бильсе даваты?!

— Якъ завищо?—за хлибъ! Глянь: якъ одно тоби зерно. Чысте, повне, не молоте бъ йивъ!—Лушня справди взявъ килько зеренъ у ротъ—и жувавъ.

— Та сцо зъ по карбованцю?!

— Та ни, не по карбованцю,—одказуе Лушня:—винъ дешевше виддасть.

— Де зъ хазяинъ? Цому винъ не йде торгуватысь?

— Винъ у хату пишовъ, мабуть, воды напытысь. Побижы лышень, Петре, та клыкны!

— Чипко! Чипко-о!—гукнувъ Пацюкъ, до хаты йдучы.

— Чого?—подае голосъ Чипка зъ хаты.

— Иды жъ кинчать, чы що.

— Я сказавъ: жыдови не продамъ.

— Чому?

Чипка не обизвався. Пацюкъ пидождавъ трохы. Чипка не выходывъ зъ хаты.

— Идить сюды, до хаты!—гукнувъ Пацюкъ на Лушню зъ жыдомъ.

— Ти рушылы, ведучы все-такы розмову про жыто.

— Ни, ты, Овраме, не скупыся,—каже Лушня. Хлибъ, я тоби скажу, такый, що отъ мы скилькы молотылы, а не бачылы такого на сели!

— Та сцо хлибъ? Хлибъ,—якъ скризь хлибъ.

— Та ни! То не зъ тіеи земли. Це тоби хлибъ зъ цилыны, та ще такои цилыни, що рокивъ зъ десять ни рала, ни плуга не бачыла. Це зъ сытои земли хлибъ,—роспынався Лушня.

Тутъ воны саме дійшлы до хаты.

Чипка сыдивъ соби въ хати, мовчкы, наче зажурывся. Якъ ще не прыходылы товарыши зъ жыдомъ, винъ обдывлявся тяжкою працею наскладани стожкы. Чорни зъ-окола, воны уразылы ёго серце, перемчалы ёго думкы въ той недавній часъ, колы винъ—ще весною—назыравъ оцей самый хлибъ зеленымъ, якъ рута, буйнымъ, якъ дерево,—колы зустрився зъ Галею, —балакавъ, жартувавъ зъ нею. Колы винъ жавъ ёго, рано встаючы, пизно лягаючы; вьязавъ у снопы; складавъ у копы; возывъ; складавъ на току, почуваючы себе хазяиномъ,—голублячы въ серци надію вдвохъ се добро пожываты. Теперъ та надія почорнила, якъ и ёго колысь зелене та золоте жыто.

Бровы въ ёго насупылысь; коло серця, мовъ чорна гадына, обвывся жаль.

— Ни, не продамъ! хай краще загыне на моихъ очахъ, а не продамъ!—думавъ винъ.

На той часъ Лушня зъ жыдомъ напрямылысь у хату. Чипка выскочывъ на норигъ, та якъ одрубавъ,—гризно промовывъ:

— На що вы ёго ведете сюды?—Хлиба я не продамъ!

Уси здывувалыся, ажъ поторопилы.

— То колы не продасы,—загвалтувавъ жыдъ:—на сцо зъ було мене водыты? Мени николы, въ мене сце онъ скилькы дила, а воны водять! Та й побигъ зъ двору. Чипка заховався знову въ хату; Лушня и Пацюкъ, похнюпывшы головы, за нымъ увійшлы.

— Чы ты не здуривъ, Чипко?—трохы перегодя пытае Лушня.—Такого дорогого купця, та видослаты. Кому жъ ты хлибъ збудешъ?

— Я сказавъ, що не продаю?

— А що жъ? Хиба краще, якъ винъ у тебе згніе. Га.. Лежыть собака на сини...

Чипка гризно зыркнувъ на його. Лушня затыхъ. На той часъ у хату вскочывъ Матня.

— Га—га, братця! Йе! гуляй!—крычавъ винъ, держачы обома рукамы пляшку зъ горилкою.

— Де ты запопавъ?—зрадивъ Пацюкъ.

— Знайшовъ, братця!

— Де?

— Въ шынку...

— Якъ же ты?

— А такъ,—Матня показавъ рукамы якъ винъ схопывъ пляшку.

Розмова повернула на инчый шляхъ.

— Та якъ же ты—чы вкравъ, чы однявъ?—допытувався Пацюкъ.

— Не пытай—якъ, а пытай—чы добра!—каже Матня, частуючы Пацюка.

— Той похвалывъ. Матня до Чипкы.

— Ось на, братику, покуштуй! Ось на! Сказано: губы злыпаются, така добра!

Чипка выпывъ. Выпывъ и Лушня. Горилка розвьязала языкы—почалысь казы та переказы.

Лушня знову прыстае до Чипкы: чомъ та й чомъ хлиба не продаешъ?

— Не продамъ я жыдови, одказуе Чипка.

— Та кому жъ ты продасы його?

— Никому.

— А шкода! Зогніе такъ ни за цапову душу, и чаркы горилкы не выпьемо! Продай, кажу. Продай, брате! Ты знаешъ, якъ загуляемо!

— Не хочется братця! Колы бъ ты знавъ, Тымохвію, якъ не хочется!—верзе Чипка вже на-пидпытку.

— А на щожъ воно? Одно жъ зогніе!

— Ну, такъ стійте: пиду завтра до Грыцька. Колы йому не продамъ, то хочъ такъ виддамъ.

— Тю-тю! Та ты краще мени такъ виддай,—каже Лушня, Я знаю, якъ поверну. А Грыцько—що? Звисно—багатырь: визьме соби, пожыве, и спасыби не скаже.

— Другому никому не продамъ, не годытся!

Далеко за пивничъ товарыство пидбывало Чипку кому продаты хлибъ—то продаты, а даромъ Грыцькови не даваты. Чипка не згожувався.

— Я зъ нымъ товарышувавъ; я зъ нымъ, ще малымы хлопцямы, вкупи овець паслы. Хай ёму на нове хазяйство. Нехай хочъ винъ чесно пожыве мою працю, колы такъ судылося!

IV.

Сповидь и покута.

На другый день, рано вранци Чипка пишовъ до Грыцька. Нова хата, била, чепурна, прывитно выглядала зъ-за обголеныхъ лыхою осиннёю негодою грушъ, та рядка прутнястыхъ вербъ. Двиръ бувъ просторый, чыстый, оплетеный; зъ-заду на току, стоялы ожереды соломы; зъ ливого боку чорнилы грядкы та невелычкый молодый вышнякъ; зъ правого—хливець, загорода та погрибъ. Коло воритъ, надъ перелазомъ, биливъ новою цямрыною колодязь,—выглядавъ на шляхъ новымъ высокымъ журавлемъ.

Чипка уступывъ у двиръ. Велыка, чорна, кудлата собака кынулась на ёго зъ-пидъ загороды. Чипка подався назадъ до лисы, ставъ выпручуваты хворостыну. На собачу брехню выбигла зъ хаты молода, якъ дивчына, молодыця—нызенька, чепурненька, та й почала гукаты на собаку. Собака одбигъ на вгородъ та скавучавъ. Чипка пидійшовъ до молодыци, прывитався.

— Добрыдень!

— Здорови булы.

— Що, Грыцько дома?

— Ни, нема.

— А дежъ?

— У пывныци.

— И давно тамъ ставъ?

— Ни, недавно. На тимъ, бачця, тыжни. Ни, ажъ на третимъ. Прыйшовъ жыдъ, та й нанявъ.

— А колы винъ дома бувае?

— У пьятныцю на ничъ завжды бувае. А це щось за знакъ—учора не було. Сёгодни повыненъ буты.—А винъ вамъ на-що?

— Та треба. Хочу ёму хлибъ продаты.

— Не знаю,—каже вона, задумавшысь!—Надійдить трохы пизнише, туды къ обиду: може, винъ вернется.

— Добре.—Прощавайте!

— Идить здорови.

Чипка пишовъ шляхомъ до-дому: молодыця—въ хату.

Грыцька справди не було дома. Въ осены, упоравшысь зъ хлибомъ, винъ порадывся зъ Хрыстею, та й ставъ до пывныци. Адже теперъ винъ робывъ безъ того запалу, зъ якымъ кыдався до дила торикъ. Винъ уже свого доскочывъ. Чого жъ ёму зъ шкуры вылазыты? А колы жыдъ дае добру плату, то щобъ сыдячого татары не взялы та на печи не лежать,—чому того тыжня и не поробыты повагомъ, та роздумуючы, та розглядаючы на вси бокы?!

Не мынуло и годыны, якъ Чипка пишовъ, а тутъ и Грыцько прыйихавъ.

— Чому це тебе вчора на ничъ не було?—стрила его Хрыстя.

— Та тутъ таке трапылось: не мени бъ казаты, не тоби слухаты!—одмовляе Грыцько.

— Що жъ тамъ таке? лыхе що?

— Та щобъ дуже лыхе, то дяка Богови—ни! Та й доброго мало.

— Та що жъ тамъ справди таке? Кажы швыдче!—прыстае злякана Хрыстя.

— Жыда Оврама обикрадено. Та це насъ держалы ажъ до сёгодни.

— Я думала—що тамъ?!!—Хто жъ ёго обикравъ.

— Богъ ёго знае. Якись, кажуть, замурдовани люде? Понадивалы машкары, повьязалы гаразденько всихъ, та й забралы, що знайшлы.

— Що жъ воно за люде?

— Винъ думае на москаливъ, бо по московськи балакалы. А шкода, колы хочъ, Оврама!

— Отъ велыка шкода—жыда! Однакъ зъ насъ надравъ.

— Ни, Хрысте: жыдъ жыдови не ривня.—Другый жыдъ, то такы навсправжкы жыдюга; а Оврамъ—я тоби скажу—добрый чоловикъ, хочъ и жыдъ. Ничого Бога гнивыты: винъ тоби и запоможе, колы тамъ подушне, нужда яка. Звисно свое визьме—не грошыма такъ роботою. И теперъ у ёго на пывныци трохы не вси—за одробитокъ. Добрый жыдъ! Уси ёго тамтешни люде шанують.

— Уси воны добри, якъ сплять; а тилькы розплющыть очи, то такъ и наровыть—якъ бы въ тебе що выдурыты, якъ бы тебе такъ заборсаты, щобъ зъ ёго лапъ не вырвався. Дасть карбованця, двохъ, а одробы ёму на десять. Вси воны однымъ мыромъ мазани!—Бачъ! А я тоби и забула хвалытысь: до тебе Чипка прыходывъ.

— Якый Чипка.

— А той, що, якъ навиженый, ганяе по селу.

— Ага... Чого жъ це?

— Та каже: чы не купывъ бы ты хлиба?

— Якого хлиба?—пыта, роздумуючысь Грыцько.

— Не знаю. Каже—хлибъ продаты. А я стою тоди та думаю: якый це винъ хлибъ продае, и на вищо тоби хлибъ куповаты, колы—спасыби Богу—и свій ще потроху тягнется.

— Що жъ ты ёму одказала?

— Що я ёму одказала? Сказала, щобъ зайшовъ пизнише, якъ ты дома будешъ.

— Ну, а винъ тоби що?

— Каже: зайду,—та й пишовъ зъ двору.

— Гмъ,—мугыкнувъ Грыцько.—Отъ, дывиться, колы не здуривъ парубокъ. Зъ кругу спывся! Розмова про Чипка на цимъ обирвалася. Грыцько ставъ роспытуваты—чы все гараздъ у господи, що робыла Хрыстя, чы здужала, чы ни? Хрыстя одказувала—и соби роспытувала Грыцька: що имъ казалы, про ви-що роспытувалы, якъ задержалы?—Перегодя трохы, Хрыстя пытае чоловика:

— Чы не часъ уже обидаты? Ты зъ дорогы—выморывся, выголодався, пообидаешъ, спочынешъ.

— Та такы и справди выголодався. Хлиба не стало, выпросывъ бувъ краець у чоловика, та перехопывъ трохы.— А теперъ—немовъ бы и тее.

Собача брехня перервала ихъ ричъ. Хрыстя глянула въ викно.

— Отъ, и Чипка йде.

Грыцько соби глянувъ.

— Та и обирваный та обшматованый якый, Господы!

— Може бъ сказаты, що тебе немае дома, покы пообидаемо?—пытае Хрыстя.

— Ни, хай: чоловикови въ трете не забыватысь. Ты знаешъ: мы зъ нымъ колысь товарышувалы, якъ оце въ двохъ вивци паслы. Чудный трохы, а добрый бувъ друзяка. А теперъ—глянь: що зъ нымъ сталося?!

Чипка скрыпнувъ дверыма, увійшовъ у сины; собака ажъ за одвиркы грызе, такъ валуе. Хрыстя одчынила хатни двери.

— Та й собака жъ у васъ!—обизвався до неи Чипка. Зъ порожнимы рукамы не сикайся! Здорови булы!

— Здорови. Идить у хату: я вже сама закручу завертку, бо вона въ насъ такъ туго ходыть, що якъ хто другый, то й не закрутыть.

Хрыстя кынулась до надвирныхъ дверей, одчыныла ихъ, гукнула на собаку, потимъ—зачыныла и закрутыла заверткою.

— Що Грыцько—вернувся?—пытае Чипка, дожыдаючы, покы Хрыстя поралась биля дверей.

— Вернувся.—Чому жъ вы не йдете въ хату? Идить.

Чипка несмилыво вступывъ у хату, тай ставъ коло порога. Ему якось и соромно стало, и страшно. Грыцько прывитався першый:

— Здоровъ, Чипко!

— Здоровъ, Грыцьку! Здоровъ, брате!—Чы бачъ, якъ ты переминывся! Якъ одружывся, то й не пизнаты тебе!

— Чымъ же я переминывся?

— Усимъ,—зарисъ, постаривъ.

— Отъ, ще выгадайте!—защебетала Хрыстя.—Де жъ такы винъ старый! То—винъ не поголывся, то такъ воно здается.

— А може, та ни: я такы тебе, Грыцьку, молодчымъ бачывъ.

— Це такъ мене зостарила молода жинка,—сміется Грыцько.

— Тилькы бъ и старосты,—усмихаючысь, каже Чипка.

— Та й ты, Чипко, переминывся, на себе не схожый. Чого це ты такъ занепавъ?

— Лыхо, брате!—зитхнувшы, одказавъ Чипка и сивъ поручъ зъ Грыцькомъ коло столу.

— Кого те лыхо до добра доведе?

— Що жъ тоби за лыхо таке?

— Багато, Грыцьку, розсказуваты, ще разъ зитхнувшы, одмовывъ Чипка и скорымъ поглядомъ окынувъ хату.

Просторна хатына, чепурно выбилена, тепла та ясна, тыха та счасна, війнула на его якымсь теплымъ духомъ. Ему такъ стало легко, мовъ стины до его лыха прыхылялыся, на серци въ его стало такъ любьязно; думкы его повернулыся назадъ—и перенеслы его разомъ на степъ; намалювалы ему старою немочю скаличеного дида Уласа, швыдкого Грыцька, що на барани йиздывъ; кынулы его на вербы горобенятъ драты. Жывъ-жывъ! жывъ-жывъ! наче хто молоткамы, гамселывъ цымы словамы въ выскы ему. Винъ болизно всмихнувся. Глянувъ на Хрыстю. И понеслы его думкы на поле, мижъ зелени жыта, де винъ перше зустрився зъ Галею. Жаль ему стало свого бувалого жыття, котре пестыло его надіи, ему заманулося кому-небудь ихъ одкрыты, зъ

кымъ подилытыся. На очи навернулыся,—чувъ винъ,—слёзы; винъ боявся, щобъ не брызнулы,—та водывъ очима то на Грыцька, то на Хрыстю. И здалыся воны ёму такымы счаслывымы, такымы добрымы, прывитнымы, що винъ не счувся, де дився его страхъ передъ нымы, соромъ за свое безпуття. Ёму забажалося щыро, видъ серця, побалакаты зъ нымы, якъ зъ ридными. Звисывшы на груды голову, въ землю потупывшы очи, винъ ставъ навертаты на себе розмову.

— Багато, кажу,—почавъ винъ,—розсказуваты, и за день усёго не перекажешъ. Лыхо, сказано, якъ до кого прычепытся,— не одсипаешся!

— Хто жъ вынуватый у вашому лыхови?—обизвалася, глядючы на его, Хрыстя. Мабуть, чы не сами найбильше?

Докиръ цей хочъ и вколовъ зъ першого разу Чипку; отже винъ ни зморшкою, ни поглядомъ не выявывъ того. Ёму ажъ подобалось пытання, такъ прямо вымовлене жиночымы устамы.

— Та трохы и самъ вынenъ—одмовывъ винъ, задумуючысь—. А то такы и люде.

— Чымъ же люде вынни?—сповидае Хрыстя.

Чипка поворухнувся,—выдко, винъ не ждавъ такои сповиди. Помовчавъ трохы, та все вныsъ дывывся, нибы роздумувавъ: чы казаты, чы ни?—А дали—туго, не мовъ слова до языка попрылыпалы, а винъ ихъ одрывавъ зъ велыкымъ болемъ--промовывъ:

— Неправдою своею!

Грыцько побачывъ, зъ якымъ болемъ та жалемъ промовывъ Чипка оци два слова,—скынувъ очима на Хрыстю:

— Ось годи тоби базикаты!—обизвався до неи:—готуй лышъ краще обидаты, та пообидаемо вси разомъ.—Ты, Чипко, ще не обидавъ?

— Та я вже,—Богъ ёго знае,—колы и страву бачывъ,— зъ жалемъ прызнався Чипка.

Мова ёго вразыла жалощамы Грыцька и Хрыстю,—та и зъ себе винъ бувъ такый якыйсь, що,—хочъ не хочъ,—пожаліешъ. Грыцько мерщій посунувся за стилъ, на покуття, та запрохувавъ

Чипку сунутысь блыжче до ёго. Хрыстя метнулась до хлиба, до мысокъ, до печи. Швыденько насыпала борщу, поставыла середъ столу; достала ложкы зъ мысныка, поросклaдала передъ кожнымъ,—та вже мала була сама сидаты на ослони до столу,—якъ Грыцько промовывъ:

— Чы це бъ то такъ на суху и сидаты? Вою мабуть, жинко, въ насъ у хыжци и горилка йе? Мы такъ давно бачылысь зъ Чипкою, що годылось бы и выпыты. Ось давай лышъ по чарупыни. Та мене, правду кажучы, наче щось ломыть, тре... Чы не покыпе бува?

Хрыстя выйшла до хыжи, незабаромъ унесла пляшку зъ горилкою, поставыла на столи, и сама сила.

— Налывай, жинко!

Хрыстя налыла. Грыцько взявъ чарку въ рукы та, обертаючысь до Чипкы, промовывъ:

— Пошлы жъ намъ, Боже, всёго, чого мы тилькы бажаемо!

— Дай, Боже!—одказуе Чипка.

Потимъ Хрыстя знову налыла чарку, а Грыцько пидсунувъ іи до Чипкы. Выпывъ и Чипка. Тоди вже самъ Грыцько налывъ пивъ чаркы, посунувъ до Хрысти, промовляючы:

— Выпый же и ты, жинко!

Хрыстя взяла чарку въ рукы, прыгубыла, кывнула головою—и почала йисты борщъ. Прынялысь до борщу и чоловикы. Чипци здалося, що винъ зроду не пывъ такои доброи горилкы, не йивъ такого смашного борщу.—Пойилы борщъ; Хрыстя достала локшыну на молоци. Чипка—якъ тры дни не йивъ. Усе ёму здавалося такымъ добрымъ, смашнымъ; сами хазяины—такымы щырымы, прывитнымы людьмы, що винъ ажъ повеселишавъ трохы. Зъ лыця спала въ ёго дума; на лоби росправылысь зморшкы, що якъ ти хвыли—то набигалы, то збигалы; винъ радисно засвитывъ своимы розумнымы темнымы очима—и ставъ сповидатысь.

— Такъ вы, пани матко,—обернувся винъ зъ словамы до Хрысти,—хочете знаты: чымъ люде вынни въ моимъ безголовьи?—Усимъ вынни! Одъ самого малого, непрымитного, до са-

мого велыкого, найбильшого. Вы тилькы погляньте: якъ воны мижъ собою жывуть? Чы такъ, якъ люде, якъ браты, якъ Богъ прыказавъ жыты? Еге жъ! Воны бъ малы и одынъ одного въ ложци воды втопыты, зъ лыця землп знесты!

Грыцько всмихнувся.

— Ну що жъ тоби до того, Чипко?—скажы мени, Бога рады? Адже тоби видъ того ни знобыть, ни гріе?

-- Якъ не знобыть? А правда де? Де та правда, по якій намъ велено жыты? де вона дилася? хто іи вкравъ у насъ?—гарячывся Чипка. Куды вона забигла? га?

— А нема правды,—одказавъ Грыцько,—то жывы такъ, якъ и вси жывуть.

— А якъ не дають жыты? Що тоди?

— То все мана тилькы!

— Ой, Грыцьку, ой, братику! не кажы такъ, важко мени, пече мене таке слово.

— Не знать що выгадуешъ, Чипко! не знаты объ чому турбуешся! Не такый теперъ викъ наставъ, не таки люде народылыся.

— Що жъ мени робыты, колы я не можу зъ нымы зжытыся? Чымъ же я вынуватый? Я ще и такъ терплю. Ты тилькы послухай, яка въ людей правда.—Ты знавъ мою землю?

— Знавъ.

— Ты чувъ, що іи одибралы въ мене, знаешъ? ту саму землю, про яку сама громада сказала: це твоя земля, Чипко, володій нею! А теперъ знайшлыся таки метци, що и громадську волю поламалы. Узялы, та й одсудылы мою землю Богъ его знае и кому, Богъ знае на що. На те, мабуть, щобъ перевивъ іи на гроши та й повіявъ туды, звидкиля и прывіявся. И якъ—спытаешъ—винъ одибравъ ту землю? Пидсыпавъ судовыкамъ, отъ и ришенець: не твоя земля, Чипко! То була твоя, а теперъ—не твоя!

— Чому жъ ты не сходывъ у судъ до Чыжыка? пыта Грыцько.—Винъ, кажуть, иноди помога.

— Ходывъ. Помигъ. Якъ пьятьдесятъ карбованцивъ, то й помогу!

— Що жъ ты?

— Де жъ я визьму ихъ? Отака-то въ свити правда! Одынъ прыйшовъ, пидсыпавъ,—и одсудывъ; а дай ты пьятьдесятъ карбованцивъ—тоби одсудять. А якъ бы була правда, то цёго бъ не було, земля бъ зосталася въ мене. А колы бъ земля була въ мене,—я бъ николы не ставъ такымъ, якымъ вы мене бачыте. Хиба я не знаю, хиба я не чую, що про мене кажуть и думають? Знаю, добре знаю! Та хай кажуть, хай думають, кожному вильно що хоче казаты и думаты! Тилькы не кожному дано знаты... заглянуты въ чужу душу, зрозумиты, що тамъ и до чого, подывытысь у чуже серце. Гляньте въ ёго правдывымъ окомъ, то й побачыте, що тамъ діется, що тамъ вытворяется,—яки иноди тяжки мукы гнитять ёго, яке лыхо розрываe. На те въ ныхъ кебеты катъ-ма!.. не дано имъ! Отъ и волоцюга я, и пьяныця, и гультипака. А я—може кращый видъ ныхъ, та лыха доля моя! кажу вамъ: багато казаты, а трохы слухаты, хай я гульвиса, бо мои рукы до роботы не здіймаются; хай я пьяныця, бо въ горильци тилькы мени душу одвесты. На чому я іи одведу,—скажить вы мени?

Ричъ Чипчына, якъ вода, рынула.

Грыцько зъ Хрыстею слухалы та ззыралыся, а Хрыстя колы-не-колы зитхала тыхо та глыбоко.

Пообидалы. Чипка подякувавъ Богови и хазяинамъ.

— Знаешъ що, Грыцько?

— А що?

— Чого це я до тебе прыйшовъ.

— Скажы.

— Прыйшовъ, чы не купывъ бы ты въ мене того хлиба, що зоставсь въ току? Уже я ёго самъ до розуму не доведу; жыдови продаваты не хочется. Купы ты, брате!

— Навищо винъ мени здався, Чипко?—Я зъ своимъ уже впорався, бачу—буде зъ мене.

— А може въ Чипкы добрый хлибъ, то на посивъ бы зоставылы,—якось любенько промовыла Хрыстя.

— Та й грошей у мене теперъ катъ-ма,— бидкается Грыцько.

— То виддасы, колы будуть,— на те ёму сказавъ Чипка.—Не хочется мени своеи праци въ жыдивськи рукы попускаты. Знехтуе проклята жыдова, на горилку пережене. А ты, якъ хазяинъ, знаю—до ума доведешъ.

— Ни, Чипко, не куплю: не треба мени!

Чипка задумався; очи потускнилы; винъ потупывъ ихъ у нызъ. Отже швыдко журлыва думка промайнула; очи знову заискрылы—и винъ наче зрадившы, твердо промовывъ:

— Ну, колы жъ не купышъ—такъ визьмы!

— На що я въ тебе визьму его? Ось розсуды гараздъ. У тебе тилькы одынъ хлибъ и зостався, а я—слава Богу—не терплю ще нужды.

— То пропаде жъ, Грыцьку! пропью. Визьмы, брате: пожалій моеи праци! Ты чоловикъ добрый,—я тебе змалку знаю. Памьятаешъ, якъ горобенятъ дралы? Памьятаешъ—дида? Визьмы! Я тебе люблю, и твою жинку люблю. Увійшовъ я до васъ у хату—якъ у рай уступывъ. Вы мене прывиталы, якъ ридни; мое серце, мою душу одигрылы. Визьмы Грыцьку! прошу я тебе.

— Про мене, одказавъ, мовъ нехотя, Грыцько.—Колы вже тоби такъ хочется, то й заберу.—Тилькы—знаешъ що, Чипко? У тебе маты старая, а ты іи такъ зневажывъ, у чужыхъ людей хлибъ заробляе, сердешна.

— Маты, маты,—забубонивъ Чипка и насупывъ бровы.—За матиръ не кажы. Хто ёго знае, хто зъ насъ бильшъ вынуватый.

Грыцькивъ докиръ дуже вразывъ Чипку. Винъ замовкъ, потупывъ очи въ землю, мовъ боявся на Грыцька глянуты; подумавъ трохы, та швыдче попрощався и выйшовъ зъ хаты.

— Такъ ты завтра, гулянкамы, и заберешъ, Грыцьку?—спытавъ уже зъ-за дверей.

— Добре. А може ще и сёгодня надъиду,—колы справа справна.

Чипка пишовъ. Грыцько пидиславшы свытку въ головы, лигъ на лави спочыты. Хрыстя поперемывала посуду, попрыбирала; сила на полу, коло печи, за гребинь прясты мычку. У

хати було тыхо-тыхо, ажъ мовъ важко,—тилькы чутно було, якъ веретено сюрчало, та колы-не-колы Хрыстя легенько зитхала. Хрыстя думала про сёгоднишню розмову зъ Чипкою. Думкы обступылы іи, повылы, якъ сыви туманы землю. Вона оддалась имъ на волю: робить, мовъ, що знаете; несить, куды хочете! И здався ій Чипка не такымъ гультипакою та волоцюгою, якымъ ёго люде взывалы, якымъ сама вона ёго счытала до сёго дня. Скрывджене зъ самого малку іи сырытське серце, догадалося, що Чипка--не такый. Не гультипака, лыхый чоловикъ; гультипака—зло людське, неправда людська!—казало іи серце. У Чипкы и серце добрише, и душа чесниша. А що винъ пье,—то ёго лыхо пье. Не даромъ винъ хвалывся нымъ! Та якъ же ёго и не пыты, жывучы мижъ такымы людьмы? коженъ тилькы и дума: якъ бы мени та мени,—якъ бы кого обидраты, ошукаты? Браты ридни, сестры—перши ворогы мижъ собою.

— А правду казавъ Чипка,—промовыла вона въ голосъ, ажъ Грыцько видъ дримоты прокынувся.

— Яку правду?—позихнувшы, пытае винъ.

— Що нема мижъ людьмы правды, що жывуть воны не по закону!

— Толкуй! дурный, спывшысь зъ кругу, верзе не знать що, а вона тому и виры діймае.

— Якъ же не дійма
ты, колы воно такъ йе?

— Якъ такъ?

— А такъ! Отъ, хочъ бы и я... Якъ бы люде по правди жылы,--чы терпила бъ я, зоставшысь сыротою, те горе та нужду, що прыйшлось вытерпиты? Чы роскотылось бы добро сыритське? Колы бъ воны по правди, а не по крывди жылы, то всёго бъ того прыбереглы, не попустылы бъ, щобъ сырота скыталася по людяхъ, не завдалы бъ іи у наймы, де бъ, може не стрившысь зъ тобою, и викъ завикувала.

— Своя сорочка блыжче до тила.

— Ото жъ то йе! Усе--колы бъ соби, та соби; а про сыритъ та безталанныхъ ни гадкы! Хай сыроты гынуть.

— Хто жъ тоби стане дурно чуже добро доглядаты?---запытавъ Грыцько.

Хрыстю якъ хто голкою укольнувъ. Зляканымъ поглядомъ вона глянула на ёго: вона николы не ждала такого видъ Грыцька.

— Не вже жъ бы и ты такъ зробывъ?---не спускаючы очей зъ ёго, вона прямо запытала.

Грыцько оханувся—и подумавшы, одказавъ:

— Що жъ, що я бъ не зробывъ?—други бъ зробылы! Та чого це ты такъ прыскыпалась до мене?—переминывшы свій голосъ, уже винъ запытавъ Хрысти, та и соби гостро глянувъ на неи.

Хрыстя сыдила на дныщи блида, сумна, та, скрывывшысь, дывылася ёму прямо въ вичи. Голова іи схылылась трохы на бикъ; нытка въ одній руци, а почынокъ у другій—заколилы. По выду можно було бачыты, що вона хочъ и дывылася на Грыцька, дывылася прямо ёму въ вичи,—та ничого не бачыла: думкы іи десь далеко-далеко носылы. Грыцько помитывъ; серце въ ёго якось болизно тёхнуло.

— Хрысте!—гукнувъ винъ.

Хрыстя кынулась, ажъ почынокъ зъ рукъ выпавъ; вона скочыла ёго доставаты.

— Що це зъ тобою? Чы не закохалась бува въ Чипчыни голи пьяты?

Чы видъ того, що вона нахылылася, чы може и видъ того, що метке Грыцькове слово влучыло іи прямо у серце и погнало кровъ у голову,—тилькы зблидле до того лыце Хрыстыне зразу покрылося червонымъ заревомъ.

— Охъ, якъ ты мене злякавъ, хай ёму цуръ!—переводячы духъ, усмихаючысь веселенько, обизвалася вона до Грыцька, щобъ покынуты усмихомъ свій недавній смутокъ. Грыцько пыльно подывывся на неи. Краска зъ лыця вже одійшла,—тилькы прытаене легеньке зитхання та якыйсь боязькый, соромлывый поглядъ зъ блыскучыхъ очей нагадувалы, що, може, Грыцько и правду сказавъ. Одначе Грыцько не обзывався. Спустывшы зъ лавы ногы,

винъ почавъ у кишени шукаты люлькы. Налапавшы и вытягшы люльку, довго винъ довбався въ ній протычкою, потягаючысь та позихаючы; потимъ выбывъ объ лаву згарь.

— Питы лышень покурыты,—мнучы тютюнъ у жмени и держачы въ зубахъ люльку, каже винъ,—та подывытыся на визъ, чы добри оси? Бо завтра справди гулянкамы може хлибъ перевезу.

Грыцько пишовъ зъ хаты. Хрыстя зосталася сама. Вона ажъ плечыма здвыгнула.

— Що це справди зо мною сталося?!—сама себе запытала, та трохы перегодя и затягла сумну та журлыву писню на всю хату. У голоси іи почулыся слёзы, журба; повывалы воны хату и Хрыстю; вона голосомъ выводыла свій сумъ тяжкый, а рукою---нытку за ныткою.

У недилю, тилькы що выйшлы зъ церквы та пообидалы, заразъ Грыцько запригъ своихъ пару быкивъ, выпрохавъ у сусида ще пару,---та двома парамы и пойихавъ до Чипкы. Пуста погородына, лыхый тынъ, крыви ворота, необмазана хата зъ побытымы викнамы,---непрыязно кынулысь у вичи и образылы Грыцькову хазяйлыву натуру. Винъ зъ докоромъ и разомъ зъ жалемъ дывывся на Чипчыне добро.

— Господы, Боже! дожывется жъ чоловикъ отъ до сёго?! А все---своя воля.

Грыцько ставъ коло хаты. Дверы булы зачынени и защеплени. Винъ подывывся кругомъ хаты, глянувъ на тикъ,---нигде никого не выдно, тилькы стижкы чорнилы въ току. Грыцько пидійшовъ пидъ викно, заглянувъ у розбыту шыбку. На полу лежало тры чоловикы, на лави Чипка---четвертый.

— Чипко! Чипко!---гукнувъ Грыцько.

--- А хто тамъ?---першый прокынувшысь, пытае Лушня.

— Збудить мени, будь-ласка, Чипку.

— На що тоби?---пыта, потягуючысь Лушня.

— Та я до ёго за хлибомъ прыйихавъ.

Лушня штовхнувъ ногою Чипку.

— Чипко?

— Чого?

— Чоловикъ за хлибомъ прыйихавъ.

— Ага-а?—промовывъ Чипка и хутко скочывъ на ногы.— Здоровъ, Ґрыцьку!

— Здоровъ. То це ты такъ ночуешъ?

— Отакъ, якъ бачъ.

— Чому жъ ты хочъ виконъ не повставляешъ?---холоды находять.

— Доброго молодця кровъ гріе! —одмовывъ за Чипку Лушня.

Чипка выйшовъ у сины одчыныты двери. Лушня ставъ будыты товарыство.

— Уставайте, братця, грошей личыты!

— Якыхъ грошей?

— Чипка продавъ хлибъ.

— Кому продавъ?

— Чупруненкови Грыцькови.

— А дорого?

— Не знаю.

Пацюкъ та Матня попидводылысь, терлы зъ просоння очи, позихалы.

— Я, мабуть не доспавъ,—каже Матня,—бо голова щось болыть. И знову лигъ.

— Тымъ тебе и обдуло, якъ бокла,---докорявъ Лушня.

На той часъ Чипка вернувся въ хату,

— Ходимъ, братця,---поможемо чоловикови хлибъ набираты,—каже до товарышивъ.

— Ходимо. Чувъ, Якыме?---Вставай, та ходимъ!---гукнувъ Лушня. Зате въ вечери---онъ-якъ погуляемо!!

Пацюкъ заразъ послухавъ, а Матня пидвився, давай знову протыраты очи та потягатысь. А дали и винъ нехотя вставъ; уси разомъ потяглы до стогивъ.

Два подае, два на возы складае. Навантажылы обыдва возы, прыдавылы, ушнурувалы, якъ слидъ, по хазяйськи. Пойихавъ Грыцько.

— А за що продавъ, Чипко?---пытае Лушня.

— Ни за що.

— Якъ ни за що?---уси разомъ скрыкнулы.

— Такъ, подарувавъ.

Товарыство замовкло, посхыляло головы.

— Оттуды къ лыхій годыни!---сумно промовывъ першый Лушня.

— А жыдъ, бачъ, купувавъ,---такъ не продавъ,---и соби процидывъ сумно кризь зубы Пацюкъ.

— Бо жыдъ!---гостро одрубавъ Чипка.

— Отъ тоби и разъ! отъ и погуляемо, чортового батька!—чухаючы потылыцю, блее Матня.---Краще бъ було мене не будыты, хлопци. А то тилькы сонъ перервалы.

--- Жыдъ---та дававъ по трояку одъ копы,---знову Лушня; а це и свій чоловикъ, та на дурныцю звыкъ! Оттаке!

--- Таке, якъ бачъ!—каже Пацюкъ.

--- А-а-а,—позиха, потягуючысь Матня:—и навищо було будыты?!

Чипка зыркнувъ на таварыство очима, поблидъ на выду.

--- Вы на мене, братця, якъ я бачу, гниваетесь,—самъ себе здержуючы, обизвався винъ до товарышивъ.---Такъ треба було. Отъ, вамъ и все! Жыдюзи я ни за яки гроши, а товарышови---такъ виддавъ.

— А мы жъ у тебе що?—каже Лушня, попустывшы поводы серцеви... Хиба вже мы и не товарыши?.. Чому жъ ты намъ не виддавъ? Мы бъ сами ёто продалы...

— Жыдови?

— То тамъ бы побачылы--кому...

— Чоловикъ,—тягне Чипка дали,—чесно пожыве, добрымъ словомъ згадае... А жыдъ—що?

— А тепло жъ буде видъ того доброго слова?—щыпае Пацюкъ.

— Тепло!—вже гризно одрубавъ Чипка, а дали, ныжче спускаючы голосъ, каже:—я знаю, що моя праця не пропаде марно, а доведе іи добрый чоловикъ до розуму...

— Оттуды къ лыхій годыни!.. Оце такъ!.. Отъ тоби и погулялы!..—одно бубоныть Матня, прысившы навколюшкы—та взявшысь рукамы за щокы.

— Не ждалы мы, Чипко, видъ тебе такого!—дошкуля Лушня.

— Якого?

— Такого, якъ ты зробывъ... Пропало добро!..

Уси попрысидалы на току, та якъ хыжи вовкы очима свитылы. Одынъ Чипка стоявъ, обипершысь спыною объ недобратый стигъ, та сумно позыравъ то на товарышивъ, то на цили стожкы, то на шляхъ,—чы не йиде Грыцько.

— Ажъ-ось Грыцько вже справывся: прыйихавъ у-друге.

— Отакъ-то ты насъ обвивъ, дядьку?--обизвався до ёго Лушня.

— Якъ?

— На дурныцю,—кажешъ,—хлибъ возышъ?

— На дурныцю?... Гмъ... Дарованому коневи въ зубы не дывлятся...

— То ты насъ хочъ молотыты визьмы—по карбованцю одъ копы,—шуткуе Пацюкъ.

Уси засміялыся; Грыцько и соби; одынъ Чипка мовчавъ...

-- Годи, братця, не знать, що торочыты,—обернувся винъ до товарыства:—нуте лышень чоловикови поможемо хлибъ добыраты, бо часъ не стоить!..

— Нехай же самъ и забира, колы поцинно купывъ,—каже зъ докоромъ Лушня.

— Тымохвію!—грызно глянувшы, гукнувъ Чипка.--Або до роботы, або зъ двору? Я прохаты не стану...

Лушня зитхнувъ, а все такы пидвився, полизъ на стигъ; други, глядя на ёго, и соби прынялысь за дило... Одначе робота въ рукахъ не горила, якъ спершу. Отже сякъ-такъ понакладалы возы, забендюгувалы, ушнурувалы. Повизъ Грыцько до дому. Лушня пишовъ за нымъ слидомъ.

— Дядьку!

— А-говъ?

— Вы вже намъ хочъ за помичъ перекыньте-що... Не вже жъ мы дурно працювалы?..—ажъ спына болыть.

— Що жъ я вамъ перекыну?

— Та хочъ карбованцивъ пьять...

— А де жъ ти пьять карбованцивъ—на смитныку знайдешъ?

— А хлиба хиба трохы? Адже кипъ бильше десятка буде...

Грыцько мовчавъ.

— Ну хочъ тры карбованци на насъ трёхъ! Хай уже Чипка подарувавъ,—ёго воля...

— Добре... Нехай же, я втрете вернуся, то и прывезу. Тилькы прохатыму васъ—помогты молотыты.

— Молотыты?—весело скрыкнувъ Лушня.—Добре! Що тамъ намъ ёго молотыты? Абы Господь давъ годынку, то мы ёго въ чотырёхъ за день зобьемо!

— То я ще и могорычу поставлю,—домовляе Грыцько.

— Добре, дядьку!.. Добре!

Грыцько пойихавъ; Лушня вернувся до гурту веселый. Зъ радощивъ винъ штовхнувъ Матню, котрый прославъ пидъ стижкомъ килькы сноцивъ, лигъ, укрывся тежъ снопомъ, та збирався вже заснуты.

— Не штовхайся! тутъ и такъ бикъ болыть за хлибомъ,—одмовывъ Матня.

— Не бійсь!—не визьме лыха годына бока,—хиба може видъ горилкы прогные,—каже Пацюкъ.

— Одъ тіеи, що за хлибъ выпьемо?

— Може, и видъ тіеи!—вставывъ Лушня.

Чипко не дослухався до ихъ розмовы. Винъ ходывъ соби по-за стогамы, та пидгрибавъ, що набылы, перекладаючы хлибъ на возы.

Лушня моргнувъ на товарыство: не журиться, мовъ!

— Погуляемо?—запыталы ти стыха.

Лушня мотнувъ головою: эге жъ мовъ!

— А скилькы?—пыта Матня.

— Тры карбованця.—

— Мало,—каже Пацюкъ.

— Зъ червывои собакы що урваты—хочъ клочокъ шерсты,—утишае Лушня.

Вернувся Грыцько въ трете, прывизъ гроши, забравъ останній хлибъ.

Якъ наложылы возы, Лушня и каже:

— Ну теперъ, дядьку Грыцьку, хочъ и могорычу!

— Та ходимо вже: забижымо до Гальки, выпьемо по осьмушци.

Пишлы. Клыкнувъ Грыцько и Чипку. Пишовъ и той за нымы. Грыцько выпывъ самъ осьмушку, давъ по осьмушци другымъ, та й повизъ соби хлибъ до-дому, розигритый—не такъ горилкою, якъ подарункомъ.

Товарыство засило на цилу ничъ...

V.

Першый ступинь.

Мотря зовсимъ оселылася въ «довгопьятои бабы». Брала людямъ прясты то кужиль, то вовну,—та зъ того тилькы и жыла.

Тяжко ій робылося на души, гирко на серци, якъ подумае, що на старости литъ прыйшлося наймычкуваты въ людей. И хата своя, и достаткы хочъ яки тамъ не яки булы, а все бъ такы жыты можна... И прыйшлося въ чужій хати людямъ годыты, людей слухаты... Ще день сякымъ-такымъ бокомъ перебуде; а настане ничъ,—думкы, якъ за подушне, оступлять... Мотря иноди цилу ничъ выплаче. Жалко ій Чипку. Кохала жъ, ростыла; довгыхъ зимнихъ, короткыхъ литнихъ ничокъ не досыпляла; рано вставала, пизно лягала... Не для кого жъ?—за для ёго... А винъ?..

Сплыве ій на думку та проклята ничъ, колы винъ пьяный зневажывъ іи, матиръ, тяжкымы докорамы... Стае рубомъ шматокъ хлиба въ горли, якъ вона згадае про це, сидаючы йисты. Змочыть Мотря всю подушку, якъ здумае въ ночи... «Краще бъ

я тебе, сыну, не зродыла, або зродывшы, взяла за ногы та объ пень головою, нижъ теперъ видъ тебе таку зневагу прыйматы!.. Безталанна та хвылына, колы я зачала тебе: проклята та радисть, якою я радила, чуючы, що щось ворушытся пидъ серцемъ... Боже!—чы я тебе не молыла? чы я передъ тобою переступыла?.. За що жъ мени така кара, така зневага видъ риднои дытыны?!...

— И чого ты такъ убываешся, Мотре?—вговорюе іи баба. Хай бы що добре, а то таке ледащо! Онъ, сёгодни, не мовъ дидько носывъ його по чужыхъ городахъ—безъ шапкы, босый у въ однїй сорочци, та й та росхристана, якъ у харцызякы... Остапійчыныхъ дитей на смерть перелякавъ. Гралыся соби въ двори. На той часъ його лыха годына несла. Бижыть, кажуть, якъ скажена собака, черезъ огородъ... Диты въ крыкъ; винъ—за нымы... Ухопывъ маленьку дивчыну Парасю,—четвертый годокъ пишовъ,— та й несе... Навищо вже винъ іи взявъ? Одынъ Богъ видае... Сказано: зъ кругу спывся! Уже въ його въ очахъ чоловичкы догоры ногамы поперевертались... Я такы и сама бачыла, що винъ по вулыци бигавъ. Та й байдуже! Катъ тебе, думаю, беры; бигай, покы на свое набижышъ! Та й иду соби... Мынула вже Остапійчыну хату. Колы чую—хтось бижыть за мною, та гукае: «ба-бо!—ба-бо-о!—Чого се ты, галочко?—пытаю.—Вона въ плачъ, та такъ просыть: «Будь ласка, бабусю, рады самого Бога—я вже вамъ се и те, верниться въ хату та поможить моій Парасочци»!—Що жъ тамъ зъ нею?—«Та Боже мій!—зъ плачемъ каже:—отой шыбеныкъ, ота пьяныця,—щобъ ёму ни жыття, ни добра!—на смерть дытыну переляка въ... Бигъ черезъ двиръ, та й ухопывъ на рукы,—чы занесты куды хотивъ, чы що... Я не знаю: чого його на цепъ не прыпнуть»?.. Я послухала, пишла. Ухожу—колы дытына лежыть на полу, та такъ вьется, такъ бьется та крычыть, немовъ на ёму—не доводь, Господы!—родымець... Перехрыстыла я його, нашептала,—одійшло трохы... Та тоди и переполохъ вылыла. И такы нестемисенько винъ выйшовъ—такъ и вылывся зъ воску!..—Та чы я бъ за такымъ плакала та побывалася?? Я бъ його и зъ думкы выкынула...

— Якъ же мени не плакаты, якъ не побыватыся, слухаючы таке за ёго? Хай бы ихъ у мене десятеро, то одно въ одно не вдается; а тожъ винъ у мене одынъ, якъ порошына въ оци! Я ёго кохала, ростыла, здоровъя стратыла, надіи покладала... А теперъ—самій прыйшлося по чужыхъ людяхъ хылятыся... Хиба жъ воно легко? Та що и люде скажуть: яка, скажуть, та маты, що допустыла сына до того, не заборонпыла ёму?... Боже мій, одного тилькы въ тебе прошу: одній смерти молю! Нашлы іи швыдче... Чого вона по добрыхъ людяхъ ходыть,—чомъ до мене не прыйде?... Закрылася бъ я плечыма и очима,—хай що хоче робыть. Мои очи не бачылы бъ, уха не чулы...

И-и!—бо-зна що ты, Мотре, выгадуешъ! Що люде скажуть? Нехай, що хочуть, те и говорять... Чорта ёму дасы, колы воно таке вдалося! Чы ходыла бъ ты по чужыхъ хатахъ, якъ бы винъ добрый бувъ?...

— Не вытрымала Мотря довгои розмовы: сыдила соби, та плакала нерозважпымы, дрибнымы слёзамы...

А Чипка—наче соби дило выгадавъ—кожнисенькый день гуля та й гуля... Зовсимъ пустывся берега... Допывся до того, що ни зъ-надвору, ни въ хати—ничого... Ажъ задувся видъ гульни та недоспаныхъ ночей...

Покы хозяйствечко було,—було за що пыты; а якъ забравъ Грыцько жыто до себе; то хочъ що хочъ, а жыдивка безъ грошей и осьмушкы не дае. «Давай гроши!» та й усе. «Гроши»,—дума Чипка самъ соби, лежачы въ хати. Згага пекла ёго якъ свичкою, похмилля ёго мучыло. «Гроши... Якъ бы то гроши! Не качався бъ я, якъ теперъ качаюся, мисця не знайду; не гулявъ-бы такъ,—оддавъ бы и землю, и усе—за гроши... Колы бъ гроши! Брязнувъ бы тилькы—такъ бы все и уродылося,—и вона моя! А то... И звернулы ёго думкы въ бувале, недавне. Розвернулося передъ нымъ зелене поле; ходыть винъ по ёму, обдывляется; радіе, що такъ добре зійшло, росте, зеленіе, цвите... А тутъ и Галя знялася перепелкою зъ-за высокого жыта... Розряжена якъ пава; легенька, якъ метелыкъ; веселенька, якъ у ранишне сонце... Любо ёго очамъ дывы-

тысь на неи, якъ вона усмихается до ёго своимы повнымы рожевымы устамы,—якъ вона гладыть ёго веселымы оксамытнымы очима... счаслывый винъ!... А теперъ! Середъ пусткы неметенои, въ смитти, въ багнюци, валяется—обшарпаный, якъ волоцюга, якъ харцыза якый... А до цёго що вытворявъ? Де дилася кобыла, вивци, корова? Де одежа, що маты справыла?—де дилася маты?..—куды вона пишла?—де прыклоныла сыву голову?..—Сыротою стоить надъ шляхомъ хата зъ побытымы викнамы, не топлена, не обшмарована, чорна, полупана... А вже холоды заходять; морозъ у хату прется... И холодно, и голодно!.. Згага хмелю запекла ёму серце...

— О-о-о, я—каторжный! проклятый!—що я наробывъ соби?!. Винъ зо зла упъявся рукамы въ свою нечесану куштру. Посыпалось волосся, заискрылы очи .. Винъ прыкусывъ зубамы губы—ажъ кровъ выступыла..

Осинне сонце сидало въ хмары. Прощаючысь зъ землею, залывало хмары и землю огнянымъ свитомъ. Якъ кровъ, червонивъ захидъ сонця и заглядавъ своимы червонымы очима кризь побыти шыбкы въ Чипчыну хату... Чипка качався на соломи по доливци.

На ту пору въ хату увійшлы товарыши. Якъ глянувъ Лушня на Чипку, такъ и покотывся зо смиху. Пацюкъ та Матня стоять у порога та тилькы дывуются.

Чипко!—гукнувъ Лушня.—Чы ты, бува, не збожеволивъ? Якого ты бисового батька качаешся та рвешъ на голови волосся?

Несподиваный регитъ схаменувъ Чипку.

— Братику! мовыть, якъ дытына,—хочь чарочку, хочъ капельку, бо пропаду! Пече мене, давыть, пыты мени, пыты!

— На, та пый, дурню!—гукае Лушня, подаючы ёму пляшку горилкы, въ кварту миры. Ажъ затипався Чипка, ухопывшы обиручъ пляшку. Прыложывъ винъ іи до своихъ попаленыхъ смагою, замазаныхъ кровью, губивъ та дудлывъ нахыльци, якъ воду.

Матня побачывъ, та й соби затрусывся... Кынувся на Чипку, та ну одниматы.

— Ну, тебе къ лыхій матери! Отъ, дывысь: ни капелькы не кыне, люциперъ!

Та за пляшку... Чипка не пускае, та молыть:

— Ще, братику! ще... ще хочъ трошечкы... Хочъ капельку!.. душу проквасыты...

— Та ну тебе къ бису!... Отъ, опіяка!..

Та вырвавшы пляшку, прыпавъ до неи, мовъ пьявка до тила... Матня не вмивъ кыдаты горилкы другымъ. Чы давалы чарку,—винъ ковтавъ іи до капелькы; чы осьмушку,—винъ залывавъ нею горло, не оддыхаючы; чы пивкварты, кварту,—винъ тягъ, покы оставалася порожня посудына...

Уже Лушня зъ Пацюкомъ кынулысь на Матню, та насылу однялы, трохы пляшкы не розбылы... Счынывся регитъ, крыкъ... Сонце зовсимъ сило; насувала на землю ничъ, закутана въ чорни хмары, и усе робыла темнымъ... А воны, въ темній хати, якъ выходци зъ того свиту, свитять пьяными очима, крычать, регочутся...

Забрала Чипку горилка, кровъ ударыла въ голову, видъ пекучои згагы одійшло ёго серце. Веселый пидводытся винъ, гукае:

— До шынку, братця! до жыда!

— Шкода до жыда... Жыдъ не повире!—на те ёму Лушня.

— Якъ, свыняче ухо не повире? Якъ я ёму всю свою худобу пропывъ, то й ничого?! А ёго, иродового сына, осьмушка горилкы вдавыть?...

— Та вже чы вдавыть, чы ни, а не повирыть!—глухо, зъ протягомъ каже Пацюкъ... Уже краще пидняты, де легко лежыть...

— Украсты?—грызно запытавъ Чипка и скоса глянувъ на Пацюка; дали повивъ очима на Лушню зъ Матнею, нибы очима допытувався въ ныхъ—чы вкрасты можно?

Лушня не загаявся:

— А тожъ!—одказуе.—Чымъ сылкуватысь та просыты парха: то вже краще своимы рукамы добуты, та погрітыся...

— Та й справди, що погритысь,—пидхопывъ Матня; а то опухнемъ зъ холоду...

Чипка стоявъ, якъ зачумленый... Думкы ёго ходоромъ заходылы. «Украсты?..—думавъ винъ.—Добре дило вкрасты... Прыйшовъ, узявъ чуже—и йе въ тебе... Чого ще?.. Одно тилькы... Тамъ огляпутся, кынутся шукаты злодія,—проклынатымуть... Отъ, и въ мене землю вкралы,—вкралы мое счастя, мою долю,—щобъ воны не дождалы сонця праведного побачыты!.. О-охъ!.. Прокляти!.. Та якъ гукне на всю хату:

— Гайда, братця! разомъ погуляемо... Може жыдюга повирыть, а може знайдется добрый чоловикъ—почастуе... У-ухъ!—тяжко мени, гулять хочется, хочется бытысь, боротысь, гу-у-у!..

И давай махаты, стулывшы кулакъ, рукою кругомъ себе, повертаючысь то въ ту, то въ другу сторону—на вси бокы... Товарыство порозскакувалось по куткахъ, щобъ часомъ не доставъ Чипка.

— Та ну тебе къ нечыстои матери!—скрыкнувъ Лушня, якъ увирвавъ ёго по плечу Чипко...—Мовъ безминомъ удравъ. Выйшовъ бы на двиръ, та объ прычилокъ и гамселывъ, стилькы здужавъ!..

— Бережысь,—крычыть Чипка,—укладу! Якъ муху роздавлю... Та, повертаючысь на одній нози,—одно рукамы махае, якъ витрякъ крыламы...

Товарыши зморгнулысь;—разомъ кынулысь на ёго. Той за рукы, той за ногы, а той за поперекъ,—насылу положылы на гардоливку. Зъ побытыхъ виконъ вырвався несамовытый регитъ, гармыдеръ—и розислався по глухому подвирью... Розбуджени собакы сталы валуваты.

— Чы мы ще довго отутъ середъ ночи сыдитымемо?—якъ стыхъ трохы регитъ, пытае Лушня.—Ходимъ уже куды-небудь, чы що?

— Эге жъ, эге!—одказалы Пацюкъ зъ Матнею разомъ.

— А знаешъ, Тымохвію, куды ходимъ?—перегодя трохы, веде ричъ Пацюкъ. До пана!... Винъ чоловикъ добрый, хочъ и панъ: надилявъ насъ не разъ то сымъ, то тымъ, покы ще въ

двори булы!.. Не вже теперъ пошкодуе? А комори теперъ у ёго, въ зиму, повни...

— Гляды лышъ, щобъ на бантыни не завысъ!—прызро глянувшы на Пацюка, увернувъ Чипка.

— Чого?... Та я тамъ уси входы и выходы знаю—одмовля той.

— Тамъ комори лыхеньки,—кризь зубы процидывъ Лушня: —за ничъ можна полагодыть...

— Може на яку кварту перепаде видъ жыда—кинчае Матня.

У хати затыхло. Сыдячы коло Чипкы на пидогненыхъ ногахъ; уси мовчалы. Чипка, выбывшысь зъ сылы, лежавъ, якъ соломы куль, та важко дыхавъ... Тилькы ёго сапъ розбуджувавъ сонну темряву, що насупылась надъ землею. А на думку навернувся Порохъ зъ своимъ переказомъ. Устала передъ нымъ цила панська облава на правду. «А справди, дума Чипка... Онъ воны що роблять?.. Гыдко тилькы... Злодюга, скажуть. Господы!—де жъ твоя правда?..

— Чипко?—знову обизвався Лушня.

— Чого?

— Ходимъ.

— Куды?

— До пана.

— Чого?

— У гости.

— Добре...

На двори стояла темна ничъ; густи хмары замазалы небо— ни мисяця не выдко, ни зори не блыщать... Темный морокъ спустывся на землю—и тутъ ничого не выдно, хочъ стрель у вичи... Кругомъ така тыша, якъ у вуси: ни людына не загомоныть, ни собака не гавкне, хиба тилькы трисне суха дровынячка пидъ важкымы ступнямы товарыства.

Пройшлы воны улыцю, другу; посередъ села, на третій, одризнывся видъ ныхъ Лушня.

— Стійте тутъ!—промовывъ тыхо.

Уси сталы. Одынъ Чипка безъ тямку поволикъ ногы дали. Лушня прямо пидійшовъ до хаты. То бувъ жыдивськый шынокъ. Выдко, жыдъ уже спавъ, бо нигде не блыщало свитло. Лушня постукавъ у викно.

— Гершко! Гершко—видчыны!..

— А хто тамъ такый?—хтось обизвався зъ хаты.

— Свои, видчыны!

— Яки свои такои поры?—цого тоби треба?—уже гараздъ чутно було жыдивськый голосъ.

— Хочъ пшеныци купыты?

— Якои псеныци?—швыдко одказавъ Гершко и одсунувъ кватырку. Пидъ викно пидступылы Пацюкъ зъ Матнею.

— Хто зъ вы? звидкиля пшеныця?—пытае жыдъ, побачывшы коло викна—тры чоловикы стоить.

— Та звидкы бъ не була,—на що тоби? Ты кажы, що дасы за мишокъ?

— А-а-а... це ты, Тымохвію!—иды зъ у хату. А то сце хто зъ тобою?

— Свои.

— Ну, то и идить у хату—тутъ побалакаемо.

— Лушня оглянувся,—не выдно Чипкы.

— А де жъ Чипка?—пытае.

— Опъ, якъ марюка, пишовъ,—каже Матня, показуючы на темну пляму, що чорнила, колыхалася въ темряви.

— Бижы, Петре, поклычъ!—порядкуе Лушня.

— Пацюкъ побигъ, догнавъ чорну пляму,—вернувся зъ Чипкою.

Тымъ часомъ заблыщало свитло въ розбыту виконыцю; скрыпнулы хатни двери; дзенькнувъ засовъ коло надвирнихъ,—корчма роззявылась—и всихъ проглынула...

Не вспилы хлопци посидаты,—де не вродылося пивкварты горилкы, пивъ-хлиба, мыска солоныхъ огиркивъ. Товарыство заразъ же налягло на йижу, на горилку...

— Не пройшла годына, якъ усе те було зметене.

— Ну... а де зъ та псеныця?—пытае жыдъ.

— Та пшеныци не пытай,—Лушня ёму: мы добудемо...

— Та я знаю... Сце бъ такый звавый козакъ та не добувъ,—зъ пекла достане!

— То то жъ... А ты кажы: почому за мишокъ дасы?

— Та сцо зъ?—семыгрывенныка...

Ахъ ты свыняче вухо!—грымнувъ на всю хату Чипка.—За мишокъ пшеныци—семыгрывенныка?!

— Ну... сцо зъ, сцо за мисокъ?.. Я все знаю, яка то псеныця... сце цасомъ... крый Бозе!..—И почавъ чухаты рыжу, довгу бороду.

Чипка шыроко розкрывъ очи и зъ дывовыжою глядивъ то на жыда, то на товарыство, немовъ пытавъ: про яку се пшеныцю толкуе жыдюга?!

— Ну, добре,—замына Лушня: ты, Гершку, нашого не схочешъ...

Вылизъ зъ-за столу;—берется за шапку, лагодытся зъ хаты...

— А колы-зъ тебе, Тымохвію, дожыдаты?

— Да такъ...—замнявся:—передъ свитомъ... одказавъ жыдови тыхо.

— Ну-ну... гляды!.. Бацъ, и пивкварты выпылы...

— Ну, такъ що, що выпылы?

— Хиба я залію, цы сцо?..

— Эге жъ... То передъ свитомъ дожыдай.—А ну, хлопци, ходимъ!—гукнувъ на товарыство. Уси повылазылы зъ-за столу, понатягалы шапкы, выйшлы зъ хаты, запалывшы люлькы. Йшлы воны купою, вси весело розмовлялы. Одынъ Чипка мовчкы потягавъ люльку.—Огонь зъ люлькы освичувавъ товарыство. Чипка бачывъ, якъ на выду въ кожного грала якась радисть... Винъ позыравъ хыжо на ныхъ очыма, та думавъ: що це воно дали буде?

Лушня помитывъ, —якъ блыснула люлька,—хмурый выдъ Чипчынъ.

— Чого це ты. Чипко, якъ мыла зъивъ?—пытае. Чого ты журышся?

— Хто журытся?—твердо одказавъ Чипка.

— Хтокало...

Розмова увирвалася. Затыхъ гоминъ товарыства; все кругомъ затыхло... Сонъ налигъ на циле село: нигде ни лялечкы, нигде ни свитла: втомывшысь писля деннои праци, все затыхло... Одни тилькы собакы де-где не спалы...

Якъ проходылы хлопци темнымы вулыцямы,—позаду ихъ пидпималося непрыязне валування... Теперъ воны йшлы мовчкы. Тры впередъ; Чипка позаду нога за ногою суне... Такъ ведмидь иде непехотя за цыганомъ: опынается, а все-такы йде... Серце щось недобре вищуе, страхъ—не страхъ: якесь темне почуття холодыть серце... холодъ пронызуе душу... У думци закрадается пытання: куды се?.. чого се?.. за нымы... за товарышамы?.. Обдурюе сама себе думка—и тягне Чипка дали та дали... Тягнется винъ тыхопомалу, не маючы воли остатысь, покынуты братчыкивъ,—тягнется, одуренный пидлеслою думкою, забывае въ серци страшне почуття...

Дійшлы воны до панського дворыща. Сталы. Чипка мынае...

— Чипка! ходимъ!—гукнувъ ёму Лушня.

— Що?!

Чипка стоявъ, задумався...

— Ходимъ!—одказавъ якось глухо..

Панасъ Мырный та Иванъ Билыкъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очерки изъ прошлаго и настоящаго черноморскаго побережья Кавказа.

II.

Геленджикъ.

Причины роста Геленджика-селенія и Геленджика-курорта. Цементный заводъ. Спекуляція плановыми мѣстами. Хвалебная брошюра о Геленджикѣ. Пути въ Геленджикъ. Окрестности. Гостинницы. Квартирный вопросъ. Цѣны на продукты. Греки. Купанье. Мѣста для прогулокъ: Адербіевка. Михайловскій перевалъ. Джанхотъ. Криница. Климатическія особенности Геленджика.

Первый замѣтный толчокъ росту Геленджика, какъ населеннаго пункта, дало устройство на берегахъ Геленджикской бухты, недалеко отъ самого селенія, цементнаго завода французской компаніи, привлекшаго массу рабочихъ и служащихъ, количество которыхъ доходило одно время до 3000 человѣкъ. При этомъ Геленджикцы получили въ видѣ цементнаго завода еще постоянную оброчную статью, дающую хорошій отъ сдачи юртовой земли подъ заводскія постройки доходъ отъ ломокъ цементнаго камня, доходившій временами почти до 5000 рублей (въ 1901 году по смѣтѣ ожидался доходъ въ 1000 рублей), и возможность заработка на самомъ заводѣ и на ломкахъ. Заводъ вырабатываетъ цементъ, не уступающій новороссійскому, и имѣетъ сбытъ не только въ порты Азовскаго и Чернаго морей, но даже и на Манчжурскую жел. дорогу. Устроенъ онъ лѣтъ 10 назадъ и теперь около пяти каменныхъ помѣщеній самого завода образовался

цѣлый поселокъ—свыше 30 жилыхъ зданій, въ которыхъ мѣстами горитъ электричество, освѣщающее заводскую пристань для причала морскихъ судовъ. Заводъ соединенъ съ Новороссійскомъ (38 верстъ) собственнымъ телефономъ, что даетъ иногда геленджикцамъ возможность «по знакомству» пользоваться имъ въ случаѣ особой надобности.

Притокъ рабочаго люда, достигавшій на заводѣ, какъ я сказалъ, до 3000 чел., имѣлъ своимъ непосредственнымъ слѣдствіемъ ростъ самого Геленджика, развитіе въ немъ торговли, притокъ въ селеніе довольно большого числа ремесленныхъ и торгующихъ людей извнѣ и быстрое умноженіе числа торговыхъ и промышленныхъ заведеній. Теперь ихъ считается въ Геленджикѣ около 75, тогда какъ 15 лѣтъ назадъ, по показаніямъ старожиловъ, «была одна только лавка, и фунтъ стеариновыхъ свѣчъ стоилъ 40 копѣекъ». Но въ послѣднее время производство цементнаго завода сократилось (въ 1900 г. было только 850 рабочихъ, а размѣръ производства—150000 боченковъ цемента приблизительно на сумму 450.000 р.), и это послужило къ паденію торгово-промышленной жизни незадолго передъ тѣмъ ожившаго Геленджика. Но въ послѣдніе годы онъ сталъ входить въ моду, уже какъ курортъ, что отчасти послужило къ его поддержанію, но не могло однако удержать его на прежнемъ уровнѣ: курортные посѣтители пріѣзжаютъ не надолго. Если считать, что ихъ ежегодно перебываетъ до 1500 человѣкъ (приблизительная цыфра 1901 г.), проживающихъ въ Геленджикѣ, въ среднемъ, по 2 мѣсяца, и что въ 1900 г. работало на заводѣ въ теченіе 12 мѣсяцевъ, въ среднемъ, 850 челов., вмѣсто прежнихъ 3000, т. е. менѣе на 2150 чел., то яснымъ станетъ, что притокъ курортныхъ посѣтителей далеко не возмѣщаетъ убыли отъ сокращенія числа рабочихъ [1]).

Однако въ качествѣ курорта Геленджикъ съ каждымъ годомъ идетъ въ послѣднее время въ гору, чему значительно спо-

---

[1]) Убыль эта, если принять во вниманіе разницу во времени пребыванія тѣхъ и другихъ, превышаетъ число курортныхъ посѣтителей въ 8 разъ.

собствуетъ между прочимъ наличность удобной бухты, близость его къ желѣзной дорогѣ (ст. Новороссійскъ) и удобство сообщенія съ нею—по шоссе берегомъ моря (38 верстъ) или моремъ на пароходѣ (26 верстъ).

Росту Геленджика, какъ курорта, много способствовало еще раздѣленіе усадебныхъ земель Геленджикской общины на планововые участки. Вопросъ объ этомъ раздѣленіи возникъ подъ вліяніемъ все увеличивавшагося среди пріѣзжихъ спроса на покупку земель подъ постройки. Это побудило геленджикцевъ въ 1892 г. составить планъ селенія со включеніемъ въ него всѣхъ земель, отведенныхъ поселянамъ въ качествѣ усадебныхъ угодій. Хотя планъ почему-то не былъ утвержденъ главноначальствующимъ Дондуковымъ, но поселяне вскорѣ же воспользовались имъ для отдачи въ аренду усадебныхъ земель отъ общества.

Въ 1897 г. состоялся приговоръ общества о предоставленіи отдѣльнымъ хозяевамъ права продажи ихъ усадебныхъ участковъ постороннимъ лицамъ на условіи уплаты послѣдними извѣстной аренды въ доходъ общества. Усадебные участки всѣхъ хозяевъ были раздѣлены на участки по 500 кв. саженъ, и каждый домохозяинъ получилъ, такимъ образомъ, возможность продать 3—4 такихъ «плана» изъ своихъ усадебныхъ земель, не занятыхъ его собственными постройками. Такое рѣшеніе, конечно, являлось отступленіемъ отъ общиннаго начала, но оно дало на первый разъ благопріятные результаты двоякаго рода. Во первыхъ, оно дало геленджикцамъ недостававшія имъ средства для укрѣпленія и расширенія своего хозяйства, для занятій, требующихъ денежныхъ затратъ виноградарствомъ и садоводствомъ—и справедливость требуетъ сказать, что во многихъ случаяхъ полученныя деньги не были затрачены зря, и продажа плановъ дѣйствительно содѣйствовала нѣкоторому повышенію экономическаго благосостоянія старожиловъ. Во вторыхъ, это оказало несомнѣнное вліяніе на увеличеніе притока постороннихъ—на ростъ Геленджика, какъ курорта, такъ какъ указанная мѣра привела къ образованію въ Геленджикѣ сразу до 800 плановъ, тогда какъ раньше пріѣзжіе совсѣмъ не имѣли возможности обзавестись въ немъ собственностью. Къ сожалѣ-

нію, дѣло не обошлось безъ спекуляціи. Люди проницательные, вѣрившіе въ будущее Геленджика, какъ курорта, стали скупать планы для перепродажи, а люди недальновидные спѣшили воспользоваться явившеюся возможностью легко и скоро заработать деньги. Благодаря этому нѣкоторые планы пошли по очень дешевой цѣнѣ—25, 50, 100 р., но въ 1898 г. были уже планы, проданные «въ первой линіи», т. е. у моря, по 1000 р. Продажа пошла очень быстро и еще быстрѣе росли цѣны на планы,—въ 3—4 года цѣны возросли приблизительно въ 7, 8 и болѣе разъ. Въ настоящее время свободные планы еще имѣются, но цѣна на нихъ весьма высока: въ первой линіи у моря—до 2500—3500 р., по шоссе до 700—800 и даже (очищенные отъ держи-дерева и загороженные) до 1000—1200 р., а вдали отъ шоссе и моря, ближе къ окраинамъ 350—500 р. [1]). Большинство продающихся плановъ не культивированы, не очищены отъ крѣпко укоренившагося въ землѣ держи-дерева и требуютъ затратъ на приведеніе въ порядокъ, не говоря уже о расходахъ на постройки, посадки и т. п. Если вы хотите построить не хату, на манеръ мѣстныхъ построекъ, не наскоро сколоченную дачку, а домъ для житья круглый годъ, то съ расходомъ на приведеніе плана въ порядокъ и на главнѣйшія посадки, необходимыя для тѣни и для возможной защиты отъ нордъ-оста, вамъ придется затратить еще тысячу—другую. То же самое—и въ томъ случаѣ, если задаться цѣлью построить, ради полученія дохода, двѣ—три дачки, вмѣсто одной. Вѣроятность такой затраты будетъ вполнѣ понятна, если даже принять во вниманіе однѣ только высокія цѣны на трудъ въ данной мѣстности: съ октября и до апрѣля поденщику платится на его содержаніи 70—80 к., съ апрѣля до половины мая и съ сентября 1 р., а въ остальное время 1 р. 30 к.—1 р. 50 к. въ день.

Мѣстные жители строятъ себѣ хаты изъ разныхъ матеріаловъ; но въ большинствѣ «турлучныя», т. е. изъ хвороста, обма-

---

[1]) Арендная плата въ пользу общества такая: первыя мѣста отъ моря, шоссе, базара и церковной площади по 2 коп., во второй линіи по $1^1/_2$, и остальныя по 1 к. за кв. саж. въ годъ.

заннаго глиной, какъ самыя дешевыя и наиболѣе доступныя для постройки собственными силами многосемейныхъ семей. Они имѣють, однако, тотъ недостатокъ, что не прочны и требують ежегоднаго ремонта. Покрытая дранью, такая хата, мѣрою 7×9 с., стоитъ 300—350 р. Строять и деревянныя—изъ дубовыхъ отрѣзовъ въ 2—2½ в. толщиной; ихъ ставять въ стойку въ основу на столбахъ, обрѣшечиваютъ дранью и штукатурятъ (совнутри глиной, снаружи можно и цементомъ); крытая дранью хата 7×9 с. стоитъ 350—500 р. Нѣкоторые устраивають хаты изъ камня («дикаря»): онѣ несравненно прочнѣе, но за то много дороже турлучныхъ (кубъ камня стоитъ 18—23 р.) Крытая дранью такая хата въ 7×9 с. стоитъ 600—700 р. Есть, конечно, и бревенчатыя хаты. Готовую деревянную хату можно купить въ сосѣднемъ сел. Адербіевкѣ, жители котораго занимаются лѣсными заработками, что съ перевозкой обойдется до 500 р. (10×12 саж.).

Все это указываеть на то, что расходы на полное обзаведеніе собственной усадьбой будутъ довольно велики, разъ вы пожелаете устроиться посвободнѣе, т. е. имѣть нѣчто бо́льшее и лучшее простой мѣстной хаты, и въ особенности въ томъ случаѣ, если, ради полученія денежнаго дохода, пожелаете устроить лишнее помѣщеніе и для сдачи въ наемъ.

Вопросъ однако въ томъ, какой процентъ будете вы получать на затраченный капиталъ? Объ этомъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ объ условіяхъ жизни «дачниковъ» въ Геленджикѣ. Въ санаторіи д-ра Сульжинскаго за полный пансіонъ при постоянномъ досмотрѣ врача при «обильномъ питаніи, а въ случаѣ надобности и откармливаніи»—90—110 р. въ мѣс.; это можно считать за максимумъ мѣстныхъ цѣнъ, что и понятно, потому что ими оплачиваются спеціальныя услуги лѣчебнаго заведенія. У частныхъ же лицъ очень не трудно найти помѣщеніе одинокому съ полнымъ содержаніемъ цѣной 35 р. въ мѣс. [1]). Пока я жилъ въ

---

[1]) По брошюрѣ: «Ѣдупцимъ на югъ! Чудный уголокъ—Геленджикъ—лучшій курортъ черноморскаго побережья»—дача въ 3 комн. съ

Геленджикѣ лѣтомъ 1901 г., тамъ у пристани пароходнаго общества долго висѣло объявленіе,—гласившее, что тамъ-то даются обѣды по 7 р. въ мѣсяцъ, а квартиры со столомъ 17 р. въ мѣс.; что это за квартиры и обѣды я не знаю, но по этимъ объявленнымъ цѣнамъ можно все-таки судить о существующей дешевизнѣ помѣщеній. Я лично съ семьей занималъ отдѣльный домикъ близъ церкви въ 2 небольшихъ комнатки съ кладовкой и платилъ не за сезонъ, а помѣсячно, по расчету прожитаго времени, что значительно повышаетъ цѣну—по 23 р. въ мѣсяцъ съ хозяйской посудой, самоваромъ и прислугой (имѣя сытный обѣдъ отдѣльно за 15 р. изъ 3-хъ блюдъ для взрослаго и за 15 р. для двоихъ дѣтей—$7^1/_2$ р. за каждаго). Недаромъ же Геленджикъ считается «самымъ дешевымъ» изъ курортовъ Чернаго моря [1]).

Вотъ и судите, какой можно извлечь доходъ изъ затраченнаго капитала собственнику застроеннаго «плана» и на сколько правы тѣ, кто, пріобрѣтая теперь планы и культурные участки, ожидаетъ барышей не отъ повышенія ихъ нынѣшней доходности, а отъ дальнѣйшаго повышенія продажныхъ цѣнъ на землю!... Но и росту этихъ цѣнъ когда-нибудь вѣдь будетъ конецъ?!...

Какъ бы то ни было, а все это въ совокупности, т. е. и устройство завода и организація распродажи плановъ, и пароходство, и наличность прекрасной бухты, и эта самая дешевизна жизни сдѣлали изъ Геленджика, имѣвшаго 12 л. назадъ длину по берегу въ $^1/_2$ в., а по шоссе до 1 в. и только одно мѣсто, занятое «дачникомъ» подъ постройки, сдѣлали—говорю—большое селеніе по длинѣ до

кухней стоитъ 100—150 р. за сезонъ, а въ 5—6 комн.—300 р. Данныя для извѣстной части Геленджика довольно вѣрныя, но тутъ на величину цѣнъ имѣетъ вліяніе то, гдѣ расположена нанимаемая дача—въ болѣе дорогой, или болѣе дешевой части Геленджика.

[1]) Конечно, эта дешевизна относительная—по сравненію съ другими модными курортами того же побережья. И дешевизна эта, надо замѣтить, по мѣрѣ увеличенія числа лѣтнихъ посѣтителей Геленджика и роста курорта, имѣетъ несомнѣнную тенденцію видоизмѣниться въ дороговизну.

$3^1/_2$, а шириною до 2-хъ верстъ, застроенное домами, домиками, дачами одноэтажными и двухэтажными, скромными, солидными, а мѣстами даже и роскошными. Еще 6 лѣтъ назадъ въ немъ было не болѣе 50 дачъ и пріѣзжихъ только до 100—120 душъ за лѣто, а теперь въ немъ масса застроенныхъ плановъ, о количествѣ которыхъ можно судить по тому, что общество по копѣйкамъ (1—2 к. за кв. саж.) получаетъ отъ нихъ 3500 р. въ годъ (1901 г.).

Такимъ образомъ на быстрый ростъ Геленджика въ послѣднее время оказалъ вліяніе цѣлый рядъ обстоятельствъ, имѣвшихъ мѣсто въ послѣднее десятилѣтіе, главнымъ образомъ даже во вторую половину его. Несомнѣнно, что однимъ изъ такихъ обстоятельствъ была и появившаяся въ послѣдніе годы мода вообще на Черноморское побережье, благодаря которой публика, посѣщая послѣднее, пріобрѣтала все новыя и новыя свѣдѣнія о малоизвѣстныхъ дотолѣ курортахъ. Отчасти вліяла, вѣроятно, и реклама, или точнѣе говоря, печатавшіяся въ рекламномъ тонѣ статьи и брошюры чрезмѣрно восхвалявшія нѣкоторые черноморскіе курорты и Геленджикъ въ особенности. Ему въ этомъ отношеніи, кажется, особенно посчастливилось, или можетъ быть вѣрнѣе—не посчастливилось, потому что чрезмѣрныя похвалы эти при сравненіи съ дѣйствительностью приводили многихъ туристовъ къ такому разочарованію Геленджикомъ, котораго бы не могло быть при предъявленіи къ нему болѣе умѣренныхъ требованій.

—«Гдѣ вы провели минувшее лѣто? Опять въ Ниццѣ, на Ривьерѣ?—спрашивали меня прошлой осенью знакомые въ Москвѣ.

— Нѣтъ, въ Геленджикѣ,—отвѣчалъ я.

— Геленджикъ. Это что такое? Ou est ça?—недоумѣвали вопрошающіе.

— Въ Россіи,—отвѣчалъ я, любуясь этими недоумѣніями.

— Гдѣ же это? Около Ялты какое-нибудь имѣніе?

— Нѣтъ, на Кавказскомъ берегу Чернаго моря. Это большое селеніе, которое скоро будетъ городомъ, которое *богато всѣмъ тѣмъ, что можетъ дать природа человѣку* и которое можетъ замѣнить *земной рай* тому, кто ищетъ природы и здоровья...

«Чортъ возьми, Геленджикъ, какъ ты хорошъ»!—воскликнулъ бы Н. В. Гоголь, если-бы побывалъ въ этомъ очаровательномъ уголкѣ. Я скажу *только* [1]): спасибо, милый, славный Геленджикъ! Вѣчный странникъ, я живалъ въ Ниццѣ, Ментонѣ, Каннахъ, Скорборо, Брайтонѣ, на Уайтѣ, въ Ялтѣ, Алупкѣ, Боржомѣ и Абасъ-Туманѣ, но только ты далъ мнѣ здоровье и душевный покой»!

Вышеприведенный разговоръ о Геленджикѣ происходилъ... на бумагѣ въ брошюрѣ нѣкоего Л. А. Б. [2]) съ зазывающимъ заглавіемъ: «Ѣдущимъ на югъ! Чудный уголокъ. (Далѣе на обложкѣ изображена картинка—общій видъ Геленджика съ бухтой и подъ нею подпись): Геленджикъ—*лучшій* курортъ Черноморскаго побережья. Цѣна 20 копѣекъ». Брошюра снабжена рисунками, представляющими виды тѣхъ только уголковъ Геленджика, которые могутъ произвести на читателя хорошее впечатлѣніе и между прочимъ видомъ мѣстной санаторіи д-ра Сульжинскаго, въ которой авторъ, по его словамъ, лѣчился въ 1900 г., «испыталъ на себѣ» «чисто материнскій уходъ въ этомъ санаторіумѣ, съ которымъ больные разстаются какъ съ семейнымъ домомъ» и получилъ тотъ «душевный отдыхъ, наравнѣ съ отдыхомъ физическимъ», который можно получить только отъ заботливаго ухода людей, видящихъ въ уходѣ за больными не коммерческое дѣло, а «*идею*». Изданная въ 1901 г. въ Москвѣ брошюра эта содержитъ 20 стр. и снабжена обширнымъ объявленіемъ д-ра Сульжинскаго о его санаторіи, содержащимъ между прочимъ свѣдѣнія о прекрасномъ морскомъ купаньѣ, высокихъ достоинствахъ климата Геленджика и т. п.

Вотъ та брошюра, которая, еще до выѣзда изъ Кіева ради лѣченія морскими купаньями, рѣшила и для меня вопросъ, гдѣ проведу я большую часть лѣта въ 1901 году. Она же—послѣ того какъ я увидѣлъ Геленджикъ и могъ сравнить напечатанное съ дѣйствительностью—дала толчокъ и къ собиранію мною матеріаловъ для описанія Геленджика.

---

[1]) Курсивъ въ этой выдержкѣ вездѣ нашъ.

[2]) Одного изъ дачниковъ Геленджика въ 1900 и 1901 г.г.

Въ Геленджикъ можно пріѣхать или моремъ, или по желѣзной дорогѣ—до Новороссійска. Есть еще и третій путь въ Геленджикъ—съ юга, моремъ отъ Батума, избираемый нѣкоторыми туристами, прибывающими на Кавказъ съ сѣвера по желѣзной дорогѣ. Этотъ путь имѣетъ свое удобство въ томъ отношеніи, что даетъ возможность за одну поѣздку на Кавказъ повидать и прелести его снѣговыхъ горъ и красоты кавказскаго побережья. Для этого надо только, выйдя изъ душнаго вагона въ Владикавказѣ, проѣхать по военно-грузинской дорогѣ на лошадяхъ до Тифлиса (и по возможности не въ дилижансѣ, конечно, а въ открытой бричкѣ, чтобы имѣть возможность видѣть все вокругъ, быть хозяиномъ своего времени и останавливаться, по усмотрѣнію, тамъ, гдѣ понравится). Отъ Тифлиса уже желѣзная дорога къ морю—на Батумъ и на Поти. Но предпочтительно, конечно, поѣхать на славящійся своей субтропическою роскошною растительностью Батумъ съ его красивыми окрестностями, чѣмъ въ захолустный, грязный, страдающій недостаткомъ зелени Поти. Изъ Батума уже пароходомъ, мимо всѣхъ этихъ «чудныхъ уголковъ»,—мимо Сухума, Новаго Афона, Сочи и пр.—до Геленджика, чтобы тамъ и отдохнуть отъ совершеннаго путешествія. Конечно, такой же точно путь можно совершить и въ обратномъ порядкѣ: поживъ въ Геленджикѣ, возвращаться домой «въ Россію» моремъ на Батумъ, потомъ Тифлисъ и военно-грузинскою жел. дорогою. Но знающіе люди говорятъ, что это далеко не то! Въ первомъ случаѣ вы ѣдете по военно-грузинской дорогѣ съ сѣвера на югъ, изъ царства стужи, мрачныхъ скалъ и вѣчнаго снѣга въ царство тепла и роскошной зелени; съ холодныхъ могучихъ высотъ кавказскаго хребта спускаетесь въ благословенныя и благоухающія долины Грузіи, любуясь сверху открывающимися внизу обширными и очаровательными перспективами. Во второмъ,—вы, наоборотъ, изъ покрытыхъ роскошною зеленью теплыхъ, почти горячихъ, культурныхъ и населенныхъ странъ Грузіи должны подыматься на суровые, хотя и величественные массивы Кавказскаго хребта, стоящіе передъ вами огромною и несомнѣнно красивою, но заслоняющею горизонтъ стѣною, на высотахъ которой,

вмѣсто только что покинутаго вами царства жизни, вѣчнаго тепла и роскошной зелени полей и рощъ, вы вступаете въ безлюдное, безжизненное царство холодныхъ голыхъ скалъ, холоднаго мрака ущелій, леденящаго вѣтра. Меньше перспективъ, меньше широкихъ, чарующихъ глазъ горизонтовъ, нѣтъ того рѣзкаго, поражающаго и вмѣстѣ пріятнаго перехода отъ царства вѣчнаго холода и смерти къ оживленію жизни на лонѣ вѣчно зеленыхъ долинъ подъ горячими лучами южнаго солнца. Къ тому же, проѣхавъ весь этотъ путь съ сѣвера черезъ Владикавказъ-Тифлисъ-Батумъ и отдохнувъ въ Геленджикѣ, вы можете возвратиться «въ Россію» моремъ мимо Крыма, насладившись, такимъ образомъ, и причудливой понорамой крымскаго побережья, отлично виднаго съ борта парохода въ хорошую погоду, когда онъ идетъ круговымъ рейсомъ обыкновенно невдалекѣ отъ берега.

Какъ я уже упоминалъ, пріѣзжающіе въ Геленджикъ по желѣзной дорогѣ доѣзжаютъ до Новороссійска. Отсюда желающіе ѣдутъ по шоссе на лошадяхъ, а небоящіеся моря на паровомъ катерѣ, обыкновенно ожидающемъ прихода одного изъ поѣздовъ, или же на большомъ пароходѣ Русскаго Общества, если приходъ поѣзда совпадетъ съ его стоянкою въ Новороссійскѣ.

Надо замѣтить, что для сообщенія Геленджика съ Новороссійскомъ еще 14—15 лѣтъ назадъ установлено уже было крейсированіе казеннаго катера «Князь»; лѣтъ 10 назадъ начали крейсировать и частные пароходики. Немного позже, по устройствѣ цементнаго завода, стали заходить въ Геленджикъ грузовые пароходы Русскаго общества, а лѣтъ 5—6 назадъ съ учрежденіемъ въ Геленджикѣ почтово-телеграфной конторы [1]) сдѣлался обязательнымъ и заходъ пассажирскихъ пароходовъ этого общества (привозящихъ почту). Къ сожалѣнію, вслѣдствіе недостаточной глубины бухты у береговъ, они останавливаются приблизительно въ полуверстѣ отъ берега и съѣзжать съ парохода надо на фелюгахъ, пріѣз-

---

[1]) Интересная подробность для лицъ пріѣзжающихъ въ Геленджикъ: почта здѣсь на домъ не доставляется.

жающихъ съ берега. Въ зимнее время, когда забушуетъ морякъ или—тѣмъ болѣе—зловредный нордъ-остъ, пароходы эти и совсѣмъ не заходятъ въ бухту, потому что въ сильное волненіе фелюги все равно не могутъ выѣхать къ пароходу. Впрочемъ лѣтомъ, такихъ случаевъ почти не бываетъ. Товарно-пассажирскіе пароходы Россійскаго общества съ болѣе дешевымъ провознымъ тарифомъ въ Геленджикскую бухту совсѣмъ не заходятъ. Такимъ образомъ въ настоящее время въ Геленджикъ большіе пароходы съ пассажирами и съ почтою приходятъ по три раза въ недѣлю съ сѣвера и съ юга и ежедневно изъ Новороссійска частный паровой катеръ «Отважный». Послѣдній, однако, не смотря на значительное количество пассажировъ и грузовъ въ лѣтнее время, таксируетъ плату за проѣздъ, благодаря отсутствію конкурренціи, довольно дорого, а зимою, вслѣдствіе сильныхъ вѣтровъ и незначительнаго количества пассажировъ, и совсѣмъ не ходитъ по нѣсколько недѣль кряду. Нерискующіе ѣхать въ Геленджикъ изъ Новороссійска моремъ пріѣзжаютъ на почтовыхъ или же на городскихъ извощикахъ (4—6 р. за парный фаэтонъ) по «голодному» шоссе, начатому устройствомъ между Новороссійскомъ и Сухумомъ въ 1891 г., т. е. тоже въ послѣднее десятилѣтіе.

Когда поѣздъ остановился у Новороссійскаго вокзала и мы задержались нѣсколько съ полученіемъ объемистаго багажа, большая часть котораго оказалась впослѣдствіи только лишнимъ бременемъ при передвиженіяхъ, услужливый жандармъ посовѣтовалъ намъ торопиться къ отходу парового катера въ Геленджикъ. Онъ же успокоилъ насъ относительно безопасности переѣзда на немъ моремъ.

— Въ нынѣшнемъ году катеръ хорошій, большой, безопасный—называется «Отважный»,—не какъ въ прошломъ году, когда ходилъ маленькій «Работникъ». Теперь ужъ хозяинъ «Отважнаго» арендовалъ себѣ «Работника», чтобы не было конкурренціи, и пускаетъ его только по бухтѣ въ Кабардинку за другими дѣлами, а въ море—въ Геленджикъ—ходитъ «Отважный».

Боясь опоздать, мы сильно спѣшили на пристань; но, какъ потомъ оказалось, наша поспѣшность была напрасной,—паровой

катеръ въ собственныхъ интересахъ выжидаетъ желѣзнодорожныхъ пассажировъ и отчаливаетъ не раньше какъ черезъ часъ—полтора послѣ прихода поѣзда. Однако, мы сильно были разочарованы, когда, прибывъ къ пароходной конторкѣ, увидѣли тотъ невзрачный пароходикъ, на которомъ намъ предстоялъ двадцатишестиверстный переѣздъ моремъ: размѣрами онъ былъ не болѣе снующихъ по Невѣ финляндскихъ пароходовъ, а внѣшнимъ видомъ далеко уступалъ послѣднимъ. Погода, правда, была хорошая, въ бухтѣ довольно тихо; но по ней нельзя было судить о волненіи въ морѣ, тѣмъ больше, что отъ вѣтра здѣсь защищали горы. А главное надъ горами скоплялись мрачныя тучи, предвѣщавшія повидимому, перемѣну погоды. Оказалось, что «Отважный» куда то «ушелъ по дѣламъ», а вмѣсто него пойдетъ его бывшій конкуррентъ—«Работникъ». Приходилось, слѣдовательно, изъ опасенія качки оставаться до завтра въ Новороссійскѣ, или ѣхать на лошадяхъ. Конторщикъ совѣтовалъ оставаться до завтра, увѣряя, что завтра подойдетъ «самъ Отважный—пароходъ хорошій, большой, вполнѣ безопасный и для васъ болѣе удобный—съ каютами перваго класа».

Мы и предпочли остаться; а назавтра вмѣстѣ со всей нашей кучей багажа заблаговременно явились на пристань. Небо было чисто, обширная бухта тихо сверкала подъ лучами солнца, все предвѣщало пріятную поѣздку, но пристань была пуста!

— Гдѣ же «Отважный»? Неужели ушелъ? Или еще слишкомъ рано?

— Нѣтъ, онъ не пойдетъ вовсе—ни онъ, ни «Работникъ».

— Но почему?

Оказалось, что оба парохода наняты за солидную сумму англійскимъ пароходомъ, ставшимъ вонъ тамъ у дальняго мыса на мель—нужно его выгрузить и стащить съ мели.

И такіе случаи—не исключеніе; пароходство это «срочно» только тогда, когда для пароходовъ нѣтъ другого болѣе выгоднаго заработка.

— Сегодня срочнаго рейса не будетъ—объявилъ намъ служащій при конторѣ.—Пожалуйте завтра; если успѣютъ стащить съ мели, то непремѣнно который нибудь пойдетъ.

Ничего не подѣлаешь—приходится или вновь тащиться по скверной новороссійской мостовой со всѣми вещами въ гостиницу и снова нанимать номеръ, или же, оставя вещи на пристани, кому нибудь изъ насъ отправиться нанимать лошадей.

Пока мы разсуждаемъ о томъ, что дѣлать, какой то господинъ, бывшій на пристани, повидимому съ привезеннымъ для отправки грузомъ, совѣтуетъ намъ отправиться на лошадяхъ.

— Хотя, конечно, немного дороже, но—если боитесь моря—будетъ много спокойнѣе. Да и развѣ за день разгрузишь океанскій пароходъ, помилуйте! А вѣдь тутъ можно сорвать кушъ, который будетъ много повыгоднѣй срочнаго рейса! При томъ же и «Отважный», хоть онъ и большой сравнительно и какъ будто морской же конструкціи, а все же плоскодонный. Въ случаѣ вѣтра, покачаетесь такъ, какъ лучше не надо!...

Исполняя этотъ совѣтъ, мы совершили путь въ Геленджикъ по прибрежному шоссе на лошадяхъ. Путь по шоссе очень красивъ и удобенъ, но о немъ придется еще сказать нѣсколько словъ въ слѣдующей главѣ. Теперь же, съ цѣлью описанія окрестностей Геленджика, необходимо сказать нѣсколько словъ о Кабардинкѣ—единственномъ селеніи на пути между Геленджикомъ и Новороссійскомъ.

Оно лежитъ въ 23 верстахъ отъ послѣдняго—тамъ, гдѣ шоссе, извивавшееся параллельно излучинамъ морского берега, дѣлаетъ поворотъ влѣво къ тянувшимся вдоль шоссе горнымъ высотамъ, которыя въ свою очередь отступаютъ еще лѣвѣе. Вмѣсто нихъ мѣстность начинаетъ заполняться ближайшими холмами, и справа видъ на море постепенно заслоняется высокою горою. Небольшіе выбѣленные снаружи, то кирпичные, то каменные домики, кой гдѣ при нихъ огородики и виноградники, небольшая каменная церковка, въ срединѣ селенія что-то вродѣ площади, гдѣ видно нѣсколько сидящихъ у домовъ грековъ. Мѣсто—сравнительно низкое, стѣсненное упирающимися въ бухту горами, въ долинѣ между

которыми и лежитъ селенiе, но съ площади бухты не видно. Населенiе состоитъ на половину изъ русскихъ, на половину изъ грековъ съ примѣсью молдаванъ.

Кабардинка, не въ примѣръ ближайшимъ окрестностямъ Новороссiйска, гдѣ нордъ-остъ безпощадно губитъ хлѣбные посѣвы, немного занимается уже и хлѣбопашествомъ, но мѣловыя и известковыя почвы надѣла мало къ этому приспособлены, быстро выпахиваются и выдуваются вѣтрами, особенно борой. Хлѣбопашествомъ самостоятельно занимаются преимущественно греки и притомъ, главнымъ образомъ, многорабочiя семьи, а малорабочiя считаютъ болѣе выгоднымъ сдавать свои земли подъ обработку и уборку исполу, давая только свои сѣмена. Прежде, пока земли были свѣжiя, сѣяли больше, а теперь урожаи все хуже и хуже, многiя поляны такъ выдуло, что пришлось совсѣмъ забросить. Наиболѣе распространенъ посѣвъ кукурузы. Греки имѣютъ также довольно много скота. Русскiе, по преимуществу кустари, дѣлаютъ фургоны, возы, телѣги, занимаются выдѣлкой угля и заготовкою дровъ. Живутъ пока въ общемъ недурно. Но когда изсякнетъ все болѣе и болѣе вырубаемый лѣсъ, тогда, вѣроятно, придется серьезно подумать о томъ, чѣмъ жить дальше.

На станцiи намъ продали за 70 копѣекъ «послѣднюю» бутылку мѣстнаго виноградчаго вина, которое въ Геленджикѣ продается за 30 коп., и запрягли тройку стройныхъ и горячихъ кабардинокъ, [1]) отдыхавшихъ три дня подъ рядъ за отсутствiемъ проѣзжающихъ.

— Только то и спасенiе, что «Отважный» уходитъ иногда по другимъ дѣламъ, какъ теперь вотъ возится съ выгрузкой парохода. А то бы и совсѣмъ не было ѣзды—всего пассажира нынче отбилъ отъ насъ катеръ, - замѣчаетъ станцiонный писарь.

Дальше дорога идетъ волнистою, заполненною холмами, мѣстностью, покрытою кустарниковыми зарослями. Холмы и кусты и между ними вьется сѣрое полотно шоссе съ известковою пылью— и опять холмы и кусты вокругъ, а немного вдали отошедшiя въ сторону горы; моря же не видно почти всѣ остальныя 15 верстъ

[1]) Родомъ изъ Кабарды, но не изъ Кабардинки.

до Геленджика. Все это можетъ быть и красиво, но ужъ очень ординарно, особенно послѣ тѣхъ, по истинѣ красивыхъ и оригинальныхъ видовъ, которыми мы наслаждались, ѣдучи по шоссе до Кабардинки. Пропали даже и высокорослые можевельники и виноградники и красивыя туи, первые—своимъ крупнымъ ростомъ, а остальные—своимъ присутствіемъ такъ пріятно свидѣтельствовавшіе намъ о прибытіи въ болѣе теплыя страны. Прилегающіе къ шоссе холмы оказались почти сплошь заросшими довольно высокимъ, но однообразнымъ кустарникомъ, который ямщикъ охарактеризовалъ намъ простымъ именемъ «колючки». Это—то самое «держи-дерево», о которомъ генералъ Филипсонъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» о временахъ покоренія Кавказа писалъ, что «отъ укрѣпленія Кабардинскаго онъ ѣхалъ 16 верстъ до Геленджика удобной дорогой «по мѣстности, покрытой кустарниками. Этотъ мирный переходъ мнѣ памятенъ тѣмъ, что, поѣхавъ черезъ кусты въ сюртукѣ, я пріѣхалъ въ какой то курточкѣ съ лохмотьями полъ. Между кустами множество березы (?!), которую солдаты называютъ «держи-дерево», потому что безчисленное множество его иглъ съ загнутымъ концомъ вцѣпляются въ одежду и непримѣнно ее разрываютъ» [1]).

Только при приближеніи къ самому Геленджику вновь показывается—въ большомъ впрочемъ отдаленіи—открытое море, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обширная, яйцевидной формы, съ входнымъ отверстіемъ на юго-западъ, Геленджикская бухта. Впереди и вокругъ и по обѣ стороны шоссе—все тѣ же кусты, цѣлое море «колючки». За нею обширная бухта, на берегу которой впереди уже виднѣется Геленджикъ, а совсѣмъ направо отъ насъ, и уже сравнительно близко, цементный заводъ. Далѣе за нимъ видна неширокая полоса низменнаго берега (сѣверо-западная сторона бухты) съ прилегающимъ къ нему склономъ высокой горы, оживленнымъ нѣсколькими дачками [2]). По мѣрѣ приближенія къ от-

---

[1]) Стр. 131 «Воспоминаній».

[2]) Тутъ расположены такъ наз. культурные участки казенной земли, раздаваемой частнымъ лицамъ.

крытому морю, берегъ все болѣе лишается растительности. Превращаясь постепенно въ голую, выжженную солнцемъ и покрытую разными травянистыми колючками низину, онъ оканчивается тамъ, на взморьѣ, низкою, узкою и довольно длинною косою, представляющею какъ бы рубежъ между водами моря и бухты. Море здѣсь очень мелко, и въ вѣтряную погоду тутъ бьются о косу пѣнистыя волны. Здѣсь у косы входъ въ бухту съ моря и вмѣстѣ съ тѣмъ самое узкое ея мѣсто [1]), потому что противоположный, возвышенный, но столь же почти голый и пустынный, берегъ тоже значительно выдвинулся тутъ отвѣснымъ мысомъ съ маленькимъ маякомъ на верху.

Такая узость входа въ бухту, еще болѣе съуживаемаго мелями, значительно ограждаетъ ее отъ сильныхъ волненій, несмотря на ея обширность [2]).

Геленджикъ съ возвышенныхъ мѣстъ шоссе представляется нашимъ глазамъ въ видѣ селенія, растянутаго по изгибу берега бухты, съ церковкой въ самой широкой и оголенной отъ растительности части. Ближайшія его постройки теряются среди того же непокидающаго насъ моря колючки, а наиболѣе отдаленныя кажутся маленькими одинокими точками на голомъ берегу той стороны бухты. Видъ селенія не привлекаетъ красотою, и взоръ съ гораздо большимъ удовольствіемъ останавливается на тихихъ водахъ бухты и на созерцаніи отдаленнаго вида открытаго моря. Впрочемъ, взглянувъ совсѣмъ налѣво, поверхъ колючекъ, мы видимъ въ полуверстѣ, или немного болѣе, сравнительно высокія горы, кой-гдѣ поросшія кустами, кой-гдѣ бѣлѣющія обнаженными известняками и цементнымъ камнемъ. Это Морхотхскій хребетъ, тотъ самый, что сопровождалъ насъ отъ Новороссійска и скрылся за ближайшими холмами послѣ Кабардинки. Насколько глазъ хватаетъ, онъ уходитъ далеко впередъ, посылая легкіе отроги къ морю, которыми и замыкаетъ передъ нами долину геленджикской бухты. Эти горы гораздо менѣе красивыя, болѣе

1) Полторы версты отъ мыса до мыса.

2) 7 верстъ длины и 4 ширины (по «путеводителю» г. Москвича).

низкія и болѣе безлѣсныя, чѣмъ Яйла у Ялты, да сверкающее вдали море съ прилегающей къ Геленджику обширной бухтой, съ ея хотя и недурными, но мало оживленными и мѣстами почти лишенными зелени берегами,— вотъ и все, на чемъ охотно останавливается глазъ при приближеніи къ Геленджику.

Постепенно около шоссе, на полянкахъ между держи-деревомъ, появляются хатки и дачки, и очищенные отъ колючки, но еще не застроенные, планы. Вотъ направо мелькнуло не особенно большое, одноэтажное съ мезониномъ и еще съ двумя, кажется, домиками при немъ, на видъ весьма не дурное зданіе. Это тотъ самый «великолѣпно устроенный» санаторіумъ, который, по словамъ брошюры Л. А. Б., такъ «прекрасенъ», что составляетъ «украшеніе» Геленджика. Вокругъ него нѣчто въ родѣ небольшого, но симпатичнаго, обѣщающаго разростись и дать хорошую тѣнь парка, а вокругъ этого парка все та же колючка. Санаторій считается до извѣстной степени защищеннымъ отъ боры, но эта бора въ Геленджикѣ бываетъ такъ сильна, что отъ нея положительно не убережешься; отдѣльные же ея порывы, или, можетъ быть вѣрнѣе сказать, струи этихъ порывовъ, достигаютъ иногда степени сильнѣйшаго шторма. И вотъ одна изъ сильнѣйшихъ боръ, надѣлавшихъ нѣсколько лѣтъ назадъ великихъ бѣдъ и въ Геленджикской и, въ особенности, въ Новороссійской бухтѣ, какъ разсказывалъ мнѣ одинъ очевидецъ, посягнула и на санаторіумъ. Во дворѣ стояла лошадь, привезшая бочку воды на двухколескѣ. Порывъ боры опрокинулъ двухколеску вмѣстѣ съ бочкой, сбивъ этимъ съ ногъ и лошадь, у которой при этомъ повредило шею!..

Наконецъ, насъ совсѣмъ покидаетъ колючка, и мы тѣмъ же шоссе въѣзжаемъ въ длинную «главную» улицу Геленджика. По обѣ стороны стоятъ, по преимуществу, одноэтажные дома, коегдѣ съ обѣщающими еще застроиться небольшими интервалами, и мы скоро останавливаемся у одноэтажной гостинницы «Петербургъ» съ ресторономъ. Вхожу въ ресторанъ переговорить съ хозяиномъ о номерахъ—и прямо предо мною вырисовывается на стѣнѣ большая вывѣска въ рамѣ: «Просятъ публику снимать шапки

и фуражки; шумъ и сквернословіе строго воспрещается». Полагая, что нѣтъ дыма безъ огня, и зная, какъ мало у насъ на Руси значатъ подобныя воспрещенія въ подобныхъ «заведеніяхъ», мы просимъ ямщика везти въ какую-нибудь другую гостинницу. Оказывается, что другихъ только одна и принадлежитъ она... (все это, какъ видите, здѣсь пока очень просто и по домашнему)... принадлежитъ она... «Папашѣ» [1]).

Опять мимо насъ мелькаютъ одноэтажные домики, нѣсколько поперечныхъ улицъ, лавки, двѣ-три греческихъ кофейни, единственная здѣсь извощичья «биржа» съ парными фаэтонами, и, заѣхавъ въ какой-то проулокъ, мимо зданія народнаго училища, мы останавливаемся у двухэтажнаго деревяннаго дома, представляющаго лучшую мѣстную («папашину») гостиницу. При домѣ небольшой не то дворикъ, не то садикъ, гдѣ присутствіе кухоннаго корыта и какой то грязной лужи дополняется вынесенными изъ дому кадками съ цвѣтами, присутствіе которыхъ въ свою очередь должно дополнить недостатокъ зелени въ «саду». Номера почти всѣ заняты и изъ открытыхъ оконъ несется говоръ и ребячій пискъ. Намъ нужно не менѣе двухъ комнатъ рядомъ и не дорогихъ, а за полусвѣтлый номеръ въ одно, выходящее на общую веранду окно, съ насъ запросили 30 р., за свѣтлый же номеръ съ однимъ окномъ прямо на улицу—45 р. въ мѣсяцъ.

Черезъ 3 дня мы устроились, наконецъ, въ отдѣльномъ домикѣ за указанную уже выше цѣну, и нашими хозяевами оказа-

---

[1]) Вотъ выдержка о ней изъ брошюры Л. А. Б., расхвалившей всѣхъ геленджикскихъ предпринимателей: «пріѣзжимъ, не имѣющимъ здѣсь знакомыхъ и не приготовившимъ себѣ заранѣе помѣщенія, приходится останавливаться сперва въ гостинницѣ, въ которой, впрочемъ, многіе остаются на весь сезонъ,—такъ здѣсь все дешево, спокойно и хорошо, несмотря на первобытную простоту, но... à la guerre, comme à la guerre. Гостинница эта содержится старикомъ Ф. А. Кордесомъ, старожиломъ края, добродушнымъ и милѣйшимъ человѣкомъ, котораго населеніе иначе не называетъ, какъ «папаша», такъ же какъ почтенную супругу его—«мамашей».

лись греки изъ турецкихъ подданныхъ,—простая честная симпатичная семья, главный доходъ которой составляла плата, выручаемая отъ сдачи этого домика пріѣзжающимъ на лѣто. Это были турецкіе подданные, почти 30 лѣтъ прожившіе въ предѣлахъ Россіи; такихъ въ Геленджикѣ довольно много.

— Султана мы не любимъ. Георгъ хорошъ, только намъ отъ него пользы нѣтъ. Но мы русскій царь любимъ, потому что онъ позволилъ жить намъ здѣсь. У него жена красивый,—купимъ партретъ въ Новороссійскомъ!—говорилъ намъ хозяинъ, перечисляя, съ своей точки зрѣнія, выгоды ихъ жизни въ Геленджикѣ.

Глава дома былъ конопатчикомъ фелюгъ (лодокъ). Этотъ заработокъ, пріобщенный къ выручкѣ отъ сдачи лѣтомъ дома подъ дачу, составлялъ почти всё, чѣмъ должна была жить семья изъ двухъ взрослыхъ и четверыхъ дѣтей. Подспорьемъ, впрочемъ, было молоко четырехъ козъ, пять кустовъ плохенькаго винограда около дома и сборъ кизиля въ лѣсу для собственнаго потребленія. Потребности этой семьи были доведены до минимума: разъ есть кислое молоко и чурекъ, т. е. лепешки изъ кукурузной муки, то больше ничего не требуется,—остается только ничего не дѣлать, въ чемъ и заключается идеалъ жизни. Только крайность заставитъ вновь приняться за работу. У нихъ есть и другой домикъ, доставшійся въ наслѣдство. Но онъ много лѣтъ стоитъ недостроенный—не хватаетъ денегъ, оставленныхъ покойнымъ дѣдомъ, да и «некогда» приняться за достройку.

— Но отчего же вы не займетесь какой-нибудь работой, не найметесь на лѣто, не научитесь плотничать или столярить? —это же такъ сходно съ тѣмъ ремесломъ, которое вы знаете!.. Вы могли бы этимъ заработкомъ добыть деньги для достройки дома,—говорю я хозяину.

— Нѣтъ, я не можетъ.

— Почему «не можетъ»?

— Потому не можетъ—не привыкъ, я этого не знаитъ, это трудно... Нѣтъ, я этого совсѣмъ не можетъ!..

Въ большинствѣ они всѣ таковы. Два-три дня работаютъ и, заработавъ кое-что, сейчасъ же отдыхаютъ, не принимаясь за работу и недѣлю и другую и проводя время въ бесѣдахъ, въ безмолвномъ созерцаніи природы, въ кофейняхъ за игрою въ кости. Съ утра до ночи вы можете видѣть на верандахъ Геленджикскихъ кофеенъ этихъ грековъ, собравшихся въ кучки—кто для игры въ кости, кто только для того, чтобы посмотрѣть, какъ играютъ другіе.

Занятія ихъ разнообразны; одни—хорошіе мастера, ремесленники, другіе—рыболовы, третьи—владѣльцы фелюгъ для катанья дачниковъ по бухтѣ, занятіе вполнѣ соотвѣтствующее ихъ идеалу ничегонедѣланія: жди дачниковъ и ѣзди съ ними на парусахъ, опять не утруждая рукъ работой. Это положила уже на нихъ свою печать ихъ жизнь въ курортѣ, обезпечивающая отъ крайней нужды, устраняющая отъ необходимости постояннаго упорнаго труда. Живущіе же внѣ курорта и потому вынужденные добывать себѣ средства упорнымъ настойчивымъ трудомъ, предпріимчивы и, по общимъ отзывамъ, весьма трудолюбивы; тамъ они усердные землевладѣльцы, виноградари и табаководы. А здѣсь—иное дѣло. Только пришедшіе сюда съ деньгами сумѣли еще на первыхъ порахъ захватить доходные планы, предприпять, занявъ удобныя мѣста, доходную торговлю; лучшія лавки тутъ именно у грековъ; лучшія фелюги—опять у нихъ же и у нихъ нѣтъ конкуррентовъ для катанья дачниковъ въ фелюгахъ [1]).

Но на большинство все-таки наложила свою печать та легкость жизни и заработка, которая связана съ пребываніемъ въ курортѣ и которая начинаетъ, кажется, оказывать такое же вліяніе на русскихъ старожиловъ.

Безукоризненная честность нашихъ хозяевъ давала намъ возможность уходить изъ квартиры ничего не запирая; а уходя въ наше отсутствіе сами, они запирали нашу квартиру на замокъ, оставляя ключъ въ замкѣ же для нашего удобства.

— Чтобы собака не зашелъ, а человѣка ты не бойся: имъ тутъ ничего не нужна—чужого не берутъ, свое довольна!..

---

[1]) Стоимость катанья на фелюгахъ приблизительно 40—60 к. въ часъ, смотря по соглашенію и времени сезона.

И, кажется, что Геленджикъ дѣйствительно можетъ похвастаться отсутствіемъ воровства; по крайней мѣрѣ о такихъ случаяхъ ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ намъ не удалось слышать ни разу. Впрочемъ, были здѣсь лѣтъ 5 назадъ даже и разбои, но производимые людьми, пришедшими извнѣ—явленіе, слѣдовательно, вполнѣ случайное и возможное во всякомъ мѣстѣ. Ихъ было три «черкеса», начавшіе свои разбои съ дневного нападенія на В. А. Щербину [1]), когда онъ жилъ въ Геленджикѣ на дачѣ въ довольно людномъ мѣстѣ. Нападенію предшествовало полученіе имъ солидной суммы денегъ, съ цѣлью похищенія которой они намѣревались убить В. А. Но, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, наглое нападеніе не удалось, окончившись, однако, тяжелымъ пораненіемъ В. А., оставившимъ печальный слѣдъ на всю его жизнь. Произведя еще нѣсколько разбоевъ, пріятная компанія удалилась и, по слухамъ, оперируетъ теперь въ предѣлахъ кутаисской губ. уже въ составѣ четырехъ человѣкъ. Упоминаю объ этихъ фактахъ только потому, что, ссылаясь на нихъ, многіе указывали на небезопасность жизни въ Геленджикѣ.

Изъ всего сказаннаго выше читатель уже заключилъ, конечно, что Геленджикъ можетъ пока считаться дешевымъ морскимъ курортомъ [2]).

Одинъ изъ мѣстныхъ дачевладѣльцевъ характеризовалъ мнѣ его такъ:

— Теперь это—курортъ священниковъ, учащейся молодежи, сельскихъ учителей и вообще педагоговъ, что и служитъ неопро-

---

[1]) Бывшаго секретаря Кубанскаго областн. стат. комитета, брата извѣстнаго земскаго статистика Ф. А. Щербины.

[2]) Напр., десятокъ яицъ стоилъ (въ 1901 г.)—12—15 к., говядина 9—11 к. за фунтъ, баранина дешевле; впрочемъ молочные продукты, вѣроятно вслѣдствіе сравнительно слабаго развитія скотоводства, уже довольно дороги: сливочное масло 50—60 к. фунтъ, сметанное 30 к., коровье молоко 8 к. бутылка, при чемъ подъ видомъ коровьяго нерѣдко подсовываютъ болѣе дешевое козье.

вержимымъ доказательствомъ его дешевизны, потому что народные учителя люди бѣдные, студенчество—немногимъ ихъ богаче, педагоги—вообще тоже люди не богатые, а изъ духовныхъ не бѣдные—всегда скупые.

Просмотръ списковъ пріѣзжихъ (что ведется въ сельскомъ управленіи) вскорѣ же убѣдилъ меня въ правильности его словъ о значительномъ процентѣ лицъ этихъ категорій изъ числа дачниковъ.

Списки же вполнѣ убѣждали и въ томъ, что Геленджикъ, имѣя своими посѣтителями по преимуществу людей мало и средне—обезпеченныхъ изъ такъ наз. интеллегентнаго круга, привлекаетъ ихъ изъ разнообразнѣйшихъ мѣстъ, каковы, напр., губерніи петербургская, воронежская, кіевская, екатеринославская, московская, саратовская, томская, Ростовъ на Дону, Екатеринодаръ и даже Владивостокъ [1]).

Эта сравнительная дешевизна жизни и является однимъ изъ главнѣйшихъ условій, привлекающихъ сюда всю эту, ежегодно умножающуюся въ числѣ, публику. Другое—для дѣйствительно больныхъ и нуждающихся въ отдыхѣ людей—удобство мѣстной курортной жизни заключается въ томъ, что Геленджикъ не доросъ еще до настоящаго типичнаго курорта съ курзалами, кафе-ресторанами и т. п., поэтому жизнь здѣсь спокойная, не шумная, для иныхъ, можетъ быть, даже кажущаяся скучною, но для дѣйствительно больныхъ, нуждающихся въ покоѣ, какъ разъ подходящая; пріѣзжающая публика одѣвается просто, безъ претензій, пріѣзжіе знакомятся другъ съ другомъ довольно легко. Конечно, это зависитъ и отъ самого состава пріѣзжающей публики; одно съ другимъ въ связи—большая часть этой публики, вѣроятно, и не поѣхала бы въ настоящій дорогой курортъ, какъ сюда не поѣдетъ та, которая ищетъ блеска и развлеченія. Но надо думать, не очень далеко то время, когда и Геленджикъ обзаведется «всѣмъ необходимымъ» для «настоящаго» курорта. Но тогда, вѣроятно, и жизнь въ немъ станетъ дороже, и составъ пріѣзжающей

1) Четыре семьи въ 1901 году.

публики до нѣкоторой степени тоже измѣнится. Надо, впрочемъ, замѣтить, что за неимѣніемъ спеціальныхъ мѣстъ для увеселеній, недостатокъ въ развлеченіяхъ пополняется отчасти самою публикою, устраивающею отъ времени до времени въ частныхъ домахъ или въ помѣщеніи училища—обыкновенно съ какою-нибудь благотворительною (на мѣстныя общественныя нужды) цѣлью—литературно-музыкальные вечера, кончающіеся танцами.

Если описанная простота жизни и отсутствіе обычныхъ спеціально курортныхъ развлеченій могутъ быть разсматриваемы нѣкоторою частью публики, какъ недостатокъ этого молодого курорта, то на вопросъ объ удобствахъ морского купанья въ Геленджикѣ врядъ ли можетъ быть двѣ точки зрѣнія. Правда, что тотъ берегъ Геленджикской бухты, гдѣ имѣлась въ 1901 г. лучшая предпринимательская купальня (плата 3 р. за 100 билетовъ) и затѣмъ мѣстная «народная» купальня [1]), далеко уступаетъ по удобству купанья той сторонѣ, что за заводомъ, гдѣ находятся культурные участки. И вообще весь Геленджикъ, въ видахъ наибольшаго удобства для купанья, долженъ бы быть расположенъ на той (сѣверозападной) сторонѣ бухты, гдѣ берегъ съ отличнымъ пляжемъ изъ одного лишь мелкаго песка и по качествамъ своимъ не уступаетъ лучшему въ Крыму—Өеодосійскому. Но и на этой сторонѣ дно бухты во многихъ мѣстахъ вполнѣ удобно для купанья: ровно, безъ ямъ, покрыто пескомъ и понижается по мѣрѣ удаленія отъ берега съ такою постепенностью, которая даетъ возможность даже неумѣющимъ плавать безопасно удаляться на большое разстояніе отъ берега. Въ этомъ отношеніи купанье въ Геленджикской бухтѣ чрезвычайно удобно для дѣтей, и это удобство еще болѣе увеличивается значительною защищенностью бухты отъ вѣтровъ, въ особенности отъ «моряка», т. е. вѣтра, дующаго

---

[1]) Съ самымъ неудобнымъ мѣстомъ для купанья, гдѣ дно изобилуетъ камнями и массой свай оставшихся отъ какой то постройки, вѣроятно пристани

съ моря. Обстоятельство это значительно умѣряетъ силу прибоя, такъ что въ весьма рѣдкихъ только случаяхъ прибой является препятствіемъ для неумѣющихъ плавать и дѣтей. А это, въ свою очередь, даетъ возможность и взрослымъ, и малолѣтнимъ больнымъ, пріѣзжающимъ спеціально для купанья на короткое время, использовать въ этомъ отношеніи имѣющееся въ ихъ распоряженіи время полностію, производя купанье съ необходимой регулярностью, что осуществимо въ весьма развѣ немногихъ морскихъ курортахъ черноморскаго побережья. Извѣстные изслѣдователи этого побережья, гг. Воейковъ, Пастернацкій и Сергѣевъ [1]), говоря объ условіяхъ купанья у сѣверозападнаго берега Геленджикской бухты съ его прекраснымъ пляжемъ, признаютъ, что лучшаго мѣста для купанья нѣтъ на всемъ черноморскомъ побережьѣ.

Но въ числѣ постоянныхъ Геленджикскихъ жителей я встрѣтилъ оригинала, который, 8 лѣтъ живя на берегу бухты и вблизи открытаго моря, ни разу не купался ни въ ней, ни въ морѣ, на томъ основаніи, что онъ здоровъ, поддерживать чистоту тѣла можетъ посредствомъ бани и не желаетъ «грязнить» себя купаньемъ въ непроточной водѣ «этой грязной лужи», именуемой моремъ.

— Васъ это, конечно, удивляетъ, и я вполнѣ васъ понимаю: не можете же вы не дорожить тѣмъ, на что, ѣдучи сюда, уже издержали массу денегъ. Ну, а мнѣ этого и даромъ не нужно!

При возможности такого разнообразія мнѣній, вѣроятно, найдутся люди, которымъ не понравятся даже и условія купанья въ Геленджикской бухтѣ, потому, напр., что здѣсь нѣтъ сильнаго прибоя, борьба съ которымъ бываетъ столь пріятна хорошимъ пловцамъ, и нѣтъ такихъ глубокихъ мѣстъ у берега, съ которыхъ можно было бы бросаться прямо въ морскую глубь. Ничего этого дѣйствительно нѣтъ ни въ бухтѣ, ни въ ближайшихъ окрестностяхъ Геленджика у береговъ открытаго моря, выступающихъ въ него обширными каменистыми мелями. Берегъ открытаго моря большею частію высокій отвѣсный, не дающій возможности спу-

---

[1]) «Черномоское побережье», стр. 132.

ститься къ водѣ, чтобы поискать интересныхъ камешковъ и половить крабовъ (что, впрочемъ, вполнѣ возможно во многихъ мѣстахъ бухты). Для свѣдѣнія любителей необъятнаго морского простора надо сказать также, что изъ Геленджика, пріютившагося на отдѣленномъ отъ моря концѣ суживающейся къ морю бухты и на сравнительно низкомъ мѣстѣ, видѣнъ только небольшой кусочекъ моря. Чтобы полюбоваться морскимъ просторомъ, приходится совершать спеціальныя прогулки къ морю по пустынному выжженному солнцемъ берегу бухты безъ признака тѣни.

Такъ какъ для пріѣзжающихъ ради морского купанья важно имѣть свѣдѣнія о температурѣ морской воды, то необходимо сказать, для ихъ свѣдѣнія, что ни въ Геленджикѣ, ни въ какомъ изъ другихъ морскихъ курортовъ черноморскаго побережья Кавказа до сихъ поръ не производилось спеціальныхъ на этотъ счетъ наблюденій[1]). Но мѣстные побережные жители единодушно увѣряютъ, что въ періодъ купальнаго сезона на побережьѣ не бываетъ такихъ быстрыхъ колебаній и въ особенности пониженій температуры морской воды, какія бываютъ, напр., на берегахъ Крыма (за исключеніемъ Севастополя) и въ окрестностяхъ Одессы [2]). Если это вѣрно для всего кавказскаго побережья, то тѣмъ болѣе вѣрно для защищенной Геленджикской бухты.

На берегу этой бухты имѣется въ Геленджикѣ бульваръ, изъ котораго открывается видъ на всю бухту, на большую часть Геленджика, на море. Въ самомъ Геленджикѣ это единственное мѣсто, спеціально предназначенное для прогулокъ. Бульваръ устроенъ путемъ простого отграниченія рѣшетчатымъ заборомъ узкой, свободной отъ дачныхъ построекъ полосы вдоль самаго берега бухты. Несмотря на сравнительно густую заросль на всемъ огорожен-

---

[1]) Предполагалось лишь начать ихъ съ 1899 года на Сухумскомъ маякѣ.

[2]) Научное объясненіе этому см. на стр. 81—82 «Черном. Побережья».

номъ подъ бульваръ, приблизительно полутора-верстномъ, пространствѣ, тѣни вы въ немъ не найдете, потому что на бульварѣ растетъ почти исключительно держи-дерево, а оно не подпускаетъ къ себѣ подъ тѣнь своими колючками. Исключеніе составляетъ лишь небольшой такъ наз. «уголокъ влюбленныхъ»—мѣстечко не больше какъ въ 100 кв. саж.—гдѣ пресловутое держи-дерево уступило свое мѣсто дающимъ пріятную тѣнь деревьямъ другихъ породъ. Здѣсь всегда много публики, здѣсь пріютился фруктовщикъ съ кефиромъ, здѣсь же и наибольшая на бульварѣ масса всякаго сора и отбросовъ. Бульваръ находится подъ покровительствомъ организовавшагося здѣсь изъ дачевладѣльцевъ «Общества содѣйствія благоустройству курорта Геленджика съ окрестностями отъ р. Ашамбэ до р. Пшада», которое ведетъ тщетную борьбу съ мѣстными «старожилами», охотно вырубающими на домашнія надобности немногія порядочныя деревья на бульварѣ.

Еще до посѣщенія Геленджика Николаемъ I эти старожители успѣли уже вырубить ближайшіе лѣса на столько, что «Зеленчукъ», какъ помнитъ читатель, и тогда уже былъ окруженъ мелколѣсьемъ, въ составъ котораго входила та самая колючая «береза», которая изорвала въ клочки мундиръ генерала Филипсона. Теперь этой «березы» не оберешься, а тамъ. гдѣ ее нѣтъ—тамъ ее замѣняютъ другія «колючки». Одинъ туристъ, по спеціальности статистикъ, сдѣлалъ подсчетъ всѣхъ видовъ «колючекъ»—кустарныхъ и травянистыхъ въ окрестностяхъ Геленджика и насчиталъ двѣнадцать. Такое изобиліе «колючекъ» составляетъ одно изъ существенныхъ неудобствъ пѣшихъ прогулокъ въ окрестностяхъ Геленджика: травянистыя колючки обжигаютъ ногу обутую въ болѣе открытую лѣтнюю обувь; держи-дерево не позволяетъ свернуть съ проторенной тропинки безъ риска наколоться на его иглы, а иногда и застрять среди колючекъ въ самомъ безвыходномъ положеніи, когда слегка загнутыя его иглы не пускаютъ ни впередъ, ни назадъ.

Пройдя бульваръ, кое-гдѣ отмѣченный слѣдами пребыванія коровъ, можно береговыми тропинками, проложенными между кустовъ этого «чортова-дерева», какъ его называютъ нѣкоторые,

дойти и до цементнаго завода, повидать самый заводъ, пристань при немъ, нагрузку судовъ цементомъ. Дальше за заводомъ берегъ бухты круто поворачиваетъ къ морю мимо такъ наз. культурныхъ участковъ, т. е. казенныхъ земель, розданныхъ разнымъ лицамъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ въ собственность. Сначала[1]) они обыкновенно отдаются лишь въ льготное пользованіе на 5 лѣтъ съ обязательствомъ насажденія той или иной культуры на извѣстномъ пространствѣ участка. Но по истеченіи 5 лѣтъ предоставляется право на льготныхъ условіяхъ пріобрѣсти участокъ въ собственность. Нормальный размѣръ этихъ участковъ 10 дес., и каждое отдѣльное лицо имѣетъ право только на 1 такой участокъ, но въ «заслуживающихъ уваженія» случаяхъ допускается давать и по нѣсколько участковъ въ однѣ руки. Вотъ такіе то участки, изъ которыхъ многіе перешли уже къ новымъ владѣльцамъ, раздробились, или наоборотъ соединились въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ,—и расположены на этомъ берегу бухты, а также около Кабардинки, близъ нѣкоторыхъ другихъ изъ окрестныхъ селеній и около Новороссійска въ урочищахъ Пенай и Чухабль. Геленджикскому туристу не безъинтересно будетъ посмотрѣть эти участки, побывать на разведенныхъ въ нихъ виноградникахъ, присмотрѣться къ страдающимъ отъ нордъ-оста садамъ и убѣдиться въ ничтожномъ процентѣ земель, занятыхъ подъ культуру на этихъ участкахъ, розданныхъ именно въ цѣляхъ насажденія культуры, но, вслѣдствіе дороговизны цѣнъ на землю, продающихся весьма дорого даже и въ совсѣмъ неразработанномъ видѣ. Поучительный примѣръ для возраженія противъ политики насажденія культуры путемъ раздачи земель людямъ постороннимъ, не знающимъ мѣстныхъ условій, а главное не живущимъ личнымъ земледѣльческимъ трудомъ (участки находятся преимущественно въ рукахъ лицъ не мѣстнаго происхожденія изъ такъ наз. интеллигентнаго круга)...

---

[1]) Правила объ отводѣ культурныхъ участковъ см. въ Справочной книгѣ черноморской губ. на 1899 г., составл. П. С. Леонтьевымъ, стр. 23.

Здѣсь чортово-дерево замѣнилось другою болѣе симпатичною и разнообразною растительностью, чередующеюся съ маленькими виноградничками, небольшими садочками и дачками, а пляжъ для купанья, какъ я уже говорилъ, наилучшій изъ всей бухты и даже всего побережья. Съ завода, если есть время, можно посѣтить и ломки цементнаго камня, но практичнѣе, чтобы не утомляться, сдѣлать это цѣлью отдѣльной прогулки.

Этимъ, однако, не исчерпываются любимыя мѣста прогулокъ геленджикскихъ дачниковъ въ окрестностяхъ селенія. Можно, напр., совершить еще прогулку, чтобы повидать и «степь»!... Такъ назвали бывшіе жители кубанскихъ степей—геленджикскіе старожилы изъ казаковъ—тѣ небольшія пахатныя и сѣнокосныя поляны, которыя по склонамъ спускающейся къ бухтѣ пологости, разбросаны куртинами между обширными зарослями чортова дерева. Хотя присвоенное имъ названіе степи звучитъ горькой ироніей, но поляны эти невольно радуютъ взоръ человѣка, утомленнаго однообразной картиной чортова-дерева и привыкшаго къ картинамъ сельской жизни. Есть еще одно любимое мѣсто прогулокъ геленджикскихъ туристовъ—къ маяку надъ моремъ по голому, выжженному солнцемъ берегу бухты мимо бойни, гдѣ почти на глазахъ гуляющей вечерами публики производится убой скота для питанія ея на завтрашній день. Вотъ, кажется, и всѣ главнѣйшія мѣста прогулокъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Геленджика. Но публика, не удовлетворяющаяся такими прогулками въ ближайшихъ окрестностяхъ Геленджика, не лишена однако возможности, покинувъ окружающее его кольцо держи-дерева, найти за его предѣлами мѣста весьма красивыя и оригинальныя.

Интересную и характерную для данной мѣстности особенность всѣхъ прогулокъ въ окрестностяхъ составляетъ бѣдность цвѣтовъ на землѣ (т. е. на травянистой растительности) и бѣдность пѣвчими птицами. Что же касается поѣздокъ въ болѣе дальнія прогулки, то онѣ, несомнѣнно, интереснѣе предыдущихъ, но обходятся сравнительно дорого. Даже съѣздить въ фаэтонѣ изъ Геленджика на тотъ берегъ бухты за заводъ, чтобы побыть

тамъ съ полчасика и то уже стоитъ 2 р. Поѣздка же на т. наз. Михайловскій перевалъ или въ Джанхотъ (съ правомъ пробыть тамъ до вечера) 5—6 р.[1])—и т. п. Поэтому при сравнительно частыхъ прогулкахъ расходъ на оплату поѣздокъ слагается въ крупную сумму. Но извощиковъ мало, слѣдовательно нѣтъ «благодѣтельной конкурренціи», да и единственное время ихъ заработка—лѣто, когда имъ необходимо нажить денегъ на весь годъ. Этимъ объясняютъ, почему и извощичья такса, дѣйствующая въ самомъ Геленджикѣ, тоже довольно высока (напр., въ часъ 50 коп.).

Весьма интересна прогулка въ Адербіевку. Туда, при нежеланіи идти пѣшкомъ, можно попасть кружнымъ путемъ—по шоссе и затѣмъ долиною р. Адербы—по дну ущелья, постоянно пересѣкаемаго рѣчкой, которую приходится нѣсколько разъ переѣзжать въ бродъ, такъ какъ когда-то построенные чрезъ нее мосты на половину снесенные, на половину испорченные, представляютъ «одно сплошное недоразумѣніе». Поэтому случайно поѣхавшимъ чрезъ эти мосты мѣстные жители-малороссы обыкновенно иронически замѣчаютъ: «чего тебя нечистая понесла сюда, хиба ты не бачивъ, *що це мостъ*» [2])! Двѣнадцативерстный колесный путь этотъ, не однажды въ годъ прерывающійся благодаря дождямъ каждый разъ на нѣсколько недѣль, проходитъ въ довольно красивомъ ущельѣ. Но онъ не открываетъ тѣхъ безусловно красивыхъ перспективъ, которыми отличается пѣшій путь въ Адербіевку чрезъ Мархотскій хребетъ по горной тропѣ, которою Адербіевцы обыкновенно сообщаются съ моремъ и Геленджикомъ.

Подъемъ на гребень хребта ничуть не опасенъ, хотя и нѣсколько труденъ; въ прогулкѣ съ дамами мы поднимались на него,—не безъ нѣсколькихъ короткихъ приваловъ, конечно,—приблизительно два часа. Несмотря на то, что день былъ жаркій и безвѣтренный, такъ что подниматься было довольно жарко,

---

[1]) Разстоянія отъ Геленджика 16—21 верст.; цѣны эти—въ періодъ наплыва пріѣзжихъ.

[2]) «Черноморское Побережье», стр. 133.

тамъ на обнаженномъ гребнѣ хребта ничуть не было жарко, благодаря довольно свѣжему вѣтру, гулявшему надъ горами. А главное, за всѣ трудности пути мы съ избыткомъ были вознаграждены грандіознымъ видомъ на всю долину Геленджика, на самое селеніе, на бухту, на Кабардинку, даже на «Цемесскую» бухту съ г. Новороссійскомъ въ дальнемъ углу, и, наконецъ на самое море, открывавшееся передъ нами въ необъятной ширинѣ. Пожалуй, не менѣе хорошъ, только въ другомъ родѣ, и видъ по ту сторону гребня на ущелье р. Адербы и на хаосъ горъ, то сплошь заросшихъ лѣсомъ, то полуобнаженныхъ сверху и мѣстами бѣлѣющихъ на яркомъ солнцѣ мѣловыми обнаженіями. Съ нашего гребня бинокль позволялъ видѣть на ближайшихъ склонахъ мѣстами почти отвѣсныя и всегда прямыя тропы, или вѣрнѣе сказать, спуски, употребляемыя Адербіевцами для скатыванія съ горъ срубленныхъ деревьевъ и сѣна, которое сволакиваютъ съ горъ веревками. А внизу въ ущельѣ Адербы видны уже простымъ глазомъ и рѣчка, и крестьянскія постройки, расположенныя на террасахъ и склонахъ ущелья, куда не достигаетъ разливъ Адербы въ дождливое время.

Стоитъ спуститься и въ Адербіевку, хотя бы для того, чтобы имѣть представленіе объ оригинальныхъ условіяхъ, въ которыхъ живетъ ея населеніе. Въ ущельѣ Адербы жило прежде до 4000 черкесскихъ семей, послѣ упорнаго сопротивленія окончательно вытѣсненныхъ около 1864 г. русскими войсками. Слѣдами ихъ пребыванія и культуры остались разбросанныя между постройками группы яблоневыхъ и грушевыхъ деревьевъ и грецкаго орѣха, стволы которыхъ достигаютъ 2—3 аршинъ въ обхватѣ. Здѣсь, послѣ ихъ ухода, поселены были сначала входившіе въ составъ Шапсугскаго баталіона козаки, пригнанные съ степей Кубани, но скоро громадное большинство ихъ разбѣжалось. Потомъ поселили здѣсь крестьянъ-малороссовъ преимущественно изъ полтавской губ., а къ нимъ присоединилось еще нѣсколько семей грековъ-табаководовъ, вмѣстѣ съ которыми въ

ущельѣ живетъ теперь лишь 100 съ небольшимъ семей[1]). Номинально надѣлъ 30 дес. на дворъ, но разработка земли крайне трудна, да и удобной земли весьма мало; въ травѣ недостатка нѣтъ, но доставить скошенное въ горахъ сѣно трудно и $^2/_3$ его пропадаетъ при спускѣ съ горъ. Виноградъ родится не особенно хорошо: вредятъ иногда зимніе морозы, да и почва здѣсь попреимуществу глинистая, «холодная», не въ примѣръ окрестностямъ Геленджика, богатымъ известковыми «теплыми» почвами съ прекрасными виноградниками у нѣкоторыхъ владѣльцевъ культурныхъ участковъ. Винодѣліе съ самомъ примитивномъ состояніи. Главный заработокъ, главный источникъ жизни Адербіевцевъ—лѣсъ: рубка лѣса и сбытъ его, какъ строевого матеріала и топлива. Но естественное лѣсовозобновленіе далеко не поспѣваетъ пополнять безпощадную вырубку; все годное вблизи уже вырублено; когда то могучіе дубы, буки и ольхи, громадныя яблони и груши упали подъ ударами топора, и за ними приходится теперь отправляться далеко въ горы. Промыселъ становится все труднѣе и малодоходнѣе. Нѣкоторые Адербіевцы уже пробовали выселяться въ Сибирь (!), но вернулись назадъ разоренные. Въ общемъ, населеніе живетъ бѣдно, а съ дальнѣйшею вырубкою лѣса жить станетъ еще тяжелѣе; уже и теперь Геленджикъ получаетъ строевой лѣсъ главнымъ образомъ не изъ Адербіевки, а изъ болѣе отдаленной Пшады; изъ Адербіевки же идутъ преимущественно дрова. Приближается грозный моментъ, когда Адербіевцамъ придется рѣшать вопросъ о томъ, чѣмъ жить и куда дѣться[2]).

Необходимо сказать кстати пару словъ о климатѣ Адербіевки, въ виду высказывавшагося мнѣнія о возможности образо-

---

[1]) Сверхъ этого невдалекѣ имѣется еще особый поселокъ—семей 20 чеховъ, поселившихся здѣсь лѣтъ 20 наз. и живущихъ главн. обр. огородничествомъ, идущимъ у нихъ довольно успѣшно.

[2]) Подробности объ Адербіевкѣ, ея винодѣліи и климатѣ см. въ извѣстной книгѣ «Черном. побережье» стр. 50 и 133—135 и въ «Трудахъ съѣзда виноградовладѣльцевъ» въ 1891 г. въ Новороссійскѣ, стр. 238 и слѣд.

ванія въ ущельѣ Адербы климатической станціи. Ущелье это, какъ уже замѣтилъ, конечно, читатель, заслонено отъ Геленджика, а слѣдовательно и отъ моря, довольно высокою горною грядою; поэтому морскіе бризы сюда не достигаютъ. Осушающій воздухъ нордъ-остъ, попадая въ ущелье, не только слабѣетъ, но главное, крутится и вертится въ предѣлахъ ущелья, производя водоворотъ воздуха, но мало содѣйствуя его смѣнѣ и вентиляціи, что несомнѣнно онъ дѣлаетъ въ Геленджикѣ, гдѣ, на ряду со всѣми приносимыми имъ невыгодами, онъ все-таки содѣйствуетъ вентиляціи мѣстности. По низинамъ Адербіевскаго ущелья расположились громадныя заросли папоротника, мать-мачихи и др. сорныхъ травъ; временами буйно разливающаяся Адерба оставляетъ слѣды своихъ разливовъ въ видѣ не скоро высыхающихъ озеръ и лужъ. Результатомъ всего этого являются здѣсь отсутствующія въ Геленджикѣ лихорадки, хотя и уступающія хинину, но обязательно появляющіяся съ іюля и продолжающіяся до осени. И осенью и зимою Адербіевка несомнѣнно холоднѣе Геленджика; снѣгъ, быстро стаивающій въ Геленджикѣ вслѣдъ за выпаденіемъ, по ущельямъ горъ, а иногда и въ самой Адербіевкѣ лежитъ иногда по нѣсколько недѣль, хотя бываютъ, конечно, и совсѣмъ безснѣжныя зимы.

Еще болѣе суровъ зимній климатъ въ другомъ любимомъ мѣстѣ прогулокъ геленджикскихъ дачниковъ--на Михайловскомъ перевалѣ, гдѣ расположено извѣстное имѣніе Вардавиръ принца А. П. Ольденбургскаго. Тамъ мѣстность, благодаря наличности могучихъ зарослей и кромѣ того защищенности ея отъ моря Мархотхскимъ горнымъ хребтомъ, а отъ нордъ-оста Коцехурскимъ, плохо вентилируется и изолирована отъ непосредственнаго вліянія близости моря. Она имѣетъ довольно ясно выраженный континентальный климатъ съ значительными суточными колебаніями температуры, съ утренниками на низкихъ мѣстахъ еще въ апрѣлѣ, съ большимъ количествомъ осадковъ, особенно лѣтомъ, съ глубокими (до 2-хъ и болѣе аршинъ) и долго лежащими снѣгами въ нѣкоторыя зимы. Тамъ предполагалось завести виноградничество въ болѣе или менѣе обширныхъ размѣрахъ, но мѣстныя условія

оказались недостаточно благопріятными. За то мѣстная и луговая растительность здѣсь роскошны и нѣтъ той сухости и лѣтняго жара, которые замѣчаются въ Геленджикѣ и въ особенности въ Новороссійскѣ. За то и дорога туда (кромѣ первыхъ 4—5 верстъ отъ Геленджика среди сплошного держи-дерева) отличается замѣчательнымъ разнообразіемъ пышно разросшейся растительности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и красотою видовъ. Дѣлая крутые изгибы, шоссе то опускается въ долину какой-нибудь рѣчки или ручья, то подымается на возвышенность и идетъ по высоко поднятому узкому карнизу горы, открывая широкія перспективы вокругъ, то узкой сѣрой лентой извивается въ хаосѣ горъ, мѣстами обросшихъ могучею растительностью, мѣстами отвѣсныхъ съ ярко выдѣляющимися на солнцѣ громадными обнаженіями известняковъ, красиво наслоенныхъ въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Великолѣпные огромные буки, дубы и карагачи, многочисленные мелколистные грабы постепенно подступаютъ къ шоссе сплошною стѣною съ обѣихъ сторонъ. Въ болѣе влажныхъ мѣстахъ густота окружающей растительности увеличивается обвивающими деревья многочисленными ліанами разныхъ видовъ: жимолостью, ломоносомъ, повителью, хмѣлемъ, плющомъ, дикимъ виноградомъ. На 17-й верстѣ отъ Геленджика имѣется тамъ источникъ минеральной солено-щелочной воды, по всѣмъ вѣроятіямъ имѣющій будущее[1]), тѣмъ болѣе, что вблизи источника имѣются мѣста, гдѣ съ удобствомъ можно построить дачный поселокъ.

Поѣздка на Михайловскій перевалъ интересна еще въ томъ отношеніи, что, взявъ съ собою знающаго мѣстнаго человѣка, можно свернуть съ шоссе и совершить небольшое, но пріятное путешествіе пѣшкомъ къ такъ наз. долменамъ—остаткамъ каменныхъ жилищъ древнѣйшихъ обитателей страны. Дорогою, идя по лѣсу, не разъ можно наткнуться на заросшіе лѣсомъ остатки черкесскихъ садовъ и полакомиться при этомъ растущею мѣстами въ изобиліи ягодой алыча или лыча, способствующей утоленію жажды.

---

[1]) Подробности см. «Черноморское побережье» стр. 13, 51 и 135—137.

Въ лѣсахъ окрестностей Михайловскаго перевала водятся волки, кабаны, медвѣди, рыси, шакалы. Еще дальше за переваломъ близъ р. Пшады, верстахъ въ 40—60 отъ Геленджика, напр. у горы Молдаванки и близъ горы Папай, есть мѣста, прекрасныя по своей дикой красотѣ; тамъ и прекрасная охота на звѣря, и въ с. Пшадѣ есть нѣсколько охотниковъ изъ крестьянъ, спеціально охотящихся на кабановъ (главн. обр. осенью съ собаками).

Кромѣ Адербіевки и Михайловскаго перевала у Геленджикцевъ есть еще два наиболѣе любимыя мѣста прогулокъ—такъ наз. Фальшивый Геленджикъ и Джанхотъ, куда можно добраться и на лошадяхъ и моремъ, такъ какъ праздниками паровой катеръ, иногда и съ музыкою, уходитъ туда «на гулянье» на цѣлый день.

Первый расположенъ у впаденія р. Адербы въ море верстахъ въ 7 отъ Геленджика. Здѣсь рѣка образуетъ широкую долину, занятую упоминавшимися выше десятидесятинными наслѣдственными участками добровольно пришедшихъ сюда козаковъ, которые большую часть этихъ участковъ пораспродали въ частныя руки.

Въ дождливые періоды года нерѣдки разливы Адербы, слѣды которыхъ наблюдаются въ остаткахъ временныхъ руслъ ея во время разливовъ, гдѣ иногда подолгу задерживается вода, не имѣющая стока. Присутствіе проточныхъ и непроточныхъ водъ, сравнительно низменное положеніе долины, обрамленной при томъ довольно высокими горами, уменьшающими вентиляцію мѣстности, дѣлаетъ климатъ ея замѣтно болѣе влажнымъ, чѣмъ климатъ самого Геленджика, вблизи котораго при томъ же не протекаетъ никакой рѣчки. Вслѣдствіе всего этого Фальшивый Геленджикъ, не въ примѣръ настоящему Геленджику, не свободенъ отъ лихорадокъ. Но мѣстность тамъ довольно красивая, благодаря чему, а также благодаря сравнительной легкости, съ которою козаки пустили въ продажу свои наслѣдственные участки, здѣсь образовался особый дачный поселокъ, въ которомъ пріѣзжающіе туристы могутъ найти пріютъ на лѣто. Въ тамошней «санаторіи» плата за ко-

мнату съ содержаніемъ отъ 50 р. въ мѣсяцъ. Противъ дачъ открытое море, но мѣстами дно моря понижается настолько, иостепенно, что удобно и для купанья неумѣющимъ плавать.

Еще верстъ на 8—10 дальше отъ Геленджика, за высокимъ горнымъ кряжемъ, находится красивое ущелье Джанхотъ, окруженное высокими горами, живописно выступающими въ море почти отвѣсными утесами, по вершинамъ заросшими преимущественно красивой длинноиглой сосною. Спускаясь съ горныхъ высотъ, прилегающихъ къ Михайловскому перевалу, ущелье выходитъ своимъ расширеннымъ отверстіемъ къ открытому морю. Здѣсь останавливается обыкновенно «Отважный», привозящій праздниками Геленджикскую публику, которая, попавъ на лоно природы и забывая, что находится въ частныхъ владѣніяхъ, обыкновенно ведетъ себя излишне свободно—срываетъ фрукты, рветъ виноградъ и вообще чувствуетъ себя какъ дома. Здѣсь масса мѣстъ для прогулокъ и вдоль ущелья и въ сторону—въ горы, съ которыхъ открываются прекрасные виды на море и окрестности. Древесная растительность хотя и не очень высокоросла, но за то весьма густа и разнообразна. Нижніе склоны ущелья заняты виноградниками, между которыми то тамъ, то сямъ виднѣются постройки, это—жилища владѣльцевъ мѣстныхъ «имѣній». Здѣсь по даннымъ 1899 г. [1]) восемь частновладѣльческихъ имѣній въ 577 дес., изъ которыхъ занято виноградниками 15 дес., и 20 крестьянскихъ хозяйствъ съ 7 дес. виноградниковъ. Площадь виноградниковъ постепенно увеличивается тѣмъ болѣе, что условія для воздѣлыванія лучшихъ сортовъ винограда здѣсь весьма благопріятныя, и въ одномъ изъ имѣній Ф. А. Щербины имѣется подвалъ, въ который принимается и вино сосѣднихъ владѣльцевъ. Но остальная площадь земель, входящихъ въ составъ имѣній, остается неразработанною и вѣроятно долго еще останется такою, тѣмъ болѣе, что значительная часть этихъ земель расположена по крутымъ, неудобнымъ

---

[1]) См. статью Я. Г. Сиповича «Очеркъ развитія хозяйства въ Джанхотѣ» вь «Трудахъ съѣзда виноградовладѣльцевъ» въ г. Новороссійскѣ въ 1899 г.

для культуры, склонамъ горъ. Когда поспѣетъ виноградъ, ночами въ ущельѣ бываетъ слышенъ вой шакаловъ, приходящихъ имъ полакомиться. Нордъ-остъ здѣсь далеко не такъ силенъ, какъ въ Геленджикѣ, благодаря защищенности мѣстности горами и растительностью, а также изгибамъ самого ущелья, дающимъ такія мѣста, мимо которыхъ онъ проносится даже совсѣмъ стороною. Это, конечно, уменьшаетъ вентиляцію мѣстности, но изъ людей, живущихъ въ расположенныхъ по ущелью имѣніяхъ, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, нѣтъ никого страдающаго перемежающейся лихорадкой, кромѣ одного постоянно работающаго въ подвалѣ. Вѣроятно отсутствіе лихорадокъ объясняется возвышеннымъ положеніемъ большей части ущелья, наличностью известковыхъ почвъ и отсутствіемъ заболоченности.

Кончая рѣчь объ окрестностяхъ Геленджика, необходимо было бы сказать нѣсколько словъ объ интеллигентной «еропкинской» колоніи «Криница» вь 35—40 в. отъ Геленджика на берегу моря, вблизи бѣдно живущей и нуждающейся въ землѣ, пригодной для культуры, станицѣ Береговой. Но побывать въ Криницѣ мнѣ не удалось. Стѣсняясь безпокоить обитателей ея, не заручившись предварительнымъ согласіемъ кого-нибудь изъ криничанъ, я тщетно ожидалъ удобнаго для этого случая, пока они не опубликовали «просьбу», отрѣзавшую для меня возможность посѣщенія Криницы. Отпечатавъ, они прислали ее въ Геленджикъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ подъ напечатаннымъ крупными буквами заглавіемъ: »Просьба обитателей Криницы къ пріѣзжимъ на время морскихъ купаній въ Геленжикѣ». Въ этихъ печатныхъ листкахъ они просили «пріѣзжихъ» не дѣлать безцѣльныхъ, побуждаемыхъ однимъ только любопытствомъ, посѣщеній ихъ поселка, такъ какъ многочисленныя посѣщенія эти отнимаютъ у нихъ непроизводительно много времени, предназначеннаго для работы, нанося такимъ образомъ матеріальный ущербъ. Видно, что геленджикскіе «пріѣзжіе», скучая въ Геленджикѣ, дѣйствительно не церемонились съ посѣщеніями колоніи и попытками назойливыхъ проникновеній во внутреннюю ея жизнь.

Теперь, чтобы окончить характеристику Геленджика, какъ мѣста для поселенія и какъ морского курорта, необходимо особо сказать о его климатѣ.

Для краткости приведу характеристику климата окрестностей Новороссійска изъ извѣстнаго изслѣдованія профессоровъ А. П. Воейкова, Ѳ. П. Пастернацаго и горнаго инженера М. В. Сергѣева [1]. «Окрестности Новороссійска по своей природѣ и климату довольно сходны съ южной частью Крыма, но не съ южнымъ берегомъ, а съ мѣстностью, съ одной стороны, къ западу отъ него (Балаклава и окрестности Севастополя), съ другой къ востоку (отъ Алушты чрезъ Судакъ до окрестностей Ѳеодосіи): та же сухость воздуха и бѣдность осадками въ теплые мѣсяцы года, та же, вообще, дождливая и перемѣнчивая зима съ чередованіемъ теплыхъ и влажныхъ съ моря вѣтровъ и сухихъ и холодныхъ съ материка; та же пригодность для культуры винограда по условіямъ почвы и климата». Но осадки все-таки обильнѣе, чѣмъ въ вышеупомянутыхъ мѣстностяхъ Крыма». А вмѣстѣ съ тѣмъ въ тѣхъ мѣстностяхъ нѣтъ того холоднаго и суроваго зимою, сухого и жаркаго лѣтомъ вѣтра, который имѣетъ мѣсто въ окрестностяхъ Новороссійска и называется борой или, по здѣшнему, нордъ-остомъ.

Эта характеристика окрестностей Новороссійска въ значительной мѣрѣ приложима и къ недалеко отстоящему отъ него Геленджику съ тою только разницею, что онъ нѣсколько болѣе защищенъ отъ боры, сила которой, по увѣреніямъ многихъ мѣстныхъ жителей, здѣсь на 40—50% ниже, чѣмъ въ Новороссійскѣ. Кромѣ того около Геленджика нѣсколько болѣе растительности, чѣмъ около Новороссійска, и онъ обладаетъ значительно большимъ количествомъ прѣсныхъ водъ хорошаго качества, что тоже даетъ ему нѣкоторое преимущество предъ послѣднимъ.

Правильныхъ метеорологическихъ наблюденій въ Геленджикѣ не велось и потому свѣдѣнія о климатическихъ его условіяхъ

---

[1]) Черноморское Побережье, стр. 45.

приходится почерпать изъ сравненія съ ближайшими сродными съ нимъ мѣстностями, въ которыхъ велись такія наблюденія за сколько-нибудь продолжительный періодъ времени, и изъ разспросовъ мѣстныхъ жителей.

Геленджикъ, по общимъ отзывамъ, и зимою и осенью теплѣе Новороссійска—очевидно, благодаря сравнительно меньшей повторяемости и меньшей силѣ боры[1]). Геленджикская бухта никогда не замерзаетъ. Весна начинается раньше, чѣмъ въ сосѣдней Адербіевкѣ. Лучшій мѣсяцъ май, начало купанья во второй его половинѣ. Лѣтомъ въ Геленджикѣ не столь жарко, какъ въ Новороссійскѣ, но все-таки, когда дуетъ хотя бы легкая бора, становится душно и жарко; когда ее нѣтъ наши полтавскія и кіевскія ночи болѣе душны, чѣмъ здѣсь. Наибольшее количество осадковъ выпадаетъ въ болѣе холодные мѣсяцы, —преимущественно въ декабрѣ и январѣ (причемъ однако выпадающій снѣгъ обыкновенно почти тотчасъ же стаиваетъ); а наименьшее—въ періодъ съ апрѣля по октябрь, что, конечно, не можетъ не отзываться неблагопріятно на растительности. Меньшая относительная влажность Геленджика лѣтомъ, сравнительно съ болѣе южною частью Побережья и даже, напр., съ Фальшивымъ Геленджикомъ, объясняется между прочимъ тѣмъ, что склоны къ бухтѣ круты и вода быстро стекаетъ въ бухту, растительность окрестностей бѣдна, воды испаряется мало. Кромѣ того отличающаяся лѣтомъ сухостью бора, хотя и не достигаетъ значительной силы въ лѣтнее время, однако не составляетъ все-таки рѣдкости въ этотъ періодъ года и потому оказываетъ свое вліяніе на осушеніе воздуха, тогда какъ южнѣе Геленджика она постепенно совсѣмъ исчезаетъ. Относительная бѣдность растительности въ Геленджикѣ, кромѣ вышеупомянутыхъ климатическихъ особенностей, зависитъ также отъ петрографическаго состава породъ (почвы известковыя и мѣловыя)[2]) и мо-

---

[1]) «Осень, и особенно декабрь, гораздо теплѣе въ Геленджикѣ, чѣмъ въ Новороссійскѣ, такъ что первый по температурѣ занимаетъ середину между Новороссійскомъ и Сухумомъ, т. е. самымъ теплымъ изъ тѣхъ мѣстъ, по которымъ имѣются у насъ наблюденія». Черном. Побер., стр. 50.

[2]) Излюбленныя почвы держи-дерева.

жетъ быть не менѣе этого отъ той же боры [1]). Вотъ эта самая бора, въ зимнее время нерѣдко столь сильная, что срываетъ на маякѣ прикрѣпленныя винтами черепицы, а жителей окраинъ Геленджика не пускаетъ дойти до базара, находящагося въ центрѣ его, дѣлаетъ Геленджикъ вреднымъ и для людей съ слабыми легкими. «Пребываніе въ это время больныхъ на открытомъ воздухѣ, при страшной пыли и сухости его, является опаснымъ; могутъ являться тяжелыя заболѣванія дыхательныхъ органовъ и ухудшаться туберкулезныя пораженія легкихъ». Поэтому «*претензіи Геленджика на климатическую станцію требуютъ еще доказательствъ*». «Есть нѣкоторыя метеорологическія указанія на то, что въ Геленджикѣ нѣтъ тѣхъ бурныхъ зимнихъ колебаній температуры, которыя встрѣчаются въ окрестностяхъ Новороссійска. Если бы дальнѣйшими метеорологическими наблюденіями удалось доказать, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать вѣроятнымъ, что зима здѣсь не суровая, безъ рѣзкихъ колебаній температуры, то получился бы чрезвычайно важный аргументъ въ пользу признанія въ Геленджикѣ передовой (въ смыслѣ ближайшей) зимней климатической станціи на Черноморскомъ побережьѣ» [2]). Но доказать это врядъ ли удастся, потому что, судя по подробнымъ разспросамъ, если колебанія температуры и дѣйствительно далеко не такъ рѣзки, какъ въ Новороссійскѣ, то погода зимою все-таки очень перемѣнчива и непостоянна. Иногда, почти правильно чередуясь другъ съ другомъ, морякъ и нордъ-остъ дуютъ (по 3—6 дней кряду каждый) въ теченіи чуть не всей зимы, первый принося грозныя тучи съ обильнымъ дождемъ, второй ихъ прогоняя. На короткій промежутокъ, между двумя вѣтрами устанавливается ясная, тихая погода, начинаютъ ходить въ лѣтнемъ платьѣ, но ненадолго—опять одинъ вѣтеръ смѣняется другимъ и такъ по нѣсколько недѣль. При такихъ вѣтрахъ и такомъ непостоянствѣ погоды не мѣсто здѣсь человѣку съ больными легкими, и потому

---

1) О вліяніи боры на растительность подробнѣе будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

2) Черном. Побер., стр, 132.

претензіи Геленджика на *зимнюю* климатическую станцію дѣйствительно, кажется, совершенно неосновательны. Совершенно понятно послѣ всего этого, что Геленджикцы негодуютъ на свой нордъ-остъ и находятъ, что безъ него ихъ Геленджикъ не имѣлъ бы уже почти никакихъ дефектовъ. Но они забываютъ ту несомнѣнно хорошую сторону этого вѣтра, на которую, какъ мнѣ кажется, совершенно правильно указалъ С. И. Васюковъ [1]), и которая заключаетъ въ осушающемъ и очищающемъ вліяніи его на почву и воздухъ, избавляющемъ Геленджикскихъ жителей отъ маляріи. «Благодаря этому нордъ-осту, Геленджикъ, говоря словами С. П. Васюкова, обладаетъ превосходнымъ, здоровымъ и сухимъ воздухомъ. Лихорадокъ здѣсь нѣтъ вообще, рѣдко бываетъ тифъ и другія заболѣванія, которыми такъ богатъ югъ этого побережья. Вообще, еслибы не было нордъ-оста, то былъ бы Геленджикъ живописнымъ и красивымъ мѣстечкомъ, но тогда и не было бы и здороваго по своей рѣдкости воздуха» [2]).

Въ заключеніе всего сказаннаго выше о Геленджикѣ, какъ курортѣ, необходимо отмѣтить для лицъ, которыя пожелали бы ѣхать въ Геленджикъ, какъ въ мѣстность, извѣстную разведеніемъ виноградниковъ, что лѣчебные сорта винограда въ настоящее время почему то разводятся въ окрестностяхъ Геленджика въ весьма маломъ количествѣ и что «винограднаго сезона» здѣсь нѣтъ. Послѣднее можетъ быть объясняется и тѣмъ, что изрѣдка и въ августѣ уже начинаетъ здѣсь довольно сильно подувать бора, способная при извѣстной продолжительности, выгнать значительную часть публики. Вопросъ этотъ во всякомъ случаѣ для меня неясенъ, и потому, не будучи увѣренъ въ правильности объясненія, я констатирую лишь фактъ отсутствія винограднаго сезона. Но за то я могу констатировать и фактъ болѣе отраднаго свойства, не упомянутый еще въ предыдущемъ изложеніи, это—отсутствіе москвитовъ при указанномъ уже выше отсутствіи въ

---

[1]) «Геленджикъ», Истор. Вѣстн. 1902 г. № 8.

[2]) Рѣчь, конечно, идетъ не о зимнемъ періодѣ бурныхъ нордъ-остовъ.

Геленджикѣ маляріи, что составляетъ важный плюсъ въ его пользу и ставитъ его выше другихъ болѣе излюбленныхъ публикою южныхъ курортовъ, каковы Сочи, Туапсе и Сухумъ. Заканчивая рѣчь о Геленджикѣ, считаю долгомъ выразить мою искреннюю признательность лицамъ, оказавшимъ мнѣ содѣйствіе въ составленіи главнымъ образомъ изложеннаго уже историческаго очерка Геленджика, а частію и въ описаніи остальныхъ пунктовъ побережья сообщеніемъ различныхъ свѣдѣній, указаніемъ и даже доставленіемъ важнѣйшихъ печатныхъ источниковъ: П. С. Леонтьева, Д. Е. Фелицина, М. В. Яковлева, С. И. Капгера и П. А. Пономаренко.

Слѣдующяя глава, согласно уже намѣченному выше порядку, будетъ посвящена не болѣе южнымъ пунктамъ побережья, а Новороссійску.

Л. С. Личковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ бурсѣ—семинаріи.[1]

(Изъ воспоминаній)

I.

Неожиданныя тревоги.

Іюнь въ исходѣ. Экзамены въ уѣздной бурсѣ закончились. Въ корпусѣ не осталось ни одного бурсака: уѣхали даже и тѣ, о которыхъ некому было позаботиться,—кто въ гости къ товарищу, кто къ дальнимъ родственникамъ, кто на кондицію. Окончившіе курсъ, вмѣсто обычныхъ отпускныхъ билетовъ, получили свидѣтельства, дававшія имъ такія права, о которыхъ долго еще

---

[1]) Настоящіе очерки отчасти составляютъ продолженіе прежнихъ, именно: «Майскія рекреаціи въ бурсѣ» («Кіевск. Старина» № 5, за 1896 г.), «Передъ реформой бурсы» (ib. № 4 за 1898 г.), «Въ началѣ реформы бурсы» (ib. № 9 за 1900 г.). Воспоминанія касаются первой половины 1870-хъ годовъ, т. е. кануна фактическаго преобразованія П—ской семинаріи. Для нечитавшихъ первыхъ очерковъ—поясненіе: классы въ старой бурсѣ носили названія низшаго, средняго и высшаго *отдѣленій*, которыя имѣли свои болѣе популярныя прозванія; въ духовномъ училищѣ низшее отдѣленіе—фара, среднее—грамматика, высшее—синтаксисъ; въ семинаріи: низшее—словесность или риторика, среднее—философія, высшее—богословіе.

Авт.

должны мечтать ихъ младшіе товарищи—не только фары, ставшіе грамматиками, но и самые грамматики, преобразившіеся въ синтактиковъ. Счастливые обладатели этихъ свидѣтельствъ были, конечно, на седьмомъ небѣ. Еще-бы! Мало того, что каждый изъ нихъ оставилъ бурсу, съ ея подчасъ просто-таки невозможными условіями, и получилъ право держать вступительный экзаменъ въ семинарію: онъ и въ родномъ домѣ могъ явиться уже, что называется, «человѣкомъ». Въ самомъ дѣлѣ: какъ ни какъ, а во всей округѣ, вѣдь, людей и съ такимъ образовательнымъ цензомъ было немного. Псаломщики изъ окончившихъ семинарію явились уже послѣ, а изъ дьяковъ, не говоря уже о несчастныхъ пономаряхъ, рѣдкій могъ похвастаться даже тѣмъ, что когда-то вкусилъ премудрость хоть перваго—второго класса низшей бурсы. То же и на счетъ дьяконовъ; если который-нибудь изъ нихъ и понюхалъ во время оно семинаріи, то навѣрное былъ изъ нея изгнанъ (иначе давно уже былъ бы священникомъ), а потому не имѣлъ рѣшительно никакого права гордиться своей ученостью. Объ академистахъ и говорить нечего: теперь архіерей чаще гоститъ въ деревнѣ, чѣмъ 30—40 лѣтъ тому назадъ академистъ. Можетъ быть, именно по этой причинѣ такъ высоко стоялъ авторитетъ сельскаго священника: какъ «окончившій курсъ», онъ занималъ недосягаемо высокое положеніе въ приходѣ, и высокомѣрное отношеніе къ нему псаломщика—порожденіе уже позднѣйшаго времени... При такихъ условіяхъ юноша, съ успѣхомъ прошедшій полный курсъ училища, получившій право держать экзаменъ въ семинарію и подававшій надежды, иногда не малыя, могъ уже быть «человѣкомъ». Этотъ «человѣкъ» законно мечталъ уже о лучшемъ будущемъ, строилъ воздушные замки и... подчасъ весьма дерзостно не подчинялся мнѣнію не только маменьки, но и самого папеньки. Бѣдные старики долго не понимали, а иные такъ и не поняли, какимъ образомъ могли даже возникнуть поводы къ разногласію, ужасному разногласію, породившему совершенно неожиданныя тревоги. Они чувствовали только, что покой ихъ нарушенъ, надежды грозятъ не сбыться, дрожали за будущее своихъ неразумныхъ дѣтей и,

полные недоумѣнія, напрасно ломали голову надъ проклятымъ вопросомъ: откуда сіе?

— Ты что же это, сынокъ: еще и экзамена въ семинарію не держалъ... чего добраго и провалишься еще... бывало, вѣдь, всяково!.. а ты уже и тово... на счетъ скудости семинарскаго образованія!.. Да въ своемъ ли ты, малый, умѣ.—Но «малый», несомнѣнно, былъ въ своемъ умѣ, по крайней мѣрѣ настолько, насколько можетъ обрѣтаться въ немъ 16-лѣтній юноша, легко, какъ извѣстно, дѣлающій достояніе чужого ума своимъ. Уже въ послѣднемъ классѣ бурсы, только что начавшей преобразовываться, онъ заразился тѣмъ духомъ, которымъ теперь такъ отдаетъ отъ него, къ огорченію родителей, которымъ, конечно, и не снилось, чтобы «реформа» могла такъ ужасно разрѣшиться. А случилось все это вотъ какъ. «Малый» крѣпко, крѣпко задумался надъ письмомъ одного семинариста. Письмо это, не ему вовсе и писанное, онъ тщательно переписалъ, часто перечитывалъ его одинъ и съ товарищами, и хотя зналъ наизусть отъ слова до слова, тѣмъ не менѣе хранилъ его какъ какой-то завѣтный талисманъ, долженствовавшій когда-нибудь принести ему счастье. Не все въ этомъ письмѣ даже и нравилось ему: слишкомъ ужъ часто повторялось мѣстоименіе перваго лица; не привлекали симпатій и громкія слова на счетъ «прогресса», «узкаго и широкаго горизонтовъ», «идеальныхъ стремленій» и т. под. Но, помимо всего этого, было въ письмѣ нѣчто очень ужъ новое и заманчивое, а главное—ударявшее какъ разъ по начавшей уже натягиваться струнѣ... Такое впечатлѣніе получилось отъ тѣхъ именно мѣстъ письма, гдѣ съ удивительной откровенностью и смѣлостью говорилось о страшной нищетѣ духовенства, объ униженномъ и обиженномъ положеніи отцовъ, о неизмѣримо лучшемъ положеніи прочихъ сословій и о полной возможности дѣтямъ духовенства идти по другой дорогѣ, по которой де иные уже и пошли. Это послѣднее указаніе въ письмѣ служило такимъ сильнымъ подтвержденіемъ всѣхъ доводовъ, какимъ служатъ exempla въ сочиненіи, искусно написанномъ по всѣмъ правиламъ старой хріи.

Что можно было и возразить противъ нагляднѣйшихъ примѣровъ? Сынъ священника З. бросилъ семинарію, пошелъ въ университетъ, и теперь—«знаменитый» адвокатъ, о которомъ говоритъ весь городъ... Сынъ діакона Р. сдѣлалъ то же самое, и теперь «замѣчательный» докторъ, чуть ли не первый въ городѣ... Сынъ городского протоіерея К. поступилъ точно такъ же, и теперь—«превосходнѣйшій» учитель гимназіи... и т. д., и т. д. Примѣровъ нашлось немало, и нужно отдать полную справедливость автору письма: онъ не лгалъ, не преувеличивалъ даже. Все дѣло въ томъ, что первые семинаристы, свернувшіе съ традиціонной дороги, были дѣйствительно очень даровитые молодые люди, иначе, конечно, и быть не могло; поэтому опредѣленія «знаменитый», «замѣчательный» и т. под. если и были преувеличеніемъ, то отнюдь не умышленнымъ и вовсе не противорѣчившимъ сложившемуся въ губернскомъ городѣ мнѣнію о молодомъ ораторѣ, медикѣ, учителѣ: излишнее увлеченіе скорѣе всего являлось здѣсь слѣдствіемъ «узкаго или широкаго горизонта», но никакъ не желанія ввести въ заблужденіе младшихъ товарищей... За примѣрами шли ссылки на мнѣнія «лучшихъ» профессоровъ семинаріи или, употребляя терминологію той же хріи, на авторитеты. И это доказательство имѣло большую силу и большое значеніе, между прочимъ, потому, что рѣчь о «лучшихъ» профессорахъ дышала особенной неподдѣльной искренностьюи особеннымъ восторгомъ молодой души, какъ бы вдругъ воспринявшей то, къ чему она и стремилась, но что отъ нея долго и старательно скрывалось. Бывшимъ питомцамъ старой бурсы не нужно объяснять причинъ этого явленія: они легко вспомнятъ то, что испытали, когда имъ, воспитаннымъ въ убѣжденіи, что весь свѣтъ— въ окнѣ, открылся вдругъ свѣтъ и дальше этого окна... А «лучшіе» профессора, питомцы 60-хъ годовъ, не прошедшихъ безслѣдно и для закрытыхъ академій, именно и говорили своимъ юнымъ и взрослымъ ученикамъ, что свѣтъ не только въ окнѣ. И говорили они громко, увлекательно, даже рискованно; говорили—и попадали за это подчасъ въ большую немилость у начальства, но всегда были превозносимы воспитанниками. Мало

того: чѣмъ больше недолюбливало такихъ «профессоровъ» начальство, считая ихъ пустословами, мало полезными для прямого дѣла, тѣмъ больше горячности проявляли къ нимъ воспитанники, внося ихъ въ разрядъ «лучшихъ» и открывая глубокій умъ даже въ самой пустой «лекціи»... Не удивительно, если это разногласіе въ семинаріи отозвалось незамѣтнымъ образомъ даже въ глухой деревнѣ, гдѣ дѣти вдругъ оказались съ какими-то завиральными, если не идеями, то хоть идейками,

— Да что ты, молокососъ, опираешься на нихъ? Первое дѣло—ты, вѣдь, своими то ушами не слышалъ!.. въ письмѣ мало ли могъ и наврать? А второе—ты постой еще: ихъ повыгонятъ, какъ Богъ святъ, а вы, дураки, пострадаете... вотъ и все!...

Батюшка, съ своей точки зрѣнія, былъ, разумѣется, правъ,—пророчески правъ, если хотите; но на сына это не дѣйствовало: малый начиналъ еще и дуться, меньше высказывался, больше думалъ про себя, и тревога, возникшая со дня пріѣзда его на каникулы, не улегалась и не улегалась.

— Умны вы нынче стали—вотъ что!... Молоко на губахъ не обсохло, до риторики не доползъ, а пойди-ты! И семинарій уже мало!.. Эхъ! Положить бы, да!..

Но тутъ разошедшійся, было, папенька останавливался и, недовольно махнувъ рукой, направлялъ свое вниманіе на что-либо другое: Господь съ ними,—такъ, видно, Богу угодно!

Надо, однако, замѣтить, что зараза распространялась и другимъ путемъ, который уготовляли нѣкоторые батюшки-либералы. Таковыхъ было, разумѣется, немного, но они были и слыли среди земляковъ-сослуживцевъ очень умными, лишь по какой-то случайности не попавшими въ академію. Уже этой случайности было достаточно, чтобы молодой священникъ питалъ въ душѣ недовольство семинаріей, ея начальствомъ и всѣмъ строемъ. Если сынъ такого обиженнаго «студента семинаріи», обладая большими способностями, хорошо учился и подавалъ такимъ образомъ блестящія надежды, то либерализмъ папеньки развивался тогда непомѣрно, и опасныя рѣчи не сходили съ языка...

— Хорошо вамъ, отецъ Григорій, разсуждать: вашъ сынъ не пропадетъ... Первымъ въ первомъ разрядѣ идетъ... Не всякому же далъ Богъ...

Аргументъ, конечно, очень сильный; онъ могъ вызвать на лицѣ счастливаго отца Григорія самодовольную улыбку, но возражать на него было трудно.

О. Григорій и не возражалъ, а про себя все-таки думалъ: «вольно же вамъ! Умѣли родить сына, да не умѣли воспитать, до ума довести»!.. Думалъ, и при первомъ удобномъ случаѣ громилъ и семинарію, и ея начальство, и ея порядки. Иной разъ, впрочемъ, и всѣ сослуживцы только молча вздыхали, невольно соглашаясь съ тѣмъ, что и въ правду никому на свѣтѣ не живется хуже священника, объ улучшеніи быта котораго говорятъ только и говорятъ, и что испробовать другую дорогу вовсе не мѣшаетъ...

— Ну, хорошо... Такъ... Поступитъ въ этотъ самый университетъ... А если не поступитъ? Что тогда? Отъ своихъ отсталъ, къ чужимъ не присталъ? Назадъ уже трудно... Ибо послѣ смерти какое ужъ покаяніе?

И тутъ счастливому о. Григорію опять-таки трудно было возражать: его рискъ, благодаря способностямъ сына, такъ не великъ... Возражалъ поэтому самъ сыночекъ, самъ «малый» и возражалъ довольно вѣско:

— Это уже несчастіе. Но подумайте: развѣ любой писарь въ селѣ живетъ не лучше васъ?

— Лучше-то, лучше, зато-жъ онъ писарь и ничего больше...

На этомъ споръ и заканчивался, тѣмъ болѣе, что впереди же еще, по меньшей мѣрѣ, четыре года: многое измѣнится, не одна бочка воды утечетъ... Жаль, понятно, что ѣдетъ сынъ не въ подобающемъ настроеніи; печально, что вмѣсто радости невѣдомое будущее сулитъ что-то тревожное... Не то, не то!.. Но— впереди четыре года: дай, Господи, чтобы сбивающійся съ пути сынъ хоть эти четыре года провелъ благополучно. А тамъ на все Его святая воля!

— Поѣзжай... поѣзжай!.. Господь да благословитъ тебя!.. Первое дѣло—учись, а тамъ—какъ Онъ укажетъ... Ты видишъ, мы люди уже старые... Богъ вѣдаетъ, долго ли и проживемъ... А дотянемъ, дождемся, захочешь—ну, что жъ? Мы тебѣ не враги... Согласіе на увольненіе изъ философскаго класса я дамъ... Поѣзжай съ Богомъ... Дамъ... Я—не врагъ...

И старики благословляли сына, провожая въ семинарію, благословляли и горько плакали. Не удержавшись отъ слезъ, плакалъ и сынъ, только его слезы походили скорѣе на росу, которую такъ легко высушиваетъ солнце.

II.

Въ дни пріема.

Вторая половина августа. Въ «славную» Н—ву съѣхались бурсаки со всѣхъ концовъ губерніи. Кромѣ родительскаго благословенія, хотя и по вѣки нерушимаго, да розовыхъ надеждъ, рѣдкій изъ нихъ могъ похвастаться сколько-нибудь достаточнымъ количествомъ презрѣннаго металла. Неудивительно, если большинство, въ ожиданіи экзаменовъ и завѣтнаго «казеннаго дома», пріютились на окраинахъ, въ убогихъ лачугахъ, по пять—шесть человѣкъ въ такой комнатѣ, гдѣ и одному не просторно. Особенно посчастливилось окраинѣ у подножія монастырской горы, посчастливилось по нѣсколькимъ причинамъ: во—первыхъ: тамъ живутъ—профессіональныя квартиросодержательницы, ибо въ монастырской оградѣ помѣщается уѣздная бурса; во—вторыхъ, тамъ и дешевле на этотъ разъ: холера, гулявшая по губерніи все лѣто и еще не унявшаяся, больше другихъ мѣстъ излюбила эту грязную окраину... Да не подумаетъ читатель, что авторъ преувеличиваетъ тутъ или прикрашиваетъ: и для него самого теперь это кажется какимъ то причудливымъ сновидѣніемъ. Арбузы и дыни на сосѣднемъ баштанѣ отдавали чуть не даромъ, и только вопіющая бѣдность, только она одна, могла дать матеріалъ для картины, на которой группа оборванной и голодной молодежи на

время оставила завтракъ или обѣдъ, состоящій изъ однихъ арбузовъ и дынь, чтобы пропустить мимо двора похороны умершаго отъ холеры...

— И не боятся! Ничѣмъ ихъ не запугаешь!..

Это было не совсѣмъ вѣрно: знали страхъ и эти, повидимому, бодрые юноши. Каждый изъ нихъ пуще смерти боялся позорнаго возвращенія домой, мысль о возможности возвращенія домой положительно отравляла самыя заманчивыя перспективы, выдѣлялся ли въ этихъ перспективахъ университетъ, вырисовывалась ли на отдаленнѣйшемъ планѣ ихъ скромная ряса деревенскаго священника,—отравляла тѣмъ немилосерднѣе, что и примѣровъ-то возвращенія сколько угодно, и въ хвастливыхъ рѣчахъ старшихъ товарищей, семинаристовъ, новоиспеченныхъ философовъ и богослововъ, усердно навѣщавшихъ не безъ просвѣтительныхъ цѣлей квартиры будущихъ риториковъ, было весьма немного на этотъ счетъ утѣшительнаго. Да и въ самомъ дѣлѣ: палка—кому это неизвѣстно?—о двухъ концахъ. Что эти «лучшіе» профессора дѣйствительно открываютъ бурсакамъ свѣтъ и далеко за окномъ; что они съ чувствомъ, хотя и по секрету отъ начальства, жмутъ руку каждому, кто, по ихъ мнѣнію, «подаетъ надежды»; что ихъ симпатіи на сторонѣ готовыхъ свернуть съ проторенной родителями дороги,—уже и это не для всѣхъ одинаково было хорошо. А если жъ для меня совершенно достаточно и того свѣта, что въ окнѣ? А если жъ я всѣ свои надежды воплотилъ именно въ рясѣ? А если жъ я всѣ свои мечты направилъ исключительно на дорогу, проторенную родителями, и не имѣю ни малѣйшаго желанія поворачивать на другую?.. Все это, право, было страшнѣе холеры, которая, какъ видите, до крайности снисходительно относилась къ этимъ пришельцамъ, не подозрѣвавшимъ даже о существованіи борьбы съ непрошенной гостьей...

— Срѣжетъ, пожалуй...

— Кто—Григорій Васильевичъ? Можетъ...

О, сколько въ этомъ лаконическомъ и авторитетномъ «можетъ» заключается ужаса! Главное—авторитетномъ: вѣдь, гово-

ритъ не кто-нибудь, говорилъ богословъ, прекрасно знающій Григорія Васильевича, запросто у него бывающій и досконально его изучившій. Хорошо, если *онъ* не будетъ на экзаменѣ!

— Ничего, ничего... И мы боялись... Зато, *если* ужъ обратитъ на васъ вниманіе!..

«Если»!.. Да, вѣдь, въ этомъ «если» цѣлая драма! Ну, а если не то? Погибъ?!...

— Положимъ, правда...

Часъ отъ часу не легче. Не утѣшаетъ и то, что всѣ «они»—воплощенная деликатность. Послѣ, послѣ будемъ упиваться ею: будемъ писать о ней домой, въ уѣздную бурсу, будемъ разсказами о ней, встрѣчать и смущать младшихъ товарищей, какъ встрѣчаютъ и слушаютъ насъ, и пр. и пр., а пока—на душѣ было бы куда спокойнѣе, если бы они были менѣе деликатны. Положимъ, Пр—ма старшій былъ глупъ непроходимо, глупѣе младшаго, то, что называется: «вырисъ, та ума не вынисъ»; а все же казусъ, съ нимъ совершившійся именно на почвѣ этой деликатности, не забавенъ только... На прошлыхъ экзаменахъ удивилъ онъ одного изъ «лучшихъ» профессоровъ: мужчинѣ 24 года, а читаетъ по-русски хуже сапожника! «Да вы къ чему собственно стремитесь»? П—ма сталъ теребить усы и пояснилъ, что—само собой—объ академіи онъ и мечтать не смѣетъ; университетъ—тоже глупости; единственное его желаніе—пройти семинарскій курсъ и замѣнить потомъ папеньку. Парень былъ увѣренъ, что откровенно изложенный благородный и вполнѣ основательный планъ его очаруетъ Якова Андреевича. Увы! послѣдній улыбнулся, ехидно прищурился и какъ-будто въ серьезъ спросилъ: «значитъ, вы бездарнаго іерея считаете полезнѣе талантливаго звонаря»? Несмотря на всю прозрачность скорѣе дерзкой, чѣмъ остроумной шутки, бѣдный Пр—ма совсѣмъ не понялъ ея, и когда узналъ, что онъ принятъ въ семинарію «до усмотрѣнія», состряпалъ хвастливое письмо въ уѣздную бурсу: восхвалялъ деликатность профессоровъ, ходатая за него назвалъ «молодчиной», обозвалъ уѣздныхъ учителей хамами и наплелъ даже чего то на счетъ особеннаго вниманія къ нему профессора словесности, ко-

торый велъ-де съ нимъ бесѣду о бездарности и талантливости. Что сказали «хамы», которые, несомнѣнно, прочли его посланіе, это—тайна неразработанной исторіи; но когда, мѣсяца черезъ два, объявили Пр—му, что «усмотрѣніе» кончено, и онъ можетъ отправиться во-свояси, онъ крѣпко наморщилъ лобъ, безжалостно дернулъ себя за усъ, злобно сжалъ кулаки и, ударивъ ими по столу, сказалъ: «Свинство!.. Вотъ что!.. Я понимаю: бей, дери за уши, сыпь, если хочешь, березовую, но... щади же ты хоть старость то отцовскую»!.. И направилъ онъ путь къ папенькѣ, который, выслушавъ исповѣдь сына, просто не зналъ, какъ выразить негодованіе, и только одному дивился: «Скажите, пожалуйста!.. И гдѣ же творится это либеральное глумленіе. Въ духовной семинаріи!.. Мало того: подъ самымъ бокомъ у его преосвященства»!..

Начались экзамены. Формальностей—никакихъ: знали только день и неточно часъ. Господа профессора входятъ въ классъ важно, серьезно, строго, но не образуютъ никакихъ коммиссій, усаживается каждый, гдѣ ему удобнѣе, иной даже на краешекъ сломанной скамьи. Ничего напоминающаго «страшный судъ». Со стороны можно подумать, что идутъ какіе-то частные разговоры.

Вотъ только разговоры эти мѣстами что-то слишкомъ ужъ затягиваются: усердствуетъ иной, а всѣхъ больше церковный историкъ изъ «братушекъ» Иванъ Христофоровичъ, который, по острословію богослововъ, такъ высоко держитъ «знамя строгости и формализма», какъ только можетъ держать его человѣкъ, надѣленный его ростомъ. Не уступаетъ ему, впрочемъ, и словесникъ Яковъ Андреевичъ, который, говорятъ, часто подсмѣивается надъ Алексѣемъ Осиповичемъ, превращающимъ иногда экзаменъ по латинскому языку въ испытаніе запорожца при пріемѣ въ Сѣчь: «умѣешь—молъ креститься? Съ Богомъ»! Хотя касается это больше тѣхъ субъектовъ, которыхъ, какъ пана, «видно по пóходу», и изъ которыхъ все равно ничего не выжмешь. Раздается безконечное «э... э... етово... хотя бы предположимъ напримѣръ» добрѣйшаго Флора Андреевича, безуспѣшно наводящаго смущеннаго бурсака на рѣшеніе какой-то задачи, и едва слышенъ невнятный шопотъ

другого математика Николая Егоровича, нетерпѣливо выслушивающаго невозможные отвѣты и положительно недоумѣвающаго, кто и гдѣ училъ этихъ юношей ариѳметикѣ. Благодушнѣйше выслушиваетъ нелѣпые отвѣты Егоръ Филипповичъ, «моргая глазомъ, гладя усъ» и думая о книжномъ прилавкѣ, изъ-за котораго отозвали его за неимѣніемъ спеціалиста по географіи. Лѣниво предлагаетъ вопросы Иванъ Герасимовичъ, второй словесникъ, слабый, болѣзненный, но милый балагуръ и отличный чтецъ. Мягко стелетъ довольно таки жесткую постель Димитрій Николаевичъ; все краснѣетъ бѣдный новичокъ Василій Ананьевичъ; недоволенъ и лукаво трясетъ бородой гражданскій историкъ, отецъ Ѳеодоръ; почти что спитъ надъ греческой грамматикой Андрей Андреевичъ... Грозы, которой пуще всего боялись, Григорія Васильевича, не видно вовсе. Лишь изрѣдка заходитъ инспекторъ—отецъ Евфимъ, чтобы посмотрѣть, что-то такое сказать самому себѣ и тѣмъ ограничить никого неинтересующій контроль. Прошелъ и безцѣльно посмотрѣлъ на всѣхъ философъ Борисъ, не находящій себѣ мѣста и не знающій, что дѣлать съ собой до обѣда...

Красные, какъ только что сваренные раки, переходятъ экзаменующіеся отъ одного профессора къ другому, выходятъ въ тѣсный дворикъ и на улицу, собираются въ кружки и дѣлятся впечатлѣніями. Ясно пока для всѣхъ, что уѣздная бурса предстала во всемъ своемъ убожествѣ. Иные, слыша отвѣты товарищей, готовы покорно сложить оружіе и сдаться. Очень немногіе идутъ не спотыкаясь: это, конечно, тѣ исключительно даровитые юноши, которые уже и въ уѣздной бурсѣ стояли головой выше всѣхъ товарищей, и которые тамъ даже къ иному учителю имѣли нѣкоторое основаніе относиться отчасти свысока. Прочіе посрамляются не въ одномъ, такъ въ другомъ пунктѣ и съ трепетомъ ждутъ рѣшенія своей участи...

Собраніе педагогическаго совѣта не заставило себя долго ждать, тѣмъ болѣе, что нужно было еще отпустить на нѣкоторое время принятыхъ, какъ и всѣхъ рано пріѣхавшихъ, пока хоть немного успокоится холера. Можетъ быть, эта непрошенная гостья повліяла на особую снисходительность, оказанную при

пріемѣ; можетъ быть, ничего, кромѣ этой снисходительности и не было въ дѣйствительности; но возрадованные бурсаки создали цѣлую «систему», которая де обнаружилась при пріемѣ того или другого. Говорили, что Флоръ Андреевичъ согласился на пріемъ Петрова потому, что Петровъ «поразилъ» Алексѣя Осиповича знаніемъ латыни: «э... э... етово,... въ такомъ случаѣ я уступаю»... Говорили, что неумѣвшаго даже читать по-латыни Сидорова выручилъ Яковъ Андреевичъ, заявившій, что это,—замѣчательно развитой, начитанный и грамотный юноша, которому потому и не повредилъ Алексѣй Осиповичъ: «симъ рикъ макъ не родывъ, а голоду не було»... Говорили, что даже неуступчивый Яковъ Андреевичъ, и тотъ согласился пропустить Иванова, когда узналъ что это—незаурядный математикъ... Говорили, что Григорій Васильевичъ отстоялъ бѣдняка Семенова, который подготовилъ многихъ въ семинарію, а самъ провалился... Si non e vero, e ben trovato!... А за то какое удивительное впечатлѣніе произвели всѣ эти, допустимъ, даже измышленія.

— Кончено! Петровъ теперь и по-русски забудетъ говорить, совсѣмъ станетъ римляниномъ!

— Ну, Сидоровъ теперь издохнетъ за книжкой!.. Уши объѣстъ онъ и библіотекарю, и самому Яшкѣ...

— Не пожалѣетъ Николай Егоровичъ: изъ Иванова—увидите—выйдетъ дивный математикъ!

— Вотъ спасибо Григорію Васильевичу: отъ срама спасъ! Не будь принятъ Семеновъ, здорово бы икнулось тѣмъ, кто безъ него не видалъ бы семинаріи, какъ своихъ ушей!..

Прошло тридцать лѣтъ. Изъ профессоровъ остались въ живыхъ очень немногіе. Даже изъ экзаменовавшихся, «иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ—далече». Но пусть каждый изъ переживших и доживающихъ подумаетъ, и, пользуясь имѣющимися у него свѣдѣніями, скажетъ, положа руку на сердце: мало ли дало то время умныхъ, дѣльныхъ, честныхъ, благородныхъ и полезныхъ работниковъ на разныхъ поприщахъ? Такъ ли ужъ въ самомъ дѣлѣ снисхожденіе, не ставшее подъ «знамя строгости и формализма», повредило тѣмъ, что не дало въ шею Петрову, Сидорову, Ива-

нову, Семенову и прочимъ? А когда вы, пережившіе и доживающіе, вспомните и то, что вся тогдашняя система обученія была далеко не выше критики; что сами господа профессора,—не всѣ, конечно, но многіе,—почему бы то ни было не могли особенно много сдѣлать и не были чужды вредной рутины: вы вмѣстѣ съ авторомъ настоящихъ строкъ благодарственно преклонитесь передъ величіемъ того маленькаго человѣка, которому приписывали слова, будто бы сказанныя имъ въ совѣтѣ математику, не желавшему пропустить какого то Петрова или Сидорова: «Да вы бы эту самую задачу дали намъ... А пока мы, съ отцомъ ректоромъ да Иваномъ Христофоровичемъ, что ли, будемъ на ней проваливаться, вы бы сами хоть laudo тамъ или moneo проспрягали... Въ компаніи не такъ стыдно и намъ было бы рѣзаться»...

III.

Поддержка.

Новоиспеченные словесники, или риторы, легко и скоро вошли въ колею семинарской жизни; иные изъ нихъ такъ же легко и скоро порѣшили даже вопросъ о будущемъ—объ оставленіи семинаріи послѣ философскаго класса... Тому и другому содѣйствовали особо благопріятныя обстоятельства. Дѣло въ томъ, что въ лицѣ философовъ и даже богослововъ новопоступившіе встрѣтили товарищей, которые своими отношеніями къ нимъ нимало не напоминали грамматиковъ и синтактиковъ уѣздной бурсы, всегда высокомѣрныхъ, а подчасъ и просто таки жестокихъ къ несчастной фарѣ. Лучшіе воспитанники изъ философовъ и богослововъ представляли довольно рѣзко уже опредѣлившійся либеральный элементъ семинаріи. На нихъ смотрѣли какъ на семинаристовъ случайныхъ, знали что духовному вѣдомству отъ нихъ прока будетъ мало, и относились къ нимъ различно: одни—съ чувствомъ добрыхъ товарищей, другіе—съ пренебреженіемъ, явившимся слѣдствіемъ и рѣчей папенекъ, и взглядовъ начальства.

И онъ туда же! Еще бы: будущая знаменитость'..

Но «знаменитость», какъ знаменитость: она скромна, а потому и далека отъ возраженій; она чувствуетъ всю неумѣстность, рискованность даже, если хотите, возраженія; она дрожитъ при мысли о весьма возможной неудачѣ и прекрасно понимаетъ, что ей нечего отвѣчать на справедливое замѣчаніе завистника: «тоди скажешъ гопъ, якъ выскочышъ»... Надо быть слишкомъ смѣлымъ и самонадѣяннымъ, чтобы, въ свою очередь, открыто смѣяться надъ глупостью завистника, имѣющаго пока то уже преимущество, что стоитъ онъ все-таки на вѣрной дорогѣ. По этой струнѣ нерѣдко бьетъ и начальство и бьетъ—надо отдать ему полную справедливость—очень больно.

— Въ лѣсъ глядите? Охъ, смотрите!.. Свернуть то съ дороги легко, но назадъ—трудно... Помните, что мы во всякомъ случаѣ уже не пріймемъ!.. Бросили бы вы лучше вашего Добролюбова, да сѣли за книгу!..

И распекаемый прекрасно понимаетъ, что въ словахъ прямодушнаго отца ректора все—правда, за исключеніемъ, конечно, обмолвки, будто въ самомъ дѣлѣ случайно обнаруженный томъ Добролюбова—не книга. На иной почвѣ стоитъ отецъ Евфимъ. При своей исключительной тучности, требующей на каждомъ шагу отдыха, онъ никогда не можетъ войти въ номеръ неожиданно и застать бурсака за недозволенной книгой; но онъ обладаетъ такимъ удивительнымъ нюхомъ инспектора, что сплошь и рядомъ поражаетъ всѣхъ своими прозорливыми замѣчаніями на счетъ храненія въ сундукахъ даже изъятыхъ изъ обращенія томовъ Писарева. Несмотря на это, отецъ Евфимъ отечески «пропагандируетъ одно: «учись!» и всегда скрываетъ настоящее свое мнѣніе на счетъ очевидныхъ стремленій своихъ питомцевъ.

— Учись прежде... Вотъ что... Послѣ будешь думать... Умному вездѣ мѣсто, а дуракъ нигдѣ никому не нуженъ.

Все вмѣстѣ взятое, отъ насмѣшекъ, завистника до собственнаго сознанія возможной опасности, дѣйствуетъ на иного удручающе, и сколько нашлось уже такихъ, что не только поколебались, но и совсѣмъ спасовали!

— А вы, что же: развѣ струсили?

— Боюсь, Григорій Васильевичъ: ей-Богу, боюсь! Какъ подумаю: ну, что я такое, въ самомъ дѣлѣ, если семинаріи не кончу, и въ университетъ не попаду? Ни пава, ни ворона...

— Полноте! Смѣлымъ Богъ владѣетъ...

— И старики мои... Вся жизнь разбита... Не далъ мнѣ Богъ воли крѣпкой, вотъ я и...

Горячая голова Григорій Васильевичъ, но и онъ боится взять на себя дѣйствительно большую нравственную отвѣтственность за судьбу молодого человѣка, и сдается:

— Ну, что жъ? Кончайте курсъ... Два года, въ сущности, пустяки, а богословскіе предметы, несомнѣнно, не останутся безъ вліянія на развитіе...

Такимъ образомъ исходъ есть. Надежды не похоронены. Правда, лукавый товарищъ завистникъ не оставляетъ въ покоѣ, и встрѣчаетъ очень ѣдкимъ поздравленіемъ: «нашего—молъ—полку прибыло!» но... теперь то ужъ можно будетъ и этому ослу отвѣтить!.. А главное—отношенія хотя бы и къ Григорію Васильевичу не только не измѣнятся, но сдѣлаются еще дружественнѣе: случайный богословъ, какъ Григорій Васильевичъ—случайный учитель семинаріи, онъ будетъ его домашнимъ человѣкомъ, будетъ и другимъ еще полезенъ. Но особенно симпатичны тѣ, что сами, повидимому, не думаютъ ни объ университетѣ, ни объ академіи, а такъ тепло, такъ задушевно относятся къ порывамъ младшихъ товарищей! Вотъ, напримѣръ, Иванъ Николаевичъ: благородный человѣкъ, такъ мало напоминающій даже отдаленнаго потомка бурсы; очень не глупый, солидный артистъ въ душѣ, пѣвецъ съ данными хорошаго регента и организатора хоровъ. Отъ каждаго слова его, обращеннаго къ новичку, вѣетъ такой искренностью, простотой и готовностью поддержать и ободрить! Онъ—близкій человѣкъ къ Григорію Васильевичу и пользуется этой близостью на пользу многихъ, напримѣръ,—на пользу вотъ хотя бы и этого даровитаго, по его мнѣнію новичка.

— Вы, значитъ, думаете въ университетъ?

О, Боже!.. Да это было бы счастье!

— А дражайшіе ваши какъ?

— Всего было, но кончили благословеніемъ и обѣщаніемъ дать согласіе...

— Bravissimo! Въ такомъ случаѣ, я познакомлю васъ съ Григоріемъ Васильевичемъ. Я, вѣдь, бываю у него...

Бѣдный новичокъ положительно не вѣритъ своимъ ушамъ. Забывъ не только о снѣ, но даже о приказѣ инспектора быть въ 10 часовъ вечера уже въ постели, онъ далеко за полночь, до изнуренія, все ходитъ по тѣсному дворику «казеннаго дома» и отдается своимъ неотвязчивымъ мечтамъ. Въ воображеніи его рисуются картины будущаго, до того заманчивыя, что, кажется, нѣтъ на свѣтѣ такой жертвы, на которую не рѣшился бы онъ ради осуществленія мечтаній. Но какая тутъ жертва? Не больше того, что говоритъ Некрасовъ школьнику:

«Знай—работай да не трусь!»

А это такъ нетрудно, когда силъ и здоровья—въ избыткѣ... Исполнитъ ли, однако, Иванъ Николаевичъ свое обѣщаніе? Согласится ли и Григорій Васильевичъ? Мало ли есть у него учениковъ и посолиднѣе, и уже совершенно опредѣлившихся? У него собираются часто, собираются много... Какъ попасть туда?.. Юный мечтатель пробирается въ уголъ своего номера, усердно молится (ибо общая вечерняя молитва такая обидная формальность, совершенная вовсе и не «передъ отходомъ ко сну»), укладывается на свою жесткую постель, а въ ушахъ такъ и стоитъ то заманчивое обѣщаніе Ивана Николаевича, то студенческая пѣсня изъ недавно прочитанной имъ контрабандой въ «Отеч. Зап.» повѣсти, кажется, «Передъ зарей»:

Тамъ, гдѣ Кама съ Окой,
Словно братецъ съ сестрой,
Обнимаются...
Отъ зари до зари
Вереницей студенты шатаются...

Боже! Какъ хорошо тамъ!.. И холодно, и голодно, но... лучше неизмѣримо лучше, чѣмъ здѣсь, подъ этимъ изорваннымъ

байковымъ одѣяломъ, на сбитомъ въ комки матрацѣ, послѣ голоднаго ужина, въ удушливомъ табачномъ дыму и—главное—безъ надежды на что бы то ни было, кромѣ рясы, нищеты, приниженности, выпрашиванія грошей и тоже шатанія, но шатанія всю жизнь, а не въ одни веселые годы студенчества...

Вереницей студенты шатаются...

Ша-та-ют-ся... И во снѣ бѣдный мечтатель видѣлъ Ивана Николаевича среди шатающихся студентовъ вмѣстѣ съ Григоріемъ Васильевичемъ.

— Я хотѣлъ сказать вамъ, Иванъ Никол... Вотъ что... оно, конечно... Но... какъ же? Право я... Григо...

— Нечего, нечего смущаться, голобородый юноша (въ устахъ иного богослова подобный эпитетъ имѣлъ полный смыслъ...)! Онъ—чудный человѣкъ, увидите... Онъ не любитъ только лѣнтяевъ да бездарностей, а васъ уже и знаетъ отчасти, я говорилъ ему... Въ субботу, прямо изъ церкви и пойдемъ!

Если бы въ эту минуту случился докторъ и изслѣдовалъ пульсъ юноши, онъ, по всей вѣроятности, прописалъ бы ему большую дозу успокоительнаго... Если бы богословъ вспомнилъ лекціи по психологіи того же Григорія Васильевича, онъ, по всей вѣроятности, не оставилъ бы юношу одного съ расходившимися нервами... Если бы суббота была сегодня, а не черезъ нѣсколько дней, по всей вѣроятности, и юноша попросилъ бы отложить посѣщеніе профессора хоть на недѣлю... Но доктора не случилось, конечно, богословъ сказалъ и ушелъ, и юноша весь отдался той нервной радости, которая вызываетъ у смотрящаго со стороны недоумѣвающій вопросъ: не съ ума ли онъ сошелъ? Чтобы понять это состояніе юноши, нужно знать, какимъ ореоломъ величія былъ окруженъ въ глазахъ семинаристовъ вообще, а въ особенности молодыхъ, да еще тѣхъ, что съ «огонькомъ», Григорій Васильевичъ. Послѣдній, головой выше всѣхъ коллегъ—это было общее мнѣніе. Онъ обладалъ умомъ свѣтлымъ и свѣжимъ, даромъ краснорѣчія рѣдкимъ, начитанностью удивительной. Никто не умѣлъ такъ горячо, такъ убѣжденно и такъ искренно

сказать молодежи новое слово. Его лекціи—одинъ восторгъ. Когда на одной изъ нихъ онъ выяснилъ смыслъ и значеніе какой то сказочки Андерсена, кажется—«Принцесса на горошинѣ», всѣ набросились на сказки Андерсена и просто пожирали каждую, ища смысла, идеи... Его недовольство строемъ семинарскаго воспитанія и образованія и неподдѣльное сочувствіе стремленіямъ молодежи въ университетъ доставило, правда, ему репутацію небезопаснаго либерала, на котораго косилось начальство, но оно въ то же время и снискало еще большія симпатіи молодежи. Его всѣмъ извѣстная безпощадность по отношенію къ лѣнтяямъ, рутинерамъ, «бурсакамъ» въ худшемъ смыслѣ слова, заставляла этихъ самыхъ лѣнтяевъ, рутинеровъ и бурсаковъ бояться его, какъ огня. Его обожали за все это лучшіе воспитанники, любили одни товарищи и ненавидили другіе. Начальство считало его человѣкомъ больнымъ... Увы! онъ и дѣйствительно былъ боленъ, только не болѣзнью духа, особенно въ немъ дѣятельнаго: чахотка стояла уже за плечами бѣднаго профессора и работала такъ, какъ умѣетъ она работать надъ молодыми организмами...

Съ замираніемъ сердца переступилъ нашъ мечтатель порогъ квартиры Григорія Васильевича. Тамъ было уже нѣсколько философовъ и богослововъ. Хозяинъ встрѣтилъ его просто, подалъ руку, указалъ мѣсто возлѣ чайнаго стола, освѣдомился о старшихъ братьяхъ, налилъ ему стаканъ чая и потомъ весь вечеръ какъ будто и не замѣчалъ его присутствія. Часовъ до десяти шла бесѣда. Доминировалъ, конечно, голосъ хозяина. Говорили о новыхъ журналахъ, читали письма бывшихъ семинаристовъ, уже студентовъ, хозяинъ по какому то поводу прочелъ цѣлую лекцію по философіи, но ни однимъ словомъ не обмолвился ни о семинаріи, ни о начальствѣ, ни объ учителяхъ. Почему же онъ либералъ да еще и не безопасный? Таковымъ никто не считаетъ, напримѣръ Алексѣя Осиповича, а кто такъ ѣдко подчасъ подсмѣивается и надъ самымъ начальствомъ? Да, но никто, однако, кромѣ Григорія Васильевича, семинаристовъ у себя не собираетъ, никто больше на другую дорогу ихъ такъ не направляетъ, никто за книгу, не входящую въ курсъ семинаріи, не усаживаетъ...

— Ну, довольны вы?

— Еще бы!

— Постойте дальше... Онъ сегодня не въ ударѣ...

— Знаете: я теперь рѣшилъ безповоротно... Что будетъ, то будетъ!.. Поможетъ ли онъ? Надо читать, да и за нѣмецкій, необходимо сѣсть...

— Понятно!.. А теперь, голобородый юноша, не угодно ли вамъ будетъ показать вашу ловкость.

Богословъ и словесникъ подошли къ казенному дому и приступили къ выполненію послѣдняго номера программы вечера, номера самаго труднаго, какъ финальнаго: оба должны были, пользуясь непрочной водосточной трубой, взлѣсть на высокій заборъ и совершить оттуда salto-mortale во дворъ бурсы.

IV.

Лекціи.

Семинарія, съ точки зрѣнія ея питомцевъ, хоть и не всѣхъ, но большинства, потеряла бы весьма существенный признакъ, дававшій ей превосходство надъ уѣздной бурсой, если бы и въ ней, какъ въ уѣздной бурсѣ, были тѣ же «уроки» и тѣ же «учителя». Вѣроятно, потому она долго и упорно сохраняла гораздо болѣе громкія названія, именуя учителей «профессорами», уроки же ихъ—«лекціями», сохраняла, несмотря на то, что оффиціально рѣшительно не въ состояніи была бы подтвердить основательность такой терминологіи,—сохраняла даже въ то время, когда сами господа «профессора» уже не считали и не должны были считать себя таковыми. Если они, профессора, и являлись отчасти виновниками живучести традиціонныхъ наименованій, то развѣ потому только, что иные изъ нихъ питали страстишку къ лекціонной системѣ... Правда: за нѣкоторыми исключеніями, система эта была близка къ безсистемности; за нѣкоторыми же исключеніями, она была и довольно очевиднымъ слѣдствіемъ лѣни и безконтрольности... Но грѣха нечего таить—«лекціи» были на руку

многимъ! Для иного господина профессора было очень удобно «отзвонить и съ колокольни прочь»; для семинаристовъ лѣнтяевъ,—а таковыхъ было, конечно, немало,—«лекціи» служили прекраснымъ средствомъ не оставаться въ долгу у господина Храповицкаго и воздавать ему должное; наконецъ, для работавшихъ и интересовавшихся чѣмъ-либо «лекціи», разумѣется, скорѣе обыкновенныхъ уроковъ позволяли узнать что-нибудь новое и не скучать, выслушивая отвѣты и распеканія... Прибавимъ къ этому, что профессоръ, читавшій «лекціи» и рѣдко спрашивавшій, на многихъ весьма сильно дѣйствовалъ и видимымъ довѣріемъ, и фактическимъ признаніемъ своихъ слушателей людьми уже взрослыми, давно вышедшими изъ пеленокъ. И, наоборотъ, конечно. Вотъ хотя бы удивительный философъ Борисъ Павловичъ. Онъ отлично вызудилъ какой то учебникъ и одну страничку его излагаетъ на каждой лекціи. Слушателямъ предоставляется записывать, а чтобы они не переврали и не смѣшали новыхъ и совершенно чуждыхъ имъ именъ, направленій, терминовъ и т. п., Борисъ Павловичъ говоритъ медленно, такъ медленно, что послѣ иного его слова можно и карандашъ очинить. Почти каждую такую лекцію заканчиваетъ онъ обѣщаніемъ «въ слѣдующій разъ спрашивать». Увы! обѣщаніе это такой же пустой звукъ, какъ и многое въ его рѣчахъ. Даже совершенно лишенный наблюдательности знаетъ, что, не закончивъ извѣстнаго вопроса, начатаго и растянутаго не на одну лекцію, Борисъ Павловичъ спрашивать не станетъ. Далѣе: если вдругъ,—что, конечно, весьма и весьма возможно—философъ явится на урокъ въ совсѣмъ не философскомъ состояніи, языкъ откажется сплетать связныя мысли и онъ въ самомъ дѣлѣ начнетъ спрашивать, то изъ этого ровно ничего не выйдетъ. Наконецъ, подготовиться по микроскопическимъ запискамъ доморощенныхъ стенографовъ къ спрашиванью «въ серьезъ»—такъ легко! Ну-съ, а экзамены? На нихъ мы еще успѣемъ пригласить читателя, который такимъ образомъ воочію убѣдится, что лекціи, напримѣръ, по философіи, были удобны для самого господина профессора да для извѣстнаго разряда его слушателей.

Читаетъ лекціи и знакомый уже намъ Григорій Васильевичъ, но и дѣйствіе ихъ и результаты совсѣмъ не тѣ! Мало-мальски порядочный богословъ прежде всего стыдится не вслушиваться въ нихъ... О микроскопическихъ запискахъ нѣтъ и рѣчи: чтобы сдать отдѣлъ, надо кое-что и прочесть, кое о чемъ и подумать, побесѣдовать. Полный искренности, желчности даже, упрекъ педагога въ незнаніи—это не шальная единица въ журналѣ, легко превращающаяся въ «4» или вовсе исчезающая. Безъ головы на плечахъ тутъ не обойдешься, и тотъ, кто думаетъ иначе, по меньшей мѣрѣ рискуетъ такими непріятностями, о которыхъ долго будетъ помнить.

Трудно найти другого такого любителя «лекцій», какъ краснорѣчивый іерей, отецъ Өеодоръ! Когда то онъ, повидимому, и поработалъ: курсъ исторіи изложенъ у него въ запискахъ, которыя, будь онѣ напечатаны, дали бы не одинъ увѣсистый томъ. Но едва ли эти записки предназначались для печати: составитель ихъ, очевидно, разсчитывалъ только на домашнее употребленіе, а потому внесъ въ нихъ все—отъ разсказа историческаго до реплики о дѣйствіяхъ самого лектора... По крайней мѣрѣ, всѣ почти увѣрены, что безконечныя шутки отца Өедора, вызывающія неудержимый смѣхъ аудиторіи, подсказываются ему записками... Не даромъ же онъ такъ ревниво оберегаетъ ихъ отъ любопытнаго взора семинаристовъ, и всѣ свои чтенія сводитъ, при спрашиваньи и на экзаменахъ, къ сухому учебнику, въ который и самъ ежеминутно заглядывалъ и дальше котораго никогда не идетъ...

— Мы остановились, господа, кажется на... цуцикѣ!... Да!..

— Го-го-го!.. Ха-ха-ха!.. Онъ самый!..

Настроивъ аудиторію на веселый ладъ, отецъ Өедоръ «трясетъ лукаво бородой», какъ выразился о немъ піитъ, морщитъ лобъ и пресерьезно продолжаетъ: «эта собака сослужила ему службу въ походѣ...» и т. д., пока тишина аудиторіи не подскажетъ ему, что пора уже отпустить новую шутку.

Бульварный франтъ, что Яшкой зовется,
Надѣвши шапку на бекрень,

Къ словесникамъ съ журналомъ прется,
Забывъ, какой сегодня день...

Піита надѣлилъ Якова Андреевича давно даннымъ ему неостроумнымъ прозвищемъ, но вѣрно подмѣтилъ другую черту: имѣя шесть уроковъ словесности въ недѣлю, по одному въ день и неизмѣнно въ одни и тѣ же часы, поневолѣ будешь начинать или кончать урокъ вопросомъ: «что у насъ сегодня?» дабы не записать въ журналъ среды вмѣсто четверга. Однако же, убогій піита не отмѣтилъ главнаго: такихъ лекцій, какъ Якова Андреевича, все-таки было немного! Называются онѣ лекціями по привычкѣ, въ сущности же представляютъ усердную работу учителя съ учениками и—ничего больше. Учебника—никакого. Самъ профессоръ излю́билъ первые труды Стоюнина, окружилъ себя изданіями русскихъ писателей да хрестоматіями и, объявивъ воспитанникамъ, что нужно имѣть только голову да записную тетрадь, работаетъ, не мудрствуя лукаво, серьезно требуя этой работы и ото всѣхъ. Заносчивъ онъ, неуступчивъ, но—

— Господа! Вѣдь вы же называетесь «словесниками»! Вѣдь, словесность—главное у васъ!... И вдругъ обрѣтается верзила, который преусердно увѣряетъ, что, «Слово о полку Игоревѣ», плодъ вдохновенной музы... Державина!

— Что, что? Повторите...

— Ну, да... Державина...

Яковъ Андреевичъ таращилъ глаза, въ классѣ—смѣхъ, скандалистъ недоумѣваетъ. Бываетъ же такъ, что иная глупость залѣзетъ тебѣ въ голову, и кажется, что такъ оно непремѣнно и должно быть.

— Вы увѣрены?

Снова пауза, снова смѣхъ товарищей.

— Ну, вотъ что: больше видѣть васъ въ своемъ отдѣленіи я не хочу. Ступайте!

Яковъ Васильевичъ даже не объясняетъ «ошибки» и продолжаетъ свое дѣло. А когда о происшествіи узнаетъ Иванъ Герасимовичъ, другой словесникъ, ведущій параллельное отдѣленіе, онъ благодушно утѣшаетъ:

— Ну, что жъ? Глупо оно, конечно, но ничего—*я* прійму!.. Иванъ Герасимовичъ тоже сторонникъ лекцій, но его лекціи это одни сплошныя чтенія авторовъ. Безспорно, удивительный чтецъ, онъ слишкомъ ужъ, кажется, злоупотребляетъ своимъ умѣньемъ, и не безъ основанія иные называютъ его уроки еженедѣльными даровыми спектаклями... Однако же, нельзя сказать, чтобы совсѣмъ уже опредѣленно было рѣшеніе, въ которомъ изъ двухъ отдѣленій лучше знаютъ словесность. Въ подборѣ ли учениковъ причина, такъ ли велика сила впечатлѣнія отъ дѣйствительно художественнаго чтенія, только многіе и многіе питомцы профессора-декламатора не помянутъ злымъ словомъ своего больного, а потому, быть можетъ, лѣниваго учителя...

— Господа! Андрей Андреевичъ прямо изъ клуба!

Довольно заурядная новость эта обозначаетъ, что сегодня будетъ по греческому языку «лекція», а потому—молъ—да успокоятся всѣ, и безъ того не Богъ вѣсть какъ тревожащіеся, кто не раскрывалъ еще и книги. И дѣйствительно, Андрей Андреевичъ входитъ въ классъ въ черномъ фракѣ, безъ книгъ, усталый, измученный. И смѣхъ, и горе! Сначала смѣшно видѣть, какъ несчастный профессоръ въ буквальномъ смыслѣ слова «читаетъ» лекцію, какъ сбивается на каждомъ словѣ, теряя справки въ чужой грамматикѣ, какъ спитъ самъ и усыпляетъ слушателей, но дальше становится уже и тяжело, и больно. Ни за что, ни про что человѣкъ губитъ все—и дѣло и свое здоровье. Вотъ онъ закашлялся, глаза налились слезами и кровью, звуки совсѣмъ хриплые. Еще минута, и кажется, что онъ не выдержитъ... Кто то хочетъ выручить: подымается и ставитъ немудреный вопросъ. Андрей Андреевичъ отъ души радъ побесѣдовать. Но, какъ на зло, и вопросы не подыскиваются. Привѣтъ тебѣ, спасительный звонокъ! Ты такъ часто и такъ удачно выручаешь... Но бѣдному лектору какъ-будто стыдно: онъ, не сдается, онъ еще и задерживаетъ урокъ, онъ хочетъ еще что то разсказать, «закончить»... Довольно! Половины слушателей уже нѣтъ въ классѣ... Говорятъ, умеръ онъ отъ чахотки... Иначе и быть не могло, конечно... А помянуть его должны всѣ одинаково: никому не сдѣлалъ онъ

зла, но и добра отъ него ожидать нельзя было, себѣ же дѣлалъ одно только зло...

Часто прибѣгаетъ къ «лекціямъ» и преподаватель священнаго писанія Василій Ананьевичъ, но прибѣгаетъ исключительно по молодости и понятной неопытности, ибо—въ сущности—ему гораздо выгоднѣе сократить чтенія: каждая лекція стоитъ ему, вѣдь, не одного вечера работы, а каждое прошеніе—столькихъ волненій! Тѣмъ болѣе, что именно семинаристовъ—какъ это ни странно—и не легко заинтересовать библіей. Но молодежь цѣнитъ искренность, прямоту отношеній, и симпатіи ея всецѣло на сторонѣ молодого преподавателя, сколько бы ни дѣлалъ онъ ошибокъ. Больше того: она и въ результатѣ не выдаетъ его, приготовитъ къ экзамену все, и никакія придирки Димитрія Николаевича не сконфузятъ его молодого коллегу. Разумѣется, и Димитрій Николаевичъ читаетъ лекціи, но... его тоужъ не проведешь! знаетъ, когда кого спросить, когда для спрашиванья прервать вдругъ лекцію, когда огорошить вопросомъ задремавшаго...

Поразительная новость! Вводится для желающихъ преподаваніе нѣмецкаго языка. Преподаватель будетъ классикъ, ораторъ. Говоритъ онъ чертовски хорошо! Желающихъ масса: громадный классъ переполненъ слушателями. Вошелъ профессоръ и заговорилъ о значеніи нѣмецкаго языка... Боже! какъ онъ говоритъ! Какъ онъ краснорѣчиво доказываетъ, что наступило время, когда незнаніе хоть одного иностраннаго языка—большой дефектъ жизни,—что языкъ, на которомъ писали Шиллеръ и Гете, заслуживаетъ особеннаго вниманія,—что нигдѣ наука не стоитъ такъ высоко, какъ въ Германіи,—что... Но развѣ все припомнить? Часъ проходитъ, какъ минута, всѣ чувствуютъ себя точно на небесахъ. Увы! недолго: уже на слѣдующихъ урокахъ обнаруживается, что краснорѣчивый лекторъ знаетъ не больше слушателей и, слѣдуя похвальному принципу учащихся, самъ началъ изученіе нѣмецкаго языка вмѣстѣ со своими учениками. Само собой понятно, что изученіе далеко не идетъ, аудиторія мало-по-малу пустѣетъ... Интересующіеся приходятъ къ совершенно вѣрному заключенію, что за тотъ же часъ можно дома выучить лишній

десятокъ словъ, и что это гораздо полезнѣе классной болтовни Григорія Өедоровича...

V.

Экзамены.

Для рѣшенія вопроса первостепенной важности избрана одна изъ своего рода конспиративныхъ квартиръ: въ «казенномъ домѣ» собираться неудобно по многимъ причинамъ, между прочимъ и потому, что не такъ то легко обезпечить себя отъ невоздержанности какого-нибудь болтуна. Собравшіеся ждутъ не дождутся прихода депутатовъ, отправленныхъ къ нѣкоторымъ изъ профессоровъ съ вопросами объ экзаменной программѣ и—что всего важнѣе—объ экзаменныхъ билетахъ. День выдался не изъ счастливыхъ: иные депутаты возвратились съ «носомъ», иные что то долго не возвращаются.

— Такъ и отрѣзалъ?

— Ну, да: я, говоритъ, господа, отлично понимаю, чего вы хотите... Стыдно, положительно стыдно! Пусть это будетъ между нами, но не дай Богъ, если кто-нибудь...

— Отъ Бориса, отъ Бориса!.. Ну, ну?

Депутаты только лукаво моргаютъ глазами: дѣло въ шляпѣ.

— Ну, да о Борисѣ не могло быть и рѣчи, а вотъ, что запоетъ Лебедка? Вотъ вопросъ. Но и этотъ вопросъ разрѣшается благополучно: отецъ Өедоръ «просилъ» приготовить билеты. Флоръ Андреевичъ тоже *просилъ*...

— Даже «просилъ»? Вотъ это ловко!

— Однако же, господа: урожаемъ мы похвалиться не можемъ... Исторія только, математика да философія...

Положимъ, и это уже недурно, недурно обезпечить себѣ удовлетворительный отвѣтъ и по двумъ-тремъ предметамъ... И компанія приступаетъ къ детальному обсужденію вопроса. Проектовъ много, надо каждый обсуждать и выбрать наиболѣе подходящій. А выбрать не такъ легко, какъ кажется. Всѣ согласны

съ тѣмъ, что лучше «двойныхъ» билетовъ не придумаешь. Въ самомъ дѣлѣ: къ экзамену ты готовишь всего одинъ билетъ, готовишь, разумѣется, на «пятерку»; надо быть слишкомъ ужъ неуклюжимъ медвѣдемъ, чтобы, взявъ билетъ на столѣ и отправившись къ окну или къ доскѣ обдумывать, не подмѣнить его. Но тутъ есть одинъ рискъ, и рискъ ужаснѣйшій! Этотъ Д... сколько его не убѣждали, сколько ни доказывали ему, что ради «общей пользы» онъ обязанъ пожертвовать своимъ убѣжденіемъ, Д. остается при своемъ ослиномъ упрямствѣ: срѣжусь, молъ, а мошенничать не стану!.. Не дуракъ ли?

Вретъ, понятно: просто разсчитываетъ получить снисхожденіе за честность... Да, но Д. не снисходительный. За нимъ—и другіе. А., положимъ, согласится, ему не опасно: попадутся, тогда онъ попроситъ, чтобы его экзаменовали «по всему пройденному», и всѣ увидятъ, что онъ только не мѣшалъ товарищамъ; по вотъ В. смотритъ иначе, какъ и Д...

— Во всякомъ разѣ два-три человѣка не смѣютъ мѣшать классу! Не смѣютъ, не смѣютъ!

Увѣренность въ этомъ такъ велика, что самозванная депутація не останавливается предъ окончательнымъ рѣшеніемъ: изготовляются два экземпляра билетовъ, совершенно, конечно, одинаковыхъ, и составляется списокъ, кому какой билетъ изъ экземпляра, остающагося на рукахъ, можетъ быть врученъ...

Труднѣе—по философіи. Есть причина, по которой двойные билеты тутъ не пойдутъ. Принимается другой, не менѣе рискованный, проектъ, заключающійся въ удержаніи одного изъ двухъ билетовъ на рукахъ. Такъ какъ по философіи отвѣтъ продолжается довольно долго, ибо экзаменатору приходится повторить иногда все, что говорилось на урокѣ, то подготовляющійся легко успѣетъ прочесть или прослушать по подсказкѣ содержаніе билета, взятаго на столѣ и переданнаго по принадлежности послѣ обычной подмѣны.

— Не замѣтилъ бы только Григорій Васильевичъ, если будетъ... Но Григорій Васильевичъ не замѣтитъ: онъ будетъ си-

дѣть спиной къ подготовляющемуся, и лишь послѣ экзамена пуститъ не одну шпильку по адресу всѣхъ...

Вотъ еще камень преткновенія: математика! Добрѣйшій и осторожнѣйшій Флоръ Андреевичъ, по своей дѣтской наивности, даже не подозрѣваетъ плутней, но имѣетъ прескверную привычку заглядывать въ билетъ, только что взятый. Да и Николай Егоровичъ не спуститъ основному отдѣленію, если замѣтитъ, что дѣло не чисто. И выходитъ: близокъ локоть, да не укусишь; приготовленіе билетовъ на рукахъ воспитанниковъ, а «провести» трудно. Приходится прибѣгнуть къ неуклюжему способу мѣченныхъ билетовъ. Съ зоркостью фабричнаго ревизора осмотрѣны всевозможные сорта бумаги, и если бы кто-нибудь изъ экзаменаторовъ хорошенько всмотрѣлся, онъ бы увидѣлъ, что въ числѣ двадцати и больше билетовъ нѣтъ и двухъ, совершенно одинаковыхъ: одинъ билетъ—съ печатью, другой—безъ печати, третій съ печатью въ другомъ углу, четвертый—срѣзанъ наискось и т. д. и т. д. Не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ, столько возились надъ заключительнымъ отдѣломъ алгебры о перестановкахъ, размѣщеніяхъ и сочетаніяхъ. Увы! экзаменаторы далеко не наблюдательны: они пренаивно хохочутъ, видя, какъ вызванный разсовываетъ билеты и отыскиваетъ «свой», и воображая, что тутъ играетъ роль обычное на экзаменахъ суевѣріе или что-нибудь въ родѣ... Да и мало ли чего они не видятъ? Не видятъ и плохой шутки Ѳедьки М—го, который объявилъ вдругъ готовность стать козломъ отпущенія и вышелъ, къ удивленію всѣхъ, отвѣчать первымъ на экзаменѣ, на которомъ вовсе не могло быть плутней, ибо Василій Ананьевичъ самъ приготовилъ билеты. Ѳедька взялъ съ собой громадную библію, еле держалъ въ рукахъ во время отвѣта, а къ концу отвѣта положилъ ее на билеты. Изъ послѣднихъ ровно восемь прилипло къ слегка смазанному гуммиарабикомъ переплету... И жаль, очень жаль, что экзаменаторы не видятъ: будь они зорче, не было бы и рискованныхъ для молодежи попытокъ...

— Какъ это все глупо, какъ низко, какъ обидно!

— Ну, ну, пожалуйста: въ университетъ? Съ Богомъ, а мнѣ на кой чортъ ваша алгебра?

— Не алгебра, а священное писаніе... *Вамъ* же оно нужно!

Но жажда попасть въ университетъ мучитъ такъ многихъ, что и между ними есть большіе сторонники облегченія экзаменнаго формализма при помощи плутней. Иные только прикрываются фиговымъ листомъ товарищества и готовности дѣйствовать заодно, а въ сущности—объявите имъ сегодня, что для поступленія на математическій факультетъ надо держать экзаменъ по обоимъ древнимъ языкамъ, а для поступленія на филологическій—по математикѣ, и завтра же половина кандидатовъ окажется сложившей оружіе.

—

Экзамены идутъ гладко. Гдѣ нѣтъ плутней—тамъ есть снисхожденіе, и гдѣ плутни—тамъ нѣтъ и нужды въ уступкахъ. Раздоры затихли: каждый изъ протестовавшихъ, получивъ высшій баллъ, увѣренъ, что онъ получилъ бы его и безъ «этихъ глупостей», а прочіе испытываютъ полнѣйшее блаженство. И испытывали бы, не случись эта пакость на экзаменѣ исторіи. Понимаете: исторіи! Т. е. на томъ самомъ экзаменѣ, для облегченія котораго можно было свободно принять и другой проектъ: легче же «подслушать» по исторіи, нежели по философіи! Этотъ скандалъ останется навсегда памятнымъ.

Въ экзаменной комиссіи—трое: предсѣдатель—отецъ ректоръ, ассистентъ—Иванъ Христофоровичъ и экзаменаторъ—отецъ Ѳедоръ. Отвѣчаютъ удивительно хорошо. Отецъ Ѳедоръ на седьмомъ небѣ. Благодушный отецъ ректоръ все хвалитъ и хвалитъ. Не восхищается только Иванъ Христофоровичъ: зависть ли его мучитъ,—по церковной исторіи никогда богословы такъ не отвѣчали, свидѣтель—та же комиссія; рѣшилъ ли онъ «положить конецъ безобразіямъ»; виновата ли страсть пошумѣть, разнести по городу «новость»,—только присматривается онъ какъ то особенно внимательно, а послѣ отвѣтовъ нѣкоторыхъ сомнительныхъ воспитанниковъ вдругъ началъ пересматривать всѣ билеты на столѣ. И, о, ужасъ! Одинъ за другимъ попадаются ему двойные номера!..

— Отецъ ректоръ! Тутъ мошенничество...

— Что, что?

— Мошенничество, самое чистое мошенничество! Не угодно ли?

И онъ преподноситъ отцу ректору два билета съ одинаковыми номерами.

— Седьмой... тоже седьмой... Гм... Такъ вы смѣшайте ихъ, получше смѣшайте!..

Наивное непониманіе или нежеланіе скандала? Отецъ ректоръ усердно тасуетъ оставшіеся билеты и требуетъ продолженія отвѣта. Но Иванъ Христофоровичъ не унимается.

— Отецъ ректоръ! Здѣсь плутни, мошенничество! О! о! о!

И онъ вытягиваетъ новыя и новыя пары билетовъ.

— У нихъ у каждаго въ карманѣ свой билетъ... Они обманываютъ! О! о! Вотъ еще!

Весь классъ притихъ. Каждый какъ на иголкахъ. Отецъ Ѳедоръ покраснѣлъ: вспылилъ... Только отецъ ректоръ не смущается.

— Да вы смѣшайте, говорю... Вотъ такъ!..

— Да не то, отецъ ректоръ!—убѣждаетъ длиннобородый сербъ.

Объявляется перерывъ. «Судъ удаляется для совѣщанія». Неспрошенные набросились на учебникъ и спѣшатъ хоть просмотрѣть что-нибудь. Отвѣчавшіе ходятъ точно опущенные въ воду. Д. злорадствуетъ и негодуетъ. Положеніе совсѣмъ хуже губернаторскаго...

— Иванъ Христофоровичъ ушелъ! Пошла писать губернія!

И правда, что «пошла»: съ быстротою неизвѣстныхъ тогда телефоновъ разнеслась по городу позорнѣйшая вѣсть: семинаристы пойманы въ мошенничествѣ! Слава Богу, что хоть судъ оказался и правымъ и скорымъ, и милостивымъ: комиссія изъ двухъ довела кое-какъ экзаменъ до конца, поставивъ отвѣчавшимъ раньше баллы по усмотрѣнію отца Ѳедора, который изъ всей исторіи вывелъ совершенно основательное, одобренное и отцомъ ректоромъ заключеніе, что никогда не слѣдуетъ поручать *имъ* готовить билеты...

— Сами виноваты,—говорилъ отецъ ректоръ въ Правленіи,—ввели въ соблазнъ... А молодежь, повѣрьте, всегда оста-

нется молодежью... А мы не старались плутовать? Зачѣмъ отдали имъ билеты? Карать при такихъ условіяхъ нельзя... Между отвѣчавшими по подложному билету есть юноши образцовой честности»!..

Время показало, кто былъ правъ,—во всякомъ случаѣ, не тотъ, кто билъ по оглоблямъ, оставляя коня безъ узды и полагая въ этомъ всю свою педагогическую миссію неудачно, говорятъ выполненную имъ и послѣ, на высшемъ посту...

Остается еще одинъ экзаменъ, рѣдкій въ жизни семинаріи, а потому и особенно помпезный. Это архіерейскій! Приготовленія къ нему раздѣляются на двѣ категоріи: съ внѣшней стороны—надо явиться въ блескѣ скромной семинарской обмундировки, съ должной выправкой и умѣньемъ держать себя, какъ подобаетъ благовоспитаннымъ юношамъ; со внутренней—надо знать свою группу и—не у всѣхъ, конечно, профессоровъ—вопросы для отвѣта... Все это, конечно, нетрудно: даже экономъ казеннаго дома не поскупится на лишній фунтъ ваксы, а на отвѣты легко и снисходительно смотрятъ почти всѣ профессора, даже тѣ, которые на прошедшихъ уже частныхъ экзаменахъ были неумолимо строги и далеки отъ соблазна.

Десять часовъ утра. Самый большой по вмѣстимости классъ набитъ биткомъ. Столъ покрытъ сукномъ, подъ столомъ—коверъ, на главномъ мѣстѣ—кресло, по обѣ стороны—кресла и стулья. Раздался звонокъ, сотни двѣ голосовъ запѣли «Достойно». Вошелъ архіерей, за нимъ—ректоръ, инспекторъ, почетное городское духовенство, всѣ наставники. Послѣ «ис-полла» всѣ заняли свои мѣста, и начался экзаменъ. Только одно кресло свободно. Кого то посадитъ на немъ архіерей прежде всѣхъ? Конечно, одного изъ преподающихъ священное писаніе. Дѣло идетъ на чистоту: нельзя же назвать плутнями условіе, по которому, предположивъ, что владыка вызоветъ по каждому предмету не больше, скажемъ, десяти душъ, господа профессора выбрали для этихъ группъ подходящихъ воспитанниковъ и вычеркнули изъ программы всѣ билеты, кромѣ легчайшихъ десяти! За то отвѣты—одна малина!

— Хорошо, другъ! Очень хорошо, другъ! Прекрасно, другъ! Благодарю васъ!.. Прошу *васъ*...

При нѣкоторой придирчивости можно было бы отнесть къ разряду плутней развѣ эпизодъ съ экзаменомъ по геометріи. Какъ это случилось, что вызванный попалъ совершенно незнакомый ему билетъ—трудно сказать, но попалъ и попалъ очень трудный. Недолго думая (ибо смѣлость не была бы смѣлостью, если бы стала еще раздумывать), идетъ нашъ Галактіонъ къ доскѣ, громко читаетъ по программѣ теорему, чертитъ усѣченную пирамиду и начинаетъ нести чепуху, достойную знаменитаго отвѣта пана Халявскаго. Въ громадной аудиторіи—много воспитанниковъ, еще и не проходившихъ геометрію, а еще больше забывшихъ,—знающіе замѣшаны въ толпѣ, но всѣ чувствуютъ «фокусъ»; сдержанный смѣхъ не выдаетъ секрета... Преосвященный, начальство и гости—геометріи ни въ зубъ: вѣдь учились то, когда, пожалуй и Буссе еще не родился. Понимающіе изъ профессоровъ—не спеціалистовъ не въ свое дѣло, конечно, не вмѣшаются. Неловко чувствуютъ себя только математики, и бѣдный Флоръ Андреевичъ уже затянулъ свою пѣсенку:

— Э... Э... Э... Етово... Етово...

Но и его кто то изъ коллегъ дернулъ уже за фалды вицмундира, и онъ успокоился. Зло улыбается Николай Егоровичъ, но что ему до шутки на безцѣльномъ экзаменѣ? А между тѣмъ удивительное по своей нелѣпости доказательство теоремы приходитъ къ концу, «радіусы призмы», «хорды синусовъ», «тупые углы шара» и т. подобныя нелѣпости перешли всякую границу и слышится ясный, точный опредѣленный выводъ: «*что и требовалось доказать*»*!* Картина, достойная кисти великаго художника! Архіерей хвалитъ: посмотримъ, кто рѣшится *теперь* сконфузить самого владыку? Ужъ, конечно, не профессоръ. Послѣдній только послѣ экзамена подзываетъ къ себѣ героя дня и пресерьезно вычитываетъ ему;

— Э... Э... Етово... Э... Глупости вы... городили!

Другой математикъ молчитъ и ехидно улыбается, а въ толпѣ семинаристовъ слышится одобреніе по адрессу находчиваго то-

варища: «Молодчина, Галактіонъ! Такъ *ихъ* и учи»! Даже Иванъ Христофоровичъ только смѣялся:

— Ой, панычу, панычу! Та й мошенникъ же вы!..

И съязвилъ одинъ только Димитрій Николаевичъ, недавній инспекторъ, замѣститель отца Евфима:

— Такъ вы и въ университетѣ будете отвѣчать? Вѣдь, вы же quasi-студентъ!..

VI.

Въ казенномъ домѣ.

Предшествующіе шесть лѣтъ пріучили бурсака и къ голоду, и къ холоду, и къ убогой обстановкѣ, а потому не удивитъ его и не огорчитъ ничто: ни грязный столъ, одно прикосновеніе къ которому у непривычнаго человѣка отняло бы всякій аппетитъ,— ни посуда, съ такимъ слоемъ грязи и сала, что судомойка сама только подсмѣивается и остритъ: «тилькы изъ-за етаго супъ и буває жырный»;—ни хлѣбъ съ мухами, весьма, впрочемъ, искусно нарѣзанный спеціалистомъ пьянчужкой Евгеніемъ—«хлѣбодаромъ»,—ни борщъ, «полный пустоты»,—ни пригорѣлая каша, ни нанковый непрочный сюртукъ, полы котораго имѣютъ престранную привычку скручиваться въ трубочку сзади и образовывать большую прорѣху, въ видѣ трехъугольника... Даже и претензіи не слышится; такъ должно быть, иначе нельзя и—кончено. Да и къ чему повели бы претензіи? Горе только въ томъ, что все это уже въ губернскомъ городѣ, а не въ уѣздномъ захолустьи: и соблазновъ больше, и пофрантить иному хочется... И соблазны и франтовство требуютъ денегъ. Поэтому каждый только и думаетъ о полученіи урока, за три цѣлковыхъ ходитъ Богъ знаетъ куда, репетируетъ какого-нибудь жидочка по нѣскольку часовъ въ день и такимъ образомъ хоть отчасти удовлетворяетъ свои потребности: пьетъ изрѣдка «юнкерскій» чай, куритъ хоть плохой табакъ, въ будній день лакомится полу-фунтомъ бѣлаго хлѣба (въ праздникъ это лакомство—отъ казны) и носитъ за приплату портному

нанковый сюртукъ сдѣланный по «лучшему хвасону», и за приплату сапожнику—сапоги на подметкахъ и даже «со скрипомъ». Начальство, конечно, не видитъ этихъ расходовъ, да и видѣть ихъ ему нѣтъ никакой надобности: въ сущности, вѣдь всѣ они, кромѣ расхода на табакъ, даже въ интересахъ начальства.

Жизнь течетъ спокойно, монотонно. Днемъ—въ классахъ, вечеромъ—за работой дома. Въ общемъ это теченіе жизни недурно кѣмъ то изъ бурсаковъ выражено въ пародіи на лермонтовскую сосну:

Склонившись надъ книгой, сидитъ одиноко
Худой и голодный нашъ братъ,
И дремлетъ, качаясь, и книга предъ носомъ—
Платона Критонъ и Сократъ.
И снится ему, что въ гостинницѣ шумной,
Въ томъ краѣ, гдѣ пьютъ и ѣдятъ,
Валяются кучами булки
И разныя вина стоятъ...

Изрѣдка, однако, случайно открытое нарушеніе нѣкоторыхъ правилъ режима вызываетъ пыхтѣнье отца Евфимія или взысканіе, наложенное самимъ ректоромъ... Безъ этого нельзя, разумѣется. Есть господа слишкомъ ужъ самовольничающіе. Не хотите ли знать, что сдѣлали они? Нѣсколько душъ, вопреки запрету, отправились въ театръ наканунѣ воскреснаго или праздничнаго дня. Уже и это дурно, но вся соль въ томъ, что на кроватяхъ своихъ они устроили чучела изъ пальто и, такимъ образомъ, прибѣгли къ явному обману. Послѣдній былъ открытъ совершенно случайно. Часовъ въ 10—11, въ субботу и наканунѣ праздника отецъ Евфимій всегда обходитъ номера, убѣждаетъ сидящихъ надъ книгой ложиться спать, не понимая того, что спать, не окончивъ, напримѣръ, пульки въ преферансъ или не отыгравшись въ стуколку, трудно; ставитъ въ примѣръ уже спящихъ, которые-де завтра съ бодростью проведутъ день, и пр., и пр. Несомнѣнно, такъ все сошло бы и въ этотъ злополучный вечеръ,

не будь этого неестественнаго шума, который ясно раздавался въ большомъ номерѣ, гдѣ отецъ Евфимій засталъ мирный сонъ.

— Заснули, голубчики?

А голубчики храпятъ и—только.

— Ско-ро, ско-о-оро!.. А кто же, ругался? На улицу слышно!..

Чей-то храпъ разсмѣшилъ сосѣда и вывелъ изъ терпѣнія отца Евфимія. Онъ направляется къ кровати, но попадаетъ не къ той, сердито срываетъ одѣяло и... о, ужасъ! Чучело, да еще и самое неискусное! Само собой разумѣется, были осмотрѣны всѣ кровати; на однѣхъ оказались такія же чучела, на другихъ—одѣтые притворщики, и лишь на нѣкоторыхъ все было, какъ должно. Кто опишетъ гнѣвъ отца Евфимія! «Мер-зав-цы! Не-годяи»!.. Вообще онъ не любитъ исторій; вовсе не съ его комплекціей возиться, разбирать, налагать взысканія и послѣ отмѣнять ихъ. Но это... это совершенно экстра-ординарная исторія (для отца Евфимія, конечно, а не для семинаристовъ), и возмездіе не заставило себя долго ждать. Да что возмездіе?! На карцеръ наплевать: выспаться на полу можно не хуже, чѣмъ на казенномъ матрацѣ, а при обычаѣ садить въ карцеръ на время уроковъ, это—даже средство избавиться отъ нѣкоторыхъ часовъ сидѣнія въ классѣ и отъ полученія лишней единицы. Скверно не то... Съ этой исторіей тѣсно связывается назначеніе въ казенный домъ надзирателя... Вѣроятно, и при выборѣ замѣстителя отца Евфимія не такъ бы сразу остановились на Димитріи Николаевичѣ, не обнаружься необходимость «подтянуть»...

Петръ Ильичъ оказался, однако, надзирателемъ очень далекимъ отъ идеала. Какой онъ надзиратель, если питомцы и шумѣть продолжаютъ, и спать ложатся не всѣ во-время, и читаютъ не то, что надлежитъ. И Петръ Ильичъ уступаетъ мѣсто нѣкоему Якову... Якову... не помню его отчества,—кажется, Ивановичъ,—да и помнить не стоитъ: для исторіи рѣшительно все равно, будетъ ли извѣстно потомству, кто былъ въ П—кой семинаріи надзирателемъ, перешелъ потомъ въ уѣздную полицію, проштрафился и въ настоящее время вкушаетъ покой на землѣ или въ землѣ. Поэтому, не боясь грубой ошибки, будемъ звать его хоть и Яко-

вомъ Ивановичемъ. И такъ, Яковъ Ивановичъ занялъ мѣсто Петра Ильича, надѣвшаго рясу. Начальство облегченно вздохнуло: слава Богу, нашли!.. Семинаристы шутятъ: когда, говорятъ, родился Яковъ Ивановичъ на Божій свѣтъ, то папенька, посмотрѣвъ на тихаго ребеночка, изрекъ пророчески, что-де быть ему примѣромъ для многихъ! И пророчество это исполнилось: онъ получилъ надзирательство!.. Болѣе «подходящаго» человѣка могъ бы, кажется, найти только тотъ, кто умѣетъ убивать бобра. Правда, какъ весьма ограниченный человѣкъ, хотя и прошедшій богословіе, Яковъ Ивановичъ не въ состояніи оріентироваться въ вопросѣ, что можно допустить и чего нельзя... Правда, не его головѣ понять, что если иные питомцы учились и воспитывались почти десять лѣтъ безъ надзирателя; то въ послѣдніе два года къ нимъ нельзя уже примѣнять всего того, что примѣнимо къ дѣтямъ... Правда, не обладаетъ онъ даже настолько наблюдательностью, чтобы отличить возрастъ отъ роста... Но все это, конечно, вздоръ, по сравненію съ его удивительною способностью исполнять распоряженія.

— Настаивайте, на томъ, чтобы въ 10 ч. ложились спать.

— Слушаю-съ.

И Яковъ Ивановичъ «настаиваетъ». Сдѣлалъ обходъ номеровъ—всѣ дома. Дверь на запорѣ, ворота—тоже: выйти никто не можетъ. Все, кажется, въ порядкѣ. Но гдѣ то, въ угольномъ номерѣ, есть свѣтъ: какой-то словесникъ, философъ или богословъ украдкой зажегъ свѣчку и читаетъ въ постели. Надзиратель—тутъ уже; но зачитавшійся успѣлъ потушить свѣчку. Напрасно. Нѣтъ ничего въ мірѣ, что могло бы укрыться отъ Якова Ивановича, если только призоветъ онъ на помощь всѣ пять внѣшнихъ чувствъ. Вотъ и теперь. Онъ обошелъ всѣ углы, пощупалъ пальцами фитили всѣхъ огарковъ, одинъ огарокъ, говорятъ не то понюхалъ, не то языкомъ лизнулъ, и вмигъ обнаружилъ неслыханное преступленье. На другой день—къ инспектору. Послѣдній видитъ, что вина не Богъ вѣсть какая, разъ и заарестованная книжка оказалась не предосудительной, но нельзя же не поддержать и надзирателя.

— Не хотите подчиняться правиламъ? Можете оставить казенный домъ!..

Оставить казенный домъ—идеалъ каждаго живущаго въ ономъ, и не одинъ уже семинаристъ блаженствуетъ «на кондиціи за квартиру»; но оставить казенный домъ безъ кондиціи—это страшная кара, больше которой нѣтъ для нищаго бурсака. А между тѣмъ всякій тоже отлично знаетъ, что съ Димитріемъ Николаевичемъ, вообще, шутки плохи.

Около 11 часовъ ночи. Всѣ спятъ. Одна кровать кажется Якову Ивановичу подозрительной. Отъ подходитъ и пристально всматривается въ лицо спящаго. Свѣтъ отъ его свѣчки разбудилъ бурсака. Послѣдній вскакиваетъ въ испугѣ.

— Что такое?

— Вы не спали...

— Допустимъ, что жъ изъ этого?

— Вы читали...

— И не думалъ!

— Читали. Завтра къ инспектору.

Эти мелочныя придирки, постоянныя и подъ-часъ слишкомъ ужъ странныя, вооружаютъ всѣхъ противъ надзирателя. Его ненавидятъ всей душей, избѣгаютъ говорить съ нимъ и дѣлаютъ ему всевозможныя пакости. Не успѣлъ онъ сдѣлать обходъ сосѣднихъ номеровъ, употребивъ на это нѣсколько минутъ, какъ комната его, оставленная незапертой, оказывается наполненной всякой дрянью, а всего больше—изорванными старыми картами. Бѣдный надзиратель сконфуженъ; онъ ломаетъ голову, строитъ гипотезы, подозрѣваетъ, допрашиваетъ служителя; но дѣло отъ всего этого не проясняется. Узнать истину такъ же не возможно, какъ невозможно и разрѣшить вопросъ: кто швырнулъ вслѣдъ надзирателю подушку? И подушка заарестована, и принадлежность ея казнѣ—внѣ всякаго сомнѣнія, ибо и наволочка и набивка казенныя... А провѣрять—чортъ знаетъ, что получается: постель казенная вся на лицо, «своей такой» никто не имѣлъ... Что за исторія?

— Она родилась отъ казенной постели!

— Перестаньте, пожалуйста, глупить!

О, другъ Гораціо! И невозможное можетъ оказаться возможнымъ: пусть объяснитъ тайну этихъ неестественныхъ родовъ доморощенный портной, умудрившійся изъ десятка казенныхъ подушекъ сдѣлать одиннадцатую.... Инспектору нельзя отказать въ умѣ и осторожности. Вотъ почему онъ и далъ, наконецъ, понять своему ретивому помощнику, что усердіе не по разуму тоже къ добру не приводитъ, и что порученные его надзору молодые люди, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, все-таки не жулики, по отношенію къ которымъ нужна травля и ничего больше. Очевидно, понялъ это и самъ господинъ надзиратель, поспѣшившій бросить службу и перейти на другую, по уѣздной полиціи.

Неуспѣхъ воспитательныхъ мѣропріятій, большею частью, объясняется ихъ несвоевременностью, непослѣдовательностью, случайностью. Такъ говоритъ и Григорій Васильевичъ, вмѣстѣ съ воспитанниками осуждающій, напр., введеніе чтенія житія святого во время обѣда. Крикъ, шумъ, гамъ, всѣ голодны, борщъ-помои, хлѣбъ съ мухами. И... житіе святого! Какого? Кто тамъ знаетъ?! Въ рѣдкіе приходы ректора тишина еще устанавливается, но и тогда, слышны остроты при громкомъ и отчетливомъ чтеніи мѣстъ, рисующихъ скудное питаніе аскета и т. п.; а ужъ въ присутствіи надзирателя и говорить нечего!

— Странно, что дѣлаетъ это *отецъ ректоръ*... Человѣкъ— искренній, не ханжа...

— Ахъ, да не въ этомъ дѣло! Въ сущности, и хорошо, вѣдь: безъ затраты времени ты каждый день можешь узнать новое... Но непривычно... но обстановка...

Подъ вліяніемъ именно обстановки, небрежность обнаруживаютъ даже тѣ, кто по вечерамъ часы проводитъ за библіей и совершенно искренно и серьезно штудируетъ четьи-минеи: семинарія дала, вѣдь, не одного выдающагося кандидата въ духовную академію. Выходитъ, значитъ, что вовсе не «духъ» виноватъ, а что тѣ, для кого семинарія—предѣлъ воспитанія и образованія, выйдя въ жизнь и начавъ духовную службу, внесли въ нее фор-

мализмъ вовсе не потому, что-де заразились духомъ небреженія, формализма, отрицанія...

Рѣже, чѣмъ нарушеніемъ правилъ режима, оживляется монотонная жизнь казеннаго дома весельемъ. Для послѣдняго нужно слишкомъ много условій: подъ праздникъ—нельзя, въ рабочіе дни неудобно, а такихъ нерабочихъ дней, какъ на зимнихъ каникулахъ или на масляницѣ, въ году немного. Въ эти дни, конечно, стѣны дома дрожатъ отъ пѣнія, музыки, танцевъ. Начальство совершенно стушевывается, свобода царитъ полная. Это своего рода розговѣны и заговѣны...

Бывшіе питомцы семинаріи, пробравшіеся въ университетъ, нерѣдко навѣщаютъ свою almam matrem и сильно, сильно смущаютъ этими визитами многихъ. Своими разсказами они подогрѣваютъ однихъ, будятъ другихъ и охлаждаютъ третьихъ. Въ общемъ, однако, приносятъ они съ собой то, безъ чего, кажется, совершенно замеръ бы этотъ бѣдный муравейникъ. Большой юмористъ С—кій непремѣнно отмѣчаетъ эти визиты шутками. Вотъ онъ искуснымъ обманомъ созвалъ въ номеръ, гдѣ витійствуетъ пріѣзжій студентъ, всѣхъ «отпѣтыхъ», всѣхъ тѣхъ, которые и сами уже трунятъ надъ своими «успѣхами»; самъ суетливо вбѣгаетъ и проситъ подождать, не говорить пока ничего.

— Въ чемъ дѣло?

— Вотъ они... не всѣ еще... Въ университетъ имъ очень захотѣлось, да дороги не знаютъ!..

Общій хохотъ собравшихся, хохочутъ и сами виновники веселой минуты. Обиженъ отчасти только Трофимъ Мироновичъ:

— Ну, положимъ: не святые горшки лѣпятъ!

— Конечно, конечно! но, вѣдь, ты же кажется, повезешь латынь прямо въ академію наукъ!

Трофимъ Мироновичъ, дѣйствительно, искусился въ латыни, хотя *только* въ латыни, и потому-то Алексѣй Осиповичъ совершенно игнорируетъ его отмѣнное знаніе формъ и словъ.

— Ну-съ: а вы? Вы, вѣдь, большой словесникъ...

Большой словесникъ краснѣетъ и боится: а какъ нарѣжутъ?

— Вздоръ: сочиненіе—главное!.. Вотъ ужъ кто плохо пишетъ, ну... Надо очень развѣ выдѣлиться въ чемъ-нибудь, чтобы...

Въ этомъ указаніи все—и ободреніе, и смертный приговоръ. Послѣ такихъ бесѣдъ одни видятъ во снѣ университетскую аудиторію, другіе—убогій сельскій приходъ; одни еще больше налегаютъ на избранные предметы, другіе записываются, по злому выраженію инспектора, въ «quasi студенты». Отъ имени послѣднихъ тотъ же С. пишетъ остроумную петицію въ университетъ: или вовсе—молъ—не пріѣзжайте къ намъ, или, если пріѣзжаете, не сбивайте насъ съ толку и не лишайте Россію великихъ талантовъ...

VII.

Высокій гость.

Насколько въ низшей бурсѣ реформа интересовала всѣхъ и каждаго; насколько тамъ она являлась причиной безконечныхъ тревогъ и волненій: настолько въ семинаріи, казалось, вовсе о ней не думали. По крайней мѣрѣ, о ней не говорили даже на вечернихъ собраніяхъ. Почему? Одни не интересовались, другіе, подъ разными вліяніями, не вѣрили въ существенные отъ нея результаты и жили мечтой поскорѣе раздѣлаться съ вѣдомствомъ; наконецъ, иные, можетъ быть, достаточно уже наговорились,—ибо вопросъ о реформѣ давно былъ рѣшенъ и ожидалось лишь фактическое ея введеніе. Такъ и шло дѣло вплоть до начала второй половины семидесятыхъ годовъ, когда дошла очередь и до П—ской семинаріи; пріѣхалъ ревизоръ, сидѣлъ безвыходно на всѣхъ экзаменахъ и—сразу исчезли «словесность», «философія», «богословіе», уступивъ мѣсто классамъ: первому, второму и т. д. Только одинъ былъ моментъ, когда грядущая реформа напомнила о себѣ. Стало извѣстно, что ожидается посѣщеніе П—вы, а стало быть и семинаріи, оберъ-прокуроромъ Синода, министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Д. А. Толстымъ... Въ гимназіяхъ введена

реформа, въ семинаріяхъ вводится,—посѣщеніе благовременное, но для провинціальнаго города, только что соединеннаго желѣзной дорогой съ центромъ, весьма и весьма необычное.

— Отецъ ректоръ! Правда, что будетъ оберъ-прокуроръ?

— А вамъ—то что? Это намъ хлопоты и...

Отецъ ректоръ послѣ «и» поставилъ многоточіе, но всѣ понимали его недосказъ: и опасность... Судя по той суетливости, какую проявляетъ онъ вмѣстѣ съ экономомъ, можно подумать, что опасность грозитъ дѣйствительно большая. Особенно нервничаетъ экономъ; все ходитъ, все осматриваетъ, внимателенъ къ мелочамъ и уступчивъ, уступчивъ до крайности.

— Пантелеймонъ Антоновичъ, сапоги вотъ...

— Такъ что же вы не говорите?

И сапожникъ тутъ какъ тутъ.

— Пантелеймонъ Антоновичъ, матрацы наши...

— Ахъ, да!..

И генеральная перебивка матрацовъ совершается въ нѣсколько дней.

— Хлѣбъ вотъ...

И достается всѣмъ до кривовязаго хлѣбодара Евгенія включительно, не получающаго, въ виду посѣщенія, жалованья, а потому не запивающаго и вполнѣ исправнаго.

— Вотъ если бъ подольше не пріѣзжалъ!..

Желаніе совершенно, конечно, понятное: въ общемъ казеннокоштныхъ не обижаютъ, жить можно, а все-таки періодъ ожиданія даетъ имъ кое-что лучшее...

Профессора не боятся. Исключеніе составляетъ развѣ бѣдный Флоръ Андреевичъ: и безъ того онъ чрезмѣрно робокъ... Григорій Васильевичъ и въ усъ не дуетъ: такъ же свободно говоритъ, такъ же строгъ, даже субботники у него продолжаются, хотя на субботникахъ этихъ изъ казеннаго дома—а ни-ни! Перекличка—раньше, надзоръ строже, можно подумать, что графъ Толстой давно уже живетъ инкогнито гдѣ-нибудь по сосѣдству съ домомъ Черноголовки...

— А Григорію Васильевичу—наибольшій рискъ!..

Почему—никто не спрашиваетъ: всѣ знаютъ, что онъ пользуется извѣстной репутаціей и невольно вѣрятъ бреднямъ о предстоящемъ чуть ли не изгнаніи его изъ семинаріи.

День пріѣзда ближе и ближе. Воды не хватаетъ на мытье половъ и партъ. Даже укромное мѣстечко осмотрѣно инспекторомъ, въ сопровожденіи сторожа, который безжалостно мокрой тряпкой уничтожилъ всѣ слѣды думъ и вдохновеній, украшавшіе стѣны. Только съ одной надписью нелегко было справиться, ибо піитъ позаботился о томъ, чтобы его «прощаніе съ догматикой» достигло отдаленнѣйшихъ поколѣній, и выгравировалъ стихи при помощи перочиннаго ножика.

Прощай, холодная наука,
Прощай, догматика моя!
Съ тобой мнѣ радостна разлука,
Я счастливъ, веселъ безъ тебя и пр.

— Ну, вдругъ!.. Мало ли что можетъ случиться?!..

Уроки даются небольшіе, спрашиванье учащается, одно и тоже повторяется безъ конца, лѣнтяямъ дѣлаются прозрачные намеки на возможность не быть во время посѣщенія въ классѣ, иные не дождались и намековъ и поспѣшили воспользоваться снисходительностью больничной администраціи... К—въ, напр., давно въ больницѣ. И къ лучшему! Въ сущности, онъ, вѣдь, всегда боленъ. Его ужасная болѣзнь—сквернословіе. Рѣдкій экземпляръ, почти единственный, случайный и совершенно необъяснимый пережитокъ старой бурсы! Были случаи, когда сквернословилъ онъ даже въ разговорѣ съ инспекторомъ, а съ товарищами онъ ругается и сквернословитъ такъ же «нормально», какъ иной заикается, щиплетъ усы или нюхаетъ воздухъ.

Оберъ-прокуроръ въ П—вѣ. Завтра онъ будетъ на урокахъ въ семинаріи. Часы извѣстны. Если графъ не захочетъ подолгу оставаться, то будетъ и на урокѣ Флора Андреевича... Самъ адъ не могъ бы придумать большей пытки.

— Э... Э... Етово... Пожалуйста, господа!..

— Да вы, Флоръ Андреевичъ, не бойтесь: ну, вызовите К—ка, онъ блеснетъ по геометріи!..

— Э... Э... а если не отъ меня будетъ зависѣть... Етово... Пожалуйста...

День ревизіи. Въ каждомъ классѣ по два мягкихъ кресла: одно для прокурора, другое для архіерея. Профессора всѣ въ сборѣ: кому нужно, кому и не нужно. Приготовленія, конечно, закончились. Остается ожидать и... воспріять должное. Отецъ ректоръ очень блѣденъ: можно утверждать, что ночь провелъ онъ безъ сна. Инспекторъ суетится. Уроки начинаются со звонкомъ,—рѣдкій, если не первый, въ жизни семинаріи случай. Домашній піитъ даже вѣдь въ стихахъ отмѣтилъ, что-де профессора передъ урокомъ...

По корридору ходятъ, ходятъ...

Бывали случаи, и нерѣдкіе, что и звонокъ «съ урока» заставалъ ихъ болтающими въ корридорѣ. Не со всѣми это, правда, случалось: Григорій Васильевичъ и Яковъ Андреевичъ урока не подарятъ, Флоръ Андреевичъ слишкомъ боязливъ для подобнаго нарушенія правилъ, а Иванъ Христофоровичъ большой формалистъ, но какая сила втянетъ въ классъ, напримѣръ, Егора Филипповича, если онъ заболтался въ корридорѣ съ Андреемъ Андреевичемъ, или Ивана Герасимовича, если онъ пришелъ безъ томика Гоголя? Сегодня, однако, не то... сегодня—исключеніе, сегодня рѣдкій день, въ который и коту нѣтъ масляницы.

По крайней мѣрѣ, въ десятый или двѣнадцатый разъ Флоръ Андреевичъ повторяетъ у доски ту теорему, которая на сегодня задана. Онъ спросилъ уже нѣсколькихъ и все-таки умоляюще проситъ классъ сказать: можетъ быть, кто-нибудь еще не понялъ, не знаетъ? А до звонка—полчаса... Никогда время не шло такъ медленно!

— Ѣдутъ! Ѣдутъ!

Почетныхъ гостей встрѣчаютъ всѣ. Во главѣ коллегіи—ректоръ, конечно, возлѣ него—инспекторъ, за ними—остальные члены. Общее представленіе, и всѣ направляются въ классы. Минутъ за десять до окончанія урока оберъ-прокуроръ и архіерей вхо-

дять въ классъ Флора Андреевича. Послѣдній точно застылъ на мѣстѣ. И безъ того «ниже низкаго» роста, теперь онъ кажется совсѣмъ окаменѣвшимъ въ заранѣе обдуманной позѣ, очень маленькаго чиновника передъ очень большимъ начальникомъ. Онъ рапортуетъ высокому посѣтителю «только что объясненную воспитанникамъ теорему». Голосъ его дрожитъ и едва слышенъ.

— Спросите кого-нибудь.

Оберъ-прокуроръ и архіерей садятся, за ними—воспитанники; ректоръ, всѣ профессора и случайные гости стоятъ у порога. Флоръ Андреевичъ ни секунды не медлитъ, не задумывается. Въ списокъ не заглядываетъ, ни на кого не смотритъ: съ языка его вольно или невольно, но вдругъ срывается фамилія, раньше ему подсказанная, и бойкій К—ко, точно бывшій уже наготовѣ, буквально вылетаетъ къ доскѣ. Только теперь оказалось, что и на старуху бываетъ проруха: К—ко выскочилъ не въ сюртукѣ, какъ всѣ были одѣты, а въ лѣтнемъ пальто,—по модѣ куцомъ, и чисто гороховаго цвѣта! Мало того: его длинные волосы остались неостриженными. Ректоръ—въ ужасѣ, инспекторъ остолбенѣлъ, профессора перешептываются, архіерей укоризненно посматриваетъ то на отвѣчающаго, то на ректора, и только одинъ графъ спокойно сидитъ и слушаетъ, не подавая ни малѣйшаго повода даже думать, что онъ замѣтилъ ужасную неловкость... А К—ко, не чуя грозы, отвѣчаетъ такъ быстро, такъ увѣренно, словомъ—такъ блистательно, что будь онъ въ сюртукѣ и остриженный, онъ сталъ бы предметомъ большихъ похвалъ и восторговъ всѣхъ... Флору Андреевичу, конечно, не до туалета: онъ чувствуетъ себя на седьмомъ небѣ, онъ даже самодовольно улыбается и хочетъ что то сказать, онъ началъ уже свое неизмѣнное «Э... Э...» Но оберъ-прокуроръ прервалъ отвѣтъ и уходитъ.

— Доволенъ или не доволенъ?

Пока гости, въ сопровожденіи многочисленныхъ хозяевъ, обходятъ остальные уроки, въ классѣ Флора Андреевича дѣлаются невѣроятныя потуги разрѣшить этотъ гамлетовскій вопросъ: припоминаютъ всѣ подробности, каждый поворотъ министра, каждый вздохъ. Неудивительно, что взоры и вниманіе всего класса были

направлены на главнаго гостя, и никто ничего не замѣтилъ, вѣрнѣе—не придалъ значенія переглядыванью архіерея и ректора. Нѣсколько успокоившись, Флоръ Андреевичъ, правда, замѣтилъ укоризненно К—ку, что будетъ непріятность изъ-за пальто; но—Бога ради: вѣдь *онъ* ничего не сказалъ! Кто же возбудитъ теперь вопросъ?

Увы! Простота останется простотой. Когда почетные посѣтители уѣхали,—а совершилось это очень скоро,—и ректоръ съ инспекторомъ отъ воротъ быстрой походкой направились въ классъ Флора Андреевича, то ожидавшіе съ нетерпѣніемъ рѣшенія вопроса, доволенъ ли оберъ-прокуроръ, услышали краткое, сильное и неожиданное:

— К—ко! Ступайте въ карцеръ!..—И долго несчастное гороховое пальто и падавшіе на спину волосы К—ко служили предметомъ разговоровъ, шутокъ, осужденій, недоумѣній и порицаній «съ различныхъ точекъ зрѣнія»...

VIII.

Бѣгство.

Въ общемъ оказалось до тридцати воспитанниковъ, запасшихся лаконическимъ письменнымъ согласіемъ родителей на увольненіе ихъ изъ семинаріи. Были между ними и такіе, которые взяли согласіе только про случай,—слабовольные, не увѣренные въ себѣ или боявшіеся какого-нибудь предмета, изъ-за котораго они могли легко задержаться въ семинаріи. Начальство знало о настроеніи питомцевъ, ожидало значительнаго бѣгства, но даже такіе избранники, какъ Григорій Васильевичъ, не предвидѣли того, что случилось, ибо число рѣшившихъ бѣжать и они опредѣляли въ какой-нибудь десятокъ не больше. Это и понятно: среди профессорской коллегіи все-таки могъ найтись ктонибудь способный подгадить «quasi-студенту», подгадить даже не безъ принципа,—пусть, молъ, не срамитъ семинаріи. Вотъ почему, когда результаты экзаменовъ были объявлены, и началась

подача прошеній объ увольненіи, удивлены были очень многіе. Спокойно и благодушно встрѣтилъ отецъ ректоръ первую партію, человѣкъ пять—шесть:

— Ну, съ Богомъ, съ Богомъ!.. Попробуйте!.. Жаль: мы бы послали васъ въ академію, но... Богъ помощь, Богъ помощь!

Слѣдующій пятокъ бѣглецовъ однако уже нѣсколько озадачилъ отца протоіерея, увидѣвшаго между ними и такихъ, на которыхъ онъ собственно не разсчитывалъ. И благопожеланія посылались уже *послѣ* совѣта:

— Смотрите, господа, оставить семинарію легко, да назадъ... Согласіе родителей есть, задерживать васъ мы не вправѣ, но-- смотрите! Работайте на каникулахъ. Не сконфузьте насъ. А мы—всегда ваши богомольцы.

Третья затѣмъ партія совсѣмъ смутила благодушнаго отца ректора, а слѣдующая привела его просто-таки въ негодованіе:

— Какъ? И вы? Господь съ вами!.. На что глядя? Слышите, Алексѣй Осиповичъ! И *этотъ* туда же!..

Алексѣй Осиповичъ подходитъ близко къ *этому*, прищуривается, смотритъ на него пристально, улыбается и отчеканиваетъ:

— Дай, Боже, нашому теляти вовка пійматы!..

Общій хохотъ. *Этотъ* покраснѣлъ, какъ піонъ, но не возражаетъ: пока свидѣтельство не въ рукахъ, надо молчать, да и къ остротамъ Алексѣя Осиповича успѣли уже попривыкнуть. Отецъ ректоръ продолжаетъ волноваться.

— Обдумали ли вы все, взвѣсили ли? Вотъ хоть бы вы: по двумъ, вѣдь, предметамъ едва прошли... Помните же, господа: послѣ смерти нѣтъ покаянія, и назадъ пріймемъ *только* того, кто раздумаетъ до конца каникулъ. Поняли?

— Да мы не вернемся, отецъ ректоръ!

— Ой-ли?

— Нарѣжутъ—въ ветеринарный поступимъ!..

Послѣдній отвѣтъ начальству особенно непріятенъ: изъ него ясно, какъ Божій день, что тутъ общее настроеніе, какое то повѣтріе, стремленіе во что бы то ни стало раздѣлаться съ вѣдом-

ствомъ, свернуть съ дороги, поступить не шутя «хоть гирше, абы инше». Вотъ-молъ они—печальные плоды либеральной болтовни такихъ господъ, какъ Григорій Васильевичъ...

Въ канцелярію входитъ кто-то за отпускомъ. Отецъ ректоръ ни слова, только смотритъ.

— Прошеніе?

— Нѣтъ!

— Что же: раздумали?

— И не думалъ.

Лжетъ и лжетъ довольно нагло. Думалъ, долго думалъ, вовсе даже и не раздумалъ, а просто рѣшилъ проваландать еще два года въ семинаріи, чтобы обезпечить себѣ службу по духовному вѣдомству въ случаѣ возможной неудачи.

— И прекрасно дѣлаете. Попытка, говорятъ, не пытка, а только не слѣдуетъ терять благоразумія.

Выходъ такого большого числа воспитанниковъ произвелъ на всѣхъ впечатлѣніе: духовенство всей епархіи заговорило о томъ, какую штуку выкинули семинаристы; многіе видѣли въ этомъ протестъ и осуждали семинарію, не сумѣвшую-де воспитать юношей, привязать къ себѣ; иные пророчили крупныя непріятности, создавали разсказы о крайнемъ недовольствѣ его преосвященства; младшіе товарищи взялись за книгу, не предвидя еще готовившагося запрета семинаристамъ поступать въ университетъ безъ аттестата зрѣлости... Ну-съ, а бѣглецы? Было бы большой ошибкой считать ихъ героями лѣта, довольными своимъ положеніемъ... Когда папеньки и маменьки увидѣли въ рукахъ сынковъ увольнительныя свидѣтельства, они совсѣмъ растерялись...

— А мы—Богъ свидѣтель—думали... Охъ-охъ-охъ!.. Ну, что жъ? Сдѣланнаго не воротишь... Я то и согласіе давалъ въ упованіи на то, что дурь пройдетъ, когда дѣло коснется настоящаго увольненія!..

— А я не говорила? не просила? не плакала? Ну, что онъ теперь такое? Ни пава, ни ворона... На то мы его воспитывали?

Отецъ сурово молчитъ, мать плачетъ, сынъ не знаетъ, чѣмъ и какъ успокоить, ибо никакія обѣщанія но помогаютъ, и въ самыхъ заманчивыхъ картинахъ будущаго родители видятъ однѣ «думки, которыми богатѣетъ дурень». И такъ все лѣто, по крайней мѣрѣ, для многихъ. Стоитъ оторваться отъ книги и очутиться въ кругу семьи,—начинаются охи да вздохи, слезы, опасенія, упреки. Начавшій уже разъѣзды по домамъ, гдѣ есть невѣсты, богословъ, только что окончившій курсъ, является настоящимъ героемъ лѣта: на него указываютъ, какъ на идеалъ, въ немъ видятъ олицетвореніе потеряннаго счастья, онъ какъ-разъ то будущее сына, которое было такъ близко...

— Слыхали: а сынокъ, вѣдь, отца Петра женился на Анютѣ отца Парфентія... и приходъ уже зачисленъ.

— Слыхала, слыхала...

И матушка грустно качаетъ головой: ждали, молъ, послѣдняго сына, ждали и... Слезы не даютъ ей окончить. А отецъ Петръ на седьмомъ небѣ, онъ насмѣшливо утѣшаетъ:

— Зато вашъ—не плачьте,—будетъ докторомъ, а то адвокатомъ!..

Но матушка--неутѣшна: десять лѣтъ учился, чего все стоило, сколько хлопотъ, волненій и вдругъ... промѣнять шило на швайку, хуже того—«синицу въ рукѣ на журавля въ небѣ». Вотъ и сосѣди начинаютъ уже дуться: это, говорятъ, и для нашихъ дѣтей зараза... Да, да: такъ и говорятъ... Встрѣтилась гдѣ то съ Анной Ивановной или тамъ съ Меланьей Петровной:

— Покорно васъ благодарю, говоритъ.

— За что такое?

— За просвѣщеніе!.. А за что же больше? Какъ же: и нашъ туда же!.. На что уже былъ такой покорный, смирный, а теперь услышитъ про вашего—такъ куда! До семинаріи еще не дошелъ, а вижу уже не будетъ добра... Покорнѣйше благодарю...

— Да я то тутъ при чемъ, Господи?!..

Иногда и сынъ выходитъ изъ себя; онъ громко выражаетъ сожалѣніе, что отказался отъ кондиціи и поѣхалъ домой, что никто не ожидалъ такого отношенія отъ родителей, что Меланья

Петровна просто дура набитая, ее всѣ знаютъ, и что не всѣ же такія дуры: Вѣра Филипповна вонъ не боится же заразы и не благодаритъ за просвѣщеніе!

— И-и, сынку! Вѣра Филипповна! Да у Вѣры Филипповны, развѣ ты не знаешь: одинъ сынъ давно уже профессоромъ, другой въ Академіи,—ей чего страшно? не дадутъ пропасть... А мы?

Къ страхамъ родителей за будущее сынковъ, «къ шипѣнію» сосѣдей, боящихся вліянія, присоединяется и новое еще горе, гораздо большее. Батюшка давно подалъ прошеніе о зачисленіи прихода за старшей дочерью, и до сихъ поръ нѣтъ и нѣтъ отвѣта: почему? Ничто, какъ увольненіе сына!.. Говорятъ же, что одного благочиннаго даже и принять не захотѣлъ владыка; пускай, говоритъ, отправляется къ свѣтскому начальству, ежели не умѣетъ воспитывать дѣтей въ преданности своему прямому долгу... А благочинный же чѣмъ виноватъ? не захотѣлъ сынъ идти въ богословіе—и кончено: ему про академію, а онъ свое! Такъ родители еще и виноваты! Правду говоритъ отецъ Ѳедоръ: сами распустили семинарію такъ, что и сказать стыдно, да и не знаютъ теперь, какъ выкрутиться, насъ еще и винятъ!..

И только съ осени уже, когда съ почты стали получаться письма отъ дѣтей, извѣщавшихъ о поступленіи въ университетъ, у многихъ стало легче на душѣ: смирились родительскія тревоги, и надежда на будущее вновь заняла подобающее ей мѣсто.

П. Борзаковскій.

ТОПОЛИ.

Иванъ Кузьмычъ, якъ завжды, повертався зъ контрольнои палаты спокійный и ривноважный. Ранния весна трохы пидбадёрювала ёго, и винъ навить зупынывся бувъ на перехрести свого переулка, пидвивъ у гору до сонця свои сири, короткозори очи й двичи чхнувъ. Ся несподиванка трохы ёго була стурбувала. Винъ озырнувся навколо: чы не пидглядивъ хто сіеи прыгоды, та жвавише потупотивъ у свій переулокъ.

Ёго невелычкый власный будыночокъ стоявъ саме надъ кручею, на кинци миста. Внызу выдко лукы, левады, чымалу ричку. За ричкою зновъ почыналысь лукы и тяглысь ажъ геть до обрію, де мрило село. А саме зъ-пидъ тіеи кручи, де прылипылась, мовъ гниздечко ластивкы, хатына Ивана Кузьмыча, вырынавъ высокый насыпъ и тягся, обсаженный зъ бокивъ вербамы, ажъ до ричкы. То було шоссе. На ричци бувъ высокый и довгый деревъяный мистъ и якъ-разъ до ёго доходыла вузько-колійна зализныця й тулылася зъ своею дрибненькою рудою станціею до насыпу, мовъ ховаючысь видъ свиту помижъ ёго вербамы. Дали, геть-геть за станціею, уже блызько до обрію, навить переходячы черезъ ёго вершынамы, вымалёвувався рядъ стрункыхъ тополь.

Ти тополи всёму краевыдови надавалы чогось такого, безъ чого винъ бувъ бы холодный, сумный и непрывитный. Хто-бъ зъ міста, зъ-надъ кручи, не дывывся на лукы й ричку, очи ёго мымохить прыковувалыся до тыхъ тополь, що въ ясни дни такъ

выразно мрилы своимы ставнымы постатямы на блакитному сяеви неба.

—

Иванъ Кузьмычъ, якъ звычайно, не хапаючысь пообидавъ тымъ, що прынесла ёму стара сусида, у якои винъ харчувався; роздягся, надягъ на себе стару щоденну одижъ, скынувъ чоботы, вступывъ у мьяки пантофли и хотивъ бувъ уже, своимъ звычаемъ, залягты на лижко, але щось тепле й жыве, що винъ почувавъ у своему тили, не дало ёму сёгодня зразу даты соби звычайный видпочынокъ, и винъ почавъ ходыты туды й сюды по своій невелычкій, осяяній веснянымъ сонцемъ, свитлыци. Чы то ласка сонця, чы то чарчына горилкы, що винъ дозволывъ сёгодня соби «по трудахъ», чы те й те вкупи,—тилькы винъ почувавъ себе надзвычайно гарно. Сёгодня навить управытель палаты похвалывъ ёго працю. А се важна ричъ. Се такъ корыстно за-для ёго дрибненькои карьеры!

Иванъ Кузьмычъ ходывъ и ходывъ. Винъ думавъ. Ни, винъ не думавъ,—сами думкы снувалысь у якись безладни мережкы и якъ засновувалысь, такъ и розплиталысь. То спершу булы спогады найблызшыхъ подій сёго дня, урывкы палатськыхъ розмовъ, а потимъ и одгукы давнихъ, на пивзабутыхъ спогадивъ.

—

Иванъ Кузьмычъ почавъ нагриватысь. У кимнати таки було душно. Винъ пидійшовъ до одного зъ виконъ, що выходыло до ричкы, видставывъ трохы одъ стины стильця, сивъ на ёго верхы, прыщулывъ свои сири, поблидли очи и почавъ дывытысь на давно ёму знаему картыну.

Снигъ давно уже роставъ. Земля була чорна. За ричкою червона лоза выгравала на сонци вышневымъ колеромъ. Вода выходыла зъ берегивъ ричкы, розлывалась, покы-що, по нызынахъ, мовъ ростоплене олыво, и ставала по лощынахъ нерухомыми озерамы. Саме пидъ викномъ, въ сухій пищаній земли, до-тепла нагритій проминнямъ сонця, кублылась сусидська ряба курка, а дали, на самимъ рижку, цвиринчалы горобци.

Иванъ Кузьмычъ якъ сивъ, та немовъ и застыгъ. Не погасалы тилькы ёго очи. Руденьки ихъ віи линыво змыкалысь и розмыкалысь. Иванъ Кузьмычъ бувъ зовсимъ спокійный. Винъ може бъ такъ и заснувъ бувъ у такій пози, бо почынавъ уже дриматы, колы до ёго вуха долетивъ мицный и довгый стогинъ. Винъ зрозумивъ, що се мабуть збирается йты пароходъ. Сёго року винъ ще не бачывъ ёго. Прыстани зъ ёго хаты не було выдно, хочъ вона була й недалеко, и винъ поклавъ вартуваты, щобъ не прогаяты сёго першого для ёго парохода. Винъ мусывъ йты внызъ по ричци.

И пароходъ скоро показався.

Весь билый, по граняхъ тилькы обмалёваный червонымы смугамы, зъ чорнымъ, похылымъ дымаремъ, винъ жваво ризавъ билымъ носомъ блакитный водяный поверхъ, збывавъ своимы крыламы на ёму хвылю и бувъ такый чыстый, такый блыскучый и жвавый, що прыкувавъ до себе очи Ивана Кузьмыча. На верхнему чардаци метушылысь чорни люде, може де-хто изъ знаёмыхъ Ивана Кузьмыча, и ёму чомусь хотилось, щобъ зъ ихъ хто небудь поглянувъ у ёго бикъ, побачывъ ёго хатыну и згадавъ про ёго.

Пароходъ скоро пролынувъ, и серце Ивана Кузьмыча стыслось журбою. Никому въ свити винъ не потрибенъ, винъ—пидстаркуватый, руденькый чоловичокъ, зъ жовтымы віямы й сирымы погаслыми очыма!.. Никому немае дила, чы винъ жыве тамъ, у тій никчемній халупци, чы винъ спыть, чы може винъ уже лежыть мертвый на своёму убогому лижкови, спитканый наглою смертю, и на ёго дывлятся, не бачучы ёго, очи портрета вродлывои молодои жинкы. Навищо винъ имъ, отымъ усимъ людямъ, винъ—безталанна, блида и безколирна людына?.. Воны не знають про ёго истнування, а хто и знавъ, то давно забувъ про ёго.

А колысь и ёго зналы.

Давно, дуже давно все те було—и якъ недавно.. Якъ недавно трипотило жыттямъ ёго мынуле й снывся отой блыскучый сонъ!..

Винъ бувъ такый молодый, такый жвавый. Зачисувавъ у гору свое цупке, руде волосся и повьязувавъ шыю роскишною червоною хусткою. Винъ такъ тоди любывъ оту вродлыву людыну, що партретъ іи высыть на стини, бувъ такый закоханый и мабуть чудный. Винъ не мигъ усыдиты на мисци, забачывшы іи: човгавъ ногамы по помосту, выгынавъ свою невелычку постать и говорывъ ій сами що найдобирнійши мылощи. И вона була закохана въ ёго, вона —Маруся—въ ёго—Жана. Такъ, дійсне такъ—Жана. Вона такъ любыла се имья и такъ чудово-зваблыво умила ёго вымовляты своимы червонымы губонькамы: Жа-анъ!..

Эге, то бувъ сонъ, чудовый сонъ.

Воны одружылысь. Воны одружылысь по весни. Якъ винъ любывъ іи, палко винъ цилувавъ іи у кари блыскучи оченята, въ невелычки свижи вустонька!.. Винъ покилькы разивъ урядъ перециловувавъ іи тонки, «арыстократычни», якъ винъ казавъ, пальчыкы. Ёму тоди було дозволено цилый тыждень не являтысь на службу въ палату. Винъ раювавъ. Воны раювалы. Винъ тоди бувъ мабуть дуже похожый на того жвавого горобчыка, що онъ тамъ, на рижку, такъ чудырнацько выстрыбуе на сонечку биля своеи подругы...

Иванъ Кузьмычъ усмихнувся. Ёму стало жалко себе, досадно за себе. Якъ скоро, и якъ безслидно розвіялось те ёго счастя!..

—

Винъ памьятае все. Винъ все чысто памьятае. Ти гыдки, масни очи, ти закручени до горы вусы, облыпкувати червони рейтузы и ти мизерни, брязкучи острогы,—воны, воны взялы ёго счастя!.. И якъ скоро, якъ скоро!..

А що найголовнійше—зовсимъ для Ивана Кузьмыча несподивано.

Винъ, якъ той горобчыкъ, стрыбавъ биля неи, своеи коханои, колы одного разу почувъ:

— Охъ, сумно, сумно мени!..

— Тоби, серце мое, сумно? Хиба ты не любышъ мене?..

Вона мовчала.

Се було тоди, якъ вона познаёмылась зъ тымъ гыдкымъ чоловикомъ у тому мерзенному маскаради. Якъ винъ тоди не хотивъ иты зъ нею у той маскарадъ, якъ прохавъ зостатысь дома!.. Такъ гарно тоди було у ихъ. Винъ самъ натопывъ дровамы грубу, выгорнувъ напередъ увесь жаръ и воны грилысь удвохъ, мовъ передъ каминомъ. Ёму тоди хотилося-бъ навикы зостатысь отакъ укупи биля печы; винъ такъ палко й нижно прыгортавъ свою Марусю, колы вона сказала;

— Ну, часъ одягатысь!

И воны пишлы.

Не пойихалы, а пишлы. У ихъ не було грошей на визныка, ледви стало на Марусыне убрання та на билеты. Потимъ того воны довго надолужалы ти гроши, йилы одынъ борщъ зъ жытнимъ хлибомъ.

И той маскарадъ видибравъ, на викы видибравъ у ёго Марусю.

Тамъ було душно. Танцювало безличъ паръ. Було багато всякого люду. Бувъ и той. У ёго («будь проклятъ, огыдо»!—вырываеться зъ глыбу души у Ивана Кузьмыча) булы страшенно вузьки червони штаны, и винъ такъ незвычайно й зухвало танцювавъ, такъ нечемно брязкавъ своимы острогамы, що Иванъ Кузьмычъ навить спершу сміявся. Николы винъ не бачывъ ниде — ни мижъ знаёмыхъ, ни въ палати—щобъ люде отакъ поводылысь. Колы винъ взявъ Марусю танцюваты, Иванъ Кузьмычъ ажъ розсердывся бувъ, що той блазень може скомпромитуе ёго кохану, але зновъ ще бильшъ розсміявся зъ своеи ревносты: та се жъ маскарадъ, вона въ масци; нихто іи не пизнае!..

Эге, вона була въ масци и потимъ того вона николы вже не здіймала іи. Холодна и страшна була та маска, але вона не здіймала іи...

Ни, зняла.

Се було саме у цимъ же мисяци, у квитни. Оттакъ же було тепло й ясно, тилькы ричка того року розлылась бильше. Тоди була велыка повидь. Воны жылы давно вже мовъ чужи одно од-

ному. Якось непомитно такъ воно склалося. Вона тикала видъ ёго и була холодна, холодна, мовъ лёдъ. Холодна й склызька, мовъ змія. Але винъ іи любывъ. Любывъ глыбоко й безтямно. Якъ винъ жадавъ поговорыты зъ нею «щыро», выяспыты—чого вона стала така! Винъ готовый бувъ бы душу виддаты, щобъ маты зновъ іи своею, такою, якъ вона була ранише. Винъ и виддававъ ій свою душу, та вона не взяла іи, гыдувала нею, кынула геть. И винъ самъ не пиднимавъ іи, души своеи, зъ брудноп доливкы дійсносты. Винъ мовъ завьявъ. На що ёму була та душа безъ ёго сонця, безъ ёго Маруси?..

Було такъ.

— Я йиду въ Кыивъ—сказала вона.—Якъ тилькы прыйде першый пароходъ, я йиду.

— Чого?—спытався винъ.—У насъ такъ мало грошей. На Велыкдень у насъ будуть вси мои товарыши зъ палаты и намъ треба буде добре прыгостюваты ихъ, щобъ сорому не набратысь. Було бъ не йты въ маскарадъ, тоди бъ можна було и до Кыива пройиздытысь. Пойихалы бъ вкупи.

— Тоди бъ не треба було йихаты въ Кыивъ,—сказала вона гостро и зловистно.—Я йиду!..

На тимъ розмова скинчылась. Вона такы пойихала.

Прыйшовъ першый пароходъ и взявъ іи, и бувъ винъ такый саме, якъ и оцей: билый и блыскучый. Винъ взявъ ёго счастя. Ни, не винъ. Воно вже було давно украдене. Укралы ёго ти гыдки, облыпковати червони рейтузы, оти никчемни острогы, намащени, смердючи вусы!..

Описля вона все напысала. Винъ довидавсь тоди про все. Вороття вже не було. И винъ зоставсь самъ у своій крывобокій батькивській хатыни, винъ,—ростоптаный червьякъ—Иванъ Кузьмычъ Мацко. И съ того часу винъ не жыве, а безпомично мацае навколо себе, якъ справди такы той роздавленый червьякъ, и ничого не вдіе своему горю, и ничымъ не погасыть свого болю, и вси люде ёму чужи й ворожи и винъ всимъ чужый...

Червони рейтузы, закручени высоко вусы, жагучи очи того пройдысвита—и винъ, никчемный, руденькый Мацко, Иванъ Кузьмычъ...

— Ха-ха-ха!..

Иванъ Кузьмычъ безгучно засміявся.

Не винъ самъ засміявся, а тамъ десь глыбоко въ грудяхъ у ёго щось засміялось, а облычча зосталось холодне й нерухоме. Сири очи дывылысь, не моргаючы, передъ себе туды, де, залыти мьякымъ вечировымъ сяевомъ, стоялы струнки, холодни, мовъ мертви, тополи. Иванъ Кузьмычъ сыдивъ й несвидомо переличувавъ ихъ: пьять... девьять... дванацьять... трынадцять. Трынадцять?.. И зновъ личыть винъ: чотыри, симъ... девъять... дванадцять, трынадцять. Такъ, ихъ трынадцять. Винъ ясно теперъ бачыть, що ихъ трынадцять.

Трынадцять. Се страшно здывувало Ивана Кузьмыча. Колысь, у ти золоти, ясни дни, колы винъ кохавъ и ёго кохалы, воны вдвохъ сыдилы оттутъ, биля сёго самого викна и не умовляючысь, але несвидомо якось звьязуючы свое счастя, свою долю зъ тымы стрункымы тополямы, сылкувалысь переличыты ихъ. Та зробыты того не моглы. Тополи злывалысь у ихъ въ очахъ. Винъ казавъ, що ихъ десять, а вона—висимъ, то одынадцять. А ихъ було трынадцять!..

— Тры... над... цять...—шепоче Иванъ Кузьмычъ.

И якесь мистычне просвитлення обгортае разомъ ёго душу. Все ёму стае ясне: все ёго жыття, вся історія ёго кохання. Трынадцять!..—онъ де розгадка ёго несчастя. Воно було немынуче. Инакше не могло буты. Але тоди воны обое того не бачылы. Теперъ винъ баче се и знае.

И крипко-крипко стыслось серце у Ивана Кузьмыча, и винъ пидвився зъ стильця, упавъ на лижко и тяжко, якъ николы, зарыдавъ. Винъ тяжко й довго плакавъ, а сонце сидало за обріемъ и тополи потопалы въ вечирній мли...

М. Чернявськый.

Павелъ Платоновичъ Чубинскій въ архангельской губ. (1862—1869 г.г.).

Среди значительнаго числа подневольныхъ обитателей г. Архангельска и его губерніи истекшаго XIX столѣтія на долю немногихъ изъ нихъ выпали свѣтлыя воспоминанія современниковъ ихъ, лицъ, которыя непосредственно соприкасались съ ихъ дѣятельностью. Немного среди нихъ и такихъ, которые общественною дѣятельностью своею оставили по себѣ яркій слѣдъ въ мѣстной жизни, которые, освѣтивъ въ литературныхъ своихъ трудахъ далекій въ тотъ вѣкъ (до проведенія Московско-Архангел. жел. дор.) и заброшенный край и указавъ какъ мрачныя, такъ и свѣтлыя стороны его, привлекли тѣмъ къ нему вниманіе правительственныхъ сферъ и нѣкоторыхъ дѣятелей науки и любителей русской старины. Къ числу этихъ немногихъ личностей принадлежитъ и покойный П. П. Чубинскій, уроженецъ полтавской губ. О немъ и по настоящее время, среди немногихъ его архангельскихъ современниковъ, живы прекрасныя воспоминанія,—общественная же и литературная дѣятельность его оставила по себѣ яркій слѣдъ въ архангельской жизни.

Прибылъ П. П. Чубинскій въ архангельскую губернію въ 1862 году, не своею волею, при чемъ указано было и мѣсто подневольнаго его пребыванія—уѣздный г. Пинега, отстоящій отъ г. Архангельска въ 200 съ лишнимъ верстахъ.

За что онъ сосланъ былъ въ предѣлы архангельской губ., мы точныхъ свѣдѣній не имѣемъ: по словамъ знавшихъ его лично — будто бы за рѣчь, произнесенную имъ на могилѣ скончавшагося предъ тѣмъ Т. Г. Шевченка, по другой же версіи—за распространеніе, во время проживанія въ г. Кіевѣ, въ предѣлахъ золотоношскаго у., полтавской губ., рукописныхъ воззваній на малорусскомъ языкѣ [1]). По дорогѣ въ г. Архангельскъ онъ нѣкоторое время прожилъ въ г. Шенкурскѣ, на полъ-пути между г.г. Вологдой и Архангельскомъ, но о томъ, какъ онъ жилъ тамъ, свѣдѣній не имѣемъ. Чубинскій въ то время былъ молодъ, полонъ силъ и энергіи и преисполненъ самыхъ благихъ намѣреній. Ко времени прибытія въ г. Архангельскъ въ концѣ ноября 1862 г., къ счастью П. П. Чубинскаго, губернаторомъ въ г. Архангельскѣ былъ Н. К. Арандаренко, видимо, человѣкъ гуманный [2]). Прибывъ въ Архангельскъ, Павелъ Платоновичъ явился къ нему. Передъ тѣмъ, въ 1860 г., издано было положеніе о судебныхъ слѣдователяхъ для производства формальнаго слѣдствія о должностныхъ лицахъ, совсѣмъ новаго типа, отъ которыхъ требовалось сверхъ юридическаго образованія, много энергіи, а главное—добросовѣстности и честности. Такихъ лицъ въ то время вообще на Руси было мало, а въ архангельской губерніи и подавно. По новому положенію суд. слѣдователи назначались лично властью губернаторовъ, и вотъ Арандаренко былъ крайне озабоченъ подысканіемъ подходящихъ лицъ на новыя должности. Узнавъ о затрудненіи губернатора, а также о томъ, что въ г. Пинегѣ, мѣстѣ, назначенномъ для его жительства, имѣется свободная вакансія суд. слѣдователя, Чубинскій обратился къ губернатору съ просьбою

---

[1]) На счетъ высылки П. П. Чубинскаго въ Архангельскъ свѣдѣнія, очевидно, легендарны Онъ былъ высланъ изъ Кіева по распоряженію комиссіи, бывшей въ то время подъ предсѣдательствомъ кн. Гагарина, вслѣдствіе какого-то оговора ни въ чемъ неповиннаго Чубинскаго, занимавшагося тогда Южно-русскою этнографіею, и дававшаго уроки исторіи въ Кіев. жен. учеб. заведеніяхъ. *Ред.*

[2]) Онъ былъ крестнымъ отцомъ Чубинскаго. *Ред.*

о предоставленіи ему этой должности, заявляя, что онъ, какъ окончившій курсъ наукъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ со степенью кандидата по юридическому факультету, можетъ справиться съ обязанностями суд. слѣдователя. Въ виду того, что Чубинскій присланъ былъ въ арханг. губ. какъ административно ссыльный съ отдачей подъ особый полиц. надзоръ, губерн. Арандаренко затруднился допустить его къ исполненію должости суд. слѣдователя и представилъ ходатайство Чубинскаго на усмотрѣніе м-ра Внутр. Дѣлъ. Послѣдній увѣдомилъ губернатора, что онъ не встрѣчаетъ препятствій къ удовлетворенію ходатайства Чубинскаго, съ тѣмъ, однако, чтобы онъ не былъ допускаемъ къ службѣ по учебному вѣдомству и по полиціи. По полученіи изъ М-ва такого отвѣта, Арандаренко немедленно назначилъ Павла Платоновича судебнымъ слѣдователемъ г. Пинеги и ея уѣзда и отправилъ его туда, при чемъ въ виду того, что онъ не былъ освобожденъ изъ-подъ надзора полиціи, новый слѣдователь, по разсказамъ старожиловъ, отправленъ былъ въ Пинегу въ сопровожденіи архангельскаго засѣдателя, которому для видимости дана была какая-то командировка, а пинежскимъ городничему и исправнику предписано было учредить надъ нимъ негласный надзоръ «по внѣслужебнымъ дѣйствіямъ».

Около этого времени, именно въ 1861 г., уничтожена была откупная система продажи водки съ замѣной ея акцизомъ на питья.—Для завѣдыванія этимъ дѣломъ учреждено было по губерніямъ акцизное вѣдомство съ управляющимъ во главѣ. Новое дѣло потребовало новыхъ людей. Такіе люди нашлись среди университетской и средняго образованія молодежи, одухотворенной, подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній, идеями высшаго порядка, а главное, въ чемъ въ особенности и нуждалась въ то время Россія, честностью и добросовѣстностью. Не даромъ акцизные чины перваго призыва оставили по себѣ добрую память... Въ г. Пинегѣ окружнымъ акцизнымъ надзирателемъ состоялъ въ то время одинъ изъ такихъ людей—Ѳ. П. Нероновъ. Прибывъ въ Пинегу и ознакомившись съ составомъ мѣстнаго чиновничества, Чубинскій примкнулъ къ людямъ новаго типа, группировавшимся возлѣ Неронова,

и вскорѣ искреннее чувство дружбы навсегда связало этихъ вполнѣ достойныхъ людей. Дружескія отношенія ихъ не прерывались и впослѣдствіи, и лишь смерть Павла Платоновича порвала ихъ. Въ числѣ подневольныхъ людей въ г. Пинегѣ въ то время много жило поляковъ—главнымъ образомъ ксендзовъ, А. И. Стронинъ, бывшій предъ тѣмъ учителемъ Полтавской гимназіи, впослѣдствіи извѣстный соціологъ, А. П. Симановскій, студентъ С.-Петербургскаго университета, и др. Съ нѣкоторыми изъ нихъ, напримѣръ съ Стронинымъ, Чубинскій сошелся довольно близко...

Въ г. Пинегѣ П. П. Чубинскій пробылъ недолго. Лѣтомъ 1863 г. туда прибылъ новый архангельскій губернаторъ Ник. Март. Гартингъ, смѣнившій Арандаренка. Устроенъ былъ для него въ домѣ Неронова обѣдъ, и здѣсь Чубинскій поближе познакомился съ новымъ губернаторомъ. Результатомъ этого знакомства былъ переводъ его въ концѣ октября того же 1863 г. въ г. Архангельскъ на должность секретаря статистическаго комитета, а въ слѣдующемъ году онъ назначенъ былъ, сверхъ того, и и. д. чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ. Хотя въ Петербургѣ къ назначенію Чубинскаго на эту послѣднюю должность отнеслись неодобрительно, но тѣмъ не менѣе, щадя авторитетъ губернаторской власти, оставили его въ покоѣ.

На первыхъ почти порахъ, по переѣздѣ Павла Платоновича въ г. Архангельскъ, пришлось ему выдержать цѣлую бурю. Проживая еще въ г. Пинегѣ, онъ между прочимъ въ видѣ развлеченія, сталъ заниматься писаніемъ корреспонденцій въ газеты, при чемъ первыя корреспонденціи имѣлъ неосторожность подписать своей фамиліей; благодаря этому, онъ пріобрѣлъ извѣстность въ архангельской губ. газетнаго корреспондента. По примѣру его и другія стали корреспондировать въ газетахъ. Въ № 106 «Биржев. Вѣдомостей», въ началѣ 1864 г., напечатана была корреспонденція изъ Архангельска «О произволѣ власти мѣстнаго управляющаго акцизн. сборами и о притѣсненіяхъ, какія терпѣли отъ него акцизные чиновники». Корреспонденція эта не имѣла подписи, но такъ какъ за Чубинскимъ установилась уже извѣстность корреспондента, то ее приписали ему. Напечатанная въ «Бирж. Вѣдомо-

стяхъ», корреспонденція какъ по содержанію своему, такъ и потому, что написана была, по догадкамъ, лицомъ, состоящимъ на государственной службѣ, произвела въ мѣстномъ чиновничьемъ кружкѣ цѣлую бурю, а вмѣстѣ съ тѣмъ вызвала и непріятную для него переписку, которая закончилась тѣмъ, что Чубинскому запрещено было, пока онъ состоялъ на госуд. службѣ, печатать за своею подписью статьи. Такимъ благопріятнымъ исходомъ дѣла Павелъ Платоновичъ обязанъ былъ только заступничеству губернатора Гартинга, который, ближе присмотрѣвшись къ нему, пришелъ къ тому заключенію, что Чубинскій не можетъ быть разсматриваемъ, какъ человѣкъ, замышлявшій что либо вредное, а по своему развитію, образованію, начитанности и самому искреннему стремленію къ добру былъ человѣкомъ незамѣнимымъ въ г. Архангельскѣ «при вопіющемъ недостаткѣ здѣсь въ людяхъ, обладающихъ хотя нѣкоторыми изъ упомянутыхъ качествъ». Личныя качества П. П. Чубинскаго послужили въ скоромъ времени поводомъ къ назначенію его завѣдывающимъ приказомъ обществ. призрѣнія, гдѣ, очевидно, хромала денежная и хозяйственная часть. Кромѣ того, губернаторъ Гартингъ бралъ Чубинскаго съ собою, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, при разъѣздахъ по губерніи для ревизіи. Это дало Павлу Плат. возможность поближе и на мѣстѣ познакомиться съ краемъ, что́ ему было необходимо, какъ секретарю статистическаго комитета, а также завести на мѣстѣ полезныя для дѣятельности комитета знакомства. Губернатора Гартинга смѣнилъ Казначеевъ; послѣдняго—князь Сергѣй Павловичъ Гагаринъ. Но положеніе П. П. Чубинскаго отъ этой смѣны губернаторовъ не только не мѣнялось, а напротивъ—крѣпло, такъ какъ губернаторы, цѣня его личныя качества, болѣе чѣмъ благоволили къ нему. Въ особенности расположенъ былъ къ нёму князь С. П. Гагаринъ, по отзывамъ лицъ, знавшихъ его, человѣкъ весьма достойный: хорошій баринъ, приближавшійся по своему характеру къ тѣмъ старымъ буршамъ царствованія Имп. Николая I, которые, выйдя изъ университета, оставались такими же отзывчивыми на добрую рѣчь и доброе дѣло и сердечными до сѣдыхъ волосъ, какъ и во времена своего студенчества».

Но какъ ни хорошо относились къ П. П. Чубинскому мѣстные губернаторы, онъ тяжело чувствовалъ себя въ г. Архангельскѣ, вдали отъ милой родины и близкихъ ему людей, и, естественно, рвался отсюда. Уже въ началѣ 1866 г. онъ обратился къ министру внутр. дѣлъ съ просьбою о дозволеніи возвратиться на родину, въ полтавскую губер., съ освобожденіемъ отъ полицейскаго надзора, который, несмотря на его служебное положеніе, продолжалъ тяготѣть надъ нимъ, или въ крайнемъ случаѣ о предоставленіи ему права перехода на службу въ великороссійскія губ., т. е. въ центральную Россію, поближе къ родинѣ. Но министерство нашло возможнымъ удовлетворить только послѣднее его ходатайство. Такъ какъ это разрѣшеніе безъ снятія полицейскаго надзора не удовлетворяло желаніямъ Чубинскаго, то онъ и не воспользовался имъ, тѣмъ болѣе, что къ тому времени онъ, въ качествѣ секретаря статистическаго комитета, сильно увлекся изслѣдованіемъ и всестороннимъ изученіемъ архангельской губ. и работами по изданію трудовъ статистическаго комитета.

Вступивъ въ званіи секретаря въ завѣдываніе дѣлами Архангельскаго статистическаго комитета и ознакомившись по имѣвшемуся у него подъ руками матеріалу и работамъ статист. комитета за прежніе годы съ направленіемъ дѣятельности комитета, П. П. Чубинскій увидѣлъ, что по изученію губерніи въ этнографическомъ и статистическомъ отношеніяхъ почти ничего не сдѣлано, а то, что было сдѣлано, уже устарѣло; что хотя статистическій матеріалъ и собирался, но по устарѣлымъ пріемамъ и при томъ не подвергался научной обработкѣ; что бытовыя стороны края: бытъ, нравы и религіозныя воззрѣнія населенія архангельской губ. не были изслѣдованы; что мѣстная старина, представлявшая историческій интересъ, не изслѣдовалась и даже не сохранялась, и т. п. А между тѣмъ архангельская губ., благодаря своему географическому положенію, характеру и племенному разнообразію своего населенія, сохранившимся среди его бытовымъ особенностямъ, первобытнымъ нравамъ и обычаямъ, представляла высокій научный интересъ для всякаго любознательнаго человѣка. Съ свойственною ему энергіей Павелъ Пла-

тоновичъ принялся за выполненіе усмотрѣнныхъ недочетовъ, за подробное и при томъ обоснованное на научныхъ пріемахъ изслѣдованіе и описаніе архангельской губерніи.

По его иниціативѣ и подъ его руководствомъ, по воспоминаніямъ М. А. Огарева, близко и при томъ лично знавшаго П. П. Чубинскаго[1]), началось статистическое изслѣдованіе архангельск. губ., явились преданные этому дѣлу работники: тутъ были, кромѣ молодежи изъ чиновниковъ и изъ интеллигентовъ (невольныхъ обитателей губерніи), волостные писаря (а отъ себя прибавимъ—и сельскіе священники), появились корреспонденціи изъ уѣздовъ и т. п., вообще губернія оживилась. Надо сказать, что покойный П. П-чъ, по отзывамъ того же Огарева, «какъ человѣкъ многоталантливый, разносторонне образованный, энергичный, радушный, краснорѣчивый и съ направленіемъ по своимъ убѣжденіямъ въ высшей степени честнымъ, производилъ на соприкасавшихся съ нимъ людей чарующее впечатлѣніе, послѣдствіемъ чего обыкновенно бывало то, что люди съ задаткомъ доброй воли и честнаго труда предавались ему всецѣло». Для работъ по статистическому комитету онъ привлекъ такія научныя силы, какъ извѣстный этнографъ П. С. Ефименко, Ф. Хоревичъ, студентъ медико-хирургической академіи, проживавшій въ то время въ г. Холмогорахъ. Благодаря энергіи Павла Платоновича и участію въ работахъ его по статистическому комитету Ефименка, Хоревича и многихъ другихъ преданныхъ ему лично и его дѣлу лицъ, работа закипѣла въ статистическомъ комитетѣ, и какъ результатъ этого появились многіе цѣнные труды, сохранившіе свое значеніе и по настоящее время. Труды эти намъ показываютъ, какъ много силъ и энергіи вложилъ П. П. Чубинскій въ дѣло изслѣдованія и описанія арханг. губ., какимъ онъ обладалъ тактомъ и умѣньемъ въ обхожденіи съ людьми, чтобы

---

[1]) М. А. Огареву мы приносимъ глубочайшую благодарность за доставленіе весьма цѣнныхъ указаній о жизни и дѣятельности П. П. Чубинскаго въ арханг. губ.

возбудить дремавшіе безполезно въ захолустьи силы, привлечь ихъ къ работамъ!..

Въ числѣ другихъ общеполезныхъ учрежденій въ г. Архангельскѣ въ то время существовала городская публичная библіотека, основанная еще въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, лѣтъ за 30 до прибытія Чубинскаго въ г. Архангельскъ. Несмотря на свое продолжительное существованіе, библіотека эта, благодаря нераспорядительности и апатіи лицъ, завѣдывавшихъ ею, пришла къ тому времени въ жалкое состояніе и далеко не удовлетворяла запросу и требованіямъ своихъ немногочисленныхъ подписчиковъ. Желая придти на помощь обществу и съ этой стороны, со стороны удовлетворенія любознательности читателя, Павелъ Платоновичъ, несмотря на свои многочисленныя занятія, съ разрѣшенія губернатора принялъ въ свое завѣдываніе и Городскую Публичную Библіотеку и съ свойственною ему энергіей принялся за приведеніе ея въ порядокъ. Такая необычная и разнообразная дѣятельность Чубинскаго, а главное-оживленныя сношенія его по дѣламъ статист. комитета съ такими людьми, какъ П. Ефименко и Хоревичъ, обратили на себя вниманіе подлежащихъ сферъ. Къ этому несомнѣнно присоединились и обостренныя отношенія къ нѣкоторой категоріи чиновничьяго люда, коей честная и энергичная дѣятельность П. Платон. были бѣльмомъ въ глазу. Въ особенности великую опасность усмотрѣли въ завѣдываніи Чубинскимъ городск. публичн. библіотекой: явилась боязнь, что «малограмотные люди не будутъ ограждены отъ пользованіи вредными для нихъ сочиненіями». Все это взятое вмѣстѣ создало для него большую непріятность. Правда, благодаря заступничеству губернатора, князя С. П. Гагарина, эта непріятность не имѣла серьезныхъ послѣдствій, такъ какъ губернаторъ разъяснилъ кому слѣдуетъ, что въ перепискѣ Чубинскаго со состоявшими въ ссылкѣ Ефименкомъ и Хоревичемъ ничего запретнаго не заключалось, да и вся переписка съ ними совершалась подъ контролемъ чиновъ полиціи, что публичная библіотека весьма жалка по количеству имѣвшихся въ ней книгъ и по числу своихъ подписчиковъ и что, благодаря этому, явилась только мысль о сое-

диненіи ея съ библіотекой статист. комитета, гдѣ предсѣдательствуетъ самъ губернаторъ. Тѣмъ не менѣе, когда Чубинскій обратился послѣ этого къ министру внутрен. дѣлъ съ ходатайствомъ объ освобожденіи его изъ-подъ надзора полиціи, въ этомъ ходатайствѣ было ему отказано...

Дѣятельность П. П. Чубинскаго не ограничивалась только исполненіемъ возложенныхъ на него обязанностей. Стоя близко по должности чиновника особыхъ порученій къ губернаторамъ и пользуясь ихъ расположеніемъ, основаннымъ на его личныхъ качествахъ, и главнымъ образомъ расположеніемъ кн. Гагарина, онъ принималъ дѣятельное участіе въ разработкѣ разнаго рода мѣропріятій, направленныхъ къ поднятію благосостоянія арханг. губ. Такъ, по воспоминаніямъ лицъ, близко стоявшихъ къ нему, при Чубинскомъ и при его непосредственномъ участіи было изготовлено и представлено нѣсколько проектовъ объ улучшеніи экономическаго положенія губерніи; при чемъ былъ выработанъ и проектъ о введеніи земскихъ учрежденій въ архангельской губ.; редакцію этого проекта принялъ на себя упомянутый выше А. П. Стронинъ. Но всѣ эти проекты, представленные въ М-во Внутреннихъ Дѣлъ, по словамъ тѣхъ же лицъ «остались подъ спудомъ».

Стоя близко къ губернаторамъ и пользуясь ихъ расположеніемъ къ себѣ, П. П. Чубинскій старался принести пользу мѣстному населенію и непосредственно. По своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ, онъ, по словамъ М. Огарева, «былъ заклятымъ врагомъ чиновничьяго произвола и взяточничества, всегда стоялъ за дѣльныхъ и честныхъ тружениковъ... и во время пребыванія его въ арханг. губерніи взяточничество и произволъ если и не совсѣмъ отсутствовали, за то очень боялись выходить на свѣтъ Божій».

Такой взглядъ на чиновническую этику того времени немогъ не создать для П. П. Чубинскаго массы затрудненій и непріятностей. Эти непріятности, въ связи съ исторіей его сношеній съ Ефименкомъ и Хоревичемъ по дѣламъ статистическаго комитета и по завѣдыванію публичной библіотекой, а также въ связи съ окончаніемъ задуманныхъ работъ по изслѣдованію и описанію архангел. губ., побудило его въ 1868 г. воспользоваться ранѣе даннымъ разрѣшеніемъ пересе-

литься во внутреннія губерніи Россіи, и онъ предпринялъ въ этомъ направленіи нѣкоторыя мѣры...

Но вырваться изъ этихъ мѣстъ и затѣмъ устроиться по своему желанію помогли Чубинскому работы его по статистическому комитету. Эти работы настолько прекрасно были выполнены, что на нихъ обратили вниманіе Императорское Вольное Экономическое и Русское Географическое Общества; послѣднее дало ему порученіе изслѣдовать состояніе хлѣбнаго и льняного производства и торговли въ Сѣверномъ краѣ. Павелъ Платоновичъ съ обычною, присущею ему, энергіей отнесся къ данному ему порученію. Для выполненія этого порученія онъ, по словамъ М. Огарева, объѣхалъ архангельскую, вологодскую, вятскую и, быть можетъ, пермскую губернію, изслѣдуя на мѣстѣ условія производства и сбыта означенныхъ продуктовъ, вошелъ въ непосредственныя сношенія съ земскими управами сосѣднихъ губерній, а также сѣверныхъ уѣздовъ костромской и ярославской губ., и съ лицами, производившими въ Архангельскѣ и его губерніи торговлю хлѣбомъ и льномъ. Несмотря на данный ему Обществомъ короткій срокъ, всего 5 мѣсяцевъ, Чубинскій съ успѣхомъ выполнилъ въ этотъ срокъ данное ему порученіе. Напечатанный въ 1868 г. въ Трудахъ экспедиціи означеннаго выше Общества отчетъ его *«О состояніи хлѣбной торговли въ сѣверномъ районѣ»* представляетъ изъ себя книгу около 300 страницъ; въ немъ разсматривается не только вопросъ о хлѣбной торговлѣ, но и вопросъ о произростаніи вообще на сѣверѣ хлѣбныхъ злаковъ, при чемъ вопросы эти разсмотрѣны обстоятельно, разносторонне съ приведеніемъ подлежащихъ цифровыхъ данныхъ. Составленный Павломъ Платоновичемъ отчетъ, по своей полнотѣ и обстоятельности, произвелъ сильное впечатлѣніе въ Обществѣ. Имъ настолько остались довольны, что члены Общества пожелали видѣть въ Петербургѣ автора его для полученія отъ него лично разъясненія по нѣкоторымъ вопросамъ. Тогдашній вице-президентъ Общества гр. Литке, удовлетворяя желаніе членовъ, вошелъ въ М-во Внутрен. Дѣлъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи Чубинскому прибыть въ зиму 1868—1869 г. въ С.-Петербургъ.

Ходатайство графа Литке было уважено, и въ началѣ 1869 года П. П. Чубинскій навсегда оставилъ г., Архангельскъ и его губернію [1]). Затѣмъ, въ томъ же 1869 г. «во вниманіе добросовѣстнаго исполненія Чубинскимъ своихъ служебныхъ обязанностей», снятъ былъ съ него и полицейскій надзоръ, такъ сильно стѣснявшій его, и ему разрѣшено было *повсемѣстное жительство* [2]). Впослѣдствіи тѣмъ же Обществомъ изданъ былъ и другой отчетъ Чубинскаго къ данному ему порученію «*Отчетъ о льноводствѣ въ сѣверномъ районѣ*». Кромѣ перечисленныхъ выше трудовъ, П. П. Чубинскому принадлежатъ еще слѣдующіе, имѣющіе отношеніе къ Архангельской губ., составленные и изданные имъ въ г. Архангельскѣ: «*Солевареніе въ архангельск. губ.*, изд. 1866 г.; «*Сѣверо-екатерининскій путь*», изд. 1867; «*Вятско-двинская желѣзная дорога*», изд. 1868 г. Въ послѣднемъ своемъ трудѣ Чубинскій доказываетъ необходимость проведенія желѣзной дороги изъ вятской губ. на Сѣв. Двину для обезпеченія жителей архангельской губ. продовольствіемъ и избавленія ихъ отъ голодовокъ, которымъ они ранѣе подвергались вслѣдствіе недостатка своего собственнаго хлѣба и дороговизны по причинѣ неудобства сообщенія привозного хлѣба. Мысль, высказанная Павломъ Платоновичемъ въ 1868 году, осуществлена была болѣе 30 лѣтъ спустя проведеніемъ Пермь-Котлаской жел. дороги, связавшей Пермь и Вятку, а также хлѣбородныя мѣста Сибири съ Сѣверной Двиной, а чрезъ нее и съ Архангельскомъ.

Такова была служебная и общественная дѣятельность П. П. Чубинскаго во время 6-тилѣтняго пребыванія его въ г. Архангельскѣ и его губерніи! Не долго онъ пробылъ, но много сдѣлалъ...

О частной жизни его въ г. Архангельскѣ мы, со словъ знавшихъ его, а главнымъ образомъ на основаніи воспоминаній М. А. Огарева, можемъ сообщить слѣдующія данныя: какъ истый

---

[1]) Это не совсѣмъ вѣрно: Чуб-ій 2 раза ѣздилъ въ Спб. и только за вторымъ разомъ былъ отпущенъ. *Ред.*

[2]) Кромѣ Архангельской губерніи, въ которую первоначально былъ высланъ. *Ред.*

сынъ Украины, отторгнутый отъ нея, П. П. Чубинскій страстно любилъ свою родину, говорилъ о ней восторженно и съ увлеченіемъ; дома, внѣ службы, его часто можно было видѣть въ малороссійскомъ костюмѣ; любимой его пищей были малороссійскія блюда. Земляки его всегда были дорогими гостями у него. Хозяйство вела сестра его Настасія Платоновна, вышедшая впослѣдствіи замужъ за чиновника Таратина, и своимъ пребываніемъ вблизи брата она много скрашивала жизнь его на далекой чужбинѣ. Настасія Платоновна и мужъ ея умерли уже.

Г. Б.

А. И. Маркевичъ.

(Некрологъ).

Еще одна тяжелая утрата. 5 іюня въ 12 ч. дня въ г. Одессѣ скончался отъ удара бывшій профессоръ Новороссійскаго университета и популярный лекторъ, Алексѣй Ивановичъ Маркевичъ. Въ послѣднее время онъ много работалъ надъ исторической статьей, которую писалъ для «Кіевской Старины», но неумолимая смерть отняла отъ насъ этого неутомимаго труженика и сѣятеля добра, свѣта и правды.

А. И. Маркевичъ родился въ 1847 году въ с. Смоши, прилукскаго у., полтавской губ., и происходилъ изъ малорусскихъ дворянъ. Получивъ среднее образованіе весьма несистематично, т. к. не разъ мѣнялъ учебныя заведенія, А. И. Маркевичъ въ 1867 году поступилъ въ Нѣжинскій лицей кн. Безбородко, но занимался не юриспруденціей, а русской исторіей XVI и XVII вѣковъ; такое направленіе занятіямъ его далъ проф. Лашнюковъ, съ которымъ А. И. Маркевичъ близко сошелся и сдружился. Съ уходомъ Лашнюкова въ Кіевскій университетъ, А. И. оставилъ лицей и переѣхалъ въ г. Одессу, гдѣ хотѣлъ поступить на историко-филологическій факультетъ университета, но не могъ, потому что студенты лицеевъ принимались въ университетъ только съ дополнительнымъ экзаменомъ, къ которому, вслѣдствіе несистематичности своего средняго образованія, А. И. былъ неподготовленъ. Не могъ онъ поступить и вольнослушателемъ, т. к. сту-

денты въ вольнослушатели тоже не принимались. Послѣднюю, чисто формальную, причину устранилъ проректоръ университета Богдановскій, согласившійся въ видѣ исключенія разрѣшить Маркевичу посѣщать лекціи и заниматься въ университетѣ, а дополнительный экзаменъ держать впослѣдствіи. Этотъ экзаменъ А. И. засимъ выдержалъ въ Ришельевской гимназіи. Пробывъ въ университетѣ около $1^1/_2$ года, А. И. посѣщалъ лекціи историко-филологическаго факультета, а также по исторіи русскаго права и въ 1869 году выдержалъ экзаменъ и сдалъ кандидатскую работу, а затѣмъ назначенъ былъ учителемъ исторіи и географіи въ Таганрогскую гимназію. Въ 1871 г. А. И. возвратился на учительскую службу въ г. Одессу. Выдержавъ экзаменъ на степень магистра русской исторіи и защитивъ диссертацію «О мѣстничествѣ», А. И. 25 мая 1879 г. Кіевскимъ университетомъ св. Владиміра утвержденъ былъ въ степени магистра. Въ началѣ 1880 г. онъ прочелъ двѣ пробныя лекціи на темы—«Историческая критика въ трудахъ новѣйшихъ русскихъ ученыхъ» и «Удѣльная система»; послѣ чего получилъ права приватъ-доцента и съ 1880 г. началъ въ Новороссійскомъ университетѣ чтеніе лекцій по русской исторіи. 26 января 1889 г., по защитѣ 28 октября 1888 г. диссертаціи «Исторія мѣстничества въ Московскомъ государствѣ въ XV—XVII вѣкахъ» и утвержденіи университетомъ св. Владиміра въ степени доктора русской исторіи, А. И. назначенъ былъ экстра-ординарнымъ профессоромъ на каѳедру русской исторіи въ Новороссійскій университетъ и занималъ это мѣсто до 1895 года. Въ 1895 году надъ А. И. стряслась неожиданная бѣда, заставившая этого талантливаго человѣка оставить любимое имъ дѣло—работу въ университетѣ. Съ тѣхъ поръ онъ былъ въ отставкѣ, получивъ за 25 лѣтъ службы пенсію.

Покойный считался не только исторіографомъ г. Одессы, но и живой энциклопедіей для всякаго рода справокъ о прошломъ Новороссіи и г. Одессы. Независимо отъ этого, онъ принималъ дѣятельное участіе въ разныхъ новременныхъ изданіяхъ, и имъ напечатано много рецензій, публицистическихъ и критическихъ замѣтокъ, некрологовъ; онъ редактитировалъ переводъ сочиненія

Литтре «Варвары и средніе вѣка», «Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей» и «Записки Крымскаго Горнаго Клуба». Это былъ образецъ неутомимаго труженика, преданнаго дѣлу просвѣщенія и науки до самоотверженія. Кромѣ перечисленныхъ занятій, покойный А. И. служилъ секретаремъ въ Одесскомъ биржевомъ Комитетѣ, участвовалъ въ разныхъ благотворительныхъ обществахъ, въ дѣлахъ которыхъ принималъ самое живое участіе, съ 1901 г. состоялъ гласнымъ Одесской городской думы и работалъ въ разныхъ комиссіяхъ; будучи почетнымъ мировымъ судьей, онъ, какъ самъ говорилъ это, званіемъ этимъ очень гордился, и, дѣйствительно, онъ аккуратно участвовалъ въ судебныхъ засѣданіяхъ и никогда не манкировалъ ими. Принимая дѣятельное участіе въ разныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, онъ былъ членомъ правленія общества вспомоществованія бывшимъ воспитанникамъ Новороссійскаго университета и Ришельевскаго лицея, попечителемъ по учебн. части въ женскомъ благотворительномъ обществѣ, секретаремъ распорядительнаго комитета общества дешевыхъ ночлежныхъ пріютовъ и т. д., при чемъ очень часто составлялъ отчеты тѣхъ обществъ, въ которыхъ работалъ.

Оставивъ университетскую каѳедру, покойный А. И. нашелъ себѣ другую аудиторію. Онъ прочелъ массу публичныхъ лекцій въ разныхъ мѣстахъ, при чемъ постоянно читалъ лекціи въ Одесской народной аудиторіи, гдѣ собирается обыкновенно до 5000 слушателей рабочихъ. Обладая блестящимъ ораторскимъ талантомъ, А. И. владѣлъ вниманіемъ слушателей, при чемъ рѣчь его всегда была проста и удобопонятна. Читалъ онъ и о Малороссіи, и о Шевченкѣ, и о Гоголѣ, при чемъ чтенія эти всегда проникнуты были глубокой и горячей любовью къ родному.

А. И. пользовался славой блестящаго лектора и за предѣлами Одессы, никогда не отказывая, если имѣлъ возможность, въ чтеніи лекцій въ другихъ городахъ. Такъ онъ много разъ читалъ публичныя лекціи въ г.г. Тирасполѣ, Бендерахъ, Кишиневѣ въ пользу разныхъ благотворительныхъ учрежденій. Въ послѣднюю свою экскурсію по указаннымъ городамъ онъ читалъ «О царствованіи

Екатерины II», при чемъ въ лекціяхъ этихъ проводилъ взгляды, которыхъ раньше, до истеченія принятой давности, нельзя было оглашать. Это царствованіе онъ разобралъ всесторонне, какъ съ положительной, такъ и съ отрицательной стороны, обративъ особое вниманіе на вліяніе реформъ Екатерининскаго времени на судьбы южанъ.

Всѣ многосложныя занятія А. И. не отвлекали его отъ чтенія текущихъ газетъ, журналовъ, изданій, какъ литературныхъ, такъ и научныхъ. Всегда радушный, для всякаго доступный, добрый и отзывчивый, онъ пользовался всеобщей симпатіей.

7 іюня А. И. похоронили на новомъ кладбищѣ. Отдать послѣдній долгъ покойнику пришли люди самыхъ разнообразныхъ положеній: градоначальникъ, городской голова, профессора, судьи, ректоръ университета, врачебный инспекторъ, гласные думы, представители биржи, члены разныхъ благотворительныхъ учрежденій и лекціоннаго комитета народной аудиторіи, купцы, чиновники, обыватели, чернорабочіе, ремесленники и т. д. За гробомъ, который отъ университета понесли на рукахъ рабочіе—слушатели покойнаго въ народной аудиторіи—и несли до самой могилы, слѣдовала огромная толпа народа. Возлѣ съѣзда мировыхъ судей, въ университетѣ, возлѣ народной аудиторіи и на кладбищѣ было произнесено много рѣчей. Говорили судьи, учителя, профессора, присяжные повѣренные, рабочіе, при чемъ среди послѣднихъ многіе плакали. Каждый изъ ораторовъ подчеркивалъ то, что покойникъ былъ носителемъ и сѣятелемъ просвѣщенія, христіанской любви къ ближнему и гуманной культуры.

За гробомъ слѣдовали двѣ колесницы, наполненныя вѣнками. Между послѣдними выдѣлялся огромныхъ размѣровъ вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ съ надписью на лентѣ: «Сіячеві добра, освіти й правди Олексієві Івановичу Маркевичу від земляків».

Всѣ рѣшительно считаютъ смерть А. И. незамѣнимой утратой для Одессы. Особенно много потеряла народная аудиторія, которая за годъ лишилась, такимъ образомъ, трехъ тружениковъ: Смирнова, Андреевскаго и Маркевича. Кто же замѣнитъ ихъ?—вопросъ, который теперь приходится слышить очень часто.

Послѣ покойнаго осталась огромная библіотека—свыше 20,000 томовъ. Особенно богатъ въ ней отдѣлъ по исторіи и украиновѣдѣнію. Покойный оставилъ также нѣсколько неоконченныхъ работъ по исторіи юга.

Библіотеку свою покойный оставилъ въ распоряженіе жены своей. Въ настоящее время, какъ мы слышали, отдѣлъ библіотеки по исторіи и украиновѣдѣнію г-жа Маркевичъ рѣшила пожертвовать Черниговскому музею, въ дополненіе къ сокровищамъ, оставленнымъ В. В. Тарновскимъ. Изъ остальныхъ отдѣловъ будетъ устроена библіотека Народной читальни на Молдаванкѣ (въ Одессѣ).

Позволимъ себѣ отмѣтить еще одно обстоятельство, на которое обратило вниманіе «Южное Обозрѣніе» (№ 2176 отъ 6 іюня). Газета, перечисливъ заслуги покойнаго, говоритъ: «Еще одна не маловажная черта въ немъ: онъ былъ украинофиломъ. Украинофильство это въ немъ было такого глубокаго, просвѣщеннаго характера, что, конечно, никѣмъ и никогда не могло бы быть поставлено ему въ вину. Онъ любилъ малорусскую націю такой высокой гуманной любовью, которая дѣлаетъ только честь человѣку... Это была любовь къ народу, своему народу. Въ *такой* любви нельзя упрекнуть. Напротивъ, такая просвѣщенная любовь возвеличиваетъ человѣка».

Миръ праху твоему, дорогой человѣкъ!

С. Ше - хинъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ вопросу объ источникѣ „Москаля-Чаривныка" Котляревскаго *(М. Н. Кочубей: Постой(.) или когда одинъ теряетъ, то другіе пользуются. Фарсъ въ 1 дѣйствіи. Къ генетической связи «Москаля-Чаривныка» и «Простака». Спб. 1902 г.).* Разбирая произведенія И. П. Котляревскаго, Кулишъ («Основа» 1862 г. февр.) далъ слишкомъ суровый отзывъ о его «Москалѣ-Чаривныкѣ», считая эту пьесу маловѣроятной, неестественной выдумкой автора. Г. Петровъ въ своихъ «Очеркахъ исторіи укр. литер. XIX ст.» не соглашается съ этимъ мнѣніемъ Кулиша и, сравнивая „Москаля-Чар." съ нѣкоторыми малорусскими народными произведеніями, приходитъ къ выводу, что эта комическая опера Котляревскаго, равно какъ и «Простакъ» Гоголя-отца, глубоко народны, такъ какъ оба эти произведенія „заимствованы изъ украинскихъ народныхъ преданій". Къ тому же выводу склоняется, повидимому и Н. Ф. Сумцовъ, когда, приведя рядъ малорусскихъ сказокъ на тему о невѣрной женѣ: говоритъ: „На народной сказкѣ... построена комедія И. П. Котляревскаго „Москаль-Чаривныкъ" („Этногр. Обозр." XII: „Пѣсни о гостѣ Терентіи..."). — Не отвергая сходства „Москаля-Чаривныка" съ народными малорусскими сказками и пѣснями, проф. Дашкевичъ идетъ, однако, дальше: онъ указываетъ на существованіе у другихъ восточныхъ и западныхъ народовъ не только устныхъ, но и письменныхъ, литературныхъ произведеній съ подобнымъ же сюжетомъ и потому ставитъ вопросъ: «Воспользовался ли Котляревскій какою-нибудь изъ многочисленныхъ литературныхъ обработокъ разсказа о приключеніи съ невѣрной женой и ея любовникомъ, или же почерпнулъ идею своей пьесы изъ народ-

ной пѣсни либо изъ сказки, какъ то утверждаютъ, напр., г.г. Петровъ и Сумцовъ?» («Кіевская Старина» XII: «Вопросъ о литерат. источникѣ...», стр. 466). Сопоставляя затѣмъ содержаніе и нѣкоторыя детали комической оперы Котляревскаго съ такой же французской оперой «Le Soldat Magicien», авторъ только что названной статьи приходитъ къ убѣжденію, что «Котляревскій былъ знакомъ съ оперой «Le Soldat Magicien» и воспользовался ея схемой для своей пьесы; онъ воспроизводилъ ситуацію французской оперы, имѣя ее передъ собою, либо по памяти» (Ibid, 475), при чемъ нашъ поэтъ, заимствуя изъ «Le Sold.-Mag.» общія очертанія фабулы, остается самостоятельнымъ «въ обрисовкѣ характеровъ дѣйствующихъ лицъ и въ основной идеѣ» своей пьесы (Ib., 476).

М. Н. Кочубею удалось недавно отыскать въ лавкѣ одного флорентійскаго букиниста пьесу на итальянскомъ языкѣ, озаглавленную такъ: «L'allogio militare ovvero uno spende e glialtri godono. Farsa in un atto libera traduzione dal francese dell' artista drammatico Luigi Vestri» (т. е «Постой, или когда одинъ теряетъ, то другіе пользуются». Фарсъ въ 1 дѣйствіи. Вольный переводъ съ французскаго драматическаго артиста Л. Вестри). Дѣйствующихъ лицъ въ этомъ фарсѣ, какъ и въ «Москалѣ Чарив.», четыре: 1) Маэстро Барбаціано Финоккіо, 2) Бриджида—его жена, 3) Сержантъ Петруччіо Франки—римлянинъ и 4) Панкраціо—сельскій учитель. Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ Фраскадъ, въ горахъ близъ Сарцана. Сцена представляетъ комнату съ сельской обстановкой; съ одной стороны входная дверь, съ другой лѣсенка, ведущая на чердакъ; въ концѣ ея двери; ночь.—Вотъ краткое содержаніе «Постоя». Бриджида, отправивъ изъ дома мужа, ждетъ прихода Панкраціо, своего любовника. Неожиданно является на постой сержантъ и начинаетъ любезничать съ хозяйкой, но та, занятая мыслью о свиданіи съ Панкраціо, холодно отвѣчаетъ на любезности квартиранта. Наконецъ, сержантъ по лѣстницѣ уходитъ въ отведенную ему наверху комнату. Является Панкраціо. Заслышавъ внизу голоса, сержантъ потихоньку пріотворяетъ дверь лѣсенки и, такимъ образомъ, видитъ и слышитъ все то, что происходитъ на сценѣ. Оказывается, что Панкраціо принесъ съ собой закуску и вино. Влюбленные собираются поужинать. Но въ это время слышится стукъ въ двери: возвратился мужъ. Бриджида поскорѣе прячетъ ужинъ въ шкафъ, а Панкраціо бѣжитъ въ подполье (погребъ). Входитъ мужъ Барбаціано; онъ голоденъ и проситъ ужинать. Жена

говоритъ, что у нея нѣтъ ничего съѣстного и что сама она легла спать безъ ужина. Спускается сержантъ познакомиться съ хозяиномъ и попросить чего-либо закусить. Получивъ отъ Бриджиды тотъ же отвѣтъ, что и Барбаціано, сержантъ открываетъ своимъ хозяевамъ секретъ, что онъ умѣетъ колдовать и что при помощи своего искусства онъ раздобудетъ всѣмъ имъ ужинъ; затѣмъ беретъ свою книгу и шомполъ, ставитъ лампы на полъ, описываетъ шомполомъ магическіе круги и, произнося заклинанія, указываетъ на шкафъ, куда духи будто бы принесли и поставили ужинъ и вино. Открывъ шкафъ и найдя тамъ кушанья, мужчины садятся ужинать, а жена, въ гнѣвѣ на сержанта, отказывается отъ закуски. Остатки ужина она уноситъ на кухню, а сержантъ въ это время открываетъ Барбаціано тайну, о которой онъ узналъ изъ своей магической книги,—именно, что у Барбаціоно въ дому поселился домовой и что онъ теперь прячется въ подпольѣ. Объ этомъ мужъ съ ужасомъ сообщаетъ пришедшей изъ кухни женѣ, но сержантъ успокаиваетъ его, обѣщая выселить домового; онъ даетъ Барбаціано палку, чтобы тотъ билъ домового, когда послѣдній покажется изъ погреба, самъ открываетъ подполье и приглашаетъ злого духа, т. е. Панкраціо, уходить оттуда. Панкраціо, закутавшись въ плащъ, убѣгаетъ, а сержантъ и Барбаціано бьютъ его—одинъ шомполомъ, другой палкою.

Переводчикъ этого фарса Л. Вестри жилъ въ первой половинѣ XIX в.; оригиналъ же на французскомъ языкѣ г. Кочубей, при всѣхъ его стараніяхъ не могъ найти; думаемъ, что найти его не такъ то легко, разъ неизвѣстно, насколько *вольно* сдѣлалъ свой переводъ Вестри.

Мы видимъ, что найденная и переведенная на русскій языкъ г. Кочубеемъ пьеса очень близко подходитъ по своему содержанію къ комедіи Котляревскаго «Москаль-Чаривныкъ» и служитъ такимъ образомъ новымъ доказательствомъ справедливости мнѣнія г. Дашкевича о литературномъ источникѣ «Москаля-Чаривныка». Это мнѣніе свое проф. Дашкевичъ высказалъ еще въ 1888 г. въ извѣстномъ «Отчетѣ о двадцать девятомъ присужденіи наградъ гр. Уварова» и потомъ подробнѣе развилъ въ 1893 г. въ статьѣ «Вопросъ о литературномъ источникѣ украинской оперы И. П. Котляревскаго «Москаль-Чаривныкъ» («Кіевск. Ст.» 1893 г. № 12). Поэтому странными показались намъ слѣд. слова г. Кочубея въ его предисловіи къ «Постою»: «Такъ (т. е. что «Москаль-Чаривныкъ» возникъ изъ народныхъ источ-

никовъ) я думалъ прежде *и продолжаю думать теперь*, несмотря на то, что случай меня натолкнулъ на открытіе по этому вопросу, совершенно сбившее меня съ толку и поселившее *было* во мнѣ рядъ сомнѣній...» (стр. 5).

А. Малинка.

Къ исторіи м. Варвы, лохвицкаго уѣзда. М. Варва—родина Бодянскихъ: извѣстнаго слависта, Осипа Максимовича, и его брата Федора, занимавшагося этнографіей, и оставившаго въ рукописяхъ не одну сотню украинскихъ пѣсенъ, представляющихъ тѣмъ большій интересъ, что у каждой пѣсни указано лицо и мѣсто записи, и нерѣдко годъ; впрочемъ, кажется, всѣ его записи произведены были въ промежутокъ между 1838 и 1848 годами.

Въ одной изъ этихъ рукописей, собранныхъ въ настоящее время Науковим Товариством ім. Шевченка во Львовѣ и приготовляемыхъ къ печати, въ примѣчаніи къ пѣснѣ «Ой гаю мій, гаю, густый не прогляну! Упустыла соколонька, да вже не піймаю», по поводу м. Варвы, упоминаемой въ этой пѣснѣ, приведены Федоромъ Бодянскимъ историческія указанія, не лишенныя интереса, которыя мы и выписываемъ дословно.

«Мнѣ неизвѣстно ни по географіи, ни по исторіи—было-ли нынѣшнее мѣстечко *Варва* какимъ-либо городомъ. Но преданіе стариковъ говоритъ: мѣстечко Варва, полтавской губ., лохвицкаго уѣзда, до разоренія ея шведами, была дѣйствительно уѣзднымъ или *сотеннымъ* городомъ Черниговскаго намѣстничества [1]). Въ истинности этихъ словъ удостовѣрить насъ могутъ: 1) чудодѣйственная сила Божіей Матери Варвинской, оказанная Ею жителямъ города Варвы при переходѣ шведами черезъ рѣку Удай и при осадѣ ими г. Варвы. Эти факты чудодѣйственной силы изображены въ 1812 году (не 1712 ли? В. Д.) по преданію стариковъ, на двери тогдашней церкви, отысканной (двери, а не церкви) нынѣшнимъ настоятелемъ Рождество-Богородичной церкви, священникомъ Максимомъ Бодянскимъ. Это изображеніе, какъ несо-

---

[1]) М. Варва, дѣйствительно, была сотеннымъ городомъ Прилуцкаго полка начиная съ 1648 года. См. Максимовичъ. Собраніе сочиненій, т. I, стр. 732. Въ качествѣ замѣтнаго поселка упоминается еще въ 1628 г. (Сборн. Лѣтоп. Южн. и Зап. Россіи, 95).

мѣнно историческій фактъ, хранится и теперь въ одной церкви; 2) *Актовая крѣпость*, сознанная въ 1748 г. пресвитеромъ Варвинскимъ, Григоріемъ Патакою въ Сотенной Варвинской канцеляріи на промѣнъ недвижимыхъ имѣній съ господаремъ Федоромъ Дейнекою; 3) *печать города Варвы*, доставшаяся мнѣ *въ прошломъ 1838 году*, отъ бывшаго Варвинскаго сотеннаго Атамана Михея Пшеничнаго, на которой печати изображенъ въ осьмиугольномъ кругѣ гербъ, вѣроятно Варвинскій: сердце, утвержденное нижнею оконечностію на двухъ вѣтвяхъ, накрестъ поставленныхъ; сверху сердца—крестъ, въ видѣ анненскаго, окруженный пятью звѣздами; кругомъ же поля вырѣзаны слова: *печать город. Варвинская*, и, 4) *самое дѣленіе м-ка Варвы на форштаты:* Перекопи(о)вской, Пугачіевской, Руссомаковской и Зарѣцкой, а городъ, окруженной земляной крѣпостью (валомъ), называется *мѣстомъ* (forum)».

Сообщ. **В. Доманицкій.**

Существуетъ-ли южно-русскій стиль? Этотъ принципіальный вопросъ о существованіи южно-русскаго стиля возникъ и сталъ предметомъ обсужденія по совершенно случайному, частному поводу—по поводу постройки новаго зданія полтавской губернской земской управы. Нѣкто г. Обыватель, говоря о постройкахъ помянутаго зданія, высказалъ на страницахъ «Полт. Вѣстн.» мысль, что «созданіе фасада въ стилѣ южно-русскаго творчества было-бы несомнѣнно самымъ лучшимъ, оригинальнымъ и наиболѣе цѣннымъ въ художественномъ отношеніи». Въ отвѣтъ на это письмо на страницахъ той же газеты (№№ 138, 147 и 149) послѣдовали три довольно обстоятельныя статьи извѣстнаго художника А. Сластіонова. Статьи эти настолько интересны, что мы считаемъ нужнымъ познакомить съ ними нашихъ читателей.

Г. Сластіоновъ, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ г. Обывателя, говоритъ, что зданіе земской управы, какъ «общественное учрежденіе цѣлой огромной и весьма оригинальной губерніи, должно имѣть свое типичное лицо, въ которомъ отразились бы всѣ краски юга; оно

---

[1]) Сравн. съ Чигиринской „мѣстской" печатью 1660 г. въ Чтеніяхъ въ Ист. Общ. Нест. Лѣтописца, кн. VIII, ст. И. М. Каманина „Къ вопросу о казачествѣ до Богдана Хмельницкаго", стр. 98—99.

должно выйти изъ обыденнаго унылаго шаблона, изъ подражанія тому доморощенному *«разнесансу»*, который примелькался на каждомъ шагу». Г. Сластіоновъ указываетъ на примѣръ Западной Европы, гдѣ муниципалитеты городовъ содержатъ особыя спеціальныя художественныя комиссіи исключительно для разсмотрѣнія проектовъ каждаго вновь строящагося зданія съ чисто художественной стороны, что эти комиссіи могутъ воспретить любую постройку если найдутъ данный проектъ негармонирующимъ съ сосѣдними зданіями, или нарушающимъ красивую линію группы, силуэта или невыдержанности стиля, а то и простой окраски. Эти комиссіи безпощадны ко всякаго рода шаблоннымъ, неоригинальнымъ постройкамъ и часто требуютъ пересоздавать проекты вновь; онѣ настоятельно рекомендуютъ обращаться къ старымъ стильнымъ постройкамъ своей родины или же, наконецъ, къ новому стилю. Указавъ на тщательныя заботы нашихъ западныхъ сосѣдей о художественной внѣшности своихъ городовъ, г. Сластіоновъ говоритъ о невозможности игнорированія подобной заботы и у насъ, такъ какъ такое игнорированіе никогда не выведетъ нашей творческой мысли изъ того духовнаго плѣна, въ которомъ она находится вотъ уже цѣлыя сотни лѣтъ. «А развѣ не тяжело,—спрашиваетъ авторъ,—проводить жизнь подъ чужой личиной и стыдиться быть самими собой? А между тѣмъ кто изъ насъ во всеуслышаніе осмѣлится возразить противъ того, что мы должны смотрѣть на природу глазами индивидуальности, что въ разнообразныхъ воззрѣніяхъ передаваемая природа только и начинаетъ жить и блистать чудными цвѣтами и переливами творческаго духа націи, что эта передача воззрѣній, эта работа, выражающаяся потребностью нашего духа объектировать свой міръ идей и облекать его въ опредѣленную, родную ему форму, и есть тотъ внутренній импульсъ, который придаетъ творческой дѣятельности живое видѣніе и ту сумму разнообразныхъ впечатлѣній, и если можно такъ выразиться, нашептываній, которыя, будучи искренно реализованы, все равно—въ картинѣ, музыкѣ, зодчествѣ, чаруютъ художественно чуткихъ соотечественниковъ и заставляютъ восхищаться пытливыхъ, ищущихъ новыхъ впечатлѣній иностранцевъ? Такъ въ чемъ же дѣло? Почему же мы, все-таки, продолжаемъ питаться падающими отъ сосѣдей крохами? Назовите же хотя одну культуру въ свѣтѣ, которая была бы основана на отрицаніи творческаго духа своего народа, вѣдь нѣтъ таковой—не правда-ли? А мы считаемъ себя тоже народомъ культурнымъ и однако жъ почти не пытаемся обра-

щаться къ этому духу творчества. Монументальныя зданія, какъ и другіе виды творчества, должны носить на себѣ отпечатокъ не только даннаго народа, но и данной мѣстности, ибо они также продуктъ условій самой природы».

Предвидя со стороны составителей проекта новаго зданія управы возможность возраженій въ такомъ родѣ. что «неужели послѣ того, какъ египтяне изобрѣли колонну, римляне—арку, а византійцы—куполъ, неужели возможно въ архитектурѣ сдѣлать что-нибудь новое?— г Сластіоновъ говоритъ: «Можно, отвѣчу я и теперь, и всегда, всегда надо смотрѣть впередъ, а не назадъ: пусть основы будутъ старыя, но трактовка этихъ основъ будетъ вѣчно новая. Готика, ренесансъ, рококо, бароко, ампиръ, новый стиль и безчисленное множество мелкихъ чертъ, внесенныхъ въ сокровищницу архитектуры большинствомъ культурныхъ народовъ,—прямое тому доказательство.

Наконецъ, лѣтъ 40—50 назадъ отвергалось русскими же людьми какое бы то ни было русское искусство и сколько упорнѣйшей борьбы и силъ надо было потратить разумѣвшимъ и, такъ сказать, провидѣвшимъ это искусство, съ мракомъ невѣжества и огульнаго отрицанія, чтобы, наконецъ, добиться нѣкоторыхъ правъ на признаніе этого вопроса. Надо было, какъ и во всемъ у насъ, вмѣшаться въ эту борьбу какому-либо знатному иностранцу, который бы отдалъ дань уваженія предмету спора и призналъ бы существованіе того, въ чемъ сомнѣвались; мало того,—чтобы онъ написалъ интересный трактатъ о немъ, тогда только дѣло могло стать на серьезную почву. Знаменитый французскій архитекторъ Віоле-де-Дюкъ и сдѣлалъ это; онъ написалъ настоящій панегирикъ русскому искусству, за что, впрочемъ, и былъ награжденъ россійскимъ орденомъ со звѣздой.

Для опредѣленія чертъ самобытности русскаго искусства и собиранія остатковъ его немало потрудились такіе знатоки, какъ Рихтеръ, Горностаевъ, Даль, Леоновъ, Веселовскій, Павлиновъ, Сусловъ, Соловьевъ, Преображенскій и т. д. Послѣ ихъ трудовъ въ Россіи появилось много интересныхъ зданій въ русскомъ стилѣ. Пусть этотъ стиль есть смѣшеніе всего, чего угодно, пусть онъ «художественный винигретъ», окрошка азіатско-византійско-норманскихъ и безчисленнаго множества другихъ чертъ и всякихъ бродячихъ мотивовъ, но онъ есть, какъ есть, напр., медъ, который пчелы, эти трудолюбивые архитекторы-художники, собираютъ со всевозможныхъ цвѣтовъ и разнообразныхъ деревьевъ—что, однако-жъ, не мѣшаетъ ему быть медомъ,

такъ и отдѣльныя черты этого стиля, собранныя архитекторами и художниками съ неизмѣримаго поля человѣческаго творчества, во всей ихъ совокупности и общей гармоніи выражаютъ собой новый, самостоятельный типъ, то, что мы называемъ «русскій стиль». Да кромѣ того,—совершенно самостоятельной культуры нѣтъ вѣдь нигдѣ: она всегда лишь наслѣдіе предыдущей. Каждый народъ только пользовался элементами, унаслѣдованными отъ предшествующихъ цивилизацій, и приспособлялъ эти элементы къ своимъ вкусамъ, нуждамъ и потребностямъ».

Послѣ этихъ общихъ разсужденій г. Сластіоновъ переходитъ къ разрѣшенію вопроса о томъ, существовалъ ли когда-нибудь южно-русскій стиль хотя бы въ видѣ такихъ же «обломковъ», какіе извѣстны и собраны въ Руси сѣверной. Отвѣчая на поставленный вопросъ, г. С. говоритъ: «Что они были и существуютъ—это вамъ скажетъ всякій, кто пытался собирать или даже интересовался ими. Да почему бы имъ и не быть, если Южная Русь до половины XVIII в. жила несравненно высшей культурной жизнью, чѣмъ сѣверная? Ученость, образованность, живопись, музыка—всѣмъ этимъ Южная Русь щедро дѣлилась съ сѣверною; то же, хотя и въ маломъ масштабѣ, было и съ архитектурой (ниже мы это увидимъ), но обратнаго, подобнаго теченія не было».

Въ подверждение своихъ словъ г. С. проводитъ выдержки изъ извѣстныхъ сочиненій путешественниковъ по южной Россіи.

Вотъ двѣ-три выдержки: «Въ извѣстномъ путешествіи московскаго старца Леонтія (1701 г.) вотъ что читаемъ о «преславномъ градѣ Кіевѣ»—Церквей каменныхъ зѣло много. *Строеніе узорочное, тщательные люди...*», а старецъ Леонтій началъ свое путешествіе съ Москвы, гдѣ, конечно, видывалъ не мало всякихъ строеній. Ужъ если «*тщательность и узорочность*» бросились ему въ глаза, то и не даромъ. А вотъ и другое свѣдѣніе приблизительно изъ того же времени, но важно оно потому, что говорится уже не о Кіевѣ, а о городѣ Кролевцѣ, черниг. губ. Вотъ что читаемъ въ запискахъ датскаго посла Юста Юля, бывшаго два года (1709—1711) при Петрѣ Великомъ и возвращавшагося черезъ Украину: «Жители козацкой Украины благоденствуютъ и живутъ припѣваючи. Козаки продаютъ и покупаютъ разные товары, занимаются ремеслами и, чѣмъ хотятъ, промышляютъ. Козаки ходятъ въ церковь съ молитвенниками въ рукахъ, тогда какъ московиты, даже бояре, не грамотны и даже не знаютъ начатковъ вѣры, какіе въ Даніи знаютъ дѣти... *Кролевецъ городъ большой и кра-*

сивый. Улицы въ немъ прекрасны, какихъ я въ Россіи нигдѣ не видывалъ; *дома прекрасные*, прочные, опрятные, выступаютъ на улицу, какъ въ Даніи, а не стоятъ въ глубинѣ дворовъ, какъ въ Россіи. Все населеніе козацкой Украйны отличается большою вѣжливостью и опрятностью, всѣ одѣваются чисто и чисто содержатъ дома»...

Еще болѣе поразительны и интересны параллели, приведенныя въ дневникѣ Павла Алеппскаго, въ 1652 году путешествовавшаго черезъ Украйну въ Москву. Очень подробно онъ описываетъ разные города и что въ какомъ его поразило; такъ, напр., въ Васильковѣ онъ восхищается изображеніемъ Богоматери въ церкви Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ: «Козацкіе живописцы заимствовали красоты живописи, лицъ и цвѣта одеждъ отъ франкскихъ и ляшскихъ живописцевъ-художниковъ и теперь пишуть православные образа, будучи обученными и искусными. Они обладають большою ловкостью въ изображеніи человѣческихъ лицъ съ совершеннымъ сходствомъ, какъ мы видѣли это на портретахъ Ѳеофана, патріарха іерусалимскаго и другихъ». Въ описаніи Кіева онъ говоритъ, что въ этомъ городѣ «среди изображеній козацкихъ живописцевъ есть много искусныхъ мастеровъ, которые обладають большою изобрѣтательностью ума въ изображеніи людей, какъ они есть»... Кіевскую лавру онъ описываетъ особенно подробно. Это описаніе является единственнымъ описаніемъ ея до великаго пожара 1718 г., которымъ она уничтожена. О народномъ образованіи при Хмельницкомъ онъ пишетъ: «По всей землѣ козаковъ мы замѣтили возбуждавшую наше удивленіе прекрасную черту: всѣ они, за исключеніемъ немногихъ, даже большинство ихъ женъ и дочерей, умѣютъ читать и знаютъ порядокъ церковныхъ службъ и церковные напѣвы: кромѣ того, священники обучаютъ сиротъ и не оставляютъ ихъ шататься по улицамъ невѣждами». Восторгаясь украинскими напѣвами и голосами монахинь Вознесенскаго монастыря, Павелъ отвѣчаетъ, что большинство монахинь этого монастыря происходило изъ богатыхъ и знатныхъ фамилій и что находившіяся тамъ дѣвицы умѣли не только читать, но были знакомы съ философіей, логикой и занимались сочиненіями... Не знаю, есть ли даже теперь такіе женскіе монастыри, въ которыхъ бы монахини занимались логикой, философіей и сочиненіями?... О настоятеляхъ кіевскихъ монастырей Павелъ говоритъ, что между ними есть «люди ученые, законовѣды, ораторы, знавшіе логику и философію и занимавшіеся глубокими вопросами». О кіевской типографіи читаемъ: близъ великой

церкви есть *превосходный, знаменитый печатный домъ* для этой страны. Изъ него выходятъ всѣ церковныя книги удивительной печати, разнаго вида и цвѣта, а также рисунки на большихъ листахъ, примѣчательности странъ, иконы святыхъ, ученыя изслѣдованія и проч.».. Церковное пѣніе особенно понравилось Павлу Алепскому: «Пѣніе козаковъ радуетъ душу и исцѣляетъ отъ печалей, ибо ихъ напѣвъ пріятенъ, идетъ отъ сердца и исполняется какъ-бы изъ однихъ устъ. Они страстно любятъ нотное пѣніе, нѣжныя и сладостныя мелодіи».

Возвращаясь къ архитектурѣ, можно привести еще свѣдѣніе о томъ, что австрійскій посланникъ графъ Кобленцъ упоминаетъ о кіевскомъ деревянномъ дворцѣ Разумовскаго, бывшемъ на Подолѣ и стоившемъ ему въ тѣ времена болѣе 30.000 руб. Объ этомъ же дворцѣ говоритъ и Вигель, прибавляя, что дворецъ этотъ висѣлъ надъ стремниной. Послѣ приведенныхъ справокъ надо сказать, что было время, когда извѣстныя трехглавыя церкви, самостоятельное слово южнорусской архитектуры, проникли въ сѣверную Русь, и при Алексѣѣ Михайловичѣ эта форма шатровыхъ церквей Украины такъ быстро стала распространяться, что извѣстный духовный соборъ изъ соображенія, чтобы не образовалось новыхъ ересей, запретилъ ихъ строить, и шатровыя церкви одноглавыя, трехглавыя и пятиглавыя были строго воспрещены, но въ глухихъ мѣстахъ Россіи они еще долго появлялись, особенно въ деревянной архитектурѣ. Какъ живой свидѣтель этого вліянія юга на сѣверъ, въ Москвѣ стоятъ еще церкви „Рождества въ Путинкахъ“, «Тройцы въ Гончарахъ», церковь Ивановскаго монастыря въ Вязьмѣ и др. Что касается оставшихся архитектурныхъ памятниковъ южно-русскаго искусства, то ихъ есть не мало, хотя никѣмъ еще этотъ вопросъ не разработанъ. Нѣкоторые архитекторы, писавшіе изслѣдованія по россійской архитектурѣ, не могли, разумѣется, не остановиться и на южно-русскихъ церквахъ, но... (люди какъ люди). Желая представить сѣверно-русскую архитектуру особо чистой, безъ вліяній (да еще Украйны!), начали твердить о томъ, что формы типа трехглавыхъ церквей (продолговатая базилика съ тремя куполами, иначе корабль), вѣроятно, несамостоятельны, а откуда-нибудь, позаимствованы. Начались поиски .. одни, какъ Л. Даль, прямо говорили, что «это форма, очевидно, некатолическая, иначе была-бы изгнана да и не употреблялась-бы даже уніатами, у которыхъ *всѣ наружныя формы сохранялись въ неприкосновенномъ видѣ*, что и на западѣ эта форма неизвѣстна, что есть только какой-то слѣдъ ея на

одной скульптурной двери въ Гнѣзно и что, вѣроятно, эта форма заимствована изъ Сиріи, откуда занесена крестоносцами... Удивительно, право: простѣйшее соображеніе (если бы не предвзятая мысль) могло подсказать, что если южно-русскій народъ, жизнь котораго сложилась на свой особый ладъ, по всей Украйнѣ рубилъ эти церкви и строилъ ихъ изъ камня, видоизмѣняя отъ одной главы до девяти и болѣе, если онъ исключительно развивалъ только этотъ, милый его сердцу и вкусу типъ, то мыслимо-ли, чтобы подобная форма была навязанной, чужой; не проще-ли было южно-русскому народу не искать по свѣту какихъ-то новыхъ формъ, а брать лишь то готовое, что было рядомъ уже у единовѣрнаго, православнаго же братскаго народа? На повѣрку оказалось, что и сами то французскіе крестоносцы оставили по себѣ всего лишь три храмика. а все совпаденіе состоитъ лишь въ томъ, что планъ тѣхъ и другихъ нѣсколько напоминаютъ другъ друга (базилика). Если бы подобное архитектурное новшество было занесено къ намъ съ береговъ Адріатики, то самое вѣроятное, что народъ сталъ-бы бороться съ этимъ новшествомъ, а не культивировать его во всей своей толщѣ. Гораздо вѣроятнѣе предположить другое—эта архитектура есть наслѣдіе ранняго, доисторическаго христіанства; намъ извѣстно, что деревянныя церкви существовали еще до Владиміра, не греки же ихъ тогда строили; какой формы онѣ были? Да вѣроятнѣе всего подобной же, по крайней мѣрѣ, существуетъ предположеніе и легенда, что трехглавыя церкви строились во имя Тройственности Божества—Отца, Сына и Святого Духа, и въ первые вѣка христіанства церкви строились въ видѣ корабля, а не креста, что явилось уже позднѣе. Такимъ образомъ древность этого типа несомнѣнна. Не только въ Польшѣ, но и во всей католической Европѣ никогда купола не располагались по длинѣ храма. Если же католическіе храмы трехкупольные, то непремѣнно два меньшихъ купола устраиваются на углахъ передняго фронтона. Нѣтъ основаній не признать вышеприведенную легенду. Вполнѣ понятно станетъ и толкованіе другихъ не принимающихъ ея; они говорятъ: «Скорѣе всего 3 купола въ рядъ, по длинѣ церкви, соотвѣтствуютъ внутреннему расположенію ея, а именно: олтарь (малый куполъ), средина церкви (большой куполъ) и, наконецъ, притворъ—мѣсто оглашенныхъ и кающихся, въ Малороссіи «бабинецъ» (малый куполъ), а потому они имѣютъ естественное происхожденіе тамъ, гдѣ церкви строились въ видѣ корабля. Какъ бы тамъ ни было, но важенъ тотъ печальный фактъ, что прошла цѣлая четверть тыся-

челѣтія, какъ Южной Руси запрещено московскимъ соборомъ культивировать и развивать любезный ея сердцу стиль и за эту четверть тысячелѣтія изнашивались и уничтожались слѣды его. Надо удивляться тому обстоятельству, что осталось еще кое-что, а между тѣмъ, приходится часто слышать изъ устъ неосвѣдомленныхъ людей—«какой тамъ еще южно-русскій стиль?—ничего не было и нѣтъ!». Люди рѣшаются съ удивительной увѣренностью отрицать то, о чемъ имѣютъ весьма смутное представленіе, и только на основаніи той уважительной причины, что сей вопросъ имъ неизвѣстенъ. Здѣсь, кстати, невольно приходитъ на мысль вопросъ—что бы осталось отъ тѣхъ «разрозненныхъ остатковъ» сѣверно-русскаго стиля, если бы они не оберегались, а 250 лѣтъ подрядъ только уничтожались? Замѣчательно, что Алексѣй Михайловичъ легко уступилъ собору архитектуру юга, живопись, какъ извѣстно, тоже подверглась гоненіямъ, но когда дошло дѣло до церковнаго пѣнія, принятаго изъ Южной Руси, и семинотной системы, то и онъ, и патріархъ Никонъ настояли таки, чтобы эта система южно-русскаго пѣнія была принята. Слишкомъ ужъ очевидно было это преимущество. Впослѣдствіи вошло въ обычай брать изъ Южной Руси и самихъ пѣвчихъ, которымъ при Елизаветѣ Петровнѣ велѣно навсегда носить украинскіе дворянскіе, шитые костюмы (съ откидными рукавами), а наборъ пѣвчихъ продолжается, кажется, и до нашихъ дней; даже великій Глинка былъ спеціально командированъ для этого въ Малороссію)».

Въ послѣднемъ письмѣ г. С. говоритъ о цвѣтущемъ періодѣ южно-русскаго искусства, хотя дошедшихъ до нашихъ дней образцовъ архитектурныхъ памятниковъ этого искусства сравнительно не такъ много, съ одной стороны вслѣдствіе запрещенія культивировать свой стиль а съ другой—вслѣдствіе того, что Южная Русь часто превращалась въ руину, даже въ «великую руину». Достаточно сказать, что на всю полтавскую губ. сохранилось каменныхъ церквей южно-русскаго стиля всего четыре: превосходная церковь въ м Лютенькѣ, гадячскаго у., церковь Даніила Апостола въ м. Б. Сорочинцахъ и др.

«Цвѣтущимъ періодомъ южно-русскаго искусства было время XV, XVI и XVII вѣковъ, когда архитектура, живопись, горельефъ, гравированіе и орнаментика развились до степени изящныхъ искусствъ, отличаясь духомъ національнаго творчества. Въ XVII в. распространилась портретная живопись, («контерфекты»), бытовая и пейзажная и, въ концѣ вѣка, аллегорическая. Гравюра стояла такъ высоко, что

для награвированія портретовъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и царевны Софіи пришлось обращаться въ Украйну и пригласить оттуда славившихся вполнѣ заслуженной извѣстностью мастеровъ-художниковъ Леонтія Тарасевича и Иннокентія Щирскаго; и такихъ мастеровъ-граверовъ до сихъ поръ отмѣчено около сотни. Центромъ художественной дѣятельности былъ, разумѣется, Кіевъ, но школы искусства, съ нимъ соприкасавшіяся, находились въ Черниговѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ, Почаевѣ, Батуринѣ, Переяславѣ и другихъ значительно населенныхъ городахъ Южной Руси. Мы наслѣдовали массу памятниковъ по живописи, рѣзьбѣ, вообще орнаментикѣ. Отличіе этихъ памятниковъ—яркое по краскамъ письмо, реальное направленіе въ изображеніи лицъ, одежды и цѣлыхъ сценъ. Живопись украшалась золотомъ, серебромъ и вставными самоцвѣтными камнями, фонъ иконъ и самыя матеріи на одеждахъ святыхъ чеканились затѣйливыми изящными орнаментами. Самыя изображенія святыхъ принаравливались къ типичнымъ особенностямъ рассы, народности святыхъ. Нерѣдко всѣ святые и даже Божія Матерь и Іисусъ Христосъ изображались въ украинскихъ костюмахъ XVI и XVII в. Изъ раскопокъ мы знаемъ, что изразцы въ Южной Руси были извѣстны еще во времена великокняжескаго періода, когда Европа и понятія даже не имѣла о «цѣнинномъ дѣлѣ» (кстати, орнаментика этихъ изразцовъ не имѣетъ ничего общаго съ византійской),—керамика въ этотъ періодъ была такъ высока, что изготовлялись рельефные, глиняные, хорошо обожженные образки, дошедшіе до нашего времени. Не буду останавливаться на чудесныхъ эмаляхъ, ювелирномъ дѣлѣ, чеканкѣ по металламъ, рѣзьбѣ по дереву, тканью и шитью цвѣтными шелками и пр. Скажу только, что эти отдѣлы искусства доведены до высокой степени совершенства и изящества».

Давъ вышеприведенныя историческія справки, г. С. говоритъ: «такимъ образомъ, почему бы, кажись, намъ, «народу тщательному», и не попытаться сдѣлать еще одно, свое «преузорочное строеніе» достойное того, чтобы имъ восхищались путешественники, какъ восхищались они двѣсти слишкомъ лѣтъ тому назадъ? Путь ясенъ—онъ тотъ же, что и всюду при возрожденіи. Я умышленно подольше остановился на пути, по которому шли русскіе архитекторы и художники: они начали собираніемъ остатковъ, а кончили творчествомъ. Они отъ робкихъ попытокъ и опытовъ достигли, наконецъ, того, что имѣютъ

полнѣйшую возможность создавать строенія въ своемъ родномъ стилѣ, не затрудняясь примѣненіемъ тѣхъ или другихъ формъ и комбинацій.

Въ постройкѣ зданія земской управы г. С. видитъ «исключительный случай и широкое поле, гдѣ бы можно было проявить строителямъ, художникамъ и декораторамъ свое искусство и поработать надъ возрожденіемъ мѣстнаго южно-русскаго стиля. Есть, говоритъ онъ, талантливые архитекторы и художники, которые взялись-бы за это дѣло со всѣмъ пыломъ влюбленныхъ въ свое искусство фанатиковъ и въ результатѣ могло-бы быть въ вашемъ симпатичномъ городѣ свое «Палаццо Дожей»... Я вторично напоминаю объ этомъ розово-бѣломъ чудѣ искусства, чтобы оттѣнить ту мысль, что всѣ стѣны и вашего палаццо, вмѣсто цвѣтного мрамора, могли быть убраны цвѣтными изразцами и чаровать своими сочетаніями тоновъ, какъ и тамъ въ Венеціи... «При этомъ г. С. рекомендуетъ только при стремленіи осуществить данную, какъ и всякую новую мысль, не забывать того, что какъ бы ни была ясна, логична и даже удобоисполима какая-либо новая мысль, для того, чтобы ее осуществить, провести въ жизнь, воплотить въ извѣстныя формы, надо вести настойчивую, упорную борьбу, чтобы протестующіе, относящіеся недовѣрчиво люди, успѣли привыкнуть, присмотрѣться и постепенно ознакомиться съ предметомъ отрицанія, т. е. разобраться — что же въ новой мысли есть положительнаго, кромѣ лишь предполагаемаго отрицательнаго, — только тогда успѣхъ обезпеченъ и отвергавшееся становится обычнымъ, а далѣе и общепризнаннымъ.

Результатомъ этихъ статей явилось печатное приглашеніе со стороны члена губернской управы, завѣдывающаго строительнымъ отдѣломъ, Е. Саранчова, представить въ засѣданіе комиссіи, назначенное на 23-е іюня, наброски и конкретно выразить защищаемую симпатичную идею». Г. Сластіоновъ, въ своемъ отвѣтѣ (№ 156) г. Саранчову, указавъ на невозможность выполненія въ теченіе двухъ-трехъ дней такой сложной и трудной задачи, сообщаетъ, что видѣлъ въ Харьковѣ у одного талантливого художника-архитектора изготовляющійся къ 23-му іюня цѣлый сложный проектъ въ южно-русскомъ стилѣ. Несмотря на всю трудность изготовленія такой серьезной работы въ столь короткое время, этотъ проектъ, безъ всякаго сомнѣнія, явится серьезнѣйшимъ конкуррентомъ имѣющимся уже тремъ сестрамъ ренесансамъ. Это, безспорно, очень оригинальное и красивое зданіе, въ которомъ каждая часть, каждая деталь этой части, взята, несомнѣнно, съ чисто южно-русскихъ архитектурныхъ памятни-

ковъ; это, такъ сказать, картина творческаго духа нашихъ предковъ, наглядная лѣтопись южно-русскаго зодчества и даже живой этнографіи полтавщины. И какъ умно выражена идея *«земскаго дома»*: на всемъ главномъ фасадѣ, между прекрасно задуманными отдѣльными частями его, прихотливо разсыпана живая этнографія уѣздовъ, переплетающаяся съ гербами этихъ уѣздовъ, а надъ ними уже доминируетъ гербъ самой губерніи, все это отдѣлано узорчатой изразцовой полихроміей. На такомъ зданіи будутъ переливаться и преломляться свѣтовые лучи, порождая капризные отблески какъ-бы огня и солнца... Это работа одушевленнаго идеею человѣка, потому она такъ и останавливаетъ васъ и захватываетъ своею прелестью новизны и, въ то же время, чего-то знакомаго, родного. Взглянувши на подобное зданіе, никому и въ голову не прійдетъ спрашивать себя—что бы сіе могло быть—вокзалъ, банкъ, курортъ или гостиница? Наоборотъ, всякій только и можетъ сказать одно, а именно: *это зданіе, несомнѣнно, есть губернскій земскій домъ полтавской губерніи.*

Похищеніе священническаго чина внѣ отечества. Въ 1801 году въ Звенигородскомъ Духовномъ Правленіи началось дѣло объ «объявляющемъ себя священникомъ въ Молдавіи» Корниліи Ходзицкомъ. Призванный въ означенное Духовное Правленіе, обвиняемый, именующій себя священникомъ Ходзицкимъ, далъ показаніе, что отъ роду ему 43 года, родился онъ въ м. Екатеринополѣ, звенигородскаго уѣзда, гдѣ проживалъ, исправляя при тамошнихъ церквахъ (2) дьячковскую должность, и по ревизіи 1795 года записанъ въ томъ мѣстечкѣ «между дворянами»; но по совѣту Екатеринопольскаго, въ данное время уже умершаго, протоіерея Ефрема Ольховскаго, «къ скорѣйшему достиженію священства» отлучился съ свидѣтельствомъ того же Ольховскаго въ пограничное мѣстечко Рашковъ, и съ бывшими тамъ молдавскими монахами пропущенъ черезъ границу *стоящими на караулѣ донскими казаками* въ Молдавію, гдѣ тамошнимъ митрополитомъ Іаковомъ рукоположенъ во священники въ с. Бисериканъ къ Михайловской церкви; впрочемъ, на приходѣ этомъ онъ не былъ, а получивъ отъ митрополита ставленную на священство и отпускную грамоты, тотчасъ вернулся на родину, и по прибытіи въ домъ, обратился къ упомянутому выше протопопу Ольховскому, съ просьбой ис-

полнить данное имъ обѣщаніе «остепенить его, Ходзицкаго, гдѣ-либо на приходѣ; но такъ какъ Ольховскаго въ это время перемѣстили изъ Екатеринопольскаго въ Богопольскій повѣтъ, то онъ остался безъ мѣста. Въ доказательство справедливости своихъ словъ, Ходзицкій предъявилъ ставленную грамоту въ подлинникѣ, а съ отпускной—копію засвидѣтельствованную «въ зборной Калниболотской избѣ», потому что подлинникъ, какъ показалъ письменно звенигордскій протопопъ Радзимовскій, утраченъ въ домѣ, его, протоіерея.

По справкѣ Кіевской дикастеріи съ дѣлами, поступившими изъ Новороссійской консисторіи, оказалось, что хотя Екатеринопольское Духовное Правленіе [1]) и входило съ представленіемъ къ митрополиту [2]), бывшему въ то время епископомъ Новороссійской епархіи, о дозволеніи какъ Корнилію Ходзинскому, такъ и брату его, подобнымъ образомъ получившему священство, продолжать священнослуженіе, которое они, будто бы, въ богопольскомъ уѣздѣ уже и исправляли,—однако митрополитъ приказалъ «не допущая ихъ, Ходзицкихъ, къ оному, отправить изъ Новороссійской Консисторіи въ бывшее Вознесенское намѣстничество, для препровожденія ихъ за границу»; но, за уничтоженіемъ (Вознесенскаго?) правленія, возвращены въ домъ свой и записаны въ мѣстечкѣ Екатеринополѣ въ числѣ *чиншовой шляхты*. Въ силу всего вышеизложеннаго, митрополитъ Кіевскій, полагая мнѣніе, что, хотя его, Ходзицкаго, *яко похитившаго священный чинъ внѣ отечества своего отъ посторонняго Архіерея*, да и вошедшаго въ сіе званіе изъ свѣтскаго состоянія, признать, по правиламъ св. отецъ, въ чинѣ священницкомъ *не должно*, а по указу св. Синода 1800 года, іюня 24, *слѣдовало бы лишить чина* и *отослать въ гражданское правительство*"; но такъ какъ получилъ онъ священство до изданія Высочайшаго манифеста 1801 года, апрѣля 2-го, «на каковомъ основаніи родной его, Ходзицкаго, братъ Максимъ Ходзицкій и два его товарища, Аверкій Кондрацкій и Прокопій Глодсковскій, достигнувшіе подобнымъ образомъ священства, оставлены уже въ ономъ по указу изъ св. Синода 1802 г., іюля 14», поэтому, приложивъ представленную грамоту, подлинную, и переводъ съ отпускной, митрополитъ Гавріилъ обратился съ представленіемъ въ Святѣйшій Синодъ, что «по до-

---

[1]) Упраздненное и перенесенное въ 1800 г. въ Звенигородку, новый уѣздный городъ, замѣнившій въ этомъ смыслѣ Екатеринополь (Калниболота).

[2]) Гавріилу Бануленко.

вольному его почерка митрополита Ясскаго Іакова свѣдѣнію», не позволено ли будетъ оставить его, Корнилія, въ священствѣ, на томъ же, что и упомянутые священники, основаніи, и современемъ, судя по его поведенію, дать ему священническое мѣсто; а до тѣхъ поръ, буде согласится, «помѣстить въ причетническое званіе», или же, если не пожелаетъ вступить прежде въ оное, «отправить его въ Кіевское Губернское Правленіе *для обращенія въ первобытное состояніе*».

Святѣйшій Синодъ, въ указѣ отъ 13/xi 1803 г. на имя управляющаго Кіевской епархіей, епископа Чигиринскаго Ѳеофана, вполнѣ согласился съ мнѣніемъ митрополита, добавивъ, что, если «находясь въ семъ званіи (причетническомъ), дѣятельнымъ исправленіемъ возложенной на него должности и честнымъ своимъ поведеніемъ окажетъ себя достойнымъ къ заступленію священническаго мѣста *и о томъ представитъ отъ прихожанъ одобреніе*, въ такомъ случаѣ можете Вы, разрѣша ему священнослуженіе, опредѣлить на священническое, по разсмотрѣнію Вашего преосвященства, мѣсто».

Къ сожалѣнію, дальнѣйшихъ свѣдѣній о судьбѣ Корнилія Ходзицкаго въ дѣлѣ не имѣется. Кажется, такъ ему и не удалось священствовать.

Сообщ. **В. Доманицкій.**

Мѣры противъ холеры 1830 года. «Попечителя помѣщика Вольскаго, избраннаго для чувствительнаго предохраненія пагубной холеры морбубы (sic!) (morbus), приходскому Искрянскому [1]) священнику самонужнѣйшее

Препорученіе.

Всевышнему угодно было съ предлежащаго отечества (!) сослать пагубу и заразительную для человѣческаго рода болѣзнь холеру морбубы. Царствующій Государь Императоръ, всемилостивѣйшій и державнѣйшій Николай I, вмѣстѣ съ верхнимъ, отъ него жъ зависящимъ нашимъ начальствомъ, милостію отца отечества и чувствительнѣйшимъ своимъ попеченіемъ принялъ мѣры къ пресѣченію сей пагубной болѣзни, столь, сколь возможно человѣку разумомъ и осторожностію спасти себя отъ страданія. Пользуясь таковою монаршею милостію въ

---

[1]) Звенигородскаго уѣзда, близъ м. Шполы.

пользу общаго человѣколюбія, яко избранный попечитель къ лучшему и самоаккуратнѣйшему выполненію моего, на счетъ осторожности, распоряженія, имѣю честь требовать вспомоществованія (яко духовной персоны), и съ вашей стороны нужнаго, дабы во всякій праздникъ, при служеніи въ церкви, благоволили внушать прихожанамъ и другимъ, находящимся въ то время, лицамъ— *1-ое*, дабы никто ни подъ какимъ видомъ, ни предлогомъ не смѣлъ въ домъ свой принимать, хотя бы изъ наиближайшихъ селеній, безъ письменнаго вида отъ помѣщиковъ или ихъ экономій,—шатающихся лицъ и нищихъ—за никакими свидѣтельствами; *2-ое*, дабы чистота по домахъ и по дворахъ сохраняема была; *3-е*, дабы не покупать вещей, тѣмъ болѣе отъ лицъ, не имѣющихъ законныхъ свидѣтельствъ (и) шатающихся; *4-ое*, дабы тоже никто изъ жителей не токмо въ ярмарки, но и въ ближайшія мѣста и деревни не смѣлъ тайнымъ образомъ, безъ свидѣтельства мѣстной экономіи, отлучиться, ибо тѣмъ воли начальства нарушеніемъ можетъ навлечь изъ опасныхъ мѣстъ пагубу или же попасться въ арестъ и караульное себя водвореніе; 5),—на случай (Боже сохрани!) болѣзни заразительной холеры, которой суть слѣдующія примѣчанія, якъ-то: заворотъ головы; рвоты и тутъ же поносъ,—дабы всякій хозяинъ или житель мѣстный сейчасъ доносилъ мѣстной экономіи или же начальству своему для скораго употребленія мѣръ къ излеченію больного и къ отвращенію общей опасности: Всемогущій, подалъ способы,—недолжно жъ (не) пользоваться злоупотребленіемъ.

1830-го года, 23-го ноября. На подлинномъ, за № 51, подписано: «Попечитель помѣщикъ Вольскій». (Изъ церковнаго архива с. Искриной, звенигородскаго у.).

Сообщ. **Доманицкій**.

Мелочи изъ архива юго-западнаго края. 1) *Закрытіе Уманскаго Повѣтового Базиліанскаго училища въ ожиданіи холеры 28 ноября 1830 г.* Командиръ 4-го резервнаго кавалерійскаго корпуса [1]), генералъ-лейтенантъ Ридигеръ, писалъ кіевскому военному губернатору генералъ-лейтенанту Княжнину:

Милостивый Государь Борисъ Яковлевичъ, въ городѣ Умани духовенствомъ уніатскаго костела воспитывается болѣе 700 дѣтей, кои

[1]) Расквартированъ въ уѣздѣ.

помѣщеніе имѣютъ весьма тѣсное, такъ что по 10 и 15 человѣкъ квартируютъ въ одномъ маломъ жильѣ; дѣти сіи, будучи обязаны въ нынѣшнюю распутицу приходить изъ отдаленныхъ мѣстъ въ классъ, подвергаются простудѣ, принимаемой за первоначальную причину холеры; непрерывное между ими сообщеніе, при заразительныхъ болѣзняхъ, можетъ имѣть пагубныя послѣдствія, и, наконецъ, въ случаѣ необходимости наложить на дома оцѣпленіе, трудно было бы подвергнуть дѣтей строгости карантинныхъ правилъ и досмотрѣть за точнымъ исполненіемъ оныхъ.

Соображая сіе обстоятельство съ другими мѣрами къ огражденію сколько возможно города отъ заноса и распространенія холеры, появившейся уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ окрестностяхъ, или по крайней мѣрѣ къ ослабленію дѣйствій оной, я полагаю весьма полезнымъ, чтобы уманское училище было на время закрыто и воспитанникамъ, кои имѣютъ возможность,—дозволено отправиться въ дома родителей, пока болѣзнь прекратится, въ исполненіи чего не можетъ встрѣтиться затрудненій, потому что заведеніе сіе есть партикулярное, курсъ наукъ коего не связанъ съ курсами другихъ публичныхъ училищъ и всѣ обучающіеся изъ ближнихъ мѣстъ,—каковая мѣра послужитъ къ спасенію многихъ изъ нихъ и къ вящей безопасности города.

Поставляя обязанностью сообщить о семъ на усмотрѣніе Вашего Превосходительства, покорнѣйше прошу, если мнѣніе мое признаете уважительнымъ, предписать кому слѣдуетъ объ исполненіи и о послѣдующемъ меня увѣдомить. Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Федоръ Ридигеръ.

Генералъ Княжнинъ призналъ предположеніе генерала Ридигера совершенно соотвѣтственнымъ, предписавъ уманскому монастырю учебныя занятія прекратить и дѣтей распутить по домамъ, о чемъ, для надлежащихъ распоряженій, сообщено директору кіевской гимназіи, который имѣлъ высшее наблюденіе за классами при монастырѣ, именовавшимися Уманскимъ повѣтовымъ Базиліанскимъ училищемъ. (Училище состояло изъ приготовительнаго (начинающаго) и 6 другихъ классовъ. Комнатныхъ надзирателей было 12).

—

2) *Порфиръ, мѣдь и золото близъ деревни Янковцы, Махновскаго* [1]) *повѣта.* 6 марта 1841 года махновскій земскій исправникъ доносилъ генералъ-губернатору, что помѣщикъ селенія Янковецъ Гр. Т., въ присланномъ въ земскій судъ объявленіи, между прочимъ, пишетъ: «заимствуясь совѣтами людей, съ назначенія своего занимающихся собираніемъ свѣдѣній и описываніемъ полезныхъ въ государствѣ камней, основываясь единственно на ихъ усмотрѣніи и химической практикѣ, я достаточно удостовѣрился, что въ горахъ, принадлежащихъ къ деревнѣ Я.. и подъ цѣлою рудою имѣется земля въ качествѣ золота и мѣди, равно разнородный камень, называемый порфиръ отличной доброты, могущій быть употребляемымъ во всѣ свойственныя для того работы, и какъ нѣскольколѣтняя въ томъ практика достаточно въ справедливости сего увѣрила, то, предварительно приступа къ происходящимъ отъ того пользамъ, проситъ донести о томъ высшему начальству и назначить къ тѣмъ горамъ стражу».

Генералъ-губернаторомъ приказано исправнику удостовѣриться изъ подъ руки въ качествѣ ископаемыхъ (безъ употребленія однако же при томъ крестьянъ) и доставить въ Кіевъ образцы камней и 20 фунт. содержащей металлы земли. Помѣщику объявить, что охрана горъ лежитъ на его обязанности; въ чемъ полиціей будетъ оказываться возможное содѣйствіе. Въ виду глубокаго снѣга представленіе образцовъ отложено. Состоялось ли оно и каковы ископаемыя оказались—изъ дѣла не видно.

—

3) *Процессъ, веденный корпораціей кіевскихъ бѣдныхъ.* Въ 1863 году 120 кіевскихъ бѣдныхъ и калѣкъ (изъ нихъ 25 мужчинъ; женщины разнообразнѣйшихъ слоевъ общества: дворянки, чиновницы, солдатки и др.) предъявляютъ претензію къ наслѣдству безпотомно умершаго въ 1860 году полковника Орловскаго. По духовному завѣщанію 5500 рублей и вещей на 300 р. назначены на благотворительныя заведенія и для раздачи бѣднымъ разныхъ сословій. Завѣщаніе посвидѣтельствовано не было, но губернаторъ представилъ его въ Правительствующій Сенатъ для утвержденія.

Просители доказываютъ что мѣщанка Коростылева, простирающая претензію ко всему имуществу, предъявила подложную метрику и въ родствѣ съ покойникомъ не состояла. Кіевскій уѣздный судъ, по

[1]) Бердичевскаго уѣзда.

мнѣнію истцовъ, поступилъ пристрастно. въ противность указу Кіевской гражданской Палаты, выждавъ рѣшенія Магистрата и Сената. (Судъ имѣлъ въ виду солидный залогъ, предъявленный наслѣдницей).

Представители бѣдныхъ (выборные или самозванные) просили назначить къ оспариваемому имуществу опекуна (подполковника Зуевича—вѣроятно члена тогдашняго благотворительнаго общества?) Сенатъ по 3 Департаменту уничтожилъ рѣшеніе Кіевскаго нижняго суда, указавъ Палатѣ завѣщаніе посвидѣтельствовать, но повѣренный Коростылевой перенесъ дѣло въ общее собраніе первыхъ трехъ департаментовъ.

Бѣдные, однако же, духомъ не падали и въ 1864 г. свыше сорока женщинъ кіевскихъ пріютныхъ домовъ добивались «правъ своихъ». Изъ имѣющагося въ дѣлѣ донесенія Губернскаго правленія, отъ 8 февраля 1865 г., усматривается, что имущество, [1]) представленное Коростылевой, въ видѣ обезпеченія, при полученіи капиталала Орловскаго,—назначено въ продажу съ публичнаго торга, такимъ образомъ, надо думать, что бѣдные выиграли дѣло, но какимъ путемъ они осуществили свое право, кто былъ признанъ причастнымъ «къ корпораціи»—неизвѣстно.

Сообщ. **А. Мёрдеръ**.

Эпизодъ изъ польско-украинскихъ отношеній среди Петербургскаго студенчества въ началѣ 60-хъ годовъ. Въ «Воспоминаніяхъ студенческаго времени» Л. Пантелѣева, печатающихся на страницахъ «Рус. Вѣдом.», находимъ два интереснѣйшихъ очерка (№№ 162 и 174), посвященныхъ польскимъ корпораціямъ и характеристикѣ польско-русскихъ отношеній въ 60-е годы. Въ петербургскомъ университетѣ для уроженцевъ Царства Польскаго существовало нѣсколько спеціальныхъ каѳедръ, которыя были заняты профессорами поляками; они читали на польскомъ языкѣ. Въ польской корпораціи, по словамъ автора, руководящую роль играли «короніажи» (koroniarze, т. е. родомъ изъ Царства Польскаго) не столько благодаря своему численному преобладанію, сколько въ силу исторической традиціи --фактическаго верховенства «короны» въ общественныхъ дѣлахъ. Студенты-поляки, осо-

---

[1]) Терлецкаго, въ кіевскомъ уѣздѣ, слобода Березовка, Севериновка тожъ.

бенно короніажи, держали себя, когда я вступилъ въ университетъ, совсѣмъ особнякомъ отъ русскихъ, никакого сближенія не было; самое большее, что допускалось,—при встрѣчахъ на лекціяхъ вѣжливый поклонъ. Студенты-поляки не принимали никакого активнаго участія ни на сходкахъ по какимъ-нибудь обстоятельствамъ (они бывали иногда на нихъ только въ качествѣ зрителей), ни въ выборахъ въ депутаты и редакторы и никогда не обращались за пособіями въ русскую кассу. Русскіе относились къ полякамъ безъ всякой враждебности, но тоже не искали сближенія; они какъ бы признавали за поляками естественное право на обособленность.

Но среди студентовъ-поляковъ выдѣлялся своими взглядами, отличными отъ взглядовъ большинства, одинъ выдающійся студентъ, В. Хорошевскій. «Я зналъ, пишетъ г. П—евъ, что поляки представляютъ себѣ Польшу не иначе, какъ въ границахъ «до разбора»; къ великому моему удивленію Хорошевскій выразилъ нѣкоторыя сомнѣнія относительно безусловныхъ правъ будущей Польши на Литву и «Юго-Зап. Край». Со временемъ оказалось, что Х—ій не только пользовался большимъ значеніемъ въ польской корпораціи, но имѣлъ многочисленныя знакомства между русскими студентами; кромѣ того, онъ посѣщалъ русскіе литературные кружки, бывалъ у Чернышевскаго, Добролюбова, скоро очень близко сошелся съ Костомаровымъ, его можно было встрѣчать въ редакціи *Основы*, такъ какъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что обоюдный интересъ требуетъ возможно большаго сближенія поляковъ и русскихъ. Эту идею онъ усиленно, хотя и безуспѣшно, проводилъ и въ корпораціи. «Въ то время, говоритъ г. П., какъ его товарищи поляки читали «Колоколъ» и Герцена только потому, что тамъ встрѣчался интересный обличительный матеріалъ, Хорошевскій, несомнѣнно подъ сильнымъ вліяніемъ Герцена, проникся идеями славянской федераціи, на принципѣ равноправности. Сначала онъ повелъ единичную пропаганду, а затѣмъ, въ видѣ пробнаго хода, выступилъ въ комитетѣ съ предложеніемъ выписывать «Колоколъ». Предложеніе было отклонено по слѣдующему мотиву: «Колоколъ» проводитъ соціалистическія идеи и идею славянской федераціи, а то и другое вредно для польскаго дѣла. Но самый ходъ жизни явился на поддержку идеямъ. съ пропагандой которыхъ выступалъ Х—ій. Въ подтвержденіе своихъ словъ, авторъ воспоминаній разсказываетъ о слѣдующихъ двухъ фактахъ: панихиды въ котолическомъ соборѣ по пяти убитыхъ въ Варшавѣ при подавленіи манифестаціи 13-го февраля 1861 г., и по-

хоронахъ Шевченка. О предстоящей панихидѣ было своевременно извѣстно въ университетѣ, и на нее явилась масса русскихъ студентовъ, а также нѣкоторые изъ русскихъ профессоровъ, напр., Костомаровъ, Борисъ Утинъ и другіе; само собой понятно, что студенты-поляки были въ полномъ сборѣ, равно какъ и профессора-поляки. Было также много публики, конечно, главнымъ образомъ польской, такъ что обширный соборъ былъ переполненъ. Прошло слишкомъ сорокъ лѣтъ, но у меня и теперь какъ передъ глазами тотъ моментъ панихиды, когда для насъ, русскихъ, совершенно неожиданно раздалось пѣніе польскаго гимна и всѣ поляки въ одно мгновеніе пали на колѣни. И надо было видѣть возбужденное выраженіе ихъ лицъ! Одни точно изваянія стояли со взоромъ, обращеннымъ къ алтарю, у другихъ ручьемъ лились слёзы.

Вслѣдъ за панихидой состоялись похороны Шевченка. Имя его и теперь не особенно популярно между поляками, а при жизни они видѣли въ немъ лишь пѣвца братоубійственной розни и ненависти; но въ этотъ моментъ все было забыто, и польская корпорація въ полномъ составѣ проводила Шевченка на кладбище. Тамъ Хорошевскій отъ имени поляковъ сказалъ на польскомъ языкѣ очень умное и теплое слово; оно потомъ было напечатано въ *Основѣ*.

Но вотъ въ университетѣ прошелъ слухъ, что по поводу панихиды начинается слѣдствіе, что предполагаютъ привлечь къ отвѣтственности только студентовъ-поляковъ, а присутствіе русскихъ рѣшено игнорировать. Тогда русскіе студенты постановили: представить въ слѣдственную коммиссію подписные листы въ доказательство, что и они были на панихидѣ. Началось собираніе подписей. Помню, мой землякъ Первовъ проситъ дать ему подписаться.—Да вѣдь вы же не были.—Все равно, пусть будетъ болѣе подписей.—И думаю, что такихъ было не мало. Вѣроятно, освѣдомленный о томъ, что́ происходитъ въ университетѣ, пріѣзжаетъ попечитель, И. Д. Деляновъ, и какъ разъ наталкивается на студента Ш., у котораго въ рукахъ былъ одинъ изъ подписныхъ листовъ.—Покажите, что́ у васъ за бумага,—сказалъ попечитель.—Нѣтъ, не покажу,—отвѣтилъ Ш. — Я вамъ говорю какъ попечитель, покажите.—Нѣтъ.—Вы или покажите, или должны будете оставить университетъ.—Нѣтъ, не покажу.—Попечитель тотчасъ же уѣхалъ. Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, чего домогался попечитель, сейчасъ же собралась сходка; на ней, тоже и ранѣе, самую главную роль играли покойные Н. А. Неклюдовъ и Чу-

бинскій (впослѣдствіи извѣстный своими статистическими и этнографическими изслѣдованіями); первый сказалъ крайне страстную рѣчь; второй, съ малороссійскимъ юморомъ, что называется по косточкамъ, разобралъ Ивана Давыдовича. Неизвѣстно, чѣмъ бы вся эта исторія кончилась, если бы не вмѣшались профессора. Долго И. Д. стоялъ на своемъ,—или онъ оставитъ попечительство, или Ш. долженъ покинуть университетъ; но, наконецъ, сдался: отказался отъ требованія объ удаленіи Ш. и согласился остаться попечителемъ.

Студенты поляки были тронуты рѣшеніемъ русскихъ студентовъ заявить, что и они присутствовали на панихидѣ. Въ корпораціи опять былъ поднятъ вопросъ о болѣе тѣсномъ сближеніи съ русскими, и на этотъ разъ предложеніе уже имѣло за себя внушительное число голосовъ; но комитетъ былъ по-прежнему противъ оффиціальнаго сближенія, однако сдѣлалъ уступку: допускалъ, что никому не могутъ быть поставлены въ упрекъ его личныя тѣсныя связи съ русскимъ студенчествомъ и участіе въ его дѣлахъ. Но это рѣшеніе такъ было дурно принято въ корпораціи, что заправилы комитета, видя, что имъ не остановить движенія, прибѣгли къ остроумному рѣшенію: закрыть корпорацію, какъ нѣчто оффиціально существующее, и предоставить всѣмъ и каждому поступать какъ ему угодно.

Не менѣе интересенъ разсказъ автора воспоминаній и о другомъ фактѣ русско-польскихъ отношеній студенческой среды. Въ мартѣ 1861 г. по иниціативѣ русскихъ студентовъ и при дѣятельномъ участіи Хорошевскаго состоялось собраніе делегатовъ изъ русскихъ и польскихъ студентовъ. Оно происходило въ квартирѣ Н. А. Неклюдова въ Соловьевскомъ переулкѣ. Открылось оно чтеніемъ стиховъ, сочиненныхъ на этотъ случай Н. Утинымъ (ему же принадлежитъ посланіе къ М. И. Михайлову, написанное въ крѣпости). Потомъ Утинъ же произнесъ длинную и горячую рѣчь насчетъ братства и необходимости въ виду историческаго момента предать забвенію всѣ счеты прошлаго... Не помню, кто еще изъ русскихъ говорилъ; изъ поляковъ выдѣлился молодой Болеславъ (впослѣдствіи высланный въ Казань и давно умершій), блестящій ораторъ, и не смотря на свою молодость (онъ, кажется, былъ только на второмъ курсѣ) въ то время самый вліятельный въ корпораціи, если не считать Оскара Авейды. Поляки говорили вообще сдержаннѣе; не отклоняя протягиваемой руки, они однако во всѣхъ своихъ рѣчахъ подчеркивали, что у нихъ на первомъ планѣ стоитъ свое собственное дѣло—борьба за

освобожденіе Польши. На это Утинъ отвѣчалъ (а изъ русскихъ онъ больше всѣхъ говорилъ), что русская молодежь въ этомъ отношеніи вполнѣ на сторонѣ поляковъ. Тутъ я нашелъ, что пришла минута свести бесѣду на болѣе реальную почву, и предложилъ полякамъ высказаться насчетъ Литвы и Юго-западнаго края, такъ какъ,—говорилъ я,—отъ той или другой постановки этого вопроса зависитъ отношеніе русскаго общества къ польскому дѣлу. Не знаю, что́ отвѣтили бы поляки, но Н. Утинъ горячо сталъ возражать противъ моего запроса.—Здѣсь не мѣсто,—воскликнулъ онъ,—поднимать разговоръ о томъ, что́ до сихъ поръ раздѣляло поляковъ и русскихъ; мы собрались, чтобы установить сближеніе во имя общихъ цѣлей; у русской и польской молодежи, проникнутой демократическими идеями, не можетъ быть разногласія въ конечныхъ стремленіяхъ, и т. п. Утинъ увлекъ за собой остальныхъ русскихъ, и мой запросъ, никѣмъ не поддержанный, былъ, такъ сказать, снятъ съ очереди».

Дальнѣйшая судьба Х—аго была такова: Въ 1865 году онъ женился на чешкѣ, съ которою познакомился еще въ Прагѣ; въ томъ же году получилъ мѣсто профессора въ главной школѣ въ Варшавѣ; затѣмъ сталъ директоромъ одной изъ варшавскихъ гимназій; но здѣсь оказался plus royaliste que roi même и былъ переведенъ въ Харьковъ съ миссіей подтянуть одну изъ тамошнихъ гимназій. Однако въ исполненіи этой мисіи онъ пошелъ дальше, чѣмъ находило нужнымъ само высшее начальство, и подалъ въ отставку Потомъ дослуживалъ до пенсіи въ должности директора Волчанской учительской семинаріи. Умеръ въ концѣ 1900 года.

Объ уничтоженіи магистерской дисертаціи Н. И. Костомарова Въ «Салгирѣ» г. М. разсказываетъ исторію уничтоженія магистерской дисертаціи Н. И. Костомарова «О причинахъ и характерѣ уніи въ Западной Россіи». Уничтожена была дисертація благодаря соединеннымъ стараніямъ профессора Устрялова, помощника попечителя харьковскаго округа кн. Цертелева и министра народнаго просвѣщенія гр. Уварова. Предписаніе послѣдняго на имя попечителя округа гласило:

Разсмотрѣвъ внимательно это дѣло, я нахожу:

1) что самый предметъ означенной дисертаціи, какъ по современности событій, относящихся къ уничтоженію у насъ уніи, такъ и

по многочисленности и запутанности возникающихъ изъ учрежденія и распространенія ею вопросовъ, прикосновенныхъ къ состоянію православной церкви и духовенству нашему не подлежатъ одобренію, и.

2) что многія мѣста дисертаціи, по неосновательности своей и недостатку яснаго критическаго взгляда на происшествія, изложенныя притомъ не всегда согласно съ историческою истиною, отнюдь не долженствовали быть пропущены къ напечатанію.

Вслѣдствіе сего поручаю вамъ, милостивый государь, членамъ перваго отдѣленія философскаго факультета, признавшимъ десертацію Костомарова удовлетворительною и одобрившимъ оную къ напечатанію, поставить на видъ несообразность такого съ ихъ стороны распоряженія, съ подтвержденіемъ быть впредь въ подобныхъ случаяхъ осмотрительнѣе, самую же дисертацію, по приказанію сочинителю испросить обратно розданные имъ преподавателямъ университета и нѣкоторымъ своимъ знакомымъ экземпляры, истребить, съ предоставленіемъ написать ему на степень магистра новую дисертацію и защищать ее публично на основаніи существующихъ правилъ».

По поводу письма г. Хоткевича въ „Литер.-Науков Вистныку“ (кн. 6-я). Читатели нашего журнала помнятъ, конечно, печатавшуюся въ прошломъ году статью С. Ефремова «Въ поискахъ новой красоты», въ которой авторъ критически отнесся къ представителямъ яко-бы декадентства въ украинской литературѣ, отмѣчая въ произведеніяхъ каждаго изъ нихъ мѣста, наиболѣе рѣзко характеризующія всѣ недочеты этого украинскаго декадентства. Печатая эту статью, мы были увѣрены въ томъ, что она вызоветъ возраженія, и были готовы принять участіе въ полемикѣ, т. к. вопросъ о новомъ и своеобразномъ направленіи въ литературѣ представляетъ большой интересъ, какъ со стороны теоретическихъ положеній въ эстетикѣ, такъ и состороны болѣе или менѣе удачнаго художественнаго выполненія ихъ въ практической разработкѣ нашихъ украинскихъ писателей. Къ сожалѣнію, ожиданія наши оправдались далеко не въ той формѣ, на какую можно было разсчитывать. Первымъ откликнулся одинъ изъ подвергшихся разбору въ ст. С. Ефремова авторовъ, г. Хоткевичъ, приславшій намъ въ редакцію свое письмо, нисколько не освѣщавшее вопроса со стороны общихъ теоретическихъ взглядовъ и не дававшее никакихъ фактическихъ исправленій, но за то исполненное злобы и

яда, а также и неприличнхъ, плоскихъ остротъ по адресу автора статьи. Всякій легко пойметъ, что во всѣхъ отношеніяхъ было-бы неприлично нашей редакціи печатать подобное возраженіе и тѣмъ открывать на страницахъ своихъ дорогу къ тому тону полемики, которая только унижаетъ достоинство печатнаго органа. Думая, что г-мъ Хоткевичемъ это возраженіе было написано подъ вліяніемъ раздраженія, мы не желали ему со всей откровенностью сказать о неприличіи его тона и потому отвѣтили, что не печатаемъ его статью, т. к. находимъ неудобнымъ печатать возраженія, не дающія никакихъ фактическихъ поправокъ, а просимъ его помѣстить свою замѣтку въ какомъ-нибудь другомъ органѣ, потому что нами принято за правило не разводить полемики *pro и contra* на страницахъ своего журнала. Какъ оказывается теперь, г. Хоткевичъ попробовалъ дать свое возраженіе въ Литер.-Науков. Вистн., пославъ туда замѣтку подъ заглавіемъ «Клика въ редакціи Кіевской Старины». Уже одно заглавіе этой замѣтки свидѣтельствуетъ о томъ, насколько г. Хоткевичъ способенъ выдерживать спокойно-приличный тонъ въ полемикѣ. Благодаря этому тону въ замѣткѣ г. Хоткевича, редакція Литер.-Науков. Вистн. отказалась напечатать ее. Та-же участь постигла и обширную статью г. Хоткевича «Литературни переживання», посланную тоже въ Литер.-Науков. Вистныкъ: редакція отказалась печатать ее, мотивируя свой отказъ нежеланіемъ на страницахъ своего изданія помѣщать полемику такого тона. И вотъ послѣ всего этого г. Хоткевичъ посылаетъ въ редакцію Литер.Науков. Вистныка краткое письмо, въ которомъ, по возможности въ сдержаннономъ тонѣ, знакомитъ публику съ происшедшимъ конфликтомъ. Оставляя въ сторонѣ такія выраженія, какъ статья Ефремова «здобула соби досыть *сумну популярнисть* на Украини»; «д. Ефремовъ *набрехавъ*» и пр.,—мы желаемъ только сказать теперь, что никакъ не можемъ согласиться съ г. Хоткевичемъ, будто ненапечатаніе нами его отвѣта есть «затуляння чужого рота». Если изъ *чужого рота* мы слышимъ разумныя и приличныя слова, то всегда для нихъ мѣсто открыто на страницахъ журнала; но если этотъ *чужой ротъ* изрекаетъ неподобающія словеса, то всякій признаетъ, что для нихъ подходящее мѣсто не въ печати, а гдѣ-нибудь въ болѣе соотвѣтствующей ихъ тону обстановкѣ. Равнымъ образомъ, не признаемъ за собой и той провинности, которую приписываетъ намъ г. Хоткевичъ, будто наша редакція «мае на мети щильно оберегаты чытачивъ видъ тлетворного духу «*новыхъ*» и корыстуется своимъ пра-

вомъ дужого». Скажемъ на это, что не считаемъ себя въ правѣ быть какими-то опекунами своихъ читателей и закрывать отъ нихъ тѣ факты научной, литературной и общественной жизни, съ которыми мы не согласны, но ставимъ себѣ въ обязанность, имѣя опредѣленный кругъ принциповъ, не уклоняться въ стороны и не повергать себя и своихъ читателей въ область шатаній и колебаній, но всегда отмѣчать то, съ чѣмъ мы согласны, и критиковать то, что идетъ въ разрѣзъ съ нашими взглядами.

Еще два слова. Г. Хоткевичъ въ своемъ письмѣ говоритъ, что г-жа Ефименко, приславшая въ нашу редакцію замѣтку по поводу статьи С. Ефремова, не получила даже никакого отвѣта. Спѣшимъ по этому поводу оправдаться. Уважаемой нашей сотрудницѣ, А. Я. Ефименко, мы не считали себя въ правѣ отвѣтить обычнымъ краткимъ редакціоннымъ извѣщеніемъ, что замѣтка ея не можетъ быть напечатана; мы должны были ей подробно объяснить наши мотивы, что́ и было сдѣлано нами, во избѣжаніе длинной переписки, черезъ одного изъ ближайшихъ нашихъ сотрудниковъ, отправлявшагося въ Харьковъ. Если, какъ заявляетъ г. Хоткевичъ, А. Я. Ефименко за это обидѣлась на насъ, то покорно просимъ ее простить намъ эту невольную ошибку.

Ред.

К. П. Артемовскій-Гулакъ. *(Некрологъ).* 5 іюня въ г. Кишиневѣ умеръ Клеоникъ Петровичъ Артемовскій-Гулакъ, происходившій отъ Ивана Гулака, бывшаго въ 1674 году генеральнымъ обознымъ войска запорожскаго.

Сынъ популярнаго и талантливаго украинскаго поэта, бывшаго ректора харьковскаго университета, К. П. не былъ чуждъ малорусскихъ симпатій, но неблагопріятныя условія и служба внѣ Малороссіи не дали возможности этимъ симпатіямъ развиться широко и дать имъ то примѣненіе, котораго отъ покойнаго можно было ожидать.

Окончивъ харьковскій университетъ со степенью кандидата юридическихъ наукъ, К. П. служилъ по министерству юстиціи, занимая послѣдовательно разныя должности, при чемъ служилъ и въ должности судьи, и въ должности бессарабскаго областного прокурора, и предсѣдателемъ гражданскаго суда, а съ 1870 г. посвятилъ себя службѣ въ г. Кишиневѣ по мировой юстиціи, занимая до 1890 г. должность предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей, и засимъ по день смерти состоялъ почетнымъ мировымъ судьей

Покойный Клеоникъ Петровичъ обладалъ выдающимися музыкальными способностями, посвящалъ музыкѣ все свободное время и,

пройдя школу у скрипача Вьетана, считался въ г. Кишиневѣ блестящимъ скрипачемъ-солистомъ. Послѣ его смерти осталась большая коллекція скрипокъ.

Покойный принималъ дѣятельное участіе въ созданіи его родственникомъ извѣстной оперетты «Запорожець за Дунаемъ». Говорятъ, что нѣкоторые номера этой оперетты написаны имъ почти цѣликомъ. Слышали мы отъ близкихъ покойному людей, что у него въ портфелѣ имѣется нѣсколько музыкальныхъ произведеній, готовыхъ къ печати, есть даже оконченная имъ опера на украинскую тему.

Надо надѣяться, что эти вещи не пропадутъ для потомства, и слѣдуетъ позаботиться о скорѣйшемъ изданіи ихъ.

Свое весьма крупное состояніе покойный К. П. завѣщалъ на дѣла благотворительности: разнымъ учебнымъ заведеніямъ, харьковскому университету; кишиневскому окружному суду и съѣзду мировыхъ судей на стипендіи для дѣтей бѣдныхъ чиновниковъ (по 15,000 руб.), а также 10,000 руб. кишиневскому музыкальному обществу. Завѣщана значительная сумма и кіевскому кадетскому корпусу.

С. Ше—хинъ.

Текущія извѣстія.

Общество имени Т. Г. Шевченка. Общество имени Т. Г. Шевченка, для вспомоществованія нуждающимся уроженцамъ Южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга, разослало своимъ членамъ отчетъ за 1902 годъ Изъ отчета усматривается, что общество въ теченіе отчетнаго года довольно интенсивно развивало свою дѣятельность какъ по привлеченію новыхъ членовъ, которыхъ увеличилось за годъ съ 279 до 411, такъ и по оказанію пособій учащимся. Въ прошломъ году было выдано правленіемъ общества пособій 91 лицу, учащимся въ 14 высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, всего 3864 руб.; нѣкоторымъ лицамъ было назначено по два и по три пособія, а четыре лица получали пособіе въ формѣ мѣсячной стипендіи въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ по 10 руб. въ мѣсяцъ. Наименьшій размѣръ пособій былъ въ 20 руб., а наибольшій въ 100 руб. Изъ 14 учебныхъ заведеній было оказано пособій учащимся: въ женскомъ медицинскомъ институтѣ 24 лицамъ, въ технологическомъ институтѣ 15 лицамъ, въ университетѣ 12 лицамъ, на рождественскихъ

фельдшерскихъ курсахъ 7 лицамъ, въ горномъ институтѣ, на высшихъ женскихъ курсахъ, въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, получили пособіе по 6 лицъ, въ лѣсномъ институтѣ—5 лицъ, въ духовной академіи и институтѣ гражданскихъ инженеровъ по 3 лица, военно-медицинской академіи, въ электротехническомъ институтѣ, на курсахъ профессора Лесгафта и въ училищѣ при академіи художествъ по 1 лицу.

О высоко-гуманной задачѣ общества имени Шевченка не приходится говорить, она слишкомъ очевидна, однако по отчету приходится констатировать тотъ фактъ, что наше южно-русское общество, а также общественныя учрежденія Юга Россіи слишкомъ индеффе-рентно относятся къ этому симпатичному учрежденію. Изъ отчета усматривается, что правленіе общества, желая установить рессурсы на болѣе твердныхъ основаніяхъ, обращаясь въ минувшемъ году за помощью къ общественнымъ учрежденіямъ—въ городскія, уѣздныя и губернскія земскія управы Южной Россіи и получило весьма неутѣшительные результаты: только шесть учрежденій отозвались на призывъ правленія и въ той или иной формѣ пришли на помощь обществу. Характерно то, что въ числѣ учрежденій, отозвавшихся на призывъ правленія отсутствуютъ совершенно учрежденія тѣхъ губерній, которыя даютъ сравнительно большій контингентъ нуждающихся въ пособіи молодыхъ людей. Изъ опубликован. отчета видно, напримѣръ, что уроженцамъ черниговской губерніи было назначено пособій 21 лицу (ни одно земское или городское учрежденіе этой губерніи не пришло на помощь обществу), уроженцамъ кіевской губерніи—9 лицамъ (тоже), херсонской—9 лицамъ (тоже), подольской—7 (тоже), харьковской—7 (тоже); рядомъ же съ этимъ, заслуживающимъ лучшей участи отношеніемъ учрежденій перечисленныхъ губерній видимъ, что аккерманская городская управа и уѣздное земское собраніе постановили: первая вступить въ члены общества имени Шевченка, а второе выдать изъ остатковъ въ пособіе обществу 100 рублей, между тѣмъ бессарабская губернія въ лицѣ ввспитанниковъ, пользовавшихся пособіемъ общества, отсутствуетъ...

Кромѣ поименованныхъ выше двухъ аккерманскихъ общественныхъ учрежденій оказали пособіе обществу еще слѣдующія учрежденія: екатеринославское губернское земское собраніе, роменская земская и хорольская городская управа (уроженцамъ полтавской губерніи были выданы пособія 23 лицамъ) и симферопольское земское собра-

ніе. Вотъ и всѣ наши южныя общественныя учрежденія, которыя такъ или иначе оцѣнили задачи симпатичнаго по идеѣ общества.

Такимъ образомъ, правленіе вполнѣ основательно замѣчаетъ въ своемъ отчетѣ, что на общественную помощь въ настоящее время еще нельзя возлагать особыхъ надежъ, правленіе считаетъ единственнымъ вѣрнымъ источникомъ благотворительныхъ средствъ членскіе взносы. Но въ данное время приходится констатировать даже такой печальный фактъ—крайне не аккуратное поступленіе членскихъ взносовъ отъ лицъ, числящихся членами общества съ самаго его возникновенія.

Несомнѣнно, устраненіе этого ненормальнаго явленія крайне желательно и намъ кажется, что только въ такомъ случаѣ общество можетъ считать «наиболѣе вѣрнымъ источникомъ пріобрѣтенія благотворительныхъ средствъ—членскіе взносы».

Въ настоящее время правленіе общества сильно озабочено пріобрѣтеніемъ необходимыхъ средствъ для устройства столовой и хотя небольшого интерната для учащихся женщинъ Южной Россіи, средства для этой цѣли собираются спеціально, и въ настоящее время общество располагаетъ суммой до 800 рублей (къ февралю 1903 года), черезъ годъ-другой правленіе разсчитываетъ, что средства достигнутъ такого размѣра, что явится возможность осуществить задачу устройства столовой и интерната. Естественно, что скорѣйшее осуществленіе этой послѣдней задачи также вполнѣ зависитъ отъ нашего общества, которое должно проникнуться важностью и необходимостью этихъ институцій на далекомъ Сѣверѣ, для нашего молодого поколѣнія и оказать матеріальную помощь обществу имени Т. Г. Шевченка, хотя бы черезъ устройство благотворительныхъ концертовъ, спектаклей и т. п., какъ это было сдѣлано въ прошломъ году въ Севастополѣ, Екатеринославѣ и Кіевѣ, и просто частными пожертвованіями, не стѣсняясь ихъ размѣромъ; придти на помощь обществу обязываетъ каждаго сознательнаго гражданина, независимо отъ цѣли учрежденія, память о «геніальномъ горемыкѣ», подъ патронатомъ котораго состоитъ благотворительное общество.

Всякія пожертвованія и членскіе взносы слѣдуетъ направлять казначею общества имени Т. Г. Шевченка П. О. Катериничу (С.-Петербургъ, Невскій, 70) («Вѣстн. Юга,» 445).

Преміи имени Н. В. Гоголя. Въ засѣданіи полтавскаго экстреннаго губернского собранія 30 апрѣля с. г. докладывались выработан-

ныя по порученію собранія положенія о преміяхъ имени Н. В. Гоголя. По проэкту премируются лучшія сочиненія по слѣдующимъ отдѣламъ: историческія изслѣдованія, разъясняющія основныя вопросы исторіи всей южной Россіи, этнографическія ислѣдованія, касающіяся народнаго быта въ предѣлахъ Старой Малороссіи и главнымъ образомъ въ Полтавщинѣ, и археологическія изслѣдованія разнообразныхъ памятниковъ въ предѣлахъ полтавской губерніи. Премія въ 1000 р. по исторіи, а по этнографіи и археологіи по 500 р., выдаваемыя черезъ каждыя 5 лѣтъ по присужденію Академіи Наукъ. Предпочтеніе при назначеніи преміи должно отдаваться научнымъ трудамъ, по изложенію доступнымъ для пониманія широкихъ общественныхъ круговъ. Выдача первыхъ премій пріурочивается къ 1906 году. Для этой цѣли вносится, по постановленію прошлаго собранія, въ смѣту по 300 рублей въ теченіе пяти лѣтъ. Собраніе утвердило проэктъ. («Хуторянинъ» № 21).

Программа торжества открытія памятника И. П. Котляревскому. Состоявшееся 17 іюня засѣданіе майской сессіи полтавской думы почти всецѣло посвящено было разсмотрѣнію выработаннаго управой и особой комиссіей проекта торжества открытія памятника И. П. Котляревскому и нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся завершенія устройства памятника. По утвержденіи предположенія комиссіи, чтобы открытіе памятника было пріурочено къ дню рожденія поэта—30—31 августа, думѣ доложена была самая программа чествованія. Первый день торжества (30 августа) комиссія рѣшила заполнить такимъ образомъ. 1) въ часъ дня освященіе памятника на могилѣ И. П. Котляревскаго, при участіи представителей администраціи, духовенства, земства, дворянства и учащихся въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ; 2) освященіе и открытіе памятника Котляревскому въ городѣ; 3) торжественное засѣданіе городской думы въ просвѣтительномъ зданіи имени Н. В. Гоголя въ $7^1/_2$ часовъ вечера: а) открытіе засѣданія привѣтственной рѣчью городского головы, б) чтеніе краткой исторической записки и отчета управы по сооруженію памятника, в) рѣчь о художественно-литературномъ значеніи произведеній И. П. Котляревскаго и его заслугахъ и г) пріемъ привѣтствій и поздравленій отъ учрежденій, обществъ и лицъ.

Второй день торжества, по мнѣнію комиссіи, долженъ состоять въ слѣдующемъ: 1) общедоступное литературно-вокальное утро комиссіи народныхъ чтеній въ просвѣтительномъ зданіи Гоголя въ часъ дня, по слѣдующей программѣ: а) чтеніе біографіи И. П. Котляревскаго, б) туманные картины, связанныя съ именемъ, жизнью и дѣятельностью поэта и в) кантата, посвященная памяти поэта И. П. Котляревскаго, написанная извѣстнымъ композиторомъ Н. В. Лисенко; 2) въ 4—5 часовъ пополудни въ томъ же зданіи или въ одномъ изъ мѣстныхъ клубовъ обѣдъ отъ города для почетныхъ гостей и для желающихъ, по подпискѣ; 3) торжественный спектакль, состоящій изъ драматическихъ произведеній поэта-писателя, въ просвѣтительномъ зданіи въ 8 часовъ вечера, сборъ съ котораго предназначается на образованіе фонда на открытіе городской народной школы имени И. П. Котляревскаго

Дума единогласно одобрила приведенную программу, давъ при этомъ комиссіи по организаціи торжества полномочіе пригласить отъ имени городского управленія въ числѣ другихъ почетныхъ гостей композитора Лисенко и просить его вмѣстѣ съ тѣмъ, если возможно, руководить исполненіемъ написанной имъ кантаты въ память Котляревскаго. Комиссіи предоставлено также пригласить одного изъ ученыхъ прочесть рѣчь о значеніи твореній И. П. Котляревскаго.

На осуществленіе утвержденной программы дума ассигновала 1000 р., отнеся этотъ расходъ, сообразно указанію городской управы на счетъ запасного капитала. Комиссія признала токже безусловно желательнымъ выходъ ко дню открытія памятника нижеслѣдующихъ изданій: 1) альбома 12 иллюстрацій къ «Энеидѣ» Котляревскаго, художника Мартиновича, 2) портрета Котляревскаго, изъ терракота, издѣлія г, Зарѣцкаго, 3) бюста поэта меньшей и большей величины, работы Миргородской художественной имени Гоголя школы и 4) металлическаго жетона съ портретомъ Котляревскаго, съ одной стороны, и видомъ памятника—съ другой.

По приблизительному подсчету, всѣ эти изданія должны были-бы вызвать со стороны города расходъ не менѣе, чѣмъ въ тысячу рублей, между тѣмъ гарантіи въ удовлетворительности сбыта этихъ вещей комиссія не представила, въ виду чего дума, послѣ непродолжительнаго обмѣна мнѣній, рѣшила отклонить предложеніе о выпускѣ въ свѣтъ какъ альбома рисунковъ Мартиновича, такъ и остальныхъ трехъ предметовъ, тѣмъ болѣе, что, какъ заявилъ членъ управы Маркевичъ,

терракотовыя портреты и бюсты Котляревскаго будутъ, вѣроятно выпущены въ продажу ко времени открытія памятника губернскимъ земствомъ. Что же касается жетоновъ, то они, вѣроятно, будутъ, все-таки, изготовлены если не комиссіей по устройству торжества, то частнымъ предпринимателемъ.

Принято предложеніе комиссіи просить губернское земство безвозмездно предоставить въ распоряженіе города 5 тысячъ экземпляровъ изданной имъ біографіи Котляревскаго. Членъ управы Маркевичъ сообщилъ, что комиссія заказала фотографу Хмелевскому партію снимковъ съ горельефовъ для памятника Котляревскому, которые рѣшено распространить въ публикѣ, при чемъ барышъ отъ этой сдѣлки также пойдетъ въ фондъ на постройку народной школы имени Котляревскаго.

На торжество открытія памятника Котляревскому въ Полтаву будутъ приглашены въ качествѣ почетныхъ гостей многія иногороднія лица, принимавшія горячее участіе въ дѣлѣ осуществленія мысли о постройкѣ памятника, и въ томъ числѣ нѣсколько человѣкъ изъ славянскихъ земель, горячо откликнувшихся на призывъ о пожертвованіи на памятникъ украинскому поэту. Кромѣ того въ предстоящемъ торжествѣ примутъ участіе представители духовенства, администраціи, земства, города и учебнаго вѣдомства, а также учащіеся городскихъ начальныхъ школъ и, быть можетъ, воспитанники и воспитанницы среднеучебныхъ заведеній. («Полт. Вѣстн.», № 154 и 155).

Малороссы въ Уссурійскомъ краѣ. По сообщенію корреспондента «Спб. Вѣдом.» главный контингентъ переселенцевъ въ Уссурійскій край составляютъ малороссы. По оффиціальнымъ даннымъ съ 1883 года по 1-е января 1900 г сюда пришло 40,093 уроженца малороссійскихъ губерній, а всего переселенцевъ за это время было 41,278 человѣкъ, т. е. число малороссовъ достигаетъ 97% всего числа переселенцевъ въ Уссурійскій край. За періодъ съ 1900 г. по 1902 г. точныхъ данныхъ о числѣ и этнографическомъ составѣ переселенцевъ въ Уссурійскій край нѣтъ, но указанное выше соотношеніе этнографическаго состава переселенцевъ если и измѣнилось, то въ сторону усиленія малорусскаго элемента.

Какъ извѣстно, малороссъ у себя на родинѣ—сторонникъ подворной формы землевладѣнія. Въ Уссурійскомъ же краѣ, какъ и вообще

во всей Сибири, всѣхъ переселенцевъ, въ томъ числѣ и малороссовъ, надѣляютъ землей на общинномъ началѣ. Искуственно привить форму землевладѣнія, конечно, нельзя, и переселенцы малороссы съ первыхъ шаговъ своей жизни въ Уссурійскомъ краѣ стараются приблизиться къ знакомой имъ формѣ подворнаго землевладѣнія: надѣльная земля подвергается захвату, появляются заимки, хуторы. Въ результатѣ выходитъ то. что на участкѣ въ нѣсколько тысячъ десятинъ земли всѣ удобныя пространства, наиболѣе легкія для распашки, попадаютъ во владѣніе одного-двухъ десятковъ переселенческихъ семей въ первый—во второй годъ послѣ ихъ водворенія. Объясняется это особымъ пониманіемъ переселенцевъ-малороссовъ права заимочнаго пользованія землей. Сибирякъ, по словамъ корреспондента, занятыми считаетъ только тѣ земли, къ которымъ владѣлецъ ихъ приложилъ и продолжаетъ прилагать свой трудъ. Заимочное пользованіе землей у малороссовъ Уссурійскаго края не имѣетъ ничего общаго, кромѣ названія, съ таковымъ же у сибиряковъ. Если малороссъ, придя на переселенческій участокъ владѣетъ парой воловъ, то онъ закладываетъ ихъ въ плугъ и въ одну борозду, опахиваетъ столько понравившейся ему земли, сколько вздумается. И разъ малороссъ въ одну борозду опахалъ землю, то онъ уже считаетъ ее своей заимкой, хотя бы изъ всего опаханнаго пространства обработанной имъ самимъ земли не было и одной десятины. Захватъ сѣнокосныхъ угодій онъ производитъ еще болѣе легкимъ способомъ: всю прельстившую его луговину онъ окашиваетъ въ одинъ рядъ, и заимка готова.

Еслибы кто-нибудь указалъ малороссу, что занятыхъ имъ земель онъ не въ состояніи использовать не только въ ближайшія 10 лѣтъ, но и въ 20—25, то услыхалъ бы отъ малоросса, что «заимку» онъ дѣлаетъ не для себя и не для своихъ дѣтей, а для внуковъ и правнуковъ. На замѣчаніе, что вслѣдствіе такого захвата другимъ переселенцамъ должны достаться малоудобныя земли, малороссъ хладнокровно отвѣчаетъ: «сами виноваты, приходили бы раньше».

Такъ своеобразно-понимаемое малороссами право заимки вызываетъ массу ссоръ, несогласій и вражды, особенно на первыхъ порахъ. Въ дальнѣйшей же жизни деревни, по словамъ автора замѣтки, на такихъ захватахъ, прежде всего, возникаетъ имущественное неравенство, которое, конечно, существуетъ и въ Уссурійскомъ краѣ, хотя здѣсь оно проявляется не въ такихъ рѣзкихъ формахъ, какъ въ Европейской Россіи. Интереснымъ является тотъ фактъ, что до самаго по-

слѣдняго времени хуторское хозяйство у малороссовъ Уссурійскаго края не имѣло подъ собой легальной почвы: земли, несмотря на захватъ, фактически сдѣлавшій ихъ частною собственностью отдѣльныхъ лицъ, de jure продолжали считаться общинными и во всякій моментъ могли поступить въ передѣлъ, разъ того пожелаютъ $^2/_3$ извѣстнаго сельскаго общества. Только съ 1900 г., когда предоставлено было право крестьянамъ Уссурійскаго края, владѣющимъ на общинномъ началѣ землей, передѣлять ее на хуторъ,—только съ того времени явилась возможность дать юридическое основаніе, придать законный видъ той формѣ землевладѣнія, которая фактически уже давно существовала у малороссовъ Уссурійскаго края.

Психозъ на религіозной почвѣ. «Спб. Вѣдом.» со словъ «Правосл. Путев.» сообщаютъ о слѣдующемъ фактѣ изъ религіозной жизни малорусскаго народа. Въ с. Петрокуровѣ объявилась «малеванская богородица», Марина, которая о своемъ превращеніи въ «богородицу“ разсказываетъ такъ.

«Въ среду я чистила картошку: вдругъ моя комната засіяла, и я увидѣла голубя; онъ сѣлъ у меня на правомъ плечѣ и сказалъ: „открой ротъ»; я открыла, и онъ влетѣлъ въ меня, послѣ чего у меня въ правой груди, подъ ребрами, родился Христосъ, и взяла меня великая радость, я чувствую и теперь, какъ Христосъ трепещетъ у меня въ груди». Съ этого времени Марина бросила всякую домашнюю работу и, находясь въ особомъ возбужденномъ состояніи, часто пророчествовала, что она—Марина—непорочная дѣвица, Христа родила и проч.,—хотя у нея своихъ дѣтей имѣлось трое. Въ народѣ скоро пронесся слухъ, что на хуторахъ «жинка просвятылась: Хрыстомъ зробылась», или проще: «изъ жинки чоловикъ зробывся». И пошли къ Маринѣ сперва родичи, потомъ штундисты; изъ любопытства повалилъ толпами, на повозкахъ и верхомъ, и православный народъ. Штундисты заволновались и, долго не думая, стали признавать Марину то за Богородицу, то даже за Отца небеснаго или Христа: „смотрите, чтобы вы не ошиблись: это—Христосъ“, говорилъ одинъ сектантъ невѣрующимъ въ Марину православнымъ.

У хаты „богородицы“ собрались сектанты, которые просили привратниковъ доложить отцу небесному, т. е. Маринѣ, что они просятся въ царство или рай. Кого Марина допускала, тѣмъ привратники

объявляли: «идите, отецъ небесный благословляетъ войти вамъ въ царство». Входившій у порога падалъ на колѣни и на колѣняхъ ползъ къ богородицѣ и цѣловалъ ей руки и ноги, а Марина благословляла его, подымая надъ нимъ два пальца, и за симъ каждый раскрывалъ ротъ, а Марина плевала ему въ ротъ и спрашивала: «а сладкій мой ароматъ?» или «сладкое мое бреніе?»—Сладко, отвѣчали тѣ. «Вѣруйте же, что въ моей груди Христосъ воскресъ». А одинъ изъ свидѣтелей показывалъ, что Марина не только плевала, а и харкала въ ротъ своимъ почитателямъ: черезъ это харканье и плевки Марина сообщала имъ Святаго Духа. Когда собралось много почитателей, Марина одѣла рубаху мужа и заплела волосы на головѣ въ одну косу. Затѣмъ пѣли „Христосъ Воскресе», плескали въ ладоши, кружились, брались за руки, цѣловали богородицу и безсмысленно кричали: «планъ, планъ! труба, труба; козловъ, козловъ! Тройца, тройца!», причемъ подымали Марину на рукахъ вверхъ, до потолка, а она складывала обѣ руки ладонями вмѣстѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пальцами и языкомъ Марина представляла игру на дудкѣ и приговаривала: «Марина грае, а Даныло гуляе». Въ это время Данила Діор—а, какъ Давидъ передъ ковчегомъ, скакалъ по хатѣ, а за Даниломъ, еле двигая ногами, плясала 70-лѣтняя вдова старуха По—чыха, приговаривая: „гопъ, гопъ!» Въ этомъ сбывалось пророчество малеванца Кузьмы-пророка, который говорилъ: «если послѣдуете за мною, то вамъ всѣмъ будетъ по 17 лѣтъ». Такъ и вышло: и старые, и малые танцовали.

Перепечатавъ это сообщеніе, газета „Южн. Край (№ 7755) задается вопросомъ; „Кто же виноватъ, что религіозныя исканія малеванцевъ направляются не туда, гдѣ они могли бы найти себѣ полное удовлетвореніе“.

Украинскій театръ. Г.г. Карпенко-Карый, Саксаганскій и Садовскій, стоящіе во главѣ извѣстнаго «товарищества малорусскихъ артистовъ, объявили преміи за оригинальныя пьесы изъ малорусской жизни, признанныя, по своимъ художественнымъ достоинствамъ, подходящими для постановки на сценѣ. Въ настоящее время прислано на конкурсъ свыше десяти пьесъ, но ни одна изъ нихъ не удовлетворяетъ условіямъ художественности. Прежде всего, огромное большинство пьесъ представляютъ собою «погудки на старый ладъ», проще—замаскированныя передѣлки существующихъ уже малорусскихъ пьесъ,

а затѣмъ никакихъ художественныхъ элементовъ въ себѣ не заключаютъ. При этомъ авторы пьесъ изобличаютъ весьма слабое знаніе народной жизни и малорусскаго языка.

На-дняхъ драматической цензурой разрѣшена къ постановкѣ новая малорусская пьеса мѣстнаго автора Я. Н. Уралова «Сонъ бабы Педоркы» («На прощу»), комедія въ 4 дійств. съ пѣніемъ и танцами. Пьеса бытовая изъ жизни Полтавщины, рисующая нѣкоторые типы современной деревни. Авторъ, намѣренъ послать свою пьесу товариществу малорусскихъ артистовъ объявившему преміи за оригинальныя пьесы изъ малорусской жизни. («Полт. Вѣстн.», № 138»).

Къ составленію исторіи г. Харькова. Харьковская городская дума, какъ извѣстно, поручила профессору Д. И. Багалѣю составленіе исторіи г. Харькова зя 250 лѣтъ его существованія—съ 1655 по 1905 г. Закончивъ составленіе первой части исторіи города—въ XVII и XVIII вѣкахъ, Д. И. Багалѣй приступилъ теперь къ обзору его жизни за истекшій XIX вѣкъ. Желая придать своему труду возможную полноту, внести въ него данныя о развитіи всѣхъ учрежденій, стоявшихъ и стоящихъ въ связи съ матеріальною, умственною и нравственною культурою города, чтобы, такимъ образомъ, имѣть фактическій матеріалъ для опредѣленія общаго хода его развитія, Д. И. Багалѣй обратился въ настоящее время къ мѣстнымъ правительственнымъ, сословнымъ и общественнымъ учрежденіямъ съ просьбой о доставленіи ему матеріаловъ Д. И. Багалѣю необходимо получить точныя свѣдѣнія объ основаніи того или иного учрежденія и его дальнѣйшей судьбѣ, о развитіи его дѣятельности (съ приведеніемъ статистическихъ данныхъ, если таковыя имѣются) и, наконецъ, о его современномъ состояніи по сравненію съ прежнимъ временемъ; желательно, чтобы названы были лица, бывшія его иниціаторами или способствовавшія его росту и процвѣтанію своимъ личнымъ трудомъ и пожертвованіями. Трудъ профессора Д. И. Багалѣя ведется по обширной программѣ и полное осуществленіе этой послѣдней будетъ въ значительной степени зависѣть отъ того сочувствія, съ какимъ встрѣчено будетъ упомянутое обращеніе. («Южн. Кр.», № 7748).

Ученая командировка. Профессоръ университета св. Владиміра Павлуцкій на лѣтнее каникулярное время сего года командированъ министерствомъ народного просвѣщенія въ города, мѣстечки и села юго-западнаго края съ цѣлью собранія на мѣстѣ и изученія памятниковъ церковной старины въ правобережной Малороссіи, въ видахъ подготовленія матеріала для предстоящаго археологическаго съѣзда въ губернскомъ гор. Екатеринославѣ. (Волынь, № 102).

Пополненіе музея древностей при Харьковскомъ университетѣ. Во время пребыванія профессора Д. И. Багалѣя въ Петербургѣ предсѣдатель Императорской археологической коммиссіи графъ Бобринскій подалъ ему надежду на пополненіе музея древностей харьковскаго университета коллекціями коммиссіи по тѣмъ отдѣламъ, которые или совершенно отсутствуютъ въ университетскомъ музеѣ, или представлены въ немъ очень слабо, напримѣръ, древностями классическими (Херсонесъ, Ольвія и т. под.), скиѳо-сарматскими, варварскими—эпохи великаго переселенія народовъ, славяно-русскими и т. д. Если эта надежда осуществится, то въ такомъ случаѣ въ музеѣ харьковскаго университета будутъ собраны не только мѣстныя древности, но и древности разныхъ эпохъ другихъ мѣстностей. («Южн. Кр.», № 7748).

О раскопкахъ Д. И. Эварницкаго. За послѣднее время профессоромъ Д. И. Эварницкимъ былъ произведенъ рядъ весьма важныхъ въ археологическомъ отношеніи раскопокъ въ уѣздахъ Павлоградскомъ и Новомосковскомъ. Изъ всѣхъ этихъ раскопокъ наибольшій интересъ представляетъ раскопка въ селѣ Афанасьевкѣ близъ рѣки Орели, Новомосковскаго уѣзда, въ имѣніи полковника С. А. Ильяшенка. При вскрытіи кургана *найдена была двухколесная боевая колесница* окрашенная яркой карминной краской, съ различными украшеніями и желѣзной оковкой. Подъ колесомъ колесницы былъ найденъ большой мѣдный кувшинъ съ ручкой, а ниже его, въ такъ называемомъ «черномъ пятнѣ», былъ обнаруженъ женскій скелетъ, по-видимому, царственной особы.

При скелетѣ найдены: подъ самой головой большое бронзовое зеркало замѣчательной восточной орнаментаціи и съ остатками волосъ отъ головы; на лѣвомъ плечѣ находились два большіе золотые аграфа, тонкой художественной работы, въ видѣ короны, украшенные эмалью,

крупнымъ жемчугомъ и съ восточными надписями; большая золотая звѣзда, орнаментированная крупнымъ жемчугомъ, большая золотая фибула со стекломъ, въ золотой оправѣ: остатки золототканной парчи, шитой серебромъ и нитями жемчуга, а также украшенной 17 золотыми звѣздами, кромѣ того, длинная серебряная булавка.

Въ лѣвой рукѣ скелета находился большой серебряный ковшъ, замѣчательной художественной работы восточнаго стиля съ ручкой, представляющей голову фантастическаго звѣря; на правой рукѣ сохранился золотой превосходной работы перстень съ крупнымъ, дорогимъ камнемъ; тутъ же возлѣ правой руки на серебряной цѣпочкѣ были привѣшены серебряная, тонкой работы, ложечка, въ видѣ ситочка и маленькая серебряная ложечка для чистки ушей, а также двѣ изящныя серебряныя тонкія проволочки, для чистки зубовъ. Съ остатками парчи найдены были нити крупнаго и мелкаго жемчуга вмѣстѣ съ бусами, затѣйливой художественной композиціи.

Наконецъ, нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ пуговицъ, нашитыхъ на парчѣ. Всѣ эти цѣнныя и интересныя находки любезно принесены г. С. А. Ильяшенкомъ въ даръ областному музею имени А. Н. Поля.

Кромѣ вышеописаннаго кургана большого вниманія заслуживаютъ раскопки въ имѣніи А. Н. Гана и М. Н. Лалосма, въ Шандровкѣ и Татарбранкѣ. Въ одномъ изъ кургановъ Гана открытъ—большой дубовый срубъ, въ формѣ восьмиугольника, полтора аршина глубины и 11 саженъ въ окружности; подъ срубомъ, въ чорномъ пятнѣ, открытъ челнъ (ладья), выдолбленный изъ цѣльнаго дуба. Въ ладьѣ находился человѣческій скелетъ и подлѣ нея скелетъ лошади съ удилами въ зубахъ и остатками сѣдла. При самомъ скелетѣ найдены: желѣзное копье, стрѣлы, длинный берестовый колчанъ, на ногахъ, ниже колѣнъ, въ видѣ украшенія небольшія металлическія чашечки, остатки кинжала, ножа и другихъ боевыхъ принадлежностей.

Въ другомъ курганѣ, такого же типа, также найдено погребеніе въ челнѣ, но безъ коня. При скелетѣ открыты прекрасной работы длинныя серебряныя съ подвѣсками серьги. Кромѣ того, найдены были серьги безъ подвѣсокъ, но съ крупнымъ жемчугомъ и съ остатками засохшаго уха. Далѣе найдено было нѣсколько серебряныхъ пуговицъ, мѣдная удочка тонкой работы, золотыя массивныя подвѣски, желѣзныя стрѣлы, копья, ножи и бронзовое зеркало, украшенное восточнымъ орнаментомъ, привѣшенное на шелковыхъ снуркахъ. Весьма большое значеніе для опредѣленія времени народности, жившей въ

данной мѣстности, имѣютъ нѣсколько *серебряныхъ монетъ*, найденныхъ въ курганѣ. Всѣ эти курганы съ приблизительной точностію можно отнести къ XI и XII вѣкамъ послѣ Рождества Христова. Въ имнѣніи Гана же, въ одномъ изъ кургановъ, открытъ весьма оригинальный черепъ, въ которомъ не оказалось ни единаго зуба и ни единой лунки для зубовъ; нужно полагать, что этотъ черепъ принадлежитъ весьма глубокому старику. Рядомъ съ имѣніемъ г. Ильяшенка произведены раскопки въ имѣніи С. Н. Родзянко «Попасномъ». Здѣсь вскрыто болѣе 10 кургановъ, изъ которыхъ большинство оказалось каменнаго вѣка, неолитической эпохи. Во всѣхъ этихъ курганахъ найдено было множество посуды, самой примитивной, ручной, безъ станка, работы. Любопытно, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ могилъ не оказалось у скелетовъ правой и лѣвой ноги до самаго колѣна. Въ одной, въ Попасномъ, открыто было погребеніе болѣе близкой къ нашему времени эпохи.—Открытъ скелетъ воина и при немъ взнузданнаго коня, съ сѣдломъ, со стременами, длиннымъ копьемъ, съ желѣзными стрѣлами съ большимъ желѣзнымъ яуромъ съ лѣвой руки, съ мѣдными ушными привѣсами и кожанымъ «гаманомъ», въ которомъ оказался кремень и огниво Всѣ эти находки также поступили въ даръ областному музею имени А. Н. Поля. (Вѣстн. Юга, № 444).

Подготовка къ XIII археологическому съѣзду. Комитетъ по устройству въ Екатеринославѣ XIII археологическаго съѣзда разсылаетъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства и предсѣдателямъ уѣздныхъ земскихъ управъ циркуляры, въ которыхъ, придавая громадное культурное значеніе предстоящему въ 1905 году въ Екатеринославѣ археологическому съѣзду, выражаетъ увѣренность, что съѣздъ, при которомъ будутъ устроены археологическая и этнографическая выставки, принесетъ въ культурномъ отношеніи громадную пользу краю и областному музею имени А. Н. Поля. Далѣе комитетъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что до послѣдняго времени всѣ археологическіе съѣзды устраивались въ университетскихъ городахъ, дающихъ значительный контингентъ профессоровъ, историковъ и этнографовъ, входящихъ, обыкновенно, въ составъ комитетовъ по устройству археологическихъ съѣздовъ. Въ Екатеринославѣ, за отсутствіемъ такихъ ученыхъ силъ, комитетъ по устройству съѣзда организованъ изъ представителей общественныхъ и нѣкоторыхъ правительственныхъ учрежденій, изъ про-

фессоровъ высшаго горнаго училища и учащихъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Главная же надежда возлагается на предводителей дворянства и предсѣдателей земскихъ управъ, которые, понимая всю важность изученія родного края, могутъ оказать существенную поддержку въ дѣлѣ устройства съѣзда, а потому комитетъ въ первомъ же своемъ засѣданіи постановилъ просить всѣхъ предводителей дворянства и предсѣдателей земскихъ управъ войти въ комитетъ по устройству археологическаго съѣзда въ качествѣ его членовъ («Придн. Кр.», № 1852).

—

Комитетъ по устройству XIII археологическаго съѣзда въ Екатеринославѣ печатаетъ въ настоящее время въ количествѣ 5000 экземпляровъ программы для собиранія разныхъ свѣдѣній. Всѣхъ родовъ программъ пока печатается четыре: для собиранія этнографическихъ матеріаловъ къ выставкѣ на археологическомъ съѣздѣ, для собиранія писанокъ и свѣдѣній о нихъ, для собиранія свѣдѣній о кобзаряхъ и лирникахъ и для собиранія свѣдѣній по древностямъ историческимъ. Комитетъ по устройству археологическаго съѣзда проситъ лицъ, имѣющихъ какія-либо данныя по приведеннымъ программамъ, сообщать о нихъ, причемъ, если въ чьемъ-нибудь распоряженіи имѣются коллекціи разныхъ предметовъ, то до присылки ихъ желательно имѣть краткую опись ихъ. Комитетъ проситъ не стѣсняться присылкой и единичныхъ экземпляровъ предметовъ древности; самый незначительный съ виду предметъ древности имѣетъ научную цѣнность, если извѣстно мѣсто и обстоятельства его находки. Желательно также получить адресы кобзарей и лирниковъ («Придн. Кр.», № 7831).

—

Въ воскресенье, 18 мая, въ залѣ совѣтскихъ засѣданій произошло засѣданіе харьковской коммиссіи по подготовкѣ XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ. Настоящее засѣданіе было посвящено этнографическимъ вопросамъ, потому что на предстоящемъ въ Екатеринославѣ съѣздѣ предположено устроить, по примѣру бывшаго въ Харьковѣ съѣзда, этнографическую выставку, а также рядъ засѣданій для заслушанія рефератовъ по этнографіи. А такъ какъ XIII археологическій съѣздъ въ Екатеринославѣ долженъ являться продолженіемъ бывшаго въ Харьковѣ съѣзда, то и по этнографическимъ вопросамъ желательно объединить работы обоихъ съѣздовъ такимъ же образомъ, какъ сдѣлано это въ первомъ засѣданіи харьковской коммис-

сіи для археологическихъ раскопокъ и изысканій, предположенныхъ къ предстоящему съѣзду.

Засѣданіе открылось краткой рѣчью предсѣдателя коммиссіи, Н. Ѳ. Сумцова. Онъ указалъ, что коммиссія не имѣетъ своего органа, подобнаго «Трудамъ харьковскаго предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ» и другимъ аналогичнымъ изданіямъ. Между тѣмъ, теперь вполнѣ выяснилось, что харьковской коммиссіи предстоитъ играть далеко не послѣднюю роль въ подготовкѣ XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ. Кромѣ того, едва коммиссія открыла свою дѣятельность, какъ стали поступать статьи и матеріалы отъ различныхъ лицъ, и среди нихъ имѣются очень и очень цѣнныя сообщенія по археологіи и этнографіи южной Россіи. Сомнѣнія нѣтъ, что эти матеріалы все болѣе и болѣе будутъ увеличиваться въ количествѣ и было бы непріятно, если бы и поступающія въ коммиссію сообщенія, и матеріалы, и тѣ очень интересные доклады, которые дѣлаются членами коммиссіи, остались неопубликованными и такимъ образомъ были бы обречены на храненіе въ архивѣ историко-филологическаго Общества, гдѣ они будутъ доступны далеко не всѣмъ. Принимая во вниманіе всѣ эти соображенія, проф. Н. Ѳ. Сумцовъ высказалъ пожеланіе, чтобы харьковская коммиссія издавала протоколы своихъ засѣданій по образцу «Извѣстій археологическихъ съѣздовъ» въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ. Къ протоколамъ можно было бы присоединить въ видѣ приложеній небольшіе доклады членовъ коммиссіи, а также нѣкоторыя сообщенія и замѣтки, поступающія отъ различныхъ лицъ и учрежденій. Впослѣдствіи можно было бы сброшюровать все напечатанное въ одинъ томъ, и такимъ образомъ коммиссія имѣла бы къ XIII археологическому съѣзду свой сборникъ.

Заслушавъ сообщеніе проф. Н. Ѳ. Сумцова, коммиссія постановила войти съ ходатайствомъ въ редакцію «Записокъ Императорскаго Харьковскаго университета» и просить ее о печатаніи протоколовъ коммиссіи въ означенныхъ «Запискахъ» по примѣру того, какъ въ нихъ печатались протоколы харьковскаго предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда. Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ сообщилъ о тѣхъ статьяхъ и матеріалахъ по этнографіи, которые поступили въ распоряженіе коммиссіи.

Прежде всего онъ остановился на 3 статьяхъ г. Е. И. Криста. Первая статья «Свѣдѣнія о бандуристахъ и лирникахъ» составлена

отчасти на основаніи печатныхъ матеріаловъ, частью же по сообщеніямъ извѣстнаго знатока г. И. М. Хоткевича, и содержитъ списокъ и краткія свѣдѣнія объ образѣ жизни бандуристовъ и лирниковъ харьковской, полтавской и черниговской губерній. Собираніе свѣдѣній о бандуристахъ и лирникахъ является особенно цѣннымъ и необходимымъ въ настоящее время, потому что XII археологическій съѣздъ въ г. Харьковѣ вошелъ съ ходатайствомъ въ Мин. Внутрен. Дѣлъ объ оказаніи покровительства этимъ представителямъ вымирающей отрасли народнаго искусства, и Министерство отнеслось съ живѣйшимъ сочувствіемъ къ этому ходатайству. Другая статья Е. И. Криста «Дальнѣйшія изслѣдованія о кобзаряхъ и лирникахъ Харьковской губерніи является продолженіемъ статьи этого автора «О кобзаряхъ Харьковской губерніи». Настоящая статья довольно обширна и посвящена главнымъ образомъ изученію домашняго и общественнаго быта слѣдующихъ кобзарей: О. Бутенка, Древкина и Гончаренка. Кромѣ того, авторъ дѣлаетъ сравненіе по содержанію думъ и пѣсенъ, исполняемыхъ теперешними пѣвцами, съ тѣми, которыя исполнялись прежними, и отмѣчаетъ, что кобзари распѣваютъ теперь, въ видѣ уступки времени, также фабричныя пѣсни. Въ третьей статьѣ «О вліяніи общенія бандуристовъ между собой на взаимное обученіе» авторъ отмѣчаетъ, что репетуаръ теперешнихъ бандуристовъ далеко отошелъ отъ репертуара прежнихъ. Такъ, теперешніе бандуристы исполняютъ только 4 думы изъ извѣстныхъ прежде, а 14—забыты. Поэтому взаимное общеніе бандуристовъ весьма полезно, такъ какъ, сообщая другъ другу пѣсни и думы своего репертуара, они лучше сохраняютъ репертуаръ. Кромѣ названныхъ статей, въ коммиссію присланы также другія замѣтки и матеріалы, съ которыми проф. Н. Ѳ. Сумцовъ и познакомилъ присутствующихъ. Прежде всего А. Д. Твердохлѣбовъ прислалъ небольшое сообщеніе объ ахтырскомъ слѣпцѣ Т. Г. Сегеденкѣ, при чемъ онъ даетъ свѣдѣнія о бытѣ и репертуарѣ этого слѣпца и прилагаетъ записанныя съ его словъ пѣсни: «Гарбузъ» и «Дворянка». Въ письмѣ на имя проф. Н. Ѳ. Сумцова А. Д. Твердохлѣбовъ сообщаетъ 2 пѣсни: «Про теплого Олексія» и «Іисусе мой прелюбезный»,—эти пѣсни записаны имъ въ г. Ахтыркѣ отъ слѣпцовъ X. Митриченка и Ларіона Грунича. Затѣмъ Н. З. Ковалевскій записалъ въ сл. Ковягахъ отъ слѣпца-лирника А. Ѳ. Гончарова пѣсни: «Лазарь» и „Чечитка“ и текстъ этихъ записей прислалъ въ коммиссію. Наконецъ, г. Шинкаревъ доставилъ краткую

біографію слѣпца Тарасія Ивановича изъ сл. Бѣлокуракиной, а также текстъ пѣсенъ, записанныхъ отъ этого слѣпца.

Заслушавъ докладъ Н. Ѳ. Сумцова, коммиссія постановила напечатать списокъ бандуристовъ и лирниковъ, составленный Е. И. Кристомъ.

Коммиссія обратилась съ просьбой къ проф. М. Г. Халанскому, пр.-доц. А. П. Кадлубовскому и А. В. Ветухову пересматривать пѣсенный матеріалъ, поступающій въ ея распоряженіе отъ разныхъ лицъ.

Проф. М. Г. Халанскій сообщилъ, что часть переданныхъ ему матеріаловъ имъ пересмотрѣна.

При этомъ онъ отмѣтилъ, что записи, сдѣланныя г. Водолажскимъ въ сл. Верхнемъ Салтовѣ и въ х. Непокрытомъ, могутъ доставить много цѣнныхъ данныхъ по діалектологіи Харьковской губерніи. Особенно цѣнны въ этомъ отношеніи свадебныя пѣсни, собранныя г. Водолажскимъ въ сл. Верхнемъ Салтовѣ, такъ какъ собиратель отмѣтилъ вездѣ ударенія. Остается только пожалѣть, что г. Водолажскій не поставилъ удареній въ сказкахъ, записанныхъ имъ въ х. Непокрытомъ. Но во всякомъ случаѣ матеріалы, собранные г. Водолажскимъ, весьма интересны въ научномъ отношеніи, и проф. М. Г. Халанскій воспользуется ими для намѣченнаго имъ труда по діалектологіи Харьковской губерніи. Вообще, матеріалы по народной словесности г. Водолажскаго желательно было бы напечатать.

Заслушавъ сообщеніе проф. М. Г. Халанскаго, коммиссія постановила напечатать пѣсни и сказки, собранныя г. Водолажскимъ.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ указалъ, что этнографическая коллекція историко-филологическаго Общества заключаетъ очень мало предметовъ изъ Екатеринославской губерніи. Кромѣ того, въ ней отсутствуютъ нѣкоторые отдѣлы вообще, а другіе сравнительно бѣдны. Поэтому онъ предлагаетъ обратиться въ екатеринославскій предварительный комитетъ по устройству XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ съ просьбой, покупая предметы для этнографической выставки при предстоящемъ съѣздѣ, пріобрѣтать нѣкоторые предметы въ 2 экземплярахъ. Такъ, было бы желательно пополнить коллекцію Общества предметами, относящимися до чабанства, а также до каменноугольной промышленности, которая такъ типична для Екатеринославской губерніи и совершенно отсутствуетъ. Затѣмъ на этнографической выставкѣ при съѣздѣ въ г. Харьковѣ совсѣмъ отсутствовалъ отдѣлъ зна-

ковъ собственности, а между тѣмъ интересно было бы собрать коллекцію подобнаго рода, будутъ ли это знаки на ульяхъ, на посудѣ, на скотѣ, на арбузахъ или на чемъ другомъ. Кромѣ того, интересно было бы пополнить и слѣдующіе отдѣлы: 1) ритуальные предметы (хлѣбныя печенія и др.), 2) амулеты, 3) головные уборы и 4) народную медицину. По народной медицинѣ Екатеринославской губерніи необходимо составить коллекцію, такъ какъ географическія особенности этой губерніи несомнѣнно должны вызвать и нѣкоторыя черты различія въ народной медицинѣ этой губерніи и Харьковской. Но желательно, чтобы при собираніи травъ и другихъ предметовъ, служащихъ населенію въ качествѣ медикаментовъ, были отмѣчаемы и мѣстныя названія ихъ.

Пр.-доц. В. Е. Данилевичъ отмѣтилъ, что на этнографической выставкѣ при XII археологическомъ съѣздѣ почти не было снимковъ тѣхъ крестовъ, которые ставятся въ Малороссіи и Бѣлоруссіи при дорогахъ и колодцахъ. Между тѣмъ въ Харьковской губерніи ему удалось зафотографировать одинъ крестъ надъ колодцемъ. Эти кресты въ различныхъ частяхъ намѣченной области имѣютъ свои мѣстныя особенности, а въ Бѣлоруссіи ему пришлось видѣть весьма своеобразное явленіе: крестьяне увѣшиваютъ крестъ различными рубашечками, передничками и другими принадлежностями, преимущественно дѣтскаго туалета, а также полотенцами. Дѣлается это или въ благодарность за исцѣленіе, или при прошеніи исцѣленія. Интересно было бы установить, не встрѣчается ли нѣчто подобное въ Харьковской или Екатеринославской губерніи.

Пр.-доц. В. Е. Данилевичъ напомнилъ, что передъ XII археологическимъ съѣздомъ харьковскій предварительный комитетъ обращался ко всѣмъ экскурсантамъ съ просьбой дѣлать этнографическіе снимки, хотя бы экскурсія совершалась и не съ этнографической цѣлью. Благодаря этому, удалось собрать весьма обширную коллекцію фотографическихъ снимковъ этнографическаго характера. Поэтому онъ предлагаетъ обратиться съ подобной же просьбой къ тѣмъ членамъ коммиссіи, кто предполагаетъ совершить какія-либо экскурсіи.

Присутствующіе члены коммиссіи вполнѣ присоединились къ сказанному. («Южн. Кр.», № 7740).

—

2-го іюня, какъ сообщаютъ харьковскія газеты, въ залѣ совѣтскихъ засѣданій харьковскаго университета состоялось засѣданіе харь-

ковской коммиссіи по подготовкѣ XIII археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ.

Предсѣдатель коммиссіи, проф. Н. Ѳ. Сумцовъ, открывая засѣданіе, указалъ, что настоящее засѣданіе собрано экстренно съ цѣлью выяснить вопросъ объ экскурсіяхъ, предложенныхъ на лѣто 1903 г.

Проф. Д. И. Багалѣй сообщилъ, что имъ получено письмо отъ П. И. Харитоненко, который готовъ предоставить рабочихъ, лошадей, экипажи, помѣщеніе и столъ лицамъ, желающимъ производить археологическія изслѣдованія въ его имѣніяхъ, какъ въ Натальевскомъ, такъ и находящихся въ Сумскомъ уѣздѣ, о чемъ имъ сдѣлано уже распоряженіе.

Какъ указывалъ уже въ первомъ засѣданіи коммиссіи проф. Д. И. Багалѣй, желательно было бы произвести изслѣдованія въ Натальевскомъ и Сумскомъ имѣніяхъ П. И. Харитоненко, и теперь является полная возможность осуществить это, благодаря просвѣщенному и щедрому содѣйствію владѣльца. Дѣйствительно, въ Натальевскомъ имѣніи имѣется нѣсколько группъ кургановъ различной величины, состоящихъ изъ 4—7 кургановъ.

На прилегающихъ къ этому имѣнію крестьянскихъ земляхъ извѣстны тоже 4 группы кургановъ, содержащія по 20—40 кургановъ, а сверхъ того, тамъ же имѣются и городища—майданы. Изслѣдованіе этихъ курганныхъ группъ было бы весьма важно въ томъ отношеніи. что дало бы возможность пополнить свѣдѣнія о погребеніяхъ скиѳскаго типа въ предѣлахъ Харьковской губерніи. Но не менѣе интересно было бы произвести раскопки въ сумскихъ имѣніяхъ П. И. Харитоненко и на прилегающихъ къ нимъ крестьянскихъ и частныхъ земляхъ, потому что и тамъ извѣстно много одиночныхъ кургановъ и курганныхъ группъ, причемъ иные изъ этихъ кургановъ, повидимому, заключаютъ погребенія скиѳскаго типа, мало изученнаго въ предѣлахъ Харьковской губерніи.

Коммиссія постановила просить профессора Д. И. Багалѣя, пр.-доц. В. Е. Данилевича и пр.-доц. А. М. Поктовскаго произвести раскопки кургановъ и другія археологическія изысканія въ имѣніяхъ П. И. Харитоненко и на сосѣднихъ съ ними крестьянскихъ и частныхъ земляхъ. («Вѣстн. Юга», № 451).

Кладъ. Изъ книги «Клады и древности херсонской губерніи» (стр. 56) извѣстно, что въ с. Спеѣ въ 1896 г. найденъ былъ кладъ серебряныхъ и золотыхъ монетъ XVI и XVII столѣтій; теперь получено извѣстіе о новомъ кладѣ, найденномъ случайно въ окрестностяхъ того-же села, именно въ камнеломнѣ, весной этого года. Кладъ состоялъ изъ 31 серебряной монеты. Какъ извѣстно, по закону, случайныя находки предметовъ старины представляются губернскому начальству для сношенія съ Императорской археологической комиссіей. Найденный теперь въ Спеѣ кладъ пока находится у содержателя камнеломни, а одна изъ него монетка, купленная І. Як. Стемпковскимъ, прислана имъ въ даръ херсонскому музею. Она оказалась римской, чеканенной при императорѣ Коммодѣ (177—192 г.). Весьма желательно, чтобы и остальныя монеты этого клада были осмотрѣны и опредѣлены людьми свѣдущими. Гдѣ-то въ тираспольскомъ уѣздѣ найдена и другая серебряная монета, также присланная г. Стемпковскимъ въ херсонскій музей; это монета римскаго императора Филиппа Аравитянина (244—249 г.). («Югъ», № 1490).

Археологическія находки въ с. Исачкахъ лубенскаго у. По сообщенію св. Романова въ окрестностяхъ с. Исачекъ, въ песчаныхъ буграхъ, и даже на поверхности ихъ, находится много орнаментированныхъ и гладкихъ черепковъ отъ погребальныхъ урнъ каменаго вѣка. По заявленію пастуховъ, тамъ случается находить «разныя штуки», и они находили ихъ, но или затеряли, или за непригодностію забрасывали. За два посѣщенія бугровъ въ одномъ только пунктѣ г. Р—вымъ собрана колллекція въ 35 фунтовъ. Наиболѣе интересны бугры съ усѣченными и углубленными вершинами. Встрѣчаются и довольно крупные камни со сглаженными или заостренными краями.

Что касается рисунка орнаментовъ, встрѣчающихся въ здѣшнихъ буграхъ, то въ собранной коллекціи онъ имѣетъ слѣдующіе виды: 1) продольныя полоски; 2) полоски перпендикулярныя; 3) насѣчка мелкая продольная; 4) насѣчка частая, косая; 5) насѣчка разнообразная; 6) вѣточки; 7) орнаментъ сердцевидный и лучистый; 8) очень мелкій, узорчатый; 9) точки; 10) дырочки; 11) углубленія и 12) нарѣзка (по краямъ). При этомъ всѣ, какъ находимые предметы, такъ и самое мѣсто нахожденія ихъ, имѣютъ, по мнѣнію автора, замѣтки несомнѣнное

археологическое значеніе, служа указаніемъ одного изъ обиталищъ древняго человѣка на территоріи нынѣшней полтавской губерніи.

Для желающихъ прибыть лично, ближайшая станція ж. д.— «Ромоданъ»; адресъ для писемъ: полтавск. губ., почт. отд. Литвяки, священнику Василію Романову. («Полт. Вѣд.», № 42.

Древній кладъ. «Кіевское Слово» сообщаетъ о находкѣ древняго клада во время земляныхъ работъ въ Кіево-Михайловскомъ Златоверхомъ монастырѣ. Найдены нижеслѣдующіе предметы великокняжеской до-татарской эпохи: 1) девять маленькихъ золотыхъ круглыхъ звеньевъ отъ ожерелья или подвѣски, орнаментированныхъ перегородчатою эмалью прекрасной работы; 2) серебряная шейная витая гривна и двѣ серебряныя монетныя гривны кіевскаго типа; 3) три пары серебряныхъ колтовъ, изъ коихъ двѣ съ изображеніями фантастическихъ птицъ и одна оригинальная, въ видѣ звѣздъ; 4) пять ожерельевъ, изъ коихъ два, повидимому, золотыя и одно серебряное съ эмалевыми узорами; на нѣкоторыхъ ожерельяхъ сохранились даже нитки или снурки, на которые они были нанизаны; 5) пара ручныхъ широкихъ браслетовъ, съ изображеніями фантастическихъ птицъ, раздѣленныхъ колонками; 6) одинъ полуширокій серебряный браслетъ съ оригинальными узорами; 7) пара серебряныхъ витыхъ ручныхъ браслетовъ; 8) до десяти паръ серебряныхъ серегъ кіевскаго типа, съ тремя шипами; 9) около десяти серебряныхъ колецъ и перстней; 10) два каменныхъ крестика въ серебряной оправѣ; 11) серебряная лунница съ орнаментомъ; 12) куски парчевой ткани съ золотыми или позолоченными нашивками, и 13) куски желѣза и между ними, кажется, рукоятка отъ меча. Кладъ найденъ какъ разъ въ срединѣ выемки земли, вѣроятно, въ оградѣ бывшаго Димитріевскаго монастыря, основаннаго великимъ княземъ кіевскимъ Изяславомъ, въ крещеніи Димитріемъ Ярославичемъ, и оконченнаго въ 1062 году. Кладъ былъ зарытъ въ землю, вѣроятно, въ Батыево нашествіе на Кіевъ въ 1240 году, когда владѣльцы древнихъ кладовъ, находимыхъ въ Кіевѣ, погибли отъ руки татаръ, не воспользовавшись зарытыми въ землю своими сокровищами или не указавъ на нихъ своимъ родственникамъ. На основаніи существующихъ указаній, кладъ имѣетъ быть представленъ въ Императорскую археологическую комиссію. Въ немъ несомнѣнно есть улики, проливающія новый свѣтъ на русское искусство до-татарской эпохи.

Къ юбилею Н. В. Лисенка. Въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 2356 руб. 50 к. (см. № 6-й, стр. 184) для поднесенія подарка Н. В. Лисенку въ день предстоящаго празднованія его 35-лѣтняго юбилея, вновь прислано: 1) Н. Н. Аркасъ—(Билетъ съ выигр. дворян.)—286 р.; 2) А. Богаевскій—25 р.; 3) Л. Ск—ій—3 р.; 4) Стопановскій - 3 р.; 5) Гр. Федоровскій—1 р.; 6) Студ Сергій Волох і товариши—12 р. 50 к.; 7) В. Мировець- 5 р.; 8) Сергій Ефремовъ—5 р.; 9) В. С.—5 р.; 10) В. Ч--ая—3 р.; 11) В. Ч—ій—2 р.; 12) Д. Симоновъ зъ Тифлиса—1 р.; 13) М.—1 р.; 14) М.—50 к.; 15) В. В Гогинъ—1 р.; 16) П. Н. Кандиба—15 р.; 17) П. Я. Дорошенко—10 р.; 18) И. Л. Шрагъ—10 р. 19) В. Панч.—3 р.; 20) А. Коров.—5 р.; 21) С. Горбач. - 1 р. 22) И. Алекс.—1 р.; 23) Писар.—2 р.; 24) Дорош.—3 р.; '25) Д. Панч.—3 р.: 26) М. Кузнец.—1 р.; 27) М. Гащ.—2 р.; 28) М. Горбач.—1 р.; 29) П. Рѣдьк.—1 р.; 30) Кравч. - 50 к.; 31) М. Г—ко—50 к.; 32) П. Г—діусъ—50 к.; 33) Штанг.—30 к.; 34) Чуднов.—20 к.; 35) Демяновъ—20 к.; 36) В. Трух.—2 р.; 37) И. Коров.—50 к.; 38) І. Черк.—1 р. 50 к.; 39) А. Фес.—50 к. 40) С. Горбач.—1 р. 50 к.; 41) Лиза і Марко П.—80 к. 42) Ю. О—кій—1 р.; 43) Д. Б.—5 р.; 44) У. Д. Г.—2 р.; 45) Ив. Д—ка—2 р'; 46) Д. Д—ка—1 р.; 47) М. К—въ—25 р.; 48) Л. и Е. С—кіе—5 р.; 49) А Ш--ій--5 р.; 50) Д. С—чъ—10 р.; 51) Е. В - ій—5 р.; 52) Н. Б—ій—5 р.; 53) Ф. Ш—а—5 р.; 54) П. К—чъ—5 р.; 55) И. Л--а—10 р.; 56) А. Ф—ко—5 р.; 57) С Ш - инъ—10 р.; 58) Г. Е. Козловъ—1 р. 59) В. Кобызскій—50 к.; 60) Мих. Шаповалъ—50 к.; 61) Леон. Радченко—50 к.; 62) Леон. Терещенко—50 к.; 63) Земскіе статист. изъ м. Воронежа (глухов. у.)—4 р.; 64) Звязельцы—42 р.; 65) А. В. Лихнякевичъ—5 р.; 66) В. І. К. и М. М К.—3 р.; 67) А. Сластенъ—25 р.; 68) А. и В. Алексѣевы—25 р.; 69) П. Саладиловъ—5 р.; 70) Игнатовичъ—10 р.; 71) П. Стебницкій—25 р.; 72) Балашевъ—10 р.; 73) Иващенко—10 р.; 74) Пелехинъ—30 р.; 75) Дубяга- 5 р.; 76) Кистяковскій—5 р.; 77) Шкляревичъ—10 р.; 78) Левитскій—2 р.; 79) Грибинюкъ--10 р.; 80) NN.—3 р.; 81) Муркенъ-Гребенюкъ—10 р.; 82) Катериничъ—10 р.; 83) Славинскій—5 р.; 84) Янишевскій—10 р.; 85) Забѣлло—5 р.; 86) Г. Морской—5 р.; 87) В. А.—1 р.; 88) Мельниченко—1 р.; 89) Л. Я.—3 р.; 90) А. Маркевичъ—5 р.; 91) Д. Мордовець—5 р.; 92) М. Дубяга—5 р.; 93) Жилко—3 р.; 94) М.

Фабриціусъ—5 р.; 95) А. А. Русовъ - 25 р.; 96) П. Гр.—12 р.; 97) Коломіець—5 р.; 98) Сарчинскій - 2 р.; 99) Илля Іоранъ - 3 р. Всего съ прежде поступившими—3230 р. 50 к.

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЦІИ.

Польско-москвофильскій союзъ. Острое оппозиціонное движеніе противъ уничтожительныхъ полонизаторскихъ предпріятій польскихъ верховодовъ охватило весь русинскій народъ. Обезпокоенные противники выискиваютъ способы остановить это опозиціонное движеніе и прежде всего пользуются услугами старо-русской партіи. Во всѣхъ мѣстахъ Галичины поляки систематично протежируютъ москвофиловъ и вызываютъ на всякія вліятельныя должности; самымъ яркимъ проявленіемъ этой политики служитъ рядъ выборовъ въ «повітові ради», гдѣ москвофільско-польскіе союзные списки съ помощью знаменитыхъ галицкихъ избирательныхъ «способовъ» вышли побѣдителями противъ опозиціонно-народныхъ русинскихъ списковъ. Такъ польско-москвофільскій союзъ побѣдилъ на выборахъ въ «повітові ради» въ Коломіи, Соколі, Рави рускій, Бережанахъ и мног. друг. мѣстахъ. До сихъ поръ оба эти врага самостоятельнаго національнаго дѣла русиновъ работали, такъ сказать, въ тайномъ, секретномъ союзѣ, теперь они объединяются явно, при дневномъ свѣтѣ; въ своемъ фанатическомъ ослѣпленіи теряютъ всякій политическій тактъ и крайне компрометирують себя. «Союзъ братскихъ народовъ» проявляется и въ томъ услужливомъ довѣріи, съ какимъ школьныя краевыя власти относятся къ москвофильскимъ ложнымъ доносамъ на русинскія гимназіи, когда москвофиламъ понадобится устранить невыгодныхъ для нихъ и стоящихъ имъ на дорогѣ русиновъ-патріотовъ и просвѣтительныхъ дѣятелей. Таковъ, наприм., доносъ на Коломійскую гимназію. То-же единеніе видимъ мы какъ въ антистрайковой агитаціи, которую москвофильскіе органы ведутъ «для баламученя» крестьянъ, такъ и въ горячихъ похвалахъ, съ которыми можно ежедневно встрѣтиться въ польской прессѣ. Такова, напр., статья «Пересторога въ коломійскій Рускій Раді» и, похвалы ей со стороны Gazety Narodowej и др. польскихъ газетъ.—Очевидно у польскихъ верховодовъ нѣтъ заботы о

дѣйствительномъ, справедливомъ мирѣ въ краю; имъ нужно только разбить боевые ряды, пошатнуть боевыя фаланги русинскаго народа, посѣять въ нихъ измѣну и сервилизмъ. Москвофильское вліяніе въ галицкомъ обществѣ слишкомъ слабо и дискредитировано, чтобы остановить оппозиціонную борьбу русиновъ.

Кто кого обижаетъ? 31 мая и 1 іюня по н. ст. было временемъ съѣздовъ и вѣчъ народныхъ въ Галиціи, какъ польскихъ, такъ и русинскихъ. Среди этихъ съѣздовъ особеннаго вниманія, по своему характеру и тѣмъ резолюціямъ, какія приняты на нихъ, заслуживаютъ два: „Zjazd narodowy“ во Львовѣ и съѣздъ, который устроило «Towarzystvo szkoły ludowej». На «zjazd'ѣ narodowem», между прочимъ, состоялись слѣдующія постановленія: 1) стремиться къ объединенію края и всѣхъ властей и институцій краевыхъ; 2) сохранить польскій характеръ львовскаго университета, политехникума, среднихъ и спеціальныхъ школъ, учительскихъ семинарій и народныхъ школъ; 3) стараться о сохраненіи польскаго характера городовъ, мѣстечекъ и селъ съ польскимъ населеніемъ; 4) поднимать благосостояніе польскаго населенія восточной Галичины посредствомъ предоставленія работъ и облегченія заработковъ, сельскохозяйственныхъ товариществъ и кассъ, а также поднятія домашнихъ промысловъ. Постановленія съѣзда, организованнаго „Towarzystwom szkoly narodowej», проникнуты тѣмъ же духомъ. Галицкая украинская пресса, обсуждая постановленія названныхъ съѣздовъ, говоритъ: стремленія каждаго народа къ національной и политической, а также и экономической независимости, несомнѣнно, дѣло святое, которое всякій свободомыслящій человѣкъ долженъ не только уважать, но и высоко цѣнить, и полякъ, который не носилъ бы этой святыни въ своемъ сердцѣ, не былъ бы достойнымъ имени поляка. Вслѣдствіе этого и мы признаемъ за стремленіями поляковъ полное право, и къ ихъ борьбѣ съ тѣми, кто угнетаетъ польскую націю, относимся съ полнымъ сочувствіемъ. Когда же, однако, народъ въ стремленіи къ достиженію своей святой цѣли, хочетъ сдѣлать то-же самое, противъ чего онъ борется, именно когда онъ разомъ съ этимъ старается угнетать и порабощать другія націи, по-ростовщически, безстыдно ихъ эксплоатировать, то необходимо рѣшительно заявить, что это—не святая борьба, а профанація высокой святыни!

Этотъ справедливый вполнѣ укоръ польскому съѣзду вызванъ тѣмъ рѣзко бросающимся въ глаза обстоятельствомъ, что ни въ одной изъ резолюцій съѣзда ни разу даже не упоминается имя украинцевъ, какъ будто бы на той территоріи, на которой будетъ осуществляться начертанная съѣздомъ программа, украинской націи вовсе не существуетъ. Такая недальновидность поляковъ, отсутствіе въ нихъ чувства справедливости и началъ гуманности, заставляетъ галицкую украинскую прессу напомнить полякамъ печальные уроки исторіи. Не менѣе рѣзкій протестъ со стороны галицкихъ русиновъ вызвала резолюція съѣзда относительно полонизаціи путемъ школъ и костела Буковины, гдѣ поляковъ совершенно незначительный процентъ.

Въ виду надвигающейся на украинскій народъ въ Галиціи опасности въ формѣ организованной полонизаціи, украинскіе парламентскіе и сеймовые послы сочли необходимымъ выступить съ протестомъ противъ поляковъ Комитетъ, сзывавшій польское народное вѣче, въ своемъ приглашеніи на вѣче, между прочимъ, заявилъ, что «всѣ большія стремленія русиновъ украинизовать польскій народъ въ среднихъ и восточныхъ уѣздахъ Галичины, требуютъ энергичной борьбы». Послы въ своемъ печатномъ заявленіи по поводу этой «відозви» польскаго комитета отмѣчаютъ процитированную нами выше фразу «відозви», какъ горькую насмѣшку надъ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ въ восточной Галиціи. Дѣйствительное же положеніе дѣлъ тамъ таково, что, при 64% русиновъ 21,8% поляковъ Галиціи, все, что имѣетъ власть и вліяніе, находится въ рукахъ поляковъ, какъ-то: крупное землевладѣніе, состоятельный средній классъ, большинство интеллигенціи, капиталъ, торговля и промышленность, все не только автономное, но и государственное управленіе, всѣ высшія школы, почти всѣ среднія, кромѣ лишь 4-хъ, всѣ краевыя и почти всѣ народныя школы въ городахъ—все въ польскихъ рукахъ, даже сельскія школы въ чисто украинскихъ селахъ и тѣ утраквистическія. И вотъ теперь, въ концѣ концовъ противъ русиновъ призывается все польское общество. Свою «Заяву» русинскіе послы заканчиваютъ слѣдующими словами: «такъ перекручувати правду—значить правді в лице плювати»!.. И если польскій комитетъ желалъ этими словами выразить мысль, что считать восточную Галичину польскимъ краемъ, а защиту его отъ дальнѣйшей полонизаціи угрозою для Польши, и съ этой цѣлью обращается ко всему польскому обществу для противодѣйствія этой защитѣ, то мы отъ имени всѣхъ русиновъ въ краѣ за-

являемъ «що східна Галичина була руська, е руська і мусить руською остати».

Лекціи проф. М. Грушевскаго въ Парижѣ и Берлинѣ. Проф. исторіи во Львовскомъ университетѣ М. С. Грушевскій въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая мѣсяца прочелъ въ Парижѣ, въ «École russe des hautes études sociàles», курсъ исторіи украинскаго народа. Весь курсъ составилъ 18 лекцій; онъ заключаетъ въ себѣ исторію Украины-Руси съ древнѣйшихъ временъ, кончая національнымъ возрожденіемъ 19-го вѣка. Одинъ изъ крупныхъ парижскихъ книгоиздателей берется издать на свой счетъ этотъ курсъ на французскомъ языкѣ; курсъ будетъ изданъ къ концу этого года.

Возвращаясь изъ Парижа, проф. М. Грушевскій исполнилъ также просьбу литературно-научнаго товарищества русскихъ студентовъ въ Берлинѣ и прочелъ лекцію объ украинскомъ національномъ возрожденіи 19 вѣка. Лекція собрала многочисленную аудиторію и вызвала продолжительныя собесѣдованія, прерванныя необходимостью проф. Грушевскому поспѣшить къ отходу поѣзда.

Пребываніе проф. М. Грушевскаго въ Парижѣ имѣло своимъ слѣдствіемъ тотъ очень важный результатъ, что профессора, преподающіе въ парижской школѣ славянскіе языки, выразили желаніе посвящать одинъ семестръ лекціямъ украинскаго языка. Предположено также издать по-французски краткую грамматику украинской рѣчи. (Лит.-Наук. Вистн.).

Русины и румыны на Буковинѣ. Буковина раздѣлена на девять уѣздовъ. Въ 4-хъ изъ нихъ число русиновъ выше числа румынъ: 1) кицманскій у.—русиновъ 83.389, румынъ 129, 2) выжныцкій у.—русиновъ 53.570, румынъ 301, 3) черновецкій у.—русиновъ 58.378, румынъ 23.184, 4) серетскій у.—русиновъ 26.155, румынъ 16.171. Въ остальныхъ 5-ти—русиновъ меньше: 5) радовецкій у.—русиновъ 8.864, румынъ 47.819, 6) кимполюнгскій у.—русиновъ 7.342, румынъ 28.205, 7) гурагуморскій у.—русиновъ 1.372, румынъ 38.427, 8) сучавскій у.—русиновъ 11.269, румынъ 37.252, 9) сторожынецкій у.—русиновъ 24.308, румынъ 28.020. Всего русиновъ 274.647, румынъ 219.508. Кромѣ того другихъ народностей (нѣмцевъ, евреевъ и др.) 183.112.

Всего на Буковинѣ 677.267 душъ населенія. Въ главномъ городѣ Буковины Черновцахъ преобладаніе принадлежитъ нѣмцамъ, такъ какъ къ нимъ причисляютъ и евреевъ. За нѣмцами—слѣдуютъ русины (19,81%), румыны (14,29%) и поляки (13,08%. («Русланъ» № 28).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Наталка - Полтавка малороссійская опера И. П. Котляревскаго. *Провѣренный текстъ (по изданію 1838 г. и открытому списку 1820 г.) подъ редакціей И. Стешенка. Кіевъ. 1903 г. 46 стр. 8⁰.*

Что у насъ до сихъ поръ нѣтъ почти ни одного хорошо изданнаго, съ точно установленнымъ текстомъ, украинскаго писателя, это, къ сожалѣнію, врядъ-ли требуетъ доказательствъ; но совсѣмъ уже плохо то, что начинатель новаго періода украинской литературы И. Котляревскій издается чуть-ли не хуже всѣхъ, и его многочисленныя изданія испещрены еще болѣе многочисленными и часто очень грубыми, искаженіями текста. Изданіе провѣреннаго и точно установленнаго текста его произведеній напрашивается поэтому само собой.

Проба такого изданія знаменитой пьесы Котляревскаго сдѣлана въ настоящее время г. Стешенкомъ. Какъ и слѣдовало ожидать, г. Стешенко, за неимѣніемъ исходящей отъ самого автора рукописи, положилъ въ основаніе своего изданія первый печатный текстъ «Наталки-Полтавки», опубликованный въ 1838 г. Срезневскимъ въ Харьковѣ [1]); но онъ далъ къ нему еще и варіанты изъ недавно открытой

---

[1]) Кстати: въ „Покажчикѣ“ г. Комарова обозначено, что впервые „Наталка-Полтавка“ была издана въ 1819 г. Откуда взято это свѣдѣніе? Въ предисловіи къ изданію 1838 г. Срезневскій говоритъ совершенно ясно о піесѣ: „она доселѣ была неиздана“ (стран. 7). Насколько мы знаемъ, въ 1819 г. „Наталка-Полтавка“ была лишь поставлена, *по рукописи,* на сцену.

рукописи 1820 г. Не знаемъ только, почему г. Стешенко въ своемъ предисловіи все время называетъ *печатный* текстъ 1838 г. *спискомъ* также точно, какъ и *рукопись* 1820 г.—это вноситъ путаницу въ его поясненія, такъ какъ читатель можетъ на нѣкоторое время предположить, что г. Стешенко располагалъ *двумя рукописями*. Что касается самой перепечатки текста, то жаль, что г. Стешенко пренебрегъ хорошимъ обычаемъ, примѣняемымъ въ подобныхъ изданіяхъ: указывать въ перепечаткѣ (при помощи поставленныхъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ строки цифръ въ скобкахъ) страницы воспроизводимаго изданія: это даетъ возможность пользоваться ссылками на старую книгу, не имѣя ея въ рукахъ.

Но обратимся къ самому тексту, установленіе котораго составляетъ задачу изданія.

Прежде всего о правописаніи: можно было просто воспроизвести точно правописаніе перепечатываемой книги или-же употребить современное. Г. Стешенко не дѣлаетъ ни того, ни другого, такъ какъ даетъ, безъ всякихъ поясненій, смѣшеніе правописанія Срезневскаго со своимъ собственнымъ, и при томъ смѣшеніе, въ которомъ нѣтъ никакой послѣдовательности. Напр., Срезневскій русскія слова Вознаго: *званіе*, *предложеніе* (стр. 12), *признаніе*, *опредѣленія* (15) оставляетъ въ ихъ русской формѣ; г. Стешенко передаетъ нѣкоторыя изъ нихъ сообразно съ украинской фонетикой: *званые* (6), *предложеные* (6), *состояные* (8), но тутъ же рядомъ оставляетъ: *прызнаніе* (8), *опредиленія* (8) и пр. Срезневскій вездѣ пользуется русскимъ *ё*; г. Стешенко передаетъ его разъ просто буквою *е* (безъ точекъ): *слезы* (5), потомъ буквою *ё* (съ точками): *по всёму* (7) и наконецъ буквами *іо: по прежніому* (40). Срезневскій секундарное *і* изъ *ѣ* обозначаетъ буквою *ѣ*, г. Стешенко въ большинствѣ случаевъ передаетъ это *ѣ* буквою *и* передъ согласною и *і* передъ гласною (*недилю, зрозумію)*, но въ то же время пишетъ *имиетъ* (8), *пидкрепылыся* (10) и пр.

Въ изданіи, подобномъ настоящему, точная передача перепечатываемаго текста является условіемъ, безъ котораго самое изданіе утрачиваетъ значеніе. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи разсматриваемая нами работа далеко не свободна отъ упрековъ. Оставивъ въ сторонѣ пѣсню, которой начинается пьеса, мы свѣрили двѣ первыя страницы изданія г. Стешенка (стр. 6 и 7) съ соотвѣтствующими (12—14) страницами изданія Срезневскаго и вотъ что мы нашли:

У Срезневскаго (страница 12, строка 4) есть ремарка къ словамъ Наталки: *плачетъ*,—г. Стешенко (стр. 6, строка 4) отмѣчаетъ, что ея у Срезневскаго нѣтъ.

Какъ разъ та-же самая ошибка повторяется и съ ремаркой: *шедшій мимо, подходитъ къ Наталкѣ* (первая строка второго явленія).

У Срезневскаго (стр. 12) Возный говоритъ. *Я хотѣвъ-бы, що-бъ ты звáла мене́—тее-то якъ ёго—не вышеупомянутымъ имянемъ;* г. Стешенко (стр 6) замѣняетъ слово *имянемъ* словами *имья-рекъ*.

Нѣсколько ниже у Срезневскаго (внизу 12 страницы): *изъ медовыхъ устъ твоихъ;* у г. Стешенка эти слова переставлены: *изъ устъ твоихъ медовыхъ* (стр. 6).

Строкой ниже у Срезневскаго: *Названіе, сообразное моему чувствію;* у г. Стешенка: *сообразно* (стр. 6).

На стран. 13-й у Срезневскаго Возный поетъ: *Наталки видъ ясный;* г. Стешенко исправляетъ: *Наталкынъ выдъ* (стр. 6) и исправляетъ совершенно противно украинской фонетикѣ, измѣняющей въ такомъ случаѣ *К* въ *Ч (Наталчынъ)*.

У Срезневскаго на стр. 13-й, послѣ пѣсни Вознаго, нѣтъ ремарки: *говоритъ*, а г. Стешенко даетъ ее, какъ существующую въ изданіи 1838 г.

У Срезневскаго въ слѣдующей за этимъ строкѣ: *на видъ тебѣ;* у г. Стешенка слова переставлены: *тоби на выдъ* (стр. 7).

Итакъ, оставя въ сторонѣ мелкія неточности и странную интерпункцію, восемь значительныхъ отступленій отъ текста на двѣ страницы—слишкомъ много для того, чтобы можно было положиться на дальнѣйшія страницы. И дѣйствительно, мы наткнулись на слѣдующую удивительную ошибку новаго изданія. Для сравненій текста мы пользовались экземпляромъ изданія 1838 г., принадлежащимъ библіотекѣ редакціи «Кіевской Старины»; экземпляръ этотъ, очевидно, когда то былъ употребленъ при представленіи пьесы на сценѣ и носитъ на себѣ рядъ режиссерскихъ помарокъ—исключеній и исправленій текста; одно изъ такихъ исправленій сдѣлано карандашемъ на стр. 62-й въ строкѣ пѣсни Петра. которая у Срезневскаго такова:

Тебе жъ, мое серденятко, по *смерть* не забуду.

Слово *смерть* режиссеръ переправилъ на слово *вікъ*, и это исправленіе какъ разъ находимъ, безъ всякой оговорки, и у г. Стешенка:

Тебе жъ, мое серденятко, *по викъ* не забуду. (стр. 40).

Перейдемъ къ пользованію другимъ источникомъ--рукописью 1820 г. Къ сожалѣнію, г. Стешенко ничего не сообщаетъ въ предисловіи о ея происхожденіи, внѣшнемъ видѣ и пр.; правда, онъ сдѣлалъ это раньше, въ замѣткѣ, помѣщенной въ «Кіевской Старинѣ» (1901, IV); но въ изданіи, спеціально посвященномъ рукописи, безусловно необходимо было всѣ эти свѣдѣнія повторить,—тѣмъ болѣе необходимо, что г. Стешенко даже не сообщаетъ въ предисловіи, что эти свѣдѣнія были имъ когда-либо даны. Насколько хорошо использована г. Стешенкомъ эта рукопись, мы, не имѣя ея въ рукахъ, не можемъ, конечно, сказать опредѣленно. Повидимому, г. Стешенко старался использовать ее въ полной мѣрѣ: онъ отмѣчаетъ, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, не только цѣлый рядъ мало интересныхъ мелкихъ подробностей ея, но даже и явныя описки,—такъ, напр., у Срезневскаго Возный поетъ:

Какъ камень, *духъ* въ пучину золъ тонетъ

и г. Стешенко отмѣчаетъ, что въ рукописи вмѣсто *духъ* переписчикъ написалъ—*бухъ* (стр. 7). Но въ то же время очень удивляетъ то невниманіе, съ которымъ г. Стешенко относится къ болѣе значительнымъ отличіямъ текста, существованіе которыхъ въ рукописи онъ самъ же отмѣтилъ въ помянутой замѣткѣ («Кіев. Старина», 1901, IV, Докум., изв. и зам., стр. 2 и слѣд.). Вотъ, напр., что указано тамъ г. Стешенкомъ:

У Срезневскаго (въ скобкахъ страницы изданія г. Стешенка):		*Въ рукописи.*
Стр. 11(5):	поплачу;	заплачу;
» 14(7):	я рѣчи вашои въ толкъ собѣ не возьму;	я ричи вашои не розумію;
» 18(10):	всёму земству урвалася;	всему земскому суду увирвалась;
» 20(11):	молодець не убогій;	чоловикъ не убогый;
» 27(16):	зъ огненною ризкою злетѣвъ;	зъ огненною рызою застыгъ;

» 48(31):	и уже де и чортъ не зможе;	и вже де й чортъ не озьме;
» 45(29):	до сёго часу	до якого часу.

Всѣ эти отличія рукописи отъ текста Срезневскаго, отличія, которыя самимъ же г. Стешенкомъ признаны важными и заслуживающими быть спеціально отмѣченными въ особой замѣткѣ, въ новомъ изданіи г. Стешенка совершенно не упомянуты.

Приведенные примѣры указываютъ, насколько точно было сдѣлано сравненіе текстовъ и насколько «Наталка-Полтавка» нуждается въ новомъ изданіи съ внимательно установленнымъ текстомъ.

Б. Гринченко.

М. Чернявськый. „Зори“. Збирныкъ поезій. *У Кыиви, 1903, 3—276 стр., ц. 65 коп.*

Названный сборникъ стихотвореній М. Чернявскаго, пріобрѣвшаго уже широкую извѣстность въ кругахъ, интересующихся успѣхами новѣйшей украинской литературы, содержитъ въ себѣ сто шестьдесятъ четыре стихотворенія, написанныхъ въ періодъ времени отъ 1888-го по 1901-й годъ.

Содержаніе книги крайне разнообразно. Тутъ нашло себѣ мѣсто, все, что когда-либо такъ или иначе встрѣчалось поэту, на чемъ онъ останавливалъ свое вниманіе, что интересовало его и волновало. Касается поэтъ и своихъ личныхъ состояній, но не забываетъ и внѣшней природы и ей чуть ли не больше всего отводитъ мѣста въ настоящемъ сборникѣ. Лѣсъ, море, картины родной природы—очень часто встрѣчаются на страницахъ книжки. Наша южная степь, родина поэта, особенно мила ему. Ея однообразный просторъ, ея могилы, эти нѣмые свидѣтели давно когда то кипѣвшей здѣсь жизни, роскошь ея весенней растительности и сильныя грозы въ жаркіе лѣтніе дни привлекаютъ вниманіе поэта къ себѣ и даютъ матеріалъ для необыкновенно гармоничныхъ и увлекательныхъ стихотвореній.

Въ книгѣ встрѣчается все, что всегда занимаетъ человѣка, что всегда волнуетъ его. Здѣсь можно встрѣтить и изображеніе самыхъ разнообразныхъ настроеній, вызываемыхъ музыкою («Рояль рыдавъ, немовъ людына», 154 стр.), и умиротворяющее дѣйствіе молитвы на дѣтски простыя сердца вѣрующей матери и ребенка («Молытва»—48 стр.), и вопросы о цѣли и смыслѣ человѣческой жизни и дѣятельности, и постоянная, неразрѣшимая загадка о томъ, что будетъ съ каждымъ изъ насъ,

«якъ панъ отецъ землю кыне на мовчазну... труну («Загадка» —91—92 стр.), и меньшой братъ съ его всегдашней матеріальной нуждою и окутывающимъ его умственнымъ убожествомъ... Словомъ, тутъ затронуты всѣ тѣ вопросы, которые волновали, волнуютъ и будутъ волновать всегда каждаго, кто сознаетъ себя человѣкомъ и членомъ многолюдной семьи—своего родного народа.

Жгучіе и тревожные для всякаго вопросы о цѣли и смыслѣ жизни въ дѣятельности человѣка рѣшаются въ томъ смыслѣ, что надо отдать себя на служеніе ближнему, посвятить себя убогимъ, несчастнымъ пасынкамъ судьбы, удаленнымъ отъ участія на жизненномъ пиру и отъ благъ просвѣщенія.

«Въ сумни часы жыття важкого
Николы другыхъ не клены
Зъ словамы посмиху гиркого
И тыхымъ серцемъ помяны
Не ворогивъ своихъ чванлывыхъ,
Не друзивъ влеслывыхъ своихъ,
А тыхъ убогыхъ, нещаслывыхъ,
Людей занедбаныхъ, малыхъ.
И знай—багато ихъ на свити
Въ тяжкій темноти загыба.
Воны голодни, неукрыти,
Ихъ кровъ пье люта боротьба.
Прымы до серця ты ихъ мукы,
Видъ слизъ очей не одверны;
Якъ сыльный самъ—подай имъ рукы:
Не закаляются воны!.. (Стр. 216).

И такое служеніе ближнимъ, такая «безгришна» любовь къ нуждающемуся брату

«. . . тилько й е
Того достойна, щобъ святыты
Едыній ій жыття свое» (Ibid, 216).

Ей поэтъ отдается всецѣло, рвется къ тому, чтобы помочь меньшому брату, чѣмъ только можетъ, и молится:

«О, Боже, Ты
Слаби пиддержуй наши сылы
И поможы намъ донесты
Любови свитъ у ти хаты,

Братамъ у питьми тамъ сыдячымъ,
Прыгриты серцемъ ихъ гарячымъ,
Шобъ зерно правды изійшло
И добре сим'я прынесло»!.. (Вечирни мріи, 112 стр.).

Съ подобной же мольбою обращается онъ и къ своему доброму генію и проситъ его оказать ему свою поддержку въ дѣлѣ служенія «одному изъ малыхъ сихъ».

«О, мій учытелю незнаный,
. . . .
Мои благання си прыймы!
Безсылый голосъ мій и мова,
И не гучни мои писни,—
Дай сылу огненного слова
Тому, що шепчешъ ты мини.
Дай слизъ, щобъ плакавъ я зъ братамы,
У ихъ журби щобъ участь бравъ,
И плакавъ щырымы слёзамы,
Колы про долю ихъ спивавъ.
Не дай гарячою душею
Мени згориты безъ пуття,
Щобъ не зогрить никого нею
На свити симъ за все жыття...
. . . .
. . . .
Зробы жъ ты такъ, щобъ гордисть впала
И въ серци мылость процвила!..
Тоди надтхненымы устамы
Я заспиваю про любовъ
И въ небо чыстымы очамы
Тоди дывытымусь я знову».
(«До мого генія»—40—41 стр.).

Такой идеалъ, идеалъ самоотверженнаго служенія и всецѣлой, святой и безкорыстной любви къ обездоленному, предносится въ мысляхъ поэта! Его онъ и стремится осуществлять.

«Я правды прагну и просю,
Щобъ лекше дыхать всимъ було намъ»
(«Не въ лони ридного народу»... стр. 102).

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хочетъ, чтобы и другіе слѣдовали тому же идеалу любви и правды. Конечно, между этимъ идеаломъ и наличной дѣйствительностью, полной мелочности, пошлости и борьбы изъ-за мелочныхъ эгоистическихъ разсчетовъ, существуетъ поразительная дисгармонія. Жизнь преподноситъ многое, свидѣтельствующее о полномъ отсутствіи любви и правды во взаимныхъ отношеніяхъ людей между собою. Такое печальное явленіе вызываетъ въ душѣ поэта горечь разочарованія и заставляетъ его разражаться горькими упреками по адресу нашей обыденной жизни со всѣми ея дрязгами и ненормальностями, среди которыхъ «гасне духъ Божый въ роди людському».

Якъ все никчемне наше щоденне,--
Праця зъ-за хлиба въ нетряхъ, въ болоти,
Щасте мищанське темне, злыденне,
Сльозы безсылыхъ, чванство страшенне
Дурнивъ вельможныхъ, сыльныхъ по плоти!
Въ свити жъ такъ тыхо, въ свити такъ глухо;
Гасне духъ Божый въ роди людському...
Слухае серце, слухае вухо,—
Тыхо скризь, глухо въ свити пустому!
Втоптани въ смитте неба дарункы—
Розумъ высокый, вира жывуча;
Зводе шахрайство зъ честю стосункы,
Дружна зъ безчестемъ слава блескуча...
Де жъ ти пророкы, пóсланци Божи?
Де ти катюгы, висныкы злобы?.. (Стр. 24).

Все это, конечно, старыя истины, избитыя, давно извѣстныя уже всѣмъ. Такое возраженіе могутъ сдѣлать искатели чего-то новаго, неслыханнаго еще, презирающіе землю съ ея интересами живого человѣка и стремящіеся въ заоблачные міры. Но въ нашей небогатой украинской литературѣ такое повтореніе старой истины въ формѣ звучнаго стихотворенія, услаждающаго своею прелестью, далеко не излишне... Если такого рода стихотворенія могутъ не заинтересовывать людей, жаждущихъ новинокъ, то тѣ, которыя посвящены изображенію степи и настроенія, вызываемаго ею въ душѣ человѣка, могутъ удовлетворить самаго требовательнаго читателя. Стихотворенія, рисующія степь въ разнообразныхъ проявленіяхъ ея жизни и красоты, являются наилучшими въ сборникѣ. Для примѣра можно привести отрывокъ одного изъ нихъ:

«Далеко, далеко степы простяглысь
И зъ небомъ гарячымъ пидъ млою злылысь.
И выдно навколо лышъ небо мутне;
Далеки могылы та поле смутне;
Та ще у лощыни маяче верба,
Неначе сумуе сама тамъ журба.
Надъ шляхомъ отара стоить на гори,
Лежать биля неи сумни вивчари.
Собакы завылы—до шляху бижать,
Щобъ гавкать на коней: набрыдло лежать.—
И йидемо дали—картына одна:
Те жъ небо безхмаре, краина сумна.
Лышъ часомъ незнани пташкы просвыстять
Сполохани дрохвы зъ земли пидлетять,
Прытыхнуть колеса, попавшы въ писокъ,
Та иноди зъ балкы прогляне лисокъ
Все ридне, знайоме зъ дытынства мени:
Се небо гаряче, могылы сумни,
И сонъ безтурботный змарнилыхъ степивъ,
Овечи отары й табунъ лошакивъ...

(«Степъ», 180—181 стр.).

Степь изображается во всѣхъ видахъ—и днемъ, и ночью, и утромъ, и вечеромъ, и въ знойный лѣтній день, и въ грозу, и во всѣ времена года («Степовый ранокъ»—10 стр., «Степови огни»—51—53 стр., «Степъ и степъ одынъ безъ краю»—248 стр., «Воля»—136 стр., «Могыла»—246—247 стр. и др.). Не ограничиваясь настоящимъ степи, поэтъ переносится мыслью къ прошлому ея; онъ нерѣдко вспоминаетъ давнія времена, когда на равнинахъ полуденной Россіи жили, смѣняя другъ друга, разные народы, и находитъ «поезію въ ныхъ, степахъ сихъ шырокыхъ, пустыняхъ сумныхъ», потому что

«Оттутъ вси народы у часъ свій пройшлы,
Тутъ скыѳы и гунны на воли жылы,
А потимъ татарынъ въ степахъ сихъ блукавъ,
Козакъ-запорожецъ кордоны державъ.
И все те мандривне, таемне, смутне.
И все те въ симъ краи чаруе мене.
И чую, що духъ той жыве и въ мени,
Що варварамъ давнимъ я, певне, зъ ридни,

(Ibid., 181 стр.).

Каждая строка, посвященная степи, отличается особенной теплотою чувства и задушевностью и написана съ замѣчательнымъ увлеченіемъ. Вездѣ сквозитъ горячая любовь и крѣпкая привязанность къ степи.

«О, степе мій, мое житте, мій раю,
Прыхылокъ всихъ моихъ найкращихъ мрій,
Безъ тебе тутъ я гыну, помираю,
Але хочъ вмерты бъ на межи твоій»!..
(«Вечирня дума», стр. 15).

Любовь къ степи, какъ къ мѣсту своей родины, поэтъ переноситъ и на весь свой родной край. Судьба послѣдняго немало занимаетъ его; и ему онъ посвящаетъ нѣсколько теплыхъ стихотвореній, въ которыхъ касается положенія своего родного народа, его нуждъ и неотложныхъ потребностей. Въ одномъ мѣстѣ онъ сравниваетъ родной край съ «полемъ—батькивщыною», которое «здавна засіяно тугою, бидою, заросло бурьянами, терномъ, лободою» («Ныва»—стр. 63—64); въ другомъ—скорбитъ о томъ, что его «туманъ повсюды залягае» («Вечирни мріи»—стр. 109—112). Сильно скорбитъ поэтъ о современныхъ невзгодахъ своего родного края и съ грустью заявляетъ:

«Я не такымъ тебе, мій краю,
О, не такымъ хотивъ бы зрить («О краю ридный,
якъ люблю»...—стр. 270).

Заслуживаетъ особеннаго вниманія стихотвореніе «На ридній ныви» (стр. 195—196). Въ немъ родной край отожествляется съ нивой, которая не только «неорана» и «несіяна», но и «всимы покынута, всимы забутая, кривавымы слизьмы полывана, туманамы, млою окутая». Такое безотрадное положеніе родной нивы поражаетъ поэта, и онъ съ недоумѣніемъ спрашиваетъ:

«Де твои ратаи, де твои сіячи?
. . . . де подивалыся»?

Далѣе, вспоминаетъ онъ почившихъ «ратаивъ», что

«Сіялы зерно воны, не жаліючы»

и, выразивъ надежду на появленіе новыхъ «сіячивъ», призываетъ благословеніе Божіе на трудъ послѣднихъ, а первымъ желаетъ получить «домовыноньку чесну, шановну» и проситъ у Неба «на вичную ниченьку сну имъ спокійного».

Интересно и небольшое стихотвореніе «Въ риднимъ краю» (стр. 261), въ которомъ рисуется обычная, такъ сказать, будничная картина родного края, его села, занятаго жестокой и упорной борьбой за существованіе.

«Сире небо, сири люде,
Навить сири и хаты...
И верба, мовъ свитомъ нуде,
Нахылылась до воды.
Пидъ горою по дорози
Визъ немазаный повзе:
До млына мишкы на вози
Сонный парубокъ везе.
И рыпыть той визъ скрыпучый,
Слухъ нещадно мій дере...
О, нашъ край, нашъ край сливучый,
Въ ёму писня не умре»!..

Передать содержаніе всей книжки трудно, въ виду большого его разнообразія; но и по изложенному выше можно судить объ ея интересѣ и содержательности. Всѣ находящіяся въ ней поэтическія произведенія отличаются свойственной г. Чернявскому красотою и тщательной отдѣлкой формы, звучностью и музыкальностью, дѣлающими чтеніе ихъ легкими и увлекательными. Встрѣчаются очень часто удачныя сравненія, дѣлаемыя авторомъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ стихотвореній. Таковы, напримѣръ, сопоставленія состоянія природы осенью съ предсмертными часами тяжко больного („Осинь“, стр. 19—20)—или—забытаго, гнилого, заросшаго густою травою пруда, надъ которымъ наклонилась верба,—съ жизнью, гдѣ все «злылося, сплелось безъ пуття» („Ставъ“, стр. 233). Оригинально сравненіе степныхъ будяковъ съ княжескими дружинами:

«.....будякы, въ колючій зброи стрилъ,
Стоять, немовъ грызни князивъ дружыны»
(«Степовый ранокъ», стр. 10).

Языкъ—чистый, изящный; мѣстами только попадаются чисто русскія слова, несвойственныя украинской литературной рѣчи. Впрочемъ, такого рода вольности въ настоящемъ сборникѣ «Зори» встрѣчаются въ гораздо меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ книгѣ того же г. Чернявскаго „Писни кохання“, первомъ его печатномъ сборникѣ, вышедшемъ въ Бахмутѣ въ 1895 году. Сопоставленіе перваго со вторымъ напраши-

вается какъ-то само собою и дѣлается необходимымъ въ виду того, что послѣдній былъ встрѣченъ нѣкоторыми читателями не совсѣмъ-то радушно. Одинъ изъ рецензентовъ уже несуществующаго журнала «По морю и сушѣ» (выходилъ еженедѣльно въ Одессѣ) подвергъ книгу самому тщательному разбору и, отмѣтивъ выдающееся дарованіе и незаурядный талантъ поэта, упрекалъ его за то, что тотъ сосредоточилъ свое вниманіе исключительно на себѣ самомъ, на своемъ „коханни", все же прочее выключилъ изъ сферы своихъ интересовъ. Подобный упрекъ рѣшительно не примѣнимъ теперь къ г. Чернявскому, такъ какъ въ разсматриваемой книжкѣ, какъ и выше было замѣчено, содержаніе очень разнообразно и свидѣтельствуетъ о томъ, что поэтъ сочувственно отзывается на всѣ явленія и запросы жизни и на первый планъ выдвигаетъ высокіе идеалы любви и правды. Сравненіе названныхъ двухъ сборниковъ краснорѣчиво говоритъ намъ о томъ прогрессѣ, какой обнаруживается въ развитіи поэтическаго творчества ихъ составителя. Отъ души желаемъ, чтобы онъ не ослабѣвалъ въ своей дѣятельности и не переставалъ обогащать своими произведеніями нашу родную литературу.

В. Степовый.

Еще нѣсколько словъ о сборникѣ „Дубове лысте" [1]).

Мы вполнѣ согласны съ г. Мировцемъ, что сборникъ «Дубове Лысте», какъ своею внѣшностью, такъ и содержаніемъ «красной литературы» производитъ очень выгодное впечатлѣніе. Безъ сомнѣнія, сборникъ этотъ представляетъ собою одно изъ болѣе свѣтлыхъ и симпатичныхъ явленій родной литературы послѣдняго времени, а потому обратитъ на себя всеобщее вниманіе и получитъ широкое распростра-

---

[1]) Въ № 5-мъ за текущій годъ у насъ былъ помѣщенъ отзывъ г. Мировця объ альманахѣ „Дубове лыстя"; въ этомъ отзывѣ, главнымъ образомъ, было обращено вниманіе на основную часть альманаха—беллетристику и поэзію. Теперь мы получили замѣтку г. С. Ше-хина, разсматривающаго исключительно вводную статью къ альманаху г. Б. Гринченка „До чытачивъ". Авторъ замѣтки, почти не касаясь содержанія этой вводной статьи, останавливается на ея стилѣ, подробно отмѣчая тѣ выраженія, которыя, по его мнѣнію, оказываются неудачными и придаютъ научно-философской украинской рѣчи нежелательный отпечатокъ. Хотя мы не вездѣ согласны съ авторомъ замѣтокъ по поводу его упрековъ, носящихъ иногда характеръ мелкой придирчивости, но, ввиду важности вопроса объ украинской стилистикѣ, требующей

неніе. Но несомнѣнно также, что всѣ хулители и гонители малорусскаго языка, настаивающіе на его непригодности къ изложенію на немъ всякаго рода «поважно-науковыхъ росправъ», изъ 10 страницъ статьи „до чытачивъ“ почерпнутъ обильный матеріалъ для того, чтобы еще разъ бросить грязнымъ комомъ недоброжелательства въ ни въ чемъ неповинный малорусскій языкъ и, поставивъ промахи автора въ счетъ самаго языка, еще разъ попытаться указать на его непригодность къ разработкѣ на немъ публицистическихъ, біографическихъ, научныхъ и т. п. темъ.

Правда, путемъ такихъ пріемовъ можно доказать „никчемнисть“ какого угодно, даже самаго развитого и испытаннаго языка, но въ особенности эти пріемы всегда практикуются по отношенію къ малорусскому языку. Это фактъ настолько общеизвѣстный, что авторы малорусскихъ произведеній, особенно такіе опытные, какъ г. Гринченко, должны бы ни на минуту не забывать его и избѣгать всякаго повода, могущаго стать въ рукахъ безразборчиваго противника какимъ ни на есть, а все таки орудіемъ, аргументомъ. Нельзя же не помнить, что эти противники, прикрываясь дутымъ авторитетомъ всезнайства и честности мнимо ученаго, все-таки имѣютъ, да еще и не малую, аудиторію, черезъ которую сѣютъ заблужденіе.

Промахи замѣтки „до чытачивъ“, составленной однимъ изъ редакторовъ сборника г. Гринченкомъ, тѣмъ досаднѣе, что виновникомъ ихъ является редакторъ. Не будь послѣдняго обстоятельства, мы сочли бы ихъ за результатъ неудачной попытки автора взяться за изложеніе на малорусскомъ языкѣ такихъ предметовъ, о которыхъ другіе пишутъ превосходно, а онъ еще только начинаетъ учиться. Но это написалъ г. Гринченко, имя котораго уже извѣстно въ малорусской ли-

---

очень многихъ коррективовъ, только и возможныхъ при помощи серьезнаго научнаго разсмотрѣнія какъ общихъ положеній, такъ и частичныхъ случаевъ, мы помѣщаемъ замѣтку г. С. Ше-хина, заявляя, что и впредь страницы нашего журнала будутъ всегда открыты для спокойнаго и беззлобнаго обсужденія всѣмъ намъ дорогого вопроса. Только что мы сказали, что не во всѣхъ случаяхъ мы согласны съ авторомъ замѣтки, но помѣщаемъ всѣ его замѣчанія безъ пропусковъ и оговорокъ, такъ какъ надѣемся, что прежде всего авторъ разбираемой статьи, г. Б. Гринченко, пожелаетъ первымъ дать отвѣтъ на эти замѣчанія; мы же оставляемъ за собой право сказать впослѣдствіи и наше мнѣніе по этому вопросу.

Ред.

тературѣ, да еще и редакторъ сборника. Что же это за языкъ и на что онъ пригоденъ, скажутъ многіе, если даже извѣстный писатель и редакторъ такъ пишетъ на немъ!

Начнемъ съ первой строчки.

«Выдаючы сей альманахъ на згадку про *славетного* (?) діяча»... (стр. 5). Почему „славетного“, а не «славного»? «Славетный»—отъ слова славить, прославлять, а «славный»—отъ слова «слава». «Славный діячъ»—это тотъ, который пользуется славой, извѣстностью, а «славетный діячъ»—это тотъ, который прославилъ кого-либо, которымъ прославились. Въ данномъ случаѣ, по содержанію періода, надо было написать «славный».

«Не вси ще Кулишевы творы *повыдруковувано»* (?)... (стр. 5). Надо сказать «надруковано», а не „повыдруковувано“, т. к. полнаго изданія сочиненій Кулиша пока не было и никто пока не занимался собираніемъ и изданіемъ всего написаннаго Кулишемъ.

.....«Найголовнійши рысы його діяльносты выявылыся вже добре и можна йихъ *позначыты»* (?)... (стр 5). Надо было сказать «зазначыты»—отмѣтить, а не «позначыты»—положить клеймо, заклеймить. Пожалуй, можно было бы и «позначыты», но послѣ того, какъ ихъ кто-либо «зазначывъ»—это обозначило бы status послѣ извѣстной отмѣтки, знака—т. е. «по знаку», отсюда и «позначыты».

...«Семья встыгла вже *перекынутысь* (?) на полупанкивъ». Авторъ, очевидно, хотѣлъ сказать «превратиться въ полупанковъ». Но, по-малорусски это будетъ не «перекынутысь», а «перевернутыся въ полупанкивъ», отсюда и слово «*перевертень*». Можно сказать также «обернутыся въ...», но не «перекынутысь»—«опрокинуться».

«*Оприче* вкраинського»—слѣдуетъ «оприч украинського». Вѣдь это не поэзія, гдѣ позволительны иногда почти беззаконныя вольности.

Сказавъ о томъ, что Кулишъ, кромѣ малорусской «мовы», въ дѣтствѣ иной и не зналъ, авторъ продолжаетъ: «ся... ричъ... *перешкоджала йому въ науци* въ повитовій школи». Надо бы сказать: «шкодыла йому».. или «перешкоджала його науци (ученью) въ повитовій школи» (стр. 5).

Тамъ же мы читаемъ: «зробывся першымъ (чымъ?) у класи»—гдѣ же существительное?

«Пани Мужыловська, сусида Кулишивъ и *богыня мрій* (sic!) маленького хлопця». Мы не понимаемъ, и другіе, кого спраши-

вали, не понимаютъ, почему «богыня мрій» и какихъ «мрій»? Это для «маленького хлопця», да еще выросшаго въ патріархальной обстановкѣ, и психологически невѣрно. А вмѣстѣ съ тѣмъ г-жа Мужиловская была въ семьѣ Кулишей столь вліятельной особой, что къ ней прислушивался и старикъ Кулишъ, ибо она *«обстояла»* (?), чтобы мальчика опредѣлили въ гимназію. Почему же «обстояла»?—защитила? Отъ кого защитила? Мужиловская убѣдила старика отдать сына въ гимназію и настояла на этомъ, но настаивать—«настоюваты, намагатыся», а убѣждать—„переконаты, упевняты, доводыты" и т. д., смотря по тому, какой характеръ или оттѣнокъ желательно придать этому выраженію мысли.

На стр. 6-й мы читаемъ: «зъ колысь *чутого* (?) оповидання своеи матери напысавъ»...—это совсѣмъ не по-малорусски. Надо было бы сказать: «зъ того оповидання, що колысь чувъ одъ своеи матери»...

.....«Не мигъ винъ *зробыты* (?) алгебраичного *завдання»* (?)—это невозможный подборъ словъ и опять неудачный переводъ съ русскаго, на которомъ авторъ, очевидно, мыслилъ, когда писалъ и переводилъ. По-русски, дѣйствительно, вмѣсто «рѣшилъ», говорятъ неправильно «сдѣлалъ алгебраическую задачу». Но рѣшить по-малорусски будетъ «розъязаты» или, какъ говорятъ въ полтавской губ. «ришыты», а задача такъ и будетъ «задача». «Завдання»—это отглагольное существительное отъ слова «за-в-даваты». Можно «завдаты» тѣсто, чтобы кисло и всходило—создалось броженіе; «завдаты» кулакомъ «въ ухо»; «завдаты» мячъ при игрѣ «въ гылкы» и т. д., но къ алгебраическимъ комбинаціямъ это слово не приложимо. «Задаваты—задача—задання», какъ „вдача" и «вдання». Говорятъ—«така його *вдача*», «алгебраична *задача*».

На стр. 6-й сказано: «...половыну литературнои діяльносты Кулишевои»—надо «Кулишевои литературнои діяльносты».

Дальше мы читаемъ: «У гимназіи винъ до кинця курсу *не добувъ*»...—такъ нельзя сказать. Если существуетъ обязательство или обязанность „буты", тогда говорятъ, напр., «робитныкъ не добувъ сроку» и т. д., а объ ученикахъ и школѣ можно сказать: „до кинця курсу не дійшовъ" или «не довчывся».

«*Бувшы ще Кулишъ* въ университети»...—оборотъ, который можно употребить только развѣ вслѣдствіе lapsus linguae. Это не малорусскій періодъ рѣчи. Вотъ въ предисловіи къ «Байкамъ Глибова»

(изд. 1895 г.) Б. Г. написалъ такой же періодъ совершенно правильно: «Ще бувшы малымъ хлопцемъ, почавъ Глибовъ складаты вирши, и якъ бувъ винъ у гимназіи»... Это правильно.

На этой же 6-й стр. читаемъ: «...Кулишъ... *зазнайомывся* (?) зъ проф. М. Максымовычемъ», а 14 строкъ ниже находимъ: «Винъ *познайомывся* зъ Костомаровымъ, зъ Шевченкомъ»... Какая разница въ характерѣ знакомствъ и почему съ Максимовичемъ «зазнайомывся», а съ Шенченкомъ и Костомаровымъ „познайомывся“?

Дальше сказано: „...вперше *выдруковано* (?) Кулишеву працю“. Почему „выдруковано“, а не „надруковано?“

Нельзя также сказать «*помишныкъ*» куратора, въ смыслѣ помощникъ. „Помишныкъ“ отъ слова „мишать“, а отъ слова «помичъ», „помогаты“—«помичныкъ». „Когда въ ироническомъ смыслѣ хотятъ выражаться о помощникѣ, то называютъ его „помишныкъ“, т. е. человѣкъ, который мѣшаетъ, а не помогаетъ. Въ такомъ смыслѣ мы много разъ слышали это выраженіе у малороссовъ полтавск. губ.—лубенскаго и золотоношскаго уѣздовъ.

На стр. 7-ой мы нашли уже нѣчто невѣроятное: «Кулишъ тымъ часомъ захопывся украинськымъ мынулымъ:... криваву *эпопею* (sic) народньои боротьбы за волю *вывчае* (sic) вінъ *по* (?) кныгахъ, та старыхъ документахъ, *по* (?) раскопаныхъ *мертвыхъ могылахъ* (?!) та *по* (?) жывыхъ поэтычныхъ переказахъ и писняхъ ридного села. На його повіяло духомъ старого героизму вкраинськои історіи и *постала* (?) въ його думка сотворыты... вкраинську Иліяду“.

Этотъ періодъ лучше всего иллюстрируетъ наше утвержденіе, что авторъ мыслилъ русской литературной рѣчью и переводилъ ее на малорусскую, но очень и очень неудачно. Авторъ думалъ такъ: «Кровавую эпоху народной борьбы за свободу изучаетъ (или изслѣдуетъ) онъ по книгамъ и старымъ документамъ, по раскопаннымъ мертвымъ могиламъ и по живымъ поэтическимъ сказаніямъ и пѣснямъ родного села. На него повѣяло духомъ стараго героизма украинской исторіи и у него родилась (возникла) мысль создать... украинскую Иліяду“.

Замѣна слова „эпоха“ словомъ „эпопея“ совершенно невозможна, такъ какъ слова эти заключаютъ въ себѣ разныя понятія. „Вывчыты“ можно кого, что, изъ чего. „Вывчывъ граматку“; „вывчывъ хлопця“; «вывчывъ молытву зъ кныжкы». Но «вывчыть эпопею по мертвыхъ могылахъ»—это невозможный наборъ словъ. Изучать, изслѣдовать—по-малорусски—*дослидджуваmи*, *стежыmы*, *студіюваmы*, *вызнаваmы*.

Надо было бы сказать ,напр., такъ: «Криваву эпоху народньои боротьбы за волю студіюе (выстежуе, дослиджуе, пизнае) винъ *зъ* кныгъ та старыхъ документивъ... зъ жывыхъ... переказивъ и писень ридного села. На його повіяло духомъ старого героизму вкраинськои исторіи и въ його склалася (народылася, выныкла) думка сотворыты... украинську Иліяду».

На стр. 8-ой мы находимъ: „...одружывся... зъ давно знаною (?) сестрою свого...“ Съ «знайомою» надо, или «видомою», но только не „знаною“.

А дальше сказано: «...выйихалы до Варшавы, щобъ извидты простувати (?) за кордонъ». Почему же не „вырядытыся“, „пойихаты“, „рушыты за кордонъ“, а „простуваты“? Выраженіе для даннаго случая неумѣстное.

«А тымъ часомъ *выкрыто* (?) вже було ...братерство, (и ?) Костомарова, Шевченка... позабирано». Очевидно авторъ хотѣлъ сказать—обнаружено, открыто, раскрыто, а сказалъ наоборотъ—„выкрыто“, т. е. совершенно закрыто, скрыто. По-малорусски надо было сказать *видкрыто*, *выявлено*...

Далѣе читаемъ: „...Кулишъ видбувъ кару въ фортеци... а потимъ заслано його до Тулы, заборонывшы (?) служыты... й пысаты“. Построеніе и согласованіе невозможное и синтаксически невѣрное. Надо было написать „заслано його до Тулы и заборонено служыты“.. или какъ говорятъ въ Полтавщинѣ: „заслано... зъ забороною служыты“...

На стр. 8-ой читаемъ: «Одна по одній *выявляються* (?) його кныгы». А гдѣ же и у кого онѣ были спрятаны или скрыты, что имъ пришлось „выявлятысь“, т. е. обнаруживаться? Надо было бы написать: «Одна за другою выходять його кныгы».

Тамъ же сказано: «...выдруковано (?) й дви перлыны нашого пысьменства красного», вмѣсто: «надруковано й дви перлыны нашого красного пысьменства».

«Выдруковано», вм. «надруковано», «духовнои», вм. «духовои», «рахуваты», вм. „сподиватысь“ или „уповаты“, „завсигды“ вмѣсто „завжды“ и т. д.—эти замѣны словъ попадаются на каждомъ шагу и дѣлаютъ рѣчь непонятной.

Въ примѣч. на стр. 8 сказано: „вона (кулишивка) теперъ ужываеться... по всихъ народныхъ школахъ, *въ* украинськыхъ гимназіяхъ и *на* вкраинськыхъ катедрахъ *на* (?) университетахъ“. Въ дѣйствительности малорусскій языкъ имѣетъ право гражданства на нѣкото-

рыхъ каѳедрахъ *въ* Львовскомъ и Черновецкомъ университетахъ, но *«въ»*, а не *«на»*.

О проповѣдяхъ Гречулевича на стр. 9 сказано, что Кулишъ ихъ «выдрукувавъ» (вм. надруковавъ) *«поперероблявшы»*. А кто же ихъ «перероблявъ», если Кулишу пришлось ихъ «попереробляты» и развѣ ихъ кто-либо до Кулиша «перероблявъ»?

Тамъ же читаемъ: «Добре проредактувавшы (вм. проредагувавшы) й выдрукувавшы (вм. надруковавшы) зъ своею *хвальною* (?) передмовою»... «Хвальный» значитъ хвастливый. «Докы хвалько нахвалытся—будько набудется». Надо сказать «хвалебного», «ухвальнего», но не «хвальнего».

Далѣе мы находимъ такой перiодъ: «Сю гарну збирку зъ творивъ своихъ и кращыхъ тодишныхъ пысьменныкивъ *появывъ р. 1860* и тоди жъ выдае у 4 томахъ свои»... Гдѣ подлежащее? Р.—рикъ? Вѣроятно «р.»—«року» и надо сообразить, что подлежащимъ будетъ «винъ», т. е. Кулишъ.

А ниже читаемъ: «...повстававъ проты *городянськои* (?) цивилизацiи панськои»... Отъ «городъ» прилагательное будетъ «городськый», а отъ «городянка»—«городянськый». Слѣдовательно, надо сказать «проты городськои цивилизацiи».

На стр. 10 читаемъ: «*...здолавъ* прегарною... мовою выкладаты ричъ». «*Здолавъ*» здѣсь неумѣстно, т. к. ничего Кулишу тутъ превозмогать (здолаты) не приходилось. Авторъ самъ же говоритъ, что малорусскiй языкъ для Кулиша былъ роднымъ и никакихъ трудностей не представлялъ. Слѣдовало сказать не «здолавъ», а «умивъ», «зумивъ».

Точно также немного ниже неумѣстно употреблено слово „заклыкъ“ вм. „поклыкъ“ (см. и на стр. 13).

Въ концѣ 10 стр. мы находимъ: «... що „Основа“ писля 22 кн. *не стала* выходыты, т. е не пожелала, отказалась выходить!

Этими неправильностями рѣчи далеко не исчерпываются погрѣшности автора противъ лексикона, синтаксиса и духа малорусскаго языка, но и указаннаго на пять листиковъ замѣтки „до чытачивъ“ черезчуръ много. Вообще, вся замѣтка написана языкомъ, который рѣжетъ нашъ слухъ, прiученный съ дѣтства къ чистой малорусской разговорной и литературной рѣчи. Кулишъ, въ память о которомъ изданъ сборникъ „Дубове лысте“, не похвалилъ бы г. Гринченка за

такую замѣтку. Очевидно, авторъ питаетъ большое пристрастіе ко всякаго рода новшествамъ, заковыристымъ словечкамъ и приставкамъ.

Малорусскій языкъ представляетъ изъ себя богатую сокровищницу народнаго духа. Надо только владѣть дорогой къ ней и умѣть пользоваться ею. Такъ и дѣлалъ Кулишъ, владѣвшій родной рѣчью въ совершенствѣ. Онъ не нуждался въ томъ, чтобы превратиться въ кузнеца словъ, такъ какъ каждое слово у него просто выливалось для выраженія понятія. Но для этого Кулишъ не зарывалъ таланта, даннаго Богомъ, не игнорировалъ первоисточника—народной рѣчи, а изучалъ, работалъ надъ нею, собиралъ и снова изучалъ. Трудъ не легкій, но плодотворный. И мы не знаемъ ни одного человѣка, который не преклонялся бы передъ удивительнымъ умѣньемъ Кулиша владѣть родною рѣчью.

Къ сожалѣнію, многіе малорусскіе писатели уклоняются отъ указаннаго, единственно правильнаго, пути развитія родной литературной рѣчи, а предпочитаютъ для себя болѣе легкій трудъ. Они, если не знаютъ слова для выраженія того или иного понятія, не обращаются къ живому первоисточнику, а принимаются за собственную выковку слова и куютъ, какъ придется, какъ случится. Такихъ ковалей развелось достаточно, и они принесли своей работой огромный вредъ. Не говоря уже о страшномъ диссонансѣ, внесенномъ ими въ гармоничную родную рѣчь, эти ковали многихъ отвернули отъ малорусской литературы и дали въ руки недоброжелателей обильный матеріалъ для отрицанія и даже для насмѣшекъ. „Недотепнисть“ авторовъ стала синонимомъ непригодности языка. Синтаксиса родной рѣчи также авторы совсѣмъ не признаютъ.

Невольно, съ горечью вспоминаешь предсказаніе Шевченка:

«Неслы, неслы съ чужого поля
И въ Украину прынеслы
Велыкыхъ словъ велыку сылу...
. . . .
Якъ бы вы вчылысь такъ, якъ треба,
То й мудристь бы була своя;...
. . . .
...Колысь будемъ
И по своему глаголать,
Якъ нимець покаже,
. . . .

Добре заходылысь
По нимецькому показу,
Та й заговорылы
Такъ, що й нимець не второпа.
Учытель велыкый,
А не то, щобъ прости люде!»

Дѣйствительно, многія писанія не только не понятны народу, но даже разохочиваютъ его къ чтенію книги на родномъ языкѣ. Какъ ни грустно сознаться въ этомъ, но факта отрицать нельзя.

Чистотѣ языка мы придаемъ особое значеніе не только изъ любви къ родной рѣчи, но изъ желанія ей высокаго развитія и пріобрѣтенія правъ.

Въ заключеніе позволимъ себѣ нѣсколько словъ по поводу перечня псевдонимовъ Кулиша (стр. 247). Въ перечнѣ псевдонимовъ пропущенъ «Иванъ Горза» (въ Основѣ), сказано «Н. Необачный», а надо „П. Необачный“, указанъ псевдонимъ „Гургурдядько“.

По поводу послѣдняго мы, со словъ доктора О. Д. Цысса, автора „Ятривкы“, „Сватання невзначай“ и сборника драмъ подъ заглавіемъ „Стародавня Украина“, позволимъ себѣ, съ его разрѣшенія, сообщить слѣдующее. Въ молодости О. Д. Цыссъ писалъ стихи (см. напр. его «вирши» въ «Народн. Календ. на 1865 р.», Львивъ). Поступивъ въ Кіевскій университетъ, онъ вскорѣ написалъ поэму «Могыльни сходыны» и отправилъ ее для печатанія въ Галицію. Первая часть поэмы была напечатана въ 1 кн. «Меты» за 1863 г, и эту книгу г. Цыссъ получилъ, а дальше «Мета» не была допущена въ Россію. По поводу содержанія первой книжки «Меты» журналъ, издававшійся при Кіевской духовной академіи, въ февралѣ или мартѣ 1863 года, помѣстилъ замѣтку, въ которой авторъ угадывалъ, кому изъ украинцевъ какая статья «Меты» принадлежитъ и сдѣлалъ на нихъ литературный доносъ. О сотрудничествѣ въ «Метѣ» украинцевъ и содержаніи ихъ статей онъ писалъ, что это casus belli между Австріей и Россіей, а потому настаивалъ на принятіи строгихъ мѣръ относительно авторовъ, а Гургурдядька, какъ знакомаго молодого человѣка, приглашалъ въ редакцію для личныхъ назиданій. Такъ О. Д. Цыссъ и не видѣлъ окончанія своей поэмы, которая, какъ ему писали, засимъ была окончена печатаніемъ въ 4 книжкѣ „Меты“.

Такимъ образомъ, Гургурдядько—это псевдонимъ О. Д. Цысса, а не П. О. Кулиша.

С. Ше-хинъ.

№ 27. Левицькый М. За коліивщыны. Оповидання. Ц. 5 коп. № 28 Н. Гринченко Буря на мори. Ц. 7 к., № 29. П Мырный. Лыхый попутавъ. Оповидання. Ц. 5 к., № 30. И. Левицькый. Рыбалка Панасъ Круть. Ц. 5 к. *Кыивъ, 1903 р.*

Среди многихъ условій, стѣсняющихъ развитіе украинской литературы, въ особенности приходится сожалѣть о невозможности печатать на украинскомъ языкѣ всякаго рода научныхъ произведеній. Благодаря этому, украинская литература лишилась въ весьма значительной степени того практическаго значенія, какое она могла бы имѣть по своему существу въ жизни простого народа. Большинство нашихъ народныхъ изданій, даже въ лучшей своей части, по прочтеніи ихъ народомъ, не даетъ ему тѣхъ практическихъ знаній, которыя онъ смогъ-бы немедленно примѣнить въ своей жизни и благодаря которымъ смогъ-бы убѣдиться, что подобныя книжки пишутъ не для забавы праздные люди, а настоящіе друзья народа.

Отрадное исключеніе изъ общаго правила составляютъ нѣсколько книжекъ спеціальнаго характера въ родѣ брошюръ Чикаленка, Немоловскаго,—по предметамъ сельскаго хозяйства или—М. Левицкаго, Коваленка—по медицинѣ. Очевидно жизнь не всегда согласуется съ писанными законами и можно думать, что существенный успѣхъ именно этихъ послѣднихъ брошюръ обезоружитъ въ будущемъ даже самыхъ закоренѣлыхъ враговъ народнаго языка и книжки, а пока что приходится отмѣчать только тѣ явленія въ нашей народной литературѣ, которыя хоть отчасти приближаются къ своей задачѣ—возможному всестороннему развитію украинскаго народа.

Такія мысли невольно приходятъ въ голову при взглядѣ на лежащія предъ нами брошюры.

Всѣ они по существу прекрасны, и каждая изъ нихъ смѣло можетъ быть рекомендована для чтенія простому народу, для котораго это чтеніе не пройдетъ безъ пользы, но при этомъ приходится еще разъ пожалѣть о томъ, что издатели принуждены кормить голод-

ный народъ, такъ сказать, сладкими пирожками, а не питательнымъ хлѣбомъ.

Однако обратимся къ книжкамъ.

Въ разсказѣ «За коліивщыны» М. Левицкій въ формѣ занимательнаго разсказа знакомитъ читателя со всею исторіею гайдамацкаго движенія. Къ достоинствамъ разсказа нужно отнести вѣрную характеристику главныхъ событій и дѣятелей этой эпохи; различіе сословныхъ интересовъ, жестокость нравовъ, обиліе кровавыхъ эпизодовъ и пожаровъ также удачно иллюстрированы г. Левицкимъ.

Другія двѣ брошюрки, принадлежащія перу нашихъ маститыхъ писателей, П. Мырнаго и И. Левицкаго, рисуютъ уже современную жизнь нашего народа.

П. Мырный въ разсказѣ «Лыхый попутавъ» передаетъ несчастнымъ романъ убогой крестьянской дѣвушки, попавшей на службу въ городъ и не сумѣвшей устоять противъ ухаживаній городскихъ донжуановъ. Попутно авторъ замѣчательно правдиво передаетъ психологію молодой несчастной женщины и рисуетъ экономическое положеніе деревни.

Разсказъ И. Левицкаго въ иномъ родѣ. Отраднаго и тутъ немного, но поэтическая обстановка мѣста дѣйствія, эпическій тонъ разсказа отчасти смягчаетъ то тяжелое настроеніе, которое должна бы вызвать въ читателѣ исторія стараго неудачника рыбалки Панаса Крутя.

По языку оба эти разсказа не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Съ особымъ удовольствіемъ мы останавливаемся на небольшомъ сборникѣ разсказовъ для дѣтей въ книжкѣ г. Н. Гринченка подъ заглавіемъ «Буря на мори».

Умѣлый выборъ произведеній изъ различныхъ иностранныхъ авторовъ и прекрасный языкъ перевода дѣлаютъ честь молодой писательницѣ. Въ особенности хорошъ первый разсказецъ—Буря на мори,—рисующій великую душу малаго ребенка. Юный читатель найдетъ въ этой книжкѣ свѣдѣнія о жизни людей и животныхъ въ другихъ странахъ (Середъ снигивъ), увидитъ примѣры прекрасныхъ отношеній дѣтей къ родителямъ (Машыныстивъ сынъ), людей вообще—къ исполненію долга (Старчыха), поучится товарищескимъ отношеніямъ къ своимъ сверстникамъ («Ворожиння»)—и все это въ самой доступной формѣ, безъ всякой примѣси дидактическаго тона. Безъ сомнѣнія эта книжка будетъ прочтена дѣтьми съ интересомъ и пользой и вполнѣ заслужи-

ваетъ того, чтобы быть отмѣченной среди нашей небогатой дѣтскими книгами литературы.

Говоря о внѣшней сторонѣ книжекъ, нельзя не указать на опрятность и дешевизну изданія. Въ разсказѣ „Лыхый попутавъ" приходится отмѣтить мелкую, сравнительно, для простолюдина, печать.

Возвращаясь къ началу, мы не можемъ не пожелать, что-бы кѣмъ-нибудь, хотя бы напр., отъ имени Петербургскаго благотворительнаго общества, было возбуждено въ надлежащемъ порядкѣ ходатайство о разрѣшеніи издавать для Украины книги научно-популярнаго характера на родномъ языкѣ и о допущеніи подобныхъ книгъ въ народныя читальни и библіотеки.

М. Павловскій.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы текущаго года: 1) Русскій Архивъ, № 6 и 7; 2) Русская Старина, № 6; 3) Историч. Вѣстн., № 4—6; 4) Всеміpн. Вѣстн., № 4; 5) Журн. Мин. Нар. Просв., № 6; 6) Научное Обозрѣніе, № 5; 7) Кіевск. Унив. Изв., № 5; 8) Учен. Зап. Казан. Унив., № 4—6; 9) Варш. Унив. Изв., № 3; 10) Записки Харьк. Унив., № 2 и 3; 11) Труды Кіев. Дух. Акад., № 5 и 6; 12) Археологич. Лѣтоп. Южн. Россіи, № 2; 13) Вѣстн. Евр., № 5 и 6; 14) Русск. Вѣстн. № 6; 15) Міръ Божій, № 6; 16) Русская Мысль, № 5 и 6; 17) Русское Богатство, № 5; 18) Книжки восхода, № 5; 19) Земскій Сборн. черниг. губ., № 5; 20) Литер.-Науков. Вистн., № 6 и 7.

Русскій Архивъ № 6 и 7.

А. А. Титовъ. Черное малороссійское духовенство былого времени (№ 6, стр. 145—166). Статья эта составлена по превосходной книгѣ А. С. Лебедева «Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности». Здѣсь выбраны наиболѣе характерныя картинки изъ жизни и дѣятельности Бѣлгородскихъ владыкъ съ конца 17 вѣка и до начала 19-го. Картинки эти даютъ поразительные факты грубыхъ и далеко не нравственныхъ поступковъ многихъ владыкъ Бѣлгородской епархіи.

Историческій Вѣстникъ, № 4—6.

Т. А. Мартемьяновъ. Общества нетрезвости на Руси. (№ 4, стр. 201—213). Въ этой статѣ, отмѣчающей разновременно возникавшіе въ Россіи кружки усиленнаго пьянства, начиная съ конца 17-го в. и до 40-хъ годовъ 19-го, идетъ рѣчь объ извѣстномъ въ Малороссіи въ 40-хъ годахъ „обществѣ мочемордія", въ которомъ нѣсколько времени вращался и поэтъ Т. Г. Шевченко. Ничего новаго объ этомъ обществѣ въ статьѣ г. Мартемьянова не сообщено.

Въ отдѣлѣ *критики и библіографіи* помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ: 1) Археологическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверо-западной Руси, издаваемый при управленіи Виленскаго учебнаго округа. Т. 13-й. Стат. В. Грибовскаго. (№ 4, стр. 318—320); 2) Д. И. Абрамовичъ. Изслѣдованіе о Кіево-печерскомъ Патерикѣ, какъ историко-литературномъ памятникѣ (№ 4, стр. 322—323); 3) Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ. Очерки народнаго быта. Стат. Серг. фонъ-Штейна (№ 4, стр. 352—353); 4) И. Ф. Павловскій. Полтава въ началѣ 19 вѣка. Очерки по архивнымъ даннымъ. Вып. 1-й (№ 4, стр. 353—354); 5) М. А. Стельмашенко. Политическая дѣятельность Петра Скарги. Историческое изслѣдованіе Стат. Н. Фалѣева (№ 5, стр. 714—715).

Въ отдѣлѣ *«Смѣсь»* помѣщена маленькая замѣтка „Кіевскій музей древностей", въ которой говорится о дарѣ музею Императорской археологической коммиссіи многихъ предметовъ изъ раскопокъ гр. А. А. Бобринскаго и В. Е. Гезе (№ 6, стр. 1152).

Всемірный Вѣстникъ, № 4.

В. В. Святловскій.—Очерки по экономической исторіи древней Руси (стр. 102—131, продолженіе).—Въ настоящей главѣ своего изслѣдованія авторъ намѣчаетъ этапные пункты внѣшней исторіи Черноморскаго побережья, дѣля ее на три эпохи: на финикійскую, греческую и италіанскую. Начало первой эпохи авторъ относитъ къ X в. до Р. Х., когда на побережьи Чернаго моря появились піонеры древней культуры, финикіяне, и положили начало торговыхъ сношеній съ туземцами. Ко времени расцвѣта эллинской культуры греки вытѣсняютъ отсюда финикіянъ и надолго устраиваются на новыхъ мѣстахъ. Изъ смѣшенія грековъ съ прибрежнымъ туземнымъ населеніемъ образуются интереснѣйшія государства такъ называемаго Босфора Киммерійскаго.

Паденіе восточной римской имперіи и броженіе, возникшее въ началѣ среднихъ вѣковъ на востокѣ, смели съ лица земли эти государства, миніатюрные культурные мірки эллинистическаго характера. Черноморскимъ побережьемъ завладѣли итальянцы, пока ихъ, въ свою очередь, не изгнали монголы, отъ которыхъ, наконецъ, Россія получила въ свое владѣніе это историческое побережье. Одновременно съ этой смѣной народовъ измѣнялось и туземное ядро населенія. Но авторъ не беретъ на себя задачи установленія и опредѣленія національности народностей, сталкивавшихся на томъ побережьи, бывшемъ очагомъ культуры, которая не могла не распространять своего вліянія далеко вокругъ на сосѣдніе народы; онъ ограничивается лишь простымъ констатированіемъ факта, что славянское населеніе края познакомилось съ высшей культурой еще задолго до заключенія договора первыхъ князей и появленія о томъ первыхъ оффиціальныхъ данныхъ. Въ послѣдующемъ изложеніи авторъ говоритъ объ экономическомъ бытѣ, торговлѣ и главныхъ предметахъ торговаго обмѣна колоній.

Журналъ Минист. Нар. Просв., № 6.

И. Якубовскій.—Земскіе привилеи Великаго княжества Литовскаго. (Окончаніе, стр. 245–303).—Въ настоящей, второй части, своего солиднаго научнаго изслѣдованія авторъ посредствомъ тщательнаго критическаго разбора текстовъ областныхъ привилеевъ позднѣйшаго времени (XVI или конца XV ст.), являющихся подтвержденіемъ прежнихъ, не дошедшихъ до насъ основныхъ грамотъ, пожалованныхъ областямъ въ концѣ XIV или въ XV ст., возсоздаетъ цѣлый рядъ потерянныхъ документовъ, выдѣляя позднѣйшія наслоенія и опредѣляя ихъ хронологическою послѣдовательностью. Такимъ образомъ, молодому ученому удалось изъ-подъ наросшей коры позднѣйшихъ наслоеній добыть первоначальное ядро въ цѣломъ рядѣ областныхъ привилеевъ, а именно: луцкой земли, дрогочинскаго и бѣльскаго повѣтовъ; жмудской, полоцкой, витебской, смоленской, кіевской и волынской земель. Въ приложеніяхъ къ изслѣдованію находимъ тексты привилеевъ.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» (стр. 477) напечатана замѣтка на VII т. «Жерел до историі Украіни-Руси», издаваемыхъ Археографічною комісиею Науков. Товар. ім. Шевченка подъ редакціей проф. Грушевскаго.

Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 5.

А. Грушевскій.—Пинскіе акты XV—XVI вв. Приложеніе къ сочин. «Очерки исторіи Турова и Пинскаго княжества въ составѣ Литовско-Русскаго государства XIV—XVI вв.»; стр. 97—128.

Ученыя Записки Казанск. Университ. № 4, 5 и 6.

И. Смирновъ.—Очерки культурной исторіи южныхъ славянъ (№ 4, стр. 1—34; продолженіе). Настоящій очеркъ обширнаго изслѣдованія посвященъ ознакомленію съ однимъ изъ элементовъ первобытной славянской религіи съ анимистическимъ созерцаніемъ природы. Авторъ систематизируетъ и дополняетъ прежнія указанія о томъ, какъ первобытный славянинъ представлялъ себѣ свое *я* и различалъ его отъ внѣшняго міра, отъ не—*я*.

А. Архангельскій.—По поводу пятидесятилѣтія научной и литературной дѣятельности академика А. Н. Пыпина. (№ 4, стр. 41—48).—Замѣтка даетъ въ извлеченіи документальный матеріалъ изъ двухъ «дѣлъ», связанныхъ съ именемъ извѣстнаго ученаго и публициста, имѣющихся въ архивѣ казанскаго университета. Одно «дѣло» относится ко времени пребыванія А. Н. Пыпина студентомъ названнаго университета (1849—1850 г.); второе—къ эпизоду избранія его въ томъ-же университетѣ въ 1856 г. адъюнктомъ по каѳедрѣ исторіи русской литературы.

Труды Кіевск. Духовн. Академіи, № 5 и 6.

А. Войтковъ—Іовъ Базилевичъ, епископъ переяславскій и участіе его въ политической жизни польской Украины 1771—1776 г. (№ 5, стр. 79—102; № 6, стр. 320—332).—Изслѣдованіе представляетъ собою небольшой историко-біографическій очеркъ, въ первой части котораго авторъ даетъ общій обзоръ разсматриваемой эпохи съ избранной имъ спеціальной точки зрѣнія: сдѣлавъ нѣсколько общихъ замѣчаній о происхожденіи западно-русской церковной уніи и противодѣйствіи ей со стороны православнаго украинскаго населенія, авторъ приходитъ къ разсмотрѣнію диссидентскаго вопроса во время преосв. Іова; говоритъ о сеймѣ 1767—1768 г., Барской конференціи и гайдамацкомъ бунтѣ, о положеніи диссидентскаго вопроса послѣ перваго раздѣла Польши и участи русскаго правительства въ рѣшеніи его

Вторая глава посвящена личности преосв. Іова и его служебно-административной дѣятельности.

Д. Вишневскій. — Кіевская академія въ первой половинѣ XVIII ст. (№ 6, стр. 179—212; продолженіе). Въ настоящей главѣ авторъ говоритъ о задачѣ академическаго образованія и средствахъ выполненія ея; о наукахъ, преподававшихся въ академіи, преподавателяхъ и сохранившихся учебникахъ, библіотекѣ, внѣклассныхъ занятіяхъ учителей и, наконецъ, объ общемъ состояніи нравственно-воспитательнаго дѣла въ академіи.

Археологическая Лѣтопись Южной Россіи, № 2.

Въ настоящей книжкѣ названнаго журнала заслуживаютъ вниманія статьи: *А. Миллера* «Археологическія изысканія въ окрестностяхъ Таганрога», съ 3-мя таблицами (стр. 87—94); *Л. Падалки.* «Остатки старины на Нижнемъ Днѣпрѣ» (стр. 95—107) и замѣтка *Н. Бѣляшевскаго* «Икона, сооруженная гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ», съ одной таблицей (стр. 108—111).

Вѣстникъ Европы, № 5 и 6.

А. В. Романовичъ-Славатинскій „Моя жизнь и академическая дѣятельность“. Въ главѣ 10-й разсказывается о жизни и дѣятельности автора воспоминаній въ Кіевѣ, въ періодъ очень интересный— польское возстаніе, введеніе университетскаго устава 1863 года,—но нужно признаться, что разсказъ ведется очень отрывочно и бѣгло, благодаря чему чтеніе этой главы для человѣка, знающаго эти годы въ жизни Кіева и кіевскаго университета, совершенно не даетъ ничего рельефнаго, а для свидѣтеля всѣхъ этихъ моментовъ кажется слишкомъ неудовлетворительнымъ, такъ какъ при чтеніи вспоминается гораздо больше того, что даетъ авторъ. Есть тутъ характеристики многихъ лицъ, очень выдававшихся въ жизни Кіева (Иванишевъ, Авсѣенко, Драгомановъ, Кистяковскій); есть и упоминаніе о такомъ громкомъ въ свое время дѣлѣ, какъ дѣло о докторскомъ дипломѣ Шульгина,—но все это передано такъ блѣдно, что никакихъ впечатлѣній не получается. Въ главѣ 11-й останавливается вниманіе читателя больше всего на томъ, какъ университет. уставъ 1863 года началъ подвергаться колебаніямъ, благодаря министерству гр. Д. А. Толстого, несмотря на всѣ

тѣ хорошія стороны въ немъ, которыя любовно отмѣчаются авторомъ воспоминаній (№ 5-й, стр. 181—205). Въ послѣдней, 12-й, главѣ разсказано о коммиссіи для пересмотра университетскаго устава, о временныхъ правилахъ 1879 года, о студенческихъ волненіяхъ и университетскомъ судѣ (№ 6, стр. 499—508).

Народное образованіе въ земскихъ и неземскихъ губерніяхъ. М. Ц. (№ 6, стр. 750—763). Статья составлена на основаніи отчета попечителя кіевскаго учебнаго округа за 1901-й годъ. Здѣсь разсмотрѣны данныя о среднихъ и низшихъ школахъ, при чемъ наиболѣе интереснымъ является сопоставленіе данныхъ о народныхъ училищахъ въ губерніяхъ кіевской, подольской и волынской—съ одной стороны, и въ черниговской и полтавской—съ другой: въ первыхъ народное образованіе находится значительно въ худшихъ условіяхъ (почти въ четыре раза), чѣмъ во вторыхъ, что служитъ лучшимъ доказательствомъ важности значенія органовъ самоуправленія въ дѣлѣ культурнаго развитія страны.

Русскій Вѣстникъ, № 6.

Въ «Современной лѣтописи» помѣщена замѣтка подъ заглавіемъ «Усовершенствованный способъ отрезвленія и просвѣщенія народа». Здѣсь передается инцидентъ въ одной изъ кіевскихъ народныхъ чайныхъ попечительства о народной трезвости. Весь инцидентъ сводится къ тому, что мѣстный приходской священникъ, очевидно, хотѣлъ въ этой чайной играть первую роль, что ему въ началѣ и удалось, но затѣмъ почему-то главное руководство перешло въ другія руки, и вотъ возмущенный пастырь начинаетъ вести агитацію противъ развлеченій для народа въ видѣ спектаклей, концертовъ и танцовальныхъ вечеровъ, преимущественно почему-то нападая на малорусскіе спектакли. Кончилъ пастырь тѣмъ, что, при освященіи новаго зданія народной чайной, куда онъ былъ приглашенъ для совершенія чина освященія, онъ разразился рѣчью, въ которой кратко разсказалъ исторію своего разногласія съ другими дѣятелями чайной и съ осужденіемъ отнесся къ работѣ ихъ, говоря, что дома этого *нельзя сквернить непристойными зрѣлищами.* Въ какомъ тонѣ все это передано въ «Русскомъ Вѣстникѣ», догадаться не трудно, но кто присутствовалъ при произнесеніи этой рѣчи пастыря, тотъ посвидѣтельствуетъ, съ какимъ непріятнымъ и болѣзненнымъ чувствомъ была она принята всѣми, благодаря нетактичности оратора. (Стр. 733—736).

Міръ Божій № 6.

Н. Рожковъ.—Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Часть первая. Кіевская Русь (съ VI до конца XII в.). (Продолженіе стр. 53—75). Гл. 5. Церковь и духовенство. Въ этой главѣ авторъ подвергаетъ разсмотрѣнію вопросъ о церкви, какъ учрежденіи, и духовенствѣ, какъ общественной группѣ, о происхожденіи и организаціи этихъ учрежденій. Въ частности, при разсмотрѣніи этой организаціи, авторъ говоритъ объ отношеніи русской церкви къ византійской и о церковномъ управленіи. Отъ очерка внѣшняго устройства церкви авторъ переходитъ къ вопросу о церковномъ законодательствѣ и судѣ и, наконецъ, къ опредѣленію отношеній церкви къ государству. Глава шестая посвящена характеристикѣ духовной жизни общества древней Руси; въ ней трактуется объ этическихъ понятіяхъ, обычаяхъ, привычкахъ, взглядахъ на право, справедливость и взаимныхъ отношеніяхъ людей въ кіевскій періодъ исторіи.

Земскій Сборникъ Черниговской губ., № 5.

Н. Василенко.—Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ черниговскаго полка 1729—1730 гг.

Літературно-Науковый Вістник, № 6 и 7.

№ 6. Із поезій *Петра Корманського* (стр. 181—182). Із поезій *Олекси Коваленка* (стр. 182—183). Із поезій *Юл. Панкевича* (стр. 183—184). *Грыцько Грыгоренко.* Ніяк не вмре; оповідання (стр. 185—202). Два нариси *Марійки К.* 1) Без щастя; 2) Отсе житте (стр. 203—209). Із оповідань *Надії Кибальчич:* 1) На канікули; 2) Безсонна ніч, (стр. 210—217). Метелик. Фантазія *Л. Яновськоі* (стр. 218—222). Дрібні малюнки: 10) Plebs mobilis est. *М. Дерлиці*; 11) Перша вильгота. *Л. Левицького* (стр. 223—229). *Олива Шрайнер.*—Мріи и сни; перекл. Н Грінченко: 3) Серед райских садив; 4) Въ далекому сьвіті; 5) Три сни в пустині під мімозою (стр. 230—238). *Шарль Фолеі.* Вандейці; нариси, перекл. М. Грушевськоі; 3) Горожанка Каріє; 4) Сховок; 5) Криниця любови; 6) Молитва (стр. 239—252). *Остап Терлецький.* Галицько-руське письменство 1848—1865 р. (стр. 157—180). *С. Е—ов.* Наука нам. (стр. 181—189) *М. В.* Картка з історіі польско-литовсько-українських відносин (стр. 190—194). *Г. Кайзер.* Теорія електронів, перекл. д-ра В. Левицького (стр. 195—207). *П.*

Перекидько. По малярських виставах у Москві (стр. 208---212). Нерозуміне яко доказ. *Катрі Гриневичевоі* (стр. 213---214). Лист *д. Хоткевича* (стр. 214---218). Хроніка і библіографія (стр. 219---236).

—

№ 7. Із поезій *М. Старицького*: I---IV.---*Ів.Франко:* Із ціклю «Злоба дня»: О. Люнатикови.---*Я. Жарко:* Андрійко, оповідане.---*А. Чайківський:* Ні разу не вдарив, образок із судовоі салі.--- Пеня: Сердечна опіка, Згадка.---Знайда: Дебют, нарис.---*П. Барвинський:* Співачка Варка.—*Зельма Лагерлеф:* Скарбничка цісаревоі, легенда перек. *І. Франка.* –*Семен Земляк*: Савка Дудар, новеля, перек *Ів. Франко.*

О. Терлецький: Гал.-руське письменство 1848---1865 р. Уваги й спомини.---*Вільхівський:* Педагогічне крутійство.---Із чужих літератур: французські повісти Семена Земляка, *І. Франка.*---Дискусіі: VIII. З приводу уваг д. Ефремова, *І. Стешенка.* IX Право критики і симво лізм, *д-ра І. Копача*---Перший з'їзд российських фільольогів: I. Статя *проф. В. Ягіча* II. Доповнене, *В.*---Хроніка і бібліографія.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Украинскій журналъ на нѣмецкомъ языкѣ. Съ мая т. г. въ Вѣнѣ началъ издаваться на нѣмецкомъ языкѣ украинскій журналъ „Rutenische Revue". Въ первой статьѣ перваго номера журнала редакція о мотивахъ и цѣли настоящаго изданія говоритъ слѣдующее: украинцы по численности занимаютъ шестое мѣсто въ ряду народностей Европы, такъ какъ доказано, что украинцевъ далеко болѣе 25 мил., однако они не только не занимаютъ соотвѣтствующаго имъ мѣста въ семьѣ европейскихъ народовъ, даже самое существованіе ихъ мало, а то и совершенно, неизвѣстно образованнымъ людямъ и политикамъ европейскимъ. Причина этого заключается въ томъ, что исторія украинцевъ, ихъ историческое развитіе, въ значительной своей части связаны съ исторіей и историческимъ развитіемъ великороссовъ и поляковъ, а также и въ томъ, что они являются племенемъ родственнымъ этимъ обоимъ народамъ, вслѣдствіе чего на украинцевъ смотрятъ какъ на составную часть великороссовъ или поляковъ, тѣмъ болѣе, что поляки и нѣкоторые ученые обоихъ названныхъ народовъ всѣми силами стараются игнорировать и замалчивать украинскую націю. А

между тѣмъ украинцы имѣютъ свой языкъ, свой самородный племенной характеръ, свое національное самосознаніе, наконецъ, свои собственные идеалы. Но если этотъ народъ въ теченіе послѣднихъ 600 лѣтъ, не смотря на крайне неблагопріятныя для него обстоятельства, сумѣлъ сберечь свою національную самостоятельность, если онъ въ послѣднее время снова, несмотря на громадныя препятствія, ревностно работаетъ надъ своимъ культурнымъ развитіемъ, если онъ проявляетъ разнообразныя выдающіяся свои способности, то это свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о его способности сопротивленія, а съ другой—о его немаломъ значеніи для остальной Европы, такъ какъ онъ можетъ явиться немаловажнымъ факторомъ въ ея культурномъ, экономическомъ и политическомъ развитіи. Вслѣдствіе этого для Европы интересно и важно познакомиться съ украинской націей; а для послѣдней также интересно и важно, если съ нею познакомятся европейцы. „Rutenische Revue" ставитъ своей задачей слѣдующія цѣли: сблизить украинскую націю съ Европой, уяснить послѣдней, что это за народъ, каково его современное положеніе, его развитіе, потребности и нужды. При чемъ редакція считаетъ нужнымъ заявить, что при выполненіи взятыхъ ею на себя задачъ, она будетъ руководиться исключительно сущностью самаго дѣла, избѣгая партійности. „Мы, заявляетъ редакція, далеки отъ всякаго шовинизма и думаемъ, что искренностью и объективностью окажемъ наилучшую услугу какъ самому украинскому народу, такъ и Европѣ. Общественное мнѣніе Европы будетъ имѣть возможность сравнить наши сужденія съ тѣми информаціями, какія отъ времени до времени пускаются въ свѣтъ про украинскій народъ. Мы постараемся дать самое точное изображеиіе жизни украинскаго народа съ различныхъ сторонъ: политики, экономики, науки, литературы и искусства". Къ сожалѣнію, недостатокъ матеріальныхъ средствъ вынуждаетъ редакцію заявить, что все это возможно лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ.

Въ Петербургской «Зарѣ» (№ 105) помѣщена изъ Хотина, бессарабской губ., корреспонденція слѣдующаго содержанія:

«Нашъ городъ посѣтилъ недавно извѣстный украинскій (австрійской Украины) писатель Осипъ Маковей, который пріѣхалъ сюда изъ г. Черновецъ, гдѣ онъ состоитъ профессоромъ учительской семинаріи по преподаванію русской литературы и языка. Посѣтилъ Осипъ

Маковей Россію съ цѣлью осмотра Хотинской, Жванецкой и Каменецкой фортецъ, имѣя въ виду писать историческую повѣсть временъ осады Хотина турками въ 1621 году. Матеріаломъ для повѣсти служатъ ему старые польскіе мемуары, лѣтописи и пр. Крѣпости произвели на г. Маковея выгодное впечатлѣніе въ смыслѣ матеріала для будущей повѣсти. «Добре уявляю соби всю подію»—сказалъ онъ по осмотрѣ крѣпостей. Но г. Маковей очень возмущается тѣмъ, что такіе прекрасные памятники [старины, какъ хотинская и каменецкая фортецы, остаются безъ всякаго досмотра. «За кордономъ—говорилъ, между прочимъ, онъ,—у людей кожный каминьчыкъ бережуть, якъ око въ лоби, а въ васъ и на найкращу старовыну не звертають ніякои увагы—все завалюеться, пропадае даремно». Это сообщеніе въ „Зарѣ" оканчивается замѣчаніемъ: „нельзя не согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго малорусскаго литератора; нѣтъ у насъ традиціи культурнаго народа, «щобъ зберегты, пошануваты старовыну».

Въ № 7742 „Южнаго Края" напечатана статья проф. Сумцова „Изъ отношеній польскаго общества Юго-западнаго края къ крестьянской освободительной реформѣ", представляющая собою извлеченіе изъ письма къ автору статьи одного престарѣлаго польскаго писателя, личнаго друга Сырокомли. Письмо это было вызвано упоминаніемъ со стороны г. Сумцова въ одной изъ его статей о сочувственномъ стихотвореніи Сырокомли, посвященномъ крестьянской реформѣ. Авторъ письма довольно яркими красками рисуетъ намъ ту сильную народническую струю, какая существовала въ польскомъ обществѣ юго-запад. края, въ 60-е годы, особенно среди университетской молодежи. „Тогдашніе студенты кіевскаго университета, говоритъ авторъ письма, жили общею и самою интимною жизнью со всѣмъ населеніемъ края. Не было во всѣхъ провинціяхъ юго-западнаго края почти ни одной интеллигентной семьи, въ которой такъ или иначе не участвовалъ студентъ. Это одинаково относится ко всѣмъ слоямъ и сословіямъ тогдашняго населенія края, безъ различія состоянія, званія и вѣроисповѣданія. И нельзя при этомъ отрицать, что тогдашній университетъ св. Владиміра игралъ въ жизни общества, такъ сказать, роль камертона.

Мало того, онъ рѣшительно говоритъ, что нигдѣ реформа эта не пользовалась такимъ сочувствіемъ и не насчитывала столь горячихъ

приверженцевъ, какъ въ сферахъ польской интеллигенціи вообще, и въ сословіи польскихъ писателей въ особенности. Никто не бичевалъ такъ крѣпостниковъ—поляковъ, какъ польскіе беллетристы.

Интересны также воспоминанія автора письма объ извѣстномъ писателѣ и ученомъ А. Вериго-Даровскомъ. Несмотря на свои уже немолодые годы, онъ былъ очень близокъ къ молодежи; а послѣдняя его просто боготворила. Онъ отличался необыкновенно острымъ, ѣдкимъ языкомъ. Авторъ письма приводитъ одинъ экспромптъ его противъ крѣпостниковъ, начинающійся „Chlopi mają być swobodni“ и кончающійся обращеніемъ къ Украинѣ съ ироническимъ вопросомъ, какъ она проживетъ безъ кнута.—

Bez panszczyzny i bez bata
Tóz to istny koniec swiata! [1])

Затѣмъ напечатанъ переводъ двухъ стихотвореній Сырокомли; одно изъ нихъ серьезное, проникнутое глубокою гуманностью, а другое юмористическое, подъ заглавіемъ „Nagrobek obywatelewi“:

Мужиковъ билъ плеткой,
Спаивалъ ихъ водкой,
Обладалъ душами,
Кушалъ борщъ съ грибами.
Пилъ усердно пиво,
Грошъ копилъ ретиво,
Въ праздникъ же съ азартомъ
Предавался картамъ;
Откупъ сдалъ еврею,
Съ нимъ дѣлилъ идею:
Будемъ ли спокойны,
Иль настанутъ войны.
На одно разъ блюдо
Мяса съѣлъ полпуда
И сваренныхъ въ тѣстѣ
Колдуновъ штукъ двѣсти.
Съѣвши черезъ силу,

---

[1]) Напечат. въ Кіев. Стар. 1890 г. № 3.

Легъ себѣ въ могилу
И подъ дерномъ скуднымъ
Сномъ спитъ непробуднымъ.

Въ „Этногр. Обозр.“ г. Хоткевичемъ напечатана статья о кобзаряхъ и лирникахъ, въ которой авторъ, между прочимъ, говоритъ, что въ публикѣ пользуется большимъ распространеніемъ мнѣніе, будто Остапъ Вересай былъ послѣднимъ украинскимъ бандуристомъ. Что сказать на подобное мнѣніе? Приходится лишь удивляться, какъ мало интересуются жизнью Украины люди, науки, живущіе на ея территоріи. И странно,—вымираетъ какой нибудь зубръ, и этимъ все встревожено, учреждается цѣлая институція съ канцеляріями, бумагами, чиновниками, слѣдящими за благополучнымъ исходомъ сносей самки зубра, а умеръ послѣдній, яко бы, украинскій бандуристъ, носитель духа народнаго,—и всѣ какъ-то удовлетворились простымъ констатированіемъ факта.. Но, къ счастью, Остапъ Вересай не былъ послѣднимъ украинскимъ бандуристомъ. Я не велъ систематическихъ записей о существующихъ кобзаряхъ, но и то у меня имѣются слѣдующія цифры: въ харьковскомъ, богодуховскомъ и отчасти лишь въ прилегающихъ уѣздахъ у меня записано 28 бандуристовъ и 37 лирниковъ. Опрошенный мною черниговскій бандуристъ сказалъ, что знаетъ у себя въ сосницкомъ уѣздѣ (и отчасти въ прилегающихъ) 6 бандуристовъ и 21 лирника; Мыхайло Кравченко—въ миргородскомъ уѣздѣ и части прилегающихъ—знаетъ 9 бандуристовъ и 15 лирниковъ, а подобныя цифры свидѣтельствуютъ о чемъ хотите, только не объ исчезновеніи кобзарей. Кобзари не вымираютъ, а если и вымираютъ, то весьма и весьма медленно; они все еще хранятъ, хотя и съ трудомъ, свое пѣсенное богатство и все ждутъ и не дождутся лѣнивыхъ адептовъ науки, чтобы ими занялись, какъ они того заслуживаютъ, и сохранили бы ихъ достояніе для послѣдующихъ поколѣній. Но ученые медлятъ и всякія «начальства» прилагаютъ усиленныя старанія къ искорененію кобзарства.

Чѣмъ вызвано гоненіе на бѣдныхъ слѣпцовъ—непонятно, но думается, что не кому другому, а именно людямъ науки нужно обратить на это вниманіе. Вѣдь, подобный образъ дѣйствій терпятъ не одни только бандуристы, а и сама наука. Учреждаются общества для собиранія этнографическихъ матеріаловъ, но что же они будутъ соби-

рать, если всѣ кобзари будутъ «выкыдаты зъ головы» свое пѣсенное богатство, какъ это сдѣлалъ Мыхайло Кравченко, выкинувшій изъ своей памяти нѣсколько думъ, не надѣясь на улучшеніе современнаго положенія вещей и заранѣе приговоривъ себя, какъ музыканта, къ преждевременной смерти.

А сами бандуристы? Вѣдь, очень и очень многимъ изъ нихъ приходится содержать своимъ пѣніемъ не только себя, а и семьи, и эта скрипящая лира или кобза является часто кормилицей многихъ ртовъ. Обиженные самой природой, поставленные въ рѣшительную невозможность добывать иными путями средства къ существованію, что могутъ предпринять они, когда ихъ кобзу разобьютъ объ уличный столбъ?

Въ заключеніе авторъ приглашаетъ общество позаботиться на будущее время о сохраненіи этихъ смирныхъ и полезныхъ пѣвчихъ птицъ. Первый починъ въ этомъ святомъ дѣлѣ принадлежитъ XII археологическому съѣзду, собравшемуся въ Харьковѣ, въ августѣ 1902 года. По постановленію съѣзда, было возбуждено ходатайство предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ объ огражденіи кобразей отъ преслѣдованія властей, и отъ г. министра полученъ сочувственный отзывъ на это ходатайство. Дай Богъ, чтобы это не осталось только на бумагѣ, а получило бы примѣненіе къ жизни. Тогда для кобзарей настанетъ новая эра,—многіе перлы музыкально-національной старины будутъ спасены отъ забвенія, а хранители этой старины за это... «будуть Бога молыты, щобъ давъ вамъ Господь щасно въ свити прожыты».

Въ № 463 «Вѣстн. Юга» напечатана замѣтка г. Жука подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ о слѣпцахъ-бандуристахъ». Основная мысль замѣтки сводится къ требованію поставить слѣпцовъ-бандуристовъ въ такія условія жизни, при которой они могли бы съ большею пользой для народа выполнять свою просвѣтительную миссію. «Бандуристы и лирники, говоритъ авторъ, занимаютъ въ исторіи малорусскаго народа почтенное мѣсто, какъ хранители народнаго творчества, и въ думахъ и пѣсняхъ, передававшихся отъ поколѣнія въ поколѣніе, дали намъ живую, полную художественными образами и правдивую съ дѣйствительностью исторію многочисленнаго народа, геройски боровшагося цѣлые вѣка за свою свободу. И если эти почтенные историки, будучи въ то же время носителями народнаго искусства, такъ

много способствовали развитію музыкальнаго чувства въ народѣ, а пѣніемъ думъ и замѣчательною въ своемъ родѣ игрою на бандурахъ, лирахъ и другихъ инструментахъ замѣняютъ массамъ современную намъ, культурному обществу, симфонію, оперу, концерты и т. п. развлеченія,—то не пора ли въ настоящее время поставить этихъ полезныхъ и безкорыстныхъ, обездоленныхъ судьбою людей въ такія условія существованія, при которыхъ они-бы съ наибольшей пользой для общества и наименьшимъ униженіемъ своего человѣческаго достоинства служили тому искусству, къ которому имѣютъ призваніе?»

Изданіе альбома южно-русскаго орнамента Полтавская губернская земская управа, озабочиваясь изданіемъ альбома южно-русскаго орнамента (рисунка) по шитью, ткачеству, рѣзьбѣ по дереву и металлу, обратилась съ просьбой къ корреспондентамъ статистическаго бюро прислать ей, если у кого-нибудь изъ нихъ имѣются вещи съ стариннымъ южно-русскимъ орнаментомъ, для зарисованія таковаго, или-же указать мѣста и лицъ, у которыхъ такого рода вещи имѣются. По зарисованіи орнамента, вещи будутъ возвращены лицамъ, приславшимъ ихъ; при чемъ управа отвѣчаетъ за цѣлость присылаемыхъ вещей. („Полт. Вѣстн.“, № 150).

Въ № 24 «Руслана» помѣщенъ фельетонъ д-ра *Я. Окуневскаго*, посвященный Драгоманову. По поводу этого фельетона въ слѣд., №№ (26 и 27) напечаталъ г. *А. Барвинскій* «Замітку до згадки д-ра Я. Окуневського про М. Драгоманова», вызвавшую въ свою очередь возраженіе г. *М. Павлика* въ №№ 45—50 «М. Драгомановъ, „високий рівень“ украінства та „нова ера“».

Въ №№ 53—63 помѣщена статья г. Озирного о „*Положеніи русиновъ на Буковинѣ*“.

Въ № 127 «Куб. Вѣдом.» напечатана статья, посвященная Н. В. Лисенку по поводу 35-лѣтняго юбилея его артистической дѣятельности. Авторъ статьи, послѣ краткаго біографическаго очерка, перечня про-

изведеній нашего композитора и выясненія громадныхъ заслугъ юбиляра, выражаетъ увѣренность въ томъ, что многочисленные почитатели украинскаго Баяна на Кубани „примутъ участіе въ чествованіи неутомимаго талантливаго работника на нивѣ служенія родному искусству“.

Въ 5-ой книжкѣ журнала «Бесѣда» (бывш. «Почтальонъ») напечатаны интересныя «Воспоминанія о П. А. Кулишѣ», принадлежащія женѣ покойнаго, небезызвѣстной нашей малорусской писательницѣ Ганнѣ Барвинокъ. Эти «Воспоминанія» не столько касаются покойнаго П. А. Кулиша, сколько первыхъ шаговъ на литературномъ поприщѣ самой Ганны Барвинокъ.

Въ «Воспоминаніяхъ» разсказывается, какъ въ 1847 г. Ганна Барвинокъ съ мужемъ и братомъ ѣздили заграницу, и покойный П. А. далъ женѣ карандашъ и бумагу и просилъ ее записывать все, что услышитъ или увидитъ интереснаго въ пути. Между прочимъ проѣзжали Волынь и Новоградволынскъ—и результатомъ этого путешествія явились разсказы Ганны Барвинокъ «На Волыни», напечатанные мужемъ ея въ «Основѣ», а затѣмъ и разсказы «Въ осены лито» и «Лыхо не безъ добра».

Въ «Воспоминаніяхъ» упоминается о Костомаровѣ, Номисѣ, Строженкѣ, какъ поддержавшихъ Ганну Барвинокъ на ея поприщѣ, сочувствовавшихъ ей и поощрявшихъ ее; упоминается о Маркѣ Вовчкѣ и Шевченкѣ.

Разсказывается, какъ покойный П. А. далъ образованіе пяти своимъ племянникамъ, и что у П. А. вообще было много учениковъ и ученицъ изъ простого народа. Цѣлью покойнаго П. А. было «обогатить Украину цивилизованными людьми, въ особенности подготовить для нея хорошихъ матерей; развить украинокъ и возбудить въ нихъ любовь къ родинѣ».

Въ № 111 «Волыни» помѣщена библіографическая замѣтка г. Ков.-Кол. на вышедшій недавно въ Одессѣ подъ редакціей М. Вороного украинскій альманахъ подъ заглавіемъ «Зъ-надъ хмаръ и долынъ».

Новая земская газета. Екатеринославской губернской земской управѣ разрѣшено издавать въ Екатеринославѣ, съ дозволенія предварительной цензуры, подъ редакторствомъ предсѣдателя управы, еженедѣльный журналъ подъ названіемъ «Вѣстникъ Екатеринославскаго земства».

Предполагаемое изданіе повѣстей И. Франка. А. Хойнацкій, извѣстный во Львовѣ издатель цѣлаго ряда книгъ украинскихъ авторовъ, недавно опубликовалъ программу предположеннаго имъ изданія повѣстей И. Франка. Изданіе будетъ обнимать 10 томовъ беллетристики и 2 тома научныхъ статей. Въ него не войдутъ только тѣ повѣсти, которые изданы уже или будутъ изданы «Выдавнычою Спилкою», но за то въ немъ будутъ помѣщены и новыя произведенія автора. Подписная плата на всѣ 12 томовъ (томъ около 10 печатныхъ листовъ) 16 кор.—на обыкновенной бумагѣ, и 24 кор.—на лучшей бумагѣ и въ переплетѣ; каждый томъ отдѣльно будетъ продаваться по 2 кор.—на обыкновенной бумагѣ, и по 3 кор.—на лучшей.

Предполагаемый къ изданію альманахъ «Багаття». (Письмо въ редакцію). Милостивый Государь, Г. Редакторъ! Не откажите помѣстить на страницахъ Вашего уважаемаго журнала нижеслѣдующее:

Задумавъ издать новый альманахъ на украинскомъ языкѣ «Багатте», мы встрѣтили горячее сочувствіе нашей мысли среди украинскихъ писателей, за что и приносимъ имъ здѣсь глубокую благодарность. До настоящаго времени въ распоряженіи редакціи имѣются произведенія слѣдующихъ авторовъ: Л. Яновской Г. Хоткевича, И. Франка, Днипровои Чайки, Н. Полтавки, С. Павленка, О. Романовои, П. Мырного, О. Кобылянськои, Н. Кибальчичъ, М. Колцунякъ, П. Карманського, М. Левицького, Б. Лепкого, Б. Гринченка, М. Вороного и др. До сихъ поръ матеріалы собирались лишь благодаря непосредственному обращенію къ авторамъ. Но такъ какъ адреса большинства украинскихъ писателей редакціи нашей неизвѣстны, то мы позволяемъ себѣ обратиться къ нимъ чрезъ посредство Вашего уважаемаго журнала съ покорнѣйшей просьбой присылать намъ рукописи для альманаха (до 1-го сентября) по слѣдующему адресу: Одесса, Херсонская 48, д-ру И М. Луценко.

Редакторъ альманаха «Багатте» *И. Лыпа.*

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Bonmariage.—La Russie l'Europe. Topographie, relief, géologie, hugrologie, climatologie, regions naturelles; les peuples et leur modes de répartition. Gr. in—8 avec grav. et cartes.

Бессарабія. Географическій, историческій, статистическій, экономическій, этнографическій, литературный и справочный сборникъ. Съ 224 иллюстраціями. Подъ редакц. П. Крушевана. М., 1903 г. Ц. 2 р.

Ол. Бобикевичъ. „Настоящи", ком. въ 1-ой діи. Львивъ, 1903 р , Ц. 50 сот.

Яр. Винцковськый. Наши звуки; збирныкъ творивъ хоральныхъ. Лыпськъ, 1903 р. Ц. 40 сот.

Марко Вовчокъ. Народни оповидання. Т. I. (Беллетрист. библіот., ч. 52). Львивъ, 1903 р. Ц. 2 кор.

Городъ Кіевъ, его святыни и достопримѣчательности. К. 1903. Ц. 20 к.

Горькый М. На дни жыття. Сцены. Зъ російськ. перекл. *В. Темныцькый.* Львивъ, 1903 р. Ц. 70 сот.

Горькый М. Мищане. Драматычный нарысъ. Перекл. *Маруся Полтавка.* Зъ переднимъ словомъ и портретомъ автора, Черниввци, 1903 р. Ц. 1 кор.

Гульдманъ В.—Помѣстное землевладѣніе въ Подольской губ. Изд. 2-е. К.-Подол. 1903. Ц. 2 р. 50 коп.

Деде В. «Роботи!» Оповідання. Черниввци, 1903 р., ц. 40 сот.

Деде В. «Салдатики». Малюнокъ изъ селянськыхъ розрухивъ. Черниввци, 1903 р. Ц. 20 сот.

Дядько Дмытро. Оповидання про те, куды идуть мужыцьки гроши. Черниввци, 1903 р. Ц. 20 сот.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Т. 53-й. Львивъ, 1903 р.

Ст. Коваливъ. Рыболовы и инши оповидання (Беллетрист. библ., ч. 51). Львивъ, 1903 р. Ц. 2 кор.

Иванъ Ем Левыцькый. Поглядъ на розвій нызшого и высшого шкильныцтва въ Галычыни въ рр. 1772--1800 и розвій русько-народного шкильныцтва въ рр. 1801—1820. Львивъ, 1903 р. Ц. 75 сот.

Осипъ Маковей. Три галыцьки граматыкы (Иванъ Могыльныцькый, Йосыфъ Левыцькый, Йосыфъ Лозынськый). Львивъ, 1903 р. Ц. 1 кор.

„Нова Сичъ“. Хоръ мужескый, сольо баритонове и дуетъ въ супроводи фортепяна. Слова Ю. Федьковича, муз. О. Нижанковскаго. Перемышль, 1903 р. Ц. 1 кор.

Орда Л. Страничка изъ исторіи просвѣщенія на Волыни. Луцкъ. 1903 г. Ц. 40 к.

Образовательныя прогулки по Россіи. 1894—1902 г. Сост. Н. Р. Спб. 1903. Ц. 1 р.

Овсянико-Куликовскій. Д., проф.,—Н. В. Гоголь. М., 1903. Ц. 1 р.

Программа для собиранія этнографическихъ предметовъ. Изд. 2-е, Спб. 1903. Ц. 30 к.

Перетцъ В.—Очерки старинной малорусской поэзіи. Спб. 1903. Ц. 50 к.

Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Подъ ред. В. П. Семенова. Т. VII. Малороссія. Спб. 1903 г. Ц. 3 р.

Степ. Руданськый. Т. 6-ой и 7-ой. Омырова Ильйонянка; часть 1-ая (пѣсни I—XII) и 2-ая (п. XIII—XXIV). Цѣна кажд. тома по 1,50 кор. Львивъ, 1903 р.

Сидоровъ А. Польское возстаніе 1863 г. Историч. очеркъ. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Силантьевъ А. Черноморское побережье Кавказа въ сельско-хозяйственномъ и промышленномъ отношеніи. Вып. I. Спб. 1903. Ц. 30 к.

Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности имп. Академіи Наукъ. Т. 72-й. Спб., 1903 г. Ц. 2 р.

Соболевскій А. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII в. Библіограф. матеріалы. Спб. 1903 г.

Л. Н Толстой. Смерть Ивана Ильича. Перекл. зъ російськои мовы *Волод. Гнатюкъ.* Львивъ, 1903 р Ц. 55 сот.

И. Трембицкій. Тарасъ Шевченко, картина изъ житья поэта въ 1 дѣйствію. Коломыя, 1903. Ц. 20 сот.

Юр. Федьковычъ. Новобрачныкъ; поэма. Чернивци, 1903 р. Ц. 10 сот.

Халанскій М., проф. - Гоголь, какъ романтикъ и поэтъ русской дѣйствительности. Харьковъ, 1903, Ц. 30 к.

Шемунова Л.—Изъ поѣздки по Амуру и Уссурійскому краю. М., 1903. Ц. 30 к.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ LXXXII.

1903 г.

СЕНТЯБРЬ.

КІЕВЪ

Типографія Императорскаго университета св. Владиміра

Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.

1903.

Средняя Лубенщина [1].

Глава I-я.

Восточная окраина лубенскаго уѣзда: части Волчковской и Засульской, бывшей Матяшовской волости.

Вольная степь. Матяшовская толока. Разбойничество. Владѣльческіе хутора на ручьяхъ: Кремянкѣ, Путивкѣ, Матяшовкѣ и Солоницѣ.

Въ старые годы, когда Малороссія текла молокомъ и медомъ, восточная окраина лубенскаго уѣзда, отдаленная отъ широкихъ, безводныхъ миргородскихъ и хорольскихъ степей лишь административной чертой, была обширнымъ, тучнымъ пастбищемъ, доходившимъ до песковъ лѣваго берега Сулы, изрѣдка пересѣкаемымъ только балками да бѣлыми полосками солонцовъ [2]). Все цвѣло тогда на этой степи подъ яркимъ солнцемъ, и грудь широко, вольно вдыхала ароматъ медоносныхъ и кормовыхъ травъ. Темныя ватаги крестьянскихъ овецъ и бѣлыя стада мериносовъ (шпанки) сосѣднихъ пановъ покрывали землю «якъ хмара». Вдругъ

---

[1]) См. «Снѣтинскую Старину» въ Кіев. Стар. 1897 г., IX и X, и «Лѣсную Лубенщину» въ Кіев. Стар. 1900 г. IX и X. Городъ въ настоящій очеркъ не входитъ.

[2]) Содержаніе гумуса въ черноземѣ здѣсь $4^1/_2$—5%, въ солонцахъ же лишь 1,6%. Матер. къ оцѣнкѣ земель полт. губ., II, луб. у. 48.

пробѣгалъ табунъ пугливый, нервный, или, успокоившись, мирно щипалъ траву, иногда никѣмъ не охраняемый, какъ въ слѣдующемъ разсказѣ [1]):

«Яковъ Сывоглазъ пожене табунъ, поставыть килокъ и шапку зверху лошячу, и каже: «Вовкъ не займе, шапка буде пасты». И кони ходять кругомъ и не йдуть». Ближе къ селу, у степного колодца съ журавлемъ, стоятъ босые, опаленные солнцемъ пастухи и пастушки среди пьющаго скота; корова подымаетъ голову и смотритъ большими, круглыми, спокойными глазами. На такой первоначальный пастушескій характеръ мѣстности указываютъ разнообразныя данныя: иски Лубенцевъ къ Кулябкамъ о сохраненіи пастбищъ, служившихъ для выпаса скота и лубенскихъ полковыхъ лошадей [2]); самое названіе хуторовъ: Стадня, Кошелиха, и особенно сохраненіе между с. Матяшовкой и х. Тернавщиной участка земли въ 900 дес., извѣстнаго подъ названіемъ Матяшовской толоки,—прежде Дальнихъ Пологъ,—до семидесятыхъ годовъ XIX в., съ отличительнымъ признакомъ малорусскаго общиннаго владѣнія, замѣченнымъ профессоромъ И. В. Лучицкимъ [3]), а именно: неопредѣленнымъ пользованіемъ [4]). По разсказамъ хуторянъ [5]): «Матяшивська толока одъ пологъ (Засулья) хватала ажъ по Ромоданъ (на восточной границѣ уѣзда). Тутъ бувъ пастивныкъ, козакы кони выпасувалы, потимъ паны почалы потроху займать, та оставсь тилькы кусокъ до наризкы. Той кусокъ николы не оравсь. Запытувавъ старый панъ орать; посіявъ просо и лёнъ, такъ люде загналы скотъ и выбылы чысто все. Степъ бувъ такый, хочъ котысь. На ёму рисъ: тонконигъ, тыпецъ (Festuca ovina. L), зиновать (Cytisus biflorus. L.), дивина (Ver-

---

[1]) Отъ козака с. Засулья Якимца.

[2]) Лазаревскій. Очер. Полт. Лубенщ. 105. Бочкаревъ. Лубенск. Стар. Москва 1901 г., 19.

[3]) Слѣды общин. землевлад. въ лѣвобереж. Укр. XVIII в. въ Отечеств. Зап. 1882 г., XI, 110, 111.

[4]) Сборн. хоз. стат. полт. губ. IV. Луб. у., 9.

[5]) Бази, Безсноса др.

bascum thapsus, L.); полуныць (Fragaria collina. L) багато; було дитвора ходыть збирать. Степъ звався: мырська толока, на ёму паслы череды уси паны и люде. Шершневка, Еркивци, Солоныця, Засулье, якъ обсіются, такъ туды и женуть пасты уси хуторы. Тамъ паслы худобу и Лубенськи мищане. Зъ Березоточи, Вовчка найизжалы на клечальныхъ святкахъ люде и паслы. Паны набиралы сотъ по тры скота и паслы по 15 коп. одъ скотыны и гарнецъ мукы пастухови. Хто ґуртъ правыть, отару жене—тутъ пасуть. Хто не йиде: ганчари, чумакы—уси паслы. Люде було выходять зъ хуторивъ, якъ на свою землю, проты чумакивъ, щобъ паръ скилькы воливъ далы пасты, покы воны поторгують: 6 коп. одъ пары воливъ платылы. А тóди чумакы прыходять займать, якъ поторгують. Москали було пасуть кони и одтыкають десятынъ трыдцять земли и косять сино. Накыдають шисть скирдъ сина и тамъ москаль глядыть ёго, а осинню забирають. Нихто никому не впрещавъ,—бувъ вильный степъ» [1]).

Причина поздняго заселенія этой восточной окраины уѣзда кроется какъ въ малолюдствѣ Лубенщины конца XVII и начала XVIII в., такъ и въ характерѣ мѣстности: открытой, беззащитной степи, по которой разъѣзжали прежде татарскіе чамбулы [2]), потомъ разбойничьи шайки: Горкуши, Засорина и Копытьковъ.

О первомъ можно было услышать прежде много разсказовъ отъ украинскихъ паній, изображавшихъ Горкушу въ романическомъ освѣщеніи: красавцемъ, верхомъ на бѣлой лошади, хорошо поющимъ и играющимъ на гитарѣ, покровителемъ женщинъ и слабыхъ. Съ такимъ же характеромъ является Горкуша и въ драматическихъ картинахъ О. Стороженка въ Основѣ 1862 г., въ которыхъ героиня сотничиха передаетъ первое впечатлѣніе о немъ въ такихъ выраженіяхъ: «Той, що йихавъ попереду, сыдивъ на билимъ коню. Жупанъ на ёму бувъ ввесь у золоти; броня блыщала

[1]) Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка межевая коммиссія раздѣлила эту толоку межъ смежными помѣщиками. (К. П. Бочкаревъ. Очер. Луб. Стар. 20).

[2]) О татарахъ: «Снѣт. Стар.» 14 и «Лѣсн. Лубенщ.» 31.

самоцвитнымъ каминнямъ, а я тилькы й бачыла ёго очи» [1]). Быть можетъ, на такое представленіе о Горкушѣ вліяли итальянскія и нѣмецкія разбойническія новеллы, часто переводившіяся въ началѣ XIX вѣка. Ничего подобнаго не встрѣчается въ приводимыхъ ниже народныхъ разсказахъ, записанныхъ въ мѣстности, прилегающей къ пограничной Миргородской деревнѣ Ромодану или Бригадировкѣ, которую онъ будто бы основалъ [2]), гдѣ женился [3]), оставилъ потомство, сохранившееся и до сихъ поръ, и откуда развивалась его обширная дѣятельность. «Ажъ у Польщу винъ йиздывъ, ажъ у Варшаву достягавъ». Притомъ пожилой возрастъ Горкуши и вырванныя ноздри не ладятъ съ романтизмомъ.

1.

Старый Горкуша якъ выйде ввечери на дорогу, подывытся на небо и по зоряхъ узнае, на яку ничъ иты красты, чы поймается, чы ни. Дывытся на дорогу та пыше па писку ципочкомъ, каже: «Ой, брацця, сю ничъ не йдемъ, погано буде, половымось, а на ту ничъ пидемъ, куды не повернемось—буде добре. Прыйшлы воны до чоловика у Ромодани. Винъ одъ ёго не далеко жывъ; сусида—черезъ тры хаты. Прыйшлы до хаты, понадивалы мазкы на пыкы, гукають: «Одчыны, Явдохо, одчыны!» Жинка думала, що Федиръ, іи хазяинъ, прыйихавъ, пыта: «То ты, Федоре?»—Я, Явдохо, одчыняй, поможы коней выпрягты.—А вона зъ вечора сыдила на печи зъ своимы дитьмы, доты казкы казала, покы воны поснулы, и воно вже пизно. Встала вона, одчыныла, пустыла въ хату, на двиръ выйшла: «Охъ, лыхо мени! Кого жъ я пустыла? Се жъ не Федиръ, коней нема». Пишла въ хату, воны за нею, засунулы двери: «шукай, кажуть, Явдохо, гроши.—Яки жъ я вамъ гроши найду?—Не дуры, въ тебе гроши йе.—Ни,

---

1) К. VIII, 32.

2) «Горкуша оселывсь у Ромодани первый».

3) О женитьбѣ его въ «Снѣт. Стар.», 17.

нема.—Ни, йе. А диты почулы, що гомоныть щось у хати и маты божытся. Почула дивчына тай будыть брата: «Мыколо! уставай у насъ хтось йе»: «Може батько прыйихавъ?»—Ни, не батько,— чужи люде.—А ти гомонять: «Давай гроши, Явдохо, бо дывысь!— та въ халяву руку, выволика нижъ, веде матирь до лаханкы, каже: «зарижу!» Хлопець хотивъ крычать, а дивчына: «Цыть не крычы! бо й насъ порижe, сыды тыхенько, то винъ насъ не буде бачыть». Явдоха повела тихъ розбійныкивъ у хыжу, найшла йимъ глечыкъ, оддала.—Не вси, Явдохо, гроши! ище йе, давай уси, бо все одно мы тебе мучытымемъ.—Кынулы воны йи до-долу, забылы килкомъ косы у дилъ.—«Прызнавайсь, Явдохо, де гроши»? Вона ёго по отчеству назвала: «Семенъ Ивановычъ!»—А такъ ты пизнала?—Пизнала.—А по чому жъ ты насъ пизнала?— По вашій мови. Вы се ввійшлы, то я васъ пизнала, хто вы такый.— Ну такъ добре жъ, Явдохо, теперъ уже зарижу.—Не рижъ. мій батечку, ридный, зглянься на тихъ дитей.—Якъ же тебе не ризать, ты жъ розскажешъ; Федиръ прыйде, то ты й скажешъ.—Не скажу, мій брате-ридный, по свою смерть. Знялы воны икону ій. Вона забожылась, поцилувала икону:—«Не скажу». Воны й пишлы, такъ іи въ хати покынулы прыбыту косамы. Вона лежала довго, думала: чы не вернутся? Не вернулысь. Стала вона гукать на дитей: «Диты мои! чы вы спыте, чы ни?»—Ни, мамусю, мы не спымо, тилькы лежымо.—«Устаньте, диты, та якъ-небудь мене высвободить». Усталы воны, зачалы выбывать той килокъ, былы ёго, выхитувалы; выхиталы: устала вона. Диты пытають: «А хто жъ то такый, мамо»?—Та хто жъ? розбійныкы.—То вона не созналась до смерти, якъ умирала—хазяинови созналась [1]).

2.

Олійныкъ [2]) йихавъ зъ злодійщыны и кони вивъ, заблудывсь та пидійшовъ до чоловика, Коровая. Коровай жывъ у двохъ и зъ

---

[1]) Отъ коз. Д. Бугаевой, родомъ изъ Ромодана.

[2]) Кремянское уличное прозвище Горкуши.

жинкою, бездитный. Олійныкъ каже: «Одчыны, иды—на дорогу справъ мене». Коровай не одчынывъ, побоявсь. Такъ Олійныкъ выставывъ дверы, увійшовъ у хату, а Коровай сыдивъ на лави. Такъ Олійныкъ его босого и въ одній сорочци на сани скынувъ, каже: «Зведы мене на дорогу». Коровай ёго на дорогу вывивъ. Такъ Олійныкъ ёго зъ саней скынувъ, а самъ пойихавъ у Ромоданъ. Кажуть винъ тамъ жывъ на край Ромодана. Винъ бувъ добрый. Було биднякъ прыйде до ёго, журытся, каже: «Оце я такый обирванный, голисенькый хожу». То винъ вынесе кожухъ, або юбку: «на, каже, одягнысь». Винъ жывъ девяносто пять годъ. Кажуть здоровый чоловичыще: того Коровая якъ дытыну взявъ [1]).

3.

Горкуша воръ бувъ. Солоха Денысенкова розсказувала: «Я була дивкою, такъ прыйиздыть два паны и кучеръ до мого батька.—Диду! кажуть паны, пускай насъ переночувать.—Ночуйте.—Указавъ винъ кучерю сарай, щобъ кони заводывъ. Паны ввійшлы у хату, порозднгалысь и одынъ пыта матери:—Йе въ тебе водка?—Йе.—А ковбасы?—Йе.—А медъ?—Йе.—Колы выйде баба съ каганцемъ, колы кучеръ уже ввязуе защипку, умотуе, щобъ не втеклы. Такъ баба вернулась, каже: «Се паны, диду, прыйхалы за гришмы.—Эге, мы прыйихалы за гришмы.—Колы се робитныкъ пидъ викно: «Диду, одчынить!»—Эй, сыну, гукнувъ дидъ, бижы на грыще. Бижыть той робитныкъ, крычыть: «рятуйте!». Такъ воны на кони и тилькы заревло [2]).

4.

Горкуша зъ двома розбійныкамы прыйихалы до пана Зеленського на хутиръ. Ворота булы замкнени; Горкуша узявъ замокъ у руку, и якый не буде замокъ, у ёго въ руци одимкнется. Уйизжа въ ворота, каже: «А йидемъ хлопци, а й возьмемъ, хлопци, та поймаемось». Прыйихалы до кимнатъ.—Ну, хлопци, а

---

[1]) Записано въ х. Кремянкѣ.

[2]) Отъ коз. с. Литвяковъ Е. Передерія.

якъ ёго лизты?—Не влиземо у двери.—Колыбъ такъ, хлопци, щобъ и тыхенько. Вылупуйте викно!—Вылупылы викно и нихто не чувъ: ввійшлы въ кимнату, завьязалы пана у кимнати, щобъ винъ не выскочывъ.—Ну, берить, хлопци, теперъ смило ци два бочонкы. Винъ хоть и почуе, то мы втечемо». Узялы гроши, повыходылы на двиръ, посидалы на кони. Казавъ Горкуша: «Выйиздить, хлопци, тыхо». А хлопци розигналы кони, колыбъ швыдче утекты. Кони якъ сталы бигты, дуже затупотилы, прокынувсь панъ.—Що таке за стукъ? хто тамъ такый? Скризь сплять и не чуть. У найбильшій кимнати, зали, викно вылуплене и забрати гроши.—Охъ, мени лыхо! крычыть панъ, рятуйте мене, чы вы спыте, чы вы такъ лежыте? У насъ злодіи булы, насъ обикралы!—Позбигалысь люде.—Сидлайте кони та бижить йихъ проклятихъ половыть. Побиглы люде, сталы йихъ нагоняты, воны сталы дужче тикать; кажуть: «Мабуть не втечемо!» Добиглы до ставу, зъ розмахомъ кынулы два бочонкы и самы сталы тикать. Два втекло, третёго поймалы, прывелы до пана.—Выкажъ мени, зъ кимъ ты ворувавъ, у мене гроши взявъ? скилькы васъ було?—Я самъ, пане.—Брешешъ, кажы!—Не прызнавсь. Звеливъ ёго панъ закувать. Ведуть ёго въ острогъ, выйшовъ Горкуша, каже: «Гляды, хлопче, не засыдься». Прывелы ёго въ острогъ, а винъ у трубу вылизъ, спустывся до-долу, зскочывъ и до Горкушы явывсь [1]).

5.

Горкушыни товарыши сбиралысь у Корсунову Слобидку [2]) йихать, хотилы обикрасты стару барыню Корсунку. Горкуша выйшовъ, глянувъ по облакахъ, каже: «Хлопци не йидьте, бо не буде взятку». Ну, воны ёго не послухалы, пойихалы, позапрягалы кони, поробылысь панамы, а Горкуша не пойихавъ. Скоро воны прыйихалы туды, барыни доложылы: «гости прыйихалы». Воны въ кимнаты, дивокъ повьязалы, зачалы коло барыни: «Давайте гроши»!.. Барыня каже: «Йесть у мене трохы, а сорокъ

---

[1]) Отъ Д. Бугаевой.

[2]) Село лохвицкаго у.

тысячъ у церкви лежять». Зачалы воны вже барыни пекты свичкамы у грудь; барыня стала крычать, божыться, що нема тутъ грошей. А народъ увесь бувъ у степу, тилькы жинкы конопли типалы, смотрять: що то гости понайизжалы, а дивокъ немае. Жинкы сказалы десятныку: «Охъ, щось воно не гости!» Далы знать у степъ до людей, щобъ булы прыказчыкы и верхивня. Такъ ти розбійныкы помитылы та въ коляску, та хода. Верхивня якъ зачала за нымы гнаться, а воны тикать. Одного ударылы, такъ винъ упавъ, а за тымы гналысь ажъ у Ромоданъ. Тутъ дощыкъ пустывсь, тикать йимъ никуды, такъ Горкуша узявъ свыту напьявъ, та видлогою накрывсь и подавсь изъ Ромодана. А якъ изъ гоны була крыныця и каплыця. Винъ пидійшовъ пидъ каплыцю тай сивъ. Такъ йихъ усихъ забралы у Ромодани, а Горкуша подавсь, не знать де й дивсь, зійшовъ звидсиля [1]).

6.

Горкуша бувъ кошовый отаманъ и въ його шайка розбійныкивъ. Воны чумакивъ ограблялы и церквы. Винъ багачшыхъ ограблявъ, а биднійшихъ награждавъ. Выйшовъ винъ, по зоряхъ подывывсь и каже товарышамъ: «Не йдить воровать, бо пійматетесь сю ничъ». И воны не послухалы, пойихалы у Лубни и обикралы лавкы: упала пороша, снижокъ. Потимъ воны слидъ губылы и ніякъ не загублять, и сталы воны передамы назадъ, а пьятамы у передъ. И воны у хутори Сотныцькому половылысь, а бочонкы у ставокъ кынулы. Кажуть, Черкаськый [2]) пидглядивъ ти гроши, вынявъ и зъ того забогативъ. Якъ погоня зъ Лубень прыбигла, оступылы кругомъ хату, а Горкуша и каже: «А що, хлопци, не слухалы мене? Я казавъ: не йидьте сю ничъ красты, а то половытесь». Тихъ забралы, а винъ выйшовъ зъ хаты, узявъ грабли—лежалы на хати—и пишовъ помежду сторожою и його не бачылы: лыцяруватый винъ бувъ! Писля сёго, года черезъ тры, винъ явывся до-дому и жинкы не було дома; винъ давъ дитямъ

---

[1]) Отъ кр. хут. Церковнаго Т. Печеного.

[2]) Козачья фамилія миргородскаго у.

бублыкивъ вьязокъ тры и сказавъ: «Се вашъ батько ридный, я въ чумакахъ». Та пишовъ на вгородъ, одкопавъ скипець и вытягъ грошей багато [1]).

Въ противоположность столь извѣстному малорусскимъ писателямъ и этнографамъ Горкушѣ, имя другого атамана Засорина, разбойничавшаго въ той же мѣстности въ концѣ XVIII и началѣ XIX в., совсѣмъ неизвѣстно въ малорусской литературѣ, а упоминается лишь въ «Путевыхъ письмахъ» П. Якушкина [2]), въ числѣ орловскихъ розбойниковъ, при чемъ побѣгъ изъ острога въ нарисованной на стѣнѣ лодкѣ приписывается не ему, а другому разбойнку Рытику; такъ что нѣтъ основаній считать орловскаго Засорина тождественнымъ съ дѣйствовавшимъ въ лубенскомъ уѣздѣ, о какомъ Засоринѣ записанъ мною отъ глубокихъ стариковъ слѣдующій разсказъ въ двухъ варіантахъ.

7.

Засорынъ рожденъ отъ панського чоловика. Отець ёго бувъ плотныкъ, робывъ пану хаты на хутори. Засорыну було симъ литъ, и взявъ винъ обикравъ батькову невистку, узявъ у неи плахту и запаску и прыйшовъ до батька у хутиръ. Положывъ винъ пидъ кущемъ мишокъ зъ плахтою и запаскою, и лежыть. Потимъ того полумайстерокъ того батька пишовъ и бачыть—лежыть хлопчыкъ Засорына и мишокъ у головахъ; прыходыть и хвалытся: «Я щось бачывъ, та не знаю: чы хвалыться, чы ни, щобъ батько не розсердывсь».—Ну, хвалыся.—«Вашъ хлопець пидъ кущемъ лежыть и мишокъ пидъ головою».—Сміешся?—Полумайстерокъ злякався, мовчыть. Засорынивъ батько сокыру въ деревыну угрузывъ и пишовъ. Пидходыть до хлопця; узявъ за руку и веде до хаты. Прыводыть туды, оглядивъ, що у мишку: плахта и запаска, такъ винъ прывивъ сына до деревыны и хотивъ голову одрубать. Такъ люды не далы. Отъ винъ отправывъ ёго до-дому. Прожывъ Засорынъ скилькы часу, оддавъ

---

1) Отъ кр. д. Ромодана Ст. Ткаленка.

2) Въ Современникѣ 1861 г., V, 199 191 и 205,

ёго батько въ ковали. Вывчывся Засорынъ кувать, и такый винъ лыцарь, що возьмется рукою за замокъ, здавыть, то замокъ одимкнется. Дожывъ до двадцяты литъ, ставъ у парубоцтво уходыть, зъ парубкамы гуляе. Забере винъ тихъ парубкивъ и поведе въ садъ. Ти боятся, а винъ каже: «Не бійтесь, сторожъ насъ не бачытыме». Пишовъ винъ у воровство и назбиравъ соби комерцію 24 чоловика. Посправлялы соби кони, шабли, сталы йиздыть ворувать. Тоди малолюдно було, ще и воны у степу таборъ держалы. Ничъ настыгне, воны у воровство йидуть, тилькы одынъ кухарь зостается. Звьязалы воны купця на дорози, забралы у его товаръ и грошн. самы прыйихалы до кабака, пьють и гуляють тры дни. Понасыпалы конямъ овса на буркы. Отъ чоловикъ прыйиздыть конемъ до трахтыра и пытае: «це не ти, що купця звязалы»? Засорынъ почувъ и пыта: «Ты що говорывъ?» Заразъ на кони, шабли до бока, а той чоловикъ тика у водяни млыны. Засорынъ за нымъ, такъ чоловикъ вскочывъ, а воны коню голову одрубылы. Пишла молва. Зъ трёхъ селъ зогналы людей шукать ёго и піймалы. Отъ ёго одправылы въ острогъ ажъ у Петенбургъ. Держять ёго въ острози, доложылы царю. Царь [1]) самъ уходыть у острогъ, пыта: «Ну, що, Засорынъ, ты покаишся, чы ни?»—«Ваше Царское Велычество! я душъ не гублю, а сытыхъ обираю, та нагихъ награждаю».—«Не покаешся?»—«Не могу знать, Ваше Велычество». Посыдивъ Засорынъ у острози обибрався день сояшный, тыхый; напустывъ Засорынъ повный острогъ воды, выпысавъ лотку, забравъ усихъ невольныкивъ и пойихалы лоткою. Нихто не бачывъ де воны дилысь. Засорынъ покынувъ тихъ невольныкивъ и подавсь у свое мисто. Прыйшовъ винъ и обнажывся,—голый. На другый день ярмарокъ, чы що, у Якимгороди. Чоловикъ вывизъ пшеныцю, продавъ за 60 карбованцивъ, выйихавъ у степъ, одпригъ волы, пасе волы изъ хлопчыкомъ. Прыходыть до ёго чоловикъ, поздраступавсь и каже: «Позычъ мени грошей шистьдесятъ рублививъ».—«Якъ можна знать, що у мене шестьдесятъ рубливъ йе?»—«Ты жъ продавъ пшеныцю, пожычъ».—

---

[1]) Какъ видно изъ слѣдующагo варіанта Императоръ Павелъ I-й.

«Неможна: се не въ слободи, се степъ».—«Не позычышъ?»—«Ни». Узявъ той пхнувъ черезъ війи, вынявъ гроши, пишовъ въ ходъ, и сказавъ: «Якъ не будешъ гнатся, то встанешъ, а якъ гнатымешся, то лежатымешъ, покы гроши прынесу».—«Не буду гонытся.—«Ну, вставай». Винъ уставъ и спытавъ: «Якъ же теперъ мои гроши—пропалы?»—«Ни, не пропалы. Засорынъ оддасть зъ процентомъ». «Колы оддасте?»—«Стій на мисти, будемъ завтра йихать въ обидню годыну, тоди тоби Засорынъ гроши оддасть». Дождавъ той чоловикъ, що гроши узяти, обиднёи поры, йдеть хургонъ зъ панамы. Чоловикъ ставъ на дорози.—«Зачимъ стоишъ?—пытають паны».—«Позычывъ Засорынъ 60 рубливъ грошей». Посмотривъ одынъ на другого, засміялысь.—«Якъ же можна позычать у степу незнаёмому чоловику гроши?»—«Винъ сказавъ: оддамъ зъ процентомъ».—«Ну, може Засорынъ оддасть». Посміялысь, пойихалы. Отъ йиде другый хургонъ зъ панамы; давай воны пытать того чоловика. Винъ говорыть: «Узявъ у мене Засорынъ 60 рубливъ, сказавъ: сёгодни оддамъ зъ процентомъ». Пойихалы и ти, не далы. Прыйизжае третій хургонъ. И ти спрашують. Каже той чоловикъ: «Позычивъ Засорынови 60 рубливъ грошей, винъ сказавъ: оддамъ».—«Ну, треба оддать, за Засорына поручыться можна». Оддавъ тому чоловику 600 рубливъ грошей и сказавъ: «Якъ буде Засорынъ позычать грошей—позычай смило: Засорынъ оддасть». Поихавъ Засорынъ на свій таборъ. Пойихала ёго артиль по степу; тамъ два пойихало, тамъ тры. Выйихалы, иде чоловикъ зъ котьмою изъ заробитким. Взялы воны посадылы того чоловика сылою на коня везты до табора. Прывезлы до табора, прыкувалы до стовпа. Отъ силы соби вечеряты, одвязалы и коновязного. Ну, выпылы стаканивъ два водкы и превращають ёго въ свою артиль. Той чоловикъ и каже: «Хочъ вы мени и голову одрижьте, то я до васъ не прыстану, бо я удовъ, жинка померла, четверо дитей у мене, маты стара, буде мене проклынать; такъ черезъ мене и вамъ счастя не буде».—«Не хоче, ну прывьязать ёго упять». Прывьязалы воны ёго. Собиралысь вси двадцять чотыри чоловика на коней—воровать, зостается тилькы коновьязный та кухарь. Прыйиздять свитомъ зъ дóбычью у таборъ—поляглы, поснулы. Кухарь снидать

наварывъ, повставалы воны на снидання, одвязалы и коновьязного снидать. Поснидалы, упять его прывращають у сухый забродъ. Винъ одказавсь —«Ну, кажуть, прывьязать упять». Прывьязалы.— «Ну, зносьте, кажуть, здобычь, хто скилькы чого укравъ». Изнеслы воны ту добычъ, изсыпалы на купу. давай роздилять на двадцять пять частей. Роздилилы, а Засорынъ каже: «Ну, а коновьязному якъ? Бикъ выссавъ, що ёму нема подилу? Треба и ёму дать». Ну, взялы знеслысь по прыгоршни сребра усякый тому коновьязному насыпавъ.—«Ну, каже Засорынъ, скласты грошы у мишокъ ёму, смертю пострадае». Выщытайте скилькы ихъ есть, я ёму дамъ бумажкамы: Выщыталы, узявъ Засорынъ бумажкы оддавъ и сказавъ: «Садить его на коня, везить на ту путь, де взялы. Не хочешъ на сухый забродъ поступать, то иды до-дому, годуй своихъ дитей та спомынай Засорына!» У Савыцькои въ Жданахъ [1]) сторожа стояла день и ничъ, а винъ пысавъ: «Сподивайтесь Засорына у гости. У гости прыбуду, у червони чоботы обую». Сподивалысь и не було. Засорына ще разъ поймалы та прыставылы у острогъ изъ товарышомъ. Ему прысуджено, щобъ катъ наказавъ; товарыша и его. Ото жъ его вьязавъ катъ быть, наказувать, винъ обища кату билу [2]), а винъ такый, що его й куля не озьме. Катъ стебенувъ—такъ не его, а околотыну. Розвьязавъ катъ, каже: «Давай билу».—«Ты жъ мене не помылувавъ, не дамъ». Такъ катъ якъ завьязавъ товарыша, якъ сыпнувъ, такъ за трёма ударамы убывъ. Засорына узялы на излѣченіе. Туды уходывъ царь, пытавъ: «Ну що, «Засорка!»—«Блыжче къ смерти, Ваше Велычество», Царь прыказавъ ликарямъ зличыть, и пишовъ Засорынъ у Кыивъ и дававъ по пьять рублывъ старцямъ [3]).

8.

Засорынъ родывсь коло Таганрога и у семы годахъ объявывъ свою хытрость: «Родывся Засорынъ; я есть Засорынъ и

---

[1]) Помѣщица с. Ждановъ, лохвицкаго у.

[2]) Т. е. двадцатипятирублевую бумажку.

[3]) Отъ П. Бандаевскаго.

зроблю добре и зле». И потимъ начавъ набирать воровъ и давай обкрадать. Ввійде и отуманыть людей. Йихавъ чоловикъ изъ Дону, рыбу визъ зъ робитныкомъ, выпрягъ соби, пасе. Тоди ще було малолюдно и степы булы вильни. Засорынъ убрався у рване убрання, выйшовъ, каже: «Позычъ мени грошей шистьдесятъ рублывъ».—«У мене нема грошей».—«Ни, у тебе шистьдесятъ рубливъ йе».—«Такъ що жъ хоть и йе? Що жъ ты таке, щобъ я тоби позычывъ?»—«Такъ я жъ тебе прошу; позычъ на тры дни». Той чоловикъ каже на робитныка: «Беры дрючокъ»! Засорынъ узявъ та пхнувъ його черезъ війя, а той робитныкъ до його, такъ Засорынъ и того звалывъ, выйнявъ 60 карбованцивъ у хазяина и пишовъ, крыкнувъ: «Дожыдай же мене, я тоби черезъ тры дни доставлю, я Засорынъ». Колы ось на другый день йиде панъ шестерикомъ коляскою и коло його кучери.—«Здрастуйте».—Зачымъ ты тутъ стоишъ?»—«Позычывъ гроши Засорину».—«А якъ Засорыну, то той оддасть На третій день йиде упять той панъ, пытае: «Кого ты ждешъ?—Гроши позычывъ.—«Кому?»—Засорыну.—«Якъ Засорыну, такъ я есть». Узявъ вынявъ у пьять частей и оддавъ. А то одынъ чоловикъ ишовъ зъ заробиткивъ зъ Дону, такъ выскочылы люде и потяглы його у лисъ, взялы его до коновьяза прывьязалы, потомъ давай дилыться гришмы. Засорынъ прыглаша того чоловика, щобъ винъ у компанію, а той ставъ просыться: «У мене жинка и дыты дома». Началы гришмы дилыться.—«А тому, що у коновьязи що?»—«Даймо по прыгоршни сребра». Йихъ трынадцять чоловикъ по прыгоршни насыпалы. А то прыйихалы воны, постановылысь коло скирдъ, годують кони. А молодый панъ прыйихавъ, ставъ лаять: «Зачимъ пасете?» Воны давай, мовъ просыться. Панъ на кучеря: «Беры лошади!» Засорынъ тоди каже: «За зло—зломъ и оддаймо!» Заразъ ухватылы того пана и давай його арапныкамы. Наказалы. Давъ Зосорынъ кучеру арапныкъ и прыказавъ: «Дуй його арапныкомъ ажъ до-долу, а то и тебе, и твого пана зарижемъ. Я Засорынъ». Кучеръ маха, а то годи, такъ панъ каже: «Дуй, а то и тебе, и мене заруба». Такъ кучеръ бывъ пана, покы выдно було, а то—махавъ батогомъ. Винъ пысавъ скризь и до тіеи пани, що въ Жданахъ: «Прыйиду и прывезу червони чо-

боты и васъ обую». И до Юзычевськои [1]) напысавъ: «Уляна Семеновна! буде до васъ Засорынъ у гости и обуе въ червони чоботы». Плачивъ було. Вона сторожу давала—Богъ мылувавъ. Такъ ёго піймалы, винъ дався, а то ёго не можна піймать: винъ волхвъ бувъ, такый що ёго не выдно. Посадылы ёго въ тюрму и тамъ було ще 60 чоловикъ.—«А що, каже Засорынъ, якъ бы намъ выйихать, щобъ на мори погулять?» Очеркнувъ винъ на земли, зробылась лотка и вода, пишло море. Ото винъ звидтиля тихъ вызволывъ и самъ выйихавъ. Другый разъ піймалы ёго и розсудылы наказать. И тутъ ёго увьязалы до саней и ставъ катъ щытать! Винъ стоить.—«За що жъ, каже, попову кобылу наказувать?» Колы справди кобыла, а винъ заразъ скрывсь. Потимъ третій разъ піймалы, посадылы у тюрму, такъ Царь Павло пройиздывъ черезъ Таганрогъ и повеливъ ёго вывесты, пытается: «Що, Засорка, окаешся, чы ни?»—«Никакъ не знаю, чы покаюсь чы ни. Царь здвыгнувъ плечима и веливъ сослать у каторжну работу. Такъ Засорынъ сказавъ: «Ну, убоявся я Бога и царского повеленія, а то ище бъ не бувъ наказанъ». Такъ ажъ тоди наказавъ ёго катъ [1]).

Атаманы третьей мѣстной разбойнической шайки: Копытько и Рябецъ не были ни звѣздочётами, ни «волхвами», ни характерниками; вообще ничѣмъ не отличались отъ рядовыхъ разбойниковъ, скрывавшихся въ волчковской и засульской волостяхъ, и установившихъ въ свою пользу особую повинность—кормленія, какъ повѣствуютъ слѣдующія преданія.

9.

Хуторивъ тоди мало було, людей мало. Людей обижалы розбійныкы—Копытькы. Воны було ховаются до могылокъ. Позъ ти могылы страшно иты смеркомъ. Було піймають кого, кажуть: «Якъ прынесешъ сала, або молока, то пущу». Носять було. Якъ

[1]) Одна изъ помѣщицъ с. Литвяковъ.

[2]) Отъ коз. с. Литвяковъ Е. Передерія.

не прынесе, то вдруге не пустять, а попобьють. Якъ було Наумъ [1]) везе молоко, проты Сотныцькихъ могылъ кыдавъ два кушыны молока для йихъ, а якъ йиде назадъ, то воны выносять кушыны. На Берестецькому, де роблени могылы, булы розбійныкы: Копытько и Рябець. Изъ хуторивъ туды носылы обидать. Якъ не прынесуть, такъ розорялы. Ночью воны прыйихалы до дида Нечипора Кочубея и семейство выйшло зъ хаты, тоди воны сталы бесидувать цилу ничъ, гуляють, пьютъ. На утро—булы тай нема [2]).

10.

Копытько знавсь зъ Коломійцямы. У йихъ дочка була и засваталась, такъ Копытькы прыбиглы и на посади хотилы вбыть іи. Тоди душъ трыдцять обходять село изъ ратыщамы, изъ ружамы. Народъ въ погонь. Гналысь, йихавъ ганчарь, сховавсь пидъ кобылу, такъ воны голову одрубалы кобыли и вскочылы у двиръ на Сотныцкій, а хазяинъ обидае. Люде пытають: «Де воры?»—Не знаемъ.—Прыставъ сказавъ: «Взять усихъ изъ хаты». А хлопчыкъ сыдивъ, прыставъ до ёго: «Скажы де дядькы?»—Одынъ у груби, а одынъ у труби. Тоди ихъ забралы, усихъ наказавъ катъ и пишлы на Сибирь [3]).

11.

Копытько жывъ на Пологахъ. А дидъ Иванъ Максымовычъ Гамайда ходывъ туды по воду. Набере воды тай прыглянувся: що воно таке прыйде у палетахъ зъ города, а коняку де дине? Доглядивсь, що у лёхы. Иде дидъ, а тутъ у Засульи волость була. А до бабы Мелашкы Гамайды прыйихавъ Копытько. Прыйихавъ у двиръ, струснувъ двери—не чуть. Крычыть: «Одчыны!»—Вы незнакоми, каже Мелашка, Богъ ёго зна.—Крычыть Копытько: «Беры ломъ!»—Ой, лыхо! каже баба дивчыни, одчыны

---

[1]) Мгарскій монастырскій приказчикъ.

[2]) Записано въ Кремянкѣ.

[3]) Отъ Е. Передерія. Вар въ «Свѣт. Стар.» 15. Хозяинъ—укрыватель называется старожилами то Лободой, то Зеленымъ.

викно, бижы у волость. Два добывается до хаты, а одынъ на фургони. Той третій чуе: дивчына збунтовала, каже: «Тикайте, бо щось буде». Такъ воны селомъ тилькы зашумилы. Иде дидъ, колы зъ улыци щось бижыть, чека выскочыла, колесо позъ дида тилькы черкнуло. Такъ дидъ за колесо дай прынисъ до-дому. Колы бунтъ, повенъ огородъ народу.—Чого вы? пыта дидъ.—Розбійныкъ добывавсь у хату. Дидъ до комысара[1]), просыть: «Выженить Копытькивъ».—А знаешъ де жывуть? пыта комысаръ.—«Пидъ Матяшивкою на пологахъ». Такъ комысаръ выпысавъ, каже: «Ну, гляды, веды». Повивъ дидъ комысара,чы двадцять, чы двадцять пьять чоловикъ изъ нымъ. Прыходять до хаты, дывлятся: одынъ сыдыть кинець столу, злигъ на стилъ, спыть, а пьять пьють, гуляють. И баба на одно око слипа сыдыть, и дидъ крывенькый. Окружылы хату, розбылы двери, который лежавъ—нема. Де винъ дивсь?—«Ну, бый пичъ», прыказавъ комысаръ. А винъ зогнувсь, сыдыть у пичи. Ведуть ёго, такъ винъ якъ сколыхнувъ и ланцюгы попадалы, каже: «Ну, проклятый дйду, ты мене зйивъ, хиба земля провалытся, и я туды впаду, а то вернусь и тебе зъ свиту зжену».--«Иды, чоловиче, каже дидъ, годи тоби людей обижать». Якъ спросылы Копытька: «Де твои любезни?» Винъ прызнавсь: «Я йиздывъ до батюшкы у Матяшивку и золоту табакерку подарувавъ». Тоди усе понаходылы: сукни, коней и карусы[2]).

12.

Кулябка у пистъ прыказавъ кухарци своій зарубать индыка, на завтрышній день хотивъ одправыться въ Копанькы, экономію хорольського уизда. Кухарка управылась и выйшла зъ кухни у двиръ. Ничъ була мисяшна, роспускъ бувъ воды и замерзло. Чуе кухарка—греблею щось хряпотыть. И вона выйшла на си

---

[1]) Николая Кулябки. «Винъ старавсь, покы не половылы Копытькивъ» вспоминаютъ старожилы.

[2]) Отъ козака с. Засулья Якимца.—Каруса, итальянское carrozza, уменш. carrucio--карета, колясочка, телѣжка.

двери, що одъ дорогы, одхылыла двери, та стоить на порози. На коню щось сыдыть таке, якъ воинъ, и йиде прямо въ двери. Вона пыта: «Хто такый?» Винъ блыжче, вона тоди зачыныла двери и пишла у хату. Скоро наскоро понадобылось ій упять у двиръ увійты, дывытся: той цапъ, що загоняють изъ киньмы, ходыть по двору и конюшня одчынена. Іи чоловикъ малый бувъ и бувъ за фалетора. Вона пыта: «Гнате! конюшню вы зачынялы?» А старый кучеръ бувъ Ёсыпъ, той отвича: «Що таке конюшня одчынена и цапъ ходыть по двору?» — «Не може буть», каже Гнатъ, «я самъ зачынявъ». Ну, воны узялы фонарь, пишлы у конюшню — все благополушно. Загналы того цапа, заперлы конюшни, полягалы спать. Уранци встають, треба запрягать, запряглы, треба вожжать кони, а Кулябка купывъ нови вожжя. Сюды, туды — нема вожжя нового. Хто взявъ, незвисно. Докладають: «Пане! нема вожжя» — «Ну, с... с... пропылы!» Давай йихъ быть. Вывывшы, панъ каже: «Вожжайте старимы». Запряглы и пойихалы. Ажъ у те время якъ поймалы Рябчыка и Копытька, то взналы де вожжа дилось. У Лубняхъ була мищанка, и Рябчыкъ хотивъ, щобъ оддалы за ёго замижъ, а вона выходыла за другого. Такъ уже стоять на столи бутылкы, а Копытькы танцюють на столи и не звалять йихъ. Такъ Копытькивъ хотилы половыть тамъ, а викна поодчиняни булы и воны повтикалы на Засулля. И на Засульи стояла хатка, тамъ жыла якась жинка, такъ Копытькы у ту хатыну до тіеи жинкы. Люде бачылы, що воны туды вскочылы, а найты не найдуть: одынъ улизъ сюды у грубу, а одынъ у дымарь. Гонци пытають тіеи жинкы: «Не було?» А Копытькы просылы, щобъ не прызнавалась и вона сказала: «Не бачыла». А дытынка сыдыть и воно не вмило говорыть, а показало: «О!». Вытяглы видтиль одного, ведуть, другого ненайдуть. Ну, такъ якъ стала тышына, такъ той другый выстромывъ голову, дывытся, чы далеко одійшлы. Люде оглянулысь, вернулысь и того поймалы. Якъ йихъ узялы на допросъ и воны вже все свое розсказувалы и тоди про Кулябку говорылы. — «Казалы, що въ Кулябкы кони хороши, а я подывывся, ажъ таки якъ свыни. Тилькы понравылось вожжя; а одна, якъ я йихавъ одчыныла

двери та щей пыта: «Хто то йиде?» Ну, скоро зачыныла двери, а бильшъ бы не пытала[1])».

Такая слабая обезпеченность жизни и имущества, и неопредѣленность поземельныхъ отношеній были явленіями переходными, несовмѣстными съ размноженіемъ населенія и особенно съ расширеніемъ панскихъ хозяйствъ. И вотъ по изгибамъ степныхъ потоковъ: Кремянки, Путивки, Матяшовки и Солоницы, у воды, среди темнѣющихъ садковъ появляются рѣдкіе курени, хатки, загоны, зародыши настоящихъ хуторовъ, устроенные мѣстными крупными поземельными собственниками: Мгарскимъ монастыремъ, Новицкими, Орѣховскими, Кулябками, ихъ преемниками, другими Лубенскими панами и козаками. «Паны выстроють куринь, заплетутъ загинъ и пасуть свій скотъ. Потимъ выстроють хату, посадять свого крестянына, другого, третёго и займыщамы населылы хутора».

Ближайшій хуторъ къ югу отъ пограничнаго со степью села Литвяковъ—Кремянка расположенъ на горѣ у ручья того же имени. Прежде по дну оврага протекала во всякое время живая струя воды; теперь большую часть года воды нѣтъ, виднѣются только рѣдкія деревья. Постройки не скучены, какъ въ селахъ, а раскинуты по всему склону горы, среди небольшихъ садовъ. Началомъ[2]) Кремянки была хата, построенная Мгарскимъ Монастыремъ на древнѣйшихъ кутахъ: Нестеривськимъ и Лытвынськимъ и х. Орѣховщинѣ. О старинѣ мѣстные жители передаютъ такъ: «Якъ була Кремьяна чернеча, такъ була одна хата, у іи жылы Наумъ Пелыпенко, прыкащыкъ, а другый лычма̀нъ[3]). Винъ дойивъ коровъ, а молоко и сыръ отправлявъ у манастырь. Потимъ тутъ сараи, клуни булы. И теперъ земля, якъ зійды, стугоныть, мовъ плавына. Якъ копать гній, такъ и розсыпается. А де хата була,—цеглу выкыдають изъ земли. На Лытвынськимъ

---

[1]) Отъ кр. хут. Войнихи Ф. Марченка.

[2]) Вѣроятно Кремянка и Стадня выстроены на мѣстѣ лѣса «Товстого», подареннаго вдовой полковника Григорія Лѣсницкаго монастырю. («Лѣсн. Лубенщ. 41).

[3]) Лычма̀нъ—старшій чабанъ. (Основа 1862 г., X, 45).

кути бувъ водяный млынъ. Потимъ ще за ченцивъ стало пьять хатъ старожительцивъ, а то вже казна понагонювала сюды людей». Въ Кремянкѣ сохраняются почти такія же преданія о зависимости отъ монастыря и о причинахъ освобожденія отъ нея, какъ и въ другихъ бывшихъ монастырскихъ владѣніяхъ[1]) «Якъ почулы ченци, що людей одберуть, то набьють склау глыну та людей заставляють мисыть и мазать сараи. Розсказують, що прыйихала у манастырь царыця и крычавъ чоловикъ. Вона послала одютанта. И винъ сказавъ, що монахы пеклы чоловика на сковороди. Одютантъ якъ визъ потимъ манифестъ, нагнавъ ченця, пытае: «Що везешъ»?—«Харчи».—«Йе водка»?—«Йе».—«Давай выпьемъ». Ченець боявся, потимъ одимкнулы, выпылы. Иде ченець и чумаціе: буде мени! Покы довизъ, а одютантъ уже вычытавъ манифестъ. «Старѣйшимъ родомъ признаются Пелыпенки или Наумы, потомки прыказчыка. «Йимъ найбильши огороды подавани». Кромѣ нихъ на Нестеривськимъ кутѣ живутъ еще: Нестеренки, родомъ изъ стараго монастырскаго села Пѣсокъ, Диденки, по уличному Сенчане. «Воны прысельци изъ Сенчи, заплатылы куныцю и перейшлы»; затѣмъ Сухопары изъ хорольскаго уѣзда, Дудники, Короваи, Вашиненкы, Волохы («Воны прыгнаны зъ Волощыны») Панченки, изъ Западинецъ, лохвицкаго уѣзда, по уличному Ярови. «Панченкы жывуть на Яровивщыни, позъ потикъ Мостыще. На весни черезъ йихъ огородъ упоперекъ и вода бижыть». За ними живутъ: Братки, изъ Западинецъ, Босаки, Погонци, Борисенки, изъ Литвы и Марченки. «Предкы десь церкву обикралы и йихъ прыслано по казенному геть изъ симьею». Хуторъ оканчивается гористой Бурхаивкой. «Тамъ на сугорби мовъ скаммя»[2]), гдѣ жилъ крестьянинъ Бурхай и люди бывало говорятъ: «до Бурхая, на скамню иты». Размножившееся населеніе достигаетъ теперь 600 душъ. Жители довольно полны, средняго роста, темнорусые и русые. Самые темные волосы въ фамиліи Волоховъ. Занимаются только земледѣліемъ, бондарей

---

[1]) См. «Лѣсн. Лубенщ.» 44—47.

[2]) Крутая гора.

…ѣмъ нѣтъ, такъ, что въ сосѣднихъ селахъ насмѣхаются надъ Кремянцами: «Въ Кремянку якъ йихать свататься, то треба брать изъ собою обручъ, щобъ подумалы, що бондарь, бо тамъ йихъ нема». Возлѣ Литовскаго кута есть старое кладбище, съ которымъ связано слѣдующее преданіе. «У Кремьянци на старому кладовыщи велыка могыла. Клыкнула жинка молоду: «Иды, дочко, до мене, пополуднуемо». И посылае обоихъ полудновать: свого сына—молодого и ту молоду. Поставыла йимъ сметану та вареныкы. Такъ молода якъ полудновала, такъ и не росхылялась, а сынъ на пилъ упавъ. Покы крычалы, покы до свита померлы обое. Ту матирь люде прысутяжылы: «Чого жъ воны померлы»? Такъ вона созналася, каже: «Зъ трёхъ колодязивъ воды набрала и я нехотила щобъ воны померлы, а хотила йимъ любощивъ дать, щобъ воны любылысь. Та не впалось йихъ клыкнуть, та перестрочыла, такъ воны й померлы». Затошнылась маты, полежала и померла. Молодимъ зробылы дви труны и яму выкопалы велыку одну и въ одну яму поховалы, що воны молоди, посватани. Его маты, та, що отруила, хотила щобъ и іи въ одну яму поховать, а молоди маты несхотилы. Маты поховалы такы на кладбыщи, такъ у другу яму. Стари люде показують: «Оце молоди, а це—гробивъ черезъ тры—маты» [1]). Изъ окружающихъ Кремянку урочищъ [2]) интересны яры: Холодный и Хрестовый. О первомъ разсказываютъ: «Въ холоднимъ яру у вершинци була крыныця запорозцивъ, и, якъ йихъ выгоныла Катерына, тоди, якъ тутъ злюднило, такъ йихній панъ сказавъ: «Берить сребро, злато и ступайте куды знаете». А самъ винъ оставсь коло могылы, на муку давсь. И ёго стрелялы изъ ружжя, або зъ лукивъ—не брало. Такъ винъ выйшовъ, рукы згорнувъ и въ бочку вкинулы изъ

---

[1]) Отъ Матрены Кривенковой, родомъ изъ Кремянки.

[2]) Другія урочища: Грицыха, Макортетъ, гдѣ прежде была монастырская мельница, Тернывськый, Чекисынъ, шляхъ въ верстѣ разстоянія отъ Кремянки—Завгородье, о которомъ вспоминаютъ: «Було, якъ козакы йдуть, зайдуть у Кремянку, возьмуть снопивъ два на коня—подавсь. Дальше Гмарське (вмѣсто Мгарске) поле и Лубенскій Ромоданъ, хуторокъ въ 30 душъ, выселившихся изъ Ольшанки.

гвоздьмы и тамъ винъ кончывсь. Ти запорозци якъ убиралысь, такъ бочку изъ золотомъ впустылы въ крыныцю. Батькы наши якъ ходылы по заборахъ [1]) у Херсонську и Катерынославську губерніи и тамъ люде казалы, що въ Маячпихъ могылахъ, пидъ вокзаломъ, и въ сій крыныци гроши сховани». Другой Хрестовый яръ извѣстенъ криницей. «У Хрестовимъ середъ яру хрестъ стоить и крыныцю святять. Крыныця не копана, а выйшла. Гора осунулась и появывсь родныкъ. Давнійшъ вода йшла, а теперъ изійшлы родныкы, вода йесть, такъ глыбоко. Іи ченець бувъ забывъ гноемъ и дубыною. Такъ ёго взяло та й заслипыло. Въ ночи прыснылося:—очысть мене и умыйся, такъ тоби стане выдно. Винъ людей заставывъ, очыстылы. Винъ водою умывся и ставъ бачыть. И освятывъ, хотивъ и ярмарокъ вызвать, такъ умеръ. Люде зробылы зрубъ хорошый, святять у четвергъ на клечаныхъ святкахъ. Тоди въ Кремянци такъ, якъ велыкдень. Плахты попидперизують, дивкы коснықы почепляють. И люде чысто одиваются, якъ у церкву. Сходятся люде зъ Ромодана, Стадни, Орихивщыны. У середу збирають цилый день по хутору два чоловика зъ общества изъ кошыкамы. Хто дасть яець, хто сала, хто локшыны, або пшона. Иде бабивъ пьять на яръ, пичкы покопають и варють людямъ: кашу молошну, изъ саломъ локшыну; а хлибъ беруть зъ дому несуть; кнышивъ тры—пьять; батюшци и спивакамъ курей жарять; горилкы за общественни гроши видеръ два, тры. Чы булы сциленія одъ сіи воды—намъ не въ памятку [2]).

Слѣдующее бывшее монастырское владѣніе—хуторъ Стадня. Названіе хутора происходитъ очевидно отъ слова стадо, такъ производятъ его и мѣстные жители. «Стадня зовется одтого, що

---

[1]) Т. е. взятые впередъ задатки.

[2]) Отъ М. Кривенковой. Въ сосѣднихъ селахъ хотя и освящаютъ криницы: въ Литвякахъ, въ урочищѣ Орловой, въ Бересточи на Заорахъ, и въ Волчкѣ въ Рудкѣ, Бранныхъ лозахъ, на толокѣ и въ Дубкахъ, но не на зеленыхъ праздникахъ, а въ день св. Георгія, и никакихъ обѣдовъ не дѣлается, и легендъ о криницахъ никакихъ нѣтъ.

стадо було чернече, тутъ стадныкъ[1]) жывъ». По другимъ предположеніямъ Стадня входила въ Матяшовскую толоку и здѣсь паслись всякія стада, а не только одни монастырскія. Такъ или иначе «зъ табунивъ, зъ пастухивъ завивсь и хутиръ». Старожилы помнятъ, какъ хуторокъ состоялъ изъ десятка хатъ, раскинутыхъ по правой сторонѣ оврага Матяшовки, вдоль его изгибовъ. Въ Стаднѣ встрѣчаются тѣ же преданія о старинѣ, что и у другихъ казенныхъ крестьянъ[1]). «Монахы людьмы работалы якъ киньмы и шлеи чиплялы. Якыйсь князь пробигъ, побачывъ и давъ знать. И тоди люде повернути у казенни крестьяне. И тоди було сутужно. За подати и за некрутивъ тоди облывалы водою на морози; бабу Дмытра Кочубея водылы до крыныци, облывалы, щобъ созналась де чоловикъ, который мався на службу иты. Роздяглы іи, а морозъ такый, що ажъ кыпыть, и вона не сказала, и не болила,—ще й жинка дрибнувата». Въ началѣ текущаго вѣка населеніе достигло 250 съ небольшимъ душъ (при дачѣ въ 125 дес.). Оно средняго роста, темнорусое. Темные волосы встрѣчаются въ родѣ Кочубеевъ, прежде отличавшихся долголѣтіемъ, такъ Леонтій жилъ 103, а Василь 110 лѣтъ. Кромѣ Кочубеевъ, въ Стаднѣ живутъ еще: Выорышки, Березняки, Кулиничи, Ляшенки и Шиши. Преданія о переселеніи затеряны.

Къ востоку отъ Литвяковъ, за сельской толокой тѣснятся на холмахъ у ручья Путивки два хутора: Путивцевъ и Церковный, въ разстояніи версты одинъ отъ другого и вблизи Миргородской границы. Названіе перваго хутора происходитъ отъ ручья, сливающагося здѣсь съ трехъ концовъ: отъ Ромодана, изъ Муравьевской степи, нѣкогда принадлежавшей гетману Апостолу, и отъ Бубликового Трактира, миргородскаго уѣзда, а второго—отъ близъ лежавшей церковной долины. Оба хутора основаны на степи, данной охочекомонному полковнику Ильѣ Новицкому Мазепой, потомъ утвержденной за его потомками позднѣйшими пра-

---

[1]) Пастухъ.

[1]) «Лѣсн. Лубенщ.» 43—47.

вительственными распоряженіями[1]). Въ «позвѣ» 1800 года Ивана и Александра Новицкихъ, найденномъ мною среди фамильныхъ бумагъ, обстоятельства этого пожалованія изложены такъ: «Прадѣдъ нашъ Илья Новицкій по Высочайшему отъ Всероссійскихъ Монарховъ пожалованію и по пріобрѣтенію куплею имѣлъ во владѣніи своемъ маетности: мѣстечко Снѣтинъ съ принадлежащими къ нему селами: Литвяками, Исачками, Хорошками, Окопомъ, Шеками; съ мельницами, рыбными ловлями, степомъ, пахатными землями и сѣнокосами, лугами, лѣсами, слободкою, хуторами и пустошами». Затѣмъ, въ числѣ потомковъ И. Новицкаго въ томъ же актѣ упомянута дочь бригадира Андрея Новицкаго Катерина, вышедшая замужъ за Чернушскаго сотника Шостака (Сотникова Катерина Шостакова). По обнародованнымъ же даннымъ сотникъ Шостакъ за долговременную и усердную службу произведенъ Румянцевымъ въ полковые Лубенскіе обозные, въ 1776 г.[2]) Съ Катериной Андреевной перешли въ родъ Шостаковъ: сады, левады, сѣнокосы въ Литвякахъ (Селище, Плаксинцы, Хмиливщына) и часть степи, на которой при новыхъ владѣльцахъ возникли оба указанные хутора. Шостаки, провладѣвъ этими хуторами съ половины XVIII до двадцатыхъ годовъ XIX в., вымерли. Послѣдній Шостакъ, Илларіонъ Григорьевичъ, жилъ въ Литвякахъ, на Селищѣ; по воспоминаніямъ старожиловъ былъ суровъ и высокомѣренъ. Переживъ своего единственнаго сына, онъ переселился въ прилукскій уѣздъ къ сестрѣ, гдѣ скончался въ 1818 г. и похороненъ на фамильномъ кладбищѣ Милорадовичей въ оградѣ Калюжинской покровской церкви. Сестра его Александра Григорьевна, жена бунчуковаго товарища Ивана Антоновича Милорадовича, была послѣднею въ родѣ Шостаковъ, согласно правилу mulier est finis familiae. Девятнадцатилѣтней статной красавицей, съ темными волосами и глазами, вышла она замужъ, и послѣ двадцатилѣтней счастливой семейной жизни

[1]) Стороженко. Охочек. полк. И. Ѳ. Новицкій въ «Кіев. Стар.» 1885 г., VI, 444—446, 457.

[2]) А. Базаревскій: 1) Очерки Полт. Лубенщ., 74, и 2) Распоряж. графа П. А Румянцева по управ. Малор. 28.

скончалась въ 1820 году и погребена возлѣ брата, оставивъ лубенское имѣніе дѣтямъ, изъ которыхъ гусарскій маіоръ Дмитрій Ивановичъ Милорадовичъ скупилъ части другихъ наслѣдниковъ. При немъ хуторное хозяйство велось въ большомъ порядкѣ, хотя владѣлецъ и жилъ въ прилукскомъ имѣніи въ Калюжинцахъ. Постройки, плотины, пруды поддерживались исправно. Запашка была незначительная вслѣдствіе дешевизны хлѣба; было 23 пары воловъ, но плуговъ трехпарныхъ только 4, да крестьянскихъ 7. Въ Крымъ ходило за солью два воза исключительно для экономическихъ и крестьянскихъ нуждъ. Въ хуторахъ содержалось небольшое стадо и табунъ рыжихъ лошадей, любимой масти Милорадовичей. Рыжій съ проточиной жеребецъ приведенъ изъ Калюжинецъ. Почти весь этотъ табунъ погибъ въ Сулѣ при слѣдующихъ обстоятелствахъ: «У Лытвякахъ утопывсь Оврамъ Ночовный; то прыкащыкъ Трохымъ нагнавъ табунъ, щобъ сбунтовать воду и щобъ мрець зорнувъ. Бовталы воду: чы не зорне. Замоталысь кони и подушылысь у води» [1]). Главной отраслью дохода были испанскія овцы; стадо въ 1500 головъ раздѣлялось на три части: валаховъ и между ними 25 барановъ, изъ которыхъ 5 главныхъ пріобрѣтены въ с. Бербеницахъ, лохвицкаго у., отъ замѣчательной хозяйки того времени В. И. Ходолѣй, урожденной Себастьяновичъ, матокъ и ярокъ или яроты [2]). Надъ стадомъ надзиралъ «отагасъ» [3]) Яковъ Недилька. Устраивая хутора, Шостаки населяли ихъ людьми частью изъ коренныхъ литваковскихъ крестьянскихъ семействъ, закрѣпощенныхъ еще Новицкими, судя потому, что одни и тѣ же крестьянскія фамиліи встрѣчаются во всѣхъ владѣніяхъ наслѣдниковъ Новицкихъ. Фамиліи эти: Кравци [4]), Курилы, Недильки и др.; часть крестьянъ: Кроли, Лаптіи, Ночовные и Щигли переведены изъ родовыхъ владѣній Шо-

---

[1]) Отъ Л. Кроля.

[2]) Ягнята по второму году.

[3]) Главный пастухъ.

[4]) Одинъ изъ нихъ «Кравець ткачъ пишовъ у Ромоданъ за пряжею зимнёи добы и дійшовъ тилькы до Лесивненкового саду. Заклякъ, зогнувсь и клубочкы въ руци».

стаковъ въ Чернухахъ. Печеные подошли изъ лохвицкаго уѣзда. «Иванъ Печеный зійшовъ бувъ и жывъ у Чорненькій, за Каховкою. Потимъ вернувсь и двi пары воливъ прыгнавъ изъ силью. У ёго була страшна пасика». Впослѣдствiи двѣ семьи Гусакивъ переведены изъ Токарей, лохвицкаго же уѣзда. Переселенцы изъ лохвицкаго уѣзда большею частью средняго или небольшого роста, цвѣтъ волосъ рыжеватый [1]). Всѣхъ жителей 183. За Церковнымъ хуторомъ на самой Миргородской границѣ, есть еще небольшой хуторокъ Лесивнекивъ, основанный вольноотпущеннымъ помѣщицы У. С. Юзычевской Никифоромъ Тимофеевичемъ Лесивненкомъ; земельной собственности до 200 десятинъ, и появленiе значительной движимости на этой землѣ создало слѣдующiе сказочные народные разсказы о причинахъ его обогащенiя. «Биглы розбойныки, а Нечипиръ Лесивненко ишовъ на степъ за Церковный хутиръ. Воны въ городи поризалы купцивъ и накралы добра; бижять, а Лесивненко де диться, та въ теренъ. Воны добиглы, узялы и спустылы бочонокъ у ставъ. А винъ тоди туды, вынявъ бочонокъ: серебро та червинци. Винъ бувъ парубокъ та пишовъ до Денысенка, каже: «Оддайте за мене дочку».—«Не дамъ, якъ бы ты не панськiй».—«Я не буду панськiй, я буду багачшый васъ».--«Тоди якъ выкупышся, будешъ у мене сватать». Такъ винъ пишовъ до Прудкого, Корнiя, каже: «Оддайте за мене Христю».—«Ни, хлопче, не оддамъ: паны у васъ хороши, такъ прыкащыкы будуть быть». Нечыпиръ показавъ ти гроши Христи, и тоди сказала Христя: «Не спыняйте, тату, пиду».—«Иды», сказавъ Корнiй. Лесивенко справывъ супрягу воливъ и то ставъ чумаковать, потимъ выкупывсь» [2]). Другой разсказъ говоритъ о

[1]) Урочища вокругъ хутора называются по именамъ мѣстныхъ жителей. О могилѣ Довгiй говорятъ. „Тамъ бувъ полосъ и йиздылы ёго дратувать, винъ бравъ хвистъ у зубы и гнавсь колесомъ; треба доброго коня щобъ утекты. Хведиръ копавъ, земля стугоныть—докопавсь—цегла". На степяхъ Новицкихъ построенъ еще хуторокъ Броварки, Снѣтинской волости, населенный крестьянами Негемблями, Палажченками и др.

[2]) Отъ Е. Передерiя. Денисенки и Заики, по уличному Прудки, Литвяковскiя козацкiя фамилiи.

болѣе позднемъ обогащеніи Лесивненка, послѣ женитьбы. «Покійный Нечыпиръ Лесивненко выйшовъ, повечерявшы, на святвечиръ. колы стоить на двори быкъ чорный, куцый. Винъ війшовъ у хату и сказавъ хазяйци: «Ходимъ быка загонымъ, прымандрувавъ». Тилькы що вдарывъ паличкою быка, такъ и посыпалысь гроши. Нечыпиръ одъ того й забагативъ» [1]). На самомъ дѣлѣ Никифоръ поджился еще у Юзычевской, у которой былъ довѣреннымъ лицомъ, покупалъ необходимое для экономіи, сдавалъ рекрутъ и т. д. Отпущенный на волю, онъ скупалъ землю за безцѣнокъ въ голодные годы, а однажды, продавъ панку, жившему подлѣ Хитцовъ, бочку водки, онъ получилъ платежъ также землей. Затѣмъ расширеніе хозяйства шло естественнымъ путемъ: образовалось 17 паръ воловъ, изъ которыхъ 12 паръ ходило въ «дорогу», а остальныя пахали землю; была своя череда въ сорокъ головъ; табунъ небольшихъ, выносливыхъ, горячихъ сѣрыхъ и вороныхъ лошадей, стадо мѣстныхъ овецъ (баранты) въ 100 головъ и большая пасика. Изъ многочисленныхъ дѣтей Никифора извѣстна своей трагической судьбой его дочь, черноокая красавица Марія. Выйдя замужъ за мѣстнаго козака, она вывела его изъ терпѣнія капризами и странностями, такъ что онъ привязавъ жену къ хвосту лошади, водилъ ее такъ по селу. Началось уголовное дѣло. Марія, простивъ мужа, повѣсилась [2]).

Оба описанные ручья Кремянка и Путивка, соединясь ниже хутора Чернечого, состоящаго изъ однихъ лишь экономическихъ монастырскихъ построекъ, безъ поселка, расширяются далѣе въ небольшой прудъ хутора Волчьей долины, расположеннаго надъ «Комышаномъ», большой дорогой, идущей изъ Лубенъ на м. Комышну, миргородскаго уѣзда. На мѣстѣ бывшаго пруда указы-

---

[1]) Отъ Е. Недилькиной.

[2]) Около описанныхъ хуторовъ то здѣсь, то там, по степи разбросаны отдѣльныя жилья литвяковскихъ козаковъ, и на Миргородской границѣ хуторокъ другого отпущенника Юзычевской Романа Бальвы, бывшаго засульскаго головы, также «настягавшого соби земелькы 70 десятынъ» и заведшаго небольшое хозяйство.

ваютъ слѣды водяныхъ мельницъ. «На ставыци йе стара яма, де булы Кулябськи млыны; выкопувалы пали и, кажуть, каминня два посада йе у ями». За хуторомъ ручей вьется среди рощи сребристыхъ тополей, бѣлые стволы которыхъ и вѣтви отражаются въ зеленоватой водѣ, и вливается въ Сулу на Волчковскомъ подолѣ, у моста. Хотя хуторъ хмурится съ глинистой горы, опушенной темнымъ лѣсомъ, на солонцоватую низину и могъ бы,—какъ я писалъ нѣкогда [1])—послужить обстановкой сцены литья пуль въ Волшебномъ стрѣлкѣ, но не хмурость мѣстности и не обиліе волковъ, а близость къ с. Волчку и принадлежность къ приходу послѣдняго дали названіе хутору. Какъ можно догадываться Волчья долина и выстроена на земляхъ, купленныхъ нѣкогда Кулябками у козаковъ с. Волчка: Шелудченковъ и Кузьменковъ [2]). Но о Кулябкахъ уже никто ничего не помнитъ, преемники же ихъ: Голованевы, Писаревичи, Юзычевскіе занесли въ хуторъ нѣкоторыя Черниговскія обыкновенія: паханье сохами и лошадьми, по зимамъ—плетеніе крѣпостными такъ называемыхъ плахъ, т. е. по 10 саженъ невода каждымъ хозяиномъ. «Древни хазяины» хутора носятъ слѣдующія фамиліи: Гусаки, Гудзёмы, Стрильци, Харапудьки, Ходусы, родомъ изъ черниговской губерніи Шапошныкы, «пидхожи зъ Березоточи». Населеніе высокаго роста, крѣпкаго сложенія, свѣтловолосое.

Въ средоточіи трехъ уѣздовъ: лубенскаго, миргородскаго и хорольскаго, на равнинѣ вокругъ панской усадьбы—красиваго каменнаго дома съ башней и обширнаго сада,—размѣщается большой хуторъ, носящій разныя названія: родовое Матяшивки, отъ протекающей вблизи рѣчки, берущей начало въ степяхъ миргородскаго уѣзда, Орихивщины, изрѣдка замѣняемой неправильной формой Ольховщины, Высокими Тополями и Парохивщиной [3]).

---

[1]) „Изъ народ. разск. о волкахъ“ въ „По морю и сушѣ“ Литер. прилож. I. Одесса 1895 г., 51.

[2]) Лазаревскій. Люди стар. малор. Кулябки. въ „Кіев. Стар.“ 1885 г., V, 8.

[3]) Названіе это, происходящее отъ слова парохъ—священникъ (parochus, лат. parochia, польск. и малор. парафія—приходъ), встрѣ-

Самое распространенное названіе «Орихивщина» сообщено хутору основателями его Орѣховскими, старой мѣстной фамиліей, возникшей вмѣстѣ съ Кулябками на развалинахъ Вишневеччины. Происхожденіе Орѣховскихъ неизвѣстно; печатныя данныя говорятъ лишь о томъ, что Яковъ Орѣховскій былъ въ послѣдней четверти XVII в. Лубенскимъ протопопомъ и присутствовалъ въ 1684 и 1692 г., со всею мѣстной знатью, при закладкѣ и освященіи каменнаго храма Мгарскаго монастыря [1]). Поземельныя же владѣнія Орѣховскихъ, гораздо меньшія владѣній другихъ историческихъ фамилій: Новицкихъ и Кулябокъ, и болѣе разбросанныя, заключались въ домахъ въ Лубнахъ, частяхъ селъ Кононовки и Засулья и с. Мохнача за предѣлами уѣзда [2]). Объ Орѣховщинѣ печатные источники умалчиваютъ, а изъ фамильныхъ преданій и бумагъ Леонтовичей, сообщенныхъ В. Н. Леонтовичемъ, за что приносится ему искренняя благодарность, видно только, что О. Яковъ завѣщалъ Орѣховщину сыну Евстафію, который, въ свою очередь, раздѣлилъ ее между сыновьями: протоіереемъ Иваномъ и бунчуковымъ товарищемъ Михайломъ, лукомскимъ сотникомъ [3]). Первый передалъ свою часть дочерямъ: Аннѣ, женѣ лубенскаго протопопа Феодора Барвинскаго, основавшей на этой части хуторки: Барвинщину и Маляриху, и Прасковьѣ, женѣ глуховскаго подкоморнаго комиссара Андрея Холодовича, продавшей свою землю бунчуковому товарищу Тимофею Криштофовичу; второй—единственному сыну Петру. Этотъ послѣдній, умирая бездѣтнымъ, передалъ все свое состояніе женѣ слѣдующимъ завѣщаніемъ. «1786 года, 6 Марта, лубенскій почтмейстеръ и титулярный совѣтникъ Петръ Михайловичъ Ореховскій уступилъ женѣ своей Домнѣ Даниловой, дочери Кандыбиной [4]), движимое, состоящее

чается въ старыхъ планахъ и актахъ, также картахъ лубенскаго у.—Народъ часто всѣ поселки по ручью Матяшовкѣ называетъ во множественномъ числѣ Матяшивки.

[1]) А. Лазаревскій. Отр. изъ лѣтоп. Мгар монаст. 1889 г., 7.

[2]) Его-же. Очер. Полт. Лубенщ. XVIII—XVIII в., 83, 84.

[3]) Лазаревскій. Оч. Полт. Луб. 108.

[4]) Изъ конотопскаго уѣзда.

въ сребрѣ, ценѣ, медѣ и другихъ вещахъ и фантахъ. Такъ-же жилой домъ со всѣмъ строеніемъ въ городѣ Лубнахъ и въ уѣздѣ лубенскомъ, состоящими моими подварками съ живущими въ нихъ крестьянами, леса, мелницы, такъ же и хуторъ, въ селѣ же лубенскомъ уѣздѣ на Матяшовкѣ находячейся съ крестьянами... за ея верность и искренность ко мнѣ и честное поведеніе [1])». По смерти завѣщателя, Орѣховская вышла вторично замужъ за Николая Павловича Леонтовича [2]), и имѣніе перешло въ родъ Леонтовичей [3]). Въ концѣ XVIII в. Орѣховщина была еще глушью. Рѣчка скрывалась въ вѣковомъ лѣсѣ. «Таке дерево було, що якъ глянь, то и шапка спада, було звирно». Въ лѣсу жилъ разбойникъ Матяшъ, отъ котораго будто бы получила названіе мѣстность. Возлѣ ромоданскихъ «роблениxъ могылъ» жили гайдамаки, навѣдывавшіеся къ Орѣховской, когда мужъ ея отлучался въ городъ, за добычей. «Давай, пани Домахо, борошна, горилкы, грошi, требовали они, а якъ не дашъ, мы тебе въ червони черевычкы обуемъ». Иногда пани, завидѣвъ гайдамакъ, убѣгала черезъ садъ въ городъ. Кругомъ разстилалась степь почти безъ признаковъ жилья. Только и было нѣсколько хатъ въ Ромоданѣ, да 5 хатъ въ Орѣховщинѣ. Уже при Леонтовичахъ, переводившихъ крѣпостныхъ изъ другихъ мѣстъ, населеніе увеличилось и въ настоящее время дошло до 500 слишкомъ душъ, помѣщающихся въ 110 хатахъ. Много людей приведено изъ роменскаго уѣзда и

---

[1]) Сохранено правописаніе подлинника.

[2]) По преданію онъ пріѣхалъ изъ Кіева.

[3]) Фамилія Леонтовичъ часто встрѣчается въ старой Малороссіи: къ ней принадлежали золотоношскіе сотники XVIII в., сотенный писарь (Лучицкій. Сбор. мат. 99, 193, 255, 256), бунчуковый товарищъ Иванъ Степановичъ, его сестра Настасія замужемъ за Семеномъ Полуботкомъ, сыномъ наказного гетмана (Гр. Милорадовичъ, Любец. архивъ. Кіев. Ст. 1895 г., IV, 35—48). Основной предокъ былъ Леонтій, такъ какъ зять Ив. Кулябки подписывался Леонтьевичъ, значитъ фамилія эта правобережная малорусская, а не польская.

поселено вокругъ панской усадьбы на Роминщинѣ [1]. На ней живутъ: Бабичи, Беззубы, Бондаренки, Бутузы, Горнаженки, Гордіенки, Гаидаи, Ладинскіе, Масюки, Мироненки, Рудичи, Роженки, за Роменщиной:—Дудниченки, Жуки, Кульченки, Паппуры, Потапенки, Прыйдакы, Розуменки, Скубіи, Хруленки и Щербины. Затѣмъ, часть жителей переведена за выгонъ, въ особый кутокъ, названный владѣльцами Севастополемъ, состоящій изъ пяти хатъ, населенныхъ: Волкобоями, Довгаленками и Панчуками, изъ Херсонской губерніи и с. Лазорокъ. Издавна, еще при старыхъ Леонтовичахъ, Орѣховщинѣ по праву принадлежало первое мѣсто среди окрестныхъ имѣній по обширному развитію хозяйства, вызванному соединеніемъ нѣсколькихъ причинъ: благодатной почвой, состоящей изъ тучнаго чернозема, выгоднымъ положеніемъ имѣнія при двухъ торныхъ дорогахъ: Ромоданѣ, идущемъ съ сѣвера на югъ, и Миргородскомъ шляхѣ,—съ востока на западъ, и особенно хозяйственными дарованіями и энергіей владѣльцевъ, умѣло использовавшихъ естественныя условія имѣнія. Такъ, уже Николай Павловичъ Леонтовичъ, второй мужъ Орѣховской, скупалъ земли сосѣднихъ помѣщиковъ: Криштофовича, Барвинскаго, Кулябокъ. Сынъ его Павелъ Николаевичъ остался двухъ лѣтъ круглымъ сиротой подъ опекой Кандыбъ, съ которыми принужденъ былъ впослѣдствіи вести иски, кончившіеся присужденіемъ ему 10 т. руб. Воспитывался онъ въ морскомъ корпусѣ, служилъ въ кавалеріи и женился на дочери роменскаго помѣщика К. С. Андріанопольской. Выйдя въ отставку [2]), онъ продолжалъ подобно

---

[1]) Урочища при хуторѣ называются: Борщева, Гамайдивщына, гдѣ будто бы жилъ первоначальный житель Гамайда, Цитый яръ, Подилъ, Протопипивщына, и поля казенныхъ крестьянъ: Гмарське, Вильшанське и т. д.

[2]) Ко времени выхода въ отставку относится слѣдующій семейный анекдотъ, переданный В. Н. Леонтовичемъ: Возвращаясь изъ военной службы, Павелъ Николаевичъ привезъ съ собой хорошенькую польскую панну и, представляя ее женѣ, сказалъ: «Я знаю, Катерина Степановна, шо вамъ важко хозяйнувать, такъ я вамъ помошныцю прывизъ».—„Спасыби тоби, мій голубе, шо ты мене и на войни не за-

отцу, покупать земли и округлять имѣніе, между прочимъ смѣнялъ хуторъ Кальбиху на сосѣднія земли, но скоро облѣнился, рано надѣлъ халатъ и, передавъ женѣ бразды правленія со словами: «Хазяйнуйте вы, Катерина Степановна, а я утомывся», оставилъ за собой лишь учетъ по имѣнію. Хозяйство Катерины Степановны, одной изъ трехъ женщинъ, укрѣпившихъ, а частью и создавшихъ благостояніе рода, сохраняло еще старо-малороссійскій патріархальный характеръ. Источниками доходовъ было небольшое винокуреніе, а водка сбывалась въ два собственные трактира: одинъ—построенный возлѣ Макаривського ставка, называвшагося такъ по имени шинкаря, дида Макара, и другой—помѣщавшійся на перекресткѣ Ромоданскаго и Миргородскаго шляховъ, въ средоточіи трехъ уѣздовъ и трехъ имѣній: Леонтовича, Трощинскаго и Базилевскаго. Каждый изъ владѣльцевъ открылъ здѣсь по трактиру, которые назывались: шинками трехъ скупыхъ. По преданію шинкарь Трощинскаго сжегъ два другіе шинка. Винокурня, какъ обыкновенно, давала и побочную выгоду: на бардѣ зимовались волы, лѣтомъ пасшіеся на степи. Степь нанималась также проходящимъ съ гуртами гуртовщикамъ и чумакамъ. До пятидесяти паръ воловъ ходило въ Крымъ за солью, которая сдавалась оптовымъ торговцамъ. Но хлѣбопашество и табаководство было невелико. Только при новомъ хозяинѣ, Николаѣ Павловичѣ, увеличена запашка, особенно пшеницы, также льна и другихъ масляничныхъ растеній, а количество плуговъ доведено до 20-ти трехпарныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличено и улучшено стадо двумя быками: монастырскимъ перистымъ и другимъ изъ завода помѣщика Мазараки, роменскаго уѣзда. Особенное вниманіе обращено было Николаемъ Павловичемъ, служившимъ въ гусарахъ, на коннозаводство, и предковская тяжелая, крупная порода лошадей, поведенная отъ датскихъ, голштинскихъ и мекленбургскихъ матокъ [1]), улучшена арабской кровью. Число матокъ

бувъ, отвѣтила жена, такъ мени помошныць не треба. Пылыпе! одвезы сю пани у городъ».

[1]) Эта порода лошадей завелась въ лубенскомъ и лохвицкомъ уѣздахъ со времени учрежденія въ 1739 г. при Аннѣ Іоанновнѣ воен-

доведено до 60-ти при 6-ти жеребцахъ, изъ которыхъ главный буланый, андалузской породы, пріобрѣтенъ изъ Драбовскаго завода князя Барятинскаго. Затѣмъ, число мериносовъ доведено до 3000 головъ.

Ближайшіе къ Орѣховщинѣ хутора: Барвинщина и Маляриха расположены на западѣ отъ нея, первый—на сѣверной сторонѣ Матяшовскаго яра, за помѣщичьей усадьбой, второй—на противоположной сторонѣ. Оба хутора, какъ выше приведено, входили во составъ Орѣховщины и перешли къ Барвинскимъ вслѣдъ за Анной Ивановной Орѣховской, вышедшей замужъ за крестоваго намѣстника, впослѣдствіи лубенскаго протопопа Федора Барвинскаго, по семейнымъ преданіямъ галицкаго происхожденія, но основавшагося въ Лубнахъ и пріобрѣвшаго тамъ домъ [1]). Покуда владѣльцами смежныхъ частей оставались родственники и свойственники, до тѣхъ поръ сохранялась и общая толока между хуторами, когда же Прасковья Холодовичъ продала свою часть бунчуковому товарищу Тимофею Криштофовичу, то послѣдній предъявилъ къ Барвинской искъ о раздѣлѣ толоки. Возраженія Барвинской заключались: 1, въ предоставленіи ей судомъ права выкупить часть истца, какъ свою прадѣдизну, 2, въ оставленіи толоки безъ раздѣла, такъ какъ на остающейся ей въ случаѣ раздѣла части она не могла бы выпасть свой и подсусѣдковъ скотъ, также принятыя ею на выпасъ 100 головъ чужаго скота. Оба эти требованія отвѣтчицы отклонены судомъ, какъ несовмѣстныя съ шляхетскими правами, и рѣшеніемъ 17 октября 1773 г. земскій судъ лубенскаго повѣта опредѣлилъ раздѣлить спорную толоку. Приведенныя требованія Барвинской суду, юридически ничтожныя, свидѣтельствуютъ только о томъ, что главный интересъ

ныхъ конныхъ заводовъ въ Малороссійскихъ и Слободскихъ полкахъ, а при императрицѣ Екатеринѣ II малорусскія лошади уже были отличныхъ статей и годились для кирасиръ. Лучшими, ближайшими заводами считались: Апостола и Кулябки, (П. Цорнъ. Еженед. для охотник. до лошадей. Моск. 1823 г., II, 19, 20, 24). Андреевой (Аренад. Запис. I, 81) и Манька.

[1]) А. Лазаревскій. Исторія. Очер. Полт. Луб. 86.

имѣнія во второй половинѣ XVIII в. заключался въ скотоводствѣ, а не въ хлѣбопашествѣ, и что тогда уже въ хуторѣ были подсусѣдки, вѣроятно предки настоящихъ крестьянъ. Мѣстныя народныя преданія о заселеніи хуторовъ передаютъ, что въ началѣ была только одна хата, въ которой жилъ крестьянинъ Чортокъ, «потимъ протопопъ ставъ зманювать людей, угожденіе имъ робывъ, покы не запысавъ соби, и сынъ ёго Кирило Федоровичъ пидъ голодный годъ людей попрыманювавъ, люде пидходылы; а пьять семей купывъ изъ Крутого Берега». Фамиліи этихъ жителей: Ворожбиты, изъ с. Хитцовъ, Дроботы изъ Засулья, Карпенки изъ с. Хильковки, хорольскаго у., Кравченки, Криворотьки, изъ Крутого Берега, Куріенки изъ Хильковки, Маховскіе изъ Ромодана, Мисюры изъ Михновецъ, Огаренко изъ Клепачей, хорольскаго уѣзда, Осташки изъ Ромодана, Павленки, Сердюки, Слюсенки изъ Хильковки, Сои, козаки изъ с. Березняковъ, хорольскаго у., теперь 185 душъ. Положеніе этихъ крестьянъ при Кириллѣ Федоровичѣ и послѣ было не изъ легкихъ, какъ вслѣдствіе неусыпности хозяина, такъ и отъ несоотвѣтствія размѣровъ хозяйства съ рабочими силами. Хлѣбъ изъ хуторной водяной мельницы нужно было отвозить на отдаленную винокурню въ Замостьи, подъ Лубнами, и эти поѣздки особенно изводили людей. Кромѣ того въ хуторѣ была еще сукновальня, и очень развитое скотоводство, овцеводство и коннозаводство. «Прыийде було изъ Житомира жыдъ, выбере лошакивъ и поведе. Табунъ коней и стадо тутъ паслось Хильчевського. И якъ винъ померъ, то прыслана зъ Хилькивки пастухомъ звистка: «Тикайте, бо вже старый панъ померъ, а то останетесь тутъ зъ худобою. Воны втеклы; скотъ же и пастухивъ завернулы, а кони втеклы».

Среди степи, къ западу отъ Барвинщины лежитъ маленькое село, удерживающее общее всей мѣстности родовое названіе Матяшовки по преимуществу. Это названіе мѣстные жители производятъ то отъ имени разбойника Матяша[1]), скрывавшагося въ сосѣднихъ лѣсахъ, то отъ имени перваго поселенца. «Розсказують,

---

[1]) Матвѣй.

що у Матяшивку у кибитци прыйихавъ якыйсь Матяшъ и поселывся на чыстій земли, на вильному степу и сказавъ: «Се мое!» Хто винъ бувъ не звисно». Во всякомъ случаѣ Матяшовка— недавнее поселеніе, до конца XVIII в. оно было хуторомъ и теперь еще часто можно услышать отъ матяшовця: «Я зъ сёго хутора». Ревизія 1764 г. о ней не упоминаетъ. Только съ основаніемъ мѣстнымъ помѣщикомъ, маіоромъ Ив. П. Литвиновымъ[1]), въ 1798 г. церкви св. Варвары великомученицы Матяшовка сдѣлалась селомъ. Старая церковь была дубовая съ тесовой крышей и на дубовыхъ торчахъ, почему подгнила, вмѣсто колокольни служилъ навѣсъ и должность причетниковъ исполняли крестьяне. Только въ 1878 г., пристроена колокольня, а въ 1891 г. перестроена и самая церковь[2]). Она стоитъ у самаго въѣзда въ село, отдѣляясь отъ полей только церковной оградой. Спустившись съ глинистаго пригорка, видѣнъ влѣво круглый холмъ, похожій формой на макитру и потому такъ и названный. Нѣкогда макитра принадлежала сотенному атаману Ильѣ Кондратковскому, поселившему на ней крестьянъ Галіивъ, по уличному Скубъ изъ Завадчины въ Лубнахъ. Восточную сторону яра за Макитрой занимаетъ Андрушена, нѣкогда значительное владѣніе штабъ-ротмистра Аѳанасія Андрузскаго, впослѣдствіи уничтоженное его женой, продавшей всѣхъ людей за Днѣпръ, помѣщику Маламѣ. Опустѣлая Андрушена вторично заселена изъ другого кута Бойковщины крестьянами: Котками, Ляшенками, Улитьками, Саями, Терещенками и Шишами. Сосѣдняя роща называется Андрускій

---

1) Въ церкви хранится Евангеліе съ надписью: «Сія книга куплена Господиномъ И. П. Литвиновымъ въ новь устроенную имъ церковь Матяшовскую Черниговской Малороссіи губерніи», словомъ «господинъ» напоминающую другую надпись: «Господній рабъ и бригадиръ подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ». Въ церковныхъ бумагахъ упоминаются: Аф. Андрузскій, Прокопъ Заецъ, Запорожній, Значко-Яворскіе, И. Кондратковскій, А. П. и Н. И. Кулябки, П. Н. Леонтовичъ, А. Мартосъ, Евд. Примиха и М. М. Скаржинскій—сосѣдніе паны.

2) А. Грановскій. Полт. эпархія. Полт. 1901 г., 388.

садъ. На восточномъ подгорьи крутого глубокаго яра, заросшемъ кустами, тѣснится рядъ избъ-мазанокъ, составляющій главный сельскій кутъ Бойковщину, названный такъ по имени преемниковъ Литвинова, генерала Бойка и его жены Елены Дмитріевны. Иногда и все село называютъ Бойкивщиной въ отличіе отъ другихъ Матяшивокъ. На Бойкивщинѣ живутъ: Демченки, Кривенки, Ляшенки, Руди, Сердюки, Черныши, Ющенки и др. За яромъ, въ которомъ прежде была винокурня, виднѣется Перерванка, населенная: Данильченками, Люльками, Сохнами и Шинкаренками. Въ дальнѣйшихъ кутахъ: Загребельи и Литовкѣ живутъ члены тѣхъ же фамилій. Всѣхъ жителей въ началѣ XX в. насчитывалось 411 душъ. Народъ выше средняго роста, темнорусый, среди женщинъ много миловидныхъ. Старожилы вспоминаютъ: «За Литвинова було хороше жыть: паръ по дви, по тры було воливъ, а якъ досталыся Бойкову, то не осталося и хвоста».

Къ югу отъ Матяшовки вдоль Хорольской границы разбросаны хутора, изъ которыхъ болѣе значительный Березинъ, основанный Солоницкимъ выходцемъ Ф. И. Березой[1]) на предковской землѣ. По воспоминаніямъ потомковъ онъ до 20 лѣтъ ходилъ безъ штановъ и пасъ скотъ, жилъ болѣе 100 лѣтъ. Возлѣ него поселились: Д. Пасичниченко и Г. Казюра. Отъ этихъ трехъ семей разросся хуторъ, въ настоящее время насчитывающій 264 души исключительно козацкаго населенія (при дачѣ въ 162 десятины)[2])

---

[1]) Березой называютъ главу парубоцкаго общества. Возлѣ хутора «въ Рядовихъ могилахъ выкопалы золотого коня и отправылы въ Петербургъ».

[2]) Менѣе значительные хуторки: Герасимовка, основанная помѣщиками Герасименками, поселившими здѣсь крестьянъ: Мартосенковъ, Соколенковъ и Шумеекъ, приведенныхъ изъ с. Новаковъ; Хорольскіе Колодязи, бывшее владѣніе Кучеровыхъ, изъ коихъ Иванъ былъ атаманомъ 2-й Лубенской полковой сотни и имѣлъ свой домъ въ Лубняхъ, (Лазаревскій. Оч. Полт. Луб. 83, 84.), населенные Демченками, Христиченками, и Кальбиха, гдѣ прежде была лишь земля Кулябокъ безъ жилья, теперь же тамъ живутъ въ двухъ хатахъ козаки Орловскіе.

Въ двухстахъ шагахъ отъ Матяшовки, въ сѣверномъ направленіи скрывается за горой хуторъ Свѣчковка, основанный Петромъ Кулябкой, почему старое названіе хутора было Панпетривка. Со смертью секундъ-маіора Александра Петровича Кулябки этотъ хуторъ перешелъ къ древней фамиліи Свѣчекъ, которыхъ главное владѣніе было въ пирятинскомъ уѣздѣ (Свѣчкино-Городище).

Въ предѣлахъ же лубенскаго уѣзда имъ принадлежали, какъ видно изъ завѣщанія Лубенскаго полковника Леонтія Свѣчки[1]), с. Оробьи, лѣса между Енковцами и Губскимъ и подъ Біевцами, сады въ Высшемъ Булатцѣ. Онъ былъ обознымъ въ 1672 г. и полковникомъ съ 1693—1696 г. Въ 1708 г. Свѣчки отстояли Пирятинъ отъ шведовъ[2]). Послѣдній представитель фамиліи Н. Л. Свѣчка былъ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка Лубенскимъ предводителемъ дворянства. Оба его сына кончили жизнь самоубійствомъ въ молодые годы. Зародышемъ хутора мѣстное преданіе признаетъ хатку, въ которой жила коровница Гапка Сребривна. Къ ней наѣзжали бурлаки, жившіе неподалеку въ ярахъ: Сёмому и Борщевому, «покы ще не уселылысь села и воны не розигналы». Населеніе хутора, большею частью «пидхоже», при вольномъ переходѣ, состоитъ изъ слѣдующихъ фамилій: Коденки, Кудрики, Малины, Мерзляки, Пигори, мѣщанскаго происхожденія, Сидоренки, Филоненки, Шакуны, изъ черниговской губерніи, Шеметы, Щипаны и Чернышi,—всего 334 души. Положеніе крѣпостныхъ Свѣчковки выгодно отличалось отъ положенія крестьянъ смежныхъ хуторовъ, какъ во времена Кулябокъ, такъ и при Свѣчкахъ. При первыхъ почти всѣ семьи были тяглыми, а иныя имѣли и по 2 пары воловъ, и ходили въ Крымъ за солью, при вторыхъ число тяглыхъ спустилось до половины.

Ближайшій къ Матяшовкѣ хуторъ въ западномъ направленіи у Миргородской дороги, Николаевка, названный такъ въ честь

---

[1]) „Кіев. Стар." 1891 г., I, 145—148.

[2]) Бант.-Каменскій. Истор. Мал. Рос. III, 106. Богдановичъ. Свѣд. о полт. губ. 1877 г., 28.

земскаго коммиссара Лубенскаго повѣта начала XIX в. Н. И. Кулябки, построенъ на равнинѣ, вокругъ квадратнаго выгона, надъ оврагомъ. Николаевка помѣщается посрединѣ сѣти хуторовъ, основанныхъ Кулябками на степи, ограниченной съ сѣвера Новичиной, съ востока Орѣховщиной, съ юга хорольскимъ уѣздомъ, а къ западу доходившей съ небольшими промежутками до Лубенъ. Степь эта частью пріобрѣтена, а частью захвачена Кулябками съ начала XVIII в.—«Кажуть, вспоминаютъ старожилы, що Кулябка купувавъ сей степъ по шагу за ступинь. Потимъ городъ воювавъ за сю толоку зъ панамы. Паны одвоювалы». Кромѣ этой степи Кулябкамъ принадлежали: дома и шинки въ Лубнахъ, хутора на Плютинцахъ у самаго города, пруды у Лысой горы; затѣмъ въ уѣздѣ: мельница и лѣсъ въ Александровкѣ[1]), села: Засулье, Шершневка, Высшій Булатецъ, Губское, Клепачи, Новаки, части Волчка и Бересточи[2]). Обогащеніе Кулябокъ въ половинѣ XVII в. мѣстный изслѣдователь старины К. П. Бочкаревъ ставитъ въ причинную связь съ разгромомъ имѣній Вишневецкихъ, упоминая, что еще въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка въ Николаевкѣ, въ сараѣ, хранился кузовъ золотой кареты съ гербомъ Вишневецкихъ: золотымъ крестомъ на красномъ полѣ[3]). Такъ или иначе, но фамилія Кулябокъ достигаетъ съ конца XVII в. важнаго мѣстнаго значенія по пословицѣ, приводимой покойнымъ А. М. Лазаревскимъ: Славны Лубны Кулябка́мы, а Хоролъ Родзянка́мы, занимая разныя должности полковаго уряда, а въ лицѣ Ивана Петровича Кулябки самую главную—полковницкую. Иванъ Петровичъ, несмотря на хорошее образованіе и заботы о просвѣщеніи полчанъ, представлялся современникамъ только съ ко-

---

[1]) Этотъ лѣсъ былъ въ дачѣ Александровки на Слѣпородѣ, а не Александровки у Лубенъ, принадлежащей бывшему городскому головѣ М. К. Шемету, какъ я ошибочно упомянулъ въ „Лѣсн. Лубенщ.“ на стр. 57, въ примѣчаніи.

[2]) Лазаревскій: 1) Очер. Полт. Луб. 83, 84; 2, Люди стар. Малор. Кулябки въ „Кіев. Стар.“ 1885 г., V, 8. См. также „Кіев. Стар.“ 1893 г. I, 172.

[3]) Очер. Луб. Стар. 19.

мической стороны. Въ современныхъ письмахъ его называютъ «полководцемъ» и «его шатостью». Между прочимъ невѣста его, Коченовская, вышла за Чеснока, а полковникъ со свитой долженъ былъ уѣхать изъ Лохвицы ни съ чѣмъ.[1]) Кажется причиной такихъ насмѣшекъ и неудачъ было волокитство Кулябки, несовмѣстное съ его пожилымъ возрастомъ и непредставительной, невзрачной наружностью. Однажды,—передавалъ мнѣ Я. С. Яблоновскій,—сотникъ Яблоновской сотни лубенскаго полка Андрей Яблоновскій, посылая нарочнаго козака съ важной бумагой, требовавшей точнаго отвѣта, въ Лубенскую полковую канцелярію, приказалъ ему: «Гляды мени, якъ отвитъ буде неакуратный, то будешъ бытый и ты и той, що пысатыме». Прійдя въ канцелярію, гонецъ засталъ тамъ какого то невзрачнаго человѣка, которому и передалъ приказаніе сотника буквально. «Гляды жъ, пыши зъ толкомъ, бо знаешъ якый у насъ сотныкъ—бытыме тебе и мене»! Невзрачный человѣчекъ оказался, однако, самимъ полковникомъ, который и написалъ сотнику о словахъ гонца; понятно, что послѣдній понесъ тяжкое наказаніе. Послѣднимъ владѣльцемъ Николаевки изъ Фамиліи Кулябокъ былъ упомянутый Николай Ивановичъ. Ему приписываютъ искорененіе разбойничества въ восточной части лубенскаго уѣзда, а также и особую суровость по отношенію къ крестьянамъ: «Винъ бувъ строгый, до стовпа вьязавъ, катувавъ людей». Онъ жилъ еще бариномъ. Винъ було йиде шестерыкомъ, разсказывалъ мелкій дворянинъ Назаренко, та: «пади, пади»! А я одною конячкою звертаю. «А винъ и не знае того, що й я панъ»! И что—же? Въ то время, какъ Назаренки мирно прозябаютъ въ своемъ хуторкѣ, послѣдній потомокъ Кулябокъ умеръ въ Лубнахъ въ горькой крайности и самое воспоминаніе объ этой фамиліи разсѣялось какъ дымъ[2]). Сначала

---

[1]) Лазар. Очер. 68, 73.

[2]) Послѣ смерти бездѣтнаго Н. И. Кулябки хуторъ перешелъ по женской линіи дочерямъ бывшаго Лубенскаго предводителя дворянства Пл. Ив. Милорадовича, сына Зеньковскаго помѣщика Ивана Семеновича (Сказан. о родѣ граф. и двор. Милорадовичей. Кіевъ. 1884. 118, 120).

въ Николаевѣ было только четыре хаты: Кириленковъ. Ковалей, Мякотъ и Романенковъ. Откуда они явились—неизвѣстно. Позднѣйшіе же крестьяне подошли при вольномъ переходѣ: Бази[1]) изъ Солоницы, Борщи, Ганжи и Дорошенки изъ роменскаго уѣзда, Калениченки изъ Калайдинецъ, потому что у Кулябокъ на Матяшовскихъ хуторахъ люди жили порядочно въ экономическомъ отношеніи и рѣдко у кого не было воловъ. Всего жителей теперь до 400[2]).

Послѣдній хуторъ въ области рѣчки Матяшовки—Терновщина, расположенъ на правомъ, крутомъ берегу ея. За хуторомъ, у панской усадьбы рѣчка обращается въ большой, продолговатый прудъ. Въ началѣ пруда лишь однообразный рядъ вербъ съ коричневыми вѣтвями и узкими листьями, да промелькнувшая на горѣ хата отражаются въ водѣ; посрединѣ берегъ покрытъ купами бальзамическихъ и серебристыхъ тополей, и отраженіе ихъ свѣтлыхъ, бѣлыхъ стволовъ ложится на темную воду во всю ширь пруда. По обѣимъ сторонамъ пруда разбитъ садъ съ плодовыми деревьями новѣйшихъ иностранныхъ породъ и длинными аллеями, оканчивающимися просвѣтами съ видами на монастырь и недалекія уже Лубенскія горы. Названіе Терновщана не первоначальное. Прежде хуторъ извѣстенъ былъ лишь подъ родовымъ названіемъ Матяшовки, потомъ по имени перваго владѣльца Лубен-

---

[1]) Базя по толкованію Основы (1862 г., IX, 118) дѣтское слово, означающее овцу, а по Словар. „Кіев. Стар.“, стр. 9,—ягненка.

[2]) Къ области рѣчки Матяшовки принадлежатъ два хуторка: Сауловщина, прежде принадлежавшая Мартосамъ, потомъ помѣщику Асауленку, населенная: Биланами, Падунами, Сербинами, Ставицкими и др., всего 135 душъ, и Кондрацивка, населенная людьми, четырехъ владѣльцевъ: Кондратковскихъ, изъ которыхъ одинъ былъ сотеннымъ атаманомъ. Ф. И. Кондратковскій служилъ въ 1812 г. въ малороссійскихъ козакахъ. У нихъ были крестьяне: Друцкіе, Стригуны, Прихидьки. Затѣмъ владѣльцы Скаржинскіе водворили Диденковъ и Хилюковъ изъ своего хутора Круглика, а Кучеровы: Королей и Петренковъ изъ с. Воронинецъ. О четвертомъ владѣніи Денисенка ничего неизвѣстно, родъ ихъ прекратился. Всѣхъ жителей 100 душъ.

скаго полкового сотника Карпа Значка назвался—Значковымъ и только по переходѣ отъ Значковъ къ Прилукскимъ Тарновскимъ получилъ настоящее свое названіе. Отъ какого именно Значка[1]) и на какомъ основаніи перешло право собственности на хуторъ къ Тарновскимъ, мнѣ неизвѣстно; изъ противорѣчивыхъ же разсказовъ мѣстныхъ крестьянъ слѣдуетъ думать, что хуторъ проданъ за долги съ публичныхъ торговъ. «Значко, говорятъ старожилы, зазычывъ у барыни Уляны Михайловны Тернавськои [2]) 50 т. рубливъ, а сынъ ёго прогулявъ усе. Сынъ служывъ до того, що прыйшовъ пишкы изъ полку. Барыня требувала у ёго грошей, не вытребувала; вона була удова, знайшла соби облеката Грандынського. Выхлопотавъ винъ, прыйшовъ риздвяныммы празныкамы, показуе бумагу и каже Значкови: «Теперъ уже не твоя Матяшивка, а моя. Значко узявъ бумагу тай укыпувъ у грубу, а груба саме топылась. Такъ облекатъ йиздывъ упять десь у сынодъ и выхлопотавъ упять бумагу». Начало хутора положено было Яворскими у пруда, около панской усадьбы. Здѣсь поселены крестьяне: Бабенко и Обцелюкъ. Они были «винныками» на панской винокурнѣ, и когда, случалось, неудавалась водка или пропадалъ заторъ, то панъ забиралъ у нихъ хлѣбъ изъ дому. Фамиліи остальныхъ крестьянъ: Безносы, Вивчаренки, Глущенки, Головченки, Дворови, Кочерги, Кухаренки, Латы, изъ Марковки, Ляшенки, Мирошниченки, Початки, Рыбки и Черныши. Происхожденіе ихъ неизвѣстно. По фамильнымъ преданіямъ Безносовъ, предокъ ихъ былъ изъ козаковъ. «Мій дидъ, разсказывалъ Павелъ Безносъ, бувъ не тутешній. Упередъ булы платежи велыки, ніякъ не оплатышься. Якъ прыйдуть правыть та нема грошей, то пидіймуть, розирвуть тынъ, туды ногамы застромлять

---

[1]) Въ бумагахъ Матяшовской церкви упоминаются: Андрей, Аполлонъ, Даніилъ и Николай Карповичи Значки-Яворскіе. Теперь эта фамилія почти совершенно уничтожилась

[2]) „Тернавська родомъ була Кочубіевна“. По другому разсказу: „Се хуторъ пограбованный. Значко у карты програвъ ёго Тернавському у Полтави разомъ зъ киньмы, зъ каретою и кучеромъ“. (Отъ П. Безноса).

чоловика и сутки тамъ винъ стремыть. И дидъ мій тамъ стремивъ. И голого кыдалы въ ополонку въ воду. И черезъ то пидходылы до панивъ, що хто въ пана жыве, съ того не правылы. Старый Значко бувъ хорошый чоловикъ, винъ сказавъ диду: «Иды видсиля. Мыкыто, бо якъ запышуть у ревызію, буде тоби худо». Ну, такъ же и зробылось». Крестьяне (200 душъ съ небольшимъ) высоки, довольно полны, сложены крѣпко. По преданію, Тарновская привезла съ собою въ Терновщину двѣнадцать дивчатъ и выдала ихъ за мѣстныхъ парней, но эта чужая примѣсь не измѣнила коренного типа жителей, такого же, какъ и въ окрестныхъ хуторахъ, и мѣстныя, тяжеловатыя молодицы и дѣвки, румяныя, круглолицыя ничѣмъ не напоминаютъ прилучанокъ съ ихъ легкимъ станомъ, овальными лицами и темными волосами. Въ святочныхъ и свадебныхъ обыкновеніяхъ мѣстныхъ жителей много своеобразнаго. Подъ новый годъ молодежь ходитъ по хатамъ вмѣстѣ, не раздѣляясь на отдѣльныя группы парней и дѣвицъ, и одна изъ дѣвушекъ переодѣта парнемъ[1]); а молодая, приглашая на свадьбу падаетъ на колѣни и кладетъ поклоны[2]). Народныя пѣсни и сказки хорошо сохранились, есть сказки о Сандрильонѣ и на другія интересныя темы. Памятникомъ пребыванія Тарновскихъ въ хуторѣ остались лишь нѣсколько старыхъ яблонь и грушъ, похожихъ на прилукскіе сорта фруктовъ, да еще бальзамическія тополи, какими полны прилукскіе панскіе сады. Затѣмъ хуторъ купленъ владѣльцемъ сосѣдней Яновщины.

Хуторомъ Квиткинымъ, расположеннымъ на западной сторонѣ Тернавскаго пруда, за полемъ возлѣ солонцовъ[3]), открывается новая группа хуторовъ въ области рѣчки Солоницы, ближайшей къ Лубнамъ. Часть крестьянъ выстроилась отдѣльно отъ главнаго хутора вдоль Миргородской дороги. Хуторъ основанъ Ищенкомъ, о которомъ сохранились слѣдующія крестьянскія воспоминанія. «Винъ не зъ великихъ панивъ, ёго батько бувъ чо-

---

[1]) См. мои: „Рождест. свят.“, 14.

[2]) Въ моихъ: „Народ. обр. и пѣсн. луб. у.“, 121.

[3]) Матер. къ оцѣн. П. луб. у., 47.

ботарь та вывчывъ сына грамоти; сынъ зробывсь пысакою здоровымъ, ёго и паны боялысь. Якъ жинка Марьяна прогнала ёго, то винъ купывъ соби дви десятыны, а зъ тихъ двохъ да розрослось на трыста. Ищенко поставывъ горнычкы и хатокъ двое». Жители, 60 съ небольшимъ душъ, «пидхожи» изъ с. Bересточи, частью же изъ роменскаго уѣзда, живуть: Гранченки, Козины, Соломки на старомъ хуторѣ, а Москаленки, Полывяни, Прони и Старосвиты—на выселкѣ. Они записаны въ ревизію еще Ищенкомъ. Въ семействѣ Полывяныхъ[1]) сохранился разсказъ о закрѣпощеніи предка. «Лазоръ Полывяный ставъ орать изъ двома сынамы, а Ищенко выйшовъ, поздоровавсь, спрашуе: «Чію пывку орешъ»?—«Свою».—«Ну, прошу по сусидськи въ гости». Поты гулялы, покы панъ каже: «Останcь у мене прыкащыкомъ, буду тоби платыть по карбованцю у мисяць и до казенной повынносты не допущу». Батько ставъ и потимъ уже до ревызіи бувъ за прыкащыка. Поты жывъ батько, покы поспысувавъ панъ ёго землю у свои кныжкы». Отъ Ищенка хуторъ перешелъ къ Андріапопольскому, а отъ послѣдняго по женской линіи къ Квиткамъ, отъ которыхъ и получилъ названіе.

Поодаль отъ Миргородской дороги, на топкой низинѣ виднѣется хуторъ Яковлевъ или Дяченкивъ, также Березотоцкаго происхожденія. Березотоцкіе козаки Яковлевы, жившіе, а частью и теперь живущіе на старинномъ Березотоцкомъ кутѣ Билыкивськимъ[2]), ведутъ свой родъ отъ одного изъ первыхъ священниковъ с. Бересточи Якова Ивановича Яковлева[3]), вѣроятно изъ тѣхъ великороссовъ, которыхъ Московское правительсто посылало въ концѣ шестидесятыхъ годовъ XVII в. на украинскіе приходы ради сближенія разрозненныхъ исторіей народностей[4]). У свя-

[1]) Они же вспоминають о голодѣ: „У голодный годъ Ищенко годувавъ людей брагою. Пудъ мякынъ замишувалы у бразі и выдавалы по $1^1/_2$ ф. на душу. Люде не хотилы йисты, дня по чотыри ничого не йилы.

[2]) Снѣт. Стар. 13.

[3]) А. Грановскій. Полт. эпар. 389.

[4]) П. Матвѣевъ. А. С. Матвѣевъ въ прик. Мал. Рос. въ „Рус. Мысли", 1901 г., VIII, 1.

щенника было два сына: дьякъ и пономарь. Отъ должности перваго получено Яковлевыми ихъ уличное названіе Дяченки. Когда и по какому поводу перечислены Яковлевы въ козаки—неизвѣстно. Хуторъ ихъ застроенъ недавно бывшимъ засульскимъ головой Иларіономъ Ивановичемъ. Всѣ еще помнятъ высокаго, виднаго старика, человѣка добраго, благороднаго характера; долго бывшаго земскимъ гласнымъ, а подъ веселую руку умѣвшаго поплясать не хуже дида въ Гоголевскомъ «Заколдованномъ мѣстѣ». За головой перебрались на родовую землю какъ другіе члены рода, такъ и сторонніе Берестоцкіе козаки: Бѣлокуры, Михайленки, образовавъ хуторъ въ сто душъ. Жители высокіе, плотные люди, изъ хуторянокъ выходятъ пышныя, бѣлокурыя матроны[1]).

Къ югу отъ Тернавщины, на равнинѣ, межъ двумя рѣчками, Матяшовской и Сухой Солоницей, размѣщается вокругъ выгона хуторъ Яновщина. Мѣстные старожилы расказываютъ, что осажденъ онъ помѣщиками хорольскаго уѣзда Запорожскими, почему прежде назывался Запорожчиной. О способѣ пріобрѣтенія ими поземельнаго владѣнія подъ Лубнами ничего не говорятъ ни устныя, ни письменныя данныя. Установить личность владѣльца возможно помощью слѣдующей надписи на одной изъ богослужебныхъ книгъ Засульской церкви: «Симъ евангеліемъ снабдена церковь св. и всехвальнаго апостола Андрея Первозваннаго с.

---

[1]) Далѣе къ западу, вдоль Миргородской дороги, разбросаны отдѣльныя хаты: Левченка (Гусаря), Мисюръ (Землянокъ) и два хуторка: Вербицкихъ, 6 хатъ, Лубенскаго мѣщанскаго происхожденія (А. Лазаревскій. Малор. переписн. книги. Кіевъ. 1900 г., 36), и Александровича, дворянской фамиліи, происходящей отъ священника Лубенской Троицкой церкви послѣдней четверти XVIII в. Алексѣя Александровича. (А. Грановскій. Полт. епарх. 355—359). Я. А. Александровичъ былъ женатъ на трехъ женахъ: „друга жинка Барвинскивна, трегя Шаревська". Отъ послѣдней остался одинъ сынъ. Въ хуторѣ при крѣпостномъ правѣ было 15 душъ: Дѣдъ, Мисюренковъ, Захарченковъ и др. Теперь 6 хатъ, 56 жителей; при крѣпостномъ правѣ былъ 1 четырехпарный плугъ и 100 простыхъ овецъ.

Засулья прихожанъ одной церкви отъ надворнаго совѣтника и кавалера Андрея Запорожскаго и жены его Анны Ограновичевой въ память благоговѣнія ихъ ко святой церкви. 1813 г., августа 15 дня, цѣна 200 руб.» Эта же надпись даетъ основаніе предположить, что Запорожскій получилъ землю въ приданое за женой, такъ какъ Ограновичи, прежде называвшіеся Карніевичами, имѣли владѣнія вокругъ Засулья [1]). Устныя крестьянскія воспоминанія о Запорожскомъ незначительны. «Винъ бувъ на патрети нарисованый на всю стину якъ есть. За Запорожського було добре жыть: було 12 хазяивъ и 12 плугивъ выходыло. Винъ каже: «орить хлопци, щобъ було мени и вамъ, а я буду кашу варыть». Варыть винъ, а воны орють». Преемники Запорожскихъ Яновскіе, давшіе настоящее названіе хутору, происходятъ отъ перваго Лубенскаго еасаула Януша Михайловича [2]), внукъ котораго Кондратъ, жившій въ Клепачахъ и имѣвшій домъ въ Лубнахъ [3]), занималъ одно время урядъ Снѣтинскаго сотеннаго атамана. Сынъ его гофрейтъ-капралъ Лубенскаго карабинернаго полка, Петръ, жилъ также въ Клепачахъ, и только внукъ, Яковъ Петровичъ, родившійся въ 1799 г., извѣстный юристъ, служившій въ лубенскомъ повѣтовомъ, полтавскомъ генеральномъ и межевомъ судахъ, пріобрѣлъ Запорожчину отъ Аркадія и Агрипины Запорожскихъ, какъ видно изъ фамильныхъ бумагъ [4]), и развилъ здѣсь

---

[1]) А. Лазаревскій. Очер. Полт. Лубенщ. 104.

[2]) Упоминается у Лазаревскаго въ Очерк. Полт. Луб. подъ 1667 г., стр. 76.

[3]) Ibid 83, 84.

[4]) Между этими бумагами, значительно испорченными мышами, встрѣчаются остатки Литовскаго статута и разные указы, много исковыхъ дѣлъ, завѣщаній, купчихъ крѣпостей, свидѣтельствующихъ о слѣдующихъ цѣнахъ на земли; въ 1828 г. продана нива Сивоглазомъ мѣрой 1 дес. за 21 р. асс., въ 1831—32 годахъ: 3 дес. за 100 руб., 1 дес. нивы за 40 р., грунтъ за 50 р., въ 1833 г.—два грунта Андріанопольскимъ за 200 руб. Кромѣ юридическихъ и экономическихъ бумагъ есть еще Вирша запорожцевъ гетману съ поздравленіемъ съ Пасхой. Изъ вещей сохраняется древняя полукруглая сабля съ рукоятью слоновой кости въ ножнахъ, отдѣланныхъ серебромъ.

значительное хозяйство. Водка изъ Клепачовской винокурни продавалась въ двухъ собственныхъ трактирахъ: на Миргородскомъ и Хорольскомъ шляхахъ. Въ экономіи было 16 паръ воловъ, четыре панскихъ и три крестьянскихъ плуга пахали землю. Три воза посылалось въ Крымъ за солью. Въ хуторѣ находилось: стадо молочныхъ коровъ съ чорнымъ лысымъ быкомъ, небольшой табунъ породистыхъ [1]) матокъ, случавшихся въ 40-хъ годахъ съ казенными жеребцами, а въ 50-хъ съ рыжимъ жеребцомъ Лесивненка; потомъ съ своими: воронымъ и гнѣдымъ, легкихъ, верховыхъ статей; также стадо шпанки въ 1000 головъ, при 30 баранахъ, купленныхъ въ Черноморіи [2]). Жителей при крѣпостномъ правѣ въ хуторѣ было такъ мало, что приходилось брать на работы крестьянъ изъ другой экономіи—Крутого Берега. Даже при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости «на землю йшло усёго 23 души». Теперь размножившееся населеніе достигаетъ 107 душъ, носящихъ слѣдующія фамиліи: Биланы, родомъ изъ хорольского у., Бойченки, Бондаренки—изъ Крутого Берега, Бохони—изъ сосѣдней Тернавщины, Коврыги—изъ Духовой, Коныкы, Осадченки, Сайки, Самченки и Сухины, «пидходычи, пидходци». «Мы, кажуть воны бувало, изъ Шершневки, казацького роду».

---

[1]) Въ свидѣтельствѣ Полтавской Земской конюшни 1848 г., за № 352, рыжая матка Яновскаго обозначена кобылой арабской породы.

[2]) Первыя попытки императора Петра I-го завесть племенное овцеводство въ Малороссіи, которую „Богъ благословилъ паче иныхъ краевъ Россійскаго государства способнымъ воздухомъ къ размноженію овецъ и обширной шерсти“,—неудались; неболѣе удачны были и опыты императрицъ: Елизаветы и Екатерины. Болѣе успѣшно пошло дѣло въ XIX в., и первыя овчарни заведены въ полтавской губ. Сушковымъ въ 1800 г., а въ Новороссіи французскими эмигрантами Рувье, Рене-Вассалемъ и нѣмцемъ Миллеромъ, съ правительственной субсидіей, (Ф. Шмидтъ. Овцевод. и шерстевѣд, перв. Е. Фалькова. С.-Петерб. 1863 г., 34, 35). Изъ послѣднихъ овчарень и были, вѣроятно, куплены бараны Яновскимъ.

За Яновщиной пріютился возлѣ панской усадьбы, рощи и сада, небольшой хуторокъ Купьеваха или Барановскій, на равнинѣ у слившихся ручьевъ: Матяшовки и Сухой Солонпцы, проходящихъ мимо сосѣдняго хутора Войнихи и впадающихъ далѣе къ западу въ Сулу. Первое названіе хуторокъ получилъ отъ свойствъ мѣстности—купья, купины, означающихъ болотистую, кочковатую трясину [1]); второе—отъ имени владѣльцевъ. Младшая дочь Барановскаго вышла замужъ за капитана Анастасьева. Откуда населены крестьяне: Били, Богданы, Загинайлы, Куки, Пасичниченки, Прихидьки, Самойленки и Ткаченки, всего 80 душъ, живущихъ въ 14 хатахъ, неизвѣстно. Освобождены они изъ крѣпостной зависимости безъ надѣловъ.

По предположенію нѣкоторыхъ мѣстныхъ жителей, между хуторами: Купьевахой, Войнихой и Солоницей, къ сѣверу отъ Войницкаго моста въ направленіи къ Купьевахѣ, долженъ былъ происходить бой Наливайка съ поляками. Такое предположеніе основано на частыхъ находкахъ сосѣдними крестьянами остатковъ оружія: пищалей, изломанныхъ сабель, пуль, бомбъ и пушекъ, одну изъ которыхъ крестьянинъ Ив. Рóманъ продалъ въ музей г-жи Скаржинской [2]). Наконецъ, по приводимому ниже народному сказанію, самая большая пушка погружена въ томъ же ручьѣ вправо отъ моста. По другимъ предположеніямъ поле битвы помѣщаютъ у хутора Квитки, гдѣ замѣтны слѣды какихъ то земляныхъ сооруженій; нѣкоторые отодвигаютъ это поле еще дальше отъ Лубенъ [3]). Однимъ словомъ, достовѣрно лишь то, что побоище Наливайка происходило, какъ свидѣтельствуетъ исторія,

---

[1]) Въ мѣстной легендѣ, упоминаемой, но, къ сожалѣнію не приводимой К. П. Бочкаревымъ (Очер. Луб. Стар. 17) первое названіе хутора производится неправильно отъ купы тѣлъ, оставшихся послѣ сраженій Наливайка, тогда какъ болотистыя кочки во всей Малороссіи называются купьями.

[2]) Кромѣ того на томъ же полѣ найдены еще слѣды военнаго обоза: котелъ, чернильница, люльки, копья. (Кіев. Стар. 1901 г., Археолог. лѣтоп. 207).

[3]) Бочкаревъ. Очер. 17.

на Солоницѣ, но такъ какъ названіе это родовое и обнимаетъ значительную мѣстность, то опредѣлить болѣе точно поле битвы до новыхъ изслѣдованій невозможно. И самое воспоминаніе о Наливайкѣ стерлось въ Лубенщинѣ, потому что дѣятельность его развивалась на правомъ берегу Днѣпра и никакого ближайшаго отношенія къ данной мѣстности не имѣла. Самые тщательные мои поиски доставили лишь слѣдующій краткій разсказъ, записанный отъ столѣтняго почти дида с. Берестовчи Николая Демяновскаго: «Про Налывайка було балакають... Винъ бувъ воинъ, Польща за нымъ гналась—чы що... Винъ тикавъ на Лубенськiй мистъ, та вскочывъ у бурьянъ, такъ ёго поймалы та въ котёлъ затаскалы, огонь пидъ котёлъ клалы и спеклы. Пеклы на симъ боци Лубенського мосту. Була про ёго и писня,—такъ не докажу».

По всѣмъ вѣроятіямъ изложенный разсказъ, изображающій славнаго рыцаря, persona krasna польскихъ хроникеровъ, свареннымъ въ ухѣ, подобно окуню, представляетъ собой проникшее въ народъ и извратившееся сказаніе лѣтописцевъ о сожженіи Наливайка въ Варшавѣ [1]). Затѣмъ воспоминаніе о Наливайкѣ сохранилось еще въ мѣстной пословицѣ: «Чого ты жмурышся, якъ

---

[1]) Напр. въ южн. рус. лѣтописи, изданной Бѣлозерскимъ, сказано: Наливайка въ Варшавѣ на мѣдномъ волу Ляхи спалили (55); у Самовидца:—гетмана... на мѣдномъ волу спалено (3); то-же у Бант. Камен. (гл. XII, 157), и Костом. (Отр. изъ истор. ю. р. козач. въ Библ. для чтен. 1865 г., янв., кн. II, 35). Затѣмъ самый фактъ сожженія подвергнутъ сомнѣнію (П. Кулишъ. Укр. паны и коз. въ Рус. Обозрѣн. 1895 г., III, 117, и Костом. Крашанка Г. Кулиша въ Вѣст. Евр. VII, 736), а дума изъ „Запорож. Стар.“:

А въ Варшави та на ради та судьи судылы
Та спалыты Налывайка въ волу прысудылы...

—по языку, пріемамъ и извращенію фактовъ признана поддѣльною. (См. Костом. Истор. поэз. Вѣст. Европ. 1874 г., XII, 623, 624, и Вл. Антоновичъ и Драгомановъ. Истор. пѣс. т. II, предисл. II). Вѣроятно эту думу слышалъ разсказчикъ Демяновскій и называетъ ее пѣсней о Наливайкѣ.

Налывайко?» Другая поговорка, относящаяся, впрочемъ, ко всему періоду польско-козацкихъ войнъ, а не къ одному только солоницкому эпизоду гласитъ: «У мене слово не короливське, у мене слово крипке якъ олево!» очевидно намекая на частое нарушеніе договоровъ поляками.

Хуторъ Войниха растянулся линіей вдоль большой Хорольской дороги, такъ называемаго Горошинскаго Ромодана, за плотиной и мостомъ, перекинутымъ черезъ ручей Войниху. Какъ ручей, такъ и хуторъ получили названіе отъ войнъ, о которыхъ у мѣстныхъ жителей сохранились такія смутныя преданія. «По Войныху була швецька, по сей бикъ нашого. Петро первый одвоювавъ до Полтавы. Петро Войныху взявъ, тамъ було сраженіе, до Лубень не пущено. Булы войны и замырення. Гетманы воювалы изъ шведамы. Везлы шведы пушку и будто вона не захотила, чы що, и вона заклята, тутъ іи заклалы, и такъ осталась. Указують пропасть, трясовыну, не можна й скотыни пройты. Якъ оралы, то пули выкопувалы. Шведъ чы що воювавъ, стычка була на Войныси. Побидывъ билый царь, шведа забравъ у плинъ. У Войныси везлы пушку, та вона провалылась у гнылушу, засытылась и тамъ заклякла, такъ чого вже не робылы и молебствовалы, а пушкы не вытяглы».

Хуторъ Войниха основанъ лѣтъ 200 тому назадъ Кулябками, устроившими здѣсь водяныя мельницы, и переселившими для надзора за ними три семьи: Борщей, Голованей и Дудокъ, а затѣмъ еще слѣдующихъ крестьянъ: Бардаковъ, Дейкалъ, Дорошенкивъ, Марченкивъ, Михайленкивъ, Тринёкъ и Стригуновъ, всего теперь 127 душъ, изъ роменскаго, хорольскаго и миргородскаго уѣздовъ. Владѣльцы никогда здѣсь не жили, а лишь изрѣдка наѣдывались, останавливались у приказчика Ромодана. Положеніе крестьянъ до освобожденія было крайне тяжелымъ «Тяглыхъ не було, а тяглы уси день и ничъ» [1]).

[1]) Возлѣ Войнихи разбросаны слѣдующіе хуторки и отдѣльныя хатки: Очеретькивъ, казенныхъ крестьянъ, купившихъ землю у помѣщика Зеленскаго, родомъ изъ с. Нехристивки, лохвицкаго у., Якименкивъ (Туркачей), и хуторокъ Баранья, состоящій всего изъ двухъ хатъ.

Вблизи Войнихи за полемъ лежитъ козачій хуторъ Кошелыха или Кошиль у ручья того же имени, котораго русло похоже на кошикъ (котомку), откуда будто-бы произошло и названіе хутора. По другому словопроизводству названіе это происходитъ отъ слова кошъ, обозначающаго временное жилье или помѣщеніе. «Прежде, якъ хто стане куренемъ, або возомъ, то звуть: кишъ тай кишъ». Принимая въ соображеніе, что татарское слово кхошъ обозначаетъ какъ лѣтнее пастбище [1]), такъ и сводное стадо [2]), и что описываемая мѣстность входила въ составъ обширнаго пастивника, слѣдуетъ признать послѣднее словопроизводство болѣе правильнымъ. Осадилъ Кошелиху засульскій козакъ Андріецъ, выстроившій хату и принявшій къ своимъ двумъ дочерямъ пріймаковъ: Волошка и Левченка. Отъ нихъ произошла большая часть настоящаго населенія Кошелихи, достигающаго 152 душъ; меньшую часть составили козаки Назаренки, переселившіеся сюда изъ родового хутора, расположеннаго поодаль, въ направленіи къ селу Шершневкѣ.

Къ западу отъ Купьевахи и Войнихи, за полемъ битвы расположена деревня Солоница у рѣчки того же имени, возлѣ «царства типичныхъ солонцевъ съ соляными озерцами и солончаковой флорой» [3]). Отсюда, отъ качества почвы происходитъ названіе рѣки, а затѣмъ поселка, не отъ «солонои крови», наполнившей рѣчку послѣ пораженія Наливайка, какъ разсказывали мѣстные крестьяне К. П. Бочкареву [4]), между прочимъ потому, что названіе Солоница древнее, вѣроятно, какъ и названіе Войнихи, еще княжескаго періода [5]) и во всякомъ случаѣ существовавшее раньше столкновенія Наливайки съ Жолкевскимъ, такъ какъ Баторій еще въ 1578 г. выдалъ Байбузѣ грамоту на пустыню рѣкъ: Сулы, Удая и Солоницы, неосаженную людьми [6]).

---

[1]) „Лѣто на Кавк.“ въ Рус. Мысли 1901 г., IV, 79.

[2]) П. Кулишъ. Польск. колониз. Ю. З. Руси, въ Вѣстн. Евр. 1874 г., III, 18.

[3]) Матер. для оцѣн. зем. II. лубен. у., 47, 52.

[4]) Очер. Луб. стар. 17.

[5]) Арендаренко. Зап. о Полтав. губ. II., 308.

[6]) Лазаревскій. Ист. очер. мѣстн., состав. Прилук. полкъ, въ Кіев. Стар., 1900 г., IV, Прилож. 2.

Качества почвы, давшія названіе селу, избытокъ въ ней хлористыхъ, сѣрно- и углекислыхъ солей, воспрепятствовали также росту садовъ и даже дикихъ деревьевъ, такъ часто Солоница представляется обнаженной и лишь у церкви виднѣется небольшая роща. Солоница возникла съ начала XVIII в. [1]) въ видѣ козацкаго хутора у такъ называемаго Майдана или Майданця— площадки посреди села, и разрасталась по линіи параллельно рѣчкѣ Солоницѣ или Солонивкѣ, къ которой спускается часть грунтовъ. Отъ Войнихи, съ восточнаго края села рядъ хатъ носитъ названіе Сахнивки, отъ основного козацкаго рода Сахнивъ, здѣсь помѣстившагося. Кромѣ Сахновъ здѣсь живутъ еще древнѣйшіе роды: Ляшенки, Погребляки, и позже пришедшіе: Шашими—изъ Засулья, и Стадниченки—изъ Покровской Богачки, хорольскаго уѣзда. Къ сѣверу отъ Майдана живутъ Радченки и Бородавки. На западъ по направленію къ Лубнамъ, на старинной улицѣ Рудивкѣ, встрѣчается другой древній козацкій родъ: Якимци или Якименки, предокъ которыхъ, прійдя въ Шершневку и купивъ тамъ помѣрокъ за 8 гривенъ и рѣшето гречки, потомъ перебрался въ Солоницу. Остальные жители Рудивки: Руденки, Охрименки, Герасименки и Левченки—пришлые. Далѣе въ направленіи къ Лубнамъ стоятъ новѣйшія хаты: Ващенковъ, Заманей и Моренцовъ, такъ называемая Новоселивка, а сѣвернѣе Рудивка-Янкивка, жилье Янкивъ. Такъ размѣстился въ Солоницѣ преобладающій козачій элементъ. Незначительное крестьянское населеніе: Шматкивъ, Шурхачей и Никитенковъ заняло улицу Крацкихъ, къ сѣверу отъ Сахнивки. Отношеніе этихъ крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ: капитану Кратченку и его женѣ Маріи, напоминавшихъ классическихъ Филемона и Бавкиду, а также нашихъ Афанасія Ивановича и Пульхерію Ивановну, представляются милой идилліей среди крѣпостной прозы. Капитанъ Кратченко началъ службу въ 1812 г. въ войскахъ, сражавшихся съ Наполеономъ, семпадцатилѣтнимъ мальчикомъ, потомъ дожилъ до 99 лѣтъ. Въ послѣднее время онъ ходилъ въ халатѣ на барашкахъ. Жена его была на одиннадцать лѣтъ моложе, ходила въ старинномъ чепчикѣ въ формѣ фургона, обшитомъ кружевцомъ, и съ ридикюлемъ въ рукахъ. Въ домѣ пахло цикорнымъ кофе и пер-

---

[1]) Лазаревскій. Истор. Очер. Полт. Лубенщ. 105.

цемъ. У Кратченка было много рукописныхъ замѣтокъ и старыхъ книгъ, а также образовъ и картинъ изъ исторіи ветхаго завѣта. Куда исчезли рукописи—неизвѣстно, а иконы пожертвованы въ церковь. Крестьяне обрабатывали землю и кормили Кратченковъ, которые, умирая бездѣтными, подарили имѣніе своимъ кормильцамъ.

Посреди села, изъ-за рощи, выглядываетъ совсѣмъ новенькая церковь, построенная въ 1894 году, а освященная въ слѣдующемъ. До того Солоница принадлежала къ Засульскому приходу. Причиной выдѣленія Солоницкаго общества въ особый приходъ было размноженіе населенія, а ближайшимъ къ тому поводомъ послужилъ отказъ засульцевъ приблизить къ Солоницѣ перестраиваемую засульскую церковь. Самое соглашеніе мѣстныхъ жителей о постройкѣ своей особой церкви носитъ настолько бытовой характеръ, что необходимо упомянуть о немъ. Для этого соглашенія жители сошлись на площадь за селомъ и приказали старостѣ принесть икону, предъ которой каждый житель выразилъ бы свое согласіе на постройку церкви и далъ обѣтъ о пожертвованіи. Сельскій староста, исполняя приказаніе, снялъ со стѣны въ одной хатѣ образъ святителя Николая и принесъ обществу. Икону положили на столъ, покрытый скатертью и ситцевымъ платкомъ. Люди подходили, крестились, цѣловали икону и каждый объявлялъ жертвуемую сумму, а писарь записывалъ. Такимъ образомъ набралось 4900 р. Тогда же рѣшено учредить престолъ въ честь Мирликійскаго святителя, потому что въ появленіи именно его изображенія, принесеннаго старостой, увидѣли указаніе свыше. Послѣдній фактъ свидѣтельствуетъ между прочимъ, что для опредѣленія причины и смысла названій какъ церквей, такъ и поселеній, урочищъ, вообще предметовъ, должны быть изслѣдуемы обстоятельства каждаго даннаго случая, одни же общія заключенія опасны.

Прихожанъ въ Солоницѣ 1217 душъ, изъ которыхъ только восьмая часть крестьяне, остальные козаки. Народъ средняго и небольшого роста, темнорусый, по замѣчанію мѣстнаго сельскаго школьнаго преподавателя очень способный и склонный къ образованію.

На противоположномъ берегу рѣчки находится родовой хуторъ Зайкевичей, старой мѣстной дворянской фамиліи, происходящей изъ Лубенской войсковой старшины, населенный кресть-

янами: Васенками, Криворотьками, Недѣльками, Реутенками и Севертюками. Въ хуторѣ былъ домъ и винокурня владѣльцевъ. Войсковой товарищъ Прокофій Григорьевичъ Зайкевичъ имѣлъ въ XVIII в. еще домъ въ городѣ, упоминаемый А. М. Лазаревскимъ [1]), отъ какого дома остался лишь сволокъ съ надписью 1759 г. У Прокофія Зайкевича было три сына, изъ которыхъ только Романъ Прокофьевичъ, женатый на Шеревской, оставилъ потомство. По семейнымъ воспоминаніямъ онъ полюбилъ свою будущую жену, проѣзжая верхомъ на конѣ и увидя ее, въ рубашкѣ и бѣлой юпкѣ жавшей съ рабочими. Объ одномъ изъ его внуковъ, покойномъ Николаѣ Егоровичѣ, директорѣ Мелитопольскаго реальнаго училища, знакомые передаютъ какъ о личности выдающейся. Въ душѣ его свѣтилась искренняя любовь къ дорогому отечеству, милой Малороссіи, и первоначальная дѣятельность покойнаго посвящена была въ качествѣ преподавателя Лубенской гимназіи малорусскимъ дѣтямъ. «Молодыя алчущія общенія души учениковъ—выражаясь его языкомъ—находили въ немъ серьезнаго друга и руководителя». Памятникомъ свѣтлаго ума и благороднаго сердца Николая Егоровича остается статья его «О воскресномъ отдыхѣ».

В. Милорадовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) См. Истор. Очер. Полт. Лубенщ. 83, 84.

ПРОПАЩА СЫЛА.

Повисть.

(Продолженіе [1]).

VI.

Слызька дорога.

Хто спускався на громаку зъ высокои горы?.. Спершу не то спускатысь,—у ныз страшно глянуты... Якъ у перше сядешъ на громака, якъ подумаешъ,—де той у Бога нызъ,—волосся подерется вгору... А громакъ все йиде внызъ, усе внызъ... холодъ проймае душу, на лоби питъ выступае... Дойидешъ до гребиня горы, спустышся прожогомъ у нызъ—тоди вже николы боятысь... Духъ захоплюе, якась звиряча радисть проймае тебе,—у тебе тилькы и думкы: колы бъ швыдче, колы бъ швыдче! Така сама думка проняла и Чіпку, якъ винъ, прыйшовшы до пана въ гости, спустывся въ комору зъ пашнею... Попорався якъ

---

1) См. Кіев. Ст. 1903, № 7—8.

знавъ; вырнувъ,—та й наткнувся на сторожа... Чы панъ, чы пропавъ?.. На слызькій дорози бильше пропадае пидъ такый часъ... Отже Чипко не такои натуры, щобъ самъ-на-самъ, звертавъ кому зъ дорогы... Не звернувъ винъ и сторожу, а кынувъ харчаты пидъ коморою—ледве жывого...

Спыть Чипка. Совисть, задобрена горилкою, ёго не мучыла; страху винъ зроду не знавъ; пшеныцю вергаючы, втомывся, та й спавъ у себе въ берлози, наче писля тяжкои праци... Уже сонце встало; люде почалы снуваты по селу; а сонъ усе не выпускае ёго зъ своихъ цупкыхъ рукъ,—ранкомъ ще мовъ мицнище давыть... А скризь по селу, якъ дзвоны дзвонять—про крадижку, про сторожа... Заворушылыся, загомонилы: хто? якъ?

— А вже не хто, якъ не оти харцызякы!—гомонять люде, показуючы рукою въ той бикъ, де Чипчына хата.—Що дня пьють та гуляють... завищо? Хай спершу—гулялы на худобу того чортового сына, а теперъ же—все чысто пропывъ, матиръ прогнавъ... зъ чого жъ ёго, якъ не красты?

Така поголоска дійшла и до волосты... А що жъ? може и правда—миркують мижъ собою волосни,—та заразъ кынулысь до Чипкы.

Прыйшлы на дворыще, обійшлы навкругы городъ, заглянулы въ хливець, у загороду—чы не прыховано чого; голова навить покорпысавъ палыцею гній, що зоставсь писля конякы и коровы... ниде ничого! Повернулы до хаты, хата була засунена. Поторгавъ голова дверы,—нихто не озывается. Тоди пидійшовъ пидъ викно, глянувъ у розбыту шыбку; спыть Чипка на полу, ажъ хропе...

— Гей ты!—гукнувъ голова. Видчыны! Чувъ? Чипко? чы якъ тебе? Видчыны!

Чипка почувъ скризь сонъ чужый голосъ, поворухнувся на другый бикъ, замурчавъ, та й знову заснувъ.

Одынъ зъ соцькыхъ зайшовъ за хату, пидійшовъ до дирявого прычилького викна, сунувъ Чипку пидъ бикъ палыцею. Чипка кынувся.

— Кый тамъ чортъ штовхается?—пытае зъ просоння.

— Видчыняй, злодюго!—гукае розсердывшысь, голова.—Видчыняй, а то дверы выламаю... гирше буде!

— А ты що за птыця?—пытае Чипка, протыраючы очи.—Я тебе выламаю!!

— Быйте дверы!..—крычыть голова. Вьяжить ёго злодюгу!

Уразыла така мова Чипку.

— А ну, бый-бый... чы зубы будуть цили?

— А чому жъ ты не видчыняешъ?.. Гайдамака!.. Ты сю ничъ кравъ у пана? Ты сторожа прыбывъ, душогубе?...

— У якого пана? якого сторожа?—позихаючы та потягаючысь, пытае, мовъ и не винъ, Чипка.

— Не знаешъ у якого пана? Ты не знаешъ, якый у насъ панъ?.. Злодюго! Видчыняй!..Мы тебе трусыты прыйшлы.

— Трусыть?.. Добре... Трусить. Що жъ? иды трусыть!—каже Чипка, пидводячысь.

Незабаромъ дзенькнувъ засовъ—у хату увійшовъ голова зъ пятьма чоловикамы соцькыхъ.

— Шукайте... трусить скризь!--гукае голова соцькымъ.

Чипка пидперъ спыною одвирокъ, стоить мовчкы, дывытся, що буде дали. Соцьки кынулысь по всихъ куткахъ, заглянулы пидъ пичъ, пидъ пилъ, лазылы на пичъ, перекыдалы на доливци солому... ниде ничого!

— Ведить ёго у волость!—порядкуе пислям трусу голова,—та звьяжить ёго, щобъ не втикъ бува!

— Ни!.. цёго не буде, щобъ я дався звьязаты... За що ты мене звьяжешъ?—вызвирывся на голову Чипка.

Соцьки зъ верёвкою до Чипкы... Запалалы въ ёго очи.

— Геть-те, люде добри!—крыкнувъ, рукою одвившы верёвку...—За що ты мене вьязаты хочешъ,—я тебе пытаю?—до головы.

— За те, що ты злодюга, розбышака! Ничнои добы зализъ у комору до пана, чоловика прыбывъ.

— Хто бачывъ?

— Уси кажуть.

— Хто вси?

— Усе село каже, що ты зъ Лушнею, та Пацюкомъ, та зъ Матнею. Васъ, тилькы чотыри на все село йе, що день-у-день пьете, гуляете, та розбышакуете...

— Що пьемо та гуляемо, то такъ; а що мы розбышакы,— брехня!

— А за що жъ вы пьете?

— А тоби яке дило?.. Онъ бачъ. Добра була повна хата, а теперъ одна пустка зосталася...

— Та що зъ тобою довго балакаты? Вьяжить ёго! Вьяжить— та ведить у волость, та въ городъ, та въ тюрму... тамъ зъ тобою побалакають...

— Стережиться, люде добри, лыхои годыны!—Чипка каже соцькымъ.—Не слухайте отого старого дурня... я и такъ пиду, колы треба. Винъ дума, якъ голова, то и велыка цяця?!

Голова, мигъ бы, очыма бъ ёго ззивъ; та гляне—Чипка якъ огонь...

— Накыдайте на ёго арканомъ?—крычыть голова, штовхаючы соцькыхъ...—Вьяжить ёго, бугая дыкого!..

— Ось ну-ну!—гризно глянувшы та зложывшы кулакы, каже Чипка. Ось попробуй... Отъ, тоби хрестъ;—голова на вьязахъ не всыдыть! За що ты мене вьяжешъ, га? Хто бачывъ, що я кравъ, або вбывъ кого? Колы въ волость треба,—скажы... Я самъ пиду... Ты думаешь—страшна мени твоя волость? Куды жъ пакъ!! Ходимъ... заразъ ходимъ! Та вхопывшы шапку, накынувъ на плечи драну свытыну, що на полу була розислана замисть постели,—першый выйшовъ зъ хаты... За нымъ слидомъ голова и соцьки. У волости Чипка заставъ уже товарыство; по ныхъ ходывъ пысарь зъ другымы соцькымы. Зибравшы всихъ до купы, голова помиркувавъ зъ пысаремъ, та й позачыняли ихъ у чорну— покы прыйиде становый.

Мотря того лыхого дня прокынулась, ще тилькы стало на свитъ благословытысь. Ще все село спало, а вона прокынулась.

— О-охъ! щось мени не спыться... такъ погано спала, такъ погано! Та сны таки недобри верзлыся,—хвалытся баби.—На серце наче хто каминь навернувъ...

— Та то воно видъ думокъ: утиша іи баба.

— Мотря помолылася Богу, умылася и сила за гребинь—сумна, зажурена.

Черезъ годыну, а може и черезъ дви,—сонце вже пиднялося,—увійшла въ хату сусида—Хивря Дмытренчыха. Поздоровкалась.

— Чувалы новыну?

— Яку?

— Сю ничъ пана обикрадено. Щось дуже багато забрано... и сторожа прыбыто... чы й дожыве до вечора...

— Господы Боже!—шепче Мотря, зитхнувшы.—

— А оце вашого, Мотре, повелы въ волость... або и не повелы, а винъ повивъ... Самъ уперёдъ йде, а ъз-заду голова зъ соцькымы... А винъ имъ щось таке вычытуе, такъ вычытуе!..

Якъ почула це Мотря,—поблидла на выду, заткнула въ мычку веретено—та мутнымы очыма дывылася на Дмытренчыху; жаль, досада, и разомъ страхъ выглядалы зъ іи жовтыхъ очей. А дали не выдержала,—залылася слёзамы:

— Сыну жъ мій, дытыно моя, краще бъ я тебе въ землю своимы рукамы закопала, нижъ отаке чуты про тебе!

— Та чого ты, Мотре, такъ себе мучышъ?—обизвалася баба.—Може, то ще брехня. Мало на кого не брешуть.

Не чуе Мотря утихы,—плаче. Дали встала, накынула на плечи кожушынку—и, згорбывшысь, боса. выйшла зъ хаты.

— Куды ты, Мотре,—пытае баба.

Ни слова Мотря,—пишла, зигнувшысь, мовъ не до неи ричъ. Тяжка печаль одбырае и слухъ и мову.

Сусида,—ще молода молодыця—якось болизно усмихнулася, зглянулась зъ бабою—и ничого не сказала. Тыхо та важко стало въ хати, якъ у лёху. Бабына онука Хрыстя,—дивка симнадцяты литъ,—нызенька, не красыва, чогось важко зитхала на всю хату;—зитхання іи такъ и загускло, такъ и окрыло всихъ. Голова въ

кожнои схылылася; очи въ нызъ потупылысь. Кожна щось думала сама про себе.

— Що то—маты!—черезъ скилькы часу глухо промовыла баба. Іи зневажають, зъ хаты выганяють ридни диты; а ій усе такы шкода!

Ни сусида, ни онука ничого не одмовылы, тилькы ще сумнипи сталы

Мотря майнула ажъ у волость. Чипкы вже не застала: посадылы въ чорну. Якъ сова, згорбывшысь, скарлючывшысь, ходыть вона кругомъ чорнои; погляне на невелычки, зализомъ перевыти, виконця,—та плаче-плаче. «Хочъ бы мени его побачыты! Хочъ бы мени одно слово видъ ёго почуты! Хай бы я знала: чы правда тому, що люде кажуть»? Стала вона прохаты соцького, щобъ пустывъ до сына. Соцькый не пустывъ.

— Голова прыказувавъ—никого не пидпускаты, не то що... ажъ покы не прыйиде становый.

— Я на одну хвылыну, мій голубе!—молыть Мотря.

— Не можна, матусю: и ключъ узявъ изъ собою.

Походыла Мотря ще коло чорнои; поплакала ще трохы; та й пишла до-дому, сумниша нижъ сюды прыйшла. Давылы іи жалисни слёзы; жалилась вона и на голову, и на пана, жалилась и на соцького,—жалилась на увесь мыръ—на панивъ, що давлять мужыкивъ, на мужыкивъ, що прутся въ паны. Матерыне серце заклекотало проклёнамы на ввесь свитъ! Жаль у матерынимъ серци не мае спыну, не знае угаву.

А Чипци зъ товарыствомъ—байдуже! У чорній завелы жарты.

— Отъ, не зналы де выспатысь! И тыхо, и безпешно. Спы соби,—соцькый стереже, щобъ бува хто не вкравъ.

— Якъ бы сюды горилкы зъ пиввидра,—одказуе Матня,— то хочъ бы и до вику сыдиты. Попывавъ бы по троху, зайидавъ варенькамы, та спавъ.

— Де бъ же ты взявъ!—пытае Пацюкъ.

— Голова бъ прынисъ... винъ зъ людей надравъ, а намъ—оддавъ!

— Сподивайся, покы опухнешъ зъ голоду, зъ холоду,—увернувъ Лушня.

— А справди—холодно. Отъ-бы погриться!—знову за свое Матня.

— Грійся—въ тисноп бабы!

— Цуръ ій! Якъ бы горилка. То и бабы не треба!

— А мени якъ бы дивчына,—каже Лушня.

— То и я бъ до тебе прыставъ у прыймы,—шуткуе Пацюкъ.

— А, знаете що, братця?—не слухаючы ихъ розмовы, каже Чипка.—Якъ тилькы розвьяжемось зъ цимъ диломъ,—у першу жъ нічъ голову обшахраты. Та не такъ якъ пана... а онъ-якъ! Хай знае погань, що винъ не хто-небудь, а нашъ братъ Савка—тилькы що наздыравъ зъ биідноты, дукачемъ ставъ. Теперъ, бачъ, у паны лизе, кырпу гне.

— Добре! ій-Богу, добре!—провадять уси въ одынъ голосъ.—Якъ лыпку, облупымо... та й пысаря заврядъ.

— А то—дывысь пакъ: хотивъ мене вьязаты!—Я тебе, кажу, сучого сына, якъ звьяжу, той до вику не розвьяжешся!

— Та ну-бо... такъ и сказавъ?

— Ій-Богу! А за що жъ винъ мене вьязаты сикается? Ты спершу докажы, що я тамъ бувъ, а тоди вже—и на верёвку. Страхавъ тюрмою. Побачымо—кажу—хто тамъ першый буде: чы безвевынный бидакъ, чы багатырь, що сыритське добро зайидае?

— Що жъ винъ?—пытае Лушня.

— Мовчыть, пуздрата собака,—мовъ не до ёго ричъ.

— Ну, а розскажы намъ,—обизвався Пацюкъ: якъ ты впорався зъ сторожемъ... то—те жъ чоловикъ ручый.

Чипка ставъ шыроко розсказуваты, якъ винъ полизъ у комораю, якъ наткнувся на сторожа, якъ борюкався пидъ коморою, покы той не захарчавъ.

— То ты такы добре ёго помнявъ?—пыта Лушня.

— Та знатыме, що въ добрыхъ рукахъ побувавъ. Якъ насивъ, то тилькы стогне,—вже и не крычыть, якъ спершу, а тилькы стогне.

— Отъ, и пропавъ чоловикъ!—каже Пацюкъ.

— Хай не лизе, куды не слидъ!—одказавъ Матня за Чипку.

— И то правда,—закинчывъ ричъ Лушня, та й зитхнувъ.

Уси замовклы. Мовчавъ и Чипка. Швыдко поснулы.

На другый день прыйиздыть становый. Клыкнулы Чипку. Становый давай ёго роспытуваты.

— Знать—не знаю, видать—не видаю! Я, каже, чотыри дни вже зъ хаты не выходывъ.

Поклыкалы другыхъ. И ти те жъ саме: не знаемо, вперше чуемо!

Одвелы ихъ знову въ чорну; знову замкнулы на замокъ двери. Становый пойихавъ, а ихъ звеливъ ще крипше держаты, щобъ не далы бува дёркы.

Сыдять хлопци день; сыдять другый, сыдять и третій. Йисты имъ дають... чого ще? Лежать соби, высыпляются, та точать одынъ одному балясы зъ баляндрасамы, а иноди и правду розсказують, прыгадуючы коженъ свои прыгоды. Одынъ Матня сумуе.

— Чого ты, Якыме, журышся? пытають ёго.—Та хай увесь мыръ зійдется та доказуе, то й то ничого не вдіе: не булы и не знаемо ничого... отъ и все!

— Та не въ тимъ, братця, сыла, що кобыла сыва! А ось уже четвертый день, якъ горилка була въ роти... ажъ вуха попухлы.

Смихъ та регитъ пиднявся въ чорній видъ того тяжкого суму; а Якымъ знову за свое:

— Сміются?! И якого биса имъ смишно?! Хиба не правда, що вуха попухлы? Ій-же Богу, поробылыся якъ вареныкы завбильшкы. А имъ смишно!

Чипка ажъ за жывитъ берется та регоче:—О-охъ... охъ!... о-охъ, лыхо!... вуха попухлы! Якъ вареныкы... ха-ха-ха! О-охъ! Дай хочъ духъ перевесты, а то помру зо смиху! о-охъ, охъ! Матня одвернувся видъ товарыства, насунувъ шапку на очи, лигъ черевомъ у пызъ на доливци.

Цилый тыждень просыдилы хлопци въ чорній, ажъ покы зъ города не прыйихавъ чыновныкъ, та не повыпускавъ.

— Глядить же, хлопци, не забувайте!—гукнувъ Чипка зъ дорогы, прямуючы зъ чорнои до свого двору.

— Добре... не забудемо!—видгукують ти, скрываючысь въ улыци, що вела напрямкы въ шынокъ. На другый день голосыла по селу чутка, що прошлои ночи якись страшыдла, въ билыхъ сорочкахъ, у чорныхъ бородахъ, зъ носамы, якъ крючкамы, зъ однымъ окомъ у лоби, якъ у песыголовцивъ,—убралысь до головы въ хатыну, де винъ спавъ и куды николы никого не пускавъ;—звьязалы голови рукы и ногы; накрылы кожухомъ; забралы велыку сылу грошей,—та и булы такы.

Загвалтувало село видъ краю до краю: пишлы суды та пересуды, та поговирка. Настала робота языкамъ—и дебелымъ чоловичымъ, а надто гострымъ, та довгымъ жиночымъ.

Це, выдно, Господь его карае за безневынни слёзы!—якъ сокырою рубае одна жинка середъ цилои юрбы сусидокъ.—Просывся торикъ мій чоловикъ, щобъ запысалы въ выселенци... не запысавъ! Оце жъ ёму за те! Колы бъ ще и пысареви. Пять карбованцивъ зидравъ... жывцемъ зидравъ... останни зидравъ. Казавъ: запышу... на казенный коштъ вырядять... земли щось десятынъ зъ трыдцять дадуть... а теперъ—такъ! И не запысавъ, и грошн пропалы.., щобъ ёму добра не було!

Це такъ гомонилы одного ранку. А на другый—чутно: пысаря ограбовано! Рукы ёму верёвкамы до ногъ поскручувано; натушковано на его зверху кожухивъ, подушокъ,—такъ що якъ вытяглы ёго, то питъ у тры ручьи лье; а самъ—мовъ ракъ печеный. Якъ бы, каже, ще хочъ зъ пивгодыны такъ пополежавъ, то задавывся бъ!

— Хто жъ то такый?—пытають ёго.

— А чортъ его знае! Якись татары—не татары, не по нашому розмовляють; та сміются вражи сыны!

— Оце такъ! Ну, теперъ,—каже ёму голова,—одынъ одному сміятысь не будемо. Тилькы мени щось чудно: и до тебе тры, и до мене тры. До мене жъ таки марюкы, що якъ глянувъ, то и умеръ: и до тебе—кажешъ—чы туркы, чы татары. Воно тутъ щось йе. Я догадуюсь, що це воно, та мовчу, покы що. Ось хо-

димъ лышъ до волосты! Пишлы до волосты: а дорогою все щось одынъ одному говорылы: чы то радылысь, що ёго робыты; чы жалилыся, що имъ роблено.

А люде ихъ такъ очыма и проводять; та якъ у дзвоны дзвонять про крадижку. И знову вси показують на Чипку зъ товарыствомъ.

Отже якъ не пыталы, якъ не шукалы—ничого! Уже головыха зъ пысарыхою йиздылы кудысь у село до цыганкы—ворожкы.—Набрехала вона имъ и про чорнявого, и про билявого, взяла по полтынныку зъ кожнои, та тилькы всёго. Потрусылы ще разъ Чипку,—ничого не знайшлы. Пропало!

Диждавшы недили, голова заклыкавъ батюшку, одслужывъ молебень, освятывъ воду, окропывся—та, писля того, вже годи и замыкатыся.

Запалывъ Чипка рай тыхого счастя въ Грыцьковій хати, та й покынувъ курытыся. Хрыстя звидала на своемъ вику не трохы нужды та лыха черезъ людську неправду. Дозолыла вона іи до самыхъ жывыхъ печинокъ. Часто и густо вона думала: чы вже людямъ не можна жыты правдою? А якъ бы добре було, колы-бъ уси жылы по ній! Чому жъ воны не жывуть нею? Думкы Хрыстыни розбылыся объ жыттеви пидставы, якъ хвыли объ камьяни берегы. Серце въ неи щемило; душа допытувалась: чы правду вона думае? Колы це--ни видсиль, ни видтиль—десь узявся пьяныця, харцызяка—и загукавъ про те саме. Не тыхымъ, слабымъ голосомъ, не жиноцькымъ хыблывымъ почуттямъ,—а крыкомъ болячои души, дужою миццю зипонувъ гайдамака те саме! Грыцько іи, добрый іи Грыцько, николы ничого такого не казавъ, не натякавъ навить. Чому? Чипка, що казавъ, усе те правда, свята правда. А Грыцько—мовчавъ? Ни! тутъ або щось не такъ, або щось не те. Такъ часто думала сама соби Хрыстя.—Прыгадуючы гострый поглядъ, смилывый выдъ Чипчынъ,—вона тремтила: боялася ёго.

Стала Хрыстя зовсимъ инча до Грыцька. Ласка, зъ котрою кожна жинка выходыть на спирку зъ своимъ иноди и геть-то

крутымъ чоловикомъ, котрою завжде побывае ёго,—та сама ласка, якъ ставъ помичаты Грыцько, зробылася не щырою, холодною... Грыцько помичавъ, якъ Хрыстя стала мовъ нехотя прыхылятыся до ёго, не мовъ себе неволыла.

Оце иноди заманется ёму, якъ молодому чоловикови, пожартуваты зъ жинкою. Сумно дывытыся на ёго зачепы! Хрыстя якось болизно усмихается до ёго; мовъ кризь слёзы слова ёму роныть... Грыцька то въ жаръ укыне, то наче холодною водою обдасть.

— Що зъ тобою сталося, Хрысте?

— Що зо мною сталося?..

— Якась чудна ты стала... невесела, небалакуча!.. мовъ чого не достае тоби... Чы ты чого сердышся?

— Чого жъ бы я сердылась?.. на кого? скажы, Бога рады! А що мени невесело... То не викъ же дивуваты! Не на те жъ мы бралыся, щабъ смихы та жарты заводыты... Треба про все подуматы, та и...

— Та и що?.. Грыцько глянувъ на неи—и догадався.—Колы те ще буде? Де те теля, а ты вже и зъ довбнею!—закинчывъ усмихаючысь...

— Та воно вашому братови не що,..

— А вашому?.. чого журытысь?..

— Того... И я сырота, и ты сырота, ни батька, ни матери немае ни въ кого... А пидъ той случай—знаешъ?.. Якъ бы свое, то воно бъ и порадыло, и доглянуло всёго; а то—не дай Боже чого!—Чужи и куткы рознесуть...

Хрыстя заплакала.

— Ото колы зибралася батькивъ оплакуваты! Нехай соби со святымы спочываютъ, колы померлы; а намъ, кажу, все такы ничого журытыся...

То була пора, колы Хрыстя почула себе матирью, зъ іи думкамы, зъ острахамы, сумомъ, слёзамы... Дарма Грыцько утишавъ іи, дарма хотивъ розважыты. Хрыстя сумувала, журылася, а часомъ сама соби гирко плакала... Одно до одного—и журба Хрыстина шыршала, выщала, глыбшала. Грыцькова рада ничого не вдіяла.

Грыцько сердывся, ставъ грыматы на Хрыстю—чого вона все журытся. Не помогло: Хрыстя не кыдала свого суму. Тоди самъ Грыцько ставъ журытыся; ставъ роздумуваты: давай нышкомъ помичаты за Хрыстею... И помитывъ, що Хрыстя чогось ховалася зъ своимы слёзамы, наче соромылась ёго... Злякане Грыцькове серце догадалося. Отже винъ мовчавъ; боявся зачипаты, боявся тушыты той вихоть, що курывъ у ёго хати... «Може, самъ соби потухне, думавъ винъ; а може сама вона залье ёго... слёзамы»... Одначе думка про це не давала Грыцькови спокою. Вона ёму нагадувала, зъ якою охотою бралася Хрыстя помагаты ёму довесты до розуму той хлибъ, що Чипка подарувавъ; якъ вона ёго выхвалювала; якъ раила зоставыты на насиння «добре жыто».

Дывлячысь на сумну Хрыстю, думка Грыцькова знай верталася, та й верталася назадъ, у той лыхый день, колы Чипка сповидався въ ихъ хати... Грыцько не помылявся, що палка розмова Чипчына запала глыбоко въ душу Хрысти; що ёго гризна, а разомъ люба постать, колы винъ крычавъ, свитячы очыма: «А правда де? де іи подилы?» кынула жарыну въ жалисне жиноче серце... Все те винъ бачывъ теперъ своимы очыма; чувъ своимъ серцемъ,—та боявся назваты словамы... Винъ ще тоди, въ той лыхый день, побачывъ, що Чипка справди якыйсь не абы якый чоловикъ; винъ знавъ ще тоди, що Чипка казавъ правду; винъ навить згожувався зъ нымъ у думци, хочъ и перечывъ у словахъ... А слова ти—якъ та заверюха, врывалыся прожогомъ у душу; переверталы въ голови думкы; розбуркувалы въ серци почуття. Грыцько бачывъ: Чипка хочъ кого пидхылыть пидъ себе—и боявся... боявся за Хрыстю: ёму никому не хотилося оддаты свою добру, свою любу Хрыстю!.. Часомъ темнои довгои ночи Грыцько не спавъ и на волосыну: все прыдумувавъ та прыгадувавъ, щобъ ёго передъ жинкою вывесты таке, щобъ звыхнуты Чипчыну правду... Думавъ—та не надумавъ; а тилькы бильше мучывся...

А ось теперъ—скилькы поговору! Грыцько зрадивъ, кынувся на ёго—та давай подилятыся зъ Хрыстею.

— Чы ты чула, Хрысте, про нашого праведныка?—вскочывшы въ хату на другый день пысля крадижкы въ пана, пытае винъ жинкы.

— Про якого праведника?

— А про Чипку?.. Ты чула, якъ винъ тутъ за правду роспынався, а онъ—що выйшло?!...

— Що жъ таке?

— Пана обикравъ... сторожа прыбывъ... чого доброго, доси Богови и душу виддавъ...

— Не вже?!—дывлячысь пыльно на ёго мутнымы очыма, скрыкнула Хрыстя—и пополотнила, оторопила.

— Ій-Богу!.. Теперъ у чорній сыдыть... Онъ воно яки люде бувають! Подумай: на крадижку, на душогубство пустывся?!

— Господы! маты Божа! якый теперъ свитъ наставъ...—ледве вымовыла Хрыстя, та й перехрестылася. Та хиба воно и тоди не выдно було, що зъ ёго добра вже не ждаты,—закинчыла вона.

Грыцькови це—все одно, що по губахъ медомъ. Писля усёго давай винъ ще гирше роспысуваты Чипку передъ Хрыстею, не мовъ самого лютого ворога, а не колышнёго свого товарыша.

Якъ Чипку выпустылы зъ чорнои, Грыцько першый прынисъ Хрысти звистку, що, мовъ выкрутывся харцызяка, выбрехався! Якъ сталы гомоныты по селу за голову и пысаря, Грыцько упять першый сповистывъ про це Хрыстю—и Хрыстомъ Богомъ прысягався, що те дило не втикло Чипчыныхъ рукъ.

— А мое серце ще тоди щось недобре вищувало,—одказала на ёго прысягу Хрыстя.—Знаешъ що, Грыцьку—чы не виддаты бъ намъ ёго жыта. Ще—чого доброго—колы небудь у ночи прыйде, та й зариже за жыто.

— Ото, хай Богъ мылуе!—похопывся Грыцько.—Ни, винъ, Хрысте, не такый уже, щобъ за те, що самъ виддавъ, та й зарызаты.

— А колы пры нужди та пьяный?

— Винъ швыдче прыйде правыты ґрошей. Отоди, якъ прыйде, я ёму и виддамъ жыто. Та й то наврядъ!

Отакъ соби побалакалы—и у Грыцька наче одъ серця одлягло. «Ну—самъ соби миркуе: теперъ уже не вернется те... не такъ я ёго пидцюкнувъ»!

Отже Хрыстя все такы не стала веселою. Вона ще дужче хапалася за свою думку. «Колы и такый чоловикъ, отаке робыть—що жъ уже други?

VII.

На воли.

Воля для чоловика вильного—чаривныче слово, а для невильныка—медъ пьяне чоло. Воно, якъ дурманомъ, якъ хмелемъ, затуманыть уси ёго думкы, гадкы, надіи: усе для ёго умерло, оглухло,—одно воно зосталося, одно воно тилькы и сяе и гріе по темному шляху ёго темного жыття...

Ще тилькы объявылы волю,—писчане зашумилы, якъ окрипъ у горшку.—Шабашъ, братця! воля! воля!—загукалы крепакы, кыдаючы роботу та идучы у шынокъ—волю женыты.

— Ни, то ще брехня!—дратувалы ихъ козакы. Ще два рокы поробить на пана, та тоди уже и воля.

Пиднялась спирка, змагання. Лаялы крепакы козакивъ; лаялы панивъ; не було того на свити, кого бъ воны не лаялы, якъ свого лютого ворога, за ти два рокы! Одначе налаявшысь, назмагавшысь та накрычавшысь досхочу,—вернулыся знову на роботу. Хочъ яка тамъ вже и робота була?! Коженъ норовывъ, якъ можно меньше робыты, а бильше соби загарбаты: якъ бы пана одурыты. Паны дывылыся на ту роботу,—та охалы, та зитхалы, та тышкомъ сами мижъ собою щось балакалы. А крепакы соби тыхенько одынъ одного пыталы: «чы то жъ то намъ заплатять за ти два рокы, що робымо, чы ни»?

Отже якъ не якъ—добувалы два рокы. Пидскочыла горяча пора: оранка, косовыця, гребовыця, жныва, возовыця, молотиння нового хлиба,—николы було дыхнуты, не то що...

Ишлося вже до Риздва. Врочысте свято клопотало кожну симью своимы споконвичнымы клопотамы. Тамъ кололы свыней, и несамовытый крыкъ ихъ розносывся по всёму селу; тамъ клопоталыся йихаты въ мисто на красни торгы, продаты хлиба, накупыты потрибного про свято—и ладану пидъ куттю, и рыбы—на

багатый вечиръ, и соли—про всякъ день, а тутъ жинкы заходылыся коло мазання, и зрушылы завсиднiй спокiй жыття.

Одному Чипци зъ товарыствомъ немае клопоту. Сякъ-такъ позатыкавъ побыти шыбкы то ганчиркамы, то онучамы; укыне у пичъ гнылои соломы,—тлiе вона тамъ соби та курыть, буцимъ такы и грiе. Байдуже имъ про тепло; дарма—про йижу! Ихъ грiе жыдивська горилка, а йисты—жують хлибъ сухый зъ силлю—тежъ видъ жыда. А колы хто зъ товарыства зниме зъ сидала въ сусида курку чы пивня,—попатрають, спечуть, настромывшы на шпычку, зйидять,—та й сыти! Хочъ и бачывъ Чипка таке безпутство: часомъ робылося ёму протывне таке жыття и таке товарыство,—та залле очи—мовчыть. Иноди ёму хотилося и гарячои стравы попойисты. Тоди винъ полизе въ розваленый лёхъ, назбирае ще торишнёи рипы, що де-не-де по куткахъ заваляласе, начыстыть, зварыть юшкы—та тилькы всёго! Люде дывылыся на таке жыття, та хыталы головамы.

— Ну, вже,—не буде добра зъ такого!—горбатого могыла выправыть. Ще хочъ бы не товарыство, то може-бъ. Та стiйте, диждемо набору: хочъ отыхъ курокрадивъ запровторымо, колы ёго не можна.

Ось насталы и святкы. Радiють люде, що диждалы, гостюють, гуляють то дома, то въ шынку. А Чипка зъ товарыствомъ и не вылазять зъ ёго; людей заклыкають, частують. Чоловикы—нигде правду диты—такы ласенькы на дурныцю выпыты,—то и ради такому случаю: пьють та выхваляють добрыхъ молодцивъ. Де хто изъ молодыць, цикавыхъ подывытысь на зборыще та игрыще, та ще де спивы та танци,—завернуть туды. А жыдъ, якъ знавъ, десь и музыку выдравъ. Музыка риже, тне; пьяни чоловикы трохы на головахъ не ходять, та выбывають гопака коло молодыць; а ти соби—дывлятся-дывлятся,—то це одну и визьме нетерплячка—и пишла дрибненько бочкомъ, бочкомъ, не мовъ плыве по води; а яка зъ пьянишыхъ схопытся за запаску, пидниме ii трохы—та гай-гай по хати, якъ шулика за курчатамы. Смихъ, регитъ, крыкъ. А Чипка знай до жыда: давай те! подавай друге! несы трете! Лушня у танцяхъ, якъ не перервется, музыку пе-

ретанцёвуе; Пацюкъ на языци, якъ на балалайци, выбывае; одынъ тилькы Матня, роздутый, червоный, якъ жаръ, зъ сонными очима, сыдыть у кутку, куняе: оце прокынется, выпье, зареве, якъ бугай, на всю хату, та и знову прытыхне—куняе. Гульня розвернулася на вси бокы. Забулы про свято, забулы про Бога, забулы про домивку. Зъ ранку до вечора, зъ вечора до ранку одно пьють та гуляють. Жинкы, не бачывшы третій день чоловикивъ у вичи, пиднялы такый галасъ, немовъ на село найшла кара Божа, або пожежа половыну села выпалыла.

— Оце, напасть Господня! оце, лыхо несподиване—телипалы воны.—Такого ще зъ роду-вику николы не було! Богъ давъ свято—въ церковъ питы, Богу помолытысь, а винъ у шынку молытвуе! Богъ давъ свято, щобъ дома зъ дитьмы та зъ жинкою любо-тыхо провесты: а винъ у шынку зъ пьяныцямы та волоцюгамы гуляе! Треба хочъ до батюшкы питы, щобъ яку покуту наложывъ на розпьяныцю зъ пьяныць.

Де-яки такы зиялысь, пишлы—не до батюшкы, а до матушкы жалитыся. Матушка почастувала ихъ горилкою и обищала розсказаты, якъ устане, батюшци. Молодыци вернулысь до-дому; а чоловикивъ усе нема. Воны ще заполонылы у ту гущу и дяка. Дякъ цей старый уже бувъ,—у пистъ бувало «алылуи» не выведе, такый старый. А вхопывшы чарку та другу тіеи жывыцидурныци, и винъ побадёришавъ трохы. Де та и сыла взялася, мовъ прыбула! Спивае зъ молодыцямы такъ тонко та голосно, мовъ молоденька дивчына. А це, выпывшы ще чарку, якъ пидбере полы въ балахона, якъ ухопе товсту, червонопыку молодыцю, та ну гопака садыты. Тилькы борода та коса майтолае; а винъ—халясуе, такъ халясуе. Ажъ упривъ, ажъ мыло на ёму лягло. Чоловикы регочутся, а молодыци коло ёго, щобъ ще дужче роздратуваты, такъ увываются, такъ увываются: одна втомытся, друга іи мисце заступае...

— Що жъ усе танцюваты та танцюваты,—крыкнула одна реготуха: якъ бы вы насъ, дяче, повозылы ще!

Бачъ, чого сучи дочкы захотилы! Бачъ, чого имъ заманулося!—взявшысь у бокы, каже дякъ. Шукайте санчатъ, повожу вже. Одынъ тому часъ, що батько въ плахти!

Де взялыся и санчата. Вытяглы дяка зъ шынку на двиръ, запряглы: насидало молодыць повнисеньки санчата, ще и зверху, дякъ ажъ угынается та самотужкы пре, а молодыци—спивають та выгукують, якъ на весилли. А це одна якъ скотытся, якъ пидбижыть до дяка:

— Нема, дяче, мисця! нема, дяче, мисця! Ну, я сяду верхы! повозы и мене!

— Сидай, бисова!—крычыть дякъ, перегнувшы спыну. Молодыця скочыла; дякъ не здержавъ, поточывсь, впавъ; молодыця зверху. Други позскакувалы зъ санчатъ, та й соби туды,—пхаются, падають. А чоловикы: «мала купа! мала купа! на купу! на купу»! Навалыло молодыць стилькы, що трохы дяка не задавылы. Вытяглы ёго—ледве дыше. Регитъ, гвалтъ. Здурило село!

Гульня розвьязала языкы, розбуркала зомлили, прыгничени души, розкопырсала ти вразы, що глыбоко крылыся въ серци. Середъ гульни згадалы писчане и за два рокы.

— А що жъ це воно, братця?—заводыть хто зъ крепакивъ: це такъ—два рокы робылы, та й дурно?..

— А вже жъ, дурно!

— Чого жъ дурно? Адже царь давъ волю: жывы, де хочъ, робы, що знаешъ.

— Ну, щобъ, бачъ, уже не зовсимъ и ихъ обійты,—ту несыту прожорь—«поробить, мовъ, люде добри, ще два рокы,—хай уже воны звыкнуть за цей часъ зъ думкою, що васъ не буде»! Та якъ же винъ дума: мы ёму ци два рокы дурно робылы? дурно втратылыся?..

— Адже якъ бы я до хазяина ставъ, то рубливъ бы сотню заробывъ. А въ ёго якъ?

— А такъ: робывъ—робывъ, та й выженуть зъ двору въ тры вырвы.

— Ни, чорта зъ два! Мени розсчотъ давай, онъ що! Мы знаемо ваши каверзы. Буде того, що надъ нашымы дидамы та батькамы знущалыся, та зъ насъ воду выварювалы. Заплаты жъ мени хочъ за ци два рокы!

— Заплачу, наставляй кышеню!—сміявся другый, тверезишый.

— Чого ты сміешся? И заплатыть! Пиду скажу: давай розсчотъ—и дасть.

— По гамалыку.

— Чого по гамалыку? А въ Побыванци? га, въ Побыванци? Адже давъ? хаты давъ; грунты давъ. Затялысь въ одну шкуру: давай розсчотъ!—и давъ. Братъ рпдный давъ; а нашъ бы то и ни. Эге! якъ бы мы не таки дурни. А то—сыдымо соби мовчкы, мовъ не про насъ ричъ. Давай! въ одно слово: розсчотъ!

— Толкуй.

— Дурню, а не толкуй!

— Ты самъ дурень. Залывъ очи, та самъ не знаешъ, що верзешъ.

— Що жъ я верзу? кажы що?—сучытся пьяный.

— А то, що якъ почуе хто, та мене туды. Ты знаешъ,—яка винъ сыла? Буде ще!

— Що жъ мени буде? Ничого не буде,—бо правда! А все такы дурень.

— Не дуры лышень, бо щобъ самъ не здуривъ.

— А що—бытымешъ, може? Бытымешъ? Ну, бый!

— Хай тебе лыха годына побье безъ мене! Одченысь, сатано!

— Ни, бый! Сякый-такый, сыну, бый!

Та й пидставляе лыце. Супротывныкъ одсувается назадъ, наставывшы обыдви рукы, щобъ бува зъ пьяныхъ очей не креснувъ зачепа. Люде збигаются зъ усихъ бокивъ: оступлять, дывлятся,—що дали буде.

— Бый, кажу! крычыть першый,—та хвить другого по пыци. Той—здачи. Счепылась бійка! Крыкъ, гвалтъ. Насылу розборонылы люде, та й ведуть знову въ шынокъ «мырову пыть», щобъ справди не дійшло бува до того... Хто вынуватый, хто правый? гараздъ не знавъ нихто. У кожного була думка, що добре бъ и розсчотъ одибраты; бувъ и острахъ того, «а якъ не дасть, та ще... не доведы, Боже, щобъ гирше не выйшло бъ»! Одначе горилка взяла свое. Де дали, то все бильше и дужче выступыла правда першого: а острахъ другого нехаялы, якъ легкодухого чоловика.

Зашумило село, якъ на прыгру бджолы: смилывый и несмилывый збиралыся въ купы; гомонилы; радылысь, змагалысь, и ходылы до жыда въ шынокъ могорычу пыты.

Мынуло водохрестя. Часъ бы за роботу братысь. Та чы до роботы, колы день у день збираются або въ шынку, або и такъ де, та одно тилькы и чуты: розсчотъ. Піймалы, разъ одного зъ Побыванкы. Роспытують: чы давъ дворы? чы подарувавъ хаты?— Давъ, подарувавъ!..

Бачь! въ одынъ голосъ: значыть нашъ дурыть!—Колы жъ такъ,—не дижде! На завтра, ще тилькы стало сириты, зибралыся коло волости та взялы старшыну зъ собою и пишлы до пана въ Красногорку.

Прыйшлы; сталы въ двори коло ганку—повнисенькый двиръ, нигде голкы просунуты; послалы просыты лакея, щобъ сказавъ панови; обицялы навить «на табакъ» лакееви, колы швыденько панови скаже.

Васыль Семеновычъ ще спавъ и зъ лижка почувъ якый-сь гоминъ та топитъ. Винъ позвонывъ лакея; роспытувавъ, що то. Той сказавъ. Наче хто голкою шпыгнувъ вельможного пана,— такъ винъ прожогомъ скочывъ зъ лижка; звеливъ подаваты мерщій убрання; выпывъ на хватку стаканъ чаю и, не глядя на те, що жинка, ламаючы рукы, благала не выходыты, выскочывъ зъ хаты червоный, сердытый.

Винъ догадавсь, що це не даромъ цила писчанська громада прысунула—та думавъ своею смиливостю зразу ін осадыты.

— Що вамъ треба, писчане?—сказавъ винъ гризно, але здержуючысь.

— До васъ, пане.

— Чого?

— За гришмы, пане.

— За якымы грышмы?—скрыкнувъ панъ и глянувъ гостро на громаду.

— Що два рокы служылы, пане.

— Дуракы! Вы жъ повынни булы ци два рокы служыты.

Мовчать передни, кланяются.

— Якъ повынни?—обизвався хтось зъ середыны:—То вы сами настановылы такый законъ!

— Хто тамъ озывается?—пытае панъ.—А ну, выходь сюды, та побалакаемо.

— А чорта! давай гроши!

— Хто озывается, сяки-таки сыны?—крычыть уже на все горло панъ.—хто смie бунтуваты?—Та й пидскакуе до переднихъ.

— Мы не бунтуемо, пане,—кажуть, кланяючысь, передни:—мы тилькы прыйшлы просыты платы.

— Якои платы? за що платы? Я вамъ дамъ!—уже навсправшкы лаявся панъ.

— Не цвыкай! годи, не боимося!—знову зъ середыны.

— Хто тамъ, сяки-таки? Давай мени того, хто озывается! давай заразъ! Давай! а не то—я васъ усихъ у тюрму запру, на Сыбирь попру!

— Не дуже! не дуже! не скачы такъ! Ачъ якый прудкый! давай лышъ гроши!

— Кажить: хто тамъ озывается?—ажъ розлягается панъ до переднихъ.

Передни мовчать; зступаются блыжче одынъ до одного,— кланяются:

— Ага!—такъ вы не хочете бунтовщыка выдаты! не хочете! Такъ вы бунтуваты? га? Постійте жъ,—я васъ побунтую!—крычыть панъ, роспалывшысь, и зъ крыкомъ бижыть до себе въ горныци.

Громада на хвылыну стыхла; а потимъ—немовъ набиралася духу—пройшовъ спершу глухый якыйсь гоминъ; дали— другый, дужчый, покы не перейшовъ у выкрыкъ!

— Що винъ насъ страхае? Дума,—злякалыся? Мынуло те! Давай плату! плату давай!! розсчотъ!!!

Крыкъ, гукъ зъ усихъ бокивъ, на весь двиръ, довго ще не вгававъ и долитавъ у горныци страшнымъ дыкымъ голосомъ. Васыль Семеновычъ поблидъ, якъ крейда. Ёго розбирала досада,

злисть; ёму хотилося крычать, лаяты, быты,—та страхъ бравъ свое. Винъ погнавъ ёго въ горныци, а теперъ не выпускавъ на двиръ. Жинка Васыля Семеновыча ходыла, якъ зъ хреста знята. Одъ тревогы воны обое мовчалы; ходылы тилькы зъ одноі кимнаты у другу, та зъ боку, нышечкомъ, позыралы у надвирни викна, нибы таилы свій страхъ одно передъ однымъ. Громада не росходылась цилый день: выгукувала та выкрыкувала ажъ до самого вечора. Такъ и простоялы на ногахъ. Тилькы ничъ погнала писчанъ до-дому. Васыля Семеновыча и ничъ не вдержала, нерегодя трохы пислякъ того, якъ пишлы писчане, винъ звеливъ запрягаты кони, выносыты важкый сундукъ зъ своеи спочывальни— и вкупи зъ жинкою покотывъ у Гетманське.

На другый день—чуть зоря—вже булы на ногахъ справныкъ, посередныкъ Крывынськый (що колысь, за выборивъ, бувъ справныкомъ), послалы гонця въ Котолупивку по станового Ларченка, щобъ йихавъ мерщій въ Пискы: «бунтъ!». Ларченка якъ хто по потылыци лыгнувъ: винъ стоявъ, наче чмеленый, и якось безтямку дывывся въ ныз своимы косымы очыма. На помости вымалёвувалы ёго думкы розгниваного Васыля Семеновыча, который тупае на ёго, Ларченка, ногамы за те, шо «допустывъ» бунтъ у себе въ стани. У голови станового думкы каламутылыся: то винъ прощався зъ котолупамы—и здавалось ёму, що воны хрестылыся, якъ винъ выйизжавъ зъ мистечка; то ёму прыйшовъ на думку той счаслывый день, колы винъ разъ на обидни выхвалявъ, якъ поэтъ, Васыля Семеновыча виршамы. Кони пидъйихалы пидъ рундукъ: гаятысь було николы. Ларченко вскочывъ у санчата, та, тилькы духу, поперъ у Пискы. У писчанськії волости сыдивъ уже посередныкъ. Винъ прыйихавъ зарани, звеливъ склыкаты громаду. Громада ще тилькы сходылась. Незабаромъ—цили Пискы збиглыся. Хто на громаду, а хто на дывовыжу.

Становый зъ посередныкомъ выйшлы зъ волости; сталы на громаду грыматы; далы страхаты, потимъ батькуваты; а тамъ—пидскакуваты, та репетуваты на все горло—ажъ пина зъ рота летила.

Громада соби гуде:—Не застрахаешъ! Розсчотъ подай! Не скачы, коса собако! котолупе!—Ничого не вдіялы ни становый, ни посереднықъ,—тилькы накрычалыся, та зъ тымъ и пойихалы. А писчане слидкомъ за нымы послалы въ Красногирку Васыля Деркача пышкомъ довидатысь: чы дома папъ? що чутно?

Деркачъ незабаромъ вернувся.

— Немае, каже.—Учора звечора зибрався, та зъ паніею и пойихавъ, не сказавъ и куды.

— Эге, значыть наша правда! Не даромъ перелякався.

— Глядить же! Не попускай, братця, свого!—выкрыкувалы писчане, росходячысь по домивкахъ. На дыво козакамъ, а на злисть жыду, ридко хто зайшовъ до его и у шынокъ. Колы це, на ранокъ—летыть у Пискы самъ справныкъ, летыть стряпчый, летыть становый. Сказано—цилe «временне отдиленіе». Прыйихавъ и посреднықъ. А незабаромъ, слидкомъ за нымъ, вступыла москаливъ сыла. Громада збылася въ купу, якъ овечкы пидъ дощъ та лыху годыну. Нихто—ни пары зъ устъ. Тилькы чутно—важке зитхання, та якыйсь тыхый гулъ. Москали зайшлы зъ бокивъ — и кругомъ, якъ кильцемъ, обложылы громаду.

Крывынській, якъ посреднықъ, выйшовъ напередъ громады, та ставъ допытуватысь: чого вона бунтуе?

— Мы не бунтуемо, мы свого просымо.

— Якого свого!

— А такъ! завищо жъ мы два рокы служылы? дурно?—хтось подае голосъ зъ середыны.

— Хто тамъ крычыть? давай сюды!—зипонувъ Крывынськый.

Громада затовпылась: ще тиснише збылася въ купу; сталы одынъ одного за поясы браты.

— Сюды его давай! хто выкрыкуе?—телипае посереднықъ.

— Москали кынулысь до крайнего.

— Не давай, братця, за що насъ быты? завищо насъ нивечыты?

Громада стала напираты на москаливъ; москали на громаду. Пиднявся крыкъ, гвалтъ; счепылася бійка зъ москалямы. Люде, зачувшы таку колотнечу, бижать якъ на пожежу дывытысь. Чо-

ловикы—ажъ до самыхъ москаливъ; жинкы на тыны поспынались—зъ огородивъ. Дидъ Уласъ—старый, не выдержавъ натовпу,—упавъ. Москали пиднялы.

Чипка побачывъ. Закыпило его серце, заболила душа... Бига помижъ козакамы, мотается на вси бокы:—Братця крычыть:—не даймо глумытыся надъ намы! Не даймо знущатыся надъ дидомъ,—ходимъ, братця!—Тымохвію! Петре! Якыме! збирайте громаду до купы! Не даймо, братця!..

— А ти—якъ побачылы, що неперелывкы,—та—тилькы выдно—черезъ село...

Чипка ихъ лае, батькуе, молыть, просыть: кыдается то въ той бикъ, то въ другый; то пидскочыть до москаливъ, то вертае до своихъ.

Побачывъ Грыцька.

— Грыцьку! братику! Ты бачышъ?—кровъ безневынна льется... Дида Уласа ледве жывого пиднялы на витеръ... Не даймо!..

Грыцько не одказавъ на це ни слова,—та мерщій видъ Чипкы, та въ чужый огородъ, та й прысивъ лисою.

Кынувсь Чипка до крепакивъ... Тутъ его и схопылы.

— Я—вильный!—крычыть Чипка:—я—козакъ!

— А колы вильный та козакъ, то не бунтуй людей!—зыкнувъ справныкъ.—Ложить его! Довго боровся Чипка... Ще довше его былы...

Ни крыкнувъ, ни застогнавъ! Уставъ—наче зъ хреста знятый! Очи червони, налылыся кровью, горилы, якъ у звира; на выду—блидый, блидый, мовъ писля тяжкои хворобы... Повивъ винъ страшнымы очыма по всій громади, глянувъ хыжо на панство, на москаливъ—и пидтюпцемъ побигъ до-дому...

Обняло его зло нелюдське. Серце въ его выло; душа палала!.. «Прокляти! каторжни! ни суда на васъ, ни правды немае»!..—крычавъ винъ, качаючысь по полу. Тило болило, якъ попечене... Винъ стыскувавъ зубы. «А воны?.. воны?! Слова доброго,—смитныны послиднёи не стоять! Прокляти души!—на васъ трохы такои мукы, трохы каторгы... Катуваты васъ, пекты, тупымъ ножемъ ризаты»!

Видъ болю винъ кусавъ соби нигти, пучкы...

— «А ты, дурню, водывсь зъ нымы!—повирывъ що й воны люде?.. Волоцюгы, пьяныци, а не люде! Воны тилькы обпывалы тебе, та пидбывалы на все лыхе... У ныхъ доброго на пиготь не було... Серце ихъ, якъ иродове, тилькы и знало одно лыхо,— щобъ другого пидвесты, а самому навтикача; щобъ чужымы рукамы жаръ загрибаты; слёзамы та кровью другыхъ себе тишыты... А потимъ стануть на ввесь свитъ славыты,—выйдуть середъ людей, посередъ билого дня, скалытымуть зубы, будуть сміятыся... Собакы!.. Сучка васъ, а не маты породыла,—замисть серця, змію положыла и трутою налыла... Де тилькы тхне вашъ духъ,—тамъ лыхо та горе, кровъ та слёзы... А ты имъ повирывъ?!. Ты»?.. Винъ заскреготавъ на всю хату зубамы.

Аце—якъ скоче, та такъ безъ шапкы прямо въ шынокъ. Полылася горилка, якъ вода. Винъ дудлывъ іи нахыльци; выпывъ зъ пивкварты—и не чувъ щобъ хочъ запекла, або вдарыла въ голову... Якъ брызка, кынута на жарыну, засκварчыть и зныкне,—такъ ти ковткы горилкы зразу выгорялы, вылиталы нарою... Винъ кыпувъ на стилъ порожню посудыну, побигъ до-дому; цолизъ на пичъ Голова заходыла ходоромъ; у выскы гамселыло, якъ обухомъ; свыстило та пыщало въ ёго вухахъ... Винъ забувся, не мовъ заснувъ...

Грыцько, постоявшы въ чужому городи та надывывшысь на бійку крепакивъ, трохы змерзъ, та й поплився додому.

— Важно парять бисовыхъ маштакивъ!—було ёго перше слово до Хрысти.

— Господы!—тамъ мабуть, на той свитъ позабывалы сердешныхъ, бо крыки таки доносылысь сюды, немовъ зъ могылы,— видказала Хрыстя.

— Такъ имъ и треба, злодіямъ!

— Скажы мени: за що ты на ихъ узлывся такъ? Хиба воны й не люде?...

— Жыття черезъ ныхъ проклятыхъ немае!—ажъ скрыкнувъ Грыцько.—Ничого въ хазяйстви не вдержышъ за нымы... Такъ и держы все пидъ запоромъ, а то—якъ разъ та два рознесуть!.. Чы давно я майструвавъ у сараи... Визьмы, дурный, та й застромы два свердлы за лату... Хто ихъ тамъ визьме?—думаю.

— Колы сёгодни огляжуся,—ажъ и слиду не знать, де стремилы...

— Може то и не воны взялы?

— А хто жъ? Кому бильше взяты? Козакъ тоби визьме?... Навищо ёму, колы винъ самъ хазяинъ?—колы въ ёго самого йе?— А тій голоти, панськымъ недобыткамъ що пропыты—то пропыты... Хиба воно для себе брало?—на пропій!... Щобъ воно подавылося...

— За що жъ имъ выпыты, якъ не за твои свердлы—сміется Хрыстя.—Свого ничого немае, все те панське...

— Та въ ихъ николы и не буде ничого,—перебывъ Грыцько: все пропьють! Воны въ панивъ и звыкалы тилькы красты, та горилку пыты, а не берегты хазяйського добра... А тутъ ще имъ землю и волю дають... На цепъ ихъ, а не на волю!

Хрысти вже обрыдла лайка та крывда Грыцькова. Вона не вытерпила.

— Якый-бо ты, Грыцьку, ій-Богу! А якъ бы тебе взяты въ неволю?...

— Ну, то що?—вытрищывся на неи Грыцько, ображеный, чого вона заступается за такыхъ злодіивъ, що въ ёго свердлы покралы.—То кравъ бы, га?.. Хай уже бъ мени рукы тоди повыкручывалы!

— Одже, не вирь самъ соби, Грыцьку! Якъ що-денна лайка та докоры: злодюга та пьянюга,—то всякого зъ пантелыку зибье... По неволи чоловикъ стане пыты... А якъ низащо,—то и украде... Звисно—неволя!—журлыво закинчыла Хрыстя.

— Яка имъ неволя?—яка неволя?.. Отъ, пыты, бунтоваты,—то имъ неволя?... За те жъ ихъ й попарылы сёгодни... Отъ, попарылы!.. А Чипка, чула?—якъ прынялыся за ныхъ москали,—

бижыть до мене блидый такый, трусытся... «Братику, Грыцьку! Ходимо—оборонымо... Ходимо—не даймо»!.. Цуръ тоби та пекъ! думаю, та видъ його... Ускочывъ въ Остапійчынъ городъ, захылывся за тыномъ, та й дывлюся... А винъ ганя по выгону та склыкае на оборону. Якъ же піймалы його, якъ задалы,—буде намьятаты до вику!.. Пишовъ—мовъ чмеленый...

Хрыстя тилькы зитхнула—и ничого не сказала.

Грыцько выкурывъ люльку коло печи и узявся за шапку.

— Куды ты? вже обидъ готовый,—каже Хрыстя.

— Та я тилькы худобу попапуваю,—одмовывъ винъ, та й выйшовъ зъ хаты.

— Не барыся жъ!—гукнула навздогинъ Хрыстя и кынулась готуваты посуду.

VIII.

Сонъ у руку.

И снытся Чипци—немовъ сонъ, и ввыжается—наче бувальщына. Снытся йому и ввыжается недавня гульня. Увесь шынокъ, залытый свитломъ—сяе, ажъ горыть; музыка тне, рубае; пидборы землю рвуть; крыкы, спивы,—стоголосе лящання,—безнутря скажене... А зъ боку насувае темна ничъ—немовъ чорна хмара. А въ тій хмари, въ тій непроглядній темряви, ледве выдко, чорніють панськы коморы, двиръ... Тры тини зигнулыся пидъ якоюсь вагою—щось несуть на плечахъ, тикають,—зныклы въ голому садку... Ось блыснула искорка—и выдко: два чоловикы качаются серёдъ двору, борюкаются... Той що зверху, лютый якъ звиръ, шыбкый, якъ витеръ... Прыдывляется Чипка... Це жъ—я,—я!—скрыкуе; а пидо мною сторожъ,—то панськый сторожъ,—блидый, якъ смерть; тяжко дыше; болизно сова рукамы и ногамы, чутно—кровъ булькоче въ його печинкахъ, бижыть чорною ричкою зъ горла, носа... Ось роскрывае очи, загорилы вони на хвылыну искоркою жыття... То нымы свитыть докора? чы посылае проклёны?.. Ни, то—душа прощается зъ тиломъ; смерть уже застылае очи по-

лудою... Чипка затипався; кынувся; «О-охъ»! застогнавъ зъ протягомъ, перевернувся на другый бикъ, та й знову заснувъ.

И знову ёму верзется и ввыжается... Ничъ темна, глупа— нима та глуха. Винъ стоить, а кругомъ ёго розлягается сонне грыще: пьяни чоловикы, жинкы, все те мертвымъ сномъ спыть, пороскыдане, якъ колодочча... Ось—у гори зайнялася надъ нымъ зирка; якъ свичка, палае вона на неби—и освичуе пьяне зборыще на земли... Чипка глянувъ на правый бикъ.. Захыталася темнота, затрусылася, и зъ неи высунулось дви тини—страшни, блиди, зъ переломанымы кисткамы, котри такъ и выглядалы зъ тила... Ледве шкандыбають воны, вывертаючы ногы то на той, то на другый бикъ; хытають на ёго головамы—вказують рукамы на сонне грыще... Чипци здалося, що то дидъ Уласъ зъ матирью... Винъ затремтивъ увесь, засовався—и одвернувся...

Трохы згодомъ, зъ ливого боку, тежъ захыталась темнота— и зъ неи выплыло дви тини. Одна—товста, пузата, червононыка; друга—зъ-за товстои—тонка, худа, перегнута втрое, зъ перомъ за ухомъ... Наблыжылыся отп дви тини, глянулы на сонне грыще, глянулы Чипци прямо въ вичи,—та й зарыдалы... «Такъ ось де полягло наше добро, наши грошп»! И, вхопывшы одного пьяныцю сонного, воны здерлы зъ ёго одежыну, та й упьялыся въ горло зубамы... Чутно стало—якъ булькотила кровъ: то воны ссалы іи зъ жывого тила... Очи ихъ налывалыся нею, горилы, свитылы, якъ у котивъ...

Чипка здрыгнувъ—и одвернувся...

Гляне въ гору—ажъ тамъ, крізь ясный свитъ, затипалася нова тинь. Чыста та ясна, якъ литній погожый ранокъ, зъ веселымъ та любымъ поглядомъ у темныхъ очахъ... «Що це?.. Моя Галочко!—моя голубонько сывесенька! иды до мене!» молыть Чипка—и здіймае до горы рукы. Тинь затрымтила; ясне сонце потемнило; на очахъ заблыщалы слёзы...—«Що ты наробывъ?!..» учувся ёму зляканый голосъ.—«Глянь у праву ручъ!» Чипка глянувъ—и жахнувся... Чоловикъ качався по двору и не по-людски стогнавъ. «Що ты наробывъ?!» знову докорявъ голосъ зверху. «Глянь у ливу ручъ!» Чипка нехотя повернувъ очи... Дви чорни

тини ссалы кровъ зъ сонныхъ людей, ламалы ихъ кисткы, выкручувалы рукы, ногы, обсмоктувалы кровъ... «Глянь у-ныЗъ» гуконувъ голосъ. Чипка зырнувъ... Коло ёго розвернулося сонне царство людей: блиди облычча позадыралыся въ гору; очи—повыводыло зъ лоба; зъ рота—вылитала легенька смужка сынёго дымку... Воны горилы тыхо-тыхо, якъ вугиль тліе... «Це все, ты наробывъ! це все твои вчынкы!» гукавъ голосъ... «Завищо жъ ты чоловика вбывъ? За що дитокъ, жинку осыротывъ?.. Чымъ вынуватый сторожъ, колы ёго господарь посылае стерегты добра, ловыты злодія?.. Що то ты поробывъ зъ тымы пьявкамы людськымы?.. Що??.. Зъ сытыхъ, повныхъ, що, обпывшысь кровы, тыхо дожывалы вику, ты поробывъ знову голодныхъ: ты выдавывъ зъ ныхъ кровъ, котру воны за свій довгый викъ нассалы.. А отъ, бачъ: щобъ знову такымы статы, якъ булы, воны поробылыся въ стократъ хыжишымы; прожерлывишымы... На голодного и холодного, на пьяного и тверезого, на сонного и несонного, на сыроту, на старця—воны кыдаются, якъ голодни собакы на шматокъ хлиба... Бачъ, якъ воны смокчуть кровъ зъ жылъ людськыхъ?.. Бачышъ?.. А то-що?.. Людей опоивъ, горилкою попалывъ... Каторжный! розбышака!..» Чипка знемигся, склонывъ колина, зложывъ рукы, прыпавъ ныць на землю... А голосъ, якъ буря, посывся кругомъ ёго—и страшенно выкрыкувавъ: «що ты наробывъ, лютый, каторжный?!.» Чипка прыпадавъ ныць, мовъ хотивъ сховатыся... А голосъ той прорывався въ кожну кисточку; морозывъ іи жахомъ; пикъ огнемъ тугы... Чипка не вытрымавъ. Якъ скаженый звиръ, що боится воды—трусытся и лютуе, забачывшы іи,—забувшы все на свити, несамовыто кыдается на всякого,—такъ Чипка кынувся, скочывъ у гору... «Згынь, проклятуща видъ мене! хай тебе огонь пожре, выхоръ рознесе—розвіе... Що ты мени таке?.. Жинка?.. Сестра?? маты??.. Я тебе всёго двичы чы трычи бачывъ на поли, де ты стрыбала, якъ коза... Чого жъ ты сюды лизешъ? чого ты мишаешся?.. Ты мени выбываешъ очи тымъ, що мени самому не дае спокою, що мое серце одвертае видъ доброго, а пидіймае руку на лыхе? видъ чого я самъ тикаю—та ніякъ не втечу; ховаюся—та не захо-

ваюся,—та все глыбче та глыбче топлю свою голову въ пьяній горилци... Геть соби! згынь»!.. Видъ ёго гучного голосу тинь затремтила; подалася въ гору; выще, выще... Небо загоготало; затріщало—и запалыло огнемъ... Горыть, трищыть, ломытся, падае; крычыть, лементуе, просыть, вси голосы злываются въ одынъ голосъ—у голосъ невыразнои тяжкои туги; скризь чутно—плачъ, лементъ... И все те жере огонь—то своимъ шырокымъ, лютымъ полумьямъ, то своимы гострымы языкамы—лыже́... Лызне—и тилькы чорна вуглына писля ёго зачорніе; лызне ще—вуглына побиліе, роспадается на попилъ... И пиднимае ёго въ гору шырока огняна хвыля, и залопотавшы, несе высоко-высоко... Огонь росходывся, розигрався... Уже винъ кругомъ охопывъ Чипку; вже досягавъ своимы довгымы языкамы до ёго тила; цилувавъ ёго выдъ... Гляне Чипка... То жъ не огонь, то людська кровъ хвылямы хвылюе... «О-о-й!» скрыкнувъ винъ—и несамовыто кынувся.

Стоявъ уже вечеръ на двори. Сонце закотылося въ гору червоно-червоно, не мовъ обпылося тои кровы, що була пролыта за день. Село, наморене то бійкою, то дывовыжою, втыхомырылось: нигде ни крыку, ни гуку. Высоки стовпы дыму вылиталы зъ верхивъ у небо высоко-высоко, наче неслы туды людськи слёзы, проклёны, молытвы... У печахъ палало полумья—варылася вечеря; людськи тини снувалы по-узъ ёго—и на хвылыну—другу закрылы ёго собою, немовъ якою запоною. Морозъ дужчавъ; зори гралы; захидъ сонця жевривъ кровяно-красною зорею... Скочывъ Чипка—и почувъ, що по всихъ ёго жылахъ, у кожній кисточци, якъ блыскавыци, забигалы огняни спычкы; злывшысь у голови до купы, воны рвалы іи огнемъ... Тило въ ёго горило; въ думкахъ сонъ мишався зъ бувальщыною; серце болило, замерало, кыпило невымовнымъ зломъ... Винъ выйшовъ на двиръ—хочъ провитрытысь. Свижый витрець пахнувъ ёму въ гаряче лыце; закрутывъ у носи—ажъ покотылыся зъ очей слёзы... Глянувшы на захидне зарево,—винъ зразу заплющывъ очи; воно ихъ ризало болизно, непрывитно... А на другимъ краи неба, насупроты червонило друге зарево: то сходыло повновыде козацьке сонце.

Чипка выйшовъ посередъ двору, и почавъ обдывлятыся. Кругомъ пусто и глухо! Ставъ винъ ходыты видъ хаты до току, видъ току до хаты. На души важко,—такъ важко, якъ ще николы не було... Боли зъ тила доходылы до серця, доймалы ёго; голова горила; думкы мутылыся: ображалы ёго неправдывою карою, лякалы людськымъ смихомъ... Винъ раднишый бы бувъ просыты, въ ногахъ лазыты, слёзамы молыты,—абы тилькы забуты те, що було! А воно стояло, якъ страховыще, передъ ёго очыма; якъ те марево, минылося въ ёго думкахъ. То учувався ёму глухый, здавленый смихъ; то, мовъ ненарокомъ, гостри, якъ спычкы, жарты въ розмови; то повсякчасне пряме выбывання на очи... Винъ знемогавъ видъ мукы: «Краще бъ я не родывся, або мене забыто,—нижъ отаке терпиты»!..

Душа бажала подилытыся зъ кымъ-небудь своимъ лыхомъ; серце—вылыты накыпили слёзы. Такъ же кругомъ—ни духа! Ламаючы рукы, жалибнымъ поглядомъ подывывся Чипка на захидне зарево, та й посунувся смутный въ хату... И жалко и страшно було дывытыся на ёго сумну постать, що такъ выразно чорнила мижъ двома заревамы свиту—мисячнымъ и захиднымъ. Наче выходець зъ того свиту, мовъ гришна душа, быта своимы тяжкымы переступамы, зибралася каятысь передъ Богомъ,—та не змогла: замисть молытвы, уста шепталы проклёны, перечытуючы свои грихы...

А товарыство—Пацюкъ, Лушня та Матня,—якъ побачыло, що за баталія пиднимается въ Пискахъ,—та мерщій ногы на плечи, та по за хатамы, та по за городамы ажъ у Крутый Яръ, та й засило въ шынку въ свого давнёго знакомого жыда Оврама... Прокружалы цилисенькій день на останни гроши, розсказуючы всякому, хто заходывъ у шынокъ, яке свитопреставленіе скоилось у Пискахъ... Уже смеркло.

— А що, братця, чы не навидатысь намъ у Пискы; що тамъ діется? каже Лушня до товарышивъ.—Чы не закопалы бува нашого Чипка, бо щось винъ тамъ дуже юртувався?.. Тутъ уже тикаты мерщій, колы лыхо; а винъ—клыче рятуваты!..

— Иды ты, колы хочъ,—одказують ёму Пацюкъ та Матня:—мы тутъ зостанемось...

— Ни, ходимъ разомъ,—пидмовляе Лушня:—провидаемо справди Чипку, хочъ винъ чудный собя, а все-такы,—нигде правду диты,—хороша душа, и товарышъ щырый, вже ни за що тебе не выдасть!..

— Я не пиду, хочъ мене рижте,—каже Матня.—Щобъ справди ще москаль спіймавъ, та давъ чосу...

— Та и я зостанусь зъ Якымомъ,—туды жъ и Пацюкъ.

Лушня почухався. Винъ знавъ, що теперъ справди въ Пискы иты не безпешно; одначе совисть ёго мучыла, що такъ товарыша кынулы...

— А що жъ ёго казаты,—веде винъ ричъ дали,—колы запытае Чипка: де булы?...

— Що жъ ёму казаты?—одказуе Матня.—Ничого не казаты!.. Що винъ за спросъ?

— Збрешы що небудь, бо справди не гараздъ,—бае Пацюкъ.—И чому мы ёго не взялы зъ собою?.. А теперъ, може, вже и у Пискахъ немае,—москаль узявъ...

Пацюкови жалощи всихъ уразылы: вси мовчалы, нихто ничого...

— Ну, сыдить же вы братця,—трохы згодомъ сказавъ Лушня,—а я пиду, довидаюсь...

Пишовъ. Выхопывся на гору, глянувъ на широке роздолля—и побачывъ Пискы, якъ въ тумани, залыти мисячнымъ свитломъ... Мижъ темную тинню голыхъ вербъ билила бокамы церковка и позырала навкругы своимъ блыскучимъ окомъ—золотою банею зъ хрестомъ; а недалеко видъ церквы, якъ высока гора, чорнивъ панськый палацъ и, здавалося, сердыто поглядавъ на все село. Село ще скризь спало. Де-де блыщало по хатахъ свитло, хочъ и тыхо було: людського гомону не чутно, доносылось тилькы глухе валування собакъ... На двори тыхо, холодно; морозъ скаженивъ и давывъ такъ—ажъ зори плясалы; пидъ ногамы рыпивъ снигъ... Щобъ не змерзнуты, Лушня пишовъ швыдче. Незабаромъ опынывся Лушня коло Чипчынои хаты.

Якъ та пустка, стояла вона сама соби на краи села, облупана, чорна... Тилькы не повыбывати шыбки горилы проты мисяцю: здалека здавалося, що въ хати свитылося... Лушня пидійшовъ блыжче. И темно, и тыхо!.. Идучи поузъ викно, що выходыло прямо на поле, винъ заглянувъ—що тамъ діется?—На полу не выдно никого... Уже винъ хотивъ повернуты по-за хатою до дверей, колы це (уздрылось ёму)—немовъ що промайнуло... Винъ знову прыхылывся до шыбкы, дывывся въ хату. У протывни викна мисяць ажъ бывъ своимъ свитомъ, лягавъ довгымы смугамы черезъ усю хату и ховався ажъ пидъ поломъ... Посередъ хаты, увесь залытый свитомъ, стоявъ на вколюшкахъ Чипка—молывся... Ёго ясна тинь разъ-по-разъ то згыналася, то выпрямлялася; на очахъ блыщалы слёзы...

— Чипко!—гукнувъ Лушня пидъ викномъ.

Чипка скочывъ, и боязко сховався за пичъ. Лушня зареготався на все горло. Регитъ ёго здоровои грудыны посередъ ночнои тыши, якъ гримъ гоготавъ навкругы, перекочувався, брязчавъ у шыбкы, розлягався по хати... Чипци стало соромно, хочъ кризь землю... Ёго піймалы на слёзахъ,—винъ плакавъ, якъ мала дытына! А Лушня регоче та й регоче пидъ викнамы—ажъ шыбкы двыгаются...

— Чипко! Чипко! що то ты одмолюешъ слёзамы?—регочучысь, знову Лушня.

Чипка пизнавъ голосъ. Смихъ надъ ёго молытвамы, надъ ёго слёзамы, товарыська зрада, докора—разомъ кынулось ёму въ голову, схопылы за серце..

— Убью!—ажъ сычавъ винъ, та вхопывшы макогинъ, босонижъ зъ хаты...

На счастя, Лушня почувъ тыхый скрыпъ босои ногы, глянувъ—и одскочывъ у бикъ... А Чипка обиручъ поперъ макогономъ прямо.

— Убью!—гукае винъ що сылы, та знову бижыть за макогономъ.

Лушня—дали... Покы доставъ Чипка макогона, Лушня опынывся геть далеко...

— Вонъ, сучый сыну! Щобъ вашъ духъ не смердивъ коло мого двору!—крычыть Чипка на все горло.—Убью, тилькы побачу хочъ зъ далека...

— Чы ты, бува, не здуривъ? чы не збожеволивъ, Чипко?.. Завищо ты насъ лагодышся вбываты?—зупынывшысь такъ, може, за гоны, гукае Лушня.

— Я черезъ васъ сорому набрався, мене черезъ васъ ни вечепо... Вонъ!.. Товарыша бьють, а вы по шынкахъ гуляете, та ще и сміетесь?.. Це вже не первына... Тоди въ пана, самы завелы, самы и покынулы... А теперь тута!.. Йе вы товарыши, друзякы?... Собакы, а не товарыши!.. Вонъ!! Та кынувшы макогона объ землю, пишовъ назадъ у хату и засунувъ за собою двери.

Лушня постоявъ-постоявъ, та знову пидійшовъ пидъ викно.

— Чипко!. Чипко!

Чипка лежыть на полу, мовчыть.

— Одже не сердься.. Ось выслухай попереду... Хиба бъ же мы тоби, ты думаешъ, не помоглы?.. Та мы бъ радниши... Мы ото, якъ набачылы тебе, та разомъ и кынулысь по улыцяхъ склыкаты людей... Я побигъ до Сыдора въ кузню молотка взяты... Колы оглянусь—ажъ Петро зъ Якымомъ крычать... Дывлюся—ажъ имъ уже рукы скручують десятныкы, и старшына коло ныхъ... Я мерщій на помичъ, хотивъ обороныты; а воны и мене звьязалы... Подумай: що намъ було робыты?.. Мы и почалы выбрихуватысь, що буцимъ тикалы зъ ляку... А старшына насъ—у чорну... Оце тилькы недавно выпустывъ. Петро жъ та Якымъ пишлы въ Крутый Яръ, а я оце зайшовъ за тобою... А ты насъ убываты збираешся!—додавшы жалю въ голосъ, закинчывъ Лушня.

— Я вже чувъ таку писню. Я васъ добре знаю!—мотнувшы головою, одказавъ Чипка, спустывшы трохы гниву.

— Та що-жъ ты не вирышъ?... Нехай, я де стою, тамъ и провалюся! Хай мене свята земля прыйме, колы не правда!... прысягався Лушня.

Чипка мовчавъ, не озывався; серце въ ёго одходыло. Винъ думавъ: чы Лушня каже правду, чы бреше?... Лушня брехавъ и боявся пробрехатысь. Винъ чувъ, що Чипка патякнувъ, що ёго

быто; щобъ уже зовсимъ розжалобыты товарыша, винъ давай напираты на це.

— Чы вже бъ мы не радниши—тебе вызволыты?... Хиба намъ не казано, якъ тебе нивечылы?... Та въ насъ серце кровью облывалося. Такъ що-жъ ты будешъ робыты, колы въ заперти?..

— Чомъ же вы не рознеслы чорнои къ бисовои матери?...— уже безъ серця, вступае Чипко въ розмову.

— Эге!... розвалы іи! Колы на насъ трёхъ постановлено сторожу ажъ десять чоловика; та все одынъ другого не выдасть: здорови якъ бугаи, а высоки, якъ верствы.

— Де жъ Петро та Якымъ?—забуваючы, пыта Чипка.—У чорній зосталыся?

— Та кажу жъ—пишлы въ Крутый Яръ погуляты, бо тутъ страшно. А мене оце за тобою послалы.

— Я не пиду!—одрубавъ Чипка.

— Та и я, мабуть, такый, що хай гуляють самы,—скорчывъ Лазаря Лушня.

Чипка не одказавъ ничого. Обыдва помовчалы. Лушня обизвався першый:

— Пусты, будь-ласка, въ хату, хочъ погріюсь, бо такъ змерзъ у тій гаспыдській чорній, що трохи души не вытрясло,— ажъ печинкы пидкыдаются. И почавъ цокотаты зубамы та здрыгуваты, буцимъ справди змерзъ.

Чипка повирывъ Лушни. Стало ёму жаль товарыша. Винъ скочывъ зъ полу, швыденько одсунувъ двери. Лушня увійшовъ въ хату; внисъ за собою макогинъ, що покынувъ Чипка на двори.

— Та и у тебе въ хати,—хочъ вовкивъ гоны!.. прывитався Лушня.—Чы немае горилкы погритысь?..

— Чортъ-ма! Лизь на пичь, колы хочъ...

Лушня побрався на пичь, та не роздягаючысь, лигъ мовчкы. Чипка соби лигъ на полу. Лушня лежавъ та радивъ, що такъ дило обійшлося. Турбувався тилькы про одно: колы бъ перше Чипкы побачытысь зъ Петромъ та Якымомъ, та наструнчыты ихъ, щобъ уже въ одынъ голосъ спивалы. Винъ справди ставъ по-

боюватысь Чипкы... «Колы бъ ще самому въ брехунахъ не остатысь, а то»... думавъ винъ, мовчкы. Чипка соби мовчавъ, хочъ те жъ не спавъ. Передъ ёго очыма куёвдылась денна заверюха, крутылась, выхорылась... Середъ ночи, при мисяци, пры тяжкимъ боли тила, вси денни прыгоды вставалы передъ нымъ, якъ те страховыще; крутылы ёго, кыдалы то на одынъ бикъ, то на другый; не давалы боли затыхнуты, думци забутыся... Винъ лежавъ, якъ у вогни... Душа млила и болила помстою; серце гукало оддячыты; розумъ пашывъ зломъ...

— Тымохвію!

— Чого?

— Ты не спышъ?

— Нц, не сплю.

Чипка замовкъ..

— Не знаю... чы казаты, чы мовчаты?..—несмилыво знову озвався, перегодя трохы.

— Про що?—кажы!

— У день сёгодня я спавъ... мени прыснылося...

Чипка вымовлявъ кожне слово зъ протягомъ, мовъ нехотя зъ перерывамы: языкъ казавъ одно, а думка впередъ бигла—за другымъ.

— Ну?.. що жъ тоби снылося?..

— Я плакавъ... Я молывся Богови... не помога!

— Та що жъ тамъ таке? кажы!—прыстае Лушня.

— Я довго думавъ... тягъ Чипка слово за словомъ.

— Що жъ ты думавъ?

— Ты бачывъ сёгодни людську неправду?—якось мовъ натужывшысь, выкрыкнувъ Чипка.—Бачывъ?

— Хочъ не бачывъ, то чувъ, розсказувалы,—одмовляе Лушня.

— То Чипка вже не слухавъ тіеи одмовы: слова ёго полылыся, якъ быстра вода, прорывшы греблю.

— Ой!.. дорогою циною заплатять воны за неи! За ти слёзы, за ту кровъ, що сёгодни безневынно пролыто... будуть воны до вику мучытыся, до суду мордуватыся!...

— Кому жъ воны заплатять?—перебывае Лушня.

— Мени!... мени заплатять!—гукае Чипка, пидводячысь на рукы.—Я имъ покажу, що мене страшно займаты! Покы воны мене не займалы, я бувъ до ныхъ, якъ уси люде. А зробылы таке зо мною... стережится жъ теперъ!.. начувайтеся!..

— Що жъ ты зробышъ? Ихъ скилькы, а ты—одынъ.

— Я одынъ? Хиба мало такыхъ, якъ я, якъ ты, та Петро, та Якымъ, безъ хаты-осели, безъ прытулку-прыстановыща?... Хиба трохы тыняется по свиту, де бъ свою голову прыхылыты, де бъ себе прыткнуты?! Що жъ мы?.. Хиба мы не люде, щобъ намъ погыбаты по пыдъ тынню голодною смертю? Хиба бъ и мы не лежалы на перынахъ такъ само, якъ воны, колы бъ у насъ таки достаткы?..

— И мы бъ булы такымы, або ще й кращымы!.. Та лыхо наше, що воны все прыбралы до своихъ рукъ запряглы насъ у плугъ: «оры, мовъ, дурный хлопе! робы на мене! А я лежатыму та йистыму те, що ты наробышъ!»... А колы оце той орачъ, що день у день не вылазыть зъ тяжкои праци, замовывъ тилькы одно слово, що ёму треба йисты, треба й жыты—що дай же мени плату, хочъ за ци останни два рокы, що робывъ на тебе... такъ воны, бачъ, якои заспивалы?.. «Бунтовщыкы!.. розбійныкы!».. За нымы сыла... навелы на насъ москаливъ, былы насъ, нивечылы, знущалыся передъ усимъ свитомъ. Такъ оце правда? Це вона??.. Ни, Тымохвію! Колы такъ... Не даешъ—ласкою: оддасы сылою! Насылаешъ на насъ усяку наволочъ; позорышъ насъ середъ билого дня за те, що мы просымо слёзамы: взываешъ розбышакамы. Колы жъ такъ... темна ничъ покаже,—де мое, де твое!

Лушня слухавъ, духъ прытаившы, боявся поворохнутыся, здыхнуты... зовсимъ оторопивъ.

Винъ зроду не чувъ, щобъ хто казавъ про се, та ще такымъ гучнымъ голосомъ, зъ такымъ страшнымъ завзяттямъ.

А Чипка не вгававъ; винъ зупынывся тилькы перевесты духъ.

— Чы такъ, Тымохвію!

— Такъ, Чипко,—ледве вымовывъ Лушня.

— Одъ сёгодни—шабашъ пыты! годи гуляты!.. Станьмо и мы такымы, якъ люде. Знайдемо роботу, рукъ не позычаты. А про те—свого не забуваймо! И воны такъ роблять. Колы воны вміють пидъ насъ пидйиздыты,—навчымося жъ и мы пидъ ныхъ! Хай знають, нехрысты, де правда! Колы йе вона,—то для всихъ хай буде ривна; колы нема,—то всимъ нема!

— Добре, Чипко! ій-Богу, добре!—обизвався Лушня, такъ ёму подобалась така ривна правда.—Я першый, брате, радый хочъ и сю ничъ затесатысь до пана, та розсказаты ёму—де правда!

— Та не панъ одынъ, Тымохвію,—не винъ одынъ!.. Уси налягли на нашу шыю... всимъ бажается пойиздыты на іи!.. Панъ, якъ панъ: винъ тилькы свое дило знае—панське!.. Колы бъ до насъ старши надъ панамы правдывиши булы... и панъ бы бувъ не той! Воны бъ довидалысь, чого люде страждуть; видъ кого и видъ чого воны терплять; воны бъ прямо сказалы панови: ни, то буде неправда, колы такъ зробымо?.. Такъ же—ни! Панъ—свій брать. Панъ, бачъ, и прымаже, и замаже, бо въ пана йе, бо винъ наздыравъ зъ людей. А людямъ де взяты?.. Та й то ще не все, Тымохвію! И панъ, и старши—одна бида. Онъ, попы наши! Воны передъ Богомъ за насъ, воны бачать крывду... та й ти ни слова!.. А кому жъ, якъ не имъ першымъ замовыты ёго?.. Жыдъ—и той... и той на насъ!.. обдурюе насъ, обпоюе, вымотуе зъ насъ останне збижжя, яке ще зосталося за душею. Самъ пидведе,—самъ и выдае?.. Уси на насъ, Тымохвію,—вси!.. И свій братъ—багатырь на насъ. И пьяныци мы, и злодіи, и волоцюгы. Якъ ще мы жывемо на свити, Тымохвію?.. Якъ насъ не подушать уси оти праведныкы. Здается, само небо, якъ бы впало на наши плечи,—не було бъ таке тяжке, якъ та неправда, та наруга, котру мы терпымо видъ кожного!.. Не будьмо жъ дурни, колы такъ!.. Оце насъ четверо. Годи, кажу, пыты-гуляты! Що зъ того, що мы поживылыся въ пана, та въ головы зъ пысаремъ? Жыдъ и забравъ усе те соби; а насъ ще понабывалы. Ни! Станьмо краще такымы людьмы, якъ уси,—прыймемось за роботу, въ день будемо пра-

цюваты... а ничъ матинка—и научыть и скаже де наше лежыть. Добре?

— Добре, Чипко! Зъ завтрёго я самъ стаю на роботу—годи волочытысь! скажу Петрови и Якымови. Будемо гроши заробляты. А я мырюсь зъ матирью, перевожу до себе. Скажуть люде: оханувся! то й добре. Будуть и гроши. А що то, брате, за сыла гроши? Сказано: золото муръ ламае! Чого тилькы не зробышъ за гроши. Ты думаешъ, мене бъ былы колы бъ я бувъ багатый?.. Чы однялы бъ булы землю въ мене, якъ бы я мавъ гроши?.. Пидсыпавъ бы ярызци пьятдесять карбованцивъ, якъ отой волоцюга. «Не займай моей земли!.. Не одбырай іи въ мене!».. И не занявъ бы. Богъ-зна що зъ мене тоди бъ выйшло. Бувъ бы я, може, доси жонатый; жывъ бы хорошо, тыхо, зъ людьмы въ ладу; годувавъ бы дитокъ, якъ други—отъ якъ Грыцько. Хто--маты... та ридна маты, що тебе на свитъ породыла—и та стала тоби ворогомъ!.. Хиба воно легко то, Тымохвію? А все черезъ ту землю. Хочъ и не въ земли, бачъ, сыла. Ни!.. Земля—такъ соби; земля, та й годи!.. Та черезъ землю я втерявъ свое счастя, свою долю... втерявъ. А колы бъ ты знавъ, колы бъ ты бачывъ, Тымохвію,— що то за людына така?! Ото вона сёгодни мени и снылася. Наче янголь, якъ свята душа, литала вона надъ моею головою.

— Хто?.. не розбыраючы Чипчыного марыва,—пытае Лушня.

— Галя!.. Моя люба... найкраща надъ увесь свитъ.

— Яка Галя?—пытае вдруге Лушня.

Чипка схаменувся.

— Не знаю,—доказавъ, и замовкъ.

Чы не закохався, бува, та й не хвалышся?..—допытуется Лушня.

Чипка не одмовывъ ни слова, тилькы зитхнувъ, здержуючы духъ, щобъ Лушня не почувъ. Довго мовчалы обыдва.

— Що зъ тобою таке: чы ты здужаешъ, Чипко?

— Ничого. Болыть тилькы все. Побылы сучи сыны до жывого тила, якъ печене болыть.

— То ты бъ до знахоркы пишовъ, щобъ масты якои дала, або зилля.

— Загоится и такъ. А слиды хочъ и зостанутся,—то дарма: воны будуть нагадуваты, щобъ часомъ не забувъ.

Довго ще воны мижъ собою балакалы, покы поснулы. А поснулы вже тоди, якъ сталы други пивни крычаты, на темному неби прымеркалы зори,—волосожаръ на пивничній сторони догорявъ и тремтивъ биловастымъ свитомъ, а ясный мисяць почавъ билиты, спускаючысь на супроты за гору.

IX.

Наука не йде до бука.

Мотря та хазяйка іи,—довгопьята баба—ще зъ вечора, передъ тымъ безталаннымъ днемъ, усе чогось кволилы та жалилыся на проклятущый морозъ, що якъ у забій забывъ—день у день. Воны сыдилы на печи—и то померзлы. Бабына онука, дивчына, знай снувала зъ хаты въ сины, а зъ синей въ хату, та напускала холоду. Выдко було, що іи обхопыла якась нетерплячка.

— Чого ты, дочко, рыпаешся дверыма?—спытала іи баба.

Замисть одмовы, дивчына, може и не дослухавшысь, защебетала!

— Уже наши дивчата вулыцю збирають!.. Таки дурни... якый холодъ, а воны спивають, ажъ улыця розлягается. Якъ у ныхъ и роты не позамерзають?

— Та то воны выдно на досвиткы идуть,—обизвалася Мотря зъ печи.

— Ни, такы на вулыцю. Сёгодни и мени Приська казала, щобъ и я выйшла.

— Усе теперъ не полюдській!—зитхнувшы одказала Мотря. Яка теперъ, середъ зимы, вулыця? То по литови, та по теплови.

— Та и я, титко, казала Присьци. Сміется, дурна, та одно плеще: выходь, та й выходь!.. Сёгодни до ихъ Байрацьки хлопци прыйдуть, и Коваливъ Васыль прыйде. А той Васыль Коваленко, каже, такый гарный, що по всёму свиту пошукаты... якъ картына.

— То це, мабуть, воны идуть на-зустричъ?—каже баба.—Сказано: молоди... имъ що?—абы погуляты та поспиваты.

— Та й хлопци,—чутно,—спивають, цокоче дивчына. Та такыхъ гарныхъ писень! Наши хлопци такыхъ и не вміють;—мабуть, то байрачане.

Вона полизла зъ рогачемъ у пичъ, засунула горщыкъ, обгорнула жаромъ, накрыла покрышкою. Пиду на двиръ, та послухаю, покы кулишъ закыпыть!—сказала, та й шморгнула зъ хаты.

Мотря зъ бабою, тилькы переглянулысь.

Перегодя трохы, дивчына знову вскочыла въ хату, затупала голымы ногамы, червонымы, якъ у гусака, захукала въ рукы.

— Оце... якый холодъ,—нехай ёму гаспыдъ! Морозъ прямо, що зъ очыма!.. Ху! ху!.. (хухукала въ рукы). А хлопци такои гарнои спивають; а дивчата и соби. Якъ бы не такъ холодно, та не вечеря, то майнула бъ ажъ туды!

— Босонижъ?... озывается Мотря—не то зъ докоромъ, не то зъ радою.

— Ни, взулася бъ.

— Такъ тоби вечери шкоды втеряты?—сміется баба. Отто дивка!

— Ни, не вечери шкода,—тилькы хто жъ іи варытыме!.. Та я такы и не хочу.

— Якъ старець копійкы,—шуткуе баба.

— Ни, не хочу! Бо тамъ десь чутно и бійку,—тилькы: гукъ та гукъ! . Може, то наши парубкы зъ байрацькымы завелыся, щобъ на чужу вулыцю не ходылы?..

— То выдно, крепакы попылыся, та не помырятся!..—угадуе баба.

Мотря важко зитхнула.—Попылыся?...—подумала.—Хто жъ ихъ попоивъ, якъ не винъ?.. Серце въ неи защымило.—Цилый вечиръ була вона смутна: ни цокотання веселои дивчыны, ни бабыни жарты не розважалы іи.

— Чогось мени на души такъ погано, коло серця щось вьется такъ... жаліется баба. И зарани лягла спаты.

Не спытся ій. То думкы, то кашель не дають заснуты. Оце зведе очи, заплющыть—и роскрые: іи верзется пьяне грыще. Переверпется вона на другый бикъ, уткне пыць у подушку свое лыце,—кашель пидступыть пидъ горло, лоскоче, душыть. Вона пиднимется, кашляе, схопывшы голову въ рукы. Сыдыть. Кашель трохы втыхъ, одійшовъ. Думае вона де та смерть забарылася? де вона ходыть?.. Та зъ смерти перенесе іи думка на его, на сына... та знову на смерть. На сылу передъ свитомъ заснула И до свита не вставала. Ранкомъ долитало до ихъ хаты нестямни крыкы та гукы. То одклыкалася московська росправа.

— Господы! що тилькы робытся на выгони!—вскочывшы въ хату, замисть прывиту, прокрычала сусида.—Москали сталы кружкомъ, обступылы крепакивъ,—та кожного беруть, та й бьють. Ти крычать, просять, молять. А пароду збиглося на ту бійку дывытыся... то и земли важко! А справныкъ, чы якыйсь тамъ старшый, якъ крыкне на людей: «що вы стоите, сякы-такы?.. вонъ отсюда!» Такъ уси и полыпулы—хто куды попавъ. Хто прямо шляхомъ; хто черезъ городы,—ажъ тыны трищать, а воны городамы такъ и чешуть. Сказано: страхъ такый, що Господы!..

— А мого тамъ не бачылы?—несмилыво запытала Мотря.

— Бачыла и вашого... бигавъ тамъ, та людей збиравъ: думка була рятуваты..

— Пьяный?—перебыла баба.

— Богъ ёго знае—чы пьяный, чы ни. Бачыла тилькы, що до кожного прыстававъ: не даймо! заборонимо! Такъ ёго москали якъ запопалы...

— Та й де ёго дилы?..—зъ лякомъ скрыкнула Мотря.

— Не знаю, не бачыла. Казалы люде, що й ёго лыбонь быто. Та такъ, кажуть, немылосердно, що ажъ кровъ цивкою.

Выдъ Мотрынъ, и безъ того хмурый, ще дужче потемнивъ. Схылыла вона сумно голову; потеклы гирки слёзы зъ жовтыхъ, мутныхъ очей—потеклы по щокахъ, по глыбокыхъ ривчакахъ, що лита та недоля попроорювалы по сухому выду. Баба ще довго роспытувала сусиду; сусида ще довго розсказувала. Мотря вже не чула ничого того. Серце въ неи щемило, болило; голова, якъ

отуманена; за слёзамы вона ничого не бачыла. «Быто... прылюдно, прынародно быто»... думала вона, залываючысь слёзамы. «До горя, до нужды, до мого безголовья—ще и сорому прыбуло... поговору!.. А скилькы ще прыйдется перетерпиты таемныхъ смишокъ та шуточокъ!... Тамъ у чорну вкынулы: кажуть, чоловика вбывъ!.. хочъ и не винъ,—та вже, колы такъ, то винъ! Голову ограбывъ, пысаря. Винъ!.. И людей перепоивъ, на лыхе пидбывъ. Винъ! И все винъ, и усе винъ!.. А теперъ ёго, якъ якого,—просты Господы,—душогуба—прылюдно нивечылы. А воно жъ: ёго тило—мое тило! Ёго бьють,—мени боляче. Та то жъ, кажуть, до жывого тила, до крови!.. Господы! вже якъ на кого узлятся люде,—то до краю вже дойидять, до кинця догрызуть! Що де не зробытся, чого де не выдержуть,—усе винъ, пьяныця, розбышака!.. Та вже колы бъ хотилы помстытыся, колы винъ заслужывъ того,—то хочъ бы не прылюдно, не прынародно!.. А то жъ—кожне бачыло, кожне чуло. «Паны... а души людськои, серця въ ныхъ немае! Имъ, колы простый чоловикъ, то все одно, що товарюка. Лупы, бый ёго прямо рублемъ... не зигнется!.. Боже! Боже! де жъ Твоя правда свята?».. Вона була теперъ сердыта на всихъ людей, на весь мыръ, на ввесь свитъ,—на панство, що іи сына побыло. Хто имъ давъ право іи дытыну безчестыты?... на москаливъ, що такъ немылосердно по катывскій былы; на людей, що не тилькы не оступалыся, не оборонялы,—а дывылыся на те, та сміялыся. У кожній людыни вона бачыла теперъ свого кровного ворога. У цокотанни сусиды вона чула гиркый глумъ надъ іи матерынськымъ жалемъ, надъ іи бидною головою, самый голосъ бабынъ,—старый та покійный, здавався іи потайнымы жартамы надъ нею самою. «Чужи... чужи. Що имъ?.. у ныхъ болыть?.. имъ шкода?!», думала вона, облываючысь гиркымы слёзамы, що такъ и плылы, такъ и лылыся одна за другою. И кляла вона свою долю; проклынала людей, проклынала свою кохану дытыну—свого сына, котрого такъ жалкувала. То бувъ болизный лементъ души, глыбока враза серця—никому невидомо, окримъ матери. Тилькы одна маты вміе разомъ кохаты свою дытыну и ненавыдиты; жалкуваты и проклынаты; бажаты бачыты, чуты—и не дывытыся, не слухаты.

На другый день прокынувся Чипка, якъ уже сонце пидбылося. Оклыкнувъ Лушню. Лушни вже не було. Диждавшы ночы якъ Чипка заснувъ, винъ тыхенько злизъ зъ печи, выйшовъ зъ хаты, та й потягъ прямисинько у Крутый Яръ.

— А що Чипка якъ?—стрилы ёго товарыши.

— Ничого. Жывый! Усе гараздъ. Глядить тилькы: ни слова, де булы. Сказавъ—у чорній сыдилы.

И давай розсказуваты, якъ ёго Чипка трохы не вбывъ,— якъ винъ выбрехався; розсказавъ и про останню розмову зъ Чипкою; радывъ прыстаты. Пацюкъ одразу згодывся, Матня впырався.

— Стань у службу,—казавъ винъ,—николы и чаркы горилкы выпыты.

Одначе Пацюкъ та Лушня умовылы и ёго прыстаты на Чипчыну раду. Отже винъ згодывся нанятысь не въ кого зъ хазяивъ, а де небудь у жыда на вынныци, або въ бровари. Такъ и зробылы.—Той день перегулялы, а на другый—уси тры пишлы на побыванку до жыда, сталы на вынныци.

Чипка пидождавъ покы геть пидбылося сонечко, одягся въ свытыну и пишовъ до бабы, де жыла маты.

На двори зустривъ винъ бабу.

— Добрыдень, бабо!

— Добрыдень.

— Що маты—у васъ?

— У мене. А що?

— Та ничого. Я до матери, колы можна.

— Иды.—Чого це винъ?.. подумала баба, и страшно ій стало. Вона мерщій въ хату.

— Мотре! Мотре!

— Чого?

— Сынъ иде.

— Мотря не одказала ни слова,—тилькы затрусылася. То морозомъ іи осыпае,—вона биліе; то у жаръ укыне.

— Чого винъ иде?—за Мотрю спытала дивка.

— Не знаю, одказала баба.

А тутъ и Чипка въ хату.

— Добре здоровья—вамъ, бабо, и вамъ, мамо!

— Здоровъ бувъ, Чипко,—одказуе баба.

Мотря одвернулася: слёзы заслалы іи очи.

Уси мовчалы. Чипци стало ніяково. Зомнявъ винъ у рукахъ свою шапку и несмилыво промовывъ:

— Я до васъ, мамо.

Мотря не озывалася. Чипка соби замовкъ. У хати зробылося важко, мовъ стеля нагнитыла.

— Чого ты до мене прыйшовъ?—не швыдко вже, вымовыла Мотря, все такы не глядя на Чипку.

— Прыйшовъ я, мамо, перепросыты васъ. Дурный я тоди бувъ, пьяный... зневажывъ васъ... зобидывъ крипко... за те мене Богъ покаравъ. Простить мени! не гнивайтесь уже на мене!..

Не выдержала Мотря. Слёзы брызнулы зъ переповненыхъ очей и, якъ горохъ, котылыся по выду, падалы на доливку. У души разомъ заговорыла и одрада, и жаль, и докора. Ій любо, одрадно було, що сынъ покорывся, що винъ побачывъ, якого лыха наробывъ соби, черезъ свою дурну голову та ледачу волю, що винъ повынуватывъ себе передъ нею, передъ матирью, котру образывъ такъ. И разомъ уставала передъ нею, чорною хмарою, сынова зневага, давыла, якъ обценькамы, матерыне серце; прохалася вылытысь хочъ у гиркыхъ докорахъ. Мотря, вмываючысь слёзамы, стала ганьбыты сына.

— Теперъ, бачъ, и до матери?!.. теперъ и до неи, якъ никому пожалиты?.. А якъ тоди—такъ маты сяка и така!.. Чы тоби не соромно? чы тоби не грихъ?.. мене на старисть пустывъ по чужихъ людихъ тынятысь... шматокъ хлиба одъ чужыхъ людей прыйматы... таке про тебе слухаты?.. Що жъ маты—ворогъ твій?.. Маты, якъ маты!.. Вона бъ своеи пучкы врizала, та дала своій дытыни, щобъ ёму було краще? А заразъ у гору; заразъ—сяка-така!.. якъ, теперъ, бачъ А поповчылы,—такъ и матери стало треба!.. Заразъ до неи?.. Що—добра московська наука?.. добра?! Тепереньки и покора де взялася. А тоди... маты слово скаже, а ты десятеро... маты заплаче,—а ты въ бучу!.. А я тоби скажу,

сыну: колы бъ у матери була така сыла, щобъ тебе провчыты, якъ чужи провчылы,—то не скакавъ бы ты, якъ зинське щеня, въ гору,—не дорикавъ бы гиркымы словамы стару матиръ, що надъ тобою довгыхъ ничокъ не досыпляла, одъ свого рота одрывала, та тоби давала!.. не ображавъ бы ты іи серця такъ!..

— Не згадуйте вже того, мамо!.. Простить... забудьте! То було давно колысь. Що жъ пьяный чоловикъ?.. Пьяный—дурный. Сами знаете... не поставыть свичкы, а звалыть!..

Мотря замовкла, втырала рукамы слёзы. Баба и соби додала ганьбы та докоривъ кымъ лыхымъ вчынкамъ. Чипка стоявъ, повисывшы голову, коло порога. Мотря глянула на ёго—и разомъ перевернула свое серце на великый жаль.

— Мабуть тебе, сыну, тамъ понивечылы, що и кисткы цилои не оставылы?..—сказала вона, зъ жалемъ, дывлячысь на ёго блидый, болизный выдъ.—Дывысь, якъ на выду спавъ... поблидъ, позеленивъ!..

— Спына, мовъ попечена, болыть,—жаливсяЧипка.—Сказано, былы!..

— Бодай ихъ лыха та несчаслыва годына побыла, якъ воны такъ знущаются надъ людьмы!..

— Чулы мы, Чипко,—вмишалася баба,—чулы, ажъ сюды до насъ крыкы доходылы. Такъ, немовъ мерци зъ домовыны,—тилькы: о-о-охъ!.. о-о-хъ!.. стогналы.

— Воны, мабуть, тебе до жывого побылы?—знову пытае Мотря.

— Та йе всёго.

Мотря скрывылася, мовчала.

— Чы ты жъ хочъ сорочку переминывъ? чы, мабуть, у тебе й сорочкы кать-ма?—трохы згодомъ, пытае маты.

— Ни, йе... та не переминявъ.

— Чому жъ ты не скынувъ?.. Воно жъ попрыстае, попрысыхае; поздыраешъ—ятрытыметься... гирше буде!

— Прысхне!

— О, бодай тебе!—усмихнулася баба.—Прысхне!! Сидай, чого ты стоишъ!

Чипка сивъ поручъ зъ матирью. Мотря дывылась на ёго, та трохы не плакала. Дивчына, бабына онука, стоячы коло печи спыною до огню, сумно поглядала то на сына, то на матирь, то на свою бабу и кусала ниготь другого пальця на ливій руци.

— Де жъ мы, сыну, жытымемо?—геть уже по розмови, запытуе Мотря.

— Дожывайте вже, мамо, зимы въ бабы; я заплачу, що тамъ баба скажуть.

— Богъ зъ тобою, Чипко, зъ твоею платою! На що мени твоя плата? Хиба Мотря въ мене хату пересыдыть, чы перележыть, якъ перезимуе?.. Хай зимуе. А ты, сыну, розстарайся на грошы, та полагодышъ свою хату, та по зеленій весни, по теплій годыни, и перейдете на нове хазяйство.

— Спасыби вамъ, бабо, за вашу ласку,—дякуе Чипка кланяючысь.—Такъ, мабуть, я оце и зроблю: пиду та й наймуся въ вынныци до весны.

— Не иды ты, сыну,—перебыла ёго Мотря: не наймайся въ жыда-нехрыста!.. Воны твое добро перевелы. Стань краще де въ тикъ, та заробы хлиба. Диждемо весны,—треба щось йисты. А може де поля роздобудемо,—буде чымъ засіяты.

— Добре, мамо. Стану въ току. Тамъ у Крутоярській экономіи, кажуть, багато хлиба зосталося. Казалы, що нимець лыбонь найме: хто хоче—за грошы, а то—зъ коробкы. То я, мабуть, стану теперъ за хлибъ. А тамъ, якъ заробымо,—тоди за грошы.

— Добре... хочъ и такъ зробы, сыну.

Попрощалыся.

Того жъ такы дня, надъ вечиръ, Чипку зибравсь и пишовъ у Крутый Яръ. На другый день добувъ десьципа и молотывъ у клуни, ажъ на сажень летила солома въ гору. Де та сыла и хить узялася!—Такый робитныкъ зъ ёго—золоти рукы! Нимець—и той пидхвалюе Чипку, другымъ на зразокъ ставыть.

— Шипка—карошъ—работай... какъ бидло!..

Эге!.. сміются писчанськи козакы: що то московська наука! Уже и нашъ верховода въ Крутому Яру зъ ципомъ. Воно такы

дывне дило—лоза!.. А то—Господы, твоя воля! Тамъ у свято пиднялы такый бенькетъ, що и земли важко; а писля святъ—зовсимъ здурилы!..

Чипка не чувъ ничого того, а Мотря, хочъ и чула, та затыкала вуха, проклынаючы панивъ, москаливъ и людей, що смiялыся. Чипка бувъ на роботи. Мотрю въ бабыній хати непосыдячка брала. Що дня вона заходыла въ свою хату. Скилькы вона лыха въ тій хати вытерпила, нужды, холодныхъ та голодныхъ днивъ! Скилькы разъ ій доля зрадыла, іи надіи розмела, розбыла, потопыла въ безодній прырви гиркого жыття!.. Сыдячы въ старій пустци, почне прыгадуваты Мотря все, що тилькы стара памьять у голови задержала. Подумае, пожурытся сама соби, заплаче та й пиде. А на другый день знову телипается. Ажъ нудно ій, якъ вона не провидае якый день своеи хатыны. А въ ночи—тилькы и думкы: колы бъ уже швыдче ця люта зима мынала, снигы талы, поля зеленилы, щобъ можна було коло хаты взятысь, лагодыты та переходыты! Такымы думкамы тилькы й жыла.

Отъ уже и масныця. Сонце геть высоко пиднимается; грае на весну красну; гріе—вже волови и пивбока нагріе, якъ кажуть люде. Снигъ мнякшае, лидъ дирчавіе, чорніе; коло хаты вже поодтавало; дитвора высыпала зъ хаты на прысьпу, проты сонця зъ козачкамы грается. Весною дыше. Крепакы ради таки, що диждалы весны,—першои вильнои весны, що годи на панивъ робыты.

— До шынку, братця, за волю!.. за волю!..—гукалы воны, прямуючы въ шынокъ.

Одгулялы масныцю. А тутъ посереднывъ прыйизжае, уставну вводыты, землю надиляе. Крепакы перелякалыся, щобъ зъ землею часомъ не надилывъ винъ ще чымъ... другою не волею!.. Де-хто тыхенько миркуе, що земля ця и йе друга неволя, що паны за неи плату братымуть, на панщыну гнатымуть.

— Не хочемо земли!.. не треба!.. До слушного часу!—гуде громада, сподиваючысь того слушного часу, покы землю вернуть ій даромъ, безъ грошей. Воны думалы, що царь волю давъ—и

землю подарувавъ; а то вже сами паны выдумалы якусь плату. «Та вже такы колысь правда зверху буде!» думалы воны—и сталы дожыдаты «слушного часу». Пиднялася знову буча та колотнеча. Не въ одныхъ Пыскахъ,—гукалы про той слушный часъ скризь по Вкраини, по всихъ хуторахъ, селахъ. Одгукувався крыкъ той по повитовыхъ городахъ. Сказано, всюды, де тилькы темный, помученый крепакъ, котрого цили викы нихто не пытався низачого, котрый бувъ воломъ, що переорювавъ панськи ланы та засивавъ на панськый прыбутокъ,—скынувъ зъ себе панськый ланцюгъ, дыхнувъ волею.

Чипци теперъ николы дослухатысь до всёго того. Вкупи зъ матирью винъ день-у-день порается коло хаты. Роскрывъ іи, обобывъ зъ окола и зъ середыны; трухляве дерево выкыдае, нове вставляе—циле; нови кроквы становыть; околотомъ вшывае. Мотря зъ мазальныцямы вовтузытся. Ихъ смихы та писни зъ самого раннёго ранку розбуркують село, розносятся на вси Пискы. До Паскы вже стояла хата, якъ та чепурна дивчына: ривна, высока, та била-била, якъ снигъ. И можна було бачыты,—якъ кожного ранку и вечора выходыла зъ неи старенька жинка, трохы згорблена, зъ веселымъ поглядомъ у очихъ. Хутко вона бигла до ожереду соломы, що стоявъ на вгороди; хутко набирала повне рядно, и несла черезъ сылу въ хату. То була Мотря. Ажъ помолодчала вона, якъ перебралася въ свою хату, на нове хазяйство. Чипка соби прынявся за ёго, ажъ чупрына мокра. День-у-день тоби, якъ у окропи кыпыть. Полагодывъ хату—давай погрибъ обчыщаты та оброблюваты; новою лисою усадьбу оплитаты; дощани ворота майструваты. Объ Мыколаи на ярмарци овечатъ купывъ. Треба кудысь загоныты Прынявся за кошару.

Настала косовыця. За отамана ходыть! Прыдбавъ щось копыць зъ пьятнадцять сина. Отъ пополовилы жыта, часъ уже й жаты. Сталы жныва—и серпомъ, якъ косою. Тилькы нагынается высоке жыто, колосыста пшеныця пидъ ёго рукою; а тамъ глянь уже зъ-заду и снипъ лежыть, товстый, та чепурный.

Радіе Мотря; хвалытся людямъ,—не нахвалытся своимъ сыномъ.

— Отъ дуривъ-дуривъ,—та такы и избигъ на свою стежку! Теперъ його лыхый не визьме! пиде соби жыты... Шкода тилькы, що не женытся, чого доброго розволочытся, розледачіе!

Такъ казалы люде! И все не одна стара маты, маючы дочку на пори, нышкомъ соби думае иноди про Чипку, а зустрине,— витае гаразденько. Не одна и дивчына зачипае його своимы любымы жартамы. Та глухый и нимый Чипка, якъ до витання матинкы, такъ и до жартивъ донькы. У його щось инче на уми, друге на серци. Иноди середъ роботы, зложывшы рукы, винъ задумается—загадается... «Ну, що зъ того?» забувшысь, спытае самъ себе,—та мовъ перелякавшысь свого голосу, зновъ за роботу...

Тымъ часомъ усячына въ ныхъ прыбувае та прыбувае... Мынулы й жныва. На двори осинню пахне. Стало людямъ вильнище.

Упьять пиднялась колотнеча... Зъ крепакивъ правылы выкупни. Крепакы не хотилы платыты. Давай ихъ худибчыну цинуваты та спродуваты. Купывъ Чипка въ одного корову; хотивъ ще коня завесты,—та не знайшовъ до вподобы...

Яке жыття, таке и товарыство. Зажывъ теперъ Чипка зъ Грыцькомъ душа въ душу. У двохъ часомъ на роботу идуть, у двохъ и до дому вертаются.—Пидъ недилю—або Чипка въ Грыцька зъ матирью, або Грыцько въ Чипкы зъ Хрыстею. Забувъ Грыцько и про той вихоть, що Чипка бувъ кынувъ... Та чы до того теперъ Хрысти, колы въ неи мала дытынка на рукахъ?..

Хрыстя вподобала Мотрю.—Вона така добра, така добра, якъ ридна маты!—хвалытся чоловикови. И часто Хрыстя, пидъ свято прыходыть до Мотри побалакаты, розважытысь. Мотря и соби навидувала не вряды-годы Хрыстю. Якъ же тій треба було на цилый день выходыты на роботу зъ дому, Мотря доглядала іи сына Васылька.

— Чому вы, матусю, свого Чипкы не оженыте?—разъ запытала Хрыстя Мотри.

— Хиба жъ я, дочко, не оженыла-бъ його? Казала скилькы, не хоче!

— Выдно въ ёго хтось на думци йе, та, мабуть, не посміе сказаты.

— Хто ёго знае. Не каже. А мени вже обрыдло на ёго бурлацьке жыття дывытысь! Що ёму, то ёму—жинка розважыла бъ... А то такы и мени. Вже стара, пидтопталася,—все бъ такы невистка переминыла. Казала ёму,—вказувала на васъ... «Онъ, кажу, бачъ, побралыся люде, та й жывуть счаслыво. Чому бъ тоби не одружытысь?..» Такъ и слухаты не хоче... Мотря важко зитхнула.

— И чому я теперъ, матусю, не дивка,—сміется Хрыстя.— Отъ бы вашому сынови и пара була!...

— И, вже, дочко! Ёму, мабуть, ніяка жинка не вгодыть, тымъ винъ и не женытся.

Грыцько и соби разъ, побачывшы сумного Чипку, обизвався:

— Чому ты, Чипко, не одружышся?

— Хиба воно краще?

— А вже жъ краще. Жинка прывитае, порадыть, розважыть...

— Кый бисъ!—глухо одмовывъ Чипка та засумувавъ ще дужче.

Винъ бачывъ самъ усе те добре. Винъ бачывъ Грыцькове счастя... Та воно ёго не грило, а ще дужче жалю завдавало. Винъ де-дали робывся все смутнишый, та смутнишый; ставъ часто пропадаты на цилу ничъ...

Жде Мотря, не диждется... «Мабуть пишовъ кудысь погуляты,—та щобъ мои очи не бачылы, и уха не чулы... Сказано: парубокъ!.. А може назнавъ кого...» Подумае вона такъ сама соби; поголубыть у серци надію—и безпешно лягае спаты. Не пытае и Чипку. Разъ зважылась. Прыйшовъ Чипка вже свитомъ, зовсимъ розвыднилось. Сумный, блидый, гризный...

— Де ты, сыну, ходышъ?—пытае Мотря, глядячы на ёго.

— Тамъ немае, де бувъ!—понуро одказавъ Чипка, и выйшовъ зъ хаты по хазяйству...

Мотря тилькы плечыма здвыгнула,—«Чы не зъ повійныцею бува якою спизнався,—та соромно прызнаватысь?»...

А кругомъ Писокъ тилькы й чуткы, що про лыхи вчынкы... Тамъ у Крутому Яру нимця—вправытеля пидголено; тамъ на Побыванци жыда, якъ лыпку, обидрано; тамъ до пана въ Красногирци добывалося—та одигналы; въ Байрацькимъ лиси знайшлы биля дерева до купы звьязаныхъ ченця зъ черныцею—и щось багато грошей не доличуются; а отъ—у Розбышакивци церкву обикрадено... Гоготыть про все це чутка, гуде, якъ у дзвоны дзвонять, и далеко-далеко навкругы росходытся... Скризь пиднявся струсъ; коженъ, лягаючы, просывъ Бога, щобъ цилому встаты.

— Ну, та и лита жъ теперъ насталы!—балакають стари люде.—Мабуть, уже незабаромъ кинець вику... Не даромъ таке на свити коится. Чому за наши молоди годы цёго не було? Чого батькы, диды и прадиды ничого про таке не розсказувалы?.. Тоди татарва була, палыла города, села, людей ризала, въ полонъ полоныла, на ясырь гнала... А теперъ?!.. Онъ, церквы крадуть!.. Хто?—татаре?!.. Де се воно выдано? Та и мижъ ридными розладья пишло?.. Сынъ на батька руку здiймае; дочка матери ухомъ не веде; братъ на брата встае, сестра зъ сестрою ворогуе; жинка на чоловика отруту готуе... Уси—якъ подурилы, якъ показылыся! А халамыдныкивъ, повiйныць—скилькы!.. А покрытокъ та дивчатъ абы якыхъ!!.. Колысь—якъ бы выйшла замижъ така, то одынъ бы поговиръ не давъ вику дожыты... А теперъ, дочка зъ москалемъ спыть, а маты кожухомъ прыкрывае... О-о-хъ, Господы! якъ ще ты терпышъ насъ на свити?

Панасъ Мырный та Иванъ Билыкъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Святитель Θеодосій Углицкій, архіепископъ Черниговскій [1]).

Родиной преосвященнаго Θеодосія Углицкаго была правая сторона р. Днѣпра, но, судя по изобилію польскихъ оборотовъ и словъ въ его письмѣ къ Забѣлѣ, можно полагать, что родиной его была собственно не Украина, а близкая къ ней часть подольской губерніи. Сохранившееся въ м. Улановкѣ преданіе называетъ эту мѣстность родиной св. Θеодосія. И подтвержденіе этому находится въ одномъ изъ его писемъ къ племяннику Василію Полонецкому, въ которомъ, сообщая о его родныхъ, прибывшихъ въ 1695 г. въ Черниговъ къ свадьбѣ, онъ прибавляетъ въ концѣ: «Изъ Улановки еще ничего не бывало, но о томъ небезпокойтесь». Въ Помянникѣ Кіево-Выдубицкаго монастыря сохранилась запись его рода, сдѣланная, вѣроятно, имъ самимъ въ бытность настоятелемъ сего монастыря. Въ этой записи значатся слѣдующія имена: Іерей Никита, Марія, Потапій, Созонтъ, Домникія, Михаилъ, Германъ, Григорій, Евдокія, Петръ, Февронія, Агаθія, Василій, Параскева, Анна, Іоаннъ, Іоаннъ, Евдокія, Филиппъ, Анна, Анна, іерей Евстаθій, Исаакій, іерей Іоаннъ, Пелагія, Θеодоръ, іеромонахъ Прохоръ, іеромонахъ Іоанникій, іерей Николай, Дометіанъ, Екатерина, Θома, Магдалина, Стефанъ, Тихонъ, Несторъ, Марія, Анастасія, Христофоръ, Меланія, Іоакимъ,

---

1) Настоящій очеркъ составленъ покойнымъ сотрудникомъ нашего журнала, протоіереемъ П. Г. Лебединцевымъ, черновая рукопись котораго обработана священникомъ І. Гордіевскимъ.

Ѳеодоръ, Ѳеодоръ, Анна, Екатерина, Іоаннъ, всего 47 именъ. Черниговскіе описатели жизни святителя Ѳеодосія считаютъ его родителями іерея Никиту и Марію, имена которыхъ стоятъ въ началѣ записи его рода; но запись могла начинаться также, и весьма естественно, именами дѣда или же прадѣда, какъ это встрѣчается въ записяхъ иныхъ древнихъ родовъ. Родственниками же святителя Ѳеодосія несомнѣнно были: 1., Іоаннъ Углицкій, протопопъ кіевскій, подписавшійся, въ числѣ духовныхъ лицъ, подъ актомъ избранія генеральнаго есаула Ивана Мазепы въ гетманы, бывшемъ 25 іюля 1687 года, на радѣ у р. Коломака, въ каковомъ актѣ имѣется подпись и самого Ѳеодосія Углицкаго, тогда игумена Кіево-Выдубицкаго монастыря. 2., іеромонахъ того же Выдубицкаго монастыря Іоаникій Углицкій, и 3., Василій Полонецкій. Можно полагать, что первые два, вѣроятно, были братьями преосвященнаго Ѳеодосія, родными или двоюродными. Василій Полонецкій, родной его племянникъ, сынъ сестры, который, по его собственному показанію, вышелъ съ нимъ изъ Польши, т. е. изъ западной Малороссіи, съ 1667 по 1793 годъ остававшейся еще за Польшею. Іоаннъ Углицкій вѣроятно былъ протопопомъ Кіево-Подольскаго Успенскаго собора, такъ какъ въ это время званіе протопопа кіевскаго соединялось съ должностію настоятеля этого собора, а другихъ личныхъ протопоповъ тогда не было. Принадлежность рода Углицкихъ къ дворянству неизвѣстна, а только гадательна въ виду герба на его портретѣ; но гербы въ то время старались имѣть всѣ вельможныя лица, въ томъ числѣ и православные архіереи, при томъ въ гербѣ преосвященнаго Ѳеодосія, кромѣ пламенѣющаго сердца, невидно никакихъ геральдическихъ знаковъ. О домашней обстановкѣ и жизни родителей святителя Ѳеодосія нѣтъ свѣдѣній. Въ слѣдъ за Ѳеодосіемъ Углицкимъ, а можетъ быть и раньше его, прибыла въ Кіевъ и вся семья его, въ которой могъ оставить своего племянника на воспитаніе, избравши для себя монашескую жизнь. Переселеніе Углицкихъ въ Кіевъ можно объяснить политическимъ разстройствомъ края, начавшимся съ открытіемъ народной войны съ притѣснителями русской народности и православной церкви.

Изъ родственниковъ святителя Өеодосія въ 1695 году еще были въ живыхъ въ Кіевѣ: его сестра, мать Василія Полонецкаго, и его, Полонецкаго, бабушка по матери или по отцу. Если бабушка по матери, то это была-бы мать самого Өеодосія. Обѣ онѣ въ этомъ году пріѣзжали въ Черниговъ, чтобы участвовать въ празднованіи бракосочетанія своего ближайшаго родственника, который въ 1679 году былъ уже значнымъ бунчуковымъ товарищемъ. Сообщая о прибытіи въ Черниговъ его родныхъ, матери и бабушки, святитель упоминаетъ о невѣжливости его будущаго тестя, который, бывши въ Кіевѣ, не посѣтилъ никого изъ родныхъ Углицкихъ и обошелся грубо при встрѣчѣ съ Корецкимъ, ихъ родственникомъ. Началъ свое образованіе Өеодосій Углицкій въ училищѣ Кіево-Братскаго монастыря при ректорѣ Иннокентіи Гизелѣ (1648—1650 г.), а кончилъ при ректорѣ Лазарѣ Барановичѣ (1650—1657 г.). Можно гадать, что это было въ 1655 г., такъ какъ изъ Братскаго училища тогда выходили питомцы въ возрастѣ не менѣе 25 лѣтъ. По окончаніи образованія онъ отправился изъ Кіева на свою родину, но потомъ возвратился съ племянникомъ своимъ Василіемъ Полонецкимъ въ Кіевъ и, опредѣливши его въ Братское училище, по расположенности къ иночеству принять постриженіе въ Печерскомъ монастырѣ при Иннокентіи Гизелѣ. Образованіе, соединенное съ смиреніемъ, строгая подвижническая жизнь, сановитость въ соединеніи съ пріятнымъ голосомъ, обратили на него особое вниманіе,—вслѣдствіе чего въ 1658 г. послѣдовало перемѣщеніе его въ Софійскій каѳедральный монастырь на должность архидіакона, съ которою тогда соединялась важная обязанность правителя административныхъ дѣлъ при митрополичьей каѳедрѣ. Вслѣдъ за симъ былъ намѣстникомъ митрополичьяго каѳедральнаго дома по удаленіи митрополита Діонисія Балабана изъ Кіева, потомъ поступилъ въ Крупицкій монастырь близь Батурина, гдѣ посвященъ былъ въ санъ іеромонаха, а отсюда перешелъ въ Кіево-Кирилловскій монастырь, гдѣ, послѣ ректорства былъ игуменомъ Лазарь Барановичъ; здѣсь то собственно и научился Өеодосій покорности у покорнаго «барана», по выраженію самого Барановича, назвавшаго его въ

одномъ изъ писемъ «овцею Христова стада». Въ декабрѣ 1662 г. Ѳеодосій назначенъ игуменомъ Корсунскаго монастыря (каневскаго у., кіевской губ.) при постриженіи Юрія Хмельницкаго въ монахи Діонисіемъ Балабаномъ. Фундаторемъ новаго Корсунскаго монастыря, по словамъ универсала Мазепы, былъ генеральный судья, бывшій при Богданѣ Хмѣльницкомъ, Григорій Гуляницкій, по имени котораго монастырь сей до конца 18 столѣтія назывался Корсунскимъ-Гуляницкимъ. По преданію, на мѣстѣ этого монастыря, до его основанія, была пасѣка Гуляницкаго, служившая любимымъ его мѣстопребываніемъ. Но изъ того же универсала Мазепы видно, что монастырь въ Корсунѣ существовалъ и раньше этого времени, такъ какъ въ немъ говорится, что Корсунскому монастырю даны были гетманомъ Сагайдачнымъ (†1622 г.) разныя угодья близь с. Шендеровки, каневскаго у. Вѣроятно, первоначально монастырь былъ въ самомъ Корсунѣ, именно на островѣ, который нынѣ занятъ дворцомъ и садомъ князя Лопухина. Дворецъ этотъ сооруженъ княземъ Понятовскимъ, племянникомъ польскаго короля Станислава Понятовскаго, и по свидѣтельству 100-лѣтняго старика, умершаго за 36 лѣтъ предъ симъ, который помнилъ еще закладку Понятовскимъ дворца, здѣсь были отрываемы разныя церковныя вещи и былъ найденъ гробъ священника или другого духовнаго лица, какъ можно было судить по остаткамъ облаченій и находившейся при склепѣ кадильницѣ.

Въ 1664 г. Ѳеодосій Углицкій назначенъ игуменомъ Выдубицкаго монастыря. Въ концѣ 1660 г. настоятелемъ Кіево-Выдубицкаго монастыря былъ игуменъ Климентъ Оксеновичъ Старушичъ, какъ можно видѣть изъ надписи на одномъ изъ монастырскихъ евангелій, данныхъ миргородскимъ полковникомъ Григоріемъ Лѣсницкимъ. Ѳеодосій Углицкій по документамъ монастырскимъ становится извѣстнымъ въ Выдубицкомъ монастырѣ съ 1667 года. При немъ гетманъ П. Дорошенко далъ Выдубицкому монастырю село Лѣсники, а гетманъ Юрій Хмѣльницкій, по просьбѣ Ѳеодосія, далъ «скудости ради монастыря» двѣ мельницы на р. Деснѣ вблизи Свинаедъ и Рожновъ. Онъ же пріобрѣлъ на По-

долѣ, въ Спасскомъ приходѣ, «пляцъ съ будынкомъ» отъ пани Пелагеи Войничевой. Въ 1680 г. Ѳеодосій основалъ въ Мозырщинѣ на принадлежащемъ Выдубицкому монастырю островѣ, Скитокъ, поручивши его въ качествѣ своего намѣстника честному іеромонаху Іонѣ Опалинскому съ островомъ «Селецъ», съ полями и сѣножатями, лѣсомъ и боромъ. Въ 1686 г. онъ испросилъ у государей Іоанна и Петра Алексѣевичей дозволеніе черезъ каждыя 5 лѣтъ присылать въ Москву 3 или 4 человѣкъ съ челобитьемъ о милостыни, въ 1685 г.; вмѣстѣ съ переяславскимъ игуменомъ Іеронимомъ (Дубиною) былъ посланъ въ Москву съ челобитьемъ объ утвержденіи бывшаго луцкаго епископа, князя Гедеона Четвертинскаго, митрополитомъ кіевскимъ, согласно состоявшемуся избранію; въ 1687 г. перемѣщенъ Лазаремъ Барановичемъ изъ Выдубицкаго монастыря въ Черниговскій Елецкій монастырь, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Затѣмъ архіепископъ Черниговскій Лазарь Барановичъ сдалъ ему на руки и дѣла своей епархіи. Въ 1692 г. 13 сент. Ѳеодосій посвященъ въ архіепископа Черниговскаго, 5 февраля 1696 г. скончался. Нетлѣніе мощей святителя Ѳеодосія извѣстно было еще въ 1771 году.

Есть преданіе, что Ѳеодосій Углицкій, до поступленія въ монашество, состоялъ нѣкоторое время въ военной службѣ [1]). Преданіе это довольно вѣроятно и подтвержденіемъ можетъ служить то, что въ войнѣ Хмѣльницкаго съ поляками, начавшейся ко времени окончанія Ѳеодосіемъ Углицкимъ курса ученія, приняла участіе значительная часть воспитанниковъ кіевской академіи, вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ классахъ прекращено было ученіе. Улановское преданіе сообщаетъ извѣстіе, что вмѣстѣ съ Ѳеодосіемъ былъ въ военной службѣ, т. е. въ козацкомъ ополченіи и родной братъ его Евстаѳій, котораго имя съ званіемъ іерея имѣется въ синодикѣ Выдубицкаго монастыря въ числѣ именъ рода Углицкихъ. Вѣроятно оба они вступили въ козацкіе ряды послѣ Зборовскаго мира и предъ выступленіемъ козацкихъ полковъ вновь на войну противъ польскихъ отрядовъ, поднявшихся

---

1) Домашняя Бесѣда 1859 г. № 41.

подъ предводительствомъ самого короля. Несчастное пораженіе Богдана Хмѣльницкаго подъ Берестечкомъ вслѣдствіе измѣны Крымскаго хана, окончившееся Бѣлоцерковскимъ миромъ и заставивши Хмѣльницкаго ускорить просьбу о принятіи Малороссіи въ подданство православнаго царя, охладило военный пылъ спудеевъ и направило путь Ѳеодосія къ Кіеву и за Днѣпръ къ Батурину.

Чтобы судить о трудности служенія Ѳеодосія Углицкаго въ первоначальныхъ его должностяхъ, нужно принять во вниманіе современное политическое положеніе Малороссіи и Кіева, а также положеніе тогдашней южно-русской іерархіи. Предъ присоединеніемъ Малороссіи къ Московскому государству Кіевская митрополія заключала въ себѣ не одну Малороссію по обѣ стороны Днѣпра, но также Волынь, восточную Галицію, Холмщину, Бѣлоруссію и Литву, несмотря на значительныя совращенія православнаго населенія этого въ унію, кіевскому митрополиту подчинены были и оставшіеся тогда въ предѣлахъ Польши епископы: Черниговскій, Луцкій, Львовскій, Перемысльскій, Холмскій, Могилевскій и Мстиславскій въ Бѣлоруссіи, съ значительнымъ числомъ монастырей въ этихъ епархіяхъ и Литвѣ, которая причислялась къ составу собственной митрополичьей епархіи. Въ предѣлахъ Польши находилась и большая часть земельныхъ угодій, принадлежавшихъ Кіево-печерской лаврѣ, Софійской митрополичьей каѳедрѣ и православнымъ монастырямъ. Въ числѣ митрополичьихъ бояръ и слугъ при Софійской митрополичьей каѳедрѣ было довольно лицъ, считавшихся подданными Польши. И вотъ половина этой митрополіи въ 1654 г., заключавшая въ себѣ Малороссію, отдѣлилась отъ Польши и приняла подданство московскому царю. Кіевскій митрополитъ Сильвестръ Коссовъ очутился тогда духовнымъ владыкою надъ подданными двухъ государей—московскаго царя, которому присягнулъ онъ съ Кіевомъ и всей Малороссіею и польскаго короля, подъ властію коего осталась большая часть его митрополіи на Волыни, въ Бѣлоруссіи и Литвѣ. Но оставаясь вѣрноподданнымъ православнаго государя, митрополитъ не могъ въ интересахъ самой православной церкви

отрѣшиться отъ всякаго союза съ властями польскими. Къ сожалѣнію, московскіе воеводы, поставленные въ Кіевѣ и надзиравшіе за состояніемъ края въ политическомъ отношеніи, не всегда принимали во вниманіе необходимость, чтобы Кіевскій митрополитъ оставался въ миролюбивыхъ отношеніяхъ съ иноземными и иновѣрными властями. Отсюда у московскихъ властей возникли подозрѣнія противъ кіевскаго митрополита и ближайшихъ его сотрудниковъ и обвиненія въ шаткости ихъ и невѣрности православному государю. Съ другой стороны, не вдругъ послѣ присоединенія Малороссіи къ Московскому государству могли установиться и надлежащія отношенія малороссійскаго гетмана и его старшины къ московскому правительству. Такъ, въ самомъ началѣ возсоединенія воеводы потребовали, чтобы всѣ—митрополитъ и Печерскаго монастыря слуги были присланы для приведенія къ присягѣ на подданство московскому царю, хотя бы они были подданными Польши. Такъ почти на другой день, по приведеніи кіевлянъ къ присягѣ московскому царю, они потребовали, чтобы митрополитъ отдалъ всю Софійскую гору подъ имѣющую строиться въ Кіевѣ крѣпость, и для поселенія рейтаровъ съ ихъ женами и дѣтьми, не имѣя царскаго на то распоряженія. Само собою возникли съ обѣихъ сторонъ недоразумѣнія и подозрѣнія. Къ несчастію, спустя три года по присоединеніи Малороссіи къ Россіи, въ 1657 г. 27 іюня скончался виновникъ этого возсоединенія, гетманъ Богданъ Хмѣльницкій, а временный преемникъ власти и опекунъ его несовершеннолѣтняго сына, Иванъ Выговскій задумалъ измѣнить московскому царю и возвратить Малороссію въ подданство Польшѣ. Въ августѣ 1657 г. онъ еще клялся въ вѣрности царю предъ его посланникомъ, и въ тоже время его войско, подъ начальствомъ Данила Выговскаго, сдѣлало открытое нападеніе на Кіевъ съ цѣлію овладѣть имъ, а 6 сентября на съѣздѣ Выговскаго съ полякомъ Беневскимъ въ г. Гадячѣ, постановлены уже условія, на которыхъ Запорожское войско опять отдалось во власть Польшѣ. Къ довершенію бѣдствія возникшая въ тоже время въ Литвѣ война царя съ Польшею изъ-за Малороссіи пошла неблагопріятно для успѣха московскаго оружія, почему не могли

принять надлежащихъ мѣръ для удержанія Малороссіи отъ последствій измѣны Выговскаго, ограничившись признаніемъ гетманомъ Безпалаго, выбраннаго на время въ ноябрѣ вѣрными царю козаками. Послѣ двухлѣтней борьбы вѣрныхъ царю козаковъ, наконецъ въ январѣ 1659 г. двинулся изъ Москвы князь Трубецкой съ 150,000 войскомъ, чтобы положить конецъ волненіямъ въ Малороссіи, склонивъ Выговскаго на сторону царя, хотя-бы со всевозможными уступками въ пользу его и его сторонниковъ; но 28 іюня Выговскій, искуснымъ маневромъ вызвавши московское войско изъ Конотопа, съ помощію крымскаго хана разгромилъ московское войско. Юрій Хмѣльницкій соединился съ шуриномъ своимъ Даниломъ Выговскимъ, къ нимъ присоединились полки правой стороны Днѣпра, отобрали булаву у Выговскаго Ивана и, провозгласивъ гетманомъ Юрія Хмѣльницкаго, обѣщали быть подъ рукою великаго государя неотступно; 20 окт. и гетманъ съ старшинами вновь присягнули на вѣрность царю, но вѣрность эта была непродолжительна. Юрій Хмѣльницкій, хотя въ концѣ августа 1660 г. выступилъ въ походъ противъ Польши къ Львову по особымъ направленіямъ, но узнавъ о пораженіи отряда Шереметьева подъ Чудновымъ и сбитый рѣчами Ивана Выговскаго о гибели московскаго войска въ Литвѣ, онъ явился въ польскій станъ и присягнулъ польскому королю. Шереметьевъ 23 окт., вынужденъ былъ подписать условія мира, по которому царскія войска должны были очистить Кіевъ, Переяславъ, Нѣжинъ и Черниговъ. Войско сдалось, козаки присоединились за Хмѣльницкимъ къ полякамъ, Шереметьевъ плѣнникомъ уведенъ въ Крымъ; вся правая сторона 11-го ноября 1660 г. присягала въ Корсунѣ польскому королю, а черная рада подтвердила избраніе Юрія Хмѣльницкаго гетманомъ съ придачею къ нему Павла Тетери въ званіи писаря, въ руководители. Оставалась еще за Россіею лѣвая сторона Днѣпра, но здѣсь возникла борьба между самыми преданными царю начальными малороссійскими людьми—наказнымъ гетманомъ, дядей Юрія Хмѣльницкаго, Самкомъ, Золотаренкомъ и Брюховецкимъ изъ-за соперничества, кому быть гетманомъ, окончившаяся въ 1661 г. торжествомъ

Брюховецкаго и казнію въ Борзнѣ 18 сент. Самка и Золотаренка съ 6-ю начальными людьми, а прочіе 10 въ оковахъ отправлены въ Москву по подозрѣнію въ измѣнѣ. Въ концѣ 1662 г. Юрій Хмѣльницкій отказался вновь отъ гетманской булавы и постригся въ Корсунскомъ монастырѣ въ монахи, а на его мѣсто гетманомъ избранъ Павелъ Тетеря.

Послѣ военныхъ неудачъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи съ 1661 г., царь Алексѣй Михайловичъ наконецъ искалъ мира съ Польшей, которая лишила его польской короны. Король Янъ Казимиръ въ 1663 г., двинулся отбирать Украину, переправился черезъ Днѣпръ и уже 13 городовъ сдались ему, но потерпѣвъ неудачу подъ Глуховымъ, отошелъ за Десну. Неуспѣхъ короля и успѣхи козаковъ въ пользу Москвы на западной сторонѣ Днѣпра въ Уманскомъ и Брацлавскомъ полкахъ, гдѣ дѣйствовалъ Сѣрко съ запорожцами, подали поводъ митрополиту Іосифу Тукальскому и бывшему гетману Ивану Выговскому вытѣснить поляковъ изъ Украины и поднять возстаніе за царя; но начальникъ польскаго отряда Маховскій, узнавъ о ихъ замыслѣ, захватилъ Выговскаго и послѣ военнаго суда въ мартѣ 1664 г. разстрѣлялъ его въ Корсунѣ, а митрополитъ Іосифъ Тукальскій и монахъ Гедеонъ Хмѣльницкій схвачены Чарнецкимъ и увезены въ Маріенбургскую крѣпость, въ которой просидѣли два года. Раздвоеніе Малороссіи, взаимныя войны и опустошенія продолжались и послѣ сего Брюховецкимъ, съ одной стороны, а Тетерею, съ другой, польской, еще два года (1665 и 66 г.), пока не поразилъ всю Малороссію Андрусовскій договоръ московскаго правительства съ Польшею, по которому Украина, или вся правая сторона Малороссіи, отходила опять во власть Польши, за исключеніемъ Кіева и его ближайшихъ окрестностей по р. Стугну. Отчаяніе овладѣло тогда всѣмъ козачествомъ при мысли, что напрасно они жертвовали жизнію и имуществомъ, чтобы оторваться изъ подъ гнета Польши, что опять начнутся гоненія за вѣру православную, неволя и казни за прошедшія войны, окончившіяся такъ печально. Не достигши гетманской власти надъ обоими половинами Малороссіи и видя, что собственными силами не избавиться ей отъ подчиненія Польшѣ, Дорошенко,

вмѣстѣ съ возвратившимся изъ польскаго плѣна митрополитомъ Іосифомъ Тукальскимъ, задумали планъ отдаться въ подданство Турціи, въ предположеніи, что это подданство, за отдаленностію Турціи будетъ лишь вассальнымъ и въ надеждѣ при ея могущественномъ покровительствѣ не только отбиться отъ Польши, но и соединиться съ восточною Малороссіею, оставшеюся во власти Москвы, и такимъ образомъ возстановить нарушенную Андрусовскимъ договоромъ цѣлость страны, пожелавшей въ 1654 г. быть нераздѣльно подъ властію православнаго царя.

При такихъ политическихъ настроеніяхъ, смутахъ и борьбѣ, волновавшихъ Малороссію непрерывно со времени смерти Богдана Хмѣльницкаго, не могло быть спокойствія и въ Кіевской митрополіи, еще не зависѣвшей тогда отъ московскаго патріарха; естественно возникли и въ ней смуты, настроенія и колебанія то въ ту, то въ другую сторону. Ближайшимъ свидѣтелемъ всего этого пришлось быть Ѳеодосію Углицкому въ теченіе полувѣка на разныхъ степеняхъ его духовной служебной дѣятельности. Едва онъ окончилъ свое образованіе и сдѣлалъ первые свои служебные шаги въ званіи монаха, какъ скончались, одинъ за другимъ, два главные дѣятели Малороссіи: Богданъ Хмѣльницкій въ Чигиринѣ и митрополитъ кіевскій Сильвестръ Коссовъ въ Кіевѣ 13 апрѣля 1657 г. «При трудныхъ обстоятельствахъ пришлось дѣйствовать митрополиту Сильвестру Коссову,—говоритъ митрополитъ Макарій (Булгаковъ),—по присоединеніи Малороссіи къ Московской державѣ. Онъ долженъ былъ покоряться и угождать московскому правительству и не раздражать польскаго правительства противъ себя и своихъ единовѣрцевъ, находившихся въ Польшѣ и Литвѣ, не говоря уже о личныхъ его интересахъ, которымъ болѣе благопріятствовало положеніе его подъ польскимъ владычествомъ. Не удивительно, если онъ принужденъ былъ двоиться и служить разомъ двумъ господамъ,—если поведеніе его казалось какъ-бы скрытнымъ, нерѣшительнымъ, двусмысленнымъ и невполнѣ отвѣчало желаніямъ и видамъ правительственной власти въ Москвѣ». За смертію митрополита Сильвестра, мѣстоблюстительство Кіевской митрополіи поручено было гетманомъ Б. Хмѣльницкимъ Лазарю

Барановичу, за мѣсяцъ предъ тѣмъ поставленному въ санъ Черниговскаго архіепископа. Но избраніе преемника м. Сильвестру затянулось сначала за смертію и погребеніемъ Богдана Хмѣльницкаго, послѣдовавшею 23 іюня того же 1657 г., а потомъ въ ожиданіи прибытія въ Кіевъ епископовъ Львовскаго, Перемысльскаго и Луцкаго, которымъ нужно было испросить на сіе разрѣшеніе польскаго короля. Состоялось избраніе только въ началѣ января 1658 г., и выборъ палъ на Луцкаго епископа Діонисія Балабана, который далъ тогда торжественное обѣщаніе «великому государю, яко природному своему царю, всякаго добра хотѣть», и 19 января принялъ митрополію отъ Лазаря Барановича. Но актъ избранія состоялся безъ всякаго участія правительствъ московскаго и польскаго. Самое поставленіе Діонисія Балабана въ санъ митрополита состоялось 28 февраля съ благословенія цареградскаго митрополита, но безъ участія московскаго патріарха Никона. Въ это время вѣроятно и послѣдовало назначеніе Ѳеодосія Углицкаго архидіакономъ при Софійской митрополичьей каѳедрѣ, каковая должность соединялась тогда съ должностію каѳедральнаго писаря. Новый митрополитъ считался вѣрнымъ и благонадежнымъ, доказательствомъ чего служитъ то, что онъ, по желанію московскихъ воеводъ, подъ неблагословеніемъ увѣщевалъ полковника Пушкаря покориться гетману Выговскому и не чинить бунтовъ; въ м. маѣ сообщалъ кіевскимъ воеводамъ свои подозрѣнія о связи Выговскаго съ поляками и 17 мая выѣзжалъ за 5 верстъ отъ Кіева встрѣчать новыхъ кіевскихъ воеводъ. Но въ началѣ іюля м. Діонисій оставилъ тайно свою каѳедру и уѣхалъ на раду въ Чигиринъ изъ Кіева, въ который уже болѣе не возвращался, а 8 сентября 1658 г. уже Выговскій подписалъ Гадячскій договоръ съ польскими комиссарами, по которому Малороссія возвращалась Польшѣ, а кіевскому митрополиту обѣщано мѣсто въ Сенатѣ послѣ Львовскаго архіепископа. Въ силу этого договора Діонисій Балабанъ являлся въ Варшаву для занятія мѣста въ польскомъ сенатѣ, но не былъ допущенъ латино-польскими епископами. Въ это время митрополитъ оставался въ Слуцкомъ монастырѣ своей митрополіи, при своемъ намѣстникѣ, архи-

мандритѣ Ѳеодосіи Васильевичѣ. Не возвратился онъ въ Кіевъ и чрезъ два года, когда Выговскій козаками былъ лишенъ гетманства и занявшій его мѣсто Юрій Хмѣльницкій, письмомъ отъ 13 марта 1660 г. приглашалъ его прибыть въ свою осиротѣлую, митрополичью каѳедру. Въ это время московское правительство, занятое смутою, произведенною тогда же самовольнымъ удаленіемъ патріарха Никона изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь, проявило свое участіе къ дѣламъ Кіевской митрополіи только порученіемъ Лазарю Барановичу вновь мѣстоблюстительства митрополіи послѣ пятимѣсячнаго тщетнаго ожиданія митрополита. Между тѣмъ м. Діонисій, оставаясь въ Слуцкѣ, продолжалъ управлять 4-мя ему подвѣдомственными въ Польшѣ епархіями и лично ему подчиненными монастырями, титулуясь попрежнему митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ. Кіевское духовенство съ Лазаремъ Барановичемъ и печерскимъ архимандритомъ Иннокентіемъ Гизелемъ пыталось было чрезъ терхтемировскаго игумена Іосифа ходатайствовать предъ посольскимъ приказомъ о избраніи новаго митрополита на мѣсто отсутствующаго Д. Балабана; но въ Москвѣ не рѣшили сдѣлать этого безъ разрѣшенія константинопольскаго патріарха, а пораженіе войска кіевскаго воеводы Шереметева и вслѣдъ затѣмъ измѣна царю гетмана Юрія Хмѣльницкаго заставили оставить это дѣло.

Новый фазисъ дѣламъ церковнымъ въ Малороссіи дало выступленіе на политическую и церковную арену нѣжинскаго протопопа Максима Филимонова, который казался въ глазахъ московскаго правительства и вѣрнымъ московскому государю и болѣе способнымъ и энергичнымъ, чѣмъ ученый епископъ Лазарь Барановичъ, мѣстоблюститель митрополіи въ подвластной московскому правительству части Малороссіи. Во вниманіе къ заслугамъ протопопа Максима, сообщавшаго разныя политическія свѣдѣнія воеводамъ московскимъ, и рѣшено было сдѣлать его мѣстоблюстителемъ митрополіи съ возведеніемъ въ санъ епископа, не касаясь власти м. Сильвестра въ предѣлахъ Польши. Переименованный въ монашествѣ въ Меѳодія, онъ, по соизволенію царя и совѣту царскаго Синклита 4 мая 1661 г., рукоположенъ мѣ-

стоблюстителемъ патріаршаго престола митрополитомъ Сирскимъ и Подонскимъ во епископа Мстиславскаго въ Бѣлоруссіи, недавно занятой московскими войсками. Прибывъ въ Кіевъ и принявъ 16 іюля отъ Лазаря Барановича имущества св. Софіи и митрополичьи дома, Меѳодій вступилъ въ управленіе митрополіей. Но Меѳодій, явившись въ Малороссію въ качествѣ царскаго полномочнаго и раздавъ царскіе подарки полковникамъ, своимъ вмѣшательствомъ въ выборъ гетмана произвелъ только смуту въ войскѣ и народѣ, прожилъ въ Кіевѣ неболѣе 8 мѣсяцевъ, а большею частію жилъ то въ Нѣжинѣ, то въ Зеньковѣ и Гадячѣ. Не напрасно наказный гетманъ Самко называлъ его Баламутомъ: сначала онъ благопріятствовалъ Самку, потомъ сошелся съ Золотаренкомъ, а наконецъ съ кошевымъ гетманомъ запорожскихъ козаковъ Брюховецкимъ, и хотя доставилъ гетманскую булаву Брюховецкому, котораго воеводы рекомендовали царю, какъ человѣка вороватаго, и потому имъ нужнаго, но погубилъ притомъ лучшихъ людей Малороссіи: Самка и Золотаренка, которыхъ съ 6 начальными изъ войска козацкаго Брюховецкій казнилъ, а 10 сослалъ въ ссылку въ Сибирскіе края. Но не безъ скорбей обошлось это время и для самаго Меѳодія. Спустя три мѣсяца послѣ его рукоположенія въ епископа Мстиславскаго, на ту же каѳедру митрополитъ Діонисій, не отступая отъ своего права, рукоположилъ 3 августа старшаго Виленскаго монастыря архимандрита Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго во епископа, признавая тѣмъ рукоположеніе Меѳодія незаконнымъ; патріархъ Никонъ, въ недѣлю православія 1662 г., изрекъ анаѳему митрополиту Крутицкому Питириму за поставленіе Меѳодія въ епархію, подчиненную цареградскому патріарху. И въ томъ же году м. Діонисій прислалъ въ Кіевъ съ Выдубицкимъ игуменомъ Климентомъ Старушичемъ копію съ проклятія, произнесеннаго на Меѳодія и его сообщниковъ цареградскимъ патріархомъ за нарушеніе его правъ хиротоніей Меѳодія и занятіе послѣднимъ митрополичьей каѳедры. Самъ м. Діонисій, хотя удалился изъ Кіева въ началѣ іюля 1658 г., но не вышелъ изъ предѣловъ своей митрополіи и не оставлялъ ее безъ своего управленія, проживая въ Слуцкѣ, гдѣ онъ былъ

въ сторонѣ отъ московскихъ воеводъ и ихъ противника, гетмана Выговскаго, измѣнившаго царю. Такъ, въ ноябрѣ того же 1658 г., онъ уступилъ бѣдной Черниговской каѳедрѣ изъ своей личной епархіи шесть протопопій—Минскую, Борзенскую, Глуховскую, Новгородсѣверскую и Конотопскую; въ 1659 г., посѣтивъ Почаевскій монастырь, открылъ въ немъ мощи св. игумена Іова Желѣзы. Когда на правой сторонѣ Днѣпра, по вторичномъ избраніи Юрія Хмѣльницкаго гетманомъ, съ придачею Павла Тетери въ качествѣ опекуна, послѣдовало временное затишье, Діонисій Балабанъ, не имѣя возможности возвратиться въ свою каѳедру, занятую Меѳодіемъ, поселился въ Корсунскомъ монастырѣ. Здѣсь при немъ въ концѣ 1662 г. Юрій Хмѣльницкій отказался отъ гетманской булавы и постригся въ монахи подъ именемъ Гедеона. Въ томъ же Корсунскомъ монастырѣ скончался и м. Діонисій 10 мая 1663 г., гдѣ и погребенъ прибывшими изъ Кіева духовными властями съ Иннокентіемъ Гизелемъ во главѣ, которые не переставали смотрѣть на него, какъ на своего митрополита, а оффиціальнаго мѣстоблюстителя епископа Меѳодія называли не блюстителемъ, а губителемъ и вовсе не считали его законнымъ администраторомъ, такъ какъ онъ посвященъ на епископство безъ всякой элекціи и, не имѣя никакихъ заслугъ, выпросилъ себѣ мѣстоблюстительство по своему желанію. Самъ епископъ Лазарь, получивъ извѣстіе о смерти м. Діонисія отъ наказного гетмана Самка, отвѣчалъ: «Помилуй мя Боже. Въ такія трудныя времена, когда намъ наиболѣе нужны богомольцы, мы лишились столь благочестиваго пастыря», и въ отвѣтѣ Иннокентія, съ великою скорбію извѣщавшему о кончинѣ Діонисія, Барановичъ выразился: «вѣчная память усопшему о Господѣ». Онъ управлялъ кіевскою митрополіей пять съ половиною лѣтъ. Представители кіевскаго духовенства: Печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель и игумены—Николо-Пустынскій Алексій Туръ, Михайловскій Ѳеодосій Сафановичъ, Межигорскій—Варнава Лебедовичъ, Кирилловскій--Мелетій Дзикъ и ректоръ Братскихъ школъ—Іоанникій Голятовскій считали кіевскую церковь осиротѣлою по смерти м. Діонисія и коллективно просили наказного гетмана Самка, чтобы впредь до

избранія митрополита, данъ былъ достойный мѣстоблюститель митрополіи, именно Лазарь Барановичъ, и для подкрѣпленія своего ходатайства и личныхъ объясненій отправили на генеральную раду въ Нѣжинъ двухъ игуменовъ: Выдубицкаго—Климента Старушича и Мгарскаго—Виктора Загорскаго. Но Барановичъ самъ въ письмѣ къ наказному гетману отъ 10 іюня отказывался отъ мѣстоблюстительства въ 3-й разъ. Меѳодій же, послѣ рады, окончившейся казнію Самка и Золотаренка, прибылъ въ Кіевъ на жительство и занялся мѣстоблюстительствомъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра. 8 ноября 1663 г. православные, не находившіеся подъ властію Польши, собрались въ Корсунѣ для избранія митрополита; 19 ноября избраны первыми епископъ Антоній Винницкій и епископъ Мстиславскій Іосифъ Тукальскій. Король утвердилъ Тукальскаго. Гетманъ правой стороны Днѣпра Дорошенко въ 1668 г., поймалъ епископа Меѳодія, а митрополитъ Іосифъ лишилъ его сана и заключилъ сначала въ Чигиринскій, а потомъ въ Уманскій монастырь, откуда онъ ушелъ въ Кіевъ, но потомъ за бунтъ и измѣну былъ взятъ въ Москву и скончался въ Ново-Спасскомъ монастырѣ.

Если вѣрно извѣстіе, что святитель Ѳеодосій Углицкій до 1662 года занималъ при кіевской митрополичьей каѳедрѣ сначала должность намѣстника, то ему пришлось быть свидѣтелемъ всѣхъ неустройствъ, начавшихся въ Малороссіи—послѣ кончины Богдана Хмѣльницкаго, участвовать въ его погребеніи, присутствовать при выборѣ митрополита Діонисія Балабана, служить при немъ въ Кіевѣ, въ званіи игумена Корсунскаго монастыря съ 1662 г. раздѣлять его 2-хъ лѣтнее пребываніе въ Корсунѣ, видѣть отреченіе Юрія Хмѣльницкаго отъ гетманства и постриженіе въ монахи въ томъ же Корсунскомъ монастырѣ, наконецъ оказать послѣднія услуги митрополиту Діонисію Балабану и участвовать въ его погребеніи.

Свящ. **І. Гордіевскій**.

Новыя теченія въ сервитутномъ вопросѣ.

Характерную особенность работъ и уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ юго-западнаго края о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности составляетъ то, что главную долю своего вниманія эти комитеты удѣлили вопросамъ о разселеніи крестьянъ на хутора и о разверстаніи крестьянскихъ земель отъ помѣщичьихъ съ уничтоженіемъ сервитутовъ. Нечего и говорить, что необходимость уничтоженія чрезполосицы и сервитутовъ мотивировалась соображеніями высшей сельскохозяйственной культуры, а съ извѣстныхъ точекъ зрѣнія (обо всемъ этомъ будетъ впереди) и обоюднымъ интересомъ завязанныхъ въ это дѣло сторонъ, какъ и необходимость разселенія крестьянъ на хутора объяснялась невозможностью безъ этого разселенія улучшить сельскохозяйственную культуру крестьянъ, а слѣдовательно и поправить тяжелое ихъ экономическое положеніе. Этого, конечно, и слѣдовало ожидать, а потому гораздо интереснѣе отмѣтить ту связь этихъ вопросовъ между собою и съ цѣлымъ рядомъ другихъ вопросовъ, выдвинутыхъ преимущественно для обслуживанія этихъ двухъ главныхъ, которая выяснилась лишь постепенно изъ хода занятій названныхъ 39 комитетовъ (37 уѣздныхъ и 3 губернскихъ— волынской, кіевской и подольской губ.). Такими, вопросами оказавшимися въ весьма близкой связи съ этими двумя и между собою, явились: вопросъ объ охранѣ земельной собственности («пунктъ *е* программы занятій» комитетовъ), о необходимости за-

мѣны существующей у насъ въ подворнонаслѣдственномъ владѣніи семейной собственности личною, дающею «полную свободу распоряженія надѣльными подворными участками», о вредѣ «замкнутаго крестьянскаго самоуправленія» и тяжеломъ давленіи «громады» на жизнь отдѣльныхъ личностей крестьянскаго міра и т. п.

Въ порядкѣ послѣдовательнаго обсужденія «пунктовъ» предуказанной свыше «программы занятій» однимъ изъ первыхъ разсматривался въ комитетахъ вопросъ объ охранѣ частной земельной собственности. Тутъ то впервые и выдвигнуто было на сцену соображеніе о томъ, что, независимо отъ мотивовъ объ улучшеніи культуры и экономическаго положенія, разселеніе крестьянъ на хутора, необходимо и въ цѣляхъ вящшей охраны частной земельной собственности... «Исходя изъ этихъ соображеній, дополняемыхъ существованіемъ чрезполосицы не только между крестьянами, но и въ отношеніи *владѣльцевъ,* которыми ведется крупная экономическая борьба за *потравы, порубки и прочія правонарушенія,*—говорится въ постановленіи Волынскаго Комитета (по пункту *е* объ охранѣ собственности),—*всѣ* Комитеты высказались *за необходимость разселенія крестьянъ по хуторамъ*»[1]).

Подольскій губернскій Комитетъ призналъ, что одною изъ мѣръ для «урегулированія аграрныхъ отношеній и укрѣпленія правового сознанія населенія» является разселеніе крестьянъ на хутора и. рядомъ съ поощреніемъ послѣдняго, нужно также оказывать содѣйствіе уничтоженію чрезполосицы. Кіевскій, Липовецкій и Уманскій Комитеты (кіевск. губ.), исходя изъ соображенія, что одною изъ причинъ нарушенія земельной собственности является непониманіе крестьянами правъ собственности высказались, что одною изъ мѣръ къ охранѣ частной собственности должно быть «насажденіе таковой же у нихъ самихъ».

«Какъ на важную мѣру охраны сельскохозяйственной собственности—говорится въ заключеніи Волынскаго губернскаго Комитета—было указано на необходимость точной законодательной регламентаціи имущественныхъ отношеній крестьянъ и подчине-

---

[1]) Курсивъ вездѣ нашъ.

нія ихъ общимъ гражданскимъ законамъ»... «въ частности[1]) желательно предоставить крестьянамъ право распоряжаться по завѣщанію надѣльными участками». Кіевскій уѣздный комитетъ, трактуя о мѣрахъ къ охранѣ частной земельной собственности сѣтуетъ на «неупорядоченность землевладѣнія» въ краѣ, какъ на одну изъ существенныхъ причинъ нарушеній земельной собственности и предлагаетъ, въ качествѣ мѣръ къ охранѣ, выдачу отдѣльныхъ владѣнныхъ документовъ и плановъ на подворные надѣльные участки отдѣльныхъ хозяевъ, установленіе правъ личной (а не семейной) собственности на землю, разверстаніе съ уничтоженіемъ сервитутовъ и переходъ крестьянъ на хутора. Всѣ комитеты всѣхъ трехъ губерній одною изъ главнѣйшихъ мѣръ къ охранѣ земельной собственности называютъ уничтоженіе черезполосицы и разверстаніе съ уничтоженіемъ сервитутовъ.

Изъ этихъ немногихъ выдержекъ и сопоставленій достаточно ясно, что установленіе личной собственности, разселеніе на хутора и разверстаніе съ уничтоженіемъ сервитутовъ связались въ одинъ общій узелъ уже на вопросъ объ «охранѣ» и что при обсужденіи его хуторской и сервитутный вопросъ выдвинуты были въ данномъ случаѣ не сами по себѣ, не во имя вопросовъ «высшей сельскохозяйственной культуры» и поднятія крестьянскаго благосостоянія, а единственно во имя вопроса объ охранѣ. Они съиграли здѣсь такую же обслуживающую роль, какъ впослѣдствіи (мы это увидимъ ниже) вопросъ объ уничтоженіи сервитутовъ, или какъ въ данномъ вопросѣ—объ охранѣ—подчиненное и обслуживающее положеніе заняли предложенія: о повышеніи уровня умственнаго развитія населенія путемъ введенія всеобщаго образованія, объ уравненіи правъ крестьянъ съ другими сословіями, учрежденіи всесословной волости и вообще «твердой власти» въ селеніяхъ, «состоящей изъ лучшихъ представителей даннаго общества»—все это въ цѣляхъ охраны земельной собственности.

Для характеристики связи съ этими же вопросами собственно вопроса о разселеніи крестьянъ на хутора достаточно указать,

---

[1]) Ради той же охраны.

что, напр., Заславскій и Острожскій комитеты (волынск. губ.) высказались за желательность «предоставить каждому право распоряженія своею земельною собственностію безъ участія сельскаго общества», Ушицкій (под. губ.) за предоставленіе «каждому домохозяину полныхъ юридическихъ правъ собственности на его надѣлъ съ переводомъ выкупного долга въ ипотечный и подчиненіемъ населенія дѣйствію общихъ гражданскихъ законовъ»; въ Могилевскомъ комитетѣ (той же губ.) было указано, что главнымъ тормазомъ къ переходу на хуторское хозяйство является «признаніе крестьянами надѣльной земли въ ея совокупности собственностью обществъ, а не отдѣльныхъ лицъ». Пять уѣздныхъ комитетовъ кіевской губ., находя, что (говоря словами постановленія Кіевскаго уѣзднаго комитета) «только личная собственность создаетъ необходимую энергію, соотвѣтствуетъ потребностямъ хозяйства, правильному строю семьи (?!) и развитію гражданственности», высказались за «предоставленіе крестьянамъ полнаго права личной собственности на надѣльныя земли» ради облегченія разселенія крестьянъ на хутора, съ чѣмъ согласился и кіевскій губернскій комитетъ, высказавшійся за «признаніе за крестьянами права личной, а не семейной собственности».

При обсужденіи этого же хуторского вопроса выдвинутъ былъ также и вопросъ о громадѣ. По мнѣнію Васильковскаго комитета (кіевск. губ.), высказанному имъ во время обсужденія вопроса о разселеніи на хутора, «при современной системѣ землевладѣнія положеніе крестьянскаго хозяйства *безвыходно и грозитъ опасностями.* Вытекающая изъ чисто общиннаго владѣнія или *похожаго* (?!) *на него громадского*[1]) *владѣнія* землею *обо-*

---

[1]) Рѣчь идетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о существующемъ въ краѣ *подворномъ* владѣніи надѣльными землями, отведенными при надѣленіи крестьянъ не каждому двору особо, а огуломъ на цѣлыя селенія по расчету числа «грамотныхъ» (показанныхъ въ уставной грамотѣ) дворовъ въ нихъ и съ того же времени фактически и разъ на всегда раздѣленными крестьянами по этимъ надѣльнымъ дворамъ въ вѣчное никогда непередѣляемое ни по качеству, ни по количеству, *подворно-наслѣдственное* владѣніе каждаго грамотнаго двора.

собленность крестьянскаго сословія при низкомъ уровнѣ нравственности и отсутствіи образованія создаетъ изъ него своего рода стихійную силу. Сорокалѣтній опытъ доказываетъ, что существующая система крестьянскаго хозяйства и положеніе общественнаго ихъ строя ведутъ неминуемо къ банкротству, разъ же дѣло получитъ такой печальный исходъ, то проявленія такой роковой силы, стремящейся къ утоленію голода, могутъ принять угрожающіе размѣры. По выраженію крестьянъ: «громада—велыкій чоловикъ», между тѣмъ въ экономической жизни этотъ великій человѣкъ, связанный *специальными узами сословнаго строя*, лишенный общаго образованія, стѣсненный неблагопріятными экономическими условіями, изъ которыхъ нѣтъ выхода, поневолѣ опускаетъ руки, влача жалкое существованіе. На этой именно почвѣ легко возрастаютъ и подчасъ созрѣваютъ сѣмена всякихъ волненій и *жажды переворотовъ*(!); стихійная сила въ данный моментъ вдругъ становится элементомъ грознымъ и разлагающимъ, пагубныя дѣйствія котораго трудно предвидѣть».

Ясно, что рѣчь въ данномъ случаѣ идетъ совсѣмъ не о «громадскомъ *владѣніи*», а о самой живущей цѣлыми сплошными поселками и уже потому одному связанной общими интересами, «*громадѣ*» и объ «*обособленности*» ея при данныхъ условіяхъ,—и что основная цѣль приведенной выдержки заключается въ стремленіи доказать необходимость всяческаго раздробленія разъединенія, расчлененія и разселенія этой громады; превращенія ея въ десятки, сотни и тысячи несвязанныхъ никакими общими интересами, особенно—и даже въ перемежку съ людьми изъ совсѣмъ другихъ сословій—живущихъ отдѣльныхъ хозяйствъ.

Тоже стремленіе и ту же какъ бы *боязнь* громады мы видимъ и въ взглядахъ состоявшаго изъ представителей уже всѣхъ уѣздовъ губерніи Кіевскаго губернскато комитета, изложенныхъ въ фразѣ: «кромѣ экономическихъ выгодъ разселенія крестьянъ хуторскаго хозяйства, нельзя не признать и политическаго значенія этой мѣры, такъ какъ созданіе класса мелкихъ собственниковъ, независимыхъ въ своей хозяйственной дѣятельности, съ развитой энергіей и личной иниціативой и дорожащихъ своей

личной собственностью [1]), является лучшей опорой порядка и собственности. Наоборотъ, сѣрая масса, зависимая отъ «громады», имѣющая смутныя представленія о собственности и не могущая вслѣдствіе такой зависимости найти выхода, гораздо болѣе склонна къ массовымъ броженіямъ».

Если при обсужденіи хуторского вопроса выдвинуты были на очередь вопросъ о необходимости установленія «полныхъ правъ личной собственности» и уничтоженія «громады», то и при обсужденіи вопроса объ уничтоженіи сервитутовъ, въ свою очередь. возбужденъ былъ вопросъ объ упраздненіи (существующаго только въ Уманскомъ уѣздѣ) «общиннаго владѣнія столь чуждаго характеру малоросса», о «предостатленіи крестьянамъ права продажи надѣльной земли», о «свободномъ распоряженіи всѣми хозяйственными работами», «свободномъ сѣвооборотѣ», о пользѣ хуторскаго хозяйства и т. п.

Такова была связь между всѣми этими вопросами. Одни изъ нихъ занимали въ извѣстныхъ случаяхъ подчиненное, обслуживающее положеніе, другіе—главенствующее и наоборотъ. Для установленія охраны собственности, понадобилось разселеніе крестьянъ на хутора, насажденіе личной собственности, разверстаніе съ уничтоженіемъ сервитутовъ, всеобщее образованіе, уравненіе правъ и уничтожніе громады. Для проведенія въ жизнь разселенія по хуторамъ и упраздненія сервитутовъ—тоже насажденіе личной собственности, уничтоженіе вліянія громады и т. п. Послѣдніе два вопроса: разселеніе по хуторамъ и упраздненіе сервитутовъ, оказались тоже въ ближайшей между собою связи, при чемъ хуторской вопросъ занялъ, какъ увидимъ, вполнѣ служебное положеніе по отношенію къ сервитутному и, такимъ образомъ, выдвинутъ былъ (весьма однако энергично) не самъ по себѣ, а только ради осуществленія задачъ «охраны» и—главнымъ образомъ—упраздненія сервитутовъ.

Сама по себѣ эта связь между хуторскимъ и сервитутнымъ вопросами довольно понятна. Прежде всего она легко объяснима

---

[1]) Какъ будто крестьяне, входя въ составъ «громады» *не* дорожать ею!

и съ чисто, такъ сказ., внѣшней стороны: «пунктъ *ж* программы занятій», къ которому относится вопросъ о разверстаніи и сервитутахъ, формулированъ такъ: «облегченіе способа обмѣна земельныхъ участковъ для *устраненія черезполосности*», а «пунктъ ч» той же программы называется: «поощреніе къ добровольному разселенію крестьянъ въ предѣлахъ ихъ надѣла и къ *сокращенію черезполоснаго пользованія*». Связь эта фактически устанавливается «черезполосностію», объ уничтоженіи или по меньшей мѣрѣ сокращеніи которой идетъ рѣчь въ обоихъ «пунктахъ». Осуществленіе этой задачи возможно или путемъ разселенія крестьянъ по хуторамъ съ отводомъ разбросанныхъ среди громадского надѣла различныхъ полосъ отдѣльныхъ хозяевъ для каждаго домохозяйства въ одинъ отрубной участокъ, или же путемъ разверстанія помѣщичьихъ земель отъ крестьянскихъ съ уничтоженіемъ сервитутовъ. Если бы разрѣшеніе сервитутнаго вопроса свелось къ приведенному законодательнымъ путемъ разверстанію принудительному, одинаково, слѣдовательно, обязательному для всѣхъ неразверстанныхъ съ крестьянами имѣній, то тѣмъ самымъ вопросъ объ уничтоженіи чрезполосицы сдѣлалъ бы сразу огромный шагъ впередъ: устранена была бы чрезполосица между владѣніями крестьянъ и помѣщиковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, въ значительной мѣрѣ сократилась бы и чрезполосица внутри громадскихъ надѣловъ. Если же бы принудительнаго разверстанія введено не было и, слѣдовательно, рѣшеніе даннаго вопроса предоставлено было дѣлу добровольныхъ, такъ наз., «полюбовныхъ» соглашеній сторонъ о разверстаніи съ крестьянами каждаго отдѣльнаго имѣнія, то проведеніе въ жизнь разселенія крестьянъ на хутора значительно облегчило бы возможность подобныхъ соглашеній, ускорило бы процессъ добровольныхъ разверстаній и вообще подвинуло впередъ дѣло разверстанія и уничтоженія сервитутовъ. И это потому что, разселеніе по хуторамъ ведетъ за собою необходимость отвода всѣхъ полосъ каждаго двора въ одинъ отрубной участокъ. При наличности чрезполосицы громадскихъ земель съ помѣщичьими, этотъ отводъ можетъ быть крайне затруднителенъ, а затрудненія эти могутъ быть избѣгнуты

разверстаніемъ съ землями помѣщика, т. е. отводомъ всего громадского надѣла въ одинъ общій участокъ, изъ котораго уже гораздо легче выкроить отдѣльные отрубные участки подъ хутора отдѣльныхъ дворовъ. Но это еще не главное. Главное то, что разселеніе по хуторамъ, т. е. отводъ отрубныхъ подворныхъ участковъ сразу уничтожитъ общій трехпольный сѣвооборотъ,общую толоку, потому что изолированіе хозяйствъ въ обособленные отрубные участки само собою уже ведетъ къ уничтоженію всякихъ общихъ угодій, а слѣдовательно и пастбищныхъ сервитутовъ, противъ которыхъ такъ вопіютъ многіе изъ членовъ комитетовъ и вообще помѣстныхъ владѣльцевъ. Тогда крестьянамъ уже не изъ за чего будетъ противиться разверстанію съ помѣщиками, которому они теперь противятся изъ-за желанія удержать при себѣ сервитутное право—право выпаса своего скота на помѣщичьихъ земляхъ. Тогда уже добровольныя разверстанія будутъ совершаться легко и безпрепятственно и—что еще важнѣе—тогда для большинства помѣщиковъ не будетъ въ нихъ даже и особой надобности, потому что главная цѣль разверстаній—освободиться отъ обязанности представлять право выпаса; а право это фактически исчезнетъ еще до разверстанія, благодаря лишь одному разселенію крестьянъ на хутора.

Вотъ почему вопросъ о разселеніи на хутора стоитъ въ такой тѣсной связи съ вопросомъ сервитутнымъ и почему онъ игралъ въ нашихъ комитетахъ не самостоятельное значеніе, а значеніе мѣры, облегчающей разрѣшеніе сервитутнаго вопроса, вслѣдствіе чего за проведеніе этой мѣры такъ горячо стояли почти всѣ помѣстные владѣльцы. По скольку проведеніе этой мѣры могло имѣть, въ ихъ глазахъ, рѣшающее вліяніе на разрѣшеніе сервитутнаго вопроса можно видѣть изъ усиленнаго настоянія наиболѣе предусмотрительныхъ изъ членовъ комитета на той мысли, что принятіе правительствомъ надлежащихъ энергичныхъ мѣръ къ разселенію крестьянъ по хуторамъ (а также и предоставленіе имъ правъ полной личной собственности на надѣлы) умѣстно, возможно и необходимо провести, во всякомъ случаѣ, *не позже* наступленія срока окончательнаго выкупа надѣльныхъ земель

(1911 г.), по истеченіи котораго такая мѣра оказалась бы уже почти неосуществимою. Очевидно, что разъ правительство согласилось бы съ этимъ взглядомъ и провело эту мѣру въ жизнь до 1911 г., то и безъ того исчезающимъ (какъ увидимъ ниже) сервитутамъ не сдобровать и не нужно уже было бы никакого разверстанія ни обязательнаго, ни добровольнаго, чтобы въ сравнительно короткое время отдѣлаться отъ нихъ совсѣмъ.

Выясненное подчиненное значеніе хуторского вопроса по отношенію къ сервитутному проходитъ красною нитью чрезъ большую часть постановленій комитетовъ по вопросу о разверстаніи и уничтоженіи сервитутовъ (пунктъ ж). Вотъ нѣсколько выдержекъ, доказывающихъ это съ полною очевидностію. Радомысльскій (кіевск. губ.) комитетъ, высказавшись за желательность скорѣйшаго введенія общаго принудительнаго разверстанія и противъ добровольнаго, оговорился, что если первое не будетъ введено, то разрѣшеніе сервитутнаго вопроса можетъ быть облегчено изданіемъ «закона о выдѣленіи каждому крестьянину въ одномъ отрубномъ кускѣ его надѣла»; Таращанскій комитетъ (кіевск. губ.) одною изъ мѣръ къ облегченію и ускоренію разверстанія призналъ выселеніе «на хуторное хозяйство»; члены Гайсинскаго (подольск. губ.) комитета пришли при обсужденіи вопроса о разверстаніи къ рѣшенію о необходимости «собранія земли каждаго крестьянина въ одинъ отдѣльный отрубъ» и «введеніи хуторского хозяйства для крестьянъ». Уманскій (кіевск. губ.) комитетъ при рѣшеніи того же вопроса высказался за «выселеніе на хуторное хозяйство, для чего необходимо объединеніе всѣхъ земельныхъ участковъ крестьянъ».

Кіевскій губернскій комитетъ, высказавшійся большинствомъ голосовъ противъ принудительнаго разверстанія и за разрѣшеніе даннаго вопроса путемъ полюбовныхъ разверстаній, формулировалъ первый пунктъ постановленія своего по этому вопросу такъ: «разрѣшить обмѣнъ земельныхъ участковъ по добровольнымъ соглашеніямъ землѣдѣльцевъ не только съ крестьянскими обществами, но и съ *отдѣльными крестьянами и группами ихъ*, а также *крестьянъ между собою, безъ согласія крестьянскихъ*

обществъ и оказывать *содѣйствіе такому обмѣну*»... «широкою помощью *разселенію крестьянъ по хуторамъ*». При этомъ въ другомъ мѣстѣ (при рѣшеніи хуторского вопроса) онъ указалъ, что «изданіе соотвѣтственныхъ законоположеній о крестьянской надѣльной землѣ[1]) и о поощреніяхъ къ разселенію» (безплатнаго за счетъ казны обмежеванія земель, выдачи ссудъ на устройство новаго хозяйства и пр.), «признаетъ *неотложнымъ* въ виду приближенія срока выкупа надѣльныхъ земель». Въ брошюрѣ Д. М. Линевича, члена Винницкаго (под губ.) комитета, «О разверстаніи и хуторскомъ хозяйствѣ», эта мысль о значеніи разселенія на хутора выражена особенно рельефно; по его мнѣнію хуторское хозяйство «могло бы облегчить въ будущемъ *дѣло разверстанія* и обезпечить при переходѣ и мѣстныхъ крестьянъ къ хуторскому хозяйству, спокойствіе и цѣлость имущества *всего* населенія и предупредить возможность возникновенія враждебныхъ отношеній, *вслѣдствіе обязательнаго* (при этомъ) *разверстанія помѣщика и крестьянъ между собою*»[2]). Въ брошюрѣ указывается вмѣстѣ съ тѣмъ фактъ, что въ одной изъ волостей Житомірскаго уѣзда при случившемся тамъ добровольномъ переходѣ нѣкоторыхъ селеній къ хуторскому хозяйству «въ двухъ имѣніяхъ стремленіе къ переходу на волоки[3]) *вызвало разверстаніе земель крестьянъ отъ помѣщиковъ*». Этотъ то фактъ, извѣстный уже почти всѣмъ землевладѣльцамъ юго-зап. края и вполнѣ подтвердившій правильность теоретическихъ соображеній о вѣроятномъ вліяніи разселенія по хуторамъ на разверстаніе земель крестьянскихъ съ помѣщичьими, въ особенности подкупалъ всѣхъ въ пользу необходимости провести хуторской вопросъ ради скорѣйшаго разрѣшенія вопроса о разверстаніи. Отсюда и возникла

---

[1]) «Признаніе за крестьянами права полной личной, а не семейной собственности» и права отдѣльныхъ крестьянъ выдѣлять свои надѣльные полосы въ одинъ отрубной участокъ, «*не испрашивая согласія крестьянскаго общества*»

[2]) Стр. 6 названной брошюры.

[3]) Хутора тожъ;—мѣстное названіе; стр. 7.

мысль о томъ, что, вмѣсто разверстанія между крестьнами и помѣщиками, которое при добровольныхъ соглашеніяхъ сторонъ могло-бы во многихъ случаяхъ состояться лишь при условіи значительныхъ уступокъ со стороны послѣднихъ, удобнѣе и выгоднѣе было-бы побудить самихъ крестьянъ разверстаться между собою, такъ какъ это заставитъ уже самихъ же крестьянъ хлопотать и о разверстаніи съ помѣщиками. Мысль эта особенно рельефно выражена въ той же брошюрѣ г. Линевича, гдѣ, подводя итогъ тому, что надо сдѣлать для осуществленія хуторского хозяйства, авторъ говоритъ, что для этого нужно прежде всего: «разверстаніе земель крестьянъ между собою или же, по крайней мѣрѣ, облегченіе крестьянамъ въ законодательномъ порядкѣ перехода къ хуторскому хозяйству, *такъ какъ только тогда разрѣшеніе общаго вопроса о разверстаніи и уничтоженіи сервитутовъ будетъ жизненно*, *цѣлесообразно* и соотвѣтствовать предъявленнымъ въ данное время совокупностью бытовыхъ и хозяйственныхъ условій жизни требованіямъ».

Изъ вышеизложеннаго достаточно ясно, какое важное мѣсто въ ряду вопросовъ, обсуждавшихся въ Комитетахъ, занялъ у насъ вопросъ о разверстаніи и сервитутахъ.

Весьма любопытно, что совершенно аналогичное явленіе наблюдалось въ комитетахъ сѣверо-западнаго края и въ комитетахъ губерній Царства Польскаго, т. е. вообще въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ сервитуты имѣютъ такое важное значеніе. Вотъ что, напр., сообщалось недавно о засѣданіяхъ комитетовъ въ губерніяхъ Царства Польскаго [1]). «Къ трудамъ мѣстныхъ совѣщаній по вопросу о подъемѣ сельскохозяйственной промышленности здѣшніе помѣщики относятся съ большою отзывчивостью и съ живымъ интересомъ. Между приглашенными въ совѣщаніе представителями мѣстнаго землевладѣнія повидимому состоялось соглашеніе по важ-

---

[1]) Е. Алексѣевъ. Сервитутный вопросъ. «Нов. Время», 3 декабря 1902 г. № 9609.

нѣйшимъ вопросамъ и ходатайства землевладѣльцевъ всѣхъ 10 губерній края получаютъ въ общемъ однообразный характеръ. Руководители здѣшней помѣщичьей среды надѣются, что при такомъ однообразіи ходатайствъ будетъ якобы больше шансовъ на удовлетвореніе этихъ ходатайствъ. Теперь въ здѣшнихъ совѣщаніяхъ выдвигается на очередь сервитутный вопросъ. Этотъ вопросъ имѣетъ большую важность хотя бы потому, что въ Привислинскомъ краѣ пользуется сервитутнымъ правамъ 201,929 крестьянскихъ усадебъ»... «Представители мѣстнаго землевладѣнія» согласились, какъ говорится въ этомъ сообщеніи, единогласно высказаться по этому вопросу въ томъ смыслѣ, «чтобъ сервитуты, при соотвѣтственномъ вознагражденіи крестьянъ, по требованію владѣльца подверженнаго сервитутамъ грунта (земли), могли быть отмѣнены и чтобы приняты были мѣры къ *понужденію* крестьянъ *соглашаться* на отмѣну сервитутавъ за *денежное* вознагражденіе», которое должно опредѣляться особыми комиссіями изъ помѣщиковъ и крестьянъ. но *безъ* участія въ нихъ коммиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ, на которыхъ лежитъ охрана крестьянскихъ интересовъ: на обязанность же послѣднихъ, наоборотъ, предпологается, по этому проекту, «возложить *содѣйствіе къ отмѣнѣ* сервитутовъ по рѣшеніямъ вышепомянутыхъ комиссій».

На мой взглядъ, въ такомъ соглашеніи землевладѣльцевъ нѣтъ ничего удивительнаго: сервитутный вопросъ дѣйствительно затрагиваетъ существенные интересы помѣщиковъ и каждому, конечно, интересно разрѣшеніе этого вопроса въ направленіи наиболѣе для него выгодномъ,—какъ же не воспользоваться поэтому надлежащимъ образомъ единственнымъ, можетъ быть, въ жизнѣ случаемъ, когда мѣстнымъ землевладѣльцамъ позволено было коллективно высказаться передъ правительствомъ о мѣстныхъ нуждахъ?! И если я указалъ на приведенный фактъ, то только для того, чтобы лучше выяснить то важное значеніе, которое самыми членами комитетовъ придавалось сервитутному вопросу въ ряду «пунктовъ», подлежавшихъ ихъ обсужденію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указать на то единодушіе, предусмотрительную обдуманность и энергію, съ ко-

торой проводилось рѣшеніе этого вопроса въ желательномъ направленіи.

Въ какомъ же направленіи этотъ же вопросъ проводился у насъ въ комитетахъ юго-западнаго края?

Рѣшенія уѣздныхъ комитетовъ по этому вопросу приняли два направленія—одни высказались за добровольное разверстаніе, другіе за обязательное, при чемъ изъ высказавшихся за обязательное, часть признала необходимымъ общее, равно для всѣхъ обязательное разверстаніе, часть высказалась за установленіе обязательности разверстанія по требованію одной изъ сторонъ. Изъ губернскихъ же комитетовъ два—Кіевскій и Подольскій высказались за рѣшеніе данного вопроса путемъ добровольного разверстанія, а Волынскій—за общеобязательное.

Надо замѣтить, что будь эти засѣданія комитетовъ нѣсколько лѣтъ назадъ, громадное большинство помѣстныхъ владѣльцевъ высказалось бы—и дѣйствительно постоянно высказывалось—на сельскохозяйственныхъ съѣздахъ, въ печати, въ массѣ заявленій и записокъ, подававшихся мѣстнымъ губернаторамъ, генералъ-губернаторамъ и министерству внутреннихъ дѣлъ—за обязательное разверстаніе. Подъ вліяніемъ именно этихъ постоянныхъ жалобъ на сервитуты и многочисленныхъ настойчивыхъ заявленій о крайней необходимости скорѣйшаго введенія обязательнаго разверстанія, мѣстныя крестьянскія учрежденія, по порученію министерства и генералъ-губернаторовъ, то и дѣло занимались собираніемъ свѣдѣній по сервитутному вопросу, составленіемъ и переставленіемъ проектовъ обязательнаго разверстанія. Въ 1892 г. для этого созвано было даже подъ предсѣдательствомъ ст.-секр. Дурново особое совѣщаніе съ участіемъ мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ, въ 1899 г. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ выработанъ былъ и разосланъ въ мѣстныя учрежденія проектъ обязательнаго разверстанія для всѣхъ губерній юго-западнаго и сѣверо-западнаго края, который, благодаря происшедшимъ затѣмъ смѣнамъ въ личномъ составѣ министерствъ и генералъ-губернаторствъ, а частію, можетъ быть, и новымъ теченіямъ въ сервитутномъ вопросѣ,

остался не осуществленнымъ. Сорокъ лѣтъ прошло съ того времени, какъ раздались первыя жалобы на стѣсненіе частнаго хозяйства отъ пастбищныхъ сервитутовъ и первыя требованія о необходимости обязательнаго разверстанія съ уничтоженіемъ ихъ, по возможности, за наименьшее вознагражденіе, но вопросъ оставался не разрѣшеннымъ. Между тѣмъ сорокъ лѣтъ опыта и наблюденій, сорокъ лѣтъ неизбѣжной практики сервитутныхъ отношеній, сорокъ лѣтъ борьбы ихъ за сервитуты, должны же были въ концѣ концовъ дать извѣстные результаты—какъ въ смыслѣ выясненія практическаго значенія тѣхъ или иныхъ выработанныхъ опытомъ средствъ и мѣръ борьбы съ сервитутами, такъ и въ отношеніи уясненія самого, такъ сказ., теченія сервитутнаго вопроса во времени: держутся ли всѣ пастбищные сервитуты крѣпко, безъ измѣненій въ прежнемъ объемѣ и видѣ, или же тѣ или другіе изъ нихъ начинаютъ сокращаться или видоизмѣняться въ какомъ либо направленіи. Конечно, измѣненія эти не могли имѣть мѣста въ первое время. Вначалѣ и самые сервитуты не казались такъ стѣснительны, какъ теперь, потому что отношенія сторонъ не были такъ обострены, какъ въ настоящее время, и у помѣщиковъ и у крестьянъ существовало одинаковое трехполье, крестьяне въ то время не на столько еще нуждались въ выпасахъ, чтобы землевладѣльцы могли надѣяться пріобрѣсть себѣ хорошую доходную статью отъ сдачи земель подъ выпасъ послѣ отобранія у нихъ сервитутовъ—и пр. Затѣмъ когда съ постепеннымъ измѣненіемъ всѣхъ этихъ условій, сервитутный вопросъ сталъ все болѣе и болѣе обостряться, большинство землевладѣльцевъ если только не всѣ они,—видѣло единственный исходъ изъ даннаго положенія въ распоряженіяхъ свыше—въ формѣ введенія облегчительныхъ условій добровольныхъ разверстаній или же въ видѣ разверстанія обязательнаго. Сначала даже большинствомъ предпочиталась первая форма, такъ какъ крестьяне еще не вполнѣ уяснили себѣ значеніе сервитутовъ, сравнительно менѣе дорожили ими и потому охотнѣе шли на соглашенія. Но съ теченіемъ времени крестьяне стали упорнѣе отстаивать свои интересы, требуя все большія вознагражденія за подлежавшія уничтоженію серви-

туты, а иногда и отказываясь отъ разверстанія совершенно. Тогда приходилось отложить надежды на полюбовныя соглашенія и возложить ихъ или на обязательное разверстаніе по приказанію свыше, или же, выражаясь языкомъ Гл. Успенскаго, на «собственныя средствія». Первое казалось, конечно, и легче и скорѣе осуществимымъ: проще, конечно, похлопотать у начальства, чѣмъ придумывать мѣры борьбы и проводить ихъ на практикѣ. И надежды эти казались весьма основательными, чему доказательствомъ служитъ между прочимъ то усердіе, съ которымъ, какъ указано выше, сервитутный вопросъ, благодаря настояніямъ владѣльцевъ сталъ разрабатываться въ присутствіяхъ и канцеляріяхъ. Однако разработка его длилась чрезмѣрно долго. Составлявшіеся на мѣстахъ проекты пересматривались губернаторами, дополнялись новыми свѣдѣніями, измѣнялись, отправлялись генералъ-губернаторамъ возвращались для дополненія, пересоставленія, пересматривались и измѣнялись для отправленія въ министерство, гдѣ обыкновенно не могли окончиться разсмотрѣніемъ или потому, что составленные проекты не совпадали съ взглядами на этотъ вопросъ самого министерства, или потому, что тѣмъ временемъ въ министерство поступалъ съ мѣста новый проектъ противоположнаго направленія отъ новаго генералъ-губернатора, назначеннаго на мѣсто составителя недавно представленнаго проекта и т. д. и т. д. Время шло, отношенія сторонъ обострялись, надежды на рѣшеніе вопроса путемъ добровольныхъ соглашеній все болѣе и болѣе исчезали, потребность частныхъ владѣній въ уничтоженіи сервитутовъ съ распространеніемъ интенсивной культуры (и въ частности культуры свеклы—съ все большимъ расширеніемъ сахарной промышленности) все болѣе увеличивались, цѣны на выпасъ росли, обѣщая крупное увеличеніе доходовъ имѣній отъ сдачи земель подъ пастьбу, задолженность частныхъ владѣній усиливалась, тѣмъ самымъ увеличивая для нихъ затруднительность выдачи вознагражденія за сервитуты землею, которая при томъ стала сильно расти въ цѣнѣ. Все это говорило за необходимость скорѣйшаго рѣшенія вопроса и при томъ уже, по возможности, въ такомъ видѣ, чтобы уничтоженіе сервитутовъ не было связано съ выдачею за

нихъ вознагражденія, что неизбѣжно было бы при разверстаніи обязательномъ. Такимъ образомъ, рядомъ съ исчезновеніемъ надеждъ на скорое рѣшеніе сервитутнаго вопроса не только путемъ добровольныхъ соглашеній, но даже и путемъ обязательнаго разверстанія, осуществленіе котораго, волею канцелярскихъ судебъ, очевидно откладывалось въ долгій ящикъ, постепенно стали слагаться теченія въ пользу рѣшенія дѣла «своими средствіями». Попытки отдѣльныхъ лицъ добиться этими путями освобожденія отъ стѣснявшихъ ихъ имѣнія сервитутовъ, конечно, начались уже давно и въ извѣстныхъ случаяхъ при достаточномъ умѣньѣ, настойчивости и стеченіи извѣстныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, приводили къ желательнымъ результатамъ[1]). Удача нѣкоторыхъ изъ этихъ попытокъ, разумѣется, вызывала подражателей. При выясненномъ стеченіи обстоятельствъ, попытки эти стали все болѣе и болѣе учащаться, а количество фактовъ, свидѣтельствовавшихъ объ удачномъ примѣненіи придуманныхъ средствъ, увеличиваться. Къ этому прибавился постепенно обширный рядъ несомнѣнныхъ фактовъ, когда и безъ всякаго намѣренія вести борьбу съ сервитутами, послѣдніе сокращались или исчезали въ тѣхъ или другихъ имѣніяхъ просто подъ вліяніемъ мѣропріятій, связанныхъ съ расширеніемъ и улучшеніемъ сельскохозяйственной культуры. И вотъ въ результатѣ всего этого явилась новая надежда—надежда на разрѣшеніе сервитутнаго вопроса, *не ожидая* обязательнаго разверстанія *и безъ* такового—путемъ систематическаго примѣненія мѣръ, направленныхъ непосредственно на уничтоженіе пастбищныхъ сервитутовъ. А вскорѣ эта надежда окрылись новыми утѣшительными данными, свѣдѣнія о которыхъ съ замѣчательною быстротою распространились во всѣ частновладѣльческіе углы юго-западнаго края,—данными о совершившемся въ нѣсколькихъ селеніяхъ житомірскаго уѣзда, волынской губ., добровольномъ, по примѣру сосѣднихъ нѣмцевъ-колонистовъ, разселеніи крестьянъ по хуторамъ, сопровождавшемся сплошнымъ уничтоженіемъ общаго

---

[1]) Подробности см. въ моей статьѣ: „Сервитутной вопросъ въ западномъ краѣ»—Русск. Мысль, 1899 г. №№ 7, 8 и 9.

сѣвооборота, а слѣдовательно и общей толоки и, какъ само собою понятно, окончательнымъ уничтоженіемъ толочнаго сервитута безъ всякихъ, конечно, земельныхъ доплатъ или какихъ бы то ни было расходовъ со стороны помѣщиковъ. Такое—примѣненное на практикѣ въ возможно широкомъ видѣ—разселеніе крестьянъ по хуторамъ давало еще одинъ новый и большой шансъ на скорое разрѣшеніе сервитутнаго вопроса безъ всякаго обязательнаго разверстанія, а слѣдовательно и обязательнаго вознагражденія —лишь бы удалось провести въ жизнь этотъ неожиданно выплывшій на сцену проектъ разселенія по хуторамъ въ интересахъ исключительно якобы повышенія сельскохозяйственной культуры у крестьянъ и улучшенія ихъ благосостоянія. И вотъ въ результатѣ всего этого образовалось новое теченіе въ сервитутномъ вопросѣ—теченіе радикально противуположное прежнему настойчивому стремленію къ обязательному разверстанію, признающее его наоборотъ безусловно не соотвѣтствующимъ нуждамъ даннаго момента, невыгоднымъ и даже вреднымъ для помѣстнаго землевладѣнія (и предлагающее поэтому предоставить разрѣшеніе сервитутнаго вопроса—опять—«добровольнымъ соглашеніямъ заинтересованныхъ сторонъ» съ внесеніемъ въ него только нѣкоторыхъ видоизмѣненій, облегчающихъ уничтоженіе сервитутовъ—о чемъ рѣчь будетъ впереди).

Это новое теченіе обнаружилось на первыхъ же засѣданіяхъ мѣстныхъ уѣздныхъ комитетовъ и было отмѣчено въ мѣстной прессѣ. Очень характерна въ этомъ отношеніи слѣдующая случайная замѣтка, перепечатанная изъ «Волыни» въ «Кіевской Газ.» (1902 г. № 333): «Волынь отмѣчаетъ, что вопросъ объ обязательной отмѣнѣ сервитутовъ потерялъ почти все былое сочувствіе заинтересованныхъ въ дѣлѣ помѣщиковъ. Это своего рода признакъ времени, признакъ того, что въ положеніи вопроса наступила перемѣна, въ которой крестьяне разбираются плохо, а землевладѣльцы—съ полною ясностью. Какъ извѣстно, въ рукахъ владѣльцевъ и до сихъ поръ было не мало способовъ уравновѣшивать въ свою пользу невыгодность сервитутовъ. Стѣсняемые сервитутами въ правѣ распоряженія своею собственностью, терпя нерѣдко отъ этого матеріаль-

ные убытки и не имѣя нерѣдко возможности заключить добровольную сдѣлку о замѣнѣ сервитутовъ—вслѣдствіе чрезмѣрныхъ требованій крестьянъ, землевладѣльцы пускали въ ходъ всякаго рода строгости и придирки. Они безпощадно преслѣдовали крестьянъ за малѣйшее нарушеніе, въ особенности, лѣсныхъ сервитутовъ, а также распахивали поля немедленно послѣ уборки хлѣба, не держали долго полей подъ паромъ, задерживали уборку сѣна на лугахъ и вообще всячески мѣшали крестьянамъ фактически осуществлять пастбищные сервитуты. Благодаря всѣмъ этимъ ухищреніямъ, черезъ 10—15 лѣтъ, въ большинствѣ имѣній отъ лѣсныхъ сервитутовъ останется очень мало въ смыслѣ пользы для крестьянъ, а отъ пастбищныхъ и совсѣмъ ничего. Тѣмъ не менѣе такая перспектива не устрашаетъ крестьянъ и пока еще съ ними нелегко столковаться относительно замѣны сервитутовъ извѣстнымъ денежнымъ вознагражденіемъ. Землевладѣльцы же, которые еще недавно чуть не поголовно стояли за отмѣну сервитутовъ, теперь начинаютъ учитывать недалекое будущее и уже, не заговаривая о сдѣлкахъ, продолжаютъ «малую войну», которая мало-по-малу превращаетъ сервитуты въ ничто».

Какъ далеко ушелъ впередъ данный процессъ исчезновенія сервитутовъ, объ этомъ можно судить по нижеприводимому «особому мнѣнію», приложенному къ постановленію Кіевскаго губернскаго комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности по сервитутному вопросу, подъ которымъ подписалось десять изъ (приблизительно) 35 участвовавшихъ въ этомъ засѣданіи членовъ комитета. Вотъ это «особое мнѣніе», довольно полно и вполнѣ правильно характеризующее причины и условія, при которыхъ происходитъ процессъ исчезновенія сервитутовъ

«Ближайшее знакомство съ положеніемъ сервитутнаго вопроса убѣждаетъ нижеподписавшихся въ постепенномъ и все увеличивающемся уничтоженіи пастбищныхъ сервитутовъ и въ томъ числѣ такъ называемаго права толоки. Причинами этого явленія служатъ: а) раздробленіе имѣній при продажѣ ихъ частями въ разныя руки, б) раздробленіе ихъ при раздѣлахъ между сона-

слѣдниками [1]) и в) продажа обремененныхъ пастбищными сервитутами имѣній крестьянамъ [2]). Кромѣ того въ частности право на толоку исчезаетъ для крестьянъ, г) съ введеніемъ на помѣщичьихъ земляхъ многополья, б) съ введеніемъ на помѣщичьихъ земляхъ (неоставляющей времени для пастьбы скота), особенно ранней обработки паровъ и стерни (пожнивья), д) съ улучшенною обработкою помѣщичьей земли, устраняющей возможность произрастанія травъ на парахъ и стернѣ, е) съ значительнымъ увеличеніемъ помѣщикомъ количества выпасаемаго на нихъ скота, и въ особенности овецъ, доведенномъ до размѣровъ, не оставляющихъ уже мѣста для выпаса «на толокѣ» крестьянскаго скота [3]). При

---

[1]) Новообразовавшіяся путемъ распродажи или раздѣла между наслѣдниками владѣнія обыкновенно оказываются (въ ихъ новыхъ границахъ) въ большинствѣ не смежными съ землями крестьянъ что само собою ведетъ къ прекращенію пользованія сервитутомъ.— Примѣч. автора.

[2]) Имѣя, обыкновенно, такое количество скота, для прокормленія котораго необходимы всѣ имѣющіяся на купленной землѣ выпасы, крестьяне-покупщики, благодаря уже одному этому, являются единственными пользователями всѣхъ на ней выпасовъ, а крестьяне владѣющіе сервитутнымъ правомъ на эту землю, зная это и ожидая при этихъ условіяхъ встрѣтить (что дѣйствительно и бываетъ при попыткахъ ихъ выпасать и свой скотъ на этой землѣ) сопротивленіе силою, обыкновенно даже и не пробуютъ пользоваться своимъ сервитутнымъ правомъ.—Примѣч. авт.

[3]) Въ недавно изданномъ (1902 г.) «Статистико-экономическомъ очеркѣ Винницкаго уѣзда» гр. Д. Ѳ. Гейдена сказано между прочимъ, что фактически «толока въ полномъ объемѣ *мало (уже) гдѣ существуетъ* на помѣщичьей землѣ, такъ какъ *почти всѣ* помѣщики сѣютъ клеверъ въ пору и крестьянскій скотъ *имѣетъ лишь прогоны къ своимъ полямъ*». Въ постановленіи Подольскаго губернскаго комитета констатируется фактъ, что «дѣйствительность, хотя и медленно, *сокращаетъ* размѣръ примѣненія права общей пастьбы скота. *Такъ оно само собою и упразднилось во всѣхъ* тѣхъ неразверстанныхъ имѣніяхъ и отдѣльныхъ частяхъ ихъ, которыя не перемежались непосредственно крестьянскими угодьями въ одномъ общемъ сѣвооборотѣ»... Подробности о томъ, какъ и почему исчезаютъ сервитуты при всѣхъ этихъ условіяхъ см. въ моей предыдущей статьѣ по этому вопросу (Р. М. 1898 № 7, 8, 9). Примѣч. авт.

этомъ факты подобнаго рода въ однихъ имѣніяхъ обусловливаются естественнымъ переходомъ къ улучшенному хозяйству и усовершенствованнымъ культурамъ, въ другихъ—опредѣленнымъ намѣреніемъ разъ навсегда отучить крестьянъ отъ пользованія правомъ толоки. Въ свою очередь, для помѣщиковъ право на общую толоку пропадаетъ полностію въ появляющихся изрѣдка случаяхъ уничтоженія крестьянами паровой смѣны на надѣльныхъ земляхъ и—частію—путемъ застройки прилегающихъ къ селенію полевыхъ земель. Въ частности, лѣсные сервитуты (право пастьбы крестьянскаго скота въ помѣщичьемъ лѣсу) исчезаютъ также: а) съ поселеніемъ на подлѣсныхъ земляхъ колонистовъ, раскорчевывающихъ подъ свои колоніи обширныя лѣсныя площади съ обращеніемъ ихъ подъ сельскохозяйственныя культуры и б) путемъ общаго расширенія посѣвной площади на счетъ сокращенія пространства подлѣсныхъ земель вырубкою лѣсовъ и обращеніемъ оставшейся изъ подъ нихъ земли подъ сельскохозяйственную культуру.

Такимъ образомъ исчезновеніе пастбищныхъ сервитутовъ происходитъ главнымъ образомъ благодаря все болѣе и болѣе увеличивающемуся прогрессу культуры и уже только вслѣдствіе одного этого полное исчезновеніе ихъ представляется неизбѣжнымъ, если только правительствомъ не будутъ приняты въ законодательномъ порядкѣ экстренныя мѣры къ огражденію ихъ отъ исчезновенія безъ выдачи соотвѣтственнаго за нихъ вознагражденія. Необходимость такихъ мѣръ, при условіи неизбѣжности исчезновенія пастбищныхъ сервитутовъ, обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что исчезновеніе это происходитъ безъ выдачи какого бы то ни было вознагражденія за утрату предоставленнаго закономъ права, которое имѣетъ для населенія весьма важное значеніе и тѣмъ существенно нарушаетъ его экономическіе интересы и понижаетъ его платежеспособность. Поэтому, въ интересахъ послѣдняго, на государствѣ лежитъ обязанность, законодательнымъ же путемъ оградить отъ ничѣмъ невознаградимой утраты законныя права населенія, никакое нарушеніе которыхъ по самому существу законовъ о пастбищныхъ сервитутахъ не

можетъ имѣть мѣста безъ выдачи соотвѣтственнаго вознагражденія за таковые. Считая установленіе законодательнымъ путемъ особыхъ мѣръ, направленныхъ къ полному огражденію сервитутовъ отъ происходящаго массового исчезновенія ихъ безъ всякаго вознагражденія, дѣломъ настоятельнымъ и спѣшнымъ, мы находимъ, что мѣра эта должна быть распространена и на такъ называемое право толоки, въ томъ случаѣ, если таковое будетъ признано видомъ сервитутныхъ правъ, дающимъ право на полученіе соотвѣтствующаго вознагражденія въ случаѣ его потери. Вопросъ этотъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ, въ виду недостаточной ясности относящихся къ нему законовъ и противорѣчивости рѣшеній Сената, весьма многими помѣщиками считается спорнымъ, что значительно осложняетъ отношенія завязанныхъ въ это время споровъ и еще болѣе ускоряетъ процессъ уничтоженія этого права. Посему, независимо отъ установленія практикуемыхъ мѣръ къ огражденію сервитутовъ, во всякомъ случаѣ до ихъ изданія, необходимо законодательное разъясненіе о правѣ сторонъ на вознагражденіе за потерю права толоки, чтобы въ случаѣ признанія таковаго, ограждающія мѣры могли быть распространены и на послѣднее».

Изъ одного уже этого «мнѣнія» читатель можетъ судить, какъ много существуетъ причинъ, способствующихъ постепенному исчезновенію пастбищныхъ сервитутовъ безъ вознагражденія и на сколько поэтому основательны надежды тѣхъ, кто оставляя мысль о необходимости обязательнаго разверстанія, возлагаетъ свои упованія только на мѣры, направленныя къ сокращенію и уничтоженію самихъ сервитутовъ.

Если же, несмотря на все это, мнѣнія трехъ губернскихъ комитетовъ не объединились все таки, какъ было указано выше, на отрицаніи обязательнаго разверстанія, какъ мѣры теперь уже невыгодной для помѣщиковъ, то это, тѣмъ не менѣе вполнѣ объяснимо и по всей вѣроятности, зависѣло отъ двухъ главнѣйшихъ причинъ. Первая заключалась въ различіи мѣстныхъ условій, вторая же въ томъ, что съ одной стороны, не всѣ еще разочаровались въ возможности скораго осуществленія обязательнаго разверстанія, а

съ другой, и не всѣ одинаково убѣдились въ наибольшей выгодности рекомендуемаго теперь способа разрѣшенія сервитутнаго вопроса.

Что касается помянутаго различія мѣстныхъ условій—а именно, съ одной стороны, мѣстныхъ условій Волыни, а съ другой—мѣстныхъ условій Подоліи и Кіевщины, по которымъ представители первой высказались за обязательное разверстаніе, а вторыхъ двухъ—противъ него, то различіе это настолько существенно, что дѣйствительно могло обусловить и разницу въ рѣшеніяхъ даннаго вопроса. Суть въ томъ, что значительная часть Волыни принадлежитъ къ области Полѣсья, гдѣ чрезполосица владѣній, крайне при томъ дробная, неизмѣримо больше, чѣмъ въ Подоліи и Кіевщинѣ (за исключеніемъ развѣ полѣсской части Кіевской губ.—уѣздовъ радомысльскаго и части кіевскаго). Чрезполосица эта часто весьма невыгодна для хозяйства и составляетъ нерѣдко источникъ обострѣнія отношеній между помѣщиками и крестьянами (частые захваты, споры изъ-за границъ владѣній и пр.). Одна уже эта чрезполосица, безъ всякихъ сервитутовъ, представляетъ такое явленіе, которое заставляетъ хлопотать о возможно скорѣйшемъ разверстаніи, т. е. высказаться противъ добровольнаго разверстанія, которымъ разрѣшеніе даннаго вопроса завѣдомо откладывалось бы на долгое время. Что же касается до пастбищныхъ сервитутовъ, то о нихъ слѣдуетъ сказать, что въ Полѣсьѣ преобладаютъ лѣсные сервитуты, а внѣ Полѣсья—толочный. Послѣдній, какъ уже можно было отчасти заключить и изъ предыдущаго, гораздо легче уступаетъ принимаемымъ противъ него ограничительнымъ мѣрамъ и исчезъ уже въ значительномъ количествѣ имѣній, тогда какъ борьба съ первымъ гораздо труднѣе. Правда, площадь занятая лѣсными пастбищными сервитутами, успѣла уже порядочно посократиться, но она все еще сравнительно велика и сокращеніе ея идетъ все-таки медленными шагами, тѣмъ болѣе, что законодательная охрана лѣсовъ отъ вырубки, а слѣдовательно и обращеніе подлѣсныхъ земель въ другія угодья, составляетъ въ тоже время и одно изъ важныхъ препятствій къ сокращенію площади лѣсныхъ выпасовъ.

А при этихъ условіяхъ въ Полѣсьѣ и крестьяне (у которыхъ при томъ болѣе развито скотоводство) менѣе склонны на соглашенія и самый этотъ лѣсной сервитутъ труднѣе поддается искорененію; слѣдовательно болѣе или менѣе скораго избавленія отъ сервитутовъ своими средствами ожидать трудно. Между тѣмъ проектируемое обязательное разверстаніе несомнѣнно освободитъ и отъ сервитутовъ и отъ чрезполосицы, а если при немъ и придется удѣлить нѣкоторую часть земли въ вознагражденіе за упраздняемые сервитуты, то о размѣрѣ этой части еще можно будетъ поспорить, да и земля здѣсь далеко не такъ цѣнна, какъ на югѣ. А главное это то, что въ отношеніи лѣсныхъ сервитутовъ можно надѣяться на довольно выгодное разрѣшеніе этого вопроса путемъ выдвинутаго на очередь предложенія, чтобы отмѣна лѣсныхъ сервитутовъ произведена была путемъ«*выкупа* цѣнности таковыхъ», при которомъ убытокъ отъ отрѣзки части помѣщичьей земли въ вознагражденіе за упраздняемый сервитутъ будетъ покрытъ выкупною суммой.

Въ виду всего этого, нѣтъ ничего страннаго и противорѣчиваго въ томъ, что, несмотря на появленіе помянутаго новаго теченія въ сервитутномъ вопросѣ, въ Волынскомъ комитетѣ большинство оказалось по прежнему на сторонѣ обязательнаго разверстанія. Комитетъ этотъ и мотивировалъ свое постановленіе о необходимости рѣшенія даннаго вопроса «принудительнымъ порядкомъ» именно тѣмъ, что въ Волынской губ. «*чрезвычайно трудно разсчитывать на добровольное соглашеніе въ этомъ дѣлѣ крестьянъ и землевладѣльцевъ,* особенно при могущей встрѣтиться въ нѣкоторыхъ случаяхъ затруднительности произвести оцѣнку обусловливаемыхъ сервитутомъ выгодъ, часто даже немогущихъ быть возмѣщенными деньгами, что заставляетъ стороны предъявлять нерѣдко трудно примиримыя между собою претензіи». При этомъ, чтобы доказать сравнительно легкую осуществимость принудительнаго разверстанія, Волынскій комитетъ въ полную противоположность мнѣнію Кіевскаго комитета, хотя и не безъ очень серіознаго отступленія отъ истины, указалъ на то, что «принудительное разверстаніе найдетъ въ сознаніи населенія уже подготовленную почву».

Нечего и говорить, конечно, что, высказавшись за обязательное разверстаніе, какъ за наиболѣе желательное, Волынскій комитетъ, на случай неосуществленія этой мѣры, высказался вмѣстѣ съ тѣмъ и за желательность установленія нѣкоторыхъ мѣръ, какъ къ облегченію добровольныхъ разверстаній, такъ и къ облегченію борьбы съ сервитутами. Въ числѣ первыхъ онъ, между прочимъ, указалъ[1]) на необходимость законодательнаго установленія такого порядка голосованія вопроса о разверстаніи и разселеніи на сельскихъ сходахъ, при которомъ вопросы эти рѣшались бы не двумя третями, а простымъ большинствомъ голосовъ. Въ отношеніи же мѣръ къ сокращенію сервитутовъ и облегченію борьбы съ ними комитетъ указалъ, во первыхъ, на необходимость «изданія закона о томъ, чтобы судебныя установленія при возбужденіи исковъ объ убыткахъ *не дѣлали распространительнаго* толкованія сервитутныхъ правъ», а во вторыхъ, на необходимость «въ видахъ облегченія перехода къ улучшеннымъ системамъ хозяйства подтвердить законодательнымъ порядкомъ сенатскую практику» о томъ, что крестьяне, владѣющіе сервитутомъ, не имѣютъ права препятствовать измѣненію общаго (съ помѣщиками) сѣвооборота и «что пастбищные сервинуты распространяются только на свободныя отъ посѣвовъ земли и на *незанятыя посѣвомъ травъ* пожнивья». Въ рѣшеніяхъ этихъ онъ уже оказался солидарнымъ съ постановленіями большинства комитетовъ кіевской и подольской губ.

Обратимся однако къ рѣшеніямъ Кіевскаго и Подольскаго комитетовъ, такъ какъ въ нихъ именно и сказались новыя теченія въ сервитутномъ вопросѣ.

Читатель уже знаетъ, что въ основу ихъ рѣшеній положено отрицаніе принудительнаго разверстанія и замѣна его добровольными соглашеніями, которыя въ сущности приведены только для проформы, для прикрытія истинныхъ намѣреній большинства чле-

---

[1]) Какъ и комитеты кіевской и подольской губерній.

новъ этихъ комитетовъ, давно извѣрившагося въ добровольныя разверстанія, недавно еще безусловно отрицавшаго ихъ и выставившаго теперь одновременно съ добровольными соглашеніями, цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ облегченію борьбы съ сервитутами, въ которыхъ собственно и заключается вся суть данной стратагемы.

Чтобы покончить съ выясненіемъ вопроса о невозможности скораго и правильнаго рѣшенія сервитутнаго вопроса путемъ добровольныхъ разверстаній, достаточно вкратцѣ повторить то, что мною высказано было лично въ засѣданіи Кіевскаго губернскаго комитета и что, въ сущности, составляло краткое извлеченіе изъ III главы моей статьи о «сервитутномъ вопросѣ въ западномъ краѣ» [1]).

За сорокъ лѣтъ путемъ добровольныхъ соглашеній, на которыя возлагались въ свое время огромныя надежды, разверстано приблизительно не болѣе 7% имѣній, при чемъ разверстаніе это, сводясь нерѣдко только къ уничтоженію одной черезполосицы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ совсѣмъ не приводило къ уничтоженію сервитутовъ. Большая часть добровольныхъ разверстаній совершена къ тому же въ первый періодъ по надѣленіи крестьянъ землею, когда крестьяне не сознавали еще значенія этой мѣры и отношенія сторонъ не успѣли еще опредѣлиться. Разверстанными оказались въ концѣ концовъ имѣнія болѣе мелкія и тѣ, въ которыхъ крестьяне обладали наиболѣе важными для нихъ сервитутами, слѣдовательно и при указанныхъ условіяхъ крестьяне шли на соглашенія преимущественно тамъ, гдѣ сервитуты не имѣли для нихъ особенно существеннаго значенія. Въ тоже время размѣры полученныхъ крестьянами вознагражденій за упраздненные сервитуты стояли внѣ какой бы то ни было логической связи съ размѣрами этихъ сервитутовъ, простираясь въ отдѣльныхъ случаяхъ отъ полнаго нуля до 205% размѣра крестьянскаго надѣла. Эго несоотвѣтстіе между размѣрами сервитутовъ и вознагражденія за нихъ зависѣло отъ многихъ «стороннихъ» причинъ,

---

[1]) Р. М. 1899 № 8.

каковы, напр., степень нужды и желанія сторонъ идти на тѣ или иныя уступки, степень склонности крестьянъ къ принятію тѣхъ или другихъ предложеній, степень пониманія сторонами и своихъ правъ и послѣдствій предстоящаго разверстанія, вліяніе мѣстныхъ представителей крестьянскихъ учрежденій и т. п. При большей несговорчивости крестьянъ нуждавшемуся въ разверстаніи владѣльцу по неволѣ приходилось повышать свои предложенія. объемъ же требованій крестьянъ нерѣдко исходилъ не изъ оцѣнки теряемаго сервитута, а изъ соображеній о степени нужды помѣщика въ разверстаніи, изъ желанія побольше сорвать съ него и т. п. Благодаря всему этому, «полюбовныя» сдѣлки эти носили на себѣ характеръ торга, въ которомъ стороны, путемъ взаимныхъ уступокъ, надбавокъ, обходовъ, замалчиваній и ухищреній, въ концѣ концовъ наконецъ приходили къ опредѣленнымъ рѣшеніямъ. Въ результатѣ неразверстанными остались преимущественно тѣ имѣнія, которыя обременены наиболѣе важными сервитутами, т. е. тѣ, гдѣ наиболѣе трудно достигнуть добровольнаго соглашенія. И до послѣдняго времени дѣло добровольныхъ разверстаній стояло въ большинствѣ неразверстанныхъ имѣній въ такомъ положеніи, что крестьяне не шли ни на какія соглашенія и чѣмъ больше настаивали на разверстаніи помѣщики, тѣмъ болѣе непомѣрно возвышали свои требованія крестьяне. Въ нѣкоторыхъ же селеніяхъ и сами крестьяне не были противъ разверстанія, но не иначе какъ только обязательнаго, т. е. нормированнаго закономъ, такъ какъ ихъ пугали неудачные примѣры добровольныхъ разверстаній ихъ сосѣдей, сказавшіеся неблагопріятными для нихъ послѣдствіями. Въ самое же послѣднее время, когда все чаще стали появляться случаи исчезновенія сервитутовъ, стало увеличиваться и число селеній, желающихъ добровольнаго или какого бы то ни было разверстанія, но въ этихъ случаяхъ противъ таковаго высказывались уже сами помѣщики въ виду невыгодности и даже ненадобности послѣдняго при условіи возможнаго исчезновенія сервитутовъ безъ вознагражденія и безъ всякаго разверстанія.

Вотъ въ какомъ положеніи стоитъ въ дѣйствительности дѣло добровольнаго разверстанія. Положеніе это вполнѣ уясняетъ полную невозможность возлагать какія бы то нибыло надежды на разрѣшеніе сервитутнаго вопроса путемъ полюбовныхъ соглашеній. Помимо этого, даже и при возможности подобныхъ надеждъ, нельзя допускать, чтобы судьба помѣстнаго или крестьянскаго землевладѣнія (какъ это обыкновенно имѣетъ мѣсто при добровольныхъ разверстаніяхъ) ставилась въ зависимость отъ случая, отъ степени пониманія или непониманія сторонами своихъ интересовъ и степени предвидѣнія будущихъ послѣдствій своихъ соглашеній. Нельзя допускать, чтобы столь существенные вопросы рѣшались посредствомъ неизбѣжнаго въ подобныхъ случаяхъ *торга* сторонъ (по торговому принципу: «не надуешь—не продашь»), допускающаго и обманы и давленія и вынужденныя уступки. Это—пріемъ совершенно непозволительный для рѣшенія государственныхъ вопросовъ, отнюдь не гарантирующій правильности ихъ рѣшенія.

Впрочемъ вся несостоятельность идеи рѣшенія сервитутнаго вопроса путемъ добровольныхъ разверстаній отлично и по горькому опыту извѣстна высказавшимся теперь за полюбовныя соглашенія землевладѣльцамъ, которые только недавно еще хлопотали объ обязательномъ разверстаніи именно на томъ основаніи, что отъ добровольныхъ нельзя ожидать никакого толку. Поэтому нѣтъ надобности распространяться объ этомъ далѣе тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ добровольныя разверстанія составляютъ только прикрытіе стратагемы, сущность которой сводится ни къ чему иному, какъ къ полному отрицанію и обязательнаго и добровольнаго разверстанія съ замѣною ихъ цѣлымъ рядомъ мѣръ, направленныхъ ко всяческому искоренію сервитутовъ.

Очень поучительные выводы даетъ разсморѣніе постановленій Кіевскаго и Подольскаго комитетовъ по этому вопросу и сравненіе этихъ постановленій между собою. Оба они, какъ сказано, высказались противъ обязательнаго и за добровольное разверстаніе. Обоимъ имъ не нравится обязательное разверстаніе главнымъ образомъ, разумѣется, потому, что при немъ неизбѣжна

выдача вознагражденія за упраздняемые сервитуты, да и не только за одни упраздняемые, но—что еще хуже—можетъ быть и за уже исчезнувшіе (если законъ о принудительномъ разверстаніи будетъ имѣть въ виду опредѣленіе вознагражденія за сервитуты не по фактическому ихъ существованію, а по соображенію съ документально доказанными юридическими правами каждаго селенія на сервитутъ).

Но оба они подходятъ къ дѣлу различными путями. Подольскій комитетъ, обсуждая вопросъ о вознагражденіи, которое, по его мнѣнію, «нѣтъ никакого юридическаго основанія давать за обоюдное право выпаса на толокахъ», не рѣшается въ тоже время игнорировать того обстоятельства, что «мнѣніемъ комитета министровъ 1875 г., подтвержденнымъ государственнымъ совѣтомъ въ 1886 и 1889 гг. и повтореннымъ въ Высочайше утвержденномъ журналѣ особаго совѣщанія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Дурново въ 1891 г.» за крестьянами уже признано право на вознагражденіе за «толоку». Волей неволей рѣшивъ поэтому «принять такое указаніе къ руководству», онъ придумываетъ цѣлый рядъ мѣръ для обхода необходимости осуществленія этого мнѣнія Комитета министровъ, Государственнаго совѣта и Особаго совѣщанія. Съ этою цѣлью Комитетъ начинаетъ доказывать, что «прекращеніе права толоки путемъ правительственныхъ распоряженій *не желательно* (!), какъ вслѣдствіе крайней трудности оцѣнки его, такъ и потому, что крестьяне въ нѣкоторыхъ случаяхъ *давно привыкли къ этому праву и дорожатъ имъ* и потому принудительное прекращеніе его неизбѣжно вызоветъ *замѣшательства*, размѣръ которыхъ не можетъ быть *даже* (!) указанъ въ настоящее время»[1]). Вслѣдствіе всего этого ко-

---

[1]) Здѣсь, чтобы лучше оттѣнить степень искренности этихъ увѣреній о необходимости неуничтоженія „права толоки", умѣстно будетъ напомнить читателю приведенную выше въ примѣчаніи выдержку изъ постановленія того же Комитета по этому вопросу, констатировавшаго постепенное исчезновеніе столь дорогого и привычнаго для крестьянъ толочнаго сервитута безъ всякаго вознагражденія (и кстати безъ всякихъ „замѣшательствъ") во *всѣхъ* имѣніяхъ, гдѣ помѣщичьи земли

митетъ высказывается за то, чтобы это «дорогое для крестьянъ право» за ними непремѣнно *сохранить* (sic!); *но* за то со всею силою своей аргументаціи обрушивается на черезполосицу и вопіетъ о необходимости ея уничтоженія, «*не нарушая*»» (!?) всетаки «толочнаго сервитута». «Уничтожить чрезполосицу и отграничить крестьянскія и помѣщичьи угодья къ однимъ мѣстамъ» (что, какъ видитъ читатель изъ только что приведеннаго примѣчанія, и создастъ условія благопріятныя для исчезновенія «права толоки» или «обоюднаго права выпаса»)—«*съ отмѣною сервитутовъ* (?), *но безъ уничтоженія обоюднаго* (!) *права выпаса*» (!). По отношенію же къ послѣднему «регламентировать» *только* (!) «законъ 4 апрѣля 1865 г. *въ томъ направленіи*, чтобы помѣщикамъ и крестьянамъ въ неразверстанныхъ имѣніяхъ было предоставлено право *свободнаго* выбора необходимаго въ ихъ хозяйствѣ сѣвооборота *съ измѣненіемъ размѣра площади толочныхъ полей*», т. е. ввести законъ окончательно уже приводящій «право толоки» къ нулю безъ всякаго вознагражденія крестьянъ за потерю этого права. Механика, какъ видите, хотя и съ подходцемъ, но шитая бѣлыми нитками: чтобы избавиться отъ выдачи вознагражденія за право толоки, признать его *необходимымъ* для крестьянъ и хлопотать только объ уничтоженіи черезполосицы и о правѣ «свободнаго сѣвооборота»;—тогда принудительное уничтоженіе черезполосицы затруднитъ возможность фактическаго осуществленія «права толоки», а при этомъ условіи право «свободнаго сѣвооборота» и совсѣмъ доведетъ «общую толоку» до полнаго нуля!

Если сознаніе необходимости считаться съ помянутыми мнѣніями высшихъ государственныхъ учрежденій по вопросу о вознагражденіи за «право толоки» привело Подольскій комитетъ къ необходимости признать пользу его для крестьянъ и обрушиться главнымъ образомъ на черезполосицу, то рѣшеніе Кіевскаго комитета игнорировать заключенія этихъ государственныхъ учрежде-

---

„не перемежались непосредственно крестьянскими въ одномъ общемъ сѣвооборотѣ“.

ній, дало ему возможность оставить черезполосицу (размѣры которой въ дѣйствительности гораздо больше въ губерніи кіевской, чѣмъ въ подольской) въ покоѣ, доказывая даже ея безвредность, а вопіять на всѣ лады противъ самого права толоки. Кіевскій комитетъ, въ лицѣ составившагося въ немъ по этому вопросу большинства своихъ членовъ, въ полную противуположность мнѣнію Подольскаго комитета, настаиваетъ на томъ, что «*для большинства* имѣній уничтоженіе черезполосицы, вытекающей изъ трехпольной конфигураціи имѣній, *не составляетъ безусловной необходимости*»... «само по себѣ не можетъ быть признано непреодолимымъ препятствіемъ для веденія вполнѣ раціональнаго и даже высоко интенсивнаго хозяйства»... «и владѣльцы имѣній жалуются главнымъ образомъ не на эту черезполосность, а на невозможность пользоваться землей по своему усмотрѣнію, вслѣдствіе существованія общихъ выпасовъ на толокахъ и установившагося на практикѣ обязательнаго для помѣщиковъ трехпольнаго сѣвооборота; уничтоженіе же этого *послѣдняго* стѣсненія значительно ослабитъ для огромнаго большинства имѣній и *значеніе вопроса о разверстаніи*». Неупоминая затѣмъ ни однимъ словомъ о состоявшихся по вопросу о вознагражденіи за толоку заключеніяхъ нашихъ высшихъ государственныхъ учрежденій, Кіевскій комитетъ настаиваетъ просто на невозможности выдачи вознагражденія: «Тѣ землевладѣльцы, которые желали бы разверстанія, имѣютъ въ виду разверстаніе *безъ вознагражденія* крестьянъ за право общей толоки, а уѣздные комитеты, высказавшіеся за обязательное разверстаніе, *обходятъ* вопросъ о вознагражденіи *молчаніемъ*»... «Если же имѣть въ виду»... «вознагражденіе въ сколько-нибудь значительномъ размѣрѣ, то и огромное большинство землевладѣльцевъ *откажутся* отъ разверстанія»... «При значительныхъ размѣрахъ земельнаго или денежнаго вознагражденія оно окажется совершенно *непосильнымъ и разорительнымъ для землевладѣльцевъ, въ особенности принимая во вниманіе высокую ипотечную задолженность огромнаго большинства*. Если же такое вознагражденіе будетъ ничтожно, то оно *не возмѣститъ* крестьянамъ потерю крупнаго

и насильственнаго перелома ихъ хозяйства *и не удовлетворитъ ихъ желаній.* Крестьяне *сразу потеряютъ* пастбищное право безъ соотвѣтственныхъ приспособленій своего хозяйства, а между тѣмъ полученное земельное вознагражденіе, *если даже окажется возможнымъ* (?) прирѣзать его къ ихъ надѣльнымъ землямъ, превратится въ совершенно ничтожные клочки»...

Значитъ, рѣшеніе Комитета министровъ, Государственнаго совѣта и Особаго совѣщанія относительно выдачи вознагражденія привело бы, по мнѣнію Кіевскаго комитета, и помѣщиковъ и даже крестьянъ только къ разоренію, а потому—ясно—никакого разверстанія, ведущаго къ неизбѣжной выдачѣ вознагражденія,—ни обязательнаго, ни даже добровольнаго—не нужно. «А *необходимо лишь* предоставить какъ помѣщикамъ, такъ и крестьянамъ (!), *свободное* пользованіе ихъ землями для хозяйственныхъ надобностей, т. е. *свободный* сѣвооборотъ и *свободное* распоряженіе всѣми хозяйственными работами съ *оставленіемъ права общаго выпаса* на толокахъ и пожнивьяхъ, не занятыхъ травами или иными насажденіями (!). Такое свободное пользованіе землей *не* представляется *нарушеніемъ* чьихъ либо правъ (!) и единственно согласно съ мотивами и точнымъ смысломъ закона 4 апрѣля 1865 г., въ которомъ не заключается *ни малѣйшихъ ограниченій права распоряженія землею* и никакихъ указаній относительно трехпольнаго обязательнаго сѣвооборота». Этотъ законъ, по мнѣнію комитета, «нуждается только въ *надлежащемъ* разъясненіи», практическія же послѣдствія этого разъясненія «являются *необходимыми* для *обѣихъ* (?!) сторонъ», такъ какъ разъясненіе это дастъ возможность ввести на своихъ земляхъ улучшенные сѣвообороты даже и крестьянамъ, которые «нуждаются въ измѣненіи разорительнаго для нихъ трехполья и уничтоженіи общихъ выпасовъ въ *гораздо большей* степени (!!) нежели крупные землевладѣльцы. Нельзя ожидать и сопротивленія крестьянъ, такъ какъ выпасы не будутъ уничтожены (сразу), а лишь *постепенно*[1]) *сокращены*[2]), при чемъ плата за пользованіе (освобожденными отъ

---

[1]) И слѣдовательно незамѣтно или мало замѣтно для крестьянъ.

[2]) До полнаго нуля.

сервитутовъ) выпасами, *не можетъ* (?) взиматься помѣщиками» (!)[1])... Хотя, по откровенному замѣчанію комитета, весь этотъ планъ кампаніи и приведетъ несомнѣнно «къ постепенной ликвидаціи общихъ выпасовъ, но такой результатъ *и долженъ быть конечною цѣлью»!*

И такъ, планъ кампаніи заключается въ томъ, чтобы, не доводя дѣла до какихъ бы то ни было разверстаній, привести его къ «постепенной» и потому невозбуждающей протестовъ крестьянъ окончательной «ликвидаціи» пастбищныхъ сервитутовъ безъ выдачи за нихъ какого бы то ни было вознагражденія. Слѣдовательно, «конечная цѣль» обоихъ комитетовъ, не смотря на то, что они подходятъ къ ней несовсѣмъ одинаковыми путями, одна и таже: свобода дѣйствій по отношенію къ сервитутамъ, дающая возможность отдѣлаться отъ нихъ разъ навсегда безъ всякихъ разверстаній и вознагражденій.

Такимъ образомъ несмотря на нѣкоторое различіе въ мотивировкѣ, оба комитета, по существу, держатся одного и того же взгляда: оба считаютъ обязательное разверстаніе невыгоднымъ, потому что оно связано съ выдачею вознагражденія за сервитуты, и ненужнымъ потому что отъ сервитутовъ можно теперь освободиться и безъ него. Оба считаютъ также, въ общемъ за малыми исключененіями ненужными и добровольныя разверстанія; но ихъ они не отрицаютъ—не отрицаютъ именно потому, что они ни для кого необязательны и при отсутствіи крайней необходимости всякій свободенъ ими не пользоваться; не отрицаютъ еще и потому, что было бы неловко послѣ сорока лѣтъ хлопотъ передъ правительствомъ объ облегченіи дѣла разверстанія съ крестьянами начать вдругъ теперь разомъ отрицать и то и другое. Гораздо политичнѣе, отрицая обязательное, высказаться за добровольное и показать такой видъ, что теперь, по измѣнившимся обстоятельствамъ, и ради избѣжанія какой бы то ни было «ломки»,

---

[1]) Какъ будто можно будетъ лишить помѣщиковъ вполнѣ законнаго права сдавать подъ выпасъ за цѣну по своему усмотрѣнію освобожденную отъ сервитутовъ землю, неотъемлемо имъ принадлежащую!

«переворотовъ» и «сопротивленій», надо предоставить рѣшеніе сервитутнаго вопроса дѣлу добровольныхъ полюбовныхъ соглашеній сторонъ. И при этомъ просить *только* объ одномъ:—просить—только о введеніи мѣръ, облегчающихъ добровольныя разверстанія (каковы: «всяческое содѣйствіе сдѣлкамъ» по обмѣну земельныхъ участковъ помѣщиковъ не только съ сельскими обществами, но и съ отдѣльными крестьянами, введеніе мѣръ по разселенію крестьянъ на хутора и пр.) и—главное—мѣръ, облегчающихъ, «свободное» обращеніе съ обремененными сервитутами землями («надлежащее разъясненіе» закона 4 апрѣля 1865 г.) «свободное» пользованіе ими, т. е. именно тѣхъ мѣръ, которыя, устранивъ надобность въ добровольныхъ разверстаніяхъ, приведутъ къ окончательному уничтоженію сервитутовъ безъ выдачи за нихъ вознагражденія.

Такимъ образомъ въ основу изложенной стратагемы положены два главные пункта; отрицаніе обязательнаго разверстанія и «надлежащее» толкованіе закона 4 апрѣля 1865 г. Остановимся по возможности кратко на томъ и другомъ, чтобы выяснить степень состоятельности выставленныхъ положеній. Начнемъ съ послѣдняго.

Изъ предыдущаго уже видно, что «надлежащее» разъясненіе закона 4 апрѣля 1865 г., по мысли комитетовъ, должно заключаться въ предоставленіи сторонамъ права свободнаго выбора сѣвооборотовъ не только съ измѣненіемъ самого размѣра толочныхъ полей по усмотрѣнію каждаго и не испрашивая согласія другой стороны, но даже «и съ полнымъ уничтоженіемъ парового незанятаго клина». Законъ 4 апрѣля 1865 г. установилъ, что въ тѣхъ неразмежеванныхъ имѣніяхъ юго-западнаго края, гдѣ до 1861 г. «существовало общее помѣщика и крестьянъ пользованіе толокою въ одномъ и томъ же полѣ, сохраняется, какъ за помѣщикомъ, такъ и за крестьянами, право безразличнаго пастбища, во время нахожденія полей въ пару (толокъ) и по снятіи съ нихъ хлѣбовъ впредь до окончательнаго отдѣленія крестьянскихъ земель отъ

помѣщичьихъ[1]) и что такая пастьба скота помѣщичьяго на крестьянскихъ земляхъ, а крестьянскаго на помѣщичьихъ въ означенныхъ поляхъ, потравою не признается». Обсуждая этотъ законъ, Подольскій комитетъ совершенно правильно замѣчаетъ, что во время его изданія въ Россіи почти повсюду существовала трехпольная система сѣвооборота». Но изъ этого комитетъ выводитъ заключеніе, что, такъ какъ законъ не могъ въ то время предвидѣть, какое (интенсивное) направленіе получитъ сельскохозяйственная культура и потому не могъ заранѣе обрекать на застой сельское хозяйство, то изъ этого слѣдуетъ, что законъ 4 апрѣля 1865 г. не возбраняетъ перехода любой изъ заинтересованныхъ сторонъ къ любому сѣвообороту съ сокращеніемъ площади толоки до любого размѣра. Толкованіе это однако невѣрно, потому что законъ 4 апрѣля 1865 г. никого не обрекалъ на застой, а самъ же указалъ выходъ изъ данного положенія въ видѣ окончательотдѣленія крестьянскихъ земель отъ помѣщичихъ», т. е. разверстаній обязательнаго или же добровольнаго, но не самовольнаго нарушенія закона. При возможности такого исхода и до его осуществленія законъ именно и стремился къ полной охранѣ правъ сторонъ на пастьбу скота въ томъ объемѣ, какой существуетъ *именно при трехпольѣ*, потому что только при трехпольѣ удерживался тотъ самый объемъ выпасовъ, на который крестьяне получили право еще «до изданія положеній 19 февраля 1861 г.», а затѣмъ и съ изданіемъ таковыхъ. Всякое же измѣненіе объема этихъ выпасовъ было бы уже нарушеніемъ этого закона, имѣвшаго въ виду впредь до разверстанія закрѣпить за сторонами тотъ объемъ пастбищъ, который былъ и долженъ быть именно при трехпольномъ сѣвооборотѣ. Издавать же законъ подразумѣвая уже при самомъ его изданіи возможность измѣненія пространства подъ выпасами въ зависимости отъ измѣненія сѣвооборота, значило бы заранѣе обречь его на бездѣйствіе въ будущемъ, до котораго онъ дѣйствительно и дожилъ теперь благодаря нарушеніямъ общихъ трехпольныхъ сѣвооборотовъ и сокра-

---

[1]) Т. е. до разверстанія.

щенію толочныхъ смѣнъ во многихъ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне фактически давно уже утратили «право толоки», утвержденное за ними этимъ закономъ. Что же касается указаній на разнорѣчивыя въ этомъ отношеніи толкованія даннаго закона Сенатомъ, который въ нѣкоторыхъ своихъ рѣшеніяхъ (въ особенности въ рѣшеніи 1881 года № 69 по дѣлу крестьянъ с. Кодни съ гр. Ледоховскимъ) [1]), высказался повидимому за возможность толкованія закона 4 апрѣля 1865 г. въ смыслѣ сокращенія крестьянскихъ выпасовъ, то всѣ подобныя ссылки на такія рѣшенія должны быть оставлены съ появленіемъ сенатскаго рѣшенія 1886 г. № 19, завѣдомо имѣвшаго въ виду предыдущія рѣшенія Сената. Рѣшеніе 1886 г. разъяснило, что «*всякое уменьшеніе*» въ поляхъ общаго сѣвооборота «*со стороны количества земли* подъ толокою, вслѣдствіе ли измѣненія системы хозяйства, или по инымъ причинамъ, должно быть признано *нарушеніемъ правъ* крестьянъ на пастьбу скота по толокѣ въ томъ ея *пространствѣ*, какое существовало до означеннаго измѣненія». Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшеніе это разъяснило также, что данное толкованіе закона *не* стоитъ въ противорѣчіи съ толкованіемъ его Сенатомъ въ рѣшеніи 1881 г. за № 69, (по дѣлу съ Кодни), такъ какъ въ томъ рѣшеніи говорится только о правѣ назначенія того или другого поля «по своему *выбору* подъ пашни или въ толоку» и «о *способѣ* веденія (на этихъ поляхъ) полевого хозяйства», котораго законъ 4 апрѣля 1865 г. совершенно не касается, предоставляя примѣнять любые способы, лишь бы ограждено было за крестьянами право на пользованіе извѣстнымъ пространствомъ толоки, т. е. тѣмъ пространствомъ, которое утверждено было за ними положеніями 19 февраля 1861 г. при наличности трехполья.

---

[1]) гдѣ, если вчитаться въ это рѣшеніе внимательнѣе, Сенатъ высказывается не за право измѣнять пространство земли подъ общей толокой, а только за право помѣщика по своему усмотрѣнію, но безъ нарушенія правъ крестьянъ на выпасъ, назначать подъ толоку любую часть своего поля, измѣняя по произволу только „очередь“ полей, назначаемыхъ подъ паръ и посѣвы.

Въ виду всего этого указанія комитетовъ на возможность «изданія въ законодательномъ порядкѣ» разъясненія закона 4 апрѣля 1865 г. въ томъ смыслѣ, что право общаго выпаса въ неразверстанныхъ имѣніяхъ не препятствуетъ сторонамъ распоряжаться принадлежащими имъ землями по ихъ усмотрѣнію и вводить такой сѣвооборотъ, какой они признаютъ желательнымъ, *хотя бы и съ полнымъ уничтоженіемъ парового незанятаго клина»*, не выдерживаютъ критики. Не выдерживаютъ потому, что подобное разъясненіе было бы не разъясненіемъ, а полною *отмѣною* закона 4 апрѣля 1865 г., многочисленныя нарушенія котораго, произведенныя уже въ смыслѣ предполагаемаго «разъясненія» закона, привели уже крестьянъ многихъ селеній къ окончательной потерѣ права выпаса на какомъ бы то ни было пространствѣ помѣщичьей толоки. Спору нѣтъ, что многія имѣнія, имѣющія дѣйствительную нужду въ перемѣнѣ сѣвооборота и дѣйствительно желающія произвести эту перемѣну [1], испытываютъ большія стѣсненія въ хозяйствѣ отъ необходимости точнаго исполненія закона 4 апрѣля 1865 г., но изъ этого не выходитъ, что единственнымъ исходомъ даннаго положенія является отмѣна или нарушеніе закона *во вредъ другой сторонѣ*. Входя въ интересы одной стороны и дѣйствуя въ ея пользу, надо же помнить, что съ момента осуществленія ея интересовъ, въ корнѣ будутъ нарушены и весьма важные интересы другой,—тѣ самые интересы, которые, напротивъ, стремились въ свое время закрѣпить и оградить изданіемъ особыхъ законовъ. Исходъ изъ даннаго положенія можетъ быть только тотъ, при которомъ не было бы нарушено интересовъ обѣихъ сторонъ и этотъ исходъ самымъ закономъ 4 апрѣля 1865 г. указанъ *въ разверстаніи*. Если же ни обязательное, ни добровольное разверстанія по тѣмъ или инымъ причинамъ (добровольное, напр., вслѣдствіе крайней трудности со-

---

[1]) Въ статьѣ моей «Сервитутный вопросъ въ Западномъ краѣ» было уже указано, что многія имѣнія, усердно хлопотавшія объ уничтоженіи права толоки и разверстаніи, ради введенія многополья, послѣ разверстанія остались все-таки почему то при прежнемъ трехпольи.

глашеній, обязательное—вслѣдствіе крайней обременительности для задолженныхъ имѣній выдать соотвѣтственное вознагражденіе и пр.) немогутъ быть признаны достаточно удобнымъ и осуществимымъ исходомъ, то, казалось бы, не невозможно придумать какой-либо иной исходъ, но только не такой, который нарушалъ бы интересы одной стороны въ ущербъ другой. Въ предыдущей статьѣ по этому вопросу я уже указывалъ, что такимъ исходомъ могъ бы быть организованный, по примѣру выкупа надѣловъ, выкупъ сервитутовъ, сводящійся къ оплатѣ помѣщикамъ дѣйствительной стоимости тѣхъ земель, которыя они должны будутъ уступить крестьянамъ въ видѣ вознагражденія за уничтожаемые сервитуты...

Скажемъ теперь нѣсколько словъ по поводу обязательнаго разверстанія, столь категорически отрицаемаго Кіевскимъ и Подольскимъ комитетами, вопреки мнѣнію Волынскаго комитета. Дѣло вѣдь въ томъ, что планъ компаніи этихъ комитетовъ расчитанъ на полное погашеніе пастбищныхъ сервитутовъ безъ вознагражденія и что подъ вліяніемъ постоянныхъ нарушеній сервитутныхъ правъ крестьянъ послѣдніе (т. е. сервитуты) исчезаютъ все болѣе и болѣе. Слѣдовательно, если не будетъ немедленно принято мѣръ къ огражденію сервитутовъ отъ исчезновенія и возстановленію сервитутовъ уже исчезнувшихъ, то единственнымъ (при отсутствіи всякихъ надеждъ на добровольныя разверстанія) исходомъ изъ даннаго положенія дѣла, направленнымъ къ огражденію законныхъ интересовъ теряющей стороны, волей неволей явится введеніе обязательнаго для всѣхъ разверстанія съ установленіемъ нормъ вознагражденія за уничтожаемые сервитуты. При болѣе благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ оно можетъ быть дастъ крестьянамъ по крайней мѣрѣ хотя минимумъ того, что они имѣютъ право получить въ возмѣщеніе теряемыхъ сервитутныхъ правъ, и въ тоже время развяжетъ все-таки и руки помѣщиковъ. Оставленіе же даннаго вопроса въ его настоящемъ положеніи неизбѣжно принесетъ пользу только одной сторонѣ въ явный ущербъ другой. Смотря на обязательное разверстаніе именно только съ этой стороны,—съ точки зрѣнія единственной мѣры, напра-

вленной къ огражденію интересовъ крестьянъ (въ случаѣ, повторяю, если не будетъ издано спеціальныхъ законовъ къ огражденію сервитутовъ), и остановимся на нѣсколько минутъ на этомъ вопросѣ.

Посмотримъ прежде всего, сулитъ ли обязательное разверстаніе тѣ ужасы, которыми пугаютъ защитники идеи «надлежащаго разъясненія» закона 4 апрѣля 1865 г.

Главное возраженіе Подольскаго комитета противъ обязательнаго разверстанія заключается въ указаніи на то, что послѣднее вызоветъ «безъ всякой необходимости *возбужденіе* крестьянъ» и произведетъ «немедленную ломку строя, который естественнымъ путемъ [1]) разрѣшается безъ всякихъ потрясеній, подчиняясь общему порядку культурнаго развитія страны». Кіевскій комитетъ выражается на этотъ счетъ гораздо сильнѣе: по его «глубокому убѣжденію» обязательное разверстаніе представляетъ *величайшія опасности* для спокойствія огромнаго западнаго края, ибо оно не можетъ быть крестьянами понято иначе, какъ мѣры, направленная *противъ ихъ* правъ и интересовъ. Не говоря уже о крайне печальныхъ, но возможныхъ случаяхъ *безпорядковъ*, потребовавшихъ бы вмѣшательства силы, наиболѣе вредными послѣдствіями этой мѣры было бы *возбужденіе вражды между сословіями на долгое время*, и также массовое неудовольствіе на правительство». Однако весь ужасъ этой тирады, грозящей такими бѣдами, долженъ потеряться, передъ простымъ указаніемъ на то, что обязательное разверстаніе съ уничтоженімъ сервитутовъ *должно быть* произведено не иначе, какъ подъ условіемъ выдачи крестьянамъ за теряемые сервитуты *соотвѣтственнаго* земельнаго вознагражденія. Разъ это вознагражденіе будетъ *дѣйствительно* соотвѣтствовать предстоящимъ потерямъ отъ утраты сервитутовъ, то не изъ за чего будетъ появляться «массовому неудовольствію на правительство», «враждѣ между сословіями» и т. п. И это тѣмъ болѣе, что, благодаря многочисленности фактовъ беззаконнаго

---

[1]) Т. е. путемъ систематическаго нарушенія сервитутныхъ правъ веденіемъ многополья и пр.

уничтоженія сервитутовъ безъ всякаго вознагражденія крестьяне теперь уже увидятъ въ разверстаніи единственный способъ получить вознагражденіе за теряемые и уже потерянные сервитуты. А «вражда между сословіями на долгое время» можетъ быть слѣдствіемъ только даннаго положенія дѣла, ведущаго къ беззаконному и убыточному для крестьянъ уничтоженію сервитутовъ, но отнюдь уже не слѣдстіемъ законодательной мѣры, направленной къ огражденію интересовъ крестьянъ, если только, конечно... не найдутся такіе землевладѣльцы, которые сумѣютъ въ извѣстныхъ случаяхъ воспользоваться и ею въ ущербъ крестьянъ.

Другое наиболѣе существенное возраженіе Кіевскаго комитета противъ обязательнаго разверстанія сводится къ указанію, что осуществленіе его представитъ «*величайшія практическія трудности*, такъ какъ придется опредѣлять съ точностію цѣнность милліоновъ разнообразныхъ крестьянскихъ участковъ, отчуждаемыхъ отъ нихъ, и цѣнность милліоновъ такихъ же участковъ, получаемыхъ въ обмѣнъ крестьянами, съ принятіемъ одновременно въ соображеніе такого неопредѣленнаго права, какъ право общаго выпаса». Но возраженіе это совершенно падаетъ при воспоминаніи объ осуществленіи другой, гораздо болѣе грандіозной мѣры, распространявшейся при томъ не на нѣсколько только западныхъ губерній (гдѣ существуютъ сервитуты), а на всю Европейскую Россію, т. е. объ осуществленіи положеній 16 февраля 1861 г., выразившемся, какъ извѣстно, въ надѣленіи крестьянъ землею въ соотвѣтствіи съ количествомъ тогдашняго населенія, обычными формами землевладѣнія, качествомъ и цѣнностью надѣляемыхъ земель. При воспоминаніи объ этой реформѣ исчезаетъ уже значительная доля страха передъ тѣми «величайшими» трудностями, съ преодоленіемъ которыхъ связано было бы введеніе обязательнаго разверстанія.

Иное дѣло—указаніе (того же комитета) на то, что предложеніе объ обязательномъ разверстаніи «*не имѣетъ юридическихъ основаній*, такъ какъ надѣлы крестьянъ отведены не во временное пользованіе, *а въ полную и ненарушимую крестьянскую собственность*», и что такое разверстаніе сводится ни больше,

ни меньше, какъ къ *«принудительной экспропріаціи* огромнаго количества крестьянскихъ и помѣщищьихъ угодій *съ замѣной* ихъ другими землями».

Оно—это запугиваніе «экспропріаціею» и нарушеніемъ «полной и ненарушимой крестьянской собственности» было бы и совсѣмъ страшно, еслибы только дѣло не сводилось, какъ говоритъ это самъ комитетъ, только къ *«замѣнѣ»* угодій «другими землями» и еслибы этотъ же комитетъ не настаивалъ на еще худшемъ «нарушеніи» въ вопросѣ о хуторахъ. Въ то время какъ здѣсь эта «замѣна» имѣла бы въ виду интересы *обѣихъ* сторонъ [1]), тамъ комитетъ настаивалъ, въ интересахъ отдѣльныхъ крестьянъ, желающихъ переселиться на хутора, на предоставленіи каждому изъ нихъ права «выдѣлять свою полевую землю въ одинъ участокъ», «не испрашивая согласія общества», слѣдовательно, даже и вопреки таковому. А такъ какъ каждый такой выдѣлъ не могъ бы быть въ большинствѣ случаевъ осуществленъ безъ общей перемѣрки земель всѣхъ остальныхъ крестьянъ, вопреки даже ихъ интересамъ и желаніямъ, то, очевидно, что Кіевскій комитетъ принципіально и не былъ противъ нарушенія, въ случаѣ надобности, «полной и ненарушимой собственности», а былъ противъ этого нарушенія *только* въ вопросѣ о введеніи обязательнаго разверстанія.

За разсмотрѣніемъ всѣхъ этихъ наиболѣе существенныхъ возраженій противъ обязательнаго разверстанія, остается указать только на констатированное уже выше заявленіе о крайней трудности выдачи соотвѣтственнаго земельнаго вознагражденія изъ (въ большинствѣ сильно задолженныхъ) земель помѣщиковъ. Съ этимъ заявленіемъ, конечно, нужно считаться изъ опасенія разорительнаго вліянія данной мѣры на положеніе частновладѣльческаго хозяйства. Вопросъ этотъ надо обстоятельно изслѣдовать и если заявленіе окажется правильнымъ, то, во избѣжаніе ущерба для обѣихъ сторонъ, государство должно придти имъ въ этомъ дѣлѣ

---

[1]) Освободить помѣщиковъ отъ сервитутовъ, вознаградивъ въ тоже время крестьянъ за ихъ потерю.

на помощь своими средствами. Примѣненіе къ нему, одновременно съ введеніемъ обязательнаго разверстанія, операціи выкупа, о которой упоминалось выше, мнѣ кажется, было бы въ данномъ случаѣ наиболѣе умѣстно. Выкупъ этотъ далъ бы возможность оплатить помѣщикамъ ихъ убытки отъ потери ушедшей на вознагражденіе крестьянъ земли, значительно увеличившейся въ цѣнѣ со времени надѣленія крестьянъ землею и закрѣпленія за ними сервитутовъ инвентарными правилами и положеніями 19 февраля 1861 года; что же касается крестьянъ, то для нихъ примѣненіе выкупа дало бы возможность расчитать вознагражденіе за сервитуты по высшимъ нормамъ, не опасаясь отъ этого особаго ущерба для помѣщиковъ [1]).

Но пока все это осуществится, необходимо какъ можно скорѣе законодательнымъ путемъ принять всѣ зависящія мѣры противъ повсемѣстныхъ нарушеній законныхъ правъ крестьянъ на пользованіе сервитутами и къ огражденію пастбищныхъ сервитутовъ отъ исчезновенія безъ вознагражденія.

Л. С. Личковъ.

---

[1]) Мѣра эта одинакова примѣнима была и къ праву толоки и къ «лѣснымъ сервитутамъ», на которыхъ я въ настоящей статьѣ подробно не останавливаюсь потому, что, какъ я уже и указалъ въ ней, нѣкоторые изъ комитетовъ сами высказались за ликвидацію послѣднихъ путемъ выкупа.

Неосторожность въ важномъ дѣлѣ.

(По поводу украинской стилистики).

Вопросъ объ украинской стилистикѣ, требующей, по замѣчанію редакціи «Кіевской Старины», многихъ коррективовъ, и, въ частности, вопросъ о научно-философскомъ украинскомъ языкѣ возбуждался не разъ. По адрессу малорусскихъ писателей высказывались различные укоры и обвиненія въ неумѣломъ владѣніи языкомъ, при чемъ одни критики ограничивались тѣмъ, что старались отыскать причину этого въ недостаточномъ знакомствѣ писателей съ языкомъ, а другіе выводили отсюда вообще невозможность культивировать малорусскій языкъ до степени языка высшей литературы и науки. Очень часто такого рода нападенія бывали крайне наивны и не обнаруживали въ авторахъ ихъ ничего, кромѣ невѣжества въ тѣхъ вопросахъ, о которыхъ они брались толковать; но бывали и основательныя указанія, вполнѣ заслуживающія вниманія.

Послѣднія вызывались дѣйствительными недостатками рѣчи тѣхъ или иныхъ малорусскихъ писателей, а недостатки эти, въ свою очередь, были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ того положенія, въ которомъ находится у насъ развитіе малорусскаго языка. Отсутствіе учрежденій, гдѣ возможно было-бы систематическое изученіе его, отсутствіе популярно написанныхъ малорусскихъ грамматикъ, которыхъ не могутъ замѣнить спеціальныя ученыя изслѣ-

дованія по языку, недоступныя, въ большинствѣ случаевъ, для широкой публики, отсутствіе, наконецъ, такого украинскаго словаря, который давалъ-бы болѣе или менѣе близкое представленіе о богатствахъ языка,—все это чрезвычайно затрудняло и затрудняетъ изученіе его. Желающему изучить малорусскій языкъ писателю приходилось ограничиться кабинетными занятіями въ одиночку, которыя, за недоступностью для неспеціалистовъ помянутыхъ ученыхъ изслѣдованій, почти исключительно состояли изъ штудированія произведеній украинской словесности при помощи существующихъ словарей. Но даже и такое изученіе было обставлено большими трудностями. Напр., въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ (а къ этому времени относится и начало литературной дѣятельности большинства современныхъ писателей младшей генераціи) всѣ лучшіе старые малорусскіе писатели не существовали на книжномъ рынкѣ: прежнія изданія сдѣлались рѣдкостью, только случайно получаемою за большія деньги у букинистовъ, а новыя не могли выходить; лишь въ 1883 г. появился Шевченко (послѣднее предъ этимъ изданіе 1867 г.), въ 1887 г. Квитка, Стороженко только въ 1897 г., «Досвиткы» и «Чорна рада» Кулиша въ 1899 и 1900 г.г., а М. Вовчокъ и Г. Барвинокъ лишь въ 1902 г. Съ старыми изданіями прекрасныхъ образцевъ малорусской народной словесности (Цертелева, Максимовича, Лукашевича, Метлинскаго, Кулиша) дѣло обстояло еще хуже, такъ какъ они издавались въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и до сихъ поръ не переизданы. Всякій, желавшій познакомиться съ помянутыми писателями до указанныхъ годовъ ихъ переизданія или со сборниками народныхъ произведеній, долженъ былъ производить долгіе поиски въ библіотекахъ и въ шкафикахъ букинистовъ, и поиски эти были настолько трудны, что, напр., пишущій эти строки, съ 1879 г. усердно коллекціонировавшій каждую доступную ему малорусскую книгу и уже въ восьмидесятыхъ годахъ собравшій значительную украинскую библіотеку, могъ прочесть *всѣ* произведенія Квитки только въ 1887 г., а *всѣ* разсказы Стороженка только въ 1897 г.! Многіе несомнѣнно находились въ гораздо худшемъ положеніи и должны были

ограничивать свои изученія еще болѣе узкой областью второстепенныхъ и даже третьестепенныхъ писателей. Но какъ-бы усердно не было ведено изученіе языка по книгамъ, оно никогда не можетъ быть достаточнымъ безъ знакомства съ живой рѣчью изъ живыхъ устъ народа. Первые малорусскіе писатели, жившіе преимущественно въ селахъ или въ городахъ, похожихъ тогда по языку на села, были въ этомъ отношеніи въ удобномъ положеніи, и этимъ объясняется тотъ блескъ и чисто народный колоритъ ихъ рѣчи, который чаруетъ читателя, иногда даже равнодушнаго къ малорусской литературѣ. Писатели-же восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ, росшіе при иныхъ условіяхъ и, въ большинствѣ случаевъ, жители городовъ, лишь наѣздами бывавшіе въ деревняхъ, поставлены были въ очень тяжелыя условія относительно изученія живой народной рѣчи. Степень соприкосновенія ихъ съ нею чрезвычайно колебалась въ зависимости отъ личныхъ обстоятельствъ писателя и доходила иногда чуть-ли не до нуля.

Такимъ образомъ количество и качество матеріала для изученія языка подвержено было у различныхъ писателей различнымъ колебаніямъ и часто сильнымъ ограниченіямъ. Благодаря этому, и знанія каждаго изъ нихъ носили слишкомъ индивидуальный характеръ, были чрезвычайно разнообразны въ степени и качествѣ. Это обстоятельство часто вносило большую разноголосицу,—относительно языка, конечно,—въ общій хоръ младшихъ представителей малорусской литературы, въ сильнѣйшей степени препятствовало выработкѣ общихъ устоевъ литературнаго стиля, для всѣхъ обязательныхъ, и понижало, конечно, уровень малорусскаго литературнаго языка.

Если такъ обстояло дѣло съ литературнымъ языкомъ вообще, то въ гораздо худшемъ положеніи находился вопросъ о языкѣ научно-философскомъ. Послѣ первыхъ прекрасныхъ опытовъ Кулиша въ «Основѣ» научный языкъ у насъ совершенно не разрабатывался. Вотъ почему, когда въ восьмидесятые и девяностые годы взялись за писаніе научныхъ работъ по малорусски, многіе прямо обратились къ тому языку, который былъ выработанъ въ

Галиціи и Буковинѣ. Это было совершенно естественно: тамъ есть рядъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ обученіе ведется по украински, тамъ малорусскій языкъ раздается съ нѣсколькихъ каѳедръ двухъ университетовъ, наконецъ, тамъ существуетъ ученое общество со своими спеціальными органами и разнообразная по своему литературно-научному содержанію пресса. И такъ какъ все это существовало уже десятки лѣтъ, то, конечно, тамъ долженъ былъ за это время выработаться языкъ интеллигентнаго общества, научно-философскій и публицистическій языкъ.

Но дѣло въ томъ, что развитіе этого языка стояло тамъ не совсѣмъ въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ оно могло-бы происходить у насъ. Отрѣзанная издавна отъ остальной малорусской территоріи, введенная въ иной государственный строй, поставленная подъ иныя культурныя вліянія, Галиція въ теченіе XIX в. шла въ дѣлѣ развитія литературнаго языка своимъ особымъ путемъ. Она, прежде всего, сохранила нѣкоторыя старинныя формы малорусскаго языка, утраченныя тѣмъ нарѣчіемъ его, которое легло въ основу литературнаго языка у насъ, и ввела ихъ въ свою литературно-научную рѣчь; вошли въ нее также такія выраженія, употребленіе которыхъ было обусловлено мѣстными особенностями быта и государственнаго строя; наконецъ, этотъ языкъ поддался вліянію того литературнаго направленія, жаргонъ котораго давно прозванъ «язычіемъ», а изъ чужихъ языковъ—сперва вліянію нѣмецкаго, а затѣмъ сильнѣйшему—польскаго; вліяніе языка украинской литературы изъ Россіи, хотя и было само по себѣ чрезвычайно важнымъ, все-же входило въ сумму всѣхъ этихъ вліяній лишь какъ частичное, какъ одно изъ слагаемыхъ. Понятно поэтому, что украинскій литературно-научный языкъ въ Австріи пріобрѣлъ такія черты, которыя во многихъ отношеніяхъ отличали его отъ языка украинской литературы въ Россіи, гдѣ малорусская литературная рѣчь развила нѣкоторыя свои мѣстныя особенности, восприняла много выраженій, вызванныхъ къ жизни также бытомъ и государственнымъ строемъ, но уже иными, подпала подъ вліяніе русскаго литературнаго языка и воспринимала временами

вліяніе изъ Галиціи. Получились какъ-бы двѣ линіи, идущія рядомъ, иногда, перекрещивающіяся, но не совпадающія. Въ послѣднее время, благодаря стремленію австрійскихъ украинцевъ приближаться все болѣе и болѣе къ языку надднѣпровской Украины, съ одной стороны, и пользованію галицкими формами среди украинскихъ писателей въ Россіи—съ другой, эти линіи сошлись до соприкосновенія, но все-же не слились вполнѣ. Публика у насъ читаетъ такихъ галицкихъ и буковинскихъ беллетристовъ, какъ Франко, Федьковичъ, Стефаникъ, Кобылянская, Кобринская и др., но языкъ научныхъ сочиненій галичанъ часто, по справедливости, кажется ей тяжелымъ.

Благодаря этому обстоятельству, рядъ заимствованій, сдѣланныхъ украинскими писателями изъ галицкой рѣчи, заимствованій часто неизбѣжныхъ, иногда прекрасныхъ, иногда плохихъ, съ одной стороны, вызываетъ нареканія болѣе широкой публики, не сросшейся съ этими формами, а съ другой, въ числѣ иныхъ препятствій, затрудняетъ органическое развитіе подобныхъ формъ изъ своей мѣстной почвы. Оно затруднено также и тѣмъ обстоятельствомъ, что, такъ какъ малорусскіе писатели изъ Россіи получили образованіе на русскомъ языкѣ, то ихъ мысль привыкла направляться по путямъ, долгіе годы указываемымъ ей языкомъ этого образованія, что, конечно, и отзывается (у нѣкоторыхъ даже въ сильной степени) на построеніи фразы [1]).

---

[1]) Вредитъ также и дурная привычка, заимствованная малорусскими писателями у русскихъ и у галичанъ: пристрастіе къ иностраннымъ словамъ. Конечно, безъ нихъ нѣтъ возможности обойтись совершенно, но во многихъ случаяхъ ихъ можно и должно избѣгать. А между тѣмъ въ этомъ отношеніи приходится иногда встрѣчаться съ удивительными курьезами. Можно указать не мало статей, страницы которыхъ испещрены греко-латинскими терминами и при томъ такими, которые съ успѣхомъ могли-бы быть замѣнены малорусскими словами. Это явленіе, понятное въ спеціальныхъ научныхъ работахъ, является крайне нежелательнымъ въ работахъ, предназначенныхъ для болѣе широкой публики. Писатель, не поступаясь ни точностью выраженія

Понятно поэтому насколько затруднительна работа всякого пишущаго въ настоящее время на научныя темы по украински. Приходится очень часто избирать то или другое выраженіе, совершенно сознавая его неудовлетворительность, но не располагая въ данный моментъ лучшимъ; многимъ приходится идти часто ощупью. Въ виду этого въ высшей степени была-бы полезна здѣсь критика, которая помогла-бы писателямъ разбираться, какъ въ общихъ положеніяхъ, такъ и во множествѣ частныхъ случаевъ. Само собою разумѣется, что такая критика должна удовлетворять двумъ непремѣннымъ условіямъ: она должна опираться на основательныя знанія предмета и никогда не говорить безъ достаточныхъ доказательствъ и, во вторыхъ, должна уклоняться отъ мелочныхъ придирокъ и нападеній, касаясь только того, что важно для дѣла.

Къ сожалѣнію, такая критика литературнаго украинскаго языка встрѣчается чрезвычайно рѣдко; за то распространена въ обществѣ и періодической печати критика иного рода. Обыкновенно берется какое нибудь слово или рядъ словъ и фразъ изъ какой нибудь книги и утверждается, что это неправильно; на вопросъ: почему?—получается отвѣтъ: такъ не говорятъ, я такъ не слышалъ. Если при этомъ выяснить степень подготовленности такого критика, то оказывается, что о его теоретической подготовкѣ не можетъ быть и рѣчи (выше упомянуто, насколько она затруднительна даже для лицъ, спеціально посвятившихъ себя литературѣ), что-же касается практически пріобрѣтенныхъ познаній, то они

мысли, ни степенью красоты формы, всегда долженъ искать языка наиболѣе понятнаго для наибольшей массы читателей. И особенно должны заботиться объ этомъ мы, украинскіе писатели, такъ какъ наша литература XIX в. была въ Европѣ первою, которая начала проводить въ жизнь то положеніе, что литература должна быть общей для интеллигенціи и народныхъ массъ. Между тѣмъ употребленіе иностранныхъ словъ въ широкихъ размѣрахъ прямо противорѣчитъ этому требованію.

ограничиваются лишь тѣмъ немногимъ, что у такого критика могло остаться въ головѣ отъ нѣсколькихъ прочитанныхъ украинскихъ книжекъ, да отъ болѣе или менѣе немногочисленныхъ и по большей части дѣловыхъ сношеній съ крестьянами. Понятно, что при такой критикѣ можетъ заслужить обвиненіе въ неблагонадежности каждое выраженіе, неизвѣстное критикующему, при чемъ въ число такихъ отверженцевъ могутъ попасть самыя обыкновенныя слова. Напр., однажды одинъ «ученый секретарь» одной губернской архивной комиссіи, редакторъ нѣсколькихъ томовъ ея «трудовъ» и авторъ ученыхъ статей въ этихъ «трудахъ», самымъ серіознымъ образомъ доказывалъ мнѣ, что въ малорусскомъ языкѣ нѣтъ слова «квитка», а только «квитъ», ибо въ письмѣ Мазепы (книгу о которомъ ученый секретарь только что прочелъ) къ М. Кочубей написано: «квите мой рожевый». Конечно, это только крайній предѣлъ, до котораго можетъ дойти неосвѣдомленность такихъ критиковъ, но характерно, что этотъ предѣлъ можетъ быть отодвинутъ такъ далеко!

И когда приходится встрѣчаться съ печатной критикой малорусскаго литературнаго языка, всегда невольно, еще до прочтенія, задаешь себѣ вопросъ: къ какому роду критики она относится?

Съ этимъ вопросомъ въ умѣ приступилъ я и къ чтенію только что появившейся въ VII—VIII-й книгѣ «Кіевской Старины» замѣтки г. С. Ше—хина: «Еще нѣсколько словъ о сборникѣ «Дубове Лысте», посвященной (кромѣ конца) разбору моего предисловія къ названному альманаху—«До чытачивъ» и именно разбору его со стороны языка, который г-ну Ше—хину очень не нравится. Онъ находитъ его исполненнымъ погрѣшностей «противъ лексикона, синтаксиса и духа малорусскаго языка» и для доказательства этого утвержденія приводитъ тридцать три обвинительныхъ пункта противъ маленькой статейки въ десять страничекъ, заключая ихъ общимъ утвержденіемъ, что вся эта статейка написана языкомъ, который рѣжетъ слухъ г. Ше—хина, «пріученный съ дѣтства къ чистой малорусской разговорной и литературной рѣчи».

Конечно, возможность *съ дѣтства* пріучиться къ чистой малорусской литературной рѣчи—это, при нашихъ условіяхъ, нѣчто такое, о чемъ мы пока можемъ лишь мечтать; но все-же эти слова г. Ше—хина заставляли надѣяться, что въ лицѣ его авторъ статейки «До чытачивъ» можетъ найти критика, способнаго указать ему ошибки и предложить иныя, лучшія формы. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи замѣчаній г. Ш. оказывается, къ сожалѣнію, нѣчто иное.

Прежде всего удивляетъ въ замѣткѣ г. Ш. пріемъ, который ни коимъ образомъ не согласуется съ серіозностью затронутой темы.

Пріемъ этотъ заключается въ томъ, что авторъ беретъ какой либо пустякъ, понятный каждому безъ всякихъ объясненій, и выражаетъ по поводу этого пустяка недоумѣніе, къ которому очевидно приглашается и читатель. Напр., читаетъ онъ слова: «Сю гарну збирку (альманахъ «Хата»).... появывъ р. 1860 и тоди жъ выдавъ...» (стр. 9) и спрашиваетъ: «Р.—рикъ? Вѣроятно «р.»—року». Для читателя, мало знакомаго съ дѣломъ, можетъ показаться, что здѣсь открыто г. С. Ше—хинымъ какое-то невѣдомое доселѣ никому новшество, непонятное безъ предварительныхъ разъясненій. Между тѣмъ каждому читающему украинскія книги извѣстно, что буква «р.», поставленная при цифрахъ годовъ значитъ «рикъ», также точно, какъ русское «г.» въ подобномъ случаѣ значитъ «годъ». Напр. возьмемъ статью Сергія Павленка: «Рудольфъ Вирховъ—громадськый діячъ» (Лит.-наук. Вистныкъ, 1902, X—XII) и сейчасъ-же на первой страницѣ увидимъ (въ примѣчаніи): «Джерелами для видчытивъ у мене булы: біографични начеркы Ю. Г. Малиса *(1899 р.)* и Н. С. («Вѣстн. Европы», *1882 р.* кн. 8)». Также точно извѣстно, что малорусскій языкъ даже предпочитаетъ въ такихъ случаяхъ ставить слово «рикъ» *передъ* числомъ и это употребляется писателями издавна,—вотъ, напр., еще въ «Основѣ» (1861, IX) въ статьѣ Кулиша «Исторія Украины одъ найдавнишыхъ часивъ» мы читаемъ: «Въ договори Игоря зъ Грекамы, року 945» (стр. 101), «Року 1160 Изяславъ Давыдовычъ прывивъ половцивъ». (103), «Року 1148 ходывъ Изяславъ Мстыславовычъ у землю

Ростовську» (104) и т. д. и т. д.—выписки изъ различныхъ авторовъ можно было-бы продолжать сколько угодно. Ни для недоумѣнія, ни для вопроса мое «р.» матеріала очевидно не даетъ, и все замѣчаніе г Ш. получаетъ поэтому характеръ пріема, разсчитаннаго только на замѣшательство малосвѣдущаго читателя.

Еще менѣе можетъ удовлетворить замѣтка г-на С. Ше—хина другому требованію всякой серіозной критики — доказательности своихъ положеній. Вотъ, напр., одно замѣчаніе цѣликомъ: «На стр. 6-й сказано: „половыну литературнои діяльносты Кулишевои"—надо „Кулишевои литературнои діяльносты"».—Но почему же это такъ «надо»? Гдѣ доказательства? При такомъ пріемѣ критики вопросъ вѣдь никогда не можетъ быть рѣшенъ: одинъ будетъ утверждать, что нужно выразиться такъ, другой—иначе, третій отвергнетъ выраженія обоихъ и предложитъ свое, четвертый сдѣлаетъ то-же относительно трехъ первыхъ и т. д. до безконечности. А между тѣмъ всѣ замѣчанія г. С. Ше—хина носятъ именно характеръ такихъ столько-же категорическихъ, сколько и бездоказательныхъ утвержденій: нигдѣ, въ подтвержденіе своихъ приговоровъ, не приводитъ онъ ни одной цитаты [1]), ни одной ссылки на сборники образцевъ народной словесности, на произведенія лучшихъ украинскихъ писателей или на ученыя сочиненія по малорусскому языку. Неопредѣленныя заявленія: «такъ говорятъ», «такъ не говорятъ» ничего не доказываютъ, кромѣ того, что критику одни выраженія почему-то нравятся, а другія нѣтъ; но въ соотвѣтствіи-ли его вкусы съ языкомъ народа и лучшихъ мастеровъ малорусскаго слова, а также съ формулированными наукой законами малорусскаго языка,—такія утвержденія сказать не могутъ. Если представленіе доказательствъ въ научномъ спорѣ обязательно для каждаго, даже извѣстнаго своими трудами ученаго или литератора, то тѣмъ болѣе обязательно оно было для г. С. Ше—хина, лица въ литературѣ неизвѣстнаго и не могущаго въ под-

---

[1]) Исключеніе составляетъ только одна совершенно ненужная для дѣла цитата изъ моего предисловія къ черниговскому изданію «Байокъ» Глибова.

твержденіе своихъ голословныхъ обвиненій указать хотя бы на авторитетъ раньше опубликованныхъ работъ.

Благодаря такому характеру замѣчаній г. Ш., лишенныхъ какъ научнаго, такъ и практическаго значенія (потому что кто-же захочетъ слѣдовать бездоказательнымъ утвержденіямъ?), они собственно могли-бы быть оставлены безъ отвѣта; но дѣло въ томъ, что г. С. Ше—хинъ принадлежитъ къ числу тѣхъ распространенныхъ критиковъ, пріемы и познанія которыхъ охарактеризованы выше, критиковъ, имѣющихъ иногда успѣхъ среди части публики именно благодаря ея малой освѣдомленности въ вопросахъ малорусскаго слова; поэтому обнаруженіе истиннаго значенія такой критики можетъ быть не безъ пользы именно для этого рода читателей, заставивъ ихъ подумать о необходимости болѣе осторожнаго и вдумчиваго отношенія къ вопросу, къ которому они относились до сихъ поръ слишкомъ поверхностно. Это и еще кое-что, отнесенное на конецъ настоящей статьи, и заставило меня взяться за перо.

Предварительно одно предупрежденіе. Г. С. Ше—хинъ чрезвычайно высоко ставитъ языкъ Кулиша (что, въ общемъ, справедливо), находитъ, что владѣлъ онъ «родной рѣчью *въ совершенствѣ*» и даже говоритъ: «мы не знаемъ ни одного человѣка, который не преклонился-бы передъ удивительнымъ умѣньемъ Кулиша владѣть родной рѣчью». Послѣ такого заявленія естественно предположить, что г. С. Ше—хинъ основательно знакомъ съ языкомъ Кулиша; дальше мы увидимъ, насколько это предположеніе оправдывается, а пока замѣчу, что, значитъ, для г-на С. Ше—хина доказательства, почерпнутыя у Кулиша будутъ имѣть особо-рѣшающее, окончательное, безапелляціонное, такъ сказать, значеніе. Въ виду этого и я этимъ доказательствамъ буду отдавать нѣкоторое предпочтеніе [1]).

---

[1]) Какъ сказано, замѣчанія г. Ш. имѣютъ филологическій характеръ; одно лишь касается содержанія. Въ моей статейкѣ Мужиловская названа «богынею мрій маленького хлопця». Г. Ш. не понимаетъ этого выраженія и считаетъ его, относительно ребенка, психо-

Большинство замѣчаній г. С. Ше—хина касается значенія отдѣльныхъ словъ. Такъ онъ утверждаетъ, что *славетный* значить не «славный», а «тотъ, который прославилъ кого либо, которымъ прославились». Однако это утвержденіе противорѣчитъ свидѣтельствамъ украинскихъ словарей: для XVII в. *славетный* переводится словами: «нарочитый, изрядный, изящный» (см. Старин. малорусск. словарь, изд. г. П. И. Житецкимъ при «Кіев. Старинѣ» 1888 г., стр. 83), у Желеховскаго—wohllöblich, ehrbar—сообразно тому значенію, съ которымъ въ прежнее время это слово было эпитетомъ мѣщанина, а въ иныхъ словаряхъ для XIX в. *славетный* переводится словомъ «славный» (Левченко, 148, Уманець, IV, 37, словарь «Основы» 1861, III). У Кулиша существительное *славетныкъ* въ значеніи: славный, прославленный человѣкъ:

Чому славетныкамъ, тымъ шейхамъ, тымъ емырамъ
Такъ, якъ ёму, Богъ жызни не являвся?
(Магометъ и Хадыза, 17).

«*Выдруковано Кулишеву працю*» (стр. 6)—нельзя сказать, по мнѣнію г. Ш., а необходимо «надруковано». Ничего не имѣю,

---

логически невѣрнымъ. Размѣръ моей статейки, которая не могла быть бóльшею, не позволилъ мнѣ говорить подробнѣе, и, быть можетъ, я неясно выразился. Вотъ какое мѣсто изъ «Жызни Кулиша» (о ней см. дальше) дало мнѣ поводъ для сказаннаго: «Образъ іи (Мужиловской) жыття и душу іи поетычню змалювавъ Кулишъ у своій повисти: «Исторія Ульяны Терентьевны». Тамъ де-що й выдумано, а багацько й дійстнои правды. Найбильша жъ правда тá, що вона ёму здавалась якоюсь царыцею, або богынею» (Правда, 1868, 32). А въ самой повѣсти: «Я (Кулишъ) въ дѣтствѣ не былъ ребенкомъ: я чувствовалъ, радовался и страдалъ, какъ взрослый». «Я никогда, никогда не перестану любить васъ (т. е. Ульяну Терентьевну)! воскликнулъ я, какъ пламенный рыцарь, - никогда!... Я говорилъ истину. Это была первая любовь моя, и никогда никакое чувство не горѣло въ моемъ сердцѣ чистѣйшимъ и постояннѣйшимъ пламенемъ». (Повѣсти П. А. Кулиша, т. III, стр. 258 и 281). Постояннымъ мечтамъ мальчика-Кулиша о Мужиловской посвящено много страницъ въ этой повѣсти.

конечно, противъ послѣдняго слова, но почему нельзя глагола «выдрукуваты» употребить въ значеніи «напечатать, отпечатать»? Изъ замѣчаній г. Ш. къ слову *повыдруковувано* можно догадываться, что, по его мнѣнію, *выдрукуваты* значитъ напечатать все рѣшительно, исчерпать для печати весь матеріалъ. Дѣйствительно, приставка *вы* при глаголѣ указываетъ иногда на то, что какой либо предметъ исчерпывается весь, до конца (выплакаты слёзы, выкыпиты води), но она можетъ и не указывать на это и въ такихъ случаяхъ часто переводится русскими глаголами съ приставками *на* и *от*, напр.: «Я васъ нагороджу... Подывысь на ёго: ще й *вынагороджуваты* хоче»! (Рудченко, Сказки, II, 160). «Вона (поэма) ще не *выроблена*»,—т. е. не отдѣлана. (Письмо Шевченка къ Кухаренку: Осн. 1861, X, 12). «Выдрукуваты» въ словаряхъ Уманца и др. переведено: «отпечатать, напечатать». Въ такомъ значеніи оно употреблено Квиткой: «Спысавъ и я «Сердешну Оксану»... Будете чытаты, якъ панъ Гребинка *выдрюкуе*». (Письмо къ Шевченку: Осн. 1861, VII, 6). Параллельно съ этимъ глаголомъ существуетъ въ народной рѣчи какъ-разъ такъ-же составленное слово: *выпечататы:* «Такъ у кныжци выпечатано». (Записалъ проф. А. Е. Крымскій въ Кіевск. г., Уманець, II, 157).

«*Найголовнишы рысы ёго діяльносты выявылыся вже добре и можна ихъ означыты*» (5). По мнѣнію г. Ш., *означыты* значитъ только: «положить клеймо, заклеймить», а не «обозначить, отмѣтить», какъ въ приведенной цитатѣ,—для этого послѣдняго значенія онъ даетъ слово «зазначыты». Глаголъ «значыты» значитъ не спеціально клеймить, а обозначать, намѣчать, отмѣчать предметъ какимъ либо знакомъ, мѣткою, въ томъ числѣ и клеймомъ. Вотъ почему говорятъ о новобрачной, привязывающей свадебнымъ гостямъ ленточки: «молода всихъ *значыть*». (П. Лытвынова, Весильни обряды и звыч. у с. Землянци Глух. п., у Черныгивщыни, 153). Въ старинной балладѣ, напечатанной Кулишемъ, Кирикъ

Узявъ заступъ та лопату,
Пишовъ ямкы *значыты* (Зап. о Южн. Руси, II, 87).

Поэтому у самого Кулиша:

Подывысь, онъ у воротяхъ *значка*-комышына
(Маруся Богуславка, Л.-Н. В., X, 7).

—очевидно не «клеймо», какъ слѣдовало-бы ожидать по переводу г. Ш. *Зазначыты* и *позначыты* совершенный видъ отъ *значыты* и значитъ одно и то-же, т. е.—обозначить, отмѣтить. (Уманець, Левченко); напр., въ народной пѣснѣ жена могилу мужа «цыбулькою *позначыла*». (Чубинск., Труды, V, 796)—конечно, это не значитъ: положила клеймо, заклеймила. Поэтому, если можно употребить въ цитированной фразѣ гл. «зазначыты», то можно и «позначыты». Но между этими глаголами есть и разница: «зазначыты» употребляется преимущественно, когда говорится о дѣйствіи надъ однимъ предметомъ, а «позначыты»—преимущественно когда о дѣйствіи надъ многими,—вотъ почему лучше «*рысы* позначыты», а «*рысу* зазначыты».

«*(Семъя) встыгла вже перекынутысь на полупанкивъ*» (5), т. е. превратиться въ... «Но по-малорусски»,—говоритъ г. Ш.,—«это будетъ не „перекынутысь", а „перевернутыся въ полупанкивъ", отсюда и слово „перевертень". Можно сказать также „обернутыся въ...", но не „перекынутысь"—„опрокинуться».—Но какъ же тогда перевести народную фразу: «Чортъ *перекынувсь* чоловикомъ» (Манжура, Сказки, 128): чертъ *опрокинулся* человѣкомъ? Нѣтъ, но *превратился* въ..., равно какъ и въ слѣдующихъ примѣрахъ: у Рудченка: «Змій перекынувся голкою» (I, 122), «Багатырь... перекынувсь мухою (II, 93); у Квитки: «Вона перекынулась собакою»; у Кулиша: «Вже я, бабусю, перекыдавсь не разъ, да и не два: бувъ я спершу рыбою, потимъ изробывсь птахомъ, мушкою, звирукою, а се ще попробувавъ буть чоловикомъ» (Зап. о Ю. Р. II. 34). Такимъ образомъ слова «перевернутысь» и «перекынутысь» въ этомъ случаѣ синонимы, и если отъ перваго глагола есть слово *перевертень*, то отъ второго существуетъ *перекынчыкъ*, и оба значатъ одно и то-же: отступникъ, ренегатъ. У Уманца при словѣ «перебѣжчикъ» указано еще «*перекыдько*», а у Кулиша есть «*перекынець*»:

Зопсована дытыно
Вельможпыхъ перекынцивъ, Кысиливъ.
(Драмов. трылог., Сагайдачный, 85).

Наклонность г. С. Ше—хина къ мелочнымъ придиркамъ заставляетъ его сказать слѣдующее: «*Оприче* вкраинського“—слѣдуетъ „опричъ украинського“. Вѣдь это не поэзія, гдѣ позволительны иногда беззаконныя вольности».—Повидимому «беззаконная вольность» заключается здѣсь въ употребеніи формы *оприче*. Но вотъ она въ прозѣ «Основы»: «Въ Конотопи, *опроче* тыхъ писень, котри спивають усюды по Вкраини, спивають и такыхъ»... (1861, XI, 9), у Г. Барвинокъ: «Сусидъ блызькыхъ нема, *оприче* васъ» (Оповид., 197). «Не можна выправыть, *опроче* якъ судомъ» (Запис. отъ народа, Уманець, Кромѣ).

Другой примѣръ придирчивости г. Ш. слѣдуетъ за этимъ: по его мнѣнію, нельзя сказать: «ся ричъ *перешкоджала* ёму въ науци», а слѣдуетъ: «*шкодыла* ёму»... или «перешкоджала ёго науци». «Шкодыты» собственно вредить, а «перешкоджаты»—мѣшать, препятствовать, поэтому второй глаголъ здѣсь предпочтительнѣе; но почему «перешкоджаты» можно только отвлеченной вещи (науци) и нельзя человѣку—я не могу понять: это противорѣчитъ естественному развитію мысли, которая въ расширеніи значенія слова должна была перейти отъ конкретнаго къ абстрактному.

Совершенно вѣрно говоритъ г. Ш., что *обсто́яты* значитъ «защитить»; но онъ забываетъ, что «обсто́юваты» можно и *кого* и *что*: въ первомъ случаѣ это значитъ защищать, отстаивать кого либо, во второмъ—отстаивать, защищать что нибудь, напр., какое нибудь дѣло, добиваясь, настаивая, чтобы оно было сдѣлано. Вотъ почему правильна моя фраза: «обстояла, щобъ ёго виддано до... гимназіи». Что-же касается гл. *насто́юваты*, предлагаемаго для данного случая г. Ш., то въ указанномъ значеніи мнѣ оно въ народной рѣчи неизвѣстно.

«*Не мигъ винъ зробыты алгебраичного завдання*» (6)—эту фразу находитъ г. Ш. «невозможнымъ подборомъ словъ» и не-

удачнымъ переводомъ съ русскаго», «на которомъ авторъ очевидно мыслилъ». Но съ такимъ-же точно правомъ можно было-бы сказать, что г. С. Ше—хинъ «очевидно мыслилъ» по-русски, когда предлагалъ выраженіе еще болѣе близкое къ русскому языку: «рипіыты задачу». Экскурсы въ тайны чужого мышленія лучше оставить: они относятся совсѣмъ не къ области критики. Я нисколько не настаиваю на своемъ выраженіи, какъ на лучшемъ и соглашусь принять предлагаемое г. Ш., если оно будетъ употребляться большинствомъ; но все-же доводы г. Ш. кажутся мнѣ совсѣмъ не убѣдительными. Слово *зробыты* можно приложить къ задачѣ, какъ и ко всякому дѣлу [1]), и врядъ-ли это будетъ хуже, чѣмъ предлагаемое г-номъ Ш. *розвязаты*, которое въ этомъ смыслѣ едва-ли не заимствованіе съ польскаго.—Слово *завдання*, по мнѣнію г. Ш.,—«отглагольное существительное отъ слова „за-в-даваты». Но что-же изъ этого слѣдуетъ? ровно ничего! да, кромѣ того, здѣсь и ошибка: отъ «завдаваты» отглагольное существительное будетъ «завдавання», а «завдання» относится къ совершенному виду «завдаты»—такъ-же точно, какъ отъ «даваты» будетъ «давання» (Воно жъ и даванню кинець є. Мырный, Повія, I, 116), а отъ «даты»—«дання» (Дання гирше трутызны. Номисъ). «Говорятъ»,—продолжаетъ г. Ш.,—«така його вдача, алгебраична задача». Кто говоритъ? Очевидно не народъ, ничего объ алгебрѣ не слыхавшій, а люди, думающіе такъ-же, какъ и г. Ш., и почему-же изъ того, что говорятъ «така його вдача» слѣдуетъ, что нужно говорить и «алгебраична задача»? Вѣдь глаголъ «завдаты» то-же, что и «задаты», только со вставленнымъ *в*, которое появилось здѣсь вѣроятно по аналогіи съ глаголомъ *вдаваты*

---

[1]) Вѣдь не къ однимъ-же только матеріальнымъ предметамъ прилагается этотъ глаголъ. Напр.: у Чубинскаго: Волю сама соби смерть зробыты (V, 117); Ой вы чумаченькы, ой вы молоденьки, зробить мени волю (V, 1031); у М. Вовчка: Велыку ласку мени зробы. (Нар. опов., II, 112); у Шевченка: Оттаку то ій прычыну ворожка зробыла. (Кобзарь 1883, стр. 29); у Кулиша: Зробыты гарный выбиръ (Хата, 94); у него-же: Воны зъ мене зробылы въ людяхъ прытчу (Іовъ, 37).

и имѣетъ значеніе эвфоническое. Вотъ примѣры: Въ неволю всіхъ задала (Головацкій. I, 4) и въ то-же время: на вичну каторгу завдавъ (Максимовичъ, Укр. п. 1849, 91); затѣмъ: задаваты тугы (Чуб. V 746), мукы (ibid. Ш. 335), задаете жалю (Кулишъ, Евангеліе, Марк. XIV, 6), прочуханивъ задаты (Ном. № 3861) и тѣ-же самыя или подобныя выраженія съ гл. «завдаты»: не завдавай... тугы (Чуб. V. 55), му́кы (Метлинск. 210), жалю завдаешъ (ibid., 15), завдаты прочухана (Ном. 3860), сорома (Этногр. Мат. Ш, 486), брехню (Кулишъ, Іовъ, 74), думкы (Г. Барв. 221) и пр. и пр. (См. также и у Желеховскаго *задаты*, при которомъ ссылка на *завдаты*). Повидимому г. Ш. признаетъ возможнымъ отглагольное «задання» употреблять въ значеніи «задача»,—тогда онъ то-же самое долженъ признать и для «завдання». Конечно, производныя отъ синонимовъ иногда специализирýются каждое въ своей области; но этого именно здѣсь-то и нѣтъ, и у малорусскихъ писателей издавна колебанія: одни пишутъ: «задаваты, задача, задання» (Важке задання буты діячемъ на чужій сторони. Левицкій, Повисти, 120), другіе—«завдаваты, завдання», напр. въ «Основѣ»: «Завдають (у школи) отсюды—досюды» (1862, I. 54), у Левицкаго: Велыке культурне завдання (Баштовый, Украинство на лит. позвахъ, 22). У Желеховскаго: «завдаты, завдаваты кому щось—zur Aufgabe machen, aufgeben; завдане—Aufgabe». Отъ будущаго зависитъ, какое изъ этихъ словъ: «задання» или «завдання» удержится въ употребленіи (въ данномъ значеніи), быть можетъ, оба замѣнятся третьимъ, быть можетъ, оба будутъ существовать рядомъ, какъ существуютъ рядомъ и «задатокъ» и «завдатокъ» (Добре слово сто́ить за завдатокъ, Ном. 10674) и даже «завдача»: Я вже взяла 3 карбованци на завдачу (записано отъ народа въ Миргородскомъ у. Д. И. Эварницкимъ).—Закончивъ доказательства законности употребленія слова «завдання», я хочу привести еще одну цитату изъ статьи С. Павленка: «Рудольфъ Вирховъ». Вотъ она: «Буты гарною жинкою, гарною матирю, гарною хозяйкою. Таке *завдання* становыть само жыття». (Л. Н. Вистн. 1902 XII, 149).

«У гимназіи винъ до кинця курсу не добувъ» (6)—«такъ нельзя сказать»,—говоритъ г. Ш.—«Если существуетъ обязательство или обязанность „буты", тогда говорятъ, напр. „робитныкъ не добувъ сроку" и т. д., а объ ученикахъ и школѣ можно сказать: „до кинця курсу не дойшовъ" или „не довчывся".—Можно; но какія же доказательства, что нельзя сказать здѣсь «не добувъ»? Вѣдь и относительно гимназіи существуетъ нѣкоторая нравственная обязанность «добуты» въ ней до конца курса,—это во-первыхъ; а во-вторыхъ—я позволю себѣ и здѣсь, какъ и во всѣхъ прочихъ случаяхъ, больше вѣрить украинскимъ лексикографамъ и писателямъ, чѣмъ критику моей статьи; а они совсѣмъ не ограничиваютъ употребленіе этого глагола такъ, какъ этотъ послѣдній. Вотъ у Желеховскаго: «добуваты до якогось часу—bis zu einer gewissen Zeit wo bleiben»; у Комарова: Частенько панычи не добуваютъ курсу гимназіи. (Розмова про небо, 23); у Свидницкаго: Вона вже останни годыны добувае дома,—въ науку пойиде. (Люборацьки, 60).

«Кулишъ.... зазнайомывся зъ проф. М. Максимовичемъ......... Винъ познайомывся зъ Костомаровымъ, зъ Шевченкомъ» (6). Г. С. Ше—хинъ спрашиваетъ: „Какая разница въ характерѣ знакомствъ и почему съ Максимовичемъ „зазнайомывся", а съ Шевченкомъ и Костомаровымъ „познайомывся?"". Отвѣчаю: существованіе и употребленіе синонимовъ общеизвѣстно, а о существованіи гл. «зазнайомытыся» г. Ш. можетъ узнать хотя-бы изъ этой цитаты: Ходимо до його.... тамъ и зазнайомышся (зъ имъ). (Г. Барвинокъ, 178).

Слѣдующее замѣчаніе г. С. Ше-хина приходится привести цѣликомъ: «Нельзя также сказать *«помишныкъ»* куратора, въ смыслѣ помощникъ. «Помишныкъ» отъ слова «мишать», а отъ слова «помичъ», «помогаты»—«помичныкъ». Когда въ ироническомъ смыслѣ хотятъ выражаться о помощникѣ, то называютъ его «помишныкъ», т. е. человѣкъ, который мѣшаетъ, а не помогаетъ. Въ такомъ смыслѣ мы много разъ слышали это выраженіе у малороссовъ Полтавск. губ.—лубенскаго и золотоношскаго

уѣздовъ».—(Замѣтимъ губернію и уѣзды, на которые ссылается г. С. Ше—хинъ). Филологами уже давно отмѣченъ тотъ фактъ, что звукъ *ч*, сочетаясь съ нѣкоторыми согласными, между прочимъ съ *н*, обращается въ *ш* (см., напр., Огоновскаго: Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache, 75). Вслѣдствіе этого въ правописаніи нѣкоторыхъ словъ буква *ш* окончательно вытѣснила *ч*, напр. «рушныкъ», «рушныця»; въ другихъ случаяхъ одни, руководясь болѣе фонетикой, пишутъ: «мисяшный, пасишныкъ, смашный», другіе обращаютъ вниманіе больше на словообразованіе и въ этихъ и подобныхъ случаяхъ вмѣсто *ш* ставятъ *ч*. Въ частности-же относительно словъ «помишныкъ, помишныця» должно сказать, что они употребляются въ нашей печати именно въ фонетической формѣ: Брыця—въ пашни помишныця. (Ном. 10136). Вы, зори, зорныци, Божіи помишныци. (Милорадовичъ, Нар. обр. и п. Лубенскаго у., 34). Та не сама пряла,—булы помишнычкы. (Чуб. V. 1182). Оказывается, что полтавская губернія и ея лубенскій и золотоношскій уѣзды не оправдываютъ ссылки г. Ше—хина, такъ какъ пѣсня отмѣчена у Чубинскаго полтавской губерніей, заклинаніе записано въ лубенскомъ уѣздѣ, а пословица доставлена Номису уроженцемъ золотоношскаго у. Максимовичемъ. Дальше: у Стороженка: Попереду йшовъ Щука зъ своимъ помишныкомъ (М. Прокл. 103); у Левицкаго: Зъявывся якыйсь нимець... зъ помишныкамы (Повисти, 136); наконецъ, у Кулиша:

Що ни шабля, ни рушныця
Протывъ ныхъ не помишныця.
(Досвиткы, 220 въ двухъ перв. изд. и 214 въ посл.).

Что-же касается утвержденія г. Ш. будто есть *помишныкъ* отъ слова «мишать», то это ничѣмъ пока не доказано. Если какой нибудь каламбуристъ ввелъ въ этомъ случаѣ въ заблужденіе г-на Ше—хина, то можно только пожалѣть, что правила хорошаго языка строятся на каламбурахъ.

Далѣе г. С. Ше—хинъ полагаетъ, что гл. *вывчаты* въ смыслѣ «изучать» употребленъ быть не можетъ. Вмѣсто этого

слова онъ предлагаетъ рядъ другихъ: *дослиджуваты*, *стежыты*, *выстежуваты*, *вызнаваты*, *пизнаваты*, *студіюваты*. Гл. *дослидджуваты* значитъ въ точномъ переводѣ «изслѣдовать», откуда «дослидъ»—изслѣдованіе (Линывый до исторычнього дослиду розумъ, Кулишъ, Хут. Поезіи, 37), «дослидныкъ»—изслѣдователь (Вельмы поважный дослидныкъ польськои старосвитщыны, ib. 65); точно передавать понятіе «изучать» это слово не можетъ; поэтому нѣтъ возможности выраженіе «изучить славянскіе языки» перевести: «дослидыты славъяньски мовы», а можно лишь сказать «вывчыты» или, какъ у Кулиша: «повыучуваты славъяньски мовы (Хут. П. 27). Слово *стежыты* знач. идти за кѣмъ слѣдомъ (тіею жъ стежкою), отсюда: слѣдить за кѣмъ, преслѣдовать кого—такъ оно извѣсто въ нар. языкѣ, такъ переводится и въ словаряхъ (Желех., Закревскій, Уманець); если-же кто (по аналогіи съ русскимъ гл. «слѣдить», которымъ «стежыты» переводится) придалъ ему и произведенному отъ него *выстежуваты* новое значеніе, то это сдѣлано совершенно произвольно, и фраза: «я стежу (выстежую) сю науку» является и ничѣмъ неоправданнымъ нововведеніемъ, и будетъ совсѣмъ сбивать съ толку читателя изъ народа, которому, наоборотъ, совершенно будетъ понятно выраженіе: «я вывчаю сю науку». Гл. *вызнаваты* значитъ: а) узнавать, разузнавать, развѣдывать о чемъ либо въ смыслѣ производства судебнаго слѣдствія: Мени переказано урядныкомъ: вызнавай за Семена, чы не винъ укравъ. (Запис. Залюбовскій въ Верхнеднѣпр. у.). Знайшлы у його поламаный замокъ та по тому й вызналы, що винъ укравъ гроши у скрыни. (Запис. М. Ѳ. Лободовскій въ Волч. у.); б) заявлять, признавать, исповѣдывать. Ставши пред нами врядом обаполним, Юсчиха Безлюдиха, визнала ясне и доброволне.... иж измѣняла двур свуй власний.... з вуйтом Е. П. на двур... (Акты Борисп. м. ур., 74). Коли вызнаватымешъ устамы твоимы Господа Исуса. (Кулишъ, 1-е Посл. ап. Павла къ Римл. X. 9); в) признаваться, сознаваться, свидѣтельствовать, давать показаніе. Хто такый дурный буде, щобъ самъ на себе вызнававъ таке (що вбывъ). (М. Вовчокъ, Осн. 1862, I, 103); г) предсказывать, предназначать: Уже ся все те збуло, що вызнано було. (Чуб. Ш.

327). Изъ этого видно, что глаголъ «вызнаваты» не можетъ употребляться какъ равнозначный для гл. изучать, изслѣдовать. Что касается *пизнаты*, то этотъ глаголъ среди народа и у лучшихъ нашихъ писателей употребляется исключительно въ смыслѣ: узнать кого-либо, опознать, что это именно онъ, а не другой кто, напр.:

Ой колы бъ я зозуленька, ой крылечка мала,
То я бъ ввесь свитъ-Украину кругомъ облитала,
То я бъ свого мыленького по шапци пизнала.
(Милорад., 38).

Не пизнала маты та свого дытяты (ib. 13).

Пизнавъ препоганый,
Пизнавъ тыи кари очи,
Чорни бровенята...
Пизнавъ батько свого сына. (Шевч., Катер.).

Если же кое-кто старается придать этому глаголу значеніе русскаго «познавать», то врядъ-ли есть необходимость и основаніе подражать этому, да и въ этомъ даже случаѣ все таки «пизнаты» не будетъ равно «изучить», и нельзя сказать: «я пизнавъ исторію». Такимъ образомъ изъ всѣхъ рекомендуемыхъ г. С. Ше-хинымъ словъ, лишь одно *студіюваты* соотвѣтствуетъ требуемому значенію, но, какъ слово заимствованное изъ чужого языка и народу непонятное, должно уступить мѣсто народному слову *вывчаты*. Что послѣднее употребляется писателями въ такомъ значеніи, —это далеко не новость, такъ какъ съ этимъ значеніемъ оно вошло въ словарь Уманца, а существительное отъ него *вывчення*—изученіе еще въ словарь Партицкаго (Ум. I. 305). Изъ вышеприведенной цитаты (повыучуваты слав. мовы) видно, что и Кулишъ употреблялъ этотъ глаголъ въ подобномъ значеніи, а вотъ еще имѣющіеся у меня въ данный моментъ подъ руками примѣры: «Всяку народну науку, щобъ повесты іи дали, треба спершъ захопыть у народа те, що у його есть—*выучыть* се все и тоди дали подвыгать». (Про хворобы, 4); у В. Александрова

«Потратывъ чымало часу й праци, особлыво надъ вывченнямъ старо-еврейського языка» (Тыхомовни спивы, Передм., I); у Самійленка: «Мы, стари, заохочуемо молодижъ до вывчення свого ридного». («Драма безъ гор.» въ альм. «Хвыля за хвыл.», 210); у Левицкаго: «Выклыкало потягъ до выучування його (народнього) побуту, мовы, подання». (Башт., 10); у него-же: «Праця д. Огоновського е здобутокъ шырокого вывчення джерелъ» (ib. 58). Такимъ образомъ употребленіе гл. «вывчаты» не противорѣчитъ практикѣ писателей, да и духу укр. языка и—что очень важно—само слово понятно народу.

Знакъ вопроса вызываетъ у г-на С. Ше-хина и гл. *постаты* въ выраженіи: «постала въ його думка сотворыты... вкраинську Иліаду». Конечно, можно употребить и предложенные г. Ш. синонимы (склалася, народылася, вынекла), но все же они не точно передадутъ то изъ значеній гл. «постаты», въ которомъ онъ у меня употребленъ, а именно: возникнуть, появиться. Въ этомъ значеніи слово было особенно любимо Кулишемъ: «Велыки чвары мижъ нымы щось посталы» (Осн. 1861, IX, 84); «Звидкиля воны (ляхы надъ Вислою) тамъ посталы,—історія не змогла й доси доказаты... Тутъ-же такы мижъ Вислою и Одрою постало невелычке та завзяте племъя ляхы». (Першый періодъ казацьтва. Правда 1868, стр. 5); «Субота рады чоловика постала, а не чоловикъ рады суботы» (Еванг., Мр., II. 27); «И мудросты въ батькивъ позычъ святои, Бо вчора мы посталы,—що мы знаемъ?» (Іовъ). У Желеховскаго, съ указаніемъ въ качествѣ источника Кулиша, находится и существ. *постанне*—возникновеніе, появленіе.

Г. С. Ше—хинъ находитъ на стр. 7 статейки «До чытачивъ» «нѣчто невѣроятное», которое заключается въ употребленіи двухъ помянутыхъ глаголовъ «вывчаты» и «постаты» и затѣмъ... въ собственномъ измышленіи г. С. Ше-хина. Не понявъ выраженія: «Кривава эпопея народньои боротьбы за волю», онъ нашелъ нужнымъ замѣнить слово «эпопея» словомъ «эпоха» и, исказивъ такимъ образомъ мысль и ея выраженіе, началъ производить изъ этого искаженнаго текста свои обвинительные выводы.

Насколько допустимъ подобный пріемъ въ достойной уваженія критикѣ—очевидно для каждаго, и я не буду больше о немъ распространяться, предполагая здѣсь въ г. Ше-хинѣ только поспѣшность и неосмотрительность.

«*Одружывся зъ давно йому знаною сестрою свого прыятеля*» (8). Г. С. Ше-хинъ говоритъ: «Съ знайомою» надо или «видомою», но только не «знаною».—Почему? Вѣдь слово «знаный», въ значеніи—кому либо извѣстный, постоянно употребляется украинскими писателями: у В. Александрова (переводъ VIII псалма): «Знана ричъ: Ты мало чымъ його видъ янголивъ зменчывъ» (Тых. Сп. 12); у Г. Барвинокъ: «Знана на ввесь свитъ баба Борецъ» (Опов. 426); особенно любилъ это слово Кулишъ, и если бы г. С. Ше-хинъ не былъ такъ поспѣшенъ и самоувѣренъ въ своихъ приговорахъ, то онъ нашелъ бы у этото писателя много примѣровъ съ интересующимъ его словомъ; вотъ кое что: «Не дывыться на знаныхъ и велыкыхъ» (Іовъ, 75). «Малы жъ тоди знаного въязныка на призвыще Вараву» (Еван. Мт. XXVIII, 16); «Въ знаній кожному львивській литопыси (Крашанка, 11); оно находится у Кулиша даже какъ разъ въ приложеніи къ тому лицу, что и въ замѣткѣ «До чытачывъ»—къ г-жѣ Кулишъ, въ посвященіи ей «Думы-казкы про дида й бабу»: «Чоломъ и ралецъ моій знаній» и снова: «Чоломъ доземный моій же такы знаній». (Дзвинъ, 150, 165).

«*Выйихалы до Варшавы, щобъ извидты простуваты за кордонъ*» (8). По мнѣнію г. С. Ше—хина «простуваты».—«выраженіе для даннаго случая неумѣстное». Почему? Наоборотъ, какъ разъ умѣстное, потому что «простуваты» значитъ: прямо, не сворачивая никуда, идти, ѣхать; они-же и выѣхали въ Варшаву съ цѣлью оттуда прямо ѣхать за границу. Такъ какъ г. Ш. вѣроятно не знаетъ значенія гл. «простуваты», то пусть ему скажетъ это Кулишъ, приговоръ котораго для г. Ше—хина обязателенъ: «У Москви загаюсь днивъ зъ чотыри, а посли вже до васъ простуватыму» (Письма къ В. В. Тарн., Д. С. Каменец., оттискъ, 105); «Чулы мы, що ты простуєшъ у чужи земли... йихатымешъ поузъ нашу тутешню хату» (ib. 114); «Назустричъ

гонець до Билозерця, щобъ простувавъ... пидъ Нижень» (Ч. Рада, Одесса, 180). «Стало выдно по всій Украини, куды зъ насъ коженъ мусыть простуваты» (Лыстъ зъ хутора Ш, Осн. 1861, Ш. 28).

«*А тымъ часомъ выкрыто вже було Кырыло-Меѳодіивське Братство*» (8). Г. Ш. говоритъ: «Очевидно авторъ хотѣлъ сказать—обнаруженно, открыто, раскрыто, а сказалъ наоборотъ—«выкрыто», т. е. совершенно закрыто, скрыто. По-малорусски надо было сказать *видкрыто, выявлено*».—Гл. *видкрываты* употребляется болѣе въ прямомъ его значеніи и для такого переноснаго, какое предлагаетъ г. Ш., требуется нѣкоторое расширеніе этого значенія; глаголъ-же *выявляты*, хотя и значитъ «открывать, обнаруживать, показывать», но имѣетъ свой собственный оттѣнокъ, а именно показываетъ, что кто-то открываетъ или сообщаетъ, выдаетъ кому либо нѣчто, открывающему *раньше уже извѣстное*, имѣвшееся уже въ его распоряженіи, напр.: Довго не выявлявъ свою думку (Комар. Розм. про небо, 52); Направлялы ихъ темными лисамы, щобъ не выявыть сылы передъ ляхамы (Сторож., М. Прокл. 60); Його очи выявлялы таку тревогу (Нечуй, Пов. 179); Ни сльозою, ни словомъ не выявывъ винъ жалю (Сторож., Оп. II. 50); Юдыхва выявыла його капости передъ Ксерксомъ (Ном. 3559); Колы бачывъ-бы, що й ридный братъ мій не думае объ хазяйськимъ добри и занапащае його, то я бъ и на брата выявывъ (Квитка, II, 174); И выявывъ тоби я грихъ мій непрощенный (Кулишъ, Псалт. 72). Поэтому о доносителѣ Петровѣ можно сказать, что онъ *выявывъ* (выдалъ) Кир.-Меѳ. братство, такъ какъ онъ раньше зналъ о немъ; но нельзя того-же сказать объ администраціи, ничего о братствѣ не знавшей. Что-же касается гл. *выкрыты*, то его значеніе указано Желеховскимъ: entdecken; г. Ш. утверждаетъ, что слово значитъ, наоборотъ: скрыть, закрыть,—пусть онъ докажетъ это, съ указаніемъ страницъ изданій, цитатами изъ нар. рѣчи или произведеній писателей, и тогда видно будетъ, что я ошибся; а до того времени каждый вправѣ считать переводъ г. Ше—хина его собственнымъ измышленіемъ, ни на чемъ не основаннымъ.

«*Одна по одній выявляються його кныгы*» (8). Г. С. Ше—хинъ спрашиваетъ: «А гдѣ-же и у кого онѣ были спрятаны или скрыты, что имъ пришлось «выявлятысь», т. е. обнаруживаться»?—Для того, чтобы *выявлятыся* совсѣмъ не нужно быть непремѣнно спрятаннымъ или скрытымъ,—достаточно не быть до того времени виднымъ кому либо, не находиться въ данномъ мѣстѣ или не существовать совсѣмъ, а затѣмъ *появиться*, такъ какъ «выявляться» знач., между прочимъ, «появляться», что легко усмотрѣть изъ слѣд. примѣровъ: «Рокивъ 300 до цього выявылысь люде, що дизналысь, що земля круглобока» (Комар., Р. про небо, 52); «На вулыци чорна свыта выявылась одна й друга, замыгтилы плахты, намиткы... ишлы люде до церквы» (М. Вовчокъ, Осн. 1862, I, 91); «Тилькы що выявылась на дверяхъ перша пара, якъ разомъ заторохтилы барабаны» (Сторож., М. Пр. 76);

Колы бъ винъ выявывсь народу,
Своимъ угодныкамъ, безъ гниву,
То не вернулысь бы до злого.
(Кулишъ, Псалт. 197).

Употребленіе сл. *духовный* въ смыслѣ spirituel по мнѣнію г. Ш. «дѣлаетъ рѣчь непонятной». Но почему-же мы всѣ понимаемъ, когда Кулишъ пишетъ: «Вашъ образъ духовный черезъ мое слово николы не забудеться» (Оповид., Бахмутъ, 125); или:

Боронючы народню Гиппокрену
Духовну зброю безъ устанку носымъ. (Байда, 7) [1])?

«Дѣлаетъ рѣчь непонятной» и сл. *завсигды* (вм. «завжды»). Сожалѣю объ ограниченности лексикона тѣхъ, кому могутъ быть непонятны такія обыкновенныя слова. *Завсе(и)гда, завсигды, завсиды* можетъ г. Ш. найти у Номиса (№№ 895, 4667), М. Вовчка (Нар. оп. П. 76), Кулиша (Ч. Рада, 74), Желеховскаго; а про-

---

[1]) То-же у Левицкаго: Повисти (1874), 268; тамъ есть даже *одуховнытысь*—одухотвориться (266).

изведенное отъ него народомъ *завсиднiй*—всегдашнiй находится у Шухевича (Гуцульщына, I, 120) и Мырнаго (Повiя, II, 57; Хиба рев. волы, 350).

Также непонятно г-ну Ше—хину сл. *рахуваты* въ выраженiи: «тилькы на М. Вовчка та на Костомарова можно було рахуваты, якъ на поважныхъ литературныхъ робитныкивъ». Если непонятно, то слѣдуетъ обратиться хотя-бы къ словарю Желеховскаго,—тамъ есть переводъ.

Въ выраженiи: «*на вкраинськыхъ катедрахъ на университетахъ*» г. Ш. считаетъ необходимымъ замѣнить предл. *на* предлогомъ *въ*. Возможно, и я не настаиваю на этой формѣ: въ этомъ отношенiи въ нашемъ литер. языкѣ колебанiя; но все же должно сказать, что галичане пишутъ «на», да также кое-кто и изъ укр. писателей въ Россiи,—вотъ, напр., заглавiе статьи Кониісскаго: «Женщины-професоры *на* университети въ Болони» (Зоря, 1884, стр. 167)—и дальше въ текстѣ статьи: «Умерла... зробывшы вильный шляхъ тому жиноцьтву, котре ишло слидомъ за нею *на* болонскимъ университети» (168; см. еще 176 и др.).

«*Выдрукувавъ новымъ тыпомъ украинськи проповиди Гречулевыча, вельмы ихъ поперероблявшы, чы то й зовсимъ знову напысавшы*» *(9)*. Г. С. Ше—хинъ спрашиваетъ: «А кто-же ихъ «перероблявъ», если Кулишу пришлось ихъ «попереробляты» и развѣ ихъ кто-либо до Кулиша „перероблявъ“?».—Очевидно, г. Ш. думаетъ, что приставка *по* указываетъ здѣсь на дѣйствiе, произведенное во второй разъ *съ однимъ и тѣмъ-же предметомъ;* онъ ошибается. Прист. *по,* присоединенная къ несоверш. виду глагола, уже имѣющаго приставку, даетъ ему значенiе совершаннаго и обозначаетъ: а) дѣйствiе, произведенное нѣсколькими предметами однимъ за другимъ; напр.: «Гроши козакы вже на меды та на горилкы попереводылы». (Кулишъ, Хмельн. 106); «Вы поперескакуете [черезъ яму] до мене». (Манжур. 3); б) дѣйствiе, произведенное однимъ предметомъ надъ нѣсколькими и въ нѣсколько прiемовъ: «Тоди салдацькый сынъ-багатырь поперевертавъ ти скели» (Манж. 32); у Кулиша заглавiе его перевода Шекспира, изд. въ 1882 г. во Львовѣ: «Шекспирови творы зъ

мовы брытанськои мовою украинською *поперекладавъ* П. А. Кулишъ». Если-бы придерживаться толкованія г. Ш., то вышло-бы, что Кулишъ вторично послѣ кого-то дѣлалъ свой переводъ. А вотъ примѣры съ интересующимъ насъ глаголомъ: у Стороженка: «*Поперероблювалы* ихъ [правосл. церквы й манастыри] на костьолы и кляшторы (М. Пр. 65); у Кулиша: «Може бъ винъ [Шевченко] багацько де-чого *поперероблювавъ* у своихъ рукопысяхъ»—для изданія (Хут. П. 38),—развѣ это значитъ, что кто то передѣлалъ уже рукописи Шевченка, а затѣмъ онъ еще разъ ихъ имѣлъ передѣлывать? Нѣтъ, это просто значитъ, что написанное раньше Шевченко, для печати, имѣлъ бы передѣлать,—точно то-же значеніе, что и въ ст. «До чытачивъ».

«*Добре проредактувавшы й выдрукувавшы зъ своею хвальною передмовою «Нар. оповидання» М. Вовчка» (9).* Здѣсь не нравится г-ну С. Ше--хину форма *редактуваты*; но почему онъ предпочитаетъ ей заимствованное галичанами у поляковъ «редакгуваты» я не знаю. Слово *хвальный*, по его мнѣнію, значитъ «хвастливый». Для того, чтобы повѣрить этому, необходимъ примѣръ изъ солиднаго источника съ самимъ словомъ «хвальный», а не съ словомъ «хвалько», зачѣмъ-то приводимымъ г. С. Ше—хинымъ. «Хвальный» у Желеховскаго—achtbar, у Уманца—похвальный, у Шейковскаго—хвальный; у Кулиша «Будешъ славенъ и хваленъ якъ Морозенко» (Ч. Рада 49). Развѣ это значитъ: хвастливый? Желательно, чтобы г. С. Ше—хинъ доказалъ примѣрами свое утвержденіе, будто *ухвальный*=хвалебный.

«*Повстававъ* [*Кулишъ у «Лыстахъ зъ хутора»*] *проты городянськои цивилизаціи панськои» (10)*. Г. С. Ше—хинъ говоритъ: «Отъ «городъ» прилагательное будетъ «городськый», а отъ «городянка»—«городянськый». Слѣдовательно, надо сказать ,,проты городськои цивилизаціи‘‘».—Удивительное словопроизводство! Жаль, что Кулишъ былъ не знакомъ съ толкованіями г-на С. Ше—хина и съ его замѣчательнымъ открытіемъ о происхожденіи слова «городянськый» отъ «городянка»,—онъ тогда не употребилъ бы этого слова въ своихъ «Лыстахъ зъ хутора» болѣе двадцати разъ: городянськый духъ, розумъ, комфортъ, го-

родянська наука, пыха, словесность, доля, омана, громада, фылософыя, поезыя, нужда, городянське товарыство, городянськи диты, люде, кныжкы, наукы, дыва, порядкы и пр. (Оповид., Бахм., 97—114). Дѣло въ томъ, что свойственный «городу» будетъ «городськый», а свойственный «городянамъ»—«городянськый» (сравн.: миськый и мищанськый, сильськый и селянськый, хутирськый и хуторянськый). Вотъ почему свойственная горожанамъ цивилизація и названа мною, по примѣру Кулиша, *городянською.*

«*„Исторія Украины одъ найдавнишыхъ часивъ"—початокъ, цикавый тымъ, що авторъ здолавъ прегарною вкраинською мовою выкладаты ричъ цилкомъ поважно наукову: тоди се мигъ зробыты самъ Кулишъ тилькы, бильше нихто*» *(10)*. Г. С. Ше—хинъ говоритъ: «*Здолавъ* здѣсь неумѣстно, т. к. ничего Кулишу тутъ превозмогать (здолаты) не приходилось. Авторъ самъ же говоритъ, что малорусскій языкъ для Кулиша былъ роднымъ и никакихъ трудностей не представлялъ».—Прежде всего *здолаты* совсѣмъ не значитъ превозмогать, а просто—мочь, быть въ состояніи, какъ то видно изъ слѣд. примѣровъ: «Якивъ усе хоривъ, усе боливъ. Давно вже винъ не робывъ ничого—не здолавъ» (М. Вовчокъ, Нар. оп., II, 206); «Не здолавъ умовыть своихъ товарышивъ» (Сторож. II. 276); «Не здолаю бильшъ одъ васъ таитысь» (Кулишъ, Ч. Рада, 20); «Завесты унію всюды по Вкраини не здолалы». (Кулишъ, Хмельн. 47); «Ляхы здолають нову сылу супротывъ його выставыты» (ib. 57). Затѣмъ: нигдѣ въ моей статьѣ не говорится, будто бы малорусскій языкъ для Кулиша «никакихъ трудностей не представлялъ»,—это просто выдумка г. С. Ше—хина. Раньше въ моихъ словахъ онъ нашелъ «нѣчто невѣроятное», перемѣнивъ мое слово на свое, а теперь уже приписалъ мнѣ цѣлую мысль собственнаго сочиненія и строитъ на этомъ обвиненіе. Да я и не могъ сказать такой очевидной несообразности. Изъ того, что мальчикъ въ дѣтствѣ говорилъ въ семьѣ по украински, обходясь для этихъ обыденныхъ разговоровъ нѣсколькими тысячами словъ, совсѣмъ не слѣдуетъ, что ему не нужно было работать и преодолѣвать рядъ трудностей

для того, чтобы овладѣть высоко развитымъ литературнымъ языкомъ. Да мы имѣемъ по этому вопросу и свидѣтельство самого Кулиша, который, въ письмѣ къ одной знакомой, говоритъ: «Я краще одъ Васъ пышу по нашому; не думайте жъ, що такъ мени се й далось безъ праци. Я поты чытаю було писни, покы воны въ мене въ памъяти останутъся; поты перечытую Основъяненка, що нема вже й слова такого, которого бъ я не знавъ, де воно въ його сказано»[1]). Для научнаго-же языка затрудненія были еще больше, такъ какъ Кулишу приходилось *создавать* его самому и для этого онъ долженъ былъ изучить не только языкъ народный и бывшихъ до него писателей, но и старый письменный украинскій языкъ, чтобы воспользоваться раньше выработанными формами. Трудъ это былъ большой даже для такого талантливаго человѣка, какъ Кулишъ. Но еще труднѣе пожалуй было для него отрѣшиться, при писаніи своихъ научныхъ статей, отъ тѣхъ формъ научнаго русскаго языка, которыя *должны были* укорениться въ его мозгу, благодаря тому, что все свое образованіе онъ получилъ на русскомъ языкѣ и читалъ научныя книги въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ по русски. Если принять все это во вниманіе, то окажется, что для того, чтобы въ 1861 г. написать по малорусски историческую работу съ историко-критическими примѣчаніями къ ней именно необходимо было Кулишу превозмочь рядъ большихъ затрудненій[2]).

---

[1]) Письмо отъ 3 мая 1857 г. Оригиналъ его находится въ Музеѣ украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ, въ отдѣлѣ рукописей, подъ № 957; цитата взята изъ добавленія къ письму, названнаго: „Учытельська прыпыска“.

[2]) Насколько трудно иному написать такую статью даже теперь, показываютъ вотъ эти образцы изъ статьи С. Павленка о Вирховѣ, написанной черезъ 41 годъ послѣ статьи Кулиша: «а) Вся забезпека индивидуального розвою зъ опертымъ на нимъ повнымъ почуттямъ своеи власнои особы, видповидальнистю и всимы запорукамы незалежносты, порядку й свободы—зныклы бъ цилковыто пры гуртовимъ выхованню дитей. Уся будучнисть людськосты, якъ у газардовій гри, була бъ поставлена на карту, абы лышъ здійстныты довильно выга-

«*Зазывный лыстъ до вкраинськои интеллигенціи*»—*могучый заклыкъ до праци*» (13). По мнѣнію г. С. Ше-хина, «неумѣстно употреблено слово *заклыкъ* вм. поклыкъ». Почему? *Заклыкъ* знач. призывъ, воззваніе, приглашеніе. Напр., у Костомарова, въ стихотвореніи «Ластивка», на площади призываютъ къ войнѣ,—

Почувъ сынокъ заклыкання,—
Палае серденько.

Мать не пускаетъ на войну, но—

Удруге, втрете
Заклыкъ оддаеться

и онъ идетъ (Збирн. Творивъ І. Галкы, 86, 87). Изъ этого видно, что слово «заклыкъ употреблено мною совершенно умѣстно; *поклыкъ* употребляется какъ синонимъ предыдущаго и имѣетъ значеніе болѣе близкое къ русскому «кличъ».

«*Основа, писля 22-и кныжкы, не стала выходыты*» (10). Г. С. Ше-хинъ замѣчаетъ: «т. е. не пожелала, отказалась выходить». Гл. *статы* имѣетъ то самъ по себѣ, то въ соединеніи съ другими словами около двухъ десятковъ значеній,—почему же г. Ш. выбираетъ изъ нихъ именно то, которое не подходитъ къ моей фразѣ? Значеніе цитированнаго выше выраженія совершенно ясно: *не стала выходыты*—перестала выходить. А что въ такомъ значеніи глаголъ употребляется видно хотя бы изъ слѣдующаго мѣста напечатанной Кулишемъ кобзарской думы:

дану и до того все жъ такы лыше апріорну свободу жинкы... б) Покы згодылыся зъ тымъ, що найкраще буде упорядыты поля зрошення, треба було розвязаты пытаня про хымичне знешкодиння каналізаційныхъ згонивъ. в) Історія веде впередъ и вчыняе невидчепный вплывъ на погляды людей. г) Таки люде жывуть у тяжкимъ летаргичнимъ сни консерватызму, заснованого на екгоизми, зарозумилосты та выключальносты ихъ поглядовъ». (Л. Н. Вистн. 1902, XII, 152, 153, 158). Въ такомъ родѣ написана вся статья.

Покы мы матиръ свою поважалы,
Поты намъ Богъ годывъ;
А *не сталы* мы маткы старенькои знаты...
Не сталы насъ люде знаты...
Не сталы мы въ доми̂вци на промешканни зъ молодымы
женами щасте й доли соби маты.
(Зап. о Ю. Р. I, 23).

Таковы лексическія замѣчанія г. С. Ше-кина; перейдемъ теперь къ замѣчаніямъ характера синтаксическаго. Они открываются удивительнымъ недоумѣніемъ г. Ш. Вотъ оно цѣликомъ: «Тамъ же мы читаемъ: «зробывся першымъ (чымъ?) у класи»—гдѣ же существительное?» (Стр. 69). На этотъ поразительный вопросъ ничего не остается, какъ только отвѣтить, что гимназистамъ младшихъ классовъ сообщается о томъ, что «дополненіе выражается... именемъ существительнымъ въ косвенномъ падежѣ... (и) всякимъ другимъ словомъ, если оно употреблено или вмѣсто косвеннаго падежа имени существительнаго (мѣстоименіе), или въ смыслѣ его (любое слово)». Также ихъ ставятъ въ извѣстность, что «въ одномъ предложеніи опускается либо существительное (въ подлежащемъ и дополненіи), либо глаголъ (въ сказуемомъ), преимущественно тогда, когда при нихъ бываютъ такія объясняющія ихъ слова, при которыхъ становится лишнимъ подлежащее или сказуемое, а именно: существительное опускается тогда, когда слишкомъ общее понятіе, имъ выражаемое, достаточно явствуетъ изъ прилагаемаго къ нему опредѣленія». (Для точности отмѣчаетъ, что первая цитата взята со стр. 17 части 2-й «Учебника русской грамматики для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній» П. Смирновскаго (М. 1898), а вторая со стр. 111 «Учебника р. грамматики... для среднихъ учебн. завед.» Ѳ. Буслаева (М. 1873). Это сообщается гимназистамъ конечно о русскомъ языкѣ, но то же самое приложимо и къ малорусскому, въ чемъ легко убѣдиться изъ слѣд. примѣровъ: у Мордовцева: «Сущый Цезарь: *першымъ* у Мотронивци, абы не *другымъ* у Петербурси» (За краш.—пыс., 26); у Кулиша [1]): «Спершу Кулишъ учывся дуже тупо и бувъ *по-*

[1]) Слѣдующая за этимъ цитата взята изъ напечатанной анонимно въ львовск. «Правди» 1868 г. статьи «Жызнь Кулиша». Объ

слидущымъ мижъ товарышамы... У трейтьому класи гымназыи̌, куды переведено його зъ повитового училыща трохы чы не *первымъ,* спознався.. » (Стр. 34). Въ украинскомъ языкѣ такое опущеніе существительнаго (какъ въ подлежащемъ, такъ и въ дополненіи) даже особенно любимо и особенно часто встрѣчается у Кулиша, примѣрами изъ котораго я и ограничусь. «Такъ спивай, щобъ чоловикъ на *добре,* а не на *зле* почувся (Ч. Рада, 21). *Гиркои* ты пиднисъ моему серцю (Ib. 20).

Не славте кобзаря словамы золотымы,
Повисьте вы надъ нымъ його *трыдцятострунну.*
(«Дзвинъ», 197).
И се тебе моимъ *наказнымъ* огласывъ. (Ib. 208).
Кохана! не тремты передъ мечемъ кривавымъ,
Винъ радощи земни вбезпечуе всимъ намъ.
Свитъ практычнишои не видае ще славы,
Якъ згорда показать *страшного* ворогамъ. (Ib. 235).

Воззваніе къ Эвтерпѣ:

Благаемъ же тебе дитву ґойдаты....
Прыспишуючы й намъ той викъ добра,
Що *Девъятьохъ* до насъ колысь прынадыть (т. е. девять музъ) (Ib. 239).

Полное незнаніе одного изъ важнѣйшихъ правилъ укр. языка обнаружено г. С. Ше-хинымъ и въ другомъ его замѣчаніи относительно выраженій: «половыну литературнои діяльносты Кулишевои» и «дви перлыны нашого пысьменства красного». Г. Ш. полагаетъ, что опредѣленія «Кулишевои» и «красного» должно стоять *передъ* существительнымъ. Очевидно, ему совершенно не-

---

этой статьѣ А. Н. Пыпинъ въ I-мъ томѣ «Исторіи слав. лит.» говоритъ, что она «со свѣдѣніями, очевидно идущими и отъ самого Кулиша» (стр. 375). Но, кромѣ свѣдѣній, въ ней Кулишу несомнѣнно принадлежитъ и языкъ—это очевидно для всякаго, читающаго статью. Вѣроятно, она сильно исправлена Кулишемъ.

извѣстно, что укр. языкъ чрезвычайно любитъ употребленіе опредѣленія *послѣ* опредѣляемаго: Ходыть якъ индыкъ *переяслывськый* (Ном.). А Бигъ його *святый* знае! (Ном.). Прыйшовъ у той лисъ до того пенька *обгорилого* (Рудч. Ск. II, 109). И вже пролискы у садку *Олексіевому* процвиталы (Квитка). Якъ то вже я того вечора *захыстного темного* дожыдаю! (М. Вовчокъ, Осн. 1862, Ш, 62), Прокипъ наче ничъ *темна* ходыть (М. Вовчокъ, О. 1862, Ш, 62). А сама у плачъ *ревный* (М. Вовчокъ). Люде *прости* по всій Украини загулы (Кулишъ, Хмельн., 58). Жинкы *шляхецьки* сталы жинкамы *козацькымы* (Ib. 61). Збогатылыся добыччу *панською*. (Ib. 56). При двухъ же разнородныхъ опредѣленіяхъ (а таковы именно оба случая, отмѣченные г. Ш.), почти обязательно одно ставится впереди, другое послѣ опредѣляемаго: у Котляревскаго: Въ *червоній* юпочци *баевій* (Енеида); у Шевченка: *Мій* друже *мылый*, якъ то мало святыхъ людей на свити стало; у него жъ: Бувай здоровъ, *мій* друже *едыный!* (Письмо къ Лазар.); у М. Вовчка: Тилько *свое* лыхо *тяжке* згадають; у Кулиша: *Иншый* чоловикъ *значный* и не хотивъ. (Хмельн. 61); Лякаючы людей *велыкою* помстою *лядською* (Ib. 57); Воны зруйнувалы *старый* порядокъ *славъянськый* (Перш. пер. коз. 5).

По мнѣнію г. С. Ше-хина невозможно употребить и страдательное причастіе прошедш. врем. *чутый* (зъ колысь чутого оповидання), а необходимо замѣнить его несокращеннымъ придаточнымъ предложеніемъ (зъ того оповидання, що колысь чувъ). Но такія причастія въ украинскомъ языкѣ существуютъ и употребляются какъ прилагательныя: Далеко десь булы воны завдати. М. Вовчокъ, П, 34.

Стоить дерево высоке,
Покынуте Богомъ,
Покынуте сокырою. (Шевч. 301).
Чыи сыны, якыхъ батькивъ,
Кымъ, за що закути? (Шевч. 171).

За бытого двохъ небытыхъ дають. Посл. Нашъ братъ увесь викъ ходыть сытый и вкрытый. Кулишъ, Зап. О. Ю. Р. I. 9. *Чутый*—см. «Р. грам.» Смаль-Стоцкаго и Гартнера, 122.

Отъ опредѣленія перейдемъ къ подлежащему. Въ ст. «До чытачивъ» написано такъ: «Винъ згодомъ намыслывъ выдаваты укр. журналъ «Хата», та добувъ дозвилъ тилькы на альм. «Хату». Сю гарну збирку зъ творивъ своихъ и кращыхъ тодишнихъ пысьменныкивъ появывъ р. 1860 и тоди жъ выдавъ... «Повѣсти» (9). Выписавъ текстъ *только* отъ словъ «Сю гарну збирку...», г. Ш. спрашиваетъ: «Гдѣ подлежащее»? То вырванное изъ связи съ предыдущимъ мѣсто, которое привелъ г. Ш., дѣйствительно казалось нѣсколько неловкимъ безъ проставленнаго подлежащаго, но зачѣмъ же искаженъ былъ видъ выраженія путемъ отдѣленія фразы отъ текста, съ которымъ она въ связи? Когда читаешь все вмѣстѣ, вопроса о подлежащемъ не представляется. Кромѣ того, очевидно г-ну С. Ше-хину неизвѣстно, что укр. синтаксисъ позволяетъ опускать подлежащее очень часто, гораздо чаще, чѣмъ, напр., русскій. Одинъ изъ укр. писателей, извѣстный редакторъ «Украинськыхъ прыказокъ» М. Номисъ (Симоновъ), прекрасно знавшій народный языкъ, такъ любилъ опускать подлежащее, что доходилъ даже до излишествъ. Вотъ примѣръ:

«И було такъ покійныця: куды бъ ни йихала, а вже безъ паляныци не можна. «Годытся такъ!» И прыйиде, склоныла головою, добрыдень, чы якъ прыходытся, и напередъ усёго—зъ хустыны и на стилъ іи! а вже потимъ и прывитаться, и щобъ тамъ наддягтысь».

«И гостынцивъ тежъ було дитямъ,—николы було безъ гостынця! «Сварымось»,—каже,—«треба и голубыты. Чымъ же»,—каже,—«и згадувать имъ буде стару?» И не те, щобъ тамъ медяныкивъ, або другого чого, городського—ни сього у неи не було николы. А отъ: насинннячка по жмин̆ци... коржа медяного, або просто по шматку кныша або гречаныка. «У зайчыка», каже. «одняла!» (Разск. М. Т. Симонова, 231). Въ такомъ родѣ написанъ весь этотъ разсказъ, равно какъ и другой, того же автора, «Дидъ Мына и баба Мыныха», напечатанный Кулишемъ въ альм. «Хата». Самъ Кулишъ также любилъ этотъ пріемъ, напр. въ «Ч. Ради» (съ красной строки): «Такъ говорючы, уставъ да й повивъ гостей до хаты» (21). Изъ «Байды»:

Господь скаравъ на ній лукаву матиръ:
Вдовуючы дытыну появыла (16).

Остается еще два замѣчанія г. С. Ше-хина,—оба они касаются сокращенныхъ придаточныхъ предложеній. По поводу слѣд. мѣста: «Заслано його до Тулы, заборонывшы служыты... й пысаты», г. С. Ше-хинъ говоритъ: «Построеніе и согласованіе невозможное и синтаксически невѣрное. Надо было написать «заслано його до Тулы и заборонено служыты»... или какъ говорятъ въ Полтавщинѣ: «заслано... зъ забороною служыты» (Стр. 72).—Что «такъ говорятъ въ Полтавщинѣ»—это еще требуетъ доказательствъ (документальныхъ, конечно, изъ опубликованныхъ образцевъ народной словесности), которыхъ г. Ш. пока не представилъ; что же касается употребленной мною конструкціи, то г. С. Ше-хинъ, какъ обыкновенно, не указываетъ почему онъ считаетъ ее невѣрной; но можно догадаться, что ему не нравится сокращеніе придаточнаго предложенія при главномъ безличномъ. Дѣйствительно, русская грамматика не допускаетъ такихъ сокращеній; но иначе обстоитъ дѣло въ украинскомъ языкѣ, гдѣ такое сокращеніе въ употребленіи,—вотъ примѣры: „Не горившы, не боливші, якъ зъ лука спрягло". Ном. „Мавшы своихъ богивъ та чужымъ кланятысь". Ном. Допускается, при главномъ безличномъ сокращеніе придаточнаго даже съ своимъ собственнымъ подлежащимъ: у Квитки: „Побачывшы тебе уперше, мени здалося, що знайшовъ соби якесь щастя". У Котляревскаго:

Оттакъ поплававшы немало
И поблудывшы по морямъ,
Якъ ось и землю выдко стало. (Енеида).

У Кулиша: „Того жъ року, вступаючы въ осинь..., одтято голову й Сомкови" (Ч. Р. 142).

Ту мицну кгалеру,
Одризано у насъ, мынувшы Перу. (Байда, 91).

Тѣмъ болѣе возможно сокращеніе придаточнаго предложенія при употребленномъ мною безличномъ, такъ какъ въ обоихъ

предложеніяхъ одно и то же подлежащее и при томъ оно не совершенно отсутствуетъ, а лишь индивидуально не опредѣлено.

Другое замѣчаніе г. С. Ше-хина относится къ слѣд. мѣсту статьи: «Бувши ще Кулишъ въ университети, зазнайомывся зъ проф. Максымовычемъ» (6). Г. Ш. говоритъ, что это «оборотъ, который можно употребить только развѣ вслѣдствіе lapsus linguae. Это не малорусскій періодъ рѣчи» (70).—Крайнее незнакомство г. С. Ше-хина съ малорусскимъ языкомъ особенно ощутительно въ этомъ безапелляціонномъ приговорѣ. Онъ не знаетъ, что если причастіе служитъ выраженіемъ придаточнаго предложенія и имѣется на лицо общее для обоихъ предложеній подлежащее, то украинскій языкъ допускаетъ оригинальную и красивую разстановку словъ: причастіе ставится впереди подлежащаго, которое, такимъ образомъ, входитъ въ составъ не главнаго, а придаточнаго предложенія. Вотъ примѣры изъ нар. рѣчи: „Каравшы Богъ та й змылуется." Ном. „Погулявшы то тамъ Шелестъ зъ козакамы, и повивъ ихъ у лисъ". Зап. о Ю. Р. I. 297. „Почувши губернаторъ Росковськый, що гайдамакы деруть одного чоловика, Шрама,... пойихавъ його обороняты". Ib. I. 241. Эта конструкція употреблялась въ старинной малорусской литературѣ: «Слишавши то баба Соломия голос из неба, скоро порвавшися силою Божіею, побѣгла за мѣсто на поле» («Казаня на Рожд. Х-во» въ кн. «Матеріялы до рускои литературы апокрифичнои зôбравъ Д-ръ Ом. Калитовскій», 13). «При писмѣ томъ Кошового отобравши Ханъ и реестръ неволничій татарскій, послалъ заразъ оній чрезъ своихъ чавусовъ во весь Кримъ». (Величко, Лѣт., II, 383). А вотъ примѣры изъ лучшихъ писателей XIX в.:

Котляревскій: а) Роспорядывшы Турнъ якъ треба,
Махнувъ засаду щобъ зробыть.
б) Послухавшы Еней Охрима,
Укрывшысь на полу лигъ спать.

Гулакъ-Артемовскій: Запригшы кгулыхъ винъ, ну перелигъ ораты (О. 1861. III. 94). *Квитка*: Прынисшы вона видъ ричкы плаття, загубыла матерыну хустку. I. 37. Набравшы Охримъ

воды та вертаючысь до табора, дума... I. 12. Надувшысь голова и палычкою пидпираючысь, повивъ передъ. II. 45.

Шевченко: Розбывшы витеръ чорни хмары,
Лигъ биля моря одпочыть. 27.

Кулишъ очень любилъ эту конструкцію: Пидйихавшы гости пидъ браму, почалы грукаты шаблею въ цвяхы. Ч. Р. 4. Да одчынывшы дидусь у пасику фирточку, и повивъ Шрама. Ib. 6. Постоявшы прочане наши въ церкви, подалы срибла пан-отцямъ Братськымъ. Ib. 48. Бачывшы тоди короли польськи, на що воно... забираеться, одынъ по одному козакивъ до себе ласкою прыхылялы. Хмельн. 30.

Мой отвѣтъ на частныя замѣчанія г. С. Ше-хина оконченъ. Прошу извиненія у читателей въ томъ, что иногда занималъ ихъ вниманіе вещами общеизвѣстными: это было обусловлено самымъ свойствомъ той критики, на которую приходилось возражать. По нѣкоторымъ пунктамъ можно было бы привести нѣсколько болѣе фактическаго матеріала, но крайній недостатокъ времени принуждалъ ограничиться имѣвшимся подъ руками. Впрочемъ, кажется, и сказаннаго достаточно для того, чтобы придти къ нѣкоторымъ заключеніямъ.

По мнѣнію г. С. Ше-хина, авторъ ст. «До чытачивъ» склоненъ ко всякаго рода новшествамъ, не знаетъ значенія самыхъ обыкновенныхъ словъ и не считается съ малорусскимъ синтаксисомъ. Однако, высказанныя по каждому отдѣльному случаю соображенія и данный при томъ фактическій матеріалъ должны очевидно приводить къ инымъ выводамъ. Разъ доказано, что ни одна изъ заподозрѣнныхъ г. Ш. формъ помянутымъ авторомъ не создана, то нѣтъ и возможности называть новшествомъ то, что издавна употреблялось народомъ, а также старыми и новыми писателями. Что же касается лексическаго значенія словъ и синтаксической связи ихъ, то, быть можетъ, въ томъ или другомъ случаѣ вопросъ остается спорнымъ; но то обстоятельство, что употребленныя мною формы въ такомъ же точно значеніи и въ такой же точно связи употребляются народомъ или лучшими писателями, указы-

ваетъ, что въ отмѣченныхъ случаяхъ я въ прегрѣшеніяхъ противъ основъ и духа укр. языка неповиненъ, и высказанныя г. С. Ше-хинымъ съ такимъ апломбомъ обвиненія падаютъ.

Но если это такъ, то тогда одно изъ двухъ: или г. С. Ше-хинъ все это зналъ, или не зналъ. Въ первомъ случаѣ его обвиненія получили бы характеръ, о которомъ я не хочу распространяться, такъ какъ не считаю возможнымъ предположить нѣчто подобное со стороны г. Ш.; если же онъ ничего не зналъ, тогда, значитъ, онъ не знаетъ ни теоретически, ни практически укр. языка, не знакомъ съ языкомъ первостепенныхъ украинскихъ писателей, и можно только удивляться той смѣлости, съ которой онъ свои собственные вкусы въ области языка выдаетъ за нѣчто, обязательное для всѣхъ.

Изъ вышеприведенныхъ многочисленныхъ примѣровъ слѣдуетъ, что г. С. Ше-хинъ обвинилъ въ незнаніи языка и исправилъ по своему въ сущности не предисловіе къ альманаху «Дубове лыстя», а всѣхъ лучшихъ украинскихъ писателей, начиная съ Котляревскаго, и—что еще удивительнѣе—даже языкъ самого малорусскаго народа. И народъ, и эти писатели, при приложеніи къ нимъ мѣрки г. С. Ше-хина, оказались выражавшимися плохо: не знали значенія самыхъ общеизвѣстныхъ словъ, употребляли «построенія и согласованія невозможныя и синтаксически невѣрныя», «которыя можно употреблять только развѣ вслѣдствіе lapsus linguae», питали «большое пристрастіе ко всякого рода новшествамъ, заковыристымъ словечкамъ и приставкамъ», употребляли замѣны словъ, которыя «дѣлаютъ рѣчь непонятной», грѣшили «невозможнымъ подборомъ словъ» и пр. и пр. и, наконецъ, дали въ руки недоброжелателей украинскаго слова матеріалъ для враждебныхъ нападеній. Нисколько не лучшимъ оказался и тотъ авторъ, который, по словамъ г. С. Ше-хина, владѣлъ «родной рѣчью въ совершенствѣ»,—даже болѣе: онъ оказывается особенно часто грѣшащимъ предъ лицомъ г. С. Ше-хина. Такимъ образомъ ошибочно утвержденіе послѣдняго, будто онъ не знаетъ «ни одного человѣка, который не преклонялся бы передъ удивительнымъ умѣньемъ Кулиша владѣть родною рѣчью» (стр. 74), такъ какъ въ этомъ случаѣ г. С. Ше-хинъ забылъ самого

себя. Возможно, конечно, что Кулишъ, какъ утверждаетъ г. Ш., не похвалилъ бы моего языка, но какъ удивился бы онъ нападеніямъ во имя языка Кулиша на языкъ Кулиша же! Какъ оригинально звучатъ преподанные мнѣ г. С. Ше-хинымъ совѣты изучать малорусскій языкъ, когда знаешь противъ кого они въ дѣйствительности направлены! Какъ хочется спросить г. С. Ше-хина,—почему же онъ самъ прежде всего не послѣдовалъ этимъ совѣтамъ и не изучилъ языка раньше, чѣмъ взяться за его критику и очутиться въ положеніи, при которомъ читателю приходится выбирать между авторитетомъ г. С. Ше-хина и авторитетомъ такихъ именъ, какъ Котляревскій, Гулакъ-Артемовскій, Квитка, Костомаровъ, Шевченко, М. Вовчокъ, Кулишъ и, наконецъ, тотъ народъ, который является учителемъ языка всѣхъ насъ—и большихъ, и малыхъ?

Все это хорошо поясняетъ, насколько осторожнымъ нужно быть при критикѣ такой сложной вещи, какъ языкъ—это огромное море словъ и сочетаній, въ движеніи и всплескахъ котораго блещетъ и играетъ безконечнымъ разнообразіемъ цвѣтовъ и формъ мысль народныхъ массъ и ряда лучшихъ представителей умственной жизни народа.

Къ сожалѣнію, неосторожность г. С. Ше-хина не ограничивается только этимъ.

Въ своей замѣткѣ онъ предупреждаетъ меня о необходимости особой осторожности въ обращеніи съ малорусскимъ языкомъ, такъ какъ «безразборчивые противники» его, «прикрываясь дутымъ авторитетомъ всезнайства и честности мнимо-ученаго» могутъ воспользоваться моими промахами для того, «чтобы еще разъ бросить грязнымъ комомъ недоброжелательства въ ни въ чемъ неповинный малорусскій языкъ».

И самъ облегчаетъ помянутымъ господамъ возможность бросить этотъ комъ.

Не зная малорусскаго языка, онъ взялся критиковать его и выставляетъ цѣлый рядъ общеупотребительныхъ и совершенно правильныхъ выраженій, какъ матеріалъ для безразборчивыхъ бросателей грязныхъ комьевъ. Не довольствуясь этимъ, онъ начи-

наетъ пересказывать наново старыя разсужденія о «многихъ» малорусскихъ писателяхъ, которые «принимаются за собственную выковку слова и куютъ какъ придется, какъ случится», увѣряетъ, что «такихъ ковалей разселось достаточно и они принесли своей работой огромный вредъ» и пр. Пишущій эти строки готовъ оберегать чистоту малорусскаго языка отъ неумѣлыхъ бумагомарателей и полагаетъ, что только самое тѣсное единеніе съ народнымъ языкомъ даетъ возможность произведеніямъ талантливаго писателя сохранять свое вліяніе на долгое время; онъ охотно признаётъ, что слова г. Ш. имѣютъ въ себѣ нѣкоторую долю истины [1]); но

---

[1]) Вотъ, напр., рядъ образцевъ изъ упомянутой уже статьи г. С. Павленка о Вирховѣ: Самозричлывого борця за щастя людей,—задовблювання граматычныхъ правылъ,—видносыны до околышнього,—захыщаючысь фальшывымы ствердженнямы,—проныклывымъ и реально думаючымъ розумомъ,—працювавъ надъ непохытною науковою довидностю його,—кожна зъ ихъ мае свою незалежнисть и самопрызначення,—зробылы цилый перетвиръ въ ликарській науци,—пойихавъ бы въ мисце його пробування,—дывотворне сонце медычнои наукы,—наукове зайняття,—видгучлыва, чесна й захватна до ентузіязму натура,—заспалисть и апатію народа,—зъ несхыбнистю анатома крае соц. организмъ,—повернуло народню освиту... въ народне затемнення,—можна було предвыдиты,—гостродумне справоздання,—перестopожлыви скрыжали,—зграю настыглыхъ ликарськыхъ пытань,—облегчуваты кышени хворымъ людямъ,—грубе надсыльство,—урядъ командувавъ (командировалъ) Вирхова и пр. (Л. Н. В. X и XI). Вся статья переполнена такими неудачными новообразованіями. Или вотъ образцы, найденные на четырехъ страницахъ повѣсти: Винъ робочыхъ и обличувавъ пры выдачи удержання, и грабувавъ пры закупи въ його крамныци ризного краму.—Колесо выробу овочивъ ишло рехтельно.—Проминня сонця непрымитно злывалось зъ роскишнымъ рястомъ тырсы. —На порожняву кышень нащадкы слобожанъ не малы рацыи жалуватысь.—Рядъ урожаивъ збывъ цину на зерно до нигыча... багато пекучыхъ потребъ лышылось у козакивъ безъ заспокоення.—Ихъ ставъ посягаты розрухъ.—Громадська псыхика шукала въ одчаю хочъ якого небудь ворога, абы вылыты на него всю нагромаджену роздратованисть.—Горде прызырство до нового закладу ихъ сусиды воны заховалы й на дали, нагромаджуючы свое протывенство все бильшъ.—Ворогъ, въ выгляди однои тилькы

въ то-же время разсужденія г-на Ш. являются здѣсь совершенно неумѣстными какъ по той причинѣ, что подвергнутый разсмотрѣнію матеріалъ не давалъ никакого повода для возбужденія этого вопроса, такъ и потому, что обвиненія эти высказаны безъ тѣхъ ограниченій, въ которыхъ они нуждаются, и изъ нихъ сдѣланы выводы, дѣйствительностью не оправдываемые.

Ограниченія эти заключаются въ томъ фактѣ, что нѣтъ литературнаго языка, который могъ бы довольствоваться исключительно матеріаломъ народной рѣчи; каждый лит. языкъ пользуется болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ вновь созданныхъ словъ, и созданныхъ преимущественно писателями и учеными: если-же такіе неологизмы не замѣчаются публикой, то лишь потому, что она къ нимъ привыкла и даже удивляется, узнавъ, что, напр., въ русскомъ языкѣ являются «скованными» такія слова, какъ пароходъ, паровозъ, міровоззрѣніе, промышленность, терпимость, отвѣтственность, самоотверженіе, раздражительность, разбросанность, равнодушіе и пр. и пр. И въ укр. литературномъ языкѣ также не можетъ не быть неологизмовъ,—все дѣло лишь въ томъ, чтобы они выростали органически въ связи съ ростомъ языка и въ строгомъ соотвѣтствіи съ духомъ его, да чтобы ихъ не было слишкомъ и при томъ безъ нужды много. Если «многіе» малорусскіе писатели, благодаря помянутымъ затрудненіямъ при изученіи укр. языка, дѣлаютъ въ этомъ отношеніи непохвальныя ошибки, то все-же вѣроятно можно безъ преувеличенія сказать, что число циркулирующихъ въ малорус-

---

цукорни, зруйнувавъ крыхту селянського супокою въ пень: наочнисть сього ворога...—Цукорня... була яскравымъ свидкомъ суперечносты праци та капиталу и навичъ доводыла слабкисть та невыкрутнисть самыхъ слобожанъ.—Мовчкы вдавалысь до насолоджування красою округы. (Ив. Стешенко, На заводи. Л. Н. В. 1900. VII, 10—13). Обыкновенно образцы подобнаго рода и указываются какъ примѣръ того, до чего доходятъ „ковали". Конечно, такія выраженія нуждаются въ переводѣ на малорусскій языкъ, но такъ вѣдь на нихъ и смотрятъ остальные малорусскіе писатели. Въ какой-же литературѣ нѣтъ людей, силящихся дѣлать то, чего они не умѣютъ?

ской печати неологизмовъ будетъ не больше, чѣмъ въ каждомъ другомъ языкѣ,—они только замѣтнѣе, благодаря ихъ относительной молодости и благодаря тому, что въ сравнительно небольшой литературѣ скорѣе бросается въ глаза всякая неловкость въ родѣ только что цитированной статьи о Вирховѣ или повѣсти «На заводи». При ближайшемъ разсмотрѣніи очень часто оказывается, что предполагаемый неологизмъ есть лишь обыкновенное слово стараго малорусскаго письменнаго языка или даже и народное, но очень мѣстное. Конечно, многія научныя и почти всѣ газетныя статьи галичанъ представляются намъ слишкомъ засоренными безобразными варваризмами, но не нужно забывать того, что лучшіе представители украинской литературы въ Галиціи сами сознаютъ это и медленно, но неуклонно идутъ въ направленіи все большаго и большаго сближенія съ той варіацией литерат. языка, которая дана лучшими представителями украинской литературы въ Россіи. Произведенія этихъ послѣднихъ несомнѣнно могутъ поддержать положеніе, что укр. литерат. языкъ въ лучшихъ своихъ образцахъ чрезвычайно близокъ къ народному, гораздо ближе, чѣмъ, напр., литературный русскій.

Вотъ почему выводы, дѣлаемые г. С. Ше-хинымъ изъ своихъ утвержденій, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

Онъ утверждаетъ, будто-бы «ковали многихъ отвернули отъ малорусской литературы». Нѣтъ, не «ковали» это сдѣлали, если это вообще было. Вредъ, принесенный ими, все-же былъ такимъ малымъ по сравненію съ тѣмъ хорошимъ, что давали укр. литература и ея языкъ, что о такомъ ихъ значительномъ вліяніи не можетъ быть и рѣчи,—оно являлось лишь небольшимъ слагаемымъ въ общей суммѣ гораздо болѣе важныхъ причинъ. Входить въ разсмотрѣніе этихъ послѣднихъ здѣсь не могу, скажу только вообще, что слабость симпатій къ украинской литературѣ со стороны извѣстной части нашей интеллигенціи объясняется тѣмъ воспитаніемъ и образованіемъ, которое разобщало интеллигенцію и народъ также точно въ XIX в., какъ и въ XVII, и тѣмъ непониманіемъ законовъ развитія народныхъ массъ, которое такъ свойственно интеллигенціи, разобщенной съ народомъ; тотъ псев-

докосмополитизмъ, который не находилъ нужнымъ считаться съ фактами дѣйствительности, съ фактомъ существованія народностей и неизбѣжно вытекающихъ отсюда послѣдствій, и, наконецъ, то теченіе, которое создавало у насъ Саввъ Чалыхъ и Брюховецкихъ. Поэтому и странны разсужденія г. С. Ше—хина, изъ любви къ украинскому языку возводящаго напраслину на этотъ языкъ.

Такая-же напраслина заключается и въ утвержденіи будто «многія (украинскія) писанія не только не понятны народу, но даже разохочиваютъ его къ чтенію книги на родномъ языкѣ». По обыкновенію г. Ше—хинъ не приводитъ никакихъ доказательствъ своего утвержденія, а между тѣмъ дѣлать такіе приговоры безъ доказательствъ слишкомъ странно для выступающаго съ проповѣдью осторожности. Что можетъ найтись нѣсколько плохо написанныхъ книжекъ въ украинской литературѣ, какъ и во всякой другой,—это, конечно, болѣе, чѣмъ вѣроятно; что вообще плохихъ авторовъ вездѣ больше, чѣмъ хорошихъ, это также извѣстно; но когда послѣ разсужденій объ «огромномъ вредѣ» приносимомъ «ковалями», появляется утвержденіе, подобное вышеприведенному, тогда оно пріобрѣтаетъ такой характеръ, какъ будто рѣчь идетъ о *большинствѣ* явленій, о явленіяхъ, дающихъ тонъ и направленіе. Съ такими обвиненіями нужно быть осмотрительнымъ и не высказывать ихъ безъ ясныхъ доказательствъ. Доказательствами-же могутъ здѣсь быть не личныя впечатлѣнія того или иного любителя литературы,—они всегда крайне субъективны и крайне ограничены,—а лишь точныя *цифры распространенія* книгъ среди народа. Къ сожалѣнію и условія появленія укр. книгъ въ свѣтъ, и условія ихъ распространенія таковы, что о сколько нибудь нормальной возможности удовлетворенія спроса не можетъ быть и рѣчи: какія-бы цифры мы не имѣли, онѣ будутъ всегда неизмѣримо ниже тѣхъ, которыя получились-бы при измѣненіи помянутыхъ условій. Но даже и та печальная дѣйствитительность, съ которой мы имѣемъ дѣло, говоритъ о чемъ-то совершенно противоположномъ утвержденію г. С. Ше—хина. Мы видѣли въ послѣдніе годы цѣлый рядъ дешевыхъ книгъ какъ старыхъ, такъ и новыхъ укр. писателей, книгъ, появлявшихся часто

въ большомъ количествѣ экземпляровъ и успѣвшихъ уже разойтись нѣсколькими изданіями,—для этого достаточно припомнить издательства въ Кіевѣ, Черниговѣ, Харьковѣ, Петербургѣ; даже самое молодое изъ этихъ издательствъ—„Петербургское Благотв. Общество"—уже перепечатало вторымъ изданіемъ нѣкоторыя номера своей серіи; необычайный успѣхъ сельско-хозяйственныхъ книгъ г. Чикаленка также всѣмъ извѣстенъ. Интересенъ и тотъ фактъ, что изданныя въ Россіи укр. книги для народа перепечатываются для него-же во Львовѣ (об. „Просвита") и въ Америкѣ (для переселенцевъ изъ Галиціи и Буковины, живущихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, Канадѣ и Бразиліи),—это научно-популярныя книжки М. Комарова, О. Степовыка, М. Загирней и др. Очевидно всѣ эти книжки, по своему языку, доступны для огромнаго большинства малорусскихъ массъ, раздѣленныхъ даже такими большими разстояніями, какими отдѣлены отъ насъ американскіе украинцы.

Но если таковы факты, тогда тѣмъ болѣе удивительна та неосмотрительность, съ которой г. Ше—хинъ бросаетъ свои обвиненія, и непониманіе съ его стороны того обстоятельства, что такіе пріемы трактованія вопроса какъ разъ на руку именно тѣмъ недоброжелателямъ, относительно которыхъ г. С. Ше—хинъ нашелъ нужнымъ предостерегать другихъ.

На этомъ кончаю возраженіе, предпринятое съ цѣлью дать нѣкоторое поясненіе затронутыхъ г. Ше—хинымъ вопросовъ. Читатель могъ видѣть изъ предыдущаго, что я не считаю языка ст. „До чытачивъ" не нуждающимся въ улучшеніяхъ и поправкахъ—наоборотъ, я смотрю на него лишь какъ на переходную ступень къ болѣе совершенной формѣ; нахожу только, что г. Ше—хинъ затрагивалъ не то, что, быть можетъ, слѣдовало затронуть, и не такъ, какъ слѣдовало. Я буду удовлетворенъ, если эта статья хоть отчасти поможетъ тому, чтобы впредь такіе сложные и важные вопросы трактовались съ надлежащей осмотрительностью и съ запасомъ точныхъ фактическихъ доказательствъ.

Б. Гринченко.

Кіевъ, 1903. VIII. 15.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Нѣсколько стихотвореній П. П. Гулака-Артемовскаго. Намъ доставлены проф. Д. И. Багалѣемъ нѣкоторыя стихотворенія П. П. Гулака-Артемовскаго, въ дополненіе къ тѣмъ, которыя разновременно появлялись уже въ печати, между прочимъ и на страницахъ «Кіевской Старины» [1]). Всѣ эти стихотворенія списаны Д. И. Багалѣемъ съ автографовъ, почему и представляются очень цѣнными. Въ 1901-мъ году, въ № 5, нашъ журналъ напечаталъ четыре стихотворенія Гулака-Артемовскаго, озаглавленныя «Въ Полтаву, моей милой Полинашкѣ»; но тамъ не было указано, что эта Полинашка—никто иной, какъ дочь поэта Апполинарія. Въ рукописи, сообщенной проф. Багалѣю Б. І. Артемовскимъ-Гулакомъ, находятся эти четыре стихотворенія и сверхъ того еще и пятое, нигдѣ ненапечатанное до сихъ поръ. Въ этой рукописи стихотворенія озаглавлены:

Въ Полтаву, моей милой дочери А. П. А-й Г-къ.

Віе витеръ, несе пташку,
Та не зъ того краю,
Видкиль мою Полинашку
Що-день выглядаю.
Повій, витре, та зъ досвиту
Зъ другои краины;

1) См. 1888-й годъ № 5; 1897-й г. № 3; 1901-й г. № 5.

Навій мени добру вистку
Объ моій дытыни.
Леты пташко, зъ-захидъ сонця,
Защебечы въ шыбку.
Довго-жъ ще биля виконця
Ждать дивчыну-рыбку!
Дмухнувъ витеръ, звылась пташка,
Вистоньку звистуе:
Що въ Полтави Полинашка
За татомъ жалкуе.

П. А. Г.

24 декабря 1855 года. Харьковъ.

Тутъ же находятся и еще два стихотворенія шуточнаго характера; одно есть стихотворное приглашеніе на именинный вечеръ а, другое—обращеніе къ женѣ по поводу танцовальнаго вечера.

Пригласительный билетъ на танцовальный имянинный вечеръ, 16 января 1856 года.

(Владимиру Ал-чу Пр-му, съ семействомъ).

Володьку! не казысь... побью!..
Послухай раду ты мою;

Колы не прешъ зо мною въ сварку,
Такъ ты схопы своихъ—Олену—й Варку [1])
Та, на́дъ-вечиръ покы й чухрай
До насъ на збиженъ... ось—бачъ—чай.
Моя стара—и дочка сказалы,
Що будуть кобзы и цымбалы
На-що́—серце дивчатамъ грать
И хлопцямъ голодъ проганять...
А ты шепны Олени й Варци,
Що я одъ жинкы вкравъ калганнои по чарци
Та де якый таки й кнурятыны шматокъ.
Заберемось соби въ кутокъ,

---

[1]) Имена женъ и племянницъ приглашаемыхъ.

Згадаемо свою ро̆дыну,
Тай гукнемо! воны жъ нехай ковтають слыну!

П. А. Г.

16 янв. 1856 г. Харьковъ.

Женѣ моей. На танцовальный у насъ вечеръ 21 января 1856 г.

Скачы маты,
Середъ хаты,
Пидтыкай запаску;
Шахрай [1]) ныткы
И пивмиткы
За шынкарську ласку!
Хай сусидкы
На послидкы
Дывлятся й регочуть:
Поморгають,
Покывають,
Та й пересокочуть.
Кругляй, маты!
Щобъ всимъ знаты
Покы ще зъ пивжмени
Бряжчыть бидныхъ
Шагивъ мидныхъ,
Въ батькивській кышени!
А не стане?
Винъ достане:
Се его вже дило...
Черезъ кладкы,
Безъ оглядкы
Махай у шынкъ смило!
А не вирять,
А не мирять,
На́-биръ [2]) у шыночку?
Сунь очипокъ,
Заставъ дитокъ,
Скынь плахту й сорочку!

---

[1]) Шахрать—проматывать.
[2]) Набиръ—въ долгъ. Заставъ—залоги.

Все то брыдни
Все то злыдни:
Згыне—й нажывется,
А медъ-пыво...
(То жъ то й дыво!)
Тилькы й пыть, якъ пьется!

П. А. Г.

21 янв. 1856 г.

Сверхъ того, проф. Д. И. Багалѣй извлекъ два стихотворенія изъ автографовъ поэта, бывшихъ въ письмахъ къ Г. П. Данилевскому.

Стихотворенія П. И. Гулака-Артемовскаго (Екатеринѣ Григорьевнѣ Иванчиной-Писаревой).

Ой не дарма, Катре, ненько,
Тужышъ по родыни!
Чы йе жъ де жыть такъ гарненько,
Якъ въ тій Украини?

—

Отъ сто литъ чы й бильшъ, на нывахъ,
Въ ній москаль товчется,
А збожже въ ній, що рикъ, въ жныва,
Такъ рясне́—ажъ гнется.

—

Не йисть наша земля-маты
Ни гною, ни ка́лу,
Поскребемо́,—абы знаты,
Тай сіемъ по ралу.

—

Червоніють въ насъ въ затыши
Яблучко и грушка;
А дивчата червониши:
Що дивка—то душка.

—

И сонечко веселише
У насъ вранци сходыть,
И въ вечери любъязнише
За горы заходыть.

—

И все у насъ въ Украини
Не те—що кацапство:
Кращи й квиткы на долыни,
Краще й спива птаство.

—

Иншый звычай, инша мова,
Рятунокъ въ прыгоди;
Соромыцького жъ ты й слова
Не схопышъ въ народи.

—

Нема збыткивъ въ насъ гарячыхъ,
Йе тепле серденько;
Мы й безъ боридъ тыхъ козлячыхъ
Любымось вирненько.

—

Тай люблятся у насъ щырше,
И меншъ въ насъ корысты,
И безъ грошей—жыття шырше,
Тилькы було бъ зйисты.

—

А москалямъ тилькы бъ гроши!
Нема?—такъ пидцуплять;
Ну!.. вдалысь соби хороши!..
А брешуть—де ступлять!

—

Тай ты жъ, Катре, люба, вчынна,
Була бъ же такъ мыла,
Якъ бы тебе Украина
На свитъ не зродыла?

—

Ни!.. не дарма серцю туга
Та люба родына!
Чы йе жъ въ свити маты друга,
Якъ та Украина!?

П. А. Г.

Харьковъ. 31 іюля 1857 года.

Пѣсня кормилицы Сонички.

Ой! часъ йихать, Марусенько,
Тоби до господы.
Охъ! болыть мое серденько
Видъ сеи невзгоды!
— Ой! збирайся, моя Галко,
Ты до чоловика!
Жаль намъ тебе, серце, жалко,
Жаль буде до вика!
— Якъ покыну немовлятко,
Що я жъ годувала?
Плаче маты, плаче батько...
Ой, бидна жъ я стала!
— Що жъ робыты? Така доля
Прыпала намъ зъ неба!
Хочъ йихать жаль,—йихать треба!
На те панська воля!
— Ой, прощайте жъ, добри люде,
Прощай, моя Соню,
Нехай Господь зъ Вамы буде!
Прощай и ты, Фроню!

П. А. Г.

16-го октября 1852 года. Харьковъ.

Старинная церковная утварь въ с. Позникахъ, лохвицкаго уѣзда. Въ с. Позникахъ, лохв. уѣз., при Вознесенской церкви хранятся остатки старинной церковной утвари, которую, судя по характерности стиля, орнаменту рѣзныхъ украшеній, живописи и надписямъ, надлежитъ отнести къ предметамъ, имѣющимъ археологическую цѣнность—какъ историческіе памятники прошлаго. Большой интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ жертвенникъ, сооруженный «товаришомъ бунчуковымъ» Стефаномъ Милорадовичемъ въ 1733 году. По наружному виду онъ представляетъ изъ себя четырехугольный деревянный ящикъ на ножкахъ, верхняя крышка котораго обита пергаментомъ, а боковыя стѣнки его украшены картинами масляной живописи священнаго

содержанія. Эти картины интересны не только какъ образцы старинной иконописи, но и въ бытовомъ отношеніи—какъ національно-украинская церковная живопись прошлаго времени, почему считаю не лишнимъ изложить, хотя вкратцѣ, содержаніе ихъ. На одной изъ нихъ изображенъ малороссіянинъ въ одеждѣ козацкаго старшины; предъ нимъ на аналоѣ лежитъ раскрытая книга; взоръ его обращенъ къ Божьей Матери и младенцу Спасителю, изображеннымъ на верхнемъ углу картины въ облакахъ. Вторая картина изображаетъ—утопающаго на морѣ, тоже по типу малороссіянина, коему св. Николай подаетъ руку. Что дѣйствительно этотъ жертвенникъ сооруженъ Милорадовичемъ, служитъ этому доказательствомъ имѣющаяся на одной изъ боковыхъ сторонъ его надпись слѣдующаго содержанія, каковую привожу съ сохраненіемъ орѳографіи: „помолеван сей жертвеник В селѣ позніках до храму Вознесенія Христова стараннем Благородного Его Милости Господина Стефана Мілорадовіча Товариша Бунчукового с прочинми обивательми прікладом 1733 року аріля 20 дня совершися“.

Къ числу вещей, имѣющихъ соотношеніе къ имени С. Милорадовича причисляются также и хранящіеся въ той же церкви два фамильные герба Милорадовичей. Они написаны масляными красками и оправлены въ весьма оригинальныя рамы рѣзной работы. На одной изъ нихъ еще хорошо сохранилась живопись и ясно видны знаки герба и фамильные иниціалы, на другомъ же нѣкоторыя части рисунка отъ времени потускнѣли и неясны, иниціалы же еще можно разобрать. Живопись и рѣзьба не только гербовъ, но и вообще всѣхъ хранящихся здѣсь вещей и иконъ, несмотря на столь отдаленное прошлое воспроизведенія ихъ, положительно поражаютъ своею художественностью, въ настоящее время врядъ-ли въ нашихъ сельскихъ церквахъ можно увидѣть что-либо подобное; съ увѣренностью можно сказать, что надъ сооруженіемъ ихъ трудились не ремесленники, а дѣйствиные художники. Къ числу такихъ образцовъ стариннаго художественнаго творчества слѣдуетъ также отнести и находящіеся здѣсь остатки царскихъ вратъ. Отличительная особенность ихъ та, что вверху они украшены двуглавымъ орломъ стараго образца, что въ настоящее время не дѣлается. Здѣсь-же въ общей массѣ вещей находятся и иконы, написанныя преимущественно на деревянныхъ доскахъ; живопись ихъ также весьма художественна и сохранилась до сего времени хорошо, если не считать имѣющихся на нѣкоторыхъ трещинъ Большая часть утвари, въ томъ числѣ и весьма интересный сво-

ею отдѣлкою и живописью аналой, въ настоящее время находятся въ часовнѣ, устроенной у ключевого колодца (криницы) въ полуверстѣ отъ с. Позниковъ. Это помѣщеніе часовни устроено изъ тонкихъ досокъ и не отапливается, а потому хранящіяся вещи не защищены отъ рѣзкихъ перемѣнъ температуры и подвергаются разрушенію. Желательно, чтобы интересующіеся стариной обратили бы должное вниманіе на эти памятники и озаботились бы сохраненіемъ ихъ.

А. Дериженко.

Письмо художника Н. Рамазанова къ Н. В. Кукольнику. *(Извѣщеніе о смерти Н. В. Гоголя).* Кланяюсь Нестору Васильевичу и сообщаю крайне горестную вѣсть. Сего числа послѣ обѣда прилегъ я на диванъ почитать, какъ вдругъ раздался звонокъ и слуга мой Терентій объявилъ, что пріѣхалъ г. Аксаковъ и еще кто-то, и просятъ снять маску съ Гоголя. Эта нечаянность такъ поразила меня, что я долго не могъ опомниться; хотя и вчера еще Островскій, бывши у меня, говорилъ, что Гоголь крѣпко боленъ; но никто не ожидалъ такой развязки. Въ минуту я собрался, взялъ съ собою моего формовщика Баранова и отправился въ домъ Талызина, на Никитскій бульваръ, гдѣ у графа Толстого проживалъ Николай Васильевичъ. Первое, что я встрѣтилъ, была гробовая крышка малиноваго бархата... стало быть нѣтъ никакого сомнѣнія уже, что мы лишились необыкновеннаго человѣка. Въ комнатѣ нижняго этажа я нашелъ останки такъ рано взятаго смертію. Въ минуту вскипѣлъ самоваръ, былъ разведенъ алебастръ и лицо Гоголя было имъ покрыто. Когда я ощупывалъ ладонью корку алебастра—достаточно ли онъ разогрѣлся и окрѣпъ, то невольно вспомнилъ завѣщаніе (въ письмахъ къ друзьямъ), гдѣ Гоголь говоритъ, чтобы не предавать тѣло его землѣ, пока не появятся въ тѣлѣ видимые признаки разложенія. Послѣ снятія маски можно было вполнѣ убѣдиться, что опасенія Гоголя были напрасны; онъ не оживетъ, это не летаргія, но вѣчный, непробудный сонъ. Хотя Гоголь, во время болѣзни, не хотѣлъ принимать лѣкарства, однако быть не можетъ, чтобы онъ охотно разстался съ жизнію. Худо закрытый правый глазъ его свѣтился какимъ то мутнымъ, оловяннымъ цвѣтомъ, и какъ бы хотѣлъ еще разъ посмотрѣть на жизнь.—Хоронятъ Гоголя въ воскресенье 24-го февраля. Онъ захворалъ, какъ мнѣ говорили, отъ перехода съ скоромной пищи на постную, ибо говѣлъ на первой недѣлѣ; пе-

редъ смертію онъ соборовался. Не выдаю за совершенную истину, но меня увѣряли, что Гоголь незадолго передъ смертью, сжегъ въ печкѣ всѣ заготовленныя сочиненія, въ томъ числѣ и рукопись второго тома Мертвыхъ душъ. При уходѣ отъ тѣла Гоголя я наткнулся у крыльца на двоихъ безногихъ нищихъ, которые сидѣли на лубкахъ, на снѣгу, подалъ я имъ и подумалъ: эти безногіе бѣдняки живутъ, а Гоголя ужъ нѣтъ!

Крѣпко любящій Васъ Николай Рамазановъ.

Москва, 21 февраля 1852 г.

Нѣсколько словъ о томъ, какъ приготовляютъ писанки и крашанки. Какъ извѣстно, нигдѣ такъ торжественно не празднуется Пасха, какъ у насъ на Украинѣ. Между всѣми тѣми снѣдями, которыя украшаютъ собой праздничный столъ украинца, особое вниманіе обращаютъ на себя яйца. Ими первыми разговляются и ихъ раскрашиваютъ и расписываютъ самыми разнообразными способами. Вотъ что мнѣ удалось узнать о способѣ приготовленія писанокъ и крашанокъ. Свѣдѣнія эти относятся къ г. Балтѣ и его уѣзду и отчасти къ ананьевскому уѣзду херсонской губерніи.

Крашанки—окрашиваются сплошь какой-нибудь одной краской. Цвѣтъ краски обыкновенно красный, желтый, зеленый, синій и фіолетовый, рѣже черный. Въ городѣ и въ подгородныхъ селахъ употребляютъ анилиновыя краски, покупаемыя въ лавкахъ; въ глуши же уѣзда, гдѣ анилиновыя краски трудно доставать, пользуются самодѣльными красками, секретъ приготовленія которыхъ достался еще, вѣроятно, отъ дѣдовъ. Въ качествѣ желтой краски служитъ отваръ верхней скорлупы лука (цыбули); называется этотъ отваръ жовтвыло. Вмѣсто черной и красной краски служитъ настой на водѣ стружекъ сандальнаго дерева, къ которому прибавляютъ квасцы. Крашанки обыкновенно сначала варятъ, а потомъ окрашиваютъ. Приготовленіе писанокъ гораздо сложнѣе. Какъ видно изъ самого названія, ихъ расписываютъ, т. е. разрисовываютъ. Инструментомъ для этого служитъ т. н. косточка: палочка, къ концу которой прикрѣпленъ кусочекъ свернутой въ трубочку, тонкой жести, или фольги. Сначала яйцо (сырое) покрываютъ посредствомъ косточки расплавленнымъ воскомъ. Такимъ образомъ подъ воскомъ останутся неокрашенными, бѣлыми, тѣ части, которыхъ не нужно по рисунку красить (ободки, каемки).

Затѣмъ яйцо обмакиваютъ въ краску; высушивши его, далѣе покрываютъ воскомъ, тѣ мѣста, которыя должны быть окрашены въ другую краску.

Такимъ же образомъ поступаютъ и съ остальными красками. Соблюдается только принципъ опусканія сначала въ *свѣтлыя* краски, а потомъ ужъ въ темныя, такъ какъ темная краска лучше ложится на свѣтлую.

Всѣ писанки дѣлятся по рисунку на два главныхъ разряда: писанки—малёванки, и писанки—копанки. Послѣднія на темномъ (обыкновенно черномъ) фонѣ имѣютъ массу «капокъ» (пятнышекъ), самыхъ разнообразныхъ по цвѣту. Въ писанкахъ—малёванкахъ различаютъ слѣдующія рисунки: слывкы, орлыни крыльця, курячи лапкы, дубове лыстячко, сорокъ клынцивъ (сорокъ клиньевъ), звизда, рожа, грабелькы, рыба, рыночкы (вазонъ съ цвѣткомъ), павучкы, чорногузячи крыльця, ломани хресты, выла. Послѣ того, какъ исполненъ весь рисунокъ, яйца пекутъ въ мискѣ въ не слишкомъ горячей печкѣ, для удаленія воска. Приготовлять писанки начинаютъ въ концѣ 3-ей и въ началѣ 4-ой недѣли великаго поста. Рисуютъ ихъ обыкновенно старухи и дивчата, гораздо рѣже жинкы, а еще рѣже особые маляры; раньше ихъ было довольно много, а теперь совсѣмъ нѣтъ, какъ мнѣ говорили.

Писанки, оставшіяся отъ Пасхи, хранятся до „Рахманського Великодня“ (до праздника Преполовенья), когда ихъ пускаютъ по водѣ (если есть поблизу рѣка), къ „Рахманамъ“.

Впрочемъ находятъ для нихъ и другое употребленіе, а именно въ экономіяхъ, у священниковъ, ихъ прокаливаютъ въ жарко натопленныхъ печахъ, въ громадныхъ казанахъ; желтокъ при этомъ получаетъ цвѣтъ каленаго орѣха, но все таки онъ еще съѣдобенъ, бѣлокъ же становится несъѣдобнымъ. Такъ прокаленныя яйца могутъ сохраняться 2—3 мѣсяца. Обыкновенно, лѣтомъ этими яйцами, кормятъ пришлыхъ рабочихъ, косарей—полищуковъ.

Вида *(лирныцька писня).* Лирницкая пѣснь эта, записанная еще въ 1870 г. отъ лирника Михаила Ивановича Левченка изъ с. Малой Половецкой, представляетъ одинъ изъ варьянтовъ самой распространенной пѣсни въ лирницкомъ репертуарѣ. Каковы бы ни были варьяціи, но духъ пѣсни всегда одинъ и тотъ же. Какой же смыслъ и какова задача этого народнаго малорусскаго произведенія,

варьируемаго на разные лады, смотря по мѣстности, откуда происходитъ пѣвецъ, и по его талантливости?

Первая, очевидно, задача—*посмѣяться надъ бѣдой* и этимъ смягчить ея остроту, такъ всѣми чувствуемую... Пѣвецъ хочетъ *ободрить* слушающій его народъ... „Не бойтесь бѣды... Она—не такъ страшна, какъ вамъ кажется... Не унывайте, не *журитесь* въ бѣдѣ! Не поддавайтесь тоскѣ, печали и озлобленію! Смѣйтесь надъ бѣдой,—не теряйте духа и продолжайте спокойно дѣлать каждый свое дѣло». Этотъ же смыслъ имѣютъ и многія малорусскія народныя пословицы—напр., «Йидна бида—не бида; дви биды—пивъ биды; тры биды—ото вже бида!..» Не нужно поддаваться горю, а то совсѣмъ погубитъ и съѣстъ; а нужно такъ смѣло, бодро и весело вести себя во время лыха, чтобъ *й саме лыхо сміялось*, какъ это тоже говорится въ одной народной поговоркѣ...

Другая задача лирныцькой пѣсни—«Бида»—конечно, уже *нравственно-сатирическая*... Пѣвецъ въ ней смѣется—но опять таки не горькимъ, а *веселымъ* смѣхомъ—надъ тѣми разнообразными людскими ненормальностями, которыя причиняютъ бѣду другимъ людямъ... Тутъ уже достается, какъ говорится, *всѣмъ на калачи*: и народностямъ, и сословіямъ, и отдѣльнымъ лицамъ. Пѣвецъ осмѣиваетъ здѣсь встрѣчающіяся въ людяхъ жестокосердіе, грубость, жадность, пьянство, скупость и глупость...

Въ устахъ лирныка смышленаго, бывалаго, и бойкаго на языкѣ—форма «Биды» давала очень удобный поводъ высказать не мало такихъ или другихъ чувствительныхъ уколовъ и уроковъ окружавшей его и знакомой ему народной толпѣ.

Словесная форма пѣсни «Бида» настолько легка и удобопріемлема, что естественно вызывала *подражаніе* со стороны тѣхъ изъ обитателей малорусскихъ селъ и деревень, въ душахъ которыхъ хотя нѣсколько свѣтилась искра Божія—остроумія, наблюдательности и бытового критицизма... Одно изъ таковыхъ подражаній сообщено на страницахъ «*Кіевской Старины*» 1902 г. г-номъ В. Доманицкимъ подъ заглавіемъ *Кваша*.

По-надъ моремъ глибокымъ
Стоить теремъ высокый;
А зъ-пидъ того терема́
Выйшла бида молода.

А вже биди висимъ литъ
Славна бида на ввесь свитъ
— Де ты, бидо, родылася,
Де ты, бидо, хрестылася?
— Я въ Полтави родылася,
А въ Варшави хрестылася,
А въ Кыиви я зросла,
А въ Хмелныкъ замижъ пишла.
Видъ Кыива до Кракова
Та скризь бида однакова! [1])
Чортъ биду перебуде
Йидна вмерла, друга буде!
Ишла бида невелычка,
Надыбала чоловичка.
Сыдыть бида пидъ мостомъ
Найихалы зъ хворостомъ.
Якъ та бида розгулялась,
Вси колéса поламала!
Йиздыть бида калясою
До Кыива изъ квашою.
Ляшкы квашу всю попылы
Та ще й биду попобылы!
Пишла бида до Демьяна
Звидтыль бида выйшла пьяна.
Пишла бида до Гаврыла
Видъ Гаврыла носомъ рыла!
Пишла бида до Андруха
Повтыналы биди вýха.
Пишла бида до Өедоры
Повтыналы биди нóгы.
Пишла бида до шевця,
Вкрала соби ременця,
Сила соби на стильци

---

[1]) Упоминаніе о *Краковѣ* и *Варшавѣ* показываетъ, что настоящій варіантъ держится еще стародавняго текста пѣсни... Въ новѣйшихъ же передѣлкахъ можно уже встрѣтить имена *Москвы* и *Петербурга*.

Поморщыла постильци [1]);
Сама соби дывуется,
Що хороша узуется!
Цыбуливськый Сорóка
Налатавъ биди бóка!
Бердычивськый паламарь
И той биди бока налатавъ!
Була бида у Клевани
Та за клюшныцю у пани:
Якъ пишла въ ночи до лёху
Точыты гороху.
Погубыла ключи
Та втикала къ чорту у-ночи!.
Пишла бида до Бендеръ
Якыйсь чортъ биду обдеръ.
Десь узявся тутъ Тарасъ
И той биду зá лобъ трясъ!
Десь узявся Мартынъ
Ударывъ биду объ тынъ.
Пишла бида за Днистромъ
За воламы изъ весломъ.
Пишла бида до Ружына
И тамъ бида одужала.
Видъ Ружына до Ружына
Симъ паръ хлибивъ зторужыла!
Пишла бида у Таращу
И тамъ бида стала краща.
Черезъ греблю Мыкытыну
Ведуть биду пидтыкану.
Отъ Крывьянця до Крывьянця
Чортъ-ма биди нигде кинця!
Пишла бида до Волóхъ
Проминялы за горохъ.

---

[2]) *Постильци*—уменьш. отъ *постолы*. Это родъ обуви—мужской—преимущественно бѣдняковъ. *Морщыть постолы*—значитъ приготовлять эту обувь особымъ способомъ. Постолы не *шьютъ*, какъ *чоботы*, а именно—*морщатъ*—и морщитъ ихъ для себя каждый самъ...

Десь узялася Марта
Прынécла горилкы кварту.
Десь узялась Марына
«Отче нашъ» говорыла.
Пишла бида до печи
Былы биду у плечи.
Пишла бида по мыскахъ
Былы биду по вискахъ.
Пишла бида до грубы
Былы биду у груды.
Пишла бида за старцямы,
Вкрала торбу зъ сухарцямы.
Була бида въ фиглыку
Покрала въ жыдивъ пирныки.
Сталы жыды гадаты,
Якъ бы йимъ въ чорта биду пійматы!
А вже бида вмерла
Зъ горы покотылась!
Копыты задерла!
Дала бида слипцю—
по яйцю,—
А мени двое дала!..

Сообщ. **Л. М.**

Тарабарскій языкъ. Тарабарскій языкъ Малороссіи принадлежитъ къ такъ называемымъ «злодійськымъ» или условнымъ языкамъ. Цѣль выражать свои слова съ извѣстными приставками къ слогамъ въ словѣ понятна. Посредствомъ этихъ приставокъ при быстротѣ разговора затемняется смыслъ словъ, который трудно уловить непривычному уху. Такой языкъ мнѣ первый разъ удалось слышать въ 1873 г. въ с. Носачевѣ, черниговскаго уѣзда, отъ школьниковъ мѣстной церковной школы грамоты. Потомъ, спустя лѣтъ десять въ с. Калиновой, того-же уѣзда, отъ парней и одного человѣка. Наконецъ, въ 1889 г. въ с. Бѣлозерьѣ, того-же уѣзда, отъ священника Николая Чепурного, который слыхалъ разговоръ двухъ крестьянъ, пользовавшихся дурной репутаціей конокрадовъ, какъ они разговаривали между собою по-малорусски на совершенно непонятномъ ему языкѣ.

Самымъ простымъ типомъ этой тарабарщины можетъ служить приставка къ словамъ частицы Хер. Сохранился объ этомъ слѣдующій анекдотъ: на печкѣ сидятъ два школяра и учатъ заданный урокъ. Возлѣ „лавы" на низкомъ кругломъ стулѣ сидитъ отецъ и шьетъ сапоги; на стѣнкѣ виситъ ременный батигъ. Мальчикамъ надоѣло читать: бра, вра, гра, дра... и вотъ одинъ тихонько говоритъ другому:— Хведоре!.. давай будемъ говорыть по нимецькы, щобъ батько не розибравъ.—„Давай!"—Хер-Иванъ?—„Хер-чого?"—Херъ-ходимъ!—„Хер-куды!"—Хер-на двиръ.—„Хер-за чимъ?"—Хер-покурыть!—Отецъ услыхавъ ихъ разговоръ, сказалъ: «А онъ, хер-батигъ хер-высыть!» Дѣти смѣшались: „Э, хер-зна!" и опять принялись за зубрёжку. Въ своемъ развитіи тарабарскій языкъ усложнялся, а именно: болѣе сложная форма состоитъ въ приставкѣ къ слогамъ въ словѣ частицъ нава́ и ралва́ выговариваемымъ чисто, при чемъ гласныя въ этихъ частицахъ измѣняются соотвѣтственно гласнымъ въ слогѣ, а частица ралва при встрѣчѣ съ звукомъ *р* въ полномъ слогѣ измѣняется въ ларва́. Представимъ примѣръ: ой, за гаемъ! Въ первомъ случаѣ будетъ такъ: *о́*-ново-*й*, *за́*-нава *га́*-нава *е́*-неве-*мъ*. Во второмъ случаѣ выйдетъ такъ: *о́*-ролво-*й* *за́*-ралва *га*-ралва-*е́*-релве-*мъ*. При слогахъ съ мягкими гласными *я*, *ю* приставки выговариваются съ соотвѣтствующими твердыми *а*, *у*. Напр.: нюся, будетъ *ню*-нуву-*ся́*-нава и *ню*-рулву-*ся́*-разлва. Наконецъ, послѣдняя форма, самая трудная и непонятная для непосвященнаго въ выраженіе ея. Здѣсь слоги выговариваются съ конца слова и къ такимъ слогамъ прибавляется частица *олы́злы*, которая измѣняется при гласныхъ твердыхъ *ы* и мягкомъ *и* въ *олизли*, при *а* и *я* въ *олязля*, при *у* и *ю* въ *олюзлю*, при *е*, *э* и *ѣ* въ *олѣзлѣ* и при *о* и *ё* въ *олёзлё*. Иногда для благозвучія къ частицѣ прибавляются *с-селёзле*, иногда слогъ *ле* совсѣмъ упускается и остается одно *олез*, иногда въ концѣ обороченнаго слова *олизли* совсѣмъ не произносятся. Вообще при этой формѣ выраженія внимательное ухо только слѣдитъ за слогами словъ, какъ бы упуская изъ виду частицу олизли, приставляемую и измѣняемую говорящимъ по произволу благозвучія фонетики. Напр.: Принеси воды! Будетъ такъ *си́*-олізли *не*-сі́лезле-при *ды*-олиз-*во*-олёзли. Лю́лька—ка-олязля-ль лю-сю́люзлю. Разговоръ ведется на манеръ французкаго произношенія. Считаю нужнымъ замѣтить, что тарабарскій языкъ употребляется еще среди мужской молодежи въ случаяхъ, когда нужно кого-нибудь обругать на непонятномъ языкѣ, или-же въ нескромныхъ разговорахъ ихъ съ женскимъ поломъ.

Происхожденіе малорусской тарабарщины намъ неизвѣстно, но можно предполагать, что творцами ея были „школяри", начинавшіе науку грамоты со стариннаго тарабарскаго букво-и слого-сложенія.

Свящ. **Н. Нелиповичъ**.

Кораблекрушенія въ липовецкомъ уѣздѣ, кіевской губ. Извѣстно, что статистическія свѣдѣнія, собираемыя низшими полицейскими чинами, волостными писарями и тому подобнами лицами, нерѣдко содержатъ въ себѣ чрезвычайные курьезы, которые объясняются отчасти усердіемъ не по уму доморослыхъ статистиковъ, во что бы то ни стало стремящихся дать свѣдѣнія на всѣ вопросы программы, часто не имѣющіе отношенія къ извѣстной мѣстности,—отчасти небрежностью переписки. Этими двумя обстоятельствами и объясняются напр. существованіе десятковъ десятинъ винограда въ вятской губерніи или чайныхъ плантацій въ средней Россіи, а также тѣхъ *четырехъ случаевъ кораблекрушеній* въ липовецкомъ уѣздѣ, о которыхъ доносилъ липовецкій уѣздный исправникъ въ Кіевскій губернскій статистическій комитетъ въ 1866 году. Вступившій въ этомъ году въ должность губернатора „Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Эйлеръ" издалъ 24-го декабря циркуляръ по статистическому Комитету, которымъ поставилъ на видъ полицейскимъ учрежденіямъ всѣ замѣченныя упущенія, и между прочимъ писалъ слѣдующее: «Имѣя въ виду затрудненія, встрѣчаемыя комитетомъ при обработкѣ всякаго рода свѣдѣній, происходящія частію отъ неполноты и неточности оныхъ, а частію отъ небрежности переписки, блѣдности чернилъ, неотчетливости выставленныхъ цифръ и т. п., предписываю на будущее время соблюдать непремѣнно чистоту въ наружной формѣ таблицъ, вѣдомостей и проч.,—при чемъ отсутствіе свѣдѣній, по какимъ бы то ни было рубрикамъ, не отмѣчать кавычками, а продольною чертою, или двумя нолями, потому что очень часто при перепискѣ небрежно поставленныя кавычки принимаются за цифру 11 или 4 (какъ это случилось въ липовецкомъ уѣздѣ: въ вѣдомости № 27, о *замѣчательныхъ происшествіяхъ*, случившихся въ уѣздѣ *въ рубрикѣ кораблекрушеній показано четыре случая*). Въ концѣ всякой вѣдомости слѣдуетъ указать источники заимствованныхъ свѣдѣній, а также обозначать лица, собиравшія эти свѣдѣнія и составлявшія требуемыя вѣдомости". (Изъ бумагъ звенигородскаго полицейскаго управленія).

Сообщ. **В. Доманицкій**.

Синодикъ, писанный съ 1734 по 1813 г. Въ архивѣ Николаевской ц. села Куреня, конотопскаго уѣзда черниг. губ., хранится синодикъ, писанный съ 1734 по 1813 г. На первомъ листѣ его изображена смерть въ видѣ человѣческаго скелета съ косой и заступомъ въ рукахъ. У подножія этого изображенія нарисованы люди разнаго пола и возраста, начиная отъ ребенка въ пеленкахъ до дряхлаго старика. Всѣхъ фигуръ пять. На оборотѣ этого листа подписано: «Сія книга глаголемая сінодікъ создася въ селѣ Куренѣ старание́мъ же и коштомъ освященого пресвитора Афанасія Кибальчича. Отъ него же дарствіемъ и нагородою изволися мнѣ Иоану Максимовичу, на тотъ часъ будучому подъячему Курѣнскому сія книга прозиваемая Синодикъ. Пісана сія книга въ Коуренѣ, при церквѣ святителя Христова Николая 1734 году, м-ця апрѣля 10 дня".

Далѣе слѣдуетъ стихотвореніе:

О смеръте, смеръте! ти еси страшна́я.
Вижду, же въ втебе коса замашна́я
Без желѣза и без всякого оружия
Творишъ людей немощъния и недолужния
Накого очима своима позришъ,
То воскорѣ его и мертва сотворишъ.
Нивъмалое непопускаешъ вщадѣние
Но вскорѣ берешъ восвое владѣние
Но ти и малихъ отрочатъ
Приводишъ до небесныхъ оградъ.
Ни единихъ младенцовъ и дѣвицъ
Несрамляешся и всякихъ лицъ
Святителей и патриарховъ
И всякихъ иераръховъ
Священическаго идияконского чина неминаешъ
Такожде и иноческого вельми неоставляешъ
Якоже превысочайшихъ Імператоровъ и Імператрицъ
Такожде и зѣло славнихъ Царей и Царицъ
Необходно великихъ князей
И всякихъ пресловутихъ государей
Славнихъ и храбрихъ Гетмановъ
Якоже и прочиихъ становъ
Славние рицаре зѣло бываютъ

Но итие на марсовомъ пляцу полѣгаютъ
Но и всякаго воинъскаго чина
Смертная постигаетъ вскорѣ година
Премудрихъ реторовъ и философовъ
Такожде теологовъ и остррономовъ
Яко и купеческихъ зѣло Богатырей
Но и всякого стану господарей
Истарихъ лѣтами но и тихъ неоставляешъ
Больныхъ калѣкъ сиротъ вдовъ странними непребѣраешъ
Всякии возрастъ и чинъ аки траву косишъ
Но барзе часто человѣческій родъ когробу носишъ
Здѣ имы смерти натя взираемъ
Тогожде исебѣ ожидаемъ
Всие временние лѣта
Скоро преселитися отъ сего свѣта
Имѣемъ тя смерти острогу
Же мѣемъ отъселѣ прейти ко Богу
Во землю вселитися
И во гробъ положитися
И тамо вѣчне пребывати
А лицо Господа Бога Нашего вовѣки вѣкомъ
Сподоби насъ всѣхъ оглядати.

Амынь.

Сообщ. **Іоаннъ Егоровъ**.

Къ юбилею Н. В. Лисенка. Въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 3230 р. 50 к. (см. № 7-8-й, стр. 50-51) для поднесенія подарка Н. В. Лисенку въ день предстоящаго празднованія его 35-лѣтняго юбилея, вновь поступило: 1) Б. И. Каминеръ—15 р.; 2) О. Е. и Н. Е. Василенко—2 р.; 3) І. В. Юркевичъ—25 р.; 4) К. В. Ж.—40 р.; 5) NN—5 р.; 6) Г. В. Залѣскій—5 р.: 7) А. Погибко—5 р.; 8) А. С. Бориневичъ—5 р.; 9) И. М. Луценко—10 р.: 10) Янковскій—1 р.; 11) В. Цымбалъ—5 р.; 12) М. Дроздъ—50 к.; 13) Я. Минченко—1 р.; 14) Е. С. Загреба—1 р.; 15) С. Коломійцева—50 к.; 16) М. И. Красовская—15 р.; 17) О. И. Новицкая—10 р.; 18) А. Г. Черняховскій—10 р.; 19) Б. Д. Гринченко—5 р.; 20) В. Кравченко—10 р.; 21) С. Н. Забѣлло—25 р.; 22) изъ Борзны

черезъ П. В. С.—10 р.; 23) Е. Ф. Дорошевскій—5 р.; 24) видъ Боди и Славы Ст-кивъ—1 р.; 25) В. Коломійченко—1 р.; 26) К. Л. Хоxличъ—1 р.; 27) А. Ѳ. Олейникъ—1 р.; 28) В. Ѳ. Волковъ—1 р.; 29) В. А. Маликъ—50 к. 30) отъ А. Балики, собранныхъ между знакомыми черниговцами— 26 р. 15 к.; 31) А. К. Трилѣсскій—10 р.; 32) Гр. Боско—1 р.; 33) Б. Щербаковскій—25 р.;—всего 278 р. 65 к., что вмѣстѣ съ прежде поступившими составитъ 3509 р. 15 к.

Текущія извѣстія.

Украинскій театръ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ въ г. Житомірѣ гастролировала извѣстная въ Галиціи украинская труппа львовскаго клуба «Руська Бесіда» подъ управленіемъ г. Губчака. Наряду съ пьесами украинскихъ драматурговъ труппа ставила на украинскомъ языкѣ и такія пьесы, какъ: «Уріэль Акоста», «Честь», «Извозчикъ Геншель», «Цыганскій баронъ» и др. По отзывамъ рецензента газеты «Волынь» постановка пьесъ и игра артистовъ труппы вполнѣ удовлетворительны. Труппа пользовалась значительнымъ успѣхомъ.

Въ г. Харьковѣ 31 іюля труппою гг. Саксаганскаго и Садовскаго была поставлена въ первый разъ новая пьеса И. К. Карпенка-Карого «Гандзя» (изъ временъ «Великой руины»). Помимо содержанія драма эта интересна новою обстановкою, декораціями и костюмами, изготовлявшимися подъ наблюденіемъ извѣстнаго художника С. Васильковскаго и Н. Уварова.

Наибольшее число спектаклей, устраиваемыхъ любителями драматическаго искусства, преимущественно для простого народа, приходится на лѣтнее время. Лѣтомъ газеты обыкновенно пестрятъ сообщеніями о постановкѣ любителями той или иной пьесы, часто и цѣлаго ряда пьесъ не только въ городскихъ народныхъ домахъ, чайныхъ, читальняхъ и т. п., но и въ сельскихъ. Фактъ отрадный, такъ какъ театръ, несомнѣнно, одно изъ здоровыхъ и полезныхъ развлеченій для народа подъ условіемъ, конечно, умѣлаго и хорошаго выбора пьесъ. Къ сожалѣнію, приходится отмѣтить печальный фактъ превращенія театра любителями иногда чуть ли не въ балаганъ. Что можетъ почерпнуть

и вынести изъ театра крестьянинъ или городской рабочій, прослушавши такую пьесу, какъ: «Помста жыдивкы, або чортове кубло», «Козаче серце», «Гайдамакы», «Влюбленный жыдъ», «Бувальщина»? А между тѣмъ, какъ видно изъ газетныхъ сообщеній, спектакли любителей охотно посѣщаются народомъ. Намъ, поэтому, совершенно понятно чувство негодованія, какимъ проникнуты бываютъ иногда горячія филиппики мѣстныхъ корреспондентовъ по адресу подобныхъ устроителей общедоступныхъ спектаклей. Предъ нами лежитъ нѣсколько такихъ замѣтокъ. Но среди нихъ особенно выдѣляется и по содержанію, и по проникающему ее тону замѣтка изъ г. Кобелякъ („Полт. Вѣстн.", № 80), авторъ которой, между прочимъ, говоритъ: „какъ часто мы, бѣдные граждане, вмѣсто хлѣба, котораго ждемъ, получаемъ отъ гг. любителей одни только камешки. Не объ исполненіи идетъ здѣсь рѣчь,—а о подборѣ пьесъ. Можно подумать, что враги малорусской литературы валятъ на сцену все, что ни на есть худшаго, немыслимаго ни на какомъ языкѣ, кромѣ украинскаго. Не говоримъ уже о томъ опереточномъ характерѣ постановки, на которую обращается главное вниманіе: разъ есть пѣніе и красивые костюмы— сойдетъ всякая галиматья". Такое пристрастіе любителей къ балаганщинѣ тѣмъ болѣе является страннымъ и ничѣмъ неоправдываемымъ, что существуетъ цѣлый рядъ прекрасныхъ, серіозныхъ пьесъ, проникнутыхъ здравою мыслію и жизненностью и пользующихся успѣхомъ на сценѣ. Недавняя постановка одной изъ такихъ пьесъ въ г. Кобелякахъ, именно—пьесы г. Гринченка „Нахмарыло", и отмѣчается корреспондентомъ газеты съ особеннымъ удовольствіемъ, какъ пьесы серіозной, идейной, затрагивающей немало вопросовъ не только народнаго, но и общечеловѣческаго характера. Драматическое положеніе героини, которой предстояло или выйти за нелюбимаго человѣка, или слѣдовать вліянію своего сердца, но зато быть причиною разоренія своей деревни, даетъ автору замѣтки почву для сравненія героини „Нахмарыло" съ Монной-Ванной. „Это—говоритъ рецензентъ—деревенская Монна-Ванна, но, въ противоположность флорентійской, она видитъ вокругъ себя не поклоненіе лжи, а культъ правды, жрецомъ котораго является ея возлюбленный—сельскій учитель". Сказавъ объ успѣхѣ пьесы, авторъ заканчиваетъ свою замѣтку выраженіемъ благодарности по адресу любителей за постановку названной пьесы и пожеланія перехода отъ дикихъ драмъ къ дѣйствительно здоровой и серіозной въ художественномъ отношеніи драмѣ. Относясь съ пол-

нымъ сочувствіемъ къ высказанному авторомъ помянутой замѣтки пожеланію, мы съ своей стороны не можемъ не выразить сожалѣнія, что этотъ переходъ такъ медленно совершается. Въ этихъ случаяхъ обыкновенно указываютъ на бѣдность украинскаго репертуара, на то, что хорошихъ пьесъ такъ мало. Но изъ того, что хорошихъ пьесъ мало, еще не слѣдуетъ, что нужно ставить пьесы плохія, преподнося зрителямъ балаганщину, а затѣмъ—ихъ и не такъ мало, какъ это кажется на первый взглядъ. Такъ, успѣхъ пьесы „Нахмарыло" г. Гринченка, которую мы не причисляемъ къ наиболѣе удачнымъ въ ряду его пьесъ, даетъ намъ поводъ указать на серіозныя, идейныя, написанныя съ знаніемъ народной жизни другія пьесы того же автора. Не касаясь въ этой краткой замѣткѣ ихъ художественныхъ достоинствъ и недостатковъ, мы ограничимся указаніемъ на самое главное—именно на то, что въ нихъ зрителямъ преподносится „хлѣбъ, а не камень".

По поводу приведенія въ порядокъ могилы А. П. Стороженка. Въ № 120 „Волынь" г. Васюта поднялъ вопросъ о необходимости привести въ порядокъ могилу извѣстнаго украинскаго писателя 60-хъ годовъ прошлаго вѣка *Алексѣя Петровича Стороженка (Олексы Стороженка)*. По этому поводу нѣкоторые изъ херсонскихъ почитателей покойнаго прислали къ намъ въ редакцію для почина *девять рублей*. Охотно исполняемъ порученіе жертвователей и, сообщая объ этомъ въ печати, думаемъ, что доброму примѣру послѣдуютъ и другіе земляки.

Неосуществившееся изданіе. Въ двадцатыхъ числахъ мая с. г. женою с.-петербургскаго купца, Евгеніей Антоновной Муркенъ, черезъ севастопольскаго градоначальника было подано ходатайство о разрѣшеніи издавать въ Севастополѣ ежемѣсячный журналъ „Хлиборобъ" на малорусскомъ языкѣ по слѣдующей программѣ: 1) Передовая статья, посвященная вопросамъ сельско-хозяйственной жизни и техники на русскомъ языкѣ. 2) Популярныя статьи по сельскому хозяйству и сельско-хозяйственной техникѣ на малорусскомъ языкѣ. 3) Фельетонъ—разсказы и повѣсти на малорусскомъ языкѣ. 4) Хроника и библіографія сельско-хозяйственной жизни на малорусскомъ языкѣ. Цѣна 3 руб.

въ годъ съ пересылкой. Издательница—жена с.-петербургскаго купца Евгенія Антоновна Муркенъ. Редакторъ – инженеръ-технологъ и корабельный инженеръ Левъ Макаровичъ Маціевичъ.

На ходатайство изъ главнаго управленія по дѣламъ печати послѣдовалъ отъ 12 іюля с. г. отвѣтъ, что „ходатайство о разрѣшеніи издавать журналъ „Хлиборобъ" признано г. министромъ внутреннихъ дѣлъ не подлежащимъ удовлетворенію".

Лекціи о бандуристахъ и кобзаряхъ и изслѣдованія народной музыки. Украинскій писатель и бандуристъ, инженеръ И. Хоткевичъ намѣренъ къ будущему XIII археологическому съѣзду приготовить обстоятельную работу по вопросу о народной музыкѣ. Съ этой цѣлью онъ имѣетъ предпринять поѣздку по югу Россіи вмѣстѣ съ слѣпцами-бандуристами и въ цѣломъ рядѣ городовъ прочесть лекціи о бандуристахъ и устроить этнографическіе концерты. На дняхъ г. Хоткевичемъ уже посланы прошенія о разрѣшеніи прочесть лекціи попечителямъ учебныхъ округовъ: харьковскаго, кіевскаго и одесскаго. По сообщенію „Придн. Края" (№ 1885) начальникъ екатеринославской губ. высказался принципіально за разрѣшеніе г. Хоткевичу прочесть въ городахъ екатеринославской губерніи лекціи о бандуристахъ, такъ какъ онѣ будутъ способствовать поднятію интереса въ населеніи къ предстоящему въ Екатеринославѣ XIII археологическому съѣзду и къ собиранію матеріаловъ для него.

Интересъ къ кобзарямъ и лирникамъ, дѣйствительно пробуждается. Такъ, по сообщенію корреспондента „Южн. Края" (№ 7775) въ остерскомъ уѣздѣ, послѣ недавняго циркуляра М. В. Дѣлъ о желательности изслѣдованія какъ положенія кобзарей, такъ и главнѣйшихъ мѣстъ ихъ жительства, кромѣ оффиціальныхъ лицъ, этимъ вопросомъ занялись и частныя лица, которыя съ этой цѣлью выразили желаніе сдѣлать экскурсіи текущимъ лѣтомъ въ болѣе глухіе уѣзды и села черниговской губерніи. Охотно взялись за это дѣло также сельскіе учителя и учительницы, которые явятся полезными дѣятелями въ дѣлѣ изслѣдованія о кобзаряхъ и лирникахъ. Народъ живо сохранилъ свои бытовыя отношенія къ кобзарямъ и лирникамъ въ черниговской губерніи и охотно даетъ указанія о мѣстахъ ихъ жительства и ихъ дѣятельности. Особенно много живетъ кобзарей въ селеніяхъ Лѣтки, Рожны, Жуковцы, Дымарка, Бровары, Требуховъ, Гоголевъ, Бортничи и, осо-

бенно, въ Никольской слободкѣ, въ лѣтнее время. Всякій, желающій заняться изслѣдованіемъ вопроса о кобзаряхъ и лирникахъ, ихъ жизни и дѣятельности, можетъ найти въ указанныхъ селахъ достаточный матеріалъ, особенно въ базарные дни и очередныя ярмарки. Среди кобзарей и лирниковъ въ селахъ черниговской губ. встрѣчаются весьма старые и интересные субъекты, ученики извѣстнаго полтавскаго дѣда Вересая.

Приглашенія на торжество открытія памятника Котляревскому. Разосланныя полтавскимъ городскимъ управленіемъ приглашенія на торжество открытія памятника Котляревскому составлены въ двухъ редакціяхъ, — одна для учрежденій и частныхъ лицъ, находящихся въ Россіи, а другая—для чужеземныхъ. Приводимъ текстъ другой редакціи: „Великія заслуги украинскаго поэта-родоначальника новаго періода украинской литературы, Ивана Петровича Котляревскаго, побудили его почитателей воздвигнуть ему достойный памятникъ въ родной Украинѣ, которую онъ такъ любилъ, въ родномъ городѣ поэта – Полтавѣ, гдѣ онъ жилъ и творилъ. Теперь памятникъ уже готовъ—30 и 31 августа (12 и 13 сентября н. с.) 1903 г. предстоитъ торжество его открытія. Братья! Извѣщаемъ васъ объ этомъ праздникѣ. Мы уповаемъ, что не нашъ только это будетъ праздникъ, а что всѣ члены великой славянской семьи возрадуются вмѣстѣ съ нами. Хотя и отдѣляютъ насъ другъ отъ друга искусственныя межи и тысячи верстъ лежатъ между нами, докажите, что мы близки другъ другу. Полтавское городское управленіе, приглашая васъ на упомянутое торжество, проситъ васъ: Пріидите къ намъ!“

Всѣхъ приглашеній разослано болѣе тысячи. Адресованы многія изъ нихъ земскимъ и городскимъ управамъ, разнаго рода ученымъ обществамъ и др. учрежденіямъ. Въ числѣ отдѣльныхъ лицъ, которымъ посланы приглашенія, встрѣчается много извѣстныхъ ученыхъ, литераторовъ, артистовъ, художниковъ.

Фотографическіе снимки съ горельефовъ на памятникѣ Котляревскому. Поступили въ продажу изготовленные фотографомъ І. Ц. Хмѣлевскимъ снимки съ горельефовъ, которыми украшенъ постаментъ памятника И. П. Котляревскому. Съ технической стороны

эти фотографіи не оставляютъ желать ничего лучшаго. Подъ фотографіей на картонѣ сдѣланы соотвѣтствующія объяснительныя надписи. Чистая прибыль, которая будетъ выручена отъ продажи этихъ фотографій, пойдетъ на основаніе фонда для открытія въ Полтавѣ городского начальнаго училища имени И. П. Котляревскаго.

Милліоны гетмана Дорошенка. Недавно со словъ «Харьк Л.» всю южную прессу облетѣло сенсаціонное извѣстіе о грамадномъ наслѣдствѣ, оставленномъ въ англійскомъ банкѣ гетманомъ Дорошенкомъ. Сначала извѣстіе это появилось въ такой версіи:

„Много лѣтъ тому назадъ гетманъ Дорошенко оставилъ въ Лондонѣ, въ англійскомъ банкѣ, нѣсколько, милліоновъ рублей, съ тѣмъ, чтобы деньги эти по истеченіи 150 лѣтъ были выдачы тѣмъ родственникамъ его по прямой линіи, которые къ тому времени будутъ жить. Въ настоящее время срокъ истекъ. Капиталъ, вложенный гетманомъ Дорошенкомъ въ англійскій банкъ, достигъ огромной суммы въ 62.300,000 р. Въ живыхъ, какъ говорятъ, остались 6 человѣкъ, которые приходятся по 3-му и 4-му колѣну родственниками гетману Дорошенку. Однимъ изъ обладателей этого многомилліоннаго наслѣдства называютъ проживающаго въ Харьковѣ слесаря Дорошенка, который еще мальчикомъ поступилъ въ харьковскія мастерскія К.-Х.-С. ж. д. въ качествѣ ученика. Окончивъ ученіе въ мастерскихъ, Дорошенко поступилъ слесаремъ на передаточный пунктъ станціи «Харьковъ». Получая здѣсь, въ 22 года, около 40 р. жалованія, слесарь Дорошенко считалъ себя человѣкомъ, довольнымъ своею судьбою. Но къ нему вдругъ явились два видныхъ представителя мѣстной адвокатуры и сообщили ему нѣчто фантастическое. Однако,—по словамъ газетъ—къ извѣстію о многомилліонномъ наслѣдствѣ слесарь Дорошенко отнесся сравнительно спокойно и, какъ человѣкъ отъ природы разсчетливый и не глупый, не бросилъ занимаемаго имъ скромнаго мѣста, а взялъ отпускъ, который, въ виду такого дѣла, предупредительно дало ему желѣзнодорожное начальство, и уѣхалъ третьяго дня въ Ахтырку—мѣсто своей родины—для полученія необходимыхъ документовъ, доказывающихъ его происхожденіе отъ гетмана Дорошенка».

Въ послѣднее же время въ «Харьковск. Листкѣ» названнымъ претендентомъ на наслѣдство гетмана помѣщено письмо, въ ко-

торомъ И. Дорошенко пишетъ: О существованіи наслѣдства мнѣ извѣстно было, съ одной стороны, изъ газетъ «Правительственный Вѣстникъ» и «Харьковск. Губернск. Вѣдомости», съ другой—со словъ покойнаго отца моего, Леонида Ивановича Дорошенка, который хлопоталъ объ этомъ дѣлѣ и окончить которое помѣшала ему вскорѣ наступившая смерть его; повѣреннаго же для веденія этого дѣла я самъ себѣ выбралъ по указанію одного моего хорошаго знакомаго. Что касается самаго размѣра денежныхъ капиталовъ покойнаго гетмана Дорошенка, то онъ выражается въ суммѣ не 62,000,000 руб., а, насколько мнѣ извѣстно, въ суммѣ 700,000,000 рублей (70 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ), и самый капиталъ (первоначальный размѣръ его—3,700,000 рублей) былъ положенъ не на срокъ, а впредь до образованія, изъ приращеній, указанной мною суммы, съ достиженіемъ каковой, онъ, согласно волѣ вкладчика, подлежитъ выдачѣ всѣмъ его, находящимся къ тому времени въ живыхъ, ближайшимъ родственникамъ, продолжателямъ его рода, и былъ положенъ капиталъ этотъ въ въ банкъ болѣе 200 лѣтъ тому назадъ». Дорошенко опровергаетъ слухъ о томъ, будто бы ему совѣтовали отказаться отъ занимаемой имъ теперь скромной должности.

«Я бы этого никогда не сдѣлалъ, такъ какъ она (должность) при полученномъ мною хотя и спеціальномъ, но ограниченномъ образованіи, является въ настоящее время единственнымъ источникомъ моего существованія».

Крестьянскій докладъ. По словамъ «Вѣстн. Юга» предстоящія очередныя сессіи Екатеринославской губ. будутъ обсуждать весьма интересный докладъ гласнаго отъ крестьянъ бахмутскаго у. Ивана Бутенка. Въ составленіи доклада принимали участіе односельчане кр. Бутенка—А. Бѣлогрудъ и сельскій староста М. Гордіенко. Исторія этого замѣчательнаго документа такова: первоначально докладъ поступилъ въ комитетъ сельскохозяйственнаго улучшенія въ бахмутскомъ уѣздѣ. Затѣмъ онъ обсуждался бахмутскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, а въ прошлогоднюю очередную сессію имъ вызванъ оживленный обмѣнъ мнѣній въ собраніи губернскомъ. Въ настоящее время, по постановленію губернскаго собранія, онъ разосланъ на заключеніе уѣздныхъ земствъ, сельскохозяйственныхъ и училищныхъ совѣтовъ.

Содержаніе доклада касается одного изъ наболѣвшихъ вопросовъ нашей современности—народной школы, ея программы, постановки обученія въ ней и языка преподаванія. Составители доклада убѣждаютъ обратить вниманіе на безконечное зубреніе въ сельскихъ школахъ, «подлежащихъ и сказуемыхъ, да мѣстоименій личныхъ и безличныхъ и всякихъ другихъ безполезныхъ мелочей». «Можетъ—предвидятъ докладчики,—намъ скажутъ, что подлежащія и сказуемыя съ причастіями и со всякими глаголами русской рѣчи вещь также необходимая, что безъ знанія этихъ частей (*скоро забываемой нами рѣчи*) мы не можемъ быть хорошими гражданами, или, не зная церковнославянской грамоты, мы перестанемъ молиться Богу... Но, господа, мы находимся въ особыхъ условіяхъ, мы страдаемъ оттого, что не знаемъ своего поля, не знаемъ той работы, къ которой призваны обстоятельствами... Мы, прежде всего, голодаемъ, мы ѣсть хотимъ. Надо же прислушиваться къ нуждамъ населенія... Мы теперь (въ школѣ) ѣдимъ и пьемъ то, что предлагаютъ намъ умы, обезпеченные насущнымъ, разбирающіе по своему, что намъ нужно, и чего не нужно».. А между тѣмъ, подлежащія со сказуемыми и причастіями (скоро забываемой рѣчи), «могутъ быть нужными канцелярскому писакѣ или счетоводу».

Авторъ статьи, посвященной этому интересному крестьянскому докладу («Вѣстн. Юга», №№ 496 и 497), обращаетъ вниманіе читателей на то характерное обстоятельство, что мысль, положенная въ основу доклада, высказывается не сверху, а снизу. „На школу, говоритъ авторъ, возложенъ рядъ тенденцій, не только не связанныхъ съ мѣстными особенностями быта, но часто и противорѣчащихъ имъ. Она призвана нивеллировать Россію, привести ее къ одному—московскому—знаменателю. По существу, противъ такой задачи не стоитъ возражать. Въ концѣ концовъ школа неминуемо приведетъ къ нивеллировкѣ—къ совмѣщенію нынѣ несовмѣстимаго и къ примиренію нынѣ разногласнаго. Въ этомъ смыслѣ, реакціонные лагери, ратующіе противъ школы, противъ всеобщаго и обязательнаго обученія, сами того не замѣчая, впадаютъ въ проповѣдь государственной розни и племенныхъ непримиримыхъ противорѣчій. Впрочемъ, возможно, что это и есть ихъ затаенная цѣль, и они лишь маскируются возгласами объ единомъ знаменателѣ.

Въ этомъ стремленіи ко всеобщей нивеллировкѣ лежитъ главная причина разрыва школы съ мѣстнымъ языкомъ, мѣстными нравами

и преданіями. Отсюда же, по мнѣнію автора статьи, и устраненіе мѣстныхъ лучшихъ людей отъ близкаго участія въ школьномъ дѣлѣ и благотворнаго вліянія на школьный строй: лишь при этомъ условіи могло сохраниться невѣроятное единство школьныхъ программъ наряду съ крайне и рѣзко многообразными различіями жизни на огромномъ пространствѣ отъ Сѣвернаго полюса до Персіи и отъ Волочиска до Портъ-Артура. Несомнѣнное и заранѣе обдуманное намѣреніе есть въ обязательномъ для народной школы зазубриваніи славянскихъ аористовъ и старыхъ формъ склоненія.

Докладъ крестьянъ не исчерпываетъ всѣхъ грѣховъ, проистекающихъ отъ единообразія начальной школы, но докладчики и не намѣревались исчерпать все. Они просто,—по ихъ словамъ,—„радуясь учрежденному комитету сельскохозяйственнаго улучшенія въ бахмутскомъ уѣздѣ, покорнѣйше просятъ комитетъ обратить должное вниманіе на вышеизложенное и передать свое заключеніе куда слѣдуетъ для дальнѣйшей разработки и нововведеній въ нашей школѣ. „Мы—говорятъ они—не крѣпнемъ, а слабѣемъ, не поднимаемся, а падаемъ, съ каждымъ годомъ все ниже и ниже... Оремо и сіемо, покладаючысь тилькы на волю Божу... Абы, мовлявъ, зерно въ землю, а тамъ Божа воля... Наша полевая работа—только трата силъ, мало полезная, а часто и совсѣмъ убыточная“.

Бѣдѣ крестьянской можетъ помочь школа только лишь тогда, когда программа ея будетъ измѣнена къ лучшему для селянъ-хлѣборобовъ *въ самомъ корнѣ ея*.

Поставленный такъ широко крестьянскимъ докладомъ вопросъ о преобразованіи народной школы былъ обсужденъ земскимъ собраніемъ. Бахмутское уѣздное земское собраніе заговорило лишь „о введеніи въ народныхъ школахъ преподаванія сельско-хозяйственныхъ знаній, причемъ нѣкоторыми изъ гласныхъ уѣзднаго земства было высказано пожеланіе, чтобы курсъ былъ продолженъ до 5 лѣтъ, и чтобы послѣдніе два года были посвящены преподаванію элементарныхъ свѣдѣній по сельскому хозяйству. Кромѣ того, нѣкоторые гласные высказались за организацію сельско-хозяйственныхъ школъ низшаго типа, съ педагогическими курсами“ („В. Ю.“ № 486). Въ такомъ видѣ крестьянскій докладъ поступилъ въ губернскую земскую управу для XXXVII очередного собранія.

Капиталъ отъ продажи сочиненій Квитки-Основьяненка. Отъ продажи сочининій Г. Ѳ. Квитки, изданныхъ харьковскимъ уѣзднымъ земствомъ, образовался капиталъ, въ настоящее время равняющійся суммѣ свыше 2,500 рублей, который предназначенъ земствомъ для расходовъ на нужды училища въ с. Основѣ имени покойнаго писателя. Изъ отчета о продажѣ сочиненій видно, что ежегодная выручка за нихъ составляетъ 800—900 руб., причемъ земство на изданіе сочиненій своихъ денегъ не расходуетъ. („Южн. Край", № 7787).

Народный театръ имени Т. Г. Шевченка. Въ г. Бѣльцахъ, бессарабской губ., почитатель памяти украинскаго поэта Т. Г. Шевченка, С. С. Малой выстроилъ (въ усадьбѣ помѣщика М. Н. Крупенскаго) театральное зданіе имени Т. Г. Шевченка. Уже состоялось и освященіе этого театра; послѣ молебствія харьковское товарищество малорусскихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Туманскаго, при участіи хора и оркестра, исполнило національный гимнъ и нѣсколько украинскихъ пѣсенъ Шевченка въ инструментовкѣ извѣстнаго композитора Н. В. Лисенка. На театральной сценѣ красовался роскошно убранный цвѣтами бронзовый бюстъ поэта. („Полт. Вѣст.", № 196).

Группы и статуэтки на Ильинской ярмаркѣ въ г. Полтавѣ. На полтавской Ильинской ярмаркѣ обращаютъ на себя особенное вниманіе превосходно исполненныя группы и статуэтки; среди нихъ особенно хороши: «Н. В. Гоголь, слушающій кобзаря", „Старецъ-лирникъ съ поводыремъ", „Тарасъ Бульба", „Гончаръ и швецъ за своими работами" и др. Превосходная работа этихъ издѣлій дѣлаетъ ихъ очень ходкими. („Волынь", № 130).

Отсрочка времени открытія всеславянской выставки. Комитетъ всеславянской художественно-промышленной выставки въ Петербургѣ, по словамъ петербургскихъ газетъ, объявилъ, что открытіе выставки, предполагавшееся въ 1904 г., откладывается на нѣкоторое время въ виду неспокойнаго политическаго настроенія нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, препятствующаго имъ заниматься приготовленіями къ участію въ выставкѣ, а также въ виду возможнаго расширенія участія Россіи, („Южн. Кр.", № 7810).

Предположеніе объ изданіи рисунковъ къ „Энеидѣ“ И. П. Котляревскаго. Доложено въ полтав. гор. думѣ предложеніе М. И. Сосновскаго объ изданіи городомъ рисунковъ худ. Мартиновича къ „Энеидѣ“ Котляревскаго съ тѣмъ, что г. Сосновскій лично беретъ на себя матеріальную передъ думой отвѣтственность за то, что затраченная на это дѣло сумма въ 500 р. будетъ возвращена. При этомъ Сосновскій, отстаивая свое предложеніе, высказалъ нѣсколько своихъ соображеній о значеніи передѣлки „Энеиды“ вообще, а творенія И. П. Котляревскаго и иллюстрацій къ нему г. Мартиновича—въ частности. Рисунки Мартиновича, конечно,—замѣтилъ въ заключеніе М. И.,—могутъ быть изданы частнымъ путемъ, но онъ считаетъ, что честь эта должна принадлежать городу, который взялъ на себя иниціативу сооруженія памятника Котляревскому. Рѣчь М. И. Сосновскаго возымѣла надлежащее дѣйствіе на думу, и послѣдняя единогласно рѣшила расходъ по изданію, какъ и самый рискъ, взять всецѣло на счетъ города.

Къ археологич. съѣзду. Императорская археологическая коммиссія поручила народному учителю В. А. Бабенку произвести въ текущемъ году археологическія раскопки на казенныхъ земляхъ, принадлежащихъ различнымъ установленіямъ, а также и на земляхъ общественныхъ въ предѣлахъ волчанскаго уѣзда, гдѣ очень много различныхъ кургановъ, скрывающихъ въ нѣдрахъ своихъ памятники древней старины. Въ особенности такими курганами изобилуетъ Старо-Салтовская волость. Для послѣдней археологической выставки, бывшей здѣсь въ прошломъ году, она не мало дала памятниковъ, обратившихъ вниманіе археологовъ. («Придн. Кр.», № 1886).

По сообщенію „Придн. Кр.“ (№ 1894) среди старинныхъ предметовъ, сохранившихся въ селѣ Каменскомъ, между прочимъ, имѣется серебряная дарохранительница средней величины, съ надписью: „Рабъ Божій Макаръ Ногай до храму Рождества Богоматери въ село Каменское 1778 г.“; чаша, дискосъ и лжица серебряные. На дискосѣ надпись: „1795—г. пожертвовано Степаномъ Кочаномъ“; чаша съ надписью: „1777 г., апрѣля 5. Сдѣлана сія чаша, дискосъ, звѣздица и лжица села Каменского до храму Пресвятыя Богородицы коштомъ войскового старшины Лукьяна Иванова Великаго, стараніемъ священ-

никовъ Аѳанасія Шемета и Василія Григорьева“; напрестольный крестъ кипарисоваго дерева въ серебряной оправѣ—даръ мѣстной церкви войскового старшины Макара Ногая, принесенный 26 октября 1779 года. Въ церкви имѣются богослужебныя книги, напечатанныя въ семидесятыхъ годахъ позапрошлаго столѣтія. Остатки старины сохранились еще между станціей Запорожье и с. Каменскимъ въ видѣ укрѣпленій, съ высокими валами, уже давно потерявшихъ первоначальныя очертанія. О времени возведенія этихъ древнихъ сооруженій старожилы ничего не запомнятъ.

Лубенскій украинскій музей. Г-жа Скаржинская рѣшила передать свой богатый музей, находящійся въ ея имѣніи, с. Кругликѣ, г. Лубнамъ. Городская дума выбрала по этому поводу спеціальную комиссію, въ которую былъ приглашенъ спеціалистъ по археологіи, служащій въ Румянцевскомъ музеѣ, г. Янчукъ. Въ докладной запискѣ, представленной комиссіи, г. Янчукъ высказываетъ мысль, что г. Лубны болѣе всего достоинъ имѣть украинскій музей даже для всей „Полтавщины“. Лубны по возрасту, древнѣе даже Москвы. Еще въ далекія времена Іереміи Вишневецкаго здѣсь были водопроводы, бревенчатыя мостовыя и т. п. признаки культурной жизни. Гончарныя издѣлія изъ лубенской глины славились давно уже своими фасонами и художественностью отдѣлки. Съ давнихъ поръ въ лубенскомъ уѣздѣ существуетъ культура лѣкарственныхъ травъ, для каковой культуры, во всякомъ случаѣ, требуется болѣе развитое населеніе. Вообще, по мнѣнію г. Янчука, „Посулье“, гдѣ сталкивалась такая масса людей, заслуживаетъ не меньше вниманія, чѣмъ „Поволожье“, и разсматриваемый музей, поставленный на должную высоту, могъ-бы значительно содѣйствовать дѣлу изученія „Лубенщины“ и быть вообще просвѣтительнымъ учрежденіемъ. Комиссія, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ г. Янчука о важности для города пріобрѣтенія музея, занялась вопросомъ о стоимости зданія и объ изысканіи средствъ для сооруженія зданія. Исчисленія инженеръ-технолога С. М. Шемета показали стоимость зданія въ 20,000 р.

Дума постановила ассигновать изъ запасного капитала 10,000 р. на начало дѣла. («Кіевлян.», № 222).

Археологическій музей въ г. Глуховѣ. 18 іюня глуховскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ торжественно былъ открытъ археологическій музей, возникшій по мысли Н. В. Шугурова. Одинъ изъ родственниковъ покойнаго напечаталъ по этому поводу въ «Одес. Листкѣ» (№ 178) письмо, въ которомъ обращается съ просьбой содѣйствовать пополненію вновь открытаго музея предметами украинской старины и сообщаетъ, что родственники и наслѣдники г. Шугурова также намѣрены пожертвовать въ «Шугуровскій музей» много цѣнныхъ старинныхъ портретовъ и часть библіотеки его—украинскія книги.

Могила Сирка. Товарищъ предсѣдателя екатеринославской архивной комиссіи А. С. Синявскій озабоченъ въ настоящее время изысканіемъ средствъ для выкупа находящейся въ частномъ владѣніи могилы кошевого запорожскаго войска славнаго Сѣрка. Этой могилѣ грозитъ разрушеніе. Собрано уже 500 руб. У названной могилы предполагается выстроить небольшой домикъ для посѣщающей могилу въ большомъ количествѣ публики. Съ окончаніемъ 2-ой Екатерининской желѣзной дороги, мѣстность эта станетъ легко доступной для посѣщенія интересующихся немногочисленными памятниками старины Новороссійскаго края. («Придн. Кр.» № 1858).

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЦІИ.

Ростъ организаціи среди галицкихъ украинцевъ для защиты своей народности. Въ предыдущей книжкѣ журнала мы говорили о томъ, что съ конца мая и начала іюня въ Галиціи начались народные съѣзды и вѣча для обсужденія положенія дѣлъ въ краѣ и принятія соотвѣтствующихъ рѣшеній. Съѣзды и вѣча эти продолжались въ теченіе всего лѣта. И количество состоявшихся вѣчъ, и цифры участниковъ, и резолюціи ихъ говорятъ о живомъ и быстромъ ростѣ организаціоннаго движенія среди народа въ Галиціи. Не говоря уже о болѣе крупныхъ городахъ и мѣстечкахъ Галиціи, гдѣ число участниковъ съѣздовъ доходило до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, и съѣзды въ селахъ отличались большимъ многолюдствомъ. Этотъ фактъ отмѣчался какъ украинской, такъ и польской прессой съ неодинаковыми, конечно, чувствами. Ораторы, какъ интеллигенты, такъ и крестьяне,

горячо говорили на вѣчахъ о несправедливостяхъ, чинимыхъ украинскому народу поляками, о тяжеломъ политическомъ и соціально-экономическомъ положеніи русиновъ; не останавливались предъ печальной необходимостью отмѣчать иногда глубокую деморализацію украинскаго народа, препятствующую успѣху борьбы съ поляками, и указывали на его инертность и темноту.

Предметомъ обсужденія на вѣчахъ былъ цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся всѣхъ сферъ жизни народа: экономической, духовной, соціальной и политической. Все разнообразіе резолюцій, принятыхъ многочисленными съѣздами по обсуждавшимся вопросамъ, можетъ быть сведено къ слѣдующимъ основнымъ пунктамъ: требовать отъ правительства—поднятія положенія землепашества, учрежденія дешеваго кредита, уничтоженія рогатокъ на дорогахъ, ревизіи кадастра, справедливаго распредѣленія государственныхъ, областныхъ и мѣстныхъ общественныхъ налоговъ, признанія за крестьянствомъ и всѣмъ украинскимъ народомъ бóльшихъ правъ и значенія въ сеймѣ, измѣненія избирательныхъ законовъ, признанія бóльшихъ правъ за украинскимъ языкомъ и уравненія его въ школахъ, административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ съ другими языками.

Многочисленныя и людныя вѣча прошлаго и нынѣшняго годовъ оказали громадное вліяніе на ростъ самосознанія въ народѣ и на пробужденіе его къ самозащитѣ. Такъ, мы видимъ, что въ послѣднее время открываются повсемѣстно новыя читальни, а дѣятельность прежнихъ оживаетъ и усиливается, открываются новыя филіальныя отдѣленія общества «Просвіта», возникаютъ одно за другимъ общества «Соколи» и «Січи», основываются новыя кредитныя товарищества, кассы, потребительскія общественныя лавки, вновь и съ большей силой поставленъ на очередь вопросъ о постройкѣ національнаго театра, наконецъ,—значительно увеличилось число всякаго рода собраній, клубовъ совѣщательныхъ, концертовъ и т. п. Все это, въ связи съ вновь вспыхнувшими этимъ лѣтомъ во многихъ мѣстахъ Галиціи крестьянскими страйками, вызываетъ большое безпокойство въ польскихъ гакатистскихъ сферахъ. Польскіе комитеты разсылаютъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ полякамъ, евреямъ, находящимся въ зависимости отъ поляковъ ополяченнымъ русинамъ, учителямъ, учительницамъ и всякимъ административнымъ лицамъ, спеціальныя воззванія, призывающія къ борьбѣ съ украинскимъ національнымъ движеніемъ и къ матеріальной и моральной поддержкѣ польскихъ об-

ществъ, поставившихъ своей задачей эту борьбу. Недавно въ галицкой украинской прессѣ были цѣликомъ воспроизведены два такихъ воззванія одного польскаго повѣтоваго комитета, интересъ которыхъ, помимо содержанія, зиждется на буквальномъ почти сходствѣ ихъ съ воззваніями прусскихъ гакатистовъ, борющихся съ полонизаціей Пруссіи. Сравненіе текстовъ прусскихъ и польскихъ воззваній заставляетъ видѣть въ послѣднихъ дословный переводъ съ нѣмецкаго. Это обстоятельство дало поводъ публицисту «Діла» напомнить польскимъ гакатистамъ замѣчательную рѣчь одного изъ польскихъ пословъ въ нѣмецкомъ рейхстагѣ, заканчивающуюся такими словами: «всѣ ваши діавольскія затѣи, всѣ ваши сотни милліоновъ, истраченныя на то, чтобы стереть насъ съ лица нашей земли, окончатся ничѣмъ. Мы, проникнутые сознаніемъ святости своего дѣла, вынесемъ, какъ гранитная скала, всю тяжесть безвременья, выйдемъ изъ него побѣдоносно, а для васъ, гакатистовъ, останется лишь одно: пятно безчестья на челѣ вашемъ, запротоколированное на страницахъ всемірной исторіи конца XIX и начала XX столѣтій!» Конецъ этой рѣчи звучитъ болѣе полной нотой дѣйствительнаго трагизма въ устахъ галицкаго украинца, чѣмъ нѣмецкаго поляка, потому что положеніе украинцевъ въ Галиціи подъ властью поляковъ несравненно хуже, чѣмъ поляковъ въ Познани. Какою могучею, широкою, всезахватывающею волною идетъ полонизація Галиціи, видно изъ цифръ послѣдняго отчета «Краевоі шкільноі Ради». Цифры же эти дѣйствительно поучительны: на 3.810 учениковъ украинцевъ, обучающихся въ среднихъ школахъ, приходится 17.935 не украинцевъ (13.254 поляка и 4.268 евреевъ). Выходитъ, такимъ образомъ, что одинаковое съ украинцами число польскаго населенія въ Галиціи, посылаетъ въ школу дѣтей въ $3^1/_2$ раза больше, чѣмъ украинцы; даже евреи, которыхъ въ краѣ всего 800.000, находятся въ болѣе счастливыхъ условіяхъ, чѣмъ украинцы. Языкъ мертвыхъ цифръ слишкомъ краснорѣчиво говоритъ самъ за себя, чтобы къ нимъ нужно было что-либо еще прибавлять. Шовинизмъ настолько ослѣпилъ поляковъ—не всѣхъ конечно, но самую вліятельную въ краѣ часть ихъ,—что они, сами того какъ бы не видя, собственными руками выкапываютъ громадную пропасть между двумя народами, не желая считаться ни съ исторіей, ни съ близкимъ будущимъ. Для другой части польскаго общества той же группы, но стоящей въ сторонѣ отъ борьбы и незахваченной ею, видна близорукая политика галицкой шляхты и вызываетъ среди нея серіозныя опасенія за то, что

польско-украинскія отношенія могутъ, въ концѣ концовъ, стать «колодою у ногъ поляковъ», что отчасти сказывается уже и теперь. Этой другой частью польскаго общества являются поляки, живущіе въ Россіи, выразителемъ взглядовъ которыхъ служитъ Петербургскій „Kraj“. Недавно, по поводу назначенія гр. С. Бадени маршаломъ сейма, „Kraj“ коснулся украинско-польскихъ отношеній и высказалъ много серіозныхъ мыслей, заслуживающихъ вниманія и глубокаго признанія. Онъ съ полнымъ осужденіемъ относится къ системѣ галицкихъ отбросовъ, подрывающихъ уровень этики въ населеніи“. Кто видѣлъ, говоритъ „Kraj“, сеймовые или парламентскіе выборы въ Галиціи, кто имѣлъ случай убѣдиться, какъ ужасно они понижаютъ иногда нравственный уровень общества и какъ неслыханно подрываютъ они всякую вѣру, всякое взаимное довѣріе, какъ подкапываютъ уваженіе къ правящимъ сферамъ, тотъ пойметъ лучше, чѣмъ кто-либо иной, чѣмъ являются результаты борьбы съ русинами. Галиція никогда не знала бы этой невыразимой избирательной трагедіи, народное движеніе не прониклось бы такой страшной ненавистью, если бы цѣлое поколѣніе не повторяло вѣчно одного: „мы должны держаться избирательной системы такой, какою она есть, потому что считаемъ патріотической обязанностью не пускать русиновъ“. Далѣе такая политика является вредной и потому, что неоднократно давала и продолжаетъ давать возможность австрійскому правительству въ Вѣнѣ пугать польское коло русинами. По мнѣнію „Kraj'я“ за какую угодно цѣну нужно желать во-время вскрыть это больное мѣсто, чтобы не дойти до положенія, изъ котораго можетъ не оказаться выхода“.

Съѣздъ украинскихъ студентовъ во Львовѣ. 13 и 14 іюля происходило студенческое вѣче во Львовѣ. Вслѣдствіе неприбытія на вѣче студентовъ-богослововъ и принципіальныхъ разногласій, возникшихъ среди собравшейся на вѣче украинской молодежи, съѣздъ былъ не изъ удачныхъ. Главнѣйшія резолюціи съѣзда состояли въ слѣдующемъ: 1) съѣздъ приглашаетъ всѣхъ товарищей записываться съ наступающаго осенняго семестра въ Львовскій университетъ; 2) постановляетъ въ самомъ скоромъ времени приступить къ основанію новаго общества „Академічна Поміч“; 3) признаетъ неотложную нужду въ открытіи украинской женской гимназіи во Львовѣ и обращается къ обществу, а въ особенности къ посламъ сейма и парламента съ прось-

бой энергично приняться за осуществленіе этой мысли и 4) признаетъ необходимымъ основаніе землячествъ.

Народное вѣче въ Черновцахъ. Украинскими послами Буковинскаго сейма, проф. Смаль-Стоцкимъ, Пигулякомъ, Левицкимъ и Василькомъ 7 іюля было созвано народное вѣче въ Черновцахъ. Задолго до назначеннаго дня въ Буковинѣ въ большомъ, количествѣ экземпляровъ разсылались воззванія, въ которыхъ говорилось, что «чрезвычайно важное нынѣшнее положеніе политическое и не менѣе важныя и неотложныя церковныя дѣла налагаютъ на насъ, выбранныхъ представителей украинскаго народа, обязанность созвать народное вѣче съ цѣлью посовѣтоваться и рѣшить, какъ намъ дальше въ полномъ согласіи и единодушіи, въ полномъ единомысліи со всѣмъ украинскимъ народомъ поступать и защищать его интересы». На воззваніе откликнулась масса народа, на вѣче собралось нѣсколько тысячъ народа. По словамъ очевидцевъ, это была первая дѣйствительная манифестація всѣхъ сознательныхъ украинцевъ въ Буковинѣ. Главная масса участниковъ вѣча были крестьяне; кромѣ нихъ присутствовали народные учителя и учительницы, студенты, кое-кто изъ духовенства и мѣщанства и, въ качествѣ гостей, три посла нѣмецкой и румынской демократическихъ партій. Вѣче открылось рѣчью посла С.-Стоцкаго, въ которой онъ, указавъ на успѣхи буковинскихъ украинцевъ во внутренней политикѣ края, высказалъ надежду на лучшее будущее, благодаря уходу прежняго намѣстника и назначенію новаго. Украинскій народъ на Буковинѣ долженъ лишь открыто и энергично выставить свои требованія, а если вѣче народное поддержитъ своихъ пословъ, то каждый вынужденъ будетъ считаться съ этими требованіями, зная, что за ними стоитъ весь народъ. Послѣ рѣчи посла С.-Стоцкаго наступила совѣщательная часть вѣча. Первымъ говорилъ тотъ же проф. С.-Стоцкій, перечисляя и поясняя тѣ требованія буковинскихъ украинцевъ, какія должны быть предъявлены правительству. Требованія эти касаются реформы выборовъ въ сеймъ, состоящей въ образованіи новой куріи изъ уплачивающихъ минимальные налоги, реформъ въ области административнаго управленія и поднятія экономическаго благосостоянія народной массы. Между прочимъ было указано на необходимость дешеваго кредита для селянъ и увеличенія жалованья народнымъ учителямъ. Изъ требованій строго національныхъ на первый планъ должно

быть поставлено требованіе признанія правъ за украинскимъ языкомъ въ сферѣ оффиціальныхъ отношеній. Этому же вопросу былъ посвященъ спеціальный докладъ на вѣчѣ посломъ Пигулякомъ. Вѣчу былъ представленъ докладъ о необходимости реформъ въ сферѣ церковнаго управленія въ смыслѣ раздѣленія православной діэцезіи на двѣ—украинскую и румынскую, подъ непремѣннымъ условіемъ назначенія на епископскую кафедру украинца, о необходимости проповѣди церковной на украинскомъ языкѣ и т. п. Посолъ Василько доложилъ вѣчу о политическомъ положеніи и тактикѣ украинскихъ пословъ въ сеймѣ и парламентѣ. Въ популярной рѣчи, обращенной къ народу, посолъ живо изобразилъ тяжелое положеніе буковинскихъ пословъ въ парламентѣ, гдѣ украинцы съ трудомъ находятъ себѣ союзниковъ и должны полагаться на собственныя силы. Послѣ докладовъ и рѣчей ораторовъ вѣче перешло къ формулировкѣ резолюцій. Единогласно были приняты слѣдующія резолюціи: «Собранное 7 іюля со всѣхъ уѣздовъ Буковины народное вѣче выражаетъ своимъ посламъ парламента и сейма полное довѣріе и благодарность за всю ихъ дѣятельность, а также съ удовольствіемъ констатируетъ фактъ единодушія всей украинской интеллигенціи, стоящей на народной почвѣ; обращается съ просьбой къ посламъ съ прежней энергіей добиваться экономическихъ улучшеній для народа и равноправности въ сферѣ церковной. Прежде всего послы должны стараться о реформѣ системы выборовъ въ сеймъ, а украинскій народъ обѣщаетъ оказывать имъ въ этомъ помощь всѣми силами и способами, какіе находятся въ распоряженіи народа; союзъ украинскихъ пословъ въ этомъ дѣлѣ съ представителями другихъ свободолюбивыхъ группъ вѣче вполнѣ одобряетъ. Кромѣ того вѣче требуетъ: измѣненія закона о содержаніи школъ, уничтоженія мыта, организаціи дешеваго кредита, улучшенія положенія народныхъ учителей и введенія во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ украинскаго языка. Въ дѣлѣ церковнаго управленія вѣче требуетъ раздѣленія греко-восточной діэцезіи на части румынскую и украинскую».

По закрытіи вѣча тысячная толпа народа двинулась къ дому митрополита Репты для сообщенія послѣднему резолюціи вѣча о церковномъ управленіи. Послѣ долгихъ колебаній и ручательства пословъ за полный порядокъ, митрополитъ, блѣдный и взволнованный, вышелъ къ народу. При гробовой тишинѣ посолъ Пигулякъ въ краткой рѣчи изложилъ цѣль прихода къ митрополиту народа во главѣ съ послами и сообщилъ ему резолюціи вѣча. Митрополитъ отвѣтилъ, что не при-

знаетъ права за послами вмѣшиваться въ сферу церковнаго управленія. Посолъ указалъ на тысячную толпу народа, стоявшую чинно, безъ шапокъ, передъ митрополитомъ и сказалъ, что если этихъ свидѣтелей воли народной для митрополита недостаточно, то онъ, посолъ, можетъ явиться съ числомъ въ десять разъ большимъ. Митрополитъ заявилъ, что пусть вся Буковина явится, онъ никому не дастъ права голоса въ дѣлахъ церкви. «Передать ваши слова народу?»—спросилъ Пигулякъ. «Я самъ пойду къ народу, я не боюсь»,—отвѣтилъ митрополитъ. Въ массѣ поднялся шумъ. Пигулякъ сдѣлалъ знакъ рукою, толпа смолкла и разступилась. Митрополитъ началъ ходить между народомъ, бесѣдуя съ нимъ. Послѣ разспросовъ и бесѣды со многими изъ толпы, митрополитъ снова отвѣтилъ посламъ и народу, что не можетъ считать пословъ за представителей народа въ дѣлахъ церкви, и что пусть народъ проситъ у императора права избрать особыхъ для этого представителей. «Ганьба! Ганьба!»—разнеслось въ толпѣ. Но послы быстро успокоили ее и она чинно, съ пѣніемъ національнаго гимна, начала расходиться по домамъ.

Библіографія.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка. Томи LI, LII, і LIII. *У Львові, 1903 р.*

Означенные три тома «Записок», вышедшіе въ первое полугодіе текущаго года, содержатъ, по обыкновенію, массу цѣннаго матеріала по всѣмъ отраслямъ украиновѣдѣнія, частью въ видѣ спеціальныхъ изслѣдованій, частью мелкихъ замѣтокъ и критическихъ отзывовъ о громадномъ количествѣ всевозможныхъ изданій, книгъ и брошюръ, въ которыхъ затронутъ былъ какой-либо вопросъ, имѣющій хотя бы отдаленное отношеніе къ области украиновѣдѣнія. Благодаря энергіи и неусыпной бдительности редактора, профессора Михайла Грушевського, внимательно слѣдящаго за тѣмъ, чтобы малѣйшее печатное извѣстіе обо всемъ, соприкасающемся съ задачами редактируемаго имъ научнаго журнала, не минуло отзыва на страницахъ послѣдняго,—«Записки Наукового Товариства», безъ сомнѣнія, создали и упрочили за собой славу руководящаго органа для всѣхъ русскихъ ученыхъ, не говоря уже объ украинскихъ.—

Къ отдѣлу исторіи и археологіи въ лежащихъ передъ нами трехъ означенныхъ томахъ «Записок» относятся слѣдующія изслѣдованія и статьи.

М. Грушевський: Кілька грамот Володислава Опольського (LI, стр. 1—8). Приведено пять неизвѣстныхъ донынѣ въ печати грамотъ Владислава Опольського (второй половины XIV ст.); три изъ нихъ относятся ко времени дѣйствительнаго владѣнія Опольскаго Галичиной, а двѣ остальныя—весьма неяснаго и вѣроятно болѣе фиктивнаго

его господства въ ней (интересна дата—1385, 3/х). Одна сохранилась съ русскимъ текстомъ (1378 г.), другія написаны по-латыни или переведены на этотъ послѣдній.

М. Грушевська. Причинки до історії руськоі штуки в давній Польщі (етнографічній) (*LI*, Наук. хрон., 1—13). Авторъ приводитъ свидѣтельства о широкомъ распространеніи древне-русскаго искусства—архитектуры, а въ особенности живописи въ этнографической Польшѣ въ отдаленныя времена—XII столѣтія и раньше, вплоть до XV. За недостаткомъ собственныхъ мастеровъ Польша въ XIV и XV ст., начавшая тогда культурную миссію свою на Руси, обращается къ этой послѣдней и приглашаетъ оттуда художниковъ для различныхъ художественныхъ работъ въ Краковѣ, Сандомірѣ, Гнѣзнѣ и въ др. мѣстахъ. Въ статьѣ приведены и описаны дошедшія до нашего времени слѣды этихъ работъ, а также интересная грамота Ягайла, выданная въ 1426 г. художнику-священнику Галеви (русину) въ Перемишлѣ за художественныя работы, исполненныя имъ въ королевскихъ земляхъ: Сандомірской, Краковской, Сѣражской и др.

Богдан Барвінський. Прешбурґський з'їзд в справі спадщини по Бабенберґах (причинок для історії великого австрийського безкоролівя) (*LII*, стр. 1—27). Авторъ, относясь скептически къ хронологіи автора Ипатьевской Лѣтописи, устанавливаетъ для Прешбургскаго съѣзда (Галицкаго князя Даніила съ угорскимъ Белою IV) свою дату: 1250 г., полемизируя съ другими изслѣдователями—Шараневичемъ, Дашкевичемъ и М. Грушевскимъ, въ особенности съ послѣднимъ, относящимъ съѣздъ къ 1248 г.

Какъ дополненіе и возраженіе на статью г. Барвинскаго является небольшая статья *М. Грушевського. До справи хронольоґічної звязи в Галицько-волинській літописи* (Ibid., 1—5), въ которой послѣдній не считаетъ убѣдительными доводы г. Барвинскаго и, признавая хронологическую связь въ Галицко-волынской лѣтописи достаточно прочной, не измѣняетъ взгляда относительно даты Прешбургскаго съѣзда.

Зенон Кузеля. Нові праці над історією початків Славянства (кинець буде), (*LII*, Наук. Хрон., 1—25). Статья содержитъ обзоръ трудовъ о началѣ Славянъ и ихъ разселеніи, появившихся за послѣднее пятилѣтіе (всего 17 изслѣдованій: Нидерле, Погодина, Богуславскаго, Брауна, Кентшинскаго и др.). Вначалѣ сообщаются замѣчанія о важнѣйшихъ трудахъ, затѣмъ разсматриваются наиболѣе важные вопросы въ освѣщеніи новѣйшихъ трудовъ.

Олексій Маркович. XII археольоїічний з'їзд у Харкові, 1902 р. (*Замітки.* LIII, 1—18). Интересны въ особенности общія практическія замѣчанія покойнаго историка объ археолог. съѣздахъ, бывшаго участникомъ почти во всѣхъ археологическихъ съѣздахъ въ Россіи (стр. 1—6); пересказывается вкратцѣ въ извѣстной системѣ содержаніе докладовъ

Олександер Сушко. Предтеча унії. Критично-історична студия (далі буде) (LIII, 1—71). Начало, повидимому, обширнаго изслѣдованія объ одномъ изъ забытыхъ, а въ свое время—знаменитомъ дѣятелѣ, предтечѣ уніи въ юго-западной части Руси—Бенедиктѣ Гербестѣ. Первая часть (1—44), написана въ тонѣ, нѣсколько необычномъ для историческихъ изслѣдованій, съ немалой дозой лирики и посвящена характеристикѣ общаго печальнаго состоянія польско-католическаго, а также южно-русскаго духовенства XVI в., среди котораго пришлось жить и дѣйствовать Гербесту. Болѣе интересна вторая часть, посвященная біографіи Гербеста, гдѣ попутно авторъ затрагиваетъ и вопросы просвѣтительнаго характера въ первой половинѣ XVI ст. въ самой Польшѣ и въ Галичинѣ (Новім Місті і у Львові).

Къ области *филологіи и исторіи литературы* относятся: цѣнное изслѣдованіе *Павла Житецького. Острозька трагедія* (LI, 1—24), предпосланное текстамъ «Ляменту» и «Придатка» къ нему (стр. 11—24), написанныхъ въ 1636 г. въ Ровно, волынск. губ. немедленно вслѣдъ за извѣстной «Острожской трагедіей» (въ томъ же году). «Трагедія» была вызвана поступкомъ Анны-Алоизы Ходкевичевой,—внучки кн. Константина Острожскаго, пожелавшей въ пасхальную ночь 1636 г. перевезти тѣло своего отца Александра Константиновича, умершаго въ православной вѣрѣ, въ костелъ при острожской іезуитской коллегіи. Этотъ поступокъ вызвалъ негодованіе среди острожскихъ мѣщанъ, а затѣмъ нападеніе на эскортъ Анны-Алоизы, когда она возвращалась изъ костела. Напечатанные г. Житецкимъ памятники представляютъ немалый интересъ для филологовъ: языкъ ихъ—пестрая смѣсь польскихъ элементовъ съ украинскими. Авторъ предполагаетъ даже, что они первоначально были написаны по-польски, а затѣмъ уже переписаны по-славяно-русски, и въ послѣдней редакціи появились уже болѣе или менѣе отчетливо признаки украинскаго языка, фонетическіе и морфологическіе.

Др. Осип Маковей. З історії нашої фільольогії—Три галицькі граматики (Іван Могильницький, Йосиф Левицький і Йосиф Лозинсь-

кий). (Кінець буде) (LI, 1—58). Изслѣдованіе г. Маковея открываетъ совершенно новые горизонты въ исторіи галицкаго возрожденія. До сихъ поръ началомъ его считали «руску трійцю» (Шашкевичъ, Головацкій, Вагилевичъ), и исходнымъ моментомъ 1837 г.—годъ изданія «Русалки Днѣстровои». Между тѣмъ оказывается, что серьезная научная работа въ національномъ духѣ началась значительно раньше 1837 г. (лѣтъ на 10) и затѣмъ продолжалось параллельно съ дѣятельностью „рускоі трійці",—и чуть ли не имѣла для галицкой Руси бо́льшаго значенія чѣмъ „Русалка Днѣстрова". Кружокъ ученыхъ людей (Могильницкій, Лучкай и Іос. Левицкій), названный авторомъ „вѣнско-перемышльскимъ", первый приступилъ къ дѣлу возрожденія галицкой Руси и приготовилъ тотъ путь, на который затѣмъ смѣлѣе вступилъ львовскій кружекъ (руска трійця). Въ изслѣдованіи г. Маковея читатель найдетъ массу интереснаго матеріала, цѣннаго въ историко-культурномъ отношеніи. Кромѣ трудовъ, печатныхъ и рукописныхъ упомянутыхъ трехъ грамматиковъ, сообщаются любопытныя свѣдѣнія объ отношеніи Копитара къ первымъ грамматикамъ и вопросу о самостоятельности украинскаго языка, о происхожденіи войны за азбуку и правописаніе у русиновъ и ея теченіи (первая война началась въ 1834 г.).

Авторъ пользовался преимущественно рукописными источниками—рукописями трудовъ Левицкаго и Лозинскаго, съ замѣтками на нихъ Копитара, находящимися во Львовской университетской библіотекѣ и найденными на чердакѣ въ г. Яворовѣ (матеріалы Лозинскаго). О Могильницкомъ авторъ собралъ что могъ, хотя рукописи грамматики его нигдѣ не могъ раздобыть: быть можетъ она и не существуетъ на свѣтѣ. Съ своей стороны добавимъ, что въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ (рукопись № 483) находятся слѣдующія произведенія Могильницкаго: 1) „Вѣдомость о русскомъ языкѣ" 1829 г., (стр. 1—104), 2) то же на польскомъ языкѣ (стр. 155—234),—извѣстна г. Маковею изъ „Czasopismo naukowe", 1829 г., № 3 подъ загл.: „Rozprawa o języku ruskim", и 3) Bestimmung des Begriffes „ruthenische Sprache" oder „ruthenischer Dialekt" (105—154). Рукопись отличается поразительною четкостью, очевидно бѣловая, приготовленная къ печати.

Іван Ем. Левицький. Галицько-руська бібліографія за роки 1772—1800 (LII, 1—44). Іван. Ем. Левицький—авторъ капитальнѣйшаго труда: Галицко-Русская библіографія XIX ст. (доведена отъ 1801 до 1881, а затѣмъ еще въ двухъ книгахъ до 1883 включительно).

Въ настоящемъ трудѣ въ прежней системѣ составлена имъ библіографія за годы 1772—1800; изъ болѣе рѣдкихъ и важныхъ изданій сдѣланы имъ выписки, а кое-гдѣ, въ случаѣ сомнительности мѣста или времени изданія или ошибочности прежнихъ свѣдѣній, даны примѣчанія. Желательно было бы, чтобы авторъ, большой знатокъ украинской литературы, не позабывалъ и новѣйшаго періода—и продлилъ свой трудъ до нашихъ дней.

Наконецъ, къ тому же отдѣлу относится статья др. *Олександра Колесси. Лаврівські перґамінові листки з XII—XIII в.* (LIII, 1—26). Автору посчастливилось найти въ Лаврибскомъ монастырѣ Старосамборскаго повѣта три отрывка на пергаментѣ, которые онъ, на основаніи данныхъ палеографіи и языка относитъ къ XII—XIII в. Собственно слѣды южно-русскаго языка, въ частности галицко-русскаго, носятъ на себѣ лишь первый и отчасти третій отрывокъ.

Къ области этнографіи относится лишь одна статья—окончаніе изслѣдованія *Володимира Гнатюка. Пісенні новотвори в українсько-руськім народнім словесности* (LII, 38—67). Здѣсь помѣщены тексты пѣсенъ, сложенныхъ украинцами въ Бразиліи и Канадѣ (стр. 38—57) и затѣмъ гуцульскія (58—67). Большой интересъ представляютъ первыя—созданныя на нашихъ глазахъ, и тѣмъ не менѣе отличающіяся нерѣдко значительными художественными достоинствами (см. напр., №№ 32, 35, 38, 39, 43).

Въ отдѣлѣ Miscellanea находятся слѣдующіе документы и замѣтки: *Зубрицького Михайла. Кілька документів до історії сільського духовенства в Галичині XVII—XVIII в.* (LI, 1—12), *Ів. Франка. Новий варіант легенди про пяницьке чудо в Корсуні* (LII, 1—2),—найденный въ рукописномъ сборникѣ житія святыхъ и апокрифовъ въ сокольскомъ повѣтѣ; *А. Крушельницького. З дневника гр.-кат. пароха 1848—1850 р.* (LII, 2—12); *Ол. Маркевич. Як складаються легенди* (LII, 19—20),—легенда, сочиненная въ 1902 г. въ Одессѣ по поводу чумы; *М. Грушевського. Незаплачене київське подимне* (LIII, 1—2),—документы 1596 г. изъ Литовской Метрики, свидѣтельствующей о томъ, что польское правительство не въ состояніи было взыскать подымное въ Кіевщинѣ за все время съ 1596 года, почему и подарило его заслуженнымъ воинамъ—Лысаковскому и Коморовскому; *Ів. Франка. До руської бібліографії XVIII в.* (LIII, 2—5),—сообщеніе о вновь найденномъ авторомъ библіографическомъ раритетѣ на об-

ложкѣ книжки 1754 г., почаевской печати,—случайной и неизвѣстной печати листкѣ (вѣроятно также почаевской), содержащемъ двѣ молитвы Богородицѣ, изъ которыхъ послѣдняя заключается словами: „Госпоже владычице дѣво Богородице, пріими недостойную молитву мою, и сохрани мя отъ наглыя смерти, и даруй ми прежде конца покаяніе". Очевидно, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ своего рода талисманомъ, подобно „Сну Богородицы" и т. п.; *Вол. Гнатюка. Керестурська хроніка* (LШ, 5—9),—отрывки изъ хроники, найденной въ Угорщинѣ, въ Керестурѣ, сообщающей вкратцѣ мѣстныя событія, начиная съ 1746 и до 1795 года.

Отдѣлъ библіографіи по обыкновенію полонъ и обстоятеленъ, обнимаетъ 82 періодическихъ и отдѣльныхъ изданія.

В. Д.

Иванъ Тобилевичъ (Карпенко-Карый). Драмы и комедіи. Томъ IV. *Змистъ: 1) Чумакы, 2) Сава Чалый, 3) Пидпанкы. Одесса, 1903 г., стор. 384. Цина 1 р. 25 к.*

Въ комедіи «Хазяинъ» изображены современныя, созданныя новѣйшими теченіями жизни, экономическія отношенія, господствующія въ нашей Украйнѣ. Въ трагедіи «Сава Чалый» представлены подобныя же соціально-экономическія неустройства и несправедливости въ старомъ жизненномъ укладѣ, въ историческомъ прошломъ, въ часы господства Рѣчи Посполитой, польскихъ пановъ на Украйнѣ. Здѣсь изображена полная захватывающаго интереса и драматизма эпоха—гайдамаччины, народнаго революціоннаго движенія, происходившаго на Правобережной Украйнѣ въ половинѣ 18-го вѣка. Въ 1-мъ дѣйствіи предъ нами—всколыхнувшееся море народное. Мы слышимъ разсказы о тяжеломъ, нестерпимомъ положеніи крестьянъ: о чиншѣ, податяхъ, панщинѣ и все новыхъ и новыхъ панскихъ изобрѣтеніяхъ въ цѣляхъ эксплуатаціи и угнетенія народа. Народъ ропщетъ и протестуетъ противъ экономическихъ несправедливостей и дурныхъ судовъ, противъ издѣвательства надъ его вѣрой и національностью. Мы видимъ движеніе, понимаемъ его причины, проникаемъ въ это стихійное, общенародное недовольство, готовое разгорѣться пожаромъ, разразиться кровавой местью притѣснителямъ. Во 2-мъ дѣйствіи выведена польская аристократія—администраторы и командующіе войсками. Она

сильно встревожена крестьянскимъ возстаніемъ; сначала,— растеряна, ошеломлена; потомъ, придя въ себя, готовится отвѣтить на недовольство пытками и казнями, кровью залить протестъ, безчеловѣчными репрессаліями погасить революціонный пожаръ. Въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ передъ нами—взаимныя столкновенія двухъ воюющихъ сторонъ, междоусобная рѣзня, насилія за насилія, звѣрства за звѣрства.

Народное возстаніе изображено въ пьесѣ ярко, живо, согласно съ исторической истиной, со всѣми типическими, характерными особенностями данной исторической среды и историческаго момента. Историческая перспектива въ описаніи соціальной борьбы строго, почти съ научной точностью соблюдена авторомъ. Гайдамацкіе загоны, составившіеся изъ крестьянъ, мѣщанъ, запорожцевъ и польскихъ шляхтичей—вся эта масса угнетенныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ встаетъ живой предъ нами, движется, волнуется, борется на жизнь и смерть.— Умѣнье художественно изобразить толпу, обрисовать психологію массы, ея страсти, ея мощь и слабости,—этотъ великій даръ истиннаго драматурга—силенъ и богатъ у нашего автора.

Вожаками волнующейся массы выступаютъ «побратымы» Сава Чалый и Гнатъ Голый. Оба—безстрашные рыцари-мстители за страданія народныя. У обоихъ одна жизненная цѣль—бороться за благо народа, за лучшее будущее Украйны. Но по натурѣ, темпераменту Сава и Гнатъ глубоко отличаются другъ отъ друга; по воззрѣніямъ и программѣ дѣйствій они также расходятся между собою. Въ Савѣ—преобладаетъ интеллектъ, въ Гнатѣ—желѣзная воля. Сава—крупный политикъ; онъ тщательно изучилъ, прекрасно понимаетъ положеніе дѣлъ. Сава умѣетъ трезво взвѣсить свои и враждебныя силы; онъ дальновиденъ, напередъ разсчитываетъ исходъ, результаты возстанія, предусмотрительно дѣлаетъ запасы провизіи и умножаетъ свои ватаги. Сава умѣетъ подавлять свое возмущеніе, негодованіе, вызываемое панскими неистовствами, умѣетъ выжидать, пока во главѣ сильнаго народнаго ополченія сможетъ помѣряться въ открытомъ бою съ врагомъ.—Гнатъ не владѣетъ своимъ огнемъ ненависти и мести; онъ не можетъ ждать, не можетъ въ бездѣйствіи смотрѣть на свирѣпства враговъ. Онъ горитъ местью ради мести, не задумываясь надъ разрушительными, гибельными послѣдствіями пораженія. Его требованіе—голосъ народа:— „щобъ уси булы ривни". Онъ не хочетъ считаться съ исторической возможностью своего вѣка, не понимаетъ, что дѣйствительность еще не созрѣла, не доразвилась до осуществленія

этого идеала. Тактика Гната—„зненацька нападаты, ризаты, й палыты". Гайдамацтво выбрало его атаманомъ, Саву оставило.

Болѣе подходящимъ „побратымомъ" Савы оказался Шмигельскій,—обѣднѣвшій шляхтичъ, возмущенный несправедливостями польскихъ пановъ, безпощадный обличитель своего круга; ставъ выше національныхъ и сословныхъ перегородокъ и предразсудковъ, онъ перешелъ на сторону утѣсненнаго украинскаго народа. Но при всемъ своемъ благородствѣ, демократизмѣ, умѣ и образованности Шмигельскій—лишь утопистъ, мечтатель, создатель несбыточныхъ плановъ.

Увѣровалъ въ его утопію и Сава. Перейти на сторону польскихъ пановъ подъ условіемъ, что они улучшатъ экономическое положеніе народа, водворятъ справедливость въ судѣ, словомъ, произведутъ коренныя общественныя реформы—вотъ новый путь Савы. Богатство, шляхетское званіе—награда за переходъ,—мечтаетъ Сава, дадутъ ему силу и вліяніе дѣйствовать во враждебномъ лагерѣ на пользу своего народа и своей родины. Идеаломъ Савы является созидательная работа, мирное культурное развитіе,—послѣ желанныхъ реформъ.

Розовыя надежды Савы, конечно, скоро были разбиты.

Паны продолжали свое дѣло насилія, нетерпимости, издѣвательства. Къ самому Савѣ относились враждебно; Потоцкій пожелалъ даже, чтобы Сава крестилъ своего сына въ католичество. А межъ тѣмъ, въ чаяніи реформъ, Сава долженъ былъ усмирять, разгонять гайдамацкія ватаги, во имя будущаго мира,—рѣзать, казнить братьевъ. Такъ изъ-за непростительнаго довѣрія къ врагамъ, Сава сталъ измѣнникомъ своего народа. Народъ, конечно, не могъ понять плановъ Савы, мотивовъ его перехода къ панамъ. Онъ прямолинейно рѣшилъ: „кто съ врагами—тотъ врагъ" и осудилъ Саву на смерть. Крушеніе надеждъ и ожиданій уже само по себѣ является трагической развязкой. Жизнь Савы погибла и безъ народнаго суда. Казнь Савы по народному приговору придаетъ только величіе и торжественность гибели этого много любившаго и много заблуждавшагося героя.

Типъ Савы по глубинѣ психологической разработки достоинъ стать въ ряду наиболѣе законченныхъ типовъ Европейской литературы.

Съ наибольшимъ мастерствомъ, по нашему мнѣнію, написано 5-ое дѣйствіе трагедіи. Прекрасно переданы здѣсь тревога, зловѣщія предчувствія. Безочетное безпокойство Зоси (жены Савы) напоминаетъ, по своему настроенію, тревогу и грусть Дездемоны передъ ея гибелью.

Сцена смерти Савы полна глубокой, трагически-мрачной, суровой поэзіи. Вся трагедія по своей художественной законченности—одна изъ эффектнѣйшихъ украинскихъ пьесъ

Комедія „Чумакы" представляетъ собою обличеніе алчности, служенія золотому тельцу, проповѣдь безкорыстной любви, правдивости и искренности отношеній между людьми. На ряду съ этой главной идеей черезъ всю пьесу красной нитью проходитъ мысль объ очищающемъ, облагораживающемъ, исправляющемъ дѣйствіи страданій и лишеній.

Главный герой пьесы Виталій Нерукъ—энергичная, умная, изобрѣтательная личность. „Мудрымъ Соломономъ" прозвали его односельчане. Виталій силенъ духомъ, мужественъ.—Лишившись въ одинъ несчастный день всего имущества, онъ легко мирится съ положеніемъ работника у своего брата, бодро и съ вѣрой въ жизнь; въ будущее трудится на пользу другого, для обогащенія брата. Благодаря кознямъ завистливой невѣстки, Виталій лишается расположенія своего брата Хомы. Онъ задумываетъ теперь проучить несправедливую, ослѣпленную своимъ благополучіемъ родню. Самая большая и дорогая чумачка, съ которою Виталій отправился на Донъ, задержана имъ на обратномъ пути. Виталій является въ село одинъ съ измышленной вѣстью, что чумачка погибла, разграблена. Мудрый Соломонъ преподалъ оч. внушительный урокъ, наглядно показалъ брату, кто истинно и искренно преданъ ему, и какую власть имѣетъ надъ людьми золото.

Братъ Виталія Хома Нерукъ—заурядная, слабая личность, онъ живетъ и дѣйствуетъ подъ вліяніемъ то Виталія, то жены. Въ сущности,—по своей натурѣ—Хома простой, добрый, сердечный человѣкъ. Только богатство ослѣпило и испортило его. Какъ богачъ, онъ склоненъ къ высокомѣрію, надменности, къ семейному деспотизму, держится преувеличеннаго мнѣнія о своихъ способностяхъ; слишкомъ обидчивый и подозрительный, онъ безъ вины, по наговорамъ только—оскорбляетъ любимаго и уважаемаго брата Виталія, обвиняетъ его въ корыстныхъ замыслахъ. Хому исправляетъ горе, въ несчастіи онъ симпатичнѣе, человѣчнѣе, чѣмъ въ дни былого благополучія. Умудренный страданіемъ, онъ добродушно прощаетъ толпѣ ея насмѣшки и оскорбленія; искренно кается въ незаслуженной обидѣ, нанесенной брату, и, придя въ доброе, умиленное настроеніе, соглашается на неравные браки дѣтей (о чемъ въ пору благополучія и слышать не хотѣлъ).

Настя—жена Хомы—прежде всего скупа, даже скряга, ей жаль, её возмущаетъ, что мужъ прокармливаетъ большую семью Виталія. Ея

стихія— ссоры и разладъ, хотя Настя чуть не послѣ каждаго слова утверждаетъ: „я тіи сваркы, Господы, якъ боюсь“. Она завистлива и ревнива къ власти, не переноситъ того, что Хома слушается Виталія, а не ея. Однако Настя не въ конецъ испорченная фурія. Несчастье роковое, тяжкое горе отрезвляетъ её, заставляетъ придти въ себя, приводитъ къ покаянію въ козняхъ, въ томъ, что поссорила братьевъ.

Наиболѣе интересны, оригинальны и типичны—эпизодическія лица пьесы «мандровани дякы пыворизы» Шварковскый и Мычковскый.

Мощный талантъ драматурга вызвалъ этихъ чудаковъ изъ могилы прошлаго, воплотилъ сухія историческія данныя въ живые образы. Типичный книжный славяно-украино-россійскій складъ рѣчи этихъ дьяковъ возсозданъ неподражаемо. Какъ продукты одной и той же среды, одинаковаго воспитанія, Сосипатръ и Каллистратъ очень похожи другъ на друга. Но Сосипатръ болѣе ученъ, и остроуменъ; онъ и къ стихотворству экспромптомъ способенъ, а въ словопреніи мастеръ; какъ натура созерцательная, пассивная,—трусливъ; за свой злой языкъ, за сатрасть къ сатирѣ и неуживчивость былъ много битъ. Каллистратъ не такъ образованъ, туповатъ, но смѣлѣе и дерзновеннѣе въ дракѣ, чѣмъ его ученый собратъ.

Односельчане Хомы Нерука, вносящіе свои гроши въ его предпріятіе—чумачку, ради прибыли, страдаютъ всѣми пороками толпы—черни. Они низкопоклонны, льстивы, гнутся передъ Хомой, какъ передъ денежной силой; выказываютъ ему лицемѣрное уваженіе, неискреннюю преданность... за его богатство, а не за личныя достоинства. Чумачка долго не возвращается. Среди вкладчиковъ зарождаются и растутъ безпокойство, тревога и злыя предчувствія. Обнищалъ богачъ Хома и въ жадной толпѣ пробуждается разъяренный, бѣшенный, голодный звѣрь. Ядовитой, озлобленной бранью осыпаетъ она свой недавній кумиръ, топчетъ его въ грязь. Съ угрозами требуетъ отъ разореннаго Хомы денегъ; затѣмъ въ остервененіи бросается на Хому, чтобы выместить на немъ свои убытки, избить, прибить до смерти. Вернулась чумачка. Пристыженная толпа не столько изъ сознанія своей безсовѣстности, сколько изъ необходимости помириться, вновь поладить съ богачемъ, унижается передъ Хомой, на колѣняхъ слушаетъ звонъ золота, когда Хома побрякиваетъ чересомъ. Да, они не Хомѣ, не человѣку, а его золоту кланяются.—Вся эта смѣна настроеній толпы изображена въ пьесѣ съ неподражаемымъ искусствомъ.—

Драматическая коллизія, на которой построены пьесы—ростъ недовольства и гнѣва Хомы на Виталія, по наущеніямъ Яго-Насти—проведена авторомъ съ большимъ мастерствомъ и остроуміемъ, съ глубокимъ знаніемъ психологіи страстей.

Драма—«Пидпанкы»—изъ временъ крѣпостного права—представляетъ собою иллюстрацію примѣненія правового обычая извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ jus pvimae noctis. Въ потери чести новобрачной виновато было то, конечно, позорное время и сами „паны", пользовавшіеся такимъ видомъ барщины. Въ драмѣ г. Тобилевича все дѣйствіе отведено „пидпанкамъ" и ихъ жертвамъ—крѣпостнымъ, „Паны" совсѣмъ не появляются.

Виновникомъ всей драмы является дворецкій Фылымонъ, съ своими приспѣшниками. Изъ проворнаго двороваго мальчика, всюду пролѣзавшаго, всюду подслушивавшаго вышелъ образцовый дворецкій. „Хвылька змалку биля панивъ образувався, мае благородну натуру и вже давно Фылымонъ Сыдоровычъ". Фылымона всѣ боятся больше, чѣмъ пана; всѣ слушаются. Панъ можетъ простить, помиловать. Фылымонъ безпощаденъ: „Колы мени треба, щобъ було по моёму, не помылую. И що я скажу, те й панъ скаже"—хвалится онъ. Чѣмъ добился Фылымонъ своего положенія и вліянія? „Знаю панову думку: винъ тилькы подума, а я вже й зробывъ"—открываетъ тайну своего могущества. Вотъ и теперь, панъ спросилъ только, чья это красавица вѣнчается? Только спросилъ, а Фылымонъ сейчасъ понялъ: „треба услужыть, *сурпрызъ* зробыты!" Въ надеждѣ на благодарность пана Фылымонъ издаетъ распоряженіе всѣмъ своимъ подчиненнымъ о поднесеніи „сурпрыза". И всѣ стараются, думаютъ пану угодить, на самомъ дѣлѣ только „на корысть" Фылымона служатъ.

Изъ подчиненныхъ *отаманъ* человѣчнѣе дворецкаго. Но онъ—слуга подневольный, приказано тащить жениха (Сафрона) со свадьбы въ буцыгарню—и тащитъ; велѣно вести невѣсту (Васылыну) въ панскія горницы—и онъ подарками соблазняетъ её, уговариваетъ итти. „И ихъ жаль, и *себе жаль* замѣчаетъ онъ и часто причитаетъ: „эхъ життя отаманське". Даже экономъ-нѣмецъ въ послушаніи у дворецкаго. Иначе нельзя... Не угодитъ Фылымону, лишается добавочной прислуги и всякихъ благъ изъ панскихъ погребовъ и кладовыхъ.

Нашлась только безстрашная героиня—горничная Дуняша. Между нею и Фылымономъ—антагонизмъ, борьба изъ-за власти. Горничная держитъ въ своихъ рукахъ барыню точно такъ же, какъ дворецкій ба-

рина. Только благодаря этой враждѣ драма оканчивается благополучно. Это счастливая случайность—не больше. Вотъ Соломія, напуганная, что ея Карпа сдадутъ въ солдаты, выкупила его цѣной своей чести. Теперь Карпо ненавидитъ её и бьетъ ежедневно. Ожесточенная Соломія злится на честную Васылыну. „Я не гирше за тебе. Кращи за тебе булы, та й то"... Язвитъ она Васылыну.

Всѣ односельчане, на глазахъ у которыхъ забрали жениха со свадьбы, молча переносятъ безчинство; ни ропота, ни протеста...

Невольно вспоминается горькая правда поэта. „А братія мовчыть соби, вытрищывшы очи, якъ ягнята. «Нехай—каже—може такъ и треба». Не удивительно отсюда и всевластіе дворецкаго. На почвѣ покорности всегда расцвѣтаетъ пышнымъ цвѣтомъ безправіе, насиліе, тираннія.

Изъ дѣйствующихъ лицъ болѣе тщательно обрисованъ только Фылымонъ. Всѣ остальныя очерчены лишь нѣсколькими штрихами, схематично, эскизно. Жертвы драмы—Софронъ и Васылына—воплощенная супружеская вѣрность, честность—и только. Индивидуальными, живыми чертами они не одарены. Монологи Софрона очень красивы, но страдаютъ мелодраматизмомъ, таково его обращеніе къ ланцюгу и молитва.

Наиболѣе удачна и характерна сцена ссоры и обмѣна ругательными эпитетами между Фылымономъ и Дуняшкой. 1-ая одмина I-го дѣйствія представляетъ чисто-этнографическій интересъ; почти вся она состоитъ изъ свадебныхъ пѣсенъ и ритуальныхъ дѣйствій; заключеніе ея—взятіе Софрона—слишкомъ лаконично. Финалъ всей пьесы—неожиданное, негаданное сообщеніе, что „панъ якыйсь прыйихавъ, прывизъ всимъ волю видъ царя"—совсѣмъ не вяжется съ ходомъ дѣйствія и представляетъ собою классическое „deus ex machina". Поистинѣ, „неожыданный хвыналъ!" Главнымъ художественнымъ достоинствомъ драмы „Пидпанкы" намъ кажется богатство дѣйствія, полнота движенія. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ пьеса значительно уступаетъ разсмотрѣннымъ произведеніемъ г. Тобилевича. IV-й томъ драмъ и комедій изданъ по типу 3-го и предыдущихъ томовъ. Бумага плотная, бѣлая, шрифтъ четкій, корректура значительно исправнѣе, чѣмъ въ 3-мъ томѣ. Цѣну книги въ 384 страницы—1 р. 25 к. нельзя назвать высокой.

3-й и 4-й томы произведеній г. Тобилевича, давно жданные читающей публикой, являются весьма цѣннымъ пріобрѣтеніемъ на на-

шемъ книжномъ рынкѣ. По своей художественности и идейности они заслуживаютъ глубокаго вниманія. Отъ души желаемъ имъ широкаго распространенія.

П. Гор—скій.

Протоіерей Кл. Ѳоменко. Изъ прошлаго Кіевской епархіи. Мѣстечко Фастовъ по описанію московскаго священника Іоанна Лукьянова (*«Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости» 1903, № 18).*
Его-же. Кіевъ временъ Петра I (*«Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости. №№ 23 и 24).*

«Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости», помѣщавшія на своихъ страницахъ въ прежніе годы не мало цѣннаго историческаго матеріала по исторіи Южной Руси, сообщеннаго г.г. П. Лебединцевымъ, Голубевымъ, Орловскимъ и многими другими мѣстными историками, послѣ продолжительнаго перерыва, лѣтъ около 10, снова открыли особый отдѣлъ «для систематической научной разработки исторіи Кіевской епархіи». Для начала помѣщены двѣ упомянутыя статьи протоіерея Кл. Ѳоменка. Способъ написанія сихъ научныхъ статей самый незамысловатый, не требующій особенныхъ затратъ времени и хлопотъ: взяты путевыя записки паломника московскаго во св. землю, священника Іоанна Лукіянова (въ началѣ XVIII ст.), изданныя въ Москвѣ въ 1864 г., и оттуда произведены соотвѣтствующія выписки, снабженныя въ большинствѣ случаевъ лирическими комментаріями. Такой пріемъ примѣненъ авторомъ для обоихъ историческихъ его статей, а объ иныхъ литературныхъ источникахъ почти нѣтъ и помину. Въ результатѣ получается что угодно, только не «системетическая научная разработка исторіи Кіевской епархіи!»

Говоря о Фастовѣ или Кіевѣ со словъ Лукіанова, авторъ, какъ мы упомянули, даетъ свои комментаріи, иногда весьма рискованнаго свойства. „Послѣ разоренія Кіева Батыемъ, онъ, по свидѣтельству современныхъ лѣтописцевъ, сдѣлался деревней, селищемъ, а не городомъ. *Такимъ селищемъ и оставался Кіевъ до присоединенія его къ Великороссіи (?!)*“. Интересная метаморфоза: лишь только Кіевъ присоединился къ Великороссіи—тотчасъ изъ деревни, *селища*—превратился въ цвѣтущій городъ. Крайне любопытно было бы для насъ узнать тѣ историческіе источники, изъ которыхъ почтенный авторъ почерпнулъ такія извѣстія! До сихъ поръ мы были убѣждены, что

Кіевъ вовсе не опустѣвалъ (на долго, по крайней мѣрѣ) послѣ Батыева нашествія, а въ XVI напр. ст., ровно за 100 лѣтъ до указываемаго авторомъ благотворнаго для Кіева факта—весьма даже не походилъ на деревню. Достаточно указать хотя бы на описаніе Кіевскаго замка 1552 года (Арх. Ю.-Зап. Росс., ч. VII, т. I, 106—122), чтобы убѣдиться въ противномъ. Въ этомъ году люстраторы нашли въ Кіевѣ 174 мѣщанъ «которые подъ местскимъ правомъ седять домы своими», 158 мѣщанъ замковыхъ, 16 мѣщанъ епископскихъ, 16 монастырскихъ—Печерскаго, Софійскаго и Никольскаго монастырей, 61—земянскихъ, 42 дома «жолнѣрскихъ» и что въ особенности любопытно—«поповскихъ домовъ в месте 11: Пречистенского домъ, Никольского, Демидовского, Оскресенского, Никольского, Наберезского, Спасского, Борисоглѣбского, Белицкого, Рождественъского, Опанасевского». *„Домовъ в месте, кромъ церъквей а шпиталевъ рускихъ, лядскихъ ормянскихъ полъпятаста“ (450)*! Это ли называется селищемъ, деревней? Можно бы указать еще и другіе промахи автора въ знаніи Малорусской исторіи, которые также нежелательны въ статьяхъ для малосвѣдущихъ въ Исторіи своего края читателей, но тѣ не такъ разительны. Желательно было бы, чтобы редакція «Кіев. Епарх. Вѣд.» больше обращала вниманія на исторію при печатаніи историческихъ статей.

В. Д.

В. И. Гошкевичъ. Клады и древности Херсонской губерніи. *Кн. 1-я. III+176+II стр. и 20 таблицъ рисунковъ, in 8⁰. Херсонъ. 1903.*

Изданіе названной книги авторъ ея мотивируетъ маніей кладоискательства, чрезвычайно распространеннаго на югѣ Россіи и особенно въ Херсонской губ. Увлеченію кладоискательствомъ подвержены не только темные крестьяне, но и люди нечуждые нѣкотораго образованія. Слѣдствіемъ такого увлеченія является прежде всего печальный фактъ порчи кургановъ и безжалостнаго уничтоженія памятниковъ старины, имѣющихъ высокій интересъ для людей науки и никакого для кладоискателей. Чтобы спасти драгоцѣнные остатки старины, кое-гдѣ еще уцѣлѣвшіе въ херсонской губ. и могущіе открыться въ будущемъ, г. Гошкевичъ и издалъ настоящую книгу, цѣль которой

заключается, по его словамъ, въ ознакомленіи всего грамотнаго населенія губерніи съ богатствами, вѣками накопившимися у насъ въ землѣ: съ денежными кладами, представляющими какъ научную, такъ и матеріальную цѣнность, и съ памятниками старины, не имѣющими никакого значенія въ смыслѣ гражданскаго оборота, но цѣнными съ научной стороны.

Книга г. Гошкевича распадается на двѣ части. Въ первой части, озаглавленной „Клады", авторъ знакомитъ читателя со всѣми извѣстными ему поисками кладовъ, имѣвшими мѣсто въ шести уѣздахъ херсонской губ. и подробно говоритъ о результатахъ этихъ поисковъ; затѣмъ сообщаетъ свѣдѣнія о кладахъ, дѣйствительно найденныхъ и описываетъ изображенія найденныхъ монетъ съ объясненіемъ, къ какой эпохѣ и какому народу принадлежатъ эти монеты. Вторая часть книги, подъ заголовкомъ «Древности», посвящена предметамъ старины, имѣющимъ исключительно научный интересъ. Послѣ краткой исторической справки о томъ, съ какого времени начались въ херсонской губ. правильныя раскопки съ научной цѣлью, авторъ сообщаетъ о результатахъ 115 раскопокъ въ разныхъ уѣздахъ губерніи. Въ заключеніе составитель книги сообщаетъ свѣдѣнія объ устройствѣ могильныхъ насыпей, способахъ погребенія, положеніи скелетовъ, окрашиваніи покойниковъ, одежды, обуви, украшеніяхъ, оружіи и т. п. древнихъ обитателей юга съ цѣлью познакомить малосвѣдущаго читателя съ пріемами археологическихъ раскопокъ.

Такимъ образомъ цѣль изданія настоящей книги, касающейся предметовъ науки, практическая. Книга разсчитана на читателя изъ народа, что видно, между прочимъ, и изъ стремленія автора придать изложенію возможно популярный характеръ. Но мы сомнѣваемся въ томъ, чтобы она попала въ руки тѣхъ, кто больше всего занимается кладоискательствомъ. Для большинства подписчиковъ «Юга», получившихъ книгу въ качествѣ безплатнаго приложенія къ газетѣ, она едва ли нужна въ тѣхъ цѣляхъ, въ какихъ написана, а для кладоискателей она явится недоступной, потому что, хотя цѣна на книгѣ и не обозначена, но, судя по ея размѣрамъ и болѣе чѣмъ опрятному внѣшнему виду, трудно ожидать широкаго распространенія ея въ народѣ по доступной цѣнѣ.

Ф. М-скій.

„Православный русско-американскій календарь на 1903 г. *(Изданіе еженедѣльной (sic. Р.) газеты «Свѣтъ». При субсидіи отъ Сѣверо-Американскаго Духовнаго Правленія и Православнаго Общества Взаимопомощи въ Сѣв.-Ам. С. Ш.). Годъ изданія 1-й. Бриджпортъ, Конн. 1902. Стор. 117. Ц. 35 цент.*

Портреты: епископа алеут. и с.-ам. Тихона, протоіер. К. Израчуова, І. Наумовича, Г. И. Купчанко, А. И. Добрянскаго, три фотогр. снимка церквей С.-Ам. и 1—церкви въ г. Львовѣ. Написанъ смѣшаннымъ языкомъ: русскимъ съ сильнымъ вліяніемъ русинскаго и русинскимъ въ этимологическомъ правописаніи (русскомъ) съ неменѣе сильнымъ вліяніемъ русскаго. Заглавіе, портреты, смѣсь языка и правописаніе для болѣе или менѣе знакомаго съ жизнью и партіями Галичины вполнѣ опредѣляютъ характеръ «календаря». Борьба «москвофильской» и «народньоі» партій вполнѣ и даже съ избыткомъ переносится въ Новый Свѣтъ,—фактъ очень грустный: то же, что и въ Галичинѣ разъединеніе силъ и, вмѣсто культурно-народной работы, пустая перебранка въ печати, доходящая до того, что, напримѣръ, въ данномъ „календарѣ“ встрѣчается много просто таки неприличной для печати ругани. Несчастные русины: и въ новой родинѣ имъ суждено испытывать тѣ же опутыванія, тѣ же тормазы въ просвѣщеніи и тѣ же субсидіи, что и въ далекой землѣ дѣдовъ и отцовъ, оставленной по причинѣ своей невыносимой тяготы въ экономическомъ и культурномъ отношеніяхъ. Вся историческая жизнь этого народа есть непрерывный рядъ испытаній и дѣйствій, которые должны были закалить его, сдѣлать выносливымъ, въ достаточной степени. Въ данномъ случаѣ у него непоколибимо должно стоять сознаніе, что исторія не измѣнитъ по отношенію къ нему своихъ законовъ,—что живое народное начало одно только и остается источникомъ его жизни, и эта народная жизнь потечетъ широкой рѣкою, рядомъ съ жизнью другихъ народовъ, въ необъятное и невѣдомое море будущности всѣхъ націй.

Р.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы текущаго года: 1) Русскій Архивъ, № 8; 2) Русская Старина, № 7 и 8;

3) Историч. Вѣстн., № 7 и 8; 4) Вѣстникъ Европы, № 7; 5) Всеміpн. Вѣстн., № 5; 6) Кіевск. Унив. Изв., № 6; 7) Варш. Унив. Изв., № 4; 8) Учен. Зап. Казан. Унив., № 7—8; 9) Русск. Вѣстн. № 7; 10) Міръ Божій, № 7 и 8; 11) Русская Мысль, № 7; 12) Русское Богатство, № 6 и 7; 13) Книжки восхода, № 6 и 7; 14) Земскій Сборн. черниг. губ., № 6 и 7; 15) Літературно-Науков. Вістн., № 8.

Русская Старина, № 7 и 8.

П. Головачевъ.—Значеніе Андруссовскаго перемирія для международныхъ отношеній восточной Европы (№ 7, стр. 159—166).—Всѣ историки, занимавшіеся русско-польскими отношеніями, какъ-то: Соловьевъ, Волковъ, Капустинъ, Иконниковъ, Бобржинскій и др., признаютъ за Андруссовскимъ перемиріемъ въ области международныхъ отношеній огромное значеніе. Детальное сравненіе Андруссовскаго трактата со всѣми послѣдующими, кончая московскимъ договоромъ 1686 г., который являлся лишь подтвержденіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ перваго, убѣждаютъ въ полной справедливости этого мнѣнія. Такое детальное сравненіе извѣстнаго Андруссовскаго трактата со всѣми послѣдующими и даетъ г. Головачевъ въ своей статьѣ. Изъ этого сравненія видно, что Андруссовское перемиріе прежде всего имѣло ближайшія и явныя послѣдствія для русско-польскихъ отношеній; затѣмъ, черезъ Малороссію, въ этотъ кругъ втянуты были Крымъ и Турція и священная Римская имперія. Наконецъ, оно оказало свое вліяніе даже и на страну, не выступавшую въ данный моментъ на театръ военныхъ дѣйствій въ восточной Европѣ—Швецію.

—

Записки Э. И. Стогова—(№ 7 и 8, стр. 51—66; 383—395).—Въ гл. VIII записокъ авторъ разсказываетъ о своей женитьбѣ, переводѣ на службу въ Кіевъ и даетъ характеристику польскаго общества. Глава IX представляетъ выдающійся интересъ. Авторъ записокъ даетъ въ ней замѣчательную характеристику Д. Бибикова, разсказываетъ о своемъ проектѣ введенія въ краѣ русскихъ законовъ вмѣсто Литовскаго статута и о томъ, какъ Бибиковъ защищалъ этотъ проэктъ въ государственномъ совѣтѣ; характеризуетъ личность И. Фундуклея и домашнюю и общественную жизнь супруговъ Бибиковыхъ. Для образца беремъ нѣсколько штриховъ изъ характеристики Бибикова. „Ариѳметики Бибиковъ, пишетъ Стоговъ, совершенно не зналъ, насилу я пріучилъ его переводить цѣлыя хотя числа съ ассигнацій на се-

ребро, напримѣръ: 10 р., 100 р., а промежуточныя такъ и не выучился. Когда мнѣ случалось въ умѣ складывать дроби, Бибиковъ никогда не могъ не улыбнуться, а когда мнѣ приходилось сказать итогъ двухъ дробей разныхъ знаменателей, то онъ серьезно смѣялся. Я готовъ держать пари, хотя на правую мою руку, что онъ до смерти не вѣрилъ, что можно сложить половину съ третью. Исторіи и географіи—совершенно не зналъ. Я пробовалъ въ разговорѣ сводить Карла V съ Людовикомъ XIV, а Карла I съ Францискомъ II,—лишь бы былъ занимателенъ анекдотъ,—все сойдетъ. Въ географіи надобно быть осторожнымъ о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ бывалъ, а остальное: венгерскія рѣки можешь переносить въ Америку, а испанскія въ южную Америку—все сходило гладко. Въ музыкѣ онъ цѣнилъ только технику играющаго, но ея не понималъ. Живопись богомазовъ всего болѣе нравилась Бибикову. Швейцаръ его заказалъ портретъ своего генерала богомазу Кіевщинскому въ Кіевѣ, и тотъ нарисовалъ его яркими красками и золотомъ, а главное,—усы и баккенбарды отдѣлалъ по волоску, какъ пишутъ часто на образахъ. Случайно Бибиковъ увидалъ этотъ портретъ, долго смотрѣлъ на него и не могъ оторваться, а потомъ увѣрялъ меня, что лучшей работы онъ не видывалъ. Бибиковъ зналъ свое слабое понятіе въ искусствахъ и при постороннихъ никогда не пускался въ разсужденія, развѣ вычитаетъ какое-нибудь мнѣніе или подслушаетъ у того, кому довѣряетъ. Тогда толкуетъ, но всегда коротко и неохотно. Будучи обязанъ, какъ генералъ-губернаторъ, принимать всѣхъ, онъ говорилъ охотно, но затверженныя фразы, что для представляющихся было незамѣтно; но мнѣ было извѣстно, что варіацій въ этомъ отношеніи не было. Какъ я говорилъ, Бибиковъ имѣлъ замѣчательную, представительную наружность, весьма внушительный взглядъ, а лишеніе руки давало ему очень воинственный видъ. Пріемныхъ дней было два въ недѣлю. Къ пріему должны были являться всѣ чиновники особыхъ порученій (ихъ было 13) въ мундирахъ. Бибиковъ выходилъ по-домашнему, въ сюртукѣ безъ эполетъ. Обыкновенно пріемъ начинался въ 10 часовъ. Пріемъ происходилъ очень чинно, самъ Бибиковъ не читалъ ни одного прошенія, но заставлялъ читать и потомъ говорилъ по заученному, а если забывалъ, то слѣдовала извѣстная фраза:—Эразмъ Ивановичъ, доложите со справкою».

—

О бывшихъ злоупотребленіяхъ въ продажѣ людей (№ 8, стр. 457—465). Это—три въ высшей степени интересныя собственноручныя записки В. Н. Каразина, представленныя гр. Кочубею по его приказанію въ январѣ 1820 года, прекрасно характеризующія эпоху и свѣтлую личность Каразина.

Историческій Вѣстникъ, № 7 и 8.

Г. П. Миллеръ. Кіево-Выдубицкій Свято-Михайловскій монастырь (№ 8 стр. 644—653).

Авторъ, дѣлясь съ читателями впечатлѣніями отъ посѣщенія имъ въ минувшемъ году Кіево-Выдубицкаго монастыря, попутно сообщаетъ краткія историческія справки о прошломъ этого монастыря. Нельзя не отмѣтить одно довольно странное мѣсто въ историческихъ справкахъ автора—то именно, гдѣ онъ говоритъ о внутренней жизни обители, въ частности объ избраніи игумена братіей въ прежнее время—въ періоды монгольскій и до-уніатскій (стр. 647). «Братія однако всегда могла отрѣшить игумена, которымъ была почему-либо недовольна. Для этого стоило только созвать старшихъ и предложить избрать новаго игумена. *Въ этомъ отношеніи видно вліяніе козачьей рады* (?), тѣмъ болѣе, что знаменитая Запорожская сѣчь отстояла *весьма недалеко* (sic.) *отъ обители* и за примѣромъ ходить было недалеко». Трудно понять, о какой козачьей радѣ въ монгольскій и до-уніатскій періодъ идетъ рѣчь!

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» даны отзывы о слѣдующихъ изданіяхъ и отдѣльныхъ книгахъ: «В. Н. Перетцъ. Очерки старинной малорусской поэзіи. I—V. Спб. 1903» (стр. 676—677); «В. Шенрокъ. Къ вопросу о вліяніи Гоголя на послѣдующихъ писателей. Варшава. 1903» (стр. 664—85); «Памятная книжка воронежской губерніи на 1903 годъ. Воронежъ 1903» (стр. 687); «Синодикъ Любецкаго Антоніева монастыря. Черниговъ, 1902» (стр. 691—92); „Une ambassade russe á Rome au XVII siècle. Paul Menzies (Менезій) de Pitfodels, par N. Tcharykow, ministre-résident de Russie près le Saint-Siège. Rome 1903“ (стр. 699—701); «Воронежская Старина. Изданіе воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Выпускъ 2-й. Воронежъ, 1902» (стр. 703—705).

Въ отдѣлѣ «Смѣсь» (стр. 736—37) сообщается объ археологическихъ раскопкахъ Д. И. Эварницкаго въ павлоградскомъ и ново-

московскомъ уѣздахъ, и кладѣ, найденномъ недавно въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ (см. Текущія Извѣстія въ „Кіев. Стар.“ тек. года, кн. VII—VIII).

Вѣстникъ Европы, № 7.

И. Бодуэнъ-де-Куртенэ. По поводу съѣзда славистовъ (стр. 328—343). Первоначальная мысль чешскихъ филологовъ устроить съѣздъ славистовъ въ Прагѣ не осуществилась, частію по личнымъ соображеніямъ, но болѣе всего по причинамъ, стоящимъ въ связи съ вѣнской политикой. Несостоявшійся въ свое время въ Прагѣ съѣздъ предположено теперь, по почину 2-го отдѣленія Россійской Академіи Наукъ, осуществить въ Петербургѣ осенью 1904 года. Пока состоялся въ Петербургѣ весною текущаго года предварительный съѣздъ русскихъ филологовъ.—Авторъ названной статьи прекрасно выясняетъ главныя положенія, обсуждавшіяся на предварительномъ съѣздѣ, и между прочимъ посвящаетъ отдѣльную главу разсмотрѣнію вопроса о языкѣ, на которомъ могутъ быть предлагаемы рефераты на будущемъ съѣздѣ славистовъ всѣхъ странъ. Такъ-какъ вопросъ этотъ, ввиду бывшихъ инцидентовъ во время XI-го археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, имѣетъ особый интересъ, и такъ-какъ мнѣніе такого авторитетнаго ученаго, какъ проф. И. Бодуэнъ-де-Куртенэ, представляетъ особенную цѣнность, то мы считаемъ необходимымъ подробнѣе отмѣтить эту главу. Указавъ на то, что, при теперешнихъ условіяхъ жизни людей, занимающихся славянской филологіей, является неизбѣжнымъ многоязычіе въ докладахъ, такъ какъ, съ одной стороны есть мого лицъ не славянскаго происхожденія, работающихъ по славяновѣдѣнію, а съ другой—въ мірѣ славянскомъ нѣтъ ни одного общепонятнаго литературнаго языка, ни даже такой пары языковъ, какою въ мірѣ германскомъ являются языки нѣмецкій и англійскій, а въ мірѣ романскомъ—французскій и италіанскій,—Бодуэнъ-де-Куртенэ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе предварительнаго съѣзда о необходимости допустить на будущемъ съѣздѣ доклады и пренія на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, а также на языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и итальянскомъ. Что же касается выраженія „славянскія нарѣчія“, то, ввиду путаницы въ данномъ случаѣ съ терминологіей „языки и нарѣчія“, авторъ предлагаетъ существенную поправку: «доклады и пренія допускаются на всѣхъ *литературныхъ* славянскихъ языкахъ», причемъ

прибавляетъ весьма кстати, что *литературность* языка опредѣляется *не симпатіями и антипатіями языковыхъ фанатиковъ* (что, скажемъ отъ себя—бываетъ частенько и среди ученыхъ славистовъ), *но самой жизнью.* Переходя по этому поводу къ малорусскому литературному языку, проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ предлагаетъ: «Въ этомъ смыслѣ никто не имѣетъ права не признавать существованія и равноправности, напримѣръ, малорусскаго (украинскаго) или, по крайней мѣрѣ, галицко-русскаго языка. Хотя языкъ этотъ мозолитъ глаза нѣкоторымъ ревнителямъ и объединителямъ, но онъ все-таки, существуетъ. А появился онъ и развился не благодаря капризу и желанію дразнить разныхъ человѣконенавистниковъ, но въ силу извѣстныхъ историческихъ условій. Господамъ «славянскимъ историкамъ» не мѣшало бы понять это и... великодушно простить». Исходя изъ этой основной мысли, авторъ продолжаетъ:

«Было-бы довольно странно, еслибы второе отдѣленіе Академіи Наукъ, пригласивъ заграничныхъ ученыхъ, вздумало нѣкоторымъ изъ нихъ зажимать ротъ, развѣшивая, напримѣръ, предостереженія въ родѣ: «говорить по-малорусски строго воспрещается». Это дѣло не ученыхъ учрежденій. Настоящая свободная наука должна быть чужда всякаго фанатизма и можетъ существовать только при условіи взаимныхъ уступокъ и полной равноправности. Кто-же возмущается равноправностью, пусть отправляется въ Кишиневъ и пусть устраиваетъ травлю иновѣрцевъ и иноязычниковъ. Ртозажимательной угрюмъ-бурчеевщинѣ нѣтъ мѣста въ ученыхъ собраніяхъ; она можетъ пріютиться въ разныхъ другихъ почтенныхъ вѣдомствахъ».

Объясняя причину, порождающую такое фанатичное отношеніе къ „языкамъ и нарѣчіямъ", авторъ говоритъ:

«Различіе «языковъ», какъ языковъ привилегированныхъ, и «нарѣчій», какъ языковъ второстепеннаго достоинства, является отголоскомъ средневѣковаго различенія «языка», языка въ полномъ смыслѣ этого слова, «языка» господствующаго и единственно литературнаго, то есть языка *латинскаго*, и языковъ „мужицкихъ" или „мѣстныхъ". Одна римская католическая церковь, какъ наслѣдница Римской имперіи съ притязаніями на всемірное господство, и одинъ общій, единоспасающій латинскій языкъ, а все остальное—„linguae vulgares", „нарѣчія", «жаргоны», терпимые, но презираемые! Рядомъ съ «первымъ Римомъ» появился „Римъ второй", „Римъ третій", „четвертый"—и все съ тѣми-же затѣями, съ тою-же нетерпимостью, съ тѣмъ-же

стремленіемъ къ объединенію. Но мы, современники, вышли уже изъ этого языко-пожирательнаго состоянія и, по крайней мѣрѣ въ области науки, держимся принципіально изреченія: «всякъ языкъ да исповѣдуетъ Бога». «Всякъ языкъ да раздается на международномъ съѣздѣ славистовъ».

Какъ отрадно становится на душѣ, когда читаешь такія строки, исполненныя гуманныхъ началъ, здравой научной логики и безусловной честности взгляда, и какъ грустно и больно сожмется сердце, когда вспомнишь, что среди тѣхъ-же «ученыхъ славистовъ» есть изрядное количество людей, сопособныхъ только злобно шипѣть по поводу этихъ вопросовъ и, забывая собственное достоинство, облекающихся въ одежды, ничего общаго не имѣющія съ тогой ученаго.

Всемірный Вѣстникъ, **№ 5**.

В. В. Святловскій.—*Очерки по экономической исторіи древней Руси.* Гл. П. (Стр. 36—57, продолженіе). Настоящая глава изслѣдованія посвящена обзору восточной торговли древней Руси и распадается на двѣ части: въ первой авторъ разсматриваетъ торговыя сношенія Руси съ Поволжьемъ, (т. е.: съ хозарами, булгарами и буртасами; во второй части,—которой пока напечатано лишь начало— съ дальнимъ востокомъ, т. е. Кавказомъ, Арабіей и Индіей.

Н. Россовскій.—*Театръ и его дѣятельность въ Петербургѣ при Петрѣ Великомъ* (стр. 200—204). Въ этомъ краткомъ историческомъ очеркѣ говорится, между прочимъ о томъ, что при Петрѣ ставились пьесы на злобы дня: на пораженіе шведовъ, на измѣну Мазепы, на полтавскую битву и Карла XII. Послѣдняя пьеса шла подъ очень кудреватымъ заглавіемъ: «Божіе уничтоженіе гордыхъ, въ гордомъ израилѣ уничижителѣ, черезъ смиреніе Давида, о уничиженномъ Голіаѳѣ».

Университетскія Кіевскія Извѣстія, **№ 6**.

А. Грушевскій.—Пинскіе акты XV—XVI в. Приложеніе къ сочиненію: „Очеркъ исторіи Турово-Пинскаго княжества въ составѣ Литовско-Русскаго государства XIV—XVI вв. (стр. 129—160).

Ученыя Записки Казанск. Университ. № 7—8.

А. Архангельскій.—По поводу пятидесятилѣтія научной и литературной дѣятельности академика А. Н. Пыпина (стр. 1—10).—Замѣтка воспроизводитъ «дѣло о возведеніи А. Н. Пыпина въ степень доктора русской исторіи». «Дѣло» представляетъ исторію неудавшейся попытки историко-филологическаго факультета Казанскаго университета въ 1891 г. дать А. Н. Пыпину ученую степень доктора русской исторіи. Изложено дѣло по протоколу совѣта университетскаго. Министръ народнаго просвѣщенія, гр. Деляновъ, не призналъ возможнымъ утвердить постановленіе совѣта о возведеніи А. Н. Пыпина въ степень доктора русской исторіи безъ требованія отъ него диссертаціи на эту степень.

И. Смирновъ.—Очеркъ культурной исторіи древнихъ славянъ (стр. 11—40, продолженіе). Продолжая свои очерки исторіи древнихъ славянъ, авторъ въ настоящей книжкѣ трактуетъ о принятіи славянами христіанства, нарожденіи и развитіи письменности въ средніе вѣка.

Міръ Божій. № 7 и 8.

Н. Рожковъ.—Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Ч. І. Кіевская Русь (съ VI до конца XII в.).—Характеризуя духовную жизнь общества древней Руси, авторъ дѣлаетъ нѣсколько краткихъ замѣчаній о нѣкоторыхъ видихъ устной народной словесности, отражающихъ языческое міровоззрѣніе нашихъ предковъ и объ историческихъ пѣсняхъ и былинахъ, поскольку въ нихъ отразились политическія потребности времени, а затѣмъ переходитъ къ обозрѣнію словесности письменной. Здѣсь онъ разсматриваетъ прежде всего произведенія беллетристическаго содержанія, а затѣмъ—историческаго, останавливаясь на начальномъ лѣтописномъ сводѣ и на вопросѣ объ источникахъ его; говоритъ о трехъ лѣтописныхъ сводахъ—южно-русскомъ, сѣверномъ—суздальскомъ и новгородскомъ; о сочиненіяхъ моралистическаго характера и, наконецъ,—о памятникахъ, имѣющихъ отношеніе къ той или иной области знанія: къ философіи, естествовѣдѣнію и праву (№ 7, стр. 34—55). Конецъ шестой главы посвященъ главному вопросу психологической исторіи—характеристикѣ волевой дѣятельности общества древней Руси. Давъ не лишенную интереса оригинальную попытку найти основы для анализа общества сначала въ самой об-

ласти психическихъ явленій, чтобы потомъ уже рѣшить вопросъ объ отношеніи психологическихъ группъ къ юридическимъ и экономическимъ, авторъ даетъ въ результатѣ слѣдующую характеристику древне-русскаго общества: «неорганизованность, безсвязность—общая черта всѣхъ процессовъ общежитія, совершавшихся въ кіевскій періодъ. Поэтому не отдѣльныя подробности матеріальной исторіи, а вся она въ цѣломъ вліяла на духовное состояніе общества, дѣлая последнее такимъ же аморфнымъ. безформеннымъ и безсвязнымъ въ психологическомъ отношеніи, какимъ оно было въ отношеніи хозяйственномъ, соціальномъ и политическомъ». Седьмая глава изслѣдованія посвящена общимъ историческимъ и соціологическимъ выводамъ; восьмая,—заключаетъ въ себѣ обзоръ литературы по исторіи Кіевской Руси (№ 8, стр. 188—199, окончаніе).

—

Въ библіографическомъ отдѣлѣ (№ 7, стр. 79—81) напечатана замѣтка г. М. Славинскаго по поводу выхода въ свѣтъ новаго изданія «Народнихъ оповидань» Марка Вовчка.

Земскій Сборникъ Черниговской губ., № 6 и 7.

В. Марченко.—(№ 7, стр. 74—103). Начальное народное образованіе въ черниговской губ. Статья, изобилующая богатыми статистическими данными; написана на основаніи изслѣдованія А. А. Руссова. „Описаніе Черниговской губерніи".

Літературно-Науковий Вістник, № 8.

Із поезий Б. Грінченка: I—V.—*Із поетичноі спадщини Ол. Козловского:* I—III. *Ів. Липи:* Живі свідки.—*М. Слобода-Крушельницька:* Також голова родини, нарис.—*В. Левенко:* Абдул-Газіс, історична фантазия (конець буде).—*Із оповіданъ А. Крушельницького:* 1) Михась і Ганна, 2) Докія.—*П. Барвінський:* Співачка Варка.—*М. Горький:* Двадцять шість і одна, поема. Перекл. Лозинський.—*Семен Земляк:* Савка Дудар, новеля, перекл. І. Франка.—*Із поезий Гёте:* Баляда про князя старця, перекл., П. Куліша. *О. Терлецький:* Гал.-руське письменство 1848—1865 р.—*Ів. Франко:* Іван Гушалевич, студия,—*Сучасні уваги:* I. Скілько в Петербурзі украінців, *Украінця.*—II. Жидоватілість мадярськоі преси.—Хроніка і бібліография.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ «Южн. Обозр.“ (№ 2215) и «Вѣстн. Юга» (№ 471) помѣщены библіографическія замѣтки на сборникъ «Зъ-надъ хмаръ и долынъ», вышедшій недавно въ Одессѣ подъ редакціей М. Вороного.

Въ № 2225 «Южнаго Обозр.» напечатанъ переводъ произведенія г. Хоткевича «Жыттеви анальогіи», взятаго изъ сборника «Зъ-надъ хмаръ и долынъ».

Въ № 506 «Вѣстн. Юга» напечатанъ переводъ М. Коваленка разсказа Модеста Левицкаго, „Преступница“, взятаго изъ «Литературного збирныка, зложеного на спомынъ Ол. Кониського».

По поводу исполнившагося 8 августа шестидесятилѣтія со дня смерти украинскаго писателя Г. Квитки-Основьяненка въ № 391 «Биржевыхъ Вѣд.» напечатана обстоятельная статья А. Лотоцкаго подъ заглавіемъ «Піонеры народной литературы». Памяти писателя посвятили замѣтки «Кіевлянинъ» (№ 221) и «Новости» (№ 216). Заслуживаетъ быть отмѣченной также статья г. Лейко въ № 7814 «Южн. Кр.» подъ заглавіемъ: «На родинѣ Квитки-Основьяненка» по небезынтереснымъ чертамъ, характеризующимъ личность писателя.

На страницахъ „Рус. Вѣд. г. Пантелѣевъ продолжаетъ печатаніе своихъ воспоминаній. Между прочимъ его воспоминанія касаются „Основы“ и лицъ, близко стоявшихъ къ редакціи этого журнала. Въ воспоминаніяхъ этихъ, нелишенныхъ интереса, встрѣчаются, однако, свѣдѣнія, къ которымъ нужно относиться съ большою осторожностью, а кое-что въ нихъ и совсѣмъ невѣрно. Авторъ бывалъ иногда на журфиксахъ редакціи „Основы“. „Въ гостиной, на диванѣ, говоритъ онъ— за столомъ обыкновенно усаживались Шевченко, Костомаровъ и ни на шагъ отъ нихъ не отходившій Кулишъ. Хотя я и былъ знакомъ съ Ник. Иван., но все же не рѣшался помѣщаться около такого многозначительнаго тріо; къ тому же на вечерахъ бывало немало выдающихся нотаблей малороссовъ, напримѣръ, Афанасьевъ-Чужбинскій, А. Стороженко (авторъ малор. повѣстей), Трутовскій (художникъ) и дру-

гіе. Помню, замѣтивъ одного довольно плотнаго господина, я спросилъ, кто это.—Мужъ Марко Вовчка,—получилъ я въ отвѣтъ такимъ тономъ, что больше сказать о немъ нечего. Самой Марко Вовчка, въ то время крайне популярной, я ни разу не встрѣчалъ.

О Кулишѣ, бывшемъ главной пружиной въ журналѣ, г. Пантелѣевъ разсказываетъ слѣдующее: «Въ ноябрьской книжкѣ „Основы“ за 1861-й годъ оказалось много малороссійскихъ стихотвореній за подписью „Козакъ Кузьменко“,—имя до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстное. Внизу подъ ними стояло примѣчаніе отъ редакціи приблизительно такого содержанія: „Только что мы потеряли нашего незабвеннаго Тараса; какъ добрая мать, Украина, народила новаго поэта,—козака Кузьменка, который по своему таланту вполнѣ можетъ замѣнить Тараса“. Естественно, что это примѣчаніе возбудило разговоры и интересъ—кто такой Кузьменко. Спустя нѣкоторое время тайна раскрылась: то былъ... Кулишъ, да самъ же онъ и примѣчаніе сочинилъ. Кулишъ вообще много писалъ въ „Основѣ“, какъ подъ своимъ собственнымъ именемъ, такъ и подъ разными псевдонимами: Хуторянинъ, Номисъ, Симоновъ, Кузьменко и, кажется, другими. Для чего это дѣлалось,—не знаю».

Очевидно память измѣнила г. Пантелѣеву. Кузьменко—не псевдонимъ Кулиша, а талантливый авторъ немногихъ, правда, произведеній, носившій эту фамилію.

Тоже самое нужно сказать и о другихъ псевдонимахъ, приписываемыхъ г. Пантелѣевымъ Кулишу, именно о псевдонимахъ „Номисъ“ и „Симоновъ“. Псевдонимъ „Номисъ“ принадлежитъ, какъ извѣстно, украинскому писателю и этнографу, носившему фамилію Симонова.

«На вечерахъ „Основы“ присутствовала „дивчина“ изъ простонародья, нѣкая Маруся. Она была настоящее, въ буквальномъ смыслѣ дитя народа: одѣта, конечно, въ народный костюмъ. Я не скажу даже, чтобы она была очень красива, и не увѣренъ, знала ли она до пріѣзда въ Петербургъ грамоту. Помнится, одинъ художникъ вывезъ ее съ привольнаго юга въ туманный Петербургъ, гдѣ она, повидимому, должна была служить живымъ воплощеніемъ далекой Украины. За ней ухаживали, оказывали всякое вниманіе, и, кажется, это наивное дитя природы скоро и Богъ знаетъ что о себѣ вообразило. Наконецъ, она стала въ тягость и была отправлена на родину; что съ ней затѣмъ сталось, не знаю. Я упоминаю объ этомъ незначительномъ эпизодѣ отнюдь не съ обличительной мыслью, а просто—время было довольно

наивное, и многое, что не только теперь, но даже какіе-нибудь года два спустя казалось смѣшнымъ и не особенно умнымъ, тогда, дѣлалось совершенно искренно. „Основа“ просуществовала недолго; въ 1862 г. до окончанія года она закрылась. Положеніе „Основы“ стало особенно затруднительнымъ, когда на нее ополчился кн. Васильчиковъ, тогдашній кіевскій генералъ-губернаторъ, неблаговолившій вообще къ малороссамъ (Шевченко въ свою послѣднюю поѣздку на родину былъ даже арестованъ) и бывшій подъ значительнымъ вліяніемъ южнорусскихъ магнатовъ, а съ другой стороны: сначала выступилъ Соловьевъ съ полемикой противъ Костомарова о значеніи козачества (Соловьевъ видѣлъ въ немъ лишь антигосударственный элементъ), а по времени раздался голосъ и Каткова Впервые онъ выступилъ противъ украйнофиловъ, сколько помню, по слѣдующему обстоятельству. Н. И. Костомаровъ напечаталъ воззваніе о сборѣ денегъ на изданіе книгъ для народа на малороссійскомъ языкѣ. Оно имѣло успѣхъ, и деньги начали поступать. Въ горячей статьѣ возсталъ Катковъ; статья заканчивалась словами: „Бросьте эти деньги, Н. И., онѣ жгутся въ рукахъ“. Оппозиція Каткова не осталась безъ практическихъ послѣдствій, сохранившихъ свою силу и до сего дня».

Какъ сообщаетъ „Волынь“, В. Г. Боровикъ перевелъ на украинскій языкъ первую пѣснь поэмы Мильтона «Потерянный рай».

Альбомъ выставки XII археологич. съѣзда. Вышелъ въ свѣтъ альбомъ выставки XII археологическаго съѣзда, изд. художеств. фототипіей К. А. Фишеръ, съ объяснительнымъ текстомъ проф. Е. К. Рѣпина. Въ альбомѣ 55 таблицъ со снимками около 300 предметовъ. Полнѣе представленъ церковный отдѣлъ, сравнительно кратко—археологическій и этнографическій. («Придн. Кр.», № 1898).

Печатаніе трудовъ А. А. Потебни. „Русск. Вѣд.“ сообщаютъ, что на дняхъ вдова покойнаго профессора харьковскаго университета филолога-слависта А. А. Потебни М. Ф. Потебня начала печатаніе трудовъ своего мужа,—трудовъ, которые десять лѣтъ ждали своего появленія на свѣтъ и которые Академія Наукъ предлагала издать на свой счетъ. Печатаемое изданіе будетъ заключать приблизительно листовъ

30 печатныхъ. Сюда войдутъ разнообразныя по содержанію статьи и отрывки, а также и лекціи: «Вдохновеніе», «Народная поэзія», «Толстой», «Достоевскій», „Гоголь“, множество мелкихъ статей по теоріи словесности и по психологіи творчества. («Южн. Кр.», 7791).

Въ газ. «Югъ» (№ 1525) напечатанъ переводъ разсказа В. Потапенка съ малороссійскаго языка на русскій подъ заглавіемъ „Чаровница“.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Воронежская Старина. Вып. 2-й. Изд. Воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Воронежъ. 1903.

В. Гошкевичъ. Клады и древности херсонской губ. кн. 1-я съ художественными иллюстраціями. Херсонъ. 1903. in 8°, стр. III+136+II и 20 таблицъ рисунковъ (Безплатное приложеніе для подписчиковъ газеты «Югъ»).

Гагаринъ Г., кн.—Собраніе византійскихъ, грузинскихъ и древне-русскихъ орнаментовъ и памятниковъ архитектуры. 3-я серія. In folio. XXII листа рисунковъ. Спб. 1903.

Житецкій П.—Рецензія на соч. Перетца: «Историко-литературные изслѣдованія и матеріалы. Т. I. Изъ исторіи русской пѣсни», Спб. 1903.

Збирныкъ фильольогичнои секціи Наук. Тов. ім. Шевченка. Т. VI: Посмертни пысання Митрофана Дикарева. Львивъ. 1903. Стр. XII+558.

Извѣстія о состояніи сельскаго хозяйства въ полтавской губ. за 1903., № 12. II. 1903.

Карповъ В. П. Харьковская старина. Изъ воспоминаній старожила (1830—1860 г.). Ц. 1 р. 25 к.

Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii Słowiańskiej, zgromadzone latach 1887—1894 przez Michala Fedarowskiego. T. III. Ч. II. W Krakowie. 1903.

Ляскоронскій В. Исторія Переяславской земли съ древнѣйшихъ временъ до половины XIII в. Монографія. Изд. 2-е, К. 1903. Ц. 3 р.

Мырный Панасъ. Середъ степивъ. Оповидання. Львивъ, 1903. Стр. VIII+216. Ц. 3 кор.

Нарбековъ В.—Южно-русское религіозное искусство XVII—XVIII в. Казань. 1903 г. Ц. 50 к.

Пять бюджетовъ крестьянскихъ хозяйствъ с. Демьяновки полт. г., хорольск. у. Изд. Экономич. Бюро Полт. губ. Земства. Полт. 1903.

Пачовськый Васылъ. Сонъ украинськои ночи. Траг. въ 5 діяхъ. Львивъ, 1903 р. Стр. 289. Ц. 3,50 кор.

Ровинскій Д.—Обозрѣніе иконописанія въ Россіи до конца XVIII в. Спб. 1903. Ц. 3 р.

Руська исторычна библіотека. Т. XXIII: М. Владимирськый-Будановъ. Нимецьке право въ Польщи и Литви. Львивъ. 1903. Стр. X+180.

Самоквасовъ Д.—Архивное дѣло въ Россіи. Кн. 2-я. Прошедшая, настоящая и будущая постановка архивнаго дѣла въ Россіи. 1852—1902 г. М. 1902. 1 р. 75 к.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей россійскихъ кн: 1, 2 и 3-я за 1903 г.; томы: 204, 205 и 206. Москва, 1903.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 82-го:

іюль-августъ, сентябрь, 1903 г.

Книга первая и вторая—іюль-августъ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга третья—сентябрь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ LXXXIII.

1903 г.

ОКТЯБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.
1903.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ LXXXIII

1903 г.

ОКТЯБРЬ.

КІЕВЪ

Типографія Императорскаго университета св. Владиміра Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.

1903.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 17 сентября 1903 года.

Памятникъ И. П. Котляревскому въ г. Полтавѣ.

Въ статью Л. С. Личкова «Очерки Черноморск. побережья Кавказа» вкрались слѣдующія главнѣйшія опечатки:

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
75	5 сверху	осѣсться	осѣсть
77	2 снизу	за водами	за заводами
80	11 снизу	укрѣпленія	укрытія
82	13 сверху	въ родѣ	въ рядѣ
87	8 снизу	затруднительна	затруднены
89	5 сверху	развинчиваютъ	развѣнчиваютъ
89	6 сверху	изслѣдованію, и съ	изслѣдованію «съ
119	9 снизу	качества лишь	качества лозъ
120	19 сверху	150	1500
122	10 снизу	перенесенія	перенесеніемъ
123	14 сверху	74	104
123	16 сверху	28	3

Средняя Лубенщина.[1]

Глава II-я.

Средина лубенскаго уѣзда. Части Засульской, Лубенской и Лазорской волостей.

Лубенскія окрестности лѣваго и праваго берега Сулы. Села и хутора по ручьямъ: Булатцу, Вязовку и у Пирятинской дороги.

Отлогій, песчаный берегъ рукава (витки) Сулы противъ Лубенъ занятъ небольшимъ селомъ Засульемъ. Начинается оно у самой Хорольской дороги прямой широкой улицей, застроенной съ обѣихъ сторонъ домами, лавками, коморами съ навѣсами и колонками. Эта улица, называющаяся Замостьемъ, какъ и всякое городское предмѣстье, полна жизни; по срединѣ ея стоятъ гончари, фурщики съ различной кладью и лошадьми или волами, кормящимися подлѣ возовъ. Пріѣзжіе толпятся у лавокъ подъ навѣсомъ, пьютъ и ѣдятъ. Здѣсь же пестрѣетъ группа богомолокъ, идущая поклониться мощамъ св. Аѳанасія. На базаръ спѣшатъ, или возвращаются съ него, окрестныя хуторянки съ плетеными кошиками въ рукахъ. Вездѣ снуютъ евреи, высматривая, нельзя ли купить что-либо выгодно съ возовъ; одинъ изъ нихъ, низенькій, толстый, въ синихъ очкахъ, уже сторговалъ мѣшки съ хлѣбомъ. Замостье построилось на мѣстѣ подъѣзда къ

[1]) См. Кіев. Ст. 1903, № 9.

парому, прежде ходившему по Сулѣ, и населено частью старыми мѣщанскими фамиліями изъ Лубенскаго подола: Ковнерами, Устименками, Федорченками, частью пришлыми людьми. Въ административномъ отношеніи оно только съ 1873 года отнесено къ городу, а до того присоединялось къ Засулью. Съ Замостья открывается общій видъ на широкую долину Сулы и на Лубенскія горы за нею съ безпорядочно лѣпящимися по уступамъ бѣлыми, желтыми хатами и домами, то насыпанными вмѣстѣ, какъ макъ, то уединенными среди садовъ и рощъ. Храмъ св. Николая на полгоры почти скрывается за вѣковыми вербами плотины; на самой вершинѣ отчетливо бѣлѣетъ соборъ, и гдѣ-то вдали мерцаетъ крестъ Троицкой церкви. Изрѣдка осѣняютъ горы остатки стараго лѣса; обрывистый профиль Лысой горы заканчиваетъ видъ. «Въ «Запискахъ о полтавской губерніи» Арендаренко выражается объ этомъ видѣ такимъ образомъ: «Сула, миновавъ городъ, дугообразнымъ склоненіемъ на югъ, осѣненнымъ возвышенностями ея праваго берега..., представляетъ прекраснѣйшую игру роскошной природы» [1]).

Сѣверный край села, примыкающій къ Замостью, называется Ляшивкою, потому что нѣкогда здѣсь жилъ на песчаномъ, заросшемъ лозой, бугрѣ какой-то ляхъ, о которомъ разсказываютъ: «Якъ ляхы жылы въ Лубнахъ, то одынъ жывъ тутъ. И якъ позбывалы тихъ ляхивъ, то винъ ще жывъ, а потимъ утикъ. Де дивався ляхъ?—якъ у воду впавъ. Потимъ, годивъ черезъ пьять, упять прыйихавъ на се мисто той ляхъ, де вже пустыня зробылась. Люде бачылы звечора, а утромъ—нема. А на тимъ мисти, де ёго бачылы—кружало, мисто котла». Ляшивка невелыка и теперь состоитъ изъ небольшого числа прихотливо разбросанныхъ мазанокъ, крытыхъ очеретомъ, маленькихъ клунь среди огородовъ, колодцевъ съ журавлями и рѣдкихъ деревьевъ, а прежде въ ней числилось всего пять хатъ, населенныхъ Костенками и Рудями. Маркъ Костенко жилъ болѣе ста лѣтъ и ходилъ, бывало, въ Лубнахъ босой въ сѣрой свитѣ, разсказывая о старинѣ мѣстнымъ

1) Т. III, 271.

любителямъ археологіи. Средняя часть села Плысивка прорѣзана во всю длину узенькой улицей, обсаженной съ обѣихъ сторонъ берестами, вязами и ясенями, и тонетъ въ зелени. Съ западной стороны узкіе проулки ведутъ къ водѣ, весной затопляющей огороды и хаты, а лѣтомъ и осенью мирно зеленѣющей у берега. На западной сторонѣ Плысивки расположены большой садъ и огородъ Якимца, полные грушъ. яблонь, сливъ, вишенъ, волоскихъ орѣховъ и овощей, питающихъ окрестныхъ жителей [1]). Съ востока село выходитъ на обширный песчаный выгонъ. У выгона въ разныхъ мѣстахъ стояла мѣстная приходская Андреевская церковь. Первоначально она помѣщалась тамъ, гдѣ теперь домъ священника. Она была основана въ концѣ XVII в. Лубенскимъ полковымъ судьей А. Я. Кулябкой, вѣроятно въ 1691 г., такъ какъ Кулябка былъ судьей съ 1682—1691 г. Отъ первоначальной церкви остались лишь два колокола: 1692 и 1693 г.г., пожертвованные Кулябкой, да два большіе образа: св. Николая, обыкновеннаго византійскаго типа, и патрона, св. Андрея первозваннаго, козацкаго малорусскаго типа, присланныхъ въ 1715 г. изъ Мотронинскаго монастыря первымъ засульскимъ священникомъ Григоріемъ Дѣжечкой. Просуществовавъ сто лѣтъ, эта первая церковь уничтожена грозой при протоіереѣ Василіѣ Шаревскомъ. Вторая церковь выстроена въ 1789—90 г.г. [2]), уже на новомъ мѣстѣ, согласно съ повѣрьями, запрещающими строить зданіе на мѣстѣ сожженнаго молніей. Она была стариннаго мѣстнаго стиля, дубовая, темная и тѣсная; съ дубовымъ поломъ, прежде покрывавшимъ только средину церкви, такъ что когда послѣднюю подметали, то поднимались облака пыли (курява). Она виднѣлась изъ-за грушъ, вязовъ и тополей, какъ тихая, мирная пристань. Новая церковь, выстроенная въ 1894 году, съ пятью коническими куполами, обширная, съ новымъ иконостасомъ,

---

[1]) Виноградъ не удался: разведенъ невызрѣвающій сортъ.

[2]) Изъ мѣстной церковной лѣтописи, умѣло составленной О. І. Богдановскимъ. См. также: А. Грановскій. Полт. епарх. 360, и А. Лазаревскій. Истор. очер. Полт. Луб. 75.

не производитъ уже того успокоительнаго впечатлѣнія на душу. Плысивка, значительнѣйшая часть всего села, получила названіе отъ коренного, многочисленнаго рода Плысивъ, которымъ, кромѣ усадьбъ на горѣ и земель, принадлежитъ еще часть долины Сулы—Плысови луга, и одинъ изъ рукавовъ ея. Прежде имъ же принадлежали: настоящій хуторъ Асауловщина, нѣкогда называвшійся Плысивъ хутиръ, земля у Харольской границы—Плысивъ степъ, и владѣнія въ городѣ. Фамильное преданіе Плысовъ передаетъ: «Старый Плысъ жывъ у Лубняхъ и переселывсь за Сулу и сивъ хуторкомъ жыть, и одъ ёго почалось Засулье. Выстроивъ хатыну; було у ёго хлибопашество, своя вынокурня и пасика. Було выкурыть соби пудивъ двадцять пьять и пьють водку. Дидъ Ефымъ пры Катерыни мавъ свои волы и подвозывъ фуражъ. Получывъ бумагу на дворянство. Потимъ не схотилы Плыси продолжать службу и повернулы изновъ у козакы»[1]). По показаніямъ старожиловъ, Плыси удалены изъ Лубенъ за неуступчивость. Эти воспоминанія отчасти согласны съ историческими данными, бывшими въ распоряженіи А. М. Лазаревскаго. Такъ онъ признаетъ Засулье Лубенскимъ выселкомъ второй половины XVII в., а изъ Плисовъ—Филиппъ показанъ лубенскимъ полковникомъ въ 1669 г. Затѣмъ, у Лазаревскаго же приведенъ слѣдующій универсалъ Самойловича, 22 іюля 1672 г. «Плысъ небожчыкъ, житель Лубенскій зрабовалъ всѣ добра полковаго лубенскаго писаря Фомы Тризны. за что всѣ кгрунта Плысовскіе въ Лубпяхъ и движимость, тактежъ дворъ зо всѣми будинками изъ лисами и синожатями, озерами, ѣзами, зъ полями и садами, такъ по той сторонѣ Сулы рѣки, яко и по сей сторонѣ будучими и Фомѣ Тризнѣ въ вѣчную посессію... присудили и подали»[2]). Этотъ «небожчыкъ» и былъ вѣроятно основателемъ Засулья. На Плысивкѣ была и могила его, на ко-

---

[1]) Отъ бывшаго Засульскаго волостного старшины и земскаго гласнаго С. П. Плиса. По ревизіи 1764 г. въ Засульи показаны владѣнія хорунжаго Плиса (А. Грановскій. Полт. епарх. 360.

[2]) Очер. Полт. Луб. 76.

торой, взамѣнъ надгробнаго памятника, лежалъ, говорятъ, вѣковой дубъ, выкопанный съ корнемъ. На Плысивкѣ живутъ еще слѣдующіе козацкіе роды: Бабаки, Волошки, Дармостуки, Долинскіе, Жаданы, Запорожци, Киктенки, Омельченки (изъ которыхъ одинъ «йшовъ пьяный изъ трахтыру до-дому, а салдаты—пьятнадцять чоловикъ—зострилы ничью и хотилы побыть, такъ випъ зъ усихъ пьятнадцяты изнявъ шынели. Командиръ выйихавъ, узнавъ, що одынъ познимавъ и обвынывъ тихъ, що поддались»), Полуботки, прозванные за красоту и силу орлами, Погребняки, Сивоглазы, нѣкогда очень богатые (ихъ земля—поле «Гончарки», луга и плавни достигали Шершневки), и Якимцы, предокъ которыхъ присталъ къ дочери богача Гамайды, бывшаго козацкаго фуражира, принесшаго въ 1812 г. «до-дому манирку червинцивъ». На Плысивкѣ же былъ прежде большой каменный домъ Кулябокъ, проигранный потомъ въ карты на выборахъ въ Полтавѣ, а возлѣ нея поселены ихъ бывшіе крестьяне: Дейкалы, Веклепки и Шевченки. Послѣдняя четверть села между песчанымъ выгономъ, понижающимся къ Сулѣ, и бродомъ у выѣзда на Шершневку занята Чернещыною, какъ показываетъ самое названіе, бывшимъ монастырскимъ владѣніемъ. На берегу находится урочище «Дворецъ», куда пріѣзжали гостить Мгарскіе архимандриты. «Архимандро бувало купается, его мыломъ намылють и мыють. И сажъ тутъ бувъ. Бувало монахы наловлять рыбы и въ сажъ накыдають». Теперь Дворецъ представляетъ изъ себя обыкновенную оплетенную леваду съ большими осокорями и осинами надъ зеленымъ, тинистымъ потокомъ «Перегономъ». Здѣсь черезъ съуженную долину Сулы, между засульскимъ берегомъ и блѣдными, голыми отрогами Лысой горы, перекинутъ былъ мостъ, по которому перешелъ Жолкѣвскій, гонясь за Наливайкой, и пересыпана гребля, существовавшая еще въ XVIII в., какъ видно изъ дневника генеральнаго подскарбія Я. Маркевича, упоминающаго: «Уехалисмо до гребли у Лисой горы обрѣтающейся чернечой» [2]).

---

[1]) К. П. Бочкаревъ. Очер. 21.

[2]) Дневн. въ „Кіев. Стар.“ 1895 г., II, 52.

Остатки плотины и бывшихъ водяныхъ мельницъ, купленныхъ монастыремъ у Полунѣева и Сивоглаза и утвержденныхъ универсалами: Юрія Хмельницкаго 17 января 1661 г. и Многогрѣшнаго 1670 г.[1]), еще замѣтны. «Недавно пали выкручувалы, каминня понаходылы». Отъ близости Лысой горы и самое засульское общество казенныхъ крестьянъ: Захарченки, Севертюки, Корніяченки и др. называется Лысогорами. Число всѣхъ вообще жителей Засулья въ половинѣ XIX в., вмѣстѣ съ Солоницкими, немногимъ превышало тысячу, въ XX же вѣкѣ достигло 1762. Жители темнорусы, вышесредняго роста, занимаются кромѣ хлѣбопашества разными поставками: песку, льду и т. п. въ Лубны. На Чернещинѣ развито ткачество: что хата, то и ткачъ; есть и по два станка (верстака) въ хатѣ. Затѣмъ, женщины собираютъ въ видѣ промысла лѣкарственныя травы, прокармливаясь этимъ занятіемъ.

Къ югу отъ Засулья, внизъ по рѣкѣ, за широкимъ, болотистымъ лугомъ расположилось на незначительномъ возвышеніи большое село Шершневка. При въѣздѣ глазамъ представляются безпорядочныя кучи большого и средняго размѣра хатъ, среди вишневыхъ садовъ, въ дворахъ съ колодцами «журавлями», обнесенныхъ камышевыми плетнями, площадокъ и узенькихъ уличекъ, указывающихъ на старое поселеніе. И дѣйствительно, Шершневка старинная; начало ея, по свидѣтельству А. М. Лазаревскаго[2]), отходитъ къ I-й половинѣ XVII в. и приписывается переселенцамъ изъ радомысльскаго уѣзда—Кіевскаго Полѣсья—гдѣ также есть одноименное село. По мѣстнымъ преданіямъ «якыйсь Шершень занявъ тутъ мисто, а Ерко въ Еркивцяхъ». Населеніе Шершневки распредѣлилось въ такомъ порядкѣ. Въ восточномъ углу села отъ Матяшовскихъ полей, на Деркачивкѣ, живутъ: Деркачи, Костюки, Мачуги и Рудики, которыхъ дразнять «лычакамы», за ними на Кислякивкѣ—Кисляки, «воны древни, зъ

1) Лазаревскій. Архив. отрыв. для истор. Полт. епарх. Полт. 1888 г. в. I, 67—72. 21 іюля 1657 г. данъ Б. Хмельницкимъ монастырю универсалъ на перевозъ у Лысой горы.

2) Ист. очер. Полт. Лубенщ. 106.

дида полупылысь и Кислякивка зветься весь кутокъ», Назаренки, Ляшенки (Журбенки), изъ которыхъ церковный староста имѣетъ до 300 десят. земли, и Сурмилы. О дѣдѣ настоящихъ Сурмилъ вспоминаютъ: «Винъ у коси бувъ, пры Катерыни служывъ у кирасирахъ, дванадцять пудивъ вагы у ёму. Тры коня даютъ, покы ученіе выйиздыть, одынъ кинь не выходыть пидъ нымъ. Якъ стоить на часахъ, якъ ступыть ногою, такъ помостъ двыгне. И Катерына сказала: «пора, Сурмыло, домой ў отпускъ, а то не встоить на часахъ, старый». «За Кислякивкою расположена Дранивка; на ін бувъ чоловикъ Дранъ, винъ кожи чынывъ, черезъ то й кутокъ зветься Дранивка». Настоящіе жители этого кута: Гудзи, Карпенки, Кривобоки и Шинкаренки. Послѣдніе шинковали. «Тоди якъ по шисть коп. була кварта, тоди пивъ села шынкивъ було. Вынныця була у Кучеркы. Було чоловикъ однесе пудъ и затыра видро водкы на празныкъ, а хочъ и такъ»,— какое воспоминаніе относится къ концу XVIII в., когда Румянцовъ писалъ: «шинки въ Малороссіи безмѣрно умножились во вредъ общій» [1]). Карпенки сохранили слѣдующія фамильныя преданія. «Хороше було жыть давнійшъ, мыра мало було. Мій дидъ трёхъ жинокъ державъ; якъ упьется було, розсказуе, що двадцять пьять дитей зъ трёма жинкамы сплодывъ. А въ мене крестянка Кучерова була жинкою. Пани казала батькови: дай мени окуныци 40 рубливъ, тоди выпущу на волю». Батько сталы давать 20 рубливъ, а барыня каже: «Што жъ ты, голубчыкъ, такъ мало даешъ, якъ за корову»? Покойный батько одвизъ пани окунычного 40 рубливъ» [2]).—«Мій дидъ зъ Хорола йихавъ зъ ярмарку. Пойихалы до Коломыйськихъ могылъ, верстовъ шисть одъ села. Теперъ ихъ позагорталы. Выходыть двое молодцивъ и перестриваютъ дида. У дида конячка и хлопчыкъ литъ десять

---

[1]) А. Лазаревскій. Распор. гр. П. А. Рум. по упр. Малорос. 54.

[2]) Разсказъ записанъ отъ Н. Карпенка; въ немъ останавливаетъ на себѣ вниманіе архаичная плата—окунычне, существовавшая еще въ княжескій періодъ (Кавелинъ. Собр. сочин. Москва 1895 г., IV, 245).

Ну, воны кажуть: «Давай гроши, бо все ривно однимемъ». Дидъ вытягъ полтынныка грошей, взявъ у жменю, держыть и каже: «Иды, на»! Той пидходыть. Дидъ въ сій руци держыть гроши, а тіею згрибъ за волосся того молодця, потимъ гроши вкынувъ у визъ, а батижокъ у рукы, коня бье, щобъ тюпавъ. Такъ кинь тюпавъ дви верствы и дидъ державъ того молодця на отвиси дви версты за чуба. Отъ тихъ поръ перестали грабыть» [1]). Слѣ-

---

[1]) Отъ Е. Карпенка. Кромѣ упоминаемой Коломійськой могилы вокругъ Шершневки и сосѣднихъ Ерковецъ находятся еще слѣдующіе могилы, урочища и хутора: У Вьязовои, у въ озиръ, на вильному, у броду, Боченьська, «тамъ виха стоить, якъ похылытся вона, такъ и тикають у въ острывъ—за воду можна сховаться», Гостра, Мокра, Запорозьська, Шемеливська, „вона глыбока и валы понасыпани, позиція буле“. Окрестныя поля называются: Рокита, Муховате, у круга, на жолоби, а болота:—Бузуляки, Дворецке, Кашыно, Краливщына, Красне, Каплунъ, Плисово, Ратошне, Ричиця и Цыбыно. Мѣстные хутора смѣшаннаго Шершневскаго и Ерковскаго происхожденія. За Шершневскою греблею на песчаныхъ буграхъ, лишенныхъ всякихъ признаковъ растительности, построенъ х. Парпуринцы, въ 50 хатъ, населенныхъ: Ляхами, Гудзями и Сурмилами. О происхожденіи хутора говорятъ: «Ляхъ бы то ёго зажывъ», а судя по названію, можно бы основаніе его приписать Лубенскому войту 1645 г. Кондрату Пурпурѣ (Лазар, Очерк. 80); за мельницами видѣнъ хуторокъ Балганивка, жительство: Борщей, Карпенковъ, Михайленковъ и Устименковъ, всего 9 хатъ. Названіе производятъ отъ слова балаганъ. „Салдатъ бувъ, построивъ хату таку, якъ балаганчыкъ—и съ того Балганивка». Далѣе: х. Тарасенкивъ, 30 дворовъ, «тутъ ричка Багачка бижить середъ нашого поля у болота, на весни вона быстра»; о ней въ дневникѣ Маркевича сказано: «Перебулы зъ трудностью рѣку Багачку чили болото», («Кіев. Стар.» 1896 г.. VII, VIII, 309), населенный: Джурами, Гаврилками, Курганами, Саппами, Шатимами; х. Дразинчинъ, «сумижный мижъ двома приходамы», 25 дворовъ съ живущими въ нихъ: Драбенками, Зинченками, Середами; х. Гаврылькивъ, 15 хатъ съ жителями: Удовченками и Скрипками; х, Запорозьській, 11 хатъ, бывшихъ крестьянъ Кучерова, фамиліи, встрѣчающейся въ переяслав. у. (Лучицкій. Сб. мат. 101). «Крестьяне пидходылы пидъ пана, ище й изъ землями хорошими пидійшлы, а потимъ вырываться»... Далѣе х. Иванцивъ или Ляшенкивъ, основанный Ляшенкомъ, въ 30 хатъ, принадле-

дующій кутокъ—Бугаивка, названный такъ отъ ручья, того же имени, впадающаго въ Сулу, занятый: Гусакамы, Костюками, Луценками, Михайленками и Немнятыми. Затѣмъ, по направленію къ Ерковцамъ, расположены два кута: Устимовка, населенная Устименками, и Серединка—Солошенками, а за ними раскинутъ обильный выгонъ, полный мельницъ.

Когда именно образовался приходъ въ Шершневкѣ, съ точностью неизвѣстно. Народное преданіе указываетъ только на существованіе старинной церкви. «У ій помосту ще не було, на доли була церква и дзвоныця, драню покрыта». Настоящая церковь, построенная въ 1896 г. и затѣмъ обновленная, просторна; иконостасъ, зеленый съ золотомъ, украшенъ тонкими коринөскими колонками. Лучшій образъ скорбящей Божьей Матери [1]). Черты лица тонкія, правильныя, общее выраженіе—свѣтлая печаль, сквозь которую видпѣется надежда. У иконы 2—3 серебряныя привѣски съ изображеніями больныхъ членовъ и бѣлые цвѣты, принесенные ученицами мѣстной женской школы. Въ церкви хранится также нѣсколько старыхъ книгъ съ разными замѣтками: книга поученій 1777 г., купленная писаремъ лубенскаго духовнаго правленія П. Антоненкомъ. На оборотѣ переплета отмѣчено: «1788—1789 зима жестокая, морозовъ и вѣтровъ преисполненная, дворы, лѣса снѣги уравнивали съ полями, избы... находились отъ снѣга» [2]).

жащій къ приходу Богачки или Майорщины, хорольскаго у. и хуторъ Назаренкивъ или Вербовый, населенный частью козаками, частью дворянами Назаренками. Послѣдніе получили прозвище Вербовыхъ отъ посадки вербъ по большимъ дорогамъ въ 1777 г. (Бѣлозерскій Южн. рус. лѣтоп. I, 104). «Ихъ дидъ садывъ вербы и тымъ заслужывъ дворянство. Ще моя баба дивкою возыла воду полывать ти вербы». (Отъ Н. Карпенка).

[1]) Размѣромъ $1^1/_2$ арш. высоты, $^3/_4$ арш. ширины. Есть еще: икона Божіей Матери Каплуновской 1771 г., и Моленіе о чашѣ съ изображеніемъ Спасителя съ крестомъ, Богоматери въ облакахъ и чашей посрединѣ, $1^1/_2$ арш. вышины и 1—ширины.

[2]) О суровыхъ, многоснѣжныхъ, такъ называемыхъ „очаковскихъ“ зимахъ въ лубенскомъ у. разсказываютъ: „Очаковська зима

Въ другой книгѣ вырванъ заглавный листъ; изъ содержанія же видно, что «потребникъ», переводъ Euхологіона митрополита Ѳеогноста, сдѣланнаго по повелѣнію вел. князя Ивана Даниловича «по рéклу Калиты», повеленіемъ царскаго величества. На книгѣ надпись: «По завѣщанію архимандрита харьковскаго и коллегіума ректора Василія принадлежитъ въ церковь Шершневскую Успенскую въ вѣчную память блаженныя его кончины 1799 г., генваря 5 дня». На оборотѣ переплета написано:

Праздность старыхъ людей повреждаетъ,
Сія жъ паче младымъ на вредъ бываетъ.

О мѣстномъ колоколѣ есть также сказаніе, различно передаваемое. «Ляхы пидъ Мацковцямы у городку покыдалы у ричку колоколы и черезъ сто литъ шершневськи и еркивськи рыбалкы зачепылы неводъ и вытяглы и шершняне сплатылы ерковчанамъ и повисылы соби той колоколъ. Випъ не купованый, а найденый у води». Другой варіантъ объясняетъ причину, по которой колоколъ достался Шершневкѣ: «шершневськи и еркивськи козакы укралы колоколъ, и прывезлы, и сховалы у воду, и заспорылысь за ёго, и еркивськи отнялы и чиплялы ёго тричи, такъ не давъ гласу ніякъ. Ну, ёго перенеслы у Шершневку и началъ давать гласъ».

Ерковцы, отдѣленные отъ Шершневки только плотиной, ничѣмъ не отличаются отъ нея; въ нихъ только болѣе зелени.

була забойна. Велыки булы забои: покы стриха хаты, покы й снигу, передъ порогомъ робылы скипци, прорізалы стежкы, а проты виконъ дучечкы, або черезъ верхъ лазылы. Було за ничъ такъ закыда снигомъ, що тилькы въ верхы и вылазылы. Якъ бы таки хаты якъ теперъ, то повмиралы бъ крестяне, а то тоди хаткы маленькы. Надъ хатою выставлялы лопату, а по тій лопати находылы хату. Скотыну одкопувалы. Села не выдно було: ни тынивъ, ни хатъ". Между прочимъ въ такую зиму 6 декабря 1788 г. взятъ приступомъ Очаковъ (Е. Фуксъ. Ист. генер. кн. итал. графа Суворова Рымник. Москва, 1811, 70), откуда и самое названіе зимы очаковской, сдѣлавшееся потомъ нарицательнымъ.

Узкія улицы иногда почти закрыты свѣсившимися вѣтвями. У плотины расположенъ кутъ Шіяновщина, гдѣ живутъ Бубыри, носящіе уличное названіе Шіянивъ, Ворonченки и Кочуры. Далѣе вокругъ церкви—Клеменкивська улица, жилье Гаврыкивъ, которыхъ полъ-села и изъ среды которыхъ былъ первый мѣстный священникъ о. Семенъ, Головатыхъ, по уличному Клыменкивъ, Знаенкивъ, Курганивъ и Рудыкивъ. За церковью—Санжаривка, занятая: Галаями, Немняченками и Перепечаями. У болота тѣснятся еще два кута: Лукашивка по направленію къ с. Вязовку, на которой живутъ: Лукаши, Ляховненки, Канивци и Кучи, и Польща, вдавшаяся «рижкомъ у трясовыну, въ болото», жительство: Вовживъ, Кулиничей, Ланцивъ, Ляхивъ, Шпортюкивъ, Яськивъ и др. [1]). Общее мнѣніе признаетъ древнѣйшимъ кутомъ Лукашивку. «Село началось зъ Лукашивъ. Бувъ островокъ на болоти и тамъ сельце прычепылось. Пидъ селомъ могыла и стоитъ козакъ изъ вихою и дывытся, и якъ наступленіе—похылывъ виху, и люде въ очеретъ тикають и тоди и козакъ тика. Татары якъ набиглы зъ дыкого степу, а баба въ капусти заховалась, воны й не найшлы. Де теперъ село—дубына була. Якый-сь панъ жывъ, звавсь Булюбашъ и земля звалась Булюбашивщына. Кажуть, булы крестяне, такъ исчезлы. И церква ранійшъ була на Лукашахъ и якыйсь священныкъ Сагура бувъ у старыну». Когда была построена та старая церковь, неизвѣстно, обновлена она въ 1798 г., а въ 1827 году выстроенная, какъ и прежнія въ честь архистратига Михаила [2]). Въ церкви нѣтъ достопримѣчательныхъ иконъ, а только евангеліе, подаренное «въ 1746 г. козакомъ вышестебловскаго куреня Емельяномъ Остаповымъ Дуземъ, заплоченное доброю монетою 80 руб., а кто возьметъ будетъ проклятъ, анафема», да нѣкоторые богослужебные предметы [3]).

---

[1]) Кромѣ того, въ селѣ встрѣчаются еще слѣдующія фамиліи: Винники, Гусаки, Дрижаки, Козловськи, Кочуры, Кибы, Мачуги, Меркуты, Мокренки и Цибы.

[2]) А. Грановскій. Полт. епарх., 366.

[3]) Именно: свинцовый крестъ $2^1/_2$ четв. съ изображеніемъ Спасителя и дароносица съ такимъ же изображеніемъ, чаша (келихъ),

На рубежѣ двухъ столѣтій въ Шершневкѣ числится 2678, въ Ерковцахъ 1586 жителей. Изъ этого четырехтысячнаго населенія лишь одно лицо обладаетъ 300-ми десятинъ земли, нѣсколько семействъ отъ 30–40 дес., большинство 4—8 и около трети безземельныхъ; наемъ же земли и испольныя условія тяжелы, соединены съ значительнымъ отработкомъ. «Поспива теперъ сердешный, шобъ копу хоть вкрасты, колы заробыть не можна». Добавочнымъ къ земледѣлію промысломъ, рыболовствомъ, занимается въ Ерковцахъ половина, а въ Шершеневкѣ треть села; имѣютъ шесть неводовъ и кромѣ того ловятъ еще: вершками, стиками, саками, бовтами, вятерями, иногда соединяя по два вятеря вмѣстѣ и составляя такимъ образомъ паровикъ, каждое крыло котораго занимаетъ по три сажня. «Ловытся рыбка велыка й маленька»—какъ говорится въ извѣстной сказкѣ—щуки, караси, окуни, лины, весной изрѣдка вязи и коропы. Крупная рыба сдается по 2 р. 50 к.—3 руб. за пудъ, «милька»—по 20 коп. ведро на лубенскій рынокъ. Мѣстные жители трудолюбивы, «одынъ за трёхъ уробыть, такый покрой народу». Покрой крѣпкій. Народъ въ обоихъ селахъ шырокогрудый, плечистый, средняго роста, темнорусый и русый, ходятъ раскачиваясь, неуклюжи, неловки; красивыхъ лицъ нѣтъ, среди женщинъ много малорослыхъ съ мелкими чертами лица. Вышеприведенныя названія урочищъ и фамиліи: Польща, Ляхы, Ляховенки, Ляшенки [1]), Яськи [2]), Ко-

---

пожертвованная въ 1746 г. Гордѣемъ Борисенкомъ и его женой, украшенная изображеніями ангеловъ и плодами съ прилистниками, другая чаша, пожертвованная «Олехвѣромъ», украшенная проще; воздушекъ съ благословляющимъ Спасителемъ, евангелистами и ангелами, расшитый цвѣтными шелками, подризники изъ бѣлаго холста, на которыхъ вышиты клеверъ и зеленыя съ золотомъ лиліи; другіе подризники, вышитые цвѣтными и крашенными нитками. Въ мѣстной сельской школѣ есть еще большой (2 арш. выс. и 1—шир.) образъ Божьей Матери со Спасителемъ, смотрящимъ въ сторону, весьма чтимый.

[1]) Впрочемъ, фамилія Ляшенко можетъ происходить и отъ Ильяшъ, Ляшъ—Илья.

[2]) Ясь—уменьшительное отъ Янъ.

зловскіе, Каневци, Коденки, Лукаши, указываютъ на польскій и правобережный элементы въ составѣ населенія. Отличаясь чрезвычайнымъ своеобразіемъ, шершневскіе «кваки»[1]) и ерковскіе «рашныкы» (ихъ легко узнать на каждой ярмаркѣ), сами собой не представляютъ замѣтныхъ отличій. Вражды между селами также не замѣтно. И кулачки въ старину кончались мирно: «Зійдутся, бувало, навкулачкы, ма́рмузы (лица) соби понабывають, позаюшуются (окровавятъ другъ друга), то́ди мырятся, водку пьють». Языкъярокъ, своеобразенъ; буква *и* часто замѣняется *о*, что слѣдуетъ приписать городскому и солдатскому вліяніямъ, а не первоначальному произношенію. На одеждѣ замѣтно мацковское и слѣпородское вліяніе. Мужскія и женскія одежды обшиты чернымъ сукномъ. Очипки пріострены, сверхъ ихъ носятъ ленты, мычекъ не видно. Брачный обрядъ подобенъ волчковскому; на Рождество «хлопець надива дивчачу одежу: ленты, сергы и ходыть изъ дивкамы, почына спивать. Дида нема, а ходыть коза въ вывороченному кожуси, уха и нисъ пороблени зъ ложокъ; вона клюка и мека».

На правомъ берегу Сулы у самихъ Лубенъ разстилается въ южномъ направленіи обширная, безлѣсная равнина съ округленными очертаніями, (терновская толока), въ востока обрывисто опускающаяся въ рѣчную долину. Надъ самой рѣкой высится голый желтоватый мысъ,—раньше упоминавшаяся Лысая гора отдѣлена лощиной отъ края этой равнины. Сама по себѣ достигаю́щая 35 саженъ отъ дна долины, Лысая гора возвышена еще искусственно рядомъ расположенныхъ на ней кургановъ, заключающихъ въ себѣ много старины. По словамъ К. П. Бочкарева, «нѣдра Лысой горы сохранили конгломератъ народностей отъ троглодита до по́ляковъ и козаковъ[2]). При раскопкахъ здѣсь найдены: кости животныхъ, золотыя украшенія, желѣзный мечъ, стрѣлы, привѣски, бусы, пряслица, бронзовые браслеты, гривна

---

[1]) Болотная птица Nycticorax europaeus. L.

[2]) Очер. Луб. стар. 21.

и серпъ [1]). Присутствовавшій при этихъ раскопкахъ крестьянинъ разъяснялъ: «Выкопувалы кости, горшкы, маленькы стрилкы. Шведы тутъ жылы и шведській князь. И гробъ найшлы, и ковры,— такъ взялось землею. Кругомъ люде, кости, то ёго прыслугы. Йихъ жывымы закопувалы; ямы кругли, якъ упавъ у яму, такъ винъ и есть».

Въ прямомъ направленіи терновская толока отрѣзана отъ плоской возвышенности глубокимъ яромъ, по которому вьется ручей Булатецъ, впадающій противъ Шершневки въ Сулу. Отъ рѣки, при впаденіи Булатца, долина понижается, расширяется, синѣетъ рощами и лѣсами. Вдали виднѣются голубыя горы. Внизу яра, на горѣ, среди рощъ и садовъ пріютилась деревенька Терны, вязовскаго прихода, населенная 335-ю жителями. Нѣкогда Терны принадлежали лубенскому бернардинскому монастырю, разведшему въ нихъ садъ на 12-ти десятинахъ [2]); когда же монастырь тотъ съ удаленіемъ Вишневецкаго «огнемъ въ гору пошелъ» [3]), то Терны достались Мгарской обители по универсалу Хмельницкаго 1657-го года [4]). Мѣстныя народныя воспоминанія о зависимости отъ монастыря блѣдны. «Хутиръ зъ людьмы данъ, такъ якъ пидъ господамы робылы, такъ и монастырю. Терны зачалысь зъ Стешенкивъ зъ края села одъ Сулы, зъ ихъ розмножылысь». Кромѣ Стешенкивъ, въ Тернахъ живутъ еще: Бойки, Борисенки, Винники, Голоды, Демены, Журавли, Любичи, Мелешки, Рудоусы, Сердюки, Турченки, Усенки и друг. Населеніе это средняго роста, темнорусое, глаза сѣрые и карые, одежды и обычаи слѣпородскіе, очипки женщинъ гребнемъ, средней величины. Экономическое положеніе жителей неудовлетворительно, такъ какъ терновскія владѣнія все понемногу сокращались: городъ отнялъ пользованіе терновской толокой, по преданію принадлежавшей

---

1) Ляскоронскій. Исторія переясл. земли. 131.

2) Бочкаревъ. Оч., 7.

3) Лѣт. Вел. IV, 14.

4) Лазаревскій: 1, Ист. очер. 103, 2, Луб. и Вишнев. Кіев. Ст. 1896 г., III, 337. и 3, Архив. отр. I, 72.

прежде монастырю, засульцы отвоевали половину Сулы, которая вверхъ отъ Шершневки вся принадлежала нѣкогда Тернамъ, а теперь лишь наполовину; поле отведено далеко у Ромодана; выгона совсѣмъ нѣтъ[1]). Вдобавокъ ко всему еще и полотно желѣзной дороги отрѣзало Терны отъ города. «Теперь мы усе ривно, якъ у клитци, никуды й вылизты», говорятъ жители. Съ размноженіемъ послѣднихъ приходится уже только по 2 дес. на семью, а между тѣмъ земельный наемъ крайне затрудненъ; городъ нанимаетъ десятину за 25—30 р., а подъ баштанъ и за 50 руб.; поденная плата незначительна, въ обыкновенное время 20--35 коп. и только при постройкѣ желѣзной дороги возвышалась до 50—75 коп.

Къ западу отъ Терновъ въ томъ же яру, по обѣимъ стѣнамъ его, на днѣ, на подгорьи, вершинѣ, и на отдѣльныхъ холмахъ раскинулась древняя Кононовка[2]). Открывается она особымъ хуторкомъ въ 7 хатъ, чистыхъ, привѣтливыхъ, смотрящихъ съ холма изъ-за дубовъ и березъ. Хуторокъ этотъ, называющійся по именамъ жителей Кокошками или Цвиркунами, въ честь бабы Цвиркунки Вильшанскаго происхожденія, приписанъ не къ Кононовкѣ, а къ деревнѣ Осовцамъ. Кокошки были крѣпостными, и панъ ихъ, имѣя владѣнія въ Лубнахъ, жилъ постоянно въ Петербургѣ. И вотъ панъ пишетъ Кокошкамъ письмо изъ Петербурга такого содержанія: «Або йидьте до мене, або выкупайтесь». Въ отвѣтъ на это письмо, батькы выкупились и, предпочтя Кононовку Петербургу, пріобрѣли здѣсь грунты и остались. Но, кромѣ осѣдлости, земли не имѣютъ и занимаются бон-

---

[1]) Сборн. хоз. стат. IV. Луб. у., 231.—У терновскаго моста, перекинутаго чрезъ Булатецъ, по дорогѣ на с. Вязовокъ по преданію была монастырская водяная мельница; вокругъ же деревни находятся слѣдующія урочища: Булатчикъ, Дудына, Лысенкова, Мырцева, Пидгорне и Свичинъ лисъ. «Тутъ колодязь. Дороботалысь до зруба—неможна копать, вода, и валыть землю, такъ и забросылы, а кажуть, вынныця була и жыды. Потимъ жыдивъ сталы гнать, а воны бросылы и замуровалы колодязь,—должно буть закляти гроши.

[2]) Первой половины XVII. Лазар. Очер. Полт. Луб. 99.

дарствомъ. За узкимъ лужкомъ виднѣется и сама Кононовка, полускрытая дубами, березами, грушами и вишнями. Крайній кутъ ея—Червонивка, жилье Кушниривъ, Иванченкивъ и Овчаренкивъ, рядомъ съ Червонивкою—Горобцивка, жительство Горобцивъ и Антоненкивъ. Противъ этихъ кутковъ на той сторонѣ яра, прорѣзаннаго узкимъ, мутнымъ протокомъ, на горѣ лежитъ Ломонисивка[1]), въ которой живутъ: Ломоносы, Антоненки и Зинченки. Сейчасъ за Горобцивкой помѣщается основной кутъ Сукивка. Отсюда началось село. «Будто,—росказувалы предкы—якійсь Кононъ чумакувавъ[2]) и оставсь тутъ ярмаркувать къ святій недили. И найшовъ тутъ мисто и оселывсь на Сукивци, де потимъ Мамантъ жывъ. Тоди винъ тилькы одынъ жывъ и пусто було. До его прыставъ Скыба. На симъ же кути оселылысь Сукы». Во всякомъ случаѣ Скибы одни изъ древнѣйшихъ мѣстныхъ жителей, упоминаемые то подъ собственной фамиліей, то въ уменьшительномъ видѣ Скибенковъ, въ 1666 году при Бруховецкомъ[3]). На Сукивкѣ же расположенъ обширный грунтъ, принадлежавшій мѣстнымъ священникамъ Яновскимъ; выше этого грунта была старая церковь, отчего и самое мѣсто сохранило названіе цвинтаря; еще выше надъ Сукивкой на Рожку живутъ: Гаврыши, Деревянки, Корнеты, Пивни и Макаренки, изъ которыхъ происходитъ осадчій хутора Завалошняго, а на сосѣдней толокѣ—Корніенки и Левченки, такъ называемые Горяне. «Старый Корніенко бувъ у Лубенському полку. Одъ ёго зосталась шабля, такъ диты переробылы на ножи, и сидло гарне, зъ звиздочками,—затратылось». Къ западу отъ толоки видна гора Глушкивка, гдѣ живутъ теперь Левченки, а прежде жили ушедшіе на слободы

---

[1]) Ломонисъ малорусское названіе растенія Clematis recta (Роговичъ. Зап. Ю. З. Отд. Геогр. Общ. I, 119).

[2]) Чумаковали и потомъ мѣстные козаки, 30 хозяиновъ ходило въ дорогу: по другимъ сказаніямъ Кононъ былъ разбойникомъ.

[3]) А. Лазаревскій. Малорус. переписныя книги. 37, 38. Въ этихъ книгахъ упоминается еще о Кулябчиныхъ, Заднѣпровскихъ и Толкоченкахъ (нынѣшнихъ Толоченкахъ). Прочія фамиліи опущены, а указаны лишь имена и отчества.

Бобрыки [1]). Такъ распредѣлилось козачье населеніе Кононовки, достигающее съ сосѣдними Чудновцами 1719 душъ. Жители вышесредняго и средняго роста, легкаго сложенія, съ кругловатыми лицами, темными волосами и глазами, женщины очень миловидны, и весь народъ вообще привѣтливъ и привлекателенъ. Конецъ села, такъ называемая «Весела гора», занятъ усадьбой помѣщика Сахновскаго, прежде принадлежавшей строителю мѣстной церкви—Макаренку, пришельцу изъ Лубенъ, не состоявшему въ родствѣ съ мѣстными козаками Макаренками, о которомъ разсказываютъ слѣдующее: «Якось йихавъ пошталіонъ зъ Лубень, пидъ хохулею [2]) перебылося кильце и чемоданъ упавъ. Ишла жыдивська наймычка и пидняла и до Сулы прыйшла, выбрала гроши, а чомоданъ—у ополонку. Потимъ гроши прынесла до-дому и сховала въ очеретъ; прызналась женыху, шо знайшла гроши. Повинчалысь воны и перешлы жыть у Кононовку. И винъ бувъ коваль и кувавъ. И потимъ за нымъ слидылы, допрошувалы, ну, винъ не сознавсь. Выстроивъ винъ домъ, а потимъ церкву. Кирпычный заводъ выстроивъ и за висимъ литъ кончывъ церкву. А пошталіона въ острози держалы и водылы що недили по базару и винъ просывъ, щобъ вернулы. Ему ризалы и уха, и пальци и кинець носа и роспыналы на вишальныцю, а черезъ тры годы ростреляли. А той Макаренко посчезъ, и сынъ его програвъ батькивщыну» [3]). Впрочемъ, по клировымъ вѣдомостямъ церковь

---

[1]) Вокругъ Кононовки есть слѣдующія урочища: Язвына, которую раскапывали, но ничего не нашли, Ризани могылы, Густи вербы, Руда, Крынычка и Вилки.

[2]) Вѣроятно слово это сродно нѣмецкому Hügel и также означаетъ бугоръ, холмъ.

[3]) По другому варіанту: „Макаренко служилъ у хозяина и былъ котляромъ (мѣдникомъ). Проѣзжалъ почтальонъ и заѣхалъ во дворъ; вставая уронилъ сумку, которую работница, поднявъ, спрятала въ печь, въ золу, а потомъ созналась Макаренку. Онъ женился на ней, потомъ переселился въ Кононовку". Заключается ли въ этихъ сказаніяхъ дѣйствительное событіе—мнѣ неизвѣстно. Потомки же Макаренка вымерли.

значится построенной не Макаренкомъ, а вообще иждивеніемъ прихожанъ. Церковь каменная, съ круглымъ куполомъ, бѣлая, съ хорами внутри, новенькимъ иконостасомъ и разрисованнымъ потолкомъ. Поставленная на высотѣ, она господствуетъ надъ селомъ. Деревянная, выкрашенная въ свѣтло-желтый цвѣтъ колокольня стоитъ отдѣльно. Опредѣлить точно начало кононовскаго прихода затруднительно, такъ какъ по приводимой г-номъ Грановскимъ слѣдующей надписи на одномъ изъ евангелій: «Року 1701, я Ѳедоръ Кулябка отмѣнилъ сію евангелю до храму Успенія въ с. Кононовку, а ктобъ мѣлъ ее отъ той церкви отдалити, то таковой пріиметъ вѣчное отъ Бога каранье на судѣ панскомъ» [1])—слѣдуетъ предположить, что кононовскій приходъ существовалъ уже въ самомъ началѣ XVIII в., по другимъ же печатнымъ и мѣстнымъ письменнымъ даннымъ видно, что Кононовка во всю почти первую четверть вѣка была поселкомъ троицкаго лубенскаго прихода, и что церковь въ ней заложена лишь въ 1723 г. Первымъ кононовскимъ священникомъ былъ правобережный выходецъ Иванъ Яковлевичъ, «мужъ благоговѣйный, всякимъ первѣе опаснымъ истязаніямъ прилежно испытанный». Сынъ его Дамьянъ, внукъ Кириллъ и правнукъ Меркурій продолжали преемственно быть мѣстными священниками. О послѣднемъ Н. В. Гоголь отозвался такъ: «Вы знаете этого алчнаго попа Меркурія, который съ жадностью слѣдитъ наше имѣніе и который, пользуясь правомъ родства, уже зажилилъ порядочный кусокъ». Затѣмъ потомки Меркурія вышли изъ духовнаго званія, но послѣдній изъ нихъ сохранилъ еще часть предковскаго грунта на Сукивкѣ. Другой сынъ Дамьяна, обозначенный въ мѣстной клировой вѣдомости 1784 г. [2]) священническимъ сыномъ Афанасіемъ, служилъ потомъ въ военной службѣ премьеръ-маіоромъ, имѣлъ сына В. А. Гоголь-Яновскаго, автора «Простака» и внука Н. В. Гоголя [3]).

[1]) Полт. епарх. 361, 362.

[2]) Книга указ. 41.

[3]) А Петровскій. Полт. губ. вѣд. 1902 г., № 36, 2, Нов. Вр. 1902 г., № 9324, 4, Кіев. Стар. 1902 г. I и III, 22—174—176, В. Гиляровскій. На родинѣ Гоголя. Москва, 1902 г., 49—52.

Къ югу отъ Кононовки, межъ нависшихъ деревъ и орѣшины, едва примѣтна узкая дорожка, поднявшись по которой на площадку среди горы, видишь въ просвѣтѣ раздвинувшагося лѣса, какъ на ладони, всю Кононовку съ прелестнымъ безпорядкомъ ея садовъ, рощъ, хатъ и церковью на горѣ. Затѣмъ все скрывается, на дорогу опять надвигается съ обѣихъ сторонъ лѣсъ: вѣковые, узловатые дубы и вѣтвистыя березы, мѣстами потемнѣвшія отъ времени; мѣстами-же весь лѣсъ, сплошной березовый, и чистые молодые стволы бѣлѣютъ среди яркой зелени. Тихо, воздухъ душистый и съ губъ срывается восклицаніе: «Господы! якъ тутъ гарно!» Особенно хорошо весной, когда все зеленѣетъ, сверкаетъ на солнцѣ, «голубіи фіялочкы гору вкрылы», а по окрестнымъ селамъ льются веснянки, также полныя весенняго аромата. Вскорѣ лѣсъ рѣдѣетъ; виднѣются сады, постройки, перепутанные, тѣсные, глухіе улицы и переулки большого хутора Чудновецъ, по мнѣнію А. М. Лазаревскаго, выселка изъ Кононовки XVII в.[1]) Темныя мѣстныя преданія ничего не говорятъ о такомъ происхожденіи Чудновецъ. По этимъ преданіямъ осадчимъ былъ какой то Чудакъ. «Первый чоловикъ бувъ Чудакъ и одъ его пошлы вже селыться разни люди—будто козакы». Большинство жителей козаки, между ними встрѣчаются слѣдующія фамиліи: Васики, Вечорки, Михедыхы, Москаленки, Мочулы, Шапоренки и Шостаки. Послѣднія двѣ фамиліи самыя зажиточныя. М. Г. Шапоренко былъ кононовскимъ головой, потомъ долгое время уважаемымъ земскимъ гласнымъ. Крестьянъ немного. Они переведены изъ Тимокъ помѣщикомъ Боярскимъ, пріобрѣвшимъ часть Чудновецъ отъ Ив. Макаренка, сына строителя Кононовской церкви. Жители, кромѣ земледѣлія, занимаются еще издѣліемъ колесъ; они бѣднѣе кононовскихъ[2]).

У того-же самаго Булатецкаго яра, въ непосредственной близости къ Лубнамъ построился хуторокъ Осовцы—рядъ хатъ съ соломенными кровлями среди яблонь, грушъ и сливъ. Названіе

---

[1]) Истор. очер. 99.

[2]) Лѣсныя левады у Чудновецъ называются: Баранивська, Блызня, Перехресна

хутора происходитъ по мнѣнію покойнаго М. Т. Симонова, высказанному однажды въ разговорѣ, отъ того, что здѣсь земля осѣдаетъ (осовуется). О происхожденіи хутора жители передаютъ такъ: «Се мисто завоевано, тутъ колысь ляхы жылы, а якъ войпа перейшла, такъ стало тутъ голо, и поселывся хозяинъ Семенецъ Юшко, потимъ Кирпичъ и третій Романъ Крилачъ». Потомъ число дворовъ увеличилось до 12, а въ настояшее время достигло 40, населенныхъ 236-ю жителями, козаками, занимающимися бондарствомъ. Осовцы существовали уже во второй половинѣ XVII в. и считались хуторомъ Лохвицкаго сотника И. Ограновича[1]). Осовцы расположены на горѣ: «на гору и воду носыть», и окружены валомъ, въ сажень вышины и четыре—ширины, частью уже сглаженномъ, а частью заросшимъ лѣсомъ. «Коло сёго валу Артемъ Крывенко, Ющынъ зять, копавъ яму на дытыну и выкопавъ голову и въ голови таке якъ шпень. Ляхы воювалы». Постройки внизу къ Булатцу называются «За крипостью». Кромѣ вала, Осовцы окружены еще нѣсколькими ярами: Поповымъ, Макаривщыною, Курячимъ, названнымъ такъ по слѣдующей причинѣ: «Пастухы було пасуть и поймають курчять и зачынять у лёхъ. Люде прыйдуть, слухають, шось спива. Дозналы и прозвалы Куряче. Тамъ злодіи колысь булы». Есть и еще яры: Ткачево, «де була хатёнка и ткачъ жывъ», и Савыцькой, «де така крыныця була, шо якъ хто важко больный, то требуе воды, каже: «дайте тіи воды, то я одужаю», а винъ такы вмре. Одъ тіи крыныци недавно була и зрубына».

При выѣздѣ изъ Лубенъ на большую Пирятинскую дорогу, поворотъ влѣво ведетъ черезъ поле на такъ называемую Мійську (т. е. городскую) гору въ село Низшій Булатецъ. Съ этой горы, лѣвую сторону которой составляетъ отвѣсная стѣна лёсса съ одинокой мельничкой наверху, а правая примыкаетъ къ п лю, открывается глубокій яръ, по которому вьется потокъ, иногда шириной въ аршинъ живой струи, при 3—4 сажняхъ русла Этотъ потокъ, тотъ самый, что и въ Тернахъ, носитъ здѣсь другое названіе—

[1]) Лазаревскій. Ист. оч. 65 и 98.

Семирички. «Изъ семи яркивъ вода збирается: изъ того трошкы, изъ сёго трошкы и тече у Тернѣ». По дну яра и на противоположной горной цѣпи, изрѣзанной рытвинами и узкими дорожками, лѣпятся хатки то надъ самимъ обрывомъ, то поодаль, среди старыхъ грушъ, сливъ и вишенъ. Низшій Булатецъ старое поселеніе. первой половины XVII в. О началѣ его мѣстные жители передаютъ слѣдующее: «Се була лядська земля. Козаќы ляхивъ звоювалы, зогналы, а самы силы. Йиздылы козакы на коняхъ по тры годы и шабля у кожного була. Сельце було маленьке, почалось зъ Андріякы. У ёго було тры сыны: Якивъ, Евхымъ и Павло и вси Колеснықы пишлы одъ йихъ. У Евхыма була пасика [1]). Колесники заняли крайній уголъ села—подгорье отъ Осовецъ, а впослѣдствіи, размножившись, и гору надъ выгономъ. Внизу на Маліивци живутъ Маліи, «воны народъ плохшій». Здѣсь возлѣ сумрачной хатки колодязь свѣжей, кристальной воды. Далѣе по горѣ расположились: Кукаливка—жилье Баштовыхъ, Товкачивка—Товкачей и Баранивъ, древнѣйшихъ мѣстныхъ родовъ [2]), и Кушнививка—Кушниривъ. На правой сторонѣ яра растянулся отъ въѣзда и до самаго выѣзда на Высшій Булатецъ одинъ только кутокъ Сацкивка, населенный Сацкими, неизвѣстно откуда пришедшими сюда. На полгоры, на площадкѣ маленькая Покровская церковь, по счету уже третья. Первая устроена около 1686 года, такъ какъ одинъ колоколъ купленъ тогда. Объ этой первой церкви старожилы по разсказамъ предковъ передаютъ: «Перва церква була вербова, манисинька, душъ десять улизе—тай повна, крыша крыта дранню». Вторая выстроена въ 1777 г., перестроена въ 1866 г. [3]). Съ половины XVII в. стали скупать здѣсь земли

[1]) Тотъ же старый Колесникъ разсказывалъ о землетрясеніи: «Якъ земля трусылась, ночвы струсыло и кури попадалы зъ сидала. Народъ кынется, перехрестытся и впьять лягае. Земля на одну мынуту трусылась.

[2]) Всѣ упомянутыя фамиліи встрѣчаются въ переписныхъ книгахъ 1666 г. (Лазаревскій. Малор. пер. кн. 39).

[3]) Грановскій. Полт. епарх. 1, 363, 364; при Булатицкой церкви есть приписная, домовая въ х. Кругликѣ.

Кулябки по 20—30 коп. за десятину. Вслѣдъ за другими и Несторъ Бараненко «свою ныву попустилъ» [1]). Память объ этихъ продажахъ осталась въ народѣ. «Паны землю подбиралы, де десятынъ сто, тамъ и ровивъ сто, такъ позбывалы землю, найбильшъ горилкою [2]). Хто зъ козакивъ пропывъ, а хто й задержавъ». Возлѣ Булатца были еще владѣнія мѣстныхъ фамилій: Скаржинскихъ и Пріймъ. «На Прыймыныхъ лукахъ якъ оралы, багато найшлы штыхивъ» (т. е. копій). Число жителей достигаетъ 900. Дорога изъ Низшаго Булатца на Высшій идетъ мимо округленныхъ холмовъ, самый высокій изъ которыхъ, опушенный лѣскомъ, называется Раковой горой и принадлежитъ въ настоящее время, вмѣстѣ съ смежнымъ лугомъ, бывшему лубенскому городскому головѣ М. К. Шемету. У Раковой горы, на ручьѣ Бровары, видна насыпь съ прорывомъ посрединѣ и у нея скопленіе воды, въ которой находятся пали—остатки водяной мельницы. Вскорѣ за небольшой пологой горкой начинается Высшій Булатецъ.

Въ церковной лѣтописи Высшаго Булатца сдѣлана попытка объяснить названіе поселенія двояко: 1) отъ рѣчки Булатца или Булатки, 2) отъ имени перваго поселенца Булатого или Булатецкаго, у котораго будто бы было два сына, изъ коихъ одинъ поселился въ низшемъ, другой въ высшемъ Булатцахъ. Нѣкоторая часть старой лубенской интеллигенціи склонна объяснять указанное названіе третьимъ способомъ, что будто бы папа прислалъ лубенцамъ буллу, приглашая ихъ принять католицизмъ. Отвергая второе объясненіе, какъ произвольное, придуманное впослѣдствіи, а третье какъ явно несообразное, принявъ которое слѣдовало бы разыскивать папскія буллы на всякій ручей или болото полтавской губерніи, носящія названія Булатецъ [3]), необходимо при-

---

[1]) Лазаревскій. Истор. очер. 92, 98.

[2]) Помѣщики, продавая по домамъ вино и отдавая его на продажу козакамъ и крестьянамъ, закабаляли ихъ (Зап. Теплова со II т. Зет. о Южн. Руси. 193).

[3]) Корень *бул* по сравненію съ латинскимъ bullire, bullio и романскими: bouillier, bouillon, bollire, bulicare, bulicame, также малорусскимъ булькотиты, долженъ означать; родникъ, ключъ, источникъ

знать, что названіе обоихъ селъ происходитъ отъ рѣчки и является родовымъ для всей мѣстности, ею омываемой, подобно Матяшовкѣ или Солоницѣ, описанныхъ въ первой главѣ.

Все село, кромѣ двухъ десятковъ хатъ въ оврагахъ, расположено на плоской возвышенности между двумя ручьями: Броварами и Гмыриной, сливающимися въ Булатецъ, тремя ярами, еще въ началѣ прошлаго вѣка покрытыми дубовыми лѣсами съ прудами, на днѣ которыхъ ловились окуни, лины и караси. Свѣтлыя, просторныя хаты, высокіе плетни, обширныя левады съ рощами и садами яблонь, грушъ, венгерскихъ сливъ—выгодно отличаютъ Высшій Булатецъ отъ другихъ селъ. Мѣстныя преданія умалчиваютъ о началѣ села, по письменнымъ же даннымъ оно, какъ и предыдущее, извѣстно съ первой половины XVII в.[1]). Здѣсь также скупали земли Кулябки, а въ 1752 году село отдано Разумовскимъ обозному Ивану Кулябкѣ, причемъ большинство крестьянъ переписалось въ козаки. Крайній восточный уголъ села называется Саливкою, по имени основного рода Салъ, здѣсь поселившагося. Между ними проживалъ человѣкъ съ фамиліей Спичка, но, подкупивъ при ревизіи писаря за 5 руб., онъ также былъ переименованъ въ Сало. Кромѣ Салъ здѣсь живутъ еще Губренки, по уличному Цикири и Коньки или Дрики. Фамилія Конекъ происходитъ будто-бы оттого, «шо одынъ зъ ныхъ укравъ кони и оддавъ землю сотныку, шобъ вызволывъ, и самъ получывъ соби названіе Коньков, а те урочище, шо винъ оддавъ сотныку, звется Сотныцьке. Возлѣ Саливки—Халявина гора, на которой жилъ Халява, отдавшій свое имущество церкви. Слѣдующіе за Саливкою куты: Польща—жительство Остапкивъ, Демьянцивъ и Волыкивъ; Гайдукивка—Гайдукивъ[2]); Ломакивка—Ломакъ, Кочерживка—Кочергъ. На послѣдней жилъ нѣкогда богачъ Данило Сколота, обладатель

истокъ воды, кипѣнье, клокотаніе и журчанье ея.—Болото Булатецъ упоминается у И. В. Лучицкаго (Сб. мат. 227).

[1]) Лазаревскій. Истор. очер, Полт. Луб. 92.

[2]) Гайдуки и Цигили (Цикири?) встрѣчаются въ 1669 г. (Лазаревскій. Малор. переп. книги. 40.).

обширной пасики и пашенныхъ ямъ, полныхъ хлѣба. Часть денегъ пожертвовалъ онъ на мѣстную церковь, и процентами съ нихъ послѣдняя и до сихъ поръ пользуется; другая часть пошла на сооруженіе церкви въ Лубнахъ, на дворѣ духовнаго училища. Заслуживаетъ вниманія его обращеніе съ наймитами. Онъ бралъ къ себѣ работника пріймакомъ и по прошествіи извѣстнаго времени давалъ ему грунтъ, хату, женилъ его и дѣлалъ хозяиномъ. За Кочерживкою, на западномъ концѣ села, расположены еще два кута: Сулимивка--жилье Сулимъ, Бороховка--Билановъ, Мерзляковъ и Толочіевъ, а также особый хуторокъ, населенный бывшими крестьянами Скаржинскихъ: Вовками, Катренками, Ляховыми, Хилюками и Шилами [1]). Михайловская церковь перенесена въ 1887 г. на настоящее мѣсто, вслѣдствіе сторонняго, невыгоднаго положенія прежней [2]), и къ ней ведетъ аллея. Иконостасъ новый, образа также. Изъ стараго иконостаса замѣчателенъ образъ Спасителя, мѣстнаго типа съ круглымъ румянымъ лицомъ. Высшій Булатецъ—село средней величины. По исповѣднымъ росписямъ, въ половинѣ XVIII в. въ немъ было около 900 жителей, въ тридцатыхъ годахъ XIX в.—1150; въ сороковыхъ до 1409, въ началѣ же текущаго вѣка 1680. Населеніе какъ Высшаго, такъ и Низшаго Булатцовъ вышесредняго роста, худощаво, плечисто, крѣпкаго сложенія, волоса и глаза свѣтлѣе, чѣмъ у кононовскихъ жителей, лица продолговатыя, съ прямыми или слегка горбатыми носами. Главное занятіе—хлѣбопашество; богатырей нѣтъ, есть зажиточные хозяева, имѣющіе по 20 десятинъ, но есть и малоземельные; придаточные промыслы жителей: извозъ, изрѣдка бон-

---

1) Вокругъ села разбросаны слѣдующія урочища: Балаклицево, Голомине на р. Броваркѣ, на ней же криница, которую очищаютъ и святятъ, Горошкове, Дейнеке, Малыцына, и Церковне озеро, и могилы: Сесекова «писля бытвы тамъ кладь зосталась», Кирилейкови могылы—курганчикъ, огражденный валомъ; и Шилова могыла съ крестомъ. «Тамъ Халява заповидавъ, шобъ ёго погреблы».

2) Отъ старой церкви, существовавшей съ 1760 г., остались: лжица, звѣздица 1765 г. и евангеліе, оправленное въ серебро въ 1778 г. козачкой Евдокіей Салихой (А. Грановскій. Полт. епар. 363).

дарство, и шитье одеждъ, даже и для другихъ селъ. Изъ обыкновеній слѣдуетъ упомянуть, что, взамѣнъ новогодняго фарса меланки, здѣсь появляется цыганъ, также называемый мачкарой, какъ святочный дидъ, да еще чучело коня изъ соломы, обернутой рядномъ съ пришитой къ нему конопляной гривой, которое носятъ на себѣ парни, родственное западно-славянской кобылѣ [1]).

Вблизи Булатца, у большой Пирятинской дороги, въ восьми верстахъ отъ Лубенъ виднѣется Малеваная долина, иначе хуторъ Стронскаго, состоящій изъ нѣсколькихъ хатъ, по обѣимъ сторонамъ дороги. Первое названіе дано хуторку крестьянами отъ стоявшаго нѣкогда на плотинѣ раскрашеннаго подобно верстамъ мостка, второе—сообщено владѣльцемъ М. П. Стронскимъ: «Винъ родомъ зъ Лубень, не зъ давнихъ панивъ,—разсказываютъ крестьяне,—купывъ соби нывку, ставъ отпыхать сусидивъ, лискы понакупавъ у Санковського. А потимъ спорятся було зъ нымъ, було Санковськый индыкы его ловыть. Розжывсь винъ, вынокурню и трахтыръ державъ». Небольшое количество крѣпостныхъ набрано отовсюду. «Де хто зъ пидсусидкивъ запысани потимъ у ревизію. Одного парня, кажуть, прывелы на орывку.» Есть изъ Гадячскаго уѣзда и изъ черниговской губ. Фамиліи жителей: Гайдаи, Кулики, Литвиненки, Письменни, прежде называвшіеся Роговскими, Титенки и Ханенки. Всѣ они при крѣпостномъ правѣ были пѣшими и выпущены безъ земли. Наглядное представленіе о крѣпостномъ правѣ даетъ одна изъ сохранившихся отъ того времени избенокъ. Величиной она въ 5-6 аршинъ, заставлена разными, «злыднямы»; окна малы настолько, что среди дня темно, и входъ такой, что человѣку обыкновеннаго роста нужно сгибаться вдвое. О канунѣ крѣпостного права крестьяне разсказывали: «Сталы славыть, що воля буде, такъ за те былы людей у два пучкы розкамы, шобъ не згадувалы про волю. А потимъ Снитынській Андреевъ [2]) прыйихавъ наставлять волю, и люде молебень наймалы». Сохранились и живые свидѣтели обоихъ событій: прикрѣп-

---

[1]) См. В. Миллеръ. Всемир. сказ. въ Рус. Мысли 1893 г. 11. 212.

[2]) Мировой посредникъ.

ленія крестьянъ отмѣной вольнаго перехода 3 мая 1783 г., и освобожденія въ 1861 г.—это Екатерининскія вербы, мѣстами полусломанныя, пустыя въ срединѣ, мѣстами вѣтвистыя и зеленыя, растущія по обѣимъ сторонамъ широкой дороги до самаго города.

Слѣдующая за Кононовкой и Булатцами новая группа селъ и хуторовъ расположена въ южномъ направленіи по ручью Вязовку, впадающему въ Сулу за Тернами. Вдоль дороги отъ послѣднихъ къ сосѣднему селу Вязовку, къ юго-востоку, залегаетъ топкая торфяная и аллювіальная долина Сулы [1]) съ песчанымъ пастбищемъ, извѣстнымъ подъ именемъ Велыки Юрища, которымъ встарину пользовался исключительно Вязовокъ; затѣмъ жители Шершневки и Ерковецъ стали переправлять черезъ Сулу свои размножавшіеся стада сюда же, а начавшіеся споры привели къ установленію общаго пользованія въ спорной мѣстности для всѣхъ окрестныхъ селъ. Смежный сѣнокосъ Мали Юроща находится уже въ отдѣльномъ пользованіи Вязовчанъ. За топкимъ лугомъ Закладьемъ къ селу прилегаютъ коноплянники (пидметы) [2]). Справа отъ дороги у Терновъ горная окраина начинается круглыми, покатыми холмами, переходя понемногу въ сплошную горную цѣпь, ограждающую Вязовокъ съ сѣвера на всемъ ёго трехверстномъ прятяженіи. Эта цѣпь изрѣзана причудливо вѣтвящимися блѣдно-желтыми, иногда красноватыми оврагами; отдѣльныя вершины, похожія на бастіоны, круто спускаются въ долину. Въ ущельяхъ мѣстами сохранились кусты и рощи, въ которыхъ среди дубковъ бѣлѣетъ одинокая береза. Одна изъ горъ Лукашина, на которой «Роблени могылы», имѣла сторожевое, охранительное значеніе. «Тамъ стоявъ на кони козакъ и державъ виху и куды похылыть, туды тикать: непрыятель наступа—ляхы, и люде кыдають серпы, тикають, ховаются на човнахъ у болото.

---

[1]) Гуровъ. Геолог. опис. полт. губ. 339.

[2]) Съ этой луговой стороны помѣщается церковный сѣнокосъ 33 дес., пустырь зимовникъ, сѣнокосы: Сичка и лука, а также отдѣльная, голая гора, хотя и называющаяся Селище, но никакихъ слѣдовъ бывшаго здѣсь когда либо жилья не представляющая.

у лисъ» [1]). Это воспоминаніе указываетъ на древность поселенія, бывшаго въ 1654 г. центромъ особой Вязовской сотни Лубенскаго полка, тогда, когда,—по свидѣтельству Самовидца,—«що село, то сотныкъ, а иная сотня мѣла люду тысячу; такъ усе що жыво пиднялося въ козацтво» [2]). Потомъ Вязовокъ отчисленъ ко второй Лубенской сотнѣ и универсалами Богдана Хмельницкаго, Юрія Хмельницкаго 1659 г. и Демяна Многогрѣшнаго 1671 и 1672 г. утвержденъ за Мгарскимъ монастыремъ [3]). Какъ бывшіе монастырскіе впослѣдствіи крестьяне, такъ и козаки расположились въ Вязовкѣ слѣдующимъ образомъ. У въѣзда со стороны Терновъ живутъ: казённые крестьяне Ефименки, Нимичи, Семененки и козаки Булюбаши или по уличному Хоружи. Далѣе вправо отъ дороги, къ горѣ, въ кутѣ Долинѣ живутъ: козаки Карпенки, Корніенки и Куци, а на Завгородьи—Билухи, Онипки, Онищенки и Романюты; влѣво отъ дороги, къ Лугамъ, на Замостьи помѣстились: Потоцкіе, Николаенки и Сытники и на особенно тѣсно застроенной Дрижаивкѣ—Горобачи, Дрижанки, Пироги и Сербины. По самой срединѣ села находятся: Билыкивка, жилище Билыкивъ, Вороныхъ, Значковъ, Сушичей и Москаленковъ, по уличному прозванныхъ Кулишами, почему и улица ихъ называется Кулишевскою; за Билыкивкою—Бурдымивка, въ которой живутъ Бурдымы и Куци, а въ особой части Дмитривкѣ—

---

1) Кромѣ этой горы, гористыя окрестности Вязовка носятъ слѣдующія названія: Сидловачи, у въѣзда въ село, затѣмъ: Диброва, Городище, по направленію къ Чудновцамъ, «тамъ у лиси валъ завернутъ», и по мнѣнію народа былъ нѣкогда городокъ, и Коновцы у кладбища и мельницъ на горѣ. Попытки мѣстныхъ кладоискателей не дали результатовъ, какъ видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго разсказа: «У балкахъ, кажуть, гроши йе. Моему батькови прыснылось, шо тамъ лёхъ и ружжя. На бочонку сыдивъ панъ и спытавъ фамылію и запысавъ. И батько забралы людей, пишлы копать, зачалы горбъ переризувать, а хазяйка Елисавета не дала переризать, выгнала».

2) Лѣтоп. Москва 1846 г., 14.

3) Лазаревскій: 1) Истор. Очер. полт. губ. 103, 2) Арх. стр. 67—72.

Дмитренки. Возлѣ Бурдыливки урочище Монастырецъ. Южную часть села составляютъ: Галыкивка, гдѣ живутъ казенные крестьяне Рябки, по уличному Перетятьки; возлѣ нея въ лиску «прычепывся» кутокъ въ 5—6 хатъ—Адамивка, жилье Адамúвъ, Дичокъ, Сокирокъ и Сушичей, по уличному Грабовыкивъ. Послѣдній кутокъ Гусакивка, гдѣ живутъ Антоненки. Онъ лежитъ у большой обрывистой горы, по Александровской дорогѣ, такъ называемой Третяки [1]), съ которой открывается видъ на все село,

---

[1]) Третяки представляютъ нѣкоторый этнографическій интересъ, такъ какъ на этой горѣ, какъ на Костевій въ Кононовкѣ, и на обрывистыхъ берегахъ Сулы и Удая въ прирѣчныхъ селахъ, праздновался прежде Купало. 23 іюня, молодежь, бывало, плела вѣнки изъ ржи и полевыхъ или огородныхъ цвѣтовъ: васильковъ, сокирокъ, ласкавицы, любистка, мака и мяты. Мѣстами однѣ дѣвки въ вѣнкахъ, а мѣстами и парни собираются въ условленное мѣсто вечеромъ и ночью и зажигаютъ принесенные кули соломы, или сѣна, которое иногда отпускалось при крѣпостномъ правѣ въ количествѣ копны для этой цѣли изъ экономіи (напр. въ хуторѣ Рейзера). Костры дѣлались отдѣльные для парней и дѣвокъ или общіе съ такимъ разсчетомъ, чтобы можно было перелетѣть чрезъ огонь въ воду и такимъ образомъ сразу принять и огневое и водное очищеніе. Въ случаѣ общаго костра парни и дѣвки прыгаютъ или отдѣльно или, взявшись за руки, какъ въ старой Малороссіи (Бантышъ-Каменскій. Ист. Мал. Рос. ч. III., 198). Въ Кононовкѣ парни и дѣвки держатъ шесты (дрючки) съ привязанными и зажженными пуками (верчыками) соломы, въ Вязовкѣ же пускаютъ еще внизъ съ горы колесо, обмотанное соломой и зажженное. Тогда же дѣвочки прыгаютъ чрезъ крапиву, припѣвая:

Дивка Тетяна
Купала на Йвана
Порося вкрала
Въ куточку сховала.

Или:

Купала на Ивана
Иванова маты
Порося вкрала.
Иванъ бижыть,
Крыкомъ крычыть:

тѣснящееся въ ущельи по холмамъ и взгорьямъ, между садами и рощами съ церковью посрединѣ, на Билыкивкѣ. Въ церкви, перестроенной въ 1896 г., сохраняется нѣсколько старинныхъ иконъ и книгъ: Божья Матерь съ св. Николаемъ, Антоніемъ и Ѳеодосіемъ Печерскими, скорбящая Божья Матерь, пронзенная мечемъ; маленькій образъ Владимірской Богоматери и образъ Спасителя въ красномъ хитонѣ. Новыя намѣстныя иконы нарисованы, или можетъ быть только поновлены, бывшимъ священникомъ с. Ольшанки О. Е. Коваленкомъ. Есть еще двѣ картины въ позолоченныхъ рамахъ: Тайная вечеря и Снятіе со креста, подаренная купцомъ Фалинымъ. Въ церкви хранится также старинный двусвѣчникъ, изображающій ангела, и слѣдующія богослужебныя книги: евангеліе Лаврской печати времени царя и великаго князя Петра Алексѣевича при патріархѣ Адріанѣ и архимандритѣ печерскомъ Мелетіѣ, 1697 г., съ надписью: «Сію книгу, именуемую евангеліе напрестольное, отмѣнилъ рабъ Божій И. Семинутенко, житель Вязовской, маетности монастыря Мгарскаго Лубенскаго за сумму певную 10 личбы литовской надалъ ее до храму Вознесенія Господня за отпущеніе грѣховъ своихъ и жены

На тоби ятирь,
Верны мою матиръ.
Купала на Йвана.

На другой день 24 іюня прыгаютъ через костры уже въ обратномъ направленіи (одскакують купала). Эти купальскія празднества, столь сходныя съ римскимъ праздникомъ pales на collis Palatinus, соединеннымъ съ прыганьемъ черезъ огонь и окропленіемъ водой, также съ французскими (Камилъ Фламмаріонъ. Невѣдомое въ Нов. Врем. 1900 г., 6 мая, № 8688, 8) прыганіями дѣвушекъ черезъ костры, валлонскими (E. Monseur. Le Folkl. wal. 130), нѣмецкими обыкновеніями (A. Lang. Mythes, cultes et relig. Trad. par Marillier Paris. 1896. 554, 555)—объясняются, какъ прежде (Костомаровъ, въ Молодикѣ 1843 г. 107—112), такъ и теперь, двояко: очищеніемъ (купить) и соединеніемъ (купа, купить), набираніемъ въ себя солнечной силы и плодородія; обычай же катанія колеса выполнялся для того, чтобы солнце свѣтило. (L. Marillier. „M. Frazer et la Diane de Nemi“ въ Revue de l'ist. des relig. T XXV. p. 93, 99).

своей Настасіи и дѣтокъ своихъ. То есть записано року 1702» [1]). На другомъ евангеліи, 1779 г., отдѣланномъ въ серебро съ чернью, тоже сохранилась надпись: «Сія книга, глаголемая на-престольное евангеліе отмѣнилъ рабъ Божій Степанъ Кушне-ренко и надалъ въ село Вязовокъ до храму Вознесенія Господня за отпущенія грѣховъ своихъ». Вязовокъ довольно большое село; уже въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ немъ было болѣе 1200 душъ, а въ 50-хъ до 1500, въ концѣ же вѣка—1935. Ко-заковъ въ селѣ нѣсколько больше, чѣмъ казенныхъ крестьянъ, всѣ стройны, вышесредняго роста, нѣкоторые козачьи роды: Бурдымы, Потоцкіе даже высокаго, красивы, встрѣчаются женщины пра-вильнаго, кавказскаго типа. Мужскія одежды такія же, какъ по Слѣпороду, у женщинъ еще доживаютъ послѣдніе дни запаски и плахты, очипки гребнемъ, повязки высокія.

Къ западу отъ с. Вязовка, въ томъ же яру, внизу и по круглымъ холмамъ разбросанъ хуторокъ Вязивчикъ или Козлов-щина, населенный княгиней Кудашевой, урожденной Козельской, крестьянами изъ с. Крутого Берега, Тишковской волости [2]): Бон-даренками, Глущенками, Гончаренками, Козеренками, Ляшенками, и Левченками, изъ Рудки, Яблоновской волости. Самое названіе «Козловщина» жители признаютъ искаженнымъ «Козельщина». О старинѣ они передаютъ слѣдующее: «Земли було небагато, князь посбывавъ у людей, купувавъ по пьять рубливъ десятыну. Тутъ булы и Пулынськи земли и батькы ихъ стиловалы тутъ. И у Ляховыхъ тоди куплено земли: степка одбывъ князь; каже було прыкацыку Цёдыку: «хто просыть—давай гроши». Кынувсь до Завалошнёго, а той каже: «ни»! «И ни ступня не давъ». При пе-реселеніи изъ Крутого Берега, крестьяне утратили тамъ свои земли, достигавшія у иныхъ 30 десятинъ. Крутобережскій типъ сохранился у жителей: они тонки, выше средняго роста, волосы темпорусые, глаза сѣрые и голубоватые. Крутобережскіе обычаи вывѣтрились.

---

1) Слѣдовательно приходъ былъ уже въ самомъ началѣ XVIII в. (А. Грановскій. Полт. еп. 362, 363).

2) Лѣсн. Лубенщ. 2—4.

За Козловщиной яръ Вязивець углубляется и вѣтвится; внизу разбросаны ставки, а по склонамъ округленныхъ холмовъ расположено нѣсколько хуторковъ[1]), изъ которыхъ ближайшій къ большому земляному сооруженію, валу, получилъ отъ послѣдняго и названіе Завалошній. Иначе онъ называется хуторомъ Макаренковымъ, по имени основателя, Кононовскаго козака Макаренка, по уличному Завалошняго. Названіе это часть мѣстныхъ жителей производитъ не отъ слова валъ, а отъ заволóка, намекая на слѣдующія похожденія осадчаго. «Макаренко пишовъ у дорогу и затратывъ чотыри пари воливъ и попродавъ, а до-дому одпысавъ, що подохлы. Потимъ прыставъ до розбойныкивъ и восимнадцять годивъ бувъ у розбойныкахъ, а потимъ ёго собралы атаманомъ. И винъ прыготовывъ мазныцю, може й ридну, ту що йиздывъ. И выйшовъ изъ грипьмы и прыставъ до валкы. И у вальци пропавъ бикъ, и Макаренко купывъ шкуру и обдѣлавъ; тягне шкуру и мазныцю и пытае: «давно валка пройшла»? Тутъ роспрощався, подавсь у хутиръ. И баба йихала за нымъ». «Ходывъ прадидъ ще парнемъ на заробиткы и потимъ тамъ женывся, прывивъ жинку. Заволошни оттого, що винъ бабу соби прыволикъ зъ Тавріи И ото винъ скуповувавъ яры въ Вязовку и выстроивсь у лиску. И высыпавъ мисто для пасикы, носывъ землю мишкомъ. У ёго було симъ сынивъ». «Макаръ бувъ захожій може зъ Кононивкы. На хутиръ выйшовъ, занявъ, высыпавъ ставокъ, носывъ землю рядпыною, або шкурою; зробывъ пасику, откопавъ горы

---

[1]) Ближе къ Завалошнему—Гершунивъ, принадлежавшій прежде Павловскимъ-Бѣлецкимъ, по уличному Гершунамъ; въ немъ 4 хаты крестьянъ Ляховыхъ, подошедшихъ изъ сосѣдняго хуторка Ляхового, состоящаго изъ трехъ хатъ. «Оба хутора зъ Ляхивъ». Расширенное русло оврага носитъ названіе Прудкивщына. На крутомъ склонѣ видны развалины жилья помѣщика Садика. Прежде онъ жилъ въ самомъ яру—Прудкивщинѣ. Здѣсь была его винокурня и здѣсь же жилъ его крестьянинъ Мирошниченко. Вблизи хуторокъ, называемый по имени одного изъ владѣльцевъ Петрашевщиной. Среди мѣстныхъ урочищъ жители указываютъ круглыя могилы, по дорогѣ на с. Пулинцы. Тамъ подгнившія бревна, остатки цёха.

для пасики, ставокъ загатывъ. И пасику якъ зробывъ, то выносывъ землю. У ёго булы лиса и десятынъ двисти земли». «Заваюшній такый бувъ здоровый чоловикъ, що нихто ёго не подужае. И скризь ричка була и лисъ, и винъ лисъ сплюндровавъ. клавъ дубья, робывъ греблю и высыпавъ землю шкурою. Самъ якъ йе носывъ. Хочъ якого дуба самъ накотыть на визъ. Никого не бере, нихто не знае ёго сылы, якъ бы кынувъ кого, то одразу бъ убывъ. Заволошни закупылы паньску землю, теперъ ихъ трынадцять хатъ, хазяинивъ зъ двадцять» [1]). Эти хазяины народъ крѣпкій, высокій, плотный, съ темными и русыми волосами и сѣрыми глазами. Описанные хутора ограждены валомъ, шириной въ 4 и болѣе саженъ, а длиной до двухъ верстъ: отъ урочища Фесенкивъ яръ почти до большой Золотоношской дороги, пересѣкающей эту часть уѣзда до Пирятинской дороги подъ прямымъ угломъ. На валу замѣтны два воронкообразныхъ углубленія, посреди которыхъ проѣздъ на хутора. Южная часть вала до урочища Макаривське распахана и засѣяна хлѣбомъ, сѣверная, круто спускающаяся въ яръ, заросла полевой нехворощью (Artemisia Scoparia), лыпнемъ (липкой, Spirea Filipendula) и чебрецомъ (Thymus Serpullum.). Съ западной стороны вала протянутъ ровъ, шириной въ 4 сажня, прежде наполнявшійся водой, судя потому, что въ немъ и теперь изрѣдка попадается болотное растеніе аеръ или лепеха (Acorus salamus). Хуторяне разсказываютъ о валѣ слѣдующее: «Страшный валъ бувъ, настояща крипость. Яки то жылы раньше чы ляхы, чы що, що воны вхранялы себе. Розсказують, що багато тамъ грошей. И копають и докопаются до каменя такого, що неможна одвернуть, и бросять. Потимъ не втерпять: що урочыще те показуе, що йе гроши; до тихъ пиръ покы ввирытся. Батюшка выкопавъ ровъ и показуе прекметы таки, що йе гроши. Одынъ чоловикъ выстроивъ и обмазавъ и вкрывъ хату, тильки виконъ не було ще и провалылось середъ хаты,—лёхъ. Давай попа вызывать, и бочонокъ бувъ и такъ ёго затерлы, замялы, нихто не може узнать».

---

[1]) Отъ мѣстныхъ крестьянъ, отъ Макаренка и Ив. Корніенка.

Въ сторонѣ отъ Золотоношской дороги, по округленнымъ краямъ балки Вязовчикъ, среди вербъ и садковъ, разбросано нѣсколько хуторковъ, козачьихъ выселковъ изъ Высшаго Булатца, перешедшихъ на широкое приволье, «незбойну» землю степей, на густыя травы долинъ. Свѣтлыя, просторныя хаты, большія клуни, сытая «худоба»—свидѣтельствуютъ о зажиточности жителей. Уже самыя фамиліи послѣднихъ—Кочерги, Сало, Сколота, ласкательныя—Остапци, Демьянци указываютъ на домовитость. Въ 1884—1885 г.г. эти хутора выстроили себѣ Воздвиженскую церковь, пріобрѣтя иконостасъ изъ Тарандинцовской церкви, купивъ церковную ругу, и съ тѣхъ поръ стали называться общимъ именемъ Остаповки, но хуторное расположеніе еще вполнѣ сохранилось, и хутора, сдѣлавшись кутами, раздѣлены между собою промежутками, годными для будущаго разселенія. Крайній отъ Высшаго Булатца хуторъ не вполнѣ булатецкаго происхожденія; такъ, одинъ изъ основателей, Иванъ Лева, вышелъ изъ Енковецъ, два же другіе родоначальника—Иванъ Демьянець и Акимъ Тарасенко—булатицкіе. Ихъ разросшееся потомство составило хуторъ Левинъ. Слѣдующій хуторъ—Гонтаривъ или Квачкивка, названный такъ потому, что «весною тамъ гракы крычять, черезъ то—Квачкивка». Населенъ онъ Гонтарями, по уличному Квачками, и Мищенками. За Гонтаревымъ—Остапцивъ, основанный раньше другихъ, лѣтъ двѣсти тому назадъ, Никифоромъ Остапкомъ, по фамиліи котораго названа и вся деревня, частью на предковской землѣ, частью на скупленной черезполосной. Онъ былъ хорошій хозяинъ, имѣлъ винокурню и пасику, ему же принадлежала вся прилегающая къ хутору балка. Внукъ Никифора, Афанасій былъ въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка головой и отвозилъ бывало въ Золотоношскую попечительную контору рекрутъ, тогда еще «у зализи, у закови», какъ поется въ рекрутскихъ пѣсняхъ. Сынъ его Григорій также былъ головою, теперь онъ восьмидесятилѣтній, но еще бодрый, крѣпкій старикъ, съ большимъ лбомъ, открытымъ взглядомъ и бѣлой, какъ снѣгъ, бородой. Не только внѣшность, а и характеръ его привлекателенъ. Онъ частый поручитель въ Лубенскомъ городскомъ банкѣ, снисхо-

дительный хозяинъ у себя дома, дающій льготный четвертый снопъ своимъ зажинщикамъ. Въ крымскую кампанію онъ поставлялъ подводы отъ лубенскаго уѣзда, вмѣстѣ съ другимъ мѣстнымъ дѣятелемъ, козакомъ С. Д. Зѣненкомъ, теперь уже покойникомъ. Затѣмъ, къ Остаповкѣ принадлежатъ и еще хутора: Сколотинъ, основанный И. Сколотой, Кочерживка, имѣющій въ себѣ церковь, основанъ Т. Кочергой, Михайленкивъ—С. Михайленкомъ, Саливъ, основанный Е. Саломъ и Косякивъ—Косякомъ изъ с. Тарандинецъ. Мѣстное населеніе сохранило типъ одежды и обычаи булатицкіе.

Остаповкой и находящимся на одной линіи съ нею хуторомъ Стронскаго оканчивается къ западу лубенская волость, и далѣе по тому же ручью Вязовку расположены дугой слѣдующіе хутора лазорской волости: Макаровщина, прежде принадлежавшая Макаренку, потомъ купленная у него полковникомъ Д. Я. Пѣщанскимъ изъ Пѣсокъ, лохвицкаго у. Крестьяне (123 души) собраны изъ разныхъ мѣстъ, фамиліи ихъ: Бублики, Ковбы, Обчіи, Олексенки, Плахотниченки и Свитниченки. Хозяйство Пѣщанскаго заключалось въ водяной мельницѣ, небольшомъ хлѣбопашествѣ, 2—3 плугахъ, 10 коровахъ при быкѣ своего завода, и табунѣ разномастныхъ матокъ въ 15 головъ. Онъ посылалъ пять возовъ въ дорогу и соль сбывалъ оптомъ. Полковникъ до трехъ разъ надѣлялъ своихъ крѣпостныхъ тягломъ, давая крестьянину двухъ воловъ, корову и восемь овецъ. Только за третьей растратой человѣкъ обращался въ пѣшаго. Неудивительно, что люди сожалѣютъ о старинѣ, говоря: «Тепе́ръ стало гирше, робымо козакамъ». Рядомъ виднѣется нѣсколько козацкихъ хатъ, основанныхъ козакомъ Харитономъ Власенкомъ и его потомками, изъ с. Воронецъ.

Сѣвернѣе Макаривщины, по обѣимъ сторонамъ того же оврага Сухого Вязовчика, тѣснится хуторъ Санковщина или Богодаровка. По мѣстнымъ народнымъ преданіямъ онъ основанъ Литвино́вымъ, отъ котораго перешелъ нѣкоему Полубочку. «Полубочко однимавъ землю у козакивъ, выпасувавъ, такъ шо треба було е́му продавать, шобъ не даромъ пропадала». Отъ Полубочка

хуторъ перешелъ Гирману и нѣкоторое время назывался Гирмановкой. Настоящія названія происходятъ: первое отъ имени помѣщика деревни Скочакъ, пирятинскаго у., А. А. Санковскаго, купившаго хуторъ у прежняго собственника Гирмана, второе—отъ самой покупки: выгодно пріобрѣвъ имѣніе, Санковскій сказалъ женѣ (по первому мужу Боярской): «Намъ Богъ дешево давъ—пущай буде Богодаровка». Изъ крестьянъ первыми были поселены Улитки, потомъ Гаращенки, Гейки, Литовченки, Муравчики, Пасишни, Писаненки, Поваліи, Пурденки, Савченки, всего теперь 48 дворовъ, 334 души, красиваго, стройнаго, но имѣющаго истощенный видъ, населенія. При крѣпостномъ правѣ у Санковскаго было довольно значительное хозяйство. На ручьѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь переброшенъ мостикъ, стояла водяная мельница; была своя винокурня и четыре трактира. Землю обрабатывали два панскихъ и два крестьянскихъ плуга; четыре пары ходило въ дорогу. Объ одномъ извозѣ крестьяне вспоминаютъ: «Басъ пишовъ у дорогу, чотыри пары гонывъ, и 300 рублывъ давъ Санковскій. Басъ дійшовъ у Лубни, гроши вронывъ та зъ батижкомъ вернувсь». По толокѣ ходило стадо въ 15—20 панскихъ и 15 крестьянскихъ коровъ, небольшой табунъ въ 10 матокъ съ однимъ заводчикомъ и до 500 шпанокъ съ баранами изъ орѣховскаго завода Леонтовичей [1]).

---

[1]) По Вязовку же къ Пирятинской дорогѣ довольно привольно, у вербовыхъ рощицъ и изрѣдка старыхъ грушъ, расположились хуторки: Бебехивъ, жилье козаковъ Стронскихъ, Малючинъ—4 хаты Подпаловыхъ; Крутіивъ или Галицинъ—12 хатъ, Кіяшкинъ –4 хаты, Щербинивъ—4 двора, Степуринъ—12 хозяиновъ, Терещенковъ—6 хозяиновъ. Всего во всѣхъ этихъ хуторкахъ, носящихъ родовое названіе Вязовка, 293 жителя, предки которыхъ вышли изъ Новаковъ, тарандинцовской волости. Той же волости и хутора у Пирятинской дороги: Прудкихъ, въ которомъ живутъ Сидоренки и Кіяшки; Вилы, населенный Сидоренками и Журавлями, Березовица—Кайдашами и Онищенками, и закрытая почтовая станція Ивановская, съ двумя хатами. Жители всѣхъ этихъ хуторковъ типомъ, одеждой и обыкновеніями схожи съ прочими жителями тарандинцовской волости, описанными въ «Лѣсной Лубенщинѣ».

На самой Пирятинской дорогѣ расположенъ хуторокъ Пышный или Пышный Колодязь. Такое названіе для нѣсколькихъ хатъ, двери которыхъ выходятъ прямо на дорогу безъ оградъ, палисадниковъ или садиковъ вокругъ построекъ, можно бы считать ироническимъ, если бы не большой колодязь съ часовней (капличкой), нѣкогда здѣсь бывшій. Въ мѣстной исторіи хуторъ Пышный извѣстенъ столкновеніемъ, происшедшимъ въ 1762 году между лубенскимъ обознымъ Василіемъ Григорьевичемъ Кулябкой и громадами селъ: Тарандинецъ, Новаковъ и Высшаго Булатца; явившихся толпой въ 1000 душъ подъ предводительствомъ Андрея Бабича, разорившихъ постройки Кулябки и грозившихъ его убить, за что часть участниковъ, 135 козаковъ, наказаны плетьми по 10—60 ударовъ. Но генеральный судья, признавъ дѣйствія мѣстной старшины неправильными, присудилъ съ него въ пользу наказанныхъ 14,864 руб. [1]). И впослѣдствіи здѣсь долго еще былъ трактиръ Кулябокъ. Новѣйшая исторія хутора связана съ именемъ мѣщанина Петруньки, женатаго на дворянкѣ и пріобрѣтавшаго крестьянъ на имя тестя. Первымъ поселенъ имъ въ хуторѣ Сергѣй Павлищенко, за нимъ Шкарупъ, изъ имѣній Свѣчки, а потомъ еще пять душъ изъ х. Димного, отъ Волковицкаго: Лайка, Прихидько, Ковтунъ и Мирошниченки. «И тому Потруньци повынялысь люде. Усеи земли було 40 десят. у пана, у ёго бувъ плугъ: тры пари воливъ, трое коней и дви коровы. Голи булы паны, голи й люде. Було люде ходять у Остаповку просыть хлиба у багатыривъ». Люди выпущены безъ надѣловъ какъ вообще крестьяне мелкопомѣстныхъ. И теперь положеніе ихъ печальное. Ихъ стѣсняютъ большіе отработки за землю. «Тоди прыйды пожалуста, тоди прыйды пожалуста—и назбирается мисяць». Кромѣ крестьянъ въ хуторѣ живетъ еще нѣсколько новаковскихъ козаковъ: Сахновъ, Щербъ, Радченковъ и Сердюковъ, и самый хуторъ тарандицовской волости.

В. Милорадовичъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) А. Лазаревскій. Ист. очер. Полт. и Луб. 63 и Мякотинъ. Дѣла по истор. крест. Кіев. Ст. 1901 г., II, 312—314.

ПРОПАЩА СЫЛА.

Повисть.

(Продолженіе [1]).

ЧАСТЫНА ЧЕТВЕРТА.

I.

Свои.

Була темна осинняя ничъ. Дощъ, якъ кризь пидсытокъ, сіявъ—густый та дрибный; зъ земли вставала важка пара, закутувала все въ свое вохке запынало, котре не давало бачыты, що діется на земли. Скризь тыхо, темно, сумно, наче въ мертвому царстви. Пидъ таку годыну завжды важко дышется, сумно жыветея. Добри люде, абы смеркло, мерщій засовуются по своихъ доливкахъ; зъ виконъ нызенькыхъ сильськыхъ хатъ блыскае свитло якымысь жовтымы кружаламы. Кожному чогось не по соби. Всякъ не знае, що роспочаты—якъ бы хочъ трохы розважытысь... Чоловикы: одни—чоботы латають, други—рукавыци плетуть, трети—що инче... Жинкы та дивчата—то прядуть, то сорочкы шыють. Диты позалазылы на пичъ, дримають... У хати тепло, тыхо,—хочъ и не ясно: середъ полу на перекынутимъ горщати ледве блыщыть каганчыкъ; якъ сыня горошына, темно свитыть накыпилый гнитъ... Якись померкы окрывають хату. Негода и туды

---

[1]) См. Кіев. Ст. 1903, № 9.

залазыть, и тамъ свое бере! Колы не дощемъ обдае кризь лыху оселю, та въ викно; не важкымъ туманомъ налягае, отъ-якъ на двори,—то нимымъ сумомъ по хати снуе, въ журбу людей сповывае, тяжкою тугою въ душу залазыть, сномъ укрывае... Оце дивчына спивае—спивае своихъ любыхъ писень; а тамъ—дывысь: обирвався голосъ, слабшае, тыхшае, покы и сама не счуется—колы и якъ задубіе голка въ недошытій мережци... Схылыла на неи дивчына важку голову; заколывалася, дримае.

— Що це ты, Марусю? вже и спышъ?—пыта іи маты.—Отто дивка...

Дочка кынется; роскрывае очи; мерщій за роботу берется. Чы пройшла рядъ мережкы, чы не пройшла,—гляне: маты и соби захыталася на гребени... Веретено падае зъ рукъ и, вдарывшысь объ землю, розбуджуе...

— Пху! що це воно справди такъ сонъ налягае?—промовляе здывована маты.

— А зъ мене, небійсь, сміялыся!—выправляется дочка.

— Сміялася жъ, та бачъ, и сама задримала.

— Та воно щось и въ мене робота зъ рукъ валытся,—уверне батько.—Будемо, мабуть, вечеряты, та лягатымемо спаты.

Це такъ дома, въ себе въ господи. А не дай же то, Боже, въ дорози. Холодъ тебе наскризь проймае; дрибный дощъ до самого голого тила добырается; тре та мне тебе всёго, наче трястя. Сумно, темно, спаты хочется, та холодно, мокро ажъ кисткы ломыть, а тутъ ще и шляхъ тальный—кони ледве-ледве сунуть.

Такый и цилый день бувъ перéдъ тіею ниччю. Прокынувся ранокъ та, не поздоровавшысь зъ свитомъ ясного сонця, закутався въ сывый туманъ, повывся густою, якъ драгли, парою и повысъ надъ чорною землею. Незабаромъ и день наставъ—хмурый, не веселый; а тамъ и ничъ налягла. Люде, мовъ тини, снувалы въ тому тумани, не бачылы одынъ одного на пьять ступнивъ; голосъ не сягавъ далеко, якъ надъ ясну годыну, а тутъ же, въ тій пари и зныкавъ... Важко, сумно, журлыво.

А Чипка, наперекиръ свитови и людямъ, якыйсь веселый, радый. Знай, насвыстуе кризь зубы веселу писню, попыхкуючы

люльку. Робывъ винъ у хливи корыто для свыней. За цилый день и въ хату не навертався. Насылу Мотря доклыкалась обидаты, якъ уже вечериты стало.

— Що це ты, сыну, такъ прыставъ до того корыта, що й йисты забувъ?

— Та день веселый удався, мамо,—одмовывъ Чипка, усмихаючысь.

— Ну, вже веселый!.. Души жывои на вулыци не побачышъ.

Пообидавъ Чипка, та й знову въ хливець до корыта. До самого смерку робывъ. У ночи вже увійшовъ въ хату, упоравшысь по хазяйству.

— Я, мамо, не буду вечеряты,—промовывъ, накынувшы на плечи сирячыну, и хутко выйшовъ зъ хаты.

— Куды ты, сынку?—пытае ёго навздогинъ Мотря,—та сына—помынай якъ звалы!

Маты повечеряла сама соби; лягла спочываты.

Чипка, выйшовшы зъ двору, повернувъ прямо въ поле. Одійшовшы, може, зъ верству одъ села, стулывъ пальци, прыложывъ до рота—и завывъ, якъ пугачъ. Далеко-далеко роздалось навкругы те журлыве пуги́кання. Нигде ни одклыку, ни одгомону, тилькы собакы завалувалы на сели.

Чипка пишовъ дали. Одійшовшы зъ гоны, знову завывъ. Здалека щось обизвалося до ёго—мовъ другый пугачъ. Чипка побигъ прямо рилею на голосъ, ще разъ завывъ:—знову одгукнулося ёму тымъ же заводомъ, тилькы вже блыжче. Незабаромъ заманячилы въ сывому тумани якись темни тини.

— А хто тамъ?—обизвався чоловичый голосъ.

— Пугачъ!—наростягъ гукнувъ Чипка.

Тини почалы ворушытысь, наблыжатысь, бильшаты. Выдно стало людську постать. Ще дали—Чипка пизнавъ Лушню, Матню и Пацюка. Зъ ными ще було чоловикъ пьять невидомыхъ.

— Добре здоровья, панове товарыство!—прывитавъ ихъ Чипка.

— Здоровъ!—одказалы на ёго витання.

— А що, паны-братя, де сю ничъ будемо рыбу ловыты?

— Де бильше влову,—одказавъ хтось.

— Та ще не знаемо, Чипка,—каже Лушня.—Ось ци—радять у Ставыще до Гершка; а ты лыбонь хотивъ у Красногорку до пана?

— Та чы до Гершка, то й до Гершка: мени все одно!—одказавъ Чипка.

— А въ тебе жъ струментъ йе?—пыта ёго одынъ зъ незнаёмыхъ братчыкивъ.

— Ось у мене струментъ!—Чипка показавъ кулака,—покоштуе разъ,—у друге не схоче; а якъ улучу—не встане.

— Не дуже лышень ударяй на те, козаче,—обизвався высокый натоптуваный чоловикъ.

Чипци здалося, що винъ десь цей голосъ чувъ, та не згадае де.

— Та вы ще не знаете ёго,—каже до товстенького чоловика другый, у московській одежи.—Якъ булы мы въ останній разъ на погулянни, то винъ не пизнавъ мене въ темряви, та якъ уцилывъ своимъ струментомъ по голови,—то я и очи вытрыщывъ...

— Ну, намъ такого и треба!—одказуе товстенькый чоловикъ.—Тилькы знай—у насъ така установа: все, що не добувъ, на ривни части паюваты; а якъ піймався,—хочъ на шыбеныцю: знать, мовъ, не знаю, видать—не видаю!

— Ге!..—одмовля Чипка.—А въ насъ ще и така: колы піймавсь, то й не жывотиты тоби. У тюрму влизь, та задавы, щобъ не выдавъ часомъ.

— Нашъ! нашъ!—загукалы кругомъ, плещучы въ долони, якъ чорты.

— Ну, а теперъ до роботы. Гайда!—крыкнувъ товстый чоловикъ, рушывшы першый. Други—за нымъ слидомъ.—Пройшлы воны ще, може, зъ гоны—и наткнулыся въ темряви на дви повозкы. Коло коней стоявъ якыйсь незнаёмый чоловикъ.

— Щобъ васъ чорты побралы! щобъ вы вылопалысь!—лаявъ винъ.—Ждавъ-ждавъ, уже и спавъ,—нема, якъ у воду попадалы. Уже мавъ бувъ до-дому вертаты...

— Не журыся! Довго ждалы, та добро прыдбалы,—каже ёму товстенькый чоловикъ, указуючы на Чипку.

— Отъ, не выдавъ!—одказавъ незнаёмый, та, не глянувшы на Чипку, першый скочывъ на повозку.

За ёго прыводомъ побралося все товарыство: то на одну, то на другу... Швыдко воны покотылы полемъ,—тилькы кинськи пидковы хляпалы та калюжа на вси бокы розбигалася одъ прудкои йизды.

Передъ свитомъ вертало дви повозкы--прямувалы напростець до Гудзевого хутора. На ныхъ—повно нашыхъ рыбалокъ. Де-яки лежалы та спалы; де-яки такъ хылялыся—дрималы; а два—поганяло. Дойихалы до двору. Товстенькый чоловикъ скочывъ зъ повозкы, пидійшовъ до хаты.

— Явдохо! Явдохо!—гукае пидъ викно.—Видчыны!

«Це жъ москаль?!..—подумавъ здывованый Чипка.—Я бо и чую,—знаёме щось... Такъ, бачь, чого винъ багатіе, та що року строится?!»

Блыснуло свитло въ щылыну виконныци; скрыпнулы двери; брязнувъ цепъ биля воритъ; кынулысь собакы. Ворота росчынылыся. Повозкы пидйихалы до рундука, сталы.

— Ну, теперъ въ хату, паны-молодци!—каже москаль: повечеряемо. А мы зъ Сыдоромъ коней роспряжемо.

— Давай, распрягёмъ!—одмовывъ Сыдиръ по московськы, и скочывъ зъ повозкы до коней?

Повставалы и други зъ повозокъ, посунулы въ темни сины, а потимъ у хату, звидкы свитылося свитло. Чипка иде за другымы, не памьятае самъ себе: ёго обхопылы и страхъ и радисть... «Може, теперъ вона не пизна тебе? забула вже?... А може?...»

Тутъ саме увійшлы въ хату. Хата простора, чыста; кругомъ стинъ лыпови лавы, чысти, ажъ полыскувани; въ кутку образы мидяни ростворчати, якъ у кацапивъ; по стинахъ—пидъ скломъ

картыны; стилъ—трохы не черезъ усю хату; на столи свичка горыть...

— Добры-вечиръ у хату!—прывиталы вси москалыху, що стояла посередъ хаты зъ ключамы въ рукахъ.

— Або доброго ранку,—одказала вона.

— А хиба воно вже ранокъ?—пыта хтось зъ гурту.

— Та вже незабаромъ и свитъ, одказуе москалыха.

— Бачъ, а мени, мовъ, усёго годына мынула, якъ выйихалы.

— Гараздъ, мабуть, поралысь... А чы стоить же то шкурка за вычынку?

— Пытайте, отъ того!—одказуе чоловикъ у московській одежи, тыкаючы пальцемъ на Чипку.—Мы оце поришылы: отаманомъ ёго наставыты.

— Хто жъ то?—пытае москалыха, прыкро дывлячысь на Чипку.—Щось, мовъ, знаёме, здается?

— Чого ты, титко, обдывляешся мене, якъ вовка. Я такый же, якъ и вси!—каже Чипка, не выдержавшы іи пыльныхъ оглядынъ.

— Та я немовъ тебе бачыла?

— Може и бачыла, пе знаю.

— Чы не Вареныченко?

— Може, и винъ...

— Хто Вареныченко?—пыта москаль, увійшовшы зъ Сыдоромъ у хату.

— Та ось цей!—одказуе москалыха на Чипку.

— Ни, жинко,—каже усмихаючысь москаль: то мабуть, обухъ, або довбня, а не вареныкъ! Не такъ винъ видъ одного замаху вложывъ того кацапа, що въ Гершкы ночувавъ. А кацапъ—я тоби скажу—все одно, що ведьмидь... Якъ піймавъ мене въ лебеты, якъ прыдавывъ,—то въ мене и духъ у пьяты зализъ! Добре знаю, що колы бъ не винъ,—тилькы бъ и свита бачывъ. Хиба бъ, може, одни кисточкы прывезлы до-дому,—та й ти не цили: потрощывъ бы проклятый ведьмидь... Адже спасыби, выручывъ!...

— За те, мабуть, не мала и камза перепала?—пытае хтось.

— Та буде зъ насъ,—одказуе Чипка, вытягаючы гамакъ зъ кешени и кыдаючы на стилъ.—Трохы лышъ чы не бильшъ одъ жыдивськыхъ!—Та вытягшы другый, кынувъ тежъ на стилъ.

Уси такъ и обступылы кругомъ столу.

— Та ще вспіемо, братця, подилыты,—обизвавсь Максымъ. А теперъ, ось що, стара: чы нема тамъ чого попойисты братчыкамъ?

Явдоха кынулась у другу хату. Незабаромъ цилый стилъ бувъ заставленый усякою стравою: борщемъ, кашею, печенымъ поросямъ. Выдно, москалыха дожыдала гостей зъ роботы,—наготувала всячыны...

Метнувся Максымъ и соби. Де не взялося пивбарыла горилкы.

Позалазылы братчыкы за стилъ; обсилы на ослонахъ навкругы. Пройшовъ Максымъ развивъ зо два кругомъ чаркою,—на дни барыла—тилькы торохтила воронка. Уси кынулысь на страву, мовъ тры дни не йилы.—Явдоха выйшла въ другу хату.

— Чы ты, Галю, не знаешъ Вареныченка?—пыта москалыха дочкы, увійшовшы до неи въ хатыну.

— Якого Вареныченка? Ни, не знаю.

— А того, що жыве за Пыскамы? Того Вареныка, що розсказують—разомъ на двохъ жинкахъ бувъ жонатый?

— Ни, не знаю.

— Ось пиды назнарошне подывыся: якый зъ його красень! шырокоплечый, волосъ, якъ галка, чорный; а очи... кари, ясни, та блыскучи!

Галя встала зъ лижка; накынула швыденько спидныцю, керсетку на плечи; вхопыла печене порося—пишла.

— А и ты вже выспалась?—пыта іи батько.

Галя ничого не одказала. Вона поставыла печеню на стилъ, сама задывылася на Чипку.

— Здоровъ бувъ, давній знаёмый!—мовыла вона до його, любенько всмихаючысь.

— Здорова, Галю, одмовля Чипка.

Серце въ ёго забылось: любо ёму стало, весело, що Галя ще и доси памьятае ёго.

— А ты якъ ёго знаешъ?—пыта іи батько.

— Винъ мене, поганый, злякавъ бувъ—оттутъ на поли,— защебетала весело до батька Галя, вказуючы рукою въ той бикъ, де злякавъ іи Чипка.

— Якъ же винъ злякавъ тебе?

— А такъ; я сыдила, винокъ плела; а винъ скрався,—та й злякавъ...

— Ага... Ну, иды жъ спаты, сороко,—каже батько.

— А то зостануся тутъ—на ёго дывытыся, чы що?!—хутко вымовыла Галя и выбигла зъ хаты.

— «Раю мій, щастя мое!—подумавъ Чипка.—Ще жъ ты не втекло видъ мене и доси?!..»

Писля вечери подилылыся гришмы,—заховавъ кожный по тры сотни. Потимъ унеслы соломы; розислалы доли; заслалы ряднынамы; полягалы покотомъ.

Незабаромъ уси, якъ побыти, поснулы. Одынъ Чипка не спыть. Перекыдается зъ одного боку на другый, мовъ що кусае ёго; душно ёму, важко; плющыть винъ очи. Ёму ввыжается Галя. Така жъ весела, хороша,—якъ бы на крихту змынылася; така жъ смилыва, жартовлыва... «А то жъ то и вона,—дума Чипка,—розбышацька дочка!... Дывно и чудно. Хай мы: волоцюгы, пройдысвиты,—часомъ безъ шматка хлиба, въ драній одежыни, безъ шага грошей за душею, зъ однымы голымы рукамы, босымы ногамы, та зъ голоднымы ротамы, ни добра, ни достаткивъ, хай мы крадемо, розбываемо, головы пидъ усяки прыгоды пидставляемо, хай, кажу, мы... А москаль... Хата—якъ рай той; жинка—якъ пани; однымъ одна дочка—янголь, а худобы всякои, багатства?.. А и винъ!.. И винъ—такый же бурлака, такый же злодюга, розбышака, якъ нашъ братъ?!.. Чого... для чого... Навищо це ёму?.. Чудно и дывно!»

И лупыть Чипка свои очи въ темну темноту; дывытся—доглядается, прыслухается... Ничого ни выдно, ни чутно. Тыхо, сумно... Ось щось зразу залопотило... Морозъ пробигъ вподовжъ спыны; волосся полизло въ гору... «Ку-ку-рику-у-у!»—прокрычавъ десь поблызу пивень и змовкъ... Чипка сплюнувъ; перекынувся на другый бикъ. Знову тыхо, сумно... Ось хтось зъ товарыства гукнувъ сонным голосомъ: «глушы, братъ, ёго!.. глушы!.. А ну-ну, отъ такъ ёго! отъ такъ!..» —Глухо пронисся той выклыкъ по хати; страшно, тяжко, немовъ голосъ зъ-пидъ земли, черкнувся винъ Чыпчыного вуха, та й замеръ, наче проглынула ёго тьма темна. «И снытся ёму, що недавно очевыдячкы було»—подумавъ, здрыгнувшы, Чипка. А тутъ сонъ—мовъ безъ висты забигъ, и на думку не зійде. «Питы хочъ люлькы покурыты».

Уставъ Чипка тыхо; налапавъ двери; нышкомъ выйшовъ у сины. Темно,—око выколы. Насылу Чипка намацавъ двери. Загарчалы воны, якъ собакы, не видчыняючысь. Одначе важка рука Чипчына ихъ подужала; воны подалыся трохы геть, зарызавшысь у доливку.

Винъ выйшовъ на рундукъ.—Дощъ поросну̀въ ёму въ гаряче лыце—густый та холодный!

— Пху, нависный! Колы вже ты перестанешъ?—сказавъ у голосъ Чипка, та й подався у сины, вытераючы свыткою выдъ. Дали—ставъ надъ порогомъ; пославъ руку въ кешеню; вытягъ гаманъ, люльку, наложывъ тютюномъ; налапавъ у кармани крыцю, креминь; прыложывъ губку. Черкъ! И посыпалысь, якъ зори, ясни искоркы до-долу. Темнота усмихнулася, побачывшы хочъ невелычкый свиточокъ. Губка засычила на кремени. Узявъ іи Чипка обережно, положывъ у люльку, прыдавывъ нигтемъ. Потягъ разъ, удруге—осіялы сины и важкый дымъ потягся невелычкымы мотузочкамы, закручуючысь у гору, мишаючысь зъ темрявою. Стукнувъ верхнякъ; дзенькнула крыця объ креминь, падаючы въ гамакъ, и зашморгнувшы ёго, пославъ Чипка назадъ у кешеню.

Обперся Чипка объ одвиркы; одхылывъ трохы двери; выпускавъ дымъ на двиръ, де винъ змишувався зъ дощемъ и зны-

кавъ у темряви. А темрява стояла страшенна, чорна; бильше одвиркивъ ничого Чипка не бачывъ, хочъ якъ не прыщурювавъ своихъ очей, якъ не прыдывлявся, щобъ разглядиты,—якъ воно въ москаля въ двори... Одни тилькы вертунци часомъ литалы передъ ёго очыма.—Колы це,—чуе Чипка,—рыпнулы двери. Чыясь тыха поступъ зашамотила въ синяхъ. Чипка одкрывъ верхнякъ, потягъ люльку—огонь осіявъ сины и, дыво, передъ Чипкою стояла Галя. У тонкій, билій сорочци, трохы росхрыстаній, въ одній спидныци, зъ роскынутымы косамы, що, якъ дви гадыны, спадалы на іи билу шыю и спускалыся на мовъ выточени зъ билого мармору плечи,—стояла вона передъ нымъ, якъ русалка зъ кухлыкомъ у рукахъ.

— Галю!—тыхо скрыкнувъ Чипка.

— А ты чого, бузувире, тутъ у синяхъ ходышъ? Накадывъ—повни сины, що и дыхнуты не можна!—защебетала вона, пизнавшы Чипка.

— Галочко! чого ты боса выйшла? Теперъ дощъ, калюка, покаляешъ свои били ниженята...

— А тоби що за дило? Хиба ты ихъ кохавъ?

— Хочъ не кохавъ, такъ укохавъ, Галю,—шепче стыха Чипка, ледве переводячы духъ.

— О, вы вси люби та жалисливи. А людей, якъ курей, рижете!—промовыла вона суворо.

Голосъ іи оклыкнувся гнивомъ, докорою, огыдою. «А твій батько?—подумавъ Чипка.—А сама жъ ты?—трохы не одказавъ, та языкъ ставъ руба, въ грудяхъ духъ сперло.

— Хиба мы рижемо?—ледве вымовывъ, перевившы духъ: мы тилькы ривняемо багатыхъ зъ биднымы.

— Ривняете?! Геть! пусты! я кухоль выполощу.

Одипхнула вона Чипку одъ одвиркивъ. Винъ подався въ сины. Галя выйшла на рундукъ; лынула воду зъ кухля; а дощъ іи пороснувъ прямо въ выдъ.

— Ухъ!—задрижавшы, скрыкнула вона;—яке холодне. Та мерщій у сины—прямо на груды Чипци, котрый одніею рукою держався за одвиркы, а другою за двери.

Якъ почувъ Чипка, що до ёго грудей приныклы ін гарячи груды,—опустывъ розставлени рукы, та и обвывъ ихъ кругомъ іи стану... Галя затрусылася, порывалася впередъ, та й схылыла на ёго груды свою голову.

— Галочко! рыбонько моя!—шепче Чипка, а въ самого серце, якъ молоткамы, гамселыть объ груды,—ты мене любышъ? зирочко моя! Очи ёго засвитылы на вси сины, якъ у звирюкы, колы вона кыдается на свою здобычъ.

— Пусты, пусты мене!—пручается Галя.—Иды соби геть! А сама ще блыжче, ще дужче горнулася до ёго.

Несчувся Чипка, колы опустывся на доливку; не счувся, якъ посадывъ Галю на колина до себе; несчулася и Галя, якъ прныкла головою на ёго груды. Затрипалось у неи серце, якъ плиточка въ неволи, мовчать обое. Хвылына, друга, третя...

— Де це ты бувъ циле лито?—шепче вона,—що на поле не выходывъ?... Хтось другый ходывъ замисть тебе... То твій братъ?

— Не братъ то Галю?.. То мій ворогъ, що трохы не на викъ розвивъ мене зъ тобою...

— А я думаю... Я думаю: де це винъ? Чы не вмеръ, бува?.. Чы може одружывся?..

— Хиба бъ тоби шкода було, якъ бы я вмеръ?—шкода?..

Галя мовчала, та ще дужче горнулася до ёго.

— Галю!—стыха обизвався винъ.

— Чого?

— Ты кохаешъ мене?—любышъ мене?—моя ясочко!.. Правда кохаешъ мене?..

Галя, якъ змія, обвылась коло ёго шыи и мицно стыснула іи своимы рукамы; уста черконулыся устъ,—та и злылыся въ довгый, гарячый поцилунокъ... Чипка одъ нестяму розвивъ рукы. Галя высковзнула—и скрылася. Опамятався Чипка. «Тилькы жъ, тилькы що тутъ була...»—думавъ винъ, та давай кругомъ себе шарыты... Нигде ни що ни шерхне, ни стукне. Винъ пидвився зъ доливкы... Темно, пусто, тыхо... Обмацавъ винъ кругомъ сины—нема! «Не чуть же було, щобъ и двери скрыпнулы», подумавъ винъ и

ставъ прыслухатысь. Було тыхо кругомъ, якъ пидъ землею... «Утекла!» промовывъ винъ самъ до себе; засунувъ надвирни двери и тыхо побрався въ хату, де спало пьяне товарыство.

Довго ще качався винъ на лигву; прыслухався, якъ стукотало серце; чувъ, якъ барабанывъ дощъ у виконыци,—якъ пивни выкрыкувалы; братчыкы зъ просоння бурмоталы; думавъ,—якъ це воно выпало такъ несподивано; радивъ, якъ дытына игращци; дывувався, якъ злодій, що вкравши въ старця торбу зъ цвилымы сухарямы, знайшовъ у ній страшенну сылу грошей... Тилькы передъ свитомъ заплющывъ очи—и заснувъ тыхымъ, одрадиснымъ сномъ.

Нерано прокынулысь братчыкы. Дощъ не вгававъ, а по вчорашнёму сіявъ, якъ кризь сыто, и порывавъ до сну.

— А ну!—рушай, братця, пора!—гукнувъ Лушня на всю хату, скочывшы на ногы.

Одно за другымъ стало товарыство рушаты. Одынъ Матня не пидводытся. Други повыходылы въ сины; повмывалыся водою, що стояла въ дижци; знову ввійшлы въ хату. Матня ще лежыть, та позихае на все горло. Незабаромъ до ныхъ и хазяинъ прыйшовъ.

— А що, дядьку Максыме,—пыта Матня, розвернувшысь, якъ кнуръ, на барлози:—чы буде чимъ похмелытыся?

— Хиба жъ тоби такъ у горло и лыты?—одказавъ замисть Максыма Лушня.

— А хиба мени дорого встаты?

Та зъ цымъ словомъ, швыденько скочывъ на ногы, та—нечесаный, роскудланый, зъ заспаною, невмытою пыкою—такъ и сунувся за стилъ.

Максымъ поздоровкався зъ панебратчыкамы, выйшовъ зъ хаты.

— Та воно бъ уже годылося и попрыбыраты,—сказавъ хтось зъ гурту.—Ачъ, яке гайно!

— То вже—хай хто хоче,—одказавъ, позихаючы, Матня.

— А ты?—пытае Лушня, гостро глянувши на ёго.

— Про мене—и такъ гараздъ...

— А якъ горилкы нема?

Чому нема?

— Тому, що гайно въ хати...

— Ну, такъ що жъ?.. Хиба воно буде зъ горилкою въ ротъ тягтыся? Хай соби лежыть доли, та й годи!

Покы Лушня зъ Матнею велы таку розмову, други, коженъ вхопывшы по оберемку, вытаскалы всю солому зъ хаты. Тымъ часомъ вернувся и Максымъ зъ учорашнимъ баклагомъ; за нымъ увійшла и москалыха, несучы въ одній руци два хлибы, а въ другій—здоровенну мыску капусты...

— Адже и справди похмелятысь будемо!—каже усмихаючысь Матня, вглядившы москаля зъ баклагомъ.

— То ты хочъ бы пыку вмывъ,—докоря ёму Лушня.

— На биса я буду мыты, колы дощъ и безъ того обмые.

— Ну, у тебя, братъ Максимъ, какъ я вижу, маладцы таварищи!—обизвався до хазяина одынъ зъ москаливъ—Пушкарь.

— Та ще ты и не бачывъ, москалю, нашыхъ славныхъ дилъ,—одказуе Лушня, вдаряючы москаля по плечу рукою, и опускаючысь коло ёго на лаву.—Ось пожывы лыпъ довше зъ намы,—тоди побачышъ,—чы молодци, чы ни!

— Да ужъ, братъ, и безъ таво видно, какіе маладцы! Во—пасматри на ефтаво!—махнувъ рукою на Чипку.—Да онъ бы пушку однимъ взглядомъ сбилъ съ пазиціи... Сматри: у, какой!!

Чипка не чувъ ничого того. Писля вчорашнёи зустричи, винъ сыдивъ соби мовчкы въ кутку, та тилькы кыдавъ свій быстрый поглядъ на ти двери, якымы вчора увійшла Галя. Думкы ёго далеко литалы; винъ не чувъ, не дослухався, що верзло товарыство. Кагалъ, гармыдеръ стоявъ у хати, якъ у жыдивській школи,—ажъ покы Максымъ не почавъ частуваты. Тоди все затыхло,—роты заремегкалы; пальци разъ-позъ-разъ опускалыся то въ мыску зъ капустою, то въ полумысокъ зъ огирками. Уси мовчалы, надолужалы надъ сниданнямъ. Чутно тилькы було, якъ на зубахъ трищалы огиркы, капуста;—якъ роты жувалы, плямкалы...

— Суха!—перегодя трохы, крыкнувъ Матня, насылу проковтнувшы цилу жменю капусты.

— Пидмочымо,—обизвався москаль, беручысь за баклагъ.

Пишла рядова кругомъ столу; знову пальци заходылы; роты заплямкалы...

— Удавывся!—каже, икнувшы, Матня и положывъ хлибъ на стилъ.

— Уси зареготалыся, гледючы на роскуёвдану голову, на одутлу пыку Матневу.

— Проткнемо!—одмовляе Максымъ, узявшы баклагъ у рукы.

— Оцёго, дядьку Максыме,—каже Лушня,—тилькы прыймы, то не знатымешъ, якъ и одгребтыся!

— Ничаво!—одказуе по московськы Максымъ, пидносячы чарку Матни.

— Вотъ ты хахолъ,--обизвався до Матни москаль--Пушкарь,— а право порядкы знаешь! Тебѣ бы только кгасударю служить!..

— Служылы мы вже брате-москалю, одмовляе Матня, всюды—та дозналыся, що нема краще, якъ баклази зъ горилкою служыты!

Смихъ, регитъ окрывъ усю хату.

— Вотъ, што правда, то правда!—каже москаль, регочучысь.

Максымъ обійшовъ по третій.

Писля третёи, розвязалыся языкы. Пиднявся крыкъ, регитъ, гоминъ. Утомылыся вже роты жуваты,—давай балакаты. Тамъ, у кутку, трое завелы ричъ про теперешне жыття трудне; други знялы мову,—якъ панивъ дурылы; трети згадувалы вчорашне погуляння, а четверти—про давнишне гуторылы... Звисно, дванадцять душъ: коженъ по слову,—то й то дванадцять сливъ. А отъ-то якъ уси разомъ загомонилы, та той тіеи, той своеи! Ничого не розберешъ; ничого выразно не чутно; одынъ крыкъ, галасъ...

Тилькы Чипка—якъ воды набравъ у ротъ. Винъ мовчкы йивъ, мовчкы пывъ, теперъ сыдивъ, мовъ нимый, та зъ дверей не спускавъ очей.

— Шо це нашъ атаманъ прытыхъ?—дывлячысь на Чипку, мовыть Матня.

Чипка не чувъ. Уси глянулы на ёго, зглянулысь мижъ собою,—засміялысь.

Чипка и смиху не чувъ.

— Чы не набачывъ лышень, чого ласенького?—тягне розмову Лушня.—Винъ у насъ голинный на ласощи...

— Да! да! вотъ ано и есть!.. Я самъ только што хатѣлъ кгаварить про ефту перепёлку,—перебывъ ёго москаль-Сыдиръ, що роспрягавъ коней зъ Максымомъ.

— Та вже, поздоровъ Боже дядька Максыма, та дядыну Явдоху,—обизвався Пацюкъ.— Такы, що соби, то соби; а то такы и для людей потрудылыся...

По хати роскотывся регитъ. Максымъ догадався, зъ чого сміялысь, ставъ и соби тыхо реготаты.

— Та подякуе, подякуе хтось не разъ и не два мени за неи,—одказавъ винъ зъ смихомъ.

— Я вже тоби, дядьку, коня онъ-якого достану!—каже Лушня.

— Да на что ему конь, когда у него такая кабылица,—тупо жартуе Сыдиръ.

Ажъ ось двери росчынылыся—и якъ та ясочка, вскочыла Галя въ хату. Жарты и розмова затыхлы; вси задывылыся на іи хорошу вроду, зашарене лычко, що за ничъ мовъ помолодшало... Швыденько вона пидійшла до столу; вхопыла мыттю порожени мыскы, та ни на кого не глядя, не кынувшы и окомъ на Чипка,—скрылася за дверыма. Винъ сыдивъ, якъ сова, вытрищывшы банькы...

— Спасыби Богови и хозяинамъ—за снидання; а мене, що найився!—перервавъ нимоту Лушня.—Часъ, братця, до-дому рушаты.

— Чого до-дому?—обизвався Матня.—Хиба тоби тутъ погано?.. Абы тепло, та горилка, то я хочъ на цилый викъ зостануся...

Уси зареготалы и рушылы зъ-за столу.

— А що жъ, справди пора! Отто тилькы: дощъ, якъ затявся... А часъ!

Уставъ и Чипка. Подякувалы хазяинамъ; позакурювалы люлькы и потяглы зъ двору: одни въ одну, други—въ другу руку. Чипка зъ своимъ товарыствомъ пишовъ у Пискы.

Одійшовшы вже геть у поле, оглядився—кесета нема.

— Стойте, братця! кесетъ забувъ...

Повернувъ назадъ; дывытся—на хвиртци стоить Галя и гукае:

— А чый кесетъ? хто кесетъ забувъ...

— Що таке?—обзываются до неи зъ другого боку.

— Кесетъ,—пиднявшы кесета въ гору, показуе вона.

— Кесетъ?—Не нашъ! та й ишлы соби.

Чипка побигъ пидтюпцемъ. Тымъ часомъ Галя на кесетъ роздывлялася,—росшморгувала, заглянула въ середыну, полапала рукою та й знову зашморгнула.

— Мій,—мій... Галочко!—каже стыха Чипка, добигаючы до неи.

— У-у-у—ёлопе!... Якъ квочка зъ курчатамы, такъ ты розгубывся зъ своимы думкамы... Не знаешъ, що и дієшъ.

Сунула ёму кесетъ у рукы, а сама швыдче за хвиртку.

Глянувъ Чипка на кесетъ... Що за бисъ? Тютюну було не бильше жмени, а це такъ оддулося... Що воно? Росшморгнувъ, полапавъ,—мняке; вытяга:—другый кесетъ, съ сынёи шовковои матеріи вышытый червонымы квиткамы и кругомъ обсаженый червонымы кытыцямы!!.. Очи въ ёго загорилы; по выду розлывся усмихъ...

— Любо моя!—кохання мое!—прошепотивъ винъ, и весело повернувъ до товарыства.

II.

Розбышацька дочка.

Цилый тыждень лывъ дощъ, якъ зъ видра. Цилый тыждень не выходывъ Чипка зъ двору. Усе тоби по хазяйству: то коло того, то коло другого.

— Знаешъ що, сыну?—каже ёму одного вечора маты, прядучы вовну—знаешъ що? Оце я дывлюся на тебе и на себе, та й думаю: я вже стара, никчемна стала; уже мени важко иноди и у печы вытопыты... Чую, якъ сыла моя упада, смерть наблыжается... Ты бъ одружывся, сыну! На докы ёго одкладаты... Уже слава тоби, Господы, други твоихъ литъ диткамы любуются; а ты все бурлакуешъ, та, мовъ, загубывъ що, ходышъ... Хиба мало дивчатъ у сели? Сподобай яку, та покы пылыпивка не зайшла,—одружыся сыну... И самъ не будешъ свитомъ нудыты, и мени помичъ буде!

— Шкода, мамо! Нема по мени дивчатъ на сели.

— Чому нема, сыну? Онъ, Хрыстя Бондаривна, Мотря Кнышивна, або Катря Остапійчына? Чымъ не дивчата?.. Що не багати? Та багата и не пиде, сыну, на таки злыдни, якъ у насъ... А все жъ воны дивчата, якъ слидъ: хорошого, чесного роду, робочи, слухняни... Оженыся, сыну; оженыся, мій голубе! Хай хоть на старисть доведется мени тебе въ пари побачыты...

— Шкода, мамо!

— Чого шкода. Шкода, кажуть, лыхый чоловикъ! Докы жъ ёго отакъ волочытыся? покы й голова посывіе?!..

— Прыйде пора,—прыйде сама.

— Хиба яка городянська повія... А вже доброи не диждешъ, щобъ прыйшла сама.

— Уже яка буде, така и буде.

Замовкла Мотря: бачыть—не переможе сына. Замовкъ и Чипка, думаючы свое про себе.

Писляціеи розмовы, диждалы недили. Хмурне небо розгодынылось; блыснуло сонечко ясне; повинувъ витерець—стряхла трохы земля.

— Я, мамо, каже Чипка, пиду въ Омельныкъ на ярмарокъ: чы не куплю конякы?

— Боже тоби поможы, сыну! Тилькы—навищо ты на зиму іи купышъ? Чымъ іи прогодуемо?

— Та вже знайдемо чымъ-сь.

Знявся Чипка писля раннёго обиду, пишовъ,—тилькы не въ Омельныкъ, а прямисенько до Гудзя на хутиръ.

Прыйшовъ до двору,—всюды позачыняно, позапырано. Почавъ Чипка дергаты хвирткою; хвиртка була заперта. Дви собакы кынулысь до воритъ, брязкаючы цепамы.

— Хто тамъ?—гукае голосъ зъ двору.

— Це я. Одчынить!

— Хто—я?

— Чы дядько Максымъ дома?

— Ни, нема.

— А де жъ?

— Пойихалы въ Омельныкъ на ярмарокъ.

— А титка Явдоха?

— Та и маты жъ зъ нымы.

— То це ты, Галю?—пизнавъ іи Чипка по голосу.

— А ты хто?

— Та видчыняй уже,—тоди побачышъ!

Пизнала и Галя Чипка; хутенько побигла до хвирткы, одщепнула.

— Чого це ты прыйшовъ?

— Тебе одвидаты,—якъ пожываешъ, моя горлычко?

Галя мовчала. Глянувъ на неи Чипка, та й здывовався: пожовкла, зъ лыця спала, зморщылась ..

— Що зъ тобою, Галю?—ажъ скрыкнувъ.—На тоби лыця не знать... Ты недужа?

— Та иды вже въ двиръ,—сердыто одказала вона, зъ нетерплячкою.—Стану я пидъ дворомъ розмовляты...

— Чипка ввійшовъ у двиръ. Галя зачынила хвиртку, защепнула, и повела въ свою хатыну.

Хатыночка—якъ чашечка: невелычка, чыста, ясна, весела. На покути стоялы образы въ срибныхъ шатахъ, заквичани васылькамы, гвоздыкамы, безсмертныкамы; передъ образамы на срибному ретязьку высила срибна лампадка. У тому жъ такы кутку—стилъ столярнои роботы; въ другому—лижко, засланe мнякымъ шовковымъ коцемъ; по-пидъ стиною—невелычки стульци.

Всюды такъ хороше, чысто; пахощи одъ васылькивъ та мняты окрывалы всю хату, лоскоталы чуття... Чипци здалося, що винъ у рай вступывъ .. Усе гараздъ, якъ бы не така сумна Галя!

— Чы не здужаешъ, Галю?—знову пыта іи Чипка, пыльно дывлячысь у вичи.

— Ни, здорова,—тилькы невесело чогось,—такъ щось за серце ссе...

— А я тоби и не дякую за кесетъ,—мовыть, здумавшы Чипка.—Спасыби тоби! Чы не сама бува и гаптувала?

— Якый кесетъ?—пытае Галя, звившы на ёго свои задумани очи.

— А той, що ты въ мій вложыла, якъ забувъ свого...

— Колы? Що це ты,—збожеволивъ, чы що?

— А хто жъ то вложывъ?

— Та колы?

— Та тоди жъ, якъ мій вертала.

— А я почимъ знаю?—стала бъ я такому... кесетъ даруваты!! Отъ, ще не выдано!—веселише защебетала вона.

По голосу пизнавъ Чипка свою недавню Галю, жартовлыву и веселу. Серце ёго зрадило, очи заблыщалы.

— Галочко,—почавъ винъ.

Галя дывылася прямо ёму въ вичи гостро-гостро... Чипци стало ніяково.

— Та чого це ты справди сёгодни така, мовъ не на той бикъ устала?

— А тоби що за дило?

— Галочко!

— Геть къ бису! Все бъ тилькы дурыты,—зъ ума зводыты...

— Галочко!..

— Геть, одчепысь!...

Устала вона одъ ёго; одійшла; сила край викна, що выходыло прямо на поле, та и послала очи далеко-далеко, де сходылысь туманы зъ туманамы, де сывило небо, спускаючы краи свои на землю. По лычку іи, сумному та жовтому, разъ-по-разъ пробигалы якись смужкы. Чипка дывывся на неи, та дывувався,

що зъ нею сталося... А вона не спускала очей зъ викна. Чипка бачывъ, якъ вона поблидла, якъ заблыщалы въ неи очи—якъ дви гарячи слёзы скотылыся по лычку, до-долу. Винъ дывывся на все це, а серце ёго, неначе хто давывъ, у лещатахъ,—такъ ёму було боляче и трудно...

— Галю! рыбонько моя! чого ты плачешъ?—пытае винъ, пидступывшы до неи.—Чому ты не повидаешъ мени свого горя?

Галя закрыла очи рукамы, захытала головою... Чипка прысунувся до неи.

— Галочко!—любая моя!

Вона схылыла на косякъ голову и стыха плакала.

— А я думавъ,—каже Чипка, стыха доторкнувшысь до головы іи.—А я думавъ: пиду до неи,—провидаю ій... Маты скребе голову: женысь, та й женысь!—дивчатъ мени рае... (Галя прытыхла, наче заснула). Та не прыймае ихъ мое серце... Пиду, думаю, до своеи голубонькы,—скажу іи... Та тыхо схылывшысь, злегенька поцилувавъ винъ Галю въ незакрыту щичку. Галя здригнула, пидвелася... Очи заплакани; лычко одъ натовпу почуття та видъ слизъ горило. Глянула вона на ёго та якось жалисно запытала:

— Чому жъ ты батькови та матери не сказавъ?..

— Я хотивъ, моя горлычко, тебе попереду спытаты... Чы пидешъ за мене?—чы вподобала мене, мое кохання?..

Галя,—мовъ ожыла. Выпрямылась, довго и пыльно дывылася на Чипку,—немовъ вывидувала правды. А це зразу, якъ заломыть свои рукы—ажъ пальци захрущалы... Въ очахъ у неи заграла одрада не одрада, зло не зло,—щось добре, любе, а разомъ хыже и лыхе.

— Чому жъ ты мени давно цёго не сказавъ?—скрыкнула вона.—Чому ты мени не сказавъ цёго тоди, якъ я вильна була?—якъ винокъ плела?—якъ по шырокому полю, по лугахъ квиткы збирала? Гуляла по свиту,—нема впыну, нема заборони... А теперъ?—теперъ...

Вона знову заламала рукы,—знову якъ поламани, захрущалы пальци; на очи навернулыся слёзы,—отъ-отъ брызнуть...

Чипка—самъ не свій. Зблидъ на выду, опустывъ голову,— та не швыдко вже стыха боязко запытавъ:

— Що жъ теперъ, Галю? що?.. Скажи мени,—все, все!..

— Шкода,—засватана вже я!..

Зъ очей хлынулы слёзы въ неи, облылы лычко. Закрыла вона ёго рукавомъ, знову спустылася коло викна на стулець, схылыла на руку голову, та нерозважно плакала...

Якъ хто гострый нижъ угородывъ Чипци въ серце,—такъ невелычки ти тры слова. Якъ хто обухомъ гамселывъ у ёго голову, такъ одзывалось въ ній гирке рыдання Галыне... Винъ хапався за думку,—що теперъ робыты,—та голова и памьять уже не служылы ёму... Думкы рвалыся на шматочкы; винъ сылкувався звесты ихъ до купы, напрягавъ розумъ... та, здается, и розумъ ёго покынувъ... Ничого не прыгадае... Чувъ тилькы, якъ у голови гуде, шумыть, дзвоныть;—якъ серце разъ-по-разъ типается, наче збирается выскочыты... Не знаючы якъ, зъ чого почaты, винъ схопывся за першу думку, насылу вымовывъ:—Колы жъ це?.. за кого?..

— Тоди жъ... того самого дня, якъ ты пишовъ... Москаль Сыдиръ зоставсь въ насъ, та въ вечери попылыся зъ батькомъ, та и...

— Та и що,—батько?—перервавъ Чипка.

— Иды, каже... не викъ дивуваты... И маты раюють: иды!.. Сыдиръ, кажуть, чоловикъ хорошый, тыхый...

— А ты—що?—ажъ крычыть Чипка.

— А я?..—не любый винъ мени,—кажу имъ.

— Що жъ воны?

— Годи, кажуть, усе любого, та мылого дожыдаты... и то гидкый, и то не гарный, не любый... Пожывете,—полюбытесь...

— Со-бакы!—гримнувъ Чипка на всю хату. Галя на ёго гостро глянула.

— Де винъ жыве?—гризно одрубуючы кожне слово, запытавъ Чипка, а въ ёго очахъ засвитыло щось страшне.

— Не знаю...

— Убью... зарижу... задавлю!.. Скочывшы зъ мисця, крычыть винъ, бигаючы, якъ несамовытый, по хати та скрегочучы зубамы.

— Тю-тю!.. тю-тю!.. одмовляе Галя, пидвившы голову.—Що це ты: здуривъ, чы що?.. Тилькы хочь пальцемъ займы ёго... то не бачыты тоби мене, якъ свого уха!

Чипко схаменувся. Опустывся на стулець; звисывъ на груды важку голову.

— Бачъ... якый ты!—каже ёму Галя.—Бачъ якый?!.. Якъ же мени за такого йты, колы винъ такъ безневынно визьме та й зариже чоловика?.. Якъ я за такого пиду?.. Прыйде така годына, що и жинку задавыть... кынется и на неи, якъ скаженный...

— Галочко!.. побійся Бога... що це ты кажешъ?.. Що бъ я?.. мене зарижъ... мене задавы...

— А Сыдора?.. га? Сыдора?..

— О-охъ!.. Ты не знаешъ, Галю, якъ мене завійна вхопыла... Пече мене... отутъ пече... мовъ хто жару насыпавъ...—показуе на груды.

Галя мовчала. Замовкъ и Чипка. Пидвився зъ мисця, ставъ ходыты вподовжъ хаты, та блукавъ страшнымы очыма по стинахъ... Зробылося тыхо, важко. По задуманому лычку выдко було, що Галя думала якусь крипку думку,—та зразу не зважувалась сказаты...

— Ажъ-ось—загорилыся въ неи щокы; заискрылы одрадою очи, роздалысь, побильшалы, одкрылыся уста видъ напору спертого въ грудяхъ духу,—ажъ пашыть Галя, якъ у вогни горыть...

— Знаешъ що, Чипка?.. Може, ще не все пропало... Я скажу матери... може вона батька вмовыть... Тилькы ось що...

Чипка, насторочывъ уха, пыльно дывывся на Галю.

— Кынь ты жыття таке!—скрыкнула, та ажъ поблидла.

— Яке?

— Чуже добро грабуваты, людей убываты!

— Галочко!—Нихто на свити не скаже, щобъ я кого вбывъ... Хиба обороняючысь, рукы не здержавъ...

Засовалась Галя на мисци; очи знову засвитылы хыжо; лыце затипалось.

— Проклятый!—каторжный!—загукала вона на всю хату.—Обороняючысь?!—видъ кого обороняючысь? Лизешъ у чужу хату красты, та хочешъ, щобъ хазяинъ не ловывъ тебе?.. Злодюго!

— А воны?.. воны хиба кращи?—нажылыся зъ нашои праци, та и панують... А тутъ... хата валытся; маты стара; самъ копы не заробышъ у день... Треба йисты; треба и одягтыся... Якъ же його жыты, Галю?.. Та хиба мы крадемо? Мы свое одбыраемо... Панъ—наробывъ намы: жыдъ—надурывъ зъ насъ... А намъ хиба зъ голоду пропадаты? середъ шляху погыбаты?....

— Чипка... голубе мій!—кынь!—Не буде счастя, не буде добра... Ты прыйдешъ у ночи зъ побоища... ляжешъ коло жинкы... та тымы рукамы, що недавно людей давылы, въ крови грилыся... будешъ жинку прыгортаты... Тымы вустамы, що неслы тилькы лайку та проклёны всёму свиту—станешъ ій про свое кохання шептаты, будешъ цилуваты... у-ухъ!..

Вона затряслася вся, якъ лыстъ на осычыни.

— А жыты зъ чого?—напира Чипка.

— Робыты чесно... працюваты щыро...

— А товарыство?.. А батько?..

— Зийдемо въ другый край... де бъ насъ нихто не знавъ, не видавъ...

— О-охъ Галю! Не знаю, що буде. Я—отаманъ... Якъ почуе товарыство, що кынувъ,—не жывотиты тоди. Поклялыся такъ мы одынъ одному...

— Чортъ чортови клявся!..

Галя зареготалась болизно; божевильный смихъ іи роскотывсь на всю хату.

Чипка глянувъ на неи, замовкъ, та, якъ пидстреленный, опустывся на стулець...

— Ты думаешъ,—перегодя трохы, знову почала Галя;—ты думаешъ—легко мени дывытысь на жыття батькове по бикъ зъ

жыттямъ добрыхъ людей?.. Бачышъ: воны щыро працюють, чесно хлибъ заробляють, зъ людьмы поводятся... и встають и лягають тыхи, спокійни... А тутъ?.. Сыды, якъ у тюрми, на запори... Страшно и очей показаты мижъ люде... Настане вечиръ,—цила юрба пьяныхъ людоризивъ валыть у хату... Шушу́каются, тыхо перемовляются, покы пидуть на всю ничъ... Вертаются вже передъ свитомъ,—та якъ гробовыкы, ховаются по горыщахъ, по погребахъ... переховують чуже, награблене добро... Це все, що на мени,—все грабоване! Ты думаешъ: не давыть воно мене? Мовъ хто рукою за горло душыть, выпирае духъ зъ мене... Ты не дывыся, що я весела и жартовлыва... То веселыть мене лыха моя годына!.. Ще день—сякъ-такъ переможешъ... А въ ночи ляжешъ спаты, то и прывыджуется тоби: буцимъ лизе хто, крычыть: «оддай мій платокъ!».. Ты думаешъ, легко воно мени носыты ёго—оце рамя?.. легко?!..

Та я̂къ ухопыть зо зла шовкову спидныцю, — такъ и розныэала одъ полу ажъ до самого стану...

— Галю! Галю!..—скрыкнувъ Чипка, хватаючы іи за рукы,— Не робы цёго!

— Геть! Пусты... пусты!

Очи въ неи, якъ вугилля, запалалы... ажъ затремтила вся.

— Ты знаешъ—може, та, що цю спидныцю носыла, лежыть пидъ землею—тліе, тилькы кровъ іи, марно розлыта, встае... А я... доношую це рамя... мучуся... беру грихъ на себе... завищо?.. За те, що я—розбышацька дочка?.. Краще бъ я гола, якъ маты породыла, по полю носылася; якъ навижена, ганяла по степахъ шырокыхъ,—нижъ мени въ цій тюрми мучытыся, въ цёму пекли склиты!.. У-у, проклятi!

Та—хипъ! за добре намысто. Намысто пороснуло зъ шыи до долу.

— Схаменысь бо, Галю! Тебе жъ за це бытымуть...

— Хай краще вбьють, нижъ чужымъ добромъ задушать!..

И знову вона сила пидъ викномъ, пидперла голову рукою— и задывылася въ пусте та ниме поле, що геть-геть чорнило та сывило передъ іи очыма... Николы вона не здавалася Чипци

такою гарною, якъ тоди... Винъ перекыдавъ поглядъ то на розидрану спидныцю, то на намысто, що роскотылося по всій хати. . Ёму жаль було своеи любои Гали; сумно одъ такого гиркого жыття; а въ души закрадався острахъ: не було сылы—разомъ всёго покынуты

Галя не довго мовчала. Поглянула вона на знивеченого словамы Чипку, що сыдивъ, мовъ у воду опущеный, боявся пидвесты на неи очи, и жаль пронявъ любляще дивоцьке серце.

— Чипко! любый мій!—молыла вона.—Покынь!.. Завищо жъ я тебе покохала?.. покынь, мій голубе!..

Та пидийшовшы до ёго, любо заглянула въ вичи.

— Побачу, Галю... може покыну... Подывлюся... А якъ не можна буде?!..

— Ни, покынь! Чуешъ: покынь!!.. А то я сама задавлю тебе своимы рукамы...—нестямно белькоче вона, обвывшы ёго шыю, та обдаючы гарячымы поцилункамы.

— Добре, Галю!.. добре, моя рыбонько!—шепче, нестямывшысь, Чипка прыгортаючы Галю.

— Ну, а теперъ—зъ хаты—на выступци!—весело загомонила вона.—Незабаромъ батько зъ матирью буде!

Чипка хотивъ щось сказаты, та Галя не дала.

— Иды, иды! иды, иды!

Та взявшы шапку въ одну руку, а за Чипчыну схопывшы другою,—поволокла ёго зъ хаты. Нехотя потягся Чипка. Ничого робыты—треба йты!

Провела ёго Галя за хвиртку; зачынылася и защипнулася. Поволикся Чипка видъ двору тыхо—по-малу, ледве переступае ногамы... У похылій голови борюкалысь весели надіи зъ невымовною тугою. Якъ здумае винъ, що Галя не переможе батька-матери, не вдастся іи ихъ умовыты,—то серце ёго наче хто въ жмени здавыть; колы жъ нагадае, якъ воны поберутся, жытымуть у пари,—одъ серця одійде важкый гнитъ, и легко-легко воно затипается... «А якъ же зъ нымы розвязатысь?.. якъ ихъ зрадыты?.. прысягу паламаты?»... Одъ такои думкы знову обхопыть его сумъ; серце знову заные... Отакъ минылыся ёго думкы: то веселылы

одрадою, то пеклы огнемъ тугы,—и знемогавъ винъ одъ натовпу ихъ. Винъ раднишый бы ихъ забуты, покынуты,—та сами воны лизлы, якъ мара, въ ёго голову... Щобъ розирваты ихъ чымъ-небудь, винъ почавъ обдывлятысь навкругы... Нигде ни душечкы, ни лялечкы. Ниме та буре поле розстылалося передъ нымъ и за нымъ. День вынавъ хмурый, невеселый. Дощу не було, а тилькы хмары, якъ дымчати кылымци, заступалы свитъ сонця, пересувалыся зъ мисця на мисце, плавалы по высокому неби, одна одну доганяючы, одна другу переганяючы, и кыдалы свою сиру тинь на чорновату землю... Витеръ тягъ маленькый зъ полудня... Чипка пидвивъ голову... Ёму стало немовъ легче одъ такои прохолоды; веселиши гадкы сталы закрадатысь у ёго душу, а журба впряма все такы не кыдаля серця... И Чипка затягъ:

Зеленый байраче, на яръ похылывся;
Молодый козаче, чого зажурывся?..

Спершу тыхо, протяжно вылывалася писня, и чутно въ ній було тугу невымовну, плачъ гиркый—задавленный; дали голосъ усе дужчавъ, мицнишавъ, розвертався на вси бокы, и, якъ зимни заводы витру, розлягався журлыво по пустельному полю...

Тилькы мени и пары,—що очыци кари...

лунала писня; а поле, мовъ ще дужче почорнило, ажъ насупылося...

III.

Козакъ—не безъ счастя, дивка—не безъ доли.

Вернувся Чипка до дому, та заразъ кынувся по хазяйству,—не заглянувъ и въ хату. Маты тилькы бачыла, якъ винъ овечатамъ пидкладавъ просянои соломы.

Наставъ вечиръ. Маты роспалыла пичъ, поставыла вечерю варыты. Уже и вечеря поспила, а Чипка не входывъ у хату. Маты засунула въ жаръ страву, прынялась перемываты посудыну,

пидмитаты хату. Уже и коло посуды упоралась, и хату пидмела—не йде Чипка.

— Що це винъ тамъ забарывся?—промовыла Мотря сама до себе, та й выйшла погукаты. Гукала-гукала,—не чутно. Увійшла вона въ хату, пидождала ще трохы,—немае. Матерыне серце стало розбираты досада.

Якъ бы знала, не захожувалася бъ и коло вечери... хочъ бы бувъ у хату наплювавъ, сказавъ,—чы дома ночуватыме, чы знову повіется на всю ничь... Побыла мене лыха годына, та несчаслыва зъ тымы побиганкамы! Та то жъ—день у день, ничъ у ничъ! Мабуть, назнавъ десь повію всесвитню,—та й віется... Зъ досады высунула вона галушкы зъ печи, всыпала трохы въ мыску, сама сила вечеряты. Настромыла одну галушку на спычку; вкусыла разъ, у друге—та й удавылася... Сербнула ложку, щербы,—та й загадалася... Галушка на спычци захолола; щерба въ мысци застыгла—заволоклася зверху сирою пливкою... Якъ здумала Мотря знову йисты, то все вже загусло, захололо. Вона пидвелась, поставыла вечерю на прыпичку, обмыла ложку и мыску, та й полизла на пичъ спаты... Думкы про сына обступылы іи и не пидпускалы сну...

А Чипка тымъ часомъ справлявъ свое дило въ Крутому Яру. Тамъ на пывныци, въ жыда, служывъ Лушня. Чипка пишовъ до ёго. Прогулявшы передъ тымъ цилый день, Лушня на вечиръ знемигся, та, завалывшысь на солому въ стодоли, захрипъ мертвецькымъ сномъ. Не швыдко Чипка знайшовъ ёго,—задутого, сонного.

— Тымофію! Тымофію!—гукавъ винъ, качаючы Лушню зъ боку на бикъ. Чувъ? Тымофію!.. Тымофій тилькы мукавъ та быкавъ. Чипка довго вовтузывся: перекыдавъ ёго, пидводывъ... на останку, розсердывшысь, штовхнувъ Лушню пидъ бикъ ногою. Той скрыкнувъ—и роскрывъ очи.

— Якого ты чортового батька?—гукнувъ винъ, та не глядя на Чипку, знову повалывся опукою на солому.

— Тымофію!—гукае Чипка, стоячы надъ нымъ.

— Чого?

— Устань...

— Лушня зыркнувъ, ледве пиднявшы въ гору верхни віи.

— Це ты, Чипка? чого ты?..

— Уставай!.. Треба.

— А що тамъ?—повернувшысь до Чипкы лыцемъ, пыта Лушня.

— Ты не знаешъ, де Сыдиръ жыве?

— Я й Сыдира не знаю... Якый це?

— Москаль... Той що... памьятаешъ?

— Не знаю!..—одказавъ Лушня, чухаючысь та зихаючы.

— Сыдора—москаля не знаешъ?

— Та самого знаю,—та не знаю, де жыве.

— Такъ, може, тутъ хто зъ вашихъ знае?

— Не знаю...—позихаючы, одказуе Лушня.

Чипка зо зла поскрибъ потылыцю.

— Тутъ йе въ васъ на пывныци пушкари,—мабуть, воны знають...

— И того не знаю...

— Що жъ ты знаешъ?—скрыкнувъ зъ серцемъ Чипка.

— Ничого не знаю,—одказавъ попуро Лушня, и перекынувся на бикъ.

— Божевильный!

Чипка плюнувъ и выйшовъ зъ клуни. Серце ёго пекла досада...—«Питы бъ до Петра та до Якыма?—подумавъ винъ.— Такъ же блызькый свитъ: треба ажъ на Побыванку телипатысь»... Винъ знову вернувся до Лушни.

— Тымофію! та скажы, Хрыста рады...

— Що я тоби скажу?.. И чого ёму такъ прыпало до того Сыдора?!..

— Ироде! Гаспыде!—закрычавъ Чипка: напывся, що и языка не повернешъ у роти—то ёму и байдуже, що тутъ зъ тебе жылы тягне...

— А-ай, го-спо-ды!—позихаючы, каже Лушня,—ходимо вже... та й устае.

Чипци трохы полегшало. Выйшлы воны зъ клуни; напрямылысь до хаты, де жылы рабочи зъ пывныци. Клуня стояла од-

далекы. Треба було переходыты до хаты черезъ пу́стыння. Тутъ воны стрилы метку москаливъ, котри йшлы до пывныци выпыты пыва. Въ той часъ уже добре смерклося. Воны поздоровкалысь зъ москалямы и швыденько помынулы ихъ. Колы це—щось ударыло Чипку зъ-заду по плечу.

— Здоровъ, Чипка.

— Чипка оглянувся—Сыдиръ.

-- А-а, здоровъ, Сыдоре!

— Куда ефто вы?—пыта Сыдиръ.

— Та тебе шукаемо,—одказавъ Чипка.

— Ну, вотъ и харашо. Пайдёмъ вмѣстѣ пива выпьемъ.

— Вы идить соби, а я пиду спаты,—каже, одризняючысь, Лушня.

Чипка пишовъ зъ москалямы.

— Сыдоре! я до тебе маю дило,—каже Чипка, колы вже пидпылы трохы.

— Какое? гавари!

-- Та... бачъ...—мнучысь, одказуе Чипка:—люде чужи...

-- Кгавари-кгавари: ето, братъ, сваи.

— Та хочъ и свои,—та неможна...

— Ну, пайдёмъ, паходимъ. Вы, братцы, абаждите. Я—сичасъ,—обернувся Сыдиръ до москаливъ. Выйшлы воны у двохъ зъ хаты, почалы ходыты по пустоши, кругомъ пывныци. Ничъ уже зовсимъ налягала на землю, а въ додатокъ ще й туманъ пидвився. Було темно и вохко. Чипка почувъ, що въ ёго якось страшно затипалось серце, мовъ ще николы такъ не былося; въ грудяхъ спирало духъ, важко було дыхаты... «Що—якъ не схоче»? думавъ винъ. Серце въ ёго хололо, винъ не знавъ, зъ якого боку пидступыты до Сыдора.

— Ну, што жъ ты?—не выдержавъ Сыдиръ.

— Та бачъ, Сыдоре... Я чувъ—ты женышся...

— Да, а что?

— Та, кажуть, лыбонь молода не хоче...

— Какъ не хочетъ?.. Да что малада, кали атецъ съ матерью слово дали!.. Чево ей ещо?

— Та воно, бачъ, ничого... Яке тилькы ваше жыття буде?.. Не зъ ными жъ тоби жыты, а зъ жинкою...

— А коли не будетъ слушаться—ефто на што?—и показуе кулака.

Чипку пронявъ наскризь и страхъ, и холодъ.

— Сыдоре!.. не губы душы!..—бовкнувъ Чипка зъ опалу, та и самъ схаменувся,—та було вже пизно.

— Какои души?—пытае здывованный Сыдиръ.

«Выручай, мылый Боже!»—подумавъ Чипка—и голосно промовывъ:

— Вона тебе не кохае... Мы зъ нею давно знаемось, та...

— Можетъ быть хочешь, чтобы я уступилъ тебѣ?—перебывъ його Сыдиръ. Не, братъ,—не бывать ефтому!

— Ты, якъ москаль, брате Сыдоре,—всюды вештаешся, всюды ходышъ зъ полкомъ,—ты соби знайдешъ десь кращу.

— Да что ты, братъ? Вѣдь, я издержался. Четвертную федьфебелю далъ, пятидесятирублёвую ротному, штобы только пазволилъ; да ещо пакупокъ сдѣлалъ рублёвъ на пятьдесятъ...

— Я тоби, колы хочъ, у-двое верну...

— Да какъ же, братецъ? Вѣдь меня спросятъ: почему не женился? тогда что?

— Скажы, що розійшлыся... Молодá, педужа, або що. Уважъ, Сыдоре! прошу тебе: уважъ! заразъ и гроши дамъ.

— Да ано, братъ, такъ. Только—какъ же быть то? ты развѣ съ нею—таво?

— Та кажу жъ тоби, мы зъ нею давно женыхалысь. Вона мени оце и каже: колы не виддадуть за тебе,—сама на себе руку наложу.

— Ишь ты! ещо атвѣчать придется.

— Эге жъ. Не губы, Сыдоре, души! Я знаю: ты чоловикъ добрый.

— А что же я ему то скажу, атцу?

— Сплеты що... Скажешъ: походу дожыдаюсь, черезъ те и не дозволено. А я вже, брате, вдобавокъ, замогорычу хочъ и всю вашу роту, щобъ мовчалы.

— Нешто такъ? Пожалу́й, роздумуючы, згожуется Сыдиръ.

Чипка такъ и повысъ ёму на вязы:

— Сыдоре! братику! гуляй же теперъ! гуляй! Ходимъ,— заразъ грошп дамъ.

Вернулысь воны въ пывныцю, росквиталыся. Чипка напойивъ Сыдира и москаливъ, що зъ нымъ прыйшлы, та на радощахъ, и самъ такъ лызнувъ, що насылу вылизъ зъ хаты. Одначе подумавъ: чы йты до-дому, чы тутъ спаты? Такы поплився до клуни, де Лушня спавъ. «Ни, щобъ маты не лаяла, тутъ засну»,—подумавъ, уступывшы въ клуню. Незабаромъ винъ захрипъ коло Лушни, якъ задавленый.

Ничъ була сыра, холодна. Туманъ важкою парою врывався по-пидъ дверыма въ клуню; холодывъ гаряче тило, добырався до кистокъ. Чипка прокынувся, здригнувъ. Прокынувся и Лушня. Розсказавъ ёму Чипка, якымъ побытомъ забрався сюды спаты. На двори стало сириты. Кризь щылыны пробывався билуватый край схидъ-сонця. Чипка вставъ, та не вмытый, не росчисаный побрався прямо въ Пискы.

Уже розвыднялось, якъ винъ вернувся до-дому. Ще здалека побачывъ:—блыщавъ огонь у викнахъ ёго хаты. «Мабуть, маты пряде»,—подумавъ винъ, та й ставъ добыватысь у двери. Двери булы засунени. Винъ пидійшовъ, постукавъ.

— Хто тамъ?—одклыкнулася маты зъ середыны.

— Це я, мамо! Видчыныть!

— Сыну! сыну!—почала выговорюваты Мотря, впускаючы въ хату.—Докы ты будешъ волочытыся що-ночи? Чы не за старе бува знову прынявся? Та то жъ—що ночи! Якъ вечиръ настане,—такъ и знявся и пишовъ. А онъ—всюды таки чуткы ходять. Ще на тебе, чого доброго скажуть...

Чипци хочъ и гирка була матерына догана, та недавня радисть тыхомырыла ёго серце.

— Не журиться, мамо!—зъ усмихомъ одказуе винъ:—Ось, незабаромъ, якъ Богъ поможе, не буду и зъ хаты выходыты.

— Выдно по тоби! Хиба бъ, може, жинка чы не вдержала; а вже матери не послухаешъ.

— Та може и жинка.

Маты вперше почула таку ричъ видъ сына. И здывувала вона іи, и зрадувала. Одначе Мотря не сказала на це ничого. Вона тилькы суворо глянула на сына, та й знову сила за гребинь.

Чипка, запалывшы люльку, выйшовъ до скотыны довидатысь,—та проблукавъ—уже геть сонце пидбылося. А тамъ—и майнувъ на хутиръ до Гудзя.

Галя тымъ часомъ не дримала. Якъ тилькы вернулыся стари до-дому, вона кынулась до матери и стала іи слёзамы благаты, щобъ не губылы іи красы, сылы, здоровья въ московськыхъ походахъ та переходахъ, на чужій сторони, далеко видъ роду, зъ нелюбымъ москалемъ.

Маты—якъ маты. Вона пронялась жалемъ риднои дытыны, зглянулась на іи слёзы, благання,—сказала про все Максымови. Максымъ хочъ и хотивъ бы маты зятемъ Сыдора, ще такого молодого, а вже унтеръ-охвыцера,—та прыгадавшы свое гирке московське жыття, непосыдяче та невильне,—самъ згожувався зъ дочкою. Взялы ёго смутни думкы. Винъ цилу ничъ не спавъ, усе думавъ.

На ранокъ радытся зъ Явдохою: якъ бы видъ Сыдора видсипатысь? Колы и Сыдиръ якъ разъ настыгъ на ту раду. Довго винъ терся та мнявся, покы зважывся сказаты про свое лыхо... Якъ ставъ винъ журлыво выводыты, що я бъ, мовъ, Боже, якый радый,—та походъ усе стратывъ! Стари слухалы та жалкувалы на ту лыху прычыну, а сами нышкомъ радилы. Найбильше жъ радила Галя, слухаючы таки речи зъ своеи хатыны. Вырядывшы Сыдора, батькы пойихалы чогось у Гетманське. Галя зосталася одна дома. Вона була весела, хочъ и тревожна, и зъ радощивъ сама не знала що робыты, зъ кимъ нымы подилытыся. Убравшысь въ найкраще убрання, вона бигала по хатахъ, спивала веселыхъ писень; дали здумала про обидъ, роспалыла пичъ, поставыла страву; знову спивала, бигала, выглядала въ викно: чы не йде, бува Чипка?

Чипка не йшовъ. Марно вона трудыла очи выглядаючы ёго. Иноди чорна пляма середъ поля здавалася ій нымъ; вона кыдала пичъ и, не памьятаючы сама себе видъ радосты, выбигала ажъ за хвиртку стричаты ёго. Розглядившы оману, верталася вона въ хату зъ жалемъ у серци, зъ слёзамы въ очахъ. «Винъ, мабуть, мене не любыть, що не йде. Якъ бы винъ любывъ мене, то не йшовъ бы—летивъ. А винъ? дурыть, зъ ума зводыть!» Таки думкы мутылы іи голову, ображалы серце и Галя сумовала.

На той саме часъ нахопывся Чипка. Якъ вона кынулась до ёго, якъ прывитала! Де дилася журба іи, смутокъ? Очи горилы коханнямъ, одрадою, выдъ осіявъ, якъ соняшный ранокъ весняного дня. И що за радисный бувъ день той! що за люба розмова!..

— Чипко, голобчыку. Прызнавайсь, любышъ?..

— Люблю, Галочко...

— А скажы: покынешъ? Покынешъ таке жыття?—допытувала вона Чипку, заглядаючы ёму въ вичи?

Чипка мовчавъ. Винъ любовався іи веселымъ голосомъ, налытымы радистю очыма. Вона жъ—не переставала щебетаты передъ нымъ, якъ та ластивочка.

— А якъ мы зажывемо зъ тобою! яки порядкы заведемо!.. Зъ ранку—ты будешъ хазяйнуваты коло худобы, а я въ господи. Адже ты будешъ кохатысь у скотыни? Я не люблю коней, волы кращи. Воны таки смырни, тыхи. А корова щобъ мени безпреминно була! Чуешъ? Я и не пиду за тебе, якъ тилькы коровы не купышъ, та щобъ зъ телятκомъ! Що я, бачъ, казала? Отъ уже и забула. Бачъ! Такъ ото ранкомъ мы будемъ поратыся; потимъ пообидаемо, спочынемо; потимъ упьять ты що-небудь зробышъ, покы вечиръ; а въ вечери я вечерю зварю: уже такыхъ мнякыхъ галушокъ зварю, що губамы можна буде йисты. И все въ насъ буде тыхо, мырно:—ни лайкы, ни сваркы николы. Ты не будешъ лаятысь?

Чипка осмихнувся.

— Чого ты сміешся? Ты, мабуть, и бытыся будешъ? Я, я, дурна, пытаю,—чы будешъ лаятысь. Гляды мени: тилькы будешъ мене зобижаты,—то я тебе покыну.

— Та годи тоби, Галю, про це думаты! Якъ можна таку зозулечку лаяты, або быты? Ты, якъ те сонечко, закрасышъ мою смутну хату, розвеселышъ матиръ.

— Ба! У тебе и маты йе? А я и забула.

Бровы въ Гали на хвылыну здвынулысь, буцимъ видъ тяжкои думкы. Одначе швыдко та думка промайнула: Галя знову веселенько зацокотала.

— А твоя маты—стара?

— Ни, не дуже. Лыхо тилькы іи зостарыло, та нужда молодого вику.

— А я, Чипко, не знаю, що то таке лыхо та нужда. Росла я въ доволи, не знаю того ничого. Хиба, може, ще мое видъ мене не втече, наздожене мене. Ни, я не хочу! Чувъ, Чипко? Не хочу я ни нужды, ни лыха. Хай ёму пуръ, хай ёму пекъ! Не хочу! Отъ, тилькы що: чы твоя маты сердыта? Чы не буде вона мене лаяты?

— Ни, Галю. Николы сёго не буде, щобъ хто сказавъ тоби и слово на-крыве,—не тилькы що. Та ты така, що маты моя, якъ побачыть тебе, то бильше вподобае, нижъ мене.

— Яка жъ я?—прядучысь веселымы очыма, допытувалась вона.

— Така,—жартувавъ Чипка.

— Яка—така?

Чипка кынувся іи обниматы.

— Гляды жъ мени! гляды! Тилькы одурышъ,—и сварылася на ёго своимъ маленькымъ, билымъ пальчыкомъ.

Довго це воны отакъ любовалыся та мыловалыся. Потимъ—обидалы. По обиди радылысь, якъ сказаты батькамъ. Та вже на вечиръ Чипка пишовъ до-дому.

Маты стрила ёго нз двори зъ серцемъ.

— Де ты ходышъ? де ты бродышъ цилый день? На кого ты покынувъ ту худобу дома? на мене стару? Господы, Твоя воля! То бувало, хочъ у день дома; а теперъ—понудывся до обиду, а тамъ и скрывся плечыма и очыма. Навищо жъ ты накохавъ того скоту, колы не хочешъ самъ глядиты?

— Не визьме ёго, мамо, бисъ!—весело одмовывъ Чипка

— Та и тебе бъ не взявъ, колы бъ навидався хочъ у полудень. Колы скотыны не шкода, то хочъ бы матиръ пошкодувавъ, що въ таку негоду гыбне на двори.

— Пидождить, мамо: ось якъ визьму жинку,—зажывете тоди: якъ у Бога за дверыма.

— Тоди то те и буде!—страчуючы гнивъ, журлыво вымовляе Мотря, увиходячы въ хату. За нею и Чипка увійшовъ.

— «Що це винъ мени все плеще: жинку та й жынку? И вчора жинку, и сёгодни жинку,—може справди надумався». И хочется ій попытаты ёго. Черезъ це вона, осившысь у хати, знову заводыть розмову.

— Невистку, кажешъ, визьмешъ, сыну? тоди зажыву, якъ у Бога за дверьмы? Такъ воно, мабуть, и буде! Може, невистку визьмешъ таку, що свекруси и сорочкы не выпере...

— Та може, сама такы и не буде праты,—одмовляе Чипка.

— А хто жъ?—ажъ зъ лякомъ спытала Мотря.

— Наймычка.

— Яку жъ ты тамъ грапыню задумавъ браты, що ще и наймычку до неи треба?

— Грапыню, мамо,—усмихаючысь, каже Чипка

— Не высоко лышень несыся, сыну, а то якъ прыйдется падаты...

— Ничого, мамо, высоко нестыся: я визьму жинку, яку мени треба.

— Та що це ты сміешся зъ матери, чы що? Чы справди, знайшовъ соби пару?

— Знайшовъ.

— Кого жъ ты вподобавъ? Чы не Мотрю, бува, Шрамченкову? То—багачка, та гордовыта, сыну. Не раю я тоби іи браты. Та своимъ багатствомъ що-дня тоби очи выбыватыме.

— Ни, мамо: не Мотрю, а Галю.

— Яку Галю?

— Знаете, мамо, москаля Гудзя.

— Того, що на хутори?

— Того самого.

— То що?

— Дочку ёго, мамо.

Мотря задумалась. Смутокъ заславъ іи поглядъ.

— Не знаю я, моя дытыно, тіеи дивчыны. Хто ёго зна;— що воно за люде, ти москали. Знаю тилькы, що замолоду винъ те тилькы и робывъ, шо пывъ та гулявъ, та волочывся. А якъ оддавъ батько въ москали, то про ёго и слухъ запавъ. Вернувся жонатымъ и багатымъ. Жинка ёго лыбонь не зъ нашыхъ: здалека видкилясь винъ вывизъ іи. Чы не така бува и дочка?

— Ни, мамо: дочка и трохы не схожа на матирь.

— О-охъ, сыну, сыну! Хто ёго знае. У чужу душу, кажуть, не влизешъ—що тамъ у ній заводытся. Може вона зъ выду и добра здается, то це покы дивкою. Кожна дивка, покы не выйшла замижъ, то и добра; а якъ звьязалы рукы, то заразъ и почне вытребенькуваты. И те не такъ, и друге не по ній. А ще жъ, якъ багачка! Про мене, колы бъ ты, сыну, оженывся и на Олени Пидкивни. Дивка тыха, робоча. Знаю добре, що була бъ тоби жинка, а мени невистка. А колы вже и Гудзивну сподобавъ, то счасты Боже! Звисно,—не мени зъ нею жыты, а тоби, моя дытыно... Мій уже викъ пе довгый; швыдко вмру, все покыну. Тоби зъ нею викъ викуваты, а не мени. Тилькы воно и на тимъ свити лежалось бы, колы бъ я знала, що ты будешъ счаслывый! А то, якъ у васъ тутъ буде що дня грызня та сварка; то яково тамъ и мени лежатымется! И мои кисткы струснутся пидъ землею.

— Ни, мамо: Галя буде жинка якъ разъ по мени. Я вже іи давно знаю.

— Колы по тоби, то хай тебе, сыну, Господь на все добре благословляе! Я не забороняю. Не жалкуй тилькы дытына моя на матирь, якъ—не прыведы Господы!—прыйдется викъ калататы. Знаешъ—багачокъ? Воны вси здатни на докоры. А немае, сыну, тяжчои докоры, якъ докора про твои злыдни. Злыдни—та чесно нажыти! А то—навезе видъ батька-матери дрантя та ган-

чырья всякого, та й не рушъ ты ёго. Вона тоби що дня буде вычытуваты та высукуваты: то те пропало, то те згайнувалы. Нема гирше, сыну, якъ докора багачкы! Черезъ те бъ я не раяла бъ тоби багачкы браты. Беры ты, сыну, ривню соби, то и усе буде въ васъ ривно: ни вона тоби не выбыватыме очей твоимы злыднямы, ни ты іи не докорятымешъ ничымъ,—бачывъ, на що бравъ! Та якъ я вже прожыла на свити та побачыла людей, то скажу тоби, що зъ убогыхъ и хазяйкы краци бувають. Нужда ты злыдни навчають и свого берегты, и чужого глядиты. А колы воно выросте въ роскошахъ, та пры наймычкахъ, то ёму все ни по чому: такъ усе и гайнуватыме!

— Не така, мамо, Галя. Ничого вамъ турбуватыся. Хочъ вона и багачка, а все сама коло всёго. Всёму знае ладъ даты. А що вона мае лышне тамъ, то то ще краще. Буде объ вищо на першый разъ рукы зачепыты, та и повесты гаразденько хазяйство. Навищо жъ мени дано голову й рукы. Не клопочится, мамо: все гараздъ буде! А колы бъ вы зналы іи, або хочъ бачылы,—заразъ бы такъ уподобалы, що сказалы бъ: не беры, сыну другои жинкы,—беры Галю Гудзивну.

— Не дывысь, сыну, на образъ, а дывысь, яка вона до тебе йе! Иноди и вродлыва, та лыха годына... Своеи доли не вгадаешъ!

— Адже колы хочете, моя доля зъ нею выростала.

— То и Боже благословы, сыну, колы такъ! Шукай старостивъ, та и шлы, колы що виддадуть...

— Того жъ самого вечора побигъ Чипка до Ґрыцька.

— Грыцьку, братику! Чого це я прыйшовъ до тебе?

— Кажы.

— Прыйшовъ прохаты въ старосты.

— Хиба женытыся задумавъ?—умишалася Хрыстя.

— Эге жъ. Оце думаю: оженюся разъ, та й закаюся!—жартуе Чипка.

— Кого жъ думка браты?—пыта Грыцько.

А Хрыстя—ажъ вуха наставыла.

— Тоди побачышъ: кажы, чы пидешъ?

— Та Богъ же ёго знае. Може ты мене заведешъ у такый двиръ, що и колякы скоштую.

Уси засміялыся.

— Та въ такый же то и думка завесты,—жартуе Чипка,— бо однакъ тоби нихто бокивъ не мне. Хрысти бъ, якъ жинци, годылося... Та що жъ, колы вона така добра вдалася, що николы и слова насторчъ не скаже!

— Та годи вже тоби жартуваты. Кажы справди: кого задумавъ браты!—допытуется Хрыстя.

— А хочется знаты? хочется?

— А вже жъ хочется.

— Ну, хай же кортыть, колы хочется.

— Ну, бо, кажы; а то и Грыцька у старосты не пущу.

— Та я и самъ не пиду, колы не скаже.

— Ничого вже зъ вамы робыты, каже Чипка: треба прызнатыся. Знаете Гудзивну?

— Яку? Одарку?—пытае Хрыстя.

— Ни Галю.

— Яку це?—пытае Грыцько, роздумуючы.

— Москалеву дочку, того москаля, що на хутори жыве.

— Не знаю,—одмовляе зъ протягомъ Хрыстя.—Отъ, дывысь: и потелипався жъ на хутиръ шукаты, буцимъ у сели дивчатъ трохы! И чого ёго туды понесло?

— Понесло, усмихаючысь, каже Чипку.—Ты кажы, Грыцьку: пидешъ?

— На колы?

— На ту суботу,—гулящый день буде.

— На суботу—можна.

— Гляды жъ, Грыцьку. А покы що—прощавайте! Ще треба въ одне мисце бигты.

Чипка пишовъ. Грицько зъ Хрыстею завелы розмову про ёго.

— Отъ, дывысь, Хрысте: такы будуть люде зъ цёго Чипкы! Оце одружытся, а жонатому—звисно,—вже не те, що парубкови...

— Хиба його не выдно и спершу було, що винъ чоловикъ путящый? Чы до роботы, чы до мастерства—до всего вдався.

— А пывъ же та волочывся якъ?!—згадавъ Грыцько.

— Молодый бувъ—дурный, а постаришавъ—за розумъ узявся,—одказуе Хрыстя.

— Отъ теперъ и старій Мотри такы спочынокъ буде, а то сердешна маты не знала спокою ни въ день, ни въ ночи.

— Бо-зна ще яка невистка буде?

— Та що невистка? Хай яка вона соби тамъ не буде, а винъ, якъ сынъ, повыненъ не даты въ образу риднои матери.

— Та бувають, Грыцьку, таки, що ты ій хочъ килъ на голови тешы, а вона—якъ тіеи, та и тіеи.

— Ну, въ мене бъ вона не тіеи заспивала.

— То жъ то въ тебе.

— А щожъ? Цебъ то попустыты, щобъ чортъ батька зна що моею ридною матирью верховодыло? Ни, мабуть бы прыкусыла вона языкъ, сципывшы зубы?!

— Що жъ, якъ бы оце въ тебе и справди маты була, то це бъ и мени такъ було?

— Такъ ты жъ, Хрысте, не така. Я знаю, що ты бъ се матери моій догодыла, якъ мени.

— То ще, яка бъ маты була.

— Та ты всякій матери догодышъ. А Чипчына маты чымъ не поважна людына?

— Та я за бабу Мотрю ничого не кажу. Спасыби ій, вона така добра до насъ, немовъ ридна. Я кажу за другыхъ. Онъ, у Васыленка: навищо невистку перевела? Якъ ишла—калына калыною була; теперъ—якъ зъ хреста знята! Онъ то яки бувають свекрухы! Такій самъ чортъ не вгодыть, не тилькы невистка.

Отакъ воны довго балакалы. Слово за слово чиплялося; одна думка нанызувалась на другу,—то зиходячы на людей, то звертаючы на Чипку.

— Ты жъ мени розскажы, яка тамъ молода,—вже лягаючы спаты,—каже до чоловика Хрыстя. И де винъ іи выдравъ?

— Та вже жъ побачымо, що тамъ за цяця така,—то и розскажу,—одмовывъ Грыцько и соби вкладаючысь.

Рано зъ вечора погасылы свитло сынъ зъ матирью. Рано зъ вечора воны полягалы спаты, натомлени деннымы прыгодамы. Адже сонъ не йшовъ обоимъ имъ на думку.

Ёму знай прывыджувалась Галя, весела, якъ ясочка,—якъ вона буде бигаты по хати та порядкуваты. Тилькы шкода: хата тисна; треба нову ставыты,—промыгнуло въ думци и выклыкало цилый рій. Ёму вже ввыжается, що винъ розвалывъ оцю хату, а заложывъ нову, зъ свитлыцею, зъ хатыною, зъ велыкымы викнамы. «У хатыни мы будемо жыты,—радытся винъ зъ Галею; маты, мабуть, не злазытыме и зъ печи; а свитлыця—чужого чоловика прыняты».—Добре, Галю?—Галя засылае ёму поглядъ згоды. Пересновуются ёго думкы зъ іи думкамы: выклыкають усмишку, радисть. Добра надія пестыть ёго серце. Чипка забувае давне жыття, забувае все, що було-мынуло: на легенькыхъ крылахъ прудкои думкы несется винъ упередъ, дали, въ рай тыхого счастя. Мотря думала тежъ про Галю. Тилькы невесели, а смутни думкы обхопылы матерыну голову. «Господь ёго знае,—думала вона, хочъ бы я іи бачыла колы, хочъ бы чула іи мову, голосъ. Може, тамъ така, що и не прыступайся; а може зъ тыхъ, що абы завьязаты свитъ парубкови, а то и кыне,—другого знайде. Мижъ багатыркамы и таки часомъ бувають. Звисно—зъ жыру! Выросте въ роскошы, та въ достаткахъ; само николы не гнуло свого стану; не кололо билыхъ рукъ объ колючу стерню,—все те наймычкы. А тутъ побаче, що все те треба своимы ручкамы та пучкамы, визьме, та й кыне,—хиба теперъ якъ на свити стало?!

Видъ такыхъ гадокъ сердешна маты знай перекыдалась зъ боку на бикъ, та важко зитхала.

— Вы не спыте, мамо?

— Ни, сыну.

— Чому жъ вы не спыте?

— Та такъ, усе думкы таки лизуть у голову.

— Не журиться, мамо!

IV.

На своимъ добри.

У суботу заславъ Чипка старостивъ до Максыма. У недилю булы оглядыны у Чипкы. Максымъ не забувавъ старосвитського звычаю: пойихавъ самъ и вблагавъ Явдоху пойихать на оглядыны.

Максымъ знавъ, за кого виддававъ дочку. Не дуже дерла ёму очи вбога Чипчына хата и старенька, бидно зодягнена маты. Не такъ на те глянула Явдоха: не такъ воно вразыло іи горду пыку. Про самого Чипку—грихъ слово сказаты! Та ёго хата, нызенька и тисна, ёго маты, згорблена, стара, высушена гиркою нуждою та лыхомъ,—роскорпысалы хыжу, падку на роскоши та на прыбутокъ натуру Явдошыну. Якъ вернулася зъ оглядынъ, вона накынулась мокрымъ рядномъ на чоловика. Максымъ, знаючы іи натуру гарячу, воркотлыву, выйшовъ за хаты та нарошне довго корпысався коло хазяйства. Тоди Явдоха прыскипалась до Гали:

— Ну, такъ! прыдбаешъ, дочко, свекруху,—на ввесь свитъ. Господы! На ній и облычча людського не знать. Видъ злости ажъ скрывылася; высохла, якъ суха тараня.

— Та то, може, вона вамъ, мамо, такъ на першый поглядъ здалася,—одказуе Галя.

— Такъ куды!—кынулась Явдоха въ жаль та слёзы.

— Якъ бы знала, моя дытыно, таку лыху годыну,—якъ бы знала, що таке въ ёго застану: краще бъ тебе до вику зъ непокрытою косою водыла, тожъ таке бачыты!

Не вподобала и Мотря Явдохы. Вона здалась ій гордою, бундючною, недоступною. «Пани, пани!—шептала Мотря.—И чого встрявъ сюды Чипка? Уже яка маты, така и дочка: яблочко видъ яблоньк̀ы не далеко одкотытся. Утопыть винъ свою голову, та и мою разомъ! Чуе и вищуе мое серце».

Обыдви матери булы таки, що хочъ бы и назадъ,—та ничого робыты: дило прылюдно було зроблено. На другу недилю молодыхъ повинчалы.

На радощахъ Максымъ таке весилля справывъ, що ще нихто николы и не знае. Цилый тыждень музыкы гралы; ногы не спочывалы; варена та запикана ричкою лылыся, а що вже простои, то хочъ купайся. Людей найшло—выдымо-невыдымо: и прости, и москали, и Сыдиръ тамъ мижъ нымы; и старшына зъ пысаремъ, засидатель зъ своимы родычамы—полупанкамы. Сказано: нигде пальцемъ просунуты ни въ хати, ни на двори. Максымъ лыбонь ще и становего дожыдавъ,—та становый чомусь не прыйихавъ.

Грыцько,—пидстароста,—дывувався тому багатству, що такъ ни гадано, прыпало Чипци. Його ажъ заздристь розбирала. Дывувалыся и завыдувалы Чипци люде, не меньше Грыцька: «И якъ такы за такого ланця та выйшла така багачка, якъ Галя»?! Стари диды та бабы все те соби на уми малы, а молодыци нышкомъ помижъ себе рахувалы, що воно такы щось не певне: выдно чортяка и тутъ якогось кгедзыка вкынувъ! Та дывлячысь на Галю, що сыдила коло Чипкы, якъ макова квитка, знай перешептувалысь та хыталы головамы, моргалы бровамы. А чоловикы тымъ часомъ одъ Максыма по повній выпывалы: «Дай же, Боже, щобъ наши молоди жылы та здорови булы,—въ счасти кохалыся, въ роскоши купалыся, до самого вику ничого лыхого не зналы»!—Щобъ знай багатилы та съ переду горбатилы!—додавъ староста Якивъ Кабанець, такый удатный до тыхъ прыказокъ. Бесида залылася протяжнымъ смихомъ, а жинкы, жартуючы, давай штовхаты старосту кулакамы межи плечи, прымовляючы: «О, щобъ тебе! щобъ тебе»! А староста, не вважаючы на духопелыкы, ухопывъ вареныка въ зубы, розипхавъ танцюрысту молодижъ, крыкнувъ: «Грай, музыко»! та й пишовъ навпрысядкы—ажъ земля загула. Музыка ризала, пыляла—ажъ струны лопалысь; скрыпкы вгыналыся; бубонъ, якъ гримъ середъ лита, бугтивъ; мидяни тарилкы бряжчялы та цокалы, немовъ сто паръ цыганськыхъ коней зъ бубончыкамы перло селомъ.

Гулялы-гулялы на хутори, та такъ цилою юрбою перейихалы въ Пискы до Чипкы.

Тутъ Мотря вперше побачыла свою невистку. У пари зъ сыномъ вона кланялась ій нызенько, до нигъ, подаючы дороги подаркы. Мотря глянула на невистку—и дурни думкы зныклы, зразу збиглы зъ сумного облыччя. Якъ проминь ясного сонечка, пробывшысь мижъ зелену густу лыству, въ затышку та въ холодочку, горыть и звеселяе и гущовыну,—такъ искорка одрады зажеврила въ старыхъ Мотрыныхъ очахъ, разлылася радистю по всёму сухому выду! Мотря кынулась обниматы невистку, якъ ридну дытыну, а, цилуючы іи, плакала. Галя соби обнимала Мотрю, якъ матиръ: цилувала іи зашкарубли сухи щокы, рукы. Дали—Мотря обнимала сына и тежъ плакала. Потимъ того цилувалася зъ сватамы, и трохы не зъ усима людьмы, що найихалы и найшлы до неи въ двиръ. Зъ радости стара, якъ опьянила. Ій уперше на вику довелося побачыты таку повагу до себе видъ людей. Вона не знала, якъ ихъ дякуваты, чымъ ихъ витаты. Ось загралы музыкы; заспивалы свашкы; поклонылыся молоди—и пишлы въ хату. Пиднялыся знову гулянкы та танци. Максымъ зъ Явдохою въ пари пишлы выкрутасомъ та выхылясомъ, а за нымы и Мотря тупала своимы старымы ногамы.

Якъ вихоръ, якъ буря страшенна мчытся, трощыть и ломыть усе по своему слиду,—такъ те весилля промчалося надъ Чипчынымъ дворомъ и наробыло не трохы шкоды въ господарстви. Тыны повалени и поломани; ворота побыти лежалы середъ двору: викна безъ шыбокъ чорнилы диркамы, дывлячысь на вулыцю. Та якъ писля бури, дощу та граду, ясне сонечко ще мовъ прывитнише сяе, ще дужче гріе, та облывае своимъ тепломъ ти руины, що наробыла буря,—такъ Галя рожевила зъ двору своимъ румянымъ лычкомъ и веселыла все своимъ добрымъ поглядомъ. А Чипка правывся коло шкоды. Тамъ тынъ пиднявъ та набывъ, нови ворота прыробывъ; тамъ другу яку шкоду налагодывъ; клыкнувъ шкляра—викна повставлявъ. Черезъ тыждень не знать було розруйнованого двору: все стояло на своимъ мисци, якъ ёму и слидъ було, тилькы ще мовъ краще, доладнище выглядало.

Багато добра всякого та худобы навезла Галя зъ собою: чотыри паровыци везлы іи посагъ у Пискы. Мотря якъ стрила

все те, то ажъ злякалася. У неи ничого того и у думци не було, а тутъ—якъ снигъ на гололову. Вона не знала де ёго поставыты, куды подиты. Що нужнище—розмистыла въ хати; друге—поставыла въ синяхъ, а що зосталося—Галя просыла Явдоху взяты до себе въ хутиръ. Максымъ подарувавъ Чипци троянъ добрыхъ коней. Такъ ихъ Чипка просывъ тестя подержаты въ себе до весны. Максымъ та Явдоха, дывлячысь на таку тисноту, раялы молодымъ перейихаты на зиму жыты на хутиръ—та ни Чипка, ни Галя не згодылысь. Стари пойихалы назадъ, а молоди зосталысь на своимъ господарстви. Доля прыкрыла ихъ своимъ затышнымъ крыломъ.

Гарно, весело теперь у ихъ хати. Сама хата, хочъ заставлена всячыною, а наче роздалася, повеселишала. Стины Галя вбрала шпалерамы, пообвишувала вышыванымы рушныкамы. Зъ божнычка выглядалы дороги образы зъ-за лису васылькивъ, мняты, ласкавыци, гвоздыкивъ, та мовъ усмихалыся, дывлячысь на хату. Передъ образамы гойдалыся на пыточкахъ роблени голубы. Крыла въ ныхъ сызи, груды червони, хвостыки чорни, носыкы—немовъ зъ тила—било-румяни, а очи, зъ червоного намыста, свитылы на всю хату, колы вдарявъ у ныхъ соняшный проминь або стяжка одъ свитла. Голубы ти булы на вдывовыжу кожному, хто тилькы бачывъ ихъ. Ростопырывшы крыла и попрыгынавшы нижкы, воны безъ перестанку гойдалыся, немовъ жыви, та зачаровани. Пичъ Галя розмалювала самымы квиткамы по билому; лавы вышарувала—чысти та били, а пилъ, якъ зъ воску, чыстый. Де тилькы рукы іи доторкалыся, або де око зырнуло,—все те зъ хмурого, сумного, прояснялося, билило, нибы всмихалося.

Коло свекрухы Галя, якъ коло риднои матери, ходыть, годыть ій у всячыни. Нашыла ій очипкивъ; платкивъ падарувала, сорочокъ надавала. Ни свитыло теперъ дрантя на старыхъ плечахъ: воно пишло на ганчиркы, а Мотря въ усёму новому ходыла. Булы теперъ у неи и чоботы добри чорноголовци, плахты и дергы дороги, хочъ и старечи, и сукня била, якъ снигъ, и ко-

жупанка, крыта демыкотономъ, про зиму. Защытна теперъ Мотря видъ голоду, видъ холоду: заспокоена въ роботи. Галя сама коло хазяйства ходыла: коло коривъ та овечатъ, и биля печи—всюды сама: Мотри и не пидпускала.

— Вы, кажете, мамо, на своёму вику не трохы здоровья стратылы, сылы збавылы.—Спочыньте хочъ на старисть. Хай я, молода, теперъ буду працюваты, а вамъ треба спочываты на щось инче!

— И, вже, дочко!—одказуе Мотря: не зажалїешъ батька въ наймахъ,—такъ и мене. Колы замолоду нихто не жалкувавъ, то на старисть—и того бильше. Прывыкне, кажуть, собака за возомъ бигаты, то и за саньмы побижыть! Я звыкла замолоду робыты—и теперъ не влежу, хочъ часомъ кисткы болять, якъ переломани, въ грудяхъ холоне та ные.

Та й сяде Мотря на гребинь за вовну, та и пряде помалу.

А коло Чипкы Галя не знае вже, якъ и прыпадае, чымъ ёму догожае. У сорочкахъ уси груды повышывала, квиткамы унызала; каптаны пообшывала шнуркамы. Тилькы и робыть, що, впоравшысь коло печи та худобы, корпысае голкою та выгадуе зразкы всяки.

— Дывиться, мамо: чы такъ гарно буде?—пытае вона свекрухы, показуючы шытво.

— Та гарно, моя дытыно,—одказуе Мотря радо.

— Мени здается, якъ бы ще сюды вкынуты сынёго, а сюды—зеленого; то тоди бъ саме добре було.

— На що ты, дочко, надъ тымъ голову морочышъ, та очи збавляешъ? Помережала бъ якъ-небудь, та й годи! Адже жъ ходывъ до сёго не тилькы въ шытыхъ, а часомъ у такыхъ, що рубъ руба позывае. Та й байдуже було!

— Яка жъ я, мамо, буду добра жинка, колы сорочкы свому чоловикови не вышыю? Я бъ ёму, яки найкращи зразкы йе, вси бъ, здается, вымережала. Та горенько,—не знаю всихъ!

— Спасыби тоби, дочко, за твою ласку якъ до ёго, такъ и до мене! Якъ ты ввийшла до насъ, то мовъ праведне сонце вступыло въ хату,—немовъ намъ очи розвьязала, свитъ повыла

рожевымъ квитомъ. А якъ бы ты знала, якъ то спершу було? Якъ ни хлиба, ни одежыны, та треба що дня на роботу йты. А винъ ще малый бувъ,—и его иноди зъ собою несешъ. А колы кынешъ дома, хочъ и на бабу,—царство ій небесне,—то за думкамы свита билого не бачышъ. Чы не сталося що ёму? чы не наробывъ чого винъ?? Настане вечоръ,—якъ Бога, мовъ викамы, дожыдаешъ ёго,—та кынувшы працю, мерщій до-дому поспишаешь. Добигаешъ. бачышъ—винъ грается коло хаты. Слава Тоби, Господы, що счаслыво все! Або зимою, застукають трыскучы морозы, зниметься заверюха, хуртовына, а ни одягнутыся, а ни обутыся! А тутъ у хати—хочъ вовкивъ гоны, и топлыва катъ-мае. Охъ, выпыла и я за свій викъ гирку, та ще и повну. А теперъ дяка господеви, хочъ на старисть заспокоена. Може пошле Господь и вмерты въ такому. Щобъ вамъ, мои ридни, счаслыво викъ звикуваты, та своихъ дитокъ до розуму довесты!

Галя слуха-слуха таку смутну прыповистку, про таке гирке та злыденне жыття,—та ажъ страхъ іи визьме. Вона не тилькы ничого того не бачыла и не знала, а навить николы и не думала. Жаль давывъ іи серце за свекруху. «Не даромъ вона така стара, слаба, выморена, высушена!»—думала Галя.

— Вы мени, якъ ридна маты!—обертается вона зъ щырымъ серцемъ до свекрухы; скилькы то вы горя на своимъ вику звидалы! Чы то жъ и Чипка все те терпивъ, мамо?

— А вже жъ, дочко! Ёго оцимы рукамы и выносыла, и выгодувала, и винъ дознавъ, почимъ кившъ лыха!

— Черезъ те винъ и смутный такый; того и не радисный завжде. Отъ я: зросла въ доволи та въ роскоши,—ничого того не знала, завжде весела, спивуча.

— Дай, Господы, спиваты, не дай тилькы плакаты!—одказуе радо Мотря. И не налюбуется, не навтишается невисткою.

Тилькы иноди, темнои ночи, колы буря на двори вые та плаче, въ дымари, якъ сова, квылыть та стогне,—въ викна стукаючы кимъямы снигу, мовъ пизній подорожній, колы все спыть пидъ заводы лыхои годыны, тилькы старимъ людямъ не спытся,—ворочаются воны зъ боку на бикъ, стогнучы та охаючы,—бо-

лять у ныхъ стари кисткы, натружени замолоду непосыльною працею, а сумни думкы, якъ чорна галычъ, окрывають старечи головы,—тилькы въ таку добу закрадався сумъ у Мотрыну душу и, якъ у жмени, зжымавъ гиркымъ життямъ поточене серце.

— Що воно за знакъ!—думала вона: така багачка, вродлыва, а покохала такого убогого? Хай и покохала,—молода кровъ шпарка, серце гаряче;—западае дивци парубокъ у воко,—не встережется, якъ и покохае. Та куды жъ батько та маты дывылыся? А тутъ батько и маты не сперечалыся. Мабуть, шкода стало дытыны, якъ вона зъ кохання побывается? Ридни забороняють, колы спизнается зъ неривнею. А тутъ и ридни ничого. Правда, Чипка мій моторный, удатный, золоти въ ёго рукы и голова не абы-яка. Та що жъ? все жъ такы неривня? Перши, кажуть, любощи—дурныци. А прохолоне серце—пидуть докоры та перекоры: ланець, голодрабець! А може вона не така. Здается, Галя добра. Отъ мене и не кохае, а якъ жалуе? Охъ, Боже, Боже! пошлы имъ счастя, Господы! Мени що, старій? абы воны не нарикалы на долю. Я вмру; имъ жыты.. Хочъ бы жъ хочъ умерты спокійно!—Отаки думкы, якъ легеньки хмары середъ ясного дня, переплывалы въ голови старои матери. Адже якъ тамъ: сонце тепле та ясне,—пидплылы хмаркы въ гору, пронявъ ихъ гарячый ёго свитъ, побилывъ ихъ, ростопывъ, повинувъ теплый витрець—розвіявъ. Такъ и тутъ: доля свитыла та грила, и не давала простору та воли смутній думци кынуты темну тинь на ихъ счастя. Мотря бильше радила, нижъ журылася, и весело поглядала на дитей, якъ воны голубылысь.

А воны справди, якъ ти голубы: де одно, тамъ и друге. Чы винъ робыть що, а въ неи вильна хвылына,—вже вона коло ёго,—колы не помагае, пиддержуе що, то такъ стоить та дывытся; чы вона робыть,—винъ зъ рукъ хапае, щобъ ій легше було.

— Галю! наймы наймычку,—каже винъ, якъ вона втомылась коло печи, золинныкы вергаючы. Невже все те тоби своимы рукамы ворочаты? Ты и коло коровы, и коло печи, и коло пытва,—та все одна, все сама.

— Наймычку?—пытае, здывувавшысь, Галя.—Навищо? Щобъ вона своимы нечыстымы рукамы тоби страву готувала? Хай їй!

— Пожалкуй себе, Галю—свого здоровья.

— А що мое здоровья? хиба ще не выкохала та не выростыла, въ матери гуляючы? За для тебе, мій голубе, хочъ и рукы натужу, то не шкода. Ты замолоду натерпився всёго,— пожывы хочъ зо мною въ доволи. И яке воно тоби те счастя, здается, колы до всёго своихъ рукъ не доложу, не поклопочуся биля всячыны. Ни, не треба. Не хочу я наймычкы!

Чипка слухавъ ту любу мову жинчыну, а серце ёго пройма радисть счастя.

— Доле моя! счастя мое!—прыгортаючы мицно до себе Галю, шептавъ винъ у вечери.—Ты жъ мени радисть у двиръ прынесла; ты зъ моихъ очей полуду зняла, що ихъ цилый мій викъ закрывала! Кругомъ мене крывда облягала, неправда обступала; якъ важкый каминь, давыла вона мени плечи, груды, опускалыся въ мене дужыи рукы, закрывалыся очи, я не знавъ ничого, не бачывъ—куды мени вылизты зъ того гниту, якъ ёго выскочыты. Ты—якъ зирочка зійшла надъ моею задуреною головою и освитыла мени стежку, мій невтертый шляхъ!

— Галю!—трохы згодомъ, не швыдко, нибы роздумуючы, обизвався голосно Чипка. Колы бъ уси люде булы такы счасливи, якъ мы зъ тобою,—тоди бъ намъ ще краще жылося, ще веселише!

— Колы бъ же то, мій голубе. Що жъ, колы ихъ доля такъ помежувала: одному дала багато, а другому—ничого.

— Доля?—гляды лышень, Галю, чы доля то! чы не сами люде, бува, и вынни?

— Та може, и воны трошкы. Якъ бы можна, Чипко, то я бъ имъ свого удилыла. Знаешъ: якъ розказала мени твоя маты, яку вы нужду, яке лышенько замолоду терпилы, то мене то въ огонь укыне, то морозомъ обсыпле. Колы бъ знала, то въ той бы часъ усе свое виддала, що мала.

— Ты, Галю, добра. Ты—жалислыва, казавъ Чипка, обнимаючы іи, а въ самого по сумному выду мышка бигала и голосъ

дрыжавъ видъ спомыну. Та чы то жъ одна моя маты така? Хиба одни мы? Сотни, тысячы, тысячы тысячъ отакъ тяглы и тягнуть свое злыденне життя. И нихто на те не вважае; никому не мае дила до того; нихто на те не дывытся; нихто того не бачыть, усимъ воно чуже, не ридне. Кому воно свое? кому не байдуже? Отымъ хиба беззахысным людямъ, що зъ голоду мруть? Не дывуй же, Галю, що мы свое одбиралы сылою.

— Не нагадуй, не нагадуй! Хрыстомъ Богомъ молю, не нагадуй мени про те, Чипка!—молыла Галя, ще дужче горнучысь до ёго.—Якъ я здумаю про те, то въ мене розумъ мутытся, въ вичахъ червони плямы замріють. Хиба не можна було безъ того обійтыся? Працею, хочъ тяжкою, кривавою працею, та чесною—свого добуты?

— Працею? Г-мъ. Ничого, Галю, працею не вдіешъ. Одынъ зъ неи выскочыть, а десятокъ вона задавыть!

— Адже отъ—Грыцько. Зъ бидносты выйшовъ у люде. И спокійный, и счаслывый, а все черезъ працю.

— Та праци, Галю, нигде прыложыты! И те—чуже, и того—не можна, и того—не робы. Ніякъ рукъ зачепыты. Крывда кругомъ, скрызь неправда.

— Ты думаешъ, Чипко, що справди у всихъ такы думкы? Ій-Богу, ни! Лушня такый чоловикъ, що купыть и продасть; Пацюкъ—абы ёму погуляты та поспиваты, наробыты дешпоту; а Матня—щобъ налызатыся отъ по сю!.. Хиба имъ у голови праця? Хиба воны думають, де свое, де чуже? Або москали? Цилый викъ ёго вчать не дывытысь не тилькы на чуже добро, а и на жыття! Хиба воны таке думають, якъ ты? Винъ соби иде прямо за для того, щобъ порабуваты, щобъ чужымъ добромъ пожыты.. Такъ у ныхъ, у москаляхъ, було: такъ винъ и звыкъ до того, и тепереньки не хоче за чесну працю взятысь!

— Може, и такъ. Може, и твоя правда. Може.

— Ни, Чипко: краще тыхо, мырно жыты; чесно заробляты. А дасть Господь дитокъ диждаты,—выгодуемо, выростымо ихъ на добро, до школы виддамо, хай зъ малечку вчатся. Може воны

въ кныжкахъ тыхъ вычытають, якъ ще краще жыты, нижъ мы зъ тобою!

Такою тыхою мовою та розумною радою Чипка бувъ якъ сповывачемъ сповытый. Одъ щырыхъ сливъ любои жинкы серце ёго впокоювалось; сувора натура, загартована давнимъ злыденнымъ жыттямъ, мнякшала: винъ теперъ соромывся свого давнёго беzпуття, тіеи крывои стежкы, якою винъ думавъ дійты до счастя. Шкода ёму було свого безталанного товарыства; жаль ёго погыбели: а сказаты имъ Галыну правду—не ставало духу, сылы. И винъ теперъ ховався, тикавъ видъ своихъ давнихъ братчыкивъ.

— Шкода! не ждаты вже намъ теперъ добра зъ нашого отамана,—казавъ Лушня товарыству.—Пропавъ чоловикъ! Жинка коло спидныци прышыла.

— Сказано: медовый мисяцъ—солодче видъ усёго на свити,—пояснявъ Пацюкъ.

— А горилка—ще солодча!—додавъ Матня.—Хочъ бы жъ до себе прыймавъ, бисивъ сынъ? Адже за жинкою яку худобу затягъ?

— Справди. Ходимъ до ёго,—пидбывае Лушня.

— Ходимъ! ходимъ! заговорять уси разомъ, та й пидуть.

Чипка побачыть, выбижыть зъ хаты.

— Такъ и такъ,—братця,—таке и таке лыхо. Жинка занедужала, маты насылу сновыкгае; а хата—сами знаете—одна. Де я васъ прыйму?

— То дай намъ хочъ рубля грошей!—прыстае Лушня: дожылыся до того, що и копійкы за душею немае.

Отъ мы и выпьемъ за здоровья жинкы, щобъ Господь іи помылувавъ.

Чипка радый такому дешевому выкупови. Тыче имъ рубля увъ ркы—и повертае назадъ у хату. Товарыство—до шынку. Якъ нерадо стричався теперъ Чипка зъ давнимы братчыкамы, такъ Грыцько зъ своею доброю Хрыстею прыпавъ ёму до души. Грыцько—невсыпущый хазяинъ. Винъ чесною працею, своимы мозолянымы рукамы надбавъ те, що мае въ господи. Винъ и те-

перъ не лежень: рано встае, пизно лягае. Винъ не паніе, якъ други, а самъ, зъ своею невтомною помишныцею-жинкою, веде до ладу свое хлиборобське дило, маючы думку на чесну працю и дитей напрямыты. Вподобавъ Грыцька Чипка и частенько ставъ навидуватысь до ёго. Не соромъ теперъ и Грыцькови водытысь зъ Чипкомъ,—и винъ ще частише ставъ завертаты до товарыша дытячыхъ литъ. Жинкы ихъ тежъ одна одну вподобалы.

Оце зберутся. Хазяины позаводять гостей за́ стилъ, понаставляють напыткивъ, пайидкивъ. Чипка зъ Грыцькомъ ведуть розмову про хазяйство, про свои втраты та корысти,—завсидни жытечни турботы.

— А що, Грыцьку, якъ твоя пшеныця?—пытае Чипка.

— Та що... плоха, Чипко! На зристъ то вона и добра, та на вмолотъ—не тее... Выдно допци захопылы, якъ красувалася: стекла! Сказано: зерно, якъ мачына... хочъ бы насиння вернулося.

Грыцько завжды передъ Чипкою скаржывся. Чы добре що,—погане, чы поганеньке,—никчемне!—Грыцько лукавывъ. Винъ бачывъ, що хочъ Чипка и дукачемъ ставъ, а душею та серцемъ зоставсь давнимъ Чипкою. Такый же прыхыльный до чужого несчастя; такый же жалислывый на чужу втрату. Грыцько все те бачывъ—и ще бильше выставлявъ свои втраты та згубы, сподиваючысь, що Чипка, якъ товарышъ, зглянется на ёго бидкання и може колы, стане въ помочи.

Заможнисть Чипчына иноди розбурковувала заздристь Грыцькову. Вернувшысь одъ Чипкы, набидкавшысь передъ нымъ до схочу, Грыцько заводывъ таку розмову зъ Хрыстею.

— Отакъ теперъ зажывъ Чипка!.. Отъ, соби и удайся такымъ!.. Сказано: дука на всю губу! А чы сподивався хто бачыты ёго такымъ тоди, якъ винъ, пьяный, обирваный, якъ несамовытый, ганявъ по селу, та по шынкахъ волочывся? А теперъ... панюга, та й годи! И прыплело жъ таке несподиване счастя!.. Сказано: якъ багатство, то и счастя.

— Така вже выдно ёго доля!—одказуе Хрыстя.—Та и жинку жъ узявъ соби пидъ пару... То вже що багата та вродлыва, а

прывитна та ввичлыва до кожного! А до його!.. Сказано: могла бъ, свого серця влупыла, та ёму дала.

— И за що, спытай? - гирко вымовывъ Грыцько.

-- Якъ за що? Чипка, Грыцьку, чоловикъ хороший...

— Що жъ у ёму хорошого?

— Усе. Звисно: другій жинци винъ бы, може, и не пидійшовъ пидъ пару; а до Гали,—то мовъ воны ридни... Якый винъ, така и вона... Жалислыви, добри... Що пара, то пара,—грихъ Бога гниваты.

Хрыстя завжды заступалася за Чипку. У Чипкы справди було багато чогось доброго, чого Грыцько своимъ, на прыбутокъ напрямленымъ, розумъ не мигъ зрозумиты. Хрыстя жъ чула те добре своимъ жиноцькымъ серцемъ, своею чуткою душею.

— Отже тебе, Чипко, мабуть, у любыстку купалы, що такъ уси жинкы лыпнуть до тебе,—шуткуе пидпывшы, Грыцько.

— Якъ саме?—пытае Чипка.

— Такъ... Моя Хрыстя, колы тебе довго не бачыть, то все згадуе? де це, мовъ, винъ? що це зъ нымъ?

-- Спасыби Хрысти за добру згадку,—радо одмовляе Чипка.

— А вамъ заздро па мого чоловика?--умишается Галя.

— Та ще бъ,—дывится,—не заздро було? Де жъ такы? чужу жинку зовсимъ видъ дому одбывъ!

— Та мы такы Хрыстю и одберемо одъ васъ,—сміется Галя.

— Навищо? Навищо вона вамъ здалася? Чы, може, не перелывкы?..

— Та воно такъ такы, мабуть, чоловиче и буде,—жартуе Хрыстя, що я и тебе и дитей покыну, та й перейду до Гали та до бабуси Мотри...

— Про мене... Хай вона и вамъ,—тилькы я соби Чипку визьму затомисть,—одказуе Грыцько.

— Эге, спасыби вамъ. Мы Чипку не дамо... Чипка въ насъ буде,—обороняется Галя.

А тутъ и Мотря, слухаючы ихъ жартовлыву розмову, уверне сливце и одъ себе. Пидуть у ныхъ смихы, жарты, та веселощи.

— А ну лышень, Галю, почастуй насъ вареною за таку выгадку!—нажартувавшысь доволи, каже Чипка.

Галя швыденько метнется. Де не визьмется варена,—пахуча, чыста та смашна. Галя частуе. Уси выпывають по повній, прыцмакують губамы; выхваляють Галю, а ще бильше—варену, та пересыпають жартамы...

Це такъ у свято, або въ недилю. А въ будень—колы не Хрыстя въ Гали, то Галя въ Хрысти.

Одна другу такъ уподобалы, мовъ сестры ридни. Хочъ одна одній, якъ завжды водытся мижъ жинкамы, и не роскрывала своеи души до дна, не показувала, що діется на споди серця; оже одна въ одній чула щось соби ридне, прывитне и любе. Галя дали бачыла, ширше сягала своимъ розумомъ: винъ у неи кохався пры достаткахъ, у роскоши... Въ сторони одъ людей, одъ жыття, не знавшы ни нужды, ни клопоту,—вона сама пурынала въ свои думкы, прывыкла сама повертаты своимъ розумомъ. Не такі молоди лита выпалы Хрысти. Тяжке сыритство зъ самого малку, гирка неволя въ чужій роботи—прыборкалы іи гостру думку. Недостачи, нужда добре далыся ій знаты,—щобъ вона не забувала про нажыву. Вона була въ жытти іи не останнёю гадкою. Оже якъ воны не ризнылысь, а все такы обыдви однаково чулы, що добре, що лыхе, и черезъ те завжды обыдви сходылысь у своихъ думокъ. До чого Хрыстя тилькы серцемъ прыхылылася, почуваючы добре, те Галя не тилькы серцемъ кохала, а и у речахъ вымовляла. Поридныдысь воны серцемъ, душею. Воны булы щыри товарышкы, якыхъ тилькы врядыгоды зводе жыття до купы.

Шануючы одна одну, кожна поклялася въ души, що якъ будуть у ныхъ диты, взяты одна другу кумою. Хрыстя вже и радила тому. Вона почувала себе матирью, а писля Риздва справди пославъ ій Богъ уже другого сына. Галя була хрещеною матирью. Грыцько не тилькы згодывся,—зрадивъ, якъ почувъ, що Галя буде кумою. Винъ сподивався, що хрещеныкови добре буде видъ такои хрещенои матери. Хрыстя жъ дывылася на покумання, якъ на звязокъ до вичнёго товарыства зъ Галею.

И справди, писля того, воны ще дужче затоварышувалы. Почалыся таемнычи сповиди важкыхъ думокъ та гадокъ, пестощи та голубиння веселыхъ надій. Не проходыло дня, щобъ або Хрыстя не завернула до Гали, або Галя не побигла до Хрысти. Галя полюбыла свого хрещеныка, якъ ридну дытыну. Сорочечкы ёму шыла и мережала; шапочкы вышывала. А на рукы визьме,— носытся, любуется, якъ своимъ. Иноди зупынытся іи поглядъ на любому погляди дытыны... довго вона дывытся на ёго, прыдывляется ёму въ вичи, мовъ своимы очыма хоче зйисты... То дывысь: блыснула въ неи въ очахъ якась искра,—слёза не слёза, радисть не радисть засвитыла,—и прыгортае вона дытыну до свого лоня и обдае ёго поцилункамы...

Хрыстя дывытся, та и зитхне важко. Вона бачыть и чуе,— чого Гали треба, та чого Богъ не дае ій...

— Що якъ у васъ будуть диты,—стороною заходыть Хрыстя: якъ вы уже ихъ глядитымете? Ажъ ось—чуже, та якъ вы втишаетесь!..

— Якъ у мене буде дытына, Хрысте, то я,—здается,— зйимъ або задавлю, цилуючы та мылуючы... Я не дамъ на ёго пылынци впасты, кому-небудь подывытыся... Могла бъ я, ёго въ своимъ серци носыла! Вы тилькы гляньте: отаке манюсиньке-манюсиньке, безъ речи, безъ мовы,—тилькы оченятамы свитыть... Ты до ёго обзываешся, а воно нымы поводыть, мукае, рученята выпручае, мовъ тебе прыгорнуты хоче... А ты знаешъ: це твое тило, твое нарожденния... «Рыбонько!.. серденько!».. оберталася вона до хрещеныка, окрываючы ёго гарячымы поцилункамы.

Мынае зима. Ясне сонечко любо свитыть та гріе: снигы тають; бижать зъ гиръ долынамы прудки протичкы сниговои воды; ранни чумакы коло возивъ лаштуются; а тамъ и хлиборобы заворушылыся... Настае весна. Все ожывае, радіе. Ось велыкодни святкы прыйшлы и пройшлы; зазеленилы поля; зацвилы садкы; защебеталы соловейкы... Писля довгого зимнёго сну все прокыдается, продырае заспани очи и, озырнувшысь кругомъ, любуе на землю, що, якъ та пысанка, красуется пидъ золотымъ проминнямъ ясного

сонця; а сонце, гледючи на неи, усмихается... Тилькы диждавъ Чипка тепла, заразъ накупывъ дерева, нанявъ майстривъ и заложывъ надъ самымъ шляхомъ не хату, а цилый невелычкый будынокъ.

— Покы люде налагодылысь зъ жнывамы, то на ёго двори, замисть похылои хатыны, стоявъ веселый будынокъ и гордо позыравъ на вулыцю велыкымы викнамы зъ зеленымы виконныцямы. Давня Чипчына гадка справдылась. Теперъ уже не одна тисна хата зъ синьмы, а цилыхъ тры: одна—для матери, друга—для себе, а черезъ сины—свитлыця про гостей. Не далеко одъ будынку складалы рублену комору. Трохы дали, якъ поставылы комору, заходылысь коло сараю зъ конюшнею; а тамъ—и загороду заплелы нову, кругомъ обгородылы новою лозовою лисою зъ острышкомъ... Стари ворота поламавъ Чипка, а прыробывъ дощани, паньски, растворчати, а надъ воритьмы, якъ разъ посередыни—на кружали выризана була чоловича пыка: ротъ—якъ у сома, очи кругли—якъ у совы, нисъ—якъ у кота, а волосся, зъ продиломъ посередыни—якъ у жинкы... Зъ усёго села збигалыся диты дывытысь на те прычудо—и велыкымъ дывомъ дывувалыся...

Въ одно лито непевне колысь дворыще, видоме кожному за пустку, зовсимъ переминылося. Страшне и прокляте, стало воно теперъ на вдывовыжу всимъ людямъ, лоскотало ихъ заздри очи, а ще заздрищи думкы... Якъ гляне иноди Мотря на свій плецъ, то и сама дывуется. Колысь пустка-хата—теперъ будынокъ; пустыня-горо́дъ—грядка квитокъ; гноище-двиръ—теперъ зеленый та чыстый, кругомъ облямованый коморамы, загородамы, сараемъ, хливцямы... Ажъ заплаче Мотря зъ радощивъ.

— Колысь якъ жылось... А теперъ?.. Слава тоби, Господы!

Чипка переставъ хлиба робыты, ставъ по ярмаркахъ йиздыты, полотна скуповуваты, та перепродуваты. Одъ ёго и пишлы въ Пискахъ полотенщыкы. До ёго нихто и не думавъ про це: винъ першый початокъ зробывъ.

Панасъ Мырный та Иванъ Билыкъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Очерки прошлаго и настоящаго черноморскаго побережья Кавказа.[1]

III.

Черноморскій курортъ безъ будущаго.

(г. Новороссійскъ съ окрестностями).

Причины, обусловливающія особый интересъ къ Новороссійску. Путь къ нему по желѣзной дорогѣ. Окрестности со стороны суши. Видъ на городъ и бухту. Внѣшній видъ порта и города; гостинницы, купальни. Исторія Новороссійска-города и черноморской губерніи. Положеніе г. Новороссійска по отношенію къ его губерніи. Исторія Новороссійска-порта. Вѣроятное будущее. Побережная желѣзная дорога. Минеральныя грязи. Климатическія условія. Нордъ-остъ или бора. Новороссійскъ и его окрестности, какъ климатическая станція. Причины и исторія распространенія виноградарства и винодѣлія и важное ихъ значеніе. Причины перемѣщенія центра виноградарства съ юга Побережья къ Новороссійску; даблари и маглари. Съѣзды виноградарей и винодѣловъ 1899 и 1900 г.; ихъ значеніе и результаты. Приморскія окрестности Новороссійска: дачный районъ Пеная и Кабардинка.

На Черноморское побережье Кавказа можно добраться изъ «Россіи» двумя путями: моремъ или по желѣзной дорогѣ. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ путникъ, желающій посѣтить Кавказское Черноморье, не можетъ миновать Новороссійска. Ѣдучи по желѣзной дорогѣ, онъ сворачиваетъ на Новороссійскъ отъ станціи Тихорѣцкой, чтобы оттуда двинуться въ Черноморье на лошадяхъ или пароходомъ. Направляясь туда же изъ Россіи мо-

---

[1]) См. Кіев. Стар. № 7—8.

ремъ, никто не минуетъ Новороссійска потому, что онъ является неизбѣжнымъ пунктомъ остановокъ всѣхъ пароходовъ,—все равно идутъ ли они круговымъ или даже прямымъ рейсомъ.

Такимъ образомъ для всѣхъ, пріѣзжающихъ на Черноморское побережье Кавказа, Новороссійскъ интересенъ уже, какъ неизбѣжный остановочный пунктъ, въ которомъ приходится провести кому нѣсколько дней, кому нѣсколько часовъ въ ожиданіи поѣзда или парохода, или же ради отдыха послѣ долгаго, утомительнаго пути, ради закупокъ въ дальнѣйшій путь, ради собранія необходимыхъ оріентировочныхъ свѣдѣній о болѣе интересныхъ поселеніяхъ кавказскаго Черноморья, о предстоящемъ пути по побережью.

Если, наконецъ, вы провели время въ одномъ изъ курортовъ минеральной группы и вамъ необходимо послѣ этого покупаться въ морѣ, ближайшее морское купанье вы найдете въ томъ же Новороссійскѣ, откуда вамъ ближайшій путь въ «Россію» пароходомъ на Крымъ или Одессу.

Изъ путеводителей по Кавказу вы прежде всего узнаете о Новороссійскѣ, что онъ извѣстенъ, какъ недавно устроенный, но уже выдающійся и соперничающій съ Одессою портъ, имѣющій чрезвычайно важное торговое значеніе и обладающій первоклассною бухтою (уступающею по значительному углубленію въ материкъ развѣ одной только севастопольской бухтѣ). Вы узнаете также, что климатъ его сравнительно теплый (лѣтомъ даже жаркій), что въ немъ имѣются хорошія морскія купальни, что окружающія его горы могутъ похвалиться замѣчательною чистотою воздуха, что вблизи его есть лиманъ съ цѣлебными грязями, а въ окрестностяхъ города имѣются многочисленныя хорошенькія усадьбы —даже въ красивой мѣстности надъ самымъ моремъ! Мало того, каждый путеводитель скажетъ вамъ о Новороссійскѣ, что это центръ виноградарства и винодѣлія, достигшихъ уже значительнаго развитія и славящихся весьма высокими сортами воздѣлываемыхъ винъ, что Новороссійскъ почти сплошь окруженъ прекрасными виноградниками и почти всѣ берега его обширной бухты покрыты многочисленными участками, занятыми подъ

высшія сельскохозяйственныя культуры. Словомъ, относительно Новороссійска выяснятся такія данныя, которыя дадутъ вамъ полное право смотрѣть на него, какъ на курортъ, гдѣ не только можно остановиться на короткое время, но и провести лѣто, полечиться и покупаться, а для желающихъ осѣсться на побережьѣ—обзавестись здѣсь культурнымъ участкомъ.

Таковъ интересъ, возбуждаемый Новороссійскомъ съ прилегающими къ нему окрестностями и дающій намъ право удѣлить нѣсколько страницъ описанію этого перваго этапа туристовъ кавказской ривьеры.

Морской путь къ нему уже описанъ неоднократно въ очеркахъ и путевыхъ замѣткахъ лицъ, совершавшихъ поѣздки на пароходахъ въ Сочи, Туапсе, Батумъ и другіе пункты Черноморскаго побережья Кавказа.

Скажемъ поэтому нѣсколько словъ о пути по желѣзной дорогѣ,—главнымъ образомъ для того, чтобы познакомить читателя съ окрестностями Новороссійска и внѣшнимъ видомъ его со стороны суши.

Желѣзнодорожный путь отъ станціи Тихорѣцкой къ Новороссійску не представляетъ особеннаго интереса. Только съ приближеніемъ къ его концу начинаютъ появляться холмистые отроги кавказскихъ горъ, въ значительной части покрытые уже вырубками и всякимъ молоднякомъ, вмѣсто прежняго вѣкового лѣса.

Мѣстами, на пологихъ склонахъ и въ долинахъ видны хлѣбныя нивы, около рѣчекъ зеленѣютъ сѣнокосы. Кое-гдѣ мелькнетъ козацкая станица съ маленькою церковью, запестрѣетъ пасущимся станичнымъ скотомъ оголенный отъ лѣса склонъ съ разставленными на немъ полѣнницами свѣжихъ дровъ и затѣмъ окрестные виды внезапно скроются за пустою зеленою стѣною придорожныхъ кустовъ. Но кусты кончаются вскорѣ—и опять холмы, пригорки, горы, и взоръ снова пытливо обращается вдоль въ тщетной надеждѣ увидать хотя начало главнаго кавказскаго хребта съ его снѣжными горами, хотя сознаніе и говоритъ, что, вѣроятно, до него еще далеко. А затѣмъ снова густая при-

дорожная поросль неожиданно и иногда надолго скрываетъ окрестности.

Вотъ горы стали какъ будто выше, горизонтъ сузился къ полотну дороги; вмѣсто прежнихъ зеленыхъ, взлохмоченныхъ древесною порослью, горъ, стали подступать каменистые отроги и обрывы. Они уже совсѣмъ близко и, вмѣсто прежнихъ кустовъ, по обѣ стороны поѣзда высятся стѣнами слоистыя громады, могучіе слои которыхъ иногда стоятъ почти вертикально. Онѣ параллельны дорогѣ, потому что проходъ для нея прорубленъ въ этой самой горѣ и изъ окна вагона видно, какъ въ одномъ мѣстѣ отвѣсныя каменныя громады соединяются надъ полотномъ въ непрерывную стѣну, внизу которой продѣлано сравнительно небольшое отверстіе для прохода поѣзда. Это—входъ въ тоннель. Этихъ тоннелей два на пути къ Новороссійску: въ одномъ поѣздъ проходитъ очень не долго, другимъ онъ идетъ нѣсколько минутъ.

При приближеніи къ первому изъ нихъ кондуктора уже зажгли вагонные фонари. Изъ окна вагона видно, какъ голова поѣзда какъ бы ныряетъ подъ нависшую надъ полотномъ дороги скалу и исчезаетъ въ сѣромъ мракѣ тоннельнаго отверстія. Тоннель быстро надвигается на нашъ вагонъ; изъ невольной боязни толкнуться обо что-нибудь головою, отодвигаешься отъ окна, и въ тотъ же моментъ темный мракъ охватываетъ васъ почти разомъ. Послѣ яркаго свѣта въ вагонѣ такъ темно, что видѣнъ только тусклый огонь фонаря; говоръ притихъ, и слышно лишь глухое, точно сдавленное, громыханіе непрерывно двигающагося поѣзда... Но вотъ онъ опять загромыхалъ впереди; вслѣдъ затѣмъ мы выскользнули изъ объятій мрака на свѣтъ Божій и всѣмъ какъ будто становится легче.

Еще нѣсколько верстъ, еще нѣсколько минутъ ожиданія—и изъ-за окрестъ толпящихся холмовъ и горъ показываются, наконецъ, вдали синія-синія, сверкающія подъ яркимъ солнцемъ воды огромной Новороссійской бухты въ томъ мѣстѣ, гдѣ она сливается съ такимъ же синимъ, такимъ же сверкающимъ, уходящимъ до горизонта моремъ. Новороссійскъ еще скрытъ за бли-

жайшими холмами, но вскорѣ, вмѣстѣ съ красивѣйшимъ видомъ на бухту, открываются и отдѣльные куски все еще отчасти скрытаго города въ видѣ разныхъ желѣзнодорожныхъ построекъ и нестройныхъ группъ неособенно взрачныхъ домовъ по склонамъ ближайшихъ холмовъ.

Небольшое зданіе вокзала, мизерный видъ прилегающихъ къ нему построекъ и въ особенности нанятая мною извощичья одноконная линейка сразу напоминаютъ мнѣ отдаленный, тоже приморскій Архангельскъ, производящій однако много лучшее впечатлѣніе своею внѣшностью, чистотою и шириною улицъ.

Чрезъ такъ называемый новый, или французскій городъ, минуя портъ, мы ѣдемъ по низменной набережной съ примыкающими къ ней огромными и многочисленными пристанями, эстокадою и конторами пароходныхъ обществъ, мимо огромнаго Цемесскаго болота, главнаго источника новороссійскихъ лихорадокъ. Съ набережной открывается видъ на старый городъ и на бухту. Воздвигнутый на оголенномъ западномъ берегу бухты, на почвахъ мѣлового отложенія, совершенно почти лишенный зелени, онъ весь залитъ горячими лучами солнца и издали производитъ первое впечатлѣніе почти безлюднаго города африканскихъ песчаныхъ пустынь, томящагося подъ зноемъ жаркаго солнца юга.

Въ городѣ душно, пыльно и жарко; термометръ въ тѣни показываетъ 31. Но за то изъ города—изъ гостиницы, гдѣ мы остановились, взоръ, минуя несчастныя мелкія лавчонки по ту сторону улицы, наслаждается прекраснымъ видомъ оживленной разнообразными судами бухты съ разбросанными подъ тѣмъ берегомъ на нижнемъ зеленомъ склонѣ Мархотхскаго хребта заводами, пирамидами клепки и разными постройками. Уходящій въ даль западнаго берега бухты прихотливо изгибающеюся зубчатою стѣною Мархотхскій хребетъ служитъ хорошимъ фономъ для картины бухты; но самъ онъ, увы, почти лишенъ лѣсной растительности, а травяная зелень его, несмотря на половину іюня, уже пожелтѣла отъ солнца! Только тамъ—вдали, за водами, у такъ называемаго Пеная, гдѣ по-надъ берегомъ и по

нижнимъ склонамъ хребта ютятся помѣщичьи усадьбы и дачи и зеленые виноградники, густая кайма зелени красиво выдѣляется надъ бѣлою каймою отвѣснаго берега бухты. Вдали за длинными бѣлыми молами синѣетъ и сверкаетъ на солнцѣ море, надъ которымъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ виднѣнъ дымокъ пароходовъ. По бухтѣ, блестя бѣлоснѣжными парусами, шныряютъ фелюги; отъ мола къ порту величаво размѣреннымъ ходомъ приближается къ такимъ же, стоящимъ у пристани, океанскій двухтрубный гигантъ, а ему на встрѣчу несется небольшой паровой катеръ.

Попавъ въ одну изъ рекомендованныхъ путеводителями гостинницъ, мы нашли, съ одной стороны, удобства, которыхъ уже не ожидали найти въ этомъ пыльномъ и непредставительномъ старомъ городѣ, а съ другой—и дороговизну, которой тоже не ожидали. Обѣдъ довольно вкусный, но порціи по размѣрамъ—не для хорошаго аппетита; за добавочный приборъ приплата въ 20 к.; всякіе напитки, покупаемые извнѣ, помимо гостинницы, облагаются пошлиною въ пользу послѣдней въ размѣрѣ добавочной доплаты до той цѣны, которая обозначена въ гостинничномъ прейсъ-курантѣ. Полубутылка нарзана, которую мы покупали въ Ростовѣ на Дону, въ клубѣ, за 20 коп. и которая такъ кстати въ этой жарѣ, здѣсь въ гостинницѣ оплачивается 25 к. по таксѣ, а въ нижнемъ этажѣ того же дома въ аптекарскомъ магазинѣ цѣна ея всегда 10 копѣекъ.

Въ воздухѣ душно, и каменныя стѣны домовъ накалены; жаръ стоитъ, какъ въ пеклѣ. Не успѣвъ разложиться, мы тотчасъ же надумали купаться. Ближайшія купальни—въ портѣ, гдѣ вода сильно загрязнена нечистотами, нефтяными остатками и т. п. отбросами. Кромѣ того она отчасти разбавлена тутъ и прѣсною водою рѣчки Цемесъ, протекающей черезъ Цемесское болото. Это купальни, въ которыхъ и раздѣваться и купаться приходится на виду публики, снующей по пристанямъ, такъ какъ раздѣвальни скрываютъ сидящихъ въ нихъ только со стороны набережной. При томъ мужская и женская купальня въ нѣсколькихъ

саженяхъ другъ отъ друга, и вблизи этихъ же мѣстъ купаютъ лошадей.

Намъ посовѣтовали отправиться въ купальни за молъ, гдѣ вода чище, купальни много благоустроеннѣе и одна изъ нихъ (г. Серафимовича), которую называли лучшею, даже съ номерами, душами, теплыми ваннами и ресторанომъ.

Но надъ Мархотхскимъ хребетомъ гремитъ громъ и заходитъ туча. Мы рѣшаемъ остаться, но насъ увѣряютъ, что это не страшно: дожди въ лѣтнюю пору рѣдки; и хотя теперь тучи собираются часто и громъ слышенъ нерѣдко, но это, къ общему сожалѣнію, «только стращаетъ»: Новороссійскъ въ лѣтнее время подолгу и тщетно ждетъ дождя. До купаленъ неизбѣжно нанять извозчика, потому что, не говоря уже о новомъ городѣ, даже отъ центра стараго города до купаленъ за молами довольно далеко, и въ такую невыносимую жару идти по ничѣмъ незатѣненнымъ улицамъ города не только утомительно, но почти невыносимо. Купальни оказываются устроенными хорошо, и ресторанъ при нихъ не плохъ и съ красивымъ видомъ на бухту, но дно бухты здѣсь крайне неудобное, благодаря изобилію большихъ и осклизлыхъ камней. Здѣсь освѣжающій нарзанъ уже 20 копѣекъ и, подавая его, лакей конфиденціальнымъ тономъ сообщаетъ, что это послѣдній «настоящій» нарзанъ въ городѣ: «по случаю сильныхъ жаровъ» нарзанъ вездѣ вышелъ и подъ видомъ нарзана продаютъ обыкновенную зельтерскую воду за повышенную цѣну.

Скажемъ однако нѣсколько словъ о Новороссійскѣ-городѣ и Новороссійскѣ-портѣ и объ исторіи ихъ происхожденія.

Новороссійскъ расположенъ на мѣстѣ бывшей турецкой крѣпости и порта Суджукъ-Кале, по берегамъ обширной Цемесской (прежде Суджукской) бухты. Въ тридцатыхъ годахъ только что истекшаго столѣтія, когда возникъ вопросъ о заселеніи казаками черноморскаго побережья въ стратегическихъ цѣляхъ, на берегахъ Суджукской бухты русскими впервые заложено было здѣсь такъ наз. Новороссійское укрѣпленіе. Высказывая свои соображенія по вопросу о необходимости заселенія черноморскаго побережья, командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса генералъ-

адьютантъ бар. Розенъ, въ донесеніи тогдашнему военному министру графу Чернышеву 22 января 1832 г., писалъ между прочамъ, что «бухты Суджукъ-Кальская и Геленджикская, при благопріятномъ для здоровья климатѣ, изобилуютъ хорошею водою, лѣсомъ и мѣстами для огородовъ, но при оныхъ и вообще по всему восточному берегу Чернаго моря на югъ отъ Анапы весьма мало пространствъ, удобныхъ для хлѣбопашества и даже сѣнокошенія; для людей же торговыхъ Суджукъ-Кале и Геленджикъ имѣютъ рѣшительное преимущество передъ Анапою по удобности портовъ своихъ, къ коимъ стекаются горцы даже изъ Кабарды».

Цѣль созданія этого укрѣпленія заключалась, какъ видно изъ другого донесенія того же бар. Розена, въ томъ, чтобы занятіемъ Суджукской бухты прекратить въ ней турецкую торговлю и тѣмъ произвести полезное для насъ вліяніе на ближайшихъ горцевъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ и имѣть станцію на имѣющемъ впослѣдствіи устроиться береговомъ сообщеніи между Анапою и укрѣпленіемъ Геледжикскимъ (основаннымъ въ 1831 г.).

Основаніе этому новому укрѣпленію положено было въ 1838 г., непосредственно на мѣстѣ бывшаго турецкаго укрѣпленія, лежавшаго по срединѣ западнаго берега бухты (гдѣ расположенъ теперь старый городъ) «на безлѣсной равнинѣ, имѣющей небольшую покатость къ морю» [1]) и состоявшую «изъ четвероугольника, коего валъ сохранилъ *достаточную высоту для укрѣпленія гарнизона отъ вѣтровъ*» (!!) и съ довольно глубокимъ рвомъ вокругъ.

Превратившійся затѣмъ изъ укрѣпленія въ небольшой городокъ Новороссійскъ-городъ былъ упраздненъ указомъ сената 31 марта 1860 года и вновь учрежденъ Положеніемъ 10 марта 1866 г. съ назначеніемъ его резиденціею управленія новообразованнымъ черноморскимъ округомъ. Наконецъ съ 23 мая 1896 г. Новороссійскъ является уже губернскимъ городомъ, центромъ административнаго управленія новообразованной черноморской губерніи.

---

[1]) Изъ рапорта того же бар. Розена 25 іюля 1835 г. графу Милорадовичу.

Губернія эта—самая оригинальная изъ всѣхъ губерній Россіи, какъ оригинально и положеніе ея административнаго центра—города Новороссійска. Представляя собою и по пространству (6426 квадр. верстъ) и по населенію (всего около 30 тысячъ городскихъ и сельскихъ жителей, кромѣ г. Новороссійска, въ которомъ столько же жителей, сколько во всей губерніи безъ него) самую маленькую изъ всѣхъ губерній, она, благодаря топографическимъ условіямъ даннаго района [1]) имѣетъ крайне растянутую фигуру. Ея длина 300 верстъ при ширинѣ въ самомъ широкомъ мѣстѣ— 50 верстъ, а въ наиболѣе узкомъ всего только три версты! И эти три версты ширины губерніи, какъ разъ около своего административнаго «центра», который и расположенъ какъ разъ на самомъ сѣверномъ *концѣ* ея, такъ что сама губернія лежитъ, такъ сказать, вдали отъ своего центра. Такое исключительное положеніе Новороссійска, какъ административнаго центра удаленной отъ него губерніи, при самомъ ея образованіи, осложнялось еще отсутствіемъ сухопутныхъ путей сообщенія по линіи главнаго протяженія губерніи: побережное, такъ наз. голодное шоссе, начатое генераломъ Анненковымъ въ 1891 г., хотя имѣлось уже, но безъ мостовъ на многихъ пересѣкающихъ его рѣкахъ. Оставалось сообщаться только моремъ. Но въ зимнее время Черное море такъ сильно бурлитъ, что, при отсутствіи удобныхъ стоянокъ, курсирующіе пароходы подолгу не могутъ высадить на берегъ своихъ пассажировъ. При такихъ условіяхъ чиновникъ, спѣшно командировавнный изъ центра въ дальній конецъ губерніи, могъ иногда прибыть на мѣсто назначенія лишь черезъ 2—3 недѣли по выѣздѣ изъ Новороссійска [2]).

---

[1]) Тянущійся параллельно берегу моря горный хребетъ изолируетъ побережье отъ прилегающихъ къ хребту населенныхъ мѣстностей.

[2]) И теперь шоссе съ мостами, черезъ многочисленныя рѣчки, впадающія въ море, доведено только до Макопсе (35 в. южнѣе Туапсе), далѣе на значительномъ пространствѣ совсѣмъ нѣтъ мостовъ, да и самое шоссе мѣстами прерывается (Русск. Вѣд. 1901 г. №№ 342. 344).

Меня очень, конечно, интересовали мотивы учрежденія такой оригинальной губерніи, при образованіи которой въ ней, какъ извѣстно, не было даже ни одного города, кромѣ Новороссійска, такъ что два посада (Сочи и Туапсе) пришлось тогда же переименовать въ города.

Вопросъ этотъ разъясняется вышедшею въ 1899 г. «Справочною книгою Черноморской губерніи», составленной по порученію черноморскаго губернатора старшимъ помощникомъ правителя его канцеляріи П. С. Леонтьевымъ и интересной въ томъ отношеніи, что она составляетъ первое общее описаніе названной губерніи— по оффиціальнымъ преимущественно источникамъ.

Внѣшняя, бумажно-канцелярская, такъ сказать, исторія этого вопроса выражается въ родѣ превращеній, которымъ подвергался интересующій насъ край въ отношеніи своего административнаго устройства,—превращеній, имѣвшихъ цѣлью скорѣйшее его «заселеніе и оживленіе». Превращенія быстро слѣдовали другъ за другомъ, но, къ сожалѣнію, положеніе края отъ этого весьма слабо улучшилось и сознаніе каждой такой неудачи вызывало къ жизни новый проектъ новаго превращенія, новой реорганизаціи административнаго устройства края, пока, наконецъ, онъ не былъ преобразованъ въ губернію.

Оказывается, что съ 1866 года г. Новороссійскъ считался административнымъ центромъ особаго черноморскаго округа, имѣя во главѣ управленія начальника округа съ правами и обязанностями губернаторовъ Закавказскаго края и опредѣленнымъ штатомъ служащихъ. При этомъ «сельское населеніе поручено было надзору «попечителей прибрежныхъ поселеній», число которыхъ штатомъ опредѣлено не было и зависѣло вполнѣ отъ успѣховъ заселенія края и усмотрѣнія намѣстника Кавказа.

Первый начальникъ округа, очевидно, придавалъ большое значеніе своей административной роли, потому что началъ устроять край путемъ предписаній,—таково, напр., его «*предписаніе* командиру тапсугскаго берегового баталіона *о принятіи мѣръ къ развитію въ округѣ промышленной дѣятельности*» [1]).

---

[1]) См. Кубанскія Войсковыя Вѣдомости 1867 г., № 28.

Вѣроятно такое бумажное отношеніе къ дѣлу составляло основную черту тогдашняго управленія краемъ, такъ какъ уже черезъ 8 лѣтъ, т. е. въ 1874 г., организація 1866 г. признана была неудовлетворяющей своей цѣли, составъ администраціи округа недостаточнымъ для его управленія и значительно поэтому увеличенъ. При этомъ для управленія на мѣстахъ Новороссійскимъ, Вельяминовскимъ и Сочинскимъ «отдѣлами» было опредѣлено по штату три «попечителя прибрежнихъ поселеній»,—по одному на каждый отдѣлъ. Затѣмъ въ 1888 г. самостоятельное управленіе Черноморскимъ округомъ признано было неотвѣчающимъ своей цѣли, и округъ переименованъ въ уѣздъ «съ присоединеніемъ его въ порядкѣ управленія къ Кубанской области», а начальнику его присвоены лишь права уѣзднаго исправника, при чемъ, конечно, сокращены и штаты служащихъ, а попечители поселеній замѣнены участковыми начальниками съ правами становыхъ приставовъ.

«Такая перемѣна въ административномъ устройствѣ края»—говорится въ помянутомъ оффиціальномъ изданіи—вызывалась, какъ надо думать, желаніемъ правительства поставить дѣло заселенія и оживленія Черноморскаго побережья на надлежащую высоту, каковое стремленіе замѣчается еще съ тѣхъ поръ, когда переселенцамъ въ Черноморскій округъ были даны первыя крупныя льготы».

И вотъ съ этою же цѣлью «заселенія и оживленія» края въ 1896 г. несамостоятельное уже управленіе уѣзда по иниціативѣ «особой коммиссіи по принятію мѣръ къ скорѣйшему заселенію побережья», состоявшей подъ предсѣдательствомъ «близко знакомаго съ побережьемъ» гофмейстера Н. С. Абазы, вновь преобразовано въ самостоятельное, подъ именемъ черноморской губерніи, съ соотвѣтственнымъ этому новому званію края штатомъ служащихъ, съ раздѣленіемъ ея на три округа съ уѣздными начальниками во главѣ. Содержаніе «личнаго состава новой губерніи исчислено по штату 23 мая 1896 г. (не считая содержанія чиновъ судебнаго вѣдомства) въ 72645 р. въ годъ», а размѣръ

вносимыхъ населеніемъ податей и земскихъ повинностей[1]) опредѣляется приблизительно въ 15000 р., изъ которыхъ въ 1898 г. въ недоимкѣ за населеніемъ было 18000 р. Съ послѣдующимъ увеличеніемъ населенія количество взимаемыхъ въ губерніи сборовъ должно, конечно, увеличиться.

«Такимъ образомъ 23 мая 1896 г.—говорится въ цитируемомъ изданіи—надо считать новой эрой Черноморскаго побережья, вступившаго въ такой фазисъ, какого она еще не переживала.

На сколько практична будетъ эта новая мѣра, «на сколько благопріятнымъ для края будетъ выдѣленіе его въ самостоятельную губернію»—говорится въ цитируемомъ оффиціальномъ изданіи—покажетъ будущее и сказать что-либо по данному вопросу теперь было бы слишкомъ преждевременно»... тѣмъ болѣе, что пока «опыты измѣненія штатовъ управленія округомъ не приводили къ желаннымъ результатамъ» [2]).

Пока же въ томъ самомъ оффиціальномъ изданіи констатируется, что, несмотря на выгодное географическое положеніе, богатую растительность, хорошій климатъ и удобство для разнообразныхъ высшихъ культуръ, черноморская губернія «въ тоже время представляетъ изъ себя край мало устроенный во многихъ отношеніяхъ»...

Но возвратимся къ Новороссійску. Еще въ 1887 г., когда Реклю выпустилъ въ свѣтъ VI томъ послѣдняго изъ изданій своего обширнаго труда «Земля и Люди», заключающій въ себѣ описаніе Кавказа, Новороссійскъ не вошелъ въ составленный имъ списокъ городовъ, имѣющихъ не менѣе 5000 душъ жителей; а въ 1899 г. въ немъ было уже около 30.000 населенія об. пола. Въ 1887 г. отпускъ хлѣбныхъ грузовъ достигалъ въ немъ только 7500 пуд., а въ 1895 г. возросъ уже до 37 милліоновъ пудовъ.

Чрезвычайный ростъ Новороссійска, какъ порта, начинается со времени проведенія къ нему Тихорѣцкой вѣтви Владикавказ-

---

[1]) Судя по даннымъ стр. 90—91 того же изданія

[2]) П. С. Леонтьевъ, Справ. кн. черн. губ., стр. 52.

ской желѣзной дороги, построившей здѣсь знаменитый новороссійскій элеваторъ съ электрическими двигателями, громадныя зернохранилища, амбары, склады, вмѣстимость которыхъ позволяетъ единовременно принимать свыше 10 милліоновъ пудовъ зерна. На средства той же дороги сооружено (кромѣ пристаней Русскаго Пароходнаго Общества) еще пять огромныхъ пристаней для причала судовъ и громадная эстокада для быстрой нагрузки зерна на приходящіе въ портъ суда, гдѣ, благодаря электрическому освѣщенію, нагрузка можетъ идти круглые сутки. Для храненія нефти и керосина желѣзная дорога устроила огромные резервуары почти на четыре милліона пудовъ и всѣ необходимыя приспособленія для эксплоатаціи этихъ продуктовъ. Большая часть этихъ огромныхъ сооруженій возведена въ періодъ между 1886 и 1892 г.г.; движеніе по Тихорѣцкой вѣтви Владикавказской желѣзной дороги открыто въ 1888 году. Предполагается, что при данномъ состояніи и объемѣ всѣхъ названныхъ сооруженій вывозъ грузовъ изъ порта можетъ быть доведенъ до 100 милліоновъ пудовъ въ годъ. Проведеніе желѣзнодорожной вѣтви отъ ст. Тихорѣцкой связало Новороссійскій портъ съ общею сѣтью русскихъ желѣзныхъ дорогъ и оттянуло такимъ образомъ отъ Одессы и другихъ черноморскихъ портовъ значительную часть хлѣбныхъ грузовъ изъ восточной части Евр. Россіи. Устройство громадныхъ зернохранилищъ и эстокады дало возможность не только принимать и удобно хранить эти грузы неограниченное время до прибытія иностранныхъ пароходовъ, но и быстро нагружать послѣдніе, задерживая ихъ въ портѣ лишь на самое короткое время, что значительно облегчало и ускоряло торговый обмѣнъ и сношенія съ заграницей. Все это въ совокупности—въ связи, конечно, съ наличностью обширной бухты и оборудованіемъ порта (огромныхъ моловъ и набережной)—и было причиною необыкновеннаго роста торговаго значенія Новороссійска—порта.

Пока строилась желѣзнодорожная линія, пока возводились всѣ эти по истинѣ гигантскія сооруженія, всѣ эти элеваторы, амбары, эстокады, цистерны и молы, Новороссійскъ привлекалъ

массу самаго разнообразнаго люда; онъ былъ полонъ жизни и движенія. И Новороссійскъ-городъ тоже росъ не по днямъ, а по часамъ. Все увеличивавшіеся въ числѣ, прибывавшіе изъ-за границы, суда, не пользуясь еще сполна услугами устроивавшихся элеваторныхъ башенъ и эстокадъ, грузились по просту при помощи ручного труда, требовавшаго наличности значительнаго количества рабочихъ. Поэтому суда задерживались здѣсь сравнительно подолгу и иностранные моряки сравнительно подолгу же засиживались въ Новороссійскѣ, тоже оставляя свои сбереженія въ его ресторанахъ и магазинахъ. Торговля шла бойко. Новороссійскъ привлекалъ все новыхъ и новыхъ засельщиковъ и самъ тоже застраивался и увеличивался въ размѣрахъ, мечтая о еще болѣе свѣтломъ будущемъ.

Но съ окончаніемъ устройства желѣзной дороги и порта, со всѣми его многочисленными и огромными сооруженіями, значительная часть пришлаго люда отхлынула изъ него въ разныя стороны, и осталось его теперь приблизительно ровно столько, сколько вызывается нуждами города-порта при наличности всѣхъ этихъ новыхъ приспособленій. Правда, иностранныхъ судовъ стало приходить еще болѣе, чѣмъ прежде, но они остаются въ портѣ лишь на самое короткое время—до окончанія нагрузки—и потому приходъ ихъ уже перестал веселить сердца новороссійскихъ рестораторовъ и торговцевъ. И вотъ въ то время, какъ значеніе Новороссійска-порта на Черномъ морѣ продолжало идти въ гору, быстро возникшій почти изъ ничего Новороссійскъ-городъ остановился въ своемъ быстромъ развитіи и даже впалъ въ нѣкоторое уныніе. Съ устройствомъ порта, между нимъ и вокзаломъ желѣзной дороги возникъ, такъ наз., «новый городъ». Это—вторая половина Новороссійска, примыкающая и къ порту, и къ вокзалу и къ району расположенія большого мѣстнаго цементнаго завода и обширныхъ учрежденій общества «Русскій Стандартъ», производящаго эксплоатацію нефти и выдѣлку изъ нея минеральныхъ маслъ въ широкихъ размѣрахъ. Этотъ новый городъ, болѣе при томъ благоустроенный сравнительно съ старымъ, въ торговомъ отношеніи, очевидно, расположенъ много

выгоднѣе перваго и является поэтому опаснымъ ему конкуррентомъ, несмотря на то, что за старымъ осталось значеніе административнаго центра, какъ средоточія главнѣйшихъ изъ мѣстныхъ административныхъ учрежденій.

Теперь будущее Новороссійска-города находится въ большой зависимости отъ рѣшенія вопроса о направленіи «черноморской» желѣзной дороги. Существуетъ нѣсколько проектовъ таковой, и самое выгодное изъ нихъ для Новороссійска—побережное, соединяющее Новороссійскъ съ уѣздными городами губерніи и далѣе съ Сухумомъ и Поти. Но бѣда для Новороссійска въ томъ, что проектируемая дорога должна обслуживать далеко не одинъ Новороссійскъ и что въ прилегающей части Кавказа есть мѣстности, гораздо болѣе нуждающіяся въ желѣзной дорогѣ, чѣмъ Новороссійскъ, и безъ того являющійся станціею одной изъ желѣзныхъ дорогъ,—хотя и конечною. Благодаря этому, существуетъ нѣсколько проектовъ различныхъ направленій новой дороги, изъ которыхъ только одинъ (побережный) имѣетъ въ виду проведеніе ея отъ Новороссійска. Это направленія: Армавиръ—Майкопъ—Туапсе; Станичная—Майкопъ—Туапсе; Екатеринодаръ—Ключевая—Туапсе, или Джубга; Абинская—Геленджикъ—Сухумъ и наконецъ: Энемъ (у Екатеринодара)—Туапсе—Сочи—Сухумъ—Очемчиры—Новонесаки, Закавк. ж. дороги. Одни изъ этихъ направленій выдвигаетъ, какъ болѣе ей выгодныя, владикавказская желѣзная дорога; другія выдвигаются въ интересахъ населенія прилегающей части Кавказа, напр., той части Кубанской области, которая, будучи отдѣлена отъ сообщенія съ моремъ побережными хребтами (Мархотхскимъ и др.) и вмѣстѣ съ тѣмъ удалена и отъ Тихорѣцкой вѣтви жел. дор., крайне затруднительна въ сбытѣ продуктовъ своей богатой природы. Ея населеніе нуждается въ улучшеніи условій сбыта продуктовъ его хозяйства, а это улучшеніе лучше всего можетъ быть достигнуто проведеніемъ линіи, соединяющей Тихорѣцкую вѣтвь съ моремъ чрезъ горный хребетъ съ выходомъ къ морю, хотя бы у одного изъ вышепоименованныхъ пунктовъ: у Туапсе или Джубги. Правда, что сами прибрежные жители, фактическіе и фиктивные владѣльцы знамени-

тыхъ культурныхъ участковъ, хозяева побережныхъ кокетливыхъ дачъ, наконецъ, всѣ вообще защитники идеи устройства «собственной русской Ривьеры» съ комфортабельными виллами и курзалами—а имъ нельзя отказать въ силѣ и вліяніи—горячо стоятъ за необходимость проведенія побережной линіи (отъ Новороссійска на Геленджикъ, Туапсе, Сочи, Сухумъ и до скрещенія съ Закавказской жел. дорогой). Но если признать, что затрата многихъ милліоновъ на устройство желѣзнодорожнаго сообщенія между курзалами и виллами «собственной Ривьеры», предназначенной исключительно для людей богатыхъ, является въ настоящую минуту большою роскошью, и если считаться съ нуждами населенія, болѣе значительнаго по численности и еще болѣе страдающаго отъ недостатка путей, чѣмъ побережное (имѣющее все-таки сообщеніе моремъ и могущее достроить и устроить хорошее шоссе берегомъ), то, разумѣется, Новороссійску не сдобровать. Не сдобровать потому, что всякое иное направленіе желѣзной дороги, кромѣ чисто побережнаго, нанесетъ тяжелый ударъ его нынѣшнему положенію. Вполнѣ понятно поэтому, почему одни только проникшіе въ Новороссійскъ въ началѣ прошлаго 1902 года слухи о томъ, что въ Петербургѣ состоялось рѣшеніе за проведеніе черноморской дороги съ Энема на Новосеноки произвели въ немъ настоящую панику, вслѣдствіе чего и безъ того уже начавшія понижаться цѣны на городскія имущества пали до крайняго минимума; а что будетъ, когда направленіе будетъ избрано, дѣйствительно минуя Новороссійскъ?

Но все это—вопросъ будущаго; скажемъ теперь о его настоящемъ.

Въ 3-хъ верстахъ отъ стараго города, на томъ же западномъ берегу бухты, около Суджукской косы, имѣется озеро съ минеральною грязью. Это бывшій лиманъ, отдѣленный невысокою пересыпью отъ моря, которое, при значительномъ прибоѣ, постоянно пополняетъ его морскою водою. Содержащаяся въ немъ грязь, перемѣшанная съ значительнымъ количествомъ песка, при средней толщинѣ около $^1/_4$ арш., залегаетъ неравномѣрно, содержитъ массу растеній и издаетъ сильный запахъ сѣроводорода.

Хотя Новороссійскъ и гордится до нѣкоторой степени обладаніемъ собственнымъ грязелѣчебнымъ лиманомъ, который стремятся въ настоящее время эксплоатировать съ лѣчебными цѣлями, но новѣйшіе изслѣдователи Черноморья—г.г. Воейковъ, Пастернацкій и Сергѣевъ—сильно развинчиваютъ лѣчебное его значеніе. По ихъ изслѣдованію, и съ точки зрѣнія гидрохимической, можно сказать, что въ данномъ мѣстѣ имѣются всѣ условія для образованія грязи, но только въ отдаленномъ будущемъ» [1]), и стремленіе эксплоатировать эти грязи съ лѣчебною цѣлью «едва ли осуществимо по причинѣ открытости мѣста нордъ-осту». По той же причинѣ, мѣшающей правильному и цѣлесообразному примѣненію грязевыхъ ваннъ, примѣненіе этого способа лѣченія въ Новороссійскѣ можетъ имѣть лишь мѣстное значеніе, но не для пріѣзжихъ больныхъ».

Упомянувъ о новороссійскомъ нордъ-остѣ, нельзя не остановиться на немъ съ нѣкоторою подробностью. Въ предыдущемъ изложеніи внимательный читатель, вѣроятно, уже замѣтилъ, что одинъ изъ военныхъ людей тридцатыхъ годовъ, настаивая на устройствѣ Новороссійскаго укрѣпленія на мѣстѣ турецкой крѣпости Суджукъ-Кале, характеризовалъ высоту ея крѣпостного вала съ точки зрѣнія способности укрыть гарнизонъ не отъ вооруженнаго непріятеля, а отъ вѣтровъ! Это очень характерно именно для Новороссійска.

Когда вы пріѣдете въ Новороссійскъ, «вамъ надоѣдятъ разсказами о нордъ-остѣ», совершенно справедливо замѣтилъ одинъ изъ изслѣдователей черноморскаго побережья. Но нельзя и винить новороссійцевъ въ такой надоѣдливости, потому что вѣтры съ направленіемъ нордъ-остъ, извѣстные у ученыхъ подъ именемъ боры, составляютъ главный и тяжелый бичъ Новороссійска. А что у кого болитъ, тотъ вѣдь о томъ и говоритъ [2])!

---

[1]) «Черноморское побережье» Спб. 1899 г. Отдѣльн. оттискъ изъ «Трудовъ Всеросс. съѣзда дѣятелей по климатол., гидрол. и бальнеологіи», т. I, стр. 17.

[2]) Если и мнѣ мѣстами приходится повторить здѣсь о нордъ-остѣ то, что говорилось о немъ въ предыдущей главѣ, то единственно по-

Настоящая сильная бора, обыкновенно бывающая зимою, дуетъ со скоростью не менѣе 20 метровъ въ секунду, но достигаетъ иногда даже до 40 и—что еще хуже—дуетъ порывами, при чемъ сила отдѣльныхъ ударовъ вѣтра бываетъ еще выше приведенныхъ показаній анемометра, представляющихъ собственно среднюю за нѣсколько минутъ [1]). Съ появленіемъ сильной боры, «жизнь въ городѣ какъ бы замираетъ, движеніе по улицамъ прекращается, магазины и дома запираются» [2]); при сильныхъ морозахъ, нерѣдко сопровождающихъ бору зимою, летящіе въ воздухѣ брызги въ нѣсколько минутъ обледеняютъ платье, которое быстро примерзаетъ къ тѣлу. «При очень сильной борѣ, суда [3]) не могутъ заходить въ портъ противъ вѣтра; двигаться по улицамъ невозможно иначе, какъ на четверинкахъ; вѣтеръ подымаетъ и несетъ крупную гальку». Въ Тріестѣ, гдѣ бора бываетъ еще сильнѣе, по нѣкоторымъ улицамъ протянуты веревки, за которыя во время боры держатся, проходя по нимъ, но новороссійцы, очевидно, считаютъ это излишнею роскошью. Мнѣ разсказывали, будто-бы въ нѣкоторыхъ открытыхъ нордъ-осту каменныхъ домахъ съ недостаточно толстыми стѣнами сильная бора зимою врывается въ комнату чрезъ эти стѣны такою холодной струею, что у человѣка сидящаго, близъ топящагося камина зябнетъ спина сквозь надѣтую шубу въ то время, какъ лицо и руки «горятъ» отъ жары камина.

Сильный нордъ-остъ, такъ сказ., взрываетъ поверхность бухты, превращая ее въ непрерывно движущуюся подъ его давленіемъ цѣлую стѣну брызгъ въ сажени двѣ и болѣе высоты. И брызги эти, замерзая въ воздухѣ, «несутся версты на двѣ до города», при чемъ въ буквальномъ смыслѣ облѣпляютъ дома, покрывая ихъ и стоящія въ бухтѣ суда толстымъ ледянымъ слоемъ, что

тому, что сила ихъ въ Геленджикѣ и Новороссійскѣ (а слѣдовательно и значеніе) неодинаковы.

[1]) Черном. побережье, стр. 49.

[2]) Тамъ же, стр. 130.

[3]) Подразумѣвается—даже паровыя!

нерѣдко было причиною гибели судовъ въ самой бухтѣ. Всѣмъ памятенъ, конечно, произведенный борою въ декабрѣ 1899 г. ледяной штормъ, о которомъ тогда писали во всѣхъ газетахъ и отъ котораго потерпѣло аварію нѣсколько судовъ въ Новороссійской бухтѣ и въ томъ числѣ «громадный» пароходъ Русскаго Общества «Игорь». Во время шторма онъ стоялъ на двухъ якоряхъ подъ парами; когда вѣтеръ сорвалъ его съ якорей, то несмотря на тотчасъ же данный пароходу полный ходъ впередъ, онъ «на полномъ ходу» былъ отнесенъ вѣтромъ назадъ и выброшенъ на мель у набережной. Брызги, цѣлыми тучами срываемыя вѣтромъ съ поверхности моря, попадая на снасти парохода и превращаясь въ ледъ подъ вліяніемъ температуры—14 по Реомюру, быстро образовали на немъ толстую ледяную кору, превратившую огромный пароходъ съ трубами и мачтами въ гигантскую безформенную массу льда. Команда съ пассажирами около 35 чел. спаслась только благодаря энергіи капитана и подоспѣвшей энергичной помощи съ берега.

Но это не первый случай столь сильной боры. Бывали и раньше случаи столь сильнаго нордъ-оста, что стоящіе въ бухтѣ суда выбрасывало на берегъ, какъ это было, напр., съ четырьмя изъ 7 судовъ эскадры адмирала Юрьева въ знаменитую бурю 13 января 1848 г. Тогда, между прочимъ, военный тендеръ «Струя», покрытый ледяною корою отъ морскихъ брызгъ, потонулъ въ бухтѣ со всѣмъ экипажемъ, несмотря на всѣ усилія команды очищать накопляющійся ледъ отъ корпуса судна. Всѣ попытки подать помощь съ берега были тщетны: команды, посланныя къ берегу, *не могли идти противъ вѣтра; людей несло вѣтромъ и кто не падалъ на землю, могъ быть разбитъ, наброшенный на дерево или строеніе*[1]).

---

[1]) Интересныя подробности о борѣ и ея происхожденіи можно найти въ энциклоп. словарѣ Брокгауза (т. IV); въ «Живописной Россіи», т. IX, статья Г. Радде; въ книгѣ Карльгофа: «Военностатистич. Обозрѣніе Вост. берега Чернаго моря» и въ помянутой работѣ г.г. Воейкова и др., стр. 45—49 и 130.

Такимъ образомъ эта красивая, глубокая, обширная и, казалось бы, такъ хорошо защищенная отъ вѣтровъ горами бухта является далеко не безопасною, а иногда и безусловно опасною для судовъ въ зимнее время. И причиною этого являются, въ извѣстной степени, эти самыя, повидимому защищающія ее, горы! Дѣло въ томъ, что бора появляется тогда, когда на сѣверѣ отъ Кавказа давленіе выше, чѣмъ на Черномъ морѣ. В. и СВ. вѣтры усиливаются въ степяхъ Кубанской области, затѣмъ на гребняхъ горъ, отдѣляющихъ отъ нея Новороссійскъ, и наконецъ уже на склонахъ къ Черному морю, гдѣ какъ разъ они достигаютъ наибольшей скорости и силы. И это потому, что на склонахъ къ морю между гребнями горъ и берегомъ бухты устанавливается неустойчивое равновѣсіе воздуха въ вертикальномъ направленіи, такъ какъ воздухъ надъ моремъ значительно теплѣе, чѣмъ на горахъ (вслѣдствіе чего нижній—болѣе теплый воздухъ имѣетъ стремленіе подыматься вверхъ—и наоборотъ). Благодаря этому достигшій гребня горъ и безъ того уже сильный вѣтеръ спускается съ нихъ въ бухту съ силою настоящаго урагана, или, какъ говорятъ моряки, «воздушнаго водопада». Слѣдовательно, не будь этихъ горъ, сила боры была бы вѣроятно нѣсколько меньше и бухта безопаснѣе для зимнихъ остановокъ судовъ.

Для изученія боры въ Новороссійскѣ, на берегу бухты и на гребнѣ Мархотхскаго хребта возведены особыя станціи, снабженныя необходимыми инструментами, самопишущими приборами и т. п. При первомъ же осмотрѣ Новороссійска съ его окрестностями, не зная еще о существованіи станцій, я невольно обратилъ вниманіе на одиноко стоящее зданіе на голомъ гребнѣ хребта. Изъ города оно представлялось совсѣмъ маленькимъ и было замѣтно только потому, что одиноко вырисовывалось на лазури неба. Казалось страннымъ, что нашелся человѣкъ, пожелавшій поселиться вдали отъ города на такой доступной всѣмъ вѣтрамъ выси. Но это и была верхняя станція. И впослѣдствіи для меня выяснилось, что избранное для нея мѣсто, кромѣ пригодности для наблюденій, къ удивленію, отличается еще особенно здоровыми климатическими условіями, сравнительно съ климатомъ

окрестностей Новороссійска, не говоря уже о самомъ городѣ. И это несмотря даже на то, что тамъ на гребнѣ крупный дождь, приносимый сильнымъ вѣтромъ съ моря (въ общемъ однако менѣе сильнымъ, чѣмъ бора) пробиваетъ иногда насквозь деревянную стѣну станціи, которую пришлось даже поэтому обить желѣзомъ [1]).

Другая—нижняя станція восточнаго берега тоже видна изъ города. Наличность двухъ станцій, расположенныхъ на разныхъ высотахъ, даетъ возможность наблюдать, при помощи расположенныхъ на нихъ самопишущихъ приборовъ, разницу въ силѣ и быстротѣ вѣтра въ моментъ спуска его съ высотъ и въ моментъ, когда онъ почти достигаетъ уровня моря.

Весьма оригинально истолковано было мнѣ однимъ изъ мѣстныхъ простолюдиновъ это на первый взглядъ столь странное по своей близости сосѣдство двухъ метеорологическихъ станцій. Съ своей чисто практической точки зрѣнія, онъ понялъ это такъ, что «станціи эти—отъ вѣтра, что нордъ-остомъ называется». Верхняя караулитъ нордъ-остъ и какъ онъ начнетъ подходить, сейчасъ она и даетъ нижней знать по телефону. А въ нижней сейчасъ же барышня и печатаетъ объявленіе на весь городъ, чтобы жители знали и опасались»...

Я догадался спросить, читалъ ли онъ самъ подобныя объявленія, но оказалось, что разсказчикъ неграмотенъ и, по его словамъ, читать ему ихъ «небыло надобности: объявленіе она напечатаетъ и пошлетъ въ городъ къ начальству, а оно ужъ тамъ само и безъ насъ знаетъ, какъ надо на счетъ этого распорядиться».

Три упомянутые выше ученые изслѣдователя Черноморья находятъ климатъ на Мархотхскомъ перевалѣ, гдѣ стоитъ верхняя станція, настолько благопріятнымъ для здоровья человѣка въ лѣтніе и ранніе осенніе мѣсяцы, что прилегающая къ станціи мѣстность признается ими *весьма* пригодною для *лѣтней* климатической станціи. Положеніе такой станціи, еслибы она была устроена, облегчалось бы еще близостью къ шоссе на Екатери-

1) Черном. побережье, стр. 46.

нодаръ (всего двѣ версты) и къ сосѣдней Неберджаевской станицѣ, откуда можно сравнительно легко и недорого доставать пищевые продукты[1]). Наоборотъ, самъ городъ съ его остальными окрестностями, по мнѣнію тѣхъ же изслѣдователей, едва ли можетъ быть «когда нибудь» рекомендованъ, какъ климатическая станція, даже и въ случаѣ окончательной засыпки Цемесскаго болота. И это несмотря на то, что по своей природѣ и климату данная мѣстность считается сходною съ южною частью Крыма— окрестности Судака и Ѳеодосіи, Балаклавы и Севастополя. Главная причина (помимо, конечно, загрязненія самого города и порта) опять тотъ же злосчастный нордъ-остъ, могущій вредно повліять на состояніе здоровья людей слабогрудыхъ. Лишая больныхъ, нерѣдко надолго, возможности пользоваться воздухомъ, такъ какъ сильный нордъ-остъ иногда дуетъ зимою по недѣлѣ, онъ, кромѣ того, понижаетъ (зимою) температуру и способствуетъ такимъ образомъ простудѣ, появленію кровохарканія и т. п. На нервныхъ же людей наводитъ чувство унынія, тоски и страха. Люди, страдающіе тяжкими сердечными недугами, иногда умираютъ во время нордъ-оста почти внезапно[2]).

Лѣтомъ нордъ-остъ дуетъ сравнительно рѣже, непродолжительно и далеко не бываетъ такъ силенъ, какъ зимою. Но за то онъ отличается сухостью и дѣйствуетъ на растительность изсушающимъ образомъ: «тамъ, гдѣ прошла бора, растительность рѣзко измѣняется: завязи плодовъ сваливаются, листья свертываются и желтѣютъ, хлѣбныя поля засыхаютъ».

Кромѣ того, лѣтомъ бора бываетъ все-таки же настолько силенъ, что сбиваетъ съ деревьевъ не только цвѣтъ, но и спѣлые и недоспѣлые фрукты. Губительное вліяніе боры сказывается на растеніяхъ окрестностей Новороссійска въ ихъ низкорослости, корявости, изогнутости къ землѣ, недостаточности развитія вѣтвей и т. п. уродствахъ, появленію которыхъ отчасти способствуютъ однако и почвы мѣловыхъ образованій.

---

[1]) Черноморское побережье, стр. 46.

[2]) Тамъ же, стр. 30.

Бора не приноситъ вреда только винограду, разводимому здѣсь такою же низкой подрѣзкой, какъ и въ Крыму; остальныя же климатическія условія, какъ и почвенныя, только въ высшей мѣрѣ благопріятствуютъ разведенію лучшихъ его сортовъ. Окрестности Новороссійска извѣстны изобиліемъ виноградниковъ, но, благодаря тому же нордъ-осту, «мѣста эти при чахлой древесной растительности совершенно не пригодны для леченія въ нихъ виноградомъ» [1]). На упомянутомъ уже Пенаѣ—по шоссе на Сухумъ—подъ виноградники заняты почти всѣ нижніе склоны горъ верстъ на 20 отъ Новороссійска—почти до с. Кабардинки.

Говоря о Новороссійскѣ съ его окрестностями, нельзя не удѣлить мѣста виноградарству,—иначе это было бы все равно, что умолчать о его первоклассной бухтѣ съ знаменитымъ портомъ и крупнѣйшимъ въ Россіи элеваторомъ, или же позабыть о нордъ-остѣ. О значеніи виноградарства въ данномъ районѣ можно судить хотя бы по тому, что подъ такъ называемые культурные участки, которые и занимаются здѣсь съ преимущественною цѣлью разведенія винограда, казною роздано здѣсь свыше 900 десятинъ [2]) (и вблизи, кажется, не осталось уже болѣе казенныхъ земель, пригодныхъ для этой цѣли). А весною 1899 г. проектировалась еще раздача исключительно подъ виноградники шестисотъ десятинъ [3]) выгонныхъ земель отъ города Новороссійска, какъ мѣстнымъ обывателямъ, такъ и всѣмъ, кто пожелаетъ, въ потомственное владѣніе небольшими участками и за самую небольшую плату [4]) на условіяхъ, выработанныхъ городскою думою г. Новороссійска [5]).

---

1) Черн. побер., стр. 129.

2) Капгеръ С. П. „Объ учрежденіи Общества виноградарей и винодѣловъ Новороссійскаго округа“—Труды съѣзда виноградовладѣльцевъ и виноградарей черноморской губ. въ Новороссійскѣ въ 1899 г. Культурные участки эти раздавались по закону 1866 г. на основаніи устава о сельск. хоз. и затѣмъ по особому закону 1896 г.

3) Тамъ же.

4) С. Е. Кривошеевъ: «Объ учрежденіи въ Новороссійскѣ правительственнаго подвала»—труды того же съѣзда 1899 г.

5) См. Труды того же съѣзда 1899 г. докладъ Л. Л. Быча и приложенный къ нему проектъ думской коммиссіи по этому вопросу.

Разведеніе на кавказскомъ берегу Чернаго моря виноградниковъ по мѣстнымъ преданіямъ приписывается генуэзцамъ и грекамъ, имѣвшимъ здѣсь свои торговыя факторіи до половины XV вѣка[1]). По изслѣдованію И. Н. Клингена[2]) «всѣ древніе культурные народы, населявшіе морской берегъ восточнаго побережья, воздѣлывали виноградную лозу и приготовляли изъ нея вино». Горцы, по всей вѣроятности, заимствовали это искусство отъ генуэзцевъ и грековъ и продолжали потреблять виноградное вино до 16 столѣтія, когда между ними постепенно стало распространяться магометанство. Это нѣсколько уменьшило, но не уничтожило воздѣлываніе ими виноградной лозы, благодаря тому, что у новыхъ магометанъ остались еще многіе старые христіанскіе обычаи. Въ послѣдніе 30—40 лѣтъ, передъ окончаніемъ кавказской войны, горцы употребляли уже только неперебродившій виноградный сокъ и бузу (родъ пива изъ проса съ медомъ), а въ самое послѣднее время стали разводить столовые сорта виноградной лозы.

Полоса горскихъ виноградниковъ съ перерывами тянулась почти по всему побережью и, главнымъ образомъ, именно въ приморской полосѣ на нѣсколько верстъ отъ берега. Однако, распространеніе этой виноградной полосы не шло у горцевъ сѣвернѣе окрестностей Аше (близъ Туапсе), при чемъ наибольшимъ распространеніемъ виноградарства извѣстенъ былъ нынѣшній Сочинскій округъ. Такимъ образомъ нынѣшній Новороссійскій округъ лежалъ внѣ сферы горскаго виноградарства и винодѣлія, которыя получили здѣсь начало лишь въ позднѣйшее время и успѣли тѣмъ не менѣе достигнуть количественно гораздо большого рас-

---

Началась ли эта раздача городскихъ земель подъ виноградники, я, къ сожалѣнію, не знаю. Труды съѣзда изданы Департаментомъ земледѣлія, а пріобрѣсть ихъ, кажется всего удобнѣе обратившись въ Новороссійскъ къ правит. агроному Сергѣю Ив. Кангеру.

[1]) См. „Очерки винодѣлія Кавказа“ въ „Сборникѣ свѣдѣній о Кавказѣ“ т. III, 1875 г.

[2]) Основы хозяйства въ Сочинск. округѣ, стр. 55.

пространенія, чѣмъ теперь въ томъ же Сочинскомъ округѣ. По послѣднимъ оффиціальнымъ даннымъ[1]) въ Новороссійскомъ округѣ занято уже было къ 1899 г. подъ виноградники 730 дес., въ Сочинскомъ же—283 и въ Туапсинскомъ—60. Таково количественное распространеніе виноградарства теперь, спустя 30 лѣтъ по занятіи русскими Кавказскаго края, когда центромъ виноградарства былъ наиболѣе южный Сочинскій округъ, славившійся своими прекрасными виноградными винами. Съ тѣхъ поръ тамъ «всѣ вновь заведенные виноградники, даже въ самыхъ передовыхъ хозяйствахъ, руководимые опытными и несомнѣнно знающими виноградарями, или погибли, или, какъ у Хлудова (около Сочи), даютъ вина весьма слабыя и самаго сомнительнаго достоинства»[2]). Тѣмъ же временемъ сталъ входить въ славу своими винами сравнительно болѣе сѣверный районъ отъ Аше до Туапсе (вина бар. Штейнгеля, также Сибирякова и др.) и «превосходныя винодѣльческія хозяйства» окрестностей Новороссійска съ удѣльнымъ имѣніемъ Абрау во главѣ.

Такое сравнительно быстрое и на первый взглядъ трудно объяснимое перемѣщеніе центра тяжести виноградарства и винодѣлія изъ теплыхъ субтропическихъ и почти субтропическихъ странъ въ сравнительно болѣе холодныя, изъ исконной страны греческаго, генуэзскаго и горскаго виноградарства туда, гдѣ его раньше и совсѣмъ, повидимому, не было, весьма правдоподобно объяняется И. Н. Клингеномъ въ цитированной уже выше брошюрѣ его. Система культуры винограда горцами (маглари), при которой позволялось лозѣ свободно виться вокругъ живой растущей подставы (ближайшихъ)деревьевъ на глубокихъ черноземноглинистыхъ почвахъ, при самой неглубокой посадкѣ, давали прекрасные результаты, какихъ она никогда не могла бы дать на сѣверныхъ каменистыхъ грунтахъ съ весьма мелкой и вязкой мергелистой почвой, да еще при засушливомъ климатѣ въ лѣтнее время, гдѣ лѣтній нордъ-остъ ожи-

1) П. С. Леонтьевъ. Справочн. книга черн. губ. на 1899 г., стр. 146.

2) Клингенъ И. Н. Основы хозяйства въ Сочинск. окр., стр. 107.

гаетъ виноградники. Этимъ и можно объяснить отсутствіе виноградарства у горцевъ, жившихъ въ нынѣшнемъ Новороссійскомъ округѣ, почвенныя и климатическія условія котораго требовали непривычнаго горцамъ разведенія винограда по способу Даблари— съ глубокой посадкой и низкой обрѣзкой.—Пришлые же русскіе люди, игнорируя драгоцѣнные опыты вѣковой горской культуры (несмотря на то, что они мѣстами застали горскіе виноградники нетронутыми и неразоренными), стали разводить виноградъ и на сѣверѣ и на югѣ (съ предпочтеніемъ при томъ непригодныхъ европейскихъ скороспѣлыхъ сортовъ) по одной и той же системѣ Даблари, которая, естественно, дала отрицательные результаты на югѣ и прекрасно привилась на сѣверѣ [1]).

Въ первое время однимъ изъ важнѣйшихъ препятствій развитію виноградарства являлась, при недостаткѣ въ краѣ людей со средствами,дороговизна подготовки мѣстной почвы и гадательность пользы отъ виноградныхъ насажденій. Съ цѣлью содѣйствія виноградарству и плодоводству, администраціею округа выработаны были (одобренныя намѣстникомъ Кавказа въ 1874 г.) особыя правила для отвода городскихъ и поселенскихъ земель подъ сады и виноградники въ потомственное пользованіе съ уплатою по 3 р. съ дес. ежегоднаго оброка. Большинство виноградниковъ, изъ числа имѣющихся нынѣ на городской землѣ, и были заложены въ первое десятилѣтіе существованія Черноморскаго округа, но затѣмъ дальнѣйшее развитіе виноградарства на городскихъ земляхъ было пріостановлено. Произошло это вслѣдствіе того, что администрація округа нашла выработанныя ею же правила раздачи земель непригодными и впредь до ихъ пересмотра прекратила раздачу участковъ. Городскія дѣла вѣдались въ то время полиціею (городского самоуправленія не было) при участіи двухъ депутатовъ, избираемыхъ собраніемъ горожанъ. Такого рода городское управленіе «находилось подъ самой полной административной опекой и было лишено всякой самостоятельности и иниціативы. Поло-

---

[1]) Основы хозяйства въ Сочинскомъ округѣ, стр. 72—73, стр. 107—112.

женіе бывшаго городского управленія особенно ухудшилось съ упраздненіемъ Черноморскаго округа, какъ самостоятельной единицы, и присоединенія его въ административномъ отношеніи къ Кубанской области. Въ дѣлѣ развитія виноградарства опека областной администраціи имѣла результатомъ то, что съ 1887 г. по 1896 г.г. изъ городской земли не было отведено подъ виноградники ни одной десятины»[1]). Наконецъ въ 1896 г. въ Новороссійскѣ открываетъ свои дѣйствія образованное по городовому положенію 1892 г. городское управленіе, а въ 1899 г. имъ вырабатывается извѣстный уже читателю проектъ раздачи подъ виноградники 600 дес. городской земли.

Но виноградники могли устраиваться не только па городскихъ земляхъ. «Положеніемъ» 1866 г. «о заселеніи Черноморскаго округа и управленіи онымъ» предоставлено было тѣмъ изъ переселенцевъ, которые пожелаютъ получить земли для разведенія на нихъ виноградныхъ садовъ, тутовыхъ рощъ, разныхъ сельскохозяйственныхъ, мануфактурныхъ и торговыхъ растеній, или же пріобрѣсти въ собственность участки,—въ первомъ случаѣ получать земли на основаніи правилъ, существующихъ для закавказскаго края, а въ послѣднемъ—они должны были «подчиняться общимъ законамъ». При этомъ право пріобрѣтать земли въ частную собственность или въ пользованіе для разведенія сельскохозяйственныхъ и др. растеній предоставлено было и тѣмъ лицамъ, которыя даже не водворились въ Черноморскихъ побережьяхъ. При распредѣленіи земель, предназначенныхъ къ продажѣ[2]), допускалось въ сущности только одно существенное, но крайне неопредѣленно выраженное ограниченіе о недопущеніи «перехода оныхъ чрезмѣрно большими пространствами въ однѣ руки» и по возможности съ недопущеніемъ черезполосицы. Часть этихъ зе-

---

[1]) См. помянутый докладъ Л. Л. Быча.

[2]) Само собою разумѣется, казенныхъ, такъ какъ послѣ завоеванія Кавказа всѣ завоеванныя земли стали собственностью государства и иныхъ земель, кромѣ казенныхъ,—по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ черноморской губ., не было.

мель, конечно, поступила тоже подъ виноградники. Затѣмъ въ 1896 г. издано было особое Положеніе «объ основаніяхъ отвода частнымъ лицамъ казенныхъ земель въ окрестностяхъ г. Новороссійска», распространенное затѣмъ въ томъ же 1896 г. и на казенныя земли въ окрестностяхъ городовъ Сочи и Туапсе, «въ пользованіе, для разведенія виноградниковъ, фруктовыхъ, тутовыхъ рощъ и иныхъ цѣнныхъ насажденій, на пятилѣтній срокъ съ правомъ пріобрѣтенія участка въ собственность [1]). Само собою понятно, что эта мѣра тоже до извѣстной степени способствовала расширенію пространствъ, занятыхъ подъ виноградники.

Піонерами разведенія виноградниковъ въ окрестностяхъ Новороссійска явились: бывшій попечитель прибрежныхъ поселеній М. Ф. Пенчулъ, насадившій виноградный садъ въ 1869 г. въ урочищѣ Мысхако, агрономъ Ѳ. И. Гейдукъ и новороссійскіе мѣщане г.г. Генжа, Ткаченко, Петровъ и др. Въ 1874 г. было насаждено около 2 дес. виноградника удѣльнымъ вѣдомствомъ въ имѣніи Абрау недалеко отъ Новороссійска, въ которомъ теперь подъ виноградниками 170 дес. и которое съ 1882 г. по 1898 г. отпустило въ сосѣднія губерніи 3 милліона чубуковъ.

Первоначально виноградарство двигалось очень тихими шагами — до начала девятидесятыхъ годовъ, пока здѣсь процвѣтало требовавшее сравнительно весьма мало затратъ табаководство, приносившее при томъ же доходъ въ первый же годъ разведенія табака. Первымъ замѣтнымъ толчкомъ къ поступательному его движенію впередъ была Ялтинская выставка 1881 г., на которой ясно опредѣлились прекрасныя качества лишь съ мѣстныхъ виноградниковъ. А затѣмъ, когда сократился сбытъ табаку и послѣдовало паденіе табаководства, виноградарство двинулось впередъ уже весьма замѣтными шагами; вмѣстѣ съ тѣмъ оно неизбѣжно обратило на себя и вниманіе крестьянскаго населенія, занимавшагося

---

[1]) Подлинный полный текстъ обоихъ положеній приведенъ въ цитиров. книгѣ П. С. Леонтьева, гдѣ и можно познакомиться съ условіями пріобрѣтенія культурныхъ участковъ, правилами пользованія на нихъ водою и производства посадокъ.

до этого времени табаководствомъ. Этому подъему помогло, конечно, и общее развитіе торговопромышленной жизни, съ проведеніемъ къ Новороссійску желѣзной дороги, и связанный съ этимъ явленіемъ наплывъ новыхъ людей, средствъ и рабочихъ рукъ [1]). При этомъ, параллельно подъему виноградарства въ этой мѣстности, происходило въ окрестностяхъ Новороссійска обратное движеніе въ садоводствѣ, такъ какъ къ этому времени окончательно выяснилось, что садоводство, которое, какъ и табаководство, на первыхъ порахъ предпочли виноградарству, по мѣстнымъ условіямъ далеко не имѣетъ такихъ шансовъ на успѣхъ, какъ послѣднее.

Теперь виноградарствомъ занимаются уже и въ крестьянской средѣ (т. е. бывшіе кубанцы и вольные засельщики), но далеко и далеко не всѣ, конечно. Главнымъ тормазомъ этому служитъ прежде всего дороговизна обзаведенія виноградникомъ; стоимость десятины плантаціи колеблется въ новороссійско-туапсинскомъ районѣ [2]) между 850—1500 р., въ общемъ же стоимость одной десятины виноградника до полнаго плодоношенія обходится отъ 150 до 3000 р., конечно, при употребленіи наемнаго труда. Правда, разрабатывая землю подъ виноградникъ постепенно собственными руками, крестьянинъ можетъ обзавестись имъ, хотя и не безъ большого труда, по крайней мѣрѣ, съ значительнымъ сокращеніемъ расходовъ противъ показаннаго. Но другимъ важнымъ препятствіемъ является тутъ невозможность скораго полученія дохода, такъ какъ виноградникъ не даетъ его такъ скоро, какъ табакъ; а до этого времени необходимо имѣть какіе-нибудь другіе, достаточные для существованія доходы [3]).

---

[1]) Подробности по исторіи виноградарства въ черном. губ. см. между проч. въ цитиров. работахъ П. С. Леонтьева, И. Н. Клингена, а также въ Трудахъ по виноградному съѣзду 1899 г.—въ докладахъ Л. Л. Быча, С. П. Крамаренка, Я. Г. Сиповича и др.

[2]) Труды виногр. съѣзда 1899 г., стр. 44—48.

[3]) Третьимъ тормазомъ нѣкоторые (см. тѣ же труды съѣзда) считаютъ общинное владѣніе, недопускающее возможности крупныхъ затратъ при непрочности пользованія землею. Не смѣю спорить, ибо

Отсюда понятно, почему средній размѣръ частновладѣльческаго виноградника (считая и удѣльные) равняется въ губерніи почти 10 десятинамъ (9,5) [1]), а крестьянскаго только полудесятинѣ (0,6) и изъ частновладѣльческихъ имѣній виноградарствомъ занимается свыше чѣмъ 80%, а изъ крестьянскихъ семей менѣе 15%.

Препятствіемъ развитію виноградарства въ крестьянской средѣ служатъ также и отсутствіе подваловъ для храненія вина, и неблагопріятныя условія сбыта, и многое другое, о чемъ здѣсь не мѣсто распространяться и съ чѣмъ интересующійся этими вопросами читатель отлично можетъ познакомиться изъ помянутыхъ трудовъ виноградпаго съѣзда и другихъ уже цитированныхъ изданій.

Я и безъ того уже слишкомъ надолго остановился на виноградномъ вопросѣ, который не для каждаго, конечно, одинаково интересенъ. Однако оправданіемъ мнѣ можетъ до нѣкоторой степени служить то значеніе, которое онъ здѣсь, дѣйствительно, имѣетъ. Если пріѣхавшему въ Новороссійскъ «надоѣдятъ здѣсь разсказами о нордъ-остъ», какъ о злѣйшемъ врагѣ населенія, то, пожалуй, не въ меньшей мѣрѣ вы наслушаетесь и разсказовъ о виноградарствѣ и винодѣліи, какъ самомъ подходящемъ и выгодномъ занятіи, не безъ прибавленія однако кое-какихъ сѣтованій на современные недуги этого производства.

Виноградарство, по мнѣнію многихъ, здѣсь должно имѣть первенствующее значеніе вообще для всего населенія новороссійскаго округа и, при высокомъ качествѣ и прочности получае-

---

мѣстнымъ людямъ лучше знать мѣстныя условія, но знаю факты существованія интенсивной, напр., садовой культуры на общинныхъ земляхъ—см. мою статью «интенсивная культура и общинное владѣніе» въ Русск. Мысль, 1887 № 6.

[1]) Но и при этомъ изъ приблизительно 790 дес. подъ частновладѣльческими виноградниками черном. губ. около 180 дес. къ 1899 г. принадлежало только 5 владѣльцамъ: удѣльному имѣнію Абрау, г.г. Пенчулу, бар. Штейнгелю, Голубеву и Хлудову; за исключеніемъ ихъ, величина средняго частновладѣльческаго виноградника 3 съ небольшимъ десятины.

мыхъ винъ, при постоянной урожайности виноградниковъ и организаціи правильнаго сбыта, должно явиться «единственною прибыльною отраслью сельскаго хозяйства» [1]). Такая точка зрѣнія обусловливается многими причинами. Климатическія и почвенныя условія, какъ я уже говорилъ, для воздѣлыванія винограда здѣсь, въ общемъ, безусловно благопріятны. Подъ виноградники требуется сравнительно очень немного земли, да и та, которая подъ нихъ идетъ, часто ни на что болѣе не пригодна, какъ благодаря тѣмъ же почвеннымъ условіямъ, такъ и рельефу мѣстности. Вслѣдствіе ограниченности здѣсь количества земель, пригодныхъ для хлѣбопашества, оно здѣсь не можетъ занять выдающагося значенія (на 30-ти десятинный крестьянскій надѣлъ приходится въ среднемъ около 2—4 дес. пашни, хлѣба съ которой еле хватаетъ на прокормленіе крестьянской семьи и то при урожаѣ, такъ какъ климатическія условія даннаго района дѣлаютъ при данныхъ условіяхъ довольно рискованною самую культуру хлѣбныхъ растеній [2]). Недостатокъ воды, сухое жаркое лѣто и нордъ-остъ представляютъ въ тоже время условія неблагопріятныя и для развитія огородной культуры, а развитію садоводства препятствуетъ и нордъ-остъ, и морскіе туманы. Оттого и выходитъ, что первенство должно принадлежать винограду. При этомъ крестьяне, въ силу дороговизны разведенія винограда по способу Даблари съ посадкою на большую глубину, могли бы, по мнѣнію нѣкоторыхъ, значительно облегчить себѣ занятіе этимъ дѣломъ перенесенія виноградняго хозяйства съ горныхъ покатостей на низины [3]) и заняться имъ по способу Маглари [4]).

Крупное значеніе виноградарства въ этомъ краѣ какъ нельзя болѣе подтверждается и упоминавшимися мною съѣздами виноградовладѣльцевъ и виноградарей, бывшими въ Новороссійскѣ въ 1899 и 1900 годахъ. По обычно вялому и слабому темпу ум-

[1]) Труды виногр. съѣзда 1898 г., докладъ С. П. Крамаренко.

[2]) Труды виногр. съѣзда 1898 г. докладъ С. И. Капгера.

[3]) Тамъ же, докладъ С. П. Крамаренко.

[4]) И. Н. Клингенъ. Осн. хоз. въ соч. окр., стр. 112.

ственной жизни Новороссійска, нельзя было, повидимому, и мечтать о томъ оживленіи и возбужденномъ интересѣ, которые вызовутъ эти съѣзды. Все это было бы невозможно, еслибы объединившее всѣхъ этихъ, до сихъ поръ разрозненно жившихъ и изолированно работавшихъ, людей дѣло не было имъ всѣмъ дѣйствительно близко и дорого. Этотъ губернскій съѣздъ собралъ въ 1898 году 104 члена, изъ которыхъ 18% составили крестьяне черноморской губерніи; второй съѣздъ—1900 года—собралъ 74 члена, въ средѣ которыхъ крестьяне составили уже 37%. Но однѣ количественныя указанія въ этомъ отношеніи еще не достаточно характерны. Нужно просмотрѣть самые «Труды» съѣзда, чтобы судить по нимъ, съ какимъ дѣйствительно живымъ интересомъ отнеслись члены съѣзда къ интересовавшему ихъ дѣлу. Надо, наконецъ, обратить вниманіе и на то, что 74 члена перваго съѣзда представили на него 36 докладовъ, т. е. въ среднемъ по одному на 28 членовъ! Это уже совсѣмъ необычное явленіе среди всякихъ нашихъ съѣздовъ, гдѣ докладчики тонутъ въ морѣ «записавшихся для счета» или только слушающихъ чужіе доклады членовъ. Характерно еще и то, что изъ 36 докладовъ 7 оказались «изложенными въ неудачной формѣ» и «малопонятны по содержанію», почему и не были напечатаны въ «Трудахъ» съѣзда.

Это тоже значительное указаніе—и совсѣмъ не въ отрицательномъ смыслѣ. Не всякій обладаетъ способностью ясно формулировать свои мысли на бумагѣ, особенно, если по условіямъ среды онъ принадлежитъ, или болѣе или менѣе близко стоитъ къ тѣмъ 18 или 28%, о которыхъ было упомянуто выше. А съ другой стороны, далеко не всякій съѣздъ возбуждаетъ такой интересъ, чтобы заставить писать непишущаго!

Послѣ всего этого вполнѣ естественно, что гг. «виноградовладѣльцы и виноградари» возлагали на свой съѣздъ большіе надежды, ожидая отъ него большихъ и скорыхъ практическихъ результатовъ. Но не всѣмъ надеждамъ суждено осуществляться. Дѣло въ томъ, что первое засѣданіе второго съѣзда началось съ доклада, что о судьбѣ представленныхъ въ подлежащія вѣдомства полтора года назадъ многочисленныхъ и важныхъ ходатайствъ

перваго съѣзда, никому и ничего неизвѣстно. Закончился же второй съѣздъ успокоительною рѣчью назначеннаго председателя его по поводу слышанныхъ имъ во время засѣданій съѣзда «сѣтованій на то, что значеніе обоихъ съѣздовъ парализовано отсутствіемъ отвѣтовъ отъ различныхъ вѣдомствъ на адресованныя имъ ходатайства перваго съѣзда». «Не умаляя значенія этого факта», председатель успокаивалъ взволнованныхъ членовъ тѣмъ, что исполненныя ими работы на пользу интересующаго ихъ дѣла «представляютъ такія заслуги обоихъ съѣздовъ, которыя будутъ съ благодарностью *отмѣчены въ исторіи* сельскохозяйственнаго развитія черноморской губерніи». Затѣмъ, въ виду истеченія срока, разрѣшеннаго для занятій съѣзда, второй съѣздъ закрылся, не окончивъ обсужденія всѣхъ возбужденныхъ на немъ вопросовъ, но единодушно выразивъ глубокую благодарность черноморскому губернатору «за заботливое отношеніе къ успѣхамъ занятій съѣзда и къ судьбѣ его постановленій». Здѣсь надо замѣтить кстати, что занятія второго съѣзда были уже не такъ оживленны, а доклады не столь многочисленны, какъ на первомъ, когда интенсивная дружная работа членовъ окрылялась надеждами. Вселяя неувѣренность въ результатности ихъ занятій, неосуществленіе этихъ надеждъ вносило неизбѣжную апатію въ работы второго съѣзда.

Возбудивъ на второмъ съѣздѣ ходатайство объ удовлетвореніи ходатайствъ перваго съѣзда, члены съѣзда рѣшили все-таки просить о разрѣшеніи открытія третьяго съѣзда.

Однако третьяго съѣзда еще не было, а вопросъ объ удовлетвореніи многихъ ходатайствъ перваго и второго съѣздовъ очень заботитъ мѣстныхъ виноградовладѣльцевъ, такъ какъ возможно скорѣйшее разрѣшеніе ихъ имѣетъ существенное значеніе для дѣла. Въ судьбѣ этихъ ходатайствъ заинтересованы не одни только новороссійцы, но всѣ хозяева Побережья, начиная отъ Сухума и на сѣверъ до Мысхако и Пеная.

Возвратимся однако къ послѣднему. Расположенный среди виноградниковъ, изобилующій барскими усадьбами-дачами, распо-

ложенными преимущественно между шоссе и моремъ, Пенай, по сравненію съ страдающимъ отсутствіемъ зелени Новороссійскомъ, кажется издали оазисомъ, утопающимъ въ роскошной зелени. Послѣ пыльнаго и жаркаго города, онъ и вблизи, когда ѣдешь по шоссе, веселитъ взоръ разбросанными среди зелени усадьбами, приперт-тыми къ берегу бухты. Вотъ здѣсь бы, кажется, и можно было найти тихое пристанище въ уютной усадьбѣ, въ тѣни зелени, съ прекраснымъ видомъ на бухту и море, съ хорошимъ купаньемъ. Но, увы, нордъ-остъ здѣсь почти такъ-же силенъ, какъ и въ Новороссійскѣ, а купанье неудобно и далеко не вездѣ возможно вслѣдствіе большой высоты и крутизны берега!

Надо ѣхать дальше—тамъ вблизи выхода бухты въ открытое море, у подножья высокой горы, выступающей въ море мысомъ Дообъ, на которой стоитъ высокій бѣлый маякъ, такъ красиво выдѣляющійся на зеленомъ фонѣ горы, пріютилась упоминавшаяся уже въ предыдущей главѣ Кабардинка. Она ютится въ пространствѣ между Дообскимъ и Пенайскимъ маяками у небольшого залива Новороссійской же бухты. Въ ея заливчикѣ, по общимъ отзывамъ, купанье гораздо удобнѣе, чѣмъ на Пенаѣ. Сила же нордъ-оста, благодаря чисто мѣстнымъ условіямъ, въ окрестностяхъ Кабардинки настолько слабѣетъ, что допускаетъ уже и разведеніе хлѣбныхъ злаковъ, о чемъ неопровержимо свидѣтельствуютъ при приближеніи къ ней разбросанные на склонахъ горы небольшія полоски желтѣющихъ нивъ.

По своему происхожденію Кабардинка,—это бывшее русское укрѣпленіе, основанное въ 1836 г. генераломъ Вельяминовымъ, который «съ особенною заботливостью дефилировалъ внутреннее пространство его отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Отъ этого оно получило форму наименѣе пригодную для такого военнаго учрежденія»... и въ 1838 г., когда эта форма возбудила удивленіе осматривавшаго укрѣпленіе генерала Головина, преемникъ Вельяминова, ген. Гроббе сказалъ: «Я узнаю моего умнаго предмѣстника. Если человѣкъ большого ума задумаетъ сдѣлать глупость, то сдѣлаетъ такую, какой всѣ дураки не выдумаютъ» [1]).

---

[1]) Филипсонъ «Воспоминанія».

Путь изъ Новороссійска въ Кабардинку—по тому же самому прибрежному шоссе мимо всѣхъ этихъ небольшихъ, такъ назыв., «культурныхъ участковъ» съ ихъ миніатюрными усадьбами. Усадебки эти на людей, пріѣзжихъ изъ Россіи и привыкшихъ къ имѣніямъ, измѣряемымъ сотнями и тысячами десятинъ и обладающихъ многочисленными и обыкновенно широко разбросанными хозяйственными постройками, производятъ нѣсколько странное впечатлѣніе своими претенціозными надписями надъ воротами почти каждой изъ нихъ: «*Имѣніе* такого то», «*Имѣніе* такого то», къ которымъ такъ и хочется прибавить; «просятъ не смѣшивать съ *настоящимъ* имѣніемъ»!..

Однако справедливость требуетъ сказать, что нѣкоторыя изъ этихъ «имѣній» даютъ, благодаря виноградникамъ, какъ это вполнѣ понятно, хорошіе доходы, значительно, и даже несравненно, превосходящіе средній подесятинный доходъ «настоящихъ» имѣній..

Миновавъ эти имѣнія-дачи, шоссе идетъ по узкимъ карнизамъ Мархотхскаго хребта на значительной высотѣ надъ моремъ. Налѣво—крутая стѣна песчаниковъ и известняковъ, по мѣстному «трескуновъ», на бѣломъ фонѣ которыхъ красиво вырисовываются подъ яркими лучами солнца большія пушистыя туи въ перемежку съ кизилемъ, кустарниковыми дубами, rhus cotinus, и другими представителями мѣстной флоры, покрывающими уходящую въ высь гору. Направо—слегка опушенный на верхнемъ карнизѣ кустарникомъ крутой обрывъ прямо въ море, которое передъ вами, какъ на ладони, необъятное, слегка волнующееся и переливающееся тонами отъ нѣжно голубого до синяго. Воздухъ наполненъ неумолкаемымъ мелодичнымъ стрекотаніемъ безчисленныхъ цикадъ, скрывающихся въ покрывающей горы и ущелья зелени. Ущелья чередуются съ выступами берега въ море, и потому шоссе, идя все время по карнизу, то какъ бы удаляется отъ него, то опять къ нему возвращается, вновь давая возможность видѣть и красивый Дообъ, и всю бухту, и оставшійся назади Новороссійскъ. Теперь въ эти ущелья почти не доходитъ вѣтерокъ съ моря; въ нихъ тихо и душно. Зимой же здѣсь по этимъ самымъ ущельямъ нерѣдко срывается съ горъ леденящій

нордъ-остъ и срывается иногда съ такою силою, что опрокидываетъ съ шоссе ѣдущіе фаэтоны и даже слишкомъ высоко нагруженныя фуры!

Но съ Кабардинкою, кромѣ сообщенія по шоссе, Новороссійскъ имѣетъ еще удобное сообщеніе паровымъ катеромъ. Не слѣдуетъ однако забывать, что, при удобствѣ въ Кабардинкѣ морского купанья—въ отношеніи пологости морского дна, покрытаго пескомъ и мелкою галькой, и при меньшей сравнительно силѣ нордъ-оста, послѣдній все-таки препятствуетъ непрерывности морского купанья; кромѣ того кабардинскій заливъ открытъ и морскому вѣтру. Вслѣдствіе этого, хотя Кабардинка и можетъ, конечно, служить какъ дачное мѣсто для городскихъ жителей Новороссійска и извѣстнаго своими лихорадками Екатеринодара, но для лицъ, пріѣзжающихъ лѣчиться морскими купаньями, рекомендовать ее нельзя.

Дальше—за Кабардинкой—идетъ уже другой приморскій курортъ—Геленджикъ; но ему уже была посвящена особая глава.

Л. С. Личковъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

БИЛЯ ОГНЫЩА.

Вже смеркло. Кругомъ огныща, що палало середъ глыбокои лисовои долыны, сыдило й лежало чоловикъ більшъ десятка бондаривъ. Потомылысь небораки за тыждень. Коженъ ждавъ суботы, якъ Бога, щобъ выпыть чарку горилкы у хазяина (хоча й за свою грывню), повечерять у смакъ и видпочыть по воли, не маючы гадкы завтра, до схидъ сонця, вставаты, браты важку сокыру и, облываючысь потомъ, яко мога поспишаты за товарышомъ, або тикаты видъ нёго, боячысь, щобъ товарышъ не перегнавъ у роботи. Дуже прыкро стае на серци, колы бачышъ, якъ товарышъ выпередыть! Мигъ бы, порвавъ и себе и все, що йе на соби, абы тилькы «не пáсты заднихъ!» Иншый—зранку и до вечера якъ скупаный: сорочка хочъ выкруты, груды важко пидіймаются, а дило не геть-то якъ подается напередъ. А той—мовъ грается! И сорочка тилькы що вохка, и самъ не геть-то якъ задыхается, а у рукахъ дило ажъ горыть... Кого якымъ спихомъ та таланомъ надилено!

Працюючы отакъ цилый тыждень, видома ричъ, коженъ жде суботнёго вечора, якъ найбильшого свята, жде вильного спочывку.

Ще сонечко не зовсимъ сховается за гору, ще проминь пробигае помижъ кущамы хворосту, а хлопци вже зносять у «складъ» свою роботу, личать думкою заробитокъ, а потимъ почынають прыбирать пидъ повиткою: трискы зносять до купы,

на бикъ, а трусокъ выгортають геть дали, на нызъ, за для того, щобъ писля вечéри запалыть. Не геть-то яка мудра й штука, а мае багато вартосты: першъ усёго—щобъ не заводыть смитныка пидъ ногамы, а у друге те, що писля важкои праци, простягтыся биля огныща, на сырій земельци, далеко краще, нижъ пидъ повиткою на прымостци, де и не безъ «кузекъ».

Отъ и на сей вечиръ: выпылы трудовныкы у хазяйськїй кватыри по половынчыку, заплатылы по грывни (хазяинъ возывъ горилку у лисъ и продававъ по грывни чарку, це-бъ то, щобъ не вныкалы до села), повечерялы и зибралысь биля огныща. Видома ричъ, хто не жонатый, той пишовъ до села, якъ тамъ кажуть: «дило молодецьке», а жонати зосталысь у лиси, полягалы биля огню и почалась розмова на всяки лады. Звисно: не зъ однíеи хаты, не зъ одного села зійшлыся на роботу, побраталыся, и у кожного мается своя новына й старовына.

Той прыгадавъ парубоцьтво, що якый то винъ бувъ жвавый та меткый; потимъ--другый розсказуе про видьму, що, перекынувшысь собакою, гналась за нымъ; третій звивъ розмову ще на иншый ладъ, и балачка йшла гуртова.

Не встрявавъ у балачку тилькы Иванъ, невелыкого зросту чоловичокъ, рокивъ за трыдцять. Пидклавшы рукы пидъ голову, винъ лежавъ на спыни, уставывшы очи на зори. Тяжка думка опанувала козака, и винъ тяжко зитхавъ: знавъ сердега, що дома не геть-то бенкетують на ту пьятерычку, що пославъ винъ ще одъ Тройци. «Ни, треба ще послать!--трохы не въ голосъ думае Иванъ.—Завтра визьму й пошлю... Неодминно пошлю ще рублив съ пьять!..' А якъ бува хазяинъ и завтра заспивае такои, якъ и въ ту недилю, що тоди робыть? Жды, каже, покы будуть у мене зайви гроши, а теперъ ще не наторгувавъ!.. И винъ правый! Що ты подíешъ, колы увесь у ёго рукахъ?.. А дома жинка, диткы... Эхъ!»...

А навкругы тыхо, якъ у вуси! Темно-блакитне небо видъ огныща выдае мовъ чорне шатро, десь высоко-высоко надъ землею, мовъ золотымы цвяшкамы утыкане зорямы. Кущи хворосту повишалы лыстя, мовъ поснулы холодкомъ писля пекучого дня.

Били березы нызько-нызько посхылялы свое тоненьке гилля и наче журлыво прыслухаются до розмовы биля огныща. А тамъ геть дали, по-пидъ горою, стари высоки дубы, мовъ страшни, велычезни вартови надъ лисомъ, выразно, але сумно вызначаются на чорнимъ поли ночи. Нищо навкругы а ни шерхне! Тилькы инколы якыйсь птахъ зъ просоння зашелестыть по лысти, та огныще затрищыть, якъ пидкынуть свижого топлыва: спалахне шырокымъ сяйвомъ, и впьять навкругы тыхо.

А тамъ далеко, край лиса, высокый теноръ жалибно лунае зъ горы по лисовій долыни:

«... Стоить козакъ на могыли
Та й витра пытае»...

Мовъ на перешкоду ёму зъ долыны грубый басъ нызькою октавою, переходячы на дебелого баритона:

«Реве та стогне Днипръ шырокый,
Сердытый витеръ завыва»...

Теноръ замовкъ. Пидождавшы, колы басъ передыхавъ, винъ гукнувъ дзвинкымъ голосомъ: «А ну, хутчій, Кар-по!»... И черезъ якый ментъ писня лунала по взгирью на два голосы. Теноръ зновъ почавъ ту-жъ такы писню зъ краю, и вже басъ, не шкодячы ёму, зъ смуткомъ, забиравъ нызомъ:

«... Скажы витре, скажы брате,
Де козацька доля?»..

То хлопци пишлы въ село.

Охъ, молодіи лита! Чы можна васъ забуть? Чы оти два хлопци, що пишлы спиваючы, мають на серци що таке, котре бъ перешкоджувало ихній веселости? Ни! Парубокъ—якъ витеръ вильный.

А пидтоптанымъ, пошарпанымъ симьянынамъ на село стежка переорана: сыды биля вогню, куры люльку, балакай, або гото-

вого слухай. Жинка, диты за полы держуть. Я—батько... А чы не радиснійше це видъ парубоцькои веселосты?

По тилови пробигае втома, але втома не тяжка, давуча, а легка, вильна. Писля духоты та спекы, котра у глыбокій лисовій долыни не освижается витромъ, свижа тыша ночи обгортае прыгнобленого чоловика раевымъ повитрямъ.

А балачка вже звернула на ту стежку, на яку збигае нарешти кожну суботу: «гирко жыть на свити!»

— Чы повирыте мени, братикы—озвавсь до гурту Иванъ: есть же й таки люде на свити, що мають заздристь и на нашу долю!

— А есть!—мовывъ Остапъ.—А попытай ихъ: чого имъ заздро?

— Того, що воны дурни!—протягъ густымъ басомъ Опанасъ.

— Ни, Опанасе, не вси дурни зъ ныхъ, есть и розумни! Не дыво, якъ хто дали свого села нигде не бувъ и кримъ носа свого ничого не бачывъ; а отъ жаль хоча й на нашого хазяина, винъ и не дурный, а про те, каже: «отъ кому, каже, роскишъ! Ни печали, ни воздыхання! заробывъ, пропывъ, и... ни собака въ двиръ! А тутъ, мовлявъ, якъ почнешъ миркуваты, якъ те дило повернуты краще, то ажъ мозокъ тоби подеревьяніе!»...

— А, бодай винъ луснувъ!—бухтыть, мовъ зъ бочкы, Опанасъ.—Хиба жъ такы мы вси й пропываемъ? Ще жъ йе въ насъ жинкы й диты! Хто жъ йихъ годуе?... га!..

— А хазяинови чы не миркування жъ то—розрахуваты, якъ зъ нашои кривавыци більшъ корысты вытягты?!—мовыть гаряче Борысъ.

— Та нехай вамъ абы-що!—прыпыняе молодчыхъ пидтоптаный дидъ Омелько:—пиднялы таке, що ажъ óстрахъ бере: немовъ почуе, то тоди й сподивайся!..

— Не згода, диду, слухаты, то йды спаты, а я казавъ и казатыму, хоча и въ вичи тежъ скажу, не боюсь!—лютуе Борысъ.

— А я!.. Та я по викъ не забуду, покы его пупъ лусне, жалкуватыму на него за ти пьятакы, котри винъ не додававъ мени торикъ за сотню дижокъ! Каже: готови обручы! А хиба не

краще бъ я самъ соби настругавъ, та коженъ у дило повернувъ бы, нижъ сточувать кинци та половынкы! Десять сточы, а одынъ набый. У мене сорочка поприла видъ поту надъ тымы гемоньськымы обручамы! Думавъ—прыбавыть, а винъ ще збавывъ!—прыдавлюе Опанасъ.

— А чого жъ ты й на сей рикъ прыйшовъ до нёго?—дратуе дидъ Омелько.

— Чого? Того, що нигде дитысь, ни завищо рукъ зачепыть!

— А якого бъ я биса й кистрычывся? Робы, покы рукы здужають, и не базикай!—мовыть встаючы видъ огню дидъ Омелько.—Молоде та зелене!.. Тьфу!..

И дидъ Омелько, плюнувшы на бикъ, пишовъ пидъ повитку. Вси замовклы. Дидъ Омелько всихъ вразывъ, але нихто ёму ничого не видповивъ. Опанасъ та Борысъ уперто дывылысь на вогонь, зъ запаломъ курылы люлькы, що ажъ шкварчалы, якъ и въ ныхъ биля серця. Иванъ все дывывся на зори и мовъ що зъ ныхъ вычытувавъ. Винъ вперше перервавъ мовчанку.

— И якъ то гирко жыть на свити! И чого воно такъ? Той мае, другый не мае, а у третёго й решту сусида одіймае! Хоча бъ оце й я: цилый тыждень сорочка не высыхала, а чы багато заробывъ?

— Правда, правда,—каже Остапъ.—Найкраще, якъ бы дома жыть, та самому хазяйнувать! Чы выгравъ, чы програвъ, а вильный якъ птахъ!

— Кый-чортъ!—озвавсь Мыкыта: робывъ я й дома—одынъ бисивъ батько! Якъ на позычени грошы хазяйнуваты, то краще у наймыты йты...

— Та заробля́ть хазяинови—не втерпивъ Борысъ.—Ты знаешъ, що зъ кожного зъ насъ винъ потягне по пивъ-карбованця на штуци—отъ у нёго й йе! Оце ёго праця, оце ёго миркування! А чы облывався винъ колы по́томъ? А ты—быйся, быйся, якъ рыба объ лидь, а ни втикъ, ни піймавъ! Якъ у нёго языкъ може повернутысь казаты намъ: «отъ кому роскишъ!» Чы диты ёго колы сыдилы голодни, якъ наши?..

— Та що тутъ казать! И прысливья йе: «сытый не йме виры!»

-- А не йме!

— А Омелькови, бачте, хазяйська ласка подобается!

— Та що Омелько!

Упьять затыхло. Ще де-хто мавъ щось казать, та такъ и не доказавъ.

Упьять люлькы шкварчалы, носы соплы, а загорили, чорни, волосати груды важко пидіймалысь. Перекынулы по слову—и впьять замовклы, якъ кажуть—на слызьке.

— Та ще й такъ бувае,—Иванъ упьять своеи: ты його годуешъ, напуваешъ, видрываешъ останню крыхту видъ дитей и за те тилькы годышъ ёму, що винъ багачъ, що винъ поситывъ твою обидрану хату; а винъ за твою хлибъ-силь подякуе такъ, що ажъ у серци въ тебе защемыть! Эхъ, бодай не казаты! Хиба цёго мало трапляется? Мени самому це блызько знаёме, и я вамъ розскажу де-що.

Иванъ повернувся на бикъ и почавъ:

— Було мени рокивъ симнадцять. Купывъ мій батько тры дубы у Велыкому Лиси, що видъ нашого села верстовъ за двадцять. Дубы гинкы та товсти: два по шистьнадцять, а одынъ висимнадцять четвертей, а цивка до гилёкъ—аршынъ двадцять. Якъ свичкы, стоялы дубы, та тепера видъ ныхъ зосталыся одни тилькы пенькы! Якъ купывъ ти дубы кременчуцькый купець, на зрубъ, то за два рокы... мовъ пожаромъ перейшло: ни одного дуба не зосталось! А чы довивъ до ума? Ажъ жывый жаль, що таке добро и перевивъ гемонськый чоловикъ на брусы...

— Якъ! На брусы?!..—перебылы Иванове оповидання декилькы голосивъ.

— А на брусы... Тилькы ти дубы й зазналы кращои доли, котри мій старый купывъ ще у самого пана хазяина. Купля та була й поцинна, та якъ на позычени грошы, то выйшла дуже дорогá.

У Пылыпивку выпало чы-мало снигу, ударылы морозы и дорóга санна справылась—хочъ котысь! Зибралысь мы зъ струмен-

томъ, набралы харчивъ и пойихалы у лисъ. Чужого намъ було не треба: надія була удвохъ довесты до ума ти дубы.

Прыйихалы у лисъ, натопылы до-ладу землянку, що була збудована для вартового, обигрилысь и захазяйнувалы!

Пораемось биля дубивъ день, другый, третій. На двори морозы люти та витры. Воно, якъ сказать, у роботи, то й не геть-то морозъ дошкуляе, але й не помага, а найпаче, якъ зъ витромъ. Ты хочешъ деревыну звалыть на сей бикъ, а витеръ пхае на другый. А у такому рази—то вже й не безъ шкоды! Земля мерзла, дубъ гинкый, старый—якъ упаде, то не тилькы гилькы потрощатся на цуркы, але й зъ пидсишкивъ стають дрова.

Трапывся знаёмый чоловикъ, договорывся перевезты дубы, та тилькы зъ тымъ, що якъ зъ гиллямъ, то далеко дорожче. Видома ричъ: пидводы гнать однаково, чы пидъ дубы, чы пидъ гилля. Ну, та дарма, хай и такъ, а все-такы—пидводы йе!

Зовсимъ дило йшло якъ треба, та трапылась одна прытычына: хлиба не стало. Та не тилькы й хлиба, а й до хлиба. Хоча й дила зосталось днивъ на два, але й того часу не йившы не пережывешъ! Що тутъ казать? У лиси нихто зъ хлибомъ не трапляется, а до найблыжчого села—верстовъ зъ пьять. Помиркувалы мы зъ старымъ ще зъ вечора и поклалы: питы раненько до села, купыть паляныць зо-дви, шпона—и все лыхо пд боку.

На другый день тилькы що зибрався я йты за харчамы, якъ ось мовъ зъ-пидъ земли вырисъ Кузьма Івановычъ—чоловикъ намъ знаёмый, багатый: мае свій шынкъ и крамныцю, а намъ доводывся родычемъ, хоча й далекымъ. Кожного базарю двичи на тыждень винъ прыйиздывъ до нашого села купувать якого-небудь краму у нашыхъ крамаривъ. Навкругы, верстовъ за двадцять, не було такыхъ крамныць, якъ у нашому сели: що тоби треба, все йе, те-жъ, якъ и въ городи. Такъ ото жъ Кузьма Івановычъ йиздывъ до нашого базарю: продававъ, що прывозывъ, и купувавъ, що було ёму потрибне. Писля базарю, по знаёмосты, зайиздывъ до насъ. Батько мій, якъ и всякый майстерный, любывъ гарно пообидать, а якъ траплявся якый знаёмець—то й не безъ чаркы горилкы.

Обидае Кузьма разъ, обидае другый разъ, пьятый, десятый. Чарка горилкы, оселедци, та ще й борщъ зъ яловычыною: звисно, якъ слидъ витаты дорогого гостя. Розсмакувавъ родычъ, що обидаты на дурныцю за-для кышени полегкисть—и николы насъ не мынавъ. Пройшовъ рикъ, другый, третій. Кузьма обидае, а про плату й заикатысь почыталося грихомъ: видома ричъ—чоловикъ свій!

Побачывшы ёго у лиси, саме тоди, якъ не було хлиба, раптомъ прыйшло у голову прысливья: «гора зъ горою не зходятся!..» Почоломкалысь. Мій старый пытае про здоровья, а Кузьма якъ не лусне! Ажъ очи попидпухалы, а на выду червоный, якъ бурякъ. Слово за словомъ, згадалы и про грошi. Старый мій бидкается, що грошей не выстачыть возіямъ заплатыть, а выручытысь гараздъ ни за вищо.

— Чого жъ не за вищо? А зъ дубивъ гилля!—прыкыдае совита Кузьма.

— Та якъ бы хто купывъ,—каже мій старый—то я ще й спасыби бъ сказавъ!

— А ходимте, подывлюсь, чы не будемо сватамы!

Прывьязавъ Кузьма свого коня до деревыны, и пишлы мы вси трое до зваленыхъ дубивъ. Де-бильши дрова булы вже зложени у велыку купу, а трусокъ валявся непозбиранымъ. Походылы кругомъ, подывылысь, якъ звычайно пидъ торгъ.

— Ну, таки скилькы хочете?

— Та скилькы зъ васъ, по знаёмосты?.. Дрова хороши...

— Бачу й самъ, що хороши.

— Якъ зъ кого, то треба бъ узять десятку...

— Ни, якъ бы вамъ не треба грошей, то вы бъ узялы пидъ часъ и бильше: якъ бы перевезлы ци дрова до-дому, та склалы у сажни, то була бъ десятка не одна; а, якъ кажете, у вашій кышени віють витры, то... визьмить безъ клопоту троячку!

— Троячку?—перепытавъ батько.

— Ну да, да, троячку.

— Це бъ то, хочете сказать: зъ десяткы вамъ здачи дать троячку?

— Гм... розумно... А не буде це дуже мало за-для васъ?.. Якъ що хочете выручыться хочъ скилькы-небудь, то берить троячку.

— Кузьма Ивановычъ! Це жарты?

— Чого жарты? Я чоловикъ не абы-якый: вы вже мене добре та гараздъ знаете.

— Та вже за скилькы роківъ и можна бъ узнать—каже мій старый не безъ заднёи думкы,--та отъ, бачте, и не взнавъ.

— Якъ се такъ?

— Такъ, що за ци дрова троячку можна даваты тилькы на смихъ!

— На смихъ? Гм... Якъ що мое не въ ладъ, я зъ своимъ назадъ! До прыятного свыданія! Бажаю вамъ щедрійшого покупця.—И Кузьма повернувся йты до своеи конякы.--Берить, якъ маете взять, за дрова хочъ троячку, а то злыдота даремно пороскрадае. Теперъ, самы знаете, хлибець у цини, то бисови голодранци зъ рукъ рвуть; а якъ у лиси, та ще безъ догляду... пышы пропало! До свыданія!

— Прощавайте. Выбачайте, що не будемо сватамы...

— А вы бъ краще не церемонылысь, та бралы гроши, колы даю, а то й...

— Та се такъ... Такъ и за троячку жъ виддать не прыстае!

— Дило ваше. Не сыльне—вильне. Не продасте —сылою не заберу.

Обое замовклы. Кузьма почавъ крутыть цыгарку, а батько все дывывся на снигъ, мовъ шукавъ чого.

— А колы жъ вы будете забирать?—пытае батько.

— Та хочъ й сёгодня хуры прыжену.

— Гм... замыслывся впьять старый...—Та хочъ пятерычку вже дайте, бо й самы жъ вы знаете, якъ мени прыкро прыйшлося. Якъ позычать, та за перевозку дровъ платыть, то хай краще добрый чоловикъ спасыби скаже.

— Да, да. Пры случаи, розуміется!..

-- Пьятерычка жъ?

— Троячка.

— Мало... Не обижайте й мене, Бога рады... Тилькы й выручкы, що дрова!

— Та се такъ!.. Але й мени, якъ казавъ Берко Дунь: «пользовайся случаемъ»... До прыятного свыданія!

— Та нуте бо, Кузьма Ивановычъ...

— Ни копійкы бильшъ!—И Кузьма пишовъ до своихъ саней.

— Ну, що ты подіешъ у свити Божому? Хай буде й такъ!..—тяжко зитхнувшы каже батько, и пидтюпцемъ побигъ до Кузьмы, що вже сидавъ у сани.—Не гайтесь же, Кузьма Ивановычъ, та прывезить же хлибъ, бо мы якъ разъ добылысь до краю...

— Добре, добре, черезъ годыну прывезу!

Пойихавъ нашъ купець до села, а мы почалы пылять дубы. Збентеженый мій старый гарячывся и лаявся; пе було на кому злисть зигнаты, и винъ чиплявся до мене, що я не такъ пылку держу: «не затягай!.. не давы!.. давы дужче!.. не сипай!..» А пылка ажъ свыстыть!

Пройшла годына, друга—Кузьма не йиде. Вже сонечко пиднялось надъ лисомъ и стало объ обидній пори, а Кузьмы немае. Рукы почалы слабиты, ногы трусылысь, а жывитъ до спыны прытягло. Йисты такъ хотилось, що ажъ кышкы кавчалы! Вже й батько переставъ лютуваты и тилькы тяжко зитхавъ, а дали й каже мени: «чы ты не вмрешъ не йившы, покы я повернуся зъ села?»

— Хиба вы пидете?—пытаю.

— А треба йты: зъ голоду не пропадаты!

Не встыгъ я одповисты старому, якъ зъ-за кущивъ пидйихалы пидводы и Кузьма Ивановычъ зъ нымы. Мы ожылы. Прывизъ Кузьма хлибъ и подаючы батькови промовывъ «закусуйте»! Возіи почалы накладать на сани дрова, а я, не маючы змогы бильшъ терпиты, видкраявъ сокырою окраець хлиба и почавъ йисты. Батько те жъ зробывъ.

Вынявъ Кузьма гроши, одличывъ два карбованци и симдесятъ тры копійкы и подае батькови: «оце—каже—я беру соби за хлибъ двадцять симъ копіёкъ, а ваши вамъ,—получайте!»

Глянувъ старый на Кузьму, а у самого слёзы на очахъ! Подывывсь пыльно на нёго, а дали й каже: «чого жъ такъ дорого за хлибъ»?

— Того, що винъ затягъ девъять хунтивъ, а теперъ слава Богу, хлибъ у цини: рубъ двадцять пудъ.

— Такъ оце, Кузьма Ивановычъ, мы квыти?

— Квыти. А хиба що?

— И це вашъ хлибъ за мою хлибъ-силь?

— О, ще й не згода?!

— Не згода!—голосно прыдавывъ батько и вынявъ зъ кышени двадцять симъ копіёкъ.—Нате вамъ, добродію за хлибъ, а дрова нехай краще голодранци безъ копійкы заберуть! А за таки гроши й такому чоловикови не виддамъ! Скыдай зъ саней!

— Ого-го!.. Чы ты бачъ! А по пивъ-карбованця за пидводу не мусышъ ты заплатыть, якъ до судди прытягну? Симъ пидвидъ даремно пройиздятся, чы що? Розумный!.. Беры ото гроши, а то у снигъ затопчешъ!—И Кузьма положывъ гроши на пеньку, а самъ почавъ класты на сани де-бильши голякы.

— Берить,—ледве промовывъ батько и махнувъ рукою.— Ходимъ, сыну, у землянку—обернувся винъ до мене—та пообидаемо дешевого хлиба... А вамъ, добродію, Кузьма Ивановычъ, спасыби, що вы не цуралыся мого хлиба-соли! Не мавъ я гадкы, що йе таки люде на свити!..

— Якъ що дякуете, то я й не цуратымусь, а якъ що не тее, то...—байдужно махнувъ рукою Кузьма—на мій викъ дурнивъ выстачыть!..

Мижъ слухачамы пиднявся лементъ, и Иванъ замовкъ. Вси балакалы разомъ, що кому траплялось на языкъ. Де-яки казалы, що дурный Иванивъ батько: чомъ винъ обухомъ головы не розбывъ такому кровопыйцеви; други казалы, що краще було бъ тоди змовчать, а якъ прыйиде колы Кузьма обидаты, то взяты зъ ёго за обидъ пьять карбованцивъ; де-хто ще краще раявъ, та вси ти совиты, все те, що гомонилы въ голосъ збентежени слухачи, не помогло йимъ *ришыты* пытання: колы прыйде

кара на тыхъ заклятыхъ кровопыйцивъ, що свого жъ брата мають за собаку, и за те тилькы, що винъ не багачъ, що винъ не вельможный!? Та такъ и не додумалысь. Уже кризь сонъ де-хто мурмотивъ, ховаючы люльку: «найкраще—зъ багачамы не братайся, бо сытый голодного не розуміе. .»

М. Непыйвода.

Іосифъ Максимовичъ Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи [1].

VI.

Ученая командировка О. М. Бодянскаго заграницу. Начало профессорской дѣятельности О. М. Бодянскаго. Отзывы слушателей объ О. М. Бодянскомъ, какъ профессорѣ.

Несомнѣнно, еще когда О. М. Бодянскій былъ студентомъ, Каченовскій и Погодинъ предназначали его къ профессурѣ. Все, по крайней мѣрѣ, говоритъ за это. Погодинъ отмѣтилъ Бодянскаго въ своей рѣчи, сказанной студентамъ при окончаніи ими университета и рекомендовалъ его Шафарику, какъ человѣка посвятившаго себя наукѣ; у Каченовскаго Бодянскій написалъ, какъ мы уже знаемъ, нѣсколько работъ, появившихся въ печати еще до магистерскаго экзамена Бодянскаго. Понятенъ станетъ, поэтому, тотъ интересъ, который отзывчивый попечитель московскаго учебнаго округа того времени графъ Строгановъ обнаружилъ къ Бодянскому. Онъ, мы знаемъ, присутствовалъ даже на магистерскомъ экзаменѣ послѣдняго. Не статья, поэтому, противъ Булгарина выдвинула Бодянскаго и доставила ему каѳедру въ московскомъ университетѣ, а его научныя занятія и тотъ упорный трудъ, которымъ всегда, всю свою жизнь отличался О. М. Бодянскій [2]).

---

1) См. Кіев. Ст. 1903, № 5.

2) Жизнь и Труды Погодина т. V, стр. 99 Вѣст. Евр. 1896 г. іюль, стр. 190—193.

Послѣ защиты Бодянскимъ диссертаціи на степень магистра, былъ поставленъ вопросъ объ его командировкѣ заграницу. Гр. Строгановъ предложилъ О. М. Бодянскому составить предварительно планъ своего путешествія, и Бодянскій представилъ по этому поводу обширную записку, которая сдѣлалась потомъ чуть ли не руководствомъ при отправленіи молодыхъ людей заграницу для подготовленія къ профессорскому званію. Основныя положенія ея министерство, по крайней мѣрѣ, сообщило два руководства попечителямъ учебныхъ округовъ [1]).

Бодянскій намѣтилъ для себя широкій планъ путешествія, который собирался выполнить въ два года. Онъ задумалъ посѣтить нѣкоторыя мѣста Австріи, Германіи, Турціи, Италіи и затѣмъ Варшаву [2]). Строгановъ поддержалъ его намѣреніе и исходатайствовалъ ему по 4 тыс. рублей въ годъ, на томъ основаніи, что «Бодянскій, какъ видно изъ плана, долженъ будетъ дѣлать излишніе издержки на переѣзды изъ одного мѣста въ другое, для полученія свѣдѣній, для которыхъ отправляется» [3]). Непремѣннымъ условіемъ командировки Бодянскаго министерство народнаго просвѣщенія поставило, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, чрезъ каждые 4 мѣсяца давалъ отчетъ министру о ходѣ своихъ занятій. Изъ этихъ отчетовъ два было помѣщено впослѣдствіи въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, одинъ отъ 23 марта 1838 года въ XVIII томѣ и другой отъ 1-го февраля 1839 года въ XXIII томѣ.

14 октября 1837 года Бодянскій выѣхалъ изъ Москвы заграницу. Но онъ не спѣшилъ туда, а по дорогѣ заѣхалъ въ Переяславль, затѣмъ остановился въ Кіевѣ. Съ разрѣшенія полтавскаго архіерея Гедеона Бодянскій осмотрѣлъ переяславскую семинарскую библіотеку. Онъ зналъ ее хорошо еще за время своего

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1896 г. іюль, стр. 194—195. Славянское Обозрѣніе 1892 г. ноябрь-декабрь, стр. 296.

[2]) Біографическій словарь профессоровъ Московскаго унив. ч. I, стр. 92—93.

[3]) Подробности объ этомъ см. Вѣстникъ Европы 1896 г., іюль, стр. 192—194.

ученія и не думалъ ничего найти въ ней замѣчательнаго, какъ вдругъ нежданно-негаданно открылъ въ ней два евангелія XVI вѣка. Одно изъ нихъ—была извѣстная пересопницкая рукопись, позже довольно подробно описанная П. И. Житецкимъ [1]). Вотъ что писалъ Бодянскій Погодину изъ Кіева отъ 3 ноября подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ своей интересной находки: «оба памятника на прекраснѣйшемъ пергаментѣ и писаны прекраснѣйшимъ уставомъ; послѣднее (евангеліе), по языку и по другимъ палеографическимъ и археологическимъ примѣтамъ, писано на языкѣ болгарскомъ и находилось прежде въ Сучавѣ: съ Остромировымъ евангеліемъ, судя по напечатаннымъ изъ него отрывкамъ, самое разительное сходство. Но что всего важнѣе, что должно обрадовать не только васъ, но и всѣхъ прочихъ славянофиловъ, что, наконецъ, рѣшаетъ окончательно и, кажется, навсегда положительно вопросъ: на какой языкъ переведено было Св. Писаніе Кирилломъ и Мефодіемъ? Это первое евангеліе, замѣчательно еще и во многихъ другихъ отношеніяхъ! Въ послѣсловіи сказано, что это евангеліе, **«выложено изъ языка Блъгарского на мовъ Роускоую»**. Итакъ, вотъ вамъ слова переводчика, на какомъ славянскомъ языкѣ прежде всего хвалили наши праотцы Бога. Подъ языкомъ русскимъ здѣсь должно разумѣть языкъ южнорусскій (малороссійскій), какъ видно изъ самаго перевода: вотъ второй пунктъ важности этого евангелія. До сихъ поръ мы не знали, что Св. Писаніе, по крайней мѣрѣ, евангеліе было переведено также и на малорусскій языкъ: въ этомъ уже одномъ отношеніи, если бы не было даже перваго пункта, евангеліе это драгоцѣнно, какъ единственный по сю пору памятникъ перевода св. писанія на южно-русскій языкъ, памятникъ южно-русскаго языка XVI столѣтія, времени образованія козачества и московскаго государства и пр. и проч. и проч.: тутъ бездна соображеній! Въ 3-хъ: въ этомъ евангеліи находятся изображенія четырехъ евангелистовъ, весьма хорошія и важныя для исторіи художества въ Южной Россіи и вообще. Наконецъ, въ 4-хъ: изъ подписи на первыхъ ли-

---

[1]) Описаніе Пересопницкой рукописи XVI в. Кіевъ, 1876.

стахъ видно, что храмъ, въ которомъ это евангеліе прежде находилось, построенъ Мазепой, а храмъ этотъ чрезвычайно замѣчателенъ въ Южной Россіи» [1]). Эти мысли, набросанные наскоро, были потомъ нѣсколько подробнѣе развиты Бодянскимъ въ письмѣ къ Погодину отъ 12—24 апрѣля 1838 года [2]) и въ «Донесеніи г. министру народнаго просвѣщенія отъ 23 марта 1838 года», напечатанномъ въ 18 томѣ «Журнала Министерства Народ. Просвѣщенія» за 1838 годъ [3]).

Въ Кіевѣ Бодянскій пробылъ нѣсколько дней, осмотрѣлъ библіотеку Михайловскаго монастыря, но не успѣлъ ничего тамъ списать и занятія въ ней отложилъ до своего возвращенія изъ заграницы. Тогда же онъ надѣялся осмотрѣть Печерскую библіотеку «и многія другія, писалъ онъ Погодину, особенно частныя, книгохранилища на Волыни, Подолѣ и Украинѣ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, равно какъ и бѣлорусскія, гдѣ думаю найти для себя большую поживу: въ этомъ я увѣренъ до нельзя» [4]). Замысламъ Бодянскаго не суждено было, однако, осуществиться.

Изъ Кіева Бодянскій выѣхалъ 3 ноября 1837 г. и безъ остановки направился въ Прагу. Перваго декабря 1837 года въ 6 ч. вечера онъ былъ въ чешской столицѣ. Остановившись въ гостинницѣ, Бодянскій не отдохнулъ даже, а чрезъ полчаса былъ уже у Шафарика. Мы знаемъ, что литературныя отношенія между ними начались еще раньше, поэтому неудивительно, что знаменитый чешскій ученый принялъ Бодянскаго съ распростертыми объятіями, какъ своего стараго знакомаго [5])...

Въ задачу нашу не входитъ подробная біографія О. М. Бодянскаго. Мы, поэтому, не будемъ подробно останавливаться на его заграничномъ путешествіи и его работахъ по изученію сла-

---

1) Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей 1879 г. кн. I. Письма О. М. Бодянскаго къ Погодину, стр. 1—2.

2) Тамъ-же, стр. 37—40.

3) Стр. 282—404.

4) Письма къ Погодину (Чтенія 1879 г., кн. I) стр. 39—41.

5) Тамъ же стр. 6 и слѣд.

вянъ. Чрезвычайно интересный матеріалъ для этого представляютъ, помимо оффиціальныхъ донесеній Бодянскаго министру народнаго просвѣщенія, о которыхъ мы уже упоминали, еще и письма Бодянскаго къ Погодину. Въ нихъ почти шагъ за шагомъ описывались научныя занятія и работы Бодянскаго, высказывались различныя мнѣнія, соображенія, ставились вопросы о разныхъ событіяхъ научнаго значенія въ Россіи. Бодянскій чрезвычайно любилъ переписку. Письма его часто такъ обширны и обстоятельны, что напоминаютъ собой реляціи или являются настоящими научными трактатами.

Въ Прагѣ Бодянскій пробылъ около 10 мѣсяцевъ и здѣсь близко сошелся съ Шафарикомъ и подчинился его научному вліянію и авторитету. «Шафарикъ для меня, писалъ онъ въ одномъ письмѣ къ Погодину—цѣлая Академія; ему я болѣе всего обязанъ, и сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь могъ мнѣ такъ пригодиться, какъ онъ. Шафарикъ равно силенъ и какъ дома во всѣхъ частяхъ славянщины; это цѣлая библіотека, живая энциклопедія всѣхъ свѣдѣній о славянахъ» [1]). Такъ смотрѣлъ О. М. Бодянскій на Шафарика до конца своихъ цней. Сдѣлавшись профессоромъ, Бодянскій труды Шафарика положилъ въ основу своихъ лекцій и требовалъ отъ студентовъ изученія его сочиненій [2]).

Заграницей О. М. Бодянскій пробылъ около пяти лѣтъ, но выполнить намѣченнаго плана далеко не успѣлъ. Причиной этому была болѣзнь, едва не сведшая его въ могилу. Ревматизмомъ Бодянскій началъ страдать еще въ семинаріи, проболѣлъ года три, затѣмъ совсѣмъ исцѣлился, такъ что во время семилѣтняго пребыванія въ Москвѣ болѣзнь не давала себя чувствовать. Въ Чехіи же обнаружился ея бурный приступъ [3]). Бодянскій долженъ былъ лѣчиться водами, что надолго приковывало его къ одному мѣсту и мѣшало его работамъ. Ревматизмъ сдѣлалъ изъ Бодянскаго калѣку на всю жизнь...

---

[1]) Письма къ Погодину, стр. 24.

[2]) С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь, томъ V, стр. 61—62. Н. Ф. Сумцовъ. Изъ исторіи славянскаго общенія. Славянское Обозрѣніе 1892 г. іюль-августъ стр. 345.

[3]) Письма къ Погодину, стр. 67.

Если, несмотря на болѣзнь, Бодянскій все-таки многое сдѣлалъ изъ того, что онъ намѣчалъ, этимъ онъ былъ всецѣло обязанъ своему удивительному трудолюбію и работоспособности. Уже подъ конецъ путешествія Бодянскаго по славянскимъ землямъ, когда онъ былъ на пути въ Россію, съ нимъ въ апрѣлѣ 1842 г. встрѣтился въ Бреславлѣ И. И. Срезневскій. Они отправились вмѣстѣ въ Познань, жили въ одной комнатѣ и работали вмѣстѣ, затѣмъ вмѣстѣ переѣхали въ Варшаву и въ Вильну, и отсюда же разъѣхались: Бодянскій—въ Москву, Срезневскій—на югъ, знакомиться съ бѣлоруссами. Въ Варшавѣ и Вильнѣ оба слависта жили въ сосѣднихъ комнатахъ и видѣлись часто. Это дало возможность И. И. Срезневскому близко наблюдать работу О. М. Бодянскаго. «Всюду, говоритъ онъ, гдѣ мы останавливались, Бодянскій находилъ себѣ работу, и работалъ изо дня въ день цѣлый день, вставая рано и ложась поздно. Особенно онъ занимался выписками изъ рукописей, которыя мы получали на домъ: что онъ выписывалъ, я, большею частію, не зналъ, но выписывалъ онъ цѣлыми тетрадями. Позже оказалось—для чего онъ дѣлаетъ выписки, хотя едва ли и доселѣ не осталось многое имъ выписанное безъ употребленія» [1]).

Подъ руководствомъ Шафарика, Бодянскій въ первые четыре мѣсяца своего пребыванія въ Прагѣ занимался изученіемъ стараго и новаго чешскаго языка, верхне- и нижне-лужицкаго, исторіи ихъ литературъ и народовъ; затѣмъ занятія его сосредоточились на изученіи въ подлинникахъ древнечешскихъ литературныхъ памятниковъ. Проведши лѣто на водахъ въ Карлсбадѣ и Теплицѣ, сентябрь Бодянскій употребилъ на переѣзды по Чехіи для наблюденія надъ живымъ чешскимъ языкомъ въ устахъ народа, а въ октябрѣ переѣхалъ въ Моравію, гдѣ посѣтилъ Ольмюцъ, Брно и Райградъ, знакомясь съ научными и обществен-

---

[1]) *И. И. Срезневскій.* На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи Спб. 1878 (Сборникъ Отдѣленія рус. яз. и словес. Императ. Академіи Наукъ т. XVIII, № 6, стр. 35).

ными дѣятелями славянъ и съ нѣкоторыми изъ памятниковъ. Изъ Райграда Бодянскій переѣхалъ въ Вѣну, затѣмъ въ Венгрію, остановился на нѣкототорое время въ Пресбургѣ, затѣмъ чрезъ сѣверные комитаты прибылъ въ Пештъ, гдѣ провелъ зиму и начало весны. Судя по письму Бодянскаго къ Погодину отъ 29 апрѣля 1839 года дальнѣйшій планъ его былъ такой [1]). Въ срединѣ мая Бодянскій собирался проѣхать въ южную Венгрію и въ Сербію и пробыть тамъ до конца іюня, затѣмъ осмотрѣть Славонію и чрезъ Хорватію и Штирію пріѣхать въ Вѣну для свиданія съ Погодинымъ. Съ Погодинымъ Бодянскій предполагалъ снова проѣхать въ Пресбургъ и Пештъ, августъ и сентябрь посвятить путешествію по сѣверной и восточной Венгріи, т. е. посѣтить словаковъ и прикарпатскихъ русиновъ, затѣмъ Галицію, и чрезъ Краковъ и Вѣну пробраться на осень въ Каринтію, Крайну, Фіуме, Далмацію и Черногорію, а на зиму въ Римъ... Но обстоятельства сложились иначе. Въ началѣ мая снова повторился тяжелый приступъ ревматизма, и Бодянскій вмѣсто предположеннаго путешествія долженъ былъ надолго, на цѣлый годъ, засѣсть въ австрійской Силезіи въ Фрельвальдау близъ Грефенберга [2]).

Это кореннымъ образомъ измѣнило первоначальные планы Бодянскаго. Къ южнымъ славянамъ онъ уже не поѣхалъ [3]), а долженъ былъ подумать о скорѣйшемъ возвращеніи на родину. По

---

[1]) Письма къ Погодину, стр. 100.

[2]) Письма Бодянскаго къ Погодину въ Чтеніяхъ Общ. ист. и древностей. 1879 г. кн. I стр. 104 и слѣд.

[3]) Въ біографіи Бодянскаго, написанной проф. Н. Ф. Сумцовымъ и помѣщенной въ Критико-біографическомъ словарѣ С. А. Венгерова (кн. V стр. 54) сказано, что Бодянскій посѣтилъ земли южныхъ славянъ, Сербію и Болгарію. Это невѣрно. Къ сожалѣнію, мы должны вообще сказать, что, несмотря на почтенное имя автора, біографія Бодянскаго, составленная проф. Н. Ф. Сумцовымъ, изобилуетъ довольно большимъ числомъ фактическихъ ошибокъ и невѣрностей. Отзывъ Бодянскаго о сборникѣ Коллара отнесенъ, напримѣръ, ко времени пребыванія Бодянскаго въ семинаріи, указанъ подъ 1831 годомъ (стр. 65) и т. д.

пути въ Россію Бодянскій посѣтилъ земли лужицкихъ славянъ, занимался въ Бреславлѣ, Познани, Варшавѣ и Вильнѣ. Въ началѣ сентября 1842 г. Бодянскій былъ въ Москвѣ. Каченовскій въ то время уже умеръ, и Бодянскій долженъ былъ занять его каѳедру.

9 сентября 1842 года Бодянскій вступилъ на каѳедру исторіи и литературы славянскихъ народовъ. У насъ нѣтъ свѣдѣній объ его вступительной лекціи и объ его первоначальномъ курсѣ, хотя Бодянскій, по своему обыкновенію, все подробно описалъ въ своемъ письмѣ къ Шафарику. Послѣдній, по крайней мѣрѣ, вотъ что писалъ Погодину, путешествовавшему въ то время по Европѣ. «Другъ Бодянскій написалъ мнѣ письмо о началѣ своего учебнаго курса: о ходѣ литературы и проч., что меня очень порадовало. Только мнѣ показалось, что его воображеніе нѣсколько поразгорячилось, что я приписалъ его молодости. Онъ говоритъ тамъ о видахъ, о которыхъ я ничего не знаю и знать не желаю. Вы знаете, что я простой, сухой грамматикъ, антикварій и филологъ, и почти о другомъ не знаю и ничего знать не хочу. Хотя я ему въ вину не ставлю подобныя экстравагантности и модныя мечтанія и фантазію ради его молодости, но другіе, читая его письма, могутъ понять иначе ихъ и дать имъ иное толкованіе. Если бы я стоялъ къ нему ближе и былъ съ нимъ довѣрчивѣе, то сказалъ бы ему по сербски: da ne luduje!» [1]).

Вступленіе Бодянскаго на каѳедру Погодинъ, какъ мы уже знаемъ, встрѣтилъ съ большой радостью. Когда онъ возвратился изъ путешествія и въ первый разъ увидѣлъ Бодянскаго на каѳедрѣ, онъ обнялъ его, поцѣловалъ въ присутствіи всей аудиторіи и сказалъ: «Слава Богу! Цѣль наша достигнута. Славяновѣдѣніе водворено въ Первопрестольной, а чрезъ нее и въ цѣлой, дасть Богъ, Россіи» [2])...

О профессорской дѣятельности Бодянскаго, равно какъ и о дѣятельности въ университеской коллегіи извѣстно очень мало [3]).

---

1) и 2) Жизнь и труды Погодина т. VI стр. 373.

3) О содержаніи отдѣльныхъ курсовъ Бодянскаго по славяновѣдѣнію даетъ краткія свѣдѣнія И. И. Срезневскій (На память о Бодянскомъ и пр. стр. 36—37).

Среди студентовъ Бодянскій, кажется, первоначально не пользовался популярностью. Онъ принадлежалъ къ кружку Погодина, «Москвитянина», славянофиловъ и, конечно, не могъ находить сочувствія среди западниковъ, которые являлись въ то время проводниками новыхъ, свѣжихъ идей въ русское интеллигентное общество. Особенно много повредило Бодянскому въ глазахъ передовой молодежи его участіе въ диспутѣ Грановского въ качествѣ оппонента. Бодянскій былъ противникомъ допущенія къ защитѣ диссертаціи Грановскаго о древнихъ городахъ: «Волинѣ, Іомсбургѣ и Винетѣ» и на диспутѣ довольно рѣзко и необычайно, по общему отзыву, грубо высказывалъ свои возраженія. Это вызвало сочувственную демонстрацію къ пользовавшемуся большою популярностью въ обществѣ Грановскому, и враждебную—Бодянскому. Кругомъ послышалось шипѣніе и, наконецъ, свистъ. Бодянскій съ Шевыревымъ попробовалъ обратиться къ студентамъ словами: «это не театръ!», но на это имъ отвѣтили такимъ свистомъ и шипѣніемъ, что нельзя было ничего разслышать [1]). По этому поводу Герценъ, являвшійся выразителемъ настроенія тогдашней молодежи, писалъ, что диспутъ Грановскаго «былъ публичнымъ и торжественнымъ пораженіемъ славянофиловъ и публичной оваціей Грановскому. Нападки были дѣланы съ невѣроятною дерзостью, съ цинизмомъ грубымъ до отвратительности. Грановскій отвѣчалъ тихо, спокойно, кротко, вѣжливо, улыбаясь; нравственно оппоненты были уничтожены имъ. Но толстая шкура ихъ не поняла бы этого. Другой голосъ посильнѣе осудилъ ихъ. Грановскій былъ встрѣченъ громомъ рукоплесканій, каждое слово Бодянскаго награждалось всеобщимъ шиканьемъ. Изъявленія эти были такъ сильны и энергичны, что никто и не думалъ останавливать ихъ. Сверхъ дерзости въ выраженіяхъ, гнусныя продѣлки Шевырева, Бодянскаго и другихъ были извѣстны всей публикѣ, на нихъ смотрѣли съ омерзѣніемъ» [2]) Погодинъ также

---

[1]) Русская Старина 1886 г. августъ (Воспоминанія А. Н. Афанасьева) стр. 381—382.

[2]) Сочиненія А. И. Герцена т. I стр. 267—268.

находилъ рѣчь Бодянскаго неприличной, по формѣ [1]), а Хомяковъ писалъ Ю. Ф. Самарину въ Петербугъ, что Шевыревъ и Бодянскій попались въ просакъ [2]). Словомъ, мнѣніе было общее, и мнѣніе далеко не въ пользу Бодянскаго. Не мудрено, поэтому, что человѣкъ, бывшій въ то время студентомъ, извѣстный авторъ «Поэтическихъ воззрѣній славянъ на природу» А. Н. Афанасьевъ далъ въ 1855 году довольно рѣзкую и неблагопріятную характеристику О. М. Бодянскаго какъ профессора: «Филологъ онъ весьма не дорогой, говоритъ Афанасьевъ о Бодянскомъ; съ позднѣйшими учеными пріемами вовсе не знакомъ, и лекціи его никогда не отличались большими достоинствами. Славянскія нарѣчія онъ, конечно, знаетъ, но знанія эти не ведутъ ни къ чему; самъ же онъ говоритъ такимъ страннымъ и неправильнымъ языкомъ, что въ немъ какъ будто слышишь отголоски всѣхъ славянскихъ нарѣчій, слившихся воедино ради вавилонскаго смѣшенія. Упрямый, нѣсколько грубый, онъ вдобавокъ еще сильно косъ, весьма необтесанъ и фигурою своею живо напоминаетъ Собакевича, который непремѣнно на что-нибудь наступитъ или что-нибудь зацѣпитъ; входя въ комнату, онъ страшно топаетъ своими аляповатыми сапогами, подбитыми желѣзными гвоздями. Эти сапоги, кажется, работаетъ ему не сапожникъ, а развѣ плотникъ. Людей угадывать и опредѣлять ихъ талантливость онъ далеко не мастеръ» [3]).

Зато совсѣмъ другую, почти восторженную характеристику даетъ одинъ изъ послѣднихъ, по времени, учениковъ Бодянскаго одесскій профессоръ-славистъ А. А. Кочубинскій [4]).

Характеристика эта относится къ болѣе позднему времени, къ срединѣ 60-хъ годовъ. Старое въ это время было уже позабыто. Полное достоинства поведеніе Бодянскаго въ 1848 году, когда надъ нимъ стряслась бѣда по поводу изданія сочиненія Флетчера, затѣмъ борьба съ Катковымъ и Леонтьевымъ не могли, ко-

---

[1]) Жизнь и труды Погодина т. VIII стр. 45.

[2]) Рус. Архивъ 1879 г. № 11 стр. 317.

[3]) Рус. Старина. 1886 г. августъ стр. 390—391.

[4]) Славянское Обозрѣніе 1892 (ноябрь—декабрь) стр. 291—293.

нечно, не вызывать сочувствія и симпатій къ Бодянскому у молодежи...

«Кто изъ студентовъ верховнаго нашего университета, московскаго, 50-хъ и 60-хъ годовъ, говоритъ А. А. Кочубинскій, не сохранилъ въ своей памяти любезное воспоминаніе о профессорѣ Бодянскомъ—проще—объ «Осипѣ Максимовичѣ», какъ онъ обыкновенно титуловался въ сношеніяхъ товарищей между собою при соблюденіи его собственнаго малорусскаго произношенія его имени—изъ постоянныхъ или случайныхъ посѣтителей исторической «Словесной малой» аудиторіи, на первомъ мѣстѣ изъ присяжныхъ словесниковъ, на второмъ—любителей юристовъ?...

Въ понедѣльникъ, среду и субботу, съ ударомъ двѣнадцати часовъ подъѣзжалъ къ крыльцу Новаго Университета извощикъ но не «ванька», и изъ дрожекъ, не безъ большихъ усилій, выкарабкивался грузный небольшой человѣкъ, а если дѣло было зимою, то съ цѣлою серіей шубъ и «епанчей» вокругъ своего туловища и подпоясанный поверхъ всего простымъ ямщичьимъ кушакомъ, съ красными и зелеными полосками. Проходило нѣсколько минутъ, пока старикъ швейцаръ распоясывалъ и освобождалъ прибывшаго отъ его тяжелыхъ пеленъ, въ которыхъ онъ былъ словно младенецъ въ колыбели. Это былъ Бодянскій, прибывшій на свои двухчасовые, безъ перерыва, славянскія лекціи то славянскихъ нарѣчій, то сравнительной грамматики ихъ, то славянскихъ древностей, шедшія въ теченіи четверти вѣка почти безъ перемѣны въ одномъ и томъ же порядкѣ: отъ языка къ исторіи, и также въ теченіе четверти вѣка—обязательно для цѣлаго состава студентовъ словеснаго факультета, за исключеніемъ еще недозрѣлыхъ—перваго курса. Освобожденный отъ своихъ многочисленныхъ покрововъ (обязательное ношеніе которыхъ для студентовъ, конечно, было непонятно и скорѣе всего разсматривалось какъ одно изъ профессорскихъ чудачествъ южанина, попавшаго на сѣверъ), Бодянскій только изрѣдка заходилъ въ профессорскую, а прямо сворачивалъ изъ прихожей направо-кругомъ въ корридоръ, сначала широкій, потомъ узкій, полутемный, съ асфальтовыми полами, ведшій его въ его святилище славян-

ское—«Словесную малую». Медленное, неповоротливое, неправильное движеніе большого, широкого туловища на крупныхъ ногахъ съ особенными ступнями въ видѣ колодокъ, съ значительными покачиваніями налѣво и направо, громко раздавалось по асфальтовому полу, студенты заботливо сторонились. Случалось, что профессоръ шелъ въ сопровожденіи спутника, съ такими же неизящными и медленными движеніями ногъ и съ такой же особенной формой самихъ ногъ: это былъ профессоръ Бѣляевъ. Тогда каждый шагъ еще звучнѣе разносился подъ звонкими арками корридоровъ, причемъ звукъ отъ тяжелой походки временами мѣшался съ хихиканьемъ сладко ухмыляющагося или говорящаго Бодянскаго. Слушатели тихо слѣдовали сзади, но нельзя сказать, чтобы особенно охотно: съ особеннымъ чувствомъ взирали они за захлопнувшеюся дверью, словно захлоппувшеюся на цѣлую вѣчность.

Но вотъ профессоръ на каѳедрѣ, съ нѣкоторымъ усиліемъ взобравшись на нее. Изъ-за высокой каѳедры предъ слушателями немногочисленными, выдвинулась громадная голова на небольшой широкой шеѣ, заботливо повязанной чернымъ шелковымъ платкомъ большихъ размѣровъ или широкой атласной полосой, съ негустою растительностью на головѣ, по серединѣ съ зачесанными на вискахъ волосами впередъ гребнемъ, съ большими, но расходящимися, добрыми глазами, причемъ одинъ былъ поврежденъ, съ широкимъ большимъ хохлацкимъ носомъ, бритое лицо, но съ щетинистыми, топырящимися въ разныя стороны большими усами. Предъ слушателями былъ настоящій «запорожській козакъ» на каѳедрѣ.

И свой, словесникъ, и чужакъ, юристъ или натуралистъ, знали Бодянскаго, т. е. слыхали объ его необыкновенной учености, что онъ столбъ науки на факультетѣ, объ его семинарской страсти къ диспутаціи; знали, что ни одинъ почти университетскій диспутъ, ниже медицинскаго характера, не обходился безъ участія Бодянскаго, безъ выпускаемой имъ въ дѣло кучи, какъ изъ рога изобилія, прибаутокъ, пословицъ, поговорокъ на всевозможныхъ языкахъ міра, нерѣдко мѣткихъ, какъ бритва,—Бодянскаго, счастливаго, довольнаго тогда; объ его рѣдкомъ добродушіи, незлобивости,

мягкомъ украинскомъ сердцѣ, неподкупной честности, прямотѣ и рѣдкой твердости характера, не дозволявшаго никогда, ни при какихъ условіяхъ, ни малѣйшаго компромисса; заставлявшаго его непоколебимо, упрямо, по-хохлацки стоять на своемъ, если что разъ признано было имъ справедливымъ. Можно спорить смѣло. безъ опасенія впасть въ преувеличеніе, что едва ли кто когда-либо былъ изъ студентовъ московскаго университета, кто объ ученомъ, добромъ, хотя и угрюмомъ на видъ, благородномъ Бодянскомъ думалъ худо. Это былъ крупный, типичный профессоръ, характерный, типичный человѣкъ. Но также можно утверждать. что едва ли кто изъ нихъ зналъ, что Бодянскій, кромѣ этой симпатичной, такъ сказать, своей наличности, имѣлъ за собою еще одну историческую черту—что при оффиціальномъ признаніи славянской науки въ Россіи университетскимъ уставомъ 1835 года онъ явился, какъ п е р в ы й м а г и с т р ъ новой славянской каѳедры въ русскихъ университетахъ, первый съ новою ученою степенью «камнемъ, егоже зиждущеи не вреду положиша», что его энергіи, его рѣшимости новая славянская каѳедра обязана своимъ быстрымъ осуществленіемъ. Да, не будь Бодянскаго, этого семинариста изъ переяславской на Днѣпру бурсы, потомъ замѣченнаго ученика Погодина и Каченовскаго въ московскомъ университетѣ первой половины тридцатыхъ годовъ, погнаннаго въ Москву жаждою знанія съ мѣднымъ грошемъ въ карманѣ, кто скажетъ, какая бы судьба ожидала новоизданную университетскую каѳедру, хотя она и была предметомъ завѣтныхъ думъ уже довольно давно, дорогихъ думъ нашего историческаго министра просвѣщенія, благороднаго адмирала Шишкова».

Ник. Василенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ исторіи открытія памятника И. П. Котляревскому въ г. Полтавѣ.

Надлежащее отношеніе потомства къ памяти и заслугамъ общественныхъ дѣятелей, несомнѣнно, указываетъ на степень развитія общества, на его сознательное отношеніе къ своему прошлому. Условія развитія украинской литературы въ 19 вѣкѣ мало способствовали тому, чтобы современники, а затѣмъ и потомство, воздавали должное труженикамъ украинскаго слова. Какъ результатъ такого положенія, мы можемъ констатировать такой печальный фактъ: прошло цѣлое столѣтіе существованія малорусской литературы, и на всемъ обширномъ пространствѣ, гдѣ раскинулось 23 милліона малорусскаго населенія, ни одинъ писатель не былъ почтенъ столь обычнымъ, всемірно принятымъ способомъ—постановкой памятника.

Несомнѣнно, суммой многихъ причинъ надо объяснить такое грустное положеніе. Внѣшнія условія, конечно, играли первенствующее значеніе среди этихъ причинъ, но не мало къ тому было причинъ, явившихся совершенно самостоятельно, въ связи съ направленіями даже болѣе прогрессивной общерусской литературы, зачастую совершенно игнорировавшей духовную жизнь и запросы южно-русскаго народа. Изслѣдовать психологическій процессъ пробужденія сознательнаго отношенія къ заслугамъ Котляревскаго, какъ начинателя украинской литературы—будетъ интересной и поучительной задачей. Надлежащее выполненіе ея

должно быть поставлено въ связи съ общей характеристикой современнаго общества; наша же задача гораздо скромнѣе: мы хотимъ только отмѣтить нѣкоторые болѣе характерные моменты въ исторіи созданія памятника Котляревскому, въ которыхъ отразилось то или другое отношеніе общества къ идеѣ постановки памятника или ея осуществленію. Все это можетъ впослѣдствіи послужить нѣкоторымъ матеріаломъ для выполненія болѣе широкой задачи, указанной выше. Самый же фактъ открытія памятника въ Полтавѣ 30 августа сего года даетъ основаніе именно теперь использовать данныя, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи.

Зарожденіе идеи постановки памятника Котляревскому въ Полтавѣ, на родинѣ писателя, тѣсно связано съ заботой о могилѣ его и о возобновленіи памятника на этой могилѣ. Какъ извѣстно, вскорѣ послѣ смерти И. П. Котляревскаго (1838 г.), погребеннаго на старомъ городскомъ кладбищѣ, въ южной части его, у самой дороги на г. Кобеляки, друзьями усопшаго былъ поставленъ скромный памятникъ изъ мѣстнаго кирпича. Ко времени столѣтія со дня рожденія поэта (1768 года), почитателями его памятникъ былъ нѣсколько ремонтированъ, но обветшалая кирпичная кладка быстро шла къ разрушенію, и въ концѣ 70-хъ годовъ памятникъ имѣлъ уже самый печальный видъ.—10-го января 1881 г. въ Полтавскую Городскую Управу было подано заявленіе гласнаго А. Алексенка, гдѣ онъ, указавъ печальное положеніе полуразрушившагося памятника съ едва уцѣлѣвшей мѣдной доской, говоритъ: «*всякій*, кому извѣстны труды Котляревскаго, *долженъ* сочувственно отнестись къ тому, чтобы привести памятникъ въ порядокъ и тѣмъ увѣковѣчить память достойнаго писателя». Обратившись оффиціально къ городскому самоуправленію, гласный Алексенко и въ своей мотивировкѣ, а въ дальнѣйшемъ практическомъ предложеніи расширяетъ кругъ лицъ, которыя должны позаботиться объ увѣковѣченіи памятника писателю. По вопросу о средствахъ въ заявленіи говорится, что деньги могутъ быть получены отъ постановки въ театрѣ произведеній самого же Котляревскаго. При этомъ Алексенко надѣется на полное сочувствіе, какъ со стороны любителей сценическаго

искусства, такъ и со стороны публики вообще, могущей внести свою матеріальную лепту.

Этимъ заявленіемъ въ неясныхъ контурахъ намѣтилась та программа заботъ общества о памятникѣ поэту, которая, постепенно развиваясь, привела къ открытію памятника 30-го августа сего года.

Предложеніе г. Алексенка встрѣтило полное сочувствіе среди гласныхъ, и въ засѣданіи 26 марта того же 1881 г. состоялось постановленіе Думы о немедленномъ ассигнованіи 100 рублей на исправленіе памятника. Ремонтъ былъ произведенъ лѣтомъ того же года однимъ изъ гласныхъ хозяйственнымъ способомъ: «памятникъ оштукатуренъ, и вокругъ него поставлена прочная деревянная ограда, окрашенная бѣлой краской»,—такъ значится въ отзывѣ городского архитектора.

Такимъ образомъ, за утвержденіемъ Думой произведеннаго расхода на 53 рубля, 47 р. остались на тотъ же предметъ неизрасходованными, перечисляясь изъ года въ годъ и являясь первоначальнымъ фондомъ для увѣковѣченія памяти Котляревскаго.

Въ августѣ того же 1881 г. въ Управу было подано заявленіе антрепренера—артиста С. Н. Новикова, предложившаго устроить 2 народныхъ гулянья въ городскомъ саду съ тѣмъ, чтобы $^1/_2$ сбора пошло на исправленіе и ремонтъ памятника Котляревскому. «Принадлежа къ числу почитателей незабвеннаго творца образцовыхъ драматическихъ пьесъ на малороссійскомъ языкѣ,—писалъ онъ въ заявленіи,—«я желалъ бы съ своей стороны, по мѣрѣ силъ своихъ, содѣйствовать тому, чтобы памятникъ на могилѣ Котляревскаго былъ возобновленъ и чтобы такимъ образомъ напоминаніе о великомъ поэтѣ и гражданинѣ Полтавы (чѣмъ она имѣетъ право гордиться) не стерлось бы временемъ для глазъ, какъ по его безсмертнымъ твореніямъ ни во вѣки не сотрется память о немъ и поклоненіе его таланту въ сердцахъ и душахъ всего образованнаго міра».

Надо полагать, что успѣхъ этихъ народныхъ гуляній съ постановкой пьесъ Котляревскаго былъ значительный, такъ какъ, при небольшой платѣ за входъ (по 25 к.), половина чистаго сбора

выразилась въ суммѣ 350 р. 11 коп. Но и эта сумма, въ виду произведеннаго ремонта на городскую ассигновку, такъ и осталась неизрасходованной. переходя изъ года въ годъ и оставаясь запаснымъ фондомъ.

Случайно заѣзжій артистъ, внесшій и свою лепту, уѣхалъ изъ Полтавы; сами же полтавцы временно были удовлетворены произведеннымъ ремонтомъ памятника, дожидая, пока новое разрушеніе его вновь не поставитъ вопроса о болѣе прочномъ и достойномъ увѣковѣченіи памяти поэта. Проходили года. Текущіе интересы дня всецѣло поглощали вниманіе даже лучшихъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, и вопросъ объ увѣковѣченіи памяти Котляревскаго былъ временно забытъ.

Въ то же время незамѣтно шелъ ростъ общественнаго сознанія, подготовляя почву для болѣе широкой постановки вопроса о памятникѣ Котляревскому. И вотъ, когда въ 1891 г. въ мѣстныхъ газетахъ, а затѣмъ въ «Елисаветградскомъ Вѣстникѣ» (№ 104) появилось извѣстіе о крайне печальномъ положеніи могилы поэта, полтавское общество и вообще южно-русская интеллигенція съ разныхъ концовъ отозвались съ полнѣйшимъ сочувствіемъ. Былъ выдвинутъ вопросъ не только о ремонтѣ стараго, обветшалаго памятника на могилѣ и о замѣнѣ его новымъ, но на ряду съ этимъ и о постановкѣ памятника въ самомъ городѣ, на одной изъ площадей Полтавы.

Сочувствіе въ различныхъ уголкахъ края выразилось, между прочимъ, въ устройствѣ спектаклей со сборами на памятникъ поэту. Первая сумма поступила черезъ г. Климовича изъ Одессы (отъ почитателей Котляревскаго) 80 руб.; изъ Миргорода 35 р.—отъ распорядителя любительскаго спектакля, г. Далматова. Однако до 1894 г. вопросъ двигается очень медленно. Городская Управа поручила произвести осмотръ памятника городскому архитектору и собирала вообще свѣдѣнія о стоимости новаго.

Тѣмъ временемъ вопросъ этотъ проникъ и въ земскія сферы. Одному изъ ближайшихъ губернскихъ земскихъ собраній былъ предложенъ на обсужденіе докладъ о необходимости позаботиться о могилѣ малорусскаго писателя, мѣстнаго дѣятеля, уроженца

Полтавы. Земство ассигновало 1000 р. на постановку надмогильнаго памятника. При такихъ условіяхъ, естественно было городскому управленію сосредоточить все свое вниманіе и заботу на постановкѣ памятника въ городѣ. И вотъ, въ мартѣ 1894 г. Городской Управой изготовляется подробный мотивированный докладъ очередному засѣданію Думы о постановкѣ памятника Котляревскому.

Этотъ докладъ является краеугольнымъ камнемъ надлежащей постановки вопроса о памятникѣ и о способахъ осуществленія проекта. Сдѣлавъ оцѣнку заслугъ Котляревскаго, какъ родоначальника украинской литературы новаго періода, указавъ на то міровое значеніе, которое занимаетъ Котляревскій въ исторіи развитія и возрожденія славянскихъ литературъ, какъ начинатель малорусской литературы, а также отмѣтивъ его заслуги, какъ мѣстнаго дѣятеля, докладъ говоритъ: «относясь съ участіемъ къ памяти своего гражданина, общественнаго дѣятеля и родоначальника малорусской сцены и народной литературы, Управа не сомнѣвается, что Городская Дума вмѣстѣ съ нею, въ качествѣ представителя населенія, признаетъ своимъ долгомъ положить начало сооруженію памятника Котляревскому въ самомъ городѣ».

Въ концѣ доклада Управа вносила слѣдующія предложенія: 1) ходатайствовать о разрѣшеніи подписки въ предѣлахъ полтавской и черниговской губерній; 2) мѣстомъ для устройства памятника избрать Петровскую площадь, противъ дома губернскаго земства; 3) войти въ соглашеніе съ Губернской Земской Управой объ употребленіи ассигнованныхъ 1000 р. на устройство памятника въ городѣ и просить ее принять участіе въ обсужденіи проекта совмѣстно съ Городской Управой; 4) исправить пришедшій въ ветхость памятникъ на могилѣ; 5) отчислить изъ городскихъ суммъ въ видѣ пожертвованія извѣстную сумму на памятникъ, каковую и внести въ дополнительную смѣту. Въ засѣданіи 31-го марта того же года Дума единогласно приняла всѣ предложенія доклада.

Ходатайство, направленное къ губернатору въ маѣ того же года, не имѣло дальнѣйшаго движенія почти годъ, и въ засѣданіи Думы

16 мая 1895 г. по этому же вопросу состоялось дополнительное постановленіе. Въ этомъ засѣданіи городской голова доложилъ, что, по полученнымъ свѣдѣніямъ, ходатайство объ открытіи подписки можетъ увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, если районъ подписки будетъ ограниченъ только предѣлами полтавской губерніи. Предложеніе такого ограниченія было принято Думой, и 2 августа того же года Управой было получено увѣдомленіе г. губернатора, что Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшена просимая подписка на сооруженіе памятника Котляревскому.

Умѣстнымъ будетъ упомянуть, что Черниговская Городская Управа, въ виду сказаннаго ограниченія района оффиціальной подписки, сама возбуждала ходатайство о разрѣшеніи ей подписки съ той же цѣлью въ предѣлахъ Черниговской губерніи, но ходатайство это было отклонено.

Съ этого времени все вниманіе Управы сосредоточивается на разсылкѣ подписныхъ листовъ и на приглашеніи принять участіе въ сборѣ пожертвованій, обращаясь какъ къ цѣлымъ учрежденіямъ, такъ и къ отдѣльнымъ лицамъ въ губерніи. Одновременно съ этимъ въ газетахъ появились статьи и замѣтки о предстоящей постановкѣ памятника.

Къ 1-му октября 1896 г. Управой былъ составленъ первый отчетъ о сборахъ. Результаты 1-го года подписки далеко превзошли ожиданія многихъ пессимистовъ, которые, при сказанномъ ограниченіи района разсылки подписныхъ листовъ, никакъ не надѣялись получить въ кассу Управы болѣе 3—4 тысячъ руб. Къ октябрю 1896 г. всего поступило 6418 р. 12 к. Къ 1-му января 1898 г. былъ опубликованъ 2-ой отчетъ, при чемъ оказалось, что сборъ достигъ 9145 р. 91 к.

Сосредоточивъ свое вниманіе, какъ сказано, на сборахъ пожертвованій, Управа всѣ остальные вопросы о деталяхъ памятника, размѣрахъ его и стоимости оставила совершенно открытыми, и только послѣ опубликованія 1-го отчета, когда степень сочувствія и матеріальная поддержка со стороны почитателей были хотя отчасти выяснены и сооруженіе памятника обезпечено, тогда только приступила къ дальнѣйшей разработкѣ вопросовъ,

связанныхъ съ постановкой памятника. Вопросы эти и были предложены на обсужденіе Думы уже 27 апрѣля 1897 г.

Здѣсь необходимо остановиться на одномъ эпизодѣ, создавшемъ очень серьезный моментъ въ исторіи сооруженія памятника.

Въ № 62 «Полт. Вѣд.» появилась замѣтка за подписью И. Ф. П., въ которой авторъ, воздавъ должную похвалу сочувствію публики, собравшей на памятникъ за первый же годъ болѣе 6 тысячъ р.,— предлагалъ, *не ставя памятника писателю*, почтить память такого дѣятеля, какимъ былъ К—ій, другимъ какимъ-либо способомъ. Далѣе, авторъ проектируетъ обратить собранный капиталъ на постройку зданія имени К—ого, въ которомъ сосредоточить различныя, уже существующія, просвѣтительныя учрежденія Полтавы, какъ напримѣръ: коммиссія народныхъ чтеній и другія. Несомнѣнно, такая мысль могла найти сторонниковъ среди нашей интеллигенціи, стоящей близко къ различнымъ учрежденіямъ Полтавы, для которыхъ эти 6 тысячъ р. и дальнѣйшія поступленія были-бы совершенной находкой. Но какъ бы ни были милы и полезны уже существующія учрежденія г. Полтавы, цѣль и задачи ихъ далеко не совпадаютъ съ памятью К—ого и съ исключительными заслугами его, какъ начинателя украинской литературы; вотъ почему такимъ предложеніемъ рѣзко нарушалась первоначальная идея увѣковѣченія памяти малорусскаго писателя. Я уже не говорю о чисто формальной сторонѣ такого предложенія, извращающаго цѣль, о которой говорила Управа, обращаясь къ жертвователямъ и предлагая внести свою лепту на *постановку „памятника“ К—му* въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Оказывалось, что И. Ф. П. не такъ уразумѣлъ то значеніе К—ого и тѣ его заслуги, которыя вызвали сочувствіе общества и успѣхъ сборовъ. Непониманіе это было такъ велико, что въ своей статьѣ, обращенной главнымъ образомъ къ Городскому Управленію, но вспомнившей и о жертвователяхъ, авторъ говоритъ: «я глубоко убѣжденъ въ томъ, что ни одинъ изъ подписавшихся не только не возразитъ, но вполнѣ сочувственно отнесется къ этому предложенію». Однако авторъ, какъ оказалось, ошибся: и въ

мѣстной прессѣ, и въ цѣломъ рядѣ письменныхъ заявленій отъ жертвователей были представлены возраженія этому проекту и просьбы—присланныя Управѣ деньги употребить только на постановку перваго памятника первому украинскому писателю.

Тѣмъ не менѣе вопросъ, возбужденный съ такой увѣренностью г. И. Ф. П., настолько сталъ предметомъ обсужденія, настолько затронулъ разнообразные круги мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, заинтересованныхъ судьбой собранныхъ денегъ, что городской голова счелъ долгомъ въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій Думы, а именно 27 апрѣля 1897 г., поставить этотъ вопросъ на обсужденіе Думы, изложивъ фактическую сторону дѣла. Послѣ незначительныхъ преній, гласный г. Полѣвецъ просилъ точно возстановить передъ Думой прежнее ея постановленіе и указалъ затѣмъ, что одна формальная сторона дѣла разрѣшаетъ этотъ вопросъ безповоротно—въ смыслѣ прежняго же постановленія, уже вошедшаго въ законную силу, приводимаго въ исполненіе и опубликованнаго во всеобщее свѣдѣніе. Гласный Маркевичъ отмѣтилъ полную невозможность перерѣшенія вопроса и по чисто принципіальнымъ соображеніямъ, указавъ на совершенное извращеніе первоначальной идеи постановки памятника — предложеніемъ, сдѣланнымъ въ печати И. Ф. П. Дума, въ виду всего этого, постановила остаться при прежнемъ рѣшеніи и довершить начатое дѣло постановки именно „*памятника*“ поэту. Тогда же была избрана коммиссія для дальнѣйшихъ заботъ о постановкѣ памятника. Избраніе коммиссіи мало измѣнило общій медленный ходъ всего дѣла. Не получивъ надлежащихъ инструкцій и полномочій, быстро измѣнившаяся въ своемъ составѣ, за отъѣздомъ нѣкоторыхъ членовъ ея изъ Полтавы, коммиссія собиралась рѣдко, когда Управа признавала необходимымъ подвергнуть обсужденію тотъ или другой вопросъ. Такъ, первое собраніе ея состоялось 12 октября того же 1897 г.; слѣдующее собраніе было созвано только въ февралѣ 1898 г. Къ этому же времени вполнѣ выяснилось, что извѣстный скульпторъ Л. В. Позенъ, уроженецъ и землевладѣлецъ полтавской губ., изъявилъ согласіе и полную готовность вылѣпить для памятника

бюстъ писателя. При даль[redacted]мъ обсужденіи деталей [redacted]екта, было предложено украсить по[redacted]нть его барельефами, [redacted]о-изведя отдѣльные моменты изъ 3[redacted]роизведеній К—го: иды», «Наталки-Полтавки» и «Моск[redacted]аривныка».

Помимо общаго наблюденія за ход[redacted]одписки и сборам Управѣ, совмѣстно съ коммиссіей, пришло[redacted]обенно сосредоточить вниманіе на разрѣшеніи вопросовъ о [redacted]орѣ мѣста, о надписяхъ на памятникѣ и о времени открытія е[redacted]

Въ двухъ печатныхъ отчетахъ о поступленіи по[redacted]ованій за періоды на 1 октября 1896 г. и на 1-ое января [redacted] г., Управа сообщала, что ею «принимаются всѣ мѣры къ тому, [redacted] открытіе памятника пріурочить кь 1898 г., къ столѣтію перваго печатнаго произведенія К--го, знаменитой Энеиды, представляющей собой исходный пунктъ возникшей затѣмъ украинской народной литературы на ряду съ возрожденіемъ народныхъ литературъ въ другихъ славянскихъ земляхъ». Однако въ засѣданіи коммиссіи 12 октября 1898 г. лично присутствовавшимъ скульпторомъ Л. В. Позеномъ было сообщено, что бюстъ К—го законченъ въ исполненіи ґипсомъ, а къ работѣ барельефовъ, задуманныхъ гораздо позже, уже приступлено; при этомъ была представлена модель одного барельефа: встрѣчи Наталки съ Возным. При такомъ положеніи вещей ясно было, что открытіе памятника въ 1898 г. состояться не можетъ.

Между тѣмъ, разосланный второй отчетъ, опредѣленно намѣтившій время открытія, а также появившіяся вскорѣ газетныя сообщенія по поводу этого отчета, обратили общее вниманіе жертвователей, и послѣдніе, очевидно, были преисполнены ожиданія предстоящаго торжества, предполагая таковое 29 октября, въ день смерти поэта. Однако, объ ожиданіи, какъ сказано, не могло быть и рѣчи. Городское самоуправленіе въ этотъ день почтило память К—го панихидой въ каѳедральномъ соборѣ; почитателями же его былъ устроенъ въ 2-мъ общественномъ собраніи вокально-музыкальный вечеръ, посвященный памяти К-го. Мѣстная газета помѣстила статью, соотвѣтствующую юбилейному дню. Этимъ и ограничились Полтавскіе поминки К-го.

Однако, нѣкоторые иногородніе почитатели поэта сочли своимъ долгомъ выразить свои сердечныя привѣтствія Городскому Управленію, взявшему на себя заботы по постановкѣ памятника К—му, пріурочивъ эти привѣтствія ко дню смерти его и ко дню устройства юбилейнаго литературнаго вечера. Особенно сердечно откликнулись наши зарубежные австрійскіе братья, русины: 29 октября городскимъ управленіемъ было получено отъ нихъ 18 телеграммъ съ выраженіемъ самыхъ сердечныхъ пожеланій культурнаго процвѣтанія края. Можно съ увѣренностью сказать, что далеко немногіе изъ полтавцевъ ясно представляютъ себѣ, насколько близко сердцу зарубежныхъ братьевъ открытіе памятника. Вотъ почему и для городского самоуправленія такая отзывчивость, повидимому, была въ значительной степени неожиданностью: понявъ, что эти привѣтствія относятся исключительно къ открытію памятника, Управа тогда же не выразила надлежащей благодарности зарубежнымъ сосѣдямъ, и только теперь, въ дни минувшихъ торжествъ она вновь получила возможность исполнить лежащій на ней долгъ...

По минованіи юбилейнаго года, вопросъ о времени открытія самъ собой былъ отложенъ на неопредѣленное время, какъ впослѣдствіи оказалось—ровно на пять лѣтъ...

Столь простой вопросъ, какъ выборъ мѣста для памятника К—му, осложнился до небывалыхъ размѣровъ. Если вспомнить первоначальное постановленіе Думы 31 марта 1894 г., то и тогда категорически мѣстомъ памятника назначалась Петровская площадь. Впослѣдствіи, отчасти подъ вліяніемъ слуховъ (источники которыхъ невозможно было уловить), что на этой площади предполагаютъ ставить памятникъ Петру I, Управа сочла нужнымъ вновь обсудить вопросъ о мѣстѣ для памятника Котляревскому. Вопросъ этотъ Думѣ пришлось не только многократно обсуждать въ своихъ засѣданіяхъ, но дѣлать цѣлый рядъ постановленій и трижды рѣшать его, полагая каждый разъ, что это рѣшеніе окончательное.

Среди почитателей поэта вопросъ этотъ возбудилъ не только многократные дебаты, но породилъ цѣлую полемику въ мѣстныхъ органахъ. Нѣкоторыя корреспонденціи въ иногороднихъ газетахъ даже высмѣивали этотъ споръ о мѣстѣ, предлагая памятникъ сдѣлать подвижнымъ, чтобы удовлетворить спорящія стороны.

Но вопросъ этотъ не комичный, а очень серьезный, и потому заставляетъ меня остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

Гласными и лицами, заинтересованными судьбой памятника, разновременно предлагалось Управѣ 11 мѣстъ. Въ этихъ предложеніяхъ можно различить два противоположныхъ взгляда, которыми руководились отдѣльныя лица, предлагавшія то или другое мѣсто. Одни находили, что памятникъ надлежитъ поставить въ центрѣ города, въ возможно людномъ пунктѣ, на показъ публикѣ. Такія условія, какъ тѣснота предлагаемаго пункта, несимметрія направленія улицъ, скученность и даже грязь квартала,—все это отходило на 2-й планъ. Другіе говорили наоборотъ: памятникъ народному поэту, муза котораго впервые запѣла *свою родную пѣсню* на родномъ языкѣ, проявила жизнь несомнѣнно подъ сильнымъ вліяніемъ окружающей родной стихіи, чудной природы; такой памятникъ долженъ стоять какъ можно ближе къ этой природѣ, въ обстановкѣ, вдохновлявшей поэта.

Несомнѣнно, что оба эти направленія не чужды были крайностей: нельзя руководствоваться только бойкостью мѣста; нельзя ставить памятникъ среди, или правильнѣе—въ виду чудной природы, игнорируя совершенно «публичность» такого памятника и забывая условія, съ которыми связано посѣщеніе этого мѣста, когда просто приходится искать памятника. Удовлетвореніе по возможности обоимъ этимъ требованіямъ было бы наилучшимъ разрѣшеніемъ вопроса.

Когда вполнѣ выяснились эти два крайнихъ теченія, члены коммиссіи не изъ числа гласныхъ, г.г. Рудченко и Дмитріевъ, подали подробныя, мотивированныя заявленія, въ которыхъ, охарактеризовавъ эти два направленія, доказывали, что несомнѣнно мѣстомъ, наиболѣе удовлетворяющимъ двумъ этимъ требованіямъ, должна быть признана намѣченная Думой Петровская площадь:

мѣсто это довольно центральное, людное; изъ разводимаго сквера возможно всегда выдѣлить площадь, пропорціональную размѣрамъ памятника, а въ отношеніи посадокъ, декорировки, цвѣтовъ и проч. легко создать уголокъ, стильно воспроизводящій украинскую природу, вдохновлявшую поэта и пробуждавшую въ немъ силу южно-русскаго народнаго творчества, проявивъ которое, К--ій и сталъ первымъ выразителемъ этого народа. Въ такомъ же смыслѣ были заявленія и въ мѣстной прессѣ, правда, имѣвшей въ своей средѣ и горячихъ поклонниковъ площадки за соборомъ. Что касается коммиссіи, то въ засѣданіи 10-го февраля 1898 г., она единогласно признала, что «лучшее мѣсто для памятника—на Петровской площади, даже въ томъ случаѣ, если зданіе для просвѣтительныхъ учрежденій имени Гоголя было бы устроено не на этой площади». Въ засѣданіи же 12 октября того же года, обсуждая выдвинутый вопросъ о площадкѣ за соборомъ, коммиссія высказалась противъ этого мѣста.

За Петровскую площадь были поданы мнѣнія отдѣльными жертвователями, къ которымъ присоединялась и редакція «Кіевской Старины». Въ заявленіи своемъ редакція «Кіевской Старины»; писала: «взвѣсивъ всѣ обстоятельства дѣла, редакція пришла къ мысли, что лучшимъ мѣстомъ для памятника нужно считать Петровскую площадь. Заявляя объ этомъ въ дополненіе къ ряду статей, редакція, живо интересуясь разрѣшеніемъ этого вопроса, льститъ себя надеждой, что Полтавская Управа и даже Дума примутъ во вниманіе, въ ряду другихъ заявленій, мнѣніе тѣхъ людей, которые, любя родину и всячески заботясь о благѣ ея, желали бы, не имѣя юридическихъ на то правъ, подать свой голосъ хотя бы въ формѣ совѣщательной, если нельзя въ формѣ рѣшающей».

Повидимому вопросъ о Петровской площади имѣлъ очень много шансовъ разрѣшиться въ положительномъ смыслѣ; но Дума въ засѣданіи 1-го ноября 1899 г. 18-ю голосами противъ 13 избрала Протопоповскій бульваръ. При этомъ слѣдуетъ упомянуть, что скульпторъ Позенъ высказался противъ Петровской площади, находя, что она слишкомъ велика въ сравненіи съ памятниомъ,

съ чѣмъ пишущій эти строки никакъ не можетъ согласиться, такъ какъ и въ громадномъ паркѣ можетъ быть выбрана или образована поляна—мѣсто, пропорціональное размѣрамъ монумента.

Несмотря на окончательность этого рѣшенія, въ извѣстной части общественное мнѣніе далеко не было удовлетворено такимъ выборомъ, и время отъ времени раздавались протестующіе голоса, какъ въ заявленіяхъ Управѣ, такъ и въ печати. При этомъ указывалось на узость самого бульвара, чрезвычайную скученность кварталовъ, въ которые попадалъ памятникъ; отмѣчалось, что съ одной стороны его будутъ торговые ряды, отчасти пустые, а съ другой стороны—гостинница, цѣлый рядъ ремесленниковъ, съ 5-ю дамскими портными во главѣ, разукрасившими всю улицу соотвѣтствующими вывѣсками, объявленіями и выставками. Такая обстановка едва ли могла соотвѣтствовать характеру памятника малорусскому поэту, да еще въ Полтавѣ, вообще утопающей въ зелени и разбросавшейся на большое пространство.

Выборъ Протопоповскаго бульвара на столько составлялъ злобу дня для обывателей, что впослѣдствіи, какъ протестъ противъ этого мѣста, стали циркулировать въ большомъ количествѣ писаныхъ экземпляровъ 2 сатирическихъ стихотворенія: одно изъ нихъ «Жалибна суплика на той свитъ К—му» отъ гласныхъ, подавшихъ голосъ за Протопоповскій бульваръ. Затѣмъ второе «Отклыкъ съ того свиту видъ Ивана Петровыча сына Котляревського».

Въ концѣ 1901 года вопросу о мѣстѣ, повидимому навсегда сданному въ архивъ, суждено было еще разъ всплыть и быть предметомъ самыхъ горячихъ обсужденій. Къ этому времени закончилась постройка просвѣтительнаго зданія имени Н. В. Гоголя. Совершенно измѣнившійся видъ Ивановской улицы или площади, на которую выходитъ это зданіе, побудило нѣкоторыхъ гласныхъ подать заявленіе въ Управу о пересмотрѣ вопроса о мѣстѣ для памятника, при чемъ, какъ на лучшее, указывалось на площадь передъ просвѣтительнымъ зданіемъ-театромъ. Въ засѣданіи 13 декабря 1901 года, Дума, обсудивъ заявленіе 5-ти

гласныхъ, послѣ долгихъ преній, постановила: передать этотъ вопросъ на обсужденіе коммиссіи, избравъ таковую изъ 8-ми гласныхъ и 6 лицъ, не принадлежащихъ къ составу таковыхъ. Обсуждая главнымъ образомъ замѣну Протопоповскаго бульвара Ивановской улицей, члены коммиссіи значительнымъ большинствомъ высказались за послѣднюю, видя въ ней, во-первыхъ, возможность въ общемъ удовлетворить два указанныхъ раньше теченія; во-вторыхъ—близость театра, библіотеки, музея дѣлали мѣсто это болѣе подобающимъ для памятника писателю. Но на слѣдующій же день, 20 декабря, при новой баллотировкѣ вопроса, совершенно неожиданно, большинствомъ *одного* голоса (14 противъ 13), Дума избрала забракованную раньше *площадку возлѣ гостинницы Воробьева*.

Это было вторичное и повидимому окончательное рѣшеніе!

Но обыватель, близко принимающій къ сердцу судьбу памятника, не могъ остаться покойнымъ наблюдателемъ такихъ метаморфозъ. Взволнованное общественное мнѣніе вскорѣ представило въ результатѣ протестъ 15-ти гласныхъ, просившихъ новаго пересмотра вопроса. Въ особомъ мнѣніи этихъ гласныхъ, при сопоставленіи двухъ названныхъ мѣстъ, между прочимъ говорится: «здѣсь только (на Ивановской ул.) имѣется та полнота обстановки, какая обезпечиваетъ для памятника больше вниманія къ нему, т. к. именно здѣсь, въ театрѣ, ставятся произведенія Котляревскаго, и вся обстановка—Гоголевское зданіе, библіотека и музей—создаетъ тотъ уголокъ города, гдѣ концентрируется духовная жизнь, въ созданіе элементовъ которой сдѣлалъ свой вкладъ и родной писатель»... «Здѣсь является возможнымъ имѣть вокругъ памятника скверъ, гдѣ могли бы посидѣть и порѣзвиться дѣти, въ воспитаніи которыхъ образъ родного писателя могъ-бы съиграть культурную роль, какою дорожатъ всѣ народы, помнящіе свою исторію, любящіе свой край и твердо знающіе, что нѣтъ прочнаго общества безъ любви къ своему краю и безъ памяти о лучшихъ его людяхъ».

Такъ говорила совѣсть 15 гласныхъ, искренно желавшихъ лучшаго мѣста для памятника. Къ этому мнѣнію присоединились

нѣкоторые изъ членовъ коммиссіи, не состоящіе гласными, о чемъ ими было подано особое заявленіе Управѣ. При этомъ надо упомянуть, что еще до перваго рѣшенія Думы, въ августѣ 1899 г., городской голова просилъ артистовъ бывшей тогда малорусской труппы высказаться по вопросу о мѣстѣ, и представители труппы, гг. Карпенко-Карый и Садовскій, и лично, и въ письменномъ заявленіи Управѣ, подробно мотивируя, указывали именно на мѣсто по Ивановской улицѣ, противъ театра—Просвѣтительнаго зданія.

Два раза—въ засѣданіяхъ 4 февраля и 11 марта 1902 года вопросъ этотъ откладывался окончательнымъ рѣшеніемъ, и наконецъ 21-го марта того-же года избранъ вновь *Протопоповскій бульваръ*.

По поводу всей этой исторіи невольно вспоминаются послѣднія строки «Жалибнои суплики» Котляревському:

«Прыймы-жъ видъ насъ це мисце друже,
Не лай-же насъ за ёго дуже
И головы намъ не морочъ!
Бо въ насъ теперъ такого дила—
Ій Богу, вси ажъ побилилы!
Водопроводъ та той трамвай
Ни йисты не дають, ни спаты;
Мы збылысь съ пантелыку, брате,
То вже хочъ ты насъ не збывай»...

Н. Дмитріевъ.

Праздникъ украинской интеллигенціи.

Давно съ нетерпѣніемъ ожидавшееся всѣми любителями украинскаго слова открытіе перваго памятника первому дѣятелю этого слова стало наконецъ совершившимся фактомъ. Дни 30 и 31 августа настоящаго года, когда сорвано было покрывало, окутывавшее до того времени этотъ памятникъ, надолго останутся въ памяти какъ полтавскихъ жителей, такъ и многочисленной украинской интеллигенціи, собравшейся здѣсь со всѣхъ концовъ Украины—отъ ближайшихъ къ Полтавѣ мѣстностей и до закордонной ея части, которая въ первый разъ выслала и своихъ представителей на это торжество единаго національнаго организма, живущаго общею жизнью и пульсирующаго однимъ чувствомъ любви и привязанности къ общей родинѣ. При настоящемъ положеніи украинскаго слова и литературы въ Россіи, фактъ открытія памятника *украинскому* писателю имѣетъ не одно только литературное значеніе, какъ праздникъ литературы. Значеніе его разростается до размѣровъ историческаго событія, которое уже тѣмъ пріобрѣтаетъ громадный культурно-общественный смыслъ, что оно служитъ лучшимъ и нагляднѣйшимъ доказательствомъ какъ жизненности и необходимости этой литературы, такъ и той симпатіи къ ней, которая несомнѣнно существуетъ въ самыхъ широкихъ кругахъ общества и при удобныхъ обстоятельствахъ проявляется довольно недвусмысленно. Всевозможнымъ литературнымъ хулиганамъ, не находящимъ лучшаго при-

мѣненія для печатнаго слова, какъ сѣять племенную и національную рознь, взывая при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ о недостаткѣ бичей и скорпіоновъ и выставляя украинское національное движеніе единственно результатомъ дѣятельности незначительной кучки недальновидныхъ людей,—этимъ ничего не стѣсняющимся господамъ, можетъ быть, хоть разъ въ жизни прилипнетъ развязный языкъ къ гортани и не привыкшая церемониться рука дрогнетъ и не посмѣетъ написать своихъ часто гнусныхъ и клеветническихъ выдумокъ. Но оставимъ ихъ въ покоѣ,—этотъ праздникъ, конечно, главнымъ образомъ не для нихъ, а для украинской интеллигенціи, которая на этотъ разъ очевиднымъ и явнымъ способомъ обнаружила свое существованіе, свою любовь къ родинѣ и родному слову, свою культурную и гражданскую зрѣлость, выразившуюся въ достойномъ чествованіи одного изъ столповъ своей литературы...

Изъ историческаго очерка г. Дмитріева, напечатаннаго въ этой же книжкѣ нашего журнала, читатели познакомятся съ ходомъ дѣла постановки памятника, не безъ основанія называемаго иногда многострадальнымъ; они узнаютъ, кому принадлежитъ первая мысль о постановкѣ памятника первому украинскому писателю, какъ мысль эта отъ словъ переходила къ дѣлу, въ какихъ формахъ выражалась, какія сопутствующія и противодѣйствующія вліянія и воздѣйствія она встрѣчала на пути своего развитія и осуществленія. Наша задача другая, хотя и непосредственно примыкающая къ предыдущей,—дать отчетъ о самомъ торжествѣ открытія, касаясь исторіи постановки лишь постольку, поскольку это необходимо будетъ для правильнаго уразумѣнія излагаемыхъ событій, и предложить надлежащую оцѣнку какъ самого торжества, такъ и тѣхъ сопровождавшихъ его явленій, свидѣтелями которыхъ сдѣлались Полтава и ея многочисленные гости на исходѣ августа текущаго года. Обратимся сначала къ фактической обстановкѣ событія.

Еще до открытія памятника, въ дни, предшествовавшіе этому торжеству, чувствовалось, что Полтава переживаетъ не какіе-нибудь заурядные будни, каждый день которыхъ, какъ двѣ капли

воды, похожъ на другой, а всѣ вмѣстѣ тянутся мучительно-долго и тоскливо и сейчасъ же забываются; видно было, напротивъ, что это время—какое то особенное, въ другой разъ не переживаемое и потому надолго остающееся въ памяти. На бывшемъ Протопоповскомъ бульварѣ горделиво высится герой дня—пока еще таинственно окутанный бѣлымъ покрываломъ памятникъ, останавливая на себѣ вниманіе проходящихъ, собирая вокругъ цѣлыя толпы, вызывая замѣчанія, толки и разговоры о Котляревскомъ и о поставленномъ ему памятникѣ. 30 августа съ утра городъ принарядился и пріукрасился, чтобы достойнымъ образомъ встрѣтить гостей и вмѣстѣ съ ними отпраздновать національное торжество. Рѣшетки вокругъ памятника украшены флагами и красивыми гирляндами изъ зеленыхъ дубовыхъ листьевъ; ближайшія улицы и дома также декорированы; слышится вездѣ украинская рѣчь, видна масса пріѣзжихъ, къ которымъ съ любопытствомъ присматриваются мѣстные жители; замѣтно общее оживленіе и какое-то повышенное, торжественное настроеніе, достигшее высшей напряженности въ день открытія памятника.

Оффиціальное торжество открытія памятника 30 августа началось панихидой на могилѣ поэта, на Кобелякскомъ кладбищѣ. Вокругъ красиваго гранитнаго могильнаго памятника, также украшеннаго вѣнками и гирляндами, около полудня собралась масса народа, не помѣстившаяся въ оградѣ и тѣсною толпою запрудившая прилегающія улицы. Около часу дня началась панихида по поэтѣ, совершенная преосвящ. Иларіономъ, епископомъ полтавскимъ, въ сослуженіи городского духовенства. Произнесенная послѣ панихиды преосвященнымъ небольшая рѣчь, звучавшая, правда, оффиціальными нотками, заключила эту часть торжества, и присутствующая здѣсь публика направилась въ городъ, къ памятнику. Многотысячная толпа запрудила всѣ улицы, прилегающія къ памятнику, покрыла окна и крыши ближайшихъ домовъ, густою волною наполнила пространство внутри цѣпи, которой окруженъ памятникъ. Послѣ молебствія съ провозглашеніемъ многолѣтія всѣмъ лицамъ, принимавшимъ участіе въ постановкѣ памятника, и вѣчной памяти Ивану Котляревскому, по-

крывало упало, и красивый, изящный памятникъ, изображающій бюстъ поэта на высокомъ постаментѣ, предсталъ предъ глазами многочисленной толпы [1]). Бурные аплодисменты и крики «слава» сопровождали этотъ актъ, не смолкая долгое время и заглушая все вокругъ. Замелькали развѣваемыя вѣтромъ разноцвѣтныя ленты на многочисленныхъ вѣнкахъ, привезенныхъ депутатами для возложенія къ подножію перваго памятника, воздвигнутаго украинскому писателю. Послѣ освященія памятника началось возложеніе вѣнковъ, совершенно закрывшихъ постаментъ. По настоянію публики, г. Гринченкомъ были прочитаны надписи на вѣнкахъ, вызывавшія громъ рукоплесканій и продолжительные крики: «слава». Немного спустя было устроено импровизированное шествіе съ вѣнками отъ памятника къ Гоголевскому зданію для просвѣтительныхъ цѣлей, гдѣ они послужили для декорированія театральнаго зала къ предстоящему думскому засѣданію, концерту и спектаклю [2]). Между тѣмъ вокругъ памятника до

---

[1]) Памятникъ представляетъ собою высокій постаментъ изъ днѣпровскаго гранита, въ видѣ колонны, увѣнчанной бронзовымъ бюстомъ поэта. Въ первомъ ярусѣ постамента вдѣланы извѣстные горельефы г. Позена: съ лицевой стороны—сцена изъ „Енеіди“, съ правой - изъ «Наталки-Полтавки», съ лѣвой—изъ «Москаля-Чарівника»; на задней сторонѣ на одномъ уровнѣ съ горельефами—дѣловая надпись о времени сооруженія и лицахъ, принимавшихъ въ немъ участіе (на русскомъ языкѣ). Выше надписи: съ лицевой стороны—годы: «1798—1898», и извѣстныя слова изъ «Наталки-Полтавки»—«Де згода въ симействи»... На задней сторонѣ: «На вичну память Котляревському. Слава сонцемъ засіяла. Не вмре кобзарь, бо на викы Его прывитала. Т. Шевченко».

[2]) Всѣхъ вѣнковъ возложено около сорока, изъ нихъ нѣсколько серебряныхъ. Приводимъ надписи на вѣнкахъ и лентахъ: а) *серебряные вѣнки*: 1) І. П. Котляревському –Українсько-руське Наукове Товариство імени Шевченка у Львові. 2) Ти до нового всесвітнього життя збудив рідне слово. Іванові Котляревському—українські письменники з Київа. 30. VIII. 1903. 3) І. П. Котляревському. 30. VIII. 1903. Отъ городского харьковскаго общественнаго управленія. 4) Отцу новой украинской литературы, знаменитому автору «Наталки-Полтавки». Одесское литературно-артистическое Общество. Одесса, 30 августа 1903 года. 5) Лубенська Дума Іванові Котляревському (на вѣнкѣ выгравированы

поздняго вечера можно было видѣть густую толпу, которая осматривала памятникъ, перечитывала надписи, дѣлясь впечатлѣніями и замѣчаніями, особенно по поводу сценъ изъ произведеній Ко-

---

имена всѣхъ гласныхъ). б) *Вѣнки металлическіе и изъ живыхъ цвѣтовъ:* 6) Народному просвітникови—Товариство «Просьвіта» у Львові (металлическій). 7) Львівський Боян—Іванови Петровичу Котляревському (пальмовый). 8) Українсько-руське Товариство «Руська Бесіда» у Львові. Іванови Котляревському, творцеви народноі драми. 30. VIII. 1903 (лавровый). 9) Українсько-руське драматичне Товариство імени Котляревського у Львові. Основателеви народного драматичного письменства (метал.). 10) Українська трупа з Галичини—Своему батькови-атаманови Іванови Котляревському (лавр.). 11) Редакція «Руслана» у Львові—Котляревському (лавр.). 12) Редакція «Діла» у Львові—Первоначальнику українського відродження (лавр.). 13) Редакція «Поступу» в Коломиі (Галичина)—Котляревському (метал.). 14) Від Академічноі Громади з Галичини. Будеш, батьку, панувати, поки живуть люде, поки сонце з неба сяе, тебе не забудуть (пальмовый). 15) Від «Товариства Українських дівчат» у Львові (лавр.). 16) Слава не вмре, не поляже. Від земляків з Катеринослава (метал.). 17) Від редакціі „Волыни“ славній памяті Івана Котляревського (метал.). 18) Черніговське українське театральне Товариство памяти Івана Котляревського (металлич.). 19) Батькові культурного відродження Украіни Іванові Котляревському від Одеських украінців (метал.). 20) Від Хотинськоі земськоі Управи—Народному поетові Іванові Котляревському (метал.). 21) Памяти И. П. Котляревскаго 30 авг. 1903 г. Отъ Общества изслѣдователей Волыни (метал.). 22) Отъ Черниговской губернской ученой архивной Коммиссіи. 30 авг. 1903 г. (метал.). 23) „Полтавскій Вѣстникъ“—И. П. Котляревскому (метал.). 24) Незабвенному отцу новой малорусской литературы И. П. Котляревскому. Отъ редакціи газеты «Одесскій Листокъ» (метал.). 25) Отъ редакціи «Одесскихъ Новостей» (метал.). 26) Отцу южно-русской словесности И. П. Котляревскому—Полтавское губернское земство (метал.). 27) Поэту Котляревскому—Полтавское дворянство (изъ живыхъ цвѣтовъ). 28) Отъ русскаго театральнаго общества И. П. Котляревскому (метал.). 29) Одесское городское общественное управленіе 30 авг. 1903 г. Памяти славнаго украинскаго поэта И. П. Котляревскаго (изъ безсмертни-

тляревскаго, мѣтко схваченныхъ и живо переданныхъ извѣстными горельефами г. Позена.

Въ восьмомъ часу вечера въ Гоголевскомъ зданіи для просвѣтительныхъ цѣлей открылось торжественное засѣданіе думы, посвященное памяти Котляревскаго. Въ глубинѣ сцены, на возвышеніи, стоялъ большой, сдѣланный тушью портретъ писателя, послужившій между прочимъ для изготовленія модели бюста на памятникѣ; портретъ утопалъ въ массѣ зелени, цвѣтовъ и «рушників». Надъ главнымъ входомъ въ залъ, противъ сцены, висѣлъ другой портретъ, писанный красками на полотнѣ; фойе второго яруса украшено портретами украинскихъ писателей, явившихся продолжателями безсмертнаго дѣла Котляревскаго,—Гребинки, Квитки-Основяненка, Гулака-Артемовскаго, Костомарова, Кулиша и Шевченка. На авансценѣ помѣстились гласные Полтавской городской думы, подъ предсѣдательствомъ городского головы г. Трегубова, депутаты, прибывшіе на торжество открытія памятника съ привѣтствіями, и представители печати [1]). Зрительный залъ, сверху до низу декорированный щитами и вѣнками съ надписями на длинныхъ лентахъ, былъ переполненъ публи-

---

ковъ). 30) Отъ города Прилукъ И. П. Котляревскому (метал.). 31) Отъ Миргорода 30 авг. 1903 г. Родному поэту И. П. Котляревскому (металлич.). 32) Отъ Лубенскаго Общества взаимопомощи народныхъ учителей незабвенному Котляревскому (метал.). Кромѣ того, пять вѣнковъ безъ надписей; вѣнки изъ Галичины перевиты лентами національныхъ украинскихъ цвѣтовъ—синяго съ желтымъ. Всѣ вѣнки поступятъ въ Полтавскій городской музей, въ отдѣлъ имени Котляревскаго.

[1]) Кромѣ мѣстныхъ газетъ («Полтавскій Вѣстникъ» и „Полтавскія губ. Вѣдомости"), на Полтавскія торжества выслали своихъ представителей слѣдующіе органы печати: «Діло», „Руслан", „Поступ", „Л.-Н. Вістник", (Галичина), «Кіевская Старина», «Биржевыя Вѣдомости», „Русское Слово", „Курьеръ", „Новое Время", «Кіевская Газета», «Одесскій Листокъ», «Одесскія Новости», «Южный Край», „Вѣстникъ Юга",- «Баку», «Южная Россія», «Приднѣпровскій Край», «Крымскій Вѣстникъ», «Бессарабецъ» и др.

кой, пріѣзжей и мѣстной. Думское засѣданіе открылось рѣчью г. городского головы, который, отмѣтивъ важность и значеніе настоящаго момента—чествованія перваго украинскаго поэта, родоначальника и творца новой украинской литературы,—какъ показателя культурнаго уровня украинскаго общества, кратко коснулся исторіи сооруженія памятника и заслугъ лицъ, принимавшихъ въ этомъ сооруженіи болѣе или менѣе видное участіе, и закончилъ свою рѣчь привѣтствіемъ и благодарностью отъ имени города по адресу гостей, собравшихся на это торжество. По окончаніи рѣчи г. городского головы, гл. Маркевичемъ была прочитана историческая записка о сооруженіи памятника; авторъ записки подробно остановился на ходѣ всего дѣла по постановкѣ памятника и особенно подчеркнулъ въ самомъ дѣлѣ интересный фактъ участія народа въ созиданіи памятника своему первому поэту: наибольшее число жертвователей (3800 изъ 7000) дала среда козаковъ и крестьянъ Полтавской губерніи. Открытый памятникъ, по мнѣнію г. Маркевича, является, такимъ образомъ, вполнѣ народнымъ памятникомъ народному поэту, потому что хотя и «не велика сумма пожертвованій этой чисто народной среды, поддержавшей созиданіе памятника буквально «мѣдью», но качественное значеніе этой народной лепты, безъ сомнѣнія, огромно», какъ признакъ пробуждающагося среди народа интереса къ дѣятелямъ литературы и культуры [1]). «Какова бы ни

---

[1]) Общая сумма пожертвованій на памятникъ, выразившаяся въ цифрѣ 11.798 р. 67 к., составилась изъ 7.558 р. 39 к., собранныхъ въ предѣлахъ Полтавской губерніи, и 4.240 р. 28 к., поступившихъ, какъ доброхотныя пожертвованія изъ разныхъ мѣстъ Россіи (первое мѣсто занимаютъ Кіевъ и Петербургъ), а также изъ Галичины, отъ почитателей памяти родоначальника украинской литературы. Проценты на означенную сумму пожертвованій составили 2308 руб. 34 коп. Вся сумма поступленій на сооруженіе памятника къ 1 іюля 1903 г. выразилась, такимъ образомъ, въ суммѣ 14.107 руб. 01 коп. Расходъ на сооруженіе памятника выразился суммой свыше 15 тыс. руб., въ томъ числѣ: на изготовленіе бюста поэта и горельефовъ для

была оцѣнка сооруженнаго памятника,—закончилъ свою рѣчь г. Маркевичъ,—и къ какимъ бы выводамъ ни пришелъ будущій историкъ въ своемъ сужденіи о ходѣ дѣла по сооруженію памятника И. П. Котляревскому, во всякомъ случаѣ современнымъ украинскимъ обществомъ осуществлено дѣло, имѣющее высокое культурно-національное значеніе. Воздвигнутъ первый памятникъ украинскому поэту, явившемуся первымъ народнымъ писателемъ на своемъ родномъ языкѣ, этомъ главномъ орудіи духовныхъ творческихъ силъ, открывающемъ наиболѣе широкій путь къ культурному развитію народовъ... Слава писателю-поэту, давшему украинскому народу право на признаніе его однимъ изъ участниковъ въ общемъ поступательномъ культурномъ движеніи человѣчества! Слава! Да будетъ вѣчнымъ наряду съ поставленнымъ Ивану Котляревскому памятникомъ и связанное съ его славнымъ именемъ дѣло развитія украинской литературы. Слава! («Полт. Вѣстникъ», № 213).

Произнесенная вслѣдъ затѣмъ г. Стешенкомъ научная рѣчь «О художественно-литературномъ значеніи произведеній И. П. Котляревскаго и его заслугахъ» [1]), составленная, главнымъ образомъ, по извѣстнымъ изслѣдованіямъ П. И. Житецкаго, довольно полно и подробно представила образъ и заслуги поэта на фонѣ современной ему литературы, жизни и общественныхъ условій. Главная мысль лектора сводилась къ тому, что Котляревскій вывелъ творенія своихъ предшественниковъ, безыменныхъ «мандрованих дяків-пиворизів» въ усовершенствованномъ видѣ на «широкое поле міровой литературы», «ввелъ родную литературу въ пантеонъ безсмертія» и, такимъ образомъ, «сталъ литературнымъ реформаторомъ своей родины, ввелъ ее въ кругъ культурныхъ

памятника 5.150 р., на изготовленіе пьедестала памятника съ перевозкой его частей 8.382 р. 25 к., на устройство ограды и другіе мелкіе расходы 872 р. 37 к. Еще не подведенный расходъ на завершеніе работъ по сооруженію памятника превышаетъ тысячу рублей («Полтавскій Вѣстникъ», № 212).

[1]) Напечатана полностью въ «Полтавскомъ Вѣстникѣ» №№ 215 и 216.

наукъ (націй?) и потому занялъ въ Украинѣ такое мѣсто, какъ Данте въ Италіи, а Пушкинъ въ Россіи». Этимъ Котляревскій положилъ начало самостоятельной и самобытной украинской литературы, которая цѣлымъ столѣтіемъ своего существованія вполнѣ доказала свою жизнеспособность и сдѣлалась уже «органомъ не только художественнаго, но и научнаго творчества, привлекая вниманіе интеллигентныхъ представителей другихъ націй».

Послѣ перерыва, каѳедру заняла г-жа Косачъ, отчасти дополнившая въ пространной рѣчи выводы своего предшественника указаніями на высокіе нравственные принципы, проведенные въ произведеніяхъ Котляревскаго, и на значеніе въ современной литературѣ и общественной жизни національной идеи, первыми сѣменами которой украинское общество обязано Котляревскому. Блестящую, оригинальную рѣчь произнесла вслѣдъ затѣмъ извѣстная изслѣдовательница украинской старины А. Я. Ефименко. Кажущійся съ перваго взгляда страннымъ фактъ жизненности произведеній писателя, не отмѣченнаго печатью геніальности,—а такимъ, по мнѣнію лекторши, несомнѣнно былъ Котляревскій,—оставившаго, кромѣ того, весьма скромное въ количественномъ отношеніи литературное наслѣдіе, объясняется тѣмъ великимъ гражданскимъ подвигомъ, который совершилъ Котляревскій. Къ дѣятельности послѣдняго г-жа Ефименко очень удачно примѣнила извѣстное глубокое изреченіе Шевченка «на сторожі коло іх *поставлю слово*»: живое народное, тогда презираемое, слово украинскій поэтъ поставилъ на стражѣ народныхъ интересовъ и этимъ обнаружилъ громадное для того времени гражданское мужество. Даже оставляя въ сторонѣ литературныя достоинства произведеній Котляревскаго, признанныя уже самимъ авторитетнымъ, строгимъ и нелицепріятнымъ судьею—временемъ, можно преклониться предъ величіемъ гражданскаго подвига писателя, выразившимся въ томъ, что презираемое слово угнетеннаго, закрѣпощеннаго народа онъ, вопреки господствовавшему тогда теченію, осмѣлился возвести въ перлъ художественнаго созданія. Этотъ гражданскій подвигъ и служитъ источникомъ неувядаемости

славы Котляревскаго и обезпечиваетъ ему вѣчную память въ потомствѣ.

Рѣчью г-жи Ефименко закончилась, такъ сказать, оффиціальная и научная части торжества; далѣе слѣдуетъ чтеніе многочисленныхъ привѣтствій и адресовъ. Первое мѣсто было предоставлено закордоннымъ гостямъ—галичанамъ, прибывшимъ делегатами отъ различныхъ обществъ и учрежденій австрійской части Украины. Первымъ произнесъ свое привѣтствіе встрѣченный громомъ рукоплесканій депутатъ австрійскаго рейхсрата г. Романчукъ отъ имени народно-просвѣтительнаго общества «Просьвіта», головою котораго уважаемый дѣятель состоитъ. Г. Романчукъ указалъ на значеніе для Украины литературы вообще, какъ единственнаго пока средства проявленія національной жизни и самосознанія, остановившись въ частности на Котляревскомъ, сыгравшимъ громадную роль въ дѣлѣ національнаго возрожденія не только россійскихъ, но и австрійскихъ украинцевъ. Профессоръ Львовскаго университета по кафедрѣ древней украинской литетуры г. Студинскій, делегатъ львовскаго «Наукового Товариства імени Шевченка», произнесъ сильную, въ поэтическихъ выраженіяхъ составленную рѣчь, въ которой образно призывалъ украинскихъ «орлів і орлиць» стремиться къ свѣту знанія, науки и прогресса, не поддаваясь и не отступая предъ жизненными невзгодами. Послѣ рѣчи г. Студинскаго продолжалось чтеніе адресовъ отъ галицко-украинскихъ обществъ и учрежденій: отъ «драматичного товариства імени Котляревського у Львові»—докторомъ Грушкевичемъ; отъ «україньских товариств у Коломиї» [1])—докторомъ Кульчицкимъ; «Гимнастичного товариства «Сокіл» у Львові»—г. Лопатинскимъ; отъ «українсько-руського товариства «Руська Бесіда» у Львові»—директоромъ украинскаго театра въ Галичинѣ г. Губчакомъ; отъ «українських товариств у Стрию» [2])—редакторомъ газеты «Діло» докторомъ Левицкимъ; отъ «української Академічної молодіжі»—г. Симовичемъ; отъ «редакції Літературно-Наукового Вістника»—извѣстнымъ беллетристомъ г.

[1]) и [2]) Города въ Галичинѣ.

Стефаныкомъ; отъ «українських товариств у Черновцях» [1])—докторомъ Кордубой, и, наконецъ, отъ «зеленої Буковини»—докторомъ Немоловскимъ, закончившимъ свою въ высшей степени живую и энергичную рѣчь четверостишіемъ изъ стихотворенія недавно почившаго украинскаго поэта Павла Грабовскаго:

Мусить наше серце щиро
За народ свій битьcя:
Грім чи пекло—будь що буде,—
Не будем журитьcя...

Всѣ эти привѣтствія, произнесенныя на украинскомъ языкѣ, были восторженно встрѣчены публикой, устроившей дорогимъ гостямъ изъ родной Галичины шумныя оваціи [2]).

Послѣ этого началось чтеніе адресовъ и привѣтствій отъ русскихъ учрежденій; пользуясь тѣмъ, что въ «Полтавскомъ Вѣстникѣ» (№-ра 213, 218—221) они напечатаны полностью, мы приводимъ въ извлеченіи болѣе интересные изъ нихъ.

Изъ представителей русскихъ учрежденій первымъ выступилъ профессоръ Сумцовъ, прочитавшій отъ имени харьковскаго университета адресъ слѣдующаго содержанія:

«Императорскій харьковскій университетъ приноситъ полтавскому городскому общественному управленію свои сердечныя поздравленія по случаю симпатичнаго торжества—открытія памятника Ивану Петровичу Котляревскому. Не бѣдна та народная почва, на которой могутъ выростать такіе наблюдательные и отзывчивые писатели, какъ И. П. Котляревскій, равно какъ не бѣдна и та общественная среда, которая умѣетъ цѣнить свое историческое прошлое и закрѣплять вещественными памятниками свои лучшія культурныя традиціи. Болѣе ста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ появилась перелицованная „Енеїда“, почти

[1]) Столица Буковины.

[2]) Къ сожалѣнію, адреса эти не были опубликованы и потому мы лишены возможности привести ихъ полностью.

столѣтіе протекло, какъ вышла въ свѣтъ „Наталка-Полтавка" и „Москаль-Чарівник", и, однако, произведенія эти живутъ до сихъ поръ, охотно читаются, идутъ на сценѣ и часто переиздаются. Такая прочная устойчивость сочиненій Котляревскаго свидѣтельствуетъ объ ихъ жизненности; она ясно говоритъ о томъ, что писатель вполнѣ удачно отвѣтилъ на литературныя и просвѣтительныя стремленія общества. Главными проводниками въ Харьковѣ вліянія Котляревскаго были Костомаровъ, Срезневскій, Метлинскій, Квитка—почетные дѣятели, оставившіе по себѣ въ лѣтописяхъ университета и города хорошую память. Независимо отъ тѣсныхъ литературныхъ связей, сближавшихъ нѣкогда Харьковъ съ Полтавой, произведенія Котляревскаго имѣютъ въ настоящее время немаловажное значеніе для археологіи стариннаго малорусскаго быта по обилію въ свое время живыхъ, а нынѣ уже вымершихъ, характерныхъ бытовыхъ подробностей, напримѣръ, относительно украшенія жилища, пищи, одежды, нравовъ, пѣсенъ. Но не въ однѣхъ заслугахъ для археологіи состоитъ значеніе И. П. Котляревскаго. Императорскій харьковскій университетъ также высоко цѣнитъ въ немъ живого общественнаго дѣятеля, стремившагося къ широкому удовлетворенію мѣстныхъ культурныхъ интересовъ. Благодарное потомство поставило И. П. Котляревскому памятникъ, который служитъ, съ одной стороны, нагляднымъ свидѣтельствомъ заслугъ этого писателя, съ другой—доказательствомъ живыхъ общественныхъ стремленій полтавскаго городского общественнаго управленія и всего мѣстнаго полтавскаго образованнаго общества. Да послужитъ же память о заслугахъ И. П. Котляревскаго какъ для современнаго общества, такъ и для будущихъ поколѣній новымъ побужденіемъ къ дальнѣйшему развитію гуманизма и просвѣщенія!".

Одинъ изъ двухъ представителей кіевскаго городского управленія сказалъ, что древній Кіевъ, мать городовъ русскихъ, принося поздравленія г. Полтавѣ по поводу устройства памятника И. П. Котляревскому, вдохновившему Шевченка и Гоголя, выражаетъ искреннее пожеланіе, чтобы полтавская нива и впредь имѣла подобныхъ общественныхъ дѣятелей, и чтобы и впредь она украшалась памятниками своихъ великихъ земляковъ.

Отъ г. Харькова депутатомъ его поднесенъ былъ адресъ:

«Городъ Харьковъ, привѣтствуя своего ближайшаго сосѣда, городъ Полтаву, проситъ принять поздравленіе съ только-что совершившимся радостнымъ событіемъ: въ стѣнахъ Полтавы состоялось открытіе памятника первому и любимому малорусскому писателю Ивану Петровичу Котляревскому.

Много времени протекло, пока долго лелѣянная мечта—увѣковѣчить память дорогого поэта, наконецъ, осуществилась.

Много трудовъ затрачено, чтобы имѣть удовольствіе видѣть любимыя черты его въ реальномъ изображеніи.

За то, при воспоминаніи объ этомъ, тѣмъ болѣе восторженное состояніе охватываетъ насъ, и тѣмъ ярче воскресаютъ образы литературныхъ памятниковъ украинской народности, созданные незабвеннымъ Иваномъ Петровичемъ: «Наталка-Полтавка» съ самоотверженною и нѣжно любящей героиней, такъ прекрасно передающей основныя особенности малорусской женщины, и „Москаль-Чарівник" съ своею проповѣдью строго нравственныхъ началъ, лежащихъ въ основѣ малорусской жизни, и вѣчно веселая Виргиліева „Енеіда" съ прекрасно выраженными бытовыми картинами, проникнутыми тонкимъ малорусскимъ юморомъ.

Старые, но милые образы, какъ-бы вновь возрожденные, длинною вереницею толпятся въ нашихъ воспоминаніяхъ и, одаренные жизненными свойствами, вложенными въ нихъ талантомъ, переносятся къ намъ въ настоящее, чтобы въ немъ многое объяснить и украсить.

Харьковцы приносятъ благодарность полтавцамъ за всѣ эти пріятныя воспоминанія и выражаютъ пожеланіе, чтобы всегда въ будущемъ вновь открытый памятникъ вызывалъ у всѣхъ возвышенныя чувства и идеальныя мысли, воодушевлявшія героевъ произведеній Котляревскаго".

Папка харьковскаго адреса украшена надписью: «Привѣтствіе полтавскому городскому общественному управленію—отъ харьковскаго, по случаю открытія памятника Ивану Петровичу Котляревскому».

Далѣе слѣдовало привѣтствіе черниговскаго городского управленія слѣдующаго содержанія

«Черниговскую губернію соединяетъ съ полтавскою общность культурнаго населенія прежнихъ вѣковъ, языка и доисторическихъ преданій. И когда въ новое время нашли себѣ выраженіе въ литературѣ духовныя богатства, хранившіяся въ народныхъ массахъ, то населеніе обѣихъ сосѣднихъ губерній, составляющихъ старую Малороссію, равно сочувственно привѣтствовало это возрожденіе мѣстной народной литературы, и имя полтавскаго гражданина Ивана Котляревскаго, славнаго дѣятеля нашего возрожденія, стало одинаково почетнымъ и любимымъ также и въ Черниговѣ, и по всей Украинѣ.

Появленіе сто лѣтъ назадъ произведеній Котляревскаго, а затѣмъ и другихъ авторовъ на народномъ языкѣ, служа выраженіемъ духовной жизни народа, имѣло не малое общественное значеніе: литература эта, равно доступная и близкая богачу и бѣдняку, пану и наймиту, сближая сословія, вызвала въ господствующемъ классѣ вниманіе и уваженіе къ «меньшему брату». Выражая желаніе мѣстнаго общества, черниговская городская дума почитаетъ долгомъ привѣтствовать полтавское городское общественное управленіе въ день открытія памятника незабвенному первому народному украинскому поэту И. П. Котляревскому, и выражаетъ увѣренность въ томъ, что заслуга въ этомъ дѣлѣ полтавскаго городского общественнаго управленія будетъ оцѣнена во всей Украинѣ.

Представителемъ одесскаго городского управленія, членомъ управы г. Бѣлоусовымъ, было засвидѣтельствовано, что Одесса весьма чутко относится ко всему, что происходитъ въ Украинѣ, и привѣтствуетъ послѣднюю, какъ родную мать. Свою прочувствованную рѣчь г. Бѣлоусовъ закончилъ восклицаніями: слава «Котляревскому, слава Украинѣ, слава г. Полтавѣ!»

Отъ имени г. Кременчуга членомъ городской управы г. Роговскимъ былъ прочитанъ адресъ:

«Милостивые государи! Сто тридцать четыре года тому назадъ въ историческомъ центрѣ Малороссіи—Полтавѣ родился Иванъ Петровичъ Котляревскій, будущій создатель новаго направленія въ малорусской литературѣ, одинъ изъ тѣхъ сыновъ Украины, значеніе котораго, какъ писателя, не только ярко от-

разилось въ ту отдаленную отъ насъ эпоху, но и въ настоящее время своими живыми, художественно созданными образами способнаго будить лучшія чувства человѣчества.

Не великихъ дѣятелей и героевъ своей горячо любимой многострадальной родины воспѣлъ Котляревскій:—новыя вѣянія, новыя условія, въ которыя ставилась Малороссія, не могли пройти незамѣченными чуткимъ писателемъ и не могли не вызывать отклика въ его произведеніяхъ.

То было время, когда нежелательные чувства и инстинкты находили сильную поддержку своему развитію въ водворявшемся крѣпостномъ правѣ, накладывая характерный отпечатокъ на весь жизненный строй тогдашняго малороссійскаго общества, и велика заслуга передъ родиной Котляревскаго, перваго открыто ставшаго всей силой своей ѣдкой сатиры на сторону слабыхъ и угнетенныхъ, смѣло поднявшаго голосъ противъ всякаго насилія и эксплоатаціи.

Благодарное потомство не забыло своего одареннаго талантомъ земляка.

Благодаря просвѣщенному содѣйствію и почину полтавскаго городского общественнаго управленія, нынѣ Полтава украсилась прекраснымъ памятникомъ тому, чей стихъ, безсмертно сохранивъ юношескую свѣжесть сотню лѣтъ, сохранитъ ее и въ будущемъ на долгія времена.

Привѣтствуя и поздравляя Полтаву, въ лицѣ ея представителей, въ день открытія памятника незабвенному, дорогому писателю нашему Ивану Петровичу Котляревскому, кременчугское городское общественное управленіе шлетъ свои искреннія пожеланія дальнѣйшаго развитія и процвѣтанія историческому и культурному центру старой Малороссіи, ближайшему сосѣду своему—Полтавѣ».

Адресъ вложенъ въ изящную бѣлую бархатную папку.

Отъ Лубенъ:

„Рѣшающій культурно-историческій моментъ переживали во второй половинѣ XVIII в. украинскій народъ и его литература. Давно окончилась былая завзятая борьба за вѣру и волю, замолкли „гаківниці та пістолі", не слышно стало лязга козацкихъ сабель «на степах-облогах». Окончилась и борьба вдохновен-

нымъ словомъ за свободу совѣсти, которую вела тогдашняя украинская литература. Сыграла свою роль въ жизни народной и кіево-могилянская академія, этотъ очагъ украинской культуры, пріютъ науки и литературы славянско-украинской. Исчезла вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя связь съ народной массой, которая раньше, несмотря на мертвую схоластику и малопонятный славянскій языкъ, все-таки придавала жизненности и силы академической наукѣ и литературѣ.

А тамъ, на западѣ, у культурныхъ европейскихъ народовъ уже загоралась борьба новыхъ формъ духовной жизни, тамъ вступали въ борьбу двѣ разныя культурныя системы, два противоположныя міровоззрѣнія; открывались новые пути, новыя направленія духовнаго развитія европейскихъ народовъ. Вѣкъ абстрактнаго мышленія, вѣкъ нетерпящихъ противорѣчія логическихъ системъ, вѣкъ, не признававшій живой дѣятельности, отступалъ передъ побѣдоноснымъ натискомъ новаго духовнаго фактора, черпавшаго свою силу изъ глубины живой человѣческой души и ихъ окружающей живой дѣятельности Эта волна новой жизни съ новымъ содержаніемъ и новыми формами надвигалась и на украинскій народъ. Чѣмъ же могла встрѣтить и привѣтствовать ее тогдашняя украинская литература? Средневѣковыя интермедіи, рождественскія и пасхальныя вирши, схоластическія трагедокодеміи да нѣсколько лѣтописныхъ хроникъ — таково было все его богатство.

А волна подступала все ближе и ближе... Исторія, этотъ неумолимый судья народовъ, который ничего не признаетъ, кромѣ движенія впередъ и совершенствованія, поставила тогда передъ украинскимъ народомъ послѣдній рѣшительный вопросъ: быть или не быть ему, какъ культурной націи; способенъ-ли онъ войти въ семью другихъ культурныхъ народовъ, использовать и свои духовныя богатства на благо человѣчества, сдѣлать и свой вкладъ въ сокровищницу общечеловѣческихъ культурныхъ произведеній, или долженъ погибнуть навсегда, умереть должникомъ передъ человѣчествомъ, не исполнивъ своего святого долга, не возвративъ ему того богатства, которымъ такъ щедро на общее благо надѣлила его природа. Отвѣтить на этотъ вопросъ, отвѣтить съ твердою вѣрою въ лучшее будущее и въ то-же время родною рѣчью, подъ роднымъ кровомъ, привѣтствовать эту волну

новой жизни было суждено сыну бѣднаго полтавскаго канцеляриста—Ивану Петровичу Котляревскому. Здоровая, не искалѣченная натура его, большой талантъ, широкое образованіе подсказали ему, что и какъ долженъ онъ дѣлать. Богатая психологія родного народа и свѣжій, чистый источникъ его, родная рѣчь, послужили ему матеріаломъ для великой творческой работы на общее благо Таково національное и общечеловѣческое значеніе литературной дѣятельности Котляревскаго. Потому и торжество открытія памятника ему должно быть торжествомъ національнымъ и общекультурнымъ. «Чолом низьким уклоном» памяти славнаго сына Полтавы, творца «Енеіди» и «Наталки-Полтавки»! Искренняя признательность его славнымъ землякамъ, полтавской городской думѣ, которая въ дѣло увѣковѣченія памяти поэта вложила свою иниціативу, столько труда, столько матеріальныхъ жертвъ. «Не единымъ бо хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ»—этотъ великій принципъ положила она въ основаніе своей дѣятельности на зарѣ XX вѣка. Пусть же на праздникѣ 100-лѣтняго юбилея спокойнаго, но тяжелаго духовнаго труда вмѣстѣ съ другими голосами признательности полтавской городской думѣ будетъ услышанъ благодарный голосъ съ береговъ воспѣтой вѣщимъ Баяномъ Сулы, голосъ одного изъ древнѣйшихъ городовъ Полтавщины.

Искренно привѣтствуя свою старшую сестру, полтавскую городскую думу, лубенская городская дума вѣритъ, что нѣтъ такой истинно культурной дѣятельности, которая не оставила бы своего слѣда въ исторіи развитія народнаго: «не вважай на врожай: сій жито—хліб буде»,—такъ говоритъ народная мудрость.

Депутація отъ Миргородскаго городского управленія привѣтствовала думу въ такихъ выраженіяхъ:

„Отъ города Миргорода привѣтствуемъ Васъ съ торжествомъ открытія памятника славному земляку, піонеру украинской литературы, Ивану Петровичу Котляревскому. Позвольте выразить Вамъ сердечныя пожеланія! Да процвѣтаетъ Полтава, да здравствуютъ на пользу родины просвѣщенные иниціаторы настоящаго культурнаго праздника, да здравствуютъ всѣ, принимавшіе участіе въ сооруженіи памятника родному поэту!“.

На этомъ закончились привѣтствія городовъ, а затѣмъ выступили представители земскихъ учрежденій.

Отъ Харьковскаго губернскаго земства прочитанъ былъ адресъ:

„Сегодня въ сердцѣ старой Украины открытъ памятникъ знаменитому малорусскому писателю Ивану Петровичу Котляревскому. Впервые увѣковѣчена память создателя новой малороссійской литературы, въ произведеніяхъ которой нашли себѣ талантливое выраженіе лучшія стороны малорусскаго народнаго генія: его спокойный, незлобивый умъ, тонкая наблюдательность, мѣткій и въ то же время добродушный юморъ. Знаменательно и отрадно, что память Котляревскаго чествуется въ домѣ, носящемъ имя другого, уже мірового писателя, также уроженца полтавской губерніи, Н. В. Гоголя: его безсмертныя творенія проникнуты тѣмъ же духомъ и тѣми же особенностями, которые впервые выразились въ музѣ Котляревскаго. Мы, представители харьковскаго губернскаго земства, прибывшіе изъ центра новой Слободской Украины, приносимъ поздравленіе полтавскому городскому управленію съ окончаніемъ дѣла, имѣющаго важное культурно-просвѣтительное значеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы выражаемъ увѣренность, что имя Котляревскаго навсегда останется въ памяти малорусскаго народа и что къ памятнику славнаго писателя, по выраженію поэта, «не заростетъ народная тропа».

Затѣмъ слѣдовалъ адресъ отъ Харьковскаго уѣзднаго земства:

„Мы только что присутствовали при открытіи памятника Ивану Петровичу Котляревскому... Кто изъ грамотныхъ малороссовъ не знаетъ произведеній этого знаменитаго украинскаго писателя. Въ немъ наилучшимъ образомъ воплотился малорусскій народный геній: безобидный юморъ, тонкій наблюдательный умъ блещутъ въ каждой строчкѣ его сочиненій. Полтавская губернія счастлива на великихъ художниковъ слова: геніальный Гоголь, сдѣлавшійся міровымъ писателемъ, также уроженецъ ея. И Полтава умѣетъ чтить великихъ людей, чему яркимъ доказательствомъ служитъ сегодняшнее торжество. Да здравствуетъ Полтавское городское управленіе, трудами котораго такъ увѣковѣ-

чивается память славныхъ ея сыновъ! Харьковское уѣздное земство, представителемъ котораго я имѣю честь быть, будучи увѣрено, что И. П. Котляревскій не исчезнетъ никогда изъ памяти малорусскаго народа, почитающаго въ немъ великаго выразителя своихъ характерныхъ чертъ ума и сердца, поручило мнѣ принести поздравленія городскому управленію съ окончаніемъ задачи, достойной культурнаго города».

Предсѣдатель Полтавской уѣздной земской управы прочиталъ привѣтствіе отъ имени управы:

«День открытія памятника славному уроженцу Полтавы, Ивану Петровичу Котляревскому, займетъ свѣтлую страницу въ исторіи мѣстнаго края и въ частности общественнаго управленія г. Полтавы. Мы имѣемъ удовольствіе присутствовать на столь рѣдкомъ у насъ чисто-культурномъ торжествѣ, посвященномъ памяти родоначальника малорусской литературы.

Не здѣсь, не въ этомъ засѣданіи умѣстно доказывать, насколько высоко и цѣнно служеніе обществу представителей литературы, насколько велики ихъ заслуги передъ роднымъ краемъ. Въ данномъ случаѣ особенно дорого то, что чествуемый писатель—писатель по преимуществу народный. Съ своеобразнымъ юморомъ, въ яркихъ краскахъ Котляревскій изобразилъ жизнь и нравы дорогой всѣмъ намъ Украины. Его пѣсни, полныя граціи и глубокаго чувства, уже давно сдѣлались всеобщимъ достояніемъ. Котляревскій положилъ начало малорусской поэзіи и имѣлъ славныхъ преемниковъ, но литература, какъ и всякая общественная дѣятельность, для своего развитія требуетъ извѣстнаго простора. Сегодняшнее чествованіе не только справедливая дань прошлому, но и залогъ лучшаго будущаго. Воодушевленная этими надеждами, Полтавская уѣздная земская управа счастлива, что имѣетъ возможность привѣтствовать общественное управленіе города Полтавы въ этотъ торжественный и знаменательный день».

Предсѣдатель Полтавской губернской управы г. Лизогубъ въ своемъ привѣтствіи отмѣтилъ, что городское управленіе, поставивъ памятникъ Котляревскому, сняло упрекъ, который обы-

кновенно намъ бросаютъ, что мы не умѣемъ цѣнить своихъ выдающихся представителей.

Въ пространномъ адресѣ Черниговской губернской земской управы, прочитанномъ членомъ послѣдней, г. Солониной, сдѣлана такая оцѣнка значенія И. П. Котляревскаго и его литературныхъ трудовъ:

«Котляревскій жилъ во времена полнаго расцвѣта «кріпацтва», въ то жестокое время, когда личность нѣсколькихъ милліоновъ людей попиралась самымъ беззастѣнчивымъ образомъ, а человѣческое достоинство представлялось пустымъ звукомъ, не имѣющимъ никакого реальнаго содержанія. Неоцѣнимая заслуга Котляревскаго состояла именно въ томъ, что онъ былъ однимъ изъ первыхъ, отнесшихся любовно къ своему народу, однимъ изъ тѣхъ немногихъ въ его время людей, которые нашли въ себѣ достаточное мужество вмѣстѣ съ необходимымъ дарованіемъ, чтобы заглянуть въ самую душу народа, въ неисчерпаемый родникъ его чувствъ, мыслей, желаній и стремленій. Котляревскому удалось поколебать высокомѣрное пренебреженіе къ народу... Это былъ уже большой шагъ впередъ на пути сближенія интеллигенціи съ народомъ, и въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается главнѣйшее признаніе и заслуга чествуемаго нами писателя».

Далѣе въ адресѣ отмѣчено, что

„возбуждая чувства добрыя въ сердцахъ ко всему обиженному и угнетенному, ко всякому «безталанню», произведенія Котляревскаго всегда имѣли, и продолжаютъ сохранять до нашихъ дней, извѣстное воспитательное вліяніе не только на малороссовъ благодаря ихъ духовному родству съ изображаемой жизнью, но и на людей другой національности. Цѣлое поколѣніе выросло и воспиталось подъ вліяніемъ чудныхъ образовъ, созданныхъ талантливымъ перомъ нашего родного драматурга; многія изъ пѣсенъ его и до сихъ поръ еще, несмотря на многочисленные сборники, вышедшіе послѣ того, украинскихъ народныхъ произведеній, не утратили своей чарующей прелести, а нѣкоторые проникли даже въ народъ. Извѣстныя его выраженія, облюбованныя публикой, сдѣлались пословицами и поговорками... Котляревскаго, по спра-

ведливости, считають родоначальникомъ украинской оперетты: благодаря ему наша дивная малорусская мелодія завоевала себѣ общія симпатіи не только среди родственныхъ славянъ, но даже и болѣе чуждыхъ по духу народностей, воспитавшихся на совершенно иныхъ музыкальныхъ образцахъ. Въ этомъ заключается еще одна культурная заслуга чествуемаго писателя».

Въ ряду другихъ привѣтствій особенно сильное впечатлѣніе на присутствовавшую публику произвелъ адресъ Черниговской уѣздной земской управы:

„Черниговская уѣздная земская управа горячо привѣтствуетъ полтавцевъ по поводу открытія памятника И. П. Котляревскому, славному украинскому поэту, родоначальнику новой украинской литературы. Открытіе памятника этому выдающемуся дѣятелю въ области родного слова дѣйствительно является выдающимся событіемъ въ жизни украинскаго народа, коимъ чествуется дѣятель, который въ тяжелое время закрѣпощенья массъ этого народа, презрительнаго отношенія къ его жизни, учрежденіямъ, языку и обычаямъ, въ то время, когда чуждыя народу начала дѣятельно проводились въ жизнь его, силою своего таланта заставилъ читать произведенія, писанныя на языкѣ этого народа, восхищаться ими. Котляревскій показалъ красоту, силу и богатство украинскаго языка, привлекъ къ плодотворной работѣ въ дѣлѣ его развитія другихъ. Въ своихъ произведеніяхъ онъ стремился вызвать любовь къ народу, уваженіе къ нему; онъ смѣло выступалъ противъ отрицательныхъ явленій современнаго ему быта, противъ крѣпостного права, противъ господства неправды въ судахъ и въ жизни. Живыми красками рисовалъ онъ и прошлое, и современную ему народную жизнь; вызывая любовь къ народу, онъ заинтересовалъ читателей его прошлымъ и обращалъ вниманіе на его тяжелое настоящее. Котляревскій былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ истинно гуманныхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей, которые подготовили культурное народолюбивое движеніе, достигшее высшаго развитія въ 40-хъ и 60-хъ годахъ, а безъ этого плодотворнаго движенія немыслимы были бы, между прочимъ, существованіе и дѣятельность всесословныхъ земскихъ и городскихъ учрежденій, въ которыхъ соединяются для общей работы

представители разныхъ сословій, которыя объединяютъ народъ и интеллигенцію, сближая ихъ между собой. Черниговская уѣздная земская управа вѣритъ, что тѣ высокія начала, которыми была проникнута дѣятельность Котляревскаго, положенныя въ основу дѣятельности общественныхъ учрежденій и силъ, сдѣлаютъ эту дѣятельность плодотворной для развитія поступательнаго движенія нашего народа, освѣтя жизнь тою любовью къ народу, которая такъ ярко выразилась въ произведеніяхъ и дѣятельности того земляка нашего, которому поставленъ памятникъ въ славной Полтавѣ".

Отъ лица Полтавскаго Петровскаго кадетскаго корпуса принесъ привѣтствіе инспекторъ корпуса г. Липеровскій, сказавшій слѣдующее:

«Мысль человѣческая, выраженная-ли словомъ, музыкальнымъ-ли звукомъ, кистью, лѣпкой или рѣзцомъ, всегда оставляетъ слѣдъ впечатлѣній въ душѣ воспринимающаго ее. Но память людская имѣетъ свои предѣлы и потому многія и многія дорогія всѣмъ намъ мысли лежатъ въ душѣ нашей забытыми. Всякій разъ, когда кто-либо сумѣетъ извлечь изъ глубины сердца нашего добрую мысль, мы схватываемъ ее какъ родную и долго, долго радуемся ей. Вызвать радостное чувство воспоминаніемъ о думахъ, высказанныхъ почти сто лѣтъ тому назадъ и порядочно забытыхъ (? даже на мѣстѣ родины пѣвца русской (?) лиры Ивана Петровича Котляревскаго, дѣлаетъ честь и славу горожанамъ Полтавы и ея представителямъ. Пусть памятникъ ея поэту, это видимое выраженіе его думъ, служитъ постояннымъ намъ и будущимъ поколѣніямъ напоминаніемъ, что добрыя мысли надо беречь во времени: они дороги намъ, потому, что вызываютъ радостное чувство».

Затѣмъ было прочитано привѣтствіе отъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца:

„Историческое Общество Нестора-лѣтописца при университетѣ св. Владиміра шлетъ свой искренній привѣтъ славной Полтавѣ въ торжественный день открытія памятника ея великому гражданину. Сто съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ, когда исчезали

послѣдніе слѣды самобытнаго общественнаго строя Малороссіи, когда жизнь ея складывалась на иныхъ началахъ и по инымъ формамъ, когда культурные классы малорусскаго общества забывали языкъ отцовъ и дѣдовъ, стали относиться къ нему съ пренебреженіемъ, считая его достояніемъ одного лишь простонародья,—Котляревскій написалъ свою «Енеіду». Въ ней въ первый разъ живой народный языкъ Украины сдѣлался языкомъ художественно-литературнаго произведенія, сразу затмившаго собою все, что было писано южнорусскими писателями предшествовавшихъ вѣковъ,

И тайна этого безпримѣрнаго успѣха заключалась не столько въ личныхъ дарованіяхъ поэта, сколько въ геніальномъ уразумѣніи той великой истины, что духъ народа можетъ найти полное для себя выраженіе единственно въ живой народной рѣчи.

Добромъ пусть будутъ помянуты на этомъ торжествѣ и тѣ многочисленные, нерѣдко весьма талантливые южнорусскіе писатели, которые трудились на литературномъ поприщѣ въ XVII—XVIII ст., но ихъ ошибка заключалась въ томъ, что они, согласно понятіямъ своего вѣка, стремились къ созданію искусственнаго книжнаго языка, намѣренно удаленнаго отъ живой стихіи народной рѣчи, и потому обреченнаго на вымираніе. Въ этомъ и разгадка того, почему имена предшественниковъ Котляревскаго забыты, а его славное имя живетъ и будетъ жить.

Памятникъ Котляревскому—это памятникъ не ему одному, но и тому живому народному слову, которое въ его произведеніяхъ получило впервые литературную обработку и стало выраженіемъ высшихъ духовныхъ интересовъ многомилліоннаго племени. Въ этомъ—безсмертная заслуга Котляревскаго. Честь и слава Полтавѣ, сумѣвшей оцѣнить эту заслугу и почтить ее достойнымъ образомъ.

Краткія привѣтствія произнесены были затѣмъ проф. Данилевичемъ, по уполномочію историко-филологическаго Общества при Харьковскомъ университетѣ, и преподавателемъ корпуса г. Люсинымъ отъ кружка любителей физико-математическихъ наукъ.

Гласнымъ думы Ф. О. Коваржикомъ выражено было привѣтствіе отъ славянскаго клуба въ Прагѣ:

«Общество чешскихъ патріотовъ «Славянскій клубъ» въ Прагѣ—сказалъ онъ,—въ короткое время уже второй разъ возлагаетъ на меня почетное порученіе передать его привѣтъ милой Полтавѣ.

Сегодняшнее празднество есть актъ благодарности потомства выдающемуся писателю, заслуги котораго здѣсь уже оцѣнены... Впрочемъ, наилучшей оцѣнкою служитъ самый фактъ устройства столь блестящаго памятника И. П. Котляревскому. Для насъ чеховъ достаточно, что вы радуетесь, и мы, какъ родные братья, радуемся вмѣстѣ съ вами.

Сочувствуя прославленію знаменитыхъ людей вообще, чешскій народъ особенно симпатизируетъ прославленію великихъ сыновей нашей общей матери Славіи..

Поступая такъ, мы дѣйствуемъ согласно завѣщанію нашего поэта Яна Коллара, выраженному словами: «Slavme slavne slau Slavian slavnich» (Славимте славно славу славянъ славныхъ)!

Депутаціей Черниговской губернской ученой архивной коммиссіи поднесенъ былъ прочитанный однимъ изъ представителей адресъ такого содержанія:

«Посвятивъ свою дѣятельность изученію мѣстной старины и народныхъ преданій, Черниговская губернская ученая архивная коммиссія пришла къ необходимости изученія памятниковъ украинскаго художественнаго творчества, въ ихъ исторической связи и преемственности.

Ивану Петровичу Котляревскому—одному изъ первыхъ коммиссія должна была удѣлить особое вниманіе, въ виду важной роли его въ исторіи украинской литературы и самосознанія.

Иванъ Петровичъ Котляревскій, стоявшій на рубежѣ двухъ историческихъ эпохъ, прежней гетманской и новой обще-имперской, отразилъ въ своей литературной дѣятельности вліянія переходного времени. Произведенія его являются яркими иллюстраціями тогдашнихъ общественныхъ отношеній. Родоначальникъ новой украинской литературы и одинъ изъ первыхъ собирателей народныхъ пѣсенъ и обычаевъ, онъ далъ толчекъ для дальнѣйшихъ работъ по изученію нашей народности. Сооруженіе памятника столь славному историческому дѣятелю

Украины достойно глубокаго уваженія всѣхъ любящихъ родную старину и дорожащихъ культурными интересами народа. Въ настоящій торжественный день открытія памятника, привѣтствуя Полтавское общество, Черниговская архивная коммиссія считаетъ долгомъ свидѣтельствовать ему глубокую признательность за понесенные имъ труды и жертвы».

Одинъ изъ членовъ Черниговской архивной коммиссіи просилъ также принять привѣтствіе и отъ музея Тарновскаго въ Черниговѣ.

Отъ Харьковскаго Общества грамотности и Харьковской общественной библіотеки привѣтствовалъ думу проф. Багалѣй. Исходя изъ той точки зрѣнія, что общественная цѣнность культурныхъ дѣятелей опредѣляется степенью жизненности ихъ начинаній, проф. Багалѣй отмѣтилъ, что И. П. Котляревскій является огромной величиной, разъ его произведенія, несмотря на цѣлое столѣтіе, продолжаютъ еще жить въ народѣ. Въ заключеніе проф. Багалѣй выразилъ пожеланіе, чтобы въ будущемъ измѣнились къ лучшему какъ внутреннія, такъ и внѣшнія условія развитія и распространенія украинской литературы.

Отъ Нѣжинской городской думы однимъ изъ трехъ депутатовъ прочитанъ былъ привѣтственный адресъ:

«Откликаясь на призывъ Полтавской городской думы почтить торжество открытія памятника славному Полтавскому поэту-кобзарю, какъ назвалъ Котляревскаго даровитѣйшій изъ позднѣйшихъ украинскихъ поэтовъ Т. Г. Шевченко, Нѣжинская городская дума тѣмъ охотнѣе приняла это предложеніе, что въ Нѣжинѣ получили воспитаніе и образованіе многіе даровитые полтавцы, въ томъ числѣ незабвенный Н. В. Гоголь, стяжавшій безсмертную славу художественнымъ сочетаніемъ интересовъ двухъ родственныхъ разновидностей русскаго народа, какъ и широкимъ освѣженіемъ и обогащеніемъ общаго русскаго литературнаго языка изъ сокровищъ малороссійскаго духа и слова народнаго

Слава и значеніе Гоголя въ общерусской литературѣ извѣстнымъ образомъ отражатюся и на чествуемомъ нынѣ Пол-

тавой И. П. Котляревскомъ, какъ родоначальникѣ новѣйшей украинской литературы, повліявшемъ на языкъ, образность и тонъ поэтическихъ произведеній Гоголя, мѣстами замѣтно подражавшаго Котляревскому и видимо хорошо освоившагося съ важнѣйшими поэтическими произведеніями послѣдняго—«Энеидой», «Наталкой-Полтавкой» и «Москалемъ Чаривныкомъ».

Котляревскій—истинный поэтъ; въ произведеніяхъ его дышетъ неувядаемая прелесть вѣрнаго и картиннаго изображенія малороссійской жизни, неподражаемаго и захватывающаго юмора, съ которымъ онъ изображаетъ пороки и смѣшную сторону своего народа, игриваго, непринужденнаго и въ высшей степени народнаго языка, какъ и народнаго быта и народной психики.

Какъ глубокій знатокъ малороссійскаго языка и быта, исторіи народа, его обычаевъ, пѣсенъ, преданій, пословицъ и всей народной жизни, Котляревскій сразу какъ-бы сталъ, по словамъ одного ученаго изслѣдователя (Н. П. Дашкевича) «общенароднымъ поэтомъ, возбудивъ интересъ къ своимъ произведеніямъ не только въ интеллигентномъ классѣ украинцевъ, но и въ простомъ народѣ». Не даромъ, значитъ въ 1841 г. Т. Г. Шевченко, человѣкъ съ широкимъ поэтическимъ міросозерцаніемъ, писалъ о Котляревскомъ:

Не вмре кобзарь бо на віки
Его (слава) привітала
Будеш, батьку, панувати,
Поки живуть люде;
Поки сонце з неба сяе
Тебе не забудуть...

Да будетъ жизнь и дѣятельность этого славнаго Полтавскаго поэта-кобзаря путеводнымъ свѣточемъ и для воспитанія въ народномъ духѣ грядущихъ поколѣній на благо и славу родины и великаго общерусскаго отечества!

Честь и слава представителямъ Полтавскаго городского населенія за чествованіе памяти славнаго на литературномъ поприщѣ своего согражданина, родоначальника новѣйшей украинской литературы!»

По выслушаніи послѣдняго изъ приведенныхъ нами привѣтствій, на каѳедрѣ появился делегатъ Черниговскаго музыкально-драматическаго кружка, извѣстный украинскій писатель г. Коцюбинскій и прочелъ привѣтствіе отъ кружка, составленное на украинскомъ языкѣ. Громъ рукоплесканій отъ публики, утомленной было продолжительнымъ слушаніемъ предыдущихъ адресовъ и опять воспрянувшей при звукахъ родного слова, былъ наградой за теплое привѣтствіе. Но, къ сожалѣнію, далѣе произошелъ инцидентъ, которому трудно подыскать соотвѣтственное названіе, кромѣ самого грубаго надругательства надъ памятью чествуемаго поэта и насилія надъ чувствами собравшихся чествовать его память. Послѣ г. Коцюбинскаго взошла на каѳедру представительница Черниговскаго драматическаго Общества г-жа Андріевская и начала читать свой, также по-украински составленный, адресъ. Но лишь только она успѣла произнести нѣсколько словъ, какъ вдругъ раздался рѣзкій звонокъ предсѣдательствующаго собраніемъ и голосъ г. городского головы остановилъ г-жу Андріевскую заявленіемъ, что онъ, городской голова, не можетъ разрѣшить чтеніе привѣтствій по-малорусски. Такое заявленіе г. городского головы,—тѣмъ болѣе неожиданное, что оно послѣдовало уже *послѣ* того, какъ былъ выслушанъ цѣлый рядъ адресовъ и привѣтствій, между прочимъ и на украинскомъ языкѣ (отъ галичанъ и г. Коцюбинскаго), и въ каждомъ Котляревскому ставилось въ заслугу именно то самое, что сейчасъ г. городскимъ головою воспрещалось,—конечно глубоко изумило публику. Послышались голоса «просимо читати». Но г. городской голова продолжаетъ настаивать на своемъ, ссылаясь на какое-то распоряженіе, будто бы запрещающее чтеніе привѣтствій по-украински; публика въ зрительномъ залѣ, привставъ съ мѣстъ, съ волненіемъ и недоумѣніемъ слѣдитъ за происходящемъ на сценѣ; часть публики направляется къ выходу. Г-жа Андріевская, вручивъ молча свой адресъ г. городскому головѣ, сходитъ съ каѳедры; въ публикѣ сдерживаемое волненіе... На каѳедрѣ появляется харьковскій присяжный повѣренный г. Михновскій съ заявленіемъ, что такъ какъ порученный ему кружкомъ харьковской интеллигенціи адресъ напи-

санъ также на украинскомъ языкѣ, то въ виду неразрѣшенія г. городскимъ головой чтенія такихъ адресовъ, онъ готовъ подчиниться дискреціонной власти предсѣдателя и читать адреса не будетъ; но зная въ тоже время, что не существуетъ закона, который воспрещалъ бы «прирожденному малороссіянину» говорить на своемъ родномъ языкѣ, онъ, Михновскій, проситъ о случившемся занести въ протоколъ засѣданія и выписку изъ него выдать ему для обжалованія этого незаконнаго воспрещенія въ Сенатъ. Усмотрѣвъ затѣмъ въ поступкѣ г. городского головы нежеланіе принимать украинскіе адреса, г. Михновскій оставляетъ свой адресъ у себя и, передавъ одну лишь пустую папку, при аплодисментахъ публики, удаляется изъ зала. Требованіе о занесеніи случившагося въ протоколъ было поддержано и черниговскимъ присяжнымъ повѣреннымъ г. Шрагомъ. Когда г. городской голова обратился къ публикѣ съ угрозой закрыть засѣданіе, то возмущенная происшедшимъ публика окончательно начала оставлять залъ. Послѣ заявленій г.г. Михновскаго и Шрага поочередно подходили делегаты съ украинскими адресами и, вручая ихъ по принадлежности, каждый повторялъ заявленіе о своемъ протестѣ противъ происшедшаго насилія. Сотрудникъ и представитель «Орловскаго Вѣстника» г. Чеботаревъ, делегатъ Одесскаго Литературно-артистическаго Общества г. Иваненко и еще около десяти представителей различныхъ обществъ присоединяются къ протесту украинскихъ товарищей, заявивъ, что въ виду происшедшаго прискорбнаго инцидента они не находятъ возможнымъ читать свои привѣтствія, хотя послѣднія написаны на русскомъ языкѣ и потому воспрещеніе ихъ не касается[1])... Не оставалось

[1]) Изъ числа адресовъ и устныхъ привѣтствій, которые должны были произноситься присутствующими въ засѣданіи делегатами, остались по указанной причинѣ незаслушанными слѣдующіе: Кіевскаго Общества грамотности и редакціи «Кіевской Старины» (депутатъ—редакторъ «Кіевской Старины» г. Науменко), Кіевскаго литературно-артистическаго Общества (депутатъ г. Стешенко), отъ украинцевъ изъ Екатеринослава, Кіева, Харькова, Чернигова, Херсона, Умани, отъ земляковъ изъ Кубани, отъ *крестьянскаго сельскаго* Общества м. Вер-

ничего другого, какъ закрыть засѣданіе, что и было сдѣлано. Впрочемъ, это была лишь пустая формальность, такъ какъ залъ давно уже представлялъ собою подобіе пустыни аравійской, среди которой, подобно оазисамъ, виднѣлись лишь тамъ и сямъ одинокіе, растерянные люди: публика оставила залъ еще раньше, при первой попыткѣ г. предсѣдательствовавшаго въ собраніи городского головы наложить узду на то слово, которое употреблялъ въ своихъ произведеніяхъ чествуемый писатель...

Такъ закончилось это единственное даже въ лѣтописяхъ русской общественной жизни, такъ богатой всевозможными неожиданностями, случайностями и слишкомъ частымъ примѣненіемъ принципа «тащить и не пущать», это по-истинѣ историческое чествованіе, во время котораго вышеуказанный принципъ былъ съ успѣхомъ испробованъ на томъ самомъ языкѣ и словѣ, которымъ служилъ чествуемый писатель и которые, по прекрасному выраженію г-жи Ефименко, онъ поставилъ «на сторожі» родного народа [1])!.. Впро-

---

кіевки Нѣжинскаго у., Одесскаго литературно-артистическаго Общества, редакцій газетъ: «Орловскаго Вѣстника«, «Кіевской Газеты», «Приднѣпровскаго Края», (представитель-редакторъ г. Духовецкій), «Крымъ» (редакторъ г. Балабуха), Кіевскаго кружка украинскихъ писателей (делегатъ г. Гринченко) и драматическаго товарищества при Харьковскомъ народномъ домѣ («Полтавскій Вѣстникъ», № 214). Кромѣ перечисленныхъ, было еще около 300 привѣтственныхъ телеграммъ и писемъ, присланныхъ по адресу Полтавской городской думы.

[1]) Странное, чтобы не сказать болѣе, отраженіе описанный инцидентъ нашелъ въ передачѣ нѣкоторыхъ газетъ («Приднѣпровскій Край» и «Крымъ»), представители которыхъ г.г. Духовецкій и Балабуха *лично были* на празднествѣ. Разсказы этихъ господъ, слышавшихъ «неописуемый хаосъ», свистки, стоны, крики, топанье и т п., видѣвшихъ, какъ г. Михновскій разрывалъ свой адресъ, а остальные украинскіе делегаты отдавали лишь пустыя папки, представляютъ наивную или злостную выдумку, ничего общаго съ правдой не имѣющую и изображающую все событіе въ совершенно искаженномъ видѣ. Неудивительно, впрочемъ, что г. Духовецкій, напр., видѣлъ и слышалъ то, чего никто не видѣлъ и не слышалъ, и наоборотъ—не видѣлъ и не слышалъ того, что всѣ видѣли и слышали: онъ, кажется, больше интересовался такими важными событіями, какъ напр.,—сколько времени

чемъ, финалъ этого историческаго засѣданія еще впереди, но, чтобы потомъ не отвлекаться въ сторону, мы изложимъ его сейчасъ. Какъ сообщаетъ «Полтавскій Вѣстникъ» (№ 221), 9 сентября состоялось особое чрезвычайное засѣданіе думы для прочтенія тѣхъ привѣтствій, которые остались не прочитанными вслѣдствіе изложеннаго инцидента; публика опять переполнила думскій залъ. Предсѣдательствовавшій въ собраніи г. городской голова объявилъ, что въ виду полученнаго имъ распоряженія онъ можетъ, какъ это было и на засѣданіи думы 30-го августа, допустить чтеніе привѣтствій только на русскомъ языкѣ. Въ оправданіе этого онъ доложилъ текстъ предложенія г. полтавскаго губернатора, что, согласно полученной отъ министерства внутреннихъ дѣлъ телеграммѣ, въ торжественномъ засѣданіи думы 30 августа всѣ привѣтствія и адресы должны читаться на русскомъ языкѣ. Гласные г.г. Черненко, Зиновьевъ, Казинъ и Сосновскій, считая указанное распоряженіе лишеннымъ законныхъ основаній, рекомендовали обжаловать его въ Правительствующій Сенатъ. Предложеніе это единогласно принято думой. Большинствомъ противъ одного собраніе постановило—до рѣшенія Сената не читать ни одного изъ оставшихся не прочитанными привѣтствій, сообщивъ объ этомъ постановленіи всѣмъ тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, отъ которыхъ таковыя получены. Послѣ этого рѣшено было закрыть засѣданіе, не переходя къ обсужденію другихъ, стоящихъ на очереди, вопросовъ...

Второй день празднествъ (31 августа) былъ посвященъ художественному, такъ сказать, чествованію Котляревскаго, носившему поэтому нѣсколько иной характеръ, чѣмъ наканунѣ. Предполагавшееся первоначально чтеніе для народа біографіи Котляревскаго было почему-то отмѣнено, а взамѣнъ этого состоялось «литературно-музыкальное утро», а вечеромъ—торжественный спектакль. «Утро» открылось чтеніемъ извѣстнаго стихотворенія Шевченка «На вічну память Котляревському», исполненнаго Н. К. Садовскимъ, и состояло изъ кантаты на то же стихотвореніе,

---

тому назадъ женился г. полтавскій вице-губернаторъ, въ какой шляпкѣ была та или другая делегатка, сколько разъ и гдѣ именно ему, г. Духовецкому, отдавали честь городовые,—о чемъ прелюбезно и доводитъ, «при сей вѣрной оказіи», до свѣдѣнія своихъ читателей...

написанной къ столѣтнему юбилею украинской литературы Н. В. Лисенкомъ, чтенія отрывковъ изъ «Енеіди» (читалъ г. Старицкій) и множества разнообразныхъ номеровъ пѣнія. Хоръ подъ управленіемъ г. Лисенка, прекрасно срепетованный, богатый по количеству и голосовымъ средствамъ пѣвцовъ, одѣтыхъ въ украинскіе народные костюмы, производилъ сильное впечатлѣніе и вызвалъ горячіе восторги среди публики, которой вообще не часто приходится слушать прекрасное пѣніе въ такомъ образцовомъ исполненіи. Нужно отмѣтить также свѣтовыя картины, поставленныя по рисункамъ извѣстнаго украинскаго художника и этнографа П. Д. Мартиновича, прекрасно иллюстрирующимъ важнѣйшіе эпизоды изъ «Енеіди» [1]).

Вечеромъ въ томъ же Гоголевскомъ зданіи для просвѣтительныхъ цѣлей состоялся торжественный спектакль («Наталка-Полтавка»), закончившійся кантатой г. Лисенка и апоѳеозомъ Котляревскаго. Въ «Наталкѣ-Полтавкѣ» выступили корифеи украинскаго театра—М. Л. Кропивницкій, И. К. Карпенко-Карый, Н. К. Садовскій, и потому объ исполненіи безсмертной оперетты Котляревскаго долго говорить не приходится: оно извѣстно почти всѣмъ; съ артистами зрители еще разъ пережили всѣ перепетіи этой простой, но въ высшей степени трогательной драмы человѣческаго сердца. Апоѳеозъ, которымъ закончился спектакль, представлялъ сцену увѣнчанія славой поэта, окруженнаго живописно расположенными группами народа. Жаль только, что отсутствовали персонажи изъ «Наталки-Полтавки», которые своимъ присутствіемъ несомнѣнно придали бы апоѳеозу и больше внѣшней эффектности, и болѣе глубокій внутренній смыслъ... Товарище-

---

[1]) Нельзя обойти молчаніемъ функціонировавшую во время празднествъ художественную выставку въ память Котляревскаго, на которой особенное вниманіе обращали на себя рисунки карандашемъ и этюды того же г. Мартиновича, рядъ иллюстрацій его «до Енеіди» (изданы въ настоящее время Полтавской думой), прекрасныя сценки изъ украинской жизни и пейзажи художниковъ Васильковскаго, Сластіонова, Кричевскаго. Красицкаго и др., бронзовая группа г. Позена «Пастушка» и многое другое.

скимъ ужиномъ послѣ спектакля и общей снимкой участниковъ торжества на слѣдующій день закончился внѣшнимъ образомъ праздникъ украинской интеллигенціи.

Да, мы увѣрены, что это было лишь внѣшнее окончаніе незабвенныхъ «дней Котляревскаго»; внутреннее же, разумѣя подъ этимъ тотъ слѣдъ, который остался въ сердцахъ участниковъ перваго праздника украинской интеллигенціи, придется отодвинуть по крайней мѣрѣ на неопредѣленно продолжительное время. Можно съ увѣренностью сказать, что и для Полтавцевъ «дни Котляревскаго» на долгое время останутся предметомъ возвышающихъ, отрадныхъ воспоминаній [1]), и для ихъ случайныхъ гостей эти же дни станутъ центромъ, вокругъ котораго сосредоточено что-то такое, что поднимаетъ душу надъ будничными заботами и стремленіями, сообщая ей ту душевную отраду и тѣ бодрящія впечатлѣнія, безъ которыхъ на бѣломъ свѣтѣ жить было бы слишкомъ тяжело. Вѣдь все наше сѣренькое существованьице превратилось бы тогда въ сплошную цѣпь мелочныхъ разсчетовъ и соображеній, не прерываясь ни однимъ свѣтлымъ лучемъ, не находя нигдѣ живительныхъ lucida intervalla... И разнесутъ, разъѣхавшись, гости эти бодрящія впечатлѣнія, ворвавшіяся въ ихъ жизнь свѣтлымъ лучемъ, во всѣ края, и долго еще, быть можетъ, гдѣ-нибудь въ глухомъ медвѣжьемъ углу, среди тяжелой, подавляющей обстановки, эти дни будутъ напоминать человѣку, что не все въ жизни сосредоточено на однѣхъ лишь матеріальныхъ заботахъ, а существуютъ и другія стремленія, которыя заставляютъ людей, глубоко проникнутыхъ какой-нибудь высшей идеей, забывать все на свѣтѣ...

---

[1]) «Памятникъ Котляревскому,—сообщаетъ одна изъ мѣстныхъ газетъ,—продолжаетъ служить центромъ вниманія со стороны обывателей. Въ теченіе послѣднихъ дней еще не было, кажется, ни одного момента, кромѣ, конечно, ночи, чтобы возлѣ него не стояла группа «всесторонне» разсматривающихъ его людей. Ни о чемъ другомъ, кромѣ памятника, теперь, собственно говоря, и не бесѣдуютъ даже наши обыватели. Разговоры о Котляревскомъ слышатся даже тамъ, гдѣ раньше и не знали, кто такой былъ Котляревскій» («Полтавскій Вѣстникъ», 215).

Но этимъ нравственнымъ вліяніемъ не исчерпывается все значеніе «дней Котляревскаго». Суммируя всѣ впечатлѣнія этого праздника, который мы назвали праздникомъ украинской интеллигенціи, нельзя не отмѣтить на первомъ планѣ того всеобщаго подъема и напряженія духовныхъ силъ, которые онъ вызвалъ среди украинскаго общества, выславшаго на это время своихъ представителей въ Полтаву. Этотъ подъемъ, это напряженіе сказывались во всемъ, и хотя, быть можетъ, въ мелочахъ и были какіе-нибудь, говоря вообще, недочеты, то во всякомъ случаѣ передъ нашими глазами, прошелъ актъ величайшей для украинскаго общества важности, историческаго значенія. Если подобные праздники имѣютъ громадное значеніе для всякаго вообще общества, то для украинскаго, въ виду того особенного положенія, которое занимаетъ оно, этотъ актъ пріобрѣтаетъ прямо таки колоссальное значеніе. *Въ первый разъ* украинская интеллигенція заявила о своемъ существованіи и, при томъ, такимъ энергичнымъ способомъ, что для сомнѣній или ироническихъ экивоковъ уже болѣе нѣтъ мѣста; *въ первый разъ* эта интеллигенція показала свою культурную зрѣлость и стойкость въ отстаиваніи своихъ интересовъ; *въ первый разъ* она выступила солидарно, соединивъ у подножія памятника своему первому интеллигенту представителей всѣхъ возможныхъ направленій, литературныхъ и общественныхъ, и этой солидарностью доказала, что она представляетъ солидную общественную силу, съ которой необходимо серьезно считаться... *Въ первый разъ*, наконецъ, у насъ открыто проявилось братское участіе къ нашимъ дѣламъ нашихъ братьевъ изъ Австрійской Украины, и это отмѣченнымъ чертамъ сообщаетъ еще большую цѣну. И нужно только пожелать, чтобы урокъ, данный намъ этимъ праздникомъ, не прошелъ для насъ даромъ, а всегда и вездѣ служилъ нагляднымъ примѣромъ и напоминаніемъ того, что̀ значитъ культурная, сознающая себя и солидарно дѣйствующая общественная сила...

Еще два слова. Мы назвали дни Котляревскаго въ Полтавѣ праздникомъ украинской *интеллигенціи, но не народа*, и особенно на этомъ настаиваемъ, несмотря даже на то, что одинъ изъ ораторовъ въ думскомъ засѣданіи утверждалъ противное и

даже былъ награжденъ за это шумными рукоплесканіями. Мы можемъ конечно, цѣнить, благородныя побужденія и оратора, особенно подчеркнувшаго фактъ участія народа въ постановкѣ памятника своему писателю, и публики, сочувственно за это отнесшейся къ оратору; но, думаемъ, не должны заблуждаться на счетъ истиннаго значенія подчеркнутаго факта. Собственно говоря, участіе въ нашемъ національномъ торжествѣ *народа*, въ собственномъ смыслѣ этого слова, проявилось крайне слабо. Число жертвователей изъ народа,—зная, какимъ образомъ пожертвованія у насъ очень часто собираются,—нельзя, по нашему мнѣнію, считать сколько-нибудь вѣрнымъ показателемъ настроенія народной среды. Съ другой стороны мы можемъ отмѣтить показатель, такъ сказать, отрицательнаго значенія: изъ привѣтствій, въ громадномъ количествѣ присланныхъ по поводу открытія памятника, *только одно* было отъ крестьянскаго общества; *только одно* село, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, на цѣлой необъятной шири нашей родной Украины *по собственной иниціативѣ*, безъ всякаго начальническаго внушенія и предписанія, сочло нужнымъ выслать своего представителя на праздникъ, который по своему внутреннему смыслу и значенію долженъ былъ бы быть чисто народнымъ, въ самомъ прямомъ значеніи этого слова. Всѣ же остальные жертвователи изъ народа даже не поинтересовались узнать, какимъ образомъ истрачены ихъ пожертвованія, и это обстоятельство въ значительной степени умаляетъ моральное значеніе той «народной лепты», о которой такъ восторженно отзывался г. Маркевичъ. Фактъ въ высокой степени печальный, хотя и не поражающій своею неожиданностью,—вѣдь и для поразительно громаднаго большинства великорусскихъ крестьянъ имя Пушкина—звукъ пустой, или въ крайнемъ случаѣ—фамилія браваго генерала, храбро разгромившаго какого-нибудь Турку!... Вотъ на этотъ то печальный, хотя, повторяемъ, при данныхъ условіяхъ и понятный фактъ наша интеллигенція, столь блистательно отпраздновавшая свой національный праздникъ, должна обратить самое серьезное вниманіе, поставивъ своей задачей—дѣйствовать на будущее время такъ, чтобы имена нашихъ тружениковъ на-

роднаго дѣла не оставались пустымъ звукомъ для народной массы. На очереди у насъ теперь стоитъ памятникъ величайшему изъ дѣятелей украинской литературы—Шевченку, и одной изъ важнѣйшихъ обязанностей украинской интеллигенціи пусть будетъ—приложить все стараніе, чтобы открытіе ему памятника было праздникомъ не только интеллигенціи, но и *дѣйствительно всенароднымъ.*

Сергій Ефремовъ.

21—22. IX. 03.

Ко дню столѣтней кончины послѣдняго кошевого войска запорожскаго Петра Кальнишевскаго.

Лѣтомъ текущаго (1903) года мнѣ пришлось посѣтить знаменитый въ исторіи Сѣверной Руси Соловецкій монастырь, расположенный на островахъ Бѣлаго моря и служившій в. XVIII в. мѣстомъ политической ссылки. Поклонившись мѣстнымъ святынямъ, я отправился обозрѣвать монастырскій дворъ и расположенныя въ немъ постройки. Дворъ монастыря, окруженный со всѣхъ сторонъ каменной стѣной съ башнями по угламъ, представляетъ изъ себя рядъ узкихъ переходовъ и небольшихъ площадей, раздѣляемыхъ постройками. Пройдя нѣсколько переходовъ, я вышелъ на площадь, расположенную съ южной стороны главнаго (Преображенскаго) монастырскаго храма; посреди ея возвышалась помпа колодца, въ разныхъ мѣстахъ зеленѣлъ кустарникъ. Открытая съ юга, она вся залита была солнцемъ. Стаи большихъ морскихъ чаекъ оглашали ее своимъ крикомъ; часть ихъ сидѣла подъ кустами съ выведенными птенцами—сѣрыми, неуклюжими на видъ; множество ихъ сновало между ногъ богомольцевъ, а еще больше носилось въ воздухѣ. Чайки чувствовали себя здѣсь хозяевами и не обращали никакого вниманія на людей, даже нападали на нихъ, если они тревожили ихъ птенцовъ. Возлѣ стѣны храма пріютилось нѣсколько могилъ, среди которыхъ, у самой стѣны, возвышалась черная мраморная гробница подъ металлическимъ балдахиномъ. Высѣченная на гробницѣ надпись

свидѣтельствовала, что она устроена 13 сентября 1901 г. архимандритомъ Іоанникіемъ съ братіей надъ прахомъ «достойнаго инока Авраамія Палицина», знаменитаго келаря Троицко-Сергіевой Лавры и извѣстнаго дѣятеля 1612 года, по случаю исполнившагося 275 лѣтія со дня его кончины. Рядомъ съ этой гробницей, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, на небольшомъ возвышеніи лежитъ скромная каменная плита съ слѣдующей высѣченною надписью послѣ небольшого молитвеннаго вступленія: «Здѣсь погребено тѣло въ Бозѣ почившаго Кошеваго бывшей нѣкогда Запорожской грозной Сѣчи козаковъ атамана Петра Кольнышевскаго, сосланнаго въ сію обитель по Высочайшему повелѣнію въ 1776 г. [1]) на смиреніе. Онъ въ 1801 году, по Высочайшему повелѣнію, снова былъ освобожденъ, но уже самъ не пожелалъ оставить обитель, въ коей обрѣлъ душевное спокойствіе смиреннаго христіанина и искренне познавшаго свои. вины. Скончался 1803 года, октября 31 дня, въ субботу 112 лѣтъ [2]) отъ роду смертью благочестивою, доброю.—Блаженны мертвіи умирающіе о Господѣ. Аминь. 1865 г. А. А.» (т. е. Архимандритъ Александръ, бывшій потомъ епископъ Архангельскій и Полтавскій).

У изголовья могилы Кальнышевскаго одна изъ чаекъ вывела пару птенцовъ и ревниво оберегала ихъ отъ проходившихъ мимо могилы людей, отгоняя ихъ своимъ крикомъ, а если крикъ не помогалъ, то безцеремонно хватала проходившихъ за платье и за ноги и щипала. Досталось отъ нея и мнѣ...

Могила Кальнышевскаго навела меня на мысль о бывшей государственной тюрьмѣ въ Соловецкомъ монастырѣ, въ которой въ числѣ другихъ содержался и названый кошевой, и я отправился осматривать ее. Тюрьма эта занимала юговосточный уголъ монастырскаго двора, внутри его ограды, отдѣляясь отъ другихъ монастырскихъ построекъ каменной стѣной съ высокими воро-

---

[1]) Доставленъ былъ въ М—рь 29 іюля 1776 г. (см. К. Ст. 1902, дек., стр. 142).

[2]) Возрастъ очевидно преувеличенъ; Кальнышевскому въ 1803 г. не могло быть 112 лѣтъ.

тами. У самыхъ воротъ находился небольшой двухъэтажный каменный домъ, въ которомъ жилъ офицеръ, вѣдавшій караулъ. За воротами, въ глубинѣ небольшого дворика, стоялъ двухъэтажный каменный домъ побольше, который собственно и служилъ мѣстомъ заключенія содержавшихся въ монастырѣ. Однимъ угломъ своимъ домъ касается каменной ограды. Сзади дома, въ 2—3 шагахъ отъ него, въ стѣнѣ двухъэтажная башня, тоже служившая мѣстомъ заключенія. Окружавшія главный тюремный домъ постройки выше его, вслѣдствіе чего содержавшимся въ немъ видѣнъ былъ лишь узкій, шириной въ нѣсколько шаговъ, тюремный дворикъ да краюшекъ неба. Въ настоящее время бывшая тюрьма перестраивается для помѣщенія въ ней монастырской больницы съ церковью въ верхнемъ этажѣ; по этому случаю крыша ея увѣнчана пятью небольшими, но красивыми главками, такъ что съ внѣшней стороны она имѣетъ видъ не дома, а церкви. Внутренность бывшей тюрьмы передѣлана совершенно: нѣтъ въ ней теперь ни отдѣльныхъ комнатъ—келлій для одиночнаго заключенія, ни переходовъ для стражи. Отъ прежняго мѣста заключенія сохранилось пока одно углубленіе въ стѣну ограды, въ видѣ амбразуры съ сводчатымъ потолкомъ, совершенно темное, безъ признаковъ печи. Входъ въ это углубленіе въ видѣ дверей идетъ изъ передней нижняго этажа; надъ дверью прибита дощечка съ надписью: «караульной». Съ восточной стороны бывшей тюрьмы мы нашли на землѣ обломанную доску съ остатками бывшей на ней надписи: « *..рестный домъ. . строенъ 1841 год ...скимъ иждивеніемъ*». Прилегающая къ бывшей тюрьмѣ башня двухъэтажная; нижній этажъ ея, какъ и нижнія части монастырской ограды, сложенъ изъ валуновъ, связанныхъ цементомъ; помѣщеніе его пусто, входъ въ него открытъ. Верхній этажъ башни сложенъ изъ кирпича, въ стѣнахъ его устроены узкія окна, выходящія въ разныя стороны; входъ въ верхнее помѣщеніе башни оказался запертымъ на замокъ и осмотрѣть его внутри намъ не пришлось. Гдѣ Кальнишевскій просидѣлъ 25 лѣтъ въ заключеніи въ тюрьмѣ или въ примыкавшей къ ней башнѣ,—намъ не удалось узнать. Но гдѣ бы онъ ни сидѣлъ, тяжело было ему

тамъ, ему, привыкшему въ простору, свободѣ, теплу и свѣту, если принять во вниманіе продолжительныя зимнія ночи на сѣверѣ,—въ особенности же на первыхъ порахъ, когда онъ былъ полонъ силъ и энергіи. Впрочемъ, подъ конецъ своего содержанія въ тюрьмѣ онъ смирился..., какъ аттествовало его монастырское начальство въ вѣдомостяхъ, представляемыхъ ежегодно архангельскому губернатору съ 1794 г... [1]).

Судя по нѣкоторомъ даннымъ, можно думать, что монастырское начальство, по своей ли инициативѣ или по внушенію свыше, довольно снисходительно относилось къ содержавшемуся въ монастырской тюрьмѣ послѣднему кошевому Сѣчи Запорожской.—На это указываетъ, съ одной стороны, то обстоятельство, что Кальнышевскій послѣ освобожденія изъ заключенія остался доживать послѣдніе дни свои въ Соловецкомъ монастырѣ, а съ другой—тѣ цѣнныя пожертвованія, которыя онъ сдѣлалъ монастырю и которыя въ полной сохранности хранятся въ монастырской ризницѣ. Здѣсь имѣется, во первыхъ, парчевая, затканная шелкомъ цвѣтами въ турецкомъ или персидскомъ вкусѣ, священная риза, сдѣланная, по преданію, изъ кунтуша Кальнышевскаго, а во вторыхъ—сдѣланный имъ богатый окладъ на одномъ евангеліи.

Евангеліе это печати 1759 года; въ вышину около 1 аршина, а въ ширину около $^3/_4$ аршина. Судя по имѣющимся на послѣдней страницѣ подписямъ: «П. С. Іконниковъ», «Михайло Ивановъ», сдѣланнымъ ими собственноручно, слѣдуетъ думать, что евангеліе подарено монастырю названными Иконниковымъ и Ивановымъ, и лишь окладъ сдѣланъ Кальнышевскимъ. Обѣ доски евангелія обложены серебромъ 84 пробы, вызолочены и богато окрашены священными изображеніями—на лицевой сторонѣ финифтяными, а на задней подъ черню; и тѣ и другія прекрасной художественной работы. На лицевой сторонѣ евангелія слѣдующія финифтяныя, сдѣланныя синей краской по бѣлому фону,

[1]) См. „Кіев Стар.“ 1902 г., декабрь, стр. 142.

изображенія: въ срединѣ—Воскресенія І. Хр., вверху св. Троицы, по угламъ 4 евангелиста, по сторонамъ центральнаго изображенія—преп. Зосима и Савватій Соловецкіе чудотворцы. Сверхъ этихъ изображеній довольно крупной величины, имѣются еще слѣдующія по-менѣе, продолговатой формы: вверху центральнаго изображенія—моленіе о чашѣ, съ лѣвой стороны его Благовѣщеніе, съ правой Преображеніе и внизу изображеніе тайной вечери. Корешокъ переплета евангелія тоже серебряный вызолоченый и украшенный рисункомъ изъ цвѣтовъ. На внутренней сторонѣ корешка переплета сверху и внизу евангелія прикрѣплены серебряныя вызолоченныя дощечки съ слѣдующею выгравированною надписью: на верхней дощечкѣ.—«*Во славу Божію устроено сие евангеліе въ обитель святаго Преображенія преподобныхъ отецъ Зосима и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ, что на море окіана, при архимандритѣ Іонѣ*»; на нижней—«*а раденіемъ и коштомъ бывшаго запорожской сѣчи кошевого Петра Ивановича Кальнышевскаго 1801 года, а всего вѣсу* (очевидно оклада) *34 ф. 25 зол. всей сумы 2435. Проба серебра 84—1800 года.*» Судя по году пробы, окладъ евангелія заказанъ былъ еще тогда, когда Кальнышевскій содержался подъ стражей. Откуда онъ могъ раздобыть такую сумму (2435 р.) денегъ находясь въ заключеніи, не можемъ объяснить. По всей вѣроятности, она составляетъ остатокъ той суммы, которая ежегодно отпускалась монастырю на содержаніе Кальнышевскаго. Мѣсто изготовленія оклада неизвѣстно.

31 октября настоящаго года исполняется сто лѣтъ со дня кончины Кальнышевскаго... Миръ праху его!...

Г. В.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ біографіи И. П. Котляревскаго. Въ «Полт. Вѣстн.», (№ 212) помѣщены подъ этимъ заглавіемъ свѣдѣнія о старухѣ Лелечихѣ, 110 лѣтъ отъ роду, бывшей нѣкоторое время въ услуженіи у И. П. Котляревскаго (въ 1828—29 г.г.) Ввиду интереса этихъ свѣдѣній, считаемъ умѣстнымъ перепечатать ихъ цѣликомъ.

„Въ Полтавѣ, на Подолѣ живетъ и здравствуетъ по сіе время вдова полтавскаго мѣщанина Варвара Федоровна Лелечиха (до замужества Красноштанова), которой въ настоящее время около 110 лѣтъ. До 1861 г. она была крѣпостной у помѣщика Бѣлухи-Кохановскаго, затѣмъ въ теченіе длиннаго періода времени служила у многихъ мѣстныхъ помѣщиковъ, давно овдовѣла и лишилась всѣхъ дѣтей и внуковъ, оставшись совершенно одинокою въ кругу чужихъ людей. Живетъ на свои скромныя средства и, отъ дряхлости, ничего не можетъ работать, а съ 1899 г. ей назначено отъ городской управы пособіе въ размѣрѣ 3 р. въ мѣсяцъ. Ходитъ Лелечиха безъ посторонней помощи; говоритъ и слышитъ хорошо. По ея словамъ, въ 1828 и 1829 г.г. она служила у Ивана Петровича Котляревскаго (помнитъ это потому, что тогда была война съ турками, о чемъ слышала отъ Ивана Петровича), занимаясь уборкой его комнатъ и бѣлья; ей тогда было болѣе 30 лѣтъ. При ней тогда также была у Котляревскаго экономкой вдова унтеръ-офицера Матрена Ефремова Веклевичева, которой, по духовному завѣщанію Котляревскаго, досталось все его скромное имущество. Въ то время И. П. былъ совсѣмъ сѣдой и казался «дуже старымъ и больнымъ чоловикомъ»; усовъ и бороды со-

всѣмъ не носилъ. Въ гостяхъ у него бывали немногіе изъ его друзей, чаще всѣхъ Бѣлуха-Кохановскій и Стеблинъ-Каменскій, съ семействами которыхъ И. П. былъ очень друженъ. До обѣда проводилъ время на службѣ, отдыхалъ немного, а вечеромъ бывалъ гдѣ-либо въ гостяхъ или же занимался самъ чтеніемъ книгъ и газетъ. Съ простыми людьми обращался радушно и привѣтливо, говорилъ съ ними по-малорусски, шутилъ, всегда улыбался всѣмъ,—все это всѣхъ знавшихъ его къ нему располагало. О дальнѣйшей жизни и смерти Котляревскаго ничего не знаетъ, такъ какъ очень долгое время была вдали отъ Полтавы.

Три указа конца XVIII вѣка. *(Изъ церковнаго архива)*. Помѣщаемые ниже «указы» интересны въ томъ отношеніи, что связаны съ личностью такого глубоко просвѣщеннаго дѣятеля, какимъ для своего времени былъ преосвященный Иларіонъ (Рогалевскій); но особенно любопытенъ третій указъ своимъ бытовымъ характеромъ. Случай, описанный въ немъ, надо думать, не исключительный, хотя и довольно рѣдкій. Не могу не припомнить по этому поводу комическаго разсказа сельскаго дьячка, 85-лѣтняго старика, о томъ, какъ въ 30-хъ г.г. священникъ одного изъ глухихъ уѣздовъ черниговской епархіи совершилъ вѣнчаніе въ своей избѣ вокругъ „пекелной дижи" (кадки, въ которой мѣсятъ хлѣбъ). Любопытно, что и въ данномъ случаѣ виновный подвергся тому же наказанію, какое понесъ, согласно указу, и о. Курганскій: его перевели дьячкомъ въ сельцо, едва-ли не самое бѣднѣйшее во всей епархіи.

I. *Епископское взысканіе за неявку студентовъ семинаріи въ срокъ послѣ Рождественскихъ каникулъ.* Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійскія изъ духовной новгородско-сѣверской консисторіи въ духовное новгородское правленіе, его высокопреосвященство господинъ иларіонъ, епископъ новгородско-сѣверскій и глуховскій, изволилъ приказать слѣдующее: 1) сискать въ сію консисторію священниковъ (перечисляется 24 лица изъ разныхъ селъ и мѣстечекъ), и оштрафовать тронеделномъ священно служеніемъ въ катедралной преображенской церкви, и поклонами за то, что дѣтей своихъ взявъ изъ училищъ семинаріи новгородско-сѣверской на свята рождественские въ домѣ свои и по 13 число сего генваря непредъставили,

нерадя о собственной ползѣ дѣтей своихъ. 2) отъ селѣ ʻсътудентовъ впредь непускать в доми нивкакие времена до окончанія обыкновенніхъ учений, 3) оштрафованіи више прописаннихъ священниковъ, и что студенти не будутъ отъпускаеми изъ училищъ до окончанія учений для вѣдома во всѣ духовния правленіи послать укази, для того воисполненіе оной его високопреосвященства резолюціи опредѣлено послать во всѣ духовнія правленіи укази стѣмъ дабы всякое духовное правленіе вѣдомства своего священниковъ повишеписанному вислало в сію консисторію при рапортахъ непремѣнно, и о вишеписанномъ учинилобъ по протопопіи побликацію, 1786 года генваря 19 дня.

На подлѣнномъ тако петропавловскій архимандритъ мелхиседекъ.

Войсковый товарищъ андрей житковъ.

II. *Бракъ «по обману» и наказаніе за него священника.* Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержиды Всероссійскія из духовной новгородско-сѣверской консисторіи въ духовное новгородское правленіе сего года марта—7—поданнимъ Его Высокопреосвященству господину иларіону епископу новгородско-сѣверскому, и глуховскому, протопопіи новгородской села багриновки священникъ николай горбачевскій, доношеніемъ представилъ, заобвѣнчаніе де имъ дячка села собичь гавріила коваленка въ мѣсто козачой пообману съ мужичою дочерью дѣвицею ѳеодосіею, много онъ горбачевскій тѣмъ предъ Его Високопреосвященствомъ согрѣшилъ, и виновенъ находится, о чемъ и дѣло в сей консисторіи имѣется, закоторую его вину, въ обвѣнчаніи вишъ упомянутихъ лицъ, онъ горбачевскій его Високопреосвященствомъ, пока оное дѣло въ консисторіи будетъ рѣшено, опредѣленъ въ катедралномъ монастирѣ въ труда, которіе въ черней работѣ двѣ недѣлѣ несетъ итакъ онъ отомъ его учинку раскаевается силно съ сокрушеніемъ и болѣниемъ сердца оплакиваетъ и оплакиваетъ въ семъ согрѣшеніи себя столь что едва отъ нечали живъ находится можетъ, и в таком онъ будучи бѣдственномъ состояніи, просилъ заучиненное имъ въ обвѣнчаніи више прописаннихъ лицъ, преступленіе, прощенія, на которомъ его Високопреосвященства послѣдовала резолюція такова: какъ иерей николай, в противно законномъ своемъ поступкѣ признаніе совершенное дѣлаетъ, то и хлопотатся далшимъ вислѣдованиемъ ни для чего, велѣть ему священника коего прихода дѣвица, удоволствовать дачею трехъ рублевъ, и оштрафить его за сіе обвѣнчаніе

совсѣмъ не доего принадлежащее: възыскать на семинарію пять рублевъ, и нагодъ послать въ монастиръ полгода въ монастирские труди, аполгода для вседневнаго служенія, но какъ многіе дѣла зачали въходить, что священники несвоихъ приходовъ и безсвидѣнія владѣлцовъ къ обидѣ ихъ вѣнчають ихъ подданнихъ, то въ предъ обережность другимъ о оштрафованіи сего опубликовать во всей епархіи. и подписками всѣхъ обовязать другого прихода и безсвидѣнія владѣлцовъ отнюдъ никого невѣнчать по коей его Высокопреосвященства резолюціи для вѣдома и надлежащаго исполненія сімъ указомъ духовному новгородскому правленію и предлагается 1786 года марта 17 дня.

На подлѣнномъ ректоръ игуменъ варлаамъ.

Войсковый товарищъ андрей житковъ.

III. *Дѣло «о обвѣнчаніи въ пянѣ въ жилой избѣ въ ночное время»*. Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійскія; изъ новгородско-сѣверской духовной дикастеріи новгородскому духовному правленію по указу Ея Императорскаго Величества духовная новгородско-сѣверская дикастерія слушали указъ изъ святѣйшаго правительствующаго синода къ его преосвященству господину илариону епископу новгородско-сѣверскому и глуховскому прошлаго августа 23-го состоявшійся а его преосвященствомъ прошлого сентября—11-го числъ (?) полученіи которимъ по взнесенному въ святѣйшій правителствующій синодъ отъ его преосвященства репорту съ мнѣніемъ и сприложеніемъ при ономъ учиненнаго въ сей дикастеріи изъ дѣлъ сосницкой протопопіи села тихоновичъ о священникѣ стефанѣ курганскомъ экстракта въ коемъ обяснени обстоятелства преступленій его курганскаго. 1-е, о дерзновенномъ имъ въ тихоновичевской церкви неодинождьі напившись какого-нибудь питья а иногда и самой горелки божественнихъ литургій служеніи и о страсти его пянственной, а 2-е о обвѣнчаніи имже въ пянѣ въ своей жилой избѣ въ ночное время самимъ однимъ безъ причетниковъ церковныхъ безъ всякого повелѣнннаго правилами и указами опита безъ вѣдома владѣлческаго безъ согласія родителскаго и не по чиноположенію церковному владѣнія Господина генералъ фелдмаршала сенатора и кавалѣра графа кирилла григориевича разумовскаго села печенюгъ жителя тимофея мелниченка съ поданкою помѣщиковъ скоропадскихъ онаго села тихоновичъ жителкою дѣвкою натальею мисниковою велѣно какъ по таковомъ его

курганского безстрашію звращеннимъ (?) поступкамъ болѣе онъ въ характорѣ священства терпимъ быть не можетъ то его курганского лишить священства вовся однако въ свѣтцкую команду въ разсужденіи того что тѣ преступленіи учинены имъ до состоянія все милостивѣйшаго ея императорскаго величества 1787 года іюня 2 о дарованнихъ народу милостяхъ манифеста не отсилать, а опредѣлить въ церковно причетники съ тѣмъ что естли онъ курганскій и за симъ въ таковомъ же пянствѣ и непорядочнихъ поступкахъ окажется, то уже ево курганского исключа изъ церковного причта отослать на разсмотрѣніе по опредѣленію куда годнимъ окажется въ вѣдомство гражданское не представляя болѣе святѣйшему синоду означеннихъ же подданнихъ тимофея мелниченка и натальи аврамовой обвѣнчанними не почитать, а что слѣдуетъ до беззаконнаго ихъ сожитія то хотя сему болшею причиною состоитъ означеной курганской но поед[illegible]у и они тимофей и наталья сколко нибудь могли понимать что такое ихъ якобы вѣнчаніе въ избѣ церковнимъ преданіямъ противное и необикновенное то для возчувствованія имъ своего прегрѣшенія о наложеніи имъ церковной епитеміи предоставить расмотрѣнію духовнихъ ихъ оцовъ (?) аестли они нинѣ въ супружескомъ между собою сожитіи быти согласни и изнихъ наталье какъ от владѣльца и отъ матерѣ еѣ дозволеніе нато послѣдуетъ то ихъ по церковному чинополош(?)енію обвѣнчать буде же в томъ какое со сторони владѣлца или матерѣ еѣ произойдетъ препятствіе въ такомъ случаи дозволить имъ тимофею и наталье вступить въ законные браки съ другими свободними лицами и воисполненіи онаго Ея Императорскаго величества указа духовною новгородско-сѣверскою дикастеріею опредѣлено которое опредѣленіе и его преосвященствомъ утверждено прописанного священника курганского позвавъ въ присудствіе дикастеріи и вичитавъ ему означенній святѣйшаго синода указъ лишить священства вовся и лишенъ и взнакъ такова лишенія по силѣ указа святѣйшаго правительствующаго синода 1732 года мая 20-го дня состоявшагось обрѣзавъ на головѣ и бородѣ его волоса и запретивъ носить платья по чину священническому за отобраніемъ ставилной священнической грамоти опредѣлить къ тихоновской же церкви вдолжность дячковскую (что самимъ курганскимъ и учинено): и отомъ послать въ духовное сосницкое правленіе а для вѣдома и чтобъ отъ подобныхъ худихъ поступковъ и протчіе воздерживались и во всю епархію указы съ таковимъ сосницкому правленію предписаніемъ дабы от оного духовного правленія

десятоначалнику въ коего десятоначалствѣ онъ курганскій находится будеть строжайше притверждено занимъ курганскимъ имѣть прилѣжное смотрѣніе и естли онъ курганскій и засимъ обращатся будеть въ пянствѣ или каковихъ либо непорядочныхъ поступкахъ и за собою вида исправленія въ состояніи неокажеть то оной десятоначалникъ репортовалъ бы правленію а отъ правленія донесенобъ его преосвященству или дикастеріи для изъ ключенію его курганского изъ церковного причта икъ отдачи въ вѣдомство гражданского правителства ко опредѣлеіню тамо куда годнымъ окажется, чтобъ же означенныхъ подданныхъ тимофея мелниченка и наталии аврамовой обвѣнчанными почитаемо не было и онихъ от купно жителства заразъ разведенобъ и наложенобъ имъ забеззаконное ихъ сожитіе епитемія, поусмотрѣнію духовнихъ ихъ отцовъ естлижъ нинѣ въ супружествѣ быть согласны и изнихъ наталіи какъ отъ владѣлца такъ и отъ метеры дозволеніе нато послѣдуеть то ихъ по церковному чиноположенію обвѣнчанобъ буде же втомъ какое со стороны владѣлца или матере еи произойдеть препятствіе въ такомъ случаи дозволенобъ имъ тимофѣю и наталіи вступить въ законные браки зъ другими свободними лицами о томъ по жителству ихъ нынѣ въ уѣздѣ новгородскомъ сѣверскомъ въ селѣ печенюгахъ ивъ духовное новгородское правленіе укази жъ предписать какъ же посемужъ о бракосочетаніи онихъ мелниченка и мѣсниковой дѣлу послѣдовавшимъ в сію дикастерію изъ новгородскосѣверского намѣстнического правленія сообщеніемъ требовано должно онимъ лицамъ оставатся въ супружествѣ или отъ оного быть разведеннымъ увѣдомленія то о вышеописанномъ дать знать изъ сей дикастеріи и оному намѣстническому правленію опредъозначенномъ вѣдая учинить по сему Ея Императорскаго Величества указу а въ протчіе сей епархіи монастири и духовніи правленія указы посланы 1787 года октябра 5 дни.

На подлѣнномъ подпись Экономъ Ігуменъ Германъ.

Въ должности писаря иеродіаконъ викторъ подканцеляристъ степанъ базилевичъ съ подлиннымъ читалъ писарь семенъ ромаскевичъ.

Сообщ. **Сергѣй Рклицкій.**

Мелочи изъ архива юго-западнаго края. 1) *Незаурядные конокрады.* 26 сентября 1844 года, на ярмаркѣ въ Торчинѣ, управляющій сел. Блодавы, остр. у., обратился къ полиціи за содѣйствіемъ,

опознавъ у дьячковъ Заборольской и Серникской церквей уворованныхъ изъ Блодавской экономіи 3-хъ лошадей. Приставъ задержалъ обоихъ дьячковъ—родныхъ братьевъ. Отецъ ихъ, священникъ с. Забороля (луцк. у.), Н., попытался, было, уладить дѣло миромъ, но, потерпѣвъ неудачу, вызвался помочь доставить арестованныхъ въ Луцкъ, предоставивъ полиціи собственную повозку, на которой, подъ видомъ фурмана, сидѣлъ третій сынъ его. Близъ поворота къ Заборолю повозка эта свернула съ тракта; разсыльный попытался тому воспротивиться, но былъ избитъ и сброшенъ на землю. Когда подъѣхали слѣдовавшіе сзади приставъ и родитель задержанныхъ, послѣдній соскочилъ съ повозки и, подбѣжавъ къ поднимавшемуся разсыльному, нанесъ ему три удара въ лицо, послѣ чего съ сыновьями ускакалъ домой. Просьбы и увѣщанія пристава не подѣйствовали; самъ онъ елееле ускользнулъ со двора, оставивъ въ рукахъ дьячковъ шинель свою.

Исправникъ явился на мѣсто около полуночи; разсыльного онъ нашелъ «въ совершенномъ разслабленіи», но предпріимчивые молодцы имъ не найдены во дворѣ родительскомъ: по словамъ отца, они, передъ разсвѣтомъ, поспѣшили въ Луцкъ принести жалобу духовному правленію на полицію за нанесенныя оскорбленія..

Не теряя времени, начальникъ уѣздной полиціи сталъ собирать у сосѣдей свѣдѣнія о семьѣ Н., при чемъ мѣстный помѣщикъ Ч. удостовѣрилъ, что семья имѣетъ большія связи съ «конными ворами» и занимается переводомъ лошадей и другими кражами. На усадьбу самого Ч. неоднократно чинились нападенія, людямъ его наносились оскорбленія дѣйствіемъ, а ему лично—ругательствами.

По прибытіи на мѣсто происшествія депутата съ духовной стороны, братьевъ Н. едва удалось взять подъ стражу лишь послѣ того, какъ ихъ отцу было объявлено, что будетъ вызвана воинская команда.

Въ цѣляхъ болѣе полнаго обнаруженія дѣятельности шайки «конныхъ воровъ», исправникомъ открыто временное отдѣленіе и губернатору представлено объ удаленіи отъ прихода скомпрометированнаго пастыря, который, благодаря вліянію на крестьянъ, окажетъ несомнѣнно «сопротивленіе къ раскрытію истины».

На допросѣ отецъ и сыновья отрицали какъ намѣреніе бѣжать, такъ и нанесеніе разсыльному побоевъ, утверждая, что лошади, ихъ

везшія, сами поворотили къ дому, а разсыльный, будучи, подобно приставу, пьянъ, расшибся по собственной винѣ.

Дознаніемъ сіе однако опровергнуто. Помѣщикъ Ч., въ дополненіе къ сказанному ранѣе, обвинилъ молодыхъ людей въ воровствѣ коляски у его сосѣда, а отца ихъ въ нанесеніи побоевъ помѣщичьимъ рабочимъ при отбитіи у нихъ собственныхъ своихъ лошадей, топтавшихъ экономическія поля.

Генералъ-губернаторъ, передавая дѣло на усмотрѣніе управляющаго Волынской епархіею Архіепископа Варшавскаго, не выражаетъ сомнѣнія въ виновности братьевъ-дьячковъ въ куплѣ-продажѣ завѣдомо краденныхъ лошадей, о чемъ отцу ихъ бывало доподлинно извѣстно.

На семъ сообщеніи переписка обрывается.

—

2) *Въ поискахъ за приносящимъ счастіе восковымъ крестикомъ.* Новоградволынскаго уѣзда, села Смондерова, помѣщицы Потоцкой крестьянинъ Касьянчукъ повинился предъ начальствомъ въ разрытіи двухъ могилъ на христіанскомъ кладбищѣ. На допросѣ, при бытности депутата со стороны духовенства, онъ показалъ приставу, что слышалъ не разъ будто „если кто имѣетъ у себя восковой крестъ, который умершимъ кладутъ въ гробъ, тотъ можетъ быть счастливъ“,—почему, лѣтомъ 1854 года, какого мѣсяца и числа,—по неграмотности не знаетъ,—отправился ночью, со знакомымъ ему огородникомъ, на кладбище, гдѣ разрылъ одну могилу, но никакого креста въ гробу не нашелъ. Тогда рѣшился вскрыть второй гробъ, въ которомъ восковаго креста, хотя и не оказалось, но найденъ кипарисовый.

—

3) *Участіе помѣщика въ распитіи собственной шапки.* Въ 1857 году летичевскій земскій исправникъ рапортовалъ генералъ-губернатору, что, по произведенному имъ дѣлу о причиненныхъ частнымъ помѣщикомъ с. Галузинецъ тамошнему крестьянину сотскому побояхъ, оказалось: „сказанный помѣщикъ сотскому побоевъ не причинялъ, а только толкнулъ его рукою два раза по шеѣ, за то, что, когда находился на квартирѣ у тамошняго тысяцкаго, по своему дѣлу, онъ (сотскій) безъ вѣдома его, помѣщика, занесъ въ шинокъ господскую шапку и взялъ на оную полъ-ока водки, которую, впрочемъ, они всѣ трое вмѣстѣ выпили» (!). Затѣмъ помѣщикъ съ сотскимъ добровольно помирились и о неимѣніи другъ къ другу претензіи вступили съ мировымъ прошеніемъ.

—

4) *Сельчане, погребающіе своихъ мертвыхъ безъ священника.* Въ 1845 году, въ бытность по дѣламъ службы въ с. Новоселицѣ Лабунской (заславльскаго уѣзда, вол. губ.), полицейскій приставъ освѣдомился, «что тамошніе жители, крестьяне, въ противность обрядамъ православной церкви, тѣла умершихъ сами погребаютъ, кои на вопросъ объясняются, что они, не имѣя въ своемъ селѣ священника, принуждены сами предавать тѣла землѣ. Наблюдающій же ихъ приходомъ священникъ пріѣзжаетъ только въ нѣсколько дней послѣ погребенія и совершаетъ молитвы надъ гробомъ» (т. е. могилой).

Сообщ. **Алексѣй Мёрдеръ.**

Къ исторіи Каневской соборной церкви *(по поводу предполагаемой ея перестройки).* Уже болѣе 12-ти лѣтъ въ кіевской духовной консисторіи ведется переписка о перестройкѣ одного изъ древнѣйшихъ въ нашемъ краѣ церковныхъ памятниковъ—Успенскаго храма въ Каневѣ, заложеннаго кіевскимъ вел. княземъ Всеволодомъ Ольговичемъ въ 1144 г. Еще въ іюлѣ 1891 года причтъ и прихожане этого храма вступили къ епархіальному начальству съ прошеніемъ о разрѣшеніи расширить церковь пристройкой двухъ придѣловъ съ сѣверной и южной сторонъ, такъ какъ храмъ не въ состояніи вмѣстить въ себѣ и половины наличныхъ прихожанъ. Въ виду того, что при такой перестройкѣ пришлось бы совсѣмъ вынуть сѣверную и южную стѣны и такимъ образомъ существенно нарушить планъ и расположеніе древняго храма, кіевская консисторія въ томъ же 1891 г. обратилась въ Церковно-Археологическое Общество при мѣстной духовной Академіи съ просьбою высказать свое заключеніе по данному вопросу. Въ свою очередь Общество поручило составить такое заключеніе своему члену (нынѣ покойному) П. А. Лашкареву. Послѣднему предстояло, прежде всего, установить фактъ тождества современной каневской Успенской церкви съ тою церковью во имя св. Георгія, о заложеніи которой повѣствуетъ древняя лѣтопись подъ 1144 годомъ. Мнѣніе объ этомъ тождествѣ давно высказывалось въ печати, но никѣмъ не было еще провѣрено путемъ археологическаго изслѣдованія. Существовало разногласіе и по вопросу о томъ, насколько въ нынѣшней церкви сохранилось древнее зданіе, сооруженное въ половинѣ XII вѣка. Въ «Статистическомъ описаніи кіевской губерніи», изд. Фундуклеемъ, и въ «Сказаніи о населенныхъ мѣстностяхъ кіевск.

губ.». Похилевича высказывалось такое категорическое сужденіе о каневской Успенской церкви, какъ древнемъ памятникѣ: «Нынѣшняя ея архитектура не представляетъ ничего древняго, ибо старыя стѣны, сложенныя изъ такъ называемаго византійскаго кирпича, уцѣлѣли только до оконъ и тѣ украшены новыми пилястрами и карнизами». Проф. Лашкаревъ справедливо отвергъ это легкомысленное сужденіе и, не имѣя пока возможности изслѣдовать церковь на мѣстѣ, а руководствуясь лишь имѣвшимся у него планомъ и разрѣзомъ ея, съ фотографическимъ ея же видомъ, не колеблясь призналъ въ ней памятникъ церковно-строительнаго исскуства великокняжескаго періода. Подробно свои соображенія по этому вопросу онъ высказалъ въ особомъ рефератѣ, доложенномъ въ засѣданіи Церковно-Археологическаго Общества 17 дек. 1891 г. и впослѣдствіи напечатанномъ въ сборникѣ ученыхъ трудовъ автора: «Церковно-археологическіе очерки, изслѣдованія и рефераты». Въ маѣ слѣдующаго года членъ Общества проф. В. З. Завитневичъ произвелъ въ Каневѣ подробный осмотръ Успенской церкви, при чемъ почти всѣ предположенія проф. Лашкарева, высказанныя единственно на основаніи изученія плана и фотографическаго вида церкви, получили блестящее подтвержденіе. По словамъ проф. Завитневича, «церковь сооружена изъ древняго кирпича, тождественнаго по своему формату съ кирпичемъ кіевской Кирилловской церкви, которая точно также построена была великимъ княземъ Всеволодомъ Ольговичемъ. Кирпичи переложены толстымъ слоемъ несомнѣнно древняго цемента. Эта древняя кладка сохранилась въ стѣнахъ не до оконъ только, какъ прежде предполагалось, а изъ древняго кирпича сложены всѣ стѣны церкви до самой крыши. Мало того, путемъ расчистки новѣйшей штукатурки эта же кладка обнаружена и въ фонарѣ главнаго купола. Только башни надъ сѣверозападнымъ и югозападнымъ углами зданій по своему происхожденію принадлежатъ позднѣйшему времени. Точно такъ же оправдалось предположеніе П. А. Лашкарева и относительно пилястръ, которыя сложены изъ древняго кирпича, и только пьедесталы ихъ обложены въ позднѣйшее время. Архитектура алтарныхъ частей сохранилась въ цѣлости. Въ церкви, кромѣ того, оказались неотмѣченныя на планѣ три аркасоли [1]): съ правой стороны одна и съ лѣвой двѣ. Что ка-

[1]) Углубленія въ стѣнахъ для княжескихъ погребеній.

сается того, въ какомъ видѣ сохранилась внутренняя поверхность стѣнъ, то обслѣдованіе этого вопроса оказалось невозможнымъ, такъ какъ значительная расчистка новѣйшей штукатурки внутри храма признана была неудобной».

Намъ неизвѣстно, какой отвѣтъ дало Церковно-Археол. Общество на запросъ консисторіи, и вообще дальнѣйшая переписка по этому предмету; но въ іюнѣ текущаго года консисторія представила въ то же Общество уже подробный архитектурный проектъ расширенія каневской соборной церкви посредствомъ пристройки къ ней двухъ притворовъ, въ отвѣтъ на что Общество высказалось, что такъ какъ этимъ проектомъ предполагается измѣненіе наружнаго и внутренняго вида древняго храма, при томъ же соединенное съ выемкою частей древнихъ стѣнъ его, сѣверной и южной, поэтому проектъ этотъ, на основаніи существующихъ узаконеній и распоряженій правительства, долженъ быть представленъ на благоусмотрѣніе св. Синода.

Такова фактическая исторія вопроса о перестройкѣ древнѣйшаго храма. Какой дальнѣйшій будетъ ходъ этого начинанія, покажетъ будущее.

Изъ изложеннаго видно, что археологическими изслѣдованіями покойнаго П. А. Лашкарева и проф. В. З. Завитневича научно установленъ фактъ несомнѣнной цѣнности каневской Успенской церкви, какъ древнѣйшаго памятника церковно-строительнаго искусства, счастливымъ случаемъ уцѣлѣвшаго до нашихъ дней почти въ неприкосновенной цѣлости. Но этотъ болѣе чѣмъ семивѣковой памятникъ церковнаго зодчества долженъ считаться не менѣе драгоцѣннымъ и какъ памятникъ *историческій*, съ которымъ связано весьма много важныхъ, священныхъ воспоминаній. Къ сожалѣнію, эта сторона вопроса почему-то оставлена совсѣмъ безъ вниманія въ ученой экспертизѣ Церковно-Археологич. Общества. Скажемъ больше, въ упомянутомъ рефератѣ покойнаго П. А. Лашкарева исторія каневскаго храма изложена не только слишкомъ отрывочно, неполно, но кое въ чемъ и фактически невѣрно. Это произошло оттого, что почтенный археологъ, всецѣло посвятившій свое вниманіе архитектурной экспертизѣ, принялъ на вѣру историческія свѣдѣнія объ этомъ храмѣ, отысканныя имъ въ изданіяхъ Фундуклея и Похилевича, и лишь кратко повторилъ ихъ въ своей книгѣ. По этимъ свѣдѣніямъ выходитъ такъ, что Успенская церковь, заложенная въ 1144 г., просуществовала въ видѣ мужескаго монастыря до 1630 года, въ каковомъ году будто-бы подверглась

разрушенію со стороны крымскихъ татаръ и была возстановлена въ нынѣшнемъ видѣ въ 1805—1810 г. православнымъ помѣщикомъ Казаринымъ по просьбѣ уніатскихъ монаховъ (базиліанъ), въ соборную же церковь для православнаго населенія обращена въ 1833 году,— вотъ и вся исторія храма на протяженіи 759-лѣтняго существованія его. Эти скудныя и ошибочныя свѣдѣнія буквально повторяются и нынѣ въ перепискѣ консисторіи и въ такомъ видѣ, вѣроятно, будутъ представлены и на судъ того правительственнаго учрежденія, которому предстоитъ рѣшить судьбу каневскаго храма. Они заимствованы изъ такъ называемыхъ «визитъ» монаховъ-базиліанъ, которые, овладѣвъ каневскимъ монастыремъ въ XVIII ст., естественно игнорировали прошедшую судьбу храма, принадлежавшаго до того времени православнымъ. Между тѣмъ извѣстный изслѣдователь южно-русской старины М. А. Максимовичъ еще 40 лѣтъ назадъ (въ 1864 г.) напечаталъ впервые свое «Воспоминаніе о стародавнемъ монастырѣ Каневскомъ» [1]). Здѣсь онъ собралъ много вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній по исторіи интересующаго насъ храма и подвергъ критикѣ тѣ ошибочныя извѣстія, какія тогдашніе (и послѣдующіе) историки заимствовали изъ уніатскихъ источниковъ. Полагаемъ, что въ настоящее время, когда поднятъ вопросъ о перестройкѣ древняго каневскаго храма, будетъ вполнѣ умѣстно напомнить хотя бы главные моменты изъ его многовѣковой исторіи.

Во 2-й половинѣ XII ст., вскорѣ послѣ того, какъ онъ былъ построенъ, каневскій Георгіевскій храмъ служилъ нѣкоторое время каѳедрой мѣстной епископіи; по крайней мѣрѣ древняя лѣтопись подъ 1154 г. упоминаетъ о Дамьянѣ, епископѣ каневскомъ [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что въ дотатарскій періодъ храмъ этотъ служилъ усыпальницей для мѣстныхъ князей, на что указываютъ сохранившіяся въ немъ и понынѣ аркасоли. Затѣмъ, съ XIII ст. наступаетъ довольно продолжительный періодъ, въ теченіе котораго исторія Канева и его храма покрыта туманомъ невѣдѣнія. Люстрація Каневскаго замка 1552 г. упоминаетъ только о мѣстныхъ церквяхъ св. Спаса и св. Василія, изъ чего слѣдуетъ заключить, что древняя церковь св. Георгія стояла тогда впустѣ; но, надо полагать, вскорѣ послѣ этого при ней возникъ

[1]) Оно вошло и въ собраніе его сочиненій—т. II, стр. 312.

[2]) Ипатская лѣт., 327; Лаврентьевская лѣт., 326.

Успенскій монастырь, такъ какъ, по свидѣтельству малороссійскихъ лѣтописей, въ 1578 г. козаки перевезли въ Каневскій монастырь и здѣсь похоронили тѣло знаменитаго рыцаря своего Ивана Подкову, казненнаго въ Львовѣ по приказу короля Стефана Баторія; въ этомъ же монастырѣ постригся и окончилъ свою жизнь сподвижникъ и другъ Подковы, гетманъ Шахъ, а народно-украинская дума о Самойлѣ Кушкѣ хоронитъ здѣсь и этого запорожскаго вождя. Изъ этого можно заключить, что Каневскій монастырь былъ въ особенномъ уваженіи у козаковъ того времени, хотя у нихъ невдалекѣ былъ уже и свой монастырь Терехтемировскій. Усердіе козаковъ къ монастырю Каневскому выражалось и тѣмъ, что они надѣляли его землями и угодьями. Столь же щедро благотворили ему и козацкіе гетманы: Богданъ Хмельницкій, Иванъ Выговскій, Юрій Хмельницкій, Павелъ Тетеря, Ив. Брюховецкій и Петръ Дорошенко, равно и мѣстные каневскіе полковники. Когда въ 1664 г. сосѣдній Терехтемировскій монастырь подвергся разоренію со стороны поляковъ, то его братія была принята въ монастырь Каневскій.

Въ гетманство Дорошенка въ этомъ монастырѣ нерѣдко проживалъ кіевскій митрополитъ Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій и здѣсь 25 марта 1669 года посвятилъ въ діаконы будущаго святителя Ростовскаго Димитрія Тупталенка.

Въ эти же годы здѣсь игуменствовалъ святой мужъ Макарій Токаревскій, бывшій раньше Овручскимъ архимандритомъ. Его мученическая кончина была вызвана страшной катастрофой, постигшей Каневъ и его монастырь 4 сентября 1678 года. Это было въ злосчастную эпоху Руины, когда многочисленная турецкая армія вторично пришла въ Украину, чтобы подчинить ее власти ничтожнаго Юрія Хмельницкаго, возведеннаго султаномъ въ званіе «князя малороссійской Украины». 11-го августа палъ Чигиринъ, а вслѣдъ за тѣмъ та же участь постигла и Каневъ. Вотъ современное свидѣтельство объ этомъ событіи козацкой лѣтописи: «Заразъ того жъ часу часть войска турецкого и татарского пошовшы подъ Каневъ, и Каневъ достали и вырубили людей, и Каневъ спалили и монастыръ, где у церквѣ мурованой много люду подушили огнемъ турки». Еще болѣе яркими красками рисуетъ эту трагедію другой козацкій лѣтописецъ Величко: «Бѣсурманы притягнули подъ старожитное славное мѣсто (городъ) козацкое, надъ Днѣпромъ стоявшее, Каневъ, и септеврія числа четвертого, въ четвертокъ, добувши оній и множество на-

рода въ немъ убивши, крайней предали руинѣ и запустѣнію, а особливо въ старинномъ и красномъ монастиру Каневскомъ, где в церковъ великую каменную много было людей каневскихъ, надѣючися въ ней отъ бѣды спастися, убѣгло и замкнулося; но турки церковъ оную около дровами и соломами доволно обложивши и сполне зо всѣмъ монастиремъ зажегши, всѣхъ людей въ церкви задушили».

Такъ закончилъ свое существованіе стародавній Каневскій монастырь. Спустя сто лѣтъ онъ былъ возобновленъ, но уже уніатами. Они то и пустили сказку о томъ, будто Успенская церковь была сожжена и разорена татарами въ 1630 году и съ той поры, въ продолженіе 180 лѣтъ, стояла неоправленною, безъ крыши. Съ 1786 года при этомъ монастырѣ открыто было знаменитое базиліанское училище, въ которомъ обучались и дѣти многихъ малороссійскихъ помѣщиковъ сосѣдней полтавской губерніи. Оно было закрыто лишь въ 1833 году, вмѣстѣ съ монастыремъ. Тогда же была передана православнымъ и обращена въ соборную и древняя Успенская церковь.

О. Л.

Пѣсня о Турбаевской катастрофѣ. Въ «Кіевск. Стар.» 1891 г. № 3-й была напечатана статья А. Ефименко подъ заглавіемъ «Турбаевская катастрофа». Въ этой статьѣ былъ разсказанъ, на основаніи огромнаго дѣла, хранящагося въ харьковскомъ историческомъ архивѣ, печальный эпизодъ убійства помѣщиковъ Степана и Ивана Базилевскихъ и сестры ихъ Маріи возмутившимися жителями с. Турбаевъ, въ мѣстности теперешняго хорольскаго уѣзда. Случай этотъ произошелъ въ 1789 году, послѣ чего постановленіями суда и администраціи, помимо наказаній виновныхъ въ убійствѣ, село Турбаи было совершенно уничтожено, а жители перешли подъ конвоемъ въ таврическую губернію и къ Днѣстру. Турбаевская катастрофа долго помнилась въ Малороссіи и служила предметомъ разсказовъ, что видно, между прочимъ, изъ статьи въ «Москвитянинѣ» 1851 года (№ 2), въ которой авторъ, г-жа Бакунина, разсказываетъ преданіе, значительно измѣнившее самый фактъ, такъ какъ вноситъ въ эту исторію нѣкоторую долю романической подкладки, на что документальное дѣло даже не намекаетъ. По словамъ г-жи Бакуниной, на мѣстѣ села Турбаевъ находится деревня *Скорбная*, что явилось слѣдствіемъ нарочитаго переименованія села.

Намъ доставлена г. В. Адаменкомъ пѣсня о Турбаевской катастрофѣ, записанная имъ въ мѣстахъ, близкихъ бывшему селу Турбаямъ [1]). На основаніи словъ разсказчиковъ, г. Адаменко сообщаетъ, что на мѣстѣ с. Турбаевъ стоитъ теперь село «Скорбное», такъ какъ послѣ катастрофы велѣно было Турбаи переименовать. Пѣсню, записанную имъ и очевидно въ этомъ варіантѣ неполную и перепутанную, поютъ «дуже жалибно».

Нѣкоторыя мѣста этой пѣсни показываютъ, что она по содержанію очень близка къ фактамъ, передаваемымъ въ документахъ. Такъ напримѣръ, изъ разсказа въ дѣлѣ видно, что роковымъ моментомъ начала возмущенія крестьянъ были пробѣжавшія въ толпѣ слова, что у нихъ „займають череду“; такъ же точно и въ пѣснѣ этотъ моментъ не только отмѣченъ, но даже выдвинутъ на первый планъ, при чемъ распоряженіе о занятіи череды приписано Марьянушѣ, т. е. Маріи Базилевской, жестоко поплатившейся за это во время расправы. Есть въ пѣснѣ и намекъ на тѣ просьбы Маріи о пощадѣ, о которыхъ говорится въ дѣлѣ; есть наконецъ, и тотъ моментъ, когда её, уже почти полуживую, тащили за волосы.

В. Н.

Ой хотилы Базиловци весь свитъ перебуты—
Турбаивцивъ-козаченькивъ соби пидвернуты. (bis)
Ой послала Марьянуша своихъ осаульцивъ:
«Ой пидите, осаульци, череду займите».
Отъ якъ пишлы осаульци череды займаты,
Турбаивци козаченькы съ киллямъ забигаты.
Видчынила Марьянуша викно въ оболоню—
Обступылы козаченькы съ киллямъ коло двору.
Ой дайте, козаченькы, хочъ покушаты—
Козацького тай указу та послушаты.
Ой чого же ты, Марьяно, давно не кушала—
Козацького тай указу давно не слушала.
«Ой ну, паны браты мои, срибло доставаты
Козаченькивъ-турбаивцивъ вирненько прохаты!
Ой ну, паны браты мои, все срибло носыты—
Козаченькивъ-турбаивцивъ вирненько просыты!
Ой ну, паны браты мои, пропала я зъ вамы—
Не втичемо, браты мои, теперечкы... й самы»!..
Якъ ударывъ панъ Помазанъ по велыкыхъ викнахъ—

[1]) Варіантъ этой пѣсни былъ напечатанъ въ Кіев. Стар. 1895 г. № 11.

Посыпались склянкы-брязкы на Марьяныне лижко.
Оце жъ тоби. Марьянушо, за тонкіи ныткы—
Не то прялы наши жинкы, прялы й мали диткы.
Ой шожъ бо то карета зъ горы спускается?
Отожъ то тыхъ Базилевцивъ, що позываются.
Отъ Турбаивъ до Вергунивъ роскыдани карты—
Не минулысь Базилевцямъ козацькіи жарты.
Отъ Турбаивъ до Вергунивъ розсыпани оришкы—
Не мынулысь Базилевцямъ козацьки насмишкы.
Отъ Турбаивъ до Вергунивъ покопани шанци—
Якъ побылы Базилевцивъ у пятныцю въ ранци.
Ой у теи Марьянуши тай у косахъ стричка,—.
Куды тяглы, волочылы—кривавая ричка.
Ой у теи Марьянуши у полахъ мережка,—
Куды тяглы, волочылы—кривавая стежка.
Ой на гори вогонь горыть, а въ долыни дымно, —
Якъ побылы Базилевцивъ—усимъ панамъ дывно.
Ой чый же то коныкъ у табуни грае?
Ато жъ отыхъ Базилевцивъ, що въ свити не мае.

Про песыголовця та коваля. *(Записано въ мѣст. Великихъ Будищахъ, зѣньковскаго у. полт. губ. отъ мѣщан. Тимохвія Гармаша).* Песыголовци—це таки велыки люде зъ однымъ окомъ посередъ лоба. Такъ отъ бувъ песыголовець такый, що ёму треба наразъ, щобъ найистыся тры десяткы овець. Людське мясо це для ёго вроди лакомкы. И винъ разъ заставъ у лиси людей душъ зъ пивсотни. И сичасъ ихъ погнавъ у свою кошару мижъ вивци. Загнавъ ихъ у кошару и каже: «ну, отутъ сыдить, покы я васъ всихъ не перейимъ. Заперъ двери и „давай, каже, одного попробую“. Та поты пробувавъ, покы одынъ коваль оставсся изъ того обчества, изъ тыхъ людей. «Отъ теперъ, каже, я й тебе зйимъ». А коваль ёго просе: не йижте, пожалуста, мене: я вамъ за те око вставлю, якъ що не зйисте». Винъ каже: «добре,—я тебе не зйимъ, тилькы щобъ око мени заразъ вставывъ!»—щобъ зразу око ёму зробывъ.—«Ну, каже, я сычасъ почну робыть, тилькы вы мени достаньте чотыри дубы, и закопайте ихъ у тры сажни глыбыны, и щобъ тры сажни було зверху, и въ тры аршыны товщыны, а четвертого щобъ поставыты на среднёму, такъ

щобъ и я ёго запхнувъ. Та ще й реминня треба, щобъ васъ увьязать та прывьязать. Молоточкивъ и свердельцивъ, и топорець давайте сюды, та ще й вогонь розкладить. А теперъ помижъ тымы дубамы и самы ставайте. Сичасъ буду око вставлять». Начавъ ёго вьязать за рукы й ногы, та все крипко, такъ щобъ не вырвавсь ніякъ. Оце несыголовець ёму каже: «А навищо ты такъ туго вьяжешъ?» Каже: «щобъ стійки очи булы вашы». А потимъ узявъ дубка, того що на дубови стоявъ та на несыголовця и турнувъ на голову прямо Каже: «оце, якъ ты дуже кыдаешъ, ще й голову мени пробьешъ!» А коваль ёму каже: «ни, я вамъ головы не буду пробываты, а дубокъ на те турнувъ, щобъ у васъ очи не косылись, та щобъ булы зиркы, щобъ и въ ночи бачылы, якъ та сова мышей, а вы людей». А потимъ узявъ свердельци, у вогонь поклавъ, а якъ розжарылыся уже добре, то коваль выбравъ найдовшій свердельчыкъ, тай давай песыголовцю очи вставлять. Якъ штрыкне у те, що посередъ лоба, такъ винъ и дубкы повыймавъ, и римня порвавъ, та давай зубамы скрыготать, крычать, такъ, що сыпалось и лыстя, а ковалыкъ такъ злякався, що помижъ овець сховавсь. «Такъ оце таки люде!»—несыголовець крычыть—„людимъ очи такъ вставляють! Ни, я, каже, тебе въ свій ротъ уставлю“. Тай давай гоныться та ловыть, щобъ ковалыка поймать. Та що зъ опалу не вхопыть—вивцю. або ягнятко, або старого барана ухопыть за рога, а коваля такы не пійма. Песыголовець той якъ закрычыть: «ни,—каже,—бильшъ ты въ мене не будешъ мудрыть: заразъ я тебе піймаю, заразъ я усихъ овець поперекыдаю черезъ ограду!» А ограда сажнивъ десять, а овець тамъ и чы мало, сотъ изъ тры, не меньче. Якъ начавъ швыргать, ажъ крычать та мыркотять, падають сердешни на дубы та на виткы, а яка на землю впала, то та тамъ зовсимъ пропала. Отъ овечокъ не багато осталось, десятка два, а може й пивтора. Нашъ ковалыкъ годи ховатысь за ягнята: „треба думать щось иначе, бо блызько мени кинець прыходыть“. А якъ на ёго счастя песыголовцивъ полушубочокъ лежавъ. Винъ заразъ ёго надивъ на выворотъ волоссямы, та тугенько полы пидъ себе пиджавъ, та ставъ якъ разъ попередъ носа. А несыголовець ёго якъ схопыть та якъ крыкне: «оце якъ багацько оцихъ проклятыхъ овець негожыхъ, було бъ йисты на тыждень, або й бильшъ, а черезъ коваля усихъ такъ и попакую“! Якъ бы знавъ коваль, то мовчавъ бы, а то зачепывся на дубку та каже: «теперъ у тебе овечокъ немае, и ковалыка чортъ-мае!» А несыголовець догадавсь, що винъ ковалыка

замисть вивци швыргнувъ, та якъ исхвате тупорець, та якъ кыне на дубка, щобъ улучыть коваля, такъ не влучить уже теперъ, бо ковалыкъ око ему добре вставывъ: теперъ не баче ажъ ніякъ. А песыголовець заразъ ключи взявъ, та ворота отчынывъ, та до того дубка, де коваль сыдыть, и почавъ дубка хытать,—такъ ни: не таки сылы поробылысь теперъ. Коваль усю сылу зъ окомъ видибравъ. Песыголовець крычыть: «такыхъ дубкивъ я ще сёгодня по десятку за разъ рвавъ, а теперъ и цёго ніякъ не выхытаю, щобъ коваля дистать». Треба лизты на дубка, щобъ зйисты коваля. А якъ на той несчасный часъ, тупорчыкъ летивъ, та въ дубку застрявъ, такъ ковалыкъ той тупорчыкъ ухватывъ, щобъ песыголовцеви голову пробыть, такъ рука прыстала до топорыща, и не можна видирваты ажъ ніякъ. А рука прыстала того, що тамъ людськои крови дуже багацько, тымъ тупорчыкомъ песыголовець не мало людей перерубавъ. А тутъ дывытся—песыголовець уже й долиза до ёго,—„мабуть це я пропавъ!"—та здумавъ, що у ёго ножыкъ йе у кармани, тай видризавъ ливою рукою усю шкуру видъ долони, що прыстала до тупорця. „Нехай, каже, лучше шкурка зъ долони пропаде, чимъ самому пропадать". Та сплыгнувъ зъ дубка, тай утикъ, набравшы усякого добра у песыголовця, бо винъ, тикавшы, улизъ до песыголовця въ викно и набравъ тамъ усёго. А теперъ жыве та пануе, бо винъ грошей набравъ чы мало. У песыголовця ихъ хватало. И жыве теперъ винъ соби. Та якъ здума та згада, що людей стилькы нема—«теперъ бы, каже, и мене не було, якъ бы не вмивъ дурыты ёго». (Оце й кинець про коваля). А песыголовець радіе, що людськая кровъ душыть. «Отъ теперъ каже, зйимъ тебе, бо тупорець кынувъ, що людей хапа». Колы жъ долизъ до тупорця, а тамъ тилькы шкурочка одна. Такъ винъ тилькы шкурочку обсмоктавъ та облызавъ, та ще й каже: «якъ бы бувъ знавъ, то не виривъ бы, жывъ бы соби зъ однымъ окомъ, овечокъ и людей бы пойидавъ. А теперъ ковалыка немае, и ока чортъ-мае».

Сообщ. **Влад. Щепотьевъ**.

Къ юбилею Н. В. Лисенка. Въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 3509 р. 15 к. (см. № 9, стр. 114—115) для поднесенія подарка Н. В. Лисенку въ день предстоящаго празднованія его 35-лѣтняго юбилея, вновь поступило: 1) М. П. Массаковскій—25 р.; 2) П. А. К.—25 р.; 3) А. Г. С.—10 р.; 4) И. П. Дере-

вянко—2 р.; 5) Богуславскій—2 р.; 6) Розовъ—2 р.; 7) Афанасьевъ—1 р. 50 к.; 8) И. И. Ивановъ—10 р; 9) К. и Т.—30 к.; 10) К. Иващенко—5 р.; 11) Н. Стрѣльченко—1 р,; 12) А. Семенчукъ—1 р.; 13) Е. Балдинъ—20 к.; 14) И. Церръ—1 р.; 15) И. Осиповъ—1 р.; 16) В. Соколовскій—20 к.; 17) К. Шиповъ—50 к.; 18) П. Жуганъ—50 к.; 19) Е. Жуганъ—50 к.; 20) М. Панченко—50 к.; 21) П. Слинченко—1 р.; 22) П. Бондаренко—1 р.; 23) П. Сидоренко—1 р.; 24) Г. Грифовъ—50 к.; 25) П. Костенко—1 р.; 26) N.N.—50 к.; 27) И. Авдѣенко—50 к.; 28) Ткацукъ—50 к.; 29) Пчельниковъ—50 к.; 30) Проценковъ—1 р.; 31) Копыловъ—50 к.; 32) Ляховъ—25 к.; 33) Максимовъ—30 к.; 34) Ямченко—50 к.; 35) М. Пановъ—25 к.; 36) Корольковъ—20 к.; 37) М. Зозуля—25 к.; 38) Шт.-кап. Паіолъ—50 к.; 39) М. Морозанъ—1 р.; 40) Я. Горбатюкъ—2 р.; 41) Е. Войтенко—50 к.; 42) И. Лебедевъ—50 к.; 43) А. Я. Линникъ—2 р.; 44) В. А. Кокетъ—2 р.; 45) А. И. Лещенко—3 р.; 46) М. Литвиновъ—2 р.; 47) А. Демченко—2 р.; 48) Л. Цыганенко—1 р.; 49) И. Цыганенко—1 р.; 50) Корн. Лещенко—1 р.; 51) А. И. Зерницкая—2 р.; 52) А. Я. Яресько—2 р.; 53) К. Г.—10 р.; 54) Я. и Л. Шульгины—25 р.; 54) С. Ф. Русова—25 р.: 56) А. П. Левитскій—3 р.: 57) И. С. Чернявскій—3 р.; 58) В. Н. Галлакъ—1 р.; 59) И. А. Демченко—5 р.; 60) И. С. Левицькый—5 р.; 61) М. В. Шолудченко—2 р.; 62) К. А. Иващенко—5 р.; 63) А. П. Кучинскій—3 р.; 64) И. Н. Дубравскій—3 р.; 65) Г. Еремѣевъ—2 р.; 66) М. Г. Хорошилова—5 р.; 67) М. А. и Л. Г. Г-ны 10 р. 68) Іоаннъ Менчицъ—3 р.; 69) Николай Купріевичъ—1 р. 50 к.; 70) Ѳеодосій Павловскій—1 р.; 71) Влад. Коцюбскій—1 р.; 72) Вен. Ф. Бялоцкій—2 р; 73) И. И. Галаневичъ—2 р.; 74) Ф. И. Носовъ—2 р.; 75) О. Крамаръ—1 р.; 76) А. Коваленко—1 р.; 77) А. И. Попель—1 р.; 78) А. И. Антоновичъ—1 р.; 79) З. Ю. Кульчицкій—50 к.; 80) Ан. Залевскій—30 к.; 81) Собрано г. Точискимъ въ Ново-Георгіевскѣ—8 р.; 82) выручка съ вечера 4 сент. 1903 г. въ Лохвицѣ—159 р. 33 к.; 83) Е. Н. Скиданъ—1 р.; 84) Ник. Н. Скиданъ—1 р.; 85) Неон. Н. Скиданъ—1 р.—всего 416 р. 8 к., а вмѣстѣ съ прежними—3925 р. 23 к.

Текущія извѣстія.

Украинскій театръ. «Полтав. Вѣстн.» (№ 217) изъ вполнѣ достовѣрнаго источника сообщаетъ о судьбѣ піесъ, посланныхъ нѣкоторыми малорусскими писателями на конкурсъ, объявленный товариществомъ „Садовскій, Саксаганскій и Карпенко-Карый“.

Прислано до сихъ поръ очень мало піесъ: всего 7—8 и ни одна изъ нихъ не принята. Это объясняется не безотрадной бездарностью новичковъ драматурговъ,—искра Божія есть у большинства, а просто незнаніемъ сцены и другихъ требованій, предъявляемыхъ литературной комиссіей товарищества, не желающаго даромъ разбрасывать свои кровные деньги.

Главное условіе пріема—идейность піесъ. Только идейныя. поучающія заслуживаютъ вниманія цѣнителей, а также концентрація піесы вокругъ одного героя большого, мощнаго, хотя бы даже и въ отрицательномъ смыслѣ. Картины жизни, хотя бы и правдивыя, но не бьющія въ носъ, не требуются.

Ищется совершенно новый мотивъ жизни, не затронутый Карпенковскими піесами. Допускается и передѣлка, но геніальная, красивая, съ безукоризненной техникой. Передѣлка тогда только хороша, когда авторъ ея талантливѣе автора оригинала. Одна изъ присланныхъ товариществу передѣлокъ, напоминающая «Мартына Борулю», совершенно плоха. Помимо техники, «Мартынъ» въ ней деспотъ и изувѣръ.

Лучшей изъ всѣхъ конкурсовыхъ піесъ оказалась: «Загублени мріи» г. Телычкы, но и эта драма не премирована, ибо языкъ ея и техническая сторона требуютъ болѣе тщательной отдѣлки.

Нѣкоторыя комедіи написаны и недурно въ литературномъ смыслѣ, иныя даже бѣлымъ красивымъ стихомъ, какъ «Сонъ бабы Пыдоркы», но повѣствовательный тонъ ихъ совершенно убиваетъ характерныя черты драмы и послѣдняя отдаетъ повѣстью, интересною лишь для домашняго чтенія.

Между присланными есть и совершенно безсмысленныя піесы: въ „Марко Проклятый» десять убійствъ, другая тянется трое сутокъ безъ перерыва. Словомъ не стоющая не только полторастарублевой преміи, но даже и обыкновеннаго добраго слова. Всѣ эти свѣдѣнія почерпнуты изъ нарочитой книги, заведенной товариществомъ для помѣщенія кри-

тическихъ замѣтокъ, посылаемыхъ конкурирующимъ авторамъ въ видѣ особыхъ резолюцій Слово г. Карпенка даетъ конечный результатъ, оно рѣшаетъ судьбу піесы. Изъ старыхъ малорусскихъ писателей на конкурсный призывъ не откликнулся ни одинъ, причина неизвѣстна, и давній, къ слову сказать, заигранный репертуаръ, остается тѣмъ же, ждущимъ обновленія. Правда, новинкой въ немъ явилась: Гандзя» піеса Ивана Тобилевича, поставленная нынѣшнимъ лѣтомъ, при огромномъ матеріальномъ и художественномъ успѣхѣ въ лѣтнемъ Харьковскомъ театрѣ сада Тиволи.

Въ цензурѣ лежитъ и другая піеса Тобилевича: «Батькы и диты», рисующая современный деревенскій разладъ между грамотными крестьянскими сынками, продуктомъ современной школы, и безграмотными отцами, честно живущими традиціями и обычаями завѣтной старины.

Проектъ изданія юбилейнаго сборника лохвицкаго уѣзда. Въ Лохвицкое уѣздное земское собраніе прошлаго года внесено было гласнымъ, предводителемъ дворянства, А. Ф. Русиновымъ, предложеніе о составленіи, по поводу исполняющагося въ текущемъ году столѣтія учрежденія лохвицкаго уѣзда, историческаго сборника, который далъ бы, по возможности, полную картину жизни населенія мѣстности, составляющей территорію лохвицкаго уѣзда, какъ въ періодъ до-уѣздный, такъ и послѣ его учрежденія.

Земское собраніе единогласно одобрило тогда эту мысль.

Предложеніе внесено было лишь въ самой общей формѣ, безъ какой-либо программы будущаго сборника, а слѣдовательно и безъ опредѣленія размѣровъ изданія. Поэтому въ то время не могли быть опредѣлены, хотя бы приблизительно, ни размѣры, ни стоимость изданія. Чтобы положить начало осуществленію сборника, встрѣтившаго столь большое сочувствіе собранія, докладчикъ на первый годъ остановился на суммѣ въ 300 руб. (тогда же ассигнованной собраніемъ), которую считалъ достаточной для расходовъ на предварительныя дѣйствія и сношенія, неизбѣжныя при разработкѣ всѣхъ условій составленія сборника и выработки его программы.

Сочувствіе собранія этому изданію возложило на А. Ф. Русинова нравственную обязанность представить гласнымъ очеркъ тѣхъ руководящихъ началъ, которыя лягутъ въ основу его составленія. Ввиду

этого, въ очередное земское собраніе текущаго года докладчикомъ внесенъ былъ болѣе разработанный слѣдующій проектъ изданія.

Сборникъ, казалось бы, всего удобнѣе раздѣлить на четыре части: I) Періодъ до-уѣздный, II) Періодъ отъ учрежденія уѣзда до реформъ Императора Александра II-го, III) Періодъ земскій и 4) Біографическіе и бытовые очерки и воспоминанія.

Какъ относительно программы сборника, такъ и относительно самаго метода, которому должно слѣдовать при составленіи, авторъ проекта совѣтовался съ Н. И. Стороженкомъ, М. И. Туганъ-Барановскимъ и другими лицами, знакомыми съ подобнаго рода работами, и всѣ они присоединились къ мысли, что сборнику слѣдовало бы придать характеръ до извѣстной степени научный, т. е. историческій матеріалъ, входящій въ отдѣльныя части сборника, долженъ быть обработанъ такъ, чтобы онъ могъ служить пособіемъ для послѣдующихъ изслѣдователей той или иной стороны нашей общественной жизни.

Такое направленіе сборника выведетъ его за предѣлы узко-уѣздные и сдѣлаетъ его матеріалы одинаково цѣнными для изученія какъ мѣстной, такъ и общегосударственной жизни. Онъ сдѣлается полезнымъ вкладомъ съ серьезную литературу по отечествовѣдѣнію. Литературное изложеніе сборника нисколько этимъ не исключается, и онъ, помимо своей, такъ сказать, научной цѣнности, долженъ легко читаться и большой публикой. Если задача эта будетъ болѣе или менѣе удачно выполнена, то сборникъ нашъ, сохраняя свое литературное и научное значеніе долженъ стать настольной книгой всякаго хорошо грамотнаго читателя лохвицкаго уѣзда, такъ какъ знаніе исторической судьбы своего отечества должно непремѣнно входить въ программу самаго элементарнаго образованія.

Удовлетворить такой цѣли сборникъ можетъ ближе всего, если въ выполненіи программы каждаго его отдѣла примутъ участіе лица, интересующіяся той или иной стороной общественной жизни. Сборникъ, казалось бы, долженъ представить собою трудъ коллективный. Такой способъ его составленія будетъ дешевле, нежели при томъ условіи, если бы разработка матеріаловъ для всего сборника поручена была редакціи. Въ послѣднемъ случаѣ въ составъ ея пришлось бы пригласить выдающіяся силы. Написать статьи по отдѣльнымъ вопросамъ изъявятъ желаніе весьма многіе, но отдать весь свой трудъ сборнику врядъ ли кто изъ соотвѣтственныхъ лицъ согласится, и во всякомъ случаѣ это обошлось бы непосильно для насъ дорого.

Поэтому въ настоящее время довольно трудно точно опредѣлить, въ какой полнотѣ появится въ сборникѣ каждая изъ его частей и какія именно стороны мѣстной жизни найдутъ себѣ изслѣдователей.

Ввиду этого, какъ уже объяснено выше, я считаю возможнымъ представить собранію не столько программу сборника, сколько перечень сторонъ мѣстной жизни, которыя желательно было бы освѣтить.

I-я часть. Періодъ до-уѣздный заключаетъ въ себѣ историческій очеркъ украинскаго народа, главнымъ образомъ съ точки зрѣнія развитія въ немъ гражданственности: эволюція родоваго начала въ общинный-громадскій—войсковое устройство, полки, сотни. Развитіе начала личнаго или государственности. Бытъ, взаимоотношенія, владѣніе, судоустройство, культура. По мѣрѣ приближенія къ учрежденію губерніи, а затѣмъ и лохвицкаго уѣзда, очеркъ съуживаетъ свой кругъ, и свѣдѣнія, становясь все интенсивнѣе, сводятся наконецъ къ интересамъ чисто мѣстнымъ.

Для этой части сборника всѣ имѣющіеся въ литературѣ историческіе и бытовые матеріалы должны быть переработаны по опредѣленному способу. Самостоятельныя изслѣдованія въ этомъ направленіи врядъ ли возможны: развѣ только относительно ближайшаго къ учрежденію уѣзда времени могутъ попадаться изслѣдователямъ другихъ частей сборника матеріалы, которые могутъ быть приняты во вниманіе составителями этой первой его части.

II-я часть. Періодъ отъ учрежденія уѣзда до реформъ Императора Александра II-го.

Въ этой части могли бы быть изслѣдованы и разработаны такіе матеріалы: формы и условія землепользованія и вытекавшія изъ нихъ отношенія и бытъ; дворянство, магистратура и полиція; управленіе крестьянами и козаками; волости; рекрутчина; чумачество; образованіе; мѣры, предшествовавшія эмансипаціи; отраженіе на мѣстахъ созыва комитетовъ по вопросу о крестьянской реформѣ; манифестъ 19 февраля и его обнародованіе.

III-я часть. Періодъ земскій.

Въ этой части было бы важно освѣтить первые шаги реформы 19 февраля и созданныхъ ею новыхъ отношеній. Мировые посредники; общественное устройство селеній; поземельное устройство; дѣла мировыхъ съѣздовъ. Затѣмъ слѣдуютъ матеріалы, относящіеся къ учрежденіямъ земскимъ и мировымъ, впредь до земской реформы по-

слѣдняго времени. Введеніе судебной реформы; присяжные засѣдатели, матеріалы воинскаго присутствія по введенію воинскаго устава 1874 г.; переселенческое движеніе; вопросы, обсуждавшіеся на мѣстахъ по правительственнымъ запросамъ и проч. Народное образованіе. Литература.

IV-я. Біографическіе и бытовые очерки и воспоминанія. Опредѣлить хотя бы приблизительную программу этой части врядъ ли возможно, такъ какъ все зависить отъ авторовъ, которые пожелаютъ прислать сборнику свои очерки и воспоминанія, но само собою разумѣется, что будущая редакція сборника введетъ въ эту часть все, что есть въ литературѣ о выдающихся Лохвичанахъ, начиная съ гетмановъ Остряницы и Дорошенка и философа Сковороды и кончая дѣятелями послѣдующаго и современнаго періодовъ.

Сообразно изложенному, на редакціи будетъ лежать, кромѣ составленія нѣкоторыхъ отдѣловъ первой и послѣдней частей сборника, еще и привлеченіе лицъ для разработки отдѣльныхъ вопросовъ программы; затѣмъ сводка поступившихъ статей и изслѣдованій, распредѣленіе ихъ по отдѣламъ программы и снабженіе отдѣльныхъ этюдовъ, которые будутъ помѣщены въ сборникѣ за подписями авторовъ, соотвѣтственными примѣчаніями, объясненіями и дополненіями, и наконецъ собираніе путемъ экспедиціоннымъ воспоминаній и преданій, изустно передающихся изъ поколѣнія въ поколѣніе и никѣмъ еще не записанныхъ.

Ввиду такого пріема составленія сборника, ему можетъ быть было бы всего соотвѣтственнѣе дать такое названіе «Матеріалы къ исторіи лохвицкаго уѣзда». (Сборникъ въ память столѣтія учрежденія уѣзда).

Собраніе отнеслось чрезвычайно сочувственно къ докладу, одобрило программу и ассигновало 1000 руб. для расходовъ по изданію сборника на 1903-й годъ.

Во время преній гласными были высказаны пожеланія, чтобы изъ этого сборника сдѣлать интересную книгу для мѣстнаго населенія, которое совершенно не освѣдомлено о прошломъ своей родины, объ эволюціи административныхъ учрежденій и о происхожденіи современныхъ экономическихъ условій. Только кн. А. М. Орбеліани высказалъ сомнѣніе въ способности народа понимать столь серьезные вопросы, какіе поставлены въ программѣ, а потому, по его мнѣнію, придать сборнику форму, доступную для народа, невозможно. Ему возразилъ А.

К. Влахопуловъ, указывая, что ученикъ, тщательно прошедшій курсъ народной земской школы, достаточно ознакомленъ, напримѣръ, съ характеромъ реформъ Императора Александра II-го.

Проектъ университетской выставки въ Харьковѣ. Въ засѣданіи Харьковскаго Историко-филологическаго Общества, состоявшемся 19 октября, между прочимъ проф. Н. Ѳ. Сумцовъ, напомнивъ о прошлогоднемъ столѣтнемъ юбилеѣ юрьевскаго университета, сказалъ, что, при всей успѣшности и достоинствѣ этого ученаго праздника, въ немъ замѣтенъ былъ одинъ пробѣлъ—отсутствіе выставки меморіальныхъ предметовъ. Можетъ быть, для Юрьева такая выставка была затруднительна по національной разрозненности ученыхъ силъ, потому, что изъ ста лѣтъ 90 лѣтъ дерптскій университетъ былъ совсѣмъ нѣмецкимъ; но въ приложеніи къ харьковскому университету такого соображенія не можетъ быть и, при своевременныхъ и настойчивыхъ заботахъ, къ юбилею можно было бы подготовить университетскую выставку, въ которую должны войти всѣ сохранившіеся виды города Харькова и университета, портреты и автографы профессоровъ и др. преподавателей университета, портреты попечителей учебнаго округа и др. лицъ, имѣвшихъ вліяніе на университетскую жизнь, университетскія изданія, труды профессоровъ въ хронологическомъ порядкѣ и т. д. Члены Общества отнеслись съ полнымъ сочувствіемъ къ этому предположенію, и было постановлено войти съ соотвѣтствующимъ предложеніемъ въ университетскую юбилейную коммиссію.

Музей имени А. А. Потебни. Въ засѣданіи Харьковскаго Историко-филологическаго общеста, состоявшемся 19 сентября, между прочимъ предсѣдатель доложилъ, что онъ совмѣстно съ секретаремъ Общества просилъ М. Ф. Потебню оказать содѣйствіе въ устройствѣ при историко-филологическомъ Обществѣ музея имени А. А. Потебни, и что г-жа Потебня отнеслась къ этой просьбѣ вполнѣ сочувственно. Постановлено благодарить М. Ф. Потебню и просить всѣхъ членовъ Общества о соотвѣтствующемъ содѣйствіи по собиранію портретовъ, автографовъ и всего др., относящагося къ А. А. Потебнѣ.

Кролевецкіе ткачи. Въ «С.-Петерб. Вѣдом.», (№ 236) напечатана любопытная замѣтка И. Абрамова о положеніи кустарей-ткачей въ Кролевцѣ (черниг. губ.). «На дняхъ въ газетной хроникѣ—говоритъ авторъ замѣтки—промелькнуло извѣстіе, что Министерство земледѣлія и Государственныхъ имуществъ, съ цѣлью поддержанія ткачества, субсидировало 13 учебныхъ заведеній, устроенныхъ частными лицами и учрежденіями въ губерніяхъ полтавской, курской, таврической, московской, орловской, рязанской, ярославской и новгородской. Черниговская губ. въ данномъ перечнѣ не значится, хотя кустарный ткацкій промыселъ издавна развился здѣсь въ значительной степени. Заслуженной извѣстностью пользуются въ особенности кролевецкій уѣздъ и нѣкоторые пункты глуховского, прилегающіе къ кролевецкому уѣзду (напр., мѣстечко Воронежъ). Въ Воронежской «ратушѣ» сохранились любопытныя цеховыя записи, изъ которыхъ видно, что ткацкій промыселъ процвѣталъ здѣсь еще въ 17-мъ столѣтіи. Въ Кролевцѣ—всѣ поголовно ткачи. Даже полевыя работы не отвлекаютъ ихъ отъ излюбленнаго промысла. Когда я проходилъ раннимъ лѣтнимъ утромъ по городу, черезъ открытыя узкія окна отовсюду доносилось постукиваніе «верстатей», виднѣлись усердно склонившіеся надъ работой старые и юные ткачи и ткачихи. Ткутъ здѣсь почти исключительно полотенца, знаменитые «кролевецкіе рушники», обращавшіе на себя всеобщее вниманіе на послѣдней кустарной выставкѣ въ С.-Петербургѣ. Мѣстное земство оказываетъ всяческое содѣйствіе ткачамъ-кустарямъ: сдѣлано, тѣмъ не менѣе, еще мало, чтобы поставить этотъ промыселъ на должную высоту и упорядочить сбытъ „рушниковъ"; въ настоящее время ихъ скупаютъ мѣстные капиталисты, бывшіе ткачи, во главѣ съ нѣкіимъ Рындей. Капиталисты раздаютъ также матеріалъ и платятъ за работу.

— Много-ли можете соткать въ день рушниковъ?

— Ткемъ 2-3,—отвѣчалъ мнѣ опытный ткачъ, - а заработокъ нашъ, самое большее копѣекъ 40-50, а хлопецъ (подростокъ) дай Богъ, чтобъ четвертака заробивъ.

Кролевецкіе рушники часто фигурируютъ на разныхъ выставкахъ, но матеріальной пользы отъ этого ткачамъ мало. Одинъ изъ лучшихъ мастеровъ, Θеодоръ Рындя, бѣдный братъ богатаго Рынди, сообщилъ мнѣ, что за рушники его работы на выставкѣ въ Парижѣ присудили серебряную медаль, а на послѣдней кустарной въ Петербургѣ—золотую.

— Покажите, пожалуйста, — полюбопытствовалъ я, — золотую медаль.

— Та я ее не получилъ...

— Отчего?

— Потребовали они съ меня за ту самую золотую медаль 83 руб., а се гроши велики для нашего брата, сами знаете. Не скоро ихъ на верстати выстукаешь. Вотъ въ Нижнемъ-Новгородѣ какъ была выставка, то присудили выдать мнѣ 25 р. деньгами. За то большое имъ спасибо!

Вся внѣшняя захудалая обстановка ткачей краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что не по силамъ имъ выплачивать по 83 р. за медали.

Памятникъ В Н. Каразину. Комитетъ по сооруженію памятника В. Н. Каразину въ Харьковѣ одобрилъ модель. Каразинъ изображенъ въ позѣ вдохновеннаго оратора, съ приподнятой правой рукой. Портретное сходство выдержано весьма удачно. Величина статуи въ отливкѣ будетъ въ 5 аршинъ, при пьедесталѣ въ 7 аршинъ. Изготовленіе статуи поручается автору модели художнику И. И. Андреолети, талантливому ученику знаменитаго скульптора В. А. Беклемишева. Изготовленіе пьедестала будетъ находиться подъ надзоромъ архитектора А. Н. Бекетова. Выработанъ планъ помѣщенія памятника въ кругѣ университетскаго сада. Въ настоящее время на постройку памятника имѣется 16,950 руб., и нужно собрать еще около 4 тыс. для полнаго его окончанія; сумму это необходимо получить въ теченіе текущаго года. Комитетъ, по словамъ „Южн. Кр.“, разсылаетъ подписные листы и проситъ всѣхъ питомцевъ и друзей Харьковскаго университета завершить близкое къ окончанію дѣло пожертвованіями, направляя ихъ на имя ректора университета.

Къ 10-лѣтію со дня смерти поэта Леонида Ивановича Глѣбова. 29-го октября истекаетъ десять лѣтъ со дня смерти украинскаго поэта Леонида Ивановича Глѣбова. Черниговскій скульпторъ Г. Л. Сѣнявскій изготовилъ бюстъ покойнаго поэта почти въ натуральную величину и теперь обратился въ харьковскую губернскую управу съ предложеніемъ пріобрѣсть этотъ бюстъ въ ознаменованіе 10-лѣтія со дня смерти Глѣбова.

Собраніе пѣсеннаго матеріала въ Кубанскомъ козачьемъ войскѣ. Въ Кубанскомъ областномъ правленіи получено увѣдомленіе, что Военный Совѣтъ разрѣшилъ на вознагражденіе г. Кошица за собираніе пѣсеннаго матеріала въ Кубанскомъ козачьемъ войскѣ 1200 руб., и на разъѣзды ему по 500 руб. ежегодно въ теченіе трехъ лѣтъ; причемъ предложилъ Кубанскому войсковому начальству, по собраніи пѣсеннаго матеріала, разработать вопросъ объ изданіи этого матеріала и войти по сему поводу съ особымъ представленіемъ. Военный Совѣтъ предлагаетъ обратить особое вниманіе на пѣсни военнаго содержанія, какъ на болѣе ярко отражающія въ себѣ духъ козачества, хотя бы пѣсни эти и не были замѣчательными въ музыкальномъ отношеніи, а также присоединить къ собиранію пѣсеннаго матеріала и собираніе историческихъ сказаній и разсказовъ о геройскихъ подвигахъ козаковъ, составляющихъ славу и гордость козачества, съ возложеніемъ этой работы на тѣхъ лицъ, коимъ поручено собираніе пѣсеннаго матеріала. („Куб.. Вѣд.", № 178).

Къ пополненію коллекцій музея въ Екатеринославѣ. По просьбѣ профессора Д. И. Эварницкаго, мѣстный исправникъ Н. П. Корниловъ, разыскалъ и пріобрѣлъ въ Никополѣ старинный чумацкій возъ со всѣми типичнымы принадлежностями: «мазныцей» для дегтя и „притыкой" для ярма и т. д. Возъ этотъ г. исправникъ пріобрѣлъ у крестьянина, предки котораго промышляли чумацкимъ извозомъ. Въ возъ этотъ будутъ впряжены чучела «воливъ» круторогихъ, а на самомъ возу будетъ возсѣдать чучело чумака... Въ такомъ видѣ возъ этотъ будетъ поставленъ въ музеѣ.

Археологическія раскопки въ харьковской губ. Какъ мы сообщали въ прошломъ номерѣ, народному учителю В. А. Бабенку поручено было минувшимъ лѣтомъ произвесть раскопки въ волчанскомъ уѣздѣ, харьк. губ. Раскопки эти, какъ сообщаютъ „Харьк. Губ. Вѣд.", произведены были въ слободѣ Верхнемъ Салтовѣ. Изслѣдованію подвергался могильникъ, расположенный по склону горы около оврага «Нетеча». Одна могила имѣла женское погребеніе; въ грудной части скелета найденъ рядъ разнообразныхъ бусъ отъ ожерелья, а среди нихъ—серебряная монета, сассанидскій дигремъ, особенно крупнаго размѣра, съ изображеніемъ, приблизительно, VI в. по Р. Х.

Сбоку погребенія лежало большое круглое, гладко отшлифованное, бѣловатаго металла, зеркало, съ орнаментомъ на оборотной сторонѣ. Другой могильникъ расположенъ въ горахъ, покрытыхъ крестьянскими садами, около того мѣста, гдѣ находится народное училище. Раскопки этого могильника были начаты изслѣдователемъ еще прошлымъ лѣтомъ. Изъ вещей найдены: боевой топоръ, кинжалъ желѣзный, обоюдоострый, зеркала изъ сплава очень хорошей сохранности, бронзовые щипчики съ ушкомъ для подвѣшиванія. Въ числѣ другихъ мелкихъ украшеній найдены большія золотыя серьги, состоящія изъ правильнаго проволочнаго кольца въ видѣ пирамидки съ неподвижною подвѣскою, съ четырьмя насаженными одинъ на другой шариками. Раскопки 1-го могильника производились съ 27-го іюля по 10-е августа. За это время раскопано всего 10 могилъ. Въ первой оказалось одно погребеніе и при немъ мелкія бусы, бронзовые литые бубенцы и аббасинская монета, приблизительно VII в. по Р. Х. Другія погребенія, очевидно, были разрушены раньше и частью ограблены. Самою богатою и интересною, какъ по своему устройству, такъ и по вещамъ, найденнымъ въ ней, оказалась могила № 9-й. При изслѣдованіи стѣнокъ прохода раскопанной раньше могилы, находившейся рядомъ съ этою, рабочимъ пришлось натолкнуться на 2 прохода. Оказалось, что оба они ведутъ въ общую камеру. На полу вновь открытой камеры обнаружено 3 погребенія: слѣва отъ входа—мужское и сбоку его—2 женскихъ, причемъ руки первыхъ двухъ подложены были одна подъ другой. Мужской скелетъ, въ 175 сант. длины, имѣлъ въ правой рукѣ желѣзный боевой топоръ и подъ плечевою частью такой же наконечникъ въ видѣ кирки. Сосудъ,—изящная кубышка съ крестообразнымъ клеймомъ на днѣ,—стоялъ между головами перваго и второго погребеній. Въ поясной части женскихъ скелетовъ найдено нѣсколько обломковъ отъ очень перетлѣвшихъ ножей въ ножнахъ и около шеи—роскошныя ожерелья изъ сложныхъ золотистыхъ и серебристыхъ, какъ бы жемчужныхъ бусъ, кольцеобразныя подвѣски и проч. По всѣмъ даннымъ, въ открытыхъ могильникахъ имѣется культура не одного народа, а нѣсколькихъ. Не говоря уже о числѣ погребеній, по одному числу могильниковъ и ихъ величинѣ, можно вполнѣ удовлетворительно сказать, что въ древнемъ Салтовѣ и его городищѣ побывалъ не одинъ народъ. Были тутъ и кочевники: хазары, печенѣги, торки или половцы, а впослѣдствіи славяне.

Приготовленія къ XIII археологическому съѣзду въ Екатеринославѣ. Комитетъ по устройству въ Екатеринославѣ XIII археологическаго съѣзда разослалъ, какъ мы сообщали [1]), разнымъ лицамъ и учрежденіямъ губерніи вопросные листы, съ просьбой сообщить о сохранившихся памятникахъ старины.

Вопросные листы въ данное время возвращаются съ заполненными рубриками отвѣтовъ.

Они представляютъ тотъ сырой матеріалъ, который, съ одной стороны, выяснитъ путь, по которому пойдутъ въ будущемъ археологическія изысканія, а съ другой—дастъ довольно рельефную картину сохранившихся въ губерніи памятниковъ старины.

Въ «Приднѣпров. Краѣ» (въ № 1937) напечатаны отвѣты по полученнымъ комитетомъ первымъ шести вопроснымъ листамъ, изъ чего видно, что этимъ путемъ можетъ быть собранъ богатый матеріалъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Древности изъ собранія графа А. А. Бобринскаго. Предсѣдатель императорской археологической коммиссіи, графъ А. А. Бобринскій, лично передалъ кіевскому музею древностей и искусствъ коллекцію предметовъ бронзоваго вѣка и бронзовыхъ предметовъ скиѳской эпохи. Коллекція,—не велика, но очень интересна. Среди предметовъ бронзоваго вѣка отмѣтимъ 10 бронзовыхъ мѣдныхъ топоровъ очень хорошей сохранности, наконечники копій, большой браслетъ, украшенный спиральными завитками, двѣ очень интересныхъ фибулы, ромбоидальныя, орнаментированныя, съ иглами и т. д. Среди многочисленныхъ бронзовыхъ предметовъ скиѳской эпохи наибольшій интересъ представляетъ красивый мечъ или кинжалъ, являющійся единственнымъ въ своемъ родѣ экземпляромъ. Раньше графомъ А. А. Бобринскимъ передана музею древностей и искусствъ обширная коллекція каменнаго вѣка, заключающая въ себѣ, кромѣ большого подбора каменныхъ и кремневыхъ орудій, много орудій костяныхъ и роговыхъ, а также коллекцію посуды первобытнаго человѣка. Вся коллекція древностей каменнаго и бронзоваго вѣковъ, подаренная музею графомъ А. А. Бобринскимъ, занимаетъ отдѣльную большую витрину. Коллекція эта, на собираніе которой въ теченіе нѣсколь-

---

[1]) См. № 7—8.

кихъ десятилѣтій потрачено много труда и средствъ, находится въ образцовомъ порядкѣ и представляетъ собой крупный вкладъ въ сокровища кіевскаго музея.

Раскопки близъ с. Парутина. Раскопка большого кургана, находящагося на территоріи «городка» близъ с. Парутина, дала весьма интересные результаты. Какъ сообщаетъ «Югу» Б. В. Фармаковскій, почти весь курганъ былъ снесенъ, какъ вдругъ показался цилиндрическій сводъ склепа. Не остается сомнѣнія, что курганъ—надмогильный. Погребальный склепъ, состоящій изъ двухъ комнатъ, сложенъ изъ прекрасныхъ плитъ известняка. Кладка указываетъ на II—III в. по Р. Хр. Склепъ оказался ограбленнымъ въ очень древнія времена. Болѣе раскопана пока первая со входа комната. Здѣсь очень интересны грубые рисунки вверху, направо и налѣво отъ входной двери во вторую комнату, которая была усыпальницей. Рисунки сдѣланы красной краской. Одинъ представляетъ змѣю, другой—птифаллическую фигуру. Оба изображенія служили предохраненіемъ противъ колдовства и дурного глаза. Склепъ сооруженъ среди развалинъ древней Ольвіи, разрушенной гетами въ I в. до Р. Хр. Это, какъ и склепъ Еврисивія, памятникъ Ольвіи позднѣйшей, возобновленный въ I в. по Р. Хр.

Среди древнѣйшихъ зданій особенно интересно зданіе, полъ въ которомъ украшенъ мозаикой. Мозаика представляетъ узоръ изъ пальметокъ, грифоновъ и тигровъ. Зданіе съ мозаикой, вѣроятно, II в. до Р. Хр. Разслѣдованіе гробницъ дало любопытныя чернофигурныя вазы. При раскопкѣ гробницъ найдены и другіе интересные предметы быта (мѣдныя: ситечко, ложки и др.). («Одес. Лист.», № 224).

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЦІИ.

Несостоявшееся представленіе депутаціи русиновъ во Львовѣ. Наиболѣе крупнымъ событіемъ въ минувшемъ мѣсяцѣ былъ пріѣздъ въ Галицію на маневры императора Франца-Іосифа. Русины хотѣли воспользоваться этимъ случаемъ для того, чтобы послать императору депутацію съ изложеніемъ своихъ народныхъ нуждъ. Львовское «Діло» пишетъ: «Наше недавнее сообщеніе о томъ, что польскіе патріотическіе круги хлопочутъ о недопущеніи малорус-

ской депутаціи къ императору во время пребыванія его въ Львовѣ, оказалось справедливымъ: когда русскіе заявили о своемъ желаніи намѣстнику Галиціи, то председателю «русинскаго» клуба въ вѣнскомъ парламентѣ, Романчуку, было сообщено, что вслѣдствіе недостатка времени, императоръ не приметъ депутаціи».

И хотя, дѣйствительно, депутація русиновъ не была принята, однако львовскому уніатскому митрополиту, Шептицкому, удалось получить своего рода удовлетвореніе, императоръ во Львовѣ посѣтилъ уніатскій каѳедральный храмъ св. Георгія (св. Юръ). Москвофильскій «Галичанинъ» придаетъ очень большое значеніе этому факту: «своимъ посѣщеніемъ св. Юра императоръ освятилъ равноправность русскаго населенія края съ польскимъ и греко-католическаго исповѣданія съ римско-католическимъ»! «Галичанинъ» даже согласенъ съ польской мотивировкой отказа императора принять малорусскую депутацію: національная депутація не имѣла, будто бы, смысла, когда цѣлый край былъ представленъ депутаціей сейма... И болѣе того думаетъ газета: если бы въ составъ малорусской депутаціи вошли и «москвофилы», то депутація была бы непремѣнно принята... Совершенно иную оцѣнку всего, происшедшаго во Львовѣ во время пребыванія здѣсь императора, даетъ «украйнофильское» «Діло». Вотъ что пишетъ «Діло»: «Русскій народъ не можетъ равнодушно смотрѣть на то, какъ на него не обращаютъ никакого вниманія и на его организмѣ созидаютъ основы для реставраціи ягеллонской Польши подъ скипертомъ Габсбурговъ. Русскій народъ не получилъ возможности высказать императору своихъ взглядовъ на эту затѣю. Поэтому мы рѣшительно протестуемъ противъ игнорированія русскихъ на русской землѣ, противъ прикрытія насъ вмѣстѣ съ поляками подъ «одной общей кровлей» (слова императора) польскаго сейма и польской національной автономіи, противъ возсозданія Польши подъ скипетромъ Габсбурговъ! Угрожая династіи, газета продолжаетъ: «Русь уже жила и процвѣтала цѣлые вѣка, когда о существованіи Австріи никто и не слыхалъ. Русь живетъ и теперь, растетъ, крѣпнетъ и, конечно будетъ жить и далѣе, чего нельзя сказать столь рѣшительно о нѣкоторыхъ державахъ Европы. И если галицкіе русскіе лойяльно относятся къ Австріи и ея династіи, не переставая видѣть въ нихъ залогъ

лучшаго будущаго, то для династіи прямой интересъ—не отталкивать отъ себя и не оскорблять русскихъ.

По поводу произнесенія намѣстникомъ Галиціи въ сеймѣ части рѣчи своей по-малорусски. Сенсаціонное событіе, о которомъ говоритъ галицкая печать, это—произнесеніе намѣстникомъ Галиціи, граф. Потоцкимъ, части своей рѣчи въ сеймѣ по-малорусски. «Nowa Reforma» пишетъ: «До сихъ поръ ничего подобнаго не бывало. Намѣстники до сихъ поръ признавали, что, въ силу закона 1869 года, оффиціальный языкъ въ Галиціи—польскій, и что поэтому намѣстникъ, говоря въ сеймѣ въ качествѣ чиновника, можетъ говорить только по-польски. Иначе дѣло стоитъ съ русинскими запросами. Тутъ имѣетъ силу положеніе того же закона, что учрежденія обязаны отвѣчать на русскіе запросы по-русски же. Теперь и намѣстникъ сталъ дѣлать то же самое, что и маршалки (предводители дворянства Галиціи, предсѣдательствующіе въ сеймѣ), т. е. вставлять въ свои рѣчи русскія фразы. Интересно знать, какъ отвѣтятъ русины на эту уступку имъ намѣстника?» Разумѣется, русины Галиціи не столь наивны, чтобы счесть это новшество «уступкой», за которую они обязаны чѣмъ-нибудь отплатить... Въ засѣданіяхъ сейма послѣдовало уже нѣсколько русинскихъ запросовъ, касающихся цѣлаго ряда стѣсненій, испытываемыхъ русскимъ населеніемъ. Русины хотятъ «уступокъ» совсѣмъ другого рода—удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей, о которыхъ такъ мало заботится польское автономное правительство. Теперь русины должны на свои частныя средства удовлетворять свои нужды. Такъ, въ началѣ этого школьнаго года открываютъ на свои средства два просвѣтительныхъ учрежденія: женскую учительскую семинарію и консерваторію. Семинарію открываетъ русское педагогическое общество; языкомъ преподаванія въ семинаріи будетъ исключительно малорусскій языкъ.

Памятникъ Ягелло въ Галиціи. На дняхъ въ Галиціи, въ мѣстечкѣ Городокъ, открытъ поляками памятникъ королю Ягелло. Едва ли это торжество, да и самая затѣя постановки памятника Ягелло въ восточной, русской Галиціи оправдываются интересами

здравой политики. По крайней мѣрѣ, органы галицкой русской печати, безъ различія направленій, разразились негодующими статьями по поводу польскаго торжества. «Галичанинъ» и «Діло», вспоминаютъ о враждебной православію и русскому народу дѣятельности Ягелло. Ягелло строилъ католическіе костелы въ русскихъ поселеніяхъ, основалъ католическіе епископства въ Галичинѣ. Перемышлѣ и Холмѣ, одаривъ ихъ отнятыми у православныхъ епископій имѣніями; закрылъ въ 1414 году русскую галицкую митрополію. При Ягелло было запрещено русскимъ боярамъ жениться на католичкахъ и занимать въ Польшѣ должности; въ оффиціальныхъ актахъ, православныя церкви назывались синагогами, да и строить ихъ позволялось лишь съ согласія католическаго духовенства; православные именовались еретиками. «Гакатистская Польша,—говоритъ «Діло»,—хочетъ еще разъ, пока сила въ ея рукахъ, подчеркнуть польскій характеръ русской земли. Польша ставитъ памятникъ тому, кто фактически является родоначальникомъ современной польской «гакаты», кто указалъ историческую миссію Польшѣ, т. е. превращеніе Польши, Литвы и Руси въ одинъ организмъ съ польскимъ характеромъ, кто сталъ духовнымъ отцомъ польской «ягеллинской» идеи—Польши «отъ моря и до моря»... Русскія газеты нашли крайне безтактнымъ поступкомъ поляковъ прилашеніе русскихъ принять участіе въ этомъ польскомъ торжествѣ.

Школьное дѣло въ Галиціи. Въ засѣданіи галицкаго сейма намѣстникъ гр. Потоцкій сообщилъ слѣдующія данныя о положеніи школьнаго дѣла въ провинціи. Въ минувшемъ году прибавилось 55 новыхъ народныхъ школъ и 550 классовъ, хотя все таки до 1,062 общинъ Галиціи еще не имѣютъ школъ (русскія газеты прибавляютъ, что намѣстникъ забылъ сообщить почти о тысячѣ школъ,—преимущественно въ восточной Галиціи,—не имѣющихъ учителей). Открыта одна учительская семинарія для поляковъ, одна гимназія и одно реальное училище. Въ существующихъ среднихъ школахъ открыто много параллельныхъ отдѣленій, но наплывъ учениковъ столь великъ, что переполненіе классовъ мѣшаетъ достигать удовлетворительныхъ результатовъ при обученіи и воспитаніи. Намѣстникъ обѣщалъ под-

держать малорусскихъ депутатовъ, требующихъ принятія на казенный счетъ частной русской гимназіи въ Станиславовѣ. Но, кажется, польское большинство сейма смотритъ на требованія русскихъ нѣсколько иначе: по крайней мѣрѣ, польскія газеты высказываются противъ этихъ требованій, ссылаясь на то, что русскіе гимназисты въ Галиціи слишкомъ много занимаются политикой, и забывая, что польскіе ихъ коллеги подаютъ имъ въ томъ примѣръ, и что вообще нѣтъ грѣха въ интересѣ къ общественной и политической жизни.

Самоуправленіе Галиціи. Какъ бы въ отвѣтъ на недавнюю императорскую похвалу галиційскому сейму и его дѣятельности, краковскій «Napród» въ статьѣ «Lud a Sajm» (народъ и сеймъ) подвергаетъ галицкія отношенія самой суровой критикѣ. Въ Галиціи болѣе 7 милл. населенія, въ томъ числѣ около 15,000 шляхты. Какъ же представляются въ сеймѣ интересы народа и шляхты? Изъ 149 депутатовъ, избираемыхъ въ цѣломъ краѣ (всѣхъ депутатовъ въ сеймѣ—161), около 100 человѣкъ—шляхтичи. Если сюда присоединить 8 епископовъ и 4 свѣтскихъ вирилистовъ, то окажется, что на 7.000,000 крестьянъ, мѣщанъ и рабочихъ приходится только 50 депутатовъ. Но дѣло обстоитъ еще хуже. Изъ этихъ 50 человѣкъ слѣдуетъ исключить 3-хъ депутатовъ отъ торговыхъ палатъ, около 10 представителей городовъ, избранныхъ подъ давленіемъ станчиковскихъ подкуповъ и терроризма; такимъ образомъ, остается около 35 депутатовъ, не заявляющихъ о своемъ единомысліи со «станчиками». Но въ этомъ числѣ, далѣе, имѣются представители партіи Стояловскаго, «демократы» и другіе, якобы, представители народа, кокетничающіе со «станчиками». «При такомъ составѣ,—говоритъ газета,—сеймъ въ теченіе долгаго ряда лѣтъ не могъ совершить ни одной серьезной работы, ни одной реформы, вызываемой насущными потребностями населенія». Газетѣ предсатвляются поэтому крайне вредными для населенія всѣ проекты «все-поляковъ» и «демократовъ» относительно выдѣленія Галиціи изъ состава Австріи (Цислейтаніи), расширенія компетенціи сейма и т. п.

Малорусскій театръ во Львовѣ. Въ день открытія памятника Котляревскому въ Полтавѣ исполнительный комитетъ по постройкѣ малорусскаго театра во Львовѣ помѣстилъ въ галицкихъ русскихъ газетахъ слѣдующее воззваніе: «Въ ясныхъ водахъ Ватовы отражается гордымъ сіяніемъ чешское «Народное Дивало». Надъ серебристой Савой красуется величавая святыня живого слова «Хрватско позориште у Загребу». Среди зелени стараго города Кракуса видна надпись «Краковъ народовой штуцѣ» (искусству). Въ прекрасной, хотя и небольшой Люблянѣ культивируютъ словинцы свое живое слово въ своемъ «Глѣдолищѣ». Въ старой столицѣ нашего короля Даніила (Львовѣ) на фронтонѣ городского театра геній держитъ золотую пальмовую вѣтвь «польскому искусству». Словомъ, всюду, гдѣ живой народъ думаетъ живую думу, состоятъ храмы живого слова,—лишь 30-милліонный народъ, заселившій Украйну-Русь, не собрался выстроить святыню своему живому слову, своему драматическому искусству. Драматическимъ искусствомъ начинается исторія нашего возрожденія, оно было и будетъ естественнымъ звеномъ въ нашей народной жизни. А между тѣмъ, за цѣлое столѣтіе нашего народнаго возрожденія ничего почти не сдѣлано, чтобы создать безусловно необходимыя условія для развитія нашего драматическаго искусства. Жизнь идетъ впередъ! Если народъ хочетъ остаться живымъ, онъ долженъ отвѣчать всѣмъ требованіямъ, которыя ему ставитъ современная жизнь... Какъ появленіе культурныхъ потребностей народа и какъ признакъ народной силы и самосознанія, нашъ театръ не возникнетъ иначе, какъ только жертвами всего народа. Исходя изъ всего этого, комитетъ приступаетъ къ дѣлу съ надеждой на успѣхъ и уже купилъ прекрасное мѣсто для театра во Львовѣ. Въ убѣжденіи, что наше дѣло—горячая мечта всѣхъ соплеменниковъ, мы надѣемся, что весь народъ поспѣшитъ со своими пожертвованіями на постройку народнаго театра».

Мѣстное польское правительство Галиціи (комитетъ и сеймъ) прилагаетъ всѣ усилія для развитія польскихъ просвѣтительныхъ учрежденій. Сеймъ предполагаетъ увеличить субсидію краковской академіи наукъ на 1904 годъ съ 52,000 кр. до 70,000 и, вмѣстѣ

съ тѣмъ, ходатайствовать объ увеличеніи субсидіи отъ государственнаго казначейства (вмѣсто 40,000 кр. въ годъ—50,000). Краковскій «Народный музей» получилъ единовременное пособіе въ 30,000 кр. для реогранизаціи учрежденія и 2,000 кр. на обновленіе картинъ. Галицкія русскія газеты сомнѣваются въ томъ, что сеймъ будетъ столь же щедръ для русскихъ учрежденій, какъ-то: «Науковое товариство», общество «Просьвіта», русскій театръ и т. д.

Извѣстный украинскій художникъ Иванъ Трушъ получилъ отъ галицкаго сейма 1,000 кронъ субсидіи на путешествіе въ Крымъ, гдѣ онъ намѣренъ изготовить рядъ иллюстрацій для предполагаемаго новаго роскошнаго изданія «Крымскихъ сонетовъ» Адама Мицкевича.

БИБЛІОГРАФІЯ.

М. Коцюбинскій. Оповидання. Т. першый. *Кыивъ, 1903. Ц. 1 р. 50 к., на кращ. папери 2 р.*

Имя М. Коцюбинскаго, какъ украинскаго беллетриста стало извѣстно читающей публикѣ съ 1895 года, когда въ Черниговѣ были изданы его «Пьятызлотныкъ» и три дѣтскихъ разсказа. Послѣ того въ литературныхъ сборникахъ-альманахахъ, изданныхъ въ послѣдніе два-три года въ Кіевѣ и Одессѣ, а также и въ нашемъ журналѣ, появилось его нѣсколько разсказовъ своими внутренними и внѣшними достоинствами обратившихъ на себя вниманіе критики. Какъ свойства самихъ сюжетовъ въ этихъ разсказахъ, такъ въ особенности ихъ художественная обработка свидѣтельствовали о широтѣ міросозерцанія автора, о глубокомъ пониманіи имъ нуждъ окружающей его дѣйствительности и о несомнѣнномъ литературномъ его дарованіи. Съ особеннымъ поэтому удовольствіемъ можно привѣтствовать выходъ въ свѣтъ перваго тома собранія беллетристическихъ произведеній М. Коцюбинскаго, куда вошло 13 его разсказовъ, написанныхъ въ періодъ времени съ 1891—1902 г. Изъ нихъ четыре написано на сюжеты изъ жизни крымскихъ татаръ („На камени“, «Въ путахъ шайтана») и бессарабскихъ молдаванъ («Пе коптьоръ» и «Для загального добра»), а остальные касаются прошлой и настоящей жизни Украины.

Въ разсказѣ «На камени» авторъ коснулся вопроса о тяжеломъ положеніи женщины въ татарской семьѣ. Татарка—это порабощенная во имя старыхъ традицій женщина, лишенная всякой возможности вырваться изъ давящихъ ее тисковъ, потому что на защиту попран-

ныхъ традицій поднимается всегда старшее поколѣніе татаръ. Впрочемъ авторъ видитъ пути, по которымъ въ татарскую среду проникаютъ уже новыя вѣянія, постепенно расшатывающія силу устарѣлыхъ татарскихъ традицій. Благодаря сношеніямъ съ пріѣзжими въ Крымъ туристами, татары, особенно молодое поколѣніе, начинаютъ терять довѣріе къ преданіямъ своей старины. Въ разсказѣ „Въ путахъ шайтана" авторъ изобразилъ столкновеніе въ татарской средѣ представителей двухъ различныхъ міровоззрѣній: стараго—правовѣрнаго и новаго—еретическаго (съ точки зрѣнія стариковъ).

Молдаванскій народный обычай, по которому обманутая дѣвушка, если хочетъ заставить обезчестившаго ее парня жениться на ней, идетъ въ домъ его родителей „пе коптьоръ», т. е. на печь, послужилъ автору основаніемъ для разсказа «Пе коптьоръ». Украинскій народныи обычай жить «на віру», то есть гражданскимъ бракомъ, когда почему-нибудь невозможенъ бракъ церковный, легъ въ основу повѣсти автора «На віру».

Въ разсказѣ «Посолъ видъ чорного царя» авторъ раскрываетъ передъ нами психологію интеллигента, который, впервые серіозно столкнувшись съ простымъ народомъ, пораженъ былъ его невѣжествомъ и грубостію и, послѣ тяжелой внутренней борьбы, рѣшился бросить ожидавшую его блестящую карьеру и идти въ народъ посломъ «відъ царя ясного, що йому наймення світло знаття і любови». Жизнь другого интеллигента, работающаго надъ просвѣщеніемъ народа, народной учительницы, изобразилъ авторъ въ разсказѣ «Лялечка». Въ разсказѣ «По людському» авторъ попытался показать, къ какимъ послѣдствіямъ могутъ иногда привести тѣ обрывки познаній, которыя, вмѣсто систематическаго, цѣльнаго знанія, проникаютъ теперь въ крестьянскую среду. Симпатичныя черты этой среды, вообще бѣдной, неимущей, но чуткой къ чужому горю, готовой подѣлиться съ нуждающимся, хотя бы и чужимъ человѣкомъ, послѣдней копѣйкой, изобразилъ авторъ въ разсказѣ «Пьятызлотныкъ". Въ разсказѣ «Помстывся» авторъ отмѣтилъ то деморализующее вліяніе, какое до послѣдняго времени имѣютъ на окружающее крестьянское населеніе нѣкоторыя помѣщичьи экономіи.

Въ историческомъ разсказѣ «Дорогою циною» авторъ рисуетъ намъ горькую долю тѣхъ скитальцевъ крестьянъ, которые въ былое время крѣпостного права, не будучи въ состояніи снести помѣщичьяго гнета, бѣжали «на вильни земли» (въ Бессарабію, въ Турцію),

рятуючысь одъ панщыны». Другой разсказъ М. Коцюбинскаго, относящійся къ прошлой жизни Украины, «На крылахъ писни»—это поэтическая картинка, рисующая предъ нами украинскихъ чумаковъ и ихъ промыселъ. Авторъ любуется величественными, сильными фигурами этихъ вольныхъ сыновъ украинской степи. Полный контрастъ съ этими мощными фигурами представляютъ у автора типы современныхъ интеллигентныхъ людей (въ разсказѣ «Поедынокъ»), трусливыхъ, готовыхъ во имя внѣшняго decorum'a на самые унизительные компромиссы.

Матеріалъ для разсказа «Для загального добра» дала М. Коцюбинскому дѣятельность филоксерной коммиссіи, снаряженной (въ 1892 г.) для уничтоженія зараженныхъ филоксерой бессарабскихъ виноградниковъ.

Большое разнообразіе сюжетовъ въ произведеніяхъ М. Коцюбинскаго свидѣтельствуетъ о необыкновенной отзывчивости автора къ интересамъ окружающей его дѣйствительности; а ближайшее разсмотрѣніе произведеній М. Коцюбинскаго съ ихъ художественной стороны убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ его лицѣ мы имѣемъ крупную литературную силу.

Самое раннее изъ произведеній М. Коцюбинскаго, помѣщенныхъ въ первомъ томѣ—«На виру». Сюжетъ этой повѣсти слѣдующій. Молодой парень Гнатъ, крестьянинъ, послѣ того, какъ любимая имъ дѣвушка Настя «подавала рушныкы» Петру, женится на нелюбимой Олександрѣ. Не будучи въ состояніи ужиться подъ одной кровлей съ Олександрой, Гнатъ прогоняетъ ее и, когда вскорѣ умеръ Петро, приглашаетъ Настю къ себѣ въ домъ «сыдиты на виру» (т. е. жить гражданскимъ бракомъ. Настя соглашается на предложеніе Гната, и нѣкоторое время они живутъ счастливо, пока не явилась Олександра, чтобы по праву законной жены, выгнать Настю изъ дома своего мужа. Произошло столкновеніе, во время котораго Гнатъ, въ состояніи аффекта, убилъ Олександру. Съ технической стороны эта повѣсть не чужда нѣкоторыхъ недостатковъ Она нѣсколько растянута и запутана вслѣдствіе того, что авторъ въ одномъ произведеніи соединилъ романъ нѣсколькихъ лицъ: кромѣ Гната и Насти, «на виру» живутъ еще Семенъ и Мотря, Иванъ и Олександра, а потомъ Петро и Олександра. Отмѣтимъ еще авторскій недосмотръ въ этой повѣсти. У автора Гнатъ, послѣ того, какъ поссорился съ Олександрой и выгналъ ее изъ дому, отправился непосредственно къ берегу пруда, сѣлъ тамъ подъ вербой

и началъ любоваться прелестью майской ночи. Это психологически невозможно, особенно для такой глубоко чувствующей натуры, какъ Гнатъ. Кромѣ того, авторъ называетъ обычай жить «на виру» новымъ обычаемъ въ украинской деревнѣ, къ которому старики будто бы еще не привыкли. Между тѣмъ, это обычай старый. Въ Украйнѣ еще въ XVI и XVII вв. установился обычай гражданскихъ браковъ, считавшихся вполнѣ законными [1]). Но не смотря на указанные недостатки, повѣсть „На виру" имѣетъ несомнѣнную литературную цѣнность. Въ этой повѣсти мы находимъ художественно-правдивое изображеніе быта украинской деревни. Типы главныхъ дѣйствующихъ лицъ обрисованы авторомъ талантливо и тщательно. Повѣсть читается легко и съ большимъ интересомъ.

Ставши на твердую почву художественнаго реализма въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности, М. Коцюбинскій далъ украинской литературѣ цѣлый рядъ прекрасныхъ, художественныхъ произведеній, создалъ цѣлый рядъ живыхъ типовъ. Такими цѣнными литературными произведеніями являются разсказы автора, написанные имъ до 1900 года; лучшіе между ними „Пьятызлотныкъ", „Помстывся", „Для загального добра", „На крылахъ писень" и „Въ путахъ шайтана". Это разсказы, отмѣченные печатію высокой авторской интеллигентности, проникнутые теплымъ, гуманнымъ чувствомъ, даютъ намъ вѣрное изображеніе дѣйствительной жизни. Кромѣ того, въ нихъ видна осторожность автора въ выборѣ темъ и сюжетовъ, основательная продуманность плана и строгая тщательность въ обрисовкѣ положеній и характеровъ. Главные персонажи этихъ разсказовъ типы, въ общемъ вполнѣ опредѣленные и ясные, какъ Хома и Хима („Пьятызлотныкъ"), Свырыдъ и Лука („Помстывся"), Тыховичъ („Для загального добра"), Эмене Септаръ („Въ путахъ шайтана") и др.,— живутъ и дѣйствуютъ въ свойственной имъ обстановкѣ, обрисованной у автора правдиво и талантливо.

Разсматривая произведенія М Коцюбинскаго, написанныя въ послѣдніе два-три года, мы замѣчаемъ какое-то колебаніе въ творчествѣ автора, даже какъ бы поворотъ въ худшую сторону. Нѣкоторыя изъ этихъ его произведеній мало продуманы, вообще носятъ слѣды поспѣшности въ ихъ написаніи и лишены драгоцѣнныхъ ка-

[1]) См. статью О. Левицкаго въ „Кіевской Старинѣ". 1900 г. № 1-й.

чествъ жизненности и правдивости. Къ такимъ произведеніямъ, невыгодно отличающимся отъ другихъ, болѣе раннихъ произведеній нашего автора, относятся „По людському“, „Лялечка“ и „Поедынокъ“.

Въ разсказѣ „По людському“ авторъ, какъ намъ кажется, впалъ въ несвойственный ему юмористическій тонъ, вслѣдствіе чего у него, получилась почти каррикатура. Карпо, главный герой этого разсказа, человѣкъ неглупый и очень воспріимчивый; онъ любитъ поразсуждать о томъ, откуда неправда пошла. Съ этимъ какъ-то не мирятся тѣ чисто каррикатурныя выходки, которыя приписываетъ Карпу авторъ. Слишкомъ утрировано, по нашему мнѣнію, въ разсказѣ непріязненно-насмѣшливое отношеніе къ новатору-Карпу со стороны окружающей его среды. Вообще, въ разсказѣ „По людському“ дѣйствительность крестьянскаго міра нашла себѣ слабое отраженіе. Содержаніе этого разсказа таково: крестьянинъ Карпо, получивши по завѣщанію отъ умершей тетки 200 руб., пытается начать жить „по людськи“ такъ, какъ живетъ „у Нимеччыни або въ Англіи робочый чоловикъ“, о чемъ онъ слыхалъ отъ народнаго учителя въ своемъ селѣ. Но такъ какъ у Карпа нѣтъ достаточныхъ познаній о такой жизни, ни пониманія своихъ истинныхъ нуждъ, то онъ дѣлаетъ массу глупостей и въ концѣ концовъ растрачиваетъ, безъ пользы для себя, полученныя 200 рублей.

Въ разсказѣ «Лялечка» авторъ описываетъ исторію увлеченія народной учительницы Раисы Левицкой приходскимъ священникомъ о. Василіемъ. Въ этомъ разсказѣ мы не видимъ ясно выраженной основной его идеи. Помимо того, двѣ центральныя фигуры (о. Василія и Раисы), на которыхъ, собственно говоря держится весь разсказъ, обрисованы авторомъ, какъ намъ кажется, неправдоподобно. О. Василій, у автора, богачъ, ведущій обширное хозяйство, мелочный и придирчивый человѣкъ, ссорится съ псаломщикомъ и готовъ, повидимому, вымещать свою злобу къ послѣднему даже «на крывій Семеныси, чоловикъ якои доводытся братомъ у другыхъ дяковому кумови». Онъ при всякомъ случаѣ сводитъ съ крестьянами (своими прихожанами) „рахункы за спашъ, або за якесь покрадене жыто“. И вотъ этотъ матеріалистъ въ полномъ смыслѣ слова, оказывается, одержимъ страстью къ проповѣдничеству. О. Василій, которому, по словамъ автора, лѣнь было раскрыть даже «Епархіальныя Вѣдомости», чтобы прочитать единственный интересовавшій его отдѣлъ въ нихъ—извѣстія о перемѣнѣ въ служебномъ положеніи его сослуживцевъ священниковъ,—пишетъ церковныя про-

повѣди! Здѣсь, кажется намъ, непослѣдовательность въ обрисовкѣ характера о. Василія. Страсть къ проповѣдничеству, кстати сказать, абсолютно чуждая нашему сельскому духовенству, такъ какъ наши священники (это фактъ общеизвѣстный) послѣ двухъ-трехъ проповѣдей, сказанныхъ ими въ церкви на русскомъ языкѣ, по правиламъ семинарской гомилетики, убѣждаются, что народъ ихъ не понимаетъ, и очень скоро совсѣмъ теряютъ охоту къ церковной проповѣди,—прямо навязана авторомъ о. Василію. Эта страсть и, затѣмъ, тѣ черты, какими надѣляетъ авторъ о. Василія, описывая эту фигуру въ бѣломъ подрясникѣ, «що загортавъ слыве жиночый торсъ, отъ которой («одъ ёго пухкои руки, одъ билого пидрясника... одъ блидуватого облыччя, сирихъ очей и навить лысыны») «віяло такымъ спокоемъ,—напоминаютъ намъ скорѣе французскихъ curés съ ихъ проповѣдями, чѣмъ нашихъ приходскихъ батюшекъ.

Учительница Раиса, окончившая епархіальное училище,—дочь бѣднаго псаломщика, въ домѣ котораго «у биднoти, у велыкій семьи, де не було мисця зайвому ротови, жылось не весело». Намъ кажется страннымъ, что отецъ Раисы «старый и убогый дякъ», воспитывалъ ее въ епархіальномъ училищѣ и, какъ говоритъ авторъ, изъ «шкуры лизъ», чтобы сдѣлать ее не хуже поповенъ, въ ущербъ остальнымъ членамъ своей многочисленной семьи, и безъ того жившимъ въ крайней бѣдности. Авторъ даетъ объясненія этому факту. Быть можетъ, отецъ Раисы такъ заботился объ ея воспитаніи съ тѣмъ, чтобы она, какъ старшая, могла послѣ его смерти, поддерживать его семью. Но о судьбѣ этой семьи въ теченіе 13 лѣтъ учительствованія Раисы у автора ни слова, какъ будто для Раисы, съ момента ея поступленія на службу, перестали существовать ея меньшіе братья и сестры. А между тѣмъ вопросъ объ обезпеченіи отцовской семьи особенно долженъ былъ занимать Раису въ виду того, что за эти 13 лѣтъ, которыя она провела на службѣ, отецъ ея, «старый убогый дякъ», если не умеръ, то навѣрное, настолько уже одряхлѣлъ, что не въ состояніи былъ прокормить своимъ трудомъ семью.

Въ разсказѣ «Поедынокъ» авторъ попытался коснуться жизни интеллигентнаго слоя нашего общества. Едва ли стоитъ передавать сюжетъ этого разсказа?—Это давно избитый сюжетъ—любовь «*en trois*, къ которому такъ часто обращаются творцы французскихъ романовъ тривіальнаго пошиба. Обработка этого сюжета въ «Поедынку» заставляетъ предполагать нѣкоторое родство этого разсказа съ французскими

разсказами въ духѣ Монассана. Герои этого разсказа—Антонина Цюпа («42-хъ литня дама, багата, дидычка, зъ панивъ»), чувственная женщина, притомъ—деспотъ въ семьѣ, панъ Мыкыта, мужъ ея, чиновникъ, недалекій безхарактерный человѣкъ, Иванъ Пиддубный, учитель ихъ дочери, молодой человѣкъ, исключенный изъ училища, малодушный и трусливый,—все это какіе то духовно разслабленные люди, готовые на всякіе компромиссы съ своей совѣстью во имя соблюденія внѣшняго приличія или во имя требованій своей необузданной похоти. Едва ли можно признать за ними значеніе художественно-реальныхъ типовъ. Отдѣльныя сцены изъ этого разсказа, почти что граничащія съ крайнимъ натурализмомъ, вызываютъ гадливое чувство у читателя.

Вообще, по своимъ чисто отрицательнымъ особенностямъ и по своему направленію разсказъ «Поедынокъ» не представляетъ явленія, желательнаго въ украинской литературѣ. Намъ кажется, что изъ подъ пера автора «На виру», «Помстывся», «Для загального добра», «Въ путахъ шайтана» и другихъ идейныхъ и художественно-реальныхъ произведеніяхъ такой разсказъ, какъ «Поедынокъ», могъ появиться лишь по какой то непонятной случайности. Что это явленіе случайное въ творчествѣ нашего автора, въ этомъ убѣждаетъ насъ наличность въ первомъ томѣ собранія разсказовъ М. Коцюбинскаго такого глубоко продуманнаго и талантливо исполненнаго произведенія, какъ «Аквареля» «На камени» (написана въ 1902 г.). Литературная обработка и направленіе этого разсказа показываютъ, что мы можемъ ожидать отъ М. Коцюбинскаго еще многаго въ смыслѣ художественнаго освѣщенія нашихъ общественныхъ нуждъ, глубокое пониманіе которыхъ онъ обнаружилъ въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ.

Героиней разсказа «На камени» является татарка Фатьма, отданная вопреки ея волѣ, замужъ за нелюбимаго человѣка. «Прышовъ ризныкъ» (Меметъ), «заплатывъ батькови бильшъ, нижъ моглы дать свои парубкы, и забравъ іи». Она томится въ домѣ своего нелюбимаго мужа, мало къ тому же обращавшаго не нее вниманія, среди чужихъ ей людей, въ непривычной для нея обстановкѣ. Фатьма—это порабощенная во имя старыхъ татарскихъ традицій женщина. Она пробуетъ вырваться изъ сдавившихъ ее тисковъ и убѣгаетъ въ горы съ понравившимся ей красавцемъ туркомъ (Али), но тамъ ихъ настигаютъ татары. Ради мести за оскорбленную честь одного изъ своихъ односельчанъ, татары забываютъ всѣ свои личные счеты, забывается

на время даже вѣковая вражда двухъ татарскихъ партій изъ-за пользованія горнымъ ручьемъ, протекающимъ черезъ селеніе. И Фатьма погибаетъ за свою попытку по влеченію своего сердца.

Этотъ простой по формѣ и правдивый разсказъ вызываетъ у читателя горячее сочувствіе къ несчасной Фатьмѣ и, одновременно, къ тѣмъ тысячамъ обращенныхъ въ рабынь женщинъ, которыя живутъ и въ теченіе цѣлыхъ столѣтій жили подъ гнетомъ суровыхъ татарскихъ традицій, не всегда имѣя мужество даже попытаться, подобно Фатьмѣ, скинуть съ себя унизительное иго рабства. Жизнь и нравы татаръ нашли себѣ вѣрное изображеніе въ этомъ разсказѣ. Авторъ рисуетъ бытъ татарской деревни въ яркихъ, вполнѣ опредѣленныхъ краскахъ. Съ технической стороны разсказъ безупреченъ.

Говоря о характерѣ и пріемахъ художественнаго творчества М. Коцюбинскаго, мы должны указать на картинность изложенія, какъ на общую отличительную черту произведеній этого автора; а въ такихъ его произведеніяхъ, какъ напр. «Для загального добра», каждая отдѣльная глава представляетъ изъ себя цѣльную, законченную картину. Сочность и свѣжесть красокъ присуща всему, что выходитъ изъ-подъ пера М. Коцюбинскаго. Какъ на въ высшей степени колоритныя произведенія мы можемъ указать на разсказы «Дорогою циною» и «На камени». Авторъ съ одинаковымъ талантомъ изображаетъ и бытовыя сцены, и сильно драматическіе моменты, и картины природы. Такъ, необыкновенно просто и художествено исполнена авторомъ, напримѣръ, сцена разговора татарки Фатьмы съ туркомъ («На камени»); весьма сильно написана сцена отчаянія Нерона Земфина и его жены, при видѣ истребляемаго ихъ виноградника («Для загального добра»); отлично схваченъ моментъ кровавой расправы Гната съ Олександрой («На виру»). И такихъ удачныхъ сценъ можно найти у автора много. Особенно удается автору описаніе картинъ природы, въ частности моря; его морскія картинки могли бы сдѣлать честь любому маринисту. Въ описаніи природы авторъ обнаруживаетъ тонкое пониманіе ея красотъ. Для примѣра укажемъ на описаніе грозы («Лялечка») и моря («На камени»).

Стиль разсказовъ М. Коцюбинскаго необыкновенно простой и безыскусственный, его рѣчь льется, вообще, свободно и естественно, безъ ненужныхъ риторическихъ эффектовъ. Языкъ автора, образный и живой, не чуждъ нѣкоторыхъ недостатковъ: на конструкціи фразъ

замѣтно вліяніе русскаго языка, а лексика нѣсколько страдаетъ отъ наклонности автора къ полонизмамъ и латинизмамъ [1]).

Какъ на недостатокъ въ рѣчи автора, мы могли бы указать на присутствіе въ ней нѣкоторыхъ неудобныхъ выраженій и рискованныхъ сравненій [2]).

Разбираясь въ томъ впечатлѣніи, какое мы получаемъ отъ личности М. Коцюбинскаго, какъ писателя, при чтеніи его разсказовъ, помѣщенныхъ въ первомъ томѣ собранія его сочиненій, мы должны сказать, что М. Коцюбинскій, какъ художникъ-новеллистъ,—фигура весьма замѣтная среди писателей новѣйшей украинской литературы. Натура цѣльная и гармоничная, художникъ по преимуществу, онъ обладаетъ несомнѣнной способностію къ объективному изображенію окружающей дѣйствительности. Въ своихъ разсказахъ онъ касается вопросовъ, имѣющихъ широкое общественное значеніе, и обнаруживаетъ тонкую наблюдательность и глубокое пониманіе нашихъ соціальныхъ нуждъ. М. Коцюбинскій стоитъ на стражѣ общественныхъ нуждъ нашего времени: онъ, какъ о немъ выражаются, писатель—«громадянынъ». При своемъ выдающемся литературномъ дарованіи, онъ, по справедливому замѣчанію Ів. Франка, «наскрізь новочасний чоловік, перенятий високими гуманними чуттями і ясним поглядом на жите. Оттим то його оповідання, даючи образи неторканих досі українським пером околиць і відносин, дають нам разом із тим високе естетичне вдоволенне, як твори справжнього таланта і як виливи симпатичноі і високо розвитоі души» [3]).

Въ виду высокой литературной цѣнности произведеній М. Коцюбинскаго, мы, съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуя выходъ въ свѣтъ перваго тома собранія его сочиненій, пожелаемъ автору дальнѣйшихъ успѣховъ въ направленіи, какимъ отмѣчены лучшія его литературныя произведенія, въ той несомнѣнной надеждѣ, что его трудъ

---

[1]) Въ разсказахъ М. Коцюбинскаго встрѣчаются, напримѣръ, такія слова изъ польскаго языка: „конфитуры", „вчорайшій", „куфа", „импетъ", „филижанка", „котвыця" и друг. А изъ латинскиго—„консеквентный", „змодификоваты" и пр.

[2]) Напримѣръ: „добре законсервовани перса", и „грубы выбрыкы" (о. Василія), „замисть облыччя печена картопля". „Тася выщала, якъ заризане (!?) порося" и др.

[3]) Л.-Н. Вістник, 1901 р. IX кн. Ів. Франко—„З останніх десятиліть XIX віку".

будетъ по достоинству оцѣненъ читающей публикой, и его благородныя идеи принесутъ великую пользу нашей общественности.

В. Поточный

М. Загирня Мудрый учытель. Оповидання про Сократа. *1--64 стр. Спб. 1903 г. Ц. 5 коп.*

Среди немногочисленныхъ пока украинскихъ писателей популяризаторовъ имя г-жи М. Загирной давно уже по справедливости пользуется широкою извѣстностью. Проживши довольно долго въ деревнѣ, среди крестьянъ, хорошо понявши степень развитія и пониманія нашего средняго крестьявина и изучивши вкусы и требованія крестьянъ по отношенію къ книгѣ,—почтенная писательница пріобрѣла вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдкую, но очень цѣнную въ популяризаторѣ способность писать для народа вполнѣ доступно, понятно и въ то же время интересно и занимательно. Хорошо изучивши современную деревню, не порывая и до настоящаго времени связей съ нею, г-жа Загирня умѣетъ всегда выбрать для своихъ брошюръ такую тему, которая живо касается интересовъ крестьянства и является однимъ изъ лучшихъ средствъ для разрѣшенія многихъ больныхъ вопросовъ въ его жизни. Часто, взявши даже тему, не имѣющую никакого отношенія къ современной народной жизни, наша писательница умѣетъ такъ разработать ее, что ея брошюра имѣетъ не только общій, но пріобрѣтаетъ и спеціальный, современный, такъ сказать, злободневный интересъ. Если къ сказанному добавить, что всѣ брошюры г-жи Загирной написаны прекраснымъ, чистымъ, изящнымъ, вполнѣ народнымъ языкамъ,—то для читателя вполнѣ сдѣлается яснымъ, что въ лицѣ этой писательницы украинская народно-популярная литература имѣетъ далеко не дюжинную силу.

Только что вышедшая изъ печати, изданная Петербургскимъ благотворительнымъ обществомъ изданія общеполезныхъ дешевыхъ книгъ, новая брошюра г-жи Загирной о Сократѣ отличается всѣми обычными достоинствами ея работъ. Взявши такую, повидимому, мало подходящую и интересную для народа тему, какъ жизнь древне-греческаго философа Сократа, уважаемая писательница сумѣла такъ развить ее, что ея брошюра, безъ всякаго сомнѣнія, съ большимъ удовольствіемъ и полезно прочтется всякимъ грамотнымъ крестьяниномъ. Главное вни-

маніе въ своей книжкѣ она обращаетъ на нравственную философію Сократа. На основаніи анализа произведеній Сократа она рѣшаетъ такіе живые и насущные для нашего крестьянина вопросы, какъ: «Якъ треба жыты»,—„Якъ треба начальныкуваты“,—„Хто кращый: рабъ, чы панъ»,—«Якъ треба жыты въ симьи», «Якъ треба жыты братамъ», «Якъ людямъ жыты въ гурти», «Що треба знаты кожній людыни» и т. д. Несомнѣнно, что и постановка, и рѣшеніе этихъ вопросовъ на основаніи возвышеннаго ученія Сократа заронятъ не одну хорошую мысль въ душу читателя крестьянина. Большимъ достоинствомъ книжечки г-жи Загирной является строго выдержанный и умѣло, логически проведенный сократовскій эротематическій способъ разрѣшенія поставленныхъ выше вопросовъ. Такая постановка вопросовъ не только прекрасно знакомитъ читателя съ тѣмъ, какъ училъ самъ Сократъ, и даетъ хорошій примѣръ обученія, но и помогаетъ непривыкшему къ отвлеченному мышленію простому читателю разбираться въ сложныхъ и трудныхъ вопросахъ моральной философіи Сократа. Не ограничиваясь изложеніемъ біографіи и философскаго ученія Сократа, наша талантливая популяризаторша сообщаетъ въ своей небольшой сравнительно книжечкѣ еще массу и иныхъ интересныхъ для народа свѣдѣній. Такъ, здѣсь она касается древне-греческой миѳологіи, [1]) греческаго театра, греческой архитектуры, древне-греческаго соціальнаго государственнаго строя и т. д.

Умно задуманная, талантливо написанная, прекрасно и не дорого изданная брошюра г-жи Загирной является цѣннымъ пріобрѣтеніемъ не только въ серіи популярно-научныхъ изданій С.-Петербургскаго благотворительнаго общества, но и вообще среди всѣхъ популярныхъ народныхъ украинскихъ изданій. Отъ души рекомендуемъ её всѣмъ ревнителямъ народнаго просвѣщенія.

В. Мировеца.

---

[1]) Спѣшимъ исправить вкравшуюся въ брошюру ошибку или опечатку: въ брошюрѣ сказано, что „Нептунъ бувъ богъ надъ морямы Посейдонъ—надъ витрамы“ (стр. 4). Вѣроятно, вмѣсто Посейдонъ нужно читать Эолъ, п. ч. Нептунъ и Посейдонъ—названія одного и того же древне-греческаго бога моря, а богомъ вѣтровъ у грековъ былъ Эолъ.

Władysław Pobóg Górski. Powiat Mohyłowski w gubernii Podolskiej. Opis geograficzno-historyczny wszystkich miast, miasteczek wsi, przysiołków, futorów, słowem zaludnionych miejscowosci w tym powiecie, z dodaniem odpowiednich dokumentów. Wydanie nakładem, księżny Amelii Czetwertynskiej. W Krakowie. 1902 (Влад. Гурскій. Могилевскій уѣздъ подольской губерніи. Стр. 347. Съ картой уѣзда).

Вл. Гурскій извѣстенъ въ польской исторической литературѣ нѣсколькимя цѣнными монографіями, особенно по исторіи польской пѣхоты и конницы. Сборникъ, заглавіе котораго выписано выше, основанъ частію на изданныхъ уже матеріалахъ, далеко, впрочемъ, не исчерпанныхъ престарѣлымъ авторомъ, частію на семейныхъ архивахъ нѣкоторыхъ польскихъ фамилій, такъ или иначе связанныхъ съ уѣздомъ. Центральный интересъ автора - прослѣдить переходъ имѣній изъ однихъ польскихъ рукъ въ другія. Болѣе подробные историческіе обзоры посвящены Бару, Могилеву-Подольскому и Шаргороду. Особое вниманіе посвящено сведенію сохранившихся данныхъ о р.-к. церквахъ, монастыряхъ и польскихъ училищахъ. Порядокъ изложенія—алфавитный. Описано 148 поселеній. Сохранившіеся въ частныхъ архивахъ грамоты и другіе документы приведены полностью, со ссылкою, гдѣ находятся нынѣ; иногда перепечатываются документы, уже изданные (напр., изъ книги г. Грушевскаго о Барскомъ староствѣ). Изъ менѣе извѣстныхъ старыхъ документовъ можно указать, напр., на полное интереса завѣщаніе Ивана Выговскаго 16 марта 1664 г. (изъ архива барской городской думы), жалованную грамоту кор. Яна Казимира Станиславу Потоцкому на Барское староство 20 января 1665 г. (изъ кор. метрики), жалованная грамота Владислава Ягайла Сенку Волосу 1410 г. (въ копіи, изъ кор. метрики), грамота Витовта 1383 (?) г. на Княжью Луку (къ сожалѣнію, въ переводѣ; подлинникъ въ инст. Оссолинскихъ въ Львовѣ), и нѣк. другіе.

Авторъ, видимо, не претендуетъ ни на исчерпывающее значеніе своего труда, ни на его ученую важность. Тѣмъ не менѣе для облегченія справокъ книга его несомнѣнно принесетъ свою пользу не только для владѣльцевъ имѣній уѣзда, но и для историковъ. Изданіе украшено нѣсколькими снимками, изъ которыхъ обращаютъ на себя вниманіе развалины замка королевы Боны въ Барѣ, старая ратуша тамъ же и церковь въ с. Котюжанахъ.

Въ изданіи документовъ замѣчается много досадныхъ опечатокъ. Къ недостаткамъ изданія слѣдуетъ отнести и отсутствіе именного указателя.

Н. М.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы текущаго года: 1) Русскій Архивъ, № 9; 2) Русская Старина, № 9; 3) Историч. Вѣстн., № 9; 4) Вѣстн. Европы, № 8 и 9; 5) Журналъ Мин. Народн. Просв. № 7, 8 и 9; 6) Всемірный Вѣстникъ, № 6—7; 7) Русск. Вѣстн., № 8 и 9; 8) Русская Мысль, № 8 и 9; 9) Русское Богатство, № 8; 10) Міръ Божій, № 9.

Русскій Архивъ, № 9.

Исторія евреевъ въ Россіи. Посмертная статья М. Ѳ. Шугурова (стр. 1—34). Рядъ статей М. Ѳ. Шугурова о евреяхъ въ Россіи былъ напечатанъ въ Русскомъ Архивѣ 1894 г. Настоящая статья, затрагивающая періодъ съ 1817 по 1825 годъ, знакомитъ съ рядомъ правительственныхъ указовъ, опредѣлявшихъ положеніе евреевъ преимущественно въ Царствѣ Польскомъ, а также въ западномъ и юго-западномъ краѣ. Наиболѣе интересны тѣ страницы, на которыхъ разсказывается о попыткахъ обращать евреевъ въ христіанъ, о мѣрахъ противъ незаконныхъ сдѣлокъ помѣщиковъ съ евреями, о приливѣ евреевъ изъ заграницы, особенно въ подольскую губернію.

Русская Старина, № 9.

Пав. Матвѣевъ «Батуринскій переворотъ 18 марта 1672 г.» (Дѣло гетмана Демьяна Многогрѣшнаго), стр. 667—690. Статья эта посвящена пересмотру дѣла Многогрѣшнаго, которое авторъ находитъ изложеннымъ у Н. И. Костомарова нѣсколько односторонне и неполно. Матеріалами послужили акты Южной и Западной Россіи, издан. Археографическ. коммиссіей, и документы архивовъ иностранныхъ дѣлъ и юстиціи. Въ первой части статьи (статья еще не кончена) авторъ, для болѣе яснаго представленія о характерѣ и значеніи Батуринскаго переворота, предварительно знакомитъ читателя съ личностью гетмана Демьяна Многогрѣшнаго и съ положеніемъ Малороссіи того времени,

чему и посвящены двѣ главы (2-я и 3-ья), вошедшія въ настоящую книжку.

Историческій Вѣстникъ, № 9.

В. Е. Рудаковъ. Некрологъ Алексѣя Ивановича Маркевича (съ портретомъ), стр. 964—969. Коротенькія біографическія свѣдѣнія и перечень болѣе крупныхъ трудовъ покойнаго.

Маршъ въ опалѣ. Воспоминаніе Ивана Вазова о Россіи. Перев. съ болгарскаго. Андрей Сиротининъ (стр. 1051—1062). Здѣсь разсказанъ эпизодъ, бывшій въ Кіевѣ 18 іюля 1888 года, во время празднованія девятисотлѣтія крещенія Руси. Дѣло въ томъ, что въ концертѣ, данномъ въ этотъ день въ Кіевѣ въ театрѣ, по какой-то особенной политикѣ, вычеркнутъ былъ изъ программы болгарскій маршъ «Шуми Марица», который однако, вслѣдствіе единодушнаго требованія публики, былъ исполненъ.

Журналъ Министерства Народ. Просв., № 7—9.

Въ отдѣлѣ „Критика и библіографія" помѣщенъ отзывъ о книгѣ *И. Каманина* «Научныя и литературныя произведенія Н. В. Гоголя по исторіи Малороссіи» (№ 9, стр. 198—199.

Русскій Вѣстникъ, № 8 и 9.

А. Будиловичъ «Генезисъ россійскаго украйномана» (№ 8, стр. 628—640). Тяжелое впечатлѣніе производитъ эта статья, принадлежащая перу извѣстнаго ученаго и трактующая объ умершемъ два года назадъ украинскомъ писателѣ Т. А. Зинькивськомъ, по поводу львовскаго изданія его сочиненій. Судъ критики, конечно, долженъ быть свободенъ, и авторъ статьи имѣетъ, поэтому, право думать такъ, какъ онъ думаемъ о литературныхъ и научныхъ достоинствахъ сочиненій разсматриваемаго имъ писателя, о его поэтическихъ и общественныхъ взглядахъ; но у г. Будиловича совсѣмъ не эта основная задача въ данной статьѣ: узнавъ, что подъ псевдонимами и криптонимами, которыми подписывался покойный въ галицкихъ изданіяхъ, скрывается русскій офицеръ,—авторъ направляется со своими размышленіями совсѣмъ въ другую сторону и хочетъ, такъ сказать, найти корни и нити, откуда исходятъ такіе зловредные факты, какъ фактъ украинскаго настро-

енія у разсматриваемаго имъ писателя, чему онъ и посвящаетъ двѣ главы. Отыскавъ эти корни и нити въ какомъ-то учителѣ исторіи, котораго уроки слушалъ покойный Зинькивській, въ Васылѣ Чайченкѣ, котораго авторъ считаетъ зловредно скрывающимъ себя подъ псевдонимомъ, не зная того, что этотъ псевдонимъ давно уже раскрытъ самимъ В. Чайченкомъ, да въ М. Комарѣ,—г. Будиловичъ спрашиваетъ: «чѣмъ-же можно противодѣйствовать возникновенію и развитію подобныхъ затѣй, въ частности-же—выработкѣ на малорусской почвѣ такихъ офицеровъ, какъ Т. Зинькивській?» Отвѣчаетъ на этотъ вопросъ авторъ статьи, повидимому, совершенно правильно: «единственно, подъемомъ русской школы и русской общественной мысли»; но какъ онъ понимаетъ эту общественную мысль», отчасти видно изъ слѣдующихъ его словъ: «лишь при общественномъ контролѣ школы оказалось бы невозможнымъ появленіе не только въ военныхъ, но даже въ гражданскихъ училищахъ такихъ педагоговъ, какъ одесская «гарная людына» (указанный выше учитель исторіи), отравлявшая свой классъ идеями украйноманства; лишь при большей зрѣлости и энергіи нашей общественной среды, были бы немедленно срываемы маски съ такихъ друзей украинской молодежи, какъ гг. Вас. Чайченко, Михаилъ Комаръ и другіе имъ подобные добродѣи (идетъ перечень инициаловъ, на которые есть указанія въ біографіи Зинькивського). Мы глубоко вѣримъ въ необходимость общественнаго контроля не только надъ школой, но и надъ жизнью вообще, но понимаемъ его не въ видѣ своеобразно-ученыхъ изысканій надъ раскрытіемъ псевдонимовъ и криптонимовъ для опредѣленныхъ цѣлей.

Русская Мысль, № 8 и 9.

В. Хижняковъ. Обзоръ дѣятельности Полтавскаго земства (№ 8, стр. 113—137; № 9, стр. 1—20). Статья составлена на основаніи 5 и 6 выпусковъ „Ежегодника“, издаваемаго статистическимъ бюро полтавскаго губернскаго земства, а сверхъ того—на основаніи отчетовъ губернской и уѣздныхъ земскихъ управъ. Указавъ на положеніе дворянскаго и крестьянскаго землевладѣнія въ полтавской губ., авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію того, что было сдѣлано для землевладѣнія сельскихъ сословій мѣстнымъ отдѣленіемъ крестьянскаго банка, а также, что сдѣлало земство для помощи крестьянскому малоземелью. Далѣе идетъ обзоръ дѣятельности кредитныхъ учрежденій

въ губерніи, обслуживающихъ сельское населеніе. Переходя, затѣмъ, къ обзору разныхъ сторонъ дѣятельности полтавскаго земства, авторъ останавливается на разностороннихъ изслѣдованіяхъ губерніи, произведенныхъ полтавскимъ земствомъ, и наконецъ разсматриваетъ приходы разныхъ земствъ, послѣ чего, естественно, обращается къ различнымъ земскимъ экономическимъ мѣропріятіямъ, какъ напр. — дорожныя сооруженія, и къ заботамъ о народномъ образованіи.

Ф. Щербина. Изъ воспоминаній изслѣдователя (№ 9, стр. 21—40). Въ этихъ воспоминаніяхъ идетъ описаніе ряда встрѣчъ автора съ различными типами козачьяго населенія на Кубани, при чемъ 2-ая глава даетъ свѣдѣнія о томъ, изъ кого состоитъ кубанское козачество.

С. Д. К-къ. Земство и интересы мѣстнаго населенія (№ 9, стр. 62—75). Въ этой статьѣ разсматривается вопросъ о дорожной повинности и дорожныхъ сооруженіяхъ въ черниговской губерніи, и какъ этотъ вопросъ рѣшался въ черниговскомъ губернскомъ земскомъ собраніи сессіи 1901 года.

Въ *библіографическомъ отдѣлѣ* помѣщенъ краткій отзывъ объ изданіи „Археологической лѣтописи Южной Россіи“ Н. Ф. Бѣляшевскаго. 1903 г. № 1 и 2. (№ 9, стр. 331).

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Переводы украинскихъ разсказовъ на русскій языкъ. Въ послѣднее время все чаще и чаще приходится встрѣчаться въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ съ фактами помѣщенія на страницахъ своихъ переводовъ небольшихъ разсказовъ лучшихъ нашихъ украинскихъ беллетристовъ. Такъ напр.:

Въ «Южн. Обозр.» (№ 2251—2252), напечатанъ разсказъ М. Коцюбинскаго «На камнѣ» въ переводѣ Е. Н. Любича.

Въ «Волыни» (№ 174), перепечатанъ изъ «Русск. Вѣдомостей» переводъ разсказа Ив. Франка «Каменьщикъ».

Въ «Югѣ» (№ 1557), напечатанъ переводъ разсказа И. Франка „Хмельницкій и колдунъ“ въ переводѣ съ украинскаго языка на русскій.

Въ „Вѣстн. Юга“ (155), помѣщена рецензія Гр. Сьогобочного на книгу „М. Коцюбинскій. Оповидання. Т. I“. Въ рецензіи этой отмѣчается, между прочимъ, тотъ фактъ, что за послѣдніе годы дѣло малорусскаго книгоиздательства очень двинулось впередъ, т. к., взамѣнъ прежде издававшихся мелкихъ брошюръ, стали выходить цѣлые сборники сочиненій малорусскихъ писателей.

Въ „Волыни“, (№ 188) помѣщенъ коротенькій отзывъ объ этой же книгѣ Г. Коваленко-Коломацкимъ.

Въ „Полт. Вѣстн.“ (№ 214), напечатано описаніе „юбилейнаго праздника возрожденія украинской литературы въ Галицкомъ Львовѣ“. Празднованіе это состоялось пять лѣтъ назадъ (31 октября и 1 ноября 1898 года) по поводу столѣтія „Энеиды“ Котляревскаго, но такъ-какъ о немъ среди нашей публики было извѣстно очень мало, то авторъ статьи *В. К.* нашелъ вполнѣ умѣстнымъ вспомнить объ этомъ торжествѣ въ Галиціи, въ виду только-что проминувшаго празднества въ Полтавѣ.

Въ непродолжительномъ времени, мѣсяцевъ черезъ 7—8, выйдетъ въ свѣтъ 1-й выпускъ альбома южно-русскаго орнамента, издаваемый полтав. губернской управой на основаніи порученія послѣдняго очередного губернскаго собранія. Какъ первый, такъ и послѣдующіе выпуски этого альбома, въ которомъ будутъ помѣщены рисунки, заслуживающіе особеннаго вниманія въ цѣляхъ поднятія на желательную высоту издѣлій кустарей и учебныхъ мастерскихъ нашей губерніи, изготовляющихъ свои издѣлія изъ глины, шерсти, пеньки, льна, дерева и др. матеріаловъ,—будутъ разосланы управой во всѣ уѣздныя земскія управы для распространенія ихъ между кустарями и учебными мастерскими. Теперь же губернская управа, желая популяризировать альбомъ съ 21 рисункомъ, подъ названіемъ: „Мотивы малороссійскаго орнамента для издѣлій изъ глины“, изданный губернскимъ земствомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, опять разослала, по 5 экз., въ Зѣньковскую, Роменскую, Лохвицкую и Миргородскую земскія управы, для распространенія этого альбома, съ извѣстною цѣлью, между кустарями-гончарами этихъ уѣздовъ и для пользованія имъ гончарными учебными мастерскими Роменскаго и Лохвицкаго уѣздныхъ земствъ. („Полт. Вѣстн.“, № 206).

Въ „Полтав. Вѣстн.“ (№№ 203, 205, 208, 209 и 210), напечатана обширная статья В скаго подъ заглавіемъ „Историческій музей“. Въ этой статьѣ изложены всѣ подробности обсужденія вопроса Лубенской городской думой проекта устройства въ г. Лубнахъ историческаго музея, крупное начало которому дается г-жею Скаржинскою, готовою передать городу свой прекрасно составленный музей, о чемъ у насъ было уже сообщено въ прошлой книжкѣ (см. № 9-й, Текущ. изв., стр. 126).

На дняхъ,—по словамъ „Од. Нов.“,—выйдутъ изъ печати отдѣльнымъ изданіемъ воспоминанія проф. И. А. Линниченко о покойномъ А. И. Маркевичѣ. Воспоминанія содержатъ много интересныхъ данныхъ, послужившихъ матеріаломъ для доклада, прочитаннаго проф. Линниченко въ обществѣ исторіи и древностей. Къ книжкѣ будетъ приложенъ также и портретъ А. И. Маркевича. Сумма, вырученная отъ продажи изданія, предназначена въ пользу читальни имени А. И. Маркевича, открываемой на Молдаванкѣ, въ Одессѣ. („С.-Пб. Вѣд.“, № 246).

Новыя украинскія изданія. Въ Кіевѣ появился въ продажѣ первый томъ полнаго собранія сочиненій украинскаго беллетриста и драматурга г. Гринченка.

Въ Кіевѣ на дняхъ появился въ продажѣ сборникъ историческихъ и духовныхъ думъ и пѣсней съ нотами П. Демуцкаго, подъ заглавіемъ „Лира и ея мотивы“. Цѣна сборника 1 р. 25 к.

„Областное Обозрѣніе и Вѣстникъ козачьихъ войскъ“. Съ начала августа текущаго года изданіе еженедѣльной газеты „Вѣстникъ козачьихъ войскъ“, выходящей въ Петербургѣ, получило разрѣшеніе именоваться указаннымъ въ заголовкѣ замѣтки названіемъ. Это измѣненіе заглавія не есть только одна форма: редакція въ первомъ номерѣ измѣненнаго своего изданія (10-го августа, № 32) заявляетъ, что она, „продолжая интересоваться козачьими областями по преимуществу, силою вещей пришла къ необходимости превратить свое

изданіе изъ *спеціальнаго* въ *общее*, расширяя кругъ разрабатываемыхъ вопросовъ, а также кругъ обслуживаемыхъ ею областей". Въ виду этого, теперь изданіе будетъ касаться всѣхъ тѣхъ окраинныхъ областей съ которыми козачество тѣсно связано исторіей и общими экономическими интересами.

Просматривая первые номера измѣненнаго изданія, мы, дѣйствительно, встрѣтились съ нѣкоторыми статьями и замѣтками, интересными и для нашей малорусской жизни. Такъ, въ № 32 встрѣчаемъ маленькую рецензію объ „Отчетѣ Благотворительнаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ за 1902-й годъ"; въ № 35 помѣщена статья по поводу открытіи памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ; въ № 37 напечатана статья С. Петлюры: „Объ языкѣ народныхъ школъ Кубанской области", гдѣ проводится мысль о необходимости устранить отчужденіе школы отъ народнаго языка, и по этому поводу сказано нѣсколько симпатичныхъ словъ и въ передовой статейкѣ отъ самой редакціи; тутъ же, наконецъ, встрѣчаемъ и корреспонденцію о полтавскихъ торжествахъ при открытіи памятника Котляревскому.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

НОЯБРЬ

1903 г.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ LXXXIII.

1903 г.

НОЯБРЬ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговская, № 6.
1903.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 5 ноября 1903 года.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА",

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

въ 1904 году

(23-й годъ изданія)

будетъ издаваться по прежней программѣ и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ. Журналъ выходитъ книгами, въ 14 и болѣе листовъ, въ началѣ каждаго мѣсяца, заключая въ себѣ статьи, представляющія изслѣдованія по исторіи, литературѣ и этнографіи юга Россіи, а равно цѣнные матеріалы, касающіеся той же области; сверхъ того, будутъ печататься *русскія и малорусскія беллетристическія произведенія*, а также текущія извѣстія, библіографическія замѣтки о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ, касающихся юга Россіи.

Подписная цѣна *10 руб.* въ годъ съ доставкою и пересылкою, а на мѣстѣ—*8 руб. 50 коп.*; за-границу—*12 руб.* Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціей. Отдѣльныя книги журнала по *1 руб.*

Подписка принимается въ редакціи журнала «Кіевская Старина» (Троицкая площ., Народный Домъ), въ книжной торговлѣ редакціи «Кіевская Старина» (Безаковская № 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжной торговлѣ «Кіевской Старины».

Въ теченіе 1903 года въ журналѣ „Кіевская Старина" были между прочимъ помѣщены слѣдующія статьи:

Василенко Н.—I. М. Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи.

Винниченко В.—Антрепренеръ Гаркунъ-Задунайськый. (Оповидання).

Гринченко Б.—А. Е. Крымскій, какъ украинскій писатель.

Дмитріевъ Н.—Къ исторіи открытія памятника И. П. Котляревскому въ г. Полтавѣ.

Ефремовъ С.—Праздникъ украинской интеллигенціи.

Ефремовъ С.—Поэтъ-гражданинъ.

Е. К.—Тимоѳей Бордулякъ.

Ольга Кобылянська.—«За готаръ». (Нарысъ зъ сильського життя).

Леонтовичъ В.—Грыцько Грыгоренко.

Лазаревскій А. М.—Историческій очеркъ мѣстности, составлявшей Полтавскій полкъ.

Лазаревськый Б.—Святый городъ. (Повисть).

Личковъ Л. С.—Очерки изъ прошлаго и настоящаго Черноморскаго побережья Кавказа.

Личковъ Л. С.—Новыя теченія въ сервитутномъ вопросѣ.

Личковъ Л. С.—Къ вопросу объ экономическомъ изслѣдованіи юго-западнаго края.

Левицькый М.—Санитаръ. (Оповидання ликаря).

Матушевскій Ф.—Посѣтители могилы Т. Г. Шевченка.

Милорадовичъ В.—Житье-бытье лубенскаго крестьянина.

Милорадовичъ В.—Средняя Лубенщина.

Панасъ Мырный та Иванъ Билыкъ.—Пропаща сыла. (Повисть).

Молчановскій Н.—Нѣсколько данныхъ о смерти и наслѣдствѣ Мазепы.

Непыйвода М.—Биля огныща. (Оповидання).

Оберучевъ К.—Къ біографіи Н. А. Некрасова.

Пчилкы Олены.—Украинскія колядки. (Текстъ волынскій).

Рыльскій Ѳ.—Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. (Экономическія отношенія).

Черепинъ В.—Д. В. Марковичъ.

Чернявськый М.—Тополи.

Яновська Л.—Дарочка. (Оповидання).

Дозволено цензурою. Кіевъ. 3 ноября 1903 г.

Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул., № 6.

Средняя Лубенщина.[1]

Глава III-я.

Средина и западная оконечность лубенскаго уѣзда. Часть Лубенской, Черевковская и Лазорская волости.

Правый берегъ Сулы. Рыбій край. Села и хутора по Слѣпороду.

Между селами Лубенской волости: Вязовкомъ, Александровкой и Мацковцами разстилается обширный лугъ, покрытый вербами, ольхами, высокими какъ лѣсъ, купами камыша, такъ же изрѣдка дубами и берестами. Скоро лугъ смѣняется пустынной, песчаной равниной, покрытой зиноватью и пролисками, носящей названіе Великихъ Юрыщъ, гдѣ въ 1638 году окопался и отразилъ паляковъ отдѣльный козацкій отрядъ въ 1500 душъ изъ войска Остранина, утратившій начальника Шекерявого, «давняго козака, свѣдомаго моря, и бунтовъ принципала, знавшаго много здрадъ и чаровъ». Отразивъ непріятеля, отрядъ соединился у Александровки съ Остраниномъ и, послѣ нерѣшительнаго сраженія, отступилъ вмѣстѣ со всѣмъ войскомъ къ Лукомью и дальше къ Жовнину[2]). Наскоро устроенныя этимъ отрядомъ полевыя укрѣпленія не могли сохраниться до нашего времени, за то прекрасно сохранились круглые окопы съ двумя въѣздами, на краю возвышающагося надъ окрестностью отвѣснаго холма, ограждающіе

---

[1]) См. Кіев. Ст. 1903, № 10.

[2]) Величко. Лѣтоп. IV, 229, 230.

такъ называемый городокъ, пространствомъ около десятины. О городкѣ и о раскопкахъ[1]) въ немъ мѣстные жители передають слѣдующее. «У городку—або кистку, або перстень, або що найдуть: пивня съ серебра злытого, водку въ бутылкахъ, шпагу найшлы зъ серебрянымъ ефесомъ, каменни счоты. Кирпичи и стекла выорюють и теперъ. Казалы, шо сукна закладани пидъ городкомъ, пидъ шпылемъ. Славынскій выкопувавъ кильця, дукачи, серги. Косу, таку якъ на дивци, найшовъ, а якъ витеръ дмухнувъ, ухопывъ,—такъ и нема.—Баба розсказувала, шо якъ булы дивкамы та ходылы гулять, такъ бачылы тры пушкы у плаву, у води. Разъ вивци вивчарь пасъ, колы дывытся, колы тамъ шнурочокъ, а винъ узявъ, тягне, колы хрестъ и шумыть и гуде, мовъ церква йде. А винъ гукнувъ на вивци, тоди перервалось та все въ землю війшло и нема ничого.—Тамъ йе ярокъ, ажъ у озеро, и кажуть, шо то дзвинъ котывсь ажъ у озеро[2]).—Се була ляшська земля, ляхщына. Якъ запорозци сталы, такъ выгналы тихъ князивъ. Писля войны у городку стало кладбыще, а до войны тамъ и церква була и прывалыла земля церкву. Выдно малый городъ бувъ, шо мисто мале. Яръ зветея Лозынный, а городу якесь чудне названіе було—Выславскъ—чы що». Миновавъ городокъ, Слѣпородъ, или Снипородъ по мѣстному произношенію, впадаетъ узенькимъ рукавомъ въ Сулу у озера Велыке Закитне между Вязовскими и Мацковскими дачами, выше Мацковецъ, такъ что послѣдніе заключены въ трехугольникѣ, образуемомъ Слѣпородомъ, Сулой и горной сульской террасой, покатой къ рѣкѣ, расширенномъ къ долинѣ Слѣпорода и съуженномъ къ югу вдоль горной цѣпи. Мацковцы извѣстны съ первой половины XVII в. и, по предположенію покойнаго А. М. Лазаревскаго, основаны бѣлоруссами, такъ какъ Мацко означаетъ по бѣлорусски Матвѣй[3]). Мѣстное преданіе говоритъ о какомъ то массовомъ переселеніи: «Предкы казалы, шо въ Мацкивцяхъ зразу сило шистьдесятъ симей». За-

---

[1]) См. Ляскоронскій. Ист. Переясл. земли. 131, 133, 148.

[2]) Отъ Е. Карпцевой.

[3]) Истор. Очер. Полт. Луб. 114.

тѣмъ въ новѣйшей исторіи Мацковецъ останавливаетъ на себѣ вниманіе постоянное ихъ перечисленіе изъ одной волости въ другую. «Мы вже пьятои волости, говорять жители, Лукомськои, Черевковськои, Кононивськои, Великоселицькои и теперъ Лубеньськои». Отъ въѣзда въ село на куткѣ Соплякивкѣ постройки невелики: маленькія хатки, круглыя клуни, крытыя очеретомъ, и повитки, выступающія на улицу; далѣе въ глубь села постройки лучше и больше зелени: вишенъ, сливъ, грушъ и строевого дерева. Соплякивка составляетъ только часть ближайшаго къ городку, обширнаго кута—Толоки, на которой живутъ слѣдующіе козацкіе роды: Бутенки, нѣкогда извѣстные богатыри, Вареники, Гапченки, по уличному Кожушки [1]), Головани, Кононенки и Ляшенки, такъ передающіе о своемъ происхожденіи: «Якъ ляхы зогналы зъ городка, то одынъ зъ йихъ Максимъ Ляшко женывсь на козачци Семененковій. У его було 120 десятынъ, а теперъ 18 хазяинивъ на тій земли». За толокой подъ горой помѣщается кутокъ Деркачивка, жилье Верещакъ; предокъ которыхъ присталъ «въ прыймы» къ дочери Ляшка. «Верещака бувъ багатый, у ёго була вынныця. Багатыри завелы гроши зъ хлиба; воны зажылы гроши, а года пидскочылы голодни. Пидъ ти голодни года чоловикъ сутокъ двое не йисть и за мыску борошна дае опругъ земли. Багатырь годъ, два спользувавсь тіею землею, а тамъ вже ёго». Кромѣ Верещакъ на Деркачивци живутъ еще: Диденки, Карпци, которыхъ, «пращуръ осивъ пидъ горою», Кваши, Сени, Сергіенки и Черненки. Вдоль Сулы протянулся кутъ Лисянскій или Лысуха съ Осередивкою посрединѣ. На первой живутъ: Пазенки, Панченки, Омельянци, а на второй—Кривченки, Кудины

---

[1]) Кожущенки встрѣчаются уже въ 1666 г. (Лазаревскій. Малор. переп. книги. 44); прочія же перечисляемыя фамиліи подписаны на купчей мацковчанъ бунчуковому товарищу Ив. Марковичу, которою проданъ ему лѣсъ въ урочищѣ Чипчай за 7 руб. «Якій лѣсъ къ пользѣ церковной весьма не принадлежитъ, але церковь требуетъ для подчинки и для всякихъ требъ церковныхъ денегъ». (Лучицкій. Сборн. мат. Общин. земель. 265).

и Шкили. «Шкылю мій батько,—разсказывалъ старожилъ,—лопатою гроши накыдалы у ящыкы на визъ и возылы у Хоролъ переминять» [1]). На Осередовкѣ стоитъ и церковь св. Николая на небольшомъ возвышеніи у Сулы, вся въ зелени, основанная въ 1866 году, но приходъ, конечно, гораздо древнѣе. Уже въ 1722 г. въ Мацковцахъ выстроена новая церковь взамѣнъ сгорѣвшей [2]). О старой церкви разсказываютъ: «Вона була зъ трема банямы надъ Сулою на симъ самимъ мисти. Кажуть, шо строена зъ дубыны зъ Богданцевого яра». Отъ нея сохранился и серебряный напрестольный крестъ почти въ аршинъ величиною съ некрасивыми фигурами великорусскаго образца и надписью о сооруженіи: «старательствомъ о. Θеодора и ктитора Павла Васильева да Романа Коваля 20 Мая, 1743 г. [3]). У церкви вдоль берега виднѣется узкая, блѣдная полоска Сулы съ чернѣющими на берегу лодками и дубовыми челнами, а за рѣкой растилается на нѣсколько верстъ въ ширину до сосѣдняго хорольскаго села Березняковъ болотистый лугъ, покрытый озерами, сѣнокосами, вербами, ольхами, осинами и камышомъ. Лѣвый берегъ Сулы принадлежитъ также Мацковцамъ до большого Княжого озера, дѣлящагося пополамъ между этими селеніями. Весной весь лугъ покрытъ водой до самихъ Мацковецъ, послѣднія же никогда почти не заливаются. «Кажуть у дванадцятому году будто бъ то Сула йшла черезъ Ныкипорянскій городъ». Мимо Сулы проходитъ и дорога на м. Лукомье плотиной, еще недавно бывшей русломъ рѣки. Налѣво

---

[1]) Кромѣ исчисленныхъ, въ Мацковцахъ встрѣчаются еще слѣдующія козацкія и крестьянскія фамиліи: Волыкы, Коломійцы, Кольвахи, Коршуны, Мовчаны, Пелипейки, Плевы и Цыганенки.—Урочища вокругъ села называются: пахать—Бутовъ, Третяки, Подилъ, лѣсъ—Билачъ, сѣнокосы—Дубкы, Крыве, Шыроке, и рѣчки Багачка, Ковтоба и Переволочна.

[2]) А. Грановскій. Полт. епарх. 399.

[3]) Среди церковныхъ книгъ есть, между прочимъ, Цвѣтная тріодь іеродіакона Касіяна (sic) Пашинскаго 1758 г., Марта 19, Subscripsi manu propria», и его же Минея 1761 г.

отъ плотины, у берега, выкопана криница со срубомъ, содержимая обществомъ мѣстныхъ дивчатъ на доходъ отъ колядокъ. Надъ криницей устроена часовня со многими иконами, украшенными цвѣтами и вышитыми рушниками; а по праздникамъ можно встрѣтить и самихъ хозяекъ криницы, миловидныхъ, нарядныхъ. Вправо отъ дороги вдоль всей плотины и дальше на Лукомье тянутся горы, оправдывающія свое названіе Стинка. Иногда они нависаютъ дѣйствительно неприступною стѣной, мѣстами усѣянной только отдѣльными дубами и берестами, мѣстами цѣлыми рощами, а коегдѣ и сплошнымъ лѣсомъ. Еще недавно Сула протекала подъ самой кручей, и въ ней поймали однажды до 20 сомовъ въ 1—2 пуда вѣсомъ каждый, какъ вдругъ гора надвинулась со всѣми своими деревьями и далеко оттѣснила рѣку. Попытка жителей вернуть Сулу на старое мѣсто неудалась, а обширная канава, прорытіе которой стоило до 700 руб., и земля съ которой выбрасывалась на обѣ стороны, въ первую же весну не только сравнялась, а даже возвысилась надъ берегами. У самого села къ югу виднѣются два поселка: хуторъ Трибокъ въ 20 дворовъ, поперечный къ Сулѣ, на песчаномъ выгонѣ, и деревня Мацковая Лучка, выселокъ изъ Мацковецъ[1]) въ 70 хатъ, вытянувшійся въ линію вдоль рѣки. Оба поселка раздѣлены между собою рѣкой, протекающей двумя рукавами, одинъ изъ которыхъ направляется къ хорольскому уѣзду, а другой, подъ именемъ Колодной, «прыпада до Лукомья». «Люде указують, що Лучка була колысь князя Безбородька: винъ и греблю зробывъ. Потимъ бувъ Пивторацькый, замотавсь—и Лучку продалы. Крестяне пидійшлы пидъ панивъ, плохо було податямы и одбуткамы». Фамиліи ихъ: Булахи, Гафы, Зелики, Кійки, изъ Мойсеевки, хорольскаго у., Кравченки, Мажоры, Плишенки, Свиренки, Семенюты и Удовченки[2]). Всѣхъ жителей въ Мацковскомъ приходѣ 2700, въ селѣ же до 2000. Село

---

[1]) Лазар. Очер. 114.

[2]) Урочища Мацковой Лучки: Барабашево, Довге, Купьеваха. Мѣстное кладбище на высокой горѣ, надѣльная земля также «наверхъ звоза» (т. е. дороги).

не ширится и не увеличивается: «Село на нашій памьяты не прыбувало, покы обняло село спрежда, такъ воно и йесть». Напротивъ въ концѣ прошлаго вѣка населеніе нѣсколько уменьшилось вслѣдствіе переселеній; такъ, въ 1891 г. было 2125 жителей, а въ 1899—всего 1987. Населеніе села почти исключительно козацкое, крестьянъ только 5 дворовъ. «Въ прежни времена выгнаны ляхы и черезъ то мы козакы»—говорятъ жители. Мѣстныя панскія фамиліи также козацкаго происхожденія, кромѣ Семеновыхъ, которыхъ предокъ, по преданію, былъ шляхтичемъ (Герба Радванъ) изъ Львова. Потомки его имѣли владѣнія въ Мацковцахъ и причислялись къ мѣстной войсковой старшинѣ [1]). Экономическое положеніе жителей неудовлетворительно. на что указываютъ, между прочимъ, переселенія. Особыхъ богачей нѣтъ, нѣсколько душъ имѣютъ по 30 дес., большинство 2—5, а треть совсѣмъ безземельныхъ; крестьянскій надѣлъ 2—4 дес. Главной поддержкой существованію служило прежде рыболовство, откуда и названіе Мацковецъ «рыбьячимъ краемъ», а мацковцевъ—«рашныкамы». «Преже который не рыбалка, то тягается по заробиткамъ, а который рыбалыть, то застается». Неводами, которыхъ 2—3 въ Мацковцахъ и столько же въ Мацковой Лучкѣ, ловятъ рыбу цѣлый годъ: весной, какъ только пройдетъ ледъ, а зимою тянутъ и подъ льдомъ: ловятъ и съ лодокъ, которыхъ до сотни. Рѣдкіе невода назначаются для крупной рыбы: сомовъ, карасей, окуней и щукъ, густые—для «мельчака». Лучшіе уловы бываютъ около 9 мая, но вообще не превышаютъ теперь: 15-ти пудовъ мелкой и 2—3 пуд. крупной рыбы въ разъ, сбываемой по 1 руб. 75 коп.—2 руб. пудъ на Лубенскихъ базарахъ; а прежде уловы давали по 7—10 пуд. крупной и до 60 пуд. мелкой рыбы; раки теперь вывелись. Большинство здѣшняго населенія средняго и вышесредняго роста, 6—7 вершковъ, темнорусое, съ сѣрыми глазами, но попадаются и голубые глаза при свѣтлыхъ волосахъ, напр. у Ляшенковъ. Дивчата миловидны, «кругловыди», похожи ни Литвяков-

---

[1]) См. Грановскій. Полт. епарх. 399.

скихъ, Волчковской волости [1]), носы только менѣе вздернуты. Головы у нихъ гладко причесаны и волоса заплетены въ одну косу; на головѣ широкая красная или зеленая лента, повязанная бантомъ. Рубашки расшитыя и на концахъ рукавовъ такіе сборы, какъ въ дамскихъ ночныхъ кофточкахъ. Сподницы опоясаны у таліи красными поясками или зелеными крайками. Женскій очипокъ при головѣ круглый, повязанъ поверхъ красной или зеленой лентой у молодицъ. Корсетки и литнячки до 7—8 фантовъ съ пуговками сзади. Мужскіе «каптанки» сѣрые, длинные, за колѣна, до 3—8 усовъ, обшиты зеленой или черной оторочкой. Весильный ритуалъ такой, какъ въ Волчковской волости, пѣсни только другія [2]); другія также святочныя обыкновенія: дивчата не щедру-

---

[1]) См. «Кіев. Стар.» 22.

[2]) Вотъ образчики ихъ, не вошедшіе въ мои сборники:

1.

Тай ой ты крыныця, ты холодныця!
Чого рано замерзаешъ?
—Ой якъ мени не замерзаты,
Шо не ходять воды браты?
Та ни воды браты, ни пидчыщаты,
Ни писочкомъ обсыпаты.
—Та чого Явдошко, чого молода
Та батенька покыдаешъ?
—Тай ой якъ же мени не покыдаты,
Шо не хотять годуваты?
Тай уже лысть опавъ,
Травыця посхла,
Юже мени та пора прыйшла,
Та уже-жъ я зросла,
До ума дійшла
Та уже-жъ мени та пора прыйшла,
Та батенька покыдаты.

2.

Шо клынъ, маты, тай не дерево,
Смородына тай не квиточка,

ютъ, а только колядуютъ и святочного фарса нѣтъ. Какъ мѣстную особенность необходимо отмѣтить старинную вражду Мацковецъ съ сосѣднимъ Лукомьемъ за пастбище у Барабашевыхъ могилъ и Парни (иначе Мійське), прилегающее къ Сулѣ (до Колодмои). Драку начинали пастухи бичами, потомъ подходили люди и дрались нещадно, до смерти, захватывали и проѣзжихъ, а мацковскимъ женщинамъ опасно было показываться въ Лукомьи на базары.

Долина Слѣпорода, расширяясь между селами: Вязовкомъ, Александровкой и Михновцами, образуетъ озеровидную пойму до блѣдно-желтыхъ, мѣстами пепельныхъ горъ, среди которыхъ спряталось, какъ въ естественной крѣпости, небольшое село Александровка съ своими красивыми постройками, садами, рощицами и колодцами съ журавлями въ просторныхъ огородахъ. Одна изъ горъ, высотой въ 68 саженъ, отрѣзанная отъ материка Слѣпородомъ, нѣкогда протекавшимъ подъ нею [1]), округлена и удлиннена. На краю ея стоятъ двѣ мельницы, а недавно здѣсь же находились два креста надъ могилами родителей, завѣщавшихъ сыновьямъ взнести свои тѣла на плечахъ на самую кручу и тамъ похоронить, что и было исполнено покорными дѣтьми. Есть и еще обыкновенія и разсказы, выдѣляющіе Александровскую гору, вѣроятно

Уже Варочка тай не дивочка!
Буде мени одъ друга наруга,
Одъ свекрухы буде мени друга.
Дило роблю, вона й переробыть,
Слово скажу, той переговорыть,
Хлиба врижу, вона й скоса гляне,
Йисты хочу, ажъ серденько вьяне!
Ой, якъ бы це, моя маты знала,
Вона бъ мени вечерять прыслала,
Хочъ мисяцемъ, хочъ зарныцею,
Хочъ братикомъ, хочъ сестрыцею.

[1]) Гуровъ. Геолог. опис. полт. губ. 331, и Мат. оцѣн. зем. II. луб. у. 37.

бывшую въ древности мѣстомъ языческаго богослуженія[1]), изъ числа заурядныхъ горъ. На зеленыхъ праздникахъ, напримѣръ, гору эту украшаютъ деревцами (клечаннямъ) съ налѣпленными на нихъ зажженными свѣчами, и мѣстная нарядная молодежь разгуливаетъ здѣсь. О горѣ разсказываютъ: «Ся гора одъ потопа, вода якъ утикала и вынесла землю. Слипоридъ ишовъ по-пидъ нею; гора обиходчыста, кругомъ можна обиходыть; наверху десятына и посередъ горы перекипъ, и въ тому перекопи було прыслухаемось, шо звонытся, и кажуть бабы, шо манастырь колысь бувъ».—«Въ Александровци, де найвыща гора, колысь село запало, та времена выходылы, шобъ тому селу выйты. Ходыла жинка по гори и тамъ шнурочокъ выходывъ изъ земли, гора росходылась. Жинка выйшла на шпыль и довго тягла за той шнурочокъ, ажъ шумыть дуже, а хреста не выдно. Ось, колы чоловикъ бижыть горою, та якъ крыкне на неи: тю! такъ та церква впьять назадъ якъ пошумила въ землю и гласъ чуть було, якъ и дзвонылось, а гора не зійшлась и доси такъ[2])».—«На клечанихъ святкахъ выйшла челядь гулять на гору и построміялы клечаня на гульбыщи. А дивка найшла шовковый клубочокъ,—мота й мота, хрестыкъ показався. Се подруга йде, вона й гукнула: «Сестрычко! иды та вытягнемо! Якъ гукнула, такъ воно тоди въ

---

[1]) Заслуживаетъ вниманія, что въ сѣверной части лубенскаго у. сохранились отъ сѣдой древности обыкновенія, указывающія на почитаніе криницъ, источниковъ (Лѣсн. Лубенщ.» 55, 58, 59, 70 и слѣд.), тогда какъ въ средней Лубенщинѣ, въ Лубенской и части Черевковской волостей слѣдующія обыкновенія указываютъ на почитаніе горъ: въ Вязовкѣ, Мацковцахъ, Александровкѣ, Юсковцахъ на горахъ устраиваютъ кладбища; въ Александровкѣ на священной горѣ молодежь празднуетъ зеленую недѣлю, въ Кононовкѣ и Вязовкѣ, также на особыхъ горахъ—Купала. Самое названіе Лысая гора указываетъ на мѣсто языческаго богослуженія (Иващенко. Религ. культъ малор. въ Зап. Ю. З. отд. Импер. геогр. Общ. II, 86), какихъ было много у западныхъ славянъ: Бескиды у малороссовъ, Соботка и др. горы въ Силезіи, Татры у словаковъ и Триглавъ у хорутанъ. (Срезневскій. О языч. богослуж. др. слав. въ Финск. Вѣстн. 1847 г., IX, 27, 28).

[2]) Отъ К. Норъ,

землю пишло, а то бъ вытяглы-бъ церкву. Якъ гонять було телятъ, такъ чують, шо й ляскають и гей кажуть у гори [1])». И самое село старинное, его основалъ въ 1589 г. каневскій староста Александръ Вишневецкій [2]), и память объ основаніи осталась въ народѣ въ такомъ видѣ: «Кажуть, шо первый чоловикъ бувъ Александра, на його й слобода пысалась». Затѣмъ, въ 1616 г. Александровка утверждена за Раисой Вишневецкой и впослѣдствіи вошла въ составъ имѣній Іереміи [3]). Нельзя опредѣлить точно, откуда началось село; быть можетъ съ Мистечка, уголка, расположеннаго со стороны Лукомья и доходящаго до мостка. Въ этомъ углу живутъ козаки: Емци, Курульки, Омельяненки, Савлуки и Яременки. Рядомъ съ Мистечкомъ—Усивка, жилье Усовъ, также Кулябокъ, пріобрѣвшихъ въ началѣ XVIII вѣка мельницу и лѣсъ въ Александровкѣ; въ XVIII вѣкѣ здѣсь уже жили подсосѣдки Кулябокъ и Пиковца [4]), вѣроятно родоначальники настоящихъ крестьянъ. Въ семидесятыхъ годахъ послѣдняя отрасль Кулябокъ еще сохраняла небольшое, послѣднее уже въ Лубенскомъ у., имѣніе въ Александровкѣ. За Усивкой лежитъ Коваливка, жительство: Дроздивъ, Куликивъ и Федорченкивъ. У Коваливки съ Мацковскаго въѣзда высится такая крутая, обрывистая гора, что, спуская съ нея возъ, лошади стонутъ. Бывали случаи паденія съ нея въ глубокое провалье, огражденное лишь легкими перилами, не только животныхъ, но и людей, о чемъ свидѣтельствуетъ настоящій разсказъ. «Чоловикъ почнои добы йихавъ возомъ изъ сыномъ, а дощъ ишовъ. Чоловикъ той пишовъ дорогы шукать. Пройшовъ, назадъ вернувсь, не вхопывъ та попавъ за

---

[1]) Отъ М. Петровской.—Мужчины относятся скептически къ этимъ разсказамъ. «Диды розсказувалы, шо така пословыця була, шо тутъ у перекати звонытся. Прыпадають, слухають, а ничого не чуть».

[2]) и [3]) А. Лазаревскій. Лубенщ. и Вишневец въ «Кіев. Стар.» 1896 г., I., 117 и 122.

[4]) Лазаревскій: 1), Люди стар. Малор. «Кіев. Стар. 1885 г., V, 8, и 2), Истор. очер. Полт. Луб., 113.

перенчатамы[1]),—шо було возомъ оббыто проваллял:—винъ котомъ котывсь, косты не побывъ. А сынъ пойихавъ до дому. Пытають його: «А батько де?»—У проваллє упавъ. Покы воны толковалысь, а батько прыйшовъ». Дальнѣйшіе куты: Грынивка, жилье Гриней, Кривенковъ и Латенковъ, Полюливка, за церковью, гдѣ живутъ: Ващенки; Кинахи, Яковенки, по уличному Спыци, и Толока, жилье Воликовъ, Куликовъ и Матвіенкивъ. Уголъ толоки занять древнимъ многочисленнымъ родомъ Щумеекъ, упоминаемыхъ въ 1666 году[2]). У круглой горы виднѣется Успенская церковь, осѣненная прелестной рощицей: липъ, тополей, берестовъ и вишенъ. Старая церковь 1732 г. стояла въ сторонѣ, около мостика, на грунтѣ, отведенномъ теперь подъ священническій домъ; она перенесена на настоящее мѣсто въ 1785 году, а обновлена въ 1866 г.[3]), и на расходы по обновленію общество должно было продать три десятины выгона[4]). Мѣстный иконостасъ зеленый съ золотомъ, иконы новыя, а изъ старинныхъ остались: крайне некрасивыя, наивныя, намѣстныя, на одной изъ которыхъ Спаситель прижался къ щекѣ Богоматери какъ плачущее дитя; на другой, взятой изъ стараго жертвенника, изображающей снятіе со креста Спасителя и положеніе во гробъ, всѣ лица на иконѣ круглыя, мазки густые, краски потрескались. Первымъ мѣстнымъ священникомъ былъ Леонтій Савлучинскій изъ старой священнической фамиліи лубенскаго у., имѣвшей

---

1) Перила. Древнерусское крыльцо съ перилами называлось перономъ (Шамбинаго Др. рус. жилище въ Юбил. сб. въ честь В. Миллера. 134) срав. perron.

2) Лазаревскій. Малорус. пер. книги. 44. еще упоминаются: Кривопустенки, Калисенки (теперь Калиши) и Шпысенки (спицы?).—Урочища: Выгонъ-Прысьця, Кобеляцька (Кобеляшна) могыла» кругла, перебыта, черезъ ейи йиздять, Перепичка, Левадыщи, Дибровка и Блызнеци.

3) А. Грановскій. Полт. епарх. 398.

4) Сбор. хоз. стат. Полт. губ. IV., 230.

здѣсь владѣнія[1]). Въ церкви сохранились исповѣдныя росписи прошедшаго вѣка, по которымъ можно прослѣдить движеніе населенія почти за все столѣтіе. Такъ въ 1826 году всѣхъ жителей было 819, въ 1844 г.—739, 1855 г.—840, 1860 г.—901, 1874 г.—1078 и въ 1900 году—1282. Изъ этого населенія большинство козаки, а меньшинство крестьяне-собственники. Послѣдніе при крѣпостномъ правѣ не имѣли тягла, а всѣ были пѣшими, такъ что желавшій имѣть свой присѣвокъ нанималъ постороннихъ козаковъ посѣять и выорать. Теперь положеніе населенія также невыгодно, оно исключительно земледѣльческое, но земли мало. Два, три лица имѣютъ до 20 дес., большинство 1—2, но и безземельныхъ мало. Послѣдніе приплачиваютъ и за пастьбу скота на общественной толокѣ по 1 руб. съ хозяина[2]). Отработки за испольное пользованіе землей такъ велики, что напоминаютъ крѣпостное право. Немудрено, что все, что только можетъ стремиться на заработки, выходитъ, и найти рабочихъ въ жатву невозможно, несмотря на возвышеніе заработной платы до рубля. Населеніе Александровки стройно, красиво, съ темными волосами и глазами, одежды слѣпородскія.

Горный кряжъ, ограничивающій справа долину Слѣпорода, высится и надъ послѣднимъ селомъ Лубенской волости [3])—Михновцами, блѣдно-желтый, голый, безжизненный, съ ярами, полными мергельной глины [4]). Нѣсколько оживляетъ этотъ мертвый кряжъ

---

[1]) Изъ старыхъ книгъ и вещей сохранились: Трипѣснецъ (Тріодіонъ) времени черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича 1655 г., первого изданія Черниговской Свято-Троицкой Ильинской Типографіи, Евангеліе 1694 г., цинковый напрестольный крестъ съ склоненнымъ изображеніемъ Спасителя, и такая же маленькая чаша безъ всякихъ украшеній.

[2]) Сбор. хоз. ст. Полт. губ. IV, 230.

[3]) Сѣверная часть недавно образованной Лубенской волости описана была мною въ «Лѣсн. Лубенщ.», при чемъ по ошибкѣ д. Клепачи отнесена къ Тарандинцовской волости, на самомъ дѣлѣ также принадлежащая къ Лубенской (60).

[4]) Гуровъ. Геолог. опис. Полт. губ. 332.

рядъ мельницъ на верху; за то внизу село тонетъ въ рощахъ и садахъ, полныхъ грушъ, вишенъ и угорскихъ сливъ. Хорошее впечатлѣніе портятъ нѣсколько искривленные сарайчики (повитки), видвинутые на улицу. Объ основаніи села и о старинѣ мѣстные жители разсказываютъ: «Тилькы чотыри хазяина зайшлы у Михновци и слободу займалы: Бубыри, Буруны (теперъ Матяши), Лыни и Чорнокалы. Воны займыща займалы и перви миста занялы. Мабуть хто зъ йихъ бувъ Мыхайло [1]). За нашу памьять ще жывъ тутъ козакъ Демьянъ Махно, такъ винъ не зъ тихъ, шо занялы слободу. Бувъ одынъ кутокъ, покы набралось людей, може хуторецъ пидъ лисомъ. Слипоридъ ишовъ тоди пидъ горою [2]) и дубына у болоти—не охвачу іи,—а вона, може, зогныла». Отъ въѣзда въ село со стороны Александровки, на обширномъ выгонѣ, есть криница, которую ежегодно святятъ 9 мая, угощая на общественный счетъ стариковъ и нищихъ. Съ этой стороны села расположены два кута: Побережье, гдѣ живутъ Шіяны, Радченки, Герасименки и Лебединцы, одинъ изъ которыхъ «бувъ головою, правуе було селомъ», и Сыдоривка, отъ рѣчки до церкви, жилье: Вирченкивъ, Кулешивъ, Мисюръ, Сидоренкивъ, Тригубивъ и Харченкивъ [3]). Мѣстность посрединѣ Михновецъ называется селомъ, а у подошвы горы—Пидгирьемъ. на обоихъ кутахъ живутъ: Бубыри, Журавли, Ищенки, Семешки и Шамры. Кутокъ отъ горы до сосѣднихъ Пятигорецъ называется

---

[1]) Михно—сѣверно-малорусское и бѣлорусское Михайло.

[2]) Такое же теченіе Слѣпорода въ старину черезъ Михновцы указано и геологіей. (Гуровъ. Геолог. опис., 331).

[3]) Кромѣ перечисляемыхъ фамилій, какъ теперь, такъ и въ XVIII в., какъ видно изъ исповѣдныхъ росписей, встрѣчаются еще: Бабаки, Водопьяны, Гарбузы, Горенки, Крячки, Падалѣ и Сапьяны, Романюты, Черногорцы и др. Въ XVII в. встрѣчаются только: Кулеши и Мисюры (Лазаревскій. Малор. пер. книги 44). Послѣдніе частью выселились на сосѣднюю плоскую возвышенность, прорѣзанную рѣчкой Иржавцемъ, и основали вмѣстѣ съ Лупинами козачій хуторокъ на склонахъ балки.

Загирьемъ. Меньшая часть его—Марченкивка—занята Марченками и Елицами, большая—Матяшами, раньше называвшимися Бурунами. «Зъ Бурунивъ одынъ бувъ судьею, у ёго була вынныця на тихъ городахъ, шо до озера». Таковы мѣстныя козачьи фамиліи; изъ панскихъ въ исповѣдныхъ росписяхъ 1788 г. указанъ войсковой товарищъ Иванъ Пясецкій. На одной изъ Пясецкихъ женился дворянинъ Свириденко и уличное прозвище послѣднихъ Пясецкіе. Кромѣ того указаны еще Майоровичи, быть можетъ потомки секундъ-майора Андрея Иванова. Хильчевскіе и Мисюры. На Мисюриной женился Стронскій, о которомъ разсказываютъ: «Винъ заказавъ своему крестьяныну зробыть оривочокъ, пишовъ по-надъ Пятыгорцямы, лискамы, дойшовъ до среднёго лиса, тамъ верба стояла на ныву, и винъ за вербу зачепывся. Шолудывый, неакуратный бувъ». Крестьяне, за исключеніемъ уже вымершихъ: Беевъ, Сметанокъ и Улитокъ, переведенныхъ изъ Матяшовки, всѣ изъ мѣстныхъ подсосѣдковъ. При крѣпостномъ правѣ никто изъ нихъ не имѣлъ своей запашки, всѣ были пѣшими. Посреди села виднѣется въ зелени маленькая церковь св. Николая, готическаго образца, построенная въ 1862 г. [1]). Общій видъ церкви внутри съ дремлющими хоругвями, голубыми струйками ладана, темными ликами святыхъ, вышитыми рушныками и вѣнками цвѣтовъ, развѣшенными прихожанками съ милой патріархальностью, у иконъ,—дѣйствуетъ успокоительно на душу. Изъ стараго иконостаса сохранилась большая въ полтора аршина икона Благовѣщенья, на которой изображены: пресвятая Дѣва съ прекраснымъ, смущеннымъ радостною вѣстью лицомъ, круглолицый, румяный ангелъ, св. мученица Марія и Іоаннъ воинъ, малорусскаго типа съ опущенными внизъ усами,—внизу картины. На другомъ старомъ образѣ нарисованъ Спаситель того же типа, съ темными глазами и волосами. Михновцы—средней величины

---

[1]) Такого же типа какъ въ с. Пулинцахъ и Гонцахъ; вѣроятно всѣ три церкви построены однимъ и тѣмъ же лицомъ. Старая церковь построена въ 1732 г., перестроена въ 1794 г. иждивеніемъ прихожанъ. (А. Грановскій. Полт. епарх. 397).

село. Уже въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII в. населеніе здѣсь достигало 1000 душъ, въ половинѣ прошлаго столѣтія—1200, а къ концу вѣка—1700 съ небольшимъ. Оно исключительно земледѣльческое. «Земля гарна, рудоваста, а сокъ держыть». Единственное значительное козачье владѣніе достигаетъ 100 дес., нѣсколько землевладѣльцевъ, имѣющихъ 7—15 дес., большинство съ 2—3 дес. и 20 семей безземельныхъ. «Давнійшъ було просторно жыть, за яръ булы сами облогы, сино. Теперъ на синокосы тисно и травъ тихъ нема. И въ рукахъ було земля остается неспахана, мало мыра було. Кипъ по 30 було на десятыни хорошои жени, не то шобъ липанкы»,—со вздохомъ вспоминаютъ старики. Размножившійся міръ мало отличается наружностью и одеждой отъ ближайшихъ селъ Черевковской волости: лица только круглѣе, да очипки выше, въ формѣ гребня.

Дорога изъ Михновецъ къ пограничному селу Черевковской волости Пятигорцамъ проходитъ мимо круглой, плоской горки съ уединенною мельницей и вводитъ въ извилистыя улицы села, настолько узкія, что разминуться возами затруднительно. Село пріютилось въ затишьи, у горнаго кряжа, поросшаго лѣсомъ. Названіе села нѣкоторые жители производятъ отъ свойствъ мѣстности: «Такъ якъ пьять гиръ на Мыхновци, Александровку, Лукомье, Оржыцю и Пулынци, черезъ то и Пятыгорци». Другіе—отъ имени основателя: «Предкы розсказувалы, шо за ричкою пидъ лужкамы жывъ козакъ Пятыгоръ, а по сей бикъ ричкы Слипорода сталы селытыся люде». Сказаніе это подверждается письменными данными, приводимыми А. М. Лазаревскимъ такъ, монахи въ первой половинѣ XVII в. скупали здѣсь земли между прочимъ и у Пятигорченка [1]). Наконецъ покойный историкъ въ другомъ трудѣ своемъ, приведя объясненіе каневцовъ о томъ, что Гедиминъ, завоевавъ въ 1552 г., Кафу, Перекопъ и Черкасы Пятигорскіе, часть черкесовъ съ ихъ княгиней поселилъ по Слѣпороду, со-

---

[1]) Истор. Очер. Полт. Луб. 101.

поставляетъ названіе села съ этими черкесами [1]). Древнѣйшей частью села признается Антонивка, потонувшая въ зелени садовъ и рощъ; средина села называется Остапыривка, къ югу отъ нея, у Оржицкой горы, расположена Новоселивка; къ западу отъ Остапыривки есть еще три кута: Садыкивщына, Гарбузивка и Бурдымивщына. Козаки составляютъ половину села и носятъ фамиліи: Андрущенковъ, Антоненковъ, часть которыхъ имѣетъ уличную кличку Бурдымовъ, Гарбузовъ. Кирилашей, Тараненковъ и Хоменковъ. Небольшое число казенныхъ крестьянъ занимаетъ Садыкивщыну, бывшее монастырское владѣніе, гдѣ въ урочищѣ Млынокъ, у котораго узкіе изгибы Слѣпорода переходятъ въ круглое озерцо, видны пали, остатки монастырской водяной мельницы, и найдены мельничные камень и оскарды. Прозываютъ этихъ крестьянъ: Кошили, Кравци и Мирошныки. Крестьяне собственники: Гужвы, Гуцулы, Кадькалы, Карпенки, Кишкани, Лобатенки, Мазуренки, Мужчили, Федорыны принадлежали двумъ дворянскимъ фамиліямъ: Ивахненкамъ и Райзерамъ. Первые выдвинулись, вѣроятно, изъ мѣстныхъ козаковъ. «У Йискивцяхъ много жыве Ивахненкивъ, и одынъ зъ йихъ заслужывъ панство. Одного звалы чорный Мыкола [2]), бо винъ бувъ чорный якъ жукъ, мовъ бы цыганъ, а брата его Грыгорія звалы череватымъ. У йихъ именіе здорове було: хутора Полунѣевскій и Рейзеривъ [3]).

---

[2]) Архивн. отрыв. 39. По предположенію г. Ляскоронскаго (Истор. Переясл. зем., 322) это преданіе есть извращенный отголосокъ событія женитьбы Ярополка Владимировича на Ясской княгинѣ и о поселеніи плѣнныхъ, взятыхъ въ задонскихъ степяхъ, въ южной Руси.

[1]) и [2]) Оба хутора тотчасъ за Пятигорцами на плоской возвышенности, пересѣкаемой ручьемъ Иржавецъ. Хаты разбросаны на верху надъ яромъ. Объ основателѣ Полунѣѣ успѣли совершенно забыть, извѣстно только, что Полунѣямъ принадлежали: дворы въ Лубнахъ и млынъ у Лысой горы (Лазаревск.: 1, Истор. очер. 83—84, 2, Архив. отр. 67—72). Крестьяне хутора взяты: Кондратенки изъ с. Юсковецъ. «Якъ сказано, шо буде ревизія, такъ Васыль Кондратенко

Мыкола пріобрив выгинъ у козакивъ, де теперъ Карпенкивъ садъ. «Хлопци, каже винъ, оце вамъ не нужно, я вамъ пиввидра дамъ, воно ваше й буде». Крестьяне пидийшлы пидъ йихъ съ козакивъ, а другихъ Ивахненкы прывелы зъ Пелехивкы, кременчугського уйизда. Пры Мыколи люде булы багачамы, у йихъ було по шисть воливъ. Григорій роспустывъ худобу, винъ такъ заигрувавсь, шо програвъ у Полтави тройку коней и кучера. Ставъ винъ тощать; зъ воливни зосталось тилькы два. Винъ обижавъ, бывъ людей, день и ничъ бувало чуть: рятуйте! Люде въ забродъ ходылы. Люде ходылы на панщыну кожного дня, соби робылы тилькы ничью. Соби молотять було по мисяцю. Жинкы въ ёго було ципамы молотять: лёны молотыть, то була жиноча робота. То, що чоловикъ молотыть—то така слава, обязанность, а то й—жинкы»! Другая панская фамилія Райзеры, очевидно пришлая. «Якъ Лейзеръ зайшовъ у Пятыгорци, нихто не докаже. За Демченковымъ хуторомъ було пьять десятынъ; люде було доказують, шо то Лейзеровськои земли. Лейзерова баба була зъ нимцивъ. За те, шо вона мамкувала (або бабувала) у царыци Катерыны, ій подарени коронни крестьяне у Поставмукахъ, за удаемъ, котори жылы тамъ мишма съ козакамы. Сыдиръ Таранъ, по прозванію Мукусій, сто двадцяты литъ, здоровый чоловикъ, теперь и людей такихъ нема, розсказувавъ, шо винъ бувъ хлопцемъ, якъ выийхавъ судъ и прочыталы людямъ у Поставмукахъ: «Оце вы вже будете не корони, а панськи, оце вамъ буде пани, а це панъ». А парубокъ Таранъ сказавъ: «Ся пани голымы насъ поробыть». Тоди судови сказалы Лейзеровій: «Оце соби буде войтъ». Такъ той Таранъ и ставъ прыкащыкомъ. Дидъ

не хотивъ ворить одчинять Ивахненку, и пишовъ соби», Федиськи изъ Золотухъ, Донци, Карпенки, Крутіи, Рыбки изъ х. Паталашина.— Николай Ивахненковъ первой четверти XIX в. былъ Лубенскимъ земскимъ судьей. Въ х. Райзеровомъ, прежде Ивахненковомъ, живутъ: Антоненки, Деревянки, Лукьяненки, Мужчили, Падалки, Панченки, Сахны и Ужакины. Урочища: Лизки, Осняки, Соломашинъ яръ, Грабына, Стинка, Сикмаривщына, Городецъ и Прыстань по Слѣпороду.

Лейзера узять у Францію и жинка ёго сама зъ себе и выкупыла ёго зъ плину; продала двое селъ пидъ Кіевомъ: Селыще и Нестеривку, перейихала у Поставмукы и обчество іи кормыло, далой хатку, покы вона встроилась. Вона похоронена середъ степу. Проты Головенкового садка де грушка, Могыла йесть, а хреста нема. У еи було два сына, а внукъ бувъ прыдводытелемъ [1]). Лейзеръ забравъ зъ Кыивськихъ селъ пьять братывъ Мыхайленкивъ, а потимъ якъ розжывсь земли и грунта, то перевивъ 30 семей людей изъ Поставмукивъ въ Пьятыгирци соби. У Райзера 3—4 снипъ выкыдалы на пропытаніе, пьять снопивъ у экономію, а два коло пьятки кладется на причилку для людей. Ну, сталы прыказчыкы замичать, шо сталы люде соби бильши снопы класты. Тоди сталы копамы одкыдать». Объ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости крестьяне передаютъ такъ: «Управляющый прочытавъ манифестъ и сказавъ: «Теперъ вы не будете ни орихивъ, ни грыбивъ брать и курчятъ носыть». Мы радіемъ, шо не будемъ наказани. Стала трыднева, а черезъ годъ диждалысь надилу». Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что пятигорскіе крестьяне частью закрѣпощены изъ мѣстныхъ подсусѣдковъ, что доказывается фамиліями, иногда одинаковыми съ козачьими, частью пришлые изъ кіевской губ., кременчугскаго и лохвицкаго у., но это смѣшеніе не наложило однако никакого особаго отпечатка на населеніе, достигающее 850 съ лишнимъ душъ. Оно весьма близко къ юсковскому: тотъ же среднiй ростъ, тѣ же темные волосы при свѣтлыхъ глазахъ. Оно хорошо собой, вѣжливо и любезно; живетъ лучше сосѣдей, постройки чище, крѣпче, окружены садами. Одежда во всемъ подобна юсковской и пулинской; мужскіе каптанки длинные съ стоячимъ комиромъ, обшитымъ и съ края и у спины зеленымъ сукномъ; зеленымъ сукномъ обшита грудь; карманы и обшлага—зубчиками. Повязка у женщинъ круглая,

1) Ал. Ст. Райзеръ былъ Лубенскимъ предводителемъ дворянства; потомъ, съ открытія мировыхъ судебныхъ установленій до 1875 г., мировымъ судьей. По его словамъ Райзеры происходятъ изъ Тирольской рыцарской фамиліи; фамилія эта и Ивахненковъ прекратились.

очипки низкіе, дивчата не повязываются, а «запыпаются», но сятъ юпки (сподницы).

Мѣстоположеніе Юсковецъ или Йиськивець, значительнѣйшаго села Черевковской волости, своеобразно. Село заключено въ кругѣ, охваченномъ со всѣхъ сторонъ горнымъ кряжемъ, и открытомъ только къ Слѣпороду, по направленію къ сосѣднимъ Пятигорцамъ, помѣщаясь на широкой низинѣ [1]). Посрединѣ села возвышается большая гора, продолговатая, очертаніями напоминающая грушу, голая, обожженная солнцемъ. Народъ, замѣтивъ сходство этой горы съ Александровской, говоритъ: «ся гора и Александровська—сестры». По уступамъ горы лѣпятся мельницы и отдѣльныя деревья, а дорога глубоко запала, въ родѣ осѣвшаго подземнаго хода къ рѣкѣ. Средина ея занята старѣйшимъ мѣстнымъ кладбищемъ. Кое-гдѣ на крестахъ вѣютъ хустки,—много запавшихъ могилъ. Отъ кладбища гору называютъ горкою мертвыхъ; а также челядською, такъ какъ рядомъ съ кладбищемъ собиралось прежде гульбище молодежи (челяди) со всѣхъ кутовъ села, расположенныхъ между купами и линіями деревъ въ такомъ порядкѣ: къ сѣверовостоку отъ горы лежитъ древнѣйшая часть села, основаннаго Иськомъ (Іосифомъ), о которомъ разсказываютъ: «Прыйшовъ одынъ хазяинъ Исько и сивъ, коло ёго поселылась слобода. Исько ходывъ на деревянци, такъ якъ товкачъ, и рыхва набыта. Якъ то було, що якись непріятели забигалы тоди. Исько усмотривъ, що непріятель иде, такъ винъ побигъ тай упавъ, пиднявъ ту ногу деревьяну. А непріятель каже: «не стреляй и я тебе не буду». Ёму узрилось, що Исько хоче стрелять. Той соби пойихавъ, а Исько уставъ и пишовъ до-дому. Сей кутокъ зветея и теперъ Йиськивци, або Стари Йискивци. Въ ныхъ живуть козаки Мироненки. Рядомъ съ Юсковцами Андросовка, жилье Костенковъ. За ней по обѣимъ сторонамъ Слѣпорода, ближе къ Пятигорцамъ, раскинулась Сенькивка или Сенькивщына и Осіяновка. Къ югу отъ горы, у выѣзда на

---

[1]) Заливная долина Слѣпорода въ 1—2 версты (Мат. оц. зем. II, луб. у. 37).

м. Оржицу помѣщается Загорянка, гдѣ живутъ: Кряты, у которыхъ еще недавно держалась старая хата, длинной 7, шириной 6 аршинъ, и стѣны которой еще смывались водою, а не мазались; Охрименки, по уличному Тараненки, потому что ихъ предокъ имѣлъ оспу,—«бувъ таранкуватый»; рядомъ съ Загорянкой—Мокруха или Мокрогузивка, а уголокъ у подошвы горы называется Терночокъ. Надъ нимъ мельницы, прежде разбросанныя, выстроились правильнымъ рядомъ. За Терночкомъ и Мокрухой протянулся въ западномъ направленіи до самыхъ Пулинецъ кутокъ Пожарня, основанный Пужайломъ, вмѣстившій въ себѣ какъ усадьбы козаковъ: Демусенковъ и Чичикаловъ [1]), такъ и всѣ усадьбы мѣстныхъ пановъ. Изъ мѣстныхъ дворянскихъ фамилій древнѣйшая Косинскіе, ихъ подсосѣдки были въ XVIII в. въ сосѣднихъ Пулинцахъ [2]). Уличное названіе Косинскихъ Кириленки по имени Кирилла Павловича. «Винъ бувъ инженерный, чы що? Якъ йиздыть було за гряныцю, та якъ у городъ уйиздыть, такъ ёму очи завьяжуть, щобъ винъ плану не знiймавъ. Багатый бувъ панъ: одъ Савуленкового хутора и до хутора Косынського, до Остаповськои гряни усе ёго земли булы». Сынъ его майоръ Павелъ Кирилловичъ Косинскій былъ благородной, гуманной личностью, хорошо относившейся къ крестьянамъ, а внукъ служилъ одно время предсѣдателемъ Лубенской земской управы. Въ XVIII в. въ Юсковцахъ жили подсосѣдки и другой панской фамиліи Славинскихъ [3]). На Славинской же-

---

[1]) Кромѣ перечисленныхъ козацкихъ родовъ въ Юсковцахъ встрѣчаются еще: Бараны, Голубы, Ивахненки, Коршуны, Кадькалы, Карбаси, Малыги, Покозацки, Пятаки, Сукочи, Торовики, Хижняки, Хрипуны, Чимуши, Шелудьки и Шматки. Козакъ Николай Грицунъ, жившій сто лѣтъ, выселясь на балку Иржавецъ, образовалъ тамъ посредствомъ своихъ семи сыновей хуторъ около 100 душъ. Урочища вокругъ Юсковецъ носятъ слѣдующія названія: Шеверина, по имени владѣльцевъ, Орловы («орлы плодылысь»), могилы: Била, Высокій горбъ, Жолобъ, Красна и Рокитня: «тамъ стояло тры ломакы и хлакъ. Якъ бувъ непріятель—звищалы».

[2]) Лазаревскій. Ист. Очер. 101.

[3]) Ib. 112.

нился Афанасьевъ. «Винъ бувъ московській панъ, робывъ ревызію, що була довга, двадцять тры годы. У ёго була вынныця, люде водку бралы. У йихъ людямъ хорошо було жыть, у людей по-пари воливъ було, работалы трыднёвку». Народныя воспоминанія о его потомкѣ, извѣстномъ писателѣ Афанасьевѣ-Чужбинскомъ, весьма благопріятны. Его изображаютъ добрымъ, хорошимъ человѣкомъ и замѣчательнымъ писателемъ, хотя послѣднее качество и понимается своеобразно: онъ могъ написать вечеромъ нѣсколько листовъ громаднаго формата, «такыхъ якъ стилъ, а якъ утомлятся рукы, бере ногою перо и пыше». «Славинченко [1]) було назбира жинокъ, угоща, щобъ казкы розсказувалы и писни спивалы. Любывъ, щобъ спивалы: «Серце, Кулыно, не лякайся«. Було и могылы копае: пивныкы кольци выкопуе коло рыбячого краю — Мацькивець [2]). Разъ роскопавъ винъ могылу, выкопавъ тарантасъ и дивку. Коса и лента у коси и перстень. На Шеверыныхъ могылахъ выкопавъ винъ тарилку та ложокъ дви, а на другый день выкопавъ залотого коня. У Заичыній левади выкопавъ чоловичу голову, таку якъ пудова коробка,—таке леле качалось! И не ховалы». На самомъ краю Юсковецъ между ними и Пулинцами находится усадьба третьей дворянской фамиліи Асауленковъ, происходящихъ отъ Переяславскаго полкового осаула Шуньги. Капитанъ Михаилъ Асауленко квартировалъ въ Михновцахъ и пріобрѣлъ имѣніе отъ Кодинца [3]), Красинского, а по словамъ крестьянъ и отъ Блохина. «На Пожарни жывъ панъ Блохынъ. Салдацькый панъ Мыхайло Антоновычъ Асаула купывъ у ёго дворыще и землю. Такъ Блохынъ ходывъ: хто дасть кусокъ хлиба, або стаканчыкъ водкы. Хлиба що въ души, а одежи що на хребти. Асаула прыйшовъ изъ війскомъ и стоявъ

---

[1]) Его уличное прозвище.

[2]) См. выше въ Мацковцахъ. Возлѣ нихъ выкопана бронзовая вещица, похожая на голову пѣтуха. (Ляскоронскій. Ист. Переясл. зем. 131, 133).

[3]) По ревизіи 1764 г. крестьяне числились за Городисскимъ сотникомъ Кодинцемъ. (А. Грановскій. Полт. епар. 396).

у Нарижного, а потимъ и земель накупывъ [1]). Асаула прыйде, бувало, бере кочергу, ципуру, або нагая, и ходыть по-пидъ хатамы. Засвитыть свитло жинка и ляже, до черинння прыпаде, що вона намерзнется за день. Винъ бачыть, що свитло, думае: работае, и въ хату нейде, а у которои и не свитытся, то уранци бытыме. Мароа Соломахына була старша надъ пряхамы и котора не выставыть пивмитка, такъ Соломахыну наказувалы. Асаула бувъ старый, самъ пикъ арапныкомъ». Крестьяне собственники с. Юсковецъ: Беи, Бендрики, Квитки, Коваленки, Кривецкіе, Ластовецкіе, Лыси, Солодки, Сербиненки, Цехони и Шилы происходятъ изъ подсосѣдковъ и по народному мнѣнію закрѣпощены такимъ образомъ. «Сталы паны просыть царыци Катерыны: «дай намъ людей». Вона сказала: «Какъ же я могу дать»? Такъ якыйсь панъ сказавъ: «Предоставъ право, такъ воны пидойдуть пинъ наше владеніе». Вона допрошуе: «Какъ же воны подойдуть»?—А такъ подойдуть, треба наложыть налогы». И наложылы подушне, а гроши тоди скупи булы. И прыйде голова бье, и староста бье, пытають: «Йе подушне?—Нема; а може завтра, або писля завтра. Пиде чоловикъ, пыта: «Що ёго, жинко, робыть!» Жинка каже: «Пиды до того, до того». Той не дае. А староста чоловика за чуба, крутыть, каже: «Ступай!» Пиде винъ до пана: каже: «Купить у мене оту нывку». То панъ:—«Та возьмы пьять рубливъ».—Такъ прошу, пане, мылосты вашои, не хватыть мени й на подушне: мени треба дванадцять рубливъ.—Не дамъ. Иде чоловикъ до-дому и плаче: «Отакъ, жинко»! Ось ёго прызывають: «А що грощей розжывсь?»—Ни.—А сякый, такый! Тоди посылають закуцію: сквернійшыхъ людей выберуть изъ села и нашлють. Сейчасъ розбывають зимою коминъ, ирвуть подушкы, и кажуть: «Якъ не буде завтра, то будемъ босого по морозу водыть». Сыдять изъ жинкою, плачуть. Иде винъ до пана.

---

[1]) Между прочимъ и хуторъ Асауленковъ на Иржавской балкѣ, населенный Бриленками, Дудками, Кобцями, Ластовецкими и др. О происхожденіи предка передавалъ мнѣ умершій П. М. Асауленко. Фамилія прекратилась.

той дае симъ рубливъ. Односыть.—Ого, кажуть, якъ налякалы, той прынисъ; а ти щобъ писля завтрёго булы. Пишовъ до другого пана, продавъ другу нывку, прынисъ. Пидходыть весняне подушне.—Що, жинко, будемъ робыть?—Продамо оту нывку, а той горо́дъ и хату бухнемъ, якъ не стане тіеи нывкы. Прызывають у зборню, або сборщыкъ прыйде у хату: «Йе подать? ну, гляды, щобъ завтра була»! Иде чоловикъ до пана: «Купить у мене, пане, нывку».—Эге, а що тоби за неи?—Симъ рубливъ.—Я не дамъ за ту ныву семи рубливъ, то мала нывка, а якъ хочъ вытягты на подушне, то продай мени и огородъ и хату.—А куды жъ я, пане, пойду тоди?—У тій хати й жытымешъ. Онъ у мене вже два жыве и ты такъ жытымешъ. Иде чоловикъ до-дому, каже жинци, а вона каже: «продаймо». Продалы земельку и грунтъ и хату, и жыве. И десятскій уже не йде на одбуткы выгоныть, бо якъ ввійде, панъ говорыть: «Винъ у мене жыве у сусидахъ». И то винъ жыве, прыйде подушне;—О, ты жъ у мене въ хати жывешъ, мене й послухаешъ, дамъ. Пойде, дасть, оплатывсь чоловикъ, спокойный. Пидходыть ревызія, панъ пытае: «Вамъ чуть, що буде ревызія пысаться?—Та чулы.—Такъ якъ буде, то я вамъ звищу, а вы жъ согласни, якъ я запышу въ свою ревызію.—А чого жъ, пане. Отъ пидішла ревызія: «А що согласни»? Тилькы якъ запышу перомъ, то вже й не вывезете воломъ.—Ничого, пане, пышыть. Запысавъ панъ. пожылы мы годъ, хуже стало, пожылы другый—ще хуже, та на третій годъ умеръ батько, оставсь сынъ изъ матерью. Плохо. Померла й маты, оставсь одынъ сырота. Забравъ панъ имущество до себе и сына у двиръ. Дывытся той, що плохо, давай тикать. Утикъ, крутывсь, крутывсь, піймалы, прывелы до пана. Панъ каже: «Выбьемъ»! Пани просыть: «не бый»!—Бильшъ не будешъ такъ робыть? Якъ ище разъ такъ зробышъ, то я тебе сполощу одъ пьятъ и до потылыци [1]).

За обширнымъ выгономъ, топкимъ, солончаковымъ, на кругломъ холмѣ стоитъ новая Успенская церковь съ отдѣльной ко-

[1]) Отъ Я. М. Коваленка.

локольней, изъ которой въ церковь ведетъ деревянный помостъ, и съ хоромами внутри. У церкви одинокій итальянскій тополь, поотдаль липовое деревцо. Холмъ подъ церковью такой правильной круглой формы, что можно бы допустить искусственную насыпь, но корни деревьевъ, находимые въ почвѣ, уничтожаютъ возможность такого предположенія. Церковь выстроена въ 1862 г., взамѣнъ старой, сгорѣвшей въ 1859 г., отъ разсѣянности священника о. Марка Платонова, забывшаго потушить свѣчи послѣ панихиды. Пожаръ этотъ, происшедшій зимой съ ужасной быстротой, произвелъ большое впечатлѣніе на окрестныхъ жителей, выразившееся въ слѣдующемъ разсказѣ. «У Пулынцяхъ бувъ панъ Опатій Левишко. Винъ зарizaвсь черезъ досаду брытвою у загороди. Ступеней черезъ пьять стрыбнувъ та скончывсь. Такъ ёго завелы въ сорокоустъ и правылы. Значала буря почалась, а потимъ якъ пишлы, то занялось изъ середыны. И хрестъ выкыдало изъ могылы того ризальныка». Пожаръ уничтожилъ всю старину и въ настоящее время внутри церкви останавливаетъ на себѣ вниманіе только большой [1]) образъ Юсковской Божьей Матери. Матерь Божая изображена со Спасителемъ на рукахъ и обращеннымъ въ сторону лицомъ. Носъ съ чуть замѣтной горбинкой, лицо круглое съ довольно полными щеками и широкимъ подбородкомъ. Кисть чудная, прелестная, и видъ такой божественной красоты отрадно дѣйствуетъ на душу. Образъ этотъ чудотворный, окруженный многими привѣсками съ изображеніемъ исцѣленныхъ глазъ, рукъ и ногъ [2]). Къ нему прибѣгаютъ въ

---

[1]) $1^1/_2$ арш. вышины и 14 верш. ширины. Въ археологическомъ отношеніи интересны: 1) Евангеліе въ синемъ бархатѣ съ серебромъ кіевской печати, пожертвованное Як. Емцемъ въ 1706 г. (А. Грановскій. Полт епар. 397), 2) крестъ со вставками перламутра со сломаннымъ распятіемъ на деревянномъ пьедесталѣ, 3) древняя плащеница на тонкой шелковой матеріи, и 4) гарусный образъ тайной вечери ($1^1/_4$ арш. выш. и $^1/_3$ шир.), вышитый крѣпостнымъ Асауленка. Фонъ черный, цвѣта красиво подобраны.

[2]) Древній обычай, встрѣчающійся въ храмахъ Индіи. (C-te Gobletd' Al'viella. Lidée de Dieu. Paris 1892., 281.

несчастіяхъ и болѣзняхъ. По преданію церковь построена на мѣстѣ бывшаго Слѣпородско-юсковскаго мужского монастыря, возобновленнаго по разрѣшенію Константина Вишневецкаго, данному 8 февраля 1621 г., и заключавшаго въ себѣ церкви: Успенія Богоматери и св. Николая, во второмъ ярусѣ колокольни [1]). Вокругъ монастыря росъ дѣвственный лѣсъ, деревья изъ котораго, четвертей 15 въ обхватѣ, выкапываютъ иногда. «У сели булы: олени, дыки козы, рогы находылы; разъ рогы выкосылы у болоти». И теперь еще попадаются бывшія монастырскія левадки, окопанныя для пасикъ, съ грушами, вишнямы и терномъ. Были также ямы для пиленія [2]). Юсковцы, возникшія, вѣроятно, одновременно съ монастыремъ [3]), теперь большое село, насчитывающее сверхъ 2500 жителей, средняго роста съ темнорусыми волосами и сѣрыми глазами. Носы толстоваты; между мужчинами незамѣтно красивыхъ лицъ, среди женщинъ есть миловидныя, лица продолговатыя; особенная мѣстная черта — вялость, медлительность, медленное произношеніе, склонность къ пьянству и къ имущественнымъ преступленіямъ. Мужскія одежды длинныя со сборами. Очипки круглые и головная женская повязка также, концы платка заткнуты; прежде торчали, какъ роги. Дѣвки «за-

1) „Закр. монаст." въ Полт. Епар. Вѣд. 1897 г. № 20, 21, 798. Лазаревскій. Архивн. отр. 40. По неправильнымъ мѣстнымъ легендамъ св. Афанасій будто бы являлся въ видѣ старца въ Юсковскій монастырь; „святый Афанасій тутъ бувъ, а потимъ перейшовъ за Лубни".

2) Кромѣ владѣній въ Юсковцахъ, населенныхъ крестьянами: Борисенками, Лябахами, Мирошниченками, Остапенками и др., монастырю принадлежали еще хутора: Слѣпородскій, жилье Кондей и Сирихъ, и Иржавскій или Казенный, гдѣ живутъ: Баранники, Кравци, Кривоякори, Кушнири, Онипки и Сушичи.—И Мгарской монастырь имѣлъ здѣсь островъ, купленный въ 1665 г. у Маріи Бухатихи. (Лазаревскій. Очер. Полт. Луб., 112).

3) Лазаревскій Ib. 12. На картѣ Боплана обозначены Есковцы.— Подпочва на выгонахъ бѣлая съ зеленоватымъ отливомъ глины, которую жители продаютъ сосѣднимъ селамъ. Есть небольшое мѣстное производство, вышиваніе килимовъ, по 12—15 р. каждый.

пынаются». Цвѣтовъ на головѣ, кромѣ молодой и старшей дружки, не носятъ, а завязываютъ ленту на головѣ бантомъ. Юбки до 3—5 усовъ, много кофтъ, сподницы съ плюшевой надшивкой.

Къ западу отъ Юсковецъ расположилось треугольникомъ небольшое село Пулинцы на Слѣпородской низинѣ между горами. Узкій край села у гребли и Слѣпорода, образующій вершину треугольника, сливается съ Юсковцами и называется Загребельемъ, на которомъ расположены: панская усадьба Великожоновъ и козачьи: Клименка и Шкарбаня. Слѣдующій кутокъ носитъ названіе Бродка или Петрусивщины, жительство Петрусей, бывшихъ крестьянъ Полторацкаго, также Величекъ, Клименковъ и Мищенковъ. Затѣмъ посреди села примкнули къ выгону куты: Молювахновъ, Великожоновъ, Левѣшковъ, населенныхъ козаками такихъ же фамилій, панами Левѣшками и козаками Журманами, выселившимися изъ Оробьевъ. У Пулинской горы, на сѣверномъ краю села стоитъ небольшая церковь Трехъ святителей, построенная въ 1867 г., а до того Пулинцы присоединялись къ Юсковскому приходу [1]). У рѣчки подъ лѣсомъ живутъ Галичи и крестьяне: Кошели, Морозы и Савченки, на древнѣйшемъ кутѣ, гдѣ жилъ и осадчій Пулиней [2]), давшій названіе селу. Съ этимъ кутомъ связано древнее преданіе объ отраженіи какого то войска, быть можетъ татарскаго загона, отъ Пулинецъ: «Упередъ того, де Галычивъ кутокъ, не много було села и встроеный бувъ коворотъ (царына). И ось ишло якесь військо воювать на Пулинцы. Такъ якый то бувъ у йихъ лыцарь, що могъ замовыть такъ, що жы-

---

[1]) Внутри церкви всѣ намѣстныя иконы въ богатыхъ серебряныхъ ризахъ, также небольшой образъ Ахтырской Божьей Матери въ массивныхъ серебряныхъ шатахъ, внизу начертаны: двуглавый орелъ и 1765 годъ. Образъ пожертвованъ Павлиной Левѣшковой. Подъ церковью въ склепѣ похоронены помѣщики: Василій и Титъ Великожоны, послѣдніе въ родѣ.

[2]) Неизвѣстно, какое отношеніе между этимъ Пулинеемъ и фамиліей Полунѣевъ. Въ XVII р. Пулинцы заложены были Іереміей Вишневецкимъ вдовѣ гетмана Сулимы за 4000 злотыхъ. (Лазаревскій. Луб. и Вишневц. «Кіев. Стар.», 1896 г., III, 344).

тельци не моглы ни втекты, ни рукъ изнять. Тоди не стрелялы зъ ружей, а зъ пукалокъ, або зъ лукивъ. Такъ селянынъ прыцилывся якось та вбывъ лукомъ такы, стрелькою. Такъ військо и стрелькы свои покыдалы и повтикалы». О другомъ отрядѣ передають слѣдующій разсказъ: «Ишло сюды черезъ село військо и робылы прымиръ, захысть; хотилы воны запалыть село, та Пивторацькый давай просыть, щобъ не палылы. А мій батько,—казала баба,—навозывъ стогъ высокый и злизъ винъ на той стогъ и дывывсь на те військо. Тамъ була жинка Параськивна и варыть вареныкы въ горшку, чы въ чавуни, вытягае на лаву, чы на стилъ. А зъ того війська той ускочыть, вареныкивъ два, тры ухопыть, а той два въ хату війдуть и беруть скилькы захватять и убираются мерщій. А пыщу ихню, якъ воны пишлы могылы [1]) робыть, такъ забиралы видрамы свыней кормыть». Пулинскія панскія фамиліи мѣстнаго происхожденія, крестьяне за исключеніемъ четырехъ семей: Басарабивъ, Лимаренкивъ, Нетрипайливъ и Цапенкивъ, переведенныхъ Великожонами изъ с. Корніевки, пирятинскаго у., также вышли изъ подсусѣдковъ. О томъ, какъ паны выдвинулись изъ козацкихъ рядовъ, какъ разбогатѣли, о сословныхъ отношеніяхъ и крѣпостномъ правѣ мѣстныя преданія повѣствують такъ: «Много тоди обиждалы козакивъ ка-

---

[1]) Могилы разсѣяны по степи къ хутору Вязовку. Объ урочищѣ «Осняги» разсказывають: «Чоловикъ Пулинській Павло Сластенъ бувъ на заробиткахъ и ёму баба указувала: «Якъ прыйдешъ ты, сынку, до дому, то есть у такимъ то урочыщи «Оснягы» дорожка и по-зъ ту дорожку клыночокъ зъ прежнихъ преждовъ неораный и на тимъ клыночку якъ бы ты покопався, то и тоби и твоимъ дитямъ було бъ. Я самъ у тимъ мисти выкопавъ почты у поясъ, такъ земля була рушена, находывъ скла. (Отъ Андріана Тетянченка). Кромѣ Оснятовъ при Пулинцахъ есть еще яры: Мокруха съ криницей, Стійло, гдѣ отдыхаетъ скотъ и освѣщають криницу, лѣсъ Кругликъ также съ криницей. У Слѣпорода Манцеви кладки и Погориле болото. О послѣднемъ вспоминають: «Одынъ крестьянынъ Прокипъ Панибратенко накопавъ картопли и запалывъ пень по середыни. Одъ того пня зачавсь пожаръ, дерево и комыши погорилы. Сбигалысь Юскивци и Хорошкы и копалы кругомъ того лиса ровъ.

зенною роботою: дорогы копалы, садылы дерево. Днивъ два дома, а то на роботи. Участокъ оддилять, щобъ садылы дерево и глядилы. А одъ пана не займають туды на роботу. Панъ каже: «Ты вже сыды въ мене, я тебе буду зодягать, за тебе повынносты оплачувать. А потимъ якъ пройшло, тоди вже годи, тоди нагаею: ты вже мій! Велыкожоны получылы дворянство за подряды на військо. Пидкынулы голодни года, и воны земли позабиралы въ людей задаромъ: за пудъ борошна. Отъ пидходыть чоловикъ позычать гроши.—Такъ я тоби, Иване, каже панъ, позычу гроши на такый то строкъ, а въ тебе йесть тры, чотыри дни нывы, то якъ ты мени въ той строкъ не оддасы денегъ, такъ моя земля та буде. Той выстаравсь деньгамы, на той день несе деньгы. А панъ узявъ та зйихавъ зъ дому на той день. А тоди на другый день не прынима денегъ: «иды соби, каже, а моя нива зостается». Мій дидъ якъ бувъ пысаремъ и свого ридного сына обійшовъ, не запысавъ у ревызію и такъ багацько времени продолжылося и выйшло: платыть недоимки за обойдени души. И тоди за ту недоимку 15 десятынъ узявъ панъ и гроши заплатывъ у казну. Левишкивъ предокъ служывъ у городи и заслужывъ дворянства. У Велыкожона пиши люде ходылы тилькы одынъ день пидъ молотьбу до-дому, а то разъ-у-разъ пану. По мисяцю и косылы и молотылы». Жители, которыхъ при основаніи прихода было до 900, а теперь 1100 съ лишнимъ, занимаются исключительно земледѣліемъ, хотя земля наполовину нехороша. Богачей нѣтъ, есть нѣсколько состоятельныхъ семей, имѣющихъ по 40 дес.; гораздо болѣе имѣетъ по 10—15 дес., еще болѣе малоземельныхъ съ 2—5 дес., и наконецъ бывшіе крестьяне Левѣшка безземельны. Населеніе небольшого роста, темнорусое, глаза сѣрые, моды юсковскія.

Къ западу отъ Пулинецъ по берегу Слѣпорода и на обѣихъ его террасахъ расположены Хорошки. Хаты, рощи, вишневые сады, узкія улички, площадки и пустыри—брошены безъ всякаго плана и порядка, какъ во всѣхъ старыхъ селахъ. Хорошки же старинныя: уже въ переписи, сдѣланной въ 1545 г. при Сигизмундѣ I для повѣрки владѣльческихъ правъ, упоми-

нается грунтъ Хорошковщизна, куда ходятъ на старосту козаки-половинники. Въ мѣстной исторіи хорошковцы извѣстны столкновеніями съ ближайшимъ «Юсковскимъ монастырцемъ», котораго земли они захватывали, а однажды избили монастырскаго эконома, поздно возвращавшагося изъ Пулинецъ[1]). Мѣстные жители признаютъ осадчимъ Хорошка или Хорошого. «Розсказувалы, що тутъ Хорошый жывъ чы козакъ, чы що, видкиль-сь нагнатый». Древнѣйшая часть села на лѣвомъ берегу Слѣпорода, на такъ называемомъ Дворянскимъ кутку, на которомъ живутъ: козаки Булатецкіе[2]), Бутенки, крестьяне: Дули и Бундюки. Далѣе на горѣ около церкви: кутъ Губаривській, жилье козаковъ Романченковъ, по уличному Губаривъ, Мирошниченкивъ, Мищенкивъ, крестьянъ: Бабенкивъ, Дудокъ и др., затѣмъ кутъ Паськивскій, жилье козаковъ Богдановъ, крестьянъ: Курочокъ, Паськовъ и др. Посреди Хорошковъ живутъ на такъ называемомъ Селѣ древнѣйшіе козачьи роды: Бутенки, Голиньки, Говобородьки, Иващенки и Несуны, и на Калайцивськимъ кути: другая вѣтвь Голобородёкъ, носящая уличное названіе Калайцивъ, также козаки: Малюки, Харченки, Федченки, крестьяне: Кожемяки и Шилимовци. На кутѣ «Низъ» живутъ какъ козаки перечисленныхъ родовъ, такъ и переселенцы изъ Круглика Кохты. За низиной, на которой виднѣются грязныя, мутныя лужи Слѣпорода, и гать съ двумя мостами, расположенъ особый кутокъ Загатка по обѣимъ сторонамъ горы, ведущей на Черевки, и вокругъ провалья, огражденнаго перилами. Вправо отъ дороги на Загаткѣ живутъ козаки Макаренки и Голиньки, а влѣво крестьяне: Евченки, Жуки

---

1) Сборн. Харьк. Ист. Фил. Общ. IV. 20, Н. М. Очер. колон. лѣвоб. Укр. въ „Кіев. Стар.", 1896 г., IV, 94; Лазаревск. 1) Арх. Отр. 394, 2) Оч. Полт. Лубенщ. 100, и Бочкаревъ. Очер. Луб. Стар. 26.

2) Часть Булатецкихъ выселилась въ особый хуторокъ въ 10 хатъ на горѣ у села, другая—въ хуторъ Бесарабивъ, лежащій въ степи. Козаки Несуны также, выселившись частью изъ села, образовали значительный хуторъ Несанивъ, въ 60 дворовъ въ степи.

и Кобзари. Время открытія мѣстнаго прихода нельзя опредѣлить съ точностью, сопоставляя же показаніе лѣтописцевъ[1]) о гибельномъ набѣгѣ Юрія Хмельницкаго на села между Лукомлемъ и Яблоновымъ съ татарами, сжигавшими церкви и забиравшими людей, съ мѣстнымъ преданіемъ о сожженіи церкви татарами, можно думать, что приходъ въ Хорошкахъ былъ уже въ XVII в. Это преданіе гласитъ: «Предкы казалы, що войны булы. Якъ у лисъ заховаешся, то й жывешъ: татарынъ йиздыть конемъ, а не пиде въ лисъ. У луци тоди таке було купья, що не можна й бресты; Слипородъ изъ Черевокъ ишовъ покрученый, объ гору бывся. Биля церквы неподалечъ колодець и люде повкыдалы ставныкы, дзвоны. Татары спалылы тоди церкву и дитей убывалы». Мѣсто старой церкви ограждено плетнемъ и засѣяно васильками. Болѣе достовѣрная исторія прихода начинается съ перенесенія Петропавловской церкви въ 1780 г. на новое мѣсто на горѣ. Просуществовала она до 1825 г., когда запечатана по ветхости, а книги, древнія бумаги и вещи отосланы въ Черевки, гдѣ и теперь стоитъ шкафъ съ надписью: «церкви Петра и Павла» и находится хорошковскій колоколъ. Въ обновленной въ 1843 г.[2]) церкви нѣтъ ничего примѣчательнаго, кромѣ двухъ старыхъ евангелій, пожертвованныхъ запорожцами: отаманомъ Ирклѣевскаго куреня Григоріемъ Богданомъ и козакомъ Деревянскаго—Андреемъ Евченкомъ, мѣстными уроженцами. За церковью Пивторацына, бывшее имѣніе П. М. Полторацкаго[3]), задумавшаго было совсѣмъ видоизмѣнить село. Объ этомъ неудачномъ предпріятіи жители разсказываютъ такъ: «Село давнийшъ було за экономіею до Черевокъ, а пивсела по-надъ берегомъ и гребли не було, а йиздылы

---

[1]) Бѣлозерск. южн. рус. лѣтоп. т. I, Кіевъ. 1856 г., 83. Лѣт. самов. 70. Лѣт. Велич. II, 22, Рубанъ. крат. лѣтоп. Конис. Тоже извѣстіе повтор. у Антоновича и Беца. Истор. дѣят. 40.

[2]) А. Грановскій. Полт. епар. 404.

[3]) Сынъ придворнаго пѣвчаго М. Ф. Полторацкаго, родомъ изъ Сосницы (1727—1795.—Лазаревскій. Ист. Очер. Полт. Лубенщ. 100—101).

черезъ лисъ Пивторащыну[1]). П. М. Пивторацькій хотивъ занять пивсела по падъ яръ Скарбанку. Зачавъ винъ панськихъ людей згоныть, а козакамъ дававъ по дви, тры десятыны за одну. Булатецьки поминялысь и пишлы; Пивторацькій далій сунувсь до козакивъ минять, а тамъ пипъ жывъ недалеко и повзъ ёго баба Губарка. Священныкъ не хоче переходыть, каже: «Мени далеко до церквы иты».—Я, каже Пивторацькій, и церкву переставлю. И освятывъ винъ мисто на церкву и обозначывъ; годъ двадцять те мисто стояло А баба Губарка зачала зъ паномъ спорыть и выгнала ёго зъ хаты. И винъ затимъ зайшовъ у долгы, заложывъ людей у сели на тры годы Высоцькому. Такъ люде булы вже 19 литъ у Высоцькихъ; покы й воля стала, люде булы багати, по 105—120 десят. Малы найменьше по 60. Почавъ управытель збирать людей, зачавъ розговоры: «У васъ тутъ земли багато?—А йе, пане.—А дежъ вы понабиралы?—Понакуповувалы.—У васъ и купчи йе?—А йе, пане.—Ну, прыносьте купчи, панъ пидпыше, вамъ лучше буде. Тоди люде выйшлы, кажуть: «Тай правда, попрыносымъ купчи». Зачалы зносыть, и недиль пьять гулялы, покы позбиравъ управытель уси купчи; тоди пыта: «Уси позносылы»?—Уси.—Теперъ, сказавъ управытель, панъ казавъ такъ: и люде мои и земля моя». Старый кобзарь обизвавсь: «Отакъ, пане, а въ мене шисть воливъ, тры коровы—чимъ я годóватыму?—Я тоби дамъ симъ десятынъ.—Э, мало, пане!—Буде зъ тебе. Давъ ёму панъ симъ десятынъ. Пры Пивторацькихъ

---

[1]) У этого лѣса на правой сторонѣ Слѣпорода, не доѣзжая Черевокъ, предъ мосткомъ расположенъ на пригоркѣ особый поселокъ, Черевковскаго прихода, жилье дворянъ Черкасскихъ и государственнаго крестьянина А. Я. Марченка, родомъ изъ Тарандинецъ, долго бывшаго лубенскимъ гласнымъ. Онъ купилъ часть имѣнія Полторацкихъ, пахоть по 25 р., луки и лѣсъ по 60 р. десятину. Лѣсъ одѣляетъ матерьяломъ и фруктами (3000 мѣрокъ грушъ) окрестность. Вокругъ Хорошковъ могилы: Гринова, Труселыха „обсыпана валомъ", яръ Шеверыха „тамъ найшлы скрыню грошей мидныхъ и скрыня не зогныла, а то диты пидъ горою Тымофія Голинькы найшлы срибни гроши, тонки дуже, на йихъ напысана голова.

була трыднева, Севрюкы, Кобзари на оброци булы, а потимъ уже по чотыри дни, пакыдомъ пакыдалы, що и свои дни роботалы. За волю балакалы лить до двадцяты, паны було прыказувалы, щобъ не балакать: не можна волю слухать. Колы прыйихавъ становый, вычытавъ волю». Въ Хорошкахъ въ началѣ XX в. числится 1756 душъ, на половину козаковъ, на половину крестьянъ, изъ коихъ только нѣсколько семей приведено Полторацкими изъ Горбовъ, пирятинскаго уѣзда, остальные мѣстнаго происхожденія, хотя фамилія Булатецкихъ и намекаетъ на выходца изъ Булатца. Есть и древнія фамиліи, напр.—Севрюки, какъ назывались осѣвшіе съ половины XVI в. охотники[1]). Въ настоящее время лишь одно лицо обладаетъ 50-ю десятинами, нѣсколько 30—20-ю, большинство 3—5, а треть всѣхъ жителей—безземельные. Только нѣкоторыя козачьи фамиліи, напр. Несени, высоки; большинство населенія средняго роста, волосы темные, глаза сѣрые, носы съ горбинкой. Моды московскія. Дивчата въ церкви стоятъ съ обнаженной головой, безъ платковъ, только въ красной лентѣ, заплетенныя въ одну косу. Среди маленькихъ дѣвочекъ попадаются прелестныя личики.

В. Милорадовичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Лѣвоб. Укр. вд „Кіев. Стар.". 1896 г. IV, 91, 92.

ПРОПАЩА СЫЛА.

Повисть.

V.

Новый викъ.

Часъ не стоявъ. Промайнула воля, поламала ланцюгы виковичнии, на котрыхъ ще за дидивъ-прадидивъ прыкувалы до панивъ колысь вильни хуторы, села; опросталысь людськи рукы; несмилыво, наче чого боялыся, прыймалысь за землю, котра колысь була «Богова та людська», потимъ стала «панська», а теперъ—хочъ сыломиць надилена—знову стала «людська». Задурманеный неволею людъ почавъ продыраты очи, и ничогисенько кругомъ себе не бачывъ, окримъ панивъ та мужыкивъ! Усе, що прыросло до землы, копалось у ній, облывало іи своимъ потомъ,—все те звалося «нашъ братъ Савка». Неволя поризныла дитей одныхъ батькивъ, одныхъ материвъ; вырыла мижъ нымы глыбокый яръ, котрого ни перейты, ни перейихаты, хиба засы-

[1]) См. Кіев. Ст. 1903, № 10.

паты. Та хиба можна засыпаты въ рикъ, у десять, у двадцять рокивъ яругу, яка копалася не десяткы, а цилы сотни литъ? По одынъ бикъ яру стоялы потомкы старшыны козацькои; стоялы прыблуды, котрыхъ прыманыла своимы роскошамы задурена Украина,—булы мижъ ными ляхы и недоляшкы, булы москали и московськи недолюдкы, булы и осыротилы диты Іуды, котри замисть свого зруйнованого царства, на чужій земли завелы царство: тутъ можна було зустриты не трохы полупанкивъ, котри зъ диггяривъ, чумакивъ, крамаривъ, прыказцыкивъ повыводылы своихъ дитей у «люде»; понацеплялы на плечи зъ мидными гудзямы мундыри, а на головы понадивалы картузы зъ зирочкамы. Усе то була ватага, выгодувана чужею працею, обута и затягнена чужымы рукамы. Теперь вона стояла и, якъ голодный вовкъ, клацала зубамы, поглядаючы зо зла на другый бикъ яру, де потомкы козачи копалыся въ сырій земли, понивечени, зубожени, темни,—якись каликы, а не люде, безъ памьяты про бувальщыну дидивъ своихъ, котри добувалы кривью «славу та волю», безъ памьяты про самыхъ себе, зъ страшною злистю въ гарячимъ серци, зъ палкымы на вустахъ проклёнамы, котри воны посылалы на той бикъ. Здается, якъ бы не глыбокый яръ, одна бъ ватага кынулась на другу— и полылася бъ ричка чорнои крови, потопыла бъ правого и вынуватого. Застлани полудою очи, пидъ ту страшну ризаныну, не розглядилы бъ де свій, де чужый,— кровь бы лылася, трупы бъ тлилы—та сытылы и безъ того сыту землю. Адже цёго не сталося. За те скилькы воно задало страху тымъ, котрыхъ колысь жахалося все, що имъ пидверталося на очи!

Самому царькови Гетманському, Васылеви Семеновычу, обійшлось усе це не даромъ! Останнёго сичовыка, якъ косою, скосыла думка про неволю: Васылеви Семеновычу Польському «божевильна воля», правижка гроншей писчанамы, не дала вику дожыты. Злисть, переляк разомъ струснулы немолоди кости вельможного пана, положылы ёго на лижко, зъ лижка—на стилъ, а зъ столу— въ домовыну. Оплакавъ ридъ тило свого владыкы надъ могылою и дома; оплакавъ доморослый пысака Озерськый свого давнишнёго ворога, а теперь прыятеля въ «Московськыхъ» газетахъ. Не

стало ватажкы,—зажурылысь пидручныкы, що теперъ робыты? зъ чого ёго почaты, щобъ насыженыхъ мистъ не втеряты? Хто порадыть? хто заступытся?

Перше всёго загомонилы: кого теперъ у предводытели? Чужого страшно, а зъ своихъ—никого такого немае: та нихто и не хоче. Колысь було трохы не до бiйкы доходыть за те мисце, а теперъ—коженъ шукавъ соби теплого мисця, зъ велыкымы грошима, а про таке не хотивъ и слухаты. «Що по тытули, колы чортма въ шкатули!»—не разъ, не два можна було тоди чуты. А шкатула справди все дали спорожнялася, та й спорожнялася,—доложыты теперъ iи не було ни снагы, ни способу. Адже предводытеля, та ще й свого, такы треба! Умовылы якось «предводытельского сынка»—того самого одынчыка Васыля Семеновыча, що не дощупався,—чы тверде, чы мняке тило въ Чипчиного батька. «Сынокъ» той бувъ чоловикъ ни бувалый, ни выдалый, ни удалый. Хочъ винъ десь соби и учывся, а про те бувъ чоловикъ дуже невылыкого розуму, ще меньшои смилывосты, ще слабишои воли. Тилькы й батькивського, що—пыха панська, пры котрiй винъ зрисъ и выкохався, котрои и теперъ не кыдавъ: вона ёго и погнала на мисце, котрого всякъ теперъ жахався.

Та часы теперъ булы зовсимъ не ти, щобъ однiею пыхою жыты. Уся молодижъ наче «подурила»: цуралася не тилькы «правъ дворяньскыхъ»,—цуралася роду. Не ридко сынъ ворогувавъ зъ батькомъ, обзывавъ ёго брыдкымы словамы,—«крипосныкомъ, деспотомъ»: кыдавъ ридну оселю и, насмихаючысь надъ батькивськымы звычаямы и надiямы, бигавъ по Харькову, або по Кыиву, пытаючы сякого-такого заробитку! За братамы потяглы сестры: перестaлы и ухомъ весты батька-матери: сыдилы день у день, ничъ у ничъ, якъ пидъ суботу рабынъ, за кныжкамы,—забулы про хазяйства, забулы и про гулянкы. А въ Крывынського, кажуть, меньша дочка въ ночи втекла видъ батька зъ якымсь студентомъ-поповычемъ,—повiялась у Кыивъ учытысь. Дворянська пыха терпила видъ такои зневагы.

А туть,—якъ на те,—«божевильна воля» незабаромъ понаводыла за собою дитокъ сваволыныхъ: земство, де нема ни му-

жыка, ни пана,—мырови суды, де не пытають,—якого хто роду. Зовсимъ свитъ перевернувся! Про старе ничого було и думаты: треба якось до нового прыстроюватысь, щобъ хочъ тутъ не попустыты свого. Що жъ ёго робыты? якъ ёго прыдуматы? Рукы до дила не прызвычаени зъ-малечку,—не неволыты жъ ихъ на старисть?! А розумъ,—хто до воли думавъ, що панови потрибенъ робочый розумъ? Панови треба було знатного роду, багатства; треба було вмиты себе показаты; вмиты пожыты, пойисты, попыты,—а маты робочый розумъ, здатный на дило, а не на выгадкы панськи,—панови не треба було. А теперъ: розуму! праци!—тилькы и чутно, якъ выгукувалы на всихъ шляхахъ, на всихъ базарахъ жыття. Хто зразу не перелякався того покрыку та брався за дило,—того захоплювало жыття на свои прудки хвыли; то швыдко несло впередъ, то кыдало на спидъ, залывало; то вергало на верхъ, пидкыдало въ гору, знову несло на гребенястій хвыли,—ажъ покы не выносыло на берегъ. Хочъ болилы иноди въ пловця помняти бокы, а все такы винъ, хочъ и не твердымы ногамы, ступавъ на ту землю, де колысь усе тремтило ёго духу. Усе такы винъ бувъ господарь на ній, а не попыхачъ, не наймытъ. Швыдко винъ зжывався зъ новымъ своимъ мисцемъ на старій земли—и пидвертавъ іи пидъ себе: вона ёму плодыла, родыла,—ставало на пожыття ёго! А хто перелякався,—той залазывъ до себе на хутиръ, у село, проклынавъ новый викъ, новыхъ людей, день за день тягъ злыденне жыття; пройидаючы останне свое добро—выкупни билеты, за котри барышныкы-жыды не давалы половыны цины. За собою жыття веселе, роскишне, безъ праци, безъ клопоту; передъ собою—вбоге дожывання вику, може тяжка праця на старисть, гирка турбота, замисть спокою,—безъ шага грошей, котри жыдкы вспіють вымотать, безъ ступня земли, котру за стари довгы батькови тарахнулы зъ молотка. Якъ же ёго не проклынаты такого? якъ зъ нымъ мырытыся?

«Сонмыще», оставшысь безъ ватажка, якъ переляканa отара овечокъ, спершу було кынулась у ростичъ. Навпереймы ёму выскочыло земство. Отара повернула назадъ, згадала старе становыще, де було пашi доволи, де водопои погожи, та и стала

на зґирочку. Посередъ отары и «предводытельськый сынокъ» крутывся,—та выдно ёму не водыты переду! Хто жъ поведе! Кому не страшно? Хто звыкъ до всякои лыхои годыны? Шавкунъ прывыкъ ще змалечку до всёго. Шавкунъ видомый здавна. Шкода тилькы —Шавкунъ боится передъ весты: Шавкунъ здавна ходывъ позадъ. То може винъ хочъ пиде назырци за ватагою?— Гайда!—Шавкунъ пишовъ назырцемъ.

Шавкунъ—чоловикъ ни дурный, ни розумный. За те винъ на своимъ вику звидавъ усёго. Бувъ Шавкунъ на кони, бувъ и пидъ конемъ. Шавкунъ—поповычъ.

Писля вбогого батька, що панувавъ на небагатимъ прыходи въ Хытунахъ, зостався винъ, зъ своею старшенькою сестрою, невелычкымы сыротамы. Опекунъ, якыйсь далекый родычъ, тежъ пипъ, забравъ сыротятъ до себе. Дивчынка жъ бигала соби зъ малымы диткамы опекуновымы, а стала дивкою,—выдалы замижъ за якогось пьяныччку дьякона. Хлопчыка опекунъ виддавъ у бурсу розуму добуваты! Скилькы лыха прыняла дытына въ тій бурси, скилькы разъ іи нивечылы, былы! Забылы до того, що зъ моторненького, опецькуватого хлопчыка зробылась якась тупыця, убоище, котре ничого не вчытся, а тилькы и думае, якъ бы кому капость зробыты. Шкода за школою, роспутство за роспутствомъ—сталы думкою и гадкою бурсака. Колы не вкраде ножычка, черныльныци, то пиддрочуе товарыство на пустощи, на сваволю: а пидрись,—давай молытыся шклянному богови. Мучылысь зъ нымъ «святи отци», мучылысь, та й выгналы зъ фылософіи, голого, босого и простоволосого! Де ёго на свити дитыся? Куды голову прыхылыты? Хтось, мабуть, на жарты, раивъ иты въ универсытетъ. Молодый Шавкунъ задумався. Одначе не пишовъ въ универсытетъ, а потягъ пишкы до-дому въ Хытуны, де на батькивскимъ мисти оселывся съ зятемъ. Шавкунъ побратався зъ зятемъ—и закурылы въ двохъ селомъ, обходячы парахвіянъ, а до-дому иноди рачкы прылазячы. Сестра довго терпила. Дали почала лаяты чоловика и брата, стала докоряты ёму, що винъ убрався на все готове, та и останни злыдни пропывае, останній шматокъ хлиба одрывае своимы здо-

ровенными рукамы видъ рота малыхъ іи дитокъ. Шавкунъ на лайку мовчавъ, якъ у ротъ ёму воды налыто. Гирка правда, мабуть, дуже колола ёму очи.—На другый ранокъ винъ ставъ спиваты передъ сестрою Лазаря, якый винъ несчасный; хвалывся ій своею надіею на унивэрсытетъ—колы бъ тилькы рублывъ зъ пивсотни грошей. Сестра назвала его думку «дурныцею»—раяла иты куды-небудь у канцелярію «хлиба заробляты». Шавкунъ не послухавъ сестры. Зибравъ, яки позоставалысь, манаткы, звьязавъ у клуночокъ, хотивъ иты «на отчай» шукаты доли. Сестра змылувалась, выйняла зъ скрыни трыдцять карбованцивъ—останни гроши, яки ховала про чорный день, ховала видъ свого недбалого чоловика, дала братови. Шавкунъ попрощався, пишовъ.—Черезъ мисяцивъ тры напысавъ сестри вже зъ Кыива, що винъ такы свого доскочывъ,—зробывся студентомъ.—Якъ и изъ чого винъ жывъ,—проте тилькы винъ та Богъ видае: одначе выжывъ два рокы. Та старый грихъ знову прокынувся, завивъ ёго на третимъ курси у темну, а зъ темнои—на вулыцю. Опынывся Шавкунъ середъ велыкого города безъ шага грошей, безъ знаёмыхъ людей, безъ веселыхъ товарышивъ, котри теперъ ёго цуралыся, зъ одною бидою—«вовчымъ билетомъ» въ кышени. Сказано: хочъ у Днипро зъ мосту! Шавкунъ у Днипро не кынувся, а покынувъ Кыивъ, покынувъ товарыство, кныжкы (и потимъ було николы не заглядавъ у ныхъ,—не любывъ, якъ що и розсказують про ныхъ),—та ногы на плечи—побривъ у Гетманськe. До сестры йты було соромно. Шавкунъ пишовъ до свого товарыша молодыхъ литъ—знаемого намъ Чыжыка, котрый служывъ въ опеци. Чыжыкъ порадывъ иты до когось старшого попрохатысь. Шавкунъ пишовъ, упросывся въ опеку, де ёму обицялы, якъ буде старатысь даваты по десять грывенъ у мисяць. Шавкунъ и тому радый. Ставъ винъ выводыты стричку по стричци, спысуючы копіи; ставъ одбыраты спершу по десять грывенъ, дали по двадцять, а черезъ рикъ дійшовъ до трёхъ рублывъ. Зробывся панычемъ—хочъ куды! Тыхый, слухняный, до старшыхъ прывитный, ставъ Шавкунъ кыдатысь у вичи старшымъ: зобачыть здалека,—шапку здіймае, а Васыля Семеновыча

вгледыть,—и у поясъ кланяется. Папюга помитывъ «покорне телятко», звеливъ перейты ёму зъ опекы до себе въ канцелярію. Не було, здается, для Шавкуна счаслывишого дня на свити, якъ той, колы ёго зазвавъ Гетманськый царёкъ въ кабынетъ до себе, та ставъ ёму казаты, що якъ винъ себе шануватыме, то зробыть ёго чоловикомъ! Шавкунъ не мигъ слова вымовыты видъ радосты та видъ страху,—то блидъ, то червонивъ; а выйшовшы одъ велыкого пана, перехрестывся—и сивъ у канцеляріи за стилъ. Зъ того часу—день у день, ничъ у ничъ—Шавкуна можна було тилькы и бачыты, що въ канцеляріи, де винъ сыдивъ, перегнувшы спыну надъ бумагамы, ни на кого не глядючы, ни до кого не обзываючысь, немовъ для ёго не зосталося никого и ничого на свити, окримъ тыхъ бумагъ.—Шавкуна хвалывъ пысьмоводытель; передъ святкамы предводытель жалувавъ ёму по десять рубливъ, зъ котрыхъ Шавкунъ часточку посылавъ сестри, а останни ховавъ у шкуратянимъ гаманци на самимъ дни своеи невелычкои скрыни. Незабаромъ старый пысьмоводытель вмеръ, а Шавкуна посадылы на ёго мисце. Ставъ винъ не остання спыця въ колеси. Де взялася у людей шана и повага до ёго! Теперъ уже передъ нымъ такъ шапкы здіймалы, якъ винъ колысь. Адже Шавкунъ не вповавъ ни на шану, ни на вповагу, а держався пословыци: за свій грошъ—коженъ хорошъ!—Черезъ те, здается, не було въ ёго бильше ніякои думкы, якъ тилькы про гроши. Багатство, гроши—отъ що ёму й снылося! Жывъ винъ соби тыхо, скупо; оженывся на такій же скупій, якъ и самъ, панночци,—та й складалы добро, не знаючы сами кому—бо и дитей не було. Ни велыкои радосты, ни малого горя не знало жыття ихъ. Такъ оцей-то щырый вилъ, котрому ничого просыдиты, не розгынаючысь надъ бумагамы, зъ раннёго ранку до пизнёи ночи—оцей пронырза и пидлыза, котрого навчыло жыття, де треба поклонытыся, кому треба догодыты,—державъ теперъ цилый повитъ у своихъ рукахъ, заправляючы нымъ по своій воли, замисть недалекого и ледачого «предводытельского сынка». Той и лапкы поклавъ: робы, мовъ, що хочъ, що знаешъ! А тутъ—новына за новыною, робота за роботою. Не вспилы зъ

«выкупнымы грамотамы» впоратысь, насылу накынулы крепакамъ землп, котрыхъ воны теперъ, якъ огню, боялыся,—щобъ бува зъ землею не вернулася неволя,—якъ пидскочыло земство, зъ выборамы, зъ радамы.

— Оце, до чого дожылысь!—бидкаются панкы, де тилькы не стринутся. Тамъ—воля, крестянъ одняли, земли побралы. А це—лыбонь уже хотять зъ мужыкивъ поробыты панивъ, якесь земство выдумалы!!

— Эге жъ, до того йдется,—пиддакують другы,—Де жъ такъ? У гласни выбыратымуть и дворяне, и мужыкы. Учора мій Омелько въ мене кизякы ризавъ, а завтра може сыдитыме рядомъ зо мною, за однымъ столомъ. Я—гласный и винъ—гласный.

— Ни! Не дижде, ни дижде хамове кодло!—сердылась старенька пани, ударяючы кулакомъ объ кулакъ, и зачынала на вси бокы костыты «кодло» и тыхъ, що довелы дворянство «до такого безчестя».

Шавкунъ не лаявся. Винъ ажъ, мовъ, повеселишавъ, якъ забалакалы про земство. Винъ добре знавъ, що воно ёго рукъ не втече,—а може и погріе.

Наставъ новый викъ и для нашого Чипкы. То такы що тыхе, счаслыве жыття въ себе дома, зъ любою жынкою, зъ старою матирью, а то такы и на громади, середъ людей, Чипка не останній. Люде сталы его знаты, поважаты, шануваты,—бо иноди Чипка стававъ де кому у помочи. Хочъ винъ не любывъ теперъ роскыдатысь, а пры нужди чоловикови поможе. Чы хрыстыны де: кого жъ ёго въ кумы?—Чипка чоловикъ добрый, послухае. Адже Чипка самъ николы не ходывъ въ кумы; за те Галя по селу цилу метку хрещеныкивъ мае. Колы Богъ не дае своихъ дитокъ, хрещеныкамы втишается.—Лободи дочку даваты, а въ скрыни всёго на всёго десять карбованцивъ,—не стане и на горилку. Що ёго робыты? Де бъ ёго рукы зачепыты?—«Ты бъ, чоловиче, рае Лободыха, пишовъ до Вареныченка; може бъ винъ позычывъ до нового хлиба?»—А справди, одказуе Лобода, та прямо

до Чипкы. Чипка парадытся зъ Галею,—и уродытся въ Лободы весилля;—цилый тыждень пойизжане пьють та гуляють.

— Нема чоловика добрійшого, якъ у насъ Чипка!—хвалятся писчане: и здіймають шапкы, ще зъ далека побачывшы Чипку.

— Та хиба одни писчане?

Вештаючысь разъ-повзъ-разъ по ярмаркахъ, промыслуючы полотнамы, ставъ Чипка видомый на цилый повитъ. У тестя якось разъ зустрився зъ становымъ Дмытренкомъ—тымъ самымъ, що прозвалы «кобыляча голова», за те, що любывъ дуже менджуваты киньмы. Чипка и становому подобався. У друге стрилысь воны на ярмарку—и сталы сватамы. Становому подобався молодый Чипчинъ жеребчыкъ, котрого тесть подарувавъ. Дмытренко и пryставъ: проминяй, та й проминяй! Довго Чипка не згожувався,—та ничого не вдіешь: проминявъ. Становый взявъ соби доброго молодого жеребчыка, що ажъ кровъ скризь шкуру свитылась, а отдавъ Чипци старого-старого драбастаго гусарського коня, котрого продалы зъ полку, якъ розбывся на ногы. Дмытренко жъ такый радый, дякуе Чипци, обищае до єго въ гости зайихаты. А Чипка дывывся на драбастого, мовъ уперше на вику коня бачывъ, сплюнувъ, та й замовкъ.

Прыйиздыть зъ ярмарку до-дому. Выпрягъ коней: увійшовъ у хату; поздоровкався зъ матирью; поцилувався зъ Галею.

— Галю!—каже, сподивайся гостей.

— Якыхъ?

— Становый буде.

— Чого винъ тутъ забувъ?—пытае Галя дывуючысь.

— Скачу, каже, за драбастымъ конемъ, та й до васъ заверну,—жартуе Чипка.

— За якымъ конемъ? Що це ты бо-зна що верзешъ?!

Чипка тоди розсказавъ, якого зробывъ миняка.

— Отакъ винъ и зъ татусемъ,—каже Галя.—Якъ прыставъ... Татусь, правда, довго такы не подавався. А тутъ—пидскочыла якась лыха годына,—треба въ станъ. Такъ винъ перше якъ у станъ пойихавъ, взявъ та й одвивъ до Дмытренка пару коней.

Дмытренко чоловикъ правдывый—не одурывъ Чинку. Черезъ мисяць писля того котыть винъ Пискамы, та прямисенько пидъ Чинчынъ двиръ. «Тпру!»—спынылы коней передъ порогомъ. Галя и Мотря разомъ кынулысь до викна подывытысь—хто тамъ.

— Ныкыхфоръ Ивановычъ дома?—пытае ихъ становый зъ повозкы.

Галя хотила було одказаты. що нема, та—почервонила, несчулася сама, якъ промовыла,—дома.

Тутъ и Чинка нахопывся: выйшовъ назустричъ, здоровкается.

— Оце я до васъ у гости. Буде де переночуваты?—пытае становый.

— Колы ваша ласка,—просымо до хаты!—запрохуе Чинка.

Повходылы въ хату. Дмытренко скынувъ зъ плечей верхнёго балахона, струснувъ пылъ, потягся, зитхнувъ на всю хату, якъ добрый вилъ ревнувъ,—ажъ Галя выглянула зъ кимнаты, та опустывся за стилъ на лаву.

Чинка прыставывъ зъ другого боку стола ослинчыка,—сивъ навпроты гостя.

— А знаете, чого це я до васъ прыйихавъ?—пытае, знову позихнувшы, Дмытренко.

— А Богъ васъ знае. Звисно: ваше дилове—станове,—знай йиздыты.

— Эге жъ, эге. А ось я вамъ новыну прывизъ.

Галя одхылыла трохы кимнатни двери, дывылась у щылыну, а зъ-за плечей у невисткы показалась Мотрына голова. Обыдви слухалы: яку тамъ становый новыну прывизъ.

Дмытренко скынувъ очима на Галю.

— Це, мабуть, ваша жинка?

— Моя, одказавъ Чинка.

— Гарну дочку выкохавъ Гудзь! Не даромъ винъ іи на запорахъ державъ. Хорошу. Колы бъ бувъ знавъ, проломавъ бы и запоры, та вкравъ.

Галя почула це, засоромылась, прыхылыла двери.

— Галю! гукнувъ Чипка:—чого ты тикаешъ? Боишся, щобъ Петро Ивановычъ, теперъ бува не вкралы? Не бійся: я не дамъ.

— Я и сама не дамся,—одказуе Галя, высунувшысь зъ кимнаты.

Тутъ саме зъ надвору забрехала собака.

— О, та вы, мабуть, справди боитесь, що собачнк позаводылы,—жартуе становый.

— Та въ насъ всёго однымъ одна Мушка,—одказала Галя, зашарывшысь.

На симъ слови въ хату вступыла биднењко зодягнена дивчынка,—та бачучы, що не туды ніймала—стала мовчкы въ порога.

— Здорова!—прывитавъ іи Чипка.—Чого ты?

— До титкы Мотри,—одказала засоромывшысь дивчына.

Мотря почула, выйшла зъ кимнаты, поклонылася нызенько Дмытренкови, спинула нышкомъ за спидныцю дивчыну, та обыдви выйшлы въ сины. Незабаромъ Мотря назадъ увійшла, а дивчына пишла зъ двору. То була головына наймычка: іи послалы нышкомъ довидатысь—чого становый прыйихавъ.

Галя тымъ часомъ у кухни ставыла самоваръ. Сонце заходыло. Останній поглядъ, на прощання зъ землею, воно посылало въ свитлыцю, де сыдилы, мовъ давни прыятели, становый—на покути, багатыръ-козакъ—навпроты, на ослони. Розмова не клеилась: перескакувала зъ одного на друге, якъ скаче маленька борона по груднястій рили. Галя подала чай. Заходылась пыты. Розмова зовсимъ обирвалася. Чипци, якъ хазяину, стало ніяково.

— Такъ яку жъ вы намъ новыну прывезлы? Зачипае винъ, сёрбаючы гарячый чай.

— Добру—для добрыхъ людей. А ваши писчане таки неспокійни,—мени зъ нымы одынъ клопитъ, та й годи! Ще Ларченко, якъ передавъ станъ, перестерегавъ мене: стережится, каже, писчанъ,—бо то народъ вельмы завзятый! Ажъ воно такъ и йе.

— Та воно, мабуть бы, добродію, ніякого и клопоту не було, колы бъ не такъ трохы...

— Що жъ пакъ я казавъ?—спытавъ Дмытренко, загубывшы останню свою думку и ричь.—А, бачъ... Такъ земство прывизъ!

— Що воно за земство?—пытае Чипка, пыльно дывлячысь у вичи становому.

— Земство. Нова мылость царська! Бачыте: жывете вы у Пискахъ:—козакы, панськи и жыды. Адже и жыды йе въ васъ? (Чипка одказавъ, що йе). Такъ, бачыте: отакъ само жывуть и въ Котолупывци, въ Байракахъ, у Вовчій Долыни, жывуть помищыкы, жывуть купци, крестяне. Такъ усимъ, бачыте, треба по шляхахъ йиздыты; усимъ треба—хрань, Боже, якои пошесты,—видъ напасти оборонятысь. Одному—трудно, а гуртомъ—можна. Ну, такъ бачыте. (Дмытренко де дали ставъ учащаты: «такъ» то «бачыте»,—выдно, винъ гараздъ и самъ не бачывъ, не знавъ того, про вищо розсказувавъ). Такъ, отъ, бачыте: збираются гуртомъ—паны и мужыкы—та й роблять, що треба.

— Якъ це? И паны роблять?!—пытае здывованный Чипка.

— Та ни, не сами роблять, а выбираютъ гласнихъ, а ти выберуть управу зъ себе, а управа вже и заправляе всимъ.

— А становыхъ тоди хиба не буде?

— Якъ можна безъ становыхъ? Станови—полыція, а полыція и за земствомъ дывытся: щобъ дорогы ривнялы, мисткы гатылы. Безъ полыціи не можна! Хто бъ недоимку взыскувавъ, якъ бы не полыція? Станови, покы й свитъ сонця, будуть.

— Щось я гараздъ не второпаю, каже—роздумуючы—Чипка: и земство за дорогамы, и полыція за дорогамы.

— Ось почуете, якъ зберется громада, та прочытаю указъ.

На останнёму слови въ хату ввійшлы: козачый голова зъ пысаремъ, та панськый старшына зъ старостою. Крепакы, поздоровкавшысь, сталы коло порога, похнюпылысь; а голова зъ пысаремъ, мовъ москали, повытягались у струнку.

— А! Отъ, добре,—замисть прывиту, каже Дмытренко.—А я тилькы хотивъ посылаты за вамы. Завтра вранци щобъ мени була громада! Чуете? Вамъ кажу и вамъ! Та глядить мени,

щобъ не такъ, якъ недоимку платыте,—обернувся до крепакивъ зъ докорою.

— Теперъ, ваше благородіе,—каже пысарь,—гаряча пора, люде въ поли.

— Що мени до того—чы гаряча, чы яка? Я васъ выхоложу, якъ не буде громады!

Старшына мовчала, тилькы перетерала ногу объ ногу.

— Якъ же, ваше благородіе, сказаты громади?—пытае пысарь.

— Скажить: становый земство прывизъ, чытатыме. Чуете? земство? Не забудьте?

— Ни, не забудемо.

— Та й утомывся жъ я, Ныкыхворъ Ивановычъ. Вы не повирыте: двое сутокъ зъ повозкы не злажу.

— Ну, зъ Богомъ!—повернувся до людей.

Ти сунулы зъ хаты—одынъ передъ одного, ажъ штовхаются въ дверяхъ.

— Отака ловысь!—каже голова. Бувъ Чипка, а ставъ—Ныкыхворъ Ивановычъ. Що то значыть—гроши!!

— Та гроши, якъ гроши,—на те ёму старшына и староста.— А вы намъ скажить: чого це нашъ конокрадъ прыйихавъ?

— Та казавъ же: земство прывизъ,—одмовля замисть головы пысарь.

— Та чулы, що земство. А вы намъ ростолкуйте: що воно таке? Чы не податкы знову яки?

— А справди: що це воно Васыль Васылёвычъ?—пытае голова пысаря.

— Та кажуть бы то—нова якась управа. У насъ оце окружныхъ взялы, а въ ныхъ лыбонь швыдко посередныкивъ не буде. Треба жъ комусь людьмы правыты?

— Ще намы трохы правылы!—трохы кистокъ не выправылы. А це ще якусь нову управу выдумалы,—миркувавъ, мовъ самъ до себе, староста.

— Не можна жъ такъ народъ оставыты. Ось, мовъ, вамъ воля: робить, що хочете, якъ хочете, сами правуйтесь, сами и

росправляйтесь!—каже пысарь.—Адже такый розгардіяшъ пишовъ, що и... Пысарь почухавъ потылыцю.

— Такъ, такъ, пиддакуе голова.—Народъ—що? Отъ, вашп, давно таку бучу збылы, що хочъ зъ села збигай? Не правъ такымъ запеклымъ людомъ,—винъ тоби село переверне!

— Ага-га-а! Теперъ же я знаю, що це воно буде,—умишався староста.

— Кажы!—старшына ёму.

— Бачъ,—натякае староста: не дурно воны такъ усылковалысь, щобъ люде земли бралы.., ажъ воно на те и выйшло Имъ ще хотилося поводыты насъ на врывочку: хочъ вамъ царь волю и давъ,—та земля ще наша. платить за неи выкупни, а мы роскынемо розумомъ, та ще щось прыдумаемо. Отъ, и прыдумалы—земське. То выкупни платылы, а це ще—земське! Такъ скажемо и громади: на земське ще заробляйте!..

Тутъ воны дійшлы до крепацькои волости. Старшына и староста одризнылыся, пишлы въ волость, а голова зъ пысаремъ повернулы въ другу вулыцю—до головы.

У ранци, на майдани, коло козачои волости, зибралась у купу козача и крепацька громада. Дмытренко прыйихавъ на Чипчыныхъ коняхъ, прочытавъ указъ, розсказавъ—кого выбираты; заборонювавъ «сире мужычя» въ гласни «перты»: радывъ панивъ, котри «все знають и все, що треба зроблять»; похвалявся навить, що якъ повыбирають «мужву», то щобъ начувалыся.

Громада слухала мовчкы. Становый ще разъ обернувся; ще разъ раивъ выбираты панивъ; попрощався зъ Чипкою, моргнувъ ёму—може, винъ у гласни; сивъ на обывательски кони,—покотывъ зъ Писокъ. Не вспивъ винъ одйихаты, якъ громада загула:

— То це такъ! усе панивъ та панивъ! Ще воны намъ не ввирылысь?—гукалы крепакы.

— Толкуй, дурни!—грымае на ныхъ козачый пысарь. А хто жъ въ управи робытыме? вы, чы що? Хиба хто знае: якъ тамъ робыты?

— То наймемо такого розумного, якъ ты, та й робытыме,— кольнулы ёго крепакы.

— Та воно такъ. Тилькы хто ёго знае, що тамъ за робота.

Довго ще йшла розмова мижъ громадою и пысаремъ. Довго слухавъ Чипка, мовчкы. Громада роспысувала темнымы колирамы панивъ; пысарь—хочъ не оступався, а все-такы стоявъ на тимъ, що безъ панивъ никому буде дила робыты, що дило невидоме, що въ гласни треба выбираты прытьмомъ панивъ.

— А моя рада, не выдержавъ Чипка, така: якый не йе хазяинъ, а все кращый видъ наймыта. А що те земство невидоме, то воно кожному невидоме, не було ёго,—не зналы й папы. Адже на те Богъ чоловикови и розумъ давъ, щобъ до всёго дійты.

— Правда, правда!—гомонила громада.

— Папы вамы, люде добри, и такъ довго правылы, поправтесь ще сами! Все-такы своя рука—владыка. Воны не поклопочутся за те, щобъ усимъ було добре. Всякъ за себе. А въ насъ ще воны и родычи вси. Одынъ одного стережуть. Ось цей (Чипка ткнувъ пальцемъ у той бикъ, куды пойихавъ становый),— у мене хлибъ-силь йивъ, а за панивъ руку тягне.

— Эге жъ, эге. Воны якъ ти свыни: одно за другого,— гуде громада.—Колы жъ такъ —шабашъ, братця! Годи ихъ! Дывысь—бисове зилля: ёго зъ огорода, а воно такы въ огородъ! Хочъ у гласни имъ, колы людей нема А, дзуськы!

Розійшлася громада. Вернувся Чипка до-дому, радый, що довелося направыты громаду на добру стежку. У ёго серци заклёвувалось нове: ёму хотилося, щобъ громада ёго послухала; въ голови промайнула думка, що винъ порядкуе на громади, веде іи впередъ, усима верховодыть Давне забулося, мовъ ёго и не було николы: винъ теперъ отамануе на громади.

— Колы бъ то, Галю, послухалы моеи рады,—каже винъ у ночи жинци: увирвалася бъ имъ пытка!—И винъ ще довго розсказувавъ Гали, якъ винъ буде людямъ служыты. Гали и самій становылось якось гарно на души, що іи чоловикъ заробывъ таку людську повагу.

А въ Чипчынимъ серци вже ворушылося бажання верховодыты, пекло ёго, вырывалось на верхъ у думци, въ слови. Чипка зъ нымъ носывся, якъ зъ нахидкою. Кого не стрине, зъ кымъ не забалакае,—то все про земство, про выборы. Нема и речи другои. Радыть кожному себе стерегты, громаду, а не даватысь съ пову панамъ у рукы.

Рада ёго взяла свое. Черезъ тыждень прылетивъ у Гетманське посередныкъ Крывынськый, та прямо въ предводытельску канцелярію, де мала буты управа.

— Пропалы мы, мужыкы нашыхъ бьють!—скрыкнувъ винъ, забувсь и поздоровкатысь.

— Якъ саме?—схопывшысь, мовъ опеченый, скрыкнувъ завжде тыхый Шавкунъ,—и оторопивъ.

— У Пискахъ,—не то зъ нашыхъ—ни одного дворянына!

— Значыть и Дмытренка не послухалы!—ледве вымовывъ Шавкунъ, та, мовъ хто на ёго видро холодпои воды вылывъ, опустывся на свое мисце, пидперъ рукою голову и затыхъ.

VI.

Старе—та поновлене.

Выпавъ удушлывый день саме середъ гарячои поры жнывивъ. Сонце стояло надъ головою, якъ сковорода, роскалене, та, наче огнемъ, пекло. Пшеныця осыпалася: люде не вспивалы вхопыты. Пидъ такый часъ кожна хвылына дорога селяныновн. А тутъ—кыдай свою роботу, йидь у гласни.

Паны позйиздылыся. У Гетманському, коло нового будынку пана Польського, стоялы въ тры ряды кареты, брычкы, ноточанкы. Попрыйиздылы не тильки гласни. Багато найихало зъ повита и такъ соби цикавыхъ панивъ подывытыся на нове цыво, та послухаты, що то за земство.

Прыбулы и прости гласни, хочъ и не вси. То все булы козачи пысари та головы; одынъ Чипка зъ Лозою николы ще не зналы ніякои службы. Мижъ гласнымы-селянамы можна

було помитыты двохъ крепацькыхъ старшынъ: одынъ зъ Писокъ, другый—зъ Рудкы.

Паны гомонилы въ горныцяхъ; крыкы та реготы доносылысь зъ хаты на вулыцю. Селяне, попрыйиздывшы на обывательскыхъ шкапійкахъ (де-хто прывизъ разомъ и подушне) ростапувалысь коло будынку, наризно одъ панськыхъ каретъ. Хто сыдивъ пидъ возомъ, хто пидъ горныцямы; коженъ ховався одъ душнои спекы, що несамовыто пекла-палыла.—Оддалекы козацькои старшыны, сыдивъ пидъ горныцямы и Чипка, рядомъ зъ Лозою, не далеко видъ рундука. По праву руку—кучеры панськи, по ливу—«пьявкы людськи», якъ колысь Чипка обзывавъ сильську старшыну. Ёму було теперъ якось ніяково. Кучеры позлазылы зъ козелъ, де-хто пидійшовъ до знаёмыхъ гласныхъ; балакалы то про се, то про те; хвалылыся врожаямы; жалкувалы, що прыйшлося такый гарячый часъ прогаяты. Чипка сыдивъ мовчкы, слухавъ, та чы и чувъ що. По выду можна було помитыты, що ёго голову клопоталы не абы-яки думкы. Перервавъ ихъ Дмытренко своимъ зычнымъ голосомъ:

— Гей! вы!—гукнувъ винъ зъ рундука на гласныхъ: сюды идить!

Гласни пидійшлы пидъ рундукъ, поскыдалы шапкы. Тилькы одынъ Чипка зъ Лозою, якъ сыдилы, такъ и зосталыся.

— А скилькы васъ?—пытае становый.

— Та скилькы жъ?—обизвався передній, волосный пысарь, скынувшы очима на купку товарышивъ—гласныхъ.—Зъ нашого стану—тры, та зъ вашого—пьять, та двое зъ Свынокъ. Оце и уси!

— Ага, бачъ—Ныкыхворъ Ивановычъ. Здорови!—кывнувъ становый головою Чипци.

— Доброго здоровья,—одказавъ, пидводячысь Чипка, и знявъ шапку.

Лоза за нымъ уставъ; скынувъ и соби шапку.

— А що жъ це ваши сюды всякои наволочи понаносылы?—пытае Чипку становый.

— Якои наволочи?—зыркнувъ Чипка, та, трохы спустывшы голосъ, додавъ: передъ Богомъ уси ривни.

— То жъ передъ Богомъ, а тутъ—передъ людьмы.

— Та и передъ людьмы—все одно. Усе такы смиливише, якъ свій коло тебе. А то: вы соби въ будынокъ позалазылы, та й балакаете въ холодочку, а тутъ—печысь на сонци?

— Хто жъ вамъ велыть пектысь? Узялы бъ, та и увійшлы въ корыдоръ.

— Спасыби. Що громади, те и баби.

А вы, капустяни головы!—покынувшы Чипку, повернувся становый до козачыхъ гласныхъ.—Це вже вы намъ одну капость зробылы?! Чого вы сюды попрылазылы? Що вы тямыте?.. Ну, що ты, Свербыносе, тямышъ?—вызвирывся Дмытренко на червононыкого, товстого козачого голову, одъ котрого такъ и несло горилкою.—Кысъ бы соби въ Хайкы въ шынку. Ни, въ гласни прется!.. Або ты, Ступо!.. Жинчыной тини боится, до ладу не вміе слова вымовыть, а тежъ—и соби мижъ люде... въ гласни!!..

Ступа и Свырбынисъ мовчалы. Потупывшы въ землю очи, воны и не зглянулы на становогo. Винъ кынувъ ихъ, та до крепакивъ:

— А вы, недобыткы?.. Ще и васъ тутъ не ставало?! Давно зъ васъ шкуру злупылы?.. А теперъ—думаете, що и вы паны?!..

Стара уразка, роскопырсана нечыстымы рукамы, защемила въ Чипчынимъ серци. Зъ пидъ насупленыхъ бривъ засвитывъ гострый поглядъ,—то окыдавъ винъ нымъ становогo, то позыравъ на людей, що стоялы мовчкы, якъ до землі прыбыти.

— Чого вамъ до насъ, добродію, треба?—запытавъ Чипка сердыто и зыркнувъ на Дмытренка.—Хиба мы до васъ прыйихалы?.. Насъ громада прыслала... мы громади служымо...

— Та я про васъ ничого и не кажу,—спустывшы вныз голосъ, заговорывъ становый. Вы чоловикъ торговый; всюды буваете; людей, свита бачылы; де треба, доладу и свое слово скажете. Я про васъ не кажу! Зъ васъ гласный,—то такы гласный. А то-що?—Дмытренко зъ огыдлывостю глянувъ на останнихъ гласныхъ.—П-ху-у!.. Та теперъ уже не переминышъ. Глядить ще,—не повыберайте и въ управу своихъ!.. Чуете?

Гласни мовчалы, мовъ не до ныхъ ричъ.

— Слухайте, почавъ становый: дывится на мене. Якъ крутну правого вуса, клады направо билетъ; а крутну ливого,—наливо. Глядить мени!

Кажучы останне слово, Дмытренко посварывсь пальцемъ, повернувся, грюкнувъ дверыма передъ самымъ носомъ у гласпыхъ, та й скрывсь въ корыдоръ.

— Бачъ, якый гострый!—обизвався Ступа.—Мовъ надъ дурныкамы. Ни, стій! А мы такъ, братця: винъ намъ правого вуса, а мы—наливо. Нехай дудыка зйисть!

— Це напасть, та й годи!—каже якыйсь пысарь.—Швыдко нашому братови зъ нымы нигде буде мисця знайты...

— А нашому братови,—увернувъ гризно Чипка,—треба стерегты свого брата, и не тилькы про себе думаты. Винъ мавъ ще щось сказаты, та тутъ ихъ позвалы въ горныци.

Посередъ довгои и шырокои зали стоявъ довгый стилъ, засланый червонымъ сукномъ, облямованымъ золотою кгалёнкою, зъ золотымы кытыцямы. За столомъ, на покути, сыдивъ предводытель. По праву руку одъ ёго—Даныло Павловычъ Кряжовъ, потомокъ того самого гетьманського полковныка Кряжа, що вславывся ни боямы, ни походамы, а тилькы тымъ, що, прыкрепывшы до земли пидсусидкивъ, винъ прыкрепывъ пе трохы своихъ далекыхъ родычивъ, а разомъ зъ нымы брата и сестру ридну... або и не винъ прыкрепывъ ихъ, а ёго жинка,—та сама пани полковныця, що людямъ черевыками очи и зубы выбывала. По ливу руку одъ предводытеля сыдивъ Шавкунъ—городовый гласный. До ёго предводытель знай нагынався, а винъ ёму шептавъ щось на ухо. Кругомъ столу обсидалы други гласни,—горожане и земляне. Тутъ було циле «сонмыще», циле кодло Польськыхъ. Тутъ булы Совынськый, Крывынськый, Гаецькый, Мытиль,—не було тилькы одного Микухы: Порохъ такы ёго дойихавъ своимы ябедамы: винъ теперъ бувъ пидъ судомъ, безъ мисця. Мижъ горожанамы можна було побачыты Лейбу Оврамовыча, орендаря пана Польского, а рядомъ зъ нымъ отця Дмытра,—благочынного, що такъ менжувавъ просытельськымы княжечкамы, якъ Дмытренко

кипьмы,—за що, кажуть, не разъ судывся и у консысторіи. Дмытренко, якъ не гласный, сыдивъ окроме, мижъ панамы, котри прыйихалы подывытысь на нове дыво. На всю хату тилькы два порожни стильци зосталыся,—та и ти, мабуть, дожыдалы когось зъ панськыхъ гласныхъ. Чипка смилыво опустывся на одынъ; за нымъ Лоза—на другый. Паны-гласни ззырнулыся. Хочъ наши дукачи булы въ добрыхъ сыпихъ жупанахъ, а все такы така незвычайна смилывисть колола панськи очи.—Для останнихъ гласныхъ-селянъ не знайшлося мисця за столомъ; прыйшлося спынамы пидпыраты стину.

Писля молебню та прысягы, почалысь выборы. Радылы выбыраты Кряжова, хвалылы Совипського, роспыналысь за Шавкуна, намирялысь пропхнуты Гаецького, Мытиля. Якъ не крутывъ уса Дмытренко, якъ не дывывся на кожного, хто пидступавъ класты билета не въ сертуци, а въ свыти; а вышло такъ, що ледве-ледве провелы трёхъ першыхъ. На Шавкунови зробылы невелычкый спочынокъ. Якъ палагодылысь знову прыпятысь за выборы, гласный Саенко,—сынъ сотныченка,—попрохавъ «слова». Панамъ це було не въ дывовыжу. Саенко—здавна чоловикъ неспокійный. Ще за Васыля Семеновыча винъ було не пропустыть выборивъ, щобъ не паговорыты—якъ казалы про ёго—«симъ мишкивъ гречанои вовны». Вже та вовна була для панивъ Польскихъ гирше гиркои гирчыци. Нивроку розумный, гострый, якъ брытва, Саенко не пропускавъ случаю, щобъ не побрыты своихъ сыльныхъ родычивъ. Прости люде ёго любылы, якъ чоловика, котрый не змовчыть сыльному и стане завжде въ прыгоди немощному. За те паны та жыды Саенкового духу боялыся,—та й не дурно. Напакостыть панови, прыдавыть жыда—стало втихою для ёго. Такъ оцей-то «либералъ», якъ ёго звалы, знявъ теперъ ричъ про земство. Обертаючысь до панськыхъ гласныхъ, винъ доказувавъ имъ «всесословнисть земства», довго и красно розводывъ имъ про «интелектуальную дѣятельность», котру воныза «прошли грихы», повынни булы оддаты «на алтарь общественнаго благополучія». То повертався до простыхъ гласныхъ, нагадувавъ имъ про «равноправнисть», умовлявъ самымъ дбаты про

свои «интересы», про «народне благо». А, на заключку, всимъ гласнымъ разомъ радывъ выбраты членомъ въ управу хочъ одного зъ гласныхъ — селянъ.

По хати пройшовъ шелесть. Паны здвыгувалы плечыма, хыталы журлыво головамы, шепталыся мижъ собою. Мужыкы заворушылыся пидъ стиною, затупалы ногамы на однимъ мисти, зглядалыся, мовъ пыталы очыма одынъ въ одного: «А що?! кого теперъ»?

Предводытель, пошептавшысь зъ Шавкуномъ, а потимъ зъ Кряжовымъ, задзвонывъ у дзвоныкъ и, оглядаючы селянъ, голосно запытавъ: хто хоче выбиратысь?

Шелесть потроху стыхавъ. Предводытель запытавъ у друге. Уси мовчалы, тилькы ззыралыся.

— Ось хиба Вареныченко...—якось несмилыво, кризь зубы, процидывъ старшина зъ Писокъ.

На ёго глянуло сто очей; глянувъ Дмытренко—и затулывъ рукою свого рота: «мовчы, мовъ, нескребо!»

— Якого Вареныченка?—волею-неволею, вымовывъ предводытель.

— Ось!.. ось...—почулось зъ-пидъ стины килькы голосивъ. тыкаючы пальцямы, де сыдивъ Чипка.

Винъ почервонивъ. Уси вставылысь на ёго очыма.

— Вы желаете?—спытавъ ёго предводытель.

— Та колы людська ласка, та панська воля,—одказавъ Чипка, пидводячысь,—то и про мене...

Голосъ ёго тремтивъ; лыце горило; очи свитылы радистю,

Пустылы на голосы; выбралы Чипку.—Дали, розгарячывшысь, выбралы Саенка въ губернськи гласни. Выборы скинчылысь. Селяне порозйиздылысь по домивкахъ. Паны забенькетувалы въ городи.

Вернувся Чипка до-дому, Галя побачыла въ викно, выскочыла зъ хаты.

— А що?

— Усе гараздъ!—скрыкнувъ радо Чипка.—Теперъ я, Галю, не тилькы гласный, а ще и членъ въ управи...

— Не вже?—разомъ зрадившы и злякавшысь, скрыкнула Галя.

— Далеби.. выбралы,—хвалытся винъ.

— Кого выбралы? куды?—почувшы останне слово, пытае Мотря, высунувшысь у викно.

— Мене выбралы, мамо, въ управу!

Мотря глянула прямо Чипци въ вичи, по выду въ неи пробигла нерадисна смужка.

— И на що воно тоби, сыну, зъ панамы водытысь?—каже вона журлыво.—Ще, не дай Боже, пидведуть якъ. Сами жъ поховаются, а тоби—буде...

— Не бійтесь, мамо: не—подамся!—заспокоюе іи Чипка.

— Ще встряпешъ куды...—свое такы Мотря.

— Ничого вы, мамо, якъ я бачу, не знаете,—одказуе безъ гниву Чипка.—На те ихъ воля. А може я, мамо, людямъ у прыгоди стану... добро яке зроблю...

— И-и, вже, сыну! Ты—одынъ, а ихъ скилькы...

— Одынъ, та добрый,—оступылася за чоловика Галя и, всмихаючысь, пишлы обое въ хату.

Радивъ Чипка, потай одъ матери, вдвохъ зъ жинкю, що заробывъ людську шану, повагу. Те, що мисяць назадъ тилькы заклюнулось у серци, теперъ уже снувало передъ ёго очыма, заволодило ёго думкамы. Лагодывся Чипка громади служыты,—збирався добро робыты; гривъ у серци самъ соби, нышкомъ, потай уже и одъ жинкы, голубку-надію—давнье забуты и слидъ ёго загладыты. А выйшло такъ, що—де знайшовъ шану, тамъ згубывъ спокій и... долю!

Выбиръ ёго въ управу, зробленый пидъ гарячый часъ, безъ порады, безъ розмыслу,—никому не бувъ мылый! Козацька старшына на Чипку скоса дывылася. Пысарямъ та головамъ заздро було, якъ такы москальчукъ, ще недавній голодранець, волоцюга, ледащо, посившы за жинкою багатство, выскочывъ у люде, мижъ паны, куды воны перлыся зъ самого малку, що имъ снылося и ввыжалося—та не сталося! Паны оханулыся,—якъ уже выбралы.

Сталы воны одынъ одному жалитыся, якый теперъ викъ наставъ, що свій братъ дворянынъ братается зъ «хамомъ», та ще пидводыть до того и другыхъ. Сталы нарикаты на Саенка, що це винъ такъ зробывъ на глумъ, на соромъ цилому повитови. Товарыши по управи вважалы такый выбиръ тяжкою для себе образою, залякувалы де-кого зъ панивъ, що—колы на те пишло, то воны вси покыдають управу: нехай заправляе самъ!... А Шавкунъ ламавъ уже голову, нышпорывъ по товстелезныхъ томахъ законивъ,—чы не знайдется чого, щобъ выпровадыты зъ управы члена, котрый,—якъ винъ боявся,—мигъ статы ёму на перемети, шкодыты, не допускаты просуваты лапу до земськыхъ грошей...

Шавкунъ—бытый жакъ! Не даромъ винъ посывивъ, сыдячы надъ бумагамы. Винъ метнувся сюды-туды; якъ той павукъ, сплывъ, роскынувъ ситку; ловывъ кожне слово, яке ёму треба. Ничого самъ не потрапывшы, винъ повернувся за порадою до свого давнёго прыятеля Чыжыка—секретаря въ суди. «Чы не було чого, братику? чы не судывся винъ?»—допытувався Шавкунъ. Чыжыкъ понюхавъ табакы, чхнувъ, прыставывъ пальця до лоба, подумавъ зъ хвылынъ пьять, та й полизъ у шахву зъ старымы диламы. Перекынувъ одно, перекынувъ друге, заглянувъ у трете, въ пьяте, въ десяте; натрапывъ слидъ; піймавъ нытку—та разомъ зъ Шавкуномъ дійшлы и до клубочка...

— Найшлы!—ускочывшы въ управу, скрыкнувъ Шавкунъ подачюы:

Дѣло объ покражѣ пшеницы въ коморахъ помѣщика Надворнаго Совѣтника Василія Семеновича Польскаго и о прибіеніи сторожа Деркача.

Члены порозззивлялы роты, повытрищалы очи. Шавкунъ перечытавъ дило, по котрому «солдатскій сынъ Вареныченко оставленъ въ подозрѣніи».—Управу обняла радисть, мовъ кожному зъ членивъ прыбуло видъ того счастя. Якъ на те въ городи лучывся Дмытренко. Ёго заклыкалы въ управу; зачынылысь; довго балакалы. Уси выйшлы, всмихаючысь.

Чипка ничого того не знае. На Маковія пойихавъ у Хамлю на ярмарокъ, та вернувся ажъ передъ Спасомъ. Того самого дня,

якъ винъ вернувся до-дому, зайиздыть до ёго Дмытренко, розсказуе дило, радыть самому заздалегоды тикаты зъ управы.

Чипка, якъ почувъ про дило—мовъ хто ёго обухомъ лыгнувъ по голови. Соромъ, досада, злисть—усе разомъ прылыло въ ёго голову, мутыло ёго кровъ, гамселыло въ выскахъ; заходыло жовтымы и чорнымы кружаламы у виччю. Самъ винъ поблидъ; рукы тряслыся. Винъ почувавъ своимъ серцемъ, що це вертается за нымъ давнье, простягае до ёго рукы, хоче ёго схопыты, обняты. Щобъ себе не выдаты, винъ скочывъ зъ ослинчыка, де передъ тымъ сыдивъ; ставъ ходыты по хати; блудывъ мутнымы очыма по стинахъ. Одна думка обгоняла другу; одна одну выпережала,—наче гралыся на выпередкы; винъ хотивъ на бигу пiйматы хочъ одну зъ ныхъ; воны одъ ёго тикалы, зныкалы, одни тилькы краи ихъ на одну хвылыночку проносылысь,—покы не злылыся въ одну думку: якъ не якъ, а жывцемъ не податыся въ рукы!

Дмытренко, якъ мара та, сыдивъ надъ ёго душею; чыгавъ, якъ шулика,—колы Чипка прыстане на ёго раду,—самъ выйде въ отставку.

— Колы бъ мене на шыбеныцю велы, та сказалы: якъ подасы самъ, помылуемо,—я бъ и тоди не послухавъ!—скрыкнувъ Чипка.—Хто скаже, що я чоловика вбывъ?.. Може, воны на своимъ вику десяткы, сотни на той свитъ позагонылы. А теперъ шкода: нема воли!.. Теперъ завадыло—вси ривни!.. Я людямъ служу... мене люде выбралы... мене люде и скынуть!

Пойихавъ Дмытренко ни зъ чымъ.

На другый день летила оть предводытеля бумага.

Черезъ день—прывезла стахвета прыказъ: «устранить гласного Вареныченка».

Упала ця вистка, якъ гримъ на Чипчыну голову. «Це гирше крадижкы, розбою»!—думае винъ.—И назвы цёму немае. Тамъ прыйшовъ, узявъ--и нема... выдно, чого нема!.. А тутъ—усе йе... и добро зосталося, и самъ зостався. То що зъ того, що зостався?.. Колы твою честь украдено... душу твою обезславлено. «Та ни! не буде сёго. Мы ще помыряемось. Ще побачымо,—чый батько

старшый. Не той теперъ викъ... часы теперъ не ти... не ти люде!...»

Запрягае Чипка коней, йиде въ Гетьманське. Не поганя—жене коней: не везуть воны,—мчать, та прямисинько до Пороха въ двиръ.

Переминывся Порохъ зъ того часу, якъ ёго бачывъ Чипка; постаривъ, захыривъ, опавъ. Колысь кругле облыччя ростяглося вдовжъ, осунулось; щокы пообвысалы; очи помутнилы; руди вусы посывилы; самъ згорбывся, трусытся. Отже пизнавъ винъ Чипку; пизнавъ и ёго Чипка. Прывиталысь, якъ давни прыятели.—Почула Галя чужого чоловика, увийшла въ хату; подывылася на Чипку—и выйшла мовчкы. На ій лыця було не знать,—такъ вона схудла, ажъ почорнила. Перше всёго пославъ Чипка за горилкою; побигла черномаза дивчынка—Гальчына дочка. Порохъ зрадивъ горильци, и выпывъ пидъ-рядъ ажъ тры чаркы. Тоди Чипка похвалывся ёму своею прыгодою. Не втаивъ винъ ничого: розсказавъ, якъ Дмытренко намовлявъ передъ выборамы людей у Пискахъ; розсказавъ, якъ крутывъ вуса на выборахъ; розсказавъ, якъ паны намовлялысь не пустыты мужыкивъ у земство, якъ булы выборы. Сказано: ничого не втаивъ гострый языкъ ображеного Чипкы.

Гаряча мова роспалыла гарячу кровъ Порохову; засвитывъ огонь у ёго старыхъ очихъ,—и винъ напысавъ Чипци жалобу. Хочъ трясльіся рукы старого пысакы, хочъ брызкало перо,—одначе зъ пидъ ёго отрута на папери зосталася. Вылывъ Порохъ у жалоби всю свою злисть, що накыпала довги рокы: обпысавъ, оцерклювавъ старый ябеда панивъ Польськыхъ такъ, що ажъ самъ трясся, чытаючы Чипци жалобу. Чипка заплатывъ ёму добре, подякувавъ; одвизъ жалобу на пошту, а самъ пойихавъ у Пискы.

Горе, кажуть, объ горе чипляется.

Вернувся Чипка зъ Гетьманського до-дому зъ розтроюженымъ лыхомъ у серци. Стрива ёго маты; хвалытся: нема Гали дома, пойихала до батька, бо Максымъ занедужавъ.

— Чого?—пыта Чипка.

— Господь его знае. Пойихавъ, кажуть, кудысь на ярмарокъ любисенькый, мылисенькый, а прывезлы—ледве дыше.

— Г-мъ. А що въ васъ чуваты доброго?

— Що жъ теперъ доброго почуешъ? Нема теперъ ничого доброго. Онъ, розсказують, на Красногорку напалы розбышакы. Чоловика зъ двадцять найихало,—та сторожи одбылы. Кажуть, така бійка була, Господы!—Чипку подравъ морозъ по-за шкурою. «Такъ... такъ!—думае винъ.—Оце жъ воно ёму и икнулося»!... — Пороспрягавъ винъ коней; пидложывъ сина. Ходыть по двору,— не хочется и у хату. Сонце саме заходыло. Пиднялась вечирня шарпанына. Тамъ волы ревлы; тамъ овечата мекалы; тамъ жинкы свыней клыкалы. Все то хазяйськи клопоты. Чипци—байдуже до всёго того! Винъ навить не дослухается. У ёго теперъ свои клопоты,—не обберешся ихъ...

Ходыть винъ по двору—нудно; увійде въ хату—хатни померкы ще дужче розвертають сумну думку. Розстылае вона передъ нымъ, наче страшный кылымъ, страшни прыгоды жыття. Ось и Максымъ лежыть—перебытый! Ось высовуются давни, знаёмы тини: Лушня, Пацюкъ, Матня, ще и други братчыкы. Пьяни головы горять кривавымъ цвитомъ; у очахъ палае хыжисть, холоднеча. Ось пиднимаются въ памьяти панськи коморы, про ныхъ нагадалы въ земстви... прыгадався сторожъ. И сторожъ, и Максымъ качались передъ нымъ, божевильно стогналы. Чы правда тому?..—Правда... гола, страшена правда!... Щобъ винъ теперъ давъ, колы бъ можна іи выкынуты зъ памьяты, забуты! Такъ ни!.. Такъ не забувается. Воно, мовъ нарошне, вылазыть на верхъ, наче яке страховыще, лякае тебе. Навищо воно вертается? на що воно здалося мени?.. Воно перестрило мене, перейшло мени дорогу тоди, якъ я хотивъ ёго слидъ затерты... И сплывае ёму на думку земство, зъ своимы плутощамы та хытрощамы, зъ своею образлывою неправдою. «Воно мени нагадало про те... я хотивъ ёму останній викъ оддаты, а воно мене завертае до старого. Хиба въ земстви не ти люде, що и булы?.. Хиба воны въ одынъ разъ переминылыся. Чого жъ имъ можна служыты?.. Чому мени

ни?.. Коженъ зъ насъ несе грихъ за собою. Чого жъ одному прощено,—одынъ забувся про ёго, наче спокутувавъ. А мени—нема ни забуття, ни спокуты. И не каралы—и вынуватый. Де жъ та правда на свити»?!

Зовсимъ смеркло. Люде и свитъ спочылы. Лягла вже и Мотря. Тилькы одынъ Чипка не лягае: ходыть, нудытся, карается. Зъ хаты на двиръ; зъ двору—въ хату.

— Чого ты, сыну, тупаешъ? Чому спаты не лягаешъ?

— А вамъ спытся?—неласково одказавъ винъ.

У голоси ёго забренчала давня туга. Матерыне серце почуло іи зразу—и злякалося.

— Спытся жъ...—ласково одказала вона.—Чому жъ воно не буде спатысь, колы така пора?

— Ну, то и спить, колы спытся,—мнякише сказавъ Чипка, та й опустывся на лаву.

У хати темно, тыхо. Мотря тыхенько зитхае.

— Мамо!—обизвався Чипка.

— Чого, сыну?

— Чы воно буде колы на свити правда? чы, мабуть, николы не буде?!

— Господь ёго знае, сыну. Колы бильше буде отаке заводытысь, якъ теперъ, то певно, и тіеи не стане, яка теперъ е...

— Ну, мамо... Выдно,—николы не було тіеи правды, николы й не буде! Не заводылось бы таке, колы бъ вона була...

Мотря ничого не одказала. Чипка знявся, знову выйшовъ зъ хаты, та проходывъ по-надвирью мало не до свита билого. На другый день пойихавъ Чипка до тестя. Теща и жинка стрилы ёго перелякани. Воны повелы ёго въ колышню Галыну хатыну. Явдоха щось довго-довго шептала ёму, ламаючы руки. Вона була, якъ полотно, блида—перелякана. Галынъ поглядъ свитывся тяжкою мукою. Прыкро и гостро дывылась вона на чоловика, немовъ казала: «Онъ бачышъ». Чипци одначе було теперъ не до того. Побалакавшы нышкомъ зъ Явдохою, винъ пишовъ у свитлыцю. Звидты доносылось до ныхъ страшенне стогнання. У свитлыци на лижку лежавъ Максымъ, перегнувшысь у двое.

Разъ-повзъ-разъ зъ грудей у ёго вырывалысь тяжки «охы», разъ-повзъ-разъ винъ схоплювався за перегнуту спыну. Ёго мученый выдъ уразывъ Чипчыне серце,—ажъ забигала мылька... Явдоха пидступыла до недужого.

— Максыме!—обизвалась вона.

— О-хъ!—одказавъ Максымъ, важко зитхнувшы.

— Чипка прыйихавъ.

— Тату! здорови булы,—прывитавсь Чипка, пидступывшы до лижка.

— О-о-хъ!..

— Чого се вы?

Максымъ несамовыто скрыкнувъ и схопывся обома рукамы за спыну. Скрывленый у рота выдъ показувавъ страшни боли. Винъ похлыпувся, закашлявся... Забулькотило въ грудяхъ; Максымъ выправывсь, трипнувся; розкрывъ шыроко очи; провивъ нымы хыжо по всихъ... То бувъ останній поглядъ—поглядъ наглои смерти... Явдоха мерщій накынула на выдъ чорный платокъ.

Якъ пиднялы платокъ,—Максыма вже не було... Мука застыгла въ ёго на лыци, выглядала шыроко роскрытымъ, скрывленымъ ротомъ, вытрищынымы очима...

Галя глянула—и скрыкнула... «Вмеръ! вмеръ!»—крычала вона не своимъ голосомъ, выбигаючы въ кимнату и кыдаючысь на лижко лыцемъ у подушкы.

Чыпка зыркнувъ и—затрясся... Винъ николы не бачывъ такого страшного погляду. Передъ нымъ війнула друга смерть—бабына... Тамъ—тыхо, наче забуваючысь, або засыпаючы, упокоювалась добра душа. Тутъ—зъ страшнымъ болемъ, мукамы та проклёнамы покыдала вона землю... Голова въ Чипкы закрутылася, затуманила. Винъ закрывъ на хвылыну очи, и спустывъ блиде лыце на груды...

Одна Явдоха выдержала. Вона знову прыкрыла чорнымъ платкомъ Максымову голову; сипнула Чипку за рукавъ—и вый-

шла зъ нымъ зъ хаты. боляче стуляючы очи, зъ котрыхъ туга ледве выдавыла дви слёзыны...

А въ Гетьманському паны радылы, що по ихъ сталося. Выборы твердылы, а на Чипчыу жалобу черезъ справныка послалы одказъ.

Ось одкрылась и земська рада. На раду прыбулы одни паны: селяне не пойихалы. Одни, якъ Лоза, черезъ те, щобъ не чуты такои брыдкои лайкы та ганьбы, яку воны чулы одъ станового на выборахъ; а други не пойихалы—за возовыцею: саме хапалыся зъ нею, бо дощи—якъ затяглыся: що-дня, та й що-дня... Радылы раду одни паны...

Черезъ тыждень чутка про ту раду оббигла цилый повитъ. Першъ усёго розсказувалы, яке велыке жалованння положылы членамъ въ управи; потимъ того жалилыся на якыйсь чудный налогъ зъ земли: въ кого іи бильше, той платыть меньше, а въ кого меньше, зъ того и беры; дали хвалылыся, що шляхы, гребли и мосткы будуть ривняты, гатыты и лагодыты «натурою», то бъ то мужыцькымы рукамы... Чипци не до того теперъ. Его заклопоталы хатни клопоты. Треба було тестя поховаты, помынаты, худоби ёго порядокъ даты. Чипка выкрутывся цилый мисяцъ, якъ муха въ окропи; николы було дослухатысь, що люде говорять.

На Параскы въ Гетьманському ярмарокъ. Упоравшысь коло хазяйства, Чипка пойихавъ. Перше-на-перше зайшовъ въ управу. Якъ же почувъ, що така бида зъ нымъ,—якъ сто зміивъ разомъ ужалыло ёго серце! Не роспытуючы якъ, що, завищо,—видъ злости винъ не мигъ слова вымовыты—выйшовъ неборакъ зъ управы, наче вчадивъ... Голова ходыла ходоромъ, кружала, болила; въ выскахъ якъ хто молоткомъ стукавъ; въ очахъ—жовто, чорно; а въ ушахъ—пыщало, стогнало, выло... Щобъ хочъ трохы очуматысь, винъ пишовъ походыты по ярмарку. Ходыть помижъ возамы, по-пидъ крамныцями—роздывляется, слухае... Тилькы и речи, тилькы и мовы, що про земську раду, про налогъ!..

— Знаете?—пытае, всмихаючысь, одынъ велыкопомисный панюга другого.

— Знаю, знаю...

— Сынокъ не уступыть батюшци...

— Якый бисъ, то не винъ! То все Шавкунъ зъ Кряжовымъ... Отъ, головы!

— Ото имъ—всесословнисть! Хотилы ривноправносты,—оце имъ и поривнялы... А то справди,—всяка наволочъ дере носа въ гору... Нехай же теперъ знають!...

— Оце самоврава!!—запыхкавшысь, зъ переляканымъ выдомъ, стричае милкопомисный панокъ сусиду.—Чулы про налогъ?

— Де жъ не чуты? Добре далеко росходытся, а лыхе—ще дали...

— Оце такъ!—пидскочуе третій полупанокъ.—Цёго ще не було, щобъ безъ сорома, прылюдно, въ вичи казалы: хто мае на десять рубливъ,—зъ того беры рубля; а хто на тысячу—копійку! А теперъ, пры самовправи, диждалы...

— Имъ що?—четвертый каже.—Воны соби повбыралысь въ управу, лущытымуть зъ насъ грошыкы,—та й ни гадкы!

— А нашому братови—дошкуля, до самыхъ печинокъ доходыть...—веде ричъ першый.

— Та ще якъ дошкуля,—пиддержуе третій: такымы поборамы печинкы вытягнуть!.. А зъ чого ёго, скажить на мылость! То було сяки—не таки, а все такы тры своихъ робитныкы, а теперъ, бида, та й годи!.. А народъ такъ розледачивъ, що,—сказано,—самъ хочъ за плуга берысь... Ни за ласку, ни за гроши... Винъ швыдче той день у шынку просыдыть, нижъ пиде на роботу до пана...

— Це розбій! це—здырство панське!!—чуе Чипка, якъ гукають селяне пидъ яткою.

— А, бачъ?.. не я казавъ?—прыстае до старшыны пидпывшый староста.—Не я вгадавъ, що воны и земське выгадалы, щобъ зебе полататы... Царь людей одибравъ, царь волю давъ... Хиба жъ ихъ такъ и выпустыты? Эге жъ!.. Колы не роблять,—хай же хочъ платять!

— То було окружный зъ насъ шкуру дере, а теперъ—управа дратыме,—бидкаются козакы.

Чипка все це чуе—и кожне слово, якъ гостра колючка, коле ёго въ серце; розбуркуе стари думкы... Зломъ пашыть лыце ёго, зломъ свитять очи,—ажъ поблидъ видъ злости, ажъ рукы трусятся...

— Не дурно воны такъ усылковувалысь мене выпхнуты... Ажъ имъ опъ чого заманулося? Прокляти! Абы имъ тепло, абы имъ добре... Нехай дурный мужыкъ на всихъ робыть, за всихъ платыть; хай одбувае одбучи... Никому за ёго оступытыся! Воны себе знають, свое панське кодло знають... А мужыкъ—вилъ; оры, покы здужае! покы не впаде въ борозни!.. А тоди здеры зъ ёго шкуру на чоботы... Прокляти! Чорты, а не люде!

Чипка крычавъ, розмахувавъ рукамы; гаряча й ёго ричъ огнемъ пашыла. Кругомъ ёго де-дали бильшала та бильшала купа людей; довго слухалы мовчкы; потимъ хто-небудь увертавъ и свое слово,—пидкладавъ дровъ до багаття. На той крыкъ нахопывся Дмытренко.

— Що це вы робыте?—спытавъ винъ Чипку.

— Якъ—що?

— Та де жъ?—вы людей бунтуете, земство лаете, управу, налогъ...

— Щобъ воны не дождалы ёго браты!—гукнувъ Чипка.

— Чого це ты такъ роскрычався?—га?—переминывъ становый ричъ, розсердывшысь. Чого ты людей бунтуешъ?

— То вы ихъ бунтуете, а не я!—одризавъ Чипка.

— Гляды лышень, козаче, щобъ зъ цилымъ языкомъ до дому вернувся. Чуешъ?—не забувайся!

Становый пишовъ дали помижъ возамы. Чипка знову прынявся за управу.

Надъ вечиръ вертався винъ до дому вкупи зъ Грыцькомъ. Винъ бувъ сумный, мовчавъ цилу дорогу. Грыцькови ажъ моторошно стало,—винъ зачепывъ ёго:

— И охота тоби, брате-Чипко, зъ нымы лаятысь?

— Чы можна жъ, Грыцьку, втерпиты?

— Та плюнь на ныхъ... Хай имъ зъ ихъ управою, зъ ихъ земствомъ!

— Мене громада выбрала... Я громади прысягавъ... Хто старшый—громада, чы воны?

— То и на громаду́ плюнь!

Чипка ажъ позеленивъ одъ такого слова—и ничого не одказавъ.

Прыйихалы передъ вечеромъ до дому. Чипка самъ на себе не схожый. Галя стрила ёго на порози, та ажъ переляк ал ася.

— Чипко! що зъ тобою? ты не здужаешъ?

— Ни, здоровъ... Йисты хочу.

— Далы ему йисты.

Чипка сыдыть—насупленый, жовтый, ажъ зеленый;—йисть мовчкы. Пообидавъ, якъ стало сонце сидаты. Не пидводячысь зъ мисця, схылывъ винъ на руку голову, обперся объ стилъ,— та такъ и закаменивъ...

Захиднье сяйво освичувало ёго сумну, якъ зъ мармору выроблену постать,—одынъ іи згорбленый выдъ наганявъ журбу тяжку... Галя глянула на ёго—и нышкомъ стала плакаты. Чипка почувъ.

— Чого ты, Галю?

Вона мовчала.

Винъ пидійшовъ до неи; взявъ іи рукамы за голову и, заглядаючы въ вичи, промовывъ:—скажы мени, Галочко,—чого ты?

— Ты мене зовсимъ забувъ,—одказала вона, схлыпуючы.

— Якъ забувъ?

— За тымъ проклятымъ земствомъ,—ни поговорыты николы, ничого...

— То такы правда, що воно въ мене отутъ сыдыть!—показавъ винъ на серце.

— Чомъ же ты ёго не кынешъ, сыну?—обизвалася журлыво Мотря.—Чы воно тоби не огидло?.. На тебе вже дывытысь страшно... Якый бувъ, а якый ставъ!!

Чипка матери ничого не одказавъ.

На двори стемнило. Спускалася ничъ на землю; утыхомырювала людськи клопоты, рукы и думкы. Полягалы спаты. Чипка лежавъ мовчкы, хочъ и не спавъ. Думкы цилымъ роемъ окрылы

ёго голову. Перелиталы воны зъ самого малку—ажъ до сёгодня; пазырнулы кожну прыгоду жыття ёго,—гарячылы кровъ, мутылы розумъ. «Скризь неправда, скризь!»—шепотивъ винъ. «Куды не глянь, де не кынь,—усюды крывда та й крывда!.. Жывешъ, нудышся, тратышъ сылу, волю, щобъ куды заховатысь видъ неи, втекты видъ неи; плутаешся въ темряви, падаешъ, знову встаешъ, знову простуешъ, знову падаешъ, не вхопышъ мисця, де бъ прыхылытыся.. Сказано: великый свитъ, да нема, де дитыся!.. Колы бъ можна, ввесь бы цей свитъ выполонывъ, а выростывъ другый... Тоди бъ може и правда настала!..

Чуючы, якъ важко Чипка зитхае, а не озывается, Галя знову почала плакаты. Замисть утихы, Чипка похвалывся їй своимъ горемъ,—та трохы самъ не заплакавъ. Галя ёго заспокоювала, голубыла, прыгортала мицно до серця. Чипка одмовлявъ їй нехотя.

Наплакавшысь, Галя заснула, якъ мала дытына: тыхо, спокійно.

Чипка прокачався цилу ту ничъ—и очей не заплющывъ: усе думавъ, мучывся...

VII.

Лыхо не мовчыть.

Поховавшы Максыма, Явдоха сама побоялася на хутори жыты. Пидмовляла дитей—воны не захотилы. Тоди вона спродала дворыще, спродала все, що можна було спродаты, та й перебралася до дитей. Разомъ зъ нею вступыло и нове лыхо въ Чипчыну хату.

Перше всёго матери не помырылыся. Явдоха була пышна, горда. Якъ тилькы оселылася, заразъ почала все на свій ладъ перевертаты, господарствомъ заправляты. И те не такъ, и друге—не до ладу, и трете—не на своимъ мисци стоить! Мотря,—зъ молодыхъ ще литъ зсушена то працею, то нуждою, суха, якъ опенёкъ, тыхо, бидненько зодягнена,—довго мовчала, потакала

Явдоси... Одначе не выдержала. Явдоха щось уже стала дуже верховодыты, завищось гримнула на Мотрю. Мотрю розибрала досаца, вона обизвала Явдоху паніей; а Явдоха полаяла Мотрю пыщою, дармойидкою... Зъ того и пишло. Лайка та сварка, бучи та колотнечи. Не було того дня, щобъ воны мижъ собою не лаялысь. Гали шкода було Мотри, котру вона уподобала, и вона, щобъ не сердыты и матери, ховалася одъ тыхъ бучъ та сварокъ—або въ себе въ хатыни, або въ Хрысти. Вона рада була зійты куды зъ двору, щобъ ни чуты, ни бачыты! Якъ же вже и іи зачыпалы чымъ, то—звисно, якъ дочка,—вона тягла матерыну ричъ. Чипка и соби - хочъ и бачывъ, що маты ни въ чому не вынна,—держався рукы жинкы, а за нею—и тещи. Довелося Мотри таке жыття, що хочъ безъ висты тикай!

— Казала я тоби, сыну,—жалилася иноди Мотря Чипци, якъ уже и ёму теща залье за шкуру сала,—казала: не беры багачкы, ни тоби жыття не буде, ни мени, старій, спокою!

— Потерпить, мамо, ще трохы. Що жъ робыты? Це все вона верховодыть, вона бучу збывае... Покы іи не було,—було тыхо и мырно, все гараздъ, а якъ стала - все такъ и пишло до горы дномъ... Покориться, мамо.

— Не буду я, сыну, корытысь, чортъ зна кому. Краще пиду въ люде, та людямъ покорюся, нижъ мени ій кланятысь за шматкомъ хлиба, що видъ тебе заробыла...

Чипка розсердытся ще дужче. Выйде зъ хаты,—або до Грыцька пиде—розвесты свою тугу, або коло худобы пораестся, а иноди и зовсимъ зъ двору зійде на ярмарокъ—куды, та не вертается днивъ тры, або и чотыри.

— Отъ, бачъ!—выкладае тоди Явдоха Гали:—це вона, вона все васъ розстроюе, це вона, стара видьма, бунтуе васъ, пидбывае ёго! Жыло бъ старе лубья, колы зобуте и зодягнене, не голодне и не холодне... Такъ ни! Ще и кырпу гне, мовъ ій гирше теперъ, нижъ тоди, якъ нужу годувала!.. Сказано—злыдни! Якъ парши трохы одкыдалы,—заразъ и вередуваты...

Вернется Чипка до дому, стане ёму Явдоха выкладаты—на Мотрю клепаты. Роспалытся випъ на матиръ,—дывысь: на Мотри

все окошылося... Заплаче було бидна, одна въ кутку на печи сыдячы, та й годи. Таки безперестанни бучи та грызня долывалы отрутою и безъ того вже отруине жыття Чипчыне. У своій хати винъ бувъ, якъ чужый: вона ёму остогыдла. Ёму було въ ній душно, тисно; серце забажало воли: душа—простору. Винъ почавъ згадуваты старе товарыство.

Грыцько, зъ своимы завсиднымы жалобамы на втраты, зъ своимы розмовамы про достаткы, про худобу, зъ своею жинкою—тыхою и доброю молодыцею, зъ усимъ напрямкомъ свого тыхого пахарського жыття, здавався ёму теперъ нуднымъ, сумнымъ. Винъ слухавъ ёго жалощи, позихаючы,—а думка, рядомъ зъ розмовою, малювала ёму инчый побытъ жыття—ще до заручынъ... Тамъ—хочь и горилка лылася, якъ вода, хочь хто и верзякавъ зъ пьяныхъ очей катъ-зна що,—та все те жыло, мучылось, любыло, кляло... То жыття було, хочь и пидъ пьяною облудою. А тутъ—тыхо та сумно, якъ у болоти; сонно, нимо, якъ середъ мертвого царства; а дома—гирше, нижъ у пекли!

Щобъ хочь трохы одвесты ту самотню тугу, Чипка почавъ перекыдаты лышню... Та—добре тому пыть, чый хмиль спыть. А Чипчынъ хмиль не спавъ; винъ ёго ще дужче мучывъ, якъ огнемъ пикъ и безъ того палке серце... Винъ тоди сердывся на всихъ и на все. Теща ёму не вгодыть; маты боится; одна ще Галя мае надъ нымъ волю: винъ іи все ще кохае и поважае. Одже иноди и ій доставалося. Винъ доскыпувався до неи: то чому те та друге и доси не зроблено, то чого вона тратыть надъ шытвомъ очи: то сяку, то таку всячыну выдере, та и прысикается...

Галя слухала все те,—иноди одмовляла, иноди мовчкы плакала, а иноди чогось боялася.. А зъ-пидъ тыха-тыха серце іи щось недобре вищувало, болило, ныло...

— Чипко!—иноди въ ночи, якъ уси поснуть, вона обизвется до ёго,—що зъ тобою сталося?.. Ты почавъ всимъ вередуваты... Все тоби не любе, не мыле, все остогыдло?.. Невже правда, що все остогыдло? Те пытання було ёму гиркою докорою. Винъ почувавъ себе вынуватымъ передъ Галею. Винъ даремно прыси-

кувався до неи... Теперъ іи журлывый голосъ разомъ голубывъ и докорявъ ёго.

— Галю, рыбонька моя! шепче винъ:—тяжко мени, важко... Самъ не знаю, де бъ я дився, куды бъ себе запровадывъ? Хочъ бы диты булы!.. Може бъ воны розважылы мою тугу, чы не розлепеталы бъ воны мого суму?..

— Чого жъ тоби важко? Хиба тоби и коло мене важко?.. И зо мною сумно, Чипко?

— Ни, ни, Галочко! зъ тобою мени весело,—коло тебе мени такъ легко. Хочъ бы матери не лаялысь,—хочъ бы воны въ мыру жылы... А то—що-дня́ грызня, щоденна лайка...

— Чы я жъ вынна тому, Чипко? Я бъ сама рада, колы бъ воны помырылыся, поеднались... Такъ же бачъ: ничого не вдію! Така вже въ обохъ натура: кожна кожній не хоче и на крыхту вступыты...

— Ой, ни... ни, Галю—не те... Я боюсь, колы бъ я не запапастывъ твого вику,—перескакуючы на друге, шепче Чипка.—Я бъ оддавъ половыну жыття свого, абы ты була счаслыва... Такъ же, бачъ, не мае счастя, не мае добра! Якесь лыхо зъ самого малку мене окрывало,—зъ самого малку воно вчепылося за мене, ніякъ я видъ ёго ни обибьюся, ни одгребу́ся! Якъ той иродъ, зализло въ саму душу,—та й душыть, та й вадыть, та й каламутыть усимъ... Онъ—колышне товарыство (недавно бачывъ) веселе, счаслыве...

Галя почула, звидкы витеръ віе, куды хылыть... Вона бачыла, що чымъ дали, то все Чипка видъ неи одходывъ та одходывъ... Вона бачыла—серце іи правду казало,—що не вдержаты ій уже Чипку биля себе, що ёму остогыдло таке жыття,—не вдовольняло ёго... И вона тыхо-тыхо, потай одъ Чипкы, нышкомъ плакала... То вона спускалася въ свое недавне счастя, роздывлялась на ёго, перевертала, розглядала—безъ того гарячого поныбу першыхъ любощивъ, котрый перше не дававъ ій ясно глянуты на жыття ихъ,—розбирала поглядомъ стороннёи людыны. Пислия такыхъ розглядынъ та рахування самои зъ собою, вона переляканася своихъ думокъ... Вона справди не була счаслывою,

не прынесла и Чипци счастя: вона не була матирью,—та чы и буде!.. И падаючы передъ образомъ, молыла Пречысту зглянутысь на іи слёзы...

А тымъ часомъ Чипка робывся все смутнищый, лютищый, нетерпелывищый...

— Ты бъ, Чипко, колы тоби обрыдло такъ жыты,—клыкнувъ товарышивъ, погулявъ бы зъ нымы: може бъ, хочъ трохы розигнавъ свою тугу.—разъ сказала ёму Галя, бачывшы, що не перелывкы.

Вона захотила ввійты въ те товарыство тыхымъ янголомъ-спасытелемъ, навчыты запеклi харцызяцьки души, пьяни головы любови до людей, до ихъ мырныхъ звычаивъ, до разъ заведеного мырного жыття. Та ба! Тымъ запеклымъ душамъ треба було десь диваты свою сылу, що пручалася, рвалася на волю, переступала звычаи, топылась у гульни, въ горильци; пьянымъ головамъ одрадна була несамовыта сваволя, котра бъ не знала ни въ чому прыпону, забороны, буйна та шумлыва, якъ самый хмиль... Ихъ не зведешъ на протерту стежку тыхого, незамутного жыття! Не зъ іи мнякою, до спокою та тыхого счастя похылою натурою, не зъ іи розумомъ, тонкымъ та гнучкымъ, руйнуваты було ту башту крипокои воли.. Туды треба було не Галыного серця, люблящого, теплого,—а каменю дебелого та холодного, що ёго николы искра любови ни ростопыть, ни нагріе... Тіеи воли не звоюешъ слабою рукою!

Галя побачыла, що вскочыла зъ Чипкою, якъ рыба въ невидъ, и заплуталась... Стала вона побыватысь, борсатысь, трепетатыся... Шурхнула, якъ плиточка въ першу дирочку—и выскочыла на чысту воду, а Чипка зоставсь въ неводи!.. Вона за нымъ убывалася, сумувала, плакала. Та винъ того вже ни чувъ, ни бачывъ. Винъ теперь, знай, спивае про неправду людську; кляне земство, котре ёму не далося въ рукы; лае здырщыну, котру лаялы вси небагати люде; бидуе зъ крепакамы, будыть у ныхъ жаль, що воны одурени, що имъ одвелы никуды невгодни земли; допомогае имъ гришмы, колы прыстають за подушне зборщыкы; бенькетуе зъ нымы—и часомъ, залывшы очи, выкрыкуе

що часъ бы и покараты... А прыйде до дому—и пьяными рукамы прыгортае до пьяного серця свою Галю, не прымичаючы палкыхъ слизъ на іи очахъ, та смутку на змарнилому лычку...

Насталы часы инчи, завелысь порядкы други въ Чипчыній хати. Прывитна и тыха своимъ спокійнымъ симейнымъ побытомъ, стала вона теперъ прытономъ гульни пьяной, несамовытыхъ реготивъ, спививъ... Явдоха, звыкшы до гулянокъ замолоду, згадала ихъ на старисть,—допомогала зятеви.

Оце въ суботу, пидъ недилю, або въ свято, завернуть до Чипкы стари товарыши: Лушня, Пацюкъ и Матня. Уродытся баклагъ горилкы, страва всяка. Явдоха порядкуе. Галя куды-небудь у кутокъ заберется; сыдыть мовчкы; дывытся, якъ іи чоловикъ гуляе; слухае, що верзуть ёго товарыши. А Мотря—ажъ на пичь зализе, щобъ хочъ не бачыты того ничого...

Чипка сыдыть зъ товарыствомъ за столомъ; чарка литае за чаркою—задурюе имъ головы; крыкы, спивы та реготы окрывають усю хату, вырываются кризь викна на двиръ.. Иноди зачне хто балясы точыты, про свои походенькы розсказуваты. Явдоха слухае, сміется, радіе; Галя—слухае; Мотря—сплёвуе на печи мовчкы... «Хочъ бы смерть швыдче прыйшла,—думае вона,—щобъ ни чуты, ни бачыты такого»!.. Найбильше Лушня розсказувавъ. Якъ музыка, тилькы поведе смычкомъ по струнахъ, и заговорять воны то зычно-радисно, то журлыво-плакучо,—такъ винъ своимъ языкомъ грае по людськыхъ душахъ. Розсказуе одно,—вси за жыводы берутся, та регочутся; почне друге,—жаль серце, немовъ каменемъ, давыть, на очахъ выступають слёзы... Частише всёго винъ любывъ згадуваты про свое молоде жыття, про свою матиръ. Оце и зачне було:

— Мене маты прывчала красты ще змалечку. Бувало, посадыть мене малого, коло себе, положыть передъ очима шматокъ хлиба,—та и украдь у неи такъ, щобъ не бачыла! А побачыла,—заразъ быты... А дубець у рукахъ червоный та гнучкый,—ажъ свыстыть... Я вже, буваю, и сымъ, и тымъ бокомъ; угледыть—такъ и стёбне дубцемъ по руци, ажъ сыня попруга, якъ пьявка,

кругомъ обивье руку... Я закрычу не своимъ голосомъ, та до неи: и «мамочко!», и «голубочко! не буду, не буду»!.. Обнимаю іи, одніею рукою нахыляю за шыю, а другою,—дывысь,—шматокъ уже и потурывъ за пазуху. Оглянется вона,—немае шматка... Тоди и пожалуе и йисты дасть... А такъ—за цилый день не йистымешъ...

— Була колысь и цёму правда!—журлывымъ голосомъ вымовыть Галя, хытаючы головою.

— Оть, хай мене хресть побье, колы не правда!—Та потимъ и каже: «ты не думай, сыну, що я тебе по дурному бью: це я тебе на добро вчу! Выростешъ, дякуватымешъ... Усе, каже, крадь, де тильки легко лежыть... А въ пана—вышукай, а вкрадь!..

— Бо панъ зъ людей надравъ,—уверне Чипка... У пана свое одберы...

— Эге жъ... Панъ усе набравъ зъ людей, панъ и людей бравъ... Оть мою матиръ—адже взявъ, та спасыби ёму и мене на свитъ пустывъ...

И почне було розсказуваты, якъ ёго матиръ прывелы въ двиръ, у горныци до пана, якъ вона всёго боялася, покы зъ паномъ не зазналася, якъ панъ радивъ, колы знайшовся въ неи винъ, «Тымошка—добрый молодець»...

— Панъ радый: мени радый, и матери радый, держыть насъ у горныцяхъ, не выпускае никуды. Мене иноди пестыть, гойдае. А ставъ я на ногы спынятысь, то все медяныкамы та цукеркамы годуе, та грывеныкамы даруе. Маты дывытся та радіе. И така тоди до мене добра! Напувае мене чаемъ; у панськыхъ пуховыкахъ положыть спаты; закутае въ тепли одіяла; схылытся надо мною—и довго-довго дывытся, а потимъ ще довше цилуе... Роскишъ мени була! Колы це прыйиздыть сынъ до дому зъ школы: вывчывся вже,—прогналы зъ школы... Якъ углядивъ це:—«вонъ, вонъ зъ двору! щобъ духу не чутно було»!—Пишла мижъ ныхъ грызня та лайка щоденна; маты моя що дня плакала, та все мене ховала одъ паныча... Увирвалося зразу добро наше!.. Мучывсямучывся ото старый панъ, та й перевивъ насъ зъ горныць у нову хату, що за кузнею була. Тамъ насъ и поселено. Ото якъ

перевелы насъ,—трохы угамувались у горныцяхъ... Ничого! Жывемо мы соби въ двохъ зъ матирью; до насъ частенько и старый панъ забигае: матиръ жалуе; мени гостынци носыть... Колы це—кажуть,—панычъ женытся. И оженывся. Узявъ соби дочку *вашого*,—чорну-чорну, якъ плащувату цыганку, тонку та высоку, зъ здоровенным носомъ, що ажъ черезъ губу въ ротъ заглядавъ,—зъ языкомъ здоровкався... Якъ ото одружывся,—такъ и похмарыло одразу всимъ. Не було того дня, щобъ не чутно було плачу на стайни!.. Та й старому панови, выдко, не медяно стало: посывивъ старый, зъ тила спавъ, на выду подався, почавъ перекыдаты лышню... Бувало, встане, вранци рано-рано, выкраде таку годыну, що ще сынъ почывае,—та до клюшныка Якыма. А Якымови наказано: якъ тильки зобачыть, що панъ повернувъ за кузню,—щобъ заразъ бигъ и казавъ *ій*... То винъ було до Якыма «Якыме, голубе мій! Я вже тоби стару жылетку виддамъ,—тильки мовчы, не кажы»!—Якымъ гляне на ёго: стане ёму жалко старого пана, що колысь усимъ орудувавъ, и самымъ Якымомъ, а теперъ—стоить передъ нымъ згорбленый, трусытся, та такъ жалибно просыть...—Идить, каже, тилькы не бариться, бо вже швыдко молоди повстають...—Винъ тоди пидтюпцемъ до насъ:—«А де маты?»—пытае мене —На вгороди, або де тамъ,—одкажу.—«Пиды, лышъ, поклычъ».—Та й ткне мени копіечку въ руку. Я, бувало, на одній нози поскачу.—Прыйде маты; сяде винъ проты неи, дывытся; згадае давнье—та й заплаче, жаліючысь на сына та на невистку.—«Благородне, кажуть, званіе порочу... Дурни! Яке тамъ у биса званіе, колы мени жыты недобре,—колы мени нема ни въ чому воли?.. Спершу, каже, я хотивъ тебе одарыты: грунтъ даты, хату поставыты, земли одвесты и на волю выпустыты за твою службу... А теперъ—не можна, невильно мени въ тому, ни въ чому не мае мени воли»...—Та схылытся на стилъ головою, та й заплаче. Маты дывытся на ёго, та й соби плаче... А я, бувало, прыщурюсь соби въ куточку, та ныщечкомъ и думаю: чого воны плачуть обое?.. Оже не довго панъ щось и пожывъ писля того... Зажурывся, та и умеръ. Якъ почула маты, то цилисенькый тыждень тужыла, якъ божевильна,

не своимъ голосомъ, а мене была щось зъ мисяць—хто ёго знае и за вищо... Швыдко насъ знову въ кухни забралы: матиръ—дывытысь за дробыною, и мене зъ нею... А въ кухняхъ—нужда, голодно и холодно! Маты и давай красты всячыну: сальця було вкраде—мени дасть, пупокъ або печинку зъ печеноп вуткы... Пиймалы ии якось разъ на крадижци, розтяглы, та й одидралы, якъ кишку,—на сылу встала... Оже не покынула свого ремесла, почала ото и мене вчыты. И, спасыби ій, таки вывчыла!—

Слухае Явдоха таки речи, та пидхвалюе «доброго молодця», що не забувъ наукы. Галя сыдыть сумна—зажурена: жалко ій старого пана, жаль Лушнёвои матери, страшно такои неволи.. А Мотря на печи журытся, що ии сынъ зъ такымъ товарыствомъ гуляе: вона стыха шепче: «Господы! и вродытся жъ така дытына на свитъ, отаке на матиръ сплесты?! Сказано: нема Бога въ жывоти, иродъ»!—А Лушня за те, що добре вміе языкомъ молоты, частуе товарыство, прымовляючы: «Щобъ паны здорови булы, щобъ намъ худибкы прыдбалы»!

— А сами сконалы!—кинчае Пацюкъ.

Иноди бувавъ на тыхъ сходынахъ и Грыцько. Та не по души ёму булы таки гульбыща, а надто ти гостри колючкы, яки часто и густо загапявъ ёму въ серце Лушня, або хто другый зъ товарыства.

— А що, Грыцьку,—чы пшеныця вродыла?—почне, бувало, зъ-далека Лушня, натякаючы на завсидни жалощи Грыцькови.

— Грыцько мовчыть, мовъ не до ёго ричъ.

— Шкода!—одмовляе замисть Грыцька Пацюкъ:—теперъ насталы таки лита, що пшеныця не родыть...

— Чому не родыть?—одгрызнется Грыцько.—У такого, якъ ты, то и не родыть, бо чортъ мае на чому родыты... Хиба въ роти посіешъ

— Ну, Грыцьку,—знову Лушня:—теперъ и земля стала, що и на земли не родыть! Ты ии потомъ облываешъ, слёзамы благаешъ; уроды бо, сыра земле! А вона, бисова, глуха и нима: не чуе и не родыть!

— Та и прыходытся людямъ на неи жалитысь,—пиддержуе Пацюкъ.—А кому ты на землю пожаліешся? Хиба иноди по-

бачышъ багатого товарыша, або кума—пожалієшся ёму чы не зглянется бува?

— А знаешъ, Грыцьку,—вмишается одутлый Матня: чого въ тебе земля не родыть? Не того, що сплодылася,—ни! То тебе Богъ карае... Було бъ тоби дурно тоди не браты Чипчыного жыта... Грыцько сыдыть,—якъ на вугилляхъ тліе. Винъ бы и огрызнувся,—та боявся бучу збыты, та ще зъ такымы гультяямы. Та правда такы и Чипка забывавъ усихъ—не дававъ Грыцька въ образу. Такъ мыпалыся ти уйидлыви жарты, ажъ покы Чипка пидъ товарыську гульню не подарувавъ Грыцькови сто рублывъ грошей—на хрещеныка.

— Теперъ, Грыцьку, знаешъ, що тоби зосталось робыты?—каже Лушня.

— А що?—пытае радый Грыцько.

— Теперъ тоби годи и хлиба робыты,—однакъ земля не родыть,—та все коло Хрысти ворожыты: хай що мисяця дытыну плодыть. Чипка добрый чоловикъ: за кожнымъ кумоватыме...

— Батькови своему лысому розскажы!—прыснувъ Грыцько.

— А ій Богу вгадавъ ты, Грыцько, що—лысый.... Я бъ ёму самъ зъ велыкою радистю сказавъ такъ,—та шкода, що вмеръ! Тильки—що жъ зъ того, що я бъ ёму сказавъ? Колы винъ мени ничого не кынувъ—одынцеви... А щобъ то було, якъ бы моя маты що-мисяця по такому родыла, якъ я?!

— Пойилы бъ одынъ одного, покы не подавылыся,—лютуе Грыцько.

— Що, може йилы бъ одынъ одного, то и то, може, правда, тильки бъ не йилы чужого хлиба та грошей!

— Такъ що жъ? Я прохавъ у Чипкы, чы що?—крычавъ, роспалывшысь, Грыцько.—У ногахъ лазывъ?.. Его добра воля була, а тоби—зась! Не твое дило—онъ-то що!

— Та я и не мишаюся. Господь зъ тобою! Я тилькы раю... А не хочешъ,—хай твоя Хрыстя николы ни одного не зроде... Мени що? Я тилькы кажу: якъ бы частише, то корыстнише бъ було.

— Ну, Чипко, я до тебе черезъ твое товарыство неможу ходыты,—жаліется Грыцько, якъ Чипка ввійшовъ зъ комирчыны, де бравъ горилку, въ хату.

— Якъ саме?—роспытуе Чипка.

Грыцько ёму розсказуе. Лушня выправляется, и тутъ же, мижъ тыхымъ словомъ,—дывысь,—и вкыне якого кгедзыка. Други ажъ за бокы берутся, регочутся. Чипка на мырову зводе, частуе. Грыцько мовъ трохы и утыхомырывся, посыдивъ ще, выпывъ ще чарку,—та швыдко и до дому порывався.

Писля того, якъ полы вризавъ видъ Чипчынои хаты; казавъ и Хрысти, щобъ не ходыла. Одначе вона иноди выкрадется нышкомъ на хвылыну, та й побижыть провидаты куму, та Мотрю: Явдохы и Хрыстя не злюбыла.

Горилка, кажуть, всёму злодійка. А въ Чипкы въ хати горилка теперъ господыня. Ридко проходывъ той день, щобъ пьяне гульбыще не збыралося, не гуло, не крычало... А колы не гульня—то грызня жиноча: матери якъ не кусають одна одну... Така колотнеча була Чипци гирше полыну. Винъ ставъ солодыты свою душу гульнею та горилкою. Безъ гульни ёму нудно, сумно. Сновыкгае иноди по двору видъ хаты до ворить, видъ ворить до хаты, хмурый, насупленый, якъ зъ хреста знятый—за цилый день видъ ёго слова не почуешъ. А прыйде въ-вечери товарыство, вродытся баклагъ, прощай, розуме! Найидятся, напьются, погуляють,—та и зъ двору, и Чипка зъ нымы! А передъ свитомъ везуть повну повозку всякои всячыны...

— Що це ты, сыну, робышъ?—зъ плачемъ докоряе Мотря, а серце въ неи якъ не розирвется видъ горя,—други кривавымъ потомъ зароблють, а ты... Сыну, сыну! Бога побійся: колы людей не страшно! Згадай: у якыхъ мы злыдняхъ жылы, въ якій нужди гыблы,—та нихто не скаже про насъ слова лыхого... А теперъ и достаткы...

— Не ваше дило!—шпарко перебье іи Чипка:—лежить тамъ соби на печи, колы лежытся!

Застогне Мотря, обильется гарячымы слёзамы, та й замовкне. Ажъ недужа видъ того стала, ажъ почорнила. Іи ридна дытына, іи едына надія... «Краще бъ я тебе не родыла, або малого задавыла, нижъ теперъ отаке бачыты». Та й почне проклынаты товарыство, котре до *такого* пидводыть іи сына.

Явдоха чула це и бачыла та нарошне ишла проты Мотри: пидохочувала Чипку, витала ёго братчыкивъ. Жывучы цилый викъ такымъ жыттямъ, вона звыкла до ёго сама, радила всякій удачи, допомогала въ розбышацькыхъ затіяхъ. Чипка що-день робывся все хыжише, та й хыжише. Якъ той звиръ кыдався винъ на кожного заможнёго чоловика. Перше «каравъ тилькы пана та жыда, а то вже ставъ «одбыраты свое» и у свого брата,—заможнёго козака: обдере, якъ лыпку,—тилькы душу на свитъ пустыть...

Галя, хочь видъ неи крылыся и ховалыся зъ цимъ, усе те волею-неволею бачыла,—та не мала сылы що-небудь подіяты... Вона одмагалась слёзамы. «Оце и мени, такъ якъ матери, прыходытся прывыкаты до цёго,—думала вона середъ ночи, самотою, якъ Чипкы не було.—Не вже жъ и я така стану якъ маты? Чы може вона вродылася такою?.. Ни, то выдно стала така за такымъ замужжямъ... Горенько мое! Що жъ, выдно, и мени не краща доля судылася: розбышацька дочка—розбышацька и жинка! Господы»!.. И гыдкый, и страшный здавався ій Чипка: вона ёго тоди жахалася. Колы жъ, пидъ добру годыну, въ любу хвылыну, прокыдалося въ ёго серци добро,—сповидався винъ своій Гали, обнимавъ, голубывъ іи,—вона не вирыла тому, що вчора думала. «Ни! розбышака не вміе пестыты такъ любо, не вміе прыгортаты такъ щыро, такъ гаряче цилуваты. Ни! мій Чипка не розбышака. Ни! ни! Винъ—любый, добрый. Винъ карае неправду... Карае?... хто ёму веливъ караты? хто??.. Ни, винъ не робыть такъ! И впывалася счастямъ, хочъ полохлывымъ, боязкымъ, а все такы счастямъ... А Явдоха грызлася зъ Мотрею, не давала ій спокою. Прыйде оце въ іи хату—перекыдае все, лае іи. Спершу Мотря огрызалася, не мовчала; а потимъ, якъ побачыла, що Чипка потакуе тещи, крывыть іи, матиръ стару, то промо-

выла сама соби: «иродове кодло! Ты жъ мое добро вкрало, надъ моею надіею насміялося!» Та якъ замовкла, то и мовчала вже, щобъ тамъ Явдоха не казала, не робыла. Тилькы, облываючы слёзамы порыти недолею та литамы щокы, прохала въ Бога смерти. «Господы!—часто и густо молыла вона:—прыймы мене, безталанну, до себе! докы вже я мучытымусь на свити?..»

Думала Мотря про смерть, выглядала іи, сподивалася, а выйшло такъ, що Явдоха несподивано вмерла. У недилю, писля обиду зразу вхопыла іи завійна. Душыть іи, пидъ серце пидступае, у грудяхъ давыть, духъ выпирае.

— Ой, лышенько, вмираю!—скрыкнула Явдоха, та и духъ спустыла.

Галя, якъ зъ-за угла прыбыта, ходыть. Блида, зъ заплаканымы очыма, вона не прымичае, що и волосся выбылося зъ-пидъ іи очынка,—такъ роспатлана и сновыкгае, били рукы ломыть, голосыть на всю хату. Де жъ?—зъ ранку ще Явдоха така весела була, жартувала, сміялася; а на вечиръ—одынъ трупъ, безъ дыхання, видъ неи... Страшно и тяжко!—Чипка соби блудыть, якъ бовдуръ, не знае, що и роспочаты: чы Галю втишаты, чы коло мертвои порядкуваты? Одна тилькы Мотря пры памьяты. Вона не то щобъ рада була,—ни! Вона жалкувала Явдохы: вона бачыла тутъ кару Божу. «Отъ же и померла—безъ сповиди, безъ святого прычастя. Просты, Господы, якъ...» Одначе вона не дуже и убывалася. А за Чипку радила. Може, хочъ теперъ кыне, теперъ никому буде настроюваты; може, схаменется...»

Третёго дни, якъ поховалы Явдоху, справывъ Чипка по тещи бучни помынкы. Зійшлыся люде не тилькы зъ Писокъ, прыйшлы и зъ хуторивъ. А старцивъ-старцивъ, якъ на печерахъ у Лаври! Люде обидалы въ хати; для старцивъ попрыроблювалы лавы на двори. Понаварювалы велыки казаны всякои стравы. Чипка на помынкы заколовъ свыню, зарizавъ тры овечкы, убывъ велыкого бузивка. А горилка—якъ вода лылася за царство небесне. А писля обиду, Мотря старцямъ роздавала по шматку паляныци въ торбу, а Чипка—по симъ грывенъ у руку.

На другый день пислся того, Чипка запригъ коней, та й пойихавъ зъ двору, не сказавъ и куды. Не було день, два. А на третю ничъ вернувся, везучы повни возы всякого добра. Ажъ скрыкнула Мотря, якъ побачыла. Серце іи не выдержало; стала вона корыты, ганьбыты и сына и товарышивъ. Ти на докоры не змовчалы—загрызлыся зъ Мотрею. Прыставъ и Чипка. Счыныласе въ ныхъ лайка, буча. Галя переляка́лась, заперлась у себе въ хатыни. Лушня роспалывся, крычавъ; Мотря соби лаяла; винъ ій збывъ зъ головы очипокъ.

Сердешна матерына голова: «У своій хати, волоцюга, розбышака»... Не доказала, залылася гиркымы.

Вранци пишла жалитыся у волость—не за крадижку, а за те, що іи «волоцюга побывъ». За те вона мовчала: боялася за свою ридну дытыну. Набиглы волосни у хату, де саме гульня йшла. Чипка заразъ до ихъ. Поналывавъ такъ, що ледве до-дому рачкы долизлы. Тымъ Мотрына жалоба и кинчылася. Тилькы Чипка, якъ пишлы волосни, роспалывся якъ огонь, налаявъ пьяный матиръ «сучкою» и нахвалявся побыты. Мотря облывалася гиркымы слёзамы—та нышкомъ проклынала свою долю, що дала ій таку «прокляту дытыну» А Чипка знову засивъ—пье та гуляе зъ братчыкамы.

— Ни,—крычыть Лушня: николы не буде въ тебе, Чипко, такои матери, якъ Явдоха була! Ото—ридна маты; а це въ тебе—собака, а не маты! Гляды лышъ—чы не вона бува и Явдоху зъ свита звела?

Страшно якось стало це слово у кожного въ ухахъ.—«А, справди—чы не такъ?»—подумавъ коженъ.—Дывысь пакъ: любисенька, мылисенька була жинка зъ ранку, а на вечиръ—тилькы тило зосталося, та й те задубло!

— А и справди?!—скрыкнувъ Чипка. Серце въ ёго повернулося. Колы бъ маты була передъ очыма,—здается вбывъ бы видъ разу.

Галя, сыдячы въ себе въ хатыни, гирко плакала. Якъ же почула те кризь стину, то зразу кынулася—гадкы и у неи хыбнулыся. «А справди?»—неначе витеръ провинувъ въ іи серци.

Одначе чула душа не подалася тому витру. «Ни, ни,—шептала Галя: то зле серце тильки може прыгадаты. Свекруха правду каже: то матирь Господь скаравъ за таке жыття. Ни, Мотря—не така людына». И Галя одганяла видъ себе, якъ увьязлыву муху. Якъ розійшлась пьяна ватага, Чипка прыйшовъ у хатыну. Галя не выдержала: напустылась на ёго, корыла, лаяла, плакала...

— Чипко, Чипко!—чы я ждала такого видъ тебе, чы сподивалася? Попустывъ ридну матирь на поталу волоцюзи, гайдамаци. И звирь такого не зробыть, якъ ты зробывъ, и розбышака хыжый!..

— Ты чула, що Лушня казавъ?—спытавъ винъ грізно жинкы.

— Лушня? Лушня... Колы було серце, котре ни разу не грила правда, то серце Тымохвієве!.. Колы чый языкъ не дубивъ видъ брехни, котрій немае и назвиська,—то языкъ Тымохвіивъ! Сучка, а не жинка, тилькы хиба вродыть ярчука такого, якъ Лушня! А ты ёму вирышъ? ты ёго слухаешъ?

— Що жъ—ты боишся людського поговору, чы що? Плюваты я хотивъ на ихъ поговиръ! та й на ныхъ разомъ!

— Не поговору, Чипко, не славы,—перебыла ёго Галя,—хочъ и іи ніяково слухаты,—а правды, котру ты такъ любышъ, та нехтуешъ. А це кажешъ немае правды мижъ людьмы! А де жъ у тебе правда? де?..

Останни слова—гострымъ ножемъ, шыбонулы въ саме серце Чипку.

— Ты завжде мене вынуватышъ. Ты проты мене завжде йдешъ—скрыкнувъ винъ, выходячы зъ хаты и грюкнувшы дверыма. Цилу ничъ винъ проблукавъ по двори, а Галя цилу ничъ навзрыдъ проплакала.

На другый день пишовъ по селу гоминъ, що Чипка трохы не выгнавъ матери зъ двору.

— Якъ йила хлибъ зъ остюкамы, то и усе добре було; а перейшла на буханци, то и у нисъ заколоны, пишла на сына жалитысь!!—вынуватылы Мотрю одни.

— Якый винъ сынъ? якый винъ сынъ, колы рідну матирь попустывъ волоцюзи вдарыты?!—оступаются за Мотрю други.

А Мотря видъ такои зневагы, видъ тяжкого уразу, видъ тревогы занедужала, въ постиль злягла; не йисть, не пье, мутно очыма дывытся. Галя ходыть коло болящои, якъ коло ридной матери. Прыклыкала до неи знахарокъ; ти шепталы, зитхалы, давалы якогось зилля, та ледве-ледве одходылы Мотрю.

— Галю!—каже вона: я зновъ чую, що одужаю. Мени знову легше. Навищо? Я молыла Бога, колы бъ умерты. Краще бъ мени на тимъ свити, нижъ на симъ. Та не дае мени Богъ смерти... Его свята воля. Винъ то знае, на що мене пускае ще жыты. Може додержыть до тій поры, колы Чипка схаменется—я ёго побачу, якъ свою дытыну, якъ свого сына. Галю! дытыно моя! ридная моя! Ты жъ теперъ мени найриднища. Уговорюй ёго якъ жинка: винъ тебе почытае, кохае щыро,—може тебе послухае, колы вже мене не хоче слухаты. Боже: щобъ я дала, щобъ я зробыла? Я бъ свого серця влупыла та дала ёму, колы бъ тилькы винъ ставъ чоловикомъ? Я бъ тоди вмерла спокійно. А то...

И свекруха, и невистка рясно-рясно плакалы...

VIII.

Такъ оце та правда?!

Стояла люта зима. Ще такои холодной та снижнои не знають люде. Багато тоди народу померзло—забыло ихъ пидъ тыху хуртовыну, закыдало, замело снигомъ; тамъ Богу и душу оддалы. По весни вже несла вода ричкамы мерзли трупы; а другыхъ середъ поля вовкы пойилы.

На зиму Мотря зовсимъ одужала. Сыдыть, пряде вовну, а Галя або мые, або и соби пряде на прядци. У хати въ ныхъ тыхо, тепло,—було бъ и одрадно, колы бъ не дума якась стояла въ кожного передъ очыма, не повитря важке носылося по хати. А то—сыдять воны соби пры ясному свити свичкы, тыхи, сумни, мовчазни, тильки одни тини видъ неи колышутся по стинахъ, та

чутно,—якъ прядка гуде та наводе якыйсь сумъ, выклыкае сонъдримоту. И въ души въ ныхъ гиркый смутокъ; на серце налягала важка туга; журлыви думкы сповылы ихъ головы. Иноди по хати пронесется глыбоке зитхання; увирвется нытка и затыхне на якый часъ гуркання прядкы, покы іи налагодыть Галя: або выпаде почынокъ зъ рукъ у Мотри, глухо вдарытся объ пилъ и розбуркае тышу сумну. Тильки колы не колы вырвется зъ устъ жыве слово, пронесется по хати, якъ мара страшна, злякавшы и сумъ и нимоту,—та и замре безъ видгомону.—Чипка соби нудытся свитомъ, колы немае никого зъ товарыства. Ляже—душно ёму, встане—холодно. Слухае иноди, що розсказуе маты зъ свого молодого вику,—и устають передъ ёго очыма дытячи лита, встае сыва бабуся, дидъ, степъ, вивци... «Счаслывый я бувъ тоди!»—дума винъ—и не знае, де теперъ себе диты.

Ничъ, якъ куёвда, стояла на двори; мела страшна хукга; заверюха крутыла; та холодъ такый, що страшно и носа вытквуты зъ хаты; морозъ перся въ хату,—позамуровавъ шыбкы взорчатымы выводамы; а въ дымари, якъ голодный звиръ, ревла та ревла видьма-буря, кыдаючы въ викна кимьямы снигу—мовъ хто добывався у хату знадвору. Галя та Мотря сыдилы соби та мовчкы прялы. У кожнои чогось такъ тяжко було на серци, що воны ажъ попрыгыналыся до гребенивъ. Чипка лежавъ на лави, задравшы голову вгору, мовчкы дывывся въ стелю, та слухавъ божевильни заводы буйного витру. Свичка на тренижку неясно горила; знай, кгнитъ нагорявъ—жужалывся, и знай ёго зрывала або Мотря, або Галя, кленучы вогонь, що такъ немылосердно пикъ у пучкы. Разивъ два чы тры ненарокомъ свичку зовсимъ гасылы—тоди въ темряви проносывся жартъ та смихъ, немовъ боявся свиту,—бо, справди, колы знову засвичувалы свитло, то—немовъ воно замыкало вуста имъ—ни одно слово не зрывалося зъ языка, наче то не люде сыдилы, а якись тини—глухи и ними.

Колы це зразу—якъ гримъ загуло коло хаты, и почало щось стукаты въ викно. Чипка скочывъ зъ лавы, мовъ хто ёго скынувъ зъ пеи,—та мерщій на двиръ. Засовъ клацнувъ; почувся гоминъ, топитъ. Незабаромъ Чипка ввивъ въ хату Лушню, Матню,

Пацюка, та ще чоловикъ симъ незнаёмыхъ людей. Булы мижъ нымы и москали—и Сыдиръ тамъ, та булы и прости.

— Господы!—ледве вымовыла стыха Мотря, та и прыкипила до гребня.

— Здорови въ хату!—обизвався де-хто

— А ты, стара, вже одужала?—пытае Матня Мотри.—Адже ій-Богу, часъ тоби вже вмираты. Дывысь! зуба въ роти немае, а ты ще и доси жывешъ—марно тильки хлибъ переводышъ!

— Видчепысь видъ мене, лыхый чоловиче?! Чого ты прыйшовъ у чужу хату насмихатысь зъ старои людыны?—одказала Мотря.

— Не займай іх, Якыме,—обизвався Пацюкъ: бачъ, якъ вона зубы выщыря .. покусае ще!

— Щобъ уже ты выщырявъ, та и не стулявъ ихъ николы, розбышако!—гирко видмовыла Мотря.

Гайдамацтво пидняло регитъ.

Галю разомъ ухопывъ за серце жаль и образа; серце въ неи затипалось.

— И воно такъ слидъ добрымъ людямъ робыты?!—прызро кынула вона цимъ пытанниямъ въ вичи товарыству.

Регитъ стыхъ; уси похнюпылы очи въ землю; одна тильки Галя гостро дывылася на всихъ гультяивъ—и червона краска грала на іи щокахъ, тоди якъ серце пидкыдалося въ грудяхъ, а груды порывчато дыхалы. Разомъ и лыха и хороша була вона въ ту годыну. Якъ вовчыця, оберегаючы дитей, уся найижытся, жде тильки одного замаху, щобъ разомъ кынутыся на свого ворога: такъ вона—гордо и прызро дожыдала ще хочъ одного слова... Слова не було.

Чипка помитывъ скрыту бурю,—похопывся промовыть:—«Ходимъ, паны-братця, въ свитлыцю,—бо тутъ зъ бабамы ніякого пыва не зварышъ, хай воны соби прядуть».

Якъ ногы вломылы братчыкы зъ хаты,—мерщій перейшлы за Чипкою въ свитлыцю. Мотри зробылося такъ тяжко на души, та гирко на серци, що вона ажъ не всыдила на гребени: встала, побралася на пичъ, лягла—та такъ и залылася слёзамы. А Галя,

оставшысь одна, думала: «пидожды жъ! пидуть твои братчыкы, це вже не первына, постій же... прокляти, каторжни!» и лютовала разомъ на Чипку и на ёго товарыство. А въ свитлыци тымъ часомъ обходыла рядова, розвьязувала и безъ того смили языкы, дурманыла безпутнымъ жыттямъ задурени головы, падавала сылу и безъ того дужій воли; неслыся смихы, реготня; кгвалтъ окрывавъ хату и несамовыто врывався въ душу, де була Мотря зъ Галею.

— А що, атамане?—обертается Лушня до Чипкы:—въ яку мутну воду закынемо сю ничъ свій невидь?

— Колы бъ такъ, щобъ и недалеко, и рыбкы пійматы,—вставывъ червоный, якъ писля лазни, Матня.

— Мы оце зъ Петромъ,—веде дали ричъ Лушня,—налагодылысь до Хоменка на хутиръ...

— Воно туды и не безпешно,—обизвався хтось зъ гурту:—въ ёго така вармія...

— Та правда, що въ ёго тры сыны, якъ каты,—каже Лушня,—та и самъ такый, що, посмолывшы верёвку, ведмедя вдержыть,—та силькись! Онъ, той—батько прыпасъ за для ёго таку важну штуку, що и не здывуе.—Кажучы се, Лушня показавъ на москаля Сыдора.

— Яку?—пытае Чипка, котрый до того мовчавъ.

Сыдиръ вытягъ зъ-пидъ полы рушныцю, мовчкы показавъ Чипци. Той понуро глянувъ—и ничого не одказавъ.

Обійшла ще разъ чарка кругомъ столу:—посоловилы въ кожного очи ще дужче.

— Та колы йты, братця, то вже и пора,—свое такы Лушня.

— Чы пора, то й ходимо, понуро вндказавъ Чипка, пидводячысь.

За нымъ повставалы други. Выпылы ще на дорогу; выйшлы зъ хаты. Чипка погасывъ свитло—и соби за нымы. «Кукурику»! прокрычавъ на сидали пивень, залопотавшы крыламы. Уси кынулысь.

— Пху! проклятый!... перелякавъ!... обизвався Лушня.

Галя почула, що пьяна зграя побралася. «Чы то жъ то и Чипка пишовъ, чы, може, въ свитлыци?»—подумала вона, взяла свичку и пишла въ свитлыцю.

У свитлыци не було ни душечкы. На столи стояла порожня пляшка зъ горилкы, та тры порожнихъ чаркы, та два полумыскы на денци зъ розсоломъ,—выдно, булы зъ огиркамы. На столи поналывано горилкою, понакрышувано хлиба, де-де валялыся недойидени кускы зъ огиркивъ. Пидъ столомъ валявся порожній боклагъ,—ажъ воронка торохтила. Ослоны въ хати попереставлювани: одынъ вздовшъ, другый впоперекъ. Накурено такъ, що ыхаты важко було; страшенно смердило горилкою. Сказаты: була то не свитлыця заможнёго хазяина, а корчма пьяна!

Галя не могла довго побуты въ ній,—такъ іи давывъ дымъ, змишаный зъ горилкою. Вона грукнула дверыма,—и увійшла до себе въ хатыну, де стояла іи постиль, заслана добрымъ коцемъ. Галя зняла коць, мала була лягаты,—та сама несчулася, якъ опустылася на стулець, обперлася на стилъ рукою, на руку схылыла голову,—и задумалась. Довго вона думала; потимъ покотылыся зъ очей слёзы—и, залываючысь нымы, вона впала на постиль; довго-довго плакала, та не счулася, якъ и заснула. На столи свичка догорила—и сама потухла...

Мотря, качаючысь на печи, цилисеньку ничъ не спала—тежъ плакала. Такъ іи вразылы лыхи речи «проклятыхъ людей». А скилькы то думокъ переплыло въ матерыній голови за ту ничъ! Думала вже всяко. Думала питы сказаты на сына, що винъ розбоемъ промышляе, щобъ узялы ёго разомъ зъ ёго мылою ватагою: тоди вона буде знаты, що вже немае въ неи дытыны! То зновъ нова думка: а може оханется? Та шкода и сердешнои Гали—вона такъ мучытся, такъ побывается за нымъ!.. И знову визьме жаль матерыне серце: стане вона молытыся Богови, щобъ пославъ ій смерти швыдче,—то знову плакаты. Такъ цилу ничъ проплакала, та продумала.

Прокрычалы други пивни. Колы геть за пивничъ почувся здалека топитъ, гоминъ. Дали—блыжче... блыжче... коло самои

хаты. «Идуть!» подумала Мотря.—«Хочъ бы жъ хочъ сюды не заходылы», прошептала.—Колы чуе,—повернулы въ свитлыцю.

Перегодя трохы, рыпнулы двери—увiйшовъ хтось у хату.

— Хто тамъ?—пытае вона зъ печи.

— Це я,—одказавъ Чипка.

— И—чуе вона,—ставъ надъ помыйныцею вмыватысь. У серци iи наче хто гострымъ ножемъ шпортонувъ.

— Що то, сыну?...

— Ничого...

— Ой, сыну, сыну!—хочъ бы вже ты на те не пускався Хай бы кравъ, хай бы грабувавъ... а то...

— А Явдоху хто зъ свита звивъ?—пытае гостро Чипка.

— Що ты кажешъ?

— Хто, кажу, Явдоху струивъ?

— Та це я, сыну??!

— Уже жъ не я...

— Спасыби...

Не доказала, замовкла. Запекло коло серця, мовъ хто огню прыложывъ; плачъ, злисть, досада разомъ пиднималысь въ души,—бунтувалы стару кровъ: якъ обухомъ, ударыло въ голову, задзвоныло въ ухахъ, потемнило въ виччю...

— Краще бъ я рукы наложыла на себе, нижъ таке чуты!—прошептала, качаючысь на печи, та стогнучы.

Незабаромъ повходылы въ хату и други. Засвитылы свитло. Мотря выглянула зъ-за комына—и затрусылася. На кожному выдно було слиды свижои крови. Мотри зробылося страшно, холодно. Вона забылася у самый кутокъ печи; трусылася, якъ у лыхоманци. Дали вона почула, якъ сталы въ печи огонь розводыты,—одежу палыты. Вона боялася, щобъ не скрыкнуты, боялася зитхнуты,—та все мицнище и щильнище стыскувала зубы, тулылась у кутокъ.

Упоравшысь, якъ слидъ: повмывавшысь, попалывшы, яка була въ крови, одежу, розбышакы погасылы свитло,—побралысь у свитлыцю.

— О-охъ!... зитхнула Мотря.—Хочъ бы Галя коло мене... Охъ, Господы!... застогнала вона:—дай мени дожыты до завтрёго.

Одсахнусь тебе... зречусь тебе, мій сыну... мое лыхо... передъ усимъ свитомъ скажу, на все село прокрычу. Охъ!.. Чого хочъ ничъ така довга?:.. чого хочъ вона не швыдко такъ тягнется?.. Хочъ бы швыдче свита диждаты. Господы... Боже нашъ! сохраны и заступы...

Та злизла зъ печи, впала на вколюшкы передъ образомъ, та тыхо и чуло молылася, бьючы земни поклоны. Не чула вона, колы и трети пивни прокрычалы; не помитыла, колы почало на свитъ благословытыся. Одъ щырои молытвы одидравъ іи, розбуркавъ, несамовытый крыкъ та стукъ у викно.

— Ра-а-туй-те. Ои... рат-у-у-йте!... крычало щось пидъ викномъ молодымъ дытячымъ голосомъ.

Мотря кынулась до викна

— Хто тамъ?... пытала вона зъ хаты.

— Це я... ратуйте... хто въ бога вируе. Одчынить... пустить... ажъ плакало, та просыло.

Мотря тыхенько выйшла на двиръ—та трохы не омлила. Передъ нею стояла литъ десяты дивчынка, въ одній сорочци, обьюшеній кровью, боса, росхристана, роспатлана,—стояла и трусылася...

— Що се?... що зъ тобою, дочко?... чыя ты?.. де ты була?.. звидкиля вырвалась?.. тремтючы сама всимъ тиломъ, пытала Мотря дивчыну.

— Ой, лышенько... бабусю. Ой... горенько тяжке...,—зъ плачемъ, ледве вымовляла дивчынка,—я зъ хутора... розбышакы булы... всихъ побылы... поризалы... постреляли... батька... и матиръ... дида... бабу... дядькивъ... дядыну... маленького братика... всихъ... усихъ. Одна я зосталася... одну мене не знайшлы... втекла...

— Якъ утекла?

— Пойихалы... запалылы хату, и пойихалы... Ой... о-ой! бабусю... горенько мени!.. скрыкнула дивчынка, хапаючысь ручепятамы за Мотрю,—боялася щобъ та бува не втекла...

— Цыть... цы-ыть, моя дытыно;—зацытькувала Мотря.—Я знаю, хто и розбышакы. Мовчы!.. То мій сынъ, клятый!.. Цыть .. а то, якъ почуе,—не жывотиты тоди ни тоби, ни мени.

Дивчынка прыхылалася до Мотри, та тыхо схлыпувала. Мотря ввела іи въ хату.

— Ходимъ у волость... у волость ходимо!—шепче вона, а сама чуе, що голова въ неи кружытся, очи страшено горять, ногы трусятся... отъ-отъ упаде! Ходимъ, дочко... покы ще сплять...

— Я змерзла, бабусю. . холодно... шепче дивчынка, тулячысь до Мотри.

— На, хочъ мои стари чоботы взуй. Онъ, платокъ... юбка... швыдче!..

Похапкы назула вона на дивчынку стари заскорубли чоботы, накынула юпку, платокъ; на свои стари плечи натягла кожушанку —и выйшлы въ двохъ тыхо зъ хаты.

Червоне зарево вдарыло имъ прямо въ вичи. Дивчынка схопылась за Мотрю: вона боялася тіеи пожежи—то горила ихъ хата. Хутко воны обыдви повернулыся спынами до шырокои полосы огняного свиту, що пиднималось высоко въ гору, наче хотила запалыты хмару,—та и потяглы пидтюпцемъ на другый край села. Червоный пивень просвичувавъ имъ шляхъ своимы кривавымы очыма... а навкругы собакы валувалы ..

Незабаромъ прибыглы волосни, назбиралось народу повнисенькый двиръ, обступылы кругомъ хату. Ни однои души не выпустылы: всихъ побралы, повьязалы. Пиднявся крыкъ, гвалтъ. Видъ крыку прокынулася Галя. Швыденько пакынула на себе юпку, выйшла зъ своеи хатыны. Якъ глянула вона па Чипку, що зъ скрученымы назадъ рукамы стоявъ и понуро дывывся въ землю, якъ углядила обьюшену кровью дивчынку:

— Такъ оце та правда?!.. Оце вона!!!—скрыкнула несвоимъ голосомъ и несамовыто залылась божевильнымъ смихомъ.

Тило въ неи тряслося; очи помутылыся—вона нымы якось чудно водыла, на губахъ встала кривава пина, а вона все сміялася...

Чутка про все те, якъ гримъ, роскотылася на вси кинци, рознеслася па вси бокы —въ одну мыть обхопыла все село. Зби-

галыся люде, якъ на пожежу дывытысь; а вертаючысь до-дому, видъ страху Богу молылыся.

— Чула?—якъ божевильный, вскочывшы въ хату, скрыкнувъ Грыцько.

Хрыстя глянула на ёго, та й пополотнила.

— Що тамъ? пожежа?

— Чипка людей поризавъ... усю Хоменкову симью выполонывъ.

— О-о-о..,—якось чудно загула Хрыстя. Очи въ неи роскрылыся, боязко и страшно повела вона нымы по хати.

— Уже погналы въ городъ... у тюрму,—каже Грыцько.

— А Галя? а маты?—ледве чутно, спытала Хрыстя.

— Не знаю... здается дома...

Хрыстя мерщій за кожушанку, хапаючысь накынула іи на опашкы, та чымъ дужъ побигла зъ хаты.

Грыцько гукавъ, завертавъ, клыкавъ. Вона ничого того не чула,—була вже далеко. Перегодя трохы, вернулася, якъ зъ хреста знята. Вступывшы въ хату, перехрестылася.

— А що?—спытавъ Грыцько.

— Галя... знову перехрестылася:—повисылась:

— Оттуды къ лыхій годыни!—выторопывшы очи, сказавъ Грыцько, та й замовкъ.

Цилый день воны обое мовчалы: смутни, блиди, неспокійни,—мовъ дожыдалы смерти. Двое дитокъ ихъ—хлопчыкъ та дивчынка—помитылы це, та не розуміючы, видъ чого воно, сыдилы соби тыхо на печи и шепталыся:

— Чого це тато та мама сердыти?—пытавъ стыха хлопчыкъ.

— Не знаю...—одмовыла дивчынка и замахала на хлопчыка пальчыкомъ.—Цы-ыть! мовчы... бытымуть!..

Це вже було туды пидъ осинь, на другый рикъ. Сонце, заздалегоды почувшы іи, надолужало своимъ тепломъ: не грило, а пекло. Дощъ, якъ затявся—и трохы не на корхъ лежало на шляху пылу, та стоявъ винъ и въ воздуси, якъ сывый туманъ,—лизъ у вичи, душывъ у горли. Люде, знай, йиздылы по

шляху: настала саме гаряча пора возовыци. По тому жъ самому шляху простувала въ Сыбирь, на каторгу, цила валка скованыхъ по рукахъ, по ногахъ рештантивъ. Кругомъ ихъ цилый зводъ москаливъ съ ружжамы.

Пройшовшы Пискы, валка стала коло волости, на выгони, на перепочынокъ. То бувъ Чипка зъ своимъ товарыствомъ.

Якъ почулы люде, то сталы збигатысь зъ усёго села,--старе и мале, мовъ на ярмарокъ. У той часъ Грыцько вертався зъ поля зъ снопамы—ажъ трёма возамы. Винъ—за однымъ, Хрыстя—за другымъ; а сынъ—хрещеныкъ Галинъ—сыдивъ на третимъ поверхъ снопивъ—тилькы головка манячила. Побачывшы зборыще, воны спынылы воливъ, а сами пишлы до гурту... та й поторопилы обое! Не швыдко вже Грыцько опамьятався, пидступывъ блыжче.

— Що це, брате Чипко?—журлыво, зъ самого глыбокого серця, обернувся до ёго Грыцько.

У тому запытанни, въ ёго голоси, не було ни докору, ни помсты, а вчувався тяжкый жаль—шкода пропащого брата.

Чипка скоса зыркнувъ, здвыгнувъ густи бровы,—та й одвернувся.

Грыцько стоявъ, якъ прышыбленый,—дывывся мовчкы.

Незабаромъ старшый москаль, що вивъ этапъ, скомандувавъ у дорогу.

Рештанты сталы пидводытысь, забряжчалы важкымы цепамы. Почалося прощання, обниманія, почувся плачъ, голосиння. Плакалы люде, обнимаючы своихъ безталанныхъ братывъ; подавалы имъ на прощання--коженъ по своій спроможносты: той шага, той копійку, а хто и грывню. Плакалы розбышакы, на викы прощаючысь зъ риднымъ селомъ, зъ своими людьмы—риднымы и не риднымы. Одынъ Чипка не плакавъ. Якъ той сычъ насупленый, стоявъ винъ наризно всихъ, звисывшы на груды важку голову, въ землю потупывшы очи,--тилькы колы-неколы зъ-пидъ насупленыхъ бривъ посылавъ на людей гризный поглядъ. Не знайшлося души, щобъ пидійшла до ёго,—попрощалася...

Брязь!.. дзень!.. Брязь!.. дзень!.. Валка рушыла.

— Хай тоби Богъ помагае на все добре!—крыкнувъ на вздогинъ Чипци Грыцько.

Чипка озырнувся—и одгукнувъ зъ дорогы:

— Грыцьку! поклонысь матери... скажы: хай мене дожыдае въ гости, колы не сколіе до того часу...

— Господы!—залываючысь слёзамы, мовыла Хрыстя:—напуты ёго на все добре!—Та разомъ зъ Грыцькомъ и пишла до возивъ.

— Воно такы правда, що Чипка непевный.

— Такый и батько бувъ...

— И вродывся такъ,—просты, Господы!

Балакалы люде, провожаючы очыма потонувшу въ сирій куряви валку. Довгенько ще воны стоялы, судачылы, рахувалы—покы не перевелы розмовы на врожаи, на посивы, та други хазяйськи турботы: а тоди вже и поросходылысь по домивкахъ.

Мотрю взявъ Грыцько—догодуваты до смерти. Швыдко писля того вона и умерла.

Чипчыну хату опечаталы, забылы. У ній одни совы та сычи плодылыся, та тичкы собакъ товклыся по вгороду, що ввесь зарисъ бурьяномъ, якъ лисомъ. Черезъ рикъ—веселе колысь мисце опустылося, заглухло. Облупана пустка стояла ще страшниша, нижъ та, котру купывъ Хрущъ. Люде знову сталы іи видхрыщуватысь, якъ проходылы мымо; а мали диты боялыся и здалека глянуты на того чоловика, що, якъ те страховыще, позыравъ зъ воритъ на шляхъ своимы вытришкуватыми очыма.

А недалеко одъ Писокъ, надъ самымъ шляхомъ, коло Хоменкового хутора, насыпана высока могыла, а на ній стоить высоченный хрестъ,—оглядае навкругы хуторы, село, вси околыци... Пидъ нымъ тліе висимъ безневынныхъ душъ, згубленыхъ въ одну ничъ «страшнымъ чоловикомъ».

А посередъ села, насупроты похылои церковци, тоне въ саду, якъ у раю, выдывляется на свою красу въ ставкови воды, поновленый палацъ,—у позолоти, въ роскошахъ. Въ ёму теперъ жыве новый хазяинъ Писокъ,—першый дукачъ на все Геть-

манське, перша голова въ повити, найщырпшый земець, предводытель, председатель, банкиръ, заводчыкъ-сахароваръ,—Данывло Павловычъ Кряжовъ. И якъ теперъ весело въ тому палацу! Яки бувають иноди гулянкы... встала бъ генеральша, якъ бы можна... Теперъ уже не зъ одного, не зъ двохъ якыхсь повитивъ, а зъ цилои губерніи саме велыке паньство, саме найзаможнише купецтво знаходыть тутъ щырый прывитъ, добру учту веселого и щедрого хазяина. .

Мынувъ рикъ: мынувъ другый... Стояла на край села сыротою пустка,—завыдовала палацу. Ажъ ось—выпало и ій несподиване счастя: купывъ іи въ казны за безцинокъ давній знаёмый жыдъ, Гершко, прычепурывъ трохы зъ-окола облупани бокы; полатавъ, де попрыгнывала, оселю,—та завивъ шынокъ. Що-недили, що свята, и часомъ и середъ будня, щобъ не одстаты одъ велъможного сусиды,—бенькетуе тутъ пьяне море темнои простоты... Оже ще и доси, нидъ пизній вечиръ, подырае морозъ по-за шкурою веселыхъ гулякъ, якъ глянуть воны на хрестъ, що геть-геть здалека чорніе надъ Ромоданомъ...

Панасъ Мырный та Иванъ Билыкъ.

ПѢВЕЦЪ БОРЬБЫ И КОНТРАСТОВЪ.

I.

Украинская литература обладаетъ одной оригинальной чертой, ей только присущей и почти не встрѣчающейся въ другихъ литературахъ, по крайней мѣрѣ, въ новѣйшее время. Эта черта—необыкновенная разносторонность способностей и талантовъ у многихъ ея дѣятелей, способствовавшая тому, что они одновременно выступали работниками въ различныхъ отрасляхъ духовной дѣятельности. Стоитъ только назвать имена такихъ дѣятелей нашей литературы, какъ Кулишъ, Конисскій, Драгомановъ, Франко, Гринченко, Крымскій и др., чтобы передъ читателемъ всталъ цѣлый рядъ работъ, самыхъ разнообразныхъ по формѣ и содержанію. Эти дѣятели одновременно были художниками, критиками и публицистами, теоретиками тѣхъ или иныхъ литературныхъ и общественныхъ положеній и практическими исполнителями ихъ въ жизни; изъ-подъ пера ихъ выходили стихотворенія и повѣсти, критическіе очерки и статьи публицистическаго и педагогическаго содержанія, серьезныя научныя работы, преимущественно касающіяся такъ или иначе родного края и народа, и популярныя произведенія, предназначенныя для болѣе широкаго круга читателей и, въ частности, для просвѣщенія народа. Словомъ, они не пренебрегали никакой формой, чтобы выразить свои задушевныя

мысли и стремленія; они пользовались всякимъ случаемъ, чтобы въ той или иной формѣ восполнить недостающее и сказать то, что, по ихъ мнѣнію, было необходимымъ въ данное время. Эта разносторонность, порождаемая безпокойно мятущейся, ищущей душею и тѣмъ святымъ недовольствомъ, которое не позволяетъ застаиваться на одномъ мѣстѣ, а побуждаетъ стремиться все впередъ и впередъ,—эта разносторонность, въ свою очередь порождающая кипучую, лихорадочную дѣятельность въ различныхъ сферахъ духовной жизни, становится почти типичнымъ явленіемъ въ украинской литературѣ, и ниже мы позволимъ себѣ еще къ нему возвратиться, чтобы выяснить какъ свѣтлыя, такъ и темныя его стороны. Теперь лишь кратко скажемъ, что отмѣченная черта, составляя громадную заслугу указанныхъ дѣятелей предъ своей родиной, имѣетъ въ то же время и свою слабую сторону, будучи причиной раздробленія силъ и, такъ сказать, размѣна ихъ на мелкую монету. Принужденные въ силу обстоятельствъ, о которыхъ ниже, разбрасываться въ разныя стороны, по необходимости исполнять самую разнобразную работу, не брезгая часто даже трудомъ чернорабочаго,—притомъ въ большинствѣ случаевъ при самыхъ неблагопріятныхъ общественныхъ и личныхъ условіяхъ,—эти воздѣлыватели родной нивы не могли, конечно, сосредоточить всѣ свои силы на одной какой-нибудь отрасли умственной дѣятельности, не могли также совершенствоваться и укрѣпляться въ занятой позиціи. Потому то въ большинствѣ случаевъ результаты ихъ дѣятельности не соотвѣтствуютъ размѣрамъ ихъ силъ и часто не даютъ даже приблизительнаго понятія о нихъ; вопросъ—что́ они могли бы сдѣлать при иныхъ, болѣе благопріятныхъ для своей дѣятельности условіяхъ—одинъ изъ первыхъ, которые возникаютъ при обозрѣніи ихъ жизни и дѣятельности. Неравные по размѣрамъ природныхъ дарованій, часто антиподы или, по крайней мѣрѣ, антагонисты по убѣжденіямъ, всѣ они имѣютъ тѣмъ не менѣе общую черту, которая объединяетъ въ одну группутакихъ, казалось бы, между собой несходныхъ людей, какъ Драгомановъ и Конисскій, съ одной стороны, Конисскій и Кулишъ—съ другой. Эта черта—страстная, иногда до болѣзненности доходящая лю-

бовь къ родному народу и странѣ и самоотверженная готовность всѣмъ пожертвовать ради ихъ блага, хотя, конечно, благо это каждый изъ нихъ понималъ по своему и къ достиженію его шелъ своимъ собственнымъ путемъ. Въ личной и общественной судьбѣ этихъ несходныхъ людей также есть одна черта, одинаково свойственная всѣмъ имъ и отражающаяся на характерѣ ихъ отношеній къ окружающему: будучи прежде всего борцами, они должны были стать въ положеніе протестантовъ къ окружающей средѣ и часто вызывали непріязненное отношеніе среди даже единомышленниковъ по многимъ вопросамъ; разбрасываясь во всѣ стороны, они успѣли обнаружить лишь частицу, часто незначительную, тѣхъ недюжинныхъ силъ, какія скрывались въ тайникахъ ихъ природы... Обзоръ жизни и дѣятельности одного изъ типичныхъ представителей этого рода нашихъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей—Ивана Франка—поможетъ намъ на конкретномъ примѣрѣ уяснить характерныя особенности этихъ въ высшей степени интересныхъ лицъ и не менѣе любопытнаго времени, въ которое имъ пришлось дѣйствовать.

Иванъ Франко—выдающійся беллетристъ и поэтъ, отзывчивый и чуткій критикъ и публицистъ, талантливый ученый, экономистъ, историкъ, этнографъ, неутомимый популизаторъ и т. п.—явленіе въ высокой степени оригинальное и замѣчательное, личность, которая своимъ участіемъ сдѣлала бы честь не только молодой украинской литературѣ и общественности, но и на всякой иной почвѣ выдвинулась бы своими разносторонними дарованіями и крупными заслугами. Выступивъ на арену публитической и литературной дѣятельности, выражаясь его собственными словами, «в пору тяжкого перелому» [1]) въ жизни своей родины, г. Франко не только не палъ жертвой его, подобно многимъ и многимъ своимъ товарищамъ, не только не оказался въ числѣ отсталшихъ и перебѣжчиковъ, но, напротивъ,—свое имя связалъ съ каждымъ сколько-нибудь важнымъ общественнымъ событіемъ и неизглади-

[1]) Іван Франко—«Др. Остап Терлецький. Спомини і матеріяли». Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. L, стр. 1.

мыми чертами вписалъ его на страницы исторіи своей родины. И теперь, послѣ долгой упорной дѣятельности, мы видимъ его стоящимъ въ передовомъ ряду бойцовъ за лучшее будущее родной страны и народа и высоко держащимъ на своемъ славномъ посту то знамя, подъ которое онъ, послѣ нѣсколькихъ колеблющихся и неувѣренныхъ первоначальныхъ шаговъ, сталъ въ началѣ своей дѣятельности. Писать біографію такого дѣятеля, какъ г. Франко, — значитъ излагать исторію духовнаго развитія Галичины за послѣднее тридцатилѣтіе,—такъ тѣсно и неразрывно его личная жизнь сплелась съ общественнымъ движеніемъ его родной страны и такое сильное вліяніе онъ оказалъ на послѣднее. Разумѣется, время такой біографіи, которая была бы вмѣстѣ и исторіей развитія Галичины за послѣднія десятилѣтія, еще не пришло. Этотъ періодъ еще не всѣми своими сторонами сдѣлался достояніемъ строгой и безпристрастной исторіи: слишкомъ еще и теперь чувствительно отзывается біеніе пульса этого періода, слишкомъ вліятельно и на насъ, наслѣдникахъ его, сказывается ходъ его развитія, да и самъ почтенный дѣятель принадлежитъ къ числу еще невыдохшихся факторовъ этого вліянія. Съ другой стороны, и опубликованье во всеобщее свѣдѣніе матеріаловъ для такой исторіи находится еще въ той стадіи, когда многое, что способно пролить свѣтъ на то или другое событіе, хранится подъ запретомъ современности. Не задаваясь поэтому хотя и въ высшей степени интересной, но по указаннымъ причинамъ невыполнимой задачей, мы попытаемся дать очеркъ жизни и дѣятельности нашего славнаго галицкаго земляка и опредѣлить то мѣсто въ ряду дѣятелей украинской литературы, на которое даетъ ему право его разносторонняя кипучая дѣятельность. Считаемъ нужнымъ, во избѣжаніе недоразумѣній, предупредить читателя, что пусть онъ не ждетъ отъ насъ подробнаго перечня всѣхъ произведеній г. Франка, сопровождаемаго «критическими замѣчаніями», въ родѣ извѣстныхъ очерковъ проф. Огоновскаго въ его «Исторіи литературы рускои». Такое «академическое» изложеніе, сухое и—да простится намъ это непочтительное выраженіе—скучное, вообще, на нашъ взглядъ, мало пригодно для возбужденія инте-

реса въ читателяхъ, а по отношенію къ такому живому писателю, какъ г. Франко, который почти на каждомъ шагу самъ нарушалъ чопорныя правила литературнаго «хорошаго тона», оно было бы и совсѣмъ непростительнымъ грѣхомъ. Да, наконецъ, едва ли это и выполнимо въ отведенныхъ намъ рамкахъ, такъ какъ одинъ, и притомъ далеко не полный, перечень литературныхъ трудовъ нашего автора составляетъ солидную брошюру въ 127 страницъ [1]). Взамѣнъ этого попробуемъ дать общую характеристику писателя, вскрыть, на сколько возможно, тѣ пружины, которыми онъ руководствовался въ своей литературной и общественной дѣятельности, освѣтить, чѣмъ онъ жилъ и волновался, что любилъ и что ненавидѣлъ, чего избѣгалъ и къ чему стремился. Изъ фактовъ же личной біографіи писателя, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи, нужно сказать, далеко не въ достаточной полнотѣ, мы остановимся преимущественно на тѣхъ, которые вліяли на выработку его характера и міровоззрѣнія, съ одной стороны, а съ другой—на тѣхъ, которые какими-либо сторонами соприкасались съ общественной жизнью и потому имѣютъ не одно лишь личное, а и болѣе широкое общественное значеніе. И это не потому, чтобы мы соглашались въ данномъ пунктѣ съ собственной скромной оцѣнкой самого автора, причисляющаго себя къ тѣмъ работникамъ, «którzy pomagają wznosić gmach cywilizacyi, ale których naswisk nie wypisuje się na frontonie tego gmachu» [2]),—напротивъ, мы думаемъ, что дѣятельность г. Франка заслуживаетъ болѣе высокой оцѣнки и иного сравненія,—а потому, повторяемъ, что время такой біографіи еще не наступило, а съ другой стороны, работа наша ограничена опредѣленными рамками, за предѣлы которыхъ, даже при всемъ желаніи, мы не можемъ выступать. Нѣкоторые пробѣлы въ

---

[1]) Спис творів Івана Франка за перше 25-літе его літературноі діяльности. 1874—1898. Зладив М. Павлик. У Львові, 1898.

[2]) См. «Nieco o sobie samym»—предисловіе автора къ польскому переводу нѣкоторыхъ его произведеній, изданному во Львовѣ подъ заглавіемъ «Obrazki galicyjskie przez Iwana Frankę» (годъ изданія не указанъ, но книжка вышла въ 1897 г.).

нашей работѣ обусловливаются, впрочемъ, уже самымъ характеромъ дѣятельности г. Франка, что тѣмъ болѣе досадно для пишущаго эти строки, что не въ его силахъ и возможности находится устранить эти пробѣлы, такъ какъ тутъ главенствуетъ нѣкоторая высшая сила...

Время, въ которое Франку пришлось выступить на арену литературной и общественной дѣятельности, онъ самъ характеризуетъ, какъ время «тяжкого перелому» въ жизни Галичины, наступившаго послѣ непродолжительнаго оживленія общественныхъ силъ, которое смѣнилось въ свою очередь долгимъ, около 3 десятковъ лѣтъ тянувшимся мертвымъ сномъ и почти безмятежнымъ покоемъ. Обыкновенно начало украинской литературы въ Галичинѣ принято считать съ появленія такъ называемой «руськоі трійці» съ Маркіяномъ Шашкевичемъ во главѣ, равно какъ и 1848 годъ--исходнымъ этапомъ сознательной общественной жизни; но это вѣрно лишь въ половину,—лишь настолько, насколько указанныя событія послужили *первымъ* толчкомъ къ пробужденію національнаго и политическаго самосознанія у галицкихъ украинцевъ (русиновъ). Этотъ первый толчекъ оказался однако слишкомъ слабымъ, чтобы на мельчайшіе кусочки разбить ту толстую кору ледяного равнодушія и проявленія чисто личнаго эгоизма въ общественныхъ дѣлахъ, темноты, узости и заскорузлости понятій, непониманія народныхъ интересовъ, которая, подобно первородному грѣху, тяготѣла на галицкой интеллигенціи стараго времени. Первое легкое дуновеніе свѣжаго вѣтерка, принесшаго съ собой новыя заботы, оказалось безсильнымъ вдунуть новый духъ въ обветшалый общественный организмъ и очистить тяжелую, затхлую атмосферу галицкой жизни, съ ея почти средневѣковымъ укладомъ, понятіями и идеалами, съ ея возведенными въ систему сервилизмомъ и заискиваньемъ предъ сильными міра его. «Не вливаютъ вина новаго въ мѣхи старые»—это изреченіе оправдалось въ данномъ случаѣ какъ нельзя лучше. Шашкевичъ, не понятый и не оцѣненный современниками, умеръ среди полнаго равнодушія, а то и прямого противодѣйствія со стороны русинскаго общества, не дождавшись плодовъ своей дѣ-

ятельности; конституція 1848 года оказалась не по плечу представителямъ украинскаго народа въ Галичинѣ. Они умѣли до этого времени лишь обращать просительные взоры къ Вѣнѣ, заискивать тамъ предъ придворными сферами, выпрашиватъ милости у австрійскихъ министровъ, но вовсе не были подготовлены къ жизни въ конституціонномъ государствѣ и даже едва ли понимали и цѣнили блага свободы. Неудивительно, что послѣ кратковременнаго, и то больше поверхностнаго возбужденія общественной жизни въ 1848 г., галицкое общество преблагополучно вновь засыпаетъ спокойнымъ и сладкимъ сномъ, отзываясь лишь на такіе милые затхлымъ сердцамъ вопросы, какъ напр.— какой азбукой печатать свои мертвыя произведенія, какого обряда придерживаться въ церковной жизни и т. п. Нѣкоторое оживленіе въ эту застоявшуюся атмосферу внесло лишь вліяніе украинцевъ въ началѣ 60-хъ годовъ, и то преимущественно среди молодежи. Оно опять возбудило было живую струю интереса къ народной жизни и потребностямъ, но, къ сожалѣнію, и на этотъ разъ оказалось безсильнымъ совершенно перетворить галицкое общество и, встрѣтившись съ обычными его чертами, быстро выродилось на галицкой почвѣ въ поверхностный націонализмъ, безъ ясной программы, безъ опредѣленныхъ практическихъ стремленій, но за то съ порядочной дозой схоластики. Время до половины 70-хъ годовъ было самымъ тяжелымъ и безплоднымъ въ духовной исторіи Галичины, когда интеллигенція въ Галичинѣ интересовалась почти исключительно такъ называемой «высокою политикою», притомъ весьма своеобразно понимаемою—въ видѣ милостей и просто подачекъ вѣнскаго правительства, между тѣмъ какъ народныя нужды не встрѣчали не только удовлетворенія, но даже простого вниманія и сочувствія. Обѣ къ тому времени сформировавшіяся партіи—москвофиловъ и народовцевъ,—раздѣляемыя теоретически въ пунктѣ принадлежности къ 60-милліонному (великорусскому) или 15-милліонному (малорусскому) народу и практически—спорами о языкѣ, относительно вопросовъ живой жизни соперничали другъ съ другомъ въ полномъ непониманіи и пренебреженіи къ народной жизни и потребностямъ и одинаково

оказались неспособными къ активной дѣятельности на почвѣ широкопонятыхъ народныхъ интересовъ. Появляется даже особое направленіе, признававшее лишь «рутенскую» націю, отдѣльную и отъ великороссовъ, и отъ украинцевъ, и одинаково открещивавшееся какъ отъ «москалей», такъ и отъ «украинофиловъ»; но кромѣ этого, ничего нового не внесло оно въ общественную жизнь Галичины. Говоря словами г. Франка, «в Галичині се була пора, коли бачилось, що запанує тип «Рутенця», себто Русина, що знеохочений сварами про народність, про Шевченка, про язик і про Драгоманівські ідеі, вмиває руки від усего, не хоче знати нічого по-за чорножовтими стовпами, що відмежовують Галичину від Росиі» [1]). Всѣ упомянутыя партіи были одинаково мертвы, такъ какъ опирались не на народъ, единственно твердый базисъ всякой плодотворной работы, а на элементы посторонніе, чуждые; смотрѣли не впередъ, а назадъ, хотя и не въ одномъ направленіи. Даже наиболѣе свѣжая партія народовцевъ, благодаря ложно понятому украинофильству, выродившемуся въ наивное козакофильство: языкофильство и ревнивое оберeганіе «народних святощів» (что-то въ родѣ пресловутыхъ «основъ» на руссійской почвѣ), попала въ тупой переулокъ, гдѣ, по словамъ одного изъ очевидцевъ того времени, «понура дійсність, від якоі ми мов від злого духа втікали на крилах Шевченковоі поезіі, почала листок за листком, квітку за квіткою зривати з того пишного вінка, що ми сплели собі були з наших поетичних мрій: упали «Вечерниці», упала «Мета» перша, упала «Мета» друга, упала «Нива», упала «Руська Читальня», упав «Руський Театр», упала «Русалка»... [2]) Почав поволи холонути ентузіязм молодежи. Вона всіма силами сіпнулася була до того одного великого діла, яке мало спровадити рай на руську землю—і певне, як би те, чого хотіла достигнути, мож було достигнути якимсь одним великанським подвигом, то вона б була його достигнула, бо може нігде на світі не було

[1]) Ів. Франко – «З останніх десятиліть XIX в.» Л.-Н. Вістник, р. 1901, кн. VII, стр. 5.

[2]) Названія журналовъ, служившихъ органами народовцевъ.

такого гарячого і безкорисного патріотизму, який був у руськоі народньоі молодежи» [1]). Но время героическихъ подвиговъ давно прошло,—необходимо было оказывать побольше вниманія «понурій дійсности», вести упорную борьбу и систематическую дѣятельность, обнаженную отъ блестящаго ореола героизма. Точно также и доброй воли и патріотизма было не достаточно,—необходима была ясная программа дѣятельности, основанная на дѣйствительныхъ нуждахъ народа. А такъ какъ молодежь, продоставленная своимъ собственнымъ силамъ, не въ состояніи была разобраться въ происходившемъ и отдать себѣ ясный отчетъ относительно цѣлей и средствъ дѣятельности, то «понура дійсність» начала мстить за оказываемое ей невниманіе и ударъ за ударомъ наносить пылкимъ энтузіастамъ. Въ результатѣ—застой въ литературѣ, заискиваніе, угодничество, чинопочитаніе и своекорыстіе въ политикѣ, мертвая струя въ общественной жизни... А между тѣмъ потребность въ правильно организованной работѣ на пользу народа сказывалась тѣмъ сильнѣе и настоятельнѣе, что въ государственномъ устройствѣ Габсбургской монархіи произошелъ коренной переломъ: послѣднія судорожныя усилія абсолютизма задавить начала свободы и отстоять свои позиціи были залиты кровью австрійскихъ войскъ подъ Садовой, и Австрія была принуждена, на этотъ разъ уже безповоротно, вступить на путь общеевропейскаго правопорядка и государственнаго устройства. Въ обострившейся затѣмъ борьбѣ за мѣста при столѣ конституціонной Австріи русины оказались затертыми въ самый дальній уголъ и затѣмъ основательно на всѣхъ пунктахъ побитыми. И въ національномъ, и въ соціальномъ, и въ экономическомъ отношеніи, вмѣсто полноправнаго участія за столомъ конституціонной жизни, они получили лишь крошки, какія угодно было вѣнскому правительству швырнуть имъ, да и то еще какъ милость и благодѣяніе. Мало того, какъ только миновала нужда въ вѣрныхъ «тирольцахъ востока», какъ называли въ Австріи русиновъ, привительство не задума-

---

[1]) Остап Терлецький—Москвофіли й народовці в 70-их рр. У Львові, 1902. Стор. 28.

лось «пожертвовать» ихъ полякамъ, предоставивъ послѣднимъ возможность полнаго господства въ странѣ, настолько же, если не болѣе, русинской, какъ и польской. И въ то время, когда одна часть галицкой интеллигенціи платонически мечтала объ освободителѣ и защитникѣ, тщетно ожидаемомъ извнѣ, другая патетически и съ жаромъ доказывала свою національную самостоятельность и самобытность, а обѣ вмѣстѣ систему адресовъ и петицій непосредственно къ коронѣ предпочитали болѣе вѣрному пути—конституціонной борьбы за свои права,—въ это время дѣйствительные господа положенія и единовластные хозяева Галичины, поляки, могли смѣло провозглашать «niema Rusi», а простой народъ постепенно и неуклонно шелъ къ полному разоренію, обезземеленію и неисходной нуждѣ. Страшно подумать, чѣмъ бы могло разрѣшиться для украинскаго народа въ Галичинѣ такое положеніе дѣлъ—эта по-истинѣ мертвая точка, въ которую попала несчастная страна, если бы въ 70-хъ годахъ, сначала слабо, а затѣмъ все сильнѣе и сильнѣе, не зазвучала новая струна, на этотъ разъ уже попавшая въ тонъ дѣйствительныхъ нуждъ и потребностей народныхъ массъ. Среди новаго поколѣнія дѣятелей, явившихся на арену борьбы за лучшее будущее родного народа съ европейскимъ оружіемъ въ рукахъ, Ивану Франку безспорно принадлежитъ первое мѣсто [1]).

---

[1]) Для читателей, которые заинтересовались бы Галичиной и пожелали познакомиться болѣе подробно съ исторіей ея общественнаго развитія, укажемъ здѣсь нѣсколько посвященныхъ ей работъ: Т-овъ (Драгомановъ) «Русскіе въ Галиціи», и «Литературное движеніе въ Галиціи» Вѣстникъ Европы, 1873, кн. I, II, IX и X; Туристъ—«Литературно-общественныя партіи въ Галиціи», Дѣло, 1881, кн. IX; Драгомановъ— «Галицько-руське письменство» (Предисловіе къ изданной въ 1876 г. въ Кіевѣ книгѣ «Повісті Осипа Федьковича»); Кн. «Галичина и Русины». В. Е., 1887, Кн. I; «Буковина и Русины». В. Е. 1888, кн. II; Василевскій «Современная Галиція», Спб., 1900, и др. Статьи по отдѣльнымъ вопросамъ будутъ указаны дальше.

II.

Иванъ Франко родился $^{3}/_{16}$ августа 1856 года [1]) въ деревнѣ Горѣ, принадлежащей къ селу Нагуевичамъ, Дрогобычскаго округа [2]), лежащаго въ подгорной части Галичины. Отецъ его Яковъ, кузнецъ по профессіи, происходившій, по всей вѣроятности, отъ украинизованнаго нѣмецкаго колониста [3]), былъ обыкновеннымъ крестьяниномъ и крѣпостнымъ «цесарско-королевской камеры» [4]). Какъ человѣкъ зажиточный, владѣвшій кромѣ того необходимымъ въ сельскомъ обиходѣ ремесломъ и при томъ обладавшій тѣмъ здоровымъ «мужицкимъ» умомъ, который нерѣдко встрѣчается

---

[1]) Омелян Огоновський—Історія литературы рускои, ч. III, в. 2. У Львові, 1893. Стр. 915. Біографическія данныя о г. Франкѣ заимствованы нами изъ слѣдующихъ источниковъ: 1) Автобіографія «Відривок з листу Ів. Франка до М. Драгоманова» при сборникѣ «В поті чола», Львів, 1890. 2) Автобіографія «Nieco o sobie samym» при польскомъ переводѣ нѣсколькихъ разсказовъ Франка „Obrazki galicyjskie" Lwów (безъ обозначенія года изданія). 3) Ів. Франко—«Др. Остап Терлецький. Спомини і матеріяли». Записки Наук. Товариства ім. Шевченка, т. L. 4) Ом. Огоновський—Історія литературы рускои, ч. III, в. 2. Львів, 1893. 5) Крымскій, проф.—статья о Франкѣ въ 71 полутомѣ „Энциклопедическаго Словаря" Брокгауза и Ефрона. 6) Дегенъ Е. „Иванъ Франко", Новое Слово, 1897, мартъ. 7) Сумцовъ проф.—„Современная малорусская этнографія", Кіевъ, 1897. 8) Славинскій—Предисловіе къ русскому переводу сборника: „Въ потѣ лица". Спб. 1901. 9) Василевскій „Современная Галиція" С.-Петербургъ, 1900. Случайныя статьи и замѣтки, имѣющія значеніе для біографіи г. Франка, будутъ указаны въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы позволяемъ себѣ съ необходимою осторожностью пользоваться и беллетристическими произведеніями г. Франка, такъ какъ, по собственному его признанію, „всі вони частки моеі автобіографіи" („В поті чола", XVI).

[2]) „В поті чола", IV.

[3]) „Obrazki galicyjskie, II.

[4]) Ibidem, III. „Цесарско-королевская камера" въ Австріи соотвѣтствуетъ русскому Удѣльному вѣдомству.

среди дѣтей народа, «Яць—коваль з Гори» пользовался большимъ авторитетомъ у своихъ односельчанъ и въ окружности [1]). Хотя самъ онъ былъ неграмотенъ, тѣмъ не менѣе здоровымъ инстинктомъ и неиспорченнымъ чутьемъ простого человѣка сознавалъ, очевидно, значенiе науки, почему и пожелалъ своему сыну, слабому и неспособному къ тяжелой крестьянской работѣ мальчику, дать посильное образованiе. На шестомъ году отецъ посылаетъ маленькаго Ивана въ школу, находившуюся въ сосѣднемъ селѣ Ясеницѣ-Сильной, гдѣ мальчикъ подъ руководствомъ дяди по матери, шляхтича Кульчицкаго, выучился читать (по-украински, по-польски и по-нѣмецки) и писать, изучилъ первыя четыре ариѳметическiя дѣйствiя, а также церковное пѣнiе [2]). Черезъ два года отецъ опредѣлилъ мальчика въ нѣмецкую, такъ называемую нормальную школу при Базилiанскомъ монастырѣ въ Дрогобычѣ. Съ поступленiемъ въ нормальную школу, для г. Франка окончилась сельская жизнь, а потому мы остановимся на ней нѣсколько подробнѣе, такъ какъ именно этотъ перiодъ далъ будущему писа-

---

[1]) „В поті чола“, IV. Возможно, что подъ именемъ „коваля“ Гердера въ повѣсти „Основи суспільности“ г. Франко изобразилъ своего отца. «Люде йшли до Гердерової кузні,—читаемъ въ этой повѣсти,—мов по свячену воду, щоб віддихнути якоюсь свіжійшою духовою атмосферою, покріпитись, розвести душу. Коваль бував замолоду далеко по світі, був чоловік письменний, знав незлічиму силу вигадок та оповідань і вмів оповідати їх з таким виразом, з такою особистою закраскою, вмів до кождоі нагоди підібрати відповідну повість, з кождоі повісти розвести такі думки та виводи, що люде слухали його без голосу, тільки цілим лицем ясніючи, цілою душею всміхаючись та радіючи, хоч і сами не знали, чого. Іх душі, вбогі та прибиті щоденним горем та темнотою та деморализацією, чули в тім чоловіці живу течію власноі думки, сильного характеру і живоі своерідноі поезіі, котрим усяка жива душа мусить спочувати та радуватися, як молода ростина ясному та теплому сонцю весняному» („Житє і Слово“, 1894, т. II, стр. 50—51). Нѣкоторыми чертами, впрочемъ, Гердеръ напоминаетъ также извѣстнаго галицкаго крестьянина-оратора Антона Грыцуняка.

[2]) „В поті чола“, V.

телю большой запасъ наблюденій и воспиталъ въ немъ какую-то особенную, почти благоговѣйную любовь къ природѣ и убѣжденіе въ ея благотворномъ вліяніи на человѣка, въ особенности на дѣтскія сердца, простирающемся даже на субъектовъ, живущихъ въ ненормальной, далекой отъ природы обстановкѣ [1]). Эта пора въ жизни мальчика несомнѣнно заложила первыя сѣмена будущей личности и вліяла на первую формировку того Франка, какимъ онъ явился впослѣдствіи въ своей литературной и общественной дѣятельности.

Маленькій Миронъ, подъ именемъ котораго г. Франко изобразилъ себя въ цѣломъ рядѣ разсказовъ, былъ страннымъ ребенкомъ съ точки зрѣнія знавшихъ его людей. Послѣднимъ была непонятна и чужда его пытливость, съ которой мальчикъ относился къ окружающему, его любознательность и первые проблески самостоятельной мысли, такъ отличавшіе этого мальчика отъ другихъ дѣтей его возраста и причинявшіе ему не мало досадныхъ огорченій. «Якесь воно не таке, як люде» [2]),—говорили о немъ сосѣди; «все у них,—говоритъ о такихъ дѣтяхъ самъ авторъ,—з маленьку не так, як у людей: і хід, і обличче, і слова, і вчинки» [3]).—Такимъ дѣтямъ приходится обыкновенно первый натискъ въ борьбѣ за индивидуальность вынести отъ близкихъ людей, которые имѣютъ склонность, исходя, конечно, изъ самого искренняго «желанія добра» и тому подобныхъ похвальныхъ побужденій—«натовкати в неі (дитину) все на такий спосіб, «як звичайно у людей» [4]), подводить подъ установившійся шаблонъ, такъ какъ послѣдній этимъ, въ большинствѣ случаевъ даже добрымъ, но невидящимъ далѣе своего носа людямъ, кажется единственной мѣркой настоящей жизни. Разъ это удалось, разъ оригинальная натура ребенка сломлена и онъ подведенъ подъ общій ранжиръ—пропали за-

---

1) См., напр., разсказъ „Jeden dzień z życia uliczników lwowskich". Obrazki galicyjskie, 76—77.

2) „В поті чола". 28; разсказъ „Малий Мирон".

3) Ibidem, 34.

4) Ibidem.

датки оригинальности, и «з малого Мирона вийде кепський господар, або—ще гірше—не до разу приголомшена живість та прудкість характеру попре його до злого» [1])... Къ счастью для украинской литературы, въ данномъ случаѣ восторжествовала сильная натура даровитаго мальчика надъ педагогическимъ воздѣйствіемъ родныхъ, и если однимъ «кепським господарем» на бѣломъ свѣтѣ стало меньше, то за то прибавился дѣятель, который стоитъ многихъ и многихъ даже очень хорошихъ «господарів». Изъ перваго испытанія мальчикъ вышелъ съ честью и торжествомъ, и это обстоятельство могло служить порукой, что и въ будущемъ не сломятъ его всѣ тѣ невзгоды, въ которыхъ не будетъ недостатка на его жизненномъ пути и которыя напророчилъ авторъ своему маленькому герою [2]). Намъ кажется, что благопріятствовавшими моментами такого именно, а не иного исхода этой первой борьбы послужила, кромѣ поддержки со стороны отца [3]), близость къ природѣ, которую мальчикъ очень любилъ [4]) и которая своимъ вліяніемъ, такъ сказать, затирала и смягчала горечь первыхъ ударовъ; а съ другой стороны и то обстоятельство, что г. Франку скоро пришлось разстаться съ родной семьей, чтобы вкусить отъ горькаго корня ученія у отцевъ Василіанъ.

---

[1]) Ibidem.

[2]) „В школі дитина хапатися буде науки на диво, впиватися буде нею, як недужий свіжим повітрем, і скінчить на тім, що перейметься правдами науки і забажае перевести іх в життє. І стане малий Мирон гарячим проповідником тих правд, понесе іх між темних і погибаючих, під рідні сільські стріхи... Ну, і незавидна чекае його доля! Навістить він і стіни тюремні, і всякі нори муки та насилля людей над людьми, а скінчить тим, що або згине десь в бідности, самоті та опущенню на якимсь піддашу, або з тюремних стін винесе зароди смертельноі недуги, котра перед часом зажене його в могилу, або стративши віру в святу, високу правду, почне заливати червяка горілкою аж до цілковитоі нетями. Бідний малий Мирон!“—такъ оканчивается этотъ прекрасный разсказъ («В поті чола», 34—35).

[3]) Ibidem, 28; «Батько втішаеться ним і каже, що він чудоворозумна дитина» и т. п.

[4]) Ibidem, 29—30.

Вѣдь попытки сломить задатки оригинальности въ натурѣ ребенка тѣмъ опаснѣе, чѣмъ ближе къ послѣднему стоятъ нивелляторы, и наоборотъ—усилія въ данномъ направленіи людей чужихъ и далекихъ скорѣе способны возбудить реакцію и отпоръ и такимъ образомъ имѣютъ меньше шансовъ на успѣшный исходъ.

Если можно предполагать, что и въ сельской школѣ, среди такихъ же, какъ и онъ самъ, крестьянскихъ дѣтей, наука не особенно привѣтливо встрѣтила будущаго писателя и въ лицѣ старшихъ товарищей, кормившихъ его, быть можетъ, «іерусалимомъ», и въ лицѣ учителя, преподававшаго такую удивительную науку, какъ «а баба галамага», и устраивавшаго изъ-за пустяковъ генеральную порку [1]); то въ школѣ отцевъ Василіанъ эти отрицательные спутники науки явились въ увеличенномъ числѣ несравненно большемъ масштабѣ. Робкій, плохо одѣтый, нечесанный мальчикъ сдѣлался посмѣшищемъ для товарищей и жертвой для учителей, въ родѣ бывшаго эконома Валька, справедливо разсчитывавшихъ, что «хлопскаго» сына можно «бити і зобіжати, як хочеш: ніхто за хлопським сином не впімнеться» [2]). И такіе учителя не ошибались въ разсчетѣ: у «хлопскаго сына» защитниковъ дѣйствительно не находилось, но за то ихъ варварское обращеніе съ нимъ имѣло другіе результаты, несравненно важнѣйшіе. Именно безчеловѣчный поступокъ учителя-эконома, послужившій темой автобіографическаго разсказа «Schön Schreiben», хотя и «уйшов йому гладко, як і многі його нелюдські поступки,—тільки в серці хлопського сина він не пішов гладко, а стався першим насінием обурення, погорди і вічної вражди проти усякого неволення та тиранства» [3]), т. е. приготовлялъ грознаго мстителя въ будущемъ, безпощадно бичующаго подобныя проявленія звѣрства, тиранства и насилія человѣка надъ человѣкомъ. Но не-

---

[1]) См. разсказы «Грицева шкільна наука» и «Оловець»,—«В поті чола», 35—55.

[2]) См. разсказъ „Schön Schreiben“,—«В поті чола», 61.

[3]) Ibidem.

смотря на свою робость и забитость, маленькій Франко тѣмъ не менѣе при переводѣ въ слѣдующій классъ оказался вдругъ первымъ ученикомъ по успѣхамъ, «на превелике диво цілоі кляси і своє власне» [1]), и съ той поры всегда шелъ однимъ изъ первыхъ, благодаря своей удивительной памяти, достигавшей того, что «лекцію історіі, котру вчитель цілу годину говорив, я (Франко) міг опісля продіктувати товаришам майже слово в слово» [2]). Городская жизнь, такъ непохожая на сельскую, и внѣ стѣнъ школы доставила не одно горькое и тяжелое впечатлѣніе мальчику, привыкшему къ сельской шири, свободѣ и жизни на лонѣ природы. Однимъ изъ первыхъ впечатлѣній этой новой жизни была безсмысленная по своей ненужной жестокости сцена убійства живого существа, и именно въ то время, когда все существо мальчика было полно иныхъ впечатлѣній, когда «въ моій души,—вспоминаетъ г. Франко впослѣдствіи,—чувся веселий шум ліса, плюскіт чистоі річки, мерехтіли постаті селян у чистеньких білих сорочках і дівчат у червоних спідницях з скіндячками на головах. Мене,—прибавляетъ авторъ,—щось стисло за серце, мов чорний ракъ здоровимъ щипом. Я весь стрепенувся; по мені пройшло неясне чутте, що той чорний рак, ухопивши мене тепер за серце, не попустить його вже ніколи» [3]),—и онъ горько оплакиваетъ убійство теленка, случайнымъ свидѣтелемъ смерти котораго онъ сдѣлался. Освоившись немного въ городѣ и попривыкнувъ къ несложной жизни окружающихъ, г. Франко сталъ принимать въ ней живое и дѣятельное участіе. Жилъ онъ на квартирѣ у родственника-столяра, значитъ—подъ непосредственнымъ вліяніемъ трудовой жизни ремесленниковъ; слушалъ пѣсни, разговоры и разсказы изъ этой жизни, спалъ въ приготовленныхъ для продажи сундукахъ и гробахъ, а въ свободное время съ удовольствіемъ размалевывалъ эти сундуки какими-то

---

1) «В поті чола». V.

2) Ibidem VII.

3) Франко Ів.—«У столярні. Із моіх споминів». Л.-Н. Вістник, 1902, кн. IX, стор. 225—226.

фантастическими «ружами» [1]). Не оставаясь безучастнымъ зрителемъ трудовой жизни въ городѣ, г. Франко и въ моменты сельскихъ досуговъ, во время каникулъ, продолжаетъ «пасти худобу та помагати при збірці сіна і збіжжя» [2]). Такъ прошло три года и, по окончаніи нормальной школы въ 1868 г. мальчика опредѣляютъ въ гимназію,—на этотъ разъ уже вотчимъ, такъ какъ отецъ его умеръ въ первый годъ его дрогобычской жизни, а мать къ этому времени вышла замужъ вторично.

Въ гимназіи съ г. Франкомъ повторилось то же, что и въ нормальной школѣ. «Зразу,—пишетъ онъ въ автобіографіи,—ніхто мене не знав і весь перший курс я сидів на «ослячій лавці», в самім куті, та пальцями довбав діри в стіні—і раптом дістав другу льокацію і так ішов через цілу гимназію другим, третім або першим. Науки шкільноі,—продолжаетъ онъ,—я не любив, тож звичайно инші побивали мене пильністю і акуратністю» [3])... Интересный моментъ въ жизни г. Франка изображенъ въ его разсказѣ «Борис Граб», содержащемъ несомнѣнно автобіографическія, и очень цѣнныя съ этой точки зрѣнія, подробности, такъ какъ авторъ касается здѣсь весьма важнаго вопроса о зарожденіи и постепенномъ развитіи серьезныхъ умственныхъ запросовъ въ мальчикѣ, способномъ и талантливомъ отъ природы, хотя съ виду робкомъ, неуклюжемъ и неловкомъ. «Борис Граб був хлопська дитина... Був се дикий, валоватий і неохарний хлопець, котрий між усіма учениками своєі кляси визначувався нечищеними по кілька неділь чобітьми, брудною сорочкою, нечесаним волоссям—і першою льокацією... Ані стати, ані крейду взяти, ані писати, ані говорити порядно він не вмів, але за то в відповідях його учитель бачив розум і пробуджуючуся власну думку» [4]). Участіе одного чуткаго и сердечнаго учителя, сумѣвшаго подъ непоказной наружностью застѣнчиваго мальчика раз-

---

1) Ibidem, 237—238.
2) «В поті чола», VIII.
3) Ibidem, VI.
4) Зоря, р. 1890, стор. 135—136.

глядѣть недюжинныя способности, было въ высшей степени благотворно и совершенно его переродило; подъ вліяніемъ и при разумномъ руководительствѣ этого учителя (въ разсказѣ онъ названъ Михонскимъ) мальчикъ изучаетъ языки, обучается ремесламъ, читаетъ много и толково. Въ особенности любопытенъ съ этой стороны эпизодъ съ чтеніемъ Одиссеи. При первомъ знакомствѣ съ великой поэмой вниманіе мальчика остановилось исключительно лишь на фантастической и миѳологической сторонѣ великаго произведенія; онъ проглотилъ его просто какъ занимательную сказку, не придавая ему никакого иного значенія. Но Михонскій заставилъ своего ученика прочесть поэму вторично, чтобы отыскать «другую половину» «Одиссеи», и впечатлѣніе на этотъ разъ получилось совсѣмъ иное: «живі битові картини поеми насували йому (Борисові) на память рівно живі картини того сільського життя, яким жив його батько, серед якого й самъ він від малу виростав. Чим дальше вглублявся в поему, тим більше блідли въ його памяті фантастичні пригоди та мітольогічні дивогляди, а за те тим яркійше визначувались картини сільського віча, подорожі кіньми, сільського празнику, печучих на річці дівчат, гостини, саду, сільських ігрищ, життя настуха в полі і т. д.» [1]) Словомъ, и въ такой далекой, казалось бы, жизни совершенно чужого народа пытливый и любознательный умъ мальчика сумѣлъ отыскать родныя черты, на которыя радостно отозвалось его сердце и которыя влекли его вниманіе и симпатіи назадъ къ тому селу и къ тѣмъ людямъ, съ которыми онъ разстался. Весьма возможно, что уже на школьной скамьѣ, подъ вліяніемъ этого и подобнаго чтенія, въ будущемъ писателѣ впервые зарождается можетъ быть еще ясно и не сознаваемое, стремленіе работать на пользу этого всѣми забытаго села и его заброшенныхъ, темныхъ обитателей. Такое стремленіе, впослѣдствіи созрѣвшее въ непоколебимое рѣшеніе, оказало будущему писателю громадную услугу: оно охранило зарождающуюся силу отъ вредныхъ увлеченій пустыми удовольствіями, на

---

[1]) Ibidem, 137.

которыя такъ падка бываетъ неокрѣпшая юность и которыя погубили не одно молодое дарованіе, сбивши его съ прямого пути умственнаго и нравственнаго совершенствованія на боковыя дорожки погони за мелкими и пустыми удовольствіями. «По-за тою дрібною щоденною роботою,—говоритъ нашъ авторъ о своемъ первообразѣ, Грабѣ,—виднілись такі обширні, світлі і безконечні горизонти нової ще кращої і приманливійшої роботи, що забутись хоч на часок, заголомшитись чи то картами, чи то трунком Борис уважав би для себе простою стратою, а не приемністю» [1]). Наступилъ весьма важный моментъ въ жизни будущаго дѣятеля, когда природныя силы и способности начинаютъ формироваться и складываются въ сознающую себя силу, планомѣрно уже направляемую къ опредѣленной цѣли, зарисовывающейся впереди, на горизонтѣ восходящей сознательной жизни. Интересно поэтому, а для біографа весьма важно остановиться на тѣхъ умственныхъ вліяніяхъ и средствахъ, которымъ г. Франко обязанъ своимъ развитіемъ.

Изъ автобіографіи г. Франка мы знаемъ, что первоначальное чтеніе его составляли книги, случайнымъ образомъ попавшіе къ нему послѣ смерти ихъ владѣльца, извѣстнаго въ галицкой литературѣ «автора граматики і кепських перекладів з Гете» Остапа Левицкаго, бывшаго священникомъ въ Нагуевичахъ. Книги эти—«Вѣнок Русинам на обжинки», библейская исторія и сборникъ «пѣсень богоговѣйныхъ» [2])—едва ли могли возбудить въ мальчикѣ интересъ къ чтенію. По крайней мѣрѣ, въ низшихъ классахъ гимназіи онъ читалъ мало, а то, что—опять таки случайно—попадалось ему подъ руку («Переяславська ніч» Костомарова, «Русалка Днѣстрова» Шашкевича и др.), оставалось непонятымъ, какъ слишкомъ далекое по содержанію и языку [3]). Но къ счастью, ему въ то же время попалась книга, которой вообще въ исторіи украинскаго возрожденія принадлежитъ колоссальное

---

[1]) Ibidem.

[2]) «В поті чола». IV.

[3]) Ibidem, VII.

воспитательное значеніе, какъ перваго толчка, многимъ украинскимъ дѣятелямъ раскрывшаго глаза на вопросы: «хто ми? чиі сини? яких батьків?»... Этой великой книгой откровенія былъ «Кобзарь» Шевченка, полученный г. Франкомъ отъ проф. Верхратскаго, и въ непродолжительномъ времени мальчикъ зналъ его почти весь на память[1]). Затѣмъ уже онъ съ жаромъ набросился на чтеніе, перечиталъ все, что нашелъ болѣе интереснаго въ гимназической библіотекѣ, пользовался книгами проф. Верхратскаго, а съ шестого класса началъ покупать книги и на собственныя средства: за три года составилась цѣлая библіотека, первое мѣсто въ которой занимали компактныя изданія Шекспира, Шиллера, Клопштока и кое-что изъ Ауербаха, Диккенса, Гейне, Гете, Гюго и др.[2]). Въ это время г. Франко познакомился съ произведеніями классиковъ міровой литературы, а также и украинскихъ писателей (Стороженка, Марка Вовчка, Кулиша, Руданскаго, Мырного и др.[3]), которые оказали рѣшающее вліяніе на развитіе его литературныхъ вкусовъ. Къ этому же приблизительно времени относятся и первые опыты его собственнаго литературнаго творчества. Побуждали «къ перу его руки» многія обстоятельства: здѣсь было и вліяніе учителей Верхратскаго и Турчинскаго, и своего рода литературныя традиціи дрогобычской гимназіи и, наконецъ, собственные порывы юной мысли вырваться на волю, и то влеченіе къ литературѣ, которое заставляло юнаго автора еще въ низшихъ классахъ гимназіи заняться собираніемъ этнографическаго матеріала въ родномъ селѣ, въ Дрогобычѣ и другихъ мѣстахъ[4]). Какъ бы то ни было, въ 1874 г. въ № 3-мъ львовскаго студенческаго журнала «Другъ» появляется первое печатное произведеніе г. Франка—стихотвореніе «Народныя пѣсни», подписанное псевдонимомъ Джеджаликъ. Когда же въ слѣдующемъ 1875 году юный авторъ получилъ оффиціальное признаніе своей зрѣлости и поступилъ во львовскій университетъ,

---

[1]) и [2]) Ibidem. VII.

[3]) Ibidem, VIII.

[4]) Ib., VII.

то во Львовъ онъ прибылъ съ нѣсколькими объемистыми тетрадями, содержавшими плоды вдохновеній, какъ оригинальные, такъ и переводные (изъ Библіи, античныхъ и западно-европейскихъ писателей) [1]). Стихотворенія г. Франка, а также написанная уже во Львовѣ повѣсть «Петрѣи и Добощуки», печатались въ журналѣ «Другъ» до 1877 г., и въ 1876 г. уже были выпущены отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ «Письма Ивана Франка. I. Баляды и росказы».

Цѣлый рядъ стихотвореній г. Франка, помѣщенныхъ въ «Другѣ» большею частью очень слабы и по формѣ, и по содержанію. Формѣ ихъ, кромѣ свойственной всѣмъ начинающимъ авторамъ неувѣренности и неумѣлости, сильно вредитъ тенденція приблизиться языкомъ къ русскому, вслѣдствіе чего получилась лишь какая-то макароническая шумиха изъ смѣси украинскаго, русскаго, польскаго и церковно-славянскаго языковъ [2]); недостатки

---

[1]) Ib. VIII.

[2]) Впрочемъ, въ этомъ случаѣ едва ли вина падаетъ цѣликомъ на автора; по крайней мѣрѣ, въ автобіографіи читаемъ: «хоч у «Друзі» мусів зразу друкувати «язычіемъ», то все-таки у себе писав фонетикою і народним язиком» (В поті чола, IX), а еще раньше, въ гимназіи онъ отстаивалъ фонетическое правописаніе въ спорахъ съ учителемъ Антоневичемъ (ib. VIII). Въ качествѣ образца приводимъ первую строфу сонета «Народныи пѣсни»:

Глянь (на) крыницю тиху, що изъ стопъ могилы
Середъ степу слезою чистою журчитъ,—
Въ маломъ ей оцѣ мѣсяця личко блищитъ
И солнця лучь въ ей серебрныхъ (sic) фаляхъ («Другъ», 1874, стр. 51).

«Що в моіх давнійших віршах мова не все чиста, —говоритъ авторъ впослѣдствіи въ предисловіи къ одному изъ своихъ сборниковъ,—се тим лекше зрозуміти, що я особисто переходив де-які такі ступні розвитку (а хто в Галичині не переходив іх в тім часі!), де панувало намагання притлумити почутте живоі чистоі народньоі мови, котре змалку ще було у мене сильно розвите. На мені в мінятурі

формы не искупались и содержаніемъ, довольно банальнымъ и на обычныя тогда въ Галичинѣ темы: о Руси, о величіи ея князей, о возрожденіи Русиновъ, о русскомъ геніи, патріотизмѣ, обрядѣ и т. п. Еще слабѣе стихотвореній вышла первая большая по объему и самая слабая по исполненію повѣсть «Петрѣи и Добощуки» («Другъ», 1875—76), написанная, по собственному признанію автора, подъ вліяніемъ фантастическихъ разсказовъ Гофмана [1]). Содержаніе ея составляетъ исторія отношеній двухъ семействъ, враждующихъ изъ-за кладовъ славнаго карпатскаго опрышка Добоша,—отношеній, напоминающихъ знаменитую вражду Монтекки и Капулетти въ «Ромео и Юліи» Шекспира. Въ основу повѣсти положена гуманная идея, выражаемая словами одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ такомъ видѣ—«уживати собраныхъ грошей *на добро народа*» [2]), но по выполненію, по мыслямъ, по композиціи, такъ сказать, эта наивно-романтическая и приторно-слащавая повѣсть ниже всякой критики. Положенія въ ней натянутыя, неестественныя; техника запутанная, шаблонная, въ духѣ старинныхъ повѣстей; на каждомъ шагу перерывы и отступленія среди дѣйствія, разсчитанныя очевидно, на достиженіе большаго эффекта; чрезмѣрное изобиліе прозрачныхъ для читателя неожиданностей и непредвидѣнностей, играющихъ въ повѣсти важную роль вѣщихъ сновъ, чудесныхъ явленій и предзнаменованій, а также и прямыхъ несообразностей въ поступкахъ и психологіи дѣйствующихъ лицъ,—все это построено и распутывается авторомъ, въ случаѣ нужды, по нехитрому правилу deus ex machina. Вся повѣсть загромождена множествомъ эффектныхъ ужасовъ, къ которымъ, впрочемъ, читатель остается холоднымъ и спокойнымъ, такъ какъ прекрасно знаетъ, что это только для видимости, а въ концѣ концовъ порокъ необходимо

повторилось те, що в великім розмірі бачимо на всій галицько-руській літературі: школа, граматики і спори язикові прибили і закаламутили чистоту народньоі мови» («З вершин і низин», у Львові, 1893. Стор. 5).

[1]) В поті чола, IX.

[2]) Другъ, 1875, стр. 42.

долженъ понести соотвѣтственное наказаніе для вящшаго торжества кисло-сладкой добродѣтели. И дѣйствительно, всѣ почти ужасы, за весьма немногими исключеніями, оканчиваются благополучно, и добродѣтельные герои счастливо избѣгають адски-хитро разставленныхъ на нихъ сѣтей. Характеристика и обрисовка дѣйствующихъ лицъ въ повѣсти весьма примитивна и поверхностна, ограничиваясь однѣми чисто внѣшними чертами: добродѣтельный герой непремѣнно обладаетъ и благородною внѣшностью; злодѣй, напротивъ, надѣленъ и наружностью отвратительной, какъ его черная душа. Говорятъ и поступаютъ эти добродѣтельные и недобродѣтельные герои такъ, какъ имъ прикажетъ авторъ, и послѣдній чаще всего пользуется ими для того, чтобы устами первыхъ изрекать наивно-добродѣтельныя сентенціи, или же яснѣе оттѣнять ихъ по противоположности со вторыми. Языкъ повѣсти искусственный, невозможный ни въ какомъ человѣческомъ обществѣ; тонъ неестественно приподнятый и вообще наивный; морализаторскія намѣренія автора до очевидности прозрачны, хотя онъ и силится иногда, придавая себѣ таинственный видъ, задать своимъ читателямъ какую то загадку. Только кое-гдѣ,какъ оазисы въ безводной пустынѣ многословія, фразистой шумихи и безцвѣтныхъ, натянутыхъ положеній, попадаются одна-другая реальная картинка, образъ, хорошо схваченная подробность [1]); но и они тонутъ въ пучинѣ неудержимаго многословія. Замѣчательно, что въ такихъ картинкахъ и языкъ лучше,—впрочемъ, по языку значительно разнятся начало и конецъ повѣсти: на послѣднихъ страницахъ онъ гораздо чище и ближе къ народному, чѣмъ въ началѣ. Видно, что и данная повѣсть претерпѣвала и на себѣ отражала результаты той умственной эволюціи, которая въ это время совершалась съ редакторами и руководителями журнала, а также и самимъ авторомъ; этой эволюціи ниже мы посвятимъ еще нѣсколько строкъ.

---

[1]) См., напр., описаніе хаты Олексы Добоша,—«Другъ», 1876, стр. 40.

Не ради достоинствъ, которыхъ здѣсь нечего искать, мы остановились на этомъ мертворожденномъ дѣтищѣ начинающаго писателя, въ которомъ трудно еще пока угадать будущаго выдающагося художника; и не для того также, чтобы «разносомъ» слабаго дѣтскаго произведенія пожать дешевые лавры. Оно привлекаетъ къ себѣ наше вниманіе именно своими недостатками, показывающими, на какую опасную дорогу вступилъ было г. Франко, а съ другой стороны, и тѣми очень, правда, слабыми намеками на задушевныя мысли писателя, которыя въ разработанномъ видѣ находимъ въ его зрѣлыхъ произведеніяхъ, но которыхъ зародышъ находится все-таки здѣсь. Для правильной оцѣнки какъ этого, такъ и другихъ раннихъ произведеній г. Франка не слѣдуетъ забывать, что, по его собственнымъ словамъ, онъ «увійшов на літературне поле молодим і невиробленим, а й опісля замість щирої поради і науки аж надто часто стрічав болючі удари, цінічні насміхи, а найчастійше тупий індіферентизм і грубе незнанне» [1]). Необходимо также имѣть въ виду и то обстоятельство, что этотъ «молодий і невироблений» авторъ до сихъ поръ жилъ вдали отъ центровъ умственной жизни, въ глухомъ провинціальномъ городишкѣ, гдѣ, конечно, не могъ встрѣтить широко развитыхъ общественныхъ интересовъ и получить надлежащее воспитаніе въ этомъ направленіи. Очутившись же, наконецъ, въ центрѣ, онъ на первое время не въ состояніи былъ сознательно оріентироваться и разобраться среди различныхъ, часто противоположныхъ и сталкивающихся между собой, враждебныхъ направленій и теченій умственной жизни. «Прийшовши до Львова, до Академичнаго Кружка,—сознается онъ впослѣдствіи—я опинився раптом серед спорів язикових і національних, котрі для мене були доси майже зовсім чужі і незрозумілі, то й, очевидно, не міг у них найти ладу і хитався довго то на сей, то на той бік [2])», и даже очутился было на время въ рядахъ москвофильскаго «Общества имени Качковскаго». Не имѣя никакой художественной цѣнности, первая боль-

---

[1]) З вершин і низин, 3.

[2]) В поті чола, VIII.

шая повѣсть г. Франка представляетъ огромный интересъ для біографа, такъ какъ отражаетъ упомянутыя колебанія и освѣщаетъ тѣ этапы умственныхъ вліяній, которыми пришлось блуждать юному автору, прежде чѣмъ онъ отыскалъ свою настоящую дорогу. При свѣтѣ этой повѣсти становится понятнымъ одинъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ въ жизни ея автора—моментъ кризиса и перелома, отразившійся на всей его дальнѣйшей дѣятельности. Для начинающаго писателя очевидно насталъ уже этотъ критическій и опасный моментъ, когда слѣдовало разъ навсегда опредѣлить—идти ли ему далѣе той проторенной дорогой, на которую онъ вступилъ было своими произведеніями, появившимися въ «Другѣ» 1874-75 г.г., т. е. сочинять далекія отъ жизни, мертвыя по духу и языку, никому ненужныя и безполезныя повѣсти и стихотворенія; или же, круто порвавъ съ традиціями прошлаго, безвозвратно вступить на путь дѣйствительнаго служенія народу—этого новаго направленія, едва только въ Галичинѣ въ то время зарождавшагося. Эти колебанія особенно ясно сквозятъ въ первой большой повѣсти г. Франка,—почему мы и остановились на ней дольше, нежели она того заслуживаетъ по своимъ внутреннимъ достоинствамъ,—но подъ конецъ ея все громче и сильнѣе звучитъ голосъ, предостерегающій автора передъ проторенными дорожками. «Я боюся того льва и тои скалы, що тамъ стоитъ на тôмъ Народнôмъ Домѣ,—говоритъ пока еще макароническимъ языкомъ одинъ изъ Добощуковъ.—Той левъ пригадуе менѣ хищнôсть и лютôсть нашихъ давныхъ князêвъ, що утискали нашъ нарôдъ, а которыхъ память вы, рôдни дѣти того народа, позолотили фальшивымъ блескомъ! Я боюся смотрѣти на тоту скалу у стôпъ льва, бо она пригадуе менѣ темноту народа, изъ котрои користали его князѣ-грабителѣ,—*она пригадуе менѣ упôръ и безсердечнôсть теперишныхъ его проводирôвъ, що іи тамъ выставили, яко знакъ своеи власти.* Нѣтъ, панове,—не левъ и скала—наша хоругвь; наша хоругвь—плугъ и книга! Плугъ—то наша сила; книга, просвѣта—то наша будучнôсть» [1]). Плугъ,

[1]) Другъ, 1876, стр. 311.

символизирующій въ данномъ случаѣ простой народъ, и книга, какъ могучее средство просвѣщенія и науки, вывели и нашего автора на прямую дорогу изъ того лабиринта шаблонности, мертвенности и застоя, въ которомъ онъ очутился, благодаря своей юношеской неопытности и отсутствію надлежащихъ знаній. Самостоятельный умъ его сумѣлъ разглядѣть эту скалу безсердечія, которое крылось въ сердцахъ звавшихъ его за собой «проводирів», а критическая складка ума помогла совлечь ту фальшивую позолоту, которой эти «проводирі» цѣломудренно прикрывали свои не совсѣмъ чистые поступки относительно народа. А если такъ, то кризисъ прошелъ благополучно: «плуг—то наша сила», значитъ—обопремся въ своей дѣятельности на народъ, сдѣлаемъ его базисомъ нашихъ усилій и стремленій; «просвіта— то наша будучність», значитъ—спѣшимъ подъ покровъ науки отъ той тьмы самоувѣреннаго невѣжества, которое гордо царило вокругъ. Народъ, какъ основаніе дѣятельности, народное благо—какъ цѣль, и наука—какъ средство достиженія цѣли, отнынѣ становятся главными нервами дѣятельности г. Франка, и какъ выздоровленіе послѣ благополучнаго кризиса идетъ быстрыми и твердыми шагами, такъ же быстро совершается укрѣпленіе духовныхъ силъ нашего писателя послѣ перенесеннаго имъ перелома. Въ томъ же 1876 году и въ томъ же «Другѣ», гдѣ напечатано окончаніе «Петріів і Добощуків», появляется, за подписью Миронъ***, стихотвореніе «Наймит», въ которомъ господствуютъ уже иные звуки: подъ образомъ убогаго «наймита» изображена страдающая, но не падающая духомъ, безпредѣльная въ своемъ терпѣніи и потому побѣдоносная народная масса.

Интересно отмѣтить, что этотъ новый звукъ, исторгнутый молодымъ поэтомъ изъ перестроенной лиры, выходитъ и подъ новой, такъ сказать, маркой: здѣсь въ первый разъ появляется псевдонимъ Миронъ***, которымъ подписано большинство произведеній г. Франка. Слабый, дѣтски наивный и колеблющійся Джеджаликъ съ этого времени умираетъ, чтобы уступить свое мѣсто сильной, энергичной и сознательной дѣятельности Мирона. Можно сказать, что только съ появленіемъ послѣдняго на литературномъ поприщѣ,

украинская литература обогатилась новой свѣжей силой; почти же все, подписанное Джеджаликомъ, за исключеніемъ лишь разсказа «Лесишина челядь», уже и теперь забыто и, конечно, по достоинству.

Мы пытались на предыдущихъ страницахъ освѣтить и объяснить тотъ духовный переломъ, который совершился съ г. Франкомъ при первыхъ же шагахъ его на литературномъ поприщѣ, при чемъ остановились больше на внутреннихъ причинахъ и основаніяхъ этого перелома. Но исторія его была бы далеко не полной, если бы мы не упомянули объ одномъ внѣшнемъ толчкѣ, оказавшемъ однако сильное вліяніе на г. Франка и цѣлую группу его товарищей и помогшемъ имъ выйти побѣдителями изъ той внутренней борьбы, которой неизбѣжно сопровождается всякій душевный кризисъ. Упомянутый толчокъ былъ произведенъ М. П. Драгомановымъ, которому вообще суждено было сыграть въ Галичинѣ роль могучаго фермента, разложившаго старые составы въ галицко-украинскомъ обществѣ и уже тѣмъ самымъ положившаго начало созиданію новыхъ элементовъ. Человѣкъ широкаго, живого и подвижного ума, европейски образованный, перворядный критикъ, публицистъ и ученый, непримиримый врагъ пышныхъ, но безсодержательныхъ фразъ, натура въ высшей степени энергическая и требующая прежде всего дѣла, онъ первый въ украинской литературѣ поставилъ національный вопросъ на твердое основаніе гуманитарныхъ наукъ и вызвалъ сильное общественное брожженіе между прочимъ и въ Галичинѣ. Его письма въ редакцію «Друга»[1]), въ которыхъ онъ безпощадно критиковалъ зарождающійся «рутенизмъ», заскорузлость и узкоглядство галицкой интеллигенціи и переносилъ національный вопросъ съ абстрактныхъ

---

[1]) См. «Другъ» за 1875 г. въ № 11—«Письмо въ редакцію «Друга» Украинца, въ № 12—«Отповѣдь на письмо г. Украинца»; за 1876 г.—въ № 5 «Второе письмо въ редакцію «Друга». (Украинщина или Рутенщина?)», въ NN 13—15 «Третье письмо Украинца въ редакцію «Друга»; в NN 6—8 «Отповѣдь на «второе письмо» г. Украинца».

вершинъ на поле практической дѣятельности на пользу народа, оказали сильное вліяніе на студенческую молодежь, группировавшуюся вокругъ «Друга». Правда, редакція этого журнала пробовала было сначала полемизировать съ Драгомановымъ, снабжая каждое его письмо своими примѣчаніями и «ôтповѣдями», но чѣмъ дальше, тѣмъ полемика эта звучитъ робче, неувѣреннѣе, мало-помалу стихаетъ, и въ концѣ концовъ «Другъ» совершенно преображается. Изъ журнала, предназначеннаго для забавы «русскимъ красавицямъ», какъ значилось въ его программѣ 1874 года, онъ становится серьезнымъ органомъ съ ярко выраженной демократической окраской; вмѣсто скучныхъ и безцвѣтныхъ передѣлокъ неизвѣстныхъ чужеземныхъ авторовъ, повѣстей собственнаго издѣлія да хрій, построенныхъ по всѣмъ правиламъ схоластической учености и изложенныхъ къ тому же на мертвомъ языкѣ—въ немъ появляются живые разсказы, очерки («Борислав» г. Франка) и интересныя статьи, посвященныя текущимъ вопросамъ современности. Лично г. Франко многимъ обязанъ Драгоманову, между прочимъ и тѣмъ, что его собственный душевный кризисъ прошелъ такъ скоро и благополучно. «Ви були,—пишетъ онъ Драгоманову впослѣдствіи,—перший і майже єдиний чоловік, що додав мені духа і охоти» [1]), и подъ вліяніемъ упомянутыхъ писемъ въ редакцію «Друга» г. Франко начинаетъ знакомиться съ новѣйшей литературой и направленіями, стараясь путемъ чтенія и самообразованія восполнить пробѣлы въ своихъ знаніяхъ и пріобрѣсти то, чего не давали ему университетскія лекціи, съ ихъ схоластическою отчужденностью отъ живыхъ вопросовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ произведеніяхъ молодого писателя («Лесишича челядь» въ альманахѣ, «Днѣстрянка» 1876 г., «Борислав» въ «Другѣ» 1877), виденъ уже первый розмахъ свѣжаго художественнаго дарованія, умѣющаго одинаково сильно, ярко и правдиво и углубиться въ тайники человѣческой души, и подмѣтить внѣшніе факты дѣйстви-

---

[1]) В поті чола, IX.

тельности, хотя крылья этого дарованія по временамъ и связаны еще посторонними вліяніями [1]).

Событія австрійской дѣйствительности закончили это идейное крещеніе молодого писателя и, вытолкнувъ его изъ среды «вѣрно конституціонныхъ граждан», навсегда закрѣпили въ немъ вліянія, испытанныя въ это время, и окончательно опредѣлили тотъ путь, которымъ отнынѣ пойдетъ г. Франко. Неожиданно, «як серед вулиці цегла на голову», на него падаетъ вдругъ ударъ—громкій политическій процессъ, имѣвшій громадное значеніе въ общественной жизни Галичины, ставшій вмѣстѣ съ тѣмъ первою «страшною і тяжкою пробою» [2]) для нашего писателя и его товарищей и уже окончательно раскрывшій имъ глаза на неприглядную дѣйствительность. Въ іюлѣ 1877 года вся редакція «Друга», въ томъ числѣ и г. Франко, были арестованы по обвиненію въ сношеніяхъ съ эмигрантами и принадлежности къ тайному соціалистическему обществу [3]), хотя послѣднее существовало лишь въ боязливой фантазіи близорукой галицкой администраціи и перепуганнаго общества. Это было время, когда галицкая польская шляхта начинала безконтрольно хозяйничать въ странѣ, и для укрѣпленія своей власти и поднятія престижа въ глазахъ вѣнскаго правительства старалась всѣми средствами ком-

---

[1]) Напр., относящійся къ этому времени разсказъ «Два приятелі» напоминаетъ отчасти писательскую манеру Марка Вовчка, Федьковича; на многихъ произведеніяхъ даже и послѣдующаго времени сказывается безспорное вліяніе Зола, котораго г. Франко всегда ставилъ очень высоко. Ср. его статью «Еміль Золя» въ «Сьвіті» 1881 г. съ позднѣйшей характеристикой того же писателя въ «Л.-Н. Вістнику» 1898, кн. X.

[2]) В поті чола, IX.

[3]) Сами по себѣ соціалистическія убѣжденія не составляли уже въ то время по австрійскимъ законамъ преступленія,—въ Вѣнѣ издавался тогда журналъ «Der Socialist», а извѣстный катедеръ-соціалистъ и авторъ «Die Quintessenz des Socialismus»—Шеффле немногимъ раньше занималъ даже министерскій постъ. Австрійскимъ подданнымъ запрещалось только участіе въ заграничныхъ политическихъ, и особенно, тайныхъ обществахъ.

прометировать русиновъ, раздувая невиннѣйшія дѣла въ грозные заговоры противъ цѣлостности государства, пугая, кого нужно, призраками соціализма, нигилизма и гайдамаччины, совѣтуя вѣшать арестованныхъ, не дожидаясь даже обвиненія [3]). Русско-турецкая война, происходившая недалеко отъ границъ Австріи, давала повидимому фактическую пищу этимъ злостнымъ измышленіямъ. Во всякомъ чужестранцѣ, особенно изъ Россіи, видѣли тогда политическаго агитатора [4]); сочиненія Гоголя, Лермонтова и тому подобныя невиннѣйшія книги конфисковались, какъ грозныя орудія нигилистической пропаганды, а Петербургскія «Отечественныя Записки» львовскимъ заправиламъ казались настолько революціоннымъ журналомъ, что редакторы его, по компетентному мнѣнію львовскаго судьи Кригсайзена, заслуживали, по крайней мѣрѣ, повѣшенія [3]). Подъ вліяніемъ травли и науськиваній со стороны польскихъ шовинистическихъ газетъ, полиція сообразила, что настать прекрасный поводъ для изслѣдованія частной корреспонденціи тѣхъ лицъ, которыя по тѣмъ или инымъ причинамъ ей были непріятны; достаточно было подозрѣнія, намека или неяснаго выраженія въ перехваченномъ письмѣ, неосторожнаго упоминанія чьего-нибудь имени, чтобы быть сопричисленнымъ къ сонму враговъ порядка и законности и испытать прелести австрійской тюрьмы; по всей странѣ начались массовые обыски и аресты, преимущественно среди русинской молодежи. Русины старшаго поколѣнія, боясь, чтобы не была заподозрѣна ихъ безмѣрная «австрійская лойяльность и уніатское благочестіе»,

---

[1]) Франко «З останніх десятиліть XIX в.»—Л.-Науков. Вістник, 1901, VII, 11.

[2]) К. В.—«Дѣло г-на Иловайскаго въ Галиціи. Небольшая глава изъ славянской патологіи». Вѣстникъ Европы, 1878, январь. Здѣсь разсказана исторія «трехдневнаго плѣна» г-на Иловайскаго, арестованнаго за свою любознательность къ археологіи, а также упоминается объ аналогичномъ случаѣ съ другимъ путешественникомъ, Остенъ-Сакеномъ, арестованнымъ во время ботанической экскурсіи въ Карпаты.

[3]) Франко—«Др. Остап Терлецький». Зап. Наук. Товариства ім. Шевченка, т. L, стор. 42.

выдали арестованныхъ съ головой; мало того, въ ихъ средѣ появились даже особаго рода добровольцы, которые, чтобы очистить отъ всякихъ подозрѣній себя и вмѣстѣ съ тѣмъ не упустить удобнаго случая напакостить противнику, спѣшили придти на помощь подлежащимъ сферамъ со своими, говоря мягко, указаніями. Въ результатѣ ловкаго разсчета однихъ и какого то повальнаго помраченія другихъ создался одинъ изъ тѣхъ безсмысленнѣйшихъ процессовъ, когда главнымъ базисомъ, на которомъ построено обвиненіе, служатъ не тѣ или иные поступки, а просто лишь мысли и убѣжденія обвиняемыхъ; когда въ одну кучу сводятъ людей даже незнакомыхъ между собою; когда обвиняемые не знаютъ, что́ собственно привело ихъ на скамью подсудимыхъ, а обвинители и судьи, не зная этого также, изощряются тѣмъ не менѣе, чтобы посредствомъ казуистическихъ тонкостей изобрѣсти несуществующее преступленіе... Исходъ процесса, отданнаго въ руки судей, въ родѣ вышеупомянутаго Кригсайзена, или другого, съ циничною откровенностью заявлявшаго: «що́ таке соціялізм, я біг-ме не знаю; те лише знаю, що се щось гідне кари» [1]), былъ заранѣе опредѣленъ: обвиняемые, признаны виновными, и г. Франко, у котораго «не було за душею й тіни того гріха, який мени закидували» [2]), присужденъ къ 6-недѣльному тюремному заключенію, предварительно отсидѣвъ 8 мѣсяцевъ въ ожиданіи скораго и милостиваго суда [3]).

Много мученій, и физическихъ и нравственныхъ, пришлось пережить автору этихъ строкъ въ тюрьмѣ; много пришлось перестрадать и передумать по поводу событій и идей, непосредственно связанныхъ съ процессомъ, и на многое, что прежде проходило

---

[1]) Франко «В тюремнім шпиталі». См. «Панталаха та инші оповідання». Львів, 1902, стр. 142. Подробности процесса см. въ цитированной уже не разъ статьѣ «Др. Остап Терлецький» въ «Записках Науков. Товариства ім. Шевченка, т. L., стр. 37—45.

[2]) В поті чола, IX.

[3]) Obrazki galicyjsckie, Nieco o sobie samym, стор. III.

незамѣченнымъ, открыть глаза[1]). Но то, что встрѣтило его на волѣ, послѣ отбытія тюремнаго заключенія, было въ сто кратъ хуже: «сто раз тяжший і несправедливійший засуд усеі суспільности, кинений на нас, страшенно болів мене. Мене викинено з «Просьвіти» заборонено приходити на «Бесіду»[2]), а люде (з старших), котрі хотіли мати зо мною яке-небудь діло, видались зо мною тільки в секреті, що мене ще дужче принижувало»[3]). «Я,—говоритъ г. Франко въ автобіографическомъ разсказѣ «Моя стріча з Олексою»,—чоловік проклятий, ненависний, прогнаний з-поміж «чесних»—одним словом проскрібований. Проскрібований—се сама відповідна назва. Се не значить, що, приміром, моя совість стає супротив мене, або щось подібного,—ні, се значить тільки те, що люде «чесні» (коли хочете, можете звати іх «багатими», «сильними», «практичними»—се на одно вийде) випхнули мене з «чесного» і «порядного» товариства, т. е. по-просту з-поміж себе. І зовсім справедливо. Моє імя враз ізількома іменами подібних до мене «во время оно» оббігало весь край, було пострахом усіх «мирних і вірноконституційних горожан»; з моім именем усі вони вязали понятте перевороту, революціі, різні. Правда, в той час, коли «спасителі істнуючого порядку» підняли най-

---

1) «З останніх десятиліть XIX в.». Л.-Н. Вістник, 1901, VII, стор. 16.

2) «Руська Бесіда»—русинскій клубъ во Львовѣ.

3) В поті чола, Х. Интересно съ этой оскорбительной трусостью и тупымъ непониманіемъ истиннаго значенія процесса, обнаруженными галицкой интеллигенціей, сопоставить отношеніе къ нему же представителей народной среды, какъ оно отразилось въ произведеніяхъ г. Франка. И Олекса Сторожъ съ женой («Моя стріча з Олексою»), и дід Гарасим («В тюремнім шпиталі»)—эти темные и необразованные люди проявляютъ полное сочувствіе и одобреніе прогрессивнымъ идеямъ страдальцевъ и открыто это заявляютъ. Своимъ простымъ, неиспорченнымъ чутьемъ, не затемненнымъ слѣпою предвзятостью, они понимаютъ то, чего не въ состояніи были понять и великолѣпный судья, и вся галицкая интеллигенція. («Дзвін», 1878, стр. 296).

страшнійший гвалт, я й мої товариші сиділи спокійно і смирно за тюремними кгратами та рахували дні короткого життя, страчені пусто та марно. Але візьмім приміром, що діло зовсім не так ділось, що мені й моїм приятелям о переворотах та революціях і не снилося—то що з того? Чи вже то одно, що я сидів у тюрмі, не вистатчує, щоби на-віки запятнати мене в очах «чесних» людей? Ба, але всевідущий і всемогущий суд справді признав мене винним, справді в моїм организмі добачив революційну жилку, в моій крові дослідив краплю такої крови, котру французські «спасителі порядку» забули пролити до останку в р. 1872; в моїх очах доглянув іскру такого огню, котрий може запалювати доми «мирних горожан» не гирше нафти. Одним словом, я оказався кругом винним на суді—значить, погорда і проклиття «порядних» людей насупротив мене зовсім справедливі» [1]). Этой иронической тирадой лучше всѣхъ комментаріевъ обрисовано то жестокое и несправедливое осужденіе, которое неожиданно для самого автора ея,—подлинно, какъ снѣгъ на голову,—пало на него какъ со стороны своекорыстной, невѣжественной администраціи, такъ и трусливаго общества. Тѣмъ не менѣе и несправедливости и преслѣдованія администраціи, и оскорбительное отношеніе компатріотовъ не сломили г. Франка; напротивъ—выйдя изъ тюрьмы, онъ почувствовалъ себя свободнымъ, какъ птица въ воздухѣ, какъ школьникъ, вырвавшійся наконецъ изъ ненавистной школы съ хорошимъ свидѣтельствомъ—«правда, трошки не так написаним, як звичайно»—въ рукѣ, съ блестящими, заманчивыми планами и надеждами на будущее, съ сознаніемъ того, что связи съ прошлымъ порваны окончательно и безповоротно навсегда [2]). Нужно было подумать о дальнѣйшей судьбѣ, избрать дорогу на всю жизнь, и эта дорога разстилалась передъ нимъ по двумъ направленіямъ: «або посипавши голову попелом та роздерши й ті послідні «ризи», що на тобі, плакати, жалувати страченого часу, в котрім і сам ти був «чесним» і «порядним» та йти на «распутія и стогны града»—просити всякого «порядного» о прощенне

---

[1]) и [2]) «Дзвін» 1878, стор. 275—276.

за страшну хоть і не сповнену провину; або раз на всігди плюнути на цілу «штуку», взяти на себе «хрест свій»,—се значить стати добровільно, до разу, безповоротно в ряди проскрібованих та витручених і, не оглядаючись, іти шукати для себе такого самого товариства» [1]). Выборъ не представлялъ особой трудности: г. Франко хорошо уже постигъ настоящую цѣну людямъ, ожидающимъ его на первомъ пути, и ничего, кромѣ вполнѣ оправданнаго отвращенія и презрѣнія къ нимъ не могъ чувствовать; съ другой стороны, сознаніе, что «скоро чоловік раз пізнав правду, то вже від неі не відречеться, доки, розуміеться, він хоче бути чесним чоловіком» [2]), подкрѣпленное сочувствіемъ простыхъ искреннихъ людей изъ народа, тѣмъ сильнѣе заставляло его избрать «житте проскрібованого».

III.

Политическій процессъ и сопряженныя съ нимъ злоключенія выбили его изъ колеи, лишивъ всякой надежды на педагогическую карьеру и спокойное существованіе въ чинѣ какого-нибудь «цесарско-королевскаго» профессора или совѣтника. Поэтому г. Франко хотя и не оставляетъ покамѣстъ университета, но пользуется имъ уже не какъ средствомъ будущаго заработка и карьеры, учится не для диплома, а исключительно лишь для пополненія «прогалин свойого знання» [3]). Въ это время г. Павлыкъ, единомышленникъ г. Франка по убѣжденіямъ и товарищъ по заключенію, предпринялъ изданіе ежемѣсячнаго журнала «Громадський Друг», заручившись сотрудничествомъ и матеріальной поддержкой между прочимъ и Драгоманова, отдавшаго на это дѣло свою часть Уваровской преміи, по-

---

[1]) Ibidem, 286.

[2]) Ibidem, 295.

[3]) Франко—«Др. Остап. Терлецький». Зап. Н. Т. ім. Шевченка т. L, стр. 43.

лученной за «Историческія пѣсни малорусскаго народа»[1]). Г. Франко дѣлается соредакторомъ и однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ новаго журнала, помѣстивъ здѣсь рядъ своихъ стихотвореній (между прочимъ—«Каменярі»), разсказовъ, критическія и публицистическія работы (важнѣйшія изъ нихъ: «Критичні письма о галицькій інтеллігенції» и «Література, її завдання і найважнійші ціхи»). Но условія, въ которыхъ находились молодые редакторы «Громадського Друга»,—крайняя необезпеченность и чуть не ежедневныя опасенія умереть съ голоду[2]), враждебное отношеніе со стороны общества, отсутствіе подготовленныхъ читателей, а наконецъ и собственная неопытность и неподготовленность къ самостоятельному веденію журнальнаго дѣла[3]),—препятствовали работѣ руководителей журнала и крайне тяжело отзывались на ихъ дѣтищѣ. Нервное настроеніе ихъ выражалось въ рѣзкомъ мѣстами тонѣ журнала, который поэтому регулярно, книжка за книжкой, подвергался конфискатѣ и выходилъ вслѣдствіе этого подъ разными названіями—«Громадський Друг», «Дзвін» и «Молот». Послѣдняя часть была редактирована уже единолично г. Франкомъ, такъ какъ г. Павлыкъ отсиживалъ въ это время наложенный на него, какъ отвѣтственнаго редактора, арестъ, а затѣмъ эмигрировалъ въ Женеву. Изданіе, при которомъ «стояла тільки горстка молодіжі»[4]), прекратилось,

---

[1]) Ibidem, 45.

[2]) «Часто бувало так,—пише г. Франко,—що одного дня ми не знали, що їстимемо другого; з платою за помешкання опізнювалися часто». Ibidem, 46.

[3]) В поті чола, X

[4]) Ibidem; насколько одиноко стояли тогда передовые люди въ Галичинѣ, видно изъ того, что изданія ихъ сплошь и рядомъ вызывали бурю негодованія среди читателей, а подписчики возвращали книжки обратно, изукрасивъ ихъ выраженіемъ своего негодованія и плодами досужаго обывательскаго остроумія: «Чи не сказився»,—запитував один пренумерант; «Не смійте мені присилати такої огидної макулятури»—гримав другий; «Возвращается обратнымъ шагомъ къ умалишеннымъ»—глаголав од писанія третій». См. «З останніх десятиліть XIX в.» Л.-Н. Вістник, 1901, VIII, стор. 54.

не просуществовавъ и года. Послѣ этой неудачной попытки г. Франко предпринимаетъ рядъ подобныхъ же попытокъ войти въ непосредственное общеніе съ читателями: издаетъ подъ общимъ заглавіемъ «Дрібна бібліотека» художественныя и научныя произведенія европейскихъ писателей (Байрона, Гейне, Гексли, Эмиля де-Лавелье, Писарева и др.) въ украинскомъ переводѣ; замышляетъ изданіе журнала «Нова Основа», которому, впрочемъ, не суждено было осуществиться; намѣревается «в цілім циклі новелл списати по змозі всі боки життя простого люду: відносини економичні, освітні, правні, політичні і т. и.»[1]); пишетъ популярныя экономическія статьи, читаетъ лекціи въ кружкѣ львовскихъ рабочихъ и т. п. Въ это же время, ради заработка, онъ въ первый разъ помѣщаетъ въ журналѣ «Tydzień polski» свои сатирическіе очерки, критическія статьи и замѣтки на польскомъ языкѣ. Въ началѣ 1880 г. крайняя нужда заставила г. Франка оставить Львовъ и выѣхать къ товарищу въ деревню, гдѣ онъ безъ всякаго повода былъ арестованъ не въ мѣру ретивой полиціей, просидѣлъ три мѣсяца въ тюрьмѣ и затѣмъ по этапу отправленъ на родину, въ Дрогобычскій округъ. Это время,—пишетъ г. Франко,—«належить до найтяжших моментів у моім життю»[2]): его, больного и измученнаго, засадили въ вертепъ, описанный въ разсказѣ: «На дні», затѣмъ опять гоняли по этапу въ Нагуевичи, а когда, наконецъ, онъ получилъ свободу, то это была лишь свобода безпрепятственно умереть съ голоду[3]). Написавъ разсказъ «На дні» и на послѣднія деньги отославъ его во Львовъ, авторъ «жив три дні трьома центами, найденими над Прутом на піску, а коли й тих не стало, заперся в своій кімнатці в готелю і лежав півтора дня в гарячці й голоді, ждучи смерти, безсильний і знеохочений до життя»[4]). Къ счастью, подоспѣлъ разыскивавшій г. Франка

---

[1]) и [2]) В поті чола, XI.

[3]) Подробно эта исторія изложена г. Франкомъ въ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ вмѣстѣ съ переводомъ «На дні» въ вѣнской газетѣ «Die Zeit» (1903 г., № 167) подъ заглавіемъ «Wie ich dazu kam».

[4]) В поті чола, XII.

товарищъ и спасъ его отъ голодной смерти. Оправившись немного и еще разъ испытавъ прелести пѣшаго хожденія по этапу, когда отъ жары у него «на обох ногах повідпадали ніхті на пальцях» [2]), г. Франко, въ предупрежденіе такихъ же хожденій на будущее время, поспѣшилъ въ Нагуевичи, откуда осенью возвратился во Львовъ и опять поступилъ въ университетъ. Въ 1881 г. началъ выходить во Львовѣ подъ редакціею г. Белея журналъ «Сьвіт», въ первый разъ соединившій въ одномъ органѣ всѣ прогрессивныя литературныя силы Украины и Галичины; въ этомъ журналѣ г. Франко принимаетъ самое дѣятельное участіе, помѣщая здѣсь массу всевозможныхъ произведеній какъ чисто литературнаго, такъ и научнаго характера и не прекращая своего сотрудничества даже въ то время, когда обстоятельства опять заставили его оставить Львовъ,—жизнь въ городѣ нашему писателю была тогда не по карману. Живя въ Нагуевичахъ подъ надзоромъ мѣстнаго жандарма, который—такова иронія судьбы—подавалъ ему благожелательные совѣты, въ родѣ напр., принять монашество, г. Франко въ перемежку то помогаетъ родственникамъ въ полевыхъ работахъ, то возвращается къ литературнымъ занятіямъ. За это время имъ, кромѣ множества мелкихъ работъ, доконченъ переводъ «Фауста» (изданъ во Львовѣ въ 1882 г.) и написана большая историческая повѣсть «Захар Беркут», удостоенная преміи по конкурсу, объявленному редакціей журнала «Зоря». Въ 1883 г. г. Франка приглашаютъ въ сотрудники и члены редакцій журнала «Зоря» и газеты «Діло» [3]), и въ обоихъ этихъ изданіяхъ появляется много принадлежавшихъ ему статей, преимущественно экономическаго содержанія, обратившихъ на себя общее вниманіе даже въ польской прессѣ и обществѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ неутомимый писатель готовитъ обширную работу по исторіи Галичины въ XIX в., редактируетъ собраніе сочиненій безвременно скончавшагося галицко-украинскаго экономиста Навроцкаго, принимаетъ

---

[1]) и [2]) В ноті чола, XII.

[3]) Франко «З останніх десятиліть XIX в.» Л.-Н. Вістник. 1901, VIII, 51 - 54.

участіе въ польскихъ газетахъ «Prawda», «Kurjer Lwowski» и др., и этимъ непрестаннымъ каторжнымъ трудомъ зарабатываетъ ровно столько, чтобы не умереть съ голоду[1]). Въ 1885 г., послѣ небольшого перерыва въ его отношеніяхъ къ «Зор'ѣ», г. Франка пригласили негласно редактировать этотъ журналъ, но подъ непремѣннымъ условіемъ – подчиниться цензурѣ отвѣтственнаго редактора. Работая въ изданіяхъ старшей генераціи галицкаго общества, г. Франко тѣмъ не менѣе не перестаетъ мечтать объ изданіи собственнаго органа, такъ какъ положеніе наемнаго редактора, сопряженное съ мелочною зависимостью отъ прихотей, капризовъ и вкусовъ старшихъ народовцевъ, даетъ себя чувствовать крайне непріятно. Съ цѣлью найти средства и сотрудниковъ для предполагаемаго журнала («Прапор», позже «Поступ»[2]) г. Франко въ 1885 г. въ первый разъ посѣщаетъ Украину и Кіевъ. Мечта о непосредственномъ, не стѣсненномъ цензурой и мелочными придирками оффиціальныхъ собственниковъ «Зорі» общеніи съ читателями и на этотъ разъ не осуществилась; мало того, осенью 1886 г. г-нъ Франко вынужденъ былъ выйти изъ состава редакціи «Зорі», такъ какъ помѣщенныя имъ въ журналѣ стихотворенія Руданскаго и рецензія г. Вильхивскаго показались черезчуръ чопорному галицкому обществу оскорбительными для нравственности... Находясь въ безвыходномъ положеніи, г. Франко, тогда уже человѣкъ семейный, долженъ былъ въ 1887 г. принять мѣсто члена редакціи газеты «Kurjer Lwowski», «де й вибув, — по его собственному отзыву, — десятилітню панщину»[3]). Это судорожное метаніе въ тискахъ неблагопріятныхъ условій, безуспѣшные поиски подходящей почвы для нестѣсняемой дѣятельности на пользу родного народа и, наконецъ, тихая, если можно такъ выразиться, пристань въ редакціи *польской* газеты — все это, съ одной сто-

---

[1]) За редактированіе «Зорі», напр., г. Франко немного позже получалъ 25 гульденовъ въ мѣсяцъ! См. Записки Наук. Т. ім. Шевченка, т. L, стр. 51 и 56.

[2]) Ibidem, 54 – 56.

[3]) Ibidem, 56.

роны, крайне вредно отразилось на развитіи художественнаго дарованія г. Франка, принудивъ его впречься въ ярмо мелочной газетной работы, а съ другой—почти лишило на нѣкоторое время украинскую литературу энергичнаго, талантливаго работника. Прикованный нуждой и нетерпимостью русинскихъ главарей къ польскому ежедневному изданію, онъ на время становится почти ремесленникомъ; много работая теперь въ польскихъ изданіяхъ, онъ почти прекращаетъ свою дѣятельность на родномъ языкѣ; страницы упоминавшагося уже «Списа творів» его въ періодъ 1887—1896 г.г., особенно въ первой половинѣ этого десятилѣтія, пестрятъ заглавіями польскихъ работъ, между которыми только изрѣдка проскользнетъ одно-другое произведеніе на родномъ языкѣ. Правда, и на польскомъ языкѣ г. Франко продолжаетъ служить своей родинѣ, посвящая обзору ея духовной и матеріальной культуры свои талантливо написанныя обозрѣнія и статьи, но собственно родной литературѣ онъ можетъ удѣлять лишь сравнительно рѣдкіе досуги.

Къ такимъ досугамъ, обогатившимъ украинскую литературу рядомъ цѣнныхъ произведеній, принадлежитъ, между прочимъ, и одинъ вынужденный, составляющій не безынтересную страницу не только въ личной жизни нашего писателя, но и въ исторіи общественныхъ отношеній Галицкой Украины. Лѣтомъ 1889 г. г. Франко съ нѣсколькими пріятелями изъ россійской Украины былъ арестованъ въ третій разъ, «але за що, який факт мені закинено, сього я не міг дізнатися і доси не знаю» [1]),—пишетъ онъ въ автобіографіи, хотя и отсидѣлъ въ тюрьмѣ около десяти недѣль, причемъ разъясненію этого темнаго дѣла не помогла даже интерпелляція, внесенная русинскими послами въ мѣстный сеймъ [2]). Во время этого вынужденнаго «досуга», въ тюрьмѣ, г. Франкомъ написанъ прекрасный разсказъ «До світла!», рядъ цѣнныхъ поэмъ изъ жизни арестантовъ-евреевъ («Сурка», «У цадика», «З любови», «По людському») и циклъ «Тюремні сонети»,—что то въ

---

[1]) В поті чола, XVI.

[2]) Л.-Н. Вістник, 1901, VIII, 64.

родѣ поэтическаго дневника, охватывающаго во всѣхъ подробностяхъ весь складъ тюремной жизни, съ ея упрощеннымъ юридическимъ кодексомъ, существующимъ «лиш в устній і пястучній передачі» [1]), а также навѣянныя заключеніемъ мысли автора объ отношеніяхъ между людьми, воспоминанія о великихъ мученикахъ человѣчества и собственные рефлексы автора.

Для дѣятельности г. Франка, какъ украинскаго писателя, десятилѣтній періодъ «панщини» въ польской газетѣ является, какъ сказано, временемъ въ значительной степени потеряннымъ, и это тѣмъ болѣе прискорбно, что талантъ нашего автора къ этому времени выросъ значительно, окрѣпъ и развернулся во всю свою ширь—для того лишь, чтобы быть истраченнымъ на работу чисто ремесленную, работу текущаго дня, гибнущую вмѣстѣ съ прочитаннымъ и сейчасъ забытымъ и уничтоженнымъ газетнымъ листомъ. Правда, начиная съ 1889 г., онъ помѣщаетъ свои работы въ популярномъ журналѣ «Батьківщина», пробуетъ опять—и опять неудачно—сойтись на нейтральной почвѣ съ народовцами (въ «Правдѣ» 1889 г.), а въ 1890 г., когда была провозглашена въ Галичинѣ такъ называемая «новая эра» [2]), для противодѣйствія

---

[1]) «З вершин і низин,» стор. 169; въ этомъ же сборникѣ читатель найдетъ и упомянутыя поэмы.

[2]) «Новой эрой» или «угодою» называется соглашеніе одной части галицкой интеллигенціи, именно народовцевъ, съ представителями польской магнатско-шляхетской партіи: за нѣкоторыя уступки въ области національныхъ требованій народовцы отказывались отъ всякой оппозиціи и допускали, такимъ образомъ, нестѣсняемое хозяйничанье польской шляхты въ Галичинѣ. Противниками этой «угоди» выступили именно радикалы, съ г.г. Франкомъ и Павлыкомъ во главѣ, выставившіе на своемъ знамени рядъ требованій экономическаго, соціальнаго и демократически-національнаго характера: подоходный налогъ, государственная помощь безземельнымъ, неотчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ, уменьшеніе податей и налоговъ, а для этого въ первой линіи сокращеніе войска; реформа избирательной системы въ смыслѣ введенія общаго прямого и тайнаго голосованія, реформа учебнаго дѣла въ смыслѣ обязательности и безплатности обученія—въ восточной Галичинѣ на украинскомъ языкѣ; свобода слова, печати, сходокъ и собраній, равная отвѣтственность всѣхъ предъ закономъ и т. п.

ей основываетъ съ г. Павлыкомъ газету «Народ». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ является и однимъ изъ вождей новообразовавшейся политической партіи—радикальной, внесшей въ общественную жизнь Галичины сѣмена новой дѣятельности. Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на программѣ и дѣятельности молодой партіи, сыгравшей важную роль въ исторіи общественной жизни и политической эволюціи Галичины [1]). Нечего и говорить, что воспитаніе народа въ указанномъ направленіи, какъ и вся вообще дѣятельность этой чисто демократической, «хлопской» партіи, велось на основахъ широко понимаемаго національнаго принципа, исключающихъ всякую нетерпимость и шовинизмъ съ одной стороны, а также мелочные споры на тему о національныхъ особенностяхъ—съ другой. Вообще украинскія національныя требованія для представителей радикальной партіи представлялись не требующею доказательствъ аксіомой соціальной жизни, вытекающею изъ фактическаго положенія вещей, и потому разговоры и споры на эти темы считались ими излишними.

Изъ-подъ пера г. Франка въ періодъ возникновенія радикальной партіи и расцвѣта ея дѣятельности вышло много блестящихъ публицистическихъ работъ, программныхъ статей, ѣдкихъ и рѣзкихъ памфлетовъ, въ которыхъ онъ безпощадно разоблачалъ и бичевалъ «неполітичну політику» своихъ противниковъ, ихъ оппортунизмъ, ограниченность кругозора, отсутствіе политическаго такта и яснаго пониманія дѣйствительныхъ народныхъ интересовъ. Можетъ быть, въ пылу борьбы и въ жару полемики съ пера его сорвалось не одно слишкомъ рѣзкое слово; можетъ быть, не всегда было соблюдено имъ требуемое справедливостью безпристрастіе,

---

[1]) Подробности см. въ статьяхъ: г. Р. Я. «Новое движеніе среди русскихъ Галичанъ», Вѣстникъ Европы, 1892. кн. XI., г. Василевскаго «Новыя теченія среди галицкихъ Русинъ», Русское Богатство, 1893, кн. VIII, г. Франка «З останніх десятиліть XIX в.» Л.-Н. Вістник, 1901, кн. VII—IX; цѣлый рядъ программныхъ статей напечатанъ въ органахъ радикальной партіи «Народ», «Хлібороб», «Жите і Слово» и др.

но не слѣдуетъ забывать, что и противники въ долгу не оставались, и не обладая тѣмъ публицистическимъ и полемическимъ талантомъ, какой обнаруженъ г. Франкомъ, вознаграждали отсутствіе его грубою бранью, въ родѣ напр., эпитета «стеклий (бѣшеный) вовк», и наивными инсинуаціями [1].

Не ограничиваясь этой кипучей дѣятельностью, отвлекаемый, кромѣ того, обязательной работой изъ-за куска хлѣба въ польскихъ газетахъ, г. Франко въ тоже время вновь принимается за университетскія лекціи, доканчиваетъ историко-филологическое образованіе въ Вѣнскомъ университетѣ подъ руководствомъ проф. Ягича и готовится къ профессурѣ—на каѳедру украинской литературы во Львовскомъ университетѣ. Изъ ученыхъ трудовъ его отмѣтимъ историко-литературную монографію «Іван Вишенський і його твори» (у Львові, 1895), за которой слѣдуетъ докторская диссертація «Варлаам і Йосаф, старохристиянський духовний роман і його літературна історія» («Записки Наук. Товар. ім. Шевченка», 1895—97 и отдѣльно), и кромѣ того масса большихъ или меньшихъ научныхъ статей, замѣтокъ и матеріаловъ въ редактированномъ имъ журналѣ «Жите і Слово», въ «Записках Наук. Товариства ім. Шевченка», «Л.-Н. Вістнику» и другихъ изданіяхъ. Въ 1895 г. послѣ блестяще прочитанной во Львовскомъ университетѣ вступительной лекціи на тему: «Наймичка» Тараса Шевченка»—профессорская коллегія избрала его доцентомъ на освободившуюся послѣ смерти Ом. Огоновскаго каѳедру украинской литературы, но тутъ постигаетъ его неожиданный ударъ: намѣстникъ Галичины, графъ Бадени, отказался утвердить избраніе на профессорскую каѳедру человѣка, который

---

[1]) Въ одно время, напр., противники распускали о г. Франкѣ слухъ, что онъ—еврей по происхожденію, принявшій христіанство лишь при вступленіи въ бракъ съ христіанкой («Радикальна тактика», ч. І. Написав Ів. Франко. У Львові, 1898, стор. 10—11). См. также статью «Як я став казенним радикалом», Жите і Слово, 1896, т. V, стор. 473—500.

три раза сидѣлъ въ тюрьмѣ [1]). Прискорбнѣе всего въ этой исторіи то, что отказъ гр. Бадени нашелъ сочувствіе даже среди нѣкоторыхъ Русиновъ, коихъ также смущала перспектива имѣть профессоромъ человѣка, который «w podartym surducie chodzi [2]). Надежда вырваться, наконецъ, изъ ярма подневольной работы и уйти по собственному почину изъ редакціи польской газеты пока не оправдалась, хотя въ непродолжительномъ времени г. Франко принужденъ будетъ это сдѣлать,—уже по неволѣ.

IV.

Мы остановимся еще на двухъ эпизодахъ изъ жизни г. Франка, крайне характерныхъ и для нашего автора, и для окружающей его среды, тѣмъ болѣе, что оба произошли на литературной, такъ сказать, почвѣ и отразились на дальнѣйшей литературной дѣятельности автора, не говоря уже о его личной жизни.

Въ 1897 г. вышла во Львовѣ неоднократно уже нами цитированная книжка «Obrazki galicyjskie przez Jwana Frankę» съ чрезвычайно интереснымъ предисловіемъ автора «Nieco o sobie samym». Въ галицко-украинскомъ обществѣ это предисловіе вызвало настоящую бурю негодованія противъ автора, открыто здѣсь заявившаго: «nie kocham Rusinów» и «nawet Rusi naszej nie kocham», а если, молъ, работалъ и продолжаю для нея работать, то къ этому меня побуждаетъ лишь «poczucie psiego obowiązku» [3]). «Какъ сынъ украинскаго мужика,—продолжаетъ онъ,—вскормленный чернымъ мужицкимъ хлѣбомъ и трудомъ грубыхъ мужицкихъ рукъ, я обязанъ собственнымъ трудомъ цѣлой жизни выплатить тѣ гроши, которые истратила мужицкая рука, чтобы я могъ достигнуть вершины, гдѣ свѣтло, гдѣ благоухаетъ свобода

---

[1]) Крымскій «Франко Иванъ», Энциклопед. Словарь Брокгауза и Ефрона, полут. 71, стр. 475.

[2]) Obrazki galicyjskie, IV.

[3]) Obrazki galicyjskie, IV—V.

и сіяють общечеловѣческіе идеалы. Мой украинскій патріотизмъ— это не одно лишь чувство и поэзія, а тяжелое бремя, возложенное на мои плечи судьбой. Я могу сгибаться подъ его тяжестью, могу исподтишка проклинать судьбу за то, что она возложила на мои плечи это бремя, но скинуть его и искать другой родины я не могу, потому что это было бы подлостью предъ собственной моею совѣстью. И если что облегчаетъ мнѣ ношеніе этого бремени, такъ это видъ украинскаго народа, который, въ теченіе долгихъ столѣтій испытывая лишь гнетъ, темноту и деморализацію, и въ настоящемъ убогій, слабый и безпомощный, начинаетъ тѣмъ не менѣе понемногу возрождаться, ощущать все въ сильнѣйшей степени жажду свѣта, правды и справедливости и искать путей къ нимъ. Конечно, слѣдуетъ работать на пользу этого народа, и никакой искренній трудъ для него не пойдетъ прахомъ» [1]). Перечитывая эти строки, какъ и все предисловіе, теперь, мы не въ состояніи понять, что́ собственно могло въ нихъ возбудить среди земляковъ негодованіе противъ автора и на чемъ основывались тѣ обвиненія въ измѣнѣ родному народу и «запроданствѣ ляхамъ», которыя со всѣхъ сторонъ, какъ изъ рога изобилія, посыпались на автора. Вѣдь здѣсь лишь въ болѣе конкретномъ видѣ и, такъ сказать, личной формѣ представленъ тотъ же образъ добровольно заковавшаго себя невольника прогресса,— образъ, который стоялъ передъ г. Франкомъ еще на зарѣ его литературной дѣятельности и который онъ еще въ 1878 г. воплотилъ въ прекрасномъ, сильномъ и глубокомъ стихотвореніи «Каменярі». Съ другой стороны, можно ли было говорить о какомъ бы то ни было «запроданствѣ», когда авторъ въ томъ же предисловіи, только нѣсколькими строчками ниже, успѣлъ наговорить не особенно пріятныхъ комплиментовъ по адресу и господствующей польской партіи. «Я не люблю,—говоритъ онъ,— тѣхъ не въ мѣру ретивыхъ патріотовъ, уста которыхъ полны Польши, а сердце остается холоднымъ къ бѣдствіямъ польскаго

---

[1]) Ibidem, V—VI.

мужика или рабочаго» [1]), т. е. и къ «патентованнымъ» патріотамъ польскимъ имъ прилагается та же мѣра, какой онъ измѣряетъ патріотизмъ свой личный и своихъ земляковъ. Смыслъ инкриминированнаго предисловія для насъ совершенно ясенъ, и трудно не раздѣлять того мнѣнія о «патентованныхъ» патріотахъ—украинскихъ ли, польскихъ, или принадлежащихъ къ какой нибудь иной національности—какое высказалъ авторъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ выразился еще конкретнѣе: «Посол Вельовейський прилюдно заявляє, що любить Русинів. Ну, *кого такі пани люблять, того я з спокійним сумлінием можу не любити*» [2]),—т. е. галицко-украинская интеллигенція (а о ней только и шла рѣчь въ данномъ предисловіи), идущая рука объ руку съ польской шляхтой во вредъ истиннымъ интересамъ своего народа, не заслуживаетъ симпатіи съ точки зрѣнія этихъ послѣднихъ. Кромѣ нѣсколько рѣзкаго тона предисловія и узости понятій о патріотизмѣ среди галицкаго общества, главнѣйшей причиной озлобленія и негодованія противъ г. Франка «патентованныхъ» патріотовъ было, безъ сомнѣнія, то, что еретическія мысли высказаны имъ на польскомъ языкѣ. Это обстоятельство, при обостренности русинско-польскихъ отношеній, всѣмъ показалось верхомъ политической и національной безтактности и дало поводъ взваливать на г. Франка несуществовавшія въ дѣйствительности вины.

Результатомъ этого эпизода было появленіе цѣлаго ряда стихотвореній г. Франка, содержащихъ въ сильной, энергичной формѣ отвѣтъ на нападки и обвиненія въ недостаткѣ патріотизма, а также выясняющихъ собственный взглядъ автора на свою дѣятельность для родины.

Страстная любовь-ненависть, заставляющая писателя болѣть и мучиться несчастіями своей родины и безпощадно бичевать ея недостатки, много выше той показной любви, которой громогласно хвалятся обыкновенно всевозможные «патріоты своего отечества»...

---

[2]) Ibidem, VI.

[3]) «Декілька афоризмів у альбом «Ділу»... Житє і Слово, 1897, т. VI, стор. 264.

Выше она была, конечно, и въ данномъ случаѣ,—тѣмъ болѣе, что дѣйствительность показала, насколько были справедливы тѣ обвиненія въ измѣнѣ и «запроданствѣ ляхамъ», которыми преслѣдовали г. Франка его не въ мѣру ретивые земляки.

Благодаря какой-то странной ироніи судьбы, одновременно съ этимъ г-ну Франку пришлось прогнѣвить и другую часть галицкаго общества,—ту самую, которой, по отзывамъ противниковъ-русиновъ, онъ льстилъ своимъ предисловіемъ къ «Obrazkam galicyjskim». Въ № 136 вѣнской газеты «Die Zeit» имъ помѣщена была юбилейная статья о Мицкевичѣ «Ein Dichter des Verrathes», которая подняла цѣлую бурю, на этотъ разъ уже среди польской прессы и общества. Предъ авторомъ, обнаружившимъ неслыханную дерзость—«смѣть свое сужденіе имѣть» о величайшемъ польскомъ поэтѣ, немедленно были закрыты двери редакцій тѣхъ польскихъ газетъ, въ которыхъ онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ; во львовскихъ газетахъ на него выливали цѣлые потоки грубой брани и величали эпитетами, изъ которыхъ «подлецъ» и «бѣшеная собака» не принадлежатъ еще къ числу самыхъ сильныхъ; по улицамъ Львова красовались плакаты съ краснорѣчивыми надписями «Precz z Frankiem»; ему не подавали руки, не кланялись при встрѣчѣ,—словомъ польское общество оказалось въ общемъ по своей зрѣлости ни чуть не выше того директора, который автору, бывшему тогда еще гимназистомъ, задалъ порядочную головомойку за еретическія мысли о Мицкевичѣ въ школьномъ сочиненіи [1]). Между тѣмъ эта оригинальная, спокойно написанная и обставленная цѣлымъ рядомъ доказательствъ статья вовсе не заслуживала того грубаго отношенія и брани, какими была встрѣчена въ галицкой польской прессѣ. Самъ г. Франко указываетъ, что подобная мысль о Мицкевичѣ вскользь была брошена уже Брандесомъ, и если поляки,—продолжаетъ онъ,—«не протестовали, не привлекли Брандеса къ позорному

---

[1]) Д-ръ Иванъ Франко—«Поэтъ измѣны (Ein Dichter des Verrathes)». Переводъ съ польскаго изданія, дополненнаго предисловіемъ «польскаго патріота». Варшава, 1897. Стр. 12.

столбу безчестія, какъ преступника, оскверняющаго ихъ народную святыню, въ такомъ случаѣ и я осмѣливаюсь высказать на этомъ мѣстѣ нѣсколько еретическихъ мыслей, относящихся къ «величайшему польскому поэту»,—мыслей, которыя бродятъ въ моей головѣ еще съ гимназическихъ временъ» [1]. Но авторъ этихъ строкъ упустилъ изъ виду, что тогда какъ Брандесъ былъ совершенно неуязвимъ для польскихъ шовинистовъ—самъ онъ жилъ въ Галичинѣ, гдѣ его постараются донять если не мытьемъ, такъ катаньемъ, что̀ въ дѣйствительности и произошло. Главная мысль этой нашумѣвшей статьи [2]) осталась неопровергнутой литературнымъ путемъ, но за то дерзкій авторъ былъ достаточно чувствительно наказанъ другими способами. Лишенный постояннаго заработка, подвергнутый отовсюду остракизму, онъ нѣкоторое время перебивался случайными работами въ нѣмецкихъ, чешскихъ и русскихъ изданіяхъ, но этого было слишкомъ недостаточно, и передъ выдающимся писателемъ, какъ и въ началѣ его литературной дѣятельности, вновь во всей наготѣ своей стала грозная перспектива—умереть голодной смертью; жилъ онъ тогда въ темной квартирѣ, отъ чего едва не лишился зрѣнія, и бѣдствовалъ самымъ сильнымъ образомъ [3]. Къ счастью, въ это время основывается взамѣнъ «Зорі» и «Житя і Слова»—«Літературно-Науковий Віст-

---

[1]) Ibidem, 11.

[2]) «Измѣна, въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, является главнымъ мотивомъ почти во всѣхъ его (Мицкевича) стихотвореніяхъ, но . . . она—и это характернѣе всего—изображена не какъ низкій порокъ, не какъ отрицаніе этическаго чувства, но очень часто представляется чѣмъ то геройскимъ, нерѣдко даже чѣмъ то идеальнымъ, происходящимъ отъ возвышеннаго патріотизма. Печальны, должно быть, были тѣ времена, когда геніальный поэтъ рѣшился ступить на столь ложный путь, и печальная участь предстоитъ народу, который безъ всякой оговорки считаетъ такого поэта величайшимъ національнымъ героемъ и пророкомъ и вскармливаетъ молодыя поколѣнія ядовитыми произведеніями его духа». Ibidem, 25.

[3]) Крымскій—статья въ Энциклопед. Словарѣ Брокгауза и Ефрона, полутомъ 71, стр. 475.

ник», и г. Франко, приглашенный въ качествѣ одного изъ редакторовъ этого журнала, руководитъ имъ и до настоящаго времени, помѣщая здѣсь и въ другихъ изданіяхъ Науковаго Товариства імени Шевченка свои художественныя и научныя произведенія. Случай, доставившій лично г. Франку много горя и огорченій, оказался благодѣтельнымъ для украинской литературы, такъ какъ возвратилъ ей цѣликомъ одного изъ выдающихся ея дѣятелей.

Въ 1898 г. былъ отпразднованъ во Львовѣ 25-лѣтній юбилей литературной и общественной дѣятельности г. Франка, и талантливый писатель—можетъ быть, въ первый разъ за четверть столѣтія тяжелой работы—могъ получить нравственное удовлетвореніе, видя, что вокругъ него и его идей соединились всѣ прогрессивные элементы обѣихъ частей Украины-Руси, что молодежь, въ рукахъ которой находится будущее родной страны, воспитывается на его произведеніяхъ, принимаетъ высказанныя имъ мысли глубоко къ сердцу, проникается ими и кладетъ ихъ въ основу своей дѣятельности. Тѣ сотни теплыхъ, дружескихъ привѣтствій, которыми былъ засыпанъ юбиляръ, показали наглядно, что жизнь его состояла вовсе не изъ той «świerzbiączki do pisania», которой онъ самъ себя характеризуетъ, а напротивъ—дала очевидные даже для враговъ и недруговъ результаты... [1]) Жизнь стойкаго и мужественнаго борца за общечеловѣческіе идеалы и прививку ихъ къ родной почвѣ, жизнь неутомимаго работника на благо ближняго, всегда представляющая высокій интересъ и дающая плодотворные результаты, пріобрѣтаетъ особенное значеніе, когда и вся литературная дѣятельность даннаго работника представляется лишь воплощеніемъ той же борьбы, осуществленіемъ тѣхъ же высокихъ идеаловъ. А въ этомъ отношеніи трудно найти болѣе гармоничное сочетаніе жизни и произведеній, чѣмъ у интересу-

---

[1]) Подробности юбилейнаго чествованія см.—О. М. «Ювилей 25-літньоі літературноі діяльности Івана Франка», Л.-Н. Вістник, 1898, XI.

ющаго насъ писателя: его жизнь и произведенія сливаются въ одинъ грандіозный по своей цѣльности образъ—неутомимой борьбы и неустанной дѣятельности на благо родного народа и всего человѣчества. Къ этой картинѣ, которая развертывается передъ нами въ произведеніяхъ г. Франка, мы теперь и обратимся.

Сергій Ефремовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Очерки изъ прошлаго и настоящаго черноморскаго побережья Кавказа.

IV.

Вдоль побережья—до Абхазіи.

Вопросъ о путяхъ сообщенія. Морской путь вдоль побережья. Пароходы Русскаго и Россійскаго общества. Путь моремъ отъ Геленджика до Новороссійска. Хлопоты, сопряженныя съ посадкой на пароходъ. Отплытіе изъ Новороссійска. Первыя впечатлѣнія морского пути. Недостатокъ удобныхъ бухтъ на побережьѣ. Недочеты каботажнаго плаванія. Криница и ея культурное значеніе. Кое что изъ исторіи Архипоосиповки. Джубга. Данныя по топографіи побережья. Переселенцы и спекулянты. Туапсе. Туапсинскій молъ. Посадка на пароходъ и высадка на берегъ. Историческія данныя. Свѣдѣнія о климатѣ. Туапсинскія лихорадки. Почвы и растительность. Частновладѣльческія земли на побережьѣ. Остановка у Сочи. Служащіе и прислуга на пароходахъ. Разнорѣчивыя свѣдѣнія о Сочи и въ особенности о климатѣ его. Важное разнорѣчіе въ мнѣніяхъ профессоровъ Воейкова и Краснова. Ночь на пароходѣ. Хлудовское имѣніе. Адлеръ. Хоста и Романовскъ. Колонизаціонная политика Н. С. Абазы. Дѣленіе побережья въ климатическомъ и флористическомъ отношеніи.

Каждый желающій лично познакомиться съ частью побережья, лежащею на югъ отъ Геленджика, неизбѣжно наталкивается на вопросъ о мѣстныхъ путяхъ сообщенія. Здѣсь это вопросъ существенной важности.

Побережныя жители, какъ мы видѣли выше, мечтаютъ и хлопочутъ уже о побережной желѣзной дорогѣ, тогда какъ не имѣютъ еще колеснаго пути для непрерывнаго сообщенія вдоль всего побережья, не говоря уже о колесныхъ путяхъ къ разбро-

саннымъ по сторонамъ поселкамъ. Казалось бы, прежде чѣмъ хлопотать сразу о желѣзной дорогѣ, слѣдовало бы озаботиться именно объ этомъ, какъ болѣе при томъ дешевомъ и легче осуществимомъ. На пространствѣ 300 верстъ протяженія, губерніи или даже приблизительно 400 верстъ отъ Новороссійска до Сухума, казалось бы, проще, скорѣе, дешевле и даже нужнѣе провести колесный путь, надобность въ которомъ врядъ ли вполнѣ устранится даже и съ проведеніемъ желѣзной дороги. Осуществленіе этого пути значительно облегчилось бы тѣмъ, что большая часть его уже имѣется на лицо въ видѣ такъ наз. голоднаго или Анненковскаго шоссе, на которомъ мѣстами недостаетъ только мостовъ для установленія постояннаго сообщенія между тѣми или иными пунктами. Вѣдь оно еще при Анненковѣ, не считая послѣдующихъ кое-гдѣ сдѣланныхъ достроекъ и ремонтовъ, обошлось казнѣ въ 4,200,000 р.! Неужели же отказаться отъ возможности воспользоваться тѣмъ, что уже сдѣлано (и при томъ за столь дорогую цѣну) и признать, такимъ образомъ, четыре милліона народныхъ денегъ брошенными почти на вѣтеръ??... Правда, мѣстами шоссе это, какъ будто нарочно, проведено по склонамъ, страдающимъ постоянными сползами почвы съ море, игнорируя болѣе удобное направленіе еще и до сихъ поръ прочныхъ мѣстами горскихъ дорогъ; правда, что къ пересѣкающимъ путь рѣкамъ оно подведено кое-гдѣ, какъ бы нарочно, именно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ черезъ нихъ нельзя провести мосты, но все это исправимо. А главное, что для того, что-бы пользоваться этимъ шоссе на всемъ протяженіи побережья, остается сдѣлать уже сравнительно совсѣмъ немного.—Остается кое-гдѣ измѣнить его направленіе, построить чрезъ нѣкоторыя рѣки мосты и, такимъ образомъ, связать между собою разрозненныя пока—то рѣками, то сползами—части готоваго шоссе. И остается еще... отказаться отъ мысли о дорогой побережной желѣзной дорогѣ. Отказаться потому прежде всего, что мечта о ея проведеніи только тормозитъ дѣло окончательнаго устройства необходимаго для края побережнаго шоссе. Отказаться потому, что съ государственной точки зрѣнія нѣтъ надобности проводить дорогу по малонаселен-

ной мѣстности и преимущественно въ интересахъ удобствъ нѣсколькихъ сотенъ дачниковъ. Отказаться—и, вмѣсто нее, одновременно съ окончаніемъ шоссе, озаботиться проведеніемъ многочисленной сѣти подъѣздныхъ къ шоссе колесныхъ путей (которые все равно нужны были бы и при желѣзной дорогѣ) отъ разбросанныхъ по сторонамъ поселковъ, неимѣющихъ часто иного сообщенія, кромѣ верховыхъ тропъ, благодаря чему сильно затрудняется заселеніе края и тормозится развитіе въ немъ сельско-хозяйственной и всякой другой промышленности.

Теперь, пока ничего этого здѣсь нѣтъ, путникъ, пожелавшій совершить свой путь по побережью сухимъ путемъ, рискуетъ быть на каждомъ шагу задержаннымъ на нѣсколько дней то разливомъ рѣки, на которой нѣтъ моста, то оползнемъ части шоссе въ море, то отсутствіемъ почтовыхъ станцій и т. п. неустройствами. Этотъ путь по побережному шоссе среди живописной разнообразной мѣстности, о бокъ съ величественными горами, съ одной стороны, и необъятнымъ моремъ съ другой, то чрезъ дѣвственныя лѣса, то мимо дорогихъ дачъ и виллъ, то среди зарослей высокорослыхъ папоротниковъ, то между обширными виноградниками, или фруктовыми садами, то у самаго подножія моря, то на значительной высотѣ, съ которой открываются прелестныя величественныя перспективы,—этотъ путь доставилъ бы путнику большое наслажденіе и массу интереса. Но теперь для лица, желающаго повидать побережье приходится избрать другой, единственный въ настоящее время, сквозной путь вдоль побережья—путь моремъ на пароходѣ.

Какъ о единственномъ—о немъ надо сказать подробнѣе. Многимъ онъ совсѣмъ не знакомъ, многіе его боятся, онъ имѣетъ много неудобствъ и недостатковъ, съ которыми небезполезно заранѣе ознакомиться, но онъ также имѣетъ свою прелесть и свои удобства. Въ тихую ясную погоду, рядомъ съ обычными прелестями морского путешествія, онъ даетъ еще и высокое наслажденіе любоваться могучими красотами побережья, видѣть его угрюмыя скалы, мрачныя ущелья, покрытыя дѣвственными лѣсами

горы, выползающія изъ-за нихъ могучія снѣговыя вершины Кавказа, разбросанныя мѣстами поселки...

Нѣкоторое понятіе объ этомъ пути, о его неудобствахъ и достоинствахъ, вѣроятно, дастъ читателю описаніе моей первой поѣздки на югъ отъ Новороссійска на пароходѣ.

Однимъ изъ неудобствъ этого пароходнаго сообщенія является его дороговизна. Изъ крейсирующихъ вдоль побережья пароходовъ «Россійскіе» возятъ по болѣе дешевому тарифу, чѣмъ пароходы «Русскаго Общества». Но какъ товаро-пассажирскіе, они ходятъ медленнѣе уже потому, что имѣютъ болѣе длительныя остановки на пристаняхъ; въ тоже время они не заходятъ въ нѣкоторые пункты, обязательно посѣщаемые пароходами «Русскаго Общества». Намъ сказали, что на нихъ, какъ на товаро-пассажирскихъ, всегда меньше публики и потому просторнѣе, чѣмъ на пассажирскихъ пароходахъ «Русскаго Общества», субсидируемаго казною и потому зазнавшагося, недорожащаго пассажирами, игнорирующаго ихъ интересами. Прельстившись надеждой на этотъ просторъ и сравнительною дешевизной пути, мы рѣшились ѣхать на югъ на пароходѣ «Россійскаго Общества». Но для этого изъ Геленджика (куда они не заходятъ) надо было поѣхать обратно въ Новороссійскъ.

Тихимъ яснымъ утромъ при безоблачномъ небѣ и голубой глади водъ бухты выѣхали мы изъ Геленджика въ Новороссійскъ на паровомъ катерѣ «Отважномъ».

Хотя до Новороссійска моремъ всего 26 верстъ пути, но, предпринимая это первое въ нашей жизни путешествіе моремъ, всѣ мы радовались безмятежному спокойствію бухты, обѣщавшему вполнѣ благополучное морское путешествіе безъ всякихъ признаковъ качки.

Открытое море встрѣчало насъ замѣчательною зеркальной гладью и полнымъ штилемъ. И вотъ мы въ морѣ и зеркало водъ его съ поразительною ясностью отражаетъ каждое облачко, а необыкновенная ихъ прозрачность даетъ возможность на значительной глубинѣ видѣть большіе камни на днѣ его. Кажется даже, что поверхность моря здѣсь какъ будто еще болѣе зеркальна,

чѣмъ въ бухтѣ. А между тѣмъ мы начинаемъ уже чувствовать, что съ нами происходитъ что то такое, чего не было прежде, пока мы не вышли изъ бухты. Скоро мы убѣждаемся въ томъ, что пароходъ нашъ идетъ не по горизонтальной поверхности, а временами то приподнимается надъ нею, то опускается ниже ее, что носъ его то равномѣрно вздымается къ небу, то плавно наклоняется книзу и одновременно съ этимъ корма становится выше носа. И въ тоже время и почти съ тою же плавностью движенiй пароходъ, покачиваясь на обѣ стороны, наклоняется къ водѣ то правымъ, то лѣвымъ бортомъ. Теперь, приглядываясь внимательнѣе къ этой зеркальной поверхности, мы ясно видимъ, что она не неподвижна, что она живетъ и дышетъ, то поднимаясь, то опускаясь безъ излома, безъ ряби, какъ гнется свѣтлый листъ бѣлой жести, не измѣняя своей свѣтлой поверхности и способности отражать предметы.

Дамъ уже начинаетъ мутить, ихъ лица блѣднѣютъ. Дѣвочка лѣтъ 10-ти, впервые ѣдущая моремъ и не понимающая, что съ нею, старается примоститься около матери и положить свою головку на ея колѣни, а мать, такъ недавно еще любовавшаяся моремъ, сама уже склонила голову на первый попавшiйся узелъ съ вещами. Оказывается, что это—остатки вчерашняго сильнаго волненiя,—мертвая зыбь, дающая здѣсь тѣмъ болѣе неправильную качку, что мы идемъ близъ береговъ, изгибы которыхъ отражаютъ прибойную волну въ самыхъ разнообразныхъ направленiяхъ, производя такимъ образомъ неправильное колебанiе водной поверхности.

Въ то время, какъ большинство пассажирокъ уже не въ состоянiи любоваться моремъ, а разговоры мужчинъ постепенно начинаютъ затихать подъ влiянiемъ все увеличивающейся качки, передъ нами открываются все новые и болѣе красивые виды побережья. Это—Мархотхскiй горный хребетъ отвѣсными отрогами круто спускается въ море, обнажая свои бѣлыя мѣловые обрывы, увѣнчанные на огромной вышинѣ зеленой каймой лѣса. Горы эти также залиты солнцемъ, какъ и само море. Сверкая подъ его лучами своею бѣлизною, онѣ уходятъ въ даль мощною круто

обрывистою стѣною, прерываемою лишь глубокими узкими ущельями--«щелями»—то обрамленными лѣсною зеленью, то бѣлыми, какъ сами обрывы. Вдали среди покрывающей вершины горъ зелени лѣсовъ красиво высится стройная бѣлая башня Дообскаго маяка близъ входа въ Новороссійскую бухту, гдѣ мы надѣемся найти отдыхъ отъ несносной качки. Около насъ то и дѣло весело выпрыгиваетъ пара большихъ дельфиновъ, повидимому, принявшая на себя трудъ состязаться въ скорости съ пароходомъ. Около маяка близъ входа въ Новороссійскую бухту качка достигаетъ апогея, но, ослабѣвая съ входомъ въ бухту, скоро прекращается въ ней совершенно. Съ приближеніемъ къ пристани всѣ уже оправились отъ качки; хотя дамы нѣсколько утомлены, но всѣ уже здоровы и собственными силами высаживаются съ парохода.

Здѣсь выясняется, что намъ придется ждать прибытія большого парохода до завтрашняго утра. Поэтому, прямо съ пристани по скверной новороссійской мостовой изъ мелкаго поставленнаго ребромъ камня мы ѣдемъ въ ближайшую гостинницу. Въ городѣ жара необычайная и послѣ путешествія моремъ всѣмъ намъ кажется, что мы попали въ какое то пекло. Но вечеромъ собираются тучи и городъ освѣжается дождемъ съ грозою, который, однако, къ несчастію нашему, продолжается и завтра. Между тѣмъ мы уже съ вечера взяли билеты на пароходъ «Россійскаго Общества», въ конторѣ котораго нашли много пріѣхавшихъ по желѣзной дорогѣ пассажировъ, уже почти два дня ожидающихъ прибытія парохода. Хотя заходившій вчера въ Новороссійскъ пароходъ Русскаго Общества «Константинъ» сегодня вѣроятно довезъ бы уже большинство ихъ до мѣста, однако они ждутъ прихода россійскаго «Платона», чтобы ѣхать по дешевому тарифу. Ждутъ его второй день, зная навѣрное, что по росписанію онъ придетъ только завтра. Конечно, это поселяетъ въ насъ сомнѣніе въ томъ, что на пароходѣ будетъ дѣйствительно просторно, благодаря «обычной» немногочисленности пассажировъ; но билеты уже взяты.

На завтра мы съ ранняго утра изъ оконъ гостинницы изучаемъ бухту, надѣясь усмотрѣть пришедшаго ночью «Платона», но густая пелена дождя препятствуетъ этому. Боясь опоздать,

мы, безъ дальнѣйшихъ справокъ, направляемся къ пароходу со всѣми вещами. Въ конторѣ сдаемъ на храненіе лишній багажъ, ненужный для предстоящаго пути, и съ остальными вещами, уже измокшіе подъ сильнымъ дождемъ, идемъ по длинной пристани къ грузящемуся «Платону». На немъ какъ и на всѣхъ пароходахъ «Россійскаго Общества», только два класса: третій—для палубныхъ пассажировъ и второй—для каютныхъ. Проталкиваясь между массой пассажировъ, скопившихся вверху въ рубкѣ, мы достигаемъ наконецъ общей каюты второго класса и находимъ ее почти сплошь занятой, но не людьми, а всякимъ ручнымъ багажемъ, наваленнымъ и на полу и на мебели. Свободна только средина каюты, гдѣ на стульяхъ сидятъ въ уныніи три пассажирки, не нашедшія, гдѣ надлежащимъ образомъ пріютиться. Толкотня невообразимая. Прислуга сбилась съ ногъ, раскладывая багажъ и разыскивая вещи, требуемыя то однимъ, то другимъ изъ пассажировъ, большинство которыхъ за неимѣніемъ мѣста въ каютѣ, помѣстилось вверху, въ рубкѣ, въ крышу которой стучитъ дождь, а въ отворяемыя на палубу двери врывается вѣтеръ. Очевидно дешевый тарифъ имѣетъ свое значеніе и не останавливаетъ нѣкоторую часть публики даже передъ неудобствами путешествія въ такой тѣснотѣ!..

Что будетъ при этой массѣ вещей и пассажировъ въ морѣ, если тамъ разыграется волненіе, которое теперь замѣчается даже въ прекрасно защищенной бухтѣ? Гдѣ и какъ будемъ здѣсь спать ночью? Не начнутъ ли всѣ эти наваленныя чуть не до потолка вещи, въ тактъ волненію, перекатываться по нашимъ головамъ съ одной стороны каюты на другую?—спрашиваемъ мы себя въ недоумѣніи, остановившись передъ картиной этого трудно вообразимаго хаоса.

Рѣшаемъ подождать другого парохода и ищемъ агента Общества. Онъ, надо правду сказать, съ полною любезностью и безъ всякихъ отговорокъ возвращаетъ намъ плату, полученную за 5 билетовъ и мы спѣшимъ возвратиться въ городъ. Но это не такъ легко. Наши вещи въ каютѣ уже заложены другуми мокрыми отъ дождя вещами послѣ насъ прибывшихъ; наши чемо-

даны и саки оказываются весьма сходными по виду съ таковыми же другихъ пассажировъ. Прислуга, призываемая одновременно съ разныхъ сторонъ, мечется, какъ угорѣлая—и мы лишь съ трудомъ находимъ наконецъ свои вещи. Опять нанимаемъ носильщиковъ и подъ дождемъ шествуемъ по длинной пристани въ контору, гдѣ надо еще получить обратно багажъ, оставленный на храненіе. Тамъ встрѣчаемъ компанію пассажировъ, тоже отказавшуюся отъ поѣздки на «Платонѣ». Они рѣшаются ждать 2—3 дня до прихода другого «Россійскаго» парохода, потому что на пароходахъ «Русскаго Общества» дороже и, главное, служащіе и прислуга такъ дерзки и грубы, что поѣздки на этихъ пароходахъ, какъ они знаютъ по опыту, могутъ быть связаны съ большими непріятностями, которыхъ лучше избѣгнуть.

Въ конторѣ «Русскаго Общества» я узнаю, что пароходъ ожидается завтра утромъ. Но контора положительно отказывается взять наши лишнія вещи для храненія на время пути за какую бы то ни было плату. Билетовъ не продаютъ до прихода парохода, пока не выяснится вопросъ, сколько мѣстъ осталось свободныхъ. Порядки, какъ видите, въ разныхъ пароходствахъ различные. На первый взглядъ различны и служащіе. Насколько въ конторѣ «Россійскаго Общества» служащіе производятъ впечатлѣніе людей внимательныхъ и любезныхъ, отзывчивыхъ на нужды пассажировъ, на столько же въ болѣе богато обставленной конторѣ «Русскаго Общества» всѣ скупы на объясненія и оффиціальны, хотя и сухо-вѣжливы.

Совершенно измокшіе и усталые, съ кучей вещей, мы ѣдемъ подъ дождемъ опять въ гостинницу, тамъ усиленно сушимся, и цѣлый день рѣшаемъ на всѣ лады вопросъ о предстоящей поѣздкѣ, причемъ подъ вліяніемъ этой первой неудачи нѣкоторые предлагаютъ даже, отказавшись отъ поѣздки, возвратиться на житье въ Геленджикъ. Но слѣдующій день встрѣчаетъ насъ свѣтлымъ радостнымъ утромъ и этого, какъ не рѣдко бываетъ, вполнѣ достаточно, чтобы отдохнувшіе за ночь туристы, бросивъ всѣ колебанія, быстро собрались въ путь и вновь отправились на пароходную пристань.

На пароходѣ публики много, но вездѣ порядокъ: весь болѣе крупный багажъ сданъ въ трюмъ (конечно, съ платой—и не особенно дешевой), а при пассажирахъ только самый нужный, преимущественно ручной багажъ, которому отведено особое мѣсто. Просторно, свѣтло и чисто. При покупкѣ билета въ агенствѣ выходитъ маленькое недоразумѣніе. Я прошу дать мнѣ семейный билетъ на 5 лицъ (дающій скидку въ 10%, а при взятіи обратныхъ билетовъ даже 30%), но отъ меня требуютъ доказательствъ родственныхъ отношеній лицъ, ѣдущихъ со мною. Приходится идти къ вещамъ за паспортными книжками и моя очередь пропадаетъ. Ставъ опять въ очередь уже съ видами въ рукахъ, я дожидаюсь минутъ двадцать и наконецъ сдаю свои виды, но получаю приглашеніе подождать, пока провѣрятъ мои права на семейный билетъ. Очередь моя опять пропадаетъ, а между тѣмъ билеты продолжаютъ выдаваться тѣмъ, кто стоялъ позади меня. Понятно, я волнуюсь, что не хватитъ мѣстъ. Но въ концѣ концовъ получаю все-таки билеты, хотя уже послѣднимъ. Однако и тутъ не безъ задержки: у кассира является сомнѣніе въ родствѣ между моей женою и ея сестрою, которая, по его мнѣнію, можетъ быть включена въ семейный пароходный билетъ лишь при одинаковости ихъ фамилій! Однако это недоразумѣніе скоро улаживается—но лишь благодаря убѣдительности представленныхъ мною доводовъ, доказывающихъ, что при однородности отчествъ замужняя и незамужняя сестры, несмотря на свое близкое родство, весьма нерѣдко носятъ различныя фамиліи...

Мы устраиваемся все-таки достаточно удобно и довольные выходимъ на палубу любоваться видами новороссійской бухты. Теперь для насъ вопросъ только въ томъ, не будетъ ли за предстоящіе сутки пути сильной качки въ морѣ. Но хотя небо покрыто облаками и временами дуетъ вѣтерокъ, пока день все-таки свѣтлый и теплый. Обидно не воспользоваться удобнымъ случаемъ и не повидать, какъ отчалитъ пароходъ, какъ онъ пройдетъ мимо красивыхъ моловъ, какъ выйдетъ въ открытое море—и наши боящіяся качки дамы сразу нарушаютъ наставленія, на дняхъ только полученныя отъ врача-писателя А. Я. Елпатьев-

скаго. Чтобы организмъ постепенно свыкся съ новымъ положеніемъ, надо было лечь въ койки немедленно по прибытіи на пароходъ и лежать въ нихъ, по крайней мѣрѣ, полчаса по выходѣ его въ открытое море. Между тѣмъ онѣ, надѣясь на свѣтлый день и сравнительную тишину въ бухтѣ, давно уже сидятъ на палубѣ, даже и не помышляя объ этомъ. Впрочемъ судьба, заставившая насъ ждать парохода на пристани до полудня, побудила насъ нарушить и другое рекомендуемое условіе, обезпечивающее отъ вліянія качки: не пускаться въ путь съ пустыми желудками.—На пристани, конечно, достать было нечего, а у буфетчиковъ «русскихъ» пароходовъ повидимому такая ужь манера: откладывать и завтракъ и обѣдъ по возможности, до выхода въ море. Тамъ начавшаяся качка сразу даетъ значительный процентъ лицъ отказывающихся принимать пищу, что составляетъ прямой барышъ буфетчика, такъ какъ большинство беретъ билеты съ оплатой полнаго содержанія. Правда, бываетъ въ случаяхъ подобныхъ замедленій, что оголодавшіе пассажиры вопіютъ къ капитану или его дежурному помощнику; но въ большинствѣ получается изъ буфета стереотипный отвѣтъ, что «въ кухнѣ еще не готово». Тогда пароходный чинъ безнадежно разводитъ передъ оголодавшими пассажирами обѣими руками, давая этимъ понять, какъ онъ безсиленъ передъ недугами поварского искусства.

На встрѣчу намъ идетъ двухтрубный океанскій гигантъ, нѣсколько качающихся фелюгъ лавируютъ подъ парусами вокругъ нашего парохода. Мимо насъ, обогнавъ океанскій пароходъ, быстро прошныриваетъ маленькая сѣрая миноноска съ нумеромъ, вмѣсто надписи, обозначающей названіе судна,—и пароходъ нашъ, взрывая носомъ пѣну, быстро выходитъ за молы. Съ палубы видно, что тамъ вдали, въ открытомъ морѣ водная поверхность какъ будто не такъ гладка, какъ по сю сторону моловъ, но, и выйдя за молы, мы долго еще идемъ по защищенной бухтѣ, покрытой лишь незначительной рябью. Однако постепенно, по мѣрѣ приближенія къ выходу изъ бухты, насъ слегка начинаетъ приподымать и опускать на легкихъ, но понемногу увеличивающихся волнахъ,—на палубѣ уже начинаетъ чувствоваться вѣтеръ,

котораго почти незамѣтно было въ защищенной горами бухтѣ. Дамы одна за другою начинаютъ спускаться въ каюты, а пароходъ нашъ быстро несется по широкимъ размашистымъ волнамъ мимо тѣхъ красивыхъ береговъ, которыми мы любовались третьяго дня съ «Отважнаго». Черезъ часъ-полтора мы уже минуемъ и входъ въ Геленджикскую бухту, куда воскресный пароходъ, по росписанію совсѣмъ не заходитъ. Тамъ на голомъ мысу, у входа въ бухту на высотѣ 3—4 саж. надъ уровнемъ моря, виднѣется небольшое зданіе маяка, подверженное всѣмъ вѣтрамъ, а во время сильнаго зимняго нордъ-оста обливаемое до крыши столбами брызгъ морской воды, осѣдающими на его стѣнахъ толстою ледяною корою.

Чѣмъ дальше, тѣмъ отвѣсный непреступный берегъ становится все выше и выше. Его бѣлая стѣна известково-мѣловыхъ отложеній далеко тянется впередъ, теряясь въ безконечной дали, не образуя ни укромныхъ бухтъ, ни тихихъ заливовъ. Мѣстами онъ прерывается только узкими и мрачными щелями, по крутымъ бокамъ которыхъ сбѣгаетъ къ морю зелень лѣсовъ покрывающихъ вершины береговыхъ высотъ. А у бѣлаго подножія ихъ съ шумомъ и пѣной бьется о неприступные утесы взволновавшееся море.

Но любоваться этой мрачной и могучей красотой намъ то и дѣло мѣшаютъ набѣгающія полосы дождя. Погода становится непостоянной; непрекращающійся вѣтеръ, то и дѣло нагоняя отдѣльныя дождевыя тучи, набѣгаетъ все усиливающимися шквалами. Солнце то выбѣгаетъ изъ-за быстро несущихся облаковъ, радостно озаряя и море и освѣженныя дождемъ берега, то снова скрывается въ налетѣвшую тучу, и море вновь становится сумрачнымъ, волны сѣдыми. Пароходъ покачиваетъ и вдоль и съ боковъ, и покачиванія эти даютъ возможность замѣтить, что онъ значительно наклоненъ на лѣвый бортъ,—на этотъ лѣвый бортъ при накренѣ волной по временамъ долетаютъ брызги, тогда какъ правый наклоняется гораздо меньше. Оказывается, что пароходъ перегрузили на этотъ бокъ въ Новороссійскѣ.

Но вѣдь это можетъ быть въ бурю опасно? Какъ же это могло случиться?—обращаются пассажиры къ одному изъ матросовъ

— Нешто сообразишь, на какомъ боку грузъ будетъ тяжелѣе! —флегматично замѣчаетъ матросъ очень неохотно отвѣчавшій на наши тревожные вопросы и, неостанавливаясь, проходитъ дальше.

Я вспоминаю, что и приходившіе въ Геленджикъ пароходы «Русскаго Общества» даже въ самую тихую погоду тоже имѣли нерѣдко накренъ на какой либо одинъ бокъ. Но это сообщеніе не успокаиваетъ одного изъ нашихъ попутчиковъ, боящагося, «начинающейся бури»: вѣтеръ дуетъ намъ въ бокъ прямо съ открытаго моря и какъ разъ такъ, что усиленно кренитъ пароходъ именно на перегруженную сторону. Трусливый пассажиръ давно уже волнуется по поводу того, что «начинается настоящая буря», но ему не хочется спросить объ этомъ прямо кого либо изъ матросовъ изъ боязни быть поднятымъ на смѣхъ. Наверхъ же къ дежурному помощнику капитана входъ постороннимъ запрещенъ. Тщетно испытуя глазами волны и небо, онъ рѣшаетъ заняться наблюденіями надъ этимъ дежурнымъ помощникомъ капитана.

— Если на лицѣ его будетъ обнаруживаться безпокойство или болѣе усиленная озабоченность, а въ движеніяхъ суетливость, или хотя бы нѣкоторая нервность, то это будетъ—объясняетъ пассажиръ—вѣрнымъ признакомъ увеличивающейся опасности положенія—болѣе вѣрнымъ, чѣмъ мои—человѣка неопытнаго—личныя наблюденія надъ моремъ и небомъ!

Однако и продолжительныя наблюденія надъ дежурнымъ помощникомъ капитана ни къ чему не приводятъ.

— Чортъ его возьми совсѣмъ!—говоритъ онъ о предметѣ своихъ наблюденій—ходитъ себѣ тамъ по своей эстрадѣ словно машина и хоть бы что: ни на лицѣ, ни въ движеніяхъ! Прямо они—эти моряки—непроницаемы! Налетитъ туча, набѣжитъ шкваль, закачаетъ какъ будто сильнѣе, захлещетъ дождь, а этотъ дежурный, все по прежнему, ходитъ себѣ какъ заведенная машина, да, молча поглядываетъ впередъ... Привыкли должно быть не показывать виду... Или...—какъ вы думаете?—можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ еще не такъ опасно?!...

Я сообщаю ему, что, по разсказамъ, вчера былъ вѣтеръ еще сильнѣе, такъ что «Платонъ» шелъ съ закрытыми иллюминаторами, а волны вливались на палубу, чего въ данномъ случаѣ не замѣчается. Но это не успокаиваетъ его, потому что погода, видимо, ухудшается. Главное, что его волнуетъ, это—непріятное сознаніе, что въ случаѣ наступленія настоящей опасности, пароходу, какъ извѣстно изъ каждаго путеводителя по побережью, совершенно некуда укрыться отъ бури, и въ случаѣ наступленія послѣдней, отъ этихъ утесистыхъ береговъ «можно ждать не спасенія, а смерти»!

Въ самомъ дѣлѣ, все это побережье, за исключеніемъ Геленджикской, Новороссійской и отчасти Сухумской бухты, на нѣсколько сотенъ верстъ береговаго протяженія вплоть до Батума совершенно открыто для свободнаго набѣга бурной морской волны [1]). На всемъ этомъ протяженіи берегъ представляетъ слабо извилистую, а кое гдѣ и совершенно прямую линію, почти лишенную бухтъ и удобныхъ якорныхъ стоянокъ, при чемъ берега моря отъ Анапы до Сухума большею частію высоки и скалисты, а между Сухумомъ и Батумомъ низки и мѣстами болотисты. Неудобство стоянки для судовъ въ первой—сѣверной—части увеличивается еще открытостью береговъ вѣтрамъ многихъ румбовъ и въ томъ числѣ борѣ (между Новороссійскомъ и Туапсе). Между тѣмъ Черное море вообще извѣстно своей бурливостью. Въ зимнее же время, приблизительно съ половины ноября и до апрѣля, оно находится почти въ постоянномъ волненіи. Эти обстоятельства всегда составляли серіозное препятствіе мореходству вдоль береговъ кавказскаго побережья. Въ періодъ войны съ горцами, когда на побережьѣ былъ устроенъ рядъ русскихъ укрѣпленій подъ общимъ именемъ «черноморской береговой линіи», укрѣпленія эти, благодаря бурямъ, нерѣдко по долгу оставались безъ подвоза провіанта. Дѣло заключалось въ томъ, что «наши

[1]) Потійскую бухту считать нельзя, такъ какъ въ нее нельзя войти съ моря во время бури.

пароходы выжидали иногда по мѣсяцу удобнаго времени» для выхода въ море, «да и то нерѣдко должны были проходить мимо нѣкоторыхъ укрѣпленій по невозможности пристать къ берегу» [1]). Конечно, нынѣшніе болѣе крупной конструкціи и болѣе совершенно устроенные пароходы и избавлены отъ необходимости отстаиваться по цѣлому мѣсяцу. Но, съ другой стороны, фактъ невозможности высадки и пріема пассажировъ и груза въ сильное волненіе на многихъ остановочныхъ пунктахъ побережья до сихъ поръ еще составляетъ, особенно зимою, вполнѣ обычное явленіе. Нерѣдки случаи, что пассажиры, ѣдущіе изъ Новороссійска только въ Джубгу (близъ Геленджика) или въ Сочи, за невозможностью высадки съ парохода, проѣзжаютъ до Батума и высаживаются только на обратномъ пути парохода; да и то, если позволитъ волненіе. Не составляетъ рѣдкости и тотъ фактъ, что нѣкоторые прибрежные пункты за неимѣніемъ другихъ путей сообщенія, кромѣ морского, подолгу и тщетно ждутъ привоза тѣхъ или другихъ, давно уже вышедшихъ товаровъ, составляющихъ предметъ постояннаго потребленія жителей, и немогутъ ихъ получить потому, что пароходы провозятъ ихъ мимо, за невозможностью остановокъ [2]). Между тѣмъ развитіе каботажнаго плаванія, было бы особенно важно здѣсь именно благодаря недостатку, а мѣстами и полному отсутствію сухопутныхъ путей сообщенія и оно могло бы давать значительный матеріалъ для грузовъ большимъ пароходамъ. Но благодаря выясненнымъ выше особенностямъ береговъ кавказскаго побережья, плаваніе это до невозможности неудобно и при данныхъ условіяхъ не можетъ развиться, хотя безъ него, собственно говоря, почти немыслимо правильное развитіе побережнаго хозяйства. Въ

---

[1]) «Воспоминанія Гр. Ив. Филипсона», Москва, 1885 г.

[2]) Въ 1900 г. пароходы такъ долго не могли пристать у Сочи, что въ тамошнихъ лавкахъ вышелъ весь сахаръ; въ 1895—96 гг. пароходы въ теченіе болѣе мѣсяца не могли остановиться у Сочи и когда, наконецъ, море затихло и остановился пароходъ съ грузомъ, въ мѣстныхъ лавкахъ остался уже всего только одинъ мѣшокъ муки. (В. Цвѣтовъ. „Спутникъ туриста по Кавказу“).

давнія времена жители страны пользовались для каботажнаго плаванія легкими гребными судами съ парусомъ для ѣзды во время вѣтра. Устройство этихъ судовъ позволяло ихъ вытаскивать на берегъ или перетаскивать въ устья большихъ рѣкъ, чтобы отстаиваться до прекращенія бури. Нынѣшнія фелюги—суда по преимуществу парусныя, слишкомъ тяжелы для вытаскиванія на берегъ силами обычнаго ихъ экипажа и слишкомъ глубоки для перетаскиванія въ устья рѣчекъ, хотя имѣютъ то крупное преимущество передъ прежними легкими судами, что подымаютъ значительно больше груза. Въ виду всего этого настоятельною необходимостью является устройство небольшихъ искусственныхъ бухтъ для укрытія судовъ отъ бурь при устьяхъ болѣе значительныхъ рѣкъ, гдѣ берегъ обыкновенно образуетъ все-таки нѣчто въ родѣ заливчика и гдѣ, благодаря рѣкѣ, прилегающая мѣстность является, по обыкновенію, болѣе заселенною. Это сразу поставитъ дѣло каботажнаго плаванія въ благопріятныя условія, безъ которыхъ оно не можетъ надѣяться на дальнѣйшее развитіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно потребуетъ на весь этотъ рядъ сооруженіей гораздо меньше затратъ, чѣмъ тратилось у насъ на сооруженіе какого-нибудь одного порта въ родѣ, напр., Потійскаго, откуда суда передъ бурею стараются выйти въ открытое море ради своей безопасности.

Это слабое развитіе каботажнаго плаванія не можетъ не броситься въ глаза каждому ѣздившему на пароходѣ вдоль побережья,—море около побережья отличается своей пустынностью: рѣдко-рѣдко увидишь на немъ какую-нибудь пріютившуюся у берега фелюгу, идущее подъ парусами суденышко, или, въ лучшемъ случаѣ, молча пройдетъ на встрѣчу рейсовый пассажирскій пароходъ и вскорѣ скроется въ отдаленіи. И опять передъ глазами только берегъ и красивое, но пустынное море.

Взбираясь съ волны на волну и покачиваясь на обѣ стороны, пароходъ бойко идетъ впередъ, а мы—пассажиры, которыхъ еще не укачало волненіе, проводимъ время въ разговорахъ, въ измѣреніи длины и ширины парохода шагами, въ подробномъ его осмотрѣ, въ попыткахъ правильно и прямо ходить по па-

лубѣ, несмотря на качку. Пароходъ минулъ уже скрытый за дождевою пеленой красивый мысъ Джанхотъ и идетъ мимо извѣстной «еропкинской» колоніи земледѣльцевъ-интеллигентовъ, рисующейся съ него въ видѣ домиковъ, разбросанныхъ среди густой зелени одной изъ сравнительно возвышенныхъ террасъ берегового склона. Въ путеводителѣ г. Москвича (1900 г.) читатель найдетъ весьма интересное указаніе на «громадное культурное вліяніе этой колоніи». По собранымъ справкамъ, это указаніе весьма близко къ истинѣ. Колонія служитъ для мѣстнаго насенія единственнымъ живымъ примѣромъ тому, какъ надо вести хозяйство въ этой полосѣ при данныхъ условіяхъ климата, почвы и пр. Окрестное населеніе поучается этому у интеллигентныхъ землепашцевъ Криницы и поучается съ несомнѣнной пользой для дѣла. Жаль только, что при крайне слабомъ развитіи путей сообщенія и происходящей отсюда изолированности мѣстныхъ населенныхъ пунктовъ, вліяніе это должно неизбѣжно ограничиваться сравнительно не широкимъ райономъ. Между тѣмъ на побережьѣ слишкомъ рѣдки примѣры столь раціональной, вполнѣ принаровленной къ мѣстнымъ условіямъ постановки сельскохозяйственнаго дѣла, такъ что побережному сельскому насенію почти не у кого этому научиться. Криничане же охотно при томъ помогаютъ проходящимъ къ нимъ полезными совѣтами и указаніями. Въ этомъ отношеніи можно пожелать Криницѣ долгихъ лѣтъ существованія и всякихъ успѣховъ. И можно въ тоже время пожалѣть, что будущее Криницы, какъ я слышалъ, нельзя считать прочнымъ потому, что земля, фактически принадлежащая всѣмъ криничанамъ, куплена на имя одного лица, въ случаѣ смерти или ухода котораго могутъ возникнуть серіозныя осложненія въ вопросѣ о правахъ членовъ общины на эту землю. Усердные хлопоты криничанъ о закрѣпленіи права собственности на эту землю за всею общиною,—что и было бы единственнымъ выходомъ изъ этого неудобнаго положенія,—какъ я слышалъ, до сихъ поръ не приводили ни къ какимъ результатамъ.

Миновавъ Криницу и д. Береговую,—бывшее укрѣпленіе Новотроицкое, пароходъ проходитъ вскорѣ мимо расширяющагося

къ морю ущелья, въ низинѣ котораго расположено вблизи берега селеніе съ церковкою и отдѣльно стоящимъ бѣлымъ крестомъ на авансценѣ. Это—селеніе Вуланка, бывшее укрѣпленіе Михайловское, носящее нынѣ офиціальное названіе Архипо-Осиповскаго селенія, въ память того героя, которому поставленъ тотъ бѣлый крестъ, чуть-чуть видный съ парохода. Когда въ 1839 г., послѣ нѣсколькихъ побѣдъ надъ Шамилемъ, военныя дѣйствія противъ горцевъ вновь возобновились и на Черноморскомъ побережьѣ, то находившіеся тамъ укрѣпленія были въ полуразрушенномъ состояніи, гарнизоны же ихъ крайне ослаблены лихорадками и другими изнурительными болѣзнями. Горцы значительными массами обрушились на эти укрѣпленія и 7 февраля 1840 г., истребивъ поголовно всѣхъ защитниковъ форта Лазарева (нынѣ д. Лазаревская, южнѣе Туапсе), уничтожили это укрѣпленіе, а 29 февраля таже участь постигла и укрѣпленіе Вельяминовское (Туапсе). Затѣмъ въ мартѣ мѣсяцѣ настала очередь и форта Михайловскаго. Трогательными красками описываетъ Филипсонъ [1]) эту борьбу горсти отрѣзанныхъ со всѣхъ сторонъ и ослабленныхъ болѣзнями и постояннымъ ночнымъ бодрствованіемъ солдатъ съ окружавшими ихъ полчищами горцевъ. Немногочисленная горсть этихъ храбрецовъ долго отбивалась отъ приступовъ горцевъ. И солдаты и офицеры, зная неизбѣжно печальный исходъ борьбы, рѣшились стоять до послѣдней капли крови.

Въ одинъ прекрасный день, незадолго до послѣдняго нападенія горцевъ, начальникъ укрѣпленія капитанъ Лико собралъ войска и сдѣлалъ вызовъ желающихъ взорвать укрѣпленіе въ тотъ моментъ, когда побѣдившій непріятель ворвется въ фортъ,—взорвать и умереть подъ развалинами форта! Изъ фронта вышло десять человѣкъ и затѣмъ при каждомъ вечернемъ расчетѣ гарнизона,—кому и гдѣ находиться на случай нападенія,—вызывался очередной изъ этихъ десяти. Но вскорѣ рядовой Тенгинскаго полка Архипъ Осиповъ обратился къ капитану Лико съ

[1]) См. его «Воспоминанія».

усердною просьбой возложить этотъ подвигъ на него одного. Послѣ этого капитанъ Лико, ежедневно вызывая команду, передъ фронтомъ напоминалъ Осипову его обѣщаніе и каждый разъ этотъ рядовой громко повторялъ свою клятву. Въ критическій моментъ, когда горцы уже ворвались въ укрѣпленіе и надежды на спасеніе не оставалось никакой, Архипъ Осиповъ схватилъ фитиль и съ крикомъ «поминайте, братцы, Архипа Осипова!»—бросился въ пороховой погребъ. Послѣдовалъ ужасный взрывъ, уничтожившій и крѣпость и остатокъ недобитаго горцами гарнизона и погубившій толпы ворвавшихся въ крѣпость горцевъ. Пораженные ужасомъ оставшіеся въ живыхъ горцы бѣжали отъ укрѣпленія, а изъ русскихъ спасся только одинъ солдатъ, счастливо отброшенный силою взрыва и не попавшій въ руки горцевъ, благодаря ихъ отступленію. Онъ то и разсказалъ впослѣдствіи о послѣднихъ дняхъ укрѣпленія Михайловскаго и о подвигѣ Архипа Осипова.

Мы уже приближаемся къ Джубгѣ и на пароходѣ идутъ споры о томъ, допуститъ ли волненіе у береговъ Джубги спустить фелюгу на встрѣчу пароходу.

Джубга—это большое селеніе, окрестности котораго заняты довольно многочисленными частновладѣльческими участками, на части которыхъ, обращенной подъ культуру, разводится преимущественно табакъ и виноградники; почвенныя условія особенно благопріятствуютъ табаководству. Въ Джубгѣ недурное купанье, недорогая жизнь (можно нанять домикъ у мѣстныхъ поселянъ въ 3—4 комнаты за 15—20 р. въ мѣс.) и недурныя окрестности.

Наши споры скоро однако прекращаются, такъ какъ издали видно, что двѣ фелюги отдѣляются отъ берега. Наполненныя пассажирами онѣ на веслахъ, то высоко вздымаясь на движущіяся водяныя горы, то пропадая между ними, медленно приближаются къ быстро идущему имъ на встрѣчу пароходу. Борьба съ волнами, видимо, нелегкая и пароходъ успѣваетъ уже бросить якорь противъ Джубги въ то время, когда фелюги сдѣлали не много болѣе половины пути. Нетерпѣливый пароходъ даетъ уже пер-

вый свистокъ, а онѣ все еще борются съ волнами. Наконецъ, передняя приближается къ борту у кормовой части и старается притянуться къ трапу то далеко отбиваемая отъ него волною, то чуть не ударяемая о его бортъ. Не безъ тревоги наблюдаемъ мы сверху, какъ, улавливая удобный моментъ, прибывшіе на фелюгѣ пассажиры, хватаясь обѣими руками за перила трапа, ухитряются вскочить на нижнюю его ступеньку и затѣмъ поднимаются на палубу. Между тѣмъ другая фелюга, также то отбрасываемая, то подталкиваемая къ борту парохода волнами, подойдя къ носовой части борта, принимаетъ изъ трюма грузъ опускаемый въ фелюгу паровымъ подъемнымъ краномъ. Спускъ груза, сопровождается непріятнымъ визгомъ подымающихъ грузъ изъ трюма цѣпей и обычными при этомъ выкриками техническихъ словъ «майна» и «вира», служащихъ синонимами «подымай» и «опускай». Еще не успѣли спустить въ фелюгу послѣдній подхваченный «майна—вирой» узелъ груза, а уже пароходъ даетъ третій свистокъ и начинаетъ поднимать якорь. Видно, что «Русское» пароходное общество очень дорожитъ временемъ.

Дальше изъ пунктовъ, имѣющихъ историческое значеніе, намъ придется до Туапсе миновать только устье р. Шапсухо, гдѣ когда то стояло Тенгинское укрѣпленіе. Составитель перваго русскаго описанія всего восточнаго берега Чернаго моря Карльгофъ [1]) дѣлитъ горное побережье между Новороссійскомъ и Сухумомъ (съ котораго начинаются уже береговыя низины) на двѣ части— по ту и по сю сторону р. Шапсухо. Первую, которую пароходъ нашъ долженъ миновать у Тенгинскаго мыса, онъ характеризуетъ какъ мѣстность, выражающуюся «уже рѣзкими чертами горной страны. Не только главный хребетъ, но и отрасли его достигаютъ довольно значительной высоты; скаты ихъ круты, изрѣзаны оврагами и перегнуты угловыми изломами, а гребни остроконечны». Въ слѣдующей затѣмъ части побережная «мѣстность совершенно принимаетъ суровый видъ горной природы. Главный хребетъ воз-

[1]) «Военностатистическое обозрѣніе вост. берега Чернаго моря», СПБ. 1853 г.

ростаетъ до исполинскихъ размѣровъ и мѣстами достигаетъ до снѣговой черты». «Отъ главной цѣпи откидываются къ морскому берегу, въ видѣ контрфорсовъ, массивныя, утесистыя и изрытыя оврагами отроги, которые, развѣтвляясь, наполняютъ второстепенными отраслями, столько же рѣзко очерченными, какъ и самыя отроги, всю мѣстность и образуютъ тѣснины и глубокія ущелья». Теперь мы плывемъ мимо этихъ горныхъ громадъ, зеленѣющихъ подъ покровомъ лѣсной растительности. Утесы огромны, горы высоки, виды красивы, величественны. Но это не крымскіе изящные берега, оживленные чрезвычайнымъ разнообразіемъ рельефа, быстро смѣняющеюся понорамой горъ и пригорковъ, утесовъ, красивыхъ долинъ, ущелій, зеленыхъ культурныхъ полянъ, парковъ, деревень, садовъ и дачъ. Это суровые величественные виды, слабо оживленные людскою жизнью, поражающіе и привлекающіе своею огромностью и первобытной дикостью.

Горный хребетъ, достигающій у Джубги до 3000 футовъ надъ уровнемъ моря, къ ю.-в. отъ Туапсе, постепенно отступая въ главной своей части отъ берега моря, доходитъ уже до 6 и 7000 ф. высоты. Благодаря этому удаленію главнаго хребта отъ моря по мѣрѣ приближенія къ югу узкая полоса черноморскаго побережья, достигающая ширины не болѣе 3-хъ верстъ около Новороссійска и мѣстами съуживаемая въ сѣверной части почти на-нѣтъ, по мѣрѣ приближенія къ Сухуму (за предѣлами Черноморской губ.) достигаетъ уже 70 в., а вблизи Очемчиръ—до 150 верстъ. Но удаляясь отъ моря, главный хребетъ тѣмъ не менѣе отпускаетъ отъ себя въ сторону моря вѣтвистые отроги и контръ-форсы, изрѣзывающіе прибрежную полосу рядомъ второстепенныхъ хребстовъ, холмовъ и ущелій, постепенно понижающихся по мѣрѣ приближенія къ морю. Благодаря этому большая часть—около трехъ четвертей побережья—занята живописно спускающимися къ морю террасами, выступающими въ него возвышенными скалами, мѣстами съуживающими низменную береговую полосу тоже или совсѣмъ на-нѣтъ или до ширины тропинки, омываемой водами прибоя. И только остальная (1/4) часть побережья состоитъ изъ низменностей—преимущественно близъ Сухума и южнѣе его,—то болѣе

широкихъ, разстилающихся на десятки верстъ, то болѣе узкихъ, образующихся у дельтъ нѣкоторыхъ рѣкъ, или же въ видѣ расширенныхъ ущелій и котловинъ, обрамленныхъ прибрежными отрогами горнаго хребта.

У борта парохода собралась группа пассажировъ изъ нѣсколькихъ чуекъ и «спинжаковъ» и двухъ крестьянъ изъ южныхъ губерній. Прислушиваясь къ ихъ бесѣдѣ, я скоро убѣждаюсь въ томъ, что ихъ соединилъ одинъ общій интересъ къ землѣ, которую они ищутъ на побережьѣ. Крестьяне идутъ присмотрѣть земли для переселенія, а чуйки и спинжаки, эти наши побережные, «культуртрегеры», присматриваютъ земли для скупки съ цѣлью перепродажи. Они—знатоки края, постоянно ѣздятъ по побережью, присматриваясь, прицѣниваясь, собирая свѣдѣнія и дѣлая покупки. Они этимъ живутъ и бесѣда ихъ очень поучительна для невидавшихъ побережья крестьянъ, которые внимательно прислушиваются къ ихъ разговорамъ, отъ времени до времени обращаясь за разъясненіями.

Крестьяне эти—ходоки, посланные «міромъ» для пріисканія вольныхъ земель. Они слышали о хорошихъ мѣстахъ подъ Туапсе и Сочи и видъ незаселенныхъ, покрытыхъ лѣсомъ окрестностей Джубги успокоилъ ихъ относительно возможности найти вольныя земли въ этихъ мѣстахъ. Но чуйки и спинжаки разъясняютъ имъ, что около Сочи и Туапсе все уже позанято, что окрестности Джубги тоже всѣ въ частныхъ рукахъ, а если большая часть ихъ лежитъ еще впустѣ, то это не значитъ еще, что она ничья. По ихъ словамъ, пригодныхъ къ культурѣ вольныхъ земель около моря въ этихъ мѣстахъ почти уже нѣтъ, а оставшіяся незанятыми мало доступны и при данныхъ условіяхъ заселеніе ихъ почти невозможно.

Но ходоки все еще сомнѣваются въ этомъ. Имъ трудно вѣрится, чтобы эти огромныя некультурныя, заросшія лѣсомъ пространства побережья, непрерывною панорамою развертывающіяся передъ ихъ глазами, нельзя было теперь же утилизировать подъ вольное заселеніе.

— И какъ же можно, чтобы такая масса земли лежала нераспаханной, нетронутой и въ тоже время не была бы свободна, а кому то принадлежала!?. И кто это такой, этотъ неизвѣстный *хозяинъ* всей этой уймы нетронутой земли, который и самъ ею не пользуется и другимъ не даетъ?...—удивляются ходоки.

— «Хозяинъ, хозяинъ»!—передразнивая ходока, съ усмѣшкой отвѣчаетъ одинъ изъ спинжаковъ. Ищи вѣтра въ полѣ—найдешь тутъ хозяина! Тутъ, братъ, за исключеніемъ пяти—десяти человѣкъ на всемъ побережьѣ, нѣтъ ни одного *хозяина*, а все одни только *собственники*...

И видя недоумѣніе ходоковъ, добавляетъ:

— Понимаете вы—которая земля ближе къ морю и поудобнѣе роздана въ разныя руки, разнымъ, значитъ, лицамъ, въ родѣ, напр., дворянамъ, служащимъ чиновникамъ и т. п. Ну, они, конечно, состоятъ всѣ при своей службѣ, а земля ихъ... состоитъ вотъ здѣсь на побережьѣ. Они тамъ сами по себѣ, а земля здѣсь сама по себѣ. Оттуда имъ хозяйство вести, сами понимаете, не сподручно—вотъ она и лежитъ пока что, въ ожиданіи, что когда-нибудь владѣлецъ надумается чего-нибудь съ нею сдѣлать, а вѣрнѣе—до хорошей цѣны, чтобы продать ее повыгоднѣе.

Онъ разъясняетъ имъ, какъ мало на побережьѣ владѣльцевъ которые если не сами, то хотя черезъ управляющихъ разрабатываютъ свои земли. Разсказываетъ какъ при этомъ много изъ нихъ такихъ, которые, какъ и они—ходоки и всѣ переселяющіеся на побережье степные крестьяне,—совершенно не зная мѣстныхъ земель и условій, принимаются за хозяйство не такъ, какъ слѣдуетъ, убивая на него безплодно массу труда, а нѣкоторые болѣе богатые—и десятки и сотни тысячъ рублей, прежде чѣмъ чего нибудь добьются или совсѣмъ бросятъ всякіе опыты съ землею...

— Вотъ потому то—разъясняетъ онъ—и лежитъ вся эта земля почти не тронутая, а перемѣняются у нее только собственники ея: сегодня одинъ, завтра другой и уже поджидаетъ цѣны, чтобы продать третьему, который тоже не будетъ надъ ней стараться...

— Ну, а мы— добавляетъ онъ съ усмѣшкой оглядывая свою компанію,—мы этому дѣлу главные помощники: одному поможемъ продать, у другого сами купимъ, чтобы перепродать новому, такъ и хозяйничаемъ землею,—распредѣляемъ ее между новыми владѣльцами. Такъ что ежели вамъ нужно видѣть этой земли хозяевъ, такъ если правду сказать мы то и есть ей настоящіе хозяева! Пожалуйте и покупайте, если, конечно, денежки имѣете!..

— А вѣдь это ты ловкую, Иванъ Сидоровичъ, для насъ резолюцію вывелъ!—восклицаетъ въ восторгѣ одинъ изъ культуртрегеровъ, одобряя заключеніе разказчика.—И вправду, что нашъ братъ и есть самые настоящіе этихъ земель хозяева и распорядители!..

— А если вы хотите вольныхъ земель—продолжаетъ разсказчикъ—хотите поселиться гдѣ нибудь на казенной землѣ еще никому не отданной, то имѣйте въ виду, что тутъ у моря, такой свободной земли уже мало, потому что все пороздано. А которая и есть, то не роздана потому, что или неудобна, неподступна или очень дорога для разработки. Которая же удобна, той уже мало и раздаваться будетъ господамъ, а не вахлачью въ родѣ вашего брата. Вотъ что!...

Но видя недовѣріе на лицахъ ходоковъ,—разсказчикъ опять разъясняетъ:

— Конечно, за казной въ этомъ краѣ земли пока еще много, да вѣдь это тоже такой у насъ «хозяинъ», который лучшее, болѣе выгодное пороздалъ, а съ худшимъ остался. Оставилъ себѣ такое, куда нѣтъ проѣзда, откуда нѣтъ доступа ни къ морю, никуда, потому что придержалъ главнымъ образомъ тѣ земли, что вдали отъ моря, въ горахъ.—Поселись теперь въ такихъ мѣстахъ, такъ потомъ и не вылезешь—ни тебѣ за покупкою куда нибудь съѣздить, ни продать что нибудь! Застрянешь въ такой глуши,—такъ и умрешь, не увидя живого человѣка!..

Разговоръ переходитъ на вопросъ о неудобномъ расположеніи переселенческихъ участковъ, отводимыхъ имѣющеюся въ Новороссійскѣ поземельноустроительною партіею, на которыхъ только и можно селиться въ настоящее время крестьянамъ, приходящимъ

изъ другихъ губерній. Со словъ разсказчиковъ для ходоковъ выясняется, что старые вольные порядки, когда всякъ выбиралъ себѣ мѣсто «по волѣ» прикончены вышедшимъ въ 1897 году новымъ закономъ, что переселеніе идетъ теперь «по новому положенію», [1]) а законъ неопубликованъ, «начальство держитъ въ секретѣ» (!) и какой это такой законъ—подробностей никто не знаетъ. Извѣстно только, что теперь безъ новороссійскаго «переселенскаго присутствія» уже «никому ничего нельзя». А отмежованы гдѣ то въ глухихъ мѣстахъ—«но гдѣ неизвѣстно, въ точности доказать не можемъ»—какіе то переселенскіе участки и кромѣ нихъ мужику селиться нигдѣ не приказано. А узнать на счетъ ихъ нужно имъ было еще въ Новороссійскѣ, «потому больше и узнать негдѣ» и тамъ же получить и разрѣшеніе на ихъ осмотръ. Теперь же безъ всего этого для ходоковъ все де пойдетъ «зря», потому что не для того же имъ харчиться и время терять, чтобы около Туапсе или Сочи смотрѣть чужія земли, которыми имъ владѣть никогда не придется?!

Все это приводитъ ходоковъ въ большое уныніе, а одинъ изъ дѣловитыхъ культуртрегеровъ, не могущій переварить такой мужицкой непрактичности третируетъ ихъ самымъ презрительнымъ образомъ.

— Эхъ, мужики вы сиволапые, вотъ что! Развѣ же такъ можно: міръ вамъ, какъ разумнымъ людямъ довѣріе оказалъ, а вы, какъ дѣти малые, ничего не узнавши, да не опросивши, туда попёрли, куда можетъ и вовсе не надо!

— Да развѣ-жъ мы знали?..

— То то «знали»! А языка то спросить не было? Вашему ли брату теперь это дѣло на себя брать, когда вы дуромъ, не разобравши толку за него принимаетесь! Такъ вотъ вы и потомъ, когда на побережьѣ поселитесь, все равно ничего не подѣлаете: все будете дѣлать не какъ здѣсь надо, а по своему, по степняцкому. Ну, и разоритесь и разбредетесь, какъ и всѣ прочіе, вамъ подобные...

— Ну, тоже народъ у насъ нельзя сказать—народъ у насъ рабочій, пробовалъ возразить одинъ изъ ходоковъ въ защиту міра. Народъ нашъ работу любитъ...

---

[1]) Объ этомъ подробно будетъ сказано ниже.

— Мало ли васъ работныхъ то было, да скоро на утекъ уплыло!..—Не въ работѣ вѣдь дѣло, а чтобы знать, какъ здѣсь за нее приняться: все вѣдь здѣсь не по вашему, а по другому. Тутъ, братъ, хозяйство поставить, да направить, это надо годъ присмотрѣться, да два поучиться, да три попробовать, а только потомъ ужь за настоящее дѣло приняться.

— Да ужь тамъ бы только земли пріискать да до мѣста добраться, а міръ—великъ человѣкъ—обмозгуемъ!

— «Обмозгуемъ», когда на простое дѣло до начальства въ Новороссійскѣ дойти и то смѣкалки нѣту!.. Ну, обмозгуй вотъ простую задачу на самыя малыя числа,—вмѣшался одинъ изъ спинджаковъ, все время иронически прислушивавшійся къ бесѣдѣ товарищей съ ходоками.—Скажемъ вотъ теперь у меня въ рукахъ мальчонкинъ задачникъ—сына я съ собой везу тамъ въ трюмѣ—отдать въ туапсинское Варваринское училище...—Вотъ и рѣшите задачу: у ученика было три пера и онъ рѣшилъ раздѣлить ихъ между товарищами. Сколько по вашему досталось каждому?

Онъ смотритъ на нихъ побѣдоносным взглядомъ, а недоумѣвающіе ходоки мнутся и виновато улыбаются.

— Вотъ-то-то и оно то!—послѣ минутнаго молчанія замѣчаетъ вопрошавшій. Дурни вы, вотъ что! Нешто вамъ рѣшать такія задачи, чтобы селиться въ нашихъ незнамыхъ мѣстахъ, ежели вы простой рихметики рѣшить не можете! Тутъ, братъ, умные образованные люди милліоны затратили, да и то, почитай, никакихъ толковъ нѣту, потому что за незнамое дѣло взялись въ чужомъ незнакомомъ мѣстѣ, а вашего то брата тутъ столько голову сложило, что и считать перестали...

Но низкій басъ пароходнаго гудка неожиданно прерываетъ эту интересную для меня бесѣду. Пассажиры устремляются къ бортамъ. Впереди показывается Туапсе.

Раскинувшееся на небольшихъ возвышенностяхъ, окружающихъ дельту р. Туапсе, и въ свою очередь окруженное возвышенностями еще болѣе крупными и щедро покрытыми зеленью, Туапсе съ своими тонущими въ зелени домиками, производитъ,

несмотря на скверную погоду, впечатлѣніе милаго уютнаго уголка въ живописной обстановкѣ. Расходившееся море бурными пѣнистыми волнами выбѣгаетъ на пологій берегъ, тамъ, гдѣ онъ не защищенъ небольшимъ моломъ. Безпрерывно набѣгая на отвѣсныя каменныя стѣны мола, яростныя волны какъ бы стремятся перепрыгнуть здѣсь искусственную преграду, неистово бьются о молъ, вздымаясь высоко вверхъ, разбиваясь въ столбы пѣны и брызгъ. Между тѣмъ, по ту сторону мола, волненіе чуть замѣтно и небольшое двухмачтовое судно тихо покачивается на якорѣ. Это хорошая защита отъ буйныхъ волнъ, но только для болѣе мелко сидящихъ судовъ, а нашему пароходу все равно бы не было тамъ спасенія въ случаѣ сильной бури. И трусившій бури пассажиръ, о которомъ я говорилъ выше, съ завистью наблюдая тихій уголокъ моря за моломъ, возмущается огромной затратой денегъ на этотъ «портъ-убѣжище», недоведенное все-таки до размѣровъ, необходимыхъ для защиты большихъ пароходовъ. Тутъ же онъ припоминаетъ почерпнутыя изъ книгъ свѣдѣнія, что фелюги, выѣзжающіе изъ Туапсе къ пароходу въ сильное волненіе, рискуютъ быть наброшенными на молъ и разбитыми о его стѣны.

— Хороша защита, чортъ ее возьми, если объ нее же можно разбиться!—заключаетъ онъ свой разсказъ гнѣвнымъ жестомъ, указывая на яростно бьющія о молъ волны. Да тамъ знаете, если туда нанесетъ большой пароходъ, то и такому, какъ нашъ, не поздоровится!

— Ну, хоть и то слава Богу, что вонъ суденышко спокойно можетъ стоять, не боясь бури...

— Посмотрѣлъ бы я на васъ, какъ бы вы это говорили, когда бы началась настоящая зимняя буря, налетѣлъ бы какой нибудь тамъ нордъ-остъ или въ родѣ того!.. Вы вотъ не знаете, а я лишь недавно прочелъ, что 30 мая 1837 г. около Туапсе была такая буря, которая выбросила на берегъ одновременно 13 судовъ, стоявшихъ въ *такъ называемой* туапсинской бухтѣ. изъ нихъ 5 большихъ военныхъ и въ томъ числѣ одинъ большой пароходъ! А въ 1838 г. другая такая же буря выбросила здѣсь же два тоже военныхъ и одно купеческое судно. И замѣтьте,

что случившійся въ то время разливъ рѣчки Туапсе въ теченіе цѣлыхъ сутокъ не далъ возможности даже десятитысячному отряду генерала Вельяминова оказать хоть какую нибудь помощь спасшимся съ этихъ судовъ людямъ, выброшеннымъ на берегъ моря по ту сторону рѣчки!.. А вѣдь все это возможно и теперь при наличности этого пресловутаго, хотя и дорогого мола, потому что въ немъ, вслѣдствіе мелководья и узости входа, могутъ укрываться лишь сравнительно мелкіе суда. Большимъ же въ случаѣ сильной бури, предоставляется разбиваться не только о берегъ, но и о самый молъ, который... который... Однако, о-о!.. Посмотрите!..

Внезапно изъ вновь набѣжавшей тучи дождь хлынулъ ливнемъ. Жутко и жалко было смотрѣть на промокшихъ, сбившихся въ кучу пассажировъ фелюгъ, бросаемыхъ по прихоти волнъ и долго и медленно приближавшихся къ пароходу. Фелюги биткомъ набиты людьми и вещами. Кому не нашлось мѣста на мокрыхъ скамьяхъ, тотъ сидитъ на набросанныхъ въ кучу вещахъ, многіе всю дорогу ѣдутъ стоя, потому что въ фелюгѣ уже некуда приткнуться. Съ пассажировъ струями сбѣгаетъ дождь. Брызги отъ волнъ обдаютъ ихъ съ боковъ. А они сидятъ и стоятъ, неподвижные какъ статуи, боясь пошевельнуться, съ нетерпѣніемъ и страхомъ ожидая посадки на пароходъ. Фелюги уже подплыли, но еще долго, отбрасываемыя отъ парохода волнами, употребляютъ усилія прицѣпиться къ пароходному трапу. Наконецъ, не безъ риска для жизни, начинается высадка пассажировъ съ вещами по колеблющемуся, мокрому отъ дождя трапу.

Таковы, въ общемъ, условія высадки и посадки пассажировъ на всемъ побережьѣ отъ Новороссійска до Поти! Бываютъ случаи, что фелюги перевертываетъ сильною волною и пассажиры тонутъ[1])...

Между тѣмъ сзади отплываютъ отъ берега новыя фелюги съ пассажирами и грузомъ. Одна изъ нихъ легкая, управляемая

---

[1]) См. напр., «Лѣто на Кавказѣ» въ «Р. Мысли», за 1901 г., Захаринъ И. Н. «Кавказъ и его герои», 1902 г., стр. 129. С. И. Васюковъ «Страна гордой красоты», стр. 225.

только двумя гребцами и кормчимъ, юношами-турками въ коротенькихъ курткахъ и фескахъ, съ однимъ только пассажиромъ-студентомъ, быстро перегоняетъ другія, подбрасываемая волнами, какъ ничтожная щепка. Въ фелюгѣ вода отъ дождя, скамьи ея мокры и скользки, гребцы промокли насквозь, но, приблизившись къ пароходу, они лихо вскакиваютъ съ мѣстъ и стоя на скользкой поверхности скамеекъ сильно колеблемой волнами фелюги, дѣлаютъ попытки уцѣпиться баграми за спущенный трапъ. Ловкіе и статные, рискуя поскользнуться при каждомъ движеніи, они легко перепрыгиваютъ со скамьи на скамью, оживленно безъ умолку что то кричатъ другъ другу и наконецъ побѣдоносно уцѣпляются за трапъ въ то время, когда ушедшая волна, казалось, подбиваетъ ихъ фелюгу подъ самое дно парохода. Поддерживаемый однимъ изъ турокъ студентъ довольно ловко пользуется моментомъ, чтобы уцѣпиться за трапъ—и вмигъ фелюгу уже отбило отъ парохода и одинъ изъ турокъ, выдѣлывая на скользкой скамьѣ ловкіе курбеты, весело затягиваетъ пѣсню. Съ пѣсней и выкриками они уже весело возвращаются къ берегу, въ то время, какъ большія фелюги, полныя пассажирами только еще начинаютъ принимать садящихся съ парохода.

Опять визжатъ цѣпи, снова работаетъ подъемный кранъ, вновь слышна майна-вира, это—прыгающая на волнахъ около пароходнаго борта фелюга, сдавъ свой грузъ, принимаетъ уже грузъ съ парохода. Тѣмъ временемъ одна изъ фелюгъ, перегруженная пассажирами не меньше прежняго, медленно возвращается къ берегу. Опять пассажиры мокнутъ подъ непрекращающимся дождемъ, опять гребцы упорно борются съ подбрасывающими фелюгу волнами, стараясь держаться подальше отъ мола, чтобы не набросило волной на его каменныя стѣны. Тамъ у берега, не пользуясь бухтой, образуемой моломъ, фелюга съ трудомъ пристаетъ къ покрытой бурунами отмели и пассажиры выбираются изъ нее на плечахъ гребцовъ или по колѣно въ водѣ, обдаваемые сердитою прибойною волною и потоками дождя. Мокрыя вещи выбрасываются гребцами на прибрежную гальку и безпомощные пассажиры стоятъ около нихъ подъ тѣмъ же дождемъ, съ тревогой по-

сматривая на берегъ въ тщетной надеждѣ, не подъѣдетъ ли оттуда извощикъ. Какъ и въ другихъ прибрежныхъ пунктахъ высадки пассажировъ, въ Туапсе нѣтъ крытаго для нихъ пристанища на случай непогоды, такъ какъ пароходныя общества отлично знаютъ, что за отсутствіемъ другихъ путей сообщенія это нисколько не повліяетъ на уменьшеніе числа пассажировъ.

Теперь было бы кстати въ подробностяхъ описать Туапсе, но я не настолько знаю его, чтобы внести что-либо новое въ то, что уже до сихъ поръ о немъ напечатано въ довольно многочисленныхъ журнальныхъ статьяхъ и отдѣльныхъ изданіяхъ.— Туапсе и Сочи, этимъ новомоднымъ курортамъ черноморскаго побережья, особенно посчастливилось въ указанномъ отношеніи. Взамѣнъ того, я отмѣчу для удобства читателя, главнѣйшіе изъ новѣйшихъ литературныхъ источниковъ о Туапсе и о Сочи съ окрестностями—(въ примѣчаніи) [1]. Въ данномъ же случаѣ я скажу лишь нѣсколько словъ о его прошломъ и остановлюсь на выясненіи положенія Туапсе преимущественно въ климатическомъ отношеніи по сравненію съ двумя описанными уже выше курортами.

Еще въ 1853 г. Карльгофъ писалъ о немъ, что «во второмъ отдѣленіи черноморской береговой линіи самое большое число больныхъ бываетъ въ укрѣпленіи Вельяминовскомъ» (Туапсе). О прошломъ этого укрѣпленія имѣются нѣкоторыя довольно инте-

---

[1]) «Лѣто на Кавказѣ» М. Б., «Русск. М.», 1901, № 3 и 4 (о Туапсе); «Черноморское Побережье»—помянутыя работы г.г. Воейкова, Пастернацкаго и Сергѣева (и о Туапсе и о Сочи), Красновъ «Русская Колхида»—„Кавк. Вѣстн“, 1901 г. № 1 и статьи его же въ «Книжкахъ Недѣли» 1900 г. №№ 1, 3, 5, 8, 1901 г. № 1 (о Сочи и Туапсе), И. Н. Захарьинъ „Кавказъ и его герои“, Спб. 1902 (тоже), С. И. Васюковъ „Край гордой красоты“ Спб. изд. Девріена, (тоже); Путеводители: г.г. Москвича, Лендера (Русск. О. Пар. и Т.), Цвѣтова („Спутникъ туриста по Кавказу“), Альбовъ „Очеркъ растительности Колхиды“ въ „Землевѣдѣніи“ 1896 г., Клингенъ „Основы хозяйства въ Сочинск. округѣ“ и другія, указанія на которыя можно найти въ уже названныхъ источникахъ.

ресныя (и неупомянутыя въ вышеуказанныхъ источникахъ) свѣдѣнія въ «Воспоминаніяхъ» генер. Филипсона[1]).

«Изъ среднихъ укрѣпленій мы нашли въ самомъ бѣдственномъ положеніи Вельяминовское (на р. Туапсе), построенное въ прошломъ (1838) году. Гарнизонъ, изъ 2-хъ ротъ, не имѣлъ свѣжаго мяса, цинга свирѣпствовала и порождала общую апатію. Видя издали пароходъ, въ укрѣпленіи многое прибрали и скрыли; но во время осмотра Раевскимъ лазарета, набитаго больными, я увидѣлъ между лазаретомъ и брустверомъ палатку, изъ которой торчали голыя человѣческія ноги; это было нѣсколько труповъ, которыхъ не успѣли похоронить»... «Генер. Раевскій, конечно, поднялъ цѣлую бурю, но все оборвалось на бѣдномъ запуганномъ старикѣ, капитанѣ Папахристо, исправлявшемъ должность воинскаго начальника, и на лѣкарѣ Нечипуренко. Послѣдняго онъ арестовалъ и приказалъ отправить на пароходъ, который назвалъ, по разсѣянности, вмѣсто «Колхиды», «Язономъ». Папахристо буквально исполнилъ приказаніе и посадилъ лѣкаря *въ котелъ* парохода «Язонъ», потерпѣвшаго тутъ въ прошломъ году крушеніе. Отъ парохода остался только котелъ, который и лежалъ на берегу. Раевскій извинился передъ лѣкаремъ, тѣмъ дѣло и кончилось»...

Это историческое указаніе на неблагопріятныя климатическія условія жизни въ укрѣпленіи относится впрочемъ не къ самому Туапсе, а именно къ с. Вельяминовскому,—поселку, расположенному однако *смежно* съ нынѣшнимъ Туапсе.

Для знающихъ Туапсе небезъинтересно отмѣтить кстати, что въ 1873 году Туапсе представлялъ собою «якорную стоянку, гдѣ виденъ всего одинъ домъ, стоящій у берега»[2]). Съ того времени количество жителей въ немъ достигло 2000 человѣкъ и Туапсе сдѣлался моднымъ курортомъ. Курортъ этотъ считается люднымъ, но это, очевидно, лишь по сравненію съ малочисленностью въ

---

[1]) Стр. 205.

[2]) Каргановъ. „Записки Кавк. Отд. Русск. Геогр. О.“. 1873—74 г.; цитирую по Реклю „Земля и Люди“, т. VI, стр. 98.

немъ жилыхъ помѣщеній, въ которыхъ иногда замѣчается недостатокъ; въ сущности же это курортъ пока далеко еще не бойкій, такъ какъ съѣздъ курортныхъ посѣтителей колеблется въ немъ всего отъ 100—200 человѣкъ въ сезонъ [1]).

Помянутыя выше лихорадки существуютъ въ смежной съ Туапсе Вельяминовской станицѣ и теперь, благодаря положенію станицы въ низинѣ и также вслѣдствіе того, что земледѣльческія занятія вельяминовцевъ происходятъ обыкновенно въ заболоченной долинѣ р. Туапсе, гдѣ среди болотъ находятся ихъ поля. (Въ самомъ Туапсе они значительно рѣже). Эта же часть Туапсинскаго поселенія подвержена и холоднымъ вѣтрамъ съ сѣвера, хотя Туапсинскій районъ считается уже почти свободнымъ отъ вліянія нордъ-оста. Въ сѣверо-западной части Черноморскаго побережья между Новороссійскомъ и Туапсе при чрезвычайной покатости склоновъ отъ близко лежащаго горнаго хребта (2000—4000 ф. высоты) губительное вліяніе нордъ-оста, какъ извѣстно, проявляется съ особенною силою [2]). Чѣмъ болѣе мѣстность открыта нордъ-осту, тѣмъ сильнѣе его вліяніе, и наоборотъ, что особенно замѣтно при сравненіи между собою климатовъ Новороссійска, Геленджика и Туапсе, изъ которыхъ въ первомъ зима суровѣе, чѣмъ во второмъ, а во второмъ, значительно суровѣе, чѣмъ въ третьемъ (хотя виноградъ, напротивъ, подъ Новороссійскомъ лучше чѣмъ въ Геленджикѣ и тѣмъ болѣе—чѣмъ въ Туапсе). За небольшими возвышенностями, на которыхъ расположено Туапсе, подымается, какъ было сказано выше, рядъ болѣе высокихъ горъ, которыя и образуютъ для Туапсе защиту отъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ. Начиная съ Туапсе вообще кончается на побережьѣ царство нордъ-оста, потому что къ довольно значительнымъ возвышенностямъ, обрамляющимъ побережье, подходятъ сзади еще и горныя альпійскія цѣпи Кавказа, задерживающія его губительное движеніе. Отсутствіе вліянія нордъ-оста, конечно, уменьшаетъ вентиляцію мѣстности, но за то защищенность его оттуда и от-

---

[1]) Васюковъ. «Край гордой красоты», стр. 91.

[2]) «Черном. побер.», стр. 125.

крытость южнымъ вѣтрамъ и «моряку» дѣлаетъ климатъ Туапсе значительно болѣе теплымъ и болѣе влажнымъ, сравнительно съ болѣе сѣверною частью побережья. Поэтому изслѣдователи побережья г.г. Воейковъ, Пастернацкій и Сергѣевъ считаютъ Туапсе пригоднымъ какъ зимнюю климатическую станцію на побережьѣ [1]).

Съ Туапсе замѣчается также—по направленію къ югу—значительное измѣненіе какъ въ составѣ растительности, такъ и въ составѣ мѣстныхъ почвъ (между которыми конечно существуетъ извѣстная зависимость). Около Туапсе береговые возвышенности сложены въ значительной мѣрѣ еще изъ тѣхъ самыхъ мѣловыхъ «трескуновъ», которые такъ распространены на побережьѣ между Новороссійскомъ и Туапсе (въ особенности около Новороссійска и Геленджика) и представляютъ собою известково-глинистые сланцы, отличающіеся особенной способностью распадаться и растрескиваться въ сухомъ видѣ на тончайшія пластинки, несмотря на замѣчательную твердость этой породы тамъ, гдѣ она защищена отъ доступа воздуха. Представляющіе въ растрескавшемся и измельченномъ видѣ прекрасную почву для виноградниковъ (Новороссійскъ), трескуны эти около Туапсе въ долинахъ рѣкъ уже смѣняются глинами. Нѣсколько же южнѣе—у Макопсе—полоса трескуновъ, отступая отъ моря, постепенно замѣняется сначала переходными формами, а потомъ (у Псезуапе) и чистыми сланцевыми глинами и песчаниками, образующими здѣсь отвѣсные берега моря. Такимъ образомъ въ почвенномъ отношеніи береговая полоса отъ Туапсе до Псезуапе представляетъ переходъ отъ болѣе сѣверной части побережья между Новороссійскомъ и Туапсе, къ болѣе южной полосѣ между Псезуапе—Сочи и Сухумомъ, гдѣ начинается въ береговой полосѣ ясное преобладаніе глинистыхъ почвъ.

Но наиболѣе всего разница этихъ двухъ полосъ—сѣверной до Туапсе и южной послѣ Туапсе—замѣтна именно на мѣстной растительности. Изъ слабо развитой и приниженной подъ влія-

---

[1]) Противъ чего однако возражаетъ проф. Красновъ—объ этомъ ниже.

ніемъ мѣстныхъ почвъ и въ особенности изсушающаго нордъ-оста у Новороссійска, растительность, достигая Туапсе, постепенно становится гуще, могущественнѣе и разнообразнѣе. Уже въ надѣлѣ с. Вельяминовскаго можно любоваться рощами каштановыхъ деревьевъ. Окрестности Туапсе изобилуютъ густо разросшимся дубомъ и букомъ, а масса каштановъ въ его окрестностяхъ даетъ возможность мѣстнымъ жителямъ заниматься сборомъ ихъ плодовъ, какъ промысломъ. Здѣсь уже растутъ кипарисы, лавровишни, магноліи и азаліи; окрестности Туапсе изобилуютъ заросшими старыми черкесскими садами съ яблонями, черешнями, фундуками, грушами, грецкими орѣхами, достигающими здѣсь громадныхъ размѣровъ. Нѣсколько южнѣе его нерѣдкость уже встрѣтить цѣлыя сотни десятинъ каштановыхъ лѣсовъ съ деревьями въ 5—8 четвертей въ діаметрѣ и отъ 15 до 20 саж. высоты. При выходѣ въ море р. Шахе, гдѣ лежало раньше укрѣпленіе Головинское, нынѣшній Головинскій поселокъ, пароходъ нашъ минуетъ то мѣсто, гдѣ туристамъ показываютъ обыкновенно знаменитое тюльпанное дерево, о которомъ сложилась легенда, что такихъ деревьевъ всего четыре на свѣтѣ: съ громадной развѣсистой кроной оно имѣетъ 6 аршинъ въ окружности и растетъ среди такихъ же гигантовъ орѣховыхъ и другихъ породъ деревьевъ.

Такая разница въ растительности съ болѣе сѣверной полосою уже сама по себѣ указываетъ на зависимость не только отъ почвенныхъ, но и отъ климатическихъ условій: климатъ здѣсь влажный, осадки обильные, зимы сравнительно теплыя. Но именно— сравнительно. Въ то время, какъ (въ очень рѣдкіе правда, зимы) случается, что новороссійская бухта на короткое время покрывается льдомъ, въ Туапсе море никогда не замерзаетъ. Но дальше на югъ—мѣста еще теплѣе: когда въ 1864 г. гр. Евдокимовъ [1]) производилъ осмотръ береговъ на шкунѣ «Псезуапе», 23 февраля «шкуна прошла мимо устья р. Псезуапе и Шахе, мимо Вардане»... «и подошла къ устью р. Сочи, гдѣ уже зеленѣли трава и по-

---

[1]) М. Б. „Лѣто на Кавказѣ“, „Р. Мысль“, 1901 г. № 4.

казался листъ на деревьяхъ, тогда какъ въ Туапсе не было и признаковъ зелени и весны»...

Больному человѣку, выбирая Туапсе для жизни, надо также имѣть въ виду, что не всѣ части Туапсинскаго поселенія съ прилегающими къ нему окрестностями одинаково удобны для больного. Есть мѣста, какъ было уже указано, заболоченныя, лихорадочныя, есть мѣста болѣе, есть и менѣе защищенные отъ холодныхъ вѣтровъ, и наоборотъ—болѣе или менѣе открытыя только теплымъ южнымъ вѣтрамъ, есть пункты расположенные противъ влажныхъ сырыхъ ущелій и пр. и пр. Со всѣмъ этимъ надо очень считаться и выбирать мѣсто для жизни съ нѣкоторою осторожностью. Немаловажныя указанія по этой части приведены въ цитированной уже книгѣ «Черноморское побережье». Надо сказать кстати, что у самаго Туапсе пляжъ для купанья не отличается удобствомъ...

Сейчасъ послѣ отхода отъ Туапсе на пароходѣ обѣдъ, но за table d'hôte подъ вліяніемъ качки садятся только мущины и то далеко не всѣ, и въ видѣ исключенія одна дама. Но, покушавъ супу, она вдругъ поднимается съ мѣста и, блѣдная спѣшными неровными шагами удаляется въ дамскую каюту.

Обѣдъ безусловно хорошій и вкусный. Но пока подается закуска и водка, четыре блюда обѣда (во II классѣ), затѣмъ дессертъ, арбузъ и кофе, мнѣ становится немножко неловко въ закрытомъ, укачиваемомъ волнами помѣщеніи каюты II класса, гдѣ качка оказываетъ тѣмъ большее вліяніе, что нашъ общій залъ находится въ боковой части парохода. Наскоро покончивъ съ кофе, я ухожу наверхъ и тамъ подъ вліяніемъ свѣжаго воздуха сразу прихожу въ норму.

Небо застлало тучами, вѣтеръ крѣпчаетъ, надвигаются сумерки. Пелена дождя застилаетъ видъ на берегъ. Когда придемъ въ Сочи, очевидно, будетъ уже совершенно темно и повидать его съ берега не удастся. Такъ оно впрочемъ и бываетъ обыкновенно, съ проѣзжающими мимо Сочи пассажирами Русскаго Общества, потому что по росписанію пароходы, идущіе отъ Новороссійска, проходятъ мимо Сочи вечеромъ, а отъ Батума—раннимъ утромъ.

Между Туапсе и Сочи мы минуемъ береговую полосу, почти сплошь заполненную многочисленными частными владѣніями. «*Вся береговая полоса* отъ Туапсе до Сочи —говорится въ цитированномъ уже трудѣ «Черноморское побережье» [1])—находится въ *частномъ* владѣніи разной величины и со времени занятія края остается до настоящаго времени, за самымъ небольшимъ исключеніемъ, *въ первобытномъ своемъ состояніи, производя впечатлѣніе, что земля эта отъ созданія міра не была извѣстна человѣку.* Какъ на оазисы культивированныхъ участковъ этого района можно указать: имѣніе бар. Штейнгеля, участки—бывшій Сибирякова, товарища министра путей сообщенія Петрова, Государево имѣніе «Дагомысъ», участокъ Н. С. Абазы, бывш. Старка, уч. Хлудова и еще нѣсколько другихъ». На этой же береговой полосѣ находятся и извѣстные въ краѣ имѣнія «Учдере»—вел. князя Михаила Николаевича и «громадное пространство береговой полосы и прилегающихъ къ ней земель» между р.р. Псезуапе и Шахе, тоже принадлежащее частнымъ лицамъ и составляющее «большею частію Высочайше пожалованныя земли дѣятелямъ по завоеванію края; таковыя участки: Годликъ, имѣніе Геймана (Плинтуса), Шмидта, Зубова, Страхова, Соленика, Краса и др. Къ сожалѣнію, участки эти оставлены владѣльцами *въ первобытномъ состояніи и* подъ зарослями лѣса, кустарниковъ и цѣпкихъ ліанъ *окончательно схоронены культурные участки черкесскихъ аулищъ. Подъ вліяніемъ этихъ сплошныхъ зарослей измѣнился, вѣроятно, и климатъ мѣстности»* [2])...

Но обо всѣхъ этихъ имѣніяхъ, пожалованныхъ и благопріобрѣтенныхъ, и вообще о хозяйствѣ на частновладѣльческихъ земляхъ придется еще подробно поговорить въ одной изъ слѣдующихъ главъ...

Около Сочи опять высадка и посадка пассажировъ на открытомъ морѣ и внѣ дорого стоющаго мола, опять майна—вира, опять фелюги и турки, но на этотъ разъ все это не только подъ

---

[1]) Стр. 21—22.

[2]) Черном. побер., стр. 144.

дождемъ и на волнахъ, но еще и въ темнотѣ ночи. Самъ Сочи свѣтится намъ издали лишь нѣсколькими огоньками. Опять пассажиры спускаются съ парохода въ колыхающіяся на волнахъ фелюги по мокрому трапу и опять фелюги отходятъ отъ него переполненные пассажирами и вещами. И вверху на палубѣ около трапа и тамъ внизу около фелюгъ, шумъ и суета. Жутко подумать спускаться при такихъ условіяхъ въ подпрыгивающую на темныхъ волнахъ фелюгу хотя и освѣщаемую сверху!..

Прозвучалъ уже второй свистокъ, а суета еще не кончилась. Одинъ пассажиръ, уже спустившійся было по трапу, возвращается обратно. Онъ отказывается ѣхать въ переполненной до нельзя фелюгѣ и требуетъ, чтобы для высадки немногихъ, еще не сѣвшихъ въ фелюгу, пассажировъ, пароходъ подождалъ возвращенія этихъ фелюгъ съ берега. Но дежурный помощникъ капитана не находитъ возможнымъ задерживать пароходъ.

— Въ фелюгахъ есть еще мѣсто, а если не желаете спускаться, то можете ѣхать дальше, только возьмите билетъ на новое разстояніе!..

Конечно, онъ привыкъ уже къ переполненнымъ фелюгамъ, а съ другой стороны, ему, опытному въ этомъ дѣлѣ человѣку, и лучше знать, опасенъ ли при данныхъ условіяхъ переѣздъ до берега. Но положеніе волнующагося пассажира, увѣреннаго въ опасности переѣзда, несомнѣнно, отъ этого не легче. И это тѣмъ болѣе, что каждый ѣздившій на этихъ пароходахъ, хорошо знаетъ, какъ мало все-таки внимательны служащіе къ интересамъ пассажировъ...

Надо сказать кстати, что невнимательность старшихъ служащихъ все же уступаетъ невнимательности прислуги находящейся при каютахъ. О ней можно сказать, что она не только невнимательна, но почти груба, что не мѣшаетъ капитанамъ довѣрять ей даже контроль пассажирскихъ билетовъ и передавать черезъ нее свои замѣчанія пассажирамъ, въ родѣ предложенія не курить въ неуказаннымъ мѣстѣ и т. п. Въ нѣкоторое оправданіе этой грубости нельзя впрочемъ не указать, кромѣ невоспитанности, еще и на тяжелыя условія службы и жизни прислуги на пароходахъ. Штатъ

ея немногочисленный, а пассажировъ обыкновенно въ лѣтнее время много, требованія каждаго приходится удовлетворять и при томъ съ возможною спѣшностью. Послѣ общихъ утренняго и вечерняго чаевъ, завтрака и обѣда, надо еще удовлетворить разнообразныя требованія и отдѣльныхъ пассажировъ и цѣлыхъ семействъ, не участвующихъ въ общемъ столѣ. И такъ весь день! А тутъ еще качка, безсонныя ночи въ бурную погоду при сильномъ волненіи, скверный сонъ отъ духоты въ тѣсномъ помѣщеніи въ жаркія ночи, ночныя дежурства, тяжелая обязанность помогать даже и ночью страдающимъ отъ морской болѣзни пассажирамъ и пр. и пр. Все это не можетъ не отозваться издерганностью нервовъ этихъ мелкихъ служащихъ, пробавляющихся небольшимъ жалованьемъ и, какъ я замѣтилъ, очень дорожащихъ пуръ-буарами, пропорціонально размѣрамъ которыхъ увеличивается ихъ вѣжливость. Нельзя не отмѣтить также, что на большинствѣ пароходовъ Русскаго Общества прислуга предоставлена самой себѣ—надзоръ за ней со стороны капитана и его помощниковъ почти отсутствуетъ и потому тѣмъ болѣе понятно, что на ее угодливость можетъ разсчитывать только тотъ, кто ей особо платитъ.

О Сочи [1]), о тепломъ климатѣ и роскошной «субтропической» растительности сочинскаго района, которые одни считаютъ вполнѣ сходными съ климатомъ и флорою Японіи, другія сравниваютъ съ итальянской ривьерой, а третьи только съ Ю. Чили и Лузитаніей (но все таки съ Чили и Лузитаніей!), о могучей производительности сочинскихъ почвъ, о красотахъ природы въ окрестностяхъ Сочи и пр. и пр. писалось такъ много, что можно было бы совсѣмъ обойти его молчаніемъ. Но всѣ эти отзывы такъ разнообразны и даже прямо разнорѣчивы, что необходимо остановиться на указаніи этихъ противорѣчій.

«Спутникъ туриста по Кавказу» [2]) говоритъ о Сочи, что онъ «можетъ быть прекраснымъ курортомъ, *но—въ будущемъ*. [3]) Купанье

[1]) Источники уже указаны выше.

[2]) В. Цвѣтова. Москва, изд. 1901 г.

[3]) Курсивъ и здѣсь и дальше—вездѣ мой.

здѣсь *хорошее* и зима очень легкая. Но въ настоящее время рекомендовать его больнымъ *опасно—пока* не осушатся прибрежные участки и вообще не будетъ принято надлежащихъ мѣръ противъ застоя воды». Въ унисонъ съ этимъ, въ мѣстной (южной) прессѣ [1]) не разъ указывалось на крайне антисанитарную обстановку г. Сочи. «Въ обывательскихъ дворахъ по цѣлымъ годамъ гніютъ и заражаютъ воздухъ кучи навоза, на улицамъ нерѣдко валяются трупы дохлыхъ кошекъ, собакъ и домашней птицы»... «Мало того, чуть не на глазахъ у мѣстной администраціи заваливаются навозомъ и домашними отбросами такія мѣста, которыя могли бы быть превращены въ парки, какъ напр. лѣвый берегъ р. Сочи. Не существуетъ также въ посадѣ санитарнаго надзора за мясными и фруктовыми лавками, пекарнями, трактирами, харчевнями, благодаря чему въ продажу идутъ сплошь и рядомъ недоброкачественные съѣстные продукты, не безвредные для здоровья потребителей».

«Путеводитель по Кавказу» [2]) описываетъ климатъ Сочи и его окрестностей, какъ очень теплый и влажный съ прохладною и позднею весною, *умѣренно* жаркимъ лѣтомъ съ рѣдкими ливнями, но весьма влажнымъ воздухомъ, необыкновенно теплою длинною осенью съ умѣреннымъ количествомъ чисто лѣтнихъ дождей, «теплою зимою *съ большимъ числомъ солнечныхъ дней*», когда въ декабрѣ цвѣтутъ розы и масса дико растущихъ цвѣтовъ. «Зима здѣсь *великолѣпна. Морозъ въ 1—3° рѣдкость*»... *«Воздухъ ясный, теплый, сухой»... «Таковы здѣсь декабрь, январь, февраль»...* [3]) «Такимъ образомъ температура, влажность воздуха, обиліе солнца и осадковъ»... «направленіе и сила вѣтровъ—всѣ эти исключительныя благопріятныя климатическія условія вліяютъ прежде всего на характеръ растительности въ Сочи и его окрестностяхъ»..

---

[1]) Напр., «Донская Рѣчь» 1901 г. № 164

[2]) Гр. Москвича, 1900 г.

[3]) Между тѣмъ проф. Красновъ говоритъ по этому же поводу: „въ Сочи зима *одно изъ самыхъ непріятныхъ* временъ года“.. и „вообще всякій *предпочтетъ* здоровый морозъ сѣвера *здѣшнему холодному ненастью*“. (Недѣля» 1900 г. № 2 стр 219).

Впрочемъ, характеризуя самое Сочи по мѣстоположенію отдѣльныхъ его частей, путеводитель выясняетъ, что верхняя часть Сочи, расположенная на возвышенномъ плато, представляетъ лучшую часть города, «вполнѣ здоровую и свободную отъ лихорадокъ», въ то время какъ нижняя часть города расположена въ мѣстности «очень сырой и лихорадочной». П. Н. Захарьинъ [1]) даетъ самый восторженный отзывъ о климатѣ, о дивной субтропической растительности, о «*волшебной панорамѣ* города», о «*рѣдкой дешевизнѣ жизни*» въ этомъ чудномъ благодатномъ мѣстечкѣ, расположенномъ въ мѣстности, красота которой даже для человѣка, бывавшаго въ Крыму и три раза заграницей «можетъ далеко превзойти *самую пылкую требовательную фантазію*». Между тѣмъ А. Н. Красновъ [2]) вынесъ о Сочи совсѣмъ иное впечатлѣніе: «общій обликъ кавказскаго берега близъ Сочи, по его словамъ, *далеко не соотвѣтствуетъ* ожиданіямъ. Ялта съ моря *неизмѣримо* красивѣе»... «Здѣсь монотонная блѣдная зелень однообразно гористаго берега; изъ нее выглядываютъ нѣсколько жалкихъ домиковъ, да маякъ, *нѣтъ красоты*, нѣтъ выдающихся контуровъ. Берегъ не изрѣзанъ, нѣтъ манящихъ бухтъ»... «Пейзажъ наводитъ скуку и уныніе. Это пейзажъ скорѣе сѣвера, чѣмъ юга»... «Одинъ изъ моихъ коллегъ весьма удачно сравнилъ Сочи съ бѣдною невѣстою, имѣющей непомѣрно большія притензіи—и сравненіе это не лишено истины. Не успѣвъ переродиться изъ жалкаго берегового поселка въ курортъ, Сочи уже мечтаетъ тянуться за Ялтою и Ниццею въ смыслѣ *дороговизны* провизіи, квартиръ и *вообще жизни* и странной спекуляціи на землю, цѣнность которой около Сочи возросла до 3000 р. за десятину»... «Сочинскіе жители на перерывъ разсказываютъ пріѣзжающимъ о томъ,, какая тишина и безопасность царствуютъ во всемъ округѣ. Но полагаться на эти разсказы было бы легкомысленно»... «Дачники поэтому должны, подобно неаполитанцамъ, живущимъ у подножія Везувія, наслаждаясь жизнью, стараться не думать о ежедневно

---

[1]) «Кавказъ и его герои». Спб. 1902 г., стр. 119—135.

[2]) Недѣля 1900 г. № 1 «Русская ривьера».

грозящей опасности» [1])... «Съ здѣшними *столичными цѣнами* все таки можно было бы помириться, еслибы продукты были въ достаточномъ количествѣ»... «Рыба разыгрывается чуть не въ лотерею».. «масла коровьяго свѣжаго достать можно бываетъ только по протекціи за высокую цѣну»..

С. И. Васюковъ [2]), говоря о «чопорности и скукѣ общественной жизни въ Сочи» [3]), добавляетъ, что «еслибы не богатая роскошная растительность и живописные горные виды, совсѣмъ грустно было бы жить въ Сочи. Прибавьте къ этому частые дожди и глинистую почву, да угрюмый, каменистый берегъ моря съ постояннымъ прибоемъ, во время котораго *трудно и крайне неудобно купаться*, то удобства и привлекательность Сочи представляются *сомнительными. Дороговизна*, плохое качество жизненныхъ продуктовъ, всевозможнаго рода барышничество, земельная спекуляція, продажа и перепродажа участковъ и плановъ — все это печальныя особенности моднаго курорта»... «Въ самомъ дѣлѣ откуда появиться дѣйствительной жизни, *когда кругомъ пустыня*, положимъ, богатая, роскошная, лѣсная, но все-таки *пустыня незаселенныхъ мѣстъ*»!.. «Посадъ мало-помалу развивается, постройки растутъ, растутъ и окрестности Сочи. Но какъ все это развивается? Страннымъ путемъ *и совершенно искусственнымъ:* въ будущемъ рисуются для сочинскихъ обитателей радужныя картины небывалаго роста и богатства посада когда... когда пройдетъ желѣзная дорога, которая привезетъ всѣ блага міра, которая оживитъ, быстро закультивируетъ и заселитъ край. Тогда наступятъ времена блаженства, въ виду которыхъ и теперь сочинскіе землевладѣльцы и аферисты чувствуютъ себя

---

[1]) Между тѣмъ И. Н. Захарьинъ (въ помянутой статьѣ) констатируетъ полную безопасность жизни, отсутствіе случаевъ «какихъ нибудь простыхъ кражъ въ домахъ, т. е. такихъ кражъ, которыя происходятъ въ любомъ городѣ ежедневно, цѣлыми десятками».

[2]) „Край гордой красоты“, стр. 102 и слѣд.

[3]) На ту же скуку жизни въ Сочи указываетъ и г. Красновъ и даже г. Захарьинъ.

хорошо; земли не по днямъ, а по часамъ растутъ въ цѣнѣ, повышаются» [1])... «Въ нижней торговой части Сочи *вообще грязно*, а послѣ дождей грязь самая невылазная»... «Санитарная сторона г. Сочи заставляетъ желать *очень и очень многаго*»... «Неговоря о *непомѣрной дороговизнѣ* (въ гостиницахъ), грязно и шумно»... Сочинскія «купанья едвали не *самыя неудобныя на всемъ кавказскомъ побережьѣ*»... «Сочи—курортъ *не особенно дорогой, но и не дешевый*»...

Въ извѣстной книгѣ о «Черноморскомъ побережьѣ», кромѣ указанія на заболоченность нижней крайне сырой части Сочи и на присутствіе въ ней лихорадокъ, отмѣчается еще обиліе грязи въ дождливую погоду и пыли въ сухую. Пыль эта, по мнѣнію изслѣдователей, представляетъ немало неудобствъ, «особенно для больныхъ»...

Таковы противорѣчивые отзывы о Сочи. Неодинаковость ихъ въ значительной мѣрѣ зависитъ, конечно, какъ отъ степени знакомства авторовъ съ мѣстными условіями, такъ и отъ тѣхъ требованій, которыя они къ нему предъявляли, отъ тѣхъ ожиданій, съ которыми туда пріѣзжали, отъ тѣхъ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ условій, въ которыхъ они въ немъ временно проживали и пр. и пр. По нимъ, конечно, трудно составить вѣрную картину Сочи и условій жизни въ немъ. Тѣмъ не менѣе изъ всего этого нельзя все-таки не прійти къ выводу,

---

[1]) Вотъ, что говорятъ по этому же поводу проф. Пастернацкій („Черном. побережье", стр. 157) «*городъ* Сочи и теперь уже страдаетъ *существенными* недостатками, *препятствующими* ему сдѣлаться *климатическою станціею* для больныхъ; съ проведеніемъ же желѣзной дороги, съ устройствомъ въ городѣ пристани, городъ неизбѣжно сдѣлается еще болѣе оживленнымъ торговымъ пунктомъ, въ которомъ *не будетъ мѣста для больныхъ*. Когда въ недалекомъ будущемъ наступитъ это время, Верещагинскій (пригородный) участокъ самъ собою превратится въ дачное мѣсто для здоровыхъ и больныхъ, *но* занятое исключительно богатыми собственниками и потому *недоступное для другихъ*»...

что, какъ бы ни были преувеличенно-пессимистичны отзывы нѣкоторыхъ описателей Сочи,—все же прославленный курортъ этотъ имѣетъ немало весьма серіозныхъ дефектовъ.

Одинъ изъ этихъ дефектовъ, ѣхавшій со мною пассажиръ характеризовалъ краткимъ отзывомъ, что «Сочи—баня»!

По отзыву изслѣдователей «Черноморскаго побережья» не только въ средней, но и въ сѣверной Россіи лѣтомъ нерѣдко бываетъ гораздо жарче, чѣмъ въ южной части Черноморскаго побережья... «А между тѣмъ на жары лѣтомъ здѣсь жалуются и мѣстные жители и пріѣзжіе». Это кажущееся противорѣчіе объясняется тѣмъ, что «и въ средней Россіи, а тѣмъ болѣе въ степяхъ юга и юговостока, сильные жары бываютъ при сухомъ воздухѣ, при этомъ потъ съ поверхности тѣла быстро испаряется и это испареніе охлаждаетъ его». Если же высокая температура, какъ здѣсь, бываетъ при влажномъ воздухѣ, то потъ испаряется медленно и человѣческое тѣло болѣе страдаетъ отъ жара. «Къ этому является непріятное ощущеніе отъ пота, который гораздо быстрѣе выступаетъ, чѣмъ испаряется» [1]). Говоря вообще о климатѣ сочинскаго района отъ Туапсе до Адлера—г. Красновъ [2]) пишетъ по поводу этого: «Для здороваго и, быть можетъ, для легочного больного эта нѣкоторая влажность даже пріятна, но для людей съ издерганными нервами, для неврастениковъ высокое давленіе воздуха съ этою влажностью не всегда отзывается хорошо. Часто утромъ вы встаете съ чувствомъ утомленія въ членахъ и, несмотря на чудную погоду и полную тишину воздуха, васъ не манитъ на прогулку. Хочется при здѣшнемъ климатѣ воздуха болѣе легкаго»...

Все это, конечно, надо имѣть въ виду людямъ, ѣдущимъ въ Сочи на леченіе. Имъ слѣдуетъ также имѣть въ виду указанія «Черноморскаго побережья» [3]) на далеко не одинаковую пригодность Сочи съ прилегающими къ нему ближайшими окрестностями

---

[1]) Черном. Побер., стр. 56—57, 79—80, 95, 99.

[2]) Недѣля, 1901, № 1, стр. 178.

[3]) Стр. 151—158.

для поселенія дачниковъ и въ особенности больныхъ тѣми или иными болѣзнями. Слѣдуетъ въ то же время обратить вниманіе и на рѣзкое разнорѣчіе въ отзывахъ нашихъ ученыхъ спеціалистовъ—профессоровъ Воейкова и Краснова о климатѣ Сочи [1]) и быть осторожными вообще при выборѣ Сочи для поправленія здоровья. А. Н. Красновъ указываетъ на усиленное стремленіе А. И. Воейкова подчеркиваніемъ чертъ сходства и умалчиваніемъ о различіяхъ, описать побережье какъ русскую «ривьеру», сходную въ климатическомъ отношеніи съ итальянской и французской ривьерой. Останавливаясь на отнесеніи Сочи г. Воейковымъ къ категоріи лучшихъ зимнихъ климатическихъ станцій, г. Красновъ возражаетъ противъ этого указаніемъ на случающіеся зимой морозы въ 15° и на *изобиліе* дождливыхъ дней зимою («въ декабрѣ до 27 дней дождливыхъ!»). Поэтому онъ признаетъ Сочи съ сосѣдними побережными курортами (и въ томъ числѣ Туапсе) не зимними климатическими станціями, а «осенними курортами подобно Крыму, или, если хотите, лѣтнимъ мѣстопребываніемъ для легочныхъ больныхъ людей, которымъ нужно купанье въ тепломъ морѣ, при равномѣрной, не слишкомъ высокой температурѣ воздуха».

Уже темною ночью отходимъ мы отъ Сочи. Все попрежнему покачиваясь на обѣ стороны, взбѣгаетъ пароходъ съ волны на волну. Все по прежнему бьются пѣнистыя волны объ его бока. По прежнему же мѣрнымъ шагомъ прохаживается около руля дежурный помощникъ капитана, молча посматривая впередъ. А тамъ впереди изъ-за черной тьмы, изъ-за то подымающихся, то опускающихся в лнъ видны какіе то мерцающіе огоньки, то пропадающіе, то опять вспыхивающіе. Признаки ли это жилья на берегу и какого, или сигнальные береговые огни идущимъ судамъ, маячные огни, предупреждающіе объ опасности—какъ разобрать въ такой темнотѣ?! Между тѣмъ опасный берегъ близокъ, а пароходъ идетъ тѣмъ же ходомъ и эти неизвѣстные огни... не манятъ, а тревожатъ...

---

[2]) Недѣля, 1900 г., № 2, стр. 216 и слѣд.

Жутко подумать, что именно такія темныя и даже можетъ быть болѣе бурныя ночи выбирались въ былыя времена турецкими судами, легкими и плоскодонными, для отплытія при первомъ береговомъ вѣтрѣ съ контрабанднымъ грузомъ въ Турцію. Въ то время, передъ устройствомъ знаменитой «береговой линіи» изъ ряда укрѣпленій, въ родѣ Кабардинки или Архипоосиповки, охрана береговъ лежала на русскихъ военныхъ крейсерахъ. Считалось необходимымъ пресѣчь торговыя сношенія турокъ съ горцами, изолировать послѣднихъ отъ первыхъ, прекратить всякій подвозъ товаровъ изъ Турціи; необходимо было также ограждать и русскія суда отъ черноморскихъ пиратовъ. Въ то время русскія торговыя суда, поддерживавшія торговыя сношенія между Абхазіей и разными побережными пунктами Азовскаго моря и Крыма, заштилѣвъ въ морѣ или будучи занесены непогодами къ кавказскому берегу, не рѣдко попадали въ руки черкесовъ, захватывавшихъ ихъ на своихъ галерахъ. Русскіе крейсеры должны были ловить морскихъ пиратовъ, выискивать въ морѣ и у береговъ турецкіе суда, возившіе контрабанду. Но легкія турецкія суда, спуская парусъ, держались днемъ вдали отъ берега, оставаясь такимъ образомъ невидимыми для плававшихъ у береговъ крейсеровъ—въ ожиданіи перваго вѣтра къ берегу. Тогда даже при бѣломъ свѣтѣ дня они на парусахъ шли къ берегу, вполнѣ увѣренные, что тамъ ихъ ожидаютъ горцы, могущіе не только быстро выгрузить товары, но и геройски защитить въ случаѣ надобности отъ русскихъ. Но въ защитѣ даже рѣдко предстояла надобность, потому что съ моря—съ крейсера часто трудно было разсмотрѣть маленькое судно, пріютившееся гдѣ нибудь въ укромномъ уголкѣ подъ самымъ берегомъ. Въ сильный же вѣтеръ къ берегу для тяжелаго крейсера даже рискованно было сильно приближаться къ побережью изъ опасенія невозможности отлавироваться отъ него и быть прибитымъ къ берегу, гдѣ черкесы и турки расправились бы съ беззащитнымъ крейсеромъ по своему. Такъ и крейсировали наши военныя (въ то время преимущественно парусныя) суда, испытывая всяческія непогоды, по бурнымъ волнамъ Чернаго моря, большею частію тщетно разыскивая или догоняя

постоянно ускользавшаго отъ нихъ непріятеля. Эта безплодность дѣятельности крейсеровъ и привела прежде всего къ мысли объ устройствѣ на побережьѣ цѣлаго ряда береговыхъ укрѣпленій, подъ общимъ именемъ «Черноморской береговой линіи»,—укрѣпленій, подъ защитой которыхъ мѣстами стали зарождаться впослѣдствіи первые русскіе мирные поселки... Но вѣчное скитаніе по морскимъ волнамъ во всякое время года при всякой погодѣ—хотя бы и за вѣчно ускользавшимъ непріятелемъ,—было дѣломъ во всякомъ случаѣ очень безпокойнымъ, труднымъ, связаннымъ съ многими треволненіями и опасностями. Это было далеко, конечно, не то, что теперь, хотя бы и въ бурю, проѣхать вдоль побережья, при извѣстномъ комфортѣ на большомъ быстроходномъ пароходѣ. Что же въ такомъ случаѣ сказать о положеніи этихъ всю свою жизнь рыскавшихъ по морю на своихъ плоскодонныхъ невидимыхъ судахъ турецкихъ и черкесскихъ контробандистахъ, самыми удобными моментами для плаванія которыхъ считались темная ночь да вѣтеръ къ берегу и вѣтеръ отъ берега?..

Много эти берега «видали видовъ», много исторій могли бы разсказать эти сѣдыя мрачныя волны пришлецу, интересующемуся прошлымъ этого когда то богатого культурой и оживленнаго побережья!..

Пора ужъ спать, но сонъ не идетъ. Въ каютѣ душно, потому что несмотря на вѣтеръ въ воздухѣ потеплѣло, а окна на ночь задраены изъ опасенія бури. Электрическій фонарь свѣтитъ прямо въ глаза и мѣшаетъ заснуть. За стѣною непрерывный плескъ волнъ и слышенъ шумъ машины, и какой то непрерывный скрипъ и непрерывные шумы и звуки. Пока заснешь, проходитъ часъ-другой. Но сонъ приходитъ ненадолго: будитъ какое то новое, иное чѣмъ прежде, покачиваніе парохода. Я спѣшу подняться на верхъ, чтобы узнать въ чемъ дѣло, но на лѣстницѣ сталкиваюсь съ спускающимся въ каюту пассажиромъ.

— Ну, что, какъ тамъ на верху... волненіе?..—спрашиваю я у него на ходу. Но онъ, вмѣсто отвѣта, дѣлаетъ вдругъ такое движеніе ртомъ и всею головою, что я въ ужасѣ сторонюсь изъ

опасенія попасть подъ душъ совсѣмъ особаго рода и съ всевозможною скоростью почтительно даю ему дорогу.

Оказывается, что пароходъ опять на якорѣ у мѣста новой остановки. Снова работаетъ майна-вира, снова у подножія парохода качаются фелюги, снова прибываютъ и убываютъ пассажиры.

Въ наше отдѣленіе каюты входятъ два нѣмца-пассажира и пробуютъ устроиться на свободныхъ верхнихъ койкахъ. Но не совсѣмъ то легко залезть туда во время сегодняшней качки по короткой, почему то несоразмѣренной съ высотою коекъ, приставной лѣсенкѣ. Можно опасаться или полетѣть вмѣстѣ съ лѣсенкой на полъ или удариться головой о низкій потолокъ каюты.

— А что Карлъ Эдуардычъ, пароходъ нэ треснетъ?—становясь на лѣсенку, спрашиваетъ у своего спутника толстый нѣмецъ, показывая жестомъ на потолокъ и голову.

— О, нэтъ—волненій мало!..—Онъ не трэскаетъ—онъ сдэланъ карашо, удобно...—далеко отъ голова...—успокаиваетъ его другой, устраиваясь на своей койкѣ.

Покидая Сочи, нельзя не упомянуть объ исторіи Хлудовскаго имѣнія, этомъ рельефномъ примѣрѣ того хозяйничанья, которое заводятъ здѣсь пришлые люди. Хлудовское имѣніе поглотило на свое «устройство» по однимъ свѣдѣніямъ полтора, по другимъ $2^1/_2$ милліона денегъ. Расположено оно близъ Сочи въ живописной мѣстности съ роскошной растительностью, удобной почвой и всѣми благопріятными условіями для насажденія культуры. Не даромъ же сорокъ съ небольшимъ лѣтъ назадъ въ окрестностяхъ Сочи процвѣтала «блестящая черкесская культура», не даромъ англійскій путешественникъ Спенсеръ писалъ о горцахъ въ 1837 г.: «Съ перваго же момента, когда открылись передо мной черкесскія долины, видъ страны и населенія превзошелъ мои самыя пылкія представленія. Вмѣсто пустыни, населенной дикарями, я нашелъ непрерывный рядъ обработанныхъ долинъ и холмовъ, почти ни одного клочка земли не было некультивировано. Огромныя стада козъ, овецъ, лошадей и быковъ бродили въ разныхъ направленіяхъ по роскошной травѣ»... За-

тѣмъ... горская культура исчезла, послѣдніе слѣды ея заросли лѣсомъ... Затѣмъ въ этихъ мѣстахъ—въ окрестностяхъ Сочи—посеены были для насажденія культуры крестьяне, крестьяне эти стали заводить свое хозяйство, вводить кое-какую культуру. Но... по волѣ Н. С. Абазы, устроявшаго на побережьѣ «ривьеру», крестьяне эти были переведены подальше отъ берега, удалены съ уже насиженныхъ мѣстъ и посажены на другіе пустыри, но находящіеся въ гораздо менѣе выгодныхъ условіяхъ и... вмѣсто нихъ для насажденія культуры призвана была «интеллигенція» и капиталы... И вотъ эти капиталы были между прочимъ пущены въ дѣло въ Хлудовскомъ имѣніи (около 1000 десят.). Въ имѣніе приглашены были химикъ, инженеръ-механикъ и ученый спеціалистъ по виноградарству и виноделію. И всѣ они принялись работать. Построили огромный каменный подвалъ для вина, винодѣльню, массу дорого стоющихъ каменныхъ и всякихъ другихъ жилыхъ и нежилыхъ построекъ. Развели сразу болѣе ста десятинъ виноградника и большею частію на кольяхъ, а не въ разстилку (что не позволительно при здѣшнемъ сыромъ климатѣ) и при томъ съ густотою посадки до 9000 кустовъ на десятину, устраняющей всякую возможность конной обработки между грядками и увеличивающей затемненіе почвы отъ солнца и вліяніе сырости [1]). Развели и болѣе 100 дес. сада, посадивъ тамъ яблони синопъ, сливы и массу гранатъ, которые въ Сочи почти никогда вполнѣ не дозрѣваютъ. Развели и огромный питомникъ фруктовыхъ и декоративныхъ растеній... Но... виноградъ сталъ гнить, вино изъ него оказалось негоднымъ и получило столь дурную славу, что его никто не сталъ брать даже даромъ, сорокъ тысячъ ведеръ хереса, мадеры и т. п. сортовъ винъ пришлось вылить въ рѣчку, гранаты оказались мелкими и кислыми, питомникъ не окупилъ расходовъ и пр. и пр. Все—потому, что, не считались съ мѣстными условіями, не считались съ почвой, съ

---

[1]) „Виноградникъ засаженъ такъ густо, что походитъ на дикіе кусты не то колючки, не то чего-либо въ этомъ родѣ". (Васюковъ. „Край гордой красоты", стр. 106).

климатомъ, съ спросомъ и предложеніемъ, съ условіями доставки и сбыта, совсѣмъ не знали никакихъ условій и не находили нужнымъ ихъ предварительно изучить. И въ результатѣ затраченные милліоны и «запустѣніе, одичаніе повсюду: необрѣзанныя деревья, Богъ знаетъ въ какомъ видѣ виноградники, мрачное въ видѣ фабрики зданіе винодѣльни и другія не то развалины, не то постройки» [1]... и продажа г. Хлудовымъ имѣнія казнѣ всего за $^1/_2$ милліона, лишь бы избавиться отъ дальнѣйшихъ убытковъ. А затѣмъ... раздача и распродажа казною этого и еще верещагинскаго имѣнія уже сравнительно мелкими участками и частями, но опять такимъ же пришлымъ людямъ, незнающимъ мѣстныхъ условій, неживущимъ здѣсь и не могущимъ и не желающимъ лично работать надъ мѣстной культурой. И въ результатѣ... «появились управляющіе имѣніями, люди безъ всякаго опыта и знанія, люди съ борка и съ сосенки, конечно, безпрекословно исполнявшіе дикую волю своихъ хозяевъ, безъ которыхъ властно распоряжались всѣмъ тѣмъ, что Господь послалъ. Вырубались строевые лѣса, на мѣстѣ которыхъ воцарялась мерзость запустѣнія, строились какія то зданія для неизвѣстныхъ будущихъ операцій, но серіознаго простого дѣла никто не дѣлалъ, нужнаго хозяйства никто не заводилъ, о «хлѣбѣ» никто не пекся, но каждый думалъ о высшихъ культурахъ, напр., о бананахъ, о кофейномъ деревѣ»... И вотъ теперь «тамъ, гдѣ у горцевъ были пастбища и прекрасный скотъ, тамъ теперь ни пройти, ни проѣхать, гдѣ были ихъ фруктовые сады, тамъ теперь дичь и живутъ кабаны и медвѣди» [2]... Имѣніе за имѣніемъ безъ перерыва заполняютъ сочинское побережье и ближайшіе къ нему склоны горныхъ высотъ, но... «всѣ эти земли и имѣнія не обработаны, не культивированы и... будущее ждетъ ихъ впереди» [3]... Таковы блестящіе результаты устроенія русской ривьеры около Сочи по мысли покойнаго гофмейстера Абазы [4], въ руки котораго еще такъ недавно фактически

[1]) Тамъ же, стр. 105—106.

[2]) Тамъ же, стр. 106—107.

[3]) Тамъ же, стр. 128.

[4]) Бывшаго предсѣдателя бывшей комиссіи „заселенія и оживленія“ края.

предоставлено было—въ послѣдніе годы его жизни—все будущее черноморскаго побережья Кавказа, все направленіе его колонизаціи, его «заселенія, устроенія и оживленія»... Но самый рельефный образецъ этой колонизаціонной политики, это устроенные однимъ почеркомъ его пера новые города: Романовскъ и Хоста. Изъ нихъ послѣдній созидается на берегу, мимо котораго намъ придется проѣхать отъ Сочи ночью.

Когда проф. Красновъ посѣтилъ городъ Хосту въ 1899 г.—на второй годъ послѣ его закладки—онъ увидѣлъ «въ мрачномъ сыромъ ущельѣ», въ ямѣ, «гдѣ царятъ лихорадки», предназначенной для обращенія въ городъ, среди дѣвственнаго лѣса, гдѣ бродили стада кабановъ и дикихъ козъ, *столбы* съ обозначеніемъ будущихъ улицъ, площадей, главныхъ зданій и учрежденій города, будущаго кладбища, церкви и городского выгона, да дренажныя канавы, присоединившіяся къ столбамъ къ концу второго года [1]. Для города предназначено 80 десятинъ, раздѣленныхъ на 160 городскихъ усадебныхъ участковъ, розданныхъ почти при самомъ его основаніи (т. е. въ періодъ установки столбовъ) «преимущественно интеллигентнымъ лицамъ: профессорамъ, учителямъ, врачамъ, а также и многимъ лицамъ высшей служебной іерархіи». Остальные 420 дес. подѣлены на такъ называемые дачные участки по двѣ и болѣе десятинъ и тоже всѣ розданы. Теперь уже кончается 1903 г., а въ этомъ городѣ нѣтъ пока никакого управленія, число постоянныхъ жителей 200 душъ, есть фельдшерскій пунктъ на 2 кровати, да небольшая гостинница и только... И что изъ всего этого выйдетъ дальше—неизвѣстно... Но что бы не вышло, во всякомъ случаѣ деньги потрачены и, главное, земли ужъ розданы...

Розданы онѣ, какъ здѣсь принято говорить, «петербургскимъ генераламъ» и такъ или иначе извѣстнымъ покойному Абазѣ лицамъ. «Мѣщанамъ, ремесленникамъ и торговцамъ доступа не было», такъ какъ получить участокъ подъ усадьбу обыкновенному смертному, было невозможно. Не даромъ же по по-

---

[1]) „Недѣля", 1900, № 8.

бережью ходитъ анекдотъ, что Н. С. Абаза на просьбу одного простого смертнаго дать участокъ земли въ Хостѣ, отвѣтилъ, что у него тамъ будутъ поселены «только сенаторы да губернаторы»... Немудрено, конечно, что въ Хостѣ, говоря словами Щедрина, «народъ нѣтъ, помпадуръ есть—чисто»!...

Другой, создаваемый по волѣ фантазіи Н. С. Абазы городъ—Романовскъ—лежитъ дальше, въ сторонѣ отъ берега, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ слѣдующей пароходной остановки—у Адлера. Адлеръ это—также новомодный «курортъ» и пароходная «пристань», около которой пароходы тоже останавливаются на якорѣ въ морѣ. Селеніе Адлеръ расположено на берегу моря въ живописной мѣстности и состоитъ изъ бывшихъ крестьянъ бессарабской и херсонской губ., сначала—съ 1869 г.— поселенныхъ въ горахъ, а съ 1876 г. переведенныхъ сюда на берегъ съ надѣленіемъ земли въ подворное владѣніе по 9 ¼ дес. на каждый дворъ. Съ точки зрѣнія курортной, это—мѣсто, о которомъ пока не стоитъ говорить: «сырость воздуха, домовъ и постелей въ нихъ заставляетъ не забывать, что вы находитесь въ лихорадочной мѣстности» [1]). Это—благодаря заболоченности р. Мзмыты, у которой расположено селеніе. Такая же болотная низменность находится и въ приморской полосѣ между р.р. Псоу и Мзмытой, но впрочемъ и тамъ и здѣсь къ настоящему времени частію уже окончены, а частію только начаты осушительныя работы, обѣщающія оздоровленіе этихъ красивыхъ, одаренныхъ теперь роскошною растительностью окрестностей Адлера.

Отъ Адлера по долинѣ р. Мзмыты проведена горами дорога въ такъ наз. Красную Поляну, гдѣ и предназначено быть городу Романовску. Путь туда на протяженіи 54 верстъ, стоившій огромныхъ денегъ, въ части его, проложенной чрезъ головокружительныя высоты и трудно проходимыя ущелья, отличается замѣчательною красотою. «Злые языки говорятъ—пишетъ проф. Криновъ [2])—что практичнѣе было бы вести дорогу не по голо-

---

[1]) «Черном. побер.» стр. 162.

[2]) Недѣля 1901 г. № 1.

воломному ущелью Мзмыты, а окружнымъ путемъ, начиная съ Хосты. Она, говорятъ, стоила бы дешевле и облагодѣтельствовала бы нѣсколько селеній. Пусть такъ--но не всѣ же дороги Швейцаріи строились только ради селеній. Тамъ проводили дороги и для туристовъ—и, *если* Красная Поляна есть будущій курортъ, то трудно придумать болѣе живописный и грандіозный путь, къ нему ведущій»... Красная Поляна—это широкая замѣчательная своею красотой, возвышенная (свыше 2000 ф.) часть долины р. Мзмыты съ прилегающими къ ней склонами была заселена славившимися, какъ лучшіе пчеловоды и садоводы, горскими племенами, которыя въ 1864 г. вынуждены были эмигрировать въ Турцію. Поляна опустѣла и была надолго совсѣмъ забыта, но затѣмъ ходоки жившихъ въ ставропольской губ. малоазіатскихъ грековъ набрели на нее и въ 1878 г. въ нее переселились греки (теперь около 40 дворовъ), а послѣ нихъ образовали еще одно селеніе эстонцы (86 дворовъ). И тѣ и другіе успѣшно занялись здѣсь хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ.

Вслѣдствіе отсутствія путей сообщенія и неприступности мѣстности, Красная Поляна была почти неизвѣстна до 1894—5 г.г. Затѣмъ 1898 г. эта мѣстность изслѣдована была помянутою комиссіей ученыхъ (авторовъ книги «Черноморское побережье») нашедшихъ здѣсь нѣсколько разнообразныхъ минеральныхъ источниковъ, признавшихъ климатъ ея сходнымъ съ климатомъ Мерана и чрезвычайно благопріятнымъ для здоровья.—Этотъ выводъ знаменуетъ, по мнѣнію проф. Краснова, «новое направленіе въ русской метеорологіи и климатологіи, согласно которому оказывается возможнымъ, на основаніи трехдневныхъ случайныхъ наблюденій и разсказовъ волостного писаря, дѣлать характеристики климата и сравнивать съ климатомъ, характеръ котораго установленъ многолѣтнимъ трудомъ метеорологической обсерваторіи» [1]). Въ слѣдующемъ же 1899 г. проведенъ уже въ Красную Поляну упоминавшійся выше весьма дорогой, но красивый шоссейный путь долиною р. Мзмыты. Отъ надѣла греческаго селенія отобрана часть

---

[1]) «Недѣля» 1901 № 1, стр. 185.

земель и отведена подъ будущій городъ Романовскъ. Вся долина Красной Поляны, площадью до 600 дес., вмѣстѣ съ существующими греческими землями разбита на двухдесятинные дачные и полудесятинные городскіе участки г. Романовска. Часть этихъ участковъ роздана, по обыкновенію, безплатно, преимущественно пришлому чиновному люду, часть пущена въ продажу съ торговъ. Поселяне, которые не хотятъ переименоваться въ мѣщанъ новаго города, должны переселиться туда, гдѣ начальство отведетъ имъ новые надѣлы. Будущее этого города однако довольно печально, потому что, *если* онъ заселится, ему неоткуда будетъ получать предметы первой необходимости. Два поселка грековъ и эстовъ ничтожны, русскихъ поселковъ вблизи нѣтъ, образованіе по близости новыхъ поселеній невозможно, а единственный путь къ Адлеру, къ морю, зимой нерѣдко совсѣмъ недоступенъ, благодаря частымъ снѣжнымъ заваламъ.

Если ужь въ Сочи дороговизна и трудность полученія нѣкоторыхъ продуктовъ первой необходимости объясняется рѣдкостью сельского населенія—недостаткомъ въ окрестностяхъ его крестьянскихъ поселковъ (часть которыхъ въ цѣляхъ насажденія на побережьѣ «высшихъ культуръ» тоже выселена была съ береговъ моря на другія мѣста), то относительно жителей будущаго города Романовска не трудно предвидѣть, что они очутятся въ положеніи неизмѣримо худшемъ, чѣмъ два щедринскіе генерала прокормленные мужикомъ. Дѣло въ томъ, что по разсчету числа дачныхъ и городскихъ участковъ, въ Романовскѣ должно быть гораздо больше жителей, чѣмъ въ ближайшихъ къ нему поселкахъ. И если одинъ мужикъ дѣйствительно могъ прокормить двухъ генераловъ, то это еще не можетъ служить доказательствомъ, что онъ можетъ прокормить и десятерыхъ[1]). Между тѣмъ... между

[1]) Интересно, что ту же будущность пророчитъ проф. Красновъ даже для Сочи: когда „мирно сидящіе въ Петербургѣ“ сочинскіе владѣльцы „съ наступленіемъ для Сочи лучшихъ временъ“... „вздумаютъ пожаловать на свои участки“ „и число дачниковъ значительно увеличится—ихъ будетъ ожидать горькая участь щедринскихъ генераловъ на необитаемомъ островѣ“ („Недѣля“ 1900 г. № 1).

тѣмъ дѣло уже сдѣлано: «народъ гонялъ, помпадуръ сажалъ, риформа кончалъ»!.,

Таковы новоустрояемыя «однимъ почеркомъ пера» города побережья, плановыя мѣста которыхъ розданы именно тѣмъ, кто жить тамъ навѣрное не будетъ,—города, оживающіе на извѣстное лишь время года съ пріѣздомъ на отдыхъ нѣкоторой части чиновныхъ «хозяевъ». Таковы новые побережные города, состоящіе частію изъ жилыхъ домовъ, а больше изъ дачекъ, бараковъ, пустыхъ плановыхъ мѣстъ и столбовъ, обозначающихъ направленіе улицъ,—города, отсутствующіе «хозяева» которыхъ при случаѣ охотно спекулируютъ на выгодную перепродажу своихъ плановыхъ участковъ.

Это—поучительные образцы дорого стоившей Россіи колонизаціонной политики «заселенія и оживленія» края, сводившейся, по идеѣ Н. С. Абазы, къ обращенію его въ ривьеру во что бы то ни стало. Это—такъ сказать живые кульминаціонные пункты той колонизаціонной политики, которую не одобрялъ никогда и никто изъ дѣйствительныхъ знатоковъ-старожиловъ края, лично незаинтересованныхъ въ полученіи крупицъ отъ раздаваемыхъ направо и налѣво лучшихъ земель побережья; но осуществленію которой никто не могъ противорѣчить, потому что покойный Абаза слушался только тѣхъ, кто сами его во всемъ слушались.

— Вотъ и наши виноградные съѣзды [1])—говорилъ мнѣ одинъ изъ виноградовладѣльцевъ—не хотѣли ходить по его указкамъ, обошли его нарочно—не пригласили на засѣданія, вотъ и затормозилось дѣло и теперь никогда не дождутся благопріятнаго разрѣшенія своихъ ходатайствъ. А пригласи они его—и все бы устроилось моментально... но, конечно, въ томъ только духѣ, какъ бы онъ самъ захотѣлъ... Однако все-таки было бы хоть что-нибудь..

Дальше по побережью, на югъ отъ Адлера, за р. Мзмытой, вскорѣ кончается уже черноморская губернія, граничащая здѣсь съ губерніей кутаисской. Отсюда начинается уже Абхазія.

---

[1]) См. предыдущую главу.

Но прежде чѣмъ вступить въ Абхазію, надо сказать еще нѣсколько словъ къ характеристикѣ климата и растительности оставляемаго района. Проф. Красновъ [1]) говоритъ, что граница кутаисской губ. проведена очень удачно въ томъ отношеніи, что съ нее начинается полоса болѣе теплаго климата (Гагринскій районъ побережья), болѣе южной флоры и болѣе теплыхъ (известковыхъ) почвъ, смѣняющихъ здѣсь собою тяжело-глинистыя, пропитанныя влагой, почвы сочинскаго района. По этому поводу надобно вообще сказать, что побережье отличается разнообразіемъ мѣстныхъ климатическихъ особенностей, какъ и разнообразіемъ своей растительности.

Высота положенія надъ уровнемъ моря, преобладаніе почвъ болѣе теплыхъ или наоборотъ болѣе холодныхъ, положеніе мѣстности на низменной заболоченной низинѣ, въ ущельѣ или же наоборотъ въ открытой, хорошо вентилируемой мѣстности, большая или меньшая закрытость мѣстности отъ холодныхъ или напротивъ отъ теплыхъ вѣтровъ горами или лѣсами, или же наоборотъ большая или меньшая открытость тѣмъ или инымъ изъ этихъ вѣтровъ, все это оказываетъ въ побережьѣ свое вліяніе на разницу климата и растительности мѣстности. При наличности съ одной стороны горъ, съ другой—моря, при разнообразіи положеній, которыя занимаютъ различные пункты побережья по отношенію къ этому морю и къ этимъ горамъ и перерѣзывающимъ ихъ рѣкамъ и ущельямъ, естественно, создается такое разнообразіе условій, при которомъ разныя части одного и того же района, даже одного и того же поселенія или курорта отличаются другъ отъ друга тѣми или иными климатическими особенностями, большимъ или меньшимъ распространеніемъ тѣхъ или иныхъ представителей мѣстной флоры, тѣмъ или инымъ вліяніемъ на здоровье. Вспомнимъ, напр., что различныя части г. Туапсе неодинаково пригодны для жизни; вспомнимъ, что тою же неодинаковостью вліянія на здоровье человѣка отличаются и различныя части ближайшихъ окрестностей Сочи. Охарактеризовавъ

---

[1]) „Недѣля“ 1901 г. № 1.

флору Сочинскаго района, какъ сходную съ флорою Пиринейскаго побережья Бискайскаго залива и прилегающей къ нему части Франціи (но не съ флорой Японіи и итальянской Ривьеры, какъ указывали другіе изслѣдователи), проф. Красновъ [1], отмѣчаетъ между прочимъ различіе въ климатѣ и растительности окрестностей Сочи въ зависимости отъ защищенности ихъ выдающимися въ море мысами отъ холодныхъ сѣверозападныхъ вѣтровъ. «Все, что защищено отъ вліянія сѣверозападнаго вѣтра, то отличается пышнымъ развитіемъ, все, что открыто ему, то носитъ отпечатокъ сѣвера. Каждый такой выдающійся мысъ играетъ роль естественнаго барьера, по ту сторону котораго остается часть русскаго холода»...

Совершенно понятно поэтому, что отдѣльные болѣе или менѣе крупные районы побережья должны отличаться еще большимъ различіемъ въ климатѣ и растительности. Новороссійскій округъ, какъ мы знаемъ, мѣстами совсѣмъ не защищенъ отъ холодныхъ вѣтровъ сѣвера, Туапсинскій—защищенъ уже лучше, но защитность его значительно уступаетъ защитности округа Сочинскаго, который однако отстаетъ въ этомъ отношеніи отъ Сухумскаго, «имѣющаго совершенно исключительныя топографическія условія, благодаря превосходному воздушному дренажу системы р.р. Бзыби, Цхалты и Кодора» [2]. «Подъ защитою каждаго такого выступа (выступа горъ въ море высокими защищающими отъ вѣтровъ мысами) растительность—говоритъ проф. Красновъ [3])—становится нѣжнѣе, богаче южными формами. Благодаря этому Сочи лучше Туапсе, Хоста лучше Сочи, заадлерскія дачи лучше Хосты и наконецъ Гагры защищеннѣе Адлера».

Составители «Черноморскаго побережья» дѣлятъ побережье на югъ отъ Туапсе на три части—сѣверозападную, юговосточную и срединную между ними. Къ первой они относятъ Туапсе и приморскія мѣстности, лежащія къ югу отъ него, къ средин-

---

1) „Недѣля" 1900 г. № 8.

2) Клингенъ И. Н. „Основы хоз. въ Соч. окр.", стр. 10.

3) „Недѣля" 1901 № 1.

ной—Сочи съ его окрестностями, и наконецъ къ третьей—береговую полосу отъ Гагръ до Сухума включительно (Абхазію). Главными особенностями этой срединной полосы они считаютъ, съ одной стороны, отсутствіе свойственнаго сѣверному району нордъ-оста, а съ другой, отсутствіе тропической лѣтней жары, присущей иногда Сухуму, а также и отсутствіе «злыхъ сухумскихъ лихорадокъ». Въ флористическомъ отношеніи они дѣлятъ побережье на такія части: отъ Новороссійска до р. Шахе съ преобладаніемъ растительности «травянистой, вообще злаковой», отъ Шахе далѣе на югъ съ растительностью сочной лиственною, а ближе къ Сухуму—съ субтропическою, при чемъ сочинскій районъ представляетъ какъ бы связующее звено между обоими крайними, къ нему прилегающими, сочетая въ себѣ представителей того и другого—«Сочи съ его окрестностями—золотая середина для флоры всего Черноморскаго побережья».

Такимъ образомъ вступая въ предѣлы Абхазіи, мы въ тоже время вступаемъ и въ новый климатическій и флористическій районъ Черноморскаго побережья.

А. С. Аничковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Іосифъ Максимовичъ Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи [1].

VII.

Первый рефератъ О. М. Бодянскаго въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. Упадокъ Общества. Избраніе О. М. Бодянскаго секретаремъ Общества. Заслуги Бодянскаго, какъ редактора «Чтеній въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ». Исторія съ изданіемъ перевода Флетчера на русскій языкъ.

Еще до поѣздки своей заграницу О. М. Бодянскій былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ. Но фактическое его участіе въ Обществѣ началось только по возвращеніи заграницы. 28 ноября 1842 г. Бодянскій прочиталъ въ засѣданіи Общества первый свой рефератъ «О поискахъ моихъ въ познанской публичной библіотекѣ». Рефератъ этотъ впослѣдствіи былъ напечатанъ въ первой книжкѣ «Чтеній въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ», вышедшей подъ редакціей О. М. Бодянскаго. «Удостоенный чести быть членомъ здѣшняго императорскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ, говоритъ О. М. Бодянскій въ началѣ своего реферата, я, по случаю скораго потомъ отъѣзда своего въ путешествіе по заграничнымъ славянскимъ землямъ, не имѣлъ по сю пору, удовольствія присутствовать въ

[1]) См. Кіев. Ст. 1903 № 10.

засѣданіяхъ почтеннѣйшихъ сочленовъ. Надѣюсь, со временемъ, оправдать такое вниманіе и довѣріе ко мнѣ своими занятіями, доказать, что ожидаемое отъ меня дѣйствительно основывалось на *возможномъ*, осуществимомъ... Посѣщая племя за племенемъ нашихъ одноутробныхъ и обозрѣвая книгохранилища ихъ, я постоянно обращалъ также вниманіе и на все то, что могло прямо, косвенно, относиться къ исторіи и древностямъ русскаго народа, особенно письменнымъ, зашедшимъ туда какимъ-нибудь случаемъ, и старался извлечь изъ своего положенія возможно большую пользу». Не говоря о томъ, что удалось ему извлечь въ другихъ мѣстахъ, О. М. Бодянскій останавливается на своихъ занятіяхъ въ познанской библіотекѣ, принадлежавшей гр. Эдуарду Рачинскому и составленной премущественно «изъ многихъ частныхъ библіотекъ, принадлежавшихъ нѣкоторымъ знаменитымъ домамъ въ Литвѣ и Бѣлой Руси». Рачинскаго Бодянскій особенно хвалитъ за то, что тотъ старается «всѣми мѣрами противодѣйствовать чужеязычному натиску», что онъ «ничего не щадитъ для открытія и напечатанія памятниковъ польской старины и при томъ очень важныхъ не для однихъ поляковъ, но и прочихъ славянъ».

Въ познанской библіотекѣ Бодянскій могъ заниматься не долго, ознакомился съ ней только поверхностно, но все-таки ему удалось списать кой-что изъ рукописей. Пусть читатель припомнитъ здѣсь кстати и отзывъ И. И. Срезневскаго о занятіяхъ Бодянскаго, который былъ выше приведенъ. Рукописи, съ которыми познакомилъ О. М. Бодянскій, членовъ Общества въ засѣданіи 28 ноября 1842 г., относились отчасти къ смутному времени, отчасти къ исторіи Литвы или исторіи древней повѣсти (о Гвидонѣ). Онѣ представляютъ интересъ, поэтому, какъ со стороны и историческихъ фактовъ, такъ и со стороны языка.

Активному участію Бодянскаго въ Обществѣ мѣшали на первыхъ порахъ его университетскія занятія [1]). Съ 1842 г. до 1845. онъ рѣдко выступалъ съ рефератами.

---

[1]) Чтенія въ Общ. ист. и древн. россійскихъ 1846, I.

Въ 1845 году Бодянскій былъ избранъ въ секретари Общества.

До этого времени секретаремъ былъ М. П. Погодинъ. Дѣятельностью Погодина, видимо, члены Общества не были вполнѣ довольны и ждали только отказа. Когда же отказъ послѣдовалъ, кандидатами на должность секретаря были намѣчены П. М. Строевъ, Вельтманъ и О. М. Бодянскій. Послѣдній получилъ большинство голосовъ (6 бѣлыхъ и 2 черныхъ) и былъ избранъ [1]).

Дѣятельность О. М. Бодянскаго, какъ секретаря, составила цѣлую эпоху въ исторіи московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ.

Общество это было основано въ 1804 г. и затѣмъ въ 1823 г. преобразовано. Особымъ оживленіемъ оно не отличалось. Въ годъ избранія Бодянскаго секретаремъ былъ поднятъ вопросъ о пересмотрѣ устава. Этимъ способомъ думали оживить Общество. Въ совѣщаніяхъ по этому поводу принималъ дѣятельное участіе и О. М. Бодянскій.

Въ одномъ изъ совѣщаній старѣйшій членъ Общества того времени П. М. Строевъ, дѣлая обзоръ дѣятельности Общества за все время его существованія, пришелъ къ печальнымъ выводамъ.

Мы приводимъ здѣсь довольно большой отрывокъ изъ рѣчи Строева. Она является лучшей характеристикой положенія Общества того времени. Она же вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо оттѣняетъ и заслуги Бодянскаго въ дѣлѣ оживленія старѣйшаго въ Россіи историческаго Общества.

«Общество исторіи и древностей россійскихъ, говорилъ Строевъ, утвержденное въ 1811 году, на основаніи довольно прочномъ, но несчастнымъ обстоятельствамъ, вскорѣ пришло въ разстройство; старанія обратить его къ предположенной цѣли въ 1823 году, не имѣли успѣха; въ настоящее время (1845 г.) цѣль эта призракъ. Археографическая коммиссія собрана изъ всѣхъ

---

[1]) Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды П. М. Строева стр. 416—417.

библіотекъ имперіи лѣтописи и важнѣйшія историческія сборники, сводитъ и издаетъ ихъ, слѣдовательно, главное занятіе наше ускользнуло отъ насъ. Она издастъ и акты разнаго рода и имѣетъ ключъ ко всѣмъ архивамъ; мы немного успѣемъ, если удастся намъ получить изъ нихъ кой-что, въ родѣ «дѣлъ о мѣстничествѣ». Члены никогда не доставляли сочиненій и статей въ изобиліи, едва возможно было въ два года издавать по небольшому тому; аппробаціонный комитетъ 1837 года уничтожилъ и послѣднее усердіе. Назначеніе платы за труды (40 р. асс.) не повело ни къ чему; самолюбіе авторовъ ищетъ обширнаго круга читателей, и потому весьма естественно, что статьи, прочитанныя въ засѣданіяхъ, напечатаны послѣ на сторонѣ. Намъ нѣтъ никакой возможности издавать журнала, если бы даже энтузіазмъ, трудолюбіе и безкорыстіе 1811 года къ намъ возвратились» [1]).

Итакъ, по словамъ П. М. Строева, московское историческое Общество въ срединѣ 1840-хъ годовъ находилось въ полномъ упадкѣ. Члены обнаруживали къ нему мало интереса; издательская дѣятельность была довольно слабой. Труды Общества появлялись только съ большими перерывами.

Въ 1845 году избирается секретаремъ Общества О. М. Бодянскій и становится редакторомъ его изданій. Сразу же картина мѣняется. Сборники, издававшіеся Обществомъ и бывшіе до тѣхъ поръ случайными, обращаются въ періодическій журналъ подъ названіемъ «Чтенія въ Императорск. Обществѣ исторіи древностей россійскихъ» [2]). Журналъ этотъ носитъ спеціальный характеръ; но онъ является чрезвычайно богатымъ и разнообразнымъ по содержанію. Конечно, все это, благодаря труду и энергіи О. М. Бодянскаго. Онъ расширилъ программу журнала, онъ сумѣлъ привлечь сотрудниковъ, сумѣлъ заставить работать членовъ Общества и самъ отдавалъ и отдалъ ему и журналу лучшія, можетъ быть, свои силы. «Взявшись за изданіе «Чтеній»,—гово-

---

[1]) Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды П. М. Строева стр. 426—427.

[2]) Рус. Стар. 1879 г., май, стр. 207.

ритъ И. И. Срезневскій, Бодянскій придумалъ для этого повременнаго изданія такіе отдѣлы содержанія и такой порядокъ помѣщенія вносимаго, что было мѣсто всему—и изслѣдованіямъ, и описаніямъ памятниковъ, и запискамъ современниковъ прежняго и новаго времени, и всякимъ сборникамъ, и всякимъ замѣчаніямъ, всему, сколько-нибудь подходящему подъ кругозоръ вниманія Общества, какъ бы оно велико или мало ни было, въ подлинникѣ или въ переводѣ. Не могло быть помѣщено только то, что почему-нибудь Бодянскій находилъ неумѣстнымъ» [1])...

Неутомимость Бодянскаго при изданіи «Чтеній» невольно поражала всякаго. Ему самому приходилось и разыскивать матеріалы, выбирать, подбирать ихъ, самому перечитывать корректуры, хлопотать въ типографіи, наблюдать за печатаніемъ Исключительно благодаря энергіи Бодянскаго, въ «Чтеніяхъ» изданы очень обширныя сочиненія старыя и новыя, многія записки современниковъ, и подлинныя русскія, и иностранныя въ переводѣ, и сборники пѣсенъ и пословицъ, и памятники древніе и т. п. Такимъ образомъ, «Чтенія» составили библіотеку, необходимую для каждаго историка, археолога, этнографа, статистика, языковѣда, историка литературы и народной словесности, не только русской, но и западно-славянской» [2]).

Мы не можемъ перечислить здѣсь хотя бы главнѣйшихъ статей и матеріаловъ, напечатанныхъ въ «Чтеніяхъ» за время редакторства О. М. Бодянскаго. Желающій можетъ обратиться къ статьѣ М. И. Семевскаго въ «Русской Старинѣ» 1879 г. (май) или къ «Указателямъ къ повременнымъ изданіямъ московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ», составленнымъ И. Е. Забѣлинымъ и С. А. Бѣлокуровымъ.

Самъ О. М. Бодянскій почти всѣ свои научныя работы помѣщалъ въ «Чтеніяхъ». Исключеніемъ изъ этого явились немногія. Въ числѣ ихъ были: докторская диссертація Бодянскаго «О

[1]) *Срезневскій.* На-память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, стр. 40.

[2]) Тамъ же, стр. 40—41 и 45.

времени происхожденія славянскихъ письменъ», вышедшая въ 1855 г. отдѣльно; разборъ книги о Кириллѣ и Мефодіи, напечатанный въ «Седьмомъ присужденіи Уваровскихъ премій» (1864 г.), и рѣчь о Ломоносовѣ въ «Праздновапіи столѣтней годовщины Ломоносова» (1865 г.) [1]. Полнаго списка научныхъ работъ Бодянскаго нѣтъ, такъ какъ библіографическіе указатели, его трудовъ, приведенные въ поминкѣ о Бодянскомъ И. И. Срезневскаго [2]) и въ біографіи Бодянскаго, написанной проф. Н. Ф. Сумцевымъ [3]), далеко не могутъ назваться полными. Въ нихъ вошло только главнѣйшее. Небольшія же замѣтки, возраженія, разъясненія и пр. ждутъ еще своего библіографа.

За все время своего редакторства Бодянскій издалъ *сто* книгъ «Чтеній». Хотя онъ и умеръ въ 1877 году секретаремъ Общества и редакторомъ его журнала—дѣятельность его, однако, не была непрерывной. Она прервалась въ 1848 году. До этого времени, съ сентября 1845 года, Бодянскимъ было издано 22 книжки «Чтеній» [4]). На 23-й книжкѣ, или первой въ 1848 году, изданій «Чтеній» было прервано и возобновилось только въ 1858 году, подъ редакціей того же О. М. Бодянскаго.

Поводомъ къ перерыву изданія послужила извѣстная исторія съ изданіемъ въ «Чтеніяхъ» перевода сочиненія Флетчера на русскій языкъ.

История эта остается до сихъ поръ мало объясненной.

---

[1]) *Срезневскій.* На память о Бодянскомъ и пр. стр. 45—46.

[2]) *Тамъ же,* стр. 41—44.

[3]) *С. А. Венгеровъ.* Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, т. V, стр. 65—75.

[4]) Изданіе «Чтеній» началось въ сентябрѣ 1845 года, при чемъ издательскій годъ продолжался съ мая-іюня по апрѣль. За первый годъ (1845—1846) вышло 4 книги „Чтеній"; за второй (1846—1847) —9 книгъ; за третій (1847—1848)—9 книгъ. На первой книжкѣ четвертаго года іюнь (1848 г.) изданіе было пріостановлено. См. Предисловіе къ „Указателю ко всѣмъ періодич. изданіямъ О-ва исторіи и древностей россійск." за 68 лѣтъ, М. 1883 г., стр. 3—4.

1848-й годъ былъ особенно тяжелъ въ русской жизни вообще и въ исторіи русской литературы въ частности. Революціонныя событія, разыгравшіяся въ Западной Европѣ, въ видѣ венгерскаго возстанія дошли до границъ Россіи и вызвали сильную тревогу въ русскихъ правящихъ сферахъ. Стали бояться революціоннаго движенія и въ предѣлахъ Россіи, и правительство обратило вниманіе, главнымъ образомъ, на университеты и печать. За послѣднею былъ учрежденъ суровый надзоръ, и начались преслѣдованія ея дѣятелей. Въ это самое время и на этомъ фонѣ и разыгралась исторія по поводу изданія перевода сочиненія Джильса Флетчера на русскій языкъ.

Англичанинъ Джильсъ Флетчеръ былъ посломъ англійской королевы Елисаветы и пріѣхалъ въ Россію при Федорѣ Ивановичѣ, вскорѣ послѣ смерти Грознаго. Въ своемъ интересномъ, по наблюденіямъ, и обстоятельномъ сочиненіи «On the Russe Common Wealth», вышедшимъ въ свѣтъ въ 1591 году, Флетчеръ нарисовалъ безотрадную картину русскаго государства и довольно непочтительно отозвался о разныхъ сторонахъ русской жизни. Въ Англіи книга вызвала переполохъ. Дѣло въ томъ, что англичане вели оживленную торговлю съ Россіей и пользовались въ ней обширными торговыми привиллегіями. Такъ какъ лондонская торговая кампанія боялась, какъ бы русское правительство не отняло, благодаря книгѣ Флетчера, у англичанъ привилегій, то ей удалось добиться у правительства сожженія книги Флетчера, отъ которой случайно уцѣлѣло только нѣсколько экземпляровъ.

Съ той поры прошло $2^1/_2$ вѣка. Въ началѣ XIX вѣка сочиненіемъ Флетчера пользовался Карамзинъ при составленіи своей «Исторіи государства россійскаго и въ примѣчаніяхъ къ ней сдѣлалъ довольно большія выписки, благодаря которымъ русская публика могла познакомиться съ характеромъ сочиненія Флетчера. До 1848 года сочиненіе это, такимъ образомъ, не казалось опаснымъ.

Перевелъ Флетчера на русскій языкъ Н. В. Калачовъ [1]). Подлинникъ и переводъ представилъ Обществу въ засѣданіи 27 декабря 1847 года князь М. А. Оболенскій, директоръ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ: онъ же снабдилъ переводъ и обширнымъ предисловіемъ [2]). Противъ печатанія перевода Флетчера на русскій языкъ возставалъ П. М. Строевъ, доказывая, что Общество можетъ потерять право собственной цензуры [3]). Переводъ все-таки былъ напечатанъ, по распоряженію графа С. Г. Строганова, въ первой книжкѣ «Чтеній» за 1848 г., вышедшей въ свѣтъ въ октябрѣ.

Выходъ книги совпалъ какъ разъ съ пребываніемъ въ Москвѣ министра народнаго просвѣщенія Уварова.

Между министромъ и московскимъ попечителемъ Строгановымъ существовала давнишняя вражда, и этими то ихъ отношеніями сумѣли воспользоваться люди, враждебно настроенные противъ Строганова и Бодянскаго. Кто здѣсь былъ виною, трудно сказать. Молва обвиняла Шевырева и Погодина [4]). Во всякомъ случаѣ кто-то изъ благожелателей Строганова обратилъ вниманіе Уварова на переводъ Флетчера и далъ этому переводу надлежащую оцѣнку съ политической точки зрѣнія. Уваровъ усмотрѣлъ въ сочиненіи Флетчера недоброжелательные отзывы о русскомъ правительствѣ и духовенствѣ и велѣлъ немедленно остановить дальнѣйшій выпускъ книжки «Чтеній», возвратить обратно въ Общество выпущенные уже экземпляры и вырѣзать изъ нихъ сочиненіе Флетчера [5]).

Исторія эта надѣлала вообще много шума. Графъ Строгановъ, разрѣшившій печатать переводъ Флетчера, изложилъ графу

---

[1]) Древняя и Новая Россія, 1880, I, стр. 551.

[2]) *Н. П. Барсуковъ.* Жизнь и труды Погодина, т. X, стр. 157.

[3]) Тамъ же.

[4]) Записки Никитенка, т. I, стр. 495—496. *Н. П. Барсуковъ.* Жизнь и труды Погодина, т. X, стр. 160 и слѣд.

[5]) *Н. П. Барсуковъ.* Жизнь и труды Погодина, т, X, стр. 157—158.

Уварову мотивы, по которымъ печатаніе Флетчера было разрѣшено. Но это не помогло дѣлу. «Сочиненіе Флетчера, сообщалъ графъ Строгановъ министру, писанное въ 1588 году, казалось мнѣ такого содержанія, что ни одна въ немъ строка не могла примѣниться къ Россіи нашего времени, и что любопытная сатира эта содержитъ много важнаго, но только для древней Руси. Самъ Карамзинъ неоднократно изъявлялъ желаніе видѣть напечатаннымъ этотъ документъ: такъ онъ цѣнилъ его для эпохи, въ немъ изображенной. Я полагалъ, что въ настоящее время, когда вся Европа съ завистью смотритъ на наше духовное и государственное могущество, ни высшему правительству, ни лицамъ духовнымъ не могли казаться соблазнительными нѣсколько рѣзкихъ мѣстъ въ сочиненіи, писанномъ за триста лѣтъ и напечатанномъ въ ученомъ сборникѣ» [1]).

Объясненіе это не достигло цѣли. Гр. Уваровъ доложилъ государю, и послѣдній издалъ повелѣніе, чтобы на будущее время всѣ изданія Общества подвергались разрѣшенію общей цензуры. Цензура тогда находилась въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. Общество, такимъ образомъ, предсѣдателемъ котораго былъ Строгановъ, отдавалось подъ контроль графа Уварова. Гр. Строгановъ, конечно, немедленно же отказался отъ званія предсѣдателя Общества; сложилъ званіе секретаря и Бодянскій. Предсѣдателемъ Общества былъ избранъ послѣ этого вице-президентъ А. Д. Чертковъ, а секретаремъ И. Д. Бѣляевъ [2]).

Этимъ исторія съ Флетчеромъ не кончилась. Хотя Бодянскій игралъ въ ней, повидимому, чисто пассивную роль, такъ какъ гр. Строгановъ разрѣшилъ печатаніе Флетчера, онъ же и настаивалъ на этомъ печатаніи, все таки пострадалъ больше всѣхъ Бодянскій. Онъ не только долженъ былъ сложить съ себя секретарство въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, но и былъ переведенъ профессоромъ славяновѣдѣнія изъ Москвы въ Казань, а В. И. Григоровичъ изъ Казани въ Москву на мѣсто

---

[1]) *Барсуковъ.* Жизнь и труды Погодина т. X, стр. 158.

[2]) Тамъ же, стр. 159.

Бодянскаго. Пословица «паны дерутся, а у мужиковъ чубы болятъ», казалось, была бы здѣсь вполнѣ умѣстной, но только съ нѣкоторыми существенными оговорками. Бодянскій пострадалъ вовсе не случайно. Онъ, конечно, былъ правой рукой Строганова, который покровительствовалъ ему чуть ли не съ университетской скамьи. Казалось, естественно, что разъ пострадалъ Строгановъ, это должно было отразиться и на Бодянскомъ. Но такое объясненіе было бы неполнымъ и неточнымъ. Бодянскій явился жертвой не Уваровской мести Строганову, а жертвой той мелкой, въ нравственномъ отношеніи, клики людей, которая всегда существовала въ нашихъ университетахъ и которая не останавливалась ни предъ какими средствами, какъ бы грязны они ни были, будь то клевета, ложный доносъ, лишь бы только избавиться отъ нежелательнаго имъ человѣка, хоть бы этотъ человѣкъ имѣлъ крупное имя въ наукѣ и былъ бы дорогъ въ университетѣ. Исторія русскихъ университетовъ знаетъ не мало случаевъ въ подобномъ родѣ. Однимъ изъ яркихъ—является судьба Бодянскаго. Вся исторія съ Флетчеромъ начата, вѣдь, вовсе не министромъ Уваровымъ, а начата именно учеными добровольцами, тѣми ревнителями науки, которые боятся всякаго смѣлаго, живаго, правдиваго слова, которые именемъ науки пользуются часто для своихъ мелкихъ личныхъ дѣлишекъ. Для насъ все равно, кто затѣялъ исторію съ Флетчеромъ, Погодинъ, Шевыревъ или кто-нибудь другой. Но фактъ тотъ, что первымъ человѣкомъ, испугавшимся Флетчера, былъ не цензоръ, не министръ Уваровъ, а ученый П. М. Строевъ[1]). Когда разыгралась исторія съ Флетчеромъ ученый А. М. Кубаревъ писалъ Сахарову: «Неистовый Бодянскій привелъ въ такое замѣшательство дѣла Общества своимъ глупымъ журналомъ, что Общество не знаетъ, гдѣ найти Геркулеса, чтобы очистить это Авгіево стойло». Далѣе Кубаревъ обвиняетъ Бодянскаго въ томъ, что тотъ не даетъ будто бы отчета, не возвращаетъ книгъ, взятыхъ для Общества у другихъ лицъ, и говоритъ, что книги эти онъ уже возвратилъ по принадлежности...

---

[1]) Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина т. X, стр. 157.

«Можно ли удержать негодованіе, продолжаетъ Кубаревъ, при мысли, что такой уродъ позволяетъ себѣ такія дерзости? Что онъ глупъ и полуневѣжда—это я знаю давно и хвалилъ въ немъ только одно батырщество; но чтобы онъ былъ такъ подлъ—этого я не ожидалъ никогда. Взгляните на древніе акты, имъ изданные—можно ли безъ скорби душевной видѣть ихъ такъ изуродованными отъ невѣжества издателя? Наконецъ, чѣмъ сдѣлались «Чтенія»? Сбродомъ всякой всячины и сокровищницею былей или небылицъ хохлатскихъ, такъ что самое доброе, что есть въ нихъ, совершенно теряется въ этомъ навозѣ. Какъ я обрадовался было, что Богъ внушилъ благую мысль министру очистить университетъ, столицу и общество отъ этой скверны. Теперь говорятъ, что графъ Строгановъ за него хлопочетъ. Очень жаль. Онъ не знаетъ, что этотъ человѣкъ не заслуживаетъ его ходатайства и въ выборѣ людей не дѣлаетъ ему чести! Присоедините къ этому, что этотъ человѣкъ не только не знаетъ древне-славянскаго языка, даже, бывши заграницею, не выучился порядочно по-польски. Присоедините хохлатскую грубость; упорство и деревенщину—и вы увидите, что негодованіе мое справедливо. А какъ вы думаете, сколько напечаталъ онъ экземпляровъ отдѣльно той пьесы, вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстной? 1800 по русски и по англійски! Вздорный памфлетъ удостоился такой чести, хотя по положенію общества опредѣлено было не печатать никакой пьесы отдѣльно болѣе 300 экземпляровъ. Вотъ что дѣлалъ Бодянскій! Похлопочите, подайте совѣтъ, употребите возможныя средства, чтобы избавить Общество отъ этого неистоваго звѣря» [1]).

Письмо это было писано въ то время, когда Строгановъ хлопоталъ о возвращеніи Бодянскаго на кафедру въ московскій университетъ. Оно очень хорошо характеризуетъ партію, враждебную Бодянскому, и тѣ средства, которыя употребляетъ она. Клевета, возводимая на Бодянскаго въ письмѣ Кубарева, давно уже опровергнута исторіей. Здѣсь скажемъ только, что лишнее число экземпля-

---

[1]) Древняя и Новая Россія, 1880 г., т. I, 544—545.

ровъ Флетчера было напечатано не на средства Общества, а на средства князя М. А. Оболенскаго[1]).

Другой профессоръ типа Кубарева И. И. Давыдовъ по поводу исторіи съ Флетчеромъ писалъ Погодину: «Нѣкоторыя страницы изъ Флетчера я пробѣжалъ: удивляюсь тупоумію и сумасбродству предсѣдателя, переводчика и издателя»... Затѣмъ: «Судьба историческаго общества, вѣроятно, вамъ извѣстна. Кого Богъ захочетъ наказать, у того отнимаетъ умъ, или, что все равно, напускаетъ на него гордость, и человѣкъ гибнетъ. Не представляетъ ли этому свидѣтельство Змѣй Горынычъ? Надменный до дерзости, въ какое ничтожество попалъ»![2])

Змѣй Горынычъ здѣсь никто иной, какъ О. М. Бодянскій.

Бодянскій имѣлъ много враговъ въ университетѣ и въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. Говорили даже, что Шевыревъ однажды въ засѣданіи Общества публично требовалъ удаленія Бодянскаго отъ званія секретаря и редактора «Чтеній». На сколько это вѣрно, въ настоящее время трудно сказать; но въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго. Во всякомъ случаѣ, для цѣлаго ряда лицъ, имѣвшихъ вліяніе на министра Уварова, Бодянскій былъ лицемъ нежелательнымъ въ Москвѣ. Это, конечно, не могло остаться безъ вліянія на переводъ Бодянскаго профессоромъ изъ Москвы въ Казань.

Само собой разумѣется, далеко не всѣ раздѣляли точку зрѣнія враговъ Бодянскаго.

Болѣе чуткіе и чистые элементы Москвы,были страшно возмущены противъ тѣхъ людей, которыхъ молва называла виновниками всей исторіи. Когда Погодинъ устроилъ у себя вечеръ въ честь Гоголя и пригласилъ Ю. Ф. Самарина, тотъ не поѣхалъ: «Послѣднія происшествія въ университетскомъ кругу, писалъ онъ Погодину, о которыхъ говоритъ теперь вся Москва, возмутили меня и оставили во мнѣ впечатлѣніе, со которымъ я не считаю себя въ правѣ принять вашего приглашенія»[3]).

---

[1]) Жизнь и труды Погодина, т. X, стр. 160.

[2]) Тамъ же, стр. 166.

[3]) Жизнь и труды Погодина, т. X, стр. 163.

«Что у васъ дѣлается?—спрашивалъ Хомяковъ у Погодина изъ своего села Богучарова. Неужели правда, что Бодянскій переведенъ въ Казань? Если это правда, неужели это вамъ всѣмъ не стыдно? Если это только въ будущемъ, то мнѣ кажется и Шевыреву, и всѣмъ профессорамъ добропорядочнымъ слѣдуетъ отвратить это твердостью, сдѣлать изъ этого une question de cabinet? Вѣдь, Бодянскій—человѣкъ, котораго ни университетъ, ни историческое общество замѣнить не могутъ»[1]).

По поводу исторіи съ Флетчеромъ въ дневникѣ О. М. Бодянскаго подъ 23 декабря 1852 года есть интересная запись: «Бывши у государя—разсказывалъ графъ С. Г. Строгановъ,— «послѣ обѣда я отошелъ съ нимъ къ камину, гдѣ, закуривъ сигару, онъ спросилъ меня: «что ты тамъ печатаешь такое»?—«Государь»—отвѣчалъ я—я печаталъ такое, что всегда готовъ напечатать. Флетчерово сочиненіе относится къ царствованію Ивана Грознаго и сына его Федора Ивановича; все худое, замѣченное иностранцемъ о Руси того времени, не относится къ нынѣшней, ничѣмъ на нее не похожей. Уваровъ, по личной ко мнѣ враждѣ, рѣшилъ надѣлать изъ этого шуму и представить В. В., какъ нѣчто зловредное. А я между тѣмъ напечаталъ его въ журналѣ ученаго Общества, бывшаго подъ моимъ предсѣдательствомъ и имѣющаго весьма тѣсный кругъ читателей, преимущественно ученыхъ, изъ коихъ, когда объявлена была мною на послѣдній годъ подписка на этотъ журналъ, однихъ архіереевъ изъявило желаніе получать его 33, т. е. изъ всѣхъ, къ кому было сдѣлано отъ меня отношеніе, только два не подписались».—«Но и архіереямъ не все можно дозволять читать».—«Такъ, Государь, но если ученымъ мы не будемъ дозволять знать худую сторону нашу, тогда и въ доброй свѣтъ усумнится».—«Хорошо, хорошо»,—подхватилъ тогда Государь: «мы все это уладимъ скоро, и пострадавшій отъ Уварова возвратится непремѣнно на свое мѣсто, когда тотъ не будетъ болѣе министромъ, а это, говорю тебѣ, скоро насту-

---

[1]) Тамъ же, стр. 143—144.

нить». И, точно, ровно черезъ годъ (20 декабря 1849 г.) Уваровъ не былъ уже болѣе министромъ»[1]).

Пострадавшимъ отъ Уварова былъ О. М. Бодянскій. Онъ, какъ мы уже говорили выше, былъ переведенъ на кафедру славяновѣдѣнія въ Казань, а на его мѣсто изъ Казани назначенъ В. И. Григоровичъ. Переводъ этотъ, конечно, былъ пониженіемъ по службѣ для Бодянскаго. Поэтому онъ обратился къ министру Уварову съ письмомъ, въ которомъ объяснялъ, что «по состоянію его здоровья, для него единственнымъ безвреднымъ мѣстопребываніемъ можетъ быть Москва, и что въ данной имъ, при отправленіи заграницу подпискѣ, онъ обязался прослужить 12 лѣтъ именно при московскомъ университетѣ»[2]). Въ подпискѣ, дѣйствительно, стояли эти слова; но Уваровъ не признавалъ ссылку на нихъ основательною, указывая на право министерства переводить профессоровъ изъ одного университета въ другой; что же касается здоровья, то министръ представлялъ Бодянскому просить объ увольненіи отъ службы вовсе; причемъ за министерствомъ сохранялось право, въ случаѣ выздоровленія Бодянскаго, потребовать отъ него, чтобы онъ дослужилъ 12-лѣтній срокъ тамъ, гдѣ «министерство признаетъ полезнымъ употребить его». Послѣ этого Бодянскій, заручившись свидѣтельствомъ профессора Альфонскаго, «не имѣя и въ мысли неповиновенія приказанію высочайше поставленной власти, но по сущей необходимости», какъ выражался онъ въ своемъ прошеніи, просилъ объ увольненіи его вовсе отъ службы, безъ всякихъ ограниченій и съ пенсіею по сокращеннымъ срокамъ. Въ первой своей части прошеніе Бодянскаго было удовлетворено. Съ 2 января 1849 г. онъ былъ уволенъ отъ службы съ освобожденіемъ отъ обязанности дослуживать 6 лѣтъ по министерству народнаго просвѣщенія. Что же касается просьбы о назначеніи пенсіи, то въ этомъ Бодянскому

---

1) Сборникъ Общества любителей россійской словесности на 1891 г. стр. 110.

2) Жизнь и труды Погодина, т. X, стр. 166—168.

было отказано. Ему было выдано только единовременное пособіе въ размѣрѣ годового одклада, т. е. 1429 р. 60 коп.[1]).

Такой, сравнительно благопріятный, оборотъ дѣло Бодянскаго[2]) приняло, благодаря заступничеству за него графа С. Г. Строганова. Послѣднему стоило, вѣроятно, немало усилій отстоять интересы Бодянскаго. По крайней мѣрѣ, это видно изъ слѣдующаго письма его къ Бодянскому отъ 15 января 1849 г.: «Кажется, что есть надежда устроить дѣла такъ, что при увольненіи въ отставку, вы совершенно развяжетесь съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Вотъ все, что я могу сказать вамъ теперь. Оставаясь въ Москвѣ, вы не будете потеряны для науки, а потомъ великъ Богъ добрыхъ людей. Надѣюсь чрезъ, нѣсколько дней успѣть вамъ сообщить что-нибудь болѣе положительное. Крѣпитесь и будьте благонадежны».

На это Бодянскій 22 января 1849 года отвѣчалъ: «Письмо вашего сіятельства отъ 15 текущаго мѣсяца, полученное мною вчера вечеромъ, чрезвычайно утѣшило меня. Далъ бы только Богъ, чтобы усилія вашего сіятельства увѣнчались успѣхомъ, и мнѣ расчитаться съ моими вѣрителями! А тамъ, дѣйствительно, великъ Богъ добрыхъ людей, какъ вы говорите. Главное—Москва и возможность дѣйствовать не со связанными руками. Никогда не измѣнялъ и не измѣню я своей наукѣ и нравственности благороднаго человѣка; все же прочее можетъ быть или не быть къ бóльшему или меньшему удобству моему. Не въ первый разъ встрѣчаться мнѣ лицомъ къ лицу съ нуждой; все вынесу, все стерплю, на все готовъ, кромѣ потери добраго имени и осужденія себя на застой въ наукѣ. Что же далѣе ждетъ меня въ будущемъ—кто

---

[1]) *Н. А. Поповъ*. Осипъ Максимовичъ Бодянскій въ «Рус. Ст.», 1879 г., ноябрь, стр. 475—480.

[2]) Бодянскій боялся ссылки въ Вологду (Жизнь и труды Погодина, т. X. 164). И. И. Давыдовъ писалъ Погодину, что переводъ въ Казань для Бодянскаго «изъ различныхъ бѣдствій, ему угрожавшихъ наименьшее» «Благословляйте милосердіе Государя и снисходительность министра»—прибавлялъ онъ въ своемъ письмѣ. (Тамъ же—стр 175).

можетъ то знать? Въ одно лишь вѣрилъ и вѣрю, что Богъ не убогъ и милость Его неоскудна. На дняхъ узналъ я отъ М. Н. Каткова, который слышалъ то отъ г. Бекетова. бывшаго ассистента въ нашей университетской клиникѣ и пріѣхавшаго недавно изъ С.-Петербурга, что Шевыревъ, по словамъ Давыдова, не только, вопреки моему желанію, писалъ обо мнѣ къ нему и министру, какъ это я сказывалъ вашему сіятельству предъ самымъ отъѣздомъ изъ Москвы, но даже осмѣлился утруждать о томъ и самую великую княгиню Ольгу Николаевну. Вотъ на какія продѣлки рѣшается измученная и нечистая совѣсть, думая, что и это, по ея сужденію, доброе дѣло, также останется тайной, какъ и прежняя кабала ея. Не знаю, можно ли найти болѣе глубокое нравственное паденіе, будучи вынужденнымъ хлопотать о человѣкѣ, котораго наканунѣ еще самъ же губилъ, хлопотать помимо вѣдома его и въ награду не получить не только отъ него спасибо, но даже сдѣлаться черезъ то предметомъ повсемѣстной жалости, чтобъ не сказать болѣе. Грустно подобное явленіе»[1]).

Мы нарочно цѣликомъ привели это письмо. Въ немъ Бодянскій отразился цѣликомъ, съ его честной, прямой, неподкупной душой, съ его готовностью жертвовать всѣмъ ради своихъ убѣжденій, съ его любовью къ наукѣ и ненавистью ко всему подлому, низкому...

Въ Казань, такимъ образомъ, Бодянскій не поѣхалъ; боязливый же В. И. Григоровичъ, немедленно послѣ своего перевода на мѣсто Бодянскаго, поспѣшилъ въ Москву и явился съ визитомъ къ Бодянскому. Тотъ его не принялъ[2]). Положеніе Григоровича было крайне ложнымъ и затруднительнымъ. Очень можетъ быть, что благодаря этому, попечитель казанскаго округа сталъ хлопотать о возвращеніи Григоровича снова въ Казань[3]). Пока шла переписка, положеніе оставалось неопредѣленнымъ до

[1]) „Рус. Стар.“, 1890 т. LXV, стр. 54.

[2]) *Проф. А. А. Кочубинскій.* О. М. Бодянскій въ его дневникѣ Истор. Вѣстн. 1880 г., кн. XII, стр. 507.

[3]) Рус. Ст. 1879 г., кн. XI, стр. 478.

самаго ухода гр. Уварова съ поста министра народнаго просвѣщенія (20 октября 1849 года). 4 декабря 1849 года Бодянскій былъ возвращенъ въ московскій университетъ, а В. И. Григоровичъ перемѣщенъ обратно въ казанскій [1]).

Флетчеръ и до сихъ поръ не напечатанъ въ Россіи, а экземпляры его гдѣ-нибудь хранятся въ складахъ московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ или московскаго университета. Книга не была сожжена, и есть оффиціальныя свѣдѣнія, что нѣсколько экземпляровъ ея были взяты въ разное время изъ склада при университетской типографіи, по распоряженію различныхъ начальствующихъ лицъ [2]).

Въ 1867 году переводъ Флетчера былъ напечатанъ А. И. Герценомъ заграницей. По этому поводу О. М. Бодянскій вспомнилъ исторію съ переводомъ Флетчера. «Послѣдній (переводъ), писалъ онъ, есть перепечатка, сдѣланная безъ вѣдома Общества, которое, какъ всѣмъ извѣстно, принуждено было немедленно, по выпускѣ, изъять его изъ обращенія, навлекло на себя замѣчаніе, а предсѣдатель и секретарь Общества удалились изъ него; послѣдній даже, сверхъ того, и перемѣщенъ еще въ другой университетъ, куда, однако, не поѣхалъ, а предпочелъ выйти совсѣмъ изъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, но къ концу года (1849) снова былъ приглашенъ управляющимъ министерствомъ кн. Пл. Ал. Ширинскимъ-Шихматовымъ на свою кафедру въ московскій университетъ. Мы все еще боимся, и по истеченіи цѣлыхъ столѣтій, преклонить ухо свое къ невыгоднымъ отзывамъ о насъ иностранцевъ,—все еще думаемъ, что они, говоря о Россіи за 300 лѣтъ, говорятъ о теперешней Россіи, о насъ и нашихъ порядкахъ. Поэтому русскій переводъ сочиненія, заключающаго въ себѣ цѣлое сокровище самыхъ важныхъ замѣтокъ о тогдашнемъ московскомъ государствѣ во всѣхъ отношеніяхъ, помѣщаемаго всѣми знатоками исторіи на ряду съ записками Герберштейна, недоступнымъ сдѣлался именно тѣмъ, кому это без-

---

[1]) Рус. Стар. 1879, кн. XI, стр. 478.

[2]) Рус. Ст. 1890, т. LXV, стр. 428.

цѣнное произведеніе больше всего нужно. Или такъ уже и суждено намъ никогда не взглянуть прямо въ глаза никакой правдѣ о насъ, высказанной нашими врагами безъ обиняковъ и покрововъ?.. При такомъ состояніи нашемъ, конечно, Флетчеру въ русской одеждѣ суждено скорѣе, пожалуй, сгнить, чѣмъ когда-либо увидѣть свѣтъ Божій. А между тѣмъ незабвенный исторіографъ нашъ сколько обязанъ этому злополучному англичанину, помѣстивъ его. въ разбитную, въ своемъ безцѣнномъ трудѣ, чуть не цѣликомъ всего, въ разныхъ мѣстахъ IX и X томовъ «Исторіи Россійскаго государства» [1]).

Вся исторія по поводу Флетчера не прошла для Бодянскаго безслѣдно. Она наложила извѣстный отпечатокъ на весь его душевный складъ. Бодянскій больше уединился, ушелъ въ себя [2])...

Отъ этого времени сохранилась часть дневника Бодянскаго, куда онъ заносилъ свои мысли по поводу тѣхъ или другихъ общественныхъ событій, а также факты, о которыхъ ему приходилось узнавать или которые онъ самъ переживалъ [3]). Дневникъ этотъ чрезвычайно интересенъ и остается только пожалѣть, что отъ него уцѣлѣли только отрывки [4])...

---

[1]) Чтенія въ О-вѣ ист. и древн. росс. 1870, кн. Ш. Предисловіе къ „Матеріаламъ для исторіи Россіи, извлеченнымъ изъ рукописи Британскаго музея Н. И. Стороженкомъ".

[2]) Ист. Вѣд. 1887, кн. XII, стр. 513.

[3]) *Проф. А. А. Кочубинскій.* О. М. Бодянскій въ его дневникѣ Ист. Вѣст. 1887, кн. XII, стр. 514—515.

[4]) О дневникѣ О. М. Бодянскаго см. упомянутую выше статью проф. А. А. Кочубинскаго, а также замѣтки *А. А. Гатцука* въ „Рус-Стар. 1888 г. мартъ и *И. Ф. Павловскаго* въ Рус. Ст. 1888 г. ноябрь. Отрывки изъ дневника О. М. Бодянскаго напечатаны въ „Сборникѣ Общества россійской словесности на 1891 г. М. 1891 и *И. Ф. Павлосвкимъ* въ „Рус. Стар". 1888 г., ноябрь и 1889 г., октябрь.

VIII.

Научныя занятія О. М. Бодянскаго послѣ прекращенія «Чтеній». Докторская диссертація О. М. Бодянскаго и отзывы о ней специалистовъ. Вторичное избраніе Бодянскаго секретаремъ Общества и редакторомъ «Чтеній». Забаллотированіе его въ университетѣ. «Трилогія на трилогію».

Возстановленный въ званіи профессора, О. М. Бодянскій не былъ, однако, возстановленъ въ званіи секретаря Общества. Объ этомъ никто не смѣлъ и заикнуться послѣ всего случившагося. Только уже въ царствованіе Александра II, въ 1858 году, Бодянскій былъ снова выбранъ секретаремъ историческаго Общества исторіи и древностей россійскихъ и снова сдѣлался редакторомъ «Чтеній». До тѣхъ поръ секретаремъ Общества былъ И. Д. Бѣляевъ. «Чтенія» были замѣнены «Временникомъ», редакторомъ котораго былъ Бѣляевъ. Изданіе это, по словамъ М. И. Семевскаго, «не отличалось уже тѣмъ разнообразіемъ, какимъ выдавались «Чтенія»; нѣкоторые отдѣлы вовсе были устранены изъ «Временника» [1]).

Съ 1848 г. дѣятельность Бодянскаго сосредоточивалась, такимъ образомъ, исключительно на профессурѣ. Это дало ему возможность разобраться въ собранныхъ имъ научныхъ матеріалахъ и подвинуть впередъ свои научныя работы. Въ бытность свою редакторомъ «Чтеній», Бодянскій совсѣмъ не имѣлъ времени заниматься ими.

Среди научныхъ работъ Бодянскаго изъ этого времени на первомъ мѣстѣ необходимо, конечно, поставить его докторскую диссертацію «*О времени происхожденія славянскихъ письменъ* (М. 1855 г.). Изданіе это вышло отдѣльною книгою и вотъ по какому поводу.

«Въ 1855 году, разсказываетъ А. А. Котляревскій, приходилось праздновать юбилей московскаго университета; Шевыревъ,

---

[1]) „Рус. Стар.“, 1879 г., май, стр. 210.

руководя всѣмъ дѣломъ, хотѣлъ совмѣстить три юбилея: два тысячелѣтніе: основанія русскаго государства и изобрѣтенія славянскихъ письменъ, и столѣтній—московскаго университета. Когда въ юбилейномъ изданіи, по вопросу о письменахъ, Бодянскій пришелъ къ выводу, что письмена изобрѣтены были не въ 855, а въ 862 году, то, по распоряженію Шевырева, печатаніе пріостановлено и отпечатанные листы уничтожены. Тогда Бодянскій издалъ свое изслѣдованіе «О времени происхожденія славянскихъ письменъ» отдѣльною книгою. Онъ хотѣлъ представить его на степень доктора, но все откладывалъ... Шевыревъ пустилъ слухъ, что Бодянскій боится диспута, и это то обстоятельство ускорило диспутъ, на который, кстати сказать, Шевыревъ не явился» [1])...

Изслѣдованіе Бодянскаго очень высоко цѣнится спеціалистами. По словамъ А. А. Котляревскаго, «изслѣдованіе о времени происхожденія славянскихъ письменъ—настольная книга у всѣхъ, кто предается занятіямъ старославянскою письменностью. Заглавіе ея далеко не выражаетъ всего богатства содержанія; это огромный сборникъ всякаго рода историко-литературныхъ и палеографическихъ замѣтокъ и изслѣдованій по различнымъ вопросамъ, относящимся къ произведеніямъ древне-славянской литературы. Таковъ, напр., мастерской разборъ сказанія о св. Вячеславѣ» [2]). Такого же высокаго мнѣнія о диссертаціи О. М. Бодянскаго держится и И. И. Срезневскій. Въ книгѣ «О времени происхожденія славянскихъ письменъ», говоритъ онъ, «въ первый разъ подобраны и разобраны всѣ источники, пособія и мнѣнія, касающіеся этой задачи, и гдѣ обширныя знанія и особенности изслѣдовательнаго направленія Бодянскаго высказались въ полномъ свѣтѣ. Все изслѣдованіе раздѣлено на четыре главы. Первая заключаетъ въ себѣ обзоръ свидѣтельствъ, раздѣленныхъ на два отдѣла: къ одному отнесены источники (греческіе, западные и отечественные), ко второму—пособія, т. е. свидѣтельства проложныя и лѣтописныя, какъ пересказы источниковъ. Во второй

[1]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 442.
[2]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 442—443.

главѣ данъ разборъ свидѣтельствъ съ мыслію объяснить, какія и почему заслуживаютъ болѣе уваженіе. Третья глава, самая живая по увлеченію сочинителя, самая замѣчательная для того, кто желаетъ познакомиться съ главными его убѣжденіями, есть переборъ мнѣній относительно разбираемаго вопроса, начиная отъ старѣйшихъ, XVII вѣка, до послѣднихъ современныхъ. Въ четвертой главѣ еще разъ перебраны сравнительно и объяснительно главныя показанія, и дано общее рѣшеніе: славянскія письмена созданы Кирилломъ философомъ въ Цареградѣ въ 862 году. Къ этому обширному изслѣдованію приложены не менѣе обширныя примѣчанія, изъ которыхъ нѣкоторыя могутъ быть цѣнимы какъ отдѣльныя изслѣдованія: таковъ, напр. разборъ Житія Вячеслава, князя чешскаго» (стр. 76—88)[1].

Ко времени перерыва въ редакторствѣ «Чтеній» относятся и другія научныя работы О. М. Бодянскаго. Въ 1856 году въ «Русскомъ Вѣстникѣ» была напечатана его работа о новыхъ открытіяхъ въ области глаголицы[2], Тогда же приблизительно Бодянскій началъ свой трудъ по изданію Изборника Святослава 1073 г.[3]. Изданіе было предпринято на средства графа Строганова и подвигалось очень медленно. Бодянскій печаталъ его по листу въ годъ. Работа была кропотливая. Это, вѣроятно, въ связи затѣмъ съ разными житейскими невзгодами, тормозило изданіе. «Изборникъ 1073 года, говоритъ А. А. Котляревскій весь основанъ на греческихъ источникахъ, но нѣкоторые источники неизвѣстны въ подлинникѣ, и Бодянскій искалъ ихъ у древнихъ авторовъ. Труда это стоило ему не мало: будучи отъ природы очень разсчетливъ. Бодянскій, однако, предлагалъ значительную денежную премію тому, кто отыщетъ нѣкоторыя мѣ-

[1]) *Срезневскій.* На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, стр. 45—46. Болѣе подробный и обстоятельный разборъ диссертаціи Бодянскаго сдѣланъ И. И. Срезневскимъ въ «25-мъ присужденіи Демидовскихъ наградъ».

[2]) *Срезневскій.* На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, стр. 46.

[3]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 441.

ста въ сочиненіи Кирилла Іерусалимскаго, находящагося въ «Изборникѣ»; конечно, предварительно онъ самъ тщательно перечиталъ всего Кирилла Іерусалимскаго» [1]).

«Изборникъ» былъ отпечатанъ при жизни Бодянскаго, но вышелъ въ свѣтъ уже послѣ его смерти, въ 1882 г., съ предисловіемъ Е. В. Барсова и статьей Дювернуа [2]).

Въ 1858 году умеръ Чертковъ, который былъ предсѣдателемъ Общества исторіи и древностей россійскихъ послѣ графа С. Г. Строганова. Времена теперь уже измѣнились. Наканунѣ крестьянской реформы стало дышаться нѣсколько вольнѣе. При такихъ обстоятельствахъ, Общество, безъ всякаго съ своей стороны риска, могло избрать графа Строганова снова въ предсѣдатели, а Бодянскаго—въ секретари. О. М. Бодянскій, такимъ образомъ, вернулся къ редакторской дѣятельности и принялся за изданіе «Чтеній», которыя выходили теперь по четыре объемистыхъ тома въ годъ. До своей смерти за все время своего редакторства О. М. Бодянскій издалъ *сто* книгъ «Чтеній». Съ 1858 г.—*семьдесятъ восемь*.

Характеръ «Чтеній» этого второго періода нѣсколько измѣняется. Историческіе матеріалы, главнымъ образомъ, по малорусской исторіи замѣтно рѣдѣютъ [3]). На первый планъ выдвигаются памятники древней письменности и литературы и переписка, преимущественно, лицъ духовныхъ. Думаемъ, такая перемѣна характера «Чтеній» стоитъ въ значительной связи съ спеціальными занятіями О. М. Бодянскаго древней письменностью послѣ 1848 года. Эти спеціальныя занятія не могли, конечно, не отразиться на вкусахъ Бодянскаго, какъ редактора.

Спеціальный характеръ журнала не мѣшалъ, однако, О. М. Бодянскому иногда выступать въ немъ и со статьями нѣсколько публистическаго характера. Въ началѣ 1860-хъ годовъ онъ напе-

---

[1]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 441.

[2]) Статья проф. Н. Ф. Сумцова въ «Критико-біографическомъ словарѣ С. А. Венгерова», т. V, стр. 75.

[3]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 442.

чаталъ, напримѣръ, рядъ замѣчаній на проэкты объ ученыхъ степеняхъ, объ университетскомъ уставѣ, объ академіи наукъ, о польскомъ дѣлѣ, о преобразованіи календаря... Эти статьи публицистическаго характера въ 1870-хъ годахъ повели къ новой бурѣ противъ Бодянскаго. Но объ этомъ въ свое время...

Какъ редакторъ «Чтеній» О. М. Бодянскій управлялъ и университетскою типографіею и занималъ при ней казенную квартиру. Въ 1862 году рѣшено было отдать «Московскія Вѣдомости» и университетскую типографію въ аренду Каткову. Бодянскій былъ рѣшительнымъ противникомъ этого. До тѣхъ поръ онъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ какъ съ Катковымъ, такъ и съ Леонтьевымъ. Теперь же рѣзко выступилъ противъ нихъ. Отличаясь всегда большимъ упорствомъ, О. М. Бодянскій въ дѣлѣ сдачи университетской типографіи Каткову довелъ свое упорство до крайности. Наканунѣ вывезши всѣ свои вещи изъ казенной квартиры на частную, Бодянскій оставилъ для себя только немного мебели, приготовилъ къ сдачѣ дѣла по типографіи, просидѣлъ цѣлый вечеръ въ пустой квартирѣ, и сдалъ типографію, когда пробило 12 часовъ ночи 31 декабря 1862 года [1]). Благодаря этому, первый номеръ «Московскихъ Вѣдомостей», подъ редакціей Каткова, опоздалъ на два дня [2]).

Одинъ изъ сотрудниковъ «Московскихъ Вѣдомостей» перваго періода г. Зименко описываетъ чрезвычайно оригинальную сцену переговоровъ своихъ съ О. М. Бодянскимъ по поводу сдачи типографіи [3]). Сцена эта настолько характерна, что отрывки изъ нея мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь. Г. Зименко видитъ главную причину упорства Бодянскаго въ нежеланіи очищать и лишаться казенной квартиры, но мы далеки отъ подобнаго рода подозрѣній. Это совсѣмъ не вяжется какъ-то съ той характеристикой Бодянскаго, какую оставили намъ знавшіе хорошо его люди...

---

1) «Историч. Вѣст.», 1887, кн. XII, стр. 507.

2) «Рус. Арх.», 1883, кн. I, стр. 136.

3) «Рус. Арх.», 1883, кн. I, стр. 132—136.

Г. Зименко былъ посланъ къ Бодянскому, послѣ того какъ ни Каткову, ни Леонтьеву не удалось уговорить его сдать типографію до срока, который для арендаторовъ наступалъ 1 января 1863 г. «Такъ какъ Бодянскій, разсказываетъ г. Зименко, еще не оставлялъ занимаемаго имъ помѣщенія въ домѣ университетской типографіи (хотя всѣ вещи его уже были перевезены на другую наемную квартиру), то мнѣ стоило только перейти дворъ, чтобы достигнуть его апартамента. Съ трепетомъ, поминая «Царя Давида и всю кротость его», я переступилъ порогъ его опустѣлой квартиры. Во всѣхъ комнатахъ двери были растворены настежъ. Въ кабинетѣ, гдѣ онъ принялъ меня, стояла кушетка съ двумя подушками (изъ нихъ одна вышитая гарусомъ), большое, въ родѣ Вольтеровскаго, кресло, въ которомъ возсѣдалъ самъ хозяинъ, небольшой письменный столъ съ находящимся на немъ зеркаломъ, бумагами и какою то толстою въ старомъ кожаномъ переплетѣ книгою. У стѣны стояли два стула—вотъ и все убранство его кабинета. Въ сосѣдней комнатѣ, въ широко растворенную дверь, я примѣтилъ большой, простой, деревянный столъ, заваленный связками конторскихъ книгъ, кипами бумагъ и проч. Это то и были тѣ дѣла и документы, которые подлежали передачѣ новой редакціи и о которыхъ шли и велись такіе оживленные переговоры.

— Милости прошу садиться, сказалъ Бодянскій, придвигая стулъ къ своему столу. Чѣмъ могу служить вамъ?—прибавилъ онъ, взглянувъ на меня съ остервененіемъ.

— Я къ вамъ, Іосифъ Максимовичъ, (онъ не любилъ, когда его называли Осипъ), по порученію Михаила Никифоровича Каткова.

— Это на счетъ чего же?—спросилъ онъ, нахмуривъ брови.

— Просить, чтобы вы были такъ добры, распорядились теперь же передачею всѣхъ дѣлъ новой редакціи... Дальнѣйшая задержка можетъ повліять на выходъ газеты во-время, а это, въ свою очередь, неблагопріятно отразится на подпискѣ. Михаилу Никифоровичу желательно выпустить первый нумеръ 1-го ян-

варя, а это почти невозможно, если вы не передадите намъ дѣлъ и...

— Ну, такъ что жъ такое, если газета не выйдетъ 1-го числа?

— Да, это ваше мнѣніе, Іосифъ Максимовичъ; но публика судитъ иначе... Ей никакого дѣла нѣтъ до причинъ, замедлившихъ выходъ газеты; она въ правѣ требовать и требуетъ, чтобы...

— Полноте, батенька мой, полноте, сказалъ онъ, снова перебивая рѣчь мою; я самъ очень хорошо знаю всѣ эти исторіи... Все это одни пустыя слова... Но все равно, я ни для кого и ни за что не отступлю отъ своихъ правилъ... Чего я не могу сдѣлать, того не сдѣлаю: долгъ, обязанности службы для меня выше всего .. По крайней мѣрѣ, въ моей жизни я ни для дружбы, ни родства или кумовства отъ своихъ правилъ не отступалъ, тѣмъ паче въ ущербъ казеннымъ интересамъ.

— Помилуйте, Іосифъ Максимовичъ! Какимъ же образомъ могутъ тутъ страдать казенные интересы? Они здѣсь ни причемъ. Если отъ вашего нежеланія передать намъ поскорѣе дѣла и пострадаютъ интересы, то вовсе не казны, а Михаила Никифоровича, да, пожалуй, и самихъ подписчиковъ. Согласитесь, что для редакціи не совсѣмъ пріятно на первыхъ же порахъ зарекомендовать себя неаккуратнымъ исполненіемъ принятыхъ ею на себя обязательствъ.

— Все это такъ, батенька; а я не могу, положительно не могу... Я привыкъ слово свое считать для себя закономъ. Я увѣренъ, что Михаилъ Никифоровичъ на моемъ мѣстѣ поступилъ бы также: въ угоду другимъ онъ тоже не уклонился бы отъ исполненія своихъ обязанностей.

— Совершенно вѣрно, что въ угоду другимъ Михаилъ Никифоровичъ не уклонится отъ своихъ обязанностей. Но взглядъ на обязанности бываетъ не у всѣхъ одинаковъ. Такъ напримѣръ, то, что вы считаете исполненіемъ своихъ обязанностей, онъ, да и не онъ одинъ, а всѣ благомыслящіе люди, считаютъ вздоромъ, а настойчивость, съ какою вы преслѣдуете вашъ прин-

ципъ—называютъ прижимкою, т. е. желаніемъ сдѣлать все непріятное почтеннымъ редакторамъ «Московскихъ Вѣдомостей».

— А вы, батенька мой, слишкомъ молоды, чтобы говорить мнѣ такія вещи и учить меня... Я давно ученъ, да и другихъ учу... Передайте г-ну Каткову, что я какъ сказалъ, такъ и сдѣлаю. Ранѣе назначеннаго мною времени я отсюда не уѣду и дѣлъ тоже не передамъ. Такъ и скажите.

Онъ всталъ; я послѣдовалъ его примѣру. Онъ весьма сухо поклонился мнѣ, и мы разстались.

Я тотчасъ же передалъ печальный результатъ моего свиданія съ Бодянскимъ.

— Дѣлать нечего, будемъ ждать,—проговорилъ Катковъ послѣ минутнаго молчанія. Займитесь же теперь, о чемъ я просилъ васъ. Когда перевезете сюда дѣла, которыя остались на прежней квартирѣ, займитесь пріемомъ подписки; если не справитесь одни, пригласите кого-нибудь изъ корректоровъ.

Вечеромъ того же дня мы принялись за работу. Масса подписчиковъ осаждала контору вплоть до 11 часовъ ночи. По закрытіи подписки мы работали всю ночь, вписывая въ книгу адресы, провѣряя деньги и пр., причемъ многія жалобы и вопросы подписчиковъ оставлялись неудовлетворенными и не разъясненными, за неимѣніемъ для провѣрки ихъ книгъ и документовъ, находившихся у Бодянскаго.

Наконецъ, наступилъ желанный нами срокъ. Ровно въ 12 часовъ ночи 31 декабря 1862 года старшій корректоръ объявилъ намъ, что г. Бодянскій выѣхалъ изъ квартиры, и что книги и документы находятся въ комнатѣ, запертой на ключъ, который тутъ же и былъ врученъ Павлу Михайловичу Леонтьеву» [1]).

Понятное дѣло, Катковъ и Леонтьевъ не могли отнестись равнодушно къ подобной выходкѣ и, по своему, отомстили Бодянскому.

Въ 1868 году истекалъ 25-лѣтній срокъ службы Бодянскаго въ университетѣ. Предстояла въ совѣтѣ баллотировка его

---

[1]) Рус. Арх., 1883, I, стр. 134—136.

на новое пятилѣтіе. Леонтьевъ въ это время пользовался въ московскомъ университетѣ большимъ вліяніемъ и располагали большинствомъ голосовъ въ университетскомъ совѣтѣ. Въ концѣ октября 1868 г. Бодянскій былъ забаллотированъ. На его мѣсто избрали Дювернуа, одного изъ послѣднихъ, по времени, его учениковъ, который примкнулъ къ партіи Леонтьева [1]).

Въ печать проникло еще мало подробностей обо всемъ этомъ. «Исторія впослѣдствіи разъяснитъ и произнесетъ надъ нимъ свой судъ, но и теперь можно уже сказать, что съ удаленіемъ Бодянскаго изъ московскаго университета наука упала въ немъ низко, очень низко»... Такъ писалъ въ 1878 году покойный А. А. Котляревскій [2]). «Грустно вспомнить объ этомъ тяжеломъ остракизмѣ!—говоритъ проф. А. А. Кочубинскій.—Но позволяемъ себѣ вѣрить,—что будущій историкъ русскаго просвѣщенія не скажетъ слова одобренія увѣнчанному, къ несчастію, побѣдою домогательству противниковъ Бодянскаго—устранить его изъ университета» [3]).

Забаллотированіе Бодянскаго въ университетѣ должно было сильно огорчить, обидѣть его. Что онъ въ это время переживалъ тяжелую душевную драму,—въ этомъ, врядъ ли можно сомнѣваться. Отголосокъ ея слышится въ письмѣ Бодянскаго къ М. И. Семевскому отъ 28-го ноября 1868 года. Прошелъ ужъ мѣсяцъ послѣ изгнанія Бодянскаго изъ университета, но чувство горечи такъ еще свѣже въ этомъ письмѣ. «Въ послѣднихъ числахъ октября, пишетъ онъ, я *принужденъ* добрыми людьми удалиться изъ университета; съ удаленіемъ же изъ университета я *вынужденъ* оставить и «Общество исторіи и древностей россійскихъ», какъ состоящее при ономъ, и направиться въ болѣе благопріятный для меня край—коротать свой вѣкъ. Другими словами: получая только 1500 съ небольшимъ рублей серебромъ пенсіи, мнѣ

---

[1]) Славянское Обозрѣніе, 1892, стр. 303, ст. проф А. А. Кочубинскаго.

[2]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 443.

[3]) Славянское Обозрѣніе, 1892 г. ноябрь-декабрь, стр. 303.

нельзя оставаться въ столицѣ съ семействомъ, а необходимо забраться въ такую глушь, гдѣ бы можно было, какъ говоритъ пословица, протягивать ножки по одежкѣ». Далѣе О. М. Бодянскій говоритъ объ изданіи «Чтеній», которому онъ, по его словамъ, «служилъ всѣми силами и способностями своими». «Кто же и какъ поведетъ ихъ—не вѣмъ пока, да и вѣдать не стараюсь,—продолжаетъ онъ. Сдѣлавъ свое, сослуживъ ему службу, желаю, чтобы и другіе хоть также искренно, также любовно къ нему отнеслись послѣ меня, какъ я относился во все мое многолѣтнее и нелегкое служеніе ему. Статься можетъ, помянутъ когда-нибудь и того чудака, что почти безъ всякихъ средствъ, сумѣлъ однакоже всѣми забытое «Общество», спавшее болѣе 40 лѣтъ, не только пробудить къ жизни, но и поставить его въ головѣ всѣхъ прочихъ ученыхъ Обществъ, не задолжавъ никому ни гроша, и не получая за всѣ свои труды и подвизанія также ни гроша.

Конечно, подобные дурни въ нашъ разсчетливый вѣкъ рѣдки, переводятся съ каждымъ днемъ; они, какъ поэты, non fiunt, sed nascuntur, и то лишь въ болѣе благопріятныя времена, въ урожайные годы на дурней» [1])...

Къ счастію, предсѣдателемъ Общества исторіи и древностей былъ графъ С. Г. Строгановъ, постоянный покровитель и защитникъ Бодянскаго. Строганову удалось удержать въ Обществѣ его неутомимаго секретаря...

«Устраненный отъ живого дѣла старикъ—говоритъ по этому поводу проф. А. А. Кочубинскій, можно бы ожидать, легко затеряется въ текущей жизни. Легко могъ онъ и умереть.. Но Бодянскій и отставной, не погибъ для насъ, для русскаго просвѣщенія, для науки: его спасла наука отъ моральной или физической смерти еще на цѣлый десятокъ лѣтъ, спасла возможность удовлетворить своей старой привычкѣ—работать и работать на той же родной, славянской нивѣ. Университетская атмосфера ушла отъ стараго слависта; но живая атмосфера науки, интересовъ просвѣщенія не переставала живительно вліять на него и отставного. Онъ не

[1]) Рус. Ст. 1879 г., май, стр. 215—216.

профессоръ; но онъ остался въ роли редактора знаменитыхъ «Чтеній въ московскомъ Обществѣ исторіи», созданныхъ именно его трудомъ, его энергіей, его знаніемъ» [1]).

Редакторомъ «Чтеній» Бодянскій оставался до самой своей смерти (6 сентября 1877 г.); но и здѣсь дѣло не обошлось безъ тревогъ и все на почвѣ той же вражды съ Леонтьевымъ и Катковымъ.

Въ концѣ 1860-хъ и въ началѣ 1870-хъ годовъ начались со стороны нашей охранительной печати, во главѣ которой стояли редактируемые Катковымъ «Московскія Вѣдомости» и «Русскій Вѣстникъ», ожесточенныя нападки на университетскій уставъ 1863 г. и на предоставленную имъ, въ нѣкоторой степени, автономію русскимъ университетамъ. Въ обсужденіи университетскаго вопроса приняли участіе всѣ наиболѣе видные и вліятельные журналы того времени [2]). Застрѣльщикомъ въ борьбѣ противъ устава 1863 г. выступалъ, главнымъ образомъ, профессоръ московскаго университета Н. Любимовъ, напечатавшій рядъ обширныхъ статей въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Одна изъ этихъ статей носила названіе «Трилогіи» и была помѣщена въ 5 книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1873 годъ.

Мы уже знаемъ, что еще въ началѣ 1860-хъ годовъ Бодянскій выступалъ со статьями по университетскому вопросу и печаталъ ихъ въ «Чтеніяхъ». Не могъ онъ удержаться и теперь, когда по поводу университетовъ велась такая ожесточенная полемика.

Въ I книжкѣ «Чтеній» за 1873 годъ (генварь-мартъ) появилась обширная статья, подписанная «К. Муцій Сцевола» и озаглавленная «Трилогія на трилогію. Историческій очеркъ изъ современной жизни русскаго университета».

---

[1]) Славянское Обозрѣніе, 1892, ноябрь-декабрь, стр. 303.

[1]) Важнѣйшая литература того времени приведена О. М. Бодянскимъ въ предисловіи къ статьѣ К. Муція Сцеволы («Чтенія» 1873, I, стр. 284, «Трилогія на трилогію»).

Статья, снабжена предисловіемъ подписаннымъ иниціалами Бодянскаго «О. Б.». Но, несомнѣнно, что и вся статья написана имъ. Достаточно только пробѣжать ее, чтобы сразу же замѣтить обычную манеру письма Бодянскаго: пересыпанье своей рѣчи пословицами и поговорками на всевозможныхъ языкахъ.

Въ предисловіи къ статьѣ Бодянскій говоритъ: «По той важности, какую имѣютъ въ жизни народовъ высшія учебныя и ученыя учрежденія, всякій, посвящающій себя изученію бытій, обязанъ внимательно слѣдить за судьбой ихъ, отмѣчая въ дневникѣ своемъ всѣ перемѣны, происходящія въ нихъ къ лучшему, или къ худшему. На семъ основаніи и мы заносимъ на страницы «Чтеній», какъ изданія историческаго, очеркъ изъ современной жизни Русскаго Университета, именно борьбы его, за сохраненіе дѣйствующаго нынѣ Устава Русскихъ Университетовъ, съ тѣми немногими, которые всемѣрно ратуютъ противъ оного, предлагая уже съузить кругъ самостоятельной, свободной дѣятельности ихъ, дарованной еще такъ недавно имъ въ ихъ Уставѣ. И это тѣмъ обязательнѣе для «Чтеній», что Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ состоитъ при одномъ изъ сихъ высшихъ учрежденій, получило свое существованіе при немъ, и притомъ въ одно время съ первымъ Уставомъ для Русскихъ Университетовъ, самымъ лучшимъ и самымъ либеральнымъ изъ всѣхъ, послѣдовавшихъ за нимъ: многое и многое вошло изъ него, вопреки злобѣ дня, и въ преслѣдуемый теперь Уставъ воротилами нашего времени. Для Историческаго Общества процвѣтаніе Университета (а его нѣтъ и быть не можетъ, безъ самобытной жизни) есть и его процвѣтаніе, и, на оборотъ, съ прозябаніемъ его, и оно не минуемо прозябаетъ. «Bonae indoles, ubi fructus non possunt, spem, non fructus, edunt».

Какъ ни коротко, однако же, время, протекшее отъ перваго напора на дѣйствующій нынѣ Университетскій Уставъ по ся поры, но уже литература этого вопроса немалочислена».

Самая статья шагъ за шагомъ слѣдуетъ за мыслями противниковъ устава 1863 г. и чрезвычайно зло и остроумно ихъ разбиваетъ. Статья утомительно длинна и носитъ чисто полеми-

ческій характеръ, благодаря чему передать ея содержаніе вкратцѣ не представляется возможнымъ.

Сущность возраженій К. Муція Сцеволы и манера его письма видны изъ слѣдующихъ словъ, которыми статья оканчивается: «Когда два первые Устава просуществовали, одинъ тридцать лѣтъ, другой почти столько же, ломать третій Уставъ, всего только черезъ десять лѣтъ, тутъ что-нибудь да не спроста. Музыка, очевидно, заведена издалека и изъ недоступныхъ убѣжищъ. Главное побужденіе для нея къ тому, какъ можно видѣть изъ статьи Г. Любимова,—возможность профессуры и участія въ производствѣ экзаменовъ для преподавателей, поступившихъ, или назначенныхъ, за негодностію, въ сломку. Мы думаемъ, что достаточно выказали всѣ диссонансы и фальшивыя ноты, которыми сопровождается повсюду мотивъ этой музыки, и мы надѣемся, что послѣ всего, что обнаружено печатью, исполнившею честно свое назначеніе, музыка не произведетъ дѣйствія, на которое разсчитывалось. Одна и та же Редакція. одно и тоже изданіе, одинъ и тотъ же союзъ людей, стоящихъ внѣ Университета, сегодня говоритъ одно, завтра другое, сегодня это бранитъ, завтра хвалитъ, сегодня этого проситъ, завтра это самое отвергаетъ, у себя имѣетъ большее, даже до чрезмѣрности, у другихъ наровитъ отнять меньшее и необходимѣйшее. Это признаемся, недоступно для здраваго смысла. Понять развѣ, и то по своему, съ своей точки зрѣнія, могутъ одни лишь фанатики. Фанатизмъ, какъ извѣстно, слѣпъ; онъ не знаетъ законовъ здраваго разумѣнія, ему подобенъ и мелкій разсчетъ, обращенный къ своимъ исключительнымъ цѣлямъ; мелкій разсчетъ тоже не хочетъ знать законоположеній чистаго разума. Когда фанатизмъ, при счастливомъ стеченіи обстоятельствъ, достигаетъ осуществленія самого себя, тогда становится на его мѣсто разсчетъ, старающійся поддержать осуществленную идею въ ея фанатической исключительности. Такъ «Московскимъ Вѣдомостямъ», фанатически проводившимъ свою идею народнаго образованія, говорятъ, что онѣ хватили уже черезъ мѣру, указываютъ на непріязненную имъ общественную среду и на жертвы, которыя вы-

хватываетъ преждевременная смерть изъ молодого поколѣнія, а онѣ твердятъ: «Это клевета! Мы знать ничего не знаемъ!» и ссылаются на легкомысліе молодого поколѣнія, указывая на радикальный способъ лѣченія—розги. Кстати, послѣ всѣхъ выписокъ, которыя мы привели изъ изданій одной и той же Редакціи, обличающихъ въ ней тоже легкомысліе и во всякомъ случаѣ положительное отсутствіе того, чего надѣются достигнуть чрезъ классическое образованіе и розги, кстати посовѣтовать ей: «Врачу, исцѣлился самъ!» А какимъ способомъ, это предоставляемъ на выборъ самимъ врачамъ, но пожалуй, укажемъ на два способа, ими же сами предлагаемые; слѣдовательно, на свои собственные рецепты они положиться могутъ. Первый—получше вытвердить зады въ древнихъ языкахъ, которыя сообщатъ имъ устойчивость или, такъ сказать, порядочность мысли и уваженіе къ публикѣ. Древніе языки рекомендуемъ имъ для того, чтобы они не мѣняли легкомысленно, какъ не «дисциплированные» юноши, по нѣскольку разъ своихъ взглядовъ на одинъ и тотъ же предметъ, что мы показали выше; древніе писатели, и преимущественно ораторы, такъ тщательно и строго логично вырабатывавшіе свои рѣчи, изъ уваженія къ мыслительной способности своихъ слушателей, предохранятъ ихъ и отъ почтиванія читателей плохими переводами изъ Латинскихъ историковъ, и еще болѣе плохими на этотъ счетъ и легкомысленными объясненіями въ родѣ того, что плохой переводъ изъ Тита Ливія помѣщенъ, «какъ вставка», мимоходомъ. Нѣтъ, знающій хорошо Латинскій языкъ, переводчикъ ли то будетъ, или Редакторъ журнала, не только мимоходомъ, но и въ шутку, всегда и при всѣхъ условіяхъ, передастъ слова подлинника въ ихъ настоящемъ значеніи. Другое дѣло не обработать хорошо языка своего перевода, ради спѣшности, или неважности, но объ этомъ мы и не говоримъ; ошибки же, обличающія прямое незнаніе словъ и смысла выраженій, нигдѣ и никогда не извинительны, особенно для проповѣдниковъ классицизма. Такое объясненіе въ защиту дурного Латинскаго перевода не хуже самаго перевода. Къ чему тутъ понадобилось оно? Ради оправданія? Но дурное ни чѣмъ не можетъ быть оправ-

дано, не сдѣлается отъ того хорошимъ, и даже посредственнымъ. Ради извиненія? Но: «Excusatio non petita, accusatio manifesta». Сдѣланнаго не передѣлать уже: «Factum infectum fieri non potest». Плохо тому, на кого его же и слова и дѣла: «Turpe est doctori, dum culpa redarguit ipsum». Второй рецептъ не такъ сложенъ: это тотъ самый Англійскій способъ лѣченія, который мы сейчасъ назвали настоящимъ его именемъ со словъ Редакціи «Московскихъ Вѣдомостей». Въ похвалу ему нельзя не сказать: «Cum feriunt unum, non fulmina ferrent». По законамъ здраваго смысла а вмѣстѣ и безпристрастія, когда дѣлается предостереженіе, то надлежитъ обслѣдовать это предостереженіе, и тѣмъ тщательнѣе, чѣмъ болѣе вопіющи указываемые имъ случаи, а потомъ исправить мѣру, которая перемѣриваетъ, и вѣсы, которыя перевѣшиваютъ. Если же, при всей очевидности указаній, не хотятъ приступить къ исправленію, то это показываетъ, что мелкій разсчетъ вступилъ въ свои права и что до требованій человѣческаго здравомыслія ему нѣтъ дѣла, а всю свою логику онъ примѣняетъ къ своей частной цѣли, чтобы удавшуюся случайно фанатическую идею отстоять въ ея фанатической исключительности, среди подымающагося отовсюду зловѣщаго подземнаго гула. Иначе, указанныя нами крайнія противорѣчія въ публичной дѣятельности Московскихъ союзниковъ, ополчившихся на Русскій Университетъ, и ихъ очевидно пагубныя, даже непонятныя, требованія разныхъ отмѣнъ и ограниченій, никакими законами здраваго смысла объяснены быть не могутъ безъ тѣхъ разоблаченій, которыя, быть можетъ, наименѣе желательны поборникамъ классицизма и радѣтелямъ Русскаго Университета. Извѣстное, переизвѣстное, дѣло: «есть тайно, еже не явѣ», или, какъ Латынь выражается: «Quidquid nix celat, solis calor omne revelat». Напрасно думать: замыслы наши крѣпки сами собою, и кто бы что ни говорилъ и ни дѣлалъ, постоимъ мы за себя; но: «Saepe optime cogitata pessime cadunt», говорятъ вамъ ваши же классики. Сила тутъ ни при чемъ, если не покоится она на правдѣ; она себя губитъ: «Vis consilii expers, mole ruit sua». Не обольщайтесь, не говорите: «Nos numerus sumus, et fruges consumere nati»; не хвалитесь: «Quid

curo stellas, si mihi Phoebe, faves?» ни «Norunt, cui serviunt leones», чтобы не затянуть послѣ: «Nos quoque floruimus, sed flos ille fuit caducus», по тому что: «Violenta nemo imperia continit diu»; при томъ: «Brevis est magni fortuna favoris». То одно прочно въ мірѣ семъ, что зиждется на прочномъ, т. е., на правдѣ, на истинѣ, на благѣ; а Г. Любимовъ со своими развѣ смѣетъ сказать теперь, обращаясь къ Русскому Университету: «Путь истины изволихъ, и судьбы твоя не забыхъ»? Однимъ словомъ, невольно вспоминаются намъ тутъ въ заключеніе слова, сказанные уже въ древности однимъ изъ умнѣйшихъ людей своего времени: «Dum privatae utilitati consulitur, commodum universum perditur». Конечно, это можетъ быть, и горько слышать отъ другихъ тѣмъ, кто съ тою гордостію провозгласилъ: «Изданіе наше предназначено служить интересамъ свободы и жизни»; но что же дѣлать, когда другіе, не видя этого служенія, провидятъ въ нихъ совсѣмъ противное тому и, въ оправданіе своихъ домысловъ, указываютъ на дѣла ни мало не гласящія о свободѣ и жизни, да, въ досадѣ на такое помыканіе столь священными для человѣка понятіями, высказываютъ злоупотребляющимъ ими въ лицо упреки безъ всякаго подслащенія. Они свидѣтельствуются въ справедливости того ихъ же дѣлами, и «свидѣтельство сіе (говорятъ они) истинно есть: ея же ради вины и обличаютъ ихъ нещадно, да здрави будутъ, не внимающе баснемъ, ни заповѣдемъ человѣкъ, отвращающихся отъ истины». Гнѣваться за то не лѣть есть, по тому что: «Admoneri bonus gaudet, pessimus quisque correptionem asperrime patitur». Да, святая, во вѣки непреложная, истина: доброе добромъ и поминается. Кто ее не знаетъ, кто ее не видитъ, и не видѣлъ въ своей жизни? «Vidimus, et sordet, quidquid spectavimus olim»...

Появленіе статьи К. Муція Сцеволы нагнало цѣлую бурю на Общество и исторія древностей. По словамъ А. А. Котляревскаго, статья едва не вызвала разрушеніе стараго московскаго историческаго общества [1]). Въ протоколахъ Общества есть едва примѣтные слѣды всего происшедшаго. Бывшій тогда предсѣда-

---

[1]) Сочиненія А. А. Котляревскаго т. II стр. 443.

телемъ Общества гр. С. Г. Строгановъ вышелъ въ отставку; Бодянскій остался секретаремъ, но за то былъ лишенъ права что-нибудь печатать безъ согласія предсѣдателя Общества. Предсѣдателемъ былъ избранъ генералъ Н. В. Исаковъ а, за отказомъ его, М. П. Погодинъ [1]).

Подробности всего, что случилось по поводу напечатанія «Трилогіи на трилогію» намъ неизвѣстны. Можно только догадываться, что дѣло было такъ, какъ и во времена Флетчера, т. е. что гоненіе на Общество вышло изъ среды ученой братіи, враждебной Бодянскому. Министромъ народнаго просвѣщенія былъ тогда гр. Д. А. Толстой, который всегда находился подъ большимъ вліяніемъ Каткова и К°. Послѣднимъ не трудно было направить его дѣйствія въ извѣстную сторону. Формальнымъ предлогомъ для того, чтобы зажать ротъ Бодянскому, было выбрано то обстоятельство, что въ программу «Чтеній» не входили статьи публицистическаго характера. Въ 60-хъ годахъ, мы знаемъ, статьи по университетскому вопросу печатались въ «Чтеніяхъ» и считались дозволенными. По крайней мѣрѣ, никто не обратилъ вниманіе на то, что онѣ не входятъ въ программу изданія. Теперь же, въ 1870 года, когда статья Бодянскаго оказалась невыгодной для Каткова и Любимова, она повлекла за собой цѣлую бурю...

IX.

Послѣдніе годы жизни О. М. Бодянскаго. Смерть его. Некрологи. Оцѣнка личности О. М. Бодянскаго людьми, его лично знавшими. Судьба библіотеки и рукописей О. М. Бодянскаго.

Въ послѣдніе годы своей жизни О. М. Бодянскій началъ прихварывать, но все-таки неизмѣнно работалъ надъ своими излюбленными «Чтеніями». На совѣтъ своего друга земляка профес-

---

[1]) Чтенія 1875 г. кн. I, протоколы стр. 167 и кн. III, протоколы стр. 119.

сора Варвинскаго, не запускать болѣзни, а пригласить постояннаго врача, онъ отвѣчалъ, говоритъ проф. А. А. Кочубинскій, своимъ классическимъ «не хóчу»—съ неизмѣннымъ своимъ удареніемъ [1]). Болѣзнь между тѣмъ дѣлала свое дѣло. За нѣсколько дней до смерти, положеніе Бодянскаго было уже безнадежнымъ.

«Поддержи меня хоть немного, мнѣ нужно сдѣлать еще кой-какія распоряженія», просилъ онъ своего друга—профессора узнавъ отъ него о безнадежности своего положенія [2]).

Поддержать было уже не возможно, и 6 сентября 1877 года Бодянскій умеръ, не составивъ завѣщанія, не сдѣлавъ никакихъ распоряженій.

О. М. Бодянскаго похоронили въ Москвѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, рядомъ съ могилой М. П. Погодина [3]).

«Московскія Вѣдомости» прошли молчаніемъ кончину О. М. Бодянскаго. Зато въ другихъ газетахъ и журналахъ съ глубокой скорбью проводили въ могилу этого оригинальнаго человѣка. «О. М. Бодянскій читаемъ мы, напр., въ некрологѣ, напечатанномъ въ № 213 газеты «Голосъ» за 1877 годъ, былъ не изъ тѣхъ людей, которыхъ могли смутить естественныя послѣдствія исполненнаго долга. Впродолженіе своей жизни онъ неоднократно доказывалъ, что готовъ многимъ рискнуть ради принципа, ради того, что онъ считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ. Эта гражданская честность, эта неподкупность нравственнаго чувства составляетъ одну изъ привлекательнѣйшихъ чертъ въ нравственномъ обликѣ покойнаго. Въ наше время такъ рѣдко встрѣчаются натуры цѣльные, характеры стойкіе, что одна эта черта способна внушить уваженіе къ памяти почившаго труженика науки».

Подъ впечатлѣніемъ еще свѣжей могилы «Вѣстникъ Европы» писалъ:

---

[1]) «Славянское Обозрѣніе», 1892 ноябрь—декабрь, стр. 305.

[2]) *И. Ф. Павловскій.* Осипъ Максимовичъ Бодянскій въ «Рус. Стар.», 1888 ноябрь, стр. 394—395.

[3]) «Рус. Архивъ», 1883, кн. I, стр. 83.

«Въ первыхъ числахъ сентября умеръ въ Москвѣ Осипъ Максимовичъ Бодянскій, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ славистовъ—не только у насъ, но и во всей славянской литературѣ. Его имя извѣстно было въ ученомъ славянскомъ мірѣ, на ряду съ корифеями славистики...

... «Какъ характеръ, Бодянскій былъ человѣкъ очень независимый,—качество, слишкомъ рѣдкое въ нашемъ учено-литературномъ мірѣ. Эпизодъ съ переводомъ въ Казань свидѣтельствуетъ объ этой независимости, въ которой сказывалась и черта малорусскаго упрямства. Говорятъ, столь же независимо онъ держалъ себя въ недавнее время, когда въ московскомъ университетѣ господствовалъ авторитетъ Леонтьева! Бодянскій не подчинялся ему и, кажется, вслѣдствіе этого обстоятельства былъ забаллотированъ по выслугѣ срока,—забаллотированъ одинъ изъ самыхъ заслуженныхъ ученыхъ, какіе только бывали въ московскомъ университетѣ. Мало того; въ университетскомъ изданіи, какимъ въ сущности были «Чтенія», Бодянскій не усумнился напечатать знаменитую «Трилогію».

«Бодянскій владѣлъ чрезвычайно обширными свѣдѣніями, которыя были авторитетны даже для очень суровыхъ ученыхъ. Въ его богатой славянской библіотекѣ было, повидимому, много рѣдкихъ вещей, особенно рукописей»...

... «Бодянскій и Григоровичъ, уже принадлежащіе исторіи, являются намъ какъ ученые спеціалисты, которыхъ дѣятельность вращается въ научной отвлеченности, недоступной для массы общества. Но, въ сущности, они не были такими схоластическими учеными, какъ можно думать: и тотъ, и другой далеко не ограничивали своихъ интересовъ отжитой стариной,—напротивъ, и тотъ и другой слѣдили за современными движеніями славянства и могли бы сказать обществу много поучительнаго, если бы могли, и если бы потомъ не потеряли желанія... И тотъ, и другой—лучшіе знатоки славянства въ нашей литературѣ—не были славянофилами. Они слишкомъ хорошо знали дѣйствительное положеніе славянскихъ народовъ и ихъ стремленій, чтобы принимать исключительную и притязательную славянофильскую теорію.

Точно также, понимая. какія побужденія служатъ источникомъ возникновенія мѣстныхъ народныхъ литературъ, они никогда не относились къ нимъ съ тѣмъ высокомѣріемъ, какъ нѣкоторые новѣйшіе отпрыски славянофильства, ставшіе лазутчиками и алгвазилами этихъ мѣстныхъ литературъ и, конечно, названные ученые были гораздо ближе славянофиловъ къ истинному пониманію славянскаго вопроса»[1]).

Серьезную оцѣнку заслугъ О. М. Бодянскаго для науки сдѣлалъ также М. И. Семевскій въ некрологѣ Бодянскаго въ Русской Старинѣ». «Знаменитый учяный, по его словамъ,—Бодянскій оказалъ громадныя услуги Россіи, въ области славяновѣдѣнія и отечественной исторіи»[2]).

Подъ впечатлѣніемъ недавней смерти О. М. Бодянскаго были написаны поминки по немъ А. А. Котляревскаго и И. И. Срезневскаго. Мы часто упоминали о нихъ и знаемъ, какъ высоко цѣнили О. М. Бодянскаго оба названные слависта.

«Не много было у насъ такихъ самоотверженныхъ дѣятелей, какимъ былъ Бодянскій, говоритъ И. И. Срезневскій, нельзя не признать его заслугъ, какъ заслугъ важныхъ. достойныхъ благодарности общей»[3]).

Во всѣхъ некрологахъ О. М. Бодянскаго и поминкахъ его отмѣчались его неутомимость, его любовь къ наукѣ, его непоколебимая твердость характера.

«Неутомимость Бодянскаго въ изданіи «Чтеній»,—говоритъ И. И. Срезневскій, невольно поражала всякаго столько же, какъ и стойкость его характера, и самостоятельность воззрѣній на всѣхъ и вся, соединяемая нерѣдко съ самомнѣніемъ»[4]). А. А. Котляревскій такъ характеризуетъ О. М. Бодянскаго: «Характера Бодянскій былъ разсчетливо-обдуманнаго и сдержаннаго; послѣдняя черта

---

[1]) «Вѣст. Европы», 1877, кн. X, стр. 899—904.

[2]) «Рус. Ст.», 1897, май, стр. 218.

[3]) Поминка о Прейсѣ, Григоровичѣ и Бодянскомъ, стр. 47.

[4]) *Срезневскій*. На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ. стр. 45.

нерѣдко скрывалась у него подъ видомъ простодушія; но это былъ твердый и стойкій характеръ, это былъ человѣкъ убѣжденій, не уступавшій ни пяди земли безъ боя и не входившій ни въ какія сдѣлки съ совѣстью. Такими чертами отмѣчена и его дѣятельность послѣдняго времени, когда помѣщена имъ въ «Чтеніяхъ» статья «Трилогія на трилогію», едва не вызвавшая разрушеніе стараго московскаго историческаго общества».

«О. М. Бодянскій былъ образецъ ученаго трудолюбія, и какъ профессоръ, и какъ секретарь ученаго общества—редакторъ его журнала: онъ вполнѣ подвигомъ добрымъ подвизался, теченіе скончалъ, вѣру соблюлъ» (2-е посланіе Павла къ Тим., гл. IV, ст. 7)» [1]).

Наконецъ, послѣдній изъ учениковъ О. М. Бодянскаго одесскій профессоръ А. А. Кочубинскій рисуетъ намъ фигуру и нравственный обликъ Бодянскаго въ такихъ словахъ: «Небольшого роста, сутуловатый, съ огромной головой на толстой и короткой шеѣ, съ испорченными болѣзнью врозь глядящими глазами, съ прямыми «гетманскими» усами, и все это на короткихъ ногахъ безъ пальцевъ,--Бодянскій былъ некрасивъ [2]). Но эта некрасивая оболочка вмѣщала въ себѣ высокій духъ, который носителя своего возвышалъ надъ уровнемъ, не дозволялъ ему входить съ соглашеніе. Упрямо—точный до смѣшного, твердый въ въ своихъ рѣшеніяхъ и въ тоже время привѣтливый, съ отмѣнно

---

[1]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. 2, стр. 443.

[2]) Некрасивая наружность Бодянскаго дала поводъ профессору-юристу Дмитріеву сочинить такого рода „недобрый экспромтъ",

Воззри на звѣря-бегемота,
На дальній типографскій дворъ,
Глаголица его охота,
И по древлянски онъ остеръ.

Г. Кочубинскій находитъ нѣкоторое сходство у Бодянскаго съ названнымъ звѣремъ (Истор. Вѣст. 1887, кн. XII, стр. 506).

добрымъ мягкимъ сердцемъ [1]), Осипъ Максимовичъ сторонился всего, что заключало въ себѣ хотя малѣйшій намекъ на низость, холопство или грозный практицизмъ и даже въ самыя трудныя, критическія минуты своей жизни были всегда однимъ до самозабвенія» [2]).

Мы знаемъ, что еще въ семинаріи Бодянскій былъ библіофиломъ и собиралъ книги. Въ бытность свою въ заграничной командировкѣ онъ составилъ довольно большое и цѣнное собраніе по славяновѣдѣнію, простиравшееся до 1909 книгъ. Это собраніе онъ продалъ, по возвращеніи въ Россію, московскому университету за 3,142 р. 85½ коп. сер., т. е. за ту сумму, которую стоили какъ самыя книги, такъ и ихъ перевозка. Благодаря этой покупкѣ, московскій университетъ и его молодая кафедра славяновѣдѣнія сразу же обогатились очень цѣнной библіотекой [3]).

Съ годами страсть къ собиранію книгъ еще болѣе выросла. Послѣ смерти Бодянскаго осталась большая, очень богатая въ

---

[1]) Графиня Ростопчина въ своемъ стихотвореніи «Домъ сумасшедшихъ въ Москвѣ въ 1858 г.» посвящаетъ О. М. Бодянскому слѣдующіе строки:

Вотъ незлобная овечка,
Сущій въ хартіяхъ монахъ,
Не терявшій ни словечка
О житейскихъ пустякахъ;
Онъ съ Кириллицей вѣнчался,
Онъ Глаголицѣ сродни,
И всегда забыть старался
Жизни мышьи бѣготни.

(Рус. Ст. 1888 г., т. 55, стр. 690).

[2]) *А. А. Кочубинскій.* О. М. Бодянскій въ его дневникѣ. Истор Вѣст. 1887, кн. XII, стр. 507.

[3]) Чтенія въ Общ. ист. и древн. россійскихъ. 1879 г., кн. I. Письма Бодянскаго къ Погодину, стр. 31. Рус. Ст. 1879 г., XI, стр. 473—475.

научномъ смыслѣ, библіотека и довольно большое собраніе рукописей. «Кто изъ посѣщавшихъ покойнаго во флигелѣ во дворѣ дома Мещериновой у Никитскихъ воротъ—спрашиваетъ проф. А. А. Кочубинскій—не помнитъ его библіотеки? Въ громадной залѣ стройными рядами—черные шкапы; направо дверь въ кабинетъ («славянская картинная галлерея»), отъ прихожей къ этой двери шелъ узкій проходъ, образованный шкапами, съ живымъ плющемъ по верху. Нигдѣ никакой пыли. Хозяинъ въ этомъ отношеніи былъ антиподомъ В. И. Григоровича, у котораго не было книги безъ страницъ, щедро облитыхъ каплями сальной свѣчи. Да и рѣдко давалъ онъ кому книги изъ своей библіотеки»... И это «трудовое наслѣдіе Бодянскаго, замѣчательное по богатству и сохранности собраніе книгъ и рукописей по славянской кафедрѣ, его библіотеку, постигла грустная участь, та же горькая участь, которая постигла и хозяина напослѣдокъ въ московскомъ университетѣ» [1]).

О. М. Бодянскій умеръ безъ завѣщанія. Распорядительницей всего сдѣлалась жена его, женщина безъ образованія. Московскій университетъ предполагалъ купить у нея библіотеку, и профессоръ Н. А. Поповъ произвелъ оцѣнку, причемъ библіотека была оцѣнена въ 7 тысячъ руб. Вдова же просила 12 тысячъ. Кромѣ московскаго университета библіотеку хотѣло купить и министерство народнаго просвѣщенія для томскаго университета. Пока тянулись переговоры, полуграмотная вдова, не находя возможнымъ платить за квартиру для помѣщенія библіотеки и не встрѣчая нравственной поддержки со стороны ученыхъ, продала всю библіотеку букинистамъ за 3000 р. Отъ продажи въ розницу тѣ выручили болѣе 20 тысячъ. «Разгромъ библіотеки О. М. Бодянскаго,—говоритъ г. Гатцукъ, совершился, благодаря съ одной стороны, вражды къ покойному ученому М. Н. Каткова, въ особенности за напечатаніе въ «Чтеніяхъ исторіи и древностей» извѣстной «Трилогіи на трилогію», съ другой же, благодаря недостаточной заботливости

---

[1]) Рус. Фил. Вѣстн., 1880, т. IV, стр. 150—151.

и настойчивости представителей словесныхъ наукъ въ московскомъ университетѣ» [1]).

При продажѣ библіотеки букинистамъ въ ней почти не было рукописей [2]). Впослѣдствіи извѣстный ростовскій собиратель древнихъ рукописей А. А. Титовъ купилъ значительную часть бумагъ О. М. Бодянскаго, но А. А. Гатцукъ утверждалъ, что это не всѣ бумаги [3]). Часть бумагъ Бодянскаго, по словамъ А. А. Гатцука, передана имъ въ университетъ св. Владиміра (кіевскій) [4]). Цѣлы ли эти бумаги, намъ неизвѣстно. Въ своемъ «Опытѣ русской исторіографіи» проф. В. С. Иконниковъ объ этихъ рукописяхъ не говоритъ ни слова...

Ник. Василенко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Рус. Стар. 1888, мартъ, стр. 761—762.

[2]) Тамъ же, стр. 762 и Русск. Стар., 1888 г., ноябрь, стр. 394—395.

[3]) Рус. Фил. Вѣстникъ, 1880, т. IV, стр. 150—151.

[4]) Рус. Стар., 1888, мартъ, стр. 762.

Въ незнану далечинь.

Въ розчынени ворота зъ двору священныка выйиздылы пидводы, навантажени всякымъ добромъ. Тутъ булы столы и стильци, кровати и скрыни, видра й дижкы,—все те збижжя, безъ якого не обходытся путяще господарство. О. Гервасій переходывъ на другу парахвію, и все ёго добро, надбане на симъ мисци за довги рокы ёго священства, рушыло въ дорогу, кудысь на нове жытло, ледви чы не за трыста верстовъ.

Поволи выйиздылы зъ двору волови хуры, и похмури та сумни булы погонычи. На ганку стоявъ самъ о. Гервасій, смуглявый, кремезный, зъ энергичнымъ облыччямъ чоловикъ, рокивъ сорока пьяты, зхвылёваный и темный, мовъ грызна громова хмара.

— Поглядайте на возы, щобъ не забулы чого!—суворо гукавъ винъ наймытамъ.—Папяйте на Политровку!..

Повагомъ выйиздылы зъ двору хуры. Ихъ було шисть. Заразъ видъ ворить воны бралы наливоручъ и йихалы по довгій сильській вулыци. Люде непрыязно дывылысь на попивське добро и провожалы хуры довгымъ, ворожымъ поглядомъ. У ихъ зъ о. Гервасіемъ була давня ворожнеча. Вона потаемно тяглась довги рокы, выдымо выныкла въ останни часы, и теперъ о. Гервасій—почасты, якъ винъ казавъ, зъ своеи охоты, а почасты зъ темного, але недвозначного загаду консысторіи—кыдавъ добре насыжене мисце зъ тымъ, щобъ уже николы не вертатысь сюды.

Хуры пройихалы вподовжъ усёго села и потяглыся геть на гору, мріючы жывою стежкою на тли помарнилого степу.

О. Гервасій мусывъ тежъ рушаты за ными. Кони булы запряжени давно. Бувъ часъ йихаты, але щось несвидоме и болюче зупыняло ёго. Винъ все ще зоставався зъ жинкою и зъ сыномъ въ хати, и, здавалось, вси воны впывалы въ себе въ-останне пекучый биль прощання зъ ридною имъ хатою. Матушка плакала, а сынъ, ще невелыкый, смуглявый хлопець, здывовано поглядавъ на голи стины хаты, де замисть образивъ теперъ чорнила пасма паутыны, и тежъ ось-ось збирався заплакаты.

О. Гервасій, одягненый, важко ходывъ по невелычкій, але теперъ по просторій, зали, и коженъ ёго ступинь одгукувався скризь по пустци. Якась велыка и напружена вага налягала на ёго душу. То було неясне, але важке чуття и жалю, и зневагы, и мужнёи упертосты характеру мицного чоловика. Оте село, що залягло по-надъ проваллямъ по балци, оти мужыкы, що гниздятся по своихъ ызькыхъ камьяныхъ хатахъ, выпыраютъ ёго геть видъ себе, якъ жыве, здорове тило, несвидомо, але прытьмомъ, выкыдае зъ себе все зайве, усе соби вороже, що попадае въ ёго, чы то буде шпычка, чы куля. Рана загоится скоро и сама собою, безъ ніякыхъ ликивъ.

Се правда, але се велыка образа для о. Гервасія. Винъ николы сёго не сподивався. Винъ дуже довго бувъ запевненый, що мужыкы въ таемныци душъ своихъ поважаютъ ёго, ёго санъ, а хто не поважае, той боится ёго. Але теперъ ясно, що и не поважаютъ, и не боятся. Винъ чужый имъ и ворожый... Такъ, ворожый... Ніякого звязку теперъ немае у ёго зъ ными. Треба йихаты... Але щось ще держыть ёго тутъ, у сій пустци. Ёму хочется ще поворушыты въ своій души си болючи, пекучи думкы, мовъ злегка прыдавыты хворого зуба... И винъ ходыть по зали.

А на кганку сыдять и плачуть килька бабивъ, прыхыльныхъ до семьи ёго, матушчыныхъ давнихъ прыятелёкъ. Воны не даютъ прызводу, а такы щыро плачуть, бо имъ жалко й важко выряжаты невидомо куды любу имъ симью. Батюшка,—правда чоловикъ суворый, але матушка—така гарна людына! Воны стоять

осторонь сильськои политыкы, зъ-за якои и выйиздыть теперъ батюшка. Але ихъ плачъ дратуе серце ёго. Винъ дали не може терпиты ёго.

— Ну, часъ, Катю, въ дорогу!.. Годи, буде... Молиться Богу!..—каже винъ жинци и сынови и, повернувшысь до того кутка, де булы образы, почынае не хапаючысь и зъ чуттямъ хрестытысь.

Матушку мовъ косою пидризало. Вона схылылась зъ плачемъ до викна, мовъ що увирвалось въ ій. Кынуты свою любу ридну хату, свое село, де вона родылась и зросла, и за яке не було для неи кращого ниде на свити?.. О, якъ се важко! Вона не хоче того, не може...

— Не пиду я, не пиду!.. Не хочу я, кыньте мене тутъ!.. Краще мени тутъ умерты!.. Сыночку мій, дытыно моя, куды жъ се мы пойидемъ?!..—обернулась вона до хлопця и, обхопывшы ёму шыю, зарыдала, тремтючы всимъ тиломъ.

Хлопець тежъ плакавъ.

— Катю!.. Катю!.. Годи, перестань!—казавъ о. Гервасій, торкаючы за плечи жинку, и самъ до краю зрушеный.

Винъ почувавъ на соби велыку выну. Вона, колысь така струнка и чепурна, ёго чорнобрыва Катруся, тутъ, у сій хати, въ сему сели и народылась, и выросла. Тутъ воны спизналысь и покохалысь. Тутъ и шлюбъ узялы... Потимъ, якъ померъ іи батько, вдвохъ воны йиздылы до архырея, и той перевивъ ёго зъ другои парахвіи сюды. Тутъ воны сподивалысь и вику свого звикуваты... И теперъ, зъ ёго выны—такъ, правда, годи бильшъ дурыты себе!—зъ ёго выны воны выбираются звидсы геть... Ёго выкыдають, вкупи зъ симьею, мовъ загноену навколо шпычку!.. А іи, бидну Катрусю, винъ самъ вырывае зъ ридного грунту, мовъ зелену, молоду рослынку, зъ усимъ кориннямъ!..

Ось колы саме трищыть іи нижне, чутлыве коріння!..

— Катю!.. Годи, серце мое!.. Пойидемо...—каже винъ.

Одмовы немае. Тилькы слёзы и рыдання.

— Катю!.. Ходимъ!..—и о. Гервасій тыхо одвивъ за плечы одъ викна жинку, взявъ за руку сына и выйшовъ зъ хаты. Тутъ

воны попрощалысь зъ людьмы, до ихъ прыхыльпымы и, винъ, посадовывшы симью въ брычку, оглянувъ у-останне весь двирь и хату и сказавъ наймытови рушаты.

Самъ винъ выйшовъ зъ двору пишкы и, повернувшысь видъ ворить до мурованои церквы, що стояла тутъ же на майдани, знявъ бryля и, ставшы навколишкы, виддавъ останній уклинъ тому храмови, де винъ служывъ стилькы рокивъ. Облыччя ёго було темне зъ погляду и холодне, але колы винъ нахылывся до земли, то щось стысло ёму горло, и такъ невпынно пидступылы було до очей слёзы, що винъ ледви-ледви не зарыдавъ. Та винъ перемигъ себе и теперъ, якъ перемогавъ увесь часъ...

Тильки сёгодня вранци, колы винъ ходывъ прощатысь до церквы, винъ не змигъ упыныты себе.

Тамъ винъ бувъ самъ. И було страшенно тыхо въ велыкій камьяній церкви. Винъ пройшовъ у вивтарь и впавъ передъ престоломъ на землю, прыпавъ головою до неи и такъ мовъ застывъ. И ёму выразно-выразно прыгадалась та перша служба, що винъ правывъ тутъ, передъ симъ престоломъ. Якъ тоди було гарно у ёго на души, и якъ теперъ важко!..

— Охъ!.. Боже мій, Боже!..—вырвалось у ёго зъ грудей.

— О-хъ!.. О-о!..—одизвалось позаду въ порожній церкви.

И въ ту хвылыну вразъ усе мовъ перевернулося въ нимъ, все затаене горе и биль тяжкои зневагы и каяття—все вылылося въ одынъ несподиваный и невпынный плачъ. Тутъ зъеднались и жаль за непорозуминня зъ людьмы, и жаль на самого себе за вси провыны, може часомъ и невильни, що такъ обурылы на ёго парахвіянъ... И хотилось, щобъ хтось зрозумивъ ёго, щобъ хтось простывъ ёму, щобъ хтось пожаливъ ёго!

Простывъ и пожаливъ.

Теперь ёму було ясно, що винъ вынен. Вынен насамперед передъ своимы парахвіянамы, вынен передъ своею симьею, вынен передъ самымъ собою.

Гордый и упертый, винъ згоры дывывся на людей. Николы воны не чулы видъ ёго ласкового слова. Николы винъ не бувъ тыхымъ, добросердымъ пастыремъ своеи отары. Тыхисть и добро-

сердисть булы протывни ёго вдачи. Винъ не мигъ навчаты, винъ прыказувавъ. И колы яка-небудь мыршава заблуда-вивця зъ ёго духовнои отары своимъ убогымъ мозкомъ не могла одразу зрозумиты ёго прыказу и нестямно вертилась на одцимъ мисци, то винъ запалювався гнивомъ и тяжко бывъ іи. Звычайно, не кгерлыкгою, а гострымъ словомъ.

Ёму завше здавалось, що не винъ истніе для парахвіи, а вона для ёго, и винъ пыльно стеригъ свій авторитетъ середъ селянства. Винъ бувъ певенъ, що вси мусять поступатысь передъ нымъ и передъ ёго интересамы. Колы винъ наймавъ наймыта, то николы не дававъ ёму звычайнои платни, а яко мога меньшу; колы дававъ у-зимку грошы на одробитокъ, то вымагавъ, щобъ люде косылы у найгарячиший часъ насамперредъ ёго, а не свою пшеныцю. А колы ёму «за требу» давалы малу платню, винъ гнивався и збывавъ бучу, называючы людей «скотамы» и «хамамы».

Винъ не бувъ лютый зъ роду, але ёго деспотычну вдачу зопсувала посада, «санъ» ёго, передъ якымъ, по ёго думци, все мусыло згынаты шыю.

И ось теперъ винъ ясно побачывъ, що шыи гнутся не тому, що вони самы хотять того, або доконче по якомусь закону мусять гнутся: гнутся здебильшого тилькы дочасно, набираючысь сылы. А колы наберется досыть потугы и зъ шыи овечои зробытся шыя турова, то тоди не зигнешъ іи. Тоди краще утикаты зпидъ рогивъ роздратованои звирыны...

И о. Гервасій урозумивъ се и, якый винъ не бувъ гордый и упертый, ухылывся одъ бою зъ роздратованымъ туромъ—своею парахвіею. Винъ переходыть на друге мисце. Але серце краялось ёму зъ жалю й досады и винъ тяжко и гирко плакавъ, прыпавшы чоломъ до выбытого ёго ногамы вивтарного кылыма...

Якъ винъ рыдавъ тоди, те чулы тилькы чужи стины церквы, але теперъ винъ перемигъ себе и, пидвившысь зъ земли, поклонывся въ поясь ще разъ церкви, потимъ, тако жъ въ поясъ, людямъ, надивъ брыля и сказавъ наймытови:

— Паняй!..

Кони рушылы, и брычка покотылася, везучы блиду заплакану матушку, сумного чорноокого хлопця и суворого мовчазного о. Гервасія.

Зустрични селяне зъ традыціи скыдалы шапкы и кланялысь. Батюшка тежъ здіймавъ бреля и, не дывлячысь на колышнихъ своихъ прыхыльныкивъ и ворогивъ—все те мовъ выйшло вже въ якусь далечинь,—тежъ кланявся.

Пройихалы село и повернулы на ту дорогу, де недавно поперебъ пройихалы хуры.

— Повертай на дачу!—сказавъ о. Гервасій визныкови.

Звернулы геть у бикъ и пойихалы горою на дачу.

Де-хто зъ парахвіянъ, що бачылы, куды пойихавъ о. Гервасій, сміючысь, казалы:

— Мабуть у ёго тамъ гроши закопани,—пойихавъ выкопаты!..

Вси воны думалы, що винъ нажывъ у ихъ на сели велыки тысячи, и колы бралысь ихъ рахуваты, то одни, хто бильше тямывъ, казалы, що мабуть ихъ повынно буты тры, або чотыри; а други булы тіеи думкы, що ихъ, тыхъ незнаныхъ и невидомыхъ имъ тысячивъ, буде трыдцять або сорокъ, а може й сотня набереться...

Пройихавшы верствы зъ пивторы горою, брычка о. Гервасія спустылася въ лощыну и покотылася пискуватымъ берегомъ сухои балкы. Потимъ пиднялася зновъ на гору и пойихала межею, ажъ докы та межа не довела іи до другои балкы, де текла зъ крыныци вода и скризь по балци рослы дерева. Вершына тіи балкы була на церковній земли.

Була вже давно осинь, хочъ и дуже тепла. У повитри въ день литало безличь блыскучого павутыння. Цили дни сонце не заходыло за хмары и нагривало й повитря, й землю. Але, степъ лежавъ голый. А ни былыночкы не брениле на ёму молодои, а старе все поперегорило. Скризь чорнилы поорани ланы. Зграи крюкивъ крутылысь по-надъ чорною риллею зъ сумнымъ крякан-нямъ. А въ балци було повно вохкого, жовтого лыстя и стоялы наркотычни пахощи, теперъ мертвого, а колысь такого гомонлывого убрання деревъ. И дерева стоялы теперъ оголени и сумни,

и тильки молода дыка груша, высока и струнка, що росла въ самій вершыни балкы, стояла ще зъ лыстямъ, але вся червона.

Брычка зупынылась. Се була попивська дача. О. Герасію хотилось въ-останне побачыты іи, и теперъ винъ дывывся на неи. Ёму хотилось навикы затрыматы въ своій души сей любый, ридный, дорогый ёму краевыдъ, кожну рысу и кожну могылку сіеи земли, що годувала стильки рокивъ и ёго, и ёго симью и давала ёму достаткы; що винъ всю іи, одъ краю й до краю стильки разивъ переоравъ своимы плугамы, засивавъ своимъ зерномъ, довиряючы ій, мовъ ридній матери, и шануючы, мовъ матиръ.

Винъ бувъ душою щырый хлиборобъ и ни въ чому винъ такъ не кохався, якъ у хлиборобстви. И колы, бувало, винъ выйиздывъ сюды въ-литку, якъ хлибъ повыкыдае колосъ и почне налыватысь зерномъ, то винъ не знавъ пичого кращого, якъ зъ обидъ до смерку любоватыся зъ своихъ ланивъ.

Погляне винъ яснымъ, спокійнымъ окомъ и баче, якъ сяе сонце, на облыччи своему винъ чуе, якъ дыше теплый, запашный витеръ. А нывы стоять зелени-зелени, ажъ сыни. Хлибъ на іихъ зрисъ высокый, густый. И хвылюють воны ледви-ледви помитно, и тыхо шумлять своимъ зеленымъ колосомъ. А надъ нымы, высоко-высоко звывся, дывысь, жайворонокъ, трипоче крыльцямы и ажъ умливае въ своій безжурній писни. Крычыть перепелъ. Далеко геть йиде хтось обмижкомъ и мріе дуга и голова кинська, и чуты писню...

О, степе, степе!.. Немае пичого кращого за тебе!..

Такъ думавъ о. Гервасій и винъ довго не повертався въ ти дни до-дому зъ поля. Винъ обходывъ коженъ ланъ, кожну десятыну и колы у вечери повертався до-дому, то бувъ тыхый и добрый и ёго мовъ повывала якась ясна думлывисть.

И ось теперъ винъ знае, що очи ёго въ останне бачать си, дороги ёму, ланы, сю любу балку и ту червону грушу, що винъ колысь наглянувъ іи ще малою, молоденькою и заборонывъ наймытамъ займаты. Теперъ вона розрослась, бачъ, въ яке дерево! И повзъ неи тягнется сей шляхъ далекый, непрывитный, въ да-

леку, незнапу краину, у другый кинець губерни, куды его жене теперъ доля. Прощай, струнка красуне!..

О. Гервасій не мигъ сыдиты въ брычци. Ему хотилось ще разъ пройтысь по сій земли, по сій стерни. Винъ злизъ зъ брычкы и трохы одійшовъ одъ шляху. Прыкри и тяжки чуття все ще хвылювалы его душу. Въ сёму поли винъ колысь мавъ соби вирного, щырого друга, винъ такъ зжывся зъ усимъ цимъ краемъ,—зъ цимы горамы и долынамы, балкамы и могылами и теперъ винъ усе це кыдае!.. И черезъ що?.. Що жене его на чужыну?..

И зновъ, якъ у церкви, несподивано гострый, болючый жаль стыснувъ ему серце, и теперъ винъ уже не мигъ бильше здержуватысь. Мовъ яка безодня розкрылась передъ его очыма, и винъ мусывъ упасты въ неи. И винъ упавъ. Упавъ на холодну землю, прыгорнувся до неи облыччямъ, цилувавъ іи холодне, запашне лоно, и все тило его затремтило зъ рыдання. Винъ плакавъ. Ему здавалось, що зъ сіею землею винъ губыть усе, усе на свити. Будучына стала передъ нымъ моремъ пітьмы. А тутъ було колысь такъ ясно, такъ тепло, такъ гарно.

И все пропало... Пропало!..

Матушка тежъ плакала. Сынъ сыдивъ рядомъ зъ матирью, дывывся на ихъ обохъ и въ его души складалысь якись ще до того часу ему невидоми думкы.

Николы не забуде винъ тыхъ слизъ!..

Перша опамьяталась матушка. Вона хутко злизла зъ брычкы, пидійшла до чоловика и почала, плачучы, пидводыты его зъ земли.

— Встань, встань!..—казала вона.—Дывысь, земля яка холодна... застудышся!.. Того, що зроблено, не переробышъ...

— Серце мое, важко, важко мени!.. простогнавъ о. Гервасій.—Краще бъ мени голову знялы!..

— Вставай!.. Годи!.. Треба йихаты, вже не рано!..

Глухи рыдання тильки що мицного, а теперъ зламаного, пидбытого чоловика булы одповидью на іи слова...

Нарешти о. Гервасій пидвився на колина, перехрестывся и уклонывся ще разъ въ землю. Тоди винъ ставъ на ногы. Одвернувся одъ усихъ. Вытеръ облычча рукавомъ рясы и сказавъ:

— Ходимъ... буде!..

Винъ пишовъ, не дывлячысь куды и точучысь. Матушка взяла ёго пидъ ликоть й повела до брычкы. Силы на брычку. О. Гервасій въ останне глянувъ червонымы заплаканымы очыма на степъ, на балку, пидибравъ полы рясы, и, мовъ не своимъ голосомъ, промовывъ:

— Рушай!..

И зновъ слёзы невпынно полылысь зъ ёго очей, и винъ весь затремтивъ зъ рыдання. То булы останни, и вже не таки пекучи и важки, якъ попередни, слёзы. То булы останни краплыны видъ чорнои дощовои хмары.

Наймытъ рушывъ—и брычка покотылась по мнякій, ривній дорози. Николы іи колеса не торохтитымуть по ній зновъ...

Ни батюшка, ни матушка не промовылы бильше ни слова. Воны сыдилы мовчкы. Слизъ бильше не було. Ни, воны булы, та матушка здержувала ихъ, хочъ серце іи краялось зъ болю. Іій такъ було сумно и важко на души и вона була певна, що тамъ, куды воны йидуть, ихъ жде якесь важке и несподиване лыхо.

А о. Гервасій сыдивъ холодный и зновъ суворый. Ёго облычча зъ энергичнымъ профилемъ мовъ почорнило, и глыбока морщына ще пеначе глыбше залягла ёму межи бривъ. Винъ ничого не думавъ и несвидомо дывывся впередъ себе туды, де по степу стелылась накочена чорна дорога. Винъ немовъ застыгъ и въ ёго души вже не було а ни жалю, ни каяття, а ни якого бажання.

Тамъ було пусто и холодно.

Винъ ничого не бажавъ. И тильки передъ ёго очыма, непомитно для ёго самого, все малювалась одна картына: тягнутся довги гоны, по бикъ ихъ лежать знаёми десятыны: де-яки зъ ихъ поорани и гайворіння крутытся надъ йимы и сидае на чорну рыллю. Дали вымалёвуется балка зъ оголенымы деревамы, и

тильки молода, струнка й высока груша стоить у самыхъ головахъ іи—вся въ червоно-жовтому лысти. Немовъ одна вона вый-шла провожаты ёго, и стоить, и дывытся у слидъ за брычкою й тыхо шепоче своимъ помертвилымъ лыстямъ останне—прощай!..

— Прощай навикы!..—Одмовляе ій щось глыбоке и таемне въ души о. Гервасія.

— Прощай!..—додае винъ.

А колеса брычкы мнягко стугонять по чорній дорози, и вона все дали й дали подается видъ тіеи груши и уплывае въ туманувату незнану далечинь...

М. Чернявській.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ исторіи винокуренія и винной торговли въ Малороссіи въ XVIII в. Въ старой Малороссіи, какъ извѣстно, практиковалась полная свобода винокуренія и шинкованія. Не только монастыри, городскія общины, старшина и духовныя лица, но и простые козаки и мѣщане имѣли право курить водку и продавать ее оптомъ и враздробь въ своихъ или чужихъ шинкахъ. Конечно, это служило важнымъ подспорьемъ для земледѣлія. При тогдашнемъ земельномъ просторѣ, хлѣба производилось больше, чѣмъ сколько могло потребить его населеніе, заграничнаго отпуска хлѣба почти не существовало, и избытокъ его по необходимости приходилось перерабатывать въ спиртъ, который отчасти сбывался и за границу, а главнымъ образомъ потреблялся мѣстнымъ населеніемъ. Отсюда—необычайное развитіе пьянства въ тогдашней Малороссіи. Водка была очень дешева; шинки торчали буквально на каждомъ шагу и конкуренція между ними была большая; каждый шинкарь охотно отпускалъ напитки въ долгъ. Легко понять, какъ развращающе должно было дѣйствовать все это на слабохарактерныхъ людей. Иной «необачный», бывало, и «не счуется», какъ шинкари предъявятъ къ нему такіе счета за выпитое имъ, что ему приходилось сбывать за безцѣнокъ и скотину, и лѣски, и грунты, и изъ «заможного господаря» превратиться въ «нищетного», и итти къ богачу въ «подсосѣдки». Такія превращенія происходили ежедневно не только съ пьяницами, но и съ винокурами и виноторговцами, благодаря чрезмѣрной конкуренціи. Чтобы ограничить это зло, въ гетманство Разумовскаго принимались нѣкоторыя правительственныя мѣры.

Объ одной изъ такихъ мѣръ говорится въ нижеслѣдующемъ доношеніи Синявской (черниговскаго полка) сотенной старшины, 1766 года:

«Въ полковую Черниговскую Канцелярию

Доношеніе.

Прошлого 1761 года, июля 6 дня, от его сиятелства графа Разумовскаго, по битности его гетманомъ, с представленій к нему от полковой Лубенской канцеляріи и от полковихъ Киевскихъ старшинъ состоявшимся ордеромъ, между протчимъ велѣно козакамъ, кои не имѣють своего доволного в хлѣбѣ запаса и лѣсныхъ угодій, чтоби в далшое разореніе и несостояніе не приходили, онимъ винное курение производить вовся запретить, а протчіимъ козакамъ, кои, взимая, кто бы токмо какъ повѣрить могъ, на кредитъ куфами вино и надѣяся, оное спродавъ врознь, получить себѣ баришъ, вомѣсто того разоряются, ибо обикновенно в шинкахъ по болшой части пьють на кредитъ, то кредитованніе денги никогда имъ сполна не отдаются, кредитори же ихъ за данние имъ куфи с виномъ, по неимѣнию денегъ, забирають ихъ имущество,—оное все упреждая, пресѣчъ, дабы от того не токмо лѣсы и другіе грунта козачие, но и сами оніе козаки не искоренилися. И хотя то его сиятельства повелѣніе в народъ ко исполненію неоднократно публѣковано, но какъ нынѣ дойшло сотенной канцеляріи ведать, что многие козаки виборніе и подпомощники села Волосковець, в разнихъ обивателей взимая наборгъ куфами и барилами вино горячое, шинкуютъ врознь, роздавая болшою частию на кредитъ, а по требованію ихъ кредиторовъ не имѣя чемъ отдать денегъ, з послѣднего своего имущества, пахотную землю продавая и отдавая въ закладъ, уплачиваютъ. Что и самимъ дѣломъ видится, яко козакъ Остапъ **Богунъ** в семъ годѣ, априлѣ м-цѣ, почти послѣднюю ниву для оплатки козакамъ Городискимъ за взятіе барила вина и розданние—нѣкоторую часть на кредитъ, а другую самимъ випитую, заставилъ на упадъ зятю своему, козаку Волосковскому Андрею Кисляку за шесть рублей; и не вмѣняя себѣ того за убитокъ, въ прошломъ маѣ м-цѣ онъ, Богунъ, и паки в козака Городиского жъ Посяхна болѣе нежели кадковое барило взялъ, синъ же его Василь, с нимъ в едной хатѣ, по неимѣнию другой, жиючий, взялъ куфу въ бобровника Городиского жъ Бобонки за пьятьдесять рублей, и если оніе Остапъ Богунъ барило, а синъ куфу въ кредитъ роздадуть, то оплатить того долгу почти всего имѣнія отдать не станетъ, а хотя би и ставало, толко

жъ службы виборнои крайне отправлять нѣ съ чего уже будетъ. Для того в полковую Черниговскую Канцелярию представляя, какъ съ нимъ Богуномъ, и другими таковими козаками, кои взимаютъ в разнихъ обивателей вино куфами и барилами на кредитъ, кое еще досель не вишинковано, а по неотдачи за то вино в срокъ денегъ, свои допослѣдка изтощеваютъ продажею и на упадъ в заставѣ козачіе грунта, от чего и умаленіе в службѣ произойтить можетъ,—поступить просимъ, резолюціи»

Атаманъ сотениий Синявській Федоръ Каменецкій.

Писар сотенній Синявскій Емеліянъ Дроздовскій.

1767 году, июня 6 дня».

На это доношеніе изъ Черниговской полковой канцеляріи послѣдовала резолюція:

«1766 году, августа 4 дня, по командѣ опредѣлено: къ сотнику Синявскому Петрункевичу изъ сотенною старшиною послать указъ и велѣть зъ козаками сотнѣ Синявской о непродажѣ ими взимаемой изъ сторони горѣлки поступать по силѣ прописанного его сиятелства ордера и в томъ неодмѣнное исполненіе чинить, яко жъ о томъ сотенному Синявскому правленію, имѣя точное повелѣніе, и представлять въ полковую канцелярію не слѣдовало».

Полковникъ Петръ Милорадовичъ.

Писарь Якимовичъ.

Сотникъ Дзвонкевичъ.

Изъ послѣдующаго видно, что распоряженіе гр. Разумовскаго соблюдалось лишь отчасти. Для малорусской старшины, образовавшей изъ себя классъ дворянъ-помѣщиковъ, было выгодно настаивать на точномъ исполненіи лишь первой части ордера Разумовскаго—воспрещенія простымъ козакамъ, «кои не имѣютъ довольного въ хлѣбѣ запаса и лѣсныхъ угодій» (а подъ это опредѣленіе легко было подвести все рядовое козачество), производить винокуреніе, которое такимъ образомъ становилось привилегіей лишь старшинъ и высшаго духовенства; что же касалось укоренившагося въ Малороссіи промысла раздробительной перепродажи вина, то этотъ промыслъ представлялъ важныя удобства для новоявленнаго „шляхетскаго" сословія, какъ въ смыслѣ сбыта вина, выкуриваемаго на помѣщичьихъ винокурняхъ, такъ и въ интересахъ закрѣпощенія вольныхъ людей. По свидѣтельству Теплова,

помѣщики, продавая по домамъ вино и отдавая его на продажу козакамъ и посполитымъ, этимъ способомъ систематически разоряли и закабаляли ихъ. И теперь еще народъ въ Малороссіи помнитъ преданія о тѣхъ временахъ, когда „паны збывалы землю у людей найбильше горилкою».

О. Л.

Мелочи изъ архива юго-западнаго края. 1) *Памятная записка и. о. кіевскаго губернатора о частыхъ воровствахъ, куреніи на улицахъ и дурномъ мощеніи послѣднихъ.* Весною 1855 года, исправлявшій обязанности кіевскаго губернатора, передавая должность, представилъ князю Васильчикову краткую памятную записку со слѣдующими замѣчаніями, относившимися «къ благоустройству города и соблюденію выгодъ казны»:

a) „Въ городѣ Кіевѣ безпрестанно случаются воровства, повидимому происходящія образовавшеюся шайкою, подъ руководствомъ какого-нибудь мошенника довольно опытнаго. Средства мѣстной полиціи такъ ограничены, что трудно ожидать прекращенія сего зла; къ предупрежденію онаго необходимо было бы усилить ночные патрули по городу и принять мѣры особенной предусмотрительности.

b) Съ нѣкотораго времени ввелось и нынѣ, къ сожалѣнію, продолжается, что идущіе и ѣдущіе по городу днемъ и вечеромъ курятъ сигары и папиросы, даже извощики примѣру сему слѣдуютъ. Легко можетъ случиться, чего храни Боже, что по малѣйшей неосторожности курящаго произойдетъ какое несчастье. Нелишне было бы, къ предупрежденію сего, возложить на обязанность полиціи извѣстить городскихъ жителей повсемѣстно печатными объявленіями, чтобы они, ходивши и ѣздивши по городу, вовсе ничего не курили.

c) Во многихъ улицахъ города вымащиваютъ мостовыя весьма недобросовѣстно. Я не техникъ, но не могъ этого не замѣтить. Человѣку, который обязанъ за симъ наблюдать, трудно усмотрѣть самому, какъ равно и подрядчику за рабочими, чтобы вездѣ мостили хорошо. Не знаю положены ли для сихъ работъ казенные десятники, подобно какъ имѣются при другихъ постройкахъ, но, по моему мнѣнію, тутъ они болѣе чѣмъ гдѣ-либо необходимы...“

Ближайшимъ послѣдствіемъ сей памятной записки было то, что кіевскій военный губернаторъ 17 мая предложилъ гражданскому гу-

бернатору распорядиться напечатаніемъ объявленія, чтобы никто на улицахъ и въ городскомъ саду не рѣшался курить. Объявленіе это приказано разослать по всѣмъ дворамъ, а въ гостинницахъ велѣно его расклеить на видныхъ мѣстахъ, для свѣдѣнія пріѣзжающимъ; наблюденіе за точнымъ сего исполненіемъ возложено на кіевскаго старшаго полиціймейстера и подвѣдомственныхъ ему полицейскихъ чиновниковъ.

---

2) *Ожженіе лба, шутки ради.* Въ концѣ августа 1855 г. кременчугскимъ уѣзднымъ стряпчимъ получено «достовѣрное» свѣдѣніе о томъ, «что въ с. М—ахъ прибывшій изъ Москвы, гдѣ состоитъ на службѣ (канцел. служителемъ палаты гражданскаго суда), сынъ помѣщицы П—ской находящемуся въ домѣ ихъ на работѣ портному еврею раскаленнымъ металлическимъ крестомъ насильно выжегъ на челѣ крестъ, отъ чего образовалась рана, угрожающая, будто, опасностію жизни». Стряпчій проситъ земскій судъ «учинить распоряженіе объ освидѣтельствованіи раны помянутаго еврея и объ означенномъ поступкѣ П., который рѣшился святый крестъ употребить орудіемъ исполненія непонятныхъ своихъ намѣреній—произвести слѣдствіе».

Съ своей стороны еврей м. Вишневцы, Нудель, заявилъ исправнику, что 14 августа былъ приглашенъ на работу въ домъ помѣщицы П. Въ ночь съ 15-го на 16-ое, когда онъ, утомленный работою, крѣпко заснулъ, сынъ г-жи П., раскаливъ крестъ, принялся на лбу ему выжигать крестный знакъ. Отъ сильной боли онъ, Нудель, проснулся и „надѣлалъ крику", но П. велѣлъ прислугѣ придержать жалобщику руки и докончилъ начатое дѣло.

Кременецкій городовой врачъ свидѣтельствовалъ потерпѣвшаго; у него дѣйствительно обнаружено на лбу черное пятно, въ видѣ креста, которое однако уменьшается, по причинѣ лущенія наружной кожицы и должно вскорѣ исчезнуть, безъ худыхъ для названнаго еврея послѣдствій.

При дальнѣйшемъ разслѣдованіи свидѣтельскія показанія и объясненія сторонъ дали поводъ заключить, что крестъ на лбу Н. написанъ лакеемъ П. посредствомъ „lapis infernalis", взятаго „по ошибкѣ" вмѣсто мѣла, съ согласія самого еврея, желавшаго доказать что крестнаго знаменія онъ вовсе не боится.

Насмѣшки и преслѣдованія единовѣрцевъ побудили портного однако же возобудить дѣло.

Уѣзднымъ судомъ обще съ магистратомъ П. оставленъ въ сильномъ подозрѣніи, со внушеніемъ, въ присутствіи судебнаго мѣста, что подобныя шутки, сколько не достойны дворянина, сильно несообразны съ духомъ христіанства.

Приговоръ утвержденъ палатою.

Между тѣмъ, обязанный подпиской о невыѣздѣ впредь до рѣшенія дѣла, г-нъ П. не явился изъ отпуска въ срокъ, и отъ службы гражданскою управою уволенъ.

Впрочемъ, вскорѣ онъ принятъ на таковую вновь, достаточно наказанный за легкомысліе.

—

Учрежденіе комитета для вспомоществованія раненымъ офицерамъ и семействамъ ихъ въ 1855 году. 31 декабря 1854 года начальникъ кіевской губерніи доноситъ и. д. кіевскаго военнаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора, князю Васильчикову, согласно рапорту кіевскаго городского головы, потомственнаго почетнаго гражданина 1 гильдіи купца, Бухтѣева, что „кіевское городское общество, выслушавъ послѣдовавшее отъ 14 декабря воззваніе августѣйшаго защитника православной церкви и отечества къ вѣрнымъ сынамъ своимъ, отозвалось съ совершенною готовностію на всѣ усилія и жертвы, какія бы ни потребовались отъ общества въ настоящей упорной борьбѣ съ немиролюбивыми врагами—врагами отечества нашего.“

Въ доказательство, что сія готовность не въ однихъ только словахъ, общество на сей разъ изъявляетъ желаніе учредить въ Кіевѣ и содержать въ продолженіе войны, даже до пяти лѣтъ, домъ призрѣнія для 30 раненыхъ офицеровъ, обязуясь для этого предмета вносить каждогодно по $^1/_2$ процента съ объявленныхъ купеческихъ капиталовъ.“

Согласно примѣрному исчисленію, учиненному по распоряженію главнаго начальника края, на обзаведеніе дома оказывалось необходимымъ до 3 тысячъ единовременно, а ежегодныя издержки опредѣлены въ 6 тысячъ рублей. Между тѣмъ капиталовъ объявляется всего 842.400 р. сер.; съ нихъ $^1/_2$ процента—4212 р., коихъ на покрытіе расходовъ такимъ образомъ недостаточно.

Тогда князь Васильчиковъ, при помощи губернатора, убѣдилъ отцевъ города отказаться отъ дома призрѣнія.

Сумма представлена въ полное распоряженіе Его Императорскаго Величества. Купечеству выражена Высочайшая благодарность, при

чемъ (5/х 1855 г.) повелѣно особому комитету заняться выдачею изъ сихъ суммъ пособій наиболѣе нуждающимся раненымъ офицерамъ и семействамъ раненыхъ, убитыхъ и умершихъ отъ ранъ, проживающимъ въ городѣ и въ губерніи.

„Кіевскій комитетъ для вспомоществованія раненымъ офицерамъ и семействамъ ихъ" открылъ дѣйствія въ срединѣ декабря 1855 года.

Въ 1856 году подсчитано, что чрезъ руки комитета прошло свыше 9000 р.

16 августа губернаторъ возбудилъ въ установленномъ порядкѣ ходатайство о закрытіи комитета. Лицъ, получавшихъ къ сему времени пособіе, числилось 34. Надобности въ дальнѣйшемъ производствѣ выдачъ въ ближайшемъ будущемъ, однакоже, болѣе не предвидѣлось.

Сборъ тою жъ осенью прекращенъ.

Сообщ. **А. Мёрдеръ**.

Къ исторіи польскаго возстанія 1831 года[1]. 1) Отношеніе за № 11 отъ 3 мая 1831 года состоящаго по кавалеріи генералъ-маіора и кавалера Гельда (изъ Бѣлой Церкви) звенигородскому городничему. *Секретно*.

«Прилагая при семъ къ свѣдѣнію Вашему предписаніе кіевскаго военнаго губернатора генералъ-лейтенанта и кавалера Княжнина, отъ 2 мая сего года за № 426, предлагаю вашему высокоблагородію немедленно извѣстить меня со всею подробностію о всѣхъ вообще происшествіяхъ, по возникшимъ безпорядкамъ со стороны мятежниковъ, и на предметъ сей обратите особенное свое вниманіе. Впрочемъ, если-бъ и впредь по случаю сего происшествія могли вы что-либо замѣтить, то въ то же самое время безъ замедленія извѣщать меня обо всемъ съ нарочнымъ въ м. Бѣлую Церковь. Генералъ-маіоръ Гельдъ. (Изъ бумагъ Звенигородскаго Полицейскаго архива).

---

2) *Донесеніе генералъ-лейтенанта Кайсарова отъ 6-го августа 1831 г.* Желая стѣснить, сколь возможно болѣе, крѣпость Замостье, я производилъ неоднократно весьма успѣшныя экспедиціи.

---

[1]) См. „Кіевск. Старина", 1901. кн. VI, оттд. II, стр. 149—157, кн. IX, отд. II, стр. 89—94.

Августа 2 генералъ-маіоръ Купріяновъ, съ баталіономъ пѣхоты и 6-ю орудіями, на разсвѣтѣ приблизился къ крѣпости на сто саженей и скрылъ искусно свой отрядъ; а съ разсвѣтомъ открылъ канонаду; произвелъ большое смятеніе и безпорядокъ; нѣсколько гранатъ разорвало въ толпѣ войскъ и жителей. Причемъ убито и ранено болѣе 60-ти человѣкъ, и въ числѣ первыхъ одинъ артиллерійскій капитанъ. Со стороны нашей потери никакой не было.

4-го числа для стѣсненія гарнизона и уничтоженія многихъ запасовъ въ Форштатѣ (Новомѣсто), предпринято овладѣть двумя редутами, находившимися предъ Форштатомъ. Въ два часа по полуночи генералъ-лейтенантъ Тимофѣевъ съ 22-мъ Егерскимъ полкомъ взялъ штурмомъ одинъ редутъ; причемъ уничтожена большая часть гарнизона онаго и взятъ въ плѣнъ одинъ офицеръ и 54 нижнихъ чина. Другой редутъ атаковалъ генералъ-маіоръ Купріяновъ. Непріятель поспѣшно оставилъ его и скрылся въ Форштатѣ, который онъ старался удержать, сдѣлавши сильную вылазку изъ крѣпости; но посланныя для овладѣнія онаго три баталіона пѣхоты, два эскадрона Александрійскихъ гусаръ, при содѣйствіи батареи изъ 6-ти орудій, подъ начальствомъ генералъ-маіора Шульмана, съ необыкновенною быстротою опрокинули непріятеля, гнали до самыхъ воротъ и уничтожили въ Форштатѣ запасы. Причемъ непріятель потерялъ болѣе 500 человѣкъ убитыми и ранеными, и 123 плѣнныхъ; съ нашей же стороны убито 7, ранено 44, генералъ Тимофѣевъ получилъ контузію, тяжело раненъ Войска Донскаго войсковой старшина Молчановъ. Составлена въ главной квартирѣ 1-й арміи, въ г. Дубнѣ. 10 августа 1831 года. (Изъ бумагъ бывшаго Звенигородскаго Правленія).

Ограбленіе гр. Станислава Потоцкаго 1780 г. подъ Кіевомъ.

Ордеръ

Господину генералъ-порутчику кіевскому оберъ-коменданту и кавалеру Елчанинову.

Въчера в проездъ господина графа Потоцкого, коронного полского хорунжого по дорогѣ, от Василкова до Кіева лежащей, не доезжая деревнѣ Вети нечаянно нападшіе на него разбойники ограбили денги и вещи, о коихъ, включая здесь въ копіи реестръ, ва-

шему превозходителству предлагаю пр(и)твердить чрезъ киевскую губернскую канцелярію, кому надлежитъ, здесь въ Кіевѣ и околичныхъ мѣстахъ, такъ же в здѣшнѣхъ баталионахъ и иныхъ командахъ, чтобъ всеприлѣжно тѣхъ грабителей и ограбленніе ими денги и вещи обискивано и примѣчаемо было, и показавшемся и малѣйшимъ видомъ, а паче ежели бъ что гдѣ у кого найдено было, спрашивать и доходить обстоятелно со всею аккуратностію и старатся всячески всіо ограбленное и самихъ разбойниковъ отискать, и по отисканіи первое возвратить съросписскою, кому отъ упомянутаго господина графа повѣрено будетъ, а с послѣдними и ихъ соучастниками, ежели окажутся, поступить въ кіевской губернской канцеляріи по строгости узаконеній. Мая 13-го, 1780-го года.

На копіи подписано тако: Г. Румянцовъ Задунайскій.

Михайло Бѣляковъ.

Съ копиями читалъ канцеляристъ Никита Рисьевъ, Триполскаго Духовнаго Правленія Писаръ Василь Добрянскій.

—

Реестръ разграбленнимъ у господина графа Потоцкаго вещамъ и денгамъ.

Часи съ бриліантовою осипью, зъ двойными стеклами и со знаками I. S. P: с осипью жъ. Цепка бриліантами осипаная, въ овалномъ по синему полю кружки(у?) знаки: на одной сторонѣ Y. P:, а на другой S. P:, бриліантами осаженая и въ верху пугвица; привѣски: два золотія цвѣточки съ брилиантами, ключъ съ обеихъ сторонъ бриліантами осипаной, маленкое серд(е)чко съ неболшими на срединѣ бриліантами и пе(чать?) на подобіе древней урны золотомъ обдѣланная, брилиантами, а внизу карниоль. Маленкіе нѣсколко высокіе часы с репетиціею на палѣвой цѣпки съ разними сталними привѣсками и посрединѣ цепки овалной кружокъ. Чорная, одного сорта съ предидущею цепка и на ней привѣски: тонпаковой ключъ и агатовая двойная печать, а съ другой сторони двойніе колци, на коихъ висѣли часи, и по черному полю золотіе букви S. P:, а по краямъ финифьтью рисунки голубіе и бѣліе. Золотіе часи съ репетиціею, на оборотѣ дерево и собачка; какъ на сихъ, такъ и на первихъ часахъ имя мастера Vauchet; и послѣдные съ цепкою и разнымы на ней привѣшеними маленкими болоболочками. Золотіе часи съ рисованною на финифтѣ женщиною, и висятъ на шелковой тясмѣ. Голубая мужеская

табакерка, осипаная по краямъ бриліантами; на кришки рисунокъ: греческая попадья, съ брилиантами въверху и внизу. - Чернильница цвѣта на полъ краснаго и зеленаго; двойная розовая табакерка, на кришки сърисована трава, въ кружкѣ, покритомъ двомя стеклами; круглость подобна зьмеиной линіи, и по чертамъ весма маленкіе жемчужины. Картина, представляющая въ черномъ полѣ двумя цвѣтами агафоника, объдѣланая золотомъ и на(ка)ждой сторонѣ по три брилианти. На объдѣланомъ възолотѣ карниолѣ изображеніе малчика, ведущаго четири лошади. Золотое колцо, въ срединѣ коего слова: Stanislaus Potocky „1774“. Золотое колцо съ буквами S. P:. Золото колцо безо всего. Изъ серебра: кастроля, шесть блюдъ и четири тарѣлки. Рукомойникъ сребраной съ тазикомъ. Сахарница замкнутая съ маленкою сребряною ложечкою. Двѣ тисячи пятьсотъ галланскихъ чирвонцовъ, ружье, на коемъ слова alipa. Ружье съ надписью Par Beandoir atondres. Пара швецкихъ пистолетовъ съ надписью an(!)okhlm. (Stokholm?). Пара пистолетовъ парижскихъ съ надписью Par Dehorne. Охотничей ножъ съ бѣлою головкою и сталною осадкою. Охотничей ножъ съ черною головкою и сребраною осадкою. Футляръ зъ двумя ножами—золотимъ и сталнимъ, ручка бѣлая, осажена по золоту жемчугомъ. Женскіе шитіе башмаки. Пѣнковая трубка, оправленная въ серебро, съ чернимъ чубукомъ и муштучкомъ изъ амбри(?). Двойной, на подобіе штановъ, кошелекъ съ серебреними по сторонамъ пуговками, въ коемъ било двадцять червонцовъ. (Изъ церковнаго архива с. Краснаго, Кіевск. у).

Жалоба Краснянской [1]) громады (1751 г.) на утѣснѣнія отъ поляковъ.

В духовно Освященнiй Катедры Митрополіи Кіевския Соборъ

Всенижайшое Доношеніе.

Живучи мы в отчинѣ катедры митрополитанския Свято-Софійския на пограничномъ с полскою стороною селѣ Красномъ, отъ мно-

[1]) С. Красное, на р. Красной, кіевскаго уѣзда, въ 8 верстахъ отъ м. Триполья. Въ настоящее время въ Краснянской церкви, сооруженной 1785 г., находится три связки документовъ, начиная съ 1731 года и до нашихъ дней. Среди документовъ, помимо всевозможныхъ указовъ по духовному вѣдомству, имѣется немало матеріаловъ, относя-

гихъ лѣтъ крайніе нужды оўтерпѣваемъ от ляховъ державы Старроства Бѣлоцерковского, а сего 751 года, априля 31, набѣгли войска лядского оружейнаго человѣка до сто, забрали под самим селом з нив 18 во(ловъ) з двома плуги, а третую снасть и двѣ сокири и прочии нѣкотории... (оторвано два слова) загнали самихъ краснянскихъ; а потому ежеденне не по малому числу. аже на половину греблѣ краснянския набѣгають неприятелски и сказивають: „поклонѣтесь де намъ совсѣмъ, то де не будем к вам набѣгат и по грибл(те)". А сего мая 9 числа набѣгало не малое число ляховъ, плугѣ порубали, а человѣка й спѣсомъ еднаго поранили, а понеже намъ нижайшимъ, по такимъ разореніямъ от ляховъ намъ дѣемыхъ (sic!), в селѣ Красном крайне обѣдно, да и опасно жить, для того за такою нашею обѣдою просимъ нижайше за нас, где надлежит, вступится и в отдачѣ нашихъ воловъ постаратся, или нам позволит з села вступить.

Іерей Прокопій Бедачевский, вѣкарій Святомихайловскій Краснянскій.—Войтъ Василій Глушко, Өеодоръ Голубъ, Якимъ Мехеда, Андрей Чорненкій, Іванъ Кривохижа, Андрей Хвесенко, Михаилъ Чорненкій, присемъ и вся громада краснянская подпис... (оторвано нѣсколько буквъ).

Неизвѣстно, была ли настоящая жалоба отправлена по адресу, такъ какъ документъ. съ котораго мы ее списали, на обратной сторонѣ оказался использованнымъ, повидимому мѣстнымъ священникомъ, для иныхъ цѣлей: здѣсь имѣются записи церковныхъ расходовъ — «Якимъ Ктиторъ купилъ паперу лѣбрусу, вина кварту—уплотилъ 10 коп. (другой разъ 12), паперу лѣбрусу—6 коп., уплотилъ мировихъ (за мvро?)— 19 коп.», а также „в Духовное Правленіе Протопопію Трипольской всенижайшій реестръ" такого содержанія; „За силу приказа Его Ясне в Богу Преосвященства и вашего високопревелебія, прилѣжно сискивалъ помянутой книжици о Полтавской побѣдѣ, іюня 27, отправля-

---

щихся къ исторіи Малорусской и въ особенности Великорусской въ царствованіе Анны Іоанновны. Имѣется, между прочимъ, два подлинныхъ указа митр. Рафаила Заборовскаго: 1734 г.—о винахъ князя Александра Черкасскаго и 1731—о поминовеніи царицы Евдокіи Өеодоровны ея монашескимъ именемъ. Желательно было бы, чтобы какое-либо изъ научныхъ учрежденій, имѣющее архивъ, напр. Кіевская Духовная Академія, пріобрѣла упомянутыя 3 связки Краснянскихъ документовъ для своего архива, гдѣ они находились бы въ должной сохранности и могли бы служить для научныхъ цѣлей.

емихъ церемонѣй церковнихъ, толко не сискалъ; а отправа бывала что годно, яко и в сем году без опущенія, Преподобному Самъпсону со всенощнимъ бдѣніем, из общей Мѣніи, по храмовой главѣ. Симъ моимъ писаніемъ всепокорнѣйше репортую". (на этомъ рапортѣ прекращается).

Почеркъ тотъ же, что и въ жалобѣ. Очевидно, что въ такомъ видѣ жалоба Краснянской громады не могла быть направлена „въ Духовно Освященный Катедры Митрополіи Кіевскія Соборъ". Врядъ ли она была написана вторично, такъ какъ трудно думать, чтобы приписка въ концѣ ея „или намъ позволить з села вступить"—входила въ разсчеты іерея Краснянскаго Прокопія Бедачевского.

Сообщ. **В. Доманицкій.**

Народныя преданія, связанныя съ селомъ Слобидкою-Межыривською, литинск. уѣзда. Село Слобидка-Межыривська, литинскаго у., подольской губ., расположено на правомъ берегу небольшой рѣчки Думкы (Думыча), образующей у села большой прудъ версты въ двѣ-три длиною. Прудъ у береговъ заросъ «очеретамы та осокою» и въ двухъ мѣстахъ настолько сильно, что чистый проходъ между зарослями остается лишь сажней 4—5 и такимъ образомъ прудъ естественно раздѣленъ на 4 части. Часть, оканчивающаяся плотиной съ мельницею, возлѣ которой раскинулось село, называется «перше плесо», слѣдующее за ней—«середне плесо» и послѣдняя, съ прилегающими къ ней побережными лугами—«Червоною». Думка у села протекаетъ съ запада на востокъ и село раскинулось на южномъ, довольно «згорыстимъ» берегу и упирается сѣверной стороной въ «перше плесо ставу», а съ юга окружено грабовымъ лѣсомъ, отдѣляющимъ село отъ желѣзнодорожной станціи Сербиновецъ. На другомъ берегу пруда—«панське поле й цвынтаръ». Дальше на сѣверо-востокѣ «за панськымъ полемъ, ажъ видъ Глибокои (долыны) й Мутылы почынается, людське поле», а на сѣверо-западъ «за фильваркомъ—невелычкый круглый, тежъ панськый лисокъ Маркивъ». Въ 18 верстахъ отъ Слободки лежитъ г. Баръ. Ближайшія села, расположенныя въ 4—6 верстахъ отъ Слобидкы: Головчынци, въ которомъ родился извѣстный Кармалюкъ, гдѣ еще и теперь живутъ его потомки, Сербыны, Лопатынци, Лука-Барська и Ражены.

Вслѣдствіе того, что село расположено на склонѣ, открытомъ сѣвернымъ вѣтрамъ, а лѣсъ закрываетъ доступъ южнымъ вѣтрамъ, въ

селѣ весной и осенью бываютъ такія «трясовыны, що прыходытся воламы выбычовуваты» неосторожныхъ «подорожныхъ», попавшихъ въ эти западни. Меня интересовало, почему село расположилось на этомъ неудобномъ склонѣ, когда противоположный, открытый лучамъ солнца и вѣтрамъ, представлялъ гораздо болѣе удобное мѣсто для поселенія. Съ этими вопросами я не разъ обращался къ старикамъ крестьянамъ и узналъ, что село давно еще когда то стояло именно на противоположной сторонѣ пруда, но гораздо выше по теченію рѣки, «коло Червонои, на могыли», но что «ще за панщыны дидычъ прымусывъ» перенести село на занимаемую теперь неудобную сторону. Но на ряду съ этимъ мнѣ довелось услышать и другой варіантъ, быть можетъ и менѣе правдоподобный, но несравненно болѣе интересный своей поэтической подкладкой. Слышалъ я его два раза отъ Явдокыма Пужайла (вже небощыка) и бабы Горпыны Брыковои. Оба разсказчика передавали его почти дословно одними и тѣми же словами. Къ сожалѣнію разсказа я не могъ записать подъ диктовку, а лишь по памяти.

«Ни, цёго не знаю. Не доводылося чуты николы, чого то саме та могыла насыпана. Тилькы про те мисце стари люде, ще нашы диды-батькы розсказувалы, що тамъ село наше колысь стояло; то й я вамъ такъ розсказую. Ото жъ те село стояло тамъ, ажъ покы гордá не напала й не попалыла й розруйнувала те село й людей безличъ поризала й забрала. Тоди ти люде, що зосталысь, й перешлы на цей бикъ и тутъ оселылысь. Алежъ тамъ, ото колы знаете, йе кырнычка, що іи все святять колы ходять зъ братствомъ въ поле; то та кырнычка й справди зразу выдно, що не полёва, бо у споди, й мени самому доводылося бачыты, цыбрыны йе и доси. Отожъ стари люде кажуть, що на Благовищеня та на Велыкдень тамъ чуты, якъ въ усй дзвоны дзвонять; нибы бъ то пидъ землею, а дзвоны нибы бъ то вкынулы туды у кырныцю, якъ гордá наступала, та мени самому николы не доводылося чуты. Такъ, кажу, говорять нашы диды-батькы, а Богъ ёго святый знае чы воно й справди такъ.

А отутъ, заразъ за Нечыпоромъ, знаете, на самисенькимъ киньци села яруга така велыка, й якъ разъ выходы межы першымъ и середнимъ плесомъ, де ставъ такый вузенькый; то тожъ, кажуть, тамъ ще колысь гребля була, й нибы бъ то зъ того села йиздылы нею до Бару, а колы перейшло село на цей бикъ, то й греблю ту розмутыло, а писля вже насыпалы оцю, що й теперъ йе, поныжче тои старои. Ото жъ тилькы я й чувъ видъ старыхъ людей про могылу. А

отъ чы знаете, видъ чого то почалы оцей лисъ Марковымъ прозываты... Не чувалы. Ось послухайте. Ще тоди, колы гордá наступала, то бувало й таке, що все село розбижытся хто куды зна, отъ тоди и выступа Марко. А жывъ винъ на тимъ самимъ мисци, де теперъ оцей лисокъ. Заможный бувъ чоловикъ. А що за дужый та смилывый, то другого такого й не було. Бувало всихъ гордá побье, вси повтикають, а винъ тутъ якъ выступыть, якъ выступыть зъ мечемъ та спысою, то такъ іи и пожене, усихъ подужае.

Разъ якось гордá пидкралася, чы то въ ночи вона надійшла, чы що, алежъ усихъ людей застукала на сели; старыхъ и малыхъ геть выгубыла, а що молоде й найкраще—перевьязала та й на ничъ перейшла спочываты на Страхивку—оте поле зъ долыною, що поручъ Маркова, якъ йихаты звидсы до Лопатынець. Марка саме тоди не було дома. Якъ вернувся Марко, якъ почувъ про те несчастя, заразъ и пишовъ рятуваты. Еге, пишовъ, хочъ яка тамъ у ёго сыла була—чоловика 5—6 не бильше. Якъ разъ гордá спала. Винъ и порозвьязувавъ усихъ бранцивъ та й почавъ бытыся. И хочъ у горды́ була сыла велыка-превелыка, а все жъ ёму Богъ допомигъ и винъ прогнавъ горду́, вызволывшы всихъ людей, що вона забрала, та й ти вже, знаете, зъ розвьязанымы рукамы не мовчалы, а чымъ хто мигъ тежъ боронылыся. Зъ того часу й поле те зветься Страхивкою. бо въ ту ничъ тамъ велыкый страхъ бувъ. Таке то розсказують про Марка; а що вже спыса у ёго то й справди була гарна Тутъ, якъ фосу копалы кругъ Маркова, то найшлы спысу. И що жъ то за ловка спыса була. Николы мени вже такои не доводылось бачыты. Така довга й штырогранна й гостра, гостра повынна була буты, бо дуже шпычаста, тилькы що вже гыржá іи геть перейила... й куды вона запропастылася—не прыгадаю...

Такъ таке то колысь діялося тутъ, а отъ розсказують, що въ Луци-Барськiй, такъ тамъ народъ бувъ спрытнищый видъ нашого. Колы бувало гордá наступае—воны заразъ въ лисъ, та й почынають валыты дерева. Та й все верхамы видъ себе, а видземкамы до себе, тай зроблять нибы таке кружало, а сами тамъ и засядуть. Та й вже колы гордá проходыть, то сыды тамъ тыхо, щобъ и чуткы не податы. Колы въ кого якый пивныкъ йе, то треба заризаты ёго, щобъ боронь Боже часомъ не заспивавъ, та й не наклыкавъ лыха; колы якый цуцыкъ йе, то прыдушыты треба, щобъ не дзявчавъ, а въ кого маленька дытына, то хочъ затыкай рота, щобъ мовчало. А колы й дови-

дается гордá, де то саме люде заховалыся, та й обступы те мисце, то такъ ничого не вдіе—прыступу нема ніякого. Бо що жъ? почне гордá за верхы тягнуты, ну то й не дуже потягнешъ, бо воно такъ въ землю и поре—де жъ то гылякы таки шыроки, а прытимъ же и люде не мовчать, а тоди у людей водылася всиляка зброя, и спысы, то що. То гордá постоить, постоить, та й руша дали...

Еге, въ Барській таке діялось, а отъ ніякъ не прыгадаю, у якимъ то сели жылы тесть и теща Маркови; десь за Баромъ. Ну, не прыгадаю. Бо про Марка и таке розсказують. У ёго була жинка, дуже красна молодыця. Одного року, якъ не було Марка вдома, найихала на хутиръ гордá. Незабаромъ прыйиздыть и Марко. Колы зыркъ —ажъ ёго жинка держыть на колинахъ чіюсь голову и, выбачайте, ськае. Колы винъ прыдывляется, а то турокъ та здоровый такый лежыть, а жинка то и ёго голову держыть.

Марко злизъ зъ коня, пидійшовъ трохы до ныхъ, та й каже до жинкы (а вона ёго вже запрымитыла): «Уступысь, каже, я ёго погублю». А вона ёму: «За того Боже, хто кого переможе». Марко прыскочывъ та й стявъ жинци голову, а тутъ вже и турокъ схопывся, та такый здоровый. Схопылыся воны и почалы борикатыся. Вже и довго водылыся. И той здоровый, и той здоровый. Вже почавъ Марко и охляваты, та якъ крыкне: «Рябка, беры, Рябка беры!» Прыгадавъ, бачте, що то у ёго собачка бувъ такый вирный—Рябка звався. Той прыскочывъ до турка, та й почавъ ёго за лыткы рваты. Такъ и подужавъ Марко турка и голову ёму стявъ.

Отожъ взявъ Марко жинчыну голову въ оторокы, сивъ на коня, та й пойихавъ до тестя. Прыйиздже. Его посадовылы за стилъ, прыймають; думалы въ гости прыйихавъ. И винъ соби бесидуе такъ, та и пыта тестя: „А що, каже, такій жинци робыты, що кыдае чоловика та прыстае до невирного?“ —А що жъ—кажуть тесть и теща—голову стяты!—Марко выйшовъ зъ хаты, взявъ голову зъ оторокивъ, прынисъ та й поставывъ на стилъ. „Отожъ, каже, ваша дочка така була“. Батько опустывъ голову та тилькы и промовывъ: «Пропало! Я, каже, тилькы судывъ, а ты, каже, вже ось и зробывъ»...

А онъ та долына, що Адамовою зветься. Тежъ розсказують, що и тамъ козакъ такый жывъ, якъ Марко Адамъ звався. Я ще памьятаю, скилькы по тій долыни могылокъ було—то страхъ. Розсказують, що зъ кымъ винъ бывся, то усякого невиру подужае. Вбье та й заразъ закопае и могылку насыпе. А тамъ колы чавунка пройшла, то

насыпомъ и засыпалы ти могылкы, бо жъ чавунка якъ разъ середыною Адамовои проходыть. Оттаке то колысь було. Бувало люде жнуть въ поли, а килька на высоки дерева зализуть; чатують, щобъ гордá, бува, зненацька не наскочыла. Якъ поточать куряву зъ опивдня, то й гукають заразъ, щобъ втикалы люде. Погано, страхъ якъ погано було! та що, якъ колы и теперъ не легше и хто ёго зна чого: и татарвы тои нема и панщына счезла, а воно все не легшае людямъ... Ото жъ ще прыгадавъ, якъ за-молоду часто спивалы писню про козака Хмеля, та вже, якъ саме, то сливъ не прыгадаю, бо не мавъ голосу и николы самъ іи не спивавъ. А теперъ вже іи давно не чувъ, а за панщыны бувало—де тилькы зберутся парубкы, то такъ заразъ про козака Хмеля и заспивають. Винъ, бачте, боронывъ людей видъ панивъ, то про ёго и таку писню склалы.

О. С.

Мѣры противъ холеры 1831 г. [1]). Объявленіе отъ кіевскаго военнаго губернатора жителямъ кіевской губерніи. «Благодареніе Всевышнему! свирѣпствовавшая по кіевской губерніи болѣзнь холера очень уменьшилась; и хотя появляются нынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подобные прежнимъ припадки, отъ коихъ весьма немногіе умираютъ, но скоротечности, тѣмъ болѣе заразительности оной, нынѣ уже не видно.—Изъ многочисленныхъ опытовъ и наблюденій замѣчено, что болѣзнь сія происходитъ теперь по большей части отъ лишняго пресыщенія и неосторожности въ выборѣ пищи; а потому предостерегаю жителей кіевской губерніи, чтобы они для собственнаго блага и сохраненія своей жизни наблюдали, въ предупрежденіе столь пагубной болѣзни, слѣдующія правила:

При настоящемъ времени не должно употреблять появившихся плодовъ, ягодъ и фруктовъ, а тѣмъ болѣе незрѣлыхъ, испорченныхъ или гнилыхъ, какъ-то: смородины, черешни, вишни, крыжовнику, сливъ, особенно же не ѣсть шелковицы. Въ нашихъ глазахъ двѣ благородныя особы, отъ употребленія натощакъ ягодъ сихъ, получили припадки, подобные холерѣ, и кончили жизнь.

Вскорѣ такъ же поспѣютъ дыни, арбузы, яблоки, груши. Неумѣренное употребленіе ихъ, а особенно незрѣлыхъ или гнилыхъ,

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1903 г., кн. VII—VIII, отд. II, 17—19.

такъ же легко производитъ рвоту, поносъ и самую болѣзнь холеру. Послѣ ягодъ, фруктовъ и соленой рыбы не должно пить воды, а гораздо лучше выпить рюмку водки, чаю съ ромомъ, или сбитню.

Грибы не меньше вредятъ здоровью: ибо они производятъ такую же болѣзнь, какъ холера, чему уже и есть примѣры, которые доказываютъ, что оныхъ нынѣ вовсе употреблять въ пищу не должно.

Я надѣюсь, что жители кіевской губерніи не оставятъ безъ вниманія и точнаго послѣдованія симъ предохранительнымъ средствамъ, предлагаемымъ для собственнаго ихъ спасенія. А земскимъ и градскимъ полиціямъ, и полицейскимъ врачамъ вмѣняется въ непремѣнную обязанность обращать всевозможное вниманіе на доброкачественность продаваемыхъ и въ пищу употребляемыхъ ягодъ, фруктовъ, плодовъ и всѣхъ вообще продуктовъ и соленой рыбы, строго наблюдая, дабы незрѣлые, испорченные и гнилые не были продаваемы».

Подлинное подписалъ: кіевскій военный губернаторъ генералъ-лейтенантъ, сенаторъ Княжнинъ.

10 іюля 1831 г. Кіевъ.

Секретное предписаніе кіевскаго губернатора звенигородскому городничему отъ 23 декабря 1834 года. Препровождая при семъ примѣты трехъ весьма важныхъ злоумышленниковъ, которые, по дошедшему ко мнѣ свѣдѣнію, хотя не достовѣрному, но по значительности намѣреній заслуживающему вниманія, якобы отправленныхъ парижскимъ революціоннымъ комитетомъ въ разныя государства, въ томъ числѣ и Россію, для совершенія здѣсь злодѣяній, а такъ же особый списокъ другимъ заговорщикамъ, коихъ предпріятія еще не вполнѣ обнаружены, я поручаю вашему высокоблагородію употребить строжайшія мѣры наблюденія, дабы всѣ сіи лица не были впускаемы во ввѣренный вамъ городъ, а въ случаѣ появленія ихъ въ ономъ, были бы немедленно задержаны со всѣми принадлежащими имъ вещами и бумагами; о послѣдующемъ же донесть мнѣ.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Козминъ.

Примѣты высланныхъ изъ Парижа въ разныя государства злоумышленниковъ. 1) Кемпоръ, называющій себя такъ же Штельцнеромъ или Штельцеромъ, лѣтъ 26, ростъ 5 футовъ 3 дюйма 3 линіи, плотенъ, широкоплечъ, волосы темнокаштановаго цвѣта; лобъ широ-

кій, но низкій, глаза очень темные, брови черные, весьма густые, носъ вздергнутый; бакенбарды и усы черные; подбородокъ круглый; лицо широкое, цвѣтъ лица свѣжій.—Человѣкъ безнравственный, преданный пьянству и способный ко всякому злодѣянію.—Съ нимъ находится дѣлатель музыкальныхъ инструментовъ Андрей Юзефъ Штейнертъ или Штейнеръ. 2) Г. Лиръ (H. Lichr), Датчанинъ лѣтъ 30, ростъ большой; глаза сѣрые, волосы русые, лицо полное, говоритъ хорошо по французски, но дурно по нѣмецки и нѣсколько по англійски. 3) Эккельбергъ, уроженецъ изъ Гамбурга, портной, назначенъ къ слѣдованію въ Россію, лѣтъ 27-ми, ростъ средній; глаза черные, носъ большой, бакенбарды и усы черные, цвѣтъ лица смуглый, имѣетъ пріятную наружность. Вѣрно. Секретарь А. Покровскій. (Изъ бумагъ звенигородскаго полицейскагв архива).

—

Списокъ заговорщиковъ, кои обращаютъ на себя особенное вниманіе. 1) Италіанцы: Девелліеры и Леренжеръ должны отправиться изъ Позена въ Россію 2-е) Италіанцы же Курнолино и Куццани слѣдуютъ въ С.-Петербургъ чрезъ Вѣну и Галицію. 3-е) Братья Карпъ и Христіанъ Титтмонъ и Карпъ. Эдуардъ Титтмонъ, кандидаты правъ изъ Дрездена, были въ семъ городѣ въ тюремномъ заключеніи, но успѣли бѣжать. 4) Революціонеры: Миковскій Александръ, Мендыхъ Генрихъ, Бреза фонъ Морачевскій, Шаницкій фонъ Липскій (изъ Левхова, въ Прусіи), Длугашевскій графъ Любинскій (изъ Прусіи) и Михаилъ фонъ Весловскій, послѣдній подъ именемъ Яна Игнатовича; всѣ они находятся по нынѣ въ познанскомъ герцогствѣ и 5-е) И. Янушевскій, уроженецъ изъ Плоцка, отправится изъ Лондона моремъ, чрезъ Одессу въ Петербургъ; принадлежитъ къ французской пропагандѣ. Вѣрно. Секретарь А. Покровскій.

Къ юбилею Н. В Лисенка. Въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 3925 р. 23 к. (см. № 10, стр. 18-19) для поднесенія подарка Н. В. Лисенку въ день предстоящаго празднованія его 35-лѣтняго юбилея, вновь поступило: 1) Н. М.—25 р.; П. Г. Хорошиловъ —10 р.; 3) Рыльскіе—25 р.; 4) М. П. Ганько—25 р.; 5) В. П. Кошовый—5 р.; 6) Ѳ. Д. Н.—10 р.; 7) Від звягельцивъ—2 р.; 8) К С. (изъ м. Сѣнчи)—10 р.; 9) Ф. Гр. Рябоконь—50 к.; 10) Шендлеръ—50 к.; 11) В. Д —2 р.; 12) В. А.—10 р.; 13) К. А.—

5 р.; 14) О. П. Помазанская—20 р. 15) Кульчицкій—1 р; 16) Трипольскій—1 р.; 17) Шрамченко—1 р.; 18) М. Халашъ—50 к.; 19) А. М. Кулишъ—15 р.; 20) М. Баранъ—10 р.; 21) А. А. Раковичъ—10 р.; 22) М. Грушевскій—2 р.; 23) А. Карпинскій—2 р.; 24) А. А. Абаза—2 р. 50 к.; 25) А. Ю.—50 р.; 26) А. Г. Березинъ—5 р.; 27) Н. К. Б—ръ—3 р.; 28) И. С Маковскій -1 р.; 29) П. Е. Сергіенко—50 к.; 30) А. Г. С—чъ—30 к.; 31) А. Н. Д—скій—30 к.; 32) Бѣлозерскіе—5 р.; 33) N. S.—25 р.; 34) В. Козловскій—2 р.; 35) И. Чуприна—3 р.; 36) Вiд ниженцивъ—20 р.; 37) А. Мартиновичъ—1 р.; 38) А. С Маршинскій—3 р.; 39) Н. К. Маршинскій—3 р.; 40) Е. А. Черноусовъ—3 р.; 41) Ф. Матушевскій—2 р.; 42) Бойченко-1 р. 50 к.; 43) Яковенко—1 р,; 44) Чудновскій—1 р.; 45) Бречковичъ—1 р.- 46) Мищенко—1 р.; 47) Сидокъ—1 р.; 48) Димарь—1 р.; 49) Кра;.пивный—50 к.; 50) Крыжановскій—50 к.; 51) Панасѣвичъ—50 к.; 52) Лещинскій—50 к.; 53) Подлуцкій—50 к.; 54) Отъ студ. Юрьевскаго унив. мелкими взносами—4 р.; 55) А. С. Бѣлоусовъ—5 р.; 56) Н. П. Дмитріевъ—5 р.; 57) Горянскій—1 р.; 58) Е. Ф. Бурлюкъ—5 р.; 59) Отъ служащихъ въ Статистическомъ бюро Полтавскаго земства—35 р.;—всего *387 р. 10 к.*, что вмѣстѣ съ прежними составитъ *4312 р. 33 к.*

Текущія извѣстія.

По поводу полтавскихъ празднествъ при открытіи памятника И. П. Котляревскому. Въ «Полтавскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» помѣщена руководящая статья по поводу недопущенія во время чествованія памяти И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ чтенія привѣтствій на малорусскомъ языкѣ. Губернскій органъ печати говоритъ:

«По нашему мнѣнію, разсматриваемый вопросъ, вызвавшій такую сенсацію частью въ обществѣ, частью среди гласныхъ мѣстной городской думы, получилъ совершенно неправильное освѣщеніе, вслѣдствіе чего и результаты, конечно, явились совсѣмъ неожиданные. Никто и никогда не воспрещалъ чествовать поэта Котляревскаго на малорусскомъ нарѣчіи, доказательствомъ чего могутъ служить разрѣшенныя правительственною властью надписи на этомъ нарѣчіи, украшающія памятникъ поэта, публичные малорусскіе концерты и пьесы, допущенные во время торжества въ городскомъ театрѣ, надписи на вѣнкахъ, которыми увѣнчанъ былъ памятникъ въ день его открытія, и проч.—

слѣдовательно, вполнѣ ясно, что правительственная власть, не имѣя ни малѣйшихъ основаній дѣлать какія-либо различія между сѣверными и южными губерніями, рѣшительно ни въ чемъ не проявила никакого противодѣйствія вполнѣ естественному желанію чествовать малорусскаго поэта на его родномъ языкѣ».

Но совершенно инымъ, по мнѣнію газеты, вопросомъ является допущеніе малорусскаго языка въ чрезвычайномъ засѣданіи думы, которое было назначено въ день открытія памятника—30 августа.

„Въ засѣданіи думы, какъ учрежденія правительственнаго,—будь это засѣданіе очереднымъ или чрезвычайнымъ,—не можетъ быть допущенъ никакой языкъ, кромѣ общегосударственнаго. Если допустить противное, то логически слѣдуетъ признать возможнымъ допустить и пренія гласныхъ на малорусскомъ нарѣчіи,—но вслѣдъ за этимъ является вопросъ: почему гласные-евреи не могутъ съ своей стороны подавать свои мнѣнія на еврейскомъ языкѣ; зачѣмъ гласнаго татарина лишать права высказаться на родномъ языкѣ; чѣмъ хуже гласный уроженецъ остзейскаго края и почему онъ не можетъ участвовать въ преніяхъ, выражаясь на нѣмецкомъ языкѣ, и т. д. Но въ составъ нашего обширнаго государства входитъ также масса народностей, а слѣдовательно и разныхъ языковъ и нарѣчій, что, допустивъ въ общегосударственныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ свободное употребленіе всѣхъ этихъ языковъ и нарѣчій, получились бы результаты по истинѣ вавилонскаго столпотворенія“.

Это мнѣніе оффиціальнаго органа, производя благопріятное впечатлѣніе спокойнымъ тономъ, которымъ оно выражено, однако, какъ намъ кажется, погрѣшаетъ противъ мотивовъ доказательства, заходя далеко за предѣлы дѣйствительности. Вѣдь о какихъ-нибудь преніяхъ въ торжественныхъ засѣданіяхъ не можетъ быть и рѣчи, и, какъ извѣстно, никто не пытался поднимать ихъ на какомъ-бы то ни было языкѣ; не было даже попытки внести вопросъ о томъ, чтобы научныя рѣчи, вошедшія въ оффиціальную программу засѣданія, читались на малорусскомъ языкѣ, такъ-какъ каждый изъ говорившихъ подчинился правилу о государственномъ языкѣ въ оффиціальныхъ случаяхъ. Что-же касается адресовъ, подносимыхъ отъ разныхъ учрежденій, то ихъ не принято разсматривать, какъ продолженіе оффиціальной программы, такъ-какъ подобные адресы могутъ являться совершенно неожиданно и служатъ только выраженіемъ чувствъ и настроенія, вызываемаго даннымъ моментомъ, составляя, такъ сказать, лирическую часть тор-

жества. Всѣ подобные адресы, привѣты и телеграммы шлются на языкахъ той націи, изъ среды которой они выходятъ, и если можетъ возникнуть вопросъ о прочтеніи ихъ въ подлинникѣ, то только въ смыслѣ опасенія, будутъ ли они поняты на данномъ языкѣ присутствующей публикой, а въ такомъ случаѣ читаются они и въ подлинникѣ, и въ переводѣ, или только въ переводѣ, съ указаніемъ на языкъ подлинника. Что-же касается малорусскихъ адресовъ, то едва ли для Полтавы могъ возникнуть вопросъ о ихъ неудобопонятности въ тотъ моментъ, когда собралась многочисленная публика чествовать память поэта, сто лѣтъ назадъ поставившаго малорусскую народную рѣчь на стезю развитія изъ нея малорусской литературной рѣчи.

Во всякомъ случаѣ, соблюденіе, по нашему мнѣнію, мнимой последовательности во время полтавскаго торжества, выразившейся въ недопущеніи чтенія адресовъ на малорусскомъ языкѣ, не только не принесло пользы въ смыслѣ общаго государственнаго благополучія, но, пожалуй, дало нѣкоторый ущербъ, т. к. вызвало у присутствовавшихъ и многихъ отсутствовавшихъ чувство горечи, и безъ того въ достаточной степени разлитое среди насъ.

Къ вопросу объ изданіи учебниковъ для начальныхъ школъ полтавской губерніи. Лохвицкое земство, признавъ необхо-обходимымъ снабдить начальную школу полтавской губерніи учебными пособіями, которыя были-бы вполнѣ приспособлены къ условіямъ полтавской губ., возбудило въ 1900 году ходатайство объ организаціи составленія и изданія такихъ книгъ губернскимъ земствомъ. Поддержанное губернской управой ходатайство это встрѣтило сочувствіе и со стороны губернскаго собранія. Послѣднее не замедлило ассигновать на это дѣло кредитъ и избрало особую комиссію, которой предоставило: 1) назначить конкурсъ для составленія учебниковъ русскаго языка и ариѳметики примѣнительно къ потребностямъ народной школы полтавской губерніи и 2) признанныя комиссіей опытныхъ лицъ и одобренныя учебнымъ начальствомъ руководства издать въ потребномъ количествѣ для снабженія ими всѣхъ начальныхъ училищъ губерніи.

Комиссія эта уже нѣсколько разъ созывалась губернской управой, но вопросъ тѣмъ не менѣе относительно медленно подвигается впередъ. Въ послѣднемъ засѣданіи комиссіи, состоявшемся въ сентябрѣ мѣсяцѣ, между прочимъ рѣшено: разослать всѣмъ членамъ ко-

миссіи для заключенія проектъ положенія о преміяхъ за учебники и запросить наиболѣе компетентныхъ учителей земскихъ школъ полтавской губ. относительно того, какимъ требованіямъ должны отвѣчать учебники, какъ руководства въ школахъ съ контингентомъ учащихся малороссовъ. Проектомъ положенія о конкурсѣ на составленіе учебниковъ для мѣстныхъ начальныхъ школъ имѣются въ виду: букварь и вмѣстѣ книжка для первоначальнаго чтенія, двѣ книги для классного чтенія и задачникъ. Книги для класснаго чтенія должны быть составлены по концентричной системѣ, по которой бы каждое изъ трехъ отдѣленій народной школы составляло законченный курсъ образованія, при чемъ въ каждомъ отдѣлѣ должны находиться свѣдѣнія по природовѣдѣнію, физикѣ, химіи, астрономіи, естественнымъ предметамъ, сельскому хозяйству и др. наукамъ.

Комиссія выразила пожеланіе, чтобы въ букварѣ и первой книгѣ для чтенія были приведены слова и статьи на русскомъ и малорусскомъ языкахъ. Что же касается остальныхъ книгъ, то въ нихъ признано возможнымъ ограничиться однимъ русскимъ языкомъ, такъ какъ малорусскій языкъ, по мнѣнію большинства комиссіи, въ народной школѣ долженъ быть только подсобнымъ къ изученію русскаго и, слѣдовательно, въ двухъ старшихъ отдѣленіяхъ школы большой надобности въ немъ нѣтъ. Отнесшись сочувственно къ предложенію одного изъ своихъ членовъ о пріобрѣтеніи премированныхъ учебниковъ въ вѣчную собственность земства, комиссія рѣшила просить земское собраніе ассигновать на это средства.

Принято также комиссіей предложеніе В. Н. Леонтовича рекомендовать собранію ходатайствовать о допущеніи малорусскихъ книгъ въ школьныя и народныя библіотеки на одинаковыхъ основаніяхъ съ русскими.

Курсы малорусскаго языка и литературы въ Упсальскомъ университетѣ. Изъ частнаго письма, присланнаго въ Кіевъ профессоромъ Упсальскаго университета (въ Швеціи) г. Люнделемъ, мы узнали, что въ настоящемъ году онъ читаетъ своимъ слушателямъ курсъ малорусскаго языка и литературы. Проф. Люндель—извѣстный знатокъ славянскихъ литературъ. Въ 1885 г. онъ пріѣзжалъ въ Кіевъ съ спеціальною цѣлью ознакомленія съ языкомъ и литературой Украины. По его словамъ, настоящій курсъ имъ составленъ главнымъ

образомъ по изслѣдованіямъ малорусскихъ ученыхъ: г. Житецкаго, проф. Огоновскаго и Колесы.

Къ сооруженію памятника В. Н. Каразину. Состоящій при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ Комитетъ по сооруженію памятника В. Н. Каразину, столь много потрудившемуся для основанія и развитія Харьковскаго университета, въ виду приближающагося столѣтія университета, рѣшилъ принять дѣятельныя мѣры къ тому, чтобы сооруженіе означеннаго памятника было окончено къ январю 1905 года. Съ этою цѣлью, при содѣйствіи бывшаго ректора Императорской Академіи Художествъ, В. А. Беклемишева, онъ вошелъ въ сношеніе съ художникомъ И. И. Андреолетти, который уже изготовилъ изъ глины эскизъ статуи В. Н. Каразина. Относительно пьедестала Комитетъ вошелъ въ соглашеніе съ академикомъ архитектуры А Н. Бекетовымъ. Памятникъ рѣшено поставить въ Университетскомъ саду, въ большомъ кругѣ, находящемся въ началѣ большой аллеи, противъ воротъ, выходящихъ на Сумскую улицу. Стоимость памятника исчисляется въ суммѣ свыше 20,000 рублей, между тѣмъ въ распоряженіи Комитета имѣется въ настоящее время только 16,950 рублей. Въ виду того, что окончательное утвержденіе правительствомъ проекта памятника можетъ послѣдовать не ранѣе того, какъ будетъ указано, что въ распоряженіи Комитета имѣются всѣ необходимыя для этой цѣли денежныя средства, Комитетъ по сооруженію памятника В. Н. Каразину, основываясь на Высочайшемъ разрѣшеніи отъ 11 января 1875 года на открытіе повсемѣстной подписки на означенный памятникъ, считаетъ своимъ долгомъ обратиться ко всѣмъ, сохранившимъ добрыя чувства по отношенію къ Харьковскому университету и къ памяти В. Н. Каразина, съ покорнѣйшею просьбою оказать содѣйствіе своими пожертвованіями. Пожертвованія могутъ быть присылаемы ректору Императорскаго Харьковскаго университета. Отчетъ о поступившихъ пожертвованіяхъ будетъ своевременно опубликованъ.

Печальное состояніе могилы Н. В. Гоголя. Печальную картину заброшенности, въ которой находится могила великаго Гоголя, рисуетъ московскій «Курьеръ»:

«Тяжелое чувство заброшенности, полнѣйшаго пренебреженія и обидной забывчивости вызываетъ могила Н. В. Гоголя въ Даниловомъ монастырѣ, говоритъ газета.

Давно-ли, кажется, чествовали память величайшаго русскаго писателя по поводу пятидесятилѣтія со дня его кончины, еще и сейчасъ съ газетныхъ столбцовъ не сходятъ замѣтки о памятникѣ творцу «Ревизора», которымъ украсится въ недалекомъ будущемъ Москва,—но о мѣстѣ, гдѣ покоится прахъ Гоголя, забыли, повидимому, окончательно.

Зигзагообразныя трещины на плитѣ, испещренной нацарапанными по глазури мрамора фамиліями какихъ-то развязныхъ Иртимовыхъ, Колиныхъ, Уткиныхъ и другихъ «почитателей», полуобвалившаяся земля вокругъ памятника, свѣсившіеся на бокъ поломанные два фарфоровыхъ вѣнка на исцарапанномъ бронзовомъ крестѣ, стершіяся слова цитатъ изъ Притчей, покрытая слоемъ грязи и пыли гранитная глыба, на верху которой вычеканены изреченія Апокалипсиса: «Ей гряди, Господи Іисусе!», обрывки обдерганнаго плюща и куча желтыхъ, опавшихъ листьевъ,—такова могила Гоголя теперь, какою я видѣлъ ее 14 сенбяря.

Лишенная ограды, совершенно запущенная, нуждающаяся въ неотложномъ реставрированіи могила геніальнаго художника слова—наглядное доказательство тому, какъ у насъ ревниво заботятся о поддержаніи дорогой для каждаго памяти».

Заботиться о содержаніи въ порядкѣ дорогой могилы, кажется, подобало бы Москвѣ.

Къ поправкѣ могилы А. П. Стороженка. Въ № 9 «Кіев. Стар.» текущаго года мы помѣстили замѣтку о печальномъ состояніи могилы малорусскаго писателя А. П. Стороженка и указали тогда, что намъ прислано въ редакцію 9 руб., какъ начало тѣхъ средствъ, на которыя могилу нужно привести въ хорошій видъ. Теперь намъ прислано еще N. S. *25 рублей* для той же цѣли, и такимъ образомъ въ редакціи имѣется пока *34 рубля*, каковой суммы, конечно, далеко не хватитъ для приведенія могилы въ надлежащій видъ.

Малорусская секція общества любителей изящныхъ искусствъ въ Екатеринодарѣ. Въ пятницу, 3 октября, въ помѣщеніи женской гимназіи состоялось собраніе членовъ малорусской секціи Екатерино-

дарскаго общества любителей изящныхъ искусствъ. Представителемъ секціи въ правленіе общества избранъ Мих. Іос. Поночевный, замѣстителемъ къ нему Пр. М. Понятенко. Въ этомъ же засѣданіи избрана особая комиссія изъ трехъ членовъ, на обязанности которой возложено устройство вечеровъ, концертовъ и спектаклей. Для болѣе правильной постановки хорового пѣнія рѣшено пригласить платнаго регента. Еженедѣльные вечера секціи рѣшено устраивать по вторникамъ.

Костомаровскій отдѣлъ библіотеки въ Кіев. университетѣ Вышелъ въ свѣтъ каталогъ библіотеки Н. И. Костомарова, пожертвованной въ 1894 г. университету св. Владиміра вдовой покойнаго историка, А. Л. Костомаровой. Н. И. Костомаровъ, какъ извѣстно, началъ свою профессорскую дѣятельность въ кіевскомъ университетѣ въ качествѣ адъюнктъ-профессора (1846—1847 гг.). Къ сожалѣнію, неблагопріятное стеченіе обстоятельствъ прекратило дальнѣйшую преподавательскую дѣятельность его на многіе годы. Только въ 1862 году Н. И. Костомаровъ возвратился къ профессурѣ, занявъ каѳедру русской исторіи въ петербургскомъ университетѣ. Въ 1863 и 1869 гг. Н. И. Костомарову предлагали занять вакантную каѳедру русской исторіи въ университетѣ св. Владиміра, но предложеніе это онъ не могъ принять, такъ какъ занятъ былъ учеными работами въ Петербургѣ. Кіевскій университетъ, высоко цѣня научныя труды Н. И. Костомарова, возвелъ его въ 1864 году въ степень доктора русской исторіи honoris causa, а въ 1884 году избралъ его въ свои почетные члены. Покойный историкъ очень любилъ Кіевъ и неоднократно посѣщалъ его. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1894 г., А. Л. Костомарова обратилась къ ректору университета св. Владиміра съ слѣдующимъ письмомъ: «Желая выразить чувства глубокаго уваженія, которыя питалъ покойный мой мужъ Н. И. Костомаровъ къ Императорскому университету св. Владиміра, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сохранить въ этомъ ученомъ учрежденіи добрую память о бывшемъ его дѣятелѣ, я предположила принести въ даръ университету библіотеку, состоящую изъ книгъ, брошюръ, географическихъ картъ и различнаго рода другихъ изданій, пріобрѣтавшихся Николаемъ Ивановичемъ въ продолженіе всей его труженической жизни въ пособіе для своихъ историческихъ работъ». При этомъ вдовой покойнаго историка выражено было желаніе, чтобы библіотека сохранялась въ цѣльномъ ея составѣ, въ особомъ отдѣлѣ, которому должно быть присвоено

наименованіе: «Библіотека Н. И. Костомарова». Цѣнный даръ А. Л. Костомаровой университетомъ принятъ былъ съ благодарностью. Собраніе книгъ установлено къ особомъ помѣщеніи библіотеки университета, въ тѣхъ же самыхъ семи шкафахъ, въ которыхъ оно сохранялось Н. И. Костомаровымъ въ теченіе двадцати лѣтъ. Въ этомъ помѣщеніи установлена доска съ надписью: «Библіотека Н. И. Костомарова», а также портретъ историка. На каждой книгѣ наклеенъ ярлычекъ съ указаніемъ, что она принадлежитъ собранію Н. И. Костомарова (ex-libris). Изданный университетомъ каталогъ библіотеки Н. И. Костомарова составляетъ систематическій перечень этого цѣннаго собранія. Книги раздѣлены на 8 отдѣловъ. Всего библіотека заключаетъ 1,425 названій книгъ и брошюръ и кромѣ того около 30 рукописей. Для лицъ, занимающихся изученіемъ русской исторіи, библіотека Н. И. Костомарова является весьма цѣннымъ пособіемъ, такъ какъ въ этомъ собраніи—достаточное число весьма важныхъ и цѣнныхъ изданій.

Несуществующее наслѣдство гетмана Дорошенка. Въ «Правит. Вѣстн.» напечатано: Въ одномъ провинціальномъ «Листкѣ» напечатано было объ открывшемся будто-бы въ Лондонѣ многомилліонномъ наслѣдствѣ послѣ гетмана Дорошенка. Основываясь на этомъ извѣстіи, многія лица, считающія себя потомками Дорошенка, обратились въ министерство иностранныхъ дѣлъ съ просьбой о разысканіи этого наслѣдства. Запрошенный министерствомъ генеральный консулъ въ Лондонѣ доноситъ, что, по наведенной оффиціальной справкѣ, въ лондонскихъ банкахъ нѣтъ никакихъ капиталовъ, оставшихся послѣ гетмана Дорошенка. Изъ этого можно заключить, что вся исторія о наслѣдствѣ Дорошенка является вымысломъ

Предстоящее празднованіе юбилея Н. В. Лисенка. Какъ мы слышали, празднованіе 35-тилѣтія музыкальной дѣятельности извѣстнаго малорусскаго композитора Н. В. Лисенка состоится въ Кіевѣ въ концѣ декабря мѣсяца текущаго года. Празднованіе предположено въ Литературно-артистическомъ обществѣ, дѣятельнымъ членомъ котораго состоитъ юбиляръ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и выразится въ устройствѣ вечера въ честь его. На другой день, какъ мы слышали, будетъ поставлена въ городскомъ театрѣ одна изъ оперъ Н. В. Лисенка

«Риздвяна ничъ». Предполагается также концертъ при учистіи юбиляра, на которомъ выступитъ любительскій хоръ, а также извѣстный у насъ въ Кіевщинѣ народный Ахматовскій хоръ подъ управленіемъ г. Демуцкаго.

Концертный вечеръ въ селѣ. 21 сентября въ с. Бесѣдкѣ, таращ. уѣзда, кіевск. г., былъ устроенъ руководителемъ учительскихъ мѣстныхъ курсовъ Кир. Григ. Стеценко литературно-вокальный вечеръ, какъ для курсистовъ-учителей, такъ и для мѣстныхъ крестьянъ...

Вечеръ этотъ представляетъ собой рѣдкій и достойный подражанія примѣръ. Имѣя въ виду печальное вымираніе пѣсни родного края, К. Г. Стеценко, близко знакомый съ дивными мелодіями Малороссіи, такъ грубо изгоняемыми циничными «солдатскими» и фабричными выкрикиваніями, заносимыми въ родной край его же сынами, въ своей рѣчи (послѣ нар. гимна) «о народной пѣснѣ, какъ элементѣ воспитанія», училъ своихъ слушателей любить и насаждать народную музыку, украинскую пѣсню... Образцы народной музыки К. Г. Стеценко далъ въ исполненныхъ въ этотъ вечеръ лучшихъ произведеніяхъ малороссійскихъ и великороссійскихъ композиторовъ-народниковъ. Пѣсни исполнены были хоромъ курсистовъ подъ управленіемъ Г. Стеценка, «чудныя мелодіи которыхъ» (со словъ «Кіевской Газ.», № 280) надолго останутся въ памяти тѣхъ, для кого былъ устроенъ этотъ вечеръ.

Литерат. отдѣленіе составлено было изъ «баекъ Глибова», стих. Шевченка «Чернець», прочитаннаго самимъ Г. Стеценко, и друг. русск стих.

Таковъ былъ вечеръ К. Г. Стеценка, о которомъ скажемъ словами «Кіевск. Газ.»: «Если принять во вниманіе, какъ близко къ народу и его жизни стоитъ сельскій учитель, то рѣдкій и чуть ли не первый починъ К. Г. Стеценка является примѣромъ, подражать которому не мѣшало бы многимъ».

Новыя находки стоянокъ первобытнаго человѣка въ Кіевѣ. На протяженіи отъ вокзала Кіевъ I до Протасова яра производятся обширныя земляныя работы по срѣзкѣ горы, причемъ земля, получающаяся при съемкѣ горы, идетъ на насыпку территоріи будущей то-

варной станціи. Въ откосахъ той части горы, которая прилегаетъ къ Протасову яру, въ теченіе сентября нынѣшняго года рабочіе находили кости мамонта, залегавшія на большой глубинѣ отъ поверхности земли. Когда о нахожденіи въ нѣдрахъ этихъ горъ костей мамонта стало извѣстно администраціи кіевскаго музея древностей и искусствъ, было подробно осмотрѣно хранителемъ музея В. В. Хвойко и археологомъ С. А. Мазараки. Ими найдено было новое небольшое пространство, занятое костями мамонта и частями дерева, обугленнаго огнемъ. Въ общемъ, несомнѣнна была наличность стоянки первобытнаго человѣка, относящаяся къ палеолитической эпохѣ. Къ сожалѣнію, произвесть систематическое изслѣдованіе стоянки невозможно было, такъ какъ она находилась на большой высотѣ, на очень крутомъ откосѣ горы, съемка которой безостановочно продолжается. Стоянка лежитъ на третичныхъ отложеніяхъ, въ толщѣ глинисто-песчаныхъ отложеній, подъ которыми залегаютъ главконитовые песчаники. Надъ толщей глинисто-песчаныхъ отложеній лежитъ валунный слой, а еще выше идутъ громадныя толщи сѣрыхъ песковъ и лесса. Отъ уровня залеганія костей мамонта до поверхности горы около 7 саж. Наряду съ костями мамонта ни костей оленя, ни остатковъ другихъ ископаемыхъ животныхъ не было найдено, что указываетъ на глубокую древность новой палеолитической находки.

М. П. Косачъ. (Некрологъ). 3-го октября скончался въ Харьковѣ, а 9-го похороненъ въ Кіевѣ приватъ-доцентъ по каѳедрѣ метеорологіи въ харьковскомъ университетѣ *Михаилъ Петровичъ Косачъ*. Молодой ученый, 34 лѣтъ, только въ 1894 г. окончилъ курсъ въ юрьевскомъ университетѣ по математическому факультету и былъ затѣмъ назначенъ ассистентомъ по каѳедрѣ физики въ этомъ-же университетѣ. Два года назадъ онъ былъ приглашенъ харьковскимъ университетомъ для чтенія лекцій по метеорологіи, а также въ ветеринарный институтъ для лекцій по физикѣ. Кромѣ того, онъ завѣдывалъ метеорологической станціей, гдѣ составилъ планъ сѣти метеорологическихъ станцій во всей губерніи. По отзывамъ спеціалистовъ, съ рѣдкимъ успѣхомъ начатая имъ ученая карьера обѣщала очень много добра для науки, а превосходныя лекторскія способности и умѣнье заинтересовать учащуюся молодежь и оказывать на нее нравственное воздѣйствіе служили гарантіей его блистательнаго успѣха въ роли профес-

сора. «Этотъ человѣкъ былъ лучшимъ нашимъ другомъ, нашимъ добрымъ, прекраснымъ товарищемъ. Онъ былъ воплощеніемъ лучшихъ свойствъ любви, доброты и искренности, былъ другомъ юношства и человѣчества»,—такъ говоритъ о немъ одинъ изъ студентовъ-слушателей его въ некрологѣ, помѣщенномъ въ «С.-Петерб. Вѣдом.», (№ 282).

Будучи уроженцемъ Малороссіи, выросшій въ семьѣ, проникнутой любовью къ своей родинѣ (мать—извѣстная писательница Олена Пчилка), покойный М. П. Косачъ, при своемъ влеченіи къ математическимъ наукамъ, въ то-же время обнаруживалъ всегда склонность и къ малорусскому писательству, видя въ немъ для себя отдохновеніе отъ спеціальныхъ занятій, а для своей родины—одну изъ главныхъ задачъ въ рѣшеніи вопросовъ о культурномъ самовыраженіи данной народности.

Карныло Устыяновычъ. *(Некрологъ).* Корнилій Устіяновичъ, извѣстный галицкій поэтъ и художникъ, скончавшійся 9 іюля (22 іюля по новому стилю) текущаго года, былъ сыномъ поэта Николая Устіяновича. Родился Корнилій Устіяновичъ въ 1839 г. въ Волковѣ (Львовскаго округа),—первоначальное и среднее образованіе получилъ въ Дрогобычскихъ, Стрыйскихъ, Бучачскихъ и Львовскихъ народныхъ школахъ и гимназіяхъ. Еще будучи ученикомъ VII класса гимназіи, онъ сознательно полюбилъ родной языкъ, побуждалъ товарищей говорить между собою по-украински и даже пробовалъ писать украинскія стихотворенія. Въ этомъ случаѣ на Устіяновича, по его собственному признанію, имѣли сильное вліяніе произведенія польскаго поэта Моргенбессера и повѣсти Чайковскаго. Къ сожалѣнію, не долго пришлось Устіяновичу пробуждать патріотизмъ среди своихъ товарищей. Въ 1858 г. онъ сильно заболѣлъ, уѣхалъ къ отцу въ Стрыйскія горы, а оттуда прямо въ Вѣну, въ академію художествъ. Во время пребыванія въ Вѣнѣ нашъ поэтъ подпалъ вліянію протоіерея при русскомъ посольствѣ Раевскаго и при его посредствѣ познакомился съ кружкомъ староруссовъ, во главѣ котораго стоялъ въ это время Адольфъ Добрянскій. Неизвѣсто, куда зашелъ бы слѣдомъ за Раевскимъ Устіяновичъ,—но къ счастью, вліянію староруссовъ нашлось, такъ сказать, противоядіе: два поляка художника, Гротеръ и Грабовскій, познакомили его съ Брониславомъ Залѣскимъ, который былъ пріятелемъ Шевченка. Разсказы о Шевченкѣ и горячее слово

украинскаго генія были тою благодатною искрою, которая освѣтила Устіяновичу его жизненный путь, показала ему его ошибки и вновь сдѣлала его украинскимъ патріотомъ. Въ 1863 г. Устіяновичъ бросаетъ Вѣну и возвращается въ Галицію, гдѣ (въ Коломіи) начинаетъ печатать свои стихотворенія и трагедію «Ярополкъ». Однако, эта трагедія не увидѣла свѣта. Какъ разъ въ это время автору ея попались подъ руки прелестные разсказы Марка Вовчка. Чудный, истинно народный языкъ этихъ произведеній такъ поразилъ Устіяновича, что онъ прямо возненавидѣлъ свои стихотворенія, написанныя макароничнымъ языкомъ alla Богданъ Дѣдицкій. И Устіяновичъ прекращаетъ дальнѣйшее печатаніе своихъ произведеній. Въ качествѣ художника Устіяновичъ не могъ жить долго на одномъ мѣстѣ. Онъ или совершалъ поѣздки по Галиціи и Буковинѣ, гдѣ разрисовалъ много церквей, или путешествовалъ за границей. Былъ онъ между прочимъ нѣсколько разъ и въ Россіи (Холмъ, Варшава, Петербургъ, Кіевъ, Кавказъ—1867 и 1872 гг.),—былъ онъ и въ Румыніи, и въ Италіи. Эти частыя поѣздки за границу и путешествія по Галиціи дали возможность Устіяновичу познакомиться съ цѣлымъ рядомъ украинскихъ дѣятелей и воочію убѣдили его, насколько дорогъ ему родной край, родная рѣчь и вообще все родное. Знакомство съ украинскими дѣятелями, съ одной стороны, и чтеніе произведеній Шевченка, Кулиша, Левицкаго-Нечуя, съ другой,—не только укрѣпили патріотизмъ Устіяновича, но и сдѣлали его активнымъ участникомъ въ борьбѣ за украинскую національную самостоятельность. Въ 1868 г. онъ дѣлается ревностнымъ членомъ общества «Просвіта»,—съ 1881 г. (по 1883 г.) редактируетъ юмористическій журналъ «Зеркало»,—въ 1883 г. принималъ самое горячее участіе въ народномъ вѣчѣ русиновъ. «Ратуймо і любім наші школи, бо виб'е остатня година і для тоі одиноі гімназіі руськоі.—говорилъ онъ,—виб'е остатня година для викладів руських на університеті руськоі землі,—виб'е остатня година, і грім посмертний заголосить по народності, котра втратила свій закон—свою душу». Рѣчь Устіяновича, по словамъ О. Огоновскаго, имѣла громадное вліяніе на все вѣче: «І загреміло громом въ цілім вічу та понеслись слова: «Ни, не умремо, не дамося! Русь жие і жити буде» [1]). Кромѣ этого, Устіяновичъ сотрудничалъ въ многихъ газетахъ (Правда,

[1]) О. Огоновській. Историја литер. ч. II, выд. II, стр. 792.

Діло, Руслан), былъ однимъ изъ первыхъ членовъ основателей «Наук. Тов. ім. Шевченка», состоялъ членомъ многихъ другихъ обществъ и былъ извѣстенъ, какъ прекрасный ораторъ и декламаторъ.

Хотя Устіяновичъ оставилъ послѣ себя довольно большое въ количественномъ отношеніи литературное наслѣдіе,—но едва ли его произведенія дадутъ ему безсмертіе или, по крайней мѣрѣ, продолжительную извѣстность и славу. Не гремѣла слава его при жизни, не прогремѣтъ ей и послѣ смерти. Причина этого не отсутствіе таланта, не безталантность автора, а весьма странные, представляющіе мало интереса для современнаго читателя сюжеты его произведеній. Увлекаясь примѣромъ Шекспира, Устіановичъ задумалъ въ цѣломъ рядѣ историческихъ драмъ изобразить украинскую исторію. При этомъ вліяніе первоначальнаго воспитанія было такъ сильно, что его все тянуло въ самую глубину древней исторіи и миѳологіи. Забывалъ какъ то Устіяновичъ, что оживить такую глубокую древность, придать ей живость и интересъ современности, воскресить ее и увѣковѣчить могъ только такой могучій геній, какъ Шекспиръ. Устіановичъ, конечно, далеко не обладалъ талантомъ Шекспира. Вотъ почему его историческія драмы, изданныя въ 70 гг. во Львовѣ въ трехъ томахъ [1]) подъ заглавіемъ «Письма К. Н. Устіяновича», даже не пережили своего автора и теперь уже почти никого не интересуютъ.—Писалъ не мало Устіяновичъ и прозою. Изъ всего написаннаго прозою наибольшій интересъ представляютъ его автобіографія подъ заглавіемъ «М. Ѳ. Раевський і росийський панславизм» (Львовъ 1884 г.), статья «Русько-польскі взаемини въ Галичині» (Правда 1872 г.) и рядъ фельетоновъ въ «Ділі» (1888 г.) подъ общимъ заглавіемъ «Під неділю». Значительно менѣе цѣнности имѣютъ его разсказы («Сватання Бали», «Межи добрими людьми», «І не введи нас во іскушеніе»,—«І остави нам долги наша» и др.), путешествія («Кавказ»—Руслан 1902 г.) и мелкія статьи. Едва ли не самымъ цѣннымъ изъ всего, написаннаго Устіяновичемъ, представляются его небольшія лирическія стихотворенія на патріотическія темы. Эти стихотворенія, довольно красивыя и изящныя по формѣ, мягкія и нѣжныя по настроенію автора, полныя

---

[1]) Т. І. Поеми історычни: Вадим. Искоростень. (Львовъ 1875 г.);—т. II: Олегъ Святославович Овруцький і дума Святослав Хоробрий (Львовъ 1876 г.); т. III: Ярополк І Святославович, великий князь київський, трагедія в. 6 д. (Львовъ 1876 г.).

глубокой любви къ родинѣ и родному народу (Стих. «Галичь» и «Прозрім»...), надолго сохранять благодарную память объ Устіяновичѣ въ украинской литературѣ.

В. Мировець.

Исидоръ Воробкевичъ. *(Некрологъ).* Въ исторіи каждой литературы встрѣчается цѣлый рядъ писателей, которые, не отличаясь выдающимся, яркимъ, оригинальнымъ талантомъ, въ то же время занимаютъ въ ней почетное мѣсто. Это въ большинствѣ или продолжатели, такъ сказать, наслѣдники какого либо выдающагося писателя, развивающіе и популяризующіе его идеи, или начинатели, піонеры новыхъ литературныхъ теченій. Къ разряду подобныхъ писателей принадлежалъ и скончавшійся 6 сентября (19 по новому стилю) Исидоръ Воробкевичъ.

Исидоръ Воробкевичъ родился 5 мая 1836 г. въ г. Черновцахъ на Буковинѣ, гдѣ отецъ его былъ профессоромъ философіи и катихетомъ въ музеѣ. Въ раннемъ дѣтствѣ на будущаго буковинскаго поэта оказали благодѣтельное вліяніе его бабушка Параскева, которая разсказывала ему поэтичныя народныя сказки и легенды и пѣла народныя пѣсни, и дядя Василій Юзарковскій, который, самъ горячо любя родной край и его многострадальную исторію, въ живыхъ, доступныхъ пониманію ребенка разсказахъ знакомилъ его съ козачествомъ и другими болѣе выдающимися фактами этой исторіи. Вотъ въ этихъ то еще дѣтскихъ, столь раннихъ вліяніяхъ нужно искать начало той любви къ родному слову и народу, которая провела Воробкевича черезъ цѣлый рядъ испытаній и сдѣлала его однимъ изъ главнѣйшихъ буковинскихъ писателей. Образованіе Воробкевичъ получилъ въ Черниговской нормальной школѣ, откуда перешелъ сначала въ гимназію, а потомъ въ духовную семинарію. Въ семинаріи сильное вліяніе на него оказалъ учитель церковно-славянскаго языка Стефанъ Носевичъ, который очень любилъ, хорошо зналъ и прекрасно исполнялъ народныя пѣсни. Носевичъ побудилъ Воробкевича обратить серьезное вниманіе на народную литературу и заняться ея изученіемъ. Результатомъ этого изученія было самостоятельное собираніе народныхъ пѣсенъ, болѣе систематическое знакомство съ тогдашней украинской литературной и первые пробы (1858 г.) писанія стиховъ и положенія ихъ на ноты. По окончаніи духовной семинаріи (1860),

Воробкевичъ (1861 г.) получаетъ священническое мѣсто сначала въ с. Давидовцѣ, а потомъ въ Русской Молдавицѣ. Выдержавши (1868 г.) при Вѣнской консерваторіи экзаменъ по гармоніи, генеральному басу и контрапункту, Воробкевичъ занимаетъ въ Черниговской духовной семинаріи мѣсто учителя пѣнія съ званіемъ и положеніемъ профессора богословія. Въ этомъ положеніи онъ пробылъ почти до самаго послѣдняго времени. Въ послѣднее время онъ сильно болѣлъ и даже не видѣлъ на одинъ глазъ.

Дѣятельность покойнаго Воробкевича была очень разнообразна. Онъ продолжительное время состоялъ редакторомъ украинскаго отдѣла въ румынской церковной газетѣ „Candela", въ которой напечаталъ много своихъ «наукъ для народа», затѣмъ выдалъ первый буковинскій Альманахъ „Руська хата", принималъ участіе въ редактированіи «Буковинско-рускихъ Мѣсяцеслововъ», гдѣ помѣщалъ много популярныхъ статей для народа, былъ членомъ многихъ культурно-просвѣтительныхъ обществъ, почетнымъ членомъ «Буковинскаго Бояна», „Руськой Бесіди„ и т. д.

Среди многочисленныхъ произведеній Воробкевича, которыя онъ подписывалъ псевдонимомъ Даныло Млака, особеннаго вниманія заслуживаютъ его мелкія лирическія стихотворенія. Въ лучшихъ изъ этихъ стихотвореній (Гуцул-сиротина, Сумні веснянки, Фата-Моргана, На чужині, Звіночок долом чути, Дика рожа у роскишах, Згадка старшини...) онъ проявляетъ несомнѣнный поэтическій талантъ. Въ лирикѣ Воробкевичъ, по словамъ І. Франка, «Являєтся вповні» паном своеі сили, розсипае велике богацтво житевих спостережень, осяяних тихим блиском щирого, глубоко-людського і народолюбного чуття» [1]). Въ большинствѣ этихъ стихотвореній [2]) авторъ высказываетъ горячее сочувствіе къ страданіямъ родного народа, выражаетъ пожеланіе, чтобы возможно скорѣе измѣнились тяжелыя, препятствующія его развитію и улучшенію его матеріальнаго положенія условія,—жаждетъ добыть живой воды, которая могла бы оживить мертвыя сердца его земляковъ... Гораздо ниже по своимъ достоинствамъ стоятъ многочисленныя эпическія стихотворенія Воробкевича. Сюда относятся его баллады (Кифор і Ануся, Мертвецька нічна гульня и др.)

---

[1]) Смотр. „Передмову" къ сборнику стихотвореній Воробкевича „Над Прутом".

[2]) Смотр. сборник „Над Прутом", отдѣлъ—„Чом проста Буковына".

и историческія поэмы (Мурашка, Нечай, Тимош Хмельницький, Стефан Дашкевич, Богдан Ружинський, Іван Підкова, Конашевич Сагайдачний, Гетман Наливайко, Гетман Павлюк, Казнь Івана Підкови, Богдан Хмельницький), которыя онъ писалъ въ надеждѣ разбудить патріотизмъ и вызвать національное самосознаніе въ окружавшей его, индифферентной къ интересамъ родного края, интеллигенціи. Къ сожалѣнію, всѣ эти столь многочисленныя поэмы, сюжетами которыхъ Воробкевичъ выбралъ самые драматическіе эпизоды изъ исторіи Украины, не въ состояніи были вызвать энтузіазмъ и поднять патріотизмъ среди читателей. Холодныя, не изящныя, тяжелыя—онѣ болѣе говорили уму, чѣмъ сердцу, и скоро были совсѣмъ забыты. Еще хуже были отрывки изъ большихъ поэмъ, каковы—«Клеопатра», «Неронъ», «Царь Іван Грозний». «Ниде правди діти,—пишетъ объ этихъ поэмахъ извѣстный историкъ украинской литературы О. Огоновскій,—довші його (Воробкевича) поеми заполняються часто реторичними фразами, або про заічним оповіданнем, в котрім тільки денекуди зустрічаеться поетичний опис природи або й вдатне порівнанне. Іменно в тих поемах, котрі надруковано лиш в деяких уривках, не видно того талану поетичного, котрий з'являеться в давнійших думах і балядах Млаки» [1]). Не многимъ лучше также и проза Воробкевича: четыре разсказа (Амброзій Остапкевич, Турецькі бранці, Месть Чорногорця и Хто винен) и двѣ «гуморески» (Муштрований кінь и Старий Мартин). Мало могутъ прибавить славы своему автору, наконецъ, и драматическія произведенія Воробкевича: три мелодрамы (Гнат Приблуда, Бідна Марта, Новий двірник) и четыре оперетки (Три Граціі, Золотий мопс, Молода з Босніі, Янош Іштенгази).

Какъ видимъ, среди необыкновенно многочисленно, разбросаннаго чуть ли не по всѣмъ галицкимъ и буковинскимъ періодическимъ изданіямъ [2]), до сихъ поръ еще почти не изданнаго литературнаго матеріала [3]), оставшагося послѣ покойнаго Воробкевича, мы находимъ очень не много дѣйствительно цѣнныхъ произведеній.

---

[1]) Істор. літер. рус. II, I, стр. 338.

[2]) См. Нива, Правда, Галичанин (додаток до „Слова"), Слово, Родимий листок, Бук. Альманах, Бук. мѣсяцеслов, Бук. правосл. календарь, Candela, Руська хата, Библіотека для молодіжи і инш.

[3]) До сихъ поръ выдано только два небольшихъ сборника произведеній Воробкевича: Над Прутом (1901 г.) и Флояра (1902 г.).

Однако, несмотря на это, въ Галиціи и особенно на Буковинѣ имя Воробкевича пользуется большою извѣстностью и даже популярностью. Это видно изъ того, какъ торжественно (въ 1887 г.) былъ отпразднованъ 25 лѣтній юбилей его литературной дѣятельности и какъ много народа и депутацій приняли участіе въ его торжественныхъ похоронахъ. Тайна необыкновеннаго вліянія Воробкевича и симпатій къ нему широкихъ круговъ общества объясняется, конечно, не достоинствами его литературныхъ произведеній, но тѣмъ, что онъ, вмѣстѣ съ Федьковичемъ, былъ однимъ изъ первыхъ пробудителей національнаго самосознанія среди буковинцевъ. «Тепер,—говоритъ г. Гнатюкъ,—инші вимоги ставляться до поета, а инші ставляно тоді», коли Воробкевичъ написав більшу частину своіх творів. Через те неможна його осуджувати остро, а його становище, як письменника, що належав до перших будителів національного духа і національноі ідеі, буде все красуватися на визначнім місці в памяти нашого народа» [1]).

Въ заключеніе, скажемъ еще, что покойный I. Воробкевичъ былъ однимъ изъ наиболѣе любимыхъ и популярныхъ композиторовъ въ Галиціи и Буковинѣ, не только среди украинцевъ, но даже и среди румыновъ. Ему принадлежитъ много композицій на слова Шевченка, и особенно на собственныя произведенія.

В. Мировець.

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

Выходъ русинскихъ пословъ изъ галицкаго сейма. 16-го октября въ галицкомъ сеймѣ во Львовѣ совершился крупный фактъ—выходъ русинскихъ пословъ изъ сеймового засѣданія, при чемъ они сложили одинъ за другимъ свои полномочія. Поводовъ къ такому рѣзкому поступку пословъ было много, такъ какъ въ послѣдніе мѣсяцы положеніе украинской національной партіи въ борьбѣ ея съ польской партіей обострилось цѣлымъ рядомъ инцидентовъ, доказывавшихъ, что въ сеймѣ польское большинство упорно отказываетъ русскому народу въ самыхъ насущныхъ его нуждахъ. Послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія пословъ, былъ отказъ сейма основать русскую гимназію

---

[1]) Літер. Наук. Вістн. 1903 р. № 10, стd. 50

въ Станиславовѣ. Въ виду этого, какъ говоритъ львовское «Діло», «руски послы мусилы по мужески та достойно задемонструваты протывъ такого нехтування русского народу на его власній земли» Выходъ пословъ изъ сейма, по словамъ «Діла», есть выходъ всего народа, чтобы такимъ образомъ громко поднять голосъ протеста и смѣло развернуть боевое знамя внѣ сейма. Этотъ шагъ пословъ имѣетъ и болѣе широкое значеніе, такъ какъ ими была сдѣлана проба исполнить совѣтъ парламента, выраженный устами д-ра Кербера, сказавшаго: «я радывъ бы рускому населеню Галычыны, щобы разъ твердо, лояльно й одверто, але безъ ненависти, выступыло передъ галыцькымъ сеймомъ зъ своимы бажаннямы и жалобамы». И результатъ оказался такой, какого не ожидали даже многіе изъ поляковъ: послѣ горячихъ, убѣдительныхъ рѣчей пословъ, когда поставленъ былъ вопросъ о Станиславовской гимназіи на баллотировку, за открытіе ея подали голосъ только русины и два польскихъ посла—Стояловскій и Сколишевскій. Тогда посолъ Олесницкій сказалъ приблизительно слѣдующее - «Когда, послѣ выхода русскихъ пословъ изъ сейма въ 1901 году, среди русиновъ возникъ вопросъ. вступитъ-ли эта маленькая группа пословъ опять въ сеймъ, то рѣшилъ этотъ вопросъ Народный съѣздъ, который поручилъ посламъ еще разъ, въ видѣ пробы, войти въ сеймъ, но одновременно съ этимъ далъ имъ полномочіе, въ случаѣ чего, выйти изъ сейма и обратиться къ русинскому обществу. Не смотря на нашу крайне лояльную политику, мы оказались теперь въ невозможности дальше участвовать въ сеймѣ. Сеймъ отклонилъ минимальное требованіе нашего народа, требованіе, исполненія котораго мы добиваемся уже три года и которое имѣетъ за себя много убѣдительныхъ мотивовъ, но сеймъ отклонилъ его безъ всякихъ аргументовъ, руководствуясь только однимъ мотивомъ—ненавистью къ русскому народу и усиліями уничтожить его культурное развитіе. Въ отвѣтъ на данный фактъ, который является лишъ однимъ изъ многихъ подобныхъ ему въ политикѣ сейма по дѣламъ русинскаго народа; въ отвѣтъ на то, что мы имѣемъ передъ собой и въ другихъ дѣйствіяхъ сейма доказательства стремленій, направленныхъ на политическое и экономическое обезсиленіе руского народа въ Галичинѣ; наконецъ, въ отвѣтъ на фактъ, что двухлѣтній опытъ убѣдилъ насъ достаточно въ томъ, что въ этомъ сеймѣ и въ этомъ его составѣ нѣтъ и не будетъ справедливости,—въ отвѣтъ на все это мы, члены сеймового руского клуба, ссылаясь на наше заявленіе 30 декабря 1901 г., заявляемъ, что ни наша, ни на-

рода руского честь не позволяетъ намъ дольше оставаться въ той палатѣ, гдѣ лояльная политика наша встрѣчается съ систематически обижающими насъ и народъ рускій проявленіями насилія, а потому оставляемъ этотъ сеймъ, возлагая на представителей польскаго народа въ Галичинѣ отвѣтственность за принужденіе насъ къ такому шагу передъ судомъ исторіи и всего цивилизованнаго міра, и возглашая всенародный громкій протестъ противъ того тяжелаго насилія, которое представители польскаго народа совершили сегодня надъ братскимъ народомъ рускимъ. Съ этимъ возгласомъ идемъ къ тому народу, который насъ сюда прислалъ, а все дальнѣйшее принадлежитъ уже ему самому».

Фактъ этотъ произвелъ повсюду въ Австріи, не говоря уже о Галичинѣ, большую сенсацію: газеты нѣмецкія, польскія и рускія разныхъ партій высказываютъ болѣе или менѣе откровенно свое мнѣніе о такомъ поведеніи рускихъ пословъ. Любопытно, что вѣнскій органъ «Neue freie Presse», подробно разсказавши обо всемъ происшедшемъ въ сеймѣ, очевидно склоняется къ одобренію тактики рускихъ пословъ, а—horribile dictu—«Галичанинъ» помѣстилъ статью, въ которой вполнѣ оправдываетъ польскихъ пословъ за отказъ въ учрежденіи гимназіи въ Станиславовѣ и обвиняетъ рускихъ пословъ за ихъ демонстрацію. Конечно, польскимъ газетамъ эта статья «Галичанина» пришлась на руку, т. к. онѣ, ссылаясь на нее, говорятъ, что болѣе серьезные русины сами не одобряютъ этого поведенія рускихъ пословъ. Вотъ до какихъ геркулесовыхъ столбовъ можетъ довести политика борьбы между партіями одного народа!

Насколько близко къ сердцу приняла этотъ выходъ пословъ изъ сейма лучшая часть руской интеллигенціи Львова, видно, между прочимъ, изъ того, что на другой же день (17 октября) въ залѣ «Народного Дому» собралось около 1000 человѣкъ львовскихъ русиновъ и, выслушавши рѣчи своихъ пословъ—Романчука, Могильницкаго, Барвинскаго,—устроило имъ большія оваціи, вполнѣ одобривъ ихъ поведеніе, а въ концѣ концовъ приняло единогласно предложеніе, чтобы всѣ вышедшіе изъ сейма послы выступили въ качествѣ кандидатовъ при дополнительныхъ выборахъ, и чтобы рускій народъ снова выбралъ ихъ своими представителями.

Польская печать о русскихъ депутатахъ львовскаго сейма. По всей видимости, польскіе политики до послѣдней минуты сомнѣвались относительно серьезныхъ намѣреній русскихъ депутатовъ львовскаго сейма сложить свои полномочія. Общественное польское мнѣніе, поскольку оно выражается въ печати, не знало еще, какъ отнестись къ факту, какія послѣдствія его намѣтить для ближайшаго будущаго. Станчиковскій «Czas» съ тихой грустью отмѣчаетъ въ фактѣ сецессіи русскихъ депутатовъ побѣду радикализма надъ умѣренностью, проявленіе слабости элементовъ умѣренныхъ среди русскихъ. Но газета выражаетъ свою вѣру въ то, что побѣда радикализма не окончательная. „Слѣдуетъ вѣрить и желать вмѣстѣ съ председателемъ сейма, чтобы сложившіе свои полномочія русскіе депутаты снова увидѣлись съ нами въ сеймѣ". Эти мечтанія „Czas"а не встрѣчаютъ сочувствія въ другихъ польскихъ органахъ. „Gazeta Narodowa" утѣшаетъ себя увѣреніями, что поведеніе русскихъ депутатовъ является отраженіемъ настроенія, господствующаго лишь въ одной части русскаго общества— среди „украйнофиловъ". Газета язвительно подсмѣивается надъ предусмотрительностью русскихъ депутатовъ, позаботившихся о томъ, чтобы возвратиться въ сеймъ: они, будто бы, заключили между собой договоръ такого рода, что если при будущихъ выборахъ, хотя одинъ изъ нихъ будетъ забаллотированъ, то и всѣ прочіе не примутъ полномочій... „Przegląd", желая выставить русскихъ депутатовъ въ смѣшномъ видѣ, сообщаетъ, что они дѣйствовали по приказу русскихъ студентовъ львовскаго университета, которые, будто бы, угрожали побить депутатовъ, если эти послѣдніе не исполнятъ студенческаго приказа. «Dziennik Polski» во всей исторіи обвиняетъ русскаго уніатскаго митрополита Шептицкаго. Среди этихъ отзывовъ польской печати любопытно выдѣляется голосъ соціалистическаго. «Naprzód»: «Право русскихъ на тарнопольскую гимназію оказалось зависимымъ отъ «щедрости» гр. Тарновскаго и Дзѣдушицкаго, паразитовъ на тѣлѣ польскаго и русскаго народа... Русскимъ данъ хорошій урокъ на счетъ того, каково будетъ ихъ положеніе, напримѣръ, въ случаѣ выдѣленія Галиціи... Стала очевидной способность сейма къ рѣшенію важнѣйшихъ общественныхъ, политическихъ и національныхъ вопросовъ, къ разрѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ, стоящихъ передъ этими 7 милліонами населенія, обитающаго въ этомъ несчастномъ краѣ, управляемомъ Тарновскими и Дзѣдушицкими».

Русско-польская борьба во Львовскомъ университетѣ. Національный споръ поляковъ и русскихъ въ Галиціи, какъ извѣстно, нашелъ себѣ яркое выраженіе въ протестахъ русскихъ студентовъ львовскаго университета противъ стѣсненія правъ родного языка польскою администраціею университета. Около 2-хъ лѣтъ тому назадъ, столкновеніе приняло особенно рѣзкую форму: русскіе студенты на цѣлый семестръ совершенно покинули львовскій университетъ. Теперь отношенія вновь обострились. Русскіе студенты вручили новоизбранному ректору университета ксендзу Фіялку, для передачи университетскому сенату, свой протестъ, написанный по-русски и принятый на собраніи студентовъ 26 сентября. Протестъ гласитъ слѣдующее:

1) русская университетская молодежь считаетъ выборъ кс. Фіялка ректоромъ университета вызовомъ и оскорбленіемъ, намѣренно устроенными со стороны префессоровъ противъ русской молодежи;

2) съ этой точки зрѣнія, молодежь рѣшительно протестуетъ противъ этого выбора, сдѣланнаго съ попраніемъ ея національнаго и человѣческаго достоинства и

3) требуетъ отставки новоизбраннаго ректора.

3 октября въ стѣнахъ львовскаго университета разыгралась исторія, служащая продолженіемъ протеста противъ новоизбраннаго ректора кс. Фіалка. Въ аудиторію, гдѣ Фіалекъ читалъ свою лекцію по исторіи церкви, ворвалась толпа студентовъ-русиновъ и нѣкоторыхъ посторонних университету лицъ, освистала профессора и забросала его гнилыми яйцами. Кс. Фіалекъ въ такомъ видѣ направился было въ засѣданіе галицкаго сейма, чтобы,—какъ сообщаютъ польскія газеты,—подтвердить своимъ видомъ обвиненія малорусской учащейся молодежи польскими депутатами въ крайнемъ политиканствѣ и шовинизмѣ, совершенно мѣшающихъ ей учиться (эти обвиненія, между прочимъ, выставлены были, какъ аргументъ, противъ открытія новой малорусской гимназіи въ г. Станиславовѣ). Однако, Фіалка уговорили не дѣлать этого. Университетскій сенатъ, сообщивъ обо всемъ въ Вѣну, приступилъ къ разслѣдованію дѣла и на другой же день исключилъ изъ университета 7 наиболѣе виновныхъ студентовъ.

Какъ только извѣстіе о нападеніи на ректора распространилось по университету, образовались группы молодежи, отдѣльно русинской и польской, горячо обсуждавшія случившееся. Русины иронически улыбались; поляки были страшно возмущены.

Продолженіемъ явилось объявленіе отъ польскихъ студентовъ, что они не впустятъ въ зданіе университета ни одного русина-студента, что и было исполнено ими въ тотъ-же день. Въ отвѣтъ на это русинская студенческая молодежь подала университетскому сенату заявленіе, за подписью 250 лицъ, въ которомъ выражается ихъ солидарность съ демонстрантами товарищами ректору Фіалку. Кромѣ того, они рѣшили на дѣлѣ доказать, что считаютъ львовскій университетъ своимъ, и потому въ назначенный часъ явились въ числѣ 200 человѣкъ и безпрепятственно прошли по всѣмъ корридорамъ. Въ отплату за это польская молодежь вечеромъ сдѣлала правильное нападеніе на русскую семинарію и на женскій институтъ *Василіянокъ*, а также на многія русскія учрежденія и даже на частныя квартиры, вездѣ производя шумъ и устраивая кошачій концертъ. Интересно, что во всей этой исторіи университетское начальство и польскія власти явились какъ-бы одобряющими дикія выходки польской молодежи.

События эти произвели большую сенсацію во всѣхъ кругахъ, польскихъ и русскихъ, и вызвали цѣлый рядъ запросовъ, заявленій и т. п. Такъ, русскіе депутаты львовскаго сейма, во главѣ съ митрополитомъ Шептицкимъ, внесли слѣдующій запросъ:

1) Извѣстно-ли правительству о бездѣятельности полиціи при происшествіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ университетѣ и въ городѣ послѣ исторіи съ кс. Фіалкомъ?

2) На чемъ основывается такое поведеніе органовъ общественной безопасности, и намѣрено-ли правительство что нибудь предпринять, чтобы научить полицію исполненію ея обязанностей?

3) Какія мѣры приметъ правительство, чтобы обезпечить спокойствіе гражданъ русской народности?

Вслѣдствіе распоряженія львовскаго уніатскаго митрополита графа Шептицкаго воспитанники львовской духовной семинаріи не посѣщаютъ университетскихъ лекцій, и это потому, что на другой день послѣ демонстраціи противъ ксендза Фіалка, они не были допущены польскими студентами въ зданіе университета, и такія со стороны польской молодежи совершенно незаконныя дѣйствія по настоящее время остались безнаказаны.

Вслѣдствіе послѣднихъ событій въ львовскомъ университетѣ нѣсколько профессоровъ, а въ томъ числѣ профессоръ Колесса, временно пріостановили лекціи.

„Kurjer Lwowski“ помѣстилъ на дняхъ передовую статью, въ которой рѣзко осуждаетъ образъ дѣйствій польскихъ студентовъ львовскаго университета, не допустившихъ украинскихъ студентовъ въ зданіе университета 3 октября, послѣ произведенной ими демонстраціи противъ ректора львовскаго университета ксендза Фіалка.

Къ юбилею Н. В. Лисенка. Въ Галичинѣ идутъ приготовленія къ празднованію юбилея Н. В. Лисенка. Во Львовѣ организовался особый юбилейный комитетъ, который выработалъ проектъ празднества, а именно: 7 декабря нов. ст. днемъ состоится *академія*, т. е. засѣданіе съ рѣчами въ честь юбиляра, а вечеромъ концертъ, послѣ котораго будетъ устроенъ ужинъ; 8-го декабря предполагается представленіе дѣтской оперы юбиляра „Коза-дереза“, въ исполненіи учениць института. Такъ-какъ въ праздникѣ примутъ участіе многіе изъ пріѣзжихъ, то комитетъ выдѣлилъ изъ себя особую секцію *кватырункову*, которая должна устроить помѣщенія для пріѣзжихъ гостей. Комитетъ послалъ уже юбиляру приглашеніе пріѣхать во Львовъ на эти дни торжествъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. *Годъ 8-й. Кіевъ, 1903 г. стр. 611.*

Новый выпускъ „Ежегодника“, какъ и предшествовавшіе ему, состоитъ изъ двухъ частей. Первая—оффиціальная часть, занимающая всего лишь 53 стран., представляетъ отчетъ о состояніи Коллегіи за время съ 1 окт. 1902 г. по 1 окт. 1903 г. Въ ней даны свѣдѣнія о личномъ составѣ заведенія, объ учащихся, ихъ занятіяхъ и т. под.; при этомъ здѣсь же перепечатаны изъ отчетовъ прежнихъ лѣтъ разнаго рода desiderata, осуществленію коихъ, повидимому, не былo никакихъ препятствій, а между тѣмъ они изъ года въ годъ лишь намѣчаются, но почему-то не вводятся въ жизнь школы. Составъ учащихся по прежнему слишкомъ малолюденъ: въ 1902 г. ихъ было 64, въ нынѣшнемъ 62 (29 стипендіатовъ и 33 своекоштныхъ), хотя составитель отчета самъ сознается, что ничто не мѣшаетъ увеличить число воспитанниковъ до 100 человѣкъ. По сословному составу учащихся Коллегія по прежнему является школой преимущественно дѣтей привилегированныхъ классовъ: изъ 62-хъ учащихся, 32—дѣти дворянъ и чиновниковъ, 9—духоваго званія, 17—городскихъ сословій и лишь 1 сельскаго сословія. Наиболѣе интересная глава отчета—о дѣятельности Правленія и Совѣта Коллегіи изложена слишкомъ ужъ кратко. Здѣсь сказано лишь, что Правленіе въ теченіе года имѣло 28 засѣданій, „предметомъ которыхъ были различные вопросы частью учебно-воспитательные, частью хозяйственные“; но какіе именно это были вопросы и какъ они рѣшались—отчетъ умалчиваетъ, а между

тѣмъ слѣдовало бы подѣлиться этимъ съ обществомъ, которое теперь особенно чутко прислушивается къ тому, что дѣлается въ школѣ, живущей не по общему шаблону; Коллегія же, по мысли ея основателя, имѣетъ право примѣнять и осуществлять тѣ новые пути, на какіе указываетъ современная педагогія. Точно также и о дѣятельности Совѣта немного сказано. Онъ имѣлъ въ теченіе года 9 засѣданій, что было вызвано тѣмъ неопредѣленнымъ положеніемъ, въ какомъ оказалась Коллегія послѣ смерти ея попечителя графа К. Н. Ламздорфа, который унаслѣдовалъ всѣ права ея основателя, но, очевидно, безъ права передачи ихъ своему наслѣднику. Какъ разрѣшенъ Совѣтомъ этотъ важный вопросъ, изъ отчета не видно. Совѣтъ продлилъ еще на 3 года аренду одного крупнаго имѣнія „на новыхъ, болѣе выгодныхъ для Коллегіи условіяхъ", а на какихъ именно—не сказано. А это любопытно было бы знать, такъ какъ изъ данныхъ отчета видно, что хозяйственное управленіе принадлежащими Коллегіи имѣніями нельзя признать образцовымъ. Ей принадлежитъ 11,545 десятинъ, расположенныхъ въ плодороднѣйшихъ мѣстностяхъ черниг. и полт. губерніи. а между тѣмъ дохода отъ нихъ Коллегія получаетъ всего 61,647 р. (при расходѣ въ 23,381 р.), что составитъ лишь около 5 р. съ десятины. Вообще финансовое положеніе Коллегіи нельзя назвать блестящимъ. Въ теченіе отчетнаго года она получила: чистаго дохода съ имѣній 38,266 р. 37 к., съ городского имущества 430 р. 29 к., съ своекоштныхъ воспитанниковъ 27,800 р., процентовъ съ неприкосновеннаго капитала и др. доходовъ 2521 р., 12 к., а всего дохода 68,217 р. 78 к., а расходъ ея простирался до 72,140 р. 87 к., и если бы не остатокъ отъ 1901 г. въ 77,080 р. 47 к., то Коллегія имѣла бы дефицитъ. Этому нечего и удивляться, когда изъ отчета же узнаемъ, что содержаніе каждаго воспитанника обходится Коллегіи свыше 1000 р., сама же она получаетъ съ своекоштныхъ воспитанниковъ лишь по 750 р. Такимъ образомъ Коллегія является учебно-благотворительнымъ заведеніемъ не только для бѣдняковъ, но и для дѣтей весьма состоятельныхъ классовъ, что едва ли соотвѣтствуетъ ея первоначальному назначенію.

Часть неофифціальная „Ежегодника" заключаетъ въ себѣ: 1) Труды преподавателей и бывшихъ воспитанниковъ Коллегіи; здѣсь, въ ряду другихъ цѣнныхъ работъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ статьи г. Александровскаго: „Введеніе въ исторію новѣйшей русской литературы" и г. Архимовича: „Къ вопросу объ ученическихъ образо-

вательныхъ поѣздкахъ". 2) Матеріалы для исторіи Коллегіи. Здѣсь, въ статьѣ подъ наименованіемъ: „Новыя и исправленныя свѣдѣнія о бывшихъ воспитанникахъ", можно встрѣтить такія невѣроятныя сообщенія, какъ то, напр., что одинъ воспитанникъ, окончившій курсъ Коллегіи въ 1894 г., поступилъ въ Кіев. университетъ да и понынѣ состоитъ студентомъ; и такихъ промаховъ не мало. Намъ кажется, что редакторъ «Ежегодника» значительно сберегъ бы свой трудъ и сократилъ расходъ, печатая въ этомъ отдѣлѣ лишь вновь полученныя свѣдѣнія о лицахъ, а не перепечатывая изъ года въ годъ одного и того же. Лишнею кажется намъ и перепечатка журнальныхъ отзывовъ о прежнихъ выпускахъ «Ежегодника»: отзывается рекламою, къ какой любятъ прибѣгать составители «одобренныхъ» учебниковъ.

Несомнѣнно цѣнными и интересными матеріалами нужно признать помѣщенныя въ этомъ же отдѣлѣ воспоминанія и письма, извлеченныя изъ семейнаго архива покойнаго Г. П. Галагана. Особенный интересъ представляютъ два письма Ѳ. В. Чижова, близкаго друга семьи Галагана, воспитателя его сына Павлуся, котораго Чижовъ неизмѣнно называлъ: «козакъ-душа правдыва». Письма эти такъ ярко рисуютъ благородный образъ этого гуманнаго и просвѣщеннаго человѣка и его поэтически-любовное отношеніе къ Малороссіи, что мы находимъ не лишнимъ выписать изъ нихъ особенно характерныя строки. Въ сентябрѣ 1859 г. Чижову пришлось ѣхать лошадьми въ Одессу черезъ Богополь, пограничное мѣстечко между подольскою и херсонскою губ. «Тутъ (пишетъ онъ Галагану) впервые я понялъ красоту степей украинскихъ. День былъ ясный, солнце пекло хотя и по-сентябрски, но довольно сильно. На всемъ степу я былъ одинъ-одинешенекъ; куда ни обернись - луга и нивы, нивы и могилы. Я перенесся мыслью къ тебѣ,—тутъ много, очень много поэзіи, моя душа не вынесла всей ея силы, и сначала безотчетно у меня потекли слезы, потомъ еще стало грустнѣе, когда языкъ степи вошелъ въ мое сознаніе, это высокая поэзія одиночества, не смерти, какъ въ пустыняхъ Аравійскихъ, а одиночества жизни. Все есть кругомъ тебя, что на потребу человѣка, природа щедро наградила всѣмъ: нивы тучны, луга роскошны и зелены; сама природа указала не искать товарищей, кромѣ товарища, предписаннаго ею же всякому. Тутъ, а не въ исторіи, начало образованія малороссійскаго характера. Не исторія, а природа ввела его самого въ себя; изъ этого источника природа развила всѣ его добрыя качества, которыя потомъ выразились въ исто-

ріи. Напрасно говорятъ, что малороссіянинъ хитеръ отъ природы; онъ отъ природы только заключенъ въ самомъ себѣ,—онъ скрытенъ, и за это его упрекать такъ же безразсудно, какъ и насъ за нашу непремѣнную потребность общительности». Далѣе Чижовъ разсказываетъ о своемъ знакомствѣ съ поляками: «Ты сильно не любишь поляковъ; исторически смотря, имѣешь право, если только есть право не любить. Много терпѣли и даже теперь много терпятъ отъ нихъ украинцы. Я пробылъ съ поляками 6 дней,—много, очень много нашелъ хорошаго, можетъ быть именно потому, что видѣлъ ихъ только между собою и, по неумѣнью говорить, не могъ даже навести на разговоръ сколько-нибудь общественный. Когда случай заставилъ видѣть ихъ въ столкновеніи съ страною, съ туземцами-украинцами, горько было видѣть страданіе этихъ послѣднихъ. Въ настоящую минуту оно, можетъ быть, и не велико, но обычаи, вошедшіе въ бытъ ихъ, показываютъ, что дѣло было не безъ слезъ и не безъ униженія. При мнѣ было нѣсколько свадебъ,—невѣста и женихъ приходили и не только барину, а всѣмъ присутствовавшимъ панамъ по три раза кланялись въ ноги, цѣлуя при каждомъ поклонѣ руку и *ноги*. Трудно передать, какъ тяжело это видѣть. Неужели и у васъ такъ же?»

Въ другомъ письмѣ изъ Москвы (23 апр. 1861 г.) Чижовъ пишетъ Галаганамъ: «Гдѣ вы теперь, мои милые. Я часто съ вами, даже и тогда, когда перечитываю «Основу» Никогда я такъ не смаковалъ языка, поэзіи и нѣжности малороссійскаго склада, какъ теперь. Какъ будто пелена сваливается съ глазъ, и можетъ быть ошибочно, но Малороссія является не враждебною національностью, но неразрывною частью той народности, какая всегда жила и будетъ всегда жить въ душѣ моей: Россія—цѣлый міръ, со всею полнотою организаціи,—не Франція, не Германія, не Англія, составляющія одинъ міръ, но, если можно перенестись въ прошедшее и съ ними поставить не въ сравненіе, а въ параллель,—Италія, а теперь Европа. Петрарка—представитель той же органической Италіи, какъ и Данте, но безъ него организмъ былъ бы не полонъ. Малороссія—страна той же Петрарковщины, той же нѣжности, мягкости, сердечности славенскаго или русскаго міра. Каждое слово Малороссіи, не вычурной, а просто понятой изъ народа и его житья-бытья, есть слово моего сердца; оно ему родное, хотя и не родинное. Я не былъ бы полонъ, остался бы на половинѣ развитія, еслибъ не дошелъ до сердечнаго пониманія Малороссіи, до любви къ тому уголку, гдѣ все любимо: и небо, и при-

рода, и простота жизни; а въ то же время я былъ бы уродливъ, одностороненъ, еслибъ отдался этой народности и не черпалъ всего, и самой любви къ ней, изъ единаго для меня чистаго источника— моей родной народности» и проч. Нужно отдать справедливость Чижову: любовь и сердечное пониманіе Малороссіи были у него не на словахъ только, но и на дѣлѣ; онъ съ любовью изучилъ поэзію Шевченка и его письма испещрены цитатами изъ его стиховъ.

Очень любопытно также письмо самого Галагана, написанное подъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти Гоголя, а равно письмо и стихи М. А. Максимовича (уже не разъ изданные) по поводу смерти Павлуся. Любители стариннаго малороссійскаго быта съ интересомъ прочтутъ описаніе стараго дома въ одномъ изъ коллегіатскихъ имѣній, «Покорщинѣ» (козел. у. черниг. губ.), въ которомъ сохранились обои, утварь и нѣсколько изразцовыхъ печей XVIII ст. Двѣ изъ такихъ печей воспроизведены и въ фотографическихъ снимкахъ.

Вообще можно замѣтить, что этотъ отдѣлъ «Ежегодника» (письма и воспоминанія), какъ и въ предыдущихъ выпускахъ, заключаетъ въ себѣ цѣнный матеріалъ, представляющій интересъ не только для исторіи Коллегіи. Въ дальнѣйшихъ выпускахъ редакторъ обѣщаетъ печатать въ этомъ отдѣлѣ, между прочимъ, мѣстные этнографическіе матеріалы, справедливо полагая, что знакомство съ произведеніями народнаго творчества будетъ содѣйствовать воспитанію въ молодежи того чувства любви къ родинѣ, которое такъ цѣнилъ покойный основатель Коллегіи, самъ бывшій большимъ знатокомъ и любителемъ малорусской народной пѣсни и въ свое время издавшій сборникъ пѣсенъ съ напѣвами. Въ слѣдующемъ выпускѣ «Ежегодника» предположено помѣстить именно пѣсни съ мотивами. Привѣтствуя это симпатичное начинаніе, мы хотѣли бы высказать слѣдующее соображеніе. Какъ извѣстно, въ Коллегіи, по мысли ея учредителя, обращается весьма серьезное вниманіе на художественную сторону образованія; пѣніе, наприм., въ ней поставлено, какъ обязательный предметъ преподаванія, чего нѣтъ ни въ одномъ свѣтскомъ учебномъ заведеніи, музыкѣ здѣсь также охотно обучаютъ всѣхъ желающихъ; поэтому рѣдкій изъ воспитанниковъ не обладаетъ музыкальнымъ слухомъ и знаніемъ. Было бы полезнымъ воспитательнымъ средствомъ примѣненіе этихъ знаній къ непосредственному изученію народной пѣсни. Многіе воспитанники проводятъ лѣто на дачѣ, въ черн. губ., и имѣютъ возможность слышать эту пѣсню въ ея первоисточникѣ, т. е. въ устахъ народа. Остается только на-

учить ихъ различать истинно-художественные перлы отъ наносной шумихи и показать практическіе пріемы для записыванія текстовъ и мотивовъ,—и тѣ изъ нихъ, кто сколько-нибудь обладаетъ музыкальнымъ чутьемъ, легко могутъ полюбить это занятіе. Въ великорусскихъ губерніяхъ теперь разъѣзжаютъ особыя пѣсенныя экспедиціи, но для изученія малорусской пѣсни покамѣстъ этого не дѣлается. Почему бы къ этому прекрасному занятію не пріучать учащуюся малодежь? О воспитательномъ вліяніи такого художественнаго общенія съ народомъ нѣтъ нужды распространяться.

Запорожская рукопись о кладахъ. *Кіевъ, 1903, I—XI+63, in мал. 8°. Цѣна 1 рубль.*

Рукописи—запорожскія, гайдамацкія,—содержащія указанія мѣстонахожденій зарытыхъ гайдамаками во время оно кладовъ,—вещь не рѣдкая: онѣ и понынѣ циркулируютъ какъ таинственные «планы», по которымъ немедленно можно будто бы разыскать зарытыя въ давнее время сокровища, среди населенія юга Россіи, въ особенности въ губерніи херсонской. Разумѣется, для науки особой цѣнности онѣ не представляютъ, и потому въ печати попадаются лишь изрѣдка (напр. въ Зап. Имп. Одесск. Общ. Истор. и Древн., т. XXII; въ книгѣ В. Гошкевича. Клады древности въ херсонской губ., Херс. 1903, стр. 62). Но помимо изданія подобныхъ рукописей съ цѣлью научной возможна еще и цѣль иная—далеко, впрочемъ, съ точки зрѣнія общественной этики непохвальная,—разсчетъ на невѣжество народа, который, молъ, провѣдавъ о существованіи «печатнаго плана зарытыхъ кладовъ (въ существованіи котораго онъ глубоко убѣжденъ), не пожалѣетъ, конечно, и трудового рубля за брошюрку въ 60 страничекъ, которой вся цѣна-то гривенникъ... Такую цѣль, очевидно, имѣлъ въ виду и нашъ анонимный авторъ, выпуская въ свѣтъ лежащую передъ нами «Запорожскую рукопись о кладахъ».

Итакъ, предъ нами нѣкій анонимный писатель, въ нѣкоторомъ родѣ любитель украинской исторіи, не пожелавшій по пустякамъ трепать свое имя, но рѣшившій пожинать... если не лавры, то рубли. Будучи человѣкомъ поразительной скромности, онъ не распространяется много о томъ, что за рукопись онъ издаетъ, и откуда она къ нему попала—онъ ограничи-

вается лишь замѣчаніемъ (предисл. стр. X—XI), что она написана «однимъ изъ бывшихъ запорожцевъ между 1802 и 1806 годами»; что авторъ рукописи, «живя въ землѣ войска запорожскаго, надо полагать, много разговаривалъ съ уцѣлѣвшими гайдамаками...; слушая ихъ разсказы о скрытыхъ въ землѣ кладахъ, онъ все это тщательно записывалъ. Въ результатѣ получилась рукопись, которая теперь издается въ свѣтъ. *Въ Кіевъ эта рукопись попала совершенно случайно*».

Все это очень хорошо, но весьма худо слѣдующее: что авторъ, безъ сомнѣнія *не случайно*, забылъ упомянуть въ своей брошюрѣ о томъ, что никакой запорожской рукописи никогда онъ и не видѣлъ (по крайней мѣрѣ той, которую онъ будто бы перепечатываетъ), а самымъ непринужденнымъ образомъ воспользовался изданной еще въ 1857 году въ Кіевѣ, нынѣ довольно рѣдкой. брошюрой Николая Сементовскаго «Запорожская Рукопись, указывающая. въ коихъ именно мѣстахъ и какіе сокрыты клады гайдамаками и мѣстными жителями» (Кіевъ, 1857, I—XX+I—16), и ничтоже сумняся всю цѣликомъ и переиздалъ ее, да при томъ такъ рабски, что слѣдовало бы выдать премію тому, кто укажетъ хоть малѣйшую разницу между новѣйшимъ изданіемъ г. анонима и Н. Сементовскаго: тотъ же способъ изданія—съ соблюденіемъ въ точности характера оригинала, что крайне затрудняетъ чтеніе (сліяніе словъ, орѳографическія неправильности и т. п.), тѣ же слово въ слово замѣчанія, какія счелъ нужнымъ сдѣлать при печатаніи рукописи Н. Сементовскій, въ родѣ: «за симъ слѣдуетъ нѣсколько приписокъ, не относящихся къ настоящему предмету» (стр. 9), что, конечно, въ рукописи трудно было бы встрѣтить, или «писецъ рукописи не зналъ грамматики (между прочимъ громатики!) и не заботился о правописаніи; въ иныхъ мѣстахъ рукописи онъ ставитъ ъ, ь, и отдѣляетъ предлоги, а въ иныхъ вовсе не наблюдаетъ этого. Несмотря на такія грубыя неправильности, рукопись печатается безъ малѣйшаго измѣненія» (стр. 60). Это говоритъ на стр. 56 Н. Сементовскій, а слѣдовательно за нимъ и нашъ г. анонимъ.

Что касается предисловія, то, оно написано вполнѣ дѣльно (не ручаемся, конечно, что не по заказу г. анонима на сторонѣ!) и вполнѣ оригинально (т. е. ни откуда цѣликомъ не заимствовано), но послѣднія двѣ страницы снова свидѣтельствуютъ объ отсутствіи у г. анонима понятій о чужой литературной собственности, о томъ, что

такое плагіатъ: что авторъ рукописи жилъ въ Запорожьѣ и разговаривалъ съ уцѣлѣвшими гайдамаками—слово въ слово говорится у Сементовскаго (предисл. стр. XVII); и далѣе: «и слушая, не довѣрялъ своей памяти, но тщательно записывалъ» (ibid), а у г. анонима «слушая ихъ разсказы о скрытыхъ въ землѣ кладахъ, онъ все это тщательно записывалъ». Лишь въ заключительныхъ словахъ предисловія онъ проявляетъ самостоятельность, но опять таки далеко не говорящую въ его пользу: Н. Сементовскій, заканчивая свое предисловіе, говоритъ слѣдующее: «въ заключеніе остается сказать, что если изданіе запорожской рукописи не послужитъ къ прямому открытію указанныхъ въ ней кладовъ, то рукопись эта сама по себѣ составитъ весьма любопытный и замѣчательный рукописный источникъ для этнографіи украинскаго народа и полезный для поясненія, въ нѣкоторомъ отношеніи, событій минувшаго столѣтія, происшедшихъ по преимуществу въ западной Украинѣ» (предисл. стр. XIX). Такъ понималъ значеніе печатаемой рукописи человѣкъ, смотрѣвшій на нее, какъ на источникъ историко-литературный. У г. же анонима своя точка зрѣнія, о которой уже мы раньше упоминали: для него она источникъ наживы, заработка на счетъ кармановъ бѣдныхъ простецовъ: «тѣмъ не менѣе (говоритъ онъ), несмотря на легендарность этихъ разсказовъ (повѣрій о папороти, огонькахъ, вспыхивающихъ на кладахъ) и значительное количество *уже найденныхъ кладовъ* (кѣмъ? когда? какъ?—объ этомъ излишне говорить!), не подлежитъ никакому сомнѣнію, что еще очень много золота и серебра продолжаетъ храниться въ землѣ» (предисл. стр. XI). Какъ это наивно и... двусмысленно! Ищи, молъ, и обрящеши,—вынь лишь изъ кармана да положь за книжку рубликъ!

Между тѣмъ эта самая «запорожская рукопись», если не является столь «любопытнымъ и замѣчательнымъ рукописнымъ источникомъ для этнографіи украинскаго народа и т. п.», какъ думалъ это Н. Сементовскій, то все же заключаетъ въ себѣ кое-какія мелочи историческаго характера, которыя имѣютъ извѣстную цѣну и которыя не безполезно отмѣтить на страницахъ историческаго журнала. Такъ, напр., читаемъ: «Просто Канева *на островѣ* 2 березы... то мижъ тими березамы сховано барило денегъ»; но въ рукописи эта запись перечеркнута и на сторонѣ, въ двухъ мѣстахъ, надписи: «снесло островъ», «нема того уже острова» (стр. 35 анонимнаго изданія); «За Сахновкою черезъ Рось гута» (стр. 46), «Ниже Крилова по Днѣпру

просто Уховки била Поланка городовъ» (стр. 14) «у Лисянщинѣ лѣсъ Добриденъ (стр. 12), за Шпагою у Капустинѣ еще у гайдамащину былъ атаманомъ и по гайдамащинѣ годовъ и съ 4, у того человѣка пасѣка на поляхъ» и т. д (стр. 57), «у Каневѣ у дворцѣ, де Базиліяне ченцѣ живуть» (стр. 62) и тамъ же въ Каневѣ «у церкви *мурованой* тотъ полночи у стѣнѣ цеглину виняли» (стр. 62); „у Корсунѣ стояла церковь коло замку" (стр. 58) и т. п. Совершенно непонятно, почему въ запись о кладахъ (стр 8) попала такая вставка: „Туреянскому церковному сторожу сказано Вознесенскому, що онъ бивъ у году 1800 бурсака"; почему сіе важно—трудно отгадать. Встрѣчаются указанія на источники записей, напр. «сіе сказуетъ дякъ, у Кагорлицкой Слободѣ онъ живетъ, прошлаго года 1798, какъ я ишелъ с Кіева» (стр. 16), «о семъ записалъ у попа Лубенского, тое село коло Матренина монастыря, Лубенцѣ» (стр. 9), «Сіе сказуетъ у Костянцѣ Василій Кравецъ Гавріленко» (стр. 24) или «Дузѣненко городской житель Андрей, ему сказано заграницею точно» (стр. 39) или „деревенковской чередникъ, которой орандарской и тотъ съ 1799 года деревенковскимъ" (стр. 40), „у Лубенцяхъ священникъ, тотъ былъ у Кальміусѣ... и у сего отца есть записка на тую примѣту (стр. 43) и друг. Наконецъ, нѣтъ недостатка и въ извѣстіяхъ о желѣзныхъ цѣпяхъ, „ланцюгахъ", которыя и по настоящее время отъ поры до времени смущаютъ народъ, глубоко убѣжденный въ томъ, что стоитъ лишь найти такой „ланцюгъ", и онъ приведетъ къ спрятанному гайдамаками кладу: «у Субботовѣ... озеро; отъ озера копай, найдешъ ланцюгъ, от боку ступеней на 5 до озера, укопанъ у землю глибоко у поясъ» (стр. 43); «коло Млѣева... от криници к болоту у грязѣ закопано ланцугъ, упростяжь до човна ратищъ 3 отмѣрь и шпиляй» (стр. 44) [1].

Вотъ и все, что можно извлечь, какъ наиболѣе цѣнное, изъ «запорожской рукописи о кладахъ»; но для этого, конечно, не стоило бы ее спеціально издавать...

В. Доманицкій.

²⁵/x Дубровникъ (Далмація). 1903 г.

---

[1]) Аналогическія извѣстія см. у В. Гошкевича. Клады и древности херсонской губ., стр. 20 и 26. То же намъ неоднократно приходилось слышать въ уманск. у. кіевск. губ., въ селахъ по нижнему теченію Горскаго Тикича.

Новый альбомъ—„Малюнкы художника П. Д. Мартыновича до Энеиды Котляревського. *Выдання Полтавськои городськои думы. 30 серпня, року 1903».*

Ко дню торжествъ по поводу открытія памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ мѣстные художники почтили своего перваго знаменитаго писателя, кромѣ всего прочаго, художественной выставкой въ его честь и память. Такъ какъ успѣхъ этой, преимущественно украинской, выставки превзошелъ ихъ ожиданія, то рѣшено разъ организовавшееся «товариство» украинскихъ художниковъ и впредь сохранить, дѣлая ежегодныя выставки какъ въ Полтавѣ, такъ и въ другихъ городахъ юга и даже въ Галиціи. На этой выставкѣ обращали на себя вниманіе, между другими работами, превосходные рисунки, преимущественно свинцовымъ карандашемъ, художника П. Д. Мартиновича, а между ними 13 небольшихъ рисунковъ—иллюстрацій къ Энеидѣ Котляревскаго. Это тѣ самые рисунки, которые Полтавская городская дума рѣшила издать отдѣльнымъ альбомомъ. Къ сожалѣнію, альбомъ своимъ выходомъ нѣсколько запоздалъ. Торжества прошли, масса пріѣхавшихъ гостей разъѣхалась, и потому альбомъ, вмѣсто того чтобы быть распроданнымъ тутъ же, можетъ теперь лечь надолго. Вина въ опозданіи—какія то «независящія обстоятельства», задержавшія выходъ въ свѣтъ готоваго къ назначенному сроку альбома. Упомянутые 13 рисунковъ -- плоды творческой фантазіи молодого ученика головного класса Академіи художествъ, въ 1874 году принявшагося съ юношескимъ увлеченіемъ за первый опытъ иллюстрированія любимаго автора. Случилось однакожъ такъ, что къ молодому ученику Академіи подкралась нужда и ему пришлось думать болѣе о насущномъ хлѣбѣ, чѣмъ отдаватъ свои досуги любимому дѣлу; за симъ тяжкая болѣзнь на цѣлыхъ 20 лѣтъ оторвала его отъ художественныхъ занятій,—такъ Энеида и осталась неоконченной; но хорошо и то, что сдѣлано: при первомъ взглядѣ на начальные рисунки альбома, вы видите и рѣшаете, что это работа начинающаго, неувѣреннаго еще въ своихъ силахъ художника, но къ удивленію это впечатлѣніе скоро исчезаетъ, и вы замѣчаете, что иллюстраціи съ каждымъ новымъ номеромъ становятся все лучше и интереснѣе, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ г. Мартиновичъ буквально поднялся до самого Котляревскаго. Предоставляю судить читателю, какую бы мы имѣли иллюстрированную Энеиду, если бы не то несчастіе, которое постигло нашего автора. Во

время торжествъ, на музыкальномъ утрѣ, устроенномъ въ просвѣтительномъ зданіи, когда показывали эти рисунки посредствомъ волшебнаго фонаря на большомъ экранѣ, публика пришла въ восторгъ отъ нѣкоторыхъ сценъ и устроила П. Д. заслуженную овацію. Я часто слышу благодарность по адресу городской думы за то, что, выдавъ этотъ альбомъ, она сдѣлала всѣмъ доступными рисунки П. Д., лежавшіе подспудомъ ровно тридцать лѣтъ.

Нельзя однакоже умолчать какъ о неудачномъ выборѣ способа воспроизведенія, такъ и о форматѣ альбома. Фототипія—одинъ изъ самыхъ мертвыхъ способовъ воспроизведенія художественныхъ работъ и особенно рисунковъ на бумагѣ, имѣющихъ бѣлые фоны; всегда какой то туманъ, какая то муть зализываетъ весь рисунокъ—поэтому онъ является вялымъ и однотоннымъ, а при сравненіи съ оригиналомъ не хочется вѣрить, что это копія съ оригинала. Преслѣдуя свои спеціальныя цѣли, фототипія сдѣлала нѣкоторые рисунки наоборотъ, и потому странное впечатлѣніе производятъ всѣ эти лѣвши. Обыкновенная цинкографія, черезъ сѣтку допускающая самыя тщательныя художественныя исправленія, сообразно оригиналу, была бы въ этомъ случаѣ гораздо лучше и практичнѣе, ибо кромѣ отсутствія мути, возможности обвести рисунокъ какой угодно рамкой или каемкой, у думы остались бы самыя клише, которыя или могли быть проданы, или остались бы для дальнѣйшихъ изданій Энеиды. Разумѣется какъ самыя клише, такъ и печатаніе рисунковъ слѣдовало заказать не въ Москвѣ, а за границей, потому что, кромѣ превосходнаго выполненія заказа, онъ и стоилъ бы гораздо дешевле. Форматъ, избранный для альбома также неудаченъ—онъ почти квадратный, вслѣдствіе этого получается чрезвычайно досадное отсутствіе верхнихъ полей надъ рисункомъ, точно бы они обрѣзаны для чего то. Оставляя подобный форматъ, надо было, по крайней мѣрѣ, хоть на полвершка понизить какъ самый текстъ, такъ и рисунокъ; этотъ пріемъ отчасти замаскировалъ бы первоначальную ошибку. Окончимъ пожеланіемъ, чтобы слѣдующее изданіе было лучше обставлено со стороны внѣшности и изящества. Что касается другихъ рисунковъ П. Д. Мартиновича, которыми такъ любовались посѣтители выставки, и притомъ рисунковъ не юношескаго періода, а періода сложившагося, типичнаго художника, то большинство изъ нихъ можно будетъ видѣть въ превосходныхъ снимкахъ всероссійски извѣстнаго полтавскаго художника-фотографа г. Хмелевскаго. Дѣло въ томъ, что товарищество украинскихъ художниковъ, на память о своей первой

выставкѣ въ честь Котляревскаго издаетъ альбомъ наиболѣе типичныхъ картинъ и рисунковъ этнографическаго и историческаго характера; въ этомъ альбомѣ, числомъ до 50 снимковъ, и можно будетъ увидѣть, среди работъ другихъ художниковъ, и остальные рисунки и картины П. Д. Мартиновича.

А. Сластіоновъ.

„Лира и іи мотивы. Зибравъ въ Кыйивщыни П. Демуцькый. *Кыйивъ, 1903, стр. 1—58 (зъ нотамы). Ц. 1 карб. 25 коп.*

Въ послѣднее время замѣтно пробудился въ обществѣ интересъ къ народнымъ пѣвцамъ, хранителямъ старины, кобзарямъ и лирникамъ: появляются въ провинціальныхъ (южныхъ исключительно) газетахъ и въ литературно-научныхъ періодическихъ изданіяхъ («Кіевская Старина», «Этнографическое Обозрѣніе», «Черниговскій земскій Сборникъ“) цѣнные матеріалы и спеціальныя статьи, посвященныя быту кобзарей и лирниковъ, обращено вниманіе на послѣднихъ (послѣ XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ) высшихъ властей, которыя, съ своей стороны, предписываютъ оффиціальнымъ лицамъ собрать на мѣстахъ о кобзаряхъ и лирникахъ свѣдѣнія, и свѣдѣнія эти, безъ сомнѣнія, явятся цѣннымъ вкладомъ въ литературу о нашихъ народныхъ бардахъ и баянахъ. Спеціально по отношенію къ кіевской губерніи такой матеріалъ уже собранъ, и, надо думать, въ непродолжительномъ времени будетъ опубликованъ; свѣдѣнія собраны приблизительно о 300 лирникахъ и 2 кобзаряхъ, цифра, совершенно неожиданная для тѣхъ, кто придерживается обычнаго въ обществѣ мнѣнія о кобзарствѣ и лирничествѣ, какъ явленіяхъ, если не исчезнувшихъ окончательно, то клонящихся къ постепенному упадку и исчезновенію.

Но до сихъ поръ ни одинъ изъ изслѣдователей, писавшихъ о лирникахъ, не касался музыкальной стороны ихъ репертуара въ болѣе широкомъ смыслѣ—не далъ намъ записей музыкальныхъ лирницкахъ мотивовъ. Въ настоящій моментъ пробѣлъ этотъ восполненъ знатокомъ народной музыки, извѣстнымъ организаторомъ крестьянскаго хора въ Охматовѣ, уманск. у., собравшимъ въ кіевской губерніи (преимущественно въ уѣздѣ таращанскомъ) и положившимъ на ноты 52 №№ лирницкихъ псальмъ и кантовъ, составляющихъ обычный, болѣе или менѣе, репертуаръ кіевскихъ лирниковъ вообще. Къ каждому № прило-

женъ и текстъ. Но главный интересъ представляютъ не тексты, а мотивы, весьма любопытные съ точки зрѣнія ихъ склада и развитія на извѣстной основѣ. Помимо мотивовъ совершенно церковныхъ, частью заимствованныхъ вмѣстѣ съ текстомъ изъ Богогласника (напр. въ репетуарѣ лирника с. Янышевки Рыдька Слюсаря), частью—неизвѣстнаго происхожденія, доведенныхъ до высшей степени совершенства по мелодичности и типичности, какъ напр., псальмы № 29 и 36 (Варварѣ и Григорію), № 50 (Лазаръ), № 5 (Хрысту на Кресті), № 7 (Адмаъ и Ева), № 10 (Іисусу), весьма оригинальный кантъ № 22 (Николаю Большому), № 33 (Онуфрію),—имѣется цѣлый рядъ мотивовъ псальмъ, взятыхъ инстинктивно безсознательно изъ народныхъ украинскихъ пѣсенъ и приспособленныхъ къ совершенно, повидимому, несоотвѣтствующему данному мотиву или конгломерату мотивовъ текста. Такъ напр., псальма № 3 (Распятому Хрысту) заключаетъ въ своемъ мотивѣ между прочимъ отголоски мотива новѣйшей пѣсни; или точнѣе припѣва ея: «Лучче жъ було не ходыть, лучче жъ було не любыть»... № 27 (Варвари)—«Ой наступае та чорная хмара», кантъ № 25 (Ивану Богослову),—«По улицѣ мостовой» и украинской свадебной; на народныхъ мелодіяхъ построены и мотивы псальмъ: № 2 (Роспынанне Хрыста), № 32 (Парасковеи), № 41 (Архангелу Гавріилу) и бытовой (юмористич.) пѣсни (два варіанта) № 52 (Бида). Такое, повидимому, странное явленіе, какъ сочетаніе серьезнаго, «божественнаго» текста съ веселой, въ большинствѣ случаевъ, мелодіей отмѣчено и г. Демуцкимъ въ его интересномъ предисловіи къ нотамъ и текстамъ (I - VI). «Цикаво то,—говоритъ онъ,—що канты, построяни переважно «на весело», дуже блызьки до церковнои музыкы; а псальмы—бильше «на жалобъ», и переходять въ народни письни" (стр. VI). Есть одинъ кантъ—коляда № 24 (Николаю), точное воспроизведеніе колядки «Нова рада стала"; Наконецъ, кантъ № 9 („Монашеськый") поражаетъ своей негармоничностью—цѣлая серія диссонансовъ!

Такимъ образомъ сравнительно небольшой матеріалъ, собранный г. Демуцкимъ и тщательно имъ изданный по сравнительно недорогой цѣнѣ (1 р. 25 к.), проливаетъ свѣтъ на происхожденіе и составъ лирницкихъ мотивовъ, во многихъ случаяхъ чрезвычайно оригинальныхъ, самобытныхъ и художественныхъ, исполненіе которыхъ, напр., на фисгармоніи можетъ доставить слушателю истинное наслажденіе, давая возможность достигнуть почти полной иллюзіи: забываешь, что воспринимаемые слухомъ звуки исходятъ не изъ лиры. Безъ сомнѣнія, глав-

нѣйшая въ послѣднемъ случаѣ заслуга приходится на долю г. Демуцкаго, сумѣвшаго такъ искусно передать мотивы, хотя онъ самъ все же сознается еще, что неуловимыхъ мелизмовъ («перегры»), которыми лирникъ украшаетъ свой мотивъ, онъ не въ состояніи былъ записать.

В. Д.

---

1) **Хлопець та море.—Лыстоноша.—Розумный коваль. Оповидання**, *Одесса, 1903, 1—32, in 16°. Цина 3 коп. (Выдання О. Л. С.).*

2) **И. Пухальскій. Катерына, драма въ 3-хъ діяхъ и 5 картынахъ.** *Перероблено съ (!) «Катерыны» Т. Г. Шевченко (а?). Полтава, 1903, 1—50+4 стр. нотъ, in 16° (Цѣна не обозначена).*

Первая брошюра относится къ разряду тѣхъ общеполезныхъ популярныхъ изданій, которыя издавались Б. Гринченкомъ въ Черниговѣ и нынѣ издаются въ Кіевѣ и «Благотворительнымъ Обществомъ изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» въ Петербургѣ. Цѣнность ея тѣмъ большая, что по содержанію своему она примыкаетъ къ числу не такъ еще многочисленныхъ у насъ популярно-научныхъ народныхъ книжекъ, въ литературной (повѣствовательной) формѣ излагающихъ тѣ или иныя полезныя свѣдѣнія. Въ данной брошюрѣ помѣщены три разсказа: первый («Хлопець та море) знакомитъ съ жизнью голландцевъ, ведущихъ искони борьбу съ моремъ,—въ частности же въ немъ говорится о геройскомъ поступкѣ 8-лѣтняго мальчика Роберта, спасшаго страну отъ потопа: «його дытяча рука не пустыла моря и врятувала ридный край одъ загыну» (стр. 12); во второмъ («Лыстоноша») выведена другая героиня—французская дѣвушка Марія Біаръ, отважившаяся во время франко-нѣмецкой войны доставлять корреспонденцію въ Руанъ, подвергаясь неоднократно опасностямъ со стороны непріятеля, не жалѣя своей жизни на пользу родному краю, и наконецъ въ третьемъ («Розумный коваль») изображенъ хотя не герой, но выдающійся труженикъ, шотландецъ Джемсъ Несмитъ, изобрѣвшій между прочимъ паровой молотъ.

Всѣ три разсказа, хотя и моралистическіе по характеру (въ первыхъ двухъ основная идея—необходимость служенія родному краю до самопожертвованія, а въ третьемъ—служеніе общественному долгу),

но написаны живо, занимательно, хорошимъ легкимъ языкомъ [1]) и безъ сомнѣнія будутъ съ интересомъ прочтены молодымъ читателемъ. Цѣна брошюрки крайне умѣренная. Изданіе съ внѣшней стороны безупречное.

Далеко не такое впечатлѣніе производитъ брошюра г. Пухальскаго «Катерына». Всѣмъ извѣстно, что передѣлать литературное произведеніе классическаго писателя въ драматическую пьесу—слишкомъ тяжелая вещь и для писателя, не обладающаго крупнымъ, незауряднымъ талантомъ, совершенно безнадежная. Этимъ объясняется то, что почти всѣ передѣлки литературныхъ произведеній Шевченка, Квитки-Основьяненка (Панъ Халявскій), Гоголя и т. д., за весьма рѣдкими исключеніями, совершенно не имѣютъ успѣха на сценѣ. И «Катерина» Шевченка не впервые подвергается уже приспособленію къ сценѣ (извѣстна между прочимъ оперетта, съ музыкой Н. Аркаса [2]), но также не особенно неудачно, что слѣдуетъ сказать и о новѣйшей пробѣ г. Пухальскаго. Тѣ мѣста, гдѣ авторъ пользуется готовымъ матеріаломъ, т. е. текстомъ самого Шевченка, напр.—сцена ухода изъ дому, встрѣча съ солдатами и Иваномъ, лишь перефразируя его или оставляя даже въ неприкосновенности,—понятно, наиболѣе удачны; еще довольно правдоподобны сцены встрѣчи Ивана съ Катериной въ 1 дѣйствіи, такъ какъ и здѣсь автору лишь приходилось развивать мотивъ, начерченный вкратцѣ Шевченкомъ; но зато остальныя сцены и добавочныя дѣйствующія лица, какъ-то: парубокъ Гнатъ, влюбленный въ Катерину, длинноязыкія сплетницы—молодицы Олена и Текля, совершенно излишняя Параньска «дивка вже не молода й дуже цикава»,—разговоры ихъ и дѣйствія наводятъ на читателя (и очевидно и зрителя) лишь скуку и ничуть не придаютъ ходу пьесы живости и интереса.

Языкъ пьесы довольно чистый, простой—въ этомъ отношеніи нельзя упрекнуть автора. Добрыя намѣренія послѣдняго по отношенію

---

[1]) За исключеніемъ „*пособы* ни видкиль немає" (стр. 10) и „дило *важлыве*" (стр. 17). Затѣмъ не лишнимъ бы было пояснить термины: *геометрія* (стр. 27) *химія* (28), какъ это сдѣлано по отношенію къ терминамъ *механикъ* (стр. 26) и *астрономія* (стр. 32).

[2]) О другихъ передѣлкахъ произведеній Шевченка самыя подробныя свѣдѣнія можно найти въ недавно вышедшей въ Одессѣ книгѣ М. Комаря: „Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. 1903".

къ издаваемой имъ пьесѣ и ея внѣшности явствуютъ изъ приложенныхъ въ концѣ брошюры «помылокъ», гдѣ ихъ отмѣчено всего 9, но на самомъ дѣлѣ ихъ многое множество, въ которыхъ винить слѣдуетъ столько же автора, сколько и наборщиковъ («на себѣ», «для тебѣ» и т. п.). Къ пьесѣ приложены ноты 8 пѣсенъ, встрѣчающихся въ пьесѣ. Въ общемъ пьеса, хотя и не обладаетъ художественными достоинствами, но во всякомъ случаѣ не зловредная, и можетъ занимать въ нашемъ пестромъ драматическомъ репертуарѣ не послѣднее мѣсто, стоя много выше всевозможныхъ «Помстъ или загубленыхъ доль» и т. п. драматическаго мусора.

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русск. Арх. № 10; 2) Русская Старина, № 10; 3) Историч. Вѣстникъ, № 10; 4) Всемірный Вѣстн. № 8; 5) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 10; 6) Вѣстн. Европы, № 10; 7) Русская Мысль, № 10; 8) Русск. Богат., № 9; 9) Рус. Вѣстн. № 10; 10) Міръ Божій, № 10; 11) Варшав. Унив. Изв. № 5; 12) Учен. Зап. Импер. Казан. Унив. № 9 и 10.

Русская Старина № 10.

Участіе Екатерины II въ семейномъ дѣлѣ графа К. Г. Разумовскаго (стр. 65—68). Здѣсь напечатано три документа, касающіеся любимой дочери фельдмаршала К. Г. Разумовскаго, Елизаветы, фрейлины двора, убѣжавшей съ графомъ П. Ѳ. Апраксинымъ.

П. А. Матвѣевъ. «Батуринскій переворотъ 13 марта 1672 г. Дѣло гетмана Демьяна Многогрѣшнаго» (стр. 131—146). Въ напечатанной здѣсь 4-ой главѣ (начало помѣщено въ сентябрьской книжкѣ) разсказывается о странномъ поведеніи гетмана Многогрѣшнаго въ его отношеніяхъ съ московскимъ правительствомъ и въ то же время съ Дорошенкомъ, что закончилось рѣзкой рѣчью гетмана посланцу московскаго царя Танѣеву 7-го марта, а затѣмъ низложеніемъ гетмана 13 марта 1672 г.

Цензура въ царствованіе импер. Николая I. Въ этой главѣ (16-ой) есть коротенькое извѣстіе о томъ, что въ 1851 г. кіевскимъ генералъ-губернаторомъ возбужденъ былъ вопросъ о томъ, имѣла ли

право цензура одобрить къ печати карту Малороссійскаго края, изданную штабсъ-капитаномъ Туржанскимъ. Сомнѣніе явилось вслѣдствіе названія *малороссійскій край*, но министръ народн. просв: князь Ширинскій-Шихматовъ нашелъ возможнымъ дозволить выпускъ въ свѣтъ этой карты съ указаннымъ заглавіемъ (стр. 169).

Кости еврея, какъ предохраненіе отъ падежа скота. Это —маленькій рапортъ волынско-житомірскаго епископа Даніила въ Синодъ о томъ, что въ 1809 году въ с. Оржевѣ нѣсколько человѣкъ мѣстныхъ жителей вырыли на еврейскомъ кладбищѣ м. Деражна кости мертваго еврея и держали ихъ въ своихъ хлѣвахъ «ради прекращенія возникшаго скотскаго падежа» (стр. 204).

Историческій Вѣстникъ, № 10.

А. И. Фирсовъ. Городъ Черниговъ и его святыни (стр. 211—223). Въ напечатанной здѣсь первой части статьи ничего новаго нѣтъ: описаніе города и храмовъ въ немъ краткое и очень шаблонное.

Въ отдѣлѣ *«Критика и библіографія»* помѣщенъ отзывъ *А. Яцимирскаго* о книгѣ *И. Каманина*. «Научныя и литературныя произведенія Н. В. Гоголя по исторіи Малороссіи» (стр. 276—278).

Въ отдѣлѣ *«Смѣсь»* напечатано описаніе праздника въ Полтавѣ по поводу открытія памятника И. П. Котляревскому (стр. 330—335).

Журн. Мин. Нар. Просв., № 10.

В. Истринъ. «Изъ области древне-русской литературы. Древне-русскіе словари и Пророчество Соломона» (стр. 201—218). Въ этой специальной статьѣ интересной является постановка вопроса о такъ называемомъ «кіевскомъ періодѣ» древней русской литературы. Признавая, что часть древней литературы можно назвать *кіевскимъ періодомъ* или *южно-русскимъ,* авторъ для цѣлаго ряда другихъ памятниковъ, относящихся къ 13 вѣку, устанавливаетъ сѣверо-восточную группу, представившую изъ себя новое теченіе, независимое отъ кіевской литературы; даже больше того: когда сѣверо-востокъ сдѣлался политическимъ центромъ, старая литература сейчасъ же перешла туда изъ кіевской Руси и постепенно «расплылась въ новой, создавшейся подъ новыми историческими условіями, и потеряла свой характеръ, если только она его имѣла». Пока все это въ статьѣ г. Истрина такъ

мало доказательно, что надо ждать дальнѣйшихъ его статей, послѣ которыхъ только и можно будетъ сдѣлать какой-нибудь выводъ. А между тѣмъ уже и теперь, въ напечатанной главѣ, замѣчается нѣкоторая страстность въ сужденіяхъ автора, что видно изъ слѣдующей фразы: «Въ созданіи южно-русской литературы участвовали столько же южноруссы, сколько и великоруссы, а если окажется справедливымъ, что Слово о полку Игоревѣ писано, хотя и въ Кіевщинѣ, но черниговцемъ, т. е. великоруссомъ, то у защитниковъ южно-русской литературы будетъ отнятъ послѣдній козырь». Словно «въ свои козыри» игра идетъ—скажемъ мы по этому поводу.

Вѣстникъ Европы, № 10.

Ѳ. Ѳ. Воропоновъ Фамильная Старина. Очерки, *стр. 449—496*. При рѣдко встрѣчающейся яркости воспоминаній о слышанномъ и видѣнномъ, авторъ въ чрезвычайно живыхъ и интересныхъ очеркахъ разсказываетъ фамильныя преданія о своихъ предкахъ и ихъ современникахъ въ предѣлахъ курской и херсонской губ. Преданія о курской губерніи касаются главнымъ образомъ льговскаго уѣзда и относятся преимущественно къ 18-му столѣтію. Въ очеркахъ г. Воропонова предъ нами возстаетъ эпоха полнаго развитія крѣпостного права съ господствомъ могущественныхъ въ своемъ околоткѣ помѣщиковъ самоуправцевъ, которые, при безсиліи мѣстной бюрократической власти, примѣняютъ унаслѣдованную отъ предковъ храбрость къ осуществленію своихъ личныхъ интересовъ и капризовъ; крѣпостные крестьяне ихъ и стронніе люди съ помѣщиками во главѣ составляютъ шайки для разбоевъ, грабежей и наѣздовъ; тутъ и своевольный лейбъ-компанецъ, тутъ и бывшій прокуроръ, стоящій въ теченіи многихъ лѣтъ во главѣ разбойничьей шайки, тутъ и шайка помѣщиковъ и др. лицъ—поддѣлывателей ассигнацій, тутъ и помѣщикъ, люто раздѣлывающійся съ ослушавшимся священникомъ—послѣдняго спускаютъ въ прорубь. И все это по большей части проходитъ безнаказанно. Легко представить себѣ, каково при такихъ нравахъ и при такомъ общемъ безправіи положеніе крѣпостныхъ; среди послѣднихъ преобладаютъ великороссы, но есть и малороссы; объ отношеніяхъ между крестьянами, „кацапами“ и „хохлами‘, сообщаются интересныя наблюденія. Херсонскія воспоминанія и наблюденія автора касаются главнымъ образомъ Новосербіи. Для исторіи переселенія заграннич-

ныхъ выходцевъ съ Хорватомъ и другими во главѣ, сообщаемыя авторомъ по слышаннымъ преданіямъ и воспоминаніямъ свѣдѣнія и отличающіеся живостью характеристики Хорвата, Текелія, и другихъ сербскихъ и иныхъ офицеровъ-помѣщиковъ, ихъ служебныхъ, общественныхъ нравовъ—чрезвычайно интересны. Авторъ указываетъ на быструю ассимиляцію сербскихъ и молдаванскихъ офицеровъ съ русскимъ дворянствомъ; онъ вполнѣ справедливо приписываетъ быстроту этого процесса единству вѣры, близости племенной и «отсутствію внѣшнихъ объединительныхъ давленій. Ни племенной подозрительности, ни узко-національныхъ вопросовъ относительно пришельцевъ тогда не возбуждали и это безпристрастіе слѣдовало для взаимнаго сліянія гораздо больше, чѣмъ могли бы сдѣлать какія-либо преднамѣренныя мѣры, всегда способныя возбуждать инстинкты розни или оппозиціи. Сербы покровительствовались даже именно въ качествѣ Сербовъ». Сообщая еще любопытныя свѣдѣнія о способахъ, къ которымъ обращались помѣщики для доставленія дѣтямъ своимъ образованія, и между прочимъ объ оригинальномъ учебномъ заведеніи, устроенномъ ими въ дер. Оситной, авторъ въ концѣ напечатанныхъ пока очерковъ характеризуетъ возникшія въ Николаевскую эпоху печальной памяти военныя поселенія и касается племенного дѣленія нынѣшняго населенія. Оказывается, что наиболѣе покровительствовавшіеся сербы совсѣмъ украинизировались и, слѣд., исчезли; изъ молдаванъ также многіе «попереводылысь на хохлывъ». Въ концѣ приводятся любопытныя статистическія данныя о племенномъ составѣ нынѣшняго населенія бывшей Новосербіи.

Русская Мысль, № 10.

Г. Писаревскій. «Вызовъ менонитовъ въ Россію» (по неизданнымъ архивнымъ документамъ) (стр. 49—72; окончаніе слѣдуетъ). Давъ краткое указаніе на особенности вѣроученія менонитовъ, авторъ въ нѣсколькихъ словахъ передаетъ исторію ихъ въ западной Европѣ и обращается затѣмъ къ тому времени, когда въ 80-хъ годахъ 18-го вѣка мениониты получили приглашеніе переселиться въ Россію, въ предѣлы Новороссіи. Тутъ авторъ подробно сообщаетъ всѣ факты о предварительныхъ переговорахъ представителей отъ менонитовъ съ русскимъ правительствомъ, съ указаніемъ просительныхъ пунктовъ менонитовъ и резолюцій по нимъ кн. Потемкина; затѣмъ говорится

о тѣхъ затрудненіяхъ, какія встрѣтились со стороны данцигскаго магистрата, противодѣйствовавшаго переселенію изъ Данцига менонитовъ.

И. П. Котляревскій. Опытъ характеристики. W. стр. 125—140). Эта коротенькая, но очень живо составленная характеристика писателя вноситъ одну очень важную справку для выясненія личности поэта, а именно: указавъ, что его современникомъ и соученикомъ по Полтавской семинаріи былъ не Гнѣдичъ, какъ обычно указываютъ біографы, а Мартыновъ, извѣстный впослѣдствіи переводчикъ греческихъ классиковъ, авторъ дѣлаетъ довольно пространную выписку изъ автобіографіи Мартынова о характерѣ Полтавской семинаріи 80-хъ годовъ 18-го вѣка.

Русскій Вѣстникъ, № 10.

Въ отд. «Библіографія» помѣщена маленькая рецензія объ изданіи «*Исторія Малой Россіи отъ водворенія славянъ въ сей странѣ до уничтоженія гетманства. Д. Н. Бантышъ*-Каменскаго. Кіевъ—Спб.—Харьковъ 1903 г.

Міръ Божій, № 10.

Въ отдѣлѣ «*На родинѣ*» напечатанъ коротенькій отчетъ о празднествѣ въ Полтавѣ при открытіи памятника И. П. Котляревскому. (стр. 26).

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ

Изданіе сборника о празднествахъ по случаю открытія памятника И. П. Котляревскому. Городскимъ управленіемъ предпринимается изданіе сборника о празднествахъ по случаю открытія памятника И. П. Котляревскому, для составленія котораго избрана особая комиссія въ составѣ—члена городской управы Г. И. Маркевича, Л. В. Падалки, Н. А. Дмитріева и Рудченка. Между прочимъ, въ этотъ сборникъ войдутъ всѣ полученныя въ дни торжествъ привѣтствія, какъ на русскомъ, такъ равно на малорусскомъ и даже на иностранныхъ языкахъ.

Предполагаемое изданіе исторіи Украины-Руси Грушевскаго на нѣмецкомъ языкѣ. Профессоръ Львовск. универс. М. Грушевскій недавно подписалъ контрактъ съ извѣстной книгоиздательской фирмой Тайбнера въ Лейпцигѣ объ изданіи на нѣмецкомъ языкѣ его труда „Исторія Украины Руси“. Право продажи этого изданія дается на 15 лѣтъ. Переводъ будетъ сдѣланъ изъ 2-го украинскаго изданія, первый томъ котораго появится въ продажѣ въ началѣ 1904 года.

Въ № 43 издающагося въ Варшавѣ журнала «Ogniwo» находимъ любопытную замѣтку по поводу 2-го изданія «Geografji historycznej ziem dawnej Polski» Зыгмунта Глогера. Дѣло въ томъ, что книга г. Глогера украшена рядомъ рисунковъ, среди которыхъ есть современные портреты историческихъ лицъ. Въ число ихъ попалъ и Богданъ Хмельницкій. Издатель снабдилъ его вмѣсто человѣческихъ ушей ослиными и вмѣсто султана на шапкѣ—козлиными рогами. «Ogniwo» замѣчаетъ: «можно смотрѣть на историческую роль Богдана Хмельницкаго съ разныхъ точекъ зрѣнія, даже съ точки зрѣнія автора «Огнемъ и мечемъ». Можно даже понять, что ненависть политическихъ противниковъ какого нибудь политическаго дѣятеля могла наивно надѣлить его портретъ, ради посрамленія, ослиными ушами. Но нельзя понять, какъ эта выходка дѣлается въ почтенной научной книгѣ. Г. З. Глогеръ, давая намъ портретъ Хмельницкаго въ такомъ странномъ видѣ, ни словомъ не объясняетъ, что это каррикатура». Приведя затѣмъ выдержку изъ статьи г. Грушевскаго въ львовскомъ «Ділѣ», гдѣ львовскій профессоръ указываетъ, что на рисункѣ, имѣющемъ подпись «wedle sztychu Wilhelma Hondiusa z roku 1651», ослиныя уши и козлиные рога представляютъ добавленіе современнаго польскаго рисовальщика, «Ogniwo» заключаетъ: «Не будетъ ли стыдно, въ самомъ дѣлѣ, если наша научная литература будетъ засорена подобнымъ глупымъ шутовствомъ, которое только выставляетъ насъ на смѣхъ. И по какому же праву можемъ мы послѣ этого бросать упреки въ нетерпимости, недоброжелательствѣ, и т. д. Надѣемся, что въ 3-мъ изданіи «Географіи» г. Глогера исчезнутъ вовсе украшающія ее ослиныя уши».

Въ «Русскихъ Вѣдом.» (№ 226) напечатано окончаніе «Воспоминаній студенческаго времени» Л. Пантелѣева; здѣсь подробно раз-

сказана извѣстная исторія съ лекціями въ петербургской думѣ въ 1861 году, и объясняется роль въ этой исторіи Н. И. Костомарова, который тогда долженъ былъ перенесть изъ-за нея такъ много непріятностей.

Въ №№ 197 и 198 львовской газеты «Діло» помѣщена статья «В справі потреби заснованя «Музичного Інситута» у Львові» (замітки Н. Вахняниии), въ которой приводятся интересныя свѣдѣнія объ украинской музыкѣ и представителяхъ ея въ прежнее время, преимущественно съ начала XVII ст.

Въ «Полтав. Вѣстн.» (№ 247) напечатана статья *А. Влахопулова* о значеніи для села народныхъ театровъ. Статья написана по поводу горячаго участія извѣстнаго артиста М. Л. Кропивницкаго въ дѣлѣ постановки народныхъ спектаклей въ г. Лохвицѣ, въ театрѣ Народнаго дома.

Въ «Вѣстн. Юга» (№ 558) помѣщена рецензія на книгу М. Чернявського «Зори», збирныкъ поэзій. Авторъ замѣтки, Гр. Сьогобочній, отзывается о г. Чернявскомъ очень хвалебно, какъ объ авторѣ вообще, а также и о данномъ сборникѣ его стихотвореній.

Въ «Кубан. Вѣдом.» (№ 229) напечатана статья: «По поводу собиранія и изданія пѣсенъ Кубанскихъ козаковъ», въ которой изложены краткія свѣдѣнія о собираніи этнографическаго пѣсеннаго матеріала въ Кубанской области. Вслѣдствіе заяленнаго военнымъ министромъ желанія, чтобы были записаны и изданы козачьи пѣсни и сказанія объ историческихъ подвигахъ козаковъ, Кубанскій статистическій комитетъ рѣшилъ обратиться къ Н. В. Лисенку съ просьбой указать компетентное лицо для записыванія народныхъ пѣсенъ. По рекомендаціи г. Лисенка, приглашенъ былъ А. А. Кошицъ, который въ теченіе прошлаго лѣта собралъ богатый матеріалъ и приготовилъ къ печати І-ый выпускъ въ количествѣ 50 пѣсенъ съ нотами. Объ этомъ-то, рукописномъ пока, сборникѣ и дается маленькій отзывъ въ указываемой нами статьѣ.

Въ «Полт. Губ. Вѣд.» (№ 79) перепечатана изъ «Кіевлянина» статья «Село Жуки». Село это «находится недалеко отъ Полтавы. Въ статьѣ указаны тѣ остатки старины, которыя хранятся въ мѣстной Покровской церкви.—Тамъ-же помѣщена статейка А. Е. Бучневича «Мѣстечко Рѣшетиловка»; здѣсь указываются достопримѣчательности, сохраняющіяся въ Рѣшетиловкѣ съ Екатерининской эпохи, т. к. В. С. Попову, любимцу Потемкина, было пожаловано это мѣстечко въ 1786 году.

Газета «Волынь» помѣщаетъ рядъ очерковъ подъ общимъ заглавіемъ «По городамъ Волыни» за подписью *И. Л.* Напечатано три такихъ очерка: «Г. Заславль; экономико-историческій очеркъ» (№ 196); «Г. Луцкъ» (№ 198) «Г. Дубно» (№ 200).

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Бѣлиньскій Петро. Проповѣди на свята и недѣлѣ цѣлого року. Часть перша, Жовква, 1903, ст. 284+IV, вел. 8⁰.

Веретельник Андрій. Оповіданя. Львів, 1902 (!). Накладом А. Хойнацкого, ст. 108, мал.

Верн Моріс. Віблія або книги Старого Завіта. Переклад Л. У з передмовою М. Драгоманова (Літ. Наук. Бібліотека. ч. 60—61). У Львові, 1903. Накладом Укр. Руськоі Видавничоі Спілки, ст. 8C 16». Ціна 40 сот.

Винниченко В. і В. Деде. Повісти й оповіданая (Белетристична бібліотека, ч. 55) Львів. 1903, ст. 288, мал. 8⁰, ц. 3 кор.

Глодзінський Антоній. О урядженю і веденю шкільного огорода при школі народній сільського типу. З пляном огорода і 21 рисунком. Передрук з «Учителя". У Львові 1903, ст. 56, вел. 8⁰. Ц. 50 сот.

*Д*** Іван.* Не плакати нам, гимн на хор мішаний з фортепяном і хор мужеский a capella. Музика Йосифа Кишакевича, Перемишль, 1902. Ст. 4, 4⁰. Ціна 60 сот.

Додель Арнольд. Жінки суспільне становисько і єі спосібности. З німецького переклав Л. М. З друкарні народовоі, ст. 86, 16⁰.

Збірник історично-фільософічноі секциі Наукового Товариства імени Шевченка. Томи VI і VII. *Істория Украіни Руси. Написав*

М. Грушевський. Том IV. XIV—XVI вики—відносини політичні. У Львові, 1903, ст. 532, 8⁰. Ціна 4. 50 кор.

Загирна. «Мудрый учытель. Оповидання про Сократа.

Карбулицкий Ілярій. Чому зістались Русини позаді в культурі? (Видане черновецькоі філіі тов. «Руска Школа», ч. 5). Чернівці, 1903., ст. 30, 16⁰. Ціна 6 сот.

Кареев И. Фільософія історіі, історіософія і соціольогія. З великоруського переклав О. Сушко (Літ. Наук. Бібліотека. ч. 64). У Львові, 1903, ст. 35, 16⁰. Ціна 25 сот.

Кміт Юрий. Жите. У Львові, 1903, ст. 88, мал. 8⁰. Ціна 80 сот.

Кміт Юрий. З сільських відносин у Галичині в середині XIX віка (Відбитка з «Записок», т. LIV). У Львові, 1903, ст. 8, 8⁰. Ціна 10 сот.

Крушельницький Антін. Артистичні душі. У Львові, 1902 (випущено 1903), ст. 104, мал. 8⁰. Ц. 1 кор.

Комаровъ М. Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. Библіографич. указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Шевченка. Одесса, 1903 г.

Лепкий Богдан. Василь Стефаник, літературний нарис (Відбитка з «Руслана»). Львів, 1903, ст. 32, мал. 8⁰.

Лепкий Богдан. Нова збірка. Львів, 1903, ст. 104, мал. 8⁰. Ціна 1. 50 кор.

Лозинський Михайло. Любов—туга. Чернівці, 1901 (випущено 1903), ст. 42, мал. 8⁰.

Маковей Осип. Три галицькі граматики (Іван Могильницький, Йосиф Левицький і Йосиф Лозинський). (Відбитки з т. LI і LIV, „Записок Н. Товариства ім. Шевченка“). У Львові, 1903, ст. 96, 8⁰. Ц. 1 кор.

Мартович Л. Хитрий Панько і иньші оповіданя (Белетристична Бібліотека ч. 56). У Львові, 1903, стр. 112, 8⁰. Ц. 1. 50 кор.

Мурава Марко. Книжка горя (Відбитка з «Руслана»). Твори Марка Мурови, том І, поезіи, Львів, 1903, ст. 136, 8⁰.

Мѣльницкій Іосифъ. О устройствѣ и реформѣ календаря грекорускои церкви. Львовъ, 1903, ст. 40, вел. 8⁰ і III табелі.

Малороссійскія и бѣлорусскія пѣсни, собранныя П. П. Сокольскимъ. Посмертное изд. Цѣна 2 р.

Окуневский Ярослав. Листи з чужини, т. II. Львів, 1902 (випущено 1903), ст. 268, 8⁰. Ціна 4 кор.

Отверте письмо сьвітських Русинів-народовців до Всч. Духовенства деканатів мушинського і біцкого на руки о. Г. Копостяньского (Додаток до «Діла»). Львів, 1903, ст. 28, мал. 8⁰.

Пачовский Михайло, др. Народний похоронний обряд на Руси. Порівнуюча студия. Відбитка із Звиту академічної гимназії. У Львові, 1903, ст. 32, 8⁰.

Підеша. Восток і Запад. Повість. Коломия, 1903. З друкарні М. Білоуса, ст. 156, 8⁰.

Практични проповьди до руского народа, написав о. М. Кинашь. Выпускъ I. Жовква, 1903, ст. 138. 8⁰.

Про сьвятих Дамазиї Панкратия. З німецького переклав Гриць Щипавка. Коломия 1903, ст. 32, 16⁰.

Робінзон Крузо. Но основі оригіналу і переводів зладила К. М. (Видане руского товариства педагогічного, ч. 109) У Львові, 1903, ст. 310, 8⁰. Ціна 1. 50 кор.

Савойка Теодор. Науки на неділі. Жовква, 1903, ст. 483+V, 8⁰.

Сушко Александр. Причинки до студий над текстом Палінодиї (Відбитка з «Записок», т. LIV). У Львові, 1903, ст. 40, 8⁰. Ціна 50 сот.

Сушко Александр. Петро Скарба в офіцияльній росийській науці (Відбитка з «Записок», т. LIV). У Львові, 1903, ст. 42, 8⁰. Ціна 40 сот.

Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова, издаваем. Общ. для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Историч. монографіи и изслѣдованія. Книга 1-ая, въ 3-хъ томахъ. Спб. 1903 г. Ц. 3 р. 50 к.

«*У досвита вставъ я*»—сольо тенорове въ супроводи фортепьяна, слова П. Кулиша, муз. М. Лисенка; выд. „Станиславивського Бояна». Ц. 80 сот.

Франко Іван. Добрий заробок і иньші оповіданя. Накладом Антона Хойнацкого. Львів, 1902 (випущено 1903), ст. 136, 8⁰. Ціна 2 кор.

Франко Іван. Малий Мирін і иньші оповіданя. Накладом Антона Хойнацкого. Львів, 1903, ст. 188, 8⁰. Ціна 2 кор.

Франчук Іван. Оферма. Новелька з військового житя. Коломия, 1903, ст. 32, 16⁰. Ц. 25 сот.

Цеглинський Григорій. Кара совісти, народня драма в V діях. Перемишль, 1903, ст. 58, 8⁰. Ціна 1 кор.

Чорнило М. Красний примір направив. Образок з життя гимназіястів в одній дії. Перемишль, 1903, ст. 32, 16⁰.

Юлев Яр. Небезпечні. Оповіданє з житя гимназияльної молодіжи. Чернівци, 1903, ст. 80, 16⁰. Ціна 40 сот.

Яричевський Сильвестр. Серце мовчить... Поэзії в прозі. Коломия, 1903, ст. 45, 16⁰. Ц. 60 сот.

Ярошинська Евгенія. Перекиньчики. Повість (Белетристична Бібліотека, ч. 54). Львів, 1903, ст. 198, мал. 8⁰. Ц. 2. 60 кор.

Д. Эварницкій. «Матеріалы для исторіи запорожскихъ козаковъ 1 и 2 томы, Владиміръ, 1903 г. Ц. 6 руб.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

НА 1904 ГОДЪ.

Въ Учебныхъ Запискахъ помѣщаются:

I. **Въ отдѣлѣ наукъ**: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. **Въ отдѣлѣ критики и библіографіи**: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. **Университетская лѣтопись**: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣніе преподаванія. распредѣленіе лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. **Приложенія:** университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки: выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *А. Александровъ.*

1—3

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ДЕКАБРЬ

1903 г.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ LXXXIII.

1903 г.

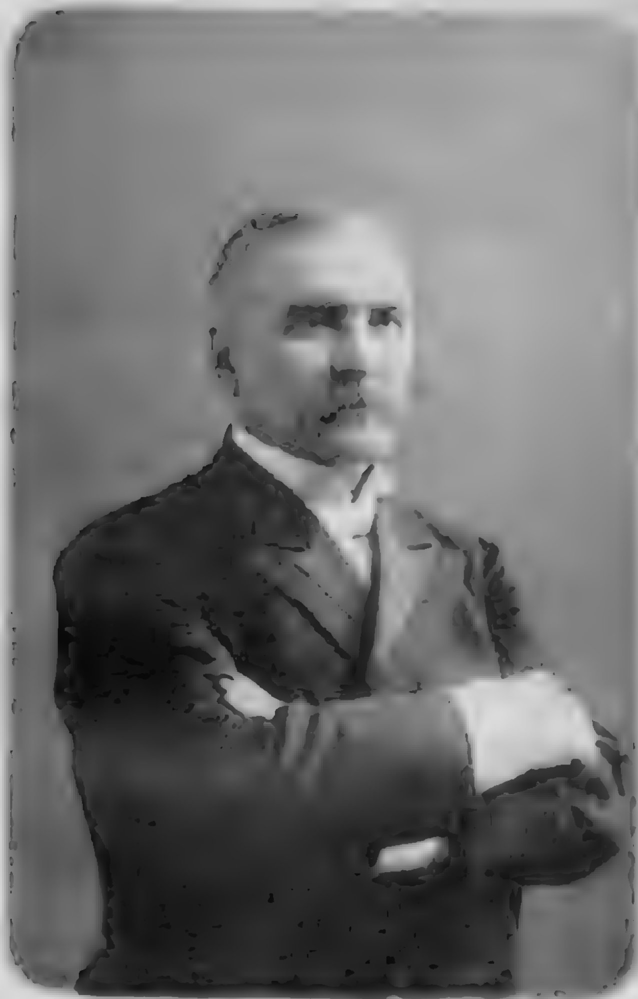
ДЕКАБРЬ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговская, № 6.
1903

Дозволено цензурою. Кіевъ, 10 декабря 1903 года.

Отъ Редакціи.

20-го декабря въ Кіевѣ состоится чествованіе *35-тилѣтней музыкально-педагогической дѣятельности* извѣстнаго нашего композитора *Николая Витальевича Лисенка.* Цѣня громадныя заслуги юбиляра въ дѣлѣ изученія народной украинской мелодіи и разработки ея въ самостоятельномъ его музыкальномъ творчествѣ, редакція наша посвящаетъ Н. В. Лисенку настоящую книжку журнала. Привѣтствуя юбиляра съ предстоящимъ его праздникомъ и съ благодарностью вспоминая его труды въ прошломъ, редакція отъ всего сердца желаетъ ему сохраненія силъ и здоровья на многіе годы для его плодотворныхъ работъ на благо нашей родины.



Николай Витальевичъ Лисенко

КЪ БІОГРАФІИ Н. В. ЛИСЕНКА.

(Воспоминанія М. Старицкаго).

Я остался круглымъ сиротою на 12 году и былъ принятъ опекуномъ моимъ, дядей по матери, В. Р. Лисенкомъ въ свою семью, въ которой впервые и увидѣлъ троюродного брата своего—Николая; мы были почти однолѣтки (Лисенко моложе меня на годъ съ небольшимъ) и сразу же сошлись съ нимъ душа въ душу.

Хотя мы воспитывались и въ разныхъ гимназіяхъ (я—въ полтавской, а онъ—въ харьковской), но праздники и каникулы проводили всегда вмѣстѣ, въ одной семьѣ, ставшей и мнѣ за родную. Въ нашей дѣтской дружбѣ все было общее: и радость, и горе, и дѣлились мы каждой мыслью, каждымъ настроеніемъ, не скрывая другъ отъ друга ничего. Съ университета (сначала харьковскаго, а потомъ кіевскаго) мы идемъ почти неразлучно по жизненному пути... Общность убѣжденій и національныхъ симпатій сблизила насъ еще больше; а далѣе—я женился на сестрѣ его Софіи Витальевнѣ и по родству сталъ еще ближе. Все это я сказалъ для того, чтобъ пояснить, что отрочество, молодость и годы зрѣлости брата моего Николая Витальевича протекли при мнѣ, и не только внѣшняя сторона его жизни, но и внутренняя—мнѣ такъ-же близка и извѣстна, какъ и своя собственная. Этими воспоминаніями я хочу подѣлиться съ читателями, будучи убѣжденъ, что и бѣгло набросанныя черты жизни и душевнаго развитія нашего славнаго композитора, культиватора народной украинской музыки, не будутъ для почитателей его таланта безынтересны.

Фамилія Лисенковъ происходитъ отъ древняго козачьяго рода, отличившагося воинскими доблестями и попавшаго въ старшину еще при Богданѣ Хмельницкомъ. Отецъ Николая, Виталій Романовичъ, принадлежалъ къ дворянамъ полтавской губерніи и служилъ, по тогдашнимъ традиціямъ, въ Орденскомъ Кирассирскомъ полку; а мать его—изъ фамиліи Луценокъ (тоже родственной Лисенкамъ)—провела свою молодость въ Петербургѣ и воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ. А потому, насколько отецъ Николая чувствовалъ себя малороссомъ, просто въ силу хотя бы того обстоятельства, что вся жизнь его протекала исключительно на югѣ,—настолько мать его чувствовала себя великороссской и тяготѣла болѣе къ сѣверу.

Н. В. Лисенко родился 10 марта 1842 года въ с. Гринькахъ, кременчугскаго уѣзда, полтавской губ., въ домѣ дяди его матери, Н. П. Болюбаша. Будучи первенцомъ у родителей и единственнымъ внукомъ бездѣтнаго Н. П. Болюбаша, воспитавшаго мать Николая и считавшаго ее единственной своей наслѣдницей, новорожденный былъ окруженъ съ колыбели лаской, любовью и роскошью. Впрочемъ, нашему будущему композитору не пришлось жить долго въ Гринькахъ: ранняя молодость его протекла больше въ Крыловѣ, нынѣшнемъ Новогеоргіевскѣ, гдѣ стоялъ Орденскій Кирассирскій полкъ. Въ Гриньки, къ дѣдушкѣ и бабушкѣ, приходилось ему пріѣзжать лишь съ родителями на короткое время, въ гости.

Двоюродный дѣдъ Николая, Н. П. Болюбашъ, владѣлъ шестью сотнями крестьянъ, былъ маршалкомъ и вліятельнымъ въ уѣздѣ лицомъ; онъ иначе не говорилъ, какъ по-малорусски, обожалъ своего внука, получившаго въ честь его свое имя, и навѣрное навѣялъ бы и ему народныя симпатіи, такъ какъ и самъ любилъ и дорожилъ національной простотой. Жена его, бабушка Н. В.—Марья Васильевна, была добрѣйшее существо; хотя она говорила уже смѣшаннымъ языкомъ, но любила малорусскія пѣсни, разсказы и даже сказки. Вообще эта семья Болюбашей представляла изъ себя типъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», начинавшихъ уже выводиться... И вотъ, къ несчастью, Н. П. Болюбашъ скоропостижно умеръ, оставивъ Лисенкамъ богатое наслѣдство, но не оказавъ никакого нравственнаго вліянія на своего любимаго внука.

Отецъ Лисенка былъ и до полученія наслѣдства человѣкъ не бѣдный: имѣлъ родовое имѣніе въ с. Галицкомъ, кременчугскаго уѣзда, совмѣстно со своими родными братьями Андреемъ и Иваномъ, давав-

шее приличный доходъ, и состоялъ еще эскадроннымъ командиромъ; это, вмѣстѣ съ субсидіями, получавшимися отъ дяди, давало возможность молодому супружеству жить припѣваючи.

Первое дѣтство Лисенка было обставлено роскошно; разодѣтый въ бархатъ и кружева, онъ переходилъ изъ однихъ рукъ въ другія и сталъ баловнемъ не только родныхъ, но и офицеровъ; послѣдніе горячо любили своего товарища, Виталія Романовича, его жену и перенесли эту любовь и на сына ихъ Николая. И ласки, и угодливость, и баловство вскорѣ отразились на характерѣ ребенка, проявивъ въ немъ при деспотизмѣ желаній и настойчивость въ требованіи исполненія ихъ. Разъ, когда онъ былъ еще ребенкомъ и раскапризничался не въ мѣру, мать пригрозила, что если онъ не уймется, то позовутъ повара Карпа, чтобъ его высѣкъ... И что же? Ребенокъ сталъ еще болѣе кричать: «Карпо иди, сѣки меня!»—и требовалъ этого Карпа для экзекуціи такъ настойчиво, что растерявшіеся родители должны были увѣрить сынка, даже сводивъ его на кухню, что Карпо отправился въ деревню и что когда онъ вернется, то непремѣнно исполнитъ его желаніе. Очевидно, ребенокъ сознавалъ, что мать не допуститъ такого наказанія, и требованіемъ экзекуціи хотѣлъ наказать ее за обидное слово. Эти черты настойчивости и упорства, получившія начало на почвѣ дѣтскаго своеволія, окрѣпли впослѣдствіи, при другихъ, уже болѣе серьезныхъ, обстоятельствахъ, и сослужили ему службу въ жизненной борьбѣ съ врагами его міровоззрѣній. Но въ тѣ юные, дѣтскіе годы никто бы въ избалованномъ барченкѣ не могъ провидѣть будущаго отрицателя барства и борца за народное счастье, выступившаго въ поле не съ мечомъ въ рукахъ, а съ лирой и съ пѣсней...

Первое воспитаніе нашего композитора было поведено на аристократическій ладъ: чистый французскій языкъ, изысканныя манеры, танцы и свободное держаніе себя въ гостиной—вотъ что требовалось отъ ребенка. Изъ искусствъ допускалась еще игра на фортепьяно: во-первыхъ, она составляла бонтонность, а во-вторыхъ и покойные отецъ и мать Лисенка очень любили музыку. Мать Николая прекрасно играла на роялѣ, отецъ же его, хотя и не зналъ нотъ, но очень любилъ импровизировать на фортепьяно и подбирать по слуху всевозможныя мелодіи. Такъ какъ Николай проявилъ съ дѣтства любовь къ игрѣ на фортепьяно (иногда по цѣлымъ часамъ простаивалъ и подбиралъ однимъ пальцемъ мотивы), то родители рѣшили, что у него есть призваніе къ музыкѣ, и наняли ему съ пяти лѣтъ учительницу музыки.

Первые уроки грамоты Николай получилъ отъ матери на французскомъ языкѣ, по «Educacion maternelle». Служившій въ томъ же Орденскомъ полку извѣстный поэтъ Фетъ даже упрекалъ мать Лисенка, что она учила сына первой азбукѣ французской, и взялся самъ учить его русской. Такъ какъ при урокахъ поэтъ заставлялъ своего ученика писать буквы карандашемъ, то послѣдній сталъ приставать ко всѣмъ офицерамъ съ просьбой дать карандашикъ, за что и прозвали его въ полку «карандашикомъ».

Но и въ полку долго ему жить не пришлось: въ 1838 г. умеръ неожиданно отъ холеры дядя Болюбашъ, и отецъ Лисенка долженъ былъ оставить службу и переселиться для веденія хозяйства въ Гриньки, полученныя въ наслѣдство. Шумъ и гамъ полковой смѣнился элегической тишью села, а баловство офицеровъ—баловствомъ бабушки Марьи Васильевны, обожавшей своего внука. Любовь матери и бабушки, которую впрочемъ всѣ мы звали тетей, часто сталкивались въ соперничествѣ, чѣмъ пользовался молодой Лисенко для своихъ прихотей, а имъ не было ни преградъ, ни предѣловъ.

Родители Лисенка поселились въ домѣ тетки-вдовы въ Гринькахъ. Этотъ домъ былъ невеликъ и укрытъ соломой. Въ это время у Николая былъ уже братъ Витя, умершій четырехъ лѣтъ, а потомъ явилась и сестра Софія; если прибавить къ увеличенной семьѣ гувернантку, музыкантшу, экономку, няню, мамку и другую прислугу, то будетъ совершенно понятно, что такое стѣсненіе для Лисенковъ, привыкшихъ къ широкой обстановкѣ, было не по душѣ. Вслѣдствіе этого отецъ Лисенка задумалъ построить для себя отдѣльный удобный домъ въ другомъ имѣніи, въ м. Жовнинѣ на Сулѣ, лежавшемъ въ двадцати пяти верстахъ отъ степныхъ, безводныхъ Гринекъ. Постройка этого дома почему-то шла медленно и была окончена лишь черезъ четыре года, такъ что первое дѣтство Лисенка всетаки прошло въ Гринькахъ. Здѣсь то надъ нимъ и столкнулось два совершенно противоположныхъ и даже враждебныхъ вѣянія: съ одной стороны—французскій языкъ, манеры и аристократическая чопорность (мать и гувернантка), съ другой—малорусскій языкъ (бабушка и ея экономка, рѣшительно не умѣвшая говорить по-русски, няня да бабушкины дивчата), баловство и излишняя простота манеръ. Первая сторона преслѣдовала не только простонародное слово, но даже и русское, запрещая всякія сношенія съ пейзанами, а вторая—наоборотъ—поощряла всякую простоту, занимала умъ и фантазію ребенка

сказками народными и пѣснями, а по вечерамъ отпускала весь полкъ служанокъ для забавъ съ паничемъ; конечно, забавы эти заключались въ разнообразныхъ народныхъ играхъ...

Протесты матери здѣсь оказались безсильны: упорная настойчивость и слезы ребенка, поддерживаемыя энергіей обожавшей своего внука вдовы, перевѣшивали протесты, тѣмъ болѣе, что и отецъ сталъ на сторону тетки.

Въ эти годы, кромѣ обычнаго начальнаго ученія, шли съ мальчикомъ занятія на фортепьяно; эти занятія онъ любилъ, особенно игру въ четыре руки, и вообще дѣлалъ въ музыкѣ быстрые успѣхи. Техника ему давалась чрезвычайно легко, музыкальная память съ первыхъ шаговъ проявилась въ необычайныхъ размѣрахъ; шестилѣтній ребенокъ поражалъ всѣхъ и бѣглостью и чистотою своей игры, и даже въ извѣстной мѣрѣ чувствомъ при выполненіи сложныхъ піесъ. Кромѣ того, онъ съ удивительной легкостію усваивалъ мотивы и подбиралъ ихъ съ гармонизаціей на роялѣ.

Въ этотъ періодъ я и познакомился впервые со своимъ кузеномъ. Мать моя, потерявъ родителей и дѣтей, жила въ 1850 и 51 году въ Захаровкѣ и оттуда навѣщала изрѣдка своего двоюроднаго брата В. Р. Лисенка въ Гринькахъ, куда брала съ собой и меня. Тутъ то и завязалась было наша дѣтская дружба, но въ ту-же осень меня отвезли въ Полтаву и опредѣлили въ благородный пансіонъ при гимназіи, гдѣ я и былъ по экзамену зачисленъ во 2-й классъ, а Лисенко былъ отвезенъ въ Кіевъ и опредѣленъ въ аристократическій пансіонъ Вейля, помѣщавшійся на Фундуклеевской ул. Впрочемъ въ этомъ пансіонѣ онъ пробылъ всего мѣсяца три: суровое обращеніе и плохой, впроголодь, столъ заставили родителей его прилетѣть въ Кіевъ и перевести холенаго любимчика въ пансіонъ Гедуэна, находившійся въ Липкахъ; въ немъ Лисенко и окончилъ полный курсъ, т. е. три класса, и оттуда перешелъ уже въ IV классъ 2-й Харьковской гимназіи. Первые мѣсяцы пребыванія въ пансіонѣ (Вейля и Гедуэна) Лисенко каждую субботу и воскресенье проводилъ у моей матери, жившей тогда въ Кіевѣ для лѣченія; къ ней онъ, при своемъ одиночествѣ, привязался всей душой. Это обстоятельство сблизило мою мать съ родными Лисенка, а особенно съ отцомъ, такъ что въ своемъ завѣщаніи она и назначила его опекуномъ, а тетю, сестру свою Елисавету Захарьевну, опекуншей надо мною.

Будучи у Вейля, Николай бралъ уроки музыки у нѣкоего Нейнквича, чеха. Послѣдній самъ не игралъ на роялѣ, но такъ умѣлъ дивно преподавать, что одними объясненіями достигалъ и выработки ученикомъ тушэ, и пониманія имъ каждой музыкальной фразы. Когда молодой Лисенко пріѣхалъ на первые рождественскіе праздники домой и сыгралъ своей учительшѣ, паннѣ Розаліи, пройденныя въ пансіонѣ піесы,—то она сначала окаменѣла отъ изумленія, а потомъ истерически разрыдалась.

У Гедуэна перешелъ Николай по фортепьну къ Паночини—тоже чеху. Этотъ уже самъ блестяще игралъ и, давая ученику новую піесу, не объяснялъ ее, а демонстрировалъ собственнымъ исполненіемъ ея красóты. У него Лисенко разучилъ довольно трудныя варіаціи на оперу «Dame blanche», а также болѣе легкія переложенія Листа. Паночини особенно напиралъ на технику и стремился развить у своего ученика блестящую бѣглость и чистоту тушэ.

На первые рождественскіе каникулы я пріѣхалъ въ Захаровку и засталъ уже тамъ мою мать, выздоровѣвшую, какъ мнѣ казалось, совсѣмъ. Мы два раза ѣздили съ ней изъ Захаровки въ Гриньки, гдѣ насъ принимали тепло и радушно. Съ своимъ кузеномъ я встрѣтился съ восторгомъ, какъ съ близкимъ роднымъ, и мы сейчасъ же побѣжали въ его комнату: передавали другъ другу впечатлѣнія пансіонской жизни, при чемъ, конечно, каждый хвастался и отстаивалъ свое заведеніе, Лисенко кичился Кіевомъ, какъ столицей, своимъ пансіономъ, въ которомъ воспитывались и сыновья титулованныхъ польскихъ магнатовъ, а я насмѣхался надъ этимъ аристократизмомъ, хотя въ душѣ чувствовалъ зависть, и отстаивалъ свою гимназію, доказывая, что она даетъ больше серьезныхъ знаній. Вскорѣ, впрочемъ, мнѣ пришлось совсѣмъ переселиться въ семью Лисенковъ и слиться съ ней навсегда. Здоровье матери моей снова ухудшилось къ лѣту, и она къ осени должна была отправиться въ Кіевъ, гдѣ уже и осталась на вѣки. Я сталъ круглымъ сиротой, будучи въ третьемъ классѣ гимназіи, и на каникулы, по переводѣ въ четвертый, уже совсѣмъ переѣхалъ въ Гриньки. Съ этого времени мы стали съ Лисенкомъ закадычными друзьями и разлучались съ нимъ лишь на время занятій: онъ отправлялся въ Кіевъ, а я въ Полтаву; но и во время разлуки мы переписывались постоянно, и письма наши дышали неподдѣльной дѣтской привязанностью.

Учился Лисенко въ пансіонѣ прекрасно: былъ въ ряду первыхъ учениковъ и привозилъ при переходахъ въ высшіе классы всегда наградныя книги. Въ музыкѣ Николай оказывалъ колоссальные успѣхи, и еще будучи въ первомъ классѣ, т. е. лѣтъ 9-ти, онъ сочинилъ ужъ довольно миленькую польку, съ правильнымъ развитіемъ темы и звучной гармонизаціей; эта полька и была напечатана въ Кіевѣ. Міровоззрѣніе у Лисенка все еще продолжалось аристократическое, поддерживаемое направленіемъ пансіона и домашними традиціями—выѣздами въ каретахъ, съ ливрейными лакеями и панской обстановкой.

Помѣщичья жизнь тогда еще текла широкой волной. Праздники, а особенно рождественскіе, проводились шумно и весело; чуть-ли не въ продолженіе 2-хъ недѣль, семь-восемь сосѣднихъ семействъ, съ прибавкой молодежи, съѣзжавшейся издалека, переѣзжали изъ одного дома въ другой, и въ каждомъ гостили дня по два, наѣдаясь до отвалу и «натанцовываясь» до упаду. Само собою разумѣется, что обѣ кутьи, по старосвѣтскому обычаю, соблюдались тогда у насъ строго и праздновались большей частью дома, съ канонадой изъ мущерей и двухъ пушекъ, доставшихся въ наслѣдство отъ Болюбаша. Отецъ Лисенка былъ искренне-религіозенъ, и это настроеніе отражалось и на нашей молодой жизни. На Свѣтлые праздники мы разъѣзжали тоже по роднымъ и сосѣдямъ; но разливъ рѣкъ Сулы и Днѣпра затруднялъ сообщенія, да и самыя вакаціи были короче. За то какое раздолье было намъ лѣтомъ! Хотя каникулы тогда были короче теперешнихъ—отъ половины іюня лишь по 10-е августа,—но насъ въ эти два мѣсяца трудно было и залучить въ домъ: по цѣлымъ днямъ мы бѣгали то по двору, то по саду; играли въ мяча, запускали змѣя, стрѣляли изъ лука, ѣздили верхомъ (я всегда—плохо, а Николай—превосходно). Что же касается учебниковъ, то лѣтомъ мы къ нимъ не прикасались; только для музыки Лисенко дѣлалъ исключеніе и аккуратно два раза въ день занимался игрой на фортепьяно. Онъ уже исполнялъ серьезныя концертныя пьесы, напр.: «Пробужденіе Льва» Конскаго и переложенія Листа. Музыкальная память у него развивалась изумительно: разъ, два проиграетъ бывало большую пьесу—и уже играетъ ее на память. Я тоже, по ходатайству своего друга, началъ брать уроки музыки въ пансіонѣ, но особенныхъ успѣховъ въ ней не оказывалъ: былъ счастливъ и тѣмъ, что могъ играть въ четыре руки съ Николаемъ.

По вечерамъ мы забавлялись съ челядью въ различныя народныя игры, въ которыхъ предводительствовалъ всегда я. Въ нестерпимую жару и въ ненастную погоду забирались мы въ прохладную гостинную, на длиннѣйшій диванъ, и читали интересныя дѣтскія книги и журналы. Помню, что насъ тогда особенно увлекали—Робинзонъ Крузо, Айвенго и Графъ Монтекристо. Тетя любила слушать жестокіе романы и часто засаживала насъ читать ей вслухъ, а мать Николая превосходно читала по-русски, особенно стихи, и для насъ не было большаго праздника, когда она соглашалась прочитать намъ баллады Жуковскаго, а особенно «Ундину»; за это мы обязаны были сдѣлать диктовку по-французски, а также заняться и переводами.

Какъ я выше сказалъ, семейству Лисенковъ было тѣсно въ Гринькахъ, и отецъ его затѣялъ давно выстроить домъ въ м. Жовнинѣ. Тамъ было превосходное, живописное мѣсто на горѣ, по которой опускался къ левадѣ фруктовый садъ, а самая левада была покрыта густыми вербами, яворами, орѣшникомъ, и тянулась почти до Сулы. Съ горки, гдѣ строился домъ, открывался роскошный видъ на заднѣпровскія дали съ синѣющими горами и на задумчивыя луга, сторожившіе прихотливые изгибы Сулы.

Этотъ домъ былъ готовъ, когда я перешелъ въ V классъ, а Лисенко окончилъ курсъ у Гедуэна. Мы были въ восторгѣ и тѣ каникулы провели роскошно: и обширный, хорошо устроенный домъ, и чудный садъ, и прохладные аллеи внизу, и рѣка—все намъ доставляло новыя радости и развлеченія. Чуть ли не большую часть дня проводили мы на берегу тихой и ласковой Сулы; купались въ день два, три раза, удили рыбу, гуляли по лугамъ и вслушивались въ народныя пѣсни: тамъ недалеко, у мельницы, собиралась улица, пѣли парубки и дивчата, а иногда и раздавалось унылое, одинокое женское соло. Мы, малыши, боялись тогда подходить къ толпѣ, а слушали пѣсни только со своей левады; но тѣмъ не менѣе и гулянье молодежи, и пѣсни ея производили на насъ впечатлѣніе. Я помню, что нѣкоторые мотивы, особенно намъ понравившіеся, Николай записывалъ въ ноты и сообщалъ своей бабушкѣ, любившей очень пѣсни, а особенно родныя, народныя. У Марьи Васильевны была воспитанница Люба, обладавшая чуднымъ голосомъ,—она и распѣвала тогда и русскіе, и малорусскіе романсы.

Жовнинъ былъ почти по сосѣдству съ Галицкимъ и Клипцинцами, отстоявшими отъ Гринекъ верстъ на тридцать; а потому теперь

мы часто видались съ тамошними Лисенками: въ Галицкомъ жила семья родного дяди Николая, Андрея Романовича, а въ Клищинцахъ жилъ мой родной дядя (по матери) Александръ Захарьевичъ. Андрей Романовичъ былъ женатъ на бѣлорусскѣ, а потому семья его была обрусѣлой; пѣлись тамъ больше великорусскія народныя пѣсни: «Матушка голубушка», «Лучина лучинушка», «Я пойду, пойду косить», но среди нихъ попадались и малорусскія:—«Ой хто въ лиси озовыся», занесенныя вѣроятно Александромъ Захарьевичемъ. Послѣдній, вопреки волѣ родителей, женился на простой крестьянкѣ. Домашній языкъ у моего дяди былъ, конечно, малорусскій, да и въ гостяхъ онъ любилъ щегольнуть имъ. Будучи по фигурѣ и по чертамъ лица типичнымъ запорожцемъ, Алекс. Захар. любилъ и запорожскую удаль, и старыя пѣсни; конечно, эта платоническая любовь не облекалась въ какія-либо идейныя стремленія, а составляла лишь его поэтическое настроеніе, но тѣмъ не менѣе въ этомъ настроеніи сказывалось враждебное чувство къ панскому обрусѣнію и отщепенству отъ народа. Я съ Николаемъ стали чаще ѣздить къ тѣмъ «родичамъ» въ гости. Въ Галицкомъ разъ достали мы отъ Андр. Ром. запрещенныя стихотворенія Шевченка и цѣлую ночь читали ихъ, восторгаясь и формой, и словомъ, и смѣлостью содержанія. Что меня увлекалъ этотъ звучный, страстный стихъ, было неудивительно—онъ мнѣ былъ съ дѣтства близокъ, но Лисенко, привыкшій къ русской, или французской рѣчи, былъ особенно пораженъ и увлеченъ музыкальной звучностью и силой простого, народнаго слова. Съ этого времени и я пересталъ этого слова стыдиться; а потомъ знакомство и сближеніе наше съ дядей Олександромъ, или Олексашей, утвердило насъ еще больше въ симпатіяхъ къ малорусскому языку и малорусской старинѣ. Дядя зналъ много запорожскихъ думъ и пѣсенъ, пѣлъ ихъ выразительно, съ чувствомъ и производилъ сильное впечатлѣніе. Лисенко впервые сталъ отъ него записывать мотивы и слова этихъ пѣсенъ, напр., «Ой не гараздъ запорожци, не гараздъ вчынылы», «Атамане, батьку нашъ», «Встае хмара зъ-за лымана».

Для насъ не было тогда большаго праздника, какъ поѣхать къ Ал. Зах. въ гости. Все у него было оригинально и полно поэтической шири. Прежде всего радушію и гостепріимству его не было конца; второе—у него были сыновья, мои двоюродные братья—Петръ и Порфирій, хотя и старше насъ, но все-же сверстники, третье—всегда они для насъ, конечно при участіи и своего батька, устраивали или

охоты, или рыбныя ловли. Отправимся бывало къ заливамъ Сулы съ неводомъ, съ ятерями, съ подсаками и наловимъ, при общемъ радостномъ настроеніи и взрывахъ восторга, массу рыбы и раковъ, а то настрѣляемъ еще и дичи, т. е., вѣрнѣе сказать, настрѣляютъ кузены, а мы еще едва могли держать ружье въ рукѣ. Но тѣмъ не менѣе всякая удача и добыча считались тогда общей, какъ общее было и веселье. Послѣ охоты и ловли, тутъ же на берегу Сулы, при поэтической обстановкѣ и нѣжно-ласковомъ вечерѣ, а то и при пышной ночи, готовился на кострѣ ужинъ; мы всѣ принимали участіе въ кулинарныхъ трудахъ, но надсматривалъ за кашеварами самъ дядя, какъ кошевой атаманъ. Лучшей ухи изъ животрепещущей рыбы, лучшаго кулиша, заправленнаго саломъ и свареннаго съ дикими утками, я не ѣдалъ нигдѣ; кромѣ молодого аппетита, возбужденнаго свѣжимъ ароматнымъ воздухомъ и физическимъ трудомъ, составляющимъ лучшую приправу къ блюду, я полагаю, что эти снѣди были и безотносительно превосходны. Здѣсь же, за вечерею, подъ звѣзднымъ небомъ и разсказывалъ намъ дядя про запорожцевъ, про ихъ житье-бытье, про бывшую славу и волю, а то и пѣлъ пѣсни. Разсказы его и пѣсни западали намъ въ душу глубоко, будили національное чувство, уносили фантазію въ прошлое, полное чаръ и величія. Какъ я сказалъ выше, дядя нашъ говорилъ всегда по-малорусски, и этотъ языкъ былъ единственнымъ языкомъ въ его семьѣ; бывая у него, я чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ; но Николаю было сначала нѣсколько трудно подделаться подъ общую рѣчь, хотя онъ и старался. Дядя бывало говоритъ:—«Ну, тебе, Мыхайло, можно хочъ заразъ у кошъ, а це ще паненя, хочъ и зъ козачымъ серцемъ!» —У дяди нашелся между прочимъ и первый напечатанный кобзарь Шевченка, и Энеида Котляревскаго. Потомъ уже, будучи въ 5-мъ классѣ, я и самъ купилъ въ Полтавѣ Шевченка и Энеиду. Бабушка слушала чтеніе этихъ книгъ съ наслажденіемъ. И такъ, съ увѣренностью можно сказать, что первые корни національнаго чувства зародились у Лисенка подъ вліяніемъ бабушки и при сближеніи въ играхъ съ народомъ, а потомъ они проявились поэтически при знакомствѣ съ Ал. Зах. Народное настроеніе стало съ того времени проникать и въ музыкальный талантъ Лисенка: во-первыхъ, онъ сталъ записывать мелодіи старинныхъ пѣсенъ и подбирать къ нимъ аккомпаниментъ, а во-вторыхъ—сталъ присочинять козачки и исполнять ихъ на фортепьяно съ такимъ блескомъ

и шикомъ, передъ которымъ блѣднѣли и цимбалы, и скрипка съ бубномъ.

По окончаніи курса у Гедуэна, Николай долженъ былъ уже поступить въ четвертый классъ гимназіи. Началъ онъ слезно молить своихъ родителей, чтобы не оставляли его въ Кіевѣ, совершенно чужомъ городѣ, одного, а чтобы перевели въ Полтавскую гимназію, гдѣ мы были бы вмѣстѣ. За переводъ изъ Кіева стояли, кажется, всѣ, опираясь на то, что онъ самый отдаленный отъ родного помѣстья городъ—до 300 верстъ. тогда какъ Полтава лежала лишь въ 120 в., а Харьковъ—въ 230. И такъ, этотъ вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу нашу; но относительно Полтавы и Харькова было колебаніе; мы же настаивали лишь на одномъ:—чтобы быть вмѣстѣ. Однако наше желаніе не сбылось. Полтавскій дворянскій пансіонъ признанъ былъ родителями Лисенка за мужицкій хлѣвъ, да и сама гимназія—вульгарной; а въ Харьковѣ, въ университетскомъ городѣ, нашелся дальній родственникъ Лисенковъ, профессоръ Борисякъ, согласившійся пріютить въ своихъ салонахъ отдаленнаго своего племянника за солидную, по тогдашнимъ цѣнамъ, плату—700 руб. въ годъ. Для меня у него не оказалось мѣста, а можетъ быть опекуны мои считали такую высокую плату для меня непосильной. Однимъ словомъ, я остался и на 5 кл. въ дворянскомъ пансіонѣ, и только съ 6-го перешелъ въ частный пансіонъ Ганота, а Николай застрялъ въ Харьковѣ, поступивъ въ IV кл. 2-й гимназіи, въ которой потомъ и окончилъ гимназическій курсъ. Сначала онъ жилъ у профессора Борисяка, а потомъ у доктора Гюббинета, державшаго у себя три-четыре пансіонера изъ аристократическихъ семействъ. Жизнь наша въ этотъ трехлѣтній періодъ мало чѣмъ отличалась отъ прежней; конечно, мы росли, крѣпли тѣломъ и заражались мало-по-малу всякими юношескими стремленіями. Дружба наша съ каждымъ годомъ еще больше росла. Мнѣ, какъ старшему и какъ представителю болѣе развитой гимназіи, Николай болѣе довѣрялъ, чѣмъ традиціямъ шаблонной морали своихъ воспитателей, и подъ вліяніемъ моего дяди и моимъ болѣе склонялся къ демократическимъ симпатіямъ, чѣмъ къ великопанскимъ. Каникулы и праздники неизмѣнно проводили мы то въ Жовнинѣ, то въ Гринькахъ. Кромѣ обычныхъ развлеченій въ залахъ и гостинныхъ, а также и удовольствій на лонѣ природы, мы много тогда читали громко другъ другу, переживая душой всѣ перипетіи жизни героевъ. Читали, между прочимъ, съ жадностью изъ тетиной библіотеки романы Вальтеръ-Скотта, Дюма,

Эжена-Сю, Бальзака,—конечно въ переводѣ на русскій языкъ, и даже воровали у гувернантки, состоявшей при сестрѣ Николая Софіи и меньшемъ его братѣ Андреѣ, Польдекока, на французскомъ языкѣ, знаніе котораго мы и развивали на послѣднихъ романахъ. Кромѣ того, родители Лисенка выписывали много газетъ и журналовъ (Отечеств. Зап., Современникъ, и Журналъ для юношества). Въ это время Севастопольская война была окончена, наступала заря освобожденія крестьянъ и гуманныхъ реформъ. Цензура была ослаблена и дала просторъ русской мысли. Все заговорило: либеральныя идеи закружились и въ юныхъ, и въ сѣдыхъ головахъ, общественные интересы и грядущія преобразованія стали темой не только у зеленыхъ столовъ, но и у дамскихъ козетокъ. Съ одной стороны, вѣяніе свободы опьяняло молодые умы и сулило радужную, полную заманчивыхъ перспективъ жизнь; съ другой стороны—у стариковъ и вообще у всѣхъ помѣщиковъ вызывало серьезныя опасенія, что эмансипація разоритъ дворянъ и вызоветъ на свѣтъ «Раззуваевыхъ»... Все это—и опасенія, и лучезарныя мечты—поднимало пульсъ общественной жизни и наполняло лихорадочною тревогой сердца. Стали появляться новые органы печати, и консервативные, и прогрессивные; публика накидывалась на нихъ и проникалась жаждой борьбы. На наши умы, полудѣтскіе, полуюношескіе, эта общественная струя производила пріятное оживленіе. Конечно, мы не проникали глубоко въ значеніе грядущихъ переворотовъ, но они занимали насъ, какъ занимали и вопли «Коробочекъ», и вздохи «Маниловыхъ», и скрежеты «Собакевичей»... (Мы тогда увлекались тоже «Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки», «Тарасомъ Бульбой» и «Похожденіями Чичикова»).

Въ то время Полтава была просто захолустный городъ, въ которомъ текла патріархальная, почти деревенская жизнь; достаточно сказать, что въ нашей столицѣ не было ни театра, ни кондитерскихъ, ни кофеенъ, или ресторановъ съ билліардами, ни даже гостинницъ съ машинами, или цыганскими хорами, куда-бы стекалась мѣстная молодежь (я не говорю о дворянскомъ клубѣ). Потребности театральныхъ зрѣлищъ удовлетворялъ изрѣдка кружокъ любителей, ставившихъ исключительно: «Наталку Полтавку», «Москаля Чарівныка», «Сватання» съ какимъ-нибудь русскимъ водевилемъ съ пѣніемъ. На эти спектакли поч. попечитель гимназіи присылалъ всегда въ пансіонъ 20 билетовъ. Мнѣ и теперь кажется, что лучше этихъ спектаклей я ничего въ жизни не видѣлъ,—до того впечатлѣніе отъ нихъ было сильно.

Вслѣдствіе такой патріархальной глуши, гимназистъ нашъ, съ одной стороны, лишенъ былъ соблазнительныхъ приманокъ разгула, а съ другой—былъ дикъ и не отшлифованъ. Съ харьковскимъ гимназистомъ щеголемъ, изучившимъ и тайны клопштосса, и цыганскій шикъ, и закулисные ходы, нашему брату нечего было и тягаться, но по умственному и общественному развитію наша полтавская гимназія стояла неизмѣримо выше и выпускала воспитанниковъ и съ болѣе солиднымъ умственнымъ багажемъ, и съ прогрессивно-гуманнымъ міровоззрѣніемъ. Не могу не упомянуть о такихъ незабвенныхъ для насъ учителяхъ-просвѣтителяхъ, какъ Стеблинъ-Каменскій, Стронинъ. Но несмотря на то, что харьковская гимназія и жизнь могли бы воспитать у Лисенка лишь барскіе инстинкты,—онѣ не оказали на него въ этомъ отношеніи никакого вліянія: противовѣсомъ этимъ наноснымъ вѣяніямъ были впечатлѣнія дѣтства да творческая душа юноши, увлеченная волной народной музыки и поэзіи, а главное врожденная честность мысли,—онѣ то стояли насторожѣ возлѣ нашего композитора и превратили изнѣженнаго, избалованнаго ребенка-аристократа въ убѣжденнаго демократа и стойкаго борца за право и слово родного народа.

Музыкальныя занятія Лисенка въ Харьковѣ шли такъ-же успѣшно, какъ и въ Кіевѣ; учителями его были: сначала Вольнеръ—безцвѣтная личность, а потомъ Дмитріевъ—прекрасный виртуозъ. Онъ старался отшлифовать врожденную Лисенку бѣглость игры и придать ей блестящій оттѣнокъ. Изучалъ съ нимъ Бетховена, Моцарта, – вообще знакомилъ съ классиками.—Послѣднимъ учителемъ былъ чехъ Вильчикъ.

Игра Лисенка окрѣпла, стала осмысленной; техника и сила развивались неимовѣрно, а вмѣстѣ съ ними усваивался изящный вкусъ въ исполненіи, сказалась врожденная теплота души. Лисенко у Вильчика сталъ изучать Шопена. И Бетховена, и Шопена онъ исполнялъ уже мастерски и увлекалъ своею игрою слушателей. Но странно, что послѣ сочиненной имъ въ дѣтствѣ польки я не помню въ этотъ почти пятилѣтній періодъ другихъ его композицій. Импровизировать, правда, онъ могъ до безконечности, но большей частью танцы, напр.—козачки, метелыци, польки, галопы, вальсы и кадрили изъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ. На всѣхъ вечерахъ и раутахъ Лисенко былъ пріятнѣйшій и дорогой гость: онъ очаровывалъ общество своей концертной игрой, охотно самъ танцовалъ и игралъ для танцевъ; отличался

кромѣ того заразительной веселостью и плѣнялъ барышенъ, кромѣ игры, еще своей холеной красотой.

Въ VI-мъ классѣ я жилъ уже не въ пансіонѣ, а у учителя французскаго языка Ганота, гдѣ пользовался, конечно, большей свободой. Разъ пошелъ я пофланировать по Александровской улицѣ, чтобъ освѣжить голову, задуренную экзаменною работою, и зашелъ случайно въ книжную лавченку. Книгопродавецъ показалъ мнѣ, какъ новинку, «Записки о Южной Руси» Кулиша и его-же историческій романъ «Чорну Раду». Послѣдняя меня поразила: я до сихъ поръ читалъ на малорусскомъ языкѣ лишь Шевченка да Котляревскаго; первый, конечно, трогалъ меня глубокимъ содержаніемъ и прелестью стиха, но по формѣ и по лексикѣ этотъ стихъ приближался къ народной пѣснѣ. Спѣшу оговориться, что въ то время мы были знакомы еще съ весьма немногими произведеніями Шевченка: Катерына, Наймычка, Иванъ Пидкова; ни «Посланіе», ни «Думы» не были еще знакомы намъ,—я уже не говорю о Кавказѣ и другихъ подобныхъ произведеніяхъ Шевченка. Котляревскій же смѣшилъ меня юморомъ, но не будилъ даже предположенія о возможности писать на этомъ языкѣ что-либо возвышенное, серьезное, могущее изобразить всѣ тонкія изгибы мысли и мельчайшія оттѣнки красокъ художественной картины. Лучшія строки Энеиды, глубокая сатира пекла—какъ-то ускользали изъ юношескаго воображенія за веселостью общаго сюжета. Хотя и теперь помню, какую глубокую грусть будили въ нашихъ сердцахъ извѣстныя строки: «Такъ вичной памьяти, бувало, у насъ въ гетманщыни колысь»... И вдругъ романъ! Историческій романъ! У меня загорѣлось сердце,—но не было въ карманѣ 3-хъ руб. Я, кажется, двѣ недѣли собиралъ гроши и злотые, слѣдилъ ревниво за лавочкой, чтобъ кто-нибудь не унесъ этой волшебной книги. Наконецъ, передъ отъѣздомъ на каникулы она была мною пріобрѣтена, и я просидѣлъ надъ страницами ея ночь на пролетъ, смакуя каждое слово, каждую фразу. Когда я передалъ Лисенку объ этой книжкѣ, то онъ поспѣшилъ купить и «Записки». Пріѣхавши въ Жовнинъ, мы на другой же день, обѣгали садъ, леваду, бурты, побывали на Сулѣ, и принялись немедленно за чтеніе романа. На Лисенка онъ тоже произвелъ сильное впечатлѣніе и содержаніемъ своимъ и главное—языкомъ; мы пережевывали каждую фразу и восхищались, какъ оно выходитъ и ловко, и звучно, и съ какой яркостью рисуетъ даже тончайшіе облики картины. Я потомъ читалъ этотъ романъ и въ гостинной; даже покойной

матери Лисенка онъ нравился, хотя многаго она не понимала, а тетя Марья Васильевна да ея пріемышъ Люба, и хозяйка Таня—были въ восторгѣ. Мы съ этимъ романомъ ѣздили потомъ и къ Александру Захарьевичу. Послѣдній отнесся къ нему съ радостнымъ изумленіемъ; вслушивался, вдумывался и наконецъ произнесъ: «Спасыби Кулишу, засвитывъ и въ нашимъ лёху каганця!»

Языкъ онъ одобрялъ, хотя относительно нѣкоторыхъ выраженій и словъ дѣлалъ свои замѣчанія; что-же касается изображенія сценъ и типовъ давней жизни, то этимъ онъ безусловно былъ тронутъ.

Конечно, кромѣ «Рады» мы прочли и «Записки». Этнографическій матеріалъ и призывъ къ собиранію народныхъ сокровищъ до того воодушевили Николая, что онъ сталъ собирать и записывать народныя пѣсни. Дѣло началось, конечно, съ малорусскихъ романсовъ, которые онъ черпалъ отъ знакомыхъ барынь, барышенъ, поповенъ, или даже горничныхъ, напр.: «Тамъ, де Ятрынъ круто вьется», «Чы я въ лузи», «Дивчыно, рыбчыно, серденько мое», «Баламуте, выйды зъ хаты» и т. д.; но среди нихъ попадались и чисто народныя—«Ой, мисяцю, мисяченьку», «Волы ревуть, воды не пьють»... Аккомпанименты къ этимъ пѣснямъ подбиралъ Лисенко весьма красивые и виртуозные, хотя, быть можетъ, и грѣшившіе правилами строгой народной гармоніи, которые онъ усвоилъ уже потомъ, послѣ консерваторіи.

Къ этому времени неясныхъ національныхъ стремленій относится одинъ смѣшной эпизодъ. Мы съ Николаемъ впервые влюбились и влюбились въ одну и ту же дѣвицу. У сосѣдей нашихъ Ильяшенковъ гостила маленькая, кокетливая блондиночка, со вздернутымъ носикомъ и искрометными глазками; была она, кажется, католичкой, потому что носила имя Текли, но русскимъ языкомъ прекрасно владѣла, а глазками еще лучше. Она сразу произвела на насъ чарующее впечатлѣніе. Мы стали упрашивать маму, поскорѣе ѣхать въ Гусиное къ Ильяшенкамъ, и снова ее увидѣли, и восторгались обворожительной Теклей... Между тѣмъ сама барышня, вѣроятно отъ скуки или изъ шалости, стала кокетничать съ нами, дурачиться, бѣгать взапуски, пожимать руки и увлекла насъ до самозабвенія. Мы по цѣлымъ ночамъ, подъ звѣзднымъ пологомъ неба (спали на галлереѣ), толковали о Теклѣ, восторгались ея красотой, уносились мечтами въ міръ Шехерезады, придумывали способы свиданій и передавали другъ другу про всякія завоеванія у Теклюни въ сферѣ любви и... не ревновали нисколько другъ друга. Наконецъ, мнѣ пришла въ голову мысль на-

писать ей или гимнъ, или оду, а Николай взялся присочинить музыку. Эта идея намъ понравилась. Я взялъ на себя обязанность, кромѣ поставки стиховъ, еще и пропѣть этотъ мадригалъ. Нужно добавить, что хотя я и бралъ уроки фортепьянной игры у Едлички, но оказывалъ въ ней неважные успѣхи, а между тѣмъ у меня оказался недурной баритонъ, и я сталъ заниматься больше пѣніемъ, даже рисковалъ исполнять жестокіе романсы въ салонахъ. Потому-то мы и разсчитывали соединеніемъ нашихъ талантовъ сразить окончательно плѣнительную, но неуловимую кокетку. Былъ еще споръ между нами, на какомъ языкѣ начертать нашему кумиру посланіе,—на малорусскомъ или на русскомъ? Но рѣшили писать на послѣднемъ, опасаясь, что панна, будучи полькой, можетъ еще поднять на смѣхъ хлопскій языкъ. Я принялся за версификацію: у насъ въ гимназіи учитель словесности Сосновскій, преподавая правила стихосложенія, требовалъ отъ учениковъ и сочиненій въ стихахъ—и мы писали... Среди учениковъ высшихъ классовъ (5, 6 и 7) лучше всѣхъ удавались стихи мнѣ и Вербицкому—тоже пансіонеру: намъ даже заказывало начальство торжественныя привѣтствія и оды при посѣщеніи нашего пансіона сановниками, а товарищи дали намъ прозвище поэтовъ, одобренное надзирателями. Часто, бывало, при передачѣ пансіона смѣняющему надзирателю слышится вопросъ:—«а гдѣ-же наши поэты?—на который постоянно почти слѣдовалъ отвѣтъ:—«въ карцерѣ». Такъ вотъ я и принялся за вирши. Каждый куплетъ, конечно, обсуждался нами тщательно; у меня остался въ памяти лишь одинъ:

О, ты, прелестное созданье,
Небесныхъ радостей фіалъ,
Дай хоть единое лобзанье
За нашъ сердечный мадригалъ!

Музыка была написана Лисенкомъ восхитительная (такъ мнѣ казалось), полная и нѣжной тоски, и томнаго очарованія, и даже безумной страсти. Это было 2-е музыкальное произведеніе Лисенка, уже болѣе зрѣлое, чѣмъ дѣтская полька. Лисенко долго штудировалъ мое пѣніе; наконецъ онъ остался имъ доволенъ. Ноты были тщательно переписаны, виньетка размалевана. Гувернантка пожертвовала намъ ленту или подвязку для свитка, и мы отправились въ Гусиное.

Намъ посчастливилось: родителей не было дома, а свободная четверка лошадей и фаэтонъ стояли на конюшнѣ; Созонтъ, дядька Ли-

сенка, протежировалъ своему питомцу, и при его вліяніи экипажъ былъ заложенъ, и панычи въ парадныхъ гимназическихъ мундирахъ съ красными въ золотѣ воротниками, разсѣлись важно, а Созонтъ въ ливреѣ помѣстился на козлахъ. Счастье летѣло вслѣдъ за нами до самаго Гусинаго. Съ сердечнымъ трепетомъ и робкимъ, но сладкимъ волненіемъ вошли мы въ гостинную и застали тамъ одну Теклю. Она съ неподдѣльной радостью встрѣтила насъ.

— Ахъ, какъ это мило съ вашей стороны, что навѣстили меня бѣдную... Тетя третій день, какъ уѣхала, а я одна... одинешенька... вотъ какъ видите—скучаю и тоскую... Все о васъ, мои милые, думала, и сердилась, что забыли... а вотъ и вы!

Отъ ея словъ мы взлетѣли, конечно, до седьмого неба. Николай покраснѣлъ и запнулся, какъ красная дѣвица, а я таки осмѣлился ей отвѣтить:—Если вы со скуки вспоминали насъ, то мы вашего дивнаго образа не теряли—и на мгновенье: онъ запечатлѣлся въ нашихъ сердцахъ на вѣки!

— Вотъ какіе комплименты! Браво!—вскрикнула панночка, но смѣшалась и отъ удовольствія вспыхнула до макушки.—Лисенко тоже смутился и началъ меня дергать за полу.

Черезъ мгновенье панночка, овладѣвъ собой, хохотала уже весело и непринужденно, сверкала глазками и дарила насъ плѣнительными улыбками.

— Вотъ что,—продолжала она тараторить,—если я запечатлѣлась, то я васъ и арестую... Ни, ни, ни! Ни писнуть!! Ви пробудете со мной до возвращенія тети... я здѣсь теперь хозяйка! Вотъ, буду угощать васъ чаемъ, ужиномъ... а завтра мы устроимъ какое-нибудь „парти-де-плезиръ"... вѣдь лошади съ вами?

— Съ нами и лошади, и экипажъ,—отвѣтилъ Николай,—но вотъ... только... чтобъ не безпокоились...

— Вздоръ!—возразилъ я—мы вполнѣ располагаемъ временемъ...

Конечно, конечно,—подхватила Теклюня,—и знаете что? Завтра мы поѣдемъ къ Днѣпру... къ тетинымъ плавнямъ... Тамъ и лодка есть... возьмемъ закуски и будемъ кататься въ лодкѣ. Ахъ, какъ будетъ весело!!—Она захлопала въ ладоши и убѣжала сдѣлать хозяйскія распоряженія. У Николая вспыхнулъ еще страхъ за лошадей, взятыхъ самовольно, но только лишь на мгновенье; обаятельный пріемъ и перспектива радостей завтрашняго дня опьянили насъ окончательно...

Послѣ чая было, наконецъ, торжественно преподнесено богинѣ наше музыкально-литературное произведеніе: оно было принято съ восторгомъ, а послѣ исполненія—даже съ трогательнымъ умиленіемъ. Теклюня протянула намъ свои бѣленькія, душистыя ручки и, откинувши голову назадъ, произнесла: — позволяю.

Я припалъ къ ручкѣ, а Лисенко къ другой; должно быть мы цѣловали ручки долѣе положеннаго, потому что панночка ихъ, наконецъ, выдернула, произнеся:—Довольно! „На больше!"—если заслужите!.. Полагаю, что второго такого упоительнаго впечатлѣнія,-съ первымъ трепетомъ неземного блаженства, съ первымъ дыханіемъ невѣдомой страсти—въ жизни уже не повторилось.

Вечеръ прошелъ въ волшебномъ настроеніи сердечной весны. Текля впрочемъ ушла рано, чтобы приготовить все къ завтрашнему пикнику и пораньше встать...—Такъ завтра же мы съ вами гуляемъ!..— и убѣгая, она послала еще намъ воздушный поцѣлуй.

Мы цѣлую ночь не спали: передавали другъ другу свои восторги и ожидали съ нетерпѣніемъ счастливой зари.

Но только что началъ свѣтлѣть востокъ, какъ неожиданно ворвался въ нашъ кабинетъ заика-форейторъ и, подавая записку, сталъ грозно бурчать: ба-ба-ба-ринъ при-ка-ка-зали сю ми-ми-нуту ѣхать назадъ... Сее-с-сер-сер-дя-тся страхъ!..

Въ запискѣ было грозное подтвержденіе словъ форейтора. Какъ ошпаренные схватились мы и стали натягивать свое платье. Лошади уже стояли у крыльца. Не умываясь и не прощаясь съ панною, мы прыгнули въ фаэтонъ и застегнулись наглухо фартухомъ. А Созонтъ еще съ ѣдкой улыбкой замѣтилъ:

— А что, господа женихи, чтобъ не влетѣло всѣмъ намъ по. самое покорно благодарю!..

Такъ печально окончился нашъ первый любовный эпизодъ.

Этимъ эпизодомъ на лѣтнихъ каникулахъ и начинается наша свѣтлая юность: Лисенко былъ уже въ 6-мъ классѣ, а я перешелъ въ 7-й. На ту пору надвигались отовсюду заботы и разныя тревоги за будущее. Прежде всего финансовое положеніе помѣщиковъ въ послѣдніе годы «крепацтва» сильно пошатнулось: крестьяне, въ виду воли, плохо работали: кредитъ частный палъ, а правительственнаго не было; взысканіе долговъ росло, а ликвидація всякихъ хозяйственныхъ предпріятій быстро вела къ разоренію. Какъ разъ передъ эмансипаціей отецъ Лисенка выстроилъ въ Жовнинѣ винокурню, основалъ селитряный заводъ, а въ

Гриньковской части распочалъ строить кошары, амбары, клуню и другія экономическія постройки, да къ нимъ еще и другой домъ,—все это требовало огромныхъ денежныхъ суммъ, а ихъ не было. Родители Лисенка были страшно удручены: грозила потеря всего состоянія, что нѣсколько позже и случилось; но намъ, молодымъ, было море по колѣни, а потеря доходовъ и видимое оскудѣніе даже отчасти насъ радовали: если бы этого не было, то Николай оставался бы непремѣнно до окончанія гимназіи у Гюббинета; теперь же такихъ чрезмѣрныхъ суммъ платить не имѣлось возможности, и насъ вынуждены были помѣстить, въ видахъ экономіи, вмѣстѣ, на частной квартирѣ, у г. Рейнгарда. Лисенко бралъ въ это время уроки фортепьянной игры у лучшаго музыканта въ Харьковѣ *Дмитріева*, а потомъ у чеха *Вильчика*, напиравшаго на виртуозность, на изящество исполненія. Несмотря на усиленныя занятія въ 7-мъ классѣ, Николай не отрывалъ ни одного часа отъ музыкальныхъ упражненій и двигался въ этой сферѣ впередъ и впередъ. Онъ тогда, кромѣ пальцеломныхъ этюдовъ, изучалъ Шопена, знакомился съ Шуманомъ и работалъ усердно надъ чертовскими туръ-де-форсами Листа. У его учителя Вильчика, по воскресеніямъ, раза 2 въ мѣсяцъ, собирались по утрамъ разные музыкальные артисты и упражнялись въ камерной музыкѣ. Лисенко безсмѣнно велъ фортепьянную партію. Иногда эти вечера тянулись съ утра до ночи. Лисенко еще постоянно игралъ у почетнаго попечителя своей гимназіи, князя Голицина; этотъ меценатъ приглашалъ къ себѣ всѣхъ артистовъ и среди нихъ—всегда Лисенка. Малорусскихъ національныхъ стремленій въ Харьковѣ не было ни слуху, ни духу, по крайней мѣрѣ, мы на нихъ не наталкивались, а потому при тамошней малокультурной жизни могли вывѣтриться и навѣянныя дѣтствомъ симпатіи. Въ Дюковскомъ театрѣ изрѣдка шло лишь „Сватанье на Гончаривци“ да «Шельменко деньщикъ» съ знаменитымъ артистомъ Н... въ заглавной роли, каковыя пьесы мы обязательно посѣщали; да въ книжныхъ магазинахъ еще появились 2-й томъ «Записокъ о Южной Руси» и разсказы Марка Вовчка. Мы, конечно, прочли ихъ съ прежнимъ увлеченіемъ... но и только... Такъ прошелъ годъ. Лисенко выдержалъ экзаменъ съ медалью и уже въ синемъ воротникѣ отправился домой на каникулы. Средства его родителей къ тому времени до того истощились, что мы не могли аккуратно платить за квартиру и не имѣли средствъ въ послѣднія двѣ недѣли купить табаку. Такъ что, когда отецъ и мать Лисенка пріѣхали къ намъ лѣ-

томъ на квартиру, то мы прежде всего бросились къ карманамъ родителя за папиросами. На каникулахъ уже мы замѣтили не только въ нашей семьѣ, но и у окружныхъ помѣщиковъ признаки оскудѣнія; вереницы раутовъ, переѣзды изъ одного села въ другое гурьбой были прекращены. Паденіе «крепацтва» уже было Державной волей начертано, ждали указа, а вмѣстѣ съ нимъ ждали и какой-то ужасной катастрофы. Разсказывались небылицы передавались слухи о таинственныхъ убійствахъ; все это обвѣивало дворянскія семьи паникой, и болѣе зажиточные изъ нихъ собирались бросать свои помѣстья и переселяться въ города. Наша семья тоже серьезно стала поговаривать о переселеніи, но, къ огорченію нашему, не въ Харьковъ, гдѣ были наши зазнобы, а въ Кіевъ. Послѣдній городъ былъ выбранъ или по удобству путей сообщенія (въ то время начали впервые между Кременчугомъ и Кіевомъ крейсировать пароходы), или же потому, что близкія и родственныя семьи Болюбашей и Деконоровъ выбрали для воспитанія дѣтей своихъ Кіевъ, Но въ тотъ годъ, 1859. разныя экономическія и финансовыя передряги не дали возможности перебраться, и мы къ величайшей радости опять возвратились въ Харьковъ. Лисенко поступилъ на естественный факультетъ, кажется въ память дяди своего Борисяка, профессора минералогіи. По всѣмъ склонностямъ, ему бы слѣдовало поступить на историко-филологическій факультетъ, но фамильныя традиціи его сбили. Такъ тянулся годъ въ какой-то умственной путаницѣ. Театръ мы посѣщали довольно часто, занимая, конечно, райскія высоты: нумерованныхъ мѣстъ тамъ не было, а потому, чтобы захватить лучшія, нужно было забираться туда пораньше,—часовъ съ пяти, а то и съ четырехъ послѣ обѣда. Бывало и выспимся тамъ, пока публика станетъ сходиться. Такъ вотъ разъ надоѣло сидѣть намъ, а Боброва, какъ актриса, намъ сильно нравилась: ну мы и давай во время игры, а слѣдовательно и тишины въ театрѣ, вызывать ее въ терцію: партеръ началъ смѣяться, а галерчане-товарищи еще поддержали нашу терцу квартетомъ... вышелъ легкій скандалъ, за который на другой день Лисенко очутился въ карцерѣ: ему, какъ музыканту, приписали иниціативу въ этомъ вокальномъ концертѣ. Еще одинъ интересный фактъ припоминается мнѣ изъ нашей жизни въ тотъ годъ. Товарищъ нашъ Косяковъ, по семейнымъ обстоятельствамъ, долженъ былъ перевестись изъ Харьковскаго университета въ Кіевскій. Мы его проводили съ соболѣзнованіемъ и вспрыснули дорожку, а онъ черезъ мѣсяцъ вер-

нулся, но вернулся неузнаваемымъ: въ ботфортахъ, въ венгеркѣ, конфедераткѣ и съ носогрѣйкой въ зубахъ. Мы изумились этому непонятному маскараду, а Косяковъ сталъ увѣрять, что въ Кіевскомъ университетѣ формы не носятъ, а всѣ ходятъ въ ботфортахъ да всевозможныхъ костюмахъ, что тамъ студенты не то, что у насъ, а держатъ въ паникѣ городъ и производятъ такіе дебоши, какихъ и военнымъ не снилось. Очевидно, Косяковъ не понялъ ни національныхъ стремленій, ни борьбы партій, а обратилъ лишь свое вниманіе на внѣшность. Тѣмъ не менѣе, разсказы его насъ увлекли, и когда лѣтомъ рѣшился въ послѣдній разъ вопросъ, куда ѣхать, мы налегли тоже на Кіевъ...

Старикъ Лисенко ѣздилъ въ Кіевъ лѣтомъ, нанялъ квартиру на Тарасовской ул., а мы съ Николаемъ пріѣхали туда авангардомъ, еще до начала занятій и были поражены—не городомъ,—онъ тогда былъ довольно пустыненъ, особенно окрестности университета, и пожалуй уступалъ по бойкости Харькову,—а студентами, которые стали появляться на улицахъ: большинство ихъ было въ польскихъ костюмахъ, среди которыхъ изрѣдка появлялась или выпускная косоворотка, или сивая, смушковая шапка. Языкъ вездѣ царилъ польскій. Пошли мы въ театръ—ничего не поняли; шла какая-то комедія изъ варшавской жизни; отправились въ бильярдную—и тамъ маркеры и гости говорили по-польски. Наконецъ, завернули въ магазинъ и тамъ къ намъ обратились: «цо панство хце»?.. Наконецъ и въ кухмистерской намъ предложили «яи садзоне» и «легумине», о каковыхъ блюдахъ мы не имѣли понятія. Лисенко вздыхалъ, что заѣхали въ Польшу и что вѣроятно придется слушать и лекціи на польскомъ языкѣ. Все это смущало его сильно и тянуло къ милому Харькову.

Изъ товарищей харьковскихъ у Лисенка ни одного не нашлось въ Кіевѣ, а моихъ изъ полтавской гимназіи оказалось душъ десять. Николай перезнакомился съ ними и примкнулъ, конечно, къ полтавскому кружку. Собственно говоря это не былъ идейный кружокъ, а просто болѣе близкіе однокашники, льнувшіе въ чужомъ городѣ ближе другъ къ другу. Они тоже не понимали еще знаменія времени, обуревавшаго юные умы въ университетѣ и отражавшагося даже за стѣнами его какой-то смутной тревогой. Насъ поразила сборная зала въ университетѣ, принимавшая съ каждымъ днемъ болѣе бурный характеръ, и въ ней звучала подавляюще польская рѣчь. Студенты-като-

лики собирались массами, о чемъ-то вели безконечные споры, держали иногда рѣчи; иногда слышались изъ небольшихъ кучекъ протесты...

Помню, какой-то въ красной рубашкѣ кацапикъ, небольшого роста, просилъ Христомъ Богомъ товарищей, чтобъ его подняли. Мы подхватили на руки оратора и поставили на окно; съ этой высоты онъ началъ громить и укорять густыя массы поляковъ. Рѣчь его была пылка, искренна и сильна. Содержаніе ея приблизительно состояло въ томъ, что всѣ мы, малороссы и кацапы, сочувствуемъ стремленію польскихъ студентовъ стоять за развитіе своей національности, за свои права, за свободу и автономію родной страны, но сочувствуемъ до тѣхъ поръ, пока эти стремленія не ломаютъ нашей свободы, нашего національнаго развитія и правъ нашей родины.—А вы-де, господа, начинаете свое дѣло съ насилія надъ другими. Кіевъ не вашъ городъ, и университетъ этотъ нашъ... да и наука всегда должна быть свободна отъ національныхъ давленій. Слова оратора произвели на волнующіяся толпы кунтушей и венгерокъ неотразимое впечатлѣніе. Все смолкло и притихло. Одинъ внушительный по фигурѣ полякъ даже произнесъ одобрительно:

— «Добже, шельма, муви!»

Но другой, рыжій, съ остроконечной бородкой и подкрученными вверхъ усиками крикнулъ:—«Лже, лайдакъ! Тенъ университетъ естъ нашъ, бо зъ Вильна пшенесенъ!» Поднялся невыразимый шумъ, среди котораго кто-то въ сирякѣ и сивой шапкѣ оралъ:—«Панове, не будьте необачнымы! Обмиркуймось! Невже теперъ вы не шукатымете зголы? Гей, прыгадайте даремно пролыту кровъ!!»

Такія сцены повторялись почти ежедневно и прогрессировали, по мѣрѣ съѣзда студентовъ и большаго наполненія аудиторій. Національная борьба, разгоравшаяся въ храмѣ науки, будила многіе вопросы, спавшіе до того времени въ нашемъ мозгу, а въ сердцѣ поднимала новую, невѣдомую до того страсть. Мы съ Лисенкомъ просиживали иногда ночи, толкуя о національныхъ задачахъ, о прошломъ нашей родины и о судьбѣ-мачехѣ нашего крестьянина.

Разъ собралось въ квартирѣ студента, еврея Г. изъ полтавцевъ, извѣстнаго потомъ публициста, насъ земляковъ довольно много; пришли туда и новые кіевскіе товарищи, люди сознательно-національнаго направленія, выработаннаго здѣсь на почвѣ борьбы сосѣднихъ народностей; явился и кацапикъ въ красной сорочкѣ, симпатичнѣйшій студентъ Ч., котораго мы не разъ поднимали то на плечи, то на окна

въ сборной залѣ. Замѣчу, кстати, что у насъ въ полтавской гимназіи, несмотря на преобладающій въ ней малорусскій языкъ, не было никакихъ сознательныхъ симпатій къ культурѣ его, къ правамъ національнымъ, къ историческому прошлому, равно не было выработано и политическихъ идеаловъ. Кіевъ въ этомъ отношеніи былъ далеко впереди: здѣсь было задумано и Кирилло-Меѳодіевское братство, здѣсь и Максимовичъ, и Костомаровъ, и Кулишъ будили прежде интересы къ изученію народа, здѣсь наконецъ и политическія броженія поддерживали починъ народнаго чувства, обострявшагося въ борьбѣ. Такъ вотъ пришедшій кацапчикъ сталъ развивать компаніи ту мысль, что въ настоящій моментъ подъема духа и симпатій къ меньшему брату все лучшее русское культурное общество пошло въ народъ,—изучить его, научить его, слиться съ нимъ для борьбы съ темными силами, тормозящими наше развитіе и общее благо. Что малороссы, хотя и принимаютъ участіе въ общемъ движеніи и трудятся въ воскресныхъ и другихъ школахъ для просвѣщенія народа, но тѣмъ не менѣе не смотрятъ сознательно въ корень и не борются съ другой силой, стремящейся денаціонализировать здѣшній край.—Вѣдь у васъ, господа,—поднялъ онъ голосъ,—есть своя славная исторія: народъ вашъ кореннѣе нашего русскаго, да и не мало его, за 15 милліоновъ: языкъ у васъ богатый и звучный... ждетъ только литературнаго развитія... По политическимъ и соціальнымъ идеаламъ мы друзья... а по ярму—братья родные... Такъ, какъ же намъ, товарищи, не соединиться вмѣстѣ, коли на нашихъ глазахъ полонизируютъ и древне-русскій городъ, и науку, и народъ! Заявите-же и вы, господа, что считаете весь этотъ юго-западный край—Малороссіей и что стоите за свой народъ, за свою національность, за свою старину и за свою рѣчь... да за политическую, и юридическую и нравственную свободу народа! Поляки надѣли кунтуши и проповѣдуютъ свой катехизисъ: надѣнемъ-же и мы свои косоворотки, поддевки, сиряки, сорочки, жупаны, да свиты... и станемъ проповѣдывать свое «credo»! А наше «credo»—свобода развитія всѣхъ національностей, безъ насилій и притѣсненій другихъ,—демократизмъ, уравненіе правъ ассоціаціи слабыхъ для борьбы съ сильными, развитіе гуманитарныхъ началъ, автономіи и свободы!

Рѣчь кацапа была покрыта дружными рукоплесканіями, пожатіемъ рукъ и объятіемъ. Предложеніе пришлось по душѣ и вызвало оживленную по этому поводу бесѣду. Бывшіе въ гостяхъ кіевляне, сознательные украинцы, развили еще больше намъ, неофитамъ, мысль

к цапа, освоивъ многими фактами состояніе нашей народности и значеніе ея въ будущемъ.

Лисенко просто преобразился и началъ доказывать, что намъ всѣмъ не только съ народомъ, но и между собой нужно говорить по-малорусски, чтобы сдѣлать этотъ языкъ культурнымъ и своимъ... Много было поднято вопросовъ, подано предложеній и намѣчено проектовъ, для совмѣстныхъ работъ.

Придя домой, Лисенко сталъ совѣтоваться со мной, какой-бы заказать намъ костюмъ, и мы, послѣ долгихъ серьезныхъ дебатовъ, порѣшили, что на первый разъ нужно обзавестись хотя двумя: —для будней—чемарка изъ темнокоричневаго драпа, отдѣланная кожей, и шаровары сѣрые, а для праздниковъ—суконные жупаны, бархатные темносиніе шаровары и шелковыя шали для поясовъ... Пока мы только обдумывали покрой верхнихъ «сиряковъ» и выбирали барашекъ для шапокъ, насъ позвали на генеральную сходку въ университетѣ, въ студенческой библіотекѣ, а разомъ и аудиторіи. Мы отправились съ Лисенкомъ туда вечеромъ и застали, кромѣ нашихъ знакомыхъ, массу студентовъ. Собраніе было обставлено таинственно: ночь, большая зала, ряды скамеекъ, столикъ, тусклое освѣщеніе... торжественная тишина, масса головъ и опросы входящихъ: пароль и лозугъ?—все это импонировало ужасно: мы почувствовали себя словно въ средневѣковой ратушѣ на собраніи заговорщиковъ.

Когда выбраны были «голова» и „пысарь", тогда предложенъ былъ собранію для обсужденія рядъ вопросовъ, касающихся самопознанія, убѣжденій, стремленій истиннаго малоросса, а также программа дѣятельности и отношенія его къ другимъ національностямъ. Вопросы обсуждались серьезно, въ строгомъ порядкѣ, чисто по парламентски; все засѣданіе велось на родномъ языкѣ, и мы съ Лисенкомъ услыхали впервые серьезную малорусскую рѣчь, и замѣтили, что кіевляне, волынцы и даже черниговцы владѣли ею далеко лучше насъ, полтавцевъ... На этой сходкѣ рѣшено было единогласно, что малорусскій народъ составляетъ особую національность, богатую всѣми данными для культурнаго развитія и участія полнымъ голосомъ въ славянскомъ концертѣ, что честный, сознательный малороссъ долженъ отдать всѣ свои душевныя силы для поднятія въ народѣ самосознанія и развитія, что ко всѣмъ братьямъ славянамъ онъ долженъ относиться дружески и помогать имъ въ борьбѣ съ угнетателями, что въ политическихъ и соціальныхъ стремленіяхъ онъ исповѣдуетъ тѣ же идеалы, что и пе-

редовыя его братья великороссы, и что съ лучшими партіями этихъ передовыхъ силъ онъ солидаренъ. На этой сходкѣ былъ и кацапикъ, и депутатъ отъ польскаго «кола».

Лисенко вышелъ изъ этого собранія словно пьяный, и съ того момента сталъ самымъ рьянымъ украйнофиломъ, какъ окрестили насъ потомъ. Въ скоромъ времени и малорусскіе, и великорусскіе студенты облеклись въ свои національные костюмы; массы студентовъ и въ университетѣ, и на Крещатикѣ представляли живописную картину.

Но помимо школьныхъ дѣятелей, образовалось тогда еще много кружковъ, преслѣдовавшихъ тѣ или другія просвѣтительныя цѣли: одни занимались этнографіей—записываніемъ преданій, сказокъ, пословицъ, загадокъ, суевѣрій, обрядовъ и т. п; другіе стали собирать матеріалы для будущаго малорусскаго словаря; третьи принялись за составленіе популярныхъ книгъ для народа; четвертые стали для этого изучать малорусскій языкъ; иные пошли въ народъ...

Широкая волна кипучей жизни и спѣшной работы охватывала насъ съ каждымъ днемъ все больше и больше. Лисенко, съ присущей его характеру настойчивостью, принялся изучать языкъ, для чего онъ пріобрѣталъ всѣ изданныя и выходившія тогда на малорусскомъ языкѣ книги. Мы выписали «Основу»; съ увлеченіемъ штудировали статью Костомарова „Двѣ русскія народности“ и зачитывались произведеніями Шевченка, Кулиша, Марка Вовчка и другихъ. Теперь мы уже относились къ нимъ гораздо серьезнѣе и замѣчали многое, ускользавшее прежде отъ нашего вниманія... Я сталъ пробовать переводить на малорусскій языкъ басни Крылова и музу Пушкина (кажется первое—«Эхо»). Мы съ Лисенкомъ примкнули къ группѣ, трудившейся надъ собираніемъ матеріаловъ для малорусскаго синтаксиса.

Это было время передъ объявленіемъ воли народу, начертанной Государемъ, но еще не обнародованной. Подъемъ духа и у народа, и у культурныхъ классовъ росъ почти по часамъ, пресса ликовала, загоралась заря свободы. Надвигалась какая то полная чаръ и широкаго счастья эра, туманившая головы несбыточными надеждами и заставлявшая отрадно биться наши сердца. Среди общаго свѣтлаго праздника, темныя силы притихли и должны были попрятаться въ норы.

Лисенко до того былъ увлеченъ роскошной весной, что забылъ даже свою музыку и въ то время мало работалъ надъ техникой игры.

а если и работалъ въ своей сферѣ, то главное надъ записываніемъ народнаго музыкальнаго богатства.

Но если Мыкола занимался тогда меньше этюдами и сонатами, то зато больше создавалъ или пробовалъ создавать въ малорусскомъ вкусѣ разные танцы, и народные и общеевропейскіе. Не помню, по воскресеніямъ, или по субботамъ у насъ устраивались «вечерныци»; были выбраны почтенныя матроны, которыя завѣдывали хозяйственной частью и наблюдали за строго-цензурной порядочностью ихъ. Конечно, всѣ посѣщавшіе эти «вечерныци» обязаны были, безъ исключенія, быть въ народныхъ костюмахъ и говорить по-малорусски; за каждое нарушеніе послѣдняго условія взымался штрафъ, поступавшій въ издательскій фондъ. Мы по-дѣтски ловили другъ друга и взымали штрафы при общемъ смѣхѣ. Угощенія на этихъ вечерахъ велись въ складчину, и всѣ кушанья и напитки были національные. Въ танцахъ допускались изъ иностранныхъ лишь полонезъ да кадриль, остальные же танцы были народные: козачекъ, горлица, вальсъ-козакъ, и метелыця. Вотъ для этихъ то всевозможныхъ танцевъ и создавалъ Лисенко свою прелестную въ народномъ вкусѣ музыку... Онъ вообще былъ душой общества и вносилъ въ него искренность увлеченія—и своимъ заразительнымъ весельемъ, и своей чудной игрой, и даже своими усердными танцами. Кромѣ того, гдѣ Лисенко ни появлялся, сейчасъ же составлялся хоръ, которымъ онъ и дирижировалъ.

Я коснулся кіевскаго движенія 60-хъ годовъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно имѣло неотразимое вліяніе на поворотъ міровоззрѣній и симпатій Лисенка; а это время, богатое событіями, сильными характерами, руководителями, исполненными высокаго ума и великаго сердца,—еще ждетъ занесенія на страницы исторіи.

Замѣчательно то, что мои врожденныя симпатіи къ своему родному языку встрѣтили въ подъемѣ національнаго самосознанія 60-хъ годовъ лишь свое оправданіе и не поразили неожиданнымъ открытіемъ; Лисенко же, хранившій лишь проблески народныхъ симпатій, навѣянныхъ ему съ дѣтства, теперь, словно слѣпецъ послѣ снятія катаракта, прозрѣлъ, и это чудо подѣйствовало на него потрясающе: все, что хранилось въ тайникахъ его сердца, вспыхнуло яркимъ пламенемъ, въ которомъ сгорѣли его барскія воспоминанія, аристократическія тенденціи, свѣтскія привязанности, а всѣ стремленія сплотились въ одну широкую любовь къ своему родному народу и къ ду-

ховному проявленію его личности... однимъ словомъ, Лисенко воспріялъ новыя идеи не спокойно, а съ страстностью.

Такими то завзятыми украинцами мы возвратились на каникулы въ Жовнинъ.

Эти каникулы мы начали тѣмъ, что непосредственно сами отправились на «улицу» и старались перезнакомиться со всѣмъ селомъ, имѣя цѣлью и пропаганду своихъ идей, и сближеніе, сліяніе съ народомъ, и собираніе этнографическаго матеріала. Лисенко съ фисгармоніей проникалъ и на «досвиткы», и на «вечерныци», оживлялъ ихъ своей игрой и выуживалъ всюду народныя мелодіи, которыя и заносилъ въ свой музыкальный портфель: онѣ потомъ въ его обработкѣ составили драгоцѣнный вкладъ въ сокровищницу духовнаго богатства нашего народа. Молодежь сельская насъ не чуждалась, а потребовала, по обычаю, ведро горилки и разрѣшила бывать на всѣхъ своихъ сборищахъ. Болѣе пожилые хозяева смотрѣли, впрочемъ, на насъ съ нѣкоторой подозрительностью. Наше хожденіе въ народъ, простой костюмъ и простая рѣчь объяснялись вообще тѣмъ, что царь, «за те, що знущалысь перше паны надъ людьмы, перенысавъ при „воли“ и ихъ у „простоту“; но было, и другое толкованіе: что «паны переодяглысь у просте и вештаются, щобъ пидслухать, запысаты и донесты на насъ царю»... Въ иныхъ мѣстахъ этнографическихъ собирателей хватали, какъ «шпыговъ» и заключали въ «холодну»...

Эти молодыя увлеченія народомъ вывѣтрили и у меня, и у Мыколы всякія воспоминанія о барышняхъ и о Харьковѣ. Ко всѣмъ сосѣднимъ помѣщичьимъ семьямъ мы относились уже съ недоброжелательностью и высокомѣріемъ, иначе нигдѣ не говорили какъ по-малорусски. Бывали лишь изрѣдка у Алекс. Захар., уже впрочемъ больного. Женитьба его и семья казались намъ идеальными, къ какимъ честный украинецъ долженъ стремиться. Лисенко, увлекавшійся всякой идеей народничества до фанатизма, чуть было не женился на одной дивчинѣ изъ своего мѣстечка; но благоразуміе ея взяло верхъ.

Поздно осенью мы возвратились въ Кіевъ, бурлившій уже подготовлявшимся польскимъ повстаньемъ. Мы завертѣлись въ водоворотѣ сходокъ, въ бурѣ политическихъ дебатовъ, въ разныхъ представительствахъ, въ отстаиваніи правъ своей народности...

Въ 1861 г. наше семейство ранней весной двинулось обратно въ деревню: опасность ожидавшихся крестьянскихъ бунтовъ прошла, средствъ

на житье въ городѣ не было, а введеніе уставныхъ грамотъ и совершеніе актовъ на выкупъ надѣловъ требовало личнаго присутствія владѣльцевъ. Теперь въ этихъ выкупныхъ свидѣтельствахъ помѣщики видѣли единственное средство ликвидировать хоть кое-какъ свою задолженность.

Мнѣ тоже нужно было по этимъ самымъ дѣламъ, и еще по наслѣдству, назначенному къ дѣлежу въ ноябрѣ, остаться въ Жовнинѣ до зимы. Мыкола уже самъ отправился въ Кіевъ; а я въ ноябрѣ простудился, получилъ ревматизмъ и пролежалъ всю зиму и часть весны то у новыхъ родныхъ Старицкихъ, съ которыми сошелся при дѣлежѣ наслѣдства, то въ Жовнинѣ въ своей семьѣ. Всякія хозяйственныя заботы и по своему имѣнію, и по дѣламъ Лисенковъ удержали меня въ селѣ и на другую зиму, въ которую я повѣнчался съ сестрой Лисенка, Софіей Витальевной, и такимъ образомъ совсѣмъ слился съ ихъ семьей.

Я цѣлый годъ не былъ въ Кіевѣ, а тамъ свершилось въ это время много событій, измѣнившихъ настроеніе общества. Была между прочимъ учреждена коммиссія для провѣрки уставныхъ грамотъ и надѣловъ въ юго-западномъ краѣ, и для ея задачъ—мировые съѣзды. Мой тесть получилъ мѣсто предсѣдателя таковаго въ сквирскомъ уѣздѣ, кіевск. губ. Вскорѣ старики отправились въ Сквиру, а Мыкола въ Кіевъ, оставивъ насъ молодыхъ на хозяйствѣ. Мы дали другъ другу слово переписываться, и я написалъ недѣли черезъ двѣ шуточное письмо по-малорусски Мыколѣ, въ которомъ просилъ его пріѣхать къ намъ на праздники. На это письмо я вскорѣ получилъ отъ Мыколы отвѣтъ, полный укора: онъ писалъ, что огорченъ моимъ отношеніемъ къ дорогому нашему языку: «и ты, що мусывъ бы найбильшъ свое слово поважаты и любыты, вжываешъ ёго, якъ забавку на скалозубство, на жартъ, а не берешъ за орудокъ шырокои культуры»—и даже просилъ, чтобы я занялся переводами, кромѣ басенъ, и чего-нибудь серьезнаго изъ сферы поэзіи. Вообще по тону письма было видно, что наши роли теперь перемѣнились: прежде я его подвинчивалъ въ изученіи своего языка, въ демократизмѣ и въ сердечной привязанности къ своей родинѣ, а теперь онъ требовалъ уже отъ меня дѣла, фактическаго участія въ разработкѣ языка, въ приспособленіи его къ высшимъ формамъ поэзіи и въ обогащеніи его лексикой, черпаемой изъ народныхъ сокровищницъ... Конечно, слѣдующія письма я сталъ ему писать педантично-серьезнаго содержанія.

Рождественскiе праздники Лисенко провелъ у насъ, и мы съ нимъ затѣяли сразу не малую штуку—написать украинскую оперу. Сейчасъ же отъ слова къ дѣлу: я, не имѣвшiй понятiй о разработкѣ оперныхъ сюжетовъ, взялся написать либретто, на почвѣ Стороженковской комедiи «Гаркуша», а Мыкола, не слыхавшiй и такой, какъ я, оперы, а знавшiй лишь по переложенiямъ для фортепьяна нѣсколько итальянскихъ оперъ,—взялся написать музыку. Тѣмъ не менѣе, ничто-же сумняшеся, мы принялись за дѣло; говорю мы, потому что, кромѣ либретто, я подпѣвалъ и мотивы, конечно изъ итальянскаго запаса. Работа кипѣла, и въ теченiе праздниковъ была написана почти треть перваго дѣйствiя. Конечно, въ хорахъ и въ нѣкоторыхъ арiяхъ звучала заимствованная итальянщина, но были номера, скомпанованные Лисенкомъ вполнѣ въ духѣ народномъ, и скомпанованные красиво. У меня сохранился одинъ брульонъ либретто изъ этой оперы, на которомъ имѣется къ словамъ «Ой, Днипре широкый, чого каламутенъ?»—записанная рукою Лисенка музыка для арiи баритона Шпаргалъ помѣченъ: «Лебехивка 1864 року». Жаль, что не сохранилось клавира. Въ то время я искренно восторгался музыкой этой оперы; жена моя пѣла сотнычыху, я—Гаркушу, а Мыкола—всѣхъ прочихъ дѣйствующихъ лицъ и хоръ. Съ такими силами мы стали демонстрировать эту оперу нашимъ родичамъ и сосѣдямъ, производя вездѣ неимовѣрную сенсацiю: намъ стали даже устраивать рауты съ специальной просьбой спѣть оперу.

Такъ какъ Николаевка, въ которой жило родственное намъ семейство Деконоровъ, было отъ Лебеховки въ шести верстахъ, то прежде всего и чаще всего мы тамъ и бывали. У Деконоровъ старшая дочь Оля, еще «пидлитокъ», была чрезвычайно красива, жива и симпатична; она обладала миленькимъ голоскомъ, подпѣвала и особенно восторгалась оперой.

Уѣхавши въ Кiевъ, Мыкола попалъ въ волну новыхъ событiй. Поднялись доносы на украинофильство. Результатомъ этой травли было гоненье, какъ на языкъ, такъ и на любителей малорусскаго слова и музыки. Цензура не стала пропускать ни одной книжки на малорусскомъ языкѣ, а исполненiе на немъ представленiй или пѣсенъ было запрещено.

Когда я, на будущую зиму, устроивъ свои хозяйственныя дѣла, снова возвратился въ Кiевъ кончать университетъ, то засталъ уже почти безнадежное унынiе. Лисенко держалъ тогда окончательный экзаменъ и поселился со мной. Конечно, мы съ Лисенкомъ стали при-

думывать хоть какое-нибудь дѣло, чтобы привлечь къ нему болѣе или менѣе сочувствующихъ людей, сгруппировать хоть малый симпатичный кружокъ. У Лисенка были нѣкоторые знакомые; я присталъ къ нимъ, и мы общими усиліями устроили, съ благотворительною цѣлью, въ городскомъ театрѣ концертъ и живыя картины. Въ концертномъ отдѣленіи намъ вычеркнули весь текстъ малорусскихъ пѣсенъ, а между тѣмъ на нихъ-то мы главнымъ образомъ и обосновывали сборъ. Что было дѣлать? Живыя картины, хотя бы и на Гоголевскія сцены, публики не привлекутъ, равно какъ и игра Лисенка, еще неизвѣстнаго, какъ артиста. Наконецъ придуманъ былъ одинъ исходъ: перевести на французскій языкъ текстъ народныхъ пѣсенъ и подать такую программу. Это удалось,—но за то въ концертѣ вышелъ скандалъ: когда пѣвецъ вышелъ на эстраду и запѣлъ извѣстную пѣсенку «дощыкъ» такъ:

La pluie, la pluie,
Qui tombe doucement..
Je pensais, je pensais,—
C'est un Zaporogue, maman!

то поднялся сначала неимовѣрный хохотъ, а потомъ бурный протестъ и требованіе народнаго текста; само собою разумѣется, что намъ сію-же минуту запретили исполненіе французскихъ пѣсенъ по программѣ, а заставили ихъ замѣнить другими; потомъ еще были и бесѣды...

Добавлю, что во 2-мъ концертѣ, состоявшемся черезъ полгода, уже допущены были 2—3 пѣсенки народныхъ. Очевидно, что запрещеніе шло не отъ высшихъ правительственныхъ сферъ, а отъ мѣстной администраціи, которая вскорѣ стала смотрѣть снисходительнѣе на безвредную симпатію общества къ родному слову.

Концерты насъ познакомили съ просвѣщенной, симпатичнѣйшей семьей Линдфорсовъ, съ которыми мы стали вскорѣ друзьями; а Мыкола встрѣтилъ въ женѣ молодого Л. нашу прежнюю знакомую, Олю Гревсъ, съ которой, какъ съ «пидлиткомъ», играли мы еще въ Гриньках.

Вскорѣ мы познакомились съ С-вымъ, преподавателемъ русскаго языка и словесности, человѣкомъ гуманнаго направленія. Онъ примкнулъ къ нашему кружку и предложилъ общую работу: собирать и выбирать матеріалы для составленія грамматики и синтаксиса малорусскаго языка. Этой работой и прежде пробовали мы заниматься, но безполезно,

такъ какъ не было у насъ во главѣ опытнаго спеціалиста, теперь же въ лицѣ талантливаго С-ва, у насъ явилась полная надежда осуществленія нашихъ желаній, и мы принялись дружно за предложенную работу, а особенно страстно отнесся къ ней Мыкола. Работа и регулярныя собранія то у одного, то у другого сблизили насъ всѣхъ и сдружили; а и было насъ въ грамматической компаніи человѣкъ 5, 6—не больше, но собранія отличались особенной сердечностью и время на нихъ шло въ веселой работѣ. Со временемъ къ нашей кучкѣ стали притекать новыя силы, а съ переводомъ въ кіевскія гимназіи нѣкоторыхъ учителей, бывшихъ нашихъ товарищей, и кругъ занятій расширился. Лисенко стремился участвовать чуть не во всѣхъ рабочихъ кружкахъ, а вѣдь у него было и свое личное дѣло—упорядоченіе пѣсеннаго матеріала, который онъ собиралъ неустанно

Весною Лисенко подалъ диссертацію и, получивъ степень кандидата естественныхъ наукъ, поступилъ кандидатомъ къ мировому посреднику въ Таращанскій мировой съѣздъ. Цѣлью его жизни была, конечно, не служебная карьера, а музыка, къ которой онъ теперь еще больше стремился. Послѣдніе четыре года, закружившіе Лисенка въ вихрѣ новыхъ увлеченій, отняли у него много времени; педантически заниматься техникой было некогда, а получать серьезное развитіе въ области теоріи было—негдѣ. Онъ за это время познакомился съ русскими операми—Глинки, Даргомыжскаго, Сѣрова, занимался самостоятельнымъ изученіемъ Шумана и Вагнера, поражавшаго его звуковыми массами. Но въ этихъ бросаніяхъ изъ стороны въ сторону безъ системы, безъ свѣточа—мало было толку. Консерваторія стала его завѣтной мечтой, а для осуществленія этой мечты нужны были деньги,—вотъ онъ и задумалъ скопить ихъ на службѣ.

Весну и лѣто проработалъ онъ надъ уставными грамотами, отдавая всѣ антракты собиранію музыкальнаго народнаго матеріала, а къ осени въ его жизни совершилась крупная перемѣна. Завѣтная мечта Мыколы окончить консерваторію заставила его выйти въ отставку и отправиться за границу къ началу лекцій въ Лейпцигской консерваторіи: послѣдняя тогда славилась, какъ лучшая въ Европѣ. Въ началѣ сентября мы и выпроводили Лисенка въ Лейпцигъ.

Въ это то время и были изданы Лисенкомъ за границей 1-й томъ народныхъ пѣсенъ и 1-й томъ музыки до Кобзаря. Музыка была

вполнѣ художественна и свидѣтельствовала о несомнѣнномъ талантѣ у нашего украинскаго композитора.

Въ Лейпцигской консерваторіи Лисенко былъ два года съ небольшимъ, и съ свойственной ему страстностью отдался изученію своего искусства. Извѣстный профессоръ фортепьянной игры Рейнеке, послушавъ въ первый разъ Лисенка, заявилъ съ одушевленіемъ: «O, das ist wirklicher Talent!» и съ особеннымъ вниманіемъ относился все время къ своему ученику. У Рейнеке Лисенко проходитъ полный курсъ фортепьянной игры и проходитъ съ блестящимъ успѣхомъ: техника доводится до совершенства, вкусъ и изобразительность въ исполненіи, подъ руководствомъ этого профессора, пріобрѣтаютъ изящество и силу. Лисенко съ особенной тщательностью изучаетъ у Рейнеке, при совѣтахъ и знаменитаго Мошелеса,- друга Бетховена,—весь классическій репертуаръ:—Баха, Моцарта, Мендельсона, Бетховена, Шумана, Шуберта и Шопена, единственнаго Славянина, попавшаго въ среду геніальныхъ нѣмцевъ. Не только въ консерваторскихъ концертахъ, но и въ другихъ Лисенко участвуетъ съ выдающимся пріемомъ. Въ концѣ перваго года онъ былъ вызванъ въ Прагу, какъ представитель украинской музыки, вмѣстѣ со Славянскимъ, представителемъ—великорусской, участвовать въ грандіозномъ славянскомъ концертѣ, состоявшемся въ «Конвисткемъ салю». Извѣстный чешскій патріотъ и музыкантъ Рейеръ, прослушавши Лисенка концертное переложеніе «Гей, не дывуйте!»—вскочилъ со стула и воскликнулъ: «То духи отъ степу!»

Теорію музыки (гармонію, контрапунктъ, фугу) Лисенко проходилъ у Эрнеста-Фридриха Рихтера и считался лучшимъ его ученикомъ; на практическія задачи Мыкола бралъ всегда украинскіе мотивы, обработкой которыхъ восторгалъ своего профессора. Кромѣ того Лисенко проходилъ еще игру на органѣ у доктора Паперитца.

На окончательномъ экзаменѣ, давшемъ Лисенку право на титулъ фортепьяннаго виртуоза, онъ исполнялъ концертъ Бетховена G-dur съ собственной каденціей, восхитившей Мошелеса. Вотъ какой отзывъ объ этомъ экзаменѣ находимъ мы на страницахъ «Leipziger Tageblatt» отъ 10-го апрѣля 1869 г. «Исполненіе г. Николая Лисенка изъ Кіева—было поистинѣ выдающимся. Первую часть труднѣйшаго фортепіаннаго концерта Бетховена (G-dur) онъ провелъ съ воодушевленіемъ и съ артистической передачей (künstlerischer Vollen-

dung). Блестящая каденція принадлежитъ, какъ мы слышали, самому исполнителю. Она оказалась, несмотря на свою длину вполнѣ соотвѣтствующей духу произведенія.

По окончаніи курса консерваторіи, Лисенко съ дипломомъ возвратился въ Кіевъ, гдѣ и устроился вновь на постоянное житье. Онъ получилъ мѣсто преподавателя въ музыкальной школѣ Пфенига, а потомъ Кологривова и, кромѣ того, массу частныхъ уроковъ. Онъ сразу вошелъ въ моду, такъ что самые аристократическіе дома старались захватить его въ свои салоны. Между тѣмъ въ Кіевѣ опять стало веселѣе и шумнѣе; многіе возвратились изъ дальнихъ странствій, многіе изъ отроковъ превратились въ юношей и стали симпатизировать идеямъ предшественниковъ, да и въ воздухѣ вообще стало легче,—губительныя мятели поулеглись; цензура стала мало-по-малу пропускать наши книжки: представленія на малорусскомъ языкѣ были разрѣшены.

Мы съ Лисенкомъ возобновили снова знакомство съ семействомъ Линдфорсовъ; въ немъ всегда мы встрѣчали радушіе, сердечность, отзывчивость на все доброе и хорошее, и безграничную доброту. Отца ихъ уже не было въ живыхъ, а дочери—Марья Ѳеодоровна и Софія Ѳеодоровна—держали тогда дѣтскую школу. У Линдфорсовъ былъ кружокъ знакомыхъ, людей, съ передовымъ и гуманнымъ направленіемъ съ которыми сошлись и мы дружно. Тамъ-то и зародилась въ 1872 г. мысль сформировать труппу любителей и ставить, по мѣрѣ возможности, спектакли, какъ русскіе, такъ и малорусскіе. Для перваго спектакля выбрали: «Кружевницу» и «Черноморскій побытъ»; послѣднюю пьесу компанія попросила передѣлать на оперетку: я написалъ либретто, а Лисенко музыку. Кромѣ народныхъ пѣсенъ и хоровъ, Мыкола уже создаетъ въ ней свои оригинальные аріи, дуэты, терцеты, ансамбли и эффектный финалъ. Оперетта была исполнена, какъ для любителей, весьма хорошо и произвела громадное впечатлѣніе. Спектакль потомъ повторили съ возрастающимъ успѣхомъ. Этотъ успѣхъ ободрилъ и творцовъ, и исполнителей, заинтересовалъ общество и воодушевилъ милѣйшихъ хозяевъ продолжать это дѣло дальше. На третій спектакль желалось всѣмъ поставить что-нибудь новое, и мы съ Мыколою рѣшили написать оперу на сюжетъ Гоголя «Ночь подъ Рождество», назвавъ ее «Риздвяною Ночью».

Принаравливаясь къ средствамъ сцены, оперетка была первоначально написана лишь въ 2-хъ актахъ, разыгрывавшихся въ хатахъ—

Чуба и Солохи. Либретто было составлено съ разговорной прозой и съ нумерами для пѣнія; послѣдніе были широко написаны, какъ напр. разсказъ Вакулы о путешествіи на чортѣ и о пріемѣ его во дворцѣ. Музыка Лисенка на этотъ разъ превзошла даже наши ожиданія: она обнаружила въ композиторѣ несомнѣнный талантъ къ музыкальной характеристикѣ и національному мелодизму. Въ этой опереттѣ появились серьезные музыкальные номера и ансамбли, а разсказъ Вакулы съ широкимъ финаломъ носилъ уже настоящее оперное развитіе. Исполнена была эта опера сравнительно прекрасно и вызвала у зрителей невыразимый восторгъ: залъ не могъ вмѣстить зрителей; отъ массы публики даже гасли лампы. Второе представленіе привлекло еще болѣе зрителей. Общее желаніе было развить сюжетъ и музыку до настоящей оперной пьесы, какую и дать въ городскомъ театрѣ.

Я немедленно развилъ тексты для музыкальной комедіи, распланировалъ ее на четыре дѣйствія и 5 картинъ. Въ эту оперу вошелъ уже совершенно новый актъ у Пацюка, изображеннаго мною, хотя и «характерникомъ», но въ то же время и патріотомъ, представителемъ обломковъ Запорожской Сѣчи. Все лѣто Лисенко, посѣтивъ славянскія земли для ознакомленія съ ихъ музыкой, проработалъ надъ этой музыкальной комедіей. Актъ Пацюка (II) былъ имъ написанъ въ строго оперномъ стилѣ, безъ разговоровъ; а въ остальныхъ картинахъ, хотя имъ и были допущены разговорныя сцены, но музыкальные номера и ансамбли подавляли рѣшительно прозу. Для исполненія этой оперы составился огромный любительскій кружокъ, подъ покровительствомъ тѣхъ же сестеръ Линдфорсъ. Руководить разучиваніемъ музыкальной части взялся, конечно, Лисенко, а режиссировать прозой и спектаклемъ поручено было мнѣ,

И осень и зима 1873—74 пошли на разучиваніе и репетиціи этой комедіи. Покойные Марковскій, Чубинскій и Драгомановъ принимали въ этомъ дѣлѣ живѣйшее участіе. Лисенко просто надрывался въ трудѣ. При огромномъ числѣ уроковъ, онъ долженъ былъ оркестровать оперу, разучивать хоры (студентовъ и любительницъ, совершенно неопытныхъ въ чтеніи нотъ), заниматься отдѣльно съ солистами и присутствовать еще на моихъ репетиціяхъ, однимъ словомъ—исполнять въ одно и то же время должности и учителя музыки и пѣнія, и хормейстера, и капельмейстера, и оркестратора, наконецъ даже собирателя персонажей, потому что ему приходилось разыскивать по городу голоса. Наконецъ, персонажъ былъ установленъ (О. Лисенко—

Оксана, Н. Булахъ—Одарка, Липская—Солоха, Богдановъ—голова, Новицкій—Чубъ, Русовъ—Вакула, Матвѣевъ—Дякъ и Габель—Пацюкъ; послѣдній получилъ высшее образованіе и состоитъ нынѣ профессоромъ С.-Петербургской консерваторіи),—и опера была разучена.

Но нужно было еще заполучить театръ. Содержателемъ городского театра былъ тогда Бергеръ и потребовалъ чудовищной платы: по 750 р. за утро, и то буднее. Онъ отдавалъ намъ хотя и на масляной, но понедѣльникъ, вторникъ, среду и четвергъ; кромѣ того, всѣ декораціи относилъ на нашъ счетъ. Л. Н. Марковскій, будучи главнымъ распорядителемъ, не рѣшался на такой рискъ; но сестры Линдфорсъ рѣшили, въ случаѣ чего, принять убытки на себя,—и договоръ былъ заключенъ. Опера прошла блестяще, или лучше сказать—принята была публикой съ неимовѣрнымъ энтузіазмомъ: всѣ четыре представленія подъ рядъ были набиты биткомъ, съ приставными стульями, и вырученной суммой не только были покрыты всѣ расходы—по театру, декораціямъ, перепискѣ нотъ и пр., но даже излишекъ въ 375 р. былъ отправленъ въ Самару голодающимъ.

Послѣ «Риздвяной ночи» всѣ, даже враги, признали у Лисенка крупный музыкальный талантъ, способный къ широкой музыкальной изобразительности. Весь Кіевъ твердилъ его имя. Самъ Лисенко получилъ большую вѣру въ свое призваніе и задумалъ писать рядъ оперъ, преимущественно на сюжеты Гоголя. Мы съ нимъ обсуждали тогда двѣ темы—«Страшную месть» и «Тараса Бульбу» на которыя я написалъ програмныя схемы. Лисенко было ухватился за «Страшную месть»; его музыкальное воображеніе заинтересовано было многими эффектными, полными таинственности и драматизма картинами, и онъ импровизируя на роялѣ, уже намѣчалъ музыкальныя темы для этихъ картинъ, но тѣмъ не менѣе писать этой оперы ему не пришлось.

Самъ Лисенко сознавалъ, что пройденный имъ курсъ въ Лейпцигской консерваторіи былъ не вполнѣ законченъ. Хотя онъ тамъ слушалъ теорію гармонизаціи, но каѳедры оркестровки тамъ не было, и Лисенко заплатилъ Рейнеке за нѣсколько частныхъ уроковъ, а потому въ оркестровкѣ онъ чувствовалъ себя не вполнѣ сильнымъ: и практики въ ней не имѣлъ, и отчасти былъ подчиненъ нѣмецкому вкусу. Чтобы заполнить этотъ пробѣлъ, онъ сталъ мечтать о Петербургѣ, гдѣ въ то время царили талантливые представители новаго направленія изобразительной музыки, какъ Кюи, Мусорскій, Римскій-Корса-

ковъ; Лисенку особенно хотѣлось поучиться у послѣдняго, какъ у геніальнаго оркестратора. Жена Лисенка, обладавшая небольшимъ, но чрезвычайно пріятнымъ голосомъ, мечтала тоже о консерваторіи и о сценѣ. Ихъ желанія пошли другъ другу навстрѣчу, и Лисенко рискнулъ бросить упроченное въ денежномъ отношеніи свое положеніе въ Кіевѣ и отправиться на рискъ въ Петербургъ, имѣя впереди одну лишь завѣтную цѣль—пріобрѣсть полный запасъ знаній для служенія звукамъ своей родины. Зима 1875 г. прошла въ усиленной работѣ для составленія денежнаго запаса; онъ продалъ 1-й сборникъ пѣсенъ Корейву, да еще дали помощь ему и отецъ и тесть. Но ко времени отъѣзда его въ Петербургъ разнеслась ужасная вѣсть, поразившая всѣхъ, какъ громомъ: грозило вновь воспрещеніе спектаклей, концертовъ и декламацій на малорусскомъ языкѣ, равно и печатанье на ономъ книгъ. Съ грустью въ душѣ уѣхалъ Николай въ Петербургъ. И дѣйствительно, такое воспрещеніе скоро наступило: онъ успѣлъ лишь издать въ Петербургѣ сборникъ обрядныхъ пѣсенъ и игръ. Кромѣ этого сборника Лисенко передѣлалъ еще въ Петербургѣ музыкальную комедію «Ридзвяну ничь» на оперу, т. е. всѣ разговоры перевелъ въ музыкальные речитативы и ансамбли, а голосамъ—сопрано (Оксанѣ) и тенору (Вакулѣ) далъ болѣе широкій, соотвѣтствующій діапазонъ.

Лисенко пробылъ въ Петербургѣ два года. Его радушно принялъ кружокъ петербургскихъ композиторовъ; сближеніе съ ними способствовало расширенію музыкальнаго кругозора нашего композитора, познакомило его съ особенностями русской гармонизаціи, которая навела его на типичный путь южной гармонизаціи. Наконецъ, занятія у Римскаго-Корсакова увеличили его музыкальную эрудицію и раскрыли передъ нимъ новыя тайны звуковыхъ композицій. Петербуржцы даже предложили Лисенку мѣсто капельмейстера въ частной оперѣ, съ перспективой перехода на императорскую сцену, и такое мѣсто не только обезпечивало его въ матеріальномъ положеніи, но и дало бы гораздо больше времени и средствъ для его творчества. Но Лисенка тянула домой тоска по родинѣ и желаніе служить ей лишь одной, не разсѣиваясь на общеевропейскіе сюжеты.

Лисенко возвратился въ Кіевъ въ 1878 г. и сталъ снова завоевывать себѣ матеріальное положеніе. Но теперь уже ему пришлось отстаивать каждый свой шагъ.

Несмотря на всѣ затрудненія, несомнѣнный виртуозный талантъ Лисенка, его музыкальныя знанія, наконецъ, особенный талантъ преподаванія завоевали ему симпатіи общества: опять появились уроки и стали расти, захватывая все его время на педагогическій трудъ. Но и въ этотъ трудный для него періодъ онъ не покидалъ своего музыкальнаго творчества. Къ этому періоду относятся его элегантныя фортепьянныя вещицы—«Мрія», «На солодкимъ меду», «вальсъ меланхоликъ» и другія. Такъ какъ запрещеніе малорусскаго слова оставалось попрежнему, то онъ въ этотъ періодъ пишетъ преимущественно для фортепьяна и издаетъ лишь сборники народныхъ пѣсенъ: этнографическій матеріалъ можно было проводить, хотя и съ большими затрудненіями. Среди неусыпныхъ учительскихъ трудовъ для добыванія средствъ къ жизни, Лисенко все-таки похищаетъ у своего отдыха и моменты для творчества, и хотя бы для архива, а продолжаетъ писать музыку къ словамъ Шевченка; онъ словно поставилъ своей задачей—возродить въ художественныхъ звукахъ народныхъ геніальную лиру поэта,—и дивныя мелодіи на стоны и вопли души поэта растутъ, развиваются въ своей силѣ и красотѣ, окрыляютъ волшебное слово и, сплетаясь съ нимъ, завоевываютъ другъ другу безсмертіе. Такъ появляются: «Мени однаково», «Мынають дни, мынають ночи», «Доля», «Гетьманы, гетьманы», и многіе другіе романсы, аріи, думы и т. п. Объ операхъ, излюбленномъ родѣ творчества, въ то время нельзя было и мечтать Лисенку: осуществленіе такого творчества на сценѣ было немыслимо, а творить безнадежно, отказывалась фантазія.

Но въ 1880 г. Высочайшей волей отмѣняется тяготѣвшее надъ украинскимъ языкомъ запрещеніе и разрѣшаются снова, хотя и съ ограниченіями, сценическія представленія на малороссійскомъ языкѣ, и печатаніе на немъ произведеній изящной словесности. Этотъ лучъ солнца оживилъ снова сердца истинныхъ патріотовъ, ибо кто не любитъ родины, тотъ не можетъ любить и отечества. У Лисенка воскресла надежда, а съ ней и энергія творчества. Въ 1881 году онъ пріѣзжаетъ ко мнѣ въ село, и мы снова затѣваемъ оперу; но Лисенко предпочелъ теперь другую тему: «Тарасъ Бульба». Обдумавши и обсудивши музыкальные моменты, я принимаюсь съ горячностью за либретто и оканчиваю его въ двѣ недѣли, въ чисто оперномъ стилѣ, безъ всякихъ разговоровъ; тамъ же началъ писать музыку и Лисенко, да такъ успѣшно, что за лѣто было окончено почти два акта. Музыка

„Тараса Бульбы" сдѣлала такой шагъ впередъ въ силѣ композиціи и музыкальной изобрѣтательности, что передъ нею музыка «Риздвяной ночи» совсѣмъ поблѣднѣла. Ободренный и нами, диллетантами, и нѣкоторыми спеціалистами музыки, Лисенко со страстностью принялся работать и въ Кіевѣ надъ «Бульбою», отрывая для него послѣднія крохи у своего отдыха.

Когда было разрѣшено публичное исполненіе всякаго рода музыкальныхъ произведеній съ малорусскимъ текстомъ, Лисенко принимается снова за организацію хора и пишетъ для него массу кводлибетовъ на малорусскіе и славянскіе мотивы. Вообще, творческая дѣятельность его снова направляется на созданіе культурной пѣсенной музыки; Шевченко продолжаетъ иллюстрироваться дальше, къ нему присоединяется и Гейне, въ переводѣ Леси Украинки; издаются написанныя прежде романсы, издаются десятками пѣсни, разложенныя для хорового исполненія.

Между тѣмъ въ Кіевѣ снова возникла мысль организовать изъ любителей украинской сцены драматическое общество и начать рядъ спектаклей. Но душа общества, Марья Феодоровна Линдфорсъ, не была уже въ живыхъ; сестра ея Софія Ф. вышла замужъ за Русова и оставила тоже Кіевъ, а Л. И. Марковскій былъ боленъ; такъ и тянулся вопросъ о составленіи украинской труппы любителей. Впрочемъ, шестимѣсячный трауръ послѣ кончины имп. Александра II-го заставилъ отложить этотъ вопросъ, а пришедшее въ апрѣлѣ извѣстіе, что составилась уже профессіональная украинская труппа, подъ управленіемъ Ашкаренка, упразднила его совсѣмъ.

Лисенко оставилъ на время «Тараса», исполненіе котораго требовало серьезныхъ оперныхъ силъ, а сталъ писать для народившейся труппы въ болѣе легкой формѣ комическую оперу «Утоплену», для которой либретто я немедленно написалъ по Гоголю. Къ осени уже эта опера была готова. Музыка, какъ нельзя болѣе, удалась Лисенку; сохраняя колоритъ народный, она передаетъ весь поэтическій лиризмъ этой майской ночи, этой пѣсни любви, въ изысканной формѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ рисуетъ изобразительно и комическіе характеры, и комическія сцены. Эта опера была мною поставлена лишь тогда, когда я сталъ во главѣ украинской труппы и увеличилъ силы оркестра и хора, а также увеличилъ и контингентъ пѣвцовъ. Нечего и говорить, что опера пользовалась вездѣ выдающимся успѣхомъ и давала полные сборы.

Съ появленіемъ на украинскомъ горизонтѣ Ашкаренка, а потомъ и товарищества Кропивницкаго, начинается общее увлеченіе украинской сценой. Въ 1882 г. «Риздвяна ничь», въ оперной передѣлкѣ, ставится антрепренеромъ Пальчинскимъ въ Харьковѣ и имѣетъ большой успѣхъ. Въ слѣдующемъ году другой антрепренеръ, Медвѣдевъ, ставитъ ее въ Одессѣ, еще съ большимъ успѣхомъ. А потомъ я, въ 1887—88 гг., не имѣя оперныхъ силъ, ставилъ ее драматической труппой въ столицахъ, конечно, съ купюрами и разговорами, но тѣмъ не менѣе опера давала прекрасные сборы.

Лисенко безвыѣздно проживалъ въ Кіевѣ, давалъ уроки музыки, занимался ею въ институтѣ, гдѣ получилъ мѣсто инспектора музыки, работалъ и въ частной школѣ Блюменфельда, а потомъ и въ школѣ Тутковскаго, въ которой состоитъ преподавателемъ и по настоящее время. Уроки, уроки, уроки—поглощали все его время, истощали до изнуренія, а между тѣмъ нельзя было ихъ убавить. Жизнь требовала средствъ, семья увеличивалась; а если и оставались минуты для отдыха, то нужно было и ихъ отдать какому-либо общественному дѣлу, какой-либо товарищеской работѣ, такъ какъ Лисенко ни отъ какой обязанности не отказывался. Нужно изумляться, откуда онъ отрывалъ еще мгновенія для творчества. А оно не прекращалось: за это время Лисенко окончилъ «Тараса Бульбу» и почти совершенно оркестровалъ его, написалъ для дѣтей три оперы, создалъ много культурныхъ мелодій для одного, двухъ, трехъ голосовъ, издалъ массу хоровъ, сборниковъ народныхъ пѣсенъ, скомпановалъ много блестящихъ пьесъ не только для фортепьяно, но и для скрипки, флейты, и для оркестра.

Несмотря на годы и страшное переутомленіе въ погонѣ за черствымъ кускомъ хлѣба, несмотря даже на болѣзнь, причиняющую ему въ послѣдніе годы сильныя страданія,—сила духа и вѣра въ правоту своихъ убѣжденій у нашего славнаго композитора на столько глубоки, что поддерживаютъ и до сихъ поръ въ немъ неослабно энергію во всѣхъ родахъ его многосторонней дѣятельности, а передъ силой таланта отступаютъ и побѣждающіе все годы. Болѣзнь и изнурительный трудъ не убили въ немъ творческой продуктивности; онъ все еще творитъ и создаетъ новыя высокохудожественныя произведенія: кромѣ элегическихъ вещицъ для фортепіано, глубоко прочувствованныхъ мелодій для пѣнія, красивыхъ гармонизацій для хора, онъ въ послѣд-

ніе годы написалъ музыку и для моей пьесы «Чаривный сонъ» и пишетъ двѣ двухъ-актныхъ оперы—«Сафо» (либретто Л. М. Старицкой) и «Останни ничъ» (либретто мое).

До какой степени Лисенко скроменъ въ оцѣнкѣ своихъ музыкальныхъ произведеній и даже робокъ въ предложеніи ихъ къ исполненію, можетъ служить иллюстраціей его поведеніе съ «Тарасомъ Бульбой». Болѣе десяти лѣтъ лежитъ въ его портфелѣ совершенно готовая опера, и онъ ее не предлагаетъ кіевскимъ антрепренерамъ, не предлагаетъ изъ боязни показаться навязчивымъ. Между тѣмъ старые знакомые Лисенка, знающіе его талантъ, Альтани, директоръ Императорской московской оперы, и Барцалъ—пѣвецъ и режиссеръ оной, просятъ, чтобъ Лисенко далъ имъ эту оперу, и они немедленно ее поставятъ на Императорской сценѣ; но Лисенко колеблется и не можетъ преодолѣть ревниваго чувства къ своему языку, который для Императорской сцены долженъ быть замѣненъ русскимъ. Наконецъ, друзья уговариваютъ его сдѣлать эту уступку слову, въ видахъ огромной пользы для музыки. Переводъ текста сдѣланъ, но Лисенко все-таки медлитъ отослать въ Москву оперу, отговариваясь тѣмъ, что яко бы что-то недооркестровано... Наконецъ, пріѣзжаетъ въ Кіевъ покойный Чайковскій, навѣщаетъ Лисенка и проситъ демонстрировать своего «Тараса», о которомъ слыхалъ въ Москвѣ. Лисенко смалодушествовалъ (это было при мнѣ) и хотѣлъ было уклониться, но Чайковскій настоялъ... Почти всю оперу прослушалъ нашъ знаменитый маэстро съ глубокимъ вниманіемъ, выражалъ въ иныхъ мѣстахъ восторженныя одобренія; его особенно плѣняли тѣ мѣста, въ которыхъ наиболѣе вырисовывался національный колоритъ. Чайковскій обнялъ Лисенка, поздравилъ его съ талантливымъ произведеніемъ и просилъ ѣхать съ нимъ немедленно въ Петербургъ, гдѣ онъ поставитъ эту оперу непремѣнно. Помню, что Лисенко былъ опьяненъ похвалой такого геніальнаго композитора и собрался было съ оперой въ путь, да призадумался, и такъ надолго, что Чайковскій успѣлъ умереть.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и въ Кіевъ пріѣхалъ бывшій профессоръ Лисенка, Римскій-Корсаковъ; навѣстилъ его и приглашалъ своего ученика въ Петербургъ для постановки «Тараса Бульбы». Лисенко обѣщалъ пріѣхать; но и опять не поѣхалъ: очевидно его пугала мысль, что дорогое дѣтище будетъ преподнесено публикѣ не на родномъ языкѣ, а,

можетъ быть, и свойственная истиннымъ талантливымъ людямъ скромность дѣлала его нерѣшительнымъ.

Я кончаю свои воспоминанія. Послѣдующая жизнь Лисенка протекаетъ передъ глазами всѣхъ, но существенныхъ перемѣнъ, имѣющихъ вліяніе на внутренній складъ его духа, въ ней уже нечего ожидать. Характеръ его, убѣжденія вполнѣ сложились, а 60 лѣтъ тяжелой жизни доказали, что убѣжденій этихъ не могло ничто поколебать. Заканчивая эти строки, я невольно пробѣгаю мыслью всю жизнь нашего композитора—отъ счастливаго дѣтства избалованнаго ребенка, окруженнаго роскошью и обожаніемъ родныхъ, до тяжелыхъ дней старости,—композитора выдающагося таланта, обреченнаго нести лямку учительскаго труда для поддержанія своей многочисленной семьи. Послѣдующіе біографы отмѣтятъ, конечно, болѣе систематически, чѣмъ это сдѣлано мною, вліяніе на Лисенка окружающей среды и эпохи; они установятъ преемственную связь его музыкальнаго творчества съ предшествующей ему украинской музыкальной эпохой, вліяніе на музыку Лисенка новыхъ теченій музыки европейской,—я же хочу отмѣтить въ заключеніе лишь одну черту характера Лисенка, проходящую красной нитью черезъ всю его жизнь.

Эта черта—сила убѣжденія, давшая композитору нашему желѣзную волю, согнуть которую не могли ни внѣшнія бури, ни мелочи жизни, обрушившіяся всей тяжестью на него. Если эта сила убѣжденій да истинный талантъ и стяжали Лисенку симпатію и уваженіе родной страны,—то въ личной его жизни они являлись только источникомъ матеріальныхъ бѣдствій и глубокихъ ударовъ самолюбію артиста. Они помѣшали ему сдѣлать какую-бы то ни было карьеру: талантъ гнушался низменныхъ средствъ для борьбы съ торгашами искусства, пламенная же любовь къ родинѣ, которую онъ всегда отрыто исповѣдывалъ, явилась причиною всевозможныхъ гоненій, преслѣдовавшихъ Лисенка во все время его тернистаго жизненнаго пути. Слабый и поддающійся чужому вліянію въ разныхъ мелкихъ вопросахъ жизни, онъ не поступался своимъ profession de foi ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ!

Эта сила убѣжденія и глубокій патріотизмъ, для котораго Лисенко пожертвовалъ всѣмъ—матеріальнымъ успѣхомъ, славой и даже личнымъ счастьемъ, подымаютъ его біографію до общечеловѣческаго интереса и по справедливости ставятъ его въ ряды героевъ человѣческаго духа.

М. Старицкій.

Нѣсколько словъ о значеніи трудовъ и творчества Н. В. Лисенка для малорусскаго народа.

Устарѣло уже опредѣленіе искусствъ противуположеніемъ ихъ наукамъ. Оставлено мнѣніе, что для созданія художественнаго произведенія достаточно руководиться темными безсознательными представленіями, тогда какъ изложеніе научныхъ истинъ зиждется на вполнѣ ясныхъ опредѣленныхъ понятіяхъ. Какъ въ научныхъ математическихъ умствованіяхъ требуется прежде всего ясность того положенія, ради доказательства котораго они предпринимаются, такъ и въ художественныхъ образахъ, являющихся плодомъ технической работы въ области того или другого искусства, необходима также ясность основной мысли художника. Мало этого: кромѣ ясности, отъ художественнаго произведенія всѣ критики требуютъ яркости, рельефности, колоритности, красоты и мягкости чертъ, къ которымъ прибѣгаетъ художникъ для выраженія своихъ мыслей и чувствъ въ созданномъ имъ произведеніи. Одаренный большею тонкостью чувствъ воспріятія, большею выразительностью средствъ выполненія задуманныхъ образовъ, художникъ имѣетъ то преимущество предъ ученымъ, что онъ можетъ говорить къ непрошедшей курса наукъ аудиторіи, тогда какъ излагать теоріи вѣроятностей людямъ, не знающимъ ариеметики и алгебры,—нельзя!

Если бы Венера Милосская или Мадонна Дрезденская не удовлетворяли указаннымъ требованіямъ художественныхъ произ-

веденій, то при всей точности изображенія мускуловъ тѣла и лица, онѣ могли бы быть прекрасными манекенами или чертежами для анатомическаго кабинета,—и только. Если бы при изготовленіи этихъ двухъ великихъ произведеній творчества въ области скульптуры и живописи авторы ихъ не имѣли цѣлью изобразить результатовъ своихъ долгихъ наблюденій и аналитическихъ думъ о человѣческой красотѣ, которую каждый изъ нихъ понималъ по своему, а желали бы выразить конкретное чувство восторга при данномъ впечатлѣніи, произведенномъ на нихъ красивою и прекрасною женщиною, то у нихъ вышли бы только два этюда съ двухъ натурщицъ. Но въ этихъ произведеніяхъ синтетическое обобщеніе долговременной умственной работы сочеталось съ даромъ и умѣніемъ найти форму для широкаго содержанія и въ сильной, яркой и ясной окраскѣ выразить свою мысль о чувствѣ красоты. Оттого эти произведенія человѣческаго творчества, какъ и Илліада и Одиссея, могутъ, по выраженію Жуковскаго, давать эстетическое наслажденіе и ребенку, и юношѣ, и старцу,—и дикарю, прибавимъ мы отъ себя, и окончившему городское училище, и философу-историку, долго, систематически работавшему надъ вопросами о задачахъ человѣческой жизни.

Чѣмъ болѣе широкая степень обобщенія доступна художнику, тѣмъ большее количество прозелитовъ изъ зрителей или слушателей онъ пріобрѣтаетъ. Широта умственныхъ способностей и размѣръ багажа знаній обезпечиваетъ для него соотвѣтственное количество поклонниковъ изъ болѣе развитыхъ круговъ общества; а колоритность, яркость и ясность, короче сказать—выразительность формъ даетъ большую или меньшую степень впечатлѣнія, производимаго плодами его творчества на зрителей или слушателей. Много анекдотовъ сохранилось о наивности, даже яко-бы невѣжествѣ Глинки въ области географіи, исторіи, политики и обыденной жизни; но ученый историкъ Костомаровъ, всю жизнь изучавшій судьбы народовъ и не пропускавшій ни одного представленія «Жизнь за Царя», любилъ сознаваться, что средствами своей науки онъ никогда не въ состояніи былъ бы дать такой яркой характеристики духа жизни польскаго и великорусскаго

народовъ, какую далъ Глинка въ своей оперѣ. Это достаточно говоритъ въ пользу того положенія, что въ творчествѣ художника главную работу составляетъ индивидуализированіе и конкретизированіе широкихъ обобщеній и воплощеніе ихъ въ удобовоспринимаемую всѣми форму. Пишущему настоящія строки приходилось сидѣть на представленіи «Ревизора» рядомъ съ зрителями разныхъ классовъ по общественному положенію и развитію. Та форма бичеванія взяточничества и мошенничества, какая была доступна таланту Гоголя, до такой степени ясно представляла эти качества и кучеру, и купцу, и профессору, что совершенно не нужно было прохожденія курса юридическихъ наукъ и суммированія всѣхъ статей уголовнаго уложенія, опредѣляющаго ихъ. И вѣроятно ни одинъ членъ окружного суда, разбиравшій сотни дѣлъ о мошенничествѣ и взяточничествѣ и анализировавшій каждое по простѣйшимъ наиконкретнѣйшимъ симптомамъ этого проявленія злой воли, не сумѣетъ подобрать такой яркой формы для опредѣленія названныхъ уголовныхъ проступковъ. Для дикаря, живущаго интересами первобытной семьи, не имѣющаго понятія о той національной разновидности, къ которой онъ принадлежитъ, не думавшаго еще никогда о томъ, въ какихъ формахъ проявляется государственное устройство, останется во многихъ случаяхъ непонятнымъ, чѣмъ волнуется и надъ чѣмъ хохочетъ публика, присутствующая вмѣстѣ съ нимъ въ театрѣ на «Ревизорѣ», но и для него, какъ и для высокообразованной публики, авторъ удѣляетъ удобопонятныя мѣста паденія Добчинскаго и Бобчинскаго съ дверью, натиска Сквозника-Дмухановскаго на купцовъ, колѣнопреклоненія передъ нимъ Пошлепкиной и т. п. Не даромъ самъ Гоголь, объясняющій задачи драматическаго искусства въ «Театральномъ разъѣздѣ», заставилъ высказывать мнѣнія о піесѣ и сановниковъ, и чуекъ.

Гармонія формы и содержанія въ художественномъ произведеніи—вотъ еще одно условіе для художественности произведенія: не можетъ выражаться чувство примитивной физической или нравственной боли, чувство семейнаго горя или патріотическаго плача о гибели родины веселыми, смѣшными гримасами или

минами, веселыми или торжественными звуками и т. п. Это понятно само собою. Когда форма, удовлетворяя требованію удобопонятности, яркости и ясности выраженія, вполнѣ соотвѣтствуетъ задуманному художникомъ содержанію,—тогда только онъ можетъ ожидать надлежащаго воздѣйствія на чувства и умъ зрителя или слушателя.

Разбирая формы словеснаго художественнаго творчества, профессоръ Овсянико-Куликовскій находитъ, что объединеніе соціальныхъ группъ для коллективной умственной работы, при общихъ умственныхъ интересахъ, получаетъ «психическую скрѣпу» въ національности. То же можно сказать и относительно музыки и музыкальнаго творчества, которое внѣ національнаго колорита теряетъ много въ своей яркости и изобразительности. Это—очень старая истина. Въ древнемъ царствѣ Іерусалимскомъ, во времена славы Давида и Соломона, много было разнообразныхъ, разнохарактерныхъ по содержанію еврейскихъ пѣсенъ. Были тутъ и іеремiады Іереміи, и хвалебные и торжественные псалмы Давида, и нѣжныя задушевныя пѣсни пѣсней Соломона. Какъ видно изъ Библіи, исполнялись они и въ одиночку, и хорами въ 200-300 человѣкъ, и подъ акомпаниментъ оркестровъ изъ гуслей, свирѣлей, цитръ, псалтырей, цѣвницъ, симфоній, трубъ, кимваловъ, тимпановъ и друг. инструментовъ, переводъ названій которыхъ сначала на греческій, а затѣмъ на другіе языки не даетъ возможности представить себѣ ихъ устройство. Очевидно, что въ звукахъ, какъ въ основной мелодіи пѣсенъ, такъ и въ гармоническомъ сопровожденіи этихъ мелодій при помощи названныхъ инструментовъ, слышались и тѣ «плачъ, стонъ и горе», о которыхъ говоритъ Іезекіиль, и радость и счастье идиллически настроенныхъ и восторженныхъ жениховъ и невѣстъ, выраженіе которыхъ находимъ въ текстѣ другихъ пѣснопѣній. Но мы не имѣемъ мелодій—музыкальной формы для выраженія этихъ чувствъ въ спискахъ Библіи: они сохранили намъ только словесную часть пѣсенъ, сильныхъ по экспрессіи фразъ, задушевныхъ по глубинѣ чувства и широкихъ по содержанію мыслей, въ нихъ заключающихся. А что эти пѣсни имѣли національный

еврейскій колоритъ, отличающій ихъ отъ пѣсенъ другихъ народовъ,—ясно изъ библейскихъ преданій. Когда великій нѣкогда между народами народъ, «князь надъ многими областями», сталъ данникомъ другого народа, когда отъ него, по образному выраженію Іезекіиля, остались одни неодухотворенныя кости, несвязанныя даже мускулами и другими покровами, когда погибли всѣ надежды на возвращеніе былой самостоятельности, когда евреи «оторвались отъ своего корня» и очутились рабами-плѣнниками,—вдругъ эти плѣнники слышатъ приказъ:

«Спойте-ка намъ что-нибудь изъ вашихъ Сіонскихъ пѣсенъ»!

Обратить свою національную святыню, свои пѣсни въ средство увеселенія праздныхъ слушателей было сверхъ силъ для безпомощныхъ плѣнниковъ, и въ отвѣтъ на это обидное предложеніе они разражаются проклятіями и угрозами перебить всѣхъ младенцевъ своихъ поработителей о камни, если руки у нихъ будутъ развязаны, какъ развязаны теперь у турокъ для истребленія македонскихъ дѣтей!

Въ чемъ заключались національныя особенности музыкальной части пѣсенъ еврейскихъ, слова которыхъ отчасти дошли до насъ,—останется навсегда неизвѣстнымъ, какъ бы ни интересно было археологамъ и историкамъ на основаніи этого матеріала судить о степени и характерѣ духовнаго развитія передового въ свое время народа. А вѣдь если признать за доказанное утвержденіе Шопенгауера, что музыкальное творчество есть новѣйшій процессъ духовной дѣятельности человѣка, при томъ тѣсно связанное въ пѣсняхъ съ словеснымъ богатствомъ даннаго народа и его національными отличіями, то прійдется очень пожалѣть, что во времена Соломона не было извѣстно искусство записыванія мелодій и характеристики ихъ при помощи оркестровыхъ партитуръ и клавиръ-аусцуговъ.

Малорусскій народъ будетъ имѣть другую долю въ этомъ отношеніи. Не только то, что онъ создавалъ въ истекшемъ XIX столѣтіи, но и то, что сохранилъ въ памяти кобзарей и другихъ исполнителей изъ своего творчества, начиная съ конца XVI вѣка,—нашло себѣ записывателя и толкователя музыкальными

знаками въ лицѣ Н. В. Лисенка. Сотни пѣсенъ козацкихъ, гайдамацкихъ, рекрутскихъ, любовныхъ, семейныхъ, бытовыхъ, обрядовыхъ—веснянокъ, купальныхъ, колядокъ щедривокъ и т. п., положенныхъ имъ на ноты то для одного, то для двухъ голосовъ, то для цѣлаго хора, въ 15-ти изданныхъ имъ «збирныкахъ» составляютъ трехсотлѣтнюю лѣтопись духовной жизни малорусскаго народа. Страданія этого коллективнаго цѣлаго отъ войнъ, турецко-татарской неволи, рекрутчины, недостатковъ формъ обыденной жизни, отъ бездорожья при веденіи торговли, отъ соціальныхъ золъ и семейныхъ несчастій, ликующіе торжественные моменты общенародной и личной жизни, радость, веселье и юморъ, какъ они выражаемы были за эти триста лѣтъ народною музою въ словахъ и звукахъ,—закрѣплены Н. В. Лисенкомъ въ его сборникахъ, представляющихъ изъ себя не собраніе этнографическаго матеріала, а художественную переработку того, что всю жизнь воспринималъ своими чувствами этотъ художникъ въ мірѣ звуковъ. Совмѣщеніе въ одномъ лицѣ творческаго художественнаго дарованія съ любовью къ этнографическимъ занятіямъ и съ знаніемъ теоріи музыки дало въ результатѣ точное, до мелкихъ подробностей, интерпретированіе Н. В. Лисенкомъ національныхъ особенностей малорусскихъ народныхъ пѣсенъ.

Въ подтвержденіе послѣдней мысли могутъ потребовать перечисленія тѣхъ мелодическихъ и гармоническихъ особенностей, которыя отличаютъ малорусскую народную музыку отъ другихъ, характеристики специіально-малорусскихъ меллизмовъ, каденцъ, фіоритуръ и т. п. Но мы отказываемся отъ экскурсій въ область діатонизма и хроматизма, контрапункта и генералъ-басса, также какъ отказались бы доказывать грамматическими правилами красоту и національность языка Шевченка, Пушкина или Некрасова, если бы о томъ зашла рѣчь. Какъ словесное, такъ и музыкальное произведеніе, конечно, подчиняется правиламъ, созданнымъ совокупными усиліями націи и находящимъ свое выраженіе въ тѣхъ формахъ, какія для всѣхъ лицъ этой націи представляются умѣстными или неумѣстными, болѣе или менѣе удачными въ данномъ случаѣ. Но даже до объясненія умѣстности той или

другой синтаксической формы понадобились бы очень длинныя и сложныя соображенія. Когда говорятъ, напр., по-русски: «я ѣду на Кавказъ», то никто не поправитъ говорящаго, что нужно въ данномъ случаѣ употреблять предлогъ «въ» вмѣсто «на»; но если бы кто сказалъ: «я ѣду на Полтаву», (въ смыслѣ—«въ Полтаву»), то, можетъ быть, многіе, знающіе хорошо русскій языкъ, поняли бы въ смыслѣ стараго выраженія кіевскаго князя: «иду на вы!»

Когда-то въ публичной лекціи въ Кіевѣ бывшій помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа М. А. Туловъ разъяснялъ разницу въ способахъ мышленія о переѣздѣ изъ города въ городъ француза, нѣмца, малоросса и великоросса. Одинъ говоритъ: я ѣду—à Kieff, другой—nach Kieff, третій—до Кыйива и четвертый—въ Кіевъ. Оттѣнки отношенія представителей разныхъ народностей къ одному и тому же предмету, явленію, проявленію своей воли или желанія, заставляющія ихъ иначе строить самыя простыя фразы, какъ напр: «2+2=4», «человѣкъ смертенъ» и т. п., давали возможность ученому лектору дѣлать заключенія о тѣхъ или другихъ свойствахъ этихъ народностей. Музыка болѣе тонко выражаетъ тѣ сокровенныя особенности національностей, какія, можетъ быть, недоступны передачѣ посредствомъ грамматическихъ формъ рѣчи. Есть въ пѣніи (пѣсенъ) и такіе оттѣнки, которыхъ, можетъ быть, уловить не удастся и лучшему фонографу, но которыя ощутительны для развитого музыкально слуха, а потому и уловимы для опредѣленія ихъ въ видѣ извѣстнаго правила; на заурядныхъ же слушателей производятъ общее, но характерное для данной національности, впечатлѣніе. Конечно, подсчитавши, сколько какихъ нотъ въ данной характерной каденцѣ, измѣривши и вычисливши, какіе интервалы, въ какой послѣдовательности и при какой метрической долготѣ составляютъ прелесть даннаго національнаго мелизма, фіоритуры или рулады,—можно свести эти замѣчанія къ извѣстнымъ правиламъ. Но можно ограничиться только указаніемъ тѣхъ общихъ впечатлѣній, какія производитъ, напр., каденцы Сусанина «въ мой смертный часъ!», Антониды «время что пташка летитъ!»,

Оксаны «роспустывшы крыла», или изъ «Кобзаря» Лисенка— «Безталанна я!» («Якъ бы мени, мамо намысто!»). Для всякаго и безъ знанія того, какая послѣдовательность тактовъ взята въ томъ или другомъ случаѣ, ясно, что замѣнить двѣ первыя каденцы какою-либо изъ двухъ послѣднихъ было бы то же, что сказать по-русски вмѣсто «въ Полтаву»—«я ѣду на Полтаву», или же въ роль Сусанина вставить каденцу изъ Lacmé—«O vous, que crea Brahma!... Ah!»

Есть такія характерныя формы и украшеній, и основного голосоведенія, относительно которыхъ не нужно объяснять, чистая ли это квинта послѣ малой или большой терціи при квартъ-секстъ-аккордѣ или домикантъ-аккордѣ въ гармонизаціи, а достаточно ихъ исполнить, чтобы всѣ слушатели сказали, что это изъ нѣмецкой, итальянской, польской или малорусской музыкальной піесы. Въ умѣньи пользоваться такими характерными національными интервалами въ извѣстной ихъ послѣдовательности и создавать изъ нихъ своеобразно-національныя мелодіи заключена возможность перевода мелодій съ одного музыкальнаго языка на другой. Всѣмъ извѣстна, напр., народная малорусская пѣсня «Чы я въ лузи не калына була?» Извѣстна также и «Я ли въ полѣ да не травушка была!»—этотъ такой же художественный переводъ малорусской мелодіи на великорусскую, сдѣланный Чайковскимъ, какими были когда-то переводы стиховъ Шиллера Жуковскимъ. Какъ произведенъ этотъ музыкальный переводъ малорусской музыки въ великорусскую, легко можно видѣть даже при поверхностномъ разсмотрѣніи оригиналовъ и перевода.

Проникшись настроеніемъ пѣсни, ясно выраженнымъ въ первой основной темѣ ея («Чы я въ лузи не калына була?»), художникъ простою тематическою разработкою, оставивъ въ сторонѣ вторую часть періода, составилъ отвѣтъ къ первому предложенію его, сохранивъ замѣчательно вѣрно общее элегическое настроеніе духа, передаваемое темою, но выразивъ его характерными великорусскими интервалами («Охъ, ты, горе мое горюшко!»), а затѣмъ, разрабатывая этотъ самостоятельный мотивъ, служащій припѣвомъ ко всѣмъ куплетамъ, создалъ свою

основную тему («Я ли въ полѣ да не травушка была?») и развилъ въ замѣчательно характерную по великорусской формѣ пѣсню съ столь же характерными каденцами. Получилось то же самое настроеніе автора, вызываемое имъ и въ сердцахъ слушателей, какое оставляетъ «Чы я въ лузи»..., но при совершенно отличномъ колоритѣ великорусской пѣсни.

Возможность дать такой колоритъ, чарующій слухъ, является результатомъ не только индивидуальныхъ дарованій того или другого композитора, но и долгой работы его по изученію конструкціи мелодій той или иной національности. Что Н. В. Лисенко при своемъ талантѣ обладаетъ огромнымъ знаніемъ специфическихъ свойствъ не только малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, а и другихъ,—извѣстно всѣмъ, слышавшимъ въ его концертахъ выполненіе польскихъ, великорусскихъ, чешскихъ, моравскихъ, сербскихъ, хорватскихъ и др. славянскихъ пѣсенъ его хоровой аранжировки. Онъ хорошо знаетъ, въ чемъ состоятъ разрѣшенія аккордовъ въ позднѣйшихъ великорусскихъ композиціяхъ и насколько хорошо они соотвѣтствуютъ голосоведенію національныхъ великорусскихъ мелодій; но это, какъ выразился онъ въ одной изъ своихъ статей о гармонизаціи народныхъ пѣсенъ, для малорусскихъ мелодій—«теплый кожухъ, та не на мене шытый!» Потому онъ и избѣгаетъ модныхъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ формъ гармонизаціи, построенной на теоріи діатонизма. Въ силу этого прочнаго знанія наиболѣе широкихъ отличительныхъ чертъ данной національной музыки, у него не можетъ быть погрѣшностей противъ основного духа малорусской музыки. Оттого и сборники народныхъ пѣсенъ, редактированныхъ Н. В. Лисенкомъ подъ освѣщеніемъ его индивидуальнаго художественнаго творчества, останутся не только этнографическимъ матеріаломъ, какъ напр. сборники, издававшіеся Коцининскимъ, Гулакъ-Артемовскимъ, Ѳедоровичемъ и др. (въ одну строчку), но и матеріаломъ для составленія въ будущемъ теоріи малорусской музыкальной композиціи. Можетъ быть и найдутся въ его «збирныкахъ народныхъ писень» аранжировки, составленныя безъ прилива особеннаго вдохновенія, но въ нихъ противорѣчій съ духомъ малорус-

ской музыки не встрѣтятъ послѣдующіе его продолжатели. Онъ въ данномъ случаѣ вполнѣ національный кобзарь въ сферѣ звуковъ, какимъ былъ въ области словесности малорусской Т Г. Шевченко. Всѣ земляки, слышавшіе народныя малорусскія пѣсни съ акомпаниментомъ Лисенка или въ хоровой аранжировкѣ ихъ, не опредѣляя техническими музыкальными терминами особенностей этой аранжировки, послѣ всѣхъ его концертовъ утверждали въ одинъ голосъ, что они не замѣтили ни одной ноты въ этихъ его композиціяхъ, которая навѣвала бы впечатлѣніе музыкальныхъ формъ другой народности.

Что Лисенко—національный малорусскій композиторъ и что музыкальныя формы, къ какимъ онъ прибѣгаетъ для конкретизированія отвлеченныхъ понятій въ образы и окраски ихъ подъ своимъ индивидуальнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и національнымъ угломъ зрѣнія на чувства радости, скорби, благодарности, озлобленія, отчаянія, грусти и т. п.,—все это, вѣроятно, безспорно для читателей «Кіевской Старины», въ большинствѣ его земляковъ. Правда, случается между ними встрѣчать и такихъ, которые, прослушавши въ его исполненіи его же собственныя «Сюиту» или «Украинскую рапсодію», находили въ нихъ какія то, по ихъ мнѣнію, несоотвѣтствующія духу малорусской музыки ходы и украшенія; но несостоятельность мнѣній этихъ критиковъ становилась очевидною, когда они принимались сами пѣть хоромъ или въ одиночку свои излюбленныя, яко бы малорусскія, пѣсни. Извращеніе вкуса и отсутствіе національнаго чутья этихъ меломановъ до такой степени ярко выступали наружу, что полная ихъ некомпетентность въ этомъ дѣлѣ оказывалась несомнѣнной. Имъ правилось, напр., пѣть Шевченковское «Реве та стогне Днипръ шырокый» на голосъ романса «Не брани меня, родная!», украшая мелодію послѣдняго совершенно неидущими даже къ словамъ этого прекраснаго романса стакаттами и перерывами въ ея плавномъ теченіи при естественномъ его исполненіи. Если они брались выполнять народныя пѣсни по сборникамъ Лисенка, то и тутъ уснащали свое исполненіе фирматами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на нихъ нѣтъ даже намека въ его печатной транскрипціи,

или при повтореніяхъ второй половины куплета дѣлали какіе-то переходы на нижнюю квинту, вовсе не практикующіеся въ народномъ выполненіи тѣхъ же пѣсенъ, а потому не нашедшіе мѣста въ Лисенковской аранжировкѣ.

Ничѣмъ другимъ, какъ пониженіемъ вкуса (вообще и незнакомствомъ съ безконечно-разнообразнымъ репертуаромъ малорусскихъ народныхъ мелодій, можно объяснить подобныя злоупотребленія въ сочетаніи несовмѣстимыхъ по настроенію и формѣ музыкальныхъ мыслей съ текстомъ какого-либо самостоятельнаго стихотворенія, какія въ послѣднее время встрѣчаются и внѣ сферы малорусской музыки. Есть, напр., очень выразительная музыкальная фраза въ «Лукреціи Борджіи»: «Я, синьора, Мафіо Орсини: брата Вы моего отравили!»—и часто можно слышать, какъ молодежь злоупотребляетъ этою мелодіею, распѣвая хоромъ заключительныя строфы изъ «Парадиаго подъѣзда» Некрасова («Укажи мнѣ такую обитель» и т. д.). Эстетически развитой слухъ коробитъ отъ такого сочетанія совершенно несовмѣстимыхъ выраженій слова и музыки; для него оно столь же оскорбительно, какъ для элементарно-развитого слуха было бы сочетаніе мелодіи Комаринскаго или другого разухабистаго козачка съ словами, положимъ, церковныхъ пѣснопѣній. Повторяемъ, что сужденія отличающихъ только самыя элементарныя требованія соотвѣтствія формъ музыки содержанію музыкальныхъ мыслей не могутъ имѣть значенія при характеристикѣ музыкальныхъ композицій; поэтому, мнѣнія, что, напр., «Chant sans paroles Лисенка или любого нумера изъ его «Сюиты» лишены національнаго колорита,—мы считаемъ совершенно неосновательными и некомпетентными.

Въ фортепьянныхъ піесахъ Лисенка, носящихъ даже опредѣленно названія формъ, заимствованныхъ отъ другихъ національностей (полонезъ, гавотъ, вальсъ и т. п.), какъ и въ пѣсняхъ безъ словъ, романсахъ, ноктурнахъ, баркароллахъ, рапсодіяхъ и и т. п. для фортепьяно, подготовительный для воспріятія фортепьяныхъ звуковыхъ сочетаній человѣкъ вездѣ слышитъ тѣ особенности, какія отличаютъ малорусскую народную музыку отъ

всѣхъ другихъ. Въ этихъ фортепьянныхъ піесахъ есть и неприкосновенныя темы народныхъ пѣсенъ, разработанныя и украшенныя композиторомъ, есть и чуждыя малорусской музыкѣ темы, но переодѣтыя въ національно-малорусскую одежду при спеціально Лисенковскомъ индивидуальномъ стилѣ изложенія. Le style—c'est l'homme, а у такого человѣка, который, какъ Лисенко, постоянно накоплялъ въ своей головѣ сотни музыкальныхъ образовъ народной музы, другого стиля и не могло явиться, какъ національный. Но, при всей національности, стиль Лисенка имѣетъ свою индивидуальность, какъ имѣютъ ее и другіе выдающіеся композиторы разныхъ народовъ.

Перейдемъ теперь къ отвѣту на вопросъ,—могутъ ли нравиться и быть пріятными для слуха его собственныя композиціи, а не сопровожденія и гармонизаціи народныхъ пѣсенъ, которыхъ изученію онъ посвятилъ всю жизнь? Не страдаютъ ли онѣ характеромъ эклектизма, какъ скомпанованныя этнографомъ, собирателемъ пѣсенъ? Красивы ли онѣ по формѣ, глубоки ли по чувству, выражаемому въ нихъ, широки ли по замыслу и содержанію?

Тутъ мы встрѣчаемся съ понятіями «красивый», «пріятный», «прекрасный», «изящный» и т. п., которыя разграничить брался нѣсколько лѣтъ тому назадъ графъ Л. Толстой, но, кажется, пришелъ къ тому же старинному опредѣленію Канта, по которому прекрасное и изящное отличается отъ пріятнаго и красиваго тѣмъ, что оно замѣчается не въ дѣйствительномъ существованіи предмета или явленія, а въ вымыслѣ, переработанномъ въ художественный образъ: пріятнымъ можетъ быть ощущеніе отъ красиваго предмета, даннаго явленія, тогда какъ прекрасное, изящное произведеніе художника воспринимается не столько чувствомъ, сколько сознаніемъ, хотя и говорятъ, что оно непосредственно вызываетъ то чувство у слушателя, которое композиторъ перевелъ изъ абстрактнаго понятія въ удобовоспринимаемый образъ.

Пріятно влюбленному юношѣ подъ теплымъ украинскимъ небомъ, завѣшаннымъ снизу, какъ говоритъ Гоголь «кудрявыми вѣтвями вишенъ», вызвать серенадою изъ хаты свою возлюбленную и отводить душу безсодержательными разговорами о томъ,

что если ея ножки смерзнутъ, то онъ надѣнетъ свою шапку на нихъ и т. д.; а пріятно ли брошенной покрыткѣ колыхать въ люлькѣ свое дитя, имѣя увѣренность, что, когда оно выростетъ, то будетъ проклинать и отца и мать? А эти два конкретныя чувства—пріятное и слишкомъ непріятное—могутъ найти «прекрасные» образы въ звукахъ, если за изображеніе ихъ возьмется такой художникъ, какимъ является Лисенко въ своей «Утопленой» и въ «Музыци до Кобзаря». При самомъ посредственномъ выполненіи серенады Левка «Ничка спускается» и колыбельной пѣсни «Ой люли, люли!», слушатели должны дать справедливый отзывъ о томъ, что Н. В. Лисенко умѣетъ поднять ихъ до той степени «прекраснаго и изящнаго», какая доступна была ему при претвореніи обоихъ вышеназванныхъ чувствъ въ «красивые» звуки. Красота этихъ звуковъ заключается въ послѣдовательности тѣхъ или другихъ интерваловъ, при томъ или другомъ ритмическомъ достоинствѣ нотъ; но эти красивыя собранія звуковъ остались бы только «красивыми», «пріятными» для слуха, если бы они ничего не говорили уму и внутреннему чувству (а не только чувству слуха), если бы они не выражали собою идеи довольства, или угнетеннаго состоянія духа, какія сумѣлъ изобразить композиторъ. Какъ основныхъ цвѣтовъ на палитрѣ у живописца только семь, такъ и основныхъ нотъ гаммы у композитора тоже семь; подборъ разнообразнѣйшихъ сочетаній ихъ и ихъ оттѣнковъ въ игрѣ калейдоскопа или одномъ аккордѣ богатаго инструментами оркестра можетъ быть очень «красивъ». Но «прекрасное» художественное произведеніе требуетъ независимо отъ изящной и красивой формы еще большого плюса—содержанія художественнаго произведенія.

Допустивши даже недоказанное для насъ хулителями музыки Лисенка утвержденіе, что она не можетъ нравиться однимъ—потому что въ ней по формѣ они видятъ откликъ вагнеризма и направленій еще какихъ то нѣмецкихъ композиторовъ, другимъ—потому что имъ слышится въ его стилѣ италіанщина, остановимся на содержаніи хотя нѣкоторыхъ изъ піесъ этого композитора, ибо разсмотрѣть ихъ всѣ—трудъ непосильный въ на-

стоящее время ни для кого—просто уже потому, что важнѣйшія изъ его произведеній (напр. опера «Тарасъ Бульба») и болѣе мелкія по величинѣ, но характерныя по смыслу ихъ (напр. «Жалибный плачъ», «Заповитъ» и т. п.)—еще не напечатаны. Оставляя пока въ сторонѣ техническія, такъ сказать грамматическія и стилистическія особенности его твореній, постараемся опредѣлить, что занимало художника, когда онъ настраивалъ свою лиру и обращался къ помощи своей музы? Это дастъ намъ возможность высказать болѣе опредѣленное мнѣніе и о внѣшнихъ достоинствахъ его произведеній, болѣе извѣстныхъ, чѣмъ неизданныя до сихъ поръ.

Проникшись съ дѣтства народно-національными малорусскими звуковыраженіями, еще оканчивая музыкальное свое образованіе въ Лейпцигѣ, Н. В. Лисенко начинаетъ творить «музыку до Кобзаря Т. Шевченка». Его вниманія не привлекаютъ произведенія Шиллера, Байрона и другихъ корифеевъ словеснаго творчества. Садокъ вышневый коло хаты, широкый та дужый Днипро, его саги, долыны съ червоною калыною, туманами, разстилающимися надъ ними, плетневые огороды, яры и гаи съ кукованьемъ зозули и съ раздающимися среди нихъ пѣснями о скромномъ идеалѣ доли мужички, имѣющей черныя брови, поля, которыя когда то чернѣли отъ крови и т. д.—и вся эта обстановка, и идеалы жизни, о которыхъ кобзарь Тарасъ пѣлъ пѣсни безъ музыки, едва ли могли затронуть чувствилище лейпцигскихъ профессоровъ будущаго композитора. Имъ могло казаться, что, осиливши музыкальныя формы царя музыки Бетховена въ передачѣ ихъ на фортепьяно, молодой артистъ для композицій романсовъ и пѣсенъ переиметъ способы музыкальнаго выраженія также у царей этихъ видовъ музыки—Шуберта и Шумана. Но присылавшіяся изъ Лейпцига въ Кіевъ первыя пробы композиторскаго пера Лисенка приносили не запахъ Саксонскихъ лѣсовъ, а ароматъ травъ широкаго «степа» Украйны. Тѣмъ, кто утверждаетъ, что Лисенко, въ силу воспитанія у нѣмцевъ, не могъ освободиться въ своемъ композиторствѣ изъ-подъ вліянія космополита въ музыкѣ—родомъ изъ Зальцбурга, Моцарта, и націоналиста Вебера,

не мѣшаетъ пройти нота за нотою весь первый выпускъ «Музыки до Кобзаря» и отыскать въ изящныхъ по простотѣ ритурнеляхъ и заключеніяхъ, а также и въ пассажахъ основныхъ мелодій пѣсенъ что-либо хоть сколько-нибудь напоминающее пріемы нѣмецкихъ композиторовъ. Просмотрите и всѣ послѣдующія композиціи Лисенка; въ нихъ зоилы находятъ небольшія фразы, взятыя почти безъ измѣненія у другихъ композиторовъ (напр. въ дуэтѣ «И широкую долыну»). Но вѣдь и у Шевченка встрѣчаются реченія или фразы, взятыя изъ стихотвореній Пушкина, а у Пушкина—такія же реченія, взятыя изъ Державина; но это никому не давало повода утверждать, что поэзія того или другого не самостоятельна.

Какъ по стилю, такъ и по содержанію національно-малорусская музыка Лисенка не имѣетъ ничего подражательнаго ни великорусскимъ, ни иностраннымъ композиторамъ. Заимствованія отдѣльныхъ образовъ при дальнѣйшемъ развитіи темы въ самостоятельной разработкѣ, какъ мы только что сказали, ничего не обозначаютъ. Заимствованіе темъ изъ извѣстныхъ народныхъ пѣсенъ такъ же мало говоритъ о его несамостоятельности въ творчествѣ, какъ и заимствованія Глинкою, напр., темы «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» для заключительной характеристики Сусанина въ его борьбѣ съ поляками, или вступительныхъ фразъ героя «Жизни за Царя» изъ пѣсни Лужскаго мужика, или, наконецъ, народной татарской пѣсни: Каланин ди бин да бир даш улэйдым» для хора въ «Русланѣ и Людмилѣ»—темы, разработанной Штраусомъ совершенно иначе въ его персидскомъ маршѣ. Заимствованія Лисенка для главнѣйшаго содержанія отдѣльныхъ пѣсенъ изъ «Кобзаря» Шевченка—тоже указываетъ только на родство его музыкальнаго таланта съ талантомъ пѣвца Украины въ словѣ.

Напротивъ, сосредоточеніе музыкальнаго творчества на темахъ «Кобзаря» въ то время, когда публика, любящая малорусскія пѣсни, распѣвала «Чы йе въ свити молодыця, якъ та Гандзя билолыця», «Танцювала рыба зъ ракомъ» и т. п. показываетъ, что нашъ композиторъ поставилъ себѣ задачи болѣе широкія, чѣмъ стремленіе увеселять публику на семейныхъ танцовальныхъ

вечерахъ. Какъ справился онъ съ своею задачею истолковать музыкальными звуками скорбныя думы великаго пѣвца Украины?

«Думы мои, думы мои!
Лыхо мени зъ вамы»!

восклицалъ послѣдній, представляя себѣ судьбу ихъ, о которой въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что и черезъ 10 лѣтъ послѣ перваго изданія «Кобзаря» —

Нихто не гавкне й не лайне,—
Неначе не було мене!

Сумѣлъ ли композиторъ Лисенко утѣшить здѣсь поэта тѣмъ, что въ горнилѣ своего музыкальнаго творчества подыскалъ вѣрныя и выразительныя мелодіи, которыя могутъ помочь большему распространенію его думъ и пѣсенъ?

Можно брать широкія и высокія по содержанію темы, напр., о равноправности женщины съ мужчиною, но при разработкѣ этой темы и воплощеніи ея въ художественные образы остаться на степени безъизвѣстности передовой статьи, написанной по заказу съ обычными «нельзя не допустить, но слѣдуетъ сознаться» и съ ледянымъ холодомъ выраженій. Дѣйствительно же художественное музыкальное произведеніе, имѣющее задачею передать исполнителю и его слушателямъ извѣстное настроеніе души даннаго лица въ данный моментъ, требуетъ, при соотвѣтствующей этому лицу тесситурѣ, не погони за внѣшними эффектами и колоратурными украшеніями, дающими возможность исполнителю показать свою виртуозность, а умѣнья дать вѣрное выраженіе этого настроенія. Шевченко изображаетъ горе бѣдной дѣвушки, которой хочется танцовать подъ городскую музыку съ парубкамы и дивчатамы, но которой не въ чемъ пойти «на мисто»; всѣ ея соображенія о томъ, сколько нужно работать въ наймахъ, чтобы пріобрѣсти черевыки и намысто, приводятъ ее къ тому заключенію, что это счастье—недостижимо для нея. Лисенко умѣетъ подобрать для выраженія этихъ примитивныхъ чувствъ и соображеній трогательныя мелодіи, и такія изящныя по своей простотѣ, какія вполнѣ отвѣчаютъ настроенію этой sanctae simplicitatis и всякаго слу-

шателя заставляютъ сочувствовать ея горю. Другая дѣвица побойчѣе: наторговавши на бубликахъ 5 коп., она на 1 копѣйку выпиваетъ водки, на другую нанимаетъ не тройисту музыку—недосягаемый идеалъ первой, а—одиночку дудныка и, забывъ горе, подманиваетъ къ себѣ своею веселостью жениха. Звуки вступленія и веселое сопровожденіе развеселой мелодіи Лисенка сразу вводятъ насъ въ другое настроеніе. А вотъ—Шевченковская «московка», т. е. женщина, вышедшая замужъ за сироту солдата Николаевской службы, оставшаяся до старости въ чужой хатѣ и не дѣвицею, и не женою, и не вдовою, а чѣмъ-то совершенно лишнимъ среди людей,—и на это у Лисенка находятся заунывныя, полныя тупого отчаянія ходы звуковъ. Молодой козакъ задумывается надъ вопросомъ, гдѣ лучшая доля: быть кутилой при достаткахъ, чумаковать, или воевать, и затѣмъ приходитъ къ заключенію, что причина журбы его—холостяцкая жизнь и что спасеніе отъ нея—«у рушныку та въ хустыни» его будущей невѣсты и жены. Ободряющія ноты заключенія послѣ эпическаго спокойнаго разсказа въ музыкѣ объ этомъ козакѣ замѣчательно соотвѣтствуютъ тексту Шевченка. А вотъ другой козакъ разсуждаетъ у Шевченка на ту же тему и приходитъ къ заключенію, что ни на богатой ни на бѣдной не слѣдуетъ жениться, а слѣдуетъ избрать козацкую долю со всѣми ея случайностями. Мрачные ходы мелодіи Лисенка держатся въ этой пѣснѣ до тѣхъ поръ, пока изливающій свои сомнѣнія о выборѣ рода жизни не пришелъ къ опредѣленному рѣшенію: тутъ въ звукахъ брызжетъ уже рѣшимость и опредѣленность.

Все это—темы обывательскія, если можно такъ выразиться, нашедшія себѣ, какъ въ народныхъ по складу стихотвореніяхъ Шевченка, такъ и въ музыкѣ къ нимъ Лисенка, силу выраженія одной степени; а вотъ сфера выше и шире обывательскихъ заботъ о тѣхъ или другихъ обычныхъ злобахъ жизни: у Шевченка представленъ образъ неудачника, проведшаго молодость «безъ прыгоды», жалѣющаго, что его высшіе запросы и недовольство протекшей жизнью не даютъ ему возможности такъ же искренно смѣяться и танцовать, какъ танцуетъ подъ звуки полонеза болѣе

непосредственная молодежь. Откиньте изъ этой пѣсни божественныя слова Шевченка и выполняйте одну музыку Лисенка на эти слова, и вы увидите, что звуки, выражающія то «радисть и надію» молодежи, то противопоставленное ей отчаяніе пережившаго молодые годы субъекта съ его щемящею тоскою, дышатъ до такой степени правдою, что и англичанинъ, и итальянецъ, и нѣмецъ, и французъ въ такой chant sans paroles найдутъ не что иное, какъ музыкальное воспроизведеніе даннаго стихотворенія Шевченка.

Чѣмъ шире и космополитичнѣе содержаніе Шевченковскихъ стихотвореній, тѣмъ дальше отступаетъ и музыка Лисенка отъ формы народной пѣсни съ повтореніями мелодіи при нѣкоторомъ лишь ея измѣненіи въ куплетахъ. «Мынають дни, мынають ночи», «Мени однаково», «Учитеся браты мои» и другія подобныя произведенія Лисенка требуютъ не общей лишь характеристики ихъ, а подробныхъ критическихъ этюдовъ о каждомъ, съ разборомъ какъ отдѣльныхъ частей, такъ и общей структуры, каковая задача для любителя-меломана является непосильною, а для короткой замѣтки—неумѣстною. Тоже, къ сожалѣнію, приходится намъ сказать и о болѣе сложныхъ композиціяхъ Лисенка, какъ «Ой Днипре, мій Днипре!», «Гетьманы, гетьманы!», «Бьють пороги», «Катерына», «Плачъ Ярославны», «У недилю въ ранци рано» и т. п. Въ каждомъ отдѣльномъ музыкальномъ предложеніи и періодѣ этихъ, какъ и вышеуказанныхъ болѣе короткихъ произведеній, кромѣ сочетанія красивыхъ мелодій въ извѣстной послѣдовательности, вездѣ мы находимъ глубоко вѣрное воспроизведеніе и радостей и скорбей человѣческихъ, вылившихся изъ чувствилища одареннаго широкимъ талантомъ композитора. Это не эклектическое сочетаніе отдѣльныхъ, не имѣющихъ между собою связи музыкальныхъ мыслей и образовъ, а продуманныя и прочувствованныя части одного цѣлаго, изображающія вмѣстѣ одну общую картину,—или же одного даннаго чувства, или, наконецъ, рядъ чувствъ, возникающихъ на данной психической почвѣ. Написанныя на данный поэтомъ сюжетъ, части эти, отвѣчая каждому измѣненію текста, представляютъ изъ себя одинъ общій фонъ, на

которомъ или разыгрывается смѣна чувствъ одного и того же лица, или противопоставляются музыкальныя характеристики разныхъ лицъ. Для нагляднаго убѣжденія въ томъ, что общее настроеніе, выраженное въ одной піесѣ, отвѣчаетъ именно ея содержанію, а не любому другому, мы можемъ предложить сомнѣвающимся въ этомъ произвести такой опытъ: приведши къ одной тональности двѣ піесы, допустимъ «Плачъ Ярославны» и «У тіеи Катерыны», исполнить (безъ словъ) одно или два предложенія изъ одной піесы и непосредственно за тѣмъ одну изъ частей другой: вы сразу почувствуете, что такое сеединеніе столь же невозможно, какъ соединеніе, напр., части стихотворенія Лермонтова съ другою частью любой пѣсни Кольцова въ одно цѣлое, или языка геометрической теоремы въ одномъ цѣломъ повѣствованіи съ языкомъ ученія массоновъ.

Мало того, что каждая музыкальная фраза произведеній Лисенка имѣетъ свое опредѣленное значеніе, т. е. выражаетъ только данное чувство или мысль извѣстнаго лица, поставленнаго въ извѣстныя условія, и потому не можетъ быть замѣнена другою фразою его же композицій, т. е. фразою того же національно-малорусскаго стиля, индивидуализированнаго Лисенкомъ,—въ его произведеніяхъ мы находимъ еще установку исторической перспективы съ характеристикою времени, въ которое совершается данное воспѣваемое событіе, или выражается данная мысль и чувство. Неподдающіяся уясненію отличія въ ходѣ интерваловъ, въ украшеніи ихъ тѣми или другими мелизмами и фіоритурами даютъ въ результатѣ его творчества такую окраску піесѣ, которая, кромѣ точной обрисовки настроенія и лица, находящагося подъ властью этого настроенія, указываетъ слушателямъ, что дѣло идетъ не въ семейномъ или общественномъ кругу XIX вѣка, а лѣтъ 150—300 назадъ, при другихъ условіяхъ общественности, другомъ темпѣ и характерѣ жизни: насколько крѣпостная обстановка жизни дивчины, бабы, мужчины разнится отъ обстановки жизни представителей обоего пола въ XVII и XVIII вѣкѣ, настолько разнятся и формы музыкальныхъ образовъ произведеній Лисенка жизни того или другого поріода.

Характеристика однихъ и тѣхъ же личныхъ чувствъ въ средѣ козацкой, гайдамацкой, крѣпацкой и т. п. находитъ мѣсто въ его произведеніяхъ,—и, при первыхъ звукахъ вступленія къ «У недилю вранци рано» или къ «У тіеи Катерыны» или къ «Садокъ вышневый коло хаты», слушатель уже подготовленъ къ тому, о чемъ будетъ рѣчь въ послѣдующемъ музыкальномъ изложеніи.

Въ этомъ отношеніи особенно характерна музыкальная транскрипція думы Шевченка о выѣздѣ отряда козаковъ въ Черное море и о трагической судьбѣ отамана этого отряда Степана. На сколько поэтъ сумѣлъ сохранить стиль и колоритъ старыхъ думъ въ словесныхъ выраженіяхъ, на столько же образно по формѣ—«старыми словесы», какъ выражается «Слово о плъку Игоревѣ»—старинными музыкальными пріемами подъ звуки фортепьяно, замѣнившаго собою бандуру, воспѣта Лисенкомъ эта гибель флота за островомъ Тендеромъ и ослѣпленіе Степана въ плѣну. Повторяемъ, что въ выборѣ средствъ для музыкальной характеристики разныхъ періодовъ исторіи малорусскаго народа и для претворенія въ музыкальные образы мыслей и чувствъ его представителей на протяженіи трехъ столѣтій Лисенко оказался полнымъ хозяиномъ. Оттого онъ былъ въ правѣ и имѣлъ полную возможность посвятить свой творческій талантъ на созданіе высшихъ формъ малорусской національной музыки—симфоній и оперъ.

Что касается оперъ, то о главнѣйшей—«Тарасѣ Бульбѣ»—сказать мы ничего не можемъ, такъ какъ она извѣстна только близкимъ знакомымъ композитора, имѣющимъ возможность слышать нумера ея при личномъ его исполненіи. «Утоплена» и «Риздвяна ничъ» изрѣдка появлялись на сценѣ и отчасти знакомы немногочисленному кругу читающей ноты малорусской публики. Оркестровой же симфоніи среди произведеній Н. В. Лисенка нѣтъ ни одной. Были ли тому причиною внѣшнія обстоятельства жизни композитора, удѣлившія ему роль преподавателя фортепіанной игры, а не капельмейстера хорошо организованнаго оркестра, готоваго всегда подчиняться его палочкѣ, или

субъективный характеръ его дарованія—вопросъ далеко не праздный. Извѣстно, что почти всѣ композиторы сложной симфонической музыки имѣли возможность осуществить свои стремленія благодаря содѣйствію меценатовъ изъ графскихъ, княжескихъ, королевскихъ и даже императорскихъ семей, или же широко развитому спросу на концерты, театры и оперы въ крупныхъ центрахъ жизни и столицахъ. Въ Кіевѣ въ прошломъ столѣтіи, при малоразвитости средствъ для исполненія сложныхъ музыкальныхъ произведеній, малорусскому композитору приходилось быть и хормейстеромъ, и режиссеромъ, и антрепренеромъ, и конторщикомъ, и собирателемъ пѣвцовъ и музыкантовъ, цѣнящихъ не столько художественныя достоинства произведенія, сколько размѣръ заработка. Такія условія, конечно, не давали возможности Н. В. Лисенку организовать предпріятія для насажденія симфонической музыки. Помощниковъ къ осуществленію своихъ художественныхъ задачъ онъ находилъ только въ средѣ интеллигентной молодежи высшихъ учебныхъ заведеній, не имѣющей въ виду обезпеченія своихъ семей заработкомъ въ видѣ опредѣленнаго жалованья за игру на скрипкѣ, контрабасѣ, гобоѣ или барабанѣ, какъ нуждаются въ томъ профессіональные музыканты. Эта молодежь, кромѣ желанія провести время при благородномъ занятіи, имѣетъ вокальныя средства, а не технику въ рукахъ для выполненія партіи флейты или арфы. При такихъ внѣшнихъ условіяхъ, естественно, вмѣсто симфоній, изъ-подъ пера композитора выходили «Кантаты», оцѣнить достоинство которыхъ мы оставляемъ на обязанности спеціалистовъ.

Но съ другой стороны, и въ субъективныхъ особенностяхъ таланта Н. В. Лисенка можно видѣть причину того, что изъ его произведеній, вѣроятно, не менѣе (а можетъ быть и болѣе) $^3/_4$ относятся къ вокальной, а не къ инструментальной музыкѣ. Предыдущая посильная характеристика наша его творчества указываетъ, что оно отличается предилекціею къ возможно большему конкретизированію музыкальныхъ образовъ того или другого положенія, той или иной обстановки, той или иной думы—въ національно-малорусской формѣ. При такомъ направленіи творчества

нѣтъ мѣста для экскурсій въ область абстрактныхъ средствъ инструментальной музыки съ разработкою ея техники: стремленія таланта Шуберта отличны отъ стремленій Россини, Вагнера или Листа. Какъ между врачами соматическихъ болѣзней одинъ по призванію дѣлается окулистомъ, другой—хирургомъ или акушеромъ, одинъ—при помощи микстуръ внутрь, другой—при помощи гигіеническихъ наставленій, такъ и у желающихъ служить излѣченію умственныхъ и нравственныхъ заблужденій нашихъ средствами своего искусства могутъ быть естественныя наклонности къ той или другой сферѣ и способу этого лѣченія.

Въ данномъ случаѣ мы не рѣшаемся такъ или иначе покончить съ вопросомъ объ отсутствіи среди произведеній Лисенка симфоній, а скажемъ еще нѣсколько о томъ, какъ онъ проявилъ себя въ написаніи своихъ оперъ.

Разработка и уясненіе любви двухъ разновидностей человѣческаго рода въ разныхъ ея проявленіяхъ и чувствъ любви къ своему родному, къ завѣтнымъ идеаламъ, созданнымъ данною національною, сословною, религіозною, соціальною и т. п. группою,—въ этомъ, кажется, задача всѣхъ оперъ, до сихъ поръ написанныхъ. Изображеніе чувства личной любви двухъ особъ мужескаго и женскаго пола съ характеристикою ихъ обоихъ въ дуэтахъ Лисенка такъ же ярко выразительно, какъ и чувствъ единичныхъ лицъ. Для подтвержденія этого достаточно напомнить читателю такіе его дуэты, какъ «Зацвила въ долыни червона калына», «Чы мы ще зійдемося знову?», «И широкую долыну», «Колы розлучается двое» и др. Философы-психологи экспериментальнаго направленія находятъ, что въ кульминаціонный періодъ разгара чувства любви двухъ влюбленныхъ особъ является и найвысшее напряженіе синтетической дѣятельности умственныхъ способностей обоихъ, при чемъ взглядъ на міръ, на людскія отношенія и т. п. у обоихъ совпадаютъ до степени идентичности. Если это такъ, то и музыкальные образы выраженія ихъ мыслей должны тоже совпадать. А поэтому найболѣе отвѣчающими существу дѣла являются дуэты, въ которыхъ то теноръ или басъ, то сопрано или альто поочередно повторяютъ одну и ту же ме-

лодію, при чемъ контрапунктированіе перваго во второмъ куплетѣ повторяется также совершенно идентично другимъ голосомы. Изъ старинныхъ музыкальныхъ формъ такого дуэта можно указать на дуэтъ Петра и Наталки въ «Наталкѣ Полтавкѣ»:

«Души наши зйедынылысь,—
Зйедынятся й рукы»!

То же мы видимъ и въ дуэтѣ Лисенка—«И широкую долыну», гдѣ для исполнителя и исполнительницы ему пришлось въ текстѣ Шевченка въ одномъ мѣстѣ замѣнить слово *я* на *ты* («*Я* въ неволи, *ты* вдовою» и обратно: «*Ты* въ неволи, *я* вдовою»). Въ остальномъ какъ словесное, такъ и музыкальное содержаніе, какъ словесный, такъ и музыкальный языкъ обоихъ пожилыхъ людей (предположительно—Н. И. Костомарова и его бывшей невѣсты) одинъ и тотъ же. Въ дуэтѣ «Чы мы ще зійдемося знову» при расхожденіи мнѣній способъ контрапунктированія обоихъ голосовъ противоположными ходами интерваловъ указываетъ на это несогласіе мужчины и женщины; но когда они оба обращаются къ воспоминаніямъ объ одинаково дорогомъ для обоихъ Днѣпрѣ, ихъ голоса льются параллельно и почти сливаются въ самомъ ближайшемъ гармоническомъ сочетаніи терцій. Развѣ въ этомъ случаѣ музыкальное содержаніе и его форма хоть въ одной нотѣ грѣшатъ несоотвѣтствіемъ? А это—одно изъ главнѣйшихъ условій художественности въ творчествѣ.

Но Лисенко является большимъ мастеромъ въ примѣненіи не только простого, но и двойного контрапункта. Оставляя въ сторонѣ тѣ его аранжировки хоровыхъ народныхъ пѣсенъ, гдѣ рядомъ съ фугою и канономъ является и двойной контрапунктъ, мы укажемъ на замѣчательный по содержанію и блестящій по формѣ двойной контрапунктъ въ его «Туманъ хвылямы лягае», которымъ открывается опера «Утоплена». Два настроенія двухъ коллективныхъ единицъ (парубочого и дивочого гуртивъ), переходящія затѣмъ въ одно общее желаніе—погулять на всю пропалую послѣ тяжелыхъ полевыхъ работъ, до такой степени реально, правдиво и ярко выражены въ музыкѣ, что всѣ слушатели оперы

подъ конецъ нумера, проникаются тѣмъ же настроеніемъ, какое царитъ на сценѣ. Не касаясь другихъ частей этой оперы, которую намъ привелось слышать только одинъ разъ въ исполненіи ея труппою Карпенка-Карого (почему и не считаемъ себя компетентными судить о ней), остановимся еще нѣсколько болѣе подробно на разсмотрѣніи «Риздвяной ночи», чтобы закончить настоящую замѣтку.

О «Риздвяной ночи», которая, за 30 лѣтъ со времени ея написанія, была нѣсколько разъ поставлена при слабомъ персоналѣ исполнителей въ Кіевѣ, Одессѣ и Харьковѣ, въ періодической печати былъ только одинъ обстоятельный отзывъ композитора и критика Сокальскаго. Отзывъ этотъ, въ общемъ неблагопріятный, можетъ быть, имѣлъ послѣдствіемъ своимъ то, что провинціальныя труппы перестали разучивать и ставить на сцену эту оперу. Не имѣя возможности добыть рецензіи г. Сокальскаго, напечатанной въ одной изъ одесскихъ газетъ, все же по памяти мы постараемся возстановить ея сущность и вытекающія изъ нея положенія, не принимая на себя отвѣтственности за правильную передачу подробностей.

Отдавая должную дань Лисенку, какъ композитору отдѣльныхъ арій, дуэтовъ, тріо и хоровъ, баллады, или «оповидання» Вакулы, критикъ утверждалъ, что Лисенко не могъ справиться съ болѣе сложною задачею—созданія цѣлой оперы на такой богатый сюжетъ, какой далъ ему Гоголь. Онъ упрекалъ композитора, что тотъ не понялъ роли чорта во всемъ движеніи дѣйствія. Далѣе по словамъ Сокальскаго выходило, что если бы Лисенко и захотѣлъ стать на правильную, по мнѣнію критика, точку зрѣнія касательно совершившагося чуда—полета Вакулы въ Петербургъ и обратно,—то у него не стало бы художественныхъ средствъ для подходящей характеристики демона зла, ибо потуги его изображать мистико-демоническую фигуру сатаны ограничились лишь слабыми и мало-выразительными музыкальными штрихами въ сценѣ Пацюка съ Вакулою. Оттого, по мнѣнію г. Сокальскаго, изъ «Риздвяной ночи» вышла не опера, отвѣчающая замыслу Гоголя, а лишь этнографическая картинка, въ которой

есть милыя жанровыя сцены, но нѣтъ центральнаго содержанія, какое должно бы было занять мѣсто въ увертюрѣ къ этой оперѣ и въ самой оперѣ.

Критикъ, какъ видно изъ этого, разбиралъ не то, что было представлено на его сужденіе, а высказывалъ мысли о томъ, какъ бы онъ написалъ эту оперу; при этомъ высказалъ свой формально-близорукій взглядъ на композицію оперъ вообще и совершенно неосновательныя и ошибочныя мнѣнія о темѣ, послужившей матеріаломъ для данной оперы.

Повѣсть Гоголя «Ночь предъ Рождествомъ» (или по поправкѣ Кулиша—«на Рождество») вовсе не есть фантастическая сказка, какъ «Вій»; задача ея была показать, какъ колядують на Украинѣ, какъ колядникамъ даютъ огромные кныши и куски сала, чуть не по цѣлому кабану, и какъ въ силу такого обычая почтенные люди странствовали по селу на санкахъ, заключенные въ мѣшкахъ, какія кокетки бываютъ малорусскія дивчата, и съ другой стороны, какіе дебелые бываютъ тамъ же парубки, ковали по ремеслу. Чортъ, вставленный Гоголемъ въ эту бытовую картинку, вовсе не играетъ роли Лермонтовскаго Демона, или Гетевскаго Мефистофеля, съ которымъ не можетъ справиться и болѣе высшая сила добра. Это, по представленію и всего малорусскаго народа,—не владыка грозныхъ скалъ Кавказа, или Брокена, рѣшающій судьбы подвластныхъ ему людишекъ, а нѣчто мизерное, пакостное, низкое, мерзкое и довольно смѣшное,—существо, которое стремится дѣлать пакости людямъ, какъ какая-нибудь полевая мышь, прогрызающая мѣшки съ зерномъ; это чортеня юлитъ почти безуспѣшно передъ вѣдьмою, а если попадетъ на такого парубка, какъ Вакула, которому ничего не стоитъ скомкать и расплющить въ кулакѣ подкову, то конечно спасуетъ передъ нимъ. Вакула, по удостовѣренію Гоголя, даже не замѣтилъ, что несетъ въ мѣшкѣ со «струментомъ» этого владыку міра по представленію нѣмцевъ; а по тексту Старицкаго въ «Риздвяной ночи»—онъ вовсе даже и не одинъ: ихъ много, этихъ чортенятъ, и когда на Рождество имъ «хвосты повтыкають», то они—«коверзують въ останне», чтобъ хоть какую-нибудь мерзость

устроить кому-нибудь изъ надземныхъ существъ. Да и по Гоголю данный чертенокъ вовсе не имѣлъ цѣлью наслать всевозможныя бѣды на родъ человѣческій, а хотѣлъ лишь отомстить Вакулѣ за личное оскорбленіе. Онъ въ эту ночь сводилъ съ Вакулою свои мелкіе личные счеты, ибо зналъ, что руками Вакулы вмѣсто него на воротахъ церкви будетъ така «кака намалёвана», что каждая баба сплюнетъ и будетъ пугать расплакавшихся дѣтей его мерзкой образиной. Гдѣ же тутъ у Гоголя величественный духъ тьмы, грозный владыка міра и людей? Развѣ пристали къ этому сатанѣ демоническіе тоны и аккорды, которыми яко-бы хотѣлъ Лисенко характеризовать чорта въ сценѣ Пацюка и Вакулы? У Пацюка было что-то демоническое, ибо и вареники ему сами въ ротъ летѣли; но чортъ, жалкій любовникъ Солохи, прячущійся въ мѣшокъ наравнѣ съ представителями трусливаго рода человѣческаго, просящій у Вакулы помилованія, когда тотъ стряхнулъ его, какъ таракана, съ своей шеи и грозилъ перекрестить,—какой же это Демонъ? Его нѣтъ ни на сценѣ, ни въ музыкѣ Лисенка. И прекрасно сдѣлали и либретистъ, и композиторъ, что его не вывели на посмѣшище крещеному міру. Вѣдь если-бы они такъ поступили, то по Гоголю этому «нѣмцу проклятому во фракѣ», вынутому изъ кармана широкихъ штановъ Вакулы, пришлось бы выслушать отъ послѣдняго фразу: «Эй, сатана! веди меня къ запорожцамъ!... выручай!»—да еще получить тумака въ шею или спину.

Въ данномъ пониманіи чорта à allemand г. Сокальскій также не правъ, какъ не правъ былъ и другой одесскій критикъ, жалѣвшій, что на сценѣ чародѣю-Пацюку не летали галушки изъ миски съ сметаною прямо въ ротъ. «Вотъ какъ обезображенъ, говорилъ онъ, грандіозный образъ Гоголевскаго Пацюка!» Этотъ второй критикъ забылъ, что про чародѣйство Пацюка болтали лишь однѣ бабы; но вѣдь эти же самыя бабы утверждали, что Вакула утопился, или повѣсился. Потому совершенно правильно при характеристикѣ Пацюка перемежаются то «поважные», то юмористическіе ходы инструментовъ въ оркестрѣ. Если же Вакула самъ видѣлъ, какъ вареники и галушки сами себя обмакивали въ сметану, то вѣдь это вовсе не чародѣйство при помощи духа тьма,

а одна изъ такихъ Гоголевскихъ гиперболъ, разсчитанныхъ на смѣхъ читателя, какая, напр., заставила владѣльца «Носа» увидѣть свой собственный носъ на одной изъ Петербургскихъ улицъ. Неужто и сцену этой встрѣчи носа съ своимъ владѣльцемъ нужно и можно представить въ оперѣ на сценѣ?.

Чорта нѣтъ на сценѣ въ «Риздвяной ночи»: о немъ только разсказываетъ Вакула въ своемъ «оповиданни»; о немъ нѣтъ и упоминанія ни въ одной музыкальной фразѣ; выслушивая «оповиданя», дивчата и парубкы больше удивляются храбрости Вакулы («не злякався навить чорта!»), чѣмъ пугаются дѣйствій чорта, о которыхъ тотъ повѣствуетъ («Чортъ порвався, мовъ скаженый», «Ото мабудь за хреста винъ такъ тоби оддячывъ!» и т. п.). Но за то какъ въ началѣ и концѣ увертюры Лисенка, такъ и въ теченіе всей оперы вы слышите звуки колядокъ, опредѣляющихъ и мѣсто дѣйствія, и жалкую роль чорта тамъ, гдѣ люди вѣрятъ, что послѣ Рождества онъ долженъ стушеваться и не можетъ повредить Вакулѣ въ его домогательствахъ руки Оксаны. Довольно съ него митого, что, не появляясь на сцену, онъ доставилъ нѣсколько минутъ злости и отчаянія Вакулѣ и неутѣшнаго горя Оксанѣ, а намъ—возможность слышать изображеніе этихъ реальныхъ, а не мистическихъ чувствъ вагнеризма въ истолкованіи ихъ музыкальными средствами, какими располагаетъ творчество Лисенка.

Дѣйствительно, высокое эстетическое наслажденіе можно получать, слушая, какъ подруги утѣшаютъ расплакавшуюся Оксану и какъ она отвѣчаетъ имъ:

«Дивчаточка, голубонькы! Жаль вагы не майе»!

А когда она въ первомъ дѣйствіи разсыпаетъ свое кокетство передъ твердымъ, какъ дубъ, но передъ ея красотою безсильнымъ парубкомъ, когда она жартъ свой доводитъ до требованія черевиковъ съ ножки самой царицы, когда Вакула выливаетъ въ звукахъ всю силу своей любви къ ней или тщетно объясняетъ это заполонившее все существо его всевластное чувство запорожцу, знающему одно только ремесло—рубить поганыхъ турокъ,—развѣ не тѣ же эстетическія наслажденія получаетъ слушатель?

И безъ чорта персонажъ дѣйствующихъ лицъ въ «Риздвяной ночи» довольно многочисленъ. Тутъ, кромѣ двухъ главныхъ героевъ, любовныя мелодіи которыхъ то противоположны по диспозиціи ихъ, то объединяются и ассимилируются въ звукахъ смотря по положенію, въ которомъ находятся герои,—есть еще сколько хотите разнообразныхъ типовъ: и Чубъ, и Голова, и Одарка, и Солоха, и Императрица, охарактеризованная легкими изящными пассажами арфы въ живой картинѣ и въ «оповиданни» Вакулы, и бабы, перебивающія одна другую, разнося свои сплетни, и Пацюкъ, вспоминающій свои запорожскіе дни, и дьякъ съ своими характерными напѣвами, и, наконецъ, хоръ парубковъ и дивчатъ съ Грыцькомъ и другими корифеями. Каждому удѣлено вниманіе художника, каждый очерченъ тѣми музыкальными штрихами, какіе присвоить можно только ему одному. У каждаго съ измѣненіемъ внѣшняго его положенія на сценѣ и внутренняго настроенія, мѣняются напѣвы при сохраненіи окраски его индивидуальности. Тотъ же Вакула, оставаясь собою, выражаетъ то непреклонность и настойчивость, то растерянность и сомнѣніе, то мольбу или мечтательныя восхваленія предмета своей страсти; та же Оксана, вѣрная своему характеру и темпераменту, какъ очертилъ ихъ Гоголь, проявляетъ въ музыкальныхъ формахъ то игривость и кокетливый задоръ передъ кучею парубковъ, то сомнѣніе и раздумье, то отчаяніе и горе. Влюбилась она, по Гоголю, въ послѣдующую ночь послѣ заигрыванія съ Вакулою и проявленія кокетства, въ чемъ пришлось ей такъ горько каяться; Вакула же и до перваго выхода своего на сцену уже не зналъ, куда дѣться отъ любви къ ней. И это—до такой степени правдиво, реально и ясно представлено въ музыкѣ «Риздвяной ночи», что послѣднюю никакъ нельзя считать, какъ казалось г. Сокальскому, искусственнымъ соединеніемъ отдѣльныхъ арій, пѣсенъ, балладъ, написанныхъ на другія темы, а затѣмъ насильно втиснутыхъ въ рамки даннаго либретто.

Нѣтъ, это—не арабески, не эклектическое соединеніе разныхъ «opus'овъ», составившихъ потомъ одну «оперу», что имѣло бы мѣсто когда-то при возникновеніи оперы, какъ особаго вида му-

зыкальныхъ произведеній, а продуманное отъ начала до конца одно художественное произведеніе, написанное на тему, разработанную великимъ художникомъ въ области образовъ, выражаемыхъ словеснымъ творчествомъ. Артисты, разучивавшіе роли «Риздвяной ночи», даже второстепенныя (напр., дьяка, Шпортуныхи, или бабы Ткачихи), говорили пишущему эти строки, что чѣмъ больше они вникали въ сущность своей партіи, тѣмъ болѣе изумлялись соотвѣтствію до мельчайшихъ подробностей избранныхъ звуковыраженій характеру той роли, какой эти звуковыраженія даны, при чемъ каждое лицо оставалось вѣрно своему національному малорусскому происхожденію. При такихъ особенностяхъ «Риздвяна ничь» является оперою, вполнѣ талантливо написанною согласно тѣмъ требованіямъ, какія существуютъ въ настоящее время.

Намъ случалось слышать еще и такіе отзывы не въ пользу «Риздвяной ночи». Говорять, что она болѣе сильное впечатлѣніе производитъ при выполненіи ея нумеровъ самимъ авторомъ на фортепьяно, тогда какъ много теряетъ на сценѣ при оркестровой обстановкѣ; что она слишкомъ простонародна и музыкальные штрихи въ ней очень рѣзки и грубы. На послѣднее замѣчаніе можно отвѣтить поговоркою: «хто любыть грыбкы, а хто печерычкы»! Одному нравится стиль доведенныхъ до декадентства, вылощенныхъ и затемненныхъ съ намѣреніемъ выраженій раздушенныхъ гостинныхъ, другому—хотя и рѣзкія, но правдивыя и искреннія выраженія чувствъ и мыслей, въ самой непосредственной формѣ. Но не могъ же композиторъ влагать въ уста Вакулы и Оксаны несвойственныхъ имъ формъ музыкальнаго выраженія, отъ которыхъ разливается такое амбре, о какомъ мечтала m-me Сквозникъ-Дмухановская въ своей будущей петербургской квартирѣ. Онъ сдѣлалъ бы въ такомъ случаѣ крупную ошибку, какая допустима была только въ періодъ псевдо-классическихъ композицій. Находившіеся подъ вліяніемъ отшедшихъ въ вѣчность понятій обладатели гостинныхъ 30-хъ и 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія называли музыку «Жизни за Царя»—une musique de cochers за такую же грубость и неотесанность ея мужицкихъ му-

зыкальныхъ выраженій; но это не умалило нисколько художественныхъ достоинствъ непревзойденной еще никѣмъ изъ позднѣйшихъ композиторовъ великорусской національной оперы.

Относительно перваго замѣчанія можемъ сказать, что оно имѣетъ за себя много основаній. Дѣйствительно, доля музыканта-композитора—не та, какою судьба надѣлила скульпторовъ и живописцевъ: эти показываютъ публикѣ то, что непосредственно вышло изъ-подъ ихъ рукъ. Со временемъ, можетъ быть, дикари какіе-нибудь пооббиваютъ ноги, пальцы, руки у статуи; на полотнѣ выцвѣтутъ плохо составленныя краски; но то, что останется въ сохранности на долгіе годы, сохранитъ навсегда форму, какую далъ самъ художникъ, и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ нашелъ нужнымъ исполнить свое произведеніе. Для творца же музыкальныхъ произведеній авторъ не совпадаетъ съ исполнителемъ. Есть исполнители и исполнители! Для иного не нужно писать въ партитурѣ: piano, forte, crescendo, ritenuto, ritardando, dolce, audace и т. п., ибо онъ исполнитъ и безъ этихъ обозначеній то, что желалъ выразить авторъ. Но бываютъ и такіе исполнители, для которыхъ что ни пиши въ ремаркахъ, они сумѣютъ обезсмыслить и обезобразить то, что для композитора представлялось совершенно яснымъ. За примѣрами ходитъ недалеко. Думы, записанныя съ голоса Вересая Н. В. Лисенкомъ, исполнялись этимъ послѣднимъ кобзаремъ Украины такъ вдохновенно и проникновенно, что выжимали слезы и у ученыхъ академиковъ, и у первоклассныхъ артистовъ. Намъ не забыть, какъ знаменитая артистка Императорскихъ театровъ, пѣвшая въ одномъ концертѣ съ Вересаемъ и мало понимавшая текстъ малорусскихъ думъ, сидя за сценою и слѣдя по либретто за выполняемою на сценѣ думою «про трёхъ братывъ», встала, обратилась вся въ слухъ и, съ напряженнымъ волненіемъ дослушавши думу до конца, воскликнула со слезами на глазахъ:

— Что если бы я обладала тою силою экспрессіи, съ какою поетъ этотъ старикъ!..

Но и старику пришлось затѣмъ позавидовать, когда его увели за кулисы, а въ концертной залѣ стали разливаться чару-

ющіе звуки богатѣйшаго contralto. Онъ тоже расплакался и воскликнулъ:

«Чого бъ то я не зробывъ, якъ бы мени такый голосъ, якъ у ціеи барыни!»

У нынѣ оставшихся кобзарей, сколькихъ намъ ни случалось слышать, нѣтъ ни той характерности выполненія, ни той силы и вдохновенія; средствъ ихъ вокальной выразительности хватаетъ на выполненіе псальмъ и сатирическихъ пѣсенъ, но они безсильны для передачи общаго настроенія козацкихъ думъ и даже правильной характеристики ихъ мелодій, какъ этнографическаго матеріала. Насколько они искажаютъ текстъ безсмысленною замѣною однихъ словъ другими, настолько же и мелодіи ихъ думъ измѣнены, обезличены и лишены того общаго колорита, какой проникалъ музыкальное содержаніе образцовъ, сохраненныхъ Вересаемъ. Хорошо еще, что они могутъ по напечатаннымъ Лисенкомъ нотамъ до извѣстной степени возвратиться къ правильной интонаціи записанныхъ думъ и соотвѣтствующему строю бандуры для акомпанированія имъ; при выполненіи ими думъ, впечатлѣніе на слушателя производитъ только словесная половина этихъ произведеній творчества давнопрошедшаго, а не звуковыя формы вокальной части ихъ. То же самое бываетъ и при исполненіи арій, дуэтовъ, и цѣлыхъ сценъ: подъ руками самого композитора и одни абстрактные звуки фортепьяна могутъ больше и лучше сказать, чѣмъ неумѣлое исполненіе тѣхъ же нумеровъ цѣлымъ оркестромъ, хоромъ и солистами. Но это не значитъ, что художественные образы, созданные композиторомъ, мало выразительны.

И въ этомъ отношеніи судьба не благопріятствовала произведеніямъ Лисенка. Они по существу написаны для малорусскаго народа; но наша народная школа не даетъ еще и полной грамотности, ибо курсъ ея заканчивается первою частью ариѳметики («до дробей»); о возможности же слушать концерты съ сопровожденіемъ фортепьяна или даже на самомъ фортепіано тѣмъ, кто воспринялъ бы звуки своей національной музыки въ интерпретаціи Лисенка, едва ли можно мечтать при степени развитія, доставляемой начальною школою. Меломаны же изъ высшихъ классовъ

малорусскаго общества привыкли относиться къ родному и національному свысока и не считаютъ нужнымъ знакомиться съ тѣмъ, что творилъ и творитъ Лисенко. Когда онъ пріѣхалъ въ одинъ изъ большихъ городовъ Украины и тутъ появилась афиша съ его именемъ, насъ спрашивали: «Это не скрипачъ ли?» Даже люди по обязанности своей профессіи не хотятъ знать Лисенка, и въ музыкальныхъ магазинахъ, когда вы спросите его сочиненія, въ свою очередь спрашиваютъ: «котораго Лисенка сочиненія угодно вамъ: М. Лисенка, или N. Lissenko?» Они различаютъ только начертанія буквъ на оберткѣ и, не будучи знакомы съ содержаніемъ нотъ подъ разными обложками, полагаютъ, что есть два композитора Лисенка—М. и Н. Индиферентное отношеніе къ тому, что творитъ и печатаетъ Лисенко, редакціи органа, слѣдящаго за развитіемъ музыкальной литературы—«Русской музыкальной газеты», видно изъ того, что до 1900 года ей были извѣстны только три оперы Лисенка: «Наталка-Полтавка», «Чорноморци» и «Коза дереза»; расточая похвалы композитору за его проникновеніе въ духъ народнаго творчества, газета эта утверждаетъ, что «только увертюра и антракты нѣсколько приближаютъ эти труды Н. В. къ нашему представленію объ оперѣ» [1]); объ остальныхъ пяти операхъ газета не упоминаетъ и, какъ видно изъ общаго контекста статьи, и вовсе ихъ не знаетъ.

При такомъ отношеніи спеціалистовъ-критиковъ къ творчеству Лисенка, можетъ закрасться сомнѣніе: прочна ли та слава его, какъ спеціальнаго малорусскаго композитора, какую критики, знакомые лишь съ частью его произведеній, единогласно признаютъ за нимъ? будетъ ли онъ пользоваться вниманіемъ небольшого круга любителей музыки какой-нибудь десятокъ лѣтъ, чтобы потомъ быть забытымъ, или, наоборотъ, произведенія его пріобрѣтутъ большую извѣстность и распространеніе, чѣмъ теперь имѣютъ, и останутся нерукотворнымъ памятникомъ для всѣхъ будущихъ поколѣній малорусскаго народа?

---

[1]) «Русская музыкальная газета», 1900 г., № 12, стр. 333.

Отвѣчать на эти вопросы можно исходя изъ сущности и достоинства самихъ сочиненій Лисенка; но при этомъ можно припомнить и судьбу произведеній другихъ художниковъ слова и звуковъ. Случается, что извѣстное произведеніе, отвѣчая минутной злобѣ дня, получаетъ сильное распространеніе немедленно по выходѣ его въ свѣтъ; имъ интересуются всѣ, всѣ спѣшатъ съ нимъ познакомиться; но черезъ нѣсколько лѣтъ вниманіе къ нему вытѣсняютъ другія новинки, а при новомъ изданіи оно уже залеживается въ складахъ и не имѣетъ сбыта. Другія произведенія испытываютъ противоположную судьбу: ближайшіе современники почти не замѣчаютъ ихъ появленія, или относятся какъ къ чему то незаслуживающему особаго вниманія, а проходитъ лѣтъ 10—20, и является другое отношеніе и другая оцѣнка, болѣе основательная, съ признаніемъ за произведеніями выдающихся достоинствъ. Выше приводили мы сѣтованія Шевченка на холодное равнодушіе къ его первому «Кобзарю». Дѣйствительно, только лишь черезъ 18 лѣтъ, когда по выраженію Некрасова, «прорвало съ пятьсятъ этакъ съ пятаго» года прошлаго столѣтія болѣе вольнымъ духомъ въ литературѣ, а Шевченко возвратился въ С.-Петербургъ, начинается большее распространеніе его сочиненій. Подобнаго же рода судьба, какъ и «Кобзаря» Шевченка, выпала на долю оперы Глинки «Русланъ и Людмила», которая стала появляться на сценахъ лишь съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

Оперы Лисенка, сданныя въ архивъ антрепренерами южно-русскихъ оперныхъ труппъ, не могутъ залежаться тамъ очень долго, такъ какъ въ нихъ есть достаточно богатаго мелодическаго матеріала и имъ воспользуются артисты и артистки, у которыхъ не заглохло чувство любви къ родному. То же можно сказать и относительно соло, дуэтовъ и другихъ произведеній камеральной и концертной музыки Лисенка, въ которыхъ слышится тотъ же общій колоритъ національной малорусской музыки. Нельзя ничѣмъ опровергнуть того восторженнаго отзыва о напѣвахъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, какой сдѣлалъ когда то Гоголь. Если же въ Лисенковскихъ композиціяхъ для одного голоса, какъ то всѣ признаютъ, сохранены основныя черты малорусской

народной музыки, при чемъ данному содержанію придана то граціозная веселость, то нѣжная задушевность, то глубокое чувство тоски и грусти,--то недалеко то время, когда артистки и артисты для упражненія въ осмысленной экспрессіи будутъ брать, напр., «Плачъ Ярославны» или «Катерыну» Лисенка и черпать изъ нихъ указанія своеобразной отдѣлки при выполненіи какъ этихъ, такъ и другихъ вокальныхъ піесъ. Въ смыслѣ поднятія и регулированія вкуса у исполнителей въ направленіи реально-эстетическомъ, желательно, чтобы скорѣе настало то время, когда учителя пѣнія возьмутся за серьезное изученіе Лисенковскихъ мелодій и будутъ давать ихъ учащимся для развитія въ себѣ изящныхъ техническихъ пріемовъ при выраженіи того или другого душевнаго движенія въ звукахъ.

Высказывая такое пожеланіе, мы вовсе не имѣемъ въ виду во что бы то ни стало закончить нашу замѣтку панегирикомъ композитору, хотя произведенія его нравятся только извѣстной категоріи или даже кастѣ меломановъ. Нами руководитъ лишь простое желаніе сохранить послѣдовательность во всѣхъ силлогизмахъ. Если малорусская народная музыка обладаетъ средствами для выраженія тончайшихъ оттѣнковъ и простыхъ, заурядныхъ, и возвышеннѣйшихъ чувствъ, то уже труды, потраченные на ея изученіе, составляютъ большую заслугу. Если же талантливый артистъ, посвятившій себя изученію этихъ средствъ въ области своего искусства, не остался только подневольнымъ рабомъ ихъ, а сумѣлъ силою своего генія разобраться въ нихъ и примѣнить ихъ специфическія особенности согласно съ особенностями своего индивидуальнаго таланта, то ему можетъ принадлежать честь толкователя для всѣхъ другихъ народовъ національныхъ мыслей и чувствъ своего народа. Едва ли есть преувеличеніе въ томъ, что мы сказали выше о способности Лисенка въ музыкальныхъ произведеніяхъ раскрыть душу своего народа съ характеристикою ея не только въ данный моментъ, но и въ разные періоды времени. А въ такомъ случаѣ не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что выраженіе «народъ Шевченка и Лисенка»—будетъ столь же точно и опредѣленно, какъ, напр., и выраженіе—«на-

родъ Данте», или «народъ Гете и Шиллера». Собирателю же, хранителю и выразителю чувствъ и думъ цѣлаго народа несомнѣнно принадлежитъ видное мѣсто въ исторіи этого народа. И такое видное мѣсто Н. В. Лисенко занялъ уже съ честью на страницахъ исторіи малорусскаго народа.

А. Русовъ.

Средняя Лубенщина.

(Окончаніе [1]).

Западнѣе Хорошковъ, на лѣвомъ берегу Слѣпорода расположены Черевки у оврага, по почтовой дорогѣ изъ Лубенъ на Золотоношу и Переяславъ. Они мало напоминаютъ малорусское село. Убогія хаты разбросаны на голыхъ горбахъ. Не видно ни садовъ, ни рощъ, даже отдѣльныя деревья рѣдки. Также обнажена и главная улица вдоль почтовой дороги; въ концѣ села у Слѣпорода постройки еще бѣднѣе. Вдоль праваго берега тѣнистой рѣчки потянулись луга и лѣсъ. По предположенію А. М. Лазаревскаго [2]), Черевки—козачій выселокъ изъ Хорошковъ, а мѣстныя преданія указываютъ на нѣкоего козака Череваня, Черевка или Череватого, какъ на основателя села. О немъ, однако, ничего неизвѣстно. Древнѣйшимъ родомъ признаются Сабадаши или Хоружи,—«воны стари хазяины» [3]). Они живутъ надъ провальемъ на Муховцѣ,

---

1) См. Кіев. Ст. 1903, № 11.

2) Истор. очер. Полт. Луб., 99.

3) Часть ихъ образовала въ степи хуторъ въ 50 дворовъ. Урочища кругомъ села: Байстрюки, Бридъ, Бушывчыха, Казаны, Лейбиха, Переволочня и Тарануха.

вблизи Слѣпорода. Затѣмъ слѣдуютъ куты: Шульгивка—жилье Шульгъ, Подилъ—Деркачивъ, Дикихъ, Евченковъ, хорошковскихъ переселенцевъ, Киверей и Козловъ, Грозивка—Кирилленковъ и Мачехъ. Послѣдніе сохранили слѣдующее воспоминаніе: «Була колысь гетьманщына, лукамы стрилялы. Мій батько ходывъ у Йиськивци учыться воювать. Батько було розсказують, шо одъ десяты дворивъ справлялы козака зъ конемъ и зброею. Предкы ще двохъ чужыхъ бралы на свою фамилію». Посреди села на пригоркѣ помѣщается довольно обширная Воскресенская церковь, обновленная въ 1844 году. Старая церковь 1759 г., по воспоминанію церковной лѣтописи, была въ формѣ корабля и составлялась какъ бы изъ трехъ отдѣльныхъ церквей; какъ церковь, такъ и алтарь были граненые, своды стрѣльчатые. При поправкѣ церкви найдена была замѣтка 1844 г. объ обновленіи храма при настоятелѣ А. Верховскомъ, старостахъ: Мачухѣ и Евченкѣ съ участіемъ прихожанъ: Мавольскаго, Березняка, Оробьевскаго и козаковъ Шульгъ [1]). Среди образовъ выдѣляются: сооруженная Кондратомъ Евченкомъ икона св. Варвары великомученицы, наступившей на мечъ, въ тяжелой серебряной шатѣ, и—Маріи Магдалины, изображенной свѣтлой блондинкой съ голубоватыми глазами, въ спущенной съ плечъ рубашкѣ, напоминающей нѣсколько извѣстную картину Бетони. У изображеній Пресвятой Дѣвы виднѣются шитые рушники и бѣлые восковые цвѣты, согласно поэтическому обыкновенію, жертвуемые невѣстами [2]). Населеніе, достигавшее въ половинѣ XVIII в. 500 душъ, въ настоящее время учетверилось; оно исключительно козацкое. Тѣмъ не менѣе экономическое положеніе его нельзя признать удовлетворительнымъ; правда, есть нѣсколько семей, владѣющихъ 30-ю дес. каждая, да нѣсколько 5—10-ю, но большинство «такыхъ, що нема и упруга». Кромѣ

---

[1]) Старѣйшій мѣстный священникъ подписывался: попъ Ѳеодоръ Одинецъ.

[2]) Между книгами встрѣчается цвѣтная Тріодь съ «предмовой», обращенной къ черниговскому и всего сѣвера архіепископу Лазарю Барановичу «кіевской митрополіи администраторовѣ».

безземелья, причиной бѣдности мѣстные жители считаютъ еще: пьянство, лѣнь и щегольство молодежи. Населеніе вообще довольно красивое, выше средняго роста, а въ фамиліяхъ: Деркачей, Сабадашей [1]) и Шульгъ—высокаго, производитъ однако невыгодное впечатлѣніе. Среди заплатанныхъ одеждъ стариковъ, иногда почти рубищъ, мелькаютъ: картузы, пиджаки, узкія панталоны молодежи. Женскіе очипки низкіе часто замѣнены такъ называемой повязкой, похожей на капоръ или сборникъ, открывающій много волосъ спереди и сзади. Невѣсты прикалываютъ бѣлые цвѣты къ волосамъ. И женщины, и дѣвицы «запынаются» платками. У щеголихъ грудь литнячокъ, длинныхъ и съ зубчиками на рукавахъ, красиво расшита черными или цвѣтными нитками. Корсеты хорошенькіе, «до складокъ», съ пуговками сзади; больше кофтъ. Зачастую увидишь дивчыну въ кофтѣ, длинномъ платьѣ и шиньонѣ [2]).

За Черевками, въ сторонѣ отъ проѣзжей дороги, надъ долиной Слѣпорода, на крутизнѣ помѣстился хуторъ Мавольщина, крайне бѣдный, оборванный. Основанъ онъ былъ черевковскимъ козакомъ Ереміемъ Москаленкомъ, выслужившимся въ дворянство, а сынъ его, Тимофей, прозваніемъ Лецикъ, былъ уже майоромъ. О немъ сохранилась добрая память: «Лецикъ жаливъ людей. Було дитей насклыка, медомъ накормыть, каже: «Се мои погоныч и, орачи, пастухы». Вдова Лецика вышла замужъ за ремонтера, подполковника Мавольскаго, «лытвына» изъ Черниговской губ. Мавольскій отличался чудачествомъ: «Прыйде було молодыця воливъ напувать; якъ не затанцюе передъ нымъ, то не дасть и напоить. Въ Черевкахъ жывъ панокъ Горобець и Мавольскій ёго прыгласыть: пьють соби, и веде ёго Мавольскій у комору, перекыда у засикъ; а разъ посадылы пьяного Горобця, и два чоло-

[1]) Мѣстные Сабадаши ростомъ и болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ волосъ похожи на Литвяковскихъ однофамильцевъ (Снѣт. Стар. 11, 20, 23), хотя родства между ними нѣтъ.

[2]) См. мое «Житье бытье лубенск. крест. Одежда». Въ Кіев. Стар. 1902 г., X, 67, 68, 71.

вика ведуть. Мавольскій бувъ чмуть [1]), любывъ насмихаться. Лецыкъ жаливъ людей, а Мавольскій, якъ посердытся, такъ такъ пожаліе—абы вставъ». Крестьяне (40 дворовъ, 256 душъ) «пидхожи». «Тоди, якъ выйшовъ у друге село, тамъ ёго и не шукають» [2]). Фамиліи ихъ: Верескуны, Голубенки, переименованные въ Пелыпенкивъ, Деревянки—черевковскіе, Крайсвитни—хорошковскіе, Лисаненки—изъ «Гадячого», Савченки, Сластены и Толошни. Кромѣ шутовства Мавольскій былъ еще и неустаннымъ хозяиномъ. Хозяйство было значительно: два пруда и остатки плотины съ отвѣсной почти стѣной существуютъ и теперь. По словамъ крестьянъ: «паны загатылы и одвернулы Слипородъ къ Черевкамъ». Было шесть экономическихъ и шесть крестьянскихъ плуговъ. «Винъ кохався у волахъ, хлибопаха велыкый». Воловъ было 37 паръ, 12 возовъ посылалъ за солью. Въ табунѣ ходило 25 матокъ, больше рыжихъ, при двухъ жеребцахъ: рыжемъ и буланомъ. Было 200 штукъ баранты; коровъ же и гулевого скота немного. На панскихъ земляхъ выпасывались и 15 крестьянскихъ коровъ.

Далѣе по Слѣпороду расположены ближайшіе хутора лазорской волости Пріймины, состоящіе изъ трехъ отдѣльныхъ сливающихся хуторовъ: Андрущины, Гомеливщины и Пріймовщины. Они выстроены по плану возлѣ двухъ просторныхъ квадратныхъ выгоновъ съ мельницами. Андрущина принадлежала прежде Андрусскимъ, сначала Владиміру, потомъ его сыну Николаю, котораго сестра Варвара вышла замужъ за Павла Прійму; затѣмъ родъ Андрусскихъ прекратился въ уѣздѣ, а хуторъ перешелъ Пріймамъ. Крестьяне (239 душъ) носятъ фамиліи: Бганы, Калениченки, за высокій ростъ прозванные Дрохвами, Клемки, по уличному чудаки, потому что дѣдъ ихъ былъ «чудный» (оригиналъ), Клёменки, Чуприны, Шевченки. Хозяйство въ хуторѣ было довольно значительно: винокурня, 5 плуговъ экономическихъ и 1 людской. Часть Пріймовщины, прилегающей къ Андрущинѣ, на-

---

[1]) Вѣроятно шутливъ, шутъ.

[2]) Воспоминаніе о вольномъ переходѣ.

зывается Гомеливщиной отъ уличнаго прозванія бывшаго владѣльца И. Ф. Пріймы-Гомела [1]). Здѣсь живутъ: Бараненки, Гарбузы, Мартенки и Шаповалы. Людямъ у него жилось недурно, нерѣдко онъ и распивалъ съ ними. Главнымъ его занятіемъ была пасика, съ зимы выходило 100 иней. Въ Пріймовщинѣ живетъ старинная фамилія Пріймъ. «Воны крипосни паны»—говорятъ крестьяне, соединяя съ этимъ словомъ понятіе: потомственные, владѣвшіе крестьянами. Основаніе извѣстности рода положено Семеномъ Пріймой, весьма послѣдовательно двигавшимся по службѣ. «Въ 1724 г.,—читаемъ въ дневникѣ генеральнаго подскарбія Я. Марковича,—сотники дали вотумъ быть Пріймѣ Семену атаманомъ въ Лубнахъ». Судя по приказу Маркевича: «Казалемъ атаманови Пріймѣ о сливахъ старатись [2]), видно, что, послѣдній вскорѣ послѣ вотума вступилъ въ должность. Въ 1740 г. встрѣчаемъ его сотникомъ первой лубенской сотни, въ 1744 г. лубенскимъ обознымъ, а съ 1749—1750 г. эсауломъ [3]). Жителей въ Пріймовщинѣ съ Гомеливщиной 233; они называются: Демченки (Джухили), Зузули, Иваньки, Нестеренки и Пономаренки (Чохлы). Особеннаго развитія достигло хозяйство при Павлѣ Пріймѣ. У него была винокурня, три шинка, топчакъ (земляный млынъ), на которомъ мололи волами и лошадьми, пять экономическихъ плуговъ, стадо коровъ при двухъ быкахъ мѣстной сѣрой породы, до 1000 шпанокъ и табунъ въ 15 матокъ при двухъ жеребцахъ: «Кони булы сыво-зализни, яблукови, просто якъ вырисувани. Кони, покы не запобигъ манифестъ, ходылы по козацькымъ землямъ и козацьки заходылы ажъ у двиръ».

За Пріймовщиной съ холма, занятаго обширной усадьбой Ѳ. И. Дейкуна, бывшаго предсѣдателя лубенской земской управы,

---

[1]) Другая вѣтвь Пріймъ носитъ названіе Индутныхъ, можетъ быть отъ слова индукта.

[2]) Въ Кіев. Стар. 1801 г., VIII, 67, 69, и XII, 142.

[3]) А. Лазаревскій. Историческ. очер. 76, 83, 84, 90. Памятная книжка, 1888 г., 37. У Пріймъ свой домъ въ Лубнахъ. Въ 1764 г. Андрей Прійма былъ сотеннымъ писаремъ Миргородскаго полка (А. Грановскій. Полт. епар., 385).

и крестьянскими хатами[1]), открывается видъ на долину Слѣпорода, перерѣзанную длинной греблей, съ рядами вербъ, кустами лозы и очерета, и на село Воронинцы, расположенное на невысокихъ берегахъ рѣки. По мѣстнымъ преданіямъ село основано Вороною, одновременно съ двумя другими осадчими: Черевкомъ, оселившимъ Черевки, и Лазаремъ, основателемъ Лазирокъ. При основаніи Ворона успѣлъ оббѣжать верхомъ и занять землю со стороны Черевокъ, а повернувшись увидѣлъ Лазаря, объѣзжавшаго отъ Лазорокъ, почему воронинская дача пошла къ Черевкамъ. Это темное народное преданіе подтверждается предположеніемъ покойнаго А. М. Лазаревскаго[2]) объ основаніи на Слѣпородѣ въ «княжинѣ», т. е. въ имѣніяхъ Вишневецкихъ, въ первой половинѣ XVII в. поселка полякомъ Вороной, бѣжавшимъ потомъ во время возстанія Хмельницкаго въ королевскій городъ Яблоновъ. Вѣроятно дочь его Христина Вороновна продала поселокъ мгарскому монастырю. Начало села предполагается у плотины, у которой издавна былъ колодязь. Здѣсь живутъ козаки: Васильченки, Гришки, Колесники, Кононовскіе, Макаренки, Слипченки, Шовкоплясы, и казенные крестьяне: Брыли, Бондаренки, Деревянки, Дроныкы, Мотричи, Стрильченки, Холодняки и Федоренки. Казенные крестьяне имѣютъ и свой кутокъ—Казенщину, жилье: Лысенковъ, Прыймаченкивъ, Якуней и др. Сличивъ эти фамиліи съ фамиліями жителей древнихъ владѣній мгарскаго монастыря: Мгаремъ, Васильшанкой, Лукой и др., видно, что Воронинцы не были колонизованы изъ тѣхъ владѣній. Мѣстныя преданія указываютъ, что часть крестьянъ переведена изъ слѣпородскаго монастыря, двѣ семьи изъ выкрестовъ и одна изъ «мандровавшихъ» Пріимінскихъ крестьянъ. Въ другихъ частяхъ села

---

[1]) Михновскихъ переселенцевъ: Гирмана, Гребыша, Драгана и Шолудывого.

[2]) Истор. Очер. 99.—Петръ Ворона былъ въ 1660 г. судьей, въ 1672 г. Яблоновскимъ сотникомъ; онъ же присутствовалъ при избраніи Самойловича (Ib. 75. Лѣт. Велич. II, 317. Максимовичъ. Соб. соч. 1.

—Загребельи и Новоселовкѣ или Причиниловкѣ—живутъ вѣтви перечисленныхъ родовъ и Клюшниченки, а прежде «Собкы якись жылы, поносылы ихъ». Кромѣ того въ Воронинцахъ живетъ еще нѣсколько крестьянъ бывшаго священника Аронскаго [1]). Мѣстная церковь въ честь Рождества пр. Богородицы основана въ 1725 г., а въ 1765 г. перестроена «коштомъ и стараніемъ священника Т. В. Костырки и козака сѣчи Запорожской Кондрата Горкуши». Отдѣльная колокольня появилась только съ 1796 г. Только въ 1808 г. церковь покрыта желѣзомъ, подъ нее подложенъ фундаментъ и постланъ полъ, а также устроены притворы [2]). Священники были только двухъ фамилій: Костырокъ съ 1725—1740 и Аронскихъ съ 1740—1898 г. Воронинцы средней величины село. Въ концѣ XVIII в. въ приходѣ числилось 1200 душъ, въ сороковыхъ годахъ XIX в. болѣе 1500, въ семидесятыхъ—около 1900 и теперь—2800. Занятіе жителей теперь земледѣліе, а прежде и небольшое чумачество, бывали валки въ 20—25 возовъ. Населеніе средняго роста, хорошо сложено, темнорусое, черты лица довольно тонкія. Моды слѣпородскія: у мужчинъ ровныя шапки, пояса, выбойчатыя штаны; у женщинъ средней величины головныя повязки, корсетки мережани только у дѣвицъ.

Ближайшій къ западу отъ Воронинецъ хуторокъ называется Максимовкой, прежде Ларіоновщиной по имени основателя Иларіона, по фамиліи неизвѣстнаго. Онъ былъ добрый, и люди работали себѣ два дня, а ему третій, но однажды у добраго пана соскочила челюсть и никто не могъ помочь, только Калайдинскій житель Курило-Сементовскій «допонявъ дило» и ловкимъ ударомъ поставилъ челюсть на мѣсто. За этотъ ударъ получилъ онъ и хуторокъ въ подарокъ, который переименовалъ въ Максимовку; а

---

[1]) Отдѣльно живетъ семья козака Игнатенка въ х. Колошинѣ. Вокругъ села могилы: Засувайлова и дви Цюрлови. «Тамъ впадына, таке, якъ лёхъ бувъ». Также: Величкина, Лыськови и Негодына; степь Гончаривщына, ярки: Садки, Загонъ, Мочаря и прудъ Язивець.

[2]) Грановскій. Полт. епарх., 385.

когда выдалъ дочь свою за Лацыну, то хуторокъ превратился въ Лацынщину. При Лацынѣ жить людямъ стало хуже, всѣ стали пѣшими, «не було ни одного часу дома робыть». Лацына не садился и за обѣдъ, не наказавъ предварительно кого-нибудь. Часть Максимовки, принадлежавшая генералу Остроградскому, находилась въ другомъ положеніи, въ ней люди отбывали тридневу, а женщины ничего не отпрядали въ зиму. Генералъ сначала подарилъ крестьянамъ надѣлъ, а затѣмъ продалъ имъ и остальную землю. Всѣхъ жителей Максимовки, со включеніемъ владѣнія Велички и хуторка Сердюковки, 229, носящихъ фамиліи: Бондаренки, изъ которыхъ приказчикъ Сементовскаго Ярема полновластно распоряжался хуторомъ, Будники, Дядовскіе, Литвиненки, Маловѣчки, Турліи, Фуркайлы и Якимки. Послѣдніе родомъ изъ черниговской губ., а часть предыдущихъ изъ с. Калайдинецъ.

Слѣдующій хуторъ Довжокъ раскинутъ также на правомъ берегу Слѣпорода. О старомъ панѣ, имени котораго крестьяне не называютъ точно, сохранились добрыя воспоминанія: «Винъ бувъ панъ хорошый, жывъ у Москви. Люде тоди жылы, якъ вильни, на оброци и платылы панови дань». По болѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ Довжокъ входилъ въ обширныя владѣнія фамиліи Боярскихъ и принадлежалъ секундъ-майору Н. И. Боярскому. У него купила хуторъ вдова Шульжевская, при которой люди были на общемъ положеніи панщины. Исполняли тридневу. Въ хуторѣ было два плуга: панскій и крестьянскій. Производя запашку своимъ плугомъ, крестьяне кормились дома, такъ какъ экономія харчей не давала. Дочь Шульжевской вышла за чиновника приказа общественнаго призрѣнія Еременка, и, можетъ быть, ему возили оброкъ крестьяне. Фамиліи послѣднихъ: Гагары, Нестреляи, Педорки, по уличному Жалуны, Хавери, изъ черниговской губ. и др.

Вслѣдъ за этими хуторами съ нагорнаго праваго берега Слѣпорода за широкой рѣчной долиной, заросшей камышемъ и греблей, виднѣется небольшое село Лазирки, окаймленное съ трехъ сторонъ мелкой рѣчкой, а съ четвертой—примыкающее къ степи. Лазирки состоятъ изъ ряда тѣсно застроенныхъ хатъ и

дворовъ, лишенныхъ всякой растительности, какъ въ Черевкахъ. Дерево здѣсь плохо растетъ и скоро пропадаетъ. Село раздѣлено посрединѣ большой дорогой изъ Полтавы на Переяславъ и Кіевъ. Влѣво отъ дороги, на югъ, расположены Перервинцы, въ которыхъ живутъ: Бондаренки, Шостаки, Нестреляи, прозванные Лисицами [1]), и часть знатнѣйшей мѣстной козачьей фамиліи Николаенковъ, изъ которыхъ М. Д. Николаенко былъ послѣднимъ черевковскимъ волостнымъ головой, двадцатипятилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, потомъ членомъ и предсѣдателемъ лубенской земской управы. У плотины живутъ Гребляне, бывшіе крестьяне Голенковскихъ и Маслова. Вправо отъ дороги, къ сѣверу, расположена Николаевщина, занятая, кромѣ основного рода Николаенковъ, еще дворянами Иваненками и крестьянами: Нестреляями, Тищенками, Шаповалами, Шовкоплясами и Яровыми. Различныя версіи о происхожденіи села соединены съ именемъ Лазаря. «Лазарь завивъ Лазиркы, Рудь—Рудку, а Ворона—Воронынци». «Сюды на Слипоридъ зайихавъ якыйсь Лазарь, поселывсь на Николаевщыни, бо тамъ и грунты звалысь Лазаривщына». «Лазирки осажены Лазоремъ, изъ йимъ прыйшлы тры симьи изъ Повстына» [2]). Затѣмъ, по ревизіи 1764 г., они значились въ Яблоновской сотнѣ, при учрежденіи уѣздовъ отнесены къ пирятинскому уѣзду и перечислены въ лубенскій только съ 1806 г. [3]) Да и теперь село ничѣмъ не напоминаетъ Лубенщину и экономически тяготѣетъ къ Пирятину. На Николаевкѣ стоитъ церковь св. Николая, узкая, высокая, стариннаго образца, съ крутыми крышами предѣловъ, построенная на новомъ мѣстѣ; старая же была во дворѣ помѣщика Боярскаго, на что указываетъ каменный памятникъ. Время основанія первой церкви неизвѣстно, но что она существовала уже въ началѣ XVIII в., видно по чашѣ, пожертвованной въ

---

[1]) За то, что часть ихъ, выселившись въ поле, живетъ въ выбалкѣ, какъ въ лисьей норѣ.

[2]) Лѣтописный Полкостѣнъ. (Ляскоронскій. Переясл. земля. 179), пирятинскаго уѣзда.

[3]) А. Грановскій. Полт. епар. 384.

1705 г. писаремъ М. Троцкимъ. Имъ же въ званіи бунчуковаго товарища «надано» въ церковь евангеліе. Самая же церковь перестроена въ 1782 г. помѣщикомъ И. М. Боярскимъ [1]). Такимъ образомъ къ устроенію церкви приложили стараніе обѣ мѣстныя древнія фамиліи. Троцкіе, какъ можно заключить изъ словъ Я. Маркевича, котораго сестра Олеся была замужемъ за Троцкимъ, «пріехалемъ до Лазурокъ села Троцкой»—жили нѣкогда въ самомъ селѣ, впослѣдствіи имѣли только землю въ лазорскихъ дачахъ и воспоминаній о нихъ не сохранилось. Имѣнія Боярскихъ были гораздо значительнѣе: «Коло Лазирокъ усе Боярщына»,—говорятъ крестьяне,—маіоръ Иванъ Боярській бувъ крывый и ёго водылы дви дивкы». У него была своя пѣвчая—«капелія» [2]). Имѣніе пошло въ приданное за дочерьми. На вдовѣ Боярскаго былъ женатъ владѣлецъ Богодаровки Санковскій, имѣвшій и въ Лазоркахъ хозяйство. Лазирки небольшое село (771 душа), на одну треть козачье. Жители средняго роста, худощавы, легко сложены, черты лица правильныя, лица овальныя, волосы и глаза свѣтлѣе, чѣмъ у смежныхъ жителей пирятинскаго уѣзда. Моды лубенскія: у мужчинъ одежды короче пирятинскихъ, застегиваются крючками, а не пуговицами, какъ въ пирятинскомъ у. Предпочитаютъ черный цвѣтъ, штаны покупныхъ матерій (крамни), поясовъ никогда не носятъ, чѣмъ и отличаются отъ другихъ лубенцевъ. Очипки у женщинъ небольшіе, круглые, повязки съ клапономъ и маленькими рожками; начосы и мычки видны изъ подъ платка. Въ пирятинскомъ у. повязки выше и острѣе, впереди платокъ «гулею». Лазирскія молодицы уже чаще носятъ капоры. Разноцвѣтные корсеты сзади «до клепокъ», пышно расшиты на груди; литнячки же только черныя андреяновыя. Кожушанки съ стоячимъ воротникомъ и съ хвостомъ къ спинѣ, у таліи мережка; въ пирятинскомъ же уѣздѣ кожушанки съ пелериной (баранкой). Мѣстный весильный ритуалъ тождественъ съ

---

[1]) Ib.

[2]) Дневн. Кіев. Ст. 1895 г. II, 49, 50.

[3]) Павловскій. Кіев. Ст. 1902 г., IX, Док. 103.

сѣверно-лубенскимъ; святочнаго маскарада (меланки) нѣтъ. Земля [1]) около Лазорокъ «золотая», тучный черноземъ [2]), тѣмъ не менѣе это одинъ изъ печальнѣйшихъ и бѣднѣйшихъ уголковъ лубенскаго уѣзда. Козачество, кромѣ Николаенковъ, мелкое; крестьянство окрестныхъ хуторовъ еще въ болѣе бѣдственномъ положеніи. «Нема села скупійшаго на землю якъ Лазирки». А между тѣмъ населеніе исключительно земледѣльческое; ремесло, кустарное производство не существуютъ, одно подспорье—заработки [3]).

Лазирки окружены владѣльческими хуторами. Ближайшій къ селу съ востока—Величкинъ, нѣкогда Квитницкаго, переименованный по выходѣ замужъ дочери Квитницкаго за В. К. Величка. При Квитницкомъ крестьяне: Каблученки, Кочіи, Кочерженки (всѣхъ 195 душъ) были тяглыми, потомъ спѣшились, и обращеніе съ ними стало суровымъ. «Якъ объявлена воля, то люде подумалы, що на свитъ народылысь».

Рядомъ хуторъ Филонивъ, потомковъ бывшаго въ 1795 г. сотеннаго атамана Григорія Филоненка-Бородича, населенный крестьянами: Безгубенками, изъ Оробьевъ, Гопками, Клепаченками, Крикуненками и Паламаренками, всего 162 души. Старикъ Филоненко былъ хорошій хозяинъ, велъ простой образъ жизни, содержалъ мѣстную почтовую станцію, у него было 2—4 плуга экономическихъ и одинъ крестьянскій.

Рядомъ расположенъ и третій хуторокъ Димнивщына, состоящій изъ холма—Покотунивщыны и Загребелья. Прежде онъ

---

1) Окрестныя поля называются: Рокиты, Зубрыновщина, Пороловe озеро. Могилы: Три брата, здѣсь выкопали деньги, Бондарка, Близнецы. Въ курганѣ близъ Лазорокъ найденъ желѣзный мечъ (Ляскоронскій. Переяслав. зем. 216).

2) Содержитъ 5% гумуса Мат. оц. земель полт. губ. II. луб. у 34; Сборн. хоз. стат. IV, луб. у. 4.

3) Въ 1861 г.,—записано въ церковной лѣтописи,—въ Лазоркахъ появилась саранча и уничтожила просо и отавы, а хлѣбъ былъ уже убранъ. Въ слѣдующемъ году она отродилась и уничтожила всѣ посѣвы, такъ что люди разсѣялись по сосѣднимъ селамъ и заработывали за снопъ.

принадлежалъ Фесенку, уроженцу зиньковскаго уѣзда, женатому на дочери помѣщика хорольскаго уѣзда Бузиновской. За лѣнь и домосѣдство Фесенки прозваны димными (т. е. домашними), откуда и названіе хутора. Крестьяне подошли частью изъ сс. Таранлинецъ и Савинецъ. Ихъ теперь 252 души, носящихъ фамиліи: Бурхацкихъ, Качіивъ, Копотунивъ, по уличному Покотунивъ, Ставицкихъ и Якубъ. Потомъ хуторъ перешелъ во владѣніе Волковицкаго. Въ старину у пана былъ 1 плугъ, и у крестьянъ по 2—4 пары воловъ у каждаго, такихъ, «що й до рогъ не достанешъ» [1]).

Самые значительные хутора Лазорской волости расположены къ западу, по направленію къ пирятинскому у., на земляхъ, прежде принадлежавшихъ Боярскимъ. За плотиной на горкѣ, съ которой открываются всѣ Лазорки, видна обширная усадьба съ вѣковыми итальянскими тополями, прежде принадлежавшая Рудановскимъ; около нея по обѣимъ сторонамъ дороги построенъ хуторъ, носившій разныя названія: Слободы, Рудановщины, Павловки. Хуторъ этотъ купленъ былъ у Боярскихъ проживавшей въ Москвѣ помѣщицей Анной Рудановской [2]), перенесенъ на новое мѣсто [3]) и заселенъ частью изъ московской губ., частью изъ с. Сухоносовки, а частью и прежними крестьянами, всего теперь 321 душа, фамиліи которыхъ: Винниченки, Гетьманы, Геты, Довгали, Ластовецкіе, Полонскіе, Шапурины, Яковлевы и др. Въ

---

[1]) Около Димного есть три могилы: Гаврышыха, «тамъ була Гаврылова нывка», Макарыха и Хоружа. Затѣмъ, къ сѣверу отъ Лазорокъ, не доѣзжая Пирятинской дороги, есть еще хуторки: Ламахивщына у крутой безымяной балки, населенный крестьянами Ламахами и Ковбами, прежде принадлежавшей Пѣщанскому, и х. Антоненкивъ, жилье Бутовъ у Поваліивъ, выходцевъ изъ Гонцовъ и Тарандинецъ.

[2]) Фамилія Рудановскихъ встрѣчается въ черниговской губ. (См. Графъ Милорадовичъ. Родосл. книги; I, 285 и II, 477.

[3]) «Давнійшъ хутиръ бувъ коло Александровки, тамъ хуторыще, загоны, тамъ и пастовыще»—разсказываютъ старожилы.

старину здѣсь было большое хозяйство, но и тогда уже, повидимому, обремененное долгами. Такъ, однажды казна хотѣла арестовать мериносовъ, но крестьяне будто бы угнали ихъ. Былъ табунъ, главный жеребецъ котораго погибъ чрезъ упрямство пана. «Такый бувъ жеребець, шо якъ побачыть чужу конячку, то и задавыть. Выпустылы табунъ и панъ выйшовъ старый, Иванъ. А вовкъ выйшовъ зъ ярка. Люде кажуть: «Ото, пане, вовкъ». Панъ крычыть: «Не трогай!» А жеребець пиднявъ голову, хотивъ вовка понюхать, вовкъ ёго за шію и задавывъ. Потимъ ставъ вовкъ землю рыгать». Кромѣ лошадей было паръ 10 воловъ, 25—30 красныхъ коровъ и 100 головъ шпанки.

На лѣвомъ берегу съуженной долины Слѣпорода, тонкой, кочковатой съ опасными трясинами (опарями) расположенъ другой хуторъ того же владѣльца—Сюмаки или Павловщина, населенный крестьянами (192-мя душами) съ тѣми же фамиліями, что и въ Рудановщинѣ: Войтенками, Запарами, Оболонскими и др. При крѣпостномъ правѣ у крестьянъ было 2 плуга и обыкновенная триднева, но существовала и особая натуральная подать, совершенно неизвѣстная въ восточной окраинѣ лубенскаго у., а встрѣчавшаяся въ Самборѣ, Прилукскаго полка [1]), въ подольской губерніи [2]), Галиціи, Буковинѣ и на Украинѣ при польскомъ владычествѣ [3]); именно: крестьяне должны были отдавать пану половину ежегоднаго приплода: гусятъ, утятъ и цыплятъ, никакъ не менѣе десятка, также по десятку яицъ къ «Велыкоднѣю и Риздву». Неудивительно, что народъ чутко прислушивался ко всякимъ толкамъ о волѣ; такъ, въ 1859 г. мужья, бросивъ женъ и дѣтей, потянулись толпами на югъ въ Бессарабію за какой то настоящею волею. Наконецъ вышла и настоящая воля.

«Выйихавъ Снитынській Андреевъ и вычытавъ волю. Панъ и пани заплакалы и сказалы людямъ: «Кушайте теперъ и яйця

---

1) Лазаревскій. Прилукск. полкъ въ Кіев. Стар. 1901, VII, VIII, Прилож. 290.

2) Кіев. Стар. 1901 г., XII, Док. 162.

3) Велич. Лѣтоп. IV, 301.

и куры самы»... Впрочемъ экономическое положеніе крестьянъ мало улучшилось съ отмѣной крѣпостного права. Они взяли малый надѣлъ и были отрѣзаны отъ воды, а когда имѣнія Рудановскихъ достались еврею Лимбергу, то это положеніе еще ухудшилось [1]). «Ниде й сорочкы вымыть,—говорятъ крестьянки,—жыдови одробляемъ за воду».

Противъ Сёмаковъ на правомъ, крутомъ берегу Слѣпорода стоитъ хуторъ Рождественскій на оффиціальномъ языкѣ, Высокій—на народномъ. Онъ также входилъ въ составъ имѣній Боярскихъ, купленъ Рудановскими и отданъ въ приданное за Рудановскою Ограновичу. Жители, числомъ 231, по фамиліямъ: Безрученки, Кудрявци, Парпуры и т. д. частью мѣстнаго происхожденія, частью приведены изъ с. Чевельчи. При крѣпостномъ правѣ было три крестьянскихъ и одинъ панскій плуги, люди работали только два дня, но имъ накидались уроки [2]).

На плоской возвышенности праваго же берега Слѣпорода тѣснится выровнявшаяся въ одну линію Александровка или Рейховка. Только и видны ряды хатъ безъ промежутковъ. Прежде хуторъ принадлежалъ Боярскимъ и за Александрой Ильяшенковой, внукой перваго владѣльца, отданъ въ приданое черниговскому дворянину штабъ-ротмистру Рейхъ-Топольницкому [3]). Отъ этихъ супруговъ происходятъ оба названія хутора. Населеніе (347 душъ) смѣшанное: частью здѣшнее, частью переведенное изъ черниговской губерніи, носитъ фамиліи: Бедрики, Гончари, Мамлыги, Сеси, Червышни и др. При крѣпостномъ правѣ земля обрабатывалась только двумя крестьянскими плугами, помѣщичьяго плуга не было. На каждую крестьянскую семью отводи-

---

[1]) Сб. хоз. стат. IV, луб. у. 233.

[2]) Въ хуторахъ: Высокомъ и Сёмакахъ есть особенность произношенія крестьянъ. Третье лицо глаголовъ настоящаго времени единственнаго числа оканчивается на е, а не на ыть, какъ принято въ лубенскомъ у. Напр., здѣсь говорятъ: робе, косе, молоте, а не робыть, косыть, молотыть

[3]) Графъ Милорадовичъ. Родосл. кн. черн. двор. II, 468.

лось по 3 дес. земли и на пару воловъ еще по 3. Въ Александровкѣ, также какъ и въ Рудановщинѣ, была дань помѣщику: 5 гусей, 10 курченковъ, яйца, масло и молоко, да вдобавокъ помѣщикъ нанималъ людей на сахарные заводы, станціи и отдѣльнымъ хозяевамъ. «Якъ вийшла воля, ни въ кого ничого не було».

Послѣдній хуторъ при входѣ Слѣпорода въ лубенскій уѣздъ, Асауловщина, разрѣзанъ на двѣ неравныя части поперечной уличкой сажня въ три, составляющей границу двухъ уѣздовъ. Лубенская часть меньше, заключается въ выгонѣ и прилегающихъ къ нему хатахъ. «Лубенська часть звется Стара Осауловщына; вона завелась зъ Боярскихъ. Хутиръ бувъ велыкый, малось и церкву, такъ паны розигналы людей, найбильшъ перевелы у Александровку». При крѣпостномъ правѣ распоряжался А. А. Ильяшенко, женатый на Санковской, а его дочь вышла за Рейхъ-Топольницкаго. Жители, числомъ 215, называются: Ганжи, Дяченки, Кулики, Перепелицы, Шандры и др. Моды всё еще лубенскія. Пирятинцы зовутъ жителей лубенской Асауловщины Павливцями, а тѣ ихъ—попивцями, но смыслъ этихъ прозвищъ утерянъ [1]).

Въ концѣ описанія средней полосы лубенскаго уѣзда само собой напрашивается сравненіе ея восточной и западной окраины. Обѣ онѣ степныя, но какая разница въ характерѣ этихъ степей! На востокѣ все живетъ, цвѣтетъ, волнуется, на западѣ—блѣднѣетъ, меркнетъ, замираетъ, точно здѣсь не Лубенщина, не Малая Русь даже.

И тамъ степы, и тутъ степы,
Та тутъ не такыи...
. . . .
А тамъ голубыи,

---

1) Возлѣ хутора Гостра могыла. «На самый велыкдень свичи горилы. Гроши закопани не въ велыкій могыли, а въ малихъ коло неи».

Зеленыи, мережани
Нывамы, ланамы,
Высокымы могыламы,
Темнымы лугамы.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Хозяйственное положеніе населенія средней Лубенщины при крѣпостномъ правѣ и по отмѣнѣ его.

При всемъ разнообразіи типовъ, одеждъ, обыкновеній, обстановки и поземельныхъ отношеній на пространствѣ средней полосы лубенскаго уѣзда, послѣдняя совершенно естественно дѣлится на три части: 1) открытую восточную равнину до побережья Сулы съ ясно выраженнымъ преобладаніемъ панскихъ владѣній, появившихся между прочимъ и вслѣдствіе простора мѣстности, пригоднаго къ образованію крупной собственности,—и съ совершеннымъ почти отсутствіемъ козачьяго населенія; 2) средній участокъ, страну горъ и яровъ, охватывающій лубенскія окрестности: побережье Сулы у города, области: Булатца, Вязовка и восточное теченіе Слѣпорода до большой золотоношской дороги, со включеніемъ д. Остаповки за нею. Участокъ этотъ благопріятный крайне пересѣченной мѣстностью развитію мелкихъ хозяйствъ, искони былъ настоящимъ козацкимъ муравейникомъ, съ почти незамѣтнымъ панскимъ элементомъ. Въ то же время, защищенный топкими болотами, горами, оврагами отъ вторженій, средній участокъ давно заселенъ, какъ видно изъ приведенныхъ въ III-й главѣ фамилій жителей [1]), а

[1]) Записываніе и приведеніе фамилій жителей ревизскихъ и уличныхъ, хотя и не указано въ программахъ, тѣмъ не менѣе необходимо, какъ указывающее: 1, на первоначальную національность лица, 2, мѣстность, откуда оно пришло, 3, занятія предковъ, 4, лицо, замѣненное пришедшимъ (пріймаки), 5, урочища, носящія иногда названія по именамъ владѣльцевъ, также должны быть записываемы.

глухой характеръ мѣстности содѣйствовалъ въ частяхъ, удаленныхъ отъ города, наилучшему сохраненію преданій, поэтическихъ обыкновеній, обрядовъ, пѣсенъ и стариннаго языка. Послѣднюю треть разсматриваемой полосы занимаетъ западная степная окраина, находящаяся, подобно восточной, большею частью въ панскомъ обладаніи, частью въ козачьемъ, съ огромнымъ численнымъ превосходствомъ крестьянскаго сословія надъ прочими. Въ цѣломъ средняя Лубенщина представляется рядомъ дворянскихъ, козачьихъ и крестьянскихъ владѣній. Изъ этихъ сословій коренным слѣдуетъ признать козачье, потому что оба другія произошли изъ него; такъ, многія панскія фамиліи тождественны съ козачьими, о многихъ свѣжи еще воспоминанія перехода въ дворянство, о другихъ подобныя воспоминанія забылись вслѣдствіе большей давности перехода. Если же и встрѣчаются фамиліи шляхетскаго происхожденія, то, пройдя чрезъ козацкое горнило еще во время гетманщины, они успѣли окозачиться и войти въ общую колею. Крестьянство средней Лубенщины появилось различными путями. Большинство, особенно въ центрѣ, образовалось изъ такъ называемыхъ пидхожихъ (пидходычивъ, пидходцивъ), т. е. изъ добровольно поддавшихся панамъ козаковъ со всѣмъ своимъ добромъ: землей и волами для избѣжанія отбыванія воинской и финансовой повинностей. На окраинахъ способъ образованія крестьянскаго сословія былъ отчасти другимъ: здѣсь много крестьянъ переведено помѣщиками какъ изъ другихъ уѣздовъ полтавской губерніи—лохвицкаго, роменскаго, хорольскаго, миргородскаго, кременчугскаго и пирятинскаго, такъ и изъ губерній кіевской и черниговской. Къ этой категоріи можно причислить и крестьянъ, прибывшихъ извнѣ при вольномъ переходѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ изъ пидхожихъ получились при крѣпостномъ правѣ тяглые, а изъ переведенныхъ и приставшихъ при вольномъ переходѣ—пѣшіе крестьяне, хотя, разумѣется, эти разряды не были постоянными и переходъ изъ одного въ другой былъ всегда возможенъ. Подъ тяглыми разумѣлись хозяева, имѣвшіе отъ 1—6 воловъ и такимъ образомъ сохранявшіе хоть тѣнь самостоятельности. Нормой тягла считалась пара воловъ. На содержаніе во-

ловъ выдавалось различное количество земли въ разныхъ экономіяхъ отъ $^3/_4$ десят. на вола и до $1^1/_2$, а на тяглую семью 5—6 дес. земли. Тяглый не вездѣ имѣлъ безусловное право на своихъ воловъ, иногда онъ долженъ былъ просить у пана разрѣшенія на промѣнъ и продажу. Количество тяглыхъ и пѣшихъ въ разныхъ имѣніяхъ не поддается опредѣленію: были цѣлые хутора, состоявшіе изъ однихъ тяглыхъ, и другіе, гдѣ всѣ были пѣшими. Одно замѣтно: количество тяглыхъ повсемѣстно уменьшается по мѣрѣ приближенія ко времени освобожденія, и, быть можетъ, одной изъ причинъ, почему великое преобразованіе принесло въ экономическомъ отношеніи не всю предполагавшуюся пользу, создавъ благосостояніе лишь отдѣльныхъ лицъ, а не всего освобожденнаго класса, было небольшое количество инвентаря у населенія, иначе сказать его экономическая неподготовленность къ веденію самостоятельнаго хозяйства. Положеніе тяглыхъ тѣмъ существенно отличалось отъ положенія пѣшихъ, что для первыхъ только опредѣлялись 2—3 дня въ недѣлю для уборки своего хлѣба: три дня, если подушное платилъ крестьянинъ, четыре—если помѣщикъ. Пѣшіе же должны были, какъ и повсемѣстно [1]), въ пору уборки сѣна и хлѣба работать всё время, за что получали треть урожая: 3-й, рѣже 4-й, преимущественно пшеницы, снопъ, при чемъ урочная работа (косарю накосить $^1/_2$ дес. въ день, а жнецамъ нажать 2, накосить и связать вдвоемъ—6 копъ въ такое же время) опредѣлялась лишь, какъ исключеніе; 3—4 дня въ недѣлю опредѣлялось пѣшимъ лишь по окончаніи страды. Женская работа

---

[1]) Въ соч. Иванюкова и Ковалевскаго «Въ Сванетіи» (Вѣстн. Евр. 1886 г., VII, 606) сказано: «въ пахоть, посѣвъ, уборку хлѣба и сѣна выходило всё крестьянское населеніе, какъ на англосаксонское lovebones. Въ Англіи же хотя въ древнѣйшемъ цензуаріи XIII в. и опредѣлена была трехдневная работа крѣпостныхъ, но во время посѣва, сѣнокоса и жатвы требовался дополнительный трудъ, и крестьяне должны были выходить всей семьей на поле. (М. М. Ковалевскій. Разв. хоз. въ зап. Европѣ 1899 г. 42, 149, 150). Въ Австріи въ страдную пору работы отнимали у крестьянъ всю или почти всю недѣлю (Ингрэмъ. Истор. раб. 1896 г., 163).

чаще бывала урочной: кромѣ участія въ полевыхъ работахъ и выбиранія пшеницы, толченія проса и сѣмени, дратья перьевъ, женщина должна была спрасть трижды въ годъ по 60 пасомъ конопли, а кое-гдѣ еще 10 фунтовъ рядовины и 10 ф. шерсти.

Какъ крѣпостное состояніе выработалось незамѣтно движеніемъ самой жизни, такъ и экономическія отношенія свободнаго населенія вначалѣ сходны были съ крѣпостными. Обладавшій волами, тяглый—по крѣпостной терминологіи—дѣлался половинщикомъ землевладѣльца, пѣшій убиралъ хлѣбъ со снопа. Но въ противоположность западно-европейскимъ [1]) прочнымъ, наслѣдственнымъ формамъ пользованія чужимъ имуществомъ, выражавшимся въ отдачѣ собственнику половины урожая (métayage, culture á mifruits), малорусское половничество постоянно уменьшалось въ долѣ половинщика, сообразно расширенію хозяйствъ и увеличенію населенія. Въ XVII, XVIII и даже въ началѣ XIX в. съемщикъ давалъ землевладѣльцу лишь десятую копу, десятину, повидимому начальную, основную форму малорусской испольной системы [2]). «За моеи памяты,—разсказывалъ Михновскій, старожилъ,—10-ту копу давалы хазяину». На глазахъ старожиловъ

---

[1]) Еще Плиній младшій думалъ поднять благосостояніе мелкихъ собственникомъ половничествомъ («Прогр. и регр. въ истор.» Рус. Мысль 1900 г., VII, 153). Затѣмъ оно было распространенно въ Италіи въ XIII, XIV в., и теперь еще сохранилось въ Тосканѣ, и во Франціи въ Берри. (М. Ковалевскій. Развит. нар. хоз. въ зап. Евр. 95 и 135. «Соломен. шляпа» въ Рус. Мыс. 1899 г. IX, 172).

[2]) А. Лазаревскій. Акты по истор. землевл. въ Малор. 15. Я. Шульгинъ. Разв. крѣп. права въ Малор. Сѣверн. Вѣстн. 1887 г., VI, 56. Мякотинъ. Прикр. крест. Рус. Богат. 1894 г., II, 37. Костомаровъ. Богд. Хмельн. 1859 г. II, 313. И. Лучицкій: Сборн. мат. общ. землевл. въ Малор. 142 и Крест. и кр. реф. въ вост. Австріи. Кіев. Стар. 1901 г., III, 321, 337, 338, 351. Гр. Купчанко. въ Ю. Зап. Отд. Геогр. Общ. II, 342. Десятина господствовала и въ древнемъ мірѣ: какъ основной налогъ римской провинціи Сициліи былъ десятое зерно. М. И. Ростовцевъ. Капит. и нар. хоз. Рус. Мыс. 1900 г., III, 209.

сс. Шершневки и Ерковецъ происходила въ теченіе XIX в. такая перемѣна: съемщикъ давалъ хозяину 10, потомъ 6, 5, 4, и 3 копы [1]). Третина держалась дольше другихъ частей; встрѣчается и теперь, но уже осложненная. Такъ, въ Засульской и части Лубенской волостей съемщикъ получаетъ еще $^2/_3$ урожая, а $^1/_3$ отвозитъ хозяину, молотитъ и вѣетъ, но долженъ доплатить $1—1^1/_2$ р. и отработать: 2--3 дня, или убрать $^3/_4$ дес. хлѣба или поставить косаря и подводу съ десятины. Въ другихъ частяхъ Лубенской волости и въ Волчковской еще существуетъ половина въ такомъ видѣ· половинщикъ пашетъ, засѣваетъ, убираетъ и свозитъ половину урожая хозяину. Въ с. Остаповкѣ половникъ отрабатываетъ день, а въ Александровкѣ—два хозяину съ каждой десятины. Но и съ такими осложненіями половничество сохранится не надолго. Съ вздорожаніемъ земли оно невыгодно владѣльцу [2]).

Уборка пѣшими чужого хлѣба складывалась и у крѣпостного и у свободного населенія по одному образцу; такъ, въ нѣкоторыхъ хуторахъ и при крѣпостномъ правѣ козаки допускались на панское поле зажинать за снопъ. Въ началѣ такой снопъ, приходящійся на долю рабочаго, былъ 3-й. Онъ показанъ у Короновскаго [3]); затѣмъ въ лубенской и Черевковской волости держался нѣкоторое время 3—4 снопъ, но уже на харчахъ рабочаго и съ отработкомъ по востребованію: пахать, сѣять, возить и прясть, однимъ словомъ работать съ весны до возовицы. Потомъ въ лубенской, засульской и волчковской волостяхъ былъ 4-й снопъ съ отработкомъ 2—5 дней на харчахъ рабочаго и 10—20

---

[1]) И по Чубинскому (Очер. нар. юрид. обыч. VI. 64, 74 и Очер. юрид. понят. въ Малор. 1869, 31) съемщикъ отдавалъ 4, 3, потомъ половину.

[2]) Цѣна земли въ лубенскомъ у: 150—300 р. дес. полевой; наемъ: 9—20 на паръ, 7—20 на зябь, облоговъ по 25 р. Отработочная система: съемка десятины земли съ обязанностью съемщика убрать владѣльцу 2, $2^1/_2$ дес. также уже уничтожается.

[3]) Кор. Статистич. опис. лубенск. и Полт. губ. вѣдом. 1890 г., № 47, 2—3.

—на хозяйскихъ, или съ отработкомъ отъ начала жатвы до конца по востребованію. Четвертый снопъ скоро перешелъ въ пятый, сохранившійся безъ отработка лишь въ Вязовкѣ, въ другихъ мѣстахъ 5 снопъ соединенъ съ отработкомъ въ 1—5 дней отъ десятины или 5—15 дней вообще; 5—6 [1]) и одинъ послѣдній соединяются также съ отработкомъ въ 1—2 дня и лишь последующіе 7—12 и выше пока еще не соединены съ отработками. Система заработковъ доказываетъ, кажется, какъ недостаточность платежныхъ средствъ населенія, такъ и недостатокъ капитала у хозяевъ, и поэтому обоюдное стремленіе расчитаться трудомъ, въ неопредѣленной его формѣ—отработокъ по востребованію, весьма близкимъ къ крѣпостному, отбываемому только не за треть урожая, а за меньшую часть, и не панамъ, аболѣе зажиточнымъ козакамъ, частью наѣзжимъ изъ другихъ уѣздовъ, отпущенникамъ и т. д.

И сѣнокосы часто убираютъ съ части: прежде съ половины, потомъ съ третьей копны [2]); теперь только болотистый сѣнокосъ, осоку, да отаву соглашаются хозяева отдавать на такихъ условіяхъ, степное же сѣно и мелкое лучное отдается съ 5—8 копицъ, принимая во вниманіе и урожай травы. Очеретъ жнутъ серпами или сбиваютъ короткими косами и остатками послѣднихъ (скисками) худшій съ половины, лучшій съ третьяго куля [3]).

Сѣно и хлѣбъ свозятъ съ полей и луговъ, какъ въ жатву по праздникамъ, такъ особенно съ 15 августа по 8 сентября (межъ пречыстымы) и до Покровы. Половникъ обязанъ свезть своими волами прежде хозяину, потомъ себѣ; снимающіе за снопъ

---

[1]) И по Чубинскому (III, 522, и VI, 73, также Очер. юрид. пон., 30, 31) первоначальный 3—4 снопъ перешелъ въ 5—6.

[2]) Послѣдняя указана и у Чубинскаго (Очер. юрид. понят., 32).

[3]) Сѣнокосы нанимаютъ и за деньги: 3—4 руб. за десятину болотнаго и 15—20 лучнаго, причемъ иногда (въ Мацковой лучкѣ) 2 подводы басаринку. Высчитано, что копица обходится въ 1 руб. Продажная цѣна хорошаго сѣнокоса свыше 300 руб.—Лучшій очеретъ идетъ на кровли хатъ и клунь, худшій на повитки. Лучшій стоитъ 1—3 коп. куль, а кучав—оза въ два (кўрганъ)—отъ 1—4 рублей.

также свозятъ прежде хозяину, потомъ себѣ, но хозяйской «худобою».

Молотьба свезеннаго хлѣба производится различно: посредствомъ молотниковъ, получающихъ за свой трудъ 4—5 мѣру (коробку) прежде, 8—12 теперь, смотря по тому, на чьихъ кормахъ молотникъ, но во всякомъ случаѣ хозяину насыпается коробка гладко (ущерть), а молотнику—съ верхомъ. Другой способъ молотьбы—конною молотилкой, за которую уплачивалось прежде 7 руб., теперь $2^1/_2$—5 руб. въ день, или обыкновенными поденщиками, или съ примѣненіемъ къ новымъ обстоятельствамъ старой формы кооперацiи—толоки, для чего собирается 12—20 душъ родичей и сосѣдей, безплатно, поочередно къ каждому хозяину съ 4—6 лошадьми или парой воловъ и четырьмя лошадьми. Иногда примѣняется смѣшанный способъ молотьбы: озимую пшеницу и всѣ ярины молотятъ машиной, кромѣ гречки; послѣднюю, также рожь, сбиваютъ цѣпами для предохраненія отъ порчи нѣжнаго гречневаго зерна, и съ цѣлью получить ржаную солому, годную для кровли.

В. Милорадовичъ.

Очерки изъ прошлаго и настоящаго черноморскаго побережья Кавказа.

V.

Въ предѣлахъ Абхазіи.

Гагринскія тѣснины. Гагры, какъ курортъ. Пицундская низина. Гадаутъ. „Культурное“ значеніе Новаго Афона. Пребываніе на Новомъ Афонѣ. „Метеорологическія“ наблюденія. Частновладѣльческое хозяйство и земельная спекуляція. Сухумъ, какъ курортъ. Лихорадки Сухума. Сухумская бухта и купанье въ ней. Кое-что о прошломъ Сухума. Внѣшность города. Уличная жизнь. Сады. Окрестности. Природа. Поти. Батумъ.

Съ десятой версты послѣ Адлера береговая полоса сильно суживается подступающими къ морю горами. Эти горы, подступая къ морю, образуютъ здѣсь величественныя Гагринскія тѣснины, тянущіяся на 7 верстъ южнѣе Гагръ до имѣнія князей Шервашидзе. Береговая полоса мѣстами здѣсь такъ узка, что для проведенія шоссе пришлось взрывать горные утесы. Тѣснины эти въ древнія времена служили единственными воротами для прохода народовъ то съ юга на сѣверъ, то съ сѣвера на югъ. Поэтому здѣсь издревле воздвигаемы были прежними жителями страны укрѣпленія для защиты отъ иноземныхъ вторженій. У древнихъ грековъ была здѣсь своя колонія, на устройство которой они потратили многіе годы усиленнаго труда и большія средства. Въ эпоху владычества римлянъ ихъ легіоны не разъ

вступали здѣсь въ борьбу съ храбрыми горцами, оттѣсняя ихъ въ горы, а на мѣстѣ блестящей греческой колоніи римлянами возведено было укрѣпленіе для защиты отъ горцевъ и набѣговъ морскихъ пиратовъ. Римскіе патриціи отдыхали здѣсь въ своихъ изящныхъ виллахъ. Въ средніе вѣка венеціанцы и генуэзцы вели тутъ оживленную торговлю. Мѣстныя горскія племена не разъ вступали въ этихъ тѣснинахъ въ кровавый бой съ иноземцами, защищая эти мѣста отъ ихъ вторженія. Въ 1841 г., въ первые годы занятія побережья русскими, здѣсь возведено было укрѣпленіе для защиты Абхазіи отъ вторженій въ нее убыховъ съ сѣвера, уничтоженное во время войны 1855 года. Въ 1857 г. на развалинахъ крѣпости устроенъ былъ военный лазаретъ, уничтоженный въ 1876 г. Въ 1891—2 г.г. помѣщеніе лазарета служило мѣстомъ жилья для рабочихъ, устраивавшихъ голодное Анненковское шоссе. Теперь же небольшая часть его обращена въ помѣщеніе для надобностей инженернаго вѣдомства, а большая часть зданій безжалостно расхищается по камнямъ окрестными жителями на постройки.

Такимъ образомъ Гагринскія тѣснины еще въ отдаленномъ прошломъ видѣли счастливые времена кипучей жизни. Живыми свидѣтелями былой культуры являются сохранившіеся здѣсь остатки древняго храма, воздвигнутаго, по предположеніямъ, еще въ VI вѣкѣ. «Теперь же... теперь размышляя о славномъ прошломъ Гагры,—говоритъ проф. Пастернацкій [1])—мы чувствовали себя на историческомъ кладбищѣ; развалины, словно разрушенныя надмогильные памятники, еще болѣе способствовали этому впечатлѣнію»... «Странное чувство овладѣло нами при видѣ Гагры и его развалинъ»...—сколько усиленнаго труда и средствъ и сколько народныхъ силъ затрачено было здѣсь на насажденіе культуры греческой, римской, горской, генуэзской, венеціанской... и вотъ «пришли русскіе, и страна, имѣвшая болѣе чѣмъ 2000-лѣтнюю древность, опустѣла. Какимъ то смертельнымъ холодомъ вѣетъ

---

1) Черном. побер., 164—165.

отъ этихъ сѣрыхъ развалинъ. Зловѣще высятся надъ ними неприступныя горы. Кругомъ ни звука, кромѣ глухого ропота горнаго потока да грознаго раската морскимъ волнъ, подступающихъ къ развалинамъ, какъ-бы съ намѣреніемъ окончательно стереть Гагры съ лица земли»... Всѣ изслѣдователи и писатели, видѣвшіе Гагры, совершенно правильно описываютъ ихъ грозно-живописными, мрачно величественными. Высокія крутыя горы, величественное мрачное ущелье, узкая береговая полоса около моря, развалины крѣпости и церкви около ущелья и тутъ же нѣсколько жилыхъ построекъ, конюшни, бараки для рабочихъ, а выше на скалѣ—на 75 с. высоты надъ уровнемъ моря новое грандіозное зданіе «курорта», южная растительность вокругъ и то грозное, то ласкающее море внизу—вотъ Гагры—эта «русская Ницца», доступная только вліянію моря и закрытая отъ холодныхъ вѣтровъ цѣпью зеленыхъ горъ. По мнѣнію проф. Воейкова растительность и весь обликъ Гагръ напоминаютъ знаменитую chemin de Corniche, построенную Наполеономъ по сѣверному побережью Средиземнаго моря, но только мѣстная дикая растительность здѣсь богаче. Проф. Красновъ также держится мнѣнія, что здѣсь кажется всѣ условія соединились для того, чтобы создать самую южную растительность на побережьѣ; но именно поэтому онъ находитъ, что мѣстная растительность гораздо менѣе роскошна, чѣмъ, повидимому, можно было бы ожидать при данныхъ условіяхъ. Онъ вполнѣ соглашается съ проф. Воейковымъ, что «теоретически» Гагры должны быть «самымъ теплымъ мѣстомъ на всемъ побережьѣ» благодаря его теплой сухой известковой почвѣ, отличной защитности отъ холодныхъ вѣтровъ и полной открытости теплымъ вѣтрамъ и вліянію моря. Но онъ неувѣренъ въ томъ, что и въ этомъ отношеніи теорія вполнѣ подтверждается дѣйствительностью: «проведите—говоритъ онъ [1])—ночь, какъ то пришлось мнѣ, противъ ущелья Джоэквара вблизи крѣпости и вы *замерзнете* отъ холода. Сочинскіе жители не знаютъ *такого пронизывающаго сквозняка*». Однако онъ все-таки находитъ, что «въ

[1]) Недѣля 1901 № 1.

Települ Гаграхъ вы уже чувствуете себя въ Закавказьѣ. Это—обстановка долинъ Ріона, окрестностей Кутаиса, это—настоящій югъ, а не неопредѣленная переходная полоса Сочинскаго района»... Во всякомъ случаѣ это одно изъ теплѣйшихъ мѣстъ побережья, но въ этомъ, пожалуй, и горе! Южное солнце здѣсь жжетъ безпощадно, въ безвѣтренную погоду здѣсь душно и жарко «какъ нигдѣ на южномъ побережьѣ», потому что Гагры доступны только вѣтрамъ съ моря и не вентилируются горными вѣтрами съ ледяныхъ горъ. Покрывающая горныя откосы травянистая растительность здѣсь вымираетъ къ концу лѣта подъ вліяніемъ жары и природа носитъ пожелтѣлый осенній характеръ, совсѣмъ не похожій на тотъ полный свѣжести ландшафтъ, которымъ въ это же время можно наслаждаться нѣсколько сѣвернѣе—въ Сочинскомъ районѣ. Что касается замѣчательной красоты Гагринскаго пейзажа, то она имѣетъ ту слабую сторону, что за обступающими Гагры высокими зелеными горами скрывается прелестный видъ на стоящія сзади снѣговыя горы; изъ самихъ же Гагръ видно только море и море.

Пляжъ для купанья здѣсь удобный, бухта очень красивая и сравнительно защищенная [1]). По мнѣнію проф. Воейкова, климатъ здоровъ и «*врядъ-ли* зима холоднѣе, чѣмъ въ Сухумѣ»; но «къ сожалѣнію, эта чудная мѣстность *въ полномъ запустѣніи*, лишь въ верстахъ пяти къ В. начинаются поля и хаты» (далѣе, гдѣ шоссе удаляется отъ берега и входитъ въ холмистую Абхазію населеніе уже становится нѣсколько гуще). По заявленію всѣхъ, касавшихся этого вопроса, изслѣдователей, лихорадки здѣсь отсутствуютъ, вода ключевая и здоровая, но... «но пока жить здѣсь *почти негдѣ и ѣсть почти нечего*» [2]). Впрочемъ, въ данное время въ Гаграхъ уже устроено роскошное, грандіозное, дорогое помѣщеніе курорта на средства принца А. П. Ольденбургскаго, получившаго въ свое пользованіе въ прилегающей мѣстности 15000 дес. казенной земли, изъ которыхъ онъ 1000 дес. пріобрѣтаетъ

[1]) хотя не всегда безопасная для стоянки судовъ,—см. Карльгофъ, „Военно-статистич. обозрѣніе“, стр. 16.

[2]) Москвичъ. Путеводитель по Кавказу. 1900 г.

отъ казны по 30 р. за дес., а 1000 дес. можетъ распродать частнымъ лицамъ [1]). Но это курортъ «дорогой, блестящій, который несомнѣнно могутъ посѣщать *одни только богатыя лица.* Людямъ *средняго* достатка жить въ Гаграхъ *немыслимо*, можно только пріѣхать на одинъ—на два дня, чтобы «побачить», какъ говорятъ малороссы» [2]). При томъ, узкая береговая полоса земли у самыхъ Гагръ, къ сожалѣнію, представляетъ небольшую площадь недостаточную для образованія на ней сколько-нибудь значительнаго курорта. Правда, что эта полоса можетъ быть отчасти расширена включеніемъ въ нее прилегающихъ горныхъ склоновъ, но не слѣдуетъ забывать, что тамъ на склонахъ, жара бываетъ еще сильнѣе, еще тягостнѣе, чѣмъ въ самихъ Гаграхъ. Таковъ новомодный курортъ, называемый Гаграми [3]).

Съ Гагръ, какъ было сказано, начинается Кутаисская губернія,—собственно Сухумскій ея уѣздъ. Въ климатическомъ и флористическомъ отношеніи «Сухумскій отдѣлъ въ сѣверо-западной его части отъ Гагръ и до Сухума, по мнѣнію проф. Пастернацкаго, можно сравнить съ побережьемъ Ривьеры отъ Каппа до Санъ-Ремо, которая у французовъ носитъ названіе corniche». Однако не надо очень увлекаться указаннымъ сходствомъ. Уже въ 8 верстахъ на югъ отъ Гагры постепенно понижающаяся мѣстность, переходитъ хотя и въ очень плодородную, но чрезвычайно нездоровую лихорадочную Пицундскую низину по теченію рѣки Бзыбъ [4]).

---

[1]) Васюковъ С. П. «Край гордой красоты», стр. 140.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Кстати, Гагры въ исторіи извѣстны тѣмъ, что тамъ убитъ былъ горцами писатель Марлинскій.

[4]) «Съ укрѣпленія Св. Духа (нынѣшній Адлеръ)—говорится у Карльгофа въ «Военно-статистическ. обозрѣніи вост. бер. Черн. моря», 1853 г.,—начинается *абхазскій климатъ* и продолжается *въ одинаковой степени злокачественности,* хотя и не подъ этимъ названіемъ, до самой турецкой границы». «Абхазія пользуется особою извѣстностью по губительному своему климату, за исключеніемъ возвышенныхъ ея плоскостей Псху и Цебельды, имѣющихъ благорастворенный и здоровый воздухъ».

Мѣстечко Пицунда, древній Pythius византійцевъ, было прежде обширнымъ и важнымъ городомъ, извѣстнымъ по Страбону еще за 66 лѣтъ до Р. Х. Въ Пицундскомъ монастырѣ умеръ находившійся въ ссылкѣ Хризостомъ (св. Іоаннъ Златоустъ). Пицундскій храмъ построенъ въ 551 году Юстиніаномъ I въ сосновой рощѣ близъ моря въ память Софіи (вслѣдствіе чего и Пицундскій мысъ въ тѣ времена назывался моряками Capo santa Sofia). Онъ долгое время лежалъ въ развалинахъ и возобновленъ былъ въ 1885 г. Возобновлѣніе это произведено на средства Ново-Афонскаго монастыря, въ вѣдѣніе котораго переданъ Пицундскій храмъ съ окружающей его «рѣдкостной» сосновой рощей въ 420 дес. Ново-Афонскій монастырь получилъ здѣсь надѣлъ въ 1049 дес. и богатое рыбою озеро Инкитъ. Теперь на мѣстѣ этого уголка, служившаго византійцамъ мѣстомъ ссылки и обращеннаго затѣмъ генуэзцами въ самый оживленный торговый пунктъ Черноморскаго побережья Кавказа, производится за счетъ Ново-Афонскаго монастыря, расчистка заглохшихъ и запущенныхъ окрестностей Пицунды. Веселый пейзажъ блещущихъ изобиліемъ зелени окрестностей Пицунды представляетъ рѣзкій контрастъ угрюмому грандіозному ландшафту Гагръ. Это одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ *зеленыхъ* угловъ побережья, которыя какъ Сочи, какъ Гадаутъ, Афонъ, Сухумъ и масса другихъ мною не названныхъ, а часто и неимѣющихъ названій пунктовъ, вѣрнѣе, какъ почти все побережье, начиная по крайней мѣрѣ отъ Туапсе, производитъ на человѣка посѣщающаго это побережье впервые, «первое и самое сильное *впечатлѣніе зелени свѣжей, яркой, веселой зелени»*. «Впечатлѣніе бываетъ тѣмъ сильнѣе, что проѣзжая ранѣе берегами Крыма, путешественникъ видитъ передъ собой однѣ (почти) голыя, сѣрыя скалы, покрытыя тамъ и сямъ тощей растительностью, на восточной же окраинѣ Крыма между Ѳеодосіей и Керчью, берега представляютъ настоящую пустыню, гдѣ глазъ не встрѣчаетъ ни кустика»[1])....

---

[1]) См. «Землевѣдѣніе» 1896 т. III. «Очерки растительности Колхиды», статья Н. М. Альбова.

Несмотря однако на роскошь зелени Пицундской низины, на тотъ яркій контрастъ, который она представляетъ своеобразному ландшафту Гагръ, окрестности Пицунды не болѣе какъ.... «грандіозная пустыня зелени, яркая, живописная, *но... пустыня.* Въ самомъ дѣлѣ на огромномъ пространствѣ церковь, монахи, маякъ и только!... Впрочемъ забылъ: въ 6 верст. отъ Пицунды среди зелени лѣса притаилась и скрывается жалкая абхазская деревушка Лзоа»...[1]) и тутъ же свила крѣпкое гнѣздо зловредная малярія.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Пицунды находится слѣдующая пароходная пристань Гадаутъ, у которой пароходъ опять останавливается вдали отъ берега. Гадаутъ—это и селеніе и оживленное торговое мѣстечко, расположенное въ плодородной мѣстности на берегу рѣки того же имени, на возвышенной террасѣ около моря. Это—одинъ изъ наикрасивѣйшихъ пунктовъ побережья, гдѣ неописуемая прелесть пейзажа зависитъ отъ дивнаго сочетанія красотъ сверкающаго на солнцѣ снѣжнаго хребта съ красотами прибрежныхъ зеленыхъ горъ, ущелій, лощинъ и предгорій, съ красотою свободно раскинувшейся прибрежной долины и плещущаго у ея подножія моря. Море воды то гладкой, какъ зеркало, то грозно волнующейся, то лазурное, нѣжно-голубое, или синее, то мрачное, почти черное, сѣдое, рокочущее и—море зелени, разнообразной, роскошной, всѣхъ тоновъ и оттѣнковъ,— зелени, прихотливо раскинувшейся въ долинѣ, въ ущельяхъ, по широкимъ переваламъ, по узорчатому рельефу предгорій! И позади всего этого, какъ роскошная рамка чудной картины, величавый горный хребетъ съ цѣлымъ моремъ снѣговъ, то окутанныхъ мрачными тучами, или засланныхъ легкимъ флеромъ тумана, то ярко-бѣлыхъ, или отливающихъ фіолетовыми, розовыми, багровыми оттѣнками. Небольшая красивая бухта съ удобнымъ купаньемъ, свободно раскинувшееся, оживленное селеніе съ широкими улицами и небольшимъ бульваромъ у моря, съ разнообразнымъ населеніемъ изъ грековъ, турокъ, русскихъ, абхазцевъ, мингрельцевъ, смѣшеніе

---

[1]) С. Н. Васюковъ. «Край гордой красоты», стр. 146.

русскихъ построекъ съ постройками мѣстнаго типа, кофейни, духаны, уличная жизнь подъ теплымъ южнымъ небомъ, богатая растительность, изобиліе цвѣтущихъ деревьевъ. Все это незатѣйливо, просто, разнообразно, оригинально, красиво; все это интересно и стоитъ, очень стоитъ повидать. Но... но улицы немощены и въ сырую погоду очень грязны... Но въ Гадаутѣ бываютъ лихорадки .. Но, по мнѣнію проф. Пастернацкаго, «въ климатическомъ отношеніи Гадаутъ едва ли заслуживаетъ вниманія»... За то почвенныя условія весьма благопріятныя, условія для разнообразныхъ культуръ самыя подходящія, сады процвѣтаютъ и даютъ прекрасные фрукты, табакъ родится роскошно... Но съ 1902 г. въ Гадаутѣ, гдѣ до этого времени, не въ примѣръ остальному побережью, запрещалась продажа земельныхъ участковъ, разрѣшены отводы ихъ частнымъ лицамъ въ аренду на условіяхъ выкупа и, такимъ образомъ, Гадаутъ пріобщенъ уже къ побережной спекулятивно-земельной горячкѣ. Кромѣ того, въ скоромъ времени ожидается, по слухамъ, введеніе въ немъ городового положенія, т. е. обращеніе въ городъ-курортъ какъ Сочи, какъ Хоста, какъ Романовскъ...

Какъ ѣдущему повидать побережье нельзя не посѣтить Новаго Афона, такъ и описывающему это побережье нельзя не сказать о немъ нѣсколько словъ, хотя его описаніе и не можетъ представить интереса съ точки зрѣнія вопросовъ колонизаціи, «заселенія и оживленія», выясненіе которыхъ составляетъ одну изъ главныхъ задачъ предлежащихъ «очерковъ». Полоса годныхъ подъ культуру прибрежныхъ земель вообще такъ не велика на побережьѣ, что нельзя обойти молчаніемъ вопросъ о положеніи тѣхъ тысячъ десятинъ ея, которыя отведены Новому Афону.

Роль и значеніе долины рѣчки Псыртсхи и прилегающей къ ней части побережья—ихъ будущее, даже болѣе или менѣе отдаленное, достаточно уже опредѣлились самимъ обращеніемъ этой мѣстности въ вѣдѣніе Новороссійскаго монастыря путемъ отвода ему (въ 1877 г. при его открытіи и частію въ 1898 г.) земли въ количествѣ 3899 дес. Изъ этой земли теперь подъ культурою 139 дес., въ томъ числѣ подъ высшими культурами 79 дес.,

а 60 д. подъ хлѣбопашествомъ и посѣвами клевера. Слѣдовательно 3760 дес. надѣленной здѣсь монастырю земли лежитъ пока впустѣ—несмотря на то, что «крошечное афонское гнѣздышко, пріютившееся среди нетронутаго горнаго міра, во всемъ его суровомъ величіи, болѣе всего поражаетъ кипучей дѣятельностью трудолюбивой братіи;—нѣтъ той отрасли сельскаго хозяйства, которая не обрабатывалась бы и при томъ весьма образцово. Монастырь завелъ у себя строгій порядокъ,—всюду видны слѣды заботливой руки, выхолившей каждый виноградный кустикъ, старательно, съ соблюденіемъ симметріи, посадившей каждый экземпляръ изъ числа многихъ, имѣющихся здѣсь образчиковъ богатой южной флоры» [1])...

Такимъ образомъ дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ. Монастырю, живущему какъ большинство монастырей, на средства, притекающія извнѣ, въ сущности, и нѣтъ нужды спѣшить съ расширеніемъ культуры ради извлеченія дохода съ возможно большаго пространства земли. Напротивъ одною изъ его задачъ на первыхъ же порахъ существованія, при неизбѣжномъ недостаткѣ средствъ и силъ въ первое время, сама собою являлась забота о внѣшней, такъ сказ., казовой сторонѣ дѣла,—о той внѣшней благоустроенности, хозяйственности, «симметріи», благочиніи и благолѣпіи, стоустая молва о которыхъ превлекала бы поломниковъ съ ихъ доброхотными жертвами. И въ этомъ отношеніи Ново-Афонскій монастырь несомнѣнно достигъ своей цѣли. Онъ въ высшей степени умѣло воспользовался для этого естественною красотою даннаго мѣста, образцово утилизировалъ и сами по себѣ очень богатыя дары мѣстной природы, ввелъ и можно сказать взлелѣялъ у себя такія высокія культуры, о которыхъ до него не было здѣсь и помину. Теперь онъ уже достигъ того, что молва о красотѣ и благолѣпіи «гнѣздышка» дѣйствительно распространилась по «святой Руси». И, если бы захотѣлъ и если бъ это понадобилось, то могъ бы теперь начать распространять культуру въ ширь своего громаднаго надѣла, потому что главное

---

[1]) Г. Москвичъ. Путеводитель по Кавказу, 1900 г.

дѣло уже сдѣлано: вниманіе привлечено, средства получены и «рука дающаго не оскудѣваетъ»... Такимъ образомъ Ново-Афонскій монастырь являетъ собою «поучительный для мѣстнаго населенія примѣръ» замѣчательнаго умѣнья воспользоваться всѣми дарами и силами природы, примѣръ образцоваго хозяйничанья, образцы умѣлаго воздѣлыванія цѣнныхъ культурныхъ растеній. Въ этомъ такъ сказать качественная сторона дѣла. Но при сужденіи о значеніи ея не слѣдуетъ все-таки забывать тѣхъ совершенно особенныхъ условій, при которыхъ созидалась въ этомъ «крошечномъ гнѣздышкѣ» вся эта высокая культура, эти «симметрія», благолѣпіе и благоустройство. Всѣхъ монашествующихъ, доставляющихъ, слѣдовательно, даровой трудъ, въ настоящее время 750 человѣкъ, постоянныхъ нанятыхъ рабочихъ 280, оборотный капиталъ непрерывно пополняется доброхотными даяніями, да и не безъ того, чтобы посильно не «постарались для святыни» своими руками и тѣ поломники изъ простонародья, которые, приходя помолиться, живутъ здѣсь по нѣскольку дней на недорогомъ монастырскомъ иждивеніи. И вся эта масса труда и средствъ, начиная съ 1877 г., была употреблена на «крошечный уголокъ», успѣвшій пока распространить свою культуру на 137 дес., изъ которыхъ собственно подъ высшими культурами 79. Хозяйство—несомнѣнно образцово устроенное; но такое хозяйство—не примѣръ для обыкновенныхъ смертныхъ—для частныхъ предпринимателей или жителей окрестныхъ селеній. Это—*только* образчикъ того, *что* можно сдѣлать здѣсь при *тѣхъ условіяхъ*, какими обладалъ монастырь, и только показатель тѣхъ культуръ, которыя возможны въ данной мѣстности *при соотвѣтствующихъ обстановкѣ и уходѣ*, потому что, гдѣ же вы найдете частныхъ владѣльцевъ или тѣмъ болѣе простыхъ сельскихъ жителей, обладающихъ почти тѣми же силами и средствами, какими обладалъ Новый Афонъ?..

Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія культурное значеніе Новаго Афона не такъ ужъ велико, почему и искать его приходится не въ этомъ, а скорѣе въ просвѣтительной и благотворительной дѣятельности обители. Въ монастырѣ имѣются грандіозный выдающійся по изяществу архитектуры соборный

храмъ и кромѣ него еще пять церквей. Обширныя помѣщенія для братіи, для служащихъ, гостинницы для богомольцевъ, масса хозяйственныхъ построекъ, свои прекрасные обширные кирпичные заводы, каменноломни, своя водяная мельница, свои огороды, свои прекрасно устроенные сады, виноградники, апельсинныя, лимонныя и оливковыя рощи, образцовая ферма, конскій заводъ, большая пасѣка, своя больница, аптека, врачъ, лавка для продажи церковныхъ предметовъ и, наконецъ, своя школа. Таковы главнѣйшія учрежденія обители, изъ которыхъ однако даже и такія, какъ больница и аптека, устроены для нуждъ обители же,—такъ сказать для себя, а только школа—для другихъ. Школа основана съ миссіонерскими цѣлями, такъ какъ ради этихъ именно цѣлей правительство и оказывало покровительство основанію здѣсь Ново-Афонской обители. Учреждена она одновременно съ основаніемъ обители, но разсчитана только на 20 учениковъ, которые и состоятъ обыкновенно на полномъ содержаніи монастыря. Не считая учителя, весь составъ служащихъ при школѣ, начиная съ завѣдывающаго ею, состоитъ обыкновенно исключительно изъ монашествующихъ, «вслѣдстіе чего школа носитъ строго монастырскій характеръ, который придаетъ свой отпечатокъ и самому внутреннему складу ученической жизни»[1]) Всѣ они родомъ абхазцы, почему и предполагается, что по окончаніи курса, они окажутся естественными просвѣтителями своихъ «коснѣющихъ въ невѣжествѣ язычества» сородичей. Изъ окончившихъ до сихъ поръ (т. е. съ 1877 г.) курсъ 64 учениковъ, одинъ, по окончаніи военнаго училища, служитъ офицеромъ, одинъ учится на механическомъ заводѣ въ Новороссійскѣ, двое были потомъ учителями этой же монастырской школы, двое служатъ священниками и двое псаломщиками, нѣсколько человѣкъ поступило въ учительскія семинаріи и, слѣдовательно, сдѣлались (или будутъ затѣмъ) учителями въ разныхъ мѣстахъ, остальные возвратились въ свои семьи. Таковы данныя, характеризующія

---

[1]) Уманецъ, С. И. «на Новомъ Афонѣ», «Истор. Вѣстн. 1902 г. № 4.

просвѣтительное значеніе обители. Нельзя по этому поводу не повторить слова покойнаго Е. Маркова [1]): «жаль только, что эта сторона дѣятельности Новаго Афона развивается далеко не такъ успѣшно и энергично, какъ его собственное благосостояніе. Двадцать учениковъ—слишкомъ ничтожное число для цѣлой страны полуязыческой дикости и невѣжества»... «Въ настоящее время, когда средства обители возрасли такъ значительно, что дали возможность украсить монастырь громадными дорого-стоющими зданіями и раскошными садами, обставить его всевозможными удобствами и усовершенствованіями,—надо надѣяться»... и проч. Такимъ образомъ вопросъ о дѣйствительно просвѣтительной роли Афона, это, пока еще вопросъ будущаго. Поговоримъ же пока объ его настоящемъ.

Свѣтлымъ раннимъ утромъ пароходъ нашъ подошелъ къ Новому Афону. Видныя обыкновенно съ моря снѣжныя вершины главнаго кавказскаго хребта были еще застланы пленкою утренняго тумана. Но ближайшія перспективы, какъ на ладони. Слѣва на остроконечной вершинѣ огромной Иверской горы надъ темной зеленью чинаровъ, дубовъ и лавровъ виднѣются развалины римской крѣпости временъ Траяна и кажущаяся совсѣмъ маленькою иверская часовня. Прямо передъ нами открываются пышно заросшія лѣсами зеленыя горы Афона во всей красѣ прекраснаго горнаго пейзажа, изукрашеннаго живописно расположившимися зданіями и церквами. Надо сказать правду, что безъ этихъ зданій, ярко выдѣляющихся на зеленомъ фонѣ горъ своею бѣлизною, безъ этого высоко поднятаго на подножіе горъ и высящагося надъ всѣми зданіями величественнаго храма св. Пантелеймона, картина, несмотря на всю свою самобытную красоту, несомнѣнно много теряла бы въ блескѣ и оживленіи. Прекрасный горный пейзажъ казался бы и пустыннымъ и болѣе мрачнымъ. Его оживленію много способствуетъ также и многочисленныя аллеи вы-

[1]) «Русскій уголокъ» «Недѣля», 1900 г. № 3. Обращаю кстати вниманіе, что вездѣ, гдѣ я упоминаю «Недѣлю», надо подразумѣвать такъ назыв. «Книжки Недѣли».

сящихся къ небу стройныхъ кипарисовъ, низбѣгающихъ отъ храма св. Пантелеймона къ роскошнымъ кристальнымъ прудамъ у устья р. Псыртсхи и красивое сочетаніе разнообразной зелени виноградниковъ, фруктовыхъ и пальмовыхъ садовъ, оливковыхъ, апельсинныхъ и лимонныхъ рощицъ и рощъ.

На берегу, около зданій такъ назыв. гостинницъ, снуютъ люди; на пристани, о желѣзо которой разбиваются прибойныя волны, толпа любопытныхъ. Одинъ за другимъ мы выходимъ на нее изъ биткомъ набитыхъ фелюгъ, выѣзжавшихъ къ остановившемуся на якорь пароходу. Пристань эта здѣсь только для того, чтобы удобнѣе было причаливать фелюгамъ, которыя однако въ бурную погоду даже и при наличности пристани бываютъ не въ силахъ выйти въ море на встрѣчу пароходу. Тутъ, на пристани, мы топчемся довольно долго, не зная куда направиться, или, вѣрнѣе, куда направятъ насъ хозяева обители—монахи, вышедшіе на встрѣчу пассажирамъ. Они присматриваются къ пассажирамъ, о чемъ то совѣтуются другъ съ другомъ, оглядываютъ пассажировъ съ ногъ до головы и постепенно отсылаютъ насъ группами подъ командою кого-нибудь изъ монаховъ. Мы чувствуемъ себя въ полной власти этихъ хозяевъ сей красивой обители и безропотно шествуемъ туда, куда насъ ведутъ и отдаемъ свои паспорты по первому требованію [1]). Протестовать— и то слабо—пробую я только тогда, когда меня разлучаютъ съ женою, разводя насъ по разнымъ померамъ, находящимся далеко другъ отъ друга. Мой слабый протестъ быстро смиряется однако передъ вразумительнымъ разъясненіемъ разводящаго хозяина, что такое разлученіе необходимо «во избѣжаніе соблазна» и я внѣдряюсь въ одну келію съ какимъ то сумрачнымъ господиномъ, тоже, какъ оказывается, разлученнымъ съ своей супругой. Супружество это по какимъ-то непріятностямъ судьбы осталось въ Сухумѣ безъ квартиры и заработка

---

[1]) Потомъ ихъ возвращаютъ только при выѣздѣ изъ монастыря съ предложеніемъ пойти за ними къ отцу-гостиннику, который, возвращая виды, предлагаетъ книгу для записи добровольнаго посильнаго пожертвованія на обитель.

и четвертый день уже «говѣетъ» въ обители, испросивъ разрѣшенія поговѣть (на иждивеніи обители) еще съ недѣлю. Это дѣлаетъ сожительство съ нимъ крайне неудобнымъ, потому что сумрачный сожитель вскакиваетъ ночью къ каждому «бдѣнію» и будитъ своимъ хожденіемъ; днемъ же онъ смущаетъ меня мрачнымъ видомъ, съ которымъ, въ промежутки между трапезами, поѣдаетъ взятый въ запасъ монастырскій хлѣбъ и тайно сорванныя въ монастырскихъ садахъ фрукты. Но пока я радъ и этому, потому что имѣю возможность сложить куда-нибудь свой дорожный багажъ, умыться и вообще привести себя въ порядокъ.

Когда я выхожу въ корридоръ, тамъ уже съ унылымъ видомъ слоняются изъ одного конца въ другой прибывшіе вмѣстѣ съ нами пассажиры, съ нетерпѣніемъ ожидая утренняго чая. Публика что называется «средненькая» и держитъ себя просто, безъ жеманства, и особыхъ стѣсненій, вслухъ остритъ надъ своимъ положеніемъ людей съ пустыми желудками, «чающихъ движенія воды»... Вѣроятно помятый и неумытый видъ мой и моихъ спутниковъ произвелъ на встрѣчавшихъ монаховъ не совсѣмъ отрадное впечатлѣніе: оказывается, что насъ помѣстили въ номера для средней публики, тогда какъ кое-кого изъ ѣхавшихъ одновременно съ нами на пароходѣ отвели въ такъ наз. «дворянское отдѣленіе». Поэтому нѣкоторые изъ пассажировъ съ завистью посматриваютъ чрезъ окна на номера для «благородной» публики, гдѣ по ихъ предположенію уже началась чайная трапеза.

Двухдневное наше пребываніе въ обители проходитъ въ осмотрѣ достопримѣчательностей и окрестностей монастыря, которыхъ я однако описывать не буду, потому что онѣ подробно описаны до меня. Достопримѣчательностей этихъ, въ видѣ разнообразнѣйшихъ тропическихъ культуръ, садовъ и рощъ, наконецъ, прудовъ съ лебедями, фонтановъ, водопада, пещеръ, огромной картины масляными красками подъ открытымъ небомъ на стѣнѣ отвѣсной скалы, многочисленныхъ отдѣльныхъ живописныхъ пунктовъ въ обители, грандіознѣйшаго вида на море, видовъ развалинъ римской крѣпости на Иверской горѣ съ окрестностями и пр. и пр., такъ много, что для бѣглаго осмотра ихъ едва хватитъ двухъ—

трехъ дней, обычно употребляемыхъ паломниками на посѣщеніе обители.

Несмотря на жару, гористость мѣстности и довольно значительныя разстоянія, осмотры эти приходится производить пѣшкомъ, что, конечно, въ концѣ концовъ сильно утомляетъ. Оказывается однако, что для нѣкоторыхъ «почетныхъ» посѣтителей монастыря дѣлается исключеніе и монастырь предоставляетъ имъ своихъ лошадей и экипажи для такихъ поѣздокъ. Въ первый же день нашего посѣщенія монастыря мы, дѣйствительно, наткнулись на довольно умилительную сцену посадки въ монастырскую коляску какой-то старомодно, но богато одѣтой пожилой дамы.

— Благотворительница большая, женщина добродѣтельная и въ отношеніи обители нашей весьма заботливая. Отлила нашему храму во имя Великомученика и Цѣлителя Пантелеймона большой колоколъ и посѣщаетъ монастырь по времени, не забывая о его существованіи, а также и поклониться св. угодникамъ... Радѣетъ о души-спасеніи, входя въ насущныя нужды обители. Надѣемся, что и впредь, по произволенію свыше, не оставитъ ее своимъ вниманіемъ!—пояснилъ намъ одинъ изъ подсаживавшихъ ее иноковъ.

Однако главное неудобство этихъ прогулокъ для осмотра достопримѣчательностей и окрестностей монастыря заключалось не въ необходимости совершать ихъ пѣшкомъ, а въ другомъ обстоятельствѣ. Въ монастырѣ нельзя купить ничего съѣстного и потому неизбѣжно надо считаться съ временемъ, установленнымъ для трапезъ. При посѣщеніи болѣе отдаленныхъ пунктовъ, какъ напр. Иверской горы, это безусловно невозможно, приходится неизбѣжно пропускать одну изъ трапезъ. Между тѣмъ трапезы эти, несмотря на обиліе подаваемаго, насыщали насъ, по непривычкѣ къ такого рода пищѣ, довольно плохо: то подадутъ соленый «сыръ» (великорусскій «творогъ»), сильно потемнѣвшій вслѣдствіе давности своего происхожденія, то—по случаю скоромнаго дня—введутъ въ меню трапезы пересоленую рыбу весьма непрезентабельнаго вида, при употребленіи которой невольно задаешься вопросомъ объ историческомъ происхожденіи этого продукта потребленія и

т. п. Правда, что принимая во вниманіе, съ одной стороны, способствующій скорой порчѣ продуктовъ жаркій климатъ, съ другой, количество богомольцевъ (за трапезу насъ садилось человѣкъ 200, а сколько ихъ было еще «въ третьемъ классѣ»!) трудно и претендовать на лучшую пищу. Правда, что намъ давали въ то же время къ каждой трапезѣ въ достаточномъ количествѣ даже и мѣстное вино изъ винограда изабелла. Впрочемъ, вино было порядочно кислое, такъ что я отличилъ его отъ уксуса лишь потому, что выпилъ случайно того и другого: имѣя передъ собою два наполненныхъ красноватой жидкостью графинчика, сначала я налилъ себѣ именно уксуса. Такимъ образомъ, я на опытѣ могъ убѣдиться, что уксусъ несомнѣнно кислѣе вина.

Каждый рейсовый пароходъ привозитъ обыкновенно въ монастырь все новыхъ и новыхъ богомольцевъ. Уже въ восьмидесятыхъ годахъ [1]) каждый пароходъ привозилъ ихъ отъ 10—30 человѣкъ—«преимущественно изъ Черноморья [2]) и Кубанской области»—а къ храмовымъ праздникамъ число ихъ доходило и до 500 человѣкъ. Теперь число богомольцевъ гораздо многочисленнѣе и увеличивается съ каждымъ годомъ; Новый Афонъ привлекаетъ уже паломниковъ не только съ Кубани и Черноморья, но изъ всѣхъ частей Россіи. «Тутъ уже—говоритъ Е. Марковъ [3])—подлинная православная Русь, несмотря на Абхазію. Русскіе бородачи и русскія бабы, родныя фигуры русскихъ солдатиковъ и мастеровыхъ наполняютъ дворы и улицы»... Свитки, азямы, кожухи, армяки, кафтаны, спинжаки, очипки, спидницы, все это соединяется въ оживленную пеструю толпу, двигающуюся въ разныхъ направленіяхъ по кипарисовымъ аллеямъ Афона. Тутъ, дѣйствительно, можно найти чуть ли не всѣхъ представителей «подлинной православной Руси»; не видно только папахъ и черкесокъ абхазцевъ, тѣхъ абхазцевъ, ради просвѣщенія которыхъ и устроенъ этотъ монастырь.

---

[1]) См. А. Л. «Абхазія и въ ней Ново-Афонскій симоно-канаитскій монастырь», Москва, 1885 г., стр. 104.

[2]) Названіе, присвоенное исключительно Томанскому краю, служившему мѣстомъ поселенія черноморскихъ козаковъ въ концѣ XVIII в.

[3]) «Недѣля», 1900 № 3, стр. 109.

Все это очень интересно, все это безусловно стоитъ посмотрѣть; но когда обойдешь и увидишь главнѣйшее, начинаешь почему то чувствовать не то скуку, не то какую то никчѣмность и ненужность свою въ этомъ мѣстѣ. Хочется скорѣе возвратиться «въ жилое мѣсто», въ обычную обстановку, къ живымъ людямъ. При томъ же я думаю, что продолжительное пребываніе на Афонѣ и не безопасно для здоровья—въ отношеніи возможности получить малярію. Мѣстность около прудовъ безусловно очень сырая, почва пропитанная влагой. Въ монастырской больницѣ постоянно имѣется извѣстный процентъ больныхъ исключительно маляріей. Новый Афонъ вообще извѣстенъ несвободностью отъ маляріи.

Для характеристики его климатическихъ условій весьма небезъинтересно привести кстати выдержки изъ «метеорологическихъ наблюденій», записанныхъ въ восьмидесятыхъ годахъ[1]):

«5 марта 1880 г. выпалъ на Псыртсхѣ снѣгъ по колѣни; 8 числа прибавилось еще на четверть, снѣгъ лежалъ до 9 числа. Девятаго снова шелъ снѣгъ, 10-го снѣгъ и морозъ. 15 апрѣля 1882 г. послѣдняя топка келій; мартъ и первая половина апрѣля были очень холодны. Въ 1884 г. въ апрѣлѣ въ истопленныхъ келіяхъ было отъ 10 до 13° тепла. Въ маѣ до 22 числа было 15 и 16°; 22 мая былъ первый теплый день: 19° въ комнатахъ и 22° на солнцѣ. 5 іюня на солнцѣ 29°. Жары начались съ половины іюня и продолжались до сентября; въ сентябрѣ дожди». Къ этимъ «метеорологическимъ» записямъ добавлена такая характеристика «климата мѣстности»: «Зима итальянская; морозы доходятъ едва до 3°. Изъ лѣтнихъ мѣсяцевъ май и іюнь хороши, іюль и августъ жарки и требуютъ бережливости отъ лихорадки, но особенно хороши и благопріятны для здоровья сентябрь и октябрь. Лѣтніе жары большею частію умѣряются вѣтрами съ моря, чего *нѣтъ* на Афонской горѣ, гдѣ въ лѣтнія ночи на прибрежьѣ бываетъ *весьма душно и томительно*».

На Афонѣ разводятся маслины, апельсины и лимоны. Но садъ, гдѣ разведены лимоны, апельсины и померанцы, вмѣстѣ съ агавами,

---

[1]) См. А. Л. «Абхазія»... стр. 134.

пальмами и другими экзотическими растеніями, расположенъ на полномъ солнечномъ припекѣ нижняго склона и защищенъ отъ холодныхъ вѣтровъ не только высокою горою, но и каменнымъ заборомъ значительной вышины. Тѣмъ не менѣе въ очень холодную на Побережьѣ зиму 1897—98 г.г. лимонныя деревья очень пострадали отъ холода, что доказываетъ невозможность оставлять ихъ здѣсь на зиму безъ окутыванія.

Между Новымъ Афономъ и Сухумомъ 23 версты и на этомъ протяженіи, параллельно берегу, по ровной плоскости, составляющей подножіе уходящихъ здѣсь отъ берега горъ, тянется весьма удобное шоссе. Небольшіе поселки, населенные преимущественно мелкими арендаторами мѣстныхъ частновладѣльческихъ земель, ушли въ сторону отъ шоссе, расположившись по скатамъ и холмамъ, гдѣ безопаснѣе отъ лихорадокъ. Населеніе ихъ занимается преимущественно табаководствомъ, не проявляя, какъ и большинство случайныхъ арендаторовъ, никакихъ особенныхъ заботъ о поддержаніи плодородія почвы: съ истощеніемъ земли посѣвами табаку, они переходятъ на новые участки, оставляя пустовать заброшенные. Частновладѣльческія земли эти, не въ примѣръ большинству таковыхъ же въ уже описанныхъ мѣстностяхъ (гдѣ онѣ находятся почти исключительно въ рукахъ русскихъ владѣльцевъ) принадлежатъ здѣсь частію прежнимъ абхазскимъ владѣльцамъ: князьямъ Шервашидзе, Лодарію, Амухвари и др. Это, впрочемъ, не мѣшаетъ значительному проценту земель въ нихъ оставаться не культивированнымъ такъ же, какъ и въ имѣніяхъ русскихъ владѣльцевъ этого района. Изъ числа послѣднихъ, во владѣніяхъ г. Богданова также усиленно разводится табакъ, а г. Беклемишевъ устроилъ близъ монастыря плантацію розъ и заводъ душистыхъ маслъ[1]). Хотя культивируемыя земли располо-

---

[1]) Однако по мнѣнію проф. Воейкова («Черн. поб.» отд. III) въ такомъ влажномъ климатѣ, какъ здѣсь, растенія не вырабатываютъ достаточно эфирныхъ маслъ для того, чтобы ихъ выработка была выгодна.

жены по преимущэству около шоссе, гдѣ нерѣдко кромѣ табачныхъ плантацій можно видѣть плантаціи кукурузы, а мѣстами и небольшіе виноградники, однако значительная часть шоссе проходитъ лѣсами. Но, увы, лѣса эти находятся въ жалкомъ видѣ, благодаря безпощадной, по истинѣ варварской вырубкѣ изъ нихъ на продажу заграницу за послѣдніе десятки лѣтъ всего наиболѣе цѣннаго. Цѣнный самшитъ (кавказская пальма) и орѣхъ вырублены почти поголовно. Толстые пни буковъ, дубовъ и грабовъ, на которые здѣсь, для сбереженія отъ чрезмѣрной сырости, накладываются цѣлыми копнами кукурузная солома и сѣно, свидѣтельствуютъ лишь о быломъ величіи этихъ лѣсовъ, представляющихъ теперь перевитое ліанами и истощаемое густоразросшеюся омелой разношерстное мелколѣсье, годное только на плетни и дрова. Мѣстами интервалы между этими лѣсами заняты обширными зарослями выросшихъ на заброшенныхъ поляхъ папоротниковъ,—этого главнаго здѣшняго бурьяна, разростающагося до высоты, при которой всадникъ закрывается ими съ головой. И это въ странѣ, гдѣ въ сравнительно недавнюю пору—еще въ періодъ завоеванія ея русскими—были такія дивныя могучія лѣса,—въ странѣ, гдѣ, бывало, русскіе солдаты употребляли вѣтви лавроваго дерева себѣ па вѣники! [1]) Такое очищеніе отъ лѣса пригородныхъ холмовъ Сухума ради насажденія тамъ высшихъ культуръ отозвалось уже тамъ усыханіемъ водныхъ источниковъ, засыханіемъ и исчезновеніемъ на нихъ нетронутыхъ еще кое-гдѣ остатковъ прежней растительности и даже тѣхъ самыхъ высшихъ культуръ, ради которыхъ произведено это лѣсоистребленіе.

Частновладѣльческія лѣса истребляются, земельныя владѣнія даютъ ничтожный доходъ, земли истощаются или заростаютъ папоротникомъ, неумѣло насаждаемыя на оголенныхъ отъ лѣса и неукрытыхъ отъ солнопека склонахъ «высшія культуры» посыхаютъ, владѣльцы болѣе крупныхъ имѣній поголовно абсентеи-

---

[1]) Когда въ 1836 г. гр. Воронцовъ, посѣтивъ Сухумъ, выразилъ желаніе имѣть нѣсколько вѣтокъ лавроваго дерева, солдаты, думавшіе, что онѣ нужны ему на вѣники, натаскали ему ихъ цѣлый возъ. (Филипсонъ, «Воспоминанія», стр. 196).

руютъ, а земля въ цѣнѣ все растетъ и растетъ! Цѣны на пустующія некультивируемыя земли въ 180—190—200 р. за дес. даже въ сторонѣ отъ шоссе совсѣмъ не рѣдкость, а о цѣнахъ въ пригородномъ районѣ Сухума и говорить нечего! «Земля, удобная для дачъ въ городѣ доходитъ иногда до 50 и даже до 100 руб. за квадратную сажень, а это выходитъ отъ 120—240 тысячъ за десятину [1])». На сколько быстро идетъ повышеніе цѣнъ можно судить потому, что участки, продававшіеся по извѣстной цѣнѣ два года назадъ, теперь идутъ въ продажу уже не по удвоенной цѣнѣ, а по цѣнѣ въ 7—8, а иногда свыше даже чѣмъ въ 10 разъ большей противъ прежней. Явленіе совершенно ненормальное, обусловленное непомѣрнымъ ростомъ спекуляціи землею,—спекуляціи, расчитывающей на прихоти богатыхъ людей, на модное увлеченіе «собственной русской ривьерой», на слухи о замѣчательномъ будущемъ курорта, о проведеніи побережной желѣзной дороги и пр.

При подобныхъ цѣнахъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи объ организаціи сельскихъ поселеній на пріобрѣтенныхъ въ собственность земляхъ, а надѣлы, по крайней мѣрѣ, въ побережной полосѣ, какъ находящейся уже въ частныхъ рукахъ—отвести было бы уже не изъ чего. Остается, слѣдовательно, возможнымъ только поселеніе на правахъ аренды, которое, конечно, не можетъ считаться желательнымъ въ интересахъ ни обезпеченности производительности земли, ни обезпеченности положенія самихъ посельщиковъ. Между тѣмъ хозяйство на земляхъ частныхъ владѣльцевъ положительно не идетъ. Одни предоставили свои земли въ руки арендаторовъ—турецкихъ армянъ и мингрельцевъ, частію грековъ, эстовъ, болгаръ и изрѣдка русскихъ, т. е. оставили ихъ почти на произволъ судьбы,—лишь бы получить съ земель хотя что-нибудь. Другіе, задавшіеся цѣлью введенія «высшихъ культуръ», не считаютъ нужнымъ изучить мѣстныя условія, а руководствуются какъ основнымъ правиломъ, общимъ убѣжденіемъ: «тутъ все растетъ, природа тутъ на все способна и все должно расти, что только ни захочешь!» И садятъ гдѣ что попало, гдѣ кто что вздумалъ,

---

[1]) Е. Марковъ. «Русскій уголокъ Италіи», «Недѣля» 1903 № 3

обыкновенно и не тамъ и не такъ, какъ слѣдуетъ, вырубая, уничтожая при этомъ то, что уже растетъ на своемъ мѣстѣ и успѣшно развивается, оголяютъ почву, затѣмъ получаютъ отрицательные результаты, превращаютъ мѣсто въ пустыню, терпятъ убытки и тогда ищутъ покупателя на землю. Въ тоже время цѣлая серія спекулянтовъ занимается тѣмъ, что скупаетъ такія земли, устраиваетъ на предназначенныхъ къ продажѣ участкахъ соотвѣтственную—«для видимости»—декорацію и успѣшно сбываютъ ихъ съ прибылью тѣшущимъ свою прихоть богачамъ не безъ надежды, что со временемъ этотъ же участокъ можно будетъ перекупить для новой выгодной перепродажи. И дѣла этихъ спекулянтовъ идутъ весьма успѣшно, потому что число охотниковъ на покупку не оскудѣваетъ, а «колонизація» мѣстности виллами и дачами растетъ. Но и она растетъ далеко не въ соотвѣтствіи съ ростомъ цѣнъ на земли: цѣны, можно сказать, скачутъ, какъ сумасшедшія, а расширеніе площади подъ виллами и дачами идетъ сравнительно медленно: въ нѣсколько разъ болѣе медленными шагами, чѣмъ увеличеніе цѣнъ на нихъ. И культурное значеніе этого расширенія весьма слабое: купятъ участокъ, построютъ виллу, устроютъ при ней соотвѣтственную обстановку—декорируютъ пальмами, олеандрами, эвкалиптусами и конецъ всей культурѣ!

При-сухумскія дачи расположены, главнымъ образомъ, по склонамъ горъ въ сѣверо-восточной части окрестностей Сухума,—единственной мѣстности, считающейся безопасною отъ лихорадокъ въ Сухумѣ и его окрестностяхъ; самъ Сухумъ расположенъ на низинѣ и къ нему съ запада прилегаетъ еще бо́льшая низина, извѣстная своими зловредными лихорадками. Эта низина представляетъ оригинальное явленіе: только прибрежная полоса ея немного выше уровня моря и образуетъ естественный барьеръ, защищающій низину отъ заполненія водами моря. По мѣрѣ же удаленія отъ моря, низина, видимо для глаза, понижается все болѣе и болѣе. Она покрыта яркой и сочной травянистой зеленью, но сильно пропитана влагой. Это главный источникъ сухумскихъ лихорадокъ—тѣхъ лихорадокъ, отъ которыхъ, по показаніямъ мѣстныхъ врачей, «люди умираютъ въ два-три дня». Благодаря,

главнымъ образомъ, ей, конечно, въ сороковыхъ годахъ «Сухумъ казался каменнымъ гробомъ: нельзя было встрѣтить свѣжаго здороваго лица, а еще лѣто и не начиналось»[1]). Вопросъ объ осушеніи этой зловредной низины имѣетъ свою исторію, начало которой надо отнести къ тридцатымъ (!) годамъ прошлаго столѣтія. «Здѣсь—говоритъ Филипсонъ о посѣщеніи Сухума въ 1844 г.—было все гнило, ветхо, уныло и болѣзненно. У насъ со временъ Раевскаго шла безконечная переписка объ ассигнованіи суммы на осушку вокругъ крѣпости болотъ, которыхъ міазмы губили несчастныя войска и жителей города»... «Въ Сухумъ мы ежегодно посылали 16% штатнаго числа нижнихъ чиновъ на укомплектованіе, т. е. средняя жизнь считалась почти въ *шесть* лѣтъ. Поневолѣ хочется спросить: по что гибель сія бысть?»[2]) Однако болото это существуетъ и до сихъ поръ. Впрочемъ, къ успокоенію читателя, долженъ сказать, что переписка объ его осушеніи, какъ говорятъ, еще не кончена.

Дальше за этимъ болотомъ извѣстный Сухумскій мысъ—«это болото, отъ котораго всѣ бѣгутъ какъ отъ чумы; недаромъ здѣсь устроенъ и чумный баракъ»[3]). Безусловно нездоровою, порождающею лихорадки, считается и восточная часть самаго г. Сухума, омываемая болотною рѣчкою Беслеткою.

Тѣмъ не менѣе многіе изслѣдователи и путеводители считаютъ и называютъ Сухумъ хорошею климатическою станціею, однако не безъ оговорокъ относительно неустроенности города для жизни больныхъ и въ особенности относительно лихорадокъ. Проф. Пастерницкій удобнѣйшимъ временемъ для жизни въ Сухумѣ съ климатолѣчебными цѣлями считаетъ позднюю осень и зиму, какъ время, отличающееся наибольшимъ числомъ солнечныхъ дней и прекращеніемъ (зимою) лихорадокъ. Поселеніе больныхъ въ самомъ городѣ надо вообще считать рискованнымъ. Въ

[1]) Филипсонъ. «Воспоминанія»; отзывъ этотъ относится къ 1841 г.

[2]) Филипсонъ. «Воспоминанія», стр. 256—7.

[3]) Ѳ. И. Пастернацкій «Черном. побер.», стр. 174.

санитарномъ отношеніи онъ оставляетъ желать очень многаго; улицы грязныя, а, главное, мѣсто, занимаемое городомъ безусловно сырое—по краямъ улицъ канавы для осушки мѣстности, въ которыхъ стоитъ гніющая грязь. Такимъ образомъ и части города, не примыкающія къ сухумской низинѣ и р. Беслеткѣ, тоже нельзя считать безопасными отъ лихорадокъ. Вполнѣ безопасными отъ нихъ считаются только помянутыя возвышенности, занятыя дачами и между проч. нѣсколькими «санаторіями». Но часть этихъ дачъ построена богатыми людьми только для себя, сдающихся же не такъ много и помѣщеніе въ нихъ и въ санаторіяхъ не дешево, такъ что пользоваться ими могутъ лишь люди съ извѣстными средствами. Правда, въ мѣстности, расположенной по побережью къ востоку отъ города, береговая полоса роздана подъ такъ наз. «санитарные» участки. Поглядѣть на нихъ, такъ придешь въ восторгъ отъ свободно растущей въ черноземномъ грунтѣ роскошной зелени лавровъ, пальмъ, мимозъ, магнолій, кактусовъ, эвкалиптовъ, олеандровъ и др. южныхъ растеній, въ которыхъ положительно утопаютъ расположенныя тамъ дачныя постройки. Но самая эта роскошь растительности служитъ доказательствомъ чрезвычайной влажности мѣстности. Участки эти лежатъ на береговой низинѣ и, какъ справедливо говоритъ проф. Пастернацкій, въ климатическомъ отношеніи доказываютъ только, что мѣста эти не имѣютъ зимней стужи, которая препятствовала бы произрастанію этихъ субтропическихъ растеній. Пользоваться же этими садами «*даже для прогулокъ* въ нихъ больныхъ, *нужно съ большою осторожностью*: для жилья же больныхъ, по причинѣ сильной заболоченности, они *совершенно непригодны*».

Кромѣ того и вообще мѣстный климатъ имѣетъ извѣстные дефекты. Влажность еще больше, чѣмъ въ Сочи и если, по отзыву нѣкоторыхъ, «Сочи—баня», то по сравненію съ Сухумомъ, это, пожалуй еще только предбанникъ. Жаръ въ Сухумѣ еще чувствительнѣе, чѣмъ въ Сочи. Жара здѣсь усиливается, благодаря защищенности Сухума отъ прохладныхъ и пріятныхъ дневныхъ вѣтровъ съ з. и съ з. с. з. въ лѣтнее время, вслѣдствіе чего неудивительно, что проф. Воейковъ наблюдалъ здѣсь лѣтомъ темпе-

ратуру въ 27° уже въ 9 ч. утра. Идешь, изнывая отъ жары, по лишеннымъ тѣни улицамъ Сухума въ одной только чесучовой сорочкѣ—косовороткѣ, замѣняющей блузу, и тѣмъ не менѣе, когда случайно прекоснешься къ защищенной этою легкой одеждой части тѣла—чувствуешь, что оно сплошь покрыто почти неиспаряющимся слоемъ пота. Словно на тѣло надѣта какая то теплая водяная пленка. Такъ и хочется завернуть въ какой нибудь садъ, чтобы скрыться въ тѣнь какого-нибудь раскидистаго гиганта, куда невольно тянетъ постоянно царствующій тамъ полусумракъ и пріятное послѣ жары ощущеніе холода. Но опытный старожилъ сейчасъ же предупреждаетъ:

— Не сидите долго—тамъ сырость. Вы еще не акклиматизировались. Съ непривычки, пожалуй, получите лихорадку.

Другой дефектъ мѣстнаго климата—чрезвычайная неправильность въ распредѣленіи атмосферныхъ осадковъ, создающая то цѣлые недѣли безпрерывныхъ ливней (весна, напр. въ Сухумѣ сильно дожливая и вѣтреная), то цѣлыя мѣсяцы жаркаго бездождія. Это впрочемъ черта, присущая вообще климату Колхиды, какъ и наличность здѣсь бризовъ и фёнъ: къ той жарѣ, которая такъ тягостна въ Сухумѣ, прибавляются иногда срывающіеся съ горъ необыкновенно сухіе и теплые вѣтры (альпійскіе фёны), дурно отзывающіеся на привычной къ влагѣ растительности, непріятные для здоровыхъ и вредные для больныхъ. Съ другой стороны, при недоступности Сухума дневнымъ прохладительнымъ бризамъ съ з. с. з. и з., ночные бризы, тянущіе съ материка и съ особенной силой дующіе изъ ущелій, даютъ слишкомъ большой контрастъ тепературы и небезопасный для больныхъ сквознякъ въ мѣстахъ незащищенныхъ контрфорсами горъ [1]). Съ ноября и по апрѣль здѣсь, кромѣ того, дуютъ съ материка, холодные и временами довольно сильные вѣтры съ с. з. и с. с. з.

[1]) Явленіе, обусловливающее между прочимъ и контрастность растительности въ предѣлахъ различныхъ частей одной и той же мѣстности;—характерная черта для всей Колхиды и даже вообще побережья.

Одно изъ неудобствъ Сухума для пріѣзжающихъ сюда больныхъ—это отдаленность купанья отъ той здоровой части предмѣстій города, гдѣ имъ рекомендуется жить: до купанья надо пройти черезъ весь городъ. Кромѣ того и самыя мѣста для купаній, по моему мнѣнію, не отличаются удобствомъ. Съ восточной части города, гдѣ менѣе благоустроенная купальня имѣетъ въ тоже время лучшій пляжъ для купанья, неудобство заключается въ близости рѣчки, опреснѣющей морскую воду. Въ купальнѣ, находящейся въ западной части города, наоборотъ неудобенъ пляжъ для купанья вслѣдствіе присутствія камней. Неудобна кромѣ того и невозможность купаться во всякое время, такъ какъ купанье здѣсь общее для мужчинъ и женщинъ, вслѣдствіе чего приходится считаться съ временемъ, назначеннымъ для каждаго пола. Вообще же купанье въ Сухумской бухтѣ имѣетъ большое неудобство въ открытости берега прибойной морской волнѣ, нерѣдко составляющей непреодолимое препятствіе для купанья [1]).

Сухумская бухта издавна считается одною изъ лучшихъ на кавказскомъ побережьѣ, но это, очевидно, только по сравненію— въ виду вообще недостатка бухтъ на пространствѣ между Новороссійской и Батумомъ. Еще въ 1853 г. Карльгофъ [2]), сравнивая Сухумскую бухту съ болѣе сѣверными, писалъ о нихъ, что «не говоря уже о борѣ», Геленджикская и Новороссійская бухты имѣютъ тотъ недостатокъ, что входъ въ нихъ затрудненъ отходящими отъ береговъ мелями, а дно песчаное и мѣстами каменистое»; Геленджикская же при томъ «не довольно просторна». «Между тѣмъ Сухумская бухта обращена широкою своею стороною къ морю и имѣетъ иловатый вязкій грунтъ, въ которомъ лучше держатся якоря». «Хотя она обращена къ морю широкимъ отверстіемъ и повидимому не прикрыта отъ южныхъ вѣтровъ, но ни одинъ морской вѣтеръ не доходитъ до внутренности бухты. Причину тому

---

[1]) Въ этомъ отношеніи она не можетъ быть даже и сравниваема съ геленджикскою и новороссійскою бухтами.

[2]) «Военно-стат. обозрѣніе».

должно искать въ окружающихъ ее горахъ. Нижній слой воздуха надъ бухтою, встрѣчая въ горахъ препятствіе своему теченію, сгущается отъ напора вѣтра и упругостью своею останавливаетъ движеніе его въ бухту[1]). Грунтъ дна ея, состоящій изъ ила, превосходенъ для якорной стоянки».

Но и Карльгофъ и всѣ описатели Сухумской бухты не считаютъ возможнымъ умолчать объ одномъ ея существенномъ недостаткѣ, который значительно умѣряетъ ея достоинства и заставляетъ сомнѣваться въ ея правѣ называться «лучшею на черноморской береговой линіи». Недостатокъ этотъ заключается въ чрезвычайно быстромъ углубленіи дна ея по мѣрѣ удаленія отъ берега. Это значительно суживаетъ то пространство бухты, гдѣ суда могутъ становиться на якоря, такъ что остальная—наибольшая—часть бухты оказывается безполезной, а прославленная ширина ея, съ точки зрѣнія удобствъ судоходства, теряетъ значеніе и въ сущности сводится, такимъ образомъ, только къ излишней открытости бухты морскимъ вѣтрамъ. Но и это бы еще ничего, а главное то, что крутой спускъ дна бухты («въ видѣ котла»), несмотря на вязкость грунта, даетъ «меньшую степень твердой стоянки на якоряхъ, чѣмъ при пологой покатости дна. Поэтому если береговой вѣтеръ успѣетъ сдвинуть судно съ мѣста, то по скорому переходу на большую глубину, оно—по мнѣнію самаго Карльгофа—не удержится на якоряхъ». По удостовѣренію Филипсона «при скорой перемѣнѣ вѣтра судно можетъ быть выкинуто на берегъ, оставаясь на якорѣ». Недаромъ же принято за правило, что всѣ останавливающіеся въ Сухумской бухтѣ суда, обязательно становятся на два якоря!

Такимъ образомъ отъ Новороссійска и до Сухума на этой береговой линіи нѣтъ ни одной дѣйствительно хорошо защищенной бухты, которая не обладала бы тѣми или иными серіозными дефектами.

---

[1]) Филипсонъ говоритъ по этому же поводу: «Сухумская бухта открыта отъ S. O. до W, но сильные морскіе вѣтры сюда рѣдко доходятъ, а разражаются дождями».

Пріѣхавъ въ первый разъ въ Сухумъ на лошадяхъ и выйдя на единственный на берегу моря маленькій, но симпатичный бульварчикъ, я былъ пріятно изумленъ зрѣлищемъ обширной далеко вдающейся въ море пристани, присутствіе которой давало мнѣ надежду избавиться отъ непріятной посадки на пароходъ при помощи фелюгъ. Но вскорѣ же я долженъ былъ сильно разочароваться, потому что пароходы ни къ этой, ни къ какой другой пристани не пристаютъ, а останавливаются въ бухтѣ на якорѣ.

— Но почему же?

— Говорятъ, что пристань недостаточно длинна; вотъ когда нибудь со временемъ пристроютъ еще порядочный кусокъ, тогда можетъ быть и будутъ приставать.

Такимъ образомъ огромная и, очевидно, дорого стоящая пристань служитъ только для прогулокъ сухумской публики и для приставанія фелюгъ, употребляемыхъ для катанья по бухтѣ. Посадка же на фелюги для переѣзда на пароходъ производится съ коротенькихъ деревянныхъ пристаней, гдѣ нерѣдко при неимовѣрной давкѣ и тѣснотѣ рискуешь быть помятымъ или даже столкнутымъ въ воду.

Заговоривъ объ этой пристани (или молѣ,—я не знаю какъ правильнѣе назвать это сооруженіе, соотвѣтственно его истинному назначенію), не могу не подѣлиться съ читателемъ однимъ связаннымъ съ нею воспоминаніемъ. Первое лѣто, когда я ѣздилъ по побережью, отличалось замѣчательною особенностью— всѣ дали были застланы дымкой, не было той прозрачности воздуха, которая даетъ возможность обозрѣвать обширные горизонты, которая въ особенно ясные дни даетъ возможность видѣть весьма отдаленныя перспективы (напр. изъ Сухума черезъ море Трапезундскія горы, удаленныя отъ него свыше чѣмъ на 300 верстъ). Тщетно, ѣдучи на пароходѣ и справляясь съ взятыми съ собою путеводителями, мы искали глазами въ надлежащихъ мѣстахъ выступающія изъ-за зеленныхъ предгорій побережья снѣговыя вершины Кавказа. Несмотря на безоблачность, на хорошую погоду, ихъ не было видно и мы на каждомъ шагу отмѣчали невѣрность показаній путеводителей, пока знающіе люди

не разъяснили въ чемъ дѣло. И вотъ, желая полюбоваться въ Сухумѣ видомъ на снѣговыя вершины, я рѣшилъ воспользоваться для этого раннимъ утромъ, когда чистота воздуха бываетъ обыкновенно всего сильнѣе. Я вышелъ при восходѣ солнца на эту самую пристань и, обратившись спиной къ морю, а лицомъ къ городу и горамъ, наконецъ, увидѣлъ то, что мнѣ нужно. Передо мной открывался прелестный видъ на городъ, на окружающее его море зелени, на красивую пышно зеленую панораму его окрестностей, составленную изъ живописно разбросанныхъ горъ и предгорій и, наконецъ, на виднѣвшіяся вдали величественныя снѣговыя вершины, игравшія подъ лучами восходящаго солнца непередаваемыми ни словами, ни красками, самыми эффектными, самыми нѣжными переливами, розовыми, багровыми, фіолетовыми... Я стоялъ въ нѣмомъ очарованіи. Въ одно и тоже время я и хотѣлъ скорѣе бѣжать къ своимъ, чтобы разбудить и дать возможность повидать имъ эту чудную картину и боялся оторваться отъ нее, боялся упустить всѣ эти скоро проходящія чисто волшебныя смѣны дивныхъ красокъ. Вдругъ я неожиданно услышалъ чьи то шаги и, отнявъ бинокль отъ глазъ, увидалъ подошедшаго уже къ концу пристани господина, одѣтаго въ лѣтнее пальто поверхъ выглядывавшей изъ-за воротника ночной сорочки. Очевидно, онъ только что всталъ съ постели и, наскоро набросивъ пальто, какъ и я, тоже вышелъ полюбоваться видами. Однако, онъ очень равнодушно глянулъ на очаровавшую меня картину и съ видомъ не то отчаянія, не то изнеможенія, ставъ лицомъ къ морю, оперся на перила. Это заставило меня заговорить съ нимъ.

— Любуетесь!... Должно быть нравится? Ну, конечно, нравится, какъ же не нравиться!—говорилъ онъ, видя какъ я, ведя съ нимъ разговоръ, то и дѣло посматривалъ въ бинокль на уже тускнѣющія снѣговыя вершины.—Мѣста дѣйствительно красивыя, надо правду сказать, очаровательныя... Любуйтесь, любуйтесь: для того и пріѣхали! Любуйтесь скорѣе и скорѣе же уѣзжайте!

— Какъ такъ?

— Любуйтесь, пожалуйста, любуйтесь, пока есть возможность,—продолжалъ онъ, не отвѣчая на вопросъ. Для чего же и пріѣзжать, какъ не для того, чтобы любоваться—не для того же, чтобы оставаться, чтобы жить?!

— А вы здѣсь... живете?

— Я?—услышалъ онъ мой вопросъ. Я не живу, а медленно умираю... Я здѣшній житель—вотъ уже третій годъ... Бывало я такъ же, какъ вы, тоже любовался... всѣмъ вотъ этимъ!—онъ какъ то безнадежно и вмѣстѣ вяло двинулъ рукою. Надо вамъ сказать, что я педагогъ, обремененъ семьею, жилъ на сѣверѣ Кавказа и у меня заболѣла грудь—оказались непорядки въ легкихъ. Вотъ врачи и послали меня на житье въ Сухумъ, гдѣ наилучшее мѣсто для грудныхъ больныхъ. Не мало трудовъ стоило мнѣ выхлопотать у начальства переходъ сюда, но я этого добился... И вотъ я въ Сухумѣ, гдѣ я ожидалъ полнаго исцѣленія отъ своего недуга и въ какомъ же я восторгѣ былъ отъ всѣхъ этихъ видовъ, отъ горъ, отъ моря, отъ всей этой дивной природы!...

— Воображаю.

— Воображаете? Нѣтъ вы не можете вообразить, потому что пріѣхали сюда здоровый и только для того, чтобы любоваться. А я пріѣхалъ еще и больнымъ, ждалъ исцѣленія и при томъ очень быстро ощутилъ благіе результаты вліянія теплаго влажнаго климата для больной груди. Слѣдовательно, вы вполнѣ не можете даже представить моего блаженства...

— Такъ въ чемъ же дѣло?—невольно прервалъ я его, не улавливая никакой связи между продолженіемъ разговора и его началомъ.

— Въ чемъ дѣло? А въ томъ, что нѣтъ подлѣе этого мѣста на свѣтѣ! Въ томъ, что я здѣсь потерялъ уже сына, въ три дня сгорѣвшаго отъ маляріи, въ томъ, что и я, и жена, и всѣ мои дѣти, теперь уже почти взрослыя, заболѣли сухумской лихорадкой. Въ томъ, что мы постепенно безсилѣемъ, изнуряемся, изнываемъ, медленно умираемъ!...

— А хина?

— Никакая тутъ хина не помогаетъ! Тутъ остается одно— уѣхать, но въ этомъ я не воленъ, потому что на службѣ. А давно ли я просился сюда прямо Христа ради?! И судите сами, какъ посмотритъ начальство, вообще, какъ извѣстно, не любящее, чтобы его безпокоили,—какъ оно посмотритъ на такія просьбы: сегодня сюда, завтра—обратно!.. Проситься «ради здоровья», и уходить теперь тоже «ради здоровья»!... Вы вотъ говорите «хина»!... Вы, конечно, думаете, что лихорадка, какъ лихорадка, сегодня ознобъ и жаръ, завтра полегчаетъ... словомъ, какъ въ Россіи. Не знаете вы нашихъ лихорадокъ, это нѣчто совсѣмъ иное. И не знобитъ какъ будто и жару нѣтъ, а лихорадка есть и прежестокая. И сколько разнообразныхъ ее проявленій, такъ розберетъ развѣ дьяволъ, а простой смертный часто и не догадается, что съ нимъ такое! Мы, напр., всей семьей изводимся потомъ. Потъ и потъ, проливной, обезсиливающій, изнуряющій! Ляжешь спать совсѣмъ даже безъ одежды и все-таки обливаешься потомъ такъ, что простыню изъ подъ себя выжимаешь—вся мокрая до нитки! И понятно, спать не можешь. Весь исходишь потомъ, слабѣешь, изнуряешься безсонницей и бѣгаешь вотъ ночью хоть бы на эту пристань, потому что всеравно сна нѣтъ и дома невыносимо... Проклятый городъ, подлый городъ; проклятое, трижды проклятое мѣсто! Красивая, дьявольски живописная, но сплошь зловредная міазма!...

Расположенъ Сухумъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, на мѣстѣ древняго города Діоскуріи. Вѣрно это, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ въ бухтѣ Сухума на нѣсколькихъ футахъ глубины видны, по изслѣдованіямъ Чернявскаго [1]), остатки цѣлаго города съ улицами, площадями, фундаментами зданій.

Съ 1578 г. турками основано было здѣсь на мѣстѣ генуэзской крѣпости укрѣпленіе Сухумъ-Кале, остатки котораго сохранились понынѣ.

Завоеваніе Сухума русскими относится къ 1809 г., но «долгое еще время послѣ этого край оставался въ прежнемъ враждеб-

---

[1]) Извѣстія Р. Геогр. О. 1877 № 5.

номъ къ намъ положеніи». Въ 1839 г. Сухумъ имѣлъ еще «очень печальный видъ. Высокія каменныя стѣны, подмываемыя морскимъ прибоемъ, были очень повреждены со стороны моря, внутреннее пространство занято деревянными помѣщеніями гарнизона и службами. Все это было ветхо, гнило, грязно. Жители имѣли видъ болѣзненный, изнуренный, апатичный. Форштатъ состоялъ изъ нѣсколькихъ духановъ, гдѣ армянскіе торгаши продавали водку, спиртъ, табакъ и другіе подобные товары, необходимые для солдатъ» [1]).

Э. Реклю въ послѣднемъ изданіи «Земля и Люди» назвалъ еще Сухумъ «незначительнымъ мѣстечкомъ, претендующимъ на названіе города». Съ 1866 г. Сухумъ сталъ административнымъ центромъ новообразованнаго Сухумскаго округа. Въ послѣднюю войну съ турками 187⁷/₈ г. Сухумъ подвергся сильной непріятельской бомбардировкѣ турецкой эскадрой при участіи возставшихъ окрестныхъ абхазцевъ, сожженъ и въ значительной части разрушенъ. Слѣды ея видны на нѣкоторыхъ зданіяхъ и нынѣ.

Теперь Сухумъ имѣетъ около 11 тысячъ жителей разныхъ національностей. Въ общемъ онъ производитъ впечатлѣніе полуевропейскаго, полуазіатскаго города. Часть города почти сплошь занята лавками, торгующими преимущественно мелочнымъ и притомъ азіатскимъ товаромъ: коврами, кавказскими поясами, кинжалами, разными кавказскими серебрянными издѣліями, кавказскими матеріями, башлыками и т. п. Тутъ же ютятся фруктовыя лавки, лавки съ продажею винъ, но большею частію не мѣстныхъ, а кахетинскихъ, потому что вино изъ мѣстнаго винограда изабелла довольно плохо. Тутъ же и столовыя для простонародья, чувячныя мастерскія, раскрытыя настежь цирульни.

Жизнь Сухума—на улицѣ. Кофейни и рестораны при гостинницахъ начинаютъ работать съ ранняго утра. Съ ранняго утра до самаго поздняго вечера тутъ постоянно народъ. Играютъ въ кости, пьютъ, ѣдятъ, устраиваютъ сдѣлки, все это на виду, на затѣненныхъ легкими крышами верандахъ кофеенъ и ресторановъ.

---

[1]) Филиппсонъ. Воспоминанія, стр. 195

Мѣстами ночью на тѣхъ же столахъ, гдѣ раньше ѣла и пила вся эта разношерстная публика изъ туземцевъ, инородцевъ и русскихъ, можно видѣть утомленныхъ дневной работой лакеевъ, мирно спящихъ на этихъ импровизированныхъ кроватяхъ. На улицахъ, на бульварѣ, на пристаняхъ видишь европейскіе костюмы сухумской и пріѣзжей интеллигенціи, рядомъ съ русскими босяками, съ разношерстной толпой инородцевъ и туземцевъ. Тутъ и красивые стройные обхазцы въ черкесскахъ и папахахъ, осетины, грузины, мингрельцы въ ихъ національныхъ костюмахъ, и турецкіе греки и рабочіе-турки въ фескахъ или съ открытой головой, но непремѣннымъ башлыкомъ на плечахъ. Почти не видно только туземныхъ женщинъ.

Слышится чуждый говоръ, говоръ на разныхъ незнакомыхъ языкахъ. Иной по русски не понимаетъ ни слова, иной хотя и пробуетъ отвѣчать на ваши вопросы, но лопочетъ что то совсѣмъ мало понятное. По временамъ слышенъ призывной рожокъ проводника дилижанса, ѣдущаго на Афонъ или Гадаутъ, проѣзжаютъ извощики, линейки, дилижансы, ломовики везутъ грузъ на пароходную пристань. Но оживлены, главнымъ образомъ, набережная и торговая сторона. Въ остальныхъ частяхъ города довольно безлюдно.

Постройки въ городѣ обыкновенныя, какъ во всякомъ русскомъ уѣздномъ городѣ, въ общемъ довольно чистенькія (я не говорю о затѣйливыхъ виллахъ въ дачномъ районѣ, которыя впрочемъ сохраняютъ тотъ же характеръ, какъ напр., подъ Одессой на Фонтанахъ и во всѣхъ дорогихъ дачныхъ мѣстностяхъ). Улицы широкія, прямыя, хорошо распланированныя. На набережной нѣсколько гостинницъ, въ большинствѣ которыхъ однако довольно шумно и неособенно чисто, но сравнительно дешево [1]). Вообще

---

[1]) Въ ресторанѣ на набережной близъ бульвара, гдѣ я жилъ, такса на кушанья: порція супу, борща, щей 20 к., отбивныхъ котлетъ телячьихъ, ростбифа 30 к., бефъ-строгоновъ 30 к., котлетъ рубленыхъ 25 к. Въ 1901 г. лѣтомъ стоили: сахару фунтъ 16 к., яицъ десятокъ 18—20, бутылка молока 10 коп., лимоны были сравнительно доро-

человѣку здоровому, нетребовательному, негоняющемуся за удобствами, холостяку, могущему, напр., питаться въ ресторанахъ, жизнь обойдется не дорого.

Но неприспособленность большинства жилищъ (въ особенности для пріѣзжихъ больныхъ) [1]), отсутствіе въ нихъ многихъ удобствъ, дороговизна построекъ и плановыхъ участковъ, дороговизна рабочихъ рукъ и пр. имѣютъ своимъ послѣдствіемъ то, что для пріѣзжихъ больныхъ, требующихъ извѣстныхъ условій жизни, въ особенности для пріѣзжающихъ цѣлыми семьями,—тѣмъ болѣе «въ сезонъ»—жизнь въ Сухумѣ складывается не дешево Въ болѣе культурныхъ центрахъ сравнительно много большія удобства жизни можно получить, если не за меньшую, то, по крайней мѣрѣ, за ту же цѣну.

Многое однако можно простить Сухуму за его роскошные сады, какъ находящіеся въ самомъ городѣ, такъ и расположенные въ его окрестностяхъ: ботаническій, городской, великаго князя Александра Михайловича, г.г. Рукавишникова, Ноева и др. О нихъ однако слишкомъ много писалось, чтобы можно было сказать еще что либо новое. Едва вы вступаете въ одинъ изъ такихъ садовъ, едва успѣетъ захлопнуться за вами калитка сада и вы уже среди тропической природы! Чудныя и разнообразныя пальмы, бананы, гитантскіе кактусы, великолѣпные драцены, олеандры, стройныя магноліи, высокіе бамбуки, эвкалипты, пробковое дерево, чайное, элегантныя криптомеріи, рѣдкіе экземпляры хвойныхъ деревьевъ, апельсины, лимоны, лаковое и восковое дерево, японская хурма, славящіяся нѣжнымъ колоритомъ и замѣчатель-

---

ги—4 к. штука (они здѣсь хотя и созрѣваютъ, но разводятся въ маломъ количествѣ и потому привозятся изъ Трапезунда). Сыру и колбасы нельзя было достать (кромѣ копченой) потому что при здѣшней жарѣ они скоро портятся; мясо, несмотря на то, что оно, по недостатку скота (вслѣдствіе рѣдкости сельскаго населенія) въ окрестностяхъ, выписывается изъ Новороссійска, обходится 12 к. за фунтъ.

[1]) Многіе дома безъ двойного пола, нерѣдко безъ сѣней, безъ двойныхъ рамъ, многія квартиры, сдаваемыя пріѣзжимъ, не имѣютъ мебели.

ною тонкостью красокъ сухумскія розы, сотни самыхъ разнообразныхъ цвѣточныхъ растеній—все это сосредоточено въ этихъ по истинѣ роскошныхъ садахъ и растетъ подъ открытымъ небомъ! Недаромъ же наши ученые изслѣдователи побережья—проф. Красновъ и Постерницкій единогласно находятъ, что Колхида, обладающая флорою болѣе пышной и болѣе богатой мѣстными видами, чѣмъ атлантическое побережье Западной Европы, даетъ возможность какъ культурѣ западно-европейскаго, средиземноморскаго, такъ и культурѣ китайскаго и японскаго типовъ. *Именно въ этомъ* они находятъ залогъ *культурнаго будущаго* этой части побережья, лишь бы были только необходимыя «*знанія* и *средства*».

Прекрасны и разнообразны также горныя окрестности Сухума. Онѣ не только живописны, онѣ оригинальны, своеобразны, крайне интересны. Куда не двинешься, повсюду все не то, съ чѣмъ свыкся, что обыкновенно ожидаешь отъ сельскаго пейзажа: не тѣ посѣвы, не тѣ постройки, не тѣ люди, не та у нихъ одежда, не тотъ скотъ и пр. и пр.

Вотъ рядомъ съ дорогой, по которой вы выѣхали изъ города, громадная лужа топкой черной грязи—цѣлое грязевое болото—и въ ней застряла двухколесная арба, запряженная парой буйволовъ! Они легли на дно грязевой лужи, надъ поверхностью которой видны только ихъ черныя морды съ широко раскинутыми рогами и съ наслажденіемъ помахиваютъ въ ней хвостами, разбрасывая при этомъ цѣлыя хлопья грязи. Арба тоже наполовину въ грязи и на краяхъ ея съ восточнымъ спокойствіемъ сидятъ другъ противъ друга два туземца въ ожиданіи, когда упрямыя животныя, которыхъ они не могли во-время удержать отъ наслажденія поваляться въ грязи, освѣжатся настолько, чтобы послушаться палочныхъ ударовъ и выйти опять на дорогу. Навстрѣчу вамъ верхомъ ѣдетъ абхазецъ въ черкескѣ и папахѣ, ведя въ поводу пару лошадей, навьюченныхъ какимъ то грузомъ. Тамъ на пригоркѣ, въ тѣни обрыва огромной горы въ самыхъ небрежныхъ позахъ расположилась отдыхать группа мингрельцевъ въ своихъ «испанскихъ» костюмахъ изъ короткихъ курточекъ и суживающихся

книзу цвѣтныхъ шароваръ. Къ откосу скалы приткнута сложенная изъ камня низкая хатка, а на крышѣ ея и надъ нею на отвѣсныхъ откосахъ горы бродятъ козы. Дорогой вы перегоняете группы возвращающихся изъ города съ базара сельчанъ въ ихъ разнообразныхъ костюмахъ, ведущихъ иногда въ поводу маленькихъ ишаковъ, навьюченныхъ какимъ то товаромъ. Дорога ваша идетъ то по ровной пышно зеленой полянѣ, обрамленной съ обѣихъ сторонъ круто подступающими къ ней горами, то переходитъ черезъ узенькій мостикъ надъ журчащимъ внизу на большой глубинѣ ручейкомъ. За ручьемъ она тянется по самому краю крутого обрыва, дна котораго совсѣмъ не видно съ вашего экипажа, или вздымается по краю горы на большую высоту, откуда вамъ открываются все новые и все болѣе живописные виды.. Все это ново, оригинально, красиво, интересно!

Но обратите вниманіе на природу Колхиды, на ея оригинальную фауну, на разнообразіе и оригинальность роскошной флоры ея!

Со всѣхъ сторонъ съ того момента, какъ вы въѣхали въ лѣсъ, раздается мелодичное пѣніе цикадъ, масса розпообразныхъ жуковъ и разноцвѣтныхъ крупныхъ размѣровъ бабочекъ порхаетъ вокругъ; въ ночное время эти бабочки смѣнются массою летающихъ свѣтляковъ, тогда какъ музыка цикадъ замѣнится пѣніемъ сверчковъ въ перемежку съ непріятнымъ воемъ шакаловъ. Но вотъ вы остановились гдѣ нибудь въ тѣни, чтобы отдохнуть и перекусить и едва вы открыли свои дорожные запасы, какъ уже осы почуяли съѣстное и начинаютъ вамъ надоѣдать своимъ приставаніемъ; съ ихъ надоѣдливостью приходится бороться здѣсь почти такъ же, какъ у насъ съ мухами и комарами. Они опустошаютъ фруктовые сады, вмѣстѣ съ муравьями портятъ домашніе запасы [1]).

Интересную особенность колхидской растительности составляетъ роскошь зеленыхъ покрововъ при сравнительной бѣдности

---

[1]) а масса разнообразныхъ насѣкомыхъ, заводящихся въ деревѣ, приводятъ въ негодность постройки.

ихъ цвѣтами. «Здѣсь если есть цвѣты—говоритъ проф. Красновъ [1])—они ютятся или на болѣе сыромъ мѣстѣ, или разцвѣтаютъ, какъ дряква (Cyclamen), раннею весною или даже зимою»... «Нива остается совершенно голою»... «Украшеніе лѣсовъ Колхиды, какъ и другихъ субтропическихъ областей, составляютъ цвѣтущія *деревья и кустарники»*. За то рядомъ съ этою характерною чертою мѣстной флоры [2]) является присутствіе вѣчно зеленыхъ деревьевъ и кустарниковъ, каковы лавръ, радодендронъ, самшитъ, лавровишня, пáдубъ. Эти вѣчно зеленыя формы—говоритъ по этому поводу тотъ же проф. Красновъ [3])—дѣлаютъ здѣшнія зимы [4]), какъ и зимы Японіи и Ю. Штатовъ Америки, *зелеными зимами*».

Интересна, разнооообразна и отливаетъ яркой, веселой, сочной зеленью растительность ближайшихъ сельскихъ окрестностей Сухума. На предгорьяхъ лѣсныя заросли красиво чередуются съ голыми уступами скалъ, съ плантаціями табаку, маиса и разбросанными въ разныхъ мѣстахъ хижинами, между которыми прихотливо извиваются узкія горныя дороги и тропинки. Чѣмъ ближе къ вершинамъ этихъ предгорій, тѣмъ болѣе увеличивается лѣсистость мѣстности. Чѣмъ дальше въ горы, тѣмъ лѣсъ пышнѣе, роскошнѣе, гуще. Тамъ лѣсъ проникъ всюду, захватилъ все подъ себя. Не довольствуясь пологими склонами горъ, лѣсныя поросли вскарабкались на отвѣсные обрывы и оттуда съ отвѣсныхъ, наклонившихся надъ горной тропою уступовъ скалъ, спускаются свѣсившіяся съ деревьевъ зеленыя гирлянды ліанъ ломоноса, цѣпкой ежевики, плюща, сассапарели.

Удалитесь по возможности въ глубь этой горной страны, въ ея лѣсныя чащи! Внизу почва пропитана влагой, въ густой лѣсной чащѣ она не просыхаетъ даже въ сильные лѣтніе жары, потому что зеленая шапка сплошь перевитаго ліанами лѣса

---

[1]) Русская Колхида. «Кавк. Вѣстникъ» 1901 г. № 1.

[2]) т. е. бѣдностью травяной растительности цвѣтами.

[3]) Тамъ же.

[4]) Надо сказать, что снѣгъ здѣсь бываетъ почти каждую зиму но обыкновенно не болѣе одного—двухъ разъ и лежитъ не болѣе 1—5 дней.

почти не пропускаетъ свѣта. Тамъ полусумракъ, сыро и душно словно въ теплицѣ, а одуряющій ароматъ цвѣтущихъ жасминовъ и азалій кружитъ голову. Карагачъ, бѣлый тополь, липа, дубъ, ольха, грабъ, кленъ, каштанъ, лавръ, букъ все это сплотилось въ густую заросль, перевитую ліанами настолько густо, что черезъ лѣсъ нѣтъ прохода безъ помощи топора или кинжала. Немудрено, что лѣтомъ здѣсь вѣчная сырость—вѣчный источникъ лихорадокъ. Но недоступный и опасный въ лѣтнюю пору, лѣсъ этотъ и доступенъ и прекрасенъ весною. Тогда онъ «дѣлается полнымъ очарованія, чѣмъ то сказочнымъ» [1]). Благодаря тому, что лѣсъ еще не сполна одѣлся зеленью и не успѣли еще разростись ліаны, въ немъ есть широкіе просвѣты и можно найти проходъ въ чащѣ лѣса. Тогда на путника «со всѣхъ сторонъ свѣшиваются съ вѣтокъ деревьевъ благовонныя гроздья нѣжнорозовыхъ цвѣтовъ каприфоли; дикая роза, взобравшись высоко на дерево, падаетъ внизъ пышными гирляндами. Благовонія льются отовсюду рѣкой. Вѣчнозеленая лавровишня, въ своемъ весеннемъ нарядѣ изъ снѣжнобѣлыхъ цвѣтовъ, испускаетъ тонкій ароматическій запахъ, напоминающій черемуху». Сплошная чаща вѣчнозеленаго понтійскаго рододендрона, «красы и гордости колхидскихъ лѣсовъ», вся усыпана крупными букетами лиловыхъ и розовыхъ цвѣтковъ. «Едва ли въ какой-нибудь оранжереѣ можно найти болѣе пышное сочетаніе цвѣтовъ и ароматовъ!»

По мѣрѣ подъема въ гору густота лѣса уменьшается, ліаны постепенно исчезаютъ, за то деревья становятся выше, стройнѣе; сопровождаемые купами густоразросшихся лавровишенъ и рододендроновъ могучіе каштаны, буки и дубы высоко поднимаются къ небу. Поднимитесь еще выше въ гору—тамъ на первое мѣсто выступаютъ уже гигантскіе хвойные исполины, имѣющіе своимъ подножіемъ пышныя кавказскія лиліи, огромныя зонтичныя—«гигантскую подальпійскую растительность, скрывающую за собой всадника съ лошадью»...

---

[1]) Альбовъ. Очеркъ растительности Колхиды. «Землевѣдѣніе» 1896 г. т. III.

Такова вообще пышная, своеобразная и разнообразная растительность Колхиды тамъ, гдѣ ее не коснулась рука человѣка. Ясно, что и для человѣка, бывавшаго на югѣ Европы, здѣсь найдется много такого, своеобразнаго, оригинальнаго, невиданнаго, что посмотрится съ большимъ интересомъ. Немудрено, что, повидавъ такія мѣста, обозрѣвъ красоты Гагръ, Гадаута, Афона, Сухума Кодора, Цебельды, Ольгинскаго [1]... невольно увлечешься мыслью объ этомъ чарующемъ глазъ царствѣ зелени, объ этомъ *своемъ* тепломъ чудномъ югѣ, чудномъ, очаровательномъ... хотя и небезопасномъ, который... который, если не увлекаться имъ слишкомъ... на нѣкоторомъ пространствѣ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ можетъ служить даже и «ривьерой»...

Сухумомъ кончается тотъ районъ побережья, съ которымъ мнѣ удалось познакомиться не только по литературнымъ источникамъ, но и по возможности непосредственно. Дальше я не былъ. Но для полноты картины, для полноты характеристики побережья, такъ сказ., съ курортной точки зрѣнія, я приведу здѣсь краткіе отзывы послѣднихъ по времени описателей побережья о болѣе выдающихся пунктахъ остальной части его.

Слѣдующая послѣ Сухума остановка рейсового парохода у мѣстечка Очемчиръ, расположеннаго на низменномъ песчаномъ берегу моря при устьѣ р. Гализги. «На всемъ Кавказѣ нѣтъ болѣе злокачественной и продолжительной лихорадки, какъ здѣсь» [2]).

Далѣе—г. Поти. «Улицы грязныя, бульваръ жалкій, купаленъ нѣтъ». «Въ санитарномъ отношеніи оставляетъ желать многаго» [3]). «Лихорадка, явленіе совершенно обычное въ городѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ водами». «Окрестности верстъ на 40 отъ Поти представляютъ собой низкія, болотистыя мѣста съ корявою растительностью» [4]).

---

[1]) Отдаленныя окрестности Сухума.

[2]) Москвичъ. Путевод. по Кавказу.

[3]) Тамъ же.

[4]) Васюковъ. «Край гордой красоты».

Затѣмъ Батумъ. «Самое зло Батума, зло едва ли поправимое—это малярія, несомнѣнный результатъ громадной влажности климата и обширныхъ болотъ, окружающихъ этотъ городъ». «Берегитесь батумской маляріи и пріѣзжайте въ Батумъ посмотрѣть, полюбоваться на дѣйствительно чудную батумскую флору, на оригинальный городъ и на красивое море. Поживите, но не заживайтесь». «Дно морского берега каменистое и вообще купанье въ Батумѣ не важное». «Климатъ тепличный». «Влажность необычайная». «Въ такой атмосферѣ организмъ становится вялымъ, голова работаетъ лѣниво, постоянная жажда и выдѣленіе пота мучитъ человѣка, испытывающаго при этомъ адскую жару, жару удушливую, трудную жару» [1])

---

[1]) Тамъ же.

VI.

Земельные вопросы Побережья.

Исторія частнаго землевладѣнія въ краѣ. Условія образованія частной собственности. Результаты частновладѣльческаго хозяйства. Причины неуспѣха его. Вредныя послѣдствія мѣропріятій по усиленному насажденію частнаго землевладѣнія. Повышеніе цѣнъ и земельная спекуляція. Неблагопріятное ихъ вліяніе на распространеніе культуры. Послѣдствія увлеченія „русской ривьерой".

Итоги прошлой колонизаціи берега трудовымъ земледѣльческимъ элементомъ. Вопросъ о колонизаціи русскими и „чужеземцами". Племенной составъ населенія. Вліяніе чужеземцевъ и мѣстныхъ условій на русскихъ засельщиковъ края. Новая надѣльная норма. Организація заселенія побережья по закону 1897 г. Первые шаги переселенца на побережьи. Бурлаки и босяки. Заготовленіе переселенческихъ участковъ, дефекты ихъ, недостатокъ путей сообщенія. Заключеніе.

Курортъ за курортомъ, мы обозрѣли въ предыдущихъ главахъ все побережье отъ Новороссійска до Батума. Обозрѣніе это, начиная со второй главы, какъ знаютъ читатели, касалось преимущественно именно курортовъ. Этому были двѣ причины. Во-первыхъ то, что центръ и сущность колонизаціонной политики послѣднихъ лѣтъ сводились именно къ обращенію побережья въ рядъ курортовъ. А такъ какъ цѣль настоящихъ очерковъ заключается между прочимъ въ выясненіи, насколько правильно поставлено дѣло колонизаціи побережья, то о курортахъ и приходилось говорить главнымъ образомъ. Во-вторыхъ, погоня за курортами, а также и за насажденіемъ здѣсь частнаго

владѣнія, привела, съ одной стороны, даже къ отселенію и выселенію части сельскаго населенія подальше отъ курортовъ (нѣкоторые случаи этого были уже указаны выше), съ другой, къ обращенію значительной части — и лучшихъ—побережныхъ земель въ частную собственность лицамъ привиллегированныхъ сословій. Такимъ образомъ, въ полосѣ курортовъ оказалось весьма малое количество мужика, почему и говорить о немъ каждый разъ особо не имѣло смысла.

Но само собою понятно, что если не имѣло значенія останавливаться на описаніи отдѣльныхъ сельскихъ поселковъ, то это не исключаетъ необходимости (въ дополненіе къ тому, что уже говорилось о немъ въ предыдущихъ главахъ) поговорить наконецъ теперь и о мужикѣ. Поэтому ему будетъ предоставлено свое мѣсто вслѣдъ за окончательнымъ выясненіемъ вопроса о «заселеніи и оживленіи» побережья курортами и насажденіемъ здѣсь «интеллигенціи» на раздававшихся въ частное владѣніе земляхъ побережья, такъ какъ такое «оживленіе» края находится въ тѣсной связи съ судьбой мужика.

Собственно говоря, стремленіе насадить на побережьѣ частное землевладѣніе, отдавъ при этомъ значительную часть его земель въ руки привиллегированныхъ классовъ, имѣетъ своимъ началомъ сравнительно отдаленное время. Главный ревнитель этого дѣла покойный гофмейстеръ Абаза (онъ же и мѣстный землевладѣлецъ) въ этомъ отношеніи былъ только настойчивымъ продолжателемъ того, что до него было придумано и начато уже другими. Съ того времени, какъ край былъ завоеванъ русскими войсками, коренное горское населеніе вытѣснено изъ него и лишено права пользованія землями, вся земля, естественно, принадлежала только нашей «матушкѣ-казнѣ» и, слѣдовательно, никакого частнаго землевладѣнія тогда не было [1]). Но «казна», съ одной стороны, хотѣла

[1]) Читатель, разумѣется, замѣтилъ уже, что частновладѣльческія земли принадлежащія владѣльцамъ не русскаго происхожденія сохранились только, начиная съ Абхазіи. Это произошло благодаря особымъ обстоятельствамъ имѣвшимъ мѣсто при присоединеніи Абхазіи къ

скорѣе колонизовать край какими бы то ни было путями, съ другой, не очень и цѣнила эти ненаселенныя, «впустѣ лежащія» земли. Извѣстно кромѣ того, что у насъ въ Россіи насажденіе частнаго землевладѣнія всегда считалось въ правительственныхъ сферахъ полезнымъ для государства. Раздача же земель въ частное владѣніе лицамъ привиллегированныхъ сословій, съ одной стороны, давала нѣкоторую надежду на приложеніе къ землѣ извѣстныхъ научныхъ познаній, съ другой, давала правительству возможность вознаграждать землею своихъ служащихъ. Совершенно понятно поэтому, что насажденіе въ краѣ частнаго землевладѣнія было вполнѣ естественнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ такого отношенія къ данному вопросу.

Читатель помнитъ, разумѣется (см. главу I), что насажденіе его началось еще съ момента поселенія здѣсь козаковъ, такъ какъ охотники, шедшіе сюда съ Кубани добровольно, сверхъ участія въ долѣ общиннаго надѣла, получали право на 10 десятинъ въ личную собственность. Въ предыдущемъ изложеніи упомянуто было также, что по закону 1870 г. бывшее офицерство козаковъ, при обращеніи козаковъ въ крестьянство, получило въ потомственную собственность всѣ находившіяся въ фактическомъ пользованіи офицеровъ общинныя усадьбы и сверхъ того по 200—400 десят. на семью.

Но насажденіе частной собственности этимъ не ограничилось. Кромѣ того, много земель было пожаловано разнымъ лицамъ преимущественно изъ числа героевъ кавказской войны. Въ старыя времена раздача этихъ, не имѣвшихъ тогда цѣнности, земель въ вознагражденіе за заслуги могла, конечно, считаться даже операціей весьма выгодной для казны. Но нельзя не сказать, что вмѣстѣ съ тѣмъ она иногда могла быть разсматриваема и какъ «на тебѣ, Боже, что намъ не гоже». На побережьѣ мнѣ

Россіи. Но и тамъ много земель роздано уже въ частное владѣніе лицамъ привиллегированныхъ сословій русскаго происхожденія (да и то, что осталось за туземными владѣльцами, является большею частію тоже какъ вновь пожалованное имъ).

по этому поводу пришлось, между прочимъ, слышать анекдотическій, но очень характерный разсказъ о томъ, какъ одинъ получившій подобное пожалованіе генералъ сообщалъ эту вѣсть своей супругѣ. Жена въ первый моментъ пришла было въ восторгъ отъ мысли, что и у нихъ будетъ наконецъ «своя собственность» и при томъ на столь тепломъ югѣ. Но затѣмъ она тотчасъ же пришла въ ужасъ, вспомнивъ о тамошнихъ смертельныхъ лихорадкахъ, о возможности разбойничьихъ нападеній оставшихся еще въ горахъ горцевъ, объ отсутствіи мало-мальски удобныхъ путей сообщенія и заявила генералу категорически, что ни она, ни дѣти ея ни за какія блага въ мірѣ не поѣдутъ туда не только жить, но даже и посмотрѣть пожалованыя земли. Высказанное женою предположеніе, что за эту бездоходную землю «заставятъ можетъ быть еще платить какіе-нибудь налоги», напомнило и генералу о неизбѣжности при ненаселенности мѣстности крупныхъ затратъ на постройку тамъ хотя небольшой хаты, о трудности и дороговизнѣ полученія продуктовъ. Все это привело генеральшу въ такой ужасъ, что она категорически потребовала отъ генерала сейчасъ же отказаться отъ пожалованія. Но на этомъ пунктѣ всегда послушный генералъ оказался неустрашимымъ и неприступнымъ, «такъ какъ отказаться отъ пожалованнаго невозможно». Тогда состоялся компромисъ на томъ, что супруги рѣшили про пожалованную землю забыть, а въ случаѣ если прикажутъ платить какіе-либо за нее налоги, то при настойчивомъ требованіи по возможности уплачивать ихъ изъ пенсіи...

Къ розданнымъ, такимъ образомъ, землямъ принадлежитъ напр., большая часть земель на упоминавшемся выше громадномъ пространствѣ береговой полосы и прилегающихъ къ ней земель между р.р. Псезуапе и Шахе, которые проф. Пастернацкій характеризовалъ какъ оставленные владѣльцами «въ первобытномъ состояніи и схоронившими подъ зарослями лѣса культуру черкесовъ». Таковы также частновладѣльческія земли близъ Геленджика на Михайловскомъ перевалѣ, гдѣ имѣется девять такихъ Высочайше пожалованныхъ участковъ (всего около 8000 дес.). Большая часть изъ нихъ перепродана уже и перешла отъ получив-

шихъ пожалованія въ другія руки. Но и тѣ и другіе почти сплошь или даже и на всемъ пространствѣ пустуютъ, кромѣ одного, сданнаго было въ аренду на 10 л. (въ количествѣ около 500 д. изъ 1000) грекамъ изъ не русскихъ подданныхъ. Греки эти начали было ихъ разрабатывать, но съ изданіемъ закона, запрещающаго сдавать земли не русскимъ подданнымъ, удалились, другихъ же маломальски сносныхъ арендаторовъ не находится. Во время пребыванія моего на побережьѣ владѣльцы большей части этихъ участковъ на Михайловскомъ перевалѣ искали покупщиковъ (на цѣны 75—150 руб. за дес.), но охотниковъ на нихъ не находилось. Вообще, количество пожалованныхъ земель доходитъ на побережьѣ до нѣсколькихъ тысячъ десятинъ при размѣрахъ приблизительно отъ 250 до 7000 десят. на одно лицо [1]).

Когда въ 1866 г. на побережье командирована была особая коммиссія для его изслѣдованія, ей поручено было обратить вниманіе на тѣ участки, «которые могутъ быть отводимы частнымъ лицамъ». Затѣмъ въ 1872 г. повелѣно было продать въ предѣлахъ Черноморскаго округа до 65.000 дес. и обратить выручку на дорожныя сооруженія. Земли продавались «только въ прибрежной полосѣ» за плату по 10 р. за десятину въ разсрочку на 10 лѣтъ безъ процентовъ и этимъ путемъ къ 103 лицамъ отошло 60.568 десятинъ казенной земли въ одномъ только этомъ округѣ,—въ разныхъ частяхъ его.

Въ семидесятыхъ же годахъ организованъ былъ комитетъ по устройству лотереи въ пользу благотворительныхъ и женскихъ учебныхъ заведеній, состоящихъ подъ покровительствомъ велик. княг. Ольги Ѳеодоровны, для *розыгрыша кавказскихъ казенныхъ земель*, разбитыхъ на участки по 50—200 дес. каждый, и до-

---

[1]) Въ Абхазіи, по свѣдѣніямъ И. В. Захарьина («Истор. Вѣстн.» 1901 г., № 8), у однихъ только князей Шервашидзе болѣе 20 тыс. дес. пожалованной земли, тянущейся на протяженіи 50 в. по берегу «на пожалованныхъ земляхъ въ большинствѣ случаевъ и владѣльцы ихъ и не живутъ и хозяйства не ведутъ».

ставшихся затѣмъ разнымъ лицамъ. «Такъ какъ билеты лоттереи продавались всюду по Россіи—говоритъ по этому поводу Я. Г. Сиповичъ [1])—то многіе изъ новыхъ владѣльцевъ, которымъ достались участки, навѣрное, и не представляли ясно, гдѣ именно находятся ими пріобрѣтенныя земли. Поѣхать и посмотрѣть на свои участки въ тѣ времена было трудно, такъ какъ ни желѣзной дороги до Новороссійска, ни шоссе изъ Новороссійска еще не было. Поэтому до начала 90-ыхъ годовъ всѣ эти земли лежали впустѣ; только нѣкоторые изъ этихъ участковъ арендовались греками, которые, пользуясь отсутствіемъ надзора за оставленными участками, эксплуатировали и ихъ». При этомъ они старались эксплоатировать, конечно, только то, что давалось безъ труда, безъ расхода на расчистку, т. е. то, что и такъ было почти совсѣмъ готово для посѣвовъ и посадокъ тѣхъ или другихъ сельско-хозяйственныхъ растеній. Вслѣдствіе этого, распространеніе культуры на еще неразработанныя земли, разумѣется, очень мало подвигалось впередъ [2]).

Такіе и купленные отъ казны и выигранные въ лотерею участки имѣются во всѣхъ частяхъ побережья, но большинство ихъ тоже пустуетъ [3]). Пустуютъ они въ большинствѣ и въ Сочинскомъ и во всѣхъ другихъ округахъ, и около Геленджика и близъ Туапсе и въ окрестностяхъ Сухума; большинство же вла-

---

[1]) Очеркъ развитія хозяйства въ Джанхотѣ. Труды съѣзда виноградовлад. и виноградарей Черноморской губерніи въ Новороссійскѣ, въ 1899 г.

[2]) что надо сказать также и о покупавшихся земляхъ.

[3]) «Въ былое время—говоритъ проф. Пастернацкій—у черкесовъ здѣсь (въ предѣлахъ Сочинскаго округа—въ средней и нижней терасѣ побережья)—больше всего было пахатныхъ полей, ауловъ и садовъ, а нынѣ земли этихъ мѣстностей, составляя собственность частныхъ владѣльцевъ, находятся подъ зарослями и въ запустѣніи, не принося никакого дохода владѣльцамъ ихъ—если не считать небольшихъ участковъ, отдаваемыхъ армянамъ и грекамъ въ аренду отъ 1—2 р. за дес.».

дѣльцевъ ихъ живетъ гдѣ то на сторонѣ «въ Россіи», вообще гдѣ угодно, но только не на своихъ земляхъ.

Но изложеннымъ еще не исчерпываются способы, при помощи которыхъ созидалась частная собственность въ краѣ. Къ той же категоріи мѣръ, направленныхъ къ развитію личной поземельной собственности, надлежитъ отнести и раздачу такъ называемыхъ культурныхъ участковъ, которые на основаніи устава о сельск. хоз. и закона 1866 г. раздавались подъ высшія сельскохозяйственныя культуры съ обязательствомъ развести на нихъ въ теченіе 10 лѣтъ извѣстное количество туты, плодовыхъ деревьевъ, или виноградной лозы. Цѣна земли для выкупа ея въ собственность назначалась по 10 руб. за десятину съ уплатою въ разсрочку по 1 р. въ годъ, т. е. почти даромъ. Такимъ путемъ отведено было въ 63 участкахъ 3.965 десятинъ [1]). Въ 1896 г. опубликовано было одинъ за другимъ два мнѣнія Государственнаго Совѣта «объ основаніяхъ отвода частнымъ лицамъ казенныхъ свободныхъ земель» въ окрестностяхъ Новороссійска, Туапсе и Сочи на условіи, что въ теченіе пяти лѣтъ владѣлецъ каждаго участка долженъ для полученія права на закрѣпленіе его за собой закультивировать не менѣе $1/4$ части полученной земли. Въ силу этого, лицо, получившее такой участокъ, обыкновенно и принимало всѣ мѣры (преимущественно путемъ подряда кого-либо изъ мѣстныхъ людей для этой цѣли), чтобы къ концу пятаго года четвертая часть участка имѣла видъ земли обращенной подъ культуру. Положеніе владѣльца участка въ этомъ отношеніи облегчалось, повидимому, еще и снисходительнымъ отношеніемъ контролирующихъ лицъ, знавшихъ какъ трудно распространяется культура въ краѣ и на сколько затруднительно лицу, въ немъ не живущему, полностью и съ надлежащей добросовѣстностью исполнить въ этомъ отношеніи требованія закона. Въ результатѣ участокъ надлежащимъ образомъ закрѣплялся за лицомъ, его получившимъ. Нечего и говорить, что этимъ самымъ устранялась необходимость

[1]) Клингенъ. „Основы хоз. въ соч. окр.“, стр. 71. Данныя относятся къ «Черноморскому округу».

не только дальнѣйшаго распространенія культуры на остальные 3/4 участка, но даже и веденія настоящей, а не показной только, культуры на первой четверти. Въ то же время этимъ закрѣпленіемъ участка за лицомъ, его получившимъ, открывалась полная возможность его продажи за хорошую цѣну, что и было завѣтною цѣлью многихъ владѣльцевъ такихъ участковъ. Раздача такихъ участковъ продолжается и нынѣ. Изъ предыдущаго извѣстно также, что кромѣ такой раздачи практиковалась и практикуется еще и раздача дачныхъ и городскихъ участковъ, а частію и продажа таковыхъ; о «культурныхъ» результатахъ такой раздачи сказано уже было въ своемъ мѣстѣ, когда рѣчь шла о заселеніи Хосты и Романовска.

Результатъ этихъ пожалованій, продажъ, лоттерей и раздачъ виденъ на слѣдующемъ распредѣленіи цифры земли въ (одной только) черноморской губерніи,—цыфры, очевидно неполной, такъ какъ она, съ одной стороны, не исчерпываетъ 15.000 десятинъ изъ всей площади земли въ ней, съ другой—относится къ 1899 г., послѣ котораго происходили новыя раздачи. Вотъ это распредѣленіе:

		% къ общему числу.
Казенныхъ	444.843 дес.	66
Надѣльныхъ	110.072 „	17
Частновладѣльч. . . .	110.636 „	17 [1])
Итого всѣхъ земель въ губерніи .	657.551 дес.	100

Изъ этого видно, что въ 1899 году количество земель этой губерніи, находящихся въ частномъ владѣніи уже равно было количеству надѣльныхъ земель сельскихъ обществъ.

Если бы не послѣднія мѣропріятія Абазы, то столь значительный процентъ частновладѣльческихъ земель могъ бы пока-

---

1) Въ томъ числѣ 5153 дес. «надѣла» г. Новороссійску, отнесеннаго къ категоріи частновладѣльческихъ земель, потому что городскіе домовладѣльцы владѣютъ своими землями на правахъ частной собственности, какъ и самъ городъ. Данныя взяты изъ «Справ. книги» г. Леонтьева.

заться даже сомнительнымъ и невѣроятнымъ каждому, кто знакомъ съ исторіей этого вопроса на побережьѣ и съ отзывами по этому поводу прежнихъ изслѣдователей края. Вотъ, напр., каковы были результаты изслѣдованія положенія частновладѣльческаго хозяйства Я. К. Васильевымъ[1]) въ 1878 г., т. е. въ то время, когда въ рукахъ «интеллигентнаго класса землевладѣльцевъ, или какъ называютъ ихъ въ округѣ—помѣщиковъ» находилось уже около «65000 дес. *лучшей, производительной, удобнѣйшей* земли». Сѣверные, болѣе близкіе къ Новороссійску хозяйства, были сравнительно обезпечены рабочими руками и положеніе ихъ было облегчено сравнительной дешевизной предметовъ первой необходимости, въ отличіе отъ южныхъ близь Сочи и Адлера, находившихся въ совершенно обратномъ положеніи. По изслѣдованію Я. К. Васильева, въ большинствѣ имѣній не дѣлалось до того времени даже и попытокъ заводить хозяйство; въ нѣкоторыхъ были произведены «затраты значительныхъ суммъ, но дѣло велось безъ заранѣе обдуманнаго плана, за-глаза, посредствомъ лицъ некомпетентныхъ, скажемъ больше - невѣжественныхъ въ знаніи раціональной сельскохозяйственной науки» и въ ничтожнѣйшемъ меньшинствѣ къ хозяйству приложены были «трудъ, раціональныя знанія и капиталъ». Изъ купившихъ себѣ земли большинство купило ихъ «за-глаза, даже не видавши ихъ» и въ большинствѣ съ цѣлями спекулятивными—перепродать ихъ съ барышемъ!» Изъ 65,000 дес. къ 1876 г. подъ садами и виноградниками числилось только 200 дес, и большинство этихъ, тронутыхъ уже культурою, земель находилось въ сѣверной части округа близъ г. г. Новороссійска и Анапы... «Интеллигентный классъ, по выводу Я. К. Васильева изъ всѣхъ осмотрѣнныхъ имъ имѣній, *не оправдалъ ни задачъ колонизаціи, ни надеждъ общества и правительства* на развитіе въ краѣ высшей культуры. Его присутствіе въ округѣ является къ прискорбію *крайне вреднымъ*, во-первыхъ, потому что 7—8 лѣтъ тому назадъ превосходныя горскія угодья, сады, луга, пахатныя пространства и

---

[1]) Сборникъ Кавк. О. С. Х. 1879, в. П.

др. исчезли подъ пологомъ молодыхъ лѣсовъ и, во-вторыхъ, принадлежащіе нынѣ ему 65.000 десятинъ отняты для культуры у рабочаго элемента», а 65.000 десятинъ это—«площадь, вполнѣ достаточная для поселенія свыше 2.000 семействъ трудолюбиваго элемента!?» [1])

Заключенія, къ которымъ пришелъ по этому вопросу Я. К. Васильевъ, были на столько неблагопріятны для колонизаціоннаго дѣла побережья, что онъ высказался даже тогда, т. е. 25 лѣтъ тому назадъ, при значительно меньшемъ сравнительно развитіи частнаго землевладѣнія на побережьѣ, за необходимость *экспропріаціи* розданныхъ въ частное владѣніе земель (кромѣ разумно эксплоатируемыхъ ихъ владѣльцами) для разселенія на нихъ сельскаго туземнаго населенія.

Впослѣдствіи совершенно аналогично Я. К. Васильеву высказался о послѣдствіяхъ раздачи земель въ частную собственность и изучавшій этотъ вопросъ генералъ-лейтенантъ Старосельскій въ докладѣ главноначальствующему на Кавказѣ: по его мнѣнію, продажа земель въ частныя руки и раздача участковъ на выкупъ, на основаніи устава о сельскомъ хозяйствѣ, потерпѣла «*полную неудачу*».

Казалось бы, что такое прошлое не должно было располагать къ дальнѣйшему распространенію частнаго землевладѣнія; однако, какъ оказывается, на уроки исторіи далеко не всегда обращаютъ вниманіе. Доказательствомъ этому служитъ введеніе новыхъ мѣръ къ насажденію частнаго землевладѣнія (раздача культурныхъ участковъ, участковъ въ новообразуемыхъ городахъ и т. п.), которыми ознаменовалась дѣятельность гофмейстера Абазы по «заселенію и оживленію» края. Нетрудно было предвидѣть уже по даннымъ,

---

[1]) Повторяя эти выдержки, разъ уже употребленныя мною въ спеціальной статьѣ по вопросу о колонизаціи побережья («Народное хозяйство», 1902 г., № 6), долженъ оговориться, что въ настоящей главѣ мнѣ неизбѣжно придется частію повторить кое-что изъ того, что я писалъ тогда, дополнивъ изложенныя въ той статьѣ данныя новыми свѣдѣніями, въ то время мнѣ еще неизвѣстными.

собраннымъ предшествовавшими изслѣдователями, что и эти новыя мѣропріятія приведутъ къ тѣмъ же результатамъ, какъ и предыдущія раздачи и распродажи земель въ частную собственность. О результатахъ этихъ и состояніи частновладѣльческихъ хозяйствъ въ настоящее время читатель имѣетъ уже понятіе изъ предыдущаго изложенія. Слѣдовательно, распространяться по этому вопросу нѣтъ уже болѣе надобности, развѣ что привести лишнюю ссылку на слова еще одного компетентнаго изслѣдователя побережья за послѣдніе годы—И. Н. Клингена, опытнаго специалиста по сельскому хозяйству [1]), констатировавшаго, что *большинство* частновладѣльческихъ участковъ «представляютъ изъ себя по большей части *пустыню*, гдѣ цѣпкія ліаны схоронили жалкіе остатки нерѣдко крупныхъ капитальныхъ затратъ». Особенно любопытно то, что такой отзывъ высказанъ лицомъ, производившимъ изслѣдованіе побережья по спеціальному порученію, въ программу котораго входило это изученіе хода и положенія частновладѣльческаго хозяйства и что съ результатами этого изслѣдованія своевременно ознакомленъ былъ самъ Абаза, который однако даже и не подумалъ принять послѣ этого какія-либо мѣры къ сокращенію раздачи земель въ частное владѣніе.

Причинъ неуспѣха частновладѣльческаго хозяйства было, конечно, много и многія изъ нихъ были причинами общими—какъ неуспѣха частновладѣльческаго, такъ и неуспѣха крестьянскаго, общиннаго хозяйства (которыя въ большинствѣ уже выяснены были въ I главѣ). Таковы: громадныя трудности, которыхъ вообще требуетъ устройство хозяйства на-ново въ ненаселенномъ и некультурномъ краѣ (такъ какъ извѣстно, что горская культура успѣла погибнуть до заселенія страны русскими), крайне нездоровый климатъ, отсутствіе путей сообщенія, отрѣзанность отъ населенныхъ мѣстностей непроходимыми горами, ненаселенность мѣстности, отсутствіе сбыта, нерѣдко (а у крестьянъ и часто) недостатокъ средствъ на первоначальное обзаведеніе и пр. и пр.

[1]) «Основы хоз. въ Соч. окр.», стр. 71.

Главною изъ этихъ общихъ причинъ, повидимому, надо считать незнакомство тѣхъ и другихъ засельщиковъ съ краемъ, съ почвенными и климатическими условіями, съ связанными съ этими условіями способами веденія хозяйства, благодаря чему каждый, изъ дѣйствительно желавшихъ вести хозяйство, долженъ былъ начинать его по своему усмотрѣнію, наугадъ, на ощупь, дѣлая массу ненужныхъ пробъ и терпя убытки. Эту причину, какъ и нѣкоторыя другія (недостатокъ путей сообщенія и т. п.) разумѣется, при раціональной постановкѣ дѣла можно было бы до извѣстной степени устранить, принявъ извѣстныя мѣры къ предварительному ознакомленію засельщиковъ съ тѣми и другими (воспользовавшись опытомъ горцевъ, произведя, въ случаѣ надобности, необходимыя предварительныя изслѣдованія и т. п.). Но объ этомъ никто изъ руководителей колонизаціи побережья позаботиться не думалъ, да вѣроятно немногіе изъ этихъ руководителей и сами сколько-нибудь сносно знали эти условія. Отсюда такіе казусы, какъ казусъ съ описанной исторіей Хлудовскаго имѣнія. Отсюда тѣ неудачи въ дѣлѣ воздѣлыванія винограда, о которыхъ я говорилъ уже въ III главѣ (даблари и маглари). Отсюда вообще масса ошибокъ, неудачъ и убытковъ; отсюда фактъ, констатированный И. Н. Клингеномъ въ словахъ: «доходнаго же хозяйства (въ Сочинскомъ округѣ) я не знаю ни одного, такъ какъ самыя выдающіяся изъ нихъ находятся все еще въ періодѣ опытовъ». Отсюда, наконецъ, тотъ печальный фактъ[1]), что изъ сравнительно немногихъ владѣльцевъ, которые все-таки хотѣли устроить хозяйство на своихъ имѣніяхъ, «громадное большинство не добилось желательныхъ результатовъ *даже цѣною огромныхъ расходовъ*». «Размѣръ непроизводительно затраченныхъ суммъ на всѣ эти попытки къ устройству хозяйства безъ знанія и выдержки *по истинѣ ужасенъ;* только 22 лицами (въ одномъ лишь Сочинскомъ округѣ) затрачено на опыты безвозвратно, не считая стоимости земли, *до трехъ милліоновъ рублей,* но ни съ одного изъ нихъ не получено *ни копѣйки дохода,* кромѣ хозяйства барона

---

[1]) И. Н. Клингенъ «Основы хоз. въ Соч. окр.», стр. 71.

Штейнгеля, находящагося уже въ Туапсинскомъ округѣ. *Болѣе поразительнаго неуспѣха трудно себѣ представить*»!...

Дюбуа-де-Монпере писалъ много лѣтъ тому назадъ: «Россія хочетъ колонизовать Кавказъ своимъ народомъ.... но раньше надо изучить результаты опытности аборигеновъ и обучить въ этомъ смыслѣ русскихъ колонистовъ»...

«Вообще нѣкоторыя общія понятія о климатѣ страны и о томъ, на климаты какихъ культурныхъ странъ онъ похожъ—говоритъ проф. Воейковъ[1])—въ высшей степени полезны для лицъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ въ обширномъ смыслѣ. Въ этомъ богатомъ краѣ піонеры его культуры избѣгли бы многихъ ошибокъ и разочарованій, если-бы обладали такими знаніями; точно также и мѣропріятія правительства на пользу края были бы удачнѣе, еслибъ лица, ихъ вырабатывавшіе, были нѣсколько знакомы съ климатомъ страны и культурными растеніями, могущими хорошо расти въ такомъ климатѣ». «Благодаря незнанію климата побережья и того, что именно годится для него, хозяева самой богатой ю.-в. части побережья сдѣлали массу ошибокъ, стоившихъ имъ не дешево и надолго повредившихъ репутаціи края».

— Милліоны денегъ уже затрачены,—говорилъ мнѣ одинъ изъ серіозно и лично занимавшихся хозяйствомъ на побережьѣ крупныхъ владѣльцевъ, живущій въ немъ около 15 лѣтъ и имѣющій участки въ разныхъ частяхъ побережья,—а мы пока все не можемъ приспособиться, потому что не знаемъ еще мѣстныхъ условій и пока только пробуемъ, изучаемъ, стараемся примѣниться. Одинъ развелъ фурму—пошла хорошо, но сбыту нѣтъ. Другіе занялись виноградомъ, но одному у моря вредятъ туманы, другой развелъ не тѣ сорта винограда, третій примѣнилъ не соотвѣтствующіе способы посадки, четвертому, разведшему виноградъ въ горахъ, оказалось, вредятъ какія-то микробы. Начали разводить въ Батумѣ рами, пошло великолѣпно, но обработка этихъ прекрасныхъ волоконъ обходилась дороже китайскаго рами. Пробовали разводить яблочное промышленное садоводство, но на сѣ-

---

[1]) «Черном. Побер.» стр. 110, 112.

верѣ яблоку, оказалось, вредитъ нордъ-остъ, а въ тепло-влажной полосѣ Абхазіи повидимому ему слишкомъ много и тепла и влаги и кромѣ того яблони страдаютъ отъ кровяной тли. Оливковыя деревья идутъ какъ будто бы хорошо, но посмотрите хоть бы на славящійся своими оливковыми рощами Новый Афонъ—даже и тамъ плоды ихъ малосочны, горьковаты и малы, далеко не то, что на родинѣ оливкъ! Будетъ ли спросъ на продукты разводимаго уже здѣсь мѣстами воскового и лаковаго дерева—кто еще знаетъ, а на счетъ батумскаго чаю мы уже знаемъ, что растетъ то онъ и хорошо, да спросу пока на него нѣтъ! Во многихъ мѣстахъ прекрасны, положительно роскошны плантаціи цвѣтовъ, но сбытъ ихъ еще не организованъ. На персики, груши и виноградъ нападаютъ мѣстами грибныя болѣзни, а абрикосы и миндаль, оказывается, цвѣтутъ мѣстами на столько рано—до послѣднихъ зимнихъ заморозковъ,—что отъ этихъ заморозковъ кое-гдѣ погибаетъ ихъ цвѣтъ, а слѣдовательно и сборъ плодовъ. И опять все это—гдѣ какъ: въ одномъ мѣстѣ одно удается, а другое нѣтъ и наоборотъ. Что удается въ Туапсе, не удается въ Сочи и часто не потому не удается, что тамъ ему не мѣсто, а потому, что требуетъ иныхъ условій посадки, ухода, другой климатической обстановки, т. е. иной защитности отъ тѣхъ или иныхъ вѣтровъ, той или иной открытости вліянію солнца, той, а не иной близости почвенныхъ водъ и еще тамъ мало ли чего,—а ты вотъ поди все это угадай и испробуй! Прибавьте къ этому, что многіе сорта хоть бы, напр., винограда или яблокъ быстро и неожиданно перерождаются: выпишешь лучшее—переродится въ дрянь, обзаведешься чѣмъ нибудь средненькимъ—вдругъ выйдетъ прекрасно, а почему—подите разберите! Растетъ великолѣпно, а плоды даетъ скверные, или растетъ-то такъ себѣ, а плоды хороши! И при томъ тоже—опять гдѣ какъ!»...

Таковы многочисленныя и разнообразныя условія неуспѣха многихъ культуръ и многихъ хозяйствъ у такихъ даже владѣльцевъ, которые дѣйствительно хотѣли что-нибудь сдѣлать, но не могли, благодаря одному общему для нихъ обстоятельству—незнанію мѣстныхъ условій. Но такое незнаніе еще не главная все-таки

причина неуспѣха частновладѣльческаго хозяйства. Не главная уже потому, что заниматься этимъ хозяйствомъ стали немногіе, а у громаднаго большинства хозяйство даже не начиналось и земли его пустуютъ.

Главнѣйшею причиною неуспѣха колонизаціи побережья путемъ созиданія частнаго землевладѣнія—причиною уже не общею съ крестьянскимъ хозяйствомъ, а относящеюся только къ частновладѣльческому—надо, разумѣется, считать раздачу земель въ частное владѣніе не тѣмъ, кому слѣдуетъ, не людямъ, знающимъ мѣстныя условія, уже фактически занимающимся хозяйствомъ и живущимъ въ краѣ, и даже и не собирающимся жить въ немъ, а по преимуществу людямъ совершенно чуждымъ краю, постоянно живущимъ внѣ его и даже не имѣющимъ надлежащаго понятія ни о какомъ сельскомъ хозяйствѣ. «Прежде розданныя крупныя владѣнія—пишетъ объ этомъ И. Н. Захарьинъ[1])—естественнымъ порядкомъ попали въ руки людей съ большимъ общественнымъ положеніемъ и огромными средствами, т. е. людей очень занятыхъ, очень высоко стоящихъ, очень озабоченныхъ другими серіознѣйшими интересами, а потому не имѣвшихъ ни времени, ни охоты посвятить много вниманія своимъ новымъ пріобрѣтеніямъ въ какой-то далекой и полудикой, хотя прекрасной пустынѣ. Забота о нихъ либо откладывалась съ года на годъ, либо принимала характеръ забавы, иногда очень недешевой. Были, конечно, счастливыя исключенія, но ихъ немного. Поэтому розданные участки въ лучшемъ случаѣ разрабатывались достаточно неумѣло и безъ толку, а въ худшемъ—лежали нетронутыми»...

Вотъ эта причина—раздача земель въ частное владѣніе чуждымъ, не понимающимъ хозяйства и не желающимъ заниматься имъ людямъ—эта причина только и объясняетъ факты, указанные въ помянутомъ докладѣ генералъ-лейтенанта Старосельскаго, что изъ 63 участковъ, отведенныхъ въ частную собственность въ Черноморскомъ округѣ устроено только 7, или показанія И. Н. Клингена[2]), что изъ 103 обслѣдованныхъ имъ крупныхъ частныхъ

[1]) «Кавказъ и его герои», стр. 108—9.

[2]) «Основы хоз. въ Соч. окр.», стр. 71.

владѣній въ 78 еще не приступлено даже къ устройству этихъ имѣній, потому что владѣльцы ихъ смотрѣли на свою покупку только какъ на спекуляцію; приступило же къ устройству своихъ имѣній только 23 (но и то многіе, можетъ быть, лишь съ цѣлью скорой и выгодной продажи?). Этою только причиной объясняется не разъ отмѣчавшійся мною выше фактъ почти сплошного мѣстами пустованія частновладѣльческихъ земель на весьма большихъ пространствахъ (въ предѣлахъ одной только Черноморской губ. пустуетъ приблизительно около 90 т. десятинъ частновладѣльческихъ земель).

Такимъ образомъ раздача земель въ частную собственность имѣла однимъ изъ главныхъ своихъ слѣдствій запустѣніе и одичаніе пространствъ, предназначенныхъ для насажденія культуры (и въ прежнее время культивировавшихся горцами), т. е. раздача эта на громаднѣйшемъ пространствѣ не только не привела къ осуществленію главнаго своего назначенія—распространенія культуры въ завоеванномъ краѣ, но напротивъ явилась элементомъ, задержавшимъ ее распространеніе. Даже г. Захарьинъ, такъ деликатно выражавшій (въ предыдущей цитатѣ) свое мнѣніе о роли «высоко стоящихъ» владѣльцевъ пустующихъ земель, не могъ не замѣтить (въ другомъ, впрочемъ, мѣстѣ своей книги[1]), что «въ прежнее время раздавались такіе участки и въ нѣсколько сотъ десятинъ величиною, и это было *большимъ зломъ, порождавшимъ лишь аферы и злоупотребленія*, выражавшіяся между прочимъ, и въ *хищническомъ истребленіи мѣстныхъ дорогихъ породъ:* пальмы, дуба и краснаго дерева».

На это хищническое истребленіе лѣса на пространствѣ частныхъ владѣній я уже указывалъ, говоря о владѣльческихъ земляхъ, расположенныхъ между Н. Афономъ и Сухумомъ. На него указываетъ также при описаніи Сочинскаго округа и проф. Красновъ[2]), приводя факты варварскаго отношенія къ лѣсу рус-

---

[1]) «Кавказъ и его герои», стр. 139.

[2]) Русская ривьера. «Недѣля» 1900 № 2.

скихъ рабочихъ и армянъ—арендаторовъ такихъ имѣній, конечно, ни мало не заинтересованныхъ въ сохраненіи чужихъ лѣсовъ.

Не менѣе важный вредъ эти мѣропріятія по распространенію частнаго землевладѣнія принесли и тѣмъ, что изъяли огромное количество и при томъ лучшихъ болѣе выгодно расположенныхъ земель изъ того земельнаго фонда, который могъ бы служить для заселенія края трудовымъ земледѣльческимъ элементомъ, на долю котораго осталось и меньше земель и худшія земли—(на что еще въ 1879 г. указывалъ Я. К. Васильевъ) [1]. Рядомъ съ этимъ, результатомъ названныхъ мѣръ было увеличивающее недоступность этихъ земель людямъ трудовыхъ классовъ. непомѣрное повышеніе цѣнъ на земли и погоня за скупкой земель для перепродажи—земельная спекуляція.

Нужно ли говорить, что и погоня эта за курортными и вообще всякими землями и ростъ цѣнъ на нихъ были слѣдствіемъ непомѣрнаго увлеченія побережьемъ, дарами его богатой природы, надеждами на ее высокую производительность?...

«Уже первыя надежды, связанныя съ развитіемъ Кавказа, говоритъ И. Н. Клингенъ [2]), были необыкновенно восторженны. Новая страна представлялась земнымъ раемъ, гдѣ не нужно ни сѣять, ни жать, а все уже готово: сады, фрукты, драгоцѣнныя деревья, безчисленныя цвѣты и чудныя ягоды; стоитъ только собирать и сдѣлаешься богачемъ».

---

[1]) Извѣстно,—говоритъ кн. Тумановъ,—что Закавказье (часть котораго и составляетъ побережье)—см. «Земельные вопросы и преступность на Кавказѣ», стр. 92 и 50—и безъ того страдаетъ крестьянскимъ малоземельемъ, что еще болѣе усиливается стремленіемъ мѣстнаго чиновничества и купечества прибирать къ своимъ рукамъ земли, оставшіяся безъ хозяина при эмиграціи»... «Много разъ уже заявлялось въ печати, что на Кавказѣ удобные для хлѣбопашества участки давно уже несвободны», «а существующія здѣсь свободныя земли неудобны для культуры, и прежде, чѣмъ ихъ обратить въ хлѣбопахотныя, необходимо затратить много милліоновъ»...

[2]) «Основы хоз. въ Соч. окр.», стр. 67.

«Восточный берегъ съ его великолѣпною красой—восклицалъ генералъ Фадѣевъ, въ «Письмахъ съ Кавказа» (стр. 154),—составляетъ теперь часть Россіи. Береговая полоса ожидаетъ теперь, какъ неразработанный рудникъ, только людей, которые воспользовались бы ее природными богатствами. Здѣсь во всемъ просторъ человѣку: въ тепломъ и здоровомъ климатѣ пашни, пастбища, лѣса и вездѣ вода и все у него подъ рукой. На южномъ склонѣ растительность роскошна не по европейски»... «Прибрежная страна Кавказа—не узкая полоса земли между горой и моремъ, какъ южный берегъ Крыма; она сама по себѣ представляетъ цѣлую область, обставленную какъ теплица, закрытую отъ сѣверныхъ вѣтровъ и открытую южнымъ. Глубокія долины, спускаясь отъ вѣчныхъ снѣговъ къ морю, разсыпаются у берега холмами, образующими прелестнѣйшую страну, какую только можно видѣть»...

«Въ трехъ параллельныхъ поясахъ, въ сѣверномъ, нагорномъ и южномъ, природа одинаково великолѣпна, но въ каждомъ поясѣ она блистаетъ особенною оригинальной красотой»... «И эта роскошная новооткрытая страна лежитъ не на Тихомъ океанѣ, а на берегу Чернаго моря»!..

Но въ первое время—пока страна была еще не вполнѣ безопасна для жизни, пока она была не населена, пока въ ней не было ни мужика, ни болѣе или менѣе сносныхъ путей сообщенія и пр., восторги эти были только платоническія. Однако постепенно дѣло стало измѣняться.

Въ первые періоды раздачи земель въ частную собственность (за службу на Кавказѣ) цѣнъ на земли совсѣмъ не было и лица, продавшіе свои земли до 80 годовъ, продали ихъ буквально за безцѣнокъ. Съ проведеніемъ новороссійской вѣтви Владикавказской жел. дор. цѣны на земли стали постепенно расти и предусмотрительные люди, имѣвшіе цѣлью нажиться на перепродажѣ земель, стали скупать лучшіе участки, но все еще за сравнительно дешевыя цѣны, тѣмъ болѣе, что большинство владѣльцевъ жило внѣ Кавказа и не знало истиннаго положенія дѣла и настоящей цѣны своихъ земель. Болѣе значительный подъемъ зе-

мельныхъ цѣнъ произошелъ въ это время, какъ и слѣдовало ожидать, близь линіи жел. дороги и г. Новороссійска. Стоимость земель къ югу отъ Новороссійска стала замѣтно повышаться послѣ того, какъ Русское общество пароходства и торговли постепенно увеличило число остановочныхъ пунктовъ для своихъ пароходовъ и, главнымъ образомъ, послѣ проведенія побережнаго (съ Новороссійска на Сухумъ) голоднаго, анненковскаго шоссе (1892 г.), которое, при всѣхъ своихъ недочетахъ, все-таки связало между собой хотя нѣкоторые отдѣльные населенные пункты побережья. Это улучшеніе путей сообщенія облегчило возможность ознакомленія съ различными мѣстностями побережья и возможность поселенія въ нихъ; оно облегчило доступъ къ побережью, такъ сказать, приблизило его къ Россіи. Параллельно съ этимъ, въ Россіи началъ возбуждаться интересъ къ побережью. Пошла молва о прелестяхъ побережья, объ его тепломъ климатѣ, роскошной природѣ. Благополучные россіяне увлекались мыслью, что у насъ въ холодной Россіи оказалось, «что то субтропическое», что то похожее на Меранъ, Ниццу и т. п., что у насъ оказалась своя, своя собственная *русская* ривьера, которая можетъ быть заткнетъ даже за поясъ итальянскую! Возникла мода на побережье. Цѣны на земли быстро стали расти, а предпріимчивые люди принялись болѣе усиленно скупать земли. Съ другой стороны, и нѣкоторые владѣльцы, надѣясь на еще бóльшее повышеніе цѣнъ, начали придерживаться съ продажей своихъ земель, неособенно заботясь, однако, о приложеніи рукъ къ ихъ культурѣ, потому что быстрый ростъ цѣнъ обезпечивалъ выгодный сбытъ земель безъ всякихъ на нихъ затратъ. Скупщики-спекулянты и тѣмъ болѣе объ этомъ не думали, такъ что подъемъ цѣнъ весьма мало зависѣлъ отъ культуры земель. Слава побережья росла. Теплый климатъ, роскошная могучая природа, богатая разнообразная растительность, слухи и толки о высокой производительности земель, дающихъ при благорастворенномъ климатѣ возможность воздѣлыванія какихъ только угодно «высшихъ» чрезвычайно доходныхъ культуръ, и пр. и пр.—и наконецъ самый этотъ быстрый ростъ земельныхъ цѣнъ и наплывъ раз-

нообразнаго люда извнѣ—все это создавало и создало побережью его нынѣшнюю громкую славу. Масса лицъ устремилась въ побережье съ цѣлью пріобрѣсти себѣ сколько-нибудь земли. Изъ нихъ находились и такіе, которые мечтали, занявшись разведеніемъ высшихъ культуръ, быстро добиться легкаго и значительнаго обогащенія; другіе—разсчитывали на выгодную ихъ перепродажу теперь или въ будущемъ, третьи—хлопотали для себя только объ уголкахъ для дачъ, четвертые—заботились только о томъ, чтобы безъ особыхъ затратъ стать землевладѣльцами въ побережьѣ, а «тамъ будетъ видно»!.. и т. д., и т. д. Все это привело къ невѣроятному подъему цѣнъ на побережныя земли въ послѣдніе 5—6 лѣтъ, въ которомъ не малую роль сыграла скупка земель для перепродажи быстро сформировавшимся классомъ спекулянтовъ-перекупщиковъ.

Въ предыдущемъ изложеніи мнѣ уже приходилось указывать на образовавшіяся въ тѣхъ или иныхъ мѣстахъ высокія цѣны на земли и громадный ростъ ихъ во времени, такъ что въ данномъ случаѣ мнѣ придется ограничиться лишь указаніемъ максимальныхъ величинъ этихъ цѣнъ еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Такъ, верещагинское имѣніе около Сочи куплено Министерствомъ земледѣлія, по показанію г. Васюкова, «очень выгодно»—въ количествѣ 54 дес. за 35000 р., т. е. по 648 р. за дес.; 989 дес. изъ Хлудовскаго имѣнія пріобрѣтены тѣмъ же Министерствомъ «всего за 560000 р.» т. е. по 566 р. за дес., «а теперь квадратная сажень продается по 8 р.» Проф. Красновъ [1]) констатируетъ фактъ, что подъемъ цѣнъ на земли по пути между Сочи и Адлеромъ достигъ уже до «сумасбродной суммы 2400 р. за десятину». Нечего и говорить, что доходность этихъ земель ни мало не оправдываетъ такой продажной стоимости ихъ и что она при данныхъ условіяхъ можетъ покрывать лишь незначительную часть процента на затраченный капиталъ, откуда ясно, что такія высокія продажныя цѣны могутъ быть только

---

[1]) Русская ривьера «Недѣля», 1900 № 8, стр. 98.

слѣдствіемъ спекуляціи на земли. Такъ оно именно и есть въ дѣйствительности.

По поводу этого повышенія цѣнъ надобно теперь же кстати сказать о томъ неблагопріяномъ вліяніи, какое они оказали и оказываютъ на распространеніе культуры. Уже указанное громадное несоотвѣтствіе доходности съ цѣнностью земли должно повидимому являться однимъ изъ серьезныхъ препятствій къ распространенію культуры, такъ какъ пріобрѣтеніе столь дорогихъ земель, не обѣщающихъ при своей дороговизнѣ достаточнаго процента на затраченный капиталъ, должно устранять въ намѣревающихся заниматься культурой всякое желаніе затрачивать съ этою цѣлью свой капиталъ на пріобрѣтеніе дорогихъ побережныхъ земель. Совершенно ясно, что покупающій такой участокъ долженъ разсчитывать не на ежегодный доходъ отъ него, а на тотъ доходъ—тотъ процентъ на свой капиталъ, который онъ получитъ въ концѣ концовъ благодаря продолжающемуся росту продажныхъ цѣнъ. Отсюда стремленіе покупать эти земли не для культуры, а для наживы путемъ ихъ перепродажи. Ясно также, что обладатели участковъ и имѣній на побережьѣ, по тѣмъ или инымъ причинамъ не интересующіеся хозяйствомъ или не могущіе его вести вслѣдствіе постояннаго пребыванія внѣ Кавказа, при наличности такихъ цѣнъ не имѣютъ и особенной надобности заботиться объ ихъ культурѣ, такъ какъ на капиталъ, затраченный для ихъ пріобрѣтенія, и безъ того (благодаря быстрому росту цѣнъ) получается болѣе чѣмъ достаточный процентъ.

Насажденіе частной собственности въ краѣ, какъ само собою понятно, имѣетъ тѣснѣйшую связь съ политикой «оживленія» побережья курортами и обращенія его въ «ривьеру». Образованіе курортовъ было бы неосуществимо безъ обращенія въ частную собственность земель подъ нихъ предназначенныхъ. Наибольшее повышеніе цѣнъ произошло именно по отношенію къ землямъ, предназначавшимся подъ курорты. Спекулянты какъ разъ на этихъ земляхъ болѣе всего набивали и набиваютъ свои карманы. Погоня за пріобрѣтеніемъ побережныхъ земель болѣе всего сказа-

лась именно на земляхъ, предназначенныхъ подъ курорты—подъ городскіе и дачные участки.

Ради созданія этихъ же курортовъ, кстати сказать, произведенъ былъ даже цѣлый рядъ выселеній съ береговъ моря крестьянскихъ поселковъ, уже устроившихся и обзаведшихся хозяйствомъ, что едва ли могло отозваться благопріятно на имущественномъ положеніи этихъ трудовыхъ засельщиковъ края. Таково, напр., селеніе Агуры въ предгоріяхъ, прилегающихъ къ шоссе Сочи—Адлеръ, состоящее изъ переселенцевъ владимірской, орловской и частію херсонской, таврической и екатеринославской губ., и немало другихъ, о которыхъ проф. Красновъ[1]) говоритъ, что «*многіе* изъ бывшихъ, здѣсь поселенцевъ даже выселены *подъ разными предлогами* въ горы, потерявъ разработанные ими участки и въ настоящее время на побережьѣ имѣется весьма немного поселковъ старожиловъ, раскиданныхъ другъ отъ друга на десятки верстъ». Такова же и отмѣченная мною въ предыдущемъ изложеніи судьба поселенцевъ Красной Поляны, отселяемыхъ изъ-за нежеланія обратиться въ мѣщанъ г. Романовска.

Это созиданіе курортовъ, какъ видно, признавалось настолько необходимымъ, что ради нихъ можно было игнорировать интересами и даже судьбою трудовыхъ засельщиковъ края, ради нихъ можно было отмѣнить прежній планъ колонизаціи побережья трудовымъ элементомъ, ради нихъ возможно было довести дѣло до неимовѣрной, тормозящей культуру, спекуляціи землями, ради нихъ возможно было не считаться ни съ какими расходами. Въ тоже время оно признавалось еще и настолько спѣшнымъ, что предпринятое именно только для этой цѣли изслѣдованіе побережья учеными спеціалистами (г.г. Воейковымъ, Пастернацкимъ и Сергѣевымъ) поручено было исполнить въ одну кратковременную командировку,—обстоятельство, которое, сдѣлало, къ великому сожалѣнію, не мало выводовъ изслѣдованія необоснованными и сомнительными. Любопытно также, что задачею работъ этихъ изслѣдователей, которые могли бы собрать много полезныхъ дан-

---

[1]) Русская Ривьера. „Недѣля“, 1900 № 1, стр. 46.

ныхъ для разрѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ заселеніемъ края сельскимъ трудовымъ элементомъ, было поставлено исключительно только изученіе края «въ климатическомъ или бальнеологическомъ», т. е. именно только въ курортномъ, такъ сказать, отношеніи.

Слѣдя за изложеннымъ описаніемъ, хотя иногда и краткимъ, отдѣльныхъ пунктовъ побережья, читатель, надо надѣяться, уже составилъ себѣ о немъ представленіе достаточное для того, чтобы судить о степени пригодности всей береговой полосы побережья къ обращенію въ сплошную полосу курортовъ и о необходимости столь спѣшнаго устроенія ривьеры, такъ сказать, однимъ залпомъ.

Читатель замѣтилъ, конечно, что неудачи колонизаціи побережья и неудачи разводимыхъ на ней культуръ являются слѣдствіемъ сторонниxъ причинъ, но не непригодности дѣйствительно богатой его природы. Но, съ другой стороны, онъ, разумѣется, замѣтилъ также, что въ восторгахъ этой природой было и не мало увлеченій, что она далеко и далеко не вездѣ—«роскошна не по европейски», какъ писалъ г. Фадѣевъ, что мѣстныя условія разнообразны, неодинаково для всякихъ культуръ пригодны, не одинаковы и въ своемъ вліяніи на человѣческое здоровье.

Совершенно вѣрно, что мы нашли на этомъ побережьѣ природу, сходную мѣстами съ Лузитаніей, мѣстами съ Ю. Чили, мѣстами съ итальянской ривьерой, съ Японіей, нашли и роскошную мѣстами растительность и живописнѣйшія мѣстности и много пунктовъ полезныхъ для здоровья въ томъ или иномъ отношеніи, но... но во всѣхъ этихъ находкахъ оказалось много «но», съ которыми неизбѣжно считаться. Сходства съ Японіей, съ итальянской ривьерой и пр. оказались не полныя, а лишь въ тѣхъ или иныхъ частностяхъ. Кромѣ того о сходствахъ этихъ по отношенію къ нѣкоторымъ мѣстностямъ возникъ еще споръ между учеными специалистами. О степени пригодности нѣкоторыхъ излюбленныхъ уже климатолечебныхъ пунктовъ тоже возникли разногласія между лицами, производившими ихъ изслѣдованіе. Не только многіе, но, можно сказать, всѣ устраиваемые курорты, какъ замѣтилъ читатель, оказались съ различными дефектами,

иногда и довольно важными. Одни оказались пригодными только для извѣстнаго сорта больныхъ, другіе только для другого, но благодаря спѣшности произведенныхъ изслѣдованій, этотъ вопросъ остался все-таки недостаточно выясненнымъ. Даже въ предѣлахъ одного и того же курорта условія для жизни больныхъ оказались далеко неодинаково благопріятными.

Все это показываетъ, что съ превращеніемъ побережья въ полосу курортовъ совсѣмъ не слѣдовало такъ торопиться, что сначала надо было, не спѣша, обстоятельно изслѣдовать край во всѣхъ отношеніяхъ[1]); потомъ на основаніи этого изученія составить приноровленный къ мѣстнымъ условіямъ типъ колонизаціи побережья (отнюдь не увлекаясь скорѣйшимъ его «оживленіемъ») и постепенно, обдуманно приводить его въ исполненіе. Приводить отнюдь не спѣша, хотя бы уже потому, что въ спѣшности этой нѣтъ рѣшительно никакой надобности и что побережныя земли могли бы въ извѣстной степени служить Россіи земельнымъ фондомъ для разселенія ея населенія въ будущемъ.

Все это показываетъ, на сколько вредно оказалось это чрезмѣрное увлеченіе побережьемъ и какую жестокую и во многихъ отношеніяхъ уже непоправимую ошибку сдѣлалъ «знатокъ края» покойный Абаза столь спѣшнымъ и настойчивымъ обращеніемъ его въ почти сплошную «ривьеру».

Конечно, все сказанное выше можетъ быть совсѣмъ не убѣдительно съ точки зрѣнія тѣхъ собственниковъ, которые уже такъ или иначе пріобщились къ раздававшемуся на право и на лѣво земельному пирогу побережья, или успѣли нажиться на перепродажѣ земельныхъ участковъ. Но такіе вопросы нельзя разсматривать съ точки зрѣнія интересовъ отдѣльныхъ личностей, или какого нибудь одного класса. Ихъ нужно разсматривать только съ общегосударственной точки зрѣнія, а съ таковой дѣло, очевидно, не можетъ подлежать спору.

«Оживленіе» края по плану покойнаго Абазы привело лишь къ искусственному созданію курортовъ и заселенію ихъ безпо-

---

1) Въ чемъ онъ продолжаетъ нуждаться и нынѣ.

лезными для края и большею частію лишь временно живущими въ нихъ «дачниками», «мысли которыхъ, употребляя выраженіе С. И. Васюкова[1]), направлены къ тому, чтобы создать ротонду и бульваръ, гдѣ бы игралъ оркестръ музыки и гдѣ они могутъ показать свои костюмы и обмѣняться свѣжими сплетнями. Развѣ это элементъ нужный и полезный»?!..

Въ курортахъ черноморской губ.: Геленджикѣ, Джубгѣ, Туапсе, Адлерѣ и Сочи коренное населеніе составляло[2]) къ 1899 году 1746 душъ об. пола, а сверхъ того въ нихъ числилось 2671 душъ иногороднихъ, т. е. въ полтора раза большее число лицъ живущихъ обыкновенно въ другихъ городахъ и только временно пребывающихъ въ этихъ пунктахъ!

Развѣ это *заселеніе* края?

Какъ же происходило заселеніе края трудовымъ земледѣльческимъ элементомъ?

Изгнавъ аборигеновъ страны «мы—говоритъ г. Клингенъ—взяли на себя тяжелый нравственный долгъ удовлетворить цивилизацію за утраченныя силы и за погибшую культуру, которая копилась 3000 лѣтъ, а погибла въ 30 лѣтъ подъ напоромъ чудовищно-творческой силы природы, уже не сдерживаемой опытною и сильною рукой аборигена»[3]).

Очевидно, нравственный долгъ этотъ еще лежитъ на насъ, потому что, какъ видно изъ сообщеній позднѣйшихъ изслѣдователей побережья, современное общее состояніе края представляетъ картину весьма неутѣшительную: «до послѣдняго времени населеніе побережья не прибавлялось, а скорѣе регрессировало, и колоніи прозябали, а не процвѣтали; ничтожная производительность земли, всюду жалкая культура, уныніе въ сердцахъ, вѣчные вздохи о покинутой родинѣ, бѣдность, болѣзни, невозможныя

---

[1]) Край гордой красоты.

[2]) По даннымъ «справочной кн. черном. губ. на 1899 г. П. С. Леонтьева.

[3]) Основы хоз. въ Соч. окр., стр. 3.

дороги, отсутствіе мостовъ, общій упадокъ и одичаніе,—вотъ что рѣжетъ глаза на каждомъ шагу[1]).

Какимъ образомъ уплачивяли мы этотъ долгъ путемъ устройства собственной «ривьеры»--объ этомъ только что говорилось. А какъ мы его начали уплачивать на первыхъ же порахъ по завоеваніи края, заселяя его, на основаніи упоминавшихся выше законовъ 1866 и 1870 г.г., козаками и вольными засельщиками и какія, сравнительно съ громадными жертвами, слабые успѣхи дала эта колонизація—объ этомъ читатель знаетъ уже изъ первой главы. Причины этого неуспѣха, въ громадномъ большинствѣ отнюдь не зависѣвшія отъ самихъ засельщиковъ, хорошо извѣстны читателю изъ предыдущаго изложенія и потому повторять ихъ нѣтъ надобности.

Подводя итогъ результатамъ описанной колонизаціи побережья по законамъ 1866 и 1870 г., можно сказать, что она далеко не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ и результаты ея далеко не соотвѣтствовали огромнымъ затратамъ, произведеннымъ на нее казною. Кромѣ этихъ крупныхъ жертвъ деньгами она потребовала еще огромныхъ жертвъ людьми, живыми жизнями, безвременно погибшими въ этой красивой, но совершенно чуждой переселенцамъ странѣ, которую многіе изъ оставшихся въ живыхъ вынуждены были навсегда покинуть окончательно разоренными. И изъ большого числа переселявшихся семей, по всѣмъ имѣющимся свѣдѣніямъ, осталось въ концѣ концовъ сравнительно немного, приблизительно не болѣе одной трети.

Но разъ они остались, этимъ все-таки было положено начало заселенію края.

Законъ 1866 г. имѣлъ одну безусловно хорошую сторону: избѣгая колонизовать край подборомъ людей по усмотрѣнію начальства, онъ допускалъ широкое примѣненіе личной инициативы какъ въ дѣлѣ свободнаго выбора мѣстъ для поселенія, такъ и въ группировкѣ посельщиковъ и въ устройствѣ хозяйства, не

---

[1]) Тамъ же, стр. 1; г. Клингенъ окончилъ изслѣдованіе. Сочин. округа въ 1897 году.

стремясь заселить край только чисто русскимъ элементомъ и допуская свободный доступъ всякихъ сословій и національностей. И еслибы рядомъ съ его опубликованіемъ были приняты соотвѣтственныя мѣры къ разъясненію новоселамъ мѣстныхъ особенностей климата и почвъ, проведены хотя необходимѣйшія дороги и пр., то результаты этой колонизаціи были бы, несомнѣнно, гораздо значительнѣе.

Благодаря закону 1866 г., на побережье, кромѣ переселяющихся «изъ Россіи» крестьянъ-малороссовъ и великороссовъ, приходили селиться и люди другихъ національностей. Большинство посельщиковъ стремилось устроиться по возможности ближе къ морю, такъ какъ при недостаткѣ путей сообщенія сношенія съ міромъ удобнѣе было производить моремъ или по береговой низинѣ, тамъ же было и больше пространствъ безлѣсныхъ и ровныхъ, напоминавшихъ родныя равнины засельщикамъ «изъ Россіи». Благодаря этому «вся горная часть осталась незанятой, и такъ почти совершенно пустуетъ и донынѣ». Только «немногіе изъ пришельцевъ-иноземцевъ, въ поискахъ за удобными землями поднялись на нагорныя высоты и, найдя здѣсь отличныя земли, обширныя пастбища и прекрасный климатъ, осѣли, никѣмъ невѣдомые, въ старыхъ черкесскихъ аулищахъ»[1].. Черезъ 14 лѣтъ по изданіи закона 1866 г., Я. К. Васильевъ, объѣзжая всѣ устроившіеся на побережьѣ поселки и придя къ (цитированнымъ выше въ первой главѣ) неблагопріятнымъ выводамъ о результатахъ русской колонизаціи края, отозвался совершенно иначе о послѣдствіяхъ заселенія его другими народностями: «Излишне говорить, что греки, армяне, молдоване и чехи»... «должны быть признаны, на основаніи приведенныхъ о каждомъ изъ нихъ данныхъ, *наиболѣе стойкимъ, вполнѣ соотвѣтственнымъ и производительнымъ элементомъ*, даже и при настоящихъ экономическихъ условіяхъ округа»... Объясненіемъ этой большей стойкости названныхъ элементовъ является, очевидно, бóльшее знакомство этихъ народовъ съ данными условіями края, сравни-

---

[1]) «Черном. побер.».

тельно съ посельщиками изъ равнинной Россіи (на что уже указываетъ самое поселеніе ихъ въ горахъ, чего такъ боялись великороссы и малороссы)[1]) и сравнительно большая ихъ культурность.

Надо замѣтить, что этотъ вопросъ о преимуществахъ чисто русской и инородной колонизаціи (рѣшенной впослѣдствіи по иниціативѣ покойнаго Абазы въ пользу заселенія края только чисто русскими элементами—изданіемъ закона 1897 г.) и до сихъ поръ возбуждаетъ споръ въ литературѣ о побережьѣ.

Изъ прежнихъ изслѣдователей края гр. Варгасъ-де-Бадемаръ[2]) находилъ даже, что «только призывомъ колонистовъ изъ южной Германіи, которые хорошо знаютъ виноградство, табаководство, пчеловодство и садоводство...» «колонистовъ домовитыхъ и весьма трудолюбиваго характера можно будетъ въ скоромъ времени привести эту землю въ цвѣтущее состояніе. Колонисты эти могутъ составить ядро будущаго населенія и знакомить переселяющихся русскихъ людей съ этими культурами»... Съ этою цѣлью онъ предлагалъ разселять ихъ не большими общинами, а сравнительно мелкими «участками» или отдѣльными фермами,—чтобы они были, такъ сказ., вкраплены по возможности повсюду между будущими русскими колонистами. Приблизительно въ томъ же смыслѣ высказались изслѣдовавшіе побережье около того же времени, уже упоминавшіеся выше г.г. Хатисовъ и Ротиньянцъ. Считая степное населеніе неподходящимъ для заселенія этого края они находили, что для этого «слѣдовало бы остановиться на такихъ горскихъ племенахъ, которые, слѣдуя христіанскому ученію, были бы преданы правительству, какъ коренные русскіе». Къ такимъ племенамъ они относили армянскихъ и греческихъ вы-

---

[1]) Однако и часть русскихъ поселковъ тоже оказалась закинутой въ горы частію вслѣдствіе принудительнаго ихъ выселенія съ берега въ горы (ради освобожденія ривьеры отъ мужика), частію вслѣдствіе того, что инородцы мѣстами опередили ихъ, захвативъ лучшія мѣста, что ближе къ берегу.

[2]) «Записка объ осмотрѣ Зап. берега Закавк. края»—Записки Кавк. О. С. Х., 1867 г., № 3—4.

ходцевъ изъ Турціи, нѣмцевъ изъ южной нагорной Германіи и христіанъ изъ нагорной Имеретіи—рачинцевъ и лечгумцевъ.

Позднѣйшіе изслѣдователи И. Н. Клингенъ и проф. Пастернацкій нашли эти «не русскія» поселенія и въ настоящее время болѣе приспособившимися, ведущими болѣе подходящую къ мѣстнымъ условіямъ культуру, находящимися въ экономически лучшихъ условіяхъ, чѣмъ чисто русскія поселенія. Кромѣ большей приспособленности къ климату и прочимъ мѣстнымъ условіямъ и большаго знанія ими таковыхъ, причина ихъ успѣха лежала, по мнѣнію И. Н. Клингена, также въ той сплоченности, которой такъ недоставало большинству русскихъ поселковъ, составленныхъ изъ незнавшихъ другъ друга пришельцевъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи, и которою наоборотъ отличались эти «инородческіе» поселки, основанные большею частію группами людей родственныхъ и хорошо знакомыхъ другъ другу.

Однако другой современный изслѣдователь побережья—проф. Красновъ протестуетъ противъ заселенія края инородческими элементами. Наблюденные имъ поселки малороссовъ и великороссовъ оказались совсѣмъ не такъ плохи, какъ можно было бы ожидать въ виду поселенія ихъ въ совершенно чуждой имъ странѣ при всѣхъ изложенныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Нѣкоторые оказались даже устроившимися замѣтно лучше окрестныхъ поселковъ изъ иноплеменныхъ элементовъ, что можетъ служить доказательствомъ возможнаго успѣха чисто русской колонизаціи. Въ то же время культура на земляхъ, обрабатываемыхъ этими иноплеменниками, оказалась мѣстами совсѣмъ невысокаго достоинства, особенно на земляхъ, арендуемыхъ ими (гдѣ они наименѣе всего, конечно, заботятся о поддержаніи плодородія почвы). Въ особенности проф. Краснова возмущаетъ повидимому то обстоятельство, что въ то время, какъ поселившіеся по новому закону (1897 г.) русскіе пользуются правомъ только на трехдесятинный надѣлъ, иноплеменники «разжились» на 30—десятинныхъ участкахъ (полученныхъ по закону 1866 г.) и что на побережьѣ такъ много роздано земель чужеземнымъ элементамъ. «Вмѣсто того, чтобы рекомендовать—говоритъ онъ, возражая главнымъ образомъ И. Н.

Клингену[1])—составлять этнографическія коллекціи изъ инородцевъ своего и сосѣднихъ государствъ, во всѣхъ отношеніяхъ правильнѣе позаботиться о возможно лучшемъ устройствѣ русскихъ поселенцевъ». Однако, хотя его патріотическое чувство и возмущается противъ того, что «слишкомъ много земель роздано чужеземцамъ», тѣмъ не менѣе онъ самъ же приводитъ, напр., факты изъ жизни турецко-подданныхъ армянъ-*арендаторовъ*[2]), затратившихъ «громадный трудъ» на приведеніе снимаемыхъ ими земель въ культурное состояніе. Онъ не скрываетъ при этомъ, что «въ культурномъ отношеніи ими сдѣлано *много*»[3]), «ихъ піонерская работа не остается безслѣдною въ краѣ» и сами они «симпатичный и многообѣщающій народъ». Таже патріотическая жилка впрочемъ сквозитъ отчасти даже и у признающаго полезность чужеземной колонизаціи края въ извѣстныхъ предѣлахъ И. Н. Клингена въ словахъ[4]): «главнѣйшее и самое основательное возраженіе противъ *особенно* широкой колонизаціи упомянутыми элементами,—это сознаніе, что въ Россіи первая забота и лучшее мѣсто должны принадлежать русскому народу, а не чужеземцамъ»...

Между тѣмъ вѣдь дѣло именно только въ томъ и состоитъ, чтобы допущеніемъ болѣе приспособленныхъ и болѣе культурныхъ «чужеземцевъ», ихъ трудами, опытомъ и примѣромъ создать благопріятную почву и удобныя условія для самихъ русскихъ же, для заселенія и экономическаго оживленія края. Притомъ изъ этихъ «чужеземцевъ» не мало есть такихъ, которые, какъ, напр., нѣкоторые армяне, имеретинцы, молдаване состоятъ русскими подданными. Вѣроятно, если бы съ нихъ начать, то наша колонизація не принесла бы столько жертвъ, какъ заселеніе, начатое съ жителей равнинной Россіи, особенно, еслибы разселеніе этихъ чужеземцевъ происходило не по ихъ только

---

1) Русская ривьера. «Недѣля», 1900 г., № 8.

2) «Недѣля», 1900 г., № 5.

3) Курсивъ подлинника.

4) Основы хоз. въ Соч. окр.

усмотрѣнію, а болѣе или менѣе планомѣрно,—въ порядкѣ очень практично намѣченномъ (см. выше) гр. Варгасъ-де-Бадемаромъ, при осуществленіи котораго переселяющіеся русскіе могли бы видѣть поблизости примѣры хозяйства уже оклиматизировавшихся «чужеземцевъ».

Посмотримъ однако составъ сельскаго населенія края въ отношеніи его распредѣленія на русскихъ и чужеземцевъ. Въ Сухумскомъ округѣ онъ долженъ быть совсѣмъ иной, чѣмъ, въ черноморской губ., въ виду того, что тамъ осталась на мѣстѣ значительная часть его коренного населенія. И дѣйствительно, русскихъ тамъ только 20%[1]), на 80% самурзаканцевъ, абхазцевъ и мингрельцевъ[2]). Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія исторіи заселенія, намъ долженъ быть интересенъ собственно «черноморскій округъ», т. е. нынѣшняя черноморская губернія, гдѣ заселеніе происходило, послѣ изгнанія горцевъ, на-ново. Кромѣ самаго Новороссійска *во всей губерніи* къ 1898 г оказалось (вмѣстѣ въ Сочи, Туапсе, Джубгой, Геленджикомъ и Адлеромъ) всего только *шестьдесятъ одинъ* населенный пунктъ (!)[3]) съ составомъ кореннаго населенія отъ 27 до 1000 душъ обоего пола на одинъ поселокъ. Изъ этого коренного населенія греки, армяне, эсты, чехи, молдаваны, нѣмцы, мингрельцы, турки, черкесы и грузины составляли около 50% населенія, остальную же его часть составляли русскіе—главнымъ образомъ малороссы и частію великороссы и пришлецы изъ новороссійскихъ губерній, (а съ г. Новороссійскомъ ихъ болѣе 50%). Слѣдовательно въ указанномъ отношеніи населеніе распредѣлилось почти пополамъ. Что касается распредѣленія его по поселеніямъ, то чисто русскихъ или почти исключительно русскихъ селеній имѣется 14 (изъ нихъ 9 въ одномъ Туапсинскомъ округѣ), таковыхъ же (т. е. съ однороднымъ составомъ населенія) 5 армянскихъ (всѣ въ Туапс. округѣ), 5 греческихъ (4 въ Сочинск. округѣ),

---

1) Съ г. Сухумомъ.

2) Г. Марковъ. «Русскій уголокъ Италіи», «Недѣля», 1903 г., № 3.

3) Безъ временныхъ арендаторскихъ поселковъ на частновладѣльч. земляхъ.

5 черкесскихъ и 4 чешскихъ. Остальные составляютъ смѣсь разныхъ племенъ, изъ нихъ въ 8 русскіе составляютъ свыше 50% и въ 8 имѣется та или иная примѣсь русскаго населенія (въ итогѣ русскіе крестьяне живутъ въ 30 изъ 61 населеннаго пункта). Туапсинскій округъ характеризуется наибольшимъ преобладаніемъ селеній съ одноплеменнымъ составомъ населенія, тогда какъ Сочинскій наоборотъ—наличностью сравнительно бóльшаго числа населенныхъ пунктовъ съ разноплеменнымъ составомъ населенія.

Что касается количества произведенныхъ этимъ населеніемъ разработокъ, то вопросъ этотъ выясняется слѣдующими цыфрами:

	Десятинъ всей надѣльн земли на 1 налич. душу м. п. въ десятин.	Количеcтвво разработ. земель въ % къ общему колич. надѣльныхъ.	Средній размѣръ разработки (десятинъ) на 1 нал. душу м. п.
Въ итогѣ по всей губерніи:	12	12	1,55
Въ селен. съ искючит. русск. населеніемъ:	13	11	1,6
Въ селен. съ исключит. не русск. населеніемъ:	9	16	1,5
Въ томъ числѣ у чеховъ:	11	24	2,7

Изъ этихъ цыфръ[1]) выясняется, что чисто русское населеніе обезпечено надѣльными землями, въ среднемъ выводѣ, въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ инородное (у первыхъ 13, у вторыхъ 9 дес. на душу). Процентъ разработанныхъ среди надѣла земель у нихъ меньше (11%), чѣмъ у «чужеземцевъ» (16%). Но это могло зависѣть отъ двухъ причинъ, во первыхъ, отъ того, что общее количество надѣльныхъ земель у нихъ больше, во вторыхъ, потому, что нѣкоторыя изъ ихъ селеній, какъ было указано, частію удалены (съ ривьеры), частію и сами устроились въ предгорьяхъ, гдѣ труднѣе разработка и при заселеніи было меньше (чѣмъ на равнинныхъ частяхъ побережья) мѣстъ (какъ, напр.,

---

[1]) сведенныхъ изъ данныхъ «Справочн. книги» на 1899 г. г. Леонтьева.

сѣнокосныя поляны), почти нетребовавшихъ расчистки[1]). Но рядомъ съ этимъ русскіе разработали въ среднемъ на душу (1,6 дес.) нѣсколько болѣе «чужеземцевъ» (1,5 дес.), что, съ одной стороны, свидѣтельствуетъ о ихъ трудоспособности, а съ другой, даетъ основаніе думать, что какъ незнакомыя съ «высшими культурами», требующими меньшей культурной площади, они стремились къ расширенію запашки для прывычной имъ культуры зерновыхъ растеній. Впрочемъ разница въ среднихъ на душу разработкахъ русскихъ и «чужеземцевъ»—1,6 и 1,5 дес.—въ сущности очень незначительна. Однако ближайшее разсмотрѣніе состава отдѣльныхъ селеній, занимающихся мѣстными культурами—виноградарствомъ и табаководствомъ—указываетъ все-таки, что ими занимаются преимущественно селенія, состоящія или только изъ однихъ инородныхъ элементовъ, или же—лишь съ нѣкоторою примѣсью русскихъ. Селеній же съ чисто-русскимъ населеніемъ, занимающихся этими культурами сравнительно немного. Это до нѣкоторой степени свидѣтельствуетъ о томъ, что «чужеземцы» дѣйствительно были для русскихъ пришельцевъ тѣми «опытными хозяйствами», съ которыхъ они могли брать примѣръ для введенія мѣстныхъ и «высшихъ» культуръ[2]).

Нечего и говорить, что, приспособляясь къ мѣстнымъ условіямъ, присматриваясь къ тому, какъ живутъ посельщики изъ числа «чужеземцевъ» (турецкихъ грековъ, армянъ, черкесовъ и т. п.), засельщики изъ Малороссіи и Великороссіи многое у нихъ перенимали, измѣняя въ свою очередь многое изъ того, къ чему привыкли на родинѣ. Напр., во многихъ мѣстахъ Сочинскаго

---

[1]) Достойно вниманія, что извѣстные своей культурностью чехи, тоже люди пришлые на Кавказѣ, имѣя надѣлъ по величинѣ почти одинаковый съ русскими, произвели несравнимо болѣе значительныя разработки (см. вышепривед. табличку).

[2]) Нельзя не пожалѣть, что, за неизслѣдованностію края и отсутствіемъ достаточно полныхъ данныхъ о занятіяхъ и условіяхъ жизни его населенія, на всѣ эти вопросы нельзя отвѣтить съ должной категоричностью.

округа, отличающихся, какъ было сказано, своею влажностью, они стали строить и хаты и хозяйственныя постройки на столбахъ, на извѣстной высотѣ надъ землею, во избѣжаніе сырости. Традиціонныя соломенныя крыши замѣнились деревянными—преимущественно изъ драни. Теплый климатъ, дозволяющій большую часть жизни проводить внѣ дома, самъ собою привелъ къ тому, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ прежнія малороссійскія хаты оказались снабженными верандами, настолько просторными, что на нихъ можно поставить столъ, обѣдать и пр.; веранды эти затѣнены обыкновенно навѣсомъ удлиненной надъ ними и подпертой столбиками крыши хаты. Бываетъ, что кромѣ печи въ хатѣ, устраивается еще печь близъ дома на открытомъ воздухѣ, чтобы въ особенно жаркую пору, во избѣжаніе духоты, не топить печку въ хатѣ. Расположеніе поселковъ далеко не всегда соотвѣтствуетъ типу россійскихъ селеній съ улицею и двумя рядами домовъ по ея сторонамъ. Нерѣдко оно болѣе или менѣе разбросано. Если же съ «улицей», то нерѣдко тоже съ настолько просторнымъ расположеніемъ отдѣльныхъ хатъ, что такія хаты съ примыкающими къ нимъ небольшими садами и огородами производятъ впечатлѣніе небольшихъ хуторовъ. При всѣхъ этихъ измѣненіяхъ въ расположеніи и характерѣ построекъ, многіе малороссы не забываютъ однако бѣлить свою хату внутри и снаружи.

Въ предыдущемъ изложеніи (глава II), говоря о геленджикскомъ районѣ, я уже касался отчасти вопроса о вліяніи мѣстныхъ условій на формы землевладѣнія въ крестьянской средѣ. Здѣсь, говоря объ этихъ мѣстныхъ вліяніяхъ, мнѣ хотѣлось бы кстати, указать на весьма интересный фактъ, наблюденный проф. Красновымъ.[1]) въ двухъ селеніяхъ Сочинскаго округа, образовавшихся изъ крестьянъ подольской губ., гдѣ, какъ извѣстно, существуетъ подворно-наслѣдственное владѣніе. Оба селенія—Верхняя и Нижняя Николаевка получили по 30 дес. на семью. «Но собственниками земли считаются только владѣльцы усадебной земли или земли, засаженной фруктовыми деревьями и виногра-

---

[1]) Русская «ривьера», Недѣля 1900 г. № 8.

домъ. Остальная земля, хотя она и очищается отъ лѣса и огораживается, считается собственностью расчистившаго только около 6 лѣтъ,—т. е. то время, въ теченіе котораго расчистившій ее успѣетъ вознаградить свои труды по ея расчисткѣ». «Послѣ того наступаетъ передѣлъ и земля распредѣляется подушно»... «Въ виду того, что сравнительно небольшой % занятой лѣсами территоріи расчищенъ изъ подъ лѣса, душевой надѣлъ de facto не превосходитъ господствующій въ Россіи, остальная же территорія является запасною общественною землею». Подобный фактъ, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ проф. Красновъ, представляетъ естественное слѣдствіе борьбы новоселовъ съ природою, нерѣдко заставлявшей ихъ сообща отвоевывать у лѣса клочки земли, годной подъ засѣвы,—борьбы, которая была бы не подъ силу отдѣльнымъ засельщикамъ.

Очевидно, и своебразныя мѣстныя условія и вліяніе примѣра чужеземцевъ и, наконецъ, самыя условія поселенія въ ненаселенной странѣ должны были породить у русскихъ засельщиковъ края массу разнообразныхъ отклоненій отъ ихъ прежняго быта (что, конечно, давалось имъ весьма нелегко),—отклоненій весьма интересныхъ и въ бытовомъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, которыя было бы тоже весьма интересно и поучительно уяснить путемъ спеціальнаго мѣстнаго изслѣдованія.

Помянутые 61 поселокъ, составляющіе всю сумму населенныхъ пунктовъ въ губерніи представляютъ результатъ дѣйствія законовъ 1866 и 1870 гг. Въ 1897 году изданъ уже новый законъ объ его заселеніи и немногіе устроившіеся по этому закону поселки въ это число (61) не вошли.

Изданію закона 1897 г. предшествовало (отмѣченное въ III главѣ) переименованіе Черноморскаго округа—въ видахъ споспѣшествованія «заселенію и оживленію» края—въ Черноморскую губернію. Самый же законъ изданъ не послѣ упомянутыхъ выше, произведенныхъ по спеціальнымъ порученіямъ, научныхъ обслѣдованій края гг. Воейковымъ, Клингеномъ, Пастернацкимъ и Сергѣевымъ, а до нихъ, какъ будто нельзя было подождать какіе-нибудь одинъ-два года и какъ будто изданіе законовъ должно

предшествовать изслѣдованію, предназначенному для выясненія правильной постановки того или иного дѣла, а не наоборотъ. Законъ этотъ представляетъ результатъ дѣятельности упомянутой уже въ предыдущемъ изложеніи комиссіи по заселенію края, состоявшей подъ предсѣдательствомъ Н. С. Абазы. Но въ собраніи узаконеній законъ этотъ (отъ 31 марта 1897 г.) во всеобщее свѣдѣніе полностью не опубликованъ (такъ что офиціально онъ долженъ быть извѣстенъ во всей полнотѣ только мѣстному начальству), хотя на самомъ дѣлѣ онъ, какъ оказывается, извѣстенъ въ достаточныхъ подробностяхъ многимъ интеллигентнымъ жителямъ побережья [1]). Да и независимо отъ этого о немъ можно до извѣстной степени судить по тѣмъ фактамъ, въ которыхъ онъ такъ или иначе проявлялся.

На сколько можно судить по собраннымъ о немъ свѣдѣніямъ и наблюденнымъ фактамъ проведенія его въ жизнь, одною изъ характерныхъ чертъ этого закона можно повидимому считать «чисто русское»» его направленіе, прекращающее, всякій доступъ какимъ бы то ни было иноземнымъ и инороднымъ и неправославнымъ элементамъ. На сколько раціональна такая постановка здѣсь переселенческаго дѣла, объ этомъ не буду распространяться въ виду только что приведенныхъ по этому вопросу данныхъ, по которымъ читатель самъ уже можетъ составить соотвѣтствующее заключеніе.

Другою характерною чертою новаго закона является предварительное заготовленіе переселенческихъ участковъ особою поземельно-устроительною партіею съ намѣченіемъ для усадебной осѣдлости мѣстъ по возможности безопасныхъ отъ маляріи (болѣе

---

[1]) но не приселяющимся сюда крестьянамъ, для которыхъ знаніе его было бы всего важнѣе. Этотъ вопросъ о причинахъ неопубликованія закона является весьма трудно объяснимымъ. Совершенно непонятно, чего въ данномъ случаѣ боялась названная коммиссія во главѣ съ Н. С. Абазой: льготы имъ предоставляемыя совсѣмъ не настолько заманчивы, чтобы повліять на усиленіе движенія сюда переселенцевъ, а надѣлъ съ прежнихъ 30—20 дес. сокращенъ даже до 3 дес. на нал. душу.

возвышенныхъ), при чемъ надѣльная норма, не въ примѣръ прежнимъ 20 и 30 десятиннымъ нормамъ, не превышаетъ уже 3 десятинъ удобной земли на наличную душу м. п. Противъ этой нормы въ 3 десятины усиленно сѣтуетъ проф. Красновъ въ одной изъ своихъ статей [1]), протестующій, что русскимъ предоставляется только 3 дес., когда чужеземцы имѣютъ уже по 30. Но эти 30 дес. достались имъ по отмѣненному закону, на равныхъ правахъ съ русскими, а теперь имъ уже, по новому закону, не дадутъ и тѣхъ 3 дес., которыми надѣляють русскихъ. Однако, нельзя не признать, что эти 3 дес. на душу, представлящія въ сущности только *право на разработку* 3 дес. въ указанномъ новому поселку надѣлѣ, а не разработанную уже землю, являются величиною достаточно мизерною и по сравненію съ прежней нормой надѣла и само по себѣ.

Не надо забывать, что помянутыя 1,6 дес. на наличн. душу м. п. оказались разработанными къ нынѣшнему времени при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ поселенія во враждебной (для первыхъ засельщиковъ) совершенно чуждой странѣ. Слѣдовательно при болѣе благопріятныхъ условіяхъ разработка была бы значительно больше. Не слѣдуетъ также забывать, что нельзя требовать, чтобы поселяющіеся здѣсь крестьяне жили только «высшими культурами», подъ которыя, повидимому предполагается обратить все побережье. Вѣдь и горцы, имѣвшіе здѣсь высшія культуры, сѣяли здѣсь зерновыя хлѣба. Конечно, высшія культуры, разъ онѣ заведены какъ слѣдуетъ и имѣютъ сбытъ, тоже могутъ дать средства для покупки хлѣба. Но для мужика прежде всего на обзаведеніе ими нужно имѣть деньги и деньги большія, которыхъ обыкновенно у него нѣтъ; кромѣ того ему нужно на что-нибудь жить уже въ первое время по поселеніи, а высшія культуры даютъ доходы обыкновенно только чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ихъ насажденія. А главное «поселянинъ безъ собственнаго хлѣба—игрушка въ рукахъ любого кулака; значитъ, краеугольнымъ камнемъ крестьянскаго хозяйства

[1]) „Русская Ривьера". Недѣля 1901 г. № 1.

должно быть хлѣбопашество, дающее ему независимость и устойчивость во всѣхъ его дальнѣйшихъ предпріятіяхъ» [1]).

Вышеуказанное предварительное заготовленіе участковъ, долженствующее сводиться къ предварительному осмотру земель съ точки зрѣнія пригодности ихъ для культуры, наличности всѣхъ необходимыхъ угодій, опредѣленія предѣльнаго размѣра количества лицъ, могущихъ на нихъ поселиться, предварительнаго устройства дорогъ и пр., будучи исполняемо какъ слѣдуетъ, должно представлять, конечно, значительный шагъ впередъ. Для осуществленія этихъ задачъ организована особая поземельноустроительная партія, содержаніе которой обходится около 30000 р. въ годъ. Самое переселенческое дѣло вѣдаетъ Общее Присутствіе Черноморской губерніи и въ качествѣ исполнительнаго органа имѣется еще особый чиновникъ по переселенческимъ дѣламъ.

Въ то время, какъ по закону 1866 г. каждый представившій увольнительное свидѣтельство съ мѣста прежней своей приписки имѣлъ право поселенія въ побережьѣ съ свободнымъ выборомъ мѣста по своему усмотрѣнію, теперь этого уже недостаточно. О каждомъ, заявившемъ желаніе переселиться на побережье, собираются справки чрезъ полицію о семейномъ и имущественномъ положеніи, образѣ жизни и пр. и по этимъ полицейскимъ справкамъ Общее Присутствіе составляетъ для доклада Министерству свое заключеніе о томъ, пригоденъ ли проситель стать въ ряды засельщиковъ края. Перечисленіе съ родины и причисленіе къ мѣсту новаго поселенія обставлено, конечно, всѣми неизбѣжными у насъ формальностями. При этомъ оно нерѣдко еще очень осложняется и замедляется, къ сожалѣнію, самымъ фактомъ неопубликованія закона во всеобщее свѣдѣніе. Это происходитъ благодаря тому, что бывшему начальству поселыщика, живущему въ Россіи, новый законъ этотъ, благодаря его неопубликованію, обыкновенно неизвѣстенъ и неизвѣстны ему тѣ права и льготы, которыя предоставляются переселяющимся на побережье въ отношеніи порядка отчисленія ихъ отъ

---

[1]) Клингенъ И. Н. «Основы хоз. въ Соч. окр.».

прежнихъ обществъ [1]). Слѣдствіемъ этого являются нерѣдко недоразумѣнія, разъясняемыя только перепискою. Въ этой иногда весьма длительной перепискѣ мѣстному кавказскому начальству приходится знакомить недоумѣвающихъ «россійскихъ» чиновниковъ съ требованіями неизвѣстнаго имъ закона, «отговариваться незнаніемъ» котораго, какъ таковаго, по основнымъ требованіямъ нашихъ законовъ, «никто не можетъ» и тѣмъ менѣе чиновники, обязанные руководствоваться имъ.

Эти неизбѣжныя затяжки ставятъ иногда посельщиковъ въ тяжелое положеніе. Дѣло въ томъ, что рѣшенія присутствія утверждаются министромъ, но до утвержденія проситель увѣдомляется присутствіемъ о состоявшемся о немъ рѣшеніи, посланномъ на утвержденіе въ Петербургъ. Получивъ такое извѣщеніе, обрадованный крестьянинъ, по обыкновенію многихъ нашихъ крестьянъ-переселенцевъ, не ожидая конца чуждой и неизвѣстной имъ канцелярской волокиты, ликвидируетъ хозяйство на родинѣ и приходитъ на побережье, не имѣя еще формальныхъ правъ на причисленіе. Справедливость требуетъ сказать, что мѣстное губернское начальство старается войти въ положеніе такихъ засельщиковъ и оказать имъ посильное содѣйствіе до окончательнаго рѣшенія ихъ судьбы. Но, во первыхъ, до этого времени посельщикъ все-таки по нѣскольку мѣсяцевъ живетъ и «проѣдается» въ неопредѣленномъ положеніи, во-вторыхъ, изъ министерства могутъ приходить иногда и отрицательные отвѣты, которыми дальнѣйшая судьба «самовольно пришедшаго» переселенца опредѣляется большею частью въ видѣ постояннаго бездомнаго батрачества гдѣ-нибудь (преимущественно) въ Кубанской области или по курортамъ побережья. Дѣло въ томъ что съ опубликованіемъ закона 1897 г. заселеніе оффиціально допустимо только на заранѣе предназначенныхъ мѣстахъ извѣстнымъ опредѣленнымъ порядкомъ и въ сообществѣ съ тѣми людьми, которые поселены будутъ на данномъ участкѣ по усмотрѣнію при-

[1]) Напр., по новому закону, наличность недоимокъ у переселенцевъ на побережье препятствіемъ къ выселенію съ родины служить не можетъ, а земскій начальникъ того мѣста, откуда хочетъ уйти переселенецъ, отказываетъ недоимщику въ выдачѣ увольнительнаго свидѣтельства. Тогда начинается переписка, разъясняющая земск. начальнику, что есть законъ, нигдѣ не напечатанный, который эту выдачу разрѣшаетъ и т. п.

сутствія. Такимъ образомъ теперь уже нѣтъ допускавшейся съ 1866 г. свободы поселенія желающихъ на исподволь и свободно избранныхъ и облюбованныхъ ими участкахъ, одиночно, или въ сообществѣ съ тѣми, съ кѣмъ сами войдутъ въ соглашеніе.

Длительна и убыточна такая волокита для переселенца, пришедшаго на побережье не ожидая увольненія изъ своего сельскаго общества и приписки въ число крестьянъ черноморской губ., но съ причисленіемъ еще не кончаются всѣ его бѣды. Прослѣдимъ бѣгло первые его шаги съ момента приписки. Вотъ онъ уже получилъ кусокъ земли на переселенческомъ участкѣ, къ которому его приселили. Надо приступить къ устройству дома и необходимѣйшихъ хозяйственныхъ построекъ. Весь его участокъ обыкновенно подъ лѣсомъ, слѣдовательно, лѣсъ подъ рукой. Онъ, положимъ, пока стоитъ на корню и слѣдовательно на постройку дома придется употребитъ сырой еще лѣсъ. Однако другого лѣса нѣтъ, строиться надо, чтобы было въ чемъ жить, а растущій лѣсъ, хотя и не высушенъ, самъ по себѣ все-таки годенъ на постройки. Переселенецъ его рубитъ и строится. Въ дорогу онъ, ликвидируя свое имущество, собралъ извѣстную сумму денегъ (въ среднемъ обыкновенно не болѣе 200 р.); изъ этой суммы онъ прежде всего долженъ потратиться на пріобрѣтеніе необходимаго скота. Расходы на переѣздъ до своего участка, на постройки, на скотъ и необходимый мертвый инвентарь обыкновенно поглащаютъ всѣ его денежные запасы, почему необходимо прибѣгнуть къ ссудѣ отъ казны. Ссуды выдаются въ размѣрѣ не свыше 100 р. на семью съ разсрочкою на 10 лѣтъ. Опредѣленіе размѣра ссуды зависитъ отъ рѣшенія общаго присутствія,—обыкновенно въ зависимости отъ состоятельности посельщика. Въ большинствѣ случаевъ ссуды эти не достигаютъ 100-рублеваго размѣра. Деньги эти, конечно, тоже вкладываются въ хозяйство. Возведя необходимѣйшія постройки (вначалѣ часто по привычному родному образцу, вслѣдствіе чего потомъ нерѣдко приходится ихъ для приспособленія къ мѣстнымъ условіямъ болѣе или менѣе перестраивать), посельщикъ можетъ уже приступить къ рубкѣ покрывающаго участокъ лѣса и его корчевкѣ. Хотя земля далеко

не вездѣ пригодна для посѣва зерновыхъ растеній, однако поселыщикъ не считается съ этимъ,—не считается не только потому, что часто не имѣетъ понятія объ этой непригодности, но и потому, что ему нужно обезпечить себя пищей. Смотря по землѣ, смотря по тому, сумѣлъ ли онъ обработать и посѣять землю сообразно мѣстнымъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ [1]), земля или даетъ урожай, или, иногда—не даетъ никакого. Тогда онъ долженъ еще будетъ расходоваться на покупку хлѣба и зерна на новый посѣвъ хлѣба. Засѣвъ этотъ во всякомъ случаѣ на первыхъ порахъ невеликъ: какія-нибудь $^1/_4$—$^1/_2$ дес., потому что больше и не успѣть сдѣлать. Сбора съ такого засѣва во всякомъ случаѣ не хватитъ на годовое прокормленіе всей семьи. Затѣмъ онъ приступаетъ къ разбивкѣ плантажа подъ виноградникъ. О трудности этой работы читатель можетъ уже судить по приведеннымъ выше (глава Ш) даннымъ о стоимости десятины плантажа. Не имѣя денегъ на разработку плантажа наемнымъ трудомъ, поселыщикъ приступаетъ къ этой работѣ самъ. Разбивъ при помощи своей семьи какіе-нибудь $^1/_4$ или $^1/_2$ дес. (а впослѣдствіи можетъ быть и до десятины—рѣдко болѣе), онъ получаетъ съ нихъ первый сборъ черезъ 4 только года. Слѣдовательно, пока онъ долженъ жить чѣмъ нибудь другимъ. Если первые посѣвы зерновыхъ хлѣбовъ удались, онъ будетъ увеличивать площадь поля подъ ихъ посѣвы новыми разработками изъ подъ лѣса. Но и въ этомъ случаѣ его семьѣ, пока это сдѣлается, надо чѣмъ-нибудь питаться. А такъ какъ денежные запасы обыкновенно къ этому времени уже изсякли, то надо кому-нибудь изъ членовъ семьи идти на заработки, при чемъ этотъ уходъ на сторону, конечно, отзывается замедленіемъ хозяйственныхъ работъ на участкѣ. Нерѣдко съ наступленіемъ первой зимы мужчины семьи ищутъ уже какихъ-либо заработковъ па сторонѣ—на

[1]) а поселенному на новообразованномъ переселенческомъ участкѣ нерѣдко и спросить объ этомъ не у кого, ибо остальные поселыщики такіе же, какъ онъ, новички; участки же эти иногда порядочно удалены отъ старыхъ населенныхъ пунктовъ.

шоссе, при курортахъ, въ Новороссійскѣ, на Кубани. Если первая зима, при наличности остатковъ отъ привезенныхъ съ родины денегъ и казеннаго пособія, проходитъ сравнительно сносно, то во вторую, особенно въ случаѣ весьма вѣроятнаго неурожая на новой небольшой нивкѣ (или земля негодна для зерновыхъ хлѣбовъ, или обработалъ не такъ, какъ по мѣстнымъ условіямъ слѣдуетъ—перепахалъ, недопахалъ, слишкомъ глубоко вспахалъ и т. п., или посѣялъ неподходящій хлѣбъ и т. п.) новому засельщику нерѣдко приходится очень туго. Конечно, много зависитъ отъ массы случайностей. Случайно найдетъ кто-либо изъ изъ членовъ семьи хорошій заработокъ—найдетъ на первыхъ же порахъ, не шатаясь до этого по недѣлямъ въ поискахъ за работой, случайно удастся посѣять именно то, что слѣдуетъ и такъ какъ слѣдуетъ, такъ что новая нивка возвратитъ сѣмена и дастъ еще кое-что—и семья, хотя и отказывая себѣ въ очень многомъ, пережила уже часть самаго труднаго времени. Еще можетъ быть годъ, много два и при поддержкѣ прочно устроившагося на отхожемъ заработкѣ члена семьи, она настолько устроиться, чтобы съ надеждой взирать на будущее. Но не будь этого стеченія благопріятныхъ случайностей, пропади первый посѣвъ, не возвративъ сѣмянъ, не получи своевременно работы ушедшій на заработки, не хвати у посельщика денегъ на прожитіе до новаго урожая и всѣ труды потеряны безвозвратно: жить уже не на что. Тогда надо бросать все, продавать за безцѣнокъ хатёнку какому-нибудь изъ вновь явившихся засельщиковъ и уходить на заработки. Такъ и уходятъ иные съ своихъ участковъ. Большинство такихъ семей уходитъ на Кубань, гдѣ заработки выгоднѣе, потому что хлѣбъ дешевъ, а трудъ дорогъ и гдѣ выгоднѣе даже жить на арендѣ, заплативъ казаку 2—6 рублей аренды за десятину, чѣмъ ожидать здѣсь 4 года урожая винограда, который потомъ, безъ организованнаго сбыта, безъ подваловъ въ окрестностяхъ, трудно будетъ и сбыть съ достаточной выгодой. Нѣкоторые же, обыкновенно впрочемъ очень немногіе, одиночки, уже болѣе или менѣе отбившіеся отъ семьи постоянной работой на сторонѣ, остаются на побережьѣ, перебиваясь потомъ всю жизнь случайной рабо-

той и пополняя собою начавшіе формироваться—главнымъ образомъ въ послѣднее десятилѣтіе—ряды «бурлаковъ». Бурлаки—это люди съ разныхъ концовъ Россіи, заброшенные на побережье случайностями судьбы, бывшіе пахари, отбившіеся отъ земли, люди, которыхъ забыла фортуна, это—здоровые работники, силами которыхъ строются курорты, виллы, дороги, привыкшіе ко всякимъ невзгодамъ жизни, но и привыкшіе дорожить своей «вольной-волюшкой». Жизнь ихъ—вѣчный тяжелый трудъ безъ мало-мальски сноснаго пріюта, вознаграждаемый временами отчаянными попойками, на которыхъ пропивается весь накопленный недѣлями заработокъ. Болѣе слабые изъ нихъ попадаютъ впослѣдствіи въ отрядъ босяковъ, тоже уже сформировавшійся на побережьѣ.

Но возвратимся къ изложенію того, какъ на практикѣ осуществляется новый переселенческій законъ.

Заготовленіе переселенческихъ участковъ постепенно производится въ разныхъ районахъ побережья и появилось уже нѣсколько заселковъ, образованныхъ по новому закону; это такъ назыв. участки «Бочаровскій», «Стаховича», «Аибга», «Царскій», «Фитинговскій», «Геймановскій», обладающіе, въ общемъ, прекрасными землями. Исторія ихъ образованія показываетъ однако, что нынѣшніе засельщики отыскали ихъ и облюбовали эти мѣста, по правамъ 1866 г., т. е. еще до опубликованія послѣдняго закона. И только формальное перечисленіе ихъ въ число поселянъ губерніи, какъ уже прочно обосновавшихся здѣсь, произведено по закону 1897 г. Эти поселки живутъ сравнительно хорошо; но какъ фактически устроившіеся до новаго закона, они не могутъ быть разсматриваемы какъ результатъ его дѣйствія.

Справедливость требуетъ сказать, что работы по предварительному заготовленію переселенческихъ участковъ, судя по собраннымъ распросами свѣдѣніямъ, невсегда приводили къ благопріятнымъ результатамъ. Мнѣ приходилось слышать, напр., изъ весьма достовѣрныхъ источниковъ, что въ вымежеванномъ участкѣ около будущаго г. Романовска (Красная Поляна тожь) подъ именемъ Медовѣевской (по крестьянски Медовой Поляны) изъ пер-

воначально поселенныхъ тамъ переселенческимъ чиновникомъ 32 семей, за неимѣніемъ годной для усадебъ земли, остались только двѣ! Бѣда въ томъ, что нарисованные на планахъ переселенческіе участки казались очень хороши, а въ дѣйствительности оказывались съ немалыми дефектами, по тѣмъ или инымъ причинамъ упущенными изъ виду при ихъ предварительномъ выборѣ и осмотрѣ. Дефекты же эти выяснялись лишь тогда, когда уже прибывали съ своими семьями направленные туда переселенцы, которые и должны были испытывать ихъ на своихъ плечахъ и преодолѣвать своими руками, или же бросать ихъ и уходить куда-нибудь, чтобы затѣмъ вѣчно скитаться по заработкамъ, что, дѣйствительно, и случилось со многими. Такимъ образомъ и тутъ стала повторяться старая исторія ухода съ переселенческихъ участковъ на утекъ въ вѣчную отлучку.

Надо сказать еще, что это заселеніе участковъ подборомъ посельщиковъ по выбору начальства, слѣдовательно, людьми совершенно незнающими другъ друга и не связанными никакими общими интересами тоже стоитъ въ противорѣчіи съ уроками прошлой исторіи заселенія побережья.

Большой недочетъ новыхъ переселенческихъ участковъ заключается, между прочимъ, въ отрѣзанности отъ моря и недостаткѣ и неудовлетворительности путей сообщенія съ ними. Хотя на эту сторону теперь и обращено уже нѣкоторое вниманіе и ко всякому участку обыкновенно стараются устроить подъѣздъ, но этого мало. Надо, чтобы было по возможности нѣсколько подъѣздовъ изъ разныхъ населенныхъ мѣстъ, чтобы были заготовляемы дороги внутри переселенческаго участка и чтобы всѣ эти дороги были не кой-какими, едва проѣздными или скоро портящимися тропами, а дѣйствительно удобными для пользованія во всякое время. Иначе участки, заброшенные въ такія, напр., дебри, въ какія заброшены: «Орѣховая Поляна», «Амуко» и «Ажекъ» близъ д. Пластуновской, окажутся въ совершенно изолированномъ положеніи, такъ какъ къ этимъ послѣднимъ пробраться, говорятъ, можно только верхомъ или пѣшкомъ по горнымъ тропамъ.

Конечно, отъ чиновниковъ, недостаточно знакомыхъ практически съ сельскимъ хозяйствомъ, съ нуждами переселенческаго быта, да вѣроятно и съ мѣстными условіями, трудно и ожидать вполнѣ удачнаго выбора переселенческихъ участковъ. Но объ этомъ надо было подумать заранѣе, чтобы съорганизовать это дѣло какъ слѣдуетъ. Такое серіозное и въ сущности очень сложное дѣло надо дѣлать осторожно и не торопясь. Къ какой бы то ни было торопливости въ этомъ отношеніи не представляется никакихъ основаній (развѣ можетъ быть теперь выяснилась уже необходимость скорѣйшаго поселенія мужика на побережьѣ ради тѣхъ же курортовъ, отъ которыхъ его еще такъ недавно отселяли подальше?). Лучше переселить меньше, да поселить удобнѣе, прочнѣе; лучше не увлекаться количествомъ вновь образуемыхъ участковъ, но осмотрѣть и выбрать ихъ обстоятельнѣе, всесторонне выяснивъ ихъ дѣйствительную пригодность для веденія хозяйства и жизни.

Таковы главнѣвшія основанія новаго плана заселенія побережья трудовымъ земледѣльческимъ населеніемъ, весьма важные недочеты котораго показываютъ, какъ мало при ихъ разработкѣ воспользовались печальными, но поучительными уроками исторіи и требованіями дѣйствительной жизни.

Каждое новое дѣло, особенно на первыхъ порахъ, можетъ, разумѣется, имѣть свои недочеты; во-время подмѣченные они могутъ быть своевременно исправлены и устранены, чтобы не повторяться болѣе. Но если замѣчаніе это почти въ полной мѣрѣ примѣнимо къ новому закону (1897 г.) въ отношеніи дальнѣйшаго его примѣненія въ соотвѣтственномъ дѣйствительнымъ нуждамъ переселенцевъ и мѣстнымъ условіямъ видѣ (такъ какъ законъ можно и измѣнить), то оно весьма мало примѣнимо къ тому, что уже сдѣлано по части устроенія на побережьѣ ривьеры. Многаго, очень многаго сдѣланнаго по этой части теперь, по всей вѣроятности ничѣмъ уже не поправишь и въ этомъ заключается главное несчастье побережья... Въ послѣднее время, передъ смертью Н. С. Абазы на побережьѣ ходили слухи, что несостоятельность его политики «оживленія» привела будто бы даже

высшее начальство Кавказа къ мысли о необходимости экспропріаціи частновладѣльческихъ земель побережья, что однако не состоялось въ то время вслѣдствіе противодѣйствія со стороны покойнаго. Конечно, это было бы очень радикальною мѣрою по исцѣленію побережья отъ его главнаго недуга, но эти слухи, надо думать, не имѣли фактической подготовки и характеризують лишь желанія и взгляды знающихъ нужды края мѣстныхъ жителей на этотъ вопросъ. Недавно въ газеты проникло извѣстіе объ образованіи «особаго совѣщанія для разработки, обсужденія и необходимаго объединенія мѣропріятій различныхъ вѣдомствъ по оживленію и развитію Черноморскаго побережья Кавказа». Желательно, по крайней мѣрѣ, чтобы особое совѣщаніе это, не связанное никакими мнѣніями и предначертаніями предыдущей коммиссіи по устроенію края (Н. С. Абазы), отнеслось къ возложенному на него дѣлу съ возможно большею обстоятельностью и безъ всякихъ предвзятостей, положивъ въ основу своихъ работъ только точныя данныя безпристрастно и спеціально произведенныхъ изслѣдованій. Говорили, что совѣщаніе это будетъ состоять при министерствѣ земледѣлія. Писали также въ газетахъ, что нынѣшній министръ земледѣлія А. С. Ермоловъ,—самъ землевладѣлецъ побережья (но не путемъ пожалованія или выкупа, а путемъ покупки изъ частныхъ рукъ), часто его посѣщавшій, держится на вопросъ о «заселеніи и оживленіи» края совершенно иного взгляда, чѣмъ покойный Абаза и намѣчаетъ рядъ мѣръ къ исправленію допущенныхъ въ этомъ отношеніи ошибокъ.

Можно только пожелать, чтобы это было именно такъ и чтобы этотъ слухъ осуществился въ возможно широкомъ объемѣ.

А. С. Аничковъ.

ПѢВЕЦЪ БОРЬБЫ И КОНТРАСТОВЪ.

V.

Що въ моій писни биль и жаль и туга—
Се лышъ тому, що склалось такъ життя.
Та є в ній, брате мій, ще нота друга:
Надія, воля, радисне чуття...
. . . . Я сынъ народа,
Що въ гору йде, хочъ бувъ запертый в льохъ.
Мій поклыкъ: праця, щасте и свобода,
Я є мужыкъ, прологъ не епилогъ.

Ив. Франко.

Есть хорошая пословица «скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, и я скажу, кто ты таковъ», т. е., говоря другими словами, ни въ чемъ иномъ личность человѣка, его симпатіи и антипатіи, вообще весь его духовный обликъ не сказываются, можетъ быть, съ такою ясностью и опредѣленностью, какъ въ выборѣ знакомствъ. Similis simili gaudet, каждый подбираетъ друзей и знакомыхъ по сердцу, при чемъ, разумѣется, не могутъ не отражаться на этомъ подборѣ вкусы и направленіе производящаго выборъ субъекта, и такимъ образомъ подборъ является однимъ изъ характерныхъ обнаруженій личности даннаго человѣка. Если для характеристики всякаго обыкновеннаго смертнаго мы, въ силу сказаннаго, считаемъ особенно удобнымъ пользоваться кругомъ его знакомствъ, то кто мѣшаетъ намъ тѣмъ же способомъ воспользоваться и для характеристики писателя, поставивъ лишь вопросъ нѣсколько иначе, въ немного перефразированномъ, такъ сказать, видѣ. Принявъ во вниманіе, что «знакомыми» писателя являются прежде всего герои его произведеній, мы можемъ обратиться къ писателю, примѣрно, такъ: скажи, кто герои твоихъ

произведеній, чьею судьбою ты больше всего заинтересованъ,— и мы скажемъ, кто ты таковъ, т. е., на основаніи сообщенныхъ данныхъ сумѣемъ опредѣлить твою умственную и нравственную физіономію, твой духовный обликъ, и при томъ не только, какъ человѣка, но, главнымъ образомъ, какъ писателя и общественнаго дѣятеля. Разумѣется, въ дѣйствительности нѣтъ нужды приставать къ писателю съ подобными вопросами и требовать на нихъ отвѣта: послѣдній вѣдь ими данъ еще раньше постановки вопроса и, такъ сказать, документально запротоколированъ—въ его произведеніяхъ, къ которымъ и слѣдуетъ поэтому обратиться для удовлетворенія любопытства. Съ такимъ именно вопросомъ мы попробуемъ подойти и къ интересующему насъ писателю, чтобы съ перваго же взгляда опредѣлить, хотя бы въ общихъ чертахъ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло.

Одинъ изъ сборниковъ своихъ произведеній г. Франко назвалъ «В поті чола». Думаемъ, что соблазнила въ данномъ случаѣ автора не внѣшняя красота и эффектность заглавія, такъ какъ онъ вообще излишнею склонностью ко внѣшнимъ украшеніямъ и, эффектамъ не грѣшитъ. Можно, значитъ, въ приведенномъ заглавіи усмотрѣть желаніе автора выразить внутренній смыслъ и сущность своихъ произведеній, и—нужно отдать справедливость—трудно въ самомъ дѣлѣ и вообразить удачнѣе придуманную общую формулу, которая объединила бы и въ немногихъ словахъ охарактеризовала всѣ произведенія нашего писателя, которая лучше выразила бы ихъ сущность, смыслъ, значеніе и направленіе. «В поті чола»—это выраженіе можно взять эпиграфомъ ко всѣмъ произведеніямъ г. Франка; подъ такимъ заглавіемъ смѣло можно печатать полное собраніе его сочиненій... Жизнь «робучого люду», понимая это выраженіе, конечно, не въ узко-профессіональномъ, классовомъ смыслѣ, а въ широкомъ, всеобъемлющемъ, т. е. включая сюда всѣхъ, кто собственнымъ трудомъ зарабатываетъ насущное дневное пропитаніе—пользуется преимущественнымъ, если не исключительнымъ, вниманіемъ г. Франка и разрабатывается имъ съ поразительнымъ знаніемъ и художественною правдивостью. «Робучий люд»—это кругъ знакомыхъ нашего писателя, который твердо убѣжденъ,

Що не Баярдъ, борецъ непоборымый,
Не Донъ-Жуанъ, жиночыхъ серцъ побидныкъ
Героемъ нашыхъ днивъ, *а продуцентъ, робитныкъ*
(„З вершин і низин“, 226).

Послѣ того, какъ мы узнали, кто является знакомыми нашего писателя, намъ важно сейчасъ же получить отвѣтъ и на другой вопросъ—какъ онъ относится къ своимъ знакомымъ, къ этимъ,

по его выраженію, «героямъ нашыхъ днивъ»? И въ положительной, и въ отрицательной формѣ писателемъ также данъ категорическій, никакихъ сомнѣній не допускающій отвѣтъ. Съ одной стороны—

Хочъ порохъ чоловикъ, та вирю я въ той порохъ:
Я твердо вирю въ трудъ його могучый,
Въ ти милліоны невсыпущыхъ рукъ,
И твердо вирю въ людськый умъ робучый
И въ ясный день по ночи горя й мукъ (ib., 218).

Съ другой стороны, уже изъ біографіи г. Франка мы знаемъ, что звѣрскій поступокъ учителя-изверга надъ прототипомъ писателя—маленькимъ Мирономъ для послѣдняго «стався першымъ насиннямъ *обурення, погорды и вичнои вражды протывъ усякого неволення та тыранства*» («В поті чола», 61). По удовлетвореніи и на этотъ счетъ любопытства, остается еще одинъ предварительный вопросъ—какими средствами пользуется писатель для изображенія своихъ героевъ и вообще для выраженія своихъ мыслей? И на это слѣдуетъ также категорическій отвѣтъ:

. . . . Не часъ теперъ ховаты
Поганыхъ струпивъ. Смилою рукою
Роскрыть ихъ треба, мымо встыду й болю
Всю гныль нещадно зъ тила вырываты («З вершин...», 158).

Теперь, когда наша любознательность на счетъ того, кто составляетъ кругъ знакомыхъ занимающаго насъ писателя, какъ онъ къ нимъ относится и какими средствами для ихъ изображенія пользуется—удовлетворена частично, наша задача—обнять явившуюся въ результатѣ литературной дѣятельности г. Франка колоссальную груду печатнаго матеріала, разбросаннаго по всевозможнымъ изданіямъ, и изложить все это въ статьѣ небольшого сравнительно объема - значительно облегчается и упрощается. Пользуясь указанными свѣдѣніями въ качествѣ руководящихъ нитей, легче разобраться въ содержаніи многочисленныхъ его произведеній, обозрѣніемъ которыхъ мы сейчасъ и займемся.

Въ автобіографіи г. Франко пишетъ, что еще на зарѣ своей литературной дѣятельности онъ былъ занятъ мыслію—«въ цилимъ цикли новеллъ спысаты по змози вси бокы жыття простого люду и интеллигенціи: видносыны економични, освитни, правни, политычни и т. п.» («В поті чола», XI). Конечно, выполненіе такой обширной, просто таки колоссальной программы—охватить въ своихъ произведеніяхъ жизнь народа со всѣхъ сто-

ронъ—превышаетъ силы отдѣльнаго человѣка, какъ бы онѣ, эти силы, ни были громадны. Во всей своей цѣлости намѣченная программа осталась невыполненной и нашимъ авторомъ, даже и въ томъ объемѣ, какой вполнѣ соотвѣтствовалъ его силамъ, благодаря особымъ условіямъ личной жизни автора и литературныхъ отношеній въ Галичинѣ, мало благопріятствовавшихъ всякой систематической дѣятельности. Но г. Франко все-таки многое далъ въ своихъ произведеніяхъ для осуществленія поставленной программы; большинство его произведеній въ самомъ дѣлѣ являются документами, дающими не одну драгоцѣнную черту для изученія жизни галицко-украинскаго народа. Сюда относится прежде всего двѣ повѣсти и цѣлый рядъ разсказовъ и очерковъ изъ жизни бориславскихъ рабочихъ и предпринимателей [1]), а также большая часть разсказовъ, вошедшихъ въ составъ извѣстнаго сборника «В поті чола».

Тяжелое, безотрадное впечатлѣніе производятъ всѣ эти произведнія своимъ зрѣлищемъ безысходной нужды, горя, борьбы за кусокъ насущнаго хлѣба, темноты, безправія и безпомощности. Вотъ, напр., описаніе галицкаго села, какимъ оно представилось герою повѣсти «Перехресні стежки», Рафаловичу:

> «Перед його (Рафаловича) очыма потяглыся села, бидви, сири, зъ головатымы вербамы пры дорози, зъ обломанымы садкамы, болотянымы выгонамы, обскубанымы сирымы стрихамы, пообвалюванымы тутъ и тамъ плотамы. Зъ давенъ давна винъ прывыкъ, що його серце стыскается пры вйизди въ руське село, навить у пору, коли воно пышается у веснянимъ цвити вышневыхъ та яблоневыхъ садкивъ, або лежыть тыхо выгриваючысь у литньому сонци. Такъ немовъ якась важка меляхолія сыдыть пры воротахъ кождого села сирою жебрачкою й незрымо чипляеться за його полу. А теперъ у осинній слотавый вечиръ ся меляхолія ще важче налягае на його душу Пусто и глухо по селахъ... Ось по-середъ села мурована корчма зъ шырокою зайиздовою брамою, отвореною на ростижъ, мовъ темна, вично голодна пащека, готова приковтнуты вси здобуткы важкои цилоричнои праци... А ось и двиръ на горби, окруженый винкомъ высокыхъ ясенивъ, що ледви мріють огорнени мрякою, мовъ велетни въ сирыхъ шырокыхъ плащахъ. Але двиръ

---

[1]) Бориславъ—село въ подгорной части Галичины, Дрогобыцкаго округа, извѣстное своими мѣсторожденіями нефти и горнаго воска (озокерита). Окрестности его усѣяны тысячами шахтъ, въ которыхъ работаетъ около 10000 рабочихъ, называемыхъ «ріпниками» отъ слова «ропа»—загрязненная примѣсью постороннихъ веществъ нефть; послѣдняя называется еще «кипячкою». Шахты называются «ямами».

билiеться кризь мряку, мовъ били зубы якогось величезного звиря, все готови грызты, каличыты и смоктаты кровъ. А онъ пидъ брамою купка селянъ—ще обпаленыхъ сонцемъ видъ лита, але вже скуленыхъ, обдертыхъ, прысилыхъ порохомъ, выголоднилыхъ. Стоять изъ шапкамы въ рукахъ, выдно ждуть пана «жонцы», чы прыйме завтра на роботу до молочення або до горальни—хочъ по пятнадцять крейцаривъ денно. Колы Евгенiй перейиздивъ по-прыныхъ, воны вси мовъ на команду нызенько поклонылыся йому, хочъ певне нихто зъ ныхъ не знавъ його. «Пан»—и воны зъ вику-правику прывыклы нызько кланятыся всякому панови: се одынока «наука», одынока «цивилизацiя», яку передавъ имъ двиръ» («Л.-Н. Вiстник», 1900, VII, стор. 57—58) и т. д.

Не правда-ли—«веселенькiй пейзажикъ», употребляя любимое выраженiе одного изъ героевъ Помяловскаго? И подобные «пейзажики» и жанровыя картинки попадаются у нашего автора на каждомъ шагу въ тѣхъ его произведенiяхъ, гдѣ онъ касается села и его обитателей. Тяжелый трудъ безъ отдыху, буквально спины не разгибая («Лесишина челядь»), холодъ, голодъ и голодная смерть («Цигани»), безвыходное положенiе, нужда и обманы («Сам собi винен»), притѣсненiя («Лiси i пасовиська»), непосильныя подати и налоги («Добрий заробок»), злоупотребленiя штрафами («Iсторiя одного кожуха»), покосившiяся, черныя отъ дыма и копоти избенки, лохмотья вмѣсто одежды, скудная, недостаточная пища и т. д.—вотъ внѣшнiя условiя жизни этого «благословеннаго» села. Съ проклятьями на устахъ бѣгутъ изъ него обитатели («До Бразилiї»), опутанные страшными, по выраженiю г. Франка, «червями», которымъ имя—«коршма, лыхва, податок» («Iз днiв журби», 55). Для удовлетворенiя духовныхъ потребностей также немного здѣсь средствъ:

На стини розвишани довкола
Деревляни давни богомазы:
Страшный судъ, Варвара и Мыкола,
Чорни вже видъ дыму, мовъ видъ мази.
　　Тильки й всього хрыстiанства в хати,—
　　Але е й пысьменства въ нiй познакы:
　　Тамъ пид сволокомъ завитный в шмати
　　Лыстъ небесный, пысаный Бог-зна кымъ;
Йосыфинськый наказъ панщызняный,
Прадидивськый квитъ на трыдцять букивъ,
Дида скарга за грунтець забраный,
Батькивъ актъ лицитацiйный драный («Мiй Iзмарагд», 119)...

Что жъ удивительнаго, если народъ, живущiй въ такой вопiющей бѣдности, нуждѣ и темнотѣ, оказывается несостоятельнымъ въ борьбѣ

за существованіе и безбожно эксплоатируется всѣми, кто стоитъ близко къ нему и обладаетъ достаточно цѣпкими руками и покладистою, сговорчивой совѣстью? Въ произведеніяхъ г. Франка имѣемъ цѣлую галлерею, съ одной стороны, эксплуатируемыхъ, а съ другой—хищниковъ, являющихся побѣдителями въ жизненной борьбѣ. Особенно удачными въ изображеніи этой борьбы являются очерки изъ жизни бориславскихъ рабочихъ, гдѣ авторъ развернулъ широкую картину столкновенія между людьми изъ-за голыхъ, ничѣмъ не прикрытыхъ и не прикрашенныхъ матеріальныхъ разсчетовъ. Картина эта заключается въ двухъ большихъ повѣстяхъ: «Boa constrictor» и «Борислав сміється» (къ сожалѣнію послѣдняя осталась неоконченной) и въ цѣломъ рядѣ разсказовъ и очерковъ, написанныхъ частью раньше, частью позже повѣстей: «Ріпник», «На роботі», «Навернений грішник», «Яць Зелепуга», «Полуйка», «Вівчар» и др. Въ цѣломъ всѣ упомянутыя произведенія представляютъ, и по замыслу автора, и по исполненію, части одной обширной работы и даютъ въ сущности одинъ образъ безмѣрной нужды и страданій, съ одной стороны, и безмѣрнаго же хищничества, наживы и колоссальнаго наростанія богатствъ—съ другой. Съ внѣшней стороны, какъ видимъ, пріемъ нашего автора напоминаетъ пріемъ Зола, который также задался цѣлью представить въ извѣстной серіи романовъ «Ругоны-Маккаръ» образъ жизни всей Франціи временъ второй имперіи, воспользовавшись для этого «естественной и соціальной исторіей одной семьи». Разница лишь въ томъ, что французскій романистъ, работавшій при нормальныхъ условіяхъ, сказалъ дѣйствительно все, что хотѣлъ сказать, тогда какъ его украинскій собратъ, благодаря условіямъ нашей жизни и литературной продукціи, успѣлъ дать лишь нѣкоторыя части задуманной широко картины.

Какова жизнь рабочихъ, являющихся жертвами антагонизма и экономической борьбы—это мы видимъ въ одномъ изъ первыхъ же разсказовъ г. Франка «На роботі» (Другъ, 1877 г.), дающемъ въ полу-фантастической, полу-реальной обстановкѣ яркую картину этой жизни. Рабочій, которому опротивѣло исполнять за незначительную плату однообразную работу на поверхности шахты, рѣшается наконецъ спуститься вглубь, соблазняемый перспективой бóльшаго заработка. Первымъ результатомъ такого рѣшенія было то, что хозяинъ-еврей понижаетъ ему заработную плату въ сравненіи съ другими рабочими, а новые товарищи-«ріпники» требуютъ угощенія. Претерпѣвъ всѣ мытарства посвященія въ «ріпники», нашъ рабочій спускается, наконецъ, въ шахту на такую глубину, что видитъ звѣзды на небѣ. Работа подъ землей оканчивается тѣмъ, что онъ едва не погибаетъ отъ удушья въ

отравленномъ ядовитыми испареніями воздухѣ и заболѣваетъ отъ пережитаго потрясенія. Въ болѣзненномъ безпамятствѣ ему является «Задуха« (Удушье) и показываетъ свое царство—зловонную бездну, откуда «чутно було такый крыкъ, плачъ и заводъ, немовъ тамъ у мукахъ конають тысячи людей» («Друг», 1877, стр. 22). Дѣйствительно, это было мѣсто мученій искалѣченныхъ, голодныхъ, страшныхъ съ виду рабочихъ, погибшихъ жертвами промышленности. «Що тутъ людей у тій пропасти! Що парубкивъ, жинокъ, дивчатъ, дитокъ маленькыхъ! Мати Божа! А кожному прыглянься, то ажъ лякъ перейме. Тутъ лыце страшно змарниле видъ недугы й голоду; тамъ обпухле тило, мовъ у топельныка; други зновъ чорни и страшни, якъ головни на огнищи... На земли, кілька окомъ засягнешъ—усюды люде лежать, а найбильше парубкы—молоди, статни, мовъ явиръ роскишни. Лежать за покотомъ, густо; коло ныхъ оскарбы та рыскали. Лыця сыни, кулакы сциплени, очи шыроко отворени... Далеко-далеко тягнется проклята штольня. Покаличени страшылыща, потоплени, голодом, стужею, огнем, хытристю и всякымы штукамы поморени рипныкы наповнялы ii» (ib., 22—23). «Задуха» раскрываетъ предъ «ріпником» всю жизнь рабочихъ и на полный ужаса вопросъ его—неужели нѣтъ средствъ избавиться отъ этихъ мученій, отвѣчаетъ приглашеніемъ къ самодѣятельности и сознательной жизни, которыя дадутъ имъ способы вырваться изъ опутавшихъ ихъ тисковъ. О томъ, какъ живутъ рабочіе на нефтяныхъ промыслахъ въ Бориславѣ, послушаемъ стараго «ріпника»: «Роблять людыська, якъ ти кони в кырати, довбають святу землю, черпають кыпячку, тягають вискъ. Сказавъ бы хто —даръ божый, золото, маеткы! А глядить-но вы: *десь усе те такъ пропадае, що й слиду нема.* Такъ якъ бы дидько всымъ тымъ давывся. *Чымъ бильше божого дару выдобувають изъ земли, тымъ бильше вси биднію*ть» («Полуйка», 3—4). Словомъ, и здѣсь повторяется старая исторія, всегда характеризующая подобныя мѣста со вновь открытыми натуральными богатствами и горячечной борьбой изъ-за овладѣнія и обладанія ими: одинъ день, одинъ часъ въ такихъ мѣстахъ можетъ принести или колоссальныя богатства—разумѣется, не для рабочихъ,—или же полное разореніе и нищету. Но этотъ рискъ существуетъ только для незначительной кучки авантюристовъ-предпринимателей; для массы же населенія предпринимательская горячка служитъ лишь исключительно источникомъ обнищанія и деморализаціи. Сюда, продолжаетъ разсказывать старый рабочій «йшлы що найлипши парубкы, не разъ господарськи сыны, але найчастійше бидари, наймыты, кругли сыроты, що викъ прожывъ у наймахъ, у тяжкій праци, не разъ видколы живъ, то не мавъ

у своій кышени рынського [1]) при купи, не знавъ иншого смаку в роти, кримъ борщу та росолянкы та горилкы. А тутъ наразъ—рынськый денно! И твое все, никому не давай рахунку, ни зъ кымъ не дилыся, ни на кого не озырайся! Нихто на тебе не дывыться, нихто тебе не знае, нихто тоби въ рукы не зазырае. Самъ соби въ компаніи такыхъ самыхъ, якъ ты—робы, що хочешъ, жый, якъ знаешъ! И жылы хлопци!.. Крыкы, спивы, піятыкы, бійкы, рижни збыткы й жарты, абы грошамъ промыты очи. Для правдывого рипныка встидъ було не пропыты въ недилю всього, що заробывъ у тыждни. Поплатывъ чы не поплатывъ за харчъ, видложывъ чы не видложывъ що на чорну годыну, але въ шынку мижъ товарышамы вйнъ бувъ панъ. Горивкы, пыво, выно, печени—все йому мусило буты. «Начхаты мени на все! Завтра або по завтру може дидько вхопыть мене! Гуляймо, хлопци, покы часъ, покы наше». («Полуйка», 4—5). Но, разумѣется, это только казовая сторона рабочей жизни, сопровождающая всякую тяжелую, опасную и на первыхъ порахъ не дурно сравнительно оплачиваемую работу. На самомъ дѣлѣ «ріпники» прекрасно понимаютъ отрицательныя стороны этой съ виду веселой жизни. «Бориславське жытте,—думаетъ Иванъ въ разсказѣ «Ріпник»,—правда, свобидне воно, але *хиба жъ се людське, господарське жытте?* Та й яке свобидне? Тилькы твоеи й свободы, що въ недилю та въ свято. А въ будный день ты робучый вилъ,—ни, гирше: ты повный невильныкъ жыда, властытеля ямы, або його касыера. Пидъ землею ты кождои хвыли небезпечный свого жыття, а поверхъ земли каждои хвыли лайка, поштуркування, понукування. И вично той смридъ, той брудъ, та духота, та піятыка, той одуръ! Невже таке мало бъ буты його житте до смерты, до старосты?» («Полуйка», 60-61). Заглянемъ еще въ жилище рабочихъ. «Вже пизно въ ночи. Тисна, брудна и душна цюпка наповнена робитныцямы. Стины голи, ледве побилени ваппомъ по дошкахъ, на одній налиплено якыйсь образокъ и кавалокъ зеркала, въ однимъ кути тапчанъ, збытый зъ трьохъ дощокъ и прыкрытый синныкомъ та плахтою, а край викна маленькый столычокъ на высокыхъ ногахъ, бо викно высоко. Ось и все, що можна було добачыты въ хати. Ани печи, ани кухонной посуды, ани постели. На тапчани не було никого, за те на помости набыто, якъ оселедцивъ у бочци, якыхсь людськыхъ истотъ, що голосно важко дыхають, але въ сутинку, якый стоить у хати, подибни до одной простеленой по доливци верствы брудного шмаття, свытокъ, хустокъ та чобитъ. Се ночлигъ робитныцъ.

---

[1]) Рынськый, золотый рынськый—гульденъ, около 80 коп. на наши деньги.

Бабы, дивчата, молодыци, котрыхъ изъ далекыхъ сторинъ прыганяє сюды недоля, натомывшы черезъ день груды й рукы пры корби, або пры вибиранню лепу зъ кыбливъ та воску з-мижъ глыны, теперъ лежать покотомъ на холодній дереляній пидлози, кулакъ пидъ головою, стулени одна до однои—разъ за-для недостачи мисця, а по-друге—такъ буде теплійше. Ихъ лыця пожовклы зъ нужды, ихъ рукы немовъ оброслы глыною й земнымъ воскомъ, ихъ одижъ—то позшываве лахмання, що ледве-ледве держыться на тили. Стари, недугамы та грыжею поорани лыця лежать обикъ молодыхъ, що ще не стратылы слидивъ красоты, хоча цвитъ ихъ уже звялыла передчасно тяжка праця и нужда и роспуста» («Полуйка», 34—35).

Если къ указанной обстановкѣ и тяжелой, нечеловѣческой работѣ прибавимъ, съ одной стороны, факты дикаго произвола и безпощадной эксплоатаціи предпринимателями, не останавливающимися даже предъ преступленіемъ, лишь бы сорвать съ рабочаго лишній кусъ [1]), а съ другой—пониженіе моральныхъ устоевъ среди самихъ рабочихъ [2]),—то получится безпросвѣтно-мрачная, полная ужаса и безотрадности картина, не дающая ни одного свѣтлаго мазка, на которомъ можно было бы остановиться и отдохнуть глазу. И что всего ужаснѣе, такой порядокъ вещей съ извѣстнаго рода исторической неизбѣжностью возникаетъ при всякомъ столкновеніи отходящихъ въ область преданія патріархальныхъ устоевъ жизни съ возникающимъ на ихъ развалинахъ всемогущимъ капиталомъ, который, подобно удаву, обхватываетъ жертву желѣзными кольцами и душитъ ее въ своихъ могучихъ объятіяхъ («Boa constrictor»).

Мовъ Ляокóонъ середъ змій,
Такъ людъ увесь в тыхъ путахъ вьеться...
Охъ, и колы жъ той скрутъ важкый
На тили велетня порветься? (З вершин...», 45),—

съ тоскою спрашиваетъ поэтъ, обобщая въ одинъ образъ результаты своихъ наблюденій надъ упомянутымъ столкновеніемъ. «Чу-

---

[1]) Иванъ, герой разсказа «Ріпник», какъ и одинъ изъ рабочихъ въ повѣсти «Boa constrictor», гибнутъ на днѣ шахты, какъ жертвы преступленій; Яць Зелепуга, въ разсказѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ, погибаетъ въ собственной хатѣ, подожженной алчнымъ контрагентомъ и т. п.

[2]) Особенно яркую картину въ этомъ отношеніи рисуетъ разсказъ «Ріпник», посвященный изображенію семейныхъ отношеній среди бориславскихъ рабочихъ.

мазый» пришелъ, нагрянулъ на растерявшихся, не подготовленныхъ къ его пришествію людей и стеръ ихъ въ порошокъ при первомъ столкновеніи. «Жыття быстро тече, змины быстро настають. Треба пыльчо слидыты, куды прудъ жене—треба й соби туди пробиратыся. А не спостережешся, застоишся на мисци, то того то й гляды—перша-липша хвиля нагряне, перша-липша змина настане, обалыть тебе, зибье з нигъ, и ты погыбъ. Теперъ жыты тяжко. Жыття—боротьба вична, безупына. Ворогъ зъ усихъ сторинъ грозыть. Не прыстережешъ зъ одного боку—зъ другого нагряне, і ты пропавъ» («Наверненый грішник», см. «Письма Ів. Франка, ч. II, Львів. стор. 81). Но если даже и понялъ человѣкъ, куда несетъ теченіе жизни, куда нужно «пробиратыся», то это все-таки не обезпечиваетъ ему побѣды въ жизненной борьбѣ. На пути со всѣхъ сторонъ стерегутъ его болѣе ловкіе люди, которые используютъ въ своихъ видахъ всякій его шагъ и постараются его достояніемъ овладѣть въ свою пользу. Вотъ Васыль Пивторакъ («Наверненый грішник») вздумалъ угоняться за вѣкомъ, началъ на своемъ клочкѣ земли самъ добывать «кипячку», и что же?—въ результатѣ одинъ сынъ его задавленъ осыпавшейся землею, другой задохся въ ямѣ и залитъ источникомъ богатства—нефтью, а самъ новаторъ попадаетъ въ лапы кулака-еврея, допивается до бѣлой горячки, въ припадкѣ которой и умираетъ, лежа «крыжемъ передъ царськымы вратамы» въ церкви, въ надеждѣ получить хотя небесное царствіе, если благами земного не удалось ему воспользоваться. Такое же проблемматическое утѣшеніе остается и на долю Яця Зелепуги (разсказъ «Яць Зелепуга», см. «Зоря» 1887 г.); этотъ «хлоп ледащо», также пьянствующій, потому что «болила його неправда», но въ противоположность безхарактерному и слабовольному «наверненому грішнику» бросившій водку, когда нашелъ цѣль жизни,—чего онъ достигъ? Когда счастье ему улыбнулось и богатство стало для него уже не мечтой празднаго воображенія, а самой реальной истиной, онъ сначала дѣлается жертвой обмана со стороны хитраго Менделя, а затѣмъ погибаетъ въ пламени собственной хаты, подоженной тѣмъ же Менделемъ для сокрытія слѣдовъ преступленія. Но это только частности общей, талантливой рукой набросанной картины, которую представляетъ мѣстность въ районѣ, охваченномъ безумной горячкой обогащенія. «Спокійный ладъ селянського жыття замутывся. Грукання, стукоты, крыкы, свары та спивы не вгавалы якъ день, такъ ничъ. Поля не зеленилыся шырокымы ланамы, якъ уперёдъ, хвылюючы та шелестячы видъ теплого витру. А на мисце свижои пахучои зелени повставало що-разъ бильше горбкивъ сирои илястои глыны, мовъ велычезныхъ кертычынъ, пидъ котрымы въ темній задушній глыбыни за кварту горилкы працювалы цилымы днямы парубкы та чоловикы, обмащени, заталапани,

утепенени,—працювалы гирко, выдобуваючы незличени скарбы своимъ гнобытелямъ-жыдамъ («Письма», II, 129—130). «Мій Боже, що ту діеться, що ту творыться!—восклицаетъ Зелепуга, наблюдая картины быстраго разоренія крестьянъ и соотвѣтственно же быстраго обогащенія евреевъ-предпринимателей,—правдыва кара божа на наше селыще! Ну, глядить, глядить, килько ту тои погани назлазылося, якъ мурашни!... Всюды коплють, рыють, черпають тоту кляту кыпячку, щобъ имъ ще горломъ лылася!» («Зоря», 1887. стр. 293). Все захватилъ въ свои цѣпкія руки капиталъ, преобразилъ внѣшній видъ и села, и самихъ его обитателей: «всякий рухъ, якый выдно було довкола, всякый голосъ, якый можъ було вчуты,—все нагадувало радше повильний, сонлывый рухъ та туркитъ величезной машыны, тилькы що колеса, зубци, загачкы та шрибы той машыны—були жыви люде зъ тилом и кров'ю» («Boa constrictor», см. «Молот», 1878, стор. 39).

Въ сравненіи съ этимъ адомъ, лишеннымъ всякихъ уже радостей, кромѣ чисто животныхъ наслажденій—пьянства и распутства,—какимъ раемъ кажется даже тяжелая жизнь крестьянина, обливающагося потомъ на собственномъ клочкѣ земли; какими чистыми и привлекательными тѣ радости и поэзія сельской жизни, которая какъ мы уже знаемъ, имѣетъ въ изображеніи г. Франка обратную сторону, заставляющую бѣжать безъ оглядки и отъ этого собственнаго клочка земли, и отъ этой захваленной поэзіи сельской жизни. Но здѣсь эта обратная сторона медали забывается и выступаетъ на первый планъ лишь положительная сторона крестьянской жизни. Для всякаго «ріпника», который не совсѣмъ еще утратилъ образъ и подобіе человѣка, эта жизнь представляется идеаломъ, часто недосягаемымъ, возможнымъ лишь въ мечтахъ, но который уже однимъ своимъ существованіемъ скрашиваетъ жизнь, давая надежду на какой-то выходъ изъ невозможнаго положенія, какую-то перемѣну въ невыносимой участи. У Ивана («Ріпник») при одной мысли о томъ, что, можетъ быть, всю жизнь ему придется провести среди пріисковой мерзости, «пробигала холодна дрожъ по-за плечыма... Йому прыгадалыся зелени пывы, цвитысти лугы, сыви волы, чысто побилени хаткы и роскишни садкы його ридного села, почулося блеяння овець, фивкання гусенятъ, скрыпъ журавля и винъ мало не заплакавъ зъ наглого зворушення. *Невже він мигъ такъ легкодушно проминяты такый рай на отсе пекло*»? («Полуйка», 60). Картины прошлой жизни, прелести которыхъ Иванъ не замѣчалъ раньше, угнетенный исключительно ея темными сторонами, теперь, въ силу контраста съ еще болѣе темнымъ настоящимъ, воскресаютъ передъ нимъ во всей своей чарующей обаятельности, опоэтизированныя желаніемъ вырваться изъ-подъ гнета дѣйствительности.

Подъ вліяніемъ всего этого въ Иванѣ зарождается стремленіе—употребить всѣ усилія, чтобы опять «статы господаремъ—хочъ биднымъ, хочъ останнимъ, а все-таки своимъ господаремъ, у своій хати, на своій п'яди земли» («Полуйка», 74). Такое рѣшеніе подняло его морально, произведя переворотъ въ отношеніяхъ къ покинутой имъ женщинѣ, облегчило ему тяжелый трудъ и вообще скрасило его неприглядное существованіе, такъ какъ дало ему смыслъ и цѣль жизни, открыло цѣну собственнаго существованія. За работой теперь «винъ у думци купався въ яснимъ соняшнимъ свитли, оравъ, косывъ, звозывъ снопы, молотывъ на топци, *чувъ себе господаремъ*. Бориславське жыття—се було щось мовъ темни сины, зъ которыхъ ось-ось выйдешъ на шыроке, ясне подвиря, де зеленіе пахуча мурава, цвитуть яблинкы, фивкають гусенята и блеють ягнята» («Полуйка», 68). Эти мысли особенно овладѣли Иваномъ, когда начались полевыя работы вокругъ Борислава. «Зъ кожнымъ днемъ йому робылося тяжче въ Бориславі. Земля горила пидъ нымъ. Його душыло щось, гнало, перло геть изъ Борислава. Винъ ни про що не думавъ, тилькы про те, щоб як найшвыдше вырватыся видтамъ. Думка, що йому треба ще працюваты въ ямахъ до осены або й до зимы, щобъ выплатыты жыдови вси гроши, наповняла його якымсь дыкымъ страхомъ. «Ни, я не вытрымаю»!—повторявъ винъ не разъ и чыслывъ дни й годыны» («Полуйка», 73). Подобнымъ же настроеніемъ проникнуть и другой разсказъ «Вівчар» («Полуйка», 89—96), изображающій рабочаго, на глубинѣ 100 метровъ отъ поверхности земли отдающагося воспоминаніямъ о былой привольной жизни среди широкихъ «полонынъ», съ которыми онъ еще недавно лишь разстался. Чарующими, полными своеобразной поэзіи картинами развертываются предъ рабочимъ воспоминанія, такъ далекія отъ дѣйствительности, какъ далеко освѣщающее пастбища солнце отъ господствующаго въ штольнѣ мрака, просторъ и свобода—отъ тѣсноты, чистота—отъ грязи, свѣжій, чистый воздухъ отъ удушливаго запаха нефти. Рабочій, «копаючы розмовляє самъ изъ собою, наповнює глухе пидземелля не тилькы стукотомъ своёго дзюбака, але такожъ гомономъ своихъ сливъ, поезією своихъ лисивъ и полонынъ» («Полуйка», 94), и характерно, что эта поэзія на полу-словѣ останавливаетъ вырвавшееся было изъ устъ рабочаго проклятье, какъ присутствіе любимаго, уважаемаго существа, которое онъ боится оскорбить грубымъ словомъ... Но къ прошлому нѣтъ возврата; эта свѣтлая жизнь не болѣе, какъ красивая иллюзія, поэтическая фикція, способная принести только минутное облегченіе, но не имѣющая силы совершенно возродить человѣка, захваченнаго колесомъ исторіи, дать ему дѣйствительное освобожденіе. Не даромъ нашъ авторъ оканчиваетъ прелестный по своей строгой выдержанности этюдъ поэтически-сильной кар-

тиной глубоко пессимистическаго смысла. «Кыненый долею в глыбоку пидземну штольню винъ (рабочій) чуе самъ по соби, що ти давни дни мынулы безъ повороту, що його шляхъ звернувъ у иншый бикъ, що винъ изъ давнього патрыярхального жыття перейшовъ у нове, незвисне ёго дидамъ и прадидамъ, зразу страшне й дывоглядне, та не въ одному лише, вильнійше, ширше видъ старого. Але се старе жыве въ його спомынахъ; изъ його лышылося ще стилькы, щобъ поетычнымъ чаромъ заповпыты й ожывыты питьму и самоту нового жыття. Такъ не разъ сонце зайде за хмару, и зъ усіеи пышноты литнього дня, зъ усього багацтва свитла и кольоривъ лышыться лыше стилькы, щобъ золотымъ сяевомъ обилляты крайчыкы важкыхъ хмаръ, що навыслы надъ заходомъ» («Полуйка», 96). Разумѣется, послѣдніе отблески заходящаго солнца не въ состояніи разогнать наступающую темноту; напротивъ, съ теченіемъ времени свѣтлые лучи будутъ отступать все дальше и дальше, а темнота все сгущаться и усиливаться, пока не наступитъ непроглядная темень... если, впрочемъ, не будетъ противъ нея предпринято искусственныхъ мѣръ...

Такимъ образомъ, настоящее положеніе нашего народа представляется автору въ довольно пессимистическомъ свѣтѣ: старыя патріархальныя основы рушились, новыя, занявшія ихъ мѣсто, не настолько еще опредѣлились и не настолько къ нимъ народъ приспособился, чтобы обезпечить свое существованіе. Намъ припоминаются по этому поводу мысли одного изъ героевъ г. Франка при видѣ сбившагося съ дороги крестьянина: «отсей старый, що заблудывся въ близькимъ сусидстви ридного села, що стоить насередъ гладкого, ривного шляху и не знае, въ якый бикъ йому до-дому—чы жъ се не сымволъ усього нашого народу? Змученый важкою долею винъ блукае, не можучы втрапыты на свій шляхъ, и стоить мовъ отсей заблуканый селянынъ середъ шляху мижъ мынулымъ и будущымъ, мижъ широкымъ свобиднымъ розвоемъ и нещаснымъ ныдіннямъ, и не знае, куды йому йты, не мае сылы ани надіи дійты до цили» («Л.-Н. Вістник», 1900, VIII, 183—184). Очевидно народъ попалъ въ полосу темноты, на своего рода мертвую точку. Что должно дѣлать, чтобы разогнать эту темноту соціальныхъ отношеній, какія мѣры предпринять, чтобы сдвинуть народъ съ мертвой точки—на эти вопросы г. Франко пытается отвѣтить въ повѣсти «Борислав сміється» («Сьвіт», 1881—82).

Повѣсть задумана широко и при болѣе тщательной и обстоятельной обработкѣ могла бы дать захватывающую по своей шири картину общественно-экономической борьбы между двумя мірами—предпринимателей и рабочихъ. Но къ сожалѣнію, бьющая въ глаза спѣшность обработки сильно повредила художественной сторонѣ повѣсти. Между реальными вполнѣ художественно, сильно

и правдиво написанными страницами вплетены вялыя и очевидно сработанныя на скорую руку; среди оригинально задуманныхъ и сильно выполненныхъ сценъ и образовъ встрѣчаются шаблонныя положенія, какъ бы цѣликомъ перенесенныя изъ бульварныхъ романовъ, звучащія рѣзкимъ диссонансомъ по отношенію къ цѣлому (переодѣванія, подслушиванія, сильныя, но недостаточно мотивированныя страсти, случайности и т. п.). Но если вслѣдствіе указанныхъ недостатковъ по своему художественному значенію данная повѣсть ниже многаго, что вышло изъ подъ пера г. Франка, то общественное значеніе ея громадно. Въ ней украинская литература въ первый разъ пытается намѣтить типы рабочихъ и представить ростъ и развитіе рабочаго движенія и этому произведенію г. Франка, безъ сомнѣнія, предстояло сыграть крупную роль въ развитіи украинской общественной мысли, если бы въ свое время она была болѣе извѣстна нашей читающей публикѣ.

Мрачный колоритъ, проникающій данную повѣсть, является несомнѣнно результатомъ наблюденій автора надъ современною дѣйствительностью...

Не находя на чемъ остановить взоръ въ настоящемъ, которое характеризуется лишь всеобщей враждой, борьбою интересовъ, хищничествомъ, эгоизмомъ и разъединеніемъ, авторъ обращается къ прошлому, чтобы, по крайней мѣрѣ, тамъ найти отрадныя явленія, представляющія иную картину общественныхъ отношеній. Такую именно картину авторъ рисуетъ въ повѣсти «Захар Беркут», написанной въ 1882 г. Основой повѣсти, внѣшней канвой ея служитъ нашествіе въ 1241 году монголовъ на прикарпатскую Русь, но на этомъ общемъ фонѣ народной борьбы съ могучимъ врагомъ выдѣляются, съ одной стороны, представители низшаго класса населенія—честные, самоотверженные, жертвующіе всѣмъ ради общаго блага,—таковы патріархъ горъ Захаръ Беркутъ, его сынъ Максимъ и др.; съ другой—гордое, себялюбивое боярство, представители котораго для достиженія личныхъ выгодъ и ради узкихъ сословныхъ и классовыхъ интересовъ не останавливаются даже предъ измѣной родинѣ,—таковъ бояринъ Тугаръ Вовкъ. Повѣсть на всемъ своемъ протяженіи представляетъ собственно одинъ восторженный гимнъ «громадським» чувствамъ, проповѣдь самаго возвышеннаго альтруизма и столь же безпощадное осужденіе узко личныхъ, эгоистичныхъ мотивовъ дѣятельности.

По словамъ Захара Беркута «жыття мае лышъ доты вартисть, докы чоловикъ може помагаты иншымъ. Колы винъ стае для иншыхъ тягаремъ, а хисна не прыносыть имъ ніякого, тоди винъ уже не чоловикъ, а завада, тоди винъ уже й жыты не вартъ «Хороны мене Боже, щобъ я колы-будь мавъ статыся тягаромъ для иншыхъ и йисти ласкавый, хочъ и якъ заслуженый хлибъ!» Ти слова,—прибавляетъ авторъ,—то була провидна золота нытка въ жыттю Захара Беркута. Все, що винъ робывъ, що говорывъ, що думавъ—те робывъ, говорывъ и думавъ винъ зъ поглядомъ на добро и хосенъ иншыхъ, а попередъ усього—громады. *Громада—то бувъ його свитъ, то була циль його жыття*». (Захар Беркут, Львів 1902, стр. 51). Въ соотвѣтствующей приведеннымъ словамъ организаціи общественныхъ силъ этотъ типичный коллективистъ стараго времени видѣлъ единственное средство самозащиты отъ притязаній всевозможныхъ хищниковъ—а въ нихъ никогда вѣдь недостатка не бываетъ,—обнаруживающихъ сильное желаніе вытаскивать чужими руками каштаны изъ огня и богатѣть чужимъ трудомъ; всю свою жизнь Захаръ посвятилъ осуществленію такой организаціи во имя идеи общаго блага. И вотъ результаты его дѣятельности: «Мовъ одна душа стояла тухольська громада дружно въ праци и вжыванню, въ радощахъ и въ горю. Громада була для себе и судиею, и впорядчыкомъ у всьому... Бидныхъ не було въ громади; земля достачала пожытку для всихъ, а громадськи шпыхлиры та стодолы стоялы отворомъ для потребуючыхъ» (ib., 54). Но при этомъ пониманіе «громадськыхъ» интересовъ у Беркута и его однообщественниковъ вовсе не было узкимъ, ограничиваясь тѣснымъ кругомъ одной «громады». Логически и послѣдовательно расширяясь, оно вело къ болѣе крѣпкимъ связямъ между отдѣльными «громадами» и всѣхъ ихъ объединяло въ одинъ общій союзъ, въ федерацію вольныхъ общинъ. «Видъ давна Захаръ Беркутъ прыйшовъ бувъ до того твердого переконання, що якъ чоловикъ самъ одынъ середъ громады слабый и безрадный, такъ и одна громада слаба, и що тилькы спильне порозуминня и спильне дилання многыхъ сусиднихъ громадъ може надаты имъ сылу и може въ кождій громади поокремо змицныты свобидни порядкы громадськи. Тожъ николы, працюючы всякымы способамы для своеи Тухольщыны, Захаръ не забувавъ и про сусидни громады... И всюды рады та намовы його

змагалы до одного: до скрипленя дружнихъ товарыськыхъ и братерськыхъ звязкивъ мижъ людьмы въ громадахъ и мижъ громадамы въ сусидстви» (ib. 55). По мнѣнію автора, въ такой именно организаціи заключается универсальное средство противъ земныхъ золъ и бѣдствій: чувство широкой любви и общественности, воспитанное на братскихъ отношеніяхъ между членами одной «громады» и распространенное на всѣ смежныя «громады», будетъ охватывать все болѣе и болѣе широкіе круги, пока не обниметъ собою всего человѣчества, потому что это чувство заставляетъ каждаго гражданина въ отдѣльности, съ одной стороны, стоять за общественные интересы, подчиняя имъ свои личные, а съ другой--признавать такіе же справедливые интересы и другихъ людей. «Мы,—говоритъ Максимъ Беркутъ,—надъ усе любымъ свій кутыкъ,—колы бъ такъ кождый любывъ свій кутыкъ, то певне вси люде жылы бъ на свити спокійно и щаслыво» (ib, 42) Живучесть своихъ принциповъ тухольская громада доказала дѣломъ въ тяжелую годину монгольскаго нашествія: «мы, — говоритъ Захаръ,—побидылы нашымъ громадськымъ ладомъ, нашою згодою и дружнистю (ib. 223). Этой своей моральной силой «громада» побѣждаетъ даже представителей противнаго лагеря,—такъ въ душѣ злобнаго измѣнника Тугара Вовка въ моментъ самаго глубокаго ея паденія происходитъ переворотъ, наглядно свидѣтельствующій о силѣ общественной идеи. Повѣсть, которую въ общемъ можно назвать самой типичной утопіей въ прошедшемъ заканчивается пророчествомъ Захара Беркута о томъ, что начала общественности будутъ забыты на нѣкоторое время, но что тяжелый опытъ вѣковъ вновь возбудитъ ихъ къ жизни и дастъ имъ окончательный перевѣсъ. Это пророчество сопровождается слѣдующимъ характернымъ замѣчаніемъ отъ автора: «чы не нашимъ днямъ судылося видновыты його (давне громадянство)? Чы не мы се жыемо въ тій щаслывій доби видродження, про яку вмираючы говорывъ Захаръ, а бодай у досвиткахъ тои щаслывои добы» (ib., 224)? Авторъ, который ставитъ здѣсь лишь вопросъ, не сомнѣвается въ благопріятномъ исходѣ общественной эволюціи и въ другомъ мѣстѣ даетъ вполнѣ утвердительный отвѣтъ:

Прыйде той часъ! Истотою цилою
Мы чуемъ хидъ його по-за собою («З вершин»... 157),

хотя настоящему поколѣнію и не суждено, быть можетъ, пользоваться его благами.

VI.

Но «докы сонце зійде, роса очи выйисть», говоритъ пословица; пока еще наступитъ это отрадное будущее, а между тѣмъ настоящее въ изображеніи г. Франка полно мрачныхъ красокъ. Ему, видящему единственное спасеніе въ братствѣ и солидарности людей и больше всего ненавидящему все, что разъединяетъ ихъ, дѣлитъ на ся́,—всевозможныя «межи» и перегородки, дѐржащія въ тискахъ умъ современнаго человѣка,—ему приходится констатировать именно господство этихъ межъ и перегородокъ, начиная съ одежды и кончая понятіями. Характерны въ этомъ отношеніи «Гадки на межі» нашего автора. Какъ въ экономической жизни крестьянъ «межа—ся попруга вузька—несыльну ихъ сылу роздерла на части», такъ и вездѣ всевозможныя перегородки между людьми оказываются сильнѣе истинныхъ основъ жизни.

Ей межі, ви межі, вузенькі, куці,
Въ які бездоріжжя, въ які манівці
Ви втислі незрілий ще погляд суспільний!
(З вершин..., 196).

Устройство современнаго общества, порождающее всѣ эти «межи» и перегородки, не благопріятствуетъ именно тѣмъ людамъ, судьба которыхъ наиболѣе интересуетъ нашего автора, т. е., трудящимся «в поті чола»; напротивъ, всѣ блага достаются на долю людей другого склада, задающихъ въ настоящее время тонъ жизни. Эти люди, которыхъ мы назвали бы хищниками, составляютъ тотъ другой лагерь, который стоитъ противъ трудящихся въ потѣ лица: они характеризуются цѣпкими руками и весьма покладистой совѣстью, широкими аппетитами и ненасытной жаждой къ удовлетворенію ихъ. Главнѣйшая цѣль ихъ—удовлетвореніе этихъ аппетитовъ; первое средство къ этому—обогащеніе всяческими способами, не взирая ни на какія препятствія. Борьба между этими двумя лагерями и составляетъ то, что называется современной жизнью, и мы не даромъ назвали г. Франка пѣвцомъ борьбы, такъ какъ онъ съ особенною чуткостью прислушивается къ ней и ей посвящаетъ свое преимущественное вниманіе.

Въ произведеніяхъ г. Франка представлена масса типичнѣйшихъ хищниковъ; коллекція ихъ по своей полнотѣ и весьма тщательной отдѣлкѣ можетъ составить прелюбопытный звѣринецъ, гдѣ собраны существа, повидимому, съ образомъ и подобіемъ людей, но на самомъ дѣлѣ представляющія лишь воплощеніе чисто звѣрскихъ инстинктовъ и вожделѣній. Шагъ за шагомъ слѣдитъ авторъ за развитіемъ этихъ личностей, внимательно изслѣдуетъ

почву, на которой онѣ произрастаютъ, и причины, этому произрастанію способствующія, и въ общемъ даетъ потрясающіе образы разнузданнаго хищничества и звѣрства на человѣческой подкладкѣ. Напомнимъ нѣкоторые изъ этихъ образовъ.

Предъ нами проходитъ рядъ разсказовъ, занятыхъ изображеніемъ одного изъ такихъ хищниковъ—Гавы и его брата Вовкуна («Гершко Гольдмахер». «Гава», «Гава і Вовкун»). Братья еще въ дѣтствѣ прошли тяжелую школу нужды, лишеній и пороковъ, обмановъ и хищничества—«ту тверду школу жыття, зъ котрои выходять люде практычни, метки та промыслови» («Гершко Гольдмахер», см. календарь «Просвіти», 1891, стор. 8); впослѣдствіи они еще болѣе усовершенствовали себя въ указанномъ направленіи. Гава, получившій отъ своего отца лишь наставленіе довольствоваться малымъ и за все благодарить Бога, ринулся безстрашно въ водоворотъ жизни и сразу же въ немъ преуспѣлъ, благодаря своей ловкости и отсутствію какихъ бы то ни было колебаній. Начавъ свое промышленное поприще съ ловли раковъ, юркій юноша скоро уже этимъ не довольствуется и становится «ловцомъ человѣковъ»: присосавшись паразитомъ къ трудовой семьѣ мѣщанина Старомійскаго, онъ въ короткое время успѣваетъ изъ этой семьи создать для себя дойную корову, повторяя при каждой удачѣ неизмѣнное—«слава Богу: и то добре на початокъ!» (разсказъ «Гава», Львів, 1888). «Я,—говоритъ впослѣдствіи Гава,—николы ночи не доспавъ, обиду не дойивъ, бигавъ, кыдався, туманывъ хлопивъ, пидлызувався шандарамъ—ой, тяжко згадуваты про вси ти способы, якъ я до гроша доходывъ. И складавъ, и хухавъ на те, и тишывся тымъ, якъ власною душею» («Гава і Вовкун», Зоря, 1890, стор. 50). Сколотивъ такимъ образомъ порядочный капиталецъ, Гава съ Вовкуномъ пробуютъ счастья въ Бориславѣ, потому, какъ резонно замѣчаетъ одинъ изъ братьевъ,—«якъ же зъ такымы гришмы та ще зъ крепкымы рукамы та молодымы головамы не стрибуваты щастя, не кынутыся въ крутижъ, щобъ и соби въ нему зловыты товсту рыбу»? (ibidem). Но надежды на «товсту рыбу» на этотъ разъ не оправдались: штольню залило водой, отъ которой братья едва успѣли спасти себя, оставивъ на днѣ ямы всѣ свои сбереженія. И вотъ въ критическій моментъ Гавѣ отчетливо припомнилось основаніе его капитала—раки, а также и та сельская обстановка, въ которой онъ такъ успѣшно совершалъ процессъ накопленія; какой-то внутренній голосъ настойчиво твердилъ ему: «Геть видсиль, Гаво! Ту не твоє поле! Що ты маєшъ боротыся зъ землею, колы твоя натура тягне тебе до того, щобъ боротыся зъ людьмы!» (ib., 51). Въ томъ же направленіи дѣйствуютъ и убѣжденія положительнаго Вовкуна, уничтожая послѣдніе слѣды колебаній въ душѣ

Гавы. Великолѣпную картину даетъ художникъ, изображая этихъ двухъ хищниковъ, съ вершины горы осматривающихъ арену своихъ будущихъ подвиговъ, свое будущее царство. «Теперъ Гава почувъ, въ тій самій хвыли, колы отамъ стоявъ на найвыщимъ шпылю горы, що та бориславська болячка почынає швыдко сходыты зъ його души й зажываты, що въ його нутри прокыдається давній Гава, сильськый хлопець и сильськый гандляръ. Поглядъ його въ якійсь петямы завысъ на протывлежачій полоныни, де паслысь стада воливъ и овець, а дали пиднявсь и зустрівъ середъ блакытного моря невелычку темну плямку, що звильна, широкымы плавнымы кругамы колесыла по-надъ цилымъ крайобразомъ. То бувъ здоровый гирськый орелъ. Винъ довго кружлявъ, шукаючы добычи, плававъ у повитрю зъ шыроко разпростертымы крыламы, зовсимъ не порушуючы нымы, спускався внызъ, немовъ сковзався по похылій площыни, а потому наразъ, махнувшы сыльно крыльмы, знову схапувався вгору и тонувъ у лазуровимъ тумани. Якась не высказанна любовъ обняла Гаву, колы прыдывлявся тому гарному, смилому птахови. Винъ и самъ чувъ себе легкымъ та сыльнымъ и готовъ бувъ летиты та кружляты сею благословенною долыною та кыдатысь зъ недосяглои вышыны на добычу» (ib., 52). Хищникъ инстинктомъ понялъ хищника и, ободренный его примѣромъ, смѣло ринулся «здобуваты отси горы» (ib.). Чувствуется при чтеніи приведенной картины, что плохо, пожалуй, придется смиреннымъ обитателямъ горъ, этимъ, какъ ихъ авторъ рекомендуетъ, «тыхымъ та смырнымъ, якъ ягнята, Бойкамъ» (ib., 49), предъ нашимъ, если не орломъ—это въ самомъ дѣлѣ для Гавы слишкомъ было бы сильно и, пожалуй, почетно,—то во всякомъ случаѣ коршуномъ, который и падалью при удобномъ случаѣ не побрезгуетъ, но и отъ живой крови также не откажется. Чувствуется, что слова Вовкуна: «ти лисы чудови, не тыкани ще вырубомъ, ти полоныны, ти стада воливъ и овець, що по ныхъ пасуться, мовъ плавають въ зелени,—все те мусыть буты наше» (ib., 51)—не звукъ пустой, если союзъ противъ нихъ заключили загребистыя лапы Вовкуна и тонкая, изворотливая голова Гавы...

Подвигамъ этого и подобныхъ Гавъ подъ различными наименованіями г. Франко отводитъ много прямо-таки блестящихъ страницъ въ своихъ произведеніяхъ. И Шмила, ограбившій до нитки спаиваемаго имъ Василя («Наверненний грішник»), и Мендель, отправляющій ad patres Ивана, чтобы воспользоваться его заработкомъ («Ріпник»), и другой Мендель, обманывающій Зеленугу и затѣмъ поджигающій хату послѣдняго, чтобы скрыть слѣды обмана («Яць Зеленуга»), и Юдка Маультроммель, не пощадившій даже человѣка, когда то оказавшаго ему крупную услугу

(«Слимак»), и Мордко Шиндеръ, на законномъ основаніи ограбившій и пустившій по міру Миколу Проця («Сам собі винен»), и Вольфъ Зильберглянцъ, все село держащій въ своихъ цѣпкихъ рукахъ (комедія «Учитель»), и Мошко, не пощадившій даже единовѣрца («До світла»), и другой Мошко, уже не имѣющій предѣловъ своей жадности и хищничеству («Boa constrictor» и «Борислав сміється»), и удачно подобравшаяся пара Шварцъ и Шнадельскій («Перехресні стежки») и т. д. и т. д.—все это подъ различными наименованіями тѣ же Гавы, хищники одного типа, части какого-то громаднаго механизма, направленнаго на то, чтобы опутывать людей, трудящихся «в поті чола». Благодаря дѣятельности этихъ Гавъ, имя которымъ легіонъ, становятся возможными возмутительные факты насилій, обмановъ, грабежа на законномъ основаніи и прямо уже преступныхъ дѣйствій, безсовѣстной эксплуатаціи и т. п., которыми полны этого рода произведенія г. Франка. Въ цѣломъ получается такая ужасающая картина, при одномъ взглядѣ на которую дрожь пробѣгаетъ по тѣлу читателя.

Да что Гава—этотъ маленькій хищникъ, воришка и ростовщикъ по мелочамъ! Дѣятельность его, по неволѣ ограниченная узкимъ кругомъ одного села или даже нѣсколькихъ личностей, блѣднѣетъ предъ подвигами хищниковъ болѣе крупнаго калибра, предъ которыми всевозможные Гавы являются дѣйствительно только «гавами». Въ богатой коллекціи хищниковъ, собранной нашимъ писателемъ, мы встрѣчаемся съ любопытными экземплярами и этого другого типа. Въ лицѣ, напр., Германа Гольдкремера («Boa constrictor» и «Борислав сміється») имѣемъ уже хищника новой формаціи и болѣе широкихъ размѣровъ. Какъ и Гава, Германъ дѣтство свое провелъ въ ужасающихъ условіяхъ, среди вопіющей бѣдности, которая навсегда наполнила его существо «видразою, глухою смертельною ненавистю до всього, що бидне, обдерте, нужденне, повалене въ грязь, прыдавлене нещастямъ» («Громадський Друг», 1878, стр. 101), и вытравила изъ его сердца сожалѣніе и состраданіе. Какъ и Гава, онъ прошелъ ту же «тверду школу жыття», закалившую его; какъ и Гава, началъ съ мелкой торговли, съ унизительнаго промысла, но уже на этомъ не остановился, а продолжалъ идти въ избранномъ направленіи дальше, не сворачивая и не смущаясь никакими препятствіями. «Поволи въ його души разгорялася страшна гарячка, слипа жадоба грошей, заглушувала всяки други чуття, закрывала передъ його очыма вси завады й манылa тилькы одною метою—багацтвомъ» («Дзвін», 1878, стор. 194). «Почалася боротьба о багацтво—боротьба страшна, завзята, щоденна. Германъ мигъ слидыты видъ самого початку, видъ маленькыхъ зародивъ,

якъ рослы, розвывалыся и множылыся його тысячи, докы не дійшлы до милліонивъ, якъ поборювалы й пожыралы безъ лику противныкивъ, якъ опутувалы й высысалы безъ лику народа, якъ шырылы довкола безъ лику нужды, бидносты, зныщення, а йому самому, пры всихъ достаткахъ и роскошахъ не прынеслы того що называеться щастямъ, вдоволенннямъ» (ib., 188). Относительно Борислава и его окрестностей Германъ занялъ амплуа того удава, въ могучихъ объятіяхъ котораго задыхается несчастная жертва,— замѣтимъ, что это сюжетъ наиболѣе Германомъ любимой картины; онъ далеко вокругъ сѣялъ своимъ богатствомъ сѣмена бѣдности, несчастья и деморализаціи, тяжесть которыхъ падаетъ не только на окружающихъ, но и на него самого, на его семью, на все, что ему близко и дорого. Богатство для Германа сдѣлалось тѣмъ злымъ геніемъ, который разрушилъ цѣльность его натуры, лишилъ покоя, положилъ первое зерно ненависти къ нему со стороны собственной семьи,—словомъ, этотъ «твердий, практичний, вирахований Geschäftsmann», какъ его рекомендуетъ авторъ, этотъ безпощадный удавъ задыхался въ своихъ собственныхъ тискахъ. Но, съ другой стороны, онъ не имѣлъ на столько нравственной силы, чтобы освободиться отъ власти своего богатства, и попытка его въ этомъ отношеніи заранѣе осуждена на полную неудачу, какъ неудачной, впрочемъ, является попытка и самого автора изобразить глубокій, коренной переворотъ въ душѣ своего героя. Такой переворотъ, не имѣя достаточныхъ основаній и соотвѣтственной мотивировки, способенъ лишь вызвать улыбку недовѣрія на уста читателя. Авторъ, правда, и самъ замѣтилъ это противорѣчіе избражаемаго съ художественной правдой и чутье этой правды, прорывавшееся уже въ обрисовкѣ переворота въ Германѣ нѣкоторыми колебаніями, заставило г. Франка при второмъ изданіи повѣсти (1874 г.) внести нѣкоторыя поправки, существенно мѣняющія дѣло. Германъ, по второй редакціи, остается тѣмъ же «холоднымъ безсердечнымъ спекулянтомъ», а изображенный раньше переворотъ въ его душѣ—выставляется лишь какъ минутный порывъ, не оставившій глубокихъ слѣдовъ въ душѣ практическаго Geschäftsmann'а Указанной непослѣдовательностью ослабляется нѣсколько впечатлѣніе какъ отъ самой повѣсти, въ общемъ написанной сильно и горячо, такъ и отъ личности Германа, безъ нужды лишеннаго цѣлостности характера.

Еще шагъ впередъ—и мы наталкиваемся на новую разновидность хищническаго «сословія», новую фигуру крупнаго хищника, но уже на этотъ разъ съ оттѣнкомъ нѣкоторой даже, если хотите, идейности. Вагманъ («Перехресні стежки»)—ростовщикъ, чрезвычайно опытный въ своей профессіи, ловко умѣ-

ющій обходить всѣ направленные противъ ростовщичества законы, но свои сѣти онъ закидываетъ съ разборомъ, уловляя только сильныхъ міра сего и даже помогая крестьянамъ. Фигурой Вагмана г. Франко исправляетъ неудавшуюся попытку изобразить нравственный переворотъ въ Германѣ, такъ какъ Вагману онъ даетъ дѣйствительно сильный мотивъ къ перерожденію, какого не было у Германа. Сначала Вагманъ былъ обыкновеннымъ хищникомъ, не разбиравшимъ, кто́ является его жертвой: но послѣ трагическаго случая, отнявшаго у него сына, а вмѣстѣ съ послѣднимъ и цѣль накопленія богатства, онъ направляетъ свою дѣятельность на месть людямъ, которыхъ считаетъ виновниками смерти сына, т. е. мѣстной администраціи и панству. Помогая крестьянамъ, онъ поступаетъ такъ вовсе не изъ сантиментальности, или, по крайней мѣрѣ, не изъ одной сантиментальности,—онъ прежде всего знаетъ, что такимъ способомъ вѣрнѣе всего подкапывается подъ благосостояніе своихъ враговъ,—а это для Вагмана наиболѣе важно. Потому то перерожденіе этого хищника не поражаетъ читателя своей неожиданностью, какъ въ предыдущемъ случаѣ, такъ какъ здѣсь на лицо имѣется достаточно сильный стимулъ, вполнѣ естественный для такого человѣка, какимъ изображенъ Вагманъ.

Но коллекція хищниковъ въ произведеніяхъ г. Франка не ограничивается вышеочерченнымъ типомъ Geschäftsmann'а чистой воды, котораго интересуютъ лишь вопросы матеріальнаго характера и который, не задумываясь долго, просто грабитъ и насильничаетъ, пользуясь выпавшимъ ему на долю правомъ сильнаго. Эту коллекцію можно пополнить еще нѣсколькими экземплярами того же хищническаго вида, но уже съ болѣе сложной психологіей и побужденіями къ хищничеству. Оставляя даже въ сторонѣ такихъ хищниковъ, какимъ былъ, напр., Мигуцкій (поэма «Панські жарти»), такъ какъ, будучи порожденіемъ крѣпостного права, онъ не можетъ считаться типичнымъ явленіемъ для настоящаго времени, мы и среди героевъ современности найдемъ достаточно представителей такого рода хищничества. Вотъ передъ нами героиня повѣсти «Для домашнього огнища» (у Львові, 1897), Анеля Ангаровичъ, красивая свѣтская дама, безумно любящая дѣтей и мужа, ангелъ во плоти въ своей семейной жизни—и тѣмъ не менѣе въ душѣ хищница въ самомъ прямомъ значеніи этого слова. Воспитаніе, обыкновенное безалаберное воспитаніе буржуазныхъ круговъ, съ младенчества привило ей «ту пыху, ту погорду супроты низшыхъ, нужденныхъ, упослидженныхъ... Той страхъ передъ недостаткомъ и вбожествомъ... Ту погорду для бидноты» (ib. 118); а любовь къ семьѣ, направивъ ея желѣзный, неподатливый характеръ, недюжинный умъ и изво-

ротливость на изысканіе средствъ приличной въ буржуазномъ смыслѣ жизни, толкнула ее на путь утонченнаго хищничества. «О, вбожество, недостатокъ—се були фуріи, найстрашнійши для неи въ життю! Щобы закляты ти фуріи й держаты ихъ здалека видъ свойого домашнього огныща—на се вона посвятыла такъ багато... такъ багато» (ib. 86). Ради счастья семьи она поставила на карту честь—не только свою собственную, но и той же горячо любимой семьи; ради возможности роскошнаго существованія она рѣшилась на самый гнусный видъ хищничества—торговлю живымъ товаромъ, которую сдѣлала фундаментомъ своего семейнаго очага. Когда же карта была убита, когда ея позорное ремесло было открыто, она находитъ достаточно мужества и силы воли, чтобы самостоятельно покончить съ собой.

Еще шагъ впередъ—и мы встрѣчаемся съ хищниками, такъ сказать, духовнаго свойства, не имѣющими въ своемъ характерѣ и тѣни матеріальной подкладки, но тѣмъ не менѣе гнетущими все съ ними соприкасающееся и предъявляющими притязанія на самое дорогое въ человѣкѣ—на его личность, на его внутреннюю, духовную жизнь. Образцами этой новой разновидности хищничества въ произведеніяхъ г. Франка могутъ служить—съ одной стороны, Гурманъ (драма «Украдене щасте»), а съ другой—патеръ Гавдентій (разсказы «Миссія» и «Чума»).

Патеръ Гавдентій, этотъ смиренный съ виду, незамѣтный и даже какъ будто простоватый «Яким-просторіка»,—въ душѣ несомнѣнный хищникъ и при томъ того особеннаго типа, который такъ прекрасно охарактеризованъ Шевченкомъ въ извѣстныхъ словахъ:

А той тыхый та тверезый,
Богобоязлывый—
Якъ кишечка пидкрадеться,
Выжде нещаслывый
У тебе часъ та й запустыть
Пазури въ печинкы,—
И не благай: не вымолять
Ни диты, ни жинка...

Поставленный въ подходящія условія, патеръ Гавдентій сдѣлался бы вторымъ Гавой, т. е. хищничалъ бы по мелочамъ и потихоньку, незамѣтно, но вѣрно и неуклонно шелъ бы по пути созиданія собственнаго благополучія, возсылая при каждомъ успѣхѣ благодаренія Богу. Но судьба распорядилась иначе, поставивъ его въ ряды ecclesiae miliantis и сдѣлавъ членомъ «тои сылы, котрій,—по его мнѣнію,—нищо на свити не може опертыся»

(«Миссія» у Львові 1898, стр. 40), и настойчивый, фанатичный іезуитъ составляетъ цѣлый планъ хищнической кампаніи противъ душъ человѣческихъ съ цѣлью уловленія послѣднихъ на лоно католицизма ad majorem Dei gloriam. Первые шаги почтеннаго патера на этомъ поприщѣ оказались, въ силу случайныхъ обстоятельствъ, неудачными, но неуспѣхъ его не обезокуражитъ, какъ не обезокуражилъ Гаву, и онъ, расправивъ крылья, сдѣлаетъ еще не одну попытку хищничества въ избранный сферѣ уловленія душъ и, кто знаетъ, съ какимъ еще результатомъ.

Въ лицѣ Гурмана имѣемъ дѣло съ хищникомъ на трагической подкладкѣ, являющимся одновременно и жертвой собственнаго хищничества. Этотъ «звиръ лютый», «кам'яне серце», какъ рекомендуетъ его любящая женщина, плюющій на мнѣніе о немъ людей, не справляющійся ни съ чьими желаніями и слушающійся лишь голоса собственныхъ страстей, не колеблясь разрушаетъ семейный покой мирной четы, врывается бурнымъ ураганомъ въ чужую жизнь, ломая на своемъ пути всѣ преграды. Сама Анна, которая подчинилась ему до полной потери собственной личности, въ сущности не знаетъ, любитъ ли она его. «А може,—говоритъ она,—бильше боялася, нижъ любыла. У, сыла у нього!.. Самымъ поглядомъ, здается, наскризь тебе прошыбае, мовъ розпаленымъ дротомъ. Охъ, та й боюсь я його теперъ; боюсь, якъ найтяжчого ворога! И певно, що якъ винъ на насъ завзявся, то и зитре насъ на порохъ, знищыть, зруйнуе» («Украдене щасте», Львів, 1901, стор. 43—44). «И боюсь я його,—говоритъ Анна въ другомъ мѣстѣ,—и жыты безъ нього не можу... Якый страшный! Якый гризный!... А що за сыла! Здается якъ бы хотивъ, то такъ бы й роздавывъ мене и того... мойого халяву... Поглядомъ однымъ прошыбъ бы. И чымъ страшнійшый, чымъ острійше до мене говорыть, тымъ, здается, я бильше люблю його. Вся тремчу, а такъ и здается, що тону въ нимъ, роблюся частыною його. *И нема у мене тоди своеи волп, ани своеи думкы, ани сылы, ани застановы—ничого.* Все мени тоди байдуже, все готова виддаты йому, кынуты въ болото, колы винъ того схоче» (ib., 82). Эта сильная личность является естественнымъ повелителемъ и поработителемъ такихъ слабохарактерныхъ людей, какъ Мыкола и Анна Задорожніе,—сила вѣдь всегда импонируетъ слабости и подчиняетъ ее себѣ. Благодаря этой силѣ, Гурманъ и врывается въ чужую семью, разбивая если не счастье, котораго въ сущности у Задорожнихъ и не было, то по крайней мѣрѣ—миръ и покой. Но у этого сильнаго человѣка есть тѣмъ не менѣе своя Ахиллесова пятка, которая мѣшаетъ ему вполнѣ наслаждаться достигнутымъ положеніемъ, и отравляетъ ему всю жизнь. Издѣваясь надъ Мыколой, онъ внутренно и самъ терзается установившимися отношеніями и въ сущности является такою же

жертвой «украденого щастя», какъ и тѣ люди, у которыхъ онъ это счастье укралъ. Вспышка Мыколы, окончившаго это тягостное для всѣхъ троихъ положеніе, только предупредила развязку, о которой очевидно думалъ и самъ Гурманъ. Послѣднія слова его къ убійцѣ-Мыколѣ: «спасыби тоби! Ты зробывъ мени прыслугу, и я не гниваюсь на тебе! *Я хтивъ и самъ соби таке зробыты, та якось рука не пиднялась*» (ib., 115—116)—являются подтвержденіемъ того мучительнаго, къ моменту развязки достигшаго высшей степени напряженности душевнаго состоянія, въ которомъ находился и самъ хищникъ вмѣстѣ съ жертвами своего хищничества.

VII.

Кажется, мы уже достаточно остановились на одной изъ чертъ писательской физіономіи г. Франка, чтобы сдѣлать нѣкоторые общіе выводы. Жизнь представляется автору въ видѣ безпрестанной борьбы между двумя враждебными лагерями, между двумя противоположными началами, и эта мысль особенно часто встрѣчается у него, сопровождаемая массой самыхъ разнообразныхъ иллюстрацій. «Въ жыттю, якъ на ярмарку, не можна безъ того, щобъ одынъ одному на пальци не наступывъ. А кому наступылы—того болыть. Не можна безъ того»,—говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ драмы «Бурка ч. 27» (Львів, 1902, стор. 21); «жытте—то борня» («Мій Ізмарагд», стор. 113),—повторяетъ самъ авторъ; «жытте—борьба, жорстоки, дыки ловы» («Із днів журби», (Львів, 1900, стор. 50—51); «жытте—боротьба вична, безупынна» («Письма Ів. Франка», 81),—повторяетъ онъ еще и еще разъ. Предъ этой жизненной борьбой—ничто даже тѣ ужасы столкновеній между народами, которыя называются войной.

. . . . . . Та й що то
Війна? Війны й заповидáть не треба:
Вона вже є, мы родымось, жывемъ.
Мремо въ війни. Хиба жъ не чулы писню:
Нема добра та й не буде,
Була війна та й ще буде.
Братъ на брата ворогує,
Сестра сестри смерть готує,
Сынъ на батька нижъ пидносыть.
Донька мами смерты просыть.
Отъ де війна правдыва, найстрашнійша,
Щоденна, люта! Що тамъ протывъ неи
Вси війны зъ Туркомъ, Нимцемъ, Маскалемъ!
«Мій Ізмарагд», 145).

Но среди этой междуусобной, братоубійственной войны особенное вниманіе автора, какъ мы видѣли, привлекаетъ борьба соціальная и экономическая. Съ одной стороны въ этой борьбѣ стоитъ темная, страждущая, сѣрая масса, и ея отдѣльные представители, лишенные жизненной приспособляемости и потому въ большинствѣ случаевъ въ борьбѣ и гибнущіе; съ другой—выдвигается счастливое меньшинство и особенно личности, которыхъ природа въ высшей степени надѣлила приспособляемостью ко внѣшнимъ условіямъ общественнаго строя и этимъ обезпечила за ними поле сраженія. Изъ перваго лагеря рекрутируются тѣ подонки общества, «изгои» въ современномъ смыслѣ этого слова, люди опустившіеся на дно общественнаго устройства, откуда имъ нѣтъ никакой надежды подняться. Изъ второго же выходятъ въ большинствѣ случаевъ «ликующіе», «обагряющіе руки въ крови» — чаще въ переносномъ, но иногда и въ буквальномъ смыслѣ слова. На сторонѣ послѣднихъ находится сила, а часто и право—то формальное право, которое не проникаетъ вглубь человѣческихъ отношеній, а судитъ лишь на основаніи поверхностныхъ внѣшнихъ данныхъ; имъ благопріятствуетъ весь укладъ современной общественной жизни. Представители перваго лагеря всему этому могутъ противопоставить лишь собственныя судорожныя усилія выбиться изъ бѣды («Борислав сміється») или убѣжать отъ нея за тридевять земель (циклъ «До Бразилії»), но такъ какъ усилія эти не сопровождаются въ большинствѣ случаевъ сознательностью, такъ какъ плетью обуха не перешибешь и голыми руками огня не удержишь, то они и остаются безуспѣшными, будучи стираемы въ порошокъ стихійностью процесса борьбы. «Я не разъ бачыла,—говоритъ героиня разсказа «Між добрими людьми»,—якъ галузка, видирвана видъ дерева, плыне по води, докы не попаде въ крутижъ. И ту ще зразу плыве вона спокійно, опысуе далеки круги, але чымъ дали, тымъ кругы вузши, рухъ ій швыдшый, покы течія не змеле нею й не кине въ спинене гырло, де вона й пропаде. Чы вынна гилька, чы вынна вода, що такъ воно діеться?» («В поті чола», 309). Кто въ самомъ дѣлѣ виноватъ—судить не намъ; отмѣтимъ лишь тотъ фактъ, что подъ вліяніемъ указаннаго чисто стихійнаго процесса всѣмъ попавшимъ въ подобное положеніе, въ этотъ жизненный водоворотъ, предстоитъ или въ немъ погибнуть («Панталаха»), или же опускаться и падать все ниже и ниже, пока не очутятся «на дні суспільности», не сдѣлаются совершенными «изгоями», отбросами общества. А что это за положеніе такое—г. Франко даетъ обстоятельный отвѣтъ.

Какъ извѣстно, изгоями въ древней Руси назывались нѣкоторыя лица, по тѣмъ или инымъ причинамъ лишенные приро-

жденныхъ имъ правъ; отсюда г. Франко придаетъ этому слову болѣе широкое значеніе, разумѣя подъ нимъ людей, лишенныхъ всѣхъ правъ, отлученныхъ, такъ сказать, отъ общества, остракизированныхъ—такихъ, которые, по краснорѣчивому древне-римскому выраженію были aqua et ignii nterdicti. Положеніе этихъ остракизированныхъ людей, причины къ нему приводящія, а также общественныя условія всѣхъ временъ, порождающія узаконенное или неузаконенное изгойство—вопросы, сдѣлавшіеся въ Россіи модными лишь въ послѣднее время, благодаря г. Горькому,—всегда въ высокой степени интересовали нашего писателя, который, если помнитъ читатель, и самъ въ теченіе своей жизни не избѣгъ подобнаго положенія—«проскрібованого», вычеркнутаго изъ списковъ «порядочнаго общества». Есть у г. Франка очень интересная въ этомъ отношеніи «драма-казка»—«Сон князя Святослава», гдѣ авторъ ставитъ данный вопросъ въ его исторической обстановкѣ и освѣщеніи, влагая въ уста князю слѣдующій монологъ:

. . . . Що значи́ть сказати
Одно маленьке слово те: ізгой!
Невинне слово! Ще здається навіть,
Що ласку чоловікови зробили,
Бо він на смерть, бач, заслужив. Ізгой,
Та й годі. А піди ти зміряй сам
Хоч думкою безодню сліз і горя.
Що криється в тім слові... («Жи́тє і Слово», III, 30).

Наказаніе особенно между тѣмъ тягостное, такъ какъ оно падаетъ не на самого изгоя, но захватываетъ и близкихъ къ послѣднему людей: «От такі маленькі,—говоритъ князь о дѣтяхъ изгоя—

А вже ізгоі! Без вини своєі,
За батьків гріх, а мусять пропадати (ibid., 31).
. . . . Жінка
Ізгоя! Кількo се однiське слово
Нещастя, горя, муки в собі має (ibid., 27).

И вотъ предъ человѣкомъ, попавшимъ въ положеніе изгоя, встаетъ грозный вопросъ: какъ жить? что дѣлать дальше? Онъ долженъ, въ силу самого положенія вещей, или погибнуть, отверженный всѣми, или же жить местью тому обществу, которое изгнало его изъ своей среды. Въ первичномъ своемъ видѣ, въ простой сравнительно обстановкѣ древняго времени и вопросъ рѣшался очень просто. Вотъ какъ, напр., рѣшаетъ его одинъ изъ изгоевъ въ драмѣ г. Франка, Овлуръ:

Прогнав мене наш князь, видняв мені
Все, що я мав, усе, чим жив на світі—
Так щож мені було тоді робити?
Я скликав гарних хлопців кільканадцять
І засновав собі отут у лісі
Своє осібне князівство (ibid., 37)

Такъ же рѣшаетъ вопросъ и неизвѣстный пришлецъ, оказавшійся въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, о которыхъ не будемъ распространяться, самимъ княземъ: на путь грабежа и убійствъ, по его собственнымъ словамъ, толкнула его

Князівська неправда.
І я ізгой. Зруйнований мій дім,
Побиті слуги, згибли жінка й діти!
Й моє імя з ряду живих істот
Ізмазане, а честь моя и слава
Затоптані в болото. Що на мні—
Се й є моє усе добро. Сей меч—
Се вся моя будущина... (ibid., 38).

Та ж ви розбійниками не родились,—

обращается къ разбойникамъ одинъ изъ боярскихъ слугъ,—

Вас викинено з дому, із громади,
Вас княжі люде гонять, травлять, мов
Тих звірів диких, а кого попадуть,
То вішають без жадноі пощади (ibid., 202).

Условія современной жизни, значительно усложнившіяся, уже не допускаютъ, конечно, подобнаго прямолинейнаго и упрощеннаго рѣшенія; тѣмъ не менѣе сходныя по существу положенія всегда даютъ сходные же и результаты. Прочитайте повѣсть «На дні», гдѣ собраны авторомъ во едино типы подобныхъ же изгоевъ,—этихъ отбросовъ общества, «виклятих порій», заклейменныхъ страшнымъ клеймомъ бѣдности; вслушайтесь въ ихъ простые, но именно благодаря этой простотѣ тѣмъ болѣе ужасные разсказы объ обстоятельствахъ, приведшихъ ихъ на дно общественнаго устройства; обратите особенное вниманіе на наиболѣе характерную фигуру Бовдура—и вы поймете, что несмотря на кажущуюся такой разительной перемѣну въ условіяхъ жизни, мы не такъ далеко въ сущности и ушли отъ того добраго стараго времени, когда какой-нибудь Святославъ однимъ словомъ, однимъ мановеніемъ обрекалъ своихъ подчиненныхъ на мученія людей, которые aqua et igni interdicti. Бовдуръ—маньякъ, это несомнѣнно; Бовдуръ

не въ состояніи сообразить даже той простой вещи, что, сидя въ тюрьмѣ, онъ и не можетъ воспользоваться плодами своего преступленія; но несомнѣнно также и то, что не всегда онъ былъ такимъ, что его тупость и дикость—не унаслѣдованы, а благопріобрѣтены. Авторъ сообщаетъ его исторію,—обыкновенную исторію человѣка, *«здиченого недолею*, а здичіннем доведеного до крайньоі розпуки» («В поті чола», 109):—сиротство, насмѣшки и побои въ дѣтствѣ, тяжелый трудъ «наймита», притѣсненія и обиды [«сльота, морози, спрага, втома—все то тільки газді (хозяину) доскулює, а наймитові ні!.. Наймит залізний, наймит видержить... мусить... За то плату бере!.. (ibid., 106)] и первый взрывъ протеста, окончившійся, быть можетъ, преступленіемъ; затѣмъ жизнь въ Бориславѣ, пьяная, распутная жизнь; неудачная любовь, дальше, вѣроятно, опять преступленіе и въ результатѣ—яма, на днѣ которой собраны подобные же отбросы общества, откуда имъ уже не подняться. Не удивительно, что у такого обиженнаго жизнью субъекта не оказывается ничего святого: онъ мечетъ проклятіями и на прошедшее, и на настоящее, и на будущее; ни позади, ни впереди у него нѣтъ ничего, что бы удерживало его отъ еще большаго паденія; онъ живетъ исключительно животными порывами и жестоко мститъ за свой звѣриный образъ, направляя свою месть и на, быть можетъ, совершенно неповинныхъ въ его паденіи представителей изгнавшаго его общества... Кто виноватъ въ этомъ—опять судить не намъ, но только мы понимаемъ и автора, создавшаго такую яркую, характерную фигуру, какъ Стебельскій («На дні»), добровольно ушедшій ради успокоенія своей совѣсти къ «бывшимъ людямъ» на дно соціальной жизни—

Щоб не чуть в серці пекучого болю,
Людськоі муки не бачити скризь («З вершин»..., 18),

и, главное, не чувствовать себя виновникомъ ея. Въ качествѣ иллюстраціи къ сказанному пусть читатель припомнитъ хотя бы начало разсказа. «До світла», содержащее цѣлую ужасающую философію этой стихійной борьбы и погибели въ ней нижнихъ слоевъ человѣчества—этого основанія общественной пирамиды, прекрасно охарактеризованнаго талантливымъ писателемъ посредствомъ сравненія съ нижними слоями морскихъ глубинъ. «Чы не пройме насъ дрожъ перестраху,—спрашиваетъ авторъ,—колы прыгадаемо жытте и кинець такыхъ незвисныхъ никому, забутыхъ, неразъ затоптанныхъ и опльованыхъ одыныць, колы стане намъ ясно передъ очыма, що не разъ тилькы найглупійша въ свити обставына, слипый случай, непорозуминне, жартъ, нерозважне слово, пилынка одна зипхнула ихъ зъ дорогы и на

викы вкынула назадъ у ту питьму, зъ котрои воны вже от-отъ выбиралыся на вольную волю?» («В поті чола», 269).

Мамо-прыродо! Видкы жъ така на насъ несправедлывисть?— взываютъ въ отчаяніи эти низшіе слои.—Невже мы гирши видъ тыхъ, що тамъ у-гори надъ намы гуляють, гойдаються та въ чудовому свити пышаються? И чому бъ тоби не встановыты черги, чому бъ не пустыты насъ хочъ на часочокъ туды, вгору?

Але мама-прырода не знае сантиментальносты й не слухае мрій.

— Буду я зъ вамы, дурнямы, панькатысь!—воркоче вона.— Чуете въ соби сылу, то трибуйте (пробуйте) вырватыся сами на верхъ. Ще бы я не мала роботы та васъ пидсажуваты! (ibid., 268).

«Ба, трибуйте сами вырватысь!»—иронизируетъ авторъ и въ поясненіе разсказываетъ исторію одной изъ такихъ попытокъ; читатели навѣрное хорошо помнятъ этотъ прекрасный разсказъ г. Франка и знаютъ, чѣмъ окончилась попытка симпатичнаго еврея подняться со дна общественной жизни «до світла», и потому объ этомъ мы распространяться не будемъ.

Какъ видятъ читатели, борьба низовъ соціальной лѣстницы за улучшеніе своего существованія въ большинствѣ случаевъ оказывается безуспѣшной, благодаря стихійности процесса и отсутствію сознательности среди этихъ самихъ низовъ. Борьба пріобрѣтаетъ нѣсколько иной характеръ, когда послѣднее условіе устраняется, когда въ нее вступаетъ еще одно слагаемое—разумъ и сознательность, олицетворяемые интеллигенціею. Собственно говоря, г. Франко вообще очень рѣдко останавливается на такъ называемыхъ положительныхъ типахъ, и особенно это нужно подчеркнуть по отношенію къ представителямъ интеллигентной среды, фигурирующимъ въ его произведеніяхъ. Такое отношеніе г. Франка къ изображаемымъ лицамъ вполнѣ гармонируетъ со всѣмъ складомъ его писательской психики: не даромъ онъ заявляетъ, что «не часъ теперъ ховати поганих струпів», а раскрывать ихъ нужно, «всю гниль нещадно з тіла виривати» («З вершин»... 158). Какъ реалистъ, черпающій матеріалъ для созданія художественныхъ образовъ изъ наблюденій надъ дѣйствительной жизнью, писатель не могъ, конечно, не видѣть, что жизнь мало даетъ матеріалу для созданія положительныхъ образовъ. Она оказывалась щедрѣе на такихъ дѣятелей, какъ герой разсказа «Патріотичні пориви» («Громадськкий Другъ», 1878), большой патріотъ, распинающійся за отвлеченные проценты «народність» и «рускість» и въ то же время, какъ липку, обирающій конкретное воплощеніе этихъ принциповъ; такихъ, какъ адвокатъ русинъ («Ліси і пасовиська»), продавшій своихъ кліентовъ-крестьянъ помѣщику;

такихъ, какъ великолѣпный докторъ философіи («Вильгельм Телль», Зоря, 1884), карьеристъ, цинично отрекающійся отъ своихъ убѣжденій, разъ послѣднія не сулятъ ему лично никакихъ выгодъ; такихъ, какъ «демократы» особаго рода, фигурирующіе въ повѣсти «Основи суспільности» и разсказѣ «Odi profanum vulgus». Словомъ, это съ одной стороны, «праздно болтающіе», неискренніе люди, которые подъ наружной личиной друзей народа не прочь около народной же нужды, темноты и безпомощности погрѣть свои грязныя руки, исполняя при томъ ироническій совѣтъ г. Франка:

Колы два стильци маешъ до выбору:
Тутъ кóрысть власну, тутъ святу лойяльнисть,
То на обохъ старайся разомъ систы
(«З вершин»..., 109).

Съ другой стороны—это наивные доктринеры, мирно и спокойно пребывающіе въ своей мурьѣ и довольствующіеся сытенькимъ, буржуазнымъ существованьицемъ; охранители «идеальнаго» и «незыблемаго» порядка, враги новшествъ—словомъ, идеалисты того особаго сорта, который прекрасно охарактеризованъ г. Франкомъ въ стихотвореніи «Ідеалісти» («З вершин»... 42—43). Нечего и говорить, что въ отношеніяхъ народа къ *такой* интеллигенціи, своекорыстной или, по крайней мѣрѣ, безпечной на счетъ своихъ обязанностей, звучитъ струна отчужденности, недовѣрія, затаенной вражды, а то и открытой ненависти, прорывающейся при удобныхъ случаяхъ. «На панську помичъ не спускайтеся!—совѣтуетъ Хома Губатый въ разсказѣ «Домашній промисл».—Я тамъ панивъ не суджу, але то вамъ кажу, якъ старый: николы якось панська ласка хлопови на здоровле не выходыть. Не дармо то стари люде й прыповидку зложылы: не миряй свого носа зъ панамы, бо якъ твій буде довшый, то тоби врижуть, а як буде коротшый, то тоби жъ натягнуть. Панська ласка быстрымъ конемъ йиздыть» («В поті чола», 202).

Но на мрачномъ фонѣ этого общаго явленія свѣтлыми точками начинаютъ выдѣляться въ произведеніяхъ г. Франка иныя личности, которыя, продолжая употребляемую нами классификацію Некрасова, мы назвали бы «погибающими за великое дѣло любви»; этотъ эпитетъ тѣмъ болѣе имъ соотвѣтствуетъ, что они и въ самомъ дѣлѣ являются страдальцами, а иногда и въ буквальномъ смыслѣ погибаютъ за идею. Немного ихъ, этихъ свѣтлыхъ точекъ,—кромѣ Андрія Темеры («На дні»»), рано прерванная жизнь котораго остановила и его многообѣщавшую дѣятельность, можно къ нимъ причислить только адвоката Рафаловича (повѣсть «Перехресні стежки»), учителя Омеляна (комедія «Учитель») да пожалуй еще Чимчикевича («Чума») и стараго священника

въ поэмѣ «Панські жарти»; впрочемъ двухъ послѣднихъ мы здѣсь касаться не будемъ, такъ какъ гуманная дѣятельность ихъ въ большей степени является результатомъ добраго, отзывчиваго сердца, нежели ясно сознающаго себя разума.

Рафаловичъ, во многомъ напоминающій Темеру, является образцомъ такого дѣятеля, который всю свою жизнь сумѣлъ подчинить одному принципу, почти буквально воспроизводящему то, что авторъ въ другомъ мѣстѣ сказалъ о себѣ самомъ: «выхований, выгодованый хлибомъ, працею й потомъ сього народа, винъ повыненъ своєю працею, своєю интеллигенціею видплатыты йому» («Л.-Н. Вістник», 1899, VII, 60)[1]). Ради этого принципа онъ ведетъ берьбу съ общественными условіями, съ недовѣріемъ къ нему со стороны народа и съ неудачами своей личной жизни, т. е., со всѣмы тѣми препятствіями, которыя «перехресными стежкамы» стоять на его пути. Благодаря своей неутомимой энергіи онъ выходитъ побѣдителемъ, по крайней мѣрѣ, по-стольку, по-скольку ему удается положить начало солидарности среди крестьянъ и подвинуть ихъ на сознательную борьбу за свои права. Совершеннаго перерожденія села достигаетъ и Омелянъ (комедія «Учитель») путемъ безкорыстной и самотверженной дѣятельности въ болѣе ограниченномъ районѣ—одномъ селѣ.

Дѣятельность этихъ немногихъ «погибающихъ за великое дѣло любви» по неволѣ ограничена въ настоящемъ, но это лишь піонеры той новой жизни, о которой мечтаетъ нашъ писатель, первые проблески того лучшаго будущаго, къ которому онъ не устаетъ звать въ своихъ произведеніяхъ. Есть у г. Франка прекрасное по мысли стихотвореніе «Каменярі», въ которомъ авторъ изображаетъ людей, добровольно заковавшихъ себя въ цѣпи обязанностей, борющихся съ темными силами настоящаго, олицетворяемаго въ образѣ скалы, за достиженіе лучшаго будущаго. «И вси мы вирылы,—говоритъ авторъ объ этихъ каменщикахъ,—що своимы рукамы

Розибьемо скалу, роздробымо гранитъ,
Що кров'ю власною и власнымы кистками
Твердый змуруемо гостынець и за намы
Прыйде нове життя, добро нове у свитъ («З вершин...», 55).

Ту же вѣру выражаетъ авторъ и въ сказкѣ «Рубачъ», изображающей человѣка, «що рубає запоры на шляху людскосты,—

1). Ср. «Nieco o sobie samym», въ Obrazkach galicyjskich, стор. V--VI, а также отвѣтную рѣчь г. Франка на своемъ юбилеѣ,—см. Л.-Н. Вістник, 1898, кн. XI, стр. 129.

запоры, покладени дикистю, темнотою и злою волею» («Сім казок», Львов, 1900, стр. 13), и во многихъ другихъ своихъ произведеніяхъ.

VIII.

Уже изъ прозаическихъ произведеній г. Франка, которыхъ мы преимущественно до сихъ поръ касались, ясно видны идеалы и симпатіи автора. Онъ—натура боевая, страстная, не скрывающая своихъ симпатій и антипатій нерѣдко даже въ ущербъ художественности своихъ произведеній. Но наиболѣе ярко и выразительно сказывается личность автора въ его стихотвореніяхъ, гдѣ личнымъ чувствамъ и лирическимъ порывамъ писателя полный просторъ. Стихотворенія г. Франка являются поэтому наиболѣе цѣннымъ матеріаломъ для его характеристики, такъ какъ въ нихъ онъ высказывается вполнѣ и даетъ отвѣтъ на всѣ тѣ вопросы, съ которыми мы могли бы къ нему подойти.

Зъ орламы я не думаю дружыты,
Та я опрусь гныючому болоту;
Щобъ черезъ його й другымъ шляхъ мостыты,
На те виддамъ свій трудъ, свою охоту («З вершин», 80),—

этими строками можно заключить тотъ циклъ произведеній, которымъ мы до сихъ поръ занимались, т. е. изображающій борьбу между двумя общественными лагерями. Но для автора мало высказать свое отношеніе къ борьбѣ въ такой отрицательной формѣ: не думаю, молъ, дружить съ представителями силы,—нѣтъ онъ преисполненъ къ нимъ вполнѣ опредѣленнаго положительнаго чувства. Разъ уже дѣло пошло на орловъ, то г. Франку трудно не высказать этого чувства. Вотъ какія, напр., мысли возбуждаетъ въ нашемъ писателѣ видъ великолѣпнаго горнаго беркута:

Я не люблю тебе, ненавыжу, беркуте!
За те, що въ грудяхъ ты ховаешъ серце люте,
За те, що кровъ ты пьешъ, на нызькыхъ и слабыхъ
Зъ погордою глядышъ, хочъ самъ жывешъ изъ ныхъ;
За те, що такъ тебе боиться слабша тварь...

Странно какъ будто бы даже читать приведенныя строки въ въ наше богатое противорѣчіями время, когда во главу угла всего міросозерцанія многіе силятся поставить красоту, съ которой часто отождествляютъ силу, а эту послѣднюю съ правомъ—и не

только внѣшнимъ, кулачнымъ правомъ, но и внутреннимъ, нравственнымъ... «Морально это (все равно что́. С. Е.) или не морально?»—спрашиваетъ, напр., у Горькаго нѣкій «сельскій учитель не у дѣлъ» и затѣмъ отвѣчаетъ: «во всякомъ случаѣ *это сильно, прежде всего сильно, и потому оно морально и хорошо*» («Разсказы», 3-е изд., т. I, 165). «Волка не осудитъ Господь, если волкъ овцу пожретъ, но если крыса мерзкая повинна въ овцѣ—крысу осудитъ Онъ» (Разсказы, т. IV, 3-е изд., 161)—морализируетъ у Горькаго же нѣкто Щуровъ. Словомъ—«пою похвалу силѣ и презрѣніе къ слабости», какъ иронически выразилъ подобную тенденцію Щедринъ. При видѣ орла, парящаго надъ землей и зоркимъ глазомъ высматривающаго добычу, поэтъ новѣйшей формаціи не упустилъ бы удобнаго случая умилиться этимъ зрѣлищемъ и воспѣть силу и красоту хищника, а можетъ быть, даже отпустить одинъ-другой презрительный пинокъ тѣмъ, чьею кровью живетъ этотъ сильный красавецъ. Г. Франко—прямая противоположность этимъ одослагателямъ, воспѣвающимъ красивую силу; и волкъ, и крыса для него одинаково повинны, одинаково мерзки; и орелъ, и Гава—одинаково хищники, а съ хищниками—нечего церемониться исантиментальничать, а слѣдуетъ объявить борьбу не на животъ, а на смерть.

И ось блыщыть мій крисъ, [1]) циль добра, выстрилъ певенъ,
И вбійчеє ядро пидъ хмары понесе винъ.
И замисть несты смерть з-горы на земне ложе
Ты самъ спиткаєшъ смерть пидъ хмарамы, небоже,
И не якъ божый судъ, але якъ трупъ бездушный
Ты впаде́шъ, су́до́ви тыхъ куль моихъ послушный.

И не одинъ ты,—прибавляетъ авторъ—

А все, що звесь беркутъ, полоще кров'ю ротъ,
Вывысшуєсь надъ мыръ, тривогу й пострахъ сіє—
Те кули не уйде, якъ слушный часъ наспіє («З вершин»..., 51).

Всѣ тѣ разрозненные факты борьбы, о которыхъ у насъ была рѣчь на предыдущихъ страницахъ, поэтъ объединяетъ въ одну грандіозную картину міровой борьбы между свѣтомъ и тьмой, между добромъ и зломъ. Жестокая борьба,—говоритъ онъ,—свирѣпствуетъ въ природѣ:

Ще темный Агриманъ пануе,
Розпершись гордо тамъ на сходи.

---

[1]) Крисъ—ружье.

Та въ царстви своимъ чуе винъ
Таемну дрожь. Ось легкокрыли
Мовъ стрилы до понурыхъ стинъ
Летять видъ сходу свитла хвыли.
Лютуе Агриманъ, гасыть
Ненавысне проминня враже,
Та хвыля свитла все бижыть,
Хочъ щó винъ робыть, щó винъ каже.
Хытаесь тронъ його твердый,
И чуесь Чорному цареви,
Якъ Ормуздъ ясный, молодый
Вже вырынае зъ хвыль рожевыхъ («Викъ», т. I,
(Кіевъ, 1902), стр. 332).

Для поэта нѣтъ сомнѣній относительно того, «кто устоитъ въ неравномъ спорѣ»: хотя теперь, говоря его словами, «всюды ни-вечеться правда, всюды пануе брехня» («З вершин»... 43), тѣмъ не менѣе будущая побѣда правды, справедливости и добра, пришествіе на землю всеобщаго счастья—обезпечены. Сѣмена святыхъ началъ, заложенныя въ сердцахъ честныхъ людей, будутъ сохранены ими отъ уничтоженія, ненарушимо пронесутся черезъ всѣ испытанія и падутъ «на пухку, на жыву риллю» (ib. 13), ибо

Тверднша видъ стали твердои,
Сто разъ трывкійша, нижъ муръ,
Щырыхъ мягкыхъ серць твердыня
Супроты громивъ и бурь (ibid., 43).

Поэтому, «не бійтеся»,—ободряетъ поэтъ своихъ товарищей,—

В кровавыхъ хвыль навали
Не згыне думка, правда и добро,
Лышъ краще, шырше розивьеться дали.
Не бійтеся! Не людскосты ядро
Та буря зломыть, а суху лушпыну,—
Ядро жъ жывее розростесь безъ впыну (ib., 154).

А если такъ, то нечего опускать руки въ отчаяніи, нужно твердо и неуклонно идти впередъ, сѣять сѣмена братолюбія и любви, бороться за счастье и добро. Вѣдь—

Ще те не вродылось
Острее зализо,
Щобъ нымъ правду й волю
Самодуръ зарizавъ.
Ще той не вродывся
Жаръ, щобъ въ нимъ згорило
Вичне тило духа,
Не лишъ утле тило (ibid., 42).

Сила интеллигентной и сознающей себя личности можетъ способствовать осуществленію началъ справедливости и братолюбія; но, какъ «вѣра безъ дѣлъ мертва есть», точно такъ же и сила эта должна обнаружить себя въ чемъ-нибудь реальномъ, должна воплотиться въ дѣятельности, иначе она и не будетъ предстоящей силой. И вотъ поэтъ, собственная жизнь котораго представляетъ одну картину сплошного труда, первымъ залогомъ предстоящей побѣды провозглашаетъ именно трудъ:

Лышъ праця ржу зитре, що грудь зйидае,
Чуття жыве неткнуте захова́е,
Непросыхаючу нору жывыть.
Лышъ въ праци мужня выробляесь сыла,
Лышъ праця свитъ такымъ, якъ е, створыла,
Лышъ въ праци варто и для праци жыть (ib., 155).

О себѣ лично поэтъ говоритъ, что

Праця дала до жыття мні прынаду,
Ціль дала, щобъ въ манивцяхъ не зблудывъ (ib., 64),—

поэтому понятно его желаніе—«працювать, працювать, працюваты, въ праци сконать». Прекрасной иллюстраціей къ этому положенію служитъ написанная г. Франкомъ сказка «Без праці», герой которой получилъ возможность пользоваться всѣмъ и добиваться исполненія своихъ желаній безъ всякаго съ своей стороны труда, съ помощью лишь чудеснаго кольца. И въ результатѣ тотъ самый Иванъ Линюхъ, который даже смерть считалъ желанной избавительницей отъ тяжелаго труда, добровольно отрекается отъ чуднаго дара и предпочитаетъ трудовую жизнь бездѣятельному существованію. Онъ цѣною мучительнаго опыта позналъ, «що праця—се не тилькы твердый обовязокъ чоловика, але прямо условына його жыття, конечна для жыття такъ, якъ повитря до дыхання... Пизнавъ, що безъ праци чоловикъ звильна перестае буты чоловикомъ, самостійною истотою. Недостачи тои людськои самостійносты не надгородять йому ніяки скарбы, ніяки роскоши, бо все здобуте безъ праци являеться чымось чужымъ для чоловика, якымсь прывыдомъ, холодною лудою, котра не насычуе духа, а тилькы його знеохочуе й затроюе». («Без праці», Л. 1891, стр. 64).

Но если для г. Франка понятія жить, работать и бороться могутъ быть соединены знакомъ равенства, какъ синонимы, то, идя дальше, можно сказать, что для него осѣнена ореоломъ святости лишь та борьба, которая своею цѣлью имѣетъ высокіе идеалы человѣчества.

Въ высшей степени характерна эта молитва, съ которой обращается поэтъ къ «матери-землѣ»: она ясно показываетъ и желанія автора, и цѣли, и побужденія этихъ желаній.

Земле, моя всеплодющая маты,
Сылы, що въ твоій жыве глыбыни,
Краплю, щобъ въ бои сыльнише стояты,
Дай и мени!

Дай теплоты, що розширюе груды,
Чыстыть чутте и видновлюе кровъ,
Що до людей безграничную будыть
Чысту любовъ.

Въ заключеніе авторъ восклицаетъ:

Дай працювать, працювать, працюваты,
Въ праци сконать! (ibid., 14).

Больше всего страшитъ поэта такая жизнь, среди которой глохнутъ лучшія чувства человѣческой души. Довольное, сѣренькое существованіе, удовлетворяющееся маленькими, мелкими радостями эгоистическаго характера, заботящееся лишь о собственныхъ нуждахъ, убаюкивающее, усыпляющее—органически невыносимо для дѣятельной натуры нашего автора, отличающейся широкими альтруистическими наклонностями. Для него—

... выдъ найвысшои погорды гидный—
Се выдъ Пылата, що Хрыста на мукы
Виддавъ, а самъ умывъ прылюдно рукы (ibid., 177).

Жизнь безучастная, безразличная къ человѣческимъ страданіямъ кажется ему могилой; чтобы избѣжать такой жизни, онъ готовъ страдать, онъ призываетъ къ себѣ всѣ муки, такъ какъ онѣ шевелятъ мысль, будятъ сердце и не даютъ заглохнуть человѣку въ человѣкѣ.

Не покыдай мене, пекучый болю,
Не покыдай, важкая думо-муко
Надъ людськымъ горемъ, людською журбою!

Рвы серце въ мни, блида журо-марюко,
Не дай заснуть въ постели безучастя,—
Не покыдай мене, грыжо-гадюко!

Пока цѣль не достигнута, пока на землѣ существуютъ нужда, голодъ, угнетеніе, обманъ и насиліе.

Не дай жывому въ домовыну класться,
Не дай подумать ани на хвылыну
Про власну радисть и про власне щастя...
Охъ, загниздысь на дни души моеи,
Важкая думо! Сыльнымы клищамы
Стыскай те серце, скоро бъ видъ твоеи
Схыбнувъ я стежкы! Ночамы и днямы
Шепчы надъ вухомъ: «Ты слуга нещасныхъ!»
Працюй для нихъ словамы и рукамы
Безъ бáжань власныхъ, безъ вдоволень власныхъ!
(ibid., 35—36).

Человѣкъ, который отрекается отъ «бажань власныхъ», который призываетъ на себя всѣ терзанія неудовлетворенныхъ личныхъ потребностей, лишь бы они не давали уснуть въ немъ истинно-человѣческой природѣ; человѣкъ, который жизнь въ борьбѣ и трудѣ предпочитаетъ довольному существованію на спокойной «постелѣ безучастія»,—этотъ человѣкъ знаетъ, конечно, ради чего онъ приноситъ свою великую жертву, имѣетъ опредѣленныя идеалы и надежды въ будущемъ, если настоящее не способно дать ему полнаго удовлетворенія. И дѣйствительно, предъ поэтомъ ясно стоятъ уже тѣ времена,

. . . . . колы подибно намъ
По довговичныхъ бояхъ, мукахъ люде
Прокынуться, гнылый розмечуть трамъ,
Що ихъ давывъ, и щыро грудь до груды,
Уста до устъ прытыснуть, мовъ браты,
Прыязнымъ, щырымъ словомъ заговорять,
Позбувшысь путъ недумства, темноты
И завысты, и людовладства, й горя (ibid., 77).

Довольно однако цитатъ. Читатель, надѣемся, ясно видитъ, что г. Франко—убѣжденный боецъ за идеалы человѣчества, и въ этомъ отношеніи какъ по силѣ, такъ и глубинѣ чувства онъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди украинскихъ писателей, обладая вполнѣ опредѣленной и ярко выраженной физіономіей и идя своимъ собственнымъ путемъ. Хотя онъ имѣетъ полное право сказать о своихъ произведеніяхъ: «моя бо й народна неволя—то маты тыхъ скорбныхъ думъ» (Викъ, т. I, стр. 328), тѣмъ не менѣе, при всей ихъ скорбности, рѣдко въ нихъ прорываются звуки безнадежныхъ сомнѣній, слабости или даже обыкновеннаго личнаго чувства. Да и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ авторъ по большей части остается вѣренъ себѣ: онъ какъ будто стыдится проявленій своего личнаго чувства и старается найти для себя оправданіе въ томъ, что даже такія произведенія могутъ ослу-

жить обществу хорошую службу, показывая, какъ не должно жить, чего нужно остерегаться. Въ качествѣ такого argumentum a contrario по мысли автора, особенно характернымъ является сборникъ «Зівяле листє» (Львів. 1896), заключающій циклъ сильныхъ и красивыхъ лирическихъ стихотвореній, посвященныхъ мукамъ нераздѣленной любви. Да и не столько насъ интересуетъ сейчасъ самый сборникъ, сколько предпосланное ему предисловіе, въ которомъ авторъ, характеризуя героя своей «ліричной драмы» какъ человѣка «слабои воли, та буйнои фантазіи, зъ глыбокымъ чуттямъ, та мало спосибного до практычного жыття («Зівяле листє», 3), спрашиваетъ: «чы варто було трудытыся, щобъ пустыты въ свитъ пару жмуткивъ зивялого лыстя, вкынуты въ круговоротъ нашого сучасного жыття килька крапель, затроєныхъ пессимизмомъ, а радше—безнадійностю, роспукою та безрадностю? У насъ и безъ того сього добра такъ багато! Та хто його знає,—думалось мени,—може се горе такъ якъ виспа, котру личыться вщиплюваннямъ виспы? *Може образъ мукъ и горя хорои души вздоровыть де-яку хору душу въ нашій суспильности?* (ibid., 5—6). Послѣ такого вступленія читатель, конечно, уже не будетъ удивленъ тѣмъ, что авторъ заканчиваетъ свое предисловіе словами Гете: «Sei ein Mann und folge mir nicht nach». А между тѣмъ художественныя достоинства этого сборника стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія; цѣлая скáла разнообразныхъ душевныхъ чувствованій, гамма разнородныхъ душевныхъ движеній, идущихъ все crescendo и завершающихся катастрофой, изображена сильно, художественно, настоящимъ поэтическимъ рѣзцомъ. И вообще нужно сказать, что эта «лірична драма», какъ назвалъ сборникъ «Зівяле листє» самъ авторъ, достойна занять почетное мѣсто во всемірной литературѣ, рядомъ съ «Книгой пѣсенъ» Гейне и другими подобными произведеніями.

IX.

На предыдущихъ страницахъ мы, насколько могли подробно, остановились на общемъ характерѣ произведеній г. Франка; мы старались выяснить и иллюстрировать многочисленными примѣрами изъ произведеній нашего автора ту общую идею, которая красною нитью проходитъ чрезъ нихъ и сообщаетъ имъ видъ стройной, объединенной въ одно цѣлое картины. Теперь время обратиться къ нѣкоторымъ частностямъ, которыя дополняютъ и оттѣняютъ характеристику нашего пѣвца борьбы и контрастовъ.

Мы имѣли уже случай указать, что г. Франко не только не закрываетъ глазъ на тяжелую дѣйствительность, не только ея не идеализируетъ, а напротивъ—изображаетъ современное положеніе вещей въ рядѣ безотрадныхъ картинъ, тяжело бьющихъ по нервамъ читателя и возбуждающихъ далеко не примирительное отношеніе къ дѣйствительности. Этотъ безотрадный въ общемъ фонъ произведеній г. Франка неоднократно навлекалъ даже на автора нареканія въ чрезмѣрномъ пессимизмѣ и тенденціозномъ стремленіи сгустить краски. Мы отмѣтили также и то, что этотъ, если можно такъ выразиться, неисправимый пессимистъ относительно настоящаго является столь же неисправимымъ оптимистомъ относительно будущаго и идеалистомъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Но даже относительно настоящаго его можно назвать пессимистомъ только съ значительными оговорками,—если хотите, настолько значительными, что онѣ въ концѣ концовъ совершенно въ иномъ свѣтѣ представляютъ писательскую физіономію г. Франка. Причислить его къ пессимистамъ мѣшаетъ прежде всего бодрый тонъ его произведеній и всегдашняя увѣренность автора въ конечномъ торжествѣ правды и справедливости, но главнымъ образомъ—одна драгоцѣнная черта его писательской психики, заставляющая его всегда и вездѣ, помимо человѣка-звѣря, человѣка-хищника, искать человѣка-брата, человѣка-друга. Изображая самыя возмутительныя проявленія хищничества и злобы, онъ въ то же время не устаетъ повторять, что «не люде—наши ворогы» и

> *Не въ людяхъ зло*, а въ путахъ тыхъ,
> Котри незримымы вузламы
> Скрутылы сыльныхъ и слабыхъ
> Зъ ихъ мукою и ихъ дилaмы («3 вершин»..., 45).

«*Не въ серци людськимъ зло*»!—повторяетъ онъ еще разъ,—

> . . . . . А зла основа—
> Се глупота й тота мицна будова,
> Що здвыгнена людьмы и ихъ же губыть (ibid., 175).

Увѣренность, что люди представляютъ собою продуктъ исторіи и окружающихъ условій, властная рука которыхъ въ одинаковой мѣрѣ чувствуется и сильными, и слабыми міра сего, даетъ нашему писателю возможность безпристрастнаго, хотя, конечно, не безразличнаго, отношенія даже къ наиболѣе вреднымъ съ его точки зрѣнія людямъ. Г. Франко не столько судитъ этихъ людей, сколько выясняетъ, почему они вышли именно такими, а не иными; онъ не столько суровый безпощадный судья, сколько любящій учитель, отрицательными примѣрами иллюстрирующій укло-

ненія отъ нормальной человѣческой природы. *Любовь къ человѣчеству* составляетъ отличительную черту нашего пѣвца борьбы, при чемъ абстрактное, безликое человѣчество не заслоняетъ отъ него конкретной личности каждаго живого человѣка, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ:

Любовъ людей, мовъ хлибъ той до засика,
Громадь и степенуй въ любовъ *до чоловика*
(«З вершин.»... 175).

Пересматривая сборникъ «Мій Ізмарагд», читатель непремѣнно остановится на безукоризненной въ художественномъ отношеніи и глубокой по идеѣ «Притчѣ про житте», въ которой авторъ передаетъ одну восточную легенду. Человѣкъ, спасаясь отъ преслѣдованія льва въ пустынѣ, видитъ вдругъ дерево, выросшее надъ обрывомъ глубочайшей пропасти; выбора бѣглецу нѣтъ и, уцѣпившись за стволъ дерева, повисши надъ бездной, онъ ищетъ для своихъ ногъ точку опоры и дѣйствительно нащупываетъ какой-то твердый предметъ, показавшійся ему выступомъ. Почувствовавъ себя въ относительной безопасности, хотя левъ все еще продолжаетъ рыкать надъ его головой, бѣглецъ осматривается и къ ужасу своему замѣчаетъ, что корень дерева, безпрерывно подгрызаютъ двѣ мыши, черная и бѣлая, грозя уничтожить послѣднее средство спасенія. Бросилъ онъ взглядъ внизъ—тамъ на днѣ пропасти огромный драконъ, раскрывъ свою страшную пасть, видимо ожидаетъ, пока добыча свалится къ нему. Въ это же время бѣглецъ почувствовалъ, что выступъ, на который онъ оперся ногами, вдругъ задвигался; присмотрѣвшись, человѣкъ убѣдился, къ еще большему ужасу, что опорой ему служила свившаяся въ клубокъ змѣя, дремавшая въ расщелинѣ. И

наче трупъ холодный
Винъ высивъ, певный, що въ найблызшій хвыли
Кориння мыши пидгрызуть, гадюка
У ногу вкусыть, сылъ його не стане
И внызъ винъ упаде зміи въ пащеку (Мій Ізмарагд», 55).

Но въ такомъ ужасномъ, совершенно, казалось бы, безвыходномъ положеніи, взглядъ несчастнаго упалъ на медовые соты, прикрѣпленные къ вѣтвямъ дерева, и онъ послѣднія свои силы тратитъ на то, чтобы достать ихъ. Припавъ устами къ сотамъ, человѣкъ забываетъ о всѣхъ опасностяхъ и чувствуетъ полное облегченіе,

Найшовшы въ тыхъ краплынахъ медовыхъ
Несказанну, высоку роскишъ раю (ibid.).

Въ высшей степени любопытно объясненіе этой легенды, вложенное авторомъ въ уста Будды. Опасности, которымъ подвергается человѣкъ,—это опасности нашего ежедневнаго существованія: смерть, забвеніе, неумолимое время, наша собственная ограниченность; казалось бы, въ виду такого положенія не можетъ быть радостей для человѣка, не можетъ быть выхода, забытья и облегченія. И однако, прибавляетъ поэтъ—

Одно лишъ намъ
Лышылось—те, чого ніяка сыла,
Ніяка намъ прыгода взять не може:
Се чыста роскишъ братньои любовы,
Се той чудовый медъ, якого крапля
Розшырюе жыття людське въ безмиръ,
Пидносыть душу по-надъ всю тривогу,
Надъ всю турботу из-за дилъ мынущыхъ—
Въ просторы повни свитла и любовы:

Спѣшите насладиться этимъ единственнымъ средствомъ успокоенія и забвенія ежеминутныхъ опасностей,—заканчиваетъ авторъ свою дивную притчу,—

Бо лышъ въ тому, що серце ваше чуе,
Чымъ груды повни, чымъ душа жыве,
У роскоши любовы и бажання,
Въ братерстви, у надіи, у змаганню
До вьіщыхъ, чыстыхъ цилей е вашъ рай (ibid., 57).

Безъ любви для нашего поэта не имѣютъ цѣны никакія славныя дѣла и самые высокіе подвиги обращаются въ ничто, потому что

Одна любовъ зъ ныхъ зробыть скарбъ цинный
Передъ престоломъ Бога (ibid., 19);

любовь даетъ смыслъ жизни и то высокое «умѣнье жить», которое не постигается иными путями. «Умиты жыть»!—восклицаетъ поэтъ,—

Трудне, высоке вминня,
Котрого жадна кныга не навчыть;
А лышъ навчае досвидъ и терпиння
Й ***любовъ***, що всихъ ридныть и едыныть
(«З вершин»..., 212).

Любовь къ живому, конкретному человѣку—это смыслъ жизни для г. Франка, и всѣ его произведенія показываютъ, что этотъ принципъ братской любви ко всему человѣчеству глубоко заложенъ въ

его сердцѣ и сдѣлался той Аріадниной нитью, которая вывела его изъ лабиринта жизненныхъ противорѣчій. Нѣсколько иллюстрацій изъ произведеній г. Франка, надѣемся, покажутъ эту основную черту его, какъ писателя, яснѣе.

Вотъ передъ нами Каинъ (легенда «Смерть Каіна»), этотъ вѣчный изгнанникъ изъ человѣческаго общества за страшный грѣхъ братоубійства,—

И бувъ весь свитъ ненавысный йому,
Ненавысна земля и море й ранній
Пожаръ небесъ и тыхозора ничъ.
Ненавысни булы йому вси люде,
Бо въ кожному лыцю людському бачывъ
Кроваве, сыне Авеля лыце...
Ненавысна була йому и та,
Котру колысь любывъ винъ бильшъ витця
И матери, и бильшъ всього на свити—
Його сестра и жинка вразъ, нелюба
За те, що ій им'я було людына
(«З вершин»..., 395) и т. д.

И этотъ отчаявшійся во всемъ мизантропъ, это ходячее олицетвореніе ненависти и вражды, которому все напоминало объ его ужасномъ преступленіи и терзало невыразимыми муками—совершенно перерождается подъ вліяніемъ могучаго чувства любви. Присматриваясь съ вершины горы въ ту жестокую борьбу, которая шла въ раю вокругъ дерева познанія добра и зла и дерева жизни, онъ замѣчаетъ вдругъ, что кто вкусилъ лишь плода древа жизни, тотъ

Прояснювавсь увесь, благымъ спокоемъ
Проймавсь и голосъ пиднимавъ и клыкавъ
Усихъ до себе, ворогивъ найгіршыхъ
Мовъ другивъ обнимавъ, и бувъ неначе
Той плястеръ меду чыстого солодкый
И запахущый, ясный и пожывный,
Однымъ чуттямъ наскризь пронятый.
Значы́ть: *чуття, велыкая любовъ—*
Ось джерело жыття... (ibid., 413).

Для перваго убійцы, человѣконенавистника, непримиримаго врага всего живущаго и всей природы вдругъ все является въ иномъ цвѣтѣ.

Чуття, любовъ! *Такъ мы жъ ихъ маємъ въ соби!*
Могучый заридъ ихъ у кожнимъ серци

Жыве—лышъ выплекать, зростыть його
И розивьесь! Значыть и джерело
Жыття мы маемъ въ соби и не треба
Намъ въ рай тыснутысь, щобъ його дистаты!
О Боже мій! Невже жъ се може буты!
Невже жъ ты тилькы жартувавъ, якъ батько
Зъ дитьмы жартуе, въ той часъ, якъ изъ раю
Насъ выганявъ, а самъ *у серце намъ*
Вложывъ той рай и давъ намъ на дорогу? (ibid).

Смыслъ жизни найденъ и безграничнымъ страданіямъ Каина пришелъ съ этого момента конецъ. Онъ чувствуетъ, что теперь даже въ его сердцѣ—

Гнылимъ, побытимъ и закаменилимъ
Жые ще, розвываесь и цвите
Те райське сим'я, та свята любовъ (ibid., 414).

Какъ ледъ отъ солнечныхъ лучей животворныхъ, такъ подъ вліяніемъ этого могучаго чувства, таетъ въ сердцѣ Каина ненависть и вражда къ людямъ. Мнѣ,—говоритъ онъ,—

Мени такъ дуже жаль усихъ людей,
Тыхъ бидныхъ, заслипленныхъ! Я ихъ такъ
Люблю зъ ихъ слипотою й лютымъ горемъ,
Зъ ихъ порывамы до добра... (ibid).

Онъ уразумѣлъ теперь, что слабость человѣческой природы, могучія искушенія, вездѣ разбросанныя на жизненномъ пути, незнаніе настоящей дороги и достойной человѣка цѣли—вотъ настоящія причины того, что

...мечуться воны, мовъ лыстъ сухый
Въ осиннимъ витри—рижуть и мордують
Одни другыхъ лютише звиривъ лютыхъ,
И рыються въ земли, до неба рвуться,
Плывуть по морю—въ неби чи за моремъ
Шукають раю, що лышъ *въ серци своимъ*
Въ любви взаимній можуть изнайты! (ibid).

И вотъ недавній человѣконенавистникъ и первый убійца, своимъ преступленіемъ открывшій на землѣ непрерывную, безконечную цѣпь убійствъ, преступности и зла, рѣшаетъ искупить свой грѣхъ, сообщивъ людямъ средство «у власныхъ серцяхъ рай новый створыты» (415). Хотя Каинъ и падаетъ фатально жертвой своего намѣренія отъ руки собственнаго потомка Ламеха, но примиреніе его съ жизнью уже произошло,—даже по смерти

... винъ лежавъ немовъ дытя,
Вколысане до сну, простягшы рукы,
Зъ лыцемъ спокійнымъ, яснымъ, на котрому,
Здавалось, и по смерти тлила ще
Несказанна утиха и любовъ (ibid., 420).

Думаемъ, что даже въ грандіозной міровой литературѣ не много можно указать произведеній, проникнутыхъ такой великой идеей. И что всего замѣчательнѣе—авторъ, очевидно, не случайно избралъ героемъ изображаемаго имъ душевнаго перерожденія—Каина, этого родоначальника, такъ сказать, преступленій противъ братской любви и сугубаго убійцу. Очевидно, онъ хотѣлъ показать этимъ, что чувство любви является настолько всемогущимъ, что въ состояніи перерождать и обновлять даже самыя закоренѣлыя въ ненависти и злобѣ сердца. Не забудемъ, что любовь, по мнѣнію г. Франка, является также первымъ условіемъ цѣлостной истинно-человѣческой натуры:

Лишъ хто *любыть*, терпыть,
Въ кимъ кровъ жыво кыпыть,
Въ кимъ надія ще ликъ,
Кого бій ще маныть
Людськe горе смутыть,
А добро веселыть—
Той цилый чоловикъ (ibid., 15),—

такъ опредѣляетъ поэтъ понятіе «цилого» человѣка.

Вообще говоря, *пробужденіе человѣка* въ существахъ, совершенно уже утратившихъ, казалось бы, всякій образъ и подобіе человѣческіе, стремленіе вырваться изъ повседневной обстановки, возвратить потерянный рай или возродиться къ новой жизни—это чрезвычайно любимая г. Франкомъ тема. Писателя весьма интересуютъ подобные вопросы и онъ неоднократно къ нимъ возвращается въ своихъ произведеніяхъ, съ любовью и сочувствіемъ слѣдитъ за процессомъ душевнаго переворота, сильно и художественно очерчиваетъ его мельчайшія проявленія, отмѣчая и незначительныя даже подробности. И сообразно съ этимъ—мотивъ любви, нравственнаго перерожденія и пробужденія въ человѣкѣ совѣсти занимаетъ въ произведеніяхъ г. Франка одно изъ центральныхъ мѣстъ. Авторъ убѣжденъ, что нѣтъ такого человѣка, какъ бы низко ни палъ онъ, въ сердцѣ котораго не осталось бы зерна истинно-человѣческой природы, которая при удобномъ случаѣ громко о себѣ заявитъ; даже у Каина, какъ мы видѣли, наступилъ моментъ, когда «першый разъ мета йому за-

блысла»... Минимальное требованіе, которое г. Франко ставитъ по отношенію къ каждому—это

Тожъ слы всю жыття путь
Чоловикомъ цилымъ
Не прыдесь тоби буть—
Будь хочъ хвылечку нымъ (ibid.);—

и будьте спокойны—онъ сумѣетъ открыть эту «хвылечку» въ своихъ герояхъ, когда они мучительно ищутъ цѣли и смысла жизни...

Вотъ хотя бы Германъ Гольдкремеръ («Boa constrictor»)—ужъ на что, кажется, изъ хищниковъ хищникъ, а и у него авторъ подсмотрѣлъ минуту, когда проявилось это «послидне зерно людськои натуры, котре ще осталось въ нимъ неперепалене забійчою золотою гарячкою» («Молотъ», 1878, стр. 57) и когда онъ на моментъ становится человѣкомъ,—правда, только на одинъ моментъ. Вотъ низкій измѣнникъ Тугаръ Вовкъ, продавшій родину врагамъ (Захар Беркут»),—и онъ сумѣлъ цѣною собственной жизни заплатить за свой низкій поступокъ и у него временами просыпается совѣсть, и у него въ душѣ отзывается что-то святое. Рипныкъ Иванъ («Ріпник») оставляетъ гулящую жизнь и нравственно перерождается, мечтая искупить свою вину предъ брошенной дѣвушкой; «хлоп-ледащо» Зелепуга («Яць Зелепуга») также отказываетъ себѣ въ единственномъ удовольствіи—водкѣ и начинаетъ новую жизнь, осмысленную опредѣленной цѣлью. И ростовщикъ Вагманъ («Перехресні стежки»), помогающій крестьянамъ и выработавшій даже своеобразную ростовщическую философію этой помощи; и Стебельскій («На дні»), бросившій праздную жизнь, чтобы задолго до появленія толстовства практически осуществить многія изъ его положеній—эти такъ не похожіе другъ на друга люди одинаково отозвались на зовъ лучшей стороны человѣческой природы. Читатель, знакомый съ повѣстью «На дні», навѣрное помнитъ Бовдура—это «гныле порохно», типичнѣйшаго представителя общественныхъ отбросовъ,—тѣмъ не менѣе и у этого звѣря были минуты, когда «його власни рысы, бачылось, мяклы, лагиднилы... Зъ очей счезъ гнылый блескъ свитячого порохна... Понури гнивни складыны на чоли выривнювалысь... Здавалось, немовъ *на-ново людськый духъ вступае въ те тило, що доси було мешканнямъ якоись дыкои звирячои души* («В потічола», 119). Да и кромѣ этого вспомнимъ только слезы звѣря-атамана надъ кускомъ «панщизняного» хлѣба («Панщизняний хліб»,—Жите і Слово, т. V, стр. 27); вспомнимъ еще слезы пана Мигуцкаго («Панські жарти»), тоже достаточно опредѣ-

ленной масти субъекта; припомнимъ также цѣлый рядъ сценъ и образовъ изъ «Жидівських мелодій—всѣхъ этихъ ищущихъ и кающихся героевъ поэмъ «У цадика», «З любови», «По людському», изъ которыхъ каждый вырвался изъ власти тьмы и жестокости, чтобы стать человѣкомъ, и «ненависть въ власнимъ серци до людей переборовъ». («З вершин»..., 274), какъ говоритъ герой поэмы «По людському» [1]). И мы назвали здѣсь только такія произведенія, въ которыхъ душевное перерожденіе составляетъ болѣе или менѣе господствующій мотивъ, а сколько разъ еще онъ является эпизодически, въ качествѣ лишь вводнаго мотива!

Но г. Франко показываетъ намъ, что человѣкъ въ минуты душевнаго подъема и не на то еще способенъ. Вотъ для примѣра небольшая сценка изъ повѣсти «Для домашнього огнища». Проститутокъ, проданныхъ Анелей Ангаровичъ въ Константинопольскіе публичные дома и лишь случайно оттуда освобожденныхъ, полиція приводитъ на очную ставку къ Анелѣ, уже покончившей свои земные счеты. Предъ ея трупомъ происходитъ слѣдующее:

> Дивчата пидийшлы блызше до Анели. Капитанъ (мужъ покойной) пиднявъ на ныхъ очи зъ выразомъ розпучлывого благання.
>
> — Скажить теперъ, чы се та сама пани, що васъ вербувала до службы?
>
> — Ни,—видповилы дивчата въ одынъ голосъ.
>
> Гиршъ (сыщикъ) ажъ пидскочывъ, ажъ почервонивъ зи злосты.
>
> — Се неправда!—скрыкнувъ.—Се не може буты!

---

[1]) Намъ особенно пріятно назвать здѣсь разсказы изъ еврейской жизни, такъ какъ они свидѣтельствуютъ о безпристрастномъ и толерантномъ отношеніи автора къ евреямъ. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые не въ мѣру ретивые патріоты-евреи набросились было на нашего автора съ обвиненіями въ тенденціозномъ отношеніи къ еврейству, выставляя основаніемъ такихъ обвиненій типы евреевъ-эксплуататоровъ, часто фигурирующихъ въ произведеніяхъ г. Франка. (См. Cupidus veritatis—«Литература благихъ намѣреній», Восходъ 1896, кн. V). Эти обвиненія, какъ и подобныя же со стороны украинскихъ и польскихъ патентованныхъ патріотовъ, лучше всего опровергаются названными сейчасъ произведеніями, гдѣ авторъ даетъ типы евреевъ-искателей правды и справедливости. И вообще г. Франко, затрагивая еврейскій вопросъ, всегда рѣшалъ его по принципамъ гуманности (См. *первую* его повѣсть «Петрії і Добощуки», также «Перехресні стежки», «До світла»; ср. еще «Радикальна тактика» ч. I (Львів, 1898), отдѣлъ «Радикали і жиди»).

— Пане Гиршъ!—строго упимнувъ його комисаръ.—Маете мовчаты! Прошу мени ще разъ ришучо сказаты,—мовывъ дали, обертаючысь до дивчатъ,—чы отся пани вербувала васъ до службы, чы не ся?

— *Ни, не ся?—ришучо видповилы дивчата* (стр. 147—148).

Мы увѣрены, что эта поразительная по своей трогательности сцена, которой параллельную во всей нашей литературѣ можно подобрать только въ «Неофитах» Шевченка (души замученныхъ Нерономъ христіанъ собираются вокругъ смертнаго одра своего мучителя для того, чтобы *простить его*), никогда не изгладится изъ памяти всякаго читавшаго повѣсть; это коротенькое, но полное глубочайшаго смысла «ни» будетъ долго звучать въ ушахъ читателя, какъ одно изъ лучшихъ впечатлѣній, полученное отъ возвышеннаго образа побѣды человѣка надъ самимъ собою. И это опять таки не единственное мѣсто у г. Франка въ этомъ родѣ,—ему можно подыскать десятки параллелей. Приведенная сцена только открываетъ собою цѣлый рядъ человѣческихъ образовъ, у которыхъ пробужденіе совѣсти воплотилось въ форму высочайшаго всепрощенія и самопожертвованія. Вспомнимъ Гурмана («Украдене щасте»), прощающаго Мыколу за нанесенную последнимъ смертельную рану и торопящагося заявить, что это его собственныхъ рукъ дѣло; вспомнимъ поступокъ Грыця и его отца («Гриць і панич»), не только отказавшихся отъ мести паничу, но даже помогающихъ ему цѣною собственныхъ страданій; вспомнимъ самоотверженный поступокъ дѣвушки, пожертвовавшей собственною кровью и жизнью для спасенія человѣка (поэма «Бідний Генріх»); вспомнимъ стараго священника («Панські жарти»), жизнью заплатившаго за благо крестьянъ; вспомнимъ поведеніе тѣхъ же крестьянъ, когда ихъ злѣйшій врагъ-помѣщикъ предсталъ предъ ними связанный и униженный,—

Але ни жаденъ крыкъ ворожый,
Ни згирдный смихъ, ани проклинъ
Зъ юрбы не выйшовъ. Що вже кпыты,
Клясты и звязаного быты,
Колы й безъ насъ побытый винъ?
(«З вершин»..., 376).

Вспомнимъ далѣе, что тѣ же крестьяне помогаютъ безпомощной женѣ помѣщика и добровольно берутъ на себя крѣпостныя обязанности, не допуская, «щобъ пани такъ и пропадала середъ жывыхъ людей» (ibid., 380), а въ концѣ концовъ являются даже ходатаями за своего злѣйшаго врага предъ начальствомъ... И что

всего интереснѣе, люди, способные на подобные подвиги всепрощенія и самоотверженія, вовсе не герои, а обыкновенные, рядовые люди, часто, по общепринятому взгляду, даже опустившіеся, принадлежащіе къ отбросамъ общества,—въ родѣ упомянутыхъ только что проститутокъ. Понятно поэтому, какое изумленіе вызываютъ ихъ геройскіе поступки со стороны заинтересованныхъ лицъ, имѣвшихъ основаніе ожидать совершенно противоположнаго.

Не вже се правда? Вы не п'яни?
Невже вы люде тожъ, и въ васъ,
У мученыхъ, похылыхъ, бытыхъ
Не зглухло людськее чуття? (ibid., 382),—

прорывается это изумленіе у жены изверга-помѣщика, не довѣряющей ушамъ и глазамъ своимъ при видѣ участливаго отношенія къ ней крестьянъ...

Такимъ образомъ, и въ личной жизни каждаго человѣка, какъ и въ общественной, г. Франко, интересуется преимущественно моментами борьбы, борьбы внутренней, борьбы человѣка съ самимъ собою, и эти моменты всегда выдвигаетъ на первый планъ. Человѣкъ, по взгляду писателя, является носителемъ двухъ противоположныхъ, взаимно исключающихъ себя началъ: съ одной стороны, каждый имѣетъ въ сердцѣ «зерно людськои натуры», разумѣя подъ этимъ задатки лучшихъ свойствъ человѣка; съ другой—у каждаго есть также и свой «звѣрь», «хыжа бестія, що дримае на дни души кождого чоловика, иноди ворушачысь зовсимъ явно, а иноди ховаючысь такъ глыбоко, такъ старанно, що хочеться вирыты, що іи тамъ и зовсимъ нема» («Жите і Слово», II, 241). Какъ соціальная жизнь состоитъ изъ столкновеній и борьбы различныхъ общественныхъ классовъ, такъ столкновеніе же и борьба этихъ заложенныхъ въ душѣ каждаго человѣка противоположныхъ началъ составляетъ внутреннюю жизнь человѣка. Побѣду одерживаетъ то одно, то другое изъ этихъ началъ, «то сей, то оный на бокъ гнется», тѣмъ не менѣе г. Франко убѣжденъ, что и въ этой личной борьбѣ конечная побѣда обезпечена за началомъ добра, истины и справедливости. Эта увѣренность сказывается въ той любви, съ которою авторъ отмѣчаетъ всякое проявленіе добрыхъ чувствъ въ своихъ герояхъ, въ тѣхъ многочисленныхъ примѣрахъ нравственнаго возрожденія и высокихъ подвиговъ всепрощенія и самоотверженія, которыми полны его произведенія и примѣры которыхъ нами приведены въ своемъ мѣстѣ.

Выше мы уже указывали на то, что отношеніе г. Франка даже къ наиболѣе отрицательнымъ своимъ героямъ можетъ быть ха-

рактеризовано, какъ отношеніе любящаго, участливаго учителя, а не суроваго судьи. Считаемъ нужнымъ оговориться, что сказанное не слѣдуетъ понимать ни въ смыслѣ оправданія зла, ни въ смыслѣ безразличнаго къ нему отношенія. Мы уже знаемъ, что поступокъ Пилата, умывающаго руки отъ послѣдствій дѣла своихъ же рукъ, для г. Франка представляется наиболѣе позорнымъ, равно какъ и «постелю безучастія» онъ считаетъ нравственной могилой для человѣка. Авторъ, который умѣетъ любить и прощать, умѣетъ также и ненавидѣть и его ненависть вытекаетъ изъ той же любви къ истинѣ, добру и справедливости. Все, что противорѣчитъ этимъ основнымъ требованіямъ человѣческой природы, заслуживаетъ только ненависти, можетъ вызывать противъ себя только борьбу. Въ «Тюремних сонетах» авторъ разсказываетъ, что во снѣ явились къ нему двѣ богини; одна оказалась Любовью, другая Ненавистью и вотъ что сказала ему послѣдняя:

Я ненавысть,
Любвы сестра й товарышъ невидступный.
Ненавыджу я все, що звесь лукавнисть
И крывда й ладъ нелюдськый та пидкупный.
Ненавыджу я всю тоту неправисть,
Що чоловика пха на путь непутный,
Що плодыть въ душахъ пидлисть, брехни, завысть,
Крутижъ отой могучый, каламутный
(«З вершин»..., 175).

Ненависть въ указанномъ смыслѣ даетъ нашему автору заповѣдь—

Щобъ ты зненавыдивъ його (зло) и бывсь зъ нымъ смило.
Хто зъ зломъ не боресь, той людей не любыть.

И въ любви, и въ ненависти, какъ видимъ, авторъ остается вѣрнымъ себѣ: все тѣмъ же борцомъ за высшія стороны человѣческой природы противъ зла, темноты и насилій...

X.

Будучи, какъ мы сказали, поэтомъ любви въ самомъ возвышенномъ и благородномъ значеніи этого слова, г. Франко отдаетъ свои симпатіи тѣмъ, кто больше всего въ нихъ нуждается— всѣмъ маленькимъ людямъ, сѣрой толпѣ. Изъ того же побужденія, должно быть, вытекаетъ и участливое, любовное отношеніе

писателя къ дѣтямъ, этимъ тоже въ своемъ родѣ маленькимъ людямъ, зародышамъ настоящихъ людей, которымъ въ свое время придется примкнуть къ одному изъ двухъ враждебныхъ лагерей, стать въ ряды или угнетаемыхъ, или хищниковъ. Можетъ быть, то, о чемъ у насъ сейчасъ пойдетъ рѣчь, представляетъ собою и частность; но для г. Франка эта частность является настолько характерной, что мы считаемъ необходимымъ и на ней остановиться, такъ какъ она даетъ лишнее подтвержденіе принятой нами характеристики автора, какъ поэта любви. Вѣдь не даромъ «дытячи серця», т. е., способность дѣтей къ чистой, безкорыстной любви онъ считаетъ «найкращымъ скарбомъ» («З вершин»..., 58).

Изображенію дѣтской жизни и освѣщенію дѣтской психологіи посвященъ г. Франкомъ цѣлый рядъ разсказовъ («Малий Мирон», «Грицева шкільна наука», «Оловець», «Schön Schreiben», «Борис Граб», «Мавка», «Одинъ день зъ життя уличників львівських»), не считая эпизодическихъ картинъ въ тѣхъ произведеніяхъ, гдѣ дѣтская жизнь не играетъ доминирующей роли (дѣтство Германа въ «Boa constrictor», дѣтскія сценки въ повѣсти «Для домашнього огнища» и др.), и нужно признать, что эти разсказы и эпизоды принадлежатъ вообще къ лучшимъ произведеніямъ г. Франка. Авторъ любитъ дѣтей и его любовное отношеніе къ своимъ маленькимъ героямъ согрѣваетъ и указанныя произведенія какой-то особенной сердечной теплотой и мягкой лаской. При столкновеніяхъ дѣтей съ требованіями взрослыхъ, симпатіи автора несомнѣнно на сторонѣ слабыхъ, неиспорченныхъ существъ, въ силу своей слабости занимающихъ страдательное положеніе въ этихъ столкновеніяхъ. Въ особенности любитъ г. Франко наблюдать и подмѣчать зарожденіе самостоятельной умственной жизни и первые проблески критической, не шаблонной мысли въ свѣжемъ организмѣ. Всѣ эпизоды изъ дѣтской жизни, когда подъ вліяніемъ наблюденій надъ окружающимъ у какого-нибудь малыша «невелычки сири оченята жыво бигають, дытыняче чоло стягається—думка починає рушатыся» («В поті чола», 30), или «на дытыняче чоло зновъ немовъ хмарка набигає—се думка надходыть» (ibid, 32)—тщательно и съ очевиднымъ удовольствіемъ отмѣчаются авторомъ. Для него это проявленіе нарождающейся, впервые просыпающейся мысли, хотя часто и невѣрной, незрѣлой, а съ точки зрѣнія взрослыхъ—даже, быть можетъ, и смѣшной, цѣнно уже само по себѣ, потому что эта мысль *своя*, не подслушанная у старшихъ, не шаблонная. За эту свою мысль дѣтямъ приходится обыкновенно вынести первую борьбу съ окружающими, которые часто совершенно безсознательно поднимаютъ руку на зародыши оригинальности въ натурѣ ребенка и стремятся дѣтской мысли сообщить шаблонное теченіе.

Искреннею грустью отмѣчены у г. Франка страницы, повѣствующія о первыхъ страданіяхъ и разочарованіямъ маленькихъ людей; «бидный малый Мыронъ»!—такъ оканчиваетъ г. Франко одинъ изъ своихъ разсказовъ ихъ дѣтской жизни и въ этомъ восклицаніи выразилась вся геречь раздумья о неприглядномъ настоящемъ и еще болѣе неприглядномъ будущемъ маленькихъ героевъ.

Любовь къ дѣтямъ, этимъ будущимъ борцамъ и страдальцамъ, сказывается у г. Франка еще одной любопытной чертой. Онъ часто указываетъ на то значеніе, какое имѣютъ дѣти въ жизни матери, которая какъ бы перерождается, дѣлается лучше и чище нравственно отъ одного появленія на свѣтъ новаго существа. «Ахъ, Боже!--восклицаетъ одна изъ героинь повѣсти «Маніпулянтка»,—маты таке маленьке-маленьке дытяточко, знаты, що воно мое, могты його пестыты и тулыты до себе—щó за щастя! Неба не хочу, тилькы одынъ день такого щастя! Бачыты, якъ воно, манюсеньке, трипочеться, якъ простягае до тебе пухеньки, кругленьки рученята, якъ усмихаеться рожевымы усточкамы, якъ прыляже до твоеи груды всимъ своимъ дрибненькымъ еством и чуты, що воно твое, частына тебе самои—охъ, Целинко!—тилькы день, тилькы годыну такого щастя, а потимъ я готова вмерты въ найстрашнійшыхъ мукахъ»! («В поті чола», 243). Одно предчувствіе героини разсказа «Між добрими людьми», что она станетъ матерью, наполняетъ ее «якоюсь несказанною радистю и втихою» (ibid., 305), а бѣдной, забитой еврейкѣ-наймычкѣ («Сурка») оно же въ первый разъ внушаетъ мысль о равенствѣ ея со своей госпожей. Въ отвѣтъ на брань и побои,—разсказываетъ Сурка,—

Гляжу на неи—не злистно!
Не було злосты и крыхты
У моимъ серци въ ту пору—,
А гордо такъ, якъ царивна,

Отакъ сказала бы злюци:
«Хочъ ты коршмарка багата,
А я лишъ служныця бидна,
А я теперъ тоби ривна!
Я—маты, злюко, я маты»!
(«З вершин»..., 239).

Та же несчастная Сурка при одномъ взглядѣ на свое дитя, «про свитъ, про горе забула»:

И стало якось такъ ясно
Довкола мене и любо,
Неначе снигъ весь ростаявъ

И витеръ теплый повіявъ
И пруття зеленню вкрылось (ibid., 242).

Замѣтимъ при этомъ, что всѣ героини, слова которыхъ мы приводили, стають матерями безъ соблюденія тѣхъ требованій, какими современное лицемѣрное общество обставило легальное материнство и что, слѣдовательно, жизненный путь какъ самихъ матерей, такъ и дѣтей ихъ будетъ устланъ не розами, а жесточайшимъ терніемъ. Тѣмъ не менѣе даже при этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ дитя представляется желаннымъ гостемъ, облагораживающимъ самое матерь и охраняющимъ ее отъ дальнѣйшаго паденія. «Диты—велыка ричъ. Диты—половына матери. Одна половына може бы й рада питы, позволыты соби, а друга крычыть: «а мы, мамо! Що зъ насъ буде»? и не пустять тамтои половыны» («Украдене щасте», стор. 104),—такъ на своемъ образномъ языкѣ выясняетъ значеніе дѣтей для матери простая крестьянка. Въ своихъ отношеніяхъ къ дѣтямъ и матерямъ, и преимущественно къ тѣмъ изъ нихъ, которыя по общему взгляду представляются нравственно погибшими существами, г. Франко является все тѣмъ же пѣвцомъ любви и гуманности, борцомъ противъ жестокихъ, лицемѣрныхъ условій современнаго общества. Многія страницы тѣхъ его произведеній, которыя трактуютъ вопросы такъ называемой свободной любви («Маніпуляитка», «Між добрими людьми», «Для домашнього огнища», «Сурка», стихотвореніе «Тетяна Ребенщукова» и др.) звучатъ настоящимъ вызовомъ обществу, которому жестоко достается отъ автора за трусость, малодушіе и лицемѣріе, часто прикрывающія собою отвратительную распущенность...

XI.

И однако,—употребимъ здѣсь одно изъ наиболѣе любимыхъ г. Франкомъ выраженій, которымъ онъ часто пользуется въ различныхъ варьяціяхъ,—«екстремы стыкаються», крайности сходятся. У этого искренняго гуманиста, пѣвца возвышенной любви къ человѣку, проповѣдника прощенія и самоотверженія, какимъ мы знаемъ г. Франка до сихъ поръ, есть одна черточка, которую мы не можемъ опредѣлить и назвать иначе, какъ зародышемъ «жестокаго таланта», употребляя этотъ эпитетъ въ томъ спеціальномъ смыслѣ, въ какомъ онъ примѣненъ г. Михайловскимъ къ Достоевскому. Не забудемъ, что мы смотримъ на г. Франка не только какъ на пѣвца борьбы, но и *контрастовъ* и если до сихъ поръ

мы были заняты первой частью формулы, означенной въ заголовкѣ, то время уже обратиться и ко второй.

При опредѣленіи писательской физіономіи г. Франка вообще нужно имѣть въ виду, что къ числу ея особенностей относится лежащее въ натурѣ нашего писателя стремленіе къ изображенію жизненныхъ контрастовъ,—такихъ положеній, которыя не только противорѣчатъ, но и всѣмъ существомъ своимъ протестуютъ противъ окружающей обстановки. Гдѣ-нибудь на лонѣ природы, среди идиллической, можно сказать, умиротворяющей обстановки онъ вамъ нарисуетъ вдругъ такую картину, выдвинетъ такой «веселенькій пейзажикъ» и при томъ съ такими подробностями ужъ вовсе не идиллическаго характера, что у васъ морозъ по кожѣ пройдетъ. Возьмемъ, напр., небольшой разсказъ, такъ и озаглавленный «На лоні природи», хотя онъ не составляетъ наиболѣе, быть можетъ, рельефнаго примѣра упомянутаго пристрастія г. Франка къ изображенію контрастовъ. Безцѣльное стремленіе къ разрушенію и убійству нѣкоего праздношатающагося оболтуса, его дикій гнѣвъ на рыбу, едва не сдѣлавшуюся невольной причиной его смерти, сладострастіе, съ которымъ онъ мучитъ эту ни въ чемъ неповинную рыбу («Едмундъ бывъ, кыдавъ та ногамы копавъ ту блыскучу, срыблясту рыбу, що въ послиднихъ судорогахъ, пыщачы та видчаянно хлыпаючы, кыдалась по писку. Изъ рота іи выступыла кровъ, змишана зъ водою, въ выди кровавои пины; ударъ каминемъ розбывъ ій одно око» и т. д.; см. «Зоря», 1890, стр. 3)—и все это на лонѣ сіяющей тихою красотою горной природы составляетъ съ послѣдней такой сильный контрастъ, который способенъ въ жаръ бросить читателя. И г. Франко очень часто пользуется такимъ пріемомъ, удачно выдвигая на первый планъ подобные контрасты. Примѣры ихъ мы найдемъ чуть ли не въ каждомъ его произведеніи,—все равно будутъ ли это внѣшніе контрасты или внутренніе, коренящіеся въ самой душѣ человѣка,—припомнимъ, что по мнѣнію писателя, уже нами въ своемъ мѣстѣ отмѣченному, человѣкъ одновременно является носителемъ противоположныхъ началъ, имѣя въ душѣ и зерно лучшихъ человѣческихъ свойствъ, и въ то же время зачатки «хижої бестії». Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній обратимся къ той чертѣ таланта нашего писателя, которую мы опредѣлили какъ зародышъ жестокаго таланта, и которая сама составляетъ разительный контрастъ съ общимъ направленіемъ творчества г. Франка.

«Колы я бувъ малый,—разсказываетъ нѣкто Кострубъ, эпизодическая фигура въ разсказѣ «Гриць і панич»,—то дуже любывъ наставляты пасткы на щури. Зловлю, бувало, таку бестію до пасткы и маю забаву. Роспечу дритъ и прытулюю щурови разъ

до хвоста, потимъ до лапкы, потимъ до рыла, до ока—де попаду. А винъ усе пи-пи-пи! А я регочуся, якъ винъ пидскакуе, вьеться зъ болю, пикае, крутыться, перекыдаеться и не може даты соби рады. И такъ мучу його не разъ, день и два дни, покы не замучу на смерть» (Л.-Н. Вістник, 1898, кн. VI, стор. 272). Герой разсказа «Мій злочин», совершенно неожиданно для самого себя, повинуясь какому то несознанному порыву или капризу жестокости, лишаетъ жизни маленькую красивую птичку и лишь начинаетъ сознавать и post factum понимать всю безцѣльную жестокость и ненужность своего поступка. Если къ этимъ и подобрымъ примѣрамъ жестокости мы присоединимъ нѣкоторыя частности жестокаго характера, въ родѣ, напр., утонченно-кровавыхъ подробностей въ «Міссії», описанія драки арестантовъ въ разсказѣ «На дні», а также ту любопытную подробность, что дѣятельность положительныхъ личностей у г. Франка почти всегда прерывается въ самомъ началѣ фатальнымъ вмѣшательствомъ грубой, слѣпой силы («На дні», «До світла» и мног. др.),—то наличность нѣкоторой жестокости въ дарованіи г. Франка будетъ внѣ всякаго сомнѣнія. По своей природѣ талантъ его—родственный въ этомъ отношеніи нѣкоторыми своими сторонами таланту Достоевскаго, хотя украинскій писатель пошелъ въ діаметрально противоположномъ направленіи. Въ то время, какъ Достоевскій, въ началѣ своей дѣятельности обнаружившій гуманическое, по опредѣленію Добролюбова направленіе, сдѣлался впослѣдствіи сущимъ виртуозомъ безцѣльной игры на нервахъ читателя и ненужнаго мучительства—нашъ писатель, наоборотъ, заглушилъ въ себѣ жестокую сторону своего таланта и сдѣлался истиннымъ пѣвцомъ любви и гуманнсти. Характерно, что у него указанные выше примѣры жестокости всегда сопровождаются реакціей и причиняютъ терзанія самимъ же исполнителямъ жестокихъ поступковъ—оборотъ совершенно невозможный у Достоевскаго, у котораго представители жестокости до конца упиваются и наслаждаются своимъ мучительствомъ. Образъ безцѣльно замученной птички («Мій злочин»), напр., выростаетъ въ символъ всего жестокаго и безцѣльнаго, что когда-либо было совершено лицомъ, отъ имени котораго ведется разсказъ. Повторяемъ опять, что у Достоевскаго ничего подобнаго нѣтъ, да и просто невозможно въ силу особенностей его таланта, до конца упорствующаго въ жестокости и въ ней находившаго какое то изступленное, сладострастное наслажденіе. Было бы очень интересно остановиться на вопросѣ, почему зародышъ жестокости не развился у г. Франка до той ужасающей степени, какую мы наблюдаемъ у Достоевскаго, а напротивъ придавленъ и ограниченъ настолько, что только очень слабо напоминаетъ о себѣ; и почему вообще г. Франко въ своей художественной дѣятельности

пошелъ путемъ отличнымъ отъ того, какой избралъ Достоевскій. Но эта въ высшей степени интересная въ психологическомъ отношеніи параллель между двумя родственными и однако столь отличными писателями завела бы насъ далеко въ сторону и потому мы должны ограничиться двумя-тремя замѣчаніями. Отъ уклоненія въ сторону безцѣльной жестокости спасла г. Франка сильно развитая въ немъ общественная жилка, какой не было у Достоевскаго. Жизнь и общественныя условія поставили предъ г. Франкомъ ясную и опредѣленную цѣль въ видѣ дѣятельности на пользу трудящихся «в поті чола», дала ему опредѣленные общественные идеалы въ прогрессивномъ направленіи, предоставила ему хоть какую-нибудь возможность бороться за нихъ и, направивъ въ эту сторону развитіе его таланта, успѣла если не совершенно уничтожить, то, по крайней мѣрѣ, въ сильнѣйшей степени задавить свойственную ему по природѣ жестокость таланта. Этой общественной жилки, этихъ опредѣленныхъ идеаловъ въ указанномъ смыслѣ [1]), а также и возможности борьбы за нихъ лишенъ былъ, по нашему мнѣнію, Достоевскій, а потому природная жестокость его таланта, не сдерживаемая и не регулированная указанными условіями, развилась до степени безпредметной игры мускулами творчества, по прекрасному выраженію г. Михайловскаго. Жестокость въ концѣ концовъ покрыла собою другія особенности его дарованія, между прочимъ и то гуманическое направленіе, наличность котораго нашелъ у него Добролюбовъ. Такимъ образомъ, отправляясь отъ одной исходной точки, г. Франко и Достоевскій пошли въ противоположныя стороны и достигли различныхъ результатовъ. Но при всемъ томъ и у украинскаго писателя нѣтъ-нѣтъ да и прорвется прирожденная жестокость таланта въ какомъ-нибудь неясномъ образѣ, сопоставленіи, черточкѣ, которыми подчеркивается наличность въ душѣ человѣка мучительскихъ инстинктовъ. Помимо уже указанныхъ проявленій жестокости, правда сильно смягчаемыхъ писателемъ,

---

[1]) Ср. слова одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ «Идіотъ»: «русскій либерализмъ не есть нападеніе на существующіе порядки вещей, а есть нападеніе на самую сущность нашихъ вещей, на самыя вещи, а не на одинъ только порядокъ, не на русскіе порядки, а на самую Россію» (Полн. собр. соч. Достоевскаго, т. VI, изд. Маркса, 1894, стр. 361). А разъ существующіе общественные порядки обладаютъ какой-то самодовлѣющей, неприкосновенной сущностью, то можетъ ли даже подниматься рѣчь объ общественныхъ идеалахъ и о борьбѣ за ихъ осуществленіе? Какіе же, въ самомъ дѣлѣ, могутъ быть идеалы и борьба за нихъ, если сущность-то и не подлежитъ измѣненію, являясь разъ на всегда неприкосновенной и незыблимой?...

предъ нимъ неотступно стоитъ какой-то образъ, который и мучитъ его своею неотступностью, но въ то же время и не вполнѣ ему дается, не выливается въ конкретныя, образныя формы,—очевидно, онъ не совсѣмъ еще ясенъ самому художнику. Готлибъ («Boa constrictor»), который «змаленьку ще любывъ швякаты батогомъ малыхъ песыкивъ ажъ до крови, другыхъ дитей безъ прычыны кыдавъ у ровы, для забавы не разъ брызькавъ на кухарку окропомъ» (Дзвін, 1878, стр. 188); старый Крайникъ (драма «Камяне серце»)—«брудна душа», графъ Торскій (повѣсть «Основи суспільности»), жестокій деспотъ, развратникъ и циникъ, безжалостно издѣвающійся надъ своей женою и систематически, хотя и совершенно безцѣльно, ломающій ея волю, симпатіи и привычки—это такъ сказать эскизные наброски, не вполнѣ ясные и удавшіеся, которыми художникъ силился, быть можетъ, облегчить свою творческую фантазію отъ неотступно преслѣдовавшаго ее образа. Но и послѣ этихъ цвѣтиковъ жестокости данный образъ все-таки не отступилъ, пока не воплотился въ такой крупной, сильно и ярко очерченной ягодѣ, какой является характерная личность Стальскаго (повѣсть «Перехресні стежки»). Создана ли эта фигура подъ непосредственнымъ вліяніемъ подобныхъ же фигуръ у Достоевскаго (Свидригайловъ, безыменный герой «Записокъ изъ подполья» и др.), съ которыми даже по тону, выражающемуся въ слащавомъ многоглаголаніи и неудержимой страсти къ пустословію, она имѣетъ много общаго; явилась ли она плодомъ наблюденій автора и его собственнаго художественнаго вдохновенія—этого мы сейчасъ рѣшить не можемъ, да это въ сущности и не такъ важно. Важнѣе въ данномъ случаѣ то, что въ фигурѣ Стальскаго скристаллизировался и воплотился тотъ образъ мучителя по призванію, по страсти, которой въ смутныхъ очертаніяхъ давно уже преслѣдовалъ нашего писателя и который мы считаемъ однимъ изъ очевиднѣйшихъ проявленій недоразвившейся жестокости его таланта.

Стальскій отъ юности своея, когда онъ изощрялъ свои мучительскія наклонности надъ беззащитными животными, и до послѣднихъ дней—буквально всю свою жизнь продѣлываетъ всевозможныя мерзости, да еще какъ продѣлываетъ! Артистически-цинично, съ гаденькой усмѣшечкой, съ шутливыми прибауточками, съ какимъ-то чисто дьявольскимъ благодушіемъ, смакуя и упиваясь ими самъ и откровенно повѣствуя о нихъ своимъ противнымъ слащавымъ голосомъ первому встрѣчному человѣку. Нѣтъ той пакости, предъ которой этотъ субъектъ остановился бы, нѣтъ такой гадости, которой бы онъ устыдился; онъ, ничтоже сумняшеся, выставляетъ на всенародное зрѣлище такія стороны своей интимной жизни, которыя обыкновенно тщательно и заботливо

охраняются отъ чужого глаза. Этотъ «найлютійшый звиръ зъ усихъ, якыхъ знає зоольогія», эта «скотына въ людській подоби» особенно ярко обнаруживаетъ блестящія качества своей скотской природы и виртуознаго мучительства въ разсказѣ о своей семейной жизни,—къ слову сказать, такомъ же длинномъ, многословномъ и приторномъ, какъ вообще подобные разсказы излагаются и Достоевскимъ. «Свою сантиментальну добу,—откровенно повѣствуетъ Стальскій предъ человѣкомъ, котораго чуть ли не въ первый разъ въ жизни видитъ,—я перебувъ ище въ гимназіи и колы зъ шостои клясы мене взялы до війська, я мавъ уже дуже багатый засибъ досвидивъ у любовныхъ и половыхъ справахъ» (Л.-Н. Вістник, 1900, II, 150). Подъ прикрытіемъ блестящаго военнаго мундира обогативъ еще болѣе свой опытъ въ этомъ отношеніи, испытавъ его затѣмъ на горничныхъ и кухаркахъ, Стальскій вдругъ женится на совершенно ему неизвѣстной дѣвушкѣ, которой и начинаетъ отравлять жизнь съ первыхъ же дней совмѣстнаго сожительства. Женившись, онъ тѣмъ не менѣе совершенно открыто продолжаетъ свои опыты съ кухаркой и когда Регина, его жена, возмущенная этимъ цинизмомъ отношеній, этимъ неприкровеннымъ ménage en trois, удаляетъ кухарку, достойный супругъ объявляетъ женѣ открытую войну. «Можешъ каятыся, що змусыла мене уступыты,—предупреждаетъ онъ ее.—Быты? Ни, рыбонько! Пальцемъ тебе не ткну. Але проте остеригаю тебе! Дорого окупышъ мою уступку и може сама будешъ просыты мене, щобъ я радше побывъ тебе» (Ibid., 159). И Стальскій сдержалъ слово: онъ мучитъ съ этихъ поръ свою жертву съ наслажденіемъ, съ нескрываемымъ сладострастіемъ и утонченною жестокостью, въ буквальномъ смыслѣ не давая ей ни отдыху, ни сроку, заставляя каждую минуту дрожать въ ожиданіи все новой и новой пакости. «У мене,—говоритъ онъ,—память добра, та й рахунку я знаю на стильки, що хто мени зробывъ одну прыкристь, я йому зроблю десять, та й ще одынадцяту додамъ» (ibid., XII, 300). Изобрѣтательность его въ отношеніи воздаянія зломъ за зло неистощима, виртуозность причиняемыхъ несчастной жертвѣ терзаній по истинѣ не имѣетъ границъ, а откровенность предъ чужими людьми настолько отвратительна, что Рафаловичу послѣ повѣствованія Стальскаго, «здавалося, что заглядає въ пывныцю, повну гныли и поганого хробацтва» (ibid., II, 160). И чѣмъ терпѣливѣе жертва, тѣмъ неистощимѣе въ своемъ мучительствѣ Стальскій, тѣмъ изысканнѣе становится его ужасная изобрѣтательность, ибо, по его словамъ, «буває двоякый выразъ терпиння у людей и у звиривъ: одынъ такый, що будыть спивчуття, а другый такый, що будытъ ще дужчу злисть, ще жорстокійше завзяття. Іи терпиння, колы тильки вона терпыть, є того другого роду (ibid., II, 162),—

оправдывая свою жестокость, отзывается Стальскій о Регинѣ. «Сылы моеи не стае,—говорить послѣдняя объ испытывамыхъ отъ мужа издѣвательствахъ и униженіяхъ.—Розумъ мій мутыться, голова трискае. Адже тутъ день-у-день рвуть мою душу, топчуть мене въ багно, шпыгають розпаленымы шпылькамы. Адже тутъ день-у-день брудными ногамы ходять и топчуть по тимъ, що у мене найчыстійше, найсвятійше... У нього нема ани зерна щыросты, все въ ньому брехня й брудота й погань. Винъ ненавыдыть мене за те, що я не подибна до нього. Винъ чуе, що я чыста душею и радъ бы маты мене брудною, огыдною, щобъ тоди зъ тымъ бильшымъ правомъ топтаты и поневиряты мене» (ibid., XI, 193). Вѣчныя шпильки, отточенныя на оселкѣ ненависти, внезапныя ревизіи по ночамъ жениной спальни, униженія и оскорбленія въ присутствіи постороннихъ людей вплоть до побоевъ и выплескиванія Регинѣ въ лицо ликеру— все это сдабривалось у Стальскаго сладенькими комплиментами, длиннѣйшими разсужденіями на тему о супружескихъ обязанностяхъ и всевозможными жалкими словами, доводившими несчастную жертву до полнаго отупѣнія. А когда она плакала, Стальскій, по его собственному признанію, «пидъ іи хлыпання засыплявъ такъ любо и спокійно, якъ у-осены пидъ монотонне гранне дощу въ бляшаныхъ рынвахъ» (ibid., II, 161—162). Нечего и говорить, что безпрерывное, такъ сказать, поджариванье на медленномъ огнѣ изводитъ въ конецъ несчастную женщину и разражается ужасной сценой убійства этого изверга, которое совершено Региной почти машинально, въ состояніи какого то нравственнаго отупѣнія...

XII.

Созданіемъ этой характернѣйшей фигуры (Стальскаго) разрѣшилась, какъ мы сказали, борьба писателя съ самимъ собою—эта внутренняя борьба между глубоко скрытымъ въ его душѣ зародышемъ жестокаго таланта и господствующими чертами гуманизма и благородной любви. Мы подошли, такимъ образомъ, къ вопросу, котораго слѣдуетъ касаться въ особенности осторожно, дружеской, такъ сказать, рукою, чтобы непрошеннымъ вмѣшательствомъ, неделикатнымъ или грубымъ прикосновеніемъ не оскорбить личности живого человѣка, касаясь его личной борьбы, личной драмы,—правда, имѣющей вмѣстѣ съ тѣмъ глубокій психологическій интересъ и широкое общественное значеніе. Мы, конечно, и не позволили бы себѣ подобной нескромности, если бы самъ авторъ не далъ намъ матеріала настолько любопытнаго и ха-

рактернаго, что грѣшно было бы не воспользоваться имъ въ видахъ возможно болѣе исчерпывающей характеристики его личности, какъ писателя и общественнаго дѣятеля. Онъ вѣдь не только не скрываетъ своей внутренней борьбы, но съ рѣдкой искренностью и откровенностью дѣлится ею съ читателями, дѣлаетъ ее общественнымъ достояніемъ, какъ одно изъ частичныхъ проявленій той всеобщей, всемірной борьбы, изъ которой, по мнѣнію г. Франка, слагается жизнь людей и какъ соціальнаго организма, и какъ отдѣльной единицы. И здѣсь, въ своей личной драмѣ, авторъ является предъ нами все тѣмъ же борцомъ за дорогіе ему идеалы и прежде всего человѣкомъ,—не олицетвореніемъ какой-нибудь идеи, не одностороннимъ носителемъ извѣстной доктрины, а именно, человѣкомъ со всѣми свойствами и задатками богатой человѣческой натуры. Онъ не становится на котурны, не изображаетъ изъ себя героя, обладающаго «силою нездѣшнею»; напротивъ, касаясь своей внутренней борьбы, онъ какъ бы желаетъ сказать этимъ, что и онъ—человѣкъ и ничто человѣческое ему не чуждо, что у него, какъ у всякаго, бываютъ свои минуты нарушенія душевнаго равновѣсія, если хотите—упадка,. когда лучшія стороны человѣческой природы умолкаютъ, а на ихъ мѣсто заползаетъ змѣя сомнѣній и разочарованій, своимъ жаломъ отравляя на моментъ способность къ борьбѣ за дорогіе идеалы. Тяжела эта внутренняя борьба человѣка съ самимъ собою, съ сомнѣніями, и разочарованіями, съ той «хыжею бестією, що дримае на дни души кожного чоловика»! Не даромъ одинъ изъ такихъ тяжелыхъ моментовъ внутренней борьбы нашего писателя разрѣшается мучительнымъ признаніемъ:

Я боротысь за правду готовъ,
Радъ за волю пролыть свою кровъ,
Та зъ собою самымъ у війни
Не простояты довго мени («З вершин...», 35)—

признаніемъ, которое читатель, знакомый съ общимъ характеромъ произведеній г. Франка, готовъ принять какъ клевету автора на самого себя, если бы изъ приведенныхъ строкъ не сквозило слишкомъ ясно искреннее отчаяніе и боль. Не даромъ также Андрій Темера («На дні»), устами котораго несомнѣнно во многихъ случаяхъ говоритъ самъ авторъ, терзается внутренними сомнѣніями и разъѣдающими рефлексами. «А може,—размышляетъ Темера,—вси ти наши думы, наши змагання, наши бои—може все те тилькы одна велыка помылка, якыхъ тысячи прошумилы доси, мовъ густи витры, по-надъ чоловицтвомъ? Може праця наша ни на що не здала? Може мы будуемо дорогу по-за шляхомъ, кладемо мисто на безлюдному острови? Може найблызше поко-

линия пиде зовсимъ не туды, лышыть насъ на боци, якъ памятныкъ безплодныхъ змагань людськыхъ до непотрибнои цили? Ахъ, така думка крає серце, грызе мозокъ» («В поті чола», 114). Кому изъ мыслящихъ людей незнакомы эти или подобныя мысли, кому онѣ не «краютъ» сердца, не «грызутъ» мозга? Предъ кѣмъ въ мрачныя минуты сомнѣній не встаютъ онѣ грознымъ призракомъ, осуждающимъ ихъ стремленія и дѣятельность? Только неисправимые доктринеры и фанатики, эти кастраты мысли и чувства, закаменѣвшіе и замороженные въ разъ усвоенныхъ азбучныхъ истинахъ, свободны отъ такихъ терзаній, но за то они также свободны и отъ той великой внутренней борьбы, которая, подобно грозѣ, очищаетъ душу, удваивая въ то же время ея силу и энергію. Нашъ авторъ не принадлежитъ къ этимъ несчастнымъ счастливцамъ. Будучи человѣкомъ борьбы, онъ и въ самомъ себѣ переживаетъ борьбу и, выходя изъ нея побѣдителемъ, закаляется нравственно для новой и новой дѣятельности, которой предается все съ большей страстностью и энергіей. Неудивительно поэтому, что такая борьба способна вообще возбудить громаднѣйшій интересъ, и правъ авторъ, отводя ей замѣтное мѣсто среди своего литературнаго багажа. Не останавливаясь на тѣхъ изъ его произведеній, въ которыхъ эта борьба является лишь эпизодически или усваивается постороннимъ лицамъ, мы обратимъ вниманіе лишь на такія, гдѣ авторъ говоритъ отъ собственнаго лица, называя героевъ своимъ собственнымъ псевдонимомъ—Мыронъ. Такихъ психологическихъ автобіографій мы имѣемъ три: «Поєдинок», зимова казка (Зоря, 1883), «Поєдинок», стихотворная фантазія («З вершин і низин») и «Похорон», поэма («Поеми», Л. 1899).

Источникомъ внутренней борьбы служитъ раздвоенность человѣческой природы,—то, что прекрасно выражено словами Гете, взятыми нашимъ авторомъ въ видѣ эпиграфа къ «Поединку» («Зоря»)—Zwei Seelen leben, ach, in meine Brust. Эти «zwei Seelen»—въ видѣ противоположныхъ стремленій—живутъ въ каждомъ человѣкѣ: даже самые благородные представители человѣвѣческаго рода не свободны отъ такого «двоедушія», понимая это слово, разумѣется, не въ ходячемъ его значеніи; даже и у нихъ беретъ иногда временный перевѣсъ та сторона ихъ духовной личности, которая имъ самимъ кажется низменной, которая противна имъ и глубоко возмущаетъ ихъ благородную душу. Разумѣется, у такихъ людей низменная сторона ихъ личности никогда не переходитъ въ дѣйствіе, не выражается замѣтнымъ образомъ, оставаясь лишь въ области мысли или чувства. Но уже одна ея наличность, хотя бы въ видѣ мимолетнаго, не сознаннаго даже чувства, причиняетъ имъ жестокую боль, скорбь и стыдъ и вызываетъ сильную реакцію въ видѣ бичеванія тѣхъ смутныхъ ин-

стинктовъ зла, которые они ощущали въ самихъ себѣ, въ своей собственной душѣ; въ видѣ примѣрной казни этихъ инстинктовъ, выполняемой на вымышленныхъ творческою фантазіею образахъ. Въ высшей степени любопытнымъ, хотя и едва ли разрѣшимымъ, является вопросъ о степени участія такого именно мотива въ созданіи такъ называемыхъ отрицательныхъ образовъ,—но это между прочимъ, а теперь возвратимся къ занимающему насъ предмету.

Какъ мы уже знаемъ, первою обязанностью честнаго человѣка для г. Франка представляется любовь къ человѣчеству, особенно къ страдающей и «в поті чола» трудящейся его половинѣ; борьба за счастье, за устраненіе всевозможныхъ страданій какъ на общественной, такъ и на личной почвѣ; борьба противъ многочисленныхъ и разнообразныхъ хищниковъ-угнетателей. Слѣдовательно самымъ страшнымъ грѣхомъ противъ человѣчества является измѣна указанной первой обязанности, переходъ, говоря словами Некрасова, отъ «погибающихъ за святое дѣло любви» въ станъ «ликующихъ, праздно болтающихъ, обагряющихъ руки въ крови». Вотъ эту измѣну—не въ дѣйствительности, а лишь въ мысляхъ, in potentia,—и бичуетъ г. Франко, совершая жестокую казнь надъ самимъ собою. Достаточно ему хоть на одинъ моментъ вообразить себя въ роли измѣнника завѣтнымъ идеаламъ, достаточно поставить въ условія, эту измѣну вызывающія—и возмущенная душа художника безпощадно мститъ за одну только преступную мысль, за нечестивое движеніе, противныя истиннымъ его убѣжденіямъ. Прочтите «Поєдинок» и вы ясно увидите его происхожденіе. Въ битвѣ съ «врагами порядка», въ которой Миронъ идетъ въ рядахъ защитниковъ этого самаго порядка, онъ вдругъ среди противниковъ видитъ своего двойника, или лучше сказать—самаго себя. «Такъ, се справди бувъ Мыронъ! Се справди бувъ я, такый самъ, якъ колысь, въ найкращи, найсвятійши дни моеи молодосты. Въ гордій, смилій постави, въ блыскучій зброи стоявъ мій власный образъ передо мною, миряючы мене строгымъ, грізнымъ окомъ судіи, котрый бачыть передъ собою затверділого и непоправного переступныка. Видъ того погляду грудь моя стыскалася, вся истота моя тремтила, мовъ лыстъ видъ осиннього витру. Ахъ, я чувъ,—не ясно, але все-такы чувъ,—що не выйду чыстымъ зъ сього строгого суду» («Зоря», 1883, стр. 340). И дѣйствительно не вышелъ, потому что, какъ извѣстно, самимъ строгимъ и неподкупнымъ судьею для человѣка является онъ самъ. Хотя Мыронъ пробуетъ защищать себя и свои поступки тѣмъ, что, молъ, «я охраняю порядокъ, роблю порядокъ, хочу порядку, борюсь за порядокъ» (ibid.), но онъ и самъ чувствуетъ фальшивый тонъ

своихъ словъ, такъ какъ ему прекрасно извѣстна неправота того порядка, на защиту котораго онъ вышелъ. Это съ безпощадною строгостью высказываетъ двойникъ, бросая въ лицо защитнику порядка грозныя обвиненія въ измѣнѣ прежнимъ убѣжденіямъ. «Нужденный прывыде!—роздалось громове слово страшного судіи,—и ты говорышъ, що ты —Мыронъ? Отже знай, що Мыронъ той твій порядокъ уважає панованнямъ пидлоты надъ чеснотою, а твои дила—служеннямъ тыраніи, а твою боротьбу—кривавою провыною! Щезай геть! Ты не Мыронъ» (ibid.). Въ происшедшемъ затѣмъ бою защитникъ порядка падаетъ, сраженный оружіемъ неумолимаго противника: поставивъ себя даже мысленно въ позорное положеніе, авторъ спѣшитъ наказать себя, находя, что измѣна своимъ убѣжденіямъ можетъ быть искуплена лишь самой строгой карою—смертью. Въ поэмѣ «Похорон» фантазія поэта изображаетъ Мырона пирующимъ среди недавнихъ враговъ, гибель которыхъ онъ отсрочилъ своей измѣной прежнимъ товарищамъ, хотя, правда, измѣна имѣла коварную цѣль—лишь вѣрнѣе погубить противниковъ. Ему ясно даютъ почувствовать (рѣчь генерала) то презрѣніе, которымъ дышетъ избранное общество къ спасшему его измѣннику. Несмотря на свое паденіе, онъ задыхается среди своихъ недавнихъ враговъ, онъ бѣжитъ отъ нихъ и встрѣчаетъ—похоронную процессію, отдающую послѣдній долгъ убитому Мирону. Въ измѣнникѣ узнаютъ убійцу и погребаютъ вмѣстѣ съ убитымъ. Символически и здѣсь сильно выражена глубокая мысль, что измѣнникъ своимъ поступкомъ убиваетъ прежняго себя, т. е., свое доброе, честное имя; что онъ уничтожаетъ свои прежнія заслуги измѣной, которой не можетъ оправдать никакая цѣль, и такимъ образомъ представляетъ изъ себя позорнѣйшаго самоубійцу въ духовномъ смыслѣ. Конечно, мы знаемъ, что

Кримъ думъ моихъ важкыхъ,
Кримъ болю серця й сумниву й розпукы
Усе въ нимъ байка, рои мрій палкыхъ («Поеми», 129),

но уже одно то характерно, какъ обработана эта «байка»: измѣнникъ всякій разъ жизнью своею платитъ за измѣну, даже фантастическую, мысленную измѣну. Какъ не достоинъ любви, по мнѣнію г. Франка, одинъ лишь «ворогъ правды й воли» («Мій ізмарагд», 20), такъ не заслуживаетъ прощенія и измѣнникъ, при чемъ наказывается даже самая мысль объ измѣнѣ. Намъ припомнилась въ настоящую минуту изъ художественныхъ созданій г. Франка дочь боярина Тугара Вовка, которая отрекается отъ своего отца-измѣнника: «Тугаръ Вовкъ переставъ буты моимъ батькомъ, видколы зрадывъ свій край» («Захар Беркут», Л.

1902, стор. 146),—какъ заявляетъ эта смѣлая, благородная дѣвушка...

Какъ видимъ, изъ своей внутренней борьбы авторъ выходитъ побѣдителемъ, съ высоко поднятой головой, очистившись отъ сомнѣній и отчаянія и пріобрѣтя новыя силы для дѣятельности въ прежнемъ направленіи. Любящее сердце нашего гуманиста, его сильная воля и непоколебимая убѣжденность въ побѣдѣ праваго дѣла берутъ верхъ надъ минутными порывами и искушеніями эгоистической стороны человѣческой природы.

XIII.

На этомъ собственно мы думаемъ и покончить съ характеристикой г. Франка, ограничившись ниже лишь нѣсколькими словами о внѣшней сторонѣ его произведеній. Если читатель въ состояніи представить себѣ писательскую физіономію этого борца во имя гуманности и любви за права всѣхъ страждущихъ и трудящихся «в поті чола», за преобладаніе разума, за свободу и справедливыя отношенія среди людей—то мы выполнили свою задачу, хотя бы и намѣренно оставили въ сторонѣ многое само по себѣ интересное, но не отвѣчающее поставленной нами задачѣ. Мы совсѣмъ, напр., не касались переводной дѣятельности г. Франка, хотя его безчисленные переводы съ разныхъ языковъ и всевозможныхъ авторовъ [1]), стихами и прозой, могли бы сами по себѣ составить имя въ литературѣ и доставить почетную извѣстность; при чемъ Франку-переводчику можно сдѣлать одинъ лишь упрекъ—что онъ переводилъ слишкомъ много и потому мало заботился о внѣшней сторонѣ своихъ переводовъ и останавливалъ иногда свое вниманіе на такихъ произведеніяхъ, отъ отсутствія которыхъ украинская литература ничего бы не потеряла, какъ и не выиграла ничего отъ ихъ наличности (напр. «Ода до волосиеда» и т. п.). Точно также мы оставили въ сторонѣ дѣятельность г. Франка, какъ популяризатора и писателя для дѣтей, хотя произведенія этого рода отличаются выдающимися достоинствами: напр., даже въ русской литературѣ нѣтъ сочине-

[1]) Гейне, Гете («Фаустъ»), Фрейлиграта, Шиллера («Вильгельмъ Телль»), Гюго, Байрона («Смерть Каина») Шелли, Т. Гуда («Пѣснь о рубашкѣ»), Теннисона, Бретъ-Гарта, Твейна, Геккеля, Гексли, Гавличка-Боровскаго, Яна Неруды, Софокла («Царь Эдипъ»), Гоголя («Мертвыя Души»), Достоевскаго, Некрасова, Щедрина, Чернышевскаго и мн. др.

нія, которое такъ прекрасно выясняло бы въ популярномъ изложеніи крестьянскую реформу, какъ его «Панщина і її скасоване въ 1848 р.». Не думаемъ мы также останавливаться подробно на многочисленныхъ критическихъ и публицистическихъ работахъ г. Франка, отмѣтивъ только, что въ общемъ онѣ представляютъ собой развитіе тѣхъ же идей, какія воодушевляютъ и Франка-художника. Отзываясь чутко на всякое новое явленіе въ нашей литературѣ и общественной жизни, онъ всегда на первомъ планѣ ставилъ интересы трудящихся классовъ—народа: его умственное, нравственное и политическое воспитаніе и поднятіе его экономическаго благосостоянія, хотя «формальну религію, оснований на догмахъ ненавысты та клясовои боротьбы» считалъ онъ лишь признакомъ жестокости нашего времени. Говоря его собственными словами, г. Франко «николы не належавъ до вирныхъ тои религіи и мавъ видвагу середъ насмихивъ и наругы іи адептивъ несты смило свій стягъ старого щыролюдського соціялизму, опертого на етичнимъ, шыроко гуманнимъ выхованню массъ народныхъ, на поступи и загальнимъ расповсюдженню освиты, наукы, крытыкы и людськои та національнои свободы» (Предисловіе къ сборнику «Мій ізмарагд», VIII). Поставивъ на своемъ знамени принципъ: «намъ пора для Украины жыть» («З вершин»..., 73), г. Франко вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не уставалъ поднимать голосъ въ защиту и другихъ угнетенныхъ національностей и отдѣльныхъ личностей, справедливо полагая, что любовь къ родному народу не только не исключаетъ любви

До *всихъ*, що ллють свій питъ и кровъ,
До *всихъ*, котрыхъ гнетуть оковы (ibid., 72),

но напротивъ одна другую укрѣпляютъ и восполняютъ взаимно. Главную обязанность предъ родной страной г. Франко видитъ въ томъ, чтобы «патріотычный мечъ перекуваты» —

На плугъ—облигъ будущыны орать,
На серпъ—щобъ жыто жать, жыття основу,
На выла—чыстыть станю Авгійову (ibid., 159).

Чуждый нетерпимости къ чужимъ національностямъ, г. Франко кладетъ тотъ же принципъ въ основаніе своихъ отношеній и къ людямъ вообще. Представители противныхъ партій всегда могли ожидать отъ него, рядомъ съ ѣдкой критикой, справедливой оцѣнки и признанія своихъ заслугъ, если только не принадлежали къ врагамъ правды и свободы, къ которымъ нашъ авторъ безпощаденъ. Будучи піонеромъ европеизма въ Галичинѣ, г. Франко однимъ изъ главныхъ условій плодотворной дѣятельности на родинѣ считалъ нарожденіе настоящей, въ европейскомъ смыслѣ этого слова,

интеллигенціи, и своей часто безпощадной и ѣдкой критикой общественныхъ отношеній оказалъ сильное вліяніе на нарожденіе и направленіе этой интеллигеціи. Онъ всегда стоялъ за солидарность общественныхъ силъ, за систематическую дѣятельность на пользу народа, который интеллигенція должна поднимать къ себѣ, а не возвращаться къ нему изъ-за слѣпого преклоненія предъ проблемматическими «народними святощами» (см. цѣлый рядъ статей въ журналахъ «Сьвіт», «Жите і Слово», «Народ» и др.). Отмѣтимъ кстати, что вообще никто изъ галицкихъ дѣятелей не сдѣлалъ столько для ознакомленія своихъ земляковъ съ русской литературой и жизнью, какъ этотъ непримиримый противникъ галицкаго москвофильства: своими переводами и статьями онъ въ этомъ направленіи сдѣлалъ навѣрное больше, чѣмъ всѣ его противники изъ указаннаго лагеря вмѣстѣ взятые... Въ качествѣ литературнаго критика г. Франко какъ «едыный кодексъ естетычный» сразу же поставилъ дѣйствительную жизнь («Молот», 1878, стор. 215), требованіямъ которой должна, по его мнѣнію, отвѣчать литература. «Литература, по словамъ г. Франка, мала буты по змози вирнымъ зображенням жыття, и то не мертвою фотографією, а образомъ, огритымъ власнымъ чуттямъ автора, падыханымъ глыбокою идеєю» (Л.-Н. Вістник, 1901, VIII, 55). Художественный реализмъ, представителемъ котораго въ теоріи и на практикѣ является г. Франко, лишь благодаря его дѣятельности, обновилъ галицкую литературу и вытѣснилъ предшествовавшее ему мертвое теченіе. Хотя въ послѣднее время г. Франко призналъ также необходимость и эстетической оцѣнки въ критикѣ, но абстрактное понятіе красоты онъ предлагаетъ выбросить изъ эстетики совершенно, какъ не отвѣчающее цѣлямъ послѣдней (см. «Із секретів поетичноі творчости», Л.-Н. Вістник, 1898—99). Въ частности перу г. Франка въ области критики принадлежитъ рядъ блестящихъ характеристикъ какъ украинскихъ, такъ и иностранныхъ писателей, (отдѣлъ «Із чужих літератур» въ Л.-Н. Вістнику) и кромѣ того нѣсколько работъ теоретическаго характера, въ родѣ упомянутой уже «Із секретів поетичноі творчости» и др.

Не будемъ также останавливаться подробно на собственно ученыхъ трудахъ г. Франка; замѣтимъ лишь, что интересъ къ этнографіи, напр., пробудился въ немъ очень рано: еще на школьной скамьѣ онъ записывалъ произведенія устной народной словесности и уже въ «Другѣ» напечаталъ нѣсколько замѣтокъ по этнографіи. Многочисленныя работы г. Франка въ области этнографіи, исторіи (преимущественно Галичины) и исторіи литературы помѣщались имъ во всѣхъ изданіяхъ, которыхъ онъ былъ сотрудникомъ, и по отзывамъ компетентныхъ ученыхъ отличаются

богатствомъ и разносторонностью матеріала, широкимъ примѣненіемъ сравнительно-историческаго метода, блестящимъ талантомъ и эрудиціею [1]).

Изъ обзора содержанія произведеній г. Франка и многочисленныхъ цитатъ изъ нихъ, которыя мы приводимъ въ своей статьѣ, читатель, надѣемся, могъ уже и безъ нашей помощи составить понятіе о внѣшней сторонѣ произведеній разбираемаго автора, о его художественныхъ пріемахъ и средствахъ, такъ что намъ объ этомъ нѣтъ нужды распространяться. Скажемъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, что на внѣшней сторонѣ произведеній г. Франка, на ихъ художественныхъ достоинствахъ сильно отразилась, и при томъ въ невыгодную сторону, его кипучая, лихорадочная дѣятельность. Отъ человѣка, который всегда, подобно барометру, отзывался на всякіе злободневные вопросы, который никакой формой не брезгалъ для выраженія своихъ мыслей, отъ человѣка удивительно плодовитаго—трудно, конечно, и требовать тщательной отдѣлки, шлифовки своихъ произведеній: ему просто нѣтъ времени для этого. И дѣйствительно, большинство произведеній нашего автора страдаетъ неотдѣланностью, зависящей очевидно отъ спѣшности въ работѣ и доходящей иногда въ мелочахъ прямо таки до курьезовъ, до того, что одно лицо носитъ иногда два имени [2]). Лучше всего удаются г. Франку небольшіе разсказы и стихотворенія: вылившіеся изъ-подъ пера подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ и не требующіе много времени для кропотливой отдѣлки, они представляются безукоризненными съ внѣшней стороны и, какъ гармоническое сочетаніе содержанія и формы, идеи и образовъ, отличаются высокими художественными достоинствами. Таковы разсказы—«Лесишина челядь», «До світла», «Вівчар», мелкія разсказы изъ дѣтской жизни, какъ «Грицева шкільна наука», «Малий Мирон» и др. Большими также достоинствами отличаются стихотворныя произведенія г. Франка: этотъ крѣпкій, какъ бы изъ металла кованный стихъ,

---

[1]) См. отзывы проф. Крымскаго въ статьѣ „Іоаннъ Вышенскій, его жизнь и сочиненія", Кіевская Старина, 1895, проф. Сумцова въ—«Современной малорусской этнографіи», Кіевская Старина, 1897 и др.

[2]) Напр., лицо, названное въ началѣ повѣсти «Перехресні» стежки» Орисей (Л.-Н. Вістник, 1899, II, 156) въ концѣ именуется уже Гануськой (ibid., XI, 188, XII, 300); Олимпія (повѣсть «Основи суспільности») на первыхъ страницахъ повѣсти названа дочерью графа Лисовицкаго (Жите и Слово, I, 3), въ срединѣ графъ становится княземъ (II, 239, 269 и др.), пока въ концѣ не низводится опять въ графы (III, 87); разбойники *XII вѣка* («Сон князя Святослава») кричатъ ура (Жите і Слово, III, 200) и т. п.

масса сильныхъ образовъ и удачныхъ вообще выраженій, простота и естественность—сообщаютъ имъ ту прелесть, благодаря которой они находятъ доступъ къ сердцу читателя, покоряютъ его и держатъ во власти художника. Черезчуръ изысканные и потому натяпутые образы, въ родѣ:

Оловяни сири хмары
Небозвидъ весь залягли,
И лежать и *ремыгають*
Наче сытіи волы» («Із днів журби» 3),

или же слишкомъ вульгарныя выраженія, какъ напр.,—

Та колы лышъ *собъ наверну*,
Щось усе *зверта цабе* (ibid., 9),

встрѣчаются сравнительно рѣдко и потому не мѣшаютъ общему прекрасному впечатлѣнію; но за то чаще встрѣчается небрежность и неотдѣланность стиха. Гораздо слабѣе выходятъ у автора повѣсти, благодаря очевидной спѣшности въ обработкѣ. Непосредственно за сильными, глубоко задуманными и ярко написанными страницами сплошь и рядомъ попадаются вялыя, безцвѣтныя, неотдѣланныя, что въ сильной степени вредитъ цѣльности впечатлѣнія. Какъ на недостатокъ, присущій почти всѣмъ повѣстямъ г. Франка слѣдуетъ указать на неудовлетворительность, а то и полное отсутствіе перспективы. дѣйствіе часто развивается и завершается въ теченіе какихъ-нибудь сутокъ (особенно яркій примѣръ- «Для домашнього огнища»), такъ что въ концѣ концовъ и самъ авторъ не всегда въ состояніи отдать отчетъ и въ достаточной мѣрѣ разобраться въ этой сутолокѣ изображаемыхъ подробностей, лицъ и событій, а о читателѣ и говорить нечего. Но къ наиболѣе слабымъ произведеніямъ г. Франка несомнѣнно слѣдуетъ отнести его, немногочисленныя впрочемъ, драматическія произведенія. Намъ кажется, что авторъ совершенно напрасно и обращается къ этой формѣ, такъ какъ она ему рѣшительно не удается. По природѣ талантъ г. Франка—по преимуществу лирическій; субъективность его, находящая лучшее свое выраженіе въ лирическихъ стихотвореніяхъ и прорывающаяся въ повѣстяхъ и разсказахъ сильными и страстными отступленіями, мѣшаетъ ему овладѣть въ совершенствѣ драматической формой, требующей, какъ извѣстно, строгой объективности и развитія дѣйствія. Авторъ не выдерживаетъ, такъ сказать, своей роли безпристрастнаго лѣтописца и безпрестанно вмѣшивается въ отношенія своихъ драматическихъ персонажей, исправляя ихъ поступки, говоря ихъ устами. Получается рядъ діалоговъ въ ущербъ драматиче-

скому дѣйствію; персонажи больше говорятъ, чѣмъ дѣйствуютъ, и потому выходятъ блѣдными, безплотными созданіями, а не живыми, облеченными плотью людьми. Указанными недостатками страдаютъ даже лучшія драмы г. Франка, какъ напр. «Украдене щасте«, гдѣ не достаетъ внутренняго дѣйствія, составляющаго главное требованія драматическихъ произведеній.

Г. Франко, какъ уже отмѣчено выше, убѣжденный реалистъ и по избираемымъ темамъ, и по примѣняемымъ къ ихъ разработкѣ пріемамъ. Его необыкновенно острая наблюдательность, позволяющая ему быстро схватывать мельчайшія подробности наблюдаемаго типа или явленія, удачно группировать ихъ и укладывать въ цѣльные образы и картины, сказывается прежде всего яркостью и пластичностью изображенія. У него всегда на первомъ планѣ подробности, разсыпанныя въ такомъ изобиліи, что иногда заслоняютъ собою цѣлостность. Часто одна маленькая сценка, одно удачное выраженіе, мѣтко схваченная подробность — и передъ вами какъ живое встаетъ лицо съ его характернѣйшими особенностями (напр., Йойна въ разсказѣ «Полуйка» съ его вѣчнымъ приставаньемъ къ рабочимъ съ одними и тѣми же вопросами). При всемъ томъ въ произведеніяхъ г. Франка отсутствуетъ внѣшняя этнографичность; читатель напрасно сталъ бы искать у него тѣхъ детальныхъ описаній внѣшности, одежды, обрядовъ и т. п., которыми любили щеголять украинскіе писатели старшей генераціи. Его вниманіе обращено болѣе на внутреннюю сторону человѣческой личности, и онъ умѣетъ глубоко заглянуть въ душу человѣка и разобраться въ психологическихъ мотивахъ своихъ персонажей; онъ характеризуетъ ихъ чаще общечеловѣческими чертами, хотя отъ этого они не теряютъ ни національныхъ, ни индивидуальныхъ своихъ особенностей и физіономіи. Въ качествѣ художественнаго пріема г. Франко особенно любитъ контрасты, противопоставляя, напр., чувствованія человѣка внѣшней обстановкѣ, и нужно сказать, что онъ пользуется этимъ пріемомъ очень удачно, оставляя всегда сильное впечатлѣніе въ читателѣ.

XIV.

«Правдыва поэзія мусыть буты завсигды моральною» (Предисловіе къ сборнику «Мій ізмарагд», VI), — говоритъ г. Франко и примѣръ его собственныхъ произведеній весьма удачно подтверждаетъ справедливость высказаннаго положенія. Читатель не только наслаждается ими, какъ произведеніями искусства, не только восхищается ихъ художественными достоинствами, но въ еще большей степени подчиняется ихъ нравственной сторонѣ,

воспитывается и возвышается отъ общенія съ писателемъ нравственно. Такихъ результатовъ авторъ достигаетъ, благодаря своему умѣнью служить той, по мѣткому выраженію г. Михайловскаго, великой двуединой правдѣ, которая состоитъ въ гармоническомъ сочетаніи «правды-истины» и «правды-справедливости», «правды теоретическаго неба» и «правды практической земли». Авторъ не только умѣетъ представить въ художественныхъ образахъ, какъ происходило данное событіе, какъ вырабатываются данные типы по законамъ естества, правды-истины, но онъ имѣетъ также строго опредѣленныя убѣжденія на счетъ того, какъ оно должно происходить, какими должны быть люди, чтобы удовлетворить требованіямъ правды-справедливости. Г. Франко смѣло могъ бы повторить сказанное г. Михайловскимъ о себѣ, что «безбоязненно смотрѣть въ глаза дѣйствительности и ея отраженію—правдѣ-истинѣ, правдѣ объективной, и въ то же время охранять и правду-справедливость, правду субъективную—такова задача всей моей жизни» (Сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. I, предисловіе). Между строкъ произведеній г. Франка всегда глядитъ на насъ бодрое лицо борца противъ неправды, гордо вызывающаго на бой ея представителей; но въ тоже время слышится голосъ гуманиста, проповѣдника любви, прощенія и самоотверженія, чувствуется, по выраженію проф. Крымскаго, «идеалистическая грусть на широкіе общечеловѣческіе мотивы». Г. Франко любитъ человѣка даже съ его заблужденіями и ошибками, больше—онъ вѣритъ въ него. Широкими яркими картинами развертывая предъ нами всю неприглядность современной жизни, обнажая отвратительныя ея язвы, гнойные нарывы и струпья, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не устаетъ повторять, что это лишь временное состояніе и человѣчество ровными, твердыми и неуклонными шагами близится къ торжеству добра, истины и справедливости, залогъ котораго онъ видитъ въ борьбѣ и трудѣ. Вотъ почему г. Франко не только занимательный писатель, не только выдающійся художникъ, но и любимый учитель для своихъ читателей, которые въ его произведеніяхъ ищутъ отвѣта на волнующіе ихъ вопросы. Эпитетъ учителя не намъ принадлежитъ,—онъ раздавался изъ многихъ устъ въ рѣчахъ на юбилеѣ г. Франка, и это показываетъ, что его воспитательная роль давно уже замѣчена, отмѣчена и оцѣнена по достоинству.

И однако при всемъ уваженіи и удивленіи предъ такой почетной разносторонней и плодотворной дѣятельностью, сердце невольно сжимается отъ боли, обиды и досады и за автора, и за украинскую литературу. Вѣдь то, что далъ нашей литературѣ этотъ замѣчательный талантъ, составляетъ лишь часть, и по нашему глубокому убѣжденію, незначительную часть того, что онъ

могъ дать, судя по размѣрамъ его таланта и разностороннихъ способностей по количеству его знаній, по его огромной начитанности и литературной образованности. Силами своего большого таланта онъ пользовался такъ—мало сказать: не экономно—а просто таки расточительно, что результатъ его дѣятельности выразился въ скромной сравнительно суммѣ услугъ для нашей литературы и науки; а между тѣмъ силы эти таковы, что обладатель ихъ смѣло могъ разсчитывать на почетное мѣсто среди дѣятелей европейскихъ литературъ. Напрасно мы стали бы винить въ происшедшемъ автора, или, по крайней мѣрѣ, одного только автора.—Украинская литература еще до сихъ поръ находится въ періодѣ натуральнаго хозяйства,—сказали бы мы, заимствовавъ терминъ изъ другой области,—со всѣми характерными для этого періода чертами: съ его слабымъ примѣненіемъ раздѣленія труда въ области умственной жизни, съ незначительнымъ сбытомъ продуктовъ этой дѣятельности и т. п. Благодаря небольшому числу работниковъ на нивѣ украинской литературы, болѣе выдающимся дѣятелямъ приходится, въ силу самого положенія вещей, разбрасываться въ разныя стороны, въ каждой области «затыкать дыры», спѣшить, чтобы какъ можно больше дать матеріала для удовлетворенія насущныхъ потребностей и нуждъ сегодняшняго дня, не задумываясь долго надъ качественной стороной этого матеріала, не заботясь ни о развитіи своего таланта, ни о совершенствованіи его въ одной какой-нибудь области. Разносторонность нашихъ дѣятелей, указаніемъ на которую мы начали настоящую статью, служитъ на самомъ дѣлѣ признакомъ глубокой драмы, жертвами которой сдѣлались многіе изъ нашихъ дѣятелей. Заботясь исключительно о настоящемъ, объ удовлетвореніи нуждъ нынѣшняго дня, о затыканіи всевозможныхъ дыръ, о заполненіи со всѣхъ сторонъ зіяющихъ люковъ, они должны были перестать мечтать о будущемъ,—о такомъ расходованіи своихъ силъ, которое и имъ самимъ проложило бы дорогу къ вѣчной памяти среди потомства, и литературу обогатило бы вполнѣ зрѣлыми и продуманными произведеніями. Прибавьте къ сказанному недостатокъ читателей, публики, полное отсутствіе критики, неустойчивость, недостаточное количество или совершенное отсутствіе органовъ прессы, вѣчную борьбу за существованіе, за кусокъ хлѣба въ настоящемъ грозномъ значеніи этого слова— и вы будете имѣть полный образъ тѣхъ условій, при которыхъ происходитъ это самоубійство талантовъ,—необходимое и въ извѣстномъ смыслѣ даже почетное, но все-таки самоубійство, крайне вредно отзывающееся не только на самихъ гибнущихъ талантахъ, но и вообще на развитіи нашей литературы. Возьмемъ хотя бы писателя, составляющаго предметъ настоящей статьи,—что исполнено изъ его плановъ? Вмѣсто цѣльнаго образа жизни украинскаго народа, какой г. Франко замышлялъ было дать въ рядѣ

обработанныхъ, прочувствованныхъ и продуманныхъ, связанныхъ въ одно стройное цѣлое произведеній—мы видимъ лишь отрывочные очерки, писанные на спѣхъ, случайно появившіеся для заполненія какого-нибудь зіяющаго люка, разрозненные, не додѣланные... И если даже отрывки эти даютъ весьма и весьма многое, то представимъ только, что́ могла бы дать настоящая, цѣльная картина и что потеряла съ ней украинская литература! Человѣка въ данную минуту тянетъ писать, скажемъ, повѣсть, предъ нимъ носятся образы, просятся подъ перо, но... для журнала нужна сейчасъ публицистическая работа, которой некому написать,—и вотъ повѣсть отбрасывается въ сторону или пишется кой-какъ, урывками, образы гибнутъ и растворяются въ сутолокѣ повседневныхъ заботъ. Да и написанная повѣсть не находитъ мѣста для печатанія, вылеживается въ письменномъ столѣ автора и появляется лишь тогда, когда интересъ ея на половину уже выдохся; начатая печатаніемъ—прерывается на самомъ интересномъ, быть можетъ, мѣстѣ и остается не оконченной, какъ было не разъ и съ г. Франкомъ [1]). Въ головѣ роятся планы серьезной научной работы, а дѣйствительность подсовываетъ перо съ требованіемъ легкаго фельетона на злобу дня; вмѣсто поэмы, которая въ данный моментъ наиболѣе занимаетъ писателя, онъ долженъ писать передовую статью или портить глаза надъ корректурой, потому что родная литература не гарантируетъ отъ возможности умереть съ голоду, а оплачиваемая грошами механическая работа корректора все же даетъ въ матеріальномъ отношеніи больше, чѣмъ работа «властителя думъ», совсѣмъ не оплачиваемая. Припомнимъ только прямо таки ужасающіе факты изъ біографіи г. Франка, что появленію, напр., цѣлаго ряда лучшихъ его поэмъ и разсказовъ украинская литература обязана тому случайному и должно быть благодѣтельному обстоятельству, что автора ни за что, ни про что засадили на нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьму, или что тяжелая болѣзнь глазъ вырвала изъ его рукъ корректорское перо (см. «Мій ізмарагд», IV),—вспомнимъ эти и подобные факты и возблагодаримъ милостивую судьбу за то, что все, что ни дѣлается, дѣлается къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ... Предъ нами въ эту минуту неотступно стоитъ извѣстный парадоксъ Зола: «деньги обезпечиваютъ появленіе великихъ произведеній искусства»; не смотря на то, что въ данномъ парадоксѣ предъявляется рѣшеніе сложнаго вопроса въ слишкомъ грубой и упро-

---

[1]) Повѣсти «Борислав сміється» и «Основи суспільности» остались недоконченными, благодаря прекращенію изданій, въ которыхъ онѣ начаты печатаніемъ.

щенной, такъ сказать, формѣ, авторъ его въ сущности глубоко правъ, поскольку дѣйствительно для появленія произведеній искусства необходимо хотя минимальное обезпеченіе матеріальныхъ потребностей его творца. Украинскій профессіональный писатель никогда этого минимальнаго обезпеченія не имѣлъ и долженъ былъ качественную сторону своихъ произведеній приносить въ жертву количественной. Въ самомъ дѣлѣ—возможно ли заботиться о достаточной обработкѣ своихъ произведеній, о постоянномъ развитіи своихъ силъ и таланта, если обстоятельства заставляютъ разбрасываться во всѣ стороны, проявлять кипучую дѣятельность во всѣхъ областяхъ литературы и притомъ еще зарабатывать хлѣбъ какимъ-нибудь постороннимъ литературѣ занятіемъ? Двухъ отвѣтовъ на поставленный вопросъ не можетъ быть. Теперь понятно, почему ни одна литература въ мірѣ не насчитываетъ въ своей средѣ столько погибшихъ и погибающихъ талантовъ, какъ украинская. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы всѣ силы, работавшія въ украинской литературѣ, были использованы вполнѣ, картина ея въ настоящее время могла бы быть совершенно иная. Да, могла бы!...

И нужно сказать, что наиболѣе трагическимъ, быть можетъ, элементомъ въ этомъ массовомъ самоубійствѣ талантовъ является то, что оно совершается вполнѣ сознательно, съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ. Человѣкъ знаетъ, что онъ долженъ погибнуть, и все-таки идетъ на вѣрную гибель. Прочтите, напр., слѣдующія строки:

Нехай и такъ, що згыну я
Забутый десь пидъ тыномъ,
Що вси мои думкы, дила
Слиду не лышать, мовъ та мла
На неби сынимъ!
Нехай и такъ! Я радо йду
На чесне, праве дило!
За нього радо въ гори вмру
И ажъ до гробу додержу
Свій прапоръ цило! («З вершин»..., 27).

Прочтите тѣ вопли истерзанной души, которыми полны два послѣдніе сборника стихотвореній г. Франка,—«Мій ізмарагд» и «Із днів журби»,—вопли о томъ, что «не давъ морозъ моимъ квиткамъ розвыться», а всю силу пришлось положить на то, «щобъ жыть, безъ дякы, въ каторзи чужій»; прочтите тотъ «Фрагментъ», въ которомъ автору въ образѣ нерожденныхъ дѣтей являются его... «невыспивани спивы» («З-надъ хмаръ и зъ долынъ», Одесса, 1903, стор. 91—92)—и вы поймете всю глубину этой

трагедіи, а также все величіе и цѣну той жертвы, которая этимъ и другими писателями приносится «па алтарь отечества»...

Г. Франко съ избыткомъ испыталъ на себѣ вліяніе тѣхъ фатальныхъ условій, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Они атрофировали добрую половину его таланта и силъ, ушедшихъ частью на заполненіе всевозможныхъ люковъ, частью на борьбу «в поті чола» за существованіе... Объ этомъ нельзя, конечно, не скорбѣть, но нельзя и не признать въ тоже время, что изъ оставшейся части таланта онъ все-же далъ украинской литературѣ нѣчто такое, что обезпечитъ ему память не только среди современниковъ, но и среди болѣе позднихъ поколѣній. Имя гуманиста и проповѣдника общечеловѣческихъ идеаловъ, имя пѣвца борьбы и контрастовъ всегда будетъ украшать собою самыя мрачныя, но въ тоже время и самыя, быть можетъ, интересныя страницы нашей исторіи. «Чень то Богъ дасть, що изъ нашихъ Сторожинъ буде колысь свитови якась корысть, бодай на макове зерно» («Молот», 1878, стр. 296)—припомнились намъ слова изъ автобіографическаго разсказа г. Франка, и мы не сомнѣваемся, что потомство найдетъ и по достоинству оцѣнитъ это «маковое зерно» у одного изъ самыхъ выдающихся дѣятелей нашего мрачнаго времени, который на себѣ самомъ испыталъ всю его тяжесть, дорого заплатилъ за этотъ опытъ, но все-таки свое знамя донесъ чистымъ и неоскверненнымъ. Не сомнѣваемся мы также и въ томъ, что это «макове зерно» будетъ по своимъ размѣрамъ несравненно больше и полновѣснѣе, чѣмъ его опредѣляетъ самъ авторъ...

Сергій Ефремовъ.

17—31. VII. 03.

Іосифъ Максимовичъ Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи.[1]

X.

Отношеніе Бодянскаго къ изученію Малороссіи послѣ возвращенія его изъ-заграницы. Полемическая статья Бодянскаго противъ Максимовича. О. М. Бодянскій и литераторы-малороссы. Изданіе малорусскихъ матеріаловъ въ «Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей Россійскихъ».—Заслуги О. М. Бодянскаго для изученія Малороссіи.

Занимаясь изложеніемъ біографіи О. М. Бодянскаго послѣ возвращенія изъ-заграницы, мы совсѣмъ не обращали вниманія на отношеніе его къ Малороссіи, къ землякамъ-малороссамъ и на то, что дѣлалъ и сдѣлалъ О. М. Бодянскій для научнаго изученія своей родины.

Постараемся хоть нѣсколько заполнить этотъ пробѣлъ.

До поѣздки заграницу О. М. Бодянскій дѣятельно, какъ мы знаемъ, занимался изученіемъ малорусскаго языка и литературы. Занятія эти не были случайными, а глубоко коренились въ тѣхъ симпатіяхъ къ Малороссіи, какъ къ родинѣ, которыя были крѣпки и

---

[1]) См. Кіев. Ст. 1903, № 11.

сильны у него съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ. Поѣздка заграницу и занятія тамъ языками западныхъ славянъ отвлекли Бодянскаго отъ того научнаго пути, которымъ онъ шелъ. Привезя громадный научный матеріалъ, собранный въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, Бодянскій, естественно, былъ имъ подавленъ. Вернуться къ прежнимъ занятіямъ онъ не могъ, потому что это значило бы оставить неиспользованнымъ собранный у западныхъ славянъ матеріалъ. Да и нужно было бы начинать сначала. Малорусскимъ языкомъ Бодянскій заграницей не занимался, въ изученіи его онъ отсталъ; матеріалъ, который онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, не могъ быть значительнымъ, а между тѣмъ занятія Бодянскаго у Шафарика, затѣмъ наблюденія его надъ языками западныхъ славянъ создали у него иныя требованія и отношенія къ изучаемому матеріалу, чѣмъ тѣ, какія у него были раньше, до поѣздки заграницу. Однимъ изъ основныхъ требованій было, чтобы матеріалъ былъ изученъ возможно полно, всесторонне, критически и чтобы выводы покоились на возможно большемъ количествѣ изученныхъ данныхъ. Университетскія лекціи поглощали у Бодянскаго слишкомъ много времени, чтобы онъ могъ думать о какихъ-нибудь новыхъ занятіяхъ. Лекціи эти не могли быть посвящены малорусскому языку; кафедра славянскихъ литературъ, которую занималъ Бодянскій, по своей задачѣ, имѣла въ виду, главнымъ образомъ, если не исключительно, западныхъ славянъ. Затѣмъ Бодянскій былъ избранъ секретаремъ Общества, сдѣлался редакторомъ «Чтеній» и цѣликомъ вошелъ въ это изданіе. Если онъ, благодаря своему редакторству, не успѣлъ обработать весь матеріалъ, собранный имъ такъ кропотливо и трудолюбиво во время поѣздки заграницу, то что же тутъ говорить о занятіяхъ Бодянскаго малорусскимъ языкомъ, для котораго нужно было еще собирать матеріалъ?

Всѣ эти соображенія мы высказываемъ для того, чтобы объяснить, почему Бодянскій по возвращеніи изъ-заграницы не вернулся къ своимъ первоначальнымъ занятіямъ и почему малорусскій языкъ и литература лишились такого глубокаго, по отзывамъ спеціалистовъ, изслѣдователя.

Если мы не ошибаемся, одинъ только разъ послѣ возвращенія своего изъ-заграницы О. М. Бодянскій печатно коснулся малорусскаго языка.

Это было вотъ по какому поводу.

Въ началѣ 1840-хъ годовъ Шафарикъ издалъ свою этнографическую славянскую карту. Когда Бодянскій былъ заграницей, Шафарикъ какъ разъ работалъ надъ составленіемъ этой карты и пользовался совѣтами Бодянскаго относительно малороссовъ. Мы знаемъ уже, что Бодянскій стоялъ за фонетическое правописаніе въ малорусскомъ языкѣ, т. е. требовалъ писать слова такъ, какъ они произносятся. Въ этомъ отношеніи онъ расходился какъ съ Максимовичемъ, такъ и со Срезневскимъ. Естественно, разъ Шафарикъ пользовался совѣтами Бодянскаго, на его карту и попали малорусскія имена съ фонетическимъ правописаніемъ: *Переясливъ*, *Васильkивъ*, *Пивтава*, и пр. Когда карту Шафарика мелькомъ увидѣлъ въ Кіевѣ М. А. Максимовичъ, онъ написалъ Погодину совершенно частное письмо, въ которомъ находилъ излишнимъ въ ней «искусственный малороссіянизмъ». «Правда, писалъ онъ, измѣнять букву *о* въ *и* любитъ малороссійское произношеніе; но измѣнять ее нарочно въ названіяхъ разныхъ городовъ и рѣкъ, когда нѣтъ того у самаго народа, значитъ, поддѣлываться подъ народный колоритъ, усиливать его, а не представлять его въ томъ видѣ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ». Максимовичъ винилъ предъ Шафарикомъ того, «кто присовѣтывалъ ему такой провинціальный *пересолъ*», т. е. Бодянскаго, и просилъ Погодина передать знаменитому чешскому ученому, что онъ очень хорошо сдѣлаетъ, если въ новомъ изданіи карты «всуе употребленный южно-русскій звукъ *и* возведетъ опять къ общесловенскому коренному звуку *о*» [1]). Получивъ это письмо Погодинъ нашелъ его интереснымъ въ научномъ отношеніи и напечаталъ во 2-мъ номерѣ «Москвитянина» за 1843 годъ подъ заглавіемъ «Отрывокъ изъ письма о малороссійскихъ собственныхъ именахъ».

---

[1]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича т. III, стр. 329.

На письмо это въ 5-ой книжкѣ того же журнала отвѣтилъ О. М. Бодянскій особой статьей: «Г. возводителю къ общесловенскому коренному звуку» [1]). Статья подписана латинской буквой *N* и написана довольно таки рѣзко. Видимо, замѣчанія М. А. Максимовича задѣли Бодянскаго за живое. Такъ какъ «Москвитянинъ»—журналъ въ настоящее время довольно рѣдкій, то мы, оставляя въ сторонѣ чисто личную полемику, приведемъ здѣсь существенныя части этой статьи. Мнѣнія О. М. Бодянскаго могутъ быть интересны для спеціалистовъ.

Вотъ что онъ писалъ въ возраженіе М. А. Максимовичу и отстаивая правописаніе, принятое Шафарикомъ:

1) «Названія городовъ и рѣкъ на *овъ* суть, какъ извѣстно, по происхожденію своему, *прилагательныя притяжательныя*. Прилагательныя притяжательныя на *овъ* измѣняютъ всегда въ этомъ окончаніи букву *о* въ *и*, что допускается подразумѣвательно и самимъ М. А. (Максимовичемъ) и что всякому природному малоруссу извѣстно какъ 2×2. Можетъ ли же слово одного и того же разряда въ смыслѣ прилагательнаго притяжательнаго *не городоваго* и *нерѣчнаго* измѣнять *о* въ *и* всегда, а въ смыслѣ прилагательнаго притяжательнаго *городоваго* и *рѣчнаго* не измѣнять? По своему происхожденію и значенію *не можетъ*, потому что оно, составляя названіе мѣста, урочища, и т. п. ни мало не перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ было, прилагательнымъ притяжательнымъ, и, слѣдовательно, должно сохранять свою природу и свойства тутъ, какъ и въ прочихъ случаяхъ, превращать *о* въ *и*. Малоруссы говорятъ: «То дв*и*ръ Семен*и*въ, Иван*и*въ, Яков*и*въ, городъ Гетьман*и*въ, Харьк*и*въ, Крюк*и*въ», и пр., но не Семен*о*въ, Иван*о*въ, Яков*о*въ, Гетьман*о*въ, Харьк*о*въ, Крюк*о*въ, потому что они всегда соединяютъ съ этимъ происхожденіе, начало, зависимость, и т. п., тѣхъ предметовъ отъ лицъ, и т. д., коихъ оные носятъ на себѣ названія. Удареніе тутъ не рѣдко перемѣняетъ свое мѣсто; Харьк*и́*въ и Х*а́*рьковъ; но буква *о* не подлежитъ этому исключенію. Про́изводныя отъ этихъ прилагательныхъ притяжательныхъ для озна-

[1]) «Москвитянинъ», 1843 г., кн. 5, стр. 249—259.

ченія како-либо мѣста, и т. п., всегда измѣняютъ *о* въ *и:* Семен*и*вка, Иван*и*вка, Перекоп*и*вка, но не Семеновка, Ивановка, Перекоповка. Равно прилагательныя отечественныя дочерей тоже подлежатъ этому правилу: Ганна Семен*и*вна, Иван*и*вна, Яковл*и*вна, которыя употребляютъ даже безъ собственнаго имени, и тогда означаютъ дочь такого-то, перенося при этомъ удареніе на измѣнившееся *о* въ *и*; Семен*и́*вна, и т. д. Тоже самое наблюдается и въ существительныхъ *коренныхъ*, равно какъ и нѣкоторыхъ составныхъ, также въ прилагательныхъ, числительныхъ и мѣстоименіяхъ односложныхъ, а иногда и многосложныхъ: н*и*жъ, к*и*нь, неб*и*жъ, г*и*ркый, м*і*й, тв*і*й, и пр. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ измѣненію въ подобныхъ словахъ буквы *о* въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ въ *у*, *и*, *ы* напр., въ польскомъ, чешскомъ, сербо-лужицкихъ, хорутано-словенскомъ, и т. д., гдѣ только оное допускается. Это—правило; исключенія—чрезвычайно рѣдки: есть слова, выговаривающіяся съ *и* и *о*: к*и*нець и к*о*нець, дубр*и*вонька и дубр*о*вонька. Но такія слова почти всѣ суть *уменьшительныя*. Особенность ихъ заключается еще и въ томъ, что они это *и* могутъ удерживать и въ прочихъ падежахъ, чего коренныя не допускаютъ, кромѣ *конь*, имѣющаго въ твор. множ. всегда к*и*ньмы, и подобныхъ ему, напр. *слёза*, измѣняющее въ род. и пред. множ. *е* въ *и:* сл*и*зъ, сл*и*зьмы. Какъ въ прилагательныхъ притяжательныхъ простыхъ и мѣстныхъ *о* измѣняется въ *и*, такъ точно и въ этомъ случаѣ оно подвержено тому же самому закону. Оттого малоруссы говорятъ: П*и*втава, Решетыл*и*вка, Бѣлоцерк*и*вка, Васыл*и*вка, Максым*и*вка, Иванк*и*вци, Ирк*и*вци, Иськ*и*вци, и т. д.»

2) «Такое свойство малорусскаго выговора буквы *о* въ приведенныхъ случаяхъ не есть отнюдь *провинціяльный пересолъ;* напротивъ, скорѣе противное ему—*провинціяльство*, недосолъ, уклоненіе. Вездѣ, гдѣ только малоруссы живутъ *громадою*, какъ преобладающій, главный, народъ по своему числу и старинѣ, отъ Дона и Донца до Сана и Попрада, отъ Судости и Припети до Чернаго моря и Черемоша, измѣненіе *о* и *е* (рѣдко *у* или *ж*) въ *и*—*правило:* отступленіе же отъ него—*исключеніе*. Такъ

говорятъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, Днѣстра, Случи, Стыра, Стрыя, Латорицы, Буга и Кубани.—Это господствующее произношеніе. Уклоненія слышны только на *предѣлахъ* земли Южныхъ Руссовъ, гдѣ языкъ ихъ, столкиваясь съ другимъ, родственнымъ или чуждымъ, языкомъ, естественно, какъ это водится всюду, производитъ *разность въ рѣчи, разнорѣчіе,* что Нѣмецъ выражаетъ испорченнымъ Латинскимъ словомъ *Varietät.* Напримѣръ со стороны Великорусской *Сѣверцы* (черниг. губ.) удерживаютъ *о:* конь; далѣе отъ нихъ къ Бѣлоруссамъ *о* переходитъ въ *уи, уо, у* и *ю:* к*уи*нь, к*у*нь и к*ю*нь; со стороны Польши, у *Люблинцевъ у:* к*у*нь, а у *Карпато-Руссовъ,* со стороны Словаковъ, Мадьяровъ, Волоховъ и Поляковъ, въ одномъ мѣстѣ *у,* въ другомъ *уй,* въ третьемъ *ю* (Франц. *u*), а въ четвертомъ *ы:* р*у*къ, р*уй*къ, рюкъ, р*ы*къ (рокъ—годъ); но въ прилагат. именахъ даже и Южно-Руссы въ Угріи слѣдуютъ обще-Малорусскому произношенію: *покирный,* нерѣдко измѣняя и тамъ *о* въ *и,* гдѣ прочіе не дѣлаютъ того: ск*и*ришый; отсюда не исключаются и самыя существительныя: ябл*и*ко, бр*и*ва, особенно послѣ *р* и *л,* гдѣ въ Церковно-Книжномъ вмѣсто *о* стоитъ *ъ* или *ь;* исключенія немногочисленны; къ нимъ относятся, большею частію, удерживающія старо-Славянское *ъ* или *ь:* дръва, или же произносимыя (Чехами и Сербами) звукомъ среднимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ краткимъ (между *е* и *и*), что особливо имѣетъ мѣсто въ словахъ, измѣнившихъ древнее *ъ* и *ь* въ *е.* При всемъ томъ и тутъ, чѣмъ дальше отъ столкновенія съ инородцами, тѣмъ чаще слышите *и:* Б*и*гъ, н*и*жъ, к*и*нъ».

3) «Мы сказали уже, что измѣненіе *о* въ *и* во всемъ соотвѣтствуетъ тутъ измѣненію первой въ *у* въ нарѣчіяхъ Польскомъ, Чешскомъ, и т. д. Поляки и Чехи въ этомъ случаѣ вездѣ пишутъ *ó* (равнозначительному нашему *у*) и ů (тоже *у*), держась большинства выговаривающихъ его такъ, а не иначе. Что же бы они сказали, еслибъ кто нибудь сталъ теперь налегать на нихъ писать просто *о* или другую какую гласную, употребляемую въ томъ или другомъ углу Чехіи и Польши, вмѣсто *ó*, ů, ссылаясь при этомъ на то что тутъ *о* вездѣ коренное, первоначаль-

ное? Разумѣется, ему отвѣчали бы: «Дѣлайте это тамъ, гдѣ вы находите то нужнымъ для показанія съ умысломъ *разнорѣчій* извѣстнаго нарѣчія или въ обще-Славянскомъ Сравнительномъ Словарѣ и Граматикѣ; но не навязывайте намъ этихъ мѣстностей, частностей, уклоненій, въ нынѣшнемъ нашемъ живомъ языкѣ, не навязывайте намъ *умершей*, невозвратной, *старины*, имѣвшей въ свое время силу и употребленіе, и любезной намъ только по однимъ, соединеннымъ съ нею, воспоминаніямъ, но потерявшей уже смертью своей право на господство, не навязывайте, ради Бога, *исключеній*, составлявшихъ когда-то правило, а теперь одно незамѣтное изъятіе, *недобивокъ*, годный лишь въ сравненіяхъ и повѣркахъ. Мы хотимъ слѣдовать *большинству* употребленія, *голосу народа*, единственнаго законодавца своей рѣчи, а не народца, какого нибудь захолустья, или книжныхъ умниковъ, исправителей и усовершителей языка, хотимъ писать языкомъ, какъ онъ звучитъ въ устахъ современниковъ нашихъ, теперь, а не какъ онъ звучалъ за тысячу и больше лѣтъ, или какъ бы вамъ хотѣлюсь, по своимъ взглядамъ и разглядамъ, заставить его звучать. Всему свое мѣсто и время, и все хорошо и красно только у себя и въ свой часъ. Не дѣлайте изъ каждаго, кто только умѣетъ держать перо въ рукахъ, языкоизслѣдователя, но научите всякаго какъ бы скорѣе, вѣрнѣе и удобнѣе выражать свои мысли, и т. п., помощію письменныхъ знаковъ». То же самое сказали бы и Хорутано Словенцы, Угро-Словенцы, Верхне и Нижне-Лужичане, измѣняющіе также *о* въ *у* по большинству произношенія, а въ *ра́знорѣчіяхъ* различно: *оа*, *ои*, *ŏ*, *ô*, *uо*, ů, *ие*, *й*, *у*, *і*, Всѣ они, однако же, означаютъ эту разницу разнаго рода знаками, стараясь, какъ можно ближе, подойти къ народному выговору, но, замѣтьте, ни одинъ изъ нихъ не пишетъ *о* просто, безъ всякаго значка. Примѣчательно, что перемѣна *о* въ *у* преимущественно господствуетъ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ Сѣверо-Западной вѣтви, составляя въ нихъ собою *правило;* исключенія же только по подрѣчіямъ и разнорѣчіямъ. Напротивъ, въ нарѣчіяхъ Юго-Восточной вѣтви—совершенно на оборотъ; а потому гдѣ только *о* измѣняется въ *и*, всегда видите близкое сосѣдство

къ нарѣчію перваго разряда или какія нибудь *историческія* и *мѣстныя* отношенія, напр. въ Хорутано-Словенскомъ, и т. д. То же слѣдуетъ сказать и объ исключеніяхъ въ Сѣверо-Западныхъ нарѣчіяхъ касательно удержанія кореннаго *о*. Но Малорусское нарѣчіе по всѣмъ своимъ подрѣчіямъ составляетъ въ этомъ отношеніи замѣчательное *исключеніе* между подобными себѣ Юго-Восточной вѣтви, согласуясь въ измѣненіи *о* въ *и* съ братьями Сѣверо-Западнаго разряда. Не мѣсто и не время объяснять здѣсь причины такого разногласія; для васъ, въ теперешнемъ случаѣ, довольно уже, что оно *дѣйствительно* существуетъ въ немъ, преобладаетъ. Впрочемъ, замѣчаемъ, что для объясненія себѣ и другимъ этого явленія, вовсе *ненужно* прибѣгать ни къ какимъ прибалтійскимъ Руссамъ и, заставлять ихъ переселяться на берега Днѣпра, или же обращать южную Русь въ *срединную* Славянскую землю, что ей совершенно не къ лицу, не принадлежитъ, и обличаетъ только самое *поверхностное* знаніе въ славяновѣдѣніи и страсть къ построенію зданій изъ сыраго матеріяла, съ притязаніемъ на прочность и изящество. Въ языкоизслѣдованіи надобно особенное обращать вниманіе, что въ немъ *правило*, а что *исключеніе*, что обще цѣлому, а что лишь частямъ. Только сохраняя этотъ простый, естественный и непремѣнный законъ, можно избѣгнуть *блистательныхъ ошибокъ*, невольно срывающихъ улыбку съ устъ знающаго и заставляющихъ жалѣть о тратѣ времени и труда, такъ *всуе* расточеннаго».

...«Для вѣрнаго и безошибочнаго сужденія объ отличительныхъ свойствахъ какого-бъ ни было языка, мало быть туземцемъ надобно взрость среди своего народа, достигнуть, по крайности, возмужалыхъ лѣтъ, проникнуться своимъ роднымъ насквозь да насквозь,. изучить его у деревенскаго простонародья, самой упругой и твердой части народа, долѣе и болѣе всѣхъ привязанной къ старинѣ и языку предковъ, и притомъ изучить не въ одномъ только мѣстѣ рожденія, но по цѣлому объему своей отчины. А то какое тутъ знаніе языка своей родины, если васъ увезли, положимъ, въ нѣжномъ дѣтствѣ и воспитали среди другаго народа, хотя и родственнаго, но во многомъ вопрекъ несходнаго съ

вашимъ, если вы принялись за родной языкъ по книгамъ и скуднымъ сборникамъ народныхъ пѣсенъ, подкрѣпляя себя въ этомъ однимъ лишь темнымъ претемнымъ воспоминаніемъ младенческихъ лѣтъ! Много ли подвинетесь вы въ своемъ языкѣ даже и тогда, когда судьба приведетъ васъ, наконецъ, жить *у себя*, но исключительно въ городахъ, въ которыхъ все говоритъ или языкомъ господствующаго народа, или же какою-то чудною смѣсью *Варяго-Русскаго?* А таковъ, въ самомъ дѣлѣ, языкъ нашихъ *Малороссіянъ-горожанъ* безъ исключенія, особенно объявляющихъ притязаніе на что-то высшее, желающихъ казаться «*письменными*», Малороссіянъ, какъ говорится, съ Церковной и Гражданской азбукой. Окружающіе ихъ напитаны и пропитаны тѣмъ же самимъ духомъ, а потому невольно усвояютъ себѣ языкъ ихъ въ большей, меньшей, мѣрѣ, подражаютъ высшимъ себя. Кто не знаетъ этого *варварскаго* языка, столько обыкновеннаго у всѣхъ народовъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, порождаемаго желѣзной необходимостью, тщеславіемъ и страстью казаться лучше другихъ? Этотъ языкъ простираетъ власть свою и на тѣхъ, кои свили гнѣздушко, свое на перепутьѣ городовъ, столбовыхъ и почтовыхъ дорогъ, какъ проводниковъ городскаго вліянія, посредниковъ между селяниномъ и мѣщаниномъ. Разумѣется, посредники эти всегда больше похожи на свои первообразы, подойти къ коимъ какъ можно ближе составляетъ дя нихъ верхъ честолюбія, нежели на бѣдныхъ поселянъ, находящихся къ нимъ въ обратномъ отношеніи. Эти-то Малороссіяне-книжники, *письменныкы*, дѣйствительно, по причинамъ, сейчасъ нами приведеннымъ, произносятъ букву *о* какъ коренной звукъ не только въ названіяхъ городовъ и т. п., но даже и во всѣхъ прочихъ существительныхъ, прилагательныхъ, и т. д., въ коихъ она въ устахъ селянина всегда и вездѣ выговаривается какъ *и*, думая тѣмъ удержать словопроизводство, особливо же приблизиться къ Церковному и книжному Великорусскому. О, то страшные грамотѣи, *букаре* и преобразователи языка! Сколько они ни родили этѣхъ уродливыхъ дѣтищъ своего свихнутаго воображенія и языковѣдѣнія, большею частію странствующихъ по рукамъ, въ спискахъ, читая кои, невольно спраши-

ваете: «Да по каковски же это»? «Да оцьце, якъ бачыте, пане добродію, се вже ни по Ляцькій, ни по Дяцькій, ни по Московській ни по Молдавській, а, крый, Боже, по Паській»! Въ нихъ всюду «Переясловъ, Васильковъ, Повтава, Иванковцы, Рклѣевъ, Алтыца, Овдя, вонъ булъ позванъ Оськомъ Нагорнымъ на маслныцѣ на горячіи вареникы, але жонка его Евга привязалась къ ему якъ колтунъ, та й не пустила сердечного за порогъ». Стави еще эти умники надъ буквами, подчеркнутыми нами, какой нибудь *паеркъ*, тогда, какъ сонъ въ руку, такой образъ писанія и произношенія былъ бы *каллиграфія*, *орфографія*, *каллологія*, а противное имъ, безъ сомнѣнія, *какографія*, *какологія*, былъ бы «*употребительнѣйшій* способъ писанія въ Малороссіи, опирающійся на *Библейское* правописаніе», и пр., пр... Вотъ у кого, стало быть, могъ встѣтить и подслушать такое произношеніе названій городовъ, рѣкъ, и т. п., нашъ почтеннѣйшій М. А. Максимовичъ въ свое девятилѣтнее пребываніе на родинѣ! Но позволительно ли этотъ родникъ выдавать за единственно истинный, настоящій, чистый и безпримѣсный, источникъ, считать *щырымъ* Малорусскимъ языкомъ, и возводить на просовѣтовавшаго Шафарику держаться противнаго такое страшное обвиненіе, уличать въ поддѣлкѣ, искаженіи, называть провинціальнымъ пересоломъ»?

«Что касается того, что М. А. Максимовичъ не встрѣчалъ въ «Херсонскихъ и Крымскихъ степяхъ ни одного чумака, который называлъ бы *Перекопъ*—Перекипомъ, то на это замѣчаемъ: а) мудрено было встрѣтить чумака, такъ говорящаго, потому что *о*, измѣняющееся въ имен. пад. въ *и*, въ прочихъ падежахъ, за исключеніемъ двухъ, трехъ, словъ, допускающихъ это такъ и инакъ, всегда удерживаетъ свой первобытный звукъ. Хорошо же вы прислушивались къ языку вашихъ земляковъ! Даже *письменныкы* ваши этакъ не говорятъ, между тѣмъ какъ вы дважды повторяете это чудище, въ словѣ «Перекипомъ» и «Пэреясливa», б) Точно, на Шафариковой картѣ стоитъ Перекипъ, но у него же стоитъ и Конотопъ, а не Конотипъ, и под., кои всѣ окончены на *опъ*, а не на *ипъ*. Отсюда видно, что Перекипъ или

опечатка, или ошибка, принадлежащая собственно составителю карты, а не его совѣтнику. Шафарикъ, зная правило, изложенное нами выше, могъ однажды ошибиться и написать *и* вм. *о*; но во всѣхъ другихъ словахъ удержалъ настоящее произношеніе. Иное совсѣмъ было бы заключеніе, если бъ онъ тутъ поступилъ наоборотъ»...

На статью Бодянскаго М. А. Максимовичъ отвѣтилъ, въ свою очередь, объясненіемъ, «относящимся къ Шафариковой славянской картѣ» [1]), въ которомъ привелъ большой матеріалъ для опроверженія мнѣній Бодянскаго. На этомъ полемика, къ сожалѣнію, и прекратилась. О. М. Бодянскій не возражалъ М. А. Максимовичу. Призналъ ли онъ себя побѣжденнымъ, или ему было некогда, трудно сказать. Пусть филологи-спеціалисты разсудятъ, кто изъ нихъ правъ, Бодянскій или Максимовичъ?

Полемика, при нѣкоторой ея рѣзкости, однако, не испортила отношеній между старыми пріятелями. Переписка между ними продолжалась до самой смерти Максимовича. Письма послѣдняго напечатаны А. А. Титовымъ [2]); письма же Бодянскаго, кажется, не сохранились въ бумагахъ М. А. Максимовича, и, должно быть, погибли, между тѣмъ они должны были содержать въ себѣ богатый матеріалъ для характеристики отношенія Бодянскаго къ Малороссіи, малороссамъ и новому теченію въ изученіи малорусскаго народа, представителемъ котораго впослѣдствіи стала петербургская «Основа». Вопросы эти, если судить, по письмамъ Максимовича, вѣроятно, затрагивались и Бодянскимъ. Въ общемъ же пріятельская переписка между ними проникнута чисто научными интересами: извѣстія объ историческихъ матеріалахъ, относящихся къ Малороссіи, справки по поводу тѣхъ или другихъ историческихъ вопросовъ, мнѣнія о книгахъ и т. д. Центромъ, возлѣ котораго вертится переписка, является научное изученіе Малороссіи. Изъ писемъ М. А. Максимовича мы узнаемъ, напри-

---

[1]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. III, стр 329—344.

[2]) Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1887 г., кн. I.

мѣръ, что О. М. Бодянскій редактировалъ, т. е. вычеркивалъ и измѣнялъ «Филологическія письма» Максимовича къ Погодину, печатавшіяся въ «Русской Бесѣдѣ» [1]); хотѣмъ и самъ вмѣшаться въ этотъ филологическій споръ [2]); готовилъ къ изданію малорусскія народныя пѣсни [3]) и т. п.

Взаимныя симпатіи къ родинѣ сближали О. М. Бодянскаго и съ другими его земляками-малороссами.

Съ Гоголемъ Бодянскій познакомился, будучи еще студентомъ. Встрѣтились они въ домѣ Максимовича, гдѣ Бодянскій жилъ нѣкоторое время. Дружескихъ отношеній между ними, кажется, не было, но они всегда чувствовали взаимную симпатію другъ другу, какъ люди одной національности [4]). Вскорѣ послѣ знакомства Гоголь въ письмахъ своихъ къ Максимовичу уже посылалъ поклонъ своему «землячку»; впослѣдствіи они обыкновенно встрѣчались въ домѣ Аксаковыхъ на такъ называемыхъ «вареникахъ». Это были обѣды по воскресеньямъ, причемъ непремѣннымъ блюдомъ на этихъ обѣдахъ были вареники, а непремѣнными гостями Гоголь, Бодянскій и М. А. Максимовичъ, если онъ бывалъ въ Москвѣ [5]). Послѣ обѣда пѣли иногда малорусскія пѣсни, большимъ любителемъ которыхъ былъ Гоголь [6]). «Въ Русскомъ Архивѣ» записанъ любопытный разсказъ, какъ однажды Гоголь и Бодянскій были на вечерѣ у Аксаковыхъ и распѣвали тамъ малороссійскія пѣсни. Бодянскому вздумалось перевести на латинскій языкъ пѣсню: «И шумыть и гуде».

Et tonat, et bromat
Coelum pluvium dat,

---

[1]) Письма М. А. Максимовича къ О. М. Бодянскому въ «Чтеніяхъ», 1887, кн. I, стр. 146 и 148.

[2]) Тамъ же, стр. 148—149.

[3]) Тамъ же, стр. 134.

[4]) *Шенрокъ.* Матеріалы для біографіи Гоголя, т. IV, стр. 801—803.

[5]) Рус. Ст., 1888, кн. 11, стр. 409.

[6]) Тамъ же. „Руск. Ст.“, 1889 г., кн. X, стр. 134.. Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя, т. IV, стр. 801—803.

Quis me, quis me juventulam
Usque domum réducat?
Respondebit ei miles,
Dulcem melem bibens и т. д.

Такъ начинается этотъ переводъ. Латинскіе стихи выкрыкивалъ Бодянскій съ приплясываніемъ, что, прибавляетъ разсказчикъ, при его фигурѣ выходимо очень смѣшно [1]).

Въ сохранившихся обрывкахъ изъ дневника О. М. Бодянскаго не одинъ разъ идетъ рѣчь о Гоголѣ и встрѣчахъ съ нимъ. Н. В. Бергъ говоритъ объ этихъ встрѣчахъ слѣдующее: «Гоголь измѣнялъ обыкновенно своимъ порядкамъ, если въ числѣ приглашенныхъ вмѣстѣ съ нимъ оказывался одинъ малороссіянинъ, членъ того же славянофильскаго кружка. Какимъ то таинственнымъ магнитомъ тянуло ихъ тотчасъ другъ къ другу: они усаживались въ уголъ и нерѣдко говорили между собой цѣлый вечеръ горячо и оживленно, тогда какъ Гоголь (при мнѣ, по крайней мѣрѣ) ни разу не говорилъ съ кѣмъ-нибудь изъ великороссовъ». Этимъ однимъ малороссіяниномъ былъ и О. М. Бодянскій [2]).

Бодянскій вовсе не былъ замкнутымъ ученымъ. Напротивъ, къ нему обыкновенно заходили пріѣзжавшіе въ Москву малороссы; онъ являлся тѣмъ научнымъ авторитетомъ по изученію Малороссіи, къ которому обращались за совѣтами лица, имѣвшія какія-нибудь научныя или литературные интересы. Съ болѣе видными изъ украинскихъ писателей Бодянскій находился въ перепискѣ. Онъ любилъ писать обширныя письма, иногда разроставшіяся въ цѣлыя научныя статьи. Въ этомъ было его несчастіе. Частныя письма Бодянскаго, въ большинствѣ случаевъ, погибли, а вмѣстѣ съ ними погибло и много цѣннаго для науки. Что это такъ, не трудно судить по тѣмъ остаткамъ писемъ, которые сохранились и уже напечатаны.

---

[1]) Рус. Арх., 1885, кн. I, разныя разности, стр. 140—141.

[2]) *Шенрокъ.* Матеріалы для біографіи Гоголя, т. IV, стр. 800—801.

Говоря о заслугахъ Бодянскаго для изученія Малороссіи, нельзя забывать его постоянныхъ сношеній съ видными дѣятелями малорусской науки и литературы. Являясь для нихъ, при отсутствіи журнала, посвященнаго научному изученію Малороссіи, нѣкоторымъ объединяющимъ центромъ, Бодянскій оказывалъ несомнѣнное вліяніе на изслѣдователей малорускій старины и народности, сосредоточивалъ вниманіе на тѣхъ или другихъ вопросахъ научнаго изслѣдованія родины, дѣлалъ свои критическія замѣчанія, иногда рѣзкія тамъ, гдѣ находилъ это нужнымъ. Вся его обширная переписка съ этими дѣятелями говоритъ объ этомъ.

Въ концѣ 1840-хъ годовъ О. М. Бодянскій познакомился съ молодымъ тогда чиновникомъ министерства народнаго просвѣщенія Г. П. Данилевскимъ. Нужно сказать, что О. М. Бодянскій всегда чрезвычайно любовно относился къ своимъ землякамъ. Такъ онъ отнесся и къ Данилевскому, познакомилъ его съ Гоголемъ [1]).

Между Бодянскимъ и Данилевскимъ началась, конечно, переписка, такъ какъ Данилевскій жилъ въ Петербургѣ. Содержаніе переписки—интересы украинской литературы [2]). Въ срединѣ 1850-хъ годовъ Данилевскій напечаталъ свою статью о Квиткѣ-Основьяненкѣ [3]). Желая рельефнѣе выставить заслуги Квитки въ исторіи украинской литературы, онъ сдѣлалъ предварительно небольшой очеркъ украинской литературы, въ которомъ умалилъ значеніе «Энеиды» Котляревскаго, признавъ въ ней «порядочную частицу снотворности и воды», зато отмѣтилъ заслуги другихъ, менѣе важныхъ или совсѣмъ незначительныхъ писателей. Мы знаемъ, что когда-то въ молодые годы о Квиткѣ писалъ и О. М. Бодянскій. Его мнѣнія на ходъ развитія украинской литературы во многомъ расходились съ мнѣніемъ Данилевскаго. И вотъ Бодянскій пишетъ Данилевскому нѣсколько рѣзкое, но чрезвычайно интересное письмо [4]) «Что это Вы тамъ нагородили по

---

[1]) Рус. Ст., 1889, кн. X, стр. 134.

[2]) Кіевск. Ст., 1893, январь, стр. 53—58.

[3]) *Г. П. Данилевскій.* Украинская Старина, Харьк., 1866, стр. 173—284.

[4]) Кіев. Ст., 1903, янв., стр. 56—57.

поводу Основьяненка, и нашихъ писакахъ?—спрашиваетъ онъ.

Судя по сказанному Вами тамъ, вижу, что Вы писали все съ чужого голоса или письма, да и то перерепутали. Напримѣръ: «и наконецъ (укажу) на г. Кирилла Тополя (Тополю? Какъ же не знать именительнаго?!), который... едва ли не болѣе другихъ украинскихъ поэтовъ говоритъ сердцу? Да развѣ онъ писалъ по-украински? Посмотрите же, что за чепуха его «Чепуха». Она и въ подметки не годится его «Чарамъ», которыя писаны по-каковски? Далѣе, зачѣмъ мѣшать съ писавшими по малороссійски тѣхъ, кои брали только содержаніе для своихъ сочиненій изъ Малороссійскаго быта? Развѣ можно такъ дать правильное понятіе о малороссійскихъ писателяхъ? Развѣ Голота, Кузьмичъ, Петренко, Сомовъ и подобная братія писали по малороссійски? Что за иностранцы: Лозинскій, Левицкій, Вагилевичъ и подобные имъ? Давно ли Котляревскій своей Энеидой сдѣлался снотворнымъ? Досихъ поръ не только Малороссіяне, но и кто только въ состояніи понимать ихъ языкъ мало-мальски, находили, что никто и никогда не потѣшалъ такъ православныхъ перелицёванкой своей, какъ онъ. нашъ Котляревскій. Есть выворотка Энеиды почти на всѣхъ языкахъ образованныхъ народовъ, но ни на одномъ изъ нихъ съ такимъ успѣхомъ, какъ у насъ. Это судъ не мой, но всѣхъ тѣхъ, кто читалъ перелицёванки другихъ. А такой успѣхъ развѣ возможенъ при снотворности? Наоборотъ: языкъ его, хотя Вы его называете чистымъ малороссійскимъ языкомъ, «puritatis legitimae» именно во многомъ: «illegitime purus sermo». Онъ позволялъ себѣ частенько, для стиха, такіе слова и обороты, которые совершено чужды малороссіянину. Наконецъ, что за замашка у Васъ брать у другого, умалчивая о томъ, и такъ приводить его имя совсѣмъ не какъ своего источника, а такъ кстати, мимоходомъ, по поводу, совершенно случайному. Не указываю Вамъ, гдѣ это именно въ Вашей статьѣ: сами возрастъ имате, и потому сами смекнете, къ чему это направлено. Въ заключеніе, съ какой стати Вы называете малороссійское нарѣчіе

---

[1]) Кіев. Ст., 1897, т. 58—59.

или языкъ, его письменность, сказки, пѣсни и т. п., *степными?* Подъ «степнымъ» рузумѣется у насъ только «*Слободско*-Украинское», отнюдь же не все Малороссійское. Неправильно по части называть преимущественно цѣлое; это пристрастіе, правда, понятное, тѣмъ не менѣе пристрастіе, неумѣстное въ печати. Точно также не точно увѣреніе, яко бы Основьяненько писалъ на какой то смѣси харьковскаго нарѣчія. Опять квасная привязанность или пристрастіе. Кромѣ высказаннаго сейчасъ мною Вамъ не въ бровь, а прямо въ глазъ о Вашемъ дѣтищѣ, довольно есть въ немъ и такого, чего не лѣпо есть на письмѣ глаголати. Когда выйдетъ отдѣльно посудимъ больше; но, какъ бы ни былъ строгъ мой судъ, все же статья Ваша (сужу только по первой половинѣ) *очень замѣчательна* и доставила мнѣ много удовольствія многимъ, въ ней содержащимся. Я потому столько привязчивъ къ ней, что не хотѣлось бы съ послѣдними видѣть первыхъ, на одной доскѣ».

Въ то же самое время, когда писано это письмо О. М. Бодянскій, велъ переписку съ П. А. Кулишемъ. Отношенія между ними начались также въ 1840-хъ годахъ; научныя и литературные интересы ихъ были ближе, однороднѣе, чѣмъ у Бодянскаго съ Даниленскимъ, а потому и переписка живѣе, разнообразнѣе. Мы не имѣемъ писемъ Бодянскаго къ Кулишу и не знаемъ, сохранились ли они? Судить о характерѣ переписки мы можемъ только по письмамъ Кулиша, недавно напечатаннымъ [2]). Красной нитью проходитъ черезъ нихъ любовь къ малорусской старинѣ, памятникамъ ея старой и новой литературы, памятникамъ народнаго творчества, къ народному языку. Нѣкоторыя изъ писемъ Кулиша писаны на украинскомъ языкѣ; можно думать, что и отвѣты на нихъ Бодянскаго писаны также по-украински.

Въ перепискѣ съ Кулишемъ не одинъ разъ шла рѣчь и объ Т. Г. Шевченкѣ [1]). Когда познакомился и встрѣтился съ нимъ Бодянскій мы не знаемъ. Изрѣдка они обмѣнивались письмами [2]).

---

[1]) Кіев. Ст., 1897, т. 58 и 59, стр. 399 и въ разныхъ мѣстахъ.

[2]) Охранный каталогъ рукописей А. А. Титова. М., 1888, вып. 3-й. Подъ № 2169 «Письма Т. Г. Шевченка къ О. М. Бодянскому».

Когда Шевченко былъ въ ссылкѣ, Бодянскій посылалъ ему книги. «Авось онъ, записалъ Бодянскій въ своемъ дневникѣ, проведетъ за ними пріятно время въ своемъ уединеніи и вспомнитъ старину, самъ старѣясь съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе не столько отъ лѣтъ, сколько отъ обстановки своей» [1]).

Мы уже знаемъ, что къ Бодянскому за совѣтами обращался и молодой, только что начинавшій свою дѣятельность изслѣдователь малорусской старины А. М. Лазаревскій [2]). Бодянскій чрезвычайно тепло встрѣтилъ это обращеніе и сердечно отнесся къ только что начинавшему работнику. Такъ Бодянскій встрѣчалъ всякаго, обращавшагося къ нему за совѣтомъ, и нельзя отрицать, что въ этомъ была уже значительная общественная заслуга Бодянскаго...

Приведенные сейчасъ отрывочные факты показываютъ, что и по возвращеніи изъ-заграницы Бодянскій продолжалъ жить тѣми же литературными и научными интересами къ своей родинѣ, которые такъ отличали его и въ молодые годы. То обстоятельство, что на страницахъ «Чтеній» опубликовано такъ много украинскихъ историческихъ памятниковъ—явленіе вовсе не случайное. Нельзя его объяснить благопріятными условіями, когда въ редакціи оказались подъ рукою много этихъ памятниковъ. Напротивъ, они спеціально выискивались, и Кулишъ въ своихъ письмахъ къ Бодянскому описываетъ иногда цѣлыя программы, которыя намѣчены имъ для отыскиванія тѣхъ или другихъ украинскихъ историческихъ матеріаловъ [3]). Самъ Бодянскій говоритъ объ этомъ слѣдующее: «Будучи по происхожденію южноруссъ, и и зная, что судьбы этой исконной Руси, особливо за время отдѣльнаго ея существованія отъ Руси Сѣверной, мало извѣстны сынамъ той и другой, благодаря малому распространенію между ними бытописныхъ свѣдѣній, опирающихся непосредственно на

---

[1]) Сборн. О-ва любит. росс. словесн. на 1891 г., стр. 115—116.

[2]) Кіев. Ст., 1889 г., кн. II, стр. 446—450.

[3]) Письма Кулиша къ Бодянскому въ „Кіевск. Стар.“, 1897 г, т. 58 и 59.

источники, я рѣшился въ повременномъ изданіи, завѣдываемомъ мною, какъ редакторомъ и секретаремъ общества, время отъ времени помѣщать послѣднія» [1]).

Печатая въ «Чтеніяхъ» «Исторію Руссовъ», Бодянскій писалъ въ предисловіи къ ней слѣдующее:

«Время отъ времени я намѣренъ тоже самое сдѣлать и съ прочими письменными источниками Малой Росіи, лѣтописями, записками, описаніями и т. п., напр., съ Шафонскимъ, Симоновскимъ, и друг. А потому я просилъ бы всѣхъ, кто только имѣетъ и желаетъ видѣть въ непродолжительномъ времени тѣ и подобные имъ памятники напечатанными, присылать мнѣ оные, какъ секретарю Общества, для снятія съ нихъ списковъ и немедленнаго помѣщенія въ «Чтеніяхъ». Искреряя благодарность и признательность современниковъ, занимающихся исторіею, равно какъ и самаго потомства, будетъ лучшей наградой тѣмъ, кои воньмутъ этому призыву. Пора уже, давно пора, не скрывать подобнаго рода богатствъ подъ спудомъ и тѣмъ, сколько можно, облегчить изученіе и познаніе исторіи Южныхъ Русовъ для всѣхъ и каждаго, особенно же самыхъ Рускихъ. Благо, что есть вѣрный и *скорый случай* исполнить ету священную обязанность истиннаго сына своего народа и отечества».

Тоже самое говорилъ Бодянскій и въ предисловіи къ «Діаріушу» Ханенка [2]), когда онъ начиналъ второй періодъ своей издательской дѣятельности:

«Прошедшія судьбы Малой Россіи преимущественно должны останавливать вниманіе и заботливость на себѣ Малороссіянъ, сыновъ ея. Не позаботятся они о томъ, кто же станетъ заботиться? Всякое уваженіе и значеніе наше исходятъ прежде всего отъ нашего самопознанія и самоуваженія. **Не дивитеся семоу: яко слышиж, и сажда**, можетъ сказать намъ въ такомъ случаѣ каждый словами Вѣчной Правды».

---

[1]) Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. росс., 1871 г., кн. I. Смѣсь, стр. 218.

[2]) Предисловіе, стр. XXI.

Изданіе малорусскихъ памятниковъ Бодянскій началъ съ лѣтописей. Въ послѣдствіи Карповъ упрекнулъ его въ этомъ [1]). Бодянскій оправдывался тѣмъ, что поступить иначе онъ не могъ. Есть, несомнѣнно, болѣе драгоцѣнные и важные матеріалы, чѣмъ малорусскія лѣтописи, «но они лежатъ не только подъ спудомъ, но даже за тридевятью замками, а иногда и въ тридесятомъ царствѣ и иномъ государствѣ». Добыть ихъ, обработать къ печати не по силамъ одному человѣку. Бодянскій печаталъ, что могъ, что было у него подъ руками. Къ тому же онъ вовсе не склоненъ умалять значеніе малорусскихъ лѣтописей, какъ дѣлаетъ это Карповъ. «Весьма часто, говоритъ Бодянскій, извѣстіе нехитраго лѣтописца или какой-либо записки. письма и т. п. частнаго человѣка въ сто разъ достовѣрнѣе самого правительственнаго памятника, который въ одно и то же время, какъ говорится, нерѣдко и бѣлитъ и чернитъ, отъ своего чрева гнетъ такъ прямо, какъ дуга, или какъ московская оглобля, словно водой бредетъ; слушая, или читая его, уши вянутъ, въ очахъ зеленитъ, заносится до самозабвенія, людей стыдится и Бога боится» [2]).

Мы не будемъ здѣсь разбирать упрековъ Карпова, которые односторонни и несправедливы, тѣмъ болѣе, что онъ самъ въ концѣ концовъ приходитъ къ выводу: «во всякомъ случаѣ хорошо, что малороссійскія лѣтописи изданы (нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ несомнѣнное достоинство)». Изслѣдователи малорусской исторіи въ достаточной степени изучили, оцѣнили и использовали малорусскія лѣтописи, изданныя Бодянскимъ, чтобы можно было умалять заслугу Бодянскаго въ ихъ изданіи. Ими широко пользовались Максимовичъ, Соловьевъ, Костомаровъ и другіе изслѣдователи политической исторіи Малороссіи. Лѣтопись Самовидца была даже переиздана въ 1878 году Кіевской Ком-

---

[1]) Критич. обзоръ разработки главныхъ источниковъ по исторіи Малороссіи за время 1654—1672 г., М. 1870.

[2]) Чтеніе въ Обществѣ исторіи и древностей 1871 г., кн I. Смѣсь, стр. 216—228.

миссіей для разбора древнихъ актовъ: на столько изданіе этой лѣтописи Бодянскимъ сдѣлалось рѣдкимъ, и на столько она была необходима для изучающихъ малорусскую исторію.

Первымъ изъ памятниковъ малорусской старины, напечатанныхъ въ «Чтеніяхъ» была «Исторія Руссовъ». Она появилась въ первыхъ четырехъ книгахъ «Чтеній» за 1846-й годъ.

Время составленія «Исторіи Руссовъ» неизвѣстно. Преданіе связывало если не составленіе ея, то исправленіе съ именемъ извѣстнаго бѣлорусскаго архіепископа временъ Екатерины II Георгія Конисскаго.

Бодянскій, который вполнѣ довѣрялъ преданію, разсказываетъ въ предисловіи, какимъ образомъ «Исторія Руссовъ» сдѣлалась извѣстной. Депутату отъ лубенскаго шляхетства въ екатериненской законодательской коммиссіи Г. А. Полетикѣ, который выступалъ въ коммиссіи дѣятельнымъ защитникомъ малорусской общественной самобытности, потребовалась исторія родной страны, для того, чтобы историческими фактами подкрѣплять свои мнѣнія. Съ просьбой о такой исторіи, Полетикъ обратился къ своему учителю, природному малороссу, воспитаннику кіевской духовной академіи Георгію Конисскому. Послѣдній сообщилъ Полетикѣ «Лѣтопись или Исторію», «увѣряя архипастырски, что она ведена съ давнихъ лѣтъ въ кафедральномъ могилевскомъ монастырѣ искусными людьми, сносившимися о нужныхъ свѣдѣніяхъ съ учеными мужами кіевской духовной академіи и разныхъ знатнѣйшихъ малороссійскихъ монастырей, а паче тѣхъ, въ коихъ проживалъ монахомъ Юрій Хмельницкій, прежде бывшій гетманомъ малороссійскимъ, оставившій въ нихъ многія записки и бумаги отца своего, гетмана Зиновія Хмельницкаго, и самые журналы достопамятностей и дѣяній національныхъ, и что при томъ она вновь имъ пересмотрѣна и дополнена». Полетика сравнилъ «Исторію Руссовъ» съ другими подобными исторіями, нашелъ ее «превосходнѣйшею» и всегда придерживался ея при справкахъ и запискахъ, которыя подавалъ въ Коммиссіи. «Итакъ, прибавляетъ Бодянскій, Исторія сія, прошедшая столько отличныхъ умовъ, кажется должна быть досто-

вѣрною». Можетъ возбуждать сомнѣніе только обиліе войнъ, но обстоятельства жизни малорусскаго народа были таковы, что «сего народа все упражненіе и ремесло состояло въ войнѣ и убійствахъ [1]).

Если Бодянскій въ своемъ предисловіи и не называлъ прямо Георгія Кониcскаго составителемъ «Исторіи Руссовъ», то авторство послѣдняго въ исторической литературѣ сдѣлалось общепризнаннымъ. И только въ очень недавнее время ученые подвергли его сомнѣнію, при чемъ одни (В. С. Иконниковъ и А. М. Лазаревскій) авторомъ «Исторіи Руссовъ» стали называть самого Г. А. Полетику [2]), другіе (В. П. Горленко)—сына Г. А.—Василія Григ. Полетику [3])

Предположеніе, что авторомъ «Исторіи Руссовъ» могъ быть Г. А. Полетика имѣетъ за собою много основаній. Полетика былъ человѣкъ ученый, онъ занимался, изучалъ исторію своей родины, собиралъ и собралъ довольно большое количество матеріаловъ. Интересъ его къ исторіи вовсе не былъ вызванъ случайно практическими цѣлями, какъ говоритъ преданіе. Вѣроятнѣе, практическая цѣль защиты «правъ малорусскихъ», которую Полетика преслѣдовалъ въ Екатериненской коммисіи, явилась результатомъ хорошаго его знакомства съ прошлыми судьбами своей ро-

---

[1]) Чтенія 1846 г. (годъ первый) кн. I-я. Предисловіе Бодянскаго къ «Исторіи Руссовъ». Новѣйшіе ученые довольно критически относятся къ исторіи Руссовъ и находятъ ее въ многихъ частяхъ недостовѣрной односторонней и предвзятой. Ср. Соловьевъ «Очеркъ исторіи Малороссіи до подчиненія ея царю Алексѣю Михайловичу» въ Отеч. Зап. 1848 № 11 и 12-й 1849 № 2 *Карповъ*. Критичес. обзоръ разработки главныхъ источниковъ по истор. Малороссіи. Другія мнѣнія см. у В. П. Горленка Кіев. Ст. 1891 т. 40 стр, 65—67.

[2]) *Проф. В. С. Иконниковъ.* Опытъ русской исторіографіи т. I, кн. 2-я стр. 1230 прм. 4. *А. М. Лазаревскій.* Отрывки изъ семейнаго архива Полетикъ. Кіев. Ст. 1897 г. т. 33, стр. 110—116.

[3]) *В. П. Горленко.* Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX ст. Кіев. Ст. 1893 г. т. 40 стр. 60—67.

дины. Скорѣй всего нужно думать, что все міровоззрѣніе Полетики покоится на изученіи исторіи Малороссіи, чѣмъ предполагать, что Полетика искалъ историческаго сочиненія для того, чтобы только лучше обосновать свои уже готовыя мнѣнія. Если мы видимъ, поэтому, что записки, замѣтки и рѣчи Г. А. Полетики, которыя онъ говорилъ или представлялъ въ засѣданіи разныхъ коммиссій въ Москвѣ въ 1767 году по мысляхъ и идеяхъ сходны съ «Исторіей Руссовъ», это еще болѣе должно создавать увѣренность въ томъ, что авторомъ «Исторіи Руссовъ», былъ именно Г. А. Полетика, этотъ горячій малорусскій патріотъ XVIII столѣтія, отстаивавшій «малорусскія вольности» не на демократической только основѣ, а на основѣ преобладанія вполнѣ сложившейся уже въ рединѣ XVIII в. малорусской старины.

Такая мысль сквозитъ и въ «Исторіи Руссовъ», и очень можетъ быть, исторія эта явилась именно въ ту пору, когда, при Екатеринѣ II, малорусскому общественному строю приходилъ конецъ, когда шла административная подготовительная работа къ введенію въ Малороссіи общерусскихъ губернскихъ порядковъ. «Исторія Руссовъ» съ ея глубокими симпатіями къ малорусской общественной самостоятельности, къ малорусскимъ «правамъ и вольностямъ», съ ея несочувственнымъ и враждебнымъ отношеніемъ ко всему, что подрывало эти вольности и грозило имъ уничтоженіемъ какъ разъ соотвѣтствовала тому взрыву малорусскаго патріотическаго настроенія, которое мы видимъ послѣ окончательнаго уничтоженія въ Малороссіи гетманства и во время екатериненской законодательной коммиссіи. Тогда же могла создаться и популярность «Исторія Руссовъ» среди малорусской интеллигенціи. Никакая другая книга до тѣхъ поръ не распространялась въ Малороссіи въ такомъ количествѣ списковъ, какъ именно эта: за переписку ея платили бѣшеныя деньги, были даже промышленники, которые за дорогую цѣну сбывали переписанные экземпляры [1]). Словомъ, книга считалась запретной, опасной; а всякій запретный плодъ—сладокъ.

---

[1]) Чтенія въ Общ. ист. и древ. 1871 кн. I, Смѣсь стр. 222 *В. П. Горленко* Кіев. Ст. 1893 т. 40 стр. 61.

До Бодянскаго было нѣсколько попытокъ издать «Исторію Руссовъ». Добивались этого Устряловъ, Пушкинъ, Гоголь—все напрасно: цензура прекращала всякую попытку. Наконецъ, рѣшилъ попробовать счастья и Бодянскій. «Особенности этой «Исторіи», говоритъ онъ, заставляли всѣхъ, кто имѣлъ случай читать ее въ ходившихъ по рукамъ спискахъ, желать ея оглашенія, выставлялись въ такомъ заманчивомъ свѣтѣ, особливо смѣлость сужденій сочинителя о событіяхъ и двигателяхъ событіями, равно какъ и самый языкъ его, вовсе не похожій на языкъ прочихъ подобныхъ Исторій, что естественно было отважиться, нельзя ли этотъ запретный плодъ сдѣлать доступнымъ всѣмъ и каждому, а не однимъ только тѣмъ, кому такъ или иначе выпало на долю вкусить его» [1]). Для успѣха дѣла, Бодянскій рѣшилъ воспользоваться тѣмъ обстоятельствомъ, что Общество исторіи и древностей имѣло право собственной цензуры: онъ расчитывалъ, что издать «Исторію Руссовъ» лучше всего именно на первыхъ порахъ издательской дѣятельности Общества, когда дѣло еще не наладилось. И онъ не ошибся. Все сошло удачно. «Исторія Руссовъ» появилась въ печати, хотя «съ каждой книжкой «Чтеній» больше и больше стращали печатавшаго всякими страхами» [2]).

Двери для малорусскихъ матеріаловъ въ «Чтеніяхъ» были, такимъ образомъ, открыты. Вслѣдъ за «Исторіей Руссовъ» въ «Чтеніяхъ» стали печататься другія малороссійскія лѣтописи, лѣтописныя сказанія, записки, дневники, частныя и правительственныя бумаги, и они печатались въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ

---

1) Чтенія 1871 г. кн. I, смѣсь стр. 222.

2) Чтенія 1871 г. кн. I Смѣсь стр. 222. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Бодянскому отъ 6 февр. 1857 г. М. А. Максимовичъ говоритъ «какъ досадно, что у меня зачитали подаренный вами экземпляръ «Исторія Руссовъ». А знаете ли, что въ Кіевѣ продается она по 10 и 12 руб. сер. и по Малороссіи идетъ слухъ, яко бы она есть книга запрещенная! Сообщаю вамъ это для свѣдѣнія, какъ извѣстіе, полученное отъ пріѣхавшаго съ контрактовъ». Чтенія 1887 г. кн. I. Письма Максимовича къ Бодянскому стр. 146.

(1846—1858) непрерывно, пока въ 1848 году не случилась уже извѣстная читателю Флетчеровская исторія, и изданіе не было пріостановлено. За эти года (1846—1848 гг.) въ «Чтеніяхъ» кромѣ «Исторіи Руссовъ» были напечатаны слѣдующіе малорусскіе матеріалы: «Лѣтопись Самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго», «Исторія, или повѣствованіе о донскихъ козакахъ» Ригельмана и его же «Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, ея народѣ и о козакахъ вообще». Часть экземпляровъ этого послѣдняго была иллюстрирована. Къ нимъ были приложены портретъ Богдана Хмельницкаго, 27 литографій, изображающихъ малороссіянъ различныхъ общественныхъ положеній, картина «Избраніе кошевого атамана въ запорожской сѣчи» и двѣ карты—одна юга Россіи, преимущественно Украины и Польши, другая—древнихъ земель, занимавшихъ эту территорію.

За Ригельманомъ издано было «Краткое описаніе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ» Петра Симоновскаго—и переведенная съ польскаго языка «Краткая исторія о бунтахъ Хмельницкаго». Затѣмъ слѣдовали «Исторія о козакахъ запорожскихъ, какъ оные изъ древнихъ лѣтъ зачалися, и откуда свое происхожденіе имѣютъ, и въ какомъ состояніи нынѣ находятся»; историческія сочиненія о Малороссіи и малороссіянахъ извѣстнаго академика XVIII ст. Г. Ф. Миллера; переписка и другія бумаги Карла XII, Станислава Лещинскаго, Орлика и др., письма Головкина къ Скоропадскому, «о достопамятностяхъ Чернигова» и «отвѣты на нѣкоторые вопросы о Малой Россіи» М. Маркова; письмо Лазаря Барановича къ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ; записка Георгія Конисскаго объ уніи; двѣ грамоты царя Алексѣя Михайловича къ воеводамъ о малорусскихъ козакахъ; о мѣстѣ погребенія гетмана Скоропадскаго; письмо кошевого Гордѣенка къ воеводѣ Шеншину; письмо имп. Александра I къ бывшему малор. гетману Кириллу Разумовскому; повѣсть о томъ, что случилось на Украинѣ со времени покоренія ея Литвой до смерти Богдана Хмельницкаго; письма разныхъ лицъ къ Мазепѣ объ его сестрѣ Войнаровской; письмо Мазепы къ царямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ; указъ Петра Мазепѣ 1705 г.; «Краткое истори-

ческое описаніе о Малой Россіи до 1765 г.»; «Начало уніи» Д. Зубрицкаго: «Этнографическій взглядъ на кіевскую губернію» Менькова; «Густынская лѣтопись»; «Описаніе о Малой Россіи и Украинѣ» Станислава Зарульскаго; письма Петра I къ гетману Скоропадскому; «Малороссійская переписка, хранящаяся въ московской Оружейной палатѣ»; «О первыхъ гетманахъ малороссійскихъ» и «акты, поясняющіе исторію Малороссіи» Н. Маркевича; письма царевенъ, дочерей Петра, и имп. Екатерины Алексѣевны къ гетману Скоропадскому и, наконецъ, «Замѣчанія, до Малой Россіи принадлежащія», которыя О. М. Бодянскій считалъ запиской, поданной неизвѣстнымъ авторомъ высшему начальству объ улучшеніи малорусскаго строя. «И, надобно сказать, прибавляетъ Бодянскій, почти всѣ улучшенія, предложенныя имъ, исполнены послѣднимъ (т. е. высшимъ начальствомъ) одно за другимъ постепенно, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями». Въ свое время Д. Н. Бантышъ-Каменскій склоненъ былъ думать, что авторомъ «Замѣчаній» былъ Марковъ [1], но Бодянскій не принялъ этого мнѣнія и въ послѣднее время оно убѣдительно опровергнуто проф. М. Н. Бережковымъ [2]).

Мы перечислили, кажется, все, изданное въ «Чтеніяхъ» О. М. Бодянскимъ за три года по малорусской исторіи, и думаемъ, ни у кого не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, какъ много далъ О. М. Бодянскій наукѣ своими изданіями. До него изданіе матеріаловъ по малорусской исторіи носило чисто случайный характеръ. Нельзя сказать, чтобъ его окончательно не было: еще въ XVIII ст. и въ началѣ XIX ст. нѣкоторые матеріалы по малорусской исторіи были изданы академикомъ Г. Ф. Миллеромъ [3]),

---

[1]) Труд. и Зап. Моск. Общ. Ист. 1826., ч. III, кн. 2, стр. 73—76.

[2]) М. Бережковъ. М. Е. Марковъ и его рукописный сборникъ о черниговской старинѣ стр. 8—9. Таже статья помѣщена въ «Сборникѣ истор.-фил. Об-ва при институтѣ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ.

[3]) О началѣ и происхожденіи козаковъ. «Сочиненія и перев. къ пользѣ и увеселенію служащія» 1760 г., апрѣль. Извѣстія о запорожскихъ козакахъ, тамъ же, май, стр. 387—444.

Василіемъ Рубаномъ [1]), Туманскимъ [2]), Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ [3]), Мих. Берлинскимъ [4]), Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ [5]),

---

[1]) «Историч. извѣстія польскихъ писателей о провинціяхъ и городахъ россійскихъ, бывшихъ нѣкогда во владѣніи польскомъ и потомъ опять россіянами взятыхъ, принадлежащія къ россійской имперіи» Парнасс. Щепетил. 1770 г., декабрь, стр. 290—319.—„Краткія политическія историческія извѣстія о Малой Россіи, съ пріобщеніемъ украинскихъ трактовъ и извѣстій о почтахъ, также списка духовныхъ и свѣтскихъ, тамо находящихся нынѣ чиновъ, числѣ народа и прочая". Спб. 1773;—„О привилегіяхъ королевскихъ, въ бытность Кіева подъ Польшею и о грамотахъ государскихъ, по возвращеніи его подъ Россію, данныхъ кіевскимъ училищамъ" „Старина и Новизна" 1773 г., ч. II, стр. 107—130.—„Роспись митрополитовъ кіевскихъ, съ краткимъ лѣтописаніемъ» Моск. любоп. мѣсяц. на 1776 г.», стр. 54—120.—«Краткая лѣтопись Малыя Россіи съ 1506 по 1776 годъ, съ изъявленіемъ настоящаго образа тамошняго правленія, и съ пріобщеніемъ списка прежде бывшихъ гетмановъ, генеральныхъ старшинъ, полковниковъ и іерарховъ; также землеописанія съ показаніемъ городовъ, рѣкъ, монастырей, церквей, числа людей, извѣстій о почтахъ и другихъ нужныхъ свѣдѣній. Спб. 1777. Землеописаніе Малыя Россіи, изъявляющее города, мѣстечки, рѣки, число монастырей и церквей, и сколько гдѣ выборныхъ козаковъ, подпомощниковъ и посполитыхъ по ревизіи 1764 года находилось; также дополненіе о полтавскомъ полку, извѣстіе о почтахъ и трактахъ и алфавитная всѣмъ званіямъ роспись; какъ и дополнительная вѣдомость о церквахъ всѣхъ тамошнихъ епархій. Спб. 1777.

[2]) Въ «Россійскомъ магазинѣ» Ѳ. Туманскаго (1792—1795) напечатаны, между прочимъ: «Выписка изъ записки 1794 г. о происходившемъ въ бывшей Сѣчи Запорожской, при выборѣ въ кошевые атаманы, войсковые судьи, писари и асаулы; также въ разныя мѣста—въ полковники, что обыкновенно бывало въ новый годъ».—Бѣлоцерковскій манифестъ Богдана Хмельницкаго;—Лѣтописецъ Малыя Россіи и др.

[3]) Историческое обозрѣніе о возникшей въ Польшѣ уніи. М. 1805.

[4]) Покореніе Кіева Гедимономъ; Раздѣленіе Малороссіи на полки; О городѣ Кіевѣ; О малороссійскихъ чинахъ (изъ Шафонскаго). «Улей» 1811 г. и др.

[5]) Исторія Малой Россіи 1822 г. Къ этому изданію приложено много актовъ.

митрополитомъ Евгеніемъ Болховитинымъ [1]); въ журналахъ попадались отдѣльные матеріалы, относившіеся къ исторіи Малороссіи [2]); но, повторяемъ, изданія эти носили спорадическій, случайный характеръ; это уже видно изъ того, что главнѣйшія малорусскія лѣтописи оставались все же ненапечатанными. О. М. Бодянскому принадлежитъ несомнѣнная громадная заслуга предъ малорусской исторической наукой въ томъ, что онъ такъ широко открылъ страницы «Чтеній» систематическому изданію малорусскихъ матеріаловъ и далъ возможность излѣдователямъ пользоваться важнѣйшими историческими источниками, которые до тѣхъ поръ лежали подъ спудомъ.

Было бы ошибкой, впрочемъ, думать, что О. М. Бодянскій первый принялся за систематическое изданіе малорусскихъ историческихъ матеріаловъ. Еще раньше появленія «Чтеній» такое изданіе было предпринято въ Кіевѣ «Временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ», которая въ 1845 году стала выпускать въ свѣтъ свои «Памятники». Но это обстоятельство ни сколько не умаляетъ заслугъ О. М. Бодянскаго предъ наукой и родиной. Изданіе малорусскихъ матеріаловъ явилось у него независимо отъ кіевской коммиссіи; оно было естественнымъ выводомъ изъ міросозерцанія его, какъ малоросса, по происхожденію, и какъ человѣка, проникнутаго интересами научнаго изученія своей родины. Къ этому нужно прибавить, что дѣятельность О. М. Бодянскаго въ общемъ была нѣсколько интенсивнѣе, чѣмъ дѣятельность кіевской коммиссіи [3]), несмотря на то, что Бодянскій дѣй-

---

[1]) Описаніе Кіево-Софійскаго собора К., 1825; Описаніе Кіево-Печерской лавры. Кіевъ 1826.

[2]) Экстрактъ изъ грамотъ и привилегій малорусскихъ, изд. въ Сѣверн. Арх. въ 1828 г.; Наставленіе выборному отъ малор. коллегіи въ коммиссію о сочиненіи новаго уложенія Натальину От. Зап. 1830 г., ч. 42; Описаніе Украины Боплана, изд. въ 1830 г. Устряловымъ; «Запорожская старина» Срезневскаго, Исторія Малороссіи Н. Маркевича (1842 г.) и т. д.

[3]) *Ср. О. И. Левицкій.* Пятидесятилѣтіе кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ 1893. Перечень изданій, стр. 124—126.

ствовалъ при условіяхъ гораздо худшихъ, чѣмъ коммиссія. Обиліе малорусскихъ матеріаловъ въ «Чтеніяхъ» вызывало нареканія на Бодянскаго отъ членовъ Общества, вообще не жаловавшихъ Малороссію. «Чѣмъ сдѣлались «Чтенія»?—писалъ, напр. проф. Кубаревъ къ Сахарову. Сбродомъ всякой всячины и сокровищницею былей и небылицъ хохлатскихъ! Такъ что самое доброе, что есть въ нихъ, совершенно теряется въ этомъ навозѣ» [1]). Для того, чтобы начать печатаніе пѣсенъ Галицкой Руси, собранныхъ львовскимъ профессоромъ Я. Ф. Головацкимъ, Бодянскій, во избѣжаніе «какихъ либо толковъ и пересудовъ» долженъ былъ предпослать имъ собраніе великорусскихъ пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго [2]).

Конечно. во всемъ этомъ О. М. Бодянскому помогала его удивительная энергія, его любовь къ дѣлу, наукѣ. Многое онъ дѣлалъ самъ, своими силами. Почти всѣ, изданные имъ малорусскіе матеріалы снабжены его предисловіями, въ которыхъ онъ сообщаетъ о характерѣ памятника, о томъ, какимъ путемъ памятникъ попалъ въ его руки, даетъ свѣдѣнія или предположенія объ авторѣ и т. д. Иногда эти свѣдѣнія очень обширны. Предисловіе къ «Діаріушу» Николая Ханенка, о которомъ будетъ рѣчь ниже, разрослось, напр., въ цѣлую обстоятельную историческую статью о родѣ Ханенковъ. Но этого мало: къ нѣкоторымъ памятникамъ О. М. Бодянскій дѣлалъ примѣчанія, устанавливалъ разночтенія, объяснялъ малорусскія или непонятныя слова, какъ онъ сдѣлалъ это при «Исторіи Руссовъ» и «Лѣтописи Самовидца». О. М. Бодянскимъ или при его ближайшемъ участіи и редакціи сдѣланы подробные указатели къ наиболѣе крупнымъ изъ изданныхъ памятниковъ: Исторіи Руссовъ, Лѣтописи Самовидца, сочиненіямъ Ригельмана. Мы не говоримъ уже о томъ трудѣ, который былъ связанъ съ добываніемъ матеріаловъ для печати. Главнымъ помощникомъ и поставщикомъ его въ этомъ отношеніи, если можно такъ выразиться, былъ П. А. Кулишъ [3]), затѣмъ слѣдо-

---

[1]) Древняя и Новая Россія 1880, т. I, стр. 514.

[2]) Рус. Ст. 1888, кн. II, стр. 402.

[3]) Письма Кулиша къ Бодянскому въ «Кіев. Ст.», 1897 г., т. 57 и 58.

вали М. И. и А. И. Ханенко, М. О. Судьенко, Г. А. Милорадовичъ и др. изъ малороссовъ. Но О. М. Бодянскій умѣлъ побудить къ доставленію ему матеріала и не одних малороссовъ. Нѣсколько интересныхъ актовъ по малорусской исторіи напечатали въ первые годы «Чтеній» И. Д. Бѣляеевъ и И. Е. Забѣлинъ. Послѣдній, какъ мы уже упоминали, помѣстилъ въ 1848 году обширную и важную, преимущественно, въ дипломатическомъ отношеніи «Малороссійскую переписку, хранящуюся въ архивѣ московской оружейной палатѣ».

Въ 1848 году издательская дѣятельность О. М. Бодянскаго была, какъ извѣстно, насильственно прервана. Съ удаленіемъ его изданіе малорусскихъ матеріяловъ прекращается. Въ смѣнившемъ «Чтенія» «Временникѣ московскаго Общества исторіи и древностей» ихъ почти нѣтъ. Они возобновляются только въ 1858 году съ возобновленіемъ «Чтеній» и съ возвращеніемъ О. М. Бодянскаго къ редакторской дѣятельности.

Къ этому времени у Бодянскаго было уже нѣсколько вполнѣ готовыхъ къ изданію матеріаловъ. Изданіе ихъ, значитъ, продолжалось бы непрерывно, если бы не случилась катастрофа 1848 г.

На первомъ мѣстѣ здѣсь мы должны поставить «Источники малороссійской исторіи», собранные Н. Н. Бантышемъ-Каменскимъ. По заявленію самого Бодянскаго, первая часть «Источниковъ» была совсѣмъ готова осенью 1848 года и предназначалась къ изданію во 2-й книжкѣ «Чтеній» за этотъ годъ [1]).

Источники собраны были въ Московскомъ Главномъ Архивѣ министерства иностр. дѣлъ бывшимъ начальникомъ этого Архива Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ. На основаніи этихъ матеріаловъ сынъ его Д. Н. Бантышъ-Каменскій писалъ свою «Исторію Малой Россіи» и нѣкоторые изъ нихъ помѣстилъ въ «приложеніяхъ» къ первому изданію ея въ 1822 году. Помѣщена была впрочемъ сравнительно незначительная часть ихъ, 63 изъ 177; къ тому же первое изданіе «Исторіи Малой Россіи» скоро сдѣлалось библіографическою рѣдкостью; во второмъ изданіи (1836 г.)

[1]) Предисловіе О. М. Бодянскаго къ I выпуску «Источниковъ».

Бантышъ-Каменскій напечаталъ документы только въ извлеченіи, а въ третьемъ (1842 г.) и совсѣмъ ихъ опустилъ [1]). А между тѣмъ документы эти чрезвычайно важны для изученія политическаго хода событій въ Малороссіи во время и послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго. Когда Бодянскій, печатая «Исторію Русовъ», обратился къ любителямъ малорусской старины съ приглашеніемъ присылать ему для напечатанія историческіе матеріалы, въ числѣ первыхъ, откликнувшихся, былъ и Д. Н. Бантышъ-Каменскій. Бодянскій немедленно же приступилъ къ печатанію и, пока «Источники» набирались, былъ напечатанъ, какъ намъ уже извѣстно, рядъ малорусскихъ лѣтописей. Катастрофа 1848 г. застала, такимъ образомъ, «Источники» въ наборѣ. Бодянскій предполагалъ, что ихъ будетъ 3—4 части [2]); но ихъ вышло всего двѣ, при чемъ первая была напечатана въ «Чтеніяхъ» 1858 года, а вторая въ 1859 году. Первая обнимаетъ собой время отъ Зборовскаго договора (1649 г.) до избранія въ гетманы Мазепы; вторая—отъ 1691 года до 1722 года, т. е. до смерти Скоропадскаго. «Источники малороссійской исторіи» заключаютъ въ себѣ матеріалы первостепенной важности для изученія вопроса о политическомъ существованіи Малороссіи послѣ Богдана Хмельницкаго. Здѣсь мы находимъ гетманскія статьи и переписку по поводу ихъ, документы, относящіеся къ измѣнѣ Мазепы и къ событіямъ, слѣдовавшимъ во внутренней жизни Малороссіи послѣ этой измѣны, когда Петръ I сталъ болѣе дѣятельно и энергично вмѣшиваться во внутреннюю жизнь Малороссіи, когда, наконецъ, была введена Малороссійская Коллегія...

Въ томъ же 1858 году, въ «Чтеніяхъ» былъ изданъ и «Діаріушъ» Николая Ханенка. Въ качествѣ старшаго канцеляриста, Ханенко сопровождалъ гетмана Скоропадскаго во время его послѣдней поѣздки въ Москву въ 1722 году и здѣсь день за днемъ записывалъ все, что происходило. Время послѣдней поѣздки Скоропадскаго было чрезвычайно важнымъ моментомъ въ поли-

1) Чтенія 1871 кн. I смѣсь стр. 224—225

2) Предисловіе Бодянскаго къ I вып. Источниковъ.

тической жизни Малороссіи. Послѣ этой поѣздки была, какъ извѣстно, учреждена Малороссійская Коллегія. Само собой разумѣется, какой большой интересъ долженъ представлять для историка «Діаріушъ» Ханенка.

Мы уже упоминали выше, что Бодянскій снабдилъ изданіе «Діаріуша» обстоятельной статьей, посвященной исторіи рода Ханенковъ. Вотъ какъ опредѣляетъ онъ въ этой статьѣ значеніе «Діаріуша»:

«Отъѣзжая въ послѣднюю съ гетманомъ, отправлявшимся для поздравленія Петра I-го съ знаменитымъ Ништадскимъ миромъ и принятіемъ императорскаго имени, Ханенко сознавалъ важность времени и рѣшился вести Діаріушъ или Журналъ съ самаго выѣзда изъ Малороссіи (3-го генваря). Важность сообщаемаго въ немъ, надѣюсь, каждый занимающійся судьбами своего народа, оцѣнитъ вполнѣ. Въ немъ слышимъ мы разсказъ непосредственнаго очевидца многому, въ то время совершавшемуся въ Бѣлокаменной, и притомъ очевидца, вовсе не думавшаго о гласности, но записывавшаго для себя, «памяти ради» и удовлетворенія собственной любознательности. Потребность эта проявилась въ немъ еще до поѣздки въ Великую Россію, какъ показываетъ то другой Журналъ его, начатый имъ за два года съ небольшимъ до того, и оставленный только не за долго до смерти. Невольно переносишься въ то время, читая эти простыя замѣтки о ежедневныхъ посѣщеніяхъ козацкимъ гетманомъ тогдашнихъ сильныхъ земли, и взаимно ими его, который, при всей слабости своей всякаго рода, имѣлъ еще большое значеніе для нихъ, равно какъ и для самаго государя. Чѣмъ далѣе вчитываешься въ этотъ простодушный разсказъ, тѣмъ болѣе не хочется оторваться отъ него. По кончинѣ гетмана, очевидно, отъ горести, по случаю учрежденія Коллегіи подъ предсѣдательствомъ бригадира съ 10-ю гарнизонными товарищами, якобы для денежныхъ и хлѣбныхъ сборовъ и верховнаго рѣшенія дѣлъ по апелляціямъ, Ханенко посланъ былъ въ іюлѣ съ однимъ товарищемъ отъ имени генеральной старшины и полковниковъ къ государю, находившемуся тогда подъ Дербентомъ, съ письмами, которыя вручилъ лично, и оставался при арміи до самаго возвращенія ея въ Астра-

хань, изъ коей отправленъ обратно въ Глуховъ. Своевольные поступки Коллегіи заставили наказнаго гетмана (Полуботка) съ старшиной жаловаться на нихъ Сенату, который, въ отсутствіе императора, удовлетворилъ справедливому прошенію; но председатель Коллегіи, Вельяминовъ, объяснилъ все дѣло совершенно иначе возвратившемуся государю изъ Персидскаго похода, а потому рѣшеніе Сената было уничтожено, распоряженія Коллегіи снова подтверждены, жалобщики потребованы въ Петербургъ, ровно черезъ годъ по отбытіи изъ Москвы Скоропадскаго, т. е., вся старшина генеральная съ наказнымъ гетьманомъ, въ томъ числѣ и Ханенко. Извѣстно, какая судьба постигла ихъ тамъ. Подвергаясь нѣсколько разъ пыткѣ въ Тайной Канцеляріи и просидѣвъ въ ужасномъ заключеніи болѣе года, гдѣ многіе и скончались, узники получили свободу, имущество, званіе и чины прежніе только съ восшествіемъ на престолъ Екатерины I-й».

Въ отрывкѣ, который мы только что привели, Бодянскій упоминаетъ о «другомъ Журналѣ Ханенка». Это былъ «Партикулярный журналъ или для памяти повседневная записка» [1]). Бодянскій думалъ объ его изданіи [2]), но оно тогда почему-то не состоялось, и только много лѣтъ спустя, въ 1884 г., «Журналъ» этотъ былъ изданъ А. М. Лазаревскимъ въ приложеніяхъ къ «Кіевской Старинѣ», подъ заглавіемъ «Дневникъ генеральнаго хоружаго Николая Ханенка (1727—1753). Рукопись за это время успѣла уже значительно пострадать [3]). Въ рукахъ Бодянскаго былъ болѣе полный дневникъ Ханенка, начинался онъ съ 1719 годомъ и оканчивался 1754 годомъ [4]); въ изданіи А. М. Лазаревскаго дневникъ начинается только 1727 годомъ, оканчивается декабремъ 1753 года и кромѣ того въ срединѣ еще не достаетъ нѣсколькихъ листовъ [5]). Этотъ фактъ, ду-

---

1) Предисловіе къ «Діаріушу» Ник. Ханенка стр. VI.

2) Тамъ-же стр. VII.

3) Предисловіе А. М. Лазаревскаго къ дневнику Ханенка стр. XIV.

4) Предисловіе Бодянскаго къ „Діаріушу“ стр. VI.

5) Предисловіе Лазаревскаго къ дневнику Ханенка стр. XIV.

мается намъ, еще болѣе подчеркиваетъ заслугу О. М. Бодянскаго, спѣшившаго издавать какъ можно больше матеріаловъ Кто знаетъ, сохранились бы до нашего времени многіе изъ малорусскихъ лѣтописей, если бы ихъ не поспѣшилъ напечатать Бодянскій?

Въ «Чтеніяхъ» 1858 г. были помѣщены также: «Роспись городу Кіеву; акты о козакахъ, собранные М. А. Маркевичемъ; наставленіе выборному отъ малороссійской коллегіи въ Коммиссіи о сочиненіи Новаго Уложенія Натальину и возраженіе на него Г. А. Полетики; изслѣдованіе М. А. Максимовича «О древней епархіи переяславской и, наконецъ, имъ же сообщенная драма, представленная въ Кіевскихъ школахъ въ 1728 году, подъ заглавіемъ «Милость Божія, Украину чрезъ Богдана Зиновія Хмельницкаго свободившая и возвеличившая». Въ 1859 году былъ напечатанъ второй томъ «Источниковъ малороссійской исторіи», собранныхъ Бантышъ-Каменскимъ и затѣмъ печатаніе малорусскихъ историчесскихъ документовъ производилось ежегодно, хотя и не въ такомъ количествѣ, какъ прежде. Пробѣлъ въ этомъ отношеніи мы находимъ только въ концѣ 1860-хъ годовъ: именно въ 1866—1869 г. мы не встрѣчаемъ историческихъ документовъ. Очень можетъ быть, что не безъ вліянія на это прошла и та передряга, которую пришлось пережить О. М. Бодянскому послѣ забаллотированія его въ университетѣ.

Малороссійскіе историческіе матеріалы, напечатанные О. М. Бодянскимъ послѣ 1859 г., относятся преимущественно къ XVIII и XIX столѣтіямъ. Исключеніемъ изъ этого являются «Реестры всего войска запорожскаго послѣ зборовскаго договора съ королемъ польскимъ Яномъ Казимиромъ», составленные въ 1649 году, и изданные Бодянскимъ въ «Чтеніяхъ» 1874 года. Изъ матеріаловъ, относящихся къ XVIII и XIX ст. отмѣтимъ только нѣкоторые: «Книгу пожиткамъ Полуботка», акты, касающіеся его имѣній; инструкцію стародубскому полковнику Кокошкину; дѣло гадяцкаго полковника Милорадовича съ ген. судьею Чарнышемъ: бумаги изъ архива Румянцева: о скуплѣ земель въ Малороссіи; объ открытіи въ Малороссіи намѣстничествъ и др.; бумаги Румянцева, относящіяся до управленія Малороссіи; бумаги изъ архива князя

Репнина; записку новгородсѣверскихъ старообрядцевъ, представленную Потемкину, рѣчь Андр. Полетики; записку черниговскимъ депутатамъ, отправлявшимся для принесенія благодарности Александру I за возстановленіе дворянской грамоты и т. д.

Въ 1871 году Бодянскимъ напечатано изслѣдованіе Г. А. Милорадовича о Любечѣ, при которомъ приложено довольно большое собраніе документовъ, преимущественно, юридическихъ актовъ на владѣніе землей. Изъ этнографическихъ матеріаловъ—«Пѣсни галицкой Руси» Я. Ф. Головацкаго, печатавшіяся въ 1860-хъ и въ 1870-годахъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на страницахъ, «Чтеній» и затѣмъ въ 1878 году вышедшія отдѣльно; статью г. А. Боровиковскаго «Женская доля по малорусскимъ пѣснямъ» («Чтенія» 1867) и «Сборникъ малороссійскихъ заклинаній», собранныхъ П. С. Ефименкомъ («Чтенія», 1874).

Уже одно количество изданныхъ О. М. Бодянскимъ матеріаловъ по исторіи и этнографіи малорусскаго народа краснорѣчиво говоритъ о томъ, какъ велика заслуга издателя для изученія Малороссіи. Къ этому нужно прибавить, что матеріалы, изданные Бодянскимъ, если и не всѣ первостепенной важности, то все же они давали и дали очень много для разработки малорусской исторіи. Сдѣлавшись доступными болѣе широкому кругу изслѣдователей, они доставили возможность имъ болѣе научно, критически отнестись къ событіямъ прошлой жизни малорусскаго народа, провѣрить ихъ, освѣтить болѣе правильно. Безъ матеріаловъ, изданныхъ Бодянскимъ не могъ и не можетъ въ настоящее время обойтись ни одинъ изъ изслѣдователей старой жизни Малороссіи.

Въ какомъ видѣ представлялись самому О. М. Бодянскому ходъ и развитіе малорусской исторіи на основаніи извѣстныхъ ему матеріаловъ—мы не знаемъ. Онъ стоялъ только всегда за чисто научное безпристрастное изслѣдованіе малорусской жизни, безъ той тенденціи, которая, къ сожалѣнію, и теперь еще такъ много вредитъ правильному пониманію какъ малорусской исторіи, такъ и запросовъ современной намъ жизни малорусскаго на-

рода. Въ этомъ отношеніи О. М. Бодянскій одинъ разъ высказался довольно опредѣленно [1]).

Г. Ф. Карповъ, сдѣлавшись профессоромъ харьковскаго университета, въ своей вступительной лекціи высказалъ такого рода положеніе: «методомъ преподаванія исторіи должна быть юриспруденція, потому что всѣ люди борятся за свои интересы, и исторія есть ничто иное, какъ борьба, а, стало быть, судебный процессъ о томъ, которой сторонѣ жить, и которой умереть». «Этотъ взглядъ свой, говоритъ О. М. Бодянскій, г. Карповъ проводитъ и въ сочиненіи своемъ, касающемся Малороссіи, и проводитъ, надобно признаться, совершенно согласно съ исповѣдью своей, открыто беззастѣнчиво, съ видимымъ удовольствіемъ и наслажденіемъ. И онъ завязалъ судебный процессъ о томъ, которой изъ Руси жить, и которой умереть; громитъ и разитъ въ пухъ и прахъ то самое въ подсудной ему сторонѣ, что въ неподсудной находитъ въ порядкѣ вещей, оправдывая всякое насиліе, явную несправедливость, нарушеніе торжественныхъ договоровъ, правъ и льготъ, тѣмъ извѣстнымъ изреченіемъ, по коему все ни по чемъ, коль скоро не подходитъ подъ общіе порядки, нужды нѣтъ, что эти порядки хуже всякихъ безпорядковъ, и что именно они-то и вызываютъ мнимые безпорядки, какъ протестъ противу произвола, покоющагося на пресловутомъ: «Stat voluntas pro ratione!» «Дѣлай, молъ, по моему нраву!» Но поступая такъ, нашъ историкъ-юристъ забываетъ первое основное требованіе всякаго обвиненія, по которому: «Accusans debet esse melior accusato.» Преувеличеніе вредно во всемъ, въ Исторіи же оно всегда указываетъ сколько на искаженіе ея съ одной стороны, столько и на незрѣлость мысли и слабость душевную съ другой. Читая сужденія Г-на Карпова въ его «Критическомъ обзорѣ», такъ и хочется сказать ему: «Не сохни, не боли, не твои пироги!» а лучше: «Оглянись-ко назадъ, не горитъ ли твой посадъ!» Что бы мы ни

[1]) Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. 1871 г., кн. I. Смѣсь, стр. 226—228.

дѣлали, не мыслили, первое условіе дѣлателя, какъ существа мыслящаго, если желаетъ онъ какого либо успѣха, это—чувство мѣры: «In medio virtus,» говаривали еще Римляне. Напротивъ, неумѣренность, крайность, никогда къ добру не ведутъ. Кличъ: «Жизнь, или смерть!» хорошъ въ крайности житейской, между Сцилой и Харибдой, отнюдь же не на кладбищѣ, мѣстѣ покоя, а не борьбы, гдѣ взвѣшивается содѣянное на вѣсахъ правды и безпристрастія къ борцамъ. Всѣ счеты наши остаются за порогомъ гроба, за которымъ настаетъ судъ по дѣломъ каждаго, а не кому жить, кому умереть, такъ какъ ни кто уже не живетъ, всѣ мертвые, все конечно: «Было, и быльемъ поросло!» Вносить же и въ загробный міръ борьбу на жизнь и смерть можетъ только черствое сердце погрязшаго съ головой въ мірской суетѣ и тинѣ, ищущаго, во что бы ни стало, поставить на своемъ, а не узнать, какъ и что было, чтобы воздать по правдѣ всѣмъ и за все. Потому-то нельзя не пожелать, чтобы такой взглядъ на Исторію не появлялся болѣе ни у насъ, ни у кого бы то ни было. Иначе—прости на вѣки справедливость! Вмѣсто преданія забвенію враждованія споровшихъ нѣкогда на бѣломъ свѣтѣ, воззовутся снова раздоры, котора, и борьба за мое и твое снова всплыветъ на поверхность. Можетъ ли по тому осуществиться и извѣстное желаніе Южно-русскаго народа, который возсоединяясь съ единокровными своими братьями, единодушно восклицалъ, въ своей молитвѣ къ Всевышнему: «Боже, утверди, Боже, укрѣпи, чтобъ есми во вѣки вси едино были!» Вообще, какъ опытъ показалъ, юристы—ненадежные судьи въ области Исторіи: извѣстно, какъ они въ Средніе Вѣка поступили съ одной Имперіей. Скажутъ: «Сочинитель «Критическаго обзора», какъ человѣкъ, заблуждается». Такъ? Но заблужденіе разнаго рода бываетъ: невольное, не преднамѣренное естественно, и по тому менѣе виновно; то же которое идетъ изъ строго обдуманной теоріи, предвзятаго взгляда и заранѣе построенныхъ рамокъ, осуждать на смерть все, не подходящее подъ объявленный взглядъ, чего нельзя втиснуть въ свои рамки, кто съ здравымъ умомъ одобритъ, назоветъ благоразум-

нымъ? «Въ словеса бо познана будетъ премудрость», замѣчаетъ мудрый. И если, по словамъ другого мужа правды и житейскаго опыта: «не всѣмъ же видимъ свѣтъ свѣтлый есть въ древностехъ», тѣмъ паче слѣдуетъ судящимъ языкы и царства «словесемъ своимъ сотворити вѣсъ и мѣру», такъ какъ: «словеса мудрыхъ въ мѣрилѣхъ станутъ»...

Ник. Василенко.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Изъ быта малорусскихъ сельскихъ пастырей XVII в. Въ библіотекѣ Кіево-печерской лавры хранится рукопись подъ заглавіемъ: Manuale sev Compendium rhetoricum utile oratori scholastico, ecclesiastico, politico, in collegio Camenecensi ad Maximi Dei gloriam et studiosae iuventutis utilitatem propositum anno Domini 1666. Въ томъ же переплетѣ имѣется также Praxis oratoriae apparatus, преподанный въ той же Каменецкой іезуитской Коллегіи въ 1665 году[1]). На заглавномъ листѣ рукописи помѣчено, что она—изъ книгъ Павла Коптевича покойнаго, въ селѣ Байбузахъ. Вѣроятно, рукою этого Коптевича на трехъ переднихъ бѣловыхъ листкахъ сдѣланы слѣдующія автобіографическія замѣтки: подъ 1669 и 1670 г. отмѣчено о смерти его «родичей (родителей), отца и матки»; за ними слѣдуютъ краткія памятныя замѣтки: Stałem dyakonem roku 1670, iula 16. Stałem swiasczennikiem roku 1673, ianuarya 6. Здѣсь же отмѣчено и такое крупное историческое событіе тѣхъ лѣтъ, какъ взятіе турками Чигирина, Канева и Корсуня. Roku 1678, miesiąnca augusta dnia 11, wziął Turczyn miasto sławne Ukrainne Czcihirin, za hetmanstwa Iwana Popowicza. Tego ż roku y Kanew, wielkie y piękne miasto, Turcy wzięli bez żadney bytwy, bo naprzod sławnieysze miesczanie poschodzili. Korsuń się pokłoniłsię (sic) y Drabowka Turczynowi y Chmielnickiemu, ktorym żadney krywdy nie czynił, tyle położył Janienka załogą z połkiem kozakow, ktory się poperedawali.

---

[1]) Въ „Описаніи рукоп. собраній“ проф. Н. И. Петрова (вып. II) эта рукопись указана подъ № 296.

Если авторомъ этихъ замѣтокъ признать Павла Коптевича, священствовавшаго въ с. Байбузахъ [1]), то отсюда можно вывести любопытное заключеніе, что въ сельскихъ приходахъ тогдашней Малороссіи священническія и даже діаконскія мѣста нерѣдко занимали лица, получившія весьма достаточное школьное образованіе. О Коптевичѣ можно думать, что онъ учился въ Каменецкой іезуитской коллегіи, откуда и вывезъ учебникъ риторики и діалектики. Годы преподаванія этихъ курсовъ (1665—1666) какъ разъ соотвѣтствуютъ учебнымъ годамъ Коптевича, рукоположеннаго въ діакона въ іюлѣ 1670 г. А фактъ обученія православнаго малоросса въ іезуитской школѣ не долженъ представлять ничего необыкновеннаго: по свидѣтельству извѣстнаго историка Кіевской Могилянской академіи проф. Н. И. Петрова, въ XVII—XVIII в.в. это было обычнымъ явленіемъ [2]). Быть можетъ, Коптевичъ былъ вынужденъ искать образованія у каменецкихъ іезуитовъ потому, что Кіево-могилянская коллегія въ 1665 г. подверглась разоренію и на время должна была прекратить свое существованіе [3]).

Вслѣдъ за подчиненіемъ турками правобережной Украины наступило ея сплошное разореніе и насильственное удаленіе остатка ея населенія на лѣвый берегъ Днѣпра. Та же участь постигла и с. Байбузы; Павелъ Коптевичъ или погибъ въ это смутное время, или же перешелъ въ Гетманщину; владѣльцемъ же его рукописной реторики является священникъ Покровской церкви села Сасиновки [4]) Василій Даниловичъ. Слѣдуя примѣру прежняго владѣльца, онъ также употребляетъ бѣлые листки рукописной книги для разныхъ замѣтокъ, но ведетъ ихъ не на польскомъ, а на своемъ природномъ языкѣ. Подъ 1686 годомъ отмѣчаетъ: „Року ҂ахоѕ, апрѣля к (20) дня, четвертой недѣлѣ по Пасцѣ, у четвертокъ, буря и метелиця барзо великая була и снѣгъ у косточки выпалъ, що ся и записано для памяти на потомніе часы».

---

[1]) С. Байбузы и нынѣ существуютъ и находятся въ черкасскомъ у., кіевск. губ.

[2]) „Кіевская Академія во 2-й половинѣ XVIII в.“, стр. 61.

[3]) Тамъ же, стр. 29. Впрочемъ, мнѣніе объ этомъ прекращеніи занятій въ Кіевской коллегіи оспаривается другими историками: проф. Голубевымъ, Эйнгорномъ.

[4]) Село Сасиновка и нынѣ существуетъ и находится въ пирятинскомъ у., полт. губ. Упоминается въ переписной книгѣ 1666 года подъ именемъ „Сосеновка“. См. изд. А. Лазаревскимъ „Малороссійскія переписныя книги 1666 г.“, стр. 48.

Въ томъ же году и мѣсяцѣ въ священнической практикѣ о. Василія возникъ случай, поставившій его въ затруднительное положеніе. Одна изъ его прихожанокъ, мужъ которой былъ въ плѣну татарскомъ, захотѣла обвѣнчаться съ захожимъ изъ Подоліи человѣкомъ, жена котораго также находилась въ крымской неволѣ. Подобныя трагическія положенія тогдашняя бранная жизнь создавала почти ежедневно, и хотя можно было выкупиться изъ плѣна, но объ этомъ могли хлопотать лишь состоятельные люди, бѣдняки же лишь при исключительныхъ обстоятельствахъ (удачное бѣгство или освобожденіе запорожцами, иногда вторгавшимися съ этою цѣлью въ крымскіе города) имѣли возможность вырваться изъ мусульманской неволи и вернуться «на тыхи воды, на ясни зори, у мыръ хрещеный». Поэтому попавшаго въ плѣнъ въ теченіе года оплакивали, какъ умершаго, и за тѣмъ, по пословицѣ: «жывый про жыве й гадае», осиротѣвшая жена или мужъ искали для себя новой «дружины». Если изрѣдка случалось, что плѣнникъ какимъ-либо чудомъ возвращался на родину и заставалъ бывшую супругу въ новомъ бракѣ, то онъ обыкновенно мирился съ совершившимся роковымъ фактомъ и тоже начиналъ пріискивать для себя (если хотѣлъ) новаго «доживотного пріятеля». Таковъ былъ народный взглядъ на это дѣло, освященный вѣковою практикою; но не такъ оно выходило съ канонической точки зрѣнія на бракъ, на неразрывный союзъ, прекращавшійся лишь со смертью одного изъ супруговъ. Крѣпко задумался надъ этимъ вопросомъ и нашъ о. Василій Даниловичъ. Повѣнчать лицъ, супруги коихъ были въ живыхъ, хотя и находились въ плѣну, ему казалось дѣломъ не совсѣмъ благовиднымъ, а главное—опаснымъ: а вдругъ кто-либо изъ этихъ плѣнниковъ выйдетъ на волю и вернется домой—не придется ли ему, священнику быть въ отвѣтѣ передъ духовнымъ начальствомъ? И о. Даниловичъ долго отказывался совершить вѣнчанье. Но женихъ и невѣста не давали ему покоя, а главное—за нихъ усердно ходатайствовали ихъ «сваты», въ числѣ коихъ былъ и сельскій атаманъ, лицо вліятельное въ то время; они же брались «переняты на себя вину», т. е. платить денежный штрафъ, въ томъ случаѣ, если бы кто изъ плѣненныхъ супруговъ, вернувшись на волю, пожаловался митрополиту и послѣдній велѣлъ бы оштрафовать священника за противозаконное обвѣнчаніе. Передъ такими настояніями и гарантіями не устоялъ о. Василій, но изъ осторожности внесъ въ свою записную книгу—все въ ту же іезуитскую реторику, въ присутствіи заинтересованныхъ

лицъ и многихъ «зацныхъ людей» (вѣроятно, дѣло происходило на свадебномъ пиру) слѣдующую запись: «Року ҂ахоѕ (1686), апрѣля ҃гі (13) дня, мнѣ для памяти Василію Даниловичу, священнику покровскому Сасиновскому: ижъ (что) за упартостю и налогомъ прикрымъ (по упорному и несносному настоянію) на мене, мусилемъ извѣнчати Савчиху, невѣсту Назадкову, изъ Мищенокъ [1]), которои то Савчихи мужъ зостаетъ въ неволѣ татарской; теды тая невѣста (женщина), почекавши рокъ мужа своего, а далей не могучи чекати, приняла собѣ человѣка на йимя Андрея з Баланувки [2]), из-за Богу, котораго то человѣка жена также зостаетъ у неволѣ; що ежели Господь здаритъ, же (что) оние неволники на волю повиходятъ, абы-мъ я не былъ в тимъ виненъ, за що оны взявшыся, на себе самых вину оную переняли: напродъ Игнат, атаманъ Мищенский, котриий и сватомъ былъ, и оные особы Андрей и Евфимия, Савчина бывшая жона. Дѣялося при Івану Морозу, атаману на тот часъ нашимъ Сасиновскимъ, и при иншихъ людехъ зацныхъ».

О. Л.

Необычная проповѣдь сельскаго пастыря въ Малороссіи. *Слово священника Николая Компанскаго къ прихожанамъ села Кожухова, литинскаго уѣзда, подольской г., въ день Рождества Христова 1859 г.* Во имя Отца и Сына и св. Духа. Собранные слушатели въ сей храмъ и мнящіеся быти Христіанами! Сегодня радостный день во всемъ мірѣ, особенно радостный день въ церкви Христовой, гдѣ вся скорбь человѣческая затмѣвается Ангельскою вѣстью: „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ!“—И нашъ маленькій уголокъ, село не выдѣлено изъ міра высшей Вселенной... Но, къ прискорбію, знайте, что у насъ очень, очень не мирно... Въ сей день враждуете противъ ближняго своего,—меня вашего пастыря, поставленнаго властію Божіею, волею начальства къ вамъ. Вражда ваша повергнута на судъ моего Начальства, исполнена ябеды, лжи, укора, кровавой обиды, отъ начала до конца дышетъ нечеловѣческой злобой... Я въ простотѣ сердечной десятокъ лѣтъ служу въ семъ храмѣ

---

[1]) Нынѣ с. *Митченки*, близъ Сасиновки, въ пирят. у. Упоминаются въ „Переписныхъ книгахъ подъ именемъ „Мисченки“.

[2]) С. Балановка—въ нынѣшнемъ ольгопольскомъ у. под. губ.

Божіемъ; молюсь за васъ, скорби ваши соединяю съ своими молитвами къ Богу, забочусь о васъ, привыкъ смотрѣть на васъ, какъ на своихъ дѣтей, которыхъ послалъ мнѣ Богъ... Кого я обидѣлъ— словомъ, дѣломъ, мыслію, помышленіемъ за все время? Кого я презрѣлъ недостойнаго? Прошу, молю васъ—здѣсь скажите! въ семъ храмѣ Божіемъ! Кто, что руководитъ вами писать клеветы, ложь моему начальству? Обвините меня здѣсь—предъ лицемъ всѣхъ, не кройтесь за углы: это подобаетъ только лукавому собакѣ, а не человѣку такъ поступать... Но возвращусь къ дѣлу. Я въ сей радостный день христіанскій омраченъ скорбію, я убитъ на духѣ, я получилъ отъ моего начальства скорбный указъ, въ которомъ списаны всѣ обиды, причиненныя вами мнѣ, и вмѣсто церковной проповѣди къ своей паствѣ— я сдѣлаю слабое сравненіе вашего поступка и моего положенія,— сравнительную рѣчь свою скажу языкомъ вашимъ, простонароднымъ:

„Гай, гай, та й ще гай! А въ тимъ гаю та каминь. А въ тимъ камни та дюра. А въ тій дюри та заяць. А въ кругъ каминя та псы, лыхыи псы! Чи врозумилысте, люде добрыи и недобрыи, мою ричь? (*„Просымъ объясныты!“—послышались голоса).*—Гай—то мыръ Божій. Въ гаю каминь—то церковь Божа—наша св. церковь.—Дюри въ камни—то врата св. церкви--двери; заяць сидящій въ дюри каминя—то я, я, люде христіаны!.. *(Вниманіе ихъ обострилось при сей рѣчи, и они замѣтили о. Компанскому, что поняли, поняли все; „что „псы“ означаютъ?“—Отвѣтъ покойнаго былъ категорическій):* Псы, лыхіи псы—то́ вы! то́ вы!—Аминь.

Списокъ этого *слова*, ходящій по рукамъ среди духовенства Подольской Епархіи, *сло́ва*, представляющаго собою рѣзкій образчикъ подобнаго рода литературныхъ произведеній,—полученъ нами отъ одного изъ священниковъ ольгопольскаго у., подольской епархіи, еще въ 1883 г.

Сообщ. **Л. М.**

Къ помѣщаемому „Слову“ свящ. Компанскаго можно добавить слѣдующее: являющаяся въ немъ притча,—на простомъ народномъ языкѣ и въ народномъ духѣ,—любопытна, но едва-ли она составляетъ первоначальную принадлежность именно „слова“ подольскаго свящ. Компанскаго; скорѣе можно думать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ ходячимъ анекдотомъ въ полународномъ духѣ. По крайней мѣрѣ, намъ приходилось встрѣчаться съ той-же проповѣдью не въ видѣ списка „Слова“ свящ. Компанскаго, или вообще чьего бы то

ни было, а въ видѣ устнаго шутливаго разсказа,—безъ упоминанія какихъ бы то ни было именъ,—именно въ видѣ анекдота.

Вотъ этотъ разсказъ, слышанный нами на Волыни:

Однажды, при объѣздѣ цѣлой округи, нѣкій архіерей встрѣчалъ много жалобъ со стороны прихожанъ на священниковъ,—слѣдствіемъ чего явились многія перемѣщенія... Между тѣмъ, въ одномъ сельскомъ приходѣ былъ священникъ старикъ, которымъ прихожане были очень довольны, какъ человѣкомъ добрымъ и во всѣхъ отношеніяхъ имъ пріятнымъ. Однако, прослышавши о ревизіи и обо всемъ происходившемъ въ другихъ приходахъ, прихожане задумались и начали совѣщаться, какъ имъ быть? „Якъ мы скажемо, що въ насъ священныкъ такый вже на ридкость добрый, то въ насъ ёго заберуть, такъ треба намъ и на свого щось сказать, якусь догану знайты".—Ну, щожъ сказать?"—„Скажемъ, що винъ намъ николы казання не говорыть, бо такы й справди-жъ, винъ, спасыби ёму, не картае насъ тымы казаннямы"... И вотъ, такъ и вышло: когда при своемъ проѣздѣ, архіерей спросилъ, довольны ли они своимъ священникомъ, прихожане заявили:—„всимъ довольни, грихъ сказать, священныкъ у насъ прекрасный, тильки не говорыть намъ казання". Когда архіерей спросилъ священника, почему онъ не поучаетъ прихожанъ проповѣдями, священникъ отвѣтилъ, что прихожане его—люди простые, мало что разберутъ въ проповѣди...—Почему-же?—заключилъ архіерей,—если ужъ они такъ просты, то говорите имъ попроще, простымъ языкомъ и складомъ; но нельзя же ихъ оставлять безъ пастырскаго назиданія: видите, видите они жаждутъ этого! Священникъ, конечно, сказалъ, что исполнитъ волю Его Преосвященства. И вотъ, въ слѣдующій же праздникъ, послѣ служенія, сященникъ выходитъ и готовится говорить проповѣдь: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа!"... Прихожане подталкиваютъ другъ друга:—«о, чуете, чуете!.. буде говорыть казання!"... Но казання вышло очень краткимъ и простымъ,—такъ какъ священникъ сказалъ слѣдующее: „Скажу Вамъ притчу. Булы соби корчыкы, оттаки, якъ у насъ за селомъ, а въ тыхъ корчыкахъ бигавъ старый плохенькый заець; отже и на ёго старого, та никому ничого невынного, напалы хорты и сталы его сипаты. Корчыкы—то наша парахвія, старый бидолашный заець—то азъ многогришный; а хто собакы, то вже, може люде добри, вы сами угадаете. Аминь".

Прихожане поняли притчу и объяснили священнику причину своей жалобы на него...

Разсказъ этотъ, представляя собою варіантъ притчи, вошедшей въ слово свящ. Компанскаго, имѣетъ однако совсѣмъ другой характеръ: нѣтъ въ немъ злобы, онъ отличается, напротивъ, добродушіемъ и юморомъ въ народномъ духѣ.

Весьма вѣроятно, что основа ходячаго полународнаго анекдота попала и въ „Слово“ свящ. Компанскаго. Во всякомъ случаѣ, интересны сходныя черты письменнаго и устнаго матеріала, полученнаго изъ различныхъ мѣстъ и источниковъ.

Ред.

Изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Свѣдѣнія о лабрадорѣ въ бассейнѣ р. Быстрѣевки при Каменномъ Бродѣ, въ радомысльскомъ, и при Слипницахъ въ житомірскомъ уѣздахъ.* Представленіе радомысльскаго уѣзднаго предводителя дворянства отъ 30 іюля 1835 г. за № 509 исправляющему должность кіевскаго гражданскаго губернатора вице-губернатору Пенкину.

По предложенію вашего превосходительства отъ 23 сего іюля за № 18993, отправясь въ имѣніе помѣщика Михайловскаго село Каменный Бродъ, осматривалъ лично камень, который С.-Петербургское Минералогическое общество (по удостовѣренію статьи, помѣщенной въ 177 номерѣ газеты Русскій Инвалидъ) признало дѣйствительнымъ лабрадоромъ, а вслѣдствіе того честь имѣю донести: Селеніе Каменный Бродъ имѣетъ положеніе на протяженіи 20 верстъ отъ города Радомысля по почтовой дорогѣ къ г. Житомиру съ правой стороны и отъ первой за городомъ Радомыслемъ почтовой станціи отстоитъ не болѣе, какъ въ пяти верстахъ; черезъ сіе селеніе протекаетъ маленькая рѣчка, Быстрѣевкою называется, на которой посреди селенія на проходящей дорогѣ есть деревянный мостъ; выше сего моста, на разстояніи до сорока саженей, есть небольшая плотина съ мельницею.— Каналъ этой рѣчки отъ мельницы, не только до означеннаго моста, но и значительно далѣе, есть изъ упомянутаго лабрадорнаго камня, въ огромныхъ разной величины глыбахъ, пріятный глазамъ видъ представляющій, вышина коихъ по обоимъ берегамъ рѣчки простирается до нѣсколькихъ саженей, даже дно самаго фарватера рѣчки глубиною въ поларшина протекаетъ на семъ камнѣ, слитомъ въ одну массу. Мимо того, сіи каменныя глыбы протягаются въ земли по рѣкѣ вдоль на нѣсколько верстъ, такъ что значительная часть домовъ сего селе-

нія, огородовъ, и деревьевъ, положены на камнѣ, коего глыбы, а особливо въ земли, есть чрезвычайной величины, и тысячи рабочихъ рукъ человѣческихъ въ протеченіи вѣковъ выработать и истощить сихъ камней не въ состояніи. Для Кіевской крѣпости приготовлено какимъ то подрядчикомъ до двухсотъ штукъ аршинной и двухаршинной мѣры, изъ сего самаго камня, который по случаю высокихъ береговъ, образующихъ разныя формы сихъ большихъ скалъ, и легкаго къ нимъ приступа, дозволялъ выдѣлку означенныхъ штукъ безъ большихъ трудовъ; при томъ же изящная доброта сего камня въ томъ состоитъ, что отламывается легчайшимъ образомъ по направленіямъ, рабочими даннымъ, и сіе послужило поспѣшностію къ самой выдѣлкѣ означенныхъ штукъ; хотя же тѣ каменныя штуки не отдѣланы еще до чиста, но уже отливаютъ пріятными радужными цвѣтами.—Минерала сего глыбы есть такой величины, что самые огромнѣйшіе памятники и колонны изъ оныхъ выдѣлывать можно.

Выше Каменнаго Брода на протяженіи четырехъ верстъ, въ селеніи Слипчицахъ, принадлежащемъ помѣщику Лѣсніовскому, волынской губерніи, въ житомірскомъ уѣздѣ состоящемъ, надъ сею жъ самою рѣчкою Быстрѣевкою, есть тоже огромныя глыбы сего камня въ землѣ, которыя безъ сомнѣнія можно назвать коренною горною породою, и такъ соединенныя въ одну массу, что небольшому числу рабочихъ съ трудностію найти щели для начатія ломки -- что и въ Каменномъ Бродѣ, въ отдаленныхъ отъ рѣчки мѣстахъ, вѣроятно быть можетъ, гдѣ такъ же оный назвать можно каменною горною породою; при томъ нѣсколько примѣтить можно, что сей минералъ содержитъ дѣйствительно въ себѣ нѣкоторыя части магнитнаго камня. Однако, не имѣя достаточныхъ свѣдѣній, на коихъ я могъ основывать мнѣніе свое о достоинствѣ сего минерала, два куска онаго, одинъ изъ Каменнаго Брода, а другой изъ с. Слипчицъ, вашему превосходительству у сего представляю, съ присовокупленіемъ, что если минералогисты признаютъ сей камень минераломъ важнымъ, украшеніе приносящимъ, то полагаю, что имѣніе село Каменный Бродъ, съ неизмѣримыми сими лабрадора минералами, пріобрѣсти казнѣ было бы найсвойственнѣе, а вотчинникъ онаго селенія Михайловскій, имѣющій значительное количество долговъ, былъ бы счастливъ, что камни сіи (которые онъ понынѣ цѣнилъ не дороже обыкновенныхъ) очистили бы его изъ долговъ и оставили навсегда кусокъ хлѣба для его фамиліи, которая у него довольно значительная.

Приведенное представленіе исправляющій должность губернатора сообщилъ 4 августа 1835 года на усмотрѣніе господину кіевскому военному, подольскому и волынскому генералъ-губернатору, генералъ-лейтенанту графу Гурьеву. Послѣдній, видимо заинтересованный лабрадоровыми мѣсторожденіями, направилъ въ Каменный Бродъ профессора университета св. Владиміра Зеновича, который долженъ былъ прибыть на мѣсто 17 августа, гдѣ его, по распоряженію начальника края, ожидали радомысльскій земскій исправникъ съ 20 рабочими изъ мѣстныхъ крестьянъ.

—

2) *Предположеніе о сломкѣ колодезной башни въ Подзамчѣ и крѣпостныхъ воротъ близъ турецкаго моста въ Каменцѣ.* 29 ноября 1872 года, генералъ-губернаторъ, согласно ходатайству подольскаго губернатора, входилъ въ Министерство внутреннихъ дѣлъ съ представленіемъ о сломкѣ въ Подзамчѣ мѣстами лопнувшихъ старинныхъ крѣпостныхъ воротъ близъ турецкаго моста и соединенной съ ними Колодезной башни, какъ угрожающихъ разрушеніемъ, въ виду образовавшагося вблизи провала въ земляныхъ укрѣпленіяхъ, имѣющихъ съ тѣми воротами связь.

Къ счастію въ Министерствѣ было у всѣхъ на памяти высочайшее замѣчаніе, сдѣланное Государемъ Императоромъ по поводу предположенія о сломкѣ крѣпостной стѣны въ Смоленскѣ: „*было бы желательно болѣе внимательное охраненіе древнихъ памятниковъ, имѣющихъ, подобно Смоленской стѣнѣ, особое историческое значеніе*“. Посему министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ предварительно справиться: во что обойдется ремонтъ и найдется ли къ покрытію расходовъ средствъ мѣстныхъ, если не у городского управленія, то у богатыхъ обывателей изъ дворянъ, или купцовъ.

Въ отвѣтъ на сіе губернское начальство совершенно неожиданно донесло, что „*древній историческій памятникъ*“ безусловно необходимо сохранить, къ чему имѣется полная возможность, ибо арку, какъ сдѣланную (съуженную) въ позднѣйшее время, расширить не трудно; при томъ проектъ имѣющихъ быть произведенными работъ уже восходилъ на разсмотрѣніе Министерства и послѣднимъ утвержденъ, а деньги ассигнованы. Задача техниковъ сводится лишь къ облегченію на тѣ ворота давленія, что будетъ достигнуто снятіемъ насыпи, и къ задѣлкѣ образовавшихся трещинъ.

—

3) *Кіевская контора первоначальнаго заведенія дилижансовъ и транспортовъ.* Въ 1835 году надворный совѣтникъ Киселевскій ходатайствуетъ предъ генералъ-губернаторомъ о принятіи начальникомъ края подъ свое покровительство учреждаемой имъ, согласно Высочайше утвержденному положенію комитета министровъ, *„конторы первоначальнаго заведенія дилижансовъ* и *транспортовъ“*.

Контора помѣстилась на Подолѣ, въ домѣ бывшаго войта. Въ дилижансахъ: 1) Кіевъ—Москва (направленіе: Нѣжинъ, Глуховъ, Сѣвскъ, Орелъ, Тула) цѣна первыхъ четырехъ мѣстъ—по 125 р., пятаго—87 р., шестого и седьмого по 75 р. ассигнаціями. За поклажу своихъ 20 фунтовъ—по 30 коп. ас. 2) Кіевъ—С.-Петербургъ [1]).—наивысшая цѣна 215 р., наименьшая 125 р. 3) Москва—С.-Петербургъ отъ 90 до 50 р.

Открытіе движенія дилижансовъ воспослѣдовало съ разрѣшенія генералъ-губернатора, въ концѣ мая. Предполагалось посылать ихъ два раза въ недѣлю.

17 іюля Кисилевскій доноситъ, что изъ Кіева въ Москву имъ отправлено два дилижанса, а изъ Москвы въ Кіевъ таковыхъ уже пять; но, пока, всѣ они принесли убытокъ.

Объ открытіи дилижансоваго сообщенія между Кіевомъ и обѣими столицами генералъ-губернаторъ незамедлилъ поставить въ извѣстность губернаторовъ кіевскаго, черниговскаго и полтавскаго.

Сообщ. **А. Мёрдеръ.**

Нефтяная промышленность въ Галичинѣ. По богатству нефти Галичина занимаетъ въ Европѣ первое мѣсто послѣ Кавказа. Хотя присутствіе нефти было обнаружено еще въ 50-хъ годахъ 19 ст., нефтяная промышленность получила свое развитіе только съ 80-хъ годовъ. Первымъ главнымъ центромъ добычи нефти было м. Слобода въ окрестностяхъ Дрогобыча. Тутъ была выработана высокая техника буренія, получившая нынѣ громкую извѣстность. Послѣ Слободы явились новые крупные центры добычи—м. Схodница, близъ Дрогобыча, затѣмъ Бериславъ, извѣстный богатѣйшими въ мірѣ залежами горнаго

---

[1]) Изъ дѣла полиц. части за 1828 г. видно, что между С.-Петергомъ и Радзивиловымъ уже тогда существовало сообщеніе въ почтъ-дилижансахъ. Мѣсто въ каретѣ въ одинъ конецъ стоило 275 р. ас.

воска. Позднѣйшія изысканія показали, что тамъ на глубинѣ 800 метровъ имѣется новый неразработанный еще пластъ, содержащій огромное количество нефти. Вообще за послѣдніе 6 лѣтъ въ Галичинѣ найдено много новыхъ мѣсторожденій нефти. Есть основанія предполагать, что количество еще недобытаго продукта, опредѣленное въ 1896 году инженеромъ Зуберомъ въ 65 мил. тоннъ, несравненно выше этой цифры. Ежегодная добыча, давшая въ 1886 году до $2^1/_2$ мил. пудовъ, возросла въ 1896 году до 20 мил. пудовъ, а въ 1901 году достигла уже 27 мил. и въ 1902 году—до 35 мил. пудовъ. Промышленность эта находится въ рукахъ восьми крупныхъ компаній, преимущественно съ иностранными капиталами. Общее число предпріятій въ концѣ 1902 года достигало 247, съ 1765 буровыми колодцами. Нынѣ большая часть промышленниковъ, вырабатывающихъ до 80% нефти, соединились въ крупное товарищество «Ропа». Ожидаютъ, что съ прорытіемъ нѣкоторыхъ каналовъ, имѣющихъ примкнуть къ нѣмецкимъ у Одерберга, галицкая нефть завоюетъ всѣ прусскіе рынки въ Силезіи, Познани, Бранденбургѣ и вытѣснитъ изъ края американскую и прусскую нефть.

Однако, несмотря на благопріятныя условія (низкій фрахтъ, высокая охранительная пошлина), положеніе нефтяной промышленности въ Галичинѣ далеко не блестящее и въ послѣднее время она переживаетъ довольно острый кризисъ. Главное препятствіе—отсутствіе крупныхъ нефтеочистительныхъ заводовъ, такъ что очищается на мѣстѣ не болѣе $^1/_3$ продукта, остальное - въ Богеміи, Венгріи и въ Тріестѣ. Второе препятствіе—сильная спекуляція нефтью, игра на цѣну продукта. Въ разсчетѣ на недостатокъ снабженія, промышленники въ 1902 г. непомѣрно подняли цѣны, попридержались съ распродажею продукта, но разсчеты оказались ошибочными. Въ результатѣ огромныя потери и кризисъ. Въ этой игрѣ на повышеніе страдаютъ мелкіе промышленники, которымъ грозитъ банкротство, въ то время какъ крупные ведутъ борьбу съ очистными заводами, которые выписываютъ кавказскую нефть.

Правительство разными мѣрами, главнымъ образомъ путемъ пониженія перевозочнаго тарифа и установленія высокихъ пошлинъ на иностранную нефть, стремится поддержать мѣстную промышленность, съ цѣлью сдѣлать обработку иностраннаго продукта невыгоднымъ. Со введеніемъ съ 1 января 1900 г. новаго тарифа, совершенно прекратился

ввозъ искусственнаго минеральнаго масла, фальсификата нефти. Въ настоящее время почти всѣ очистительные заводы завели собственные нефтяные колодцы, почему надо полагать, что борьба рафинеровъ съ нефтепромышленниками скоро прекратится, и цѣны войдутъ въ норму. Если промышленность благополучно выйдетъ изъ нынѣшняго кризиса и вообще будетъ урегулирована, несомнѣнно она займетъ въ краѣ и въ Европѣ выдающееся мѣсто. (Изъ «Сборника консульскихъ донесеній» вып. V, 1903 г. Донесеніе секретаря русскаго консульства во Львовѣ Н. Шлейфера, стр. 401—408).

Дѣла о государственной измѣнѣ и нарушеніи общаго спокойствія, производившіяся въ Малороссіи въ 1807 г. Въ январѣ 1807 г. въ Петербургѣ былъ учрежденъ Особый Комитетъ для дѣлъ, заключающихъ измѣну или нарушеніе общаго спокойствія". О мотивахъ, побудившихъ учредить его, вотъ что читаемъ въ высочайшемъ указѣ Правительствующему Сенату: Обращая вниманіе на способы, которыми коварное правительство Франціи, достигая пагубной цѣли своей разрушенія всеобщаго спокойствія, не преставало дѣйствовать во всѣхъ европейскихъ государствахъ через тайныхъ и явныхъ своихъ сообщниковъ, предписали мы указомъ нашимъ отъ 28 ноября прошлаго 1806 года мѣры предосторожности въ разсужденіи проживающихъ въ Россіи французскихъ подданныхъ. Хотя симъ способомъ пресѣчена удобность къ совершенію замысловъ внѣшнихъ враговъ государства чрезъ зловредныя переписки, подсматриванія (шпіонства) и разглашенія, но при всемъ томъ неможно вовсе обезпечиться съ сей стороны, и бдительность полиціи должна продолжать неослабное свое наблюденіе; желая по сему преподавать ей правила, настоящимъ военнымъ обстоятельствамъ наиболѣе соотвѣтствующія, а съ другой стороны—при самомъ открытіи злаго намѣренія или измѣны, сохранить строжайшій порядокъ и благоразумную осторожность въ производствѣ слѣдствія по сему роду дѣлъ, гдѣ малѣйшая погрѣшность обратиться можетъ или къ притѣсненію невинности, или къ закрытію преступника: признали нужнымъ учредить при таковыхъ обстоятельствахъ особый комитетъ. Въ составъ этого комитета вошли министръ юстиціи кн. Лопухинъ, сенаторы Макаровъ и Новосильцовъ и, въ случаѣ надобности, въ немъ же могъ присутствовать главнокомандующій въ столицѣ и военный министръ Вязьмитиновъ (или какъ онъ на-

зывался тогда, министръ военныхъ сухопутныхъ силъ) и министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубей (впослѣдствіи князь).

Согласно правиламъ, всѣ дѣла по важнымъ преступленіямъ, „въ коихъ подозрѣваются люди зловредные или измѣна противу общаго спокойствія и безопасности", должны быть немедленно отсылаемы въ комитетъ, который, сообразно обстоятельствамъ, намѣчалъ порядокъ слѣдствія. Предписывалось всѣмъ начальствующимъ лицамъ, поступая на основаніи общихъ законовъ, увѣдомлять немедленно о такихъ дѣлахъ въ комитетъ и слѣдствія представить „на ревизію".

Князь А. Б. Куракинъ, получивъ указъ Сената объ учрежденіи особаго комитета, тотчасъ предписалъ губернаторамъ черниг. и полт. губерній донести ему, какія имѣются въ производствѣ дѣла, гдѣ есть обвиняемые въ этихъ важныхъ преступленіяхъ. Черниговскій губернаторъ не замедлилъ донести, что въ его губерніи вовсе нѣтъ таковыхъ дѣлъ (хотя впослѣдствіи и открылись), а полтавскій донесъ о нѣкоторыхъ обвиняемыхъ. Интересно познакомиться, какого рода были эти дѣла. Первымъ оказалось дѣло о дворянинѣ Яковѣ Мочуговскомъ, проживавшемъ въ Константиноградѣ. При открытіи военныхъ дѣйствій съ французами, Мочуговскій заявилъ свою радость: «Радуется онъ—доносилъ губернаторъ,—желая, дабы Бонапарте разорилъ Россію, и если бы онъ его здѣсь увидѣлъ, то какъ-бы на крыльяхъ къ нему полетѣлъ». Въ переяславскомъ уѣздѣ были въ производствѣ два дѣла; первое—объ отставномъ солдатѣ Феодорѣ Гуцанѣ. На приказъ явиться ему къ земскому комисару для выслушанія предписанія губернатора о зачисленіи въ штатныя команды, Гуцанъ заявилъ: „если ему теперь на службу идти, то онъ не обратится на непріятеля, но на москаля и начнетъ рѣзать до послѣдня". Другое—о коллежскомъ ассесорѣ Лукашевичѣ, на котораго донесъ переяславскій маршалъ, будто этотъ Лукашевичъ «за столомъ пилъ за здоровье Бонопарте». Генеральный судъ, вѣдавшій въ то время подобныя дѣла (корпуса жандармовъ еще не было въ то время), командировалъ для разслѣдованія своего депутата Юзефовича.

Въ тоже время въ черниговской губерніи возникло слѣдствіе о крестьянинѣ Максимѣ Демиденкѣ, убѣжавшемъ «безъ письменнаго вида» отъ своего владѣльца, помѣщика могилевской губерніи. По показанію обвиняемаго, онъ убѣжалъ изъ имѣнія потому, что его помѣщикъ склонялъ крестьянъ идти на помощь французамъ и приказывалъ истреблять скотъ, а хлѣбъ закапывать въ ямы, «дабы россійскіе войска не могли имѣть при переходѣ прокормленія». Демиденка отправили

въ Могилевъ, въ распоряженіе мѣстнаго Губернскаго Правленія, а о Мочугскомъ и Гацунѣ князь Куракинъ донесъ Комитету, который согласился съ рѣшеніемъ о нихъ генеральнаго суда. А какое было рѣшеніе,—къ сожалѣнію, изъ дѣла не видно. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписано было кн. Куракину о подобныхъ дѣлахъ, начатыхъ до учрежденія особаго Комитета, не доносить, а только о вновь возбужденныхъ. Поэтому, князь и не донесъ по дѣлу о казенномъ поселянинѣ Леонтіи Щербаневѣ, родомъ изъ новомосковскаго уѣзда, екатеринославской губерніи. Этотъ Щербаневъ, отправляясь изъ Кіева черезъ Переяславль, хвалился передъ многими, «ежели бы онъ пошелъ къ войнѣ, то побѣдилъ бы вдругъ непріятеля, а что есть у его такое деревцо, которымъ можетъ его одолѣть». Переяславская полиція его задержала и отправила въ Полтаву, въ губернское правленіе, а послѣднее въ совѣстный судъ. Совѣстный судъ, допросилъ Щербаня, постановилъ о немъ такое рѣшеніе: «не находя въ суевѣріи его таковаго преступленія, которымъ бы онъ учинилъ кому-либо вредъ, обозначенному Щербаневу за выговоренные имъ нелѣпіе изреченія, вмѣнивъ въ наказаніе бытіе его подъ судомъ, отъ дальнѣйшаго истязанія, оставить свободнымъ»; помимо этого, его обязали подпиской «въ прекращеніи суевѣрнаго разглашенія», а найденный у него бумажникъ съ палочкой называемаго имъ «чернаго глода» велѣно было сжечь. Рѣшеніе это было представлено князю А. Б. Куракину «для лучшаго усмотрѣнія происхожденія этого дѣла». Какъ поступилъ князь, изъ дѣла не видно; вѣроятно, этимъ оно и окончилось. Послѣ того въ теченіе 1807 года разбиралось еще дѣло, о которомъ тотчасъ было донесено въ Комитетъ. Дѣло это о казенномъ крестьянинѣ Василіи Гмирѣ по поводу «выговоренныхъ имъ противу Высочайшей особы Государя дерзостныхъ и безумныхъ словъ. Комитетъ доложилъ объ этомъ императору; но благодушный Александръ I простилъ Гмирю «по снисхожденію къ его глупости», и лишь повелѣлъ «подтвердить Гмирѣ, дабы впредь воздержался отъ продерзкихъ поступковъ, въ которыхъ онъ по повальному обыску обвинялся». (Архивъ Полт. Губернскаго правленія, по описи № 346).

Сообщ. **И. Ф. Павловскій.**

Запрещеніе протопопамъ и намѣстникамъ брать съ приходскихъ священниковъ такъ назыв. „ралцевіе деньги“. Божіею Милостію Рафаилъ Заборовскій, православный архіепископъ митрополитъ Киевскій, Галицкій и Малия Россіи, Всечестнимъ протопопамъ: Батуринскому Мойсею, Кролевецкому Θеодору, Глуховскому Алексѣю, Божіе благословеніе и наше архиерейское препославше, предлагаемъ: Понеже намъ, пастиревѣ, извѣстно учинилось, что протопопи и намистники нѣкоторие по своему богомерзкому вимислу, ради сквернаго своего прибитка, з священниковъ во время праздниковъ Рождества и Воскресенія Христова нѣкоторие ралцевіе денги, да и сверхъ указовъ нашихъ, в оныхъ протопоповъ імѣющыхся, на писара по полушки и денежки взимаютъ, что зсе происходитъ священникомъ бѣднимъ в единую обиду и разореніе, того ради, мы, пастиръ, оніе богомерзкіе издирства искореняя, чрезъ сіе накрипко подтверждаемъ, дабы всякъ протопопъ и намѣстникъ, да и протчие священники, коимъ какова отъ кого ради строенія команда поручена, ни подъ какимъ видомъ ни отъ какого священника по непотребному и богомерзкому своему вимислу взятковъ какъ денежнихъ, такъ и никакихъ отнюдь не требовали и ничего сверхъ указовъ нашихъ въ обиду священническую, а себѣ ради скевернаго прибитка, не вимишляли; а когда протопопъ или намѣстникъ востребуетъ отъ священника іакобы по указу нашему какова на писара или на что иное датка, то оный священникъ по тому дать не долженъ, поколѣ подлинного нашего въ той силѣ указа ему обявлено не будетъ. Буди же кто таковаго здирства дѣлать не престанетъ и протчое непотребное вимишлять начнетъ и о томъ намъ кто донесетъ і доведется, то тотъ (будетъ наказанъ) яко разоритель и указомъ противникъ. Сего нашего указа всякъ протопопъ и намѣстникъ, скопиевавъ подлинній, разослать во все вѣдомство свое, а священникъ, тако жъ буди гдѣ есть и дияконъ, по тому жъ скопиевать долженъ и на семъ нашемъ указѣ какъ во полученіи, такъ и о исполненіи подписалися бъ, по окончаніи же обратно въ канцелярію нашу прислать архиерейско повелѣваемъ. Ісъ катедри нашей митрополитанской Киевской. 1746 года, мая 9 дня.

Вышше именованній Рафаилъ, митрополитъ.

Представленіе генер.-губ. Воейкова о назначеніи докторовъ въ кіевскую губернію (1766 г.). Гос. Медицинская Коллегія

въ сентябрѣ 1766 года запросила кіевскаго генералъ-губернатора: «есть ли въ кіевской губерніи надобность въ докторахъ и прочихъ медицинскихъ служителяхъ», и «требовала прописать обстоятельно причины надобности». Воейковъ отвѣчалъ на этотъ указъ донесеніемъ, въ которомъ, между прочимъ, встрѣчаемъ любопытное свѣдѣніе объ отношеніи кіевскаго магистрата къ вопросу о назначеніи врача собственно для города: когда таковой былъ Мед. Коллегіей назначенъ, то магистратъ его не принялъ, и генералъ-губернаторъ призналъ, что магистратъ въ правѣ такъ поступить. Интересно это донесеніе еще и по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія представляетъ оно о положеніи вообще пограничнаго доктора въ Васильковѣ и въ частности о докторѣ Гермессѣ. Ниже и приводится существенная часть этого документа:

«Хотя при кіевскихъ гарнизонныхъ баталіонахъ опредѣленные лѣкари и имѣются, но какъ оные обязаны всегдашнимъ исправленіемъ своей должности при тѣхъ баталіонахъ, то на пользованіе прочихъ чиновъ людей и времени имъ не достаетъ; равномѣрно и опредѣленный отъ Г. М. К. въ Васильковъ для предосторожности и смотрѣнія при границѣ въ пропускѣ пріѣзжающихъ изъ заповѣтривающихъ заграничныхъ мѣстъ купцовъ и прочихъ званій людей докторъ Гермесъ по должности своей обязанъ всегда быть при своемъ постѣ, т. е. при Васильковскомъ форпостѣ; слѣдовательно въ докторѣ или въ искусномъ штабъ-лекарѣ для находящагося въ г. Кіевѣ генералитета и прочихъ чиновъ необходимая состоитъ надобность; къ тому жъ означенный докторъ Гермесъ, какъ извѣстно, изъ имѣющихся въ К. Губ. Канц. дѣлъ, человѣкъ безпокойной, привящивой и необыклой, и въ такомъ пограничномъ мѣстѣ быть весьма неспособной, ибо, вмѣсто точнаго наблюденія своей должности, время препровождаетъ болѣе въ ссорахъ съ находящимися при Васильковскомъ форпостѣ лѣкаремъ Лигдою и въ чинимыхъ потому въ К. Г. К. излишнихъ и неосновательныхъ представленіяхъ..... ибо таковымъ его безпокойнымъ и привящивымъ поведеніемъ не только въ комерціи обращающимся людямъ тягость наносится, но и польскимъ подданнымъ, съ продуктами для продажи сюда пріѣзжающимъ, немалое причиняется огорченіе, чѣмъ и одни и другіе отъ продолженія своего промысла чрезъ сей главный форпостъ отвращены быть могутъ, а оттого не иное что произойдетъ, какъ убытокъ въ казенныхъ сборахъ и крайній недостатокъ въ провіантѣ,

тѣмъ паче что въ здѣшней заднѣпровской околичности такъ обитатели, какъ и военные люди, довольствуются однимъ почти изъ заграницы привозимымъ хлѣбомъ. А какъ я о добромъ поведеніи, не меньше жъ и объ особливомъ въ пользованіи искусствѣ находящихся при дивизіяхъ штабъ-лекарей,—при Лифляндской Бара, а при Украинской Граве, не безынтересенъ и потому къ опредѣленію ихъ способными признаваю: въ Кіевѣ—Бара, а въ Васильковѣ—Граве, то, въ разсужденіи того, не соблаговолить ли Г. М. К. оныхъ штабъ-лекарей опредѣлить Бара въ Кіевъ, а Граве въ Васильковъ на мѣсто означеннаго доктора Гермеса. Что жъ опредѣленной предъ симъ въ Кіевъ отъ оной Г. Мед. Кол. для пользованія здѣсь гражданства и купечества штабъ-лекарь Рихтеръ кіевскимъ магистратомъ не принятъ, то оное въ опредѣленіи въ Кіевъ упоминаемаго шт.-л. Бара препятствіемъ служить не можетъ, потому что кіевскій магистратъ и мѣщанство, состоя на особливыхъ правахъ и привилегіяхъ, онаго шт. л. Рихтера на своемъ коштѣ содержать не пожелалъ, почему онаго магистрата въ томъ и принудить невозможно; а шт.-л. Баръ надобенъ въ Кіевъ, какъ выше показано, для находящагося здѣсь генералитета и прочихъ великороссійскихъ чиновъ»..

Докторъ Гермесъ былъ меньше году пограничнымъ докторомъ. Назначенный на эту должность указомъ 12 декабря 1765 г. на мѣсто доктора Ивана Полетики, переведеннаго тѣмъ же указомъ въ г. Оренбургъ госпитальнымъ докторомъ, Гермесъ указомъ 30-го генваря 1767 г. былъ уже назначенъ въ Сибирь корпуснымъ докторомъ, а на его мѣсто вновь былъ переведенъ Иванъ Полетика, который, какъ видно, практиковалъ и въ Кіевѣ, гдѣ имѣлъ и собственный домъ на Печерскомъ форштатѣ, равно и въ ближайшихъ къ Василькову «заграничныхъ» мѣстахъ, для чего ему выдавалось особое для такихъ поѣздокъ разрѣшеніе отъ генералъ-губернатора.

Къ юбилею Н. В. Лисенка. Въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 4312 р. 33 к. (см. № 11, стр. 74—75) для поднесенія подарка Н. В. Лисенку въ день предстоящаго празднованія его 35-лѣтняго юбилея, вновь поступило: 1) отъ служащихъ въ Статистическомъ бюро Херсонскаго Земства—16 р. 25 к.; 2) А. М. Кулишъ—3 р.; 3) И. М.—5 р.; 4) А. Назарьевъ—1 р.; 5) Ѳ. А. Назарьевъ—3 р.; 6) Д. И. Эварницкій--10 р.; 7) П. А. Малинко—10 р.;

8) С. В. Павличенко—1 р.; 9) М. Е. Науменко—50 к.; 10) NN—5 р.; 11) С. И. Афанасьевъ—4 р. 50 к.; 12) Н. А. Шугурова—1 р.; 13) Ф. Ш.—50 к.; 14) В. Г.—25 к.; 15) Н. Кибальчичъ—1 р.; 16) В. Демченко—5 р.; 17) Н. Ященко—5 р.; 18) Т. и Ол. Бородай—25 р; 19) Видъ Ананьевцивъ—10 р.; 20) П. Василенко—1 р.; 21) С. Гаевскій—1 р.; 22) А. Ѳ. Вержбицкій—3 р.; 23) Ю. И. Бяловская—1 р.; 24) Собрано въ Винницѣ: Боржковскій, Н. Заболотный, И. Климашевскій, Н. Волгинъ, И. Федоровъ, Онищенко, В. Кореневъ, В. Богаевскій, И. Линевичъ, К. Полетика, Пантелѣевъ, П. Александровъ, І. Лозинскій, В. Снѣжинскій, А. Георгіевъ, К. Оберучевъ—21 р. 50 к.; 25) Д. Я. Бабичевъ—10 р.; 26) Влад. Дашкевичъ—10 р.; 27) И. А. Василевскій—25 р.; 28) NN—1 р.; 29) Ф. К.—5 р.; 30) А. А. Кисель—10 р.; 31) В. Т. Андріевскій—10 р.; 32) Л. Н. Жебуневъ—15 р.; 33) Н. В. Пекуръ 10 р.; 34) П. А. Горскій—10 р.; 35) К. А. Шумейко—5 р.; 36) г-жа Костомарова—1 р.; 37) г-жа Мильневская—1 р.; 38) г-жа Лисенко—1 р.; 39) Г. И Квитковскій—5 р.; 40) Ол. Красовській—1 р.; 40) А. Н. Шрамченко—3 р.; 42) К. К. Пелеховичъ—3 р.; 43) Ив. Эдель—1 р.; 44) Б Джабабековъ—1 р.; 45) П. С. Еремѣевъ—1 р.; 46) Ершовъ—50 к.; 47) Владимірскій—1 р.; 48) Бѣляевъ—1 р; 49) Дѣдуловъ—50 к.; 50) А. Емельяновъ—1 р.; 51) Ф. А. Степановъ—1 р; 52) А. К. Вилліамъ—1 р.; 53) И. М. Геннеръ—1 р.; 54) Н. А. Аѳонскій—1 р.; 55) Н. Т. Улезко—1 р.; 56) М. Л. Джиноридзе—1 р.; 57) Р. Л. Шаповаловъ—50 к.; 58) А. С. Рыжова—1 р.; 59) Е. Ф. Максиміліановъ—50 к.; 60) Л. Р. Кобылянскій—2 р.; 61) А. Тхоржевскій—1 р.; 62) И. С. Эліашвили—1 р.; 63) О. А. Зайцова—2 р.; 64) А. Н. Зайцовъ—1 р.; 65) В. Т. Жила—3 р.; 66) А. Г. Паніевъ—1 р.; 67) С. А. Бѣляевъ—3 р.; 68) П. Ѳедоровскій—3 р.; 69) А. Аммосовъ—1 р. 50 к.; 70) В. А. Ярошевскій—1 р.; 71) А. Е. Трусовъ—10 р.; 72) Ст. Ип. Рыльскій—10 р.; 73) П. М. Дондыръ—2 р; 74) А. М. Б.—1 р. 50; 75) М. Ф. Левицкій—20 р.; 76) И. В. Охременко—1 р.; 77) Г. Я. Стрижевскій—3 р.; 78) М. Кудрицкій—1 р. 50 к.; 79) С. П.—1 р.; 80) Мерцій—1 р.; 81) И. Федорченко—2 р.; 82) Гр. Кернеръ—5 р.; 83) Товарыство взаимныхъ обезпечень у Львови «Днистеръ»—100 р.; 84) О. А. Усикъ—1 р.; 85) О. Б. Ас—на—1 р.; 86) Студенты Рижскаго Политехникума черезъ Е. С—каго—24 р. 50 к.; 87) К. Андріевская—5 р.; 88) Отъ С. Ѳ. Телѣжинскаго, собран. среди знакомыхъ 30 р. 50 к.; 89) Отъ А. Б. и В. Б.—25 р.; 90) Видъ друкаря

«Кіевськои Старины» Л. К.—50 к.,—что вмѣстѣ съ прежними составитъ—4352 р. 83 к.

Поправка къ замѣткѣ „Три указа конца XVIII вѣка“ (1903 г., № 10). Намъ прислана г. К. Харламповичемъ слѣдующая справка о личности преосвященнаго Иларіона, фигурирующаго въ напечатанныхъ г. С. Рклицкимъ у насъ указахъ.

«Преосвященный Иларіонъ—не *Рогалевскій*, послѣ Казани и Чернигова умершій на покоѣ въ 1739 или 1742 г. (точно неизвѣстно), а *Кондратковскій*, единственный епископъ Новгородъ-сѣверской и Глуховской епархіи (1785—1797 г.), бывшій передъ тѣмъ епископомъ Переяславскимъ. Назначенный въ 1797 г. на каѳедру Бѣлорусскую и Могилевскую, онъ въ Могилевъ не поѣхалъ и былъ уволенъ на покой съ управленіемъ Новгородъ-сѣверскимъ монастыремъ. Умеръ 12 янв. 1799 г., а 16 окт. того-же года Новгородъ-сѣверская и Глуховская епархія была присоединена къ Черниговской».

Поправка. Въ прошлой книжкѣ (Ноябрь), въ некрологѣ Исидора Воробкевича (стр. 88—91) вкрались нѣкоторыя досадныя, извращающія смыслъ, опечатки:

Напечатано:					*Нужно:*
88	стр.	16	стрк.	сверху—музеѣ	лицеѣ.
—	«	10	«	снизу—Черниговской	Черновецкой.
—	«	2	«	снизу—литературной	литературой.
89	«	4	«	сверху—Черниговской	Черновецкой.
—	«	1	«	снизу—просто	красно.

Текущія извѣстія.

Мелочность въ важномъ дѣлѣ. *(По поводу замѣтки Савы Крилача въ Кіевской Газетѣ, № 327, подъ заглавіемъ „Неосторожность въ важномъ дѣлѣ“)*. Какъ извѣстно, конечно, громадному большинству нашихъ читателей, даже вѣроятно и всѣмъ имъ, историческія судьбы южноруссовъ сложились такъ запутано, съ такими политическими

осложненіями, что для этого многомилліоннаго народа не выработалось до сихъ поръ въ жизни постояннаго, устойчиваго термина въ названіи его. Наименѣе колебанія въ этомъ отношеніи замѣчается, когда идетъ рѣчь о той части народа, которая живетъ въ Россіи, но и тутъ постоянно можно встрѣтить варьирующимися три названія: южноруссы, малороссы, украинцы, при чемъ послѣднее названіе въ современной рѣчи оказывается наиболѣе употребительнымъ, хотя и оно далеко не выражаетъ собой того содержанія и того объема, какія должны были бы сочетаться съ этимъ понятіемъ. Что же касается другой, далеко меньшей, части нашего племени, которая живетъ въ Галичинѣ, то, по отношенію къ ней, въ нашей, здѣсь употребляющейся, рѣчи номенклатура еще болѣе оказывается сложной: величаемъ мы ихъ и русинами, и русскими, и малороссами и украинцами; у себя же дома, т. е. въ Галиціи, сами себя они называютъ почти всегда *рускими*, *русинами*, изрѣдка, *украинцами*, при чемъ оффиціальные термины у нихъ—«руска гимназія», «руске товариство» и пр. Для доказательства открываю первый попавшійся подъ руки номеръ газеты «Дило», (№ 265) и читаю: «що до східноі, *рускоі* части Галичини»; «щоб обезсилити до крайности національний *украінський* рух в Галичині»; «а для *руского* языка, що находится...»; «гірске село Сопот е селом чисто *руским*»; «*Руска* бурса в Сереті»; «відозва до Підгаецких *Русинів*» и пр. Беру для провѣрки послѣднюю книжку «Записокъ Наукового Товариства ім. Шевченка» (Т. 55-й) и опять нахожу въ статьѣ «З історіі *украінськоі* молодіжи в Галичині» такія выраженія: «в історіі *галицько-руського* украінофільства»; «*Русини* повинні на разі зрезигнувати»; «*руська* академічна молодіж»; «між молодіж *руську* внесли роздор» и пр. Заглядываю, наконецъ, въ 10-ую книжку „Літературно-Наукового Вистника» и въ статьѣ «*Галицько-руське* письменство 1848—1865 г.» нахожу такія фразы: «провідники *руськоі* інтелігенціі»; «стояли вище від *Русинів*»; „польська література въ Галичині так само мертвіла, як і *руська*“ и пр.

Называя разными именами, всѣ мы прекрасно умѣемъ различать эту терминологію по существу міровоззрѣній той или другой партіи, причисляя однихъ къ украинофиламъ, другихъ къ москвофиламъ, т. к. каждый мало-мальски образованный человѣкъ знаетъ, что въ Галичинѣ живетъ только одинъ народъ, именующій себя *рускимъ* и не дѣлящійся, какъ у насъ, на *великороссовъ*, *малороссовъ и бѣлоруссовъ*. Читая постоянно галицкія изданія, я лично привыкъ вдумы

ваться въ содержаніе читаемаго, и потому не приходится мнѣ никогда путаться въ этой терминологіи. Глядя такъ и на читателей «Кіевской Старины», я никогда не сомнѣвался, да и теперь не сомнѣваюсь, что они, слѣдя за содержаніемъ помѣщаемыхъ въ журналѣ замѣтокъ, касающихся Галичины, прекрасно поймутъ, о комъ идетъ рѣчь, а потому, дѣлая выписки изъ разныхъ газетъ и журналовъ, не особенно заботился о томъ, чтобы выдержать одинъ опредѣленный терминъ, какого, какъ показано выше, не держатся и сами галичане. Вотъ почему въ разныхъ замѣткахъ о галицкой жизни я въ журналѣ употреблялъ разные термины—*руские послы*, *руская* гимназія, *украинскій* художникъ, *русины*—въ зависимости отъ того, изъ какихъ изданій почерпалась замѣтка. Но теперь въ этомъ своемъ промахѣ я очень каюсь, такъ какъ отыскался нѣкто *Сава Крилачъ*, который въ замѣткѣ своей «Неосторожность въ важномъ дѣлѣ» (Кіевская Газета, № 327) ставитъ мнѣ все это но только въ упрекъ, но даже соболѣзнуетъ о читателяхъ (не лишняя ли забота?), которые такъ запутаются въ этихъ терминахъ, что не разберутъ, кто кого обижаетъ, и кто кого защищаетъ, предполагая, очевидно, что читатели наши мало развитые люди...

Заботливость Савы Крилача простирается до того, что онъ, соболѣзнуя о *бѣдной Австріи*, которая не въ состояніи разобраться въ массѣ народностей, ее населяющихъ, даже не хотѣлъ бы попасть въ президенты австрійскихъ министровъ, чтобы не запутаться въ названіяхъ этихъ народностей. Не желая лишать возможности Савѣ Крилачу попасть въ министры-президенты, мы на будущее время постараемся вездѣ выдерживать одинъ терминъ, называя нашихъ братьевъ галичанъ такъ, какъ они сами себя называютъ (хотя и не всегда однородно), т. е. *русинами*. Но такъ какъ въ Австріи такая двойственность названій встрѣчается довольно часто, то мы, кстати, предупредимъ будущаго министра-президента, чтобы, въ случаѣ своей служебной поѣздки, напр., въ Загребъ, онъ не потребовалъ себѣ дважды прогоновъ, думая попасть еще и въ Аграмъ, т. к. смѣемъ его увѣрить, что это одинъ и тотъ же городъ (въ Хорватіи), имѣющій только два названія.

В. Науменко.

О могилѣ А. П. Стороженка. Въ № 9 нашего журнала мы помѣстили со словъ газеты «Волынь» замѣтку о забытой могилѣ на-

шего украинскаго писателя *А. П. Стороженка* и о томъ, что могила эта требуетъ исправленія. Тогда же мы сообщили, что намъ прислано для цѣли приведенія въ порядокъ этой могилы 9 руб., въ дополненіе къ которымъ поступило еще 25 р. отъ N. S. (см. № 11), а теперь В. Цимбаломъ присланъ 1 р.,—всего составилось 35 р.

Между тѣмъ на дняхъ нами получено печатаемое ниже письмо родственника писателя, Н. В. Стороженка; изъ этого письма видно, что вопросъ о степени неудовлетворительнаго состоянія могилы писателя подвергается нѣкоторому сомнѣнію.

Письмо въ редакцію. Прочитавши замѣтки въ «Кіевской Старинѣ», въ «Волыни» и «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» о «забытой могилѣ» А. П. Стороженка на брестскомъ городскомъ кладбищѣ, что-де «она заросла травою и покрылась плѣсенью» и что лишь «стараніями инженернаго чиновника О. К. Василенка, малоросса-почитателя покойнаго писателя... немного приведена въ порядокъ, расчищена трава, убранъ соръ и сгнившій листъ и на могильную плиту положены цвѣты», я обратился письменно къ г. брестскому уѣздному предводителю дворянства съ просьбою сообщить мнѣ, въ какомъ состояніи находится могила моего покойнаго сородича, и получилъ нижеслѣдующій отвѣтъ:

«М. Г. Н. В. На письмо Ваше отъ 20 минувшаго октября, имѣю честь увѣдомить, что нельзя признать, чтобы могила А. П. Стороженка находилась въ крайне запущенномъ видѣ. По словамъ о. настоятеля брестскаго православнаго собора, осмотрѣвшаго могилу, слѣдуетъ поправить лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кирпичный фундаментъ вокругъ могилы выше уровня земли, обвалившуюся штукатурку, покрасить ограду и надгробную плиту, на что потребуется не болѣе десяти рублей.

По заявленію о. настоятеля собора, въ прошломъ году, по просьбѣ одного изъ почитателей покойнаго, была отслужена на могилѣ панихида, при чемъ священникомъ было обращено вниманіе тутъ-же присутствовавшаго почитателя на состояніе могилы, но сей послѣдній, не отвѣтивъ ничего, уѣхалъ. Пріймите и пр. (подпись).

Надѣюсь, что Вы не откажете помѣстять настоящую справку на страницахъ «Кіев. Стар.».

Съ почтеніемъ Н. Стороженко.

Ввиду полученія нами этого письма, мы обратились къ настоятелю брестскаго собора съ просьбой извѣстить насъ, не приметъ-ли

онъ на себя хлопоты по приведенію въ порядокъ могилы, и тогда мы направимъ къ нему имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи деньги.

Малороссійскій вечеръ въ Петербургѣ. 2-го ноября состоялся въ Петербургѣ первый малороссійскій вечеръ въ нынѣшнемъ сезонѣ, устроенный обществомъ имени Т. Г. Шевченка въ пользу недостаточныхъ курсистокъ-медичекъ.

Залъ городского кредитнаго общества былъ переполненъ публикой, большая половина которой составилась изъ учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы, молодежи обоего пола. Многіе явились въ малороссійскихъ костюмахъ, изъ которыхъ нѣкоторые выдѣлялись своею оригинальностью. Программа вечера, исполненная въ двухъ отдѣленіяхъ, только на-половину носила малороссійскій характеръ.

Весьма недурно пѣлъ малороссійскій хоръ изъ мужскихъ и женскихъ голосовъ, подъ управленіемъ Ф. Г. Томашевскаго; всѣ участники и участницы хора были въ малороссійскихъ костюмахъ.

Хорошо пѣла малороссійскія пѣсни солистка З. Н. Данковская.

Но «гвоздемъ» вечера, безспорно, было высокоталантливое декламированіе знаменитой артистки Вѣры Ѳедоровны Коммисаржевской, исполнившей нѣсколько стихотвореній Некрасова и Апухтина.

Публика въ общемъ, видимо, осталась довольна вечеромъ.

Общество имени Т. Г. Шевченка предполагаетъ въ нынѣшнемъ сезонѣ устроить еще 6 малороссійскихъ вечеровъ.

Расходъ по устройству празднествъ при открытіи памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Празднества по случаю открытія памятника Котляревскому обошлись не совсѣмъ дешево. Самое торжество открытія и торжественное засѣданіе вызвали расходъ 1340 р.; въ этой суммѣ заключается 456 р., уплаченныхъ за участвовавшихъ въ обѣдѣ города почетныхъ гостей; по устройству музыкально-литературнаго утра и спектакля расходовъ было 820 р. Такимъ образомъ всего израсходовано 2160 р. Для покрытія этого расхода въ распоряженіи управы была только тысяча руб., ассигнованная думой, а вся недостающая сумма покрыта позаимствованіемъ изъ дохода отъ утра и спектакля. Позаимствованіе это, несомнѣнно, будетъ возвращено, такъ какъ доходъ отъ утра и спектакля предназначенъ для со-

вершенно иныхъ цѣлей. Утро и вечеръ дали валового сбора 1249 р., кромѣ того въ фондъ школы имени Котляревскаго въ дни торжествъ поступило пожертвованій 350 р. Слѣдовательно, фондъ этотъ выражается въ суммѣ 1599 р. На сооруженіе памятника поступило всего 14,208 р., а фактически израсходовано 15,334 р. Перерасходъ отнесенъ на счетъ запаснаго капитала города.

Отчетъ о художественной выставкѣ въ память Котляревскаго. Художественная выставка, устроенная въ Полтавскомъ земскомъ музеѣ въ память И. П. Котляревскаго, оказалась съ матерьяльной стороны вполнѣ удавшейся.

Число платныхъ посѣтителей за все время ея, съ 28 авг. по 21-ое окт., выразилось цифрой 3131. Кромѣ того, выставку посѣтили (безплатно) ученики городскихъ и земскихъ школъ, земскаго ремесленнаго училища, школы садоводства и фельдшерской школы. Валовая выручка съ выставки равняется 662 р. 40 к. Расходы по выставкѣ составили 330 р. 12 к., а чистая выручка 332 р. 28 к.

Часть этой суммы, по постановленію комитета, будетъ употреблена на изданіе фотографическаго альбома выставки; альбомъ этотъ будетъ особенно интересенъ потому, что въ него войдутъ снимки съ работъ художниковъ Мартиновича, Васильковскаго, Сластіонова, Красицкаго и другихъ, представляющіе собой почти весь малорусскій отдѣлъ выставки. Альбомъ этотъ будетъ исполненъ фотографомъ Хмѣлевскимъ и въ скоромъ времени выпущенъ въ продажу. Остальную часть суммы, приблизительно 200 р., комитетъ выставки постановилъ просить Полтавское губернское земство принять въ даръ на художественное украшеніе музея.

Собраніе въ литерат. обществѣ при С.-Петерб. Духовн. Академіи въ память И. П. Котляревскаго. 24-го октября состоялось первое въ нынѣшнемъ учебномъ году собраніе литературнаго Общества при Спб. духов. академіи. Ввиду недавнихъ полтавскихъ торжествъ въ честь перваго украинскаго поэта И. П. Котляревскаго, по случаю открытія въ Полтавѣ памятника ему, это первое собраніе было посвящено памяти Котляревскаго. Студентъ 3-го курса академіи Г. А. Евѳимовъ (уроженецъ харьковской губ.) предложилъ рефератъ на тему:

«И. П. Котляревскій, какъ родоначальникъ новой украинской литературы». Ассистентъ докладчика, студентъ 4 курса В. А. Щепотьевъ (бывшій воспитанникъ Полтавской духов. семинаріи и Полт. дух. училища), указалъ на значеніе для русской литературы произведеній И. П. Котляревскаго и другихъ украинскихъ поэтовъ. Въ послѣдовавшихъ затѣмъ преніяхъ принималъ участіе доцентъ академіи по каѳедрѣ исторіи русской литературы Д. И. Абрамовичъ (малороссъ—уроженецъ волынской губерніи).

О жалобѣ въ Сенатъ Полтавской городской думы. 27 октября городской управой созвано было совѣщаніе гласныхъ юристовъ для выработки основаній сенатской жалобы на распоряженіе Министерства внутреннихъ дѣлъ, въ силу котораго воспрещено было въ торжественномъ засѣданіи думы, 30 августа, посвященномъ чествованію памяти Котляревскаго, читать привѣтствія на малорусскомъ нарѣчіи. Въ совѣщаніе приглашались всѣ гласные-юристы, которыхъ въ думѣ насчитывается свыше десяти человѣкъ, а въ засѣданіе прибыли лишь: Веселовскій, Пилипенко, Горонескуль и городской голова Трегубовъ; самые горячіе сторонники оппозиціи отсутствовали. Послѣ продолжительныхъ разговоровъ совѣщаніе поручило Ф. С. Веселовскому составить проектъ жалобы, который затѣмъ будетъ внесенъ на одобреніе всей комиссіи. По утвержденіи послѣдней, жалоба, чрезъ Начальника губерніи, будетъ препровождена въ Сенатъ.

Второе засѣданіе юридической комиссіи для выработки сенатской жалобы привлекло гораздо больше гласныхъ юристовъ, чѣмъ первый разъ. Пренія продолжались нѣсколько часовъ, но окончательная редакція пока еще не установлена, и комиссіи придется вѣроятно еще разъ собраться. (Полт. Вѣстн. № 272).

Малорусское издательское общество. Въ «Вѣстн. Юга» (№ 584) *Гр. Сьогобочный* помѣстилъ прекрасную замѣтку о дѣятельности С.-Петербургскаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ, которую мы перепечатываемъ цѣликомъ, ввиду ея интереса.

Скоро истекаетъ пять лѣтъ со дня утвержденія устава издательскаго общества, именуемаго оффиціально «Благотворительное общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ». 19 ноября 1898 года

уставъ общества, имѣющаго цѣлью придти на помощь нравственному развитію и экономическому благосостоянію украинскаго народа путемъ изданія для него доступныхъ по цѣнѣ и языку книгъ, получилъ правительственную санкцію и общество приступило къ выполненію многотрудной задачи. Многотрудной, говоримъ, потому, что малорусское слово до сихъ поръ у насъ не пользуется тѣми правами, которыя по справедливости должны принадлежать 25 милліонной массѣ народа, населяющаго обширное пространство отъ Карпатъ до Кавказа. Эта многотрудная задача издательскаго общества будетъ вполнѣ понятна каждому, кто возьметъ на себя трудъ познакомиться съ тѣми исключительными условіями, въ которыя поставлено у насъ изданіе малорусскихъ книгъ, когда со стороны цензурныхъ условій обращается вниманіе не только на содержаніе испрашиваемой къ разрѣшенію печатать книги, но и на тотъ языкъ, на которомъ она написана, на самую форму изложенія предмета. Какую нравственную пытку долженъ пережить человѣкъ, испрашивая разрѣшенія напечатать ту или иную полезную брошюру, заранѣе предугадывая, что она можетъ быть не пропущена только потому, что авторъ, знакомя читателя изъ народа, предположимъ, съ космографіей, физикой, техникой, политической экономіей и т. п., говоритъ прямо о предметѣ, излагаетъ его научно, не закрашивая беллетристикой, или авторъ просто не воздержался отъ этого въ какомъ-нибудь мѣстѣ при беллетристической формѣ изложенія... Отсюда должна быть понятна та «многотрудная задача», о которой мы упомянули. Отсюда также станетъ понятнымъ, почему издательское общество до сихъ поръ не выпустило ни одной брошюры по тѣмъ предметамъ, о которыхъ мы только что упомянули: не всякій серьезный популяризаторъ согласится придумывать какой то конкретный примѣръ и облекать научный предметъ въ беллетристическую форму; наконецъ, есть предметы неукладывающіеся въ такую форму. Вотъ въ этомъ то и заключается многотрудная задача издательскаго общества; здѣсь оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ наталкивается положительно на Сизифову работу. Но при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ существованія общества, оно все же успѣло многое сдѣлать въ области изданія популярной литературы для малорусскаго народа.

Предъ нами отчетъ общества за 1902 г. Изъ него мы видимъ, что за четыре года дѣятельности общество издало 22 названія книгъ (нѣкоторыя выдержали уже два-три изданія); въ общемъ немного, всего 5,5 брошюръ въ годъ, но, повторяемъ, надо имѣть въ виду наличность

тѣхъ условій, при которыхъ общество работаетъ: въ иныхъ случаяхъ ничтожный трудъ можетъ казаться колоссальнымъ... Въ 1902 году общество издало 8 брошюръ. Вотъ ихъ названія: «Добра порада»—М. Загирнои, «Оповидання про Евгена Гребинку»—Б. Гринченка, «Про пошести, або лыхи хворобы»—В. Имшенецкаго, «Розмова про сельске хазяйство»: «Худоба»—Е. Чикаленка, «Розмова про сельске хазяйство» кн. V—«Садъ» его же, «Хто робыть той и мае, оповидання про Джемса Гарфильда»—Б. Гринченка, «Корыстни звирятка—О. Степовыка, «Про городыну»—О. Степовыка.

Мы не станемъ вдаваться въ оцѣнку этихъ брошюръ, такъ какъ имена авторовъ ихъ пользуются достаточной извѣстностью, нѣкоторыя изъ этихъ брошюръ являются вторымъ и третьимъ изданіемъ,—это лучшее ручательство за ихъ качество. Изъ разсматриваемаго отчета мы узнаемъ, что изъ числа присланныхъ на объявленный обществомъ еще въ 1900 году конкурсъ на составленіе брошюръ сельско-хозяйственнаго и медицинскаго содержанія брошюра по медицинѣ «Якъ годуваты малыхъ дитей» г. Задеры, признанная спеціалистами достойною преміи, не дозволена цензурой къ печати; не дозволены къ печати также еще двѣ рукописи, присланныя тоже на конкурсъ (вѣроятно въ нихъ отсутствовала пресловутая беллетристическая форма изложенія). Въ другомъ мѣстѣ отчета читаемъ: «Въ видахъ содѣйствія поднятію образовательнаго уровня сельскаго населенія южно-русскихъ губерній, правленіемъ было возбуждено предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія ходатайство о допущеніи книгъ на малорусскомъ языкѣ, какъ лучшаго средства популяризаціи знаній среди малорусскаго населенія, въ школьныя народныя библіотеки-читальни, на основаніяхъ одинаковыхъ съ книгами на русскомъ литературномъ языкѣ. Ходатайство это министерствомъ народнаго просвѣщенія признано неподлежащимъ удовлетворенію». Ходатайство общества предъ министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ о назначеніи обществу пособія на дальнѣйшее распространеніе издательской дѣятельности общества имѣло успѣхъ: министерство ассигновало (во второй разъ) 200 руб.; кромѣ того нѣкоторыя изданія общества одобрены ученымъ комитетомъ этого министерства и допущены въ библіотеки учительскихъ семинарій, въ учительскія библіотеки начальныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни-библіотеки.

Число лицъ, сочувствующихъ идеѣ общества, съ каждымъ годомъ увеличивается. Въ 1902 году новыхъ членовъ прибыло 183, всего же

къ 1903 году ихъ состояло 732. Цифра эта, правда, пока незначительна: если обратимъ взоры на маленькую Галицію, гдѣ функціонируетъ аналогическое общество «Просьвита», насчитывающее у себя до 15000 членовъ, то наше общество, съ какими нибудь 700 членовъ, покажется пигмеемъ. Но наше общество пока еще молодое да и условія его развитія и существованія далеко не тѣ, что въ Галиціи.

Въ отчетномъ году въ кассу общества поступили слѣдующія сравнительно крупныя пожертвованія: отъ неизвѣстнаго (черезъ Е. Х. Чикаленка и В. Н. Леонтовича) 900 руб., отъ В. Ф. Симиренка 300 руб., отъ А. М. Кулишъ въ память П. А. Кулиша 100 р., капиталъ, собранный служащими въ полтавской губернской земской управѣ въ память сорокалѣтія освобожденія крестьянъ 337 р. 1 коп., и капиталъ имени И. Я. Череватенка, переданный Б. Д. Гринченкомъ 120 руб. 21 к., весь же кассовый оборотъ общества въ 1902 году равнялся 4087 р. 75 к. Изданія общества расходятся довольно хорошо, въ отчетномъ году было выручено за нихъ 695 р. 74 к.

Въ дешевизнѣ изданій, выпускаемыхъ обществомъ, дальше идти некуда, хотя, правда, на нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ «Оповидання про Евгена Гребинку», брошюра въ 23 страницы, цѣна 3 к. немного высока, особенно если сравнить ее съ брошюрой «Оповидання про Тараса Шевченка» О. Кониского въ 32 страницы съ пятью рисунками, стоющей всего 2 коп. Но такихъ «дорогихъ» брошюръ, какъ про Гребинку, въ общемъ немного. Внѣшній видъ изданій общества не оставляетъ желать лучшаго. Пожелаемъ же симпатичному учрежденію дальнѣйшей плодотворной дѣятельности на пользу «бративъ незрячыхъ гречкосiивъ».

Къ празднованію 35-лѣтняго юбилея Н. В. Лисенка. Полтавская городская управа входитъ въ думу съ предложеніемъ о принятіи участія въ предстоящемъ въ декабрѣ чествованіи извѣстнаго украинскаго композитора Н. В. Лисенка по случаю 35-лѣтія его музыкальной дѣятельности.

Кружокъ поклонниковъ таланта Н. В. Лисенка въ Полтавѣ открылъ среди своихъ знакомыхъ подписку на образованіе фонда для учрежденія въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній стипендіи имени композитора.

По случаю 35-лѣтняго юбилея композитора Н. Лисенка въ Петербургѣ устраивается большой концертъ исключительно изъ его произведеній.

Въ Кіевѣ празднованіе юбилея, какъ мы слышали, выразится въ устройствѣ Литературно-артистич. Обществомъ публичнаго засѣданія. 20-го декабря вечеромъ; 21-го—днемъ въ городскомъ театрѣ устроенъ будетъ большой концертъ, а вечеромъ тамъ-же поставлена будетъ оперной труппой г. Бородая опера Н. В. Лисенка: «Риздвяна ничъ».

Волѣзнь Ив. Франка. Въ «Вѣстн. Юга» (№ 584) напечатана Гр. Сьогобочнымъ слѣдующая замѣтка: «Талантливый и плодовитѣйшій украинскій писатель и ученый Иванъ Франко, серьезно занемогъ глазами и ему предстоитъ серьезная операція, которая врядъ ли принесетъ существенную пользу больному.

Иванъ Франко жилъ и содержалъ семью исключительно литературнымъ трудомъ. Владѣя въ совершенствѣ многими европейскими языками, онъ сотрудничалъ помимо украинскихъ и польскихъ изданій также во многихъ нѣмецкихъ, французскихъ и др. иностранныхъ изданіяхъ. Работалъ Франко чрезвычайно много и больше всего затрачивалъ энергіи для родной ему украинской литературы, которая матеріально-то почти ничего ему не давала. Въ иностранныхъ же періодическихъ изданіяхъ онъ работалъ исключительно ради пріобрѣтенія необходимыхъ средствъ къ существованію. Естественно, что заболѣвъ глазами онъ лишился и этого заработка и, какъ намъ передаютъ, находится теперь съ семействомъ въ бѣдственномъ положеніи...

Среди украинскихъ писателей до сихъ поръ не существуетъ никакой организаціи въ видѣ кассы взаимопомощи, литературнаго фонда или чего нибудь подобнаго. Такое положеніе вещей кажется чрезвычайно ненормальнымъ, тѣмъ болѣе, что контингентъ украинскихъ писателей не такъ ужъ малъ. Намъ кажется, что украинскимъ писателямъ давно уже пора подумать надъ организаціей, по примѣру своихъ русскихъ собратьевъ, такого учрежденія, которое могло бы приходить на помощь къ своимъ членамъ, когда ихъ постигнетъ такое несчастіе, какое постигло неутомимаго труженика и идейнаго борца, д-ра Ив. Франка. Если это нельзя сдѣлать у насъ, по сю сторону Прута, то вѣдь не клиномъ же свѣтъ сошелся! Пока же такого учрежденія нѣтъ—долгъ и прямая обязанность всего украинскаго

интеллигентнаго общества приходить на помощь своимъ передовымъ людямъ, національная гордость которыхъ не позволитъ обратиться за помощью въ соотвѣтствующія ихъ спеціальности корпоративныя учрежденія другихъ, хотя бы и родственныхъ народовъ.

Засѣданіе Полтавской архивной комиссіи. 16-го ноября состоялось въ квартирѣ директора Полтавскаго кадетскаго корпуса, въ 1 часъ дня, собраніе мѣстной архивной комиссіи. Предсѣдательствовалъ директоръ корпуса ген.-м. А. П. Потоцкій; присутствовали члены комиссіи—губ. предводитель д-ва С. Е. Бразоль, А. В. Липеровскій, П. А. Алексѣевъ, Е. Н. Зеленецкій, П. М. Шпекъ, Н. Г. Максимовъ, М. М. Поповъ, И. Ф. Павловскій, Л. П. Падалка, В. Н. Терлецкій, г. Грановскій, Н. П. Шипинъ и Д. А. Иваненко. Собраніе продолжалось болѣе двухъ часовъ и было посвящено, главнымъ образомъ, вопросу о прінсканіи помѣщенія для сосредоточенія дѣлопроизводства и работъ по комиссіи и другимъ вопросамъ, имѣющимъ цѣлью организацію будущей дѣятельности комиссіи. Относительно помѣщенія рѣшено просить г. предсѣдателя комиссіи ген.-м. Потоцкаго переговорить съ начальникомъ губерніи, городскимъ головой, представителями земства и другими лицами, не найдется-ли въ подвѣдомственныхъ имъ учрежденіяхъ подходящаго помѣщенія. Затѣмъ рѣшено обратиться къ губернскому земству о субсидіи комиссіи; на общія собранія комиссіи допустить входъ всѣмъ, интересующимся дѣломъ. Въ этомъ-же засѣданіи избраны почетными членами комиссіи—проф. Эварницкій, Сумцовъ, Багалѣй, Дашкевичъ, Лебедевъ, гофмейстеръ Высочайшаго Двора Г. П. Алексѣевъ, О. И. Левицкій, В. П. Милорадовичъ и Е. Н. Скаржинская.

А. В. Липеровскій выразилъ готовность поработать въ архивахъ Полтавскаго Губернскаго Правленія по вопросамъ объ ополченіи 1812 года, а М. М. Поповъ—заняться исторіей возникновенія Нѣмецкой колоніи въ Полтавѣ. Чтеніе реферата И. Ф. Павловскаго отложено на слѣдующее собраніе 23-го ноября, которое предположено сдѣлать публичнымъ. Состоится оно въ той-же квартирѣ директора корпуса въ 1 часъ дня.

Въ «Полтав. Вѣстн.» (№ 280) Д. П. передаетъ свои впечатлѣнія по поводу перваго публичнаго засѣданія архивной комиссіи.

Ровно въ 1 ч. дня, 23-го ноября, вошелъ я въ помѣщеніе, занимаемое директоромъ кадетскаго корпуса, и поспѣшно направился

въ залъ, гдѣ должно было состояться первое публичное засѣданіе архивной комиссіи. Мнѣ казалось, что я встрѣчусь здѣсь съ массой публики и что трудно будетъ отыскать мнѣ хоть какое-либо мѣстечко. Вошелъ—и стыдно стало мнѣ за нашу публику. Въ засѣданіи присутствовало лишь около 12 членовъ,—среди нихъ, между прочимъ,—губернаторъ князь Н. П. Урусовъ и преосвященный Иларіонъ, изъ посторонней же публики—никого. Чѣмъ объяснить такое явленіе? Отсутствіемъ-ли интереса къ подобнаго рода засѣданіямъ? Или нашимъ обывательскимъ равнодушіемъ вообще? Во всякомъ случаѣ такое явленіе можно отмѣтить лишь какъ фактъ очень печальный.

Засѣданіе открылось чтеніемъ реферата И. Ф. Павловскаго. Рефератъ этотъ настолько интересно-разнообразенъ и богатъ по своему содержанію, что передать самую суть его вкратцѣ, въ наскоро набросанной замѣткѣ, положительно не представляется возможнымъ,—говоритъ Д. П. Мы-же не будемъ передавать содержанія его вкратцѣ, т. к. онъ будетъ у насъ напечатанъ цѣликомъ въ 1-ой книжкѣ будущаго года...

Рефератъ встрѣтилъ среди присутствующихъ членовъ одобренія и вызвалъ живой обмѣнъ мнѣній.

Нѣкоторыми членами внесены были и критическія поправки. Указывали, напр., на то, что школы, подобныя описаннымъ въ рефератѣ, существовали еще и въ XIX вѣкѣ. Между прочимъ, членъ г. Василенко познакомилъ съ данными, по которымъ можно судить, что преподаваніе въ школахъ грамоты вовсе не такъ недостаточно, какъ говорится въ рефератѣ. Г. Василенку въ 1855 году приходилось, напримѣръ, встрѣчать чиновниковъ, кончившихъ образованіе именно въ школахъ грамоты. Онъ сослался при этомъ еще на записки Теплова. Если-бы школы грамоты давали только начатки, невозможно-бы было также существованіе университета въ Глуховѣ. Что касается учителей-дьячковъ, то не надо забывать, что среди нихъ былъ также Сковорода...

Въ концѣ засѣданія членъ комиссіи г. Василенко обратилъ вниманіе на желательность разработки архивныхъ документовъ объ учрежденіи малорусскихъ полковъ въ 1830 году и съ своей стороны предложилъ также разработку вопроса о размежеваніи и нарѣзкѣ земель въ полтавской губ.

Засѣданіе закончилось около $2^1/_2$ часовъ.

Преобразованіе Подольскаго Епархіальнаго Историко-статистическаго Комитета въ Церковное Историко-археологическое Общество. 26-го октября фактически состоялось преобразованіе существовавшаго въ Каменцѣ-Подольскомъ Историко-статистическаго Комитета въ Подольское Историко-археологическое Общество.

Еще въ концѣ прошлаго 1902 года возникла въ Историко-статистическомъ Комитетѣ мысль о пересмотрѣ устава Комитета и переименованіи его въ Общество съ цѣлью дать болѣе широкую постановку дѣлу разработки мѣстной исторіи и изученія памятниковъ старины, ихъ собиранія и сохраненія. Тогда же, при непосредственномъ участіи предсѣдателя Комитета преосвященнаго Киріона, бывшаго епископа Балтскаго, нынѣ Новомиргородскаго, былъ выработанъ проектъ устава Церковнаго Историко-археологическаго Общества, и этотъ проектъ, послѣ архипастырскаго одобренія, его преосвященствомъ, преосвященнѣйшимъ Христофоромъ, епископомъ Подольскимъ и Брацлавскимъ, въ апрѣлѣ сего 1903 г. былъ представленъ въ Св. Синодъ на утвержденіе, съ ходатайствомъ о преобразованіи Историко-статистическаго Комитета въ Общество. Вслѣдствіе этого ходатайства послѣдовалъ на имя его преосвященства указъ Св. Синода отъ 29 сентября с. г., въ коемъ дано знать, что, согласно ходатайству его преосвященства и отношенію канцеляріи Оберъ-Прокурора Св. Синода отъ 2 сентября съ увѣдомленіемъ, что со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ не встрѣчается препятствій къ утвержденію Устава Общества, Св. Синодъ опредѣлилъ: существующій въ г. Каменцѣ-Подольскомъ Епархіальный Историко-статистическій Комитетъ преобразовать въ Церковное Историко-археологическое Общество и представленный Уставъ этого Общества утвердить.

По полученіи этого указа, было назначено его преосвященствомъ на 26-е октября общее собраніе членовъ бывшаго Историко-статистическаго Комитета для заслушанія указа Св. Синода и Устава Общества и для выбора должностныхъ лицъ, согласно новому Уставу.

Въ назначенное время въ часъ дня въ помѣщеніи Древне-хранилища, въ подоминиканскихъ зданіяхъ, состоялось общее собраніе членовъ Комитета подъ предсѣдательствомъ его преосвященства, преосвященнѣйшаго Христофора. Въ собраніи присутствовали: почетный членъ Комитета его превосходительство г. подольскій губернаторъ А. А. Эйлеръ и дѣйствительные члены въ числѣ 21. Собранію былъ доложенъ указъ Св. Синода и утвержденный Уставъ Церковнаго Исто-

рико-археологическаго Общества [1]) и было постановлено: преобразованное изъ бывшаго Епархіальнаго Историко-статистическаго Комитета Подольское Церковное Историко-археологическое Общество считать открытымъ, при чемъ, такъ какъ и въ бывшемъ Историко-статистическомъ Комитетѣ и въ нынѣшнемъ Историко-археологическомъ Обществѣ установлены одинаковыя три категоріи членовъ—почетныхъ, дѣйствительныхъ и соревнователей, то всѣ члены бывшаго Комитета переименовываются въ члены Общества соотвѣтственныхъ категорій; всѣ денежныя суммы и имущество Комитета, а также всѣ его денежныя и другія обязательства считать перешедшими къ Обществу; о состоявшемся преобразованіи Комитета въ Общество увѣдомить особымъ циркуляромъ всѣхъ членовъ Общества, а также всѣ тѣ ученыя общества и разныя учрежденія, съ которыми Комитетъ входилъ въ сношенія какъ по обмѣну изданіями, такъ и по другимъ поводамъ.

Затѣмъ были произведены выборы должностныхъ лицъ Общества, согласно § 9 Устава Общества. Избранными оказались: предсѣдателемъ Общества и вмѣстѣ завѣдывающимъ музеемъ протоіерей Е. І. Сѣцинскій, товарищемъ предсѣдателя и вмѣстѣ казначеемъ Н. И. Яворовскій, секретаремъ и завѣдывающимъ епархіальною библіотекою Н. И. Бычковскій и кандидатами къ симъ должностямъ священники В. С. Якубовичъ и Д. С. Корсуновскій.

Въ томъ же собраніи былъ избранъ въ почетные члены Общества преосвященный Киріонъ, Епископъ Новомиргородскій, который, въ бытность викаріемъ Подольской епархіи и предсѣдателемъ Историко-статистическаго Комитета, много потрудился на пользу того Комитета и способствовалъ состоявшемуся нынѣ преобразованію Комитета въ Историко-археологическое Общество.

Послѣ выборовъ была прочитана протоіереемъ Е. Сѣцинскимъ краткая историческая записка о томъ, что сдѣлано бывшимъ Историко-статистическимъ Комитетомъ за 38 лѣтъ его существованія по изученію исторіи епархіи и ея приходовъ, собиранію и сохраненію древностей и изданію историческихъ трудовъ его членовъ и что предстоитъ дѣлать новоучрежденному Историко-археологическому Обществу.

Постановленія общаго собранія отъ 26-го октября утверждены его преосвященствомъ, преосвященнѣйшимъ Христофоромъ, епископомъ Подольскимъ и Брацлавскимъ, 30-го октября сего 1903 года.

---

[1]) Уставъ этотъ напечатанъ въ № 42 Под. Еп. Вѣдомостей с. г.

Лубенскій естественно-историческій музей г-жи Скаржинской. Заслушавъ ходатайство г. Лубенъ о субсидіи на постройку зданія для естественно-историческаго музея г-жи Скаржинской, лубенское уѣздное земское собраніе единогласно постановило: принять участіе въ столь просвѣтительномъ дѣлѣ; ассигновать на постройку зданія для музея 6,000 р., уполномочивъ управу возбудить ходатайство о займѣ этой суммы изъ страхового капитала, на общемъ основаніи, съ разсрочкою платежа на 28 лѣтъ, проценты-же и погашеніе по этому займу вносить въ уѣздныя смѣты; уполномочить управу возбудить ходатайство о субсидіи въ такомъ-же размѣрѣ и отъ губернскаго земства.

Выставка археологическихъ находокъ. Предсѣдатель Императорской археологической комиссіи гр. А. А. Бобринскій занятъ въ настоящее время разборкой и приведеніемъ въ порядокъ коллекціи древностей, найденныхъ имъ во время раскопокъ въ черкасскомъ и чигиринскомъ уѣздахъ, кіевской губерніи. Коллекція эта будетъ фигурировать на устраиваемой ежегодно Императорской археологической комиссіей выставкѣ предметовъ, найденныхъ во время производства раскопокъ въ разныхъ мѣстахъ имперіи. Выставка эта откроется въ февралѣ будущаго года.

Находки старины въ екатеринославскомъ уѣздѣ. Хранитель екатеринославскаго археологическаго музея г. Строменко совершилъ поѣздку по екатеринославскому уѣзду, гдѣ онъ производилъ раскопки въ селѣ Капуловкѣ, на мѣстѣ бывшей Чертомлыкской сѣчи. При раскопкахъ обнаруженъ довольно хорошо сохранившійся скелетъ запорожца, на которомъ видны были остатки истлѣвшаго жупана, сапогъ и зеленаго шерстяного пояса. Въ верхнихъ слояхъ земли найдено много обломковъ кафлей (расписныхъ изразцовъ) съ художественной орнаментаціей. Особенно интересна одна кафель, почти цѣликомъ сохранившаяся, облитая зеленою поливой; на ней изображенъ всадникъ на богато убранномъ конѣ и со знаменемъ въ одной рукѣ. Очевидно, рисунокъ изображаетъ, судя по головному убору, иностраннаго рыцаря. Также найдены: двѣ бомбы, грузки для рыболовныхъ сѣтей, остатки стекляной посуды, люльки, гвозди и другіе остатки домашняго запорожскаго обихода. Кромѣ раскопокъ, г. Строменко произвелъ осмотръ

имѣющихся въ этомъ селѣ древностей. Между прочимъ осмотрѣны: старинный типичный чумацкій возъ, украшенный характернымъ малороссійскимъ орнаментомъ, и древній запорожскій надгробный крестъ, подъ которымъ, какъ видно изъ остатковъ имѣющейся на крестѣ надписи, погребенъ «козакъ куреня Медвѣдіевскаго, року 1724, октомбрія 13 дня». Изъ Капуловки г. Строменко отправился въ село Грушевку, екатеринославскаго-же уѣзда. Въ церкви этого села хранится нѣсколько запорожскихъ древностей. Самыя интересныя изъ нихъ: серебряный ангелъ—подвѣска художественной работы. На ангелѣ помѣщена дата: «Сей провѣсъ отмѣнилъ (пожертвовалъ) козакъ бывшаго Запорожья Потапъ Бѣлій въ слободу Голую Грушевку, да и съ товарищемъ же своимъ Иваномъ Загубиколесомъ, до храма святого великаго архистратига Михаила, 1788 г., мѣсяца августа 13 дня». Далѣе имѣется тамъ престольный крестъ въ серебряной оправѣ, со слѣдующей датой: «Сей крестъ отмѣненъ рабомъ Божіимъ Павломъ Недоступомъ въ селеніе Голую Грушевку, до храма Михаила куреня Канѣвскаго». Наконецъ, имѣется евангеліе московской печати 1784 г., пожертвованное церкви въ 1786 г. Около церкви находятся два старинныя кладбища, причемъ на одномъ изъ нихъ много общихъ могилъ, какъ это видно изъ надписей на уцѣлѣвшихъ крестахъ. Можно предполагать, что на этомъ мѣстѣ происходила какая-то битва. Кромѣ того, мѣстность эта извѣстна въ исторіи Запорожья тѣмъ, что на ней находилась пасѣка знаменитаго кошевого Сѣрка, отчего въ народѣ она и до-нынѣ носитъ названіе «Сирковка».

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ

Національная статистика въ Галиціи. Статистическое бюро галицкаго земскаго комитета издало, подъ редакціей профессора Пилата, «Руководство по статистикѣ Галиціи», которое, между прочимъ, даетъ и свѣдѣнія о составѣ населенія Галиціи по національности и вѣроисповѣданію. Данныя эти заимствованы изъ изданій вѣнской статистической комиссіи и основаны на результатахъ австрійской переписи 1900 года. Хотя эта перепись въ Галиціи была произведена поляками и въ духѣ ихъ національныхъ интересовъ, однако данными ея можно пользоваться при извѣстной осторожности.

По переписи 1900 года населеніе Галиціи достигало 7,315,929 человѣкъ; сравнительно съ результатомъ переписи 1890 г. (6,607,816 человѣкъ) населеніе Галиціи за десятилѣтіе возрасло на 1,07 проц. (708,113 чел.). Что касается размѣщенія населенія по территоріи Галиціи, то оказывается, что въ 1890 году на одинъ кв. километръ приходилось 84 человѣка, а въ 1900 г.—уже 93 чел. Говоря вообще, населеніе Галиціи растетъ; въ 1869 –1880 гг. ежегодный приростъ населенія равнялся 0,95 проц., въ 1880—1890 гг.—1,8 проц., 1890—1900 гг.—1,07 проц. (итакъ, за послѣднія 20 лѣтъ приростъ—почти одинъ и тотъ же).

Судя по переписи 1900 года изъ 7,315,929 жителей Галиціи попольски говорили 3,988,702 чел.; по-русински (малороссы)—3,074,449 ч. и по-нѣмецки—211,725 чел.

По вѣроисповѣданію было: католиковъ—3,352,044 чел., уніатовъ—3,104,103 чел., православныхъ—2,352 чел., евреевъ—811,371 человѣкъ, и протестантовъ—45,331. Если представить себѣ, что всѣ протестанты-нѣмцы и показывали своимъ обиходнымъ языкомъ—нѣмецкій языкъ, а евреи—нѣмецкій или польскій языкъ, то, исключая изъ 211,752 чел. съ нѣмецкимъ обиходнымъ языкомъ 45,331 человѣкъ настоящихъ нѣмцевъ, можно видѣть, что 160,421 чел. евреевъ высказывалось въ пользу нѣмецкаго языка, а 544,950 человѣкъ—въ пользу польскаго, т. е. иначе говоря, настоящихъ поляковъ изъ числа заявившихъ себя говорящими по-польски было maximum 3,443,752 челов., а не 3.988,702 челов., какъ утверждаетъ оффиціальная статистика. Но въ число 3,988,702 чел. оффиціальной статистики попали и русины: это видно изъ данныхъ, касающихся вѣроисповѣданія Такъ какъ число уніатовъ показано въ 3,101,103 чел., а число говорящихъ по русински—въ 3.074,449 чел., то слѣдовательно, 29,054 чел. русиновъ записаны поляками. А если это такъ, то поляковъ въ Галиціи окажется не болѣе 3,414,698 чел., а русиновъ по крайней мѣрѣ—3.104,103 чел. Однимъ словомъ, поляки составляютъ 46 проц. всего населенія Галиціи, а русины 42 проц., т. е. обѣ народности почти равны по своей численности... («Спб. В.»).

Отзывы печати о разрывѣ между русинами и поляками въ Галиціи. Въ № 42 петербургскаго еженедѣльника «Край» помѣщена передовая статья подъ заглавіемъ „Польско-украинскія дѣла". Въ этой

статьѣ констатируется фактъ, что за послѣднее время русинское населеніе Галиціи значительно окрѣпло въ культурномъ отношеніи, слѣдствіемъ чего и было пробужденіе въ русинскомъ народѣ дремавшаго до поры до времени чувства національнаго самосознанія. Борьба съ этимъ естественнымъ, чисто стихійнымъ, теченіемъ и нежелательна, и немыслима. Поляки, даже съ точки зрѣнія собственныхъ интересовъ, должны пойти этому движенію навстрѣчу и помочь русинскому народу въ стремленіи къ возможно полному и всестороннему удовлетворенію его культурныхъ и національныхъ потребностей. Съ этой точки зрѣнія отказъ галиційскаго сейма въ открытіи въ Станиславовѣ пятой русинской гимназіи слѣдуетъ признать со стороны польскаго большинства въ сеймѣ крупной ошибкой. Ошибка эта въ самомъ недалекомъ будущемъ должна быть непремѣнно исправлена. Этого требуетъ не только справедливость, но и собственные интересы поляковъ. Въ такомъ же приблизительно духѣ по этому поводу высказались и другія польскія варшавскія газеты, а именно: „Kurjer Polski“, «Słowo“ i „Goniec Wieczorny“. Но встрѣчаются по этому вопросу голоса и совсѣмъ другого рода, о характерѣ которыхъ можно судить по статьямъ краковскаго органа „Głos Naroda“, напечатавшаго рядъ статей объ отношеніяхъ поляковъ къ русинамъ и приходящаго къ заключенію, что послѣдніе не оправдали тѣхъ надеждъ, которыя возлагались на нихъ поляками. «Украйнофильство» не обнаружило достаточныхъ силъ къ созданію малорусскаго Пьемонта. Русинская литература, столь горячо поддерживаемая поляками въ Галиціи, не сумѣла пріобрѣсти достаточно читателей-интеллигентовъ. Русины относятся довольно безпечно къ своему языку, видя въ немъ лишь народное нарѣчіе, пригодное для пѣнія и народнаго театра.

„Діло“ о положеніи вопроса русинско-польскихъ отношеній. „Діло“ придаетъ очень серьезное значеніе настоящему фазису польско-русскихъ отношеній. Съ уходомъ русскихъ депутатовъ изъ сейма закончился, по мнѣнію этой газеты, опредѣленный періодъ русинской національной политики и наступилъ моментъ окончательной, рѣшительной борьбы между русинами и поляками. «Пусть русинскій народъ знаетъ—пишетъ «Діло»,—что польско-русинская борьба, отъ Вислока до Збруча, ведется уже не изъ-за гимназіи, не изъ-за введенія русинскаго языка въ университетское преподаваніе, не изъ-за бюро

труда. Все это лишь незначительные моменты борьбы, лишь отдѣльные эпизоды смертнаго боя, который покажетъ, останется-ли католическая Украина Украиной, или же сдѣлается придаткомъ къ Польшѣ. Это борьба—въ самомъ трагическомъ смыслѣ, борьба за существованіе, за всѣ отправленія общественной жизни. „Діло" полагаетъ, что польско-русинскій антагонизмъ долженъ закончиться распаденіемъ Галиціи на двѣ, независимыя другъ отъ друга, національныя части: галицкая Русь должна стать самостоятельной, административно-автономной единицей.

Иллюстрація польской нетерпимости. Въ № 236 газеты «Діло» встрѣчаемъ слѣдующую характерную корреспонденцію. «Зайдя однажды въ Оссолинскую библіотеку (во Львовѣ), я просилъ дать мнѣ, между прочимъ, извѣстную украинской публикѣ книжку подъ загл. «Привіт д-рови Іванови Франкови», изданную по случаю 25-лѣтняго юбилея литературной дѣятельности этого писателя. Книжка, повидимому, не лежала даромъ въ библіотекѣ, потому что чья-то рука помѣстила на заглавной страницѣ слѣдующую надпись: «Portret wydarłem, gdyż takiego łotra podobizna nie powinna się znajdować w swiecie». Надпись превосходно иллюстрируетъ, что это за «ученый» пользовался упомянутой книжкой, равно какъ характеризуетъ ту «высшую» польскую культуру, подъ давленіемъ которой находится русинское общество въ Галичинѣ».

Ясно и безъ комментаріевъ!

Русинская депутація къ митрополиту Шептыцкому. 20 октября митрополиту Шептыцькому представлялась русинская депутація, съ депутатомъ вѣнскаго рейхсрата, г. Романчукомъ, во главѣ. Депутація благодарила митрополита за его образъ дѣйствій въ сеймѣ. Митрополитъ отвѣтилъ, что онъ исполнилъ только свою обязанность и что онъ всегда будетъ защищать не только интересы церкви, но также и интересы русинскаго народа.

БИБЛІОГРАФІЯ.

М. Грушевський. Історня Украіни-Руси. Том IV. XIV—XVI віки—відносини політичні. *(Збірник історично-фільософічноі секциі Наукового Товариства імени Шевченка, томи VI і VII). У Львові, 1903, стр. 1—532, in 8°+карта.*

Грандіозный трудъ, предпринятый неутомимымъ ученымъ нашимъ, профессоромъ Львовскаго университета Михаиломъ Грушевскимъ:—дать украинскому обществу полную критическую исторію украинскаго народа со времени появленія его на исторической сценѣ и вплоть до послѣдняго времени—постепенно подвигается впередъ, и въ настоящее время предъ нами лежитъ уже IV томъ этого обширнаго труда. Трудъ г. Грушевскаго—это, если позволено будетъ такъ выразиться, эссенція всей исторической литературы о нашемъ прошломъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ это и историческая энциклопедія, гдѣ читатель находитъ всѣ необходимыя указанія по литературѣ предмета во второй части, въ примѣчаніяхъ, и безъ всякаго затрудненія имѣетъ возможность пользоваться ею для спеціальныхъ цѣлей. Это обстоятельство, крайне важное для научныхъ цѣлей, еще болѣе увеличиваетъ достоинства сочиненія г. Грушевскаго.

Предыдущіе три тома, о которыхъ мы уже имѣли случай говорить на страницахъ «Кіевской Старины» [1]), посвящены были разсмотрѣнію исторіи самостоятельной государственной жизни украинско-русскихъ земель,—возникновенію ихъ, развитію и упадку. Съ упаг-

[1]) См. 1902, кн. 12.

комъ ихъ начинается борьба за эти земли различныхъ претендентовъ (Литвы, Польши, Венгріи) между собою и съ татарской ордой, пробовавшей удержать за собой оккупацію украинскихъ земель; борьба эта затянулась надолго, но въ концѣ концовъ завершается тѣмъ, что Польша рядомъ войнъ, династическихъ трактатовъ и уній собираетъ въ своихъ рукахъ претензіи и пріобрѣтенія всѣхъ спорящихъ сторонъ и, несмотря на затрудненія со стороны татаръ и оппозицію самого населенія, въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII ст. достигаетъ, хотя на очень короткое время, фактическаго обладанія всѣми украинско-русскими землями.

Исторія борьбы всѣхъ этихъ сосѣдей за украинско-русскія земли и участія въ ней самого украинскаго народа составляетъ содержаніе средняго періода нашей исторіи въ политическомъ отношеніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ содержаніе даннаго IV тома «Істориі Украіни-Руси». Въ общественномъ, экономическомъ и культурномъ отношеніи періодъ этотъ заполняетъ эволюція украинской жизни, создавшейся подъ вліяніемъ перемѣнъ политическихъ обстоятельствъ, въ особенности подъ посредственнымъ (во время литовскаго господства) и непосредственнымъ (при польскомъ господствѣ) вліяніемъ Польши—польскаго правительства и польскаго общества. Этой общественной и культурной эволюціи будетъ посвященъ дальнѣйшій V томъ, а началу вооруженной народной реакціи противъ новыхъ общественно-политическихъ условій слѣдующій VI томъ.

Настоящій томъ содержитъ въ себѣ слѣдующія 4 главы: 1) оккупація украинско-русскихъ земель Польшей и Литвой (стр. 1—87); 2) украинско-русскія земли подъ властію Литвы и Польши въ концѣ XIV и нач. XV ст. (стр 88—156); 3) украинско-русскія земли подъ властью Литвы и Польши въ XV ст. (стр. 156—282), и 4) окончаніе подчиненія украинско-русскихъ земель Польшѣ (стр. 282—356).

Мы не станемъ передавать подробно содержаніе каждой изъ главъ—это заняло бы слишкомъ много мѣста, такъ какъ пришлось бы пересказать цѣлую книгу,—мы думаемъ лишь отмѣтить нѣкоторыя наиболѣе, по нашему мнѣнію, бросающіяся въ глаза мѣста по своей оригинальности и новизнѣ и яркости освѣщенія, предоставляя лицамъ болѣе компетентнымъ заняться детальнымъ критическимъ разборомъ не только настоящаго тома, но и предыдущимъ трехъ, чего, насколько намъ извѣстно, по сію пору не было сдѣлано, не считая краткихъ отзывовъ, и то исключительно въ заграничной литературѣ.

Въ первой главѣ настоящаго тома заслуживаетъ особаго вниманія объясненіе причинъ прочности княженія Любарта на галицко-волынскомъ столѣ по смерти Юрія-Болеслава. «Очевидно,—говоритъ авторъ,—что галицко-волынскія земли, т. е. галицко-волынское боярство, стоявшее во главѣ ихъ и фактически державшее ихъ въ своихъ рукахъ, добровольно признало Любарта своимъ княземъ и держалось его далѣе, несмотря на ту борьбу, какую приходилось выдерживать съ другими претендентами, и довольно слабую и отрывочную помощь со стороны литовскихъ князей... Сотни случаевъ предоставлялось ему избавиться отъ этого князя, если бы онъ былъ навязанъ ему насильно, въ особенности въ первые годы, когда со смерью Гедимина раздѣлилось его государство и потеряло цѣлость и силу... Бояре не сдѣлали этого; наоборотъ—прочно держались его. Очевидно, Любартъ былъ посаженъ на галицко-волынскій столъ самими боярами, намѣтившими его въ князья еще ранѣе» (стр. 15).

Другой, не менѣе интересный вопросъ—въ чемъ выражалось участіе мѣстнаго элемента въ политической жизни въ княженіе Любарта и вообще волынскихъ князей литовской династіи? «Населеніе Волыни стояло на сторонѣ князей противъ Польши, и только этимъ можно объяснить необычайную стойкость волынскихъ князей литовской династіи въ борьбѣ съ Казимиромъ, ихъ сильный отпоръ въ защиту своихъ волостей и необычайную легкость, съ какой при первомъ удобномъ случаѣ возвращаютъ они обратно отнятые у нихъ замки и волости. Во всемъ чувствуется, что они ведутъ борьбу на своей, близкой имъ почвѣ; повторяется то же самое, что мы видѣли въ отношеніяхъ земли къ своимъ князьямъ изъ русской династіи (стр. 51). Совершенно иное дѣло Галичина. Тамъ даже такого наивнаго сочувствія къ литовскимъ князьямъ, какъ это мы замѣчаемъ на Волыни, нѣтъ и слѣдовъ. Ни среди бояръ, ни въ народной массѣ не было симпатій къ Любарту, подобно тому какъ на Волыни, хотя не было, разумѣется, сочувствія и по отношенію къ полякамъ. Въ чемъ причина? Почтенный авторъ видитъ ихъ прежде всего въ особомъ положеніи Любарта и въ положеніи боярства. «На Волыни Любартъ поселился издавна, быть можетъ еще при жизни Юрія-Болеслава. Благодаря той податливости къ русской культурѣ, русской жизни, какой вообще отличались Гедиминовичи, онъ очень скоро вполнѣ ассимилировался съ Волынью и волынской жизнью, сталъ здѣсь своимъ человѣкомъ, связалъ себя тысячами нитей съ землей, съ ея сословіями

и интересами. Поэтому-то на Волыни смотрѣли на него, какъ на *своего* князя и поддерживали его, какъ поддерживали *своихъ* князей изъ династіи Игоря, Мстислава или Романа, не болѣе, но и не менѣе» (стр. 52). Между тѣмъ для Галичины онъ былъ человѣкомъ чужимъ. Его именемъ правило тамъ боярское правительство—поэтому держаться Любарта въ Галичинѣ значило держаться боярскаго правительства, которое подъ его номинальной фирмой правило тамъ всевластно и безконтрольно и не пользовалось популярностью.

Нельзя пройти также мимо такого важнаго и любопытнаго вопроса, какъ причина или причины пассивнаго, добровольнаго вообще перехода украинско-русскихъ земель подъ власть Литвы. Историческіе источники въ данномъ случаѣ почти ничего не даютъ намъ для рѣшенія этого вопроса, и приходится ограничиваться болѣе или менѣе теоретическими выводами и аналогіями. Главная причина заключается въ томъ, что литовская власть не носила характера этнографически-чужой для украинскаго населенія. Великое княжество литовское и литовская, княжеская династія въ срединѣ XIV ст. были литовскими больше лишь по имени; русскій языкъ господствовалъ на литовскомъ дворѣ, а равно русская культура; среди верхнихъ слоевъ Литвы распространялась «русская вѣра»; нормы государственнаго права, хотя и видоизмѣненныя дальнѣйшей государственной эволюціей, были взяты вел. кн. литовскимъ изъ Руси; частное и уголовное право вел. кн. литовскаго опирались также на русское, какъ это показываетъ сличеніе Русской Правды съ земскими грамотами в. кн. Литовскаго и Литовскимъ Статутомъ; русскій языкъ сталъ правительственнымъ и культурнымъ языкомъ въ в. кн. Литовскомъ—языкомъ велико-княжеской канцеляріи и администраціи, законодательства и литературы вообще, даже въ вполнѣ литовскихъ земляхъ, даже въ Жмуди, и оставался таковымъ и послѣ соединенія съ Польшей, послѣ радикальной перемѣны въ общемъ направленіи государственной политики, такъ что русскій патріотъ начала XVII в. не безосновательно могъ говорить, что

«Полска квитнет лациною,
Литва квитнет русчизною:
Без той въ Полще не пребудеш,
Без сей въ Литве блазнем будзешъ».

«Въ виду всего этого и оккупація украинско-русскихъ земель Литвою въ XIV в. носитъ характеръ не завоеванія, не чужеземнаго вторженія, а присоединенія, собиранія земель русскаго государства, аналогичнаго съ тѣмъ, какъ собирали нѣкогда разсыпанныя части кіевскаго государства его представители X—XII вв.... Я полагаю, что эти (указанные выше) моменты объясняютъ, по политики крайней мѣрѣ въ значительной степени чрезвычайныя пріобрѣтенія литовской въ украинско-русскихъ земляхъ XIV в., секретъ ея успѣха. Талисманомъ для нея служилъ русскій характеръ в. кн. Литовскаго; ему оно обязано было чрезвычайно своимъ политическимъ ростомъ, и онъ служилъ ему, пока оно не утеряло его, нарушивши прежнюю державную политику свою уніей съ Польшей» (стр. 86—87).

Въ дальнѣйшемъ изложеніи (гл. III) остановимся на характеристикѣ политической дѣятельности Свитригайла. „Онъ былъ не только представителемъ Руси, но вмѣстѣ съ тѣмъ—вождемъ аристократіи, или точнѣе сказать: русской аристократіи, князей и сильныхъ пановъ. Поэтому и борьба русскаго элемента, съ Свитригайломъ во главѣ, была дѣломъ русскихъ князей и пановъ. Народной войны въ собственномъ значеніи этого слова не было вовсе, и этимъ объясняется то, что хотя она велась подъ стягомъ поднятія русской народности и русской вѣры, но дѣйствительнаго народнаго движенія совсѣмъ не вызывала, широкихъ круговъ русскихъ, не говоря уже о народныхъ массахъ, не затрагивала, благодаря чему носила довольно слабосильный, анемичный характеръ, несмотря на жизненность провозглашеннаго ею русскаго національнаго призыва" (стр. 178).

Далѣе, указано на возстаніе Глинскаго, бывшее послѣдней конвульсіей русской аристократіи въ вел. княжествѣ Литовскомъ. «Что оно носило русскій національный характеръ, что цѣлью его было—выдвинуть русскій элементъ на первый планъ,—на это опредѣленно указываютъ и источники. Но изъ нихъ же видно, насколько слабо было это движеніе: оно носило характеръ болѣе семейнаго дѣла, чѣмъ народнаго... Что въ широкихъ кругахъ движеніе это не нашло отклика, объ этомъ нечего и говорить—это было панское дѣло, какъ и предыдущія возстанія и конспираціи... Стало очевиднымъ, что остатки русскихъ княжескихъ родовъ и пановъ примирились со своей второстепенной ролью въ вел. княжествѣ и не имѣли ни отваги, ни энергіи бороться съ литовской аристократіей; полувѣковое господство литовскихъ родовъ не миновало даромъ. Въ дальнѣйшемъ этотъпро-

цессъ долженъ былъ развиваться въ томъ же направленіи. Литовская аристократія, взявши бразды правленія въ свои руки и имѣя опору въ великихъ князьяхъ, которые держались за одно съ ней, какъ болѣе близкой по вѣрѣ и болѣе лояльной, укрѣпляла все болѣе свое положеніе и перевѣсъ, русская же—теряла свое вліяніе еще болѣе, теряла даже характеръ опредѣленной политической группы... Русскому національному дѣлу въ польско-литовскомъ государствѣ должны были дать движеніе новые общественные элементы. Но въ то время, когда догорала русская панская оппозиція, о нихъ не было еще слышно» (стр.246 —247).

Хороша также характеристика польско-литовскаго правительства конца XV в. Благодаря болѣе чѣмъ недальновидной, безнадежной политикѣ этого правительства—Казимира и его сыновей,—русско-украинскимъ землямъ въ концѣ XV ст. пришлось испить чашу, какой еще на памяти исторіи они не запомнятъ. «Ни печенѣжскій погромъ ни половецкая гроза XI в., ни походъ Батыя—не охватывали тако, огромной территоріи и не могли равняться по интенсивности своей и своимъ послѣдствіямъ (руинѣ) съ этой новой грозой (непрерывными нападеніями татаръ, въ особенности при Менгли-Гиреѣ), ускоренной какъ разъ тѣми дѣятелями, которые въ представленіи новѣйшей польской исторіографіи выступаютъ защитниками украинско-русскихъ земель отъ «татарской дичи», цивилизаторами и культуртрегерами... Пріобрѣтенія колонизаціи и культуры нѣсколькихъ столѣтій погибли какъ въ огнѣ. Вся степная область, весь юго-восточный поясъ вплоть до черты лѣсовъ: Переяславщина, южная Черниговщина, южная и центральная Кіевщина, Браславщина и восточное Подолье—обратились въ пустыню, гдѣ лишь въ рѣдкихъ королевскихъ замкахъ, да еще въ непосредственной ихъ близости держались небольшія группы населенія... А властители огромныхъ государствъ, проводники и защитники культуры и цивилизаціи, прославляемые новѣйшими польскими историками, авторы прославленныхъ плановъ борьбы съ востокомъ—не въ состояніи были вести съ степовыми варварами даже такой борьбы, какую вели мелкіе, скромные русскіе князья XI—XII в.... Въ виду такой безпомощности правительства, объ оборонѣ должны были подумать сами непосредственно заинтересованные—населеніе украинско-русскихъ земель и начальники пограничныхъ провинцій и замковъ. На этой почвѣ, подъ давленіемъ этихъ условій, развилось украинское козакованіе, а изъ него сформировалось козачество, какъ общественное сословіе,—документальныя упоминанія о козакованіи встрѣчаемъ

непосредственно послѣ первыхъ погромовъ Менгли-Гирея (первое извѣстіе относится къ 1492 году»), (стр. 279—282).

Наконецъ, нельзя миновать такой огромной важности факта, какъ Люблинская унія, изложенію которой, равно какъ и предшествовавшихъ попытокъ въ томъ же направленіи въ XVI в., посвящена авторомъ цѣлая спеціальная (4-я) глава. Актъ уніи, изданный 1 іюля 1569 года, содержалъ въ себѣ постановленія о томъ, что корона и в. княжество Литовское должны составлять одну Рѣчь посполитую; они избираютъ совмѣстно короля, который вмѣстѣ съ тѣмъ провозглашается и великимъ княземъ; сеймы должны быть общіе; отдѣльныя должности въ великомъ княжествѣ сохраняются. Это собственно и все, что должно именоваться Люблинской уніей. Обычно подъ этимъ именемъ разумѣютъ еще присоединеніе Волыни, Кіевщины, Браславщины и Подолья,—но это, какъ видно изъ подробно изложеннаго и обстоятельно освѣщеннаго авторомъ хода переговоровъ объ уніи, были актами совершенно отдѣльными отъ уніи, совершенными въ антрактѣ между переговорами, независимо отъ уніи, только на томъ же самомъ Люблинскомъ сеймѣ. «Окончился сеймъ своими, постановленіями такъ глубоко вырѣзавшій свое имя на скрижаляхъ нашей исторіи,—сеймъ, который довершилъ въ нѣсколькихъ парламентскихъ засѣданіяхъ то, чего не могли совершить продолжительныя кровавыя войны и столѣтніе дипломатическіе торги и фокусы,—сеймъ, однимъ почеркомъ пера рѣшавшій судьбу земель и намѣчавшій имъ на цѣлыя столѣтія новые пути. Превознесенный впослѣдствіи, какъ актъ любви, братства, самопожертвованій, въ дѣйствительности онъ былъ цѣпью насилій, совершенныхъ надъ чужими убѣжденіями, надъ чужими правами подъ давленіемъ государственной власти и тяжелыхъ политическихъ условій. Съ самаго начала онъ былъ ловушкой для польскихъ сословій, гдѣ во всякомъ случаѣ ultima ratio—королевская власть могла довершить то, чего не удалось бы добиться отъ Литвы добровольно; затѣмъ, послѣ бѣгства литовскихъ делегатовъ, онъ перешелъ, по просту сказать, къ открытому захвату в. княжества литовскаго» (стр. 350—351). Въ чемъ же причина такого огромнаго успѣха польской политики? Прежде всего литовскимъ патріотизмомъ, въ Литвѣ прикрывались эгоистическіе, классовые интересы, желаніе удержать въ рукахъ олигархіи дальнѣйшее управленіе в. кн. Литовскимъ, не дѣлясь властью ни съ русскими магнатами, ни со своей шляхтой, ни съ поляками. «Эта исключительность олигархіи Литовскаго княжества и была глав-

ной причиной ея слабости. Не говоря уже о народныхъ массахъ, эта олигархія не могла опереться на шляхту, не могла разсчитывать даже на панство украинско-русскихъ земель. Это украинско-русское панство, жившее и по сію пору отдѣльной, замкнутой жизнью, не имѣвшее почти совсѣмъ доступа къ центральному правленію в. кн. Литовскаго, не имѣло пожалуй охоты къ присоединенію ихъ земель къ Польшѣ, но и не проявляло (во время перваго безкоролевья) желанія оторваться отъ нея и вернуться снова къ вел. княжеству Литовскому. Правда, украинскимъ магнатамъ было ближе олигархическое устройсво в. кн. Литовскаго, шляхетско-демократическіе порядки польской короны, но въ концѣ концовъ они не боялись потерять такъ много, какъ литовскіе олигархи, потому и не имѣли нужды противиться присоединенію къ Польшѣ. Средняя же шляхта западной Украины—Волыни и Подлясья, въ виду своихъ мѣстныхъ и классовыхъ интересовъ, даже поддерживала унію, выступая на литовскихъ сеймахъ съ спеціальными петиціями про унію, а на Литовскомъ сеймѣ, послѣ присоединенія Волыни и Подлясья, пропагандировала вмѣстѣ съ панами своихъ земель необходимость присоединенія Браславщины и Кіевщины» (стр. 353).

Изложеніемъ постановленій Люблинскаго сейма и его характеристикой заканчивается содержаніе даннаго тома. Далѣе слѣдуютъ «Примѣчанія» (стр. 357—496), заключающія въ себѣ необходимыя библіографическія указанія, при чемъ это не голый лишь перечень источниковъ и трудовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и критическая оцѣнка ихъ. При этомъ нерѣдко можно здѣсь встрѣтить множество цѣннаго историческаго матеріала, въ родѣ исправленныхъ редакцій грамотъ (напр. Владислава Опольскаго (на стр. 417), или неизвѣстнаго полностью письма Литовскихъ сословій Сиг. Августу (на стр. 489—491), и т. п. Въ концѣ тома помѣщена карта украинско-русскихъ земель въ составѣ польско-литовскаго государства передъ 1569 годомъ и примѣчанія къ ней (стр. 497—502), генеалогическая таблица династіи великихъ князей литовскихъ (стр. 503—513), наконецъ, именной и предметный указатели.

Въ заключеніе, остается лишь пожелать, почтенному автору силъ и энергіи, дабы мы могли въ возможно близкомъ будущемъ увидѣть въ печати дальнѣйшіе томы Исторіи Украины, обнимающіе еще болѣе важный періодъ активнаго выступленія украинскаго народа на исто-

рическую сцену и участія, въ качествѣ самостоятельной націи, въ общей исторической жизни другихъ народовъ.

В. Доманицкій.

Dr. Ludwik Boratyński. Stefan Batory i plan ligi przeciw Turkom (1576—1584). (Rozprawy Akademii umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny. Serya II. Tom XIX. W Krakowie, 1903. Стр. 196—347). *(Д-ръ Людвикъ Боратынскій. Стефанъ Баторій и проектъ лиги противъ турокъ).*

Въ обширной монографіи проф. Виктора Чермака о проектахъ антитурецкой лиги кор. Владислава IV[1]) польская историческая литература уже имѣетъ подробную обработку этого сюжета для первой половины XVII в. Цѣнное продолженіе той же темы представляетъ собою и появившаяся недавно монографія г. Боратынскаго, основанная, какъ и трудъ г. Чермака, преимущественно на бумагахъ итальянскихъ архивовъ. Правда, планы Стефана Баторія уже и раньше были извѣстны въ общихъ чертахъ, но главнымъ образомъ въ послѣднемъ ихъ фазисѣ, когда король задумалъ двинуться на Константинополь чрезъ Москву и привлечь къ коалиціи не только западъ Европы, но также Персію и Кавказъ. Г. Боратынскій прослѣдилъ движеніе этихъ проектовъ съ самаго занятія Стефаномъ Баторіемъ польскаго престола и далъ при этомъ нѣсколько справокъ, не лишенныхъ интереса и для исторіи южной Руси, въ частности козачества.

Минуя подробности, укажемъ главные выводы, къ которымъ пришелъ г. Боратынскій. Подробный обзоръ политическихъ сношеній Ст. Баторія устанавливаетъ, что руководящей идеей заграничной политики этого короля была дружба съ Турціей, которую онъ не думалъ разрывать безъ достаточныхъ поводовъ и прочной заручки. Баторій былъ убѣжденъ, что при помощи прочной и сильной лиги съ другими государями запада возможно было поднять борьбу съ исламомъ на жизнь и смерть, но при современныхъ политическихъ условіяхъ дѣло это являлось попросту невозможнымъ. Онъ отлично зналъ могущество Турціи того времени и поэтому стремился заручиться такими силами, при которыхъ могъ-бы выступить на борьбу, въ крайнемъ случаѣ, и

---

[1]) Wiktor Czermak. Plany wojny tureckiej Władysława IV. Krak., 1895

безъ посторонней помощи. Сама по себѣ Польша не могла ему дать такихъ силъ, тѣмъ болѣе, что огромное большинство шляхетства тогда, какъ и при Владиславѣ IV, было враждебно настроено противъ единоборства съ Турціей. Поэтому Баторій сперва думалъ о присоединеніи Венгріи, а затѣмъ хотѣлъ обратить свои взоры на Москву: лишь съ присоединеніемъ послѣдней онъ считалъ возможнымъ нанести смертельный ударъ мусульманству. Само собою разумѣется, что на первомъ планѣ для Ст. Баторія, какъ для Владислава IV, стоялъ династическій интересъ, а не великодушная забота о благѣ христіанскаго міра: король этотъ былъ реалистъ до мозга костей, въ духѣ своего времени, рѣшительный, но и осторожный до крайности, строго разсчитывавшій свои силы и отнюдь не склонный къ иллюзіямъ.

По смерти Баторія переговоры о лигѣ противъ Турціи продолжались въ его духѣ. Замойскій требуетъ присоединенія къ лигѣ императора германскаго и нѣмецкихъ князей, Испаніи, Москвы, Венеціи и итальянскихъ владѣтелей, требуетъ, чтобы императоръ выставилъ въ Венгріи 80,000 войска и чтобы войско христіанское было не менѣе 100,000. При условіи соотвѣтственной денежной субсидіи, Польша имѣла выставить 60-тысячную армію, чтобы не играть второстепенной роли. Какъ извѣстно, и эти проекты не имѣли практическаго результата.

Дальнѣйшее развитіе антитурецкихъ плановъ при Владиславѣ IV выдвинуло на первый планъ роль козачества, на которое думалъ было опереться этотъ король-неудачникъ. Но и при Ст. Баторіи уже намѣчаются нѣкоторыя черты этой роли. Козацкіе набѣги, въ связи съ претензіями Польши на вліяніе въ Молдавіи, давали туркамъ достаточно поводовъ къ враждѣ противъ поляковъ, которые всѣми способами старались не ссориться съ могущественнымъ противникомъ. Турецкое вліяніе проложило и Баторію дорогу къ трону, вопреки усиліямъ императора германскаго. Баторій ненавидѣлъ австрійскій домъ еще болѣе, чѣмъ турокъ. Отсюда особенности его извилистой политики въ антитурецкомъ вопросѣ, его переговоровъ съ Болоньетти и Поссевиномъ, Венеціей и Испаніей съ 1579 по 1584 г. Послѣ удачныхъ войнъ сь Москвой, отношенія Баторія къ Турціи сложились вообще въ его пользу, но это не помѣшало туркамъ въ 1583 г. въ довольно грубой формѣ требовать отъ Баторія вознагражденія татаръ за отнятые казаками московскіе упоминки. Въ отвѣтѣ своемъ Баторій обѣщаетъ вознаградить татаръ и кромѣ того дать имъ возможность идти на Персію,

другими словами, придержать козаковъ отъ нападеній на татарскія владѣнія. Не о лигѣ противъ турокъ приходилось думать Баторію въ 1583 г., когда папа особенно настаивалъ на привлеченіи къ ней Польши, но о сохраненіи мира съ Турціей во что бы то ни стало. Въ концѣ 1583 года пришло въ Краковъ извѣстіе, что козаки собираются напасть на турецкія владѣнія. Баторій старается не допустить до этого, шлетъ приказы гетману, ротмистрамъ и пограничной шляхтѣ, но безуспѣшно. Запорожцы, опустошивъ молдавское пограничье, разорили Ягорлыкъ, деревянный замокъ, незадолго передъ тѣмъ выстроенный турками на границѣ Польши, затѣмъ ударили на Тегинь или Бендеры, резиденцію турецкаго санджака. Замка не взяли, но сожгли городъ и съ большой добычей и 12 пушками ушли назадъ. Затѣмъ пришла вѣсть, что козаки пригласили Самуила Зборовскаго двинуться съ ними на Молдавію. Эта вѣсть повергла Баторія въ страшное безпокойство. Такъ какъ онъ поддерживалъ Петра молдавскаго, то этотъ планъ козаковъ грозилъ ему разрывомъ съ татарами и турками. Гнѣвъ его противъ Зборовскаго былъ ужасенъ. Баторій тогда же требовалъ привлеченія его къ отвѣту. Королевскій дворянинъ Станиславъ Бѣгановскій повезъ приказы Баторія старостамъ отбирать добычу и пушки, виновныхъ (конечно, простыхъ козаковъ) схватить, а польному гетману и старостамъ галицкому и снятинскому разрѣшено казнить ихъ, если санджакъ потребуетъ удовлетворенія.

Въ Константинополѣ ужаснулись при вѣсти о козацкомъ нападеніи, приказано собрать войско, а беглербегъ Греціи съ 10-тысячнымъ отрядомъ двинулся къ польской границѣ. Несмотря на панику во Львовѣ, тѣмъ большую, что король располагалъ ничтожнымъ отрядомъ жолнеровъ, не получавшихъ жалованья, Баторій старается показать предъ папскимъ посломъ, хлопочущимъ о лигѣ противъ турокъ, полное спокойствіе и беззаботность. Однако, въ ноябрѣ 1583 г. Баторій шлетъ въ Константинополь Петра Слостовскаго съ подарками, увѣряетъ въ дружбѣ, обѣщаетъ всякое вознагражденіе за убытки, проситъ прислать чауша для полученія пушекъ и присутствованія при казни злодѣевъ-козаковъ. И при такихъ то условіяхъ является въ Брестѣ Литовскомъ папскій посолъ Болоньетти, чтобы настаивать на присоединеніи Баторія къ антитурецкой лигѣ. Любопытно, что это посольство было ускорено папою именно потому, что въ Римъ пришло извѣстіе о нападеніи козаковъ, которое считали тамъ и въ Венеціи произведеннымъ по приказу самого Баторія (стр. 282—286, 292).

Баторій хитритъ въ переговорахъ, стараясь выиграть время и не связать себя ничѣмъ. Тутъ онъ, между прочимъ, высказываетъ папскому послу, что могъ-бы уничтожить турокъ, если бы ему удалось овладѣть Москвой: тогда можно бы Дономъ и Волгой двинуть флоты на Черное и Каспійское моря и уязвить турокъ съ тылу. Болоньетти рекомендуетъ собирать войско якобы для кельнской или шведской войны и затѣмъ неожиданно напасть на Турцію. Отъ турокъ не укроешься, у нихъ вездѣ шпіоны, возражаетъ Баторій. Тогда нунцій совѣтуетъ королю воспользоваться козаками: пусть только король дозволитъ или по крайней мѣрѣ не препятствуетъ козакамъ собраться въ большомъ числѣ,—къ нимъ могутъ примкнуть и другіе подъ видомъ козаковъ. Турки будутъ думать, что это дѣлается противъ воли короля, какъ это было при нападеніи на Тегинь, особенно если поставить во главѣ козаковъ одного изъ противниковъ Баторія, напр. Лаского или Мелецкаго. Любопытно, что этотъ Ласкій еще въ 1582 г. предлагалъ Баторію собрать 15 тыс. пѣхоты и 10 тыс. конницы для нападенія на Константинополь. Въ слѣдующемъ году теребовльскій староста обращалъ вниманіе Болоньетти на военныя доблести козаковъ, на ихъ ненависть къ туркамъ. Около этого же времени одинъ изъ козацкихъ начальниковъ, недовольный на короля за воспрещеніе воевать съ турками, предлагалъ свои услуги папѣ чрезъ посредство какого то служащаго въ нунціатурѣ: онъ требовалъ уплаты 25—30 тыс. дукатовъ и обязывался съ помощью донскихъ козаковъ, волохъ и даже татаръ добраться къ Константинополю въ 12 дней, опустошая все огнемъ и мечемъ. Передъ отъѣздомъ кардинала Болоньетти изъ Польши онъ возобновилъ это предложеніе чрезъ своего родственника и даже писалъ объ этомъ папѣ. Папская нунціатура стала съ этой поры обращать вниманіе на козаковъ, какъ на пригодный для ея цѣлей элементъ. Это доказывается, между прочимъ, цѣлымъ разсужденіемъ на эту тему, сохранившимся въ бумагахъ Боргезе и вѣроятно принадлежащимъ перу Горація Спанокки, секретаря Болоньетти. Должно думать, что въ этомъ благосклонномъ вниманіи нунціатуры къ козачеству кроется и начало дѣла Комуловича (стр. 302 и 303).

Не лишено также интереса, это когда Болоньетти выразилъ Баторію опасеніе, какъ-бы столкновеніе съ Швеціей не отвлекло его отъ антитурецкихъ плановъ, король отвѣтилъ, что войны съ шведами не боится: «если бы даже шведъ началъ войну, я легко справился-бы съ нимъ при помощи однихъ козаковъ, не отрываясь отъ войны съ

Турціей» (стр. 304). Тѣмъ временемъ однако Баторій отправилъ въ Порту своего посла для оправданій по поводу козацкихъ вторженій и для увѣренія, что никогда не пристанетъ къ лигѣ противъ султана, въ которую его приглашаютъ. Вся эта извилистая политика привела къ казни схваченныхъ козаковъ во Львовѣ въ присутствіи турецкаго чауша; правда, изъ 60 задержанныхъ было представлено чаушу только 36; изъ нихъ онъ самъ освободилъ троихъ. Между казненными не было ватажка (стр. 320). Дальнѣйшіе переговоры уже выдвинули планъ движенія на Константинополь чрезъ Москву, разумѣется, послѣ завоеванія ея для Польши.

Добросовѣстный авторъ съ великимъ усердіемъ собираетъ всѣ отмѣтки, относящіяся къ этимъ переговорамъ, и на основаніи ихъ стремится возсоздать обширные планы, якобы возникавшіе постепенно въ умѣ Баторія на благо христіанскаго міра. Но не говоря о томъ, что такая концепція сильно нарушаетъ историческую перспективу и общій колоритъ эпохи,—даже внимательное обозрѣніе сведенныхъ г. Боратынскимъ данныхъ приводитъ къ заключенію почти прямо обратному: Баторій преслѣдовалъ очень опредѣленные, но далеко не столь обширные планы, и даже слегка, какъ дѣлаетъ авторъ, идеализировать этого реальнаго политика значитъ не отдавать ему должнаго, какъ дѣятелю своей эпохи; едва-ли не слѣдуетъ прямо признать, что къ планамъ антитурецкой лиги онъ никогда не относился серьезно и лишь пользовался ими для ближайшихъ цѣлей своей политики, неразсчитанной на столь широкій размахъ.

Н. М.

В. Гринченко. Пысання. Т. I. *Кыивъ 1903 р. I—IV+500 стр. Цѣна 1 р. 50 к., на кращому папери 2 рубл.*

Въ I т. Пысаннивъ (пока вышелъ лишь I т.)—Б. Гринченко выступаетъ предъ нами, какъ авторъ двухъ стихотворныхъ сборниковъ: «Пидъ хмарнымъ небомъ» и «Хвылыны».

Особенности поэтическаго дарованія Б. Гринченка въ первомъ сборникѣ стихотвореній обрисовываются почти такъ-же ясно, какъ и

во второмъ. Впрочемъ, стихотворенія «Хвылыны», какъ болѣе поздняго происхожденія, сдѣлали шагъ впередъ въ отношеніи техники стиха, глубины настроенія и большей опредѣленности и устойчивости міровоззрѣнія поэта, что было результатомъ естественнаго роста таланта.

Не имѣя возможности вполнѣ отдаться поэтической дѣятельности, г. Гринченко только въ свободные отъ работы промежутки, въ своемъ «мовчазномъ куточку», отдается поэтическому творчеству. «Моя писня»,—говоритъ поэтъ въ предисловіи къ I т.,—«то мій робитныцькій одпочынокъ и моя робитныцька молытва-надія». Такое, скажемъ, тепличное происхожденіе стихотвореній г. Гринченка отразилось нѣсколько неблагопріятно на ихъ литературныхъ достоинствахъ. Оно наложило на настроеніе поэта печать извѣстнаго однообразія и сдѣлало его поэзію нѣсколько риторичною. Обнаруживая тенденцію къ способу мышленія, характеризующему болѣе оратора, чѣмъ поэта, Б. Гринченко широко пользуется внѣшними пріемами ораторскаго изложенія не рѣдко въ ущербъ художественной правдѣ и простотѣ. Другимъ крупнымъ недостаткомъ въ творчествѣ Б. Гринченка является прямое и открытое выраженіе въ стихотвореніяхъ поэта его отвлеченныхъ взглядовъ.

Въ стихотвореніяхъ Гринченка вы найдете не только ясно формулированныя отдѣльныя положенія его символа вѣры, но и цѣлую сводку такихъ положеній. Таковы, напр., стихотворенія «Къ друзьямъ», «Благання», и др. Мало присуща также поэту способность къ индивидуализаціи въ поэтическомъ воспроизведеніи предметомъ внѣшняго міра и внутреннихъ состояній души. Какъ на весьма характерную особенность музы Б. Гринченка, слѣдуетъ указать на нечувствительность ея къ таинственному элементу въ жизни. Привлекательная сила неизвѣстнаго и тревожное ощущеніе загадочнаго, можно сказать, совершенно неизвѣстны поэту. Г. Гринченко разработалъ всего нѣсколько сюжетовъ изъ области таинственнаго, но всѣ они представляютъ не плодъ самостоятельно пережитыхъ ощущеній, а лишь передачу красивымъ стихомъ народныхъ легендъ.

Наряду съ указанными недостатками, первый томъ «Пысаннивъ» имѣетъ и большія несомнѣнныя достоинства. Отмѣтимъ самое главное изъ нихъ, а именно: содержательность книги и выразившійся въ ней горячій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубоко продуманный идеализмъ. Мысли поэта не блещутъ оригинальностію, но это мысли, до которыхъ дострадались

лучшіе представители человѣчества. Б. Гринченко предъявляетъ очень строгія и возвышенныя требованія къ поэту, какъ публичному дѣятелю. Поэтъ, согласно этимъ требованіямъ, долженъ имѣть душу чистую, проникнутую высокими идеалами служенія человѣчеству. Самъ г. Гринченко, поэтъ гражданинъ, поэтъ мысли по преимуществу, весьма разборчивъ въ выборѣ темъ для своихъ стиховъ. Любовный элементъ, столь любезный чувствительнымъ душамъ поэтовъ, занимаетъ въ I т. его стихотвореній самое незначительное мѣсто. Въ виду тѣхъ громадныхъ задачъ, которыя надлежитъ разрѣшить всякому общественному дѣятелю, нашему автору представляются низменными» «солодкіи зитхання, поэзія банально любыхъ втихъ» (358). Вообще праздничная сторона жизни почти отсутствуетъ въ разсматриваемыхъ стихотвореніяхъ. Если въ началѣ стихотворенія и набрасывается веселая картинка, то конецъ его почти всегда представляетъ собою варіацію на какую нибудь грустную тему (9 стр., 24 и др.). Народная нищета, тяжелый, способный убить самыя интенсивныя стремленія человѣческой природы трудъ массы родного народа, атмосфера насилія и стирающее человѣческое достоинство вліяніе «золотого тельца»,—съ одной стороны, а съ другой—неудержимое стремленіе поэта къ лучшему будущему:

Въ осяяный рай
Де воля шырока
Де крывды нема,—(333 стр.).

вотъ самые обычные мотивы поэзіи г. Гринченка. Идея труда на пользу своего народа и во имя общечеловѣческаго братства пропитала своею атмосферою все существо поэта, заполнило самыя отдаленныя уголки его души, выступая въ процессѣ творчества его, какъ нѣкоторое активное начало. Мысль объ Украинѣ, обо всемъ радостномъ и въ особенности обо тяжеломъ въ ея существованіи не покидаетъ никогда поэта и даетъ себя чувствовать почти въ каждой строкѣ его стиховъ. Отсюда своеобразное отношеніе поэта къ природѣ, представляющей въ его глазахъ не предметъ эстетическаго или философскаго созерцанія, а скорѣе своего рода сестру милосердія, которая въ минуты слабости поэта, въ минуты его горькаго раздумья надъ безпросвѣтнымъ, полнымъ всевозможныхъ несправедливостей существованіемъ родного народа, отогрѣваетъ въ немъ жизнь, поитъ его душу надеждою (385). Здѣсь же имѣетъ свое объясненіе столь часто встрѣчающееся въ сти-

хотвореніяхъ г. Гринченка несоотвѣтствіе между внѣшней обстановкой и настроеніемъ поэта. Что у кого болитъ,—говоритъ рус. пословица,—тотъ о томъ и говоритъ. Такіе переходы въ стихотвореніяхъ г. Гринченка, какъ переходъ отъ картины свадебнаго оживленія къ мысли о тяжеломъ до слезъ трудѣ крестьянина (33), отъ ощущенія яркаго солнечнаго свѣта и звонкой пѣсни къ представленію о голыхъ ребятишкахъ (9) и т. п.—происходятъ у него путемъ искренняго и совершенно естественнаго ассоціированія идей, а не въ силу тенденціозной, насилованной подтасовки ихъ. Правда, увлеченіе поэта идеей служенія своему народу, въ связи съ условіями замкнутой городской жизни, является иногда въ поэзіи г. Гринченка причиною натяжекъ, которыя не подойдутъ ни подъ какой эстетическій аршинъ; но, съ другой стороны, это священное увлеченіе налагаетъ на произведенія поэта печать того «божественнаго поцѣлуя», о которомъ онъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. Стихотворенія Б. Гринченка касаются самыхъ благородныхъ струнъ читателя, будятъ въ немъ любовь къ народу, вѣру въ народъ и его будущее. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній г. Гринченко говоритъ, что онъ не только самъ для себя зарабатывалъ свой хлѣбъ, но его хлѣбомъ питаются и другіе (356). Поэтъ нисколько не преувеличиваетъ своихъ заслугъ, если даже онъ имѣлъ въ виду одну лишь поэтическую свою дѣятельность. Мы не сомнѣваемся, что мысли и настроенія поэта, поскольку онѣ представлены въ I т. «Пысаннивъ», войдутъ здоровымъ и питательнымъ элементомъ въ духовный организмъ нашего общества. Къ той энергіи, какую успѣло до сихъ поръ развить наше общество въ славной борьбѣ за лучшее будущее, г. Гринченко своими стихотвореніями прибавляетъ значительный плюсъ. Вотъ почему, несмотря на нѣкоторые вышеотмѣченные недостатки этихъ стихотвореній, какъ произведеній художественныхъ, мы самымъ горячимъ образомъ привѣтствуемъ появленіе ихъ на книжномъ рынкѣ.

П. І. Г.

Поправка. Въ октябрьской книжкѣ «Кіев. Старины», отд. библіографіи, стр. 49, Владиславу Гурскому, автору вышедшаго въ 1902 г. описанія могилевскаго уѣзда, приписаны монографіи по исторіи польской пѣхоты и конницы. Это ошибка. Извѣстныя въ польской исторической литературѣ монографіи по исторіи польской пѣхоты, конницы

и артиллеріи принадлежатъ не Владиславу, а полк. Константину Гурскому, умершему 2 января 1898 года. Послѣдній трудъ Конст. Гурскаго (по исторіи артиллеріи) вышелъ въ прошломъ году, подъ редакціей г. Т. Корзона.

Н. М.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Рус. Арх., № 11; 2) Рус. Стар., № 11; 3) Истор. Вѣстн., № 11; 4) Всеміри. Вѣстн., № 9; 5) Журн. Мин. Нар. Просв., № 11; 6) Вѣстн. Европы, № 11; 7) Міръ Божій, № 11; 8) Русск. Богат., № 10; 9) Рус. Мысль, № 11; 10) Рус. Вѣстн. № 11; 11) Варшав. Унив. Изв. № 6; 12) Учен. Зап. Имп. Казан. Унив., № 11; 13) Кіев. Унив. Изв., № 7—10; 14) Книжки Восхода, № 8—10; 15) Лит.-Науков. Вистн., № 9—11; 16) Земск. Сборн. Черниг. губ., № 8 и 9; 17) Рус. Филолог. Вѣстн., № 3—4; 18) Этнограф. Обозрѣн., № 2.

Русская Старина № 11.

Пав. Матвѣевъ. Батуринскій переворотъ 18 марта 1672 года. (Дѣло гетмана Демьяна Многогрѣшнаго) (стр. 459—470; окончаніе). Въ этой послѣдней части статьи (см. № 9 и 10) передаются факты о самомъ арестѣ гетмана Многогрѣшнаго и отправкѣ его въ Москву, гдѣ произведено было слѣдствіе надъ нимъ, но для суда предполагалось отправить его въ Малороссію, отъ чего козацкая старшина отказалась. Послѣ приговора суда, по которому Многогрѣшный былъ присужденъ къ смертной казни, но волею царя помилованъ и только сосланъ въ Сибирь, все его земельное имущество обращено было на «церковное строеніе».

Историческій Вѣстникъ, № 11.

П. Л. Юдинъ. Къ біографіи Н. И. Костомарова. Въ этой маленькой замѣткѣ сообщается письмо шефа жандармовъ, графа Орлова, саратовскому губернатору М. Л. Кожевникову (отъ 11 іюня 1848 г.), въ которомъ указывается, что Н. И. Костомаровъ былъ арестованъ за составленіе въ Кіевѣ украйно-славянскаго общества и за переводъ

съ польскаго языка рукописи преступнаго содержанія; что за это онъ былъ заключенъ въ крѣпость *на одинъ годъ*. «Нынѣ—говорится въ письмѣ—по окончаніи означеннаго срока, согласно Высочайшему разрѣшенію, Костомаровъ отправляется на службу въ Саратовъ». Въ концѣ письма сдѣлана собственноручная приписка графа: «Прошу быть къ нему милостиву; человѣкъ съ достоинствами, но заблуждался и искренно раскаивается».

Ив. Иноземцевъ. Графъ К. Г. Разумовскій въ Батуринѣ (стр. 591—604). Небольшая статейка эта, написанная по поводу столѣтія со дня смерти гр. К. Г. Разумовскаго (9 янв. 1903 г.), передаетъ кратко фактическія справки объ избраніи его гетманомъ (въ 1747 г.) и о переѣздѣ его съ семьей въ Батуринъ, гетманскую резиденцію. Далѣе разсказана кратко исторія созданія Батуринскаго замка и потеря Разумовскимъ гетманскаго чина. Затѣмъ такъ-же кратко сообщены свѣдѣнія о вторичномъ поселеніи Разумовскаго въ Батуринѣ, откуда онъ черезъ 9 лѣтъ опять переѣхалъ въ Москву (въ 1785 г.) и наконецъ въ 1794 году окончательно поселился въ Батуринѣ. Статья снабжена 5 рисунками.

А. И. Фирсовъ. Черниговъ и его святыни (окончаніе, стр. 615—632). Какъ и въ первой половинѣ статьи (см. № 10), здѣсь тоже ничего новаго нѣтъ, а потому интересъ статьи только и заключается въ рисункахъ, да и то нѣсколько страненъ выборъ ихъ: почему, напр., помѣщенъ снимокъ съ зданія *губернскаго правленія*, когда статья озаглавлена *«Черниговъ и его святыни»?*

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» напечатаны рецензіи о слѣдующихъ книгахъ: 1) *Л. Орда.* Страничка изъ исторіи просвѣщенія на Волыни (стр. 675); 2) *В. И. Гошкевичъ.* Клады и древности херсонской губерніи (стр. 677).

Міръ Божій, № 11.

Въ отдѣлѣ «На родинѣ» дано дополненіе къ замѣткѣ объ открытіи памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ, помѣщенной въ № 10-мъ, гдѣ былъ описанъ надгробный памятникъ; теперь-же описывается памятникъ, открытый на Протопоповскомъ бульварѣ 30-го августа 1903 г. (стр. 14—15).

Русская Мысль, № 11.

Г. Писаревскій. Вызовъ меннонитовъ въ Россію. (Окончаніе; стр. 85—102). Въ этой части статьи указывается, какъ переселившіеся на югъ Россіи меннониты, получивъ по 65 десятинъ надѣла на каждое семейство, начали сразу нуждаться въ наемныхъ работникахъ, которыхъ пришлось приглашать изъ заграницы, главнымъ образомъ изъ Мекленбурга. Объ этой-то вербовкѣ эмигрантовъ по порученію русскаго правительства и идетъ рѣчь въ статьѣ. Въ концѣ статьи указываются мѣста, занятыя меннонитами на югѣ Россіи.

С. Мельгуновъ. Штундисты или баптисты? (стр. 159—166). Въ этой небольшой статьѣ прекрасно выясняется, что въ судебной практикѣ должны быть устранены дѣла о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности сектантовъ-штундистовъ по ст. 29-ой Устава о наказан. (за неисполненіе законныхъ распоряженій, требованій или постановленій правительственныхъ или полицейскихъ властей), т. е. за ихъ молитвенныя собранія, какъ секты «особо вредной въ церковномъ и государственномъ отношеніи».

Въ «Библіографич. отдѣлѣ» помѣщены рецензіи: 1) Русско-еврейскій архивъ. Документы и матеріалы для исторіи евреевъ въ Россіи. Т. 3-й: документы къ исторіи польскихъ и литовскихъ евреевъ (1364—1569 г.); 2) Гошкевичъ. Клады и древности херсонск. губ. Книга 1-я.

Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 7—10.

А. С. Грушевскій. Пинскіе акты XV—XVI в. Прилож. къ сочинен. «Очеркъ исторіи Турово-Пинскаго княжества въ составѣ Литовско-русскаго государства XV—XVI в.». Здѣсь помѣщаются указатели къ актамъ: географическій, личный; указатель поселеній (№ 7).

Каталогъ библіотеки Н. И. Костомарова, пожертвованной въ 1894 г. Император. Университ. Св. Владиміра А. Л. Костомаровой (№ 9, приложенія, стр. 1—83).

Книжки Восхода, № 8—10.

Евреи въ Галиціи. М. (№ 8, стр. 114—129). Это есть краткій пересказъ статьи Флейшера (въ «Judische Statistik»), гдѣ разсматриваются какъ общія причины еврейской нужды въ Галиціи, такъ и частныя или особыя, равно какъ и тѣ средства, которыми можно

облегчить такое печальное положеніе еврейства, особенно при помощи развитія правильно организованнаго ремесленнаго труда евреевъ.

Земскій Сборникъ Черниговск. губ., № 8 и 9.

В. В—анинъ. Къ вопросу объ эволюціи частнаго землевладѣнія въ черниговской губ. (№ 8, стр. 37—74). Въ этой статьѣ устанавливается тотъ фактъ, что въ черниговск. губерніи переходъ земли изъ рукъ въ руки совершается очень энергично (около 5% всей земли, кромѣ надѣльной, ежегодно), при чемъ указываются эти факты за періодъ времени съ 1874 г. по 1887 г. съ распредѣленіемъ по уѣздамъ. Далѣе указано, что громадное большинство сдѣлокъ по продажѣ земли, равно какъ и по количеству проданной земли, совершено дворянами (1,009,970 дес. изъ 1,252,457 дес. всей проданной земли), но за то сдѣлки по покупкѣ этой земли приходятся прежде всего на долю козаковъ и крестьянъ. Наибольшее расширеніе размѣровъ земельной собственности произошло у крестьянъ (на 136,806 дес.). Къ сожалѣнію, точныхъ цифровыхъ данныхъ о дальнѣйшемъ движеніи переходовъ земли изъ рукъ въ руки мало, а потому точнаго подсчета не сдѣлано. Хотя переходъ дворянскихъ земель къ крестьянамъ и довольно значителенъ по количеству десятинъ, но переходъ этотъ совершается въ большей долѣ не къ бѣдной части крестьянства, а къ зажиточной.

Русскій Филологич. Вѣстн., № 3—4.

В. Бѣлявскій. Народный говоръ уѣзднаго города Глухова (стр. 298—323). Указаны болѣе характерные случаи произношенія гласныхъ и согласныхъ звуковъ, особенности удареній, образованіе словъ съ характерными суффиксами, склоненія и спряженія; въ концѣ приложенъ маленькій словарный матеріалъ.

Этнографическое Обозрѣніе, № 2.

И. Хоткевичъ. Нѣсколько словъ объ украинскихъ бандуристахъ и лирникахъ (стр. 87—106). Это—докладъ, читанный въ Харьковѣ во время XII-го археологическаго съѣзда. Указавъ вначалѣ на роль бандуры въ старые годы, авторъ даетъ характеристику современнымъ бандуристамъ и указываетъ ихъ репертуаръ; опредѣляетъ устройство бандуры и какъ ее держать во время игры; сообщаетъ нѣкоторыя

свѣдѣнія о лирѣ, и затѣмъ переходитъ къ самому важному пункту— вымиранію бандуристовъ и лирниковъ, чего авторъ не признаетъ, хотя не отрицаетъ, что всякія «начальства» прилагаютъ усиленныя старанія къ искорененію кобзарства.

Літературно-Науковий Вістник, кн. IX.

Із поезий Степана Чарнецького, I—VII, ст. 169—172.

Із поезий М. Вороного. Молодий патріот. 172—173.

Орищин. Тяжка заповідь, фантазия. 174—181.

В. Левенко. Адул-Газіс, історична фантазия (кинець) 182—216.

Із нарисів Калини. 1, Лікарка. 2, В почтовім бюрі. 3, Каліка. 4. Огонь, ст. 217—227.

Гр. Квасницький. Нечистий карбованець, 228—232.

Юзюк. Бурсацькі гаразди: 1, Бурсацький обід. 2, З седмицею. 3, Ошуканець, ст. 233—237.

Із поезий Г. Гейне. I—X, пер. Л. Старицька, 238—240.

Еліот Флявер. Шифровані телеграми, оповідане, 241—248.

—

О. Терлецький. Гал.-руське письменство 1848—1865 р. Уваги й спомини (далі буде), 149—162.

Іван Франко. Іван Гушалевич, студия (конець буде) 163—187.

В. Лаврівський. Боротьба з алкоголізмом, 188—213.

Сучасні уваги. Ч. III. Із народньої лектури. 1, Личка. 214—216.

Корнило Устиянович, некрольог, В. і Ів. Тр. 218—222.

Хроніка і бібліографія, 223—232.

Кн. X.

Із пісень про визволенне. I—II, ст. 1—2.

Із поезий Петра Карманського, I—II, 2—3.

П. Б. Про що розповідало море, малюнок. 4—6.

Я. Гординський. Картини: 1, Похорон. 2, Ангел смерти. 3, Розведені, ст. 7—12.

Одарка Романова. Пан та чабан, 13—52.

Стефан Пятка. З скількох тисяч один, 53—63.

Гнат Хоткевич. Що бачила скеля, 64—72.

Срдзян Тучич. I. Безіменна соната, 73—88.

—

О. Терлецький. Гал.-руське письменство 1848—1865 р. Уваги й спомини (далі буде), 1—14.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

«Ruthenische Revue». Въ маѣ 1903 г. началъ издаваться въ Вѣнѣ журналъ «Ruthenische Revue» на нѣмецкомъ языкѣ, политико-литературнаго характера, посвященный исключительно интересамъ Украины русской и австрійской. Цѣль журнала—ознакомить Европу съ Украиной, народомъ и положеніемъ его. Успѣхъ журнала оказался даже неожиданнымъ для издателей его (депутаты австрійскаго рейхстага—русины): въ сентябрѣ „R. R.“ уже имѣло 1250 платныхъ подписчиковъ и 1750 экз. разсылалось безплатно въ редакціи разныхъ изданій по всей Европѣ, библіотекамъ, депутатамъ перламентовъ и проч. Еще больше успѣхъ журнала выразился интересомъ, возбужден-

нымъ „R. R.“ къ украинскому народу въ средѣ ученыхъ журналистовъ разныхъ націй. Оказывается, что многіе европейцы отличали Малороссію отъ Великороссіи только географически, а не этнографически, а потому „R. R.“ повѣдало имъ какъ бы о новомъ, оригинальномъ народѣ. Во многихъ европейскихъ газетахъ и спеціальныхъ изданіяхъ перепечатываются изъ „R. R.“ разныя свѣдѣнія, коментируются, обсуждаются. Нѣкоторые ученые и литераторы съ громкими именами прислали въ редакцію привѣтственныя письма. За отсутствіемъ подъ рукой подлинниковъ всѣхъ этихъ писемъ (они будутъ опубликованы въ R. R.), приводимъ точные переводы двухъ и пересказъ одного изъ нихъ.

Чемберленъ (англійскій историкъ) пишетъ:

„Высокоуважаемый г. редакторъ! Я читаю „R. R“ съ огромнымъ интересомъ. Хотя я не политикъ и не журналистъ, но съ чисто научной стороны меня обыкновенно интересуетъ ваше дѣло (возрожденіе украинскаго народа), и я буду имѣть случай говорить о немъ печатано въ моей книгѣ про XIX столѣтіе, которую я намѣренъ издать. Съ благодарностью буду при этомъ пользоваться статьями и впечатлѣніями изъ вашего журнала, появленіе котораго долженъ съ симпатіей привѣтствовать всякій образованный человѣкъ. Съ глубокимъ почтеніемъ и преданностью вашъ Houstaw Stevart Chemberlain“.

Бьернсонъ пишетъ: „Глубокоуважаемый г. редакторъ! Меня восхищаютъ и удивляютъ ваши стремленія. Мнѣ кажется, что изъ всѣхъ начинаній современности ваше начинаніе есть самое интересное: поднять до степени сознательнаго и образованнаго народа тридцать милліоновъ украинцевъ—это что-то такое грандіозное, что должно воодушевлять каждаго!.. Съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ объ этомъ—до сихъ поръ я ничего не зналъ про Украину, пока не появлялось R. R.“,—моя жизнь стала богаче, надежды на человѣчество болѣе крѣпкими. Я читаю со вниманіемъ каждое слово „R. R.“,—а все это такъ ново, свѣжо, выразительно и смѣло—оно воодушевляетъ! Шлю вамъ привѣтъ и вашей дѣятельности. Весь преданный вамъ Biórnsterne Biórnson“.

Покойный знаменитый историкъ Момзенъ прислалъ не письмо, а цѣлое большое посланіе. Привѣтствуя редакцію и сознаваясь въ своемъ совершенномъ невѣдѣніи касательно Украины, покойный ученый писалъ, что его такъ заинтересовали свѣдѣнія, сообщаемыя въ „R. R.“, что онъ намѣренъ писать и читать публичныя лекціи объ Украинѣ. Предостерегая украинскую интеллигенцію отъ чрезмѣрнаго увлеченія

идеями панславизма, онъ приглашаетъ украинцевъ примкнуть къ западно-европейской культурѣ, которая еще „много новаго, свѣжаго и интереснаго заключаетъ въ себѣ“. Кромѣ того, онъ настоятельно и нѣсколько разъ совѣтуетъ издать на европейскихъ языкахъ популярную брошюру объ Украинѣ, историческихъ ея судьбахъ и настоящемъ положеніи, обѣщая всяческое содѣйствіе и помощь въ дѣлѣ „возрожденія такого прекраснаго народа“.

Къ сожалѣнію, жестокая смерть не дала возможности великому Момзену привести въ исполненіе его обѣщанія.

Только что сообщенные факты ясно свидѣтельствуютъ о пробужденіи интереса къ Украинѣ и украинскому народу среди западно-европейскихъ ученыхъ. Въ дополненіе къ сказанному упомянемъ еще о работахъ профессора оксфордскаго университета Морфиля и профессора упсальскаго университета. Люнделя, которые, какъ ученые славистьі, очень заинтересовались украинскомъ языкомъ и литературою, пишутъ статьи объ этой литературѣ и даже собираются читать публичныя лекціи (Люндель).

—

М. Горькій и Короленко по-украински. Существующее во Львовѣ издательское общество подъ названіемъ „Украиньско-Руська Видавнича Спілка“ выпустило недавно отдѣльнымъ изданіемъ „На днѣ“ („На дні життя“) въ переводѣ В. Темницького, и въ Черновцахъ (столица Буковины) общество украинскихъ студентовъ „Січ“ издало въ переводѣ Маруси Полтавки—„Мѣщане“, съ предисловіемъ и портретомъ М. Горькаго. Кромѣ того, въ ежемѣсячникѣ „Літературно-Науковий Вістникъ“—органѣ Наукового товариства ім Шевченка, были напечатаны разновременно слѣдующія сочиненія М. Горькаго. „Челкашъ“, „Буревѣстникъ“, „Маркъ Чудра“ и „Двадцать шесть и одна“. Вл. Короленко по-украински. Отдѣльнымъ изданіемъ вышли въ Галиціи: „Ліс шумить“, „Сліпий музика“ и „Судный день“. Въ журналѣ „Л.-Н. Вістникъ“ напечатаны, между прочимъ, „Маруся“ и „Про Агрипу царя і Фльора Римлянина“.

—

Баронъ де-Бай объ Украинѣ. Le Baron de Baye. En Petite Russie. Souvenirs d'une Mission. Paris. Librairie Nilsson. 1903.

Въ Парижѣ вышла небольшая брошюрка въ 46 страницъ, изданная барономъ де-Бай, по поводу путешествія его въ Малороссію на археологическую выставку въ Харьковѣ. Восторженно приподнятый

тонъ, взятый барономъ, выдержанъ до конца книги. Началъ онъ съ поэтическаго стихотворенія графа Алексѣя Толстого. Нравится ему страна въ климатическомъ отношеніи, нравится составомъ жителей, нравится своею исторіей, своими степями, своими кустарями, бандуристами, сѣдою гетманскою и запорожскою стариной, украинскими ночами, чистотой малороссійскихъ хатъ, любовью къ цвѣтамъ женщинъ, однимъ словомъ—всѣмъ.

Баронъ, осмотрѣвъ въ Харьковѣ ископаемыя древности могильныхъ кургановъ, пустился путешествовать вглубь Малороссіи по ея многочисленнымъ хуторамъ. Слушалъ кобзарей, любовался пляскою поселянъ и сказаніями бандуристовъ. Изучалъ исторію Малороссіи и ея гетманскій періодъ.

Изъ Харькова баронъ перебрался въ Полтаву, изъ Полтавы въ Екатеринославъ и Черниговъ.

Вездѣ барона интересовала народная жизнь. Имѣя руководителями французскаго консула г. Жиродру, князя Святополкъ-Мирскаго, полтав. губернатора князя Урусова и владѣльца с. Каховки Г. П. Алексѣева, баронъ де-Бай всесторонне и подробно изучилъ страну и пришелъ отъ всего видѣннаго въ восторгъ. Дорошенко, Шевченко, Гоголь, запорожцы—все приводитъ его въ восторгъ.

—

Въ № 14081 Beilege der „Neuen freien Presse" отъ 8 ноября. въ фельетонѣ, въ отдѣлѣ «Литературныя извѣстія», помѣщена статья „Der Kleinrussische Nationaldicher Kotlarewski" («Малорусскій національный поэтъ Котляревскій»), въ которой говорится о значеніи Котляревскаго для украинской литературы и ея возрожденія, о его литературной дѣятельности, а въ концѣ дана характеристика его произведеній. Статья написана съ полнымъ знаніемъ дѣла, о чемъ можетъ свидѣтельствовать слѣдующая выдержка: «Произведенія Котляревскаго были первымъ звеномъ между произведеніями коллективной творческой національной силы и новыми литературно-артистическими формами выраженія національнаго духа. Этотъ шагъ имѣлъ рѣшающее значеніе для дальнѣйшей судьбы украинской письменности, которая въ теченіе послѣдняго столѣтія создала обширную, полную жизни національную литературу».

—

Въ «Полт. Вѣстн.» (278) напечатанъ О. Левицкимъ превосходный очеркъ «Злая свекровь», посвященный славной памяти А. М. Ла-

заревскаго. Очеркъ составленъ на основаніи документовъ половины 18 вѣка, въ которыхъ изложено слѣдственное дѣло объ убійствѣ женою мужа по подговору одной бабы, желавшей видѣть молодую вдову замужемъ за своимъ сыномъ.

—

Въ № 237—238 газеты «Діло» помѣщенъ М. Лозинськимъ разборъ украинскаго сборника «Зъ надъ хмаръ и долынъ», изданнаго въ текущемъ году въ Одессѣ подъ редакціей Мыколы Вороного. Авторъ статьи, разсмотрѣвъ содержаніе альманаха и отмѣтивъ заслуживающія и незаслуживающія вниманія произведенія, останавливается между прочимъ на поэзіи въ прозѣ Хоткевича „Aria passionata", признавая ее «одной изъ лучшихъ вещей въ альманахѣ».—Между тѣмъ г. Вол. Дор-ко, давшій нѣсколько раньше довольно обстоятельную оцѣнку упомянутому сборнику на страницахъ «Літерат.-Наукового Вістника» (1903, кн. X, стр. 36—42 «Новини нашоі літератури»), называетъ произведеніе Хоткевича по-просту «аріей полового инстинкта» (стр. 40). Статья М. Лозинського, повидимому, и вызвана была критическимъ разборомъ г. Вол. Дор-ка, который онъ признаетъ «дуже строгимъ»,—«і то *головно* за те, що в нім (альманахѣ) видно змагане до «новоі краси», себ-то твори Хоткевича, Кобилянськоі і т. п., які хиляться до сучасного европейського модернізму». Это невѣрно: г. Вол. Дор-ко посвятилъ «новой красѣ» не больше, чѣмъ она того заслуживала—одну страничку съ лишнимъ, и говоритъ о ней лишь мимоходомъ. А что отзывъ о ней г. Вол. Дор-ка заслуживаетъ довѣрія, то это видно хотя бы изъ того, что и защитникъ модернизма, г. Лозинскій, долженъ былъ сознаться, что лучше было бы, если бы г-жа Кобринская «була пропустила свій нарис «Руки», який не робить ніякого враженія».

—

Въ «Одесск. Листкѣ» (№ 291) напечатана небольшая рецензія А. М. Сониченка о двухъ альманахахъ: «Зъ надъ хмаръ и долынъ» и «Дубове Лыстя». Рецензія очень хвалебная по отношенію къ обоимъ альманахамъ.

—

Въ «Вѣстн. Юга» (№ 591) напечатана статья *Гр. Сьогобочнёго* по поводу сельскихъ безплатныхъ библіотекъ въ Малороссіи. Въ статьѣ этой, написанной какъ-бы въ дополненіе къ статьѣ М. Рклицкаго на ту-же тему («Русск. Вѣдом.»), указывается цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣчаетъ украинецъ-

селянинъ, читая книгу не на родномъ языкѣ. Факты берутся изъ общераспространенной азбуки Н. Бунакова, а также изъ записи ученическихъ объясненій словъ, сдѣланной въ одной школѣ екатеринослав. губ.

—

Въ «Вѣстн. Юга» (№ 589) напечатана статья *В. С-ого* подъ заглавіемъ «Послѣдній кошевой Запорожья», въ которой дается поминка по знаменитомъ кошевомъ Петрѣ Кальнышевскомъ по поводу столѣтія со дня смерти его.

—

Новое изданіе украинскнхъ узоровъ. Вышло въ свѣтъ въ Кіевѣ третье изданіе «Украинскихъ узоровъ» собранія Олены Пчилки (Ольги Косачъ). Сборникъ содержитъ въ себѣ образцы узоровъ вышивокъ, ковровъ и писанокъ; изданіе—удешевленное: сборникъ стоитъ теперь 1 р. 25 коп.

—

Въ непродолжительномъ времени выходитъ во Львовѣ собраніе сочиненій Ів. Франка въ 12 томахъ, изъ коихъ 10 томовъ беллетристики, куда входитъ много непечатавшихся еще нигдѣ произведеній и 2 тома научныхъ трудовъ въ области исторіи литературы и критики. Каждый томъ будетъ содержать не менѣе 10 печатныхъ листовъ. Издатель А. Хойнацкій объявилъ подписку на изданіе—за всѣ 12 томовъ 16 коронъ (8 рублей).

—

Извѣстнымъ малорусскимъ драматургомъ и артистомъ М. Л. Кропивницкимъ закончена на-дняхъ новая четырехактная драма подъ заглавіемъ «Страчена сыла».

—

Извѣстный украинскій писатель Васыль Стефаныкъ написалъ драму въ четырехъ актахъ изъ жизни гуцуловъ, подъ заглавіемъ «Огни горятъ».

—

Нѣкоторые изъ небольшихъ разсказовъ В. Стефаныка переведены на нѣмецкій языкъ и въ непродолжительномъ времени выйдутъ отдѣльнымъ изданіемъ въ Лейпцигѣ.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Акорди. Антольогіи Української лірики від смерти Шевченка. Уложив Іван Франко. З ілюстрациями Іюліана Панькевича. У Львові, Накладом 1903. Українсько-Руськоі Видавничоі Спілки, ст. 316, in 4⁰. Ціна 6 кор., 7 50, 8, 9, і 10 кор.

Барвінський Олександр. Виімки з українсько-руськоі устноі словесности народноі для висших кляс середніх шкіл. Третє перероблёне видане. У Львові, 1903 Накладомъ краєвого фонду, ст. XXXII+136, 8⁰ Ціна в оправі 1.50 кор.

Буковинський православный Календар на рік переступний 1904. Рочнык XXXI (Видання «Рускоі Бесіди», ч. 171) Черновці, 1903, форм. 8⁰. Ціна 50 сот.

Гейне Генрих. Атта Троль. Раткліф. Баллади. Переклади Лесі Українки і Максима Славінського. Виданнє редакціи «Літер.-Наукового Вістника. У Львові», 1903, ст. 1—136, 8⁰. Ціна 1.20 кор.

Гринченко Б. Пысання. Томъ I. У Кыиви, 1903. Зъ друкарни П. Барського. Ст. VI+500 8⁰. Цина 1 р. 50 к. (на кращому папери 2 руб.).

Доманицкій В. Отчетъ объ археологической экскурсіи въ Звенигородскій у., Кіевской губ., лѣтомъ 1901 года (оттискъ изъ «Чтенія въ Ист. Обществѣ Нестора Лѣтописца» Кіевъ, 1903, ст. 1—37).

Закшевський Вікентій. Всесвітна істория для висших кляс шкіл средних. Том. III. Нововічна істория. З II польскаго видання переклав Олександр Барвінський. У Львові, 1903. Накладомъ краєвого фонду. 7+312, 8⁰. Ціна 2.60 кор.

Зробек Яков. З дум і думокъ (вірші) Тернопіль, 1903 ст. 1—16. Ціна 20 сот.

Істори куска хліба. Перерібка з французкого. Листи до молодоі дівчини (Видане Руского товариства педагогічного, ч. 112). У Львові, 1903, ст. 64, 8⁰. Ціна 50 сот.

Комаровъ М. Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. Библіографическій указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Шевченка. Одесса, 1903, ст. 144, 8⁰. Цѣна 75 к.

Кузьменко Петро. Не такъ ждалося, а такъ склалося. Оповиданне 732. У Кыиви, 1903, ст. 26, 8⁰. Цина 2 к.

Левицькый И. Рыбалка Панасъ Круть. Оповиданне, ч. 30. У Кыиви, 1903, ст. 46, 8⁰. Цина 5 коп.

Левицькый М. и І. Поповъ. Въ клуни. Жартъ въ одній діи, ч. 32. У Кыиви, 1903, ст. 32, 8⁰. Цина 50 коп.

Мордовець Даныло. Старци. Дзвонарь. Оповидання. ч. 33. У Кыиви, 1903, ст. 40, 8⁰. Цина 4 коп.

Памятка з відкритя товариства „Січ“ в Вашківцях на Буковині ^{4}/х 1903 р. Коломия, 1903, ст. 16 8⁰.

Пчілка Олена Украинськи Взоры. Кіевъ, 1903, Лит. С. В. Кульженко, ст. 4⁰. Цина 1 р. 25 к.

Франко Іван. Панталаха і інши оповиданя. Львів 1902 (выпущено 1903 г.). Накладом Антона Хойнацького; ст. VI+160, 8⁰. Ціна 2 кор.

Chronik der ukrainischen Ševčenko-Gesellschaft der wissenschaften in Lemberg, 1903. H. I. № 13. Львів, 1903, ст. 56, 8⁰. Ц. 1 кор.

Яричевский Сильвестр. На филях житя. Новелі. Чернівці, 1903 1—64 in 8⁰. Ціна 50 сот.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 83-го:

октябрь, ноябрь, декабрь, 1903 г.

Книга первая—октябрь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга вторая--ноябрь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга третья—декабрь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

НА 1904 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣніе преподаванія. распредѣленіе лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки: выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *А. Александровъ.*

ста 2 руб. Лица, служащія въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, при подпискѣ на газету черезъ казначеевъ и экзекуторовъ пользуются льготою въ уплатѣ подписныхъ денегъ по 1 руб. въ теченіи первыхъ мсѣяцевъ и другими льготными условіями, по соглашенію.—Народные учителя, учащіеся, учебныя заведенія и библіотеки могутъ пулучать газету на особо льготныхъ условіяхъ, по соглашешенію съ редакціей.

Подписку по почтѣ адресовать исключительно въ редакцію газеты: „Областное Обозрѣніе и Вѣстникъ Казачьихъ Войскъ". С.-Петербургъ, Вас. Островъ, 13-я линія, д. № 22.

Пробный № по требованію высылается безплатно.

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1904 годъ

на ежемѣсячный литературный общественный, политическій и историческій журналъ

ВСЕМІРНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Направленіе журнала общественно-прогрессивное. Редакція будетъ слѣдить за ходомъ литературы, науки и культурной жизни за границей и, по мѣрѣ появленія выдающихся трудовъ въ этой области, а также событій, будетъ знакомить съ ними своихъ читателей. Въ ближайшихъ нумерахъ журнала будутъ помѣщены труды: К. И. Арабажина, кн. В. В. Барятинскаго, В. П. Батуринскаго, Н. Н. Болтина, Б. П. Бурдесъ, пр.-доц. В. В. Святловскаго, В. А. Мазуркевича, Н. А. Гастфрейнда, Е. А. Герцыкъ, Д. Г. Глоба, С. Ф. Годлевскаго, Е. В. Давыдова, Е. Дубельтъ (Зеландъ), И. И. Забрежнева, И. М. Иванова, П. П. Исаевича, проф. М. М. Ковалевскаго, проф. П. И. Ковалевскаго, Е. Н. Лебедевой, Г. Ѳ. Львовича, В. Н. Никитина, В. П. Панаева, проф. В. Н. Перетца, А. П. Плетнева, Н. А. Попова, проф. М. А. Рейснера, Н. А. Россовскаго, Скитальца (О. Яковлева), Л. Ухтомской, Ф. Н. Фальковскаго, Н. А. Фалѣева, Н. Б. Хвостова, В. Е. Чешихина и мн. др.

Съ первой же (январьской) книжки начнется печатаніемъ:

1) Неизданныя въ Россіи стихотворенія декабристовъ.

2) Посмертные труды А. М. Бобрищева-Пушкина.

3) Воспоминанія Ф. П. Фонтона (статья эта будетъ печататься съ вышедшаго за границей (Лейпцигъ, 1862 г.) изданія.

4) Воспоминанія Н. И. Панаева о холерномъ бунтѣ въ военныхъ поселеніяхъ въ 1831 г.

5) В. П. Батуринскаго: «А. И. Герценъ, его друзья и знакомые»—матеріалы для общественнаго движенія къ Россіи въ XIX столѣтіи.

6) І. Мадачъ: «Трагедія человѣка», пер. съ венгерскаго В. А. Мазуркевича.

7) Функъ-Бретано: «Бастилія, ея архивъ и легенды»,—историческая мнографія.

8) Новый трудъ проф. И. И. Мечникова.

Въ журналѣ постоянные отдѣлы: обзоръ иностранной жизни, журналовъ, театра, лѣтопись, библіографія и смѣсь. Въ каждой книжкѣ не менѣе двухъ приложеній съ отдѣльной нумераціей страницъ. Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, книжками, около 15 листовъ въ каждой, съ илюстраціями.

Подписная цѣна съ доставкой и пересыкой на 1 годъ—**6** р., ½ года—**3** р., 1 мѣс.—**50** коп.

Рзасрочка по 50 коп. въ мѣсяцъ. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція и контора помѣщается въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, д. № 90.

Редакторъ-Издатель *С. Сухонинъ.*

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1904 годъ.

ХУТОРЯНИНЪ

IX годъ изданія.

цѣна 2 руб. въ годъ, на полгода 1 руб.,

еженедѣльное изданіе, посвященное интересамъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, промышленности и торговли,

органъ Полтавскаго общества сельскаго хозяйства.

Программа: 1) Правительственныя распоряженія и извѣстія. 2) Дѣятельность мѣстныхъ сельскохозяйствен. обществъ, ихъ отдѣловъ и отдѣленій. 3) Сатьи по сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ экономическія и техническія. 4) Хроника, сельскохозяй-

ственное обозрѣніе и корреспонденціи. 5) Сельскохозяйственная и экономическая дѣятельность земскихъ учрежденій. 6) Библіографія и обзоръ сельскохозяйствен. и экономической литературы. 7) Сел.-хоз. фельетонъ. 8) Смѣсь и мелкія извѣстія. 9) Вопросы и отвѣты. 10) Торговыя извѣстія. 11) Обозрѣнія и извѣстія о погодѣ. 12) Объявленія.

Задачи газеты: 1) Распространять въ общедоступной формѣ сел.-хоз. знанія примѣнительно къ потребностямъ сельскихъ хозяевъ Полтавской и сосѣднихъ съ нею губерній. 2) Служить органомъ для взаимнаго общенія сельскихъ хозяевъ и сельскохозяйств. обществъ. 3) Доставлять населенію современныя свѣдѣнія о главнѣйшихъ мѣропріятіяхъ и начинаніяхъ правительства, земствъ и сел.-хоз. обществъ въ области народнаго хозяйства. Главными условіями для достиженія этихъ задачъ поставлены: общедоступность изложенія и дешевизна изданія.

Кромѣ еженедѣльныхъ номеровъ въ размѣрѣ 2—3 печатныхъ листовъ, при „*Хуторянинѣ*“ подписчикамъ даются безплатныя приложенія; такъ, за послѣдніе четыре года были приложены: 5 книгъ Чикаленко „Розмова про сельске хозяйство“, „Біографія Н. В. Гоголя“, „Хуторянинъ и его читатели“, 12 книжекъ „Экономическая и сельскохозяйств. дѣятельность Полтавскаго губ. земства“, различныя огородныя и полевыя сѣмена и друг.

Въ 1904 году всѣмъ годовымъ подписчикамъ будутъ разосланы составленныя завѣдующимъ фито-патологической станцій при И. Боническомъ Садѣ въ С.-Петербургѣ, А. А. Ячевскимъ и изданныя Департаментомъ Земледѣлія *три раскрашенныя*

„Таблицы главнѣйшихъ паразитныхъ грибовъ и насѣкомыхъ плодовыхъ деревьевъ и огородныхъ растеній“,

заключающія изображеніе въ краскахъ разнообразныхъ вредителей растеній и указываніе на мѣры борьбы съ ними.

Подписавшимся до 1-го января 1904 г. годовымъ подписчикамъ, кромѣ того, будутъ разосланы сѣмена *кормовыхъ растеній, многолѣтнихъ травъ, огородныя и полевыя.*

„Хуторянинъ“ допущенъ въ безплатныя библіотеки-читальни и въ библіотеки сельско-хозяйствен. учеб. завед. и М. З. и Г. И.

Плата за объявленія: за одну строку петита въ концѣ текста 8 коп., впереди вдвойнѣ.

Подписка принимается въ г. Полтавѣ—въ конторѣ редакціи „Хуторянина“, при Полтавскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства.

1—3

священъ справкамъ, совѣтамъ и отвѣтамъ на предлагаемые читателями журнала вопросы.

Годовая подписная цѣна журнала на полувеленевой бумагѣ, съ доставкою и пересылкою: 1 р.; изданіе на веленевой бумагѣ 2 рубля.

Подписка и объявленія принимаются въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ, Гостинный Дворъ, № 18; Москва, Кузнецкій Мостъ, № 12. Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Островъ, 16 лин., д. 5—7.

1—3